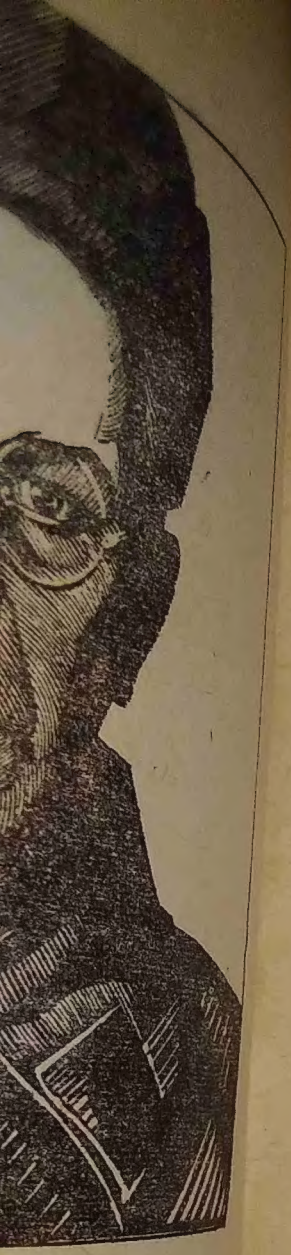
PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190



АЛЕКСАНДР БЕК

ВОЛОКОЛАМСКОЕ ШОССЕ

РОМАН

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

«МИР ХОЧЕТ ЗНАТЬ, КТО МЫ ТАКИЕ»

От читателей книги «Волоколамское шоссе» я получил немало писем. Меня спрашивают об истории создания повести, о ее документальности, о судьбе героев и т. д.

Почему я решил написать эту книгу? Когда началась Великая Отечественная война, я, отложив в сторону роман о жизни авиаконструктора Бережкова (роман этот был мной завершен уже после войны), стал военным корреспондентом. И первые месяцы войны провел в войсках, которые защищали Москву.

В начале 1942 года я поехал в дивизию имени Панфилова, уже продвинувшуюся от подмосковных рубежей почти до Старой Руссы. Опять пошла в ход прежняя, досконально мне известная методика — знакомства и знакомства с теми, кто воевал под Москвой, неустанные расспросы, нескончаемые часы в роли «беседчика». Постепенно слагался образ погибшего под Москвой Панфилова, умевшего управлять, воздействовать не криком, а умом, в прошлом рядового солдата, сохранившего до смертного часа солдатскую скромность.

Кто послужил прототипом главного героя книги? Выведен ли он под вымышленным или под своим настоящим именем?

Не задумываясь, я письменно и устно отвечал: герой «Волоколамского шоссе» не вымышленное, а реально существующее лицо. Его зовут так, как он назван в книге: Баурджан Момыш-Улы. Он, старший лейтенант, действительно командовал батальоном панфиловцев в дни битвы под Москвой.

Жив ли он?

Да, друзья-читатели, Баурджан Момыш-Улы жив.

Где он находится? Что делает!

Ответ диктовали проносящиеся годы. Под выстрелы идущей к концу войны я писал читателям: полковник Момыш-Улы командует дивизией. Затем, в мирные дни, я сообщал в своих ответах: Момыш-Улы учится в Академии Генерального штаба; Момыш-Улы уже сам преподает оперативное искусство в одной из военных академий; Момыш-Улы серьезно болен, дало себя знать давнее ранение в позвоночник. Время внесло новую перемену в биографию героя Волоколамского шоссе (думается, это название тут следует написать без кавычек): полковник в отставке Бауржан Момыш-Улы поселился в родном Казахстане, избрал профессию литератора, опубликовал свои записки «За нами Москва».

Правда ли, что я потерял уже совершенно законченную рукопись «Волоколамского шоссе», не имея копии ее?

Увы, правда. Мне довелось испытать эту беду. Как это случилось?

Впервые я побывал в Панфиловской дивизии в январе — феврале тысяча девятьсот сорок второго года. Когда мне показалось, что я уже владею материалами будущей повести и как будто неплохо изучил жизнь дивизии, я решил ехать в Москву.

Прошел месяц. Я напряженно думал над повестью, но вдруг почувствовал, что еще плохо знаю панфиловцев, что «материала», как мы, литераторы, говорим, явно не хватает.

Съездил в дивизию еще раз.

«Уже написали?» — спросили меня.

«Нет, товарищи, не написал, — ответил я, смущаясь. — Надо еще пожить с вами, посмотреть, поговорить...»

Но и второго раза мне оказалось недостаточно. Пришлось приехать в третий раз, а затем — в четвертый, и по-прежнему — без рукописи. В конце концов был дан приказ «больше не пускать этого корреспондента, который ничего не пишет».

Наконец летом сорок второго года я засел за повесть. Получил для этого отпуск из редакции журнала «Знамя», где состоял военным корреспондентом, снял комнату на станции Быково, почти безвыездно сидел там и писал.

Однажды мне потребовалось поехать в Москву. На даче никого не оставалось. Я побоялся пожара или ка-

кой-нибудь другой случайности, которая могла бы вдруг уничтожить мои дневники, заметки, черновики и почти законченную рукопись. Аккуратно сложил все материалы, сунул их в вещевой мешок, надел его на плечи: так будет целее!

В Москве заглянул домой. Жена, провожая меня на дачу, дала с собой бидон с супом и строго предупредила:

«Я знаю тебя... Ты задумаешься и обязательно оставишь бидон в вагоне...»

И вот в дачном поезде я еду в Быково. Положил рядом с собой вещевой мешок, а в ноги поставил бидон. И действительно, крепко задумался. Все думал и не мог решить, как построить действие в последних главах повести. И вдруг прямо над головой услышал голос проводника:

«Быково!..»

Поезд уже остановился. Я вспомнил, что должен что-то не позабыть... Ах, да, бидон! Схватив его, выскочил на платформу. Поезд тронулся. И только тогда взметнулась мысль: «Мешок!» Он остался в вагоне. Все — записки, материалы, черновики и почти готовую рукопись книги — уносил поезд.

Я бросился к начальнику станции, он позвонил на соседнюю станцию, на конечный пункт. Но мешок исчез. Не обнаружил я его и в бюро находок.

Мне ничего не оставалось, как писать повесть заново. Но теперь она потеряла сугубо документальный характер — ведь у меня же не было моего архива. Пришлось дать волю воображению, фигура центрального героя, сохранившего свою подлинную фамилию, все более приобретала характер художественного образа, правда факта подчас уступала место правде искусства.

Так и родилось мое «Волоколамское шоссе».

Возможно, случайность, унесшая готовую рукопись строго документальной повести, позволила мне написать совсем иное, более художественно обобщенное произведение, но другого выхода у меня попросту не было...

Многих читателей интересует, как отнесся к книге ее главный герой — Бауржан Момыш-Улы. Помню, я привез ему во фронтовой блиндаж рукопись повести.

Пачка исписанной на машинке бумаги была не без торжественности извлечена из вещевого мешка и положена на стол. Однако истекло немало часов, прежде чем Ба-

урджан Момыш-Улы, командир гвардейского полка, смог ею заняться.

Прилегши на застланную плащ-палаткой койку, сбитую из досок (я ушел туда, в полутьму, чтобы не мешать), я наблюдал то, что писателю нечасто доводится видеть: герой повести читал эту самую повесть. Баурджан Момыш-Улы читал о Баурджане Момыш-Улы.

Впрочем, он отверг бы эту формулу. Однажды я попросил Баурджана рассказать о детстве, юности, дать штрихи личной жизни. Он лаконично ответил: «Лишнее». — «Почему? Мне это необходимо». — «Я рассказываю не вам». — «Не мне?» — «Не вам, а поколению. Рассказываю о том, что пережито под Москвой, о подвигах батальона панфиловцев. Было бы глупо и неблагородно подсовывать сюда собственную биографию». Переубедить не удалось: мне достался трудный, неуступчивый герой.

Склонившись над бумагой, он время от времени быстрым движением узкой, худощавой кисти откидывал очередную страницу. Порой пальцы касались, медленно поглаживая, черных, как тушь, волос, которые упрямо поднимались, как только рука оставляла их.

Вот опять голова приподнялась, на этот раз порывисто — Баурджан достал из планшета карандаш и стал что-то писать наискось бледно-фиолетовых строк машинописи.

— Не чувствую Москвы, воздуха битвы под Москвой, — говорил Баурджан. — Не передан исторический момент — октябрь 1941 года...

Как обычно, его суждения были резки — порой до несправедливости.

— Затем... Я не согласен с вашей трактовкой страха.

— С моей? Почему с моей? Я изложил ваши мысли.

— Возможно... Возможно, что я примерно так и рассказывал. Но по написанному вижу: грубо, топорно, чурбаном выглядит. Ведь существуют разные виды и степени страха, как и степени любви, — маленький и большой страх, а тут (он указал на рукопись) на людей сразу навалывается животный страх — страх в превосходной степени, ужас, а потом они начисто от него освобождаются. Неверно! И кроме того, вы одновременно принизили солдата.

Я запротестовал. Но Баурджан настаивал.

— Да, приниэили. У Наполеона есть изречение: «Людьми управляет страх и личный интерес». К такому пониманию человека в иных местах склоняетесь и вы.

В упор глядя на меня, он повторил:

— Людьми управляет страх и личный интерес... А идеалы? А благородство, совесть, честь, патриотизм, готовность к самопожертвованию в борьбе? Разве все это пустые слова? Разве без этого мы могли бы победить?..

Бауржан был недоволен мною, недоволен собою, собственным рассказом.

— Почему, — спрашивал он, — вы не показали картин поражения? Почему не передали горьких дум об этом? Ведь это было вам рассказано.

Прошло много лет. Книга вышла.

— Почему вы не пишете продолжения вашей книги? — На меня опять устремлен взгляд Бауржана Момыш-Улы. Несколько лет — примерно с того времени, как он вышел в отставку, — нам не доводилось встречаться. Заехав как-то ненадолго в Москву, он пришел ко мне, я впервые увидел его не в гимнастерке или кителе, а в штатском.

Годы и болезнь сказались на Бауржане. Исчезли памятная мне худоба, легкость движений, лицо стало шире, крутая линия выступающих скул сменилась более плавной. Он был, как и прежде, разговорчив, однако чувствовалась некоторая принужденность, будто что-то невысказанное стояло между нами.

— Почему вы не пишете продолжения «Волоколамского шоссе»? — повторил он.

— По-моему, это законченная книга. У нее уже есть своя судьба.

— Но еще в годы войны вы набрасывали следующую повесть. Где она? Почему вы ее оставили?..

— Бауржан, вы же теперь пишете сами.

— Что из того? Я пишу записки офицера, а вы плаваете в иной реке. Ваша река — повесть, художественное произведение, где есть простор творчеству, воображению. Почему ее течение прервалось?

Я грустно ответил:

— Наверное, как раз поэтому...

— Что значит поэтому?

— Да, Бауржан, «Волоколамское шоссе», видимо, подчиняется законам художественных произведений. В свое время я этого не понимал, а позже понял.

— В таком случае объясните.

— Видите ли... Существуют два Баурджана Момыш-Улы.

— Два? Какие же?

— Один — это тот, что сейчас сидит рядом со мной. То есть вы, Баурджан. Прославленный, увековеченный в мраморе... Автор военных мемуаров... А другой Баурджан Момыш-Улы действует, живет на страницах «Волоколамского шоссе».

— Почему же другой?

— В книге он заново рожден. Родился под пером. Представьте, иногда мне кажется, что я говорил неправду или не всю правду, когда писал читателям, что герой «Волоколамского шоссе» — подлинный, реально существующий, а не вымышленный человек. В этом «а не» заключена ошибка. Он в немалой степени все-таки вымышлен, создан фантазией. Воображение вдохнуло в него жизнь. Это не вы, это другой Баурджан... Если угодно, я готов признать, что у вас больше достоинств, чем у Баурджана из «Волоколамского шоссе», но, так или иначе, это два разных Баурджана. Недавно я прочел ваши записки офицера. Другой кругозор, другой взгляд на вещи, другой язык... В общем, другой человек. Я ведь обещал вам, Баурджан, не изменять подлинного имени моего героя. Как же я смогу писать следующую повесть?

— Не хотите быть словоотступником?

— Не хочу и не буду.

Мы замолчали. Лицо моего гостя было каменным. Я на нем ничего не мог прочесть. Наконец он молвил:

— Если подлинное имя мешает вам писать, я освобождаю вас от обещания. Но вы дадите своему герою имя, которое выберу я. Пусть отныне он зовется Намыс-Улы.

— Намыс-Улы? — переспросил я.

— Да, «намыс» по-казахски значит «честь», «улы», как вам известно, — «сын». Именуйте вашего героя Сыном чести.

С минуту я обдумывал это неожиданное предложение.

— Нет, Баурджан, у меня, автора, тоже есть честь. И долг чести перед вами. С вашего позволения, я тоже Намыс-Улы.

— И тоже Баурджан?

— Не отрекаюсь: когда писал, был Баурджаном.

Момыш-Улы рассмеялся.

— Мудреная задача, — проговорил он. — А не ро-

шить ли ее попросту? Расскажите читателям об этом нашем разговоре. И пишите дальше.

Я воскликнул:

— Есть!

Что же было дальше?

Должен сказать, что книга «Волоколамское шоссе» была задумана с самого начала (то есть еще в 1942 году, когда я принялся за нее) как цикл из четырех повестей.

Представляя себе тогда в воображении книгу в целом, я считал главнейшей, самой важной для моего замысла последнюю, завершающую повесть. Дни декабрьского немецкого наступления на Москву, рождение, кристаллизация новой нашей тактики, бои панфиловцев, отмеченные историей войны как особо характерные, в своем роде классические, — вот о чем в ней, четвертой повести я хотел рассказать.

Давно рисовалась мне эта завершающая повесть и так же, как и ей предшествующая — третья, долго оставалась ненаписанной. «Волоколамское шоссе» в составе двух первых повестей, которые были для меня лишь подступами к теме, обрело самостоятельное существование, получило признание читателей и в переводах обошло, кажется, все континенты. Для меня высокая награда и честь то, что книгу взяли на вооружение молодые революционные армии социалистических стран.

Однако своего замысла я не оставлял и время от времени возвращался к «Волоколамскому шоссе», набрасывал главу за главой, перечеркивал, писал сызнова. Потом опять эту работу откладывал.

После встречи с Баурджаном я отважился продолжить свою книгу. Так вышли новые страницы «Волоколамского шоссе» — повести третья и четвертая.

«Мир хочет знать, кто мы такие. Восток и Запад спрашивают: кто ты такой, советский человек?» Прошу извинения за выдержку из собственной книги. Именно на этот вопрос мне хотелось ответить всеми четырьмя повестями «Волоколамского шоссе».

1959

что филин всей неудаче причина, а дедко Ефим говорит — вовсе не причина.

Раз так-то заспорили. Дело еще на свету было, при солнышке. У балагана все-таки огонек был — от комаров курево. Огонь чуть видно, а дыму много. Глядят — в дыму появилась махонькая девчонка. Точь-в-точь такая же, как тот раз, только сарафанчик потемнее и платок тоже. Поглядела веселыми глазками, зубенками блеснула, платочком махнула, ножкой притопнула и давай плясать.

Сперва круги маленькие давала, потом больше да больше, и сама подрастать стала. Балаган на пути припелся, только это ей не помеха. Идет, будто балагана и нет. Кружилась-кружилась, а как ростом с Федюньку стала, так и остановилась у большой сосны. Усмехнулась, ножкой притопнула, платочком махнула, как свистнула:

— Фи-т-ть! й-ю-ю-у...

И сейчас же филин заухал, захохотал. Дедко Ефим подивился:

— Откуда филину быть, коли солнышко еще не закатилось?

— Видишь вот! Опять филин наше счастье спугнул. Поскакушка-то, может, от этого филина и убежала.

— А ты разве видел Поскакушку?

— А ты разве не видел?

Начали они тут друг дружку расспрашивать, кто что видел. Все сошлось, только место, где девчонка в землю ушла, у разных сосен указывают.

Как до этого договорились, так дедко Ефим и вздохнул:

— О-хо-хо! Видно, нет ничего. Одна это наша думка.

Только сказал, а из-под дерна по балагану дым повалил. Кинулись, а там жердник под деревом затлел. По счастью, вода близко была. Живо залили. Все в сохранности осталось. Одне дедовы рукавицы обгорели. Схватил Федюнька рукавицы и видит — дырки на них, как следочки от маленьких ног. Показал это чудо дедке Ефиму и спрашивает:

— Это, по-твоему, тоже думка?

Ну, Ефиму податься некуда, сознался:

— Правда твоя, Тюньша. Знак верный — Поскакушка была. Придется, видно, завтра опять ямы бить — счастье пытать.

В воскресенье и занялись этим с утра. Три ямы вырыли — ничего не нашли. Дедко Ефим жаловаться стал:

— Наше-то счастье — людям смех.

Федюнька опять вину на филина кладет:

— Это он, пучеглазый, наше счастье обухал да обхохотал! Вот бы его палкой!

В понедельник старатели прибежали из заводу. Видят, свежие ямы у самого балагана. Сразу догадались, в чём дело. Смеются над стариком-то:

— Редька редьку искал...

Потом увидели, что в балагане пожар начинался, давай их ругать обоих. Федюнькин отец зверем на парнишку накинулся, чуть не поколотил, да дедко Ефим застоял:

— Постыдился бы мальчонку строжить! Без того он у тебя боится домой ходить. Задразнили да загрызли парнишка. Да и какая его вина? Я поди-ко оставался,— с меня и спрашивай, коли у тебя урон какой случился. Золу, видно, из трубки высыпал с огоньком — вот и загорелось. Моя оплошка — мой и ответ.

Отчитал так-то Федюнькиного отца, потом и говорит парнишку, как никого из больших близко не было:

— Эх, Тюньша, Тюньша! Смеется над нами Поскакушка. Другой раз случится увидеть, так ей в глаза надо плюнуть. Пускай людей с пути не сбивает да на смех не ставит!

Федюнька свое заладил:

— Дедо, она не со зла. Филин ей вредит.

— Твое дело,— говорит Ефим,— а только я больше ямы бить не стану. Побаловался — и хватит. Немолодые мои годы — за Поскакушкой скакать.

Ну, разворчался старик, а Федюньке все Поскакушки жаль.

— Ты, дедо, не сердись на нее! Вон она какая веселая да хорошая. Счастье бы нам открыла, кабы не филин.

Про филина дедко Ефим промолчал, а на Поскакушку все ворчит...

— То-то она счастье тебе открыла! Хоть домой не ходи.

Сколько ни ворчит дедко Ефим, а Федюнька свое:

— А как она, дедо, ловко пляшет!

— Пляшет-то ловко, да нам от этого ни жарко ни холодно и глядеть неохота.

— А я бы хоть сейчас поглядел!— вздохнул Федюнька. Потом и спрашивает:— А ты, дедо, отворотишься? И поглядеть тебе не любо?

— Как не любо?— проговорился дедко, да спохватился и давай опять строжить Федюньку:— Ох и упорный ты парнишко! Ох и упорный! Что в головенку попало, то и

НЕПОКОРЕННЫЕ

...Уж никак не думал, не гадал Петрок Богатька, хоть и привык смолоду к своему невезению, что настанет час, и его, немощного старика, со связанными руками поволокут с хуторского подворья в полицейский участок. Поволокут на тех самых вожжах, которые он пожалел сдать — были они тогда новые! — в общественное пользование при организации колхоза в Выселках. И будет его, уже обреченного на смерть («За оскорбление полиции и фюрера»), нещадно подхлестывать прутом старший полицай Гуж. Тот самый Гуж, что в начале коллективизации охотился с обрезом за районным уполномоченным и грозился пустить «петуха» под крышу Петроку, приходившемуся ему дальним родственником по деду.

Степанида Богатька — и без тех разбойных посулов Гужа — всегда боялась пожара. «Не раз ей даже снилось ночью, как горит ее Яхимовщина». Но спустя годы дело примет такой оборот, что именно она собственноручно запалит родное подворье, а с ним вместе предаст огню и самое себя... Так — и у последней черты! — она не покорится палачам, уже подступившим к ее хутору, сама распорядится своей судьбой.

Да, горазда жизнь на злые каверзы и сюрпризы! Особенно если кругом война, — ломающая все привычное, устоявшееся. Тут игре слепого случая и вовсе открыт простор. Василь Быков всегда учитывал это. На неслучайном стечении обстоятельств многое замешено в его военной прозе. Но вторжением в ход повествования тех или иных случайностей только рельефнее оттеняются сложная диалектика бытия, логика человеческих характеров, изображаемых художником.

Видимо, нужно было время, чтобы к писателю-фронтовику, словно бы охваченному лихорадкой жестокого, нескончаемо длящегося в его бессонной памяти боя, пришла вдруг властная потребность вглядеться в ту жизнь, что вершилась в отдалении от солдатских окопов и партизанских троп. Чутко прислушаться к биению сердец, горьким думам тех своих сограждан, коим довелось до дна испить чашу страданий и унижений под пятой оккупантов и их прихвостней. Вместе с житейскими заботами и тревогами Степаниды и Петрока, вместе с жестокими изломами и трагическим исходом их судьбы в художественный мир Быкова входят, раздвигая его социальные горизонты, углубляя историческую перспективу, новые существенные темы и мотивы.

Что есть человечность, что делает ее неистребимой? Как соотносятся в ее живых проявлениях духовный опыт индивидуума, его личная воля и нравственные законы социальной среды, мораль класса и общечеловеческие представления о добре и зле? В круг этих нестареющих вопросов вводит нас повесть «Знак беды», в центре которой — подлинно народные характеры.

Степанида «привыкла судить о большом по малому, о мире — по своей деревне. И она не ошибалась. Она знала, что хорошие люди не поступают подло ни по своей воле, ни по принуждению». Перед лицом тяжких испытаний, в «пограничных ситуа-

© «Роман-газета», 1985 г.

циях» всего легче обнаруживается человеческая несостоятельность. Не случись войны, тот же Антось Недосека был бы, наверное, «как все». И не стали бы столь очевидными нравственная ущербность, бесхребетность, которые привели его, в прошлом безземельного крестьянина, комбедовца, в стан палачей. Он каждый раз с теми, на чьей стороне сегодня сила. И легко становится послушным орудием чужой злой воли. Для Степаниды Недосека из тех, что «от природы слепы ко всякому проблеску человечности, заботятся лишь о себе», «дальше своего корыта им не дано видеть», для них, движимых утробным своекорыстием, человеческое достоинство — слишком отвлеченное понятие, не имеющее реальной цены.

Проверки на подлинную человечность не выдерживает и Корнила Богатька, хоть он и кажется человеком иного, чем Недосека, более надежного закваса. До крайности прижимистый, Корнила и неразорвавшуюся немецкую бомбу припрятал: авось и от нее какой-нито прибыток будет. И со спокойной совестью выменивает эту бомбу на Степанидиного поросенка — единственную оставшуюся у старухи живность.

Неуемная жажда накопительства всегда идет рядом с зоологическим эгоизмом, глухотой к чужому горю, с равнодушием к народным бедам. «Я же думаю, ты не за немцев?» — спрашивает Степанида Корнилу. И тот отвечает: «Ни за тех, ни за других. Я за себя». В холуи немецкие он не напрашивается, перед полицаями не выслуживается. Но и о противодействии им не помышляет.

Кто только «за себя» — неизбежно деградирует как личность. В условиях войны тем более. Нейтралистские иллюзии, стремление быть «над схваткой» всегда были и будут чреваты крахом. В судьбе Корнилы старая эта истина нашла еще одно убедительное подтверждение. Не отсиделся он в своей усадьбе-крепости («Совсем кулацкая усадьба, — подумала Степанида. — Неплохо обжился Корнила»). Пришлось и ему переселиться в полицейскую кутузку...

Петрок и Степанида предстают нашему взору на значительном пространстве их жизненного пути. На крутых поворотах судьбы. В росте их человеческого и классового самосознания. В слиянности тех духовных качеств, что идут от вековой традиции, от устоев народной трудовой нравственности, и тех, что уже помечены новым, советским временем. Психологические портреты главных героев выписаны с той рельефностью и тщательностью, которые делают их души открытыми до самого донышка.

Вдосталь помытарила жизнь Петрока и Степаниду. Не только в годы их батрацкой юности. Но и позже, когда были они хозяевами собственного надела — двух десятин хуторской земли. Высосала из Петрока все силы добровольная каторга землепашца, вынужденного один на один сражаться с неудобью («камни, суглинок, который в засушливый год становился как скала»), с коварством природной стихии, прочими превратностями крестьянской доли. Стал для него и Степаниды собственный надел вящей жилы «голгофой» (этот образ-метафора впечатляюще, в богатстве жизненных реалий развернут в повести). И потому не цеплялись они за старое, когда встал вопрос о создании колхоза. Нечего было им в том старом жалеть и оплакивать. И таких трудяг-единоличников, изверившихся в возможности порознь избыть беспросветную нужду, обеспечить себя хлебом насущным, были тысячи и тысячи... Коллективизация открыла для них путь к спасению, к подлинно человеческому существованию. Не обошел автор и «перегибов».

Для Степаниды и Петрока, хоть они и не нажили при новой власти богатых хором, никакими привилегиями не пользовались, нашествие гитлеровцев — великая беда, беда народная и их личная, тяжкая напасть («Это как мор, чума или яма...»). Во всем их поведении ощутим глубинный, естественный, как дыхание, патриотизм.

В присутствии непрошеных гостей, нагрянувших на придорожный хутор, каждый из стариков ведет себя сообразно своему характеру и темпераменту. Петрок, и в мыслях неспособный сделать никому зла, настраивает себя на то, что «надо как-то переждать лихое время, затаиться, притихнуть, а там, глядишь, изменится что к лучшему. Не вечно длиться этой войне!».

Иное дело — Степанида. Она не Петрок, который легче уступит, чем добьется своего. Деятельная и решительная, Степанида не скрывает своей враждебности к оккупантам и полицаям, стремится, чем только можно, досадить, навредить пришельцам. Молока — столько, сколько им хочется, — они от нее не получат. Недосчитаются немцы и винтовки, которая, по воле хозяйки хутора, окажется в ко-

...ходе... «На счастье или на беду, она знала, в чем ее хватит с избытком, от чего она не отречется, хотя бы на краю погибели. За свою трудную жизнь она все-таки познала правду и по крохам обрела свое человеческое достоинство. А тот, кто однажды почувствовал себя человеком, уже не станет скотом».

Война — школа ненависти для жертв агрессии. Она, эта ненависть, порождается и питается не абстрактными представлениями, а конкретностью жизненного опыта. Процесс обретения подобного опыта Степанидой, духовный процесс выработки и закрепления «сознательной, активной героической ненависти к подлому врагу» (Горький) — важный аспект сюжетного движения повести.

Для гитлеровцев Петрок и Степанида — не более чем принадлежность окружающей обстановки. Ведут себя с ними представители фашистского воинства как приложные ученики своего бесноватого фюрера, требовавшего «закрыть сердце всякой человеческой жалости». Можно не только учинить полный разор на огороде и в саду, перестрелять хозяйских кур, прикончить их единственную корову, но и револьверной цепью отхлестать женщину, вполне годящуюся по возрасту тебе в матери. Что за печаль — жалобы и причитания жалкого старика! В него можно — если уж тебя так распирает от молодой сытой веселости — запустить огрызком яблока, а то и дать пинка под зад...

В структуре повести «Знак беды» обе эти фигуры — Петрок и Степанида — одинаково важны. Важны как раз ввиду если не полярности, то несхожести характеров, контрастности темпераментов. Если уж и в душе такого незлобивого и покладистого существа, как Петрок (а был он, замечает автор, «таким, как и большинство в Веселках»), если и в этой душе вспыхивает дух непокорства, созревают гроздья гнева — значит, «новый порядок», насаждавшийся на нашей земле гитлеровцами и их прислужниками, был несовместим с самим человеческим естеством, посягал на сокровенное — право человека оставаться человеком.

«Героическая ненависть» — оружие исторической, нравственной правоты. Носитель ее заряжен для действия, духовно созрел для подвига. Такой и предстает быковская героиня в конце повести. Почти былинным духом веет от грозной одержимости Степаниды, из последних сил обнимающей неподъемную тяжесть фашистской бомбы, дабы надежнее укрыть ее от стороннего глаза. Всем существом старой крестьянки, еще толком не знающей, как придется распорядиться смертоносным грузом, правит в этот миг священный гнев против предателей и убийц, бесчинствующих на родной земле. Эта Степанида, «охваченная неодолимой жаждой мести», наверняка уже не бросит в колодец немецкую винтовку, а подумает, как использовать ее по назначению...

Двуединый сюжетный нерв повести — нарастающее осознание Петроком и Степанидой своей обреченности и постепенное истаивание, угасание в их душах страха за свою жизнь. От неминуемой беды ничем не откупиться, не оборониться. Но мысль о близости, роковой неотвратимости гибельного исхода отнюдь не парализует воли Степаниды («Разве теперь страх — поводырь!»). Не только в этой сильной духом женщине, но и в более слабом Петроке власть инстинкта самосохранения отступает перед внутренней силой иного, более высокого порядка. Силой духовной — чувством человеческого достоинства. Судьбами Степаниды и Петрока писатель утверждает, что у человека, сколь бы неумолимы ни были тиски обстоятельств, всегда остается возможность последнего выбора — предпочесть смерть бесчестию, подлости, предательству.

На израненной белорусской земле немало ярких символов непокоренности и мужества. Достаточно вспомнить хотя бы Брестскую крепость. Но главные непокоренные гитлеровцами крепости — в душах миллионов советских патриотов, отринувших страх смерти. Степанида из их числа. Она — народный мститель, хотя и нет на ее счету убитых врагов. Она делает полицаев и их хозяев пленниками страха: кто знает, где и когда грохнет упрятанная ею бомба? Ведь тайну ее местонахождения Степанида унесла с собой...

Есть в «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского слова, словно бы высвечивающие смысл последнего шага Степаниды: «Тебя повели, избивают — не сгибайся. Не можешь пошевелиться, уже связан, положен, заткнут рот — выплюнь кляп в лицо палачу. Гибнешь, топор падает на шею — и последнюю мысль отдай революции. Помни, что и смерть бывает партийной работой».

Смерть Степаниды — патриотическая «работа».

Любой реальный хутор — всего лишь некая точка на карте планеты. Даже,

даром не различимая. Но у искусства свой масштаб. Нанесенное на его «картину» рукой подлинного художника становится видимым отовсюду. Потому и не затеряется на ней быковская Яхимовщина, где протекала нелегкая жизнь Петрока и Степаниды, где родились их дети, ушедшие сражаться с врагом.

Конечно, не для того только, чтобы еще раз напомнить, к а к в с е э т о б ы л о, привел белорусский прозаик своих читателей на давнее пепелище. Ему надо, чтобы это «предупреждение из прошлого» отозвалось в сердцах ныне живущих острой тревогой за будущее. То будущее, в котором, если народы не обуздают ядерных маньяков, «знаком беды», бескрайним пепелищем может стать вся наша Земля — древняя и прекрасная колыбель человечества.

Николай **ПОТАПОВ**

Василий Владимирович Быков

ЗНАК БЕДЫ

Повесть

Редактор *В. Малюгин*

Художественный редактор *А. Максимов* Технический редактор *Л. Изгаршева*
Корректоры *И. Ломанова, Е. Ивасюк*

© Фото *Н. Кочнева*

Сдано в набор 17.10.84. Подписано в печать 04.12.84. А-13982. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,92. Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 2 000 000 экз. (2-й завод 500 001—2 000 000 экз.). Заказ 1614. Цена 1 р. 21 к.

Адрес редакции: 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература».

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате ВО Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Чехов Московской обл. Зак. 2965

Рукописи ранее не опубликованных произведений не рассматриваются.

Литературно-художественное издание
Для дошкольного возраста

Платонов Андрей Платонович

ЕЩЁ МАМА

Рассказ

Ответственный редактор Н. М. МАРТЫНОВА
Художественный редактор Е. М. ЛАРСКАЯ
Технический редактор Г. Г. СЕДОВА
Корректор Н. Н. МОКИНА

Подписано к печати с готовых диапозитивов 31.01.90. Формат 60×90¹/₈. Бум. офсетная № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,0. Усл. кр.-отт. 10,0. Уч.-изд. л. 1,87. Тираж 1 000 000 экз. Заказ № 4009. Цена 40 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Орлена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

ИБ № 13157

П 4803010201—200
М101(03)-90 Без объявл.

ISBN 5—08—002680—4.

© Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1989

А. Волков

ВОЛШЕБНИК ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА

— Ты? — удивилась девочка.

— Да, я! — с гордостью ответил Тотошка и исчез за деревьями. Через минуту он вернулся с красивым серебряным башмачком в зубах и торжественно положил его у ног Элли. На башмачке блестела золотая пряжка.

— Откуда ты его взял? — изумилась Элли.

— Сейчас расскажу! — отвечал запыхавшийся пёсик, скрылся и вновь вернулся с другим башмачком.

— Какая прелесть! — восхищённо сказала Элли и примерила башмачки; они как раз пришлись ей по ноге, точно были на неё сшиты.

— Когда я бегал на разведку,— важно начал Тотошка,— я увидел за деревьями большое чёрное отверстие в горе...

— Ай-ай-ай! — в ужасе закричали Жевуны.— Ведь это вход в пещеру злой волшебницы Гингемы! И ты осмелился туда войти?..

– А что тут страшного? Ведь Гингема-то умерла! – возразил Тотошка.

– Ты, должно быть, тоже волшебник! – со страхом молвил старшина; все другие Жевуны согласно закивали головами, и бубенчики под шляпами дружно зазвенели.

– Вот там-то, войдя в эту, как вы её называете, пещеру, я увидел много смешных и странных вещей, но больше всего мне понравились стоящие у входа башмачки. Какие-то большие птицы со страшными жёлтыми глазами пытались помешать мне взять башмачки, но разве Тотошка испугается чего-нибудь, когда он хочет услужить своей Элли?

– Ах ты, мой милый смельчак! – воскликнула Элли и нежно прижала пёсика к груди.– В этих башмачках я пройду без устали сколько угодно...

– Это очень хорошо, что ты получила башмачки злой Гингемы,– перебил её старший Жевун.– Кажется, в них заключается волшебная сила, потому что Гингема надевала их только

10 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА».

В серии «Мои первые книжки»
для детей дошкольного возраста
в 1989 году издаются:

Александрова З.— ПЯТЕРО ИЗ ОДНОЙ ЗВЁЗДОЧКИ

Барто А.— ТВОЙ ПРАЗДНИК

Есенин С.— ЧЕРЁМУХА

Михалков С.— ВЕСЁЛЫЙ ТУРИСТ

Носов Н.— ОГУРЦЫ

Толстой Л.— ЛЕВ И СОБАЧКА

Чуковский К.— ФЕДОРИНО ГОРЕ

Сливе
Новоцвите
соки.

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта повесть написана человеком удивительного благородства и самоотверженности.

Владимир Галактионович Короленко жил в трудное для России время конца XIX—начала XX веков. Несмотря на свирепствовавшую тогда реакцию, все новые силы поднимались на борьбу с царизмом. Сам Короленко был не наблюдателем, а деятельным участником этой борьбы. Он писал повести и рассказы о мужественных и гордых людях, о больших мечтателях, о политических ссыльных и каторжанах, о простых мужиках и обитателях бескрайней сибирской тайги. Он писал о тяжелой жизни людей труда, о бесчеловечности буржуазного строя, о диком полицейском произволе самодержавия. Короленко всегда верил в победу добра, справедливости, в торжество света над тьмой: «...жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла... Но все-таки... все-таки впереди огни!» Писатель горячо надеялся на просветляющую силу поэтического слова: «Как ноги уносят человека, положим, от холода и тьмы к жилью и свету, так слово, искусство, литература — помогает человечеству в его движении от прошлого к будущему».

Своих героев Короленко знал не понаслышке. Он часто встречал их на своем пути, жил среди них, вместе с ними работал. С молодых лет за бунтарский характер, за непокорство и кристальную честность его преследуют власти. Аресты, тюрьмы, ссылки. Где только не перебывал он! Находясь под полицейским надзором в Перми, Короленко в 1881 году отказывается «присягнуть на верность» новому царю Александру III. Совесть, говорил он, не позволяет ему поддерживать государственный порядок, основанный на лжи и насилии. «Я не мог поступить иначе», — объяснял он близким свой шаг. Короленко вновь арестовывают и как «опасного преступника» ссылают в Восточную Сибирь, в далекую Якутию, где он живет больше трех лет...

Но и позднее, когда имя его становится известным всей читающей России, Короленко, не боясь угроз и новых наказаний, бесстрашно протестует против жестокости и несправедливости, в защиту крестьян, в защиту угнетенных народностей. Он требует предания суду виновных в злоупотреблениях влиятельных господ. Он выступает за немедленную отмену смертных казней в годы реакции, наступившие после поражения первой русской революции 1905 года.

А. М. Горький, считавший Короленко своим учителем, говорил о нем с нескрываемым восхищением: «Всю жизнь трудным путем героя он шел навстречу дню, и неисчислимо все, что сделано В. Г. Короленко для того, чтобы ускорить рассвет этого дня».

Соратник В. И. Ленина, первый нарком просвещения молодой Советской Республики А. В. Луначарский в 1918 году писал о сильном влиянии, которое оказывают произведения Короленко на читателя. «Каждый рассказ Короленко делает читателя лучше, в каждом сблизит он вас с каким-нибудь далеким и чуждым и сделает вас его братом, объединив и вас и его в каком-нибудь высоком или трогательном переживании». Придет пора, и вы обязательно познакомитесь с повестью Короленко «Слепой музыкант», с его великолепными рассказами и многотомной «Историей моего современника»...

«Дети подземелья» — сокращенный вариант повести Короленко «В дурном обществе», напечатанной в 1885 году, вскоре после возвращения писателя из якутской ссылки. В повести отразились впечатления собственного детства автора, память об отце — честном и неподкупном уездном судье. Действие происходит в родных для Короленко местах — в Юго-западном крае России с его смешанным русско-украинско-польским населением. Об этом напоминают и развалины старинного замка, и обращение «пан», и имена некоторых героев: Тыбурций Драб, Януш...

Повесть знакомит нас с бедными, обездоленными, живущими впроголодь людьми. Но не их общество способно дурно повлиять на семилетнего Васю, сына судьи. Дурным, по убеждению Короленко, является строй жизни, при котором люди делятся на сытых и голодных, на состоятельных и обездоленных, при котором у одних есть уютный дом, тепло, нормальное, благополучное детство, а у других вместо домашних стен серые камни, кладбищенские плиты, сырые и мрачные своды подземелья.

Герою повести Васе постепенно открывается горькая и беспощадная правда. Его новые друзья — нищие. Чтобы прокормить себя, они воруют. С малых лет Вася приучен к мысли, что красть непозволительно. «Воровать нехорошо», — говорит он «в грустном

раздумье» Валеку, а тот в ответ: «Наши все ушли... Маруся плакала, потому что она была голодна». И его трехлетняя болезненная сестренка «с жалобным простодушием» повторила: «Да, голодна!»

«Я не знал еще, — пишет автор, — что такое голод, но при последних словах девочки у меня что-то повернулось в груди, и я посмотрел на своих друзей, точно увидал их впервые».

Вася начинает понимать, что ранняя серьезность Валека — след его тяжелой жизни, что крохотная синеглазая Маруся могла бы быть не хуже его здоровой, ухоженной сестры, Сони. Наконец, Вася почувствовал, что он нужен этим людям, что они ждут его, всегда искренне рады ему. Он всей душой привязывается к несчастной семье Тыбурция. Встреча с детьми подземелья сделала Васю умнее и отзывчивее. Многое объяснилось ему в жизни, в близких людях, в отце.

Повесть Короленко и в нас, в читателях, пробуждает чуткость к чужим несчастьям, к чужому горю. Надо быть, учит Короленко, внимательнее к людям, к их делам и словам, к их мыслям и настроениям. Надо воспитывать в себе добрые, благородные чувства.

Перечитайте эту книгу Короленко и не бойтесь слез, не подавляйте в себе тревожной грусти и волнения. Очень хорошо, если бесхитростная история вызовет в вас искреннее сочувствие к Валеку и Марусе, к Тыбурцию, к отцу Васи.

Уже в наше советское время Надежда Константиновна Крупская обращалась к воспитанникам Полтавской трудовой колонии имени Короленко с таким признанием: «В. Г. Короленко — один из любимых моих писателей. Из каждой строчки его сочинений видна его большая любовь к людям... В. Г. Короленко боролся горячо с безобразиями царского правительства.... У него многому может научиться наша молодежь.

Я знала немного Владимира Галактионовича и лично. В 1898 году, перед ссылкой, я была учительницей и готовила в школу дочку Владимира Галактионовича — Соню. Она была очень славной девочкой и страшно любила отца.

Пользуюсь случаем, ребята, чтобы послать вам свой привет и пожелать стать такими же хорошими людьми, каким был В. Г. Короленко, — людьми, которые будут бороться с темнотой и несправедливостью, будут бороться за светлое будущее».

Эти слова Н. К. Крупской — прекрасное напутствие юным читателям Короленко.

В. Прозоров

ДЕТИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

1. РАЗВАЛИНЫ

Моя мать умерла, когда мне было шесть лет. Отец, весь отдавшись своему горю, как будто совсем забыл о моем существовании. Порой он ласкал мою маленькую сестру Соню и по-своему заботился о ней, потому что в ней были черты матери. Я же рос, как дикое деревцо в поле, — никто не окружал меня особенно заботливостью, но никто и не стеснял моей свободы.

Местечко, где мы жили, называлось Княжье-Вено, или, проще, Княж-городок. Оно принадлежало одному захудалому, но гордому польскому роду и напоминало любой из мелких городов Юго-западного края.

Если вы подъезжаете к местечку с востока, вам прежде всего бросается в глаза тюрьма, лучшее архитектурное украшение города. Самый город раскинулся внизу над сонными, заплесневшими прудами, и к нему приходится спускаться по отлогому шоссе, загороженному традиционной «заставой»[1]. Сонный инвалид лениво поднимает шлагбаум[2], — и вы в городе, хотя, быть может, не замечаете этого сразу. Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками. Далее широкая площадь зияет в разных местах темными воротами еврейских «заезжих домов»; казенные учреждения наводят уныние своими белыми стенами и казарменно-ровными линиями. Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку,

---

[1] Застава — заграждение при въезде в город. Устраивалась вначале для защиты от врагов, затем — для сбора денег с проезжающих. Традиционная застава — обычная застава.

[2] Шлагбаум — подъемный брус, преграждающий движение по дороге.

Э. УСПЕНСКИЙ

ЛЕКЦИИ ПРОФЕССОРА ЧАЙНИКОВА

с
иллюстрациями
В. Меджибовского
и
рисунками
профессора
Чайникова

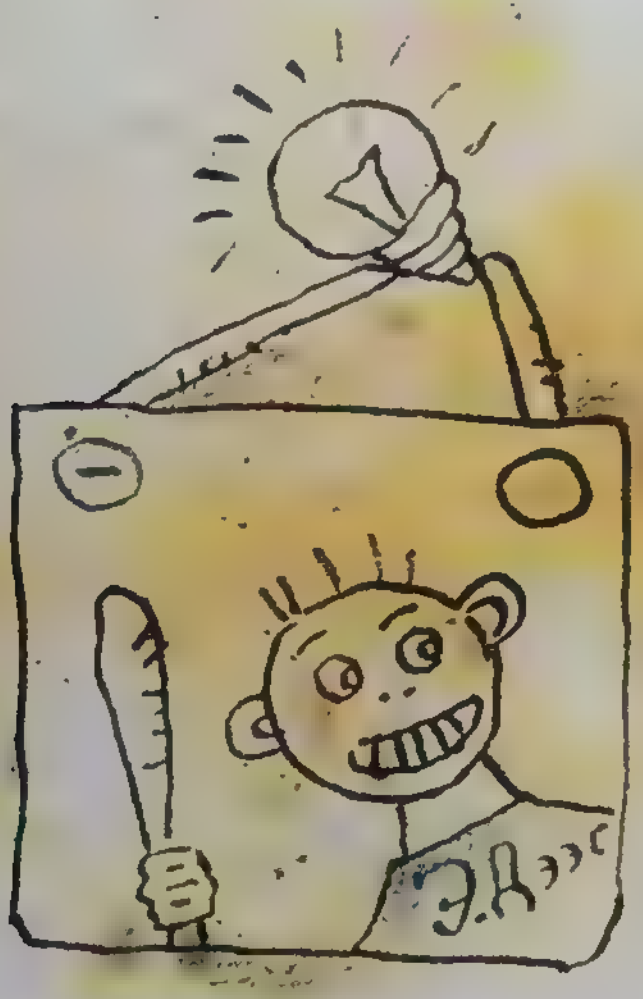
САМОВАР
1991

ЛЕКЦИЯ
I
3
2

Профессор вытащил лампочку и обратился к зрителям:

— Ребята, здесь у клеммы со знаком минус собрались наши электрончики. Их сюда согнал балбес Э. Дээс. Они ходят с плакатами: «Хотим свободы», «Да здравствует Ельцин!», «Пустите нас за кордон к иончикам!» У них есть одна возможность перебежать к иончикам — воспользоваться металлической дорожкой. Длинная клемма есть дорожка, короткая клемма тоже есть дорожка. В лампочке волосок — это тоже дорожка для электрончиков. Только она очень тонкая. Когда они по ней побегут большой толпой, они устроят такую толчею, такую толкотню, что волосок раскалится и будет светить. Смотрите.

Он подсоединил клеммы батарейки к лампочке, и она засверкала.



Больше всех был потрясен Миша Кувалдин:

— Я обязательно покажу это маме. Она будет так рада! — сказал он.

— А если вместо лампочки поставить маленький электромоторчик, — сказал Чайников, — то электрончики начнут его крутить.

Вдруг в студии что-то случилось. К профессору Чайникову подбежала Марина Рубинова и тихонько сказала на ухо на всю страну:

ЛГУН

Басня

Мальчик стерёг овец и, будто увидав волка, стал звать:

— Помогите, волк! Волк!

ББК 84Р7
Д84

Художник В. Храпун

Дуров В.
Д84 Мои звери / В. Дуров. Ребята и зверята: Рассказы / О. Перовская. — Саратов: Региональн. Приволж. изд-во «Детская книга», 1993. — 280 с.
ISBN 5—8270—0056—6

О замечательной и верной дружбе человека и животных рассказывают всемирно известные дрессировщики.

Д $\frac{4803010101—01}{Д-24(03)—93}$ без объявл.

ББК 84Р7

ISBN 5—8270—0056—6

© Владимир Артемович Храпун, художник, 1993.

ДОРОГИЕ ЮНЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В Москве много театров. Но самый диковинный театр — это, пожалуй, тот, который находится на улице Дурова. Ежедневно здесь собираются дети со всех концов Москвы. Многие приезжают даже из других городов. Ведь всем хочется побывать в этом необыкновенном театре!

Что же в нем удивительного? Есть фойе, зрительный зал, сцена, занавес... Все, как обычно. Но выступают здесь на сцене не люди, а... звери. Этот театр зверей создал заслуженный артист РСФСР Владимир Леонидович Дуров.

С самых ранних лет, когда Володя Дуров был еще мальчиком, его тянуло к зверям и птицам. В детстве он уже возился с голубями, собаками и другими животными. Он тогда уже мечтал о цирке, потому что в цирке показывают дрессированных животных.

Когда Володя немного подрос, он убежал из дому

л выступил в балаган к известному в те годы цирк... Ринальдо.

И вот юноша Дуров начал работать в цирке. О... там завел козла Василия Васильевича, гуся Сокра... собаку Бишку. Он их дрессировал, то есть учил пра... лывать разные номера на арене.

Обычно дрессировщики применяли болевой способ они палкой и побоями старались добиться от живот... ного послушания.

А Владимир Дуров отказался от такого способа дрессировки. Он первый в истории цирка стал приме... нять новый способ — способ дрессировки не побоями и палкой, а лаской, хорошим обращением, лакомством, поощрением. Он зверей не мучил, а терпеливо приучал к себе. Он любил зверей, и звери привязывались к нему и слушались его.

Скоро публика полюбила молодого дрессировщика. Он своим способом добивался гораздо большего, чем прежние дрессировщики. Он придумал много очень ин... тересных номеров.

Дуров выходил на арену в ярком, пестром костюме клоуна.

Раньше, до него, клоуны работали молча. Они смешили публику, давая друг другу затрещины, пры... гали и кувыркались.

Дуров первый из клоунов заговорил с арены. Он бичевал царские порядки, высмеивал купцов, чиновни... ков и дворян. За это полиция преследовала его. Но Ду... ров смело продолжал свои выступления. Он гордо на... зывал себя «народным шутом».

Цирк всегда был полон, когда выступал Дуров со своей звериной труппой.

Особенно Дурова полюбили дети.

В. Л. Дуров исколесил всю Россию, выступая в раз... личных цирках и балаганах.

Но Дуров был не только дрессировщиком — он был еще и ученым. Он внимательно изучал зверей, их пове...

дения, нравы, повадки. Он занимался наукой, которая называется зоопсихологией, и написал даже об этом толстую книгу, которая очень понравилась великому русскому ученому, академику Ивану Петровичу Павлову.

Постепенно Дуров приобретал все новых и новых животных. «Звериная школа» разрасталась.

«Вот бы построить специальный дом для зверей! — мечтал Дуров. — Им было бы там просторно, удобно жить. Там можно было бы спокойно изучать зверей, вести научную работу, приучать животных к «выступлениям».

В. Л. Дуров мечтал о театре небывалом и фантастическом — театре зверей, где под девизом «Забавляй и поучай» ребенку будут даны первые незатейливые уроки нравственного и эстетического воспитания.

Много лет прошло, пока Владимиру Леонидовичу удалось осуществить свою мечту. Он приобрел большой, красивый особняк на одной из самых старых и тихих улиц Москвы, называвшейся Божедомкой. В этом доме, расположенном среди зелени садов и аллей Екатерининского парка, он разместил своих четвероногих артистов и назвал этот дом «Уголком Дурова».

В 1927 году Моссовет в честь 50-летия артистической деятельности В. Л. Дурова переименовал улицу, где находился «Уголок», в улицу Дурова.

В 1934 году Владимир Леонидович умер.

Театр зверей, созданный дедушкой Дуровым, как звали его маленькие зрители, с каждым годом становился все популярней. Старый зал уже не вмещал всех желающих попасть на представление, и частенько вереницы детей, стоящих у кассы, уходили в слезах, не получив билета.

Теперь «Уголок» расширен. Рядом со старым зданием вырос новый прекрасный белокаменный театр — целый городок. В «Уголке» сейчас находятся и театр зверей, и зверинец, и музей.

В музее дети могут увидеть чучела зверей, с которыми работал Владимир Леонидович Дуров. Вот ученая такса Запятайка, вот морской лев Лео, вот бурый медведь Топтыгин... Сохранилась и знаменитая дуровская железная дорога.

В зверинце живут звери, которые сейчас выступают в театре.

Представим себе, что мы хотим посмотреть на здешних удивительных жильцов. Для этого не нужно поднимать крышу или выглядывать в окна и двери. Здесь у каждого своя квартира, и сосед может переглядываться с соседом. Полукруглые вольеры, и в них необычные «артисты» — обитатели всех частей света.

В зверинце много животных и птиц. Тут и заяц-беляк, и говорящая серая ворона, и ярко-красно-синий попугай, и собака-математик, и морской лев, и тигр, и пеликаны, и много, много других зверей и птиц.

В светлом фойе театра часто устраиваются книжные выставки. Писатели, художники, композиторы встречаются здесь со своими маленькими читателями, зрителями, слушателями. Тут проходят беседы ребят с учеными, дрессировщиками.

После смерти Владимира Леонидовича Дурова ему на смену пришло новое поколение Дуровых, продолживших дело знаменитого дрессировщика.

Многие годы работала в «Уголке» Анна Владимировна Дурова-Садовская, заслуженный деятель искусств РСФСР, художественный руководитель театра.

Здесь начал свой путь в искусстве народный артист СССР Юрий Владимирович Дуров. И наконец, пришла моя очередь. Бабушка, держа меня за руку, привела в «Уголок». И с тех пор я не расстаюсь с любимым театром.

Росла я, можно сказать, среди животных и видела, как отец ласково и терпеливо дрессирует их. Я тоже училась понимать повадки животных и бережно обращаться с ними.

Навсегда запомнила я слова отца и дедушки о том, что сначала надо узнать животное, все его особенности и привычки, и только после этого можно его учить какому-нибудь номеру.

В своей работе я не отступаю от дуровского метода дрессировки, исключающего малейшее болевое воздействие. Только терпением, добротой и лаской, кропотливым трудом и знанием зоорефлексологии можно добиться, чтобы пони дарил публике свою очаровательную улыбку, а осел искренне смеялся над неряхой, которому енот тотчас же выстирает носовой платочек...

И так номер идет за номером. Вот заяц-беляк выбивает на барабане несколько тактов марша. Серая ворона важно кричит подруге: «Давай, давай» — соперничает талантом комментатора с попугаем Ара. Морской лев жонглирует. Мирно едят из одной кормушки лисица и петух. Кружатся в удивительном вальсе волк и козел, а трудолюбивый медведь подметает территорию...

Все эти чудеса, происходящие на сцене, основаны на взаимном доверии человека и животного.

Эти слова мне хотелось предпослать книге моего дедушки Владимира Леонидовича Дурова «Мои звери», которую вы, мои юные друзья, держите сейчас в руках и которая впервые была опубликована около шестидесяти лет назад.

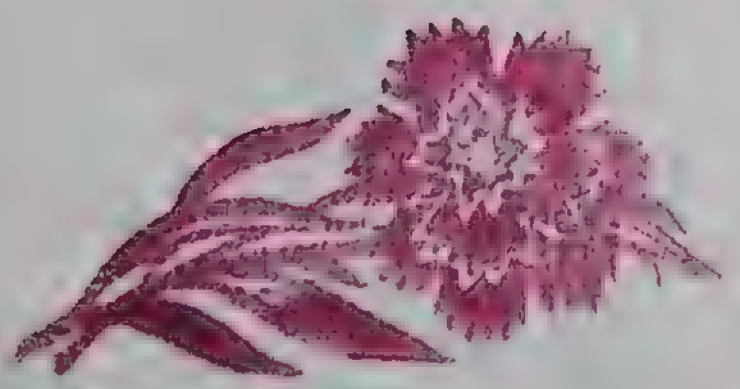
Народная артистка РСФСР, писательница, главный режиссер и художественный руководитель Театра зверей имени В. Л. Дурова, лауреат премии Ленинского комсомола.

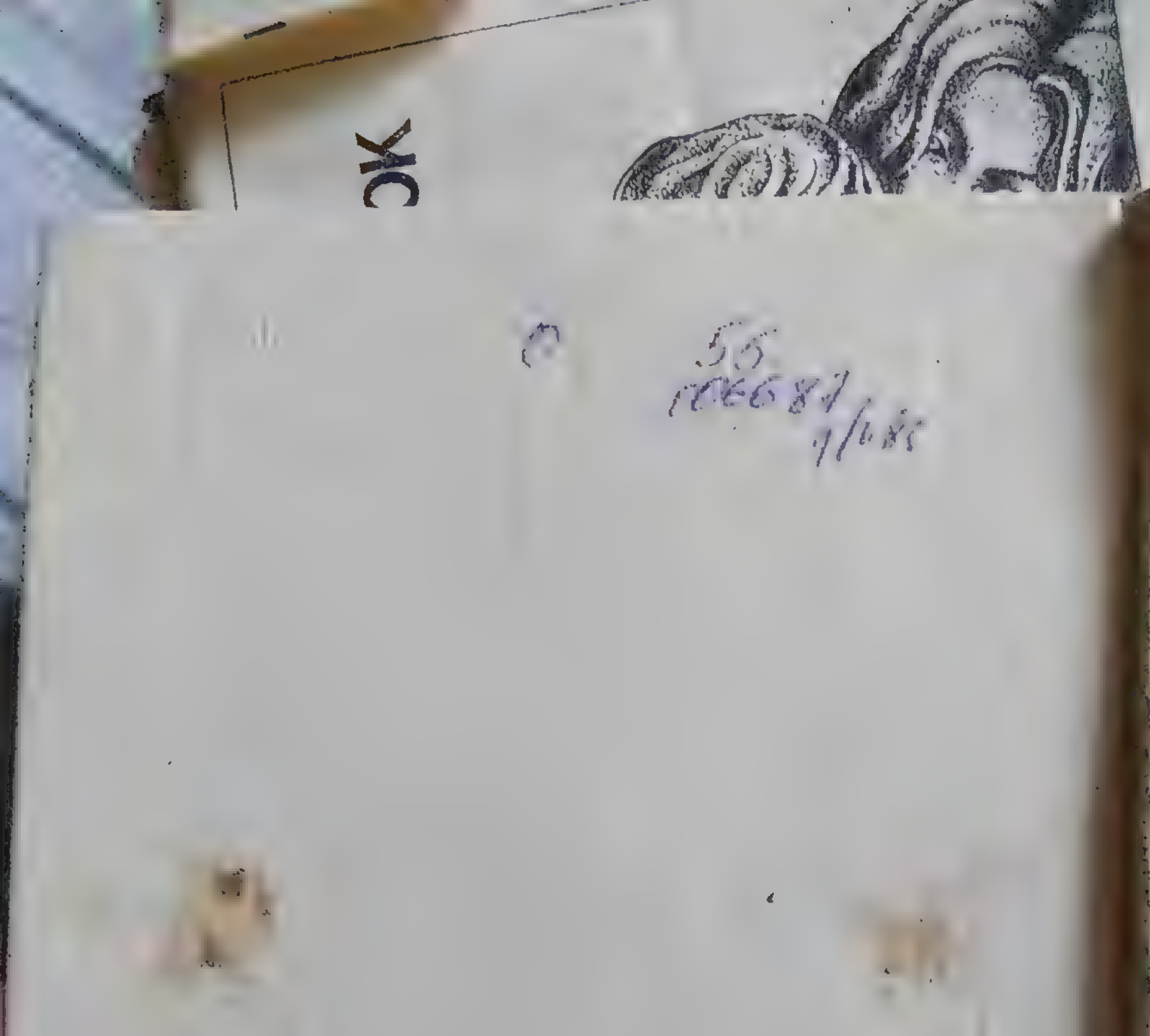
Н. Ю. Дурова

МОЛОДОГВАРДЕЙСКАЯ ЛЕНИНИАНА

ОЛЬГА
ВАСИЛЬЕВА

„ОТЧИЗНЕ ПОСВЯТИМ...“





55
106687
9/6 85

Г. „ОТЧИЗНЕ ПОСВЯТЕНО"

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

На другой день к детскому саду подъехала большая грузовая машина, и двое рабочих сгрузили тысячу штук кирпичей.

— Нам нужно обязательно обнести наш участок забором, — сказала Галя, — чтоб никто нам не мешал строить.

— Правильно, — согласился Гена. — С этого и начнем!

Они раздобыли несколько десятков дощечек, вкопали по углам участка столбы и поставили невысокий деревянный забор. После этого работа началась.

Чебурашка и Галя подносили глину, а крокодил надел брезентовый фартук и стал каменщиком.

Одно только смущало Гену.

— Понимаешь, — говорил он Чебурашке, — увидят меня мои знакомые и скажут: «Вот тебе раз, крокодил

Заслушаешься! А может, найдете лишние? Нам же немного надо!

— Если бы это птички пели... — вздохнул кладовщик. — То ж ворота скрипят. И искать не буду! Ничего лишнего нету!

— Очень жаль, — сказал Чебурашка, — что это не птички скрипят! А мы строим Дом дружбы!

— Дом дружбы? — заинтересовался кладовщик. — Ну, тогда другое дело! Тогда я дам тебе гвозди. Уж так и быть, бери! Только я дам тебе гнутые гвозди. Идет?

— Идет! — обрадовался Чебурашка. — Большое спасибо. Тогда дайте мне уж заодно и гнутый молоток!

— Гнутый молоток? — удивился кладовщик. — А зачем?

— Как — зачем? Забивать гнутые гвозди!

Тут даже видавший виды кладовщик в валенках не удержался и захохотал.

— Ну ладно, так и быть. Дам тебе прямых гвоздей. А гнутые выпрямлю сам! Держи.

И обрадованный Чебурашка побежал на стройку.

и погладить брюки. Для полного спокойствия.

Тень была на прежнем месте.

«Внезапность — это уже половина победы!» — подумал господин Ау.

Он выпрыгнул из окна и начал медленно обходить вокруг дома. Угол приближался. Господин Ау приготовился к тигровому прыжку. Это когда всю силу направляют в задние лапы.

В лице манекена, несмотря на такой прозрачный намек, ничего не изменилось. А в доме изменилось кое-что. Вверху открылось окно, и какая-то невыспавшаяся рука вылила на бедного дядюшку полведра воды.

— Покричи еще!

Мокрый дядюшка спешно сбежал.

«Странный какой-то дождик пошел! Только для меня. Все остальное сухо!»

Тихо-тихо в городе. Только иногда редко-редко проезжала машина и загорались разные надписи типа:

«СТОЙТЕ».

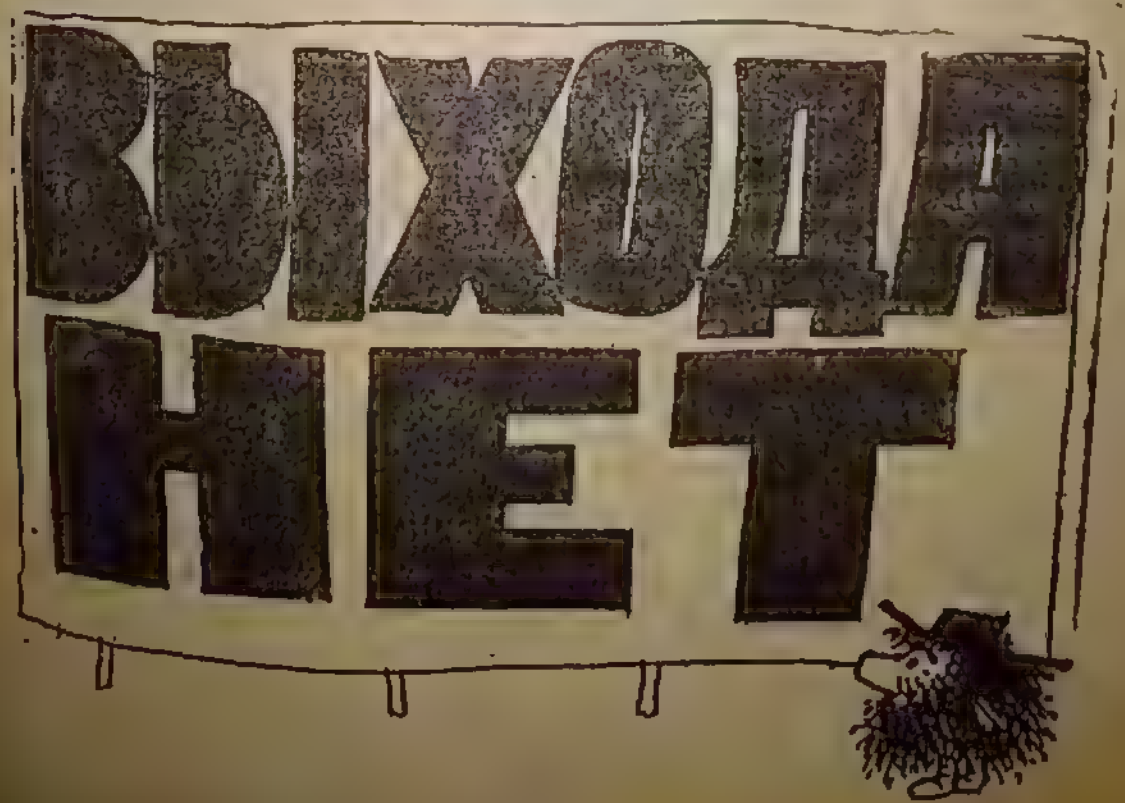
Дядюшка стоял.

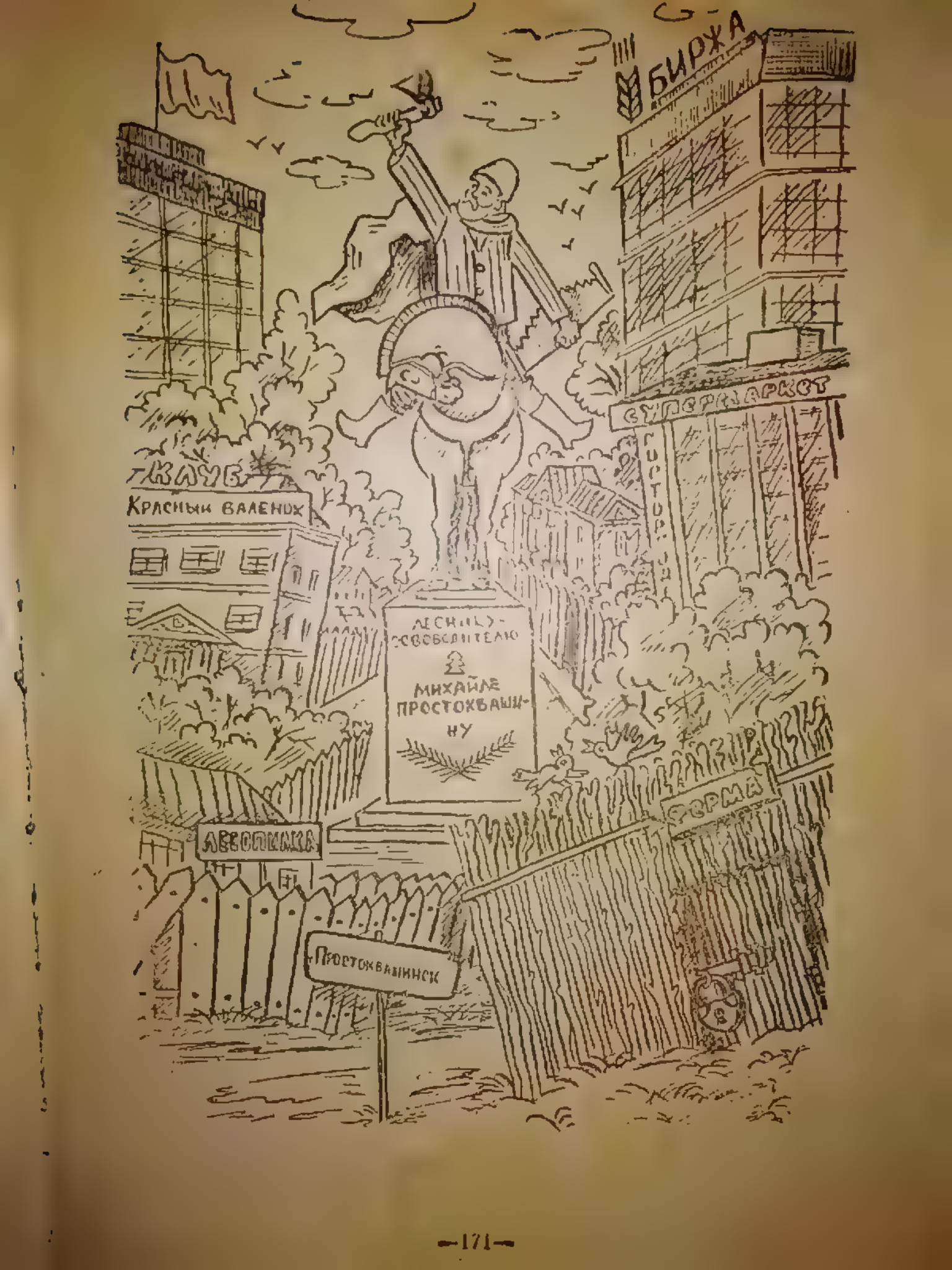
Типа:

«ИДИТЕ».

Дядюшка шел. Но когда загорались или попадались надписи: «ВЫХОДА НЕТ», господин Ау совершенно не понимал, что делать. Он давно подозревал у себя в лесу, что в этой жизни выхода нет. Но что город это уже окончательно понял и даже везде рекламировал, было для него в диковинку.

На всем пути дядюшка не видел ни одного человека.




БИРЖА
СУПЕРМАРКЕТ
КЛУБ
КРАСНЫЙ ВАЛЕНОК
ЛЕСНИКУ-
ОСВОБОДИТЕЛЮ
МИХАЙЛЕ
ПРОСТОКВАШИ-
НУ
ФЕРМА
ЛЕСОПИЛКА
ПРОСТОКВАШИНСК

СОДЕРЖАНИЕ

Крокодил Гена и его друзья 3
Господин Ау 91
Бизнес крокодила Гены 169

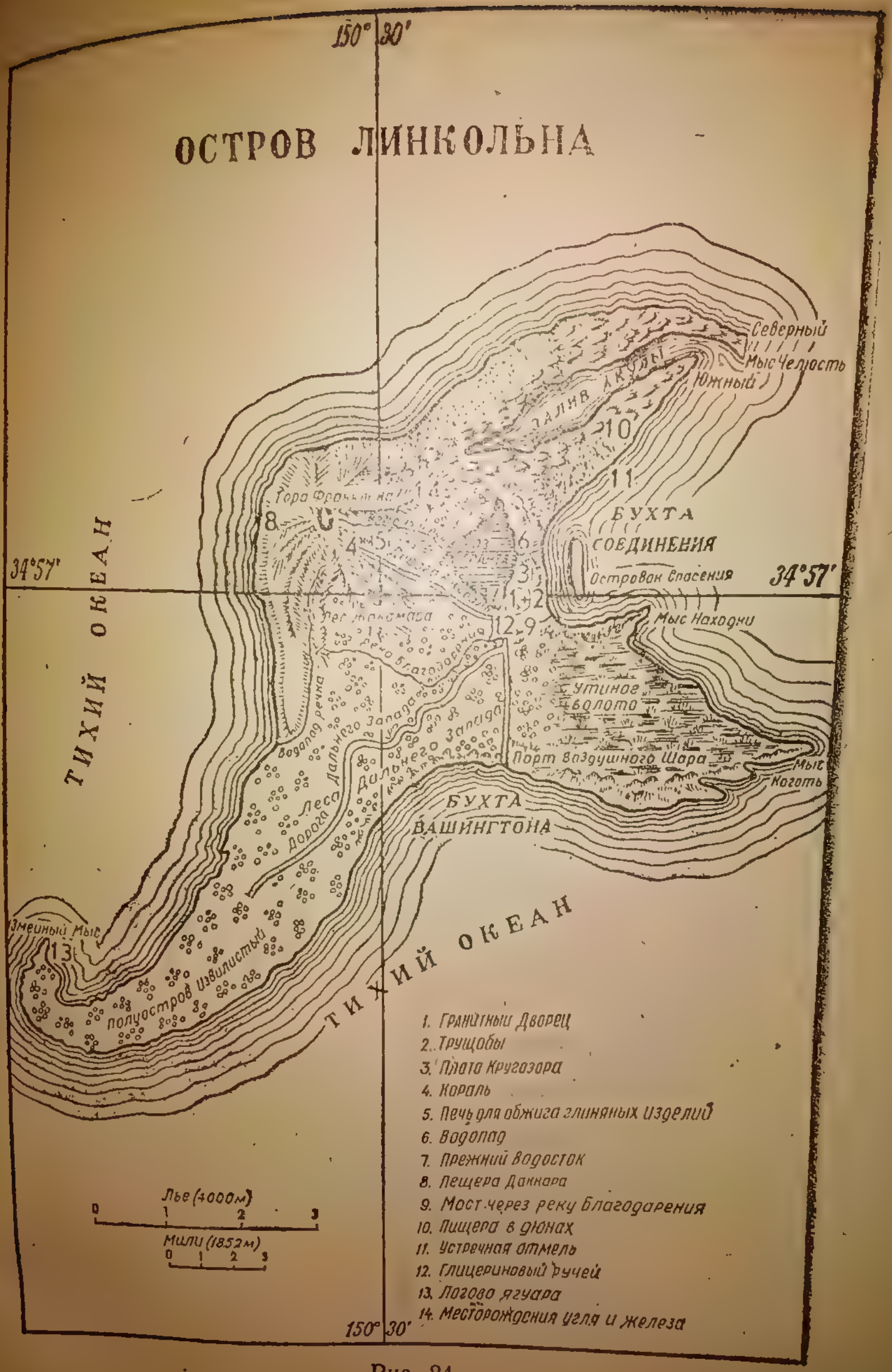

150° 30'
ОСТРОВ ЛИНКОЛЬНА
Северный
Мыс Челюсть
Южный
ЗАЛИВ АКУЛЫ
10
11
БУХТА
СОЕДИНЕНИЯ
Островок Спасения
34°57'
34°57'
Мыс Находки
Утиное
болото
Порт Воздушного Шара
Мыс
Коготь
БУХТА
ВАШИНГТОНА
ТИХИЙ ОКЕАН
ТИХИЙ ОКЕАН
Змеиный Мыс
13
Полуостров Извилистый
Дорога Леса Дальнего Запада
Водопад речка
Рено Благодарения
Лье (4000м)
0 1 2 3
Мили (1852м)
0 1 2 3
1. Гранитный Дворец
2. Трущобы
3. Плато Кругозора
4. Кораль
5. Печь для обжига глиняных изделий
6. Водопад
7. Прежний водосток
8. Пещера Даккара
9. Мост через реку Благодарения
10. Пищера в дюнах
11. Устречная отмель
12. Глицериновый ручей
13. Логово ягуара
14. Месторождения угля и железа
150° 30'

Рис. 24.

ПРИМЕЧАНИЯ

100 000 почему

Стр. 9. * Коллинс (Коллинз) Самюэль (1619—1670) — англичанин, жил в России с 1659 до [illegible]. Врач царя Алексея Михайловича. В 1672 году в Лондоне [illegible] его книга «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне».

Стр. 18. * Первую электрическую лампочку изобрел не Эдисон, а А. Лодыгин. Эдисон ее усовершенствовал. Об этом вы можете прочесть в произведении М. Ильина «Солнце на столе».

Стр. 36. * Советский ученый Николай Иванович Лунин (1854—1937) первый доказал присутствие в пище витаминов.

Стр. 37. * Васко да Гама (1469—1524) — португальский мореплаватель, открывший морской путь в Индию.

** Кук Джемс (1728—1779) — английский мореплаватель. Он совершил три кругосветных плавания и сделал много важных географических открытий.

*** Теперь известно около тридцати витаминов.

Стр. 51. * Словами «железо», «железный» автор здесь называет различные сорта стали, которыми пользуются как строительным материалом. Сталь так же, как другие металлы, и даже больше, чем они, подвержена своего рода заболеванию — коррозии. Заключается это заболевание в том, что поверхностный слой металла соединяется с кислородом и образует новые вещества. Самая вредная разновидность коррозии — ржавчина — образуется при соприкосновении стали с влажным воздухом. Она разъедает металл. С 1890 до 1922 года в Англии ржавчина уничтожила почти половину всей изготовленной за этот срок стали. И даже в наши дни от ржавчины погибает каждая десятая тонна изготовленной за год стали. Если сталь сильно нагреть, также происходит соединение железа с кислородом. Но в этом случае на поверхности металла образуется другое вещество — окалина, сестра ржавчины. Окалина, в отличие от ржавчины, бывает полезной: она может защищать металл от ржавчины.

Стр. 55. * Такая печь называется домепной.

** Такой способ получения стали из чугуна называется бессемеровским. Более распространен другой способ — мартеновский. Мартеновскую печь загружают чугуном, стальным ломом и железной рудой. Вся эта масса (шихта) расплавляется в газовом пламени. Вместе с сильной струей газа в печь поступает и нагретый воздух. При этом большая часть угля в чугуне выгорает и получается сталь.

Стр. 64. * Здесь речь идет о кустарном, ручном способе изготовления горшков.

Стр. 68. * Алхимиками называют средневековых искателей «филосо-
ского камня» — способа превращать простые (не благородные) ме-
таллы в золото. Среди алхимиков наряду с шарлатанами были и
серьезные ученые. Они, конечно, «философского камня» не нашли,
но сделали много важных для науки открытий. Мечта алхимиков
о превращении одних металлов в другие осуществлена в наше вре-
мя учеными, которые нашли способ расщеплять атомы. Об этом
рассказано в произведении М. Ильина «Путешествие в атом».

Стр. 77. * Теперь стеклянные изделия приготовляются не только меха-
ническим выдуванием, но и более удобными способами — отливкой
в формах или прессованием. Выдувание с помощью ручной трубки, разрушающее здоровье рабочих, почти исчезло.

** Теперь уже созданы автоматические выдувательные машины, работающие в несколько раз быстрее.

Стр. 78. * На современных заводах зеркальное стекло не отливают в ви-
де пластин, а прокатывают в ленту, которую затем разрезают на
листы.

Стр. 79. * Для получения хрусталя в массу добавляют еще серебро или
свинец.

** Советские изобретатели дали нашей промышленности уже
много различных видов небьющегося, непробиваемого, жароупор-
ного и даже гнущегося стекла.

Zoo
Zoo

Gb 95

Потом девушка заехала еще на автозаправку, заправила полный бак, к тому же, купила целую канистру бензина и поставила ее в багажник.

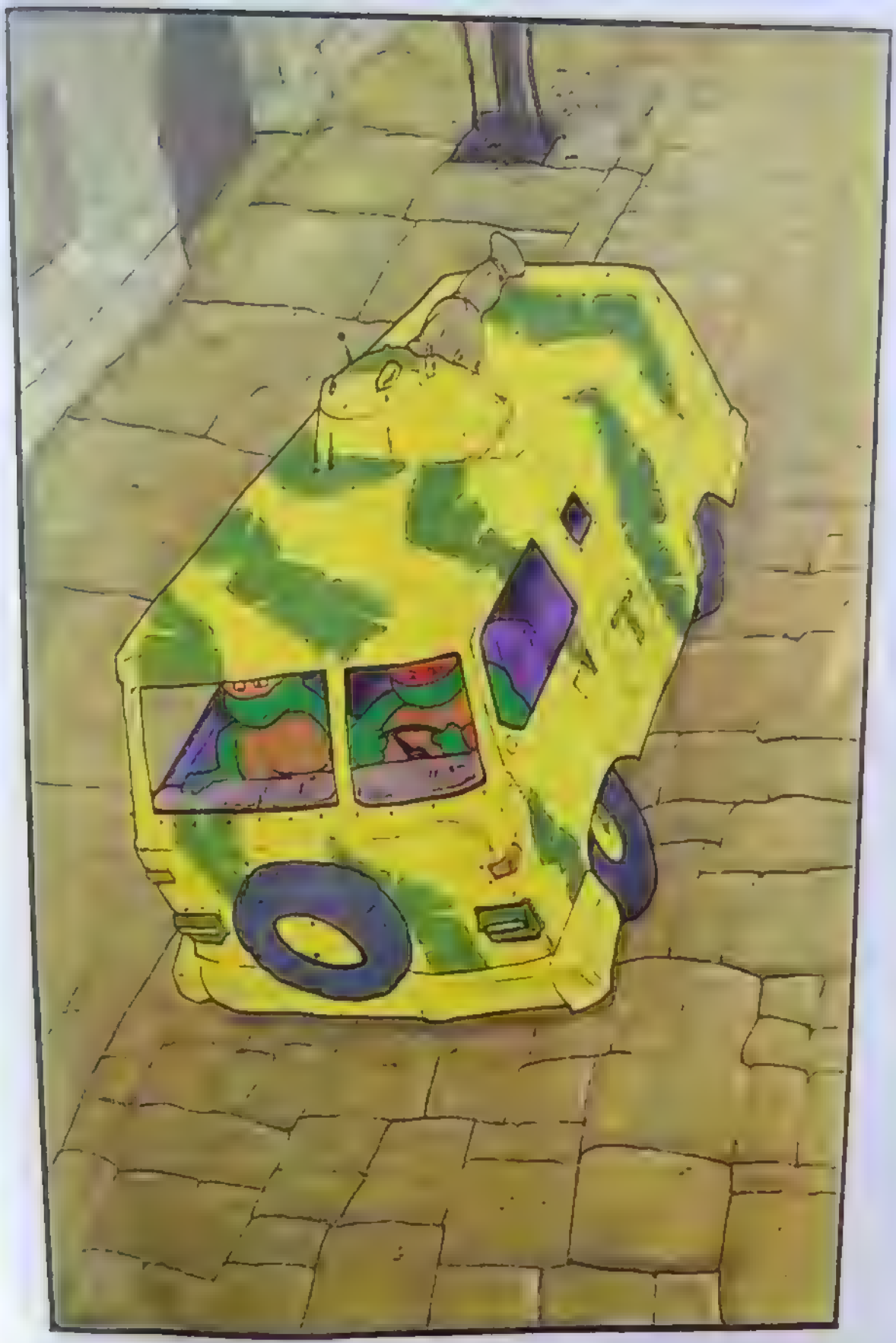
Глава шестнадцатая

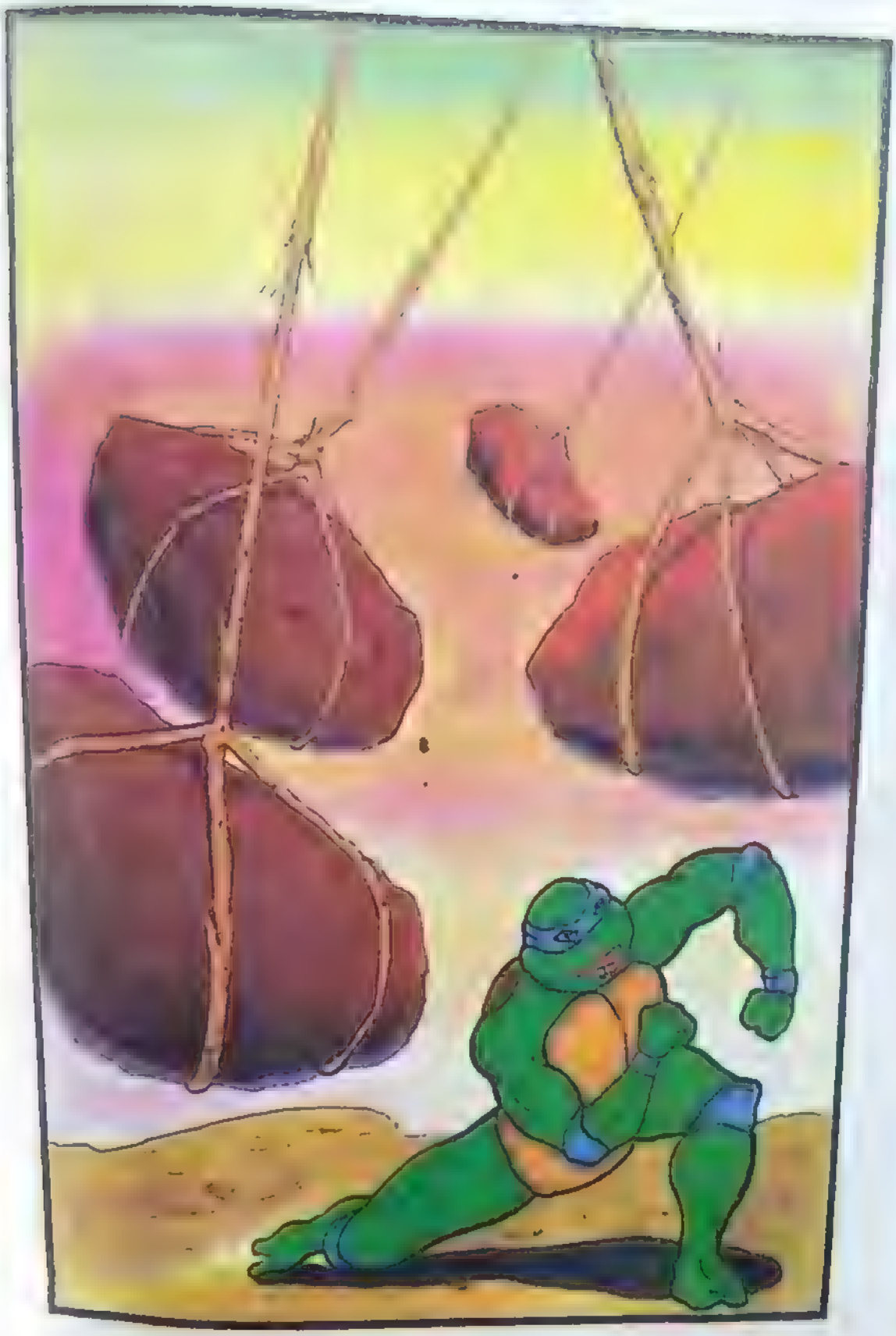
ОБМАН

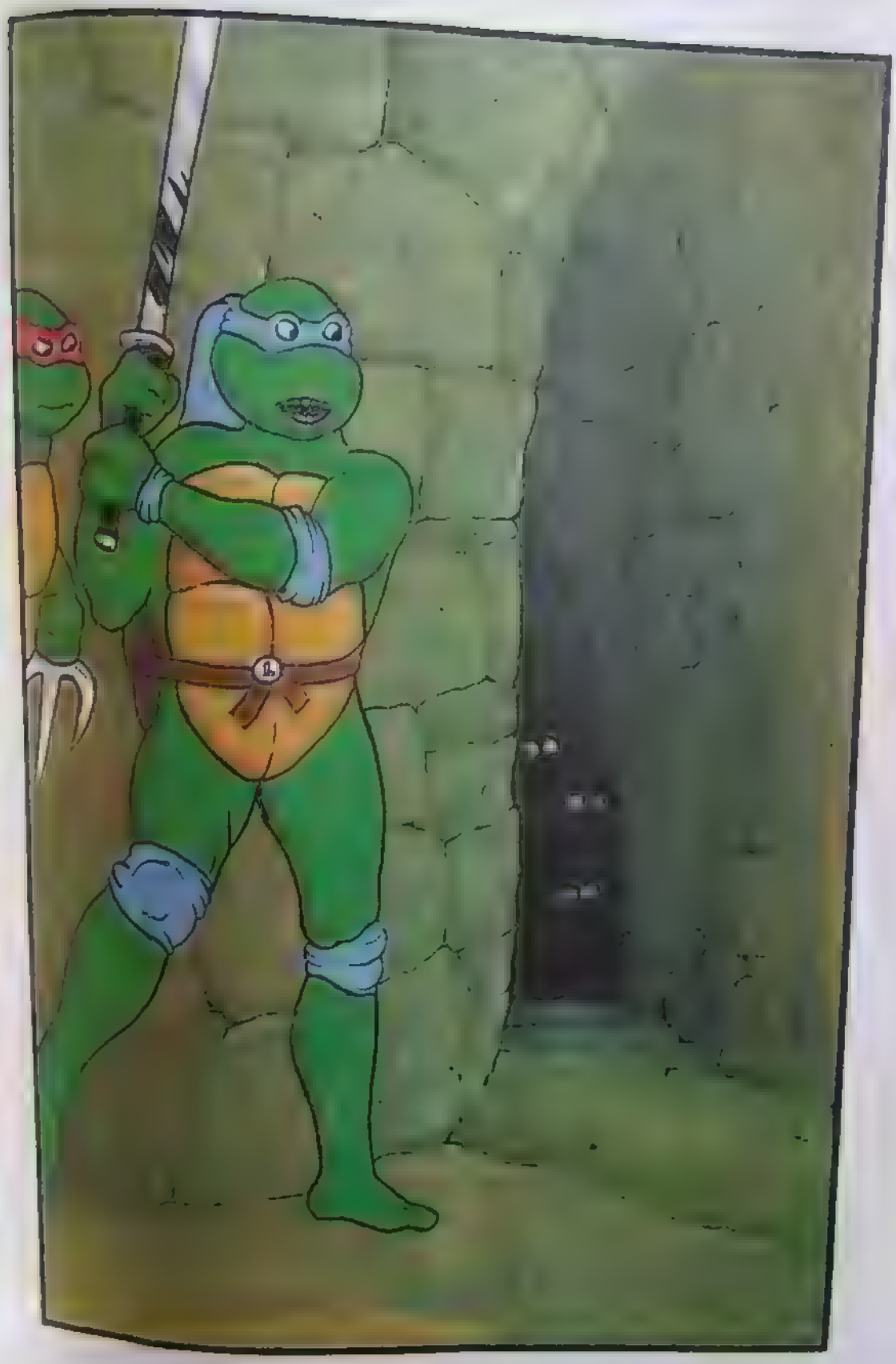
Вечером следующего дня охотники и Фрич, как и договаривались, прибыли в молодежный клуб. Дискотека уже была в самом разгаре. Преследователи не особенно рассчитывали встретить там Мартину, но все же пристально вглядывались в лица посетителей, боясь не упустить под маской человеческого облика ужасного космического монстра. Уинстон и Рэй остались у входа, а остальные прошли в зал, где танцевала молодежь.

— Ты посмотри! — воскликнул Рэй, подталкивая Уинстона под локоть. — Кажется, наш Игон нашел себе подружку?

Тот отыскал глазами Спенглера, который подергивался в такт музыке рядом с

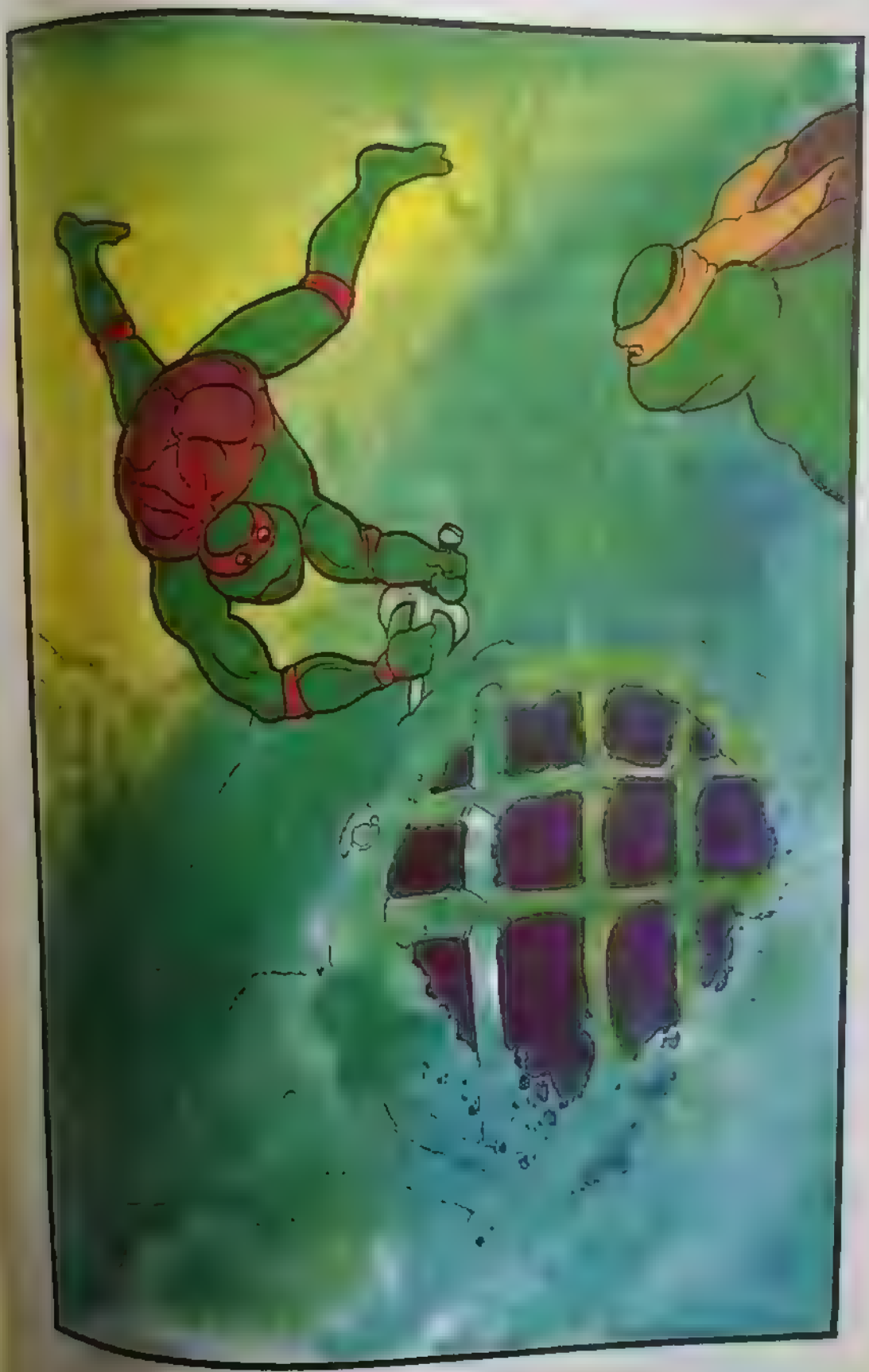






POLICE
911
R

POL



NINJA

Литературно-художественное издание

ЧЕРЕПАШКИ-НИНДЗЯ
ПРОТИВ ВЫХОДЦЕВ ИЗ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИРОВ

Повесть-сказка

Подготовка текста *Наварич А. И.*
Ответственный за выпуск *Л. М. Шейко*
Редактор *С. М. Зайцев*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.03.96. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20. Тираж 30 000 экз. Заказ 203.

Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 1181. 220050, Минск, ул. Ульяновская, 39.

Издание выпущено при участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034, Минск, ул. В. Хоружей, 21 102.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МПИО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.

ГЛАВА ПЯТАЯ, В КОТОРОЙ ПЯТАЧОК ВСТРЕЧАЕТ СЛОНОПОТАМА

Однажды, когда Кристофер Робин, Винни-Пух и Пятачок сидели и мирно беседовали, Кристофер Робин проглотил то, что у него было во рту, и сказал, как будто между прочим:

— Знаешь, Пятачок, а я сегодня видел Слонопотама.

— А чего он делал? — спросил Пятачок.

Можно было подумать, что он ни капельки не удивился!

— Ну, просто слонялся, — сказал Кристофер Робин. — По-моему, он меня не видел.

— Я тоже одного как-то видел, — сказал Пятачок. — По-моему, это был он. А может, и нет.

— Я тоже, — сказал Пух, недоумевая. «Интересно, кто же это такой Слонопотам?» — подумал он.

— Их не часто встретишь, — небрежно сказал Кристофер Робин.

— Особенно сейчас, — сказал Пятачок.

— Особенно в это время года, — сказал Пух.

Потом они заговорили о чем-то другом, и вскоре пришла пора Пуху и Пятачку идти домой. Они пошли вместе. Сперва, пока они шли по тропинке на краю Дремучего Леса, обе мордочки,

ГЛАВА ШЕСТАЯ, В КОТОРОЙ У ИА-ИА БЫЛ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ, А ПЯТАЧОК ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ УЛЕТЕЛ НА ЛУНУ

Иа-Иа — старый серый ослик — однажды стоял на берегу ручья и понуро смотрел в воду на свое отражение.

— Душераздирающее зрелище, — сказал он наконец. — Вот как это называется — душераздирающее зрелище.

Он повернулся и медленно побрел вдоль берега вниз по течению. Пройдя метров двадцать, он перешел ручей вброд и так же медленно побрел обратно по другому берегу. Напротив того места, где он стоял сначала, Иа остановился и снова посмотрел в воду.

— Я так и думал, — вздохнул он. — С этой стороны ничуть не лучше. Но всем наплевать. Никому нет дела. Душераздирающее зрелище — вот как это называется!

Тут сзади него в ольшанике раздался треск, и появился Винни-Пух.

— Доброе утро, Иа! — сказал Пух.

— Доброе утро, медвежонок Пух, — уныло ответил Иа. — Если это утро доброе. В чем я лично сомневаюсь.

— Почему? Что случилось?

— Ничего, медвежонок, Пух, ничего особенного. Все же не могут. А некоторым и не приходится. Тут ничего не поделаешь.

Чего все не могут? — переспросил Пух, потерев нос.

Веселиться. Петь, плясать и так далее. Под ореховым кустом.

А-а, понятно... — сказал Пух. Он глубоко задумался, а потом спросил: Под каким ореховым кустом?

Под которым орешки каленые, — уныло продолжал Иа-Иа. — Хоровод, веселье и тому подобное. Я не жалуюсь, но так оно и есть.

Пух уселся на большой камень и попытался что-нибудь понять. Получилось что-то вроде загадки, а Пух был слабоват по части загадок, поскольку в голове у него были опилки. И он на всякий случай запел загадочную песенку:

ПРО СОРОК ПЯТОК

Вопрос мой прост и краток, —
Промолвил Носорог. —
Что лучше — сорок пяток
Или пяток сорок? —
Увы, никто на это
Ответа
Дать не мог!

— Вот-вот, правильно, — сказал Иа-Иа. — Пой пой. Трум-тум-тум-тирим-бум-бум. В лесу родилась палочка, в лесу она росла. И много-много радости детишкам принесла. Веселись и развлекайся.

— Я веселюсь, — сказал Пух.

— Кое-кому удается, — сказал Иа-Иа.

— Да что такое случилось? — спросил Пух.

— А разве что-нибудь случилось?

— Нет, но у тебя такой грустный вид.

— Грустный? Отчего это мне быть грустным? Сегодня же мой день рождения. Самый лучший день в году!

— Твой день рождения? — спросил Пух, ужасно удивленный.

— Конечно. Разве ты не замечаешь? Посмотри на все эти подарки. — Иа-Иа помахал передней ногой из стороны в сторону. — Посмотри на именинный пирог!

Пух посмотрел сначала направо, потом налево.

— Подарки? — сказал он. — Именинный пирог? Где?

— Разве ты их не видишь?

— Нет, — сказал Пух.

— Я тоже, — сказал Иа-Иа. — Это шутка, — объяснил он. — Ха-ха.

Пух почесал в затылке, совсем сбитый с толку.

— А сегодня правда твой день рождения? — спросил он.

— Правда.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, В КОТОРОЙ КЕНГА И КРОШКА РУ ПОЯВЛЯЮТСЯ В ЛЕСУ, А ПЯТАЧОК ПРИНИМАЕТ ВАННУ

Никто не знал, откуда они взялись, но вдруг они очутились тут, в Лесу: мама Кенга и Крошка Ру.

Пух спросил у Кристофера Робина: «Как они сюда попали?» А Кристофер Робин ответил: «Обычным путем. Понятно, что это значит?» Пух, которому было непонятно, сказал: «Угу». Потом он два раза кивнул головой и сказал: «Обычным путем. Угу. Угу». И отправился в гости к своему другу Пятачку узнать, что он об этом думает. У Пятачка был в гостях Кролик. И они принялись обсуждать вопрос втроем.

— Мне вот что не нравится, — сказал Кролик, — вот мы тут живем, — ты, Пух, и ты, Поросенок, и я, — и вдруг...

— И еще Иа, — сказал Пух.

— И еще Иа, — и вдруг...

— И еще Сова, — сказал Пух.

— И еще Сова, — и вдруг ни с того ни с сего...

— Да, да, и еще Иа, — сказал Пух, — я про него чуть было не позабыл!

— Вот мы тут живем, — сказал Кролик очень медленно и громко, — все мы, и вдруг ни с того ни с сего мы однажды утром просыпаемся и что мы видим? Мы видим какое-то незнакомое

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, В КОТОРОЙ КРИСТОФЕР РОБИН ОРГАНИЗУЕТ «ИСКПЕДИЦИЮ» К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

Винни-Пух брел по Лесу, собираясь повидать своего друга Кристофера Робина, и выяснить, не позабыл ли он о том, что на свете существуют медведи. Утром за завтраком (завтрак был очень скромный - немножко мармеладу, намазанного на соты с медом), Пуху внезапно пришла в голову новая песня (Шумелка). Она начиналась так: «Хорошо быть медведем, ура!»

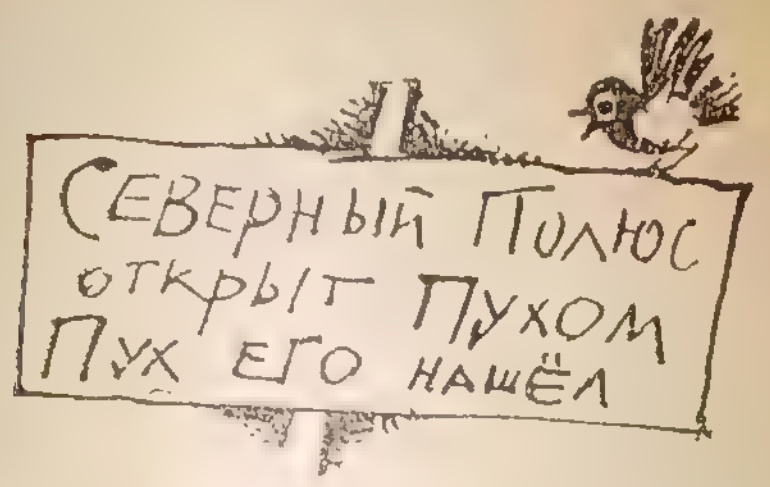
Придумав эту строчку, он почесал в голове и подумал: «Начало просто замечательное, но где же взять вторую строчку?»

Он попробовал повторить «ура» два и даже три раза, но это что-то не помогало. «Может быть, лучше, — подумал он, — спеть «Хорошо быть медведем, ого!» И он спел «ого». Но, увы, и так дело шло ничуть не лучше. «Ну, тогда ладно, — сказал он, — тогда я могу спеть эту первую строчку два раза, и, может быть, если я буду петь очень быстро, я, сам того не замечая, доберусь до третьей и четвертой строчек, и тогда получится хорошая Шумелка. А ну-ка:

Хорошо быть медведем, ура!
Хорошо быть медведем, ура!
Побежу...

Гм, — сказал Ня Ня. Ну что ж. Во всяком случае, дождя не было, — добавил он.

Они воткнули ось в землю, и Кристофер Робин привязал к ней дощечку с надписью:



Потом все отправились по домам. И, по-моему, хотя я в этом и не вполне уверен, Крошке Ру пришлось принять горячую ванну и немедленно лечь спать. А Пух так гордился своим подвигом, что должен был очень очень основательно подкрепиться.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, В КОТОРОЙ ПЯТАЧОК СОВЕРШЕННО ОКРУЖЁН ВОДОЙ

Дождик лил, лил и лил. Пятачок сказал себе, что никогда за всю свою жизнь — а ему было ужасно много лет: может быть, три года, а может быть, даже четыре! — никогда он еще не видел столько дождя сразу. А дождь лил, и лил, и лил. С утра до вечера. День за днем.

«Вот если бы, — думал Пятачок, выглядывая из окна, — я был в гостях у Пуха, или у Кристофера Робина, или хотя бы у Кролика, когда дождь начался, мне было бы все время весело. А то сиди тут один-одинешенек и думай, когда он перестанет!»

И он представлял себе, что он в гостях у Пуха и говорит ему: «Ты видал когда-нибудь такой дождь?» — а Пух отвечает: «Ну прямо ужасно!» или он, Пятачок, в свою очередь говорит: «Интересно, не размыло ли дорогу к Кристоферу Робину?», а Пух отвечает: «А бедный старый Кролик, наверно, смылся из дому».

Конечно, такая беседа — это одно удовольствие!

И вообще, какой толк в таких потрясающих вещах, как потопы и наводнения, если тебе не с кем даже о них поговорить? А было, спору нет, потрясающе интересно. Маленькие сухие канавки, в которые Пятачок, бывало, так часто лазил, стали ручьями, ручейки, по которым он, бывало, шлепал, подвернув шта-

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, В КОТОРОЙ ДЛЯ ИА-ИА СТРОЯТ ДОМ НА ПУХОВОЙ ОПУШКЕ

Однажды, когда Винни-Пуху делать было совершенно нечего, он подумал, что все-таки надо бы чем-нибудь заняться. Вот он и решил заглянуть к Пятачку и посмотреть, чем занимается Пятачок. Шел снег, и Винни плелся по белой-белой лесной тропинке и думал, что, наверно, Пятачок сейчас греет ножки у огня, но, к своему удивлению, он увидел, что дверь дома Пятачка открыта, и чем дольше он смотрел туда, тем больше убеждался, что Пятачка там нет.

— Он ушел из дому, — грустно сказал Пух, — вот в чем дело. Поэтому его и нет дома! Придется мне прогуляться одному и самому обдумать все это. Обидно-досадно!

Но сначала он решил все-таки, чтобы окончательно удостовериться, постучать очень-очень громко... И, ожидая, пока Пятачок не ответит, он прыгал, чтобы согреться, и вдруг в его голове внезапно зазвучал Шум, и он показался Винни хорошим Шумом, который может, пожалуй, многим понравиться:

Иду вперед
(Тирлим-бом-бом),
И снег идет
(Тирлим-бом-бом),

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ В ЛЕС ПРИХОДИТ ТИГРА И ЗАВТРАКАЕТ

Винни-Пух внезапно проснулся в полночь и насторожился. Потом он встал с постели, зажег свечку и пошел к буфету — проверить, не пытается ли кто-нибудь туда залезть, но там никого не было, так что он, успокоенный, вернулся обратно, задул свечку и лег в постель. И тут он снова услышал Подозрительный Звук — тот самый, который его разбудил.

— Это ты, Пятачок? — спросил Пух.

Но это был не он.

— Входи, Кристофер Робин, — сказал Пух.

Но Кристофер Робин не вошел.

— Завтра расскажешь Иа, — сказал Пух сонным голосом.

Но звук продолжался.

— ВОРРАВОРРАВОРРАВОРРАВОРРА! — говорил Неизвестно Кто, и Пух вдруг почувствовал, что ему, в общем, совершенно не хочется спать.

«Что это может быть такое? — подумал он. — У нас в Лесу бывает множество всяких звуков, но этот какой-то страшный. Это и не пение, и не сопение, и не хрипение... Это даже не тот звук, который издаешь перед тем, как прочитать вслух стихи. Это ка-

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ КРОЛИК ОЧЕНЬ ЗАНЯТ И МЫ ВПЕРВЫЕ ВСТРЕЧАЕМСЯ С ПЯТНИСТЫМ ЩАСВИРНУСОМ

Все предвещало, что у Кролика опять будет очень занятой день. Едва успев открыть глаза, Кролик почувствовал, что сегодня все от него зависит и все на него рассчитывают. Это был как раз такой день, когда надо было, скажем, написать письмо (подпись — Кролик), день, когда следовало все проверить, все выяснить, все разъяснить и, наконец, самое главное — что-то организовать.

В такое утро непременно надо было забежать на минутку к Пуху и сказать: «Ну что ж, отлично, тогда я передам Пятачку», а затем к Пятачку и сообщить: «Пух считает... Но лучше я сначала загляну к Сове». Начинался такой, как бы вам сказать, кандирский день, когда все говорят: «Да, Кролик», «Хорошо, Кролик», «Будет исполнено, Кролик» и вообще ожидают дальнейших распоряжений. Кролик вышел из дому и, принюхиваясь к теплому весеннему ветру, размышлял о том, с чего начинать.

Ближе всех к нему был дом Кенги, а в домике Кенги был Ру, который умел говорить: «Да, Кролик», «Хорошо, Кролик», пожалуй, лучше всех в Лесу; но, увы, в последнее время там безотлучно находился еще один зверь — непослушный и неугомонный Тигра. А он, как известно, был такой Тигра, который всегда

чение, как вдруг заметил на земле листок бумаги. В листке торчала булавка; очевидно, он упал с двери.

— Ага, — сказал Кролик, снова приходя в хорошее настроение. — Мне опять письмо!

Вот что там говорилось:

УШОЛ
ЩАСВИРНУС
ЗАНИТ
ЕЩАСВИРНУС
К. Р.

— Ага! — повторил Кролик. — Надо немедленно сообщить остальным.

И он с важным видом двинулся в путь.

Ближе всего отсюда жила Сова, и Кролик направил свои стопы по Дремучему Лесу к Дому Совы. Он подошел к двери, позвонил и постучал; потом снова постучал и опять позвонил. Словом, он звонил и стучал, стучал и звонил до тех пор, пока, наконец, наружу не высунулась голова Совы и не сказала:

— Убирайся, я предаюсь размышлениям, — ах, это ты!

Сова всегда так встречала гостей.

— Сова, — сказал Кролик деловито, — у нас с тобой есть мозги. У остальных — опилки. Если в этом Лесу кто-то должен думать, а когда я говорю «думать», я имею в виду думать по-настоящему, то это наше с тобой дело.

— Да, — сказала Сова, — я этим и занималась.

— Прочти вот это.

Сова взяла у Кролика записку Кристофера Робина и посмотрела на нее в некотором замешательстве. Она, конечно, умела подписываться — «Сава» и умела написать «суббота» так, что вы понимали, что это не вторник, и она довольно неплохо умела читать, если только ей не заглядывали через плечо и не спрашивали ежеминутно: «Ну так что же?» Да, она умела, но...

— Ну так что же? — спросил Кролик.

— Да, — сказала Сова очень умным голосом. — Я понимаю, что ты имеешь в виду. Несомненно.

— Ну так что же?

— Совершенно точно, — сказала Сова. — Вот именно. — И после некоторого размышления она добавила: — Если бы ты не зашел ко мне, я должна была бы сама зайти к тебе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО ТИГРЫ НЕ ЛАЗЯТ ПО ДЕРЕВЬЯМ

Случилось однажды так, что Винни-Пух о чем-то думал. И вот он подумал, что не мешало бы пойти навестить Иа, потому что они не виделись со вчерашнего дня. Он пошел к Иа, распевая песенку, но вдруг он вспомнил, что не видел Сову с позавчерашнего дня, и решил по пути заглянуть в Дремучий Лес и посмотреть, дома ли Сова. Он пошел к Реке, мурлыкая ту же песенку, но, когда он дошел до третьего камня кладки, по которой переходят Реку, он забеспокоился о том, как поживают Кенга, и Ру, и Тигра. Пух подумал: «Я не видел Крошку Ру очень долгое время, а если я его не увижу сегодня, оно будет гораздо-гораздо дольше!»

И тут он сел на камушек посредине Реки и, раздумывая что же ему теперь делать, спел еще кусочек той же песни.

Кусочек, который он спел, был приблизительно вот какой:

Что мне делать, интересно,
Поутру?
В чехарду сыграть полезно
С крошкой Ру.
Станет талия поуже,

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ ВИННИ-ПУХ ИЗОБРЕТАЕТ НОВУЮ ИГРУ И В НЕЁ ВКЛЮЧАЕТСЯ НА-ИА

К тому времени, когда речка добралась до края Леса, она очень выросла-выросла в настоящую Реку. И, сделавшись взрослой, она перестала прыгать, скакать вертеться, как вначале, в детстве, а двигалась плавно и медленно. Ведь теперь она знала, куда идет, и говорила себе: «Спешить незачем. Когда-нибудь все там будем». Зато все впадавшие в нее маленькие ручейки носились по Лесу взад и вперед без устали, мелькали то тут, то там ведь им надо было так много, так много увидеть и узнать!

Широкая тропа — пожалуй, ее можно было даже назвать дорогой — вела из Внешнего Мира в Лес, но, перед тем как попасть в Лес, ей надо было перебраться через эту Реку. И там, где Река и Дорога встречались, был деревянный мостик, почти такой же ширины, как сама дорога, с деревянными перилами по обеим сторонам. Кристофер Робин, пожалуй, мог положить подбородок на верхнюю перекладину перил, если бы захотел, но гораздо интереснее было встать на нижнюю перекладину, наклониться пониже и смотреть вниз на Реку, медленно скользившую куда-то. Винни-Пух, если бы захотел, пожалуй, мог положить свой подбородок на нижнюю перекладину, но куда интереснее

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ ТИГРУ УКРОЩАЮТ

Кролик и Пятачок сидели возле парадной двери дома Винни-Пуха и слушали, что говорит Кролик. Винни-Пух тоже сидел с ними. Был дремотный летний полдень, и Лес был полон тихих нежных звуков, и все они, казалось, говорили Пуху: «Не слушай Кролика. Слушай меня». Поэтому Винни занял самую удобную позицию для того, чтобы не слушать Кролика, и лишь время от времени открывал глаза и говорил: «Ах», а потом закрывал глаза снова и говорил: «Верно, верно!» Сам же Кролик то и дело очень серьезно спрашивал: «Ты понимаешь, что я имею в виду, Пятачок?», а Пятачок не менее серьезно кивал в ответ, чтобы показать, что он все-все понимает.

— Словом, — сказал Кролик, добравшись наконец до конца. — Тигра в последнее время стал таким большим Выскочкой, что нам пора его укротить. А ты как считаешь, Пятачок?

Пятачок сказал, что Тигра действительно ужасно большой Выскочка, и если можно придумать, как его укротить, это будет Очень Хорошая Мысль.

— Я того же мнения, — сказал Кролик. — А ты что скажешь, Пух?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ ПЯТАЧОК СОВЕРШАЕТ ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ

На полпути от дома Винни-Пуха к дому Пятачка было Задумчивое Место, где они иногда встречались, когда им хотелось повидаться, и там было так тепло и тихо, что они любили посидеть там немножко и подумать, чем же им заняться теперь, когда они уже повидались. Как-то, когда они с Пятачком решили ничем не заниматься, Пух даже придумал специальный стишок про это место, чтобы все знали, для чего оно предназначено:

Вышло вот что:

Здесь любит Медведь
Порой посидеть
И подумать:
«А чем бы таким заняться»?

Ведь он же — не Слон,
Поэтому он
Не может все время
Без дела слоняться!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ ИА НАХОДИТ СОВЕШНИК И СОВА ПЕРЕЕЗЖАЕТ

Винни-Пух забрел в Дремучий Лес и остановился перед домом Совы. Теперь он был совершенно не похож на дом. Теперь он выглядел просто как поваленное дерево, а когда дом начинает так выглядеть — значит, хозяину пришло время попытаться переменить адрес.

Сегодня утром Пух обнаружил у себя под дверью Таинственное Спасание, которое гласило:

Я ИЩУ НОВЫЙ АДРИСК ДЛЯ СОВЫ ТЫ ТОЖЕ КРОЛИК

И пока он раздумывал, что бы это такое могло значить, прибежал Кролик и прочел ему вслух.

— Я и для остальных приготовил такое письмо, — сказал Кролик. — Растолкую им, о чем речь, и все они тоже будут не-

кать новый адриск, то есть дом для Совы. Извини, очень спешу, всего хорошего!

И он убежал.

Пух не спеша поплелся за ним. У него было дело посерьезнее, чем поиски нового дома для Совы, ему нужно было сочинить Хвалебную Песню - Кричалку про ее прежний дом. Ведь он обещал это Пятачку много-много дней назад, и с тех пор, когда бы они с Пятачком ни встречались, Пятачок, правда, ничего не говорил, но было сразу понятно, о чем он не говорит, и если кто-нибудь упоминал Песни (Кричалки), или Деревья, или Веревки, или Ночные Бури, Пятачок сразу весь розовел, начиная с кончика носа, и постепенно завоевывал о чем-нибудь совсем другом.

«Но это не так-то легко, — сказал Винни-Пух про себя, продолжая глядеть на то, что было некогда домом Совы. — Ведь Поэзия, Кричалки — это не такие вещи, которые вы находите, когда хотите, это вещи, которые находят на вас, и все, что вы можете сделать, — это пойти туда, где они могут вас найти».

И Винни-Пух терпеливо ждал.

— Ну, — сказал он после долгого молчания, — я могу, пожалуй, начать: «Вот здесь лежит большущий ствол», потому что ведь он же тут лежит, и посмотрю, что выйдет.

Вышло вот что:

ХВАЛЕБНАЯ ПЕСНЬ (Кричалка)

Вот здесь лежит большущий ствол,
А он стоял вверх головой,
И в нем Медведь беседу вел
С его хозяйкою (Совой).
Тогда не знал никто-никто,
Что вдруг случится ужас-что!

Увы! Свирепый Ураган
Взревел — и повалил Каштан!
Друзья мои! В тот страшный час
Никто-никто бы нас не спас.
Никто бы нам бы не помог,
Когда б не Храбрый Пятачок!

— Смелей! — он громко произнес. —
Друзья, скорей найдите трос
(Допустим, толстенький шпагат,
А лучше - тоненький канат).
И знайте: пусть грозит Беда,
Для Смелых выход есть всегда!

ОТ АВТОРА

Роман «Таис Афинская» основан на известном по античным источникам историческом эпизоде: сожжении Персеполиса—одной из столиц персидского царства — знаменитой афинской гетерой, участвовавшей в походе Александра Македонского. Эпизод этот одно время отрицался буржуазными историками, в том числе и столь крупным знатоком эпохи Александра, как В. Тарн.

Современные исследователи — а среди них и такой авторитет, как М. Уилер — восстанавливают достоверность эпизода. М. Уилер в своей недавно опубликованной и только что вышедшей в русском издании книге «Пламя над Персеполисом» дает не лишенное юмора объяснение замалчиванию роли Таис Тарном и ему подобными учеными. Пуританские взгляды Тарна, ханжеская буржуазная мораль не позволили ему придать столь большое значение «жрице любви», как в его времена рассматривали греческих гетер.

Следует отметить, что ранее, в конце восемнадцатого века, в той же Англии взгляды на этот счет были куда свободнее и исторически правильнее. О том свидетельствует, например, картина Дж. Рейнольдса 1781 года, изображающая артистку с факелом в роли Таис, поджигающей Персеполис.

В превосходной художественно-исторической биографии Александра Македонского, написанной Г. Лэмбом, в монографии А. Боннара Таис отводится надлежащее ей место: нет оснований сомневаться в правдивости Плутарха, Арриана, Диодора и других древних авторов, сообщающих о ней.

Почти нет сведений о судьбе Таис после смерти Александра — о ее возвращении в Египет с Птолемеем. А. Боннар, Г. Лэмб и другие утверждают, что Таис «играла роль императрицы в Мемфисе».

Выбор эпохи для настоящего романа сделан не случайно, однако и не без влияния удивительной личности Александра Македонского. Меня интересовало его время как переломный момент истории, переход от национализма пятого-четвертого веков до нашей эры к более широким взглядам на мир и людей, к первым проявлениям общечеловеческой морали, появившимся в третьем веке со стоиками и Зеноном.

В то время человек по месту своего рождения или постоянного жительства получал как бы второе имя: афинянин, аргивянин, беотиец, спартанец. Поэтому в романе читатель будет часто сталкиваться с подобными полуименами.

СОДЕРЖАНИЕ

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ. Повесть времен Иоанна Грозного (роман) 3

ПОСАДНИК (драма) 291

СТИХОТВОРЕНИЯ, БАЛЛАДЫ, БЫЛИНЫ 375

Стихотворения 376

«Бор сосновый в стране одинокой стоит...» 376
«Колокольчики мои...» 376
«Ты знаешь край, где все обильем дышит...» 379
Благовест 380
Пустой дом 381
«Край ты мой, родимый край...» 382
«Лишь только один я останусь с собою...» 382
«Одарив весьма обильно...» 383

Баллады, былины

Курган 384
Князь Ростислав 386
Василий Шибанов 387
Князь Михайло Репнин 391
Ночь перед приступом 392
Правда 395
Старицкий воевода 396
«Государь ты наш батюшка...» 396
Змей Тугарин 398
Песня о Гаральде и Ярославне 403
Три побоища 407
Песня о походе Владимира на Корсунь 413
Гакон слепой 422
Роман Галицкий 423
Боривой 424
Ругевит 431
Ушкуйник 433
Поток-богатырь 433
Илья Муромец 440
Сватовство 442
Алеша Попович 451
Садко 456
Канут 464
Слепой 470

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА 477

СОДЕРЖАНИЕ

А. Овчаренко. М. Горький, его рассказы и пьесы 5

I. РАССКАЗЫ. ОЧЕРКИ

Макар Чудра 21
Емельян Пиляй 31
Старуха Изергиль 41
Челкаш 57
«Бывод» 84
На плотах 86
Дело с застежками 97
Коновалов 106
Озорник 147
В степи 163
Ярмарка в Голтве 173
Бывшие люди 183
Скуки ради 235
Проходимец 249
Двадцать шесть и одна. *Поэма* 278
Человек 289
Город Желтого Дьявола 294
Из цикла «Сказки об Италии»
II 304
IV 307
IX 310
XI 316
Рождение человека 321
Ледоход 330
«Страсти-мордасти» 348
Знахарка 362

ВОСПОМИНАНИЯ

А. П. Чехов 373
Лев Толстой 388
В. И. Ленин 429

ПЬЕСЫ

На дне 465
Егор Булычов и другие 525

Примечания *И. Жегалова* 571

На суперобложке рисунки Д. Шмаринова, Б. Дехтерева, В. Макеева.

ТРИЛОГИЯ ГОРЬКОГО

Среди книг, которые оказали значительное влияние на духовное развитие нашего народа, одно из первых мест занимает трилогия Максима Горького «Детство», «В людях» и «Мои университеты». Почти каждого человека со школьных лет сопровождает волнующая история детства Алеши Пешкова, мальчика, прошедшего через столько испытаний, образ его бабушки — один из самых возвышенных женских образов русской литературы.

На каждое поколение по-разному действовали повести Горького,— в них черпали и знание народной жизни, и ненависть к мещанству, к непосильной тяжести рабочего труда и угнетению, и силы протеста против покорности; в этих повестях видели призыв к творческой активности, к самообразованию, к учению, пример того, как, несмотря на нищету и бесправие, человек может пробиться к культуре Они служили источником веры в силы народные, примером нравственной стойкости.

Повести «Детство» и «В людях» написаны Горьким в 1913—1914 годах и с тех пор вошли в мировую классику автобиографического жанра вместе с такими шедеврами русской литературы, как «Былое и думы» А. Герцена и «Детство», «Отрочество», «Юность» Л. Толстого. Позднее, в 1923 году, были написаны «Мои университеты», и таким образом сложилась законченная, по толстовскому примеру, трилогия.

Если у Толстого история героя — это прежде всего история его исканий, его требований к себе, биография аналитическая, то горьковская трилогия насыщена действием, она автобиографична, она жизнеописание, она состоит из поступков и событий. В то же время это не только описание частной жизни, не история отдельной личности, это именно повести, произведения, имеющие художественную силу обобщения. Их материал при всей точности фактов, событий отобран не по законам памяти и знаний взрослого человека, а по законам писательского таланта. Он создает галерею типов дореволюционной России, образы, живущие независимо от биографии героя.

Горький сообщает нам в «Детстве» не то, что ему известно, а то, что могло быть известно ребенку. Детское видение мира имеет свои пределы,

и автор с поразительной точностью соблюдает их. Окружающее открывается перед маленьким Алешей отдельными малосвязными сценами, картинками, смысл и трагизм которых он еще не в силах оценить. Смерть отца, и тут же, у гроба, рожающая мать — это мучительное, невероятное стечение обстоятельств с первой же страницы погружает нас в стихию достоверной жизни. И, начиная с этой сцены, покоряющей силой и особенностью книги становится именно правда, мужество правды. Здесь все подлинно. И в этом отличие ее от других книг подобного жанра. Автор не привносит сюда взрослого своего понимания людей, своих знаний и опыта. Здесь ничего не делается для занимательности, нет никаких литературных приемов, нет обязательной завершенности, сведения концов с концами... Многого из жизни Алеши Пешкова мы так и не узнаем — как, почему расстраивается состояние деда, куда время от времени исчезает мать, почему вдруг приходится переезжать в другой дом... С годами иногда, из рассказов бабушки, какие-то обстоятельства разъяснятся, но многое для мальчика и для нас так и останется неизвестным. И, как ни странно, такая неполнота, непонятность происходящего помогает нам лучше увидеть мир глазами героя.

Трилогия воссоздает огромную панораму жизни рабочей России конца девятнадцатого века. Воссоздает с размахом, с неумолимым реализмом, требующим от писателя не только честности, но подчас художественной смелости.

Одна за другой обступают нас судьбы людей разных сословий, разных профессий — красильщики, иконописцы, приказчики, купцы, прачки, кочегары, матросы, проститутки... Их десятки, нет, наверное, сотни людей, и каждый неповторим, у каждого не только своя история, но и свое понимание жизни, свои противоречия, своя мудрость, западающая в душу мальчика, а затем подростка. Впечатление густонаселенности усиливается еще и яркостью каждого персонажа, они все отдельные, все личности значительные, сильные, бунтари, блажейные, чудаковатые, а если, допустим, и не сильные, то все равно у большинства из них есть что-то особенное, своя загадка, своя идея, свои отношения с богом, с деньгами, с любовью, с книгами... И все это не сочинено и даже не увидено. Это *найдено* в жизни. Алеша Пешков постоянно, пытливо *ищет* ответа на вечные вопросы жизни. Ему интересен каждый человек, хочется понять, почему так, а не иначе живут люди. В этом особенность его характера. Он не наблюдатель, не собиратель, он герой деятельный, ищущий. Ответы этих людей — противоречивые, парадоксальные, переливающиеся неожиданным смыслом — плотно насыщают трилогию философской мыслью. В повестях не утихает полемика. Сами того не подозревая, все эти люди полемизируют, высказывания их сталкиваются, спорят непримиримо.

«В детстве,— писал Горький,— я представляю сам себя ульем, куда разные простые, серые люди сносили, как пчелы, мед своих знаний и дум о жизни, щедро обогащая душу мою кто чем мог. Часто мед этот бывал грязен и горек, но всякое знание — все-таки мед».

Многое в жизни Алеши Пешкова сделали книги. Они помогали познать огромность мира, красоту его и разнообразие. Книги не вообще, а книги конкретные. Алеша рассказывает, что именно ему нравилось, что и как он понимал. Он жадно читал все, что попадалось — бульварщину, книги авторов второстепенных, случайных, ныне забытых, вперемешку с классиками: романы Салиаса, Вашкова, Эмара, Ксавье де-Монтепэна, стихи Граве, Стружкина, «Предание о том, как солдат спас Петра Великого», «Песни» Беранже, сказки Пушкина, «Тайны Петербурга», романы Дюма... (Из текста горьковской трилогии можно составить длинные списки прочитанных им книг, с его аннотациями-оценками и провести интереснейшие исследования о круге чтения Алеши Пешкова.)

Он сам учится отличать хорошую книгу от плохой. Ему надо дважды перечесть «Предание», чтобы понять, что книга эта слабая. Интересно следить, как формируется, оттачивается вкус мальчика. В беспорядочном его чтении было свое преимущество — оно тренировало ум; он учился ориентироваться в книжном море, он был свободен от школьных авторитетов. Так он самостоятельно понял, почувствовал гений Пушкина: «Пушкин до того удивил меня простотой и музыкой стиха, что долгое время проза казалась мне неестественной и читать ее было неловко». Надо, впрочем, заметить, что эстетическое восприятие Алеши было подготовлено в значительной мере незаурядным поэтическим даром его бабушки. С детских лет слушая ее песни и сказки, он остро чувствовал игру самоцветным словом, любование красотой, богатством родного языка.

Любимые свои книги Алеша пересказывал кому угодно — денщикам, матросам, приказчикам, читал вслух, и люди жадно слушали его, иногда ругались, высмеивали, но зато и вздыхали и восхищались...

А он взахлеб читал и читал: Аксакова, Бальзака, Соллогуба, Буагобэ, Тютчева, Гонкура... Книги очищали душу, придавали уверенность: он не один, на земле не пропадет. Он сравнивал жизнь с книгами и понимал, что «черный народ» в Нижнем не таков, как в Казани, держится смелее, независимее, не молится богу так яростно. Но он начинает и критически оценивать выдуманность книжных отношений героев, отделять великие произведения от посредственных.

Ракамболь учил его быть стойким, герои Дюма внушали желание отдать себя какому-то важному делу. Он передает свои впечатления о Тургеневе, Вальтере Скотте. «Бурса» Помяловского похожа на жизнь иконописной мастерской: «Мне так хорошо знакомо отчаянье скуки, перекипающее в жестокое озорство». Или: «Диккенс остался для меня писателем, перед которым я почтительно преклоняюсь,— этот человек изумительно постиг труднейшее искусство любви к людям».

Трудно назвать другие произведения, в которых вот так же подробно описывались бы книги, впечатление от них, их влияние на жизнь человека.

Вдруг Алеше попадался «Демон» Лермонтова; пораженный, он читал его вслух — и происходило чудо: в иконописной мастерской люди преоб-

ражались, ходили потрясенные, задумывались над своим существованием, проникались добротой, тайком плакали.

Воодушевленный, Алеша устраивал всякие представления, ему хотелось во что бы то ни стало «вызвать истинную свободную и легкую радость в людях!». И в этом проявлялся деятельный темперамент героя, горячее желание что-то сделать хорошее для людей.

Конкретность книжных интересов героя исторична, он читает те книги, которые во многом характерны были для вкусов того времени; но книги лишь часть той исторической конкретности, какой полна трилогия. Это свойство горьковской прозы проявляется здесь особенно сильно. Быт донесен во всех его материальных подробностях. Видно, что люди ели, как одевались, что пели, как молились, как спали, как развлекались.

В иконописной мастерской точно описаны стеклянные шары, налитые водою, подвешенные на бечевках к потолку. Они собирают свет лампы, отбрасывая его на доску иконы белым холодным лучом.

Если он в лавке продает божественные книги и иконы, то известно, что это за книги и что за иконы.

Алеша ловит птиц для продажи, и бабушка продает их за сорок копеек, а в базарные дни на рубль и более. Точные цифры в повествовании — необходимость, они мера труда и возможность прожить, герой помнит каждую заработанную копейку. Так же конкретно изображена у него и Нижегородская ярмарка, и работа в пекарне, в иконописной мастерской,— со всеми тонкостями, различиями византийских, и фряжских, и итальянских манер письма. Труд у Горького всегда физически ощутим, профессионально выверен, будь то несложный труд прачки, или приемы торговли, или кравсильное дело. Мало кто из писателей понимает необходимость так выписывать быт. Это не только художественный прием, в этом есть еще и сознание историчности пережитого. И действительно, подробности эти оказываются драгоценнейшими. Со временем они повышаются в цене, ибо сохраняют безвозвратно исчезнувшие приметы прошлого. Заслуга художника тут несомненна. В этом смысле горьковская трилогия развивает традиции русского реализма, таких вершин, как «Евгений Онегин», где энциклопедическая точность эпохи воплощена во всей конкретности ее бытия.

Трилогия Горького повествует прежде всего о том, как, несмотря на все обиды и разочарования, росла у Алеши Пешкова любовь и вера в человека.

Первым, кто вселил эти чувства, были не книги и не наблюдения, а прекрасная душа Акулины Ивановны Каширина, балахнинской кружевницы, Алешиной бабушки. Она была человеком с талантом жизни, умеющая жить легко и добро, сея вокруг себя радость, восторг перед жизнью. Ее любовь обогащала мальчика, насыщая крепкой силой для трудной жизни. Доброта ее талантлива и своеобычна, поскольку зиждется на художественности ее натуры. Она знала множество стихов, песен, да и сама сочиняла, рассказывала про Ивана-Воина, про Попа-Козла, Марию — грешницу египетскую... Счастье, что у Алеши Пешкова была такая бабушка. Она была опорой,

духовной защитой от навалившегося на детскую душу деспотизма, «горячего тумана взаимной вражды», этого неумного племени Кашириных. Откуда только черпала эта женщина неистощимую свою любовь, свое терпение... «Выпивши, она становилась лучше: темные ее глаза, улыбаясь, изливали на всех греющий душу свет, и, обмахивая платком разгоревшееся лицо, она певуче говорила:

Господи, господи! Как хорошо все! Нет, вы глядите, как хорошо-то все!

Это был крик ее сердца, лозунг всей жизни».

У нее был свой бог, свои отношения с религией, согретые той же деятельной заботой о людях. При всей покорности, смирении, в минуты опасности она могла храбро, умно, как никто другой, противостоять беде. Так она спасает и людей, и имущество при пожаре, бросаясь под ноги обезумевшему от огня коню, вынесла из пламени бутыль масла, чтобы не взорвалось, организовала соседей тушить амбар... Она ничего не боялась.

Ласковость ее была неутомима, но с годами Алеша начинает ценить в ней и оптимизм, и легкость, с какой она переносит жизненные невзгоды, разорение, потерю богатства. Но видит он и другое — что светлая душа бабушки ослеплена сказками, «...не способна видеть, не может понять явление горькой действительности...». В ответ на его возмущение она единственное что могла сказать: «Терпеть надо!» Проповедь терпения уже не удовлетворяла подростка. И только уже взрослея, после смерти бабушки, он сумеет полностью оценить жизненный подвиг этой женщины, поймет не то, что она *не могла, не сумела,* а то, чем она *была* — матерью всем людям.

Злое и доброе, жесткое и нежное переплетаются непредвиденно, соседствуя не только в этой семье, но и внутри людей.

Дед, деспот, самодур, олицетворение мещанского, дед, который, казалось бы, во всем противопоставляется поэтической натуре бабушки, этот дед в какие-то минуты преображается.

Зверски, чуть не до смерти запоров Алешу, он приходит к постели больного мальчика и рассказывает ему о своей бурлацкой молодости на Волге. Да как рассказывает, и сколько в нем оказывается богатырской доблести: «Быстро, как облако, дед рос передо мною, превращаясь из маленького сухого старичка в человека силы сказочной — он один ведет против реки огромную серую баржу».

Диалектика души? Да, но не только это. Таким богатырем, вероятно, и полюбила его в молодости бабушка Алексея. Тем более горько видеть, как исподволь богатство, страсть к наживе перекашивают его душу. Самое, наверное, примечательное в этом образе — тот губительный процесс озверения, вырождения человечности, который происходит со старшим Кашириным, с его сыновьями. И никакая доброта, душевность бабушки не могут спасти, остановить их.

Пристально и беспощадно прослеживает Горький нарастающую патологическую скупость дедушки, как этот недавний богач теряет честь,

достоинство, побирается по домам знакомых купцов,— и не от бедности, но ради куска хлеба, а из-за снедающей его алчности. Все человеческое исчезает, вытравляется. Дети, внуки, жена, семья, дружба — все теряет цену, отмирает с развитием этой неизлечимой болезни. Алеша не обличает его, бабушка пытается объяснить, простить, но тем страшнее выглядит этот распад личности. Только ли патология, характер виной тому? Недаром бог его иной, чем у бабушки,— его бог грозный, карающий, а за ним видятся иные мерки жизни,— изменилось отношение к труду, отпала необходимость труда, а взамен не появилось ничего другого. Для Горького труд заключает всегда еще и моральную ценность,- труд воспитывает, труд лечит душу; отношением к труду, красотой труда учится Алеша мерить достоинство человека.

Когда-то у деда была своя мудрость, и Алеша ценил его поучения: «Учись быть самому себе работником, а другим — не поддавайся! Живи тихонько, спокойненько, а — упрямо! Слушай всех, а делай, как тебе лучше...» Его действительно все учат жить, каждый на свой манер, и в отрочестве и в юности: «Первое: не женись рано... Жить можно, где хочешь и как хочешь,— твоя воля! Живи в Перми — магометашкой, в Москве — городовым, горбой, воруй — все можно поправить! А жена — это, брат, как погода, ее не поправишь... нет! Это, брат, не сапог — снял да бросил».

Люди появляются и исчезают, оставляя после себя что-то в душе, разбередив мысли, одарив нажитой житейской мудростью.

И Алеша Пешков начинает понимать, что думы о жизни не менее тяжелы, чем сама жизнь. Но от этой тяжести он отказаться не хочет. Он то и дело срывается, на него самого находят ослепляющие вспышки ненависти, и его подхватывает буйное злое озорство; юношеская чувствительность ко лжи толкает на выходки нелепые, дикие. Путь его вовсе не прям. Ошибки обиды, заблуждений множество. Вера покидает его, он то и дело срывается в разочарование, в отчаянье, вплоть до попытки самоубийства. Это вовсе не постоянное восхождение, приобретение и накопление мудрости. И тем более героична его борьба. Недаром Лев Николаевич Толстой удивился, слушая рассказы Горького: «Вы все-таки добрый, имея право быть злым».

Жизнь, которую описывает Горький — жизнь городская, нижегородская, казанская,— жизнь рабочих окраин, доходных домов, улиц, застроенных ремесленными мастерскими, лавками, трактирами. Это волжские пристани, ярмарка, двор, мастерская, где тут же и спят и едят. Нет сельских просторов и полей, природа отодвинута, она незаметна, она выключена из мироощущений. Место детских игр — улица, дворы, базары. В городе детям трудно уединиться. Городская жизнь непоэтична, некрасива, но зато люди здесь ближе и понятнее. «Мне нравятся рабочие,— признается Горький,— я отчетливо вижу преимущества города, его жажду счастья, дерзкую пытливость разума, разнообразия его целей и задач».

Вихрастый Алеша Пешков все больше ценит независимую уличную жизнь. Первые его приработки в помощь бабушке — и они типично город-

сам он сдает ветошь, он ловит птиц, он таскает тес... Он видит, как живут, работают разные слои рабочего люда. В эти годы происходил энергичный процесс формирования российского пролетариата. И одновременно же росли силы классового протеста, появлялись фигуры революционеров, вроде постояльца Хорошее Дело. С какой симпатией вспоминается Алеше этот странный человек, мальчик не очень понимает, чем он занимался, но зато дед, чутьем собственника, учуял опасность, казалось бы, безобидного, исправного квартиранта.

В этой обстановке духовное созревание подростка шло быстро, наблюдения над жизнью, столкновения с ней накапливали не по возрасту большой опыт.

От детского восхищения разбойниками, легендарным Егором Башлыком, от обиды на чудовищные несправедливости жизни начиналась у Алеши Пешкова работа осмысляющей себя силы протеста. В повести «Мои университеты» отроческие поиски завершаются логическим следствием: университетами становятся нелегальные кружки, распространение литературы, типография, путь сознательной революционной борьбы, которую юноша начинает в Казани

Все мучительнее переживает он расхождение между прозой жизни и литературой. Мир искусства, с его чистыми чувствами, умными словами, почти не соприкасается с тем понятым, грубым, что каждодневно окружает героя. Снова и снова испытывает он разочарование, гнев, обращенный к тем, кто создает красивые иллюзии. В этом случае ему помогали не книги, а люди. Отзывчивые, добрые мыслящие, юродствующие — но именно люди, соприкосновение с народной жизнью, мудрой в своем движении. Противоречия между идеалами и действительностью не снимались. Но в этих противоречиях открывались преимущества народной мысли: «...редко встречались мне в книгах мысли, которые я не слышал раньше в жизни»,— замечает Горький, и это поразительное наблюдение не упрек литературе, а скорее благоговение к жизни.

У Горького с детства был талант на красивых людей, он умел их находить. Среди героев трилогии они появляются один за другим непрерывной чередой, начиная от Цыганка, который подставлял свою руку под прут, защищая мальчика от побоев. В тяжелые минуты они обязательно приходят ему на помощь, спасая его веру в человека. Каждый из них прекрасен по-своему. Цыганок — весельчак, добр, бескорыстен. Повар Смурый — угрюм, но он человек высокой справедливости, думающий, читающий, одинокий, «отломившийся от жизни». Иконописец-личник Жихарев,— художник своего дела, человек запойный, и при этом душевный, тонко чувствующий стихи. Так же и другой мастер, Евгений Ситанов,— силач, умеющий жить в этой мастерской напряженной духовной жизнью. Он влюбился в «гуляющую» девицу, которая «заразила его постыдной болезнью, но он не бьет ее за это, как советуют ему товарищи, а нанял ей комнату, лечит девицу и всегда говорит о ней как-то особенно ласково, смущенно». Или штукатур

Григорий Шишлин, голубоглазый красавец, мечтатель и добряк. Или шорник, дивный певец Клещов...

Сколько их, одаренных природой, талантливых душой, великолепных людей, расточали себя впустую, не сумели осуществить себя, спивались, чувствовали себя ненужными, гибли, убитые бессмысленностью существования. Одна за другой возникают перед Алешей женщины, окруженные сиянием детской, а затем юношеской его влюбленности. Девочка Людмила, «фарфоровая» закройщица, прекрасная Королева Марго, веселая, жизнелюбивая прачка Наталия Козловская... Одни дарили ему сердечность и сладкие мечты, другие приохотили его к чтению, доставали ему книги, научили любить стихи.

Но пошлость, грязные пересуды, издевательства с какой-то непонятной злобой обрушивались и настигали этих женщин.

Всей силой своего великого гуманистического дарования Горький восстает против грязи, хамства, гнусности в человеческих отношениях. Он не щадит и рабочих людей, обличая их бездуховность, все подлое, свинское, приниженное...

С необъяснимой жестокостью издеваются дядья на глазах у Алеши над полуслепым мастером Григорием, подсовывая ему раскаленный наперсток. Отчим бьет ногами мать Алеши. Безвинно убивают топором чудесного крестьянина Изота. Спивается лучший каменщик Ардальон, с беспричинной злобой избивает он некогда веселую прачку Наталью. Маленький рыжий казак, так красиво поющий песни про Дон и Дунай, что Алеше он кажется лучше и выше всех людей, этот казак, опять же ни за что, зверски избивает женщину, свою любовницу, рвет на ней платье, голую валяет в грязи. Подобных сцен немало в каждой из повестей трилогии.

Зачем же было выворачивать перед читателем художественной литературы все эти пакости жизни, изображать такие отвратительные черты своего народа, такие вызывающие ужас характеры, поступки, всю эту жестокость, злобу, изуверство? Горький и сам не раз ставит вопрос — нужно ли писателю рисовать эти свинцовые мерзости русской жизни?

«И, с обновленной уверенностью, отвечаю себе — стоит: ибо это — живучая, подлая правда, она не издохла и по сей день. Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы с корнем же и выдрать ее из памяти, из души человека, из всей жизни нашей, тяжкой и позорной... Не только тем изумительна жизнь наша, что в ней так плодовит и жирен пласт всякой скотской дряни, но тем, что сквозь этот пласт все-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растет доброе — человечье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой».

ДАНИИЛ ГРАНИН

Повести «Детство», «В людях» и «Мои университеты» составляют автобиографическую трилогию Горького, в которой писатель рассказывает о своих детских и юношеских годах (1871—1888). Сам Горький рассматривал эти повести, написанные в разные годы, как части единого повествования. В 1929 году он писал одному из своих корреспондентов: «Из Москвы Вам вышлют «Детство», «В людях» и «Мои университеты». В этих книжках изображена моя жизнь».

Для творчества Горького в целом его личный жизненный опыт имел исключительное значение. В 1930 году, отвечая на вопрос писательской анкеты: «Каким материалом преимущественно пользуетесь?» — он свидетельствовал: «Пользовался преимущественно материалом автобиографическим...»

Первые опыты автобиографического повествования относятся к самому началу творческого пути писателя. В 1893 году появилось «Изложение фактов и дум, от взаимодействия которых отсохли лучшие куски моего сердца»; два года спустя Горький опубликовал автобиографический рассказ «Бабушка Акулина». Некоторые эпизоды этих фрагментов отразились в повестях «Детство» и «В людях»,— однако трактовка и стилистическая разработка их в ранних набросках совершенно иные.

К созданию целостной художественной автобиографии Горький обращается уже в зрелые годы. «Детство» Горький писал, живя на Капри, в 1912—1913 годах. Тогда же были написаны автобиографические рассказы «Случай из жизни Макара», «Хозяин», «Рождение человека», «Ледоход», «Страсти-мордасти» и другие.

Повесть «В людях», написанная в 1914 году, уже по возвращении из Италии в Россию, дорабатывалась Горьким позднее для публикации в организованном им журнале «Летопись».

Третья часть трилогии — «Мои университеты» была напечатана вместе с автобиографическими рассказами «Сторож», «Время Короленко», «В. Г. Короленко», «О вреде философии», «О первой любви».

Тексты печатаются по изданию: М. Горький. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25-ти томах. М., «Наука», тт. 15, 16.

В основу примечаний положен научный комментарий к Полному академическому собранию сочинений М. Горького.

ДЕТСТВО

Стр. 15. *Я был тяжко болен...* — Алеша Пешков болел холерой в Астрахани летом 1871 г., когда ему было три года. Его отец, Максим Савватиевич Пешков, ухаживая за сыном, заразился и умер (29 июля 1871 г.) в возрасте 31 года.

Стр. 16. *...роды пришли....* — В. В. Пешкова в день смерти мужа родила сына Максима.

Стр. 22. *Это — дядя Михайло, это — Яков...* — М. В. Каширин (1832—1909) и Я. В. Каширин (1839—1903) — родные братья матери А. Пешкова. *...оба Саши* (Саша Михайлов и Саша Яковов) — его двоюродные братья, А. М. Каширин (ум. 1909 г.) и А. Я. Каширин (1865—1910). *Сестра Катерина* — дочь М. В. Каширина от первого брака.

Стр. 23. *...приземистый одноэтажный дом* — дом на Успенском (ныне Почтовом) съезде, в старой части бывшего Нижнего Новгорода. С 1938 г.— мемориальный бытовой музей детства Горького («домик Каширина»).

Сандал — краситель, извлекаемый из древесины сандалового дерева. *Фуксин* — красная анилиновая краска.

Стр. 29. *Семишник* — монета в две копейки.

Стр. 31. *Сирота, нищей матери сын... старшиной цеховым сделан, начальник людям.* — Дед Горького, В. В. Каширин, родился в 1807 г. в Балахне в семье бедной солдатки. 14-ти лет пошел в бурлаки, а через несколько лет получил почетное звание водолива на расшиве — старшего в бурлацкой артели. В 1841 г. переехал в Нижний уже кустарем-красильщиком, был старшиной красильного цеха, в 1861—1863 гг. избирался гласным городской думы, в которой был единственным представителем всего ремесленного сословия города (см.: И. А. Груздев. Горький и его время. М., 1962, с. 550—551).

Стр. 32. *Макарьев* — место Всероссийской ежегодной ярмарки (в 84 верстах от Нижнего, на левом берегу Волги). В 1817 г. ярмарка была перенесена в Нижний Новгород, на Стрелку.

Стр. 35. *Запон* — кожаный передник у мастеровых.

Стр. 40. *Давид* — легендарный царь древнего Израиля (XI—X вв. до н. э.), одно из главных действующих лиц Ветхого завета, искусный музыкант и поэт.

Стр. 48. *Шёлковая головка* — головная повязка у замужних женщин.

Стр. 51. *Двенадцать праздников, в середине же божия матерь Феодотия*... — русская чудотворная икона с клеймами, изображающими события священной истории, которым посвящены двенадцать важнейших праздников православной церкви.

Не рыдай мене, мати, зряще во гробе... — икона с изображением богоматери у гроба Иисуса Христа.

«Да воскреснет бог...». — Псалтырь, псалом 67.

Стр. 52. *...о том, как богородица ходила по мукам земным*... — сюжет апокрифа «Хождение богородицы по мукам», повествующего о том, как богородица посетила ад и молила бога облегчить муки грешников.

...про Алексея божия человека... — духовный стих на тему одного из самых популярных сюжетов христианской житийной литературы.

Иван-воин — православный святой эпохи Юлиана Отступника (IV в.).

Марфа Посадница — Марфа Борецкая, жена новгородского посадника, в конце XV в. возглавляла сопротивление Новгорода с его старинными вольностями московскому завоеванию. *Баба Устя* — героиня поволжской легенды, девушка, ставшая атаманом разбойничьей шайки. *Мария, грешница египетская* — православная святая, раскаявшаяся блудница, согласно легенде, жившая в VI в.

Стр. 57. *Царские двери отворить надо*... — По поверью, для облегчения трудных родов надо было просить священника открыть в церкви царские врата.

Стр. 58. *К весне дядья разделились*... — Дом с красильней на Успенском съезде с 1867 г. перешел к Якову Каширину. В 1876 г. он продал все хозяйство за долги. Михаил Каширин переехал в Канавино, получив наследство через жену. В доме на Полевой (ныне ул. Горького) после раздела жили старики и Варвара Васильевна с Алешей. В 1872 г. и этот дом дед продал.

Стр. 59. *Печёры* — Печерский монастырь на окраине Нижнего Новгорода (основан в XIV в.).

Стр. 61. *Высмотрела меня мать его*... — Свадьба Василия Каширина и Акулины Муратовой, бабушки Горького (род. в 1813 г.) состоялась 18 января 1831 г. в Балахне.

Стр. 62. *Аз, Буки, Веди, Глаголь, Добро, Земля, Люди* — названия букв церковнославянского алфавита.

Стр. 63. *Быръ* — индюк (от возгласа «быръ-быръ», которым подзывают индюка).

Стр. 64. *Блажен муж* — начало первого библейского псалма.

Авессалом — сын библейского царя Давида, восставший против отца и погибший в борьбе с ним. *«Скакаше, играя веселыми ногами»*. — Слова из пасхального песнопения; использовались сектантами-хлыстами на радениях, где как бы воспроизводилась пляска царя Давида перед «ковчегом завета».

Кафизма — чтение из псалмов. *Часослов* — книга текстов для ежедневных церковных служб («часов»).

Стр. 66. *...в день Николы вешнего...* — 9 мая (ст. ст.).

Стр. 67. *...до холеры...* — Холера свирепствовала в Нижнем в 1848 г.

Стр. 80. *...сколько есть чинов ангельских?* — В христианской догматике ангелы разделяются на 9 чинов (серафимы, херувимы, архангелы и др.).

Стр. 81. *Кулугурские шутки.* — Кулугурами называли в народе раскольников-старообрядцев.

Святцы — календарь святых и их праздников.

Стр. 82. *Ефрем Сирин* — один из отцов церкви (IV в.), сочинитель молитв и духовных песнопений.

Стр. 84. *...бабушка уже успокоилась навсегда...* — Последние месяцы перед смертью А. И. Каширина жила отдельно от деда, на Ярмле, в приходе Воскресенской церкви; умерла 16 февраля 1887 г.

...дед сам ходил... нищий и безумный... — Дед Горького в старости впал в слабоумие; умер через два с половиной месяца после Акулины Ивановны — 1 мая 1887 г.

Стр. 90. *...про Ивана-воина и Мирона отшельника.* — Горький писал 15 февраля 1929 г. Н. Груздеву: «Мною в 90-х годах были записаны десятки песен, несомненно, подлинно народных... песен этих нет нигде у собирателей. Кстати: в «Детстве» есть «Сказание про Мирона-отшельника». Это — от бабушки. Ни текста такого, ни вариантов его я тоже нигде еще не встречал, хотя фольклором занимался усердно» («Архив А. М. Горького», т. XI. М., 1966; переписка А. М. Горького с Н. А. Груздевым, с. 193).

Стр. 95. *О, роза Сарона...* — переложение библейской «Песни песней» Соломона.

Стр. 118. *«Родное слово»* — учебная книга для детей младшего возраста, составленная К. Д. Ушинским.

Большая дорога, прямая дорога... — Из поэмы И. С. Аксакова «Бродяга» (1847—1850). У Аксакова: Прямая дорога, большая дорога, // Простора немало взяла ты у Бога.

Стр. 120. *И вечерней и ранней порою...* — Из стихотворения И. С. Никитина «Нищий» (1857).

Стр. 129. *Нечестивый Ахав* — библейский персонаж, израильский царь-идолопоклонник.

«Записки моего отца» — очевидно, «Записки моего отца. Картины Сибири, 1804—1809 годы» Вас. В. Пассека, вошедшие в книгу «Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком», кн. I. СПб., 1838.

Стр. 131. *Святки* — в православном быту 12 дней от рождества до крещения.

В школу мы ходили с месяц времени... — Алеша перестал ходить в школу в феврале 1876 г., заболев оспой.

Стр. 136 *...рядом с домами деда, на Ковалихе.* — Ковалихинская, старинная нижегородская улица во 2-й, кремлевской части города. В. В. Каширин купил на этой улице в 1864 г. два дома: фасадом на улицу и флигель во дворе. Это были самые богатые дома из тех, которыми владел дед Алеши.

...в ту пору богач был... — Пора наибольшего достатка и почета в жизни В. В. Каширина падает на вторую половину 50-х и 60-е гг. В дни Севастопольской кампании 1855 г. он организовал среди ремесленников города подписку «в помощь ратникам государственного ополчения», собрал 16 рублей серебром и получил награду.

Стр. 140. *...в прощеное воскресенье...* — Канун великого поста. По обычаю, просили в этот день друг у друга прощения.

...там и родился ты... — Алексей Максимович Пешков родился во флигеле дома В. В. Каширина на Ковалихинской улице 16 (28) марта 1868 г.

Стр. 143. *...триумфальные ворота строить.* Триумфальная арка воздвигалась в связи с приездом в Астрахань летом 1871 г. Александра II. По свидетельству Горького, отец его М. С. Пешков был направлен в это время в Астрахань пароходством И. Колчина на должность управляющего конторой.

Стр. 144. *Ырин* — индюк. *Сирин* — мифологическая птица с женским лицом и грудью.

Стр. 145. *Евгений Максимов* — Е. В. Максимов, отчим Алеши; был студентом Константиновского межевого института.

Стр. 150. *...на войну пойдете?* — Речь идет о русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

Стр. 158. *Епископ Хрисанф* (В. И. Ретивцев, 1832—1883) — преподавал в Казанской духовной академии; был епископом Астраханским и Нижегородским. Горький называет его труды: «Религия древнего мира в его отношении к христианству» (3 тома. СПб., 1872—1878); «Египетский метампсихоз» («Православное обозрение», 1875, № 1); статья о браке названа Горьким неточно, она называется: «Христианские воззрения на брак и современные толки о семействе и общественном положении женщины» («Христианское чтение», 1867, № 2). Горький и в других своих произведениях не раз вспоминал Хрисанфа (в рассказе «О первой любви», статье «Беседы о ремесле»).

Стр. 160. *«Записки врача»* («Жозеф Бальзамо») — роман А. Дюма-отца (1802—1870). *Книга о Робинзоне* — «Робинзон Крузо» Д. Дефо (1660—1731).

Стр. 171. *Похвальный лист испортил какими-то надписями...* — При переходе в 3-й класс (1879 г.) Алеша Пешков получил в награду книги и похвальный лист: «...Кунавинское начальное училище, одобряя отличные перед прочими успехи в науках и благонравие ученика Алексея Пешкова, наградило его сим похвальным листом в пример другим. Июнь 18 дня 1879 года». В тексте листа (хранится в музее А. М. Горького в г. Горьком) действительно сделаны исправления: «благонравие» заменено на «шалости», а к имени добавлено «Башлык».

Стр. 172. *Плащаница* — полотнище с изображением Христа в гробу, которое в страстную пятницу выносят из алтаря.

Стр. 174. *Умерла она в августе...* — Мать Горького умерла от чахотки 5 (17) августа 1879 г., 35-ти лет от роду.

Стр. 179. *...служу «мальчиком» при магазине «модной обуви»...* — Осенью 1879 г. 11-летний Алеша Пешков служил в магазине Л. М. Порхунова на Большой Покровке, одной из центральных улиц Н. Новгорода.

Стр. 187. *«Сонник и оракул»* — лубочная книга, содержавшая толкования снов и всевозможные правила «житейской мудрости».

Стр. 197. *«Шар-мазло»* — игра, похожая на крокет.

Стр. 199. *«Камчадалка»* — сентиментальный роман И. Калашникова. СПб., 1833.

Стр. 200. *Река Медведица* — левый приток Дона.

Стр. 206. *...погас брат Коля.*— Последний сын В. В. Кашириной, от второго брака, умер летом 1880 г.

Стр. 212. *Иоаким и Анна* — по христианскому преданию, родители богоматери.

Стр. 213. *Христос был всего на год старше меня, а уж в то время мудрецы его слушали...*— Согласно евангельской легенде, 12-летний Иисус разговаривал в храме с учителями, и «дивились разуму и ответам Его» (Евангелие от Луки, гл. 2, ст. 47).

Стр. 215. *Я снова в городе...*— Осенью 1880 г. Алеша Пешков поселился в семье чертежника В. С. Сергеева, племянника бабушки. В заметках 1921 г. Горький писал: «...не жил у него как у родственника, а служил как у хозяина».

Стр. 218. *Дворянка с Гребешки* — из района в центре Н. Новгорода, на высоком берегу Оки.

Стр. 219. *Кольцо души девицы...*— романс на слова В. А. Жуковского («Песня», 1816).

Стр. 230. *...рассказом бабушки о граде Китеже.*— Подобного варианта стихов о Китеже в фольклорных сборниках не обнаружено.

Стр. 233. *Чистый понедельник* — первый день великого поста, следующий за прощеным воскресеньем.

Стр. 237. *...из Оранского монастыря чудотворную икону...*— Встреча иконы Владимирской божией матери происходила в субботу на святой неделе, проводы — 19 июня (1 июля).

Стр. 239. *Иди-ко на «Добрый».*— Весной 1881 г. Алеша Пешков нанялся посудником на буксирно-пассажирский пароход У. С. Курбатова.

Стр. 241. *Смурый... сует мне книжку в кожаном переплете...*— В автобиографии (1897) Горький вспоминал о Смуром: «...он возбудил во мне интерес к чтению книг... У Смурого был целый сундук, наполненный преимущественно маленькими томиками в кожаных переплетах, и это была самая странная библиотека в мире. Эккартсгаузен лежал рядом с Некрасовым, Анна Радклиф — с томом «Современника», тут же была «Искра» за 1864 год, «Камень веры» и книжки на малорусском языке».

«Умбракул, распещренный звездами...» — Из книги «Масон без маски, или Подлинные таинства масонские, изданные со многими подробностями точно и беспристрастно» Т. Уилсона, пер. с франц. И. В. Соца, СПб., 1784,— антимасонский памфлет, в котором описывается масонский ритуал и воспроизводится масонская терминология. *Умбракул* (от лат. umbraculum) — тенистое место, навес. *Профаны* — непосвященные, не масоны. *«Оголение левой груди...»* — деталь ритуала посвящения в масоны.

Стр. 242. *Венерабль* (франц. vénérable — почтенный) — «великий мастер», масон, возглавлявший ложу. *Фрер* (франц. frère — брат) — обращение, принятое у масонов. *Сюверьян* — искаженное «сюрвельян» (франц. surveillant — надзиратель) — помощник мастера в ложе. *Профаны, любопытствующие знать наши дела...* — масонская песня, помещенная в конце книги «Масон без маски».

«Омировы наставления» — по-видимому, «Омаровы наставления, книга для света, каков он есть, а не каким быть должен», ч. I—II. М., 1819 — сочинение Карла Эккартсгаузена (1752—1803), немецкого литератора и философа-мистика. «Мемории артиллерийские» — Пьер Сюрирей де Сен-Реми. Мемории, или Записки артиллерийские, в которых описаны мортиры, петарды, донпельгакены, мушкеты, фузеи и все, что принадлежит ко всем сим оружиям..., в 2-х томах. СПб., 1732—1733; значительную часть книги перевел В. К. Тредиаковский. *«Письма лорда Седенгали»* — вероятно, «Адель де Сенанж, или Письма лорда Сиденгама», перевод книги Аделаиды де Флао (маркизы де Суза). М., 1803. *Гервасий!* — Очевидно, «Толкование воскресных евангелий, с нравоучительными беседами, сочиненное Никифором, архиепископом Славенским: переведено с греческого в Казанской академии иеродиаконом Гервасием», ч. 1—2 (1803).

Стр. 246. *«Иванго»* — роман «Айвенго» Вальтера Скотта (1771—1832). *Ричард Плантагенет* — герой романа, английский король Ричард I Львиное Сердце; *«Повесть о Томасе Инесе*, или найденыше, сочиненная на английском языке г. Фильдингом, перев. с франц.», тт. 1—4. СПб., 1770—1771.

Стр. 249. *Трушша* — вероятно, чувашское «тарашша» в значении «живее».

Стр. 256. *«Предание о том, как солдат спас Петра Великого»* — копеечная лубочная книжка в цветной обложке с картинкой, изображавшей подвиг храброго солдата, отрубающего головы шведам.

Стр. 261. *Господи, да не яростию твоею обличиши мене...* — 37 псалом Давида.

Стр. 264. *...князь Михаила Черниговского и боярина Феодора, «не поклонившихся солнцу»...* — Герои древнерусского «Сказания об убиении в Орде кн. Михаила Черниговского с боярином Феодором»; отказались поклоняться татарским идолам и были замучены в 1246 г. в Золотой Орде.

Стр. 272. *Жандармский ключ.* — Это название ключ получил от находившихся поблизости жандармских конюшен.

Семик — весенний народный праздник поклонения душам умерших, справлялся в четверг на седьмой неделе после пасхи («зеленый четверг»); в православном быту славянский праздник семик слился с церковным праздником троицы и духова дня.

Стр. 279. *«Нива»* (изд. с 1870 г.) и *«Живописное обозрение»* (изд. с 1872 г.) — иллюстрированные еженедельные журналы «для семейного чтения». *«Русский курьер»* — газета, издававшаяся в Москве с 1879 г.

Ксавье де Монтепэн (1823—1902) — французский писатель и журналист, автор многочисленных авантюрных романов и мелодрам. В России во второй половине XIX в. было переведено более 60 его романов. Горький приводит первую фразу его романа «Трагедия Парижа» (1875).

Стр. 280. *...читатели-то железную дорогу взорвали, хотели убить...* — Речь идет о неудавшемся покушении на Александра II (взрыв на линии Московско-Курской ж. д. 19 ноября (1 декабря) 1879 г.).

Стр. 281. *А при Благословенном государе Александре Павловиче...* — В последние годы царствования Александра I масонское движение подверглось преследованию: в 1822 г. были закрыты все масонские ложи, в которых Александр усматривал рассадник вольнолюбивых идей.

Стр. 283. *...книжонки Миши Евстигнеева* — под этим именем выходили многочисленные лубочные книжки. *«Грек, или Непреоборимая верность»* — рыцарская повесть, впервые изданная в Москве в 1789 г. *«Франциль Венециан»* — «История о храбром рыцаре Франциле Венциане и о прекрасной королевне Ренцывене», лубочная переделка западноевропейской рыцарской повести, сочинение Андрея Филиппова (дворового человека). М., 1787. *«Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга»* — роман Н. Зряхова, лубочного автора 20—40-х гг. XIX в.; *«Стрельцы»*, *«Юрий Милославский»*, *«Таинственный монах»* — лубочные переделки исторических романов: «Стрельцы» К. Масальского, «Юрий Милославский» М. Загоскина, «Таинственный монах, или Некоторые черты из жизни Петра I» Р. Зотова. *«Япанча, татарский наездник*, или Гибель последнего царя Казани», ч. 1—3. М., 1875, без обозначения автора (И. С. Кассиров).

Стр. 285. *«Московский листок»* — бульварная газета, популярная в мещанской среде, издавалась Н. И. Пастуховым с авг. 1881 г.

«Разбойник Чуркин» — лубочная повесть Н. И. Пастухова за подписью «Старый знакомый» регулярно с января 1882 г. печаталась в «Московском листке». Братья Чуркины (Василий и Степан) — реально существовавшие лица, в 70-е годы XIX в. разбойничали во Владимирской и Рязанской губерниях. *«Фома Кручина* (из рогожских нравов)» — повесть П. Богатырева о ямщике «с широкой русской натурой», печаталась в «Московском листке» в 1882 г. *Леонид Гравс* — нижегородский адвокат, поэт.

Стр. 286. *«Огонек»* — «Иллюстрированный еженедельный журнал литературы, науки, искусств и политики»; издавался с 1879 г.

...читаем Салиаса «Граф Тятин-Балтийский».— Е. А. Салиас де Турнемир (1840—1908) — автор исторических и бытовых романов. Роман «Граф Тятин-Балтийский» печатался в «Огоньке» в 1879 г.

Стр. 287. *Хилиазм* (от греч. «хилиас» — тысяча) — мистическое учение раннего христианства, вера в тысячелетнее царствование Христа после его второго пришествия и осуществление идеала справедливости на земле.

В сталь закован, но безлюдью... — фрагмент из поэмы польского поэта-романтика Юзефа Богдана Залесского «Дух степей» («Живописное обозрение», 1877). В журнальном тексте: «В сталь закован, но безлюдью, // Едет гуннов царь — Атилла, // Как медведь мохнат и крепок, // Нем и мрачен как могила!»

Стр. 290. *Царя убили!* — Александр II был убит народовольцами 1 марта 1881 г.

Стр. 292. *Понсон дю Террайль* (1829—1871) — автор многотомной серии «Приключения Рокамболя» с продолжением — «Воскресший Рокамболь» (СПб., 1868) и др.; *Э. Габорио* (1832—1873) — один из родоначальников жанра детективного романа; «Преступление в Орсивале», «Золотая Шайка» Габорио и романы *Г. Эмара* (1818—1883) «Атласная змея», «Капитан Кильд» и др. печатались в журнале «Переводы отдельных романов». *Буагобэ* — Фортюне Дюбуагобей (1821—1891) — автор романов «Каторжник полковник» (М., 1874), «Дело Матанана» (СПб., 1881) и др.

Стр. 293. *«Братья Земганно»* — роман французского писателя Эдмона Гонкура (1822—1896); вышел в русском переводе в 1879 г. *«Подлинная история маленького оборвыша»* — повесть английского писателя Джеймса Гринвуда (1833—1929), в русском переводе (Марко Вовчок) появилась в 1868 г.

Стр. 294. *Арсен Гуссэ, Бэло, Поль де Кок, Поль Феваль* — французские «бульварные» романисты.

Маррист Фредерик (1792—1848) — английский писатель, автор «морских» романов. *Вернер* Элизабет (1838—1918) — немецкая романистка. *Шпильгаген* Фридрих (1829—1911) — немецкий писатель, автор «тенденциозных» романов, в которых отразилось рабочее и социалистическое движение в Западной Европе; был популярен в России (особенно романы «Между молотом и наковальней» и «Один в поле не воин»). *Ауэрбах* Бертольд (1812—1882) — немецкий писатель, автор известных рассказов о жизни крестьян. В статье «О том, как я учился писать» Горький вспоминал: «...книги Ауэрбаха, Шпильгагена показали мне, что в... немецкой провинции люди живут не совсем так, как в Нижнем Новгороде, на Звездинской улице, но — не многим лучше». *Сю* Эжен (1804—1857) — французский писатель, автор социальных романов («Парижские тайны», «Вечный жид»).

Стр. 296. *Диана Пуатье* — героиня романов А. Дюма «Асканио» и «Две Дианы», фаворитка французского короля Генриха II. *Королева Марго* — героиня одноименного романа Дюма, Маргарита, жена Генриха Наваррского,

будущего короля Франции Генриха IV. *Ла-Вальер* — героиня романов Дюма «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон».

Стр. 298. *«Тайны Петербурга» князя Мещерского* — «Тайны современного Петербурга. Записки магистра Степана Боба» (1876) — «антинигилистический» роман кн. В. А. Мещерского (1839—1914), реакционного писателя и публициста. В 1-й части романа («Нигилисты») рассказана басня про двух сестер — Свободу и Палку; у Мещерского: Свобода не умерла в больнице, а Палка только «избила Свободу до полусмерти — так, что ее отправили в больницу».

Стр. 300. *«Душою черной зло любя...»* — из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила».

Стр. 301. *«Жизни веселой наука»* — из «Песни труда» Беранже (1780—1857).

«А девушке в семнадцать лет...» — из «Руслана и Людмилы».

Стр. 302. *«Только песне нужна красота...»* — из стихотворения А. Фета «Только встречу улыбку твою...» (1873). У Фета: «...и песен не надо».

Скобелев Михаил Дмитриевич — русский генерал, герой русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Стр. 311. *Я снова посудником на пароходе «Пермь»...* — С весны до поздней осени 1882 г.

Стр. 312. *Офени* — странствовавшие по России торговцы-разносчики, продававшие среди прочих товаров книги.

Стр. 323. *...рыцарские черты Ля-Моля и Аннибала Коконна...* — Ля-Моль и Аннибал де Коконнас — персонажи романа Дюма «Королева Марго». *Людовик XI* — французский король (с 1461 по 1483 г.), известный своей хитростью и скупостью, действует в романе Вальтера Скотта «Квентин Дорвард». *Отец Гранде* — герой романа Бальзака «Евгения Гранде». *Корнет Отлетаев* — персонаж из одноименной повести кн. Г. В. Кугушева (1856), бравый кавалерист, прожигатель жизни. *Генрих IV* — король Наваррский, потом король Франции (1589—1610); изображен в романах Дюма. Идеализированный образ «веселого короля», близкого простым людям, нашел отражение в песне Беранже «Король Ивето» (строки из нее: «Он мужику дал много льгот...» — Горький цитирует в переводе В. Курочкина, давшего песне русифицированное заглавие «Царь Додон»).

Стр. 324. *Анж Питу* — герой одноименного романа Дюма, являющегося продолжением романа «Записки врача».

Стр. 326. *Я поступил учеником в мастерскую иконописи...* — мастерскую купчихи И. Я. Салабановой, осенью 1882 г.

...«Виноград» — тиснение на металле, служившее традиционным украшением икон.

Стр. 327. *Богородиц знаешь? Гляди...* — Приказчик называет различные типы иконописного изображения богоматери. *Скорбящая* («Всех скорбящих радости») — богоматерь без младенца, в рост, в окружении ангелов и страж-

дущих. *Троеручица* — византийская икона богородицы с младенцем на правой руке и с изображением третьей руки внизу иконы (принадлежащей, по преданию, защитнику иконописания в эпоху иконоборчества Иоанну Дамаскину). *Абалацкая-Знамение* — икона Знамения божией матери, хранилась в Абалацком Знаменском монастыре (в Тобольской губернии). Изображает богородицу с воздетыми вверх руками и погрудным образом младенца. *Не рыдай мене, мати* — богоматерь у гроба Иисуса Христа. *Утоли моя печали* — русская икона богоматери с младенцем на левой руке. *Казанская* — русская икона богородицы с младенцем на левой руке, обращенным лицом к зрителю. *Деисус* — трехличная икона со Спасителем в центре, богоматерью и Иоанном Крестителем по сторонам. *Покрова* — византийская икона с изображением богоматери, распростершей свой плат – покров — над молящимися. *Семистрельная* — богородица без младенца с изображением направленных ей в грудь семи стрел (символ испытаний ее сына).

Трудных родов разрешитель — святой Пантелеймон.

Устав — церковно-богослужебная книга о порядке совершения служб.

Стр. 329. *Господь не изменял, да Никон изменил.*— Покупатель-старообрядец говорит о церковной реформе патриарха Никона в середине XVII в., положившей начало русскому религиозному расколу; реформа заключалась в исправлении церковных обрядов и русских богослужебных книг по греческим образцам. Церковный собор 1666—1667 гг. предал анафеме тех, кто противился исправлениям (старообрядцев).

Димитрий Ростовский (1651—1709) — монах и церковный писатель, выступал против раскола; издал «Минеи-четьи» — жития святых, расположенные по дням их памяти. Старообрядцы противопоставляли им древние минеи «дониконовских времен».

Медные складни с финифтью — иконы с изображением на двух или трех складывающихся створках и покрытые особой эмалью — финифтью.

Стр. 330. *Симон Ушаков* (1626—1686) — крупнейший русский иконописец XVII в.; еретик — с точки зрения старообрядцев. *Доличное* — все то, что изображалось иконописцем до лика, т. е. одежда, пейзаж, палаты. *Чка* — доска, на которой писалась икона. *Левкас* — смесь мела с клеем, служившая для наведения грунта под краску и позолоту.

Стр. 334. *Батман* — мера веса у азиатских народов; в районах Поволжья равнялась 10 фунтам.

Стр. 337. *Кириллов — двое было...*— Кирилл, епископ Александрийский (V в.), главный противник несторианской ереси, основоположник которой, константинопольский патриарх Несторий, учил, что Иисус — не сын божий, но только самый праведный из людей, и предлагал называть богородицу «христородицей». Кирилл, епископ Иерусалимский (IV в.) — борец против другой главнейшей (наряду с несторианством) церковной ереси — арианства. Арий отрицал основной православный догмат единосущности богасына богу-отцу; в истолковании ариан Христос — младшее божество, промежуточное между богом и человеком.

Стр. 339. *Ешиботник* — ученик еврейской духовной школы (ешибот), готовящей раввинов. *Талмуд* — собрание религиозно-догматических, бытовых, этических и правовых предписаний иудаизма, сложившееся в последние века до н. э.— первые века н. э.

Стр. 340. *...на книге князя Мышецкого «Виноград Российский»...* — «Виноград российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (князь Мышецким)» в первой половине XVIII в. Семен Денисов — основатель и настоятель Выговской обители (в Олонецкой губ.), сыгравшей большую роль в истории старообрядчества. *«Многотерпеливые и многомужественные страдания...»* — цитата из «Вступления» к «Винограду российскому». О Киприане Благородивом — в гл. 12 и о Дионисии Целомудром — в гл. 39 этой книги.

«Нетовщина» — одна из крайних форм того направления в старообрядчестве, которое получило название беспоповщины. Нетовщина, зародившаяся в конце XVII в. в керженских лесах, отрицала таинства и учение о благодати, церковную иерархию; была распространена в Нижегородской, Ярославской и Костромской губерниях. Мартин *Лютер* (1483—1546) — родоначальник протестантского религиозного движения на Западе.

«Имя себе приличио сочета...» — Цитата из кн. «Послание к неизвестному против лютеров. Творение Парфения Уродивого, писателя XVI века». СПб., 1886, с. 2.

Шалопуты (шелапуты) — секта, родственная мистической секте хлыстов; возникла в середине XIX в. *Шалаевщина* — название секты, близкой к лютеранству; в дальнейшем слилась с баптизмом.

Стр. 341. *Богомилы* — христианская ересь, зародившаяся в X в. в Болгарии и распространившаяся в странах Западной и Восточной Европы; Богомилы признавали двух сынов бога — Сатанаила (восставший и падший ангел, начало зла, творец материального мира) и Логоса (духовное начало мира, Христос). Богомильство требовало аскетической жизни и призывало к неподчинению мирским властям.

Хлысты — мистическая секта, возникшая в России во второй половине XVII — начале XVIII вв. Противопоставляли внешней обрядовости и «букве» церковной книги истинную, «духовную» церковь. По представлениям хлыстов, праведный человек сам по себе может стать «Христом» или «богородицей».

Наставник Данило — крестьянин Юрьевецкого уезда Костромской губернии Данила Филиппович, считающийся основателем хлыстовства. По хлыстовскому преданию, сам бог Саваоф вселился в его «пречистую плоть». Старик начетчик здесь пересказывает хлыстовское сказание о том, как Данила Филиппович, объявив народу, что ни старые, ни новые книги не ведут ко спасению, собрал те и другие в один куль и бросил в Волгу.

Алексаша, Александра Васильев.— По свидетельству Горького, сектант-бегун, которого он в юности встретил в иконописной лавке — это

И. В. Рябинин, беглый каторжник. В дальнейшем был опознан полицией, арестован и умер в тюрьме до суда. С судьбой этого человека был связан у Горького замысел романа «О российском Жане Вальжане».

Стр. 342. *«Господи, Владыко живота моего»* — великопостная молитва Ефрема Сирина.

Стр. 343. *Ну — трегубая аллилуйя, ну — сугубая...* — Речь идет об одном из спорных вопросов церковной обрядовости, породивших раскол. Старообрядцы стояли за то, чтобы при богослужении произносить «аллилуйя» два раза (сугубая аллилуйя) — в противоположность «трегубой аллилуйе» никонан.

Стр. 344. *Бегуны*, или странники — секта, разновидность нетовщины. Проповедовали духовное странничество, «бегство» от общества, уклонялись от гражданских повинностей, военной службы, платежа податей, не признавали паспортов. В приволжских губерниях это движение было особенно распространено.

Палех, Холуй, Мстёра — села Владимирской губернии, старинные центры иконописания.

Стр. 345. *Симеон Столпник* — христианский подвижник-аскет V в.

Стр. 346. *«Э, и-ах за-апрягу я тройку борзых...»* — цыганская песня.

Стр. 348. *По-византийски, по-фряжски и «живописно», итальянской манерой.* — По-византийски — в традициях древнего иконописания. С конца XV в. оно осложняется влияниями западноевропейской живописи (писать «по-фряжски»), искусства итальянского Возрождения.

Связали нас подлиннички эти... — Подлинники — особые руководства, которым должен был следовать иконописец; так, одежда того или иного святого должна была быть определенного цвета.

Стр. 354. *«Взгляни: вот женщины прекрасной...»* — Из стихотворения В. Г. Бенедиктова «Бездна». (1838). У Бенедиктова: «Взгляни, как высится прекрасно // Младой прельстительницы грудь!»

Стр. 355. *Голицинский А. П.* — автор рассказов из народного быта и «Очерков из фабричной жизни» (1861). *«Иван Выжигин»* — нравоописательно-дидактический роман Ф. В. Булгарина (1789—1859), реакционного журналиста, сочинителя мещанской беллетристики. *Барон Брамбеус* — литературный псевдоним О. И. Сенковского (1800 -1858), журналиста и писателя, а также ученого-востоковеда, автора бытовых и «восточных» экзотических повестей.

Стр. 356. *«Кочующие караваны...»* — из поэмы Лермонтова «Демон» (ч. I).

Стр. 357. *Иов* — библейский праведник, герой одной из книг Ветхого завета.

Мой-сей, значит — богов человек. — Своеобразная народная этимология имени библейского пророка. В Библии имя Моисей означает: взятый из воды (Исход, гл. 2, ст. 10).

Стр. 360. *Легенда о китайском черте.* — Роман Р. Зотова «Цзы Кю-Тонг, или Три добрые дела Духа тьмы. Фантастический роман в 4-х частях». СПб.,

1810. В романе рассказывается о тщетных попытках падшего ангела делать на земле не зло, а добро.

Стр. 361. *Иордань* — в православном обиходе место на реке или озере, где в день крещения производится водосвятие (в память евангельского крещения Христа в реке Иордан).

«Жизнь актера Яковлева» — А. С. Яковлев (1773—1817) — знаменитый русский трагический актер. Его жизнеописание было составлено Р. М. Зотовым и издано без имени автора под титулом: «Описание жизни актера г-на Яковлева». СПб., 1817.

Мария Стюарт — шотландская королева, казненная в 1587 г. после 18-летнего заточения английской королевой Елизаветой; героиня одноименной трагедии Шиллера. *«Испанский дворянин»* — пьеса, популярная в репертуаре русских провинциальных театров; переделка с франц. (драмы Д'Эннери и Дюмануара) К. А. Тарновского и М. Н. Лонгинова. *Дон Сезар де Базан* — герой этой пьесы, написанной по мотивам романтической драмы В. Гюго «Рюи-Блаз».

Стр. 363. *Без сожаленья, без участья...* — Из поэмы «Демон». У Лермонтова: «Смотреть на землю станешь ты...»

Стр. 367. *В день моих именин...* — В мастерской Салабановой А. Пешков работал зимой 1882—1883 гг.; в день именин 17 марта 1883 г. ему было не 13, а 15 лет.

Стр. 371. *Елисей* — ветхозаветный пророк-чудотворец, в наказание за отступничество и идолопоклонство истребил династию нечестивого Ахава в Израильском царстве.

Стр. 375. *На фоминой* — вторая неделя после пасхи.

Стр. 379. *«Море синее, // Море бурное...»* — песня на стихи И. И. Козлова (1779—1840).

Стр. 381. *«Бурса»* — «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского (1835—1863). *«Смерть»* и *«Живые мощи»* — рассказы из «Записок охотника» И. С. Тургенева. *«Три смерти»* — рассказ Л. Н. Толстого. *«Знамения времени»* — роман Д. Л. Мордовцева (1830—1905). *«Хроника села Смурина»* — П. В. Засодимского-Вологдина (1843—1912), писателей народнического направления. *«Шаг за шагом»* (1870) — роман И. В. Омулевского Федорова (1836—1883), повествующий о «новых людях». Горький вспоминал позднее, в статье «Беседы о ремесле»: «Еще более соломенными и бумажными видел я фигурки Светлова, Стожарова, Володина и других «революционеров», которых наспех делали для «воспитания юношества» Омулевские, Мордовцевы, Засодимские».

Стр. 386. *«Искушение святого Антония»* — произведение Гюстава Флобера (1821—1880), написанное по мотивам жития христианского отшельника III—IV веков. *«Мемуары Упилио Файмали, укротителя зверей»* — собраны Павлом Мантегацца, профессором антропологии во Флоренции; оба произведения печатались в «Еженедельном Новом времени» (1880).

Стр. 397. *«Рече безумен...»* — Псалтырь, псалом 13, ст. I.

Стр. 398. *Петр «Плотничьей артели»* — герой рассказа А. Ф. Писемского (1821—1881).

Стр. 402. *Харламы* — очевидно, «горлопаны» (от глагола «харлать» — кричать, горланить).

Шестерка — половой.

Стр. 408. *Паузки* — перегрузка товара на мелководье с крупных судов на небольшое речное судно (паузок).

Стр. 412. *«Домового ли хоронят...»* — из стихотворения Пушкина «Бесы» (1830).

Стр. 413. *Эх, уж как пал туман...* — народная песня.

Стр. 416. *Горе граду Ариилу* (Иерусалиму) — Библия, кн. пророка Исайи, гл. 29, ст. I.

Екклезиаст — одна из библейских книг, приписываемая царю Соломону.

Стр. 417. *Памва Берында* (ум. 1632) — украинский ученый, филолог и поэт, автор словаря «Лексикон славенороссний, имен толкование...» (1627) и стихов духовного содержания.

Стр. 422. *Три лета прожил я «десятником»...* — А. Пешков работал десятником с весны 1883 г. до осени 1884 г., т. е. два лета.

Стр. 425. *Мне только что минуло пятнадцать лет...* — В марте 1884 г. А. Пешкову исполнилось 16 лет.

Стр. 432. *Осенью этого года я уехал в Казань...* — в конце лета или осенью 1884 г.

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Стр. 435. *Н. Евреинов* (1864—1934), сын мелкого чиновника; с 1885 г. студент физико-математического факультета Казанского университета. Участник Казанских нелегальных кружков.

Стр. 437. *Джон Стюарт Милль* (1806—1873) — английский либеральный философ и социолог; имеется в виду книга «Подчиненность женщины». СПб., 1870. *Фуко* Леон (1819—1868) — французский физик механик. *Ларошфуко* Франсуа де (1613—1680) — французский писатель, автор знаменитых «Размышлений, или Моральных изречений и максим» (1665). *Ларошжаклен* Анри Дюверже (1772—1794) — деятель эпохи французской буржуазной революции, глава восстания роялистов в Вандее. *Лавуазье* Антуан Лоран (1743—1794) — великий французский ученый-химик, был казнен в эпоху Великой французской революции. *Дюмурье* Шарль Франсуа (1739—1823) — генерал, деятель французской революции; перешел на сторону роялистов.

Стр. 438. *Брет Гарт* Фрэнсис (1839—1902) — американский писатель, в остросюжетных рассказах и романах создал романтические образы «отверженных» людей социального дна.

«Некрасива я, бедна...» — Из песни И. З. Суркова «Сиротой я росла...». У Суркова: «Ох, бедна я, бедна, // Плохо я одета. // Никто замуж меня // И не взял за это...»

Стр. 440. *Гурий Плетнев* (1864—1922) — сын банковского служащего. В январе 1888 г. исключен из Казанского университета за участие в студенческих волнениях. До сентября 1889 г. содержался в казанской и петербургской тюрьмах.

Стр. 441. *И вот я живу в странной, веселой трущобе — «Марусовке»...* — С октября 1884 г. по май 1885 г.

Стр. 445. *Ты взойди-ко, взойди, солнце красное...* — старинная русская народная песня.

Стр. 446. *Зимою в одной из квартир были арестованы...* — Это событие относится к более позднему времени — к январю — февралю 1886 г., когда были арестованы Г. П. Смирнов (народоволец, отставной поручик), унтер-офицер В. Муратов, студенты Н. М. Зобнин, А. Г. Григорьев, И. Е. Овсянкин, И. Д. Крылов и др.

Стр. 447. *...с одним таинственным человеком.* — М. Е. Березин, участник казанских нелегальных кружков, впоследствии общественный деятель, в 1907 г. зам. председателя II Государственной думы.

Стр. 448. *Дж. Стюарт Милль* (1806—1873) — английский либеральный философ и социолог; его труд «Основания политической экономии» с примечаниями Н. Г. Чернышевского был опубликован в журнале «Современник» (1860).

Стр. 451. *...студенты многочисленных учебных заведений Казани.* — Кроме университета, в Казани тогда были Духовная академия, учительский институт, ветеринарный институт, а также три мужские и три женские гимназии.

Петр Лаврович Лавров (1823—1900) — философ, публицист и критик, идеолог русского народничества.

«Царь-Голод» — нелегальная брошюра революционера-народовольца, впоследствии ученого биохимика, академика А. Н. Баха (1857—1946), представлявшая собой популярное изложение экономической теории Маркса. Первоначально распространялась в гектографированном виде, затем была напечатана в тайной народовольческой типографии. Страницы из «Царя-Голода», переписанные Горьким, хранятся в музее А. М. Горького в Казани.

«Хитрая механика» — «Хитрая механика. Правдивый рассказ, откуда и куда идут мужицкие денежки» — нелегальная брошюра, изданная в 1874 г. за границей редакцией народнического журнала «Вперед!»; автор — В. Е. Варзар, основоположник промышленной статистики в России.

Серафим Саровский (1760—1833) монах Саровской пустыни (в Тамбовской губ.).

Стр. 452. *...стояла девушка...* — Маша Деренкова (1866—1930), младшая сестра Андрея Степановича Деренкова (1855—1953); в 1886—1888 гг. училась на акушерских курсах при университете.

Стр. 454. *«Афоризмы и максимы»* — Артура Шопенгауэра, тт. 1—3, изд. А. С. Суворина. СПб., 1885—1886.

«Азбука социальных наук» — Берви-Флеровского (1829—1918), русского социолога и публициста.

Стр. 455. *...большой, широкогрудый человек* — Михаил Антонович Ромась (1859—1920), революционер-народник. За революционную пропаганду среди рабочих был в 1879 г. арестован и выслан в Восточную Сибирь, где жил вместе с В. Г. Короленко. В 1885 г. был выслан в Казань.

Стр. 456. *«Счастье народа — прежде всего»* — перефразированные строки из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». У Некрасова: «Доля народа, // Счастье его, // Свет и свобода // Прежде всего».

Стр. 457. *...расхаживал рыжеватый медик...* — Петр Филиппович Кудрявцев, санитарный врач, руководил конспиративной работой в булочной Деренкова.

В крендельной пекарне Василия Семенова... — У В. С. Семенова Пешков работал в конце 1885 г.

Стр. 460. *Булак* — проток, соединяющий Казанку с озером Кабан.

Стр. 461. *Джильда* — героиня оперы Дж. Верди «Риголетто».

Стр. 463. *«Гадкий утенок».* — Сказка датского писателя Г.-Х. Андерсена (1805—1875).

Стр. 464. *Беатриче, Фиаметта, Лаура* — женские образы, созданные великими писателями (Данте, Боккаччо, Петраркой). *Нинон де Ланкло* — французская красавица XVII в., хозяйка салона, который посещали многие выдающиеся люди.

«Любовь и голод правят миром» — из стихотворения Ф. Шиллера «Мировая мудрость» (1795). Брошюра «Царь-Голод», однако, имеет другой эпиграф — из «Железной дороги» Некрасова: «В мире есть царь: // Этот царь беспощаден, // Голод названье ему».

Стр. 465. *...думаете: человек — для субботы?* — По евангельскому рассказу, Христос был обвинен фарисеями в кощунстве за то, что он и его ученики не соблюдали субботу — день, в который у верующих евреев запрещена всякая работа. «И сказал им: суббота для человека, а не человек для субботы» (Евангелие от Марка, гл. 2, ст. 27).

Стр. 466. *«Я консерватор? О нет!»...* — Из стихотворения Генрика Ибсена «К моему другу революционному оратору» (1869).

Деренков придумал открыть булочную. — Булочная Деренкова была организована летом 1886 г. с конспиративными целями. Доходы предназначались на нужды казанских кружков и на помощь беднейшей учащейся молодежи.

Стр. 469. *...Гусев — яростный враг Льва Толстого.* — Профессор Казанской духовной академии А. Ф. Гусев (1842—1904) выступил в печати против «Исповеди» Толстого, запрещенной в 1882 г. духовной цензурой.

Бехтерев В. М. (1857—1927) — выдающийся психиатр; работал в Казани в 1885—1893 гг.

Стр. 473. *...рассказ А. П. Чехова про извозчика* — «Тоска» (1886).

Стр. 474. *Савская царица к царю Соломону пустыней ездила...* — библейский сюжет (Третья книга Царств, гл. 10).

Стр. 477. *«Почему Гарибальди не прогнал короля?»* — В 1860 г. Дж. Гарибальди с «тысячей» добровольцев, заняв Сицилию, высадился в Южной Италии, взял Неаполь и освободил Неаполитанское королевство от власти Бурбонов, после чего уступил руководство движением по объединению Италии пьемонтскому королю Виктору Эммануилу II.

В полночь успеньева дня — 15 августа (ст. ст.) 1887 г.

Стр. 479. *Медь звенящая!..* — Из Библии (Первое послание апостола Павла к коринфянам, гл. 13, ст. 1).

После казни Генералова, Ульянова... — Народовольцы, участники неудавшегося покушения на Александра III 1 марта 1887 г. А. И. Ульянов, В. Д. Генералов, П. Я. Шевырев, В. С. Осипанов, П. И. Андреюшкин были повешены в Шлиссельбурге 8 мая 1887 г.

Федосеев Николай Евграфович (1871—1898) – один из первых русских марксистов. В момент знакомства с Пешковым был гимназистом. Организовал в Казани первые марксистские кружки. Основная деятельность его развернулась в 1888—1889 гг., когда Пешкова уже не было в городе. В октябре 1889 г., в связи со следствием по делу Федосеева, в Нижнем Новгороде был впервые арестован и А. Пешков.

Стр. 480. *«...разумное, доброе, вечное»* — из стихотворения Некрасова «Сеятелям» (1876).

Стр. 481. *У нас — у Морозова на фабрике — было дело!* — Речь идет о знаменитой забастовке на текстильной фабрике т-ва Никольской мануфактуры Саввы Морозова в Орехово-Зуеве в январе 1885 г. («морозовская стачка»).

Стр. 482. *Шпигорь* — деревянный гвоздь.

Стр. 483. *...плотник необыкновенного ума...* — Август Бебель (1840—1913), основатель и вождь германской социал-демократии, был по профессии токарем. В словах *«сам король на советы приглашает»* — очевидно, намек на деятельность Бебеля в качестве члена парламента (рейхстага).

Полковник Гангардт — начальник Казанского губернского жандармского управления (впоследствии, в 90-е годы, комендант Шлиссельбургской крепости).

Стр. 486. *...блаженны нищие...* — «Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное» (Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 3).

«Ловец человеков» — евангельское выражение (от Матфея, гл. 4, ст. 19).

Сергей Сомов — участник революционного движения, был близок к народничеству.

Стр. 487. *В городе явился «толстовец»...* — Имеется в виду П. М. Клонский (1852—1898), один из пропагандистов толстовства в 80—90-е годы.

Беседовали в квартире одного из профессоров... — В «Беседах о ремесле» Горький писал: «Изредка и «напоказ», в качестве «человека из народа»,

меня приглашали на интеллигентские вечеринки, чаще всего — к профессору Васильеву».

Дрепер Джон Уильям — американский ученый, автор книг «История умственного развития Европы» (русск. перевод — 1866) и «История отношений между католицизмом и наукой» (русск. перевод — 1876). О чтении обеих книг Горький упоминает также в «Беседах о ремесле».

Стр. 488. *Фарисеи* — представители религиозно-политического течения в древней Иудее, считавшие себя хранителями чистоты ветхозаветного предания. От Евангелия идет ставшее традиционным вторичное значение слова «фарисеи» — лицемеры, ханжи.

Иосиф Флавий — иудейский военачальник и историк I в. н. э.; во время Иудейской войны 66—73 гг. перешел к римлянам. Автор знаменитой «Истории Иудейской войны».

Стр. 492. *...в Державинский сад...* — Г. Р. Державин родом из Казанской губернии, жил в Казани с 1754 по 1762 г.

Стр. 495. *В декабре я решил убить себя.* — Алексей Пешков пытался застрелиться вечером 12 декабря (ст. ст.) 1887 г. на Феодоровском бугре, на высоком берегу Казанки.

Я живу в селе Красновидове... — М. А. Ромась на средства подпольного народнического кружка открыл лавочку мелочной торговли в селе Красновидове Свияжского уезда Казанской губ. — для прикрытия пропагандистской работы среди крестьян.

Стр. 501. *Бокль* Генри Томас (1821—1862) — английский историк-позитивист, автор «Истории цивилизации в Англии», популярной в кругах русской интеллигенции 60—80 х гг. *Лайель* Чарлз (1797—1875) — английский геолог и археолог, автор книги «Основные начала геологии». *Гартноль Лекки* Уильям Эдуард (1838—1903) — английский историк, автор «Истории возникновения и развития рационализма в Европе». *Леббок* Джон (1834—1913) — английский биолог, автор книг «Начало цивилизации» и «Доисторические времена». *Тейлор* Эдуард (1832—1917) — английский исследователь первобытной культуры; *Спенсер* Герберт (1820—1903) — английский философ и социолог-эволюционист. *Гоббс* Томас (1588—1679) — английский философ и политический мыслитель; автор книги о государстве — «Левиафан» (1651).

«Государь» Макиавелли — политический трактат итальянского мыслителя и писателя эпохи Возрождения Никколо Макиавелли (1469—1527).

Стр. 505. *«Словно как мать над сыновней могилой...»* — первые строки поэмы Некрасова «Саша» (1855).

Стр. 514. *Турка испугался?* — Речь идет о русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

Стр. 520. *Матвей Баринов* — крестьянин Сергачского уезда Нижегородской губ. После Красновидова в течение нескольких недель — спутник Алеши Пешкова в его странствиях «по Руси».

Стр. 533. *Это свидание состоялось через пятнадцать лет...* — 24 сентября (7 октября) 1902 г. Горький писал К. П. Пятницкому: «Я — ужасно обрадован сегодня! Возвратился из Якутской области хохол, тот, с которым я торговал яблоками. Это, знаете, чудесный человек, редкой крепости машина!»

Поехали. — В донесении Казанского губернского жандармского управления от 13 октября 1889 г. сообщается, что А. Пешков в сентябре 1888 г. возвратился из Красновидова в Казань, а в конце того же месяца выехал из Казани неизвестно куда.

И. Бочарова

М. ГОРЬКИЙ

ДЕТСТВО

•

В ЛЮДЯХ

•

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА . 1975

Личная библиотека
Никитин

М. ГОРЬКИЙ

РАССКАЗЫ • ОЧЕРКИ

•

ВОСПОМИНАНИЯ

•

ПЬЕСЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1975

Личная библиотека
НИКИТИН

М. ГОРЬКИЙ, ЕГО РАССКАЗЫ И ПЬЕСЫ

Весной 1898 года в Петербурге вышли два небольших томика произведений пока еще никому не известного М. Горького, скромно озаглавленные «Очерки и рассказы». Двадцать произведений, составивших эти томики, вызвали сенсацию. Их читали и перечитывали, о них писали в газетах и журналах виднейшие критики, восхищаясь как богатством содержания, так и художественными достоинствами. Горький стал всероссийской знаменитостью. Осенью следующего года уже три тома вышли из печати и в течение нескольких недель разошлись.

Мало кто из читателей и литературных критиков знал, что «неожиданному» успеху предшествовал многолетний упорный труд, что три десятка произведений трехтомника составляли около четвертой части всего напечатанного Горьким к тому времени в газетах и журналах, что автор «Очерков и рассказов» сам, вместе со своими героями, обездоленными и эксплуатируемыми, прошел суровую школу труда, вместе с ними узнавал и познавал своих друзей и врагов, медленно, но упорно пробиваясь «к свободе, к свету». Он рассказывал о том, сколько сил приходится тратить простому человеку, чтобы «найти труд», о сотнях тысяч голодных, обездоленных мужиков, ремесленников, босяков. Со времен Решетникова русская литература не создавала более страшных картин изнурительного труда, чем те, с какими читатель сталкивается в рассказах «На соли», «Челкаш», в поэме «Двадцать шесть и одна». Беспримерным памятником «власти тьмы», царившей в деревенской России, навсегда останется очерк «Вывод». Голод, нищета, чудовищная эксплуатация, невежество, суеверия преследуют и гнетут честных тружеников, лишая вначале радостей детства, затем — любви, дружбы. Их мучают одиночество, отчуждение («Дед Архип и Ленька», «Горемыка Павел», «Однажды осенью», «Озорник», «Одинокий», «Трое»). Писатель предъявил эксплуататорскому строю грозное обвинение в том, что строй этот извратил основу основ человеческого существования — труд, превратив его в тяжкую обязанность и тем

самым обессмыслив человеческое существование («Супруги Орловы», «Бывшие люди», «Двадцать шесть и одна», «Ссора», «На дне»).

Волшебной силой подлинного таланта мы переносимся в Россию конца XIX века, зачарованно слушаем у ночного костра рассказ старого цыгана об удалом Лойко Зобаре и красавице Радде, вместе с Емельяном Пиляем бредем на проклятущую соль... Рядом с нами, за нами, впереди нас люди, люди, люди... Горемыка Павел и старуха Изергиль, Челкаш и Коновалов, Шакро и Промтов, Кирилка и Финоген Ильич, Фома Гордеев и Павел Грачев... «А ты можешь научиться сделать людей счастливыми?» — скептически спрашивает Макар Чудра, выпуская из носа и рта густые клубы дыма. «Права! Вот они, права!» — кричит Емельян Пиляй, потрясая жилистым кулаком. «Рази мне надо что?..» — пронзительно вопрошает дед Архип. «Жутко жить»,— шепчет Хромой. «Так я никакого геройства и не совершил»,— сокрушается Гришка Орлов...

Сотни, тысячи, затем миллионы людей с нижних этажей жизни, разутые и раздетые, голодные и лишенные всех прав человеческого состояния, оказываются, мучительно ищут ответы на коренные социальные и этические вопросы. «Зачем я живу на земле и кому я на ней нужен, ежели посмотреть?.. Живу, тоскую. Зачем?» — спрашивает пекарь («Коновалов»). «И зачем это нужно, чтоб я жил, жил и помер, а?» — рассуждает сапожник («Супруги Орловы»). «И почему только человек на всю жизнь ребенком не остается? Растет... зачем? Потом врастает в землю. Несет всю свою жизнь несчастия разные... озлится, озвереет... чепуха! Живет, живет и — в конце всей жизни одни пустяки...» — с горечью констатирует наборщик («Озорник»). «Ежели человека изо дня в день все давит... и нет никакой радости — что же я могу?»— недоумевает котельщик («Ссора»). Они требуют «на всё ответа», вплоть до смысла жизни и назначения человека. Они догадываются: в этой жизни «все не в порядке». И другая догадка озаряет их: сами они тоже виноваты во всеобщем неустройстве. И они ищут выход. «Вы мне скажите что-нибудь такое, что бы сразу по недугу мне пришлось... вот!» — просит знакомого интеллигента Гвоздев («Озорник»). «Я не могу так жить...» — твердит Григорий Орлов. «Надо понимать, Саша,— говорит жене котельщик Редозубов,— надо соображать — почему? Почему пьянство? Почему озорство? На все нужны ответы, Саша... разве кто из людей есть враг себе? Человек себя любит, но, между прочим, идет даже против себя. Почему?» («Ссора»). Да, они не желают больше жить в нищете. Но «быть сытыми» — далеко не единственное их желание. Даже опустившийся босяк из пьесы «На дне» Сатин заявляет: «Человек — выше сытости...»

Художественное воссоздание самого процесса этих великих исканий — одна из блистательных сторон творчества Горького.

Глубокий и ясный ответ на мучительные вопросы века сам Горький нашел не сразу,— искал долго и мучительно. Искания эти совпадали с исканиями лучшей части трудового народа России и завершились тем, что, по позднейшим словам Горького, «рабочий класс принял» его «как своего человека».

Но уже и на самом раннем этапе творчества, изображая в предельно суровых тонах российскую социальную действительность, безжалостно ломающую людей, низвергающую их в пропасть горя и страданий, Горький упорно «собирал мелкие, редкие крохи всего, что можно назвать необычным — добрым, бескорыстным, красивым», стремился выявить в душе самого «уничтоженного» человека задатки или остатки человечности. Пребывание на дне жизни, среди «отбросов общества», породило у него, кроме испепеляющей ненависти к эксплуататорскому строю, непоколебимую веру в исключительную талантливость простого человека. Он открыто прославляет людей независимых, сильных, смелых, дерзких, жаждущих ничем не ограниченной свободы, умеющих брать от жизни полной мерой, способных на героизм в любви, дружбе. Добро, отзывчивость, человечность, тоску по необыкновенному и вместе с тем ненависть ко лжи, лицемерию, эгоизму — вот что видит Горький на дне тогдашней жизни. Решившийся на убийство купца Емельян Пиляй спасает человека. И не просто спасает, а испытывает ни с чем не сравнимое чувство радости за него («Емельян Пиляй»). Находящаяся на краю отчаяния Наташа утешает и ободряет человека, озабоченного «судьбой человечества» («Однажды осенью»).

Произведения Горького воспринимались как яркий факел в темной душной ночи. Не забудем, что они создавались в хмурое, многим казавшееся «безгеройным» время... Даже в ранних произведениях Горького много солнца, воздуха, травами и свободой пахнет ширь степная, неумолчно шумит, смеется, распевает гимны море. Горьковские пейзажи напоминают читателям о непрерывном, вечном обновлении жизни, зовут относиться к ней смелее, мужественнее, творчески.

Вера в светлые перспективы развития жизни проявляется в присущем автору тонком юморе («Ярмарка в Голтве», «Кирилка»), а также в необычности самой тональности. Оставаясь строгим реалистом в большинстве рассказов и очерков, Горький так ведет повествование, что в нем улавливается какой-то намек на возможность разрешения мучительных вопросов. О жизни «двадцати шести живых машин, запертых в сыром подвале», жизни, не содержащей ничего героического, он слагает поэму и внушает читателю предчувствие чего-то необычного, может быть, грозного, но такого, что сотрет с жизни будничность, серость, обыденность.

Наряду с реалистическими формами типизации жизни Горький смело прибегал и к романтическим. Его романтические образы символизировали новые силы в России, поднимавшиеся против частнособственнического общества. В «Старухе Изергиль», развенчивая индивидуализм тех, кто отвергает людей, желая жить только для себя, и тех, кто согласен жить с людьми, но опять-таки только для себя, Горький прославляет коллективизм.

«Я начал свою работу возбудителя революционного настроения славой безумству храбрых»,— скажет с гордостью писатель о себе позднее[1]. В «Пес-

[1] «Коммунистический Интернационал», 1920, № 12, столб. 1936.

не о Буревестнике» Горький выступает, по ставшему крылатым выражению Л. Андреева, не просто «буревестником», но «буреглашатаем», так как не только возвещает о грядущей буре, но «зовет бурю за собою».

Многие приемы, характерные для романтических форм художественного обобщения, Горький смело использует и в реалистических произведениях, на что первым обратил внимание В. Короленко. Соседство и прямое взаимопроникновение их казалось противоестественным Толстому. Называя Горького даровитым художником, большим талантом, он в то же время упрекал молодого писателя в том, что герои у него говорят «очень умно», что он якобы «приукрашивает все», рисует «рыцарей». Но Горький не мог согласиться с толстовским убеждением, что «герои — ложь, выдумка, есть просто люди, люди и — больше ничего». Этому противоречила правда самой русской действительности, в которой миллионы уже поднимались на героическую борьбу за свое освобождение, невозможное без массового героизма. То было совершенно новое явление, побуждавшее Горького в каждом человеке «толпы» видеть «кандидата в герои».

Горький искал художественные приемы, позволяющие нарисовать нового героя во весь рост, искал особые — яркие, емкие — слова для воссоздания героического дела эпохи.

Литературные критики, ученые, читатели Горького не сразу определили подлинное положительное начало в его творчестве.

Довольно долго бытовала легенда о Горьком как апологете босячества и босяков — жертв существующего строя, опустившихся на самое дно. Виднейший критик-народник Н. Михайловский истолковывал даже Сокола, Данко, Зобара как очищенных от грязи босяков[1]. Порой такими виделись герои Горького и Л. Толстому. Тем более что молодой писатель действительно проявлял одно время повышенный интерес к босякам, которых в девяностые годы в России насчитывалось около пяти миллионов. Среди них встречались выходцы из самых различных классов, и, следовательно, изображая их, можно было показать, что существующее общество трещит по всем швам. К тому же зачастую это были люди талантливые, нередко добровольно «выламывавшиеся» из своего класса. Порывая все связи с той средой, они освобождались от большинства предрассудков буржуазного общества: жадности к деньгам, страсти к стяжательству, мещанскому благополучию. В их среде чаще и громче звучал голос осуждения «хозяев жизни», выше ценились такие качества, как гордость, смелость, независимость, любовь к свободе. «Видно, что-то неладное творится в самом обществе, если жемчужины его нравственного уклада надо искать по задворкам, в навозных кучах»,— подсказывал читателям подспудную мысль Горького критик-большевик В. Воровский[2]. Нетрудно, однако, убедиться, что автор хорошо видит органическую

---

[1] См. «Русское богатство», 1898, № 10, с. 81.

[2] В. В. Воровский. Литературная критика. М., «Художественная литература», 1971, с. 70.

неспособность босяков к последовательной, сознательной революционной борьбе, их «бунт на коленях», «анархизм побежденных». Даже самого лучшего из босяков, в отличие от других умеющего и любящего работать — Коновалова, писатель уподобляет углю из медленно угасающего костра. Гаснущий костер в конце рассказа символизирует бесперспективность «босячества». Вспомним, что, показывая в «Фоме Гордееве» группу рабочих, собравшихся в лесу, чтобы обсудить свою жизнь, Горький изображает их тоже у костра, но уже не угасающего, а разгорающегося все ярче.

Марксистская и революционно-демократическая критика решительно выступила против легенды о босяке как положительном герое Горького.

«Я, разумеется, никогда и никого не звал: «идите в босяки»,— писал Горький в 1910 году,— а любил и люблю людей действующих, активных, кои ценят и украшают жизнь хоть мало, хоть чем-нибудь, хоть мечтою о хорошей жизни. Вообще русский босяк — явление более страшное, чем мне удалось сказать, страшен человек этот прежде всего и главнейше — невозмутимым отчаянием своим, тем, что сам себя отрицает, извергает из жизни»[1].

Народническая и либерально-буржуазная критика столь же безосновательно обвиняла Горького в ненависти к мужику и даже противопоставлении городу деревни.

Отношение писателя к деревне и мужику действительно было очень сложным, на отдельных этапах противоречивым, но не имело ничего общего ни с босяцким всеотрицанием, ни с народнической слащавостью. Горького пугал факт подавляющего преобладания крестьянства в России, иногда деревня представлялась ему сплошной собственнической стихией, что приводило к ошибочным заключениям, как то случилось, например, в 1917 году. Но в своих художественных произведениях, начиная с «Товарищей», «Дела с застежками» и «Вареньки Олесовой», он не только не отрицал, а убедительно показывал, что русская деревня таит огромные запасы человечности, что в ней немало революционного горючего. Задумав в самом начале XX века цикл драм, Горький намеревался написать пьесу и о деревне.

Писатель ощущает все большее тяготение к обобщающим картинам русской действительности, к многостороннему раскрытию ее противоречий, ее внутреннего, все усиливающегося динамизма, к выявлению ее закономерностей и перспектив. От рассказа и очерка он обращается к повести, роману, а с начала нового века и к драматургическим жанрам. Руководители молодого, набиравшего тогда силу Московского Художественного театра стали упорно уговаривать писателя попробовать себя на поприще драматургии. В 1901 году Горький написал пьесу «Мещане», первым читателем которой был А. Чехов. Успех окрылил писателя. Вслед за «Мещанами» он создаст еще пять пьес.

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29. М., Гослитиздат, 1955, с. 148.

Позднее К. Станиславский писал, имея в виду прежде всего Горького: «Брожение и нарождающаяся революция принесли на сцену театра ряд пьес, отражавших общественно-политическое настроение, недовольство, протест, мечтания о герое, смело говорящем правду»[1]. Сегодня, оглядываясь на то время, мы можем сказать больше: с этими пьесами на сцену вышел совершенно новый герой,— прежде всего в образе машиниста Нила, о котором А. Чехов писал К. Станиславскому: «Это не мужик, не мастеровой, а новый человек, обыттеллигентившийся рабочий»[2].

Как мы видели, уже раннее творчество Горького озарялось вспышками надежды на очищающую бурю. По мере роста революционных настроений в народе, все более глубоким выразителем которых становился Горький, такие вспышки воспринимались как сполохи приближающейся грозы. Раздвигая границы своего творчества, захватывая в его орбиту новые пласты действительности, писатель изображает нарастание революционного разлома изнутри ее и закономерное выдвижение во главу протестующих масс могучей фигуры «бойца, рабочего, мстителя».

Горький первым в мировой литературе показал, что рабочие-революционеры — истинные хозяева жизни, подлинные патриоты и интернационалисты, люди необычайной интеллектуальной мощи, душевной красоты, нравственной чистоты. Они по-новому понимают чувство долга, дружбу, любовь, слово у них не расходится с делом, требующим беспримерной самоотдачи, стойкости, выносливости и бесстрашия. Такое изображение рабочего-революционера явилось открытием мирового значения.

В эстетическом плане это привело к кристаллизации нового творческого метода на основе принципа строгого историзма. Писатель поднялся на высочайшие интеллектуальные вершины, что позволило ему создать немало шедевров, начиная с пьесы «На дне», по праву входящей в первую десятку лучших пьес, созданных человечеством за все его существование. Горький показал изнанку эксплуататорского общества, заставив мир содрогнуться. Полтора десятка людей, один другого униженнее, разорвавших все связи с обществом и начисто отвергнутых им, ведут нескончаемые споры о таких категориях, как правда, свобода, труд, равенство, счастье, гордость, честность. Что такое человек, для чего он явился на землю, в чем подлинный смысл его бытия? «Основной вопрос, который я хотел поставить,— говорил Горький в одном из интервью,— это — что лучше, истина или сострадание?.. Это вопрос не субъективный, а общефилософский»[3]. Горькому удалось поставить его в пьесе всеобъемлюще, придать разработке его исключительную художественную глубину.

---

[1] К. С. Станиславский. Собр. соч., т. I. М., «Искусство», 1954, с. 251.

[2] А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. XIX. М., Гослитиздат, 1950, с. 225.

[3] «Петербургская газета», 1903, 15 июня, № 161.

Накануне первой русской революции проблема «Ложь или правда нужна человеку?» имела не отвлеченно-философское, а острое политическое и практическое значение. В. И. Ленин указывал, что буржуазии вообще и либеральной буржуазии в частности «нужна ее ложь, для нее это не ложь, а величайшая правда, правда ее классовых интересов, правда буржуазной свободы, истина капиталистического равенства, святое святых торгашеского братства.

Это — *ее* (буржуазии) правда, ибо ей нужна не победа народа, не *гора*, а болото для массы, и восседание на плечах черни для тузов и мешков, не победа, а сделка, *соглашение* с врагом, = предательство врагу»[1].

Горький показал «дно», уготованное рядовому честному труженику в помещичье-капиталистическом обществе. Вопрос об утешительной лжи и беспощадной правде решается в пьесе как категорическое требование уничтожить всю ложь, разрушить социальную почву, на которой она возникает. Что делать, чтобы миллионы людей честного труда не скатились «на дно», а стали достойны великого имени Человек? — так ставится вопрос. Со всей категоричностью в пьесе прозвучала центральная идея дореволюционного творчества Горького: существующий строй должен быть разрушен во имя настоящей свободы для человека. «...Горький Максим,— писал реакционер Н. Я. Стечькин,— ударами пера, как ударами лома, рушит и самую почву, на которой стоит это общество»[2].

Утешающей и примиряющей лжи лукавого старца Луки автор противопоставляет веру в Человека, вооруженного правдой, какой бы суровой она ни была. Он влагает в уста Сатина слова: «Ложь — религия рабов и хозяев... Правда — бог свободного человека! Человек — вот правда!.. Человек! Это — великолепно! Это — звучит... гордо!»

Герой поэмы Горького «Человек» провозглашает полное равенство всех людей на основе уничтожения «бессмысленной, постыдной и противной всей этой жизни, в которой непосильный и рабский труд одних бесследно, весь уходит на то, чтобы другие пресыщались и хлебом и дарами духа!».

Всей сущностью своей Человек противостоит мещанину, олицетворяющему другой социальный лагерь. Первоначально Горький намеревался даже написать поэму в двух частях и назвать ее — «О Человеке и Мещанине».

В произведениях, созданных в разгар первой русской революции, непосредственным участником которой был писатель, Рабочий — Человек — Товарищ сливаются в едином героическом образе революционного борца за новый светлый мир. Так великая мечта писателя о Человеке, преобразующем мир, начинает обретать реальные очертания.

И после поражения первой русской революции Горький сохраняет веру в неизбежность победы народа, неутомимо наносит удары по основам эксплуататорского общества. Оказавшись за границей, он пишет знаменитый цикл

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 329.
[2] Н. Я. Стечькин. Максим Горький. СПб., 1904, с. 222.

сатирических очерков «В Америке» и книгу обжигающих памфлетов «Мои интервью». Жизнь Нью-Йорка, Парижа, Берлина дает ему конкретный материал для обличения бесчеловечной сущности капитализма, какой бы формой правления тот ни прикрывался. Поставив в один ряд «короля, который высоко держит свое знамя», «прекрасную Францию», русского царя и «одного из королей республики» США, Горький тем самым отмечал общность в главном между самыми «демократическими» и самыми деспотическими формами эксплуататорских государств. Капитал, этот Желтый Дьявол, сковывает человечество цепями рабства, превращает жизнь большинства в каторгу, физическую или духовную, подчиняет все одной цели: ослепить, оглушить, изуродовать рабочих людей, «научить их жить на земле смирно и послушно законам», чтобы беспрепятственно выжимать из них кровь и пот, превращая их в доллары. Горький смотрит на мир, в котором правит Желтый Дьявол, с высоты социалистического идеала. И даже в американской действительности тех лет писатель находит ростки надежды на «выпрямление» человека. Книги «В Америке» и «Мои интервью» проникнуты страстным желанием видеть человечество воистину свободным, объединенным в одну могучую трудовую семью.

Поэтическим голосом, совестью, честью своего народа остается великий русский писатель в последующие годы. Он работает над созданием реалистической истории русского общества. Менее чем за десять лет им написано девять повестей и романов, восемь пьес и свыше ста рассказов, очерков, памфлетов, сказок, большая часть которых была объединена в циклы «Жалобы», «По Руси», «Русские сказки» и другие. В них воссоздается неповторимая картина «потревоженной России», в глубинах которой происходят гигантские сдвиги, героическая борьба пролетариата вносит брожение во все слои России, зреет величайшая революция.

Перед нами Русь размышляющая, ищущая, срывающаяся с петель, продирающаяся сквозь частую сеть предрассудков, предубеждений, свинцовых инстинктов к светлому будущему. Книга «По Руси» предстает как полемика Горького с тем, что писалось о России и русском народе после поражения революции 1905—1907 годов. Горький как бы говорил: «Конечно, есть и тьма, и невежество, и чудовищная спутанность мыслей и чувств есть... И все же это далеко не вся правда». Он рисовал русский народ сложным, противоречивым, но видел в нем положительные силы, которые не только не погибли, но уже с конца прошлого века стали складываться в нечто принципиально новое, что символически выражается в книге словами «рождение человека» и «рождение Руси». Новое начало рождается в процессе кипения, брожения самых причудливых противоречий, но оно существует, растет. Открывающий книгу рассказ «Рождение человека» — гениальная увертюра, полная света, солнца, трепетной жизни, бодрости и веры в победу человечности и человеческого на земле. «Рождение человека» один из читателей назвал жемчужиной, а Горький — самым удачным своим рассказом. Он органично сливается с рассказом «Легкий человек», в котором, глядя на рабочего человека

Сашку, рассказчик думает, что «легкий человек Сашка везде был бы на месте: муж, отец, любовник,— городской голова, плотник,— чем ни поставь его — с ним будет хорошо и просто. Жизнь с ним должна идти быстро и толково, действенно и весело. Именно это обещает он»[1].

Всем пафосом своих произведений Горький утверждал, что творческое, обновляющее начало живет в глубинах народа, растет, развивается и потому — неистребимо. Оно и питает те гимны «светлому и радостному существу жизни», которыми переполнена книга, несмотря на то что светлое, яркое соседствует в ней со страшными картинами, запечатленными в очерках «Зрители», «Светло серое с голубым» и особенно в рассказе «Страсти-мордасти», столь высоко ценимом В. И. Лениным.

Прославляя и поддерживая рост нового, человечного, революционного начала в российской действительности, Горький вместе с тем по-прежнему неутомимо обличает «свинцовые мерзости» жизни. В тяжелые годы реакции он, по примеру Щедрина, избирает для борьбы со столпами государства и его идеологическими приспешниками жанр политической сказки. Цикл «Русские сказки» — образец партийной сатиры, отрицающей самые основы эксплуататорского общества. Одна за другой проходят перед читателем «свинцовые рожи» охранителей существующего порядка, либеральничавших контрреволюционеров, националистов, шовинистов, идеологических защитников самодержавия — защитников поневоле или по расчету; философов, устраивающих свои материальные делишки с помощью проповеди пессимизма, поэтов-декадентов, воспевающих смерть как из моды, так и потому, что «жрать надо!». Здесь и «вольнонаемный истребитель живых существ обоего пола и всех возрастов Оронтий Стервецкой», и убийственно меткий образ поэта-декадента Смертяшкина. После Гоголя и Щедрина в русской литературе мало кто пользовался с таким искусством всем арсеналом сатирических средств, как Горький.

Неотъемлемой частью всеобъемлющей картины, создаваемой писателем, являются и духоподъемные, по определению В. И. Ленина, «Сказки об Италии» — эта горсть солнечных лучей из будущего, подаренная Горьким человечеству еще до рассвета. Писатель воспевает ростки новой, классовой, социалистической правды в душах и сердцах людей, но именно поэтому новая правда оборачивается своей общечеловеческой сущностью, и — не только в сказках о матерях, о которых М. Коцюбинский сказал: «Это настоящий гимн женщине — ее героизму и огромному сердцу». Сам Горький разъяснял, что сказки — «не игра фантазии человека, которого слишком утомила, измаяла суровая действительность», а «картинки действительной жизни» итальянских тружеников, тянущихся к светлому будущему. Писатель несколько приукрасил их, романтизировал, но с единственной целью — «чтобы тем поднять их значение, расцветить красоту ростков добра, которые — будем верить! — со временем разрастутся пышно и ярко».

---

[1] «Летопись», 1917, май — июнь, № 5-6, с. 22.

Всеобъемлющая картина России, идущей к революции, оставалась в центре внимания писателя и после победоносного Октября 1917 года. Горький делает ее бездонно глубокой и многогранной в таких классических произведениях, как своеобразная художественная анатомия русского капитализма «Дело Артамоновых», монументальное эпическое повествование о сорока предреволюционных годах России — «Жизнь Клима Самгина», драматургическая дилогия «Егор Булычов и другие» и «Достигаев и другие», рисующая обусловленный назреванием социалистической революции в нашей стране разлом старого мира изнутри.

Возвращаясь к излюбленной фигуре русского купца, «выламывающегося» из своего класса, Горький вылепливает почти монументальный образ Егора Булычова, по стечению общественных и личных обстоятельств особенно остро ощущающего непрочность своего положения, осознающего, что недюжинные силы, ум, талант истратил не на то дело. Выходец из народа, он, став богачом, не утратил многие народные черты. Они-то, а также порождаемое в русском купечестве головокружительным подъемом от «раба» к «повелителю» неверие в свою «свободу», выражавшееся в поисках пределов дозволенного, и подвигают его, когда почва начинает под ногами колебаться, на «озорство», «бунт», пугающие окружение. Он разит метким словом «святыни», «нормы», «догмы» частнособственнического общества. Наконец, исповедуется перед дочерью: «Понимаешь... какой случай... не на той улице я живу! В чужие люди попал, лет тридцать все с чужими. Вот чего я тебе не хочу! Отец мой плоты гонял. А я вот... этого я тебе не могу выразить». Несмотря на лаконизм, пьеса поражает богатством содержания, глубиной психологической разработки главных характеров, бесстрашием и проникновенностью авторского взгляда на недавнее прошлое, мудростью его. «Такая пьеса, такое мужественное отношение к прошлому, такая смелость правды,— писал Горькому В. Немирович-Данченко в декабре 1932 года,— говорят о победе, окончательной и полнейшей победе революции больше, чем сотни плакатов...»[1] В пореволюционной драматургии Горького пьеса «Егор Булычов и другие» — такая же вершина, как в дореволюционной — «На дне».

История русского общества, художественно воссозданная Горьким накануне Октября и после его победы, по глубине понимания социальных отношений, беспощадности изображения устоев частнособственнического мира, по многосторонности охвата действительности, богатству человеческих характеров не уступает истории французского общества в «Человеческой комедии» Бальзака и истории Второй империи в «Ругон-Маккарах» Золя, по ясности же видения перспектив развития жизни, изображению реальной силы, несущей миру избавление от всех форм гнета, порабощения, неизмеримо превосходит их. В основе ее лежит по преимуществу материал старой российской действительности. Но ведущие закономерности развития

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, М., Гослитиздат, 1952, т. 18, с. 420.

этой действительности выявляются с такой глубиной, что картина воспринимается как типичная для всего капиталистического мира в период его заката. С неотразимой художественной убедительностью показывая исчерпанность творческих возможностей буржуазной личности, оскудение и банкротство «командующих классов», Горький противопоставляет им творческую мощь революционного народа.

Создание эпического образа трудовой России, революционного народа в рассказах, в пьесе «Враги» и в повести «Мать», в романе-эпопее «Жизнь Клима Самгина» — выдающееся достижение Горького-художника. Этот образ выступает в творчестве писателя как могучее единство, как коллектив, но коллектив личностей, каждая из которых обладает своей яркой индивидуальностью.

До появления «Чапаева» Д. Фурманова советским писателям почти не удавалось нарисовать яркие характеры новых героев современности. На основании этого преходящего факта некоторые литературные критики, философы, социологи, писатели и у нас и за рубежом в свое время пытались утверждать, будто революция вообще нивелирует человеческую индивидуальность, личность растворяется в массе, поглощается ею. Тем самым проблема личности и коллектива выдвигалась на первый план, вызывая ожесточенные споры.

Включившись в дискуссию, Горький отстаивает идею неразрывности и взаимообусловленности коллектива и личности, энергично возражает против утверждений, что в ходе революции «общностью» начисто поглощается «личность». Как мы помним, все предыдущее творчество писателя отвергало подобные утверждения. В статье «Интеллигенция и революция» (1922) Горький заявил: «Русская революция с поражающей силой выдвинула на первый план как начало все решающее и все творящее — личность, индивидуальность,— Человека, начало всего сущего и воображаемого». И как бы в доказательство собрал и выпустил отдельным томом все написанные им до того литературные портреты. Для второго издания книга была переформирована, существенно дополнена и открывалась очерком о В. И. Ленине. В нее входили воспоминания о Л. Толстом, А. Чехове, Л. Андрееве, Л. Красине и других.

Она вводит нас в мир выдающихся людей России второй половины XIX— начала XX века, в атмосферу высочайшей интеллектуальности, насыщенную острейшими спорами — о будущем России и всего мира, о путях коренного преображения жизни, о смысле истории, о предназначении человека. И знаменательно: в книге нет ни одного смело и независимо мыслящего человека, который бы защищал старые формы жизни. В этом отношении интеллектуальная Россия единодушна. В понимании же путей преображения жизни она бесконечно многообразна. Собственно, в размышлениях, расхождениях, спорах, поисках ответа на этот главный вопрос и раскрываются характеры таких непохожих друг на друга людей, как Чехов и Андреев, Анненский и Красин, Лев Толстой и Ленин. Прислушиваясь прежде всего к тому, что они «думают» и говорят на эту тему, Горький как художник сумел добиться выразительности, пластичности, осязаемости воссоздаваемых им образов писателей, ре-

волюционных деятелей. Умением Горького нарисовать человека как живого, показав в то же время самое главное в нем, восхищался В. И. Ленин при чтении книги «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом». Стефан Цвейг писал Горькому: «Вы обладаете тем, чего недостает нам: острой и ясной прозорливостью, даром схватить черты живого человека и добиться того, чтобы он сошел живым со страниц книги. Во всей современной литературе я не знаю ничего равного, например, Вашим портретам Ленина и Толстого. Это единственные достоверные портреты, единственные, которые останутся»[1].

Луначарский верно заметил, что, рассказывая о живых людях, с которыми Горькому пришлось встречаться и которых он, стало быть, не имел права «домысливать», он рисует их портреты тем не менее не как мемуарист, а как художник[2]. Однако «правде дня», говорил сам Горький, он всегда предпочитал «правду эпохи». Поэтому в литературных портретах Горького не только человек показывается через эпоху, но и эпоха видится через человека,— принцип историзма определяет в них все. В этом, если сказать в самой общей форме, и заключается главное отличие большинства горьковских «воспоминаний» от многих произведений этого рода в русской и зарубежной литературах.

Особенно тщательно Горький работал над образами Толстого и Ленина, воплотив в них две эпохи в истории России: Толстой — это сама предреволюционная Россия с ее пробуждающимися, клокочущими силами, Ленин — сама революционная Россия, действующая в полную силу своих возможностей.

Со страниц воспоминаний о Льве Толстом встает гигантская фигура человека сложного, но внутренне не расколотого, противоречивого, но целеустремленного. Человек энциклопедически образованный, он в то же время с полным правом заявляет: «Я больше вас мужик и лучше чувствую по-мужицки». Все понимая, он удивляет наивностью предлагаемых им рецептов «исправления жизни». Величайший бунтарь, он выступает с осуждением революции 1905 года... И беспрерывно спорит. Спорит с богом. Спорит с царем. Спорит с революционерами. Спорит с друзьями. Спорит с самим собой. Спорит со всей жизнью. «Везде у вас заметен петушиный наскок на все»,— упрекает он Горького, сам же набрасывается на все, как беркут. Горький метко уподобил его целому оркестру. Мелодию же, которая гармонизирует все разнообразие мотивов, очень точно определил В. И. Ленин, сказавший как раз в связи с произведением Горького о Толстом: «Какая глыба, а? Какой материй человечище! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было». «Мужицкое начало» ощущается во всем облике Толстого: «маленький человек, весь связанный из каких-то очень крепких, глубоко земных корней, весь такой узловатый»; «похож на бога, не на Саваофа или олимпийца, а на этакого

---

[1] «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами». М., Изд-во АН СССР, 1960, с. 25.

[2] А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 2. М., Гослитиздат, 1964, с. 87.

русского бога, который «сидит на кленовом престоле под золотой липой» и хотя не очень величествен, но, может быть, хитрей всех других богов». «Он напоминает тех странников с палочками, которые всю жизнь меряют землю...»; «старый кудесник» с «лохматыми бровями лешего».

Внимательно вслушиваясь в противоречивые суждения его, всматриваясь в черты его простонародной внешности, разбираясь в его спорах со всеми и всем, Горький начинает различать нечто поднимающее Толстого все выше, выше. И вот уже нам кажется, что этот человек «пришел откуда-то издалека, где люди иначе думают, чувствуют, иначе относятся друг к другу, даже не так двигаются и другим языком говорят. Он сидит в углу, усталый, серый, точно запыленный пылью иной земли, и внимательно смотрит на всех глазами чужого и немого».

Горький нашел своеобразную художественную форму: произведение составлено по принципу мозаики из множества кусочков разной формы и размера. И это оказалось настоящей находкой при воссоздании очень многогранного и очень противоречивого образа Толстого. Мы как бы через сотню подзорных труб разного масштаба всматриваемся в одну точку, где из бесконечно малых величин возникает стереоскопически ощутимая богатырская фигура. В данном случае с полным правом можно употребить слово «монтаж».

Очерк «В. И. Ленин» создан из крупных глыб, окольцованных ярким публицистическим вступлением и высокопатетическим заключением. Необычайная цельность натуры Ленина при поразительной многогранности его — вот главное. При этом Горький совершенно избегает элементов какой-либо романтизации. Уже в самом начале очерка он сталкивает существующие представления о «вождях» с действительностью и показывает, что Ленин не имел с ними ничего общего. И в дальнейшем, сравнивая Ленина с Плехановым, Бебелем, Морисом Хилквитом, Горький показывает, что рядом с ними Ленин «весь — как-то слишком прост, не чувствуется в нем ничего от «вождя». Перед нами простой энергичный коренастый человек с сократовским лбом, ласково поблескивающими, удивительно живыми глазами. Он заговаривает с автором о «Матери», вступает в спор с Мартовым, Даном, «самим» Плехановым, беседует в перерывах между заседаниями партийного съезда с рабочими, обедает с ними в дешевом ресторане. И мы ощущаем подлинное величие Ленина — нового руководителя новых масс, новой личности, находящейся в неразрывном единстве с новыми массами.

Удивительная гармония между мыслью и делом, словом и поступком, в сочетании с человечностью и добротой, ничего общего не имеющими со всепрощением, а, напротив, воинствующими,— вот что дает Ленину изумительную цельность.

В изображении Горького Ленин — человек своей эпохи, человек определенного класса, до мозга костей русский человек. Но писатель оттенял в национальном, классовом то, что входит неотъемлемой частью в общечеловеческое. Вот почему в вожде пролетарской революции мы видим Человека Человечества, который, как никто другой, был «Человеком из будущего».

Для Горького Ленин — самое полное, самое глубокое выражение неиссякаемых творческих сил революционной России, Коммунистической партии, российского пролетариата, русского народа, олицетворение организующей и вдохновляющей роли нашей партии в переустройстве жизни на социалистических основах, символ нового мира, нового человечества, его великого будущего. Поэтому тема Ленина, образ Ленина, мысль Ленина сопутствуют всему, что делает писатель. Восторженно рассказывая об успешном строительстве социализма в СССР, Горький с радостью отмечает, что образ Ленина «часто встает в памяти на богатой этой земле, где рабочий класс трудится, утверждая свое могущество».

Объединенная этим гигантским образом, вырисовывалась в творческом воображении Горького последних лет картина социалистической России, Союза Советов. Он старательно накапливал материалы для нее, начиная, по крайней мере, с середины двадцатых годов. В дальнейшем Горький встречается с сотнями советских людей, занятых во всех сферах социалистического строительства. О масштабах нового художественного замысла дает представление следующее признание самого писателя, сделанное еще в 1927 году: «Мне хочется написать книгу о новой России. Я уже накопил для нее много интереснейшего материала. Мне необходимо побывать — невидимым — на фабриках, в клубах, в деревнях, в пивных, на стройках, у комсомольцев, вузовцев, в школах на уроках, в колониях для социально опасных детей, у рабкоров и селькоров, посмотреть на женщин-делегаток, на мусульманок и т. д. и т. д. Это — серьезнейшее дело. Когда я об этом думаю, у меня волосы на голове шевелятся»[1].

Этого замысла Горький не оставлял до последних дней жизни. Преждевременная смерть помешала ему написать книгу о новой России. Над такой книгой неутомимо работают, выпуская в свет часть за частью, советские писатели.

А. ОВЧАРЕНКО

[1] «Правда», 1928, 29 марта, № 75.

ПРИМЕЧАНИЯ

В 1919 году Горький передал только что возникшему издательству З. И. Гржебина двадцать рассказов. В 1921 году книга вышла в свет. «Среди всего, что написано мною за двадцать пять лет,— говорит автор в предисловии,— рассказы, собранные в этой книге, кажутся мне наиболее удачными».

Отобранные Горьким произведения составили основу первого раздела настоящего тома.

Внутри разделов произведения расположены в хронологическом порядке.

Тексты печатаются по изданию: М. Горький. Собрание сочинений в 30-ти томах. М., 1949—1955.

В основу примечаний положен научный комментарий к Полному академическому собранию сочинений М. Горького (М., «Наука», 1968—1975).

РАССКАЗЫ. ОЧЕРКИ

Макар Чудра (стр. 21).— Первый опубликованный рассказ писателя. С ним появился в печати псевдоним «М. Горький». Впоследствии писатель сообщал одному из своих адресатов: «Макар Чудра — живой человек, встреченный мною в 92 г. в Аккерманском уезде».

Стр. 22. *Галичина* — историческое название части земель Южной Польши и Западной Украины. Захваченная Австрией в 1772 году, Галичина была названа Галицией.

Стр. 23. *Кошут* Лайош (1820—1849) — венгерский политический деятель, организатор борьбы венгерского народа против австрийского господства во время революции 1848—1849 годов в Венгрии.

Емельян Пиляй (стр. 31).— Первое произведение писателя, появившееся в столичной прессе.

Рассказ вызвал разноречивые отклики писателей и критиков. Так, Л. Н. Толстой указывал на отсутствие цельности в рассказе; А. И. Богданович, Ф. Д. Батюшков, В. А. Поссе отмечали социально-психологическую значительность и новизну образа Емельяна Пиляя; критик-марксист В. В. Во-

ровский, опровергая мнение о «нищенстве» Горького, видел в образе Пилия одно из доказательств гуманизма писателя и одновременно художественное свидетельство ненормальности общественного уклада России.

С т а р у х а И з е р г и л ь (стр. 41).— В рассказе отразились странствия по Руси летом 1891 года, когда будущий писатель был в южной Бессарабии, на берегах Дуная. В 1912 году в статье о выдающемся шведском писателе А. Стриндберге (1849—1912) Горький писал: «Стриндберг невольно сливается у меня с образом героя одной легенды, которую я слышал в юности на Дунае, это герой и поэт Данко...» В августе 1899 года в письме к А. П. Чехову Горький заметил: «Видно, ничего не напишу и так стройно и красиво, как «Старуху Изергиль» написал».

Первым читателем и критиком «Старухи Изергиль» был В. Г. Короленко.

Стр. 47. *...гуцулы шайкой ходили по всем местам...* - Г. Бегак, автор книги «Горький и молдавский фольклор» (Кишинев, 1966), считает употребление слова «гуцул» недоразумением: речь идет о гайдуках-разбойниках.

Стр. 49. *...братались с ними, [казаки,]* - Видимо, речь идет о «холерных» бунтах 1831 года.

Стр. 50. *...саблями ворон, - [Ворон] не боялось перед ними [...]ва греков.*— Имеется в виду [...] освобождение Греции.

А зачем вы хотели [быть...] [...] в венгерской революции 1848 года, подавленной [...] Австрии [...]ства.

Стр. 51. *...ушел с [...]* — По-видимому, подразумевается известное восстание в Новом [...] году.

Ч е л к а ш (стр. 57). — В основу рассказа положен действительный случай. Позднее писатель вспоминал о [...] Челкаша: «...изумлен был я [...] рассказавшего мне случай, [...] человеком и лежал в больнице [...] помню его улыбку, обнажавшую [...] которой он заключил повесть о [...] на работу...»

Знакомство Горького с одесским [...] произошло в июле 1891 года. Время действия в рассказе также можно отнести к [...] («Голодающий этот самый прилепился...»).

«В ы в о д» (стр. 84).— В основе очерка — реальный факт. Во время странствий по Руси будущий писатель вступился за [...] и был до полусмерти избит [...]. В письме Н. А. [...]ту Горький рассказывал: «Меня сильно избили, вывезли [...] 30 верст от Николаева - и бросили в кусты, в грязь, [...] преждевременной и «попсной» смерти, ибо получил «ломирез». В Николаев меня привез шарманщик, ехавший с какой-то сельской ярмарки, кажется, из Новлиша или Новой Праги».

Н а п л о т а х (стр. 86).— Рассказ написан за два дня, 31 марта и 1 апреля 1895 года, для пасхального номера «Самарской газеты». В связи

; отказом В. Г. Короленко дать пасхальный рассказ редакция освободила Горького на два дня от «Очерков и набросков», которые он регулярно вел в газете.

Чехов писал 3 января 1899 года Горькому: «Ваши лучшие вещи — «В степи» и «На плотах». ... Это превосходные вещи, образцовые, в них виден художник, прошедший очень хорошую школу...» (сб. «М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи, высказывания». М., Гослитиздат, 1951, с. 30).

Стр. 91. *...жены ереси их за Христе...* — Имеются в виду секанты; в первопечатном тексте более подробно говорилось об одном из них — «немецком пасечнике».

Дело с застежками (стр. 97). — В сентябре 1900 года Горький сообщил одному из первых своих биографов: «Если Вас интересуют данные биографического характера — Вы можете почерпнуть их в таких рассказах, как «Мой спутник», «Однажды осенью», «Дело с застежками» и т. д.».

«Уложение о наказаниях» — «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», изданный в 1864 году.

Коновалов (стр. 100). — События, описанные в рассказе, происходили в Казани и Феодосии. Автор жил в Казани в 1884—1888 годах. В ноябре 1885 года он начал [illegible] в хлебопекарню В. С. Семенова. Весной 1886 года Алексей Пешков и Коновалов часто посещали старый стекольный завод за городом, где обитали «бывшие люди».

Стр. 113. *Герасим* — герой рассказа И. С. Тургенева «Муму».

Стр. 116. *...грустную историю Сысойки и Пилы.* — Имеется в виду повесть Ф. Решетникова «Подлиповцы».

Стр. 122. *И. И. Костомаров* (1817—1885) — русский историк, автор книги «Бунт Стеньки Разина».

Стр. 124. *Усолье* — город на Урале, в верховьях реки Кама (переименован в Березники).

Стр. 127. *Прозоровский* — астраханский воевода. После взятия Астрахани войсками Степана Разина был казнен.

Стр. 136. *Фальстаф* — персонаж пьес «Генрих IV» и «Виндзорские проказницы» Шекспира.

Стр. 138. *...попал в Феодосию.* В конце августа [illegible] 1891 года.

Стр. 143. *...книги [illegible] Дефо* — [illegible] удивительные приключения Робинзона Крузо» (1719) Даниэля Дефо (1660—1731).

Озорник (стр. 147). Распространению рассказа «Озорник» со стороны советской власти всячески препятствовала царская цензура. 18 ноября 1898 года Санкт-Петербургский цензурный комитет [illegible] Горькому «Озорник» запретить»; 24 августа 1905 года вновь вынес решение: «Рассказ «Озорник» к напечатанию не дозволять».

В Яснополянской библиотеке сохранился экземпляр II тома «Рассказов» М. Горького («Знание», 1901), где в конце рассказа «Озорник» рукой Л. Толстого написано: «Хорошо все».

В степи (стр. 163).— В основу положен реальный факт, рассказанный соседом «по больничной койке» — возможно, тем самым одесским босяком, который послужил прототипом Челкаша. (См. примечания к рассказу «Челкаш».)

Ярмарка в Голтве (стр. 173).— Очерк написан на основе впечатлений, почерпнутых во время жизни на Украине. В начале мая 1897 года Горький с женой выехал из Крыма в Кременчуг, Полтавской губернии, а оттуда в село Мануйловку. Присутствовал на экзамене в мануйловской школе, читал крестьянам стихи Шевченко. По его инициативе в Мануйловке был организован деревенский любительский театр, в котором ставились пьесы русских и украинских драматургов. 29 июня Горький посетил ярмарку в Голтве.

Бывшие люди (стр. 183). — В рассказе нашли отражение казанские встречи и впечатления 1885—1886 годов. Осенью 1926 года Горький писал своему биографу И. Груздеву: «Кувалда» — прозвище отставного офицера, фамилию коего я не помню, да едва ли и знал ее. Познакомился я с ним в камере мирового судьи Колошина, куда зашел, спасаясь от дождя. Судился Кувалда за скандал в общественном месте и удивил меня независимостью поведения перед судьей и замысловатостью своих ответов. Ночлежка его помещалась в конце Ямы-Мокрой, у городских свалок...»

В ночлежке Кувалды будущий [illegible] прожил с июня по октябрь 1885 года. «В Казани,— писал он в первой своей автобиографии,— близко сошелся и долго жил с бывшими людьми [illegible] «Коповалов» и «Бывшие люди»)».

Стр. 194. *Амаликитяне* — древнее племя арабского происхождения, кочевавшее по Аравии; упоминается в Библии.

Филистимляне — населявшее Сирию древнее племя, история которого нашла отражение в Библии.

А от которого мы из колен Израилевых? — Израиль (Иаков) — по библейскому преданию, один из родоначальников израильского народа, делящегося по числу сыновей Израиля на 12 «колен» (племен).

Киммерийцы — древнейшие из известных науке племен, населявших северное Причерноморье. *Скифы* — древние ираноязычные племена, кочевавшие в Причерноморье.

Татары от Измаила... а он от еврея...— По библейской легенде, сын еврейского патриарха Авраама и египтянки Агари Измаил — родоначальник народа измаильтян (племена бедуинов), впоследствии — последователей ислама.

Стр. 198. *Ромул и Рем* — по римскому преданию, дети весталки (жрицы богини Весты) Реи Сильвии и бога Марса, брошенные царем Амулием в реку Тибр с целью устранения возможных претендентов на престол. Были вскормлены волчицей. Ромулу и Рему приписывается основание Рима.

Скуки ради (стр. 235). — В рассказе отразились впечатления, оставшиеся в памяти писателя со времени его службы на железнодорожных станциях (осень 1888 г. — весна 1889 г.).

Н. К. Михайловский в статье «Литература и жизнь» писал: «Самое чуткое ухо не услышит здесь ни одной фальшивой ноты, самая строгая рука не вычеркнет и не прибавит ни одного слова. И хотя тут нет ни одного босяка и никто не жалуется на «яму», но читатель и без авторского подсказывания сам скажет: «Какая яма!» Какая ужасная яма эта жизнь, в которой «скуки ради» проделывается возмутительнейшее издевательство над людьми!» («Русское богатство», 1898, № 10, с. 93).

Стр. 242. *«Да, экономна мудрость бытия...»* — Из стихотворения К. М. Фофанова «Дума в Царском Селе». У Фофанова: «Эх, экономна...»

Стр. 246. *За миг свиданья//Терплю страданья!* — Из романса «За миг свидания» — текст и музыка М. Штейнберга.

Стр. 247. *Смеяться, право, не грешно // Над тем, что кажется смешно!* — Из стихотворения Н. М. Карамзина «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву» (1794). У Карамзина: «Над всем...»

Стр. 248. *Но не в шитье была тут сила»...* — Из стихотворения Н. А. Некрасова «Убогая и нарядная». У Некрасова: «И не в шитье была там сила».

Проходимец (стр. 249). — Горький писал И. Е. Репину 23 ноября 1899 года: «Проходимец» — живое лицо, ваш, петербургский, житель. Это одно из моих бесчисленных приключений».

Стр. 269. *Есть наслаждение в бою...* — Из «маленькой трагедии» А. С. Пушкина «Пир во время чумы». У Пушкина: «Есть упоение в бою».

Стр. 272. *Знать я не хочу Гекубу!* — перифраз слов из монолога Гамлета (2-я сцена II действия). У Шекспира: «... что ему Гекуба, Что он Гекубе, чтоб о ней рыдать».

Стр. 276. *...«все что мог, я уже совершил»...* — Ср. в стихотворении Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда»: «Все что мог, ты уже совершил».

Двадцать шесть и одна (стр. 278). — В основу произведения, названного автором «поэмой», легли впечатления, связанные с жизнью в Казани и работой в булочной Семенова. В «Моих университетах» Горький писал: «Этот период жизни очерчен мною в рассказах «Хозяин», «Коновалов», «Двадцать шесть и одна» — тяжелое время! Однако — поучительное».

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях «Ленин и Горький» писала: «Владимир Ильич очень ценил Алексея Максимовича Горького как писателя... любил он такие вещи Горького, как «Страсти-мордасти», как «Двадцать шесть и одна».

А. П. Чехов писал Горькому 15 февраля 1900 года: «Двадцать шесть и одна» — хороший рассказ, лучшее из того, что вообще печатается в «Жизни»... В рассказе сильно чувствуется место, пахнет бубликами» (А. П. Чехов. Собр. соч., т. 18, с. 336).

Человек (стр. 289).—27 декабря 1903 года Горький писал А. А. Богданову: «В феврале выйдет моя маленькая статейка, в коей я излагаю мое кредо. Она называется «Человек». Три года спустя, получив изданную на испанском языке пьесу «На дне», Горький писал ее переводчикам: «Я был бы также рад, если бы на испанский язык было переведено другое мое произведение, под названием «Человек», в котором воплощена и развита главная мысль «На дне». В поэме «Человек» я стремлюсь показать независимость человеческого разума...»

В 1928 году Горький сказал: «Когда впервые я писал Человек с большой буквы, я еще не знал, что это за великий человек. Образ его не был мне ясен. В 1903 году я постиг, что Человек с большой буквы воплощается в большевиках во главе с Лениным...» («В. И. Ленин и А. М. Горький». М., 1969, с. 355).

Город Желтого Дьявола (стр. [illegible]).— Очерком открывалась книга «В Америке». Написан в июне 1906 года в США, куда писатель прибыл 28 марта (10 апреля) 1906 года в целях пропаганды [illegible] русской революции и сбора средств для помощи освободительному движению России. Поездка была организована партией большевиков. [illegible] в США полгода, заполненные крайне напряженной [illegible] и не менее интенсивной творческой работой.

Произведения об Америке вызвали острую и [illegible] дискуссию критиков, социологов, политиков, писателей. Л. Андреев писал К. Пятницкому 5 сентября 1906 года: «Прочел... все вещи Максимыча. От американских очерков в восторге: сильно, красиво, жестоко. Хорошо!» В. В. Стасов в письме к брату рассказывал о музыкальном собрании у него в Петербурге 3 (16) сентября 1906 года: «...а вчера после многого пения [illegible] нам прочитать кое-что. И прочитал: «Город Желтого Дьявола» и «Прекрасная Франция»... оба истинные chefs d'oeuvr'ы! Настоящий Байрон нашего времени. Какая сила! Какая красота! Какая картинность языка! Можно только удивляться краскам Максима Горького. Для меня эти две вещи — наравне с «Человеком» — лучшие его создания» (Влад. Каренин. Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности, ч. II. Л., 1927, с. 681).

Статуя Свободы — французского скульптора [illegible]. Подарена Францией; водружена в октябре 1886 года на острове [illegible] (теперь — Бедло), расположенном у входа в гавань Нью-Йорка.

Из цикла «Сказки об Италии» (ст. 304).— Цикл из двадцати семи произведений, написанных на острове Капри, где Горький жил в 1906—1913 годах.

Первоначально сказки возникали как импровизации. «Алексей Максимович, — сообщала Е. П. Пешкова в комментариях к его переписке, — любил рассказывать сыну различные сценки и эпизоды из итальянской жизни».

Название «сказки» — условно. Так, в письмах к И. П. Ладыжникову от 11 (24) сентября 1912 года и к И. Д. Сытину от 21 апреля (4 мая) 1912 года «Сказки об Италии» названы автором «Итальянскими очерками». Жанровое

пределение «очерк» указывает на реальную, жизненную основу «Сказок об Италии».

Большевистская печать, на страницах которой появились лучшие из «Сказок об Италии», рассматривала эти произведения как часть «общепролетарского дела». Их высоко оценил В. И. Ленин: «Не напишете ли майский листок? Или листовочку в таком же майском духе? Коротенькую, «духоподъемную», а? Тряхните старинной — помните 1905 год — и черкните пару слов... Хорошо бы иметь *революционную* прокламацию в типе «Сказок» «Звезды». Очень и очень рад, что Вы помогаете «Звезде», — писал В. И. Ленин Горькому в феврале 1912 г. И в следующем письме (февраль — март 1912 г.): «Великолепными «Сказками» Вы очень и очень помогали «Звезде», и это меня радовало чрезвычайно...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 47).

Стр. 305. *...гимн Гарибальди* — походный марш волонтеров-краснорубашечников Дж. Гарибальди в период войны за национальное освобождение и объединение Италии. Написан в 1860 году; слова Л. Меркантини, музыка А. Оливьери.

Стр. 307. *Сен-Готардский тоннель* — туннель, соединяющий Швейцарию и Италию; проложен в Альпах в 1898—1906 годах.

Стр. 309. *...те, что идут с другой стороны...* — швейцарцы.

Стр. 310. *Тимур-ленг* (Тамерлан) — прозвище Тимура (1336—1405).

Джетты — жители Моголистана, включавшего в себя Восточный Туркестан, Семиречье и Джунгарию.

311. *...до часа встречи со Смертью в Отраре...* — Тимур умер во время похода к границам Китая, когда его армия прибыла в Отрар.

...Гургана-Тимура... — Тимур носил титул Гургана — «зятя», который давался тому, кто женился на женщине из рода Чингисхана или, получив власть в борьбе, женился на наследнице двух ханских родов.

Кермани — придворный поэт Тимура.

Стр. 312. *Баязет-султан* - Боязид I, по прозвищу «Йылдырым» — «Молния». В битве Тимура и Боязида при Анкаре 20 июля 1402 года османское войско Боязида было разгромлено, он захвачен в плен и вскоре умер.

Стр. 313. *Сарацины* — древнее название жителей Аравии, а позднее, в период крестовых походов, всех арабов-мусульман.

Стр. 314. *Шерифэддин* — по-видимому, Шериф-Эддин-Али, персидский историк XV века. *Искандер* — арабизированное имя Александра Македонского.

Рождение человека (стр. 321.).— Из цикла «По Руси». Рассказ автобиографичен. Летом 1892 года будущий писатель работал вместе с голодающими на постройке шоссе Сухум — Новороссийск. После окончания работ на пути в Очамчиры ему пришлось выполнить обязанности акушера.

Кодор — река в Абхазии.

...«пьяный мед», который, в древности, едва не погубил солдат Помпея Великого... — Римский полководец Гней Помпей Великий (106—48 гг.

до н. э.) предпринял во время войны Рима с Понтийским государством поход к берегам Черного моря (66—63 гг. до н. э.). Однажды римские солдаты, опьяневшие от меда, подверглись нападению. Эпизод описан греческим географом Страбоном («География Страбона в 17 книгах», кн. 12. М., 1879, с. 559).

Л е д о х о д (стр. 330).— Из цикла «По Руси». Действие относится к 1883—1884 годам, когда будущий писатель работал в Нижнем Новгороде десятником у подрядчика В. С. Сергеева, своего дальнего родственника.

Стр. 331. *Пёщер* — котомка, лубяная корзинка. *Галман* — грубиян, невежа.

Стр. 344. *Чка* — плывущая льдина.

«С т р а с т и-м о р д а с т и» (стр. 348.).— Из цикла «По Руси». Рассказ автобиографичен. В 1889 году, живя в Нижнем Новгороде, будущий писатель работал на пивном складе и развозил баварский квас по лавкам, квартирам, торговал на рынках и площадях.

Горький считал рассказ «Страсти-мордасти» своей творческой удачей.

З н а х а р к а (стр. 362).— Из книги «Заметки из дневника. Воспоминания».

Стр. 363. *...я приехал от адвоката, по делу деревни с князьями Голицыными...*— Описываемые события относятся к 1894 году, когда будущий писатель, служивший письмоводителем у присяжного поверенного А. И. Ланина, выезжал в села Болабаново, Воронцово и Березники Сергачского уезда Нижегородской губернии по судебному делу крестьян с князьями Голицыными.

Стр. 366. *Кереметь* — в мордовской и чувашской религии главный и очень грозный бог.

ВОСПОМИНАНИЯ

А. П. Ч е х о в (стр. 373.). Работу над первой частью воспоминаний Горький закончил осенью 1904 года в Ялте и выступил с их чтением в Петербурге 21 ноября; вторая часть писалась в основном осенью 1914 года, в Мустамяках. 22 ноября 1922 года Р. Роллан в письме Горькому выразил восхищение очерками о Толстом, Чехове, Короленко и Л. Андрееве, переведенными на французский язык, и предложил издать их отдельной книгой во Франции.

Стр. 377. *Но кто же победит? Греки или турки?* — Война между Грецией и Турцией происходила в 1897 году, то есть за два года до знакомства Горького с Чеховым.

Стр. 380. *...Скабичевский... написал, что я умру в пьяном виде под забором...*— Речь идет о неподписанной рецензии А. М. Скабичевского на книжку Чехова «Пестрые рассказы» (СПб., 1886). «Книга Чехова, как ни весело ее читать, представляет собою весьма печальное и трагическое зрелище самоубийства молодого таланта, который изводит себя медленной смертью газет-

ного царства». Критик рисует обычную судьбу газетного фельетониста, который «обращается в выжатый лимон», и ему приходится в полном забвении умирать где-нибудь под забором» («Северный вестник», 1886, № 6).

«Новости терапии» — ежемесячный журнал, издававшийся в Москве в 1886 — 1897 годах К. В. Скурховичем.

Стр. 382. *...вагон для перевозки «устриц».* — Впоследствии С. А. Венгеров, первым встретивший гроб Чехова на Варшавском вокзале, в воспоминаниях, озаглавленных «Вагон для устриц», с горькой иронией отмечал, что надпись на вагоне, в котором стоял гроб с телом А. П. Чехова, стала «знаменитой» («Солнце России», 1914, № 25).

Стр. 383. *...за гробом привезенного из Маньчжурии генерала Келлера...* — Генерал-лейтенант, граф Ф. Э. Келлер был убит 18 июля («Новое время», 1904, 20 июля, № 10195). Запомнившаяся Горькому путаница вполне могла иметь место, так как 8 июля, в день прибытия в Петербург гроба Чехова, на Варшавский вокзал было доставлено из Парижа тело генерала Н. Н. Обручева, и происходила официальная церемония перенесения гроба в церковь Главного штаба.

За гробом Чехова шагало человек сто, не более... — В памяти Горького смешались картины встречи гроба в Петербурге и в Москве. На Варшавском и Николаевском вокзалах Петербурга во время панихид действительно присутствовало мало народу, об этом писали газеты. В Москве же за гробом Чехова шла многотысячная толпа, что отмечал и сам Горький в письме к Е. П. Пешковой от 11—12 июля 1904 года.

В. А. Маклаков (1870—1959) — известный адвокат, кадет, член Государственной думы. В мае 1903 года Чехов приезжал в подмосковное имение Маклакова Дергайково, где предполагал провести лето, но, увидев у хозяина пятнадцать собак, он, по словам мемуариста, «испугался» и уехал «молча, не сказав причины» («Раннее утро», 1909, 2 сентября, № 204).

Стр. 385. *Затеяв писать пьесу «Васька Буслаев»...* — Замысел пьесы о Василии Буслаеве возник у Горького в 90-е годы в связи с рисунками А. Н. Рябушкина (альбом «Русские былинные богатыри», изданный журналом «Всемирная иллюстрация» в 1893 году, и его же иллюстрации к былине в журнале «Шут», 1898, №№ 15—18). Позднее, в 1912 году, живя на Капри, писатель предполагал создать либретто оперы на ту же тему. В архиве А. М. Горького сохранился ряд стихотворных набросков к «Василию Буслаеву».

...«смысл философии сей». — Из стихотворения Гейне «Теория» (1842).

Стр. 387. *...Сулер живет у него.* — Л. А. Сулержицкий (1872—1916) жил у Горького в Олеизе, на даче «Шура», с конца 1901 года до начала апреля 1902 года. Помогал поддерживать непрерывные контакты с Гаспрой, где в то время жил Толстой, с которым Сулержицкий был связан и личным близким знакомством, и своей деятельностью по оказанию помощи духоборам (Т. Л. Сухотина-Толстая. Друзья и гости Ясной Поляны. М., 1923).

...Ханаанскую землю... — В Библии так называются земли в Палестине, населенные ханаанскими племенами.

...около Толстого нет Эккермана...— И. П. Эккерман (1792—1854) — литературный секретарь Гете; вел дневник, который издал в 1836 году.

Лев Толстой (стр. 388).— Творческая история этого произведения, растянувшаяся на четверть века, отличается большой сложностью. Работа была начата еще зимой 1901/902 года, когда Горький жил в Олизе, в полутора верстах от Гаспры, где в сентябре 1901 года в имении графини С. Паниной поселился Толстой. Крымские встречи писателей, давшие основной материал для произведения, начались со второй половины ноября 1901 года. Горький приехал в Крым 12(25) ноября и 14(27) поспешил навестить Толстого. С этого дня он стал частым гостем Толстого. В свою очередь, Толстой дважды навестил Горького: 23 и 31 декабря (ст. ст.) он приходил в Олеиз на дачу «Нюра». Их тесное общение продолжалось до конца января 1902 года, когда Толстой заболел воспалением легких. Очевидно, основная масса заметок создавалась зимой 1901/902 года и весной 1902 года.

Уход из Ясной Поляны и последовавшая затем смерть Льва Толстого дали мощный толчок размышлениям Горького о личности, творчестве, философии и этике великого современника.

Заключительный этап работы над произведением относится к 1919—1923 годам.

Общественность встретила новое произведение Горького с исключительным интересом. Одним из первых высокую оценку дал В. И. Ленин, прочитавший «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом» в издании 1919 года [1].

Стр. 389. *...тощенькую брошюрку князя Кропоткина...*— П. А. Кропоткин. Анархия, ее философия, ее идеалы. Женева, 1893.

Стр. 391. «*Интеллигент — это галицкий князь Владимирко...*» — Владимир Володаревич Владимирко, умер в 1152 году. Толстой имеет в виду «чудесную» смерть князя, постигшую его за нарушение клятвы и пренебрежительное отношение к кресту (см.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 1—2. М., 1959, с. 485).

...кажется, он... много путешествовал... — Андерсен ездил в Германию, Францию, Англию, Италию, Грецию, Турцию.

...великий князь Николай Михайлович... — Н. М. Романов (1859-1918), двоюродный дядя царя Николая II, историк по образованию, владелец имения Ай-Тодор, расположенного рядом с имением С. В. Паниной в Гаспре, не без ведома царя трижды наведывался к опальному Толстому.

Стр. 392. *...Фридрих Прусский очень хорошо сказал...* – Возможно, Толстой имеет в виду известную резолюцию Фридриха II (1712 -1786) на докладе духовного департамента о католических школах: «Все веры должны быть терпимы, ибо в нашем отечестве всякий имеет право спасти свою душу путем, какого сам пожелает» (см.: «Русский вестник», 1863, № 46).

---

[1] В библиотеке В. И. Ленина в Кремле есть эта книжка Горького с пометкой: «Экземпляр В. И. Ульянова (Ленина)».

Стр. 393. *...не знаю сам...* — Из стихотворения А. А. Фета «Я пришел к тебе с приветом...» (1843).

Стр. 394. *Читал ему свой рассказ «Бык»...* — Речь идет о ранней (несохранившейся) редакции рассказа «Бык».

Стр. 395. *«Бог есть мое желание».* — В тетрадке дневника, начатой 28 октября 1895 года и законченной 17 декабря 1897 года, Толстой развивает мысли, связанные с его работой над трактатом «Изложение моей веры».

...в Юсуповском парке. — Рядом с Гаспрой, где жил Л. Н. Толстой, находилось имение князей Юсуповых.

Стр. 399. *...по поводу «Исповеди» Руссо.* — Толстой говорил критику Евг. Соловьеву в июле 1903 года: «Руссо я любил всю жизнь, с самой юности, и всегда им увлекался. Мне думается, что вся литература XIX века, весь ее реализм от него. Для своего времени его «Исповедь» была откровением. Это огромная вещь. Пусть он был болен и раздражен, но его стремление к правде, к тому, чтобы освободиться от литературных прикрас, несомненно. И он достиг многого» («Одесские новости», 1903, 17 июля, № 603).

...штундисты из Феодосии... — Штундисты — христианские секты, возникшие во второй половине XIX века среди украинских и русских крестьян под влиянием протестантов, переселенцев с Запада. Не признавали православной церкви и единственный авторитет видели в Библии.

Стр. 400. *«...господня земля и исполнения ее»* — последний возглас священника во время предания тела земле (Псалтырь, псалом 23, стих 1).

Стр. 402. *Вы согласны с Позднышевым...* — См. «Крейцерову сонату», гл. XV.

...в одном из его рассказов... — «Поликушка» (1861—1862).

Диккенс очень умно сказал... — Толстой имеет в виду слова изобретателя Дойса из романа Ч. Диккенса «Крошка Доррит»: «Человек должен бороться за свою жизнь и защищать ее, пока хватит сил. Также и изобретатель должен бороться за свои изобретения» (Чарльз Диккенс. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 20. М., Гослитиздат, 1960, с. 248).

Стр. 403. *...книжку Льва Тихомирова...* — Книга «Почему я перестал быть революционером» бывшего члена Исполнительного комитета партии «Народная воля» Л. А. Тихомирова (1850—1923), помилованного Александром III и превратившегося, по словам Веры Фигнер, в «ультраконсерватора и ультрамонархиста», вышла в Женеве в 1888 году и в Москве в 1895 году.

«Позолота-то сотрется, свиная кожа останется». — Из сказки Андерсена «Старый дом» (1848).

Стр. 406. *...доктор Никитин* — Д. В. Никитин (1874—1960) — домашний врач Толстых в 1902—1904 годах.

Плеве В. К. (1846—1904) — реакционный государственный деятель; с 1902 года — министр внутренних дел и шеф жандармов. Убит 15 (28) июля 1904 года эсером Егором Сазоновым.

Стр. 408. *«Мысль есть зло...»* — Имеются в виду поучения раннехри-

стианского писателя Квинта Септимия Флоренса Тертуллиана (до 160—около 220).

Стр. 411. *...письмо «Интеллигенция, государство, народ»...* — Под этим названием в памяти Горького объединились две статьи Л. Н. Толстого: «Об общественном движении в России» (1905) и «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам, народу» (1906).

...«арзамасский ужас...» — 2—3 сентября 1869 года Толстой был проездом в Арзамасе и, ночуя в гостинице, испытал беспричинные «тоску, страх, ужас», о чем писал С. А. Толстой 4 сентября 1869 года («Письма графа Л. Н. Толстого к его жене. 1862—1910». М., 1913, с. 167). Об «арзамасском ужасе» см. рассказ Толстого «Записки сумасшедшего» (1884).

Стр. 412. *...книжку Льва Шестова.* — Л. Шестов. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь). СПб., 1900.

Стр. 414. *Тихон Задонский* (1724—1783) — церковный писатель, епископ воронежский; уйдя на покой, жил в Задонском монастыре.

Он дал нам евангелие... — Имеются в виду запрещенные в России произведения Толстого: «Краткое изложение Евангелия», «Как читать Евангелие и в чем его сущность», «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий», напечатанные в Англии издательством «Свободное слово».

Стр. 417. *...поэт Булгаков...* — Ошибка памяти писателя: речь идет о В. Д. Ляпунове, стихотворение которого с рекомендацией Толстого напечатано в журнале «Русская мысль», 1898, № 1.

Он излагает им учение Лао-тце... — Толстой интересовался учением древнекитайского философа Лао-тце (Лао-цзы, VI в. до н. э.), утверждавшего существование некоей мировой силы, независимой от сознания человека, проповедовавшего пассивность и созерцательность.

Стр. 418. *...у этих, у фурьеристов, учился думать, у Буташевича...* — в 1847 году Достоевский примкнул к кружку М. В. Буташевича-Петрашевского, изучавшему утопический социализм.

Стр. 420. *Но черту Буслаева постиг в Толстом... Олаф Гульбрансон...* — Имеется в виду рисунок Олафа Гульбрансона из серии «Галерея знаменитых современников» (дружеские шаржи) в немецком сатирическом журнале «Симплициссимус», выходившем в Мюнхене.

Стр. 422. *Второй раз я видел его в Ясной.* — Вторая встреча Горького с Толстым произошла в Хамовниках 11(24) февраля 1900 года. Здесь описывается третья встреча с Толстым — 8(21) октября 1900 года.

Грибы сошли... — Из стихотворения И. А. Бунина «Не видно птиц. Покорно чахнет...» (1898).

Стр. 423. *...у него в «Азбуке»...* — Имеется в виду «Азбука социальных наук» В. В. Берви-Флеровского (1829—1918), крупного экономиста, социалиста, утописта.

Поль Астье — персонаж романа А. Доде «Бессмертный» (1888) и пьесы «Борьба за существование» (1889).

Стр. 424. *Амадис* — герой испанского рыцарского романа XIV века;

Зигфрид — герой древнегерманского эпоса «Песнь о Нибелунгах» (XII—XIII вв.).

«Братья Земганно» — роман Эдмона Гонкура (1879).

...выдумал итальянец Ломброзо...— Имеются в виду книги: Ч. Ломброзо. Новейшие успехи науки о преступнике. СПб., 1892; М. Норда у. Вырождение. Спб., 1893.

Стр. 426. *Богомилы* — христианская секта, возникшая в Болгарии в X веке, отвергавшая церковное учение, обрядность и т. п.

В. И. Ленин (стр. 429).— Произведение создавалось Горьким непосредственно после смерти В. И. Ленина, зимой 1924 года.

Горький не был удовлетворен первой редакцией своего очерка о Ленине. Уже в письме к М. Л. Павловичу (М. Л. Вельтману) от 29 декабря 1925 года он заявил, что «написал о Владимире Ильиче плохо». И так объяснял причину этого: «Был слишком подавлен его смертью и слишком поторопился выкричать мою личную боль об утрате человека, которого я любил очень. Да» («Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1926, 10 января, № 8).

Н. К. Крупская, работавшая в это время над своими воспоминаниями о Ленине, 30 октября 1937 года писала Горькому: «Сегодня получила Ваши воспоминания об Ильиче — хорошие. Живой у Вас Ильич. О Лондонском съезде очень хорошо. Правда все. Каждая фраза ваших воспоминаний вызывает ряд аналогий. И потом Вы любили Ильича. Кто не любил бы, тот не мог бы так написать. Живой весь Ильич...» («Октябрь», 1941, № 6, с. 24).

С большим интересом воспоминания Горького были встречены — еще в первой редакции — и за границей. В конце сентября 1924 года Ромен Роллан сообщал, что слышал много восторженных отзывов о его произведении, опубликованном к тому времени в «La Revue Europeenne» («Архив А. М. Горького». КН-пп-ф-5—1—32). «Как взволновали меня Ваши воспоминания о Ленине!» — восхищенно писал Горькому в феврале 1925 года Стефан Цвейг. В статье «Дело Артамоновых» Цвейг так охарактеризовал воспоминания Горького о Ленине (наряду с воспоминаниями о Толстом): «Может быть, во всей современности не создан более современный и долговечный портрет» («Neue freie Presse», 1927, 19 мая).

Стр. 429. *...«в многой мудрости — много печали».*— Библия. Книга Екклезиаста, гл. I, стих. 18.

Лондонский съезд — V съезд РСДРП, состоявшийся в Лондоне 30 апреля — 19 мая 1907 года. Горький присутствовал на нем в качестве делегата с совещательным голосом.

Стр. 430. *До этого года я не встречал Ленина...* — Ошибка памяти Горького. В статье «М. Горький во время московских баррикад 1905 года» («Красная газета» веч. вып., 1928, 12 июня № 160) К. Н. Пятницкий свидетельствует, что Горький впервые увиделся с Лениным в Петербурге 27 ноября 1905 года на заседании ЦК РСДРП, обсуждавшем вопрос о вооруженном восстании и о газетах «Новая жизнь» и «Борьба». Верность этого свидетельства подтвердил сам Горький (см.: «Октябрь», 1941, № 6, с. 22).

Фома Ура́льский — А. П. Смирнов (1877—1938), делегат V съезда от Петербургской организации РСДРП, примыкал к большевикам. Горький ошибочно приводит партийную кличку А. П. Смирнова: он фигурировал на съезде РСДРП как Фома-питерец (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 163).

Стр. 431. *...обедал у Августа Бебеля...* — Август Бебель (1840—1913), Пауль Зингер (1844—1911) — руководители немецкой социал-демократии. *Парвус* (псевдоним А. Л. Гельфонда, 1869—1924) — в 90-х годах эмигрировал из России в Германию, где стал одним из активных деятелей немецкой социал-демократии; после раскола РСДРП в 1903 году поддерживал меньшевиков. В период первой мировой войны — социал-шовинист, занимался спекуляциями, связанными с военными поставками.

Стр. 432. *Морис Хилквит* (1869—1933) — один из основателей американской социалистической партии, юрист по профессии; способствовал публикации произведений Горького на английском языке. *Дэб* (Евгений) (1855—1926) — основатель социал-демократической партии США, влившейся в 1901 году в социалистическую партию.

П. Е. Буренин (1874—1962) — участник революционного движения, в 1905 году вошел в состав боевой группы при ЦК РСДРП.

...пришел Чайковский с Житловским... — Н. В. Чайковский (1850—1926) — политический деятель, начавший свой путь в рядах революционных народников, а закончивший его главой бумажного «правительства», созданного в Архангельске английскими и американскими интервентами в 1918 году. Х. Н. *Житловский* (1865—1943) — один из лидеров мелкобуржуазной еврейской социалистической партии. В период первой русской революции Чайковский и Житловский активно участвовали в работе партии эсеров.

...послали туда «бабушку»... — «Бабушкой русской революции» эсеры прозвали одну из старейших деятельниц своей партии — Е. К. Брешко-Брешковскую (1844—1934).

Стр. 433. *...но и в Америке нашелся Парвус.* — Имеется в виду газетный магнат Уильям Рандольф Херст (1863—1951), который, нарушая авторские права, перепечатывал без разрешения Горького его произведения.

Стр. 434. *Дан* (псевдоним Ф. И. Гурвича, 1871—1947) — один из лидеров меньшевизма; в годы реакции — ликвидатор; после Октябрьской революции боролся против советской власти; в 1922 году выслан за границу.

...чай пить с либералами... — Имеется в виду встреча Дана, Абрамовича и других меньшевиков в ноябре 1906 года с кадетским лидером Милюковым. Ленин говорил об этом на V съезде РСДРП: «...выяснилось, что еще в ноябре 1906 г. Дан был приватно «на чашке чая» с Милюковым, Набоковым, с вождями эсеров и энесов» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, с. 327).

Стр. 435. *М. П. Томский* (1880—1936) — в то время был членом ЦК РСДРП, большевиком. Впоследствии занял примиренческую позицию по

отношению к ликвидаторам. После Октября выступал против ленинской политики партии.

Стр. 436. *Вы не стоите на марксизме, а сидите, даже — лежите на нем.* — Эта мысль была высказана не Р. Люксембург, а Л. Тышко, представителем польской социал-демократии.

...речи его... — Кроме доклада об отношении к буржуазным партиям, В. И. Ленин выступил на V съезде РСДРП с речами: по вопросу о порядке дня, по докладам о деятельности ЦК и думской фракции, об отношении к польскому проекту резолюции о буржуазных партиях, а также с докладом от комиссии по выработке резолюции о Государственной думе.

Стр. 438. *По раньше, чем он собрался приехать, я увидел его в Париже...* — Здесь неточность: Горький встречался с Лениным в Париже в 1911—1912 годах, то есть после того как Ленин дважды посетил Капри (10—17 апреля 1908 года и 18—30 июня 1910 года).

Стр. 439. *...это его предвидение вскоре оправдалось на Балканах.* — Горький имеет в виду так называемые «балканские» войны 1912—1913 годов между Балканским союзом (Болгария, Сербия, Греция, Черногория) и Турцией, затем между Болгарией и ее союзниками из-за раздела завоеванных территорий.

Стр. 441. *А. А. Богданов* (1873—1928) — философ-идеалист, социал-демократ, в 1903 году примкнул к большевикам, в годы реакции стал отзовистом. Ревизуя марксизм в области философии, Богданов перешел на позиции махизма и создал свою идеалистическую философию эмпириомонизма. *В. А. Базаров* (1874—1939) — философ, экономист, социал-демократ; во время революции 1905—1907 годов примыкал к большевикам, в годы реакции, отойдя от большевизма, пропагандировал богостроительство.

Стр. 442. *...рыбаки Капри, видевшие и Шаляпина, и не мало других крупных русских людей...* — Ф. И. Шаляпин был на Капри в апреле 1908 года, а потом приезжал еще несколько раз. На Капри у Горького побывали Г. В. Плеханов, В. И. Фигнер, А. В. Луначарский, К. С. Станиславский, И. Е. Репин, И. А. Бунин и другие выдающиеся деятели русского революционного движения и искусства.

Стр. 443. *...Не помню, до Владимира Ильича или после его на Капри был Г. В. Плеханов.* — Плеханов был на Капри в июне — июле 1913 года, то есть после Ленина.

Н. Ф. Олигер (1882—1919) — писатель, связанный с традициями народнической литературы; перед революцией 1905 года принял участие в революционном движении, был арестован и 1904—1905 годы провел в тюрьме. *А. К. Лоренц* (Метнер; умер в 1918 г.) — участник революционного движения, большевик. *Павел Вигдорчик* (род. в 1874 г.) — врач, писатель участник социал-демократического движения; после раскола РСДРП примыкал к меньшевикам. *Энрико Ферри* (1856—1929) — руководитель центристского большинства итальянской социалистической партии, редактор

газеты «Avanti»; в 1909 году отошел от партии; впоследствии примкнул к фашизму.

Стр. 445. *...весною 17 года, была организована «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук»...* — Горький выступил одним из инициаторов создания этой Ассоциации. Она конституирована 28 марта (10 апреля) 1917 года. Председателем Ассоциации был вице-президент Академии наук, выдающийся математик В. А. Стеклов (1864—1929), товарищами председателя — Горький и профессор Д. К. Заболотный.

Стр. 450. *Спросите С. ...* — Имеется в виду академик В. А. Стеклов.

Стр. 453. *Я читал его книгу,— очень понравилась.* — По-видимому, речь идет о книге И. Е. Вольнова «Повесть о днях моей жизни», вышедшей отдельным изданием в 1913 году, а в 1912 году печатавшейся в журнале «Заветы».

...одному генералу, ученому, химику, угрожала смерть. — Речь идет об А. В. Сапожникове (1868—1935), авторе ряда работ в области органической химии и химии взрывчатых веществ.

Стр. 455. *Скороходов* (1882—1919) — сормовский рабочий-революционер. Накануне Октября работал в большевистском Петроградском комитете; после победы революции — первый председатель Петроградского районного Совета, председатель Петроградской Чрезвычайной комиссии; в конце 1919 года расстрелян белогвардейцами в Харькове.

Стр. 458. *...одного товарища «хозяйственника».* — Имеется в виду советский дипломат Л. Б. Красин (1870—1926). 27 ноября 1926 года Горький писал Е. П. Пешковой о Красине: «Это о нем говорил Ильич: может быть премьер-министром в любом государстве Европы».

Стр. 459. *Говорите, у И. есть еще изобретение?* — Горький имеет в виду самозатачивающиеся резцы, изобретенные Игнатьевым в 1912 году.

Стр. 460. *Ф. Лассаль* (1825—1864) — один из руководителей немецкого рабочего движения 60-х годов XIX века. Как политик и как человек обладал рядом отрицательных качеств, чуждых пролетарской идеологии и морали. К. Маркс отмечал «назойливое самохвальство» как отличительную черту Лассаля (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 31, 1963, с. 380).

«Всемирная литература» — издательство, организованное в 1918 году в Петрограде по инициативе и при ближайшем участии Горького с целью издания выдающихся произведений мировой художественной литературы. В 1924 году влилось в Государственное издательство.

Г. А. Алексинский (род. в 1879 г.) — перед революцией 1905 года принял участие в революционном движении; был членом социал-демократической фракции во II Государственной думе; после поражения революции примкнул к отзовистам. Во время июльских событий 1917 года выступил с грязной клеветой против Ленина. После Октябрьской революции — белый эмигрант.

Р. В. Малиновский (1876—1918) — провокатор, «работавший» среди большевиков. В 1918 году разоблачен и расстрелян по приговору Верховного трибунала.

Стр. 461. *«Комиссия по улучшению быта ученых»* — была учреждена в декабре 1919 года постановлением Совнаркома РСФСР; в Петрограде Комиссию возглавил Горький. В 1921 году преобразована в Центральную комиссию по улучшению быта ученых — ЦЕКУБУ.

...считаю совершенно необходимым организацию литвуза... — Эта идея реализована в 1933 году, когда по Постановлению ЦИК СССР, в ознаменование 40-летия литературной деятельности Горького, в Москве был открыт Литературный институт его имени.

ПЬЕСЫ

На д н е (стр. 465).— Первое упоминание о замысле пьесы «На дне» встречаем в воспоминаниях Станиславского, воскрешающих беседу с Горьким, относящуюся, по-видимому, к середине апреля 1900 года.

Драма «На дне» возникла в результате широких жизненных наблюдений и философских исканий писателя.

Босячество, изображенное в пьесе, было крупным социальным явлением XIX и начала XX столетий. Только в Нижнем Новгороде в 1901 году было зарегистрировано 4 тысячи «босяков».

В частности, Горький мог наблюдать в Нижнем Новгороде и многих странников, подобных Луке. «По своему географическому положению Нижний Новгород и вся приволжская часть его уездов представляет самое лучшее и удобнейшее место для стечения всякого сброда людей, в том числе странников, с целью отправиться отсюда по большой дороге, «по вольному пути» (по Волге) в камышн астраханские...» (А. Р о з о в. Странники или бегуны в русском расколе.— «Вестник Европы», 1872, декабрь, с. 540).

Работать над пьесой Горький начал, по-видимому, в декабре 1900 года, в Нижнем Новгороде, о чем свидетельствуют его письма того времени к Станиславскому. Первоначальное название пьесы: «Без солнца», затем — «На дне жизни». В 1902 году Горький назвал пьесу — «На дне». Поставить ее разрешено было только Московскому Художественному театру с цензурными изъятиями, весьма многочисленными.

Премьера состоялась 18 декабря. 21 декабря Горький писал Пятницкому: «Успех пьесы — исключительный, я ничего подобного не ожидал (...) Вл(адимир) Иван(ович) Немирович(-Данченко) — так хорошо расположил пьесу, так разработал ее — что не пропадает ни одного слова. Игра — поразительна! Москвин, Лужский, Качалов, Станиславский, Книппер, Грибунин — совершили что-то удивительное (...) Чудесные артисты!»

Но уже после первого представления пьесы Горький писал Пятницкому: «...ни публика, ни рецензята — пьесу не раскусили. Хвалить — хвалят, а понимать не хотят. Я теперь соображаю — кто виноват? Талант Москвина — Луки или же неуменье автора? И мне — не очень весело».

Вокруг пьесы разгоралась общественная борьба. Буржуазные критики продолжали превозносить «доброту» Луки. Революционно настроенные круги, рассказывает в своих воспоминаниях В. Н. Качалов, воспринимали «На дне» как «пьесу-буревестник, которая предвещала грядущую бурю и к буре звала». «Мы знаем, что многие и многие, читая и слушая «На дне» Горького, бросали ую жизни, или в ряды революционной партии бороться там, как можно и чем можно...» — свидетельствовал В. Д. Бонч-Бруевич.

С восторгом отзывались о «На дне» многие выдающиеся деятели революционного движения, культуры и искусства. «Помню, — писала Н. К. Крупская, — как загорелся Ильич как-то желанием пойти в Художественный театр смотреть «На дне». Франц Меринг характеризовал драму «На дне» как «творение подлинного и большого поэта». В. В. Воровский считал «На дне» «одним из самых значительных произведений Горького», которое «подводит итог периоду босяцких рассказов». В Луке выдающийся критик-марксист видел «шарлатана гуманности, бессмертный тип лживого успокоителя страдающих, жаждущих забвения во лжи».

В. И. Немирович-Данченко в телеграмме, посланной Горькому 14 марта 1934 года, в день восьмисотого спектакля «На дне», писал: «Появление «Дна» одним ударом проложило целые пути театральной культуры. В годы Октябрьской революции «Дно» приобретало новое значение, сделавшись любимейшей пьесой победившего пролетариата. Имея в «На дне» образец подлинно народной пьесы, мы считаем этот спектакль гордостью театра...»

Стр. 468. «*Роковая любовь*»... — Возможно, это роман «Роковая любовь» немецкого писателя Эриста фон Вильденбруха (1845—1909), изданный в переводе на русский язык «Новым журналом иностранной литературы» как раз в период работы Горького над пьесой (роман вышел в 1901 г., в Петербурге). Мелодраматический характер книги Вильденбруха вполне объясняет слезы, которые над ней проливает Настя. Но история о Рауле или Гастоне, которую в III акте рассказывает Настя и которая, как утверждает Барон, взята «из книжки «Роковая любовь», заимствована ею из какого-то другого сентиментального повествования,— в романе Вильденбруха такой истории нет. Некоторые детали рассказа Насти воспроизведены Горьким из своеобразной исповеди проститутки Клавдии Гросс (см.: М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 23, с. 296).

Стр. 470. *Сикамбр.*— Сикамбры — древнегерманское племя, жившее по берегам Рейна.

Макробиотика — наука о продлении жизни; одним из основателей этой науки был немецкий врач К. В. Гуфеланд (1762—1836).

Стр. 475. *Сарданапал* — Ашшурбанипал, последний ассирийский царь (годы царствования: 668–626 гг. до н. э.). Имя Сарданапала, отличавшегося склонностью к роскоши, стало нарицательным.

Навухудоносор — вавилонский царь (604–562 гг. до н. э.), прославившийся войнами, строительством крепостей и дворцов, а также разрушением «града божия» — Иерусалима.

...как... сорок тысяч пьяниц... — перефразировка слов Гамлета о «сорока тысячах братьев», которые не могли бы сравняться с ним в любви к Офелии («Гамлет», акт V, сцена 1).

Стр. 496. *Господа! Если к правде святой... Если б завтра земли нашей путь...* — Первые строки пятой и шестой строф стихотворения П. Беранже «Безумные» («Les fouls») в переводе В. С. Курочкина.

Стр. 498. *Кент* — персонаж трагедии Шекспира «Король Лир».

Стр. 508. *Я говорю — есть земля, неудобная для посева...* — Лука использует образы евангельской притчи о сеятеле (Евангелие от Матфея, гл. 13).

Стр. 511. *Тебе бы с такими речами к бегунам идти...* — Бегуны — секта в старообрядчестве, основанная в конце XVIII века беглым солдатом Евфимием. Возникновению этой секты способствовало усиление крепостнического гнета. Социальный протест бегунов принимал все более антиобщественные формы. Исходным пунктом учения бегунов было утверждение о близком «конце света». Чтобы «спасти душу», необходимо порвать всякие связи с обществом, уклоняться от государственных повинностей и административных установлений, отказаться от семьи и бежать в пустынные местности или прятаться в тайных убежищах. (Ф. В. Л и в а н о в. Раскольники и острожники, т. IV, с. 60).

Стр. 514. *...Тако исчезают грешники от лица праведных!* — Ср.: псалом Давида (Псалтырь, псалом 67, стих 3).

Стр. 515. *Лахеза, Атропа...* — Две из трех богинь судьбы у древних греков, по представлениям которых богиня Клото пряла «жизненную нить» человека, Лахесис определяла его путь, Атропос заносила в длинный свиток все, что назначено человеку.

«Обжирайтесь, мрачные умы»... — Первый стих третьей строфы стихотворения Беранже «Гастрономы» («Les gourmands») в переводе В. С. Курочкина, опубликованном в «Искре», 1870, № 8.

Стр. 516. *«Яма эта... будет мне могилой...»* — Начало стихотворения «Старый бродяга» («Le vieux vagabond») Беранже в переводе В. С. Курочкина, впервые опубликованном под заглавием «Старый нищий» в «Сыне отечества», 1854, № 29.

...«Кин, или Гений и беспутство». — Название пьесы французского писателя А. Дюма-отца (1803—1870), изображающей жизнь и похождения известного английского актера Кина (1787—1833).

Е г о р Б у л ы ч о в и д р у г и е (стр. 525). — Замысел пьесы «Егор Булычов и другие» возник у Горького, по видимому, в конце 1930 года.

Седьмого июля 1931 года Горький пригласил артистов театра имени Евг. Вахтангова прослушать новую пьесу. Осенью 1931 года в обсуждении пьесы участвовали Б. В. Щукин, Б. Е. Захава, Р. Н. Симонов и другие.

В текст отдельного издания 1932 года вошли все дополнения и изменения, сделанные Горьким в ходе работы с театром.

К. А. Федин писал Горькому 13 декабря 1932 года: «В «Булычове»

меня опять поразила какая-то соблазняющая тайна Ваших российских купцов — Бугровых, Морозовых... Изумительно это отсутствие веры и — в то же время — тоска по ней у всех «зиждителей» нашего прошлого».

Первое представление «Егора Булычова» в театре имени Евг. Вахтангова состоялось 25 сентября 1932 года. Спектакль был приурочен к сорокалетию общественно-политической и литературной деятельности Горького.

Классический театральный образ Булычова был создан замечательным советским артистом Б. Щукиным, трактовавшим главного героя пьесы как человека, который «перерос свою среду», «познал скверну своего круга, своего буржуазного мира» и который «любил жизнь со всеми ее радостями» (Б. Щукин. Беседа в клубе театральных работников 19 марта 1933 г.— В сб. «Егор Булычов и другие». Материалы и исследования». М., 1970).

Стр. 531. *Невеглас* (церковнослав.) — невежда.

Стр. 533. ... *на ярмарке в Коносове*...— Коносово — село близ Сормова; в этом селе проживало много сормовских рабочих, оказывавших революционизирующее влияние на местное крестьянство.

Стр. 540. *Промышленники, кажется, понимают свою роль*...— Речь идет о первом съезде военно-промышленных комитетов, состоявшемся в конце 1915 года. Они были образованы в мае 1915 года по предложению капиталиста П. П. Рябушинского, высказанному на IX торгово-промышленном съезде.

Стр. 541. «*Блажен муж*...» — Псалтырь, псалом I, стих I.

Стр. 547. *Помнишь «Варум» Шуберта?* — Фортепьянная пьеса «Отчего?» («Warum?») из цикла «Фантастические пьесы». Принадлежит не Шуберту, а Шуману.

Стр. 553. *Отречемся от старого мира*...— Строки из «Русской Марсельезы», распевавшейся на мотив «Марсельезы», сочиненной Руже де Лилем в 1792 году. Текст «Русской Марсельезы», написанной народником П. Л. Лавровым, впервые был напечатан в газете «Вперед», 1875, 1 июня, № 12, под названием «Новая песня».

Стр. 557. ...*как сказал Анри-катр*: «*Париж лучше войны*...»— Имеется в виду вождь гугенотов (протестантов) Генрих Бурбонский (1563—1610), будущий французский король Генрих IV. Объявив себя претендентом на французский престол, он вел войну с католиками. Однако, после неудачной попытки овладеть Парижем силой, 25 июля 1593 года торжественно перешел в католичество. Генриху приписывается фраза: «Париж стоит мессы (обедни)».

Стр. 563. «*И остави нам долги наша*...» — Евангелие от Матфея, гл. 6, стих 12.

Стр. 564. *А крест есть — меч!* — Имеются в виду слова Иисуса Христа, с которыми он обратился к апостолам, когда посылал их проповедовать: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч...» (Евангелие от Матфея, гл. 10, стих 34).

И. Жегалова

Толстой А. К.

Т52 Князь Серебряный: Роман; Драма; Стихотворения; Баллады; Былины; Избранные письма / [Составитель В. Базанов].— Л.: Лениздат, 1982.— 512 с.

В книгу, представляющую творчество выдающегося русского писателя Алексея Константиновича Толстого (1817—1875), вошли исторические произведения: роман «Князь Серебряный», драма «Посадник», былины и баллады, а также стихотворения о Родине и избранные письма, раскрывающие идейно-эстетические взгляды писателя

Т $\frac{4702010100—113}{M171(03)—83}$ без объявл.

84.3Р

Текст печатается по изданию: Толстой А. К. Собрание сочинений в 4-х т. М., 1963—196[illegible].

Алексей Константинович
ТОЛСТОЙ

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

Составитель В. Базанов

Заведующий редакцией Н. П. Утехин. Редактор В. А. Смирнов. Художник Б. Н. Осенчаков. Мл. редактор М. Е. Устинов. Художественный редактор А. К. Тимошевский. Технический редактор Г. В. Преснова. Корректор И. В. Левтонова

Сдано в набор 05.11.82. Подписано к печати 05.03.83. Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарн. «Академическая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26.88. Усл. кр.-отт. 27,20. Уч.-изд. л. 27,94. Тираж 800 000 экз. Заказ № 1262. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат. 191023. Ленинград, Фонтанка, 59

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. 220041. Минск. Ленинский проспект, 79.

© Составление, оформление, Лениздат, 1982

1. С. А. МИЛЛЕР [1]

(Отрывок, перевод с французского)

14 октября 1851 г., Пустынька [2]

<...> *Я родился художником*, но все обстоятельства и вся моя жизнь до сих пор противились тому, чтобы я сделался вполне художником.

Вообще вся наша администрация и общий строй — явный неприятель всему, что есть художество,— начиная с поэзии и до устройства улиц...

Я никогда не мог бы быть ни министром, ни директором департамента, ни губернатором. Я делаю исключение только для службы в министерстве народного просвещения, которая, может быть, могла бы мне подойти — но к этому мы вернемся позже.

Я не вижу, отчего с людьми не было бы того же самого, что и с материалами.

Один материал годен для постройки домов, другой — для делания бутылок, третий — для изделия одежд, четвертый — для колоколов... но у нас камень или стекло, ткань или металл — все полезай в одну форму, в служебную!.. Иной и влезет, а у другого или ноги длинны, или голова велика — и хотел бы, да не впихаешь!

И выходит из него черт знает что такое.

Эти люди или бесполезные, или вредные, но они сходят за людей, отплативших свой долг отечеству,— и в этих случаях принята фраза: «Надобно, чтобы каждый приносил по мере сил пользу государству».

---

[1] Софья Андреевна Миллер (ум. в 1892 г.)— жена конногвардейского полковника Л. Ф. Миллера, впоследствии жена А. К. Толстого.

[2] Пустынька — одно из имений поэта, расположенное под Петербургом близ станции Саблино.

Те же, которые не служат и живут у себя в деревне и занимаются участью тех, которые вверены им богом, называются праздношатающимися или вольнодумцами. Им ставят в пример тех полезных людей, которые в Петербурге танцуют, ездят на ученье или являются каждое утро в какую-нибудь канцелярию и пишут там страшную чепуху.

Что до меня касается, я не думаю, чтобы я мог быть хорошим сельским хозяином,— я сомневаюсь, чтобы я сумел поднять ценность имения, но мне кажется, что я мог бы иметь хорошее влияние нравственное на моих крестьян — быть по отношению к ним справедливым и отстранять всякие вредные побуждения, внушая им уважение к тому же правительству, которое так дурно смотрит на людей не служащих

Но если ты хочешь, чтобы я тебе сказал, какое мое настоящее призвание,— *быть писателем.*

Я еще ничего не сделал — меня никогда не поддерживали и всегда обескураживали, я очень ленив, это правда, но я чувствую, что я мог бы сделать что-нибудь хорошее,— лишь бы мне быть уверенным, что я найду артистическое эхо,— и теперь я его нашел... это ты.

Если я буду знать, что ты интересуешься моим писанием, я буду прилежнее и лучше работать.

Это — поприще, в котором я, без сомнения, буду обречен на неизвестность, по крайней мере, надолго, так как те, которые хотят быть напечатаны теперь, должны стараться писать как можно хуже — а я сделаю все возможное, чтобы писать хорошо... С раннего детства я чувствовал влечение к художеству и ощущал инстинктивное отвращение к «чиновнизму» и — к «капрализму».

Я не знаю, как это делается, но большею частью все, что я чувствую, я чувствую художественно.

Я рожден художником не только для литературы, но и для пластических искусств.

Хотя я сам ничего не могу сделать как живописец, но я чувствую и понимаю живопись и скульптуру также. Часто я сам себе говорю, смотря на картину: «Господи, если бы я мог это сделать... насколько бы я еще лучше сделал».

Музыка одна для меня недоступна; это — великолепный рай, который я вижу издали, который я отгадываю и вокруг которого я хожу — но не могу взойти в него.

...Так знай же, что я *не чиновник, а художник.* <...>

2. С. А. МИЛЛЕР

(Отрывок)

3 ноября 1853 г.

<...> Я понимаю, отчего натуры такие глубоко печальные, как Мольер и Гоголь, могли быть такими комиками. Чтобы хорошо передать что-нибудь, хорошо оценить, нужно быть вне этого, так же как надо выйти из дому, чтобы срисовать фасад дома...

Мой двоюродный брат [1] приехал из Малороссии и привез с собой такие великолепные национальные мотивы! Они мне перевернули сердце - ...

<...> Никакая национальная музыка не выразила свою народность с таким пылом и силой, как малороссийская музыка, даже лучше великороссийской, которая так выразительна.

Слушая ее, ты бы постоянно видела открывающуюся перед тобой всю историю Малороссии, ты бы лучше поняла характер гайдамаков, чем читая Гоголя или Конисского [2].

Это — резкие и неожиданные ощущения, которые иногда испытываешь и которые открывают перед нами горизонт, о котором мы не подозревали или который мы совсем забыли... Он пел без всякого аккомпанемента.

Если бы мне оставалось только десять лет жизни, я бы охотно отдал половину, чтобы обладать красивым голосом или большим музыкальным талантом.

3. С. А. МИЛЛЕР

7 сентября 1856 г., Москва

...Я был сегодня утром у *Хомякова*, у которого я нашел *Константина Аксакова*,— достойный человек, которого я люблю всем сердцем,— и был еще там маленький Попов [3]; говорят, что он славянофил.

---

[1] Русский и украинский гравер и живописец Л. М. Жемчужников (1828—1912).

[2] Конисский Григорий (1717—1795) — украинский писатель, архиепископ, автор проповедей, стихотворений, речей, исторических произведений.

[3] Хомяков А. С. (1804—1860) — русский религиозный философ, прозаик, поэт, публицист, один из основоположников славянофильства; Аксаков К. С. (1817—1860) — сын известного русского писателя С. Т. Аксакова, публицист, историк, поэт, лингвист, идеолог славянофильства; Попов А. Н. (1820—1877) — чл.-кор. Российской АН, историк, юрист, собиратель автографов

Ты не можешь себе вообразить, как мое самолюбие было польщено всем тем, что они мне сказали насчет моих стихотворений... Хомяков мне сказал, что он, прочитав «Спесь» и «Колокол», хотел мне написать письмо,— и они прибавили: «Ваши стихи такие самородные, в них такое отсутствие всякого подражания и такая сила и правда, что если бы Вы не подписали их, мы бы приняли их за старинные народные».

Эти слова для меня — самая лучшая хвала, которую я мог бы пожелать, и они не эти только два стихотворения хвалили.

Аксаков, увидав меня, бросился мне на шею.

Вообще меня гораздо больше знают в Москве, чем ты думаешь, и люди, которых я очень мало знаю и даже совсем не знаю, спрашивали меня:

«Вы ли тот, который написал то или другое стихотворение?»

Как объяснить потребность писать, которая мною овладевает, именно когда мне всего меньше времени и возможности писать?

...Все, что я чувствую, все, что я думаю,— я все выражаю в стихах.

...Если успею, напишу завтра несколько слов — я выхожу из дому в 8 утра, потом опять в 12 часов. Завтра народный праздник [1], чрезвычайно серьезное дело — я поговорю о нем с тобой в будущий раз...

4. АЛЕКСАНДРУ II

(Перевод с французского)

Август или сентябрь 1860 г.

Ваше величество,

Вследствие нового жестокого приступа моей болезни я несколько дней не был в состоянии двигаться, и так как еще и сейчас не могу выходить, то лишен возможности лично довести до сведения Вашего величества следующий факт: профессор Костомаров [2], вернувшись из поездки с научными целями в Новгород и Псков, навестил меня и рассказал, что в Новгороде затевается неразумная и противоречащая данным археологии реставрация древней каменной стены, которую она испортит. Кроме того, когда

[1] Речь идет о празднике по случаю коронации Александра II.

[2] Костомаров Н. И. (1817—1885) — русский и украинский писатель, историк, этнограф, исследователь фольклора.

великий князь Михаил высказал намерение построить в Новгороде церковь в честь своего святого, там, вместо того чтобы просто исполнить это его желание, уже снесли древнюю церковь св. Михаила, относившуюся к XIV веку. Церковь св. Лазаря, относившуюся к тому же времени и нуждавшуюся только в обычном ремонте, точно так же снесли. Во Пскове в настоящее время разрушают древнюю стену, чтобы заменить ее новой в псевдостаринном вкусе. В Изборске древнюю стену всячески стараются изуродовать ненужными пристройками. Древнейшая в России Староладожская церковь, относящаяся к XI веку (!!!), была несколько лет тому назад изувечена усилиями настоятеля, распорядившегося отбить молотком фрески времен Ярослава, сына святого Владимира, чтобы заменить их росписью, соответствующей его вкусу.

На моих глазах, Ваше величество, лет шесть тому назад в Москве снесли древнюю колокольню Страстного монастыря, а она [illegible] на мостовую, как поваленное дерево, так что не [illegible] ни один кирпич, настолько прочна была [illegible] на ее месте соорудили новую псевдорусскую [illegible]. Той же участи подверглась церковь Николы [illegible] на Арбате, относившаяся ко времени царствования Ивана Васильевича Грозного и построенная так прочно, что и с помощью железных ломов еле удавалось отделить кирпичи один от другого.

Наконец, на этих днях я просто не узнал в Москве прелестную маленькую церковь Трифона Напрудного, с которой связано одно из преданий об охоте Ивана Васильевича Грозного. Ее облепили отвратительными пристройками, заново отделали внутри и поручили какому-то богомазу переписать наружную фреску, изображающую святого Трифона на коне и с соколом в руке.

Простите мне, Ваше величество, если по этому случаю я назову еще три здания в Москве, за которые всегда дрожу, когда еду туда. Это прежде всего на Дмитровке прелестная церковка Спаса в Паутинках, названная так, вероятно, благодаря изысканной тонкости орнаментовки, далее — церковь Грузинской божьей матери и, в-третьих,— Крутицкие ворота, своеобразное сооружение, всё в изразцах. Последние два памятника более или менее невредимы, но к первому уже успели пристроить ворота в современном духе, режущие глаз по своей нелепости — настолько они противоречат целому. Когда спрашиваешь у настоятелей, по каким основаниям производятся все эти разрушения и наносятся все эти увечья, они с гордостью

...чают, что возможность сделать все эти прелести им ...ми доброхотные датели, и с презрением прибавляют: ...О прежней нечего жалеть, она была старая!» И все это бессмысленное и непоправимое варварство творится по всей России на глазах и с благословения губернаторов и высшего духовенства. Именно духовенство — отъявленный враг старины, и оно присвоило себе право разрушать то, что ему надлежит охранять, и насколько оно упорно в своем консерватизме и косности по части идей, настолько оно усердствует по части истребления памятников.

Что пощадили татары и огонь, оно берется уничтожить. Уже не *раскольники* ли признать более просвещенными, чем митрополита Филарета!

Государь, я знаю, что Вашему величеству не безразлично то уважение, которое [illegible] и наше внутреннее чувство питают к памятникам древности, столь малочисленным у нас по сравнению с другими странами. Обращая внимание на этот беспримерный вандализм, принявший уже характер хронического неистовства, заставляющего вспомнить о византийских иконоборцах, я, как мне кажется, действую в видах Вашего величества, которое, узнав обо всем, наверно, сжалится над нашими памятниками старины и строгим указом предотвратит опасность их систематического и окончательного разрушения...

5. К. К. ПАВЛОВОЙ [2]

(Отрывки, перевод с французского)

12 января 1865 г., Красный Рог [3]

<...> Вот ситуация: две разные силы (Борис Годунов и Шуйские) находятся в состоянии антагонизма и борются друг с другом в царствование Федора. От него зависит, чтобы восторжествовала та или другая сторона, но из-за своей слабости и доброты он колеблется между ними и заставляет ту и другую действовать auf ihre eigene Hand [4], что в конечном итоге приводит к угличской кала-

---

[1] Филарет (В. М. Дроздов, 1782—1867) — митрополит московский, пользовавшийся огромным влиянием в правительственных кругах.

[2] Павлова К. К. (1807—1893) — русская писательница, автор романа «Двойная жизнь» (1848).

[3] Красный Рог — имение А. К. Толстого в Черниговской губернии.

[4] по своему усмотрению (*нем.*).

строфе. Как вы видите, героем является Федор, но героем в негативном смысле, welcher unwillkürlich allen den Ausschlag gibt [1]. Два дня тому назад я читал первый акт Софье Андреевне, Варваре Сергеевне и еще одному Жемчужникову, которого Вы не знаете, и все они говорят, что отрывок, который они слушали, значительно превосходит «Смерть Иоанна». Знаете новость? Вы ведь думаете, что перевели трагедию в 5 действиях под названием «Смерть Иоанна»? Ничуть не бывало! Вы перевели только пролог к большой драматической поэме, которая будет называться «Борис Годунов». Пишу прощание с Пушкиным, но ничего не могу поделать. «Царь Федор», который я в настоящее время пишу, средняя часть этой поэмы, конец будет называться «Дмитрий Самозванец». Любопытно вот что: в Федоре герой негативный, но есть и положительный герой, Шуйский, и зовут его Иван Петрович! Ох, Алеша, как решительно никуда не уйти. Я придерживаюсь истории, как только могу, а так как история говорит [illegible] и время от времени в Угличе [illegible] что хотели посадить на престол своего [illegible] Федора и по этому случаю вступил в [illegible] Шуйского, то и вижу здесь вполне естественную [illegible] причину, помимо его нестолюбия (по которому она и послужила), чтобы избавиться от [illegible] в некоторым смысле вынужден усмотреть это событие и этот повод для смуты, что сообщает его протагонисту характер государственной необходимости. [illegible] Мне кажется, что драма или трагедия, wenn sie sich auch an ein großes Ganzes anschließt, doch, selbst und für sich, ein Ganzes sein muß, in sich selbst verständlich und befriedigend [2]. Эту-то ошибку я и собираюсь совершить, если мне не удастся вместить das Massenhafte [4] «Царя Федора» в пределы единого целого, чего я всем сердцем желаю. Иначе мне придется сделать две части, что будет очень досадно. Наш друг Битковский уже появился в первом действии, но, к сожалению, я Вам должен сообщить, что его затмит сынок, ein hoffnungsvoller Jüngling, der das übernimmt, wovon sein Papa zurück-

[1] который, сам того не желая, играет решающую роль (нем.).

[2] Позже замысел А. К. Толстого изменился. Заключительным произведением трилогии стала трагедия «Царь Борис», в которой Григорий Отрепьев появляется и упоминается лишь эпизодически.

[3] даже если она является частью целого, все же должна составлять в себе самой нечто законченное и целостное, быть понятной сама по себе (нем.).

[4] огромные размеры, масштаб (нем.).

schaudert [1]. Во второй половине первого действия я вывожу на сцену новых лиц, именно трех архиепископов, что отнимает у меня даже проблеск надежды увидеть когда-нибудь на театре мою трагедию [2], а раз уж я с первого действия сжигаю корабли, то хочу не стеснять себя и пуститься во весь опор. Если бы думать о цензуре, которая подвержена переменам, никогда нельзя было бы достигнуть истины, которая неизменна. Но довольно говорить о себе. Скажите, что Вы поделываете и что поделывает «Валленштейн»? Недавно я перечитывал его и, возвращаясь к той части Вашего перевода, которая мне известна, я не раз задавал себе вопрос: как, черт возьми, она сумела это перевести? Мне она кажется непереводимым! Надеюсь, что дело у Вас уже подвинулось. Уверяю Вас, что у меня просто Heimweh [3] по русскому «Валленштейну» и что я с удовольствием и с грустью вспоминаю о тех прекрасных часах, которые мы с Вами провели вместе, сопоставляя тот или иной оттенок этого шедевра. Напишите, до какого места Вы дошли? А главное — напишите, что состояние здоровья не помешало Вам продолжать работу. Получили ли Вы письмо от сына? Напишите мне что-нибудь и о наших общих друзьях, о Глюмерах, о Баудиссинах и даже о Вольфсоне [4]. Написал ли он в конце концов что-нибудь о «Серебряном»? И видели ли Вы французский перевод? Я-то его не видел и даже не знаю, появился ли он отдельной книгой и кем сделан. Но вот мне опять приходится заговорить о себе. В сентябре, будучи проездом в Москве, я читал Каткову «Смерть Иоанна» и по уговору с ним, даже по его просьбе, послал ему отсюда рукопись, внеся в нее изменения, о которых сейчас Вам сообщу. Было это 25 ноября, т. е. более чем полтора месяца тому назад; к рукописи было приложено письмо, требовавшее ответа, но его я и до сих пор не получил и так-таки ничего не знаю [5]. Изменения, которые я счел необхо-

[1] преодолевающий то, перед чем отступает его отец (*нем.*).— Эти намерения, так и не реализованные писателем, относились к его раннему замыслу закончить трилогию трагедией «Дмитрий Самозванец».

[2] Намек на цензурные установления, запрещающие представлять на театральной сцене духовных лиц.

[3] тоска по родине (*нем.*). В данном случае: тоска.

[4] Глюмер К. (1825—1906), Баудиссин В. Г. Ф. К. (1789—1878), Вольфсон В. (1820—1865) — немецкие философы и переводчики.

[5] Издатель «Русского вестника» М. Н. Катков в конце концов отказался печатать в своем журнале трагедию А. К. Толстого, считая назначенный писателем гонорар чрезмерно высоким. Трагедия

димыми, относятся больше к композиции драмы, чем к ее содержанию. Вот они. Я соединил действия первое и второе в одно, сперва сократив каждое из них. Получилось одно действие в 706 стихов, причем ничего существенного я не опустил. Эта первая операция соответствует мнению Дависона, которому не нравилось, что *дума* отделена от сцены, когда Иоанн вновь принимает венец. Второе действие открывается вновь написанной сценой между Захарьиным и Годуновым, в течение которой Иоанн, запершись у себя с английским послом, домогается руки Марии Гастингс. У Годунова еще нет никаких задних мыслей, и власти он хочет только для блага государства. Он возмущен, что его государь затеял развод. Появляется Иоанн с вестями о бедствиях, которые польское войско терпит под Псковом, и о прибытии польского посла. Иоанн, не сомневаясь, [illegible] Захарьину объявить народу, что король просит у него мира. Годунов, оставшись с Иоанном наедине, [illegible] отговорить его от развода и на [illegible]. Иоанн гонит его, как и следовало [illegible]. Годунов решает никогда больше не быть [illegible] цели окольными путями. Монолог:

Вот он.
Тот путь прямой, которым мне Захарьин
Идти велит! На первом он шагу
Мне властию царевой, как стеной,
Пересечен! Легко тебе, Никита
Романович, идти прямым путем!
Перед собой ты не поставил цели!
Спокойно ты и с грустью только смотришь
На этот мир. Как солнце в зимний день,
Земле сияя, но не грея землю,
Идешь ты чист к закату своему!
Моя ж душа борьбы и дела просит:
Я не могу мириться так легко,
Я не могу царево самовластье,
Раздор бояр, насилье, казни видеть
И в доблести моей, как в светлой ризе,
Утешен быть, что сам я чист и бел!

На этом кончится первая часть второго действия. Вторая часть начинается заговором Нагих и кончается сценой между Годуновым и другом Битяговским.

«Смерть Иоанна Грозного» впервые была опубликована в № 1 «Отечественных записок» в 1866 г.

Третье действие. Царица и мамка. Царица и Захарьин. Иоанн объявляет царице о разводе. Прием Гарабурды. Я целиком опустил сцену между Годуновым и царицей. Она мне мешала.

Четвертое действие. В прежнем виде.

Пятое действие. С самого же начала вставляется новая сцена между Годуновым и его женой. Упразднена сцена между Годуновым и мамкой. Мне это нужно для моей новой драмы. Остальное в прежнем виде, за исключением легких изменений, [illegible] сокращениями и вставками. Существенное же [illegible]: Иоанн — лицо слишком значительное, чтобы [illegible] сразу же убрали. Его кладут на [illegible], и Захарьин произносит короткий [illegible] подчеркивается создавшееся положение. Действие до самого конца происходит в присутствии мертвого Иоанна, что дает повод к двум-трем реминисценциям. [illegible] лежит под парчовым покровом, что позволит [illegible] Дависона или любого другого каким-нибудь [illegible] Dienstmann[1]. Эта обрядность, это парадное [illegible] среди сокровищ и полное крушение самодержавной власти, призрак которой еще присутствует здесь,— все это весьма эффектно. Могу сказать, как сказал Глюк Марии-Антуанетте по поводу «Ифигении»: «Сударыня, это великолепно!» А теперь скажите-ка, что поделывает перевод «Иоанна»? Состоялось ли чтение в Веймаре? Что оно дало и т. д.? Забыл Вам сказать, что я упразднил звонок, как деталь археологически неточную, и заменил ее возгласом: *«Люди! Люди!»* Это не хуже, а может быть, лучше. Но для немцев, если пьесу все же будут играть, звонок meinethalber[2] может оставаться. Мне бы только хотелось, чтобы оригинал был наконец напечатан и я мог Вам его послать.

В «Царе Федоре» будет действовать прелестнейшая женщина, боярыня Василиса Волохова, новая мамка, подысканная Годуновым для Дмитрия. Я возлагаю на нее большие надежды. Основа драмы, принимая во внимание характер Федора (который, как и подобает, играет главную роль), вполне gemütlich[3], а на этой основе — вот сколько мертвецов: Дмитрий убит, Битяговский в клочья разорван толпой, Иван Петрович и двое его

[1] служителем (*нем.*). Дависон Б. (1818—1872) — известный в то время польский актер.

[2] так и быть (*нем.*).

[3] душевна (*нем.*).

братьев задушены, несколько дворян и трое купцов — сторонники Шуйских — казнены. Это даже слишком, и большая часть этих господ, даже, кажется, все, погибнут за сценой. Liebe wird auch nicht fehlen und wird ganz historisch sich in die Geschichte einflechten, denn so etwas ist wirklich während derselben passiert, und gehört wesentlich zur Auflösung des Ganzen [1]. <...>

6. С. А. ТОЛСТОЙ

27 августа (8 сентября) 1866 г., Карлсбад

Я читал критику на «Смерть Иоанна Грозного». Ее написал Анненков [2]. Он боится и похвалить и осудить, и все оговаривается, и ничего не говорит. Он не знает и азбуки эстетики и никогда, как видно, ничего об эстетике не читал. Дает он мне такие правила, которые я знаю лучше его, и укоряет в том, против чего я ропщу с тех пор, как себя помню. Например, он говорит, что у меня прежде всего родилась идея поучения и что к ней я приспособил идею драмы, которая пришла уже после. Очень нападает на убиение Годуновых Иоанна, говоря, что оно не историческое, как будто я этого не знаю; наконец, что в архитектуру трагедии я знаю иностранные понятия, но что это мне во многих местах удалось. Что это за чепуха? Потом есть в критике далее полустраницы совершенной бессмыслицы, которую понять невозможно. Разбирает он меня вместе с Чаевым (которого я не знаю и который, может быть, отличный писатель) и говорит, что мы оба достойны стать на ряду с Островским и Меем и что у меня есть несомнительный талант. Мне гораздо приятнее разборы «Современника» [3], чем такие похвалы. Там, по крайней мере, просто ругаются, и тотчас видишь, с кем имеешь дело. Потом Анненков приводит *курсивом* такие сло-

---

[1] В любви здесь также не будет недостатка, и она вполне исторически будет вплетаться в повествование, ибо нечто подобное действительно случилось в то время и играет существенную роль в развязке всей пьесы (*нем.*).

[2] Речь идет о статье русского критика П. В. Анненкова (1813—1887) «Новейшая историческая сцена», напечатанной в т. 1 «Вестника Европы» за 1866 г.

[3] Чаев Н. А. (1824—1914) — русский драматург и романист.

[4] В «Современнике» (1866, № 2) была, в частности, опубликована статья «Современная русская драма (по поводу трагедии гр. Толстого «Смерть Иоанна Грозного»)».

ей, которых у меня вовсе нет, и говорит, что Иоанн дожидается бояр *с венцом на голове*. Это, говорят, самая лучшая критика. Каковы же должны быть другие? Одно у него очень верно и очень хорошо сказано. Он говорит, что все лежат во прахе перед моим Иоанном, а Иоанн все думает: «Они нехорошо лежат; они недостаточно откровенно лежат; они по-бунтовщически лежат». И накинулся на Анненкова; я сейчас опять заглянул в книгу: он говорит, что Иоанн дожидается бояр *с венцом на голове*, а не *на голове*. <...>

Анненков говорит, что [illegible] в народных сценах бледный и слабый. Иначе, что у него брат был обер-полицмейстером, и [illegible] написана чухонским языком; на каждом шагу ошибки против синтаксиса и грамматики, и котурн из [illegible] *котурно*, и что драма возникла из поучительных целей. И говорит, что я пишу, как французский драматический писатель. И что мне нужно одолеть собственную свою фантазию, сделаться ее господином и удвоить ее силу и действие, подчинив строгому воспитанию мысли, опирающейся на законы творчества и на историю, пояснённую народными бытовыми началами. Вот как!.. Вальтер Скотт!.. Он говорит, что «Иоанн» у меня совершенно *односторонний* и растет только в одну сторону. В какую же ему сторону еще расти? Ужасно они глупы, эти критики, которым самим надо бы сильно учиться прежде, чем начать учить других, а особенно целую публику.

Да еще Анненков говорит, что схимник есть у меня *лукавое подставное лицо*, которое *западные европейские* драмы употребляют, чтобы пристыжать нелюбимые ими эпохи, т. е. что он является, чтобы выказать упадок Иоанна. Вишь, какое открытие! Какой он догадливый! Так прямо и догадался и нисколько не *ошибся*. И вообще, говорит, приемы моей постройки драмы суть приемы *европейские*.

7. Б. М. МАРКЕВИЧУ [1]

25 ноября 1866 г., Пустынька

Мой милый Маркевич!

Раз Вы были так добры, что согласились руководить артистом, который будет играть в моей трагедии роль Бориса Годунова, условимся насчет того, как следует по-

[1] Маркевич Б. М. (1822—1884) — романист, представитель так называемого антинигилистического направления в русской литературе.

нимать эту роль. Сего ради оставим прежде всего язык Альфреда де Мюссе и перейдем на варварское наречие Пушкина [1].

Годунов должен во всей своей личности проявлять обаятельную силу. Она дается ему сознанием своего превосходства, *верою в самого себя*, умением безошибочно оценивать других и полным самообладанием. Привлекательная его наружность много помогает ему подчинять себе людей. Взгляд его бархатный и ласкающий; голос благозвучный и ровный; если можно так выразиться, *мичорный*: приемы и походка сдержанны и умеренны, безо всякой принужденности; в нем нет ничего заискивающего, ничего иезуитского, rien de cafard [2]. Когда он в Думе унижается перед другими боярами, это унижение должно быть передано так натурально, что зрители, не посвященный в историю, должен быть им обманут и подумать: «Какой же это скромный молодой человек! Ему бы надо помочь, он может быть очень полезен!»

И этот скромный, [illegible] молодой мальчик растет и принимает колоссальные размеры. В проекте постановки трагедии на сцену и [illegible], как он, оставаясь постоянно самим собою, принимает [illegible] оттенки, сообразно тому, с кем имеет дело. Я очень прошу Вас обратить внимание на мою характеристику Годунова в этом проекте; там сказано главное, здесь я могу только пояснить, что я уже сказал там. Камень преткновения для актера состоит в том, что он легко может быть увлечен или сделать из Годунова Тартюфа, или играть совершенно бесцветно. Ни то, ни другое никуда не годится: оттого-то роль Годунова так и трудна, не в пример труднее Иоанновой. Смотря по тому, как будут играть ее, она может выйти первою ролью или упасть ниже всякой посредственности. Последнее может случиться и со всякой другой ролью, но возможность первого принадлежит только Годунову. Если он будет сыгран хорошо, он может не только поспорить с ролью Иоанна, но и затмить ее. Человек, который борется с *Иоанном*, уже самым своим положением завоевывает внимание публики. От артиста зависит правдоподобностью игры оправдать возбужденное ожидание. Для этого он должен проникнуться убеждением, что его задача: всех обмануть, *всех обворожить* и всех себе подчинить, начиная с публики. Если же он будет тартюф-

---

[1] Начало письма написано по-французски.
[2] ничего лицемерного (*франц.*).

ничать, он в состоянии обмануть разве какого-нибудь одного дурака, а уж, во всяком случае, не Иоанна. Сам мольеровский Тартюф надувает только одного Оргона (кажется, так?), все же прочие видят его насквозь. Играющий Годунова должен действительно хотеть обмануть и Иоанна, и Захарьина, и Шуйского, и самую публику. Но это только одна сторона его. В нем должен быть виден государственный человек и — в доле любви к добру, которая совместна с его честолюбием. И принужден опять отослать играющего к вашей прошлой, где эта сторона Годунова разобрана подробно. Чтобы собрать в немногие слова все требования к Годунову, скажем, что в нем должны быть видны:

1-е. Вера в самого себя

2-е. Степенность и внешнее благородство приемов и голоса.

3-е. Бархатный, но проницательный взгляд.

4-е. Отсутствие всякого мелкого притворства.

Если артист сумеет перенять себе эту наружную сторону игры, внутренняя же психическая сторона дастся ему гораздо легче. Когда он сам себя вообразит, каким я его описываю, все интонации скажутся ему сами собою, и он сам почувствует, если сфальшивит.

Вообще же, мой дорогой Маркевич, я наметил только вехи, и Ваш собственный драматический талант подскажет Вам все детали этого обучения — труд, который Вы так любезно взяли на себя.

Мне известно, что Вы присутствовали при чтении Васильевым роли Ивана. Не знаю, остались ли Вы им довольны, но мне хотелось бы, чтобы Ваше суждение о нем, если оно неблагоприятное, не было бы окончательным, так как то, что Вы слышали, это же только первый опыт, первый бросок, лишь нащупывание, поиски направления, предполагающие более зрелую разработку. Знаю также, что Феофил Толстой пытался настроить Вас против Васильева. Скажу Вам только одно: когда Самойлов решительно отказался от роли Ивана, Васильев взял ее с непременным условием, что я не отниму ее у него, если Самойлов изменит свое решение. *Я, таким образом, уже не имею права отнять ее у него.* Это и решает вопрос и делает бесполезным всякий спор с Толстым по этому поводу. А теперь — да хранит Вас господь, увижу Вас на этой неделе.

Весь Ваш

Ал. Толстой.

8. А. А. НИЛЬСКОМУ[1]

24 или 31 января 1867 г.

Любезный Александр Александрович!

...Я совершенно забыл сказать Вам при последнем свиданье, что Вы два раза, т. е. на двух представлениях, проговорились в роли Годунова. Когда он говорит к народу из окна, Вы оба раза сказали:

Великий царь и князь всея Руси

вместо:

Великий князь и царь всея Руси.

Последнее есть официальный титул наших царей, от которого нельзя отступать. Это, конечно, безделица, но мне хотелось бы, чтобы Вы были во всем безгрешны.

Воронов[2] говорил мне проделать для Вас боковую дверь, в последнем сцене, на которой Вам будет возможно выйти с отчетом Иоанну, [illegible] Ваше появление было [illegible] Вам возможность продлить эту [illegible] в трагедии, которую следует [illegible]. Пусть публика видит, что Вы пришли недаром, пусть [illegible] от Вас чего-нибудь необыкновенного, [illegible] Иоанн, увидя Вас, испугается Вашего [illegible], пусть и самим Вам будет несколько жутко [illegible] господином, как Иоанн. Если публика увидит, как Вы входите, как вы готовитесь, как [illegible] что дает Вам повод к такой мимике, что Вы [illegible] замереть сердце публики; а причиной тому будет боковая дверь, тогда как теперь вовсе не видать, как Вы входите.

До свидания, любезный Александр Александрович, но на этот раз еще не в театре, я сегодня быть не могу.

Искренно Ваш

Ал. Толстой.

---

[1] Нильский А. А. (1841—1899) — известный русский актер, артист Александринского театра

[2] Воронов Е. И. (ум. в 1868 г.) — режиссер Александринского театра.

9. Ф. ЛИСТУ [1]

(Отрывок, перевод с французского)

21 января (2 февраля) 1868 г., Веймар

Дорогой господин Лист!

Испытываю сейчас внутреннюю потребность написать Вам, чтобы сказать, что мне принесла счастье царящая в Веймаре духовная атмосфера, которая исходит от Вас. В течение недели, что я нахожусь здесь, я много думал о Вас, думал с чувством дружбы и благодарности (поверьте, что это не пустая фраза), и если я только могу Вам обязан принятием на веймарскую сцену моей трагедии «Смерть Иоанна», то [illegible] приятно думать, что той магнетической силе, которой Вы подкрепили Вашу рекомендацию, я обязан действительно неожиданным успехом этой пьесы при первом ее представлении. Состоялось оно в этот четверг, 30 января. Театр был переполнен, любопытных было больше, чем мест, и после окончания первого акта аплодисменты уже не прекращались. Меня несколько раз вызывали и оказали мне прием, который не могу назвать иначе, как триумфом. Правда, что и артисты, вдохновляемые как собственным добрым желанием, так и горячим интересом великого герцога, неимоверно потрудились на репетициях. Иоанна сыграл Лефельд. Годунова — Л'Аме. Лефельд был великолепен. Л'Аме превосходен, остальные почти все хороши. Маленькую роль царицы дивно исполнила мадемуазель Шарль в исторически достоверном костюме, сделанном по рисунку нашего академика Шварца. Словом, все замечательно удалось... <...>

10. К. К. ПАВЛОВОЙ

(Отрывок, перевод с немецкого и французского)

18(30) ноября 1808 г., Кривой Рог

Ну что же, моя глубокоуважаемая, дорогая госпожа Павлова, как обстоят дела с нашей работой? [2] Что до меня, то я благополучно довел до конца первое действие

[1] Лист Ференц (1811–1886) – выдающийся композитор, пианист, дирижер.

[2] Речь идет о переводе К. К. Павловой на немецкий язык «Царя Федора Иоанновича».

«Царя Бориса», и супруга моя говорит, что это *лучшее из всего написанного мной*. Звучание, во всяком случае, высокое — словно орган или колокольный звон. И именно этим торжественным аккордом, самым торжественным, какой я мог найти, я начинаю драму, вопреки всем правилам Фрейтага, которого, впрочем, ставлю очень высоко и его теорию ценю сейчас больше, чем прежде[1]. Невзирая на это, я полностью отбрасываю ее, *ибо чувствую, что должно быть так*. Что касается эффекта, то создать кульминацию теперь уже невозможно. Ни одному поэту в мире это бы не удалось. Но будет другая кульминация — нравственная. Герой, поднявший Россию на такую высоту (я и сам не знал, какая это была высота, пока не занялся исследованиями, необходимыми для моей драмы), простит себе свое преступление — и тут-то дьявол явится за ним. Вот Вы увидите, получится великолепно. Пока что могу Вам сказать, что я [illegible] время, когда писал экспозицию. Я три раза читал ее моей жене, и все три раза ее охватывали то же волнение. <...>

П. Е. М. МАРКЕВИЧУ

(Отрывок [illegible])

16 декабря 1868 г., Орел

<...> На том же [illegible] мне познакомили с директором здешнего театра, [illegible] из Петербурга, куда он ездил просить о каких-то льготах для своей группы. Ему, между прочим, сказали в Комитете *по делам печати*, что «Смерть Иоанна» всюду в провинции запрещена безусловно и бесповоротно. Но «Василиса Мелентьева» и «Опричник»[2] позволены при условии, что губернатор утвердит их к представлению. Лонгинов[3] в большом замешательстве от циркуляра, которым ему вменяется в обязанность следить за всеми пьесами, не разрешенными для провинции, ибо ему невозможно это знать. Пьесы разделены на несколько категорий: одни разрешены только в

[1] Имеется в виду книга немецкого писателя и теоретика литературы Г. Фрейтага (1816—1895) «Техника драмы», изданная в Лейпциге в 1863 г.

[2] Речь идет о пьесах А. Н. Островского и Н. И. Лажечникова, воссоздающих события того же времени, к которому относится и трагедия «Смерть Иоанна Грозного».

[3] В то время орловский губернатор.

столицах, другие в провинции, третьи — в столицах и в провинции, четвертые — в провинции с утверждения губернатора. Это весьма напоминает формы *парадную, праздничную, полную праздничную, полную парадную, походную праздничную и парадную походную*. Несколько наших лучших генералов сошло с ума от такой путаницы, несколько впало в детство — все застегиваясь да расстегиваясь, двое застрелилось. Сильно опасаюсь, как бы не случилось то же с губернаторами, как бы они не замычали и не встали на четвереньки.

Дорогой Маркевич, давайте представим Тимашеву [1] проект разделения нашего репертуара на пьесы, которые можно будет играть в *хороших губернских*, но не уездных, пьесы, которые будут играться только в *заштатных* городах, потом такие, которые можно будет давать в губерниях *хлебородных* и *черноземных*, и еще такие, которые будут даваться только в местностях песчаных, как Смоленск. Каменный уголь [illegible] должен быть принят в расчет. Что же касается [illegible] Новосильцев добывает нефть [2], то — поелику [illegible] единственен в своем роде,— я предлагаю, чтобы [illegible] ежегодно одну-единственную пьесу и чтобы [illegible] господин Вельо [3].

Весь Ваш

Ал. Толстой.

12. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Отрывки, перевод с французского)

7 февраля 1869 г., Красный Рог

Мой юный друг, я не ответил на два последние Ваши письма, потому что 1) я был погружен во второе действие «Бориса», 2) потому что, занимаясь норманским периодом нашей истории, я наткнулся на факт вполне известный, но весьма мало использованный, а именно [illegible] мужество дочерей Ярослава, и это побудило меня написать балладу [4], которую и прилагаю. Сделайте мне удо-

---

[1] Тимашев А. Е. (1818—1893) — министр внутренних дел.

[2] Уланский полковник А. Н. Новосильцев в 1860-е годы предпринял добычу нефти на Кубани.

[3] Вельо И. О. (1830—1899) — директор почтового департамента.

[4] «Песню о Гаральде и Ярославне».

вольствие и передайте ее Александрине Толстой в наказание за «Русскую историю»[1], которую она передала Вам. У Ярослава было три дочери — Елизавета, Анна и Анастасия. Анна вышла замуж за Генриха I, короля Франции, который, чтобы посватать ее, послал в Киев епископа Шалонского Роже в сопровождении 12 монахов и 60 рыцарей. Третья дочь, Анастасия, стала женой короля Венгрии Андрея. К первой же, Елизавете, посватался Гаральд Норвежский, тот самый, что воевал против Гаральда Английского и был убит за три дня до битвы при Гастингсе, стоившей жизни его победителю. Звали его Гаральд Гардрад, и так как он тогда находился еще в ничтожестве, то и получил отказ. Сраженный и подавленный своей неудачей, он отправился пиратствовать в Сицилию, в Африку и на Босфор, откуда вернулся в Киев с несметными богатствами и стал зятем Ярослава. Вот сюжет баллады. Дело происходит в 1045 году, за 21 год до битвы при Гастингсе. Эгерия[2] одобрила балладу, напишите — одобряете ли и Вы?

Что касается Ваших двух писем, то я мог бы стереть Вас в порошок, но это было бы несколько старомодно, и я говорю Вам только, что Вы грешите против первой заповеди — отнюдь не потому, что поклоняетесь Каткову, это дело вкуса, да я и сам надежду, что он человек достойный, хоть и [illegible] заблуждающийся, но желающий добра. Против первой заповеди Вы грешите иным образом: чтобы сокрушить меня, Вы сооружаете некий кумир Ваала, которому я никогда не поклонялся, и что есть мочи колотите по нему. Это Kustgriff[3], которым вообще пользуются наши критики, но Вас он недостоин. Я, например, находил где-то *цитаты, взятые в кавычки* и якобы извлеченные из текста, написанного мною, по которому якобы-критик и дубасил из всех сил; и в самом деле он имел бы на то полное основание, если бы текст был написан мной. Но все его красноречие рушилось, как только вы сравнивали цитату с <текстом>. А Вы делаете то же самое. Вы приписываете мне мысли и слова, не являющиеся моими. Если ты не хочешь истребить и уничто-

---

[1] Имеется в виду сатирическая «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева».

[2] Эгерия — пророчица, нимфа ручья, из которого весталки черпали воду для храма Весты; олицетворение мудрости, истины, рассудительности. Эгерией поэт называл свою жену С. А. Толстую.

[3] прием (*нем.*).

жить, как альбигойцев [1], немцев и поляков, из этого еще не следует, что ты сам хотел бы стать немцем или поляком. А если Европа дает погибать кандиотам, Европа изменяет своей роли и действует на татарский лад [2]. Я от нее отрекаюсь и призываю к негодованию всех тех, кто мыслит по-европейски. Все, что Вы говорите на этот счет,— вода на мою мельницу. <. . . .> Тенденций я не придерживаюсь, это Вам известно, но бывают тенденции невольные, и я собираюсь написать несколько баллад из нашего *европейского* периода, *так туда сердце и тянет*. Я буду писать их в промежутках между действиями «Царя Бориса», и одну из них я уже начал. Ненависть моя к *московскому периоду* — некая идиосинкразия, и мне вовсе не требуется принимать какую-то позу, чтобы говорить о нем то, что я говорю. Это не какая-нибудь тенденция, это — я сам. И откуда эти [illegible], что мы антиподы Европы? Над нами пробежало облако, облако монгольское, но было это всего лишь облако, и пусть черт его умчит как можно скорее. Я посвятил этому несколько слов в моем «Проекте постановки «Федора» — обнаружили ли Вы там какое-нибудь *самомнение*? Мне кажется, я больше *русский*, чем всевозможные Аксаковы и Гильфердинги [3], когда прихожу к выводу, что русские — *европейцы*, а не монголы. <. . .>

13. СТАСЮЛЕВИЧУ [4]

(Отрывок)

7 октября 1869 г., Красный Рог

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, несколько дней тому я вернулся из Германии. В Карлсбаде был я позже, чем ожидал, и не отвечал доселе на Ваше письмо потому, что не знал наверно, куда Вам писать. Теперь знаю, что Вы в Петербурге, и потому пишу. Могу Вам сообщить

---

[1] Альбигойцы — приверженцы еретической секты, существовавшей с XI в. в Западной Европе, выступавшие против католического духовенства, феодального гнета, частной собственности. В XII—XIV вв. были истреблены инквизицией.

[2] Речь идет о предательстве западными державами интересов восставшего в 1868 году с целью присоединения к Греции населения о. Кипра (Кандии), которые приняли сторону препятствовавшей этому присоединению Турции.

[3] Гильфердинг А. Ф. (1831—1872) — историк и фольклорист, автор труда по истории прибалтийских стран.

[4] Стасюлевич М. М. (1826—1911) — русский историк, общественный деятель, редактор ж-ла «Вестник Европы».

приятное для меня обстоятельство: «Царя Бориса» я почти кончил. Остается написать только три сцены. Сказать Вам, что оно нехорошо, было бы притворством. Оно положительно *хорошо*. Боюсь одного: цельность, которую я сохранил в этой трагедии более, чем в двух предшествующих, может придать многочисленным эпизодам значение одних *реплик* царю Борису, чтобы доставить ему случай выказать себя со всех сторон. Но это последнее условие исполнено.

Уж я сеяла, сеяла лен,
На все боки поворачивала!

Борис виден со всех сторон, является живым человеком. Тут ему и смерть приключилась, как говорится в сказках. Могу еще сказать, положа руку на сердце, что я свято следовал правилу, запрещающему в драме выводить людей, говорящих о погоде и об осетрине, как у Островского, безо всякой необходимости для движения драмы. У меня нет ни одного слова бесполезного. Хорошо или дурно, все прёт в один конец, in unum contendit. Нет искусственной завязки и нет сложного механизма, как в «Федоре». Механизм, может быть, сложнее беден, но цветов и красок более, чем в первых трагедиях. Если взять эту драму как последнюю из трагедий, то выйдет бессознательное применение драмного антитеатрального правила для трехэтажных зданий: внизу дорический орден, потом ионический, а наконец, коринфский. Движения и драматических положений очень много. Антицензурного не предвижу; впрочем, кто их знает! Надеюсь кончить трагедию скоро, но не дам ее Вам прежде, чем совесть моя успокоится. Надо будет ей немного полежать, а потом она будет пропущена через самое строгое сито, дабы не попалась в нее мякина, которая, несмотря на все старания, попадается в муке.

После Карлсбада я был в Веймаре и на Вартбурге, где происходило чтение «Федора» в великолепном переводе г-жи Павловой. Эффект превзошел мои надежды. <...>

14. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

30 ноября 1869 г., Красный Рог

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, отправка «Царя Бориса» замедлилась тремя днями, а именно: он отправляется *сегодня*, оттого, что после переписания его начи-

сто я нашел необходимым многое переправить. Вы найдете довольно помарок, но переправки написаны четко, так что нет, кажется, возможности ошибиться, разбирая их. Не удивляйтесь, что датского принца, жениха Ксении, я назвал Христианом, а не Иоанном, как называют его Карамзин и наша летопись. Барон Унгерн-Штернберг, строитель Балтийской железной дороги, узнав, что я собираю сведенья об этом принце, прислал мне целый свод выписок из датских хроник. Там он везде называется Христианом, и, вероятно, имя *Иоанна* назначалось ему по принятии православия, которого он принять не успел. В некоторых из этих выписок он называется незаконнорожденным. Это пришлось мне на руку, чтобы мотивировать его отравление, а имя Христиан я предпочел *Иоанну*, чтобы не повторять в трилогии имени Грозного. Предположение, что он умер от яда, находится и в наших летописях, но отравление приписывается Борису, что не сообразно с истиной. Я бросил подозрение на жену Бориса, дочь Скуратова, и это послужило мне для ее характеристики сообразно с показаниями голландца Масса [1]. Погодин прислал мне свою *драматическую повесть о царе Борисе*, где он выставляется невинным в смерти Дмитрия [2]. Это мне не годилось; он должен быть виновным; но я, согласно Погодину и Костомарову, выставил Лжедмитрия иным лицом, чем Григорий Отрепьев, и потому вывел последнего, в разбойничьей сцене, как самого пустого человека, вместе с Мисаилом Повадиным. Введение разбойника *Митьки* состоялось согласно с советом Шиллера, вложенным в уста маркиза Позы: «Er soll für die Träume seiner Jugend Achtung tragen!» [3] Одним словом, я отнесся к моей трагедии не легкомысленно, и если ошибся, то это не было: faute de conviction [4]. Сознаюсь, что идея трилогии родилась во мне только во время создания «Федора Иоанновича», а что до того я не любил Бориса. Max Müller [5] говорит, что слово, раз произнесенное, влияет на нас как посторонняя сила, и это я испытал на характере Бориса.

---

[1] Речь идет о написанном голландским купцом И. Массой, жившим в Москве в XVII в., «Кратком известии о Московии в начале XVII в.».

[2] Имеется в виду «История в лицах о царе Борисе Федоровиче Годунове» (1868) М. П. Погодина.

[3] «Пусть с уважением относится к мечтаниям своей юности!» (нем.). («Дон Карлос» Ф. Шиллера).

[4] ошибкой по убеждению (*франц.*).

[5] Мюллер Макс (1823—1900) — английский филолог-востоковед.

Я увидел его *объективно* и должен был подчиниться ему, каким я сам вообразил его сначала. So mußte er folgerecht werden [1].

Искренне Ваш

Ал. Толстой.

15. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

1 января 1870 г., Красный Рог

Многоуважаемый Михаил Матвеевич,

Получил я Ваше письмо (от штемпелю от 30 декабря) и спешу Вас искренне благодарить за откровенные замечания насчет первых двух актов «Бориса». Жаль мне, что Вы не говорили о том [illegible] замечания Ваши, Костомарова и Анненкова? И тогда исправить все частные мои погрешности и [illegible], не боясь, что замечания касаются целой постройки и целого содержания — тогда я не преданную возможность их переделать. Die Sache ist ein für alle Mal [illegible] [2].

Если не ошибаюсь, то замечания Костомарова должны относиться к историческим и [illegible] неверностям. Их много, но они допущены [illegible] как-то, явление в один день [illegible], которые, по истории, являлись в разные времена; [illegible] Мирандолы поручения, данного другому [illegible], в царствование Федора; говорение всех послов по-русски, присутствие турецкого посла, которого вовсе не было в царствование Бориса, но о котором говорят иностранные писатели, прибавляя, что Борис дал ему для султана свиную шкуру, наполненную дерьмом; название жениха Ксении не Иоанном, как называют его наши летописи, но Христианом, согласно иностранным источникам; название Гендриковны Эриком, а не Карлом, как он в самом деле назывался (эту последнюю вольность я позволил себе для избежания сопоставления его имени с именем правителя Швеции); свобода, данная Борисом Ксении видеться с женихом, противная обычаю, но выставленная у меня как *секретное* дозволение, согласное с характером Бориса; опала Романовых, отнесенная ко времени появления самозванца, но бывшая на деле ранее, и т. д. Если моя догадка верна и если *в этом* Костомаров меня упрекает, то я скажу, что все эти отступления

---

[1] Он должен быть последовательным, цельным (*нем.*).
[2] Дело уже раз и навсегда закончено (*нем.*).

от истории сделаны мною вследствие убеждения, что никакая историческая драма без них *невозможна* и что они составляют неотъемлемое право и даже *обязанность* драматурга, иначе он писал бы не драму, но историю в диалогах. Я часто спорил об этом с Костомаровым, но, кажется, это дело решенное Лессингом и Гёте [1], последним ganz ausdrücklich [2] в его разговоре с Эккерманом. Что касается до Анненкова, то, при всем моем к нему уважении, я совершенно расхожусь с ним в его взгляде на драму вообще и, признаться, не могу уяснить себе его теории. Откровенно сказать Вам, я не вижу, [illegible] считаю Вас одних компетентным судьею в эстетическом произведении. Тем более мне хотелось бы знать, в чем именно заключаются Ваши замечания? Если в частностях, быть может, я их улажу; если относительно содержания, то я скрепя сердце отвечу: «Non possumus!»[3] [illegible] этом позвольте мне, безо всякой задней мысли, [illegible] Вам предложение. Бра́ни на меня, разумеется, [illegible] много, а из-за меня и на Вас. Я ни за что не [illegible] быть причиной малейшего вреда для Вашего жу[illegible]. Прошу Вас сказать мне совершенно откровенно: не потому ли Вы приняли моего «Царя Бориса», что его еще не читали? И не оттого ли продолжаете хотеть его приобрести, что Вы мне так написали до его прочтения? Если оно так, то я не только не обижусь, но почту знаком уважения и доверия от Вас, если Вы почтете наши условия comme non avenus [4]. Если же оно не так, то я рад буду оставить его у Вас. Одним словом, ради бога, не стесняйтесь со мной из деликатности, да и не почтите меня обидчивым человеком. Я очень строг к другим и почитаю совершенно справедливым, чтобы были строги и ко мне. Из письма Вашего я заключаю, implicite [5], что Вы отложили печатанье, итак вопросительный знак моего первого к Вам письма о «Борисе» остается во всей своей силе. Прошу Вас написать мне несколько строк в Москву, где я пробуду несколько времени.

---

[1] А. К. Толстой в своем суждении основывается здесь на выводах «Гамбургской драматургии» Г.-Э. Лессинга и замечаниях Гете, записанных И.-П. Эккерманом («Разговоры с Гёте в последние годы его жизни»).

[2] окончательно (*нем.*).

[3] «Не можем!» (*лат.*).— Слова апостолов Петра и Иоанна, сказанные ими в ответ на приказ старейшин синедриона, высшего религиозного и правительственного учреждения в Иудее, не упоминать более нигде и никогда имени Иисуса Христа и его учения.

[4] недействительными (*франц.*).

[5] косвенным образом (*лат.*).

Прилагаю пакет с адресом. Не могу сказать наверно, когда именно приеду в Петербург.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь искренно Ваш

Ал. Толстой.

16. Б. М. МАРКЕВИЧУ

(Отрывок, перевод с французского)

[illegible] 1871 г., Дрезден

<...> Итак, я приступаю к [illegible]. Речь пойдет об искусстве. Вы говорите, что рядом с хорошими стихами я допускаю плохие. [illegible]. Я допускаю иногда плохие [illegible], но не плохие стихи. Плохие рифмы я сознательно допускаю в некоторых стихотворениях, где считаю себя вправе быть небрежным, — однако небрежным только в отношении рифмы. Я никогда не считаю себя вправе допускать плохой стих, и если допускаю — [illegible], но где же это и когда, черт возьми? [illegible] рифмы, я, знаете ли, прибегну к сравнению [illegible]. Есть род живописи, где требуется [illegible] правильность линии; таковы большие [illegible], называемые исторически-ми, умбрийской, флорентинской, даже и венецианской школы. Есть иная живопись, где самое главное — колорит, а до линии и дела почти нет. Таковы Рубенс, Рембрандт, Рейсдаль и другие фламандцы либо голландцы. И что же! — horribile dictu![3] — картины их *проиграли* бы, если бы линия в них была безукоризненна. Так вот, если я *пишу* картину больших размеров и в серьезном роде, согласен с Вами, что должен быть строгим в отношении рифм; но если я пишу балладу или какую-нибудь другую вещь, где главное — впечатление от целого, т. е. колорит, я могу быть небрежным в рифмах, лишь бы я этим не злоупотреблял и не рифмовал бы *середа с саранча*. Злоупотребление дурно как в поэзии, так и в живописи. Рембрандт злоупотреблял часто, Рубенс — временами, Рейсдаль — никогда. Остановимся на Рейсдале и сравним его

---

[1] Отрицаю и большее и меньшее (*лат.*).

[2] моя вина, моя величайшая вина (*лат.*) — формула покаяния и исповеди в религиозном обряде католиков.

[3] страшно сказать (*лат.*).

с его внучатным племянником Каламом [1]. Калам четок и правилен, рифма его всегда хороша; Рейсдаль часто небрежен (нарочно!) — и, ей-богу же, Рейсдаля я предпочитаю Каламу. Не хотел бы я расстаться с его неправильностями, как и с неправильностями Гоголя. Если Вас не устраивает пример с пейзажистами, возьмем Мурильо [2]. Линия у него весьма небрежная и всегда приносится в жертву колориту, а если бы она была у него четкая и правильная, он производил бы не тот эффект и не был бы Мурильо; его очарование [illegible] бы и впечатление было бы более холодным. Хотите пример из области поэзии? Возьмите у Гёте сцену с Маргаритой перед статуей Мадонны:

Ach neige
Du Schmerzenreiche [3],

и т. д.

Может ли быть [illegible] и убогое, чем рифмы в этой [illegible]? А она *единственная* по непосредственности, [illegible] в правдивости. Но попробуйте изменить фактуру, сделать ее более правильной, более *изящной* — [illegible]. Думаете, Гёте не мог лучше написать стихи? Он не захотел, и тут-то проявилось его изумительное поэтическое чутье. Некоторые вещи должны быть чеканными, иные же имеют право или даже не должны быть чеканными, *иначе они покажутся холодными*. Языки немецкий и английский допускают неправильность как рифмы, так и стиха. Русский язык допускает неправильность только рифмы. Для него это в поэзии единственный случай щегольнуть небрежностью. Само собою разумеется, что я не касаюсь здесь поэзии чисто народной, *былин* и т. д. В них другие правила, другие вольности, sie stehen auf einem anderen Gebiet [4]. Итак: я считаю, что действую в согласии с духом русского языка, будучи беспощадно требовательным к стиху и позволяя себе *иногда* рифмовать кое-как. Тут вопрос чутья и такта. Уж не изменили ли они мне? Возможно, но я-то защищаю самый принцип. Если же перейти от вещей отвлеченных к конкретным, скажу Вам, что двумя неделями, проведенными в Дрездене, я воспользовался для того,

---

[1] Калам А. (1810 – 1864) — швейцарский художник-пейзажист романтического направления.

[2] Мурильо Б.-Э. (1618 – 1682) — известный испанский живописец, президент Академии художеств в Севилье.

[3] Снизойди, многострадальная (*нем.*).

[4] они относятся к иной области (*нем.*)

чтобы отделать первое действие «Посадника», и не думаю, чтобы там был хоть один плохой стих, равно как в «Федоре» или «Борисе». А если Вам такие стихи известны, укажите мне на них, я с ними расправлюсь немедленно и беспощадно. Посадник — главная фигура, и, отделывая стих, я также отделывал и характер, который, как мне представляется, уже в самой экспозиции дан вполне определенным образом. Этого я и добивался — ведь экспозиция не должна оставлять сомнений насчет характеров. Она должна заключать в себе семена развития как будущих событий, так и каждого действующего лица, и читатель должен вполне отчетливо видеть, какого рода перед ним семена, чтобы в дальнейшем для него не было *неожиданностей*. Неожиданности — это для водевиля, а не для драмы, интерес которой никогда не должен основываться на любопытстве [illegible], потому что, если бы это было так, он ходил бы смотреть пьесу только один раз. Так как историческим у меня является только фон картины, то я располагал большей свободой движения, чем в трех предыдущих драмах, и мог создать нечто органически цельное, где все [illegible] более тесно. Если даст бог жизни, [illegible] в Пизе завершить свое начинание, [illegible] перевести дыхание и не помешает ветра [illegible]

17. К. САЙН-ВИТГЕНШТЕЙН

(Отрывок, перевод с французского)

13(25) марта 1872 г. Венеция

Что меня особенно огорчает, это то, что Вы говорите: «Может быть, я недостаточно поняла?..» Если бы Вы получили мое письмо, Вы бы увидели, насколько я *был счастлив*, что Вы меня так хорошо поняли. Только Вы, как всегда, прежде всего заметили все, что есть хорошего в «Борисе», и немного закрыли глаза на его недостатки, из которых главнейший — *отсутствие единства*. Вы хорошо сказали, что эта драма — пьедестал, воздвигнутый мною для «Бориса», но Вы не захотели заметить, что подробности этого пьедестала затмевают статую и что от этого главное лицо, т. е. Борис, остается почти бездеятелен.

Его историческая бездеятельность не является извинением для поэта, и если есть смягчающие обстоятельства для него, это что его драма, в сущности, не есть драма, а только катастрофа трилогии, и имеет лишь это одно достоинство, если таковое у нее есть.

Я не хочу унижаться паче гордости, милая княгиня, и сознаю, что есть хорошие сцены в «Борисе» и что эти сцены могут произвести впечатление в театре; но они разрозненны и держатся между собой только тем, что все относятся некоторым образом к главному лицу. Г-жа Павлова отнеслась более строго к «Борису», чем Вы, и не хотела его переводить. Но зато я очень был удивлен и приятно поражен, получив давно несколько отрывков перевода, принадлежащего княжне Эмилю Виттенштейну, который уже довел [illegible] переводе до 4-го акта. Его перевод, за исключением нескольких ошибок в специальных выражениях, и хорош и поэтичен.

...Я думаю, что до моего возвращения в Россию он его окончит и издаст, и тогда я Вам пошлю один или два экземпляра для Вас, и главное — для Листа, которого я не сумею достаточно благодарить за его память; эта память мне делает честь [illegible] трогает с одинаковой силой, т. е. всякое дружеское заявление с его стороны мне так же дорого, как первое.

Вообще очень трудно истолковать мою благодарность — и меня не надо судить по моим припадкам молчания.

Что я Вам скажу о моих занятиях? Я написал много маленьких стихотворений, баллад и других; несколько из них уже переведены по-немецки; но моя главная работа (Hauptwerk), которую я начал и которая прервана головными болями и отсутствием нравственного спокойствия, это — новгородская драма XIII столетия; она будет называться: «Посадник»... Одно действие окончено, другие же только набросаны, и я жду «счастливой минуты», чтобы сесть за работу.

Так как сюжет не исторический, а взят лишь из нравов того времени и того города, то у меня шире поле и я мог сделать «ein regelrechtes Stück» с «Steigerung», «Höhenpunkt»[1] и т. п. ...Эта работа меня привлекает; лишь бы наступил благоприятный час, я надеюсь ее скоро докончить. <...>

---

[1] вещь, отвечающую всем правилам, [с] нарастанием, кульминационным пунктом *(нем.)*.

18. А. ГУБЕРНАТИСУ[1]

(Отрывок, перевод с французского)

20 февраля (4 марта) 1874 г., Ментона

<...> В письме к моей жене Вы просите у нее биографических подробностей, касающихся моей литературной деятельности. Она уже кое-что сообщила Вам, но и я сам, со своей стороны, постараюсь представить Вам возможно более полную исповедь, ибо это единственный способ, которым я могу показать, насколько я признателен Вам за Ваше внимание [illegible] и как ценно для меня, чтобы обо мне знал такой человек, как Вы. Не будьте же в претензии, если это [illegible] сделает меня многословным. Вы выберете подходящее для Вас из всего, что я Вам сообщу, и простите мне остальное ради моего величайшего к Вам доверия. Итак, я начинаю:

Я родился в С.-Петербурге в 1847 году, но уже шести недель от роду был [illegible] в Малороссию своей матерью и дядей с материнской стороны с-ном Алексеем Перовским, впоследствии [illegible] Харьковского университета, известным в русской литературе под псевдонимом Антоний Погорельский. Он воспитал меня, первые годы мои прошли в его имении, поэтому я и считаю Малороссию своей настоящей родиной. Мое детство было очень счастливо и оставило во мне одни только светлые воспоминания. Единственный сын, не имевший никаких товарищей для игр и наделенный весьма живым воображением, я очень рано привык к мечтательности, вскоре превратившейся в ярко выраженную склонность к поэзии. Много содействовала этому природа, среди которой я жил; воздух и вид наших больших лесов, страстно любимых мною, произвели на меня глубокое впечатление, наложившее отпечаток на мой характер и на всю мою жизнь и оставшееся во мне и поныне. Воспитание мое по-прежнему продолжалось дома. В возрасте 8 или 9 лет я отправился вместе со своими родными в Петербург, где был представлен цесаревичу, ныне императору всероссийскому, и допущен в круг детей, с которыми он проводил воскресные дни. С этого времени благосклонность его ко мне никогда не покидала меня. В следующем году мать и дядя взяли меня с собою в Германию. Во время нашего пребы-

[1] Губернатис А. (1840—1913) — итальянский драматург, лингвист, историк литературы.

вания в Веймаре дядя повел меня к Гёте, к которому я инстинктивно был проникнут глубочайшим уважением, ибо слышал, как о нем говорили все окружающие. От этого посещения в памяти моей остались величественные черты лица Гёте и то, что я сидел у него на коленях. С тех пор и до семнадцатилетнего возраста, когда я выдержал выпускной экзамен в Московском университете[1], я беспрестанно путешествовал с родными как по России, так и за границей, но постоянно возвращался в имение, где протекли мои первые годы, и всегда испытывал особое волнение при виде этих мест. После смерти дяди, сделавшего меня своим наследником, в 1836 году[2] был, по желанию матери, причислен к русской миссии при Германском сейме во Франкфурте-на-Майне; затем я поступил на службу во II Отделение собственной е. и. в. канцелярии, редактирующее законы. В 1853 году я пошел добровольцем в новообразованный стрелковый полк императорской фамилии, чтобы принять участие в Крымской кампании; но нашему полку не пришлось быть в деле, он дошел только до Одессы, где им пришлось более тысячи человек от тифа, которым заболел и я. По случаю коронации в Москве император Александр II изволил назначить меня флигель-адъютантом. Но так как я никогда не готовился быть военным и намеревался оставить службу тотчас же после окончания войны, я вскоре представил мои сомнения на усмотрение е. в., и государь император, приняв мою отставку[3] с обычной для него благосклонностью, назначил меня егермейстером своего двора; это звание я сохраняю до настоящего времени. Вот летопись внешних событий моей жизни. Что же касается до жизни внутренней, то постараюсь поведать Вам о ней, как сумею.

С шестилетнего возраста я начал марать бумагу и писать стихи — настолько поразили мое воображение некоторые произведения наших лучших поэтов, найденные мною в каком-то толстом, плохо отпечатанном и плохо сброшюрованном сборнике в обложке грязновато-красного цвета. Внешний вид этой книги врезался мне в память, и мое сердце забилось бы сильнее, если бы я увидел ее вновь. Я таскал ее за собой повсюду, прятался в саду или в роще, лежа под деревьями и изучая ее часами. Вскоре я уже знал ее наизусть, я упивался музыкой разнообраз-

[1] т. е. в 1835 г.
[2] На самом деле — в начале 1837 г.
[3] В сентябре 1861 г.

ных ритмов и старался усвоить их технику. Мои первые опыты были, без сомнения, нелепы, но в метрическом отношении они отличались безупречностью. Я продолжал упражняться в течение многих лет, совершенствуясь насколько мог, но печататься начал лишь в 1842 году[1], причем дебютировал не стихами, а несколькими рассказами в прозе. В 1855 году я напечатал впервые в разных журналах несколько лирических и эпических стихотворений[2], позднее же помещал свои стихи ежегодно в «Вестнике Европы» и в «Русском вестнике».

Так как Вы желали иметь характеристику моей духовной жизни, то скажу Вам, что, кроме поэзии, я всегда испытывал неодолимое влечение к искусству вообще, во всех его проявлениях. Та или иная картина или статуя, равно как и хорошая музыка, производили на меня такое сильное впечатление, что волосы мои буквально поднимались на голове. Тринадцати лет от роду я совершил с родными первое путешествие в Италию. Невозможно было бы передать всю силу моих впечатлений в тот переворот, который произошел во мне, когда сокровища искусства открылись моей душе, предчувствовавшей их еще до того, как я их увидел воочию. Мы начали в Венеции, где дядя мой сделал значительные приобретения в старинном дворце Гримани. В их числе был приписываемый Микеланджело бюст молодого фавна, одна из великолепнейших вещей, какие я только знаю, в настоящее время он находится в С.-Петербурге и принадлежит графу Павлу Строгонову. Когда его перенесли в отель, где мы жили, я не отходил от него. Ночью я вставал посмотреть на него, и нелепейшие страхи терзали мое воображение. Я задавал себе вопрос, что я смогу сделать для спасения этого бюста, если в отеле вспыхнет пожар, и пробовал поднять его, чтобы убедиться, смогу ли унести его на руках. Из Венеции мы отправились в Милан, во Флоренцию, в Рим и в Неаполь, и в каждом из этих городов увеличивались во мне энтузиазм и любовь к искусству, так что по возвращении в Россию я впал в настоящую *тоску по родине* — по Италии, в какое-то отчаянье, отказываясь от пищи и рыдая по ночам, когда сны уносили меня в мой потерянный рай. К этой страсти к Италии вскоре присоединилась другая,

---

[1] В 1841 г. была издана повесть А. К. Толстого «Упырь».

[2] Первое стихотворение «Бор сосновый в стране одинокой стоит...» было опубликовано в 1843 г.

составлявшая с нею странный контраст, на первый взгляд могущий показаться противоречием: это была страсть к охоте. С двадцатого года моей жизни она стала во мне так сильна и я предавался ей с таким жаром, что отдавал ей все время, которым мог располагать. В ту пору я состоял при дворе императора Николая[1] и вел весьма светскую жизнь, имевшую для меня известное обаяние; тем не менее я часто убегал от нее и целые недели проводил в лесу, часто с товарищем, но обычно один. Среди наших записных охотников я скоро приобрел репутацию ловкого охотника на медведей и лосей и с головой погрузился в стихию, так же мало соприкасающуюся с моими артистическими наклонностями, как и с моим официальным положением; это увлечение не осталось без влияния на колорит моих стихотворений. Многое, это ему я обязан тем, что почти все они [illegible] в мажорном тоне, тогда как мои соотечественники [illegible] большей частью в минорном. В старости я намерен описать многие захватывающие эпизоды из этой жизни в лесу, которую я вел в лучшие свои годы и от которой нерешняя моя болезнь оторвала меня, быть может, навсегда. Теперь же могу только сказать, что любовь моя к нашей дикой природе проявлялась в моих стихотворениях так же, по-видимому, часто, как и свойственное мне чувство пластической красоты.

Что касается нравственного направления моих произведений, то могу охарактеризовать его, с одной стороны, как отвращение к пошлому, с другой — как ненависть к ложному либерализму, стремящемуся не возвысить то, что низко, но унизить высокое. Впрочем, я полагаю, что оба эти отвращения сводятся к одному: ненависти к лжепотизму, в какой бы форме он ни проявлялся. Могу прибавить еще к этому ненависть к педантической пошлости наших так называемых прогрессистов с их проповедью утилитаризма в поэзии. Я один из двух или трех писателей, которые держат у нас знамя искусства для искусства, ибо убеждение мое состоит в том, что назначение поэта — не приносить людям какую-нибудь непосредственную выгоду или пользу, но возвышать их моральный уровень, внушая им любовь к прекрасному, которая сама найдет себе применение безо всякой пропаганды.

Эта точка зрения прямо противоречит доктрине, царящей в наших журналах, и потому, делая мне честь считать

[1] С 1843 г. — в придворном звании камер-юнкера; с 1851 г. — церемониймейстера.

меня главным представителем враждебных им идей, они осыпают меня бранью с пылом, достойным лучшего применения. Наша печать почти целиком находится в руках теоретиков-социалистов, поэтому я являюсь мишенью для грубых нападок со стороны многочисленной клики, у которой свои лозунги и свой заранее составленный проскрипционный список. Читающая же публика, наоборот, высказывает мне несомненное расположение.

Моим первым крупным произведением был исторический роман, озаглавленный «Князь Серебряный». Он выдержал три издания, его очень любят в России, особенно представители низших классов. Имеются переводы его на французский, немецкий, английский, польский и итальянский языки. Последний [illegible], три года назад веронским профессором Патуцци [illegible] в сотрудничестве с одним русским г-ном, Задлером[1], появился в миланской газете «La perseveranza». Он очень хорош и выполнен весьма добросовестно. Затем мною [illegible] написана трилогия «Борис Годунов» в трех [illegible] драмах, первая из которых, «Смерть Иоанна [illegible]», часто шла на сцене в С.-Петербурге, а также в провинции, где она, впрочем, запрещена в настоящее время циркуляром министра внутренних дел. Шла она с большим успехом и в Веймаре в прекрасном немецком переводе г-жи Павловой. Существуют ее переводы на французский, английский и польский языки. Вторая часть трилогии, «Царь Федор» (переведенная на немецкий и на польский), была запрещена для постановки, как только появилась в печати. Это — самое лучшее из моих стихотворных и прозаических произведений, и в то же время оно вызвало больше всего нападок в печати. В связи с этим я должен упомянуть выпущенную мною брошюру[2], где даны указания к ее постановке и где, между прочим, опровергнуты доводы, на основании которых она была запрещена для сцены. Третья часть трилогии называется «Царь Борис»; на сцену она тоже не была принята.

Есть также собрание моих лирических и эпических стихотворений, к которым присоединена драматическая поэма «Дон Жуан», переведенная на немецкий язык г-жою Павловой. Со времени издания этого сборника я написал много баллад и лирических стихотворений, рассеянных, глав-

---

[1] Задлер Л. К. (1842—1885) — пианист.

[2] Имеется в виду статья писателя «Проект постановки на сцену трагедии «Царь Федор Иоаннович», опубликованная в «Вестнике Европы» (1868, № 12).

ным образом, в «Вестнике Европы» и в «Русском вестнике»; из них я намерен в скором времени составить новый сборник. Лучшею из своих баллад считаю я ту, которая называется «Легенда»: она напечатана в «Вестнике Европы» за 1869 год [1]. Среди стихотворений, не вошедших в сборник, есть одно под заглавием «Поток-богатырь», в котором в сатирической форме изложены мои социально-политические взгляды. Оно имело огромный успех по всей России и навлекло на меня целую лавину оскорблений со стороны журналов. Три года назад оно было упомянуто в Вашей «Rivista Europea».

Резюмируя свое положение в нашей литературе, могу сказать не без удовольствия, что представляю собою пугало для наших демократов-социалистов [2] и в то же время являюсь любимцем наших покровителями которого они себя считают. Любопытен, кроме всего прочего, тот факт, что, в то время как журналы [illegible] именем ретрограда, власти считают меня революционером.

Вот, любезнейший [illegible], моя история, как внешняя, так и внутренняя. Боюсь, что она показалась Вам чересчур [illegible] всяком случае, я избавил Вас от своих [illegible], которые, принимая во внимание, как напряженно [illegible] мною и страдания и радости, сыграли [illegible] роль в моей жизни и не могли не отразиться [illegible]. Впрочем, думаю, что в этом я [illegible] судьбу всех вообще поэтов. <...>

Всем сердцем Ваш

Алексей Толстой.

---

[1] Имеется в виду баллада «Змей Тугарин», опубликованная впервые в № 2 «Вестника Европы» за 1868 г. под заглавием «Былина».

[2] Не разделяя взглядов революционных демократов 60-х гг. на социальную сущность и назначение искусства, А. К. Толстой тем не менее своим творчеством сыграл известную роль в общем процессе демократизации и гуманизации русской литературы.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ
И ЕГО РОМАН «АННА КАРЕНИНА»

П. М. Третьяков, известный московский собиратель картин, очень хотел, чтобы в его галерее были представлены портреты знаменитых писателей его времени, выполненные кистью русских художников. У него уже были портреты Тургенева, Достоевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, а Л. Толстого не было. И Третьяков просит художника И. Н. Крамского поехать в Ясную Поляну. «Прошу вас,— говорил Третьяков,— сделайте одолжение для меня, употребите все ваше могущество, чтобы добыть этот портрет» [1].

И Крамской поехал в Ясную Поляну. Это было осенью 1873 года. Как раз в эти дни Толстой обдумывал и начинал писать «Анну Каренину». Ему ни с кем не хотелось видеться и разговаривать. «Я как запертая мельница»,— сказал он о себе в письме к одному из своих знакомых. Крамской не застал Толстого дома. Художнику сказали, что Лев Николаевич куда-то отлучился. Крамской пошел его разыскивать. Он спросил у работника, рубившего дрова:

— Не знаешь ли, голубчик, где Лев Николаевич?

Работник распрямился, взглянул на него внимательно и ответил:

— А вам он зачем? Это я и есть.

Так произошла встреча Крамского с Толстым.

Сначала Толстой отказывался позировать художнику. Но Крамской

[1] Переписка И. Н. Крамского. Крамской и Третьяков, М., 1953, с. 64.

«употребил все свое могущество» и все же уговорил его. И начались сеансы в яснополянском доме. Крамской работал сразу на двух холстах. Один портрет предназначался для семьи Толстого, а другой — для Третьяковской галереи.

«У нас теперь всякий день бывает художник живописец Крамской,— сообщала С. А. Толстая своей сестре Т. А. Кузминской,— и пишет два Левочкиных портрета масляными красками... замечательно похожи, смотреть страшно даже» [1].

Многое поразило Крамского в облике и образе мыслей Толстого. Перед ним был уже не тот человек, который написал когда-то «Детство», «Казаков» и «Войну и мир». Крамской почувствовал, что в Толстом происходит какая-то важная перемена. И ему удалось схватить выражение и общую атмосферу того времени, когда Толстой начинал работу над своим современным романом. В письме к Репину художник рассказывал о своих впечатлениях: «А граф Толстой, которого я писал, интересный человек, даже удивительный. Я провел с ним несколько дней и, признаюсь, все время был в возбужденном состоянии. На гения смахивает...» [2]

Что касается Толстого, то для него художник Крамской тоже был находкой. Толстому нравилась его «очень хорошая и художественная натура» [3]. Он увлекся беседами с художником во время длительных сеансов. Они говорили об «избранном пути» в жизни и в искусстве, о «старых мастерах» и новом отношении к живописи, о правде творчества и просвещении народа. Некоторые из этих бесед нашли затем отражение на страницах «Анны Карениной», особенно там, где изображен художник Михайлов.

Крамского поразила цельность натуры Толстого. Он понял, может быть, самую важную особенность эпического мышления автора «Анны Карениной». «Я помню удовольствие в первый раз от встречи с человеком, у которого все детальные суждения крепко связаны с общими положениями, как радиусы с центром,— пишет Крамской.— О чем бы речь ни шла... суждение поражало своеобразностью точки зрения» [4].

Портрет Толстого, созданный в 1873 году в Ясной Поляне, представляет собой пластическое, художественное выражение целой эпохи в жизни великого писателя. Перед нами автор «Анны Карениной», вполне сложившийся человек, полный раздумий о современности, об истории, о душе человеческой. По свидетельству людей, близко знавших Толстого в те годы, сходство, которого достиг Крамской, было поразительным.

В. В. Стасов говорил: «Все те высокие и своеобразные элементы, кото-

---

[1] Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963, с. 149.

[2] Крамской И. Н. Письма. Статьи, т. II. М., 1965, с. 238.

[3] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90-та томах (юбилейное издание). М., 1928—1957, т. 62, с. 60. В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно: указывается том и страница.

[4] Крамской И. Н. Письма. Статьи, т. II, с. 170.

рые образуют личность графа Толстого: оригинальность, глубина ума, феноменальная сила творческого дара, доброта, простота, непреклонность воли,— все это с великим талантом нарисовано Крамским на лице графа Толстого» [1].

I

Каждое новое произведение Льва Толстого было настоящим открытием для читателя. Но оно было открытием и для автора. «Содержание того, что я писал,— говорил Толстой,— было мне так же ново, как и тем, которые читают» [2].

В каждой новой книге Толстому прежде всего дорога была ее главная мысль. Так, если в «Войне и мире» он, по собственным словам, «любил мысль народную, вследствие войны 1812 года», то в «Анне Карениной» он любил «мысль семейную». Конечно, и в «Войне и мире» есть семейная хроника, и в «Анне Карениной» есть картины народной жизни. Но мысль, которую любил автор, является как бы мощным источником света, определяющим распределение теней в его живописи и глубину изображения.

Над «Войной и миром» Толстой работал в течение пяти лет; на «Анну Каренину» было положено приблизительно столько же времени. «Книга о прошлом» — «Война и мир» — и «роман из современной жизни» — «Анна Каренина» — принесли Толстому-художнику мировую известность и признание.

Толстой был в равной мере историчен и современен в своих творческих замыслах. «Я вывел неотразимое заключение,— отмечал Достоевский,— что писатель художественный, кроме поэмы, должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность. У нас, по-моему, один только блистает этим — граф Лев Толстой» [3].

Как «Война и мир» была открытием исторической народной жизни, так «Анна Каренина», поразившая современников «вседневностью содержания», была открытием современности, ее закономерностей, скрытых в глубине текущих событий.

Толстой принадлежал к великой плеяде русских писателей XIX века. В 70-е годы наряду с Тургеневым, Некрасовым, Островским, Достоевским он разрабатывал «историю души человеческой» в ее отношении к обществу, к истории, к прошлому и будущему родной страны. Толстой находил в русской литературе опору и поддержку своих смелых исканий правды и справедливости.

---

[1] Стасов В. В. Статьи и заметки, т. III, М., 1954, с. 123.
[2] Толстой Л. Н., т. 65, с. 18.
[3] Достоевский Ф. М. Письма, т. III, М.— Л., 1934, с. 206.

В 70-е годы были созданы такие классические произведения, как «История одного города» и «Современная идиллия» Салтыкова-Щедрина, «Вешние воды» и «Новь» Тургенева, «Подросток» и «Последние песни» Некрасова. «Бесы» Достоевского, «Русские женщины» и «Очарованный странник» Лескова, «Обыкновенная история» и «Лес» Островского, «Неизданный ангел» и «Деньги» Целая эпоха в русской литературе! К этой эпохе принадлежала и «Анна Каренина».

Именно в эти годы обозначился исторический смысл стремления «избавиться от всех наследственных грехов». «Чистота нравственного чувства», которую отметил еще Н. Г. Чернышевский в ранних произведениях Толстого, раскрывалась с новой силой в его зрелом романе. «Анна Каренина» была одной из самых смелых попыток в русской литературе 70-х годов ответить на вопросы, которые уже были поставлены самой жизнью. Художественные завоевания Толстого возникали из глубокого исследования действительности и смелой переоценки ценностей.

Именно эта переоценка ценностей стала источником духовного кризиса Толстого и привела к перелому в его миросозерцании в конце 70-х — начале 80-х годов. Вслед за «Анной Карениной» Толстой написал свою «Исповедь», первое философское сочинение из целого ряда публицистических работ, созданных им в позднейшие годы. «Со мной случился переворот,— признавался Толстой,— который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл» [1].

О том, как совершался этот переворот, можно судить по роману «Анна Каренина», в котором отразились и духовные искания Толстого, и его стремление понять через частные, семейные обстоятельства общие закономерности современной жизни. В истории Левина и Кити воплощены не только ранние, поэтичные воспоминания Толстого о начальной поре его семейной жизни в Ясной Поляне, но и некоторые черты позднейших, усложнившихся отношений с окружающими и к окружающему. Уже в 1871 году Софья Андреевна Толстая записывала в своем дневнике: «Что-то пробежало между нами, какая-то тень, которая разъединила нас... С прошлой зимы, когда Левочка и я, мы были оба так больны, что-то переломилось в нашей жизни. Я знаю, что во мне переломилась та твердая вера в счастье и в жизнь, которая была» [2].

Тень разлада скользит по всей книге Толстого. Она возникает именно в семье, в узком, домашнем кругу, принимает различные формы в доме Карениных, в семействе Облонского, в имении Левина, и остается тенью, которая разъединяет близких людей. «Мысль семейная» приобретает особенную остроту, становится тревожным фактором времени, потому что разлад

---

[1] Толстой Л. Н., т. 23, с. 40.
[2] Толстая С. А. Дневники, т. I. М., 1978, с. 84.

выходит за пределы семейного круга и захватывает важные области общественного быта.

«Началось с той поры,— вспоминал Толстой в 1884 году,— 14 лет, как лопнула струна, и я сознал свое одиночество»[1]. Значит, это произошло именно в те годы, когда он задумал «Анну Каренину». Толстой по-прежнему хотел жить в согласии «с собой, с семьей», но у него возникали новые философские и жизненные побуждения, которые приходили в противоречие с установившимся жизненным укладом барской усадьбы, что усиливало разлад в семье. Те же тревожные ощущения были и у Левина. В Покровском варят варенье, пьют чай на террасе, наслаждаются солнцем, тенью и тишиной. А Левин по дороге из усадьбы в деревню думает: «Им там все праздник, а тут дела не праздничные, которые не ждут и без которых жить нельзя». «Давно уже ему хозяйственные дела не казались так важны, как нынче». Некоторые мысли Левина похожи на дневниковые записи Толстого.

Толстой чувствовал и свое одиночество, и свою кровную связь с народной жизнью, и отчаяние от сознания своего бессилия разрешить мучившие его вопросы, и надежду найти это разрешение в слиянии с народом. Но свою прежнюю веру в законность и справедливость усадебного уклада он уже утратил, а жить по механическим правилам налаженного быта тоже не мог.

Разрушались не только бытовые привычные представления, но и все идеологические, философские и религиозные верования. Переоценка ценностей была мучительным процессом, и Толстой иногда ощущал совершенную опустошенность. «Я всеми силами стремился прочь от жизни,— пишет он в «Исповеди».— Мысль о самоубийстве пришла мне так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни»[2].

Не потому ли в романе «Анна Каренина» эта тема заняла такое большое место? «И, счастливый семьянин, здоровый человек, Левин был несколько раз так близок к самоубийству,—пишет Толстой,— что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нем, и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться». Он тогда жил «под угрозой отчаяния».

Эта угроза довела до гибели Анну Каренину, когда она почувствовала «невозможность борьбы». И Вронский стреляется, но неудачно. Герои Толстого «естественно» проходят через крайние пределы отчаяния, как проходил через них и сам Толстой. В каждом из героев «Анны Карениной» есть нечто от мироощущения Толстого, от его сознания мучительности самого процесса «переоценки ценностей».

Толстой в своей «Исповеди» написал: «Я жил дурно». Этим он хотел сказать, что, живя «как все», он мало думал об «общем благе», заботился лишь об «улучшении своей жизни», был погружен в привычный мир помещичьего усадебного быта. И постепенно ему открылась историческая и

---

[1] Толстой Л. Н., т. 49, с. 98.
[2] Там же, т. 23, с. 12.

нравственная несправедливость этой жизни, и у него возникло желание отречься от этой жизни «в исключительных условиях эпикурейства», «удовлетворения похоти и страстям». Но именно в этих условиях и живут герои его романа — Анна, ее родной брат Облонский, Вронский, Яшвин и другие.

Один Левин, который знал все соблазны эпикурейства, в том числе и соблазн «праздного умствования», усомнился в правильности своей жизни. И он мог повторить вслед за Толстым: «это и спасло меня», «благодаря природной любви к простым людям». «Я спасся от самоубийства,— пишет Толстой в «Исповеди».— Постепенно, незаметно возвратилась ко мне эта сила жизни... Я вернулся во всем к самому прежнему, детскому, юношескому» [1].

В последней части романа Толстой рассказывает о встрече Левина с простым крестьянином Федором во время уборки урожая: «Было самое спешное рабочее время, когда во всем народе проявляется такое необыкновенное напряжение самопожертвования в труде, какое не проявляется ни в каких других условиях жизни и которое высоко ценимо бы было, если бы люди, проявляющие эти качества, сами ценили бы их, если б оно не повторялось каждый год и если бы последствия этого напряжения не были так просты».

«Необыкновенное напряжение самопожертвования», которое Левин вдруг увидел и почувствовал в народе, совершенно изменило образ его мыслей. Ни в каких других условиях жизни он не мог бы так близко подойти к самому смыслу жизни, как именно в это «спешное рабочее время». Его собственные затруднения, рационально построенные доводы вдруг разлетелись, как «паутина» под напором свежего ветра. И новые «значительные мысли толпою как будто вырвались откуда-то иззаперти и, все стремясь к одной цели, закружились в его голове, ослепляя его своим светом».

Левин так же, как Толстой, искал «общей жизни человечества». И когда он почувствовал, что это возможно — приобщиться к тому, чем живет великий народный мир,— его отчаяние прошло так же естественно, как и возникло. «Спасло меня только то, что я успел вырваться из своей исключительности и увидать жизнь настоящую простого рабочего народа,— пишет Толстой в «Исповеди»,— и понять, что это только есть настоящая жизнь» [2].

Чувствуя свое «отпадение» (слово из «Исповеди» Толстого) от верований, традиций, условий жизни «своего круга», Левин хотел понять жизнь тех, кто «делает жизнь», «и тот смысл, который он придает ей». «Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ, и я обратился к нему и к тому смыслу, который он придает жизни!» Только так он мог спастись от «угрозы отчаяния».

«Жизнь моя теперь,— думает Левин,— вся моя жизнь, независимо от

[1] Толстой Л. Н., т. 23, с. 46.
[2] Там же, с. 43.

всего, что может случиться со мной, каждая минута ее — не только по бессмысленна, какою была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!» Этими словами и заканчивается роман «Анна Каренина».

«Мысль народная» в «Анне Карениной» вырастает из зерна «мысли семейной». Оба эти начала в романе Толстого неразрывно связаны друг с другом. Эта связь определяется не только романическим замыслом Толстого, но и закономерностями его развития как художника и мыслителя. В его духовных исканиях отразилась целая эпоха русской жизни.

Именно в 70-е годы, через десять лет после крестьянской реформы, Толстой написал свой современный роман. «Острая ломка всех «старых устоев» деревенской России,— пишет В. И. Ленин,— обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его мировоззерцания. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России,— он порвал со всеми привычными взглядами этой среды» [1]. И это тоже было следствием его «народной мысли».

Так, двумя кругами — сжимающимся и ведущим к отчаянию кругом жизни «исключений» и расширяющимся кругом полноты бытия и «настоящей жизни» — очерчен мир современного романа Толстого. Именно поэтому «Анна Каренина» — цельное произведение, со строгой внутренней закономерностью развития сюжета и характера героев. В романе есть неотвратимая логика, которая предопределяет завязку и разрешение конфликта и соотношение всех частей, в которых нет ничего лишнего,— признак классической простоты в искусстве.

II

«Анна Каренина» — энциклопедический роман. Целая эпоха с ее надеждами, страстями, тревогами отразилась в книге Толстого. Это была эпоха огромного исторического значения. «Шум времени» до предела наполнял Ясную Поляну, где Толстой писал свой «роман из современной жизни».

Одна из заметок Достоевского об «Анне Карениной» называется «Злоба дня». «У писателя-художника в высшей степени, беллетриста по преимуществу» Достоевский нашел воплощение «настоящей злобы дня», то есть всего важнейшего, «что есть важнейшего в наших текущих вопросах, и как бы собранное в одну точку» [2].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 39—40.
[2] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. 25, с. 51.

Герои толстовского романа и сам Толстой — это люди, выросшие при крепостном праве, видевшие крушение векового уклада, «старых устоев» и принадлежащие вместе с тем новому, «переходному времени» — 70-м годам. Толстой уловил в самой эпохе «метания мысли», неустойчивость, шаткость. «Все смешалось...» — формула лаконичная и многозначная. С нее и начинается роман.

Деятели освобождения, боровшиеся против крепостного права, благородные и мужественные «шестидесятники», обладали верой в «данное общественное развитие». Они верили в возможность уничтожения рабства, у них были силы для борьбы и ясное сознание целей. Но они не ставили вопроса о том, как сложатся пореформенные условия, ограничиваясь расчисткой пути для европейского развития России.

В 70-е годы положение изменилось. Десять лет реформ показали, что крепостничество крепко сидит в хозяйстве и прекрасно уживается с новыми формами буржуазного стяжания. Прежней веры в пути и цели борьбы не было. Устои нового времени оказались непрочными. Катастрофы на железных дорогах, крахи банков, разорение дворянства, самоубийства и восклицания «хлеба и зрелищ» производили на современников ошеломляющее впечатление.

Появилась новая черта общественного сознания, которую Блок метко назвал «семидесятническим недоверием и неверием» [1]. Эту коренную черту внутренней «неверности», «шаткости», «измены», «потерянности» Толстой уловил в психологии современного человека и внес ее в свой роман как характерную примету переходного времени.

«Сюжет романа — неверная жена, и вся драма, проистекшая от этого»,— говорил Толстой в самом начале своей работы над романом «Анна Каренина» [2]. Именно этот сюжет и составил событийную, внешнюю сторону его книги. А внутренний смысл повествования вышел далеко за пределы «семейной истории». Да и сама эта семейная трагедия переосмыслялась в более широком плане.

«Я очень часто сажусь писать одно и вдруг перехожу на более широкие дороги,— признается Толстой,— сочинение разрастается» [3]. Частный замысел семейной истории о неверной жене превращался в широкий свободный роман, полный философской и социальной значительности.

Энциклопедический характер романа Толстого проявляется не только в обилии «примет времени», но и «проблем времени», в самой постановке таких исторически связанных друг с другом проблем, как семья, частная собственность и государство, то есть мироустройство человеческое. На все эти вопросы у Толстого была своя нравственно-историческая точка зрения.

---

[1] Блок А. А. Собр. соч., т. 5. М.— Л., 1962, с. 236.

[2] Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, 1828—1890. М., 1958, с. 403.

[3] Литературное наследство, т. 37/38. М., 1939, с. 426.

Один из первых критиков «Анны Карениной» проницательно заметил в романе Толстого признаки самого осязательного разрушения семейного начала[1]. И в самом деле, Толстой был не только историком одного «частного семейства» Карениных, но летописцем дворянской семейственности, которая во второй половине XIX века стала клониться к упадку.

Семья Каренина разрушается, несмотря на все его усилия сохранить «обстановку счастья» в своем доме. Каренин был решительным сторонником «нерасторжимости брака». «В вопросе, поднятом в обществе о разводе,— говорится в одном из черновиков романа,— Алексей Александрович и официально и частно всегда был против»[2].

Но Каренин, «и официально и частно», терпит поражение. Толстой явно сочувствует Каренину и считает его взгляд на семью верным, но, не погрешив против истины, рисует Каренина беспомощным перед новыми веяниями времени. Ему не удается сохранить «обстановку счастья» и в своем доме.

Разрушение семьи и отрицание нерасторжимости брака обычно связывались с влиянием нигилизма. В черновиках романа упоминается встреча Анны с нигилистом и «его утешение». Но потом Толстой отбросил его, в сущности поверхностное, объяснение. То, что казалось принадлежащим лишь нигилистическим кружкам, Толстой изобразил в своем романе как «веяние времени», проникающее во все сферы жизни, даже в жизнь «высшего света». Так Анна вступает в «борьбу за существование»...

Нигилистические теории брака и «свободной любви» были совершенно чужды Толстому. В «Анне Карениной» он именно «любил мысль семейную». И хотел найти залог и истоки возрождения семейного начала в жизни патриархального крестьянства. Так мечта Левина об опрощении сливается с идеалом «трудовой и прелестной жизни». «Левин часто любовался на эту жизнь,— пишет Толстой,— часто испытывал чувство зависти к людям, живущим этой жизнью...»

Во время сенокоса Левина поразило отношение крестьянина Ивана Парменова к жене, которая «вскидывала навильну высоко на воз», а тот «поспешно, видимо стараясь избавить ее от всякой минуты лишнего труда, подхватывал, широко раскрывая руки, подаваемую охапку и расправлял ее на возу». «В выражениях обоих лиц была видна сильная, молодая, недавно проснувшаяся любовь».

Любовь была счастливым открытием Левина так же, как печальным откровением Каренина было сознание того, что любви больше нет. Счастья нет и в новой, «незаконной семье» Вронского. Нет любви и в семействе Облонских. «Все члены семьи и домочадцы чувствовали, что нет смысла в их сожительстве и что на каждом постоялом дворе случайно сошедшиеся

---

[1] Отечественные записки, 1875, № 6, с. 302.
[2] Толстой Л. Н., т. 20, с. 267.

люди более связаны между собой, чем они, члены семьи и домочадцы Облонских»,— пишет Толстой.

В этом мире, утратившем «смысл любви», особенно значительными были тревоги Левина. Ему иногда кажется, что «от него зависит переменить ту столь тягостную, праздную, искусственную и личную жизнь, которою он жил, на эту трудовую, чистую, общую и прелестную жизнь», которую он понял, глядя на Ивана Парменова во время сенокоса.

Но Левин понимает и то, что переменить свою жизнь не так-то просто и это дело не зависит только от его личного желания. Вопрос упирается прежде всего в собственность. Ну, так что же я сделаю? — размышляет он.— Как я сделаю это? И тут ничего ясного ему не представлялось. «Иметь жену? Иметь работу и необходимость работы? Оставить Покровское? Купить землю? Приписаться в общество? Жениться на крестьянке? Как же я сделаю это?» Левин был и остается мечтателем. Ничего из того, что привлекало его во внешних переменах жизни, он не осуществил. Но он почувствовал необходимость перемен, а это была уже его большая победа.

Нигде так ясно не прослеживается прямая связь между шаткостью и разрушением дворянской собственности, как в истории Облонских. Жизнь «вытесняет праздного человека»,— пишет Толстой. Облонский прожинается, распродавая свои леса, последнюю защиту своего имения. И дом его в Ергушове разваливается...

Описание Ергушова в «Анне Карениной» совершенно совпадает с тем, что писал о дворянском землевладении 70-х годов один из самых глубоких публицистов той эпохи А. Энгельгардт в своих знаменитых письмах из деревни: «Никто в деревне не живет, никто хозяйством не занимается, все служат, все разбежались и где находятся, бог их знает» [1].

Впрочем, Левин остается в деревне, энергично хозяйничает, но и он чувствует себя беспомощным и даже сравнивает себя с «весталкой», которая одна «должна хранить огонь». Хозяйство противится Левину, и он борется с «какой-то воображаемой степой». Если Каренин неудачлив в роли главы семьи, то Левину выпадает роль неудачника в «науке хозяйства».

«Он ясно видел теперь,— пишет Толстой,— что то хозяйство, которое он вел, была только жестокая и упорная борьба между им и работниками, в которой на одной стороне, на его стороне, было постоянное напряженное стремление переделать все на считаемый лучшим образец, на другой стороне — естественный порядок вещей». Что бы Левин ни говорил своим вчерашним крепостным, они слушали только «пение его голоса». А слов его не понимали и не хотели понимать. «Трудность состояла в непобедимом недоверии крестьян к тому, чтобы цель помещика могла состоять в чем-нибудь другом, кроме желания обобрать их сколько можно». Левин признается, что «лодка его течет». И как в семейном укладе он искал «опро-

[1] Отечественные записки, 1876, № I, с. 85—88.

мения», так в делах, касающихся хозяйства, приходит к мысли об «отречении»: «это было отречение от своей старой жизни, от своих бесполезных занятий». Мысль чрезвычайно смелая.

Еще более острой была в романе Толстого проблема государства. Сам Толстой принадлежал к верхам общества. Титул графа был пожалован его прадеду основателем русского дворянского государства Петром Великим. По праву наследства Толстому принадлежала Ясная Поляна, обширное имение с крепостными крестьянами, лесами, со всеми землями, водами и рыбной ловлей... Он говорил, что у него даже соловьи под окнами были свои, а не казенные.

Но у Толстого, кроме обширных помещичьих владений, было также великое чувство совести. Еще в 1861 году он всячески содействовал освобождению крестьян от крепостной зависимости. Постепенно в нем окончательно сформировалось острое сознание своей исторической вины перед народом. Можно сказать, что в лице графа Толстого с его мечтой об опрощении старая русская дворянская государственность приходила к самоотрицанию. В этом и состоял исторический смысл его нравственного отречения от жизни «нашего круга богатых и ученых».

О том, как далеко заглядывал Толстой уже в 70-е годы, говорит и то, что он в своем романе изобразил трех братьев, разделенных резкими социальными противоречиями. Их идеалы не могли не прийти в столкновение. Сергей Кознышев, старший брат Константина Левина, был либералом, человеком привилегированного класса, который при всей своей либеральности дорожил больше всего именно этой своей привилегированностью. Отношения Константина Левина к Кознышеву всегда были «ласково-холодными». Зато другой брат Левина, Николай, относится к Кознышеву прямо враждебно. По его мнению, Кознышев «все силы ума употребляет на то, чтобы оправдать существующее зло». В отличие от Кознышева, Николай Левин придерживается революционных идей. «Так сложилось общество,— говорит он о крестьянах и фабричных рабочих,— что чем больше они будут работать, тем больше будут наживаться купцы, землевладельцы, а они будут скоты рабочие всегда. И этот порядок нужно изменить».

Цель русской революции Николай Левин видит в том, чтобы «вывести народ из рабства». «Ты должен выбрать между мною и им»,— говорит он Константину Левину, продолжая разговор о Кознышеве. Левин не либерал, но он и не революционер. Он представляет собой тип «кающегося дворянина», которому важнее всего чувствовать, что он не виноват...

Левин так же, как Толстой, думает не об экономической или политической революции, а о революции духовной, которая, по его мнению, должна примирить интересы и создать «согласие и связь» между людьми вместо «вражды и несогласия». «Он старался сделать что-нибудь такое, что сделало бы добро для всех, для человечества, для России, для губернии, для всей деревни...» Левин видит, что жизнь меняется быстрее, чем он этого хотел бы. Он чувствует, что «недовольство хозяйством, которое он теперь

испытывал, есть не исключительно его положение, а общее условие, в котором находится дело в России». Это чувствует не он один, но все, с кем он сталкивается в деревне.

«У нас теперь,— думает Левин,— когда все это переворотилось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть только один важный вопрос в России». Вот общая формула эпохи, которая определяет и настроение, и тон, и характеры действующих лиц современного романа Толстого.

В. И. Ленин считал эту формулу — «у нас теперь все это переворотилось и только укладывается» — справедливой для всего «перевала русской истории» — от падения крепостного права в 1861 году до первой русской революции 1905 года [1]. Современный роман Толстого содержал крупные исторические идеи, которые раскрывались во времени, подтверждая его предчувствия и ожидания.

Толстой был уверен, что изменится «весь строй жизни». «Наша цивилизация так же идет к своему упадку, как и древняя цивилизация» [2],— говорил он. Это ощущение приближающихся коренных перемен в жизни России уже высказано в «Анне Карениной», где есть характерная кризисная историческая метафора, которая раскрывается в целом ряде сцен, и в первую очередь в сцене красносельских скачек. Скачки эти были «жестоким зрелищем», участники которого должны были рисковать жизнью. Когда один из офицеров разбился насмерть, «все громко выражали свое неодобрение, все повторяли сказанную кем-то фразу: «Недостает только цирка с львами». Здесь появляется конь Гладиатор (в черновиках романа скачки названы гладиаторством). Одна из зрительниц обмолвилась знаменательными словами: «Если б я была римлянка, я бы не пропустила ни одного цирка».

Жестокое зрелище, напоминавшее о римских ристалищах и цирках, было устроено специально для развлечения двора. «Большой барьер,— пишет Толстой,— стоял перед самой царской беседкой. Государь, и весь двор, и толпы народа — все смотрели на них». К этой же исторической метафоре относится и упоминание о Сафо, светской львице, в кружке которой проводит свои вечера Анна, и «афинские вечера», которые посещает Вронский. Таким образом из разрозненных подробностей в романе Толстого складывается цельная картина «современного Рима» эпохи упадка цивилизации. Это отношение к современности было характерно не только для Толстого, но и для многих публицистов и мыслителей его эпохи. «Трудно подойти близко к истории древней Римской империи без неотвязчивой мысли о возможности найти в этой истории общие черты с европейской современностью,— говорилось в 1876 году в журнале «Вестник Европы».— Эта мысль... пугает вас ввиду тех ужасающих образов, в которых олицетворялось для вас глубокое нравственное падение древнего мира» [3].

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 100.
[2] Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973, с. 183.
[3] Вестник Европы, 1876, № 1, с. 374—375.

Николай Левин сравнивает революцию с духовным движением, ознаменовавшим конец Рима: «Это разумно и имеет будущность, как христианство в первые века». Такого рода идеи также были весьма характерны для революционеров-народников 70-х годов XIX века. Острая социальная критика принимала форму проповеди в духе «христианства первых веков», решительного отрицания «языческого строя жизни». «Пусть каждый поклянется в сердце своем,— писал один из активных деятелей той поры,— проповедовать братьям своим всю правду, как апостолы проповедовали» [1]. Семидесятники, как отмечал другой писатель той же эпохи, были «похожи на... исповедников, которые в первые времена христианства выходили возвещать добрую весть» [2].

Толстой с большим вниманием относился к этим идеям времени. И его герой Константин Левин размышляет над тем, что ему сказал брат Николай. «Разговор брата о коммунизме заставил его задуматься,— пишет Толстой.— Он считал переделку экономических условий вздором, но всегда чувствовал несправедливость своего избытка в сравнении с бедностью народа». Историческая метафора «конца Рима» и возникновения «новой цивилизации» подчеркивает цельность замысла Толстого.

III

Анна и Левин близки друг другу как характеры, способные многим «жертвовать в злобе и любви». И Анне не в меньшей степени, чем Левину, свойственна глубокая, внутренняя совестливость. «Я не виновата»,— повторяет Анна, но чувство трагической вины переполняет ее. Она уже ненавидела Каренина «за ту страшную вину, которой она была перед ним виновата». Левин называет ее умной, душевной, а главное правдивой женщиной; она не скрывает от него всей тяжести своего положения.

Почему Анна гибнет? Она сама увидела свою трагедию, когда вдруг вся ее жизнь предстала перед ней «в пронзительном свете». Это была трагедия себялюбия, которое сжимает весь круг жизни до навязчивой, граничащей с безумием точки собственного «я». «Моя любовь,— признается Анна,— все делается страстнее и себялюбивее...»

Толстой как психолог указал на парадоксальную диалектику души, в которой любовь вдруг превращается в ненависть, когда сосредоточивается на самой себе и ничего не видит вокруг себя достойного другой, еще большей любви. Последние мысли Анны разорваны и похожи на навязчивый бред с болезненно острым восприятием уже почти непонятных ей подробностей внешнего мира. «На то дан разум, чтоб избавиться,— думает она,— стало быть, надо избавиться... Но как? Зачем этот кондуктор пробежал по жердочке, зачем они кричат, эти молодые люди в том вагоне?»

---

[1] Степняк-Кравчинский С. М. Собр. соч., т. 2. М., 1958, с. 229.
[2] Семидесятники. М., 1935, с. 252.

Анной овладевает «дьявольская гордыня», когда она решает, что может своей смертью покарать всех: «...и я накажу его и избавлюсь от всех и от себя». Ею владеет «сила зла», закон «разъединения и вражды» — как неизбежное следствие ее отчуждения от жизни и добра. «Анна Каренина» — это едва ли не самый смелый в мировой литературе опыт преодоления стародавней идеализации «любовной страсти». Толстой не был ни «прокурором», ни «адвокатом» Анны Карениной. Он был строгим летописцем, не пропустившим ничего из великой трагедии ее себялюбивой борьбы за жизнь.

Если сюжетная линия Анны разворачивается «в законе» (в семье) и «вне закона» (вне семьи), то сюжетная линия Левина движется от положения «в законе» (в семье) к осознанию незаконности всего общественного развития («мы вне закона»). Круги событий в обоих случаях имеют общий центр. Духовные искания Левина не в меньшей степени, чем нравственные страдания Анны, принадлежат истории души человеческой. «Все для себя» — так сложилась трагедия Анны. «Все для других — ничего для себя» — так складывается история Левина. И Толстой считал, что оба эти решения возникают в человеке одновременно и существуют не то что рядом, а «вместе», переходя друг в друга, «меняясь ролями»...

Каренин заботится о форме церковного, нерасторжимого брака. Вронский готов признать новую форму гражданского брака. Оба требуют «ясности». Анна знает нечто большее. Она говорит: «Ясность не в форме, а в любви». Вронский считает необходимым развод Анны с Карениным. Но Каренин не дает развода. И оба стремятся к «ясности». Анна много страдала и многое понимала лучше, чем они. И вот почему она говорит: «Ясность не в форме, а в любви».

Только при очень поверхностном взгляде на роман Толстого может показаться, что линии Анны и Левина обособлены друг от друга. Еще в 70-е годы, когда роман только что вышел из печати, профессор С. Рачинский писал Толстому, что в «Анне Карениной» параллельно развиваются две самостоятельные сюжетные линии, «ничем не связанные». Он даже утверждал, что в романе «нет архитектуры» [1].

«Я горжусь, напротив, архитектурой,— возразил Толстой.— Своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок. И об этом я более всего старался» [2]. И чтобы пояснить свою мысль, добавил: «Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на внутренней связи» [3]. В этом и состоит оригинальность метафорической композиции романа.

В самом деле, Толстой познакомил Левина с Анной лишь в седьмой части романа. Больше того, роман продолжался и после гибели героини.

---

[1] Письма Толстого и к Толстому. М.— Л., 1928, с. 223.
[2] Толстой Л. Н., т. 62, с. 377.
[3] Там же.

Но, при всей самостоятельности фабульного содержания, сюжеты Анны и Левина представляют собой своеобразные концентрические круги. Центром этих кругов является «закон добра» и, как его противоположность,— «сила зла».

Эти отвлеченные понятия воплощаются во множестве сцен, характеров, положений романа, в котором строго выдержано художественное единство и единство «самобытно-нравственного отношения автора к предмету». Это придает гармоничность и красоту роману Толстого. «В области знания существует центр,— пишет Толстой,— и от него бесчисленное количество радиусов. Вся задача в том, чтобы определить длину этих радиусов и расстояние их друг от друга» [1]. Понятие «одноцентренности» было у Толстого важнейшим в его философии жизни, что и сказалось, в частности, на романе «Анна Каренина». Он так и построен, причем круг Левина более широк, чем круг Анны: история Левина начинается раньше, чем история Анны, и продолжается после ее гибели. И роман оканчивается не катастрофой на железной дороге, а моральными исканиями Левина и его попытками создать «положительную программу» обновления частной и общей жизни.

«Есть разные степени знания,— рассуждал Толстой.— Полное знание есть то, которое освещает весь предмет со всех сторон. Уяснение сознания совершается концентрическими кругами» [2]. Композиция «Анны Карениной» может служить идеальной моделью этой формулы Толстого, которая предполагает наличие некоей однородной структуры характеров и закономерное развитие «любимой мысли».

Концентричность, одноцентренность кругов событий в романе свидетельствует о художественном единстве эпического замысла Толстого. Цельность художественного произведения, как считал Толстой, состоит прежде всего «в ясности и определенности того отношения самого автора к жизни, которое пропитывает все произведение» [3].

Герои романа не свободны в своих делах и мнениях, потому что результаты их усилий осложняются противоборствующими стремлениями и не совпадают с первоначальными целями. «Всякий человек,— пишет Толстой в «Анне Карениной»,— зная до малейших подробностей всю сложность условий, его окружающих, невольно предполагает, что сложность этих условий и трудность их уяснения есть только его личная случайная особенность, и никак не думает, что другие окружены такою же сложностью своих личных условий, как и он сам».

Поэтому они так часто ошибаются в суждениях друг о друге и даже склонны бывают «считать жизнь своего приятеля — призраком». Толстой не признавал права за графиней Вронской и за всей «светской чернью», уже приготовившей «комки грязи», быть судьями Карениной. Возмездие пришло не от них. В одной из своих поздних книг, написанных после «Анны

[1] Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым, с. 248.
[2] Толстой Л. Н., т. 53, с. 45.
[3] Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. 1, М., 1978, с. 60.

Карениной», Толстой пишет: «Много худого люди делают сами себе и друг другу только оттого, что слабые, грешные люди взяли на себя право наказывать других людей. «Мне отмщение, и Аз воздам». Наказывает только бог, и то только через самого человека» [1].

Последняя фраза является переводом («наказывает только бог») и толкованием («и то только через самого человека») библейского изречения, которое Толстой поставил эпиграфом к своему роману.

Толстой был убежден в нравственной ответственности человека за каждое слово и каждый поступок. И мысль эпиграфа складывалась из двух основных понятий: «нет в мире виноватых» и «не нам судить».

В стихотворении Лермонтова «Оправдание» есть строки, очень близкие к тому, что хотел сказать Толстой:

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой [2].

Если желание суда и осуждения принадлежит «светской черни», то «святое право» прощения принадлежит народу. В черновиках эпилога «Анны Карениной» сказано: «Унижением, лишениями всякого рода им (народом) куплено дорогое право быть чистым от чьей бы то ни было крови и от суда над ближним» [3]. История Анны Карениной была для Толстого лишь поводом для более широкой постановки проблемы вины, осуждения и оправдания души человеческой.

«Толстой указывает на «Аз воздам»,— пишет Фет,— не как на розгу брюзгливого наставника, а как на карательную силу вещей» [4]. Толстому была очень хорошо известна эта по существу внерелигиозная, а именно историческая и психологическая трактовка идеи возмездия в его романе. И он был с ней вполне согласен. «Сказано все то, что я бы хотел сказать»,— заметил он по поводу размышлений Фета об «Анне Карениной» [5].

В своей статье Фет цитировал Шиллера: «Закон природы смотрит сам за всем...» И эти слова также указывали на внутреннее единство романа Толстого, в котором действуют «законы судьбы», понимаемые как «законы природы». Так Левин, почувствовав присутствие нравственного закона в своей душе, увидел вдруг звездное небо над своей головой и над целым миром. «При каждой вспышке молнии не только Млечный Путь, но и яркие звезды исчезали, но, как только потухала молния, как будто брошенные какой-то меткой рукой, опять появлялись на тех же местах. «Ну, что же смущает меня?» — сказал себе Левин, вперед чувствуя, что

---

[1] Толстой Л. Н., т. 44, с. 95.
[2] Лермонтов М. Ю. Собр. соч., т. 1. М., 1964, с. 101.
[3] Толстой Л. Н., т. 20, с. 555.
[4] Литературное наследство, т. 37/38, с. 234.
[5] Толстой Л. Н., т. 62, с. 339.

разрешение его сомнений, хотя он не знает еще его, уже готово в его душе».

Роман Толстого дорог нам своим глубоко русским и вместе с тем общечеловеческим содержанием. Давно ушла в прошлое эпоха «Анны Карениной», но искусство Толстого не стареет, а как бы впитывает в себя время, которое лишь оттеняет его духовную возвышенность и величавые черты.

Толстой называл «Анну Каренину» «романом широким, свободным», в который «без напряжения» входило все, что было им понято «с новой, необычной и полезной людям стороны» [1]. В его романе «сцепление мыслей» обусловлено самой жизнью, множеством случайностей, через которые пробивает себе дорогу закон необходимости.

Жанр свободного романа, связанный по своим истокам с «Евгением Онегиным» Пушкина, привлекал внимание Толстого своими огромными энциклопедическими возможностями. Толстой называл также свою излюбленную эпическую форму «романом широкого дыхания».

Но в свободном романе Толстого есть не только свобода, но и необходимость. Его объем определяется не количеством томов, а содержательностью творческой концепции. Толстой видел свою задачу не в том, чтобы «неоспоримо разрешить вопрос», а в том, чтобы дать простор самой жизни, найти ее внутренние связи и отношения. Значение романа «Анна Каренина» состоит не в эстетической ценности отдельных картин, а в художественной завершенности целого.

В романе Толстого «отрицание жизни», «уход от действительности» сменяются «уважением к жизни» и ее «нешуточным» делам и заботам. Потому, несмотря на трагический сюжет, роман производит жизнеутверждающее впечатление. «Ежели бы мне сказали,— пишет Толстой,— что я могу написать роман, которым я неоспоримо установлю кажущееся мне верным воззрение на все социальные вопросы, я бы не посвятил и двух часов труда на такой роман, но ежели бы мне сказали, что то, что я напишу, будут читать теперешние дети лет через 20 и будут над ним плакать и смеяться и полюблять жизнь, я бы посвятил ему всю свою жизнь и все свои силы» [2].

Эти слова были написаны более ста лет тому назад. Толстой и в наши дни остается великим художником, который, по словам Леонида Леонова, «повелением пера внушает читателю любое из спектра человеческих чувств — всегда с оттенком наивного, как при чуде, удивления; оно неслышно преобразует человеческую душу, делая ее стойче, отзывчивее, непримиримее к злу» [3].

Роман «Анна Каренина», получивший настоящее признание на родине, давно уже переведен на многие языки мира. «Я без колебаний назвал

---

[1] Толстой Л. Н., т. 64, с. 235.
[2] Толстой Л. Н., т. 61, с. 100.
[3] Леонов Леонид. Слово о Толстом. М., 1961, с. 35.

«Анну Каренину» величайшим социальным романом во всей мировой литературе» [1],— пишет Томас Манн. Огромный интерес к творчеству Толстого по всем миро объясняется тем, что исторические судьбы русской жизни неотделимы от мировой истории и оказывают на нее огромное влияние. Поэтому каждое новое поколение заново перечитывает Толстого. И «Анна Каренина» как классическое произведение искусства принадлежит к числу «вечно живых и движущихся» во времени явлений. Таких книг в мировой литературе немного. И, как говорил Белинский, «каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за ней эпохе сказать что-нибудь новое и более верное» [2].

Э. Бабаев

---

[1] Манн Томас. Собр. соч., т. 10. М., 1961, с. 264.
[2] Белинский. В. Г. Полн. собр. соч., т. V. М., 1954, с. 555.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

С. 5

...[illegible] различие, как между двумя столетиями.— [illegible] и на отдельных лиц? Неужели [illegible] сын [illegible] одинаковую ответственность с человеком воспитанным, который стал злостным банкротом?

...французский [illegible] бы расстреливать...— Это предисловие [illegible]

С. 7

...все говорит о том, что [illegible] вольнодумцем, то... не был и [illegible] [illegible] Карла IX приводили [illegible] собой всего лишь гру[illegible] Папа чинил препят[illegible] Генрихом IV, в то время [illegible],— сказал король,— [illegible] в протестантской [illegible]

...[illegible] [illegible] Франции тог[illegible] [illegible]век. Полагают, что [illegible] не превышало по[illegible] [illegible] было больше денег, солдат и полководцев.

С. 8

...[illegible] Франции...— Во [illegible] день внезапно захва[illegible] Католики имели теперь [illegible]

...[illegible] короля...— Мор[illegible] [illegible] См. Брантом.

С. 9

...в Париже любой секрет распространяется мгновенно.— Слова Наполеона.

...он от всего отрекся...— Он приписывал убийство адмирала Колиньи и всю эту резню герцогу Гизу и принцам Лотарингского дома.

С. 10

Да здравствует принц!..— Принц Конде.

С. 11

...так называемых рейтаров...— Искаженное немецкое слово Reiter — всадник.

С. 17

...[illegible] дрогулетов! — Разведчики, легкая кавалерия.

С. 26

...про Жана П...унка... — Комический персонаж старинной народной песни.

С. 32

...как это водится у записных дуэлистов. — Так тогда называли профессиональных дуэлистов.

С. 33

...привел одного человека на Пре-о-Клер... — Тогдашнее постоянное место дуэли. Пре-о-Клер тянулся против Лувра, между Малой Августинской улицей и улицей Бак.

С. 38

...повязал белый шарф... — Это был цвет реформатов.

С. 41

...после смерти Людовика Тринадцатого король во Франции — Гаспар Первый. — Принца Людовика Конде, убитого под Жарнаком, католики обвиняли в притязаниях на королевский престол. Адмирала Колиньи звали Гаспаром.

С. 42

...Мерé во Франции [illegible] — Пальтро де Мерé убил великого Франсуа, герцога Гиза, во время осады Орлеана, когда город находился в отчаянном положении. Колиньи довольно неудачно пытался отвести от себя обвинение в том, что убийство было совершено по его приказанию или, во всяком случае, при его попустительстве.

С. 49

...после смерти отважного Дандело́... — своего брата.

С. 51

...в Тулузе учреждена смешанная комиссия. — Согласно мирному договору, заключенному после третьей гражданской войны, при некоторых судебных палатах были учреждены комиссии; половина тех, кто входил в эти комиссии, исповедовала кальвинистскую веру. В обязанности комиссии входило разбирать дела, возникавшие между католиками и протестантами.

Вспомните о перчатках королевы Наваррской! — «Она умерла,— пишет д'Обинье (*Всеобщая история*, т. II, гл. II),— от яда, который через надушенные перчатки проник к ней в мозг, а изготовил яд флорентинец мессер Рене, которого после этого все возненавидели, даже враги государыни».

С. 59

...не имею права обнажать шпагу против кого-либо еще. — У записных дуэлистов существовало правило не затевать новой ссоры впредь до окончания прежней.

С. 60

Эсток — длинная обоюдоострая шпага.

С. 61

...нужно условиться... о секундантах и тьерсах... — Свидетели часто не ограничивались ролью простых свидетелей — они дрались между собой. Тогда говорили: секундировать, тьерсировать кого-нибудь.

С. 74

...[illegible] di spada è cavare alla vita...— ударить по шпаге, чтобы отнести опасный для жизни удар. Все фехтовальные термины заимствовались тогда из итальянского языка.

С. 100

От этой... рифмы...— Читателю предоставляется самому вставить эпитет. Карл IX любил выражения сильные, хотя и не очень изящные.

С. 125

По энергическому выражению одного из [illegible] писателей...— Д'Обинье, *Всемирная история.*

Рассказывают, что в одном из [illegible]...— Д'Обинье, *Всемирная история.*

С. 139

...брат короля...— Герцог Анжуйский, впоследствии Генрих III.

С. 146

...чем-то вроде [illegible]...— [illegible] доспех выставлен в Артиллерийском музее. По [illegible] наброску, на котором изображен турнир, можно [illegible] железных юбках люди, однако, садились на коней. Седла были [illegible] чем-то вроде табуреточек, которые входили под юбки и приподнимали [illegible]дников настолько, что их колени оказывались почти на [illegible] коня. Что же касается человека, сгоревшего в своих латах, то об этом см. *Всемирную историю* Д'Обинье.

ХРОНИКА ЦАРСТВОВАНИЯ КАРЛА IX

Работа над этим произведением приходится в основном на вторую половину 1828 года. 16 декабря Мериме сообщал своему другу Альберу Стапферу: «Я работаю очень много, — много не только для такого лентяя, как я, но даже для настоящего писателя... Я пишу дрянной роман, который мне надоел, но я хочу закончить его, так как у меня много других планов. Если бог мне поможет, я немало наведу бумаги в 1829 году». В январском номере журнала «Ревю франсез» за 1829 год появляется глава XVII романа («Аудиенция»), а в феврале парижские газеты сообщают, что роман закончен, в начале марта книга выходит из печати (в издательстве Александра Менье). В первом издании роман имел следующее название: «1572. Хроника времен Карла IX». Книга была написана очень быстро: такая поспешность не вполне удовлетворила писателя, и он [illegible] текст романа при его последующих переизданиях (1832, [illegible] 1837, 1850). Помимо большой стилистической правки Мериме несколько изменил название книги — сначала он заменил слово «времен» на «царствования», затем убрал также дату «1572»; кроме того, он снял открывавший роман эпиграф из Рабле, поясняющий его основную мысль об исторической относительности нравственных норм и представлений: «То, что сарацины и варвары называли подвигом, мы теперь называем разбоем и злодейством».

Интерес к французскому XVI столетию, к одному из его кульминационных моментов — [illegible] и резне Варфоломеевской ночи в частности,— был [illegible] характерен для французской историографии и литературы романтического периода. Однако Мериме, любивший в истории «только анекдоты, содержащие неведомую картину нравов и характеров данной эпохи», в первых работах над романом опирался не на труды и публикации ученых, а на подлинные свидетельства современников и участников событий. Основными источниками романа Мериме были книги поэта-гугенота Теодора Агриппы д'Обинье, обширнейшие жизнеописания и мемуары Брантома, записки военачальников Блеза де Монлюка и Франсуа Лану, дневники парижского горожанина Пьера де л'Этуаля.

В многочисленных рецензиях, появившихся вскоре же после выхода романа в свет, особо отмечалась свобода Мериме от преувеличений и односторонности романтической школы. «У него не найдешь, — писал, например, А. Патен в «Ревю энсиклопедик», — ни однобокого персонажа, ни персонажей гротескного или загадочного, этого основного трио всякого романтического произведения». Критика подчеркивала лаконизм языка, мастерство в изображении характеров. Особенно удался Мериме, по мнению критики, образ Дианы де Тюрби. «Портрет Дианы и особенно ее глаза, по моему мнению, написаны с натуры», — писал Гюстав Планш в «Ревю де дё монд». Хотя некоторые критики отмечали известную непродуманность композиции и незавершенность романа, их основной упрек был адресован скорее не Мериме-романисту, а Мериме-историку. Спор разгорелся вокруг интерпретации писателем событий Варфоломеевской ночи. Критики, прежде всего Ш. Маньен в «Глоб», упрекали автора в противоречии между историко-философским предисловием и самим романом и оспаривали его точку зрения на Варфоломеевскую ночь как на трагедию, разыгравшуюся во многом случайно.

Литературные друзья и единомышленники Мериме встретили его книгу благожелательно. Сент-Бёв писал своему школьному товарищу Жюлю Лудбегу: «Мериме, автор Клары Газуль и мой большой друг, выпустил прекрасную

книгу, полуроман, полухронику о дворе Карла IX в 1572 году», а Стендаль сообщал Сеттону Шарпу: «Мериме только что выпустил «1572 год», очень умную книгу, в духе Вольтера».

Отклики на роман появились и в иностранной печати. Вскоре роман стали переводить на иностранные языки. В Германии «Хроника» вышла уже в 1829 году, через год ее напечатало одно американское издательство».

Отдельные главы из романа Мериме были напечатаны в России. «Литературная газета» Дельвига и Пушкина в мае 1830 года (№ 28) поместила в переводе П. П. Шигаева главу XI романа под названием «Поединок»; «Северный Меркурий» также напечатал две главы — гл. XX (декабрь 1830, № 148, 149) и гл. XVII (июнь, 1831, № 68). В мае 1839 года большие отрывки из книги были напечатаны в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду». Полностью роман был переведен на русский язык лишь в 1882 году (под названием «Варфоломеевская ночь») в «Историческом вестнике» (№ 9, 10, 11, 12) и сразу же переиздан отдельной книгой; в 1929 году появился перевод М. А. Кузмина, в 1963 году — перевод Н. М. Любимова.

С. 4

Фукидид (ок. 460—395 гг. до н. э.) — древнегреческий историк, один из основных представителей историографии древности.

Аспазия (вторая половина V в. до н. э.) — древнегреческая куртизанка, возлюбленная афинского государственного деятеля и полководца Перикла (499—429 гг. до н. э.); славилась [illegible] и умом.

Мезре Франсуа (1610—[illegible]) — в свое время французский историк.

Монлюк Блез де Монлюк (ок. 1502—1577) — французский полководец, участник религиозных войн. [illegible] «Комментарии», охватывающие события 1521—1574 годов.

Брантом Пьер де Бурдей (1540—1614) — французский мемуарист, автор многотомной серии [illegible] выдающихся людей его времени; в 1856 году Мериме написал [illegible] к новому изданию собрания сочинений Брантома.

Д'Обинье Теодор Агриппа (1552—1630) — французский поэт, историк и политический деятель, один из [illegible] и соратник Генриха IV в его войнах с католиками. В 1855 году Мериме писал роман д'Обинье «Приключения барона де Фенеста» с [illegible].

Таван Жан (1555—1624) — французский историк и мемуарист, рьяный католик.

Лану Франсуа (1531—1591) — французский полководец, один из крупных гугенотских военачальников, автор мемуаров.

Этуаль Пьер Тезан (1546—1611) — французский мемуарист. Его «Мемуары-дневники», отличаясь большой точностью и несомненными литературными достоинствами, являются одним из ценных исторических источников. Впервые изданы в 1744 году.

...до его отъезда в Польшу... — Будущий французский король Генрих III в 1573 году был избран польским королем, но пробыл им недолго: смерть брата освободила для него французский престол.

С. 5

Мехмет-Али (1769—1849) — вице-король Египта. Описанное избиение мамелюков произошло в Каире 1 марта 1811 года.

...изречение Фигаро... — Мериме цитирует пьесу Бомарше «Преступная мать» (д. II, явл. 7).

...одного министра, которого я здесь называть не стану... — Намек на предвыборные махинации французского премьер-министра Вилеля в ноябре 1822 и в 1824 году.

...как на чужестранцев, как на врагов. — В издании 1829 года за этой фразой следовало: «...в то время как кровавым террором руководила небольшая группа жестоких людей. Эта разница, на мой взгляд, несколько извиняет Варфоломеевскую ночь».

Герцог Гиз — Анри де Лоррен (1550–1588), один из вождей католической партии и инициаторов варфоломеевской резни. В 1835 году Мериме написал о нем большую биографическую статью.

Адмирал — то есть Гаспар де Колиньи (1519–1572), глава протестантской партии.

Кардинал Рене (1507–1583) — государственный деятель и кардинал, хранитель печати, затем канцлер Франции. Его обвиняли в том, что он был одним из организаторов Варфоломеевской ночи.

С. 7

Екатерина — Екатерина Медичи (1519–1589), жена французского короля Генриха II, мать Франциска II, Карла IX и Генриха III. Была регентшей в первые годы царствования малолетнего Карла IX.

Принц Конде — Луи де Бурбон (1530–1569), дядя будущего короля Генриха IV, один из вождей протестантов. Попав в плен к католикам в битве при Жарнаке, он был убит Монтескью по распоряжению герцога Ангулемского (будущего Генриха III).

...тогдашних ультрароялистов. — Намек на партию крайних реакционеров, пришедших к власти при Карле X (1824–1830).

Людовик XI (1423–1483) — французский король с 1461 года; он значительно укрепил королевскую власть и во многом содействовал объединению страны. Однако изречение «Разделяй и властвуй» принадлежит не ему.

Ассур. — Так в Библии назван один из персидских царей, преследовавший евреев.

С. 8

Жанна д'Альбре (1528–1572) — королева Наваррская, жена Антуана де Бурбона, мать будущего Генриха IV, пользовалась большой популярностью среди протестантов. Предполагают, что она была отравлена по приказанию Екатерины Медичи. Умерла 9 июня 1572 года.

Король Наваррский — то есть будущий Генрих IV. Титул короля Наварры он получил в 1572 году, после смерти своей матери.

Принц Конде. — Здесь имеется в виду Анри де Бурбон (1552–1588), один из вождей протестантов.

С. 9

Герцог Альба Фердинанд Альварес де Толедо (1508–1582) — испанский полководец и государственный деятель. Приводимые слова герцога Альбы были сказаны им во время так называемого «свидания в Байоне» в 1565 году.

Лотарингский дом — старинная французская феодальная фамилия, владевшая обширными землями на северо-востоке Франции; Гизы были из этой семьи.

...в память отца... — то есть в память Франсуа де Лоррена, герцога Гиза (1519–1563), который был одним из вождей католической партии. Убит протестантом Жаном Польтро де Мере.

...гугеноты, дважды их осаждавшие... — Протестантские войска осаждали Париж в 1562 и 1567 годах.

...одна из сестер короля была выдана замуж за принца... — Речь идет о Маргарите Французской (1553–1615), дочери Генриха II и Екатерины Медичи, в 1572 году ставшей женой Генриха Наваррского.

...шестьдесят с лишним тысяч жертв. — Эту цифру указывает и Вольтер («Опыт о нравах», гл. 171), однако она явно преувеличена.

С. 10

Рейтары — неточность Мериме: все отряды рейтаров были выведены за Рейн еще в 1571 году.

Эпиграф к главе первой — из драмы Байрона «Преображенный урод» (ч. I, явл. 2, Песня солдат).

[illegible] — небольшой город, километрах в 70 от Парижа.

Гаспар де Шатильон — то есть адмирал де Колиньи.

С. 12

Святой Христофор — католический святой, считавшийся покровителем путешественников.

С. 14

...бой под Дре... — Сражение под Дре состоялось в 1562 году. Победу одержали католики во главе с герцогом Франсуа де Гизом.

... бой... под Арне-ле-Дюк. — Эта битва состоялась 25 июня 1570 года. Победу одержали протестанты.

Мержи. — В коллекции исторических документов, издававшейся Б. Петито, том 34 занимают мемуары некоего Жана де Мержи. Не исключено, что Мериме заимствовал имя своего героя именно из этого источника.

Во время первой осады Орлеана... — Войска католиков под командованием Франсуа де Гиза осадили Орлеан в 1563 году, во время так называемой первой гражданской войны (1562—1563).

С. 16

Монморанси. — Речь идет, очевидно, о коннетабле Анн де Монморанси (1493—1567), французском государственном деятеле, советнике королей Франциска I и Генриха II.

С. 18

...в бою под Монконтуром... — Битва при Монконтуром произошла в 1569 году, войска католиков под командованием герцога Анжуйского наголову разбили отряды протестантов под командованием Колиньи.

С. 19

Гамельн — город на Везере в Пруссии. Сюжет этой легенды Мериме заимствовал, очевидно, из [illegible] братьев Гримм (т. I, 1816).

С. 20

Фон Фальк[illegible] — [illegible] немецких народных легенд.

С. 21

Ларошфуко Франсуа (ок. 1534—1572) — [illegible] Конде, один из вождей протестантов.

С. 22

Эпиграф к главе второй — из комедии Мольера «Смешные жеманницы» (явл. 7). Перевод Н. Яковлевой.

С. 23

Подобно персам под Саламином... — Битва под Саламином (остров у побережья Греции) между греками под командованием Фемистокла и персами произошла в 480 году до нашей эры.

С. 24

Махаон и *Подалирий* — сыновья и ученики легендарного греческого врача Эскулапа.

С. 27

Эпиграф к главе третьей — из драмы Шекспира «Цимбелин» (д. II, явл. 4). Перевод Ф. Миллера.

С. 28

...к мосту Сен-Мишель... — В ту пору на многих парижских мостах с обеих сторон проезжей части помещались жилые дома, лавки торговцев и мастерские ремесленников.

...книжал... — Ошибка Мериме: кинжалы стали употреблять при дуэлях значительно позже.

С. 29

...собирались захватить Амбуаз. — Речь идет о так называемом «Амбуазском заговоре» — попытке протестантов захватить малолетнего короля Франциска II, чтобы вырвать его из-под влияния Гизов (1560).

С. 31

Сегье Пьер (1504—1580) — французский государственный деятель, председатель парижского магистрата.

Монморанси Торе — сын коннетабля Анн де Монморанси.

С. 33

...каждый выпад... острую обидную... — Цитата из комедии Мольера «Ученые женщины» (д. IV, явл. 3).

С. 34

...повести и [illegible] Маргариты... — Мериме придал этому персонажу черты характера [illegible] из приближенных Генриха III.

С. 36

Эпиграф к главе [illegible] — из комедии Мольера «Дон Жуан, или Каменный гость» (д. V, явл. IV, перевод А. Федорова).

С. 37

...дуэльное бешенство отправляло на тот свет больше дворян... — Неточность Мериме: дуэли стали особенно популярны значительно позже — в последние годы царствования Генриха IV и особенно при Людовике XIII.

С. 38

Жодель Этьен (1532—1573) — французский поэт и драматург, один из предшественников классицизма.

С. 39

«Красавчик-кюрасье [illegible]...» — Эту песенку приводит Брантом в своем «Жизнеописании принца Конде».

...в сражении под Жизнейлем... — Сражение произошло 17 ноября 1568 года.

...под Жарнаком... — Битва под Жарнаком состоялась в 1569 году; войска католиков под командованием герцога Анжуйского одержали решительную победу над кальвинистами; их предводитель принц Луи де Конде был ранен и взят в плен.

С. 40

...привели следующий стих... — Мериме цитирует Овидия («Фасты», I, 493).

С. 41

«Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа...» — первая часть романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Вышла в 1534 году.

Ахав — упоминаемый в Библии царь Израиля; побуждаемый своей женой Незавелью, он перешел в язычество и жестоко преследовал евреев.

С. 43

Отец Любен. — Образ этого проповедника Мериме мог заимствовать из романа Агриппы д'Обинье «Приключения барона де Фенеста» (кн. I, гл. 8).

С. 43

Эпиграф к главе пятой — из первой книги романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (гл. 27).

С. 45

...вверглись в море две тысячи свиней.— Брат Любен имеет в виду слова Христа: «Не мечите бисер перед свиньями» и евангельский рассказ о том, как Христос изгнал бесов из двух одержимых и вселил их в свиней.

С. 48

Эпиграф к главе шестой — из драматической хроники Шекспира «Король Ричард III» (д. V, явл. 3). Перевод Б. Лейтина.

С. 49

Дандело — брат Колиньи; умер от лихорадки 7 мая 1569 года.

С. 51

Руанские убийцы наказаны... — После заключения мира в Сен-Жермен-ан-Ле в городах были образованы судебные палаты, в которые входили и гугеноты и католики. Руанская палата жестоко наказала убийц-католиков, в то время как тулузская не проявила такой же решительности.

С. 53

Сбор в Мадридском замке... — Мадридский замок построен под Парижем (на территории нынешнего Булонского леса) итальянским архитектором делла Роббиа для Франциска I в 1528 году. Назван так потому, что как раз в это время Франциск находился в плену в Испании.

С. 55

...посмотрите его бюст в Ангулемском музее! — Ангулемский музей — собрание скульптур, созданное в 1823 году; позднее влилось в Лувр. Бюст Карла IX из этого собрания приписывался Жермену Пилону или мастеру его круга.

Беарнеза — то есть Жанна д'Альбре.

С. 56

Маргарита Наваррская — жена будущего Генриха IV, дочь Генриха II и Екатерины Медичи.

Герцог Анжуйский — брат короля, будущий король Генрих III.

Ретц Альбер де Гонди (1522—1602), герцог — маршал Франции, крупный военный и политический деятель, дипломат.

Телиньи Луи — зять Колиньи; убит во время Варфоломеевской ночи.

Мерю — Шарль де Монморанси, третий сын коннетабля Анн де Монморанси.

Эпиграф к главе девятой — из пьесы Лопе де Вега «Перчатка доньи Бланки» (д. II, явл. 10).

С. 63

Эпиграф к главе десятой — из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» (д. II, явл. 4). Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

С. 71

Эпиграф к главе одиннадцатой — из опубликованной Вальтером Скоттом антологии «Песни шотландского рубежа, состоящие из исторических и романтических баллад».

С. 77

Нельская башня — одна из сторожевых башен в Париже, сооруженная в XII веке. Первоначально входила в систему городских укреплений, затем служила тюрьмой и караульным помещением для городской стражи.

Эпиграф к главе двенадцатой — из комедии Мольера «Блистательные любовники» (д. I, явл. 2).

С. 78

Паре Амбруаз (ок. 1510—1590) — знаменитый французский ученый и врач-хирург. С 1536 года — личный врач французских королей. Убежденный протестант, Паре тем не менее не подвергся преследованиям во время Варфоломеевской ночи.

С. 79

...ни одна звездочка не высовывала кончика своего носа... — Цитата из комедии Мольера «Сицилиец» (явл. I).

С. 83

Эпиграф к главе тринадцатой — из драматической хроники Шекспира «Король Генрих IV» (ч. 1, д. I, явл. 3). Перевод Е. Бируковой.

С. 85

Венсен — замок в окрестностях Парижа (построен в XIV в.), одна из резиденций французских королей.

Эпиграф к главе четырнадцатой — из комедии Мольера «Тартюф» (д. III, явл. 2). Перевод М. Лозинского.

С. 86

«*Предсказания* [illegible]» — вторая часть романа Рабле; появилась в 1532 году, то есть на два года раньше первой части.

С. 87

...у Германа Оксерского. — то есть у церкви Сен-Жермен-л'Оксеруа, находившейся напротив колоннады Лувра. С колокольни этой церкви был дан сигнал к началу избиения гугенотов во время Варфоломеевской ночи.

С. 88

...как Далила предала Самсона. — В Библии рассказывается, как куртизанка Далила, обрезав у влюбленного в нее Самсона волосы, тем самым лишила его силы и отдала в руки филистимлянам.

С. 95

Эпиграф к главе шестнадцатой — из комедии Мольера «Амфитрион» (д. II, явл. 2). Перевод В. Брюсова.

С. 99

Эпиграф к главе семнадцатой — из трагедии Шекспира «Макбет» (д. III, явл. 1). Перевод Ю. Корнеева.

С. 103

Эпиграф к главе восемнадцатой — из поэмы Байрона «Дон Жуан» (песнь II, октава 164).

С. 106

Иоанн Златоуст (347—407) — константинопольский патриарх. Здесь речь идет о сборнике его проповедей.

С. 107

Эпиграф к главе девятнадцатой — из первой книги романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (гл. 42).

На другой день после бракосочетания Маргариты с королем Наварр-ским... — Торжественная церемония состоялась 18 августа 1572 года.

С. 110

Эпиграф к главе двадцатой — из трагедии английского драматурга Томаса Отуэя (1652—1685) «Спасенная Венеция» (д. III, явл. 2).

...Близ Турнельского дворца. — Турнельский дворец, один из старых королевских дворцов в Париже, был разрушен в 1563 году по распоряжению Карла IX.

С. 111

Сен-Кантен — французский город и крепость на реке Сомме. В 1557 году после осады был взят войсками герцога Савойского, выступавшего в войне с Францией на стороне Испании.

С. 114

Гедеон истребил мадианитян... — В Библии рассказывается, как народ Израиля страдал от набегов мадианитян (одно из древних арабских племен), пока их не разбил израильский военачальник Гедеон.

С. 116

Эпиграф к главе двадцать первой — из трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (д. I, явл. 2). Перевод М. Зенкевича.

С. 125

Эпиграф к главе двадцать второй взят Мериме из Брантома.

С. 137

Эпиграф к главе двадцать четвертой — из сатиры английского поэта Томаса Мура (1779—1852) «Семейка [illegible] в Париже» (1818).

С. 138

Бирон Арман де Гонто (1524—1592) — французский полководец, особенно отличившийся в войнах Генриха IV.

...он потерял в бою руку... — Левая рука Лану (Мериме ошибочно пишет, что правая) была раздроблена выстрелом из аркебузы при осаде Фонтенеле-Конт в 1570 году. Следуя уговорам Жанны д'Альбре, он согласился на ампутацию.

С. 139

Вместе с Лану выехал итальянский священник... — Это был аббат Гадань, шпион, состоявший на службе у Екатерины Медичи.

С. 140

Эпиграф к главе двадцать пятой — из романа Агриппы д'Обинье «Приключения барона де Фенеста» (кн. II, гл. 19).

С. 141

Монтгомери Габриэль де Лорж (1530—1574) — капитан шотландской гвардии Генриха II. Он смертельно ранил короля на турнире (1559). Впоследствии Монтгомери стал одним из вождей протестантов и, попав в руки католиков, был казнен.

С. 144

Эпиграф к главе двадцать шестой — из трагедии Шекспира «Гамлет» (д. III, явл. 4). Перевод М. Лозинского.

С. 147

...Фаларис... в... медном быке... — Способ казни, придуманный агригентским тираном Фаларисом (VI в. до н. э.).

С. 148

Эпиграф к главе двадцать седьмой — из трагедии Томаса Отуэя «Спасенная Венеция» (д. V, явл. 1).

С. 149

...позаимствуйте, как говорится, у овцы храбрости.— Мериме перефразирует Рабле. В «Гаргантюа и Пантагрюэле» (кн. I, гл. 6) сказано: «Ты ведь у меня храбрая, как овечка».

Дзанни — популярная маска итальянской народной комедии дель арте.

С. 155

...в четвертый раз был заключен мир...— Мирный договор, подписанный в Булони герцогом Анжуйским, положил конец четвертой гражданской войне (1572—1573).

...Карл IX умер.— Карл IX умер 30 мая 1574 года.

МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ

Эта новелла была [illegible] что возникшем и просуществовавшем затем многие годы журнале «Ревю де Пари» 5 мая 1829 года.

В первой половине 1833 года новелла была включена в вышедший в издательстве Н. Фурн[illegible] ний Мериме, названный им «Мозаика». Появление [illegible] отсутственными рецензиями Шарля Ремюза и Гюстава Планша. Сборник был переиздан с некоторыми изменениями состава и правкой текста в 1842 и 1850 годах, причем новелла «Маттео Фальконе» неизменно присутствовала во всех изданиях (при жизни Мериме «Мозаика» перепечатывалась еще одиннадцать раз).

В России эта новелла Мериме была очень популярна. Трижды она была переведена еще до выхода «Мозаики», печаталась в 1835 и 1836 годах. В 1843 году В. А. Жуковский сделал стихотворное переложение новеллы, правда воспользовавшись при этом не непосредственно произведением Мериме, а его поэтической обработкой, выполненной немецким романтиком Шамиссо.

С. 160

Порто-Веккио — город и порт на юго-восточном побережье Корсики.

Когда... я посетил Корсику... — В действительности Мериме, работая над новеллой, еще ни разу не был на Корсике; он посетил этот остров лишь в сентябре 1839 года (о чем он рассказал в «Заметках о путешествии по Корсике», 1840).

С. 161

Муфлоны — порода диких баранов, более крупных, чем домашние, и с более грубой шерстью.

С. 163

Корте — город в центре Корсики.

Бастия — город и порт на северо-восточном побережье Корсики.

ВЗЯТИЕ РЕДУТА

Эта новелла появилась в сентябре 1829 года в «Ревю франсез» (№ 11), в 1833 году вошла в «Мозаику» и неизменно входила во все перепечатки этого сборника. Источником сюжета новеллы мог послужить устный рассказ кого-либо из действительных участников боя у Шевардинского редута. Общая

...эпизод войны 1812 года заимствован Мериме из ряда трудов тех лет, главным образом из обширной работы графа Сегюра «История Наполеона и Великой армии» (1824). На русском языке эта новелла была впервые опубликована в 1830 году в «Московском телеграфе» (ч. 34, № 13).

С. 170

...умерший в Греции от лихорадки... — Намек на участие некоторых французов в освободительной борьбе греческого народа против турецкого владычества.

...в битве при Иене. — Это сражение произошло 14 октября 1806 года; наполеоновские войска наголову разбили прусскую армию, открыв себе дорогу на Берлин.

...окончил военную школу в Фонтенбло... — Неточность Мериме: открытая Наполеоном в 1803 году в Фонтенбло офицерская школа была в 1808 году переведена в Сен-Сир.

Шевардинский редут — редут на левом фланге русской армии накануне Бородинской битвы, сильно выдвинутый вперед. Бой за редут произошел 24 августа (5 сентября) 1812 года, за два дня до генерального сражения.

С. 172

...аксиома eadem bis in idem — выражение, принятое в судебной практике, означающее, что за одно и то же преступление дважды не карают.

ТАМАНГО

Новелла появилась в «Ревю де Пари» 3 октября 1829 года. Источники сюжета новеллы многочисленны: [illegible] литература была в те годы весьма обширной. В основу [illegible] Мериме истории не легло какое-то определенное историческое [illegible]. [illegible] ему детали писатель выбрал из вышедших в разное время [illegible] статей: «местный колорит» — [illegible] заимствовать из дневников и [illegible] путешественников тех лет. В 1833 году новелла [illegible] в «Мозаику».

В России новелла «Тамango» [illegible] запретом. Ее перевод — под названием «Черный царь» — появился лишь в 1895 году в сборнике «Читальня рассказов для школы» и после этого много раз переиздавался.

С. 174

В битве при Трафальгаре... — 21 октября 1805 года в Гибралтарском проливе у мыса Трафальгар английская эскадра под командованием адмирала Нельсона (погибшего в этом бою) разгромила объединенный франко-испанский флот. Командовавший этим флотом французский адмирал Пьер де Вильнёв покончил с собой.

Каперское судно — принадлежащее частному владельцу судно, имевшее разрешение во время войны нападать на вражеские корабли, разоружать и грабить их.

Люгер — небольшое двухмачтовое парусное военное судно.

Джерси — небольшой остров в проливе Ла-Манш, принадлежащий Англии.

Заключение мира... — Имеется в виду мир, заключенный между Францией и Англией в 1814 году после первого отречения Наполеона.

С. 175

Джоаль (Жоаль) — небольшой порт на западном побережье Африки.

С. 176

Мартиника — один из самых крупных островов в группе Малых Антильских островов (Вест-Индия). В этой старой французской колонии в XIX веке широко применялся труд негров-рабов, вывезенных из Африки.

Полофский язык (уолоф, волоф) — язык одного из самых крупных негритянских племен Сенегала. Полофский язык относится к сенегальско-гвинейской группе суданской семьи африканских языков.

С. 177

«Сицилийская вечерня» — трагедия французского поэта Казимира Делавиня (1793—1843), поставленная в 1819 году в парижском театре «Одеон» и пользовавшаяся большим успехом. В ней рассказывается о восстании на Сицилии в 1282 году против захвативших остров французов. На этот сюжет значительно позже Верди написал свою известную оперу.

С. 180

Мама-Джумбо.— Вера в это существо действительно была распространена среди негров Западной Африки. Мериме мог прочесть об этом поверье в записках английского путешественника Мунго-Парка, который совершил длительное путешествие по африканскому побережью в 1795—1797 годах.

С. 181

Фольгар, как они это называют...— Это португальское слово (означающее «увеселение») вопреки утверждению Мериме не засвидетельствовано ни в одном наречии Западной Африки.

С. 187

...как Кориолан... — Римский военачальник Кориолан в 493 году до нашей эры, поссорившись с гражданами своего города, осадил его, став во главе врагов Рима. Он отказался разговаривать с посланцами родного города, лишь его мать [illegible] во главе римских женщин, заставила его смягчиться и [illegible].

С. 189

Кингстон — город и крупнейший порт острова Ямайка.

ЭТРУССКАЯ ВАЗА

Новелла появилась в феврале 1830 года в «Ревю де Пари». В этом произведении Мериме впервые отошел от книжных источников или устных рассказов и обратился к собственным наблюдениям и жизненному опыту. В основных персонажах новеллы легко угадываются черты друзей Мериме — Виктора Жакмона (Жюль Ламбер), барона де Мареста (Альфонс де Темин), Шарля Ленормана (Теодор Невиль). В основе сюжета лежат личные переживания Мериме: его короткая и драматическая связь с г-жой де Лакост. Современники не сомневались в том, что в образе Матильды писатель изобразил свою возлюбленную. Гортензия Аллар, например, писала Сент-Бёву: «Я не могла сказать вам вчера вечером, что сидевшая напротив вас дама, с которой я беседовала,— это героиня «Этрусской вазы» Мериме, та самая, из-за которой он дрался на дуэли, и единственная, кого он действительно любил; она и сейчас хороша... Это г-жа Лакост». У всех, знавших Мериме, также не вызывало сомнений, что Сен-Клер — это он сам.

В 1833 году «Этрусская ваза» была включена в «Мозаику». Первый русский перевод новеллы появился в апреле 1830 года в газете «Северный Меркурий» (№ 40, 41). В 1883 году в журнале «Изящная литература» (№ 9) был напечатан перевод Д. В. Григоровича, затем много раз переизданный.

С. 190

Зонтаг Генриэтта (1805—1854) — немецкая певица, с успехом выступавшая в Париже на сцене Итальянской оперы.

С. 191

Я думаю, что он близок к иезуитам. — Иезуиты были изгнаны из Франции еще в 1764 году. Однако в период Реставрации «Общество Иисуса» было восстановлено, и иезуиты стали играть заметную роль в контрреволюционной политике последних Бурбонов. Сторонники иезуитов были во всех слоях французского общества, но тщательно скрывали свою принадлежность к ордену.

...служба в церкви Сен-Сюльпис. — Парижская церковь Сен-Сюльпис и находившаяся при ней семинария руководились в то время иезуитами.

...экарте — старинная карточная игра, в которой обычно принимают участие два партнера.

С. 193

Дибич Иван Иванович (1785—1831) — русский фельдмаршал, участник войны 1812 года и ряда других кампаний; особенно отличился в русско-турецкую войну 1828—1829 годов.

С. 194

Паста Джузеппа (1797—1867) — итальянская певица; с успехом выступала в Париже и Лондоне. Пользовалась любовью Мериме и Стендаля.

Веллингтон Артур (1769—1852) — герцог, английский полководец, командовавший войсками [illegible] (1815).

С. 195

...[illegible] — Мериме намекает на басню Лафонтена, в которой [illegible], у которой отрубили хвост, убедила [illegible] и [illegible] всем также отрубить себе хвосты.

Вуазенон Доминик (1719—1800) — французский щеголь и законодатель моды, его обычно называют [illegible] денди.

Фанфан — [illegible] героя [illegible] Неаполя.

С. 196

Гамлет обучает Офелию! — [illegible] Гамлет о его матери (д. I, явл. 2). Перевод Б. Пастернака.

С. 197

...самая умная женщина во Франции... — Намек на французскую писательницу г-жу де Сталь (1766—1817).

Что за человек паша? — Речь идет о египетском паше Мехмеде-Али (1769—1849). Его независимая в отношении Турции политика создала ему популярность в европейском обществе.

Альмеи — танцовщицы на Ближнем Востоке.

Мемнон — легендарный герой, сын богини Авроры (Зари). Согласно древнегреческим преданиям, находившаяся в окрестностях Фив колоссальная статуя была воздвигнута в честь Мемнона (в действительности сооружена в честь египетского фараона Аменхотена).

Ибрагим-паша (1792—1848) — сын Мехмеда-Али, египетский военачальник.

Мюнстерская башня. — Эта башня имеет высоту 142 метра.

С. 198

Джерид — небольшой дротик.

Мурад-бей (1750—1801) — начальник египетских мамелюков; разбитый в 1798 году наполеоновскими войсками, перешел на сторону французов.

Ханджар (а р а б с к.) — тонкий обоюдоострый кинжал.

Мечла — плащ.

Хаик — покрывало для защиты от солнца.

...Турции» — цитата из комедии Мольера «Мещанин в дворянстве» (д. V, явл. 1).

Порта — официальное название султанской Турции.

Орас Вернэ Орас Вернэ (Орас Шарль Жюль Вернэ, Орас Тусен) (1792—1845) — французский художник-баталист и литограф, создавший большое число литографий, изображавших солдат и офицеров наполеоновской армии.

Наши — романтики? — Отзвук ожесточенных литературных споров, которыми были отмечены 20-е годы XIX века. Все прогрессивные литераторы объединились тогда под флагом романтизма.

Мавек-Айятальнсфус-Эбн-Эсраф. — Такого поэта не существовало.

«Рафаэль» — сборник стихов французского поэта-романтика Альфонса де Ламартина (1790—1869) «Поэтические раздумья», вышедший в 1820 году.

С. 200

Лесли Чарльз-Роберт (1794—1859) — английский художник-портретист.

С. 201

Политехническая школа — учебное заведение в Париже; среди его студентов было немало революционно настроенной молодежи. Школа готовила военных инженеров разных специальностей (артиллеристов, саперов и т. п.).

...«алмазная заря»... — слова из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» (д. III, явл. 5).

С. 202

Верьерский лес — лес под Парижем, недалеко от Версаля.

С. 204

Севинье Мария де Рабютен-Шантал (1626—1696) — французская писательница; ее [illegible] стали значительным явлением французской прозы.

С. 205

Шрот — известный парижский торговец произведениями искусства.

С. 206

...бой лапифа с кентавром. — Речь идет об одном из эпизодов древнегреческой мифологии: кентавры, полулюди-полулошади, приглашенные на свадьбу царя племени лапифов Пейритоя с Гипподамией, вздумали похитить невесту, что послужило поводом к битве кентавров с лапифами.

Тортони — кафе на Итальянском бульваре в Париже.

С. 207

...фабрики Ментона. — В первой половине XIX века оружие, изготовленное на английском заводе в городе Ментоне (графство Рэтленд), считалось особенно хорошим.

Гиерские острова — небольшой архипелаг у южных берегов Франции, недалеко от Тулона. Эти острова славятся своей живописностью и мягким климатом.

ПАРТИЯ В ТРИКТРАК

Эта новелла была напечатана в «Ревю де Пари» в июне 1830 года. Сюжет новеллы Мериме мог заимствовать из рассказов своих друзей-моряков. Ряд критиков (например, Гюстав Планш) отмечали некоторую искусственность ситуации и преувеличение в изображении страстей. На долю этого произведе-

...имел меньший успех, чем тот, каким пользовались «Маттео Фальконе», «Гамашо» или «Этрусская ваза». В 1833 году «Партия в триктрак» вошла в «Мозаику». На русском языке впервые напечатана во второй части пятитомника «Рассказчик, или Избранные новеллы иностранных авторов, изданные Николаем Гречем» (СПб., 1832).

С. 208

Триктрак — старинная французская игра в шашки, которые передвигают в зависимости от количества очков, выбрасываемых на костях.

...о пресловутом мосте под Эсслингом... — Этот мост соединял остров Лобау с левым берегом Дуная. Он позволил французским войскам быстро перейти реку и разбить австрийскую армию под Эсслингом (май 1809 г.).

«Конституционель» — основной орган либеральной оппозиции в период Реставрации.

...бежал с понтона в Кадисе... — Французы, вынужденные капитулировать в 1808 году в испанском городе Байлене, содержались на понтонных судах в гавани Кадиса.

С. 209

...в последнюю кампанию... — Речь идет о кампании 1813—1814 годов, последней кампании Наполеона перед его первым отречением и ссылкой на остров Эльба.

С. 214

Мингер (голл.) — [illegible].

С. 216

Жан Барт (1651—1702) — [illegible] сын простого рыбака, в молодости пират, он дослужился [illegible] и командовал эскадрой. Даже на этом посту он сохранил [illegible] своего боцмана.

С. 218

Портсмутские понтоны — [illegible] тюрьма для военнопленных в английском портовом городе [illegible].

ДВОЙНАЯ ОШИБКА

Эта небольшая повесть Мериме была частично напечатана в августе 1833 года в «Ревю де Пари» (гл. VI—IX); в сентябре повесть вышла отдельной книжкой и сейчас же перепечатана бельгийским типографом Луи Омаром. «Двойная ошибка», в основу сюжета которой легли личные наблюдения и переживания автора, была встречена критикой холодно. Пытаясь сделать более ясной свою основную мысль, Мериме, переиздавая в 1842 году свою повесть, добавил заключительную фразу («Эти две души, не понявшие одна другую, были, может быть, созданы друг для друга»), отсутствовавшую в первом издании. В ряде более поздних писем Мериме признавал свою неудачу, однако писателю, по-видимому, было дорого это произведение: при жизни он переиздал «Двойную ошибку» восемь раз.

В России эта повесть Мериме была напечатана в «Современнике» в 1847 году (№ 6); в 1859 году она была выпущена отдельной книгой.

С. 221

Эпиграф — из испанской народной песни.

...подобно Фрозине... — Фрозина — сводня из комедии Мольера «Скупой», пытающаяся устроить брак старика Гарпагона с молодой девушкой Мариан-

[illegible] возлюбленной его сына. В действии II, явлении 6 Фрозина говорит, что может повенчать кого угодно, даже таких заклятых врагов, как Венецианская республика и турецкий султан, постоянно враждовавших между собой.

С. 224

...жестом, несколько напоминавшим Тартюфа... — Намек на сцену из комедии Мольера «Тартюф» (д. III, явл. 3): делая вид, что изучает качество бархата на платье Эльмиры, Тартюф пытается дотронуться до ее колен.

С. 225

...Квентин Дорвард... — Этот роман Вальтера Скотта был издан в 1823 году и вскоре же переведен во Франции.

С. 226

«Персидские письма» — философский роман французского писателя-просветителя Шарля де Монтескье (1689—1755), вышедший в 1721 году.

С. 226

...чуть не доведя ее до запала. — Запалом в ветеринарии называется затрудненность дыхания от [illegible].

С. 227

Кнастер — один из сортов [illegible] курительного табака.

С. 228

«Лиллибулеро» — [illegible] дядюшки Тоби, одного из главных героев романа Лоренса Стерна ([illegible]—1768) «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» ([illegible]).

С. 230

«Вы лучше [illegible]. — Этих слов в «Гамлете» Шекспира нет.

«Maometto» — «Магомет II», опера Россини, созданная композитором в 1820 году.

С. 234

Потье Шарль (1775—1838) — популярный в 20-е и 30-е годы парижский актер, выступавший в комических ролях на сцене театра «Варьете».

С. 239

Р. Р. С. — сокращенная форма вежливости (Pour prendre conqé); эти три буквы писались обычно на визитных карточках при прощальном визите.

С. 240

...верный Ахат — герой поэмы Вергилия «Энеида», друг и спутник Энея.

...вечер драматических пословиц... — «Пословицами» назывались произведения своеобразного драматического жанра — небольшие пьески, иллюстрирующие суть какого-либо морального изречения или пословицы. Возникнув как чисто салонное развлечение актеров-любителей, «пословицы» в XIX веке проникают и на большую сцену; самым талантливым автором «пословиц» был Альфред де Мюссе.

С. 241

Калидор (в переводе с греческого — «вода красоты») — рекламировавшееся в те годы шарлатанское средство для ращения волос.

Карамания — область в Центральной Турции.

С. 241

«Гяур» — одна из «восточных» поэм Байрона, написанная в 1813 году. В поэме рассказывается, как невольница Лейла была брошена со скалы в море за неверность.

С. 242

«Сотир»... — Слово «сотир» или, точнее, «сотер» — древнегреческое.

С. 245

...Султана Махмуда... — Речь идет о Махмуде II (1785—1839), турецком султане (с 1809 г.), прославившемся жестоким истреблением янычар.

С. 245

Мамамуши — якобы «турецкий» титул, присвоенный г-ну Журдену («Мещанин во дворянстве» Мольера, д. V, явл. 1).

Франки. — Так мусульманские народы Средиземноморья называют всех европейцев.

С. 246

Ларнак — город на острове Кипр.

С. 248

«И какого черта [illegible] ты [illegible] ривовать?» — Воспоминание о знаменитой сцене из комедии Мольера «Плутни Скапена», в которой Жеронт в ответ на рассказ хитреца Скапена о несчастиях, постигших сына Жеронта на турецкой галере, [illegible] «И какого черта отправился он на эту галеру!» (д. II, явл. [illegible]).

«[illegible]» — [illegible], основанная в 1789 году. В 17[illegible] годах [illegible] органом.

С. 249

Мингрелия — область на юго-Грузии; девушки-мингрелки славились своей красотой и потому часто попадали в турецкие гаремы.

С. 251

Каррик — шинель с тремя широкими пелеринами. Моду на нее ввел английский актер Гаррик: название шинели — его искаженная фамилия.

С. 252

«Ты [illegible] Цезаря и [illegible]» — то есть пока на борту находится Цезарь, кораблю будет сопутствовать его удача. Эту фразу приводит Плутарх в своем «Жизнеописании Цезаря».

С. 253

Виргиния — героиня пасторального романа французского писателя Бернардена де Сен Пьера (1737—1814) «Павел и Виргиния» (1787).

С. 255

Долина пресной воды — живописное место в окрестностях Константинополя, излюбленное место прогулок жителей города.

Святая София — замечательный памятник византийской архитектуры в Константинополе (построен в первой половине VI в.); в XV веке превращен турками в мечеть.

Геро — одна из героинь античной мифологии, возлюбленная юноши Леандра, жившего на другом берегу пролива Геллеспонт (Дарданеллы). Каждую ночь Геро зажигала сигнальный огонь, чтобы он мог переплыть пролив. В одну из бурных ночей ее огонь погас, и Леандр погиб в волнах. Найдя утром его труп, Геро бросилась с башни в море.

С. 256

Янсенист — сторонник одного из оппозиционных течений в католической церкви, возникшего в XVII веке во Франции; название «янсенист» произошло от имени богослова Корнелия Янсения (1585—1638). Янсенисты отличались крайней строгостью в вопросах морали.

КАРМЕН

Эта новелла была напечатана в «Ревю де дё монд» 1 октября 1845 года, в 1846 году выпущена отдельной книгой (вместе с «Арсеной Гийо» и «Аббатом Обеном»), переизданной в 1852 году. Замысел «Кармен» возник у Мериме здесь, быть может, еще во время его первой поездки по Испании в 1830 году. В четырех «Письмах об Испании», печатавшихся в «Ревю де Пари» в 1830—1833 годах, мы находим всех главных персонажей новеллы. Однако основную фабулу своего произведения Мериме нашел не на испанских дорогах и придорожных вентах, а в устных рассказах своей приятельницы, графини де Монтихо, в письме к которой (от 16 мая 1845 г.) Мериме признавался, что использовал рассказанную ею историю. Работая над новеллой, писатель заинтересовался бытом, нравами и языком цыган, он изучил современную ему научную литературу и старался собирать всевозможные материалы об этом своеобразном народе. Так, в печатном издании новеллы появилась заключительная главка, отсутствовавшая в журнальном варианте.

Отзывы критики были многочисленны, но разноречивы; некоторые упрекали автора как раз за эту [illegible] главку, сюжетно ничем не связанную с новеллой. Оценка Сент-Бёва была сдержанной, а в личных заметках мстительный критик [illegible] «Кармен» Мериме; это неплохо, но сухо, резко и лишено развития; это «Манон Леско», но более подпорченная и в испанском [illegible] «Кармен», особенно благодаря одноименной опере Бизе [illegible] самым известным и популярным произведением Мериме.

В России «Кармен» была переведена сразу же после ее появления во французском журнале, причем одновременно в двух разных изданиях — в «Библиотеке для чтения» (1846, т. 74) и в «Отечественных записках» (1846, т. 44, № 1).

С. 269

Эпиграф к новелле — из сочинений позднегреческого поэта V века нашей эры Паллада Александрийского.

Мунда — город в древней Испании; около него Юлий Цезарь одержал решительную победу над сыновьями Помпея Гнеем и Сикстом (45 г. до н. э.). Первоначально этот город отождествляли с современной Мондой в провинции Малага, около которого жило финикийское (или пуническое) племя бастулов. В настоящее время ученые склонны отождествлять древнюю Мунду с современной Монтой в провинции Кордова.

Герцог Осунский (1814—1882) — испанский общественный деятель и коллекционер, владелец богатейшей фамильной библиотеки.

С. 269

Сьерра — горная цепь.

С. 270

Гедеон — израильский полководец, о котором рассказывается в Библии; перед его битвой с соседним племенем мадианитян бог повелел ему испытать своих солдат, заставив их напиться воды; те из них, кто пил прямо из озера, были отосланы домой как «плохие воины» (Книга Судей, VII, 2—7).

С. 271

Регалия — сигара одного из лучших сортов.

С. 272

Хосе Мария. — Об этом испанском бандите Мериме подробно рассказал в своем третьем «Письме об Испании».

С. 273

Сегидилья — национальный баскский танец, сопровождаемый пением.

...Мильтоновского Сатаны. — Речь идет об одном из персонажей поэмы Джона Мильтона (1608–1674) «Потерянный Рай».

С. 276

Алькайд — комендант города, крепости, замка.

С. 277

«Ангелус» — вечерняя молитва у католиков.

...купающуюся с нимфами Диану, не боясь при этом участи Актеона. — Намек на один эпизод из античной мифологии: юный охотник Актеон подсмотрел однажды, как богиня Диана купалась с нимфами. За это он был превращен разгневанной богиней в оленя и растерзан своими же охотничьими собаками.

С. 277

...и сама куропатка... — цитата из трагедии Корнеля «Сид» (д. IV, явл. 3).

С. 278

Франциск I — [illegible]. О нем Мериме писал в своем первом «Письме об Испании».

Хунта — [illegible].

С. 279

Об остальном [illegible] — Мериме имеет в виду книгу Иньиго Бранкоса [illegible].

С. 281

...в древней [illegible] — В средние века Кордова была столицей Арабского халифата в Испании.

«Ратсе» — [illegible] католических молитв «Отче наш» и «Богородица».

...при [illegible] — Конституционная монархия после долгой борьбы демократических сил испанского общества была установлена в стране в 1836 году. До этого конституция провозглашалась в Испании дважды: при французах в 1812 году и в период революционного подъема 1820–1823 годов.

...«карманьолку» [illegible] — цитата из комедии Мольера «Господин де Пурсоньяк» (д. III, явл. 3). Это говорит солдат-швейцарец, коверкающий французский язык.

С. 284

Булавка — затравник у ружья.

...когда господин коррехидор повезет ее на прогулку... — В старой Испании существовало следующее наказание для женщин легкого поведения и подозреваемых в колдовстве: их сажали на осла и возили по городу; впереди шел коррехидор, а сзади — стражники, бичевавшие наказуемую кнутом.

Шебека — старинное, очень узкое военное судно, применявшееся на Средиземном море.

С. 285

...андреевские кресты. — Крест Андрея Первозванного — диагональный крест в память о том кресте, к которому согласно христианским легендам святой был пригвожден турками.

С. 287

Хосе Франсиско (1783—1831) — испанский военачальник, прославившийся во время войны с Наполеоном (1808—1813).

Мина Франсиско (1784—1836) — испанский генерал, один из вождей либеральной оппозиции абсолютистскому режиму Фердинанда VII.

Чамаларра Хоакин де Наблю Антон (ум. 1830) — испанский военачальник-республиканец; вынужденный эмигрировать в 1823 году после подавления испанской революции, он в 1830 году вернулся на родину, сделал попытку поднять восстание, был схвачен и расстрелян.

«Черный». — Так в Испании называли сторонников кортесов (народного парламента) в период революции 1820 года.

С. 289

Дон Педро (1334—1369) — король Кастилии, решительно расправлявшийся с непокорными феодалами и за это прозванный ими «Жестоким»; в народе о нем слагали много различных легенд. Вольтер написал о нем трагедию; о нем писали также Лопе де Вега и Кальдерон. Мериме несколько лет изучал его деятельность и в сентябре 1848 года выпустил книгу «История Дона Педро I» (в декабре 1847 — феврале 1848 г. печаталась в «Ревю де дё монд»).

Изабелла Католичка (1451—1504) — королева Кастилии; при ней завершилось объединение Испании.

С. 290

Суньига Дьего Ортис (ок. 1610—1680) — испанский историк; жил и работал в Севилье, городские архивы которой хорошо изучил.

С. 292

Драконьи слезы! — Игра слов: по-французски (и по-испански) слова «драгун» и «дракон» — омонимы.

С. 294

Данкайрс. — В переводе с испанского эта кличка значит «игрок на чужие деньги».

С. 296

Ремендадо. — В переводе с испанского это прозвище значит «пятнистый».

С. 298

Рольона. — Эта кличка в переводе с испанского значит «пышка».

С. 305

Мария Падилья (ок. 1330? — 1361) — возлюбленная короля Кастилии Дона Педро I, с которой он познакомился в 1352 году.

Бланка Бурбонская (ок. 1338—1361) — жена короля Дона Педро, дочь Пьера I, герцога Бурбонского. Вышла замуж в 1353 году, но была брошена мужем; приняла участие в заговоре против него, но была схвачена, заточена и, очевидно, отравлена.

С. 308

Борроу Джордж (1803—1881) — английский исследователь и путешественник, автор работ «Цыгане» (1841) и «Библия в Испании» (1843), с которыми Мериме был хорошо знаком.

Библейское общество — основанная в 1649 году в Лондоне организация, занимавшаяся переводом на живые языки и распространением Библии.

...Овидиевой некрасивой женщины... — Далее цитата из «Любовных элегий» Овидия (кн. I, элегия VIII, стих 43); эту фразу произносит старая сводня.

С. 310

...что выходцы из Индии. — Современными исследователями установлено, что родиной цыган была северо-западная Индия, откуда они вышли не

позже X века и перешли в Европу через Малую Азию и Балканский полуостров.

С. 311

«Парижские тайны» — популярный роман французского писателя Эжена Сю (1804—1857), вышедший в 1842—1843 годах. Один из персонажей романа носит прозвище Chourineur — «Поножовщик».

Видок Эжен-Франсуа (1775—1857) — знаменитый авантюрист, в молодости вор, затем сыщик и полицейский агент. Его перу принадлежат «Мемуары» (1826) и описание жизни парижского дна — «Истинные тайны Парижа» (1844).

Жак Антуан (ум. 1653) — лексикограф, преподаватель итальянского языка Людовика XIV. Его словарь вышел в 1640 году; предлагаемая в нем этимология весьма сомнительна.

АББАТ ОБЕН

Эта новелла была напечатана в газете «Конституционель» 24 февраля 1846 года без указания имени автора. Бутарлен и Мериме писал г-же де Монтихо: «Я посылаю Вам маленькую историю, которую я только что напечатал без подписи, ибо мне вместе с ней пришлось бы напечатать опровержение, чтобы старые хани-жи принялись кричать об оскорблении». Вне приключенческой части — чистейшая правда, я могу назвать действующих лиц. Этот же год «Аббат Обен» вместе с «Коломбой» и «Арсеной Гийо» вошел в отдельный сборник, переизданный с рисунками Гюго в 1855 году. Русский его перевод был напечатан в «Библиотеке для чтения» (1856, т. 10).

С. 314

Фелисите — героиня [illegible] «Знатные женщины» (1672).

С. 317

«Мореск» — роман Жорж Санд, написанный в 1836 году.

...Мосье Байрон в «Гяуре» — Цитата неточна: не в «Гяуре» Байрона, а в его поэме «Корсар».

«Жоселен» — издания в 1836 году поэма Альфонса де Ламартина (1790—1869). В ней рассказывается о борьбе в душе молодого деревенского священника, вынужденного выбирать между любовью и религиозным долгом. Религия в поэме в конце концов торжествует.

С. 317

...моем старом Плутархе для брыжей — цитата из комедии Мольера «Ученые женщины» (д. II, явл. 7). Герой комедии Кризаль говорит о «толстом Плутархе, годном только для того, чтобы закладывать в него кружевные брыжи».

С. 320

«Доволен ты, Куси?» — полустишие из трагедии Вольтера «Аделаида Дюгеклен» (д. V, явл. 6).

С. 321

O Meliboee... — цитата из «Буколик» Вергилия (эклога I, стих 6).

Horresco referens — цитата из «Энеиды» Вергилия (п. II, стих 204).

«Абеляр» г-на де Ремюза.— Речь идет о двухтомном сочинении Шарля де Ремюза (1797—1875) «Абеляр, его жизнь, его философия и его теология» (1845), повествующем о французском средневековом философе, богослове и писателе Петре Абеляре (1079—1142), о его любви к Элоизе.

С. 322

Фома Кентерберийский — Фома Бекот (1117—1170), английский политический и церковный деятель, епископ Кентерберийский, канцлер Англии. Пользовался неограниченным доверием короля Генриха II, но после возникшей между ними ссоры был убит по приказанию короля. Причислен к лику святых.

ФЕДЕРИГО

Напечатано в ноябрьском номере «Revue de Paris» за 1829 год, затем включено в сборник «Мозаика» (1833).

По-видимому, рассказ этот представляет собой свободную комбинацию разных сказочных мотивов, и ссылка Мериме (в примечании к заглавию) на готовую итальянскую сказку — одна из его мистификаций.

С. 323

...Кавскими холмами.— Кава — небольшой городок к югу от Неаполя.
Ломбер — старинная карточная игра.

С. 327

Монджибелло — местное (сицилийское) название Этны.
Пьемонте — вымышленное название местности.

А. Михайлов

Послесловие

Роман «Собор Парижской богоматери», принадлежит перу великого французского писателя Виктора Гюго (1802-1885), вот уже более полутора веков с увлечением читается во всех концах земли. Яркие картины жизни далекого прошлого, захватывающая фабула, драматические судьбы героев, а главное, гуманизм, страстная защита человека от зла и несправедливости, приближающая книгу к нашим дням,— все это делает неувядаемым шедевр Гюго, созданный им в молодые годы. Именно на этом романе и на знаменитом романе «Отверженные» основывается мировая слава Гюго.

Виктор Гюго был необычайно плодовитым писателем: его поэтические произведения, снискавшие ему имя первого поэта Франции, едва умещаются в двух десятках томов; его драматургия составила этап в развитии французского театра; романы пользовались необычайной популярностью; блестящая публицистика, речи и памфлеты сыграли видную роль в борьбе против политической реакции его времени. Свою музу, всю свою долгую жизнь Гюго посвятил общественному служению, он был поборником демократии, проповедником добра и справедливости, защитником обездоленных, обличителем угнетения и насилия; он создал художественные ценности, которые делают его творчество одной из вершин в духовном развитии человечества.

Жизнь Виктора Гюго охватила почти целый век. Он родился, когда еще не догорело зарево Великой французской революции и только укреплялся новый, капиталистический общественный уклад, и дожил до того исторического периода, когда буржуазное общество пошло под уклон и в нем все явственнее начали проступать черты кризиса и упадка. Творчество Гюго, которое он сам назвал «звонким эхом своего времени», откликнулось на важнейшие проблемы бурного

XIX века, отразило его конфликты и идеалы, иллюзии и надежды. Писатель был свидетелем частой смены политических укладов, побед и поражений народных масс Франции в борьбе за республику, а с ней социальные права, освободительной борьбы других народов против реакционных правлений и иноземных угнетателей; первых рабочих восстаний 1830-х годов и первой попытки утвердить власть пролетариата в дни Парижской коммуны 1871 года; он видел борьбу американских негров против расового угнетения и сопротивление колониальных народов первым агрессивным войнам, предпринятым империалистическими державами. И всегда он был на стороне демократии против реакции, на стороне народов против их тиранов.

Гюго имел весьма туманное представление о реальных факторах исторического развития, и его общественные идеалы навсегда оставались романтически расплывчатыми. Общество своего времени он делил не по классовому [illegible] моральному признаку — на добрых и злых; но искренний демократизм писателя привел к тому, что грань между злыми и добрыми [illegible] него с границей, отделяющей верхи общества от низов, богатых от бедных. «Народ» для него — носитель нравственного идеала Добра, а эксплуататорские классы — носители Зла. Для зрелого Гюго смысл истории заключается в нравственном прогрессе [illegible] романтической терминологией, в постепенном переходе от [illegible] к возвышенному, в преодолении Зла и конечной победы Добра. Ход истории создает как бы фон действия во всех произведениях Гюго, любой, мельчайший факт, любой образ существует в соотношении с ней, и это придает творениям Гюго зрелого периода эпическое величие.

Такое миропонимание делало неразрывным в глазах писателя прошлое, настоящее и будущее: его исторические произведения оказывались по своим идеям жгуче актуальными. Это относится и к «Собору Парижской богоматери».

Роман был задуман в конце 1820-х годов. Возможно, что толчком к замыслу был роман Вальтера Скотта «Квентин Дорвард», где действие происходит во Франции в ту же эпоху, что и в будущем «Соборе». Однако молодой автор подошел к своей задаче иначе, чем его знаменитый современник. Еще в статье 1823 года Гюго писал, что «после живописного, но прозаического романа Вальтера Скотта предстоит создать еще другой роман, который будет одновременно и драмой и эпопеей, живописным, но также и поэтическим, наполненным реальностью, но вместе с тем идеальным, правдивым, но, кроме того, возвышенным, как бы включит Вальтера Скотта и Гомера». Именно это и пытался осуществить автор «Собора Парижской богоматери».

Преемственность от Вальтера Скотта ясно ощущается: на первом плане — картины жизни народной массы, решающей силы истории,

на втором плане — исторические персонажи, правители и полководцы (хотя эта группа персонажей в «Соборе» еще дальше оттеснена от главного русла повествования). Но столь же очевидно и своеобразие Гюго как исторического романиста.

Автора «Квентина Дорварда» прежде всего интересовал основной исторический конфликт во Франции XV века — эпохи, когда обострилась борьба между старым феодальным укладом и новой культурой городов, когда французская монархия в лице Людовика XI (1461—1483) проводила политику централизации государства и собирала земли под своей эгидой, ломая сопротивление могущественной родовой знати, опираясь на города, на среднее и мелкое дворянство, используя в своих целях [illegible] народа феодальным гнетом. Поэтому в его романе занимает [illegible] борьба короля Людовика XI с его главным [illegible] герцогом Карлом Смелым.

У Гюго [illegible] ко ходу действия; в одном [illegible] показано, как король [illegible] думав, что она направлена [illegible] для Гюго в другом: [illegible] истории», смотрит на [illegible] XIX века, романтически [illegible] «Собор Парижской богоматери» важна [illegible] герцога Бургундского, [illegible] рассказов перед народом. [illegible] Филиппом де Комином, [illegible] простого люда», и рисует [illegible] как тень, ходит [illegible] Тристан Отшельник (тоже историческое лицо).

В любой исторической эпохе, сквозь все ее разнообразные противоречия Гюго различал борьбу двух главных нравственных начал. Его герои — и в «Соборе Парижской богоматери» и еще больше в поздних романах — это не только яркие, живые характеры, социально и исторически окрашенные; их образы перерастают в романтические символы, становятся носителями социальных категорий, отвлеченных понятий, в конечном счете идей Добра и Зла.

В «Соборе Парижской богоматери», сплошь построенном на эффектных «антитезах», отражающих конфликты переходной эпохи, главная антитеза - это мир добра и мир зла, мир угнетенных и мир угнетателей: с одной стороны, королевский замок Бастилия – пристанище кровавого и коварного тирана, дворянский дом Гонделорье — обиталище «изящных и бесчеловечных» дам и кавалеров, с другой — парижские площади и трущобы «Двора чудес», где живут обездоленные. Драматический конфликт строится не на борьбе королевской власти и феодалов, а на отношениях между народными героями и их

[illegible] Королевская власть и ее опора, католическая церковь [illegible] в романе как враждебная народу сила. Этим определяется [illegible] расчетливо-жестокого короля Людовика XI, очень близкого к галерее коронованных преступников из драм Гюго, и образ мрачного [illegible] архидьякона Клода Фролло, созданного вслед за образом кардинала-палача из «Марион Делорм».

Внешне блестящее, а на самом деле пустое и бессердечное дворянское общество воплощено в образе капитана Феба де Шатопер, ничтожного фата и грубого солдафона, который только влюбленному взгляду Эсмеральды может казаться рыцарем и героем; как и архидьякон, Феб не [illegible] и самоотверженное чувство.

Душевное [illegible] присущи лишь отверженным людям [illegible] они подлинные герои романа. [illegible] правственную красоту [illegible] Квазимодо — уродливость социальной судьбы угнетенных. В образе Квазимодо наиболее ярко [illegible] внешнее безобразие скрывает в нем душевную красоту; искривленный, горбатый и одноглазый [illegible] он кажется [illegible] а он платит им [illegible] дано разгадать его [illegible] вслед счастливому соперника: «[illegible] Красивым снаружи!»

На [illegible] разных жанров Гюго не прекращал борьбу против [illegible] церкви. Официальному католическому культу он противопоставлял некоего доброго народного бога в духе учения великого просветителя XVIII века Жан-Жака Руссо. В этом плане значительным образом «Собора Парижской богоматери» является архидьякон Клод Фролло. Созданием этого персонажа Гюго откликнулся на усилившееся в период Реставрации влияние иезуитов (с которыми в те же годы воевал своими песнями Беранже), но вместе с тем Клод Фролло — один из наиболее исторически убедительных характеров романа. Это яркая индивидуальность переходной предвозрожденческой поры, соединяющая «ум возвышенный, могучий и властный,» с сильным и страстным характером. Но принадлежность к церкви загубила его жизнь. Клод Фролло — зловещая и трагическая фигура; все его чувства чудовищно извращены религиозным фанатизмом; любовь, отеческая привязанность, жажда знания оборачиваются у него эгоизмом и ненавистью. Он отгородился от народной жизни стенами собора и своей лабораторией алхимика, и потому душа его во власти темных и злых страстей. Облик Клода Фролло дополняется главой, носящей выразительное название «Нелюбовь народа». От Клода Фролло, отдавшего любимую девушку в руки палачей, тянется нить к поздней драме Гюго «Торквемада» (1883), в которой великий

инквизитор, желая отплатить добром за добро, посылает на костер спасшую его от смерти молодую пару. Образ Клода Фролло окутан мрачной поэзией, сближающей его с многочисленными романтическими злодеями, населявшими литературу начала XIX века.

В центре романа — собор Парижской богоматери, символ духовной жизни французского народа. Собор построен руками сотен безымянных мастеров, религиозный остов в нем теряется за буйной народной фантазией. Описание собора становится поводом для вдохновенной поэмы в прозе о французском национальном зодчестве. Гюго восхищается своеобразием «дивных произведений искусства средневековья, далеких от [illegible] архитектуре, и горячо [illegible] и искажений позднейших времен. В [illegible] зодчества не только [illegible] по определению [illegible] по их скульптурам и [illegible] писание. Церкви [illegible] печатная книга победит [illegible] как гласит название одной из глав романа. Собор дает приют народным героям Гюго [illegible] и борющийся народ.

Вместе [illegible] народа, символ феодального гнета, темных суеверий и предрассудков, которые держат в плену души людей. Недаром во мраке собора, под его сводами, сливаясь с причудливыми мраморными химерами, оглушенный гулом колоколов, в одиночестве живет Квазимодо, «душа собора», чей гротескный образ олицетворяет средневековье. В противоположность ему [illegible] радость и красоту земной жизни, гармонию тела и души, то есть идеалы эпохи Возрождения, которая шла на смену средневековью. Плясунья Эсмеральда живет среди парижской толпы, которая считает ее своей сестрой, она полностью погружена в народную жизнь и дарит простому люду свое искусство, веселье и доброту.

В понимании автора романа народ не просто темная невежественная масса, пассивная жертва угнетателей: он полон творческих сил и воли к борьбе, ему принадлежит будущее. Пока он еще не проснулся, еще задавлен феодальным гнетом, «его час еще не пробил». Но штурм собора парижским народом, столь ярко изображенный в романе,— это лишь прелюдия к штурму Бастилии в 1789 году (не случайно король Людовик XI обитает именно в этом замке), к революции, которая сокрушит феодализм. Этот «час народный» недвусмысленно предсказывает королю посланец свободной Фландрии, «любимый народом гентский чулочник Клоппеноль»:

«Когда с этой вышки понесутся звуки набата, когда загрохочут

[illegible] рушит [illegible], когда солдаты и [illegible] друг на друга в смертельной схватке, [illegible] тогда и пробьет этот час».

При всей пестроте и живописности картин народной жизни в «Соборе Парижской богоматери» Гюго не идеализировал средневековье, как делали многие писатели романтизма, он правдиво показал темные стороны феодального прошлого. Вместе с тем его книга глубоко поэтична, полна горячей патриотической любви к Франции, к ее истории, ее искусству, в котором, по убеждению писателя, живет свободолюбивый дух французского народа.

Можно смело сказать, что ни одно из монументальных архитектурных сооружений средневековья не известно так широко во всем мире, как собор Парижской богоматери, прославленный романом Гюго. В истории французской культуры древний памятник народного зодчества и замечательное литературное произведение первой трети XIX века как бы слились в единое целое. Под сводами собора навсегда поселились тени прекрасной цыганки Эсмеральды, в лохмотьях, усеянных блестками, с ее неразлучной ученой козочкой Джали, и несчастного глухого урода Квазимодо. Герои Гюго так жизненны и ярки, что сами просятся на палитру художника, на сцену; на сюжет «Собора Парижской богоматери» ставятся драматические спектакли, балеты, снимаются кинофильмы. Созданная воображением Виктора Гюго трагическая история, разыгравшаяся в далеком прошлом, до сих пор волнует человеческие сердца, потому что настоящее искусство не стареет.

Примечание

Стр. [illegible] *Маргарита Фландрская* (1482–1530) — Дочь императора Максимилиана Австрийского Маргарита, с детства воспитывалась при французском дворе, [illegible] предназначалась в жены дофину (будущему Карлу VIII).

Стр. [illegible] *Жоан де Труа* — [illegible] парижского суда в XV в. [illegible] времен Людовика XI, [illegible] «Собора Парижской богоматери».

Сомаль Хари — [illegible] автор ценной по богатству фактического [illegible] «Старый и новый Париж» (1654).

Стр. [illegible] *Фарамонд* — [illegible] франкских племен (V в).

Равальяк Франсуа (1578–1610) — [illegible] фанатик, убивший в 1610 г. французского короля Генриха IV. [illegible] Дворца правосудия приписывался [illegible].

Стр. [illegible] *Теофиль Вио* — французский поэт-вольнодумец, продолжавший в XVII в. традиции гуманизма эпохи Возрождения: воспевал радость земной жизни и личную свободу.

Филипп Красивый — французский король, правивший с 1285 по 1314 г.

Робер Благочестивый — король Франции, правивший с 996 по 1031 г. *Эльгальдус* — советник короля, историк.

...*Людовик Святой «завершил свой брак».*— Людовик IX, король Франции с 1226 по 1270 г., был канонизирован католической церковью за участие в двух крестовых походах. В 1234 г. женился на дочери графа Прованского Маргарите, но ввиду несовершеннолетия невесты юридическое оформление этого брака было завершено только много лет спустя.

[illegible] *Жуанвилем... вершил правосудие.* — Людовик IX реформировал французское феодальное судопроизводство, установив [illegible] для всей страны верховный суд короля, сделал центральным [illegible] органом Парижский парламент. По преданию, король сам [illegible] выслушивал жалобы от подданных. Жуанвиль Жан — приближенный Людовика IX, сопровождал его в крестовом походе и принимал участие в его реформах.

Стр. 12. *Марсель... [illegible] Робера Клермонского и маршала Шампанского...* — Этьен Марсель — купеческий старшина (прево) Парижа — возглавил в 1356—1358 гг. восстание парижских купцов и ремесленников, представлявших [illegible] попытку нарождавшейся буржуазии ограничить королевскую власть. В ходе восстания были убиты ближайшие советники дофина Карла, упомянутые Гюго.

...изорваны буллы антипапы Бенедикта... — Во время раскола католической церкви [illegible] выбирали своего папу (антипапу), [illegible] находилась в г. Авиньоне. Оба папы постоянно пытались втянуть в свои интриги европейские государства, [illegible] XIII был у власти с 1394 по 1417 г.

Де Брос Саломон (ок. 1572-1626) — французский архитектор, построивший Люксембургский дворец и портал церкви Сен-Жерве в Париже; после пожара 1618 г. перестроил один из главных залов Дворца правосудия.

...в болтовне [illegible] — Патрю Оливье (1604-1681) — парижский юрист, считался [illegible] адвокатом своего времени и славился ораторским искусством, за что был избран в Академию. Личный друг теоретика классицизма поэта Буало, Патрю олицетворял для Гюго придворный литературный стиль XVII в., чем и объясняется враждебный отзыв о нем.

Стр. 14. *В этой лавчонке всякого добра по четыре штуки...* — В средневековом Парижском университете было четыре факультета: богословский, юридический, медицинский и факультет искусств. Последний состоял из четырех национальных групп: французской, пикардийской, нормандской и английской (которая при Карле VI, после войны с Англией, была переименована в германскую).

Стр. 17. *Точно у венецианского дожа, отправляющегося обручаться с морем.* — Дож — выборный пожизненный правитель купеческой республики Венеции в VIII—XVIII вв. С конца X в. в Венеции была учреждена церемония обручения дожа с морем — символ тесной зависимости от моря всей жизни Республики: в день церковного праздника Вознесения пышная процессия именитых лиц и духовенства выплывала на гондолах в открытое море, где дож бросал в воду обручальное кольцо.

Стр. 29. *...29 сентября 1465 года, во время осады Парижа...* —

[illegible] в виду борьба между Людовиком XI и бургундским герцогом Карлом Смелым (см. прим. к стр. 32).

Стр. 31. *Лафонтен* Жан (1621-1695) — французский баснописец и поэт, писал также и комедии.

Стр. 32. *Карл Смелый* — был наиболее опасным политическим соперником Людовика XI. Владея Бургундией и Нидерландами, он стремился объединить эти разрозненные области, захватил много прирейнских земель и мечтал об императорской короне. Находясь в вассальных отношениях к Людовику XI, участвовал во всех феодальных заговорах и коалициях против него, в 1464 г. начал с ним открытую войну. В решительном сражении при Нанси в 1477 г. Карл Смелый был убит, большая [illegible] французского государства.

...уже поглотивших герцога Немурского и коннетабля Сен-Поль. — Во время [illegible] середина XV в. герцог Немурский [illegible] «Лиге общественного [illegible] короля, герцогами Орлеанским [illegible] его, посадил в железную клетку в Бастилии, а затем обезглавил. Коннетабль Сен-Поль также участвовал в «Лиге общественного блага»; неоднократно перебегал от короля [illegible] стремясь выиграть на их соперничестве. Захваченный Карлом и переданный им Людовику XI, Сен-Поль был обезглавлен как государственный изменник.

...прибавившего третью корону к тиаре. — Тиара — парадный головной убор папы римского: окружен тремя коронами, символизирующими собою судебные, законодательные и культовые права папства.

Стр. 36. *Герцог Сен-Симон* Луи (1675-1755) — французский мемуарист и политический деятель. В своих «Мемуарах» Сен-Симон дает резко разоблачительную картину жизни дворянской монархии времен Людовика XIV

Стр. 39. *Филипп де Комин* (XV в.) — французский историк, автор мемуаров о царствовании Людовика XI и Карла VIII.

Стр. 45. *...наподобие Агамемнона Тиманта.* — На картине «Жертвоприношение Ифигении» древнегреческого художника IV в. до н. э. Тиманта отец Ифигении, Агамемнон, изображен закрывающим в ужасе свое лицо плащом.

Стр. 46. *Пилон* Жермен (ок. 1537-1590) — французский придворный скульптор. Статуями его работы украшены гробница короля Генриха II в Сен-Дени и Новый мост в Париже.

Стр. 47. *Кисть самого Тенирса...* — Давид Тенирс-младший (1610—1690) — фламандский художник, часто изображал сценки из крестьянского быта, особенно народные празднества (кермессы).

Сальватор Роза (1615–1673) – итальянский художник, поэт и музыкант, автор ряда батальных картин.

Стр. 48. *Совер* Жозеф (1653–1716) – французский физик, много работавший в области акустики.

Био Жан-Батист (1774–1862) – французский ученый, физик и астроном.

Стр. 55. *Гомер просил милостыню в греческих селениях, а Назон скончался в изгнании у московитов.* – Согласно легенде, слепой Гомер зарабатывал себе на пропитание исполнением своих песен. Публий Овидий Назон, римский поэт I в. до н. э., был по старости сослан императором Октавианом Августом на берег Черного моря, в городок Томы (на месте нынешней Констанцы).

Стр. 67. *Конклав* – совет кардиналов, избирающий папу; здесь – собрание.

Пиррический танец – военный танец в Древней Греции.

Стр. 69. *Герметика* – теософическое учение вымышленного автора Гермеса Трисмегиста, один из разделов алхимии.

Стр. 76. *Мэтр Никола Фламель* (ок. 1330–1418) – алхимик, автор многочисленных сочинений. В средние века его имя было окружено легендами.

Стр. 80. *...треножник Вулкана.* – Древнеримскому богу огня Вулкану приносились кровавые жертвы, сжигавшиеся на треножнике.

Стр. 83. *Пандемониум* – столица ада в поэме английского писателя XVII в. Джона Мильтона «Потерянный Рай».

Стр. 84. *...от Микеланджело спустился до Калло.* – Итальянский художник и скульптор эпохи Возрождения Микеланджело Буонаротти (1475–1564) создавал монументальные образы, исполненные силы и драматизма. Французский художник Жак Калло (1592–1635) был мастером причудливых, гротескных рисунков и гравюр.

Стр. 91. *Марциал* (I в.) – римский поэт, автор сатирических эпиграмм.

Стр. 94. *Бернстон* Джозеф (ок. 1743–1827) – английский ученый, автор многочисленных сочинений по истории средних веков.

Стр. 106. *Микромегас* – великан, герой одноименной философской повести Вольтера.

Стр. 108. *«Романсеро»* – сборник испанских народных песен («романсов») и поэм, сложившихся в XIII–XIV вв. и изданных в XVI в.

Стр. 110. Дворец *Пти-Бурбон* – резиденция французских королей династии Бурбонов до 1527 г.

Стр. 112. *...пожирать прекрасный лик искусства еще в молельне Екатерины Медичи... угаснуть в будуаре Дюбарри.* – Имеется в виду вырождение французского аристократического искусства, которое, по мысли Гюго, началось уже во второй половине XVI в., в период

регентства королевы Екатерины Медичи, и стало совершенно очевидным в XVIII в., накануне буржуазной революции. Дюбарри — фаворитка короля Людовика XV, правившего до 1774 г.

дело революций, начиная с Лютера и кончая Мирабо. — Лютер Мартин (1483—1546) — основатель религиозного протестантства; «95 тезисов» Лютера стали знаменем назревшего в Германии народного движения, принявшего в условиях XVI в. форму религиозной реформации и достигшего высшего развития в крестьянской войне против князей, дворян и попов. Мирабо (Оноре-Габриэль Рикетти; 1749—1791) — один из наиболее видных деятелей начального этапа Великой французской революции; представлял интересы крупной буржуазии.

Витрувий Марк (I в. до н. э.) — римский архитектор, автор трактата «Об архитектуре», по которому учились величайшие зодчие эпохи Возрождения.

Виньоль (Жак [illegible]) — [illegible] итальянский архитектор XVI в., при короле Франциске I несколько лет жил и работал во Франции.

Стр. 113. [illegible] то есть до XI в. Вильгельм [illegible] в 1066 г. захвативший остров Британии.

Стр. 114. [illegible] с 1073 по 1085 г.

Стр. 12[illegible] [illegible] XVI в.) — автор многочисленных [illegible] Парижа.

Паскье [illegible] правовед, автор «Писем Паскье» [illegible] по истории Франции XVI в.

Стр. 12[illegible] [illegible] Термы — древнеримские купальни, [illegible] как дворцовые помещения для диспутов, [illegible] библиотек и т. д. Юлиан, римский император, до [illegible] на престол был римским наместником в Галии, где восстанавливал разрушенные набегами варваров строения в городе: в 50-х гг. IV в. жил в Париже.

Стр. 129. *...в память о том болоте, куда Камулоген завлек Цезаря...* — Камулоген, вождь племени паризиев, возглавил в I в. до н. э. сопротивление галльских племен, живших на берегах Сены, войскам Юлия Цезаря. Защищая город Лютецию (древнее название Парижа), погиб в сражении в 52 г. до н. э.

Стр. 131. *Альгамбра* — старинный дворец и архитектурный ансамбль в Гранаде, в Испании, созданный в XIII—XIV вв.; замечательный памятник средневековой мавританской архитектуры.

Шамборский замок — пышная постройка XVI в. в стиле французского Возрождения.

Стр. 137. *Миньяр* Пьер (1612—1695) — французский придворный художник, преимущественно портретист, писавший в слащавой и жеманной манере.

...*собора Петра в Риме*... В создании этого [illegible] XVI—...) принимали участие такие великие мастера, как Баттиста ...берти, Браманте, Рафаэль, Микеланджело и др.

...*как конституция III года напоминает законы Миноса*. Минос (греч. миф.) — могущественный царь о. Крита, прославившийся [illegible] ...законов, [illegible] Конституция III года была принята ...Франции 22 августа 1795 г. [illegible] республиканскому календарю Великой французской революции), закреплявшая победу буржуазной контрреволюции над народом.

«Стиль мессидора». Подразумеваются архитектурные памятники времен якобинской диктатуры, отмеченные открытым подражанием древнеримским образцам и стремлением к пышной монументальности (например, здание Медицинской школы в Париже).

Стр. 139. *Суфло* Жермен (1713—1780) — французский архитектор, построивший основную часть Пантеона.

Стр. 158. *Астольф* — персонаж из рыцарской поэмы «Неистовый Роланд» (1532) итальянского поэта эпохи Возрождения Лудовико Ариосто. Верхом на крылатом коне рыцарь Астольф совершает поле- [illegible]

Стр. [illegible] — [illegible] французский поэт, автор правописательных сатир; его творчество отмечено чертами реализма и отличается красочным народным языком.

Стр. 170. *Франш-Конте* — французская провинция, входившая до XVII в. в состав Германской империи.

Стр. 173. *Ямвлих* (III в. до н. э.) — греческий философ-платоник.

Стр. 177. *Сикра* — ступенчатый храм в древней Халдее.

Стр. 181. *Дольмены* — два вертикально поставленных продолговатых камня, перекрытых сверху горизонтально лежащим камнем; служили древним кельтам при отправлении религиозных обрядов.

Кромлехи — сооружения бронзового века в виде круглых оград из каменных глыб.

Карнак — руины древнеегипетских храмов на правом берегу Нила.

Стр. 184. *...бурный период «жакерий», «прагерий», «лиг»*. Жакерия — крестьянское восстание во Франции (1358 г.), впоследствии этим термином обозначались вообще восстания крестьян против феодалов. Прагерия — восстание реакционных феодалов во Франции против усилившейся королевской власти (1440 г.). Лига — военный союз дворян-католиков во время религиозных войн во второй половине XVI в. во Франции.

Стр. 190. *Жан Гужон* (XVI в.) — французский скульптор, архи тектор.

[illegible] Джованни (XVI в.) — итальянский композитор.

Ересиархи... пробили брешь в католицизме. — В исторических условиях раннего средневековья протест против социальных устоев феодализма, освящаемых правящей церковью, нередко принимал форму религиозных ересей (то есть отклонений от «ортодоксального» католицизма). Ересиархи — основатели ересей.

Стр. 191. *...в Петербурге — свой.* — Гюго имеет в виду Казанский собор в Ленинграде, творение русского зодчего Андрея Воронихина (1760—1814). Царские чиновники требовали от Воронихина подражания собору св. Петра в Риме, однако Воронихин дал постройке вполне самобытное архитектурное решение.

Стр. 192. *...[illegible] Мазарини, коллеж Четырех наций.* В первые годы царствования [illegible] XVI, с 1643 по 1661 г., фактическим правителем [illegible] Джулио Мазарини, итальянец по происхождению. В 1661 г. [illegible] основал в Париже «Коллеж Четырех наций» [illegible] 15 итальянцев, 15 эльзасцев, 20 фламандцев и 10 [illegible].

Стр. 193. [illegible] «Махабхарата» [illegible] «Песнь о Нибелунгах» [illegible] народный эпос.

Веды — [illegible] составитель «Вед», [illegible] индийской литературы.

Стр. 195. [illegible] издание предпринятое в XVIII в. [illegible] и писателем Дени Дидро в сотрудничестве [illegible] Даламбером, которое собрало вокруг [illegible] ученых, стало центром французского Просвещения и мощным орудием борьбы с феодализмом.

«Монитер» — газета, основанная в начале революции, в 1789 г., давала отчет о политических событиях. Направление «Монитёра» много раз менялось, в период Реставрации он стал официальной газетой реакционного правительства Бурбонов.

Стр. 214. *...в Реймсе, во время коронации...* — До Великой французской революции французские короли короновались в Реймском соборе.

Стр. 215. *...отец Жеан* — легендарный первосвященник и царь фантастического христианского государства XII в., будто бы расположенного где-то на Востоке.

Стр. 217. *Менестрель* — странствующий средневековый певец-поэт.

Стр. 244. *...Дюбарта́, сей классический родоначальник перифразы...* — Дюбарта́ Гийом (XVI в.) — французский поэт, писавший на-

...ческим слогом. Перифраза — замена прямого наименования предмета описательным выражением; писатели классицизма пользовались перифразами с целью избежать употребления «низких» слов.

Стр. 272. *...презренного Перинэ-Леклерка.* — Во время феодальной междоусобицы во Франции, при короле Карле VI, в 1418 г. горожанин Перинэ Леклерк открыл ворота Парижа войскам «арманьяков» (партии бургундских феодалов, связанных с англичанами), которые захватили город и взяли в плен короля.

Стр. 276. *Мэни* — провансальская священная книга.

Стр. 285. *Диоген... нашел бы человека...* — Диоген из Синопа (414—323 до н. э.) — греческий философ школы киников; по преданию, бродил по свету с зажженным фонарем в поисках настоящего человека.

Стр. 289. *...страдать, как Муммолю.* — Энниус Муммоль (VI в.) — бургундский военачальник, организатор междоусобиц среди крупных феодалов, интриговал против короля Гонтрана, потом перешел на его сторону. Король обещал Муммолю сохранение жизни, но предал его казни.

Стр. 291. *Сервиус* (IV в.) — римский ученый-грамматик.

Стр. 327. *...богомерзким идолам храмовникам.* — Храмовники (или тамплиеры) — духовно-рыцарский орден XII в., созданный для военной защиты земель на Востоке, захваченных европейскими феодалами во время крестовых походов. С утратой этих земель орден потерял свое значение, и в 1312 г. папа Климент V объявил храмовников еретиками. В начале XIV в. французский король Филипп Красивый, желая присвоить огромные богатства ордена, организовал инквизиционный процесс против него, в результате чего большая группа рыцарей была сожжена на костре как идолопоклонники.

Стр. 330. *Салический закон*, или «Салическая правда» — свод законов франкских племен (V в.).

Стр. 331. *Данте не мог бы найти ничего более подходящего для своего ада.* В поэме «Божественная комедия» великого итальянского поэта Данте (1265—1321) ад изображается в виде воронки, суживающейся к центру земли и разделенной на девять кругов, причем чем больше грех, тем глубже в воронку помещен грешник и тем сильнее его страдания.

Стр. 332. *...сказать прости... всякой надежде.* — Надпись на вратах Дантова ада гласит: «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Стр. 345. *Гарофало* — прозвище итальянского живописца Бенвенуто Тизи (XVI в.), писавшего картины главным образом на религиозные темы.

Стр. 358. *...как мадонна Мазаччо походит на мадонну Рафаэля...* — Мазаччо (Томазо ди Гвиди; 1401 - 1428) — итальянский художник, один из основоположников реализма в живописи эпохи Возрождения.

...екты взято от древнегреческого кружка пифагорейцев — учеников философа Пифагора

Кто благоговеет перед Цезарем, тот порицает Катилину. — Луций Катилина (I в. до н. э.) — римский патриций, пытавшийся установить в Риме политическую диктатуру. Заговору Катилины сочувствовал Юлий Цезарь, который стремился использовать его в своих интересах

Стр. 483. *...как Юпитер в «Илиаде»...* — Согласно греческому мифу, во время осады Трои Зевс (Юпитер) колебался, какую из воюющих сторон сделать победительницей

Стр. 519. *...от невинно осуждённого Ангерана де Мариньи... кончая адмиралом Колиньи...* — Ангеран де Мариньи — министр французского короля Филиппа Красивого, был повешен на им же выстроенной виселице на холме Монфокон. Адмирал Колиньи — французский военный и политический деятель XVI в., один из вождей гугенотов, был убит в 1572 г. во время резни, организованной католическим дворянством, с согласия короля Карла IX, в Варфоломеевскую ночь. Труп Колиньи был повешен на Монфоконе.

С. Брахман

Болеслав
Прус

ФАРАОН

ПОСЛЕСЛОВИЕ

У многих читателей возникнут, вероятно, вполне естественные вопросы: в какой степени отображает Болеслав Прус подлинные исторические факты, насколько правдиво восстанавливает он жизнь и быт Египта первой половины XI века до н. э., к которой относятся описываемые им события, что знает о них современная [illegible] со времени выхода в свет «Фараона» прошло почти сто лет?

К сожалению, и сейчас наши знания [illegible]тории Египта ограничены. Исторических надписей сохранилось сравнительно немного, а на [illegible]в и того меньше, — уцелели буквально единичные тексты. Не дошли до нас ни [illegible] [illegible]них египетских историков, например, жреца Манефона, который [illegible] [illegible]мому, по храмовым архивам, написал по-гречески историю своей [illegible] [illegible] фрагменты его труда, приведенные в сочинениях живущих [illegible] [illegible] ему принадлежит деление истории страны на три основных периода [illegible] Новое царство — и тридцать династий, которое с некоторыми уточнениями [illegible] [illegible]ого и современной наукой. Но все же сколь наша осведомленность ни огра[illegible] [illegible]измеримо больше, чем было известно современным Б. Прусу ученым [illegible] которых он щедро, и надо отдать ему должное, достаточно добросовестно [illegible] открыли новые памятники, изданы не опубликованные прежде и найденные [illegible] десятилетия тексты, значительные успехи сделаны в изучении египетского языка, что позволило исправить допущенные прежде ошибки и во многих случаях понять то, что оставалось ранее неясным.

Одна из величайших культур древности, оказавшая огромное воздействие на развитие мировой цивилизации — культура Древнего Египта, — оформилась в своих основных характерных чертах в четвертом тысячелетии до нашего летоисчисления в долине нижнего течения Нила. Около 3000 года до н. э. здесь возникло государство, принявшее форму раннерабовладельческой централизованной восточной деспотии, управляемое царями — фараонами. При жизни они почитались как земное воплощение божества, а после смерти причислялись к сонму богов. Недаром в титулатуре их называли сыновьями владыки богов — бога Ра.

В своей многовековой истории Египет неоднократно переживал периоды подъема и упадка. Наивысшего могущества он достиг в эпоху так называемого Нового Царства (XVI-XI вв. до н.э.), когда при фараонах-завоевателях XVIII династии (ок. 1580-ок. 1338 гг. до н.э.) стал общепризнанным неограниченным властителем судеб Восточного Средиземноморья.

Долгое — шестидесятисемилетнее царствование (1317 — 1251 гг. до н.э.) фараона XIX династии Рамсеса II (о нем неоднократно упоминается в романе), начало которого ознаменовалось войнами с малоазиатской державой хеттов, оказалось последним более или менее длительным взлетом былого могущества Египта. В дальнейшем фараонам уже не удавалось на сколько-нибудь продолжительный срок закрепить свое влияние и власть в соседствующих на севере и на юге страны и навязывать им свою волю.

Наглядным свидетельством могущества Рамсеса II служат развалины многочисленных воздвигнутых по его повелению великолепных, богато украшенных храмов и святилищ. Они сооружались повсеместно в Египте и Северной Нубии, например, два известных пещерных храма в Абу-Симбеле между первым и вторым порогами. В Нижнем Египте, в восточной части Дельты, по приказу фараона была построена новая резиденция — Пер-Рамсес, то есть «Дом Рамсеса».

Роскошный дворец царя окружали изысканные дворцы приближенных и членов царской семьи. Рядом высились каменные громады храмов, стены которых покрывали пестро и ярко раскрашенные рельефы. Сюда пригонялись толпы рабов, доставлялись золото из Куша (Нубии), шкуры экзотических животных и слоновая кость из глубинных районов Африки, благовония из Аварии и Сомали, драгоценные породы деревьев с гор Ливана. На улицах, рынках и площадях Пер-Рамсеса можно было встретить и раба-негра, захваченного в Куше, и горбоносого финикийского купца в островерхом колпаке и пестрой одежде, и хетта в туфлях с загнутыми кверху носами, и обитателя далекой Ассирии в узорчатой тунике, с тщательно расчесанной и завитой бородой.

Стремление к роскоши и пышности немногих неизбежно влекло за собой лишения, бедствия и жестокую эксплуатацию для подавляющего большинства населения страны. Неисчислимые богатства в виде дани, податей и добычи, поступавшие из покоренных стран, доставались лишь фараону, знати и храмам. Цари щедро одаряли святилища, стремясь снискать расположение и поддержку не только богов, но и их слуг-жрецов. В жизни Древнего Египта, как и во всем древнем мире, религия играла огромную роль, и, в сочетании со все возраставшим экономическим могуществом, жречество в иных случаях оказывало решающее воздействие на важнейшие политические события. Поэтому нет ничего удивительного в том, что несколько столетий истории страны ознаменованы постоянной — то явной, то скрытой, то затухавшей, то разгоравшейся — борьбой между фараоном и жрецами.

Постепенно в руках жрецов сосредоточились бесчетные сокровища и обширные угодья. Им принадлежали целые города. Крестьяне же и ремесленники, на которых ложились все тяготы дальних и опасных походов, разорялись. Войны отрывали их от полей, оставшиеся без кормильцев семьи за недоимки попадали в кабалу, земли за долги отбирались в казну или переходили к знати и жрецам. Они же вершили и суд, и поэтому бедняки не могли рассчитывать на благосклонность богини правосудия Маат. Вот как описывается участь земледельца в одном из школьных поучений, близком по времени к событиям, изображенным Б. Прусом: «Вот ты не помнишь участи земледельца при записи урожая. Берет червь половину ячменя, гиппопотам съедает остальное. Мыши многочисленны в поле, саранча опускается, скот ест, воробьи воруют. Горе земледельцу!.. Писец причаливает к берегу. Он записывает урожай. Его помощники с палками, кушиты с жилами пальмовых листьев. Они говорят: «Дай ячмень!» [Но] ячменя нет. Они бьют его (т.е. землевладельца). Он связан и брошен в колодец. Он погружен в воду вниз головой, его жена связана... его дети скручены. Его соседи оставляют их, убегая, и пропал их ячмень...» Не легче и судьба воина. «...[я расскажу] тебе о его походе в Сирию, о его движении по хребтам, его довольствие и вода на плече его подобны грузу осла, и образует шея его хребет, как у осла. Хребет спины его разбит, он пьет протухшую воду. Он гонит сол... Хет... возвращается в Египет, он как палка, которую изъел червь. Он болен... Его доставляют на осле, а его одежды украдены, и его слуга сбежал...»

Разорение крестьян и ремесленников приводило к ослаблению военной силы государства. Ведь воины должны были вооружаться на свои средства, да еще обеспечивать семью. Нищавшие земледельцы были не в состоянии делать этого, и фараонам приходилось прибегать к помощи наемников-иноземцев, на которых не всегда можно было положиться и содержание которых тяжелым бременем ложилось на скудеющие запасы царской сокровищницы.

Таковы вкратце основные причины неизбежно назревавшего внутреннего и внешнего кризиса, к которому неуклонно приближалась страна, еще сравнительно недавно бывшая безраздельным повелителем судеб почти всего Восточного Средиземноморья.

Противоречия эти проявились, конечно, не сразу, и не сразу сказались гибельные последствия их. Предпосылки грядущего упадка зародились еще при последних фараонах XVII династии. Они обострялись постепенно в годы долгого правления Рамсеса II и его непосредственных преемников.

На рубеже XIII и XII веков до н.э. в Восточной Европе и Азии происходили передвижения неведомых до того народов и племен — «народов моря», как называли их египетские иероглифические надписи того времени. Они захлестнули почти все Восточное Средиземноморье, разорив и разрушив царство хеттов, которое уже не оправилось от этого потрясения, а затем Сирию, Финикию и Палестину, где еще частично сохранялась тогда власть Египта. Ближайшим наследникам Рамсеса II приходилось ценой огромных усилий сдерживать их натиск. Подняли голову и обитавшие к западу от Дельты и поставлявшие наемников племена ливийцев, на протяжении веков угнетаемые египтянами. Прекратился приток дани из-за рубежа. Фараоны, знать, жрецы, не желавшие примириться со значительным сокращением доходов, с еще большей жестокостью и настойчивостью выжимали из земледельцев и ремесленников налоги и подати. Недовольство вызывало смуты, междоусобицы. Около 1210 года до н.э. началось восстание. Хаос, охвативший если не всю страну, то во всяком случае, ее значительную часть, усугублялся набегами ливийцев. Казалось, Египту грозит распад и утрата независимости. Но все еще были сильны традиции и установления, введенные при фараонах XVIII и начала XIX династий. В последний раз центральной власти напряжением всех сил удалось восстановить порядок, отразить угрозу извне и сохранить единство страны. При последующих же правителях, особенно при фараонах XX династии (все они, невзирая на свою немощь, а быть может, именно поэтому, именовались Рамсесами), к которой Б. Прус относит и вымышленного им героя романа, разоренный, раздираемый смутами Египет потерял полностью свои владения и свой престиж за рубежом.

Бессилие последних Рамсесов дошло до того, что они не в состоянии были обеспечить даже

посмертный покой своих предков, как того требовала религия. Мумии самых великих правителей Египта и членов их семей, иногда даже лишенные своих саркофагов, без приданных им для бесконечного загробного существования сокровищ, были наспех собраны из разоренных грабителями гробниц и захоронены в тайнике, где их случайно обнаружили лишь в конце минувшего века.

Судьбы Египта и правившей им номинально династии неотвратимо близились к трагической развязке.

Последний фараон XX династии — Рамсес XII (часто его называют Рамсессом XI, так как многие ученые не включают в число Рамсесов правившего несколько лет в смутные годы конца XIX династии Рамсеса — Сиптаха, о котором почти ничего неизвестно), отец вымышленного героя романа Б. Пруса (Рамсеса XIII никогда не существовало), вступил на престол около 1110 года до н.э. Его довольно длительным правлением — оно продолжалось, очевидно, около трех десятилетий — завершается эпоха Нового Царства. Первую половину своего царствования он провел, по-видимому, на севере страны — в городе Таннисе, который многие ученые не без основания отождествляют с Пер-Рамсесом. Как сравнительно недавно установлено, при нем в Верхнем и Среднем Египте вновь начались волнения, вызванные главным образом совершенно нетерпимым положением трудящегося населения.

Верховный жрец главы египетского пантеона бога Амона — Аменхотеп, фактически правивший в Фивах, пользуясь постепенным ослаблением власти фараона, стремился к полной самостоятельности. В конце концов он, очевидно, также перестал выплачивать причитаемые царю подати. Его, возможно, поддерживало не только население Верхнего и Среднего Египта, но и наемники-ливийцы. Рамсесу ничего не оставалось, как прибегнуть к помощи своего наместника в Куше — так называемого «Царского сына Куша» — Панехси. По всей вероятности, он был по происхождению нубийцем (во всяком случае, его имя по-египетски значит «Негр»). Смута длилась около полугода и закончилась [illegible] тех, кто его поддерживал в надежде улучшить свое положение. Сам Аменхотеп, очевидно, погиб в этой междоусобной войне. Солдаты Панехси учинили расправу над восставшими. При этом был разрушен главный город десятого верхнеегипетского нома — Кинополь.

Правителем Фив на двенадцатом году своего правления Рамсес XII назначил Панехси, которого приблизил к себе и обязан почти равной властью, доверив решение важнейших дел. Занимаемый Панехси пост был тем важней, что именно с Фивами — столицей страны в самые славные периоды ее истории были связаны традиции величия и славы Египта. Место верховного жреца Амона в течение примерно года оставалось свободным.

Однако Панехси сравнительно недолго пользовался милостью фараона. На семнадцатом году правления Рамсеса XII он пал и, по всей вероятности, был отправлен обратно в Куш. Во всяком случае, его гробница находится там, а фараон, возможно, в связи с этими событиями покинул свою резиденцию на севере и обосновался в Фивах.

Примерно в эти же годы на исторической арене появляется новое лицо, которому в последующих событиях довелось сыграть первостепенную, если не решающую роль, — Херихор. Примечательно, что о происхождении его решительно ничего не известно. В сохранившихся надписях он, вопреки обыкновению, стыдливо умалчивает о своих предках. Несомненно только то, что свою карьеру Херихор начал в армии, быть может при Панехси. Ему было присвоено звание «Носитель опахала по правую руку царя», что соответствует примерно чину генерала, если сопоставить с нынешними понятиями. Неизвестно, что помогло этому человеку достичь высокого сана, — то ли пронырливость и ловкость, то ли способности. Скорее всего и то и другое вместе. Херихор довольно быстро сменил Панехси на посту «Царского сына Куша», а затем получил или присвоил титул визиря и в конце концов стал верховным жрецом Амона. Таким образом, примерно на девятнадцатом году правления Рамсеса XII в руках Херихора сосредоточилась вся полнота власти в Фивах и прилегающих областях — военной, административной и духовной. Почему Херихор сразу не сместил фараона и не захватил трон, сказать трудно. Быть может, не хватало сил или пришлось отдать дань традиции, а быть может, он предпочитал, чтобы события, достигнув логической развязки, позволили ему безболезненно занять место, на которое при создавшейся обстановке, кроме него, никто претендовать не мог, во всяком случае, в Верхнем Египте. Так или иначе, в конце концов он овладел престолом, о чем свидетельствует один из барельефов Карнакского храма бога Хонсу, изображающий Херихора, украшенного атрибутами царской власти.

В этот период страна фактически распалась на две части. Дельтой владел визирь Северного Египта Смендес, чья резиденция находилась в Таннисе. Титул Рамсеса XII — «Царь Верхнего и Нижнего Египта» — окончательно превратился в фикцию. Мы не знаем даже, когда точно и при каких обстоятельствах этот последний представитель XX династии сошел со сцены. Египет стал второстепенным государством, с которым не находили нужным считаться даже мелкие царьки Сирии и Финикии. Когда посланный Херихором в Библ (Сирия) «Старейшина врат храма Амона» Унамон обращается с просьбой к правителю этого города отпустить в лес для строительства священной ладьи, тот горделиво отвечает: «...Разве я твой раб? Разве я раб также пославшего тебя?» Столь низко пал авторитет тех, кто носил венец фараонов, перед которыми некогда трепетал весь переднеазиатский мир. В конце концов неуемная жадность знати и жрецов, продолжавших безжалостно эксплуатировать народ и тем истощать силы страны, привела к тому, что Египет стал

...ского царя Хеопса, а затем и других иноземных завоевателей.

Нет никакого сомнения в том, что Б. Прус стремился как можно достовернее отобразить жизнь Египта конца Нового Царства. Но идейно-художественный замысел писателя и в некоторой степени уровень науки того времени обусловили многочисленные отклонения от истины. Прежде всего вымышлена сама интрига романа. Она не подтверждается ни единым источником. В уста молодого царевича Б. Прус вложил передовые стремления своего времени, свои собственные мечтания о свободе, равенстве, справедливости, подобно тому как Фридрих Шиллер в речах своего героя маркиза Позы («Дон Карлос») выразил мысли не придворного испанского короля эпохи абсолютизма, а свои собственные идеалы. Древний египтянин не мог рассуждать так, как Рамсес XIII Б. Пруса. Каждой эпохе присуща своя идеология. И, разумеется, в рабовладельческой восточной деспотии, какой был тогда Египет, не могли зародиться идеи, пропагандируемые Рамсесом XIII. Они возникли многие столетия спустя. Еще менее правдоподобно, чтобы их провозглашал фараон. Возможно, создавая образ царевича мечтателя, писатель находился под влиянием того, что ему было известно о фараоне XVIII династии Аменхотепа IV (Эхнатоне), пытавшемся реформировать древнюю религию и ввести культ единого бога солнца — Атона. Порывая с традиционными религиозными представлениями, этот фараон стремился прежде всего ослабить знать и жречество, в первую очередь фиванское, которое уже за три века до изображенных в романе событий представляло собою весьма действенную силу, угрожавшую единовластию царя.

Дав волю художественному вымыслу, Болеслав Прус вместе с тем верно в целом характеризует общую политическую обстановку конца эпохи Нового Царства, описывая бедственное положение страны, властолюбивые устремления жрецов, ослабление царской власти. Правда, при этом он порой допускает фактические ошибки и анахронизмы. На некоторые, наиболее существенные, следует указать.

Несомненно, преувеличены научные познания египетских жрецов. Если довериться тому, что о них рассказывает Б. Прус, то знания их в некоторых областях находились на уровне науки, достигнутом, по крайней мере, тысячелетия спустя. Так, мы не располагаем никакими сведениями о том, что им был известен эффект [illegible] (эпизод, когда жрецы во время сражения с ливийцами показывают таким образом Рамсесу поле битвы). В действительности уровень египетской математики, астрономии, медицины и химии был все же относительно низок, хотя и много выше, чем у некоторых других современных им народов. Правда, египетским жрецам, быть может, было известно явление гипнотизма, описываемое Б. Прусом. Неправомерно и появление в романе греческих наемников, которых в XI веке до н.э. в долине Нила никак не могло быть: первая греческая колония Навкратис основана лишь в начале VI века до н.э., а наемники-греки появились незадолго до того. Не [illegible] и греческой монетной системы. Монеты впервые чеканятся в Малой Азии — в Лидии — много позже, около VII века до н.э. Фантастично и не соответствует действительности описание лабиринта — заупокойного храма одного из фараонов Среднего царства. Хотя финикийцы в своих плаваниях заходили довольно далеко, и, если верить греческому историку Геродоту, на рубеже VII и VI веков до н.э. обогнули Африку, все же до Китая они никогда не доплывали и торговли с ним не вели. Сама Финикия в это время уже сбросила иго Египта и добилась самостоятельности. Поэтому, вопреки утверждению Б. Пруса, фараон не волен был уступать ее тогда Ассирии. Упоминаемый романистом Снофру, как теперь установлено, первый царь IV, а не последний, III династии. Ошибочно пишет Б. Прус о бурнусах, которые носили бедуины, а не древние египтяне.

Присутствуют в романе и некоторые модернизации. Так, например, Прус присваивает действующим лицам титулы современной ему церкви: фараон именуется «его святейшеством», высшие жрецы — «высокопреосвященством» и т.д.

Можно привести еще подобные примеры. Однако роман классика польской литературы не научный труд, он не претендует на документальную точность. Его значение обусловлено художественными достоинствами и идейным содержанием.

И. КАЦНЕЛЬСОН.

ПРИМЕЧАНИЯ

Роман «Фараон» был начат Б. Прусом в 1894 году и закончен в 1895 году. Печатался он в варшавском журнале «Тыгодник иллюстрованы» с октября 1895 года по конец 1896 года, а отдельным изданием вышел в 1897 году.

Стр. 6. *Ливийская пустыня* — пустыня, расположенная к западу от долины Нила; *Аравийская пустыня* — находится к востоку от Египта между долиной Нила и Красным морем.

Стр. 7. *Дамиетта* — небольшой город в восточной части дельты Нила. По имени города назван восточный рукав Нила.

Меридово озеро — искусственное [illegible]ще в Фаюмском оазисе, строительство которого завершили фараоны XII династии в середине XIX в. до н. э.

Стр. 9. *Клафф* — правильно клафт — головной платок, а не шапка (как обычно называет Прус), который носили фараоны как символ своего сана. Клафт представлял собой прямоугольный кусок материи, закрывавший лоб и голову и ниспадавший на грудь обоими концами, которые иногда украшались цветными полосами.

Рамсес XIII — см. с. 506.

Урей — изображение кобры, символ власти фараона; обычно помещалась на царской короне или диадеме. Змея должна была отпугивать враждебные царю силы.

Сеп-Амон-Херихор — правильно — Са-Амон-Херихор, верховный жрец храма бога Амона в столице Египта эпохи Нового Царства Фивах. — Подробнее см. с. 507.

Стр. 10. *Рамсес XII* — Менмаатра-Сетепенптах-Рамсес — последний фараон XX династии, правление которого завершилось ок. 1071 г. до н.э. — Подробнее см. с. 506.

Хонсу — бог луны, почитавшийся в Фивах; изображался в виде человека с серпом луны на голове. Считался сыном бога Амона и его супруги, богини войны Мут, вместе с которыми составлял фиванскую триаду богов.

Бехтен — одна из областей Северной Сирии.

Эрпатор (искаж. егип. эрпат) — князь, наследственный князь, наследник престола. Титул этот носили не только сыновья фараона, но и представители высшей знати.

Хем-Семмерер-Амон-Рамсес — устарелое написание тронного имени Рамсеса XII.

Номархи (от греч. номархос) — правители номов, то есть областей, на которые делится Египет. Всего насчитывалось сорок два нома — двадцать два в Верхнем (Южном) Египте и двадцать в Нижнем (Северном) Египте.

Хетты — народ, живущий в конце III тыс. — начале I тыс. до н.э. в восточных и центральных областях Малой Азии и в Северной Сирии.

Апис — священный бык в храме бога Птаха, главного бога Мемфиса. Птах считался покровителем искусств и ремесел.

Рамсес Великий — то есть Рамсес II. См. с. 503.

Хеопс (древнеегип. Хуфу) — второй фараон IV династии, правивший в XXVII в. до н. э. Его гробница в Гизе, построенная в форме гигантской пирамиды, достигает ста сорока шести метров высоты.

Мемфи — очевидно, Мемфисский корпус, носивший имя главного бога Мемфиса — Птаха.

Себеннитский залив — на севере центральной части Дельты; в него впадал Себеннитский рукав Нила.

Стр. 11. *Гошен* — область в юго-восточной части устья Нила.

Горькие озера — на Суэцком перешейке. Через них проходит Суэцкий канал.

Ир Баилос (правильно — Пер-Баест). — Обычно этот город отождествляли с современным Бельбейсом, находящимся в юго-восточной части Дельты, к северо-востоку от Каира. Однако в последнее время выдвинуто предположение, что его следует искать на западе Дельты у границ с Ливией.

Озеро Тимса — в восточной части области Гошен, на границе между Египтом и Синайским полуостровом. Здесь находилась оборонительная линия крепостных сооружений, защищавших Египет от набегов азиатских племен.

Пилоны — высокие привратные постройки из камня с наклонными снаружи стенами, воздвигавшиеся около храмов.

Стр. 17. *Скарабей* (греч.) — навозный жук, считавшийся священным в Древнем Египте как олицетворение бога восходящего солнца Хепера.

Стр. 18. *Менес* (Мина) — первый фараон I династии, объединивший, по преданию, Верхний и Нижний Египет и основавший единое Египетское государство.

Дебен — мера веса (91 грамм).

Баллиста — боевое оружие, предназначавшееся для метания камней или бревен. Употреблялось греками в значительно более позднее время (IV в. до н.э.).

Стр. 20. *Осирис* — древнеегипетский бог плодородия и растительности: одновременно считался богом загробного мира и судьей мертвых; поэтому в религиозных текстах говорится о «полях Осириса», на которых умершие праведники пашут, сеют и собирают жатву.

Стр. 21. *Владыка Обеих стран* — титул египетского фараона как царя Верхнего и Нижнего Египта.

Ливийцы — племя, жившее в западной части дельты Нила и в прилегающих областях Ливийской пустыни.

Ниневия — последняя столица Ассирии, игравшая видную роль как торговый и политический центр.

Талант — денежная единица. Вавилонский легкий талант равнялся 30,3 кг, тяжелый 60,6 кг.

Стр. 22. *Яхве* — имя бога древних евреев, соответствующее более поздней форме — Иегова.

Стр. 23. *Хабу* — возможно, древнеегип. *Имухент* — название 18-го нома Нижнего Египта в восточной части Дельты, к северо[illegible]у от Каира. Однако, быть может, здесь речь идет и о 8-м номе Нижнего Египта, на[illegible]сточнее 18-го.

Стр. 28. *Мут* — супруга бога [illegible]а-Ра, древнеегипетская богиня войны.

Стр. 29. *Гиксосы* — азиатское семитическое племя или группа племен, которые в XVIII в. до н.э. покорили Египет и господствовали там в течение столетия. Они были окончательно изгнаны около 1560 г. до н.э. Египтяне относились к гиксосам крайне враждебно, называя их «нечистыми».

Стр. 30. *Ка* — по верованиям древних египтян, жизненная сила человека или духовное подобие человеческого тела, «двойник», который продолжал жить и после смерти человека.

Хамсин — сухой, горячий юго-восточный ветер, дующий в северной Африке с конца апреля и до начала июня.

Стр. 31. *Драхма* — древнегреческая серебряная монета.

Стр. 33. *Тир* — один из крупнейших торговых городов Финикии, расположенный на берегу Средиземного моря. Наивысшего расцвета достиг в X в. до н.э.

Стр. 34. *Парасхиты* (греч.) — древнеегипетские бальзамировщики.

Стр. 38. *Пунт* — страна, расположенная в восточной Африке на берегу Красного моря (район современного Сомали). Египтяне вели оживленную торговлю с Пунтом и вывозили оттуда благовония, черное дерево, слоновую кость, шкуры экзотических животных.

Стр. 40. *Гор* — древнейший бог солнца. Впоследствии он считался сыном бога загробного царства Осириса и богини плодородия Исиды. Гор изображался в виде сокола или человека с головой сокола. Он почитался также как покровитель фараона.

Стр. 45. *Исида* — древнеегипетская богиня плодородия, считавшаяся также охранительницей материнства и покровительницей волшебства. В мифах ей отводилась роль супруги Осириса и матери Гора. Она изображалась в виде женщины с младенцем на руках.

Стр. 48. *О Баал... О Ашторет!* — финикийские боги: Баал, или Ваал, — бог неба, верховный бог; Таммуз — бог умирающей и воскресающей природы: Баалит — верховная богиня, супруга бога Баала: Ашторет (греч. Астарта) — богиня природы и любви.

Сидон — один из древнейших городов Финикии, расположенный на берегу Средиземного моря. Крупнейший торговый центр древнего мира в X-IX в. до н.э.

Стр. 49. *Хетем* — пограничная крепость и поселение около нее в восточной части Дельты на границе с Синайским полуостровом. Важный стратегический пункт.

Мигдол. — Возможно, имеется в виду город в Палестине, современная Кайсарея (Цезария древних римлян).

Такенс (позднее Та-Сети) — 1-й ном Верхнего Египта, находившийся на крайнем юге страны у первого порога.

Сет — возможно, 11-й ном Верхнего Египта, расположенный на восточном берегу Нила, или 22-й ном Верхнего Египта, находившийся между Мемфисом и Фаюмским оазисом.

Неха-Мент — возможно, 18-й ном Нижнего Египта (Иму-Хент) в восточной части Дельты.

главным городом этого нома был Бубаст (Пер-Баст). Однако, быть может, речь идет о 20 м номе Верхнего Египта (Нар-Хентет), расположенном к юго-востоку от Фаюма.

Иха-Иеху — 19-й ном Нижнего Египта (Иму-Пеху), расположенный на северо-востоке Дельты. Главный город нома — Буто.

Себт-Хет — очевидно, 11-й ном Нижнего Египта (Ка-Хесеб), расположенный в восточной части Дельты.

Стр. 50. ***Морг*** — мера земли, принятая в Польше (56 аров).

Стр. 52. ***Кошерное*** — то есть ритуально чистое и дозволенное правоверным евреям к употреблению в пищу.

Стр. 53. ***Сотис*** (греч. Сириус). — Первый утренний восход этой звезды совпадал с началом разлива Нила. Этот день считался в Древнем Египте началом Нового года.

Стр. 61. ***Хнум*** — первоначально бог некоторых номов Верхнего Египта. Обычно изображался в виде человека с головой барана. Согласно древнеегипетской мифологии, он вылепил на гончарном кругу землю и людей.

Стр. 66. ...в области Фаюм... — Фаюмский ном находился в оазисе того же названия к западу от долины Нила.

Стр. 69. ***Семемпсес*** — так древние греки называли фараона Семерхета, предпоследнего царя I династии, правившего ок. XXIX в. до н. э.

Кахун — город в восточной части Фаюмского оазиса. В эпоху XII династии (начало II тыс. до н.э.) здесь сооружались пирамиды фараонов.

Боетос — греческое наименование первого фараона II династии Беджау (Хотепсехемуи), царствовавшего ок. XXIX в. до н. э.

Неферхес (правильнее — Неферхерес) — переделанное греками имя одного из фараонов II династии.

Стр. 101. ***Сехем*** (греч. Летополь) — главный город 2-го нома Нижнего Египта, находившийся севернее Мемфиса.

Он (греч. Гелиополь) — главный город 13-го нома Нижнего Египта, находившийся севернее современного Каира.

Херау (возможно, Хер-Ха) — местность на восточном берегу Нила, к югу от Каира.

Турра — каменоломни, находившиеся на восточном берегу Нила, южнее Каира. Здесь добывался желтоватый песчаник, из которого построены пирамиды.

Тетауи (правильнее — Иттауи) — город, основанный первым фараоном XII династии Аменемхетом I (2000 – 1980 гг. до н. э.) на западном берегу Нила южнее современного Каира, вблизи канала, ведущего в Фаюмский оазис. Здесь находилась царская резиденция.

Снофру — в настоящее время доказано, что он был первым фараоном IV династии и пришел к власти в конце XXVIII в. до н. э. Пирамида, о которой идет речь в романе, первая известная нам постройка из камня в Египте — знаменитая ступенчатая пирамида фараона III династии Джосера, сооруженная его визирем Имхотепом, великим зодчим и мудрецом, впоследствии обожествленным.

Стр. 108. ***Рафия*** — приморский город в южной части Палестины.

Стр. 110. ***Харран*** — город в северном Двуречье, расположенный на скрещении важных торговых путей.

Стр. 111. ***Иштар*** — вавилонская богиня, олицетворявшая плодородие, материнство и супружескую любовь. Она считалась также владычицей неба и звезд.

Стр. 112. ***Тифон*** — греческое название Сета, древнеегипетского бога пустыни, зла и смерти, который, по древнему преданию, убил своего брата Осириса.

Стр. 116. ***Халдея*** — Халден — семитическое племя, основавшее в конце VII в. до н. э., после падения Ассирии, Нововавилонское царство. Во времена Пруса так называли вообще все древние государства Южного Двуречья — Шумер, Аккад и Вавилон. Ныне это название вышло из употребления.

Стр. 117. ***Мефрес.*** — неправильное написание древнеегипетского имени «Нофри».

Стр. 118. ***XIV династия*** — полулегендарная династия фараонов, правивших в городе Северного Египта Ксоисе в XVIII в. до н. э.

Парсуа — так называются персы в ассирийских надписях.

Акко — город в южной Финикии, недалеко от северной границы Израильского царства.

Эдом — небольшое государство к югу от Мертвого моря, находившееся в зависимости то от Иудеи, то от Египта.

Элат — город, находившийся у Акабского залива, отделяющего Синайский полуостров от Аравии.

Стр. 120. ***Ассар*** — речь идет, видимо, о Тиглатпаласаре I (1115 — 1071 гг. до н. э.), ассирийском царе-завоевателе, совершившем ряд походов в страну Наири (Армения) против хеттов, живших в Малой Азии, и покорившем ряд сирийских государств вплоть до Финикии.

Стр. 123. ***Отой*** — греческая форма древнеегипетского имени «Тети».

Стр. 125. ***Аа*** — устарелое название 2-го нома Нижнего Египта Дуау, центром которого был Сехем.

Стр. 126. *Хатор* — древнеегипетская богиня неба, любви и веселья. Она почиталась в образе коровы или женщины с рогами коровы.

Атрив — греческое название главного города 10-го нижнеегипетского нома, находившегося в центре южной части Дельты.

Стр. 128. *Кеме* — ошибочное написание древнеегипетского слова «Кемет» — черная. Так египтяне называли свою страну по цвету ее плодородной почвы, в отличие от красных, бесплодных песков окружающих их пустынь.

Стр. 134. *Хак* (Хека-Анедж) — название 13-го нома Нижнего Египта, находившегося в юго-восточной части Дельты.

Стр. 136. *Атум* — первоначально главный бог 13-го нижнеегипетского нома, почитавшийся в его главном городе Гелиополе; впоследствии отождествлен с вечерним солнцем. Атум изображался в образе царя с короной Верхнего и Нижнего Египта.

Ка (Кем-ур) — 10-й нижнеегипетский ном, расположенный в южной части Дельты.

Собек — бог воды, обычно изображавшийся в виде крокодила или человека с головой крокодила. Центром его культа был Фаюм.

Стр. 151. *Зарпат* — город в Финикии, современный Сарафанд.

Ашибу — правильнее — Ахзиб, город в Финикии, вблизи Тира (современный Эзиб).

Стр. 162. *...иероглифическими или демотическими знаками...* — древние египтяне первоначально передавали понятия при помощи рисунков (пиктографическое письмо), затем отдельные знаки получили фонетическое значение и стали передавать слова, слоги или согласные звуки — иероглифы. Иероглифы служили преимущественно для монументального письма на стенах храмов, стелах и т.п. По мере распространения папируса как материала для письма иероглифы приняли более беглые, курсивные очертания, иногда почти полностью утратив связь с рисунками, от которых они произошли. Это курсивное письмо древние греки называли иератическим (жреческим). Оно вошло в употребление в конце III тыс. до н. э. С VIII в. до н. э. иератическое письмо приобретает еще более беглый характер, напоминая до некоторой степени современную стенографию. Греки прозвали его «демотическим», то есть народным.

Стр. 167. *Мина* — 1/60 таланта, вавилонская мина — 505 граммов, тяжелая, или двойная, мина — 1010 граммов.

Стр. 169. *Алебастровые горы* — горная цепь на восточном берегу Нила в районе 6-го нома Верхнего Египта около Коптоса. Здесь добывался алебастр.

Стр. 171. *Заячий округ* — 15-й ном Верхнего Египта, главным городом которого был Гермополь. Заяц служил эмблемой этого нома.

Стр. 178. *Арам* — имеется в виду область в Северном Двуречье, расположенном в среднем течении Евфрата.

Стр. 181. *Филистимляне* — несемитический народ, заселивший в конце XII в. до н. э. побережье Палестины между Кармелом и границами Египта. Некоторые ученые предполагают, что они были выходцами с острова Крит.

Стр. 185. *Сетроэ* — находился, вероятно, в 14-м номе Нижнего Египта, вблизи озера Мензале, на северо-востоке Дельты.

Рамсес-са-Птах (правильнее — Рамсес Сиптах) — предпоследний царь XIX династии, правивший в конце XIII в. до н. э. Таким образом, быть дедом героя романа он никак не мог. Ошибка Пруса вызвана неосведомленностью египтологов того времени, которые относили Рамсеса-Сиптаха к XX династии.

Моавитяне — семитический народ, обитавший в горной стране Моав, к востоку от Мертвого моря.

Стр. 206. *Шасу* — древнеегипетское название бедуинов-кочевников.

Стр. 209. *Танис* — город в северо-восточной части Дельты, центр 14-го нома Нижнего Египта. Здесь находилась резиденция Рамсеса II — «Пер-Рамсес».

Стр. 240. *Лабиринт* — громадное здание, построенное в Фаюмском оазисе фараоном XII династии Аменемхетом III (1849 — 1801 гг. до н. э.). Видимо, это был его заупокойный храм, который греки считали одним из величайших памятников египетской архитектуры.

Стр. 259. *Тбубуи* (правильнее Табуба) — героиня одной из сказок о сыне фараона Рамсеса II — царевиче Сатни-Хемуасе, который был верховным жрецом Птаха в Мемфисе и в преданиях описывается как великий маг и волшебник. От позднего времени до нас дошел целый цикл сказок о нем.

Стр. 260. *Хенесу* (современный Сильсиль) — город, находившийся в Верхнем Египте на границе между 1-м и 2-м номами, севернее первого порога.

Ни-Мат (Пер-Маджаи) — город на западном берегу Нила в 19-м номе Верхнего Египта, к югу от Фаюмского оазиса.

Каза, Каза-Сака (современный Эль-Кес) — город на западном берегу Нила в 17-м номе Верхнего Египта.

Стр. 261. *Уит-Мехе* (Ухит-Михит) — один из оазисов на севере Ливийской пустыни.

Стр. 261. *Теремтис* (Теренут) — греческое название египетского города Мефкет, находившегося на западном берегу Канопского рукава Нила в западной части Дельты.

Менуф (греч. Онуфис) — город в 4-м номе Нижнего Египта на юго-западе Дельты.

Стр. [illegible] — греческое название города, расположенного на месте нынешнего Асуана, около первого Нильского порога.

Стр. 28. *Сетти-Нофер* — город в 7-м номе Нижнего Египта, расположенный в западной части Дельты у Бо канопского рукава Нила.

Мелкин — возможно, речь идет о Метелисе, как древние греки называли 7-й ном Нижнего Египта.

Навкратис — греческая колония, основанная в начале VI в. до н. э. фараоном Яхмосом II (Амасисом) в западной части Дельты.

Саи (греч. Саис) — главный город 5-го нома Нижнего Египта в западной части Дельты. В VII в. до н. э. — столица Египта.

Стр. 290. *Главк* — портовый город на берегу Средиземного моря.

Стр. 317. *Слова надписи на гробнице...* — в действительности Хоремхеб правил в конце XIV в. до н. э., примерно на полтора столетия позже, чем указывает Прус.

Стр. 323. *«Книга мертвых»* — древнеегипетский религиозно-магический сборник, содержащий заклинания, гимны и молитвы, описание заупокойного ритуала и судеб умершего в загробном мире. По верованию египтян, знание этих магических формул и заклинаний обеспечивало покойному преодоление всех опасностей в его странствиях после смерти, оправдание на суде Осириса и блаженство в царстве мертвых.

Стр. 336. *Хеопс* (егип. Хуфу), *Хефрен* (егип. Хафра), *Микерин* (егип. Менкаура) — фараоны IV династии, правившие в XXVII в. до н.э.

Стр. 338. *Тутмос I* — египетский фараон XVIII династии (1538 — 1525 гг. до н.э.).

Стр. 341. *Бог Амон-Ра* — начиная с эпохи Среднего Царства был установлен общегосударственный культ местного бога Фив — Амона, которого отождествляли с богом солнца Ра под именем Амона-Ра.

...носил заплетенную косичку... — в древнем Египте у детей сбривали волосы на голове, оставляя сбоку прядь, которую часто заплетали в косичку.

Стр. 344. *Тами-ен-Гор* (правильнее: Дами-ен-Гор) — город в 7-м номе Нижнего Египта, в западной части Дельты.

Филак — остров Филэ у первого порога на Ниле. Недалеко отсюда проходила южная граница Египта.

Стр. 345. *Хем-сем-Мерер-Амон-Рамсес-сес-нетер-хег-ан* — Прус пытается воссоздать полное имя фараона с титулами (перевод: [illegible] — возвеличенный Амоном, сын бога, владыка жизни).

Стр. 347. *...белую и красную корону...* — египетские фараоны со времени объединения Египта в единое государство носили двойную корону: белая считалась короной Верхнего, а красная — Нижнего Египта.

Ани — составитель дошедшего до нас сборника поучений этического характера. Возможно, он жил во времена XX династии.

Стр. 352. *Косем* — очевидно, имеется в виду главный город 20-го нома Нижнего Египта (современный Сафф-эль-Хенна).

Ни-Хебит — точнее Пер-Хеби (современный Бехбейт-эль-Хагар) — город в 12-м номе Нижнего Египта на севере центральной части Дельты.

Стр. 362. *Нут* — богиня неба, считалась супругой бога земли Геба.

Стр. 363. *Абидос* — город, расположенный в 8-м верхнеегипетском номе. Здесь находилась одна из наиболее почитаемых в Египте «гробниц Осириса» и большой некрополь. В религиозной поэзии название города Абидос употреблялось как синоним слов «запад», «загробный мир», «обитель мертвых» и т. д.

Анубис — греческое название древнеегипетского бога загробного мира Инпу, покровителя умерших и обряда бальзамирования, обычно изображался в виде человека с головой шакала.

Стр. 364. *Колхиты* (правильное — хоахиты) — греческое название древнеегипетских жрецов, отправлявших заупокойный культ.

Стр. 366. *Шу* — по представлениям египтян, бог воздуха, поддерживающий небо.

Хапе, Эмсет, Дуамутеф, Кебхесенуф (точнее: Хапи, Имесет, Дуамутеф и Кебехсенуф) — сыновья бога Гора, покровители погребальных обрядов и охранители вынимаемых при бальзамировании внутренностей покойного.

Стр. 368. *Тот* — бог мудрости и письма; изображался в виде человека с головой ибиса или в образе павиана.

Тум — одно из имен бога Атума (см. выше).

Нефтис (правильнее: Нефтида) — первоначально богиня мертвых, она считалась сестрой Осириса и женой другого своего брата — злого бога Сета, убийцы Осириса.

Селькит (Серкет) — богиня-скорпион, по некоторым мифам она считалась женой бога Гора.

Сибу (правильнее: Геб) — бог земли.

Стр. 369. *Аменти* — дословно «Запад», страна, где обитают умершие.

Стр. 389. *Ра-Гормахис* (древнеегип. Ра — Горахути). — Ра-бог солнца, почитавшийся первоначально в Гелиополе (Оне), а затем во всей стране. Гор — считавшийся вначале божеством неба в Бехдете (Дельта), впоследствии также стал богом солнца, ему поклонялись как Гору «Обоих

горизонтов» (ахути). Слияние культов этих солнечных богов произошло в эпоху Нового Царства (XVI в. до н. э.). Аменхотеп IV (Эхнатон), пытавшийся подорвать влияние жречества и для этого реформировать древнюю религию и ввести культ единого бога Атона, правил ок. 1424 — 1400 гг. до н.э. Таким образом, дата, указанная в романе, ошибочна.

Стр. 391. ***Птица Бенну*** — древнеегипетский мифологический образ священной птицы, олицетворяющей восходящее солнце; прототип феникса.

Стр. 393. ***Фараон Аменемхет...*** — имеется в виду фараон XII династии Аменемхет III (1849 — 1801 гг. до н. э.). Прус пользуется ныне полностью опровергнутой, устаревшей, так называемой «длинной» хронологией.

...каналом Иосифа — имеется в виду канал Бар эль-Юсуф.

Стр. 400. ***Сиут*** (греч. Миконоль) — главный город 13-го верхнеегипетского нома.

Стр. 401. ***Тип*** (Тинис) — главный город 8-го верхнеегипетского нома, расположенный невдалеке от Абидоса, несколько севернее его, родина фараонов двух первых династий (3200 — 3000 гг. до н.э.).

... незабываемый вовеки фараон Сети — имеется в виду Сети I — второй фараон XIX династии (1337 — 1317 гг. до н.э.), отец Рамсеса II.

Стр. 411. ***...дух божий носился над водами*** — знание Египта в области палеонтологии и геологии, а также антропологии и археологии сильно преувеличены автором. Фраза: «Земля была пуста и безлюдна и дух божий носился над водами» заимствована из Библии.

Стр. 413. ***Косейр*** (арабск) — порт на берегу Красного моря, к которому вели две большие караванные дороги из Кенне и Конта.

Береникс — торговый город у Красного моря, основанный в 257 г. до н. э. Автор допускает анахронизм, так как в XII в. до н. э. этого города еще не существовало.

Луксор (от арабск. аль-Укеур — лагерь) — современное название города на восточном берегу Нила, расположенного на месте древних Фив. Здесь находятся огромные храмы, воздвигнутые в честь Амона фараонами XVIII династии.

Стр. 419. ***Хатасу*** (Хатшепсут) — царица XVIII династии (1525 — 1503 гг. до н. э.), построенный ею заупокойный храм в Дейр-эль-Бахари считается одним из наиболее совершенных памятников египетской архитектуры.

Ретеменоф (правильно: Петеаменоне) — знатный сановник и жрец, живший во времена XXVI династии (663 — 625 г. до н. э.), то есть на несколько веков позже событий, описанных в романе.

Стр. 422. ***Сни*** (современный Эснс) — коптское название города, находящегося на западном берегу Нила, около 60 км. южнее Луксора.

Эдфу (арабск) — главный город 2-го нома Верхнего Египта. Здесь находился большой храм бога Гора.

Нуби, или Ком-Омбо — город в 1-м номе Верхнего Египта, главным богом которого был Собек, почитавшийся в облике крокодила.

Стр. 423. ***Абу*** (правильнее: Иеб) — древнеегипетское название островов Элефантины, находящегося на Ниле у южной границы Египта, невдалеке от первого порога и одноименного города, расположенного там. Сюда из южных стран доставляли слоновую кость, которая и дала имя острову (Абу означает по-египетски «слон»).

Стр. 440. ***Абс*** — очевидно, древнеегипетское Абеду (Абидос) — некрополь главного города 8-го нома Верхнего Египта Тиса, находившегося к северу от Фив. По представлениям древних египтян, здесь находилась гробница Осириса. Некрополь считали священным, и его название перешло на весь ном.

Гортн (возможно, Гебти) — 5-й ном Верхнего Египта.

Эмсух — возможно, 6-й ном Верхнего Египта.

Стр. 449. ***Хитеп*** — местоположение не установлено.

Стр. 454. ***Сефт*** — может быть, имеется в виду 18-й ном Верхнего Египта.

Себет-Хет — вероятно, 5-й ном Нижнего Египта, главным городом которого был Саис (Саи).

Аменти (Имент) — 3-й ном Нижнего Египта, находившийся в западной части Дельты.

Стр. 455. ***Хапес*** (греч. Иракополь) — главный город 20-го нома Верхнего Египта на западном берегу Нила, южнее фаюмского оазиса.

Стр. 482. ***Никотриса*** (правильнее: Никотрис) — легенда о ней сохранена греческим историком Геродотом. Среди цариц VI династии такой царицы не было.

Макара (правильнее: Маат-ка-Ра) — тронное имя царицы XVIII династии Хатшепсут.

Стр. 500. ***Неферхотеп*** — жрец эпохи Нового Царства, которому приписывается авторство известного памятника египетской литературы — так называемой «Песни арфиста».

И. КАЦНЕЛЬСОН.

ОСКАР УАЙЛЬД

(1856—1900)

«Лондонский парижанин», «миссионер — декадент от литературы», знаменитейший парадоксалист, глава школы декадентски-эстетствующих литераторов, христианский социалист, наиболее последовательный представитель «дендизма», скандалист — как только не определяли самобытного, тонко чувствовавшего лицемерие и ханжество Великобритании конца века, художника.

Оскар Уайльд родился в Дублине, в семье известного врача и поэтессы, [illegible] внучки некогда знаменитого ирландского писателя Чарльза Роберта Метьюрина. Их дом пользовался славой изысканного салона, в котором встречались, обменивались мнениями [illegible] видные литераторы, деятели искусства и науки. В этой атмосфере почитания красоты, оригинальных суждений, эпатирующих эксцентричных поступков прошли первые годы жизни Оскара.

В 1871 году юный Уайльд стал студентом Оксфордского университета. Однако занятия его вначале не интересовали, посещению нудных лекций молодой человек предпочитал «солнечный свет» древнегреческой литературы. Это увлечение началось с четырнадцати лет, когда он, изучив язык, стал читать трагедии Эсхила, Софокла, труды Геродота в оригинале. Правда, вскоре внимание нерадивого студента привлекли лекции по истории искусства профессора Рескина, крупнейшего английского эстетика XIX века. Джона Рескина, который утверждал идею первостепенного значения красоты для жизни человека, сменил его ученик — Уолтер Пейтер. Воздействие лекций Пейтера на студентов Оксфорда было необычайным, внимательную аудиторию прежде всего поражало глубокое чувство диалектики, которым постоянно оперировал талантливый ученый и писатель. Но если Рескин требовал, чтобы жизнь соединили с Красотой и спасли ее от уродливой буржуазной цивилизации, то Пейтер учил, что в этом мире все относительно, все подвижно и изменчиво, одному только искусству по силам выразить

его невоплотимое другими способами и средствами естество
жизни.

Под влиянием эстетической концепции Пейтера Оскар Уайльд находился практически всю жизнь.

Сразу же после окончания университета совсем еще юный Оскар приехал в Лондон, и вся последующая жизнь «европейского фланера, блуждающего по Италии или Греции... с волосами до плеч и в панталонах до колен», неразрывно связана с этим городом. Здесь на последние пенни Уайльд нанял на четвертом этаже на Гросвенор две комнаты, а за полсоверена подрядил кабриолет, который повез его в Гайд-парк. Молодой человек постоянно стремился быть на виду, он ощущал потребность в общении с людьми, будь то докеры, матросы или студенты престижных университетов, бизнесмены или ковбои.

Много и охотно [illegible] с разными людьми, а его внимательно слушали, у него был «золотой» язык и необычайное, непривычное чувство коммуникабельности, магическое умение заставить себя слушать. Уайльд, тем не менее, написал очень и очень мало. Диккенс, например, в 22 года завершил «Пиквикский клуб» и [illegible] возможность творить по собственному разумению, [illegible] 20 [illegible] писал гениальные пьесы, Оскар Уайльд же в [illegible] не знал, что он будет делать. В 1881 году он [illegible] книгу стихотворений, в которых стремился [illegible] субъективных впечатлений, создать панораму из [illegible] эпизодов. Сборник, однако, не принес ему почти никакого гонорара. Современники его не заметили, а [illegible] критика признала стихи скорее всего потому, что поэт проявил себя большим мастером формы.

Вскоре после выхода своей первой книги Оскар отправляется в Америку для чтения лекций по английской современной литературе. Он покорил всю страну, выступая перед аудиториями самого различного уровня. Знаменитый американский писатель Гор Видал вспоминает, что его ледушка был на лекции Уайльда о Прекрасном и сохранил о ней впечатление на всю жизнь. Турне по городам за океном прибавило известности молодому человеку. Тем более, что его постоянно окружали репортеры из различных газет. Корреспонденты не переставая передавали в редакции высказывания О. Уайльда, комментировали буквально каждый его шаг. Так, вступив на землю Америки, Оскар в ответ на просьбу заполнить декларацию сказал: «Мне нечего внести в вашу бумагу, кроме моего гения». Находясь в Вашингтоне, он говорил газетчикам: «В Америке нет жизни, сплошная отдышка». Когда при нем стали расхваливать английский здравый смысл, поэт спросил: «Вы подразумеваете нашу наследственную глупость?»

Сам внешний вид Уайльда привлекал к нему внимание. «Нью-Йорк трибюн» писала в 1882 году: «Более всего поражает в поэте его рост — несколько дюймов выше шести футов, — а за-

тем — темно-каштановые волосы до плеч. Когда он смеется, широко открывая рот, виден ряд ослепительно белых зубов. В отличие от большинства англичан лицо у него не румяное, но скорее матовое, глаза не то голубые, не то светло-серые и отнюдь не «мечтательные», как воображают некоторые его поклонники, но блестящие и быстрые — совсем не такие, каких следовало бы ожидать у созерцателя красоты и истины. Вместо небольшой, нежной руки, ласкающей лилии, — ручища, которая, сжатая в кулак, может при случае нанести сокрушительный удар. Особенность его речи — ритмичное акцентирование, словно он постоянно говорит стихами...»[1]

Заокеанское турне способствовало росту популярности Уайльда, но не поправило финансовое положение, к тому же [illegible] шулером окончилась [illegible] публикация пьесы [illegible] Однако он получил нечто большее. [illegible] новыми впечатлениями, [illegible] американскими писателями — [illegible] Вскоре после возвра- [illegible] Но этот раз в Париж. [illegible] большое стихотворение. [illegible] пьесу «Герцогиня [illegible] Тем не менее ни [illegible] его американские [illegible] свое место в лите- [illegible] что он навсегда [illegible] малоизвестного [illegible]

[illegible] Оскар встретил и [illegible] Она стала его женой. [illegible] просьбой о по- [illegible] Тайт-Стрит был снят удобный дом [illegible] комнат. Тут был и кабинет [illegible] дерева, вдоль стен — [illegible] Гермеса Праксителя. В столовой [illegible] белые занавески с желтой вышивкой. На втором этаже — гостиная с рисунками популярного тогда художника Уистлера и японскими вазами, затем шла Smoking Room, оклеенная обоями с рисунками Вильяма Морриса. Во всех комнатах восточные софы и оттоманки вдоль стен, мавританские портьеры и фонари. Здесь, в разное время, в гостях у хозяев побывали Джон Серджент, Рёскин, Марк Твен, Роберт Браунинг, Суинберн, Сара Бернар, не считая других менее значительных мастеров пера, кисти, музыки[2].

---

[1] Парандовский Я. Избранное. — М., 1981. — С. 60—61.
[2] См.: Там же. — С. 71.

Материальное положение молодоженов улучшилось, когда глава семьи занял кресло главного редактора журнала «Вумэнз [illegible]», обсуждавшего главным образом моды.

И он стал править скучные статьи сотрудников, следить за тем, чтобы все выходило вовремя, а раз в год писал (до 5 страниц) обзор новейшей литературы, по большей части о натуралистических романах, но отзывался об этих произведениях пренебрежительно, часто с иронией, чего авторы ему не прощали.

Брак Оскара Уайльда был счастливым. У него родилось двое сыновей — Сирил и Вивиан, которых отец очень любил и которым часто читал свои сказки. Эти сказки, несколько переработанные и [illegible] философскими отступлениями, увидели свет, [illegible] автору никакого успеха. Критика сурово [illegible] ствующих огрехах стиля и композиции, а [illegible] к обширным натуралистическим романам, [illegible] лавки и публичные библиотеки, [illegible].

Тщетны [illegible] опусы уайльдовской прозы, не [illegible]. Такие его произведения, как «Кентер[illegible] Портрет г-на У. Г.», «Преступление [illegible], а также роман «Портрет Дориана Гр[illegible] создателю желанной известности. [illegible] любые поводы, чтобы обругать [illegible] во всевозможных «пороках», отсутствии мастерства и т. д.

И все же Оскар Уайльд победил всеобщее недоброжелательство читателей и пробился сквозь зубоскальство и вражду газетной критики. Это произошло в 1892 г., когда он поставил в театре Сент-Джеймс свою новую пьесу — «Веер леди Уиндермир».

Поражение критиканов из газет и журналов было тем более заметно, что автора поддержал народ — зрители театров Лондона.

После первого представления рецензенты высмеяли автора. «Панч» поместил большую карикатуру: Уайльд пытается столкнуть с пьедестала статую Шекспира. Биографы писателя свидетельствуют, что все отзывы прессы были издевательскими, злобными, невыносимыми. Но драматург, казалось, заключил неразрывный союз с публикой, минуя корпорацию критиков, постоянно и напрасно повторявших, что в сравнении с бессмертными комедиями Шекспира произведения Уайльда просто скучны. Однажды молодой человек вклинился в их круг и, глядя прямо в глаза, произнес: — Да, это остроумно, а юмора здесь больше и интеллектуальный уровень выше, чем у Шекспира[1].

---

[1] См.: Парандовский Я. Цит. издание. — С. 91.

В 1892—1895 гг. слава Уайльда достигает зенита. Он становится учителем жизни лондонцев (а после выхода в 1889 г. этюда «Упадок лжи», написанного по поводу романа Э. Золя «Жерминаль», его имя приобретает необычайную популярность и во Франции), его называют «Королем жизни», его суждения обо всех делах столицы Империи домогаются и самые знатные и богатые, и самые смиренные и бедные. Его авторитет драматурга еще более укрепился, когда он, одну за другой, поставил на сцене пьесы — «Женщина, не стоящая внимания» (1893), «Идеальный муж» (1895) и «Как важно быть серьезным» (1895).

На этом, однако, кончается светлая полоса жизни писателя, поборника красоты и [illegible] и начинается другая — мрачная и [illegible] аморального типа»; заключенного Редингской [illegible], больного и одинокого человека, но все равно непримиримого врага «викторианского» убожества.

Оскар Уайльд [illegible] с наследником лордов Дугласов — 20 [illegible] внешнему виду Альфред был [illegible] и расчетливым человеком, [illegible] по заграницам на счет Уайльда [illegible] со своим мужем — маркизом [illegible] (1200 ф. ст. в год) было [illegible] знатному отпрыску [illegible] в Савойе или в Ницце. [illegible] молодого прожигателя жизни [illegible] лошадник, пьяница и дебош[illegible] ности.

Напр[illegible] друзья талантливого художника [illegible] во Францию (даже принять [illegible]). Оскар решил, что «суд его родины [illegible] ижеца и нахала».

Второй [illegible] принял сторону маркиза. И хотя правота [illegible], присяжные — заскорузлые и недалекие, [illegible] кальвинисты, выражающие интересы темной невежественной массы провинциальных мещан, вынесли приговор: «Виновен. Повинен отсидеть в исправительной тюрьме два года».

Дело, разумеется, заключалось не в Куинсберри и его примитивном, эгоистическом сынке Альфреде, а в огромных массах викторианцев, в их непонимании светлого, глубокого человечного искусства О. Уайльда, в озлобленном отношении ко всему тому, что противоречило слову и образу их учителя Кальвина.

Оскар Уайльд, пытаясь объяснить трагедию замечательного поэта А. Суинберна, предсказал, сам того не понимания, свою судьбу и судьбу всякого художника, неспособного жить в этом невыносимо отвратительном обществе, пытающегося хоть как-то его исправить. Столкнувшись в произведениях Суинберна «с

[illegible]лем плоти, терзаемой желаниями и воспоминаниями, радостью и раскаянием, силой и бессилием, английское общество, как всегда лицемерное, пуританское и ханжеское, не способное в произведении искусства найти само искусство, принялось искать в нем автора».

Именно поэтому был разгромлен и распродан с аукциона дом на Тайт-Стрит, где бесценные книги, которые Уайльд собирал еще со времен колледжа и на которых имелись дарственные надписи Уитмена, Твена, Рембо, Верлена, Малларме и многих других писателей и поэтов, — эти книги были за гроши распроданы неизвестным лицам. Дорогие безделушки, мебель, украшения, белье — все [illegible] за бесценок. Жена Уайльда с детьми покинула дом, укрывшись у родственников.

«Боги щедро одарили меня, — запишет поэт через некоторое время в произведении «De Profundis»[1], — у меня был высокий дар, славное имя, [illegible] положение в обществе, блистательный, дерзкий [illegible] искусство философией, а философию — искусс[illegible] мировоззрение людей и все краски мира; что бы [illegible], что бы ни делал, — все повергало людей в изу[illegible] драму — самую безличную из форм, известных [illegible] ее в такой же глубоко личный способ [illegible] лирическое стихотворение, я одновременно [illegible] драмы и обогатил ее новым толкованием, [illegible] прикасался, — будь то драма, роман, стихи [illegible] в прозе, остроумный или фантастический [illegible], все сварялось неведомой дотоле красотой... я пробудил воображение моего века так, что он меня окружил мифами и легендами; все философские системы я умел воплотить в одной фразе и все сущее — в эпиграмме».

Сверхсуровый режим, каторжный труд, на первых порах — полное отсутствие какой-либо интеллектуальной деятельности плюс полное банкротство, лишение права отцовства, запрещение иметь свой дом и свою собственность после отбытия срока заключения — вот те (добавим от себя — видимые) последствия, которые обрушили на голову «замечательного человека, искренне стремившегося изменить бесконечно дурное общество», суд и стоящая за ним фарисейски добродетельная буржуазия.

«Вот уже почти два года, как я брошен в тюрьму. Из глубины моей души вырвалось дикое отчаяние, всепоглощающее горе...»

Беспощадная жестокость заключения надломила силы поэта. Со смертью Констанции в 1896 году исчезла последняя надежда на встречу с женой и прекратилась небольшая денежная помощь. Выйдя на волю, он сумел создать очень немногое: «Балладу Редингской тюрьмы», «De Profundis», несколько книг

---

[1] «De Profundis» (лат. Из глубины), «Тюремная исповедь», начинающаяся словами: Послание: В тюрьме и оковах (лат.).

[illegible]. Ни одной пьесы, ни одного сборника сказок, ни одного романа ему больше не удалось написать.

Оскар Уайльд, обессиленный, нашел себе приют в Париже, в отеле старинного друга Дюпуарье. Здесь он и скончался 30 ноября 1900 года.

Жизнь Оскара Уайльда — человека сложного и противоречивого, оставившего яркий след в мировой культуре, — является иллюстрацией к его творчеству, его эстетическим концепциям. Андре Жид, вспоминая о своих встречах с Уайльдом, приводил высказывание поэта: «Творчество начинается в день твоего появления на свет и кончается в день твоей смерти».

Эстетический [illegible] художника соединился с разнообразными [illegible] не только английской, но и за[illegible] Уайльд не стыдился подобной близости, [illegible] называя целую плеяду поэтов, оказавших [illegible] его творчество. Среди них — Эдгар По, Шарль Бодлер, [illegible], Стефан Малларме, Жорис-Карл [illegible] авторов объединяет неприятие [illegible] воинствующего практицизма, [illegible] миру человека. Они [illegible] столетия станет важней[illegible]ства. Вся духовная жизнь [illegible] заката эпохи, утраты [illegible]ий о гуманизме. Они [illegible], не разбирающаяся в [illegible] получить как можно [illegible] таланты. И Уайльд [illegible]ленности, против раз[illegible], он относился к искус[illegible], жизнь... считал одним из [illegible].

[illegible]кации, спасти красоту, сохранить [illegible]ость — эти призывы были услышаны [illegible] юным Оскаром. И как следствие — его необычные кос[illegible], [illegible] язык парадоксалиста, шокирующее поведение, пренебрежение традиционной викторианской моралью. Однако было бы ошибкой считать, что он был единственным или первым, кто таким образом протестовал против общества «цвета плесени». Парадоксы в качестве оружия с «викторианским убожеством», например, использовались и Бернардом Шоу, и Джорджем Муром. Не остались в стороне от этого и поэты «бессмыслицы».

Первый — единственный при жизни — сборник стихотворений был, в самом деле, далеким от реальной действительности (в том значении, какое вкладывали в это понятие романисты XVIII века) явлением. Его в целом приняла буржуазная критика, ибо он давал ей немало поводов включить Уайльда в число эстетствующих декадентов. В стихах присутствовала импресси-

...ческая расплывчатость, некоторая размытость очертаний, ...ймы эмоциональных и цветовых переходов и взаимовлия-...й. Но ведь объективная действительность, вызвавшая к жизни ...бъективный поэтический образ, не исчезает в произведении. ...росто Мастер стремится поведать нам о своем сиюминутном ...печатлении, пытается остановить прекрасное мгновение. И не-...счастье истинного художника, творящего среди фарисеев, в том, ...но его восприятие отличается от традиционного, устоявшегося, ...освященного вековой «народной мудростью». Он становится вра-...гом такого общества.

Оскар Уайльд, следуя заветам «нового эллинизма», говорит ...о гармонии ...ой души, о стремлении обрести в мире ...ркое, интересное, ...но светом и борьбой существова-...ние. Он проти...нность и скучную пошлую дейст-...вительност... ...ширей лишает его романтические герои.

В 80-е годы Уайльд ...ет и ...ко известные трактаты: «Возрожде... ...сеизм» (1882), «Кисть, перо и отрава» (1889), «...ма масок», «Упадок искусства лжи» (1889), «Критик как ...» (1890), собранные в 1891 году в книгу ... ...ционизирующую роль искусст-ва, восстающ... ...ность», отвергая дидакти-ку и надуманные ... ...ческие положения и уста-новки безгран... Оскар Уайльд выступает против нату-рализма с ... ...ероем, капитулировавшим в конце столетия ... ... Отождествляя натурализм с бур-жуазной ... автор «Замыслов» даже провозглашает ло-зунги. «Искусство ...ше жизни» и «Искусство ничего не значит...». В этих ...ждениях - полемически заостренных, выра-женных в форме парадокса, — абсолютизация романтического типа творчества с его неприятием мира корысти и эгоизма, полного и бесповоротного отрицания буржуазности во всех видах и формах... «Истинная цель современного искусства — не широта, а глубина и сила. ...Само собой разумеется, что мои страдания я не могу изобразить в том виде, какой они приняли в жизни. Искусство начинается лишь там, где кончается Под-ражание. Но в моем творчестве должно появиться нечто но-вое, — может быть, более полная гармония слов или более богатый ритм, более необычайные цветовые эффекты, более широкий архитектурный стиль, во всяком случае, какое-то новое эстетическое достоинство»[1]. Стихия раскрепощенного чувства и воображения утвердила мысль о неоднозначности и равноцен-ности человеческой души — будь то Карлик, Счастливый Принц, маленький Ганс или Молодой Король. И Оскар Уайльд пишет статью «Душа человека при социализме», где выражает уверен-ность в освобождении человечества от «оков собственности».

---

[1] Уайльд О. — М., 1976. — С. 312.

Непримиримость писателя к собственническому строю не осталась незамеченной и прощенной.

Часто и очень решительно О. Уайльд расходился с официальной викторианской критикой в оценке явлений прошлой и современной литературы. Он воспевал Байрона и Шелли («Равенна»), приветствуя их бунт против ханжества английского общества. Он одобрял литературную деятельность Морриса, восхищался «благородной и непоколебимой» верой Уитмена и Лонгфелло в конечное торжество добра и справедливости. «Высоконравственное негодование наших современников против Золя, — писал Уайльд, — это негодование Тартюфа на то, что его разоблачили...» Перед Бальзаком и Диккенсом автор «Портрета Дориана Грея» преклонялся всю жизнь. Он посвятил немало статей творчеству Шекспира, Данте, средневековым и античным авторам, показав этим свое глубокое и всестороннее знание древней, новой и новейшей литературы. Под влиянием Малларме Уайльд написал на французском языке «Саломею» — великолепный [illegible] трагедии из фантастического времени раннего [illegible] чувственная Саломея предлагает [illegible] христиан — пророку Иоканаану, [illegible] танцовщица очаровывает своим [illegible] Ирода, и по ее многократным [illegible] голову Иоканаана, которую [illegible] Ирод Антипа так потрясен [illegible], что не выдерживает. [illegible] Ирод, он бросает солдатам: «Убейте [illegible] своими раздавливают [illegible] Иудейскую.

[illegible] постановке трагедию. Об этом [illegible] чиновник — лорд канцлер Империи. [illegible] действия властей автор [illegible] девяти месяцев является Калибаном, [illegible] вшиеся три — Тартюфом».

Герои Уайльда выступают против превращения высоких понятий «человечность», «добродетель» в разменную словесную монету. Одним из них удается добиться цели и осчастливить мир своими добрыми делами; в других же случаях побеждает злой, уродливый мир, злые, уродливые люди. И если до середины 80-х годов Оскар служит объектом всевозможных народий, шаржей, шоу, ревю, в которых его высмеивают, вышучивают, выставляют в карикатурном виде, то во второй половине десятилетия нападки рецензентов становятся просто наглыми, ожесточенными. А литературная критика начала 90-х годов всерьез обвиняет писателя в «литературной неумелости». Между тем стилистическое мастерство, скажем, его сказок стоит на такой высоте, что редкий автор выдерживает с ним сравнение.

«Счастливый Принц» (1888) и «Гранатовый домик» (1891) — это «опыт изображения реальной жизни в формах, далеких от

реального». Это — сказки, предназначенные не детям, а взрослой публике, «не утратившей дара радоваться и изумляться». Бездарному, плоскому, безвкусному — словно дистиллированная вода — натурализму О. Уайльд противопоставил мир, где «красные ибисы подстерегают на отмелях золотых рыбок», а «свадебные пиры заключает танец розы»... В то же время нельзя не заметить, что мир этот разделен надвое: наслаждаются жизнью богатые и знатные, страдают и мучаются бедняки...

Любая сказка Уайльда — это философское произведение, в них очень много морали и нравственных проблем. Художник здесь выступает против сильных мира сего, поддерживает слабых и угнетенных. С любовью и состраданием он пишет о детях и стариках, убогих и нищих, дикой природе, зверях и птицах.

Счастливый Принц и Ласточка — герои сказки из первого сборника — служат людям. Они раздают драгоценные камни и золото сотням б[illegible] хлеба насущного. В начале, глядя на [illegible] в позолоте и каменьях, восхищаются авантюр[illegible] Советник, гонимый судьбой горемыка, Прию[illegible], которые сравнивают Счастливого Принца с ангелом и за это на них, совсем как буржуазный законник, [illegible] Математики. В конце Ласточка и Принц [illegible] Мэр города, Чиновники. Статую, ободр[illegible] в горне, а затем Мэр и Советник[illegible] из них должна представлять новая ску[illegible]

Но истина в другом: Высший суд произносит Господь, признавший победителями подлинных героев — Счастливого Принца и Ласточку.

Не менее [illegible] «Соловей и Роза», в которой Соловей (художник) принимает смерть во имя Любви добровольно. Розовый Куст пронзил его сердце, кровь напоила растение, благодаря этому прекрасный бутон самой красной в мире розы распустился. Студент сорвал цветок и предстал с ним перед профессорской дочкой, напомнив, что она обещала танцевать с ним, если он принесет ей красную розу. Но девушке подарил настоящие каменья племянник камергера, и она отказала студенту. Тот, в порыве отчаяния, швырнул цветок на дорогу (где его переехала телега) и решил отказаться от Любви и посвятить себя Метафизике...

Высокие идеалы романтики и духовности показываются как вещи несовместимые с реальными жизненными обстоятельствами. Здесь же содержится и едкая ирония в адрес критиков, утверждающих, «что искусство эгоистично» и лишено «практического значения».

Бескорыстная дружба, верность, самоотверженность не в чести у общества, где царствует лицемерие и эгоизм. Об этом повествует сказка «Преданный друг». Уже в первых строках поэт сумел сказать многое. В аллегорических образах Водяной

Крысы, Коноплянки, Утки с Утятами Уайльд изобразил нечуткого, набожного, глупого обывателя английских сельских местечек, насмешливого, остроумного философа и простой народ.

Коноплянка начинает свой рассказ о Преданном друге:

«Жил был в этих краях... славный паренек по имени Ганс... он [illegible] не отличался, разве что добрым сердцем и забавным круглым веселым лицом...

У Маленького Ганса было много друзей, но самым преданным из всех был Большой Гью-Мельник...»

Однако, как следует из [illegible] повествования, дружба Гью-Мельника [illegible] грабежом и разбоем. Проходя мимо [illegible], он говаривал: «У друзей все должно быть общее» — и всякий раз «перевешивался через забор и забирал букет [illegible] шистых трав, или, если на[illegible] сливами и вишнями...».

А Ганс [illegible] гордился, что у него есть друг с такими бла[illegible]дами»

[illegible] ал Ганса к мельнице, [illegible] лета постоянно на[illegible] в руках, которую [illegible] бивого паренька. [illegible] зимней ночью [illegible] потребовал, [illegible] прислал его на мель[illegible] ницы и расшибся», [illegible] и встречный ве[illegible] сразу же отправил[illegible] был у Мельника... А Ма[illegible] рел в болото и там уто[illegible] и все в природе [illegible] хоронили на кладбище. Среди [illegible] ть был Мельник.

Писатель [illegible] глупость и недогадливость Водяной Крысы. [illegible] трагичности повествование о Маленьком Гансе — слабом, доверчивом и благородном, она спросила у Коноплянки: «А что сталось с Мельником?»

«Понятия не имею, — отвечала Коноплянка, — да мне, признаться, и не интересно...

В сказке «Замечательная Ракета» писатель изображает столкновение различных мировоззрений: Римская Свеча полагает, что, благодаря своим колоссальным размерам, она сумеет осветить весь мир и за три дня изучить его. Огненный Фонтан, наоборот, готов довольствоваться малым. Бенгальский Огонь и Огненный Шар — реалисты и оптимисты, тогда как Римская Свеча — неистребимый романтик. Все персонажи весьма забавно обсуждают свадьбу принцессы и принца. Это и понятно, так как они участвуют в большой иллюминации по слу-

...ело предстоящего торжества. Каждый из них готовится пока-
...ать значительность своего вооружения и опыта. Но больше
...других важничает Замечательная Ракета, убежденная, что по-
...лет дальше и выше всех, сумеет осветить карнавал лучше
...всех остальных. Однако, когда приходит час показать себя, она
...не может взлететь, так как отсырела. Сквозь фантазию писа-
...теля просвечивает истинная суть: на самом деле Замечатель-
...ная Ракета — пустое чванство и самодовольство, ни чем не под-
...крепленные амбиции.

Немало зла и горя приносит людям себялюбие. Эта мысль выражена в сказке «Великан-Эгоист». Когда герой перестал пускать в сад детей, там воцарилась Зима, Северный ветер, снег, град и мороз. Но лишь только Великан согласился допустить в свой сад [illegible], как там весело защебетали птицы, оделись зеленой листвой [illegible], а жизнь его стала радостной и исполненной красоты.

Эгоизм не [illegible] хорошего и Мальчику-звезде. Он рос жестокосер[illegible] и бездушным, избивал нищих и убогих, прогоняя [illegible] дома Лесоруба, приютившего его. И только отправившись [illegible] свою родную мать, которую он тяжко оскорбил, [illegible] невзгод и лишений, Звездный мальчик [illegible] и счастья — стал царем в богатом городе.

Этот порок — эгоизм, как правило, поселяется в среде богатых и знатных людей, считающих себя, без должных оснований, некими [illegible] и неповторимыми. Ведь Мальчик-[illegible] попадает в хижину Лесоруба.

«День рождения Инфанты» воссоздает картины жизни испанского монарха. Строгий регламент двора распространяется на всех: даже на детей. Сказке свойственен несколько наивный тон повествования, которое ведется как будто от лица бедного человека, не совсем понимающего конъюнктуру. Однако сказанное им как бы между прочим помогает понять авторитарный, суровый, напряженный характер жизни при испанском дворе. Рассказчик, например, говорит, что «брат короля сумел даже в Испании прославиться своей жестокостью». Это он подарил королеве перчатки, отправившие ее на тот свет. Одна фраза создает яркую картину борьбы различных придворных партий и группировок. Такие детали погружают нас в атмосферу истинной Испании — страны, задыхающейся от гнета феодальной средневековой церкви, от иезуитства. Не менее однозначна фигура Короля, который отказывается от нового брака, годами молится перед набальзамированным трупом жены — французской принцессы, заставляя и народ носить траур.

День двенадцатилетия Инфанты — особый день радости и счастья. Сентиментальный Король наблюдает сквозь узкое ок-

[illegible] принцу, как его дочь (единственное дитя, рожденное безвременно умершей супругой) выходит прогуляться по саду в сопровождении детей, чинно построившихся в колонну, и «те, у кого были самые длинные имена, шествовали впереди».

Безобразный Карлик — житель лесов увидел великолепие и красоту Инфанты и, влюбившись, исполнил со всей страстью танец в ее честь. Девочке этот танец очень понравился, и она попросила уродца через некоторое время повторить его. Но когда Карлик пришел во дворец и увидел свое отражение в зеркалах, свою уродливую голову, свое жалкое, несообразное туловище, то упал и сердце его остановилось. Напрасно Инфанта в [illegible] толпы высокородных детей ждала его [illegible]. Он [illegible] танцевать, у него «разбилось сердце».

Прекрасной была [illegible] маленького уродца, открытая для [illegible] мир красавицы, не понимающей, [illegible] и в некрасивом теле. У [illegible] человеческое сердце. У [illegible] жено эгоизмом.

[illegible] эгоистов и себялюбцев. [illegible] в сказке «Молодой Король», откры[illegible] домик») — корысть и пошлость, [illegible] отся идиллически.

[illegible] дворца, детские и отроческие [illegible] хижине. Но дед (король) при[illegible] должен принять бразды правления, [illegible] человек влюблен в красоту, ему [illegible] прозаического мира. Однако нака[illegible] сон, в котором общается с изможден[illegible] рабочий произносит речи, которым мо[illegible] даже персонажи Шелли.

«[illegible] мы трудимся на богачей, и они набивают [illegible] раньше времени...

Мы [illegible] другие. Мы сеем хлеб, [illegible] Но нас [illegible], но их никто не видит, мы — рабы, но зовемся свободными...»

Еще [illegible] Молодой Король видел вещие сны, из них он узнал, что [illegible] для коронации создают люди, которых тотчас же пожирают Смерть и Корысть.

Юноша отказался от дорогих одежд и оружия, предложенных ему на коронацию, и в одежде пастуха пошел в Храм. Розы, лилии и солнечные лучи украсили его так, как никогда не украсили бы камни и золото. Он был венчан на царство, вопреки желанию придворных. И ни один из них не смел взглянуть ему в лицо, ибо оно «было подобно ангельскому лику».

Оскар Уайльд пробовал свои силы также в жанре рассказа и короткой повести. В 1887 году увидела свет его первая по-

[illegible] «Кентервильское привидение». Необычным для прозы [illegible] времени было смешение элементов «готического» и обыч[illegible] стилей, что придавало произведению прелесть новизны, [illegible] воображение. «Преступление лорда Артура Сэвила» (1888), хотя и лишенное «готического аромата», сохраняло стре[illegible]тельное развитие сюжета, властно приковывало внимание чи[illegible]теля к действию, не давало ему ни в малейшей степени от[illegible]влечься.

Роман «Портрет Дориана Грея» (1891) возник в пылу полемики с тогдашними критиками, упрекавшими писателя в том, что он не мог [illegible] читателей ничему хорошему, что лишь одно [illegible] были на его полотне.

Верный своим [illegible], О. Уайльд отвечал, что настоя[illegible] искусство [illegible] ничему мелочному и ничтожному. В [illegible] была помещена горькая фраза, что искусство [illegible] ничего не значит. Эти высказывания [illegible] произведениям писателя, особенно его сказкам, которые являются откровенно поучительными. Но это [illegible]. Оно вытекает из односторонней [illegible] которое пытаются представить как утверждение [illegible] искусства, а заодно и самого автора.

Большой жи[illegible]урок получали сотни тысяч читателей, проникая вместе с Уайльдом в тайны английских усадеб, закрытых на десятки замков и засовов красивых мэноров и пансионов.

Роман «Портрет Дориана Грея» — о красоте внешней и внутренней, об [illegible] человеке, о нравственности. Ведь по мнению Оскара Уайльда, «так называемые «безнравственные» книги — это те, которые показывают миру его пороки, вот и все».

«Праздный ум — мастерская дьявола», — говорил великий Шекспир. А между тем, в мастерскую художника Бэзила Холлуорда пришел позировать молодой человек, абсолютно не утруждающий себя ничем. Правда, в детстве он изучал музыку и может прелестно исполнять Шопена. Но детство его прошло, и он не знает, чем заняться. Лишь иногда он помогает на благотворительных вечерах. Однако под воздействием насмешливого, все знающего и во все проникающего критическим взором, скептически настроенного лорда Генри (они познакомились в мастерской Холлуорда) Дориан забывает об этом и спешит, торопится получить от жизни как можно больше удовольствий и наслаждений.

Живописец создает замечательное произведение искусства — портрет прекрасного молодого человека. Гарри и Бэзил полагают, что замечательную красоту Дориана Грея картина сохранит на веки вечные, красоту, которая потрясает любого че-

ловека, встретившего ее на своем пути, и которая приходит к живым людям на очень короткий срок. Юноша умоляет художника подарить ему портрет, и Холлуорд уступает: портрет переселяется в дом Грея.

Герой, в поисках наслаждений, странствуя по улицам Лондона, встречает редкое явление: в старом, дрянном помещении [illegible] для простолюдинов играет 17-летняя Сибила Вейн, ее [illegible] перевоплощение так отличается от жалкого, за[illegible] [illegible] партнеров, что Дориан без [illegible] в актрису. Он признается девушке в своем [illegible] Потрясенная неожи[illegible] [illegible] больше играть героинь [illegible] Спектакль проваливается [illegible] представление Грей, [illegible] красоту его избранницы и [illegible] Разочарованный молодой [illegible] Сибилой. Объявляя ей [illegible] домой. Однако, [illegible] в испуге Грей ре[illegible]

[illegible] приняла яд. И с [illegible] хранить лучезарное [illegible] начинает изменяться. [illegible] даже хищным. В стра[illegible] [illegible] — в помещение [illegible] изменений вол[illegible]

[illegible] руки старика на [illegible] брело гнусный и зло[illegible] 18-летним юнцом с изу[illegible]

[illegible] гедонизму, центральный персо[illegible] Он вынужден тайно по[illegible] огромного Города, наслаж[illegible] женщин, искать радость в нарко[illegible] Он [illegible] жизнь, познал порок в совершенстве.

Но виноват ли в этом падении лорд Генри? Является ли он безнравственным человеком? Вот как характеризует его Бэзил Холлуорд: «никогда не говоришь ничего нравственного — и никогда не делаешь ничего безнравственного. Твой цинизм — только поза». Лорд Генри не собирался развращать Грея. Более того, красота героя является отражением чистой и здоровой души Дориана. Поэтому лорд Генри старается уберечь молодого человека от неблаговидных поступков. Порочный человек не может быть красивым. Это мнение подтверждает и леди Нарборо: «Вы не можете быть дурным — это видно по вашему лицу».

Встреча с братом Сибилы Вейн чуть было не стала трагической для Грея, но его спасла солнечная красота юности. После того, как моряка случайно убили на охоте, ничто и никто не угрожал Дориану и он мог идти дальше, наслаждаясь [illegible] преступления.

К несчастью, потеряв свою душу, герой стал рабом портрета. Страх и отчаяние охватили внезапно «прекрасного принца». Он боится, что кто-нибудь увидит ужасную картину и разгадает его тайну, он [illegible] бояться своего собственного изображения. И возникает [illegible] о раскаянии. Дориан Грей решает исправить [illegible] себе нравственную чистоту, а творению художника [illegible] и свежесть. Но душу показным покаянием не очистить. [illegible] не стал красивее. Осознав это, [illegible] что приобрело свойство [illegible] состояние, суть человека. [illegible] а старик, в котором [illegible] молодого человека. Портрет [illegible] не только юношу, но [illegible] сочетал в себе [illegible] ошенство эллинизма [illegible]

Роман [illegible] для творчества романтиков. [illegible] нать нравственные законы.

Как [illegible] слава пришла к Оскару Уайльду в пору создания им зрелых пьес для театра. К [illegible] стихов почти никто не читал. [illegible] Уиндермир» (1892) превзошла [illegible] одна за другой, окончательно [illegible] публику. Его комедии были полной неожиданностью [illegible] театралов. Лучшие образцы этого жанра [illegible] поху Шекспира; спустя столетие их обогатили [illegible] мастера, как Филдинг и Шеридан, но затем последовал спад — долгий и, казалось, непреодолимый.

В последние годы прошлого столетия неожиданно наметился новый подъем драматургических жанров. Началось увлечение интеллектуальной драмой, усиленное к тому же экспериментами бельгийца Метерлинка. Высок был авторитет блестящего драматурга Ибсена. Театр требовал, чтобы авторы поставляли проблемные, философские, общественно значимые произведения. Пьесы с мелочными страстями и шаблонными персонажами отвергались.

Оскар Уайльд поразил столичную публику изяществом, непринужденностью, остроумием, тонкостью языка и стиля. Его пьесы были решительно не похожи на поделки тогдашних драматургов и переводчиков, засорявших английскую сцену либо дидактическими, скучными пьесами, либо переведенными на

[illegible]ский язык второсортными французскими водевилями. Когда законодателя мод спрашивали, что он хотел сказать своими пьесами, то он отвечал: «Очень просто — надо подмечать серьезное в любых пустяках и пустячное во всем серьезном». Его комедии сильно отличались от всего ранее написанного по характеру построения, по художественным средствам и по коллизиям.

Однако цель художник ставил перед собой одну и ту же: сокрушать власть кальвинистской догмы, смехом надломить [illegible] прагматики. В пьесе «Идеальный муж» к тому же звучат и сатирические ноты, воссоздается нашумевшая в свое время история со спекуляцией акциями Суэцкого канала (к которой были причастны министр Дизраэли и банкир Ротшильд).

Сэр Роберт Чи[illegible] товарищ (заместитель) министра [illegible] заложил основу для успешного [illegible] от «темного» дельца [illegible] Чилтерн выдвинулся — [illegible] ве иностранных дел. Его же[illegible] семи, без ума от него. Он [illegible] неподкупностью, он — единст[illegible] прека, он — непогрешимый [illegible] ли, явившись из Вены, тай[illegible] тупил на сессии парламента и дал «зеленую улицу» Аргентинскому каналу. Она предупреж[illegible] ак у нее есть некое письмо [illegible] находчивости молодого [illegible] ть. В конце произведения [illegible], в которой разоблачает плутни и мошенничество строителей Аргентинского канала. Его назначают министром иностранных дел. Грех, совершенный в молодости, остается нераскрытым. Лорд Горинг уничтожил [illegible] По [illegible] ясно, что новый ми[illegible] как и все другие члены парламента [illegible] кова фабула этой комедии, которая скорее является драмой.

Среди персонажей пьесы особенно интересен образ лорда Горинга, человека умного, но притворяющегося обычным середняком. Больше всего он боится, как бы его не заподозрили в чувствительности. Ему нравится быть непонятным. Он старается скрыть свой недюжинный талант, доброту и неиспорченность.

Весьма удачны и женские роли. «Сурово добродетельная» леди Чилтерн; нежная Мейбл Чилтерн, сестра сэра Роберта Чилтерна, влюбленная в лорда Горинга; и, наконец, внешне очень интересная, но совершенно развращенная миссис Чивли.

По словам Гора Видала, произведения Оскара Уайльда «не требуют объяснений или интерпретации — их нужно лишь чи-

...ть, смотреть или слушать... Уайльд подлинный мастер, создатель замечательных пьес «ни о чем и обо всем одновременно», к его шуткам не нужны комментарии — люди просто смеются и при этом недоумевают: как же до сих пор никто не додумался до этой превосходной словесной игры?»

По мнению известного литературоведа Ричарда Элмана «Уайльд практически в одиночку сделал для английской литературы то, что во Франции десятилетиями пытались сделать многие и многие писатели. Он раздвинул рамки литературы, тонко и умно критикуя в своих произведениях моральные табу».

Жизнь Оскара Уайльда — этого замечательного человека, плохо приспособленного к обществу, «к которому и приспосабливаться-то не стоило», повторила более ранние трагедии художников-бунтарей [illegible] беззаветных искателей правды, истины и красоты. «Старая веселая Англия» рассчиталась с талантом, который [illegible] установления убогой буржуазной «нормальности».

ПРИМЕЧАНИЯ

Портрет Дориана Грея

Роман увидел [illegible] летом 1890 г. в журнале «Липинкотс Мэгэзин», с которым в [illegible] сотрудничали такие известные авторы, как Стивен[illegible] Дойль, Уэллс.

Вопреки [illegible] нным в предисловии романа, Оскар У[illegible] блеме соотношения искусства и действ[illegible]ии. Замысел книги возник у [illegible] Бэзила Уорда с у[illegible] — Джоном Греем, к[illegible] прототипом Дориана Грея. Однако современные романисту комментаторы отвергали эту [illegible] турный тип является [illegible] черт, он является [illegible] читателей любого про[illegible]

С[illegible] героя романа Уайльда на[illegible]ют дезэссента — главного персонажа французского пис[illegible] который в 1884 г. издал роман «Наоборот». Отдельные исследователи находят перекли[illegible] и «Фаустом» Гете, «Мелмот Скитальцем» [illegible] «Шагреневой кожей» Бальзака.

С. 5. **Калибан** — сын [illegible] Сикоракс, персонаж «Бури» Шекспира, олицетворение дикого и враждебного человеку начала.

С. 7. **Бэзил Холлуорд** — Уайльд сохранил в романе имя своего друга художника Бэзила Уорда. В его мастерской он увидел натурщика, побудившего к созданию образа Дориана Грея. **Гровенор** — частная галерея в Лондоне, где выставлялись художники, несогласные с академической живописью.

С. 30. **Изабелла II Испанская** возведена на престол в 1843 году, в ходе буржуазной революции 1834—1843 гг. в Испании. Генерал Хуан **Прим** — один из деятелей этой революции.

С. 31. **Синими книгами** (по цвету обложки) назывались, издан-

...е по решению парламента, сборники документов, в том числе ...довые.

С. 34. **Микеланджело** Буонарроти — его сонеты были изданы в 1878 г. Джоном Саймонсом.

С. 35. **Ист-Энд, Уайтчепл** — районы лондонских трущоб.

С. 40. **Клодион** — Клод Мишель (1738—1814) французский скульптор периода рококо. Под названием **«Сто новелл»** издавался во Франции «Декамерон» Дж. Боккаччо. **Маргарита Валуа** (Маргарита Наваррская, 1492—1549) — автор «Гептамерона», написанного под влиянием «Декамерона» Боккаччо. **«Манон Леско»** — роман французского писателя аббата Прево «История кавалера [illegible] и Манон Леско» (1731), посвящен анализу любовного [illegible] внутреннего мира человека.

С. 45. **Розалинда** — героиня комедии «Как вам это понравится» Шекспира. **Имоджена** — [illegible] романтической сказки Шекспира «Цимбелин».

С. 51. **Джордано** [illegible] — итальянский философ и поэт, сожженный инквизицией в Риме. Автор сочинений о едином начале и мир[illegible] бесконечности и бесчисленном множестве миров Ве[illegible] бесконечности, Вселенной и мирах» (1584), «О при[illegible]ле и едином» (1584) и др.).

С. 64. **танагрскую** ст[illegible] Найденные в Танагре (Греция, IV—III вв. до н. э.) т[illegible]вые статуэтки.

С. 82. **Патти Адели**[illegible] (1843—1919) знаменитая итальянская певица, исполнительница ведущих партий в операх Верди, Чимороза, Россини.

С. 86. **Уэбстер** Джон (1580—1625?), **Форд** Джон (1586—1640?), **Тернер** Сирил (1575?—1626) — авторы позднего Возрождения в Англии, создатели «трагедии мести». **Корделия** — дочь короля Лира. **Дочь Брабанцио** — Дездемона.

С. 91. **Готье** Теофиль (1811—1872) французский писатель, один из основателей «Парнаса», пропагандист теории «искусства для искусства» (книга «Новое искусство», 1852), автор приключенческого романа «Капитан Фракасс» и сборника «Эмали и камеи».

С. 94. **Парис** — изумительной красоты сын Приама, царя Трои. При помощи Афродиты Парис похитил жену царя Спарты Менелая — прекрасную Елену. **Адонис** — бог плодородия, превосходил своей красотой богов-олимпийцев. Возлюбленный Афродиты. **...на носу корабля императора Адриана** — имеется в виду прекрасный юноша Антиной — любимец императора Адриана (76—138) — утонувший в Ниле в 130 г. В истории его образ сохранился как символ юной красоты.

С. 98. **Монтень** Мишель (1533—1592) французский философ-гуманист. В своей книге «Опыты» (1580—1588) рассматривает человека как самую большую ценность. **Винкельман Иоганн Иоахим** (1717—1786), автор истории античного искусства.

С. 102. **...странная то была книга...** — роман французского писателя Гюисманса «Наоборот» (1884), в котором герой — герцог Дезэссент — пытается создать противопоставляемый реальному миру мир необычных впечатлений.

С. 105. **Автор «Сатирикона»** — Гай Петроний Арбитр приговорен к самоубийству в 66 г. В своем романе показал яркие картины нравственного разложения римского общества. **Анахорет** — (гр.) отшельник.

С. 108. **...в одеянии Страстей господних...** — обязательная черная одежда во время великого поста. **...преломляет гостию над чашей** — католическое причащение — разламывание пшеничной облатки в специальном сосуде. **Немецкий дарвинизм** — вульгарно-материалистическое учение Фохта, Бюхнера и других немецких философов, [illegible] сознания человека физиологическими [illegible]. **Чампак** — ароматическое масло из цветов дерева чампак, растущего, как и дерево из семейства крушиновых ховения, в Юго-Восточной Азии.

С. 109. **Альфонсо де Оливас** ([illegible]—1651) — испанский историк, член иезуитского ордена. **Куцко** — столица инков.

С. 110. **Бернал Диац** — конкистадор XVI в. и автор записок о покорении Мексики. **Анн-де-Жуайез**, герцог (1561—1587), фаворит Генриха III. **«Наставления для клириков»** — рассказы поучительного [illegible] Альфонсо (XI в.), придворного медика короля Альфонса [illegible]. **Александр ...владыка Эматии** — Александр Македонский [illegible] Филострат Старший (III в.), [illegible] писатель. **Пьер де Бонифас** — писавший по-[illegible] алхимик Пьеро д'Апоно.

С. 111. **Пресвитер Иоанн** — глава мифического христианского [illegible] Азии. **«Жемчужина Америки»** — роман ([illegible]), современника Шекспира. **Чипангу** — сред[illegible] король Перозе — царь Ирана Перо[illegible] с тюркскими племенами описывается [illegible] историком Прокопием Кесарийским. **Анастасий I** (ок. [illegible]—518) — император Византии с 491 г. **Король малабарский** — верховный правитель Западной Индии. **Холл Эдуард** (ок. 1499—1547) — английский историк. **Пирс Гейвстон** — фаворит английского короля Эдуарда II (1284—1327), убитого в тюрьме по приказу жены Изабеллы Французской.

С. 112. **Жрец Солнца** — Гелиогабал, сирийский жрец, в 218 г. ставший римским императором. **Хильперик** — франкский король (VI в.).

С. 113. **турецком лагере под Веной.** — Осада Вены турками в 1683 г. была снята в результате решительных действий польской армии под командованием Яна III (Собеского).

С. 114. Святой **Себастьян** был расстрелян по приказу императора Диоклетиана лучниками за проповедывание христианства среди легионеров (III в.).

С. 116. **Герберт Филипп**, граф Монтгомери (1584—1650) — фаворит английского короля Якова I. **Осборн Фрэнсис** (1593—[illegible]) — писатель, историк.

С. 117. **Джованна II Неаполитанская** (1371—1435) — прославилась слишком веселым образом жизни. **Принц-регент Георг** — состоял в тайном браке с Мэри Энн Фицгерберт, который был впоследствии расторгнут. **Эмма Гамильтон** (ок. 1766—1815) — возлюбленная адмирала Нельсона.

С. 118. **Тиберий** (42 г. до н. э.—37 г. н. э.) — римский император с 14 г. Пасынок Августа, резко сократил количество зрелищ и раздач. В последние годы правления удалился на остров Капри. **Элефантида** ([illegible]) — греческая писательница, сочинительница рассказов эротического характера. **Калигула** (12—41) — римский император, знаменит своим распутством и требованием [illegible]. **Домициан** (51—96) — римский император, [illegible] дворце рабами и вольноотпущенниками. **Филиппо** — Миланский-герцог, умер в 1447 г. **Барби Пьетро** ([illegible]), с 1464 г. папа Павел II. **Висконти Джовани Мария** — герцог, прославился своей жестокостью и коварством, [illegible]. **Цезарь Борджиа** — искусный отравитель, убил своего брата Джованни и гуманиста Никколо Перотто.

С. 119. **Ганимед** — [illegible], виночерпий богов-олимпийцев. **Гилас** — [illegible]. **Эзелин** — Эззелино да Романо (1190—[illegible]) [illegible] в Падуи. **Чибо Джамбатиста** — с 1484 [illegible] VIII, определил таксу за индульгенцию [illegible]. **Сиджизмондо Малатеста** (1417—1468) — [illegible], убил двух своих жен перед тем, как женился на [illegible]. **Карл VI** — французский король, безумно любивший [illegible] брата Людовика Орлеанского — Валентину Висконти. **Грифонетто Бальони** — захватил в 1500 г. верховную власть в Перуджи, но вскоре был убит заговорщиками. **Аталанта** — мать Бальони.

С. 132. **на поэме о руке Ласнера...** — стихотворение «Этюды рук» из сборника Т. Готье «Эмали и камеи», посвященное руке известного преступника Ласнера, казненного в 1836 г.

С. 133. **Тинторетто** — псевдоним Якопо Робусти (1518—1594) — представитель венецианской школы Позднего Возрождения. Его драматическое взволнованное искусство проникнуто мятежным духом, насыщено динамикой, контрастами света и тени, повышенной одухотворенностью образов. **Рубинштейн Антон** (1829—1894) — великий русский пианист и композитор.

С. 144. **просмотрю Дебретта** — Джон Дебретт издавал справочные книги об английских аристократических семействах.

С. 159. **Парфяне спаслись в пустыню.** — Кочевники постоянно осуществляли набеги на парфянское царство, расположенное на территории современного Ирана.

С. 168. **Пердита, Флоризель** — герои «Зимней сказки» Шекспира.

Сказки

Оскар Уайльд многому научился у датского писателя Ганса Христиана Андерсена (1805—1875), чьи сказки появились еще в 30-х годах прошлого века и завоевали всемирное признание. Андерсен был одним из первых, кто показал, каким образом можно приспособить старинную народную сказку для описания современной жизни.

Уайльд создал два сборника сказок — «Счастливый принц и другие сказки» (1888) и «Гранатовый домик» (1891), в которых своеобразно воплотил сложные философские мысли. Сам писатель называл свои сказки этюдами в прозе и адресовал их всем читателям от «восемнадцати... до восьмидесяти» лет.

Обращение Уайльда к искусству лжи было вызвано активным неприятием [illegible] и не означало безразличия, а тем более отвращения к реальной жизни. Его сказки имеют глубокое нравственное содержание. Следуя романтическим традициям первой трети XIX века, [illegible] в [illegible]ательной форме изображает [illegible] высоких гуманистических идеалов [illegible] верность, самоотверженность [illegible] и [illegible] предрассудков.

С. [illegible] [illegible] время троянской войны убит [illegible] [illegible] зари Эос — добилась у Зевса бессмертия для сына.

С. 184. Баальбеков храм — храм Юпитера в городе Баальбек (Ливан). ...Рани — супруга раджи.

С. 21[illegible] [illegible] Ланселота (легенда об Артуре и рыцарях Круглого стола).

С. 216. Адриан — См. примеч. к с. 94.

С. 217. [illegible] приснилось ему. — Этот сон принца удивительно походит на «Песнь людям Англии» Шелли.

С. 219. Ормуз — [illegible]ский город, символ Востока.

С. 220. Татарией — в средние века называли всю территорию к востоку от Днепра, вплоть до границы с Китаем.

С. 22[illegible] Исида — (егип.) богиня плодородия, воды, ветра, семейной верности, мореплавания, сестра и супруга Осириса — бога плодородия, царя загробного мира.

С. 227. Трапписты — католический орден, отличался очень суровым уставом.

С. 229. Софонисба — дочь карфагенского военачальника Гаструбала (III в. до н. э.). Приняла яд перед падением Карфагена. Нуэстра Сеньора дель Пилар — церковь в Сарагосе, расписана Веласкесом и Гойей.

С. 23[illegible] о компрачос... — охотники за маленькими детьми, которых они уродовали и затем продавали в цирки, балаганы, гаремы и т. п.

С. 236. Львы и башни Кастилии — на гербе Мадрида имеется [illegible] украшает герб Кастилии.
С. 236. Гольбейнова «Пляска смерти» — 58 рисунков серии «Образы смерти» немецкого художника Ганса Гольбейна Младшего ([illegible]).
С. 251. Окс — Амударья.

Идеальный муж

Пьеса посвящается [illegible] Фрэнку Гаррису, подарившему писателю сюжет комедии. Премьера состоялась 3 января 1895 года.

Это драматическое [illegible] названо комедией скорее в соответствии с традицией, так как у него счастливый конец. Сэр Роберт Чилтерн только случайно не разоблачен в парламенте (хотя и [illegible]), и благодаря этому становится [illegible] персонаж комедии — лорд Горинг [illegible] человек, выдающий однако себя за недалекого простака.

С. 284. Буше [illegible] живописец, писал пасторали в стиле рококо. Ватто Антуан (1684—1721) — французский художник, его работы отмечены изысканной нежностью красочных нюансов, трепетностью рисунка; воссоздал мир тончайших душевных состояний.
С. 287. Ван Дейк ([illegible]) — [illegible] живописец, стремившийся раскрыть [illegible] жизни личности через элегантность, [illegible] гармонии.
С. 290. Коро Камиль ([illegible]) — крупнейший представитель романтизма во французской живописи, его тонкая передача световоздушной среды предвещала живопись импрессионистов.
С. 296. Суэцкий канал — построен в 60-е годы XIX в., открыт для судоходства в 1869 г. В 60—70-е годы прошлого столетия Англия, Франция и США оспаривали друг у друга право на строительство Панамского канала. Этот канал был построен США в 1914 г.

О ФЕДОРЕ СОЛОГУБЕ
(1863—1927)

I

«Сидит мешковато на кресле, нога на ногу, слегка потирает маленькие, очень белые руки. Лысая голова, темя слегка заостренное, крышей, вокруг лысины — седина. Лицо чуть мучнистое, чуть одутловатое. На левой щеке, возле носа с легкой горбинкой,—большая белая бородавка. Рыжевато-седая борода клином, небольшая, и рыжевато-седые, висящие вниз усы. Пенсне на тонком шнурке, над переносицей складка, глаза полузакрыты. Когда Сологуб их открывает, их выражение можно бы передать вопросом: «А вы все еще существуете?» Таким увидел Сологуба в 1908 году, в зените его славы, поэт Владислав Ходасевич.

Нельзя сказать, чтобы имя и произведения Федора Сологуба вовсе не были знакомы нашему читателю. Это прежде всего относится к лучшему, значительнейшему роману писателя «Мелкий бес», который вышел в издании «Academia», с научной подготовкой текста и вариантами еще в 1933 году, переиздавался Кемеровским издательством в 1958, а в 1962, в своих главных фрагментах, был напечатан в «Хрестоматии для педагогических институтов», изданной массовым тиражом. Что касается поэзии, то в 1939 году в малой серии «Библиотеки поэта», а в 1975 — в большой появились два тома стихотворений, дающие представление о художественном мире Сологуба-стихотворца.

И все же широкой читательской аудитории имя это сегодня говорит мало. Некогда популярнейший писатель, деливший славу с Леонидом Андреевым и Куприным («Федор Навьич Сологуб, ныне славою несомый»,— значилось, к примеру, под шаржем 1907 года), оказался где-то среди литераторов второго или даже третьего ряда. Были, очевидно, явные предпосылки в самом его творчестве, обусловившие это полузабвение. Но были, с другой стороны, проявлены по отношению к нему (да и не только к нему) и предвзятость, вульгарный, упрощенный подход к явлениям литературы.

Между тем — и это сегодня несомненно — Федор Сологуб — один из крупнейших поэтов и прозаиков начала нашего столетия. И при всех необходимых оговорках о сложности, противоречивости, неравноценности его творчества таковым и останется. Его «Мелкий бес» был отмечен В. И. Лениным, не раз возвращавшимся к образу Передонова, который охарактеризован им как «...тип учителя, шпиона и тупицы...» [1]; М. Горький, А. Блок, В. Брюсов, Андрей Белый, И. Анненский, Е. Замятин, К. Федин оставили нам свидетельства своей высокой оценки произведений Сологуба.

Он считал себя символистом и был им. Символизм — русский символизм — явление очень широкое и тоже еще нуждающееся в нашем осмыслении. Сами символисты рассматривали свой метод как новый тип художественного мышления, с необыкновенной отчетливостью выразили в своем творчестве кризисный характер

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 123.

эпохи, отрицание буржуазного быта и морали, неизбежность великих исторических катаклизмов. В лучших своих произведениях они передавали конфликты трагического величия и, даже отдав дань декаденству, с декадентами не отождествлялись.

В одном ряду с А. Блоком, В. Брюсовым, Андреем Белым, И. Анненским, К. Бальмонтом мы называем и Федора Сологуба.

1

Жена и верный друг, а также соавтор Федора Сологуба (в том числе и в ряде таких произведений, которые носят ныне только его имя) Анастасия Чеботаревская написала в 1915 году весьма подробную «Автобиографическую справку» о нем для выходившей тогда «Русской литературы XX века». В справке этой, в частности, говорится:

«Федор Кузьмич Тетерников (псевдоним Федор Сологуб) родился 17 февраля 1863 года в Петербурге, в семье бедной, чисто пролетарской. Отец — петербургский ремесленник, портной, родом из Полтавской губ.; через 4 года после рождения сына скончался от чахотки, оставив еще дочь Ольгу, 2-х лет. Мать Ф(едора) К(узьмича) — крестьянка Петербургской губ. После смерти мужа держала некоторое время прачечную; потом долго служила «одной (т. е. единственной, «на все руки».—*О. М.*) прислугой» на одном и том же месте у Агаповых, до 1882 года, пока сын встал на ноги. Умерла в 1894 г.».

Детство писателя было исключительно тяжелым.

Исследователи справедливо видят в нем ключ к пониманию многих сторон сологубовского творчества и мировоззрения. Мать, Тереза Семеновна, горячо любила детей и сделала все возможное, [illegible]. Только благодаря ее окаянному труду он смог [illegible], затем уездное училище, а потом и Учительский институт. [illegible] нужды и унижений она была детям и подлинным деспотом. Стояние в углу на голых коленях, порка розгами, наказания по любому поводу: [illegible] ребенка. После наказаний дети должны были благодарить [illegible] и кланяться ему в ноги. Мальчика секли не только дома, у [illegible], в приходской школе и уездном училище, но даже — уже шестнадцатилетнего юношу — в Учительском институте, по просьбе матери и привередливой хозяйки — «бабушки» Галины Ивановны Агаповой.

Нельзя не согласиться с выводом исследователя: «Всю жизнь истязание детей как кошмар преследовало Сологуба»[1].

Вместе с тем нужно сказать, что тяжелые детские годы не были вовсе беспросветными. В них были свои радости, увлечения, мечты, также оставившие свой чекан на душе Сологуба. В биографической справке А. Чеботаревской мы читаем: «Агаповы, в семье которых протекло детство Ф(едора) К(узьмича), были люди интеллигентные, интересующиеся театром и музыкой... В их доме приходилось слышать много рассказов о петербургской старине, начиная с 20-х годов; рассказывала старушка Галина Ивановна Агапова. Часто слушал музыку — приходили певцы... Брали в театр; у Агаповых был абонемент в оперу, хотя и наверху, и мальчику часто давали билет, если кто-либо из семьи не мог пойти. Таким образом 10-летний Сологуб слушал Патти, пение которой произвело на него неотразимое впечатление,— не то что-

[1] Русская литература XX века. 1890—1910. Т. II. Ч. I. М., 1915. С. 9.
[2] Дикман М. И. Поэтическое творчество Федора Сологуба//Ф. Сологуб. Стихотворения. Л., 1975. С. 8.

бы понравилось, но звук, тембр голоса, как необычное, чудесное явление искусства, врезался неизгладимо, на всю жизнь. Сын Агаповых, Мих(аил) Мих(айлович), был недурной музыкант, часто играл; к барышням Агаповым нередко наезжали гости. Одна из дочерей вышла за Витберга, сына знаменитого архитектора; ребенком Сологуб гостил у четы Витбергов в Гатчине, по летам, и здесь присутствовал при беседах историко-художественного характера, читал исторические книги... Из первых прочитанных книг совершенно исключительное впечатление произвели «Робинзон», «Король Лир» и «Дон Кихот». Не только они были прочитаны множество раз, но буквально изучены, строка за строкою, а пьеса разыграна, конечно, одним действующим лицом. Можно сказать без преувеличения, что эти три книги были для Сологуба своего рода Евангелием. Отсюда же, вероятно, получили свое начало так развившиеся впоследствии фантастика, любовь к театру и творческий идеализм. Вообще в этой странной «двойной» жизни, в наблюдениях с первых лет отношений «господ и слуг», богатых и бедных таилось немало психологического материала, послужившего впоследствии для изображения быта городской бедноты, навсегда определились демократические симпатии Сологуба»[1].

Заметка А. Чеботаревской интересна и значительна для нас еще и потому, что писалась она, несомненно, под диктовку самого Сологуба и, таким образом, представляет его собственное самовыражение. Тем более заметно, что, припоминая прошлое, писатель, быть может, даже против собственной воли, стремится сгладить остроту «двойной жизни» маленького сына прислуги, который спал в хозяйской кухне на сундуке, а занимался (в том числе, очевидно, и разыгрывал «Короля Лира») в углу передней, перегороженной шкафом. При всей интеллигентности Агаповых сам Сологуб-ребенок среди «господских» детей, безусловно, чувствовал себя «чужаком». Он подвергался насмешкам, болезненно сознавал социальную дистанцию между собой и «барчуками» и вынес из детства горькое убеждение: «Господа — не люди».

Именно это ощущение, ставшее затем убеждением, проходит, можно сказать, через все творчество Сологуба. [illegible] например, образ бедного мальчика, а затем [illegible] Гриши Игумнова (рассказ «Улыбка»): «Все были веселы и улыбались, [illegible] и девочки, которые, играя, двигались по желтому [illegible] улыбался и бледный некрасивый мальчик, что сидел одиноко на скамеечке под сиренью и молча глядел на своих сверстников. Его одиночество, молчаливость и поношенная, хотя и чистенькая одежда показывали, что он из бедной семьи и стесняется этим обществом нарядных, бойких детей. Лицо у него было робкое, худенькое, и грудь такая впалая, и ручонки такие тощие; так смирно они лежали, что на него жаль было смотреть».

И та же мысль — горячее сострадание беднякам, в особенности же—бедным детям, мысль о социальной пропасти, разделяющей мир, звучит во многих стихах Федора Сологуба. Разве не братом, нет, двойником Гриши Игумнова видится герой стихотворения 1892 года, начинающегося такой картинкой:

Вот у витрины показной
Стоит, любуясь, мальчик бедный.
Какой он худенький и бледный,
И некрасивый, и больной!

Можно сказать, социальный опыт, опыт бедности, выстраданный Сологубом, оставался для него доминирующим. Уже учителем, по окончании института (1882) направленным в глухой городок Крестцы Новгородской губернии, ведет он

---

[1] Русская литература XX века. 1890—1910. С. 9—10.

в цикле стихов своего рода горький лирический дневник. Всем своим духом стихи эти напоминают вовсе не будущего вождя символизма, а придавленного невзгодами поэта-самоучку из народа совсем иной, суриковской школы:

Пошел мне год уже двадцать второй,
А в Крестцах я учителем год третий,
А на уроках я еще босой
Сижу в училище, одет как дети.

Или:

Я из училища пришел,
И всю домашнюю работу
Я сделал: сам я вымыл пол,
Как делаю всегда в субботу.

Я мыл, раздевшись догола,
А мать внимательно следила,
Чтоб пол был вымыт добела,
Порой ворчала и бранила.

Жизнь в Крестцах, где Сологуб учительствовал три года, была самая обыкновенная провинциальная, то есть самая ужасная. Из каждого дома видно было поле, в темные вечера обыватели ходили по улицам с собственными фонарями, рискуя утонуть в непролазной грязи, а колбасу и консервы лавочники получали один раз в году. Молодой учитель попытался внести жизнь в школьную рутину, внести семена света и любви» в детские сердца. Однако любое проявление самостоятельности и свежей мысли в школе встречалось в штыки. Действительность представлялась Сологубу беспросветной. Вот когда, в непримиримом конфликте с убогой жизнью, и зародились, очевидно, отдаленные [illegible] о волшебной Дульцинее, героине многочисленных стихов, [illegible] прекрасной стране Ойле, куда — прочь от постылой Земли — [illegible] шаре Триродов и Елисавета, герои романа-трилогии «Творимая легенда» (1914). Впрочем, мечта о блаженной планете «Ойле» (как и тема Дульцинеи) лейтмотивом проходит через все творчество Сологуба:

На Ойле далекой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя.
На Ойле далекой и прекрасной
Песней сладкогласной и согласной
Славит всё блаженство бытия...

Но все это т а м, где светит иное солнце -- Маир, где-то в глубинах Вселенной, «в ночной стране безмолвных снов». А з д е с ь — грязь, уродство, дикость и косность, болото российской глубинки. Впечатления этой поры легли в основу первого крупного произведения Федора Сологуба — во многом автобиографического романа «Тяжелые сны» (1896), начатого в 1883 году. Центральный его персонаж -- учитель, разночинец Василий Логин, так же, как и автор, провел свое детство «вдали от природы, среди кирпичных стен столицы»; так же, как и сам Сологуб, мечтает он посреди провинциальной скверны о добрых переменах в школе и испытывает крах своих помыслов, его преследуют клевета, наветы, ложь. Но одновременно «Тяжелые сны» несут в себе прообраз «Мелкого беса» (1907), а в Логине проступают некоторые черты, напоминающие о Передонове и его судьбе, вплоть до появления — первого! — «недотыкомки» (здесь она именуется «знойной серой морокой») и бессмысленного убийства в конце романа.

И тут угадывается драма души самого Сологуба.

Говорят, что бедность не порок; но бывает разная бедность. Иная бедность (не менее, чем избыточность) рождала и рождает немало страшного, отталкивающего, бесчеловечного. Все провинциальное учительство Сологуба (в 1885 году он переезжает в Великие Луки, а в 1889 — в Вытегру, уездный город Олонецкой губернии, где преподает в учительской семинарии) проходит под знаком непрестанной бедности, отупляющего труда и тяжкого домашнего уклада с деспотической властью матери. Сологуб остро чувствует разлагающее влияние этой атмосферы и страшится того, что может «озвереть» и «потерять вполне образ человеческий». Ущемленная, приученная сызмальства к покорности душа ищет выхода — хотя бы в попойках или грубо-эротических похождениях, за которыми неукоснительно следуют наказания: снова порки в участке и дома («маменька» секла его «пребольно» и тогда, когда Сологубу исполнилось уже 28 лет).

В этой социальной и психологической западне, какой представлялась Сологубу действительность, судорожно билась его мысль, отталкиваясь от «грубой» обыденности, то поддаваясь ей, то ее не принимая. Напряженное тяготение к «потаенному», к «сверхъестественным» и даже «противоестественным усладам», к таинственному и жуткому, — все это клубится в душе Логина, предвосхищая проблематику лирики Сологуба и вновь подтверждая автобиографичность центрального персонажа.

В целом же роман «Тяжелые сны», повторю, был подступом к «Мелкому бесу» — как по материалу живописания, так и по избранному художественному методу. В критике отмечалось: «Удушливый туман сплетен, гнусностей, наговоров, злобы и клеветы, застилающий весь город, особенно едко сгущается вокруг Логина. Бытовые картины, [illegible] жизнью провинциального города, [illegible] и красочнее манере, как и городок в «Мелком бесе»[1]. Художественно несовершенный, с длиннотами и лишними описаниями, [illegible] натуралистическим «очерком нравов» русской провинции. Уже в нем Сологуб стремится выразить мучившие его мысли в сгущенной и заостренной форме преувеличений, в образах-символах. Роман не принес автору славы. Впрочем, вообще долгое время Сологуб, поэт и прозаик, находился в тени лидеров «старшего поколения» символистов — К. Бальмонта, В. Брюсова, Д. Мережковского, Н. Минского, З. Гиппиус. Еще из Крестцов начал он посылать свои произведения (и даже сумел напечатать в 1884 году стихотворение «Лисица и еж» в петербургском журнальчике «Весна», однако вещи его не принимались или, позднее, проходили незамеченными. Только с появлением «Мелкого беса», как пишет А. Чеботаревская, «определяется настоящий литературный успех Сологуба, до сих пор подвергавшегося исключительному невниманию или неодобрению критики». Известность пришла к писателю, когда ему было 44 года.

Поворотным пунктом в его жизни и творчестве можно считать все же более раннюю дату: переезд в 1892 году в Петербург. Годом раньше, когда его сестра поехала в столицу поступать на фельдшерские курсы, Сологуб отправился проводить ее и осуществить давнее уже желание — познакомиться с вождями нового направления символизма: Д. С. Мережковским и Н. Минским, стихами которых он очень увлекался. Он начинает сотрудничать в журнале петербургских символистов «Северный вестник» (именно в редакции этого журнала молодому писателю из провинции придумали псевдоним: Сологуб); здесь он печатает свой первый рассказ «Тени» и роман «Тяжелые сны».

Так появляется на литературном небосклоне новое имя — Федор Сологуб.

[1] Вергежский А. Тяжелые сны//О Федоре Сологубе: Критич. ст. и заметки. СПб. 1911. С. 345.

Странной оказалась литературная репутация Федора Сологуба, как немало странного было в его писаниях.

В литературе он стремился воплотить стихию «дьяволизма» и уездного «демонизма», культ смерти, небытия, но никто не знал, где кончался его искренний ужас перед чертом, качающим качели человеческой судьбы, и начиналась мистификация. Он и в жизни был мистификатором: провинциальный учитель, сын портного и прислуги, присвоил себе чужое, причем графское и известное в литературе имя — отбросил лишь титул и одно «л». И из Федора Кузьмича Тетерникова превратился в Федора Сологуба (кроме автора «Тарантаса» графа В. Соллогуба в литературе промелькнул и настоящий Федор Соллогуб, поэт, близкий друг философа В. Соловьева). С первых же публикаций стал выдавать себя за ненавистника жизни — грубой, дебелой Альдонсы, которую только помешанный рыцарь Дон Кихот способен признать прекрасной Дульцинеей Тобосской. Упорно призывал ненавидеть жизнь, солнце, счастье, людей и воспевал смерть:

Жить с людьми — какое бремя!
О, зачем же надо с ними жить?
Отчего нельзя все время
Чары деять, тихо ворожить?..

В своей поэзии (а число написанных им за 40 лет работы в литературе стихотворений обозначается четырехзначной цифрой) он не уставал повторять одни и те же заклинания: о «темнице жизни», о привязавшемся с колыбели «одноглазом, диком Лихо», об «общем уделе» [illegible] смерти», о «погибельном круге», который очерчивает [illegible] одновременно проповедовал и прямо противополож[illegible] в [illegible] ее сил, в солнечном свете, восхищался красотой земли — ликованием полуденной природы. В одном и том же 1899 году (с дистанцией в месяц) написаны мрачные стихи о недотыкомке, которая потом будет преследовать Пер[illegible], и [illegible] яркий гимн созиданию:

От курослепов на полях
До ярко-знойного светила
В движеньях, звуках и цветах
Царит зиждительная сила.

Как мне не чувствовать ее
И по холмам, и по оврагам!
Земное бытие мое
Она венчает злом и благом.

Волной в ручье моем звеня,
Лаская радостное тело,
Она несет, несет меня,
Ее стремленьям нет предела.

Проснулся день, ликует твердь,
В лесу подружку птица кличет.
О сила дивная, и смерть
Твоих причуд не ограничит!

В этих мажорных и звучных аккордах слышишь нечто фетовское, нет, тютчевское: восторг перед мощью творящей природы и философское обоснование оптимизма. И вслед за этими стихами снова: «злая немочь», «белый саван» и «навий (т. е. мертвый) след», «порочные томления» и «Отец мой, Дьявол». Очевидно, что в поэзии

Сологубом проступают два исключающих друг друга начала; неравномерно (но постоянно) они пульсируют, проявляя себя в полярном противостоянии. «Сологуб кощунствовал и славословил, проклинал и благословлял, воспевал грех и святость, был жесток и добр, призывал смерть и наслаждался жизнью...— замечает В. Ходасевич. Ничто у него ничем не вытеснялось, противоречия в нем уживались мирно, потому что самая наличность их была частью его мировоззрения». И мировоззрение это, добавлю, складывалось под воздействием идей, носившихся в воздухе. То был символизм. В 1890 году вышла книга Н. Минского «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни», где говорилось о тщетности и тленности всего перед лицом неизбежной смерти и как единственно реальное утверждалось «вечное стремление к несуществующему и несбыточному». В тот год, когда Сологуб переехал в Петербург, появились сборник стихов Д. Мережковского «Символы» и статья «О причинах упадка и о новых течениях русской литературы», ставшая программной для русского символизма.

Восстав против «удушающего мертвого позитивизма» и назвав учителями символистов «великую плеяду русских писателей»— Толстого, Тургенева, Достоевского, Гончарова, Мережковский провозгласил «три главных элемента нового искусства: мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности»[1]. К тому времени, с появлением поэтических сборников К. Бальмонта «В безбрежности» и «Тишина», стихов Д. Мережковского, Н. Минского, З. Гиппиус, а позднее трех сборников В. Брюсова «Русские символисты» (1894—1895) в литературе оформилось это новое направление, черты которого были предвосхищены уже в поэзии В. Соловьева, К. Фофанова, Мирры Лохвицкой.

Символизм в самом общем плане отражал кризис традиционного гуманизма, разочарование в идеалах «добра», ужас одиночества перед равнодушием общества и неотвратимостью смерти. Но в то же время он представлял собой в определенном смысле и реакцию на натуралистическое бытописательство жизни. Поэтому он проявлялся нередко там, где натурализм обнаруживал свою несостоятельность (например, как ответ на «бескрылость» русской литературы 80-х годов, где одиноко высилась фигура Л. Н. Толстого). Но, нападая на плоское описательство, символисты предлагали другую крайность: пренебрегая реальностью (или недооценивая ее), они устремлялись «вглубь», к метафизической сущности видимого мира; окружающая действительность казалась им ничтожной и недостойной внимания поэта. Это был всего лишь «покров», за которым пряталась вожделенная «тайна»— единственно достойный, по мнению художника-символиста, объект. Поэтому сторонники и вожди этого направления (впервые появившегося во Франции) так легко поддавались религиозным или мистическим теориям, впадали в беспросветное отчаяние, метались между религиозным смирением и страхом смерти и тлена или же, как это было с Сологубом, воспевали в качестве последней, метафизической сущности бытия «дьяволизм».

К счастью (как мы уже могли убедиться на примере сологубовской поэзии), его творчество не исчерпывалось программными постулатами.

Да и в целом напряженные поиски символистами «сущности», подобно поискам алхимиками «философского камня», не пропали даром. Наиболее талантливые из них сумели значительно расширить сферу поэзии, сильно продвинуть вперед (по контрасту, скажем, с беззаботным отношением к форме предшествовавших им поэтов-народников), художественную технику, вскрыть новые возможности, заложен-

[1] Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. Т. XVIII. М., 1914. С. 218.

ные в слове. В душный терем русской поэзии, после Апухтина и Надсона, ворвались песни, которые заставили читателя снова любить поэзию не за то, что в ней зарифмованы волнующие слова, а за то только, что это — стихи. Виртуозность инструментовки при кажущейся простоте, музыкальность, напевность (что проявилось и в его замечательных переводах французского поэта Верлена), связь с народной традицией и искусная огранка стиха характерны для Сологуба, «удивительно талантливого поэта», по словам М. Горького[1].

Но на грозных перепадах русской общественной жизни Федор Сологуб не оставался просто художником-алхимиком, равнодушным артизаном, затворившимся в «башне из слоновой кости». Это иллюстрируется, в частности, его произведениями, написанными на гребне первой русской революции.

Надо сказать, Сологуб разделил в этом смысле настроения широкой общественности, в том числе и некоторых бардов символизма. В 1905 году, в первой большевистской газете «Новая жизнь» Н. Минский публикует стихотворный «Гимн рабочих», начинающийся словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Революционные мотивы вторгаются и в поэтическую книгу Андрея Белого «Пепел» (1905), и в сборник В. Брюсова «Стефанос» («Венок», 1906), и в написанный в Париже цикл стихов К. Бальмонта «Песни мстителя» (1907). В этом ряду и Федор Сологуб, автор «Политических сказочек» (1906) и стихотворной книги «Родине» с красными знаменами на обложке (1906).

Опять-таки надо оговориться, что для Сологуба остросоциальные произведения не были данью моменту или моде. И, скажем, его стихи о революционерах («Догорало восстание...», «Спутники») или о жертвах карателей («Простая песенка», «Искали дочь», «В день погрома») подготовлены всем жизненным опытом писателя, этого «декадента из кухни», «подвального Шопенгауэра», как называли его критики. Если Д. Мережковский был сыном [illegible] чиновника, если А. Блок, Андрей Белый происходили из благополучных обеспеченных профессорских семей, то Сологуб вышел из самых нижних низов и с юных лет всей своей кожей ощущал неправедность общественного уклада и отвергал его:

Стоит пора голодная,
Край в лапах нищеты.
Отчизна несвободная,
Бездомная, безродная,
Когда ж проснешься ты?

Когда своих мучителей
Ты далеко сметешь,
И с ними злых учителей,
Тебе твердящих ложь?

Стихотворение это, написанное в 1891 году, еще раз подтверждает, что у Сологуба всегда было «всё». И когда «несвободная, бездомная» отчизна проснулась, поэт громко приветствовал ее. По сути, прокламацией в образах является, например, «сказочка» Сологуба «Телята и волк». Телята и козлята, настрадавшиеся от волка, внимают «хитрому слову» «заморского немца»—«В единении сила». Несмотря на уговоры «благоразумных» старших, «удалой» теленок ведет за собой молодежь: «пошли они в лес к серому волку, окружили его нечистое логовище, забили копытами все

[1] Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 30. М., 1955. С. 57.

вочные семейство». «Да и хорошо сделал»,— замечает автор о теленке-вожаке. Острозлободневным смыслом напитаны и другие «сказочки» — «Нетопленые печи», «Черемуха и вонючка», «Черное слово». Как и многочисленные сатирические стихи Сологуба, «сказочки» печатались в журналах «Зритель», «Сигнал», «Адская почта», «Молот». «Его жалящие пародии на духовенство и власть были широко распространены в Петербурге»,— писал позднее Андрей Белый.

В этой выпрямляющей общественной атмосфере появляется роман «Мелкий бес», принесший Сологубу заслуженную славу.

5

«Я не был поставлен в необходимость сочинять и выдумывать из себя; все анекдотическое, бытовое и психологическое в моем романе основано на очень точных наблюдениях, и я имел для моего романа достаточно «натуры» вокруг себя...

Нет, мои милые современники, это о вас я писал мой роман о Мелком Бесе и жуткой его недотыкомке, об Ардалионе и Варваре Передоновых, Павле Володине, Дарье, Людмиле и Валерии Рутиловых, Александре Пыльникове и других. О вас».

Так заявил Федор Сологуб в предисловии ко второму изданию романа.

Настаивая на сугубо реалистической, даже фотографической основе своего произведения, писатель опирался на собственный десятилетний опыт тяжелой работы провинциальным учителем, на выстраданные впечатления о засасывающей, умерщвляющей рутинной и [illegible] жизни, [illegible] глупости и бездарности. Однако под пером Сологуба образы [illegible] его уродов, выписанные с натуралистической дотошностью, возвышаются до символического обобщения, где все метко утрировано, заострено, доведено до кошмара, нелепости, патологии.

В изображении главного героя автор пристрастен и тенденциозен. Он не прощает ему ничего, подмечает каждую сделанную им пакость и не страшится давать Передонову «от себя» прямых публицистических оценок: «Его чувства были тупы, и сознание его было растлевающим и умерщвляющим аппаратом. Все доходящее до его сознания претворялось в мерзость и грязь. В предметах ему бросались в глаза неисправности и радовали его. Когда он проходил мимо прямостоящего и чистого столба, ему хотелось покривить его или испакостить. Он смеялся от радости, когда при нем что-то пачкали. Чисто вымытых гимназистов он презирал и преследовал... Неряхи были для него понятнее. У него не было любимых предметов, как не было любимых людей,— и потому природа могла только в одну сторону действовать на его чувства, только угнетать их... Быть счастливым для него значило ничего не делать и, замкнувшись от мира, ублажать свою утробу» и т. д.

При всем том Передонов не мелкая сошка, вымещающая на беспомощных свою злобу. Он статский советник, т. е. чиновник пятого класса, занимающий в табели о рангах место между полковником и генерал-майором. И вот этот статский советник, этот дворянин ходит по квартирам и сладострастно сечет гимназистов, с восторгом наушничает и пишет доносы на директора школы и сослуживцев, замысловато издевается над своей сожительницей Варварой, вдохновенно гадит квартирной хозяйке и даже собственной прислуге (тайком на кухне съедает кулек изюма, а потом обвиняет ее в воровстве). Он не читает книг и газет, сжигает в печке сочинения Писарева (а заодно и «Отечественные записки»), гордится своим невежеством, считая это первым признаком патриота. И в гимназии превращает учебу в бессмысленную муштру.

Передонов прежде всего — раб, раб, считающий свое состояние рабства единственно естественным и даже наслаждающийся им. Без разрешения начальства он страшится шагу ступить и обходит значительных лиц города с единственной целью — убедить всех в собственной благонадежности. Рабское начало подавляет в нем все остальное. Вот, готовясь закурить, Передонов вдруг видит городового и «робко» обращается к нему:

« — Господин городовой, здесь можно курить?

Городовой сделал под козырек и почтительно осведомился:

— То есть, ваше высокородие, это насчет чего?

Папиросочку,— пояснил Передонов,— вот одну папиросочку можно выкурить?

— Насчет этого никакого приказания не было,— уклончиво ответил городовой.

— Если не было, так я и не стану,— сказал покорно Передонов.— Я благонамеренный. Я даже папироску брошу. Ведь я — статский советник».

Таков этот воспитатель юношества, педагог, наставник молодежи. Кажется, все язвы и уродства старой гимназии воплотились в этом холопе-бюрократе, совмещающем в себе черты «человека в футляре» и Иудушки Головлева. Недаром В. И. Ленин, обличая бюрократизм и казенщину в деле народного образования, назвал одного из реакционных чиновников Министерства народного просвещения «заслуженнейшим Передоновым»; в другой статье Ленин требовал изгнания из дореволюционной школы «передоновщины» [1]. Передонов сделался нарицательным именем, стал символом всего косного, человеконенавистнического, мерзкого в русской общественной жизни 1900-х годов.

Вместе с тем надо сказать, что если бы роман «Мелкий бес» и его главный персонаж Ардальон Борисович Передонов имели бы только познавательное, чисто историческое значение, книге, скорее всего, суждено было бы остаться лишь материалом для узкого круга исследователей канувшей в лето эпохи. Но нет, живой интерес к произведению Сологуба, очевидно, объясняется тем, что Передонов и передоновщина носят более широкий характер, выходят далеко за рамки своего времени.

Высокая, гоголевская традиция явно ощутима в изображении глухого угла старой России и его обитателей. Она высвечивает все омертвевшее в человеке, являя нам сонм масок: «сестры» Передонова Варвары Малошиной, которая женит его на себе, шантажируя протекцией некоей княгини и выдуманным инспекторским местом; учителя ремесла в городском училище «барина» Володина, которого Передонов убивает ножом; «отпов города» — предводителя дворянства Верина, прокурора Авиновицкого, исправника Миньчукова и т. д. Здесь самые фантастические предположения и нелепые доказательства представляются героям убедительными и правдоподобными, здесь символом жизни Передонова и всего городка становится «недотыкомка» — уже не Мефистофель, даже не булгаковский Воланд, а мелкий, подленький бес.

Все доброе, светлое, красивое подвергается в этом мире унижению и растлению («и воистину в нашем веке надлежит красоте быть попранной и поруганной»,— замечает автор). Да и не удивительно, раз это мир мертвецов, трупов. Именно жуткой пляской механических людей, трупов видится танец Передонова и Володина в изгаженной ими квартире: «Они плясали под петлей, и оба нелепо вскидывали ноги. Пол издрагивал под тяжкими стопами Передонова». Причудливо сочетая в своем творчестве черты реализма и модернизма, Сологуб явился предшественником «новой» литературы Запада, в которой человек чувствует себя в плену страшных сил,

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 210.

ощущает себя марионеткой, управляемой принципиально непознаваемыми явлениями.

«Мелкий бес»— вершина творчества Федора Сологуба. А. Блок назвал автора «законным преемником Гоголя», а о романе отозвался, что он «готов сделаться достоянием народным»[1]. В то же время Блок обращал внимание читателя на то, что и рассказы Сологуба «должны быть оценены по справедливости». От себя добавлю, что лучшие рассказы Сологуба — о детях.

6

Двадцать пять лет отдал Сологуб школе, выйдя в отставку в 1907 году. Как педагог он превосходно знал о положении «детей в форме», темпераментно выступал в статьях и фельетонах против истязания гимназистов, против рутинной школы, от которой «мертвечиной веет». Дети противопоставляются им миру взрослых — как некий «потерянный рай», как незамутненный (пока еще!) источник душевной чистоты:

Живы дети, только дети,—
Мы мертвы, давно мертвы...

Тема эта Сологубу очень дорога, и он возвращается к ней постоянно, почти маниакально. И в фантасмагорическом темном царстве «Мелкого беса» дети — единственный светлый лучик: «Только дети, вечные, неустанные сосуды божьей радости над землей, были живы, бежали...» И совсем не случайно А. Блок так высоко оценил страницы в романе, где показаны невинные любовные игры гимназиста Саши Пыльникова и девицы Людмилы Рутиловой: «Здесь все чисто, благоуханно и не боится солнечных лучей»[2]. Однако и этот «родник нескудеющей чистоты и прелести», говоря словами поэта, лишь резче оттеняет общий мрак за окном Людмилиной комнаты. Завтрашний Саша, как и другие юные персонажи «Мелкого беса», изменится, станет, «как все», т. е. погибнет душой.

Столкновение ребенка, подростка с реальностью, непримиримый, зачастую трагический конфликт с ней — вот содержание многих рассказов Сологуба, в том числе одного из лучших —«Свет и тени».

Двенадцатилетний мальчик Володя заворожен миром теней, силуэтов, образующихся на освещенной стене от складываемых разными способами рук. Его детская бескомпромиссность не приемлет постылой обыденности, огражденной стенами. Мать вначале пытается отвлечь Володю от его химер, вернуть в сиюминутность, но затем и сама уходит с ним в этот фантастический мир. «Она поверяет свою душу, вспоминает свою жизнь — и видит ее пустоту, ненужность, бесцельность... Одно только бессмысленное мелькание теней, сливающихся в густеющих сумерках. «Зачем я жила? — спрашивает она себя: — для сына? Чтобы и он стал добычею теней, маниаком с узким горизонтом, прикованный к иллюзиям, к бессмысленным отражениям на безжизненной стенке? И он тоже войдет в жизнь и даст жизнь ряду существований, призрачных и ненужных, как сон». Рассказ завершается драматической капитуляцией, трагической победой жизни теней над тенями жизни: мать с мальчиком сидят по вечерам у освещенной стены, рассматривают возникающие отражения и что-то тихо говорят друг другу: «В глазах их светится безумие, блаженное безумие».

---

[1] Блок А. Собр. соч. Т. 5. М.— Л., 1962. С. 285.
[2] Блок А. Собр. соч. В 8 т. Т. 5. С. 127.

Впрочем, большинство рассказов о детях и подростках заканчивается трагически, бросается в Неву недавний «бедный мальчик» Игумнов («Улыбка»); гибнет раздавленный тупой и бессмысленной толпой пятнадцатилетний гимназист Леня («В толпе»); умирает после простуды прелестная маленькая Лелечка, а ее мать сходит с ума («Прятки»); уходит из жизни сиротка Леша, от которого стремится избавиться его «черная мама» — свирепая мачеха («Белая мама») и т. д. Смерть выступает здесь разрешительницей всех противоречий и в большинстве случаев — избавительницей от непомерных мучений и социальной несправедливости.

Даже во многих лучших произведениях Сологуба, в борении полярных начал, преобладает сугубо пессимистический взгляд на жизнь. И воздействие его лишь усиливается в 1900-е годы. Определенную роль сыграло здесь и личное несчастье. В 1907 году Сологуб потерял любимую и единственную сестру, которая скончалась от наследственной чахотки. Под впечатлением этой утраты Сологуб пишет свое знаменитое стихотворение «Чертовы качели», а затем драму, посвященную сестре, с характерным заглавием — «Победа смерти». Он вступает в полосу творчества, которая вызвала наиболее противоречивые оценки и вехой которой можно считать начатый в 1907 году роман «Навьи чары» — из трилогии «Творимая легенда».

Наступившая вслед за поражением первой русской революции общественная реакция заметно сказалась и на духовной жизни — в росте мистических настроений, богоискательства, в уходе от жгучих социальных проблем. «Властителями дум» определенной части интеллигенции становятся М. Арцыбашев и Ан. Каменский, под видом освобождения [illegible] разврат, культ насилия, анархическую [illegible] критика резко отзывается о «литературном [illegible] Федора Сологуба, автора «Навьих чар» (например, [illegible] «Появ после битвы»).

Вместе с тем русская культура [illegible] десятилетия в целом вовсе не была упадническою. Именно в эти годы М. Горький создает свои значительнейшие произведения — «Городок Окуров», «По Руси», первую книгу автобиографической трилогии «Детство», раскрывается реалистический талант И. Бунина, автора «Деревни» и «Суходола», заявляют о себе И. Шмелев, А. Толстой, Б. Зайцев, И. Сургучев. На эту пору падает расцвет поэзии А. Блока, Андрея Белого, В. Брюсова и начало творчества В. Маяковского. Выдающихся достижений добиваются русская живопись, музыка, театральное и оперное искусство и т. д.

Произведения Сологуба этих лет также не были лишь данью упадничеству. Но в очень конкретных условиях нашей общественной жизни роман «Навьи чары» и его герой-«социалист» Триродов вызвали закономерные упреки в болезненности фантастики, в мистике и эротике. Хотя Сологуб, на самом деле (и это сейчас, по прошествии определенного времени, особенно очевидно), только развивал свою любимую антитезу, проходящую через все его творчество. «В его писаниях,— замечал К. Чуковский,— вечная, в сущности, схватка Триродова и Передонова, этих двух мировых начал, единственных, которые известны ему,— и странно следить, с каким однообразием во всех своих драмах, трагедиях, притчах, новеллах, стихах, рассказах, статьях и сказках, на тысяче арен под тысячью личин, Сологуб изображает все тот же, все тот же турнир, все тех же непримиримых противников» [1].

---

[1] Чуковский К. Путеводитель по Сологубу //Собр. соч. Т. 6. М., 1969. С. 343—344.

Действительно, поэт, педагог и «маг» Триродов — это антипод Передонова, утонченное «я» самого Сологуба. Но и он — живой мертвец, герой фантасмагории (некий предшественник Фантомаса): совершенно лысый, передвигающийся механически, словно автомат, и наделенный таинственной властью над людьми, способностью творить «навьи» (т. е. мертвые) чары. Над воротами в его подземные чертоги — чисто кладбищенская надпись: «Вошли трое, вышли двое». Сологуб верил (или, по крайней мере, утверждал, что верит), будто человек после смерти проходит ряд превращений по ступеням, восходящим к искомому совершенству. И где-то, в мирах иных отставной коллежский асессор Триродов становится королем островов Балеарских и Цитиузских, а его подруга Елизавета — королевой Ортрудой.

В этом утопическом романе (пожалуй, наиболее слабом художественно у Сологуба) ощутимо и принципиальное неприятие урбанизации, наступающего городского уклада, технического прогресса, который разрушает идеальный мир и спасение от которого, по мысли писателя,— только в мире иллюзий, мечты, в своего рода реакционном романтизме. Те же мотивы отрицания надвигающейся эры индустриализма наблюдаются в других произведениях Сологуба — пьесах «Заложники жизни» (1912) и «Любовь над безднами» (1914), в рассказе «Звериный быт» («в городе наших дней, великолепном Содоме, возрождается древний зверь и хочет властвовать»), в романе «Заклинательница змей» (1921) и т. д.

Конфликты, которые сделаются много позднее достоянием литературы Запада, в частности литературы экзистенциализма, угадываются в трагическом мироощущении писателя, передающего невозместимость износа всех привычных духовных ценностей. Так, в гротескно-фантастическом рассказе «Маленький человек», который К. Чуковский назвал «изумительным», находит не просто завершение, а некое «выпадение» и ущербный конец целая традиция русской литературы XIX века.

Вместе с тем, на другом полюсе его творчества, в поэзии, именно в 1910-е годы у Сологуба нарастают мотивы приятия жизни и наслаждения ее радостями. Это нашло выражение, к примеру, в книге стихов 1913 года «Очарование земли».

С наступлением великих исторических катаклизмов, революционных потрясений 1917 года творчество Сологуба — плодовитого романиста, рассказчика, драматурга — практически исчерпывает себя.

8

Октябрьскую революцию Сологуб не принял. Но в неприятии своем сохранил специфическую позицию, резко отличную от политических противников.

«Я не принадлежал никогда к классу господствовавших в России и не имею никакой личной причины сожалеть о конце старого строя жизни,— писал он в неопубликованной статье «Что делать?».— Но я в этот конец не верю. Не потому, что мне нравится то, что было, а просто потому, что в новинах наших старина слышится мне наша. Я поверил бы в издыхание старого мира, если бы изменилась не только форма правления, не только строй внешней жизни, но и строй души. А этого как раз и нет нигде и ни в ком» [1].

Давний пессимизм, таким образом, был распространен Сологубом и на радикальные социальные перемены, происходившие в новой, уже Советской России. Первое время он намеревался выехать за границу, обратился к В. И. Ленину с просьбой предоставить ему эту возможность. Но после того, как жена и близкий друг Сологуба — Анастасия Николаевна Чеботаревская в приступе меланхолии покончи-

[1] Цит. по статье О. Цеховицера в кн.: Сологуб Федор. Мелкий бес. М.— Л., 1933. С. 9.

[illegible] с собой, бросившись осенью 1921 года в Неву с Тучкова моста, он уже не захотел уезжать. Лишь постепенно возвращается Сологуб к активной работе: как поэт и переводчик. В стихах его начинают преобладать спокойные и даже светлые тона примирения с жизнью и признания правоты всего, что свершается в ней.

Что дальше, всё чудесней
Цветет наш мир земной,
В лесу — лесною песней
И в поле — полевой.

Земля не оскудела,
Кропя росою прах,
И творческое дело
Свершается в веках,

И песня льется снова
На весь земной простор,
[illegible]
Восходит звучный хор.

В Петрограде, а затем — в Ленинграде Сологуб окружен уважением и почетом: как патриарх словесности, как член правления (а с 1926 года председатель) Союза ленинградских писателей, как мастер слова и признанный литературный авторитет. Но и сам Сологуб, и окружающие его, особенно молодые писатели, чувствуют, что он доживает, донашивает свою [illegible].

В своей превосходной (и по сию пору, на мой взгляд, не оцененной по достоинству) книге «Горький среди нас» К. Федин вспоминал о последних днях Сологуба.

«Как-то раз Сологуб ска[illegible]

— Я знаю точно, от чего [illegible]

— Что это такое?

— Декабрит — это [illegible]

И правда, он накликал на себя свой «декабрит»: в декабре двадцать седьмого года, прикованный к постели одышкою, в темном углу, за шкафом, он едва слышно выговаривает по слову...

О, если бы немного полегче вздохнуть!— выдавливает он с мукой.

Глаза его потеряли всю стеклянную трезвость и горят, сарказм исчез, жизнь, жизнь трепетала в его тоске о легком дыхании. Он спорил, отчаянно, исступленно спорил с могилой. Страх смерти заслонил былой страх жизни, и, приближаясь к могиле, он словно оживал, и уже лицо его не напоминало адамовой головы, и ничего нельзя было в нем увидеть, кроме надежды — быть, быть, быть!

— Скоро я к вам в Союз приду в деревянном сюртуке,— сказал он мне на прощание.

И он действительно, в том же декабре, пришел в Союз писателей и пролежал сутки — день и ночь — на столе, в своем деревянном сюртуке. Я продежурил около него бесконечную ночь, и мне казалось, что новое его лицо говорило, что он, в сущности, очень любил жизнь, а свою несчастную игру со смертью проиграл и сдается» [2].

Олег Михайлов

Декабрь Сологуб ненавидел давно; в стихотворении 1913 года писал: «Каждый год я болен в декабре, не умею я без солнца жить... Тьма меня погубит в декабре. В декабре я перестану жить» *(О. М.)*.

Федин К. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М., 1967. С. 133 - 134.

КОММЕНТАРИИ

Один из ведущих мастеров русской литературы конца XIX — начала XX в, Федор Сологуб широко и известен как поэт и прозаик. «Это был самый неровный поэт из всех, каких я встречал в своей жизни,— писал о нем в 1968 году Корней Чуковский.— Наряду с чудесными стихами, классически прекрасными по форме, он написал целые сотни плохих, — то нестерпимо банальных, то вычурных. О его прозе можно сказать то же самое: она была то очень хороша, то безнадежно плоха.

Иногда казалось, что есть два Сологуба: один — сильный и взыскательный мастер благородного, новаторски смелого стиля, другой — графоман и ремесленник».

В настоящее издание [illegible] роман «Мелкий бес», вызвавший сразу же после опубликования восторженные [illegible], а также лучшие рассказы писателя, созданные им на протяжении многих лет жизни и творчества.

МЕЛКИЙ БЕС

Главы романа (18—23) были опубликованы в 1905 г. в журнале «Вопросы жизни» (№ 6—11). [illegible] роман впервые вышел отдельным изданием в издательстве [illegible] в Берлине в 1907 г. Печатается по тексту: Ф. Сологуб, «Мелкий бес», Кемеровское книжное издательство, 1958 г.

РАССКАЗЫ

Свет и тени. Впервые напечатан в журнале «Северный вестник» в 1894 г. (№ 12). Печатается по изданию: Собрание сочинений (1—20), «Сирин», Спб., 1913—1914, т. III.

Червяк. Впервые напечатан в журнале «Северный вестник» в 1896 г. (№ 6). Печатается по изданию: Собрание сочинений (1—20), «Сирин», Спб., 1913—1914, т. III.

Задор. Впервые напечатан в журнале «Север» в 1897 г. (№ 21). Печатается по изданию: Собрание сочинений (1—20), «Сирин», Спб., 1913—1914, т. XI.

Улыбка. Впервые напечатан в журнале «Север» в 1897 г. (№ 46). Печатается по изданию: Собрание сочинений (1—20), «Сирин», Спб., 1913—1914, т. III.

Превращения. Впервые напечатан в журнале «Воскресенье» в 1904 г. (№ 1). Печатается по изданию: Собрание сочинений (1—20), «Сирин», Спб., 1913—1914, т. XI.

Маленький человек. Печатается по изданию: Ф. Сологуб, Истлевающие личины. (Книга рассказов), К-во «Гриф», М., 1907.

Голодный блеск. Впервые напечатан в газете «Речь» в 1907 г. (22 июля). Печатается по изданию: Собрание сочинений (1—20), «Сирин», Спб., 1913—1914, т. XI.

В голпе. Впервые напечатан в газете «Биржевые ведомости» в 1907 г. (26 27 апреля). Печатается по изданию: Собрание сочинений (1—20), «Сирин», Спб., 1913-–1914, т. VII.

Обыск. Впервые напечатан в сборнике «Новое слово» в 1908 г. (книга 3). Печатается по изданию: Собрание сочинений (1—20) «Сирин», Спб., 1913—1914, т. XI.

Лоэнгрин. Впервые напечатан в газете «Речь» в 1911 г. (25 декабря). Печатается по изданию: Собрание сочинений (1—20), «Сирин», Спб., 1913—1914, т. XIV.

Звериный быт. Впервые напечатан в сборнике «Земля» в 1912 г. (книга 8). Печатается по изданию: Собрание сочинений (1—20), «Сирин», Спб., 1913—1914, т. XIV.

РОМАН ШИРОКИЙ, СВОБОДНЫЙ

...Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

В. И. Ленин

В историю русской и мировой романистики Лев Толстой вошел как автор трех великих романов — «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». Каждый из них знаменует новый этап в идейном и творческом развитии писателя. И каждый из них принадлежит к вершинным достижениям отечественной и мировой литературы минувшего века.

Менее десяти лет отделяют «Анну Каренину» (1877) от «Войны и мира» (1869). «Воскресение» отделено от «Анны Карениной» двумя десятилетиями. И хотя многое отличает третий роман Толстого от двух предыдущих, их объединяет широчайший, истинно эпический размах в изображении жизни, редкое умение автора «сопрягать» отдельные человеческие судьбы с целым эпохи.

Толстой сам указывал на внутреннее единство своих романов; он говорил, что «Воскресение» написано в «старой манере», имея, прежде всего, в виду [illegible], в которой были написаны «Война и мир» и «Анна Каренина».

Лишь поверхностный взгляд может утверждать, что, создавая роман «Война и мир», [illegible] от современности в историю. В действительности же само обращение писателя к истории было вызвано противоречиями бурных 60-х годов, когда в России, как скажет позднее один из главных героев романа «Анна Каренина», все «переворотилось» и только начинало «укладываться». Пореформенная Россия вступала на путь капиталистического развития, и, круто ломая все старые порядки, «укладывался» в ней буржуазный строй.

Воссоздавая в «Войне и мире» грандиозные картины сравнительно недавнего исторического прошлого, Толстой показывал, на какие чудеса героизма ради спасения родины способен народ, даже если он скован цепями крепостничества.

Роман «Анна Каренина» поразил читателей полнотой воспроизведения картин современной действительности и воспринимался как художественная энциклопедия русской пореформенной жизни.

По признанию писателя, «мысль семейная» в этом романе была его любимой мыслью, подобно тому, как «мысль народная определила замысел «Войны и мира»[1]. Но «мысль семейная» в романе «Анна Каренина» соотносится с «мыслью народной», ею поверяет-

[1] См.: Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891.—М., 1928, с. 37.

ся и в значительной мере определяется. Одного из главных героев этого романа — Константина Левина — Толстой приводит на грань разрыва с дворянским классом. Все беды, несчастья, тревоги пореформенного времени, по мысли Левина, вызывались тем, что народ не только не получил свободы после реформы 1861 года, но знал в еще более тяжкое закрепощение. «И так сложилось общество,— говорит брат Левина Николай,— что чем больше они (крестьяне.— *К. Л.*) будут работать, тем больше будут наживаться купцы, землевладельцы, а они будут скоты рабочие всегда. И этот порядок нужно изменить...»

Константин Левин в душе был согласен с братом, но боялся расстаться с полученной «по наследству» землей, с сословными привилегиями. Он обдумывал проект «мирной революции», надеялся на «полюбовное» разрешение конфликта помещика и крестьянина. Но жизнь по[illegible]

Главный герой романа «Воскресение» вступает на путь открытого разрыва с господствующими классами, осуждает в корне существующий строй, называя его «людоедским», с симпатией относится к политическим заключенным, ведущим борьбу за освобождение народа от всех вид[illegible]

Пьер Безухов и Андрей Болконский в «Войне и мире», Константин Левин в «Анне Карениной» и Дмитрий Нехлюдов в «Воскресении» наиболее близки автору из всех действующих лиц его романов. Толстой не только симпатизирует всем четверым, но нередко [illegible] или иные события, оценить [illegible]

Каждому из них присущи важнейшие черты толстовского положительного [illegible] высочайший уровень нравственных требований к себе и другим, стремление осуществить принципы деятельного добра, поиски путей к сближению с народом,— в нем они видят решающую силу исторического развития и перед ним считают себя в неоплатном долгу за привилегии, коими пользовался их дворянский класс в течение столетий.

Сохраняя эти характерные черты толстовского положительного героя, князь Дмитрий Иванович Нехлюдов в то же время выступает как типичный герой «послепереломного» творчества Толстого, выразив свойственные ему противоречия, сильные и слабые стороны его взгл[illegible]

Роман «Воскресение» Толстой начал писать спустя десятилетие после пережитого им духовного переворота, о котором он рассказал в «Исповеди», опубликованной в 1881 году. «Со мной,— говорит здесь писатель,— случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл... Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представилась мне единым настоящим делом... Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь...» Идеалом для Толстого стала «жизнь простого трудового народа — того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей».

Главной причиной этого переворота, оказавшего громадное влияние на Толстого как художника, мыслителя, публициста, общественного деятеля, явилась, как пишет В. И. Ленин, «острая ломка всех «старых устоев» деревенской России». Она «обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его миросозерцания»[1].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 39.

В статьях о Толстом и других работах Ленин дал яркую характеристику положения пореформенной русской деревни. Он писал: «Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря «дешевому труду» разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность»[1].

Видя, какие мучения несет народу «укладывающийся» в стране буржуазный строй, Толстой испытывал чувство горькой обиды и боли за трудового человека, особенно за крестьянина.

В начале 80-х годов Толстой переезжает из Ясной Поляны в Москву. К этому времени в его семье было восемь детей. Чтобы дать им образование, писатель становится городским жителем.

«Я всю жизнь прожил не в городе... Я знаю деревенскую бедность, но городская была для меня нова и непонятна». Этим признанием Толстой начинает свой знаменитый трактат «Так что же нам делать?», опубликованный в середине 80-х годов и содержавший суровое обличение буржуазно-аристократического общества, его политических и экономических порядков, его науки и искусства, морали и нравственности.

Чтобы поближе узнать жизнь большого города, Толстой принимает участие в переписи московского населения, проводившейся в 1882 году.

Он выбрал район Проточного переулка, вблизи Смоленской площади, где находилась так называемая «Ржанова крепость» (или «Ржанов дом») — приют страшной нищеты. О том, что писатель здесь увидел, он рассказал в статье «О переписи в Москве». Сердце его «обливалось кровью и наполнялось отчаянием». Обращаясь к чувству сострадания «достаточных... просвещенных людей», Толстой призывал их сделать все для того, чтобы в столице не было «ни одного раздетого, ни одного голодного, ни одного проданного за деньги человеческого существа, ни одного несчастного, задавленного судьбой человека, который бы не знал, что у него есть братская помощь».

Прошло немного времени, и писатель понял, что этот его призыв к богатым и власть имущим остался гласом вопиющего в пустыне.

«...Страдания о несчастиях, несправедливости людей, о бедности их, о заключенных в тюрьмах, о злобе людей, об угнетении — все это действует на его впечатлительную душу и сжигает его существование»[2] — так С. А. Толстая охарактеризовала тогдашнее настроение и самочувствие писателя.

Источником подобных настроений служила русская пореформенная жизнь, какой она стала к началу 80-х годов. «Переполненная Сибирь, тюрьмы, войны, виселицы, нищета народа, кощунство, жадность и жестокость властей...» — перечисляет Толстой в письме к Н. Н. Страхову (июнь 1881 г.) причины, толкнувшие революционеров-народовольцев на убийство царя Александра II.

Пройдет еще несколько лет, и Толстой составит и запишет в дневнике впечатляющий «обвинительный акт» самодержавию: «Думал, вот 7 пунктов обвинительного акта против правительства. 1) Церковь, обман, суеверия, траты. 2) Войска, разврат, жестокость, траты. 3) Наказание, развращение, жестокость, зараза. 4) Землевладение крупное, ненависть бедноты города. 5) Фабрики — убийство жизни. 6) Пьянство. 7) Проституция».

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 39.

[2] Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891.— М., 1928, с. 44.

Эта дневниковая запись воспринимается как творческая программа, над осуществлением которой Толстой работал в 80-е и последующие годы. Она легла в основу и публицистических и художественных его произведений, проникнутых убеждением писателя в том, что жизнь общества в «старых формах» продолжаться не может, что неотвратимо приближается время «развязки» социальных противоречий и конфликтов.

«Какая будет развязка, не знаю, — писал Толстой в 1892 году единомышленнику и другу Г. А. Русанову,— но что дело подходит к ней и что так продолжаться, в таких формах, жизнь не может,— я уверен».

Тремя годами ранее тому же корреспонденту Толстой доверительно сообщал о своем намерении написать большое художественное произведение о современности: «Иногда хочется все-таки писать и, представьте себе, чаще всего именно роман, широкий, свободный, вроде «Анны Карениной», в который без напряжения входило бы все, что кажется мне нужным [illegible] о жизни, необычной и полезной людям сторонах».

Мысль о «[illegible]» романе все больше захватывала Толстого. В январе 1891 года в дневнике отмечено: «Стал думать о том, как бы писать [illegible] по-новому [illegible][1], освещая его [illegible]. И подумал, что я мог бы соединить в нем все [illegible] о [illegible] которых я жалею...»

Далее Толстой [illegible] задуманных им художественных произведений, [illegible] так называемую «Кавказскую повесть», в которой последователи видят «зерно» романа «Воскресение».

Летом 1887 года [illegible] А. Ф. Кони рассказал Толстому случай из судебной практики — историю некой аристократки Розалии, женщины из [illegible] дома, обвиняемой в краже ста рублей у [illegible]. Трое судейских и присяжных заседателей оказались [illegible] Розалии. Он просил Кони, [illegible] председателя первого «падения» Розалии. Он просил Кони, [illegible] председательствующим прокурором Петербургского окружного суда, помочь ему поступить [illegible]. Чтобы спасти Розалию, он решил на ней жениться. Намерение это не осуществилось: она умерла в больнице от сыпного тифа.

Кони увидел здесь [illegible] нравственного закона, проявление «высшей справедливости». Толстой посоветовал ему написать рассказ об этой печальной истории, а через некоторое время попросил подарить ему ее «прелестный» сюжет («Очень хороша и нужна»). Кони охотно согласился.

Постепенно сюжетные рамки произведения, задуманного как «роман широкий, свободный», все более раздвигались. Когда «Воскресение» было завершено и опубликовано, Кони увидел, что все рассказанное им Толстому оставило в романе «некоторый след», дав чисто внешнюю канву для истории взаимоотношений его главных героев (до их встречи на суде).

Толстой работал над своим последним романом с необыкновенным увлечением. Это объяснялось не только масштабностью и серьезностью замысла («Многое важное надеюсь высказать. Оттого так и увлекаюсь»,— признается он в одном из писем 1898 г.), но и новизной чисто художественных задач.

Эпичность «Войны и мира» (судьба народа и Родины как главный предмет изображения) и романная форма «Анны Карениной»

---

[1] Длинный, большого дыхания *(франц.)*.

(судьба главной героини в основе сюжета) соединились в «Воскресении», образовав оригинальную художественную форму романа «большого захвата», «большого дыхания», как называет ее сам Толстой в письмах и дневниковых записях.

Еще в 70-е годы ему хотелось написать о путешествующем по России человеке.

Тогда же Толстой задумал написать сказку-памфлет о «дюлях» (перевернутое «люди»), живших где-то в «неизвестной середине Африки». Путешественник, от лица которого ведется рассказ, подробно изучает восемь главных сторон жизни «дюлей»: 1) браки и семья, 2) собственность, 3) суды, 4) администрация, 5) торговля, 6) обучение, 7) наука, 8) религия. Его поражает полная противоположность условий жизни, в которых находятся «дюли работающие, т. е. производящие что-нибудь новое посредством труда, и дюли разрушающие, уничтожающие».

Ни роман о человеке, путешествующем по России, ни сказка о «дюлях» не были написаны Толстым, но и они, подобно «Копевской повести», вошли в программу «Воскресения», вобравшую в себя многие творческие замыслы писателя.

Как и сказка о «дюлях», «Воскресение» построено по принципу резкого противопоставления людей двух миров.

В необыкновенно рельефных, резко контрастных сценах и картинах противопоставляются и сталкиваются в романе роскошная, корыстная, основанная на лжи и фальши господская жизнь и полная лишений, нужды, притеснений жизнь трудового народа.

В начале 90-х годов центральные губернии России сильно пострадали от неурожаев. Близко к сердцу приняв народное бедствие, Толстой много дней провел в голодавших деревнях Рязанской и Тульской губерний, устраивая столовые и организуя помощь крестьянам. В газетах появились тогда его статьи о голоде. В них не только описывалось положение пострадавших крестьян, но и резко осуждались правящие классы за равнодушие к судьбе народа, за пустую болтовню о пользе благотворительности.

В. И. Ленин высоко оценил эти выступления Толстого. «В 1892 году,— пишет Владимир Ильич,— Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается». Это была, действительно, нелепая идея»[1].

В статьях о голоде, создававшихся в те же годы, что и роман «Воскресение», Толстой так определил главную черту общественного строя царской России: «Есть господа и рабы. Одни уважаемы, другие презираемы. Это два совершенно различных разряда людей, две различные касты».

Эти слова Толстого можно поставить эпиграфом к «господским» и народным сценам «Воскресения», с такой точностью они определяют классовое устройство старой России.

В письмах «позднего» Толстого встречается термин «социальный роман». С полным правом его можно отнести к «Воскресению» — первому в нашей литературе роману, запечатлевшему острейшие социальные противоречия пореформенной, предреволюционной России.

Главный герой романа вынужден много ездить. Используя мотив «путешествующего героя», Толстой строит панорамную композицию романа, позволившую ему показать все «этажи» русского общества,

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 278.

[illegible] своего умного и рассуждающего Нехлюдова в разные сферы [illegible] государства.

Сталкиваясь с представителями то высшей чиновничьей, то военной, то церковной, то полицейской касты, Нехлюдов приходит к выводу, что они составляют единую корпорацию «людоедов», совершенно глухих, бесчувственных, «непромокаемых» к бедам и нуждам людей из народа. В нее входят «хозяева жизни», начиная от высших сановников — обер-прокурора синода, сенаторов, министров, губернаторов — и кончая тюремными начальниками. Все они считают себя «слугами закона» и в каждом «простом» человеке видят потенциального закононарушителя. В тесном союзе с ними находятся церковники, почитающие себя служителями бога, а на деле составляющие корпорацию духовных нахлебников трудового народа.

Необыкновенно многообразен и красочен показанный в «Воскресении» народный мир. [illegible] строители, рабочие на торфяных разработках, [illegible], прислуга — весь трудовой люд [illegible] как крестьянский люд, оторванный от [illegible] искать работу в городе.

О том, [illegible] говорит Нехлюдову извозчик, [illegible] встречают артель поденщиков.

«— И что [illegible] страсть,— сказал он, поворачиваясь [illegible] на артель деревенских рабочих [illegible] и мешками за плечами, шедших [illegible].

— Разве больше, чем в прежние года? — спросил Нехлюдов.

— Куда! Нынче так [illegible], что беда. Хозяева швыряются [illegible].

— Отчего же [illegible] в деревне?

— Нечего в деревне [illegible]. Земли нет».

Разговор этот служит ключом к деревенским сценам «Воскресения». Перечитывая их, нельзя не вспомнить слова Толстого: «Я не люблю писать жалостливо». И действительно, картины ужасающей нищеты и разорения, [illegible] пореформенной деревни поражают своим суровым [illegible], бесстрашием правды.

«Какая наша жизнь! [illegible] наша жизнь»,— говорит старик крестьянин в деревне [illegible], отвечая на вопрос Нехлюдова.

Подобно тому, как сам Толстой, организуя помощь голодавшим крестьянам, делал подворные обходы в деревнях, пострадавших от неурожая, герой его романа идет из одной избы в другую и убеждается в том, что бедствия народа стали непереносимыми.

Среди многих печальных картин, увиденных тогда Нехлюдовым, одна особенно поразила его. На деревенской улице он встретил женщину с младенцем на руках. У него было совершенно старческое, бескровное личико и тоненькие, похожие на червячки ножки. На голове младенца была надета скуфеечка из лоскутков. «Ребенок этот не переставая странно улыбался... Нехлюдов знал, что это была улыбка страдания».

Под впечатлением подобных встреч Нехлюдов сделал вывод: «... Совершенно ясно, что все бедствие народа или, по крайней мере, главная, ближайшая причина бедствия народа в том, что земля, которая кормит его, не в его руках, а в руках людей, которые, пользуясь этим правом на землю, живут трудами этого народа»..

По мере развертывания сюжета романа Нехлюдов, после своего нравственного прозрения, все глубже втягивается в острейший кон-

фликт между правящими классами буржуазно дворянского государства и угнетенным народом. Он выступает не как сторонний, равнодушный наблюдатель этого конфликта, а как человек, стремящийся до конца разобраться в причинах страданий народа, решивший искупить свой грех не только перед Катюшей, и не только перед разоренными крестьянами деревень Паново и Кузминское, а и перед всем обездоленным трудящимся людом.

Решившись порвать с привычными взглядами и убеждениями своей среды, Нехлюдов приобрел такую свободу суждений, какой не имел ни один из его предшественников — положительных героев из других романов Толстого.

Если Константин Левин еще только пытается понять, имеет ли серьезные основания непримиримо враждебное отношение народа к помещикам, то Нехлюдов ясно видит его причины. Левин искал и не нашел путей примирения интересов землевладельца и крестьянина. Нехлюдов решает передать свою «родовую» землю крестьянам на таких выгодных для них условиях, чтобы они получили «возможность быть независимыми от землевладельцев вообще».

Левин только мечтал о женитьбе на крестьянке и о «переселении» из усадьбы в крестьянскую общину. Нехлюдов отказывается от намерения жениться на девушке из аристократического общества, хочет связать свою судьбу с Катюшей Масловой и жить вне дворянской среды.

В поисках ответов на вопросы, которые ставит перед ним время, Нехлюдов идет [illegible], освобождаясь от груза предубеждений, ложных привычек, совершая для себя много открытий.

Решение искупить вину перед Катюшей было принято Нехлюдовым после основательной «чистки души», которую в другом месте романа Толстой называет душевной «стиркой».

«У некоторых [illegible] — эти перемены бывают особенно резки. И к таким людям принадлежал Нехлюдов».

Однако автор романа ни в какой степени не идеализирует своего героя. Более десяти лет какая-то «страшная завеса» скрывала от Нехлюдова преступность его поступков и всего образа жизни.

Князь Нехлюдов не принадлежит к людям, часто встречающимся в среде великосветской, аристократической. Но это не может служить основанием для отказа главному герою «Воскресения» в типичности.

Характеризуя сложную природу типического в классовом обществе, В. И. Ленин писал: «Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы остаются»[1].

О Нехлюдове можно сказать, что он является исключением из числа «групповых и классовых типов», к которым принадлежат господа Корчагины, Кригсмуты, Топоровы, Масленниковы, беспощадно обличаемые в «Воскресении».

«Во всех делах,— говорит Толстой о Нехлюдове,— он никак не совпадал с большинством». Речь здесь идет о большинстве людей того круга, с которым герой романа был связан узами происхождения и родства.

Характернейшая черта повзрослевшего Нехлюдова — колебания, сомнения в правильности принятых им решений. В одной из заметок к роману «Воскресение», сделанных в записной книжке 1895 года, Толстой говорит о Нехлюдове: «У него непостоянство *своего* и *светского*». Между этими полюсами в душе его шла постоянная

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 207.

борьба. Все хорошее и доброе, что изначально, от природы было присуще Нехлюдову, постепенно затемнялось и заглушалось тем, что прививали ему его воспитатели.

В студенческие годы Нехлюдов пережил то «восторженное состояние, когда в первый раз юноша не по чужим указаниям, а сам по себе познает всю красоту и важность жизни и всю значительность дела, предоставленного в ней человеку». Он поверил тогда в «возможность совершенствования и своего и всего мира» и решил посвятить этому великому делу все свои силы.

В это-то чудесное для него время Нехлюдов и встретился первый раз с юной Катюшей и испытал чувство поэтической влюбленности в нее, сливавшееся с охватившим все его существо чувством радости жизни.

В ту пору Нехлюдов обладал еще таким «цельным, решительным характером», что если б «ясно сознал бы свою любовь к Катюше», то «с своей прямолинейностью во всем» женился бы на ней, так как считал, что «нет никаких причин не жениться на девушке, кто бы она ни была, если только он любит ее».

За три года разлуки с нею Нехлюдов стал совершенно иным человеком. «Тогда, — говорит писатель, — он был честный, самоотверженный юноша, готовый отдать себя на всякое доброе дело, — теперь он был развращенный утончennый эгоист, любящий только свое наслаждение».

Очень подробно, детально [illegible] в романе причины и последствия этой происшедшей в Нехлюдове перемены. «Кончилось тем, — пишет Толстой, — что Нехлюдов [illegible] перестал верить себе и поверил другим».

В романе названы эти [illegible] знатные родственники, «высокопоставленные товарищи». [illegible] военные из близких к царскому двору гвардейских полков, из которых служат только богатые и знатные офицеры». По этому этому, замечает писатель, «присоединяется еще и развращающее богатство».

И вот встретились — «новый» Нехлюдов, сдавшийся, уступивший, предавший свои юношеские идеалы, и Катюша, еще более похорошевшая и полюбившая первой, возвышенной и ничем не защищенной любовью.

То, что случилось с ними в весеннюю «страшную ночь с ломавшимся льдом, туманом и... ущербным перевернутым месяцем», могло не случиться, если бы Нехлюдов не позволил жившему в нем «животному человеку» растоптать в его душе «духовного человека».

Размышляя над противоречиями натуры своего героя, Толстой записал в дневнике 1895 года: «...Думал о двойственности Нехлюдова. Надо это яснее выразить». В романе это выражено с полной ясностью не только в рассуждениях о том, что в душе Нехлюдова жили два человека — духовный и животный, — но и глубоком анализе борьбы между ними, в разоблачении психологии «животного человека».

Власть «животного человека» над мыслями, чувствами и поступками своего героя писатель назвал «сумасшествием эгоизма», подчеркнув, однако, что у Нехлюдова были возможности не подчиниться его власти.

Нехлюдов шел к Катюше, «как будто собираясь на преступление». В душе его «была буря».

Но стоило Нехлюдову вспомнить, как в подобных случаях поступают хорошо знакомые ему светские люди, и принцип «делай, как все» победил добрые чувства, жившие в его душе.

Двойственность натуры, по мысли писателя, присуща не только

с одними или многими, а всем людям. В Нехлюдове, «как и во всех людях, было два человека», утверждает Толстой.

Эта мысль получила развитие в знаменитом рассуждении автора «Воскресения»: «Люди как реки: вода во всех одинакая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет один, иногда другие и бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь все между тем одним и самим собою».

В реальной жизни, утверждал Толстой, нет ни святых, безгрешных людей, ни закоренелых злодеев, а есть «просто люди», способные и на хорошее и на дурное.

Суждения писателя о природе человека направлены против предвзятого, односторонне-схематического его изображения в литературе и искусстве. Из этих суждений вовсе не следует, что Толстой отказывался от четкой нравственной оценки изображаемых им людей. Их пафос был направлен также против теории прирожденной преступности, которая в то время, когда развертывается действие романа, принималась «за последнее слово научной мудрости».

Рисуя сцены суда над Катюшей Масловой, Толстой показывает, с какой иезуитской ловкостью использует эту антигуманную теорию товарищ прокурора, выступающий обвинителем. По его словам, Маслова с детства несла в себе «зародыши преступности» и поэтому не могла не отравить и не обокрасть купца Смелькова, которого он изобразил «русским богатырем, добродушным, доверчивым Садко — богатым гостем».

И хотя председатель суда и члены суда понимают, что обвинитель, будучи «ужасным болваном», «заврался», его витиеватая речь подействовала на присяжных заседателей, и они допустили ошибку в своем решении, не указав, что подсудимая не имела намерения лишить жизни купца Смелькова.

Эту ошибку присяжных сразу же обнаружили судьи, но, будучи людьми равнодушными, не захотели отменить неправильное решение, и Маслова была приговорена к каторжным работам с лишением «всех прав состояния».

Катюше в ту пору было 27 лет. Рассказывая историю ее жизни, писатель говорит, что это была самая *обыкновенная история.* Точно так же, как Катюша Маслова, гибли сотни других девушек, принадлежавших к «низам» общества.

Судьбу Катюши определили два пережитых ею «душевных переворота»: один был вызван подлым поступком Нехлюдова, отбросившим ее на самое «дно» жизни, а другой произойдет с нею тогда, когда, по дороге на каторгу, она встретит людей, которым поверит и которые помогут ее духовному возрождению.

В темную осеннюю дождливую, ветреную ночь Катюша прибежала к маленькой станции, чтобы увидеть Нехлюдова. И на какую-то долю минуты увидела его сквозь окно вагона первого класса. «Он в освещенном вагоне, на бархатном кресле сидит, шутит, пьет, а я вот здесь, в грязи, в темноте, под дождем и ветром — стою и плачу»,— подумала Катюша... и зарыдала». Она решила покончить жизнь под колесами поезда, «желание отомстить ему хоть своей смертью» завладело ее чувствами. Но тут она услышала, как в ней шевельнулся ребенок, его ребенок. Он помог ей справиться с отчаянием, но в душе ее возникли тогда новые представления о жизни и людях.

«С той страшной ночи она перестала верить в добро... Он, которого она любила и который ее любил,— она это знала,— бросил ее, наслa-

звалась ею и издевались над ее чувствами. А он был самый лучший из всех людей, каких она знала. Все же остальные были еще хуже. И все, что с ней случилось, на каждом шагу подтверждало это...

Все жили только для себя, для своего удовольствия, и все слова о боге и добре были обман».

С той поры она жила, утратив веру в добро и справедливость, в порядочность и честность людей. И все, что происходило с Масловой в дальнейшей жизни, укрепляло ее в этом убеждении.

Встречаясь в тюрьме с Катюшей после суда, Нехлюдов ужасается происшедшими в ней переменами. «Ведь это мертвая женщина»,— думал он, глядя на это когда-то милое, теперь оскверненное пухлое лицо с блестящим нехорошим блеском черных косящих глаз...» Чтобы эта «мертвая женщина» смогла *воскреснуть* и возродиться для новой жизни, нужны были какие-то особые, сильные средства.

В одном из писем Толстого (?) [illegible] годов есть слова: «... Человек, который может любить,— [illegible]. В этой мысли — ключ к пониманию характера главной героини романа «Воскресение». Даже самые страшные унижения человеческого и женского достоинства, пережитые Катюшей, не отняли у нее способности радоваться жизни, жалеть и любить людей.

Как на особенную черту характера Катюши Масловой Толстой указывает на ее постоянные [illegible] людям хорошее, на ее доброжелательство к [illegible]. «Милость эта, милая, исключительная особенность, [illegible] в губах, в немного косивших глазах и, главное, в [illegible] улыбающемся взгляде и в выражении готовности [illegible] во всей фигуре».

Самая привлекательная [illegible] — бескорыстие. Она почти никогда не просит [illegible] в тюрьму Нехлюдова сделать что-нибудь для нее. [illegible] тюремных подруг да по привычке, вынесенной [illegible] проституткой Любкой, попросила Катюша у Нехлюдова десять рублей на водку и папиросы. Уже во второе свидание с Нехлюдовым она просит его похлопотать за [illegible] Меньшову, сидящую вместе с сыном в остроге по [illegible], а также за других обездоленных и страдающих людей.

В тюрьме и по дороге в Сибирь Катюша с глубокой болью и горечью воспринимала жестокое отношение начальства к арестантам. На вопрос Нехлюдова — что она думает о положении народа — Катюша отвечает: «Я думаю, обижен простой народ... очень уж обижен простой народ».

Объясняя, чем привлекли к себе героиню романа политические ссыльные, Толстой пишет: «Она очень легко и без усилий поняла мотивы, руководившие этими людьми, и, как человек из народа, вполне сочувствовала им. Она поняла, что люди эти шли за народ против господ...» Общение с ними «открыло ей такие интересы в жизни, о которых она не имела никакого понятия. Таких чудесных людей, как она говорила, как те, с которыми она шла теперь, она не только не знала, но и не могла себе и представить». Под их благотворным влиянием Катюша вновь обретает веру в жизнь, в добро, в возможность счастья.

Так думает о революционерах, вместе с нею шедших на каторгу, человек из народа, Катюша Маслова. Но и герой романа, князь Нехлюдов, испытывает к ним чувство уважения, близко познакомившись с ними и убедившись в том, что «среди них считались обязательными не только воздержание, суровость жизни, правдивость, бескорыстие, но

и готовность жертвовать всем, даже своею жизнью ради общего дела».

Автор романа «Воскресение» не был сторонником революционного метода общественного переустройства, но, как верно говорит Горький, писателю «пришлось признать и почти оправдать в «Воскресении» активную борьбу»[1]. Горький отметил «справедливое, а потому и доброжелательное отношение Толстого к «государственным преступникам» и находил, что это «должно иметь огромное общественное значение»[2].

В четвертой и особенно в пятой редакциях «Воскресения» (их было шесть) автор романа открыто указывал на причины, заставлявшие революционеров народовольцев прибегать к крайним способам борьбы с самодержавием. «Если они убивали,— писал Толстой,— то они делали необходимое дело», как солдаты на войне, однако у них «мотивы были выше — благо народа»[3].

В окончательной редакции «Воскресения» политические ссыльные обрисованы не столь сочувственно, но и здесь писатель говорит о них как о людях очень высокой нравственности, посвятивших себя делу освобождения народа. Толстой в публицистических статьях, создававшихся в одно время с «Воскресением», называет их «самыми лучшими людьми» общества.

«Человек из народа» Катюша Маслова выходит замуж за революционера Симонсона. Этим определено все ее будущее.

Из эпилога романа мы ничего не можем узнать о будущем Нехлюдова. «Дело его с Катюшей было кончено. Он был не нужен ей, и ему это было и грустно и стыдно. Но не это теперь пугало его. Другое его дело не только не было кончено, но сильнее, чем когда-нибудь, мучало его и требовало от него деятельности».

Это дело — полное переустройство всей жизни человеческого общества, построенной на основании преступлениях против человечности. Приступая к этому делу, Нехлюдов признается, что оно представляется ему безнадежным. «Все то страшное зло, которое он видел и узнал за это время... все это зло... торжествовало, и не виделось никакой возможности не только победить его, но даже понять, как победить его».

Мы расстаемся с Нехлюдовым в тот момент, когда он пытается в Евангелии найти ответ на вопрос о том, как исправить зло жизни.

Подобный финал произведения не мог удовлетворить взыскательного автора. Роман был задуман как история «воскресений» каждого из его главных героев. В декабре 1898 года Толстой писал В. Г. и А. К. Чертковым: «Ваше одобрение обоих «Воскресений» мне очень приятно. Я завтра буду писать эпилог».

Но в эпилоге судьба главного героя не получила своего завершения, и, сообщив в конце романа, что «для Нехлюдова началась совсем новая жизнь», Толстой как бы пообещал читателям написать продолжение романа: «Чем кончится этот новый период его жизни, покажет будущее».

И действительно, в дневнике Толстого 900-х годов есть записи, свидетельствующие о намерении продолжить «Воскресение», показав «крестьянскую жизнь» Нехлюдова. Этот интересный замысел, как и многие другие замыслы «позднего» Толстого, остался неосуществленным.

Работая над «Воскресением», Толстой выражал надежду на то, что его роман найдет путь к миллионам читателей. «Я все пишу свое

---

[1] Горький М. История русской литературы.— М., 1939, с. 4.

[2] В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников.— М., 1960, т. 2, с. 57.

[3] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.— М., 1935, т. 33, с. 243.

совокупное — многим — письмо в «Воскресении»,— сообщал он друзьям в конце 1898 года, когда работа над романом была близка к концу.

По признанию Толстого, которое он сделал через год после появления в печати «Воскресения», самым близким его сердцу было «желание иметь своим читателем большую публику, рабочего трудящегося человека и подвергнуть свои мысли его решающему суду». Этот читатель, говорил Толстой, «составляет везде 9/10 всего человечества».

Явившись самым значительным и самым известным произведением русской и мировой литературы конца минувшего века, роман «Воскресение» нашел дорогу к тому читателю, к которому обращался Толстой.

Много мрачных, леденящих душу событий воспроизвел писатель на страницах «Воскресения». Но тем не менее его произведение глубоко оптимистично по своей внутренней природе, по главной идее.

Открывая роман изумительной картиной весеннего пробуждения природы, Толстой завершает ее словами: «... Весна была весною даже в городе»,— в том городе, по мощеным улицам которого вершит свой крестный путь Катюша Маслова.

По пути в здание суда Катюша как бы получила весточку весны, когда мимо ее уха, трепеща крыльями, пролетел голубь, обдав ее ветром. Много пройдет времени, прежде чем этот зов живой жизни приобретет другие очертания и судьба ее изменится к лучшему.

Верой в будущее, в грядущее возрождение и обновление страны и народа был полон Толстой, создавая свое последнее большое произведение.

Роман «Воскресение» появился в свет на рубеже двух веков. Александр Блок увидел в нем «завещание уходящего столетия новому»; Ромен Роллан назвал его «одной из прекрасных поэм о человеческом сострадании», а Луначарский — «совершенно гениальнейшим романом».

«...Это откровенно революционная книга»,— писал французский академик Ж. Леметр в 1910 году.

И не случайно «Воскресение» подвергалось гонениям в странах, где к власти приходила реакция,— в Германии, Турции, Греции и других. Но и там роман находил своих читателей.

«В течение тридцати лет франкистского режима нам почти ничего из переводов не разрешали печатать,— говорит современный испанский писатель Хосе Антонио Байшерас.— Но мы читали русских классиков: Толстого, Достоевского, Чехова. Надо сказать, что «Воскресение» Толстого для многих наших интеллигентов, для молодежи означало подлинное воскресение духа и самосознания личности».

Последний роман Л. Н. Толстого вошел в русскую и мировую литературу как роман нового типа, став художественным зеркалом бурной эпохи жизни России, стремительно двигавшейся навстречу народной революции.

К. Ломунов

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо к ученому соседу 5
Депутат, или повесть о том, как у Дедемонова 25 рублей пропало (*Посвящается Л. И. Пальмину*) 8
Смерть чиновника 10
Трагик 12
Дочь Альбиона 15
Шведская спичка 18
Толстый и тонкий 32
Экзамен на чин 34
Хирургия 36
Хамелеон 39
Винт 41
Сапоги 44
Налим 47
Лошадиная фамилия 51
Егерь 54
Злоумышленник 57
Унтер Пришибеев . . . . . [illegible]
Кухарка женится . . . . . [illegible]
Горе 67
Тоска . . . . . [illegible]
Переполох 75
Глупый француз . . . . . [illegible]
Ведьма . . . . . [illegible]
Шуточка . . . . . [illegible]
Хористка . . . . . [illegible]
Пассажир I-го кл. . . . . [illegible]
На пути . . . . . [illegible]
Ванька . . . . . [illegible]
Враги . . . . . [illegible]
Полинька . . . . . [illegible]
Верочка . . . . . [illegible]
Беззащитное существо . . . . . [illegible]
Счастье . . . . . [illegible]
Беззаконие . . . . . [illegible]
Отец . . . . . [illegible]
Свирель . . . . . [illegible]
Мальчики . . . . . [illegible]
Каштанка . . . . . [illegible]
Рассказ госпожи . . . . . [illegible]
Спать хочется . . . . . [illegible]
Степь . . . . . [illegible]
Именины . . . . . [illegible]
Княгиня . . . . . [illegible]
Скучная история . . . . . [illegible]
Гусев . . . . . [illegible]
В Москве . . . . . [illegible]
Попрыгунья . . . . . [illegible]
В ссылке . . . . . [illegible]
Палата № 6 . . . . . [illegible]
Страх . . . . . [illegible]
Володя большой и Володя маленький . . . . . [illegible]
Черный монах . . . . . [illegible]
Скрипка Ротшильда . . . . . [illegible]
Студент . . . . . [illegible]
Учитель словесности . . . . . [illegible]
Супруга . . . . . [illegible]

Белолобый
Анна на шее
Дом с мезонином
Печенег
Ионыч
Человек в футляре
Крыжовник
О любви
Случай из практики
Душечка
Новая дача
Дама с собачкой
Не [illegible]
[illegible]

СОДЕРЖАНИЕ

О. Е. Майорова. Судьба «незагадочного писателя» 5

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Запечатленный ангел 18
Очарованный странник 79
На краю света 205
Однодум 268
Несмертельный Голован (*Из рассказов о трех праведниках*) . . 299
Тупейный художник (*Рассказ на могиле*) 345
Интересные мужчины 367
Повесть о богоугодном дровокале 419
Прекрасная Аза 424
Аскалонский злодей (*Происшествие в Продовой темнице*) . . . 437

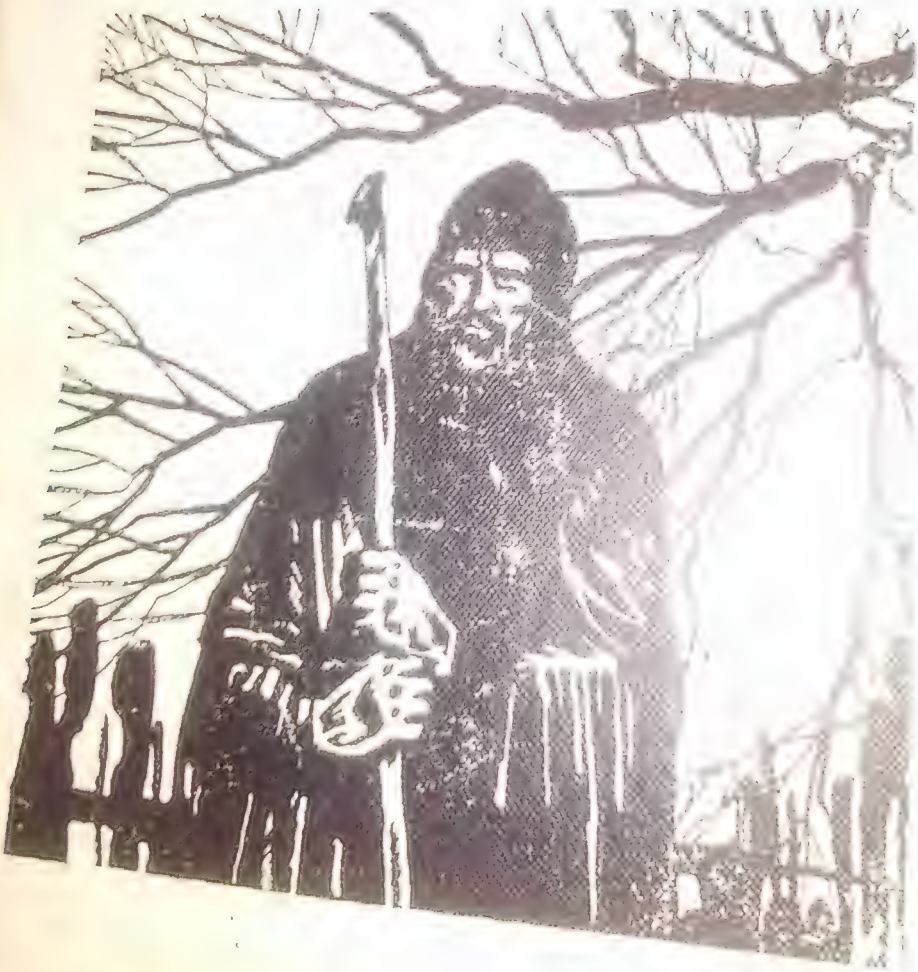
Примечания 492

На форзацах:
рабочий кабинет Н. С. Лескова
и дом-музей Н. С. Лескова в Орле.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. С. ЛЕСКОВ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ



СУДЬБА «НЕЗАГАДОЧНОГО ПИСАТЕЛЯ»

На рубеже 1880—90-х годов, когда на книжных прилавках один за другим появлялись объемистые тома первого — и при жизни Лескова единственного — собрания его сочинений, молодой в те годы журналист А. В. Амфитеатров предложил крупной московской газете восторженную рецензию на это издание и был чрезвычайно удивлен, столкнувшись с полуотказом: «...редакция в высшей степени почтенного органа, в которой я при том чувствовал себя не без влияния, взглянула таким косым оком, что для помещения потребовались десятки компромиссов»[1]. Вряд ли, однако, подобная ситуация удивила бы самого Лескова: слишком он привык к непониманию и вражде.

«Незагадочный писатель» — название одной из самых резких статей о Лескове, точно отразившей настроение большинства его первых критиков. Хотя редкие произведения писателя не вызывали откликов в печати, почти все рецензии — и обстоятельные, и беглые — сводились к категоричным приговорам. Разнообразие вопросительных интонаций, сомнений не было слышно.

Слава ходит разными путями — одним она дается шутя, другие завоевывают ее годами, бывает она заслуженной, а может быть и дутой. Но если уж репутация писателя установилась, какой бы она ни была,— поколебать ее чрезвычайно трудно. Сколько Лесков ни пытался развеять миф, сложившийся вокруг него в 1860-х годах, он навсегда остался в глазах многих современников одиозной фигурой — агентом III-го отделения, доносчиком, бездарным пасквилянтом.

В каждой почти статье, а тем более книге о Лескове можно найти рассказ о том, как, будучи еще начинающим литератором, он внезапно приобрел скандальную известность, громогласно заявив на страницах «Северной пчелы», что правительство должно либо опровергнуть, либо подтвердить упорно ходившие слухи о причастности студентов к знаме-

---

[1] Амфитеатров А. В. Собр. соч. в 32-х томах, т. 22. СПб., <1914>, с. 327—328.

[illegible] петербургским пожарам (1862 год). Сегодня кажется стр[illegible] что это требование было воспринято как донос, но тогда, в условиях стремительной поляризации общественных сил, полутонов и нюансов не замечали. От Лескова отшатнулась вся передовая журналистика, а его постоянный псевдоним 1860-х годов — М. Стебницкий — вскоре стал чем-то вроде непристойного прозвища, синонимом ренегата и прислужника власти.

Начинал с Андрея Лескова, сына и первого биографа писателя, уже несколько поколений литературоведов пристально изучают именно начало творческого пути Лескова, пытаясь найти здесь разгадку его драматично сложившейся литературной судьбы. Ведь в 1860-е годы прогремела не только «[illegible]». Вскоре Лесков напечатал суровый разбор романа [illegible] «Что делать?», а затем и собственный вариант романа [illegible] «[illegible]ях» с красноречивым названием «Некуда» [illegible] [illegible]вания, смысл центральных [illegible] [illegible]ой позиции никаких сомнений, [illegible] и скорых на приговор. [illegible] и раннего Лескова [illegible] почти пророческой остроте [illegible] другой столь же [illegible] [illegible]вовали против [illegible] [illegible]ного пути переустройства [illegible] [illegible] нигилистов-революционеров лишь жертвами — не искупительными, а бессмысленными.

Конечно, репута[illegible] и поступки. В этом смысле [illegible]. Так, обстановка [illegible] рискованного [illegible] легко узнаваемых и [illegible] литераторов левой ориентации. [illegible] и в старости вспоминал с горечью [illegible] осудить автора за то, что он как будто [illegible] и идеи не лучше чувств, одушевлявших [illegible]. [illegible] речь шла о консервативно настроенных общественных кругах. Но тут же он добавлял: «Ошибки» мои все были «искренни»: мне *никогда* не было препятствия взять направление более выгодное, но я *всегда* принимал такое, кот<орое> было *невыгодно* мне. Это я делал не по упрямству, а так выходило: я, как русский раскольник, приставал не к той вере, *которая мучает*, а к той, которую мучают»[1].

---

[1] Письмо П. В. Быкову от 26 июня 1890 г. — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд 118, ед. хр. 1447, л. 6 об. Все подчеркивания в цитатах здесь и далее принадлежат Лескову.

[illegible] упоминанием о расколе — не только попытка оправдаться, но и немалая доля самоосуждения. Лесков интересовался расколом всю жизнь, изучал его историю, выступал со статьями в защиту гонимых староверов, включал в свои произведения обстоятельные зарисовки их быта, хорошо знакомого писателю с детства. Однако лесковское отношение к расколу было двойственным — и сочувственным, и глубоко критичным. «Русские староверы стяжали себе добрую славу за многие свои хорошие свойства и между прочим за свою характерность, стойкость и мастерское умение действовать сообща в общих интересах»[1]. Эти слова читаются как автокомментарий к одной из лучших повестей Лескова — к «Запечатленному ангелу» (1872), где в самом деле поэтизированы эти «хорошие свойства» раскольников. Но в финале «Запечатленного ангела» Лесков [illegible] к единению с церковью, и это сюжетное решение [illegible] выражало взгляды писателя: преклоняясь [illegible] староверов, он расценивал, однако, их религиозные убеждения как узкие и нетерпимые, откровенно осуждал «неуемных казуистов раскола, буквенный гений которых ищет распри, а не истины»[2].

И здесь нельзя не [illegible] в тех же грехах — равнодушии к [illegible] чреватой разобщенностью [illegible] и нигилистов. Оставим в стороне вопрос о [illegible] обновлений, важно проследить за мыслью [illegible] что, уподобляя собственные поступки действиям «русского раскольника», он тем самым невольно сближал себя и с шестидесятниками. Речь идет, конечно, не об убеждениях, но о душевном и умственном складе, о жизнеповедении.

Психологический облик Лескова, человека бунтарского темперамента, страстного и нетерпимого, [illegible] житейской гибкости и вместе с тем мыслящего очень трезво, был близок многим его непримиримым оппонентам — правоверным [illegible], подорвавшим в свое время репутацию молодого писателя. Пожалуй, и удивляться нечему: в самом начале 1860-х годов, еще до «пожарной» статьи, в окружение Лескова входили, например, [illegible] и Г. З. Елисеев — крупнейшие литераторы левой ориентации. Конечно, это общение не прошло бесследно. Не потому ли, кстати, радикалы столь ревностно отлучали автора «Некуда» от литературы, что еще недавно числили его «своим»?

Подобно шестидесятникам, Лесков яростно протестовал против отживших стереотипов и любых поползновений ретроградов. Размышляя над путями обновления общества, он постоянно обращался к социально-экономическим проблемам русской жизни, выступал с остро

---

[1] Лесков Н. С. За старообрядцев. Листок Ф. Фалеева. — Исторический вестник, 1882, № 1, с. 225.

[2] Лесков Н. С. Церковные интриганы. Там же, № 5, с. 376.

полемическими статьями, уже названия которых способны удивить каждого, кому знаком лишь Лесков-художник: «О русском расселении и политико-экономическом комитете», «Очерки винокуренной промышленности», «Лесосбережение, улучшение сельского хозяйства и дворянская денежная ссуда» (все эти работы появились в 1861 году). И главное, в центре публицистики Лескова стоял образ простонародья — многомиллионной крестьянской массы, нуждающейся в поддержке просвещенных слоев общества. «Сбросив вековой хлам предубеждений, мы ощутим себя близкими к жизни наших меньших братий и сумеем помочь им вовремя и кстати...» — этим пафосом пронизано все творчество Лескова, и раннее, и зрелое. Здесь он максимально приблизился к революционно-демократическому лагерю, но здесь же пролегала и непреодолимая граница между ними: помощь «меньшим братьям» рисовалась Лескову совсем не так, как его радикально настроенным современникам.

Писатель был сторонником постепенных социальных преобразований, обеспечивающих прогресс и вместе с тем позволяющих избежать тотального крушения традиционного уклада. Отстаивая эту позицию, он вовсе не гнался за стройной системой доказательств. Главным его аргументом была сама жизнь — многовековые социальные и бытовые навыки крестьянства, психология простолюдина, тесно связанная с древней по своим корням народной культурой. Мысль о губительных последствиях радикальных перемен опиралась на знание «почвенной» жизни, на непосредственные наблюдения, неистощимый запас которых делал писателя серьезным противником каждого, кто решался говорить от лица народа. Ведь прежде чем стать профессиональным литератором, лишь изредка выбиравшимся из Петербурга, он прошел через службу (сначала государственную, потом частную) в Орле, Киеве, Пензе, изъездил с деловыми поручениями громадные пространства — «от Черного моря до Белого и от Брод до Красного Яру»[2].

Лесковская концепция национальной жизни изложена им самим в целой серии написанных в разное время статей, заметок, очерков — своего рода историко-культурных исследований в области фольклористики, этнографии, древнерусского искусства. Вряд ли стоит пересказывать (и неизбежно обеднять) эти работы; достаточно вдуматься в художественные произведения Лескова, в полной мере отразившие его культурологические штудии.

Вообще говоря, Лесков относился к числу писателей, чья литературная программа не расходилась с практикой. Часто бывает так, что большие поэты и прозаики, формулируя свои взгляды и комментируя

---

[1] Лесков Н. С. О рабочем классе. — Современная медицина, 1860, № 32, 18 августа.

[2] Лесков Н. С. Собр соч. в 11-ти томах, т. 10. М., Гослитиздат, 1958, с. 311. (Далее ссылки на это издание даны прямо в тексте: римские цифры обозначают том, а арабские — страницы.)

собственные произведения, сужают масштаб обобщений, до которых поднимаются в художественном творчестве. Лескова же можно сравнить с умелым мастером, талантливо и точно выполняющим волю заказчика, — с той лишь оговоркой, что и заказчиком был он сам, и заказы регулярно им же обновлялись: лесковская картина национальной жизни постоянно обогащалась, отражая движение авторской позиции. В предлагаемой читателю книге собраны повести и рассказы, ознаменовавшие поворотные моменты творческой биографии писателя и потому дающие представление о своеобразии его литературного пути.

1870—90-е годы — годы творческой зрелости Лескова — отмечены стремительной эволюцией его художественной манеры. Если «Очарованного странника» (1873), с его красочной речевой палитрой, с характерной для этой повести поэтизацией пестрой российской жизни, поставить рядом с «Прекрасной Азой» (1888), написанной стилистически просто, скупо, с явной ориентацией на позднего Л. Н. Толстого, и созданной по мотивам далекой от отечественного быта древней легенды, — трудно поверить, что оба эти произведения принадлежат одному перу. Нечасто бывает, чтобы художник к концу творческого пути ломал сложившиеся у него стилистические принципы — в этом отношении Лесков, конечно, следовал своему великому современнику; не подражал, а именно следовал, поскольку не желание быть похожим на Толстого, но глубоко личные этические импульсы, частично восходившие, правда, к толстовской проповеди, обусловили его эволюцию. Лесков сам признавал, иной раз даже преувеличивая, воздействие на него автора «Исповеди»: «...Т<олстой> есть для меня моя святыня на земле <...> Он просветил меня, и я ему обязан более чем покоем земной жизни, а благодеяние его удивительного ума открыло мне путь в жизнь без конца — путь, в котором я пугался и непременно бы запутался» (XI, 536). И все же первопричина важнейших изменений в творчестве Лескова коренилась в событиях его собственной жизни.

Дело в том, что к середине 1870-х годов писатель оказался без издания, где мог бы постоянно сотрудничать, без поддержки единомышленников — в положении одиноком и незавидном. Ранее он входил в круг литераторов консервативной ориентации и много печатался у Каткова — в «Русском вестнике» и «Современной летописи». Там появились его крупнейшие произведения начала 70-х годов, заставившие говорить о Лескове как о значительном явлении в литературе, — хроники «Соборяне» и «Захудалый род», сатирическое обозрение «Смех и горе». Когда произошел разрыв с редакцией «Русского вестника» (Лесков был недоволен властной правкой его произведений, Каткову, в свою очередь, многое претило во взглядах писателя), пошатнулось материальное положение Лескова, ослабели дружеские связи с журналистами катковского лагеря, но его литературная позиция — как бы наперекор неблагоприятным обстоятельствам — приобрела неординарные черты. В 1881 году Г. П. Данилевский, известный исторический рома-

нист, не без удивления писал о Лескове как о художнике, «стал писать недавно на распутии». Другой лесковский знакомый той поры вспоминал позднее, что с 70-х годов писатель погрузился в «совсем неведомую нам литературу, которую он тщательно собирал у буквоедов толкучего рынка и у каких-то странных знакомых, являвшихся к нему в подрясниках или в шапках с наушниками»[1].

Действительно, оказавшись в одиночестве, как бы не у дел, Лесков, и ранее ощущавший свою приобщенность к традиционной народной культуре, теперь стал заниматься [illegible] своим рвением. В этой «неведомой» большинству его современников литературе он видел те духовные богатства, пренебрегая которыми образованное общество зашло в тупик и, главное, утратило христианский идеал: «...Есть слой в русской народности <...> где все обучались слову Божию и знают его, но оставляют его, небрегут о нем <...> это перегной нашей «культуры», который залегает на поверхности, скрывая почву и ее родотворные силы»[2]. Ясно, что «почва» здесь — синоним простонародья. Лесков неустанно повторял, что именно «простонародная масса, вся насквозь религиозная», таит в себе силы для национального возрождения: «Среди всеми ныне чувствуемого и сознаваемого глубокого упадка идеалов кое-где по местам светлеют дивные своею высотою и величием характеры и яркие признаки неодолимой веры народа в свою способность совершать свое [illegible]».

Было бы ошибочным подозревать писателя в идеализации народа: теневые стороны «почвенной» жизни нашли в Лескове-публицисте страстного обличителя. Потому-то он и считал своим долгом не только черпать из этого «дивного» источника, но и обогащать его: в 70-е годы писатель широко сотрудничал в изданиях «для народного чтения», составлял брошюры, облегчающие [illegible] знакомство со Священным писанием, задумал перерабатывать для народа «жития святых, занимавшихся при жизни какой-либо профессией». И все же свою просветительскую миссию Лесков не превеличивал: он высоко ценил неортодоксальную религиозность народа, противопоставляя ее тем «направленским идолопоклонникам», которые подвергают остракизму «художника христианина, ставящего пример своего божественного Учителя выше всех теорий...»[4]. За этими словами, конечно, конкретные намеки — выпад и против шестидесятников, и против Каткова.

---

[1] А. О. <В. Г. Авсеенко>. Из литературных воспоминаний.— Новое время, 1900, 23 мая, № 8705.

[2] Лесков Н. С. Дикие фантазии (Современные заметки).— Православное обозрение, 1877, № 11, с. 511—512.

[3] Лесков Н. С. О сводных браках и других немощах.— Гражданин, 1875, 26 января, № 4, с. 90.

[4] Лесков Н. С. Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки.— Церковно-общественный вестник, 1878, № 24/25, 24 февраля, с. 4.

Но даже если отвлечься от узкого смысла приведенной фразы, легко заметить, что в просвещении, по мысли писателя, нуждались все слои общества — образованные не меньше простонародья, поскольку верхние слои «воспитаны в убеждениях той современности, которую весьма основательно можно называть одичалостью»[1].

Отсюда — пристальное внимание Лескова-художника к тем пластам народной культуры, в которых он видел проявление религиозного сознания русского простолюдина — к христианскому фольклору и обмирщенной религиозной литературе (духовным стихам, апокрифическим житиям, легендам). Лесков пытался «привить» их искусству XIX века, взрастив на новой почве: «...Житиями святых интересуется теперь и художественная литература ...». «Искусство «...» должно и даже обязано сберечь скоро [illegible] черты «народной красоты»[2]. Эту задачу Лесков [illegible] как собственную. Фольклорно-житийными традициями [illegible] многие его произведения, в особенности цикл [illegible] своего рода жития XIX века. Присмотримся, например, к одному из самых известных и широко признанных произведений этого цикла — «Несмертельному Головану» (1880).

«Это было по весне, должно быть вскоре после того, как выехал на русские поля изумрудные молодой Егорий светлохрабрый, по локоть руки в красном золоте, по колени ноги в чистом серебре, во лбу солнце, в тылу месяц, по косицам звезды перехожие, а божий люд честной-праведный выгнал встреч ему мал и крупен скот» (VI, 367). Лесков не поясняет — ни в тексте, ни в примечаниях, которыми часто снабжал свои произведения, — что это за сказочный Егорий, выехавший «на поля изумрудные». Читатель вправе удивиться, почему вдруг нейтральный в целом стиль рассказа становится приподнятым, праздничным. А дело в том, что почти весь пассаж о Егории — цитата из популярного на Руси духовного стиха о святом Егории Храбром (просторечный вариант имени Георгия Победоносца):

По локоть руки в красном золоте,
По колена ноги в чистом серебре,
Во лбу-то солнце, в тылу месяц,
По косицам звезды перехожие[3].

Вводя эту цитату в текст без кавычек и каких-либо пояснений, писатель выступал как представитель той среды, где духовные стихи имели свободное хождение, а культ святого был тесно связан с трудовым календарем. Ведь далее упоминается распространенный крестьян-

---

[1] Лесков Н. С. Дикие фантазии, с. 512.
[2] Лесков Н. С. Жития как литературный источник. — В кн.: Н. С. Лесков о литературе и искусстве. Л., 1984, с. 38.
[3] Бессонов П. А. Калики перехожие. Сборник стихов и исследование. М., 1861, ч. 1, с. 469.

ский обряд, неотделимый от культа Егория, считавшегося на Руси покровителем пастухов и домашнего скота: 23 апреля по старому стилю, в день святого Георгия, крестьяне черноземной полосы России (в частности Орловской губернии, где родился и вырос Лесков) впервые выгоняли в поле домашний скот — «божий люд честной-праведный выгнал встреч ему мал и крупен скот».

В рассказе немало подобных фрагментов, для нынешнего читателя подчас загадочных. Мировосприятие, стиль, образы, близкие народу, Лесков пытался сделать общедоступными — вернуть в национальный культурный фонд. Закономерно поэтому, что элементы архаичного, но живого в простонародной среде литературного мышления проникают весь строй «Несмертельного Голована», как бы подсказывая писателю детали облика главного героя и некоторые сюжетные ходы. Например, в финале подробно рассказано о том, как Голован кротко сносил унижения и оскорбления от нищего Фотея, который «плевал на него и даже бил его, швырял камнями, грязью или снегом», однажды «при всех ударил Голована по лицу», но тот, лишь «тихонько его отстранив, дал ему из-за пазухи медных денег...» (VI, 388—389). Эти мизансцены восходят к распространенной в житийной литературе ситуации, когда святой подвергается издевательствам, но сносит их смиренно и незлобиво. Так, Алексей, человек божий, живя неузнанным в доме родителей, испытывал на себе ненависть слуг. Лесков считал Алексея одним из самых популярных на Руси святых: к нему «стягивается притягательное тяготение русского благочестия, и по этому жанру [житийному] каждый вкушается в подражание» ему[1]. Речь, конечно, идет не о том, что Голован подражал житийному герою. Его поступки как бы случайно совпадали с традиционной схемой поведения святого, и потому читатели искали их мотивировки в евангельской этике. Однако Лесков строил рассказы о праведниках таким образом, что действия героев выходили и вполне житейское объяснение. Так, в конце рассказа сообщается, что Фотей — это беглый солдат Франюшка, муж красавицы Пашки, живущей в доме Голована. Опасаясь за ее судьбу, Голован и щадил его, «оделяя» Франюшку (VI, 396). При этом Лесков намеренно исключил возможность думать о том, что герой пытался тем самым скрыть собственный грех. Голован действительно любит Павлу, в молодости спасает ее от жениха (VI, 361), но после крушения этих надежд «по ней [Павле] ... новой страсти *«ангельски»* (VI, 396). Более того, повествователь сообщает, что «Голован был *девственник*» (VI, 395). Этот мотив также восходит к житийной литературе, в частности — к духовным стихам об Алексии, человеке божием.

---

[1] Лесков Н. С. Ошибки и погрешности в суждениях о графе Л. Толстом (Несколько простых замечаний против двух философов). Центральный государственный архив литературы и искусства. Фонд 275, оп. 1, ед. хр. 71, л. 4 об.

Фольклорно-житийный план повествования введен в рассказ органично, ненавязчиво: его можно вовсе и не замечать, и тем не менее образ главного героя воспринимается как идеальный, праведный, а рассказ не теряет поучительного смысла. Почти каждый эпизод «Несмертельного Голована» поддается двойному прочтению: одни и те же события объясняются и обыденными житейскими причинами, и следованием высокому христианскому образцу. Одна повествовательная логика не противоречит другой, и потому «Несмертельный Голован» мог с равным успехом восприниматься читателем из «образованных слоев» и из народа.

Вероятно, именно этого эффекта и добивался Лесков. Цикл его рассказов о праведниках — уникальная попытка говорить о «всенародстве» и о всенародстве», найти уникальную литературную форму, доступную самым разным читателям. Перевод житие на язык литературы нового времени, писатель [illegible] мир, который помог бы преодолеть внутринациональную разноплеменность или, по словам самого Лескова, «русскую рознь», предмет его скорбных размышлений в годы творческой зрелости.

Однако к этим открытиям писатель пришел не сразу. Его повести и рассказы предыдущего этапа — 1860-х — первой половины 1870-х годов — выдержаны в иной манере. Так, «Очарованный странник», вершинное произведение той поры, построен не на сближении, а на последовательном противопоставлении мировоззрения рассказчика — далекого от книжной культуры Ивана Северьяныча Флягина и его слушателей, носителей европейского [illegible]. Их недоуменные вопросы, восклицания, предположения, [illegible] Флягина, — сигналы отчужденности образованного русского человека от коренной национальной жизни. Автор тоже выступает здесь в роли стороннего наблюдателя, пораженного, как и все прочие слушатели Флягина, пестротой открывающегося ему мира, где [illegible] бессмысленность, безудержная жестокость внезапно оборачиваются иной стороной — стихией красоты и добра, [illegible]. Знаменательно, что народные поверья, житийные легенды, былинные эпизоды, щедро вплетенные в рассказ Флягина, звучат здесь как диковинка, нечто странное, не вызывающее у слушателей особого доверия. Фольклорные образы и сюжеты характеризуют внутренний мир Флягина, но не объясняют мира реального. Если в произведениях о праведниках простонародные представления полностью не отграничиваются от авторской позиции и, более того, способны [illegible] воздействовать, поскольку таят в себе этическую правоту, то в «Очарованном страннике» — при всем сочувствии автора герою — [illegible] между ними непреодолима.

Показательно, что и в повести «На краю света» (1875) [illegible] одного из центральных персонажей, отца Кириака, [illegible] Лескову, авторская позиция их все же перекрывает. Простодушная вера

Кириака — явная антитеза внешней, обрядной религиозности, которую темпераментно обличал Лесков-публицист. Слова героя о «нашем *русском Боге*, который творит себе обитель «за пазушкой», «у сердца как голубок тепленький...» (V, 464—465), находят почти буквальный аналог в размышлениях Лескова, писавшего М. Г. Пейкер, издательнице журнала «Русский рабочий»: «Бога, объемлющего и созидающего миры миров, *вмещает сердце человека*. Я ничего удивительнее и яснее этого не знаю и чту престол Его святости в *сердце* человека, где он мне чувствительнее»[1]. И хотя отца Кириака смело можно рассматривать как выразителя некоторых взглядов автора, тем не менее Лесков рисует его не только добрым и мудрым, но — временами — и ограниченным, и смешным. Чрезвычайно характерная речь Кириака, полная диалектизмов и архаизмов, лишний раз подчеркивает дистанцию между автором и героем. Как и в «Очарованном страннике», мир простонародных представлений становится предметом изображения, но не формирует при этом логики повествования, не сливается с авторским словом — в отличие от позднее написанных произведений о праведниках.

Из повестей 1870-х годов, пожалуй, с [illegible] построен «Запечатленный ангел». Рассказ бывшего [illegible] Александрова полон символических образов и легендарных [illegible], завораживающих слушателей. Любопытно, что они почти не перебивают рассказчика — его цельная натура, стройное видение мира захватывают, подчиняют себе, властно диктуют логику истолкования событий. Складывается впечатление, что автор передоверил рассказчику собственные права и полностью солидарен с его взглядами. Но к концу повести эта иллюзия разрушается — и тем острее мы ощущаем убедительность воссозданного Лесковым простонародного [illegible].

Дело в том, что Марк Александров, орловский каменщик, рожденный «в старой русской вере» (IV, 323), усматривает чудесное действие высших сил там, где все объясняется прозаически просто. За житейски правдоподобным истолкованием «чуда» видится авторская усмешка. Но героя не сбивают попытки посмотреть на «дело просто и естественно», «обыкновенным манером»: он стоит на своем: «всяк как верит, так и да судит» (IV, 384). По этому поводу Ф. М. Достоевский заметил в «Дневнике писателя»: «...Повесть [illegible] Лескова [illegible] во мне впечатление болезненное и некоторое недоверие к правде описанного. Она, конечно, отлично рассказана и заслуживает многих похвал, но вопрос: неужели это все правда? Неужели это все у нас могло произойти?»[2] В самом деле, чудесное «распечатление ангела», побудившее раскольников перейти в единоверие, как выяснилось, — лишь плод их воображе-

---

[1] Центральный государственный архив литературы и искусства. Фонд 275, оп. 1, ед. хр. 161, л. 5 об. (письмо не датировано).

[2] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. 21. Л., Наука, 1980, с. 56.

ния; но даже узнав об иллюзорности чуда, они тем не менее тверды в своем решении, вроде бы никак не мотивированном. Однако ими движет особая логика — не общепринятая логика здравого смысла, но экстатическая вера в высшую предопределенность всего происходящего. Стремясь раскрыть душевный строй простолюдина, Лесков не гнался за правдоподобием событий. [illegible] и придавал им самый яркий колорит [illegible] полузабытый, почти заповедный мир.

Но поздний Лесков [illegible] перед собой иную цель, к которой [illegible] в праведниках. Теперь ему [illegible] и [illegible] ве тех этических [illegible] чем не только в русской. Ведь лесковские легенды, написанные на сюжеты византийских и ближневосточных преданий, погружали читателя в экзотическую обстановку и обращали к далекому, инонациональному прошлому. А потому эти легенды приобретали особый авторитет: их окружал ореол многовекового и разноплеменного признания — признания живого, не отдающего догм[illegible]

Лесков обращался в основном к тем преданиям, преимущественно [illegible] в русском народе, а значит, соединяли человека XIX века с людьми [illegible] позицию. Так, размышляя об апокрифическом сюжете «сошествия» Христа «во ад», Лесков замечал: «Этого, конечно, нет в канонических книгах, и верить этому ни для кого не обязательно, но все-таки это живет в народе и сохраняется в иконописи, и потому это интересно»[1]. Потому же «интересен» был Лескову и древний сборник легенд и житий — Пролог, откуда писатель главным образом и черпал материал [illegible] в конце жизни писатель крайне настороженно относился к церкви, и не только в легендах (в «Прекрасной Азе», в «Аскалонском злодее»), но и в сатирических повестях, рассказах, фельетонах не упускал случая обнаружить фарисейство церковных иерархов.

Вообще поздний Лесков был очень настойчив и прямолинеен в выражении своих взглядов. Поэтому в произведениях 90-х годов, особенно в легендах, изображая положительных героев, он не только [illegible] допускал иронии, столь соприродной его таланту и слегка об[illegible] даже образы его праведников 70-х годов, но и юмор вводил у[illegible]

---

[1] Лесков Н. С. Полн. собр. соч. в 36-ти томах, т. 21 (СПб., [illegible] изд., 1903, с. 148.

довольно скупо. Теперь в лесковской прозе автор и рассказчик слива-
лись в одном лице — лице проповедника, бичующего пороки своих
современников, настойчиво убеждающего в истине евангельского иде-
ала и потому никак не способного ограничиться легкими намеками или
тонкой словесной вязью, филигранной стилистической работой, принес-
шей писателю признание. Теперь он иначе смотрел на искусство. «Разве
мы «кружева плетем», а не идем на дьявола» (XI, 524).— любил повто-
рять Лесков в конце жизни.

Этим пафосом пронизаны не только произведения, но и поступки
позднего Лескова, его отношения с людьми, близкими и далекими.
Лесков был суровым проповедником — и в искусстве и в быту. Трудно
даже сказать, существовала ли для него грань между тем и другим.
«Литература ужасно втягивает в себя человека...» (XI, 557) — писал он в
1893 году, меньше чем за два года до смерти. Но чем была тогда
«литература» в его представлении? Где были ее границы, если собствен-
но эстетическое начало заслонялось учительным, а то и просто от-
рицалось?

Тщетно было бы уверять читателя, что последние произведения
Лескова составляют лучшую часть его наследия. Приходится признать:
проповедник обеднял художника, брал его в тиски жестких требова-
ний — и этических (лесковская позиция теперь выражалась прямо, без
присущей ему лукавинки), и эстетических (он [illegible] упростить свой
стиль и, перерабатывая произведения, [illegible] скорее обыкновение — сокращал, чем добавлял). И все же [illegible] его писательской
биографии был по-особому значительным.

Последние работы, прежде всего легенды, [illegible] завершенность
лесковскому пути, бросая ретроспективный [illegible] всю его судьбу.
Прочитав Лескова 90-х годов, в нем нельзя уже видеть всего лишь
знатока и бытописателя русской жизни - эти бесспорные таланты за
ним охотно признавали даже враги. Итоговые произведения позволяют
и в Лескове ранней поры угадывать не просто внимательного наблюда-
теля, но и напряженно мыслящего, ищущего художника с «своим»
устремленным оком», как писал о нем В. В. Розанов: «Лесков был
огромный, ярко типичный русский ум, в нем «стиль», «русская натура»
<...> высоко поднялись...»[1] И думается, именно последние его произ-
ведения дают ключ к разгадке этой натуры.

О. Е. Майорова

---

[1] Ибис <В. В. Розанов>. Талант и образованность.— Новое время, 1900, № 8701, 19 мая.

ПРИМЕЧАНИЯ

Основной корпус текстов печатается по изданию: Лесков Н. С. Собр. соч. в 11-ти томах. М., Гослитиздат, 1956 — 1958. «Повесть о богоугодном дровосеке», включенная в указанное собрание не в окончательной редакции, публикуется по тексту последнего прижизненного издания — подготовленного самим Лесковым собрания его сочинений (СПб., т. 1 — 12. 1889 — 1896). Сплошная сверка с этим изданием позволила внести мелкие текстологические уточнения и в другие произведения.

Примечания ориентированы по преимуществу на реальный комментарий и на выявление источников скрытых и явных цитат, без учета которых произведения Лескова нередко остаются непонятными. В целях экономии места пришлось свести к минимуму историко-литературный комментарий и вовсе исключить сведения об откликах современников писателя на его произведения (с этим материалом читатель может познакомиться, обратившись к собраниям сочинений Лескова, выходившим в советское время). Устаревшие и диалектные слова поясняются лишь один раз; при повторном их употреблении указания на предыдущие примечания не даются. Словарные комментарии в ряде случаев сопровождаются ссылками на «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (т. 1 — 4. М., 1955 — 1956).

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ АНГЕЛ

Впервые — Русский вестник, 1873, № 1.

Стр. 18. *Святки* — «святые дни» или «святые вечера» от Рождества (25 декабря) до Крещения (6 января); здесь и далее церковные праздники датированы старым стилем. *...накануне Васильева вечера.* — 31 декабря, накануне дня святого Василия Великого (ок. 330 — 379), епископа Кесарийского (1 января). *...древним большим крестом...* — т. е. двуперстным, раскольничьим крестом. Стр. 19. *Ефиоп* — здесь: де-

...од. Стр. 21. *...странствиях пустынных с Моисеем...* — основатель иудаизма, религиозный наставник израильтян, Моисей 40 лет предводительствовал народом, скитавшимся в пустыне (Библия. Книга Исхода). *Скиния* — шатер для священнодействий иудеев в пустыне. *...первых новгородских или строгановских изографов.* — В суждениях Лескова об иконописи отразились искусствоведческие представления его времени, в частности — принятые тогда принципы классификации: «...любители и собиратели икон различают три главных письма или почерка: новгородское, строгановское и московское» (Ровинский Д. История русских школ иконописания до конца XVII века. СПб., 1856, с. 11); «...новгородский тип письма считался наиболее традиционным («По разорении Киева,— писал Ф. И. Буслаев,— Новгород стал представителем на Руси византийского стиля; потому древнейшею из русских школ почитают новгородскую <...>» — Буслаев Ф. И. Сочинения. М., 1908, т. 1, с. 5); строгановская школа, получившая название по фамилии основных заказчиков купцов Строгановых (конец XVI — XVII вв.) и сочетавшая по сути различные манеры письма, воспринималась как наиболее совершенная и [illegible] национальная из школ древнерусской иконописи» (там же, с. 19). *Деисус* — Икона Иисуса Христа, справа от него изображается Богоматерь, слева — Иоанн Предтеча. *...Спас с омоченными власы...* — Распространенный на Руси тип иконы: «Лик Спасителя изображен с бородою и власами, имеющими вид как бы омоченных (выражение русских знатоков)» (Сахаров И. П. Исследования о русском иконописании. СПб., 1849, кн. II, с. 35). *Преподобные* — здесь: иконы с изображением святых из монахов. *...многоличные иконы с деяниями...* — «так называемые «иконы с деяниями» представляли <...> целые *истории*» — «события искупительной жертвы и деяния лиц, чтимых церковью за их христианские заслуги» (Лесков Н. С. Собр. соч. в 11-ти томах, т. 10. М., 1958, с. 180). *Индикт* — 1 сентября, начало 15-летнего периода церковного летосчисления; здесь речь идет об иконе «Начало индикта» с изображением проповеди Иисуса в Назаретской синагоге, т. е. события, которое церковь отмечает 1 сентября. *Праздники* — изображения главнейших событий Евангелия (праздников христологического и богородичного цикла). *Святцы* — 12 икон с изображением на каждой святых по дням месяца. *Соборы.* — Здесь может идти речь о разных типах икон: либо об иконах с изображением каждого из семи вселенских соборов, либо о написанных на разные сюжеты иконах, в названиях которых входило слово «Собор» («Собор святых 70-ти апостолов», «Собор святого архангела Гавриила» и т. д). *Отечество* (Троица новозаветная) — икона с изображением Бога в трех ипостасях — Отца, Сына и Духа Святого. *Шестоднев* — икона с изображением евангельских событий, соответствующих шести дням недели (Собор архангела Михаила — понедельник, Крещение — вторник и т. д.) *Целебник* — иконы святых, к которым обращались с молитвой об избавлении от болезней. *Седьмица с предстоящими* — деисусная композиция,

состоящая из семи фигур (Иисус, Богоматерь, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, апостолы Петр и Павел). *Троица с Авраамлим поклонением* — так называемая «ветхозаветная Троица»: икона с изображением трех ангелов, явившихся патриарху Аврааму у дубравы Мамре (Бытие, гл. 18). *...в Палихове...* — слобода Палех Вязниковского уезда Владимирской губернии (ныне — Ивановская обл.), старинный центр иконописания. *...с греческих переводов старых могилевских царских мастеров...* — т. е. икона, выполненная по образцу византийского происхождения мастерами Иконного цеха московского Оружейной палаты (XVII в.). Стиль московских мастеров, [illegible] (см. выше), тяготевших к [illegible] формам и особой [illegible]. Стр. 22. *Аще* [illegible] рельев. Автор имеет [illegible] Н. С. Лескова и народная культура. Л., 1948, с. 160—161). Этот [illegible] традиционно считался [illegible] ников, что подчеркивает [illegible] действляемой им с [illegible] повязка, [illegible] специальные [illegible] notрафия Господня [illegible] с. 33). *...ручны* [illegible] тири (Псалом [illegible] ромах; *олеяния* [illegible] ангельских добродетелей [illegible] славной церкви. М., 1881, с. 136). *...Аще мужи...* — т. е. [illegible] в виде крупной чешуи, условного выражения изломанных складников. *...ромеи кругом...* [illegible] ангелов изображались [illegible] Божии повеления» (1 Цар. [illegible] с. 17). *Лик Эммануил* — образ Христа-младенца. *...Святая Святых* [illegible] *шенная* — Речь идет о храме, сооруженном [illegible] исполненным «Духом Божиим, мудростию, разумением, знанием и всяким искусством» (Книга Исхода, гл. 31, ст. 3). *Исподь* — [illegible] бумажная ткань. *Инде* — местами. Стр. 23. *Большой* [illegible] повести описано строительство киевского цепного моста в 1848—1853 гг. *Тябла* — горизонтальные брусья иконостаса для [illegible] икон. *Аналогий* — аналой. Стр. 24. [illegible] *лись...* — Об эпохе Николая I, к которой относится время действия повести, Лесков не раз писал как о периоде самой суровой борьбы со старообрядцами: «Энергические меры, предпринимавшиеся против раскола в царствование Павла Петровича <...> не ступевали начатков раскольничьего самоустройства в екатерининское время; но после смерти императора Александра все это пригнулось, спряталось и к нашим дням не осталось уже ни одной открытой раскольничьей школы»

...Лесков Н. С.> С людьми древлего благочестия. СПб., 1863, ч. 1, с. 14—15). *...положит ... начал...* — т. е. приступает к молитве. *...пения, положенного по крюкам...* — Речь идет о напевах, записанных особыми знаками — крюками; этот древний тип записи, известный с XI в., был популярным у раскольников. *Амалфеев рог.* — По древнегреческому мифу, рог козы Амалфеи, вскормившей младенца Зевса, был превращен им в рог изобилия. Стр. 25. *Мравьев* — фантастическое животное, символ двойственности; как полагают в древнерусском сборнике «Физиолог», спереди он похож на льва, сзади — на муравья. *Гумно* — место на темени, выстригаемое у православных жителей при посвящении в сан. *Щапетный* — от глагола «щапить» (щеголять, франтить). *Средовек* — человек среднего лет. *Колловатые* — завернутые. *Велиар* (др.-русск.) — сатана, отступник. *...щапилась... щапить.* — Опет (старосл.) — укусы; это слово восходит к библейскому выражению (напоять оцтом и желчью), обозначающему крутую муку. *Колоша* — деготь, сгущенный на всех полюсах. *Песочный жемер* — крупный песок. Стр. 26. *... никакой пищи...* — Намеренно допуская здесь хронологическое смещение, Лесков имел в виду приходившееся на 1850—60-е гг. оживление интереса к расколу, связанное с попытками радикально настроенных кругов опереться на оппозиционные настроения старообрядцев: «Говорят, в них есть задатки чего-то социалистического, коммунистического, что они есть народ, готовый к социально-демократическому революционному, тогда как это совершенно неправильно» (<Лесков Н. С.> С людьми древлего благочестия. СПб., 1863, ч. 2, с. 30—31). *Разоще* (др.-русск.) — косо. Стр. 27. *Нетяг* (др.-русск.) — бездельник, лентяй. Стр. 29. *Еллинка* — здесь: представительница иной веры. *Омет* — подол, край одежды. *Цыбастая* — тонконогая. Стр. 33. *...Ангел-Хранитель сошел.* — Падение иконы считалось плохой приметой: «...к покойнику или, бывает, к воровству, или к пожару...» (Лесков Н. С. Очерки и рассказы. СПб., 1892, с. 36). *Срачица* — сорочка. *Молозиво* — здесь: молочный ягненок, агнец. Стр. 34. *Гаплик* — застежка, петля. *Остегны* (старосл.) — нижнее платье. *Плинф* (старосл.) — кирпич. Стр. 35. *Шатник* (др.-русск.) — лицедей, актер, плясун. *Бытовать* — по объяснению В. И. Даля, красоваться, пыль в глаза. Стр. 37. *Ротиться* — от слова «рота» (старосл.) — клятва, присяга. *...обносимых Иродиада...* — по наущению Иродиады был обезглавлен Иоанн Креститель (Матфей, гл. 14, Марк, гл. 6). Стр. 38. *Нивари* — земледельцы (от «нивы»); здесь: «мелкие чиновные люди». *Кучиться* — докучать. Стр. 40. *Скиба* — [illegible]. Стр. 41. *Стофа* — защитная пленка на поверхности иконы [illegible] выражение восходит к Евангелию (Матфей, гл. 19, ст. 24; Марк, гл. 10, ст. 25). *Консистория* — подчиненное епархиальному архиерею административное учреждение для управления епархией. Стр. 43. *...труд...* — труд (др.-русск.) — болезнь, недуг. *...кто как верит, тому так по вере дается...* — Герой Лескова цитирует Евангелие (Матфей,

гл. 9, ст. 29). *Владыко* — титул высших иерархов церкви. Стр. 43. *...как Аммос-пророк велит...* — Имеются в виду слова ветхозаветного пророка, обличавшего израильтян: «...продают правого за серебро и бедного — за пару сандалий» (Книга пророка Амоса, гл. 2, ст. 6). *...отмечен...* — отмечен. *...на другом предстоянии...* — т. е. на Страшном суде Стр. 44. *Иерей* — священник. *Петр Могила* (1596/97—1647) — митрополит Киевский, духовный писатель, автор требника (руководства по богослужению), написанного до никонианской реформы и потому особо чтимого раскольниками. *Вапа* — «краска, приготовленная на вощаном растворе» (Сахаров И. П. Указ. соч. Приложение, с. 29). Стр. 45. *...письмо плавкое...* — Техника мелких и тонких мазков, дающая эффект глазки, «сплавленной» поверхности. *Мстера* — село во Владимирской губернии, один из центров [illegible] письма (выгорелый и четкий). *...[illegible] плавки цвета...* — Мстерские иконописцы, добиваясь колористического сходства со [illegible] правила, предполагали «приглушение, смутнение» [illegible] (Бакушинский А. В., Василенко В. М. Искусство Мстеры. М.—Л., 1934, с. 23—24) и, в противоположность московским дворским мастерам, изображали святых с большими головами. *...[illegible] как бархат...* — т. е. преобладают холодные тона, [illegible] (Бакушинский А. В. Искусство Палеха. М.—Л., 1934, с. 28). Стр. 46. *Силачев* Николай Михайлович — [illegible] XIX в.; Лесков характеризовал его как «даровитого» и «обладающего большим вкусом» (Лесков Н. С. Собр. соч. в 11-ти томах, т. 10. М., 1958, с. 183). *Рясные* — яркие. *...Кузьма, Андрей или Прокофий.* — Вероятно, Андрей Рублев (ок. 1360-70—ок. 1430) и Прокопий Чирин (XVII в.). Третьего иконописца установить не удалось. *Первая распись* — одна из начальных стадий создания иконы: нанесение на левкас основных контуров композиции. *Плавь* — плавкое письмо (см. примеч. к с. 45). *Пробела* — особые высветления, используемые при моделировке одеяний. *Движки, оживка* — резкие высветления тона («блики»), используемые при написании ликов и одеяний. *Ушаковское писание* — Симон Федорович Ушаков (1626—1686) — знаменитый московский иконописец. *...про древнейшего русского художника Парамшина...* — Работы Парамжи или Парамшина (XIV в.) упомянуты в завещаниях Дмитрия Донского, Василия Темного, Иоанна III. Стр. 47. *...створы стоят, что наши русские изографы, Андрей, Сергей да Никита, в тринадцатом веке писали.* — В статье «О русской иконописи» (1873) Лесков также упоминал о «створах русского письма, находящихся в Ватикане у папы». Во времена Лескова эти створы были атрибутированы и датированы ошибочно. *Архистратиг* — здесь: архангел. *Потемкин* Г. А. (1739—1791) — фаворит и ближайший помощник Екатерины II, после присоединения Крыма получил титул светлейшего князя Таврического. *Необрезанные сердца* — выражение восходит к Библии (Книга пророка Иезекииля, гл. 44, ст. 7), имеются в виду непо

...сшедшие или впавшие в грех. *Студодейное* — непотребное; от слова «студ» (старосл.) — срам, поругание. Стр. 48. *...писано в Новегороде Звездное Небо...* — Речь идет об иконе «Софии, премудрости Божией» в Новгородском Софийском соборе, где «небо изображено в виде длинного темно-синего полотна, усеянного звездами и поддерживаемого ангелами» (Ровинский Д. История русских школ иконописания до конца XVII века. СПб., 1856, с. 62). *Киевское изображение.* — Речь идет об иконе «Софии, премудрости Божией» из Киевского Софийского собора; далее текст Лескова почти дословно совпадает с составленным И. П. Сахаровым описанием этой иконы (Указ. соч., кн. II, с. 32—33). *Моисей со скрижалию* — изображение пророка Моисея, получившего от Бога скрижали — каменные доски с 10-ю заповедями (Книга Исхода, гл. 34). *...Аарон в митре и с жезлом прозябшим...* — По библейскому преданию, жезл первосвященника Аарона процвел, что служило знаком избранничества (Книга Чисел, гл. 17); прозябнути (старосл.) - прорасти. *...царь Давид в венце...* — Цари Израильско-Иудейского государства Давид обычно изображался в царском венце. *...Исаия-пророк с хартией...* — Ветхозаветный пророк Исаия изображался с хартией, содержащей текст его предсказания пришествия Христа. *...Иезекииль с затворенными вратами...* — Ветхозаветный пророк Иезекииль «держит, — писал И. П. Сахаров, — затворенные врата»: символ, восходящий к видению Иезекииля: «И сказал мне Господь: ворота сии будут затворены, не отворятся, и никакой человек не войдет ими; ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими...» (Книга пророка Иезекииля, гл. 44, ст. 2). *...Даниил с камнем...* — Ветхозаветный пророк Даниил изображался с камнем, так как предрек явление Христа, уподобляя его камню, чудесным образом «оторвавшемуся от горы» (Книга пророка Даниила, гл. 2, ст. 34, 45). *...изображены дарования...* — Символические образы, о которых далее идет речь, восходят к тексту Писания, а их истолкование — к киевской иконе «Софии, премудрости Божией», где эти символы сопровождаются поясняющими их текстами. *...глашение о «великия и богатыя милости»...* — Одно из прошений сугубой ектении: «Еще молимся о плодоносящих и добродеющих во святем и всечестнем храме сем, труждающихся, поющих и предстоящих людех, ожидающих от Тебе великия и богатыя милости». Стр. 50. *Притоманные* — домашние, коренные. *...бано пакибытия восприяли!* — Т. е. возродились, духовно обновились; восходит к словам апостола Павла о Христе: «Он спас нас <...> банею возрождения и обновления Святым Духом» (Послание к Титу, гл. 3, ст. 5); пакибытие (старосл.) – возрождение. *Клинцы, Злынка* — посады в Черниговской губ. (ныне города Брянской обл.), центры раскольничьих общин. Стр. 51. *Рефть* – краска, составлявшаяся «из лазори с чернилом, лазори с баканом, белил с чернилом» (Ровинский Д. Указ. соч., с. 121). *Нефть* – «на белой нефти с мастикою растворяется золото» (там же, с. 119). *Лебастровые* — т. е. алебастровые грунта, считавшиеся по сравнению с меловыми, более прочными. *...называют «адо-*

...». — В статье «Адописные иконы» (1873 г.) Лесков пояснял: адописными называют иконы, на которых под основным изображением рисовали чертей. *Утлизна* — ветхость. *...Николою огрел...* — Речь идет об иконе с изображением св. Николая Мирликийского. Стр. 52. *Нарохститься* — храбриться. Стр. 53. *...Иосифов плач выводит...* — т. е. поет духовный стих на библейский сюжет (Бытие, гл. 37—50) «Плач Иосифа»; Лесков, вероятно, цитировал его по изданию П. Бессонова «Калики перехожие. Сборник стихов и исследование» (М.,1861, вып. 1, с. 187—205). Стр. 54. *Анахорит* (анахорет) — отшельник. *Пощупять* — побранить, пожурить. *Аристотелевы врата* — сборник житейских наставлений, по преданию, составленных Аристотелем (восходит к арабскому памятнику VIII—IX вв.); в Стоглаве (сборнике постановлений церковного собора 1551 г.) «Аристотелевы врата» упомянуты в числе еретических книг; ими, возможно, и объясняется реплика героя. *Гемфан* (Сатури) — бог, которому покланяются иудеи в пустыне. *...кобий... был Давидушкин в дому...* — Вторая книга Царств, гл. 17, ст. 28. Стр. 55. *Нелепые* — здесь: несвязные речи. Стр. 56. *Отрясица* — лихорадка. *Крупный* — густой. *Аркфовы древеса* — источник выражения не установлен. *Не спяй и бдяй...* — т. е. не спящий и бодрствующий. Стр. 57. *Отрасль* (церк.-русск.) — побег дерева, отросток. Стр. 58. *Ад* (церк.-русск.) — преисподняя, русск. Стр. 59. *...как гнерея жир...* — мирровая [illegible] (Второе послание к Тимофею апостола [illegible]). *Гнерея* (устар.) — гангрена. Стр. 62. *...Вавилон* [illegible] Вавилона (города и башни до небес) — символ [illegible], которую Бог покарал строителей (Бытие, гл. 11. *...обрящет [illegible] человека сего...* — «Перестаньте вы надеяться на человека, которого дыхание в ноздрях его: ибо что он значит?» (Книга пророка Исаии, гл. 2, ст. 22). Стр. 64. *Роман-сладкопевец* — Во [illegible] Прологе житии святого Романа (V в.) рассказано о способности святого исцелять и кормить «бесплодных радость материнства». *...любезно младенца...* — Царь Ирод, испуганный пророчеством о Христе, повелел убить всех младенцев в Вифлееме: рассказ об этом событии в Евангелии завершается цитатой из Ветхого завета, повторенной далее Лесковым: «Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться...» (Матфей, гл. 2, ст. 17—18). *Вылевкасил* — загрунтовал. *Рождество Иоанна Предтечи.* — Описывая здесь четыре иконы (рождество Иоанна Предтечи, Богородицы, Христа и святого Николая Мирликийского), Лесков почти буквально повторил текст иконописного подлинника, где содержались подробные указания, как писать эти иконы. *Иосиф* — в семье Иосифа и девы Марии родился Иисус Христос. *Волхвы* — мудрецы-звездочеты, пришедшие поклониться младенцу Христу. *Соломия-баба* — повитуха, приглашенная Иосифом при рождении Христа. *Сухолапль-птица* — чайка, которую иудеям действительно запрещено употреблять в пищу (Книга Левита, гл. 11, ст. 16). *Святая Анна* — мать девы Марии. *Тимпанницы* — играющие на тимпане.

Стр. 65. *Иоаким* — отец девы Марии. *Призелень* (празелень) — иссиня-зеленоватая краска. *Бокан* (бакан) — багряная краска. *Запоны* — занавеси. *Червленый* — ярко-малиновый. *Вохряной* — желтый. *...«аще убо ...»* и т. д. — Лесков цитирует 43-ю главу Стоглава (см. примеч. к с. 54), во фрагментах обычно входившую в предисловия к иконописным подлинникам. Стр. 66. *Крыга* — льдина, плавучий лед. *Хлота* — мокрый снег, зимняя непогода. *Жимкнуть* — прижать, придавить. Стр. 67. *Еспер ...* — Венера. *Долонь* (ст.-русск.) — запонь. *Басма* — тонкий узорчатый оклад иконы. Стр. 68. *...Зосиму или Герасима со львом...* — Этих святых предписывалось изображать со львом в соответствии с сюжетами их житий: Зосима, пустынник киликийский (IV в.), мученик веры, кормил диких зверей и был спасен львом от истязаний; Герасим, иорданский подвижник (V в.), вынул раненого льва, который «сделался вседневным служителем святого» (Пролог); в 1888 г. Лесков переработал это житие в легенду «Лев старицы Епсебии». *Святого Неофита ...с птицею голубем...* — Чудотворец Неофит (III — IV вв.), согласно его житию, был призван к подвижничеству явлением голубя. *Конона Градоря с цветами...* — Святой Конон (III в.) занимался садоводничеством и почитался в народе как покровитель садоводства. *...Тимофея с колчаном...* — О каком святом идет речь, установить не удалось. *...Георгия и Саввы Стратилата с копьями...* — Эти святые были воинами, поэтому их предписывалось изображать с копьями в руках. *...Фотия с корчагой...* — «Святой мученик Фотей» держит «в правой руке крест, а в левой <...> сосудец» (Забелин И., Филимонов Г. Иконописный подлинник новгородской редакции. М., 1873, с. 132); корчага — от слова «корчаги» (старосл.) — церковное казнохранилище, сокровищница. *...Конрата с облаками...* — Святой Конрад, в младенчестве оказавшийся один в горах, был «питаем от облак, состоящих над ним в виду посланных» (Пролог). *...яко врасы на падшие...* — как вороны на развалинах; больная цитата из «Моления» Даниила Заточника (XII в.). Стр. 70. *...дух его не хощет дышат...* — Иоанн, гл. 5, ст. 8. Стр. 72. *Великий прокимен* — три стиха, произносимые и повторяемые хором в начале церковной службы в дни великих праздников. *Начать* — лячить, по В. И. Далю, — затягивать. Стр. 73. *Покровский* — т. е. сделанный из шерсти молодой овцы (ярки). Стр. 74. *Немотствовать* — здесь: молчать. *Осемиток* — от глагола «осемиклить» (запянуть, обмотать). Стр. 75. *Ино* — даже. *Катавасия* — разновидность церковного хорового пения. *«Отверзу уста...»* — начальные слова наиболее распространенной катавасии.

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

Впервые — Русский мир, 1873, №№ 272 — 311 (с пропусками некоторых номеров).

Стр. 79. *...от острова Конева к Валааму...* — На этих «монашес-

ких», по слову Лескова, островах, издавна находились монастыри, места массового паломничества: «Валаам, по всеобщему мнению, незыблемая твердыня русского иночества, пребывающего здесь во всей чистоте древней христианской общины» (Лесков Н. С. Очерки и рассказы. СПб., 1892, с. 3). *Корела* — ныне г. Приозерск Ленинградской обл. Стр. 80. *Дьячок* — низший церковнослужитель, не имеющий степени священства. *Самоубийцы... будут мучиться.* — Церковь лишает самоубийц церковного погребения, панихиды и поминовения на литургии. *Послушник* — человек, готовящийся к принятию монашества и исполняющий разного рода послушания (низшие церковные и монастырские службы). *Камилавка* — высокий головной убор. Стр. 81. *Картина Верещагина* — работа В. П. Верещагина (1835—1909) «Илья Муромец на пиру у князя Владимира» (1871 г.). *...в поэме графа А. К. Толстого.* — Стихотворение А. К. Толстого (1817—1875) «Илья Муромец» (1871). Далее Лесков цитирует это стихотворение. *...чуть было не расстри-ли...* — т. е. едва не лишили духовного сана. *Митрополит Филарет* — Филарет (в миру — Дроздов Василий Михайлович, 1783—1867) — митрополит Московский (1821—1867). *Благочинный* — священник, помогающий епископу в надзоре за церковной жизнью в благочинии — части епархии. Стр. 82. *Преподобный Сергий* — основатель Троице-Сергиева монастыря, воинствующий игумен Сергий (в миру Варфоломей) Радонежский (1321—1391). *Преподобный* — святой из монахов. Стр. 83. *Странноприимец* — служащий полевого лагеря. *Святитель* — торжественный титул архиерея. *Проскомидия* — первая часть литургии, когда готовятся святые дары для причащения. *А потому, что «толцытеся»...* — Имеется в виду заповедь Христа: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Матфей, гл. 7, ст. 7); «толцытеся» (старосл.) — стучите. Стр. 84. *На Троицу, не то на Духов день...* — т. е. в день праздника Святой Троицы (49-й день после Пасхи), либо на следующий день, в праздник Сошествия Святого Духа. Предположение, что в эти дни «позволено» молиться за самоубийц, объясняется, возможно, контаминацией названных христианских праздников, следующих за неделей поминовения усопших, с приходившимся на ту же неделю праздником народным — Семиком, который начинался «благочестивым обычаем погребать и поминать несчастно умерших», «убогих, скудных и пришельцев, застигнутых насильственною или внезапною смертию», в том числе и самоубийц (Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1838, вып. 3, с. 108, 185, 188). *...молитвы такие особенные читаются.* В Троицкую субботу, накануне дня Святой Троицы, на вечерней службе читаются молитвы, составленные Василием Великим, одним из отцов церкви, знаменитым духовным писателем (см. примеч. к с. 18). *Иеромонах* — монах в сане священника. *Иеродиакон* — монах в сане диакона. *...в рясофоре.* — Т. е. в рясе и клобуке, но без мантии, которую носят уже принявшие пострижение. *...из унтеров...* — из унтер-офицеров (младшего

...мандного состава). *Кантонист* — солдатский сын, обязанный нести ...енную службу. *Конэсер* (от ф р. connaisseur) — знаток. Стр. 85. *Ремон...ер* — должностное лицо военного ведомства, приобретающее лошадей ...ля войсковых частей. *Седельная лука* — выступающий изгиб переднего ...или заднего края седла. *Воображение* — искаженное «изображение». *Ра...дей* — Джон Рарей (1827—1866), американский дрессировщик лошадей, ...приезжал в Россию в 1857 г. Стр. 86. *...от святого храброго князя Всеволода-Гавриила...* - Новгородский князь Всеволод-Гавриил Мстиславич (ум. в 1138) канонизирован русской церковью. «В Пскове, на ме...е, лежащем при гробнице Гавриила, начертано: Honoret meum nemini dabo — т. е. чести своей никому не отдам» (Снегирев И. Русские в своих пословицах. М., 1831, ч. II, с. 111). *Муравный* - покрытый мурашей (эмалью, глазурью). Стр. 89. *Граф К.* — Возможно, имеется в виду граф С. М. Каменский (см. о нем примеч. к с. 346). *Ворок* — загон для скота, скотный двор. *Ассигнации* — бумажные деньги, введенные в России в 1769 г. и изъятые из обращения в 1843 г. Синего цвета были ассигнации пятирублевого достоинства (выпуск 1786 г.). Стр. 90. *Форейтор* — верховой на передней лошади при запряжке цугом. *Вятки* — лошади вятской породы. *Казанки* — лошади казанской породы. *Калмыки* — лошади калмыцкой породы. *Битюцкие* — битюк (битюг): крепкий ломовой конь. *Оборканюсь* — привыкнут, обзаведутся. *Кофишенк* — (от нем. Kaffeeschenk) — должность смотрителя за чаем и кофе при дворе или в дворянской усадьбе. Стр. 91. *П... пустынь* — возможно, Предтечева Ямницкая пустынь (Трубчевский уезд Орловской губ.). *...клонить под взволочек...* — подымать в гору. Стр. 92. *Надолба* — столбик, вкопанный в землю (обычно на него надалбливались перила). «*...без покаяния жизни решил*». — Т. е. лишил возможности исповедаться перед смертью. Стр. 93. *...в Воронеж, - к новоявленным мощам...* - Открытие в 1832 г. мощей св. Митрофана (в миру Михаила; 1623—1703), первого епископа Воронежского, описано Лесковым в рассказе «Несмертельный Голован». *Село Крутое* — это село находилось к юго-западу от г. Ельца Орловской губ. *Дышловые* — лошади, припряженные к дышлу (одиночной оглобле, служащей для поворота повозки). Стр. 94. *...в корню...* — т. е. в оглоблях. Стр. 99. *Огуменник* — площадка для молотьбы и хранения хлеба. Стр. 100. *Дворник* - здесь: содержатель постоялого двора. *...пошел к заседателю...* — В компетенцию заседателя (члена уездного суда или судебной палаты) входили дела о беглых крестьянах. Стр. 101. *...от Митрофания...* — из Воронежского Митрофаниевского монастыря. *Отпускной вид* — свидетельство, полученное крепостным для занятий торговлей или отхожим промыслом. Стр. 103. *...дыбки стоять...* — становиться на ноги («дыбать» — ходить). Стр. 104. *...в Еруслане и в Бове Королевиче...* — Речь идет о лубочных картинках и книжках, созданных по мотивам популярных в народе сказок о Еруслане Лазаревиче и Бове Королевиче. Стр. 109. *...по артикулу...* — здесь: по военному уставу. Стр. 110. *Выхожу за Суру...* — река, протекающая через Пензу. *Кошма*

(тюрк.)—кусок войлока. *Штучный халат*—т. е. сшитый из кусков. *Хан Джангар*—реальное лицо, хан Букеевской киргизской орды, кочевавшей в пределах Астраханской губернии. *Рынь-пески* (от «нарын»—узкий песок)—гряда песчаных холмов в низовьях Волги. *Шихи*—искаженное «шейхи» (духовные наставники, высший чин мусульманского духовенства). *Ших-зады*—шейх-заде (младший шейх). *Мало-зады* (от «малай-заде»)—низшие слуги. *Мамы*—имамы (представители духовенства). *Азии* (от «казо» или «казий»)—именитые лица. *Дервиши*—дервиши (нищенствующие монахи). *Улапы* (от «уламы», «улемы»)—представители верхушки мусульманского духовенства. Стр. 111. *Антик*—здесь: редкость. Стр. 112. *Селикá*—село около Пензы на пути к Приволжским степям. *Игреный* (игреневый)—[illegible] с белой гривой и хвостом. *Мизорь*—печенотая сила. Стр. 113. *Пудовый шапи*—село к востоку от Пензы. Стр. 114. [illegible] колукафтан. *Чеяки*—башмаки. *Курхан*[illegible]—род кафтана. Стр. 116. *Ярие*—здесь: яркие. Стр. 117. [illegible] покрывающая. *Спрехвала*—[illegible] золь. Стр. 119. [illegible]—[illegible] с подпалинами. *...земли за ним ещё приобрел...*—[illegible] используется здесь традиционная сказочная [illegible]. Стр. 120. *Кондиции*—условия (от фр. conditions). Стр. 121. [illegible] [illegible] слов». Стр. 125. *Кеч* (кеш) (тюрк.)—[illegible]. Стр. 127. *...миром не мазаны.*—После крещения в [illegible] таинство миропомазания (миро—[illegible]. *Мала*—косогоры, откосы. Стр. 128. *Чимдан*—[illegible] В. П. Далем так называем зафиксировали разные растения ([illegible] и др.). *Хлуть*—конских кругах. *Залубенел*—затвердел. Стр. 129. *...Христа славить...*—т. е. служить молебны по [illegible] Иван и Пасху это шествие сопровождалось пением «Христос воскресе». Стр. 130. *...о плавающих и путешествующих, страждущих и недужных...*—Речь идет об одной из молитв, входивших в великую ектению (особый вид молитвенных прошений в церкви). Стр. 132. *...во Христе нет ни эллина, ни иудея...*—т. е. все равны: и греки и евреи (цитата из Первого послания к Коринфянам св. апостола Павла, гл. 12, ст. 13). *...рабы должны повиноваться...*—Имеется в виду следующие слова: «Рабы, повинуйтесь господам (своим) по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу» (Послание апостола Павла к Ефесянам, гл. 6, ст. 5). *...«Святый Боже»...*—«Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас»—так называемая Трисвятая молитва (часть заупокойной службы). Стр. 133. *Талмуд*—книга, в которой собраны религиозно-нравственные и правовые нормы иудаизма. *...с Моисеем через степь перегнал...*—Имеется в виду библейский рассказ об исходе израильтян из Египта (Исход, гл. 13, 14). Стр. 134. *Штуковатый*—затейливый, хитрый. Стр. 135. *...из Хивы пришли...*—из Хивинского ханства (находилось на территории современных Узбекистана и Таджикистана). Стр. 136. *Зыкули* (зикуль)—вы[illegible]

нуля. Стр. 137. *...«во имя Отца и Сына»...*— часть тайносовершительной формулы, сопровождающей обряд крещения. Стр. 140. *«...один на зиму, один на лето живет».*— Имеются в виду два праздника в честь святого Николая — Никола зимний (6 декабря) и Никола вешний, или летний (9 мая). *...коровок берег...*— Св. Николай считался покровителем домашнего скота. *Кереметь* — по объяснению В. И. Даля, дух зла в чувашской мифологии. *Ватага* — здесь: артель. *Зачичкался* — захилел, похудел. Стр. 141. *...не разрешает мне причастия...*— Причащение — христианское таинство, под видом хлеба и вина вкушается тело и кровь Христа во имя приобщения к вечной жизни. Запрещение причащаться — суровое наказание для верующего. Стр. 143. *Две гривны* — двадцать копеек. Стр. 144. *Латошить* — бестолково спешить, суетиться (от «латоха» — болтун, торопыга). *Соколок* — выступ на передней части грудной кости у животных. Стр. 145. *Пупится* — приподымается. *Кила* — грыжа, опухоль. Стр. 146. *Архалук* — домашний кафтан, халат. Стр. 148. *Гнедая* — красновато-рыжей [illegible] с хвостом и гривой черного цвета. Стр. 149. *Застреха* — брус, поддерживающий нижний край крыши. Стр. 150. *...вынул за себя [illegible]...*— «Часточка» — частица просфоры; возможно, герой [illegible] о поминовении его с изъятием частицы просфоры на просхождении. *...на стене Страшный суд нарисован...* — Изображение Страшного суда в церкви обычно помещается над входными западными дверями. Стр. 153. *...Иов на гноище...* — Имеется в виду библейская легенда о страданиях пораженного проказой Иова (Книга Иова). *Магнетизм* — здесь: гипнотизм. Стр. 154. *Регент* — дирижер церковного хора. Стр. 155. *Лонтрыга* — гуляка, пьяница, мот. *...«краса природы совершенство»?* — Искаженное начало стихотворения «Краса! Природы совершенство!..» (приписывалось Рылееву, Языкову, Лермонтову). Стр. 156. *Четминеи.* — Имеются в виду Четии Минеи (сборники житий и поучений, расположенных в календарном порядке). Стр. 160. *Казакин* — полукафтан на крючках со сборами сзади. Стр. 161. *...и синие синицы, и серые утицы, и красные косачи... белых лебедей нет.*— Ассигнации: пятирублевые (синего цвета), десятирублевые (серые), двадцатипятирублевые (красные) и сто- или двухсотрублевые (белого цвета). Стр. 164. *Исправник* — председатель земского суда, высшая полицейская власть в уезде. *«Челнок»* — романс Алябьева на слова Д. Давыдова (стихотворение «И моя звездочка», 1834 г.). Стр. 165. *«Золотая, дорогая, предвещательница дня»* — у Д. Давыдова: «Молодая, золотая...». *«Отойди, не гляди...»* — романс А. Е. Варламова на слова А. Н. Бешенцова. *«Иль играть хочешь ты...»* — тот же романс (вместо «над собой» в тексте А. Н. Бешенцова — «надо мной»). Стр. 166. *«Ты восчувствуй, милая...»* — песня С. Митрофанова «Ты почувствуй, дорогая!» (1799 г.). *Манежиться* — жеманиться, ломаться. *Ерихониться* — хорохориться, ерепениться. Стр. 167. *Коник* — ларь или лавка для спанья. Стр. 168. *Шинкарка* — хозяйка шинка (кабака). Стр. 171. *«Люди добрые, послушайте...»* — романс не установлен. Стр. 172. *«Успокой ме-*

ия, беспокойного...» — романс на слова Д. В. Давыдова «Я люблю тебя, без ума люблю!». Стр. 174. *Обельма* — множество, громадное количество. *Шорная мастерская* — мастерская для изготовления кожаных изделий (ременной упряжи, седел, уздечек). *Великатиться* — искаженное «деликатничать». Стр. 179. *...на послухах...* — в роли свидетеля или слушателя. Стр. 180. *...у Макария стоит ярмарка...* — знаменитая нижегородская Макарьевская ярмарка. Стр. 181. *...поднимете... на фуфу...* — т. е. обманете, надуете. *Предводитель* — предводитель дворянства, выборный дворянский представитель в губернских или уездных органах самоуправления. Стр. 183. *Зачертить* — набезобразничать. Стр. 187. *Моревое* — либо осветленное (по В. И. Далю, «морить... окрашивать вещь, вымачиванием, варкою), либо шелковое («мор» В. И. Даль объяснял как шелк с серебром или золотом). *Пр...* *Отмор* — [illegible] *Перешпять* — истлеть. Стр. 188. *О...* [illegible] разряд служивых людей, владевших землей (об... [illegible] платившим подушной податью наравне с крестьянами. *Мар...* [illegible] мареновой краской (добывалась из корневища марены). *Вор...* [illegible] ...ей простейшего устройства (дуплю и в землю забивают). Стр. 190. *Луповочка* — пуп, пупок. Стр. 191. *...* [illegible] такое значение уже в словаре В. И. Даля помечено как [illegible]. Стр. 192. *...«Отче» прочитал...* — т. е. молитву, уже упоминавшуюся [illegible] (ст. 5—13), «Отче наш» (Матфей, гл. 6, ст. 9—13). Стр. 193. *...крестьяне...* — крестьяне, находившиеся в зависимости от помещика, а не от помещика. Стр. 194. *...с Георгием в петлице...* — т. е. либо об ордене, либо о знаке отличия военного ордена св. Георгия, которым награждались обычно нижние воинские чины. *...в приказные идти...* — т. е. стать мелким канцелярским служащим. *...на фиту пришел...* — фита (Ѳ) — предпоследняя буква в старославянском алфавите. *...буки, или покой, или како...* — старославянские названия букв «Б», «П» и «К». *...кто чуть хочет благородить... фиты через ферт ставит.* — Ср. замечание Н. В. Гоголя о фите: «...буква, почитаемая некоторыми неприличною» («Мертвые души», гл. IV, подстрочное примечание). Ферт — буква «Ф». Фита и ферт обозначали один и тот же звук. Стр. 195. *Адмиралтейская площадь* — ныне [illegible] цовая площадь. *Столоначальник* начальник стола (стол — отдел учреждения в дореволюционной России). *Сенатские* [illegible] служившие в Сенате (высшем судебно-административном учреждении). *...на Страстной неделе или перед масленицей...* — Балаганные представления обычно давались на масленицу (ей предшествует мясопустная неделя, посвященная напоминанию о Страшном суде и необходимости покаяния) и на Пасху (ей предшествует Страстная неделя, последняя неделя великого поста, посвященная воспоминанию о конце земной жизни Христа). *«Покаяния отверзи ми двери»...* — Одна из центральных молитв, произносимых в церкви на Страстной неделе. *...в двух переменах...* — вероятно, в двух отделениях представления или в двух спектаклях.

данных подряд. Стр. 196. *...в апофезе...*— искаженное: в апофеозе (торжественная заключительная картина театрального представления). Стр. 197. *...в малом еще постриге...*— Речь идет о начальной степени монашества. *Старший постриг* — вторая степень монашества, так называемая «малая схима». *...«ангел сатанин был дан ему в плоть»...*— Неточная цитата из Второго послания к Коринфянам апостола Павла: «...дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтоб я не превозносился» (гл. 12, ст. 7). Стр. 198. *«Противустаньте дьяволу, и побежит от вас»...* — Соборное послание св. апостола Иакова, гл. 4, ст. 7. *Протягновение* — возможно, от глагола «протязати» (старосл.): протягивать, простирать. Стр. 200. *...ключи от царства небесного.* — Апостол Петр — хранитель ключей от райских врат (Матфей, гл. 16, ст. 19). Стр. 201. *...на Мокрого Спаса, на [illegible], во время благословения хлебов...* — т. е. 1 августа, в праздник Всемилостивого Спаса и Пречистой Богородицы; «мокрым Спасом» его называли потому, что «по установлению церкви, в этот день бывает крестный ход на речки и источники для водоосвящения» (Максимов С. В. Литературные путешествия. М., 1986, с. 351). В южной полосе России (в частности в Орловской губ.) в этот день освящали также хлеб и овощи. *«Спас на водах»* — видимо, икона с изображением Христа, идущего по волнам и спасающего апостола Павла. Стр. 202. *Схимник* — монах, принявший великую схиму (высшую монашескую степень, требующую выполнения суровых, аскетических правил). Стр. 203. *...житие преподобного Тихона Задонского...* — Житие Тихона Задонского (Тимофея Соколова, 1724—1783), духовного писателя, с 1763 г. епископа Воронежского, впервые было издано в 1861 г. в связи с открытием его мощей и канонизацией. *...просить Богородицу о продлении мира на земле...* — Герой Лескова неточно передает этот эпизод жития: святой «моли о продолжении милостей Божиих ко всему миру» и в ответ услышал приведенные далее в рассказе слова апостола (Житие иже во святых отца нашего Тихона. СПб., 1862, изд. 2-е, доп., ч. 1, с. 88). *«Благое молчание»* — икона «Благое молчание Господь Саваоф» с изображением Христа «в образе [illegible], иногда в митре и саккосе, со сложенными на груди руками» (Кондаков Н. П. Указ. соч. СПб., 1905, т. 1, с. 68). Стр. 204. *...в Зосиму и Савватию...* — т. е. в Соловецкий монастырь; его основатели — святые Зосима (ум. 1478) и Савватий (ум. между 1430 и 1440). *...[illegible] судьбы свои от умных и разумных и только иногда открывающего их младенцам.* — Цитата из Евангелия (Матфей, гл. 11, ст. [illegible]; Лука, гл. 10, ст. 21).

НА КРАЮ СВЕТА

Впервые — Гражданин, 1875, № 52; 1876, №№ 1—4, 6.

Стр. 205. *...на святках...* — См. примеч. к с. 18. *Престарелый архиепископ.* — Прототипом этого героя послужил архиепископ Нил

(Н. Ф. Исакович, 1799—1874), архиерей Иркутский (1838—1853), затем Ростовский и Ярославский (1853—1874), рассказавший, по словам Лескова, историю, положенную в основу повести, крупному откупщику и финансисту В. А. Кокореву (1817—1889), с которым писатель неоднократно встречался в 1870-х гг. Важным источником сведений о Сибири послужила для Лескова и цитируемая ниже книга самого архиепископа. *Евангелические пасторы.*— Лесков имел в виду прежде всего лорда Редстока Гренвиля Валдигрева (1831—1913), евангелиста (представителя близкой к баптизму протестантской секты), приезжавшего в 1870-х гг. в Россию (см. примеч. к с. 234). Стр. 206. *...в Тюбингене, Лондоне или Женеве.*— Перечислены европейские центры религиозной мысли (Тюбинген — протестантский и католический, Лондон — англиканской, Женева — протестантский). *...с женой самаритянской...*— Возможно, речь идет о картине Ремонтанта «Христос и самаритянка»; далее рассказчик имеет в виду слова Христа: «у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не [illegible]» (Иоанн, гл. 4, ст. 18). *Христа целует здесь Иуда.*— Вероятно, картина П. Рубенса «Поцелуй Иуды». *...фарисей с динарием.*— Картина Тициана «Данилий кесаря», написанная на евангельский сюжет (Матфей, гл. 22, ст. 15—22). Стр. 207. *...скульптора Кауера...*— [illegible] скульптора Р. Кауера-Старшего (1831—1893) «Голова Христа». [illegible] Габриель (ок. 1629—1667) — голландский [illegible], вероятно, о работе другого голландского [illegible] (1456—1529). *Лафон.*— Речь идет о картине [illegible] Ад. Лафона (1815—1901) «Христос в пещере» [illegible] — [illegible] в XVII в. культ Сердца Пресвятого Иисуса. В хорошо известной Лескову книге священника М. А. Морошкина [illegible] культа: «...с особенной торжественностью [illegible] во всех коллегиальных церквах святейшее таинство, т. е. Тело Христово, говорились проповеди о значении торжества, которыми, по [illegible] иезуитов, разогревался состарившийся и охладевший в любви к Богу мир» (Морошкин М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. СПб., 1867, ч. 2, с. 176). *Аурум* — (aurum, лат.) — золотой предмет. Стр. 208. *...жидоватую главу Гверчино...*— картина итальянского художника Гверчино (настоящая фамилия Барбьери) Франческо (1591—1666) «Венчание терпием». *...по определению господина Ренана...*— Лесков имел в виду, вероятно, следующий фрагмент знаменитой книги Э.-Ж. Ренана (1823—1892), французского историка, философа, отрицавшего божественную природу Христа: «Одним раввином стало больше, вот и все (конечно, таким, который далеко привлекательнее был всех прочих); вокруг него толпилась молодежь, жадно его слушая <...>» (Ренан Эрнест. Жизнь Иисуса. Перевод И. Монакова. Дрезден, 1864, с. 100). *...по системе Лафатера...*— Швейцарский писатель И.-К. Лафатер (1741—1801) в знаменитых «Физиогномических фрагментах...» (1775—1778) обосновывал принципы соответствия душевных свойств внешним чертам челове-

...*к нам зашел Он в рабьем зраке...* — реминисценция стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья» (1855), служившего эпиграфом повести в первом отдельном издании (1876): «...Всю тебя, земля родная, // В рабском виде Царь небесный // Исходил, благословляя». Стр. 209. ...*ставленников стричь...* — т. е. посвящать в сан. *Престол.* — На престоле, расположенном в центре алтарной части церкви, обычно лежат несколько евангелий и крестов. Стр. 210. ...*ковриков с орлецами...* — Речь идет о круглых ковриках с изображением города и парящего над ним орла, которые подстилаются под ноги архиерею во время богослужения и благословения народа. *Горнее место* — кафедра епископа за престолом, куда дьяконы не допускаются. *Причетники* — члены церковного причта (дьячки, чтецы, псаломщики), во время службы читающие богослужебные тексты и поющие на клиросе. *Гугнявые* — картавые или гнусавые. ...«*приидите, поклонимся Цареви Нашему Богу*»... — начало церковного песнопения (Псалом 94, ст. 6). «*Да святится Имя Твое...*» — фрагмент молитвы, начинающейся со слов «Отче наш, иже еси на небеси!» (Матфей, гл. 6, ст. 9—10). Стр. 211. ...«*от лукавого*». — «...избавь нас от лукавого»: фраза той же молитвы. *Философ* — здесь: ученик философского класса духовной семинарии. ...*в богословском классе...* — т. е. в высшем классе духовной семинарии. «*Очи всех, Господи, на Тя упов...*» — «Очи всех на Тя уповают...» (Псалом 144, ст. 15). *Цивилист* — здесь: невоенный человек. Стр. 212. *Соборный протоиерей* — настоятель соборной (главной в городе) церкви. *Дикуша* — сибирское название черной смородины. *Кавалер* — прислужник архиерея. *Credo, quia absurdum.* — Источником этого выражения считается трактат христианского теолога Квинта Тертуллиана (ок. 160 — после 220) «О плоти и крови Христа». Стр. 213. ...*ламайскую или шаманскую...* — Речь идет о ламаизме (особом направлении в буддизме) и шаманстве — «язычестве, которое искони существовало в Азии» (Нил. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. СПб., 1858, с. 13). *Буддисиды* — в буддийской мифологии «покровители человеческого рода»: они «не достигли еще достоинств Будды, но [illegible] расположены ко всякому добру» (там же, с. 51—52). *Тенгериты* — «добрые и благодетельные» духи, «посредники между богами и людьми» (там же, с. 54, 56). *Ангоны.* — «Под сим именем разумеются души» умерших, способные «действовать то во вред, то в пользу живых», изображения ангонов развешивались «по стенам юрты в войлочных сумочках» (там же, с. 232—234). *Экклезиарх* — должностное лицо, наблюдающее за порядком в храме. Стр. 214. *Мирница* — сосуд со святым миром, с помощью которого после крещения совершается таинство миропомазания. *Дароносица* — ларец, в котором переносятся святые дары для совершения обряда причащения вне церкви. ...*тех, кои ни горячи, ни холодны, Господь обещал изблевать с уст своих...* — «Но как ты теплый, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откровение Иоанна Богослова, гл. 3, ст. 16). *Коленкоровая ряска* — т. е.

с изнанки из коленкора (хлопчатобумажной ткани). Стр. 216. *...я не Моисей... чтобы мне с Богом беседовать...* — Моисею, предводителю и наставнику иудеев, Бог явился на горе Синае (Книга Исхода). *...Чермного моря не рассеку...* — Призванный вывести израильтян из Египта, Моисей «простер (...) руку свою на море», «и расступились воды», «и пошли сыны Израилевы среди моря по суше...» (Книга Исхода, гл. 14, ст. 21—22). Стр. 217. *...тля водил.* — Т. е. конвоировал арестантов, ходивших «по этапу». Стр. 218. *...крыла даст, яко голубице, да полетит и почиет?* — Псалом 54, ст. 7. *Рекреация* (л а т.) — перемена между занятиями. *...Грозна во единице...* — Имеется в виду непостижимый рассудком догмат христианства о единстве трех ипостасей Бога — Отца, Сына и Духа Святого. *...Бог не в силе, а в правде...* — цитата из Писания: в «гласе тонка» (в русском переводе — в «веянии тихого ветра») Бог явился пророку Илие (Третья Книга Царств, гл. 19, ст. 12). Стр. 219. *...Зверь [сказал Илья]...* — Лесков намеренно снимает здесь устойчивую в XIX в. политическую окраску фразеологизма «русский Бог» (сем. одноименное стихотворение П. А. Вяземского, 1828 г.), возвращая ему изначально высокий смысл и одновременно изымая его из официального лексикона, усвоившего себе формулу «русский Бог» в николаевскую эпоху, к которой относится время действия рассказа. Стр. 220. *Гундосый язык* — т. е. эвенкский язык. *...щупял келейно...* — журил без свидетелей (лат.). *...отпущение в центре храма для проповеди. ...[Послан муж Божий] Гурию...* — Речь идет о Наказе Ивана Грозного первому Казанскому архиепископу Гурию (в миру Григорий Рутотин, ок. 1505—1563), отправленному в Казань в 1555 г. и призванному, как и рассказчик, обращать инородцев в православие. Цитируемой далее фразы в Наказе не обнаружено. *Притчник* — царь Соломон, автор Книги Притчей, откуда извлечена цитируемая далее в тексте фраза (гл. 15, ст. 33). Стр. 221. *...«поезже благочестие его со страхом бе сотрется».* — Цитата из «Слова о законе и благодати» митрополита Киевского Иларион (XI в.), выполнявшегося духовного писателя и церковно-политического деятеля. *Платон митрополит* — в миру Левшин (1737—1812); с 1775 по 1811 г. занимал архиепископскую кафедру в Москве, духовный писатель (источник цитаты не установлен). *...по тайноводству святого Кирилла Иерусалимского...* — Речь идет о «Тайноводственных проповедях» Кирилла, епископа Иерусалимского (315—386). *Симон Волхв* — самарийский чародей, принявший крещение, но оставшийся чуждым христианству (Деяния апостолов, гл. 8, ст. 9—24). *...«не вем вас»...* — Слова Христа, которые услышат в Судный день неистинные христиане: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Матфей, гл. 7, ст. 23). *...оправдятся и внидут...* — т. е. оправдаются на Страшном суде и войдут в царство небесное. Стр. 222. *«Будьте хитры, как змии, и незлобивы, как голуби»...* — цитата из Евангелия (Матфей, гл. 10, ст. 16). *...велел горшок каши сварить...* — Об этом народном обычае Лесков упоминал в статье «Гор

шек каши старому учителю» (1878). Стр. 223. *«Да просветится свет твой пред человеки...»* — Вольно цитируется Нагорная проповедь (Матфей, гл. 5, ст. 16). Стр. 224. *Подьячие* — приказные, писцы. Стр. 225. *...за слово емлешься!* — От глагола «емати» (др.-русск.) — брать, взымать. Стр. 226. *Катехизис* — краткое изложение вероучения. *Он Тертуллиана «О зрелищах» читал...* — В этом трактате Тертуллиан (см. о нем примеч. к с. 212) утверждал, что «устройство зрелищ основано на идолопоклонстве», и предписывал истинным христианам «удаляться от всяких зрелищ, равно как и от безумия века сего» (Творения Тертуллиана. СПб., 1847, ч. 2, с. 128,122). Стр. 227. *В язычех* (др.-русск.) — в народах. *Бесные* — одержимые бесом. *Ламы.* — В своей книге о сибирском буддизме (см. выше) Нил называл ламами все буддийское духовенство. *...на пиру в Кане...* - Речь идет о первом чуде Христа, превратившего в вино воду, наполнявную шесть каменных водоносов на свадьбе в Кане Галилейской (Иоанн, гл. 2, ст. 3 - 9). *...поплевал на глаза, а потом открыл их...* — Имеется в виду евангельский эпизод исцеления слепорожденного (Иоанн, гл. 9, ст. 1 —7: Марк, гл. 8, ст. 23 –25). Стр. 228. *Род Его кто исповесть...* — Слова пророка Исаии, предсказавшего пришествие Христа (гл. 53, ст. 8; ср. *Деяния Апостолов*, гл. 8, ст. 33). *...шелудивой овцой не брезговал... и тащит к Отцу.* — Представление рассказчика о Христе, восходящее к притче о потерянной овце — аллегории грешника (Лука, гл. 15, ст. 3—7), опирается также на распространенный сюжет иконы «Добрый Пастырь» с изображением Христа, несущего на плечах заблудшую овцу, и кроме того — на слова церковного песнопения «Иже Тебе ради Богоотец пророк Давид...»: «...обрет овча, на рамо восприим, ко Отцу принесет» (этот образ - символ соединения человека с небесными силами). *Катехизатор* - толкователь вероучения. *...Тот, Который имеет ключ Давидов: «Отверзаяй и никтоже отворит»* и т. д. - Речь идет о Христе, отверзающем врата Царства Небесного; герой Лескова цитирует Откровение Иоанна Богослова, гл. 3, ст. 7. *...книги безумным тя творят.* - Выражение восходит к Писанию (Деяния апостолов, гл. 26, ст. 24). *Ветхозаветный Аммос.* - Амос «был пастух и собирал сикоморы», но, по велению Бога, стал пророчествовать (Книга пророка Амоса, гл. 7, ст. 14 – 15). Стр. 229. *Фо* — прозвище Будды. *...поворачивало на католическую...* — На рубеже XVIII – XIX вв. католики, в особенности иезуиты, пользовались в Петербурге значительным влиянием, о чем Лесков читал, вероятно, в указанной выше книге М. Я. Морошкина. *...поворачивает на спиритскую.* — В 1870-х гг. в Петербурге увлечение спиритизмом захватило широкие слои общества и стало одной из самых модных в печати тем, занимавшей и Лескова. *Недащенький* — плохонький, негодный. *Калики-перехожие* — странники, певшие духовные стихи и жившие подаянием. Стр. 231. *...«о прока».* — Русское слово «напрокат», стилизованное под галлицизм. *Епитимия* — церковное наказание согрешившего. *Мережи* — сети. Стр. 232. *...звезды хватать...* — Речь идет об орденах. *«Что ми хощете дати, да*

а я вам предам?» — Вопрос Иуды Искариота: «Что дадите мне за то, что я вам его выдам?» (Матфей, гл. 26, ст. 15). Стр. 233. *Шигемуни* (Шакьямуни) — «Буддизм <...> признает законоположником своим Шигемуния и от него ведет священную свою эру...» (Нил. Указ. соч., с. 17). *Сумбергора* — священная гора, «средоточие вселенной», место пребывания богов в буддийской мифологии (там же, с. 67). Стр. 234. *...проповеди об оправдании...* — Речь идет о редстокистах, последователях лорда Редстока (см. примеч. к с. 205); с их учением об «оправдании человека верою в искупительную смерть Иисуса Христа» (Лесков Н. С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. СПб., 1877, с. 144) Лесков систематически полемизирует, отстаивая православный догмат об оправдании [illegible] и делом, в частности *...своего Кирика с его вопросами...* — Речь идет о драматическом сочинении Кирика Новгородца (XII в.) «Вопрошание Кирика, иже вопроси епископа Нифонта о числе. Приведенный далее в тексте «вопрос» Кирика, вероятно, заимствован [illegible] из хорошо знакомой Лескову книги Н. Знаменского. «Можно ли [illegible] причастие тому, кто до обедни в пеку постучит в зубы кулаком? Ответ: [illegible] один раз можно, но много раз возбраняй» (Знаменский Н. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1870, с. 90). *Хрест* (др.-русск.) — крест. *...я возрастаю...* — Перефразированные слова из Первого послания к Коринфянам ап. [illegible] Апостол пишет: «но возрастил Бог» (гл. 3, ст. 6). Стр. 235. *Кононовы* — Кононовы. *Мелкатые* — утолщенные. *Мегица* — [illegible] *Хвал-Гимназ* — [illegible] *Чи* — языческое [illegible] Лесков дословно взял из книги: Нил. Указ. соч., с. 200). *Чайлы* — старцы. Стр. 236. *Свящю... тайн...* — Но [illegible] Христа [illegible] вышедши из человеческого [illegible] о священ. и [illegible] рыбу о крупицы в озере, и потонувшем (Лука, гл. 5, ст. 1—11; Матфей, гл. 20, ст. 1—2). *...хлебца и рыбы мирские кормил.* — Речь [illegible] пяти тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами (Матфей, гл. 14, ст. 16—21; Лука, гл. 9, ст. 13—17). Стр. 241. *...пал в Китае жертвам...* — Об конкретных обстоятельствах обращения китайцев в католицизм Лесков, вероятно, читал в указанной выше книге М. Я. Морошкина (ч. 2, 1870, с. 322—329). *...другой новатор...* — шведский богослов, протестант Н. Вальденштрем (1838—?), утверждавший, по словам Лескова, что в основе веры лежит особый эмоциональный настрой (Лесков Н. С. Религиозные новаторы. Редсток и Вальденштрем. — Новое время, 1879, 29 мая). *Экартсгаузен Карл* (1752—1803) — немецкий писатель-мистик. *Массильон* — Жан-Батист Массильон (1663—1743) — французский проповедник, богослов. *Бурдалу* Луи (1632—1704) — французский проповедник, иезуит. Стр. 243. *Четвородневный Лазарь...* — Иисус воскресил похороненного в пещере Лазаря на четвертый день после смерти (Иоанн, гл. 11). Стр. 244. *Юкола* — вяленая рыба. Стр. 245. *Преферанс* — [illegible] имущество (калька с французского). Стр. 246. *Черная пещера.* — В

1756 г. бенгальский князь Сарадж-уд-Даул, захватив Калькутту, заключил англичан в тюрьму («Черную яму»), где большинство пленных задохнулись. Стр. 250. *Позорище* (др.-русск.) — зрелище. Стр. 252. *Шум* — палатка, шатер. Стр. 255. *Запощеванец* — сторонник старовер-ческого беспоповского толка, проповедовавшего крайний аскетизм. Стр. 256. *...кувшин разбился, и колесо над колодцем обрушилось...* — Вольная цитата из Книги Екклезиаста (гл. 12, ст. 6). *...сдвинул светильник мой с места...* — Образ восходит к Откровению Иоанна Богослова (гл. 2, ст. 5). Стр. 257. *Митра* — головной убор епископов и священников. *Гермес* — вестник богов, покровитель путников в древнегреческой мифологии. Стр. 259. *Св. Сирин* — Исаак Сирин (VII в.), духовный писатель, один из отцов церкви. *«...моего некрещеного?»* — т. е. моего близкого. *...мои, не той мне обычай силы...* — Лесков здесь опирается на образный строй библейской книги Иова (см. гл. 41, ст. 14). Стр. 260. *Плоть [моя] на мне ополчается от спины моей и рука моя отломится от мышц [моих]...* — Цитата из Книги Иова (гл. 31, ст. 22). *Августин* — Аврелий Августин, прозванный Блаженным (354—430), учитель церкви, боролся с ересями и язычеством. *«...предавал душу свою в благотворение»* — Цитата из Первого послания апостола Петра (гл. 4, ст. 19). *Ребиндо* — шитое золотое шитье. *...как Еммор и Сихем...* — По ветхозаветной легенде, Еммор и его сын Сихем, хотевший жениться на дочери Иакова, убеждали ханаанских мужчин согласиться на условие сыновей Иакова — сделать обрезание: «Не для нас ли стада их, и имение их, и весь скот их?» (Бытие, гл. 34, ст. 23). *...и семявал от рук их будет тебе яко же и кровь свиная.* — Цитата из Книги пророка Исаии (гл. 66, ст. 3). Семидал (др.-русск.) — тонкая пшеничная мука. *«Аще умедлит, потерпи ему, яко идый приидет и не умедлит».* — Ср. русский перевод: «...и хотя бы и замедлило, жди его, ибо непременно сбудется, не отменится» (Книга пророка Аввакума, гл. 2, ст. 3). *Сам Сый* — всегда и везде пребывающий Бог. Стр. 261. *Longior ille campos...* — Лесков цитирует фрагмент 6-й книги «Энеиды» римского поэта Публия Вергилия Марона (70—19 гг. до н. э.), где описано пребывание Энея в Элизии (раю). Стр. 262. *...перед истуканом дедрезда поля...* — Поставив золотого истукана «на поле Депре», царь Навуходоносор повелел народам, когда они услышат «звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и симфонии, и всяких музыкальных орудий», поклониться истукану (Книга пророка Даниила, гл. 3, ст. 1—7). *...судился с Ним, как Иеремия пророк...* — Призванный на пророческое служение, Иеремия отказывался от высокой миссии: «О, Господи Боже! я не умею говорить, ибо я еще молод» (Книга пророка Иеремии, гл. 1, ст. 6). Стр. 263. *...как Никодим, ночью...* Никодим, фарисей, «один из начальников иудейских», ночью пришел к Христу со словами: «...мы знаем, что Ты — Учитель, пришедший от Бога» (Иоанн, гл. 3, ст. 2). *...вари ко мне...* — от глагола «варити» (старосл.) — встречать, предварять. *...сокрушу стекло... но я не отпущу Тебя... доколе не бла-*

...не отпущу Тебя, пока не благословишь меня» (Бытие, гл. 32, ст. 26). *...«не токмо за свои молитися»* и т. д.— Цитата из «Устава убогого Кирилла», использованная Лесковым в качестве эпиграфа к составленной им брошюре «Молитвенные возношения к Богу святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского» (СПб., 1876). *Кирилл Туровский* (ок. 1130-х гг.— не позднее 1182) — деятель церкви, духовный писатель. Стр. 264. *Каношкевич* — митрополит Тобольский П. Конюскевич (ум. в 1770) был оклеветан, отрешен от епископства и отправлен в Киево-Печерскую лавру. *Арсений Мацеевич* (1697—1772) — митрополит Ростовский, боровшийся с вмешательством светской власти в жизнь церкви, предавший Екатерину II неправедной анафеме; был заточен в заключение в монастырь, затем лишен монашеского сана и отправлен в тюрьму, где содержался, по преданию, с вставленным кляпом в рту. *...как бронзовый, яко меч духовный...* — первая по очереди награда священника (четырехугольный плат с изображением креста), знаменующая собой меч духовный, т. е. слово Божие. *Рипидий* — заключительный ризницей, где хранится облачение духовенства. Стр. 265. *...плакала над его гробом Кузьма-домочадец...* — Цитируется фрагмент «Повести об убиении Андрея Боголюбского» (XII в.) — слова Кузьмы-киевлянина, слуги князя: «...бывало, [князь] приходил из Царьграда, иль из иной стороны, из Русской земли, и [я] встречал его, христианин, и язычник любой, и ты говорил: «Введите и верных со мной в палаты, пусть видят истинное христианство!» (Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980, с. 333—335). *Ора пирагы* — священник, награжденный митрой. Стр. 266. *Времена неудобопомнимые* — любимое выражение Лескова, восходящее к тексту Евангелия (см.: Лука, гл. 11, ст. 46). *Св. Гурий умел проповедать...* — См. прим. к с. 220; Наказ Ивана Грозного Гурию далее Лесков цитирует не по первоисточнику, а по его вольному изложению в указанной выше книге П. Знаменского (с. 130). *...во имя «Бога Иустинова».* — Св. Иустин Философ, автор «Обличения эллинов» (II в.), убеждал язычников принять христианство как веру в «Бога, которому служит Иустин». *...не отрекся бы и галицкий князь Владимирко...* — «Нарушив клятву, данную в <еликому> князю Изяславу II, Владимирко Галицкий с насмешкой сказал его послам, указывая на крест, который целовал: «что мне сделает этот маленький крестик?», и после этого спокойно отправился к вечере» (Знаменский П. Указ. соч., с. 41). Стр. 267. *...к своему Содому обернется и столбом станет.*— По ветхозаветной легенде, ангелы, выведшие Лота с семьей из обреченного Содома в Сигор, запретили им оглядываться, но жена Лота оглянулась «и стала соляным столпом» (Бытие, гл. 19, ст. 26). *...крыльца малые, а чревища великие...* — Образ почерпнут Лесковым из «Слова о власти и чести царской» Феофана Прокоповича; *пруги* — саранча *...наши «Камень веры» прятали...* — Речь идет о богословском сочинении

митрополита Стефана Яворского (1658—1722) «Камень веры» (1728), где отстаивалась православная догматика и критиковался протестантизм; с 1732 г. книга 9 лет находилась под правительственным запретом. «Молоток на Камень веры» — ответное сочинение, написанное с позиций протестантизма. *Голицын* А. Н. (1773—1844) — обер-прокурор святейшего синода (1803—1817), министр духовных дел и народного просвещения, способствовал развитию религиозного мистицизма. *Протасов* Н. А. (1799—1855) — граф, генерал от кавалерии, обер-прокурор синода (1836—1855); по словам Лескова, он «как был гусар, так им и остался, и сонмом архиерейским как эскадроном на ученьи командовал», принеся «церкви русской чрезвычайно много истинного горя» (Лесков Н. С. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 6. СПб., 1889, с. 511, 549). *Чебышев* П. П. — обер-прокурор синода в 1768—1774 гг. *«Гнилые слова»*. — Выражение восходит к Писанию (Послание к Ефесянам апостола Павла, гл. 4, ст. 29). *Сретать* — встречать. *Певни* — петухи. *...обложив туком свои лядвии...* — обрастив свои бедра жиром.

ОДНОДУМ

Впервые — Еженедельное новое время, 1879, № 37-39; названию предшествовало общее заглавие цикла — «Русские антики. (Из рассказов о трех праведниках)» — и предисловие ко всему циклу «рассказов о праведниках».

Стр. 268. *...приказного рода супругов...* — т. е. отец Однодума был приказным. *...по словарю кн. Гагарина...* — Имеется в виду справочник кн. С. П. Гагарина «Всеобщий географический и статистический словарь», откуда почти дословно выписаны приведенные в тексте данные (ч. 3. М., 1843, с. 351). *...«в беде не сробеет»* и т. д. — Неточная цитата из поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, красный нос» (1862—1863). Стр. 270. *Ночва* — неглубокое корытце, лоток. *«Мастерица»*. — В статье «Горшок каши старому учителю» Лесков пояснял: «школьный мастер или мастерица — учитель или учительница» (Сельское чтение, 1878, № 3, с. 34). *Досуж* — здесь: ловок, способен к делу. Стр. 271. *...из Солигалича в Чухлому...* — Эти города Костромской губернии разделяло более сорока верст. *Бёрнс Роберт* (1759—1796), *Кольцов* А. В. (1809—1842) — Лесков сближает шотландского поэта с русским, имея в виду их происхождение (Бёрнс был сыном фермера, Кольцов — сыном прасола) и близость к народной жизни. Стр. 272. *...«вышел чин»*. — Т. е. первый классный чин (Однодум стал чиновником XIV класса). *...лет за двенадцать...* — По правилам чинопроизводства, дети приказных могли получить первый чин лишь по истечении 12-ти лет службы (Полное собрание законов, т. 3. СПб., 1832, с. 1, 70). *...любил Исаию...* — т. е. Книгу пророка Исаии (Ветхий завет). *...«Позна вол стяжавшего»* и т. д. — Лесков цитирует со значительными пропусками старославянский текст 1-й главы книги пророка Исаии (ст. 3—24). Обличения ветхозаветного пророка

Лесков адресовал своим соотечественникам. Стр. 273. *...виденные Иезекиилем в «сухие кости»...* — оживание «сухие кости» — аллегория воскресения Христа и всеобщего воскресения (Книга пророка Иезекииля, гл. 37, ст. 1—14). *...не захромав ни на правое колено, ни на левое.* — Библейское выражение (аллегория праведности). Стр. 274. *Исправников тогда еще не было...* — Институт исправников (см. примеч. к с. 164) был введен в 1775 г. Екатериной II. Лесков допустил сознательное, видимо, хронологическое смещение, поскольку полицейско-административная иерархия, о которой идет речь (губернатор — городничий — квартальный), также была введена лишь при Екатерине II (Учреждение о губерниях — 1775 г.; Устав благочиния — 1782 г.). *...не только сельских людей...* — Комиссия исправника [illegible] распространялась [illegible] городничий (Ср. рассуждения чиновников в «Мертвых душах» о власти капитан-исправника — гл. VIII). [illegible] *учреждений...* — Речь идет о реформах 1860-х гг., начатой [illegible] исправников и городничих, объединение уездной и городской [illegible] от полиции следственной части и суперинт[illegible] *...стрелял в старосл.). Подруливая знать,* — [illegible] *...участковый* — квартальный надзиратель (полицейский) [illegible] порядок в квартале — отдельной части города. [illegible] *...десять рублей ассигнациями...* — См. [illegible] с. 89; произведенный далее пересчет [illegible] соответствует денежному курсу 1840-х гг. (3,5 р. [illegible] один серебряный рубль). *...сами вольтерианцы против него...* — Реминисценция из «Ревизора» Гоголя (см. слова городничего о фигах: «Это уже так самим Богом устроено, и вольтерианцы напрасно против этого говорят» — д. 1, явл. 1). Стр. 276. *...под [illegible] подсеки...* — Возможно, намек на воровство, по [illegible] колдуны и ведьмы, подманивая коров, «выманивают их до последней капли» (Максимов С. В. Собр. соч., т. 18. СПб., 1912, с. 149). *Будочник* (будочник, бударь) — нижний чин городской полиции. *...в поте лица твоего сиш хлеб твой...* — Бытие, гл. 3, ст. 19. *...не свирепся...* — не ссорился, не вздорил (от слова «свара»). Стр. 277. *Тиковый бешмет* — стеганый (реже нестеганый) полукафтан из тика (грубой дешевой ткани). *Нанковые* — сшитые из грубой хлопчатобумажной ткани. *Нагольный тулуп* — не покрытый тканью, сшитый кожей наружу. *Сорокоуст* — сорокодневная молитва в церкви по умершему. Стр. 278. *Коленкоровые манишки* — нагрудники из коленкора, прикреплявшиеся к мужской сорочке — деталь европейского костюма, не подходящая к русскому и катью О подуума. *...до разделения души с телом.* — Здесь и далее Лесков обыгрывает фразу из «Послания к Евреям апостола Павла»: «Ибо слово Божие живо и действенно <...> оно проникает до разделения души и духа...» (гл. 4, ст. 12). *...каждого своя...* (старосл.) — каждый свое. Стр. 280. *Библь* — Библия. *...женитьба... от Бога показана...* — «Потому оставит человек отца своего и

мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Бытие, гл. 2, ст. 24; Матфей, гл. 19, ст. 5). *...полон сосуд мерзости...* — Библейское выражение (см.: Откровение Иоанна Богослова, гл. 17, ст. 4). Стр. 281. *Конец* — кусок, остаток ткани. Стр. 282. *...сидел он на своем месте...* — Реминисценция из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя (глава «Женщина в свете»). Стр. 283. *...посылали молиться в Соловецкий монастырь.* — Намек на заточение в монастырь. *Сергей Степанович Ланской* (1787—1862) был министром внутренних дел с 1855 по 1861 г., титул графа получил в 1861 г., костромским губернатором служил с 1830 по 1832 г. Стр. 284. *...отменного от прежних «сталых» порядков...* — т. е. отличающегося от установившихся порядков. *Зерцало* — непременный атрибут присутственных мест в дореволюционной России (трехгранная призма с орлом в верхней части и наклеенными на каждой ее стороне экземплярами указов Петра I — о хранении прав гражданских, о поступках в судебных местах, о государственных уставах). Стр. 285. *Инвалиды* – негодные к строевой службе солдаты, составлявшие инвалидную роту при гарнизонном батальоне. *...до конец земли...* — до пределов земли (устойчивое словосочетание, восходящее к Писанию, употребляется иронически). Стр. 286. *Регистр* — список, реестр. *Манжкурт* (от фр. manches courtes) — короткие рукава. *Богоявленская вода* — вода, освященная в праздник Богоявления (6 января). Стр. 287. *Оффенбаховское настроение* — легкое, бездумное; по имени французского композитора, автора популярных оперетт Жака Оффенбаха (1819 – 1880). *...давалось по их вере.* — Иронически обыгрывается цитата из Евангелия (см. примеч. к с. 42). *...на сходах...* — на ступенях храма. Стр. 288. *Конпатая* - напыпатая, всклокоченная. Стр. 289. *...сверх ординари...* — т. е. сверх обычной порции, носившей, очевидно, характер взятки. *Кизлярка* - виноградная водка. Стр. 290. *Канифасовые* — из канифаса, хлопчатобумажной ткани. Стр. 293. *Стихарь* — верхнее облачение дьякона (подризник). *«Апликовая»* (от «аплике» — фр.) — посеребренная или украшенная накладным серебром. *«Благословен грядый во имя Господне»* — слова из Евангелия (Матфей, гл. 23, ст. 39). Стр. 294. *Солея* — возвышение перед иконостасом. *...чиновников — коронных и выборных...* — т. е. занимавших государственные должности или служивших по выборам от дворянства. Стр. 295. *Голова* — городской голова (председатель городской думы). Стр. 297. *«Государыня в переписке с Вольтером...»* - В неоднократно издававшейся в начале XIX в. и позднее переписке Екатерины II с Вольтером подобной фразы не обнаружено. *...при очарительном сватовстве Павла Петровича.* — В 1773 г. великий князь Павел Петрович (будущий император Павел I) вступил в брак с гессен-дармштадтской принцессой Вильгельминой (1755 – 1776), через три года скончавшейся. *...указ о поденном сборе.* - Вероятно, речь идет об указе 1799 г. «О правилах вырубки лесов... и о поденных деньгах», т. е. денежном сборе за порубку деревьев (счет велся по дням). *...о кончине юной дочери импе-*

ратора...— Речь идет либо о Марии (1799—1800), первой дочери Александра I, либо о Елизавете (1806—1808), второй дочери царя. Стр. 299. *Владимирский крест.*— Орден святого Владимира IV степени, которым, очевидно, и награжден Однодум, в 1830-е гг. выдавался либо «прослужившим беспорочно 35 лет по ведомству гражданскому», либо тем, «кто исполнит поручение начальства, сопряженное с явной опасностью для жизни» (Свод учреждений государственных. СПб., 1855, кн. 6, с. 81—84). *...кое-что кроме «одной дряни»...*— В «Предисловии» к циклу «рассказов о праведниках» автор задавался вопросом: «...неужто в самом деле <...> ни в чьей <...> русской душе не видать ничего, кроме дряни?»

НЕСМЕРТЕЛЬНЫЙ ГОЛОВАН

Впервые — Исторический вестник, 1880, № 12.

Стр. 299. *Совершенная любовь [illegible] страх.* – Цитата из Первого послания апостола Иоанна (гл. 4, ст. 18), обыгранная Лесковым и в конце рассказа. Стр. 300. *...так называемого в г. Орле «большого пожара»...* – Поскольку действие рассказа отнесено ко времени детства писателя (1830-40-е гг.), речь идет об одном из пожаров 40-х гг. (1841 или 1847 гг.) (см.: Пясецкий Г. Исторические очерки г. Орла. Орел, 1874. с. 178). *«...часть его большая...»* — Неточная цитата из стихотворения Державина «Памятник» (1795). *...отмечен моею бабушкою...*— Скорее всего приведенная далее запись — мистификация Лескова: его бабушка А. В. Алферьева (урожд. Колобова, 1780 — ок. 1860), «с немалым трудом и усталью писавшая письма», по мнению сына Лескова, вряд ли могла вести дневник (Лесков Андрей. Жизнь Николая Лескова. М., 1984, т. I, с. 92); далее названы подлинные имена родителей и няни писателя, Анны Степановны Каландиной (1812—1911). *Горохово* — в селе Горохово (ныне Свердловский район Орловской области) Лесков родился и провел детство. Стр. 301. *...губернское правление, где отец был советником.*— Отец писателя С. Д. Лесков (ок. 1789—1848) служил в 1830-х гг. заседателем в гражданской палате. *Кануфер* — пряное растение. *Погребное творило* — отверстие погреба. *...полуторагодовалый ребенок...*— явное хронологическое смещение: в мае 1835 г. Лескову было четыре года. Стр. 302. *«Чекменный»* — принадлежащий чекменю (кавказская одежда, род кафтана). *Дратва* — толстая нить для шитья кожи. Стр. 304. *...на Третьей Дворянской улице...*— Лесковы действительно жили на этой улице (ныне — Октябрьская), дом не сохранился. Стр. 305. *...узнавали в Паншине, в Лаврецком...*— Местом действия романа Тургенева «Дворянское гнездо» (1859) служит губернский город О... — явный намек на Орел. *Петуший камень.*— Здесь и далее, воссоздавая бытовавшие в народе медицинские представления и связанные с лечением поверья, Лесков использовал, иногда буквально цитируя (см. в

тексте закавыченные выражения), лечебник «Прохладный вертоград», известный писателю по книге В. М. Флоринского «Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVIII столетий» (Казань, 1879). Стр. 306. *Зелейник* — знахарь, лечащий травами и заговором. Стр. 308. *...сто четыре священные истории...* — Речь идет о книге «Сто двадцать четыре священные истории из Ветхого и Нового завета, собранные А. Н. с присовокуплением к каждой истории кратких правоучений и размышлений, в двух частях» (М., 2-е изд., 1832). В автобиографической заметке Лесков позднее вспоминал о «глубоком впечатлении», произведенном на него в детстве этой книгой (см.: Лесков Андрей. Указ. соч., т. I, с. 108). *...дали в услуги герою Кавказа Алексею Петровичу Ермолову...* — Генералу А. П. Ермолову (1777—1861), орловцу по происхождению, принадлежало в Мценском уезде Орловской губернии родовое имение (Голован мог быть его крепостным). Стр. 309. *Молокан* — аскетизм Голована сближен писателем с проповедью молокан — религиозных сектантов, «не одобрявших всякой роскоши и изысканности в пище и одежде и вообще в образе жизни», считавших, что «труд <...> нужен человеку, как хлеб и воздух» (Костомаров Н. Воспоминания о молоканах.— Отечественные записки, 1869, № 3, с. 74—75); многие молокане целыми семьями и деревнями были сосланы на Кавказ. Стр. 310. *...в рекруты без зачета.* Т. е. в виде наказания, вне очереди. *Бердо* — часть ткацкого станка, род гребня. Стр. 311. *...во время недавней «прокофьевской» чумы.* — В 1879 г. знаменитый врач С. П. Боткин ошибочно диагностировал чуму у петербургского дворника Наума Прокофьева, что вызвало панику в Петербурге (газеты подробно сообщали о симптомах и развитии его болезни). *...на день св. Агафьи Коровницы...* — День святой Агафьи приходился на 5 февраля; по пословице, «на Агафью коровья смерть ходит» (В. И. Даль). Стр. 312. *Пельнь* — полынь. Стр. 314. *Иван Иванович Аносов* — реальное лицо, орловский раскольник: «Скрываясь от правительства, он жил на пчельнике, — ломал мед и читал «книги кожаны», а в воскресенье по вечерам сходились к нему люди — кто с каким горем, и он их утешал и проповедывал, отпуская все грехи» (Лесков Н. С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. СПб., 1877, с. 121—122). *...«утоли моя печали».* — Икона Богоматери особого типа (здесь — в переносном значении). *Безоар-камень* — «находят его при бреге морском, а родится, сказывают, у змеи в желчи» (Флоринский В. М. Указ. соч., с. 158). Стр. 316. *...гонял по утрам на росу...* — т. е. выгонял коров в поле до восхода солнца — «на росу», обладавшую, по поверьям, целебной силой (особенно в народе верили в силу «юрьевой росы», т. е. росы, выпавшей в Юрьев день — 23 апреля). *Перекрещиванские* — принадлежавшие перекрещиванам (т. е. анабаптистам — религиозным сектантам, признававшим силу лишь сознательно принятого крещения и потому крестивших взрослых повторно). *Егорий светлохрабрый.* — См. вступительную статью, с. 11. Стр. 317. *Ботвить* — зеленеть,

разрастаться. *...святой Федул на него теплом подул...* — народная поговорка (день святого Федула приходился на 5 апреля). *Архиерей Никодим* — Быстрицкий Николай (ум. 1839), епископ Орловский и Севский (1828—1839), погребен в Орловском Успенском монастыре. *...иметь еще одну кавалерию...* — Кавалерией называли обычно орденскую ленту, носившуюся через плечо. Стр. 318. *...многоовчинному поповскому брюху...* — Перефразирована пословица «Поповское брюхо из семи овчин сшито» (В. И. Даль). *Партионный офицер* — начальник партии рекрут. *Епископ Аполлос* — Байбаков (1745—1801), Орловский и Севский архиерей в 1788—1798 гг. Стр. 320. *Отбелились холсты свежею юрьевой росою...* — Так как выпавшая в Юрьев день роса считалась целебной, «женщины-знахарки [illegible] выходят в поле и там расстилают холст, который они называют [illegible]» (Снегирев И. М. Русские простонародные [illegible] обряды. М., 1838, вып. 3, с. 74). *Иеремия пророк.* — По русскому земледельческому календарю, 1-го мая, в день памяти ветхозаветного пророка Иеремии, обычно начинали пахать; апокрифическое [illegible] на русской почве, детали облика святого («сохи на бороны») [illegible] здесь с каноническими: пророк носил на шее ярмо, предрекая иудейскому народу вавилонское рабство (кроме того, упоминание о ярме могло объясняться поверьем, что святой сам впрягал [illegible]). *Юрьев день* — 2 мая; этот день в народе называли [illegible] с прилетом соловьев. *...старыми святой Мавры...* — В [illegible] Мавры (3 мая) обычно высаживали молодую капусту [illegible] в огороды. *...прошел Зосима святой...* — Зосима (день его памяти — 17 апреля) почитался в народе хранителем пчел и заступником пчеловодов: «По наущению Божию, — говорит легенда, — Зосима и Савватий набрали пчелиных маток, заключили их в тростниковую палочку и отправились из Египта в православную Русь» (Максимов С. В. Литературные путешествия. М., 1986, с. 324; см. также примеч. к с. 204.). *День Иоанна Богослова* — день евангелиста Иоанна Богослова (8 мая). *«Николин батюшка».* — Так в народе называли 8 мая, день накануне «вешнего Николы». *...сам Никола отпразднован...* — день перенесения мощей святого Николая Мирликийского (в народе — «вешний Никола») приходился на 9 мая. *...Симон Зилот, когда земля именинница.* — В день святого апостола Симона, 10 мая, «мать-сыра-земля бывает именинница», запрещается копать и пахать, «чтобы не обидеть кормилицу-землю и чтобы не осерчала она» (Максимов С. В. Собр. соч., т. 18, с. 273—274). Стр. 321. *...с Ивана до полу-Петра...* — т. е. со дня Ивана Купалы (24 июня), когда, по народному поверью, набирали силу целебные травы, и до 30 июня, дня блаженного Петра-царевича, называвшегося в народе полу-Петром. *...до св. Федора Колодезника...* — т. е. до 8 июня, дня великомученика Феодора Стратилата, когда колодезники определяли места будущих колодцев. *...листы романа Виктора Гюго «Труженики моря»...* — Известен сделанный Лесковым перевод этого романа (Гюго В. Труженики

моря. М.— СПб., 1872, ч. 1—2). Стр. 322. *Федосеевцы* — течение в старообрядчестве, проповедовавшее безбрачие, отказ от священников, церковных таинств, молитвы за царя. *«Пилипоны»* (филипповцы) — секта, отвергавшая брак, моление за власть и проповедовавшая самосожжение. *...хлысты и «люди Божии»...* — «И скопцы, и хлысты называют себя теперь общим именем «людей Божиих», в противоположность «мирским», т. е. православным и раскольникам разных толков» (Реутский Н. В. Люди Божьи и скопцы. Историческое исследование. М., 1872, с. 4). *«Иудины губы».*— Об этом сплетне Лесков читал в «Прохладном вертограде», но приписал ему фантастические свойства, не упомянутые в лечебнике. *«Волосатый овощ».* — В «Прохладном вертограде» сообщается лишь, что это растение «жажду тушит» (Флоринский В. М. Указ. соч., с. 85). *...выводил...зодии...* — Вероятно, составлял карту звездного неба; зодии — созвездия Зодиака. Стр. 323. *Плезирная трубка* — подзорная труба. *К. Д. Краевич* (1833—1892) — математик, физик, автор учебников. *...не признавал седьмых времен...* — Имеются в виду предсказанные ветхозаветным пророком страдания его народа в течение «семидесяти седьмин» — до пришествия Христа (Книга пророка Даниила, гл. 9, ст. 24). *«Зверь десятирогий»* — апокалиптический образ. *...вовсе неправославно разумел о «крыле орлем», о фиалах и о печати антихристовой.* — Речь идет о толковании центральных образов Апокалипсиса. Стр. 324. *Попе* — А. Поп (Pope) (1688—1744), знаменитый английский поэт, автор дидактической поэмы «Начало морали, или Опыт о человеке» (1733—1734) (Голован далее цитирует ее в переводе Н. Поповского). Стр. 325. *«Любезный Болинброк...»* — Генри Сент-Джон Болинброк (1678—1751), английский общественный деятель, историк, публицист, герой поэмы А. Попа. *...при открытии мощей нового угодника...* — Речь идет о происходившем летом 1832 г. в Воронеже открытии мощей св. Митрофана (см. примеч. к с. 93). Стр. 326. *...пятьдесят две копейки (то есть пятиалтынный)...* — Счет идет на ассигнации с переводом — в скобках — на серебро (см. примеч. к с. 89). *...пожар метинского моста.* – Об этом событии Лесков писал в 1878 г.: «...сгорел и провалился метинский мост на николаевской железной дороге, а с тем сразу взорожало мясо, что, к большому огорчению питерщиков, так и остается до сих пор» (Чудеса и знамения. — Церковно-общественный вестник, 1878, № 19, с. 3). Стр. 327. *Девясил* — девятисил, лечебная трава. *Иванея* — Марьин корень; целебные свойства этой травы Лесков выписал из лечебника: «уймется стени нахождение, когда бывает человеку во сне тяжело» (Флоринский В. М. Указ. соч., с. 94). *Стень* — видение, призрак. *Майран* (майоран) — род душицы, «ище часто обоняем, мозг в главе укрепляет» (Флоринский В. М. Указ. соч., с. 89). *...сказание о силоамской купели...* — Имеется в виду евангельский сюжет (Иоанн, гл. 5, ст. 4). Стр. 331. *Пихтерь* — высокая корзинка для сена. *Хрептуг* — мешок, подвешиваемый к приподнятым оглоблям для корма лошадей. Стр. 332. *...дело о подделке мощей...* — Лесков посвятил этому «делу»

заметку, напечатанную в газете «Русская жизнь» (1894, 28 марта). *Кошкина трава* — репей. *Афедрон* — седалище. Стр. 334. *Желтые пупавки* — шафран. *Миткаль* — бумажная ткань. *Крест, копие и трость* — символы крестной муки Христа. Стр. 335. *...«славяще и благодаряще».*— Реминисценция евангельского эпизода воскрешения Лазаря (Иоанн, гл. 11, ст. 44). Стр. 336. *Архитриклин* (греч.) — хозяин, распорядитель пира. Стр. 338. *Непримиримых еще не было, но уже обозначались нетерпеливцы и выжидатели.*— «Нетерпеливцами» Лесков обычно называл нигилистов, радикально настроенную часть общества; «выжидателями» — либералов. Возможно, под «непримиримыми» он имел в виду революционеров-народников, которых, конечно, «еще не было» в эпоху реформ. *...мой дядя...* Речь идет о Луциане (Лукиллиане) Ильиче Константинове, дяде писателя. *Эмансипации хотел только такой, как в Остзейском крае.* — Имеется в виду безземельное освобождение крестьян в Прибалтийской губернии в 1817—1819 гг. Стр. 340. *Номады* (от фр. nomades) — кочевники. *Сердовые* (середовые) — средних лет. *Белый* — седой, старый. Стр. 345. *...[illegible] сверзавшими св. Антония.*— Борьба св. Антония с плотскими искушениями послужила сюжетом для знаменитой легенды Г. Флобера «Искушение святого Антония», переведенной на русский язык И. С. Тургеневым (1877 г.) и высоко ценимой Лесковым.

ТУПЕЙНЫЙ ХУДОЖНИК

Впервые — Художественный журнал, 1883, № 2.

Стр. 345. *Тупейный художник* — парикмахер (от фр. toupet — тупей, взбитый хохол на голове). Ср. реплику Фамусова: «Раскланяйся, тупеем не кивнут» («Горе от ума», д. II, явл. 2); в 1880-х гг. это словосочетание воспринималось как архаичное; таким образом, уже название рассказа «сигнализировало» о хронологической удаленности изображаемого. *Святой памяти благословенного дня 19-го февраля 1861 г.*— В этот день был обнародован манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости. *Души их во благих водворятся.* — Слова богослужебного песнопения, поющегося в дни «поминовения усопших» (первопечатный текст рассказа сопровождался авторской датировкой: «19 февраля. День освобождения крепостных и суббота «поминовения усопших», т. е. суббота мясопустной недели, действительно приходившейся в 1883 г. на 19 февраля); во благих — среди праведников. *Сазиков и Овчинников...*— Имеются в виду две крупнейшие фирмы XIX в.: фабрика Сазиковых, «особенно известная серебряными скульптурными изображениями» (Постникова-Лосева М. М. и др. Золотое и серебряное дело XV XX вв. М., 1983, с. 225), во 2-й половине века во главе ее стоял С. И. Сазиков (ум. в 1879 г.), и московская фабрика золотых и серебряных изделий П. А. Овчинникова (1830—1888), где впервые стали

«выпускать изделия в древнерусском стиле» (там же, с. 225). *Гейне вспоминал про портного, который «был художник» и «имел идеи»...* — Контаминация двух близких по духу фрагментов разных произведений Генриха Гейне — «Лютеции» (ч. I, гл. XII), где «художником» назван не портной, а сапожник, и «Путевых картин», где портной усматривает «хорошие идеи» в сюртуке (ч. II. Идеи. Книга Le Grand, гл. XIV). *Ворт* Чарльз-Фредерик (1825—1895) — парижский портной. Стр. 346. *Шит* — мысок спереди на талии или у лифа женского платья. *...американский писатель Брет-Гарт...* — Рассказ Френсиса Брет-Гарта (1836—1902), далее излагаемый Лесковым крайне неточно, был напечатан в 1877 г. в журнале «Дело» (№ 10) под названием «В спальном вагоне». *Граф Каменский* Сергей Михайлович (1771—1835), генерал от инфантерии, в 1815 г. открыл в Орле публичный театр, где в основном играли его крепостные. Театр, существовавший до 1835 г., пользовался известностью. События, положенные в основу рассказа, отражены и в повести А. И. Герцена «Сорока-воровка». Стр. 347. *...на кладбище к Троице...* — Имеется в виду Троицкое кладбище и построенная в 1823 г. церковь св. Троицы в Орле. *Графов Каменских известно три...* — фельдмаршал М. Ф. Каменский (1738—1809) и его сыновья — генералы Н. М. Каменский (1778—1811) и С. М. Каменский (см. выше). Об их вспыльчивости и жестокости как фамильных чертах писали многие мемуаристы. Стр. 348. *Гримировальное туше* — манера гримировки. *Борисоглебские священники* — священники собора Бориса и Глеба в Орле. *Бабушка Алферьева.* — См. примеч. к с. 300. *Иван Ив. Андросов.* — См. примеч. к с. 314. Стр. 349. *Подпури* — искаженное «попурри». *...через Орел проезжал государь...* — Речь идет скорее всего об Александре I, посещавшем Орел в 1817 и 1823 гг. (об этом времени рассказчица, вероятно, и вспоминала в середине 1830-х гг.). Стр. 350. *Камариновые* — искаженное «аквамариновые» (аквамарин — драгоценный камень). *...«в невинном виде святою Цецилией»...* — Цецилия — святая католической церкви, в западноевропейской иконографии символ невинности. Стр. 352. *Рожок* — по объяснению В. И. Даля, «снаряд для пускания <...> подкожной крови». Стр. 355. *Подоплека* — подкладка, подбой у крестьянской рубахи. «Знает одна грудь да подоплека» — народная поговорка, намекающая, по объяснению В. И. Даля, на какую-то «заветную, задушевную тайну». Стр. 356. *...была очень слухмена...* — имела хороший слух. *Крячь* — завертка, закрутка. *Приползут змеи и высосут очи. // И зальют тебе злом лицо скорпионы.* — Неточная цитата из сербской народной песни в переводе А. Х. Востокова «Марко-кралевич в темнице». Стр. 357. *Хрущук* — Рущук, город в Болгарии, находившейся в эпоху, описанную в рассказе, под турецким владычеством (ныне — г. Русе). Стр. 358. *...со сносом...* — с краденым, унесенным при побеге. *Лобанчик* — золотая монета. Стр. 359. *Кистень* — ручное оружие: увесистый набалдашник на ремне или на короткой палке. *Арапник* — плеть или кнут для псовой охоты. *Свора* — бечевка, на которой водят борзых собак. Стр. 361. *...в признак пришла...* — в сознание пришла.

Стр. 363. *Тальки* — мотки пряжи. Стр. 364. *Загнетка* — углубление на передней части русской печи, куда сгребается зола. Стр. 365. *Ильинка* — Ильинская площадь в Орле (ныне сквер Танкистов).

ИНТЕРЕСНЫЕ МУЖЧИНЫ

Впервые — Новь, 1885, №№ 10, 11.

Стр. 367. *Интересные мужчины.* — Выражение заимствовано Лесковым из упоминаемого далее очерка Г. И. Успенского «Куда девался один хороший русский тип?», [illegible] сетует на то, что «интересные мужчины» переведены: «...нет теперь такого типа, сокровенную глубину души которого масса женщин могла бы в самом деле благоговейно чтить, уважать или, наконец, просто бояться...» («Русская мысль», 1885, № 2, с. 382). В основу лесковского рассказа положены реальные события, кратко изложенные в книге «История 14-го Уланского Ямбургского полка» (СПб., [illegible]), которая была составлена близким знакомым Лескова, литератором В. Г. Крестовским (1840—1895), возможно, сообщившим писателю и дополнительные детали этой истории (см.: Шестеринов С. П. «Смерть корнета Десятова». — Русская литература, 1981, № 1). [illegible] (1805—1889) — французский проповедник (источник цитаты не установлен). *«Мысль»* — журнал «Русская мысль», в котором Лесков постоянно сотрудничал в 1880-е гг. *...рассказа Толстого в ней не было...* — Речь идет о статье Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?», не пропущенной цензурой в февральский номер «Русской мысли» за 1885 г. Стр. 368. *Ростислав Андреевич Фадеев* (1824—1883) — военный писатель и публицист консервативного лагеря, в 1870-х гг. хороший знакомый Лескова. Стр. 369. *Бахус* — бог вина и веселья в античной [illegible]. Стр. 372. *Если вы читали у Брет-Гарта...* — Имеется в виду рассказ Брет-Гарта (см. примеч. к с. 346) «Счастье «Ревущего стана» (другое название — «Удача Гремучего лагеря»), впервые напечатанный в русском переводе в 1873 г. Стр. 373. *...«трудиться для польз императорского воспитательного дома».* — Крылатое выражение; доходы от продажи игральных карт поступали в пользу воспитательного дома, опекаемого царской фамилией. Стр. 374. *«Живейный»* — легковой извозчик (в отличие от ломового). Стр. 377. *Грагам* — Грегем Георг (1675—1751), английский часовой мастер, часы его работы славились точностью хода. Стр. 380. *Феральный* — трагический, гибельный. Стр. 381. *...как вы и я,— как целый свет.* — Неточная цитата из «Евгения Онегина» (гл. VIII, строфа 8). *Гиппократовы черты* — выражение лица, знаменующее близкую смерть. *«...откуда путник к нам еще не возвращался»...* — Цитата из «Гамлета» в переводе А. Кронеберга (д. III, сц. 1). Стр. 382. *Красинский* (Красиньский) Зыгмунт (1812—1859), польский поэт и драматург, автор лирического цикла «Псалмы будущего» (1845—1848), источник цитаты не установлен.

Ив. Твардовский — герой польской народной легенды, продавший душу дьяволу. Стр. 387. *«Товарищ в битвах поседелый»* — перефразирована строка из «Египетских ночей». У Пушкина: «В дружинах римских поседелый». Стр. 393. *Жаколио* Луи (1837—1897) — французский писатель, автор приключенческих романов. *Радда-Бай* — псевдоним Елены Петровны Блаватской (1831—1891), писательницы, принимавшей участие в организации Теософского общества; далее имеется в виду ее очерк «Загадочные племена. Три месяца на «Голубых горах» Малабара» (Русский вестник, 1884, № 12; 1885, №№ 1—4), где, размышляя о «психической силе», она пишет, что многое зависит «от умственного направления так называемых «медиумов». *...пасвидевая из Орфея...* — оперетта «Орфей в аду» французского композитора Оффенбаха (см. примеч. к стр. 287). *Екклезиаст прекрасно представляет это в примере тени...* — Возможно, Лесков имел в виду следующее место из Екклезиаста: «Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни, во все дни суетной жизни его, которые он проводит, как тень? И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?» (гл. 6, ст. 12). Стр. 397. *Барбаросса* — имя двух братьев-корсаров, подчинивших своей власти почти все северное побережье Африки (XVI в.). Стр. 400. *...«вкусил мало меду и умер».* — Неточная цитата из Библии (I Книга Царств, гл. 14, ст. 43). Скрытая отсылка и к «Мцыри» Лермонтова, где эта цитата служит эпиграфом к поэме. Стр. 403. *Дон-Карлос* — герой драматической поэмы Шиллера «Дон Карлос». Стр. 404. *Вспомните похороны Гоголя, о которых мы читали такие прекрасные описания, похороны Некрасова и Достоевского...* — О похоронах Гоголя (1852) газеты и журналы сообщали скупо из-за цензурных препятствий, но позднее и публицисты и мемуаристы не раз описывали это крупное событие общественной жизни николаевской России; похороны Некрасова (1878) и Достоевского (1881), вылившиеся в демонстрации, подробно освещались в периодической печати. Стр. 405. *...хоронили Скобелева...* — т. е. генерала Михаила Дмитриевича Скобелева (1843—1882), пользовавшегося огромной популярностью в армии и в народе. Стр. 406. *Иннокентий* — Борисов Иван Алексеевич (1800—1857), богослов, духовный писатель. *«Тьмы низких истин нам дороже || Нас возвышающий обман».* — Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Герой». *...песнотворческий гений Дамаскина.* — Иоанн Дамаскин (конец VII в.— около 754) — византийский богослов и философ, по церковному преданию, талантливый гимнограф. Цитируемые ниже стихи взяты Лесковым из поэмы А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин». Стр. 407. *Вспомните шиллеровского великого инквизитора.* Речь идет о драматической поэме Шиллера «Дон Карлос» (д. V, явл. 10). *...на зов пророка Исаии: «Придите и стяжемся»...* Книга пророка Исаии, гл. 45, ст. 20. *...положил «красоту», как «неимущую вида»...* Из отпевания: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробех

лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, немущую вида». Стр. 410. *...актеры занимавшей недавно Петербург мейнингенской труппы.* - Труппа мейнингенского драматического театра гастролировала в России в 1885 и в 1890 гг. Стр. 411. *«Бурса»* «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского. Стр. 416. *Марьяжные интересы* — семейные интересы (от фр. mariage - брак, супружество). Стр. 418. *«Корневильские колокола»* — оперетта французского композитора Планкетта (1848—1903).

ПОВЕСТЬ О БОГОУГОДНОМ ДРОВОКОЛЕ

Впервые — в составе очерка «Лучший богомолец (Краткая повесть по Прологу с предисловием и послесловием о «тенденциях» гр. Л. Н. Толстого)» в «Новостях и биржевой газете» (1886, 22 апреля, № 109). В 1890 г., внеся значительную стилистическую правку и изъяв предисловие и послесловие, Лесков издал легенду под новым и окончательным названием с подзаголовком «По старинному Прологу». Заключенные в кавычки фрагменты текста — прямые цитаты из легенды Пролога от 8 сентября.

Стр. 419. *В... отдаленные времена в кипрских окрестностях...* Вероятно, на острове Кипр, где христианство установилось еще в апостольские времена. Стр. 420. *Клир* — духовенство. Стр. 421. *Обремок* — охапка, вязанка (В. И. Даль). Стр. 422. *Авва* (древнеевр.) отец. Стр. 424. *«...пришед семь аз на земле».* — Послание к Евреям апостола Павла: «...и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле» (гл. 11, ст. 13). *Дондеже* (старосл.) — до тех пор.

ПРЕКРАСНАЯ АЗА

Впервые — Новое время, 1888, 5 апреля, № 4347. Написана по мотивам двух легенд Пролога (от 8 апреля и 14 июня).

Стр. 424. *Любовь покрывает множество грехов.* Первое соборное послание апостола Павла (гл. 4, ст. 8). В послесловии к первопечатному тексту легенды Лесков вызывающе толкование этого изречения, иронизируя над теми, кто смешивал «любовь многу с частым и многим прегрешением»: «Аза много грешна, но грехи ее вышли от многой любви такого рода, которая много грехов покрывает». *Александрия* — главный торговый город Египта, один из центров раннего христианства. Стр. 426. *Куртина* — часть сада. *Вертоградари* — садовники. Стр. 432. *Страченный* — разбавленный, с чем-либо смешанный. Стр. 433. *...не гнушался такою, о какой ты вспоминаешь.* — Имеется в виду евангельский эпизод (Иоанн, гл. 8, ст. 3—11). *Кто кладет руку на*

плуг и сам озирается вспять, тот не пахарь.— «...Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лука, гл. 9, ст. 62). *...багровые пятна белит, как волну на ягненке...*— Образ восходит к Библии (Книга пророка Исаии, гл. 1, ст. 18). *...перстом на сыпучем песке твой грех написал...*— Возможно, аллюзия на евангельский эпизод (Иоанн, гл. 8, ст. 6, 8). Стр. 434. *Деяния*— Книга Нового завета «Деяния святых Апостолов»; цитируя ее, Лесков обозначил римской цифрой главу, арабской — стих. Стр. 436. *...протоколовать ей симво.л...*— Речь идет о символе веры (кратком изложении основных догматов вероучения), знание которого обязательно при крещении взрослого человека. *...«а все пренебрегали ею».*— Закавыченные здесь и далее выражения — цитаты из Пролога. *«Крестильные ризы».* В первые века христианства сразу после крещения верующий облачался в белые одежды, носившиеся установленный срок. *Пресвитер*— древнее название второй степени священства (соответствовало священнику в России). *Исаак-сирин* (Исаак Сирин) — см. примеч. к с. 259. Стр. 437. *...дочь утешенья.*— Имя Аза, возможно, происходит от арабского слова «azā»— утешение, или от древнееврейского «āsā»— исцелитель.

АСКАЛОНСКИЙ ЗЛОДЕЙ

Впервые — Русская мысль, 1889, № 11. В основе повести — легенда Пролога от 14 июня.

Стр. 437. *Аскалонский* — т. е. из города Аскалона, находившегося на берегу Средиземного моря и разрушенного во времена Крестовых походов. *Иродова темница* — темница, сооруженная царем Иудеи Иродом I Великим (ок. 73—4 до н. э.), родившимся в Аскалоне. *«Мужчина, любви которого женщина отказывает»* и т. д.— Дидактическая поэма римского философа и поэта Тита Лукреция Кара (I в. до н. э.) «О природе вещей» цитируется по вольному пересказу, приведенному в книге знаменитого итальянского врача-психиатра Чезаре Ломброзо (1835—1909) «Любовь у помешанных» (Одесса, 1889; перевод Н. П. Лейненберга), откуда Лесков почерпнул и второй эпиграф к повести. *Газа, Азот*— крупные портовые города южной Палестины. *Салладин*— Салах-ад-дин Юсуф (1138—1193), египетский султан с 1171 г., возглавлял борьбу мусульман с крестоносцами, в ходе которой в 1192 г. Аскалон был разрушен. *Евсевий* Памфил (ок. 263 – 338 339), епископ Кесарийский, автор «Церковной истории» и «Жития императора Константина». Стр. 438. *...переходных порядков при царе Иустиниане и жене его Феодоре.* Византийский император Юстиниан I Великий (482/483 – 565) сурово преследовал язычников, насильственно обращал в христианство население империи; его жена Феодора (начало VI в. – 548) славилась властным характером и вольным поведением.

Стр. 439. *...не собирать богатства.* — Заповедь Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле...» (Матфей, гл. 6, ст. 19). Стр. 440. *...кроток, как голубь, но и разумен, как змей.* — См. примеч. к с. 222. *Кирена* — главный город греческой колонии Киренаики в Северной Африке, с 75 г. — римская провинция. Стр. 444. *Правеж* — истязания как средство принуждения к оплате долга. *Скрыня* (др.-русск.) — сундук, ларец. Стр. 448. *Сикоморы* — южные плодовые деревья. *Дамиета* (Дамьетта) — египетский город на берегу Нила. Стр. 449. *Епарх* — глава епархии, единицы административного деления в Восточной Римской империи. Стр. 450. *Киса* — затягивающийся шнуром кожаный мешок. Стр. 451. *...питаюсь сам пят...* — т. е. кормлю семью из пяти человек. *Цехин* — золотая монета (Лесков допустил здесь хронологическую неточность: цехины стали чеканить с XIII в.). Стр. 454. *...отдавались и Дионису...* — Культ Диониса, бога плодоносящих сил земли, виноградарства и виноделия в древнегреческой мифологии, включал в себя оргии в его честь. [illegible] *Изиды.* — Имеется в виду культ Изиды (Исиды), богини плодородия, [illegible] и ветра в египетской мифологии. Стр. 455. *Анубис* — покровитель умерших в египетской мифологии. Стр. 459. *Авраам* (Авраам) — библейский патриарх, родоначальник избранного народа. *Исаак* (Исаак) — сын Авраама и Сары. Стр. 460. *Трирема* — корабль с [illegible] гребцов. Стр. 466. *«Никогда не должно говорить [illegible]»* — [illegible] самых популярных латинских изречений (источник [illegible]). Стр. 467. *Ребаб* — струнный смычковый инструмент, [illegible] в странах Востока и Северной Африки. Стр. 47[illegible]. *...[illegible]...* — Аллегорическую трактовку этой древней притчи, известной и на Руси (входила в частности в состав Пролога), предложил в «Исповеди» Л. Н. Толстой (1882); возможно, комментируемый [illegible] глухая отсылка к толстовскому трактату, запрещенному русской цензурой и напечатанному за границей в 1884 г. Стр. 476. *Поприще* (др.-русск.) — мера пути, примерно равная суточному переходу. Стр. 478. *...где сидели виночерпий и хлебодар...* — Книга Бытия, гл. 40. *...в минуту пьяного разгула, зарублен Креститель.* — Иоанн Креститель был обезглавлен во время празднования дня рождения Ирода (Матфей, гл. 14; Марк, гл. 6). Стр. 490. *...«кто сильно любит жизнь, тот ее потеряет»* и т. д. — Вероятно, контаминация нескольких евангельских текстов (см.: Послание к Римлянам, гл. 8, ст. 13; Второе послание к Коринфянам, гл. 5, ст. 15).

О. Е. Майорова

С ВЕРОЙ В ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ...

До сегодняшнего дня остается актуальным указание В. И. Ленина «вспоминать, цитировать и растолковывать» идеи и образы М. Е. Салтыкова-Щедрина. Сам В. И. Ленин часто обращался к произведениям гениального русского сатирика, в емких, гротескно заостренных образах представившего гнилую сущность российского самодержавия.

Иногда говорят о пессимизме Салтыкова-Щедрина. Да, действительность, окружавшая писателя на родине, давала слишком мало поводов для радости. Полное бесправие народа, атмосфера страха и придавленности творческой мысли, власть тупых выкормышей царского бюрократического аппарата и жадных до прибылей «чумазых» — вот о чем с внутренним содроганием писал сатирик. Его произведения отмечены чувством душевной скорби и боли.

Но в то же время не следует забывать слова Салтыкова-Щедрина: «Я люблю Россию до боли сердечной, и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России» — это слова подлинного патриота. И замешаны они, разумеется, не на пессимизме, а на глубокой вере в лучшее будущее великого народа. Ибо, несмотря на всю переполнявшую писателя меру горечи за бессознательное подчинение тиранам, за пассивность, привитые русскому крестьянству веками жесткого угнетения,— он все же считал свой родной народ именно великим и ждал от него в будущем многого. Говоря о «глуповцах», «пошехонцах», сатирик имел в виду не собственно русский народ как таковой, но лишь наносные черты в его характере, сложившемся в ходе многострадальной русской истории. А характер этот все еще в пути, в развитии,— подчеркивает Салтыков-Щедрин. «Все выстрадала и за всем тем осталась загадочною», — говорил писатель о России.

Приниженное состояние народа и его огромные возможности, его ум, талант, его вечное подвижничество — на этом узловом противоречии русской жизни выросли лучшие произведения отечественной классики, начиная с бессмертного «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и кончая произведениями Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова... Эта же мысль о трагическом противоречии реальности и возможности пронизывает все творчество Салтыкова-Щедрина, отзываясь гневной сатирой, сарказмом, с одной стороны, и огромной, выстраданной любовью — с другой.

Творчество Салтыкова-Щедрина нельзя рассматривать иначе, как только подвижничество. В течение нескольких десятилетий, начиная с 1850-х годов, писатель преданно служил русскому народу, отстаивая его интересы, его достоинство,— все это невзирая на личные невзгоды, испытания и преследования властью имущих. Революционный демократ, социалист, просветитель, он начертал на своем писательском знамени лишь одно слово: «правда». Правда и только правда, чего бы это ни стоило!

Салтыков-Щедрин — неподражаемый мастер социально-политической сатиры. Сегодня его имя по праву стоит в одном ряду с именами таких сатириков, как Аристофан, Ювенал, Рабле, Сервантес, Свифт, Диккенс. «Это огромный писатель, гораздо более поучительный и ценный, чем о нем говорят. Широта его творческого размаха удивительна...», – замечал в свое время М. Горький. Влияние огромного художественного таланта сатирика

ощутили на себе многие советские писатели, начиная с М. Горького, В. Маяковского, Демьяна Бедного.

Идейно Салтыков-Щедрин сформировался в атмосфере «сороковых годов», прошедших в России под знаком мощного влияния В. Г. Белинского, французских утопических социалистов. В первых же литературных опытах писателя выразилась его приверженность великой идее социализма. В 1848 г. за повесть «Запутанное дело», в которой озлобленная реакция увидела проповедь революционных идей, призыв расправиться с «богатыми» и «знатными», Салтыков был выслан в Вятку. Лишь в 1856 г. писатель смог вернуться в Петербург. Волна общественного подъема накануне реформы 1861 г. захватила его и сблизила с ведущими деятелями русского революционно-освободительного движения Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым.

В книгах писателя, в его очерках, рассказах, повестях, романах, пьесах, сказках, литературно-критических статьях выразился [illegible] художника и общественный темперамент публициста. Без этих книг, составляющих в совокупности двадцать объемистых томов, невозможно полно представить себе и понять историю России второй половины прошлого века.

Ярчайшая из них, несомненно,— «История одного города».

Какие только сюжеты — поистине фантастические!— не попадали под руку писателю, внимательно вглядывавшемуся в окружающую его русскую жизнь, какие типы не встречались! «Призраки», «ташкентцы», «помпадуры» и «помпадурши», «чумазые»— вот далеко не полный перечень «героев» русской драмы, проходящих перед гневным взором сатирика и предаваемых им на вечное осмеяние и презрение народа. Но Салтыков-Щедрин всегда помнил о главном враге трудящихся масс в России, о той разлагающейся, но все еще могущественной силе, которая порождала и приводила в движение всю эту пеструю толпу уродов. Самодержавие — имя этому злу.

И если в повестях 40-х годов («Противоречия», «Запутанное дело») молодой писатель, [illegible] М. В. Петрашевского, [illegible] труды французских утопических социалистов, [illegible] углубленно-теоретическая [illegible] общественной справедливости и общественного устройства, то в «Истории одного города» (1869—1870) показан уже конкретно [illegible] мрачной эволюции самодержавия в России. Здесь важны и интересны именно «подробности», через которые писатель передает сам «дух» русской истории, устрашающее «многообразие» форм, в которых [illegible], беззаконие, самодурство деспотизма. Во всей русской литературе [illegible] не может быть поставлено рядом с этой горько [illegible] истории города Глупова по силе и резкости изобличения самодержавной власти. В этом огромное значение щедринской книги.

Салтыков-Щедрин любит повторять слово: «естественный». В этом он, как художник и просветитель, близок всем лучшим представителям русского критического реализма. Критически изображая современную им российскую действительность, писатели исходили из представления о «естественной норме» нравственных и общественных отношений. Для автора «Истории одного города» такой нормой, таким универсальным мерилом «естественности» является жизнь народа и природы. Он ярко передает именно анормальность высокородных «героев»-градоначальников. Так или иначе в них воплощено уклонение от нормы человеческого поведения; подавляя в себе и других человеческое естество, они обречены на духовное и физическое уродство и, следовательно, на вырождение. Власть одного человека над другим сатирик считает явлением противоестественным, уродующим как самого деспота, так и подвластного ему человека. С этой точки зрения и смотрит автор на все происходящее в «Истории одного города». Вершин

ным и многозначным в этом смысле является здесь символический образ реки. Не на реку замахнулся Угрюм-Бурчеев — на саму жизнь! На ее вечную, неистребимую сущность, непостижимую для ретивого администратора, пытающегося все и вся втиснуть в страшную серую шинель.

Драматическая, но и вселяющая в современников писателя светлые надежды схватка Угрюм-Бурчеева с рекой-жизнью, не могла окончиться иначе, как поражением вырожденца. Это не только обобщение уже свершившегося, но и гениальный исторический прогноз сатирика, его приговор русскому самодержавию. Подавляя отдельных людей, самодержавие должно было неизбежно прийти к страшному, уродливому в своей сущности отрицанию человеческого естества вообще, к борьбе с человеческой природой. Эту безрадостную «эволюцию» и намечает автор в своей книге. Если упоминаемый в «Описи градоначальникам» Урус-Кугуш Кильдибаев берет город Глупов осадой, если градоначальник Ферапонтов совершает военный поход против недоимщиков, то Угрюм-Бурчеев пытается остановить в Глупове самое жизнь, «течение времени». Его раздражают уже не отдельные люди и не по каким-либо причинам. Логики в его поступках нет и не может быть, ибо он против жизни как таковой. Отсюда многозначительное замечание автора: «Человек, на котором останавливался этот взор, не мог выносить его. Рождалось какое-то совсем особенное чувство, в котором первенствующее значение принадлежало не столько инстинкту личного самосохранения, сколько опасение за человеческую природу вообще». И еще раз подчеркивает сатирик бесчеловечную сущность самодержавной власти: «Нельзя сказать, чтоб... естественные проявления человеческой природы приводили его в негодование: нет, он просто-напросто не понимал их». А ведь это страшнее всего, страшнее даже негодования, ибо и негодование есть уже чувство, проявление жизни!

И все-таки Салтыков-Щедрин великий оптимист. Разве можно победить жизнь? покорить народ? С этой вечной силой не сладить никаким преобразованиям. Даже если им и удается на миг остановить величественное течение реки-жизни, то это пиррова победа. На такие мысли наталкивала писателя русская действительность с ее узловой проблемой: народ и самодержавие. Вслед за революционными демократами он верил, что русский народ проснется, «исполненный сил».

Эта его вера и отразилась в образе реки-жизни, которая знаменательно меняет течение истории в Глупове. Угрюм-Бурчеев впервые отступает, осознает ограниченность своей власти и могущества. «История прекратила течение свое»,— пишет сатирик. Какая история? История, начавшаяся с крика: «Запорю!» (глава — «О корени происхождения глуповцев»). Прекратила свое течение история деспотизма; автор в сущности говорит в финале книги о начале другой, подлинной истории, истории народа: «Они взглянули друг на друга и устыдились. Они не понимали, что именно произошло вокруг них, но чувствовали, что воздух наполнен сквернословием и что далее дышать в этом воздухе невозможно».

Противоестественна для писателя не только деспотия, но и безропотное подчинение ей. Отсюда сатира в изображении глуповцев: «Глуповцы беспрекословно подчиняются капризам истории и не представляют никаких данных, по которым можно было судить о степени их зрелости, в смысле самоуправления...» Не питая иллюзий относительно возможности крестьянской революции в ближайшее время, Салтыков-Щедрин резко высмеивал черты рабской психологии в крестьянской массе. Конечно, писатель знал, что народ далеко не всегда проявляет глуповское долготерпение в отношении к своим угнетателям. В таких рассказах 50—60-х гг., как «Развеселое житье», «Госпожа Падейкова», «Глуповское распутство», «Деревенская тишь», мы видим крестьян, протестующих против своих притеснителей. Но, по мнению сатирика, все это были лишь одинокие вспышки, не меняющие общей картины.

Судьба народа, дух и логика развития русской истории — вот тема, сближающая два таких, казалось бы, разных произведения, как «История одного города» и «За рубежом», написанных с перерывом в десять лет. В цикле очерков «За рубежом» (1880) русская история, русская общественная жизнь предстают уже в несколько ином разрезе: в глубоком и точном сопоставлении с Западной Европой, идущей полным ходом по пути капиталистического развития. Сатирик остался сатириком, но в «За рубежом» меньше гиперболизма, фантастики,— в основе своей книга документальна. Она написана под влиянием личных впечатлений писателя от поездки в Западную Европу в 1875 и 1880 гг. Глубокие обобщения писателя, касающиеся своеобразия исторического развития России, вплетаются в новой книге в хронику текущей политической жизни России, Германии, Франции...

Вся русская литература XIX века, резко отвергая крепостничество, в то же время с опасением и недоверием смотрела и на буржуазный Запад, с его гнилыми социальными и нравственными устоями. То же самое проявилось и в книге «За рубежом». Наблюдая Германию, Францию, Швейцарию 70—80-х гг., автор подчеркивает, что буржуазный строй по сути своей глубоко антигуманен и антинароден. Внешние признаки европейской цивилизации не могут скрыть от пристального взгляда писателя-демократа «европейского варварства». При чтении щедринской книги поражает глубина и точность социального анализа: сатирик глубоко вскрыл сущность капитализма как такового, показал черты и странные противоречия, до сих пор определяющие лицо буржуазного мира.

Не крепостничество, но и не буржуазный строй, - так ставилась проблема в лучших произведениях отечественной классики. Буржуазный индивидуализм обличен и в «Пиковой даме» А. С. Пушкина, и в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя, и в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского. В этом плане антибуржуазный пафос Салтыкова-Щедрина, проявившийся в «За рубежом», имеет прочные основания в русской гуманистической традиции.

Не крепостничество, но и не буржуазная действительность. Но тогда что же? Ответ на этот вопрос стремилась искала русская литература, которая еще устами Пушкина начала вопрошать:

Куда ни кинешь, всюду дом,
И где опять, не знаешь сам?

А затем в «Мертвых душах» Гоголь, едва ли не с высоты космоса увидевший и пластически воплотивший в гениальном образе Руси-тройки «наводящее ужас движение», сноса задавался мучительным для всей русской истории, вплоть до 1917 г., вопросом: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа». Не ведает ответа, как и Салтыков-Щедрин, но, как и Пушкин, Гоголь, — верит в будущее России. «Велика эта страна, — пишет он в «За рубежом»,— представляла собой грудь, о которую разбивались удары истории. Вынесла она и удельную раздробленность, и татарщину, и московские идеалы государственности, и петербургское просветительское озорство и закрепощение. Все выстрадала и из всего тем осталась загадочною, не выработав самостоятельных форм общежития». Как и его гениальные предшественники, писатель ясно чувствует и отвечает, что «самостоятельные формы общежития» для России — еще впереди. Ответ на этот вопрос дал Великий Октябрь: власть трудящихся масс.

Мысль о революции, как будто бы не высказываемая прямо, составляет идейный стержень «За рубежом». Ведь произведение создавалось в период краткого, но бурного подъема революционно-освободительной борьбы в России. Сравнивая исторические пути Западной Европы, пришедшей к тому времени к прусскому милитаризму в Германии и к «республике... без республиканцев» во Франции, с историческим шествием России, автор пытается нащупать и выразить принципиальную разницу. Особенно рельеф-

но эта мысль писателя проявилась в сценке-диалоге «мальчика в штанах» и «мальчика без штанов».

«Мальчик в штанах»— образное олицетворение положения трудового человека в мире западного капитала. «Штаны»— плата, принятая западноевропейским крестьянином, рабочим за собственную свободу, отданную «господину Гехту» (гехт — по-русски: щука) по контракту. Итак,— «контракт» вместо революции и полноценного раскрепощения! «А правда ли, немец,— спрашивает «мальчик без штанов», олицетворяющий русское крестьянство,— что ты за грош черту душу продал?» На это немецкий мальчик возражает: «Позвольте, однако ж! Про вас хуже говорят: будто вы совсем задаром душу отдали?» Русский мальчик видит, однако, принципиальную разницу между тем и другим: «Так то задаром, а не за грош. Задаром-то я отдал — стало быть, и опять могу назад взять.» Назад взять — это не что иное, как революция. Потому так уверенно звучат в устах русского мальчика слова: «Погоди, немец, будет и на нашей улице праздник».

Так в иносказательной манере пишет Салтыков-Щедрин о революции, которая, по всей логике повествования, исторически назрела в России и является для нее давно искомой «самостоятельной формой» [illegible] творчества масс. В этом своеобразие России, ее отличие от Западной Европы.

В этом смысле «За рубежом» [illegible] ясно, хотя и эзоповским языком, выраженной исторической концепцией развития России как страны революционной по духу, во многом дополняет такое [illegible] произведение, как «История одного города», финал которого вызывает разноречивые толкования.

Салтыков-Щедрин — великий писатель, художник. Его сила не только в умении подметить и социально точно, с позиций народных интересов, назвать и определить то или иное общественное явление. Сатирик обладал неподражаемым даром слова, чистым родного языка, несколькими штрихами он умел обозначить социально-психологический тип русской жизни, воплотить его в емком и уже не забываемом образе. По силе реализма автор «Истории одного города», «Господ Головлевых», «Сказок» стоит в одном ряду с такими писателями, как Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Н. Островский.

Своеобразие художественного мира писателя предопределяется природой его смеха. Смех этот — грозный, негодующий, разоблачающий и развенчивающий. Смех — оружие. Так его и называл сам писатель: «Это оружие очень сильное, ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех». Смех Салтыкова-Щедрина блещет всеми [illegible] оттенками. То он едок, зол и желчен, то дерзок и язвителен, то [illegible] заразителен, то [illegible] насмешка, тонкая ирония [illegible] писал Тургенев, [illegible] очерков Салтыкова. Было что-то почти страшное в этом смехе, потому что публика, смеясь, и [illegible]

В обличении социальных язв и нравственных пороков общества писатель был неутомим, он искал все новые и новые средства изобличения многоликого зла, находил новые [illegible] темы. Юмор [illegible] проявлялись порою в самых неожиданных формах. Покажется, [illegible] минуту, что автор искренне согласен с теми, кого вроде бы обличает. Вот, например, он кивает двум генералам и искренне возмущается, что мужик-дармоед спит и «самым нахальным образом уклоняется от работы». Через эту издевку, перестановку очевидного [illegible] на голову» и обнажается «перевернутость» и несправедливость мира, которые остроумно высмеивает народный заступник.

Салтыков-Щедрин не мог прямо говорить об этом мире. Самодержавие, доживавшее последние десятилетия в русской истории, пристально следило

за всеми попытками «подорвать устои». Отсюда эзоповская манера повествования. Основа этой манеры, по словам самого писателя,— оговорки, недомолвки, иносказания. Выросшие на этой «аллегорической» почве произведения сатирика, разумеется, нуждаются в самом подробном комментарии. Это особенно остро ощущали современники, находившие в каждой новой вещи писателя массу злободневных намеков на совершенно конкретные явления, имена, события... Так, прочитав первую главу «За рубежом», известный критик П. В. Анненков писал автору: «В виду того, что Вы один из самых расточительных писателей на Руси, комментарии почти необходимы. Сколько собрано намеков, черт, метких замечаний. В одном последнем рассказе, так это до жуткости доходит — всего не разберешь, всего не запомнишь».

Иносказательный стиль изложения заставлял его уходить в область фантастического. Драма современной ему эпохи, весь концентрат ее нравственных и социальных противоречий представал в виде далекой и якобы давно пережитой истории города Глупова. Фантастика у Салтыкова-Щедрина всегда граничит с гиперболой, гротеском. Писатель как бы рассматривает социальные и нравственные уродства своего времени под увеличительным стеклом сатиры, резко обнажая сущность самодержавия и порождаемых им типов. Конечно же, не могло быть в жизни человека-органчика: это авторская фантазия. Однако — фантазия, мощно оттолкнувшаяся от самой реальности. Отсекая все несущественное и, напротив, оттенив все сущностное, сатирик вскрывает антинародный характер, предельный эгоизм и ограниченность русского самодержавия, представителю которого хватает лишь двух слов для управления целым народом. И слова эти: «разорю!» и «не потерплю!»...

Крупнейшие русские писатели признавали за Салтыковым-Щедриным оригинальность и силу художника-сатирика. Так, например, И. С. Тургенев говорил, что он отмежевал себе в отечественной словесности целую область, в которой был «неоспоримым мастером и первым человеком». Л. Н. Толстой утверждал, что «знание истинных интересов народа», «сжатый, сильный, настоящий язык», характерность, все те свои, которым обладал сатирик, это «все, что нужно», чтобы получить признание народа.

Книги Салтыкова-Щедрина не остались только историческим памятником общественной жизни своего времени. Его сатирическое перо заклеймило самую сущность обывателя, бюрократа, приспособленца, человеконенавистника, чьи черты могут проявиться — вдруг неожиданно! — и в других исторических условиях. Вместе с российским самодержавием канули в лету и типы, метко схваченные художническим взглядом великого гуманиста-сатирика. Но и в нашем обществе порою попадаются люди, в облике которых нет-нет да и мелькнут знакомые по щедринским книгам черты. Сатира Салтыкова-Щедрина по-прежнему служит делу воспитания нового, достойного своего звания человека.

Мир, воссозданный фантазией писателя,— это мир эксплуатации человека человеком, мир социальной несправедливости. Поэтому особенно актуальна сатира Щедрина сегодня — в отношении к «темному царству» империализма. За пристойными словами и манерами современных «градоначальников» буржуазного царства — глядишь, и выглядывает заурядная физиономия Угрюм-Бурчеева. «Не потерплю!», «разорю!»— этот несложный словарь щедринских градоначальников хорошо усвоен столпами мирового империализма, все еще пытающегося повернуть колесо истории вспять, остановить, как это пытался сделать «бывший прохвост», реку жизни. Салтыков-Щедрин ярко показал обреченность таких попыток.

В борьбе против «прохвостов» всех мастей Салтыков-Щедрин с нами. Его книгам суждена большая историческая жизнь.

В. Мельник

ПРИМЕЧАНИЯ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА

ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАНО В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ» В 1869—1879 гг.

1. *Погодинское древлехранилище* — архив, собранный историком М. П. Погодиным (1800—1875).

2. *Шубинский, С. Н.* — собиратель материалов по истории XVIII века и автор ряда исторических работ, не имевших серьезного научного значения. *Мордовцев, Д. Л.* (1830—1905) — автор исторических работ и многочисленных исторических романов. *Мельников, П. И.* (псевдоним — Печерский: 1819—1883) — автор известных романов «В лесах» (1871—1875) и «На горах» (1875—1881).

3. О Калигуле сохранился анекдот: издеваясь над сенаторами, он ввел в сенат своего коня, который, таким образом, тоже стал сенатором.

4. *Бартенев, П. И.* (1829—1912) — любитель старины, основатель журнала «Русский архив».

5. *Костомаров, Н. И.* (1817—1885) и *Соловьев, С. М.* (1820—1879) — русские историки, *Пыпин, А. Н.* (1833—1904) — историк литературы и общественной мысли.

6. *«Саламатник»* — любитель «саламаты»— особого блюда из пресного мучного теста, мучной болтушки.

7. *«Лейб-кампанцы»* — гвардейские офицеры и солдаты, участники дворцовых переворотов XVIII века.

8. *«Аманты»* — любовницы.

9. *Дидерот* — старинное произношение фамилии известного французского философа *Дидро* (1713—1784).

10. *«Излер на минеральных водах»* — ресторан в увеселительном саду Петербурга 60-х годов.

11. *«Игра ламуш»* — карточная игра.

12. *Новосильцев, Чарторыйский и Строганов* — так называемый «триумвират» (господство трех) — «молодые друзья» Александра I в первые годы его царствования, когда он заигрывал с либерализмом.

13. *Фома Кемпийский* — средневековый мистический богослов, автор книги «Подражание Христу».

14. *«Прохвост»*, искаженное «профос»— полковой палач, а позднее — парашечник — уборщик нечистот. Щедрин употребляет это слово именно в его первоначальном значении, а не в том, которое стало впоследствии общеупотребительным ругательством.

15. *Винтергальтер* — владелец магазина в Петербурге в 60-х годах.

16. *«Модные революционные идеи»*— идеи французских просветителей XVIII века.

17. *«Лондонские агитаторы»* — так реакционная печать и особенно катковские «Московские ведомости» называли Герцена и Огарева, издававших в Лондоне знаменитый в истории русского освободительного движения журнал «Колокол».

18. *«Девица де Санкюлот»*— намек на французских санкюлотов (т. е. революционную народную массу), прозванных так потому, что в отличие от аристократии и высшей буржуазии, одевавшейся в короткие штаны до колен (кюлот) и чулки, они носили длинные брюки.

19. *Палеологова* — фамилия, напоминающая последнюю династию византийских императоров — Палеологов. На дочери последнего Палеолога женился московский великий князь Иван III.

20. *«Штаб-офицер»* — щедринский цензурный псевдоним жандармского полковника.

21. *«Записки Двоекурова»* в число «оправдательных документов» не вошли.

22. *Иезавель и Ахав* — библейские имена. Иезавель — жена Ахава, царя израильского, навлекла своими пороками и грехами на весь израильский народ гнев божий и подвергла его таким образом всяческим бедствиям и испытаниям.

23. *«Аманаты»*— заложники.

24. *Молинари* — известный бельгийский буржуазный экономист, сотрудник «Русского вестника», с которым неоднократно полемизировал в «Современнике» Чернышевский.

25. *Ликург* и *Дракон* — полулегендарные законодатели Древней Греции, причем законы Дракона, по устанавливающемуся преданию, отличались будто бы особой свирепостью.

26. *Дебардер* — грузчик.

27. *Пфейферша* — намек на известную религиозную шарлатанку Крюднер, которая подчинила своему влиянию Александра I. «Свет Фавора»— один из образов религиозной мистики

28. *Парамоша* в некоторых своих чертах напоминает известного московского юродивого 50-х годов — Ивана Яковлевича Корейщу, с которым носились реакционеры. Именно он бормотал бессмысленные на первый взгляд слова: «без працы не бенды колонацы», являющиеся искажением польской фразы — «без труда не будет калачей».

29. Все это место является пародией на увлечение некоторой части русской аристократии при Александре I сектой хлыстов, ее юродивыми и пророками, ее «радениями», т. е. молитвенными собраниями.

30. *«Нивелляторы»*— уравнители и т. д. Особый иронический прием Щедрина заключается в том, что казарменные идеалы русских самодержцев и бюрократов всякого рода он в насмешку сопоставляет с идеями некоторых вульгаризаторов утопического социализма, столь пугавшими правителей Российской империи.

31. *«Фотиевско-аракчеевский елейно-церковный тон»*. Фотий — архимандрит, ярый мракобес, попавший в милость к Александру I. Вместе с солдафоном Аракчеевым характерен для последних годов этого царствования, когда елейная церковность соединилась с самой беспощадной и мрачной реакцией во всех областях жизни.

32. *Фунич* и *Марзицкий* - презрительное искажение имен двух известных мракобесов конца первой четверти XIX в.— Рунича и Магницкого, преследовавших малейшее проявление живой мысли в подчиненных им, как попечителям учебных округов, университетах (первый — в Петербурге, второй — в Казани).

33. Настоящее письмо в редакцию «Вестника Европы» было опубликовано через много лет после смерти Щедрина.

Б. Горев

Цикл «За рубежом», составленный из отдельных путевых очерков, был начат Щедриным в 1880 г. во время его пребывания за границей и закончен в 1881 г. в Петербурге.

По поводу начатого им цикла «За рубежом» Щедрин, посылая 14 августа 1880 г. из Баден-Бадена начало первой главы в редакцию «Отечественных записок», пишет Н. Михайловскому: «Не удивляйтесь, что так за́годя присылаю 1-ю половину. Я хотел бы знать Ваше мнение насчет цензурности... Буде найдете нужным что изменить (или выпустить) или по цензурным причинам или и по другим, то изменяйте без церемоний. Мне, конечно, хотелось бы сохранить резкий тон статьи, но против невозможности я прать не буду» (Полн. собр. соч., т. 19, стр. 163). Вторая часть первой главы была послана в редакцию 31 августа уже из Парижа. Вторая глава писалась в Париже и была послана 20 сентября. Остальные главы писались в Петербурге.

Цикл «За рубежом» печатался в журнале «Отечественные записки» в 1880 г. в №№ 9—11 и в 1881 г. в №№ 1, 2, 5 и 6. Отдельным изданием вышел лишь один раз в 1881 г.

В 1887 г. цикл «За рубежом» вышел в Париже на французском языке и в том же году дважды был переиздан. В личной библиотеке Маркса «За рубежом» имелось на русском и французском языке.

Стр. 193. *«аридовы веки»*— нарицательное обозначение сказочного долголетия (от Арида или Нарид — легендарного библейского героя, прожившего 962 года).

Стр. 194. *...в Вержболове обыскали...»*— Вержболово — пограничная с Германией станция до войны 1914 г.

Стр. 195. *«...объявили нас от митирогнозии свободными».*— «Митирогнозия»— щедринское шутливое обозначение грубой уличной брани. Слово создано Щедриным по «рецепту» научной терминологии из греческих: meter — мать и gnosis — познание.

Стр. 195. *«Кажется, мы нынче смирно сидим... Ни румынов, ни греков, ни сербов, ни болгар — ничего за нами нет!»*— Щедрин имеет в виду закончившуюся 1 июля 1880 г. Берлинскую конференцию, установившую границы Греции, Турции, Сербии, Болгарии и Румынии.

Стр. 196. *«Один... назывался по фамилии Либы; другой — Мадаи... Один прошел школу графа Михаила Николаевича в качестве чиновника для преступлений; другой прошел школу графа Алексея Андреевича, в качестве чиновника для чтения в сердцах».* — *«Граф Михаил Николаевич»* — кровавый усмиритель польского восстания 1863 г. Муравьев-Виленский, получивший кличку «Вешатель». *«Граф Алексей Андреевич»* — Аракчеев, военный министр, а позже председатель департамента военных дел Государственного совета. Тупой и жестокий администратор, пользовавшийся неограниченной властью при Павле I и Александре I.

Стр. 196. *«...ибо нынче и у нас в Петербурге... вольно!»* — Намек на тактику так называемой «диктатуры сердца», проводившейся Лорис-Меликовым, министром внутренних дел при Александре II. Этой тактикой туманных обещаний и намеков на конституцию правительство рассчитывало приостановить революционное движение конца 70-х гг. После 1 марта 1881 г. правительство изменило эту тактику и стало на путь репрессий.

Стр. 201. *...около каждого «обеспеченного наделом»...* — Термин «обеспеченного наделом» взят из официального документа по проведению реформы 19 февраля 1861 г. О том, как крестьяне были «обеспечены» наделом земли, Ленин писал: «...*свыше пятой доли* крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, потом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить *выкуп*, то есть *дань* вчерашним рабовладельцам» (Сочинения, изд. 4-е, т. 17, стр. 65).

Стр. 201. *«...у нас практически заниматься вопросом о «распределении» богатств» могут только Политковские да Юханцевы».* *Политковский* — тайный советник, крупный чиновник; будучи правителем дел комитета по делам инвалидов, растратил один миллион двести тысяч казенных денег. *Юханцев* — один из участников нашумевшего уголовного процесса растратчиков и аферистов из петербургского «Общества взаимного кредита», ка[illegible] этого общества.

Стр. 203. *К[illegible]* — [illegible] *в[illegible]* — [illegible] деле о расхищении [illegible] и Оренбургской губернии».

Стр. 211. *[illegible]* — [illegible] *продаже* — «Предостережения» [illegible] орган печати закрывался [illegible] материальный ущерб, [illegible] в отношении радикальной печати, как [illegible]

Стр. 212. *«...брошюры г. Цитовича»* — *П. П. Цитович* (ум. в 1913 г.) — профессор Новороссийского [illegible] издал ряд [illegible] демократического [illegible]

Стр. 221. *«...вот мы в спожинки его и справляем!»* — *Спожинки* или *дожинки* — праздник конца жатвы, [illegible]

Стр. 222. [illegible] введен 21 июня 1878 г. [illegible] ностью в деревне.

Стр. 234. [illegible] *Мольтке — Бисмарк.* Отто [illegible] деятель, создавший [illegible] Пруссии после разгрома Франции в 1871 г. [illegible] 1891) — фельдмаршал [illegible] Бисмарка.

Стр. 238. *— пусть читает Плутарха* — *Плутарх* (ок. [illegible] греческий писатель-историк. Его сборник параллельных биографий греческих и римских знаменитых [illegible] большим успехом и широким распространением.

Стр. 239. *«...начнет повествовать об Вёрте или об Седане»* *Верт* — город в Нижнем Эльзасе, близ которого 6 августа 1870 г. произошло первое крупное сражение франко-прусских войск, закончившееся победой пруссаков. *Седан* — крепость во Франции, где 2 сентября 1870 г. Мольтке разгромил французскую армию и [illegible] с Наполеоном III в плен.

Стр. 242. *«Рассказывают, правда, что никогда в Берлине не были так сильны демократические аспирации, как теперь, и в доказательство указывают на некоторые парламентские выборы. Но ведь рассказывают и то, что берлинское начальство очень ловко умеет справляться с аспирациями и отнюдь не церемонится с излюбленными берлинскими людьми...»*— Говоря о парламентских выборах, Щедрин имеет в виду крупный успех германской социал-демократии на выборах в рейхстаг в 1874 и 1877 гг. Этот успех социал-демократов заставил насторожиться правительство, и в 1878 г. Бисмарк провел «чрезвычайный закон» против социалистов, который в 1880 г. был продлен еще на четыре года.

Стр. 245. *«...появляются дородные вассерфрау»*— то есть женщины, подающие лечебные воды.

Стр. 246. *«...стоят динстманы, пактрегеры»*— то есть посыльные, носильщики.

Стр. 250. *«...нескромности табльдотного Рюи-Блаза...».— Рюи-Блаз* — герой одноименной драмы Виктора Гюго.

Стр. 256. *«...сама «вдова» благословила...»*— Речь идет о вдове Наполеона III, императрице Евгении, урожденной Монтихо.

Стр. 259. *«Там, батюшка, [illegible] Изабелла в ход пошла!»*— В Испании во главе движения за уничтожение конституции 1876 г. стояла бывшая испанская королева Изабелла II (Мария-Луиза), свергнутая с престола в 1863 г. и жившая с тех пор в Париже.

Стр. 259. *«...опера «Вильгельм Телль» дается в Петербурге под именем «Карла Смелого».*— Опера Россини «Вильгельм Телль» была написана на сюжет из истории восстания швейцарцев в XIV веке и шла на русской сцене под названием «Карл Смелый». Опера пользовалась большим успехом. Щедрин в своем рассказе «Запутанное дело» (1848) писал о революционизирующем влиянии этой оперы на радикально настроенную молодежь.

Стр. 259. *«Об «увенчании здания» поговаривают...»*— намек на подготовку проекта конституции.

Стр. 261. *«Еще когда устав о кантонистах был сочинен...»*— В 1824 г. все кантонисты были переданы в ведение начальника военных поселений Аракчеева и получили новый устав.

Стр. 270. *«...управы благочиния»*— органы исполнительской полиции. Щедрин пользуется этим устаревшим названием для обозначения департамента полиции, жандармских учреждений и других карательных органов власти.

Стр. 272. *«...об переезде Юнфрау в Кунавино».— Кунавино*, предместье в Нижнем-Новгороде, примыкавшее к ярмарочным постройкам, было известно, как место купеческого разгула.

Стр. 272. *«...переговорила с Мендельсоном...»*— *Мендельсон-Бартольди Эрнст* (1846—1909) — берлинский банкир, финансировавший в 70-х и 80-х гг. царское правительство.

Стр. 272. *«То были два графа: граф Твэрдоонто и граф Мамелфин».* Прототипами этих двух сатирических образов являются граф Толстой и

граф Валуев. Граф Д. Толстой (1823—1889), обер-прокурор священного синода и министр народного просвещения, тупой реакционер-бюрократ, вызвавший своей деятельностью общую ненависть и презрение. Граф Валуев — крупный государственный деятель, занимавший ряд ответственных должностей в продолжение 30 лет. Используя эти реальные фигуры, Щедрин дает в образах Твэрдоонто́ и Мамелфина синтетический тип царских бюрократов, настолько застывших в своей косности и консерватизме, что они становятся ненужными даже своему хозяину — царскому правительству.

Стр. 276. *«Граф и репортер»*. В этом «драматическом разговоре в одном явлении» дана острая пародия на представителя бульварно-реакционной прессы. Прототипом для создания сатирического образа репортера газеты «И шило брест» Подхалимова послужил корреспондент «Нового времени» А. И. Шарапов. Под псевдонимом «Parisien» Шарапов поместил в газете «Новое время» за 1878 г. две свои корреспонденции-интервью. «У Луи-Блана» и «У Виктора Гюго», в которых оклеветал обоих деятелей французской демократии. Образ Подхалимова повторен в «Мелочах жизни» и в «Пестрых письмах».

Стр. 277. *«Вы, конечно, знаете стих Пушкина: «Красного лета отрава, муха несносная, что ты...»* — граф Твэрдоонто́ приписывает этот «стих» (неточно им переданный) Пушкину, тогда как он принадлежит Боратынскому:

> «Красного лета отрава, муха досадная, что ты
> Вьешься, терзая меня, льнешь то к лицу, то к перстам».
> (*«Отечот», 1841*)

Стр. 277. *«...Кстати: вы были на этом празднике... в Москве?»* — Речь идет о праздновании открытия памятника Пушкину в Москве.

Стр. 278. *«Всего Поль-де-Кока, всего Феваля и, наконец,* «Nana»...— *Поль-де-Кок (1794—1871) и Поль Феваль (1817—1887)* — популярные в свое время французские писатели [illegible]. *«Нана»* — роман Золя (1840—1902), имевший большой [illegible] французской буржуазии и вызвавший резкую критику [illegible] печати. Щедрин в этом произведении вскрыл внутренние [illegible] французского натурализма, как литературы буржуа-рантье, [illegible], ни героизм уже не под силу».

Стр. 283. *«...быстрым разумом Нестоким»* — то есть Ньютонам. Из оды М. В. Ломоносова «На день восшествия на престол Елисаветы Петровны» (1747).

Стр. 290. *«...и в иностранных и в русских журналах появились [illegible] о предстоящих для нашей печати льготах»* — В 1880 г. в связи с «новыми веяниями» возник проект о пересмотре и изменении законов о печати и о замене административных репрессий взысканиями по решению судебных органов. В связи с наступившей в 1881 г. реакцией вопрос о преобразовании цензуры был правительством снят.

Стр. 293. *«Он Евтропия в своем «заведении» переводил!»* — *Евтропий* — римский историк IV в., сочинения которого по истории Рима считались классической школьной книгой при изучении латинского языка.

Стр. 300. *«...Булгарины, Бранты, Кукольники...»* — *Булгарин Ф. В.* (1789—1859) — реакционный писатель, связанный с III Отделением

(тайной политической полицией). Щедрин писал о нем, как о продажном писателе и политическом доносчике. *Брант Л. В.*— журналист, критик, единомышленник Булгарина. *Кукольник Н. В.* (1809—1868) — беллетрист и драматург реакционного лагеря.

Стр. 300. *«к тому безвестному кружку, который инстинктивно прилепился к Франции».*— Кружок М. В. Буташевича-Петрашевского, пропагандировавшего идеи французских утопистов-социалистов, пользовался огромным влиянием среди радикальной молодежи 40-х гг. Щедрин, будучи уже в ссылке, был привлечен по делу Петрашевского, но по недостатку улик обвинение против него отпало. М. В. Петрашевский (1821—1866) был приговорен к расстрелу, который был заменен вечной каторгой. Умер в Сибири.

Стр. 300. *«...не к Франции Луи-Филиппа и Гизо».*— *Луи* (Людовик)-*Филипп* (1773—1850) — после июльской революции 1830 г. король Франции. Был свергнут с престола 24 февраля 1848 г. *Гизо Франсуа* (1787—1874) — политический деятель и историк Франции, был ближайшим помощником Луи-Филлипа и главой правительства Июльской монархии.

Стр. 300. *«...даже такое дело, как опубликование «Собрания русских пословиц», являлось прихотливым и предосудительным».*— Щедрин говорит о сборнике В. Даля «Пословицы русского народа», который николаевская цензура запретила к изданию. Сборник был напечатан в 1862 г. лишь после смерти Николая I.

Стр. 301. *«...когда Бонапарт, с шайкой бандитов, сначала растоптал, а потом насквозь просмердил Францию».*— Племянник Наполеона I Луи (Людовик) Бонапарт (1808—1873) в декабре 1848 г. был избран президентом республики. 2 декабря 1851 г. он произвел государственный переворот, передавший в его руки всю полноту власти, а через год, в декабре 1852 г., провозгласил себя Наполеоном III, императором Франции. Щедрин с нескрываемым отвращением и презрением относился к Луи Бонапарту.

Стр. 301. *«...мы не могли без содрогания трепета помышлять о великих принципах 1789 года».*— Речь идет о принципах великой французской буржуазной революции.

Стр. 301. *«...с упоением зачитывались «Историей десятилетия» Луи Блана». Луи-Блан* (1811—1882) — публицист и историк Франции, подвергнувший в своей книге «История десяти лет» резкой критике Июльскую монархию.

Стр. 301. *Дюшатель Шарль-Мари* (1803—1867) — реакционный министр внутренних дел в кабинете Гизо в 1847—1848 гг.

Стр. 301. *Тьер Луи-Адольф* (1797—1877) — французский историк и государственный деятель, непримиримый враг рабочего класса, демократии, социализма. По характеристике Маркса, «этот карлик-чудовище, в течение более чем полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он представлял собой самое совершенное идейное выражение ее классовой испорченности... Летопись его общественной деятельности есть история бедствий Франции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произвед., 1948, т. I, стр. 461).

Стр. 301. *Дубельт Л. В.* (1792—1862) — осуществлял все реакционные

мероприятия Николая I, был начальником штаба корпуса жандармов, с 1839 г.— управляющим III Отделением, а также состоял членом Главного управления цензуры.

Стр. 301. *«Процесс министра Теста, агитация в пользу избирательной реформы, высокомерные речи Гизо по этому поводу, палата, составленная из депутатов, нагло называвших себя* conservateurs endurcis, *наконец февральские банкеты»...*— Щедрин перечисляет политические факты и эпизоды, предшествовавшие революционным событиям в феврале 1848 г. *Жан-Батист Тестá* (1780—1852) — бывший последовательно министром торговли, юстиции и общественных работ с 1834 по 1843 г., скомпрометированный в деле об отдаче соляных коней в аренду, был привлечен к суду. Процесс Тестá в 1847 г. использовали сторонники реформы избирательного права, организовавшие банкеты, куда привлекались оппозиционные элементы. Запрещение Дюшателем и Гизо демократического банкета, назначенного на 22 февраля, явилось непосредственным поводом к восстанию. 23 февраля шли уже баррикадные бои на парижских улицах. В этот день министерство Гизо пало, и на другой день министр Луи Филиппа бежал в Лондон.

Стр. 302. *«...оказалось [illegible] министерство Одилона Барро»* — *Одилон Барро* (1791—1873) — политический деятель периода Июльской монархии, сторонник Луи Филиппа. При Луи Бонапарте был главой министерства.

Стр. 302 *«...Ламартиновское [illegible] министерство...»* — *Ламартин Альфонс* (1790—1869) — поэт-романтик, историк и политический деятель. Благодаря ораторскому таланту [illegible] Щедриным «словесным распутством», Ламартин пользовался [illegible] популярностью и в 1848 г. был избран главою Временного правительства. В дальнейшем этот сладкоречивый оратор, призывавший к [illegible] социальному миру, борется против республики, сближается с [illegible] Луи Бонапартом, усмирителем Июльского восстания, и действует с ним [illegible].

Стр. 302 *«...цензор «Отечественных записок» [illegible] встречая элементов русской литературы [illegible] «Запутанное дело» [illegible] повесть, а в мае уже был зачислен в штат [illegible] правления»* — Щедрин говорит здесь о создании по указу Николая I особого комитета», которому было поручено «рассмотреть [illegible] журналы соблюдают ли [illegible] журналу программы». Этот комитет был учрежден при первых известиях о французской революции 1848 г., и первой жертвой его деятельности оказался Щедрин. После появления в мартовской книжке журнала «Отечественные записки» повести «Запутанное дело» Щедрину было предъявлено обвинение (сформулированное самим Николаем I) в напечатании сочинения «без ведома начальства, в котором оказалось вредное направление и стремление к распространению революционных идей, потрясших уже всю Западную Европу». Щедрин был арестован и 28 апреля 1848 г. отправлен в ссылку в Вятку, где пробыл более семи лет и откуда вернулся уже после смерти Николая I, в 1856 г.

Стр. 302. *«Судьба министра Барона...»* — *Барон Пьер Жозеф* (1802—1870) — французский политический деятель. В 1848 г. был избран в Национальное собрание, где примкнул к консерваторам.

Стр. 302. *«...судьбы министра Клейнмихеля...»* — *Клейнмихель П. А.* (1793—1868) — один из наиболее реакционных министров в царствование Николая I, с 1842 по 1855 г. был министром путей сообщения. С воцарением

Александра II был удален как «козел отпущения за царствование Николая», по выражению Чернышевского.

Стр. 303. *«Что красы Санковской Цынскому представил».— Санковская Е. А.*— знаменитая в свое время прима-балерина московского балета; была фавориткой московского обер-полицмейстера Л. М. Цынского.

Стр. 303. *«...избирательная борьба между Кавеньяком и Бонапартом...»— Кавеньяк Эжен* (1802—1857) — генерал, кровавый усмиритель июльского восстания парижских рабочих 1848 г., получивший после усмирения диктаторские полномочия. Кавеньяк 10 декабря 1848 г. баллотировался в президенты республики, но получил в шесть раз меньше голосов, чем Луи Бонапарт.

Стр. 303. *«...замена. Перовское [illegible] Перовский Л. А.* (1792—1856) — министр внутренних дел с 1841 по 1852 г. *Бибиков Д. Г.* (1792—1870) — сменил Перовского и занимал этот пост в продолжение трех лет (1852—1855). Оба министра были наиболее прямолинейными проводниками полицейской системы Николая I.

Стр. 303. *«...провожая [illegible] на смерть за ключи»*— то есть «за ключи от храма гроба господня», местонахождение которых предполагалось в Константинополе (Стамбуле). Щедрин неоднократно иронизировал над этой славянофильской формулой (согласно этой формуле, войны с Турцией изображались как борьба христианства с исламом).

Стр. 305. *«В 1870 году Франция опять напомнила о себе».*— Указание на начавшуюся франко-[illegible]

Стр. 305. *«...бандит оставил по себе конкретный след в виде организованной шайки, которая [illegible] готовность во всякое время с легким сердцем рвать на [illegible]»*— Щедрин говорит о партии бонапартистов, сторонников и приверженцев Наполеона III, которые в продолжение десятков лет отстаивали права сына Наполеона III на французский престол.

Стр. 305. *«Лично [illegible] Париж [illegible] 1875 года. Престол был уже упразднен, но неподалеку от него сидел Мак-Магон и все что-то собирался сострячать»*— Щедрин приехал во Францию в сентябре 1875 г., когда после разгрома Парижской коммуны там царила самая черная реакция. Бонапартистский маршал Мак-Магон был избран президентом Национального собрания и с 1873 до 1879 г. занимал этот [illegible] республиканский пост.

Стр. 306. *«Макадам»*— специальный материал для мощения [illegible]

Стр. 310. «...travail attgayant» (привлекательный труд) — термин Шарля Фурье, обозначавший характер труда в будущем человеческом обществе (фаланстерах). Это труд, свободно избранный, труд без напряжения, вперемежку с праздниками, под звуки музыки с пением.

Стр. 310. *«Оттого-то, быть может, и кажется приезжему иностранцу (это еще покойный Погодин заметил), что в Париже вот вот сейчас что-то начнется».*— Щедрин имеет в виду соответствующие места в книге М. Погодина «Год в чужих краях» (1839).

Стр. 311. *«...непростительно было бы не заглянуть и в ту мастерскую,*

в которой вершатся политические и административные судьбы Франции. Я выполнил это, впрочем, уже весной 1876 года. Палаты в то время еще заседали в Версале, и на очереди стоял вопрос об амнистии».— Предложение об амнистии коммунаров, осужденных военным судом Тьера на бессрочные и долголетние каторги и тюремное заключение, было внесено одновременно в палату депутатов и в сенат их «левыми» и «крайне левыми» фракциями (Виктор Гюго, Клемансо, Наке и др.). Амнистия была отклонена. Прения по этому вопросу происходили в заседании палаты депутатов 17 мая, на котором Щедрин, повидимому, присутствовал.

Стр. 311. *«...это был Лабулé, автор известного памфлета* «Paris en Amérique», *а ныне сенатор и стыдливый клерикал».* — *Лабулé Эдуард-Рене* (1811—1883) — французский публицист-сатирик и политический деятель. Либерал и оппозиционер во время Второй империи в 60-х годах, Лабулé осмеял ее политическую систему в ряде острых памфлетов: «Париж в Америке», «Голубые сказки», «Принц и пудель». Но уже в 1869 г. Лабулé высказался за поддержку Наполеона III, которого ранее «беспощадно» осмеивал. К Парижской коммуне он отнесся крайне враждебно, в Национальном собрании (1871) поддерживал тактику Тьера и выступал против амнистии коммунаров.

Стр. 312. *«...а потом и до Гамбетты доберемся».*— *Гамбетта Леон-Мишель* (1838—1882) — французский либерально-буржуазный политический деятель. Будучи сторонником тактики соглашательства, Гамбетта заявил однажды в палате депутатов, что он не признает другой политики, кроме политики умеренности, [illegible] политики оппортунизма. Этот термин был создан Рошфором специально для характеристики программы Гамбетты. Щедрин, враг политики компромиссов, в письме к Якушкину от 19 марта 1876 г. писал: «Во Франции Гамбетта играет громадную роль — этого одного достаточно для оценки положения. Но буржуа по всем своим принципам... Противно читать здешние газеты, [illegible] выполнены криком: тише! не вдруг! Даже Луи Блан заразился этим. Республика без идеалов, без страстной идеи — на кой чорт [illegible] она нужна...» (Полн. собр. соч., т. XVIII, стр. 351).

Стр. 316. *«Но у нас мы [illegible] — и кончен бал... Иллюзии, ха-ха... И притом в особенности [illegible]* illusions perdues... *ха-ха!»*— Щедрин имеет в виду заявление Лорис-Меликова, сделанное им на собрании всех редакторов повременных изданий 6 сентября 1880 г. о том, «чтобы они отложили всякие мечтания о центральном представительстве не только в виде конституционных палат, но даже и под видом совещательной Земской думы». Лорис Меликов потребовал, чтобы печать «не смущала и не волновала напрасно общественные умы своими мечтательными иллюзиями». Для усиления сатирического эффекта Щедрин вкладывает в уста Лабулé выражение «illusions perdues» («Утраченные иллюзии» — заглавие романа Бальзака).

Стр. 316. *«...получает возможность есть калачи».*— Голодающие крестьяне северных районов отправлялись на тяжелые работы в южные губернии, где пшеничный хлеб назывался калачом.

Стр. 317. *«Отлично! очаровательно!* Vive Henri Cinq!.. c'est ca! *Но ведь он... смоковница-то... сказывала мне намеднись* m-lle *Круазетт...»*— Речь идет о последнем отпрыске королевской династии Франции — графе Шамборском (Генрихе Бурбонском, 1820—1883). Граф Шамборский не имел потомства, и на нем обрывалась старшая королевская ветвь Бурбонов. *М-ль Круазетт* — фаворитка Шамбора, героиня бульварной печати 70-х гг.

Стр. 318. *Греви Жюль* (1807—1891) — активный деятель Третьей республики, враг Парижской коммуны. В марте 1876 г. был избран председателем палаты депутатов и после отставки Мак-Магона дважды (в 1879 и в 1885 гг.) избирался в президенты республики.

Стр. 318. *«...Кассаньяки, отец и сын».— Гранье де Кассаньяк Адольф* (1806—1880) — писатель, консерватор, бонапартист, принимал участие во всех монархических заговорах против республики. Его сын *Кассаньяк Поль де* (1843—1904) являлся лидером клерикальной группы бонапартистов.

Стр. 318. *Бюффе Луи-Жозеф* (1818—1898) стоял во главе реакционного кабинета в президентстве Мак-Магона в 1875—1876 гг.

Стр. 318. *Деказ Луи-Шарль* (1819—1886) — герцог, министр иностранных дел в разных кабинетах (с 1873 по 1877 г.), вел тайные переговоры с иностранными государствами о реставрации монархии во Франции.

Стр. 320. *«...журналист Менандр... в «Старейшей Пенкоснимательнице»... курлыкал да курлыкал, а пришел тайный советник Петр Толстолобов, крикнул: ты что тут революцию распространяешь... брысь!— и слопал Менандра».*— «Старейшей Российской Пенкоснимательницей» Щедрин называл «С. Петербургские ведомости». Менандром — либерального редактора газеты В. Ф. Корша, Петром Толстолобовым — министра просвещения графа Д. А. Толстого. Щедрин говорит здесь о закрытии газеты «С. Петербургские ведомости».

Стр. 322. *«...по поводу... Мак-Магона и его свойств... шел довольно оживленный спор: как следует понимать простоту (опять-таки под псевдонимом «честной шпаги»), то есть видеть ли в ней гарантию, вроде, например, конституции...»*— Щедрин имеет в виду политическую безграмотность Мак-Магона и издевается над его солдафонством. Оценка, данная Щедриным Мак-Магону, совпадает с высказыванием о нем Энгельса. В письме к Марксу по поводу избрания Мак-Магона в президенты Энгельс писал: «Что меня особенно радует, так это то, что Мак-Магон еще раз доказал Тьеру, какими негодяями являются так называемые *военные простаки*» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 412). В портрете Мак-Магона проступают также черты Александра II, и слова «властная глупость» вполне применимы к вершителям политических судеб и Франции и России.

Стр. 323. *«Что же такое, однакож, Мак-Магон? Расстреляет ли он или не расстреляет? Вот вопрос, который витал над Парижем в мае 1876 года».* Щедрин говорит здесь о попытке реставрации монархии, предпринятой легитимистами после «свидания в Фросдорфе» (резиденция графа Шамборского в Австрии), где произошло примирение — на почве общих задач — между бонапартистами и орлеанистами.

Стр. 324. «La république sans républicains» — республика без республиканцев. Этот программный лозунг Тьера был блестяще использован Щедриным для разоблачения классового содержания всей современной ему буржуазной демократии и системы европейского парламентаризма. Ленин использовал лозунг «республика без республиканцев» в полемике с меньшевиками, высмеивая их рассуждения о революции (Сочинения, изд 4-е, т. 11, стр. 384).

Стр. 325. *«Но при самом въезде меня поразило одно обстоятельство. Париж вонял!!»*— Щедрин говорит здесь не столько о санитарном состоянии города, сколько об «удушающем» быте и идеологии «сытого» французского буржуа.

Стр. 330. *«...осуществление идеала, излюбленного «маленького буржуа», которому недавно воздвигнут памятник в С.-Жермене».*— Речь идет о памятнике, поставленном Тьеру в 1879 г. в Сен-Жерменском предместье Парижа, во дворе здания Бурбонского дворца, где помещалась Палата депутатов.

Стр. 331. *«...во цвете лет погиб Монтихин отпрыск...»*— В 1879 г. умер единственный сын Наполеона III и императрицы Евгении Монтихо, бонапартистский претендент на престол.

Стр. 331. *«Франция заняла «надлежащее» место в советах европейских держав и вместе с прочими демонстрирует, в водах Эгейского моря, в пользу Греции».*— Франция своим участием в Берлинском конгрессе 1878 г. и в Берлинской конференции 1 июля 1880 г., собравшейся летом 1880 г. присоединения к Греции ряда турецких земель.

Стр. 332. *«...предположениях насчет харчевенно-ресторанного союза...»*— Русское правительство в 1879 г. сделало попытку заключить с Францией тайную дипломатическую сделку военного характера.

Стр. 332. *«...от [бюрократии] [illegible] «гарсонов» рода Даркура и Ноайля — отчего же не желать о «гарсонах» из породы Монморанси, Роган и Конде?»*— Щедрин называет имена старинных аристократических семейств, которые, забыв свое знатное происхождение и монархические принципы, пошли на службу к буржуазии, сделались ее «гарсонами». Граф Даркур стал французским послом в Англии, герцог де-Ноайль — в Турции.

Стр. 332. *«...[illegible] Новороссийского университета тайному советнику Панютину, в Одессе сущу, провозглашалось...»*— *Панютин С. Ф.* (1822—1885) — ярый реакционер, [illegible] ближайших сотрудников Муравьева-Вешателя, [illegible] губернатор с 1863 по 1868 г., жестоко расправившийся с революционным движением в Вильно и в Новороссийском университете в Одессе.

Стр. 333. *«...и кавалеры [illegible] шпион, осведомитель.*

Стр. 334. *«Приятнее, [illegible] раз порывался я проникнуть в Бельвиль...»*— *Бельвиль* — пролетарское предместье Парижа, игравшее в истории революции 1848 г. и Парижской коммуны, равно как в дальнейшем развитии рабочего движения во Франции видную роль. В Бельвиле в октябре 1879 г. собирался первый общефранцузский рабочий конгресс.

Стр. 334. *«...милейший приятель [illegible] ца».*— *Принц Героль штейнский* — авантюрный герой романа Эжена Сю «Тайны Парижа» (1842).

Стр. 335. *Цирк Фернандо* в Бельвиле служил [illegible] местом для всех больших собраний парижских рабочих.

Стр. 335. *«...в Марсель на рабочий конгресс?»*— Конгресс рабочих синдикатов в Марселе происходил в октябре 1879 г. Рабочий класс после разгрома Коммуны стал оправляться, и марсельский конгресс прошел под знаком подъема и усиления революционных настроений среди передовых групп французского пролетариата.

Стр. 336. *«Ортолан»*— птица овсянка.

Стр. 336. *«...гостившая в России боронесса Каулла... завтракала с генералом Сиссэ».*— Генерал Второй империи *де Сиссэ* — ярый бонапартист, военный министр при Тьере и Мак-Магоне, кровавый усмиритель Коммуны. Огромную сенсацию вызвало дело о похищении у него его любовницей прусской шпионкой Каулла плана одного из новых фортов Парижа. На суде выяснилось, что Каулла жила в 70-х гг. в Петербурге, была любовницей Юханцева (см. прим. к стр. 40) и выслана из России как прусская шпионка. Сиссэ запутался в грязных авантюрах и кончил жизнь самоубийством.

Стр. 338. *«...на память герцогу Омальскому?»* — *Анри Орлеан, герцог Омальский* — претендент орлеанистов на королевский престол, был изгнан из Франции в 1886 г.

Стр. 340. *«...упразднить поповского бога совсем... Сначала буржуа поручил это дело своему министру Фрейсинэ, а когда последний оказался чересчур податливым, то уволил его в отставку и ту же задачу возложил на министра Ферри. И вот теперь, в Новой Франции, действует бог лаицизированный... однакож... вопрос о конгрегациях... чуть было не произвел разрыва между Гамбеттой и графом Твэрдоонто».*— Речь идет о том, что министр народного просвещения Жюль Ферри в марте 1879 г. внес в сенат законопроект о реформе высшего образования. В проекте имелась статья, запрещавшая лицам, принадлежащим к «неутвержденным конгрегациям» (объединениям) католических монастырей, преподавать в светских школах. Между консерваторами и республиканцами при обсуждении законопроекта разгорелась ожесточенная политическая борьба. К 1881 г. конгрегации были уничтожены. Намек на возможность разрыва между Твэрдонто и Гамбеттой вызван тем, что гр. Д. Толстой (Твэрдоонто), обер-прокурор синода, как блюститель религии, пытался дипломатическим путем воспрепятствовать закрытию монастырей во Франции.

Стр. 341. *«...относительно отцов «реколлетов».*— *«Реколлеты»*— члены так называемой реколлетской конгрегации, оказавшие особенно упорное сопротивление закрытию своего монастыря. «Военными действиями» против монастыря руководил шеф французской охранки - «мосье Кобе», которому пришлось разрушать баррикады, возведенные монахами.

Стр. 344. *«...представители тех «новых общественных наслоений», о близком нашествии которых... несколько рискованно возвещал сфинкс Гамбетта... в одной из своих речей».*— *«Новые общественные наслоения»*— пролетариат. Щедрин говорит здесь о речи Гамбетты, произнесенной им в Экс-Прованском округе во время избирательной кампании 1876 г.

Стр. 344. *«Капитан Гарсен — тот самый, который во время торжества версальских войск над коммуной расстрелял депутата Милльера за «вредное направление» его литературной деятельности».* В книге А. Зевакса «История Третьей республики» приведено описание казни республиканского депутата и социалиста Милльера, рассказанное самим капитаном Гарсеном: «Я сказал Милльеру, что по приказу генерала (де Сиссэ) он должен быть расстрелян. Он спросил меня: *«За что?»* Я ответил ему: «Я вас знаю только по имени, *но я читал ваши статьи, которые меня возмущали...»* (стр. 42).

Стр. 344. *«И точно, Золá* настолько испугал буржуа, что в самое короткое время «Ассомуар» разошелся во множестве изданий». *«L'Assomoir»*— «Западня»— роман Золя из жизни рабочих. В своем романе Золя, рисуя

страшную картину обнищания и физической деградации трудового люда в условиях буржуазного общества, не сумел, однако, вскрыть истинные причины этих явлений и показать рабочего активным борцом за создание нового общества. Изданный в 1877 г., через несколько лет после Парижской коммуны, во время сильнейшей реакции, роман был очень благожелательно принят реакционерами.

Стр. 349. *«...он на все усовещевания ответит: я не идеолог, а реалист; я описываю только то, что в жизни бывает... И при этом непременно облает Виктора Гюго...»*— Щедрин пародирует высказывания Золя (из набросков к «Ругон Маккарам»): «Я не затрагиваю вопроса об оценке политического строя, я не хочу защищать какие-либо политики или религии. Рисуемая мною картина — простой анализ действительности, такой, какова она есть». Нападки на Виктора Гюго встречаются в «Парижских письмах» Золя весьма часто.

Стр. 350. *«Провербы»* — [illegible] В данном случае это обозначение применено к жанру небольших пьес, построенных на поговорках. Жанр этот культивировался в аристократических кругах XVIII в.

Стр. 352. *«...работы [illegible] оживились»*. — Закон об амнистии был опубликован 11 июля 1880 г. Амнистия вернула во Францию [illegible] Коммуны, что несомненно способствовало оживлению [illegible].

Стр. 355. «Événement [illegible] — Щедрин имеется в виду «L'Événement parisien» («Парижское [illegible]») — порнографическая газетка с иллюстрациями, выходившая в [illegible] и закрытая по обвинению в оскорблении [illegible].

Стр. 357. «Дюфайс» — [illegible] Ал. Дюма-сыном в одноименном романе («Полные [illegible]»).

Стр. 359. *«Но [illegible], в Пафнутьеве [illegible], а полюбуйся об господине Пафнутьеве [illegible]. Вишь ведь и не знает, что такое... здесь! Здесь!! Стоит только [illegible] русской цивилист — сейчас это менóтки на руки, арестант [illegible] на восток. В Верзболово! Только у них это не [illegible] а исполосованием»*. — В начале июля 1880 г. специальным декретом префекта полиции в двухнедельный срок были высланы из Парижа все проживавшие там русские политические эмигранты, что явилось результатом тайного дипломатического соглашения царского правительства с французским. *«Господин Пафнутьев»* олицетворяет здесь русское правительство. *«Экспедиция»* — юридический термин, обозначающий выдачу политического эмигранта для уголовного преступника, *«эксплюдировать»* — изгнание, высылка.

Стр. 368. *«...петербургские «события»»* — Щедрин говорит о [illegible] покушении народовольца Соловьева на жизнь Александра II 2 апреля 1879 г. и о последовавших за этим покушением репрессиях со стороны правительства.

Стр. 369. *«Я покупал их ежедневно и притом самые страшные* «L'Intransigeant», «Le Mot d'Ordre», «La Commune», «La Justice». — Перечисление этих левых органов печати свидетельствует об огромном интересе Щедрина к социалистической и радикальной прессе Франции.

Стр. 370. *«В Париже, в виду Мадлены [illegible] то есть в виду церкви*

Мадлены, замечательном по архитектурной красоте зданий в стиле ампир.

Стр. 383. *«...отныне на всем лице России не найдется более надежного либерала, как он, Пафнутьев. Но в иллюзии все-таки убеждал не верить».*— В марте 1880 г. после указов о временном подчинении III отделения и корпуса жандармов Верховной распорядительной комиссии Лорис-Меликов предпринял «ревизию» делопроизводства III отделения. В результате был освобожден из-под надзора, возвращен из ссылки и даже из эмиграции ряд арестованных по обвинению в государственных преступлениях лиц, в том числе В. Г. Короленко. Эти мероприятия всячески афишировались либеральной печатью, расценивались ею как политическая амнистия, а Лорис-Меликов восхвалялся как реформатор, провозвестник новых начал в государственном управлении страной.

Стр. 392. *«Торжествующая свинья».*— В этой сцене разговора свиньи с правдой Щедрин отразил неистовства правительственной реакции, начавшейся после убийства народовольцами Александра II. Редактор «Московских ведомостей» Катков писал погромные статьи, настаивая на необходимости применения самых жестоких мер, и эти статьи послужили Щедрину материалом для создания образа «торжествующей свиньи». Катков узнал себя в этом образе и счел, очевидно, невозможным оставить выступление Щедрина без ответа. В № 193 «Московских ведомостей» от 14 июля 1881 г. он поместил анонимную статью «Из мира курьезов», посвященную специально VI и VII главам «За рубежом». Статья была расценена как саморазоблачение «Московских ведомостей» в отношении таких щедринских иносказаний, как «торжествующая свинья», «литературные клоповники» и др., и вызвала ряд откликов в оппозиционной печати.

Стр. 397. «Le général Capotte».— Слово capotte означает по-французски «солдатская шинель». Щедрин пользуется этим словом в переносном смысле, равнозначном выражению (введенному Щедриным же) «гороховое пальто», то есть шпион, осведомитель. В жизнеописании Капотта Щедрин использовал ряд черт из биографии международного политического сыщика-авантюриста 60—80-х гг. полковника Этьена де Будри младшего, сотрудничавшего одновременно в русской и французской охранках и жившего в 70-х гг. в России.

Стр. 409. *«Но что вы скажете о Гамбетте и о papa Trinquet? не в исступлении ли они?»*— Речь идет о рабочем Алексисе-Луи Тренке, участнике Парижской коммуны, сосланном после разгрома Коммуны в Нумею. В июне 1880 г. социалисты парижского избирательного округа Пэр-Лашез избрали «каторжника» Тренке в муниципальный совет. Выборы были проведены под знаком кампании за амнистирование коммунаров при яростном сопротивлении республиканской партии и ее вождя Гамбетты. Кампания увенчалась успехом. Закон об амнистии был обнародован 11 июля 1880 г. Тренке, вернувшийся в январе 1881 г. с нумейской каторги, заявил своим избирателям: «Я стою за республику, но еще больше за революцию! Граждане, в стране нашей ничего не изменилось, и все предстоит сделать; да здравствует революция!»

Стр. 415. *«...иде домув мой?»* (где моя родина?) — сербская песня, популярная в России в эпоху славянского движения в конце 70-х гг.

Стр. 418. *«Этот изумительный тип глубоко верующего человека нередко смущал мое воображение, и я не раз пытался воспроизвести его».*— Образ настоящего несгибаемого революционера глубоко волновал Щедрина, и в своем письме к критику Анненкову от 2 декабря 1875 г. он сообщал:

«...хочу написать рассказ «Паршивый». Чернышевский или Петрашевский, все равно. Сидит в мурье, среди снегов, а мимо него примиренные декабристы и петрашевцы проезжают на родину и насвистывают «Боже, царя храни»... И все ему говорят: стыдно, сударь! у нас царь такой добрый — а вы что! Вопрос: проклял ли жизнь этот человек, или остался он равнодушен ко всем надругательствам, и все в нем старая работа... до ссылки начатая, продолжается? Я склоняюсь к последнему мнению» (Полн. собр. соч., т. XVIII, стр. 323).

Стр. 421. *«Что же касается до единения с народом, то это вопрос едва ли еще не более жестокий, нежели вопрос об исторических утешениях».*— Щедрин ясно понимал тактику так называемой «народной политики» правительства, заключавшейся в стремлении изолировать народ от влияния революционеров. Правительство надеялось, по образному выражению Глеба Успенского, «вышибить днище у интеллигенции». Эта охранительно-провокаторская тактика стала осуществляться министром внутренних дел Игнатьевым в виде организации летом 1881 г. еврейских и черносотенных погромов на юге России и в Москве, задержания и избиения крестьянами мирных пропагандистов народников, жителей и т. д.

Стр. 427. *«Сидевший передо мной экземпляр земца...»*— Щедрин в «Письмах к тетеньке» посвятил земству и его реакционной роли V и VI главы. Диалог автора с земцем, поглощавшимся «в дела внутренней политики», написан Щедриным в форме [illegible] на один из «земских» фельетонов А. Суворина («Дельный разговор», в «Новом времени» 1881 г.

Стр. 432. *«Был, [illegible] печати...»*— Выражение: «мошенники пера и разбойники печати» впервые было употреблено реакционным беллетристом и публицистом Болеславом Маркевичем в «Московских ведомостях» 1875 г. по адресу радикальной печати. Оно было подхвачено этой последней и применимо к писателям реакционного лагеря, в частности к Каткову и самому Маркевичу.

С. Макашин, М. Эссен.

Как бы то ни было, но, раз решившись воспроизводить исключительно краснохолмские идеалы, мы зажили отлично. Единственную не краснохолмскую роскошь, которую я лично себе дозволил,— это газеты. Я покупал их ежедневно и притом самые страшные: «L'Intransigeant», «Le Mot d'Ordre», «La Commune», «La Justice» *. Что делать! идешь мимо киоска, видишь: разложены, стало быть велено покупать — купишь. Сначала я боялся, думал, начитаюсь, приеду в Россию — чего доброго, революцию произведу. Однако, с божьею помощью, в короткое время так наметался, что все равно, что читал, что нет. Зато все остальное времяпровождение было воистину краснохолмское. Часов до двенадцати утра мы исправлялись дома, то есть распивали чаи и кофеи по своим углам. После двенадцати выходили на улицу и начинали, по выражению Захара Иваныча, «путаться» и «воловодиться».

Брали под руки дам и по порядку обходили рестораны. В одном завтракали, в другом просто ели, в третьем спрашивали для себя пива, а дамам «грани́ту». Когда ели, то Захар Иваныч неизменно спрашивал у Старосмыслова: «а как это кушанье по-латыни называется?»— и Федор Сергеич всегда отвечал безошибочно.

— Никогда не скажет: не знаю!— изумлялся Блохин:— и этакого человека... в Пинегу!

В промежутках между кушаньями вспоминали о Красном Холме, старались угадать: рыжики-то уродились ли ноне?

Часа в три компания распадалась. Дамы предпринимали путешествие по магазинам, а мужчины отправлялись смотреть «картинки». Во время процесса смотрения Захар Иваныч [illegible]: «ах, шельма!» и спрашивал у Федора Сергеича, как это называется по-латыни. Но однажды зашли мы в пирожную, и с Блохиным вдруг сделалось что-то необыкновенное.

— Она... она самая!— шепнул он мне, указыв[illegible] почти рослую и совершенно рыжую женщину, которая [illegible]а — это у конторки.— Наша... кашинская!

И не успел я сообразить, в чем дело, как [illegible] явилась и глаза кровью налились.

— В Кашине... была? — спросил он ее в уп[illegible]роизнесе[illegible]слову пре[illegible]

Конторщица взглянула на него с недоу[illegible] примирения лицу ее пробежала чуть заметная улыбка[illegible]лове созрел. польстило, что «доброго русского мо́лодца» [illegible] этом напоми[illegible] шибло.

— В Кашине... была?— настаивал Зах[illegible] входить во вкус

Насилу мы его увели.

Часов около шести компания вновь [illegible] «Мы-ста да вы-

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

Сочинение графа Л. Н. Толстого[1]

«Чрезвычайная наблюдательность, тонкий анализ душевных движений, отчетливость и ясность в картинах природы, изящная простота — отличительные черты таланта графа Толстого». Такой отзыв мы услышали от каждого, кто только следит за литературой. Против повторения этой характеристику, внушенную общим голосом, мы повторяем ее, была совершенно верна правде дела.

Но нельзя ограничиться этим определением, которое, правда, заключило в таланте графа Толстого черты, действительно ему принадлежащие, но еще не показало тех особенных оттенков, какими отличаются эти качества в произведениях автора «Детства», «Отрочества», «Записок маркера», «Метели», «Двух гусаров» и «Военных рассказов»? Наблюдательность, тонкий психологический анализ, поэзия в картинах природы, простота и изящество — все это вы найдете и у Пушкина, и у Лермонтова, и у г. Тургенева,— определять талант каждого из этих писателей только этими эпитетами было бы справедливо, но вовсе недостаточно для того, чтобы отличить их круг от круга: и повторить то же самое о графе Толстом еще не значит уловить отличительную физиономию его таланта, не значит показать, что этот прекрасный талант отличается от многих других столь же прекрасных талантов. Надобно было охарактеризовать его точнее.

Нельзя сказать, чтобы попытки сделать это были очень удачны. Причина неудовлетворительности их отчасти заключается в том, что талант графа Толстого быстро развивается, и почти каждое новое произведение обнаруживает в нем новые черты. Конечно, все, что сказал бы кто-нибудь

[1] Статья-рецензия Н. Г. Чернышевского «Детство и Отрочество. Сочинение графа Л. Н. Толстого. СПБ. 1856. Военные рассказы графа Л. Н. Толстого. СПБ. 1856» была опубликована в ж-ле «Современник», 1856, № 8. В настоящем издании статья печатается с сокращениями.

о Гоголе после «Миргорода», оказалось бы недостаточным после «Ревизора», и суждения, высказавшиеся о г. Тургеневе, как авторе «Андрея Колосова» и «Хоря и Калиныча», надобно будет во многом изменять и дополнять, когда явились его «Записки охотника», как и эти суждения оказались недостаточными, когда он написал новые повести, отличающиеся новыми достоинствами. Но если прежняя оценка развивающегося таланта непременно оказывается недостаточною при каждом новом шаге его вперед, то, по крайней мере, для той минуты, как является, она должна быть верна и основательна. Мы уверены, что не дальше, как после появления «Юности», то, что мы скажем теперь, будет уже нуждаться в значительных пополнениях: талант графа Толстого обнаружит перед нами новые качества, как обнаружил он самостоятельные [illegible] стороны, которым не было случая обнаружиться в «Детстве» и «Отрочестве», как потом в «Записках маркера» и «Двух гусарах» он снова сделал шаг вперед. Но талант этот, во всяком случае, уже довольно блистателен для того, чтобы каждый период его развития заслуживал быть отмечен величайшею внимательностью. Посмотрим же, какие особенные черты он уже имел случай обнаружить в произведениях, которые известны читателям нашего журнала.

Наблюдательность [illegible] имеет в себе нечто холодное, бесстрастное. У нас замечательнейшим представителем этой особенности был Пушкин. Трудно найти в русской литературе более точную и живую картину, как описание быта и привычек старого барина старых времен в начале его повести «Дубровский». Но трудно решить, как думает об изображаемых им чертах сам Пушкин. Кажется, он готов был бы отвечать на этот вопрос: «Можно думать различно; мне какое дело, симпатию или антипатию возбудит в вас этот быт? я и сам не могу решить, удивления или негодования он заслуживает». Эта наблюдательность — просто зоркость глаза и памятливость. У новых наших писателей такого равнодушия вы не найдете; их чувства более возбуждены, их ум более точен в своих суждениях. Не с равною охотою наполняют они свою фантазию всеми образами, какие только встречаются на их пути; их глаз с особенным вниманием всматривается в черты, которые принадлежат сфере жизни, наиболее их занимающей. Так, например, г. Тургенева особенно привлекают явления, положительным или отрицательным образом относящиеся к тому, что называется поэзиею жизни, и к вопросу о гуманности. Внимание графа Толстого более всего обращено на то, как одни чувства и мысли развиваются из других; ему

интересно наблюдать, как чувство, непосредственно возникающее из данного положения или впечатления, подчиняясь влиянию воспоминаний и силе сочетаний, представляемых воображением, переходит в другие чувства, снова возвращается к прежней исходной точке и опять и опять странствует, изменяясь по всей цепи воспоминаний; как мысль, рожденная первым ощущением, ведет к другим мыслям, увлекается дальше и дальше, сливает грезы с действительными ощущениями, мечты о будущем с рефлексиею о настоящем. Психологический анализ может принимать различные направления: одного поэта занимают всего более очертания характеров; другого — влияния общественных отношений и жизненных столкновений на характеры; третьего — связь чувств с действиями; четвертого — анализ страстей; графа Толстого всего более — сам психический процесс, его формы, его законы, диалектика души, чтобы выразиться определительным термином.

Из других замечательнейших наших поэтов более развита эта сторона психологического анализа у Лермонтова; но и у него она [illegible] играет слишком второстепенную роль, обнаруживается редко, да и то почти в совершенном подчинении [illegible]. Из тех страниц, где она выступает заметнее, едва ли не самая замечательная — памятные всем размышления Печорина о своих отношениях к княжне Мери, когда он замечает, что она совершенно увлеклась им, бросив кокетничанье с Грушницким для серьезной страсти.

«Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь» и т. д. «Из чего же я хлопочу? Из зависти к Грушницкому? Бедняжка! он вовсе ее не заслуживает. Или это следствие того скверного, но непобедимого чувства, которое заставляет нас уничтожать сладкие заблуждения ближнего, чтоб иметь мелкое удовольствие сказать ему, когда он в отчаянии будет спрашивать, чему он должен верить:

— Мой друг, со мною было то же самое, и ты видишь, однако, я обедаю, ужинаю и сплю преспокойно, и, надеюсь, сумею умереть без крика и слез...» и т. д.

Тут яснее, нежели где-нибудь у Лермонтова, уловлен психический процесс возникновения мыслей,— и, однако ж, это все-таки не имеет ни малейшего сходства с теми изображениями хода чувств и мыслей в голове человека, которые так любимы графом Толстым. Это вовсе не то, что полумечтательные, полурефлективные сцепления понятий и чувств, которые растут, движутся, изменяются перед на-

[illegible]ими глазами, когда мы читаем повесть графа Толстого, — [illegible] ни малейшего сходства с его изображениями [illegible] и сцен, ожиданий и опасений, проносящихся в мысли [illegible] действующих лиц; размышления Печорина наблюдены вовсе не с той точки зрения, как различные минуты душевной жизни лиц, выводимых графом Толстым, — хотя бы, например, это изображение того, что переживает человек в минуту, предшествующую ожидаемому смертельному удару, потом в минуту последнего сотрясения нерв от этого удара...

Ни у кого другого из наших писателей не найдете вы психических сцен, подмеченных с этой точки зрения. И, по нашему мнению, та сторона таланта графа Толстого, которая [illegible] уловлять эти психические монологи, составляет в его таланте особенную, только ему свойственную силу... Выражаясь фигуральным языком, он умеет играть не одной этой струной, может играть или не играть на ней, но самая способность играть на ней придает уже его таланту особенность, которая [illegible] постоянно. Так, певец, обладающий в своем диапазоне необыкновенно высокими нотами, [illegible] если то не требуется его партией, — [illegible] ни брал, хотя бы такую, которая рано доступна всем голосам, каждая его нота будет [illegible] звучность, зависящую собственно от способности его брать высокую ноту, и в каждой ноте его будет обнаруживаться для знатока весь размер его диапазона.

Особенная черта в таланте графа Толстого, о которой мы говорили, так оригинальна, что нужно с большим вниманием всматриваться в нее, и тогда только мы поймем всю ее важность для художественного достоинства его произведений. Психологический анализ есть едва ли не самое существенное из качеств, дающих силу творческому таланту. Но обыкновенно он имеет, если так можно выразиться, описательный характер, — берет определенное, неподвижное чувство и разлагает его на составные части, — дает нам, если так можно выразиться, анатомическую таблицу. В произведениях великих поэтов мы, кроме этой стороны его, замечаем и другое направление, проявление которого действует на читателя или зрителя чрезвычайно поразительно: это уловление драматических переходов одного чувства в другое, одной мысли в другую. Но обыкновенно нам представляются только два крайних звена этой цепи, только начало и конец психического процесса, — это потому, что большинство поэтов, имеющих драматический элемент в своем таланте, заботятся преимущественно о результатах, проявле-

ниях внутренней жизни, о столкновениях между людьми, о действиях, а не о таинственном процессе, посредством которого вырабатывается мысль или чувство; даже в монологах, которые, по-видимому, чаще всего должны бы служить выражением этого процесса, почти всегда выражается борьба чувств, и шум этой борьбы отвлекает наше внимание от законов и переходов, по которым совершаются ассоциации представлений,— мы заняты их контрастом, а не формами их возникновения,— почти всегда монологи, если содержат не простое анатомирование неподвижного чувства, только внешностью отличаются от диалогов: в знаменитых своих рефлексиях Гамлет как бы раздваивается и спорит сам с собою: его монологи, в сущности, принадлежат к тому же роду сцен, как и диалоги Фауста с Мефистофелем, или споры маркиза Позы с Дон-Карлосом. Особенность таланта графа Толстого состоит в том, что он не ограничивается изображением результатов психического процесса: его интересует самый процесс,— и едва уловимые явления этой внутренней жизни, сменяющиеся одно другим с чрезвычайною быстротою и неистощимым разнообразием, мастерски изображаются графом Толстым. Есть живописцы, которые знамениты искусством уловлять мерцающее отражение луча на быстро колеблющихся волнах, трепетание света на шелестящих листьях, переливы его на изменчивых очертаниях облаков: о них по преимуществу говорят, что они умеют уловлять жизнь природы. Нечто подобное делает граф Толстой относительно таинственнейших движений психической жизни. В этом состоит, как нам кажется, совершенно оригинальная черта его таланта. Из всех замечательных русских писателей он один мастер на это дело.

Конечно, эта способность должна быть врождена от природы, как и всякая другая способность; но было бы недостаточно остановиться на этом слишком общем объяснении: только самостоятельною (нравственною) деятельностью развивается талант, и в той деятельности, о чрезвычайной энергии которой свидетельствует замеченная нами особенность произведений графа Толстого, надобно видеть основание силы приобретенной его талантом. Мы говорим о самоуглублении, о стремлении к неутомимому наблюдению над самим собою. Законы человеческого действия, игру страстей, сцепление событий, влияние обстоятельств и отношений мы можем изучать, внимательно наблюдая других людей; но все знание, приобретаемое этим путем, не будет иметь ни глубины, ни точности, если мы не изучим сокровеннейших законов психической жизни, игра которых открыта перед нами только в нашем (собственном) самосознании. Кто не

изучил человека в самом себе, никогда не достигнет глубокого знания людей. Та особенность таланта графа Толстого, о котором говорили мы выше, доказывает, что он чрезвычайно внимательно изучал тайны жизни человеческого духа в самом себе; это знание драгоценно не только потому, что доставило ему возможность написать картины внутренних движений человеческой мысли, на которые мы обратили внимание читателя, но еще, быть может, больше потому, что дало ему прочную основу для изучения человеческой жизни вообще, для разгадывания характеров и пружин действия, борьбы страстей и впечатлений. Мы не ошибемся, сказав, что самонаблюдение должно было чрезвычайно изострить вообще его наблюдательность, приучить его смотреть на людей проницательным взглядом.

Драгоценно в таланте это качество, едва ли не самое прочное из всех прав на славу истинно замечательного писателя. Знание человеческого сердца, способность раскрывать перед нами его тайны — ведь это первое слово в характеристике каждого из тех писателей, творения которых с удивлением перечитываются нами. И, чтобы говорить о графе Толстом, глубокое [illegible] человеческого сердца будет неизменно придавать [illegible] высокое достоинство всему, что бы ни написал он [illegible] каком бы духе ни написал. Вероятно, он напишет [illegible] такого, что будет поражать каждого читателя другими, [illegible] эффективными качествами,— глубиною идеи, интересом концепций, сильными очертаниями характеров, яркими картинами быта — и в тех произведениях его, которые уже известны публике, этими достоинствами постоянно возвышался интерес,— но для истинного знатока всегда будет видно — как, очевидно, и теперь,— что знание человеческого сердца — основная сила его таланта. Писатель может увлекать сторонами более блестательными; но истинно силен и прочен его талант только тогда, когда обладает этим качеством.

Есть в таланте г. Толстого еще другая сила, сообщающая его произведениям совершенно особенное достоинство своею чрезвычайно замечательной свежестью — чистота нравственного чувства. Мы не проповедники пуританизма; напротив, мы опасаемся его: самый чистый пуританизм вреден уже тем, что делает сердце суровым, жестким; самый искренний и правдивый моралист вреден тем, что ведет за собою десятки лицемеров, прикрывающихся его именем. С другой стороны, мы не так слепы, чтобы не видеть чистого света высокой нравственной идеи во всех замечательных произведениях литературы нашего века. Никогда общественная нравственность не достигала такого высокого уровня, как

в наше благородное время,— благородное и прекрасное, несмотря на все остатки ветхой грязи, потому что все силы свои напрягает оно, чтобы омыться и очиститься от наследных грехов. И литература нашего времени, во всех замечательных своих произведениях, без исключения, есть благородное проявление чистейшего нравственного чувства. Не то мы хотим сказать, что в произведениях графа Толстого чувство это сильнее, нежели в произведениях другого какого из замечательных наших писателей: в этом отношении все они равно высоки и благородны, но у него это чувство имеет особенный оттенок. У иных оно очищено страданием, отрицанием, просветлено сознательным убеждением, является уже только как плод долгих испытаний, мучительной борьбы, быть может, целого ряда падений. Не то у графа Толстого: у него нравственное чувство не восстановлено только рефлексией и опытом жизни, оно никогда не колебалось, сохранилось во всей юношеской непосредственности и свежести. Мы не будем сравнивать того и другого оттенка в гуманическом отношении, не будем говорить, который из них выше по абсолютному значению — это дело философского или социального трактата, а не рецензии,— мы здесь говорим только об отношении нравственного чувства к достоинствам художественного произведения и должны признаться, что в этом случае непосредственная, как бы сохранившаяся во всей неприкосновенности от чистой поры юношества, свежесть нравственного чувства придает поэзии особенную — трогательную и грациозную — очаровательность. От этого качества, по нашему мнению, во многом зависит прелесть рассказов графа Толстого. Не будем доказывать, что только при этой непосредственной свежести сердца можно было рассказать «Детство» и «Отрочество» с тем чрезвычайно верным колоритом, с тою нежною грациозностью, которые дают истинную жизнь этим повестям. Относительно «Детства» и «Отрочества» очевидно каждому, что без непорочности нравственного чувства невозможно было бы не только исполнить эти повести, но и задумать их. Укажем другой пример — в «Записках маркера»: историю падения души, созданной с благородным направлением, мог так поразительно и верно задумать и исполнить только талант, сохранивший первобытную чистоту.

Благотворное влияние этой черты таланта не ограничивается теми рассказами или эпизодами, в которых она выступает заметным образом на первый план: постоянно служит она оживительницею, освежительницею таланта. Что в мире поэтичнее, прелестнее чистой юношеской души, с радостной любовью откликающейся на все, что представ-

...ется ей возвышенным и благородным, чистым и прекрасным, как сама она? Кто не испытывал, как освежается его дух, просветляется его мысль, облагораживается все существо присутствием девственного душою существа, подобного Корделии, Офелии или Дездемоне?[1] Кто не чувствовал, что присутствие такого существа навевает поэзию на его душу, и не повторял вместе с героем г. Тургенева (в «Фаусте»):

Своим крылом меня одень,
Волненье сердца утиши,
И благодатна будет сень
Для очарованной души...[2]

Такова же сила нравственной чистоты и в поэзии. Произведение, в котором веет ее дыхание, действует на нас освежительно, мироторно, как природа,— ведь и тайна поэтического влияния природы едва ли не заключается в ее непорочности. Много дышит от того же веяния нравственной чистоты и грациозная прелесть произведений графа Толстого.

Эти две черты — глубокое знание тайных движений психической жизни и непосредственная чистота нравственного чувства, придающие всегда особенную физиономию произведениям графа Толстого, [всегда] останутся существенными чертами его таланта, какие бы новые стороны ни выказались в нем при дальнейшем его развитии.

Само собою разумеется, что всегда останется при нем и его художественность. Обозначив отличительные качества произведений графа Толстого, мы до сих пор не упоминали об этом достаточно, потому что оно составляет принадлежность, или, лучше сказать, сущность поэтического таланта вообще, будучи собственно только собирательным именем для обозначения всей совокупности качеств, свойственных произведениям талантливых писателей. Но стоит внимания то, что люди, особенно много толкующие о художественности, наименее понимают, в чем состоят ее условия. Мы где-то читали недоумение относительно того, почему в «Детстве» и «Отрочестве» нет на первом плане какой-нибудь прекрасной девушки лет восемнадцати или двадцати, которая бы страстно влюблялась в какого-нибудь также прекрасного

[1] Героини трагедий «Король Лир», «Гамлет» и «Отелло» В. Шекспира.
[2] Цитата не совсем точна. У Тургенева:

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,—
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

ношу... Удивительные понятия о художественности! Да ведь автор хотел изобразить детский и отроческий возраст, а не картину пылкой страсти, и разве вы не чувствуете, что если бы он ввел в свой рассказ эти фигуры и этот патетизм, дети, на которых он хотел обратить ваше внимание, были бы заслонены, их милые чувства перестали бы занимать вас, когда в рассказе явилась бы страстная любовь,— словом, разве вы не чувствуете, что единство рассказа было бы разрушено, что идея автора погибла бы, что условия художественности были бы оскорблены? Именно для того, чтобы соблюсти эти условия, автор не мог выводить в своих рассказах о детской жизни ничего такого, что заставило бы нас забыть о детях, отвлекаться от них. Далее, там же мы нашли нечто вроде [illegible] то, что граф Толстой ошибся, не выставив картин общественной жизни в «Детстве» и «Отрочестве»; да [illegible] и другого чего он не выставил в этих повестях? В [illegible] ни военных сцен, ни картин итальянской природы, ни исторических воспоминаний, нет вообще много такого, что можно было бы, но неуместно и не должно было бы [illegible]: ведь автор хочет перенесть нас в жизнь ребенка,— а разве ребенок понимает общественные вопросы, разве он имеет понятие о жизни общества? Ведь этот элемент столь же чужд детской жизни, как лагерная жизнь, и условия художественности были бы точно так же нарушены, если бы в «Детстве» была изображена общественная жизнь, как и тогда, если б изображена была в этой повести военная или историческая жизнь. Мы любим не меньше кого другого, чтобы в повестях изображалась общественная жизнь; но ведь надобно же понимать, что не всякая поэтическая идея допускает внесение общественных вопросов в произведение; не должно забывать, что первый закон художественности — единство произведения, и что потому, изображая «Детство», надобно изображать именно детство, а не что-либо другое, не общественные вопросы, не военные сцены, не Петра Великого и не Фауста, не Индиану и не Рудина, а дитя с его чувствами и понятиями. И люди, предъявляющие столь узкие требования, говорят о свободе творчества! Удивительно, как не ищут они в «Илиаде» — Макбета, в Вальтере Скотте — Диккенса, в Пушкине — Гоголя! Надобно понять, что поэтическая идея нарушается, когда в произведение вносятся элементы, ей чуждые, и что если бы, например, Пушкин в «Каменном госте» вздумал изображать русских помещиков или выражать свое сочувствие к Петру Великому, «Каменный гость» вышел бы произведением нелепым в художественном отношении. Всему свое место: картинам южной любви — в «Каменном госте»,

картинам русской жизни — в «Онегине», Петру Великому — в «Медном всаднике». Так и в «Детстве» или «Отрочестве» уместны только те элементы, которые свойственны тому возрасту,— а патриотизму, геройству, военной жизни будет свое место в «Военных рассказах», страшной нравственной драме — в «Записках маркера», изображению женщины — в «Двух гусарах»...

...Граф Толстой обладает истинным талантом. Это значит, что его произведения художественны, то есть в каждом из них очень полно осуществляется именно та идея, которую он хотел осуществить в этом произведении. Никогда не говорит он ничего лишнего, потому что это было бы противно условиям художественности, никогда не безобразит он свои произведения примесью сцен и фигур, чуждых идее произведения. Именно в этом и состоит одно из главных требований художественности. Нужно иметь много вкуса, чтобы оценить красоту произведений графа Толстого; но зато человек, умеющий понимать истинную красоту, истинную поэзию, видит в графе Толстом настоящего художника, то есть поэта с замечательным талантом.

Этот талант принадлежит человеку молодому, с свежими жизненными силами, имеющему перед собою еще долгий путь — многое новое встретится ему на этом пути, много новых чувств будет еще волновать его грудь, многими новыми вопросами займется его мысль,— какая прекрасная надежда для нашей литературы, какие богатые новые материалы жизнь дает его поэзии! Мы предсказываем, что все, данное доныне графом Толстым нашей литературе, только залоги того, что совершит он впоследствии; но как богаты и прекрасны эти залоги!

СОДЕРЖАНИЕ

РОМАН И ПОВЕСТИ

* Арап Петра Великого[1] 2
* Роман в письмах 33
Повести покойного Ивана Петровича Белкина
От издателя 45
Выстрел 48
Метель 59
Гробовщик 69
Станционный смотритель 75
Барышня-крестьянка 85
История села Горюхина 101
Рославлев 116
* Дубровский 126
Пиковая дама 190
Кирджали 214
Египетские ночи 219
Капитанская дочка 232

ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ

Наденька 332
Гости съезжались на дачу... 332
В начале 1812 года... 339
На углу маленькой площади... 339
* Записки молодого человека 342
Участь моя решена. Я женюсь... 344
Отрывок 347

[1] Здесь и ниже звездочками отмечены произведения, озаглавленные редакторами, т. е. у Пушкина названий не имеющие.

* Розин на Кавказских водах 350
Часто думал я... 352
* Русский Пелам 352
В 179* году возвращался я... 355
Мы проводили вечер на даче... 356
* Повесть из римской жизни 362
* Марья Шонинг 365

ПУТЕШЕСТВИЕ

Отрывок из письма к Д. 370
Путешествие в Арарум во время похода 1829 года 372

ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Воспоминания

Державин 413
Карамзин 414
Воображаемый разговор с Александром I 416
Холера 418
Начало автобиографии 419
Table-talk 423

ИЗ СТАТЕЙ И ЗАМЕТОК

. 439
* Примечания к «Цыганам» 440
О стихотворении «Демон» 441
Отрывки из писем, мысли и замечания 447
* Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» 450
Письмо к издателю «Московского вестника» 454
Возражение на статью «Атенея» 457
* Наброски предисловия к «Борису Годунову» 464
Опровержение на критики 485
* Заметка о «Графе Нулине» 486
О Сальери 486
Объяснение 488
* Заметки и афоризмы разных годов 492
Алфавитный указатель произведений А. С. Пушкина к 1—3 томам . . . . . .

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В своих автобиографических произведениях (1949—1957) «Повесть о детстве», «Вольница», «Лихая година», «Мятежная юность» писатель мысленно возвращается в родную Чернавку, в Астрахань, на Жилую Косу, в Екатеринодар, в страну детства и юности. Но по художественной идее — это повествование о движении народа к свободе, к свету и, в конечном счете,— к революции и социализму.

В повести «Вольница» обилие разнородных событий и размышлений рассказчика объединяется широким образом вольницы, вмещающим в себя и многообразные человеческие судьбы, и социальные катаклизмы, и яркий мир природы, ставший в ней также критерием несостоятельности существующего строя.

Как устойчивый образ прекрасного природа, которую Гладков считал «автобиографичнее всего остального», играет в повести «Вольница» роль самостоятельного персонажа особой структуры. Естественная стихия свободы в ней может стать прообразом, нормой и образцом гармоничной организации коллектива. В контрасте с картинами духовного уродства в деревне и городе природа активно содействует движению жизни от тьмы к свету, от мрака — к преображению реальной действительности. Сюжетно оно раскрывается как путешествие Феди и Насти из Чернавки на Жилую Косу.

В сравнении с убогим миром Чернавки Саратов предстал Феде «сказочным миром», а Волга явилась настоящим чудом, средоточием живой жизни, естественной красоты и совершенства. Могучая и вольная природа здесь сливается с одухотворенностью, песенностью людей на корме парохода, переживающих состояние короткой ликующей радости свободы. В движении по Волге все поет (река, люди и даже пароход), все пронизано окрыленностью. И как посланцев этого светлого мира воспринимает Федя учительницу Варвару Петровну и икряника Описима, одержимых мечтой о социальной свободе человека.

И напротив, преддверием ватажного ада, в котором вольница станет условием сохранения жизни рабочих, стало в повести изображение Астрахани с ее цивилизацией, сохраняющей человека, и четко прорисованным классовым строем жизни, в котором правит произвол «господина капитала». Социальные изломы города словно бы стирают живые краски природы. В изображении Волги теперь преобладают будничность, утилитарность.

В картинах переезда на Жилую Косу Волга предстает колыбелью стра-

дающего народа. В ней просыпаются ранее дремавшие силы, Волга сливается с образом моря. Огромная баржа, плывущая на рыбные промыслы, становится кусочком того мира, в котором жизнь подчиняется стихии моря. Вольница в этих условиях — это коллектив смелых и отважных людей, морская артель, сбитая воедино стечением обстоятельств. Ее душой стали моряки, просоленные и прокаленные морскими штормами, — Карп Ильич, Корней, Балберка. Постоянное единоборство с морем, когда успех дела решает взаимодействие людей, научило моряков ценить товарищество, и потому законы вольницы сильнее законов собственности. Народ баржи дает достойный отпор Бляхину, преследующему по праву купца Алфису и Харитона. Его власть не смогла перебороть дружной силы простых людей.

В условиях полной оторванности Жилой Косы от центров освободительной борьбы, когда человек приносится в жертву рыбопромышленнику-зверю и всеми делами правит злая подрядчица Василиса, вольница обретает характер революционного союза. Волчьим законам лендадной эксплуатации и расхищения жизни рабочих, которые плотовой остроумно называет «загонами», артель способна противопоставить законы человеческого единства.

Гладков показывает, что артельное единство возникает из самой жизни. Роль праздного наблюдателя, которая выпала на долю малолетнего Феди, тягостна, она рождает чувство одинокости и неполноценности. Всеми силами он стремится включиться в ритм тяжелой работы, дающий ощущение равноправности с другими людьми. Именно это и создает основу для взаимопонимания и согласия, и потому все внимание писателя в этой части повести сосредоточено на изображении жизнеспособности артели, на раскрытии ее организующей роли.

Согласие как норма, регулирующая взаимоотношения людей в коллективе, находит высшее выражение в отношениях товарищества, которые свойственны и ватажной вольнице. Отступление от этого единства, которое в свое время допустил, например, плотовой Матвей Егорыч, всегда трагично. Участие в общей жизни высветляет все лучшее в человеке: чуткость, сострадание, готовность помочь страждущему. На свои скудные средства резалки содержат больных работниц. Коллектив ватажниц оберегает беззащитного Карманку от обид и притеснений приказчика. Галя и Оксана с опасностью для себя добровольно ухаживают за холерными больными.

Как реальное единство коллектив открывает широкие возможности для роста личности, раскрытия ее творческой одаренности. Этим отличаются и соревнующиеся в мастерстве кузнецы Игнат и Тарас, и фантазер Балберка. Может быть, более других одухотворяющее значение коллектива пережила и перечувствовала Настя, испытавшая на ватаге невиданный ранее взлет души. Именно в ватажной вольнице сложились такие характеры, как Раиса, Степанида, Прасковея, Карп Ильич, Гриша, сила которых состояла в сочетании высокой целеустремленности с героической самоотдачей делу свободы. Их мятежная воля дает им право на руководящую роль в коллективе.

Согласие и взаимопомощь и делают артель непреоборимой силой. Она не раз вступала в открытую схватку со своими обидчиками, одерживая всегда моральную, а нередко и экономическую победу. Это дает новое на-

полнение образу вольницы. Организованный рабочий класс ведет политическую борьбу в масштабе всего каспийского промысла и за его пределами. Тем самым образ вольницы, вынесенный в название повести, приобретает значение способности народа решать большие исторические задачи.

Общая мысль произведения о неизбежном торжестве прекрасного в историческом движении народа и о трудных путях борьбы за него раскрывается в образе рассказчика Феди. Его размышления придают повествованию задушевный характер. Богатая память и живое воображение Феди воскрешают в повести волнующий мир классики, поэтически утверждающий духовное величие вольницы. Своеобразная система соотнесений лучших героев повести с образами народной фантазии (Иван Буяныч) и литературы (Руслан и Людмила) расширяют их духовный мир, сближая с будущим: в сложной и трудной судьбе героев повести ведущей стала мечта о силе, красоте и справедливости. Иван Буяныч варьируется в образах бесстрашных моряков, Карпа Ильича и его сподвижников, Руслан — в образах Тришки, Харитона и Гришки.

На материале прошлой жизни русского народа и собственной биографии, усиливающей достоверность изображения, Гладков показал те пути, которыми народ может и должен пойти в решении еще более сложных исторических задач.

А. Киреева,
кандидат филологических наук

РЕВОЛЮЦИЯ И ГИЛЬОТИНА

(Заметки на полях романа)

Звезда литературной славы Александра Дюма вспыхнула сразу же после первых написанных им драм. С методичностью хорошо отлаженной машины во все ускоряющемся темпе он выбрасывал из своего спартански простого рабочего кабинета на «съедение» читателям, зрителям роман за романом, драму за драмой. Словно при вспышке сверхновой, в мощном излучении на какое-то время блекло даже созвездие его великих соотечественников: Оноре Бальзака, Виктора Гюго, Эжена Сю... Для оценки феномена Дюма очень подходят размышления Жюля Ренара, тоже французского писателя:

«Талант — вопрос количества. Талант не в том, чтобы написать одну страницу, а в том, чтобы написать их триста. Нет такого романа, который не мог бы родиться в самом заурядном воображении; нет такой прекрасной фразы, которую не мог бы выдумать начинающий писатель. И тогда остается только взяться за перо, положить перед собою бумагу и терпеливо ее исписывать. Сильные волей не колеблются. Они садятся за стол, они обливаются потом. Они доведут дело до конца. Они изведут все чернила, они испишут всю бумагу. И в этом отличие талантливых людей от малодушных, которые никогда ничего не начнут. Литературу могут делать только волы. Самые мощные волы — это гении, те, что не покладая рук работают по восемнадцать часов в сутки. Слава — это непрерывное усилие».

Это все о Дюма: и «воля», и «пот», и «непрерывное усилие», и «восемнадцать часов в сутки» за рабочим столом и редкой силы и постоянства популярность. Вот и у нас в стране, через полтора века после смерти писателя наблюдается новая волна интереса к творчеству великого француза. Если сегодня на прилавке магазина будет лежать рядом тома Бальзака, Гюго и Дюма, то у большинства покупателей рука потянется в первую очередь за книжкой автора «Трех мушкетеров».

Но и в жизни светил часто соседствует великое и смешное. Известный всему миру писатель тратил несоизмеримо много времени на то, чтобы выклянчить себе какой-нибудь орденок, и часто безрезультатно. Например, русский император Николай I на ходатайстве о награждении Дюма российским орденом начертал: «Довольно и табакерки». Писатель боролся за депутатский мандат, но потерпел поражение на выборах. Избиратели, не чета современным, трезво рассудили: не сможет Дюма одинаково успешно сидеть на двух стульях, пусть лучше пишет, чем заседает. Он всю жизнь довольствовался струганным из простых сосновых досок столом, столом бумаги и набором быстро истиравшихся перьев. Но на [illegible] роскошный дворец, быстро превратившийся в проходной двор для знакомых и незнакомых актеров и литераторов, приживалок и любовниц. [illegible] за его счет, а Дюма прятался ото всех в мезонине, в своем спартански простом кабинете и стремительно исписывал аккуратным писарским почерком страницу за страницей, не давая себе труда расставлять даже знаки препинания, чтобы зря не тратить драгоценные минуты на всякие закавыки. Так что все [illegible] и многоточия — это вклад в творчество Дюма переписчиков. Кто жил в том дворце? Богач? Бедняк? В конце концов — бедняк, потому что хоромы со всем содержимым пришлось однажды продать с молотка за долги. А сколько ухищрений стоило ему, обладавшим всему свету известным литературным именем, добиться права носить

полный титул предков — Дюма Дави де ля Пайетри. Это чтобы весь Париж знал: он не просто писатель Александр Дюма, а потомок маркиза Франции. Слава богу, издателям не пришло в голову выставить на обложке хотя бы одной его книги сей полный титул. Зато на визитных карточках он был запечатлен полностью. Итак, тщеславие — эта приживалка таланта — удовлетворено? Но характер Дюма соткан из парадоксов. Стоило на каком-то собрании оратору, чье имя история, не сохранила, обвинить писателя в аристократизме, как тот страшно возмущался:

«Руки, написавшие за двадцать лет четыреста романов и тридцать пять драм, — это руки рабочего!»

И это не преувеличение в пылу полемики, а факт, правда, при одном уточнении. В огромную цифру — четыреста — входят и читающиеся как увлекательные романы десятки томов мемуаров, путевых записок по Франции, Италии, Африке, России, книги по истории Генриха IV, Людовика XIV, Наполеона. Наиболее полное французское издание сочинений Александра Дюма [illegible]

Сегодня модно говорить о скрытых резервах человеческого мозга. Пример Дюма показывает сколь они велики. Но в отличие от многих наших, даже очень талантливых современников, он сумел вычерпать из [illegible] запасов памяти, вывести на свет божий из самых дальних закоулков мозга все темы, все сюжеты, все образы. Настолько все, что когда Дюма сын спросил однажды [illegible] «Хочется тебе работать?» — «О нет!» — ответил он с выражением, на которое ему давало право воспоминание о том, сколько пришлось ему работать в течение сорока лет.

Так простим тщеславия [illegible] литературы.

* * *

«Среди этой [illegible] Моруа. — К его романам обращаются [illegible] произведений Дюма [illegible] шар читал Дюма... Если еще [illegible] необитаемом острове Робинзон [illegible] мушкетеров». Следует добавить, что [illegible] читает «Трех французской историей по романам Дюма. [illegible] и сама Франция знакомятся с не во всем фальшива и всегда [illegible] но она [illegible]

Как глубоко надо было знать [illegible] сюжетов, полных «захватывающего драматизма». [illegible] чтобы набрать столько абсолютно точным срезом эпохи с точной последовательностью [illegible] колен, как у дерева. Это лишь литературные вариации на темы прошлого, а не хроника событий и деяний великих деятелей прошлого.

Самым продуктивным для Дюма было десятилетие 1845 — 1855 годов. «Работа так, как никто не работал, отказывая себе даже во сне», он создал многотомный [illegible] произведений, охватывающих несколько столетий общественно политической, [illegible] ческой и трагической, бытовой и альковной истории Франции. Это беллетризованная история страны от формирования и взлета до падения абсолютистской монархии, [illegible] революции и ее террора, диктатуры, до империи Наполеона и ее крушения.

Всего за какие-то полтора года он опубликовал серию романов о закате и гибели монархии. Это «Ожерелье королевы», «Жозеф Бальзамо», «Анж Питу», «Графиня де Шарни», «Кавалер Красного замка» («Шевалье де Мезон Руж»). [illegible] русских переводов этих романов. Если «Графиня де Шарни» издана в [illegible] экземпляров, то «Кавалер Красного замка» не выходил на русский язык [illegible] 1917 года ни разу, хотя время действия, пик Великой французской революции — должно было бы вызывать повышенный интерес наших политизированных [illegible] и историков. Но, прочитав, наконец, и этот роман Дюма, вы, наверное поняли, почему именно он на протяжении почти восьми десятилетий был закрыт для нашей читающей публики. Взгляд писателя диаметрально противоположен оценке, какую давала той революции советская политизированная историография. Вряд ли, прочитав этот роман, родителям захотелось бы называть своих детей именами Марата и Робеспьера. Более того, нашему читателю, в разные периоды диктатуры, террора, борьбы с инакомыслием научившемуся читать между строк, «привиделось» бы столько параллелей между концом восемнадцатого века и тридцатыми сороковыми годами нашего столетия, удалось бы насчитать столько учеников провинциального юриста Робеспьера и сапожника Симона, усвоивших их уроки террора и доносительства!

Вы только что прочитали этот роман. Возможно, вас постигло некоторое разочарование после знаменитых «Трех мушкетеров»», после дворцовых тайн, погонь, дуэлей, лихих скачек, пестрой картины весьма свободных нравов давно ушедших столетий. Там все атрибуты авантюрно-истрического романа, в котором история — лишь красочный фон для столь же красочных героев. А здесь нет головоломно закрученной интриги, нет ни одной дуэли, вместо шпаги дворянина — сабля санкюлота. Из грязно-серой, мрачной мглы появляются герои и в кровавой реке исчезают. С первой страницы ощущение неумолимо надвигающейся гибели молодости и чистоты. На последней — словно три точки, три удара ножа гильотины. Головы «преждебывшей» юной аристократки, «подозреваемых» революционеров скатились в один грязный мешок. Через весь роман проходит этот беспощадный стук гильотины. Революция, словно бог Кронос, пожирала своих сыновей, сама, в своем живом теле, прорубала просеку для диктатуры, империи. Рожденный революцией трибунал стал палачом и могильщиком ее. По приговору скорого, неправедного суда до шестидесяти раз в день на Гревской площади отсекал головы знаменитый палач Шарль Генрих Сансон (и палачи бывают знамениты), официально именовавшийся «Исполнитель уголовных приговоров города Парижа». Уголовных, а не политических. В каждом городе, поселке Франции был в те годы свой Сансон и своя без отдыха работавшая гильотина. Не этот ли кровавый [illegible] был подхвачен диктаторами XX века?

Для нас это книга о событиях двухсотлетней давности. А был ли для Дюма этот роман историческим? [illegible] зададим еще один. Воспринимаем ли мы сегодня как [illegible] современных авторов о «тридцать пятом и других годах»? Нет, [illegible] и память о жертвах кровавого вихря террора, столько лет носившегося над нашей страной. Оставленные этим вихрем руины придется восстанавливать еще не одному поколению

Время действия и время написания «Кавалера Красного замка» разделяет примерно полвека. Рядом с Дюма еще доживали свой век чудом спасшиемся жертвы революционного террора и постаревшие палачи. Не строки мемуаров и пожелтевших писем впитывала память Дюма, а живое слово очевидцев. Дюма родился 24 июля 1802 года, через девять лет после гибели своих героев. Но ведь его родителей свел случай революции. Действительно, бог знает, кто мог бы стать мужем Мари-Луизы Лабуре, дочери хозяина гостиницы из городка Вилле-Коттре, если бы не падение Бастилии. В городок для наведения нового порядка прибыли двадцать драгун перешедшей на сторону народа армии. С первого взгляда сердце девушки покорил статный мулат — рядовой Тома-Александр Дюма, родом из заморской колонии Сан-Доминго, сын маркиза Дюма де ля Найетри, полковника королевской армии, бывшего генерального комиссара артиллерии его величества. Вскоре он стал супругом милой мещанки. В то время говорили, что революция печет своих генералов быстрее, чем они делают детей. Первого ребенка Мари-Луиза родила вскоре после того, как Тома-Александр стал генералом революционной армии. Революция стала его судьбой, ее взлет и крушение были его взлетом и крушением. Он был в Париже в начале великого террора. И на первых порах воспринял его как необходимость во имя утверждения свободы, равенства и братства. Он стал одним из храбрейших командиров, отважным до безрассудства. Но не принял террора. Где-то в провинции изрубил гильотину. Совершил легендарные подвиги в армии генерала Бонапарта, но попал в плен. Заточение в темнице разрушило его здоровье. Честность и прямота поссорили с генералом, ставшим императором Франции. Однако, [illegible] опальный генерал сохранил все свои мужские достоинства и [illegible] Александра, передал ему в наследство неуемный, [illegible] темперамент, мощное здоровье, которые помогли сыну в течение сорока лет работать как волу, вести бурную светскую жизнь и, [illegible], наполнить [illegible] сколько написал романов.

Крестным отцом Александра стал маршал Брюн, бывший в 1793 году одним из генералов Северной армии, на которую обрушился самый мощный удар врагов революции.

Это и время начала романа

Детство и юность будущего писателя прошли в Вилле-Коттре. Но именно там во времена монархии пребывал блестящий и распутный двор герцогов Орлеанских, и там во времена реставрации Бурбонов доживали свой век осколки аристократов, в глазах которых юноша без труда мог увидеть отблеск ненависти и ужаса при воспоминании о годах террора, о сопровождавшей революцию волне насилий, грабежей, ненависти

* * *

Дюма говорил, что, сочиняя свои романы, он становится монархистом во времена монархии, республиканцем во времена республики. Так кто же он здесь? Слишком близки были события, чтобы спокойно и отстраненно созерцать их с высоты мезонина своего фантастического замка. Слишком свежа была память о кровавом молохе, поочередно рубившем головы королям и аристократам, жирондистам, начавшим революцию, якобинцам, посеявшим террор, и вообще всем, кто казался подозрительным, а может быть, шпионом ненавистных англичан.

И снова — о парадоксальности Дюма. Он встревал почти во все случившиеся при его жизни революции и восстания, конечно же, на стороне борцов за свободу, равенство и братство против королей, хотя его и ужасали волны беззаконий, террора, творимых во имя торжества правого дела.

Он зло иронизировал над «великими свершениями», провозглашаемыми на века. Революция провозглашала себя началом новой эры, меняла названия месяцев. Но отторгнуты были «брюмеры», «жерминали», снова вернулись октябри и марты. Она сокрушала церковь и провозглашала античное многобожие. Но вместе с революцией рухнули псевдоантичные боги, уступив сутане. Она лепила гигантские статуи в честь своих побед, санкюлоты венчали друг друга дубовыми венками за неимением лавровых. Рассыпались гипсовые монстры, сгнили венки. Но осталась горькая память о спутниках революции — голоде, коррупции, терроре и войне

В недавней истории писатель почерпнул сведения о том, как под сенью Конституции творился произвол. Последним [illegible] служителем воли Комитета общественного спасения, штамповавшим акты террора, стал трибунал и его глава — провинциальный юрист-неудачник Антуан Кантен Фукье-Тенвиль. Объем работы был столь велик, что Фукье начала [illegible] необходимость вести допросы, выслушивать свидетелей и обвиняемых. Ради ускорения работы Комитет принимает декрет о том, что патриотические присяжные вправе прекращать прения, если они чувствуют себя убежденными! На волне террора родился поразительный тезис о том, что «подозрительны все те, кто своими действиями, сношениями, речами, сочинениями и, короче говоря, чем бы то ни было навлекли на себя подозрение». Подозрения было достаточно, чтобы бросить человека в тюрьму Консьержери, а оттуда одна дорога — на эшафот.

Дюма не сгущал краски. Просто «историческую перспективу», «всемирно-историческое значение» заслоняла толпа обезглавленных теней.

Таков в романе портрет революции. Художник не мог фальшивить.

* * *

Факты истории Дюма типизировал в судьбах и поступках героев книги. Многое, кажущееся выдумкой, имело аналог в жизни. После казни Людовика XVI не раз делались попытки похитить из тюрьмы королевскую семью. В тщательно охраняемый Тампль проник генерал Жорже (взятка — спутник патриотов). Он ухитрился обсудить с Марией-Антуанеттой план побега. С подлельными документами, переодетые в форму депутатов ратуши, вместе с детьми, также переодетыми, но в рубище сыновей фонарщика, члены королевской семьи должны были миновать все караулы, сесть в коляску и уехать в тайную загородную квартиру. Заговор разрушила шпионка Тизон. Да, реальная Тизон. Дюма придумал ей ужасную судьбу — наказание [illegible]

Барон де Бац пожертвовал огромным состоянием ради спасения королевы. Под чужими именами он скрывался в Париже. Вот что о нем сообщает Стефан Цвейг: «В характере этого блестящего заговорщика сочетаются холодная расчетливость и личная пламенная отвага. Он, которого сотни шпионов и тайных агентов безуспешно выслеживают и ищут по всей стране — Комитет безопасности уже информирован о том, что он вынашивает планы крушения республики, — проникает в караульную службу Тампля как рядовой под именем Форже, чтобы лично во всех подробностях изучить план тюрьмы и территорию вокруг... В один из дней 1793 года находящийся чуть ли не в центре революционного Парижа квартал Тампля, в котором содержится поставленная вне закона королева Франции и границы которого не имеет права переступить ни одно лицо без специального разрешения городского самоуправления, охраняется батальоном переодетых роялистов со своим вождем бароном де Бацем!»

Собачий нюх служителя Тампля, сапожника Симона, разрушил и этот заговор. То был реальный Симон, которому Коммуна действительно отдала малолетнего

принца, чтобы воспитать его в принципах санкюлотизма, Симон, «научивший мальчишку пить, ругаться, петь «Карманьолу» и оставивший его умирать среди грязи и мрака, в рубашке, не менявшейся в течение шести месяцев» (Карлейль).

Вот еще этюд с натуры к портрету кавалера де Мезон Ружа и реальное отношение революции к семье казненного монарха. Выдумкой автора представляется сюжет с гвоздикой. Была записка, спрятанная в букетик гвоздик. Только пронесен он был не в Тампль, а в совсем уж кажущуюся неприступной тюрьму Консьержери дворянином-заговорщиком Ружвилем. Какое сходство фамилий: реальный Ружвиль и литературный Мезон Руж!

И ответ королевы, наколотый булавкой на клочке бумаги, тоже был. Только Дюма не мог знать содержания настоящей записки, потому что она была расшифрована лишь в 1876 году. Вот ее истинный текст: «С меня не спускают глаз, я ни с кем не разговариваю. Полностью полагаюсь на вас, готова следовать за вами».

Так из нескольких этюдов с натуры писатель нарисовал образ героя, именем которого назван роман.

Сколько еще в романе таких опорных точек, отмечающих время и место событий. Маленькая поправка, небольшая огранка, и «сырье» жизни начинает работать на сюжет. Вспомним, в романе палачи даже не дали себе труда проверить, почему на эшафот они отправляют на одного человека больше, чем следовало. В истории революции известен случай, происшедший, правда, не в Париже, а в Лионе. Там вели на казнь двести девять человек. Один упал с моста и утонул. А гильотина отрубила двести десять голов. В толпу осужденных нечаянно попали два полицейских. Никто не стал разбираться, почему они там оказались!

В романе Женевьева первой твердо ступает на эшафот. В истории — Мария Филипон, вдова казненного министра республики, также приговоренная к отсечению головы, попросила палача первой отправить ее на плаху, чтобы показать мужчинам, «как легко умирать».

А попытка подменить Марию-Антуанетту? Этот эпизод мог быть блестящей придумкой Дюма, но... Вот что рассказал палач Сансон. В ночь перед казнью Людовика XVI к нему пришел молодой человек, «один из людей, мечтавших освободить короля». Впрочем, его преданность зашла далее, чем у других: он желал занять место короля и умереть вместо него, если только ему добудут одежду короля, так, чтобы в толпе совершенно незаметно можно было ему поменяться местом с королем. Несмотря на все чистосердечие этого истинно-рыцарского замысла, об этом плане нечего было и толковать». Дюма лишь заменил фигуры!

Посмертные, слепые маски погибших... Толпа обезглавленных теней... Дюма силой своего вдохновения оживил их, превратил в литературных героев. А что же сталось с реальными носителями беззакония и мрака, чья жизнь продолжалась за рамками романа?

Фукье-Тенвиль вскорости отправил на эшафот якобинцев — двадцать три человека, начиная от Робеспьера и кончая верным псом террора, дослужившимся до звания члена муниципалитета, сапожником Симоном. А 7 мая 1795 года самому Фукье пришло время защищаться перед судом, в котором еще недавно он властвовал. И ему пришлось сперва «посмотреть в маленькое окошко, а потом под резкий звук топора «чихнуть в мешок».

В романе зло оставлено живым. История рассудила иначе.

Лишь Сансон благополучно выплыл из революционного водоворота. Когда ослабела рука и потускнел взор, он передал по наследству свою должность сыну и внуку, а сам на «заслуженном отдыхе», получая приличную пенсию, принялся за мемуары, в которых искренне рассказал о трудностях своей профессии, о том, каким он был в душе монархистом и скольких нравственных мук стоило ему рубить головы аристократам, королю, королеве. Внук-палач обработал эти мемуары, добавил туда кое-что свое и издал вскоре после того, как Шарль Генрих Сансон мирно и тихо отошел в мир иной, всего три года не дожив до семидесятилетнего юбилея..

С. Чумаков

РОМАН И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» появился в свет в 1862 году. И с тех пор он все продолжает восхищать читателей своими художественными достоинствами, а политические, философские и эстетические проблемы, поднятые писателем на его страницах, все продолжают вызывать несомненный интерес. Причина последнего заключается в том, что Тургеневу как великому художнику удалось запечатлеть в «Отцах и детях» несколько ярких эпизодов идейной борьбы между основными общественными силами в России конца 50-х годов XIX века. В то время самым животрепещущим был вопрос об отмене крепостного права. В ходе подготовки реформы 1861 года четко выявились противоположные позиции либералов-дворян и революционных демократов; революционные демократы Чернышевский и Добролюбов ясно видели крепостнический характер готовящейся реформы; либералы, напротив, возлагали на реформу большие надежды, считали ее чуть ли не единственным средством разрешения крестьянского вопроса. Так на реформу смотрел и сам Тургенев.

Если в предыдущих своих романах Тургенев в качестве главных героев изображал близких ему по классу либералов-дворян (Рудин в одноименном романе, Лаврецкий в «Дворянском гнезде») и конфликты между ними не доводил до большой остроты, то в романе «Отцы и дети» писатель противопоставил, с одной стороны, либералов-дворян (Павла Петровича, Николая Петровича и Аркадия Кирсановых), а с другой — демократа-разночинца Евгения Базарова, представителя той новой, нарождающейся силы, которой суждено было вскоре сыграть огромную политическую роль в общественном развитии России. Через столкновение разночинца-демократа Базарова с либералами-«отцами» Тургенев дал читателю ясное представление об остроте борьбы демократической и либеральной тенденции в русском обществе в период подготовки и проведения реформы 1861 года. По своим убеждениям Тургенев был сторонником постепенного, реформистского преобразования России. Как противник всяких революционных взрывов, он не верил в перспективность революционной демократии. Но в то же время повседневные жизненные наблюдения убеждали Тургенева, что демократы — большая сила, проявившая себя во многих областях общественной деятельности. И как художник, тонко улавливающий новые веяния эпохи, писатель почувствовал, что именно из демократической среды должен выйти ожидаемый всеми в 60-е годы новый герой. Уже в романе «Накануне» (1860) Тургенев сделал попытку создать образ нового положительного героя — демократа-

болгарина Инсарова. В отличие от Рудина и Лаврецкого, Инсаров — это человек дела, а не слова. Писатель изобразил его волевым, целеустремленным, борющимся за освобождение своей родины от турецкого владычества.

Анализируя роман «Накануне», Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день?» (1860) предложил свое истолкование его главной идеи, отличающееся от тургеневского: если Тургенев считал, что Инсаров как героическая натура «не мог развиться и проявить себя в современном русском обществе», он был возможен только в Болгарии, то Добролюбов, напротив, утверждал, что «теперь в нашем обществе уже есть место великим идеям и сочувствиям, и что недалеко время, когда этим идеям можно будет проявиться на деле». Эти прямые революционные выводы из романа «Накануне» были не приемлемы для Тургенева. Прочитав статью Добролюбова в рукописи, он попросил Некрасова, редактора «Современника», не печатать ее даже после того, как она подверглась цензорской правке. Некрасов ответил отказом. Тогда Тургенев поставил вопрос резко: «Я или Добролюбов?» Некрасов предпочел Добролюбова. После этого Тургенев ушел из «Современника». Однако под влиянием общения с его идейными руководителями — Добролюбовым и Чернышевским — писатель все же стал сосредоточенно думать о том, как показать в художественном произведении новых героев — разночинцев-демократов, общественная роль которых с каждым днем усиливалась. В результате этих писательских размышлений и наблюдений вскоре и появился роман «Отцы и дети», где центральным героем является разночинец-демократ Базаров.

Как же изображены в этом романе главные противоборствующие общественные силы?

Основным и единственным выразителем демократической идеологии здесь является Евгений Базаров. Тургенев наделил его материалистическими взглядами, любовью к труду и к точным наукам, огромной силой воли и способностью оказывать влияние на окружающих, показал его ненависть ко всякой фразе и позе, к косности и рутине. Все эти положительные черты Базарова писатель взял из реальной жизни, к которой был всегда исключительно чуток. Не случайно М. Е. Салтыков-Щедрин в письме другу Тургенева П. В. Анненкову утверждал, что «Отцы и дети» были «плодом общения» автора с демократическим журналом «Современник», во главе которого стояли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. И действительно, Базаров высказывает в романе мысли об устройстве общества, весьма близкие к отдельным положениям философии Чернышевского; он критикует суеверия и предрассудки, рабскую покорность народа, его пассивность примерно

в том же плане, как это делали на страницах «Современника» Некрасов, Чернышевский, Добролюбов. Все это дает основание говорить о подлинном демократизме Базарова.

Однако тургеневский герой не остается таким на протяжении всего романа. Писатель во второй половине «Отцов и детей» изменяет облик Базарова, приводит героя к пессимизму, лишает его веры в народ, в будущее России, то есть делает его не похожим на подлинных революционных демократов, философия которых была освещена высокими идеалами. Как умеренный либерал, приверженец постепенного, реформистского преобразования России, Тургенев не мог возлагать надежды на революционеров-демократов. Он воспринимал их как большую силу, но преходящую, считал, что люди типа Чернышевского и Добролюбова очень скоро сойдут с исторической арены и уступят место новым общественным силам — реформаторам-постепеновцам. А если это так, то революционеры-демократы, естественно, казались писателю трагическими одиночками. Вот почему и своего Базарова он сделал трагическим героем, лишил его веры в светлые идеалы и заставил умереть от случайного пореза пальца. В апреле 1862 года Тургенев писал поэту К. К. Случевскому: «Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на погибель». И действительно, писатель осуществил этот замысел — наделил Базарова в конце романа мрачным пессимизмом, скептическим отношением к мужикам и даже заставил его сказать фразу: «Я нужен России... Нет, видно, не нужен». В финале романа «грешному, бунтующему сердцу» Базарова Тургенев противопоставляет «великое спокойствие» «равнодушной» природы, «вечное примирение и жизнь бесконечную».

И все же, как великий художник слова, Тургенев искал объективную правду жизни и старался достоверно воспроизвести ее даже в том случае, когда она противоречила его политическим и философским взглядам. Поэтому смысл романа далеко не сводился к стремлению автора поставить своего умного и сильного героя в трагическое положение и привести его к капитуляции перед любовью, перед всесильной природой, перед возвышенными и трогательными родительскими чувствами, перед «вечными» законами жизни. «Я слишком уважал призвание художника, литератора, чтобы покривить душою в таком деле»,— писал Тургенев в статье «По поводу «Отцов и детей». И он не кривил душою. Плебей и демократ Базаров, при всей его резкости и угловатости, привлекал аристократа Тургенева своим просветительством, страстным желанием бороться против невежества и суеверий народных, за подлинную науку, построенную на эксперименте. Поэтому, создавая образ

демократа разночинца 60-х годов, Тургенев обратил внимание и на такие его реальные и весьма характерные черты, как увлечение естественными науками и материализмом. В представлении передовой демократической интеллигенции того времени естествознание и материализм сливались в нечто единое. Естествознание помогало также бороться с невежеством народа. Не случайно одна из современниц И. С. Тургенева — Е. Н. Водовозова в своих воспоминаниях «На заре жизни» пишет: «Тогда были твердо убеждены в том, что изучение естественных наук поможет устранить суеверия и предрассудки народа, уничтожит множество его бедствий»[1]. Иными словами, настоящий просветитель-демократ не мог не быть естественником и материалистом. В эпоху 60-х годов появилась целая плеяда выдающихся русских естествоиспытателей; физиолог И. М. Сеченов, химики А. М. Бутлеров и Д. И. Менделеев, медики С. П. Боткин и И. И. Мечников. Тургенев знал об их жизни и деятельности и многие черты этих талантливых ученых запечатлел в своем Базарове.

Базаров — враг отвлеченной науки, оторванной от жизни. Он ратует за науку прикладную, за конкретные ремесла, которые могли бы быть усвоены народом.

Базаров — труженик науки, он неутомим в своих экспериментах, всецело поглощен любимой профессией.

Рядом с ним, человеком, который обоснованно отрицает различные обветшалые теории «отцов», смешными и жалкими выглядят карикатурные нигилисты — Ситников и Кукшина. Это подражатели, усвоившие лишь внешние признаки нигилизма, но выдающие себя за представителей передовой молодежи. Салтыков-Щедрин не случайно назвал Ситникова и Кукшину «вислоухими и юродствующими», «новыми Колумбами, неустанно отыскивающими принципы в мире яичницы и ерунды».

Следуя жизненной правде, Тургенев стремился показать своего Базарова в реальных условиях общественной борьбы 60-х годов. Естественно, что идейными антагонистами героя должны были оказаться либералы-дворяне, которые в эти годы уже обнаружили свою политическую и экономическую слабость. Так возникла антидворянская линия замысла «Отцов и детей», о которой Тургенев ясно и четко сказал в письме К. К. Случевскому из Парижа: «Вся моя повесть направлена против дворянства, как передового класса. Вглядитесь в лица Н. П. [Николая Петровича Кирсанова], П. П. [Павла Петровича Кирсанова], Аркадия. Слабость и вялость или ограниченность. Эстетическое чувство заставило меня взять именно хороших представителей дворянства, чтобы тем вернее доказать

---

[1] Е. Н. Водовозова. «На заре жизни». М., 1963.

мою тему: если сливки плохи, что же молоко?» Слова Тургенева о слабости, вялости и ограниченности представителей либерального дворянства [1] как об их реальной, жизненной черте были плодом его беспристрастных длительных наблюдений над судьбами своих соратников по классу. Антидворянскую тенденцию в замысле романа «Отцы и дети» прекрасно уловил А. В. Луначарский. В статье «Литература шестидесятых годов» он писал: «Прежде всего несомненно, что Тургенев с самого начала подошел к этому произведению в целом — к характеристике и либералов-помещиков и разночинцев-радикалов,— с намерением похоронить «отцов». Поэтому вы не найдете здесь типов, подобных Лаврецкому, о котором можно сказать, что известную симпатию он к себе все же еще внушает» [2]. Тургенев прекрасно понимал, что историческая роль дворянством уже сыграна и что ему неизбежно предстоит оставить общественную арену и уступить место разночинцам. Вот почему он решил показать либералов-дворян людьми слабыми, бесплодными, беспомощными в своих попытках осуществить даже половинчатые реформы. И действительно, в образе Павла Петровича Кирсанова развенчаны принципы и убеждения консервативного дворянина-либерала, в образах Николая Петровича и Аркадия раскрывается несостоятельность либералов умеренных. Особенно резкой критике писатель подверг принципы консервативного либерализма: аристократизм на английский манер, отстаивание старых, дворянских понятий чести (дуэль Павла Петровича), фальшивую проповедь так называемых политических свобод. Павел Петрович спорит с Базаровым о сущности народа, толкует о крестьянах, даже «всегда вступается за крестьян; правда, говоря с ними, он морщится и нюхает одеколон». На протяжении всего романа Павел Кирсанов пространно и самоуверенно философствует об общественном благе, о человеческой личности, о законах человечества, о логике истории, о цивилизации и ее плодах, о священнейших верованиях и прочих абстрактных премудростях, которым он в жизни не знает настоящей цены. Его аристократизм на английский манер сводится к слепому поклонению всему английскому — от парламента до рукомойников. Как убежденный идеалист и эстет, Павел Петрович с презрением отзывается о современных ему молодых естественниках-экспе-

---

[1] На то, что именно эти черты были наиболее характерными для русского либерализма вообще и для либералов-дворян 60-х годов в особенности, В. И. Ленин неоднократно указывает в ряде своих работ: «Две утопии», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Отделение либерализма от демократии», «Кадеты и аграрный вопрос», «Беседа о «кадетоедстве» и др. (В. И. Ленин. Соч., изд. 5).

[2] А. В. Луначарский. Статьи о литературе. М., 1957.

риментаторах: «А теперь пошли все какие-то химики да материалисты». Дуэль Павла Петровича с Базаровым описана Тургеневым в XXIV главе романа как своеобразный рыцарский поединок, в котором довольно комически изображен Павел Петрович. Писатель откровенно признавался К. К. Случевскому: «Дуэль с П. П. именно введена для наглядного доказательства пустоты элегантно-дворянского рыцарства, выставленного почти преувеличенно-комически». Тургенев подчеркивает, что Павел Петрович строго придерживался своих либерально-аристократических принципов, был тверд, непреклонен и последователен в борьбе за их осуществление. Однако сами по себе принципы Павла Петровича мертвы, обречены историей. Убедившись в последнем («...мы люди уже старые и смирные; пора нам отложить в сторону всякую суету»,— говорит он брату), закоренелый западник Павел Петрович в конце романа покидает свою родину, перестает читать русские книги, и только «серебряная пепельница в виде мужицкого лаптя на его письменном столе напоминает ему о России».

Итак, раскрывая политические взгляды основного антагониста Базарова — Павла Петровича Кирсанова, Тургенев подвергал критике, а в некоторых случаях и сатирическому осмеянию отжившие, отмирающие принципы консервативного дворянства.

Но и умеренный либерал Николай Петрович выглядит в романе беспомощным и жалким (недаром он говорит, что «пора гроб заказывать и ручки складывать крестом на груди»), а его реформизм, игра в демократизм и лавирование между старым и новым порой становятся смешными и не вызывают симпатии у читателей. Тургенев со всей реалистической беспощадностью обнажает убогие результаты реформаторской деятельности либерального дворянства: полный развал хозяйства (мужики не платят оброка, наемные работники портят сбрую, толпа дворовых непочтительно относится к барам), обнищание крепостных крестьян.

К политическому лагерю «отцов» по своим взглядам на жизнь относится и Аркадий Кирсанов. Правда, он искренне увлекается теориями Базарова, стремится подражать ему и выдает себя за такого же правоверного нигилиста, как его приятель. Впрочем, часто забывая о своем «нигилизме», о своей новой роли, Аркадий обнажает идейное родство с «отцами». Не случайно он то и дело защищает их: в IV главе он пытается убедить Базарова, что Павел Петрович — «хороший человек», а Николай Петрович — «золотой человек»; в VI главе упрекает Базарова в том, что тот резко обошелся с Павлом Петровичем и оскорбил его; в VII главе говорит Базарову о Павле Петровиче: «...он глубоко несчастлив, поверь мне; пре-

зирать его — грешно». Аркадий обнаруживает свое кровное и идейное родство с либералами и в ряде других мест романа, вплоть до XXV главы, в которой, наконец, он совсем освобождается из-под чуждого ему влияния Базарова и находит свое душевное успокоение с Катей Одинцовой. Отдельными тонкими штрихами Тургенев раскрывает весь процесс «перевоспитания» Аркадия Катей, то есть процесс превращения его из случайного попутчика нигилиста Базарова в ручного спокойного и уравновешенного мужа Катерины Сергеевны, благовоспитанного, либерального помещика, не осмеливающегося даже громко предложить тост за своего бывшего товарища. Д. И. Писарев был прав, сравнив Аркадия с куском чистого и мягкого воска: «Вы можете сделать из него все, что хотите, но зато, после вас, всякий другой точно так же может сделать с ним все, что этому другому будет угодно»[1]. Согласно прогнозу Писарева, из Аркадия в перспективе мог бы выйти не более чем рафинированный Манилов.

Таковы две общественные силы («отцы» и «дети»), противостоящие друг другу в романе.

Что же представляет собой роман в художественном отношении?

В отличие от Толстого и Достоевского, всегда предпочитавших подробную психологическую характеристику героев (Раскольников в романе «Преступление и наказание», Андрей Болконский и Пьер Безухов в «Войне и мире»), Тургенев был сторонником так называемой «[illegible]». В одном из своих писем к К. Н. Леонтьеву он утверждал, что «поэт должен быть психологом, но [illegible] и чувствовать корни явлений, но [illegible] только самые явления — в их расцвете и увядании». На практике это приводило к тому, что Тургенев не раскрывает подробно душевный мир своих героев, но давал яркое представление об их мыслях и чувствах при помощи внешних [illegible] средств. На первый план в системе этих средств выдвигались диалог и портрет. Особенно велика роль диалога в романе «Отцы и дети». Объясняется это тем, что диалог — наиболее подходящая форма для передачи сущности политических и философских споров, происходящих в романе. Именно он дает наилучшую возможность поднимать актуальные политические проблемы, освещая их с разных точек зрения. В диалоге раскрываются убеждения и характеры героев. Особенно это относится к Базарову. В отличие от своих собеседников (Павла Петровича, Аркадия, Ситникова, Кукшиной, Одинцовой), Базаров в споре краток. Он убеждает, сражает оппонента не длинны-

[1] Д. И. Писарев. «Реалисты». М., 1956.

ми рассуждениями и философскими тирадами, как это делал, например, герой первого романа Тургенева — Дмитрий Рудин, что вполне соответствовало и его характеру, и его дворянскому воспитанию, и пребыванию в философских кружках 30-х годов, а лаконичными, содержательными репликами, наполненными глубоким смыслом. Меткие, чрезвычайно емкие, к месту сказанные афоризмы Базарова, как бы мимоходом оброненные в споре, свидетельствуют о его находчивости и остроумии, о знании им жизни. Так, например, за репликами Базарова: «Мужик наш рад сам себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке» или «Народ полагает, что когда гром гремит, это Илья-пророк в колеснице по небу разъезжает» — скрывается целая система взглядов, а именно — просветительская программа «Современника», сформулированная в статьях Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова — страстных борцов за пробуждение народного сознания, а также в очерках и рассказах Николая Успенского, опубликованных в этом журнале.

Речь Павла Петровича насыщена словами сословно-помещичьего жаргона. Это особые выражения — формулы аристократической вежливости: «позвольте полюбопытствовать», «приличествует», «не имею чести знать», «не угодно ли пожаловать?». Их очень часто употребляли представители дворянской верхушки, считая это признаком изысканного и учтивого тона. Кроме того, в речи Павла Петровича встречается много иностранных слов и выражений. Столкнув Базарова с Павлом Петровичем в идейном плане, Тургенев заставил его также пародировать салонный стиль речи Кирсанова. Так, когда Павел Петрович в его обычной изысканно-учтивой манере торжественно-величаво предлагает Базарову перед дуэлью: «Соблаговолите выбрать» (пистолеты.— *П. П.*), Базаров отвечает ему с иронией: «Соблаговоляю».

В необыкновенно остром диалоге раскрывается и основной конфликт Базарова с Аркадием Кирсановым (XXVI глава). «Ваш брат дворянин,— говорит Базаров Аркадию,— дальше благородного смирения или благородного кипения дойти не может, а это пустяки. Вы, например, не деретесь — и уж воображаете себя молодцами,— а мы драться хотим». Это место романа, воплощающее в себе одну из главных его идей, не случайно привлекло внимание крупнейшего исследователя творчества Тургенева — Н. Л. Бродского, который считал, что «сцена прощания Базарова с Аркадием — это исторически точное воспроизведение разрыва двух общественных классов накануне «крестьянской реформы» [1].

[1] Н. Л. Бродский. Послесловие к роману И. С. Тургенева «Отцы и дети». Издательство «Детская литература», 1967.

Значительную роль в романе играет портретная характеристика героев. Здесь встречаются разновидности портретов.

Во-первых, это детальный портрет с описанием внешности героя (роста, волос, лица, глаз), а также некоторых индивидуальных признаков (портреты Базарова, Одинцовой). Как правило, такой портрет Тургенев сопровождает небольшими авторскими комментариями (например, о лице Базарова: «оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум»).

Во-вторых, сатирический портрет с широким использованием фона и косвенной характеристики героя (портреты Ситникова и Кукшиной). Так, XIII главу романа Тургенев начинает с описания губернского города и его улиц; затем речь идет о домике «на московский манер», в котором проживает мадам Кукшина; далее идут такие детали, как «криво прибитая визитная карточка», «какая-то не то служанка, не то компаньонка в чепце — явные признаки прогрессивных стремлений хозяйки».

Совершенно очевидно, что «фон» свидетельствует о каких-то необоснованных претензиях обитательницы этих мест; авторское же замечание насчет «прогрессивных стремлений хозяйки» звучит явно иронически.

Продолжая развивать этот прием косвенной характеристики героини, Тургенев переходит к более узкому концентрическому кругу наблюдений — дает детальное описание беспорядка в комнате Кукшиной: бумаги, неразрезанные журналы, запыленные столы, разбросанные окурки папирос.

И только после того, как нарисован соответствующий фон, Тургенев воспроизводит портрет Кукшиной: «На кожаном диване полулежала дама, еще молодая, белокурая, несколько растрепанная, в шелковом, не совсем опрятном, платье, с крупными браслетами на коротеньких руках и кружевною косынкой на голове».

В сюжетной канве романа Тургенев придает большое значение и любовной интриге, отражающей взаимоотношения Базарова с Одинцовой. Проверка героя в любви, в отношении к женщине — весьма характерный для Тургенева-художника прием, которым он широко пользуется почти во всех романах. Но если, например, в «Дворянском гнезде» почти весь сюжет романа держится на взаимоотношениях Лизы Калитиной и Лаврецкого, то в «Отцах и детях» любовная интрига занимает довольно скромное место. Она, при всей своей значительности, как бы сжата эпизодами, посвященными общественным проблемам, и размещается в пяти средних главах романа (с XIV по XVIII).

Такое сюжетное построение весьма характерно для соци-

ные психологических повестей и романов, а также крупных эпических произведений типа «Мертвых душ». Завязке взаимоотношений Базарова с Одинцовой предшествует ряд коллизий, очень важных для выяснения характера Базарова: столкновение героя с его главным антагонистом Павлом Петровичем (IV, VI, X главы), с Ситниковым и Кукшиной (XII, XIII главы).

Тургенев отнес интригу к середине романа, потому что, как великий художник-реалист, в процессе творчества он почувствовал необходимость отдать предпочтение идейным конфликтам эпохи, позволяющим раскрыть в Базарове некоторые существенные черты разночинца-шестидесятника. Стеснение интриги коллизиями отразилось на размещении отдельных ее частей, сблизило завязку с кульминацией и кульминацию с развязкой (XVIII глава). Таким образом, преобладание социально-политической проблематики наложило отпечаток на весь облик романа, сказалось на его сюжете и композиции.

Что же касается языковой структуры романа, то здесь бросается в глаза явное отличие Тургенева, например, от Толстого. Если Толстой обычно обнажает переживания своих героев, то Тургенев, напротив, ищет полутонов, намеков на то или иное состояние, чувство. Для этого Тургенев прибегает либо к специальной лексике, выражающей намеки, едва уловимые оттенки (чуть, почти, едва, как будто и проч.), либо к сложным определениям, дробящим предмет на полутона («бледно-золотые пятна света», «бледно-изумрудное небо»). Такая нюансировка с помощью сложных определений наблюдается не только в описаниях явлений природы, но и в портретных деталях («Фенечка, с красными, детски-пухлявыми губками»), и в передаче человеческих чувств («и не умела мечтать его [Павла Петровича] щегольски-сухая душа»).

В системе художественных средств романа большое значение имеют сравнения. Опираясь на традиции устного поэтического творчества народа, Тургенев черпает большинство сравнений из мира природы: «голодны, как волки»; Фенечка «высматривала, как зверек»; «человеческая личность должна быть крепка, как скала»; «люди, что деревья в лесу»; «время летит иногда птицей, иногда ползет червяком» и т. п.

Писатель не ищет эффектного, замысловатого сравнения, а пользуется общедоступным, закрепленным длительной языковой традицией. Поэтому его сравнения конкретны и точно передают смысл описываемого. То же самое можно сказать и о тургеневских метафорах. Следуя пушкинской традиции, он предпочитал незамысловатые глагольные метафоры, естественно возникающие из непосредственных наблюдений над жизнью.

Сразу же после выхода в свет романа «Отцы и дети» вокруг него разгорелась бурная полемика, в которой приняли участие почти все журналы того времени, по-разному воспринявшие роман Тургенева и по-разному истолковавшие его проблематику.

В ходе полемики журналы консервативного направления («Русский вестник») сблизились с либеральными журналами («Отечественные записки», «Библиотека для чтения»).

Признав, что образ Базарова взят Тургеневым из реальной действительности, журналисты «Русского вестника» и «Отечественных записок» квалифицировали деятельность Базаровых как вредную и опасную, подрывающую устои общества. Наиболее ярко эту точку зрения выразил редактор «Русского вестника» М. Н. Катков в статьях «Роман Тургенева и его критики» («Русский вестник», 1862, № 5) и «О нашем нигилизме» («Русский вестник», 1862, № 7). Он же объявил беспощадную войну нигилизму во всех его проявлениях, стараясь использовать для этого роман «Отцы и дети».

[illegible] Тургенева демократические журналы («Современник», [illegible], «Искра», «Дело»). Но [illegible] «Отцов и детей»: [illegible] «Современника» и «Искры», [illegible].

Ко времени выхода [illegible] Добролюбова уже не было в живых. [illegible] Петропавловской крепости. И статью в «Современнике» о новом романе Тургенева, [illegible] «Асмодей нашего времени», написал М. А. Антонович, который [illegible] Добролюбова на посту первого критика журнала. В конкретной оценке романа «Отцы и дети» М. А. Антонович допустил ряд ошибок. Исходя при анализе романа не из того, что фактически было отражено в нем, а из того, что, по его мнению, хотел сказать автор, Антонович стал отрицать жизненную важность, социальную значимость и даже художественную ценность романа «Отцы и дети». Он превратно истолковал образ Базарова, назвав героя и «циником», и «болтуном», и «хвастунишкой», и жалкой карикатурой на молодежь, а весь роман — клеветой на молодое поколение. При анализе проблематики романа критик не увидел того четкого классового размежевания между демократами и либералами, которое изображено в романе, а потому разделил его героев на «отцов» и «детей» по возрастному принципу.

На страницах «Современника» об «Отцах и детях» высказался и Салтыков-Щедрин. Заслуга Щедрина в том, что он расчленил русских нигилистов на истинных представителей молодого поколения — Базаровых и «подражателей» — Ситниковых

и Кукшиных. О последних Щедрин метко сказал, что они «с ухарскою развязностью прикомандировывают себя к делу, делаемому молодым поколением, и, схватив одни наружные признаки этого дела, совершенно искренне исповедуют, что в них-то вся и сила» («Современник», 1864, № 3). Трудно подыскать более точную характеристику Ситниковых и Кукшиных, чем эта.

Точка зрения «Русского слова» (и продолжившего его линию журнала «Дело») на роман Тургенева наиболее ярко отразилась в статьях Д. И. Писарева: «Базаров», «Реалисты», «Новый тип», «Посмотрим!». Вслед за Чернышевским и Добролюбовым Писарев считал главной задачей критики анализ идей произведений, их соответствия жизненной правде. В статье «Базаров» (1862) Писарев снял с героя «Отцов и детей» обвинение в карикатурности, глубоко и всесторонне объяснил положительный смысл этого образа, подчеркнул жизненную важность и социальную значимость Базаровых на определенном этапе развития русского общества. В статьях «Реалисты» (1864) и «Новый тип» (1865) Писарев отделил роман Тургенева от ряда антинигилистических романов 60-х годов и сблизил его с романом Чернышевского «Что делать?». К «новым людям» — героям романа Чернышевского — критик отнес и тургеневского Базарова как «очень яркого представителя нового типа».

Хотя Писарев несколько односторонне подошел к тургеневскому Базарову (готов был оправдать даже скепсис героя по отношению к будущему народа и отрицание Базаровым искусства), он глубже, чем другие современники, вскрыл проблематику «Отцов и детей». Поэтому статьи Писарева были весьма одобрительно встречены прогрессивной молодежью 60-х годов.

Взгляд Писарева на роман «Отцы и дети» в основном разделял и Герцен. Он прямо писал о статье Писарева «Базаров»: «Статья эта подтверждает мою точку зрения. В своей односторонности она вернее и замечательнее, чем о ней думали ее противники». О Базарове же Герцен сказал, что он «все-таки подавил собой и пустейшего человека с душистыми усами, и размазню отца, и бланманже Аркадия». Роман Тургенева в силу своей злободневности нашел широкий отклик во всех слоях русского общества. Он не утратил актуальности и в последующее время. Критики-марксисты В. В. Воровский и А. В. Луначарский по праву считали этот роман значительным явлением не только литературы, но и общественной жизни 60-х годов XIX века.

П. Г. Пустовойт

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 4 Кандидат - лицо, сдавшее специальный «кандидатский экзамен» и защитившее специальную письменную работу по окончании университета, первая ученая степень, установленная в 1804 г.

Английский клуб — место собраний состоятельных и родовитых дворян для вечернего времяпрепровождения. Здесь развлекались, читали газеты, журналы, обменивались политическими новостями и мнениями и т. п. Обычай устраивать такого рода клубы заимствован в Англии. Первый английский клуб в России возник в 1700 году.

Срок траура.— После смерти члена семьи в ней объявлялся траур, во время которого нельзя было заключать браки.

Стр. 5. «...но тут настал 48-й год».— 1848 год — год февральской и июньской революций во Франции. Страх перед революцией вызвал со стороны Николая I крутые меры, в том числе запрет выезда за границу.

Ямские лошади.— Ямские от слова «ям». В старину так называлась почтовая станция, где проезжающие предъявляли подорожную, после чего меняли лошадей.

Стр. 8. Оброк — более прогрессивная по сравнению с барщиной денежная форма эксплуатации крестьян. Крестьянин заранее «обрекался» дать помещику определенную сумму денег, и тот отпускал его из имения на заработки.

Маркиза — здесь: навес из какой-либо плотной ткани над балконом для защиты от солнца и дождя.

Стр. 9. Вольноотпущенные — крестьяне, получившие от помещика «вольную», освобожденные от крепостной зависимости.

Дворовые — крепостные крестьяне, снятые с земли; слуги при помещичьем дворе (дворня).

Камердинер (нем. «комнатный слуга») — самый приближенный из слуг.

Приказчик — здесь: управляющий хозяйством имения.

Мещане — одно из сословий в царской России.

Стр. 10. Воротище — остатки ворот без створок.

Стр. 12. Ливрейная куртка — короткая ливрея, повседневная одежда молодого слуги.

Стр. 14 «...толковал о предстоящих правительственных мерах, о комитетах, о депутатах».— Речь идет о созданном в 1857 году под председательством Александра II Секретном комитете по крестьянскому делу, преобразованном в январе 1858 года в Главный комитет, и о депутатах губернских комитетов — выборных дворянско-помещичьих органах, в задачу которых входила предварительная подготовка проектов крестьянской реформы — отмены крепостного права.

Стр. 15. Гамбсово кресло — кресло работы модного петербургского мебельного мастера Гамбса.

Душегрейка — короткая женская одежда с подборами.

Десятина — мера земли в России до введения десятичной системы (2400 квадратных саженей или 1,09 гектара).

Стр. 19. Феска — турецкая фетровая шапочка.

Стр. 20. Нигилист — отрицатель (от латин. nihil — ничего); нигилизм — система взглядов, имевшая распространение в середине XIX века. В 60-е годы XIX столетия противники революционной демократии называли нигилистами вообще всех революционно настроенных.

«Дай вам бог здоровья и генеральский чин».— Несколько видоизмененная цитата из «Горя от ума» Грибоедова (действие II, явл. V).

Гегелисты (гегельянцы) — последователи немецкого философа-идеалиста Георга Вильгельма Гегеля (1770—1831).

Стр. 22. Тулья — верхняя часть шляпы.

Протестовал себя — зарекомендовал, показал себя.

Стр. 27. Бекас — небольшая птица, болотная дичь.

Шиллер Фридрих (1759—1805) — великий немецкий поэт, автор драм «Коварство и любовь», «Разбойники» и др.

Гете — искаженное произношение имени Иоганна Вольфганга Гёте (1749—1832) — великого немецкого поэта и философа, друга Шиллера. Их произведения называют «эпохи бури и натиска».

Стр. 23. Либих Юстус (1803—1873) — немецкий химик, автор ряда работ по теории и практике сельского хозяйства.

Аза в глаза не видать — значит не знать самого начала чего-либо. Аз — первая буква славянской азбуки.

Отсталый колпак — в то время старики носили ночные колпаки.

Стр. 24. Львиные привычки — здесь: в смысле щегольских привычек «светского льва».

Фатство (или фатовство) — чрезмерное щегольство, от слова «фат» — пошлый франт, щеголь.

Пажеский корпус — привилегированное военное учебное заведение. В Пажеский корпус принимались исключительно дети крупных сановников.

Стр. 25. Псалтырь — религиозная книга православной церкви, сборник псалмов — песнопений библейского царя Давида.

Стр. 26. Сфинкс — мифологическое чудовище, с телом наполовину льва, наполовину человека. Сфинкс из мифу, сфинкс, стоявший у ворот греческого города Фивы, задавал прохожим загадки и не отгадавших убивал. В переносном смысле — символ загадочности.

Баден (нем. «купание») — область в юго-западной Германии и город со знаменитым курортом.

Стр. 27. Веллингтон Артур Уэлсли (1769—1852) — английский полководец и государственный деятель; в 1815 году при содействии прусской армии одержал победу над Наполеоном при Ватерлоо.

Людовик-Филипп, Луи Филипп — французский король (1830—1848); февральская революция 1848 года заставила Людовика-Филиппа отречься от престола и бежать в Англию, где он и умер.

Стр. 28. Вист — карточная игра.

Экзекуция — телесное наказание, порка.

Стр. 30. Мелиса (медовка) — растение, обладающее запахом лимона.

Стр. 31. Ермолов Алексей Петрович (1772—1861) — генерал, соратник А. В. Суворова и М. И. Кутузова, герой Отечественной войны 1812 года. В 1816—1827 гг. командир отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий в Грузии.

«...разрозненный том *Стрельцов*».— Речь идет об историческом четырехтомном романе «Стрельцы» К. П. Масальского (1802—1861), вышедшем в свет в 1832 году. Произведения Масальского отличались неглубоким содержанием, но занимательной интригой.

Стр. 31. Курительная свечка — ароматическая свеча, распространявшая при горении приятный запах.

Стр. 33. Гомеопатия (греч. «гомеос» — подобный и «патос» — страдание) — лечение по принципу «подобное лечить подобным». Гомеопатия применяет для лечения болезней малые дозы природных растительных и минеральных веществ.

Стр. 36. Шуберт Франц (1797—1828) — великий немецкий композитор; музыка Шуберта очень мелодична и близка к народной. Наиболее известны его вокальные циклы романсов «Прекрасная мельничиха» и «Зимний путь». Многие песни Шуберта переложены для фортепьяно, виолончели, скрипки.

Стр. 37. Сибаритствовать — вести праздный, изнеженный образ

жизни; *сибарит* — изнеженный, привыкший к роскоши человек (от названия древнего города Сибариса, в Южной Италии, аристократия которого вела исключительно роскошный, изнеженный образ жизни).

Стр. 38. Бюхнер Людвиг (1824—1899) — немецкий естествоиспытатель и философ, основоположник вульгарного материализма. Его книга «Материя и сила» в русском переводе появилась в 1860 году.

Стр. 43. Доктринерство — узкая, упрямая защита какого-либо учения (доктрины), даже если наука и жизнь противоречат ему.

Стр. 44. Сентенция — краткое изречение поучительного характера

Тапер — наемный пианист на балу и вечеринке.

Стр. 45. «...наши художники в Ватикан ни ногой».— В Ватикане (резиденция пап в Риме) много музеев с ценнейшими памятниками искусства (живописи, скульптуры и т. д.). В 50—60-х гг. XIX века в русской живописи зарождается новое, реалистическое направление, получившее название передвижничества.

Молодые художники отказывались от традиционного академизма, требовавшего подражания классическим образцам, главным образом итальянского искусства, и выступали за создание русского самобытного искусства, проникнутого передовыми, демократическими идеями. Этим в значительной степени и объяснялось [illegible] Ватикана русскими художниками.

Рафаэль Санти (1483—1520) — величайший итальянский художник; более всего известны его картины, изображающие мадонн. Мадонна — итальянское название [illegible]

Стр. 50. Мизантропический — нелюдимый, человеконенавистнический.

Стр. 51. Губернский предводитель — предводитель дворянства, выборный из дворян, глава [illegible] губернии.

Звезда (золотая или [illegible]) — [illegible] степени некоторых орденов царской России.

Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — французский буржуазный историк и реакционный политический деятель. Стремился к созданию во Франции блока буржуазии с дворянством и к предотвращению революции.

Свечина С. П. (1782—1859) — писательница мистического направления. Жила главным образом в Париже. Ее сочинения (изданные в 1860 году) оживленно обсуждались в дворянских кругах русского общества.

Кондильяк Этьен де Бонно (1715—1780) — французский философ-идеалист. Основная его работа—«Трактат об ощущениях» (1754).

Стр. 52. Шлафрок — домашний халат.

Стр. 53. Байрон Джордж Ноэль Гордон (1788—1824)—великий английский поэт; обличал английское великосветское общество; был в России более популярен, чем в Англии. Байронизм—здесь: подражание Байрону и его романтическим героям.

Гуж — ремень, которым стягивали оглобли у телеги.

Бурдалу Луи (1632—1704) — французский проповедник. Проповеди Бурдалу переведены на русский язык в начале XIX века.

Вязь — старославянский шрифт, в котором все буквы связаны и переходят одна в другую.

Стр. 54. Откупá — предоставление царским правительством права частным лицам (откупщикам) за определенную денежную сумму взимать в свою пользу доходы от известной отрасли государственного хозяйства (продажа спиртных напитков и т. п.).

Стр. 56. «...статью Кислякова... в «Московских ведомостях».— Фамилия Кислякова, очевидно, вымышленная; «Московские ведомости» — ежедневная газета; начала издаваться в 1756 году. С 60-х гг. XIX века выражала взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства.

Стр. 57. Жорж Санд (1804—1876) — псевдоним французской писательницы Авроры Дюдеван, автора романов, проникнутых освободительными идеями.

Эмерсон Ралф Уолдо (1803—1882) — американский писатель и философ-идеалист.

«Какую удивительную статью по этому поводу написал Елисеевич!».— Как это установлено, Тургенев здесь иронически намекает на сотрудников «Современника» Г. З. Елисеева (1821—1891) и М. А. Антоновича (1835—1918).

Натаниэль [illegible] — герой романов «Кожаный чулок», «Следопыт», «Прерия», [illegible] американского писателя Джемса Фенимора Купера (1789—1851).

Гейдельберг — город на юго-западе Германии, где находился старейший германский [illegible] (основан в 1386 году).

Бунзен Роберт [illegible] — немецкий ученый, профессор химии в [illegible] университете.

Стр. 58. Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — французский публицист, экономист и [illegible] основоположников анархизма; противник эмансипации женщины. [illegible] мещанской критике реакционные взгляды Пр[illegible]

Маколей Томас Бабингтон (1800—1859) — английский историк. Главная работа — «История Англии».

Стр. 59. Домострой — памятник русской литературы XVI века, свод правил семейно-бытового уклада, проповедует суровую власть главы семьи — мужа. Слово «домострой» в XIX веке являлось символом всего косного и деспотического.

Бедлам — название психиатрической больницы в Лондоне; в переносном смысле: безобр[illegible]

Стр. 60. Кабак — государственное питейное заведение («царев кабак»). Здесь говорится о [illegible] откупе отца Ситникова.

Кринолин — широкая юбка на тонких стальных обручах.

Стр. 65. Ипохондрия — психическое заболевание, выражающееся в мнительности и стремлении преувеличивать свои болезненные ощущения; мрачность.

Стр. 68. Дворецкий — заведующий домашним хозяйством в барских имениях и городских особняках.

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — выдающийся русский [illegible] автор демократических реформ. Под давлением реакционного дворянства в 1812 году отстранен от государственной службы и выслан из столицы. Был сыном священника.

Стр. 69. Спич (англ.) — речь, обычно застольная, по поводу какого-либо торжества.

Стр. 72. Кнесь — манерное произношение слова «князь».

Преферанс — карточная игра.

Стр. 73. Ремизиться.— Ремиз (в карточной игре) — штраф за недобор установленного числа взяток.

Стр. 77. Желтый дом.— Первая психиатрическая больница в Москве (Преображенская) была выкрашена в желтый цвет. Отсюда у Грибоедова: «Сватали, в желтый дом и на цепь посадили». После этого выражение «желтый дом» стало нарицательным.

Тоггенбург — романтический герой баллады Ф. Шиллера «Рыцарь Тоггенбург», долгие годы просидевший у монастыря, где находилась его возлюбленная, в ожидании, чтоб «у милой стукнуло окно».

Миннезингеры, трубадуры — средневековые поэты-певцы, принадлежавшие к рыцарскому сословию и воспевавшие преимущественно любовь.

Стр. 79. Чуйка — верхняя одежда, длинный суконный кафтан.

Стр. 97. Гуфеланд Христофор (1762—1836) — немецкий врач, автор широко в свое время популярной книги «Искусство продления человеческой жизни».

Крез — царь Лидии (560—546 гг. до н. э.), государства Малой Азии, обладавший, по преданию, неисчислимыми богатствами; в нарицательном смысле — богач.

Стр. 98. Лазаря петь — калики перехожие и слепцы, чтобы разжалобить слушателей, пели стих о евангельском Лазаре. Здесь в переносном смысле — жаловаться.

Стр. 99. «Отдавать землю исполу» — отдавать землю в аренду за половину урожая.

«Друг здравия» — врачебная газета, издававшаяся в Петербурге с 1833 по 1869 год.

Френология — псевдонаука о зависимости психики человека от наружной формы черепа.

Шеплейн, Рademахер — немецкие ученые, медики.

Гуморалист (от лат. humor — жидкость) — сторонник имевшей хождение идеалистической теории, по которой причины болезней коренятся в нарушении соотношения соков в организме.

Гоффман — немецкий ученый, медик.

Броун — крупный английский врач-терапевт.

Витгенштейн Петр Христианович (1768—1842) — русский генерал, известный участник Отечественной войны 1812 года на петербургском направлении. Позже командовал второй армией на Юге, в Тульчине, где был штаб декабристов Южного общества.

Стр. 100. «Тех-то в южной-то армии, по четырнадцатому, вы понимаете... всех знал наперечет».— Василий Иванович намекает на декабристов-южан, привлеченных к суду Николая I в связи с восстанием 14 декабря 1825 года.

«...старик Парацельский...» — Имеется в виду знаменитый швейцарский врач и естествоиспытатель Парацельсий (Парацельс — псевдоним) — Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493—1541); открыл много лекарственных трав; в исследовании болезней пользовался методом наблюдения.

Стр. 101. «О тяжких опасениях, внушаемых... наполеоновскою политикой и запутанностью итальянского вопроса».— Борьба Италии за освобождение от иноземного владычества и за национальное объединение привлекала внимание русского общества 60-х гг. Этот вопрос горячо обсуждался в русской периодической печати, в частности в революционно-демократическом «Современнике» и в «Свистке».

Гораций Флакк Квинт (65—8 гг. до н. э.) — знаменитый римский поэт. В своих одах и посланиях воспевал наслаждения жизнью на лоне природы.

Стр. 102. Морфей — бог сна в античной мифологии.

Иоанн Предтеча — по библейскому преданию, предшественник и провозвестник Иисуса Христа. Был казнен по требованию Иродиады, мстившей ему за разоблачение ее порочной жизни.

«Алексис, или Хижина в лесу» — сентиментально-нравоучительный роман французского писателя Дюкре-Дюминиля (1761—1819). В переводе на русский издавался в 1794, 1800, 1804 годах.

Стр. 103. Цинциннат Луций Квинций (VI—V вв. до н. э.) — римский патриций, консул. Вел простой образ жизни и сам обрабатывал землю; снискал славу образцового гражданина.

«...надо трудиться самому. И выходит, что Жан-Жак Руссо прав».— Руссо Ж.-Ж. (1712—1778) — французский просветитель, демократ и гуманист, враг аристократии. В своей книге «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) противопоставлял современное ему общество «счастливой жизни людей» в «естественном» состоянии, вне

губительных влияний роскоши и излишеств, свойственных, по его мнению, современной цивилизации. Одним из условий воспитания и счастливой жизни человека Руссо считал физический труд.

Стр. 106. «...и запел из «Роберта»» — из оперы итальянского композитора Джакомо Мейербера (1791—1864) «Роберт-Дьявол» (1831).

Стр. 110. «На бой, на бой, за честь России».— Здесь почти с буквальной точностью воспроизведены слова, сказанные о стихах Пушкина писателем-разночинцем Н. В. Успенским при его встрече с Тургеневым в Париже в 1861 году. В связи с этим Тургенев писал П. В. Анненкову: «На днях здесь проехал человеконенавидец Успенский (Николай) и обедал у меня. И он счел долгом бранить Пушкина, уверяя, что Пушкин во всех своих стихотворениях только и делал, что кричал: «На бой, на бой за святую Русь». (П. В. Анненков, Литературные воспоминания. СПБ. 1909).

Стр. 112. Кастор и Поллукс (они же Диоскуры) — мифологические герои-близнецы, сыновья Зевса и Леды. Здесь — в смысле: неразлучные друзья.

Стр. 113. Ералаш — вообще беспорядок, кавардак. Здесь: старинная русская карточная игра.

Владимир — в данном случае: один из царских орденов.

Стр. 118. Портер — род крепкого пива.

Фиоритура — музыкальное украшение мелодии.

Стр. 119. Однодворец — вольный крестьянин, владелец одного двора и земельного участка. Однодворцы — потомки служилых людей: стрельцов, казаков, селившихся одним двором.

Стр. 120. Опекунский совет — учреждение, возглавлявшее Московский воспитательный дом, при котором была ссудная касса, производившая разного рода кредитные операции: выдачу ссуд под залог имений, прием денежных сумм на хранение и т. д.

Стр. 121. «...по поводу модного в то время вопроса о правах остзейских дворян».—Большинство дворянства Прибалтийского края (Эстляндии, Лифляндии, Курляндии) в вопросе об освобождении крестьян стояло на крайне реакционных позициях.

Опасаясь, что освобождение крестьян с землей в русских губерниях вынудит их дать землю прибалтийским крестьянам (освобожденным ранее без земли), остзейские (т. е. прибалтийские; Остзее — немецкое название Балтийского моря) дворяне доказывали, что частная собственность на всю землю — неотъемлемая привилегия дворянства. «Остзейский» способ освобождения, обрекавший крестьян на батрачество, был осужден передовой русской общественностью. На хищнический характер «прав» и привилегий остзейских баронов указывал Чернышевский (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 520).

Стр. 125. Креозот — пахучая дезинфицирующая жидкость.

Стр. 127. Селадон — сентиментальный ухаживатель, по имени героя романа французского писателя Дюрфе (1568—1625) «Астрея».

Стр. 135. Госпожа Ратклиф (Редклифф) — английская писательница (1764—1823). Для ее произведений характерны описания фантастических ужасов и таинственных происшествий.

Пиль Роберт (1788—1850) — английский государственный деятель, консерватор.

Стр. 141. Прапорщик — низший офицерский чин.

Каста (инд.) — в Индии и в некоторых других странах Востока замкнутая общественная группа; например каста браминов.

Дрезден — город в Германии, крупный культурный центр.

Флоренция — город в Италии, знаменитый на весь мир своей архитектурой и сокровищами искусства в музеях.

Стр. 148. «...точно начитался писем Гоголя к калужской губернаторше».— Имеется в виду письмо Н. В. Гоголя к А. О. Смирновой от июня

1848 года. В несколько переработанном виде письмо это под заглавием «Что такое губернаторша» было включено Гоголем в его книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой он призывал к религиозно-нравственному совершенствованию и отрекался от своих художественных произведений. Однако оно не было пропущено цензурой и впервые было напечатано лишь в 1860 году в № 1 газеты «Современность и экономический листок».

Стр. 159. Портик — крытая галерея с колоннадой.

Стр. 159. Кичка — головной убор замужней женщины.

Стр. 160. Адский камень — ляпис, употребляемый в медицине для прижигания ран в целях его обеззараживания.

Стр. 162. Пиэмия (греч.) — заражение крови.

Стр. 164. Елисейские (Елисейские поля) — в древнегреческих представлениях — загробный мир; отправиться в Елисейские поля — умереть.

Стоик — человек, мужественно переносящий невзгоды; в Древней Греции и Риме — последователь философской школы, проповедовавшей равнодушие к страстям.

Стр. 167. Эскулап — врач (латинское название древнегреческого бога врачевания).

Стр. 170. Гранд-сеньйорство — от франц. grand seigneur — крупный феодал в средневековой Франции. Здесь употреблено для подчеркивания внешнего аристократизма Павла Петровича.

Стр. 179. Брюлевская терраса — Генрих Брюль (1700—1763) — министр Августа III, [illegible] Саксонского; вел роскошную и растопотворную жизнь. [illegible] на крепостной стене Дрездена над Эльбой. [illegible] «Брюлевская терраса» стала местом для прогулок [illegible].

Богемские воды — курорты Мариенбад (теперь Марианске Лазне) и Карлсбад (теперь Карловы Вары), в Чехии, которая тогда называлась и Богемией.

«Билет в придворную капеллу» — Первоначально капелла (лат. «capella» — часовня) — хор церковных певчих. Позднее — всякий хор, исполняющий крупные хоровые произведения, преимущественно без сопровождения музыкальными инструментами (à capella). Королевская певческая капелла в Дрездене была основана в 1764 г. В середине XIX века была знаменита своими открытыми концертами. Достать билеты на них было очень трудно.

Хаджи-Мурат

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Крейцерова соната

СЛОВАРЬ ГОРСКИХ СЛОВ

Адат (арабск.) — обычай, освященный давностью.
Айя (ногайск.) — да.
Аманат (арабск.) — заложник.

Бар (кумыкск.) — есть.
Баранчук (кумыкск.) — ребенок.
Бу[о]лур (кумыкск.) — будет.

Гурда (чеченск.) — шашки и кинжалы, дороже всего ценимые на Кавказе, называются по мастеру Гурда». (Прим. Л. Н. Толстого к «Казакам»).

Имам (арабск.) — мусульманский владыка, соединяющий в своем лице высшую духовную и светскую власть.
Йок (кумыкск.) — нет.

Хошкильды или хошгельды (кумыкск.) — «здравия желаем, мир вам». (Прим. Л .Н. Толстого к «Казакам».)
Кумган (кумыкск.) — высокий медный кувшин с носиком и крышкой.
Кунак (турецк.) — друг, товарищ.
Курбан-Байрам (арабск.) — главный мусульманский праздник.
Курпей (кумыкск.) — верх папахи.

Муталим (арабск.) — воспитанник духовной школы.
Муэдзин (арабск.) — служитель мечети, выкрикивающий с высоты минарета призывы к молитве.

М ю р и д (арабск.) — послушник, искатель истины». «Слово «мюрид» имеет много значений, но в том смысле, в котором употреблено здесь, значит что-то среднее между адъютантом и телохранителем». (Прим. Л. Н. Толстого к «Набегу».)

М ю р ш и д (арабск.) — религиозный наставник мюрида.

Н а и б (арабск.) — «наибами называют людей, которым вверена от Шамиля какая-нибудь часть управления». (Прим. Л. Н. Толстого к «Набегу».)

Н а м а з (персидск.) — повседневная молитва мусульман, совершаемая пять раз в сутки.

Н о г о в и ц ы — часть обуви, состоящая из голенищ без головок.

Н у к е р (персидск.) — служитель, телохранитель.

П е ш к е ш (персидск.) — подарок.

П и л ь г и ш и (чеченск.) — пельмени или клецки с начинкой.

С а р д а р ь (персидск.) — главнейший правитель, командующий войсками у горцев — царский наместник Кавказа.

С а у б у л (кумыкск.) — будь здоров.

Т а р и к а т (арабск.) — религиозное мусульманское учение о подвижнической жизни.

Т у л у м б а с (персидск.) — музыкальный ударный инструмент.

У л а н - я к ш и (кумыкск.) — молодец-парень.

Х а д ж и (арабск.) — звание мусульманина, совершившего паломничество в Мекку и Медину для поклонения священному камню и гробу Магомета.

Х о з ы р и (арабск. — готовые к стрельбе) — футлярчики для патронов.

Ч и х и р ь (кумыкск.) — молодое вино.

Ш а р и а т (арабск.) — мусульманское законодательство, основанное на Коране и других священных мусульманских книгах.

Ш е й х (арабск.) — духовный наставник.

А.С. ПУШКИН
ПОЛТАВА

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Василий Леонтьевич Кочубей, генеральный судия, один из предков нынешних графов.

[2] Хутор — загородный дом.

[3] У Кочубея было несколько дочерей; одна из них была замужем за Обидовским, племянником Мазепы. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матреной.

[4] Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но ему отказали.

[5] Предание приписывает Мазепе несколько песен, доныне сохранившихся в памяти народной. Кочубей в своем доносе также упоминает о патриотической думе, будто бы сочиненной Мазепою. Она замечательна не в одном историческом отношении.

[6] Бунчук и булава — знаки гетманского достоинства.

[7] Смотр. *Мазепу* Байрона.

[8] Дорошенко, один из героев древней Малороссии, непримиримый враг русского владычества.

[9] Григорий Самойлович, сын гетмана, сосланного в Сибирь в начале царствования Петра I.

[10] Симеон Палей, хвастовский полковник, славный наездник. За своевольные набеги сослан был в Енисейск по жалобам Мазепы. Когда сей последний

оказался изменником, то и Палей, как закоренелый враг его, был возвращен из ссылки и находился в Полтавском сражении.

[11] Костя Гордеенко, кошевой атаман запорожских казаков. Впоследствии передался Карлу XII. Взят в плен и казнен в 1708 году.

[12] 20 000 казаков было послано в Лифляндию.

[13] Мазепа в одном письме упрекает Кочубея в том, что им управляет жена его, *гордая и высокоумная.*

[14] Искра, полтавский полковник, товарищ Кочубея, разделивший с ним его умысел и участь.

[15] Езуит Заленский, княгиня Дульская и какой-то болгарский архиепископ, изгнанный из своего отечества, были главными агентами Мазепиной измены. Последний в виде нищего ходил из Польши в Украйну и обратно.

[16] Так назывались манифесты гетманов.

[17] Филипп Орлик, генеральный писарь, наперсник Мазепы, после смерти (в 1710) сего последнего получил от Карла XII пустой титул малороссийского гетмана. Впоследствии принял магометанскую веру и умер в Бендерах около 1736 года.

[18] Булавин, донской казак, бунтовавший около того времени.

[19] Тайный секретарь Шафиров и гр. Головкин, друзья и покровители Мазепы; на них, по справедливости, должен лежать ужас суда и казни доносителей.

[20] В 1705 году. Смотр. примечания к Истории Малороссии Бантыша-Каменского.

[21] Во время неудачного похода в Крым Казы-Гирей предлагал ему соединиться с ним и вместе напасть на русское войско.

[22] В своих письмах он жаловался, что доносителей пытали слишком легко, неотступно требовал их казни, сравнивал себя с Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными старцами, а графа Головкина с пророком Даниилом.

[23] Деревня Кочубея.

[24] Уже осужденный на смерть, Кочубей был пытан в войске гетмана. По ответам несчастного видно, что его допрашивали о сокровищах, им утаенных.

[25] Войско, состоявшее на собственном иждивении гетманов.

[26] Сильные меры, принятые Петром с обыкновенной его быстротой и энергией, удержали Украйну в повиновении.

«1708 ноября 7-го числа, по указу государеву, казаки по обычаю своему вольными голосами выбрали в гетманы полковника стародубского Ивана Скоропадского.

8-го числа приехали в Глухов киевский, черниговский и переяславский архиепископы.

А 9-го дня предали клятве Мазепу оные архиереи публично; того же дня и персону (куклу) оного изменника Мазепы вынесли и, сняв кавалерию (которая на ту персону была надета с бантом), оную персону бросили в палачевские руки, которую палач, взяв и прицепя за веревку, тащил по улице и по площади даже до виселицы, и потом повесили.

В Глухове же 10-го дня казнили Чечеля и прочих изменников...» (*Журнал Петра Великого*).

[27] Малороссийское слово. По-русски — палач.

[28] Чечель отчаянно защищал Батурин против войск князя Меншикова.

[29] В Дрезден к королю Августу. Смотр. Voltaire Histoire de Charles XII.

[30] — Ах, ваше величество! бомба!.. — «Что есть общего между бомбою и письмом, которое тебе диктую? пиши». Это случилось гораздо после.

[31] Ночью Карл, сам осматривая наш лагерь, наехал на казаков, сидевших у огня. Он поскакал прямо к ним и одного из них застрелил из собственных рук. Казаки дали по нем три выстрела и жестоко ранили его в ногу.

[32] Благодаря прекрасным распоряжениям и действиям князя Меншикова, участь главного сражения была решена заранее. Дело не продолжалось и двух часов. *Ибо* (сказано в Журнале Петра Великого) *непобедимые господа шведы скоро хребет свой показали, и от наших войск вся неприятельская армия весьма опрокинута.* Петр впоследствии времени многое прощал Данилычу за услуги, оказанные в сей день генералом князем Меншиковым.

[33] Обезглавленные тела Искры и Кочубея были отданы родственникам и похоронены в Киевской лавре.

ББК 84.4 ИТ
С 16

ЭМИЛИО САЛЬГАРИ

На Дальнем Западе
Охотница за скальпами
Город прокаженного царя

Перевод
И.Первухина (1910 г.)
Сверка текста с оригиналом и новая редакция перевода
О.В.Георгиевой (Охотница за скальпами, Город прокаженного царя), А.В.Михайлиной (На Дальнем Западе)
Составитель
Т.Колпакова
Вступительная статья
С.Изергиной

С $\frac{4703010100-02}{\text{В } 38(03)-92}$ без объявл.

ISBN 5-87260-004-6

РАЗВЕДЧИК ПРЕРИЙ

«От[illegible] на карте «[illegible] и [illegible] ближе к северу у северной границы Соединенных Штатов. Двигайтесь на запад [illegible] Северной Дакоты и Монтаны. Двигайтесь в сторону «головы» Айдахо и [illegible] линии его «ручки», круто сверните на юго-восток [illegible] горы Скалистых гор, потом в Вайоминг. От горы Мёрфи берите на восток. Около восточной границы Юты и Дакоты [illegible] а после вновь напрямик через Северную Дакоту до канадской границы. Район, который вы очертили, — это самое первое погранично-[illegible] огромными пространствами Монтаны, напоминающей по очертаниям [illegible] с ручкой «ковша» Айдахо и [illegible] частью Вайоминга, охватив юг Дакоты, он простирается на восток за реку Миссури, где постепенно переходит в не столь высокие равнины, полого спускаясь до Миннесоты.

Эти названия значатся теперь на наших картах. Но тогда этих названий не существовало. Край не был даже нанесен на первые карты, а позднее многие годы по неведению обозначался как часть Великой Американской пустыни. Сиу, которые впоследствии завладели большей его частью и сделали своей последней твердыней, [illegible] к востоку от Миссури, передвигаясь на своих двоих. Их миграция на запад только начиналась, лишь первые разведчики [illegible] реку, столкнулись с обитавшими там племенами [illegible] кроу уже были там, и поуни, и команчи, и арапахо. И шайены. Последние двигались все дальше на запад от своих поселений на правом берегу Миссури, следуя за бизонами [illegible] горьях края. А далеко на востоке, недосягаемые, словно затерянные на каком-то ином континенте, двенадцать колоний, которым предстояло превратиться в тринадцать, будоражили Атлантическое побережье насаждением [illegible] Так американцы [illegible] Джеймса Фенимора Купера место действия своей повести «[illegible]».

Дальний Запад... Кто в юности не [illegible] манящую и загадочную страну? [illegible] траперы, «бледнолицый брат мой». О, романтика Дальнего Запада, где мужчины — сильны и смелы, а женщины — прекрасны, где опасность подстерегает на каждом [illegible] и кому сопутствует удача. Что это? Быль или легенда? И то и другое.

В этой книге читатель найдет [illegible] теля Эмилио Сальгари (1863 — [illegible] «[illegible] за скальпами» Сальгари [illegible] по жанра. Его перу принадлежат [illegible] пираты, рыцари крестовых [illegible] яние подростки — прилежные читатели его романов — переносятся в мечтах на корабль, терпящий [illegible] в океан Мексиканского залива, в тропические леса Индии и североамериканские прерии.

Читающие по-русски лишь сейчас смогут заново открыть для себя творчество Эмилио Сальгари. Двенадцатитомное собрание сочинений было издано в России издательством Сытина в 1910 году как приложение к журналу «Вокруг света». Это издание давно уже стало библиографической редкостью и практически недоступно широкому кругу читателей. С тех пор у нас был переиздан лишь один роман «Черный корсар» (М., 1976).

Что же это за писатель? Почему для советских любителей приключенческого жанра страны и края, оживившие под пером Сальгари, — «терра инкогнита»?

Эмилио родился в Вероне и рос как все мальчишки. Но, видно, этого мальчугана больше других тянуло к дальним странствиям. Он поступил в мореходную школу в Венеции. Окончившие эту школу могли сдать экзамен и стать капитанами дальнего плавания. Как мечталось об этом за физикой и математикой, и как сложна оказалась в конце XIX века — века пара и электричества — мореходная наука! Само собой как-то получалось, что откладывались в сторону штурманские таблицы и рука тянулась к любимому томику Фенимора Купера или Стивенсона. Однако учеба шла своим чередом, и скоро Эмилио отправился в свое первое плавание вдоль берегов Адриатического моря. Море! И пусть пока этот рейс не дальний, но там, за горизонтом, Африка, Индия, Америка, будившие воображение!

В 1883 году редактор миланского иллюстрированного журнала получил рукопись молодого неизвестного автора — это была первая повесть двадцатилетнего Сальгари «Папуасы».

Все складывалось так удачно — опубликована первая повесть, а скоро Эмилио своими глазами увидит заморские страны. Однако его ждало крупное разочарование. Он не прошел по конкурсу на капитанское звание. Не быть ему капитаном дальнего плавания. И даже покинуть пределов Италии за всю дальнейшую жизнь ему так и не пришлось. В 1887 году он окончательно оставил мысли о морских плаваниях и занялся писанием романов и повестей. «Черный корсар», «Тайны Черных джунглей», «Капитан Темпеста», «На Дальнем Западе», «Охотница за скальпами», «Город проклятого царя» и еще много, много он успел написать за свои 48 лет жизни.

Произведения Сальгари полны неподдельной романтики. Его герои благородны, смелы, рыцарственны. Они претерпевают самые невероятные приключения — порой на грани мыслимого, а порой и просто фантастические, сопереживать которым мы готовы после некоторых допущений, не требуя строгой достоверности. Сальгари, несомненно, писатель сюжета. Его не назовешь мастером психологической характеристики. Работая в традициях приключенческого жанра, он принял правила игры. Романы приключений, столь любимые им в юности, — и вершины жанра, такие, как романы Ф.Купера или Г.Эмара, и вся та масса полузабытых ныне произведений, которые создавали фон, круг чтения, — сформировали в сознании Сальгари определенные типажи «действующих лиц». Это благородный защитник слабых и обездоленных; таинственный и упорный мститель; опытный охотник или мореход, легко преодолевающий все препоны и замечающий то, чего не заметили спутники; новичок с благородными побуждениями, но неопытный, которому еще предстоит постичь нелегкую науку выживания в прерии; коварный и злобный враг; простак, добрый и доверчивый, как правило отличающийся недюжинной силой и выручающий главного героя в безвыходных ситуациях; чудак, который, резко отличаясь от остальных, привносит в повествование элемент незатейливого юмора.

Содержание двух романов Э.Сальгари «На Дальнем Западе» и «Охотница за скальпами» основано на истории освоения белыми переселенцами-трапперами западных территорий Северной Америки. Ко времени написа-

ния романов (1904 — 1909 гг.) колонизация западных территорий еще не была закончена. Эпоха географических открытий в Северной Америке, начавшись в 1609 году с открытия французским исследователем С.Шамплеином Северных Аппалачских гор, продолжалась весь XVII, XVIII и XIX века. Американские путешественники М.Льюис и У.Кларк проследили течение реки Миссури от устья до открытых ими истоков и перевалили Средние Скалистые горы только в 1804 — 1906 годах. В 1824 — 1853 годах Дж.Бриджер, П.Огден, Б.Бонвилл, И.Карсон, Д.Фримонт и другие исследователи оконтурили Калифорнийскую долину и Большой бассейн. Экспедиция закончилась всего за десять лет до рождения Сальгари. В конце XIX — начале XX века Дж.Поуэлл, Дж.Доусон, А.Брукс и другие американские и канадские геологи завершили открытие Скалистых гор, Лаврентийской возвышенности, плато Юкон. Драма вытеснения белыми переселенцами коренного индейского населения не была для Сальгари далеким прошлым. Сведения о колонизации обширных пространств гор, плоскогорий и полупустынь Американского Запада воспринимались в то время как сегодняшние события. В конце 60-х годов XIX века из форпостов в штате Монтана еще отправлялись многочисленные караваны переселенцев дальше на запад. «Великое наступление цивилизации» не было освоением пустых, незаселенных земель. Эти земли издавна населяли многочисленные и разнообразные индейские племена: атапаски — навахи и апачи; алгонкины — чиппева и кри, арапахи и сиксики, или черноногие; сиу — дакоты и омахи; мускоги — семинолы и крики и многие другие. Иногда они враждовали между собой из-за пастбищ, образовывались и распадались союзы племен. По примерным подсчетам, в XVI веке территорию современных США населяло около 1 миллиона индейцев. В прериях жили кочевые племена, охотившиеся на степных животных. Восточнее обитали оседлые земледельцы — ирокезы, алгонкины, мускоги, которые существовали не только за счет охоты и сбора плодов, но сеяли и убирали свой урожай с помощью мотыг. Ощутив грозную опасность с востока, встретившись с первыми отрядами белых и отведав пуль, многие племена создали племенные и военные союзы. Союз ирокезов, конфедерация криков, союз племен дакота оказали наиболее упорное сопротивление. Это была кровавая война. Индейцы — смелые и опытные воины. Искусство войны в условиях прерий и скалистых гор оттачивалось из поколения в поколение в условиях межплеменной борьбы и поклонения родоплеменным культам — шаманизму, культу личных духов-покровителей, тотемам. Сейчас мы знаем финал этой кровавой драмы. Даже используя захваченных у колонизаторов коней и освоив огнестрельное оружие, индейцы не смогли противостоять агрессии. Лучше вооруженные и постоянно пополняемые отряды белых повели войну на уничтожение. Индейцы не были покорными и беззащитными жертвами. Белые поселенцы и военные отряды, располагавшиеся в редких форпостах, разбросанных по прерии, несли жестокие потери. Отряды индейцев нападали на поселения, жгли, убивали, снимали скальпы. Много вооруженных экспедиций, посланных в глубь индейских территорий, не вернулось домой. Однако индейцы жестоко поплатились за то, что они так упорно сопротивлялись захвату своих исконных земель, защищали свои охотничьи угодья и вигвамы. «Хороший индеец — мертвый индеец» — стало лозунгом белых колонизаторов. Они не только убивали целые племена, не щадя женщин и детей. Они лишили индейцев основы их существования, проводя массовое уничтожение бизонов. Бизон для индейца не только пища. Это и одежда, и обувь, и крыша над головой, и костяные орудия труда, и костяной лук с тетивой из жилы. Бизонов отстреливали — и быков, и маток, и маленьких телят. Охота на бизонов была разрешена всем желающим.

Эта отчаянная борьба не могла продолжаться долго. Сейчас, когда мы знаем печальный итог, что индейцев осталось на территории США лишь несколько тысяч, живущих в поселениях-резервациях, что некоторые племена исчезли с лица земли, а бизоны сохранились лишь в нескольких заповедниках, нам трудно понять Эмилио Сальгари. Ведь он в своих романах изображает индейцев лишь жестокими, кровожадными и коварными врагами. Его авторские симпатии всецело на стороне белых. Он заставляет читателя замирать от страха за жизнь трапперов и шерифа, попавших в страшную ловушку индейцев. Счастливый конец романа «Охотница за скальпами» — чудесное спасение Джона, потерявшего свой скальп, но сохранившего жизнь и желание мстить... Между тем гибель многочисленных индейцев от пуль героев подается как должное. Как будто снято еще несколько пешек противника с шахматной доски. Миннегага, дочь Яллы, мстит за смерть матери. Однако мы ничего не узнаем о ее печали, о взаимоотношениях с соплеменниками. Она лишь грозный и страшный враг. Взаимоотношения белых, их мысли и чувства описаны несравненно подробнее. И там вы не найдете сложной психологической характеристики, какого-либо развития характеров, однако проглядывают живые, симпатичные человеческие черты. Тот — чудак, но имеет твердые принципы. Этот — чуть-чуть хвастун, но смелый и верный товарищ.

Возможно, именно эти особенности творчества Сальгари и определили то, что он практически не переиздавался на русском языке в советское время. Однако не будем забывать тот факт, что романы о Дальнем Западе писались Сальгари практически по горячим следам. Исход борьбы был тогда далеко не так очевиден, свежи были сведения о многочисленных жертвах среди белых переселенцев. О жизни индейцев, об их массовой гибели и угрозе исчезновения было тогда не так хорошо известно, особенно в далекой Италии.

Нельзя не отметить также и то, что Сальгари не ставил перед собой задачу создать абсолютно достоверную картину, основанную на изучении реалий. Он писал авантюрные, приключенческие романы и повести, основным сюжетообразующим началом в которых был элемент экзотики. Характерна в этом смысле повесть, представленная в этом сборнике, «Город прокаженного царя». На первой же странице глаз встречает множество экзотических названий животных, обитающих в джунглях полуострова Индокитай, незнакомых растений. Странные, необычно звучащие слова постепенно отпечатываются в сознании, сливаясь в загадочный образ царства Сиам. Причудливо взаимодействуя, они образуют атмосферу текста, напоминающую пряные восточные ароматы. И напрасно знаток утверждал бы, что Сиам — это современный Таиланд. В данном случае это Сиам-сказка, Сиам-легенда.

Тем же приемом Сальгари пользуется и в своих романах о завоевателях западных территорий Северной Америки. Яростная предводительница индейского племени в белом плаще, суровая природа прерий, бездонные каньоны, огромные вековые деревья, в дупле которых хватит места для небольшого отряда...

Сальгари не задавался вопросами о нравственных аспектах «охоты на людей» во имя захвата обжитых ими территорий, о дурной бесконечности кровавого колеса мести, подогреваемой принципом «скальп за скальп». Он обладал иным видом таланта — строить захватывающую интригу, развивать динамичное действие. И чем больше препятствий на пути героев, тем занимательней роман. Естественно, что движение сюжета основано на противоборстве сторон. И не важно, что представители враждебных лагерей

обрисованы несколько схематично. Фигуры расставлены, игра началась. Дальше! Дальше! Ход игры сам по себе интересен.

Однако утверждение, что правдоподобие в его романах приносится в жертву занимательности, было бы несправедливым по отношению к Сальгари. Основные пружины интриги — не вымысел. Так, например, абсолютно достоверно то, что и в первом романе, и в его продолжении вождями племени индейцев сиу являются женщины: сначала Ялла, а потом суровая Миннегага. У кочевых охотничьих племен прерий появлялись лишь зачатки отцовского рода, при сохранении множества черт матриархата. Одного из главных героев обоих романов, Бэда Тернера, автор сравнивает с легендарным Буффало Биллом. Буффало Билл — это реальная личность, разведчик прерий, поставлявший сведения гарнизонам форпостов, азартный и упрямый истребитель индейцев. По сути, Буффало Билл явился прототипом Бэда Тернера. Вполне достоверен и такой персонаж, как английский охотник-аристократ лорд Вильмор. Американские власти поощряли избиение бизонов, ради спорта устраивали экскурсионные поездки по прерии.

Необходимо также разобраться, о каком конкретном племени индейцев идет речь в романах. Вымышленное ли это племя, так называемый «собирательный образ», или автор описывает реально существовавшие племена? Сальгари употребляет два этнонима: сиу и дакота. Сиу — это не название племени или племенного союза. Сиу — это язык, а точнее, большое семейство языков, на которых говорило множество индейских племен, расселенных от Миссисипи до Скалистых гор с востока на запад и от реки Саскачеван до полноводной Амазонки с севера на юг. Огромное количество родственных языков сиу делилось на три языковых группы: шивера, дхегия и мандан. Индейцы дакоты и кроу говорили на языке мандан. Дакоты это несколько индейских племен. Сначала дакоты были единым племенем. Однако непрекращающиеся войны с соседними племенами оджибве привели к тому, что в XVII веке дакотов оттеснили с более плодородных земель на запад, в степную полосу. В процессе переселения дакоты распались на несколько племенных групп. Шло время, и разные племена дакотов все больше и больше отличались друг от друга. Но жизнь заставила их объединиться в конфедерацию под названием «Семь костров племенных советов». Во второй половине XIX века земли дакотов были захвачены колонизаторами. «Семь костров» дакотов угасли один за другим, хотя этот племенной союз оказал, пожалуй, самое упорное сопротивление отрядам белых поселенцев. Как раз этот период и описан в романах Сальгари. Индейцы, подчинявшиеся своим предводителям — Ялле, Миннегаге и Сидящему Быку, — родовая группа, поклонявшаяся отдельному тотему, часть одного из семи племен дакотов.

Романы Эмилио Сальгари, несомненно, вызывают противоречивое отношение. С одной стороны, явная апология белых покорителей индейского Запада, упрощенный психологический рисунок. Его произведения, конечно же, не годятся в качестве пособия для изучения истории или географии. Но, с другой стороны, Сальгари подкупает захватывающим, динамичным, по-настоящему интересным сюжетом, романтикой положительного героя — образца мужества, верности, приспособленности к суровым условиям. Любители путешествий и приключений найдут для себя в этой книге нового для них автора, продолжателя традиций Гюстава Эмара и Фенимора Купера. Романы Сальгари — прекрасное чтение для отдыха, в них дальние страны и деятельный авантюрный дух будят активность и раскрепощают воображение.

С.Изергина

Сальгари Эмилио

С16 На Дальнем Западе. Роман. Охотница за скальпами. Роман. Город прокаженного царя. Повесть. Пер. с англ. (сост. Т.Колпакова, Вступ. ст. С.Изергина). АО «Прибой», редакция журнала «Вокруг света», 1992. - 400 с. - (Библиотека «Вокруг света»).

ISBN 5-87260-004-6

В книгу вошли произведения незаслуженно забытого в нашей стране мастера авантюрного жанра — итальянского писателя Э.Сальгари (1863—1911). Два первых романа — «На Дальнем Западе» и «Охотница за скальпами» рассказывают о последнем, самом трагическом этапе борьбы американцев с индейцами, войне 1863—1873 гг. Герои дилогии с честью выходят из многочисленных ловушек, расставленных для них краснокожими прерии и приготовленных дикой природой Дальнего Запада. Для наших читателей будет несколько неожиданна позиция писателя, который объективно рассказывает не только о жестокости янки, сгоняющих коренное население с их исконных земель, но и о жутких кровожадных обычаях индейцев. В повести «Город прокаженного царя» использован популярный в начале века сюжет, посвященный загадочному «Царству Кхмер», существовавшему в IX—XIII вв. на территории современной Камбоджи. Читатель путешествует по Сиаму середины XIX в., знакомится с загадочным, необычным миром Юго-Восточной Азии.

Романы «На Дальнем Западе» и «Охотница за скальпами» написаны в 1909 г., первый перевод на русский язык 1910 г.

Основой для данного издания послужил первый русский перевод романов, выпущенный И.Д.Сытиным (1851—1934) в качестве бесплатного приложения к издаваемому им с 1891 по 1917 год журналу «Вокруг света». В историю отечественного книгопечатания Сытин вошел как издатель-просветитель, книги которого, несмотря на дешевизну, отличались прекрасным полиграфическим исполнением. В оформлении этого тома были использованы иллюстрации сытинского 12-томного издания собрания сочинений Сальгари, первого и последнего на русском языке. Перевод И.Первухина был сверен с оригиналом, из текста убраны географические и исторические неточности, допущенные переводчиком в начале века.

«НА ДАЛЬНЕМ ЗАПАДЕ» («Sulle frontiere del Far-West»)

[1] (с. 13) — **Сиу** — крупнейшая языковая семья коренных американцев, неоднородных по культуре, но сходных по физическому типу; включает в себя племена дакота, ассинибойнов, воронов, манданов, оседжей и др.

[2] (с. 16) — **Чейены** (на языке сиу — «люди чужого языка»; само название: «дзи-так-тас» — «наши люди») — индейский народ группы алгонкинов; делились на северных и южных чейенов. Язык алгонкино-москанский, вытесняется английским.

[3] (с. 18) **Арапахо** (американское произношение «эраппэхо») — алгонкиноязычные племена индейцев северо-американских прерий, тесно ассоциированные с чейенами. Согласно племенной легенде, прародиной арапахо был север современного штата Миннесота, откуда они под давлением англичан-колонистов переселились в прерии. С XVIII века известны как кочевые охотники на бизонов и коневоды. Во второй половине XIX века истребление бизонов и захват земель белыми поселенцами положили конец их самобытной культуре. Племена делились на две группы: северные арапахо (собранные в 1876 году в резервации Уинд-Ривер в Вайоминге) и южные (находившиеся с 1867 года в одной из резерваций Оклахомы).

[4] (с. 30) — **Сахэм** (правильнее «сейчем») — на языке алгонкинов так назывался глава рода или племени. Эта должность являлась высшей гражданской властью у индейцев и была наследственной.

[5] (с. 46) — **Скваттерство** (от англ. *squat* — «селиться самовольно на чужой земле») — захват фермерами свободных земель. Скваттерство распространилось в XVII — XIX веках на северо-западе современных США, а также в Австралии. Сыграло большую роль в складывании фермерского, или американского, пути развития капитализма в сельском хозяйстве.

[6] (с. 47) — **Ларами** — горный хребет в Скалистых горах в США, длиной 200 километров, высотой до 3131 метра. Имеет форму слаборасчлененного свода. До 2800 — 3000 м произрастают преимущественно сосновые леса, выше идут альпийские луга.

[7] (с. 49) — **Барибал** — самый известный из американских медведей. Другое название — черный медведь, или мусква. Широко распространенное и довольно безобидное животное. Отличается большой узкой головой, заостренной, переходящей в лоб мордой. Шерсть блестящая, черного цвета, переходящего по бокам морды в чалый. Длина тела — около полутора метров, высота в плечах — около метра.

[8] (с. 50) — **Мокасины** — мягкая замшевая обувь индейцев Северной Америки, часто украшена иглами дикообраза, бисером.

[9] (с. 60) — **Койот** — луговой волк, млекопитающее семейства псовых. Длина тела около 90 сантиметров. Обитает на открытых пространствах Северной Амарики.

[10] (с. 64) — **Черноногие** — алгонкиноязычная группа племен коневодов-охотников. В начале колонизации Северной Америки белыми переселенцами были соседями арапахо, занимаясь на северо-западной

окраине степей охотой и рыболовством. Позднее, под натиском колонистов, мигрировали на запад и сменили род занятий. От арапахо их отделили вторгшиеся на север Вайоминга вороны. Делились на три племени: пиеганы, кайнахи, сиксики.

[11] (с. 70) — Д и л и ж а н с — большой крытый экипаж, запряженный лошадьми, для регулярной перевозки пассажиров, почты и багажа. Появился в Англии в XVI веке.

[12] (с. 71) — Т о м а г а в к — ручное метательное оружие у некоторых племен североамериканских индейцев. Первоначально — изогнутая деревянная палица с шарообразным навершием. Позднее томагавками назывались завозимые европейцами железные топорики.

[13] (с. 94) — Р у д н и ч н ы й г а з — продукт преобразования каменного угля в его месторождениях, почти чистый метан, выделяющийся в угольных шахтах из пластов угля и вмещающих их пород.

[14] (с. 96) — Это утверждение автора ошибочно. На Западе США действующие вулканы есть: напомним хотя бы недавнее извержение вулкана Сент-Хеленс (в штате Орегон).

[15] (с. 106) — Г р и з л и — млекопитающие семейства медведей; североамериканские подвиды бурого медведя.

[16] (с. 118) — В и г в а м — жилище индейцев Северной Америки. По кругу по овалу втыкаются в землю гибкие стволы деревьев, а их концы сгибаются в свод. Остов вигвама покрывают ветками, корой, циновками.

[17] (с. 137) — Т и п и — переносное жилище североамериканских индейцев. Шалаш конической формы, покрытой бизоньими или оленьими шкурами.

[18] (с. 138) — М а н и т у — дух-покровитель в распространенных среди североамериканских индейцев верованиях, согласно которым, все неодушевленные и одушевленные тела обладают маниту, и каждый человек при вступлении в период зрелости также должен приобрести своего маниту, для чего необходимо уединение в лесу или пустынном месте и пост в течение нескольких недель.

[19] (с. 140) — К а л ю м е (от фр. *calumet*), а также калюмет — употреблявшееся с XVI название «Трубки мира» у североамериканских индейцев. Состоял из каменной или глиняной головки, или очажка, и полой тростниковой палочки длиной длиной 2 — 3,5 фута. Часто украшен перьями, стеклышками и т.п. При заключении мира договаривающиеся друг с другом вожди племен попеременно курили калюме.

[20] (с. 144) — Н а в а х а — испанский складной нож.

[21] (с. 154) — П е к а р и — особое семейство отряда парнокопытных, близкое свиньям и распространенное в Северной и Южной Америке. По сравнению с настоящими свиньями у пекари более легкое сложение. Отличаются они также рядом морфологических черт: клыки верхней челюсти растут вниз, на задних ногах по три пальца, на спине расположена большая железа, выделяющая в экстремальных условиях сильный запах... В семейство пекари входят два вида. Питаются пекари разнообразной растительной пищей.

[22] (с. 158) — К у г у а р — разновидность американской пумы, крупного млекопитающего семейства кошачьих; распространен был на востоке Канады и США, но выбит охотниками в начале XX века. Часто «кугуарами» называли в обиходе вообще всех пум.

«ОХОТНИЦА ЗА СКАЛЬПАМИ»
(«La scotennatrice»)

[1] (с. 211) — Ларами — см. примеч. 6 к роману «На Дальнем Западе».

[2] (с. 213) — Сидящий Бык (англ. — Ситтинг Булл; инд. — Татанка Йотанка) — вождь племени тетон-дакота (около 1830 — 1890), сын одного из младших вождей племени, носившего имя Джампинг Булл. В дополнение к сказанному о нем в главе «Лес гигантов» приводим некоторые подробности его биографии. В ранние годы отличилчя в межплеменных битвах и стал лидером союза воинов своего племени. В 1854-1868 годах, когда правительственные войска вторглись на охотничьи территории тетон-дакота, начал войну с белыми. В 1868 году заключил довольно почетный мир. В 1876 году участвовал в военных действиях против отряда генерала Джорджа Кастера, завершившихся разгромом белых. В ту компанию под начальством Сидящего Быка находилось несколько тысяч воинов-сиу. Ушел от преследований в Канаду, но в 1881 году голод вынудил его вернуться в США и сдаться. Был помещен в резервацию Стендинг-Рок в Северной Дакоте. В 1890 году среди индейцев вспыхнули новые волнения. Американские власти заключили Сидящего Быка в тюрьму. При попытке освобождения он был убит 15 декабря 1890 года.

[3] (с. 213) — Сахэм — см. примеч. 4 к роману «На Дальнем Западе».

[4] (с. 214) — Хорс-Крик — река в штате Вайоминг.

[5] (с. 214) — Виктория — королева Великобритании (1819 — 1901, правила с 1837 года).

[6] (с. 219) — Буффало Билл (настоящее имя Уильям Фредерик Коди, 1846 — 1917) — знаменитый американский ковбой и предприниматель. Рано потеряв отца, с 11 лет стал кормильцем семьи. Работал на золотых приисках Колорадо, верховым на почтовых экспрессах, пока не стал разведчиком в кавалерийских войсках. Участвовал в многочисленных стычках с индейцами и в Гражданской войне, но настоящая известность пришла к нему, когда Буффало Билл занялся поставками бизоньего мяса строителям Канзас-Тихоокеанской железной дороги. Организовал для этой цели специальный отряд, самолично убил несколько тысяч бизонов. В 1876 году прославился дуэлью с вождем чейенов Желтой Рукой. Позднее участвовал в исследовании штата Небраска вместе с Френком Нортом. В 1883 году организовал знаменитое шоу «Дикий Запад», с которым до самой смерти разъезжал по Соединенным Штатам и Европе. В середине 1890-х годов основал крупное ранчо в штате Вайоминг на земле, подаренной ему государством. Позднее вокруг ранчо возник город названный в его честь — Коди.

[7] (с. 221) — Сэнди-Крик — река в штате Вайоминг.

[8] (с. 227) — Скваттерство — см. примеч. 5 к роману «На Дальнем Западе».

[9] (с. 231) — Типи — см. примеч. 17 к роману «На Дальнем Западе».

[10] (с. 234) — Калюме — см. примеч. 19 к роману «На Дальнем Западе».

[11] (с. 236) — Сплин — подавленное настроение, уныние.

[12] (с. 239) — Гризли — см. примеч. 15 к роману «На Дальнем Западе».

[13] (с. 240) — Начальные строки британского государственного гимна.

[14] (с. 245) — Представления автора о структуре индейских племен и происхождения их названий отличаются от принятых в современной науке. Племена дакотов, по мнению многих исследователей, были родами одного племени и составляи одну «нацию», наывавшую себя «дружественные» (дакота). В эту «нацию» входили семь племен, «семь костров»: мдевакантон, вахпекьюте, вахпетон, сиссетон, янктон, янктонаи и тетон. В прошлом дакота жили в районе Великих озер, занимаясь земледелием и сбором дикого риса. В XVIII веке началось их движение на запад, сначала под давлением оджибвеев, а потом — и белых переселенцев. В той или иной степени все племена дакота перешли к охоте, но чистыми кочевыми охотниками стали только тетоны. Именно тетон-дакота, самое западное племя «нации», являются героями романов Э.Сальгари. Что касается слова «сиу» (американское произношение «су»), то оно является сокращением названия, применявшегося в XVIII веке французскими колониальными властями и трапперами к племенам дакота: «nadowes-iw» или «natowessiwak»), где оно означало «змея», являясь метафорическим определением врага. В 1960 году в США насчитывалось около 70 тысяч сиуговорящих индейцев, в том числе 40 тысяч дакотов.

[15] (с. 247) — Видимо, автор имеет в виду так называемую остистую сосну (Pinus aristata), распространенную в высокогорных лесах Скалистых гор от Орегона до Колорадо, Калифорнии и Нью-Мексико. Представители этого вида достигают возраста более 4000 лет.

[16] (с. 247) — Сьерра-Невада — горный хребет на юго-западе США в системе Кордильер. Длина 750 километров, максимальная высота 4418 метров. Покрыт хвойными лесами.

[17] (с. 249) — Секвойя — род хвойных деревьев семейства таксодиевых. Единственный вид — секвойя вечнозеленая. Высота свыше 100 метров, диаметр ствола до 8,5 метра. Растет в прибрежных лесах Калифорнии и Южного Орегона. Древесину используют для подводных сооружений и т.п.

[18] (с. 276) — Вигвам — см. примеч. к роману «На Дальнем Западе».

[19] (с. 277) — Маниту — см. примеч. 18 к роману «На Дальнем Западе».

[20] (с. 294) — Миазмы (от греческого «миазма» — загрязнение, скверна) — по устаревшим представлениям, ядовитые испарения, продукты гниения, якобы вызывающего заразные болезни.

[21] (с. 294) — Рудничный газ — см. примеч. 13 к роману «На Дальнем Западе».

ГОРОД ПРОКАЖЕННОГО ЦАРЯ
(«La citta del re labbioso»)

[1] (с. 344)С и а м — официальное название до 1939-го и в 1945 — 1948 гг. королевства Таиланд, государства в Юго-Восточной Азии на полуострове Индокитай.

[2] (с. 344)Г а в и а л ы — пресмыкающиеся семейства gavialidae, подкласса крокодилов, характеризующиеся очень длинным узким рылом. Длина достигает 6,6 м. Большую часть жизни проводят в воде, питаются преимущественно рыбой.

[3] (с. 345)Г а н е ш а — в индуизме и брахманизме бог мудрости, устраняющий препятствия сын Шивы и Парвати. Обычно его изображали с человеческим туловищем, четырьмя руками, большим шарообразным животом, слоновьей головой и одним бивнем. Ганеша возглавлял свиту Шивы.

[4] (с. 345)П а р в а т и (П е р в а т и) (с древнеиндийского — Горная) — в индуистской мифологии одно из имен жены Шивы. Согласно мифу, первая жена Шивы — Сати — после самосожжения возродилась в образе Парвати (или Умы). От брака Парвати и Шивы родились Скандра (победитель Тараки) и Ганеша.

[5] (с. 345)(Ш и в а (благой, приносящий счастье) — один из трех верховных богов (наряду с Брахмой и Вишну) в индийской мифологии. Олицетворяет созидающие и разрушающие силы. По происхождению доарийский бог, связанный с фаллическим культом плодородия. Изображается в грозном виде, часто в священной пляске, или аскетом, погруженным в созерцание, а также символически в виде линги (фаллическое изображение).

[6] (с. 352)Т о н л е с а п — озеро в Камбодже, крупнейшее на полуострове Индокитай, богато рыбой, орошает рисовые поля. Соединено рекой Тонлесап с Меконгом и регулирует его сток. Близ северного побережья — развалины древнего архитектурного комплекса Ангкор.

[7] (с. 352)М э н а м (мать рек) — Менам-Чао-Прая — основная водная артерия Таиланда.

[8] (с. 361)А ю т и я — город, до 1569 г. столица Сиама.

[9] (с. 364)Т и к о в ы е д е р е в ь я (тековое дерево, тик) — дерево семейства вербеновых в лесах Азии (от Индии до Индонезии). Культивируют из-за ценной древесины, используемой в судостроении, строительстве и т.п.

[10] (с. 364)К о р м о р а н — название больших водоплавающих птиц, родственных баклану и пеликану, обитающих в основном в районах с умеренным и тропическим климатом. Длина 61 — 92 см, густое, обычное темное оперенье и зеленые глаза. Лапки с перепонками, клюв длинный,

верхняя часть его загнута на конце. Опытные пловцы ловят рыбу под водой. В странах Востока рыбаки надевают на привязанных птиц воротники, которые не дают им проглотить пойманную рыбу.

[11] (с. 368) Буденг, дуг — местное название некоторых видов обезьян.

[12] (с. 368) Симанги (сростнопалые гиббоны) — род обезьян семейства гиббонов. Длина тела до 60 см, единственный вид распространен на острове Суматра и на полуострове Малакка.

[13] (с. 371) Сараван — провинция в центральной части Лаоса. Административный центр — город Сараван.

[14] (с. 386) Стиэнг — народ группы кхмеров горных во Вьетнаме и в Камбодже. Родственны мнонгам, ма, срэ. Относятся к южноазиатской расе. Говорят на языке мон кхмерской группы австроазиатской семьи.

[15] (с. 386) Царств Хмэр — Камбуджеша — в IX — XIII вв. Кхмерское феодальное государство. Столица г. Яшодхарапура (Ангкор), развалины которого находятся на берегу озера Тонлесап, недалеко от г. Сиемреап.

Примечания Т. КОЛПАКОВОЙ и А. МОСКВИНА

ОТВАЖНЫЙ СЛЕДОПЫТ У ВОД ОНТАРИО

Немало жизней унесла кровопролитная, длившаяся десятилетиями война между французскими и английскими колонизаторами за захват американских земель. Все, что совершается на страницах только что прочитанного романа, относится к самому концу 50-х годов XVIII века, и опасные трагические приключения героев «Следопыта» связаны прежде всего с войной. Любимый герой Купера, шестьдесят лет жизни которого проходят перед глазами читателей пяти романов о Натти Бампо,— в этой книге, вышедшей в 1840 году, следопыт и разведчик английской армии. Он и здесь, как всегда, отважен, находчив, благороден, полон ненависти к ненужным жестокостям, мечтает о мирном и честном существовании людей, осуждает расовое высокомерие колонизаторов.

На водах и островах огромного озера Онтарио пролилась кровь французов, англичан, индейцев, осиротела Мэйбл, потерявшая своего отца, сержанта Дунхема, убит лукавый индеец Разящая Стрела, перешедший на сторону французов, погиб предатель квартирмейстер Мюр и многие другие.

Уверены ли те, кто рискует своей жизнью и отдает ее за английские интересы, что война, которую они ведут, справедлива? Над этим не задумывается ни сержант Дунхем, честный вояка, ни старый моряк Кэп, с появлением которого на страницах романа по-

веяло соленым воздухом морей и безбрежных океанов... Ворчун Кэп, с его презрением к пресным водам, с его склонностью определять всё только терминами морского словаря, вносит струю грубоватого, но доброго юмора в иной раз печальные и жестокие эпизоды книги.

Страницы, на которых оживает образ старого моряка, невольно заставляют вспомнить самого Купера, который в молодости увлекался романтикой морских плаваний, бежал из дома и прослужил несколько лет во флоте. Как раз на озере Онтарио молодой моряк задолго до того, как написал свой роман, строил с другими американскими моряками военный бриг. Тема моря навсегда осталась ему близка...

Итак, Дунхем и Кэп не сомневаются в том, что они делают справедливое дело. В «Последнем из могикан», написанном за четырнадцать лет до «Следопыта», Купер и сам был недостаточно объективен в решении этого вопроса. Какими черными красками он рисовал именно французского командира Манкольма и тех индейцев, которые поддерживали его! В «Следопыте» автор начинает по-новому оценивать некоторые явления. И те герои книги, в которых Купер воплотил черты душевной чистоты и честности, уже понимают, что между жестокими и коварными методами ведения войны, да и между целями ее у англичан и французов разницы нет. Так, Следопыт поддерживает Мэйбл Дунхем, когда она, осуждая обман и подкуп индейцев говорит: «Если французы поступают дурно, подкупая туземцев, чтобы они воевали с их врагами, то, казалось бы, это одинаково неблагородно и со стороны англичан», и: «Не понимаю, почему то, что справедливо для короля Георга, не должно считаться справедливым и для короля Людовика». Мэйбл, так же как и Следопыт и, конечно же, как сам автор, по достоинству оценивает жестокость колонизаторов, победно шествующих по землям, которыми столетиями владели индейские племена. «Ингизы очень жадный,— говорит Июньская Роса,— отнимай лес, охота, гони шесть племя туда, где солнце сядет; злой король, злой люди. Бледнолицый — ух как плохо!» Мэйбл знала,— добавляет автор,— что в словах индианки много горькой правды...»

Благородный Натти Бампо — Следопыт, участвуя в этой войне как необычайно меткий стрелок и сообразительный разведчик, оказывается в положении человека, который помогает жестокому уничтожению людей. И человечный, добрый Натти мечтает о мире, «чтобы по-прежнему можно было бродить по лесам, не встречая никаких врагов, кроме зверей и рыб».

Следопыт находит отзвук своим чувствам и мыслям в Мэйбл Дунхем с ее добрым отношением к людям, независимо от их цвета кожи (вспомним ее трогательную дружбу с Нюньской Россой), с ее стремлением к справедливости, с ее искренностью и непосредственностью. Мэйбл становится для Следопыта воплощением его идеала женщины: в ней гармонически сочетается то ценное, что несет с собой цивилизация — образованность, широкий умственный кругозор, начитанность,— с душевной чистотой, прямотой и неиспорченностью, которые всегда казались Следопыту связанными с жизнью, далекой от цивилизации. Он очень остро начинает ощущать свое невежество, свою оторванность от того мира культуры, в котором Мэйбл чувствует себя свободно. Это ощущение особенно мучительно для уже зрелого годами Натти-Следопыта, потому что он нежно полюбил эту действительно умную и добрую девушку. И здесь писатель вводит нас в мир интимных личных чувств и отношений своего героя — отношений, которые занимают много места в этом романе.

Мы, читатели, воспринимаем любовь Натти Бампо с грустью и жалостью к нему. Ведь когда Натти еще полон надежд, хотя и терзается сомнениями, мы уже знаем, что, по воле автора, избранником Мэйбл будет не Следопыт, к которому она питает чувства, близкие к дочерним, а молодой, не менее благородный, чем Натти, Джаспер.

Рисуя интимные чувства Следопыта, Купер делает его образ более многогранным, помогает нам еще ярче и реальнее воспринять весь его облик. Мы узнаем его не только как отважного разведчика, благородного противника, чуждого эгоистическим, корыстным целям. Теперь мы уверены в том, что в любых своих проявлениях Натти Бампо чист душою и способен на самопожертвование. И хотя он неуклюж в вы-

ражении своих чувств, наивен в своих надеждах, он бесконечно трогателен в своей любви к Мэйбл. Это чувство так глубоко и бескорыстно, так лишено какого бы то ни было оттенка грубости и эгоизма, что вполне понятной и закономерной становится та большая жертва, которую Натти принес ради счастия Мэйбл, добровольно отказавшись от нее. Когда читаешь страницы, посвященные непростым отношениям, которые сложились у Натти, Мэйбл и Джаспера, трудно решить, кто же из них честнее и благороднее. Все они вызывают нашу любовь и уважение.

Читатель не может не восхищаться богатым воображением автора, живо воссоздавшим события и самый «воздух» Америки XVIII века, его уважением к людям «красной кожи», сочувствием к истребляемым индейским племенам, правдивостью, с которой рассказывается о жестокостях и кровопролитиях, сопровождавших колонизацию американских земель.

Многие видные писатели и критики восторженно отзывались о необычайно выразительных описаниях американской природы в романах Купера. «Волшебной прозой» назвал куперовские пейзажи великий французский писатель Бальзак, прочитав «Следопыта».

В своем романе Купер показал нам и умение раскрывать сложные человеческие чувства героев и рисовать их с подкупающей простотой и непосредственностью. Сложен душевный мир не только как будто простых и ясных Натти, Джаспера, Мэйбл; сложны и противоречивы отношения Мэйбл и Июньской Росы, женщины, воспитанной в традициях племени; она преклоняется перед своим вероломным мужем — врагом англичан, и в то же время глубоко предана Мэйбл, чья человечность и доброта покоряют ее.

Эти душевные конфликты не могут оставить читателя равнодушным, и он с еще большим волнением читает эту книгу.

Нам становится грустно, когда на последних страницах «Следопыта» исчезает в лесах одинокий Натти Бампо, испытав всю боль неразделенных чувств и неосуществившихся надежд. Но Натти не только поэтому становится все более и более одиноким: границы девственных лесов и нетронутой природы быстро

отодвигаются к западу. И как бы ни старался Натти бежать от непонятной и враждебной ему цивилизации, она неотвратимо вторгается в его владения.

Через много лет после встречи Следопыта и Мэйбл ей однажды рассказали о знаменитом охотнике, который известен как «человек редкой душевной чистоты и большой оригинал: в этой части страны он был известен под именем «Кожаный Чулок». И именно это прозвище (одно из многих) Натаниэля Бампо как бы объединило пять книг, ему посвященных, которые принято называть «эпопеей о Кожаном Чулке».

Н. Эйшискина

Х13 Хаггард Г. Р.
Клеопатра; Владычица Зари: Романы: Пер. с англ.— М.: Худож. лит., 1991.— 590 с.
ISBN 5-280-01240-8

Творчество известного английского романиста Генри Райдера Хаггарда (1856—1925) хорошо известно советскому читателю по его романам «Дочь Монтесумы», «Перстень царицы Савской», «Копи царя Соломона». Впервые публикуемые романы «Клеопатра» и «Владычица Зари» посвящены истории Древнего Египта.

В романе «Клеопатра» Хаггард создает еще одну легенду о знаменитой царице Клеопатре VII, повелительнице независимого Египта. Роман повествует о заговоре верховных жрецов, решивших сбросить с трона ненавистную царицу Клеопатру, которая отдала Египет во власть Риму.

Роман «Владычица Зари» повествует о судьбе царевны Нефрет, связанной родственными узами с династией вавилонских царей. После многочисленных приключений ей суждено было стать Объединительницей Верхнего и Нижнего Египта.

ББК 84.4Вл

Х 4703010100-397 / 028(01)-91 104-90

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА. *Перевод Н. Касаткиной* 5

ЛИРИКА

Посвящение. *Перевод В. Левика* 92
Прекрасная ночь. *Перевод А. Кочеткова* 95
Моей матери. *Перевод А. Кочеткова* 95
«Вернусь я, золотые детки...». *Перевод А. Кочеткова* 96
Фридерике Брион. *Перевод В. Левика* 96
«Скоро встречу Рику снова...». *Перевод А. Кочеткова* 97
Свидание и разлука. *Перевод Н. Заболоцкого* 98
Прометей. *Перевод В. Левика* 99
Ганимед. *Перевод В. Левика* 100
Орел и голубка. *Перевод В. Жуковского* 101
Фульский король. *Перевод Б. Пастернака* 103
Приветствие духа. *Перевод Ф. Тютчева* 103
Надпись на книге «Страдания юного Вертера». *Перевод С. Соловьева* 104
Новая любовь, новая жизнь. *Перевод В. Левика* 104
Белинде. *Перевод В. Левика* 105
Зверинец Лили. *Перевод Л. Гинзбурга* 105
На озере. *Перевод В. Левика* 109
К месяцу. *Перевод В. Левика* 110
Вечерняя песня охотника. *Перевод Б. Пастернака* 111
«О, зачем твоей высокой властью...». *Перевод В. Левика* 111
Границы человечества. *Перевод А. Фета* 112
Ночные песни путника *I. Перевод А. Фета II. Перевод М. Лермонтова* 114
Ночные мысли. *Перевод Ф. Тютчева* 114
Божественное. *Перевод Ап. Григорьева* 115
Рыбак. *Перевод В. Жуковского* 116
Лесной царь. *Перевод В. Жуковского* 117
Певец. *Перевод Ф. Тютчева* 118

Из «Вильгельма Мейстера»

Миньона. *Перевод Б. Пастернака* 119
Арфист 121
«Кто одинок, того звезда...». *Перевод Б. Пастернака* 121
«Подойду к дверям с котомкой...». *Перевод Б. Пастернака* 122
«Кто с плачем хлеба не вкушал...». *Перевод М. Цветаевой* 122
Филина. *Перевод В. Левика* 122
Из «Римских элегий». *Перевод Н. Вольпин* 123
Ноябрьская песня. *Перевод В. Левика* 128
Амур-живописец. *Перевод В. Левика* 129
Томление. *Перевод В. Левика* 131
«Нет, только тот, кто знал...». *Перевод Л. Мея* 132
Коринфская невеста. *Перевод А. Толстого* 132

Бог и баядера. *Перевод А. Толстого* 137
Ученик чародея. *Перевод Б. Пастернака* 139

Из «Западно-восточного дивана»

Гиджра. *Перевод В. Левика* 142
Четыре блага. *Перевод В. Левика* 143
Стихии. *Перевод В. Левика* 144
В настоящем — прошлое. *Перевод В. Левика* 144
Прозвище. *Перевод В. Левика* 145
Гафизу. *Перевод В. Левика* 146
«Все, ты сказал мне, погасили годы...». *Перевод В. Левика* 146
«Где рифмач, не возомнивший...». *Перевод В. Левика* 147
«Разве старого рубаку...». *Перевод В. Левика* 147
Зулейке. *Перевод В. Левика* 148
«Создает воров не случай...». *Перевод В. Левика* 148
Gingo biloba. *Перевод В. Левика* 149
«Любимая! Венчай меня тюрбаном...». *Перевод В. Левика* 150
«Шах Бехрамгур открыл нам рифмы сладость...». *Перевод В. Левика* 150
«Что там? Что за ветер странный?..». *Перевод В. Левика* 151
«Ветер влажный, легкокрылый...». *Перевод В. Левика* 152
Воссоединение. *Перевод В. Левика* 152
«В тысяче форм ты можешь притаиться...». *Перевод С. Шервинского* 153
Праведные мужи. *Перевод В. Левика* 154
Впуск. *Перевод В. Левика* 156

О. БАЛЬЗАК И ЕГО «ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ»

«Человеческая комедия», фрагментами которой являются предложенные в этом издании произведения,— главное создание великого французского писателя-реалиста Оноре де Бальзака. Включающая около ста романов, повестей и новелл, «населенная» двумя тысячами персонажей, она представляет собою грандиозное эпическое полотно, охватывающее все стороны общественной и частной жизни Франции первой половины XIX столетия.

«Человеческая комедия»,— писал Ф. Энгельс,— дает нам самую замечательную реалистическую историю французского общества, описывая в виде хроники, год за годом, нравы с 1816 по 1848 г.» Это было сложное для Франции время, богатое историческими событиями, преобразовавшими весь облик страны, определив ее развитие более чем на столетие вперед. Сокрушенная Великой французской революцией 1789—1794 годов, феодальная монархия в 1815 году была вновь (после падения империи Наполеона) восстановлена стараниями европейских монархических держав. Однако повернуть историю вспять уже было невозможно. Капиталистические отношения в стране продолжали развиваться, усиливая экономическую мощь национальной буржуазии, с одной стороны, и подтачивая основы политического господства аристократии и духовенства, с другой. В 1830 году — в итоге Июльской революции — власть во Франции перешла в руки крупной буржуазии, чье безраздельное господство основало новый тип государства — буржуазную монархию, просуществовавшую до 1848 года. Этот сложный в своей внутренней противоречивости исторический процесс смены феодальной формации капиталистической и отражен в «Человеческой комедии».

Произведения, подобного «Человеческой комедии», французская литература до Бальзака не знала. Как гениальное открытие был воспринят замысел этой грандиозной фрески и самим ее творцом. Напомним рождение этого замысла. Уже были созданы романы «Шуаны», «Шагреневая кожа», «Сельский священник», повести «Гобсек», «Полковник Шабер», новеллы «Неведомый шедевр», «Эликсир долголетия», «Покинутая женщина», когда Бальзака, словно молния, озаряет мысль сделать эти произведения органическими частями единого — огромного и всеобъемлющего — полотна, посвященного современной Франции. Вот так описывает этот момент озарения А. Моруа, посвятивший Бальзаку один из лучших своих романов «Прометей, или Жизнь Бальзака»: «Однажды — это случилось в 1833 году — Бальзак примчался с улицы Кассини в предместье Пуассоньер, где в ту пору жила чета Сюрвилей (семья сестры Бальзака.— *Е. П.*), и воскликнул: «Поздравьте меня, я на верном пути к тому, чтобы стать гением!» Шагая по гостиной, он рассказал сестре и ее мужу о своем плане. Он пришел к мысли объединить в одной эпопее все свои романы».

И действительно, уже в октябре 1834 года Бальзак подробно излагает план своей эпопеи Э. Ганской — корреспондентке из далекой России (которой суждено будет стать много позже женой Бальзака). Согласно этому плану «Человеческая комедия» включала три больших раздела, подобно трем ярусам колоссальной пирамиды, возвышающимся один над другим: «Этюды о нравах», «Философские этюды» и «Аналитические этюды». «Этюды о нравах»,— поясняет Бальзак,— будут изображать все социальные явления, так что ни одна жизненная

[illegible], ни одна физиономия, ни один характер, мужской или женский, ни один уклад жизни, ни одна профессия, ни один из слоев общества, ни одна французская провинция, ничто из того, что относится к детству, старости, зрелому возрасту, к политике, правосудию, войне, не будет позабыто...

Тогда последует второй ярус — «Философские этюды», ибо после следствий надо показать причины. Я опишу в «Этюдах о нравах» игру чувств и течение жизни. В «Философских этюдах» я объясню, откуда чувства, в чем жизнь; каковы стороны, каковы условия, вне которых не могут существовать ни общество, ни человек; и после того, как я обозрею общество, чтобы его описать, я займусь его обозрением, чтобы вынести ему приговор.

Позднее, после следствий и причин, придет черед «Аналитическим этюдам»... ибо после следствий и причин должны быть определены начала вещей. Нравы — это спектакль, причины — это кулисы и механизмы сцены. Начала — это автор... Таким образом, человек, общество, человечество будут без повторений описаны, рассмотрены и подвергнуты суждению в произведении, которое явится чем-то вроде «Тысячи и одной ночи» Запада».

Хотя развернутый план «Человеческой комедии» и датируется 1834 годом, глубинные истоки бальзаковской эпопеи следует искать уже в произведениях начала 1830-х годов. И прежде всего в «Шагреневой коже», которую сам Бальзак не случайно назвал «отправным [illegible] своего дела». Характерно, что уже в этом романе (как доказано [illegible] бальзаковедами), по существу, заявлены основные темы будущей «Человеческой комедии», в частности одна из ее центральных тем, представленная [illegible] образом Рафаэля де Валантена,— тема молодого человека, воспитанного [illegible] чувств, выбора им жизненного пути. Заявлена здесь и трагическая дилемма, выраженная в формуле «желать и мочь», решать которую с фатальной неизбежностью придется героям произведений Бальзака. Наконец, впервые выведены в «Шагреневой коже» и многие персонажи, которым суждено будет войти в мир «Человеческой комедии»*.

Если «Шагреневая кожа» подобна «микрокосму, предваряющему макрокосм «Человеческой комедии», то роман «Евгения Гранде» готовил бальзаковскую эпопею другим своим качеством. Здесь впервые с небывалой остротой и глубиною раскрыт драматизм буржуазной повседневности. Трагедия Евгении Гранде, ставшей жертвой исповедуемого ее отцом культа золота, трагедия без видимых преступлений являет собою новый тип трагедии, который во множестве вариантов — от трагедии папаши Горио, Лира буржуазной Франции, до «бедного родственника» кузена Понса — будет представлен в «Человеческой комедии».

Наконец, не менее замечателен и «Гобсек» — повесть, богатая типично бальзаковскими персонажами.

Итак, отдавая должное «озарению» 1833 года, вместе с тем подчеркнем, что «озарение» это исподволь подготавливалось в творческой лаборатории художника.

---

* Так, один из главных героев «Отца Горио» — Эжен Растиньяк станет героем еще четырех десятков романов «Человеческой комедии»; с мрачным искусителем Растиньяка Вотреном нам вскоре предстоит встретиться в «Утраченных иллюзиях» и «Блеске и нищете куртизанок», с дочерью отца Горио — Дельфиной в «Банкирском доме Нусингена», а сестра ее — графиня Ресто заставит вернуться памятью к «Гобсеку», так же как виконтесса де Боссеан — к «Покинутой женщине», и т. д.

В письме 1834 года будущая эпопея еще не названа «Человеческой комедией». Название это родится позже (по аналогии с «Божественной комедией» Данте), отразив главный, критический пафос произведения Бальзака. Если истоки буржуазной Франции связаны с величественными и трагическими событиями революции 1789 года, то Июльская монархия являет собою (по логике Бальзака) жалкую и одновременно жестокую карикатуру на идеалы вождей этой революции. Назвав свою эпопею «Человеческая комедия», Бальзак, по существу, выносил приговор буржуазному обществу с его культом золота и эгоистических страстей.

Отразился в этом названии и внутренний драматизм эпопеи, первая часть которой — «Этюды о нравах» — не случайно поделена на «Сцены». Подобно драматургическому произведению, «Человеческая комедия» насыщена конфликтными ситуациями, диктующими необходимость активного действия, яростного противоборства антагонистических интересов и страстей, разрешающегося чаще всего трагически, но иногда и комически, реже — мелодраматически.

Бальзак спешит воплотить в жизнь свой грандиозный смелый замысел, все более разрастающийся, углубляющийся в процессе творческого труда. Уже в октябре 1833 года он подписывает договор на издание «Этюдов нравов XIX века» в двенадцати томах — первая заявка на будущую «Человеческую комедию», первый подступ к ней. К началу 1834 года завершен «Отец Горио», которому суждено занять ключевое место в рождающейся [illegible]. Именно в этом романе впервые претворен в жизнь принцип [illegible], с помощью которого скрепляются отдельные части [illegible] — неповторимый мир бальзаковской эпопеи. В январе 1835 года [illegible] в свет первые выпуски «Философских этюдов» с предисловием Ф. Дюрана, где впервые публично заявлено о грандиозном замысле Бальзака. [illegible] в 1841 году подписан договор на издание всех произведений под общим [illegible] «Человеческая комедия». Почти одновременно Бальзак отправляет Э. Ганской письмо, в котором сообщает: «...предстоит полная переработка всех произведений, их классификация, завершение отдельных частей общего здания, все это явится для меня огромной всепоглощающей работой, сложность которой только я один могу себе представить».

Напряженный, титанический труд. Лихорадочная изнуряющая спешка («Работать... это значит вставать каждый день в полночь, писать до восьми часов утра, в четверть часа позавтракать, вновь работать до пяти, пообедать, лечь спать и завтра начать все сначала»). Напряжение усиливается за счет травли официальной буржуазной прессы, встречавшей в штыки почти каждое новое произведение Бальзака («Я создавал мое творение среди криков ненависти и издевательств» — заключит романист позже), за счет постоянных преследований кредиторов, с которыми не успевает расплачиваться писатель.

Последняя рукопись «Человеческой комедии» — вторая часть романа «Изнанки современной истории» — датируется декабрем 1847 года. В сентябре 1848 года Бальзак увидел ее напечатанной. Это было последнее напечатанное при жизни писателя произведение «Человеческой комедии». С осени 1848 года состояние здоровья Бальзака резко ухудшается — болезнь сердца, сильные головные боли, удушье. Могучий организм творца «Человеческой комедии» был сломлен титаническим, непосильным трудом. Бальзак буквально сгорел в труде, едва дожив до пятидесяти лет. Однако итогом этого труда стала «Человеческая комедия», принесшая своему создателю подлинное бессмертие.

ПРИМЕЧАНИЯ

ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА

С. 8. Дарсе Жан — французский химик (1725—1801), разработавший способ извлечения из костей желатина для использования его как дешевого продукта питания в благотворительных учреждениях.

С. 9. Трант-э-карант (тридцать и сорок) — число очков в одноименной карточной игре.

С. 14. Савояр (савоец) — уроженец Савойи, департамента в Южной Франции.

С. 16. Калибан — фантастический персонаж из драмы Шекспира «Буря» получеловек-получудовище, «дух земли».

Сезострис.— Имеется в виду египетский фараон Рамзес II (XIII в. до н. э.)

С. 19. Писарро Франциско (1475—1541) — испанский завоеватель Перу; с неслыханной жестокостью проводил колонизацию захваченных земель.

Лара — герой одноименной поэмы Байрона.

С. 20. Вотивные щиты — щиты, которые древние римляне вешали в храмах в честь победы, одержанной над врагом.

С. 21. Кадм — легендарный основатель древнегреческого города Фивы; согласно мифу первые жители этого города выросли из зубов дракона, посеянных Кадмом.

С. 22. Курульное кресло — кресло, на котором восседали при исполнении своих обязанностей высшие римские магистраты: консулы, преторы и т. д.

С. 24. ...бог французского неверия...— Бальзак называет так французского писателя, философа-просветителя Вольтера (1694—1778), который вел постоянную борьбу с религиозным мракобесием и изуверством церковников.

Гей-Люссак Жозеф-Луи (1778—1850) — французский физик и химик; законы, открытые им, имели большое значение для прогресса этих наук, для развития материалистического миропонимания.

Араго Доминик-Франсуа (1786—1853) — французский физик, астроном и политический деятель, совершивший ряд важных открытий в области астрономии, оптики, электромагнетизма, метеорологии и т. д.

С. 29. Я видел распутный двор регента.— Имеется в виду двор Филиппа Орлеанского, бывшего регентом (с 1715 по 1722 г.) в годы несовершеннолетия Людовика XV.

С. 31. Сведенборг Эммануил (1688—1772) — шведский мистик и теософ, автор ряда религиозно-мистических произведений.

С. 32. Леопарда — кухарка, персонаж из романа «Жиль Блаз» французского писателя Лесажа (1668—1747).

С. 33. ...бюджет переехал... из Сен-Жерменского предместья на Шоссе-д'Антен.— То есть бюджетом теперь распоряжается не аристократия, а буржуазия (Сен-Жерменское предместье — аристократический квартал в Париже; Шоссе-д'Антен — улица, где жили преимущественно представители крупной буржуазии).

С. 34. Король-гражданин — прозвище, данное королю Луи-Филиппу кругами французской буржуазии, ставленником которой он был.

Криспин — тип пронырливого слуги в старых итальянских комедиях, в комедиях Реньяра (1655—1709) и Лесажа.

С. 35. «Красный корсар» — роман американского писателя Ф. Купера, вышедший в свет в 1828 г.

С. 35. Ботани-Бэй (Ботаническая бухта) — бухта в Австралии; на ее берегах английское правительство в 1787 г. основало колонию ссыльных.

С. 36. «De viris illustribus» («О знаменитых мужах») — жизнеописание великих людей древности, составленное римским историком Корнелием Непотом (I в. до н. э.).

Мэтр Алькофрибас — Алькофрибас Назье — анаграмма имени Франсуа Рабле (François Rabelais), французского писателя-сатирика XVI в.; так называет себя Рабле в своем романе «Гаргантюа и Пантагрюэль».

С. 37. ...разбавлять атмосферу беседы азотом...— то есть делать беседу вялой, скучной (азот — название химического элемента, по-гречески значит «безжизненный»).

...ложь Людовика XVIII: единение и забвение.— Лозунг, провозглашенный Людовиком XVIII в начале его царствования (единение всей французской нации и забвение внутренних разногласий), на деле оказался ложью, так как с первых же дней Реставрации противники Бурбонов стали подвергаться жестоким преследованиям.

С. 40. Боссюэ Жак-Бенинь (1627—1704) — французский епископ, автор ряда исторических и богословских сочинений.

Балланшист — последователь французского публициста, философа-мистика Балланша (1776—1847), видящего путь к прогрессу в осуществлении религиозно-мистических христианских идеалов.

С. 44. Карлист — приверженец французского короля Карла X, низвергнутого в результате революции 1830 г.

С. 45. Лафайет Мари-Жозеф Поль (1757—1834) — французский политический деятель, снискавший популярность как участник освободительной войны американского народа; в 1789 г. был избран в Генеральные штаты, но в дальнейшем, напуганный активностью народных масс, сблизился с контрреволюционными кругами и 17 июля 1791 г. руководил расстрелом народной демонстрации. В 1830 г. способствовал возведению на престол Луи-Филиппа.

«История короля богемского и семи его замков»— произведение французского писателя-романтика первой половины XIX в. Шарля Нодье.

С. 46. ...изображая «Ревю де Дё Монд»...— редактор журнала «Ревю дё Дё Монд» Бюлоз был косоглаз.

С. 47. Биша Франсуа (1771—1802) — французский ученый, врач-физиолог.

С. 49. Оссиан — легендарный шотландский певец; под его именем поэт Макферсон издал в 1765 г. сборник своих эпических поэм-песен.

С. 51. Карраччи Аннибал (1560—1609) — итальянский художник.

«Спасенная Венеция» — трагедия английского драматурга Томаса Отвея (1651—1685).

С. 52. Ларошельские смельчаки.— Борн, Губен, Помье и Рау — четыре сержанта, служившие в Ла-Рошели; в 1822 г. они были казнены как участники республиканского заговора в войсках.

С. 55. Пандемониум Мильтона — обиталище духов зла — демонов в поэме английского поэта Мильтона (1608—1674) «Потерянный рай».

С. 56. Пиррон — древнегреческий философ-скептик (ок. 360—270 гг. до н. э.).

Буриданов осел.— Буридан, французский ученый-схоласт XIVв., доказывая невозможность свободы воли, приводил в пример осла, который умер бы с голоду, будучи поставлен между двумя мерами овса равной величины, так как они одинаково привлекали бы его. Образ этот стал нарицательным для обозначения нерешительного, колеблющегося человека.

С. 57. Дамьен Робер-Франсуа.— В 1757 г. был четвертован за покушение на Людовика XV. По рассказам очевидцев, во время казни сдерживал четырех копей до тех пор, пока палачи не перерезали ему сухожилия на руках и ногах.

С. 63. Виллель — председатель совета министров во Франции в 20-х гг. XIX в., ставленник ультрароялистов.

С. 65. Марселина — мать Фигаро, персонаж из комедии Бомарше «Женитьба Фигаро».

С. 69. Мост Искусств — мост, который предназначался для пешеходов, за переход по нему платили одно су.

С. 71. «Свинцовые камеры» — тюремные камеры под крышей Дворца дожей в Венеции, стены их были обиты свинцом, чтобы заключенные мучались от жары.

С. 73. ...диогенствовал...— то есть вел образ жизни по примеру древнегреческого философа Диогена (ок. 404—323 гг. до н. э.), который согласно преданиям отказался от всех земных благ и жил в бочке, довольствуясь лишь самым необходимым для поддержания существования. Диоген утверждал, что такой образ жизни будто бы способствует ясности ума и спокойствию духа, необходимым для мыслителя.

Ариэль — фантастический персонаж из драмы Шекспира «Буря», «дух воздуха».

С. 74. Сен-Дени — школа для дочерей кавалеров ордена Почетного легиона, учрежденная Наполеоном I в пригороде Парижа Сен-Дени.

Новый Пигмалион. – Пигмалион – по древнегреческим мифам скульптор, полюбивший прекрасную статую, изваянную им; боги, внняв его мольбам, вдохнули жизнь в эту статую.

С. 83. Лозен — придворный Людовика XIV, светский развратник, прославившийся своими похождениями.

...в таких галстуках, при виде которых может лопнуть от зависти вся Кроатия...— Игра слов: французское слово cravate — крават (галстук) считается происходящим от слова croate — кроат (хорватский). В форму хорватской армии входили чрезвычайно пышные галстуки, мода на которые перешла во Францию.

С. 84. Письма Лекомба — любовные письма Марии Лекомба, героини нашумевшего уголовного процесса в XVIII в.

...читая «Клариссу Гарлоу», сочувствовать рычаниям Ловласа.— «Кларисса Гарлоу» — роман английского писателя Ричардсона (1689—1761); Ловлас — персонаж из этого романа, соблазнитель Клариссы.

С. 87. Сцены с Арсиноей и Арамантой.— Арсиноя — персонаж из комедии Мольера «Мизантроп», тип лицемерной кокетки. Арамнита — персонаж из комедии английского драматурга В. Конгрива (1670—1729) «Старый холостяк».

С. 94. Дело с ожерельем.— Имеется в виду нашумевшее скандальное дело о покупке ожерелья королевой Марией-Антуанеттой, в которое были замешаны многие видные государственные деятели, представители знати, духовенства и проч.

С. 96. Жан-Поль — псевдоним Иоганна Пауля Фридриха Рихтера (1763—1825), крупного немецкого писателя, в творчестве которого сентиментальная идиллия сочеталась с острой сатирой. Рихтер оказал значительное влияние на немецких романтиков.

С. 117. Герцог Кларенс — брат английского короля Эдуарда IV (XV в.), приговоренный к смертной казни, по преданию, получил право выбора способа казни и просил утопить себя в бочке с вином.

С. 122. ...геркулесова чаша... избавила вселенную от Александра.— Согласно преданию причиной смерти Александра Македонского послужила выпитая им на пиру колоссальная чаша вина.

С. 123. Евсевий Сальверт — французский писатель, философ и политический деятель, автор книги «Философский и исторический опыт об именах людей, народов и географических названиях» (1823).

С. 124. Баремова мораль.— Бертран Барем (XVII в.) составил справочник по счетоводству. В данном случае слово «Баремова» употребляется в смысле «мелочно-расчетливая».

С. 133. Ролен Шарль (1661—1741) — французский историк и педагог.

С. 140. ...сопротивление возобладало над движением...— Имеется в виду борьба двух французских буржуазных партий после 1830 г.; «партии движения», настан-

вавшей на либеральных реформах, и консервативной «партии сопротивления», вполне удовлетворенной политикой своего ставленника Луи-Филиппа.

С. 151. Андуйлетская аббатиса — действующее лицо романа английского писателя Л. Стерна «Тристрам Шенди»; произнося ругательства, аббатиса выговаривала лишь половину слова, чтобы «уменьшить грех».

С. 152. ...фантастические образы Вестолла...— Вестолл Ричард (1765—1836) — английский художник, иллюстратор Мильтона и Шекспира.

С. 153. ...предпочесть прозу императора Николая...— Имеется в виду воззвание Николая I к полякам после подавления восстания в Польше в 1830 г.

С. 172. Орас Бьяншон — врач, действующее лицо многих произведений «Человеческой комедии» Бальзака.

С. 174. «Вот почему ваша дочь онемела!» — фраза из комедии Мольера «Лекарь поневоле».

Н. Муравьева

ЕВГЕНИЯ ГРАНДЕ

С. 211. Талейран Шарль Морис (1754—1838) — французский дипломат, отличался крайней политической беспринципностью.

С. 228. «Методическая энциклопедия» — многотомное справочное издание, издававшееся во Франции в конце XVIII — первой трети XIX в. «Монитер» (или «Всемирный вестник») — французская газета; в период наполеоновской империи, Реставрации и Июльской монархии — правительственный орган, в котором печатались официальные материалы. Вестолл Ричард — см. прим. к с. 152. Финден Вильям и Эдуард — английские художники и граверы первой половины XIX в. Иллюстрации Вильяма Финдена к «Дон Кихоту» Сервантеса и к сочинениям Байрона пользовались широкой известностью.

С. 232. Чантри Френсис (1782—1841) — английский скульптор. Бальзак имеет в виду скульптурный портрет работы Чантри.

С. 235. Фоблаз — главное действующее лицо фривольного романа французского писателя Луве де Кувре (1760—1797) «Любовные приключения кавалера де Фоблаза». «Опасные связи» — роман французского писателя Шодерло де Лакло (1741—1803), содержащий описание развращенных нравов французского аристократического общества второй половины XVIII в.

С. 242. ...у Фидиева Юпитера...— Фидий — знаменитый древнегреческий скульптор (V в. до н. э.). Бальзак упоминает об известной статуе Зевса работы Фидия. Эта статуя у римлян называлась Юпитером Олимпийским.

С. 260. ...надпись: Мане — Текел — Фарес...— по библейской легенде, эта надпись, означающая: «Подсчитано, взвешено, поделено», была начертана невидимой рукой на стене залы, в которой пировал царь Вавилона Валтасар, и предвещала ему близкую гибель (отсюда выражение «Валтасаров пир»).

С. 269. ...стоила хвоста собаке Алкивиада...— Бальзак имеет в виду исторический анекдот об афинском политическом деятеле и полководце Алкивиаде (451—404 гг. до н. э.), который велел отрубить хвост своей собаке, чтобы заставить жителей города говорить о себе.

С. 273. Бентам Иеремия (1748—1832) — английский буржуазный правовед-моралист, проповедник утилитаризма. Нравственная теория Бентама посвящена восхвалению капитализма и защите ничем не ограниченной свободы деятельности капиталистического хищника-дельца. К. Маркс дал уничтожающую оценку теории Бентама, назвав самого автора ее «гением буржуазной глупости» (К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, 1951, т. 1, с. 615).

С. 291. ...в романах Августа Лафонтена.— Лафонтен Август (1759—1831) — немецкий писатель, автор многочисленных сентиментально-бытовых романов.

С. 300. ...драмы, происходившие в знаменитом роде Атридов.— По древнегреческим сказаниям, над родом Атридов тяготело проклятие, послужившее причиной многочисленных и тяжелых преступлений членов этого рода.

С. 329. Канталь — средневековый феодальный титул, был распространен в провинции Гасконь (в Юго-Западной Франции).

...как господа Дрё появились в один прекрасный день в качестве маркизов Брэзе.— Родовое дворянское поместье Брэзе, купленное в конце XVII в. богатым буржуа Дрё, было королевским указом превращено в маркизат. Таким образом, потомки Дрё стали маркизами Дрё-Брэзе.

Я. Лесюк

ГОБСЕК

С. 345. Цивильный лист — денежная сумма, предусмотренная государственным бюджетом на расходы короля и содержание его двора.

С. 348. Бальзак имеет здесь в виду в высшей степени уравновешенный и спокойный характер писателя Фонтенеля (1657—1757).

Кожаный Чулок — прозвище охотника Натти Бампо, героя серии романов американского писателя Фенимора Купера (1789—1851): «Последний из могикан», «Следопыт», «Зверобой» и др.

С. 349. Бальзак приводит имена ряда военных и политических деятелей Франции, Англии и Индии периода англо-французской вооруженной борьбы за владычество в Индии (50—60-е годы XVIII в.), перемежая имена исторических лиц (Лалли, Сюфрен, Гастингс, Типпо-Саиб и др.) вымышленными именами (Кергаруэт, де Портандюэр) персонажей «Человеческой комедии».

С. 357. Сцена из комедии Мольера (1622—1673) «Дон Жуан», в которой герой пьесы так ловко обольщает изысканной любезностью своего кредитора Диманша, что тот не решается потребовать у него уплаты долга.

С. 358. Мирабо Оноре Габриель (1749—1791) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII в.; представлял интересы либерального дворянства и крупной буржуазии.

Верньо Пьер-Виктюрньен (1753—1793) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., жирондист, член Конвента, казненный в 1793 г.; считался виднейшим оратором своего времени.

С. 362. Гроций Гуго (1583—1645) — голландский юрист и реакционный государственный деятель, был провозглашен буржуазными законоведами «отцом международного права».

С. 364. Питт Уильям Младший (1759—1806) — премьер-министр Англии, непримиримый враг французской буржуазной революции XVIII в.

Герцог Ришелье Арман-Эммануэль (1766—1822) — французский министр во время Реставрации.

Хорн Антуан — убийца, колесованный в 1720 г.

Фукье-Тенвиль Антуан Кантен (1746—1795) — общественный обвинитель революционного трибунала, боровшийся с врагами революции; ненависть к нему со стороны монархической аристократии сказывается и в реплике персонажа данной повести графа де Борна, который упоминает его имя наряду с преступниками и с почтением говорит о Питте и Ришелье.

Коньяр Пьер (1779—1831) — авантюрист, выдававший себя за графа; стоял во главе шайки воров.

С. 366. Дисконтёр — человек, производящий учет векселей.

С. 375. Фидеикомисс — завещание, дающее право наследнику лишь на временное пользование имуществом и обязывающее его в дальнейшем передать наследство третьему лицу.

С. 387. Франция признала Республику Гаити в 1825 г.

С. 388. Карфология — бессознательное движение рук умирающего.

1105
937

ГЮСТАВ ФЛОБЕР

Гюстав Флобер — замечательный романист, крупнейший представитель критического реализма во Франции второй половины XIX века. Он стал зрелым художником после революции 1848 года, в период мрачной политической реакции. То были времена торжества контрреволюции, времена тяжкие, гнетущие для свободолюбивой и демократической Франции. В крайне сложных условиях приходилось Гюставу Флоберу создавать свои произведения, умножившие мировую славу французской литературы.

Потопив в крови народ, восставший в 1848 году, реакционная буржуазия стремилась [illegible] о славных революционных традициях прошлого. При [illegible] Второй империи всячески поощряли искусства и [illegible], враждебные народу и правде жизни. В пятидесятые годы [illegible] в живых ни Стендаля, ни Бальзака — двух выдающихся [illegible] французского реализма. В литературе того времени [illegible] романисты и драматурги, рьяно отстаивавшие «порядок, религию, собственность». В поэзии расцветает культ «чистого искусства». В письмах Гюстава Флобера пятидесятых годов — самых глухих и страшных лет Второй империи — звучит глубокое отчаяние. Он пишет, например, в мае 1852 года: «Но куда укрыться, боже мой! Где найти человека? Гордость, уверенность в своем творчестве, преклонение перед Прекрасным,— неужели все утрачено? Неужели же у всех грудь переполнена всемирной грязью, в которой плаваешь по глотку?»

Состояние литературы во Франции с большой точностью характеризовал в 1857 году И. С. Тургенев в письме к С. Т. Аксакову: «Я с тех пор, как писал Вам, познакомился со многими здешними литераторами... Я должен сознаться, что все это крайне мелко, прозаично и бесталанно... Какая-то безжизненная суетливость, вычурность или плоскость бессилия, крайнее непонимание всего нефранцузского, отсутствие всякой веры, всякого убеждения, даже художнического убеждения — вот что встречается вам, куда ни оглянетесь. Лучшие из них это чувствуют сами — и только охают и кряхтят. Критики нет,— дрянное потакание всему и всем; каждый сидит на своем коньке, на своей манере и кадит другому, чтобы и ему кадили,— вот и все».

Реализм Флобера возникает в период угасания буржуазной демократии, в пору первых великих революционных выступлений пролетариата в июне 1848 и в 1871 году. Совокупность этих исторических факторов образовала ту основу, на которой выросло исполненное глубоких противоречий творчество Гюстава Флобера.

Флобер был подлинным «блудным сыном» буржуазии, он всю жизнь вел неутомимую войну пером с ненавистным ему миропорядком, но как часто во взглядах на народ в нем одерживал верх буржуа! Он был вечным бунтарем против буржуазии и вечным ее пленником.

В период Второй империи Гюстав Флобер оказался одним из немногих во Франции писателей, отстаивавших наряду с Виктором Гюго принципы социально направленной, гуманистической литературы.

Флобер представлял критический реализм во Франции в новых исторических условиях по сравнению с теми, в каких создавали свои произведения Бальзак и Стендаль. Он вошел в мировую литературу как выдающийся романист, первоклассный мастер формы, давший образцы взыскательного писательского труда.

* * *

Гюстав Флобер родился 12 декабря 1821 года в семье главного врача больницы в Руане. Там же, в квартире при больнице, прошли детские годы Флобера. Целыми днями слушал Гюстав старинные народные предания, которые рассказывала ему старая няня Жюли, и отрывки из воспоминаний о книгах, прочитанных ею. Флобер сохранил память и о своем соседе, «папаше Миньо». На коленях у старика Гюстав заслушивался увлекательными рассказами. Миньо читал мальчику «Дон-Кихота», приводившего в восторг и того и другого.

Уже с самых ранних лет Флобер увлекался театром. Вместе с сестрой Каролиной, с которой его связывала самая задушевная дружба, он устроил домашний театр на бильярдном столе отца. Домашние театральные представления обставлялись всеми необходимыми принадлежностями: устанавливалась декорированная сцена, писались афиши, изготовлялись билеты, приводился в надлежащий вид «зрительный зал», в котором присутствовали обитатели дома, знакомые родителей и ученики школы. Пьесы имели различное содержание: в них изображалась, например, доведенная до смешного страсть к собиранию редкостей, церемония приема короля и т. д. Флобер участвует также в любительских представлениях «Пурсоньяка» Мольера, пьес Мармонтеля и Скриба. Интерес к театральному искусству Гюстав Флобер сохранил на всю жизнь. Любовь к театру нашла выражение не только в драматических произведениях, созданных в период зрелого творчества, но и вообще в наклонности к драматургически выразительному развертыванию сюжета и острому диалогу.

Флобер очень рано начал писать. Его новеллы и хроники носят во многом подражательный, ученический характер; они навеяны широким кругом чтения, школьным изучением истории. Читал же Флобер поразительно много и жадно: Сервантеса, любовь к которому осталась у него неизменной, Рабле, Ронсара, Монтеня, Шекспира, Мольера, Бомарше. Он зачитывался и писателями романтического направления — Вальтером Скоттом, Байроном, Гюго.

Мечтательный и вместе с тем независимый по натуре своей, Флобер с трудом мирился со школьными распорядками. Он признавался впоследствии, что в пору учения в коллеже он «истомился от мечтаний», мысленно странствуя в неведомых экзотических краях. Этим мечтам суждено было осуществиться после окончания коллежа. Вместе с врачом Жюлем Клоке он совершил первое большое путешествие, посетил Пиренеи, Корсику. В дневнике своем юный Флобер описал впечатления от этого увлекательного путешествия. Люди, нравы, пейзажи — все приводило в восторг Флобера. «В этой смешной стране,—

писал он сестре Каролине с Корсики,— префект не может воздержаться от сердечной склонности к бандитам, за которыми, тем не менее, исправно охотится... Мы будем проезжать деревню, в которой увидим самую настоящую Коломбу; она стала не светской дамой, как в новелле Мериме, а полной, низенькой и милой старушкой».

Вернувшись на родину, Флобер по настоянию родителей решил поступить на юридический факультет в Париже, который ему закончить не удалось. Вместо изучения права Флобер предавался занятиям литературой. Здесь, в доме скульптора Прадье, он видел Виктора Гюго, там же он знакомится и с писательницей Луизой Коле, связь Флобера с которой будет продолжаться несколько лет. Неудача на экзамене по праву, а затем нервное заболевание вынуждают его оставить факультет. Флобер поселяется в Круассе, в маленьком поместье, которое его отец купил в 1844 году. С Круассе на долгие годы будет отныне связана жизнь Гюстава Флобера и его напряженные литературные занятия. В эту жизнь будут вносить разнообразие эпизодические наезды писателя в Париж и встречи с собратьями по перу.

В январе 1845 года Флобер закончил роман «Воспитание чувств», первую его редакцию. Это произведение заняло важное место в юношеском творчестве писателя. В нем с особой силой сказались романтические настроения Флобера, его ненависть к миру «бакалейщиков», его юношеские мечты и раздумья. Второй раз (в 1845 году) удалось Флоберу полюбоваться Средиземным морем: вместе с семьей он совершил путешествие в Италию. Посетив затем Женеву, он увидел картину Брётеля «Искушение св. Антония», которая подала ему мысль использовать этот сюжет для театра.

Смерть близких ему людей (отца и сестры Каролины в 1846 году, самого близкого из друзей — Альфреда Ле Пуатвена, оказавшего большое влияние на духовную жизнь Флобера,— в 1848 году) заставляла писателя все глубже погружаться в занятия литературой, которая служила ему не только утешением, но и давно уже единственным смыслом жизни, содержанием всех его помыслов и надежд, предметом всепоглощающей, страстной любви. Далекий и чуждый всякого стремления «сделать карьеру», достигнуть «успеха», Флобер предпочитает всему на свете свою «бедную, тихую жизнь искусства и долгих размышлений».

Сосредоточенный, трудовой образ жизни отнюдь не означал полной отрешенности Гюстава Флобера от окружающего, от злобы дня. Нельзя сказать, что он был «человек не от мира сего». Насмешливо, с большим недоверием встречал Флобер деятельность реформистов в канун революции 1848 года. Известно ироническое описание банкета, устроенного либеральной оппозицией, на котором Флобер присутствовал в 1847 году: «...какая кухня! какие вина! и какие речи!» В устах Флобера, досконально знавшего быт, нравы и взгляды руанских буржуа, подобная ирония была явлением вполне оправданным. Конечно, не следует говорить в данном случае о каких-то осознанных демократических симпатиях Флобера. Он выказывает свою холодность не только к буржуа, но и к народу. Флоберу представляется, например, верхом нелепости, что ему пришлось на банкете сидеть рядом со слесарем, хлопавшим его по плечу.

Уже в эти годы молодости обнаруживается духовная трагедия Гюстава Флобера — человека и художника, оказавшегося на перепутье разных исторических дорог, объявившего войну буржуазии, но внутренне так и не разорвавшего всех связей с нею.

В начале февральской революции 1848 года Флобер стал проявлять все большую заинтересованность в общественных судьбах Франции. Флобер выражает желание в той или иной форме послужить

Республике, он вступает в ряды Национальной гвардии, мечтает посвятить себя службе в качестве секретаря посольства.

Ход революции вызывает у Флобера недоверие и иронию по отношению к происходящему. Истинный смысл событий от него ускользает, ему бросается в глаза только буржуазно-низменная, заурядная, пошлая сторона развертывающихся событий. «Все это очень нелепо». Или: «Трудно представить себе нечто более буржуазное или более ничтожное. А глупее — разве это возможно?» (из письма к Л. Коле в марте 1848 года по поводу происшедшей революции).

В мае 1848 года противоречия между революционным народом и буржуазией начали принимать особенно грозный характер. Двадцать четвертого мая, за месяц до июньского восстания парижских пролетариев, Флобер погрузился в работу над первой редакцией «Искушения св. Антония». Он завершает свою «философскую драму» в сентябре 1849 года. Герой Флобера — фиванский отшельник, перед которым, как в старинном моралите, проходит вереница аллегорических фигур, представляющих добродетели и пороки. Эти фигуры в олицетворенной форме выражают борьбу сил добра и зла, разыгрывающуюся в сознании отшельника. Растерянность Флобера перед напором живой жизни, его отчаяние от невозможности обрести для себя в чем бы то ни было опору и истину, острая жажда жизни и страх, отвращение к ней — все это передал он через хаотическое нагромождение фантастических образов, беснующихся вокруг отшельника.

За месяц до окончания «Искушения» Флобер писал школьному товарищу Шевалье: «Республиканцы, реакционеры, красные, синие, трехцветные,— все соперничают в глупости». «Искушение св. Антония» стало под пером Флобера своеобразной попыткой философского осмысления бурной современности. Духом безысходного пессимизма и фатализма овеян финал «философской драмы». Под злорадный, торжествующий хохот дьявола Антоний, обращаясь к Иисусу, молит о спасении от одолевающих его соблазнов. Таким произведением завершалось раннее юношеское творчество Г. Флобера.

Флобер-романтик начал писать в период, когда наблюдалось сильное брожение в литературе романтического направления. В то время как одни писатели — Беранже, Ж. Санд, Гюго — обращаются к широкой социальной проблематике, другие — Ламартин, Мюссе, Готье — остаются представителями манерного, «изысканного», далекого от правды жизни искусства.

Ущербный характер романтизма отразился во многих юношеских произведениях Флобера («Смара», «Ноябрь», «Мемуары безумца» и др.). Эти произведения остались неопубликованными при жизни писателя.

В ноябре 1849 года по совету врача Жюля Клоке Флобер вместе со своим другом Максимом дю Каном предпринял путешествие на Восток. Путешествие стало большим событием в личной жизни Флобера, оно длилось по май 1851 года. Флобер побывал в Каире, Александрии, Дамаске, Бейруте и т. д. Письма Флобера периода путешествия, которые он посылает матери и другу — поэту Луи Буйле, можно считать настоящим его дневником. В этом дневнике мы встречаем великолепные описания восточной природы, которые обнаруживают во Флобере тонкого художника, необычайно воспримчивого к краскам, колориту. Впечатления о виденном перемежаются в его письмах размышлениями о литературе. Думы о смысле собственного существования разрешаются воплем отчаяния в одном из писем к Луи Буйле. Конечно, говорит Флобер, хорошо писать для самого себя, ибо

делаешь, как хочешь, в согласии с собственными мыслями. Но «где найти точку опоры? Ни в стиле у нас всех нет недостатка, ни в гибкости смычка и пальцев, свидетельствующей о таланте... Нет, вот чего нам нехватает — внутреннего начала, сущности, самой идеи сюжета. Мы собираем заметки, совершаем путешествия, — горе, горе! Мы становимся учеными, археологами, историками, медиками, мастерами на все руки и знатоками. Какое все это имеет значение? Где же сердце, одушевление, соки? Откуда исходить и куда направляться?».

По возвращении из путешествия Флобер начинает писать роман «Госпожа Бовари». Лишь в 1856 году заканчивает писатель эту работу, которая потребовала от взыскательного мастера огромных усилий. Письма Флобера периода создания романа пестрят указаниями на колоссальный труд, который потребовала от него «Госпожа Бовари»: «...моя книга с трудом подвигается вперед. Порчу огромное количество бумаги. Сколько помарок! Фраза так медлит! Что за дьявольский стиль! Будь они проклятые, простые сюжеты!» (1851 год); «Делаю наброски, зачеркиваю, сбиваюсь, нащупываю; может быть, теперь я, наконец, найду себя». «Если я буду двигаться таким темпом, как до сих пор, то окончу «Бовари» не ранее, чем через год» (1852 год); «Я часто по несколько часов ищу какое-нибудь слово...» Флобер пишет, что предпочитает издыхать, как собака, нежели на одну секунду ускорить фразу, которая еще не созрела.

Дни, недели, месяцы, годы сменяли друг друга, заполненные сверхчеловеческим трудом над романом. Флобер работает ежедневно от часу дня до часу ночи с перерывом от шести до восьми часов. «Бовари» ползет, — пишет он в 1854 году, — черепашьим шагом, я прихожу по временам в полное уныние». «Бывают минуты, когда я готов плакать от бессилия...»; «На прошлой неделе я пять дней просидел над одной страницей». Затем в другом письме: «Бовари» подвигается еще за целую неделю — две страницы!!!». «Как медленно и [illegible], — пишет Флобер в 1853 году. — Поймут ли когда-нибудь, сколько сложных комбинаций потребовала от меня эта простая книга? Какой же механизм заключает в себе простота, и как много нужно уловок, чтобы быть правдивым!»; «Эта книга в настоящий момент до такой степени мучит меня... что я физически страдаю»; «За два месяца я написал всего двадцать страниц» и т. д.

После выхода романа «Госпожа Бовари» в свет, столетие тому назад, критики обрушились на писателя, дотоле неизвестного, за якобы извращенный подход к изображению «человеческой природы», за мизантропию и пессимизм, за равнодушное, бесстрастное описание добрых и злых сторон в человеке, за мрачный взгляд на жизнь.

Против «Госпожи Бовари» было возбуждено судебное дело. Флобер и издатели были привлечены к суду за «оскорбление общественной морали, религии и добрых нравов». Так было встречено появление во французской литературе нового писателя. Слова, сказанные Флобером по поводу судебного преследования, чрезвычайно знаменательны: «...в наше время невозможно ни о чем говорить, до того свирепо общественное лицемерие... Оказывается, и портреты нежелательны! Дагерротип считается оскорблением! А история — сатирой! Вот до чего я дожил! И сколько бы я ни рылся в своем несчастном мозгу, я нахожу в нем лишь вещи, достойные порицания». Он же говорил: «Какая сила таится в социальном лицемерии! По нынешнему времени всякое изображение становится сатирой, а история является обвинением».

Буржуазное общественное мнение предстало перед Флобером во всей своей отвратительной социальной наготе. «Наиболее расположен-

[illegible] мне светские люди,— писал Флобер,— считают меня безнравственным! Нечестивцем! Вредь мне не следует говорить того-то, я должен остерегаться и прочее и прочее!» Судебный процесс над автором «Госпожи Бовари», само отношение критики к роману представляли собой факт поучительный для понимания классовой сущности буржуазной культуры. Правдивое изображение неприглядных сторон действительности в первом реалистическом романе Флобера буржуазная критика поспешила объявить безнравственным.

В 1857 году, находясь фактически на положении неблагонадежного автора, Флобер обращается к сюжету из истории Карфагена. Он вынужден отказаться «от разных планов», так как, сообщает он в письмах, это «неминуемо привело бы меня на скамью подсудимых». Свирепая цензура (официальная и неофициальная) Второй империи толкала Флобера на уход от современности.

Набросав первые главы «Саламбо», Флобер почувствовал, что его работа заходит в тупик. Тогда он решил отправиться на место действия романа, на побережье Северной Африки (апрель — июнь 1858 года). Во время пребывания в Африке Флобера интересовали, собственно, не археология, не развалины, а природа и живые люди. В своих путевых заметках Флобер делает наброски пейзажей, фиксирует черты встреченных людей, описывает их одежду. Он бродит по улицам Туниса, заглядывает на базары и в кофейни, пытаясь поглубже вникнуть в поражающие его черты восточного быта. Флобер старается закрепить в красках современную Африку, чтобы через нее, живую Африку, подойти ближе к исчезнувшему, загадочному Карфагену III века до нашей эры. Он дает топографически точные описания особенностей местности. Его внимание привлекает равнина возле Утики, которая кажется ему необычной, плоской, как ладонь: это будет одна из площадок действия романа. Соображения о будущем романе неотделимы у него от живых представлений о природе и людях, которых он наблюдает во время короткого, но насыщенного впечатлениями путешествия.

На равнинных местах, по которым странствовал охваченный «историческими мечтаниями» Флобер, развернется потом панорама кровавых сражений, здесь будет бродить Мато, растерянный и встревоженный, ища остатки разгромленной Ганноном армии Спендия. В путевых заметках то и дело попадаются соображения, связанные с задуманным романом.

Вернувшись из путешествия по побережью Северной Африки, Флобер уничтожает уже написанное начало романа. Он находит его теперь нестерпимо фальшивым. Новые начальные главы пишутся под свежим впечатлением путешествия по Африке. Именно эти новые главы хранят в себе аромат непосредственно виденного и пережитого писателем. Он видел поля и виноградники, мимо которых пойдут наемники в Сикку. Он вдыхал пыль дорог, по которым в его воображении уже двигались тысячи героев. Он видел рассвет над Карфагеном, великолепное описание которого он даст потом в романе. Он наблюдал уличных комедиантов в Тунисе, и они ожили в некоторых забавах наемников, пирующих в садах Гамилькара.

Роман «Саламбо», вышедший из печати в 1862 году, несмотря на удаленность сюжета от современности, стал во многом актуальным произведением. В частности, показ жестокой, бесчеловечной роли религии в Карфагене, ее связи с интересами правящей касты заключал в себе острый, злободневный смысл. За этот роман во французских церквах проклинали Флобера, объявляли его совратителем нравов. И второй роман писателя оказался, таким образом, на скамье подсудимых; на этот раз он был судим церковной цензурой.

Ненавидя строй Второй империи, Флобер не связывает себя, однако, ни с одной из сил, оппозиционных Наполеону III. Весной 1863 года Флобер знакомится с И. С. Тургеневым. Между писателями на долгие годы завязалась глубокая братская дружба. Дружба с Тургеневым составила одну из трогательных и светлых страниц жизни «отшельника из Круассе». Они выступают ценителями и критиками своих произведений, между ними идет оживленный обмен мнениями по поводу современной им литературы. Тургенев способствовал публикации двух повестей Флобера на русском языке, переведенных им самим,— «Легенды о св. Юлиане Странноприимце» и «Иродиады».

Сент-Бёв и Гаварни организуют «обеды Маньи» (у ресторатора Маньи): обеды посещали Флобер, Тургенев, Гонкуры, Золя; это было для автора «Саламбо» одним из немногих средств живого общения с собратьями по перу. Он заводит знакомство с Ж. Санд и переписывается с ней. Флобер часто навещал Гонкуров, и писатели, в свою очередь, бывали у него в Круассе или навещали его в Париже во время наездов писателя в столицу. Гонкуры свидетельствуют, что Флобер умел вести блестящие беседы, «полные фантазии и эрудиции», являлся душой оживленных литературных споров. Нередко подобные сборища завершались шутками, на которые Флобер был большим мастером.

В шестидесятые годы растет авторитет Флобера в глазах современной ему французской литературной общественности. В кругу близких писателей он пропагандирует важнейшие принципы реализма, резко критикует литературу «здравого смысла» или ее мнимую противоположность, сентиментально-романтическую литературу.

На суд Флобера приносят свои литературные опыты многие писатели того времени: Э. Фейдо (его роман «Даниель» Флобер исправлял); Гонкуры, посылая Флоберу свои произведения («Сестра Филомена», «Рене Мопрен», «Жермини Ласертэ»), встречали с его стороны самое внимательное к себе отношение. В январе 1869 года Э. Золя послал Флоберу свой роман «Мадлена Фера». Так началось знакомство двух крупнейших писателей. Флобер следил за творческими судьбами Золя и помогал ему своими замечаниями и советами.

Незадолго до франко-прусской войны увидел свет третий большой роман Флобера, «Воспитание чувств».

Период, последовавший за окончанием работы над «Воспитанием чувств» (роман вышел в свет в ноябре 1869 года), был очень тяжелым для Флобера и в личном и в общественном плане. На протяжении года (1869—1870) умирают близкие писателю люди: Луи Буйле, Сент-Бёв, Жюль Гонкур, друг детства Жюль Дюплан. Начинается франко-прусская война, вызывающая у писателя самые мрачные предчувствия. В сентябре 1870 года Флобер назначается лейтенантом Национальной гвардии. Затем он переезжает в Руан; его Круассе занят пруссаками. «В настоящее время у меня в Круассе двенадцать пруссаков. Как только мое несчастное жилище, ставшее для меня теперь ненавистным, освободится и очистится, я туда вернусь...» (из письма к Ж. Санд 11 марта 1871 года). В период войны Флобер живет патриотическими настроениями, надеется на общее, всенациональное сопротивление прусскому нашествию. Он полон негодования против буржуа, равнодушных к судьбам отечества.

Флобер не понял высокого исторического смысла Коммуны 1871 года. Он осудил коммунаров и в письмах требовал расправы над ними. Отношение писателя к Коммуне остается самой неприглядной страницей в его биографии.

В последний период своего творчества Гюстав Флобер создает целый ряд произведений, внутренне весьма противоречивых: могучий

реализм и враждебность к буржуазии борются в них с проявлениями фатализма, неверия в перспективы социального прогресса, с отрицанием демократии. Таковы его «Искушение св. Антония» (последняя редакция), «Три повести» («Простая душа», «Легенда о Юлиане...», «Иродиада»), пьеса «Кандидат», большая, оставшаяся незаконченной книга «Бувар и Пекюше».

Да, Флобер осудил коммунаров. Но в том же 1871 году он, полный негодования, что муниципалитет Руана отказался воздвигнуть памятник поэту Луи Буйле, сказал в письме муниципальному совету: «В вас нет уже даже скотского инстинкта самосохранения... Со всеми вашими капиталами и вашей мудростью вы не можете создать ассоциации, равносильной Интернационалу! Все ваши умственные силы направлены на страх перед грядущим!»

8 мая 1880 года внезапная смерть оборвала скромную, наполненную сверхчеловеческим трудом жизнь Флобера. Мопассан писал о ней: «Наконец однажды он упал, сраженный у подножья своего рабочего стола. Литература убила его, как убивает всякого человека с сильными страстями всепоглощающая страсть». Тургенев о смерти Флобера узнал, находясь в России. Это известие поразило его. Он писал Эмилю Золя: «Нет надобности говорить вам о моем горе: Флобер был человеком, которого я любил более всех на свете. От нас ушел не только великий талант, но и избранное существо — центр, объединявший нас».

В лице Флобера мы видим одну из подлинно трагических фигур французской литературы. После смерти Флобера Эмиль Золя с грустью отметил поразительно малое число почитателей, провожавших писателя в его последний путь. Затем он высказал предположение, что «суть, должно быть, в том, что Флобер накануне смерти был неизвестен четырем пятым обитателей Руана, а остальной одной пятой был ненавидим».

Зерно большой правды о Флобере, несомненно, содержит это горестное предположение Золя; автор письма в муниципальный совет Руана стяжал ненависть буржуазии, а народные массы, которых он так боялся и отрицал, его не знали. Время реабилитировало Флобера — первоклассного художника-реалиста, беспощадного обличителя буржуазии.

Как же шло развитие творчества Флобера?

Чтение книг великих мастеров литературы прошлого укрепляло в молодом Флобере его страсть к возвышенному, увлечение писателями-романтиками питало его чувства недовольства окружающим, его презрение к мещанскому однообразию провинциальной жизни, его жажду необычной, романтически-исключительной «судьбы».

Чувства, владевшие Флобером, стремление обособить себя от мира «бакалейщиков», мещан были в то время (в тридцатые годы прошлого века) присущи не только ему, но совпадали с настроениями многих представителей тогдашнего молодого буржуазного поколения.

Нередко, правда, увлечение романтизмом у молодежи того времени носило чисто внешний, поверхностный характер. Пройдет время, станет достоянием истории бурный 1848 год, и Флобер разглядит истинную ценность той мнимой романтики, которой увлекались молодые буржуа поры его юности. Он напишет впоследствии в «Госпоже Бовари» о клерке Леоне Дюпюи: «Он уже отказался от флейты, от восторженных чувств, от воображения, ибо какой буржуа в пылу своей юности хоть бы один день, одну минуту не считал себя способным на безмерные страсти, на высокие подвиги? Самый пошлый распут-

ник в свое время мечтал о султаншах; каждый нотариус носит в себе обломки поэта».

В отличие от романтики мещан Флобер подчеркивал впоследствии бескорыстный и глубоко серьезный характер увлечения романтизмом у друзей своей юности Ле Пуатвена, Луи Буйле и у самого себя. Уже в одном из писем юношеской поры (апрель 1839 года) у Флобера проскальзывают нотки иронии по поводу повального увлечения школьников романтизмом: «...теперь драпируются под Байрона, бредят разочарованием и накладывают запрет на все удовольствия. Все взапуски стараются быть как можно бледнее и как можно убедительнее говорить: я пресыщен. Пресыщен! Какая жалость! Пресыщен в восемнадцать лет».

Предметом тайной гордости Гюстава Флобера была его верность воспоминаниям юности, которую он пронес через всю жизнь. Он нередко мысленно возвращался к той, все более отступавшей в вечность поре, которую называет временами «доброй старой романтической школы». Так, уже незадолго до своей кончины, сообщая одной из корреспонденток, что писатель Банвиль прислал ему новое издание «Акробатических од», он заметил по этому поводу: «Его заметки сильно поззоавили меня. Они отражают немного н а ш у минувшую молодость, нас, стариков-романтиков».

Гюстав Флобер, став уже зрелым писателем, пройдя через измену друзей, горькие жизненные разочарования, будет относиться к романтическому прошлому своему и близких людей, оставшихся верными настроениям юности, со смешанным чувством иронии и грусти.

Ранний юношеский период творчества Гюстава Флобера был завершен первой редакцией «Искушения св. Антония» (1849 год). Литературные опыты начинающего писателя разделяются на две группы. Первая группа произведений относится к 1835—1838 или 1839 годам. Самый выбор героев новелл и исторических хроник свидетельствовал о стремлении автора к жизненному, исключительному, непохожему на реальную действительность. Героев юного Флобера (корсара, монаха, герцога и т. д.) обуревают пылкие желания славы, власти, любви, богатства. Они равнодушны к «толпе». Самая сила страстей, конечно же, неукротимых, «демонических», ставит их (героев) в глазах Флобера над окружающей средой. Они с презрением встречают коварные происки врагов, ищут героической смерти. Перед романтическими персонажами Флобера трепещут даже сильные мира сего.

Благоразумию, мещанской умеренности, трусливому себялюбию обывателей Флобер в эти тридцатые годы противопоставляет носителей героического духа: они ставят выше всего риск, сжигающую их страсть, собственную волю и желание. Образ поэта Байрона окружен у юного Флобера ореолом безмерного романтического обожания («Портрет лорда Байрона»). Персонажи «авантюрно-исторических» новелл бунтуют против навязанной им судьбою роли. В ранних литературных набросках упорно повторяется мотив роковой случайности, которая часто так трагически нелепо и дурно распределяет жизненные роли. Примечательна в этом смысле, например, новелла «Картезианский монах или перстень настоятеля», написанная Флобером в сентябре 1835 года. Судьба несправедливо распорядилась с героем новеллы, отведя ему роль затворника, человека, навсегда отрешенного от живой жизни. Заживо погребенный в монастырской келье, он жаждет испытать разнообразные возможности мирского существования. Похитить дорогой перстень с руки умершего настоятеля для монаха означает открыть себе дорогу к свободе, наслаждениям и радостям, ожидающим его по ту сторону монастырской стены. Конфликт между унизитель-

ностью положения и неиспользованными возможностями жизни легли в основу новеллы «Смерть герцога Гиза».

В повести «Ноябрь» (1842 год) Флобер признается: «Уже со школьной скамьи я грустил, я скучал в коллеже, я истомился там от желаний, я стремился со всей пылкостью к безумному и бурному существованию, я мечтал о страстях, мне хотелось овладеть ими всеми». Он мечтал стать императором, повелевающим армиями, воображал себя участником пышных античных празднеств, королем Индии, охотящимся на белом слоне... Молодому Флоберу (как героям его ранних новелл) хотелось физически испытать, пережить в прямом, непосредственном виде все многообразие конкретных, чувственных проявлений человеческого существования. Он с видимым удовольствием противопоставлял окружавшей его скучной и чопорной буржуазно-мещанской среде своих жадных к наслаждениям «завоевателей жизни».

В сороковые годы (примерно с 1839 по 1849 год) в литературных опытах Флобера на смену «авантюрно-исторической» новелле приходит «философская повесть». Стремления героев к чувственной полноте и широте жизни сменяются в «философской повести» бегством во внутренний мир, в созерцание. На место наивно выраженных мотивов «демонического эгоизма», анархического своеволия у Флобера-подростка приходит горький скептицизм, сознание роковой обреченности всех надежд и стремлений у Флобера-юноши.

Прославление физических радостей бытия все явственнее сменяется изображением во всем разочаровавшегося человека. Герой «философской повести» ставит на место действия созерцание, на место непосредственного переживания — умозрительное представление о переживании.

Недовольство широких общественных кругов Франции политикой Июльской монархии, направленной в угоду финансовой плутократии, принимало все большие размеры. В этой атмосфере закономерно появлялись обличительные романы Бальзака, Стендаля, расцвела литература, тяготеющая к постановке социальных проблем (Ж. Санд, Э. Сю). Под знаком подъема находилась и публицистика демократической оппозиции (памфлет, очерк, фельетон).

В произведениях молодого Флобера все чаще начинают встречаться социальные мотивы. Угнетение человека человеком, войны богатых с бедными становятся одним из источников, вызывающих у Флобера-юноши горестные размышления. «На земле нельзя сделать и шага,— пишет он в 1838 году,— чтобы не натолкнуться на тиранию, несправедливость, беспредельную алчность. Повсюду один человек лишает другого солнца, воздуха, отказывает ему в источниках жизни и обрекает на смерть». Блага жизни — источник наслаждений и предмет поклонения для героев его первоначальных полудетских новелл — предстают теперь перед Флобером-юношей как объект жестокой борьбы. Идеал чувственной полноты бытия омрачается открытием свирепого эгоизма богатых, зрелищем ужасающих материальных лишений бедных.

Так мрачна и жестока действительность, что Флобер-романтик в страхе и отвращении отшатывается от нее. Под влиянием литературы и знакомства с жизнью возникает у Флобера ошибочное, но столь характерное для его взглядов уничижительное отношение к идеям материального прогресса общества. В «Мемуарах безумца» (1838 год) настойчиво подчеркивается мысль о непрочности и зыбкости существующего.

Повести «Мемуары безумца» и «Ноябрь» представляли печальную исповедь молодого человека. Герой рассказывал в них о своих

ожиданиях, страстных надеждах и горестных разочарованиях. Собственно, перед нами рассказ о бегстве человека из жизни. Так, герой «Мемуаров безумца» признается, что его существование складывается «из мыслей».

В конце концов и первая редакция романа «Воспитание чувств» (1845 год) и первая редакция «Искушения св. Антония» (1849 год), которой завершается раннее творчество писателя, выдвигают все ту же идею отрицательного отношения человека к «соблазнам бытия», которая будет преследовать его на протяжении всего творческого пути.

Пафос молодого Флобера — в противопоставлении начала «романтического» в человеке «буржуазно-мещанскому». Но, сравнивая тип человека-«энтузиаста» с типом человека «благоразумного», протестуя против идеалов буржуазного «счастья», Флобер-романтик смог противопоставить ему лишь реакционно-эстетский идеал отшельничества, полного отрешения от реальной действительности.

Чем больше углублялись и обострялись общественные противоречия в период июльской монархии, тем со все большим страхом и отвращением отшатывался Флобер от тягостных для него «открытий» реальной жизни, тем все больший пессимизм и отчаяние охватывали его.

Второй период творчества Флобера обнимает промежуток времени в 20 лет (1851—1871 годы).

Пятидесятые и шестидесятые годы — вершина в творчестве Флобера. Три больших реалистических романа были созданы писателем за два десятилетия: «Госпожа Бовари» (1856 год), «Саламбо» (1862 год), «Воспитание чувств» — второй вариант (1869 год). Перед нами не только высокохудожественные произведения, но и документы времени, связанного с переходом от одного революционного периода (1848 год) к другому периоду — Парижской Коммуне 1871 года.

Роман «Госпожа Бовари» создается Флобером в годы Второй империи, в обстановке злейшей политической реакции. То было время, когда сделалась воплощенно наглядной противоположность между фальшивостью духовной жизни буржуа и его житейской практикой. «Госпожа Бовари» выросла под пером Флобера в исторически-актуальное произведение.

Формально в романе речь идет о событиях, протекающих в годы Июльской монархии. Но ведь «Госпожа Бовари» создается после революции 1848 года и бесславного государственного переворота 1851 года. В свете этого исторического опыта писатель увидел прошлое с таких сторон, которые позволили ему наполнить роман мотивами, глубоко созвучными его современности. Роман «Госпожа Бовари» можно назвать безгероическим повествованием, в котором нашли отражение черты жизни общества Второй империи, когда гражданские мифы сменились «идеалами», призванными «возвеличить» откровенно утробное существование буржуа. Тема супружеской измены, выбранная писателем, помогла Флоберу дать обобщенное представление о тайнах частной жизни его современников.

В письмах Флобера периода создания «Госпожи Бовари» настойчиво проводится мысль: различие между Парижем, некогда притягивавшим к себе все живые силы нации, и провинцией исчезает; исчезает не потому, что провинция поднялась до Парижа, а потому, что Париж того времени опустился до уровня мещанской провинции.

Все это имеет прямое отношение к судьбе героини романа Эммы Бовари — жены провинциального лекаря. Не удовлетворенная скромной и скучной жизнью в обывательской среде, Эмма тянется к иному, внешне блестящему и внутренне наполненному яркими чув-

...анию. Оставаясь в Тосте и Ионвиле, она мыслила ...жизни в Париже. Но какой Париж был предметом ... мечтаний! Из ...точенного мещанства, вызывающей роскоши, ...ресторанов Латинского квартала. Она знала все последние моды, адреса лучших портних, где ...да полагается быть в Булонском лесу или в Опере. Она ...ала парижские романы, которые позволяли ей хотя бы мысленно стать участницей блистательного мира парижских страстей.

Зарубежные литературоведы часто писали, что жизненная драма Эммы Бовари — в разладе мечты и действительности. Да, конечно. Но при этом следует видеть, какой горький смысл вложил Флобер в эти понятия — мечты и реальной действительности! Если повседневная жизнь в Ионвиле мелочна, глуха, однообразна, то надо попытаться в провинции жить на парижский лад, так как нет возможности быть в Париже. Но что же такое оно, это другое существование, к которому устремлены мечты героини?

Особый интерес книги состоит в том, что писатель заставляет мечту и действительность все время меняться местами. Реальная жизнь крохотного провинциального городка является для Эммы чем-то далеким и чужим, ...ство мечты о другой, более интересной и яркой жизни становится фактом ее биографии. Эмма не только пытается, но и действительно ...живет в Париже». Она пробует себя в различных ролях. И поочередно в ...ложительными образами Вальтера Скотта, ...Эмма Бовари надевает маску ангелоподобной ...ни и героини, разыгрывает перед Леоном ...ательных сцен. Руанец и Родольф ...и Леоном в представлении Эммы — ...ители «парижских развлечений», и которых есть и ...ели в свою ...ду «будничные» ...и тайные свидания, и возвышенные ...ы. ...к имени краткой, но многозначительной ...ь, ...ыкло в Париже». Необычайно сильна, ...ферно ...ана в романе ...ительная, вульгарная провинциальная ...ь, ...ее ...ные представления и «Париж». Флобер ...ставляет ...ерои ...ть ...по ...ии провинциальной жизнью и ...ом, так ...ающей жизнью.

Работая над ...ом, Флобер в ...ах своих ...ередко возвращается к ...ому ...ю. Письма его проливают свет на ...ий ...ел трагедии Эммы Бовари. За внешним блеском и пышной ...ью Парижа ...ой империи писатель проницательно ...ел ...ие ...ество, ...ую грубость, торжество ...ого и ...ие мещанской пошлости. В реальной ...ности ...а биографии Эммы Бовари объединил писатель оба ...ала — провинциальное и «парижское». Скучна и бессодержательна, в ...ом ...е, как ...ует сама ...ня, пошла и мелочна и одна и другая жизнь. Словом, «одно ...ит другого», ...ментирует Флобер в одном из писем.

В чем же ...ел подлинной, достойной человека жизни? Нашла ли ее Эмма Бовари? «В ...ной любви она вновь ...ела всю ...ичность любви ...ружеской»,— пишет Флобер, говоря, что в ...ом романе с Леоном Эмма ...ала «всю ...ительность такого ...ого счастья». Сюжет романа ...ается в двух ...ах — в ...е ...ого разоблачения ...ительности ...ального существования, ...о как и ...орности ...ого, «...ского» ...ба жизни, в ...ности ...о же ...ально ...ержательного и ...ого.

Флобер ...ал в своем ...ом ...ом романе не только ...ант ...ого психолога, но и ...ее ...ерство ...ика. Еще до ...ения ...ла «Госпожи Бовари» ...ла у Гю-

стала Флобера идея «Лексикона прописных истин». То была мысль дать сводный перечень общих и пошлых «истин», которые составляют духовную пищу буржуа, образуют его мировоззрение. Замысел «Лексикона» стал существенным идейным началом в романе Флобера и нашел наиболее яркое выражение в образе ионвильского аптекаря Омэ.

Многие зарубежные буржуазные литературоведы пытались убедить читателей в том, что в образе Омэ Флобер будто бы хотел дать воплощение вековечной человеческой глупости и пошлости, это якобы «всеобщий» человеческий тип. Причисляя Омэ к ряду непреходящих, вечных явлений, буржуазные литературоведы снимают тем самым исторически конкретное содержание, заключенное в его образе, уничтожают определенный, точный общественно-политический смысл, связанный с ним.

В чем состоит особый интерес образа Омэ? Что представляет собой среда, окружающая просвещенного фармацевта?

Среда, безусловно, обывательская. На этом фоне выделяется Омэ — единственный из персонажей романа, наделенный «общественной жилкой», интересы которого выходят за пределы его профессии. Омэ слывет либералом и просветителем, он носится со всевозможными планами нововведений и реформ. В Омэ заключено обобщение черт либерализма, несостоятельность которого стала очевидной в революционных битвах сорок восьмого года.

Аптекарь многоречив, на каждый случай жизни у него в запасе высокопарная, напыщенная фраза. Мелкое, незначительное, обыденное Омэ облекает в формы трагические и патетические. Например, он так рисует перед четой Бовари свое положение мученика гуманного долга, труженика науки: «Я похожу кровавым потом, как рабочая лошадь! О, ярмо нищеты!..»

Омэ всерьез выдает себя за последователя передовых идей и воззрений: враг официальной религии, он за «естественную религию». «Мой бог,— ораторствует аптекарь,— это бог Сократа, Франклина, Вольтера и Беранже! Я — за «Исповедание савойского викария» и за бессмертные принципы восемьдесят девятого года!»

Он претендует на роль руководителя общественного мнения в округе. С нескрываемой насмешкой рассказывает Флобер, что после того, как Омэ удалось добиться помещения в богадельню слепого нищего, бродившего по дорогам, аптекарь взыграл духом. «С тех пор не было случая, чтобы в округе задавили собаку, или сгорела рига, либо побили женщину и Омэ (он — корреспондент газеты «Руанский фонарь».— А. И.) немедленно не доложил бы обо всем публике, постоянно вдохновляясь любовью к прогрессу и ненавистью к попам».

Гражданская активность Омэ вполне, однако, безобидна. Да, Омэ — враг попов, но уважает христианство, он против фанатизма, но за естественную религию, свободомыслие его держится в благонамеренных границах. Его вполне устраивает рабство и нищета народа, столь выразительно представленные в лице старушки-работницы (эпизод на сельскохозяйственной выставке), он лишь против «фанатического» желания отдать священнику медаль, полученную ею «за верную службу». В нем легко можно узнать одного из героев либеральной оппозиции, исходивших в трескучих и банальных речах на банкетах перед революцией 1848 года.

Ренегатство Омэ в конце романа не выглядит неожиданным. Громкие фразы прикрывали его неутоленное честолюбие, он ведь всегда интересовался только собственной персоной и жаждал отличий. «И вот Омэ перешел на сторону власти. Он тайно оказал господину

[illegible] оказывает [illegible] услуги во время выборов. Словом, он продает [illegible], проституирует свой. Он даже подал прошение на высочайшее имя, в котором умоляет [illegible] ему справедливым (т. е. дать ему крестик — *Л. И.*), в этом прошении он называл государя «наш добрый король» и сравнивал его с Генрихом IV».

И Омэ мечтал увидеть свой буржуа, вчера еще игравшие в либерализм, а сегодня преклонявшиеся перед Наполеоном III — создателем новой империи.

В «Госпоже Бовари» Флобер выступил талантливым продолжателем богатых сатирических традиций французской литературы. Образ аптекаря Омэ преемственно связан у него с широко популярными в свое время сатирическими фигурами Жозефа Прюдома и Робера Макэра.

Важное место заняло в романе ироническое изображение мещанской романтики, «романтики» обывателей, наряжающих свою пошлость и грубость в сентиментальные и высокопарные одеяния.

Встретившись в провинциальной гостинице, Леон и Эмма обменялись словами, которые они бы повторяют соответствующие места из «Поэтических прозаических истин»: ранние красоты располагают к мелитам, к лиризму (Леон), пошлая музыка увлекает в мечты (Эмма); стихи нежат взрослых, они скорее вызывают слезы (Леон).

Работая над [illegible] романа, Флобер объяснения Родольфа с Эммой из [illegible] выполнено. Флобер пишет в это время Луизе Коле: «Из [illegible] (Прощение, слащавость. — *Л. И.*) сделаны все те, кто говорит об [illegible] любви и могиле матери или отца, о слезинках, [illegible], кто целует медальоны, рыдает, глядя на луну, [illegible] при виде детей, млеет в театре, в ванне, [illegible] Комедианты! Шуты! [illegible]». Флобер добивается острого сатирического эффекта, [illegible] объяснение Родольфа [illegible] отрезками из официальной речи, посвященной сельскохозяйственной выставке. Тем самым писатель обнажает природу животного чувства Родольфа, прикрытую у него условно романтическими штампами.

Можно было бы установить соответствие между важнейшими пунктами в развитии сюжета романа и комментариями на них в письмах Флобера. Комментарии эти ясно свидетельствуют о том, сколь [illegible] сил [illegible] с явлениями реальной действительности. Сличение переписки с романом говорит также о том, что для Флобера вопрос шел не о разоблачении романтизма вообще, но о многообразных формах «романтики» обывателя — его современников, то есть о нравственных, эстетических представлениях, находящихся якобы за пределами его стяжательских, собственнических инстинктов.

Флобер ясно почувствовал разрыв между бесстыдной прозой жизни мещанина и его восторгами, его «романтикой», его поэтическими чувствами. «Госпожа Бовари» в какой-то мере строится как роман-пародия, как вывернутый наизнанку буржуазно-чувствительный роман. Чего стоит хотя бы сцена, в которой Родольф пишет прощальное письмо Эмме, перед тем как бежать от нее! Письмо представляет собой неприкрытую, злейшую пародию на чувства, насквозь лицемерные и вопиюще фальшивые. Душевное умиление, растроганность, слезливость были, как убеждался Флобер, лишь оборотной стороной черствости, эгоизма, бессердечия буржуа. Писатель отметил не только безнадежное разъединение «поэзии» и «прозы» жизни, но и больше того — их перерождение в послереволюционном собственническом обществе: поэтическое предстало как откровенно пошлое, а

реальное надлось облечься в чувствительные, условно романтические формы.

Флобер колеблется между симпатией к Эмме — жертве романтических обольщений и развратившей ее мещанской среды — и чувством сурового осуждения Эммы — олицетворения фальши, эгоизма и сентиментальных причуд, будто бы присущих «женской природе вообще». Искреннее сострадание у писателя по отношению к героине переплетается с беспощадной иронией. Флобер вводит нас в самую суть формирования «романтического идеала», он знакомит нас с механикой его образования. Сердечная страсть, любовное чувство — все это было для Эммы «неотделимо от балконов огромных замков, где люди живут в праздности, от будуаров с шелковыми занавесками и мягкими коврами, от жардиньерок с цветами, от кроватей на высоких подмостках, от блеска драгоценных камней и ливрей с аксельбантами». Для Эммы чувство любви было неотделимо от его материальной оправы, от роскоши: живая жизнь и живое человеческое чувство подменяются, таким образом, фетишами материального преуспевания. Флобер показал на судьбе запутавшейся в изменах и погибшей Эммы, что в условиях господства мещанских нравов поэтическое чувство зарождается как противоположность грубой реальной жизни, чтобы кончить самой пошлой и самой грязной реальностью.

Вместе с тем писатель глубоко сочувствует Эмме, задыхающейся от пустоты, приниженности, однообразия и бесцветности окружающего. Он готов благословить в ней дух протеста, недовольства средой. Ему, ненавидящему мещанство, знающему страшную косную силу обывательской среды, ясно, что Эмма отразила судьбы многих реальных Бовари, которые, по его выражению, страдают ныне и плачут в двадцати французских местечках сразу...

Роман «Госпожа Бовари» стал для Флобера многообещающим началом периода творческой зрелости. Какой глубокой грустью веет со страниц финала романа! Эмма, мечтавшая в монастырском пансионе о некоей красивой жизни, умирает разбитая, опустившаяся, запутавшаяся в изменах и долгах. Умирает поверивший в счастье, но затравленный жизнью, раздавленный горем Шарль Бовари. Сирота Берта начинает беспросветную и тяжкую жизнь работницы на прядильной фабрике. Не стало и старушки Бовари, которой выпало на долю пережить смерть сына и крушение своих материнских надежд. Угасает в одиночестве старый эпикуреец Руо, разбитый параличом... В целом щемящая сердце, безрадостная, гнетущая развязка!

Да, Флобер не собирался поднести читателю «под занавес» нечто утешительное и обнадеживающее, ибо не видел вокруг ни надежды, ни утешения. Это было честнее, чем самодовольный оптимизм певца буржуазного делячества писателя Дю Кана.

Флобер завершает роман справкой об Омэ, идущем «в гору», который «недавно получил орден Почетного легиона». Так заканчивается рассказ о печальной жизни Эммы Бовари. Омэ выступает в романе как конкретное выражение безнравственной общественной силы, определяющей, в конечном счете, судьбу героев. Финал «Госпожи Бовари» открывал перед писателем возможность дальнейшего проникновения (в других, будущих произведениях) в общественный смысл действительности его времени. У Флобера было намерение приняться за произведение, аналогичное «Бовари». Он хотел идти по дороге, на которую вступил, создав свой первый реалистический роман. Известно, что Флобера продолжала увлекать идея своеобразного реванша — мысль написать роман из времен Наполеона III.

После окончания работы над романом «Госпожа Бовари» Флобер вновь возвращается к «Искушению св. Антония», перерабатывая

[illegible] вариант «философской драмы» 1849 года. В журнале [illegible] печатаются в конце 1856 — начале 1857 года отрывки [illegible] второй редакции «Искушения св. Антония» 1856 года.

Судебное дело против «Госпожи Бовари» заставило Флобера прервать [illegible] основную работу над «Искушением». Уже после окончания суда Флобер было возобновил работу над «Искушением св. Антония» в феврале 1857 года, но затем бросил ее, так как она [illegible] подвергнуться новым преследованиям. Если сопоставить эти [illegible] Флобера с характером заключительного монолога Дьявола, то можно с большой долей вероятности предположить, что вариант «Искушения св. Антония» мог бы стать произведением, в какой-то мере [illegible] в плане политической сатиры. Этого не случилось. Новый замысел надолго овладел вниманием писателя; то был замысел романа о Карфагене.

Флобер приходит к замыслу романа «Саламбо» в период наибольшего разгула политической реакции, раздуваемой бонапартистской кликой. Либеральная профессура изгоняется из учебных заведений. Вслед [illegible] «Закон об общественной безопасности» (1 февраля 1858 года), [illegible] устанавливающий режим военно-полицейской диктатуры.

В литературе [illegible] господствует [illegible]. Разгром революции [illegible] французских литераторов [illegible] в пути без [illegible] крушении гражданских [illegible] В литературу проникают мотивы [illegible], [illegible], [illegible], преклонения перед «чистым искусством».

Идеалом [illegible] для [illegible] среди литераторов [illegible] обеспеченности, [illegible] продажности.

Но [illegible] продолжала жить даже в эти страшные годы. [illegible] Гюго — один из крупнейших революционных [illegible] того времени. Гюго — политический изгнанник — [illegible] в подпольных [illegible] народной Франции. Его памфлеты «Наполеон маленький», «История одного преступления», полный [illegible] сборник стихов «Возмездие» [illegible] свидетельствовали о том, что [illegible], свободолюбивые традиции продолжали жить и развиваться [illegible] для врагов прогресса и демократии. Под влиянием Гюго [illegible] в пятидесятые годы и творчество Луизы Мишель — впоследствии бесстрашной революционерки, героини Коммуны.

Писатель хотел [illegible] «Саламбо» от гнусностей и мерзостей, творящихся вокруг. Будучи на положении «подозрительного автора», Флобер избрал удаленный от современности сюжет, своеобразие которого должно было гарантировать ему проявление творческой свободы и независимости. Но живая действительность по пятам преследовала писателя. Задуманный как далекий от злобы дня, «карфагенский роман» в ходе работы приобретал для автора все более актуальный смысл.

«Саламбо» возникла в самой гуще противоречивых тенденций в истолковании античного наследия. Собственно, можно выделить две главные тенденции в понимании далекой и невозвратимой поры «детства человечества». Одна из них, ярко представленная Луи Менаром, состояла в попытке противопоставить разнузданной политической реакции принципы гуманизма и демократии, связанные с античным наследием; выдвинуть против торжествующего мещанства, растоптавшего в грязи гражданские идеалы, идейные и эстетические ценности античного времени.

Вторая тенденция в пропаганде далекого прошлого состояла в том, чтобы объявить его царством примитива, варварства, всеобщей

[illegible] либо приспособить его к уровню пошляков и жуиров [illegible], то есть видеть в нем проявления мещанско-сентиментальной жеманности или буйных «вакхических» наслаждений.

Приступая к повествованию о мятеже наемных войск против Карфагена, происшедшем в III веке до нашей эры, Флобер хотел строить роман на возможно более солидном фундаменте фактов и различных (даже косвенных) исторических показаний. Уроки бурной эпохи революционных потрясений не прошли даром для автора «Госпожи Бовари». Он ставит перед собой сознательную задачу развернуть грандиозное действие, привести в движение людские массы.

В центре книги как будто находится романтическая коллизия — любовь варвара Мато к Саламбо, дочери полководца Гамилькара. Именем Саламбо назван и роман. Но эта коллизия отнюдь не составила всего содержания романа, она была оттеснена на второй план моментами социальной драмы.

Что же некогда представлял собою Карфаген, кровавую главу из истории которого воспроизвел Флобер в «Саламбо»? Основу экономического могущества Карфагена составляла посредническая торговля. Карфагенские купцы возили в порты Средиземного моря олово из Британии, золото и слоновую кость из Африки, металлы из Сардинии и Испании, вина из Кампании и отовсюду рабов. Плодородные местности побережья способствовали расцвету сельского хозяйства. Как известно, карфагенцы в больших масштабах применяли труд рабов в сельском хозяйстве.

В политическом отношении Карфаген представлял собою республику, в которой вся полнота власти принадлежала могущественной олигархии судовладельцев и купцов. Войны, которые вел Карфаген с разными государствами, были войнами разбойничьими, их целью был захват новых территорий, рабов и т. п. Откровенно захватнический характер войн Карфагена отмечал В. И. Ленин, говоря: «Империалистские войны тоже бывали и на почве рабства (война Рима с Карфагеном была с обеих сторон империалистской войной)»[1].

Анализируя роман Флобера «Саламбо», обычно говорят только о конфликте Карфагена с наемниками, обедняя таким образом социальные масштабы романа.

А между тем за видимым, лежащим на поверхности конфликтом Флобер, писатель, у которого был богатый и поучительный опыт отечественной истории, сумел разглядеть напластования иных противоречий. Флобер намечает в своем романе троякого рода конфликт: конфликт внутри самого Карфагена, конфликт с наемниками, конфликт с Римом. Все вместе они образуют богатое общественно-историческое содержание произведения.

Восстание наемников явилось мощным притягательным фактором для всех угнетенных и порабощенных Карфагеном. Интереснейшая из сюжетных линий романа и состоит в показе того, как внешний конфликт между наемниками и Карфагеном перерастает во внутренний конфликт, в картину резких противоречий между обездоленным народом и кастой угнетателей. Уже в начале романа Спендий уговаривает Мато овладеть Карфагеном и его богатствами: «Кто воспротивится тебе? Гамилькар отсутствует, народ ненавидит богатых. Гискон бессилен против окружающих его трусов».

Из скупых и немногочисленных указаний Флобера можно воссоздать картину возникновения и все более широкого развертывания конфликта. Вначале к наемникам присоединяются самые отверженные, беднейшие из бедных карфагенян — «множество слуг и носильщиков воды, пожелтевших от лихорадки, покрытых паразитами...»

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 135.

Лагерь наемников под Сиккой, как магнит, притягивает к себе обездоленных, движение грозно и неодолимо разрастается... В лагерь наемников каждый день являлись полчища почти нагих и отчаявшихся людей.

В первых главах романа, еще не совсем вовлеченный в водоворот колоссального историко-археологического материала, под свежим впечатлением от знакомства с современными ему «карфагенскими землями», Флобер прорывается к необычайно живому, социально острому и сложному раскрытию исторического сюжета.

Важную роль в развитии сюжета романа играет религия. Флобер отчетливо показывает, какую силу над сознанием персонажей романа имеют религиозные традиции. Своего рода жертвой религиозно-мистического воспитания выступает в романе дочь Гамилькара — Саламбо. Многие стороны быта и общественной жизни Карфагена связаны с существованием жестоких религиозных обрядов. Немаловажную, например, роль играет в личной жизни Саламбо и в судьбах Карфагена священное покрывало богини Танит. Похищение покрывала Спендием и Мато способствует упадку духа у карфагенян.

Писатель столкнул в беспощадном смертельном поединке две силы — карфагенян и наемников, которых ничто не объединяло: «ни семья, ни обеты, ни общие боги». Каждый из лагерей, вступивших в конфликт, глумится над богами и верованиями противной стороны. Но и общие боги у самих карфагенян — непрочное средство связи между богатыми и неимущими. Всеобщее развенчание верований резко обнажает идею «сумерек богов», заката религии, властно владеющую Флобером в пору создания романа.

В период работы над «Саламбо» (февраль 1857 — апрель 1862 года) Флобер не мог пройти мимо общественных вопросов, волновавших его современников как во Франции, так и за ее пределами; одним из них был религиозный вопрос. Флобер стал свидетелем активного вторжения церкви в область политики. История национально-освободительного движения в Италии сопровождается то смягчающимся, то обостряющимся конфликтом между Наполеоном III и папой. Расчеты Наполеона, желавшего нажить политический капитал на поддержке освободительного движения в Италии, округлить владения Франции и заручиться благосклонностью папского Рима, были опрокинуты мощным подъемом освободительной борьбы в Италии. В самый разгар конфликта между папой и Наполеоном, в 1859 году, Флобер пишет: «Что вы скажете о всех предписаниях епископов по поводу Италии? Как это печально! Оно гнусно, это духовенство, которое защищает и благословляет все тирании, набрасывается с анафемой на свободу, ладан у него только для власть имущих, и оно пресмыкается перед подачками...» В борьбе с итальянским народом папский Рим непрестанно изобличал себя как силу реакционную, нетерпимую ко всему свободомыслящему и прогрессивному. Флобер видел, как с церковных амвонов епископы распространяли чудовищные послания папы, требовавшего вернуть Францию и Европу к самым глухим и темным временам средневековья. Флобер был современником кровавых религиозных столкновений на Ближнем Востоке.

Создавая образ чудовищно жестокого Молоха — бога Карфагена,— Флобер, вероятно, не мог отделаться от ассоциации между жестокими религиозными мифами древности и современной церковью, благословляющей деспотизм. Не случайно выход романа в свет вызвал крайнее раздражение во французских церковных кругах. Флобер уже после выхода «Саламбо» писал своему приятелю Жюлю Дюплану: «...Кстати, о нападках: знаешь, ведь меня в двух церквах объявили совратителем нравов: в церкви св. Клотильды и в церкви

Троицы (на улице Клиши). Тамошнего проповедника зовут аббат Бесель имени второго я не знаю. Оба разразились против похождения маскарадов, против одежды Саламбо! Вышеупомянутый Бесель напомнил о Бовари и утверждал, что на этот раз я хочу вернуть язычество. Итак, Академия и духовенство меня ненавидит. Это мне льстит и возбуждает меня!» И в письме к Готье: «Я — жертва ненависти попов, ибо проклят таковыми... Меня обвиняют в том, что я придумал похабные переодевания и захотел вернуться к язычеству».

Ненависть церковников к «Саламбо» была вызвана не столько «похабными» переодеваниями, сколько чрезвычайно ярким показом жестокой роли карфагенской религии, показом, который в условиях того времени приобретал неожиданно острое антицерковное звучание.

В «Саламбо» наметились кризисные для реализма Флобера тенденции. Повествование в романе развертывается в противоречивых планах: изображение общественных отношений эпохи, социальная сторона конфликта, показ столкновения массовых материальных интересов разработаны в традициях критического реализма; рядом с этим социально-аналитическим планом отчетливо выступает другое — стремление к натуралистической, физиологической трактовке образа человека либо к трактовке отвлеченно-романтической в изображении частной жизни (любовь Мато к Саламбо).

Образ человека в романе Флобера предстает запечатленным в трех планах. Один план, когда персонажи раскрываются в состоянии религиозно-фанатического исступления или ожесточения. Другой план, когда внутренний мир человека предстает затемненным и, таким образом, как бы облагороженным. Переживания Саламбо неясны, загадочны, что дает возможность читателю вкладывать в них, по замыслу Флобера, любое возвышенное содержание. Тот путь раскрытия положительного начала, на который встает Флобер в «Саламбо», свидетельствует об ущербности его гуманизма, гуманизма, обращенного в прошлое. «Саламбо» была одним из симптомов в общем процессе нарастающего кризиса буржуазного гуманизма. Однако в «Саламбо» существует и третий план — эпического показа образа человека в его борьбе с насилием и несправедливостью. Именно здесь Флобер прорывается к началам подлинного гуманизма.

Автор «Саламбо» размышлял о судьбах гуманизма, о формах его осуществления. Он ставит этот вопрос после 1848 года, ужаснувшего его глубиной вырождения буржуазного общества, но испугавшего его грозной инициативой революционного народа. Он многократно заявлял до «Саламбо» и после нее о своей глубокой привязанности к античным временам. «Любовь к античности течет в моих жилах»,— говорил он. Флобер хотел быть верным традициям буржуазного гуманизма прошлого, связавшего свои представления о прекрасном и человечном с культом античности. И здесь от Флобера, автора «Саламбо», протягивались нити к Гете — автору «Фауста». В истории Фауста, вызвавшего к жизни Елену, Гете символизировал тоску и жажду человека по отлетевшей античной красоте, надежду на ее возвращение к человечеству. Но исчезает Елена, и в руках Фауста остается лишь ее покрывало. В символическом эпизоде таилась мысль, что человеку нового времени доступно овладеть лишь формой античности. В этом пункте «Фауста» прозвучало трагическое бессилие буржуазного гуманизма в его попытках вернуть живую, духовную сущность античной красоты, способной победить бескрылость и убожество современности.

Флобер, подобно Фаусту, остается лишь с «покрывалом» Саламбо. «Душа» античности будто бы непостижима. Правда, Фаусту Гете открылся новый, высший смысл прекрасного, он увидел его в неустан-

щих битвах человечества «за жизнь и свободу», в борьбе и творчестве во имя прекрасного будущего человечества. Идеал прекрасного, воплощенный в Саламбо, должен был, по мысли Флобера, остаться туманным. Писатель сохранил лишь оболочку прекрасного; в нее вместится любое мистическое, жестокое содержание, которым можно заслониться от живой жизни. «Саламбо» Флобера создала пессимистический итог длинной истории «красоты античности», составлявшего на протяжении столетий пафос буржуазного гуманизма. Вместе с тем уже в «Саламбо» Флобер подходит к выводу, что подлинно высокое искусство в пределах индивидуалистического гуманизма становится для настоящего художника невозможным.

В шестидесятые годы, в период продолжавшегося упадка и разброда в рядах французских литераторов, много значил отказ Флобера капитулировать перед реакцией. Его серьезное отношение к вопросам литературной техники, художественной формы, наконец, его постоянная глубокая озабоченность судьбами отечественной литературы — все это придавало деятельности Флобера определенно положительное общественное звучание и передовое значение. В сущности, Флобер был [illegible] вопрос которой оставалась все наиболее талантливое, [illegible] в высшей степени свободе от французской литературе того времени. Перед [illegible] тех живых притягательных центров в [illegible] литературе, одним из них (во Франции) был Флобер, другим центром — политический изгнанник Гюго.

В начале шестидесятых годов Флобер испытывает свои силы в области драматургических [illegible], он создает феерию «Замок сердец» (1863). Однако по-настоящему крупным, значительным произведением, работе над которым была в шестидесятые годы, явилось «Воспитание чувств» — третий большой роман Флобера.

Флобер работал над ним в годы 1864—1869. Этот период был отмечен во Франции ростом широкого общественного недовольства режимом Второй империи и в среде городских рабочих, и в деревне, и в лагере либеральной буржуазии.

Годы, в которые Флобер пишет свой роман, Маркс определяет следующим образом: «...Во Франции происходит очень интересное движение. Парижане снова начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе»[1].

С неприязнью относился Флобер к порядкам Второй империи, он достаточно знал цену либерально-буржуазной фразе, в то же время его страшила перспектива углубления революционной борьбы народных масс. Подобно другим литераторам, публицистам, политикам, Флобер обратился к недавнему революционному прошлому Франции, к периоду революции 1848 года. Он пытался извлечь свои уроки из обращения к прошлому.

В годы создания романа, разделяя крайнее отвращение к политической реакции, боясь ее возможного углубления, исполненный страха перед движением революционной демократии, Флобер склонялся к мысли, что спасение для Франции — в диктатуре «партии философов», то есть образованного, гуманно мыслящего меньшинства общества. Писателя повергали в смятение и величайшую растерянность возможность нового революционного взрыва и в связи с этим перспектива повторения буржуазного террора против народа, как в июне 1848 года, внушившего Флоберу ужас и отвращение.

В одном из писем периода создания романа Флобер признавался, что не собирается льстить ни лагерю реакции, ни лагерю демо-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1947, стр. 217.

кратии. По замыслу писателя, «Воспитание чувств» должно было открыть Франции глаза в предвидении надвигающейся бури на губительные последствия всякой социальной активности.

Мировоззрение Флобера сложилось в обстановке начавшегося кризиса буржуазной демократии и либерализма и становления революционной, пролетарской демократии. Взгляды писателя были отмечены глубокими противоречиями. Он подчеркивал, что революции, как пропасть, притягивают его. В отличие от многих других литераторов того времени у Флобера наблюдается жадный интерес к широким массовым движениям; этот интерес продиктовал ему выбор сюжета «Саламбо», как и выбор сюжета «Воспитания чувств». Интерес писателя к периодам общественных потрясений достаточно хорошо объясняется событиями революционной поры 1848 года, оставившими глубокий след в его сознании. Вместе с тем именно просвещенная личность выступает в его представлении движущей силой истории.

Роман Флобера «Воспитание чувств» посвящен судьбе молодого человека Фредерика Моро, истории его жизни. Писатель сделал Фредерика свидетелем февральской революции и первой гражданской войны между пролетариатом и буржуазией в июне 1848 года, он заставил его пройти сложную школу «воспитания чувств», сталкивая с разнообразными обстоятельствами того бурного времени. Человек, не сумевший найти места в жизни, Фредерик Моро, по логике Флобера, выступает до некоторой степени жертвой «смутного» времени, периода кровавой общественной борьбы.

В романе ясно вырисовываются две сюжетные линии. Одна связана с изображением частной жизни Фредерика Моро; здесь и платоническая привязанность Фредерика к жене торговца художественными предметами Марии Арну, его связи с женой банкира г-жей Дамбрёз, с содержанкой Розанеттой, бесплодные попытки найти свое место в жизни. Вторая сюжетная линия затрагивает общественные судьбы Франции. Героями в этом втором плане романа выступают друзья Фредерика — Делорье, Сенекаль, Дюссардье.

Таким образом, «Воспитание чувств» распалось как бы на два романа. Морально-психологическая проблематика составила содержание одного романа в «Воспитании чувств» — р о м а н а о л ю б в и, социально-политическая проблематика стала содержанием другого романа — р о м а н а о в л а с т и. Фредерик Моро является фигурой, объединяющей оба «романа» в «Воспитании чувств». Будучи помещен в центре повествования о бурной революционной эпохе, он всей совокупностью своих черт никчемного, «неудавшегося человека» призван был как бы символизировать бесплодность усилий целого поколения, его борьбы, надежд и стремлений.

Образ Фредерика Моро — последнее звено в цепи развития типа романтического героя в творчестве Флобера. Не удивительно, что отзвуки юношеских произведений: «Мемуаров безумца», «Ноября» — ощутимы в «Воспитании чувств» 1869 года; имеются даже фразы, перенесенные в роман, например, из повести «Ноябрь». Еще в молодости Флобер написал первый вариант романа «Воспитание чувств» (1845 год).

Первый вариант «Воспитания чувств» посвящен истории двух молодых провинциалов — Анри и Жюля. Один решил добиваться счастья на путях буржуазного процветания, другой решительно отверг этот путь. Мечтатель и отшельник, Жюль, романтически непримиримый к буржуазным соблазнам, противостоит морально неустойчивому Анри, представляющему собой вариант бальзаковского Растиньяка. В «Воспитании чувств» 1869 года Флобер осложнил образ Фредери-

ка (Жюля первой редакции) чертами, перенесенными из образа карьериста Анри.

Юношеский вариант «Воспитания чувств» связан не только общим заглавием с романом 1869 года, но и своей проблематикой. Сюжеты в романах разные, но в основе обоих произведений можно обнаружить общую идею — идею «искушения жизнью», воспитания чувств молодого человека, начинающего сознательное существование в многосложной школе действительности. Романтически бескорыстное отношение к жизни в «Воспитании чувств» 1845 года не подвергалось еще сомнению, оно патетически утверждалось как единственно правильная норма сознания и поведения.

Молодые провинциалы Жюль и Анри, герои романа, связаны узами дружбы и общими юношескими симпатиями. Силой обстоятельств они разлучаются: подчиняясь воле отца и став клерком, Жюль остается в провинции; Анри уезжает в Париж, чтобы посвятить себя изучению права. Сначала они переписываются, затем связь между ними слабеет. Разделенные пространством, друзья постепенно обособляются и духовно, до того, что между ними в идейно-нравственном смысле вырастает пропасть. Они оказываются людьми, говорящими на разных языках. Анри достигает богатства и почестей. Путь Жюля, одинокого мечтателя, далекого от жизни, теряется в безвестности.

В романе 1869 года, как уже говорилось, Фредерик объединил в себе черты Анри и Жюля. Двадцать лет, отделившие один вариант романа от другого, не прошли бесследно для писателя. Реалистическая трезвость и скептицизм вынуждают Флобера показать житейскую грязь, пошлость и цинизм в сложном переплетении с возвышенными устремлениями романтического мечтателя. Он заставляет Фредерика чистотой своей привязанности к Марии Арну оправдывать низменность отношений к Розанетте и г-же Дамбрёз. Фредерик — это Жюль, но Жюль, прошедший через эпоху 48-го года, через крушение веры в свою исключительность, это Жюль, в котором сломлена его романтическая гордыня. Несокрушимая, не идущая на компромиссы последовательность Жюля, огромная внутренняя сила его протеста против торгашеской действительности оказываются непосильной ношей для Фредерика. Поэтому в нем оживают (правда, в ослабленной степени) черты Анри с его беспринципностью, жаждой успеха, роскоши.

Флобер продолжает бальзаковскую тему гибели иллюзий, но в новых исторических условиях. Он «испытывает» личные чувства Фредерика, переводя их каждый раз из более высокого плана во все более низменный. Чувства Фредерика из высокой платонической сферы (Мария Арну) опускаются в сферу низменную (Розанетта и г-жа Дамбрёз). Мы получаем возможность на примере Фредерика, как и на примере Эммы Бовари, уяснить содержание самого процесса воспитания чувств.

Уточняя, мы могли бы сказать, что чувства Фредерика каждый раз проходят как бы тройную фазу в своем формировании. Отношение Фредерика к Марии Арну романтически возвышенно и бескорыстно. Связь с Розанеттой переводит чувства Фредерика в низменный план. Близость к Розанетте герой оправдывает внешней привлекательностью Капитанши. Роман с г-жой Дамбрёз включает чувства Фредерика в еще более низменную, практическую сферу. Тщеславие, а потом и прямой материальный расчет занимают место любви. Так, все ниже, со ступеньки на ступеньку, деградирует личное чувство Фредерика. В этом развращении, вырождении чувств героя, становящихся все более вульгарно-материальными, и состоит процесс «воспитания». Флобер безжалостно снимает один покров за другим с внутреннего мира Фредерика.

Гражданские чувства Фредерика также проходят школу «воспитания». До революции общественные взгляды Фредерика проникнуты бескорыстием, они неопределенны, но благородны и искренни. Фредерику оказываются, в общем, созвучны настроения и Дюссардье, и Сенекаля, и Делорье. В дни революции он жаждет принять практическое участие в общественных делах. Тщеславное желание стать человеком власть имущим связано, однако, с искренним стремлением содействовать успеху идеалов «братства, равенства и свободы». Связав себя (после июня) с кружком банкира Дамбрёза, Фредерик некоторое время принимает участие в политической жизни «партии порядка». Увлечение грязными политическими происками реакционной клики Фредерик не может оправдать никакими положительными соображениями. В основе увлечения Фредерика реакционной политикой лежат личные меркантильные соображения — жажда светских успехов, почестей. Гражданские чувства Фредерика низведены с высот неопределенного романтического воодушевления до откровенной политической беспринципности.

Можно поэтому говорить о глубоком различии в трактовке «воспитания чувств» в вариантах романа 1845 и 1869 годов. Существенное, что их разделяет, состоит в том, что в ранней редакции романтическое и буржуазное начало противопоставлялись одно другому в образе Жюля и Анри как нечто органически не сродное, абсолютно противоположное, а в редакции 1869 года они объединяются в образе Моро. Подобное совмещение возвышенного с низменным могло найти для себя место в творчестве Флобера после поучительного опыта общественной борьбы, обнажившей иллюзии, разоблачившей классовую подоплеку либерально-романтической фразеологии, вскрывшей за общедемократическим воодушевлением реальные интересы различных общественных классов.

Буржуазная действительность опошляет, оскверняет отношение человека к человеку. В этом и состоит объективный смысл «воспитания чувств» героя Флобера. Духовно приниженная обстановка не дает человеку выявить себя и развиться лучшим его задаткам. Вместе с тем решить вопрос о своем отношении к Фредерику Флоберу было трудно.

При всех своих реальных грехопадениях, пройдя через грязь адюльтера, Фредерик остается верным образу Марии Арну, о которой он говорит, что она была единственной, кого он «любил действительно и любил всю жизнь».

Да, конечно, Фредерик проходит циническую школу житейского воспитания. Но важно иметь в виду, что есть «потолок возможностей» в податливости Фредерика влияниям мещанской среды, предел, за которым начинается сопротивление героя воздействию среды.

Каждый раз Фредерик, доходя до практического осуществления растиньяковского принципа жизни, решительно отступает назад. Стяжательство, беспринципная погоня за деньгами оказывается чертой, за которую, при всех его падениях, герой никогда практически не переходит. Фредерик — последний романтический герой, который уже приблизился к границе, на шаг отделяющей его от Растиньяка, но этого последнего шага он все же так и не делает. Фредерик, следовательно, в этом пункте противостоит окружению (Делорье, Мартинон, Юссонэ и пр.). Он не пристал ни к какому берегу. И не является ли чистота Фредерика, последнего романтика, лишь оборотной стороной никчемности, бесцельности и бесплодности его существования?

Сложен и противоречив финал романа. Индивидуализм Фредерика представлен Флобером во всей его опустошенности. Вместе с тем примечательно, что Флобер счел уместным написать эпилог, до-

вести роман до последних дней своего времени, сделал Фредерика живым своим современником. В финале романа в последний раз встречается Фредерик с Марией Арну. Перед лицом преуспевающих циников и пронырливых дельцов — Мартинонов и Юссонэ — Флобер как бы реабилитирует Фредерика-неудачника. Живой, исполненный печали голос писателя слышится в одном из заключительных пассажей романа: «Он отправился в путешествие. Он изведал тоску пароходов, утренний холод после ночлега в палатке, забывался, глядя на пейзажи и руины, узнал горечь мимолетной дружбы».

В самом конце романа Фредерик встречается с Делорье. Друзья подводят итоги жизни; они безотрадны: «обоим она не удалась — и тому, кто мечтал о любви, и тому, кто мечтал о власти». Почему же? Фредерик думает, что, может быть, все дело в недостатке прямолинейности. А Делорье говорит: «Я был слишком логичен, а ты слишком чувствителен». Это вывод самого Флобера. И, однако, ни за какие блага в мире Флобер не решился бы променять чувствительность Фредерика на здравый смысл Мартинона.

В самый разгар работы над «романом о любви» (в 1866 году) он заметил в одном из писем: «...красота в том, чтобы любить. Если мы чего-нибудь да стоим, то только благодаря силе привязанности...» Пафос «доброй старой романтики» зазвучал с особой силой в эпизоде последнего свидания Фредерика с Марией Арну. Так завершилось «Воспитание чувств», как роман о любви, о «бездеятельной страсти». Финал романа был полемически противопоставлен развращенным нравам Второй империи. Возненавидев полную фальши среду, где он так много выстрадал, Фредерик теперь мечтал «о зеленой траве, о тишине провинции, о дремотной жизни под сенью родного крова, среди бесхитростных сердец».

Флобер перенес в свой роман настроения разочарования в политической борьбе и республике, характерные для многих буржуазных интеллигентов того времени. Фредерик говорит, выслушав горестную исповедь Делорье: «...В сущности, республика, мне кажется, устарела. Кто знает? Пожалуй, только аристократия или даже только отдельная личность может осуществить прогресс. Инициатива всегда идет сверху! Народ — несовершеннолетний, что бы ни говорили!»

В основе взглядов Флобера на роль народа в революции обнаруживаются буржуазно-консервативные предрассудки.

Революционный Париж остался для писателя непонятым. Скепсис одного из персонажей романа по отношению к подпольным обществам отражает до некоторой степени точку зрения автора. Вот это место из романа: «Особенно тревожили его (Мартинона — *А. И.*) люди в блузах, будто бы принадлежавшие к тайным обществам.

— Да разве существуют тайные общества? — сказал молодой человек с усами.— Это все старые сказки, которыми правительство запугивает буржуа!»

Флобер разворачивает «занимательные», как он выражается, картинки быта первых месяцев революции: банты в петлицах у прохожих, флаги, висящие из каждого окна, афиши всех цветов, карикатуры, усеивающие стены, люди Коссидьера с саблями и шарфами, депутации каменотесов, живописцев, торговцев живностью, направляющиеся в Ратушу с просьбами, советами и поздравлениями. Он изображает и деятельность революционных клубов. Но за внешней стороной эпохи (февральская революция утопала в фразах) Флобер не разглядел зарождения сознательного чувства у народа.

Реализм Флобера ярко проявляется в изображении мира отрицательных персонажей: карьеристов, примазавшихся к революцион-

ному движению (Делорье), политиканствующих обывателей (Режембар).

Мир героев-пролетариев и их вожаков не нашел изображения в «Воспитании чувств». Пролетарии выступают в романе в виде дикой и темной толпы, а их вожди находят ложное обобщение в образе «вожака блузников» — педанта Сенекаля. В лице Делорье, Сенекаля, Режембара в роман Флобера вошло примерно то, что Герцен в «Былом и думах» остроумно окрестил «задним двором революции». Набрасывая серию портретов «вечных женихов революционной Пенелопы», Герцен пояснял в заключение, что у него речь шла о «накипевшей закрапине, покрытой праздным пустоцветом», но что не они подлинный цвет французской революции. Не по ним следует судить о славном народе и его вождях. «Само собой разумеется,— писал Герцен,— что, говоря о кофейных агитаторах и о революционных лацарони, я вовсе не думал о тех сильных работниках человеческого освобождения, о тех огненных проповедниках независимости, о тех мучениках любви к ближнему, которым ни тюрьма, ни ссылка, ни изгнание, ни бедность не перерезала речи, о тех делателях и двигателях событий, кровью, слезами и речами которых водворяется новый порядок в истории» [1].

Герои «Воспитания чувств» отнюдь не являются «делателями и двигателями событий», ибо они не связаны с революционным авангардом народа, совершившего «всемирно-исторический подвиг». Следует отметить удивительно глубокое раскрытие мелкобуржуазной демократии, представленное в образе Дюссардье.

Прекрасные возможности реализма Флобера выявились по преимуществу в галерее образов реакционных буржуа. Июньские события 1848 года показали буржуа со стороны косности и жестокости. Озверевший от страха потерять свою собственность, он был для Флобера еще более неприемлем, чем восставший народ. Если народа Флобер страшился, то буржуа он презирал.

Образ банкира Дамбрёза вобрал в себя богатое политическое содержание. На нем можно проследить все оттенки, все зигзаги в политике реакционной «партии порядка».

Потрясенный неожиданным поворотом событий (разражается революция), Дамбрёз на время прячется в тени, старается стать безличным. Он обнаруживает живучесть, беспринципную гибкость, бесконечную приспособляемость, готовность принять любую личину, надеть любую маску. Он уверяет Фредерика, что от всего сердца принимает «наш дивный девиз: «Свобода, Равенство, Братство». Он объявляет даже, что «в конце концов, мы все — более или менее рабочие». Дамбрёз настолько «беспристрастен», что находит логичным даже прудоновское определение собственности как кражи.

У Маркса мы встречаем подтверждение правдивости флоберовских наблюдений: «В то время все роялисты превратились в республиканцев, все парижские миллионеры — в рабочих» [2].

В июне Дамбрёз уже сбрасывает маску «народолюбца» («он так рассвирепел, что носил в кармане кастет»).

Ирония Флобера переходит в злейшую сатиру в сцене, изображающей дом Дамбрёза после разгрома июньского восстания. Омерзителен моральный облик людей, собравшихся у банкира: одних еще не покинул животный страх, другие полны циничной наглости.

В сценах, рисующих буржуазную реакцию после июня, Флобер явно покидает позицию бесстрастного рассказчика, он вмешивается в повествование со своими сатирическими комментариями.

---

[1] А. И. Герцен. Соч., т. XIII, стр. 318.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, стр. 121.

Политическая характеристика представителей реакционной «партии порядка» выписана Флобером с убийственной меткостью, с чувством явной ненависти. «Объективное» повествование здесь перерастает в негодующий социальный памфлет.

Флобер оставил в своем романе краткое, но очень выразительное описание зверств буржуазной реакции, обрушившейся на восставший народ: «Их (заключенных повстанцев.— *А. И.*) было там девятьсот человек, брошенных в грязь, сбитых в кучу, черных от пороха и запекшейся крови, трясущихся в лихорадке, кричащих от ярости; а когда кто-нибудь из них умирал, труп не убирали».

С поразительной точностью вскрывает Флобер то общее, что объединяло всех реакционеров воедино. Об этом очень хорошо сказано в романе: предлагали, например, «...разбить Париж на множество больших улиц и устроить из них деревни... упразднить библиотеки, дела доверить дивизионным генералам... Ненависть имелась в изобилии,— ненависть к учителям начальной школы и к виноторговцам, к курсам философии, лекциям по истории, к романам, красным жилетам, длинным бородам, ко всякой независимости...»

Уже в «Человеческой комедии» Бальзака мы видим галерею стяжателей. Открыть после Бальзака новое в типе стяжателя было делом нелегким. Но оно оказалось возможным для Флобера, который зорко разглядел изменения в образе собственника. Новое, что стало явным для Флобера в типе стяжателя: он обожествляет власть, «кулак», силу, откуда бы она ни исходила, лишь бы она защищала собственность. Отношение собственника к народу принимает открытый реакционно-охранительный характер.

Историческую заслугу Флобера, завоевание его реализма составляет критика паразитической роли буржуа, развитие той обличительной антикапиталистической линии, которую наметил уже Бальзак в образе Нусингена и других капиталистов. Флобер показал, что реакционная крупная буржуазия в сфере политического действия стала силой, враждебной всему живому в обществе, она живет извращенными, кастовыми интересами, чуждыми народу, обществу, человечеству.

После Парижской Коммуны Флобер работает над последним вариантом «Искушения св. Антония», завершенным в 1872 году. Этот вариант значительно отличается от первых двух редакций 1848 и 1856 годов [1].

Следует особо отметить одно из произведений Флобера первой половины 70-х годов—его политическую комедию «Кандидат» (1873) [2]. Комедия Флобера — сатирический отклик на первые шаги новой по тому времени Третьей республики.

В семидесятые годы Флобер перемежает занятия над последним крупным романом «Бувар и Пекюше» работой над повестями: «Легенда о св. Юлиане Страннопримце» (1876), «Простая душа» (1876), «Иродиада» (1877). В апреле 1877 года «Три повести» вышли в свет.

Большой интерес представляет «Простая душа». Безыскусственностью сюжета «Простая душа» резко отличается от двух других повестей. И «Легенда о Юлиане» и «Иродиада» примыкают к «Искушению св. Антония». Поиски своеобразной исторической экзотики или необычайных ситуаций свидетельствовали о попытках Флобера уйти хотя бы на время от ужасавшей его социальной действительности

[1] Несомненно наличие антицерковной тенденции в последней редакции «Искушения св. Антония». Несмотря на старания Тургенева (он пытался поместить «Искушение» в «Вестнике Европы»), русская цензура не допустила опубликования «Искушения св. Антония».

[2] Флобером, кроме того, написана пьеса «Слабый пол» (1872).

в область красочного, эпически приподнятого, драматически насыщенного повествования.

Лучшие стороны реалистического мастерства Флобера блестяще заявили о себе в «Простой душе».

В статье «О том, как я учился писать» М. Горький сказал: «Помню, «Простое сердце» Флобера я читал в троицын день, вечером, сидя на крыше сарая, куда залез, чтобы спрятаться от празднично настроенных людей. Я был совершенно изумлен рассказом, точно оглох, ослеп,— шумный весенний праздник заслонила предо мной фигура обыкновеннейшей бабы, кухарки, которая не совершила никаких подвигов, никаких преступлений. Трудно было понять, почему простые, знакомые мне слова, уложенные человеком в рассказ о «неинтересной» жизни кухарки, так взволновали меня? В этом был скрыт непостижимый фокус, и — я не выдумываю — несколько раз, машинально и как дикарь, я рассматривал страницы на свет, точно пытаясь найти между строк разгадку фокуса» [1].

Последнее десятилетие жизни, вплоть до смерти, Флобер работает над большим романом «Бувар и Пекюше». Верный своему методу, он проводит огромную подготовительную работу по сбору материалов для романа. Он изучает химию, садоводство, медицину, геологию и т. д. Скептицизм принимает у Флобера все более глубокий характер, писатель с иронией относится к результатам развития культуры и науки. В связи с предполагаемым началом работы над «Бувар и Пекюше» Флобер писал в 1872 году: «Я обдумываю одну вещь, в которой изолью свое негодование. Да, я, наконец, избавлюсь от того, что меня душит».

«Бувар и Пекюше» — произведение сложное. Образы Бувара и Пекюше противоречивы. С одной стороны, они поданы в гротескно-сатирическом плане, как люди невежественные, которые по недостатку метода и знаний совершают всякого рода нелепости. Бувар и Пекюше как бы олицетворяют в глазах Флобера «пагубные» последствия популяризации и демократизации науки. Результаты науки опошляются, данные науки низводятся к абсурду, коль скоро в область научного творчества вторгаются «люди с улицы», представители массы — Бувар и Пекюше.

С другой стороны, Флобер использует «разыскания» Бувара и Пекюше, чтобы на большом количестве данных, заимствованных из различных областей знания, поставить вопрос о кризисе буржуазной культуры и науки. Здесь роман перерастает в широкий критический «обзор всех современных идей». Флобер заставляет своих героев разочароваться и в естественных и в гуманитарных науках, демонстрирующих «недостаток метода», засилие субъективизма и эмпиризма. Демонстрируя целую коллекцию глупостей, чудовищных заблуждений и предрассудков, вроде спиритизма, магнетизма, религиозных откровений и т. п., Флобер наносит удар по буржуазной культуре и науке. Он говорил, обдумывая замысел книги, что расскажет «историю двух добряков, переписывающих своего рода критическую энциклопедию в форме фарса» (1872). Здесь намечается внутренняя близость «Бувара и Пекюше» к «Лексикону прописных истин».

Идея «Лексикона» зародилась у Флобера еще в годы молодости. По временам, на протяжении последующих лет жизни, писатель возвращался к «Лексикону» и пополнял запас выражений, содержавшихся в нем. Долгие годы «Лексикон» находился среди рукописей Флобера и был опубликован лишь в 1910 году.

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 24, стр. 486.

«Лексикон прописных истин» — остро сатирическое произведение. Несколько сот слов, расположенных в алфавитном порядке и иронически осмысленных, представляют свод пошлых «истин», которыми живет буржуа, дают прекрасный материал громадного типизирующего значения.

Гюстав Флобер был поистине великим тружеником слова.

Племянница Флобера Каролина, нередко наблюдавшая его за работой, впоследствии писала в своих воспоминаниях: «Я присутствую в качестве безмолвного свидетеля при создании этих, с таким трудом вырабатываемых фраз. По вечерам нас освещает одна и та же лампа. Я сижу за просторным столом, занимаюсь каким-нибудь рукоделием или читаю; он бьется под тяжестью труда: то склонясь над столом, лихорадочно пишет, то откинувшись назад, обеими руками хватается за ручки кресел и испускает стенание, какой-то хрип, который вырывается у него по временам. И вдруг голос его начинает модулировать, он растет, разразился: он нашел то, чего искал, и повторяет себе найденную фразу. Но тут он уже поднимается с места и большими шагами начинает быстро ходить по кабинету; на ходу он скандирует слова. Он доволен — это момент торжества после трудового изнеможения».

В своих письмах Флобер нередко отстаивал мысль о необходимости для художника отдаться работе над чистой формой, которая могла бы существовать независимо от содержания. Было бы ошибкой преувеличивать значение таких высказываний для творчества писателя. Из ненависти к буржуазной действительности и страха перед ее противоречиями Флобер иной раз заявлял о желании уединиться в «башне из слоновой кости», то есть встать в стороне от современности, предаваясь чистому искусству. Нельзя ни преувеличивать, ни недооценивать подобные заявления Флобера; в них видны трагические противоречия, в которых билась мысль большого художника-реалиста: он порывался уйти от ужасавшей его действительности и никогда не мог от нее уйти.

Флобер неустанно работал над формой своих произведений, которая неразрывно сливалась у него с их содержанием. Даже там, где речь шла о сложных явлениях человеческого сознания, он старался представить все ясно мотивированным. Ясность изложения — существенно важный, по Флоберу, элемент художественности.

Писатель всегда переводит чувства героев на язык реалистически точного и конкретного описания, стремится сообщить в своих описаниях не только внешнему облику человека, но и его «внутреннему миру» выразительную, пластически наглядную форму. В этом последнем случае, то есть в умении передать внутренний мир человека в чрезвычайно рельефной, выпуклой форме, Флобер достигает большого мастерства. Стоит вспомнить, например, с каким искусством дает он представление о различных психологических состояниях Эммы Бовари через пейзаж, предметы бытового окружения и т. п. Можно привести примеры из «Воспитания чувств», свидетельствующие об умении Флобера изображать внутреннее через внешнее. Возьмем типичный случай. В начале романа Флобер почти ничего не говорит о чувствах, охвативших Фредерика при первой встрече с Марией Арну. Вместо отвлеченного описания он дает прекрасную в своей полноте картину юношески наивных чувств Фредерика через облик Марии Арну и детали окружающей обстановки. Читатель получает яркое, зримое представление и о душевном подъеме, переживаемом Фредериком в начале романа, и о внешнем облике героини. В данном случае через описание внешности Марии Арну Флобер сразу решает тройную задачу: знакомит с героиней, передает пред-

ставление о чувствах, овладевших Фредериком, намекает на существенные черты Моро, на его чрезвычайную впечатлительность. Здесь действовал глубоко постигнутый Флобером закон экономии изобразительных средств.

Флобер стремился как можно меньше говорить и пояснять от собственного имени, предоставляя слово самим фактам и лицам.

Вопреки заверениям некоторых его истолкователей он отнюдь не сводил человека к сумме физиологических черт. Писатель выражал откровенную враждебность к принципам натуралистического романа, стремясь связать физиологию с социологией, с детальным и тщательным изучением общественного бытия человека. В отличие от натуралистов автор «Госпожи Бовари» рассматривал явления человеческой психики в неразрывной, обусловленной связи с физической жизнью персонажа и социальной средой, его окружающей. В «Искушении св. Антония» противоестественные условия существования отшельника, который отрезал себя от мира, изнурил постами и молитвами, мотивируют особое состояние сознания Антония, объясняют появление бесконечной вереницы преследующих его фантастических видений.

Флобер исходил из принципов современной ему психологии. Он нередко применял для раскрытия внутреннего мира своих главных персонажей закон ассоциативных связей. Так, например, звон разбитого лакеем оконного стекла в замке Вобьессар пробуждает в Эмме Бовари воспоминание о далеких временах детства, протекшего в деревенском доме родителей. Запах помады, струящийся от бороды Родольфа, вызывает в Эмме настроения, владевшие ею некогда в прошлом, на балу в замке Вобьессар или при встречах с Леоном...

Для Флобера характерен напряженный интерес к сфере человеческого сознания, к психологической жизни своих персонажей. В отличие от декадентов конца прошлого века и от писателей так называемого «потока сознания», ставивших целью затемнить психологию персонажей, выявить в ней начало субъективно «неповторимое», иррациональное, Флобер-психолог добивался предельной логической ясности, глубокой материалистической мотивированности переживаний героев.

В отличие от натуралистов Флобер не видел в человеке только двуногое животное. Чем «проще» был персонаж, тем бóльших усилий он требовал от писателя для отображения подспудных, глубинных психологических процессов, тем бóльшей точности выражений требовало от художника его ремесло, предмет его занятий — «человековедение».

Непрестанная, ювелирной точности работа над каждым словом, каждой деталью — явление естественное для художника, по убеждениям Флобера. Однако упорный труд над совершенствованием своих произведений, полагал писатель, не избавляет художника от необходимости работать над собственным мировоззрением, над широкой и целостной системой взглядов на жизнь. Он сознавал, что недостатки мировоззрения создавали ощутимые трудности на путях развития его реализма. Флобер сам признавался в этих трудностях при создании «Саламбо», «Воспитания чувств», «Бувара и Пекюше» и других произведений.

В числе проблем, глубоко интересовавших Флобера, особое место занял вопрос о социальном своеобразии, природе того «материала», который надлежало художественно типизировать.

Типическое, в понимании Флобера, есть нечто общезначимое. Синтез, обобщение черт, наблюдаемых у многих и разных людей, ведет к рождению типически значимого образа. В числе других советов, которые Флобер давал Луизе Коле по поводу задуманного ею

романа «Служанка», он особо подчеркивал: необходимо думать как можно больше обо всех служанках, работая над произведением. Обращает на себя внимание то важное обстоятельство, что, по мысли писателя, наличие в романе явно «исключительных» фигур не способствует всестороннему изображению действительности.

Разумеется, и Флобер это отчетливо понимал, задача писателя отнюдь не сводится к тому, чтобы дать образ как некую сумму черт различных людей, полученную от их «арифметического» сложения. Писатель придавал (и справедливо) громадное значение вопросу об отборе типических черт характера, они должны были в идейно и художественно организованном целом передать суть жизненного явления, внутреннюю логику его развития. Автор «Госпожи Бовари» и «Воспитания чувств» использовал при этом принцип обобщения широко бытующих жизненных явлений.

Неистощима изобретательность Флобера в способах раскрытия характеров людей. Ни Омэ, ни Родольф, ни Режембар, или Дамбрёз, или Ганнон из «Саламбо» не даются в плане истории развития характера. В противоположность им Эмма Бовари дана как характер развивающийся, подобно Фредерику Моро. Молодой девушкой, совершенно не знающей жизни, воспитываемой в искусственной, тепличной обстановке монастырского пансиона, возникает Эмма в начале романа. Разбитым, опустошенным, во всем разуверившимся существом она предстает к концу произведения. Огромна роль чувства в жизни героини. История ее жизни — это история ее чувств. Флобер строит образ Эммы путем последовательного выявления в нем все новых черт. Каждая следующая во времени ситуация открывает в характере Эммы некую новую возможность, новую черту.

Мастер типических образов, Флобер в их построении отправляется не от собственных умозрительных заключений, а от закономерностей, подмеченных в самой действительности. Он, разумеется, знал о преимуществах для писателя исключительных, драматически напряженных моментов в жизни людей, моментов, которые, подобно молнии, выхватывают из мрака то, что было невидимым и для окружающих и для самого героя. В обычной жизни бывает так, заметил как-то Флобер, что страсть, долгие годы тайно вынашиваемая, вдруг прорывается и ведет к бурной развязке.

Именно такой способ раскрытия типического образа виден на примере Эммы Бовари.

Принцип взрыва долго вынашиваемой страсти положен в основу развития образа Эммы. На протяжении первых четырнадцати глав романа медленно накапливаются симптомы грядущей душевной бури. У Эммы появляется, наконец, любовник... «Теперь она торжествовала; и так долго сдерживаемая любовь вырвалась наружу в веселом кипенье».

Иной, более сложный способ раскрытия образа виден на примере героя «Воспитания чувств» — Фредерика Моро. В отличие от Омэ и Эммы, проявляющих с самого начала определенные задатки того или иного характера, Фредерик на протяжении первой части романа остается неопределенной, неясной фигурой. Лишь в первой главе второй части Флобер нашел возможным дать ключ к пониманию образа Фредерика. Начало главы: Фредерик (он получил наследство и уезжает в Париж) занял место в дилижансе. Следует примечательное пояснение автора: «Как архитектор создает план дворца, так он заранее обдумывал свою жизнь. Он наполнил ее утонченностью и великолепием; она возносилась к горным высотам; она являла величайшее изобилие...»

Именно отсюда, как из зерна, вырастает образ Моро. Он воссоздал в своем воображении план всей будущей жизни. Существова-

ние Фредерика сосредоточивается вокруг этой мечты. Флобер прослеживает, в какой форме его герой осуществляет свои мечтания, в какой мере опыт жизни отвечает его идеалу.

Сложно обстоит дело у Флобера с проблемой положительного героя. Писатель неоднократно заявлял, что в его произведениях изображен мир глубоко антипатичных ему людей. Положительные персонажи крайне немногочисленны у Флобера, зато в изобилии представлены отрицательные типы. Критическая, резко обличительная направленность творчества писателя очевидна. Тем больший интерес в этой связи вызывают к себе положительные герои.

В «Госпоже Бовари» бесспорно положительный персонаж в глазах писателя — доктор Ларивьер.

Описание Ларивьера проникнуто неукротимым воинствующе-полемическим духом. Идя наперекор традициям «великосветского» романа, который сводил понятие родословной героя к его социальному происхождению, Флобер выдвинул иное понимание родословной. Благородство человека расценивается не по принципу «чистоты крови», а по признакам духовного родства личности с выдающимися деятелями науки и культуры прошлого.

Было несомненное, явное противоречие между признаниями писателя, что он равнодушен к людям (их можно изучать, как мастодонтов и крокодилов), и ярко выраженным чувством гордости за человека, которое звучит в описании хирурга Ларивьера.

Человек особой породы, Ларивьер резко противостоит другим персонажам романа. В нем нашел воплощение положительный идеал Флобера. Само его появление на страницах «Госпожи Бовари» свидетельствовало о глубине отрицания писателем буржуазно-мещанской действительности.

Но фигура Ларивьера не одинока, она не исключение в творчестве Флобера. В семидесятые годы, которые принято считать периодом упадка, кризиса в деятельности писателя, он создает образ героини «Простой души» — Фелиситэ. Несмотря на громадное различие между Ларивьером и Фелиситэ в общественном положении и в умственном их развитии, есть черты некоторой духовной общности между ними. Правдивая, кристально честная, Фелиситэ отдала всю свою жизнь служению людям. Забитая и невежественная, она наделена настоящим талантом самоотверженной, все превозмогающей любви к человеку.

И Ларивьера и Фелиситэ отличает деятельное трудолюбие в интересах других, они *люди долга*. Верность долгу и бескорыстие выделяют их из окружения мелочного и себялюбивого [1].

В Марии Арну мы видим особый аспект положительного образа. Внешнее физическое обаяние ее спокойной красоты гармонически соединяется с нравственной цельностью и моральной чистотой. Но образ этот не детализирован, дан в общих чертах; на это были у Флобера свои основания. На протяжении всего романа Мария Арну сохраняет для Фредерика значение идеала. Она необходима для сюжета произведения: без нее не нашла бы ни развития, ни подкрепления важнейшая сторона натуры Фредерика — способность к «бездеятельной страсти».

Для Фредерика, как идеал, она остается на грани мечты и реальности. Это объясняет известную отвлеченность образа, который описан внешне, но не раскрыт полностью в действии. Флобер сохранил в романе Марию Арну такой, какой она заняла место в восприятии Фредерика, то есть достойной романтического поклонения.

---

[1] Нельзя не заметить вместе с тем, что Флобер склонен идеализировать в образе Фелиситэ черты смирения, покорности перед судьбой.

Вопрос о принципах образного воплощения действительности приобретал в творческой практике Флобера, в свете его борьбы за продолжение традиций реализма, самое серьезное значение. Писатель требовал от себя величайшей точности словесного выражения, чтобы не впасть в крайности либо идеализма, либо вульгарного физиологизма. Флобер признавал, что искусство должно быть реалистически ясным и «простодушным». Вместе с тем он порицал увлечение натуралистов нарочитой грубостью, пренебрежение их к форме.

Удивительны точность, выразительность и уместность сравнений у Флобера при передаче физических и душевных состояний персонажей. В известной «сцене кровопускания» (в «Бовари»), которая стоила больших усилий писателю, он нашел, например, такое удачное сравнение при описании физического состояния слуги Омэ — Жюстена: «...у Жюстена обморок все длился, и зрачки его утопали в мутных белках, как голубые цветы в молоке». Душевное состояние Эммы, возвращающейся домой после тайных свиданий с Родольфом, полной страха, что ее может кто-нибудь заметить, Флобер передает так: «Она прислушивалась к шагам, вскрикам, тарахтенью телег; она останавливалась, вся бледная и трепещущая, как листва тополей, склонявшихся над ее головой». В связи с этим следует указать на исключительный такт и художественное чутье, которые проявляются у Флобера в отборе немногих, важнейших черт в портрете или конкретной ситуации.

Флоберу приходилось вести настоящую борьбу с собственной манией писать «картинно». Он отмечает, что в каждой фразе его «Саламбо» встречаются слова «пурпур» и «алмаз» — «настоящий позумент!», как он сам признается. Но он намерен убрать все лишнее. С тем большей охотой и радостью он отмечал в произведениях других писателей, например у Ж. Санд, «простые и меткие обороты», вплетающиеся в ткань произведения и составляющие ее основу.

Флобер неустанно требовал от писателей самоотверженного труда над композицией, языком и стилем произведений. Он сам не прекращал упорной работы над отдельным выражением, периодом, абзацем, главой даже и тогда, когда произведение казалось формально законченным. Флобер верил уже в молодости, что «стиль достигается только ожесточенной работой, фанатическим и самозабвенным упорством».

Он призывал Мопассана вырабатывать в себе талант, то есть «долгое терпение». Нужен труд и терпение, говорил он ему, чтобы открыть в действительности черты, не замеченные другими. Флобер заставлял Мопассана «изобразить несколькими фразами какое-либо существо или предмет, точно указывая его особенности и отличая его от всех прочих существ и предметов того же рода или того же вида». Вот что рассказывает Мопассан об уроках Флобера: «Проходя мимо лавочника, сидящего у своей двери,— говорил он мне,— мимо курящего свою трубку привратника, мимо стоянки фиакров, покажите мне этого мелочного торговца и привратника, их позу, их физический облик, включающий также и их нравственный характер, указанный в удачном образе,— покажите их так, чтобы я не спутал их ни с каким другим лавочником или привратником, и заставьте меня — с помощью одного только слова — видеть, чем эта лошадь отличается от пятидесяти других, следующих за нею или предшествующих ей лошадей».

Мопассан свидетельствует, что его учитель твердо верил в то, что каков бы ни был предмет, о котором хочешь говорить, есть только о д н о слово, чтобы его выразить, о д и н глагол, чтобы его одушевить, и о д н о прилагательное, чтобы его охарактеризовать; нужно

упорно искать их, не удовлетворяясь приблизительностью, не прибегая даже к удачным подлогам, к «клоунадам речи», чтобы уклониться от трудностей.

Углубленное, точное знание предмета, всех подробностей сюжета — одно из важных условий реалистического творчества в глазах Флобера. «Надо как следует обдумать свой объект, прежде чем заботиться о форме, ибо она бывает хороша только в том случае, если нами всецело овладевает иллюзия сюжета» (из письма к Л. Коле в ноябре 1853 года). Флобер предварительно составлял себе подробное представление о персонажах, об их общественном положении, профессии, имущественном состоянии и т. п. Так, например, он делает заметки о торговце Лере (для «Госпожи Бовари»), входя в скрупулезные и точные детали его имущественного положения, размеров состояния, домашней обстановки. Здесь важно отметить борьбу Флобера за экономность и сжатую выразительность своего искусства в отличие от вялых и бескровных описаний, которыми оперировала салонно-адюльтерная литература его времени.

Точность мысли обусловливает точность выражения, утверждал Флобер. Он противник неопределенного наклонения, свидетельствующего о смутности идей автора, неясности содержания. Он с негодованием говорил об одной из поэм Ламартина, что в ней есть абзац, чуть не в целую страницу, сплошь состоящий из глаголов неопределенного наклонения. Стремясь к наиболее ясным синтаксическим конструкциям, Флобер выступал против вносящих «запутанность» вводных предложений.

Требование правдивости, точности, соответствия формы идее Флобер распространял на всю систему изобразительных средств. Он предписывал себе в качестве железного закона необходимость доподлинного и самого тщательного знания всей совокупности данных, относящихся к избранному сюжету. Писатель избрал своим девизом: «Если точно знаешь, что хочешь сказать, то скажешь хорошо».

С особенной резкостью выступает Флобер против ничем не оправданного засорения языка всякого рода диалектизмами, наблюдаемого им у писателей-натуралистов. «Вы могли бы сэкономить на грубых словах»,— замечает он Золя по поводу романа «Нана».

Флобер требовал от себя и от других писателей бережного и любовного отношения к родному языку — общенародному, национальному достоянию. Он самым решительным образом осуждал стремление писателей прибегать к искусственному языку «арго». Выступая против всяких неоправданных «новшеств» в языке, против языковой грубости и распущенности, Флобер отнюдь не призывал писателей к языку «гладкому», бесцветно-правильному, лишенному всего индивидуального и самобытного. Он воспитывал себя и окружающих в правилах внимательного, точного, умелого обращения со словом, знания его грамматических и синтаксических свойств. Мопассан довольно полно выразил смысл и содержание флоберовских заветов в отношении художественной формы. Флобер говорил ему: чтобы закрепить все оттенки мысли, нет никакой нужды в вычурном, сложном тарабарском словаре, который навязывают нам под названием художественного письма. Но необходимо с чрезвычайной ясностью различать все изменения в значении слова в зависимости от занимаемого им места в фразе. Пусть у нас будет поменьше существительных, глаголов и прилагательных с почти неуловимым смыслом, но побольше различных фраз, разнообразно построенных, остроумно расчлененных, полных звучности и искусного ритма. Лучше попытаемся быть отличными стилистами, чем коллекционерами редкостных слов.

Флобер встречал на своем пути огромные трудности, добиваясь (путем чтения вслух различных отрывков) гармонического звучания фраз. Его часто удручали, доводили до изнеможения «ассонансы прозы». Он избегал употребления одинаковых слов на одной странице, упрекая, например, Гонкуров за то, что в их романе «Сестра Филомена» он нашел на первых страницах «в двух — трех местах повторение одного и того же слова». Мопассан с уважением говорил о суровой взыскательности Флобера, который предавался нечеловеческой работе, чтобы найти в каждой фразе единственно точное слово; он искал его с величайшим терпением, будучи убежден, что не нашел еще настоящего, единственного.

Флобер занял место в ряду людей, отстаивавших честь и славу великой французской национальной культуры. Народ — создатель языка — вложил в руки «отшельника из Круассе» могучее орудие борьбы за совершенную художественную форму. Гюстав Флобер — реалист-обличитель и мастер формы — говорил одним языком с великим французским народом.

А. Ф. ИВАЩЕНКО

МАРИ-АНТУАНУ-ЖЮЛЮ СЕНАРУ,

члену парижского сословия адвокатов, бывшему председателю Национального собрания, бывшему министру внутренних дел.

Дорогой и прославленный друг!

Позвольте мне во главе этой книги и перед ее посвящением поставить ваше имя: не кому другому, как вам, обязан я в первую очередь ее выходом в свет. Сделавшись предметом вашей блестящей защитительной речи, мой труд для меня самого приобрел некий новый и неожиданный авторитет. Примите же здесь дань моей признательности; как бы велика она ни была, ей никогда не стать на уровень вашего красноречия и вашей преданной дружбы.

Гюстав Флобер.

Париж, 12 апреля 1857 г.

«ГОСПОЖА БОВАРИ»

Роман «Госпожа Бовари» был первым реалистическим произведением Гюстава Флобера. «Госпожа Бовари» знаменовала собою начало зрелого творчества писателя. В высшей степени напряженная работа над романом заняла около пяти лет: с сентября 1851 по май 1856 года.

В зарубежной критической литературе обычно ссылаются на конкретный случай, послуживший Флоберу стимулом к созданию романа. По свидетельству Максима Дю Кана, которое он приводит в своих «Литературных воспоминаниях», дело происходило будто бы следующим образом: закончив «Искушение св. Антония» (это была первая рукописная редакция его «философской драмы»), Флобер пригласил к себе друзей — Луи Буйле и Дю Кана (сентябрь 1849 года) и прочел им новое свое произведение. Друзья терпеливо его выслушали, но затем подвергли «Искушение» жестокой критике. Они напали на отвлеченный, метафизический характер произведения и предложили Флоберу взяться за простой, обыденный сюжет в духе романов Бальзака «Кузина Бетта» и «Кузен Понс». «Почему бы тебе не написать историю Деламара?» — говорили они ему. Подобный выбор, по их мнению, помог бы Флоберу избавиться от власти необузданного лиризма.

Существует целая литература, посвященная вопросу об «истинной Бовари», то есть вопросу о том, кто именно послужил Флоберу прототипом героини его романа. Согласно весьма распространенной версии, в основу сюжета «Госпожи Бовари» легла история семейной жизни врача Деламара, практиковавшего в Ри (недалеко от Руана) Его супружеские несчастья (неверность жены) занимали любителей скандалов: соблазненная, затем брошенная любовником, жена Деламара Дельфина (до замужества — Кутюрье) отравилась. Французские исследователи Дюмениль, Дюбоск и другие утверждают, что «роман следовал действительности в ее мельчайших деталях».

Несомненно, во всяком случае, что в основу злосчастий Эммы — жены деревенского лекаря Шарля Бовари — Гюстав Флобер вложил богатое количество наблюдений над «провинциальными нравами». Так, например, в письме к Луизе Коле (14—15 июня 1853 года), касаясь наставлений, которыми аптекарь Омэ провожает клерка Леона Дюпюи в Париж, Флобер замечает: «Я, кажется, собрал на двух страницах все

подробности, какие рассказывают в провинции о Париже: студенческая жизнь, актрисы, мошенники, пристающие к вам в общественных садах, и ресторанная кухня «всегда более вредная, нежели домашняя кухня». Чтобы описать жизнь Эммы в пансионе, Флобер решает погрузиться «в молочные океаны литературы о замках и трубадурах в бархатных беретах с белыми перьями». Он изучает книги по хирургии, необходимые ему для эпизода с оперированием искривленной стопы Ипполита. Флобер штудирует материалы, которые помогли ему с большой точностью описать смерть от отравления мышьяком

С несомненностью установлено, что прототипом одного из самых привлекательных образов романа — доктора Ларивьера — послужил отец писателя. Флобер писал о нем: у него были «...крепкие мясистые руки,— очень красивые руки, на которых никогда не было перчаток, словно они всегда торопились погрузиться в человеческие страдания. Он презирал чины, кресты и академии, был гостеприимен и щедр, к бедным относился, как родной отец, и, не веря в добродетель, был ее образцом... Взгляд его был острее ланцета,— он проникал прямо в душу и, отбрасывая все обиняки и стыдливые недомолвки, сразу вскрывал всякую ложь. Так держал он себя, исполненный того добродушного величия, которое дается сознанием высокого таланта, счастья и сорокалетней безупречной трудовой жизни».

Говорить о полном тождестве других образов романа с какими-то конкретными прототипами, как это делают зарубежные исследователи, невозможно.

Если верить, что Флобер точно воспроизвел семейную драму Деламара и его жены Дельфины, то Эмма должна была проявить больше настойчивости, чтобы завоевать Шарля; Родольф, в соответствии с прототипом, должен быть сентиментальнее, чем он есть в романе; в отце Эммы должно быть меньше простодушия и больше мещанской спеси и нетерпимости... Буквального тождества нет. Исходя из общего замысла романа, Флобер акцентировал в Эмме наклонность к мечтательности, а в Родольфе — его чувственный, животный темперамент. Однако суть дела была совсем не в этом. Флобер подверг вдумчивому, творческому осмыслению образы людей, реально бытовавших, прежде чем показал их в романе. Он связал в единое, противоречивое целое романтические устремления Эммы с ее «положительным духом», он установил общую почву, соединявшую в одно целое в образе Родольфа слащавую сентиментальность и животную грубость. Это было такое глубокое, подсказанное эпохой крушение романтических иллюзий, переосмысление реальных бытовых фигур, что Флобер имел право утверждать в своих письмах, что он выдумал эту историю, когда его спрашивали о прототипах. И это была правда. В этом и разгадка того смущавшего исследователей противоречия между реальным происхождением образов романа и отрицанием со стороны Флобера за ними фактического, бытового прообраза. Зато с тем большей охотой он говорил о широком типическом значении Бовари или Омэ. И это тоже была правда.

По словам Флобера, он начал обдумывать «Госпожу Бовари» совсем в ином плане, чем тот, который получился в окончательной редакции. Сперва он представлял себе героиню девственницей, которая живет в провинциальной среде, стареет от огорчений и доходит до крайнего мистицизма в мечтах по воображаемой страсти. Отказавшись от первоначальных планов, Флобер впоследствии говорил: я придумал героиню, женщину, которая встречается чаще других. По его словам, он хотел передать в книге ощущение цвета плесени. Заставив Эмму Бовари жить в реальной мещанской среде, писатель перенес внимание на ту действительную основу, которая с неизбежностью порождает у героини иллюзии, надежды и желания и приводит ее к катастрофе.

Подчеркивая широкое жизненно-типическое содержание, вложенное им в историю злоключений Эммы, Флобер замечает в одном из писем, что сейчас многие Бовари страдают и плачут во многих французских селениях. По богатству бытовых и психологических наблюдений над провинциальной средой, по глубине обобщения фактов рядовой житейской драмы роман этот — крупнейшее явление во французской литературе второй половины прошлого века. Роман по своему идейному значению вышел за пределы «банальной любовной истории», как расценивали его некоторые зарубежные литературные критики.

«Госпожа Бовари» печаталась в журнале «Парижское обозрение» в последние месяцы 1856 года. Флобер выразил свое возмущение тем, что редакторы журнала делали в тексте романа сокращения; они обосновывали эти купюры соображениями художественного и цензурного характера. «Парижское обозрение» было на подозрении у правительства как один из органов печати либерального направления. Печатание романа в журнале привлекло внимание властей. Автор романа, издатель и типограф были привлечены к суду за «оскорбление общественной морали, религии и добрых нравов».

Защищал роман, по поручению Флобера, адвокат Сенар, друг отца писателя. Прокурор Пинар обрушился в своей речи на Флобера, обвиняя его в пропаганде безнравственности, в прославлении адюльтера. Прокурор обвинял писателя в том, что его роман подрывает уважение к религии, так как в нем выведен в отрицательном виде служитель церкви. Пинар указывал, что источником безнравственных идей и описаний в литературе является реализм, связанный с духом демократии. Сенар же в своей речи подчеркивал нравственно положительную и религиозную направленность в образе мыслей Флобера, ссылался в оправдание писателя на примеры из французской классической литературы, отмечал безупречную репутацию семьи романиста и т. п. Флобер предоставил Сенару возможность распространяться насчет его благонадежности, хотя в действительности он, столь ненавидевший буржуазные порядки, был далек от «благонадежности». Постановлением суда с Флобера были сняты предъявленные ему прокурором обвинения, но, как выразился Флобер по этому поводу, «удар был нанесен».

Писателя потряс факт судебного разбирательства как проявление чудовищного «социального лицемерия».

Отклики многих критиков на роман были откровенно враждебными. За Флобером одни отрицали какую бы то ни было оригинальность, объявляли его подражателем Готье, Бальзака и других, иные расценивали «Госпожу Бовари» как одну из самых безнравственных книг, какие только известны им.

Реакционная критика (Кювилье-Флери, Понмартен и другие) резко порицала Флобера за безнравственность его книги, за будто бы абсолютное равнодушие, проявляемое автором к порокам и добродетелям героев. Твердили при этом, что его персонажи не живые люди, а манекены или карикатуры и т. п. Понмартен высказал мысль о том, что роман Флобера есть «проявление болезненной экзальтации чувств и воображения недовольной демократии».

Флобера объявили творцом «мизантропического эпоса», старались под видом защиты «идеалов» дискредитировать суровую и честную правду жизни, ставшую главным героем первого реалистического творения Флобера.

Один из наиболее авторитетных критиков того времени, Сент-Бёв, своим откликом на роман положил начало своеобразному «медико-хирургическому» истолкованию особенностей реализма Флобера. «Сын и брат выдающихся врачей,— писал Сент-Бёв,— Гюстав Флобер держит

перо, как иные — скальпель. Анатомы и физиологи, я нахожу вас повсюду».

Положительно расценил выход романа Шарль Бодлер. Тронутый отзывом, Флобер писал ему: «Вы проникли в тайники моего произведения, как будто мозг мой принадлежит вам: все понято вами и глубоко прочувствовано».

Из крупных писателей, современников Флобера, сочувственно отнеслась к нему Жорж Санд (статья в сборнике «Вопросы искусства и литературы»). Ценность книги Флобера, по ее мнению, в морально благотворном воздействии на многих реальных Бовари, живущих в обстоятельствах, сходных с изображенными в романе. Позже высокую оценку роману Флобера дали Золя и Мопассан. Последний писал в «Этюде о Флобере», что «выход в свет «Госпожи Бовари» был революцией в литературе».

Следует отметить наличие любопытных «зигзагов» в критических оценках романа Флобера. В период Второй империи реалиста упрекали в мелочной кропотливости описаний, в кощунственном взгляде на человека, в отсутствии возвышенных идеалов у его персонажей. После Парижской Коммуны, в семидесятые годы, намечается тенденция хвалить Флобера за трезвость в подходе к действительности. Влиятельный в свое время буржуазный литературовед Брюнетьер одобряет «Госпожу Бовари» за то, что в ней изображена жизнь такой, какова она есть, без всяких «химер». Кропотливая точность описаний, бытописательство выдавались теперь за высшую добродетель художника.

В конце прошлого века, в пору роста декадентской литературы, в критике пробуждается интерес к «формальным красотам» «Госпожи Бовари», которые воспринимаются в отрыве от содержания романа. Жизнь рассматривается упадочными писателями как сырой и грубый «материал», из которого художник лепит прекрасные формы. Типично в этом смысле высказывание О. Уайльда о романе: «Из низких сентиментальных любовных интриг простоватой жены деревенского доктора в грязной деревушке Ionville-L'Abbaye, близ Руана, Гюстав Флобер сумел создать классическое, образцовое по стилю произведение» («Критик как художник»).

К нашим дням накопилась богатая количественно литература о Флобере. Много места занимает в ней вопрос о прототипах романа, указание совпадений в деталях между «Бовари» и юношескими произведениями. В новейших буржуазных исследованиях о романе Флобера шедевр писателя часто рассматривается как банальная мещанская история.

Один из первых откликов о Флобере в России был напечатан в «Отечественных записках» Примечательно, что, характеризуя неприглядное состояние литературной критики Второй империи, автор статьи берет под защиту реалиста Бальзака, которого пытаются уничтожить критики вроде Понмартена. Молодой писатель Флобер на фоне разброда и упадка французской литературы выделяется автором статьи как явление, родственное Бальзаку, хотя и не достигающее его силы. «Говорили еще о романе г. Флобера «Госпожа Бовари»,— сообщает автор обзора.— Роман этот с большими притязаниями. Автор, совсем неизвестный в литературе, известен в обществе, несмотря на молодость, как человек умный, наблюдательный, оригинальный. Несмотря на способность писателя «смотреть и видеть», он слаб как мастер композиции, роман страдает растянутостью, обилием эпизодических лиц, не связанных с развитием сюжета...» Автор обзора приходит к

заключению, что «роман плох, хотя в нем виден зародыш таланта сильного и современного» [1].

В том же году в № 7 «Отечественные записки» вернулись к «Госпоже Бовари» Флобера. Отмечая «необычайный успех флоберовского романа» во Франции, критик связывает этот успех с «нравственным и умственным состоянием современной Франции». К. Штахель — автор обзора — определяет «Бовари» как «биографический роман», в котором отсутствуют драматизм, фантазия, изобретательность.

«Современник» (№ 5—7 за 1857 год) откликнулся на появление романа Флобера кратким сообщением.

Таким образом, роман Флобера был встречен русской критикой в общем сдержанно. Так обстояло дело с первыми откликами на книгу. Однако «Отечественные записки», вернувшись в 1859 году еще раз к «Госпоже Бовари», стали по отношению к Флоберу на исторически более правильные позиции. В статье «Реалистический роман во Франции» творчество Флобера противопоставляется творчеству его современников Э. Фейдо и О. Фёйе как искусство подлинно реалистическое. У Флобера заметно «очевидное желание стать на действительную почву, держаться правды, изображать жизнь, как она есть, без всяких утаек и прикрас». В статье делается вывод и о том, что «сочинения г.г. Флобера и других, по характеру своему, очень близки натуральной школе, основанной у нас бессмертным Гоголем. В особенности можно сказать это про «Г-жу Бовари». Узости и скудости жизненных наблюдений у Фейдо противопоставляется «полнота изображения и жизненность характеров» у Флобера.

В мартовской книге «Отечественных записок» (того же 1859 года) отмечается, что роман Флобера — «поразительная по своей верности картина внутреннего быта среднего сословия Франции... Сама жизнь, во всей своей обнаженной правде, развертывается перед вами в похождениях госпожи Бовари». Автор статьи подчеркивает, что французская критика и общество недостаточно оценили роман, их поразила неожиданность явления, «они не привыкли к такому прямому и ничем не смягченному реализму» [2].

Эти отклики русской критики показывают, с какой проницательностью она (эта критика) сумела поставить вопрос о ценности и значении реализма Флобера, обнажить косвенным образом узость французской критики того времени в ее суждениях об авторе «Госпожи Бовари».

После Великой Октябрьской социалистической революции «Госпожа Бовари» переиздавалась у нас неоднократно. В лице массового советского читателя первый реалистический роман Флобера нашел признательного и чуткого ценителя.

«ЛЕКСИКОН ПРОПИСНЫХ ИСТИН»

Идея «Лексикона прописных истин» возникла у Гюстава Флобера еще в юности. Позднее, в начале пятидесятых годов, он сообщает в письме к Луизе Коле, что вернулся к своему старому замыслу, то есть к «Лексикону». В нем, пишет Флобер, «в алфавитном порядке найдут всё, о чем надо говорить в обществе, чтобы прослыть человеком благопристойным...»

Флобер возвращался к идее «Лексикона прописных истин» на протяжении всей творческой жизни; он обобщал черты буржуазного мировоззрения на протяжении долгих лет Второй империи и первых лет Третьей республики. Выражения, вошедшие в «Лексикон», охватывают широкий круг явлений: политику, мораль, литературу, искусство, промышлен-

---

[1] «Отечественные записки», май 1857 года, т. CXII, «Французские журналы, книги и брошюры». Статья первая, стр. 2—3.

[2] «Отечественные записки», март 1859 года, т. CXXIII, отдел «Обозрение иностранной литературы», стр. 1—28.

ность и т. д. В совокупности своей собранные писателем материалы давали разностороннее ироническое освещение духовного мира буржуа, знакомили с кругом тех пошлых истин, в которых замкнуто мышление «бакалейщиков».

«Лексикон» Флобера — остро сатирическое произведение. Из груды сотен различного рода афоризмов вырастает собирательный образ филистера во всем «великолепии» его самодовольного невежества, пошлости, корыстолюбия и политической реакционности.

Герой флоберовского «Лексикона» убежден, что «основами общества» являются собственность, семья, религия и почитание властей. Социальный опыт достаточно убедил его, что оплот общества — жандармы, а предместья страшны во время революций; он сторонник крутых мер, твердой власти: «Гидра (анархии).— Стараться ее победить».

Буржуазный обыватель непоколебимо уверен, что его личные интересы, его дела всегда должны быть на первом плане, что они «самое важное в жизни», что «в этом — все».

Поклоняясь лишь богу пользы, прямой выгоде, герой «Лексикона» с презрением относится ко всему, что выходит за пределы этих священных для него принципов. Идеал для него «совершенно бесполезен», как и поэт — «благородный синоним бездельника, мечтателя», а литература — «занятие праздных». Невежество носителя «прописных истин» носит наглый, вызывающий характер. Он признает, что книга для него «всегда слишком длинна, независимо от качества». Герой флоберовского «Лексикона» находится в преемственной связи с широко популярными в XIX веке сатирическими образами буржуа (Жозеф Прюдом и Робер Макэр).

Мотивы «Лексикона прописных истин» пронизывают творчество Гюстава Флобера, они звучат в монологах аптекаря Омэ, в диалогах Эммы с Родольфом и Леоном («Госпожа Бовари»), в суждениях банкира Дамбрёза, промышленника Фюмишона («Воспитание чувств»), в демагогической болтовне политикана Руслена («Кандидат»), ими насыщена последняя, неоконченная книга писателя «Бувар и Пекюше».

Завершить «Лексикон прописных истин» Флоберу не удалось; он впервые был опубликован в незаконченном виде лишь в 1910 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

Америго Веспуччи (1451—1512) — итальянец, мореплаватель, именем которого названа Америка, открытая впервые Колумбом в 1492 году. В 1507 году было сделано предложение назвать открытые мореплавателем земли (он доплыл до Южной Америки) «страной Америго». Впоследствии это название распространили и на материк Северной Америки.

«Анахарсис» — «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции» — произведение французского ученого и писателя, аббата Жан-Жака Бартелеми (1716—1795). Книга знакомила читателя с культурой, бытом и политическим строем древней Греции; переведена на ряд европейских языков, служила школьным пособием.

Архимед (около 287—212 до н. э.) — знаменитый математик и механик древней Греции, прославившийся многими открытиями и изобретениями; с его именем связан ряд легенд, отражающих сильное впечатление, которое ученый производил на своих современников; таково приписываемое ему восклицание: «Эврика!» («Нашел!») или фраза: «Дайте мне точку опоры, и я подниму землю».

«Аталия» — трагедия известного французского драматурга Жана Расина (1639—1699), содержащая тираноборческие тенденции.

Бакалавр — низшее ученое звание, которое во Франции присваивается окончившим среднюю школу и получающим право поступить в высшее учебное заведение.

Бауцен и Люцен — городки в Саксонии, где в 1813 году произошли сражения между армией Наполеона I и союзными войсками под командованием русского генерала П. Х. Витгенштейна.

Баярд Пьер дю Террайль (около 1476—1524) — французский полководец; славился храбростью, получил прозвище «рыцаря без страха и упрека» или «рыцаря Баярда».

Беарнец — прозвище французского короля Генриха IV (1553—1610); от Беарн — в прошлом провинции на юго-западе Франции.

«Бессмертные принципы восемьдесят девятого года» — принципы, провозглашенные в «Декларации прав человека и гражданина» в период Французской революции 1789—1794 гг.

Биша Мари Франсуа Ксавье (1771—1802) — французский врач, анатом и физиолог, автор «Всеобщей анатомии»; его труды имели значение для развития биологии и медицины.

«Бог честных людей» — песня французского демократического поэта Пьера Жана Беранже (1780—1857).

Бомбарда — один из ранних образцов артиллерийских орудий, ствол которого укладывался в деревянные колоды или срубы; применялся при осаде и обороне крепостей в XIV—XVI вв.

Боссюэ Жак Бенинь (1627—1704) — французский епископ и проповедник, поборник абсолютизма, автор сочинений на богословские темы.

Ботокуды — индейское племя, жившее в Восточной Бразилии; в период колонизации Бразилии жестоко преследовались и уничтожались европейцами.

Буль Андре Шарль (1642—1732) — знаменитый французский мастер художественной мебели.

Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707—1788) — французский естествоиспытатель, автор «Естественной истории» и трудов в области геологии.

Варфоломеевская ночь.— Накануне дня св. Варфоломея, в ночь на 24 августа 1572 года, в Париже произошло массовое избиение протестантов (гугенотов) католиками. Расправа была организована матерью короля Карла IX, Екатериной Медичи, и католической партией. Варфоломеевская ночь вызвала новую войну между католиками и гугенотами.

19 вентоза IX года Республики (от латинского ventosus — ветреный) — шестой месяц республиканского календаря, установленного 21 сентября 1792 года, по которому летосчисление начиналось с «1-го года Свободы», года свержения королевской власти. Республиканский календарь был отменен в 1806 году, в период империи Наполеона I.

Веста — у древних римлян богиня домашнего очага. Культ Весты в рабовладельческом Риме призван был служить укреплению норм семейного права.

«Война богов» — «Война древних и новых богов» — поэма французского поэта Парни (1753—1814), отмеченная просветительским свободомыслием.

Волан — игра, состоящая в перебрасывании ракеткой пробки, утыканной перьями, через сетку.

Вольтер Франсуа Мари Аруэ (1694—1778) — великий французский просветитель XVIII века; выступал против феодализма и церкви, мужественно защищал жертвы церковной реакции (дело Каласа и другие). Человек разносторонне одаренный, Вольтер проявил себя как публицист, писатель, историк и философ.

Вретишница — монахиня нищенствующего ордена, члены которого из смирения носили мешкообразные рубища (вретища).

Генрих III (1551—1589) — французский король; правил в разгар религиозных войн между католиками и протестантами. Был убит католическим монахом Жаком Клеманом.

Генрих IV (1553—1610) — французский король, первый из династии Бурбонов. Вождь гугенотов в религиозных войнах, едва избежал смерти в Варфоломеевскую ночь. В 1593 году перешел на сторону католиков, однако Нантским эдиктом (1598 год) предоставил гугенотам политические права и свободу вероисповедания. Убит в 1610 году фанатиком — католиком Равальяком.

Гверилья — партизанская война; гверильясы — испанские партизаны, отличившиеся в войне с Наполеоном I.

Гольбах Поль Анри (1723—1789) — известный французский философ-материалист, участник «Энциклопедии», автор книги «Система природы» и антирелигиозных памфлетов.

Дагерротип — дагерротипия — первоначальный способ фотографирования, изобретенный в 30-е годы XIX века в Париже художником Дагером и Ньепсом; основан на светочувствительности иодистого серебра.

Д'Аламбер Жан Лерон (1717—1783) — французский просветитель, математик и философ. Работал вместе с Дидро над созданием «Энциклопедии наук, искусств и ремесел».

Декарт Рене (1596—1650) — выдающийся французский философ, физик, математик и физиолог. Религиозному догматизму и схоластике Декарт

противопоставил силу человеческого разума, его способность к безграничному познанию природы.

Делиль Жак, аббат (1783—1813) — французский поэт и переводчик Вергилия и Мильтона.

Де Местр Жозеф Мари (1753—1821) — один из идеологов феодально-монархической контрреволюции во Франции, враг материализма и атеизма, поборник религиозного мракобесия.

Десятина — десятина церковная — десятая часть урожая и иных доходов, которая взималась церковью с населения; отменена революцией 1789—1794 гг.

Диоген из Синопа (около 404—323 до н. э.) — древнегреческий философ, представитель школы киников. Высшей нравственной задачей объявлял подавление страстей, сведение жизненных потребностей к минимуму. Диоген и образом своей жизни подчеркивал стремление вернуться к «естественному» состоянию.

Диоклетиан (около 245—313) — римский император; его деспотическое правление преследовало цель укрепить мощь Римской империи; в 305 году отказался от власти.

«Дух христианства» — произведение реакционного французского писателя Шатобриана (1768—1848), прославляющее католицизм.

Дюваль Венсен — французский врач-ортопедист, автор труда по операциям искривленной ступни.

Дюпюитриен Гийом (1777—1835) — французский хирург; разрабатывал методы лечения вывихов.

Дьепп — город во Франции, порт на берегу пролива Ламанш.

Жанна д'Арк (около 1412—1431) — народная героиня Франции, крестьянская девушка, возглавившая во время Столетней войны борьбу французского народа против английских захватчиков. Попала в плен, была обвинена в ереси и сожжена 30 мая 1431 года.

Жарнак — придворный французского короля Генриха II; убил противника на дуэли внезапным и ловким ударом.

Жирондисты — политическая партия периода французской революции 1789—1794 годов (по названию департамента Жиронда); выражали интересы крупной буржуазии, пытались задержать ход революции и скатились на позиции контрреволюции. В 1793 году жирондисты были отстранены от власти якобинцами; часть их казнена по приговору Революционного трибунала.

Игноратинцы (невежественные) — название, присвоенное себе в знак смирения одним из монашеских орденов, оказывавшим филантропическую помощь бедным.

Изор Клеманс (сер. XV в.— нач. XVI в.) — знатная дама, возродившая, согласно легенде, литературные состязания в Тулузе (Франция).

«Исповедание савойского викария» — эпизод из сочинения «Эмиль или о воспитании» французского просветителя Жан Жака Руссо (1712—1778).

Каватина — небольшой вокальный номер лирического характера.

Кальвинисты — последователи Жана Кальвина (1509—1564), основателя протестантского вероучения, возникшего в результате Реформации и выражавшего интересы буржуазии эпохи первоначального накопления капитала.

Кантарида — насекомое, из которого изготовляли медицинское средство.

Капуцинское аббатство — монастырь католического ордена капуцинов (от итальянского capuccio — капюшон рясы), основанного в XVI веке в Италии для борьбы с идеями Реформации.

Караибы — индейская народность Южной Америки. В результате колонизации испанцами и португальцами территории, населенной каран-

бами, а также жестокой эксплуатации почти все карибские племена, за исключением немногих, в начале XX века вымерли.

Карл X (1757—1836) — граф д'Артуа, брат казненного короля Людовика XVI, глава контрреволюционной эмиграции во время революции 1789—1794 годов. Французский король в период Реставрации (с 1824 года), проводил крайне реакционную политику, был свергнут июльской революцией в 1830 году.

Кастелламаре. Кастелламаре-ди-Стабия — город и порт в Италии, на берегу Неаполитанского залива.

Каталепсия — оцепенение, неподвижность человека, вызванная нервно-психическим состоянием.

Кинкетка — лампа с двойным поддувалом и резервуаром для масла, расположенным сбоку.

Кипсек (английское Keepsake) — книга-альбом, иллюстрированная виньетками и гравюрами; была в большой моде в конце XVIII — начале XIX века.

Кларенс Георг, герцог (1449—1478) — брат английского короля Эдуарда IV. Будучи приговорен к казни за предательство, избрал смерть в бочке с вином — мальвазией.

Коллеж — название общественных и частных средних учебных заведений во Франции, Бельгии и Швейцарии.

Кошский — из провинции Ко в Нормандии.

Крестовые походы — проводимые под религиозными лозунгами захватнические экспедиции западноевропейских феодалов в XI—XIII веках в страны Ближнего Востока, Прибалтику и Восточную Европу.

Колизей (от латинского Colosseum — громадный) — выдающийся памятник древнеримской архитектуры, амфитеатр для народных зрелищ, вместимостью свыше 50 тысяч зрителей, построенный в 80-м году н. э.

Ла Вальер Луиза Франсуаза — герцогиня, фаворитка Людовика XIV.

Латинский квартал — один из старейших районов Парижа, где расположены многие учебные заведения; в нем проживали преимущественно студенты и малообеспеченные слои интеллигенции.

Лиар — французская старинная мелкая монета в четверть су (одна двадцатая франка).

Ливр — старинная французская денежная единица, употреблялась для обозначения дохода. В разное время ливр равнялся различным долям серебра. Чеканка серебряных ливров была прекращена с 1720 года.

Лойола Игнатий (1491—1556) — основатель наиболее реакционной организации католической церкви — ордена иезуитов, «братьев Иисуса». Имя Лойолы стало синонимом лицемерия и преступности, прикрываемых религиозным ханжеством.

Луидор — золотая монета достоинством в двадцать франков.

Льё — старинная мера длины, равная 4,445 метра.

Людовик IX (прозвище «Святой», 1215—1270) — французский король из династии Капетингов, возглавил два крестовых похода, провел ряд судебно-административных реформ, которые способствовали усилению королевской власти и преодолению феодальной раздробленности; судил под легендарным дубом в Венсене (близ Парижа) — старой резиденции французских королей.

Людовик XI (1423—1483) — французский король из династии Валуа, боролся с феодальной знатью в целях укрепления королевской власти и объединения Франции; его царствование создало предпосылки для формирования во Франции абсолютной монархии.

Людовик XIV (1638—1715) — французский король из династии Бурбонов, прозванный «король-солнце» за пышность придворной жизни. Полнота и произвол абсолютной королевской власти при Людовике XIV

нашли выражение в словах, по преданию сказанных им: «Государство — это я».

Магнетизм — антинаучная теория Месмера (1733—1815) о наличии в человеке особой магнетической силы; наделенный этой силой способен излучать ее на других людей или испытывать ее воздействие со стороны других.

Мазаринады — политические памфлеты во Франции середины XVII века, направленные против абсолютизма; получили название по имени министра Мазарини (1602—1661), проводившего политику укрепления абсолютной монархии, жестокого подавления феодально-дворянской оппозиции (фронды) и недовольства народных масс.

«Майоран» — популярная народная песенка.

Макадамова мостовая — по имени Мак-Адама (1756—1836), который изобрел особый способ мощения улиц: поверх слоя крупных камней насыпаются слои мелкого щебня, которые утрамбовываются тяжелым катком.

Макиавелли Никколо ди Бернардо (1449—1527) — итальянский политический мыслитель и писатель, идеолог буржуазии, стремившейся к сильной и централизованной власти. В сочинении «Государь» нашел место его идеал монарха-диктатора и культ власти, основанной на грубой силе, вероломстве, аморальности и т. п., объединяемых обычно понятием «макиавеллизм».

Мальтус Томас Роберт (1766—1834) — английский реакционный буржуазный экономист; он видел причину перенаселения и нищеты трудящихся не в особенностях капитализма, а в вечных законах природы, в недостатке средств существования. Мальтус предлагал ограничить рост населения, оправдывал войны, эпидемии как средство сокращения численности населения. Взгляды Мальтуса и его сторонников известны под именем мальтузианства.

Мария Антуанетта (1755—1793) — французская королева, жена Людовика XVI, стояла в центре контрреволюционных заговоров и интриг во время революции 1789 года; была гильотинирована по приговору Революционного трибунала.

Менестрель — странствующий средневековый певец, музыкант; поэт, состоявший на службе при дворе феодального сеньора во Франции и Англии.

Минерва — древняя италийская богиня, считалась покровительницей ремесел, наук и искусств; ее отождествляли с древнегреческой богиней Афиной-Палладой.

Национальная гвардия — в период Июльской монархии Луи-Филиппа (1830—1848) буржуазная милиция для охраны страны от «внутренних врагов».

«Нельская башня» — пьеса известного французского писателя Александра Дюма-отца (1803—1870).

«Павел и Виргиния» — повесть французского писателя Бернардена де Сен-Пьера (1737—1814), посвященная сентиментально-идиллической любви двух молодых людей на лоне экзотической природы.

Парэ Амбруаз (1517—1590) — французский хирург, королевский врач.

Перистиль — крытая колоннада, окружающая двор, сад или площадь; в античной архитектуре — составная часть жилых и общественных зданий.

Помология — наука о сортах плодовых деревьев и кустарников, дающая их классификацию.

Помпадур, маркиза (1721—1764) — фаворитка французского короля Людовика XV. Существует понятие стиля, обозначенного ее именем.

Попилий — римский консул. По преданию, был послан к ассирийскому царю Антиоху IV Епифану потребовать вывода его войск из Егип-

та; Попилий очертил вокруг царя круг, сказав, что тот не выйдет из этого круга, пока не даст ответа; царю пришлось согласиться на требование римского сената.

Прадон (1632—1698) — второстепенный французский писатель периода классицизма, который пытался соперничать со знаменитым драматургом Жаном Расином, написав, как и тот, «Федру».

Реставрация — период вторичного правления во Франции, после падения Наполеона I, династии Бурбонов (1814—1830). Реакционный режим Реставрации, представлявший интересы дворянства и клерикалов, был свергнут июльской революцией 1830 года.

Ритурнель — краткая музыкальная фраза в аккомпанементе, повторяющаяся как припев; находится в начале и в конце каждой строфы вокального произведения.

Ричард Львиное Сердце (1157—1199) — английский король из династии Плантагенетов, участник третьего крестового похода, вел беспрерывные войны, чуждые интересам Англии и истощавшие государственную казну.

Руссо Жан Жак (1712—1778) — выдающийся французский просветитель и политический мыслитель XVIII века, сыгравший большую роль в идеологической подготовке буржуазной революции 1789 года. В своих трактатах подверг критике современную ему цивилизацию, основанную на неравенстве и несправедливости («Общественный договор», «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и другие). Руссо — автор романа «Новая Элоиза», имевшего огромный успех.

Руссо Жан Батист (1670—1741) — французский поэт; автор од, эпиграмм и комедий.

Сарабанда — танец испанского происхождения в медленном темпе и музыка к этому танцу.

Сенека (4 год до н. э.—65 год н. э.) — философ-стоик, воспитатель Нерона; был обвинен Нероном в заговоре, по приказу императора умертвил себя.

Сен-Жерменское предместье — аристократический квартал в Париже.

Скюдери Жорж де (1601—1667) — французский поэт и драматург, автор трагедий, комедий и пасторалей; главное произведение Скюдери — галантно-героическая поэма в десяти книгах «Аларих, или побежденный Рим».

Сестра его *Мадлен де Скюдери* (1607—1701) — автор весьма известных в свое время галантно-героических романов («Клелия», «Артамен или великий Кир» и др.).

Собор св. Петра — находится в Риме, один из самых пышных и больших католических храмов.

Сорель Агнесса (1409—1450) — фаворитка французского короля Карла VII.

Стюарт Мария (1542—1587) — дочь шотландского короля Якова V, жена французского короля Франциска II, после смерти которого в 1560 году вернулась в Шотландию и, связав себя с католической реакцией, вступила в борьбу с протестантами. После восстания вынуждена была бежать в Англию, где в течение восемнадцати лет находилась в заточении; обвиненная в заговоре против английской королевы Елизаветы, была казнена.

Сю Эжен (1804—1857) — автор популярных в свое время социальных романов «Парижские тайны», «Агасфер» и «Тайны народа».

Талейран Шарль Морис (1754—1838) — французский политический деятель, примкнул к революции 1789 года, затем стал на сторону Бурбонов; известен своей беспринципностью и неразборчивостью в средствах.

Тильбюри — легкий двухколесный экипаж с высоким сиденьем и кожаным верхом.

Урсулинки — католический женский монашеский орден св. Урсулы, основанный в XVI веке в Италии; получил распространение во Франции и в некоторых других странах.

Флеботомия — пускание крови.

Франклин Вениамин (1706—1790) — выдающийся американский ученый и политический деятель и публицист. Исследования Франклина в области политической экономии высоко ценил Маркс. Просветитель, один из образованнейших людей своего времени, Франклин выступал против расизма и рабовладельчества. Франклин был почетным членом Академии наук в Петербурге. Ломоносов, Радищев, Пушкин, Чернышевский и другие деятели русской культуры с большим уважением отзывались о великом сыне американского народа.

Фрейсину Дени (1765—1841) — французский католический проповедник.

Френология — реакционные измышления буржуазных антропологов о связи между наружной формой черепа и умственными и моральными качествами человека.

Цинциннат — римский консул (460 год до н. э.) и диктатор (458 год и 439 год до н. э.), известен был как человек, склонный к простой сельской жизни и земледельческому труду.

Эдилы — в древнем Риме лица, наблюдавшие за общественным порядком и публичными зданиями; в широком смысле — представители городской администрации.

Экю — старинная французская золотая и серебряная монета.

Элоиза — возлюбленная французского философа-схоластика Абеляра (1079—1142), перенесшего вместе с нею много злоключений.

«Энциклопедия наук, искусств и ремесел» (1751—1780) — была создана усилиями великого французского просветителя Дени Дидро (1713—1784), сплотившего вокруг этого начинания выдающихся представителей науки и культуры Франции XVIII века. Энциклопедия имела отчетливо выраженную материалистическую и антифеодальную направленность; заключив в себе свод знаний в области естественных, социальных и технических наук, она стала выражением воинствующей просветительской мысли в ее борьбе против фанатизма и тирании.

Эпиталама — в древнегреческой поэзии свадебная песнь.

Янсенизм — распространившееся во Франции в XVII веке учение голландского богослова Янсения; представляло собой религиозно-моралистическое движение, направленное против иезуитов и связанной с ними придворной знати. Янсенизм был одной из форм складывавшейся буржуазной оппозиции дворянству.

Коканский облкниготорг
Букинистический магазин № 1
Принято на книжную сдачу руб. 0 коп. 29
Квитанция № 678

СЛОВАРЬ ТРУДНЫХ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

К стр. 15. Козло́вые — из мягкой козловой кожи.

К стр. 18. Дя́дька — слуга, обычно крепостной, который выполнял обязанности няньки при мальчике. В помещичьих семьях мальчики лет с пяти-шести переходили от няньки к дядьке.

К стр. 19. Рекреа́ция — перерыв между уроками.

Семилетняя война — война 1756—1763 годов между Пруссией и Англией с одной стороны и Австрией и Францией — с другой за обладание Силезией и колониями.

В перга́менте — в переплете из пергамента. Пергамент — кожа животных, обработанная особым образом. До изобретения и распространения бумаги пергамент употреблялся как бумага для письма.

Гидроста́тика — наука, часть гидромеханики, изучающая законы равновесия жидкостей.

«Северная пчела» — газета, издававшаяся в Петербурге с 1825 по 1864 год.

Карто́н — картон.

Щипцы на лоточке — щипцы для снимания нагара со свечи.

К стр. 20. Ланда́рта — географическая карта.

К стр. 21. Диало́г — разговор между двумя или несколькими лицами. С целью изучения иностранного языка дети должны были по учебникам запоминать наизусть различные примерные диалоги.

К стр. 25. Официа́нтская — комната, где находились официанты, слуги, подававшие кушанье на стол, прислуживавшие во время еды.

Эконо́мия — здесь: хозяйство, имение.

К стр. 28. Баклуши бить (образное выражение) — бездельничать, повесничать.

К стр. 31. Интона́ция — тон речи и манера произношения слов, выражающие чувство, отношение говорящего к предмету речи.

Дворе́цкий — слуга, ведавший домашним хозяйством и распоряжавшийся всеми остальными слугами (дворней).

К стр. 32. Юро́дивый — так называли в старину человека с [illegible] здоровым рассудком, обладавшего, по мнению верующих, даром пророчества, совершавшего странные поступки, произносящего непонятные бессмысленные фразы. Юродивые («дурачки», «божьи люди») своими странностями наводили страх на многих людей. Их старались расположить к себе, угощали, [illegible] боялись, так как считали, что они могут вызвать несчастье или, наоборот, принести [illegible]. Были и такие юродивые люди, чтобы избавиться от необходимости работать или по другим причинам, прикидывались юродивыми. Они обычно выдавали себя за людей «святой жизни», [illegible] и [illegible] иногда даже зимой, носили на голом теле тяжелые железные вериги.

К стр. 33. Пунктуа́льный — точный, аккуратный.

К стр. 37. Кле́пер — порода лошади.

Эволюции — здесь: движения.

К стр. 38. Выжля́тник — старший псарь, распоряжавшийся гончими собаками.

Стремянный — конюх, ухаживавший за верховой лошадью своего господина; в псовой охоте обычно ведал сворой борзых охотничьих собак.

К стр. 38. Доезжа́чий — слуга, ведавший барской псарней, главный на псарне.

К стр. 39. Ара́пник — охотничий кнут для собак.

Би́рка — деревянная дощечка, гладко остроганная палка, на которой неграмотные люди зарубками и нарезами обозначали счет предметов или меру.

К стр. 40. Остров — лесистое или болотистое место, окруженное полями и удобное для охоты с собаками.

Второчить смычки — то есть отвязать от ошейников собак веревки (смычки), которыми попарно привязаны гончие собаки, и привязать (второчить) смычки к седлу.

К стр. 42. Гончие варили варом — преследовали зверя с неумолкаемым, заливистым лаем.

К стр. 47. Человек очень большого света — человек, принадлежавший к небольшому кругу особенно знатных и богатых дворян, занимавших самое высокое общественное положение в стране.

К стр. 48. Патети́ческий — полный чувства, волнующий.

К стр. 54. Затрапе́зное платье — платье из грубой льняной или пеньковой полосатой ткани.

Кларнети́ст — музыкант, играющий на кларнете, духовом музыкальном инструменте.

Вверх — то есть в верхний этаж дома, где обычно находились комнаты детей и хозяйки дома.

К стр. 55. Ге́рбовая бумага — особая бумага с государственным гербом, на которой писали важные документы.

Вольная — бумага, документ, по которому крепостной человек отпускался на волю.

К стр. 58. Корне́т — здесь: мешочек, пакетик, свернутый из бумаги.

К стр. 59. Почтовые лошади — лошади с почтовой станции; их впрягали в барский экипаж и меняли на каждой почтовой станции. На почтовых лошадях ездили только на далекие расстояния.

К стр. 68. Зелёневая бумага — плотная, глянцевитая, высокого качества бумага.

К стр. 70. Протопо́п — священник.

К стр. 75. Аргуме́нт — довод, доказательство.

К стр. 79. Он был на такой ноге (образное выражение) — он принадлежал к самым знатным и богатым людям в городе.

Допускались к партии князя — на званых вечерах допускались играть в карты с князем.

К стр. 85. Лексико́ны Татищева — французско-русский словарь (лексикон); издавался в конце XVIII и первой четверти XIX века.

К стр. 86. Конву́льсии — сильные судороги.

К стр. 88. Ванька — прозвище извозчиков в прошлом веке.

Ливре́йная рука — рука слуги, одетого в ливрею, парадную одежду слуги.

Сало́п — верхняя женская одежда.

К стр. 90. Хвосты — здесь: род меховых горжетов, которыми закрывали шею.

К стр. 93. Ангажи́ровать — пригласить; здесь: пригласить танцевать.

К стр. 98. Фата́льные — роковые, злополучные.

К стр. 99. Гросфа́тер — старинный танец с медленными, плавными движениями, который танцевали и старики. «Гросфатер» по-немецки «дедушка».

К стр. 121. Причт — служители какой-либо определенной церкви.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ Л. Н. ТОЛСТОГО И ЕГО ПОВЕСТЬ «ДЕТСТВО»

Недалеко от города Тулы, в живописном уголке нашей родины, в Ясной Поляне, 28 августа (по новому стилю 9 сентября) 1828 года родился великий русский писатель Лев Николаевич Толстой.

Отец Льва Николаевича — помещик, в молодости служил в армии, был участником войны 1812 года. После женитьбы он поселился в имении своей жены — Ясная Поляна.

Мать Льва Николаевича, образованная женщина для того времени, знала четыре иностранных языка, много читала и была большой мастерицей рассказывать сказки, которые она тут же сама и сочиняла. Умерла она, когда маленькому Лёвушке было всего полтора года. Лев Николаевич знал свою мать только по рассказам близких, но на всю жизнь сохранил к ней самые теплые чувства. Его воспоминания о матери до глубокой старости дышат любовью и уважением.

Беззаботно и радостно протекали детские годы Льва Николаевича в Ясной Поляне.

У него было три брата — Николай, Сергей, Дмитрий и младшая сестра Мария.

Воспитывала детей дальняя родственница — Татьяна Александровна Ергольская, женщина очень добрая и ласковая. Она относилась к будущему писателю с материнской заботой и любовью. Лев Николаевич сам очень любил «тетеньку», как звали дети Т. А. Ергольскую, и всегда глубоко уважал ее.

Чуткий, любознательный мальчик жадно впитывал в себя впечатления от богатой яснополянской природы и окружавшей его жизни.

Усадьба Ясная Поляна (она бережно сохраняется в том виде, какой имела при жизни Л. Н. Толстого) окружена фруктовыми садами, березовыми, липовыми и дубовыми рощами.

У въезда в усадьбу стоят две белые башенки. От этих башенок еловая аллея ведет к дому. В детские годы Толстого она была березовой и называлась «Прешпектом». Налево — большой пруд, обсаженный ракитами, опустившими свои серебристые ветви в воду. Направо раскинулся парк с тремя живописными прудами — верхним, средним и нижним.

Вместе с братьями и сестрой маленький Толстой гулял в этом парке, бегал в яблоневый сад, в лес, к реке Воронке.

Летом одним из любимых развлечений детей были поездки на лошадях в деревню Грумант. Она находится недалеко от усадьбы Ясная Поляна и также принадлежала семье Толстых. В ней был господский скотный двор. Дети любили бывать там. Скотница Матрена угощала их молоком и сливками с черным хлебом. В Груманте они смотрели, как в глубоком проточном пруду ловят рыбу для господского стола. Бегали на гору и под гору, в лес над оврагом, в котором бил холодный, прозрачный ключ.

Зимой были свои забавы. В «рождественские вечера» в яснополянский дом приходили ряженые: медведь с поводырем, коза, турки, разбойники. Ряженые пели и плясали под дудку старого слуги Григория, игравшего когда-то, еще при деде Льва Николаевича — князе Н. С. Волконском, в оркестре из крепостных.

Любимым занятием Льва Николаевича в детстве было чтение книг. Он увлекался стихами Пушкина, баснями Крылова. В своих «Воспоминаниях» Лев Николаевич рассказывает, с каким восторгом читал он отцу наизусть стихи Пушкина «К морю» («Прощай, свободная стихия...»), «Наполеон» («Чудесный жребий совершился, угас великий человек...») и другие. Любовь к Пушкину Толстой сохранил на всю жизнь и называл его своим учителем.

Старший брат — Николенька, которого Лев Николаевич

горячо любил, умел рассказывать удивительные истории. Одна из них, о зеленой палочке, о муравейных братьях, особенно запомнилась Льву Николаевичу.

Николенька рассказывал, что в лесу — «Старом Заказе» [1] — на краю оврага между деревьями зарыта зеленая палочка и на ней написана «...тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий... и были бы постоянно счастливы...», чтобы всем было хорошо и чтобы люди не знали никакого горя. Уже будучи взрослым, Лев Николаевич так вспоминал об этих рассказах брата: «...он-то, когда нам с братьями было — мне пять, Митеньке шесть, Сереже семь лет, объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми; не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями. (Вероятно, это были Моравские братья [2], о которых он слышал или читал, но на нашем языке это были муравейные братья.) И я помню, что слово «муравейные» особенно нравилось, напоминая муравьев в кочке. Мы даже устроили игру в муравейные братья, которая состояла в том, что садились под стулья, загораживая их ящиками, завешивали платками и сидели там, в темноте, прижимаясь друг к другу. Я, помню, испытывал особенное чувство любви и умиления и очень любил эту игру».

Рассказ Николеньки о зеленой палочке и муравейных братьях произвел сильное впечатление на маленького Толстого. Мысль о том, что жизнь на земле должна быть устроена так, чтобы *все люди* жили счастливо, не оставляла его никогда. В своих воспоминаниях он пишет: «Идеал муравейных братьев, льнущих любовно друг к другу, только не под двумя креслами, завешенными платками, а под всем небесным сводом всех людей мира остался для меня тот же. И, как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им ве-

[1] Заказом назывался у местного населения лес запретный, заказанный, в котором рубка, а иногда и пастьба скота были запрещены.

[2] Моравские братья — религиозная община, возникшая в Богемии (Чехия) в XV столетии. Община отличалась строгостью нравов и стремлением к братскому единению.

ликое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает».

С самого раннего детства Толстого в Ясной Поляне, кроме родных и близких, окружали дворовые (слуги) и крестьяне. Это были крепостные люди его отца. Много лет спустя Лев Николаевич написал в своих воспоминаниях: «...все окружавшие мое детство лица — от отца до кучеров — представляются мне исключительно хорошими людьми». Некоторых из них Толстой помнил всю жизнь. Экономка Прасковья Исаевна рассказывала мальчику о военных походах его дедушки, князя Волконского, во время войны с Турцией. Рассказывая, она зажигала смолку (курение), которая дымила приятным запахом и которую, по ее словам, привез дедушка из-под Очакова — турецкой крепости. Мальчик любил бывать в маленькой комнате Прасковьи Исаевны и слушать ее рассказы.

Была у детей любимая няня Татьяна Филипповна, всегда к ним ласковая и добрая. Большое уважение питал Толстой в детские годы к брату Татьяны Филипповны — кучеру Николаю Филипповичу, любил своего дядьку Николая Дмитриевича, официанта Тихона — природного актера, часто смешившего детей своими комическими гримасами, дворецкого Фоку Демидовича, который когда-то играл на скрипке в оркестре дедушки. Эти простые, правдивые люди оказали большое влияние на Толстого: они сблизили его с народом. Он рано стал задумываться над вопросом, почему жизнь устроена так несправедливо, почему богатые дворяне владеют землей и крепостными людьми, живут в праздности и роскоши, а крепостные крестьяне должны работать на дворян, жить в нужде и всегда подчиняться своим господам.

Толстому было девять лет, когда он впервые уехал из Ясной Поляны. Отец Льва Николаевича решил перевезти детей в Москву, где было легче дать им образование.

В 1837 году маленькие Толстые вместе с отцом отправились в Москву. В Москве они прожили недолго. Вскоре умер отец, и младшие дети вместе с Татьяной Александровной вернулись в Ясную Поляну. После смерти отца все заботы о воспитании детей легли на тетушек — сестер отца — и Т. А. Ергольскую.

* * *

В Ясной Поляне прошли не только все детские годы Льва Николаевича, но и почти вся его долгая жизнь. Иногда он на время уезжал из своего родового поместья в Казань, в Москву, в Петербург, на Кавказ, в Крым и за границу, но неизменно возвращался в Ясную Поляну. Здесь Толстой написал свои лучшие произведения. Здесь в ноябре 1910 года его похоронили на том самом месте, где, по утверждению Николеньки, была зарыта зеленая палочка. Там, в память любимого брата, завещал похоронить себя Толстой.

Ясная Поляна, ее природа, ее люди, события яснополянской жизни нашли яркое отражение в бессмертных художественных произведениях Толстого. Незабываемые впечатления своих детских лет, проведенных в Ясной Поляне, Лев Николаевич отобразил в первом своем произведении — в повести «Детство».

Это произведение Лев Николаевич написал в 1852 году, когда ему было двадцать четыре года. Толстой в то время служил в армии на Кавказе.

Еще в юности Толстой начал вести дневник. С глубокой искренностью, непосредственностью он смело и откровенно разбирает в дневнике свое поведение, поступки, переживания. До того как написать «Детство», он уже пробовал писать маленькие рассказы. Сохранилось его неоконченное произведение «История вчерашнего дня».

Повесть «Детство» была напечатана в самом передовом журнале того времени — в «Современнике». Редактор этого журнала великий поэт Н. А. Некрасов отметил, что у автора повести есть талант, что повесть отличается простотой и правдивостью содержания. Некрасов просил автора сообщить полностью имя и фамилию, так как повесть свою Толстой, из скромности, подписал только двумя буквами: «Л. Н.». Повесть получила высокую оценку и у других писателей и литературных критиков того времени. Ее полюбили читатели, и Толстой сразу занял место в ряду лучших русских писателей.

В повести «Детство» очень много автобиографического: отдельные мысли, чувства, переживания и настроения главного героя — Николеньки Иртеньева, многие события из его жизни: детские игры, охота, поездка в Москву, занятия в классной

комнате, чтение стихов. Многие действующие лица повести напоминают людей, окружавших Толстого в детстве.

Но повесть не является только автобиографией писателя. Это художественное произведение, в котором обобщено виденное и слышанное писателем, — в ней изображается жизнь ребенка старой дворянской семьи первой половины XIX века.

Лев Николаевич пишет в своем дневнике об этой повести: «...замысел мой был описать историю не свою, а моих приятелей детства».

Исключительная наблюдательность, правдивость в изображении чувств и событий, характерные для Толстого, проявились уже в этом первом его произведении.

Действующие лица повести: maman (мама), papá (папá) — так дети называли по-французски отца и мать, — Николенька, старый учитель Карл Иванович, брат Володя, сестра Любочка, Катенька — дочь гувернантки Мими, слуги (дворовые) как живые встают на страницах повести.

С большой теплотой и мягким юмором Толстой изображает учителя Карла Ивановича. Вот он перед нами в красной вязаной шапочке с кисточкой и в пестром «ваточном» халате, с выражением доброты на лице.

Рисуя подробно внешние черты и характер Карла Ивановича, Толстой создает незабываемый художественный образ учителя детей помещиков того времени. Помещики обычно приглашали учителей на дом. Учителя (их чаще называли по-французски — гувернёрами) были одновременно и воспитателями: они ходили с детьми на прогулку, укладывали их спать, поднимали по утрам с постели, помогали одеваться, вместе с ними шли к столу. На учителе лежала обязанность прививать детям навыки и манеры, необходимые в дворянском обществе. Помещики предпочитали приглашать учителей-иностранцев: немцев, французов, англичан. Их считали более образованными, а главное, они могли научить детей иностранным языкам, знание которых в помещичьей семье было обязательным. В то время в дворянском обществе было принято говорить по-французски, и некоторые помещики даже считали, что знать иностранный язык важнее, чем свой родной.

Учителя из иностранцев были большей частью люди, у которых неудачно сложилась жизнь на своей родине, и они приезжали в Россию в поисках заработка. Среди них было мало настоящих учителей и даже просто образованных людей. Гувернером в России мог тогда стать любой иностранец: парикмахер, кучер, солдат, разорившийся торговец. Иногда среди этих учителей попадались добрые, любящие детей люди, и дети привязывались к ним. Таким был Карл Иванович. Он очень напоминает Федора Ивановича Рёсселя — учителя Л. Н. Толстого в его детские годы.

Толстой с большой глубиной и полнотой раскрывает образ Карла Ивановича; он знакомит нас не только с его внешностью, но и с его внутренним миром, его чувствами, мыслями. Подробно рассказывает о вещах, которые принадлежат Карлу Ивановичу, о его манерах, привычках, поступках — все это характеризует учителя, делает его образ живым, запоминающимся. Не случайно, например, описывается книжная полка Карла Ивановича: одни и те же книги, которые он всегда читает, говорят о том, что был он человек хотя и добрый, но необразованный и очень недалекий. Он мог научить детей разве только немецкому языку.

Немногими, но выразительными чертами обрисованы внешность и манеры отца Николеньки: улыбающиеся глазки, большой орлиный нос, лысина во всю голову, недостаток в произношении — пришептывание. Ходил он маленькими шажками, подергивая плечами. В характеристике этой нет ни одного лишнего слова; нет и общих слов, таких, как «хороший», «плохой», «красивый» и т. д. Подчеркиваются лишь характерные и потому особенно запоминающиеся черты: большой орлиный нос, ходит маленькими шажками и т. п.

Менее конкретно и ясно изображены в повести внешние черты матери Николеньки. Мы не можем представить себе ее лицо, ее одежду, походку. Лев Николаевич в какой-то степени описал в этом поэтическом образе свои смутные воспоминания о матери. Он подернут как бы дымкой, сквозь которую мы видим лишь его общие очертания. Но зато внутренний мир матери Николеньки раскрыт с большой глубиной. Ее горячая, самозабвенная любовь к детям, к мужу, ее нежность к ним, доб-

рое, ласковое отношение к окружающим, к слугам создают глубоко трогательный, идеальный образ женщины и матери.

Особое место среди лиц, изображенных в повести «Детство», занимает Наталья Савишна. Она отчасти напоминает Прасковью Исаевну — экономку в яснополянском доме Толстых. С большой симпатией и любовью рассказывает Толстой о Наталье Савишне. Простая крестьянка — она по своим моральным качествам стоит выше дворян. На Николеньку Наталья Савишна оказывает такое же благотворное влияние, как и его мать.

Как же рос Николенька Иртеньев, как он знакомился с окружающим миром, как складывался его характер?

Детские годы Николеньки Иртеньева во многом напоминали детство самого Льва Николаевича и многих других детей в дворянских семьях.

Родные и близкие Николеньки жили в довольстве и даже роскоши за счет трудов крепостных крестьян, которые обрабатывали земли в имениях своих господ — помещиков — и обеспечивали их всем необходимым для жизни.

Николеньку воспитывали в убеждении, что он барин, господин. Слуги и крестьяне почтительно называют его, маленького мальчика, по имени и отчеству — ведь он сын их господина и будет владеть ими, когда вырастет.

Даже старая, заслуженная экономка Наталья Савишна, которая пользовалась почетом в доме, которую любил Николенька, не смеет, по его мнению, не только наказать его за шалость, но и сказать ему «ты». «Как! Наталья Савишна, просто *Наталья,* говорит *мне ты,* и еще бьет меня по лицу мокрой скатертью, как дворового мальчишку. Нет, это ужасно!» — с возмущением и злобой говорит он.

Николенька с детства знает, что он не ровня не только дворовым мальчишкам, но и детям людей небогатых, не дворян. К Иленьке Грапу он относился не так, как к другим своим товарищам. Иленька Грап не принадлежал к богатым и знатным. Его отец — бедный иностранец — жил своим трудом и зависел от богатых людей. Иленька тоже чувствовал эту зависимость и неравенство. Поэтому он так покорен и робок в отношениях с мальчиками Иртеньевыми и Ивиными. А эти

мальчики с пренебрежением относились к бедно одетому, робкому и слабому Иленьке, издевались над ним. И даже Николеньке, мальчику от природы доброму, «он казался таким презренным существом, о котором не стоит ни жалеть, ни даже думать». Но Николенька осуждает сам себя за это. Он все время старается разобраться в своих поступках, в своих чувствах. В его светлый детский мир, наполненный любовью, счастьем и радостью, часто врываются и огорчения. Николенька страдает, когда замечает в себе дурные черты: неискренность, тщеславие, бессердечие.

Как стыдно было Николеньке вспоминать о своей злобе к доброй, любившей его Наталье Савишне! Он не мог себе простить и то, что вместе с братом Володей и мальчиками Ивиными смеялся над бедным Иленькой Грапом и обижал его, что, желая привлечь внимание Сонечки, он с насмешкой рассказывал ей о добром Карле Ивановиче, о том, какой он бывает смешной без красной шапочки и как он упал с лошади прямо в лужу.

Николеньку мучит оплошность, которую он допустил на охоте, — спугнул и упустил зайца. «Мне было бы легче, ежели бы он меня, как зайца, повесил на седло», — подумал Николенька, услышав презрительное замечание охотника Турки.

Но быстро меняются детские настроения и переживания. Только что окончилась охота, только что Николенька был в отчаянии от своего промаха, а он уже сидит в тени молодых березок на ковре, вместе со всеми детьми получает мороженое и фрукты, с увлечением играет в Робинзона.

Изумительно правдиво передает Толстой эти детские непосредственные, наивные и искренние переживания, раскрывает детский мир, полный и радостей, и огорчений, и нежных чувств ребенка к своей матери, и любви ко всему окружающему. Все доброе, хорошее, чем дорого детство, изображает Толстой в переживаниях Николеньки.

Подрастая, Николенька начинает все более и более понимать, что в жизни нет безоблачного счастья, нет и настоящей справедливости. Впервые он задумывается над этим, когда узнает, что Карла Ивановича хотят уволить и взять к детям

нового учителя. Николенька горячо сочувствует своему старому учителю, хотя он еще не понимает, в чем причина этой несправедливости.

Николенька начинает замечать, что не все люди так хороши, как это казалось ему в самом раннем детстве. Он знакомится с княгиней Корнаковой и ее семейством. Как многие дворяне, Корнаковы — люди внешне воспитанные, но неискренние, никчемные, непорядочные. Особенно неприятен молодой князь Этьен. Толстой изображает его со всеми недостатками, свойственными светской молодежи. Корнаковы — первые в ряду тех дворян, ведущих праздную, паразитическую, фальшивую и лицемерную жизнь, которых резко критикует Толстой почти во всех своих последующих произведениях.

Смерть матери и переезд в Москву заставляют Николеньку все больше задумываться о смысле жизни. С этими раздумьями он переходит в новую ступень возраста — отрочество, о котором Толстой рассказывает в следующей своей повести — «Отрочество».

Повесть «Детство» — произведение большой художественной силы. Духовный мир героев, движение их мыслей, чувств раскрыты в ней с поразительной глубиной и правдивостью. Толстой-художник создал в повести живые, яркие, полнокровные образы людей.

Даже лица, которые занимают в повести очень мало места, хорошо запоминаются. Достигает этого Толстой тем, что в каждом лице он подмечает наиболее характерный признак, наиболее бросающуюся в глаза деталь в одежде, в походке или в разговоре. О старом ямщике Толстой пишет, что он был сгорбленный старик, в зимней шапке и армяке. О другом ямщике — что он видный молодой парень, в одной белой рубашке с красными кумачовыми ластовицами (вставки из красной материи под мышками), в черной поярковой шляпе. Почесывая русые кудри, ямщик сбивал шапку то на одно, то на другое ухо.

Толстой упорно работал над языком героев повести. Каждый из них говорит своим языком, не похожим на речь других. Приказчик Яков без конца повторяет: «слушаю-с», «так точно-с», «извольте видеть», «позвольте доложить» — подобостра-

стие, чрезмерное усердие чувствуются в этой речи. Речь княгини Корнаковой такая же притворная и фальшивая, как и она сама: «Ах, да познакомьте же меня с вашими молодыми людьми», «Прошу любить старую тетку». Ласкова, задушевна речь Натальи Савишны. «...долго металась моя голубушка... потом спустила головку с подушек и задремала, так тихо, спокойно... поднимет ручку и опять опустит», — рассказывала Наталья Савишна о смерти матери Николеньки. В ее речи много простонародных слов: «голубчик», «сердечная», «батюшка».

С изумительным мастерством представлена в повести дворянская усадьба, где живет Николенька Иртеньев. Ее обстановка, быт очень похожи на Ясную Поляну. Комнаты в доме, отдельные вещи оживают в повести — кажется, что видишь их, что можно потрогать их руками. Вот классная комната, в которой дети занимаются с Карлом Ивановичем. Ясно представляются нам и угол возле печки, в который Карл Иванович ставил провинившегося Николеньку, и стол, покрытый оборванной черной клеенкой, во многих местах прорезанный перочинным ножом, полочки с книгами, подклеенные карты, черная доска, на которой кружками и крестиками отмечалось поведение детей на уроках.

Не менее точно и живописно изображает Толстой русскую природу, такую близкую и родную герою повести. Но природу Толстой изображает по-особенному. Она у него не предмет любования, а место человеческого труда. Все в ней живет, движется, действует.

Вот пример такого описания:

«Хлебная уборка была во всем разгаре. Необозримое, блестяще-желтое поле замыкалось только с одной стороны высоким синеющим лесом... Все поле было покрыто копнами и народом. В высокой густой ржи виднелись кой-где на выжатой полосе согнутая спина жницы, взмах колосьев, когда она перекладывала их между пальцев, женщина в тени, нагнувшаяся над люлькой, и разбросанные снопы по усеянному васильками жнивью. В другой стороне мужики в одних рубахах, стоя на телегах, накладывали копны и пылили по сухому раскаленному полю... Говор народа, топот лошадей и телег,

веселый свист перепелов, жужжание насекомых, которые неподвижными стаями вились в воздухе, запах полыни, соломы и лошадиного пота, тысячи различных цветов и теней, которые разливало палящее солнце по светло-желтому жнивью, синей дали леса и бело-лиловым облакам, белые паутины, которые носились в воздухе или ложились по жнивью, — все это я видел, слышал и чувствовал».

И все это вместе с Николенькой видит, слышит и чувствует каждый читатель замечательной поэтической повести Толстого «Детство».

* * *

Лев Николаевич Толстой, великий русский писатель, за свою долголетнюю жизнь (он прожил восемьдесят два года) написал много замечательных повестей, рассказов, романов и пьес. Много рассказов и басен написал Лев Николаевич для детей.

В своих романах «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение» и в других произведениях он описал жизнь русского народа, воспел его силу, храбрость, духовную красоту. Но в них же он резко осудил праздную, ложную жизнь господствующих классов, их бесчеловечные по отношению к трудовому народу законы, их лицемерную мораль.

Бессмертные произведения Толстого читают все советские люди, их изучают в школах. Сбылись слова В. И. Ленина о том, что эти произведения «...всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия, свергнув иго помещиков и капиталистов...»

Пьесы и даже некоторые романы Толстого перешли на сцену театра и волнуют советских людей горячей правдой и ненавистью к тем, кто уродует жизнь человека.

Русские люди любят Толстого за то, что он сам любил искренне и глубоко русский народ, за то, что он верил в него, верил в его неиссякаемые творческие силы.

Толстого как гениального художника знают и глубоко чтут лучшие, передовые люди всего мира.

Русский народ гордится бессмертными творениями своего гениального писателя.

А Поповкин

СОДЕРЖАНИЕ

Вл. Орлов. Александр Блок 5

«О, я хочу безумно жить...» 16

Юношеские стихи

«Я стремлюсь к роскошной воле...» 17
«В ночи, когда уснет тревога...» 18
«Мы были вместе, помню я...» . . . . . —
Servus — Reginae («Не призывай. И без призыва...») . . . . —
«За краткий сон, что нынче снится...» 19
«На небе зарево. Глухая ночь мертва...» . . . . . —
«Ветер принес издалёка...» 20
«Одинокий, к тебе прихожу...» . . . . . —
«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» 21
«Сумерки, сумерки вешние...» . . . . . —
«Встану я в утро туманное...» 22
«Бегут неверные дневные тени...» 23
«Мы живем в старинной келье...» . . . . . —
«Мы встречались с тобой на закате...» 24
«Вхожу я в темные храмы...» . . . . . —
«Мне снились веселые думы...» 25

«Просыпаюсь я — и в поле туманно...» . . . . . —
«Ты из шепота слов родилась...» 26
«Скрипка стонет под горой...» . . . . . —

Стихи о любви

«Утихает светлый ветер...» 27
Сольвейг («Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...») . . 28
Незнакомка («По вечерам над ресторанами...») 29
Ангел-хранитель («Люблю тебя, ангел-хранитель во мгле...») . 31
Снежное вино («И вновь, сверкнув из чаши винной...») . . . 32
Ее песни («Не в земной темнице душной...») 33
В углу дивана («Но в камине дозвенели...») 34
Они читают стихи («Смотри: я спутал все страницы...») . . 35
«В густой траве пропадешь с головой...» . . . . . —
«Работай, работай, работай...» 36
Инок («Никто не скажет: я безумен...») 37
«Гармоника, гармоника!..» . . . . . —
«Когда вы стоите на моем пути...» 38
«Она пришла с мороза...» 39
«Я помню длительные муки...» 40
«Когда замрут отчаянье и злоба...» 41
«Твое лицо мне так знакомо...» . . . . . —
«О доблестях, о подвигах, о славе...» 42

Через двенадцать лет:

1. «Всё та же озерная гладь...» 43
2. «В темном парке под ольхой...» . . . . . —
3. «Когда мучительно восстали...» 44
4. «Синеокая, бог тебя создал такой...» . . . . . —
5. «Бывают тихие минуты...» 45
6. «В тихий вечер мы встречались...» . . . . . —
7. «Уже померкла ясность взора...» 46
8. «Всё, что память сберечь мне старается...» . . . . . —

Утро в Москве («Упоительно встать в ранний час...») . . . 47
«Черный ворон в сумраке снежном...» . . . . . —
В ресторане («Никогда не забуду (он был или не был...») . . 48
«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...» . . . —
Песня Алискана («День веселый, час блаженный...») 49

«Мы забыты, одни на земле...» . . . . . —
Седое утро («Утреет. С богом! По домам!..») 50
«Я вижу блеск, забытый мной...» 51
«Я — Гамлет. Холодеет кровь...» . . . . . —
«Как день, светла, но непонятна...» 52
. . . . . —

Кармен:

1. «Как океан меняет цвет...» . . . . . —
2. «На небе — празелень, и месяца осколок...» 53
3. «Есть демон утра. Дымно-светел он...» . . . . . —
4. «Бушует снежная весна...» 54
5. «Среди поклонников Кармен...» . . . . . —
6. «Сердитый взор бесцветных глаз...» . . . . . —
7. «Вербы — это весенняя таль...» 55
8. «Ты — как отзвук забытого гимна...» 56
9. «О да, любовь вольна, как птица...» . . . . . —
10. «Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...» . . 57
. 58

«Была ты всех ярче, верней и прелестней...» 59
«Протекли за годами года...» . . . . . —
«За горами, лесами...» . . . . . —
«Пусть я и жил, не любя...» 60
«Превратила всё в шутку сначала...» 61
«Вы предназначены не мне...» . . . . . —

Вольные мысли

О смерти («Всё чаще я по городу брожу...») 62
Над озером («С вечерним озером я разговор веду...») 65
В северном море («Что сделали из берега морского...») . . . 68

Разные стихотворения

«Я вам поведал неземное...» 71
«На весеннем пути в теремок...» 72
«Девушка пела в церковном хоре...» . . . . . —
«Передвечернею порою...» 73
Холодный день «Мы встретились с тобою в храме...») 74
В октябре («Открыл окно. Какая хмурая...») 75

«Так окрылённо, так напевно...» 76
Балаган («Над чёрной слякотью дороги...») 77
«О, весна без конца и без краю...» 78
«Свирель запела на мосту...» 79
«Май жестокий с белыми ночами!..» . . . . . —
Друзьям («Друг другу мы тайно враждебны...») 80
Поэты («За городом вырос пустынный квартал...») 81
«Я пригвождён к трактирной стойке...» 82
«Когда я прозревал впервые...» 83

Из «Итальянских стихов»:

Равенна («Всё, что минутно, всё, что бренно...») . . . 83
Девушка из Spoleto («Строен твой стан, как церковные свечи...») 85
Перуджия («День полувесёлый, полустрадный...») . . . —
«Флоренция, ты прис нежный...» 86
«Окна ложные на небе чёрном...» . . . . . —
Madonna da Settignano («Встретив на горном тебя перевале...») . . . . . —
«Искусство — ноша на плечах...» 87

«Всё это было, было, было...» . . . . . —
«Поздней осенью из гавани...» 88
Сусальный ангел («На разукрашенную елку...») 89
На смерть Комиссаржевской («Пришла порою полуночной...») 90
Голоса скрипок («Из длинных трав встает луна...») 91
Демон («Прижмись ко мне крепче и ближе...») . . . . . —
«Как тяжело ходить среди людей...» 92
На железной дороге («Под насыпью, во рву некошеном...») . 93
«Когда ты загнан и забит...» 94
«Благословляю всё, что было...» 95
Авиатор («Летун отпущен на свободу...») . . . . . —
Шаги Командора («Тяжкий, плотный занавес у входа...») . . 97
«Как тяжко мертвецу среди людей...» 98
«И вновь порывы юных лет...» 100
«Миры летят. Года летят. Пустая...» 101
«Есть минуты, когда не тревожит...» . . . . . —
«Ночь, улица, фонарь, аптека...» 102
Сны («И пора уснуть, да жалко...») . . . . . —
Песня Гаэтана («Ревет ураган...») 104
К Музе («Есть в напевах твоих сокровенных...») 105
«Милый друг, и в этом тихом доме...» 106

Художник («В жаркое лето и в зиму метельную...») 106
«Есть игра: осторожно войти...» 107
«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» 109
«На улице — дождик и слякоть...» . . . . . —
«Дикий ветер...» 110
Пушкинскому Дому («Имя Пушкинского Дома...») 111

Соловьиный сад

«Я ломаю слоистые скалы...» 113

Стихи о Петербурге, России и революции

Фабрика («В соседнем доме окна жолты...») 119
Петр («Он спит, пока закат румян...») 120
«Поднимались из тьмы погребов...» 121
«Барка жизни встала...» 122
«В кабаках, в переулках, в извивах...» . . . . . —
Осенняя воля («Выхожу я в путь, открытый взорам...») . . . 123
«Вися над городом всемирным...» 124
Сытые («Они давно меня томили...») 125
Русь («Ты и во сне необычайна...») 126
«Я ухо приложил к земле...» 127
«Тропами тайными, ночными...» 128

На поле Куликовом:

1. «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» 128
2. «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...» . . . 129
3. «В ночь, когда Мамай залег с ордою...» 130
4. «Опять с вековою тоскою...» 131
5. «Опять над полем Куликовым...» 132

Россия («Опять, как в годы золотые...») . . . . . —
Осенний день («Идем по жнивью не спеша...») 133
«Под шум и звон однообразный...» 134
«Так. Буря этих лет прошла...» 135
«В голодной и больной неволе...» . . . . . —
«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..» 136
«Там неба осветленный край...» 137

«В огне и холоде тревог...» 137
Народ и поэт («Жизнь — без начала и конца...») 138
Возмездие («В те годы дальние, глухие...») 140
Два века («Век девятнадцатый, железный...») 143
«Да, так велит мне вдохновенье...» 145
«Земное сердце стынет вновь...» 146
Новая Америка («Праздник радостный, праздник великий...») 147
«Вновь богатый зол и рад...» 149
«Грешить бесстыдно, непробудно...» . . . . . —
«Петроградское небо мутилось дождем.....» 150
«Рожденные в года глухие...» 151
Коршун («Чертя за кругом плавный круг...») 152
Скифы («Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы...») . . —

Двенадцать

«Черный вечер...» 155

Примечания 167

ПРИМЕЧАНИЯ

Избранные стихотворения Александра Блока, вошедшие в этот сборник, распределены по нескольким разделам («Юношеские стихи», «Стихи о любви», «Разные стихотворения», «Стихи о Петербурге, России и революции»). Внутри разделов стихотворения расположены в хронологической последовательности. В некоторых случаях они помечены двумя датами; вторая дата (в скобках) обозначает время окончательной обработки текста. Отдельно выделены стихи из цикла «Вольные мысли» и поэмы «Соловьиный сад» и «Двенадцать». В сборник вошли четыре извлечения из незаконченной поэмы «Возмездие» («Когда ты загнан и забит...», «Народ и поэт», «Возмездие» и «Два века»). Они были опубликованы самим Блоком отдельно, в качестве самостоятельных произведений, и печатаются здесь по тексту этих публикаций.

В некоторых случаях в тексте сохранены особенности орфографии Блока (как правило, связанные с особенностями его произношения). Так, например, он неизменно писал *«троттуар»*, сохраняя двойное *«т»* французского оригинала данного слова и произнося его «по-французски» же — как двухсложное, благодаря чему ритмический строй в такой, скажем, строке, как *«Блеснут витрины и троттуары»*, не нарушался. Кроме того, Блок намеренно применял различные начертания одного и того же слова, вкладывая в него в том или ином случае особый смысловой оттенок (например, *метели* и *мятели, желтый* и *жолтый*). Нельзя не уважать волю поэта, который однажды написал редактору: «Всякая моя грамматическая оплошность в стихах *не случайна*, за ней скрывается то, чем я *внутренне* не могу пожертвовать; иначе говоря, мне так «поется».

ЮНОШЕСКИЕ СТИХИ

Стр. 17

«Я стремлюсь к роскошной воле...» *Дедово* — подмосковная усадьба А. Г. Ковалевской, двоюродной бабки Блока.

Стр. 19

«На небе зарево. Глухая ночь мертва...» По разъяснению Блока, в этом стихотворении отразилось одно из его впечатлений: деревья березовой рощи и облака, освещенные лучами заходящего солнца, показались ему видением средневекового города.

Стр. 20

«Одинокий, к тебе прихожу...» *Шахматово* — подмосковная усадьба деда Блока, А. Н. Бекетова, впоследствии перешедшая во владение поэта.

Стр. 21

«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» *Соловьев* Владимир Сергеевич (1853—1900) — лирический поэт, религиозно-мистический философ и публицист, оказавший глубокое влияние на молодого Блока.

Стр. 23

«Бегут неверные дневные тени...» *Соловьев* Сергей Михайлович (1885—1942) — поэт-символист, племянник и последователь Владимира Соловьева, троюродный брат Блока и до 1905 года один из самых близких его друзей.

Стр. 26

«Скрипка стонет под горой...» *Bad Nauheim* (Бад Наугейм) — курортный городок в Германии, где Блок побывал трижды: в 1897, 1903 и 1909 годах.

СТИХИ О ЛЮБВИ

Стр. 27

«Утихает светлый ветер...» *Касатки* — ласточки.

Стр. 28

Сольвейг. По разъяснению Блока, драматической поэмой норвежского писателя Генрика *Ибсена* (1828—1906) «Пер Гюнт» «навеяны и женственный образ Сольвейг, и другие образы этого стихотворения». Женское имя *Сольвейг* в переводе с норвежского означает: Солнечный путь. *Городецкий* Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, друг Блока, особенно близкий с ним в 1905—1908 годах.

Стр. 29

Незнакомка. *Чуть золотится крендель булочной...*— В дореволюционное время вывески булочных украшались золоченым изображением кренделя. *Котелок* — мужская шляпа особого фасона. *Озерки* — дачный пригород Петербурга.

Стр. 31

Ангел-хранитель. Стихотворение обращено к жене поэта — Л. Д. Менделеевой-Блок. В словах «За то, что хочу и не смею убить» царская цензура усмотрела «воспевание политического убийства» и «возбуждение к тяжким и преступным деяниям»; книжка журнала, где появилось это стихотворение Блока, была конфискована, а против издателя возбуждено судебное преследование.

Стр. 37

Инок. *Инок* — монах. *Игумен* — настоятель (руководитель) монастыря. *Ряса* — монашеское одеяние. *Ярое* (пламя) — чистое, сверкающее.

Стр. 39

«Она пришла с мороза...» *Пузыри земли.*— В трагедии Шекспира «Макбет» (которая принадлежала к числу литературных произведений, особенно любимых Блоком) есть такие стихи (акт I, сцена 3-я):

«Земля, как и вода, содержит газы,
И это были пузыри земли».

Паоло и *Франческа* — несчастные любовники, жившие в Италии в XII веке; об их трагической судьбе рассказано в «Божественной комедии» Данте («Ад», песнь 5-я).

Стр. 42

«О доблестях, о подвигах, о славе...» *Аналой* — особой формы столик, принадлежность церковного обихода; перед аналоем, в частности, происходил обряд церковного бракосочетания.

Стр. 43

Через двенадцать лет. Стихи этого цикла, написанного в основном в 1909 году в Бад Наугейме (курорт в Германии), посвящены воспоминанию о первой любви к *К. М. Садовской* (1862—1925), пережитой поэтом там же, в Бад Наугейме, в 1897 году. *Градирни* — высокие деревянные клетки, набитые хворостом, который пропускает сквозь себя ветер и механически приводимую в движение соленую воду; назначение градирен — насыщать воздух солью в лечебных целях. *Лес девичий* (нем.: Frauenwald) — парк в Бад Наугейме. *Хохлушка* — украинка. *Елагин остров* — парк в Петербурге, где в 1898—1900 годах встречались Блок и К. М. Садовская. *Синий призрак умершей любовницы...* — До Блока дошел ложный слух о смерти К. М. Садовской.

Стр. 47

«Черный ворон в сумраке снежном...» *Валентина* — Валентина Андреевна Щеголева (1878—1931), драматическая актриса.

Стр. 48

В ресторане. *Аи* — марка шампанского.

Стр. 49

Песня Алискана. Извлечена из драмы Блока «Роза и Крест», написанной на материале французского средневековья. *Алискан*, красивый и жеманный паж, поет эту песню своей юной госпоже графине Изоре. *Святые земли* — Палестина, куда средневековые рыцари снаряжали «крестовые походы», чтобы отвоевать у «неверных» «гроб господень» и другие христианские святыни.

Стр. 51

Седое утро. Эпиграф из стихотворения И. С. Тургенева «В дороге», которое стало популярным «цыганским» романсом.

Стр. 52

«Я — Гамлет. Холодеет кровь...» Принц Гамлет (в трагедии Шекспира), павший жертвой коварства и вероломства, был заколот отравленной шпагой. *Офелия моя* — жена поэта.

Стр. 53

Кармен. Стихи этого цикла были написаны под впечатлением встречи и знакомства с Любовью Александровной Андреевой-Дельмас (1879—1969), оперной актрисой, талантливо исполнявшей партию Кармен *(Карменситы)* в одноименной опере Ж. Бизе на сцене петербургского Театра музыкальной драмы. *Ланиты* — щеки. *Хитон* — широкая одежда, распространенная в древности. *Цунига, Хозе, Эскамильо* — лица, действующие в опере «Кармен». *Лиллас-Пастья* — трактирщик, о котором упоминается в либретто оперы «Кармен». *Сегидилья* — испанская песня и танец. *Таль* — здесь: оттепель. *Иерей* — священник. *Треба* — богослужение. Курсивом в 4-м, 6-м и 9-м стихотворениях выделены цитаты из либретто оперы «Кармен». В 6-м стихотворении — воспоминание о первой встрече с Л. А. Дельмас, когда она, на этот раз не участвуя в спектакле, находилась в зрительном зале. В 7-м стихотворении речь идет о сувенирах, которые Блок хранил в память о встречах с Л. А. Дельмас (ветки вербы, ячменные колосья, розы).

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

Стр. 62

Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — поэт, прозаик, критик и литературовед, друживший с Блоком в 1904—1908 годах.

О смерти. *Жокеи* — здесь: наездники, участвующие в скачках на ипподроме. *Ландо* — открытый экипаж. *Сотка* — водочная бутылка (в одну сотую часть ведра).

Стр. 65

Над озером. *Склеп* — сооружение над могилой. *Текла* — имя романтической героини в трагедиях Ф. Шиллера «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна». *Шувалово* — дачный пригород Петербурга; здесь, на берегу озера, на крутом склоне холма, расположено кладбище.

Стр. 68

В северном море. *Тальеры* — женские костюмы. *Иеромонах* — монах в сане священника. *По́слушник* — человек, живущий в монастыре и готовящийся принять монашество. *Вольный остров* — один из небольших островов, расположенных в дельте Невы. *Феронье́ра* — женское украшение для волос. *Сестрорецкий курорт* — под Петербургом, на берегу Финского залива.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Стр. 72

«Девушка пела в церковном хоре...» *Царские врата* — центральная дверь в иконостасе, отделяющем алтарную часть от остального пространства церкви.

Стр. 75

В октябре. *На юру* — на высоком, открытом месте.

Стр. 77

Балаган. Эпиграф — из пьесы французского писателя А. Дюма (сына) «Кин, или Гений и беспутство». *Кин* Эдмонд (1787—1833) — английский драматический актер, прославившийся в ролях шекспировского репертуара. *Арлекин, Пьеро* и *Коломбина* — традиционные персонажи итальянской народной «комедии масок»; в обычных комедийных положениях Арлекин — злоязычный насмешник и пройдоха, Пьеро — его наивный и незадачливый товарищ, Коломбина — лукавая жена Пьеро и любовница Арлекина.

Стр. 78

«О, весна без конца и без краю...» *Веси* — селения.

Стр. 79

«Май жестокий с белыми ночами!..» *Пяст* (Пестовский) Владимир Алексеевич (1886—1940) — поэт-символист, друг Блока с 1905 года, порвавший с ним после Октябрьской революции и появления поэмы «Двенадцать».

Стр. 83

Из «Итальянских стихов». Блок совершил путешествие по Северной и Средней Италии летом 1909 года.

Равенна. *Равенна* — древняя столица Западной Римской империи на побережье Адриатического моря; впоследствии пришла в упадок и превратилась в захолустный итальянский городок. *Базилики* — здесь: древние христианские храмы. *Саркофаги* — каменные гробницы. *Галла,* или *Плакида,*— Галла Плацидия Августа, жена вестготского вождя Атаульфа, а позже — римского императора Констанция; она правила Западной Римской империей в середине V века, похоронена в Равенне. *Далёко отступило море...*— С древних времен Адриатическое море отступило от Равенны примерно на семь километров. *Теодорих Великий* (456—526) — король остготов, завоевавший Равенну и сделавший ее столицей своего государства; похоронен в Равенне. *«Новая жизнь»* — произведение Данте Алигьери (1256—1321), величайшего поэта Италии, который провел в Равенне последние годы жизни и похоронен там.

Стр. 85

Девушка из Spoleto. *Spoleto* — городок в Средней Италии. *Дай, как монаху, взойти на костер...*— Намек на судьбу Джироламо Савонаролы (1452—1498), знаменитого итальянского проповедника и общественного реформатора, по приговору церковного суда повешенного и сожженного на костре по обвинению в «ереси». *Лишь, как художник, смотрю за оградой...*— Итальянские художники эпохи Возрождения часто изображали самих себя на своих картинах в качестве свидетелей или участников происходящего. *Херувим* — ангел высшего чина.

Перуджия. *Перуджия* — городок в Италии, в области *Умбрия. Перуджино* (1446—1524) — итальянский художник эпохи Возрождения. *Франциск* Ассизский (1182—1226) — итальянский монах, один из наиболее почитаемых «святых» католической церкви.

Стр. 86

«Флоренция, ты прис нежный...» *Кашины* — парк во Флоренции, во времена Блока изобиловавший присадами.

«Окна ложные на́ небе черном...» Написано на мотив итальянской народной песенки, которую Блок услышал во Флоренции на улице.

Madonna da Settignano. *Settignano* (Сеттиньяно) — местечко в области *Тоскана*, в окрестностях Флоренции. Блок пояснил: «Стихотворение это внушил мне бюст синеокой мадонны в желтом платке с цветочками, помещенный под местечком в полугоре».

Стр. 87

«Искусство — пошла на плечах...» В стихотворении отразился следующий случай: в итальянском городке *Фолиньо* Блок случайно увидел французский кинофильм, который уже смотрел за год до того в Петербурге.

«Всё это было, было, было...» *Возлюбленная поляна* — Шахматово, усадьба Блока. *Дожи* — правители Венецианской республики с 697 по 1797 гг. *Калита* — Иван I Данилович, прозванием Калита, великий князь Московский, первый собиратель Русской земли (княжил в 1328 — 1341 годах).

Стр. 90

На смерть Коммиссаржевской. *Коммиссаржевская* Вера Федоровна (1864—1910) — драматическая актриса выдающегося дарования, пользовавшаяся громадным успехом в демократических кругах, особенно среди молодежи. *Серафимы* — ангелы высшего чина в христианской мифологии. *Склеп* — здесь: могила. *Камень бел-горючий* и *плакун-трава* — образы русских народных поверий, сказок и песен. *Тризна* — поминки по умершему.

Стр. 91

Голоса скрипок. *Иванов* Евгений Павлович (1879 — 1942) — литератор, самый близкий, задушевный и верный друг Блока.

Демон. По разъяснению Блока, стихотворение было написано под впечатлением смерти выдающегося русского художника М. А. Врубеля (1856—1910), создавшего несколько вариантов картины «Демон» (в том числе «Демон поверженный»), и содержит намеки на «связь демонов Лермонтова и Врубеля». *Зурна* — восточный музыкальный инструмент вроде гобоя. *Тамара* — героиня поэмы Лермонтова «Демон».

Стр. 93

На железной дороге. Блок охарактеризовал это стихотворение как «бессознательное подражание» одному из эпизодов в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: «Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне вагона Нехлюдова в бархатном кресле ярко освещенного купе первого класса». *Иванова* Мария Павловна (1874—1941) — сестра Е. П. Иванова, друга Блока, по профессии — врач. *Молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели...* — В дореволюционное время в России вагоны I класса окрашивали в синий цвет, II класса — в желтый и III класса — в зеленый. *Жандарм* — чин военной полиции.

Стр. 94

«Когда ты загнан и забит...» Вошло в поэму «Возмездие» как заключение третьей главы (в написанной ее части). *Бранд* — герой одноименной драмы Генрика Ибсена, образ сильного, волевого человека, берущего от жизни «в полную меру».

Стр. 95

«Благословляю всё, что было...» Стихотворение было написано в качестве заключения к «Собранию стихотворений», третья (последняя) книга которого называлась: «Снежная ночь».

Авиатор. В рукописи посвящено памяти одного из первых русских летчиков В. Ф. Смита, разбившегося на глазах у Блока 14 мая 1911 года, во время «Авиационной недели», собиравшей множество пресыщенной буржуазной публики. Блок, сильно увлеченный первыми успехами авиации, утверждал, что шум пропеллера «ввел в мир новый звук» и что в «полетах людей, даже неудачных, есть что-то древнее и сужденное человечеству, следовательно — высокое». *Летун* — в народном языке: огненный змей, летучий дух. *Львица* — в буржуазном просторечии: модная светская дама.

Стр. 97

Шаги Командора. Вариация на тему общеевропейской легенды об испанском дворянине Дон-Жуане, обольстившем благочестивую дочь (по другим источникам — вдову) Командора донну Анну и поплатившемся за это жизнью. Этот сюжет разработан во множестве произведений мировой литературы и искусства, в том числе в пьесах Тирсо де Молины и Мольера, в опере Моцарта, поэме

Байрона, «Каменном госте» Пушкина, новеллах Гофмана, Мериме и Мюссе, драматической поэме А. К. Толстого. У Блока этот бродячий сюжет приобрел совершенно новое и оригинальное звучание.
Зоргенфрей Вильгельм Александрович (1882—1938) — поэт и переводчик, друг Блока.

Стр. 98

«Как тяжко мертвецу среди людей...» Заглавное стихотворение в цикле «Пляски смерти», в котором Блок с особенной художественной силой выразил свое ощущение буржуазного «страшного мира» как мира духовных мертвецов, обреченных на исчезновение из истории, из живой действительности. *Присутствие* — отправление служебных обязанностей в казенном учреждении.

Стр. 102

Сны. В стихотворении отразились мотивы «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина.

Стр. 104

Песня Гаэтана. Извлечена из драмы Блока *«Роза и Крест»*, написанной на материале французского средневековья. *Гаэтан* — один из центральных героев драмы, бродячий рыцарь, сочинивший «туманную песню» о том, что и страданье может стать радостью.

Стр. 105

К Музе. *Аи* — марка шампанского.

Стр. 106

«Милый друг, и в этом тихом доме...» *Азраил* — ангел смерти в восточной мифологии.

Художник. *Сирины* — в русском фольклоре и в древнерусской литературе сказочные райские птицы, символизирующие радость и счастье.

Стр. 109

«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» В августе 1911 года во французский порт Аберврак (на бретонском побережье Атлантического океана), где жил тогда Блок с женой, вошла французская военная эскадра. Политическое положение в Европе в то время было крайне напряженным, и Блок истолковал появление эскадры как предзнаменование приближающейся мировой войны. *Кильватерная колонна* — походный строй военных кораблей, когда они идут гуськом один за другим.

Стр. 111

Пушкинскому Дому. Последнее стихотворение Блока, написанное за несколько дней до торжественного чествования Пушкина в 84-ю годовщину его смерти (11 февраля 1921 года), на котором Блок выступил с вдохновенной речью «О назначении поэта». *Пушкинский Дом* — сперва мемориальный музей А. С. Пушкина, ныне — научно-исследовательский Институт русской литературы Академии наук СССР. *Торжественная река* — Нева. *Древний Сфинкс* — один из двух фиванских (древнеегипетских) сфинксов, установленных на набережной Невы, напротив здания Академии художеств. *Всадник бронзовый* — памятник Петру I (пушкинский Медный всадник). *Тайная свобода* — выражение Пушкина в стихотворении «К Н. Я. Плюсковой»:

«Любовь и тайная свобода
Внушили сердцу гимн простой.
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа».

Площадь Сената — бывшая Сенатская площадь (ныне — площадь Декабристов), с которой видно на противоположном берегу Невы «Главное здание» Академии наук, где в 1921 году помещался Пушкинский Дом.

СОЛОВЬИНЫЙ САД

Стр. 113

В пейзаже этой поэмы отразились воспоминания Блока о французской деревушке Гéтари (на Бискайском побережье Атлантиче-

...него океана, неподалеку от границы с Испанией), где он жил летом 1913 года; в Гетари была вилла, с ограды которой свешивались вьющиеся розы; на скалистом берегу океана Блок часто встречал каменотеса с ослом, подолгу наблюдал за крабами. *Дольнее* (горе) — здесь в смысле: земное, человеческое. *Чарый* (сумрак) — прилагательное от слова «чары» (очарование). *Спруты* — осьминоги, морские моллюски-хищники, подстерегающие добычу среди подводных скал и камней.

СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ, РОССИИ И РЕВОЛЮЦИИ

Стр. 119

Фабрика. В 1904 году это стихотворение было запрещено царской цензурой.

Стр. 120

Петр. Стихотворение внушено памятником Петру I работы Э. Фальконе (пушкинский Медный всадник). О *Евг. Иванове* — см. стр. 174.

Стр. 121

«Поднимались из тьмы погребов...» *Геенна* — ад.

Стр. 122

«Барка жизни встала...» Номер газеты, в котором 26 ноября 1905 года появилось это стихотворение, был конфискован полицией.

Стр. 123

Осенняя воля. *Рогачевское шоссе* — в окрестностях Шахматова.

Стр. 124

«Вися над городом всемирным...» Это стихотворение является откликом на опубликованный 18 октября 1905 года царский манифест о введении в России конституции. Блок прозорливо оценил манифест как вынужденный маневр царизма и обман революционных чаяний народа (отсюда — *«лик змеи»*). Номер газеты, в котором 26 ноября 1905 года появилось стихотворение, был кон-

фасковал полицией. *Город всемирный* — Петербург. *Предок царственно-чугунный* — памятник Петру I (Медный всадник). *Новые птенцы* — намек на выражение А. С. Пушкина (в поэме «Полтава»): «птенцы гнезда Петрова».

Стр. 125

Сытые. Отклик на массовые забастовки, происходившие на заводах и предприятиях Петербурга в октябре 1905 года; в частности, тогда забастовали рабочие и служащие столичной электростанции. *Пергаментные речи* — здесь в переносном значении: сухие, бесстрастные.

Стр. 126

Русь. По разъяснению Блока, «мутный взор колдуна, чарованье злаков, ведьмы и черти в снеговых столбах на дороге, девушка, точащая под снегом лезвие ножа на изменившего милого,— все это подлинные образы наших поверий, заговоров и заклинаний». Блок хорошо знал этот материал; ему принадлежит большая статья «Поэзия заговоров и заклинаний». *Ведуны* — колдуны, волшебники. *Ворожеи* — гадалки, знахарки.

Стр. 127

«Я ухо приложил к земле...» В рукописи озаглавлено: «Рабочему». Это стихотворение, как и следующее («Тропами тайными, ночными...»), было написано в тот самый день, когда царским манифестом было объявлено о роспуске Государственной думы, после чего правительство перешло к открытой политике жестокого контрреволюционного террора. *Ты роешься, подземный крот!..* — очевидно, отзвук знаменитых слов Гамлета в одноименной трагедии Шекспира (акт I, сцена 5-я): «Ты славно роешь землю, старый крот!»

Стр. 128

«Тропами тайными, ночными...» *Придут замученные ими...* — Имеются в виду политические жертвы царизма. *Упыри* — по народным поверьям, сказочные оборотни: мертвецы, сосущие кровь живых людей. *Их корабли в пучине водной...* — Отзвук Цусимского сражения (14—15 мая 1905 г.), когда в бою с японским

флотом погибла бо́льшая часть русской Тихоокеанской эскадры. *Отходная* — молитва, которую читает над умершим священник *(иерей)*. Первоначальная редакция 18-го стиха: «Рабочий сбросит с вольных плеч».

На поле Куликовом. Битва на Куликовом поле, в районе рек Дона и Непрядвы, происшедшая 8 сентября 1380 года между войском золотоордынского хана Мамая и ратью московского великого князя Дмитрия Ивановича, прозванного впоследствии Донским, закончилась решительной победой русских и сыграла важную роль в освобождении Руси от монголо-татарского ига. По убеждению Блока, Куликовская битва принадлежала к «символическим событиям русской истории», которым «суждено возвращение». Символика Куликовской битвы занимает видное место в кругу размышлений Блока о судьбах современной ему России — о свержении «татарского ига» царизма, о близящейся революции, о взаимоотношениях народа и интеллигенции. *Стяг* — знамя. *Обедня* — церковная служба. Эпиграф к пятому стихотворению — из стихотворения В. С. Соловьева «Дракон».

Стр. 132

Россия. *Шлея* — часть конской упряжи.

Стр. 135

«В голодной и больной неволе...» *Господне лето* — евангельское выражение, обозначающее доброе, счастливое время («Лето господне благоприятно»).

Стр. 136

«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..» *Ермак* (умер в 1584 году) — казачий атаман, сыгравший выдающуюся роль в освоении Сибири, герой народных песен и сказаний. *Чудь* и *меря* — древние племена, жившие в районе рек Онеги и Северной Двины и в области Верхнего Поволжья. *Царьградские святыни* — христианские памятники древней столицы Византийской империи Царьграда (Константинополя, впоследствии турецкого Стамбула).

Стр. 137

«В огне и холоде тревог...» Стихотворение обращено к сестре поэта Ангелине Александровне Блок (1892—1918), дочери А. Л. Блока от второго брака. *У гроба.*— Блок впервые встретился с сестрой на похоронах отца, в Варшаве, в декабре 1909 г. *Фант* — вещь, предмет, значок, который отдает в залог участвующий в игре «в фанты».

Стр. 138

Народ и поэт. Пролог поэмы «Возмездие». *Зигфрид* — герой древнегерманского эпоса «Песнь о Нибелунгах». *Нотунг* — волшебный меч Зигфрида; после того как Зигфрид заново сковал расколотый в бою Нотунг, злой карлик *Миме,* желавший завладеть мечом, пытался убить Зигфрида, но сам пал от его руки. *Вот — голову его на блюде...*— Имеется в виду библейская легенда о царевне Саломее, потребовавшей у галилейского царя Ирода-Антипы голову пророка Иоанна-крестителя в награду за пляску. *Притвор*— передняя часть церкви. *Денница* — упомянутый в Библии падший ангел, свергнутый с неба за гордыню и злость. *Уголь превращается в алмаз...*— Речь идет об искусственном образовании алмаза из угля; в конце XIX — начале XX века вопрос этот широко обсуждался в научных кругах.

Стр. 140

Возмездие. Вступление во вторую главу поэмы «Возмездие». *Победоносцев* Константин Петрович (1827—1907) — обер-прокурор Синода (высшего церковного учреждения России), влиятельнейший сановник, идеолог самодержавия, поповщины, черносотенства и полицейского режима, вдохновитель реакционной политики царизма в 80-е годы. *Куранты* — здесь: часы с музыкальным боем, установленные на колокольне собора в Петропавловской крепости. *Острова* — парк в Петербурге, расположенный на островах невской дельты. *Востока страшная заря...*— то есть предвестие русско-японской войны 1904 года. *Царь огромный, водянистый* — Александр III. *«Князь»* — в дореволюционное время распространенная кличка татарина-старьевщика. *Сфинкс* — один из древнеегипетских сфинксов, установленных на набережной Невы. *Державный Основатель* — Петр I. *Фрегат* — военный парусный корабль. *Вымпела* — особые военно-морские флаги. *Артур и Цусима* — имеются в виду геро-

ческая оборона крепости Порт-Артур и морское сражение в Цусимском проливе во время русско-японской войны 1904—1905 годов. *Девятое января* — Кровавое воскресенье 9 января 1905 года, день расстрела царскими войсками безоружной демонстрации рабочих в Петербурге.

Стр. 143

Два века. Вступление в первую главу поэмы «Возмездие». *Матерьялистских* — здесь в смысле: материальных, узкопрактических, корыстных. *Нейрастения* — старинная форма произношения слова «неврастения». *Сплин* — тоска, хандра. *Доктрина* — здесь: учение, система взглядов. *Спич* — приветственная застольная речь. *Акция* — доля в капитале торгово-промышленного или финансового предприятия. *Рента* — нетрудовой доход с денежного капитала или земли. *Рекамье* Юлия-Аделаида (1777—1849) — знаменитая в свое время француженка, красавица, собиравшая в своем парижском салоне многих выдающихся людей Франции. *Равенство и братство* — лживый лозунг буржуазной демократии, заимствованный буржуазией у французских революционеров XVIII века. *Интенданты* — военно-хозяйственные чиновники, среди которых были широко распространены лихоимство и взяточничество. *Роланд* — отважный рыцарь, герой французского средневекового эпоса «Песнь о Роланде». *Люцифер* — одно из библейских прозвищ дьявола. *Кометы грозной и хвостатой ужасный призрак...* — В 1910 году много говорили и писали о приближении Кометы Галлея, которая якобы угрожала существованию Земли. *Безжалостный конец Мессины...* — В 1908 году южноитальянский город Мессина был разрушен сильнейшим землетрясением.

Стр. 145

«Да, так велит мне вдохновенье...» В первый раз было напечатано под заглавием: «Современнику». *Ты видел ли детей в Париже?..* — В 1911 году, во время заграничной поездки, Блок с особенной остротой ощутил резкие противоречия буржуазно-капиталистического строя. В одном из писем из Парижа он писал: «В сожженных скверах масса детей — бледных, с английской болезнью. Все лица — или приводящие в ужас (у буржуа), или хватающие за сердце напряженностью и измученностью».

Стр. 147

Новая Америка. В этом стихотворении отразилась увлекавшая Блока идея «великого возрождения» России «под знаком мужественности и воли». Залог такого возрождения он видел, между прочим, в подъеме и развитии национальной промышленности, в частности горнозаводской. *Ладан* — ароматическая смола, которою курят при религиозных служениях. *Ектенья* — одна из разделов православного богослужения. *Дьякон* — в православной церкви священнослужитель низшего чина. *Орарь* — принадлежность облачения дьякона (длинная лента, перекинутая через плечо). *Крепь* — здесь: крепость, неприступное место. *Феска* — турецкая шапка красного цвета. *Варяги* — норманнское племя, из среды которого, по летописному преданию, происходили первые русские князья. *Половцы* — тюркский народ, в XI—XII веках враждовавший с Киевской Русью. *Бунчук* — конский хвост на древке, знак власти украинских гетманов (также и турецких пашей). *Мессия* — религиозный образ ожидаемого избавителя, «спасителя».

Стр. 149

«Вновь богатый зол и рад...» В первый раз было напечатано в 1915 году без третьей и четвертой строф, вычеркнутых цензурой.

«Грешить бесстыдно, непробудно...» *Оклад* — металлическое (чаще всего серебряное или вызолоченное) обрамление иконы. *Купоны* — отрезные талоны ценных бумаг, дающие право на получение доходов в виде процентов.

Стр. 150

«Петроградское небо мутилось дождем...» *Эшелон* — воинский поезд. *«Варяг»* и *«Ермак»* — популярные народные песни. *Галицийские поля.* — В Галиции (входившей тогда в состав Австро-Венгерской империи) в 1914 году происходили кровопролитные сражения между русскими и австро-германскими войсками.

Стр. 151

«Рожденные в года глухие...» *Гиппиус* Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэт, беллетрист и критик, видная представительница русского символизма; с 1920 года белоэмигрантка,

заклятый враг Октябрьской революции и Советской России. Блок поддерживал с З. Н. Гиппиус неровные отношения с 1902 года; после Октябрьской революции они очутились в разных лагерях, и З. Н. Гиппиус с особенным ожесточением преследовала Блока за поэму «Двенадцать». *Дни войны и дни свободы* — русско-японская война и революционные события 1904—1905 гг.

Стр. 152

Скифы. Эпиграф — из стихотворения В. С. Соловьева «Панмонголизм». *Скифы* — кочевой воинственный народ, населявший в древности (VII—III век до н. э.) причерноморские степи. *Панмонголизм* — поддержанная поэтом и философом В. С. Соловьевым реакционная в существе своем идея о якобы неотвратимом столкновении европейского Запада с объединенными силами азиатского Востока, угрожающими самому существованию западной культуры. У Блока эта идея переосмыслена в плане противопоставления революционной Советской России буржуазному Западу. *Провал и Лиссабона, и Мессины.*— Дважды, в XIV и в XVIII веках, город Лиссабон, столица Португалии, был до основания разрушен землетрясением; в 1908 году такой же участи подвергся южноитальянский город Мессина. *Пестум* — древнегреческая колония в Южной Италии, позднее — римский город, разгромленный в конце XI века сарацинами (арабами). *Эдип* — по древнегреческому сказанию, сын фиванского царя, сумевший разгадать загадку, задуманную злым чудовищем *Сфинксом*, и тем самым спасший Фивы от уничтожения. *Галльский* — здесь: французский. *Кельн* — большой промышленный город в Западной Германии. *Интеграл* — математический термин. *Гунн* — представитель тюркского племени, которое в IV веке прошло с огнем и мечом через причерноморские области в Западную Европу; в переносном смысле — варвар, безжалостно уничтожающий культурные ценности.

ДВЕНАДЦАТЬ

Стр. 155

Время написания поэмы уточняется на основании записей Блока в дневнике: 8 января 1918 года он впервые упомянул о поэме, а 28 января она была вчерне закончена. В первый раз поэма была опубликована 18 февраля (3 марта по новому стилю) в петроград-

ской газете «Знамя труда», в апреле — перепечатана в журнале «Наш путь» (№ 1), а в мае вышла отдельной книжкой (вместе со стихотворением «Скифы»). При жизни Блока поэма вышла еще в трех изданиях, не считая ряда провинциальных и зарубежных изданий (Одесса, Красноярск, Тифлис, Баку, Ставрополь, Харьков, Киев, Чернигов, Чита, Париж, София, Берлин), осуществленных без участия автора, а также — в переводах на французский, немецкий, итальянский, английский, польский, болгарский, еврейский, древнееврейский и украинский языки.

Вития — красноречивый оратор (здесь — с иронической оттенком). *Бубновый туз* — красный или желтый лоскут (в форме карточного туза), который нашивался на спину одежды осужденных на каторгу. *Керенки* — распространенное название (по фамилии министра Керенского) бумажных денежных знаков, выпущенных в 1917 году Временным правительством. *Кондовая* — старинная, прочная, основательная. *Юнкерье* — презрительная кличка юнкеров, в царской России — воспитанников военных юнкерских училищ; в 1917 году юнкера служили «опорой» Временного правительства. *Не слышно шуму городского, // Над Невской башней тишина* — несколько измененные начальные слова популярного народного романса, литературным источником которого послужило стихотворение поэта пушкинской поры Ф. Н. Глинки «Узник». *Невская башня* — здание бывшей Городской думы на Невском проспекте, увенчанное башней. *Вперед, вперед, вперед, // Рабочий народ* — слова известной революционной песни «Варшавянка» (автор — Г. М. Кржижановский).

Александр Блок

Александр Блок жил и творил на рубеже двух миров — в эпоху подготовки и осуществления Октябрьской революции. Он был последним великим поэтом старой, дооктябрьской России, завершившим своим творчеством поэтические искания всего XIX века. И вместе с тем его именем открывается первая, заглавная страница истории русской советской поэзии.

Родился Блок в 1880 году (16 ноября по старому стилю), умер в 1921-ом (7 августа). Писать стихи он начал в конце девяностых годов и окончательно сложился как поэт накануне революции 1905 года. Полного расцвета и наиболее широкого размаха творчество его достигло в годы реакции, нового подъема освободительной борьбы и первой мировой войны (1907—1916). И наконец, последнее всемирно известное произведение Блока — поэма «Двенадцать» — было создано уже после Октября, в январе 1918 года, в самом начале нашей, советской эпохи.

За двадцать лет, что отделяют первые серьезные стихи Блока от «Двенадцати», содержание его поэзии и сама его творческая манера претерпели глубокие изменения. Отрешенный от реальной жизни лирик, целиком погрузившийся в свои смутные душевные переживания, каким Блок начал свой литературный путь, вырос в истинно великого национального поэта, все творчество которого овеяно историческими, социальными, житейскими бурями его грозного, переломного, революционного времени.

Если сравнить юношескую лирику Блока с его зрелыми стихами, на первый взгляд может показаться даже, что перед нами два разных поэта. Вот, к примеру, характерные ранние его стихи, говорящие об интимных переживаниях уединенной души и похожие на торжественные молитвы с затемненным смыслом:

«Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж,— хранил огонь лампад.

И вот — Она, и к Ней — моя Осанна —
Венец трудов — превыше всех наград...»

А вот как глубоко и вместе просто и отчетливо писал он тринадцать лет спустя, думая о судьбах матери-родины:

«Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.—
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?»

Сам поэт очень верно и точно сказал о своем жизненном и творческом пути, что это был «путь среди революций». Путь этот был сложным и трудным, исполненным резких противоречий, но в конечном счете прямым и неуклонным.

«Не может сердце жить покоем!» — восклицал Блок, и все его зрелое творчество проникнуто чувством ожидания «неслыханных перемен» и «невиданных мятежей». Чутким слухом гениального поэта он уловил неотвратимое приближение нашей великой революции. Обреченный жить и творить в духоте и мраке капиталистического мира, он ненавидел и проклинал его, называл его «страшным миром» и «прогнившим хлевом» и пророчил ему гибель. Он верил в будущее, верил, что «великая гроза» народной революции сметет «страшный мир» и откроет людям широкую дорогу к свободной и счастливой жизни. Поэтому поэзия Александра Блока так близка и дорога нам, людям нового мира. Думая о своем будущем читателе, поэт представлял его себе «веселым юношей», который скажет о нем:

«Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!»

По происхождению, семейным и родственным связям, дружеским отношениям этот поэт, сам назвавший себя в третьем лице «торжеством свободы», принадлежал к кругу старой русской интеллигенции, из поколения в поколение свято служившей науке и литературе. Все его ближайшие родичи были либо учеными, либо литераторами: отец — профессором-юристом и философом, дед — профессором-ботаником, бабка, мать, две тетки, двоюродная бабка — писательницами и переводчицами. И женат он был на дочери великого ученого Д. И. Менделеева, творца Периодической системы элементов.

И как знаменательно, что родился Александр Александрович Блок в стенах Петербургского университета, в так называемом «ректорском доме» (дед его, А. Н. Бекетов, был в это время ректором), а будущего поэта на руки приняла его прабабка, лично знавшая еще друзей Пушкина...

Родители Блока разошлись сразу после его рождения. Рос и воспитывался он в семье деда (А. Н. Бекетова), в обстановке хорошо благоустроенного петербургского барского дома и в «благоуханной глуши» маленькой подмосковной усадьбы Шахматово, где семья неизменно проводила летние месяцы. Но главное, что сформировало личность и характер поэта, была атмосфера стародавних культурных традиций и преданий бекетовского дома. Тургенев, Достоевский, Салтыков-Щедрин и другие прославленные представители русской литературы были здесь не только знаменитыми и почитаемыми писателями, но и просто добрыми знакомыми. Здесь еще помнили Гоголя и дружески переписывались с Чеховым.

Вообще литература играла очень большую роль в обиходе бекетовской семьи. Все здесь, начиная с деда-ботаника, писали и переводили в стихах и в прозе. Естественно, что и Сашура (так звали Блока в семье) начал сочинять чуть ли не с пяти лет. А немного позже он уже «издавал» рукописный журнал, потом, лет шестнадцати, стал писать всерьез, но еще долго не показывал своих писаний никому, кроме матери. Она на всю жизнь осталась самым близким ему человеком, и он часто повторял: «Мы с мамой — почти одно и то же».

В 1889 году мать Блока вторично вышла замуж — за гвардейского офицера. Девятилетний Блок поселился с матерью и отчимом в Гренадерских казармах, расположенных на окраине Петербурга, на берегу Большой Невки. Здесь его окружал своеобразный пейзаж, отразившийся в ранних его стихах: река, по которой проплывали пароходы, баржи и лодки, тенистый Ботанический сад, частокол дымящих фабричных труб на другом берегу реки.

Тогда же Блока отдали в гимназию. Потом он рассказал, как «первый раз в жизни из уютной и тихой семьи» попал «в толпу гладко остриженных и громко кричащих мальчиков». Сам он был мальчиком тихим, молчаливым, росшим одиноко среди обожавших его женщин — матери, теток, бабки. С гимназической средой он так и не сросся до конца учения. Вообще, как он сам говорил, «жизненных впечатлений» у него не было очень долго. Семья старательно оберегала его от соприкосновения с «грубой жизнью».

В 1897 году, очутившись с матерью за границей, в немецком курортном городке Бад Наугейме, Блок пережил первую, но очень

сильную юношескую влюбленность. Она оставила глубокий след в его поэзии. Спустя много лет, снова побывав в Бад Наугейме, он как бы заново пережил свою первую любовь и посвятил воспоминанию о ней целый цикл стихов «Через двенадцать лет», одну из жемчужин своей лирики.

В 1898 году гимназия была окончена, и Блок «довольно безотчетно» поступил на юридический факультет Петербургского университета. Через три года, убедившись, что совершенно чужд юридической науке, он перевелся на славяно-русское отделение историко-филологического факультета, которое и окончил в 1906 году.

Университет, как и гимназия, не оставил заметного следа в жизни Блока. Духовные интересы и запросы его с ранней юности лежали совсем в другой плоскости. Сначала он пережил сильнейшее увлечение театром, участвовал в любительских спектаклях, прослыл хорошим декламатором и мечтал о поступлении на большую сцену. Но в 1901 году театральные интересы уступили место интересам литературным. К тому времени Блок написал уже много стихов. Это — лирика любви и природы, полная неясных предчувствий, таинственных намеков и иносказаний. Молодой Блок погружается в изучение идеалистической философии, в частности творений древнегреческого философа Платона, учившего, что, кроме реального мира, есть еще некий «сверхреальный», высший «мир идей». По собственному признанию Блока, им целиком овладели «острые мистические переживания», «волнение беспокойное и неопределенное». Он стал замечать в природе, в действительности какие-то непонятные ему, но тревожащие душу «знаки». Блок был не одинок в подобных ощущениях и настроениях: они были характерны для целого круга тогдашних молодых людей, подпавших под влияние древней и новой идеалистической и религиозно-мистической философии.

Громадное впечатление произвели на молодого Блока стихи и философские сочинения Владимира Соловьева — воинствующего идеалиста и мистика, «углубившего» учение Платона о «двоемирии». Самым серьезным образом Соловьев предсказывал «конец мира», «конец всемирной истории», когда погрязшее в грехах человечество будет спасено и возрождено к новой жизни неким божественным началом — «Мировой Душой» (она же «Вечная женственность»).

Эти мистические бредни на некоторое время полонили воображение Блока и соответственно окрасили его юношескую лирику. Впоследствии он так охарактеризовал свои тогдашние переживания (говоря о себе в третьем лице): «Он ко всему относился как поэт,

был мистиком, в окружающей тревоге видел предвестие конца мира. Все разрастающиеся события были для него только образами развертывающегося хаоса». Прошли годы духовного роста и просветления, прежде чем поэт сумел различить реальное содержание «окружающей тревоги» и повернуться лицом к действительной, а не выдуманной жизни.

Конечно, и в эти ранние годы поэзия Блока не целиком исчерпывалась мистическими темами и мотивами. Во многих его юношеских стихах звучит звонкий голос, славящий не «лучезарную глубяну» каких-то «далеких миров», созданных фантазией поэта, а радость и прелесть здешнего, земного бытия. Начиная с 1898 года Блок переживал на редкость сильное и глубокое чувство к девушке (Любови Дмитриевне Менделеевой), которая впоследствии стала его женой. Можно сказать, все юношеские стихи Блока (и многие позднейшие) говорят об этой любви. Поэт творил некий миф о божественной Прекрасной Даме — воплощении соловьевской «Вечной женственности», но сплошь и рядом в этом мифологизированном образе сквозят «земные», реальные черты его возлюбленной:

«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку
Сердца — невестой быть мне могла.
Когда я, смеясь, предложил ей руку,
Она засмеялась и ушла...»

В ноябре 1902 года между молодыми людьми произошло решительное объяснение, и они поженились в августе 1903 года.

В это время Блок уже вступил в литературу, примкнув к символистам. Дебют его состоялся весной 1903 года — почти одновременно в петербургском журнале «Новый путь» и в московском альманахе «Северные цветы». Он устанавливает связи в символистском писательском кругу и в Петербурге (с Д. Мережковским и З. Гиппиус) и в Москве (с В. Брюсовым). Но особенно близким Блоку оказался образовавшийся тогда в Москве кружок молодых поклонников и последователей Вл. Соловьева, главную роль среди которых играл начинающий поэт, прозаик, теоретик Андрей Белый. В этом кружке стихи Блока встретили восторженное признание. В конце 1904 года в символистском издательстве «Гриф» вышла в свет первая книга Блока — «Стихи о Прекрасной Даме».

Ко времени появления книги Блок уже довольно далеко отошел от ее тем и настроений. Наступил кризис его юношеского религиозно-мистического мировоззрения. Он уже начал тяготиться своей отчужденностью от реальной жизни, пытался вглядеться в нее. Сти-

хотворение «Фабрика», написанное в конце 1903 года, может рассматриваться как важная точка поворота на творческом пути Блока. Общественный подъем, охвативший накануне 1905 года всю Россию, захватил и Блока. В образе кого-то «недвижного» и «черного» поэт, впервые обратившись к социальной теме, попытался выразить свое еще очень смутное представление о владыках капиталистического мира, обрекающих человека на тяжелый труд и душевные страдания.

В дальнейшем ноты горячего сочувствия простым людям и праведного гнева на все, что мешает им жить, звучат в стихах Блока со все возрастающей силой. Революция 1905 года произвела на него впечатление громадное, в сильной степени прояснила его идейное и художественное зрение. Он увидел активность народа, его волю к борьбе за свободу и счастье, в самом себе открыл «гражданина», впервые ощутил присущее каждому истинному и честному художнику чувство кровной связи с народом и сознание общественной ответственности за свое писательское дело.

Прежнее безразличие Блока к общественно-политическим событиям сменилось в 1905 году жадным интересом к происходящему. Он участвовал в революционных демонстрациях и однажды во главе одной из них нес красное знамя. События того времени отразились в целом ряде произведений Блока.

Годы 1906—1908 были временем писательского роста и успеха Блока. Он становится профессиональным литератором, имя его приобретает уже довольно широкую известность. Он сотрудничает во многих журналах и газетах, и не только как поэт и драматург, но и как критик и публицист. Он активно участвует в литературной полемике, отстаивая свои взгляды на существо искусства и задачи художника, выступает с публичными докладами и лекциями. Постановка его маленькой пьесы «Балаганчик» в театре В. Ф. Комиссаржевской (в декабре 1906 года) стала крупным событием тогдашней театральной жизни. Одна за другой выходили книги Блока — сборники стихов «Нечаянная радость» (1907), «Снежная маска» (1907), «Земля в снегу» (1908), сборник «Лирические драмы» (1908). В 1908 году была написана, в 1909 году опубликована большая драма Блока «Песня Судьбы» (постановка ее на сцене не осуществилась).

В годы политической и общественной реакции, после поражения первой русской революции, когда буржуазная литература переживала время застоя и упадка, когда подавляющее большинство буржуазных писателей, вчерашних союзников революции, отшатнулось от борьбы за свободу и изменило благородным традициям передо-

вой общественной мысли и литературы,— в это тяжелое время Александр Блок занял особую и в высшей степени достойную позицию.

Разочаровавшись в своих прежних исканиях (и даже подвергая их осмеянию), он настойчиво ищет новые пути. Из мира бесплотной мечты и фантазии он окончательно переходит в мир действительности, который одновременно и влечет, и страшит его.

Блок очень тяжело переживал поражение революции, но не утратил чувства будущего: временное торжество реакции он правильно оценил как «случайную победу» палачей народа и предрекал наступление еще более грозных и величественных событий. Главной темой Блока — и в художественном творчестве, и в публицистике — становится Россия. Внимание его сосредоточено на судьбе народа, на волновавшем его вопросе о взаимоотношениях интеллигенции и народа. Он утверждал, что только с народом «все пути», что народ является единственным источником всякой «жизненной силы», в том числе и творческой силы художника, поэта.

Страстные призывы Блока не были услышаны его собратьями по перу. В 1907—1908 годах определился глубокий разлад его почти со всей символистской литературой. Чем дальше, тем более настойчиво идет Блок своим путем. Из своих раздумий, сомнений и тревог он сделал решительные и окончательные выводы. Отныне он воодушевляется идеями правды, справедливости, общественного долга, патриотизма и народности. Обращение Блока к темам действительности, к большим и серьезным вопросам, выдвинутым самой жизнью, сопровождалось стремительным ростом его поэтического мастерства. Преодолевая влияние декадентского, антинародного, эстетского искусства, сказавшееся в его раннем творчестве, он обращается к животворным традициям русской и мировой классической поэзии, внося в них свое, самобытное, новое. Он стремится сделать стихотворную речь прямой, ясной и точной и достигает на этом пути замечательных успехов, ничего не теряя из свойственной ему тончайшей музыкальности. Характерно в этом смысле и настойчивое стремление Блока выйти за пределы только лирической поэзии — создать большие, монументальные повествовательные и драматические произведения (поэма «Возмездие», начатая в 1910 году и незаконченная; драма «Роза и Крест», написанная в 1912 году).

Все это время Блок продолжал жить в Петербурге, на летние месяцы уезжая в свое любимое Шахматово. В 1909 году он совершил интересное путешествие по Италии и Германии, результатом которого явился цикл «Итальянские стихи» — лучшее, что есть в

русской поэзии об Италии. В 1911 году он снова путешествовал по Европе (Париж, Бретань, Бельгия, Голландия, Берлин), в 1913 году — в третий раз (Париж и Бискайское побережье Атлантического океана). Заграничные впечатления отразились в творчестве Блока — и непосредственно (в стихах и в поэме «Соловьиный сад»), и в форме исторических воспоминаний (картины средневековой Бретани в драме «Роза и Крест»). Продолжали появляться новые книги Блока: четвертый сборник стихов «Ночные часы» (1911), трехтомное «Собрание стихотворений» (1911—1912), «Стихи о России» (1915), четырехтомник «Стихотворений» и «Театра» (1916). Весной 1914 года была осуществлена театральная постановка лирических драм Блока «Незнакомка» и «Балаганчик». Готовилась постановка и драмы «Роза и Крест».

В годы империалистической войны, накануне революции, Блок бесспорно занял положение первого поэта страны. В литературной среде имя его было окружено почетом и уважением. Число его читателей неуклонно росло. Для людей, понимавших поэзию, ясным стало, что силой дарования и глубиной своих раздумий он превосходил всех современных поэтов и стал вровень с великими лириками прошлого. В стихах его подкупали громадная сила непосредственного лирического чувства, искренность, серьезность содержания, обвораживающая музыкальность поэтического языка. Особенной любовью пользовался он среди тогдашней передовой молодежи. Вот как говорил об этом советский поэт Николай Асеев — говорил от лица своего поколения, которое в стихах Блока «услышало давно не слышанный человеческий голос, полный бурных страстей, великой любви, огневого гнева ко всему мертвому, внешнему, условному, пустому...».

С портретов и почтовых открыток, подписанных именем «Александр Блок», смотрел красивый молодой человек в щегольском сюртуке или артистической блузе. А на самом деле к тому времени это был строгий, углубленный в невеселые думы зрелый человек, много на своем веку переживший и во многом разуверившийся, с чуткой душой и обнаженной совестью. И был он прост и человечен — прост, как все по-настоящему большие люди. Любил природу, долгие пешие прогулки по городским окраинам и деревенским полям, любил верховую езду и физический труд, косоворотку и русские сапоги. Любил копать землю, пилить деревья, что-нибудь мастерить по хозяйству в своем Шахматове. «Работа везде одна,— говаривал он,— что печку топить, что стихи написать».

Таким встретил Блок первую мировую войну. Не в пример многим писателям он не разделял казенно-патриотических восторгов

по поводу войны. Напротив, она ужаснула его своим антинародным, корыстно-грабительским характером. Летом 1916 года он был призван в действующую армию и служил в инженерно-строительной дружине, сооружавшей полевые укрепления в прифронтовой полосе, в районе Пинских болот. Здесь застала его весть о свержении самодержавия. Он выхлопотал отпуск и вернулся в Петроград. «Произошло чудо, и, следовательно, будут еще чудеса»,— твердил Блок. Вот это и было для него главным — нетерпеливое ожидание новых, еще более удивительных чудес: крах царизма — это только начало, за которым должен последовать еще более высокий взлет революционной волны.

Вскоре, в мае 1917 года, Блок был привлечен к работе в Чрезвычайной следственной комиссии, которая была учреждена для расследования деятельности царских министров и сановников. Работа эта увлекла Блока, раскрыла перед ним «гигантскую помойку» самодержавия. На материалах допросов и показаний он написал документальную книгу «Последние дни императорской власти».

После Февральской революции Блок все более сомневался в установившемся в стране буржуазно-республиканском режиме, поскольку он не принес народу избавления от преступно развязанной войны. Блока все более тревожит судьба революции, и он начинает все внимательнее вслушиваться в лозунги большевиков. Они подкупают его своей ясностью: мир — народам, земля — крестьянам, власть — Советам. Незадолго до Октября Блок признается в разговоре: «Да, если хотите, я скорее с большевиками, они требуют мира...» Тогда же он записывает в дневнике, что «один только Ленин» (Блок подчеркнул эти слова) верит в будущее «с предвиденьем доброго», верит в то, что «захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране».

В ответственный час истории Блок нашел в себе духовные силы для того, чтобы мужественно порвать свои связи со старым миром и восторженно приветствовать новый мир, рождавшийся в огне и буре пролетарской революции. С первых же дней Октября он открыто и честно определил свою общественно-политическую позицию в качестве сторонника и сотрудника Советской власти. В числе лучших (очень немногочисленных в ту пору) представителей старой русской интеллигенции он сразу же пошел работать с большевиками, принял самое живое и деятельное участие в строительстве новой, социалистической культуры.

Но неизмеримо более важно, что Октябрьская революция окрылила Блока как художника, вдохновила его на создание «Двена-

цати» — лучшего его произведения, закончив которое, он, обычно беспощадно строгий к себе, сказал: «Сегодня я — гений».

В «Двенадцати» Блок с громадным вдохновением и блистательным мастерством запечатлел открывшийся ему в романтических пожарах и метелях образ освобожденной революцией родины. Он понял и принял Октябрьскую революцию как стихийный, неудержимый «мировой пожар», в очистительном огне которого должен сгореть без остатка весь старый мир.

Такое восприятие Октябрьской революции имело и сильные, и слабые стороны. Поэт услышал в революции по преимуществу одну «музыку» — музыку разрушения ненавистного ему старого мира. Беспощадно, со «святой злобой» он осудил и заклеймил в своей поэме этот прогнивший мир с его буржуями, барынями, попами и «витиями». Но разумное, организующее, созидательное начало социалистической революции не получило в «Двенадцати» такого же полного и ясного художественного воплощения. В героях поэмы — красногвардейцах, беззаветно вышедших на штурм старого мира,— пожалуй, больше от анархической «вольницы» (активно действовавшей в Октябрьские дни), нежели от авангарда петроградского рабочего класса, который под руководством партии большевиков обеспечил победу революции.

Кроме того, первых читателей поэмы смутил образ Христа, которого Блок как бы поставил во главе своих красногвардейцев. Поэт исходил при этом из своих субъективных (и самому ему не до конца ясных) представлений о раннем христианстве как «религии рабов», проникнутой бунтарскими настроениями и приведшей к распаду старого, языческого мира. В этом Блок усматривал известное историческое сходство с крушением царской помещичье-буржуазной России.

Но отдельные недоговоренности и противоречия в «Двенадцати» искупаются всецело проникающим это замечательное произведение высоким революционным пафосом, живым ощущением величия и всемирно-исторического значения Октября. «Вдаль идут державным шагом» — сказано в поэме о ее героях. Вдаль, то есть в далекое будущее, и именно державным шагом, то есть как новые хозяева жизни, строители молодой пролетарской державы. Это и есть главное и основное, что определяет смысл и историческое значение «Двенадцати» как величественного художественного памятника Октябрьской эпохи.

Сразу после «Двенадцати» была написана революционно-патриотическая ода «Скифы», которой увенчалось лирическое творчество Блока. «Скифы» завершают давнюю традицию русской класси-

ческой поэзии, многократно возвращавшейся к теме исторических путей и судеб России (Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов). Решая эту тему заново, в новой исторической обстановке, с позиции революционного поэта-трибуна, Блок поднял голос во славу и защиту Советской России, увидев в ней облик будущего мира, оплот всего лучшего, непреходящего, что было создано человечеством.

«Скифы» были последним словом, которое сказала русская поэзия дооктябрьской эры. И это было слово новой исторической правды, рожденной Октябрем,— слово воинствующего революционного гуманизма и интернационализма. На рубеже двух миров русская поэзия устами Александра Блока обратилась ко всем людям доброй воли со страстным призывом покончить с «ужасами войны» и сойтись на «братский пир труда и мира».

После «Двенадцати» и «Скифов» поэтическое творчество Блока оборвалось (если не считать немногих стихотворений, написанных на случай, и попыток завершить поэму «Возмездие»). Сам он надеялся, что вернется к поэзии, но надеждам его не суждено было осуществиться. Жить ему осталось недолго.

Блок много и плодотворно работал в последние свои годы, много писал, но уже не стихи, а статьи, очерки, рецензии, заметки по вопросам истории, культуры, литературы и театра. Он трудился в Государственной комиссии по изданию классиков, в Театральном отделе Наркомпроса, в основанном М. Горьким издательстве «Всемирная литература», в Большом драматическом театре, в Союзе поэтов (был выбран первым его председателем).

Зимой, весной и летом 1921 года состоялись последние триумфальные выступления Блока — с вдохновенной речью о Пушкине и с чтением своих стихов (в Петрограде и в Москве).

В мае Блок почувствовал недомогание, вскоре перешедшее в тяжелую болезнь. Утром 7 августа он скончался.

Смерть Блока поразила всех. Вот как вспоминает о ней начинавший тогда писатель Константин Федин: «Блок умер молодым, но странно ощутилось, что с Блоком отошла прежняя, старая эпоха, та, которая, дожив до революции, сделала шаг в ее владения, как бы показав, куда надо идти, и упала, обессиленная тяжестью своего дальнего пути. Стало очевидно, что уже никто *оттуда* не сделает такого шага, а если повторит его, в том не будет подобного мужества и подобной тоски о правде будущего, какие проявил Александр Блок».

Вл. Орлов

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Шер. Антон Павлович Чехов 5
Ванька. *Рис. Т. Гапоненко* 14
Беглец. *Рис. Т. Шишмарёвой* 20
Мальчики. *Рис. Т. Шишмарёвой* 29
Каштанка. *Рис. Д. Кардовского* 37
Белолобый. *Рис. Г. Никольского* 67
Лошадиная фамилия. *Рис. Кукрыниксы* . . 74
Хирургия. *Рис. А. Иткина* 80
Пересолил. *Рис. А. Иткина* 85
Хамелеон. *Рис. Кукрыниксы* 91

Переплёт Г. Никольского

Для начальной школы

Чехов Антон Павлович

РАССКАЗЫ

ИБ № 2153

Ответственный редактор *Г. И. Гусева.* Художественный редактор *Т. М. Токарева.* Технический редактор *Н. Ю. Крапоткина.* Корректор *В. В. Кудинова.* Сдано в набор 9/I 1978 г. Подписано к печати 21/VII 1978 г. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,02. Уч.-изд. л. 4,6. Тираж 900 000 (1—450 000) экз. Заказ № 173. Цена 35 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Набор изготовлен по системе «Союз» с помощью ЭВМ «Минск-32».

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

(1860—1904)

Короткий зимний день подходил к концу. Ученик третьего класса таганрогской гимназии Антоша Чехов готовил уроки. Перед ним на столе лежала раскрытая латинская грамматика, в медном подсвечнике мигала сальная свеча, по углам ползли тени. Было тихо, тепло. Антоша неторопливо снял щипцами нагар со свечи, написал в тетради число. В это время в комнату вошёл отец Павел Егорович, в шубе, в больших кожаных калошах, и сказал:

— Ступай в лавку.

Антоша не пробовал возражать: он заранее знал, что ничего из этого не выйдет, закрыл грамматику и пошёл за отцом.

Небольшая бакалейная лавка с большой вывеской над входом: «Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары» — помещалась в том же доме, внизу. Открыта она была с пяти часов утра до одиннадцати ночи, и, когда отец куда-нибудь уходил, в лавке по очереди сидели дети. Детей было шестеро: пять сыновей и одна дочь. Антоша сел за конторку, но в лавке холодно, чернила замёрзли и уроков делать нельзя. Он съёжился, запихнул руки в рукава так же, как Андрюша и Гаврюша, его ровесники и друзья, которых недавно привезли из деревни и отдали Павлу Егоровичу в «ученье на года». И хоть Антоша — хозяйский сын, получает деньги с покупателей, присматривает за мальчиками, но его наказывают так же, как их. Все трое чувствуют себя одинаково несчастными.

Павел Егорович сам когда-то прошёл тяжёлую школу, тоже был «мальчиком» в лавке, унижался, угождал хозяевам, терпел побои. Он искренне верил в то, что детей нужно наказывать, пороть для их же пользы, и говорил: «Меня так же учили, а я, видишь, вышел в люди».

Как-то Антоша спросил одного мальчика, часто ли его секут дома, и, услышав ответ, что его никогда не секут, очень удивился и не поверил товарищу.

На всю жизнь запомнил Антоша чувство обиды, унижения, беспомощности, которое испытывал, когда отец наказывал его. Но он за многое уважал отца и, чем старше становился, тем больше понимал, что отец не мог поступать по-другому, что поступал он так только потому, что по-своему любил детей и хотел им добра.

Когда Антоше исполнилось восемь лет, его отдали в гимназию, где уже учились старшие братья. Антоше не нравилась гимназия. Весёлому, подвижному мальчику неуютно было в больших, холодноватых классах, скучно было сидеть на уроках. Классы выходили в полутёмные коридоры; в каждой двери было круглое окошко; надзиратель, как часовой, шагал по коридору и заглядывал в окошки — следил за поведением учащихся.

В театр разрешалось ходить только с родителями в праздничные дни, но братья Чеховы в театре бывали часто; они переодевались, наклеивали бороды, усы, надевали синие очки и старались прошмыгнуть мимо надзирателя на галёрку. «Для меня не было большего наслаждения, как сидеть в театре»,— вспоминал Чехов. Дома Антоша постоянно кого-то изображал: зубного врача, важного чиновника, танцующего на балу, старого профессора. А как-то загримировался, переоделся нищим, написал жалобное письмо и пошёл к дяде. Дядя не узнал племянника, разжалобился и подал ему три копейки.

Антоша был неистощим на выдумки, да и все братья Чеховы любили шутку, понимали её, умели смеяться; казалось, смех, весёлая, озорная шутка защищали их от всего тяжёлого, что было в их жизни.

Зима обычно тянулась долго; Антоша с нетерпением

ждал, когда с моря перестанет дуть сердитый ветер, загорится жаркое солнце, зацветёт акация и прекрасная, необозримая степь покроется серебристой полынью, голубыми цветами цибульки. Мальчики убегали в степь, к морю, купались, удили рыбу, ездили с матерью в гости к деду на далёкий степной хутор.

Мать свою, Евгению Яковлевну, дети Чеховы очень любили. Она как-то умела смягчать суровый нрав отца, вносила в их жизнь много ласки, уюта, умела объединить семью, сплотить её вокруг себя. «Для нас дороже матери ничего не существует»,— писал Антоша, когда стал постарше.

Антоше было четырнадцать лет, когда старшие братья, Александр и Николай, окончили гимназию и уехали учиться в Москву. Через год туда же переехала вся семья. Антон и брат Иван остались в Таганроге — им надо было кончать гимназию.

Дом Чеховых был продан за долги, новый хозяин предложил Антоше угол за уроки, которые он должен был давать его племяннику. Иван переехал к тётке, и Антоша остался один в родном доме, который стал чужим для него. Теперь он уже не сидел в лавке, никто не наказывал его, но жить было ещё труднее. Новые заботы легли на его плечи: надо было самому заботиться о себе, платить за учение, помогать родным, которые очень нуждались в Москве. Знакомые помогли ему достать несколько уроков, и после занятий в гимназии он ходил по урокам, занимался с детьми — репетировал их. Один урок был далеко на окраине города. Осенью там стояла непролазная грязь. Калош у Антоши не было, и, садясь заниматься с учеником, он старался спрятать под стол свои грязные, рваные сапоги.

Как-то Антоша, узнав, что одному из товарищей живётся ещё хуже, предложил заниматься с учеником по очереди и разделил с товарищем свой заработок — три рубля в месяц. Бедность, как говорил Чехов, мучила его тогда, как зубная боль.

Он очень скучал без семьи, особенно без братьев; близ-

ких друзей в Таганроге у него не было. Антон по-прежнему увлекался театром, много читал. В гимназии издавались рукописные журналы, и он сотрудничал в этих журналах и посылал старшим братьям свои литературные опыты, а братья беспощадно критиковали эти первые произведения молодого писателя. Самостоятельная, одинокая жизнь давалась Антоше нелегко. В борьбе с трудностями он становится мужественнее, взрослее.

Так прошло три года. Антоша окончил гимназию и уехал в Москву. Родных своих застал он в тяжёлом положении, в сырой и холодной квартире подвального этажа. Отец зарабатывал очень мало, мать шила, старшие братья учились и время от времени работали в журналах: Александр писал рассказы, очерки, Николай рисовал. Даже младший брат, Михаил, переписывал за деньги студенческие лекции. Но денег всё-таки не хватало, и в гимназию за сестру Машу платили какие-то благодетели.

Антону было уже девятнадцать лет; он поступил в университет на медицинский факультет. Учился он много, усердно, с большим интересом слушал лекции знаменитых профессоров: Тимирязева, Склифосовского. Но ему нельзя было только учиться — приходилось зарабатывать деньги, чтобы помогать семье. И вот он решил послать в журнал очень коротенький и смешной рассказ, который назывался: «Письмо донского помещика к учёному соседу д-ру Фридриху». Конечно, Антон очень волновался, пока пришёл ответ. А ответ был такой: «Совсем недурно. Присланное поместим...» Через два месяца рассказ напечатали. Это был первый напечатанный рассказ Чехова и первый его литературный заработок.

С тех пор рассказы Чехова стали часто появляться в журналах. Подписывал он их не своим настоящим именем, а разными псевдонимами, чаще всего «Антоша Чехонте» — прозвище, которое дал ему один из учителей таганрогской гимназии. Чего только не писал Чехов в эти первые годы своей литературной работы: заметки, анекдоты, подписи к рисункам, очерки, рассказы. Брат Николай — хороший художник — иногда рисовал к его рас-

сказам иллюстрации. Писать приходилось часто по ночам — днём надо было учиться. Платили за работу очень мало, несколько копеек за строчку, да и за этими заработанными грошами приходилось ходить в редакции раз по десять. Но зато как был счастлив Антон и как радовалась мать, когда он однажды сказал, что сам теперь будет платить за учение сестры Маши.

Студенческие годы подошли к концу. Когда Чехов окончил университет и получил диплом врача, ему было двадцать четыре года. На входных дверях чеховской квартиры появилась вывеска: «Доктор А. П. Чехов». Стали приходить больные; практики было много, но половина больных лечилась у Чехова бесплатно — это всё были знакомые или такие же бедняки, как он сам.

«Я врач и по уши втянулся в медицину»,— говорил Чехов, и он был, как вспоминали товарищи по работе, превосходным врачом, вдумчивым, терпеливым, добросовестным. Но доктор Чехов не бросал своих литературных занятий; он продолжал писать, и скоро вышел первый сборник рассказов Антоши Чехонте. Когда много лет спустя один из друзей спросил, сколько Чехов написал рассказов в первые годы своей работы, он ответил: «Около тысячи».

Рассказы Чехова почти всегда очень короткие. «Умею коротко говорить о длинных вещах»,— как-то сказал о себе Чехов.

Вы прочтёте в этой книжке рассказ «Ванька». Как много говорит нам этот небольшой рассказ! Перед нами как бы проходит вся нерадостная Ванькина жизнь и в деревне с дедушкой, и в мастерской у сапожника. И невольно думаем мы о всех тех детях, которым жилось так же трудно, как Ваньке, в то далёкое время, которое уже никогда не вернётся. Думаем и о том, как крепко, по-настоящему любил Чехов детей, если мог написать такие рассказы, как «Ванька», «Беглец», «Мальчики», и ещё много других рассказов о детях. Маленького беглеца Чехов, должно быть, лечил, когда работал в деревенской больнице; а как по-хорошему, весело, с какой доброй

любовью посмеялся он над мальчиками Чечевицыным и Володей, которые собрались бежать в Америку!

Но не всегда весело смеялся Чехов; очень часто рассказы его, как будто бы простые и обыкновенные, о простых и обычных делах и днях, только кажутся смешными. Стоит немного подумать над ними, заглянуть в них поглубже, и становится грустно. Вот рассказ «Лошадиная фамилия». Конечно, очень смешно рассказал Чехов о том, как весь дом вспоминал лошадиную фамилию того человека, который умеет заговаривать зубы. Но подумайте хорошенько, и за этим смешным рассказом вы увидите такую скучную и серую жизнь, таких грубых, невежественных людей, что, уж наверное, никому из вас не захотелось бы жить с ними.

Прошло несколько лет. Всё больше и больше понимал Чехов, что настоящее его призвание не медицина, а литература. Однажды Чехов получил письмо от Дмитрия Васильевича Григоровича — известного писателя, автора многих хороших повестей, рассказа «Гуттаперчевый мальчик», который вы все знаете. Григорович писал о том, как поразили его маленькие рассказы Чехова, приветствовал его большой талант. Письмо это обрадовало и взволновало Чехова. Хотелось писать лучше, больше, написать что-нибудь особенно значительное. И Чехов задумал небольшую повесть о том, что дорого было ему с самого детства: о степи, о степных людях, птицах, ночных грозах. Он уехал в Таганрог, чтобы снова увидеть степь, освежить свои детские впечатления. И снова, как в детстве, степь восхитила его. «Пахнет степью, и слышно, как поют птицы. Вижу старых приятелей — коршунов, летающих над степью»,— писал Чехов из Таганрога. И, вернувшись в Москву, написал чудесную, поэтическую повесть о родной степи, о маленьком Егорушке, который впервые едет по степи и, может быть, немного похож на самого Чехова, каким он был в детстве.

«Голубчик, Антон Павлович!..— писал ему поэт Плещеев, прочитав повесть,— не мог оторваться, начавши читать... Это такая прелесть, такая бездна поэзии, что я

ничего другого сказать вам не могу и никаких замечаний не могу сделать — кроме того, что я в безумном восторге...»

Но вам пока ещё не совсем будет понятна и эта повесть «Степь» и очень многие рассказы и пьесы Чехова. Пройдёт несколько лет, вы станете старше и поймёте тогда, какой великий писатель и удивительный человек был Чехов, как любил он свою родину, простых русских людей. «Как богата Россия хорошими людьми»,— говорил он.

И сам Чехов был вот таким хорошим человеком русской земли, скромным, большим тружеником, одним из самых любимых писателей России. Но если кто-нибудь при нём заговаривал об этом, он смущённо улыбался и уверял, что он самый обыкновенный «добросовестный литератор», что ему надо ещё много учиться, больше путешествовать. Путешествовал он очень много: бывал за границей, знал Крым, Кавказ, объездил всю Украину. Он говорил, что писатель должен хорошо знать свою родину, всегда узнавать новые места, новых людей. И он решил ехать на остров Сахалин, посмотреть, как живут там люди,— в те годы Сахалин был местом ссылки. Путешествие предстояло трудное. Сибирской железной дороги ещё не было, и Чехову пришлось плыть по рекам на пароходах, трястись в тарантасе по «убийственным дорогам» несколько тысяч вёрст. Чем ближе подъезжал он к Сахалину, тем больше восхищался дикой природой края и всё время жалел, что не поехал с ним друг его, художник Левитан, которого он считал лучшим русским пейзажистом.

На Сахалине Чехов пробыл всего три месяца и за это время проделал огромную работу: объездил все поселения, заходил во все избы, разговаривал с жителями, переписал всё население острова — десять тысяч карточек, заполненных рукою Чехова, хранятся в музеях и архивах писателя. В Москву вернулся он усталый, больной, но очень довольный своей поездкой. Через несколько лет появилась книга «Остров Сахалин»; до Чехова никто никогда не писал такой суровой правды о тогдашнем «сахалинском аде».

Шли годы.

Чехов неутомимо работал, писал рассказы, повести,

пьесы, снова мечтал о поездках по стране. Но он уже давно был тяжело болен туберкулёзом лёгких, и врачи запретили ему путешествовать, жить на севере.

И вот Чехов с матерью и сестрой в Ялте. Сестра, та самая маленькая Маша, за которую он студентом платил в гимназию, теперь взрослая. Очень рано поняла она, какой замечательный писатель Чехов, беззаветно любила брата и делала всё, чтобы он мог спокойно жить и работать. Отца уже не было в живых. Чеховы жили на окраине Ялты, в белом двухэтажном доме. Вокруг пустырь, камни, чертополох. С ранней весны Чехов работал на пустыре: сажал деревья, разбивал цветники — ему нравилось украшать землю. «Ведь здесь же до меня был пустырь и нелепые овраги, всё в камнях и чертополохе,— говорил он,— а я вот пришёл и сделал из этой дичи культурное, красивое место... Знаете ли... через триста — четыреста лет вся земля обратится в цветущий сад, и жизнь будет тогда необыкновенно легка и удобна».

Но Чехов тосковал по северу, по мокрым полям и перелескам, по обрывистым берегам, заросшим кустарником. Тосковал по Москве, по людям, по Художественному театру, где в эти годы шли его пьесы, по жене — артистке Ольге Леонардовне Книппер.

«Приходится делать над собою усилие, чтобы жить здесь изо дня в день и не роптать на судьбу»,— писал он.

В ялтинском доме всегда было много посетителей. Часто приезжали поговорить, посоветоваться с любимым писателем те простые русские люди, о которых он так много писал — учителя, врачи, учёные... Однажды Чехов пришёл с прогулки очень весёлый, это с ним редко случалось в последние годы. «У меня была сейчас чудесная встреча! — сказал он.— На набережной вдруг подходит ко мне офицер-артиллерист, совсем молодой ещё, подпоручик. «Вы Антон Павлович Чехов?» — «Да, это я. Что вам угодно?» — «Извините меня за навязчивость, но мне так давно хочется пожать вашу руку!» И покраснел. Такой чудесный малый, и лицо милое. Пожали мы друг другу руки и разошлись».

Так часто совсем незнакомые люди благодарили Чехова за ту радость, которую доставляли им его рассказы.

Как-то зимой приехал в Ялту Левитан — друг всей семьи Чеховых. Дул холодный ветер, в саду шумели кипарисы, в кабинете у Чехова горел камин. Левитан сидел в кресле перед камином. Чехов ходил по комнате, чуть сгорбившись, медленно. Глаза у него были усталые, и говорил он о том, как хочется ему на север — посмотреть берёзки, поле, лес... Тогда Левитан попросил кусок картона, и Чехов смотрел, как под удивительной кистью художника оживает поле, темнеет полоска леса вдали, стоят под луной стога сена. Это была земля, на которой он родился, жил, которой отдал все свои силы.

Н. Шер

Бак.
К 92

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

А. И. КУПРИН

ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ

ОЛЕСЯ

7437
Балаковская городская детская библиотека № 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИР"
ОРДЖОНИКИДЗЕ * 1969

Р1
П48

Предисловие К. И. Чуковского

Составление и примечания А. М. Гаркави

Рисунки А. З. Иткина

Н $\frac{70803-182}{М101(03)76}$ 149—76

© Состав. Примечания. Рисунки.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1976 г.

Великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов родился 10 декабря 1821 года (по новому стилю) в местечке Немирове, Каменец-Подольской губернии.

Его отец, Алексей Сергеевич, небогатый помещик, служил в то время в армии в чине капитана. Через три года после рождения сына он, выйдя в отставку майором, навсегда поселился в своем родовом ярославском имении Грешневе.

Грешнево находится неподалеку от Волги, на равнине, среди бесконечных полей и лугов. Здесь, в деревне, поэт провел все свое детство.

При усадьбе был старый, запущенный сад, обнесенный глухим забором. Мальчик проделал в заборе лазейку и в те часы, когда отца не было дома, зазывал к себе крестьянских детей. Дети врывались в сад и набрасывались на яблоки, груши, смородину, вишни. Но стоило няньке крикнуть: «Барин, барин идет!» — как они мгновенно исчезали.

Конечно, господскому сыну не дозволялось дружить с детьми крепостных крестьян. Но, улучив удобную минуту, мальчик убегал через ту же лазейку к своим деревенским друзьям, уходил с ними в лес, купался с ними в речке Самарке, делал «грибные набеги».

Барский дом стоял у самой дороги, а дорога была в ту пору многолюдной и бойкой — столбовая ярославско-костромская дорога. Мальчик, выбравшись тайком за ограду усадьбы, знакомился на дороге со всяким рабочим народом — с печниками, малярами, кузнецами, землекопами, плотниками, переходившими из деревни в деревню, из города в город в поисках работы. Ребята жадно слушали рассказы этих бывалых людей.

Няня тоже была крепостная. Она рассказывала ему старинные русские народные сказки, те самые, что в течение многих столетий сказывались в каждой крестьянской семье, каждому крестьянскому ребенку.

Так народная жизнь и богатая, меткая народная речь стали близки Некрасову с самого раннего детства. И разве мог бы он написать «Коробейников», «Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо», если бы не провел все свое детство в такой близости к родному народу.

Любовь к полям и лесам своей родины, к ее весеннему «зеленому шуму» тоже впервые зародилась у него в те ранние детские годы. Некрасов горячо восхищался родной ярославской природой, красотой [illegible]. Впоследствии, вернувшись из заграничной поездки, [illegible] одной из черновых своих рукописей, что природа Грец[illegible] ему милее всех прославленных заморских краев. И [illegible] он создал бы свои бессмертные песни о русской природе, [illegible] не сроднился с нею с первых же лет своей жизни.

Детские воспоминания Некрасова связаны с великой русской рекой Волгой, которой он потом посвятил столько восторженных и нежных стихов. «Благословенная река, кормилица народа!» — говорил он о ней.

Но здесь, на этой «благословенной реке», ему довелось испытать первое глубокое горе. Он бродил по берегу в жаркую пору и вдруг услышал какие-то стоны и вслед за тем увидел бурлаков, которые брели вдоль реки,

«Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой».

Они стонали от изнурительной, невыносимо тяжелой работы. Потрясенный, испуганный мальчик долго бежал вслед за ними. Когда они расположились на отдых, он приблизился к их костру. До него донеслись слова: больной, измученный непосильным трудом человек говорил товарищам, что опостылела ему эта невыносимая жизнь, что «кабы к утру умереть, так лучше было бы еще!».

Стон больного бурлака взволновали Некрасова до слез:

«О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..»

В этом впечатлительном мальчике рано проявилась та «страстность к чужому страданию», которая и сделала его великим поэтом. Бойкий и, казалось бы, беззаботный дворянский ребенок стал уже в те ранние годы не по детски задумываться над жестокостями жизни. Рано открылось ему «зрелище бедствий народных», к которому были так нечувствительны многие другие дворянские дети.

По той дороге, которая проходила мимо усадьбы Некрасовых, гнали в Сибирь арестантов, закованных в кандалы. Будущий поэт на всю жизнь запомнил «печальный звон — кандальный звон», раздававшийся на этой «проклятой цепями» дороге.

Еще одно горе довелось ему видеть «в золотую пору малолетства» — горе в родной семье. Его мать, Елена Андреевна, мечтательная, кроткая дочь знатного отца, страдала в замужестве. Она была человеком высокой культуры, а муж у нее был невежественный, жестокий и грубый. Его излюбленными развлечениями были карты, попойки, псовая охота на зайцев.

С участием относилась мать поэта к принадлежавшим ее мужу крестьянам и нередко вступалась за них, когда тот угрожал им расправой. Но попытки обуздать его ярость не всегда удавались ей. Бывали случаи, что при этих попытках муж набрасывался и на нее с кулаками. Можно себе представить, как ненавидел его в такие минуты сын!

Елена Андреевна хорошо знала мировую поэзию и часто пересказывала малолетнему сыну те отрывки из творений великих писателей, которые были доступны его пониманию. Через много лет, уже пожилым человеком, он вспоминал в стихотворении «Мать»:

«И голос твой мне слышался впотьмах,
Исполненный мелодии и ласки,
Которым ты мне сказывала сказки
О рыцарях, монахах, королях.

Потом, когда читал я Данте и Шекспира,
Казалось, я встречал знакомые черты:

Великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов родился 10 декабря 1821 года (по новому стилю) в местечке Немирове, Каменец-Подольской губернии.

Его отец, Алексей Сергеевич, небогатый помещик, служил в то время в армии в чине капитана. Через три года после рождения сына он, выйдя в отставку майором, навсегда поселился в своем родовом ярославском имении Грешневе.

Грешнево находится неподалеку от Волги, на равнине, среди бесконечных полей и лугов. Здесь, в деревне, поэт провел все свое детство.

При усадьбе был старый, запущенный сад, обнесенный глухим забором. Мальчик проделал в заборе лазейку и в те часы, когда отца не было дома, зазывал к себе крестьянских детей. Дети врывались в сад и набрасывались на яблоки, груши, смородину, вишни. Но стоило няньке крикнуть: «Барин, барин идет!» — как они мгновенно исчезали.

Конечно, господскому сыну не дозволялось дружить с детьми крепостных крестьян. Но, улучив удобную минуту, мальчик убегал через ту же лазейку к своим деревенским друзьям, уходил с ними в лес, купался с ними в речке Самарке, делал «грибные набеги».

Барский дом стоял у самой дороги, а дорога была в ту пору многолюдной и бойкой — столбовая ярославско-костромская дорога. Мальчик, выбравшись тайком за ограду усадьбы, знакомился на дороге со всяким рабочим народом — с печниками, малярами, кузнецами, землекопами, плотниками, переходившими из деревни в деревню, из города в город в поисках работы. Ребята жадно слушали рассказы этих бывалых людей.

Няня поэта была крепостная. Она рассказывала ему старинные русские народные сказки, те самые, что в течение многих столетий сказывались в каждой крестьянской семье, каждому крестьянскому ребенку.

Так народная жизнь и богатая, меткая народная речь стали близки Некрасову с самого раннего детства. И разве мог бы он написать «Коробейников», «Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо», если бы не провел все свое детство в такой близости к родному народу.

Любовь к полям и лесам своей родины, к ее весеннему «зеленому шуму» тоже впервые зародилась у него в те ранние детские годы. Некрасов горячо восхищался родной ярославской природой, красотой ее зеленых просторов. Впоследствии, вернувшись из заграничной поездки, он отметил в одной из черновых своих рукописей, что природа Грешнева ему милее всех прославленных заморских краев. И едва ли поэт создал бы свои бессмертные песни о русской природе, если бы не сроднился с нею с первых же лет своей жизни.

Детские воспоминания Некрасова связаны с великой русской рекой Волгой, которой он потом посвятил столько восторженных и нежных стихов. «Благословенная река, кормилица народа!» — говорил он о ней.

Но здесь, на этой «благословенной реке», ему довелось испытать первое глубокое горе. Он бродил по берегу в жаркую пору и вдруг услышал какие-то стоны и вслед за тем увидел бурлаков, которые брели вдоль реки,

«Почти пригнувшись головой
К погам, обвитым бечевой».

Они стонали от изнурительной, невыносимо тяжелой работы. Потрясенный, испуганный мальчик долго бежал вслед за ними. Когда они расположились на отдых, он приблизился к их костру. До него донеслись слова: больной, измученный непосильным трудом человек говорил товарищам, что опостылела ему эта невыносимая жизнь, что «кабы к утру умереть, так лучше было бы еще!».

Слова больного бурлака взволновали Некрасова до слез:

«О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..»

В этом впечатлительном мальчике рано проявилась та «страстность к чужому страданию», которая и сделала его великим поэтом. Бойкий и, казалось бы, беззаботный дворянский ребенок стал уже в те ранние годы не по-детски задумываться над жестокостями жизни. Рано открылось ему «зрелище бедствий народных», к которому были так нечувствительны многие другие дворянские дети.

По той дороге, которая проходила мимо усадьбы Некрасовых, гнали в Сибирь арестантов, закованных в кандалы. Будущий поэт на всю жизнь запомнил «печальный звон — кандальный звон», раздававшийся на этой «проторенной цепями» дороге.

Еще одно горе довелось ему видеть «в золотую пору малолетства» — горе в родной семье. Его мать, Елена Андреевна, мечтательная, кроткая женщина, очень страдала в замужестве. Она была человеком высокой культуры, а муж у нее был невежественный, жестокий и грубый. Его излюбленными развлечениями были карты, попойки, псовая охота на зайцев.

С участием относилась мать поэта к принадлежавшим ее мужу крестьянам и нередко вступалась за них, когда тот угрожал им расправой. Но попытки обуздать его ярость не всегда удавались ей. Бывали случаи, что при этих попытках муж набрасывался и на нее с кулаками. Можно себе представить, как ненавидел его в такие минуты сын!

Елена Андреевна хорошо знала мировую поэзию и часто пересказывала малолетнему сыну те отрывки из творений великих писателей, которые были доступны его пониманию. Через много лет, уже пожилым человеком, он вспоминал в стихотворении «Мать»:

«И голос твой мне слышался впотьмах,
Исполненный мелодии и ласки,
Которым ты мне сказывала сказки
О рыцарях, монахах, королях.

Потом, когда читал я Данте и Шекспира,
Казалось, я встречал знакомые черты:

То образы из их живого мира
В моем уме напечатлела ты».

Кажется, не было другого поэта, который так часто, с такой благоговейной любовью воскрешал бы в своих стихах образ матери. Этот трагический образ увековечен Некрасовым в стихотворениях «Родина», «Мать», «Рыцарь на час», «Баюшки-баю», «Затворница», «Несчастные» и др. Задумываясь в детстве о ее печальной судьбе, он уже в те годы научился сочувствовать всем бесправным, угнетаемым женщинам.

Особенно горячее сочувствие вызывали в нем крепостные крестьянки:

«Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли».

Некрасов утверждал, что именно страдания матери пробудили в нем протест против угнетения женщины. (См. стихотворения: «Тройка», «В полном разгаре страда деревенская», «Мороз, Красный нос» и др.)

Но, читая эти стихотворения Некрасова, мы чувствуем в них не только жалость к страдающим. Характер у него был боевой и настойчивый, совершенно не склонный к беспомощной жалости. Его любовь к угнетенным всегда сочеталась с ненавистью к их угнетателям.

Даже в ребяческих делах и затеях сказывалась сильная воля Некрасова.

Однажды, поздней осенью, случилось ему подстрелить на Печельском озере дикую утку. Озеро у берегов было затянуто льдом. Собака, испугавшись холодной воды, заупрямилась. Десятилетний охотник, забыв обо всем, кинулся в ледяную воду, поплыл за уткой и добыл ее.

«Это стоило ему горячки, но от охоты не отвадило»,— писала сестра Некрасова в воспоминаниях о нем.

Семилетним ребенком, услышав от няни, будто по ночам в саду гуляют черти, он в ту же ночь пошел в темный сад — на единоборство с чертями. Ему было страшно до обморока, но он не вернулся домой, пока не обошел все кусты и деревья:

«Сошла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой,—
Наверно б мертвый я упал!»

Настойчивость и храбрость были его главными свойствами. Обучаясь верховой езде, он то и дело падал с лошади, и был такой день, когда он упал восемнадцать раз подряд, но в конце концов добился своего: сделался хорошим наездником. С тех пор, по рассказу его сестры, Некрасов уже не боялся никакой лошади и смело садился на бешеного жеребца.

Добиться своего ценою любого подвига, любого труда стало с детства для Некрасова законом. Но настоящее свое призвание нашел он не скоро. Много пришлось ему испытать неудач и тревог, прежде чем он вышел на прямую дорогу.

В 1832 году будущий поэт вместе со своим братом Андреем поступил в первый класс ярославской гимназии. Единственное воспоминание, которое осталось в его поэзии от этих гимназических лет, вместилось в две стихотворные строчки:

«...Придешь, бывало, в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас».

Отец не хотел платить за обучение сына, ссорился с его учителями. Учителя были плохие, невежественные и требовали только тупой зубрежки. Естественно, что мальчик не любил своей школы и посещал ее с большой неохотой. К счастью, в эти годы он пристрастился к чтению. Читал он что придется, главным образом тогдашние журналы. Большое впечатление произвела на него в ту пору революционная ода Пушкина «Вольность», а также поэма Байрона о свободолюбивом и храбром корсаре (в изложении одного из литераторов того времени). Там же, в гимназии, впервые обнаружилось в нем призвание сатирика: мальчик стал писать эпиграммы на учителей, на товарищей.

В июле 1837 года Некрасов ушел из гимназии.

Отец решил отправить его в Петербург, в Дворянский полк — так называлась тогда военная школа, славившаяся бессмысленной и жестокой муштрой. Возможность поездки в столицу привлекала Некрасова, так как он уже несколько лет тайно писал стихи и мечтал напечатать их в столичных журналах.

В конце июля 1838 года шестнадцатилетний подросток после многодневного путешествия в ямщицкой телеге приехал в Петербург с тетрадью стихов и несколькими рублями. «За славой я в столицу торопился»,— шутя вспоминал он в позднейших стихах, так как с детства решил сделаться во что бы то ни стало писателем.

Еще в деревне, когда он только собирался в Петербург, его мать, страстно желавшая, чтобы сын стал образованным человеком, не раз говорила ему, что он должен поступить в университет. В Петербурге Некрасов разыскал земляков, учившихся вместе с ним в ярославской гимназии, и те советовали ему исполнить желание матери. Некрасов стал готовиться к университетским экзаменам и даже не сделал попытки поступить в то военное училище, куда направил его отец. Узнав об этом, отец рассердился и прислал грозное письмо, где извещал, что не будет высылать ему денег, если он нарушит отцовскую волю.

Свою угрозу отец привел в исполнение. Юноша остался в столице без всяких средств. Он часто голодал, не имел пристанища, спал в ночлежных домах, целую зиму ходил без теплого пальто. Но его влекла литературная работа, и ради нее он обрек себя на полуголодную жизнь.

Вскоре он исполнил желание матери: в сентябре 1839 года поступил вольнослушателем в университет.

Некоторые его стихотворения были напечатаны в разных журналах, но за них почти ничего не платили, и он продолжал голодать.

В 1840 году Некрасов с помощью друзей напечатал книжку своих юношеских стихов под заглавием «Мечты и звуки».

Книжка не имела успеха. Она была не хуже и не лучше других книжек такого же рода, появлявшихся тогда в несметном количестве. Стихи были очень далеки от тогдашней действительности. Как и все очень молодые поэты, Некрасов подражал другим стихотворцам. «Кого, бывало, прочту, тому и подражаю»,— вспоминал он впоследствии.

Неуспех книги не обескуражил Некрасова. Этот юноша, вышедший из праздной дворянской среды, оказался на диво неутомимым работником. В 1840 и 1841 годах он написал столько стихотворений, рассказов, сказок, фельетонов, критических заметок, рецензий, комедий, водевилей и т. д., сколько другому не написать за всю жизнь. Не разгибая спины, исписывал он десятки страниц своим стремительным почерком. Недаром он сказал перед смертью, вспоминая свою раннюю юность: «Уму непостижимо, сколько я работал! Господи, сколько я работал!»

Но так мало платили поэту за его колоссальный труд, что и тогда он не спасся от нужды, хотя, казалось бы, одни его пьесы, которые часто ставились в столичных и провинциальных театрах, должны были давать ему изрядный доход.

Бедствовал он долго — лет пять. Эта полуголодная молодость, «убитая под бременем труда», оказала большое влияние на все его дальнейшее творчество. Именно с этой поры он научился смотреть на явления окружающей жизни суровыми глазами подневольного труженика, который, на себе испытав, каково живется бедноте в условиях эксплуатации и рабства, навсегда возненавидел притеснителей трудового народа.

4 Около этого времени Некрасов познакомился и близко сошелся с великим русским критиком, революционным демократом Белинским, который полюбил юного поэта за его непримиримую ненависть к народным врагам.

Белинский требовал от современных писателей правдивого, реалистического изображения русской действительности. Под влиянием Белинского Некрасов впервые обратился к реальным сюжетам, подсказанным ему подлинной жизнью,— стал писать проще, без всяких прикрас, о самых, казалось бы, обыденных, заурядных явлениях жизни, и тогда в нем сразу проявился его свежий, многосторонний и глубоко правдивый талант.

Другим учителем Некрасова был Гоголь. Некрасов всю жизнь преклонялся перед ним и ставил его рядом с Белинским. «Мертвые души», «Шинель», «Ревизор» были для него высшими образцами реалистического искусства. Гоголь, как и Белинский, в глазах Некрасова являлся «народным заступником», обличителем полицейско-самодержавного строя, великим вождем своей родины «на пути сознания, развития, прогресса». У Некрасова есть стихотворение о Гоголе, которое кончается такими строками:

«Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!»

«Любить — ненавидя» — этому научился Некрасов у своих великих наставников. Любить свой народ для Некрасова, как для Гоголя и Белинского, значило ненавидеть его притеснителей, и потому некрасовская поэзия в те годы (начиная с 1845 года) стала поэзией обличения и гнева.

В конце 1846 года Некрасов раздобыл взаймы денег и взял вместе с писателем Иваном Панаевым в аренду журнал «Современник», основанный Пушкиным. В «Современник» перешел из другого журнала Белинский со всеми своими приверженцами — молодыми передовыми писателями. Таким образом, в журнале Некрасова сосредоточились лучшие литературные силы, объединенные ненавистью к крепостническому рабству.

Некрасов стоял во главе «Современника» без малого двадцать лет (1847—1866), и если бы он не написал ни одного стихотворения, он и тогда заслужил бы благодарную память потомства как величайший журналист своей эпохи.

Начиная с 1855 года наступил наивысший расцвет творчества Некрасова. Он закончил поэму «Саша», где заклеймил презрением так называемых «лишних людей», то есть либеральных дворян, выражавших свои чувства к народу не делами, а громкими фразами. Тогда же написаны им «Забытая деревня», «Школьник», «Несчастные», «Поэт и гражданин». Эти произведения обнаружили в Некрасове могучие силы народного певца. Он стал любимейшим поэтом демократической интеллигенции, которая именно в то время сделалась влиятельной общественной силой в стране.

Когда вышло первое собрание стихотворений Некрасова, книга имела грандиозный успех — такой же, как в свое время «Евгений Онегин» и «Мертвые души». Царская цензура, испугавшись ее популярности, запретила газетам и журналам печатать о ней хвалебные отзывы.

Приближалась эпоха 60-х годов. К тому времени, как был обнародован царский манифест о так называемом «раскрепощении» крестьян (1861), революционные демократы окончательно отмежевались от дворян либерального лагеря и стали разоблачать реакционный характер их деятельности. «Современник» стал боевым органом революционной демократии.

Влияние «Современника» росло с каждым годом, но вскоре над журналом разразилась гроза. В 1861 году умер Добролюбов. Через год был арестован и сослан в Сибирь Чернышевский. Правительство, вступившее на путь мстительной расправы со своими врагами, решило уничтожить ненавистный журнал. Вначале оно приостановило издание «Современника» на несколько месяцев (1862), а потом запретило навсегда (1866).

Долго существовать без журнала Некрасов не мог. Не прошло и двух лет, как он взял в аренду журнал «Отечественные записки»; в качестве соредактора он пригласил М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Под руководством Некрасова «Отечественные записки» стали таким же боевым журналом, как и «Современник».

В 1876 году Некрасов тяжело заболел. Болезнь была смертельна. Некрасов знал, что его дни сочтены, и потому трудился, превозмогая болезнь. «Ведь каждый день может оказаться последним»,— говорил он. Кроме поэмы «Кому на Руси жить хорошо», над которой поэт работал во время болезни, Некрасов, буквально на смертном одре, создал цикл лирических стихов, где слышится та же боль, та же тревога о народе.

Поэт перенес мучительную операцию, которая лишь на несколько месяцев отсрочила смерть. Спать Некрасов мог только под сильным наркозом, страдания его были ужасны, и все же нечеловеческим напряжением воли он находил в себе силы слагать свои «Последние песни».

Когда читатели узнали из этих песен, что Некрасов смертельно болен, его квартира была засыпана телеграммами и письмами.

В «Последних песнях» поэт говорил:

«Скоро стану добычею тленья,
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть».

Прочтя эти грустные строки (напечатанные в январе 1877 года), студенты нескольких высших учебных заведений Петербурга и Харькова поднесли Некрасову приветственный адрес, в котором говорили:

«Тяжело было читать про твои страдания, невмоготу услышать твое сомнение: «да и некому будет жалеть»... Мы пожалеем тебя, любимый наш, дорогой певец народа, певец его горя и страданий; мы пожалеем того, кто зажигал в нас эту могучую любовь к народу и воспламенял ненависть к его притеснителям. Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья».

Особенно растрогал больного прощальный привет Чернышевского, присланный из далекой Сибири в августе 1877 года. «Скажи ему,— писал Чернышевский одному литератору,— что я горячо любил его как человека, что я благодарю его за доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем. Он действи-

тельно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума».

Умирающий выслушал этот привет и сказал еле слышным шепотом: «Скажите Николаю Гавриловичу, что я очень благодарю его... Я теперь утешен... Его слова мне дороже, чем чьи-либо слова...»

Умер Некрасов 27 декабря 1877 года (по новому стилю 8 января 1878 года). Его гроб, несмотря на сильный мороз, провожало множество народа. Перед гробом несли венки: «От русских женщин», «Некрасову — студенты», «Бессмертному певцу народа» и другие. В процессии участвовали члены революционных партий (землевольцы и южнорусские «бунтари»), проживавшие в столице нелегально. Они несли венок «От социалистов». Вместе с ними вокруг этого венка тесным кольцом сомкнулись и многочисленные члены рабочих революционных кружков, которых к тому времени уже было немало на петербургских заводах и фабриках. Революционеры захватили с собой оружие, твердо вознамерившись пустить его в дело, если полиция вздумает отнять венок силой. Над гробом поэта говорили речи Ф. М. Достоевский, В. А. Панаев (друг поэта) и — от лица землевольцев — молодой Г. В. Плеханов, который, не стесняясь присутствием тайной и явной полиции, подчеркнул революционное значение поэзии Некрасова. Это были первые похороны писателя с участием революционных организаций передовых рабочих.

В своих воспоминаниях о Некрасове один из современников, хорошо знавший его в течение десятков лет, отозвался о нем так: «Это был человек мягкий, добрый, независтливый, щедрый, гостеприимный и совершенно простой... не заботящийся о завтрашнем дне, когда сегодня надо помочь другому».

Чудесные душевные свойства Некрасова отразились в его поэзии. Ее основной источник — горячее сочувствие угнетенным людям:

«Иди к униженным,
Иди к обиженным —
Там нужен ты».

Этой своей заповеди Некрасов не нарушал никогда. Он называл свою музу «печальной спутницей печальных бедняков, рожденных для труда, страданий и оков». Он так и говорил о революции: «великое дело любви».

Но как бы ни были искренни и благородны убеждения Некрасова, он не мог бы воздействовать ими на многие и многие поколе-

ния русских людей, если бы был слабым, неискусным писателем, неумело владеющим поэтической формой.

В чем же заключалась великая художественная сила Некрасова?

Прежде всего — в реализме, в правдивом изображении действительности. Поэт был далек от равнодушно-протокольного, фотографического воспроизведения жизненных явлений. Реализм Некрасова был лирически страстен, исполнен то яростной злобы, то порывистой нежности. В стихотворении «Элегия» поэт говорит о себе:

«Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю».

Изобразить или отразить современную жизнь — Некрасову было мало, он страстно жаждал переделать ее. Его реализм был действенным. Это был реализм борца.

Некрасов в своих произведениях всегда оценивал людей и события с точки зрения интересов трудового народа.

Огромно разнообразие поэтических форм и жанров, которые были доступны Некрасову.

Одной из его наиболее излюбленных форм была форма песни. Ею Некрасов владел в совершенстве. Недаром он называл многие свои стихотворения песнями: «Песня Еремушке», «Колыбельная песня», «Песня убогого странника». В них именно такая конструкция, такой ритмосинтаксический строй, какие свойственны песням. Уже то, что многие стихотворения Некрасова — такие, как, например, знаменитая «Тройка», «Ой, полна, полна коробушка» (из поэмы «Коробейники»), «Огородник», «Зеленый Шум», «Катерина» — до сих пор поются как народные песни, свидетельствует о его мастерстве в области песенной лирики.

Но песня — не единственный жанр поэзии Некрасова. Он был мастером стихотворных повелл, то есть повестей и рассказов в стихах,— таких, как «Саша», «Русские женщины», «Коробейники». Ни один из его современников не мог бы сравниться с ним в этом повествовательном жанре.

Таким же мастером был он в области глубоко интимной лирики. Вспомним хотя бы его гениальное стихотворение «Рыцарь на час», над которым рыдал Чернышевский.

И еще один жанр был доступен Некрасову — обличительная, грозная сатира, в которой едкая ирония так часто сменяется то слезами обиды и боли, то взрывами неистовой ярости («Размышления у парадного подъезда», «Железная дорога»).

Так же великолепно владел он еще одним поэтическим жанром — торжественной, патетической ораторской речью. Этот жанр чрезвычайно далек от фольклора и, можно даже сказать, противоположен ему. Но диапазон некрасовской поэзии был так необъятно широк, что и в этой, казалось бы, чуждой Некрасову форме поэт создал такие образцы декламационной, патетической речи, как «Родина», «Элегия», «Муза» и многие другие. В этом жанре он прямой продолжатель Лермонтова, который оказал сильнейшее влияние на его творчество.

Все разнообразное свое поэтическое мастерство Некрасов полностью отдал на служение народу. Его стихами впервые в истории заговорило о своих муках и нуждах трудовое крестьянство, пробуждающееся к революционной борьбе.

Добролюбов писал в 1860 году от лица революционной демократии:

«Нам нужен был бы теперь поэт, который бы с красотою Пушкина и силою Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворений Кольцова».

Из дальнейших его статей можно было понять, что этот поэт уже есть и что этот поэт — Некрасов. В одном из своих писем Добролюбов говорил о Некрасове:

«Любимейший русский поэт, представитель добрых начал в нашей поэзии, единственный талант, в котором теперь есть жизнь и сила».

Корней ЧУКОВСКИЙ

Содержание

К. Чуковский. Предисловие 3

СТИХОТВОРЕНИЯ

Тройка 17
Огородник 19
Перед дождем 21
«Я за то глубоко презираю себя...» 22
Родина 23
«Еду ли ночью по улице темной...» 25
«Вчерашний день, часу в шестом...» 27
«Я не люблю иронии твоей...» 28
Новый год 29
«Блажен незлобивый поэт...» 31
Муза 32
За городом 34
Застенчивость 35
Памяти Белинского 37
Несжатая полоса 38
«Я сегодня так грустно настроен...» 40
«Давно — отвергнутый тобою...» 41
Памяти Асенковой 43
«Праздник жизни — молодости годы...» 46
«Безвестен я. Я вами не стяжал...» 47
«Тяжелый крест достался ей на долю...» . . . . . —
На родине 48
Гадающей невесте 49
«Замолкни, Муза мести и печали!..» 50
«Внимая ужасам войны...» 51
Школьник 53
«Как ты кротка, как ты послушна...» 54
Поэт и гражданин 55
«В столицах шум, гремят витии...» 64
Тишина 65

«Стихи мои! Свидетели живые...» 71
Размышления у парадного подъезда 72
Песня Еремушке 76
«Что ты, сердце мое, расходилося?..» 79
На Волге 81
На смерть Шевченко 90
«Что ни год — уменьшаются силы...» 91
Похороны 92
Зеленый Шум 95
«В полном разгаре страда деревенская...» 98
Рыцарь на час 99
«Надрывается сердце от муки...» 105
Калистрат 106
Памяти Добролюбова 107
Возвращение 108
«Умру я скоро. Жалкое наследство...» 109
Выбор 111
Мать 114
«Не рыдай так безумно над ним...» 115
«Душно! без счастья и воли...» 116
Как празднуют трусу 117
Три элегии 118
I. «Ах! что изгнанье, заточенье!..» . . . . . —
II. «Бьется сердце беспокойное...» 119
III. «Разбиты все привязанности, разум...» . . . 120
Элегия 121
Вступление к песням 1876—77 годов 123
Зине («Двести уж дней...») 124
Зине («Ты еще на жизнь имеешь право...») . . . 125
Сеятелям 126
Друзьям . . . . . —
Горящие письма 127
Зине («Пододвинь перо, бумагу, книги!..») . . . 129
Баюшки-баю 130
«О Муза! я у двери гроба!..» 132

Примечания 133

Содержание

Д. Крепостнов. «Герои вчерашних дней»? . . 3
Только для личного ознакомления. *Пер. С. Петухова* 8
«Risico». *Пер. С. Петухова* 42
Цена изумрудного шара. *Пер. С. Катасонова* 73
Грязная работа. *Пер. С. Катасонова* 92
Раритет Гильдебранда. *Пер. С. Петухова* 110
Квант утешения. *Пер. С. Петухова* 142

© Составление, Б. М. Белкин, 1991
© Перевод, С. Петухов, 1991
© Перевод, С. Катасонова, 1991

«For your eyes only»
Из сборника: «For your eyes only»
© 1959, by Ian Fleming

«Risico»
Из сборника «For your eyes only»
© 1959, by Ian Fleming

«The property of the lady»
Из сборника «Octopussy»
© 1961, by Ian Fleming

«The living daylights»
Из сборника «Octopussy»
© 1961, by Ian Fleming

«The Hildebrand Rarity»
Из сборника «For your eyes only»
© 1959, by Ian Fleming

«The Quantum of Solace»
Из сборника «For your eyes only»
© 1959, by Ian Fleming

© Художественное оформление,
издательство «Вага», 1991

F 4703010100 / M821(09)—91 91

ISBN 5-86574-007-5

«ГЕРОИ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ»?..

Если вам, уважаемый читатель, скажут, что вы каждый день ведете разведывательную деятельность, — не удивляйтесь и не крутите пальцем у виска. Отпираться бесполезно, а если нужны факты, то пожалуйста.

Вот вы, солидный отец семейства, затеяли сегодня легкий флирт со словоохотливой секретаршей директора только для того, чтобы выяснить настроение начальства: стоит ли соваться к нему со своими бумагами. А супруга ваша перемежала в долгих телефонных разговорах сплетни и кулинарные рецепты хитрыми вопросами в надежде угадать очередные перемещения на кафедре. Сынок же ваш сунул пачку жевательной резинки соседке по парте, а в результате этой акции получил верный ответ на задачу во время контрольной. Ну что, будем сознаваться или. . .

Но если говорить серьезно, то разведка, иначе говоря — получение информации — продукт естественной человеческой деятельности. Когда добыванием информации занимаются государственные учреждения, то деятельность эта порой приобретает противоестественный характер.

Разведка была всегда. Речь идет не о нас, ведущих «бытовую» разведку, чтобы жить, а о профессионалах, живущих для того, чтобы вести разведку. Часто они платят за это жизнью. И не только своей.

Когда-нибудь[1] обнародуют все-все-все тайные архивы всех разведслужб мира, и человечество ахнет, неприятно пораженное необходимостью в который раз переписывать историю. Выяснится, что люди, живущие рядом с нами, были вовсе не те, за кого мы их принимали, страна, изображенная на карте, не та страна, а время тем более не то, что на календаре. Впрочем, карты врут, как календари, а календари, по разведданным классика, врут всегда.

История разведки со времен Иисуса Навина до наших дней, как булка с изюмом, нашпигована проявлениями замечательного героизма, исключительного самопожертвования и тончайшей игрой ума. А все остальное — кровь, деньги, подлость, шантаж и негодяйство, густо замешанные на глупости и предательстве. Впрочем, как и в истории вообще.

История английских[2] спецслужб читается как захватывающий роман.

---

1 Никогда!

2 Не только английских!

У истоков разведки стояли не только титулованные особы, но и интеллектуалы. Д. Дефо в далеком прошлом и не так давно С. Моэм и Г. Грин сотрудничали с ней. Она может похвастать не только традициями, но и блестяще проведенными операциями. Правда, и провалы были не менее блистательны. К. Филби, Д. Маклин, Д. Блейк возглавляют большой список имен, болезненными занозами[3] торчащих в памяти руководителей английской разведки.

Но скандалы быстро забываются, «наши люди в Лондоне» спокойно доживают свой век на московских квартирах, а ореол высокопрофессиональной всеведущей разведки остается. Ореол этот создали писатели. И не надо думать, что это были и есть сплошные халтурщики, лепящие свою мрачную антисоветчину в погоне за длинным фунтом стерлингов. Конечно, бульварных романов тьма. Но среди этой тьмы, например, блистает роман Р. Киплинга «Ким» — о мальчике-шпионе, работающем на английскую разведку в Индии. В свое время роман имел бешеный успех.

Если же обратиться ко временам не столь отдаленным, то достаточно будет назвать имена таких мастеров жанра, как Д. Ле Карре, В. Каннинг, Ф. Форсайт, И. Флеминг...

Так вот, Флеминг. Кто из нас не помнит, как клеймился герой его произведений в нашей прессе! Он и бездушный садист-убийца, и безмозглый исполнитель смертных приговоров, и человеконенавистник.

Но вот наконец читателю представляется возможность самому познакомиться с агентом 007 и лично удостовериться, соответствовали истине или нет писания наших выездных искусствоведов. Будем, однако, великодушными — тот, кто еще недавно попытался бы дать творчеству Флеминга объективную оценку, мгновенно вылетел бы из разряда выездных.

Обратимся к текстам. Вот рассказ «Квант утешения». Пару катеров, груженных оружием для кубинских повстанцев, Бонд лихо сжигает, хотя в душе и сочувствует Кастро. Но его акция только фон для истории в лучших традициях Диккенса или Теккерея. Бонд вынужден признать, что его приключение выглядит заурядным действом по сравнению с тем огнем страстей, который таится в сердцах людей под пеплом обыденности. В том же ключе сделан и «Раритет Гильдебранда». Агент 007 сталкивается с проявлением неистовых эмоций уязвленного женского[4] самолюбия. Чувство самосохранения подсказывает ему, что даже со своим правом на убийство ему лучше не становиться у нее на пути.

Так кто же он, Джеймс Бонд, суперагент с правом на убийство — жестокий профессионал или слюнявый резонер? Сомневаться в профессионализме Бонда смешно, стоит только прочитать рассказы «Только для

3 Хватает заноз и у нас: Пеньковский, Воронцов, Гордиевский . . .
4 Женщины и Бонд — тема отдельного исследования.

личного ознакомления» и «Risico». Здесь острый сюжет с беготней и пальбой в меру приправлен клубничкой. Взрывы, драки, убийства — на любой вкус. Но все-таки что-то смущает: слишком неожиданным оказывается контраст между ожидаемым и реальностью.

Мы ждали махрового антисоветчика, направо-налево расправляющегося с агентами зловещего СМЕРШа, а встретили совершенно другого человека. Если вы испытали разочарование — все претензии к вышеупомянутым искусствоведам.

Отдельного разговора заслуживают фильмы о Бонде. Неподражаемый Шон Коннери создал образ обаятельного джентльмена, который даже из водолазного костюма вылезает в безупречном смокинге. Ирония? Да. Элементы самопародии? Несомненно. «Развесистая клюква»? Не без этого. Пропаганда насилия и жестокости? Что-то не заметили...

Почему все-таки героя Флеминга сопровождал такой оглушительный успех? Его собратьями по перу был выведен целый легион подобных персонажей, но ни один не стал именем нарицательным. Возможно, впервые был создан образ супермена «с человеческим лицом». Но одного этого мало. Может, произошел гармоничный сплав острого сюжета с запоминающимся, характерным героем? Не исключено.

Впрочем, магия успеха и загадка читательского резонанса так просто не разгадываются. В противном случае мы все поголовно ходили бы в лауреатах Нобелевской премии. Литературной, разумеется.

Успех пришел к Иэну Флемингу практически сразу после выхода в 1954 году его первой книги «Казино Ройяль». Специфика разведки автору была более чем знакома — с начала II мировой войны и до самого ее конца он проработал личным помощником начальника морской разведки Британского адмиралтейства, а это кое-что значит. Исследователи творчества Флеминга помогли бы ответить на вопрос: был ли он до войны как-то связан с разведкой? Но даже имеющиеся скудные сведения о нем дают пищу для аналитика. Вот, например, интересный факт: с 1929 года он был аккредитован в Москве как репортер агентства Рейтер, а в 1933 году освещал процесс по делу шести английских инженеров, обвиненных, естественно, в шпионаже. Можно только гадать, почему сын британского офицера[5], родившийся в 1908 году, окончивший респектабельный и престижный Итон, учившийся в университетах Женевы и Мюнхена, готовящийся стать чиновником МИДа, вдруг ломает свою карьеру и становится репортером.

Мы знаем немало блестящих репортеров, проявивших себя и на другом поприще. Рихард Зорге, например...

[5] Помимо всего папа Иэна был еще и членом парламента.

Но это всего лишь догадки. Сам Иэн Ланкастер Флеминг, скончавшийся в 1964 году, уже не прольет на это свет. Разве что в Главной Резиденту́ре...

Вернемся к текстам. На наш взгляд, ключевыми являются два рассказа предлагаемого вашему вниманию сборника. «Грязная работа» и «Цена изумрудного шара». Речь идет не о содержании. Хотя читателя будет держать в напряжении поединок между Бондом и советским снайпером, ведущим охоту за агентом, который собирается пересечь границу в районе Берлинской стены, теперь уже приказавшей долго стоять. Поворот сюжета легко угадывается, но впечатление от этого не ослабевает, напротив, читатель начинает слегка гордиться своей проницательностью. Другой рассказ — история «нашего» агента, всаженного в святая святых британской разведки — шифровальный отдел. История поучительная во всех смыслах.

Так вот, название первого рассказа может служить эпитафией не только циклу произведений о Бонде, не только всей подобной литературе, но и разведке вообще. Грязная работа, и все тут!

Ничего не поделаешь, какими бы высокими материями ни объяснялась необходимость существования разведки и спецслужб, тайных акций, плаща и кинжала, обмана и контробмана — неумолимая логика нравственности гласит: где тайна, там и грязь. И не будем говорить о благих намерениях — мы знаем им цену.

А вот и другая мораль — все имеет свою цену и за все придется платить. Расплачивается агент, не подозревающий, что присланный в награду изумрудный шар работы Фаберже — начало длинной цепочки провалов. Расплачивается английская разведка, вынужденная поставлять агенту не только дезинформацию, но и ценные сведения, расплачивается Бонд — здоровьем, нервами, душевным покоем...

Даже вы, уважаемый читатель, расплачиваетесь сейчас своим драгоценным временем, потраченным на чтение этих рассказов. Одно скажем — цена невысока, а книга стоит ваших затрат.

Инфильтрация прошла успешно: Бонд уже здесь — в книгах и фильмах. А как насчет наших героев невидимого фронта?

Время от времени общество публично перетряхивает грязное белье своих спецслужб. Это лакомый кус журналистов. Раньше это было монополией западных «разгребателей грязи», а теперь и наши рыцари пера со сладострастной дрожью в пальцах, словно в отместку за десятилетия страха, грозят кулачком Лубянке и отважно публикуют давно известные зарубежному читателю «секреты». Наверное, так и должно быть, дабы

означенные службы, с одной стороны, не ленились и хорошо мышей ловили, а с другой стороны не впадали в соблазн тоталитаризма. Но вот что надо сказать по этому поводу. Западный читатель обрабатывается, если можно так сказать, с двух сторон. С одной стороны, пресса мечет разнообразные громы и молнии в адрес нерасторопных или чрезмерно ретивых деятелей разведки и контрразведки. Но с другой — писатели и режиссеры создают ореол романтики вокруг деятельности все тех же служб. Читатель и зритель удовлетворены — демократия защищена от поползновений снаружи и изнутри (спасибо прессе!), а романтики и авантюристы не отметают с порога предложения о сотрудничестве.

У нас пока идет вытряхивание вшей из постельного белья. Но рано или поздно авгиевы конюшни наших компетентных органов будут очищены[6], и тогда встанет вопрос: где набирать кадры? Кто пойдет в оплеванные и поруганные органы, даже если они трижды переименуются, а на каждого сотрудника будут по две комиссии Верховного Совета. Маятник качается неумолимо, и за годы страха придется терпеть неуважение — в лучшем случае. Но в конце концов начнется формирование и «нашего ответа» на Бонда. Литераторы постараются. Пока же некого противопоставить агенту 007. Неувядаемый Штирлиц? Это из другой истории. Впрочем, болгарский писатель Б. Райнов создал вполне достойного противника Бонду — это разведчик Боев, тоже непотопляемый и несгораемый и тоже вполне человечный.

Впрочем, книжный рынок потребует заполнения и этой потребительской ниши, а когда пройдет мода на разоблачения[7], читатель потребует позитива.

Будет халтура, будут и удачи. А пока еще рано говорить, что конец «холодной войны» есть конец разведки. Даже умиляющие контакты между КГБ и ЦРУ ни о чем не говорят. Пока есть границы, будет и разведка, а когда исчезнут все границы[8], тогда... посмотрим.

Может, когда-нибудь «ведущие» разведки объединятся, чтобы бороться с силами зла. А зло, увы, вечно. Поэтому название известной песни, вынесенное в заголовок, взято с вопросительным знаком.

Д. Крепостнов.

6 Если это возможно.
7 См. примечание 1.
8 См. примечание 7.

IAN FLEMING

JAMES BOND

IAN FLEMING

JAMES BOND

Э. СЕТОН-ТОМПСОН

МАЛЕНЬКИЕ ДИКАРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Канадский писатель Эрнест Сетон-Томпсон издал первый сборник своих рассказов под общим названием «Животные, которых я знал» в самом конце прошлого века (1898). Сборник имел огромный успех и за короткое время вышел в нескольких изданиях. Книга открывала тогдашним читателям новый, совсем неведомый им мир.

До половины прошлого столетия большинство даже ученых людей считало, что животный мир существует сам по себе, а человечество само по себе. Людям казалось оскорбительной простая мысль о том, что человек и животные едины по своему происхождению. Только великий Дарвин доказал эту истину — и тем совершил переворот в человеческих умах.

До выхода в свет трудов Дарвина людям и в голову не могло прийти всерьез писать рассказы из жизни животных. Сетон-Томпсон первым и смело выступил с рассказами, где героями были звери и птицы. Изучению этих героев он посвятил всю жизнь — и хорошо знал их. Сетон-Томпсон не только знал, но отлично понимал и очень любил зверей и птиц. В автобиографии («Моя жизнь») он правильно говорит о своем первом сборнике:

«Нет сомнения, что эта книга положила начало новому, реалистическому направлению в литературе о животных. В ней впервые правдиво обрисовано поведение животных.

До сих пор были известны только басни, сказки о животных и такие рассказы, где животные разговаривают и ведут себя, словно люди, переодетые в шкуры зверей».

В этом огромная заслуга замечательного писателя, в этом и объяснение быстрого распространения его книг во всех странах мира.

Всегда интересно, почему и как человек становится известным во всем мире. Всегда интересна биография такого человека.

Эрнест Сетон-Томпсон родился в 1860 году в Англии. Но уже через шесть лет семья его переехала в Канаду. С этих лет он хорошо помнил себя. В первую же зиму Эрнест пошел в школу.

«Долго-долго тянулась эта зима,— вспоминает он.— В марте наконец пришел настоящий весенний день...

Маленькая птичка прилетела на тополь около нашего дома и тихо запела... Мне показалось, что я видел ее синюю спинку[1]. Снова и снова пела она свою нежную песенку.

Не знаю почему, но я вдруг разрыдался. Я был взволнован этой песней до глубины души. С тех пор каждый год я ждал свою синюю птичку и с ней — весну».

Как знать, может быть, эта «синяя птица» и пробудила в нем то сильное чувство, которое сделало его всемирно известным писателем...

Он был талантливый мальчик. Учителя говорили его родителям, что он самый способный мальчик в школе. В шесть лет он прочел первую строчку в газете и в том же году начал вырезать из дерева птиц и зверей.

Эрнест был не только способным, но и упорным мальчиком. Увидев в магазине книгу «Птицы Канады», он решил купить ее во что бы то ни стало. Книга стоила один доллар. Чтобы собрать эти деньги, Эрнест продал своих кроликов, перенес дрова для соседей, собрал насекомых для коллекции одной англичанки и целый месяц соревновался с братом в рубке дров, зарабатывая последние недостающие двадцать пять центов. И вот желанная книга в руках. «Я был на седьмом небе от счастья»,— вспоминает Сетон-Томпсон и в повести «Маленькие дикари» с любовью рассказывает читателям об этих событиях своего детства.

Птицы и звери волновали его больше всего на свете, и чем больше он рос, тем сильнее. Ни отсутствие книг по естествознанию, ни суровый отец, который и слышать не хотел, чтобы хоть один из его десяти сыновей стал натуралистом, ни мучительные болезни — никакие препятствия не могли помешать ему пойти по той дороге, идти по которой звала его с детства неутолимая страсть разгадывать все тайны и загадки в жизни птиц и зверей, страсть рассказывать об этих тайнах людям и передавать красоту животных в рисунках и вырезанных из дерева фигурках.

Сетон-Томпсон вспоминает: «...Я пошел своей собствен-

[1] Синяя птица — символ счастья.

ной тропой, не зная и не спрашивая никого, была ли это лучшая дорога. Я знал только одно: это была моя дорога».

И он добился своего: стал замечательным естествоиспытателем, писателем и художником. В Канаде он получил должность «государственного натуралиста», что дало ему возможность с головой отдаться изучению животных.

Сетоном-Томпсоном написан ряд научных трудов по зоологии. За эти работы ему была присуждена высшая награда, присуждаемая в США за научные труды,— золотая медаль «Элиот».

В Америке Сетон-Томпсон с большим успехом читал свои рассказы перед широкой публикой. Одна за другой стали выходить его книги: «Жизнь гонимых», «Животные-герои», «Биография медведя», «Мустанг-иноходец» и другие.

Рисунки Сетона-Томпсона на полях книг похожи на зарисовки натуралиста, сделанные на полях рабочего дневника. Но рисунки эти передают не только внешний вид зверя или птицы, но и их характер, настроение и всегда — отношение к ним автора, полное любви и добродушного юмора.

Грэс Сетон-Томпсон, его жена-друг, принимала большое участие в литературной обработке его рассказов и оформлении их.

Конечно, то, что волнует нас в книгах Сетона-Томпсона, — лишь крошечная часть всего того, что пережил, наблюдал, зарисовал и разгадал автор. С детства он аккуратно вел дневник. К концу жизни у него скопилось пятьдесят толстых томов в кожаных переплетах — целая библиотека. «Книгопродавец, — улыбается Сетон-Томпсон,— не дал бы за них и ломаного гроша. А я не расстался бы с ними ни за какие миллионы. В них шестьдесят лет моей жизни, моих исканий».

Все это, так сказать, взгляд снаружи на работу, проделанную писателем в течение его долгой жизни (он умер в 1946 году). Но небывалый успех его рассказов и рисунков — у юных и взрослых читателей одинаково — объясняется прежде всего внутренними причинами: его могучей любовью к жизни и верой в нее. Он не боялся рисовать жизнь лесов, гор, прерий такой, как она есть, со всеми ее жестокостями. Нередко его герои-животные по-

...бают в конце рассказа. Но такова правда жизни, нельзя скрывать ее и от детей, если не хочешь превратить их в плаксивых хлюпиков. Все герои этого жизнелюбивого писателя настолько полнокровны, что, как ни трагична их смерть, она тонет в общем потоке могучей земной жизни и никогда не оставляет после себя ощущения глухого тупика. Это отлично чувствуют дети и, погрустив о гибели любимца, сейчас же принимаются вспоминать его таким, каким он был в расцвете всех своих сил и способностей, делают его бессмертным героем своих игр.

Стараясь остановить, по возможности, бессмысленное и бесцельное истребление диких животных, Сетон-Томпсон организовал в Канаде «Лигу лесоведения», ставившую своей целью обучение молодежью родной природы и охрану животных.

«Я убежден,— говорит Сетон-Томпсон,— что каждое из этих животных представляет собой драгоценное наследие, которое мы не вправе уничтожать без крайней необходимости и не вправе отдавать на мучение нашим детям».

Полвека назад не было другого такого писателя, который так увлекал бы школьника любовью к животным, пробуждал бы страстный интерес к ним у миллионов читателей во всех странах.

И мы, люди двух разных поколений, составившие вместе эту статью о нем, сохраняем в душе глубокую сыновнюю благодарность к Сетону-Томпсону — певцу наших мохнатых и пернатых родственников. Много хороших чувств он пробудил у нас еще в детстве.

Виталий Бианки и Николай Сладков

СОДЕРЖАНИЕ

А. Немзер. В. Ф. Одоевский и его проза 3
Новый год 12
Из книги «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Ириеем Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные *В. Безгласным*» (1833)
Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем 21
Сказка о том, по какому случаю коллежскому советнику Ивану Богдановичу Отношенью не удалося в светлое воскресенье поздравить своих начальников с праздником 30
Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту 35
Та же сказка, только на изворот 43
История о петухе, кошке и лягушке 51
Из книги «Русские ночи» (1844)
Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi 66
Бригадир 74
Бал 82
Насмешка мертвеца 84
Последнее самоубийство *<Отрывок>* 92
Город без имени 95
Последний квартет Бетховена 110
Импровизатор 116
Княжна Мими 131
Сильфида 173
Косморама 195
Саламандра 244
Живой мертвец 329
Живописец 354
Мартингал 363
Примечания 374

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ И ЕГО ПРОЗА

Своей первой книге Владимир Федорович Одоевский предпослал витиеватое название: «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные *В. Безгласным*». Причудливое заглавье призвано спрятать авторское лицо. Но, как и всякая мистификация, название книги Одоевского немало рассказывает о самом мистификаторе. Нужно лишь расшифровать его.

Начнем со второго, «издательского», псевдонима. Много лет спустя автор «Пестрых сказок» напишет о себе: «Одоевский (князь Владимир Федорович) родился в Москве, июля 30-го дня, 1804 года». Это будет единственное «положительное сведение», ибо далее говорится: «Питает особую ненависть к автобиографиям...» Жизнь Одоевского была интересной и интеллектуально насыщенной: он был наследником древнейшего княжеского рода; он воспитывался в пансионе при Московском университете; входил в знаменитое общество любомудров; вместе с будущим декабристом В. К. Кюхельбекером издавал четырехчастный альманах «Мнемозина» (1824); был не только кузеном, но и другом другого декабриста — поэта Александра Одоевского; сотрудничал с Пушкиным; его дарили дружбой или вниманием Гоголь, Жуковский, Глинка, Лермонтов, Белинский — называем имена самого первого ряда; он был одним из создателей обновленных «Отечественных записок» — лучшего русского журнала 1840-х годов. Одоевскому было что рассказать. Но он, в отношении собственной персоны, словно помня о старом псевдониме, оставался «безгласным». Он любил прятаться за псевдонимами и криптонимами. Он подолгу держал в столе оконченные сочинения, часто бросал недоделанный труд, а иногда мог выдать в свет отрывок, требующий продолжения, так и не осуществленного. С особой уклончивостью, гибкостью Одоевский ускользал от «единого поприща», чередуя увлечения: от музыки до химии, от философии до гастрономии, от истории до практической благотворительности. В той же «квазиавтобиографии» Одо-

евский утверждал: «...человек не должен ни создавать для себя сам произвольно какой-либо деятельности, ни отказываться от той, к которой призывает его сопряжение обстоятельств его жизни».

«Сопряжение обстоятельств» вело ко всему разом. Недаром в «титуле» подставного Одоевского стоит: «член разных ученых обществ». Это как раз не мистификация: Одоевский сотрудничал в весьма многих и не только «ученых» обществах. Страсть к широкой культуртрегерской деятельности никогда его не оставляла. Достаточно сказать, что имя Одоевского значится в истории Публичной библиотеки (там он служил), Румянцевского музея (он был его директором), Московской консерватории (он был одним из ее основателей). Одоевский был человеком изумляющей для XIX столетия энциклопедичности интересов, интеллектуальной широты и отзывчивости.

Мозаика увлечений Одоевского не рассыпалась потому, что была скреплена главной его страстью — философией, по-русски — любомудрием. В 1823 году несколько молодых московских интеллектуалов составили тайное «Общество любомудрия»; наряду с Одоевским в него входили поэт-философ Д. В. Веневитинов (1805—1827), будущий критик и идеолог славянофильства И. В. Киреевский (1806—1856); близки к любомудрам были поэты А. С. Хомяков (1804—1860), С. П. Шевырев (1806—1864), историк М. П. Погодин (1800—1875). Общество любомудров, открывающих для себя бездны природы, искусства и души человеческой в трудах Шеллинга и поэзии Гете,— это счастливая юность Одоевского. Юность, кончившаяся на рубеже 1825/26 годов, когда пришли в Москву вести о 14 декабря и любомудры-мечтатели сожгли записи своих заседаний. Наступало новое время, постепенно разводившее былых друзей — кому служить, кому заниматься коммерцией, кому уповать на «православие, самодержавие и народность», кому дилетантствовать и острословить. Былые любомудры обустраивались в новой эпохе, стараясь, кто лучше, кто хуже, сохранить частицу юности. Одоевский смог это сделать, хотя утраты (смерть Дмитрия Веневитинова — центральной фигуры кружка, медленное охлаждение друзей) переживал горько: доказательством тому очень лиричный и грустный рассказ «Новый год». В нем нет исторической точности, но есть гамма настроений, владевших Одоевским долго (рассказ написан в 1831-м, а напечатан лишь в 1837 г.; шесть лет не отменили грусти рассказчика).

Память о любомудрии как особом духовном феномене не покидала Одоевского. Его главная книга — задуманный в начале 1830-х и завершенный в 1844 году философский роман «Русские ночи» — строится как ряд собеседований друзей, вме-

сте ищущих истину, пытливо вопрошающих друг друга, обменивающихся историями, сцепление которых должно приблизить героев и читателей к тайнам бытия. Откровения музыки, обманчивая логика бездушных экономических концепций, загадки психологии, парадоксы художественного творчества сложно чередуются, рассказы контрастируют, оттеняют «готовые» ответы на «вечные» вопросы. Дух свободного творческого диалога противостоит сухому расчету, эгоизму, принципу «пользы», представляющим серьезную опасность для человека и человечества.

В 1831 году был издан «Последний квартет Бетховена» (рассказ высоко оценил Пушкин). Одоевский повествует о великом композиторе, избегая стереотипов, готовых схем. В рассказе можно увидеть и историю непризнанного гения, переросшего современников, и историю победы болезни над творческим духом, и историю внутренних борений великого музыканта. Одержимость музыкой одухотворяет и губит Бетховена, творческая безмерность и физическая глухота и контрастируют и дополняют друг друга. Читательское восприятие мощной и жалкой одновременно фигуры героя двоится; мысль Одоевского подсказывает разнообразие прочтений, вопросы его сильнее ответов.

Автору и героям «Русских ночей» тайна дорога именно потому, что она — тайна, которую можно вечно разгадывать. Это уловил друг молодости Одоевского Кюхельбекер, записавший в своем дневнике по прочтении книги: «Сколько поднимает он вопросов! Конечно, ни один почти не разрешен, но спасибо и за то, что они подняты,— и в русской книге! Он вводит нас в преддверье; святыня заперта; таинство закрыто; мы недоумеваем и спрашиваем: сам он был ли в святыне? Разоблачено ли перед ним таинство? разрешена ли для него загадка? Однако все ему спасибо: он понял, что есть и загадка, и таинство, и святыня».

Внутренняя диалогичность книги Одоевского подразумевает диалог с ней читателя, сочувствующего сочинителю, домысливающего или оспоривающего его идеи. «Дом сумасшедших» — предполагаемое название будущей книги, из замысла которой выросли «Русские ночи»; домом для всех, кто, заблуждаясь, а то и погибая, ищет истину, мыслил свою книгу Одоевский. Ибо «безумие», по Одоевскому,— понятие многозначное. В одном из писем В. П. Боткину Белинский вспоминал: «Добрый Одоевский раз не шутя уверял меня, что нет черты, отделяющей сумасшествие от нормального состояния ума, и что ни в одном человеке нельзя быть уверенным, что он не сумасшедший». Разумеется, Одоевский играл понятиями, но за игрой его таились грустные мысли: есть безумие «нормального» бытия с его жи-

тейской пошлостью, казенной благоглупостью, общественной фальшью, и есть безумие тех, кто выпадает из придуманных норм, безумие порой игровое, порой — страшное и пугающее, порой — почти святое. Замечание Одоевского в беседе с Белинским сродни его желанию если не быть, то слыть чудаком, безумцем, алхимиком, русским Фаустом, Ириеем Модестовичем Гомозейкою.

Да, потомок Рюрика, «русских старшина князей» предстает читателю в образе ученого магистра (в названии сей степени чуть ощутим привкус стилизованной старины, не чуждой российским университетам в ту пору), равночинца, полунищего эрудита, сочетающего важную ученость с детской наивностью. Маску эту Одоевский использовал и позже, иногда чуть изменяя (детские сказки доверены «дедушке Ириею»). Сочинитель, придумавший своему alter ego грустную и чуть смешную биографию, любовался странным неудачником, кривым мудрецом.

В уже упоминавшейся дневниковой записи доброжелательный Кюхельбекер все же отметил: «Есть... конечно, то, что я бы назвал Одоевского особенною манерностию...» Даже в «Русских ночах», книге, высокой духом и строгой тоном, писатель не вполне избавился от тяги к причудам, от щегольства ученными словами, от налета забавной игры, не всегда идущей к делу. Что уж говорить про «Пестрые сказки с красным словцом...»?

Одоевский играет фантастическими мотивами, сцепляет парадоксы, громоздит велеречивые обороты, передразнивает чужие стилистические манеры и не знает в своей (или Ириея Модестовича?) игре разумной меры. Фантастика «Пестрых сказок» временами экстравагантна до утомительности.

Главная тема Гомозейки — Одоевского — мертвость современного общества: в куклу превратил заезжий басурман девушку-красавицу, куклой-болваном оказывается внешне приличный господин, светский бал закупорен в реторту, с которой забавляется мелкий чертенок, засидевшиеся за бостоном чиновники превращаются в карты... Люди равны куклам, игральным картам, автоматам, люди — продукт химических штудий, предприятых чертями; науки в банке ведут себя как люди. Смешно, ватейливо, порой страшновато и очень литературно, «пестро». если искать определения манеры у самого автора.

Сказки Одоевского были встречены публикой в целом доброжелательно. Были, однако, и недовольные. Так, крупнейший теоретик русского романтизма 1820-х годов Н. А. Полевой усмотрел в причудливых творениях Одоевского незадачливое подражание Гофману. По-своему он был прав: гофмановской страсти клубящейся таинственности, огненной, ошеломляющей, роман-

тической фантазии в «Пестрых сказках» не было, а установка на фантастику и мотивы, сходные с гофмановскими (например, трансформация: человек-кукла), были. Обманчивое сходство раздражало: Одоевский соединял новейший германский романтизм и аллегории в духе XVIII века, перемежал творческий полет фантазии с архаичным коллекционированием занятных казусов.

С других позиций скептический отзыв о «Пестрых сказках» дал Пушкин. Узнав о признании Одоевского о том, что «писать фантастические сказки чрезвычайно трудно», поэт, по свидетельству В. А. Соллогуба (находящему подтверждение и в других мемуарных источниках), сказал: «Да если оно так трудно, зачем же он их пишет? Кто его принуждает? Фантастические сказки только тогда и хороши, когда писать их нетрудно». Перед нами не презрение сильного к слабому, но столкновение стилистических тенденций: рядом с «нагой» и энергичной пушкинской прозой «пестрота» манеры Одоевского, подчас выглядящая претенциозно, особенно ощутима.

В 1844 году Одоевский в письме А. А. Краевскому вспоминал: «Форма — дело второстепенное, она изменилась у меня по упреку Пушкина о том, что в моих прежних произведениях слишком видна моя личность; я стараюсь быть более пластическим — вот и все...» Всё так: и в «таинственных» повестях (особенно — в «Саламандре» с ее историческим колоритом), и в повестях светских, и в поздних рассказах Одоевский стремился к пластике, конкретности, сдержанности тона, старался учесть опыт Пушкина и Гоголя. И все же от «личности», прикрывающейся то одной, то другой, но всегда достаточно прозрачной маской, он никуда уйти не мог. Как и от философствования, как и от фантастико-аллегорических мотивов.

В предисловии к «Пестрым сказкам» сочинитель объявлял о будущем издании «Дома сумасшедших»; таким образом сказочные аллегории и философская проза свободно уживались в едином авторском сознании. В «Бале» или «Бригадире» опытам опыт автора «Пестрых сказок». В опубликованном в 1844 году рассказе «Живой мертвец», своего рода «пространной редакции» «Бригадира», фантастика снова послужит нравственно-сатирическим целям. В рассказе этом «чудесное» сознательно подается как литературный прием: «жизнь после смерти» Василия Кузьмича оказалась лишь сновидением, пригрезившимся герою после того, как он на ночь глядя прочел «фантастическую сказку». Обнажение приема подчеркивает заветную мысль Одоевского: мертва, «фантастична» обыденная жизнь петербургского чиновника, который сам страшнее любого вампира.

В «Княжне Мими» фантастических мотивов на первый

взгляд нет. Между тем мир этой повести хочется уподобить зловещей заводной игрушке, приводимой в движение сплетнями и контролируемой фальшивыми светскими нормами. Когда поставленные чудовищным механизмом к дуэльному барьеру герои пытаются объясниться (обоим ясно, что стреляться не из-за чего), закопы «приличия» превращают людей в автоматы. Обмен репликами механически ведет к обмену пулями, стремительный диалог разрешается непоправимым событием:

«— Это не может так остаться!

— Это не может так остаться!

— Скажут, что на нашем дуэле пролилась не кровь, а шампанское...

— Постараемся оцарапать друг друга.

Они стали к барьеру. Раз, два, три! — пуля Границкого оцарапала руку барона; Границкий упал мертвый».

Любителям литературных аналогий здесь есть что вспомнить: в «Горе от ума» Грибоедов сделал сплетню пружиной интриги, в «Евгении Онегине» «светская вражда», что «боится ложного стыда», стала причиной гибели Ленского, а коли заглянуть в будущее, то можно назвать «городские» главы «Мертвых душ» и толстовское сравнение салона Анны Павловны Шерер с «прядильной мастерской». Все так; только у Грибоедова, Пушкина и Гоголя сходные мотивы включены в бытописательный контекст, у Толстого сравнение остается стилистической фигурой. Аллегоризм Одоевского жестче, и у Аполлона Григорьева были основания писать: «Княжна Мими — не живое существо, а мысль, и притом мысль чудовищная, выведенная, как математическая выкладка, из наблюдений исключительно грустных и мрачных, диалектически верно развитая страсть, а не тип».

Критик, разумеется, не знал о набросках повести, где писатель объяснял характер княжны тем, что в тело ее вселилось целое семейство чертей. Одоевский не исполнил своего замысла, но редуцированный демонизм в повести все равно ощутим. Без приглушенной дьявольщины сатирические повести Одоевского не обходятся: черти похожи на чиновников и обывателей, а чиновники и обыватели — на чертей.

Власть денег, холодный эгоизм, самодовольно-бесчеловечные «теории» Бентама и Мальтуса осмысливаются Одоевским как порождения одной — адской — силы. Представление о буржуазном укладе как о дьявольском создании или наваждении можно встретить и у немецких романтиков, и у Гоголя, Бальзака, Диккенса, Достоевского. У Одоевского оно проводится с архаичной прямолинейностью, за шутливыми фиоритурами играющего слога писатель прячет простую до наивности, но от

этого по менее глубокую мысль: бездуховный XIX век, век «городов без имени», враждебен всему человеческому, всему живому.

С этой точки зрения стоит рассматривать и «таинственные» повести, навлекавшие на писателя подозрения в мистицизме. Мистиком просветитель Одоевский не был, а интерес к явлениям необъяснимым (или необъясненным), вроде предчувствий, передачи мыслей на расстоянии, гипноза, животного магнетизма, испытывал. Сегодняшнему дисгармоничному миру противостоит целостный и свободный, непостижимый для расщепленной на узкие дисциплины науки, мир природы, сыном которого был некогда и человек. Поэтому народные верования и предания, средневековая алхимия и астрология для Одоевского не суеверия и не шарлатанство (хотя и то и другое вполне возможно в каких-то случаях), но осколки «древней правды» об органичном бытии. Это довольно распространенное в романтическую эпоху представление, тесно связанное с шеллингианской философией, могло оборачиваться как мистическим иррационализмом, так и своеобразным рационализмом — мечтой о научном постижении того, что жило в древности и сохранилось ныне у детей, безумцев или не испорченных цивилизацией простолюдинов. Так мыслил Одоевский, истолковавший в своих ученых статьях чудеса на языке науки и рассказывающий о них в повестях на языке искусства.

Рационализм уживается с прозой (вспомним сложную трактовку темы безумия в рассказе о Бетховене, двойственное отношение к образу Гомозейки) — и нам станет понятнее двусмысленность оценки героя «Сильфиды» и его поступков. Дух анализа сочетается с верой к «вымыслам чудесным» — отсюда любовь Одоевского к «двойным мотивировкам» (события в «таинственных» повестях могут получать как обыденное, так и фантастическое толкование; впрочем, иногда Одоевский пропорции не выдерживает — оживание мертвеца в «Косморамe» реалистически не объяснишь). Немаловажно, наконец, и то, что «таинственные» повести носят чуть игровой характер, страсть Одоевского к необъяснимому и странному берет верх над его же почтением к науке.

Первую свою книгу Одоевский назвал «Пестрые сказки», «Княжне Мими» он предпослал грустно-прозрачный эпиграф: «Извините,— сказал живописец,— если краски мои бледны: в нашем городе нельзя достать лучших». Мистификация, шутка, перебирание каверзных случаев, вылавливание парадоксов в блеклой действительности, превращение привычного в странное, а загадочного в обиходное — любимые приемы Одоевского. Сказки, страшные и смешные, таятся в хмурой действительно-

сти, и порой Одоевскому удается их извлечь. Так случилось в «Сказке о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем», где фантазия, простодушный юмор и зоркость наблюдателя правов позволили запечатлеть гнетущий абсурд российской провинциальной дури, густо замешанной на скуке, пьянстве, взяточничестве и почтении к «бумагам». Несомненно, это наиболее живая из «Пестрых сказок» — несомненно, именно от нее шел писатель к «Истории о петухе, кошке и лягушке», уморительному рассказу, где Одоевский посмеялся и над суевериями, и над учености, и над неприглядными нравами городка Реженска — городка почти гоголевского.

В этих историях Одоевскому удалась повествовательная манера, тон их естествен, нет вычурности и навязчивости шуток — краски стали менее пестрыми, но и не поблекли вовсе. Одоевский двигался к спокойному (хотя, конечно же, не лишенному юмора) бытописанию. Последними из опытов в таком роде стали рассказы «Сирота», «Живописец», «Мартингал», авторство которых сочинитель приписал персонажу, родственному Гомозейке. Одоевский замышлял цикл «Записки гробовщика», а роль гробовщика-сочинителя отводил русскому немцу, мечтавшему быть скульптором, получившему университетское образование и немало претерпевшему от меркантильного и антипоэтического века. Снова причудливая маска, грустная и затейливая биография подставного автора, мещанина житейских наблюдений, горьковатой иронии и скрытой печали. Снова комическое бытописание.

«Мартингал» был опубликован в некрасовском «Петербургском сборнике» (1846) — важнейшем альманахе «натуральной школы». При желании можно подтянуть этот рассказ к новым литературным веяниям, однако различия будут сильнее сходства. Доброе отношение к Белинскому, сочувствие молодым писателям (к «Бедным людям» Достоевского, напечатанным в том же издании, Одоевский отнесся с восхищением) сыграли здесь роль более значительную, чем кажущееся сходство эстетических принципов. Проза Одоевского принадлежала уходящей эпохе (ценивший творчество князя Белинский вежливо, но четко сказал об этом в разборе собрания сочинений Одоевского, вышедшего в 1844 г.), и нужна была временна́я дистанция, дабы заново оценить ее старомодную грацию. «Мартингалом» завершилось поприще Одоевского-писателя. «Записки гробовщика» как целое не состоялись.

Одоевский прожил еще почти четверть века, неустанно трудясь на благо отечественного просвещения; он умер в 1869 году, пережив литературную известность, но оставшись для знавших его людей образцом человеческой порядочности, духовной

широты, бескорыстия и трудолюбия. В XX веке бы сказали: интеллигентности.

Два отзыва о жизненном деле Одоевского могут завершить его портрет. Первый — самооценка в письме к А. С. Хомякову от 20 августа 1844 года: «Странная моя судьба, для вас (круга славянофилов.— *А. Н.*) я западный прогрессист, для Петербурга (круга западников.— *А. Н.*) — отъявленный старовер-мистик; это меня радует, ибо служит признаком, что я именно на том узком пути, который один ведет к истине». Второй отзыв содержится в письме Кюхельбекера к Одоевскому от 3 мая 1845 года: «Ты... наш; тебе и Грибоедов, и Пушкин, и я завещали все наше лучшее; ты перед потомством и отечеством представитель нашего времени, нашего бескорыстного стремления к художественной красоте и к истине безусловной».

Верность себе, которую сохранил Одоевский, следуя по «узкому пути», была верностью пушкинской эпохе, целостное представление о которой невозможно без чудаковатого и мудрого сочинителя «Пестрых сказок» и «Русских ночей».

А. Немзер

ПРИМЕЧАНИЯ

Новый год (с. 12).— Впервые: Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», 1837, № 1.

Стр. 14. *...приближалось к лукуллову...*— «Лукуллов пир» (по имени древнеримского полководца и сибарита Луция Лициния Лукулла; ок. 117 — ок. 56 гг. до н. э.) — образец богатства и роскоши.

...уже мы принадлежали к литературной партии...— Далее обобщенно описывается литературная деятельность любомудров, их участие в борьбе с консервативной журналистикой. В этом фрагменте отразились впечатления Одоевского от издания альманаха «Мнемозина» (1824) и участия в журнале «Московский вестник» (1827—1830; издатель — М. П. Погодин, в те годы близкий приятель Одоевского).

Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем (с. 21).— Впервые: ⟨Одоевский В. Ф.⟩. Пестрые сказки с красным словцом, собранные Ириней Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и члепом разных ученых обществ, изданные *В. Безгласным*. СПб., 1833.

Стр. 21. *2 арш⟨ина⟩ 10 вершков* — 1 м 87 см.

Стр. 24. *Книжник* — бумажник.

Стр. 24—25. *...о Бове Королевиче, о похождениях Ваньки Каина, о путешествии купца Коробейникова...*— Перечисляются сочинения, входящие в круг народного чтения: авантюрно-лубочный роман о Бове, жизнеописание московского сыщика и вора Ваньки (Ивана Осиповича) Каина, история паломничества в Иерусалим, совершенного по приказу Ивана Грозного (1583). Все эти книги существовали в многочисленных редакциях, ходили в списках, активно пересказывались. Одоевский относился к такого рода литературе скептически. Ниже перечисляются эпизоды из книги о паломничестве Коробейникова, в ряд с ними поставлен сюжет лубочной картинки «Мыши кота погребают».

Сказка о том, по какому случаю коллежскому советнику Ивану Богдановичу Отношенью не удалося в светлое воскресенье поздравить своих начальников с праздником (с. 30).— Впервые: Пестрые сказки...

Стр. 30. *Коллежский советник...*— Согласно Табели о рангах российские чины разделялись на 14 классов. Гражданский чин VI класса.

Стр. 31. *...страстную субботу...*— Канун праздника Светлого Христова воскресения (Пасхи).

Стр. 32. *...Сивиллин треножник...*— Сивиллы — прорицательницы в греческой и римской мифологии. Треножник — постоянная принадлежность пророчеств Дельфийской сивиллы.

Стр. 33. *Ремиз* — недобор взяток в карточной игре.

Стр. 34. *«Открытые таинства картежной игры»* — анонимная книга «Жизнь игрока, описанная им самим, или Открытые хитрости карточной игры» (М., 1826—1827. 2 ч.).

...загибали на них углы, гнули их в пароль...— Загнутый угол (углы) карты означает увеличение ставки. Пароль (пароли) — удвоение ставки.

Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту (с. 35).— Впервые: Комета Белы. СПб., 1833.

Стр. 35. *Жанлис* Мадлен-Фелисите (1746—1830) — французская писательница-сентименталистка. Автор ряда педагогических сочинений.

Стр. 38. *Честерфильдовы письма...*— Моралистическое сочинение Филиппа Дормера Стенхопа Честерфилда (1694—1773), английского писателя и дипломата, «Письма к сыну» (1774; неоднократно переиздавалось).

Та же сказка, только на изворот (с. 43).— Впервые: Пестрые сказки...

Стр. 44. *Анджело*.— Имеется в виду Микеланджело Буонарроти (1475—1564).

История о петухе, кошке и лягушке (с. 51).— Впервые: Библиотека для чтения, 1834, № 4.

Стр. 62. *Гейстер* Лаврентий (1683—1758) — немецкий хирург.

Стр. 63. *Бургав* Герман (1668—1738) — нидерландский медик.

Русские ночи (с. 66).— Замысел большого произведения с философской проблематикой возник у Одоевского, вероятно, в начале 1830-х годов. Многие рассказы, включенные позднее в состав «Русских ночей», первоначально существовали как отдельные произведения, без указаний на будущую книгу. В 1836 г. Одоевский публикует «Ночь первую» (Московский наблюдатель, март, кн. 1). Работа над книгой была завершена в 1843 г. Опубликованы «Русские ночи» были в 1 т. «Сочинений» В. Ф. Одоевского (СПб., 1844). В начале 1860-х годов Одоевский внес в текст ряд исправлений и дополнений.

Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi (с. 66).— Впервые: Северные цветы на 1832 год. СПб., 1831.

Стр. 66. *Пиранези* Джамбатиста (1720—1778) — итальянский архитектор и рисовальщик, автор ряда грандиозных неосуществленных архитектурных проектов.

Стр. 68. *Эльзевир* — издание знаменитой голландской фирмы Эльзевиров (1592—1712).

Стр. 69. *Альды* — династия итальянских книгопечатников (XV—XVI вв.), издававших греческих и латинских классиков.

Стр. 70. ...*Каратыгин в «Жизни игрока»*...— Имеется в виду петербургская постановка пьесы Виктора Дюканжа «Тридцать лет, или Жизнь игрока» (1828), в которой главную роль с большим успехом исполнял В. А. Каратыгин (1802—1853).

Стр. 73. ...*вечным жидом*...— По библейскому преданию, еврей Агасфер, оскорбивший Иисуса Христа во время его пути на Голгофу, был осужден на бессмертие и вечные скитания.

Бригадир (с. 74).— Впервые: Новоселье, СПб., 1833, кн. 1.

Стр. 74. *Бригадир* — военный чин V класса (между полковником и генерал-майором); упразднен в конце XVIII в.

Стр. 75. *Статский советник* — гражданский чин V класса.

Калиостро (наст. имя: Джузеппе Бальзамо; 1743—1795) — мистик и авантюрист.

Бал (с. 82).— Впервые: Новоселье, СПб., 1833, ч. 1.

Стр. 83. *...это вопль Доны-Анны... вот минута, когда Отелло...*— Имеются в виду эпизоды из опер В.-А. Моцарта «Дон Жуан» (1787) и Дж. Россини «Отелло» (1816).

Насмешка мертвеца (с. 84).— Впервые: Денница на 1834 г., М., 1834.

Последнее самоубийство (с. 92).— Впервые: Одоевский В. Ф. Сочинения, т. 1. СПб., 1844.

Город без имени (с. 95).— Впервые: Современник, 1839, № 1. Рассказ направлен против этической системы английского правоведа и мыслителя Иеремии Бентама (1748—1832).

Стр. 95. *Перистиль* — крытая галерея с колоннами, примыкающая к стене здания.

Последний квартет Бетховена (с. 110).— Впервые: Северные цветы на 1831 год. СПб., 1830. По свидетельству А. И. Кошелева, в письме к Одоевскому от 21 февраля 1831 г. А. С. Пушкин высоко оценил этот рассказ. Эпиграф — неточный перевод фрагмента рассказа Э.-Т.-А. Гофмана «Кремонская скрипка», входящего в книгу «Серапионовы братья» (1819—1821). Композиционный принцип «Серапионовых братьев» (несколько молодых энтузиастов постоянно встречаются и обмениваются различными историями) оказал воздействие на построение «Русских ночей».

Стр. 111. *Галль* Франц Иосиф (1758—1828) — австрийский врач, основатель «френологии» — теории, по которой особенности психики человека отражаются в строении его черепа.

Стр. 112. *...моей ватерлооской баталии...*— Имеется в виду исполнение симфонической увертюры «Победа Веллингтона, или Битва при Виттории» 8 и 12 декабря 1813 г. в Вене. Бетховен уподобляет это исполнение битве при Ватерлоо (18 июня 1815 г.), в которой герой музыкального сочинения Бетховена — английский полководец А.-У. Веллингтон одержал окончательную победу над Наполеоном.

Вебер Якоб Готфрид (1779—1839) — немецкий музыковед; *Вебер* Карл Мария (1786—1826) — немецкий композитор, автор оперы «Вольный стрелок» («Фрейшютц», 1821),

...*творца «Эгмонта»*.— Имеется в виду музыка Бетховена к драме Гете «Эгмонт» (1810).

Стр. 113. ...*моего батюшки, блаженной памяти Фридерика*...— По недостоверному преданию, Бетховен был незаконным сыном прусского короля Фридриха II Великого.

...*песню Гетева Мефистофеля... объяснил Миньону*...— Имеются в виду сочинения Бетховена на слова Гете: «Песня о блохе» (1809) и «Песня Миньоны» (из романа «Годы ученья Вильгельма Мейстера»; 1809).

Импровизатор (с. 116).— Впервые: Альцина на 1833 год... СПб., 1833.

Стр. 117. *Гарпагон* — герой комедии Ж.-Б. Мольера «Скупой» (1678).

Стр. 120. ...*кровати доктора Грема*...— Джеймс Грэм (1745—1794) — доктор-шарлатан; «небесные кровати» находились в его особняке и служили одним из средств привлечения внимания публики.

Стр. 125. ...*как во 2-м действии «Фрейшюца»*.— Имеется в виду крик невидимых душ из финальной картины 2-го действия оперы К.-М. Вебера «Вольный стрелок».

Полиграф — в данном случае: старинная ученая книга.

Стр. 128. ...*в пении страдиварисов и амати*...— Лучшие виды скрипок, названные по именам прославленных скрипичных мастеров.

Княжна Мими (с. 131).— Впервые: Библиотека для чтения, 1834, т. 7. Имя героини заимствовано из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Стр. 136. *Гинекей* — женская половина дома в Древней Греции.

Стр. 148. «*Антони*» — драма А. Дюма-отца (1831).

Стр. 149. *Репонс* — ошибочный снос карты.

Стр. 150. *Брантом* Пьер де Бурдель (между 1527 и 1540—1614) — французский мемуарист, оставивший свидетельства о многих придворных и любовных интригах.

«*Поездка на остров любви*» — неточное название «галантного» романа П. Тальмана в переводе В. К. Тредьяковского «Езда в остров любви» (1730).

Стр. 151. *Лафатер* Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский писатель и ученый, физиономист.

Стр. 153. ...*как Марса с Венерою*.— Имеется в виду эпизод из «Одиссеи» Гомера (песнь VIII): Гефест ловит в невидимую

железную сеть предающихся любовным утехам Арея и свою жену Афродиту (в римской традиции им соответствуют Марс и Венера).

Стр. 161. *Парни* Эварист-Дезире (1753—1814) — французский поэт, автор эротических стихотворений.

Стр. 168. «*Племянник Рамо*» — повесть Д. Дидро (1779).

Сильфида (с. 173).— Впервые: Современник, 1837, т. V.

Стр. 173. *Сильфида* — согласно средневековым алхимическим учениям, дух стихии воздуха.

Стр. 175. *...отчего Карла X начали называть Дон-Карлосом...*— В сознании героев перепутались французский король Карл X (1757—1836), свергнутый в ходе Июльской революции 1830 г., и претендент на испанский престол Дон Карлос (1788—1855), развязавший в 1833 г. гражданскую войну в Испании. Июльская революция и гражданская война в Испании — важнейшие политические события первой половины 1830-х годов.

Стр. 179. *Ундина*—дух стихии воды. Герой вспоминает об одноименной повести Ф. де ла Мотт Фуке (1811), пересказанной в стихах В. А. Жуковским (отд. изд.—1837 г.). Ниже упомянут другой персонаж повести—водяной *Струй*, дядюшка и покровитель Ундины.

Стр. 186. *Поташный завод* — предприятие по производству карбоната калия.

Косморама (с. 195).— Впервые: Отечественные записки, 1840, № 1.

Стр. 209. *...сочинитель этой басни...*— Имеется в виду французский баснописец Жан де Лафонтен (1621—1695).

Стр. 228. *...Владимира Андреевича...*— Описка Одоевского; выше отчество героя — Петрович.

Саламандра (с. 244).— «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия» впервые: Утренняя заря на 1841 год. СПб., 1841; «Саламандра» (впоследствии получившая название «Эльса») впервые: Отечественные записки, 1841, № 1. Повести объединены в дилогию под общим названием «Саламандра» во втором томе «Сочинений» (СПб., 1844).

Стр. 244. *Саламандра* — по средневековым алхимическим представлениям, дух стихии огня.

Грот Яков Карлович (1812—1893) — русский филолог, переводчик, знаток скандинавской культуры. В повести сказался интерес Одоевского к исследовательской работе Грота.

Стр. 245. *Лёнрот* Элиас (1802—1884) — финский фольклорист, собиратель и издатель финского эпоса «Калевала».

Вольф Фридрих Август (1759—1824) — немецкий филолог, отрицавший индивидуальное авторство Гомера и полагавший, что «Илиада» и «Одиссея» были созданы несколькими поэтами-сказителями.

Стр. 246. *Иматра* — порог на реке Вуоксе.

Стр. 247. *...калевы с пахиолами...* — Имеются в виду легендарные племена, олицетворяющие светлое и демоническое начала, описанные в «Калевале».

Финская легенда. — В условно-аллегорических формах описываются политические события начала XVIII в. (Северная война, основание Петербурга, борьба Петра I с царевной Софьей).

Стр. 248. *Юмала* — в финской мифологии бог неба. *Пергола* — дьявол.

Стр. 256. *Фузильеры* — пехотинцы, вооруженные кремневыми ружьями — фузеями.

Стр. 259. *Нейштадский трактат* — Ништадтский мирный договор, положивший конец Северной войне; был заключен 30 августа 1721 г.

Стр. 295. *Жозефина* (1763—1814) — первая жена Наполеона.

Стр. 297. *«Брюсов календарь»* — календарь с астрологическими предсказаниями; впервые издан в 1709 г. Необоснованно приписывался Якову Вилимовичу Брюсу (1670—1735), сподвижнику Петра I, полководцу и естествоиспытателю, прославившемуся в народе чернокнижником. В образе старого графа присутствуют некоторые черты Брюса — не исторического, а легендарного.

Живой мертвец (с. 329).— Впервые: Отечественные записки, 1844, № 1.

Стр. 336. *Кяхта* — город на китайской границе, центр русско-китайской чаеторговли.

Стр. 337. *Афеньский язык* — воровской жаргон.

Стр. 343. *...мы за правду готовы жизнию пожертвовать...* — излюбленное выражение Ф. В. Булгарина. В «газетной заметке» Одоевский пародирует стиль «Северной пчелы».

Стр. 344. *«Волшебная флейта»* — опера В.-А. Моцарта (1791).

Живописец (с. 354).— Впервые: Отечественные записки, 1839, № 10.

Стр. 355. ...*на теньеровском костюме*...— Теньер (Теннрс) Давид (1610—1690) — фламандский жанровый живописец.

Стр. 357. *Талан.*— Герои употребляют слово в разных значениях, для Шумского это «талант», для Марфы Андреевны «удача».

Стр. 360. ...*ладонную писать*...— Имеется в виду Мадонна.

Мартингал (с. 363).— Впервые: Петербургский сборник... СПб., 1846.

Стр. 363. *Мартингал* — термин карточной игры, означающий постоянное увеличение ставки. Герои Одоевского играют в азартную игру (банк). В общем виде стратегия игры следующая: *банкомет* сдает карты налево и направо, себе и *понтирующим* (противникам), которые ставят на какую-нибудь карту, выигрывающую, если она ложится к ним. *Идти ва-банк* — значит ставить сумму, равную банку. *Играть на квит* — играть на свой выигрыш. *Плие* — увеличение ставки в восемь раз.

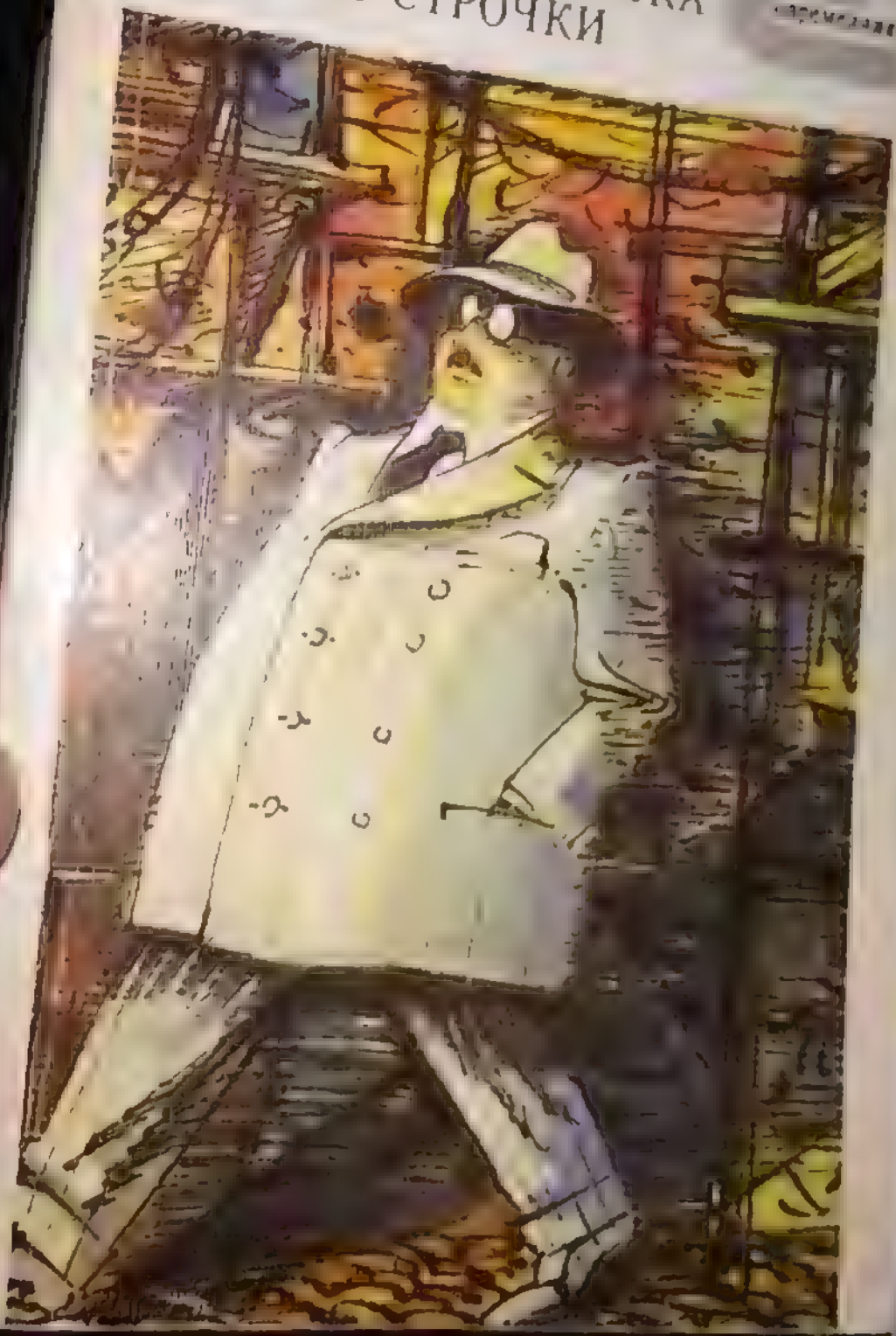
Стр. 364. *Полугар* — водка грубой очистки.

Стр. 366. *На жуировку* — на развлечение.

Стр. 370. *Кухенрейт* — дуэльный пистолет работы мастера Кухенрейтера.

Юрий Олеша

ЗАВИСТЬ • ТРИ ТОЛСТЯКА
НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ



ГЛУБОКОЕ БУРЕНИЕ

Детство гениально: оно хочет докопаться и дойти до самых краев земли.

Человек каждый день узнает новое. Он как бы творит это новое и охотно рассказывает о нем.

Мир стремительно расширяется.

Сперва, когда тебя моют, видишь только маленькие свои пальцы и края корыта,— так в старости записал Лев Толстой. Потом видишь ноги, руки, бока и слышишь, что в тебе бьется сердце.

Потом видишь небо, море, если тебе посчастливилось родиться там, где есть море. Лес, сад или хотя бы двор.

По земле тенью безмятежно пробегают облака. Вокруг тебя земля, еще никем не увиденная, никем не преодоленная. Видишь книги, ногой ударяешь футбольный мяч. Идешь в цирк.

В цирке, как в чашке, крутые края, дно у чашки золотое. Песок арены.

Люди, не похожие на других,— но в детстве все непохоже — ходят по проволоке, прыгают.

Кукла оказывается живым человеком. Это не только смешно, но и удивительно.

В театре из картонных вулканов извергается лава и орел уносит мальчика — все это называется «Дети капитана Гранта».

Позже Олеша писал: «Неповторяемая, чистая жизнь мальчика, воспоминания о которой говорят мне, что детство есть гордость, за одну каплю которой я отдал бы все завоевания зрелости».

Если тебе посчастливилось родиться на рубеже двух столетий, ты переживешь второе детство — детство нового мира.

Там, где-то далеко, в середине земли, подымается пятиугольная скала Кремля. От нее отступает океан старого мира.

Земля вокруг Кремля все растет.

По той земле ходят иные — родные — люди.

На той земле появляются новые стихи.

Земля та говорит про Ленина голосом Маяковского.

Ты его увидишь: он высокий, широкоплечий и внимательный — внимательный, как ребенок, потому что он гений.

В Одессе пестро.

Из-за голубой горы пустого моря приходили корабли с чужими людьми, французы, англичане, греки. Они делили Одессу на куски — иногда колючей проволокой. Чаще просто рядами стульев: это были границы земли, пока что оккупированной интервентами.

Чужие солдаты удивлялись на твой город.

Сети, которые они набрасывали на него, казались сетями паука: они легко рвались.

В городе, оторванном от большой земли, молодежь писала стихи. Писал стихи Юрий Олеша. Первые стихи были напечатаны еще в 1916 году в «Одесском листке». Но те стихи были как легкая корь, обязательная для всех болезнь, которая легко забывается, если только не простудишься.

Были кружки. В них читали друг другу стихи. Названия кружков были связаны со стихами Пушкина.

Юноши были беспощадны в критике друг друга, потому что сегодняшний день ничего не стоил по сравнению с завтрашним. Юрий Карлович кончил гимназию тогда, когда началась революция. Поступил в Новороссийский университет в Одессе, проучился год.

Все изменялось.

Директор гимназии, знавший Гесиода и «Георгики» Вергилия, из гордости стал пастухом. У порога Одессы — зеленые банды. Однажды какой-то атаман — забыл его имя — ворвался в город на конках.

Война въезжала в город по разным билетам.

Олеша вступил добровольцем в Красную Армию.

Служил телефонистом на батарее черноморской обороны, она стояла на пляже.

Голос Маяковского, голос революции звучал над страной.

В период военного коммунизма Олеша работал в Югросте, там осуществляли опыт Маяковского, он принимал участие в устных газетах, писал. Революция подарила ему взволнованный голос агитатора, который ясно видит будущее, ясно и убежденно о нем говорит.

В 1922 году молодой поэт уехал в Харьков. Там он писал маленькие пьесы, учился писать прозу — и сам браковал.

Синеглазый Олеша приехал в Москву, уже имея несколько книжек, имея много знаний, много стихотворений, которые сам уже разлюбил.

Искал работу.

Впоследствии он писал:

«Одно из самых дорогих для меня воспоминаний моей жизни — это моя работа в «Гудке». Тут соединилось все: и моя молодость, и молодость моей Советской родины, и молодость нашей прессы, нашей журналистики.

Я поступил в «Гудок», кстати говоря, вовсе не на журналистскую работу. Я служил в так называвшемся тогда «информационном отделе», и работа моя состояла в том, что я вкладывал в конверты письма, написанные начальником отдела по разным адресам рабкоров».

«Гудок» был органом профсоюза железнодорожников. Работники этого профсоюза были раскинуты по железным дорогам — кровеносным сосудам страны. Они очень дорожили связями друг с другом. Ветви железных дорог были усеяны письмами, письма текли, как сок дерева.

В отделе работали трое: Олеша, комсомолка-регистраторша и заведующий отделом писатель Иван Овчинников, организатор четвертой полосы «Гудка».

Иван Овчинников — еще молодой, белозубый человек, скромно жующий за перегородкой морковку. Чаю он не пьет — чай вреден, яйца ест почти сырые. Остальные двое пьют чай, едят бутерброды с колбасой, взятые из буфета. К чаю приносят сахар из дому.

Полутемная комната находится в одном из самых больших домов Москвы — сбоку дом примыкает к Китайгородской стене: это бывший воспитательный дом, дом для подкидышей. Это был дом детского плача и детских смертей. В нем длинные коридоры, высокие потолки, много комнат, много лестниц, много профсоюзов — это Дворец труда.

Он наполнен предложениями, сообщениями, жалобами и рабкорами, которые неустанно ходят, добиваясь правды.

«Однажды,— пишет Олеша,— начальник отдела Иван Семенович Овчинников предложил мне написать стихотворный фельетон по письму рабкора».

Оказалось, что, если у поэта такая тема, слова иначе строятся и рифмы изменяются и напоминают о реальном.

Фельетон был напечатан и подписан — «Зубило».

Зубило — это грубое долото, им сбивают окалину с отливок, им разрубают на куски железные прутья. Зубило — это грубый, нужный, звонкий инструмент.

Подпись «Зубило» появлялась в «Гудке» в течение шести лет. К Олеше приходили рабкоры. Он был их руководителем.

Вместе они защищали интересы труда на железных дорогах, на полустанках.

Олеша был богом рабкоров. Когда он переделывал их заметки, они узнавали себя.

Опыт писателя, споры кружков, производственное освоение работы Пушкина, неутомимость и необыкновенность таланта — все соединилось в Юрии Карловиче Олеше, когда он стал «Зубило».

Юрий Карлович в «Гудке» написал более пятисот фельетонов. Они до сих пор не собраны вместе, не изданы, а между тем в них много неповторимых черт времени.

Тогда в «Гудке» работали такие разные люди, как Булгаков, Петров, Катаев, Ильф, Славин, Бондарин, Гехт. Они писали о сегодняшнем дне, писали по-своему. Они выражали современность и становились все более непохожими друг на друга.

Время — великий руководитель. Четвертая полоса «Гудка» переорганизовала судьбу писателя.

Газетная работа открыла большие художественные возможности.

Газета создается как будто на один день, но события, в ней изложенные, изменяют историю, изменяют ступенчатость изобретениями, открытиями, революциями, войнами.

В самом слове «творчество» лежит представление о том, что появляется заново.

В то же время и элементы машин, и принципы, заложенные в процессы создания новой техники, слова, которые мы говорим,— все они существовали и до нас.

Мы пользуемся богатством, до нас созданным.

Время требовало иной, многосложной, многотемной формы.

Олеша сразу овладел искусством писать просто и доходчиво. Это были «Три Толстяка» — детская сказка, написанная на рулоне газетной бумаги, написанная не на столе, а на полу, «Три Толстяка», которые оказались новым мифом.

Сказка, написанная полвека назад поэтом, работником газеты, переведена на десятки языков.

Ее читает каждое новое поколение детей.

Сказка превращалась в киноленту, в балет.

Героиня сказки — девочка, которая сыграла роль куклы, для того чтобы проникнуть в замок врага. Такое уже было известно в цирке.

В сказке клоун, вся труппа бродячего цирка и веселое народное циркачество. Ходьба по проволоке противопоставлена чинному танцу — науке учителя Раздватриса.

Есть другая наука — наука доктора Гаспара.

Доктор Гаспар из числа тех людей, которые изобретают порох.

По словам Пушкина, порох победил рыцарство. Мы можем

это даже уточнить: чешские мужики, табориты, с изобретенными ими пищалями разбили европейское рыцарство, изменив ход истории.

Существуют необыкновенно уплотненные звезды. Они так тяжелы, так значительны, что мощь их изгибает ход лучей.

Время революций — время уплотненное.

Это сверхвремя.

Человек, работающий на обработке писем рабкоров, пишет маленький роман для детей, стилистически сложный, создает чудо; дети понимают эту новую сложность.

И в то же время тот же человек пишет «Зависть».

Что создает сюжет?

Сюжет создается ощущениями перемены моральных законов.

Сказка изображает победу слабых над сильными. Неисчерпаемость усилий людей, идущих на помощь любимым. Сказка рассказывает о том, как раскалывается и вновь строится семья, как рассыпаются государства.

Искусство — переосмысливание жизни.

Труд колбасника — непоэтический труд. Это то, что называется службой быта.

Положение человека, отказывающегося от благ жизни для того, чтобы думать по-своему — только по старому своему,— как будто поэтично и даже рыцарственно. Но Пушкин в плане «Сцен из рыцарских времен» называет рыцаря «олицетворением посредственности».

Новая жизнь со всеми своими трудностями, очень реальными, точно описанными, вызывает зависть старого. Зависть не из-за женщины или богатства. Зависть к новому отношению к труду.

«Зависть» изображает трагедию поколений.

Развязка ее — очищение чувства, то, что когда-то Аристотель называл катарсисом. Катарсис — ощущение освобождения, снятие боли красотой необходимости.

Жизнь писателя Юрия Олеши ко времени его зрелости казалась прекрасной. Его проза определила ритм литературы того времени. Он написал книгу рассказов с новыми сюжетами.

По «Трем Толстякам» Юрий Карлович написал пьесу, она пошла во МХАТе. Пошла пьеса «Список благодеяний». На сцене шел «Заговор чувств». Казалось, что не может быть положения более блистательного.

В области кино были сделаны сценарии «Болотные солдаты», «Ошибка инженера Кочина», «Строгий юноша». Все

было поставлено и имело успех. Интереснее всего был «Строгий юноша», но лента дошла до экрана лишь много лет спустя.

Сам Юрий Карлович был человеком, который всегда оказывался центром любой компании. Его слова повторялись, становились поговорками.

Мне приходилось разбирать его архив, и я видал десятки и сотни начал пьес, все они были превосходны. Между тем драматург и беллетрист Олеша молчал.

Новый успех требовал глубокого бурения.

Творец как будто повторял свои ошибки, болея «высокой болезнью вдохновения».

Даже Маяковский раз назвал вдохновение «воблой».

Мы ведь не замечаем остановок в творчестве Гоголя — мучительное желание выразить невыразимое, собрать жатву, когда время еще не пришло.

У Льва Толстого начала романов, повторения статей занимают целые тома. За ними стоят тома дневниковых записей.

Что же случилось с Юрием Карловичем, как он прошел через горы, которые преградили его дорогу?

Толстой говорил, что именно в искусстве консерватизм опаснее всего. Жизнь изменилась, изменилась так, как никогда, консерватизм равнялся поражению.

«Зубило» был газетчиком. Высокий лирик Олеша остался газетчиком.

Журнализм высокого класса еще не был понят нами: он существует в кино: документальные ленты и короткометражки конкурируют с эпопеями. Когда теперь говорят о «новом журнализме», о документальной прозе, вспоминается Маяковский:

Воспаленной губой
припади
и попей
из реки
по имени — «Факт».

В литературе не все вымысел. Когда описывается город, он не вымышлен. Вымышлен герой, но отношения не вымышлены.

Количество вымысла уменьшается. Об этом мы говорили в сборнике «Литература факта» — он вышел полвека назад.

Миф был основой античной трагедии. Для Эсхила, Софокла и Еврипида миф был предметом спора: они переосмысляли мифы, опираясь на них, как на документы, выражая сегодняшнее. Эти мифы оказывались зрачками глаз, которые видали новое.

Нужно новое создание, новые архитектурные решения[1].

Олеша писал: «Что значит план? Я вижу отдельные этапы. Как бы быки, на которые ляжет мост всего произведения».

Мне он говорил, что он создает камни, которые должны потом образовать арку, замкнуться в новую форму.

Еще Мишель Монтень, отвергая рутину старого искусства, говорил про писателей: «Чем у них меньше таланта, тем важнее для них сюжет».

Чехов боролся с трудностью выражения нового. Он отбрасывал, отрывал и советовал другим — отрывать начала рассказов. Он их как бы не доканчивал.

Обыкновенно произведение в событийной своей части опирается на жизнь героя: герой рождается, умирает, а перед этим женится.

У Чехова это вызывало сомнения: он понимал, что в его драмах герои или умирают, или уезжают, что пьесы кончаются выстрелом. Смерть Треплева – это не разрешение конфликта. Дядя Ваня стреляет в профессора Серебрякова, произнося странное детское слово «бац». Это «детское слово» отмечает в своем дневнике Олеша. Новый Тартюф Серебряков — либерал, играющий роль старых иезуитов,— все же испуганно убегает, а пьеса кончается ничем.

Толстой в высочайшую эпоху своего творчества пишет в набросках предисловия к «Войне и миру»: «Мне невольно представлялось, что смерть одного лица только возбуждала интерес к другим лицам, и брак представлялся, большей частью, завязкой, а не развязкой интереса».

«Война и мир» кончается предсказанием гибели семьи Болконских, предсказанием новых катастроф.

«Преступление и наказание» Достоевского, «Воскресение» Толстого — не кончены. В обоих обещана новая книга, которая расскажет о новом человеке.

Эти книги не написаны.

Развязка будет, но она — в революции.

Толстой писал: «Цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету»[2].

---

[1] А. Чехов говорил: «Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно» (Собр. соч. в двенадцати томах, т. 9. М., ГИХЛ, 1956, с. 232).

[2] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 30, с. 18.

Великий актер, драматург и антрепренер Шекспир ин
сценировал чужие новеллы. Шекспир находил новое в старом,
изменяя психологию Отелло, Шейлока, Гамлета.

Мы все, большие и малые, увидавши великий порог ис
тории мира, принимающие участие в штурме снежных пе
ревалов, стараемся зафиксировать момент изменения отно
шений.

Олеша писал пьесу «Смерть Занда», создавая законченные куски — об изменении чувства ревности, себялюбия, чувства собственности,— и бросал куски. Так войско, идущее через перевалы, бросает места ночевок.

Надо прикоснуться к самой действительности, надо стать великим рабкором нового времени.

Черновики Олеши трудно поднять даже сильному человеку. Сам автор пишет: «Я начинаю ненавидеть беллетристику, всякую выдумку в литературе, может быть, просто от бессилья, от неумения сочинять. Возможно. Во всяком случае, замечаю: клей эпоса не стекает с моего пера (говорю торжественно)».

Это дневниковые записи. Автор, уже прославленный, изведавший удачи всех видов, пишет о себе: «Я вишу между двумя мирами. Эта истинная ситуация настолько необычайна, что простое ее описание не уступит по занимательности самой ловкой беллетристике».

Проходили годы, годы попыток.

Создавались отрывки, ограненные так, как гранят алмазы, превращая их в бриллианты: плоскостями отсекают вершину камня и дно, для того чтобы достигнуть полного отражения действительности, в данном случае — луча света.

Луч ищет лазеры.

Черновики не договорены, отрывки — уже алмазы.

Ю. Олеша последние десятилетия создавал планы новой книги, в которых заново осмысливались попытки.

Супруги Кюри заметили, что уран испускает какие-то лучи и, что изумительнее, отходы руды более интенсивно излучают, чем до конца очищенный продукт. Так они нашли радий в отходах.

Одного физика спросили: что больше всего помогает при новых открытиях?

Он отвечал: «Препятствия» — и добавил: «А если все выходит, значит, новое открыто не будет».

Куски прозы, записанные Олешей, имели свои развязки. В них есть элемент нового, «самобытного нравственного отношения автора к предмету».

Они созданы человеком нашего времени, человеком, умею-

щим смотреть, огорчаться и радоваться и перелистывать старое для того, чтобы увидеть новое.

Рождалась книга «Ни дня без строчки». Она лежала в папках писателя, ее легко было выделить хотя бы по цвету бумаги: это было открытие радиоактивности материала.

Во всей книге нет событийной законченности, но есть явление нового восприятия.

У Олеши лазерное зрение.

Сюжетные метафоры — система видения Олеши.

Он видит стрекозу и то, что она похожа на самолет.

Олеша сам отмечает, что он видит две возможности: один предмет не заменяет, а обновляет другой.

Осеннее дерево похоже на цыганку — и вы видите и дерево и цыганку.

Олеша владел средством будить свежесть восприятия, владел первоначальностью ощущений.

Самые смелые метафоры Олеши — когда мосты похожи на кошек — читаются детьми «с визгом», так как они тоже видят мир по-новому, заново приходят в мир. Мир детей метафоричен, это мир смелых видений и сравнений. Одно «детское слово» миф фантастики превращает в реальность.

«Ни дня без строчки» — книга первого воздуха.

Зимой сквозь Лаврушинский переулок мимо Третьяковской галереи летела, утихая, вьюга. Я шел по улице, встретил Веру Михайловну Инбер. На другой стороне, сгорбив сильную спину, опустив прекрасную голову в фетровой шляпе, шел Олеша, весь осыпанный снегом. Вера Инбер сказала мне с завистью: «Он похож на Везувий в снегу».

Позже увидал Везувий. Над ним висело освещенное облачко, он жил. Он переживает снегопад, он, сигнал действия глубин земли, преодолел снег.

Навстречу глубинам, пронзая сушу и воду океанов, мы проводим бурение. Вот в этом году или в это десятилетие, вот скоро, мы дойдем до познания сущности нашей родины — Земли. Разгадаем загадку Везувия. Будем благодарны тем, кто стремился к познанию через толщу воды и гранита, через трудности, через многократные попытки и опыты.

Книги созданы в пути и не пропадают. Они и есть накопление эпохи. Они отражают душу художника и душу революции.

Жизнь Юрия Олеши логична.

Писатель сложного пути, многократно признанный, он отправился на поиск новой формы и продолжал свой путь.

Ни дня без строчки, ни дня без великих книг, ни дня без нового познания.

Виктор Шкловский

МАРК ТВЕН

ЯНКИ ИЗ КОННЕКТИКУТА ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие и глава I

С. 3.

Мадам Помпадур — Жанна-Антуанетта Пуассон маркиза Помпадур (1721—1764), фаворитка французского короля Людовика XV. *Леди Кастлмен* — урожденная Барбара Вильерс, фаворитка английского короля Карла II (1630—1685). Обе пользовались большим политическим влиянием и вмешивались в государственные дела.

С 4.

Варвикский замок — выстроен в XI в., при короле Вильгельме Завоевателе, и расположен в живописном месте недалеко от Лондона.

...времен короля Артура и Круглого Стола. — В рыцарских романах XII—XIII вв. большое место занимают переработанные в духе феодальной идеологии кельтские народные сказания о легендарном короле Артуре, вожде бриттов в V—VI вв., который защищал от англосаксов еще не захваченные ими земли Англии. В рыцарских романах король Артур изображен могущественным властелином всей Британии и половины Европы, при его дворе собирается цвет рыцарства и царит культ благородной отваги и любви. Ради личной славы или ради дамы сердца король и его рыцари совершают фантастические подвиги, которые и составляют сюжет романов Круглого Стола, названных так потому, что король Артур велел якобы соорудить круглый стол для придворных пиршеств, за которым все рыцари чувствуют себя равными.

Кромвель Оливер (1599—1658) — один из крупнейших деятелей английской буржуазной революции середины XVII в. Будучи фактическим руководителем парламентской «новой армии», он разбил войска короля Карла I и после установления республики был избран в ее исполнительный совет. Выступая с позиций крупной буржуазии, Кромвель подавлял демократическое движение левеллеров («уравнителей»), жестоко расправился с национально-освободительным движением в Ирландии и Шотландии и к 1653 г., опираясь на буржуазную армию, стал фактическим диктатором Англии под именем лорда-протектора.

С. 5.

Томас Мэлори — английский рыцарь XV в., автор книги «Смерть Артура» (1485), представляющей собою компиляцию и перевод на английский язык главнейших французских рыцарских романов Круглого Стола. Помещенный в книге Твена рассказ о том, «Как сэр Ланселот убил двух великанов и освободил замок», представляет точное воспроизведение главы из книги Мэлори.

Сэр Ланселот Озерный — один из центральных персонажей рыцарских романов артуровского цикла. Прозван Озерным потому, что, по преданию, воспитывался феей на дне озера. Ему приписывалось множество подвигов, совершенных в честь дамы его сердца, королевы Гиневры (супруги короля Артура).

С. 6.

Сэр Кэй — сенешаль, то есть управитель дворца короля Артура; комический персонаж, встречающийся во многих романах Круглого Стола; хвастун и неудачник, строящий козни другим рыцарям и неизменно оказывающийся посрамленным.

Штат Коннектикут — во времена Твена был одним из наиболее промышленно развитых районов США, а Хартфорд (где писатель жил с 70-х гг.), главный город штата, — промышленным центром.

С. 8.

Бриджпорт — приморский городок в штате Коннектикут, недалеко от Хартфорда.

Камелот — по романам Круглого Стола, одна из резиденций короля Артура.

Палимпсест — так называются древние рукописи на пергаменте, первоначальный текст которых был стерт и заменен новым с целью экономии дорогостоящего материала для письма (пергамент изготовлялся из кожи).

Глава II

С. 14.

...солнечное затмение... произошло 21 июня 528 года... — В 528 г. действительно происходило солнечное затмение (четыре раза за один год), но не в тот день, который указан в романе.

Глава III

С. 19.

Арканзас — один из южных штатов США, где с рабовладельческих времен процветали дикие нравы, произвол и кулачная расправа.

С. 20.

Мерлин, могущественный чародей и великий лжец. — Волшебник Мерлин, чародей, мудрец и пророк, участвует почти во всех романах Круглого Стола.

Глава IV

С. 24.

Команчи — одно из кочевых охотничьих племен североамериканских индейцев, ставшее жертвой территориальной экспансии США.

...я читал «Тома Джонса», и «Родерика Рэндома»... — «История Тома Джонса, найденыша» — реалистический роман одного из крупнейших писателей английского буржуазного Просвещения XVIII в., Генри Филдинга (1707—1754). «Приключения Родерика Рэндома» — роман писателя того же направления, Тобайаса Смоллета (1721—1771). В обоих романах дается широкая картина быта и нравов различных слоев английского общества XVIII в. и в неприглядном свете рисуются дворянство и буржуазия.

Ревекка, и Айвенго, и нежная леди Ровена... — Ревекка — дочь еврейского купца, Айвенго — английский рыцарь и Ровена — знатная дама — персонажи исторического романа Вальтера Скотта «Ай

венго» (1820), действие которого происходит во второй половине XII в.

Глава V

С. 26.

Кортес Фернандо (1485—1547) — испанский дворянин конкистадор (то есть предводитель добровольного военного отряда), завоеватель Мексики. В ходе завоевания испанцы закрепощали и истребляли туземное население — индейцев ацтеков.

Глава VII

С. 37.

Хэмптонкортские картоны — серия рисунков на библейские темы великого итальянского художника эпохи Возрождения Рафаэля Санти (1483—1520), которые предназначались для воспроизведения на коврах, но так и не были вытканы. Картоны были куплены английским королем Карлом I и хранились в его дворце — Хэмптонкорте (отсюда их название).

С. 40.

Бушель — мера сыпучих тел, употребляемая в Англии, равна 36,368 литра.

Лондонский Тауэр — крепость в Лондоне; расположена на берегу Темзы и, по преданию, построена еще во времена Древнего Рима; сначала была королевской резиденцией, впоследствии стала государственной тюрьмой.

Глава VIII

С. 43.

...ничего, кроме разве истории с Иосифом... — Имеется в виду эпизод из библии: Иосиф, проданный своими братьями в египетское рабство, мудро истолковал привидившийся фараону сон о тучных и тощих коровах как предсказание длительного неурожая, посоветовал сберечь на этот случай хлеб и таким образом спас страну от бедствий. За это фараон сделал его первым министром.

Де Монфор Симон — граф Лестерский (1206—1265), возглавил борьбу части английских крупных феодалов в союзе с городами за ограничение королевской власти. Взял в плен короля Генриха III и его сына принца Эдуарда и на время стал диктатором Англии. Убит в сражении.

Гэвстон Пьер — сын гасконского дворянина, фаворит английского короля Эдуарда II (1284—1327); пользовался неограниченным влиянием; был обезглавлен по настоянию придворной феодальной знати.

Мортимер Роджер (1287—1330) — граф, любовник жены короля Эдуарда II Изабеллы Французской; надеялся захватить английский престол и добился вместе с Изабеллой заключения короля в тюрьму, где тот был удавлен.

Вильерс Джордж, впоследствии герцог Бэкингемский (1592—1628) — первый министр английского короля Якова I, фактически решал все государственные дела. Был убит одним из враждебных ему офицеров.

Глава IX

С. 62.

Артимес Уорд — псевдоним американского писателя-юмориста Чарльза Феррера Брауна (1834—1867), с которым Твен был лично знаком.

Лактанций — Люций Цецилий Фирмиан, христианский писатель IV в., родом из Африки; автор многих богословских сочинений на латинском языке.

...он отправлялся на поиски святого Грааля. — В романы Круглого Стола вплетается мистическая христианская легенда о «святом Граале», то есть чаше с кровью Христа, якобы собранной при распятии одним из его учеников. В рыцарских романах XII в. на поиски этой чаши как символа нравственного совершенства отправляются рыцари Персиваль, Ланселот, Говэн и другие.

С. 53.

...это было нечто вроде наших поисков Северо-Западного прохода... — Имеются в виду многочисленные и бесплодные попытки итальянских и английских мореплавателей (начиная с конца XV в. и в течение трехсот лет) открыть морской путь в Китай и Индию мимо северных берегов Америки.

Глава XI

С. 59.

Лига — мера длины, равняется трем географическим милям.

С. 61.

Хар... — имеется в виду город Хартфорд.

С. 64.

«Проваливай, плешивый!» — В Библии рассказывается, как мальчишки дразнили «плешивым» пророка Елисея, и за это сорок два из них были растерзаны медведями.

...во время президентства Бьюкенена. — Джемс Бьюкенен (1791—1868), президент США с 1857 по 1861 г.; накануне Гражданской войны был весьма непопулярен в народе как ставленник земельных магнатов Юга и сторонник рабства негров.

Глава XIII

С. 74.

Джек Кэд — ирландец, возглавивший восстание английского мелкого дворянства и крестьян против крупных феодалов и королевской администрации (1450). Повстанцы разбили королевские войска и вошли в Лондон, но купцы, испугавшись крестьянской армии Кэда, принудили его уйти в Саутуорк, где его отряды были рассеяны, а сам он умер от ран.

Уот Тайлер — вождь крупного крестьянского восстания в Англии (1381). Разбив королевские войска, крестьяне в течение трех дней были хозяевами Лондона. Они потребовали отмены крепостного права и сословных различий, передачи крестьянам монастырских земель и т. д. Во время переговоров с королем Уот Тайлер был вероломно убит. Восстание было жестоко подавлено.

Глава XV

С. 82.

Том Сейерс, английский боксер *Джон Хинэн,* американский боксер, — участники сенсационного спортивного поединка, состоявшегося в Англии в 1860 г.; *Джон Л. Сэлливан* — американский боксер, пользовавшийся широкой популярностью в 1880-х гг.

Глава XVI

С. 87.

Фея Моргана — сестра короля Артура, злая волшебница; персонаж, участвующий во многих романах Круглого Стола.

С. 89.

Господствующий Анахронизм — то есть господствующая церковь, которую Твен клеймит как отжившее и вредное для общества учреждение.

...все королевство которого было величиной с округ Колумбия... — Округ Колумбия состоит, в сущности, из одного города — столицы США Вашингтона.

«Королей» и «королевств» в Британии было столько же, сколько в Палестине при Иисусе Навине... — Имеется в виду типичная для средневековья феодальная раздробленность Англии VI в. Иисус Навин, по библейской легенде, покорил 31 царство, расположенное на палестинской земле.

Маттергорн — горная вершина в Альпах, на границе Италии и Швейцарии.

Глава XVII

С. 94.

...открыл пир... вариантом... застольного визга... «Я в раю, я пою». — Твен приводит название популярной в 80-х гг. XIX в. американской песенки. Оркестр феи Морганы — сатира на американскую музыку времен Твена.

С. 95.

...закрылась бы платком королева Маргарита Наваррская и даже великая Елизавета Английская... — Маргарита Валуа, королева Наварры (1492—1549), сестра французского короля Франциска I, была в центре кружка писателей французского Возрождения и сама была писательницей. Ей принадлежит «Гептамерон», сборник новелл в духе Боккаччо, отличающихся нескромностью содержания и языка, но ценных своим реализмом. Елизавета Английская (1533—1603) — королева, правление которой совпадает с наивысшим расцветом английского абсолютизма и началом бурного развития капитализма. При дворе Елизаветы господствовали вольные нравы, сама королева сквернословила и била своих придворных.

С. 96.

Ancien Régime (ф р а н ц.) — буквально: «старый порядок». После первой буржуазной революции во Франции этим выражением стали обозначать дореволюционную феодальную Францию и феодальное общество вообще.

Глава XXI

С. 125.

Это сборище паломников очень напоминало то, которое описал Чосер... — Джефри Чосер (1340—1400) — крупнейший писатель английского позднего средневековья. Лучшее его произведение «Кентерберийские рассказы» — сборник стихотворных и прозаических новелл, которые рассказывают друг другу паломники по дороге в Кентербери. Чосер дает ряд сочных реалистических портретов рассказчиков, принадлежащих к различным слоям общества XIV в., — рыцарей, монахов, купца, землевладельца, студента и т. д.

Глава XXII

С. 135.

...как французский епископ эпохи Регентства. — В годы малолетства французского короля Людовика XV страной управлял регент — герцог Филипп Орлеанский (1674—1723). Это был период упадка дворянской монархии, когда королевский двор, паразитические сословия — дворянство и духовенство дошли до крайнего цинизма и распущенности. Отсюда выражение: «епископ эпохи Регентства» — как синоним безнравственности.

Глава XXIII

С. 143.

...Я произнесу его имя, даже если оно валлийское. — Валлийское (уэльское) имя — то есть имя кельтского происхождения. Кельтские наречия трудны для англичан.

С. 146.

...произнес страшное слово. — «Страшные слова» янки представляют шуточные комбинации из сложных немецких словофраз. Первое переводится приблизительно так: «Константинопольская компания по производству волынок»; второе: «Гнусные попытки нигилистов взорвать динамитом театральную кассу»; третье: «Жалостная комедия свадьбы верблюжьего пастуха, состоящего на тропической транспортной службе Трансваальской армии»; четвертое: «Мастер, изготовляющий мраморные памятники мавританке, матери убийств, учинившей всеобщую резню в Мекке». Последнее «страшное слово» — бессмысленный набор звуков.

Глава XXV

С. 160.

Олдермен — выборная должность в общинном городском самоуправлении в Англии.

Мэншен-Хауз — дворец лорда-мэра в Лондоне.

С. 168.

...члены королевского дома Пендрагонов... — По кельтским легендам, Пендрагон (то есть «Драконова голова») — прозвище короля Утера, отца Артура; впоследствии присвоено всему их королевскому роду.

Глава XXVI

С. 175.

Камелотская «Еженедельная Осанна» и «Литературный Вулкан» — Твен издевается над нелепо претенциозными названиями и убожеством содержания американской прессы.

Глава XXVII

С. 180.

Смирения... столько же, сколько у Пизанской падающей башни. — Имеется в виду мраморная башня в итальянском городе Пиза, сооруженная в 1174—1350 гг.

Глава XXXI

С. 208.

Кошельки-пистолеты — кошельки в виде трубочки, из которой

при нажатии пружины выскакивала монета, были в ходу в Америке во времена Твена.

Глава XXXII

С. 213.

Мильрейс — португальская золотая монета, равная 1000 рейсам. Твен ошибочно считает, что мильрейс равен 1/1000 рейса, а потому приводит ее в качестве мелкой монеты.

Глава XXXIII

С. 215.

Гутенберг Иоганн (около 1399—1468) — изобретатель европейского способа книгопечатания подвижными буквами.

Уатт Джемс (1736—1819) — шотландский механик, изобретатель универсальной паровой машины (1784).

Аркрайт Ричард (1732—1792) — английский предприниматель в области текстильной промышленности, присвоивший себе ряд чужих изобретений. Буржуазные историки приписывают Аркрайту изобретение прядильной машины (1769).

Уитни Эли (1765—1825) — изобрел хлопкоочистительную машину.

Морзе Сэмюэль (1791—1872) — один из первых изобретателей электрического телеграфа.

Стефенсон Джордж (1781—1848) — сконструировал в 1814 г. в Англии первый паровоз.

Белл Александр (1847—1922) — один из изобретателей телефона.

Глава XXXIV

С. 229.

Король приказал мне охранять мост, подобно Горацию. — Гораций Коклес (то есть Одноглазый) — легендарный герой Древнего Рима. Во время войны с этрусками в 507 г. до н. э. он, по преданию, защищал мост через Тибр до тех пор, пока римляне не разобрали мост за его спиной, чтобы преградить врагам вход в Рим.

Глава XXXIX

С. 257.

...тень отца Гамлета. — В трагедии Шекспира «Гамлет, принц датский» появляется призрак убитого короля, отца Гамлета, в боевых доспехах и погребальном саване.

Глава XLI

С. 268.

Бессемеровская сталь — получается путем продувки сжатого воздуха сквозь жидкий чугун. Названа по имени английского инженера Генри Бессемера (1813—1898).

С. 271.

Отлучение (или интердикт) — наказание, налагавшееся в средние века римскими папами и католическими епископами на отдельных лиц, области и даже государства. Интердикт обычно состоял в запрещении богослужения и обрядов, являлся орудием борьбы пап со светской властью.

Глава XLII

С. 277.

Кланы — кельтские родовые общины, остатки которых сохранялись в горной Шотландии вплоть до середины XVIII в.

С. Р. Брахман

Приключения Тома Сойера

Стр. 22. *Доре Гюстав* (1833-1883) — французский художник-иллюстратор; большую известность приобрели иллюстрации Доре к классическим памятникам мировой литературы: к «Гаргантюа и Пантагрюэлю» Ф. Рабле, к «Божественной комедии» Данте, к «Дон-Кихоту» М. Сервантеса, к Библии, «Потерянному раю» Дж. Мильтона и др.

Стр. 26. *Первых двух апостолов звали... Давид и Голиаф!*— Согласно библейскому сказанию, Давид был пастух, убивший силача Голиафа. Первыми апостолами Евангелие называет Петра и Андрея.

Стр. 98. *«О, дайте мне свободу!»*— Слова из речи американского политического деятеля эпохи войны за Независимость Патрика Генри (1736-1799).

«На пылающей палубе мальчик стоял...»— Первая строка стихотворения «Касабьянка» английской поэтессы Фелиции Хименс (1793-1835).

«Ассирияне шли...» — Первые слова стихотворения Байрона «Поражение Сеннахериба» из «Еврейских мелодий» (перевод А. К. Толстого).

Стр. 100. *...молния гневно сверкала... как бы пренебрегая тем, что знаменитый Франклин укротил ее свирепость!*— Выдающийся американский ученый, писатель, политический деятель и дипломат Бенджамин Франклин (1706-1790) был создателем громоотвода.

Стр. 100. *Дэниель Уэбстер* (1782-1852) — государственный и политический деятель США, известный оратор.

Стр. 101. *Четвертое июля* — праздник в Соединенных Штатах Америки: годовщина Декларации независимости (1776).

Стр. 110. *Вроде этого старого горбуна Ричарда.*— Имеется в виду английский король Ричард III (1452-1485).

Стр. 118. *Сахем.*— Так некоторые индейские племена Северной Америки называли своих главных вождей.

Стр. 153. *...с хваленой правдой Георга Вашингтона насчет топорика...*— Имеется в виду хрестоматийный рассказ о детстве Георга Вашингтона, первого президента США. Мальчик отличался необыкновенной правдивостью; когда отец подарил ему топорик, он подрубил вишневое дерево, но тут же признался в этом отцу, хотя был уверен, что его ждет строгое наказание.

Н. Будавей

Стр. 177. *...Адам — сплошная глина.*— Согласно Библии, бог создал первого человека из глины (древнееврейское слово «адама» значит «земля», «адам» — «человек»).

Стр. 190. *...Аболиционист* — борец за отмену рабства негров.

...продать меня в Орлеан...— Имеется в виду американский город Новый Орлеан (штат Луизиана), в устье реки Миссисипи; в первой половине XIX в.— крупный порт рабовладельческого Юга, один из центров торговли рабами.

Стр. 212. *Битенг* — двойная металлическая или деревянная тумба на баке судна, на которую крепят якорную цепь либо буксирный трос.

Стр. 218. *Каир* — город в США (штат Иллинойс), на реке Миссисипи.

Стр. 251. *...без вести пропавшего дофина Людовика Семнадцатого...*— Сын казненного в 1793 г., во время французской буржуазной революции, короля Людовика XVI, наследный принц Шарль (Людовик XVII; 1785-1795) не царствовал; он был арестован якобинцами и умер от болезни в тюрьме. После реставрации Бурбонов (1815) были предприняты бесплодные попытки разыскать его труп в общей могиле, где он был похоронен. Отсюда легенда о «без вести пропавшем дофине».

Стр. 254. *Гаррик Младший.*— Дэвид Гаррик (1717-1779) — выдающийся английский актер, один из основоположников реализма в европейском театре. Играл в тридцати пяти пьесах Шекспира.

Стр. 260. *Капет* — официальное имя французского короля Людовика XVI после его низложения; во время революции, как и прочим дворянам, ему было предложено отказаться от титулов и называться по фамилии.

Быть или не быть? Вот в чем загвоздка!— Искаженный стих из «Гамлета». Далее следует бессмысленный набор стихов, взятых из различных произведений Шекспира.

Стр. 261. *Эдмунд Кин Старший.*— Эдмунд Кин (1787-1833) — величайший английский актер романтической школы, создавший свои лучшие роли в трагедиях Шекспира.

Стр. 273. *...тех, про кого я читал в истории.*— Гек путает исторические факты: американская война за Независимость началась при английском короле Георге III; последний король Англии, носивший имя Генрих, правил в XVI в.; герцог Веллингтон — реакционный политический деятель и полководец, сражавшийся при Ватерлоо против Наполеона (1815), никакого отношения к королю Генриху иметь не мог; в бочке с вином (мальвазией) был утоплен в 1478 г. брат английского короля Эдуарда IV герцог Кларенс; по преданию, обвиненный в заговоре против короля, он сам выбрал себе такую казнь.

Стр. 286. *Вильгельм Четвертый.*— Король Вильгельм IV умер в 1837 г.

Стр. 329. *Да хоть бы вы до мафусаиловых лет дожили...* — По Библии, Мафусаил — долговечнейший из людей, прожил девятьсот шестьдесят девять лет.

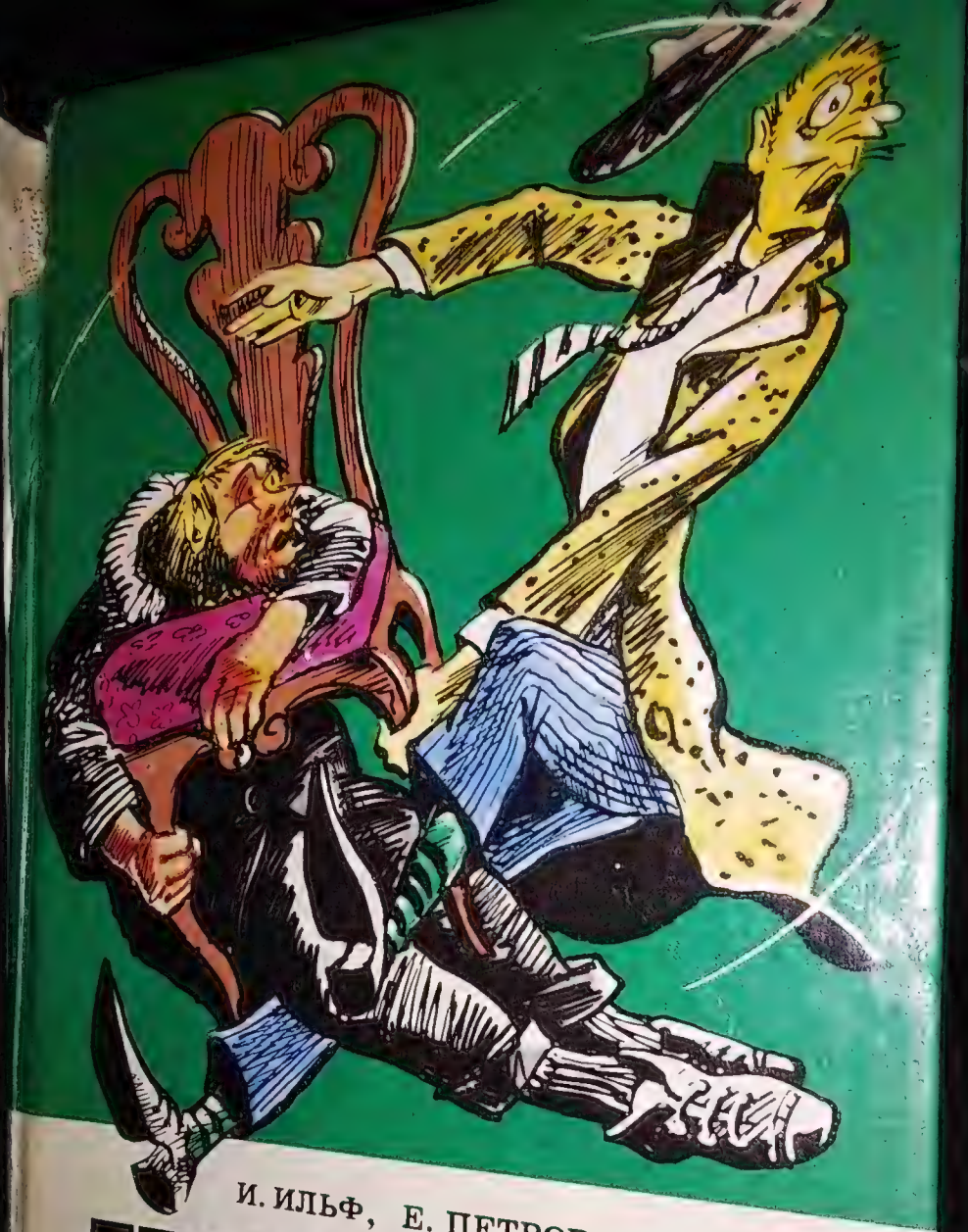
Стр. 338. *Ни о бароне Трэнке, ни о Казанове, ни о Бенвенуто Челлини?*— Барон Трэнк Фредерик (1726-1794) — немецкий авантюрист; пережил множество приключений, несколько раз подвергался аресту и совершал дерзкие побеги, описанные в его «Автобиографии». Казанова Джованни Джакомо (1725-1798) — итальянский авантюрист, автор »Мемуаров». В «Истории моего побега» рассказал о своем столкновении с инквизицией и побеге из венецианской тюрьмы. Бенвенуто Челлини (1500-1571) — крупнейший флорентийский скульптор и золотых дел мастер эпохи Возрождения; прожил жизнь, полную приключений, обвинялся в убийстве и отравлении, несколько лет был монахом. Автор увлекательных «Мемуаров».

Стр. 341. Замок *д'Иф.*— Замок-крепость д'Иф был выстроен в начале XVI в. французским королем Франциском I на островке в Средиземном море, в трех километрах от порта Марсель. Вплоть до конца XVIII в. служил тюрьмой, где томились десятилетиями государственные преступники.

Стр. 350. *Вильгельм Завоеватель* — норманнский герцог, который в 1066 г. высадился на остров Британия и завоевал его; к колонизации Америки он, естественно, никакого отношения не имел.

«Мейфлауэр» (Майский цветок) — судно, которое в 1620 г. привезло к берегам Америки сто поселенцев, основавших первую колонию «Новая Англия».

С. Брахман



И. ИЛЬФ, Е. ПЕТРОВ

ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ

ДВОЙНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ*

Составить автобиографию автора «Двенадцати стульев» довольно затруднительно. Дело в том, что автор родился дважды: в 1897 году и в 1903 году. В первый раз автор родился под видом Ильи Ильфа, а во второй раз — Евгения Петрова.

Оба эти события произошли в городе Одессе.

Таким образом, уже с младенческого возраста автор начал вести двойную жизнь. В то время как одна половина автора барахталась в пеленках, другой уже было шесть лет, и она лазила через забор на кладбище, чтобы рвать сирень. Такое двойное существование продолжалось до 1925 года, когда обе половины впервые встретились в Москве.

Илья Ильф родился в семье банковского служащего и в 1913 году окончил техническую школу. С тех пор он последовательно работал в чертежном бюро, на телефонной станции, на авиационном заводе и на фабрике ручных гранат. После этого был статистиком, редактором юмористического журнала «Синдетикон», в котором писал стихи под женским псевдонимом, бухгалтером и членом Президиума Одесского союза поэтов. После подведения баланса выяснилось, что перевес оказался на литературной, а не бухгалтерской деятельности, и в 1923 году И.Ильф приехал в Москву, где и нашел свою, как видно окончательную, профессию — стал литератором, работал в газетах и юмористических журналах.

Евгений Петров родился в семье преподавателя и в 1920 году окончил классическую гимназию. В том же году сделался корреспондентом Украинского телеграфного агентства. После этого в течение трех лет служил инспектором уголовного розыска. Первым его литературным произведением был протокол осмотра трупа неизвестного мужчины. В 1923 году Евг. Петров переехал в Москву, где продолжал образование и занялся журналистикой. Работал в газетах и юмористических журналах. Выпустил несколько книжек юмористических рассказов.

После стольких приключений разрозненным частям удалось наконец встретиться. Прямым следствием этого и явился роман «Двенадцать стульев», написанный в 1927 году в Москве.

В таких случаях авторов обычно спрашивают, как это они пишут вдвоем. Интересующимся можем указать на пример певцов, которые поют дуэтом и чувствуют себя при этом отлично.

---

* Текст печатается по изданию: Ильф И., Петров Е. Собр. соч. в 6-ти томах. Т.1., 1961, с.236.

После «Двенадцати стульев» нами выпущены в свет — сатирическая повесть «Светлая личность» и две серии гротескных новелл: «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска» и «1001 день, или Новая Шахерезада».

Сейчас мы пишем роман под названием «Великий комбинатор» и работаем над повестью «Летучий голландец». Мы входим в недавно образовавшуюся литературную группу «Клуб чудаков».

Несмотря на такую согласованность действий, поступки авторов бывают иногда глубоко индивидуальными. Так, например, Илья Ильф женился в 1924-м, а Евгений Петров в 1929 году.

ИЛЬЯ ИЛЬФ, ЕВГ. ПЕТРОВ.

Сочинено 25 июля 1929 г.
Москва.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИЛЬФЕ*

Как случилось, что мы с Ильфом стали писать вдвоем? Назвать это случайностью было бы слишком просто. Ильфа нет, и я никогда не узнаю, что думал он, когда мы начинали работать вместе. Я же испытывал по отношению к нему чувство огромного уважения, а иногда даже восхищения. Я был моложе его на пять лет, и хотя он был очень застенчив, писал мало и никогда не показывал написанного, я готов был признать его своим метром. Его литературный вкус казался мне в то время безукоризненным, а смелость его мнений приводила меня в восторг. Но у нас был еще один метр, так сказать, профессиональный метр. Это был мой брат, Валентин Катаев. Он в то время тоже работал в «Гудке» в качестве фельетониста и подписывался псевдонимом Старик Собакин**. И в этом качестве он часто появлялся в комнате четвертой полосы.

Однажды он вошел туда со словами:

— Я хочу стать советским Дюма-отцом.

Это высокомерное заявление не вызвало в отделе особенного энтузиазма. И не с такими заявлениями входили люди в комнату четвертой полосы.

— Почему же это, Валюн, вы вдруг захотели стать Дюма-пером? — спросил Ильф.

— Потому, Илюша, что уже давно пора открыть мастерскую советского романа, — ответил Старик Собакин, — я буду Дюма-отцом, а вы будете моими неграми. Я вам буду давать темы, вы будете писать романы, а я их потом буду править. Пройдусь раза два по вашим рукописям рукой мастера — и готово. Как Дюма-пер. Ну? Кто желает? Только помните, я собираюсь держать вас в черном теле.

Мы еще немного пошутили на тему о том, как Старик Собакин будет Дюма-отцом, а мы его неграми. Потом заговорили серьезно.

— Есть отличная тема, — сказал Катаев, — стулья. Представьте себе, в одном из стульев запрятаны деньги. Их надо найти. Чем не авантюрный роман? Есть еще темки... А? Соглашайтесь. Серьезно. Один роман пусть пишет Ильф, а другой Женя.

Он быстро написал стихотворный фельетон о козлике, которого вез начальник пути какой-то дороги в купе второго класса, подписался

---

* Текст печатается по изданию: Ильф И., Петров Е. Собр. соч. в 6-ти томах. Т.5. М., 1961, с.509—514.

** Действительное написание псевдонима В.Катаева — «Старик Собакин». (Прим. ред.)

«Старик Собакин» и куда-то убежал. А мы с Ильфом вышли из комнаты и стали прогуливаться по длиннейшему коридору Дворца Труда.

— Ну что, будем писать? — спросил я.

— Что ж, можно попробовать, — ответил Ильф.

— Давайте так, — сказал я, — начнем сразу. Вы один роман, а я другой. А сначала сделаем план для обоих романов.

Ильф подумал.

— А может быть, будем писать вместе?

— Как это?

— Ну, просто вместе будем писать один роман. Мне понравилось про эти стулья. Молодец Собакин.

— Как же вместе? По главам, что ли?

— Да нет, — сказал Ильф, — попробуем писать вместе, одновременно, каждую строчку вместе. Понимаете? Один будет писать, другой в это время будет сидеть рядом. В общем, сочинять вместе.

В этот день мы пообедали в столовой Дворца труда и вернулись в редакцию, чтобы сочинять план романа. Вскоре мы остались одни в громадном пустом здании. Мы и ночные сторожа. Под потолком горела слабая лампочка. Розовая настольная бумага, покрывавшая соединенные столы, была залита кляксами и сплошь изрисована отчаянными остряками четвертой полосы. На стене висели грозные «Сопли и вопли».

Сколько должно быть стульев? Очевидно, полный комплект — двенадцать штук. Название нам понравилось. «Двенадцать стульев». Мы стали импровизировать. Мы быстро сошлись на том, что сюжет со стульями не должен быть основой романа, а только причиной, поводом к тому, чтобы показать жизнь. Мы составили черновой план романа в один вечер и на другой день показали его Катаеву. Дюма-отец план одобрил, сказал, что уезжает на юг, и потребовал, чтобы к его возвращению, через месяц, была бы готова первая часть.

— А уже тогда я пройдусь рукой мастера, — пообещал он. Мы запыли.

— Валюн, пройдитесь рукой мастера сейчас, — сказал Ильф. — Вот по этому плану.

— Нечего, нечего, вы негры и должны трудиться.

И он уехал. А мы остались. Это было в августе или в сентябре 1927 года.

И начались наши вечера в опустевшей редакции. Сейчас я совершенно не могу вспомнить, кто произнес какую фразу, кто и как исправил ее. Собственно, не было ни одной фразы, которая так или иначе не обсуждалась и не изменялась, не было ни одной мысли или идеи, которая тотчас же не подхватывалась. Но первую фразу романа произнес Ильф. Это я помню хорошо.

После короткого спора было решено, что писать буду я. Ильф убедил меня, что мой почерк лучше.

Я сел за стол. Как же мы начнем? Содержание главы было известно. Была известна фамилия героя — Воробьянинов. Ему уже было решено придать черты моего двоюродного дяди — председателя уездной земской управы. Уже была придумана фамилия для тещи — мадам Петухова и название похоронного бюро — «Милости просим». Не было только первой фразы. Прошел час. Фраза не рождалась. То есть фраз было много, но они не нравились ни Ильфу, ни мне. Затянувшаяся пауза тяготила нас. Вдруг я увидел, что лицо Ильфа сдела-

лось еще более твердым, чем всегда, он остановился (перед этим он ходил по комнате) и сказал:

— Давайте начнем просто и старомодно: «В уездном городе N». В конце концов не важно, как начать, лишь бы начать.

Так мы и начали.

И в этот первый день мы испытали ощущение, которое не покидало нас потом никогда. Ощущение трудности. Нам было очень трудно писать. Мы работали в газете и в юмористических журналах очень добросовестно. Мы знали с детства, что такое труд. Но никогда не представляли себе, как трудно писать роман. Если бы я не боялся показаться банальным, я сказал бы, что мы писали кровью. Мы уходили из Дворца Труда в два или три часа ночи, ошеломленные, почти задохшиеся от папиросного дыма. Мы возвращались домой по мокрым и пустым московским переулкам, освещенными зеленоватыми газовыми фонарями, не в состоянии произнести ни слова.

Иногда нас охватывало отчаяние.

— Неужели наступит такой момент, когда рукопись будет наконец написана и мы будем везти ее в санках. Будет идти снег. Какое, наверное, замечательное ощущение — работа окончена, больше ничего не надо делать.

Все-таки мы окончили первую часть вовремя. Семь печатных листов были написаны в месяц. Это еще не был роман, но перед нами уже лежала рукопись, довольно толстенькая пачка больших, густо исписанных листов. У нас еще никогда не было такой толстенькой пачки. Мы с удовольствием перебирали ее, нумеровали и без конца высчитывали количество печатных знаков в строке, множили эти знаки на количество строк в странице, потом множили на число страниц. Да. Мы не ошиблись. В первой части было семь листов. И каждый лист содержал в себе сорок тысяч чудных маленьких знаков, включая запятые и двоеточия.

Мы торжественно понесли рукопись Дюма-отцу, который к тому времени уже вернулся. Мы никак не могли представить — хорошо мы написали или плохо. Если бы Дюма-отец, он же Старик Собакин, он же Валентин Катаев, сказал нам, что мы принесли галиматью, мы нисколько не удивились бы. Мы готовились к самому худшему. Но он прочел рукопись, все семь листов прочел при нас и очень серьезно сказал:

— Вы знаете, мне понравилось то, что вы написали. По-моему, вы совершенно сложившиеся писатели.

— А как же рука мастера? — спросил Ильф.

— Не прибедняйтесь, Илюша. Обойдетесь и без Дюма-пера. Продолжайте писать сами. Я думаю, книга будет иметь успех.

Мы продолжали писать.

Остап Бендер был задуман как второстепенная фигура, почти что эпизодическое лицо. Для него у нас была приготовлена фраза, которую мы слышали от одного нашего знакомого бильярдиста: «Ключ от квартиры, где деньги лежат». Но Бендер стал постепенно выпирать из приготовленных для него рамок. Скоро мы уже не могли с ним сладить. К концу романа мы обращались с ним, как с живым человеком, и часто сердились на него за нахальство, с которым он пролезал почти в каждую главу. Это верно, что мы поспорили о том, убивать Остапа или нет. Действительно, были приготовлены две бумажки. На одной из них мы изобразили череп и две косточки. И судьба великого комбинатора была решена при помощи маленькой лотереи. Впослед-

стали мы очень досадовали на это легкомыслие, которое можно было объяснить лишь молодостью и слишком большим запасом веселья.

И вот в январе месяце 28 года наступила минута, о которой мы мечтали. Перед нами лежала такая толстая рукопись, что считать печатные знаки пришлось часа два. Но как приятна была эта работа!

Мы уложили рукопись в папку.

— А вдруг мы ее потеряем? — спросил я.

Ильф встревожился.

— Знаете что, — сказал он, — сделаем надпись.

Он взял листок бумаги и написал на нем:

«Нашедшего просят вернуть по такому-то адресу».

И аккуратно наклеил листок на внутреннюю сторону обложки.

Все случилось так, как мы мечтали. Шел снег. Чинно сидя на санках, мы везли рукопись домой. Но не было ощущения свободы и легкости. Мы не чувствовали освобождения. Напротив. Мы испытывали чувства беспокойства и тревоги. Напечатают ли наш роман? Понравится ли он? А если напечатают и понравится, то, очевидно, нужно написать новый роман. Или, может быть, повесть.

Мы думали, что это конец трудов, но это было только начало.

Е.Петров

ДРАЙЗЕР И ЕГО РОМАН «СЕСТРА КЕРРИ»

«Ноги Драйзера протаптывают дорогу, тяжелые грубые ноги. Он продирался сквозь чащу лжи, прокладывая путь вперед» — так выразительно и точно обрисовал американский писатель Шервуд Андерсон творческий облик Теодора Драйзера — новатора, основоположника критического реализма в литературе США XX века, упорного и непреклонного писателя-борца. Борьбу с буржуазной Америкой за правдивое, служащее интересам народа искусство Драйзер начал уже своим первым романом — «Сестра Керри» (1900).

К концу XIX века завершается процесс перерастания американского капитализма в высшую, последнюю стадию — империализм, и США становятся «одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты, с другой» [1]. Тем упорнее официальная пропаганда вдалбливает в сознание американцев опровергнутый самой жизнью миф об особой, надклассовой сущности американской демократии, которая якобы представляет всем согражданам равные права на счастье и материальное преуспеяние.

Основным орудием официальной пропаганды являлась господствующая в США на рубеже XIX—XX веков апологетическая литература, прежде всего школа «розового» или «улыбающегося» реализма. «Самый оптимистический взгляд на вещи есть в то же время взгляд наиболее американский» — таков девиз этой школы.

Традиции приукрашенного, насквозь фальшивого изображения американской действительности противостояло творчество великого реалиста М. Твена, который в рассказе «Человек, совративший Гедлиберг» (1900) создал обобщенный образ лживой и скаредной, погрязшей в пизости и лицемерии буржуазной Америки. Борьба с официальным оптимизмом стала лозунгом творчества и группы молодых писателей-натуралистов. «Я говорил людям только правду,— утверждает вождь этой группы Фрэнк Норрис в программной статье «Ответственность романиста»,— я знаю, что это правда, и никогда не перестану служить ей».

Горестную правду о нищей жизни американского фермера, попадающего в лапы банкиров и ростовщиков, рассказал Гэмлин Гарленд в новеллах сборника «Проезжие дороги» (1891). Преступность мира буржуазных хищников показал Генри Фуллер в романах «Обитатели скал» (1893) и «За процессией» (1895). Стивен Крейн в повести «Мэгги — дитя улицы» (1893) обратился к изображению социального «дна» Нью-Йорка — квартала Бауэри. Нищета и дикие нравы Бауэри толкают героиню повести на путь проституции. Обличению власти денег в американском обществе посвящен роман Фрэнка Норриса «Мак Тиг» (1899).

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 45.

Рассказы Гарленда и повести Крейна, романы Фуллера и Норриса — непосредственные литературные предтечи «Сестры Керри». Позже, в 1933 году, в статье «Великий американский роман» Драйзер высоко оценил творчество этих писателей — своим стремлением «честно подойти к изображению грубой и жестокой жизни» они создавали «роман протеста» в американской литературе.

Драйзер, однако, уже в «Сестре Керри» пошел дальше своих старших современников и учителей. Произведениям Норриса и Крейна были присущи натуралистические тенденции, сказавшиеся как в попытке объяснить трагизм существования биологическими законами наследственности и «окружения», так и в известном «огрублении» внутреннего мира героев. Драйзер же заострил и сделал более четким социальный аспект критики американского общества, завершив формирование «романа протеста» в американской литературе. Вместе с тем, углубив нравственно-психологический аспект в решении проблемы трагизма человеческих судеб, Драйзер основал традицию, развитием которой отмечено творчество крупнейших критических реалистов XX века: Шервуда Андерсона, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, Эрнеста Хемингуэя, Уильяма Фолкнера.

Появление романа «Сестра Керри» было подготовлено жизненным и творческим опытом самого Драйзера. Последний ребенок в многодетной семье полунищего немца-иммигранта, будущий писатель с детства изведал горечь нужды. В четырнадцать лет он уже работал поденщиком на ферме, а в шестнадцать — из захолустного городка штата Индиана, где он родился, перебрался в поисках заработка в Чикаго. Здесь он мыл посуду в ресторане, служил сборщиком квартплаты и приказчиком в скобяной лавке, работал развозчиком белья в прачечной и продавцом — разносчиком мелких товаров.

Год восемнадцатилетний юноша проучился в университете штата Индиана (за обучение заплатила его прежняя учительница), но подлинным университетом будущего писателя стала работа в газетах и журналах. Как и подавляющее большинство американских писателей до и после него, Драйзер пришел в большую литературу из мира прессы: с 1892 по 1895 год он работает репортером в газетах Чикаго, Сент-Луиса, Толедо, Питтсбурга, Нью-Йорка, а с 1895 по 1899 год — редактором нью-йоркского журнала «Эври Мэнс» и внештатным сотрудником крупнейших журналов американской столицы.

Репортерская и журналистская деятельность сыграла огромную роль в становлении Драйзера-романиста. Она выработала у начинающего литератора остроту зрения и пера, определила характерные особенности его стиля — Драйзер навсегда остался писателем-документалистом. В основе всех его романов лежит досконально изученный, реально существующий факт. Работа в газетах и журналах была для Драйзера и прекрасной «школой жизни». Именно здесь он приобрел то глубокое знание самых различных слоев американского общества, которое придает правдивость и убедительность панорамному изображению действительности в его произведениях.

Широтой охвата жизненных явлений, достоверностью их воспроизведения отмечен и роман «Сестра Керри», обнаруживающий в этом плане са-

мую непосредственную связь с репортерской деятельностью писателя. Так, работая в газете в Толедо, Драйзер печатал здесь в апреле — мае 1894 года материалы о забастовке работников местного трамвая. В статье, посвященной этому событию («Забастовка сегодня»), писатель с сочувствием рассказывал о борьбе рабочих, осуждал штрейкбрехеров и произвол предпринимателей. Эта статья и послужила отправной точкой для одного из самых острых в социальном смысле эпизодов романа — описания забастовки трамвайщиков в Бруклине.

Будучи редактором музыкального журнала «Эври Мане», Драйзер наблюдал нравы, царящие в театральных кругах Нью-Йорка. На основе этих впечатлений он создал очерк «Откуда песня» — эскизную зарисовку к последним главам романа, в которых рассказывается о карьере Керри — актрисы варьете.

В нью-йоркском журнале «Саксесс» Драйзер публикует серию очерков «Жизненные истории людей, добившихся успеха», написанных по материалам интервью, взятых у «знаменитых американцев»: миллиардера Карнеги, естествоиспытателя Джона Берроуза, певицы Лилиан Нордике и других. В этих очерках писатель поднимает проблему истинного и мнимого (соответствующего американским стандартам) успеха, ставшую сквозной для всего его творчества.

Из газетной и журналистской деятельности вырастают и первые собственно литературные опусы Драйзера. Это — своеобразные новеллы-зарисовки, которые печатались в различных журналах с 1896 по 1912 год и были собраны затем писателем в книгу «Краски большого города» (1923). Они представляют выразительные картины из жизни Нью-Йорка, в основном района Ист-Энда, где ютится городская беднота: жалкий «праздник» обитателей трущоб («Рождество в трущобах»), отупляющая работа на заводе («Очистка нефти»), человек-реклама на оживленном уличном перекрестке («Сендвичмен»), толпа безработных перед газетным киоском («Люди во мгле»), ночлежкой («Люди в снегу»), или дожидающихся благотворительной подачки («Хлебная очередь»).

Значение новеллы-зарисовки в творческой лаборатории писателя трудно переоценить. Именно здесь он оттачивал свое искусство живописного и пластичного воспроизведения социального фона — искусства, которое обнаруживает уже его первый роман. Кстати, зарисовки «Люди в снегу» и «Хлебная очередь» Драйзер непосредственно использовал в последних главах при описании блужданий опустившегося Герствуда в поисках пристанища и пищи.

«Сестра Керри» демонстрирует основной, также найденный писателем в зарисовках, принцип в воспроизведении социального фона — принцип контраста, вскрывающего всю глубину пропасти, отделяющей в США «захлебывающихся в грязи и роскоши миллиардеров» от массы «трудящихся, вечно живущих на границе нищеты». Тяжелое безрадостное существование рабочей семьи Гансонов или фабричных работниц, измотанных потогонной системой конвейера, жизнь нью-йоркского Бауэри с его мрачными вонючими ночлежками и бесконечными очередями безработных за мутной похлебкой противопоставлены в романе крикливому фасаду буржуазной Америки: залитому светом сверкающих реклам Бродвею, показной роскоши

фешенебельных отелей и ресторанов, где протекает «красивая» жизнь тех, кто имеет много долларов в кармане.

Это противопоставление красноречиво свидетельствует о циничной обнаженности социального неравенства — характерной черте американского капитализма — и вместе с тем выступает как социальный комментарий к человеческим драмам, разыгрывающимся на страницах романа. Активность социального фона «Сестры Керри» выгодно отличает драйзеровский роман от произведений Крейна и Норриса, где острые зарисовки народной нищеты соседствуют с попыткой объяснить трагизм существования биологическими законами.

В основу сюжета «Сестры Керри» Драйзер положил историю одной из своих шести сестер — Эммы. Она жила в Чикаго на средства архитектора, оставила его ради управляющего рестораном, который, бросив свою семью, увез ее в Канаду, предварительно забрав из кассы три с половиной тысячи долларов (большую часть из них он сразу же вернул владельцам ресторана). Затем они поселились в Нью-Йорке, где Эмма сделала карьеру на сцене музыкального театра. Отталкиваясь от этого реального, хорошо известного ему факта, Драйзер идет к глубоким обобщениям социального и нравственно-психологического порядка.

В романе показана история Каролины Мибер — провинциалочки, которая начала в Чикаго борьбу за место под солнцем с изнурительной работы на фабрике, обеспечивающей лишь полунищенское существование, и завершила ее в Нью-Йорке, став знаменитой актрисой варьете и обладательницей «кругленького» счета в банке. Внешне эта история выглядит как иллюстрация расхожего тезиса официальной американской пропаганды: «и чистильщику сапог в Америке не заказаны пути в Белый дом». Но это внешне, а по существу в романе содержится глубочайшая критика пресловутого мифа об исключительности американской демократии, дающей всем равные шансы на счастье и успех.

Параллельно линии Керри в романе развивается не менее важная история Джорджа Герствуда. Богатый и респектабельный управляющий лучшего в Чикаго бара, затем совладелец не столь фешенебельного, но все же приносящего солидный доход бара в Нью-Йорке, он, пересчитав все ступени ведущей вниз социальной лестницы, кончает жизнь в вонючей ночлежке Бауэри.

Перед читателем — контраст двух человеческих судеб. Какая же из них является типично американской? Отвечая на этот вопрос, Драйзер стремится выявить случайность причин возвышения Керри и закономерность падения Герствуда.

Совершенно случайно («На ее месте могла оказаться любая другая девушка»,— подчеркивает писатель) первый комик во время представления обратился с репликой именно к Керри, чем привлек внимание публики и режиссера к ее хорошенькому личику и статной фигурке, и этот случай послужил отправной точкой ее головокружительной карьеры. Событие же, ставшее началом трагического конца Герствуда — перепродажа под слом дома, в котором он с компаньоном арендовал помещение для бара,— закономерно и социально определено. По аналогичной причине в Америке разорилась не одна тысяча предпринимателей.

Более того, Драйзер мобилизует весь богатейший социальный фон романа, чтобы доказать единичность, исключительность судьбы Керри и типичность, общность судьбы Герствуда. Он заставляет, например, свою героиню, достигшую высокого положения и высокого (150 долларов в неделю) оклада, мысленно перенестись к тем дням, когда на сапожной фабрике она получала четыре с половиной доллара: «Керри знала, что и сейчас там, в Чикаго, в том же фабричном зале сидят длинными рядами бедно одетые девушки и стучат на машинках, с нетерпением дожидаясь полуденного перерыва, чтобы наскоро проглотить свой скудный завтрак».

Заключительные главы романа построены на контрастном сопоставлении эпизодов из жизни Керри, обрастающей все новыми атрибутами комфорта, и Герствуда, все глубже опускающегося на социальное «дно». Эти эпизоды принципиально различны и по охвату изображенных лиц: Керри всегда одна (в лучшем случае рядом с ней ее подруга Лола) — Герствуд же окружен плотным кольцом таких же, как он, изголодавшихся, бесприютных людей.

Блестящая Керри, одиноко сидящая в кресле-качалке у окна самого дорогого в Нью-Йорке отеля, и Герствуд в толпе безработных «с бескровными лицами» и «посиневшими от холода руками», «воспаленными глазами и потрескавшимися губами» перед грязной дверью ночлежки Бауэри — такими уходят со страниц романа его главные герои. Всей логикой развития сюжета Драйзер подводит читателя к выводу: человеку может повезти в Америке, но это редчайший, фантастический случай. Удел миллионов — участь нищих, бездомных оборванцев. Так оценивает Драйзер равные права своих сограждан на счастье и успех.

Но счастлива ли Керри, которой «повезло», какой ценой оплатила она свой успех? Пристально вглядываясь в душу своей героини, Драйзер углубляет нравственно-психологический аспект критики «американской мечты».

Образ Керри — несомненная удача начинающего романиста. Ее характер построен на совмещении противоположных начал. «Прекрасный образец американки среднего достатка» — так в начале романа Драйзер представляет читателю свою героиню, и как типичная американка Керри отождествляет счастье с материальным успехом, ее натуре не чужды себялюбие, расчетливость и индивидуализм. Вместе с тем в характере Керри есть черты, противостоящие американскому стандарту: непосредственность и искренность, «врожденное благодушие» и способность к состраданию. Керри свойственна и тяга к подлинно прекрасному — не случайно Драйзер не раз обращает внимание читателя на то, какое впечатление производит на нее хорошая музыка. По мере восхождения Керри по лестнице успеха меняется соотношение этих двух сторон ее натуры: усиливаются эгоизм, черствость, своекорыстие и приглушается (хотя и не исчезает совсем) истинно человеческая струя в характере героини.

Критики часто рассматривают взаимоотношения Керри и Друэ как первый этап ее нравственной деградации. Но Драйзер не осуждает свою героиню за неузаконенную брачными узами связь с коммивояжером (что вызвало, кстати, яростные нападки ревнителей ханжеской пуританской морали). На этот шаг потерявшую после болезни работу девушку толкнула

безвыходность ее положения. Подчеркивая социальные причины «падения» Керри, автор замечает: «За нее отвечал голос нужды».

Тем более не порицает Драйзер героиню за то, что она стала содержанкой Герствуда, к которому Керри испытывала искреннее чувство, хотя и здесь, так же, как и в случае с Друэ, к нему примешивалась известная доля своекорыстного расчета. Но воистину процесс нравственного опустошения Керри начинается, когда она делает карьеру на театральных подмостках. Ради экономии на наряды, необходимые ей как актрисе, Керри бросает на произвол судьбы оставшегося без работы Герствуда, а затем и вовсе вычеркивает его из своей жизни. Керри добилась материального преуспеяния, но растратила лучшие качества своей натуры, заплатила за успех дорогой ценой — ценой утраты человечности. Уже здесь писатель проводит мысль о враждебности капиталистического общества подлинному началу в человеке.

Однако и этим не исчерпывается глубина критики Драйзером философии «успеха по-американски» и антигуманной сущности собственнической цивилизации. В «Сестре Керри» Драйзер впервые ставит проблему, волновавшую его всю жизнь,— проблему трагедии творческой личности в обществе, основанном на культе наживы. Керри наделена «искрой божьей», она обладала «залогом блестящего драматического таланта». Один из персонажей романа, инженер-изобретатель Эмс, отмечает у Керри особую выразительность лица: «Иногда природа воплощает все чувства в человеческом лице. Она делает лицо выразителем всех людских стремлений». Керри сама ощущает свою одаренность. Она мечтает «стать актрисой, и хорошей актрисой к тому же», ей хочется «волновать зрителей своей игрой». И поначалу ей это удается. Когда Драйзер описывает чикагский период жизни Керри, он детально останавливается на подготовке и проведении самодеятельного спектакля, в котором Керри играла одну из главных ролей. Она думала тогда о том, как лучше вжиться в образ, воплотить его на сцене. Она сыграла свою роль с подлинным вдохновением, которое взволновало и покорило зрителей.

Чикагский эпизод театральной деятельности героини очень важен в романе. Он является одновременно и прелюдией и контрастом к ее нью-йоркской карьере актрисы варьете. Здесь ее успех случаен и не имеет ничего общего с подлинным творчеством. Керри получила наконец самостоятельную, но бессловесную роль в водевиле. Неудовольствие по поводу ничтожности роли отразилось во время представления в хмурой гримаске на хорошеньком личике актрисы. Это внесло диссонанс в патяжно веселую атмосферу комедии и вызвало бурный смех в зрительном зале. Водевиль имел успех, в дело подключилась реклама — «Если хотите посмеяться, взгляните, как хмурится Керри». Спектакли с участием Керри начали делать огромные сборы, что и определило отношение к ней режиссеров и антрепренеров. Керри стала популярнейшей звездой варьете.

На страницах романа, посвященных описанию работы Керри на сценах различных нью-йоркских театров, Драйзер прекрасно передает царящий здесь дух бизнеса, отравляюще действующий на искусство. Это развращает и саму Керри. Писатель показывает, как меняется ее отношение к искусству. Керри думает теперь «о театре, как о двери, через которую

можно проникнуть в сверкающую позолотой жизнь». Если в чикагском эпизоде Драйзер подробно описывает процесс создания Керри своей роли, то теперь он крупным планом выделяет материальную сторону (точнее — денежное выражение) ее актерской деятельности. Градация ставок, восходящее движение по лестнице гонораров — вот то, что более всего волнует теперь героиню романа.

Керри разменяла свой действительно большой талант на доллары, роскошные туалеты, дорогие безделушки и прочие атрибуты «красивой жизни». В этом виновата не столько она сама, сколько развратившее ее общество. В том, что Керри не смогла реализовать заложенные в ее натуре возможности, не смогла стать «выразителем всех людских стремлений», Драйзер видит трагизм ее судьбы.

Керри не может осознать всю глубину своей трагедии и тем более ее причины, но погоня за успехом лишь приглушила, но не уничтожила истинно человеческую струю в ее характере. Поэтому Керри испытывает смутное чувство неудовлетворенности, одиночества и тоски. Она добилась материального преуспеяния, но оно не принесло ей счастья. Разочарование, охватившее Керри, отдаляет ее от мира пресыщенных, самоуверенных, алчных людей, того «красивого» мира, к которому она стремилась. В этом источник симпатии к ней Драйзера, симпатии, так явно обнаруживающей себя в взволнованном обращении автора к своей героине, которым завершается роман: «О Керри, Керри!.. В своей качалке у окна ты будешь одиноко сидеть, мечтая и тоскуя! В своей качалке у окна ты будешь мечтать о таком счастье, которого тебе никогда не изведать!»

Дважды повторенный в этом отрывке художественный образ — «кресло-качалка» — проходит через весь роман. Кресло-качалка (видимость движения без продвижения вперед) — образ-символ, подчеркивающий бесперспективность и обреченность положения героини романа. Более того, этот образ-символ выступает и как «аккумулятор» центральной мысли произведения: буржуазное общество враждебно человеческой личности, ибо оно не способствует ее развитию, а убивает ее. Не случайно именно этот образ служит для Драйзера исходным моментом сближения контрастных судеб главных героев романа. В кресле-качалке читатель видит опустившегося, деградирующего Герствуда и Керри, достигшую высот «успеха по-американски». С точки зрения истинно человеческих ценностей оба они потерпели поражение в жизненной борьбе. Уже в первом своем романе Драйзер с поразительной идейной и художественной глубиной вскрывает антигуманную сущность капиталистических общественных отношений.

Роман «Сестра Керри» был враждебно встречен буржуазной критикой, объявившей его «оскорблением Америки» и проявлением «материализма в самой низменной форме». Прогрессивные же писатели восторженно приветствовали этот роман. Он «ворвался в спертую и затхлую атмосферу Америки, как порыв неукротимого западного ветра» — так определил впоследствии Синклер Льюис впечатление, которое произвела «Сестра Керри» на деятелей передовой культуры США.

По рекомендации Фрэнка Норриса рукопись романа была принята издательством «Даблдей, Пейдж энд К°», но ее смелое содержание испугало издателей. Прибегая к угрозам и шантажу, они пытались заставить Драй-

вора забрать рукопись. Когда он отказался, издатели напечатали роман в нарочито бесцветной обложке и ничтожным тиражом в тысячу экземпляров. Из них около трехсот Норрис разослал критикам и журналистам, а остальные были навсегда погребены в подвалах издательства. Книга фактически оказалась под запретом. Правда, вскоре роман с помощью того же Норриса был опубликован в Англии, где имел успех, но в США «Сестра Керри», по существу, увидела свет лишь в 1907 году.

Похоронив первое издание «Сестры Керри», ревнители казенного американского оптимизма постарались поставить Драйзера в такие условия, при которых он должен был либо вовсе замолчать, либо отказаться от попыток реалистического творчества.

Больше десяти лет длилась пауза между первым и вторым произведением Драйзера. Но когда с 1911 года начинают появляться его романы, становится очевидным, что писатель ни на йоту не отступил от тех принципов бескомпромиссного обличительного искусства, которые были заявлены им в «Сестре Керри».

В романе «Дженни Герхардт» (1911) Драйзер вновь говорит о враждебности общества, где властвует доллар, истинно человеческим ценностям, поворачивая эту проблему новой стороной. Это роман о глубине социальной пропасти, разделяющей дочь бедняка Дженни и сына богатого бизнесмена Лестера Кейна, пропасти, которую не сумела одолеть настоящая любовь.

В «Трилогии желания» («Финансист»— 1912, «Титан»— 1913, «Стоик»— 1946) Драйзер продолжает критику философии успеха, поднимаясь в самые высокие сферы американского общества, вскрывает аморализм и преступность путей, ведущих к преуспеянию. Он создает впечатляющий образ одного из столпов мира бизнеса — хищника и циника Фрэнка Каупервуда, личности по-своему яркой и неординарной, великолепного экземпляра человеческой энергии и целеустремленности. Все качества своей натуры Каупервуд мобилизует на службу доллару, что в конце концов приводит его к духовному банкротству. Его блестящая карьера оказалась бегом в ничто, ибо ложна сама идея служения богатству и власти. Драйзер снова выносит приговор обществу, которое не дает возможности развития личности, обескровливает ее. В «Трилогии желания» драйзеровская тема успеха получает большую социальную заостренность и философскую глубину.

В романе «Гений» (1914) на первый план выдвигается и приобретает особое звучание поставленная уже в «Сестре Керри» проблема творчества в мире капитала. Герой романа художник Юджин Витла — «приверженец острой реалистической манеры». Его картины, в которых много «иронии и жесткой правды», не устраивают законодателей мод буржуазной Америки, по самой сути своей враждебной значительному и честному искусству реализма. Общество развращает художника, заставляя его пойти на компромисс. В погоне за успехом и деньгами, этим мерилом всякого успеха, Витла стал поставщиком «идей» и рисунков для рекламы, чем предал свой талант и обрек себя на творческое бесплодие. Драйзер четко определяет свое отношение к проблеме судьбы одаренной личности в Америке, поставив слово «гений» в названии романа в кавычки — долларовая цивилизация не позволила Юджину Витле выявить свой талант.

Человеческая личность находится в Америке в суровой опасности — таков гневный смысл и романа «Американская трагедия» (1925), самого значительного произведения Драйзера по масштабу охвата социальных явлений и глубине их анализа. Чтобы подчеркнуть обыденность и всеобщность трагизма человеческого существования в Америке, Драйзер избрал героем этого романа не исключительную личность (как в прежних своих произведениях), а ничем не выдающегося молодого человека, типичного среднего американца Клайда Гриффитса. Выделив в качестве ведущей черты его характера «стремление к сходству и стандарту», писатель показывает механизм воздействия на него общества, всеми средствами пропагандирующего успех и не дающего никаких нравственных ориентиров в достижении этого успеха. Впитывая индивидуалистический дух буржуазной морали («все средства хороши, если они ведут к обогащению»), Клайд, по сути, становится преступником до того, как совершает убийство. Его трагедия не только в том, что он кончает жизнь на электрическом стуле, но и в том, что он отравлен и погублен буржуазной Америкой. Роман отличает широкий охват различных сфер американской жизни. Ощущением трагизма американских судеб пронизано все творчество Драйзера, но в этом произведении он показал всю систему общественных отношений, губящих человека. «Обвинением всей нашей системы» назвал сам Драйзер «Американскую трагедию».

Писатель-гуманист, видящий враждебность капиталистического строя человеческой личности, Драйзер не мог не задумываться над поиском путей к созданию таких общественных условий, которые способствовали бы наиболее полному раскрытию возможностей человека. Именно это привлекает его внимание к успехам молодой Советской Республики.

В 1927—1928 годах писатель предпринимает поездку в Советский Союз. Непосредственным откликом на эту поездку явилась публицистическая книга «Драйзер смотрит на Россию» (1928). И хотя американский художник не всегда точен в выводах о сложных явлениях советской действительности, общий тон в оценке происшедших в Стране Советов перемен определяют слова: «Всем сердцем я одобряю это!» «Аплодисментами Советской России» назвал Драйзер свою книгу.

В СССР Драйзер начал писать повесть «Эрнита» (1928), которая является его первой попыткой художественного освоения социалистической действительности. В этой повести, приобретая открытое оптимистическое звучание, принципиально по-новому решается проблема американских судеб. Дочь фермера-бедняка Эрнита, подобно другим героям Драйзера, болезненно ощущает пропасть, отделяющую в Америке богатство от нищеты. Но в отличие от Керри или Клайда она решает бороться не за свое персональное место под солнцем, а за лучшую жизнь для всех. Она приходит к рабочим, принимает участие в их борьбе, вступает в Коммунистическую партию и вместе со своими товарищами отправляется в Россию для того, чтобы строить молодой мир. Эрнита является для Драйзера образцом нового типа личности, которая воспринимает идеи социалистического общества, открывающие ей истинные пути реализации своих возможностей.

Пример молодого социалистического государства помог найти и само-

му Драйзеру единственно возможные методы борьбы с прогнившим собственническим строем. В 30-е годы — «гневное десятилетие», когда потрясенная экономическим кризисом 1929—1933 годов Америка стала свидетелем неведомых ей досель классовых битв,— Драйзер связывает свою судьбу с судьбой сражающегося пролетариата и его авангардом — Коммунистической партией. Он бросается в самую гущу схватки: становится во главе кампании за освобождение ветерана рабочего движения Тома Муни, осужденного по заведомо ложному обвинению, и комитета защиты узников Скоттсборо — девяти юношей-негров, приговоренных к смертной казни. В столкновении бастующих горняков Харлана с хозяевами шахты — всесильной компанией Моргана — Драйзер встает на защиту рабочих. Не поддавшись на шантаж и угрозы, писатель бросил обвинения в лицо Америки миллиардеров со страниц суровой и мужественной книги «Говорят горняки Харлана».

Общественная активность писателя поистине огромна и проявляется в самых разнообразных формах: он участвует в предвыборных кампаниях, призывая голосовать за коммунистов; использует любой повод (печатное слово, выступление на митингах) для пропаганды достижений Советского Союза; сотрудничая в журналах левого студенчества, ведет работу по воспитанию молодежи; входит в тесный контакт с молодыми писателями, для которых, по свидетельству Майкла Голда, становится «с начала 30-х годов постоянным и почетным руководителем, американским Максимом Горьким».

Со второй половины 30-х годов, когда над миром нависла угроза второй мировой войны, Драйзер становится признанным трибуном антифашистского движения в США. Он ведет неустанную работу по разъяснению событий в Европе, постоянно представляет прогрессивную американскую литературу на международных конгрессах; его избирают почетным председателем Американской лиги мира, по поручению которой он едет в 1937 году в Испанию. В 40-е годы, с вынужденным вступлением в войну Советского Союза, Драйзер — один из самых ревностных сторонников открытия второго фронта; он выступает по радио и на митингах, пишет статьи, разъясняя американскому народу международное значение борьбы советского народа с фашизмом.

Активнейшая общественная деятельность Драйзера в 30—40-е годы явилась базой для расцвета его художественной публицистики. Помимо огромного количества боевых злободневных статей, появившихся в печатных органах Компартии США и в марксистских журналах, писателем были созданы две монументальные книги: «Трагическая Америка» (1931) и «Америку стоит спасать» (1941), которые до сих пор остаются одним из самых больших завоеваний прогрессивной американской литературы.

«Трагическая Америка» появилась в разгар экономического кризиса, как грозный обвинительный акт, вынесенный обанкротившейся капиталистической системе. Обличительный пафос связывает эту книгу с другими произведениями Драйзера и особенно с романом «Американская трагедия». Но здесь разорван круг безысходности, который сжимал «Американскую трагедию». Уже в первой главе вслед за описанием разгула монополий следуют слова: «...но против этой кучки власть имущих теперь поднимаются миллионы рабочих». Образ борющихся американских рабочих как си-

лы, способной противостоять олигархии Уолл-стрита, проходит через все произведение и придает ему оптимистическое звучание, которое усиливается в книге «Америку стоит спасать». В американских трудящихся, в их возросшей политической активности видит писатель залог спасения Америки: «Америка двинется вперед — двинется решительно и неудержимо — только тогда, когда... на улицы наших городов выйдут огромные толпы народа, и при виде их враги Америки — монополисты — скажут: «Это — Америка».

Четко указан в книге и путь к спасению Америки — путь следования примеру Советского Союза, путь борьбы за коренное переустройство мира. «Что касается коммунистической системы — такой, какой я видел ее в России,— писал Драйзер в 1943 году,— то я за нее совершенно открыто... Я проникся глубоким уважением к великому народу, который желает, чтобы человечество развивалось на новой основе, о которой оно не знало раньше, чтобы люди не умирали от голода и не превращались в рабов».

И. Развинова

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИВИ И ПОМНИ 5
ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ 177

ПРИМЕЧАНИЯ

ПУШКИН

Первая часть романа «Пушкин» («Детство») впервые была опубликована в журнале «Литературный современник», 1935, № 1, 2, 3, 4; вторая часть («Лицей») — там же, 1936, № 10, 11, 12 и 1937, № 1, 2.

Настоящее издание повторяет издание «Правды» (М., 1981), обе части которого печатаются по последним прижизненным публикациям: первая — по «Сочинениям» (Л., Гослитиздат, 1941), куда вошло только «Детство», вторая — по отдельному изданию: Тынянов Ю. Н. Пушкин. Л., ГИХЛ, 1938.

Третья часть («Юность») впервые появилась в печати в журнале «Знамя», 1943, № 7, 8. Эта единственная прижизненная публикация не может, однако, считаться авторитетным источником текста. Хотя действие романа доведено до высылки Пушкина на юг, чем автор и намеревался завершить третью часть, работа над ней была закончена. Известно, что тяжело больной Ю. Н. Тынянов не мог сам подготовить рукопись к печати и держать корректуру. Материалы архива писателя (ЦГАЛИ) показывают, что к публикации готовился текст черновой рукописи без систематического наблюдения автора. Об этом говорят, во-первых, отсутствие авторской правки на машинописных копиях и, во-вторых, многочисленные неверные чтения, пропуски на месте неразобранных и незамеченных из-за их расположения в автографе слов, подстановка слов по смыслу. Почти все иноязычные слова и выражения заменялись переводом или не воспроизводились вообще. Все эти изъяны, а также неустраненные композиционные неувязки попали в текст «Знамени». Кроме того, в нем имеются и независимые от оригинала ошибки.

Текстологическая работа над третьей частью, включая обращение к рукописям, впервые была проделана Б. О. Костелянцем для издания романа в составе «Избранных произведений» (М., Гослитиздат, 1956). Этот текст повторен в третьем томе «Сочинений» (М.— Л. Гослитиздат, 1959).

В настоящем издании третья часть печатается по черновому автографу, с учетом всех других архивных материалов, имеющих значение для установления текста. Печатаемый текст значительно отличается как от журнального, так и от текста изданий 1956 и 1959 гг. Ввиду чернового характера рукописи в нескольких случаях применены конъюнктуры.

Количество глав в предлагаемом тексте третьей части иное, чем в журнальном и указанных книжных изданиях. Одна глава, имеющаяся в автографе и в журнальной публикации (гл. 19, в настоящем издании она должна была бы быть 20-й), помещена нами в приложении. Основанием для исключения ее из основного текста (то же решение — в изданиях 1956 и 1959 гг.) является очевидная фабульная несогласованность, разрушающая последовательность событий и объясняемая только условиями работы над третьей частью (в главе идет речь о возвращении Александра I в Россию после взятия Парижа, тогда как ранее многократно упоминается о его пребывании в Царском Селе, отношениях с Карамзиным и т. д.). С другой стороны, в отличие от предыдущих книжных изданий в текст включена глава об архимандрите Фотии (гл. 23). В этом случае нет причин отступать от автографа (такой причиной, разумеется, не может быть несоответствие содержания главы с фактами биографии Фотия).

В. КАВЕРИН
Е. ТОДДЕС

С. 4. *Криг-комиссариат* — учреждение, ведавшее денежным и вещевым снабжением войск.

С. 9. *...завит а-ля Каракалла.*— Каракалла — римский император, Марк Аврелий Антоний (186—217). Во Франции в период революции подражание древнеримским модам было закономерным явлением, поскольку «революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно в костюм Римской республики и в костюм Римской империи...» (К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1. М., Искусство, 1967, с. 116). В России той поры следование древнеримским образцам было всего лишь копированием парижских мод.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — поэт; в 1810—1814 гг.— министр юстиции.

...прическа а-ля Дюрок...— Дюрок Жерар-Кристоф (1772—1813) — наполеоновский генерал, приезжавший в Петербург с дипломатическим поручением. Его костюм и прическа вызвали волну подражаний в среде русского дворянства.

С. 10. *«Цырцея».*— В «Одиссее» Гомера волшебница Цирцея чарами завлекала на свой остров путешественников.

Неелов Сергей Алексеевич (1778—1852) — московский богач, автор непристойных шуточных и сатирических стихов, распространявшихся в списках.

Салтыков Иван Петрович (1737—1805) — московский главнокомандующий, владелец подмосковной усадьбы Марфино.

С. 11. *...жил с ...Людовиком, в Митаве.*— После казни Людовика XVI его брат, провозгласивший себя французским королем Людовиком XVIII, в конце 1797 г. по приглашению Павла I поселился в Митаве. В 1800 г., в связи с наметившимся сближением между Павлом и Наполеоном, Людовик был изгнан из Митавы.

С. 13. *Теперь шла война с санкюлотами...*— Санкюлотами во время Французской буржуазной революции конца XVIII в. аристократы презрительно называли простой народ. Здесь речь идет о войне, которую в 1799 г. вели Россия, Англия, Австрия и Турция против Франции.

Сердце его было разбито прекрасной женщиной...— Карамзин был дружен с семьей Алексея Александровича Плещеева. Этой семье он адресовал из-за границы свои «Письма». Здесь речь идет о жене Плещеева Настасье Ивановне, славившейся своим умом. Впоследствии Карамзин женился на ее младшей сестре Елизавете Ивановне (ум. 1802).

«Письма русского путешественника». — В 1789—1799 гг. Карамзин совершил путешествие по Европе, о котором рассказал в своих «Письмах» (1791—1804), явившихся одним из значительных произведений русской прозы XVIII в.

...альманах... «Аглая» издавался Карамзиным в 1794 и 1795 гг. Аглая — имя одной из граций (греч. миф); так Карамзин называл Плещееву.

С.15. *Катрень* — законченная по смыслу строфа из четырех строк.

С. 16. *Плавай, Сильфида, в весеннем эфире...*— Начало стихотворения «Сильфида», приписываемого Карамзину.

Оссиан — легендарный кельтский певец (III в.), которому шотландский поэт Джеймс Макферсон (1736—1796) приписал сочиненные им самим поэмы (изданы в 1765 г.).

Филемон и *Бавкида* в греческих сказаниях (и у Овидия в «Метаморфозах») символизируют супружеское счастье.

Гораций прославил Тиволи...— Имение, подаренное римскому поэту Горацию (65—8 до н. э.) богатым покровителем искусств и поэзии Меценатом. В письме к И. И. Дмитриеву от 4 апреля 1799 г. Карамзин писал: «Гораций прославил Тиволи, мы Самарову гору превратили бы в русский Геликон» (Пасека Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. Спб., 1866, с. 111). Геликон — гора в Греции, на которой, согласно мифам, пребывали Аполлон и музы; в переносном смысле — место поэтического вдохновения.

«Бедная Лиза» и *«Наталья»* («Наталья, боярская дочь») — повести Карамзина.

...наподобие приюта Жан-Жака.— Жан-Жак Руссо в 1756—1758 гг. жил в вилле, называвшейся «Эрмитаж» («Уединение»).

С. 16. *...на оды на смерть старика Бецкого.* — Имеется в виду стихотворение Державина «На кончину благотворителя» (1795), посвященное екатерининскому вельможе И. И. Бецкому (1704—1795), недавнему благотворительными учреждениями.

С. 22. *Кутайсов* Иван Павлович (ок. 1759—1834) — фаворит Павла I.

С. 23. *Рефутация* (лат.) — буквально: опровержение; здесь — документ, доказывающий знатность происхождения.

С. 24. *Лафатер* Иоганн-Каспар (1741—1801) — швейцарский богослов и писатель. Карамзин переписывался с ним и о своей встрече с Лафатером рассказывает в «Письмах русского путешественника».

С. 31. *...шапка с мальтийским крестом была на преображенском солдате...* — В XVI в. остров Мальта попал в руки духовно-рыцарского ордена иоаннитов. В 1797 г. Павел I взял Мальту под свое покровительство и был провозглашен великим магистром этого католического ордена. В связи с этим на головном уборе солдат Преображенского, Семеновского и Измайловского полков появился мальтийский крест.

С. 33. *Виже-Лебрен* Элизабет-Луиза (1755—1842) — придворная портретистка Марии-Антуанетты; эмигрировав в 1789 г. из Франции, в 1795 г. приехала в Россию.

С. 36. *...о французских победах, о Бонапарте и консульше Жозефине...* — Вскоре после переворота 18 брюмера Бонапарт, ставший первым консулом, одержал победу над австрийцами при Маренго (1800). Жозефина (по первому браку — Богарне, 1762—1814) — первая жена Наполеона.

Кочубей Виктор Павлович (1768—1834) — министр внутренних дел при Александре I.

Адам Чарторижский (1770—1861) — польский политический деятель, находившийся с 1795 г. в России. Войдя в доверие к будущему императору Александру I, в первую половину его царствования был среди его ближайших советников. С 1803 по 1804 г. управлял министерством иностранных дел.

С. 43. *...называли его селадоном, фоблазом...* — то есть дамским угодником, волокитой, легкомысленным гулякой (Селадон — герой романа «Астрея» французского писателя XVII в. д'Юрфе; Фоблаз — герой романа «Приключения кавалера де Фоблаза» (1787—1790) французского писателя Луве де Кувре).

...обратился лично к тестю. — Имеется в виду Вышеславцев Михаил Михайлович (1758—?), литератор и переводчик.

С. 44. *Грекур* Жан-Батист (1683—1743) — французский поэт, в творчестве которого эротические мотивы сочетались с религиозным вольнодумством.

С. 45. *Тартюф* — герой комедии Мольера «Тартюф, или Обманщик» (1669), ханжа, лицемер и распутник.

С. 49. *...какого-нибудь Шатобрианова натчеза.* — Натчезы — индейцы, описанные в пользовавшихся популярностью повестях «Атала» и «Рене» французского писателя Франсуа-Рене де Шатобриана (1768—1848).

Пирон Алексис (1689—1773) — французский поэт и драматург, автор остроумных басен, сатир, эпиграмм.

Дора́ Клод-Жозеф (1734—1780) — французский поэт, автор эротических и сентиментальных поэм, острых эпиграмм, трагедий.

Барков Иван Семенович (1732—1768) — поэт и переводчик, автор многочисленных порнографических стихотворений.

С. 51. *...послание к камину.* — Речь идет о первом стихотворении В. Л. Пушкина «К камину», напечатанном в 1793 г. в журнале И. А. Крылова «Санкт-Петербургский Меркурий».

Николай Михайлович печатает его письма... в своем журнале. — Имеется в виду «Вестник Европы», основанный Н. М. Карамзиным в 1802 г.

Жанлис Стефани-Фелисите (1746—1830) — французская писательница.

Гарпагон — герой комедии Мольера «Скупой» (1669).

С. 52. *«Школа мужей»* — комедия Мольера (1663).

Эльмира — героиня комедии Мольера «Тартюф».

С. 53. *Расин* Жан (1639—1699) — французский драматург; в его трагедиях наиболее полно воплотились эстетические каноны классицизма.

С. 54. *Рекамье* Жюли-Аделаида (1777—1849) — знаменитая красавица,

в салоне которой собирались выдающиеся государственные деятели и литераторы Франции.

Тальма Франсуа-Жозеф (1763—1826) — французский актер-трагик. Среди легенд, распространявшихся роялистами — противниками Наполеона, была и легенда о том, что он брал уроки у Тальма, дабы обрести подобающую королю манеру речи и поведения.

С. 55. *Жорж* Маргарита-Жозефина (1786—1867) — французская трагическая актриса. *Дюшенуа* Катрин-Жозефина (1777—1835) — трагическая актриса, дебютировавшая почти в одно время с Жорж. Длительное соперничество двух актрис кончилось тем, что обе они получили признание публики.

Шаликов Петр Иванович (1768—1852) — поэт-сентименталист, эпигон Карамзина.

С. 56. *Епитимья* — церковное наказание (пост, паломничество, длительные молитвы и т. п.).

С. 65. *..часы с Кроносом, который жрет младенца...* — По греческому мифу, Кронос низверг своего отца — бога неба Урана. Получив предсказание, что он, подобно отцу, будет лишен власти одним из своих детей, Кронос стал пожирать их тотчас после рождения. По сходству звучания имен Кронос отождествлялся с богом времени (Хронос – время).

С. 68. *...он смеялся над королем Фредериком...* — Прусский король Фридрих II (1712—1786), желая прослыть другом просвещения, пригласил в Пруссию Вольтера, который пробыл там с 1750 по 1753 г. Позднее в своих «Мемуарах» Вольтер высмеял и прусский режим и самого Фридриха II.

Дезульер Антуанетта (1638—1694) — французская писательница.

С. 70. *«Тарар»* — опера Сальери на текст Бомарше.

С. 73. *Вульф* Прасковья Александровна (1781—1859) — по второму браку Осипова, соседка Пушкина по Михайловскому. Пушкин был дружен с ней и ее дочерьми Анной и Евпраксией, падчерицей Александрой и сыном Алексеем Николаевичем Вульфом.

Саллюстий Гай Крисп (86—35 до н. э.) — римский историк.

С. 78. *Каменский* Михаил Федотович (1738—1809) — фельдмаршал. В 1806 г во время войны с Францией был назначен главнокомандующим. Престарелый, больной и давно уже отставший от руководства войсками, Каменский понял, что не способен командовать в новых для него условиях, и бежал из армии, вслед за чем получил официальную отставку.

С. 79. *Данжо* Филипп де Курсильон (1638—1720) — приближенный Людовика XIV; оставил «Мемуары маркиза де Данжо, или Газета двора Людовика XVI», в которых описывались интимные подробности жизни королевской семьи и двора.

С. 80. *Лебрен* Понс-Дени (1729—1807) — французский поэт. Его оды пользовались большим успехом.

С. 82. *Скаррон* Поль (1610—1660) — французский писатель, автор «Комического романа» и бурлескной поэмы «Вергилий наизнанку».

С. 87 *«Соловей»* — распространившаяся в списках поэма, написанная по мотивам новеллы Боккаччо. Ее авторство приписывалось поэту-сатирику Дмитрию Петровичу Горчакову (1758—1824).

С. 88. *Батюшков* Константин Николаевич (1787—1855) — поэт, оказавший большое влияние на развитие русской поэзии первой четверти XIX в., в особенности на Пушкина.

С. 89. *...вздумал назвать Наполеона «Буонапарте»...* — Наполеон происходил из незначительного итальянского рода Буонапарте; назвать его так значило выразить к нему презрение или ненависть, как к захватчику престола.

Иезуиты учили в петербургском пансионе молодых Гагариных, Голицыных... — Иезуиты, члены самого крупного монашеского ордена католической церкви, организовали в нескольких городах России учебные заведения (коллежи) в целях пропаганды католицизма и борьбы против враждебных католичеству социальных движений.

Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807) — поэт, драматург и романист, автор героической эпопеи «Россиада» (1779).

С. 90. *Вергилий* Марон Публий (70—19 до н. э.) — римский поэт, автор эпической поэмы «Энеида».

С. 91. *...раб Гимена, под пантуфлею* — то есть «под каблуком» у жены. Гимен (Гименей) — бог брака у древних греков и римлян. Пантуфли — старинное название домашних туфель.

С. 98. *Местр* Жозеф (1753—1821) — французский философ и писатель, крайний монархист и реакционер, поборник католицизма.

С. 101. *Шишков* Александр Семенович (1754—1841) — адмирал, государственный деятель, с 1824 по 1828 г.— министр народного просвещения; основатель «Беседы любителей русского слова», президент Российской Академии.

Четьи-Минеи — «ежемесячные чтения», жития святых, сказания, поучения. Сборники составлены в порядке дней каждого месяца.

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — государственный и политический деятель, автор проекта государственного преобразования России (1809); считал необходимым ввести в России конституцию. Александр I, игравший в начале своего царствования роль сторонника либеральных реформ, после подписания Тильзитского мира поддерживал Сперанского и выдвинул его на место первого сановника в государстве, но затем в связи с изменением политической обстановки деятельность Сперанского была прервана, а он сам выслан из Петербурга (1812). Сперанский был сыном священника и учился в семинарии — отсюда прозвище «кутейник».

С. 102. *Перекусихина* Мария Саввишна (1739—1824) — статс-дама Екатерины II. Отбирала для императрицы фаворитов.

Повытчик — чиновник, ведавший делопроизводством в суде.

С. 105. *Боннет* (правильнее — Бонне) Шарль (1720—1793) — французский естествоиспытатель и философ.

Феокрит (III в. до н. э.) — греческий поэт.

С. 108. *Дюпор* Луи (1783—1853) — парижский танцовщик и автор ряда балетов; с 1803 по 1812 г. жил в Петербурге.

С. 109. *...уважал старика Тургенева.* — Имеется в виду Иван Петрович Тургенев (1752—1807), видный деятель русского масонства в конце XVIII в., директор Московского университета.

Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — историк, воспитанник Московского благородного пансиона и Геттингенского университета; близкий друг Карамзина, Жуковского, Вяземского, Пушкина.

Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864) — один из учредителей «Арзамаса». В молодости либерал, он затем участвовал в следственной комиссии по делу декабристов; занимал посты министра внутренних дел, министра юстиции, впоследствии председатель Государственного совета и Комитета министров. *Уваров* Сергей Семенович (1786—1855) — литератор; в молодости член «Арзамаса», впоследствии (в 1833—1849 гг.) — крайне реакционный министр народного просвещения. Пушкин относился к нему резко отрицательно. *Дашков* Дмитрий Васильевич (1788—1839) — арзамасец; впоследствии министр юстиции.

С. 110. *Штейн* Генрих (1756—1831) — премьер-министр Пруссии в 1807—1808 гг.; вызвав крайнее недовольство Наполеона своей патриотической, антибонапартистской деятельностью, вынужден был в 1809 г. эмигрировать в Австрию.

«Монитер» — журнал, основанный в Париже в 1789 г. При Наполеоне стал официозом.

Анакреонт (правильнее — Анакреон, VI—V вв. до н. э.) — греческий поэт-лирик.

...когда открылась война с турками... — Имеется в виду русско-турецкая война 1806—1812 гг.

С. 112. *Хвостов* Дмитрий Иванович (1757—1835) — сенатор; плодовитый бездарный поэт.

С. 118. *Вестрис-старший* — Гаэтано Вестри (1729—1808), известный танцовщик, родом из Флоренции; автор балетов.

С. 123. *...явив, таким образом, Лаокоона с сыновьями...* — Речь идет о знаменитой мраморной группе (работы трех греческих скульпторов I в. до н. э.), изображающей гибель троянского жреца Лаокоона и двух его сыновей, задушенных змеями за нарушение воли богов.

С. 124. *...крикнул кондитерского ганимеда...* — Ганимед в греческих мифах виночерпий Зевса; здесь — шутливое обозначение официанта.

С. 137. *...Катерина I, пожертвовавшая... все свои украшения.*— Во время турецкого похода (1711) русская армия во главе с Петром I попала в неприятельское окружение. Существует легенда, что Екатерина, бывшая в походе, пожертвовала все свои драгоценности, присоединив к ним и то, что она собрала у других русских, для подкупа турецкого визиря, дабы тот согласился на заключение мира. Этот поступок Екатерины всячески прославляли, ибо Петр, готовясь к женитьбе на ней, хотел придать ей ореол спасительницы отечества.

Грессе Жан-Батист (1709—1777) — французский поэт, драматург и автор новелл антиклерикального содержания.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

С. 142. *Разумовский* Алексей Кириллович (1748—1822) — министр народного просвещения с 1810 г.

С. 143. *Нарышкина* Мария Антоновна (1779—1854) — фрейлина, имевшая большое влияние на Александра I в первые годы его царствования.

С. 145. *...указ об обложении дворянства налогами.*— Имеется в виду обложение дворянства «единственно на ...1810 год» по 50 копеек с каждой ревизской души, числившейся во владении.

Тильзитский мир возмутил дворянство...— Война 1806—1807 гг. между Францией и Россией закончилась подписанием мирного договора в Тильзите (1807). Отдельные пункты договора должны были, по замыслу Наполеона, привести к международной изоляции России, превратить ее в охранителя французских интересов. Цель эта не была достигнута, но многие современники восприняли Тильзитский договор как капитуляцию Александра и выражали свое недовольство им.

С. 148. *...генерал-губернатор Пестель управлял на расстоянии.*— Пестель Иван Борисович (1765—1843) — отец декабриста, был с 1806 по 1819 г. сибирским губернатором, но с 1809 г. жил в Петербурге.

С. 150. *Плутарх* (ок. 46—127) — греческий писатель и историк, автор «Жизнеописаний» замечательных римских и греческих деятелей.

С. 152. *Мартынов* Иван Иванович (1771—1833) — переводчик и журналист; директор департамента народного просвещения.

Куницын Александр Петрович (1783—1841) — профессор нравственных наук (права) в Царскосельском Лицее и в Петербургском университете. В лицее читал курсы «Право естественное» и «Изображение системы политических наук». В 1821 г. был уволен из университета, так как, по мнению попечителя учебного округа, в своих лекциях призывал к «ниспровержению всех связей, семейственных и государственных».

С. 157. *...он и сам когда-то был воспитан в особой, игрушечной «академии».*— Речь идет о специальном учебном заведении, созданном К. Г. Разумовским, в котором с княжеской роскошью жили и получали образование шестеро мальчиков (трое из них были его сыновьями).

Мармонтель Жан-Франсуа (1723—1799) — французский писатель-просветитель. *Лагарп* Жан-Франсуа (1739—1803) — французский поэт, драматург и критик; теоретик классицизма, автор многотомного «Лицея, или Курса древней и новой литературы». *Кондорсе* Жан-Антуан (1743—1794) — французский политический деятель и ученый.

С. 162. *Ламздорф* Матвей Иванович (Густав-Матиас, 1745—1828) — генерал от инфантерии, воспитатель Николая I.

Глинка Григорий Андреевич (1774—1818) — воспитатель великих князей; профессор русского языка и словесности Дерптского университета.

С. 167. *...Шихматов* — Ширинский-Шихматов Сергей Александрович (1783—1837), поэт шишковского направления, член «Беседы».

...словарь Шишкова.— Адмирал Шишков составлял разного рода словари в подкрепление своих теорий о происхождении русского языка от церковнославянского. Здесь речь идет о сочинении Шишкова «Словопроизводство», в

котором автор ставил своей задачей «открытие в словах того первоначального понятия, от которого они произведены»

«Беседа» — «Беседа любителей русского слова» (1811—1816), литературное общество, возглавлявшееся А. С. Шишковым и Г. Р. Державиным. Большинство членов «Беседы» придерживались консервативных взглядов и выступали против «нового слога» — реформы литературного языка, проводившейся Карамзиным и его сторонниками. Наряду с откровенными реакционерами в «Беседу» входили также Н. И. Гнедич и И. А. Крылов, отстаивавшие в противовес карамзинистам национально-демократические традиции в развитии русского литературного языка, гражданский и демократический пафос в поэзии. Те же позиции занимали и ориентировавшиеся на «Беседу» писатели декабристского направления (Грибоедов, Катенин, В. Раевский, Кюхельбекер и др.).

Предлинной хворостиной... — Начало басни Крылова «Гуси».

С. 169. *...в честь новорожденного короля римского...* — Речь идет о сыне Наполеона, родившемся в 1811 г. (ум. 1832).

«Европейский музей» — журнал, в котором перепечатывались материалы из иностранных журналов. Издавался в Петербурге в 1810—1811 гг.

Континентальная система — введенная в 1806 г. Наполеоном блокада Англии, запрещавшая всем европейским странам какие бы то ни было сношения с ней, в особенности торговые связи.

Коленкур Арман-Огюст (1772—1821) — французский посол в России; вынужден был подать в 1811 г. в отставку, так как старался уладить разногласия между Наполеоном и Александром I.

С. 171. *Фемида* — богиня правосудия у древних греков; изображалась с повязкой на глазах (символ беспристрастия) и с весами в руке.

Завадовский Петр Васильевич (1739—1812) — министр народного просвещения с 1802 по 1810 г. *Мордвинов* Николай Семенович (1754—1845) — адмирал, член Государственного совета с 1810 г.

С. 174. *Ришелье* Арман (1766—1822) — французский государственный деятель; ряд лет находился на русской службе.

Капуцины, францисканцы и кармелиты — название католических монашеских орденов.

С. 176. *Буало* (Буало-Депрео) Никола (1636—1711) — французский поэт, критик, теоретик классицизма. Автор остроумных сатир и иронической поэмы «Налой», в сатирическом духе рисующей быт и нравы французского духовенства.

Вяземский Петр Андреевич (1792—1887) — поэт и критик; в молодости деятельный арзамасец, друг Пушкина; впоследствии занимал реакционную позицию.

Гнедич Николай Иванович (1784—1833) — поэт, переводчик «Илиады» Гомера. Первый издал поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник».

С. 179. *Пущины.* — Имеется в виду семья Ивана Ивановича Пущина (1798—1859), лицеиста, друга Пушкина. Пущин был одним из активных деятелей декабристского движения. Оставил «Записки о Пушкине».

С. 180. *Дюмарсе* Сезар (1676—1756) — французский филолог и писатель. *Бюффон* Жорж-Луи (1707—1788) — французский натуралист, автор труда «Естественная история». *Поп* Александр (1688—1744) — английский поэт, автор философских поэм «Опыты о морали» и «Опыт о человеке». *Гюм* (правильно — Юм) Давид (1711—1776) — английский философ и историк. *Фонтенель* Бернарден ле Бувье (1657—1757) — французский писатель и философ.

С. 181. *Ломоносов* Сергей Григорьевич (1799—1857) — окончив лицей, служил в министерстве иностранных дел.

Данзас Константин Карлович (1800—1870) — после лицея — офицер. Был секундантом Пушкина на дуэли с Дантесом.

С. 184. *Есаков* Семен Семенович (1798—1831), после лицея — офицер. *Корф* Модест Андреевич (1800—1876), окончив лицей, служил в министерстве юстиции; с 1831 г.— управляющий делами Комитета министров. Оставил записки о лицее и о Пушкине, отличающиеся крайней недоброжелательностью.

Брата твоего директора я очень знаю... — Имеется в виду Малиновский Алексей Федорович (1760—1840), сенатор, писатель и переводчик.

С. 185. *Горчаков* Александр Михайлович (1798—1883), после лицея — дипломат; с 1856 по 1882 г.— министр иностранных дел.

С. 186. *Малиновский* Иван Васильевич (1796—1873), окончив лицей, служил в гвардии. В 1825 г. вышел в отставку в чине полковника. Был близок к кругам декабристов.

Вальховский Владимир Дмитриевич (1798—1841), после лицея — офицер; член Союзов спасения и благоденствия, привлекался по делу декабристов, но осужден не был.

Броглио (правильнее — Бролью) Сильверий Францевич (1799— первая половина 20-х гг.) — итальянец по происхождению. Окончив лицей, уехал в Пьемонт, где участвовал в революции 1821 г.; сражался в Греции за освобождение страны от турецкого владычества и там погиб.

Шаховский... всем в театре правит, как тиран.— Шаховской Александр Александрович (1777—1846) — драматург, был фактическим руководителем русского театра в Петербурге, с 1802 г. заведовал его репертуарной частью; первый профессиональный русский режиссер. Член «Беседы» (см. прим. к с. 167).

...хваленую Семенову меньшую. Как и большая, недурна...— Семенова Нимфодора Семеновна (1787—1886) — оперная певица. Ее старшая сестра Екатерина Семеновна (1786—1849) — выдающаяся трагическая актриса.

Бобров Елисей Петрович (1778—1830) — актер, долгое время игравший не соответствовавшие его дарованию роли героев и лишь позднее нашедший в комических ролях свое подлинное призвание.

С. 189. *Кошанский* Николай Федорович (1781—1831) — профессор; преподавал в лицее русскую и латинскую словесность с 1811 по 1828 г.

Тургенев Николай Иванович (1789—1871) — брат А. И. Тургенева, экономист, автор «Опыта теории налогов», в котором резко заклеймил крепостное право; активный участник и один из идеологов декабристского движения. Во время восстания находился за границей и был заочно приговорен к смертной казни. *Галич* Александр Иванович (1783—1848) — профессор Петербургского университета; в лицее преподавал русскую и латинскую словесность (1814—1815). *Карцов* Яков Иванович (1784—1836) — профессор; с 1811 по 1836 г. преподавал в лицее физико-математические науки. *Кайданов* Иван Козьмич (1782—1843) — профессор; преподавал в лицее историю.

Каверин Петр Павлович (1794—1855) — офицер; член Союза благоденствия.

С. 190. *Ордонансхауз* — комендантское управление.

С. 193. *...политический журнал наподобие «Moniteur»* (см. прим. к с. 110).

С. 197. *Ромм* Шарль-Жильбер (1750—1795) в 1779—1786 гг. жил в России. Когда началась Французская революция, уехал на родину, где в 1791 г. был избран в Законодательное собрание, а в 1792 г.— в Конвент. Занимался вопросами народного образования. По его предложению был введен республиканский календарь. В 1795 г. был приговорен к смертной казни и покончил с собой.

С. 200. *Диоген* (ок. 404—323 до н. э.) — греческий философ.

С. 203. *...Яковлев-господин...*— Яковлев Михаил Лукьянович (1798—1868), лицеист; композитор-любитель. После лицея — чиновник, тайный советник и сенатор.

Аристипп (V в. до н. э.) — греческий философ, видевший смысл жизни в наслаждении. *Зенон Китионский* (335—264 до н. э.) — греческий философ, основатель философской школы стоиков.

Мясоедов Павел Николаевич (1799—1869), окончив лицей, служил в армии, затем в министерстве юстиции.

Левек Пьер-Шарль (1737—1812) — историк и знаток греческой литературы и искусства. С 1773 по 1780 г. жил в России; автор «Истории России» (1782). *«Апофегмы»* (греч.) — «Афоризмы».

С. 204. *Саврасов* Петр Федорович (1799—1830), после лицея — гвардейский офицер. *Тырков* Александр Дмитриевич (1799—1843), после лицея — офицер; в 1822 г. вышел в отставку. *Костенский* Константин Дмитриевич (1797—1830), окончив лицей, служил в министерстве финансов.

Матюшкин Федор Федорович (1799—1872), после выхода из лицея — ученый, моряк-путешественник; с 1867 г. — адмирал.

Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — поэт, издатель «Литературной газеты» и альманаха «Северные цветы». Близкий друг Пушкина.

Кандид — герой философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759).

Илличевский Алексей Дамианович (1798—1837), после лицея — чиновник. В 1827 г. издал сборник стихотворений «Опыты в антологическом роде».

Дмитриевский Иван Афанасьевич (1734—1821) — известный актер и один из основателей русского театра.

С. 206. *Вейс* Франсуа-Рудольф (1751—1802) — швейцарский политический и военный деятель, философ, последователь Руссо. Его книга «О принципах философских, политических и моральных» была популярна среди декабристов.

...быть спартанцем, когда невозможно быть сатрапом.— В Спарте (город-государство в Древней Греции) мужчины с детских лет приучались вести суровый образ жизни и стойко переносить лишения. Сатрапы в Древней Персии — деспотические правители.

С. 207. *Сапфическая строфа* — строфа, состоящая из разностопных стихов, смешанный стихотворный размер, введенный древнегреческой поэтессой Сапфо (VI в. до н. э.).

...Сперанский взят и как злодей скрыт неизвестно куда.— 17 марта 1812 г. Сперанский был выслан в Нижний Новгород, а затем в Пермь.

С. 210. *«Отец семейства».*— Имеется в виду пьеса Дидро «Отец семейства» (1758).

С. 212. *...старый лебедь...*— По греческому мифу, Зевс, влюбившись в дочь этольского царя Леду, предстал перед ней в образе лебедя.

Каменные... ворота в честь Орлова... — мраморные триумфальные ворота, воздвигнутые в царскосельском парке в честь фаворита Екатерины II графа Г. Г. Орлова (1734—1783), возглавившего в 1771 г. борьбу с эпидемией чумы (моровой язвы) в Москве.

С. 214. *Поэма о налое* — поэма Буало «Налой».

...по закоцитной стороне...— то есть в царстве мертвых. Коцит (греч. миф) — река в подземном царстве теней.

Корсаков Николай Александрович (1800—1820), окончив лицей, служил в коллегии иностранных дел.

С. 216. *Стевен* Федор Христианович (1797—1851), окончив лицей, служил чиновником в Финляндии; был губернатором Выборга.

Фрерон Элие (1719—1776) — французский журналист и критик, враг Вольтера.

С. 217. *Это была память морской победы...*— Речь идет о памятнике в виде украшенной корабельными носами колонны, сооруженном в Царском Селе в честь Ф. Г. Орлова (1741—1796), одного из военачальников в русско-турецкой войне 1768—1774 гг.

С. 223. *Юдин* Павел Михайлович (1798—1852), окончив лицей, служил в коллегии иностранных дел.

Вильон Франсуа (правильнее — Вийон, 1431 — ок. 1465) — первый по времени крупный лирический поэт Франции.

С. 226. *Опиц* Мартин (1597—1639) — немецкий поэт, реформировавший метрику немецкого стиха.

С. 228. *Путешествие юного Анахарсиса в Афины...*— Речь идет о романе французского писателя аббата Бартелеми (1716—1795) «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» (1788).

Солон (VII—VI вв. до н. э.) — афинский законодатель, один из «семи мудрецов» Древней Греции.

С. 229. *Ямщик Елеся, герой одной крепкой поэмы...*— Речь идет об прониче-ской поэме В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771).

С. 230. *Лежит Сенат в пыли...*— В начале царствования Александра I в центре внимания оказался вопрос о сенате, при Павле I утратившем всякое значение. Однако новый указ о правах сената и учреждении министерств не внес каких-либо существенных улучшений в государственное устройство. Сенат, по существу,

остался в прежнем положении: его члены назначались и смещались по личному произволу императора, не имел он реальных возможностей и контролировать работу министерств.

С. 232. *Венчанна классами хлеб Волга подавала... Рифей нагнувшися... лил в кубки мед...* неточная цитата из «Описания потемкинского праздника в Таврическом дворце» Державина (1791), Рифей — старинное название Уральского хребта.

С. 234. *Сен-Ламберт* Жан-Франсуа (1716—1803) — французский поэт, автор поэмы «Времена года». Был близок к энциклопедистам.

С. 235. *Тредиаковский* Василий Кириллович (1703—1769) — поэт, переводчик, ученый-филолог. Недостаточно оцененный современниками, долгие годы служил мишенью для насмешек, эпиграмм и пародий.

С. 236. *...пьеса Крылова о модных лавках...* — Речь идет о сатирической комедии И. А. Крылова «Модная лавка» (1806).

С. 239. *Комовский* Сергей Дмитриевич (1798—1880) после лицея — чиновник; впоследствии занимал пост помощника статс-секретаря Государственного совета.

Шапелен Жан (1595—1674) — французский поэт и критик, автор эпической поэмы «Девственница, или Освобожденная Франция».

...на трагедию Корнеля «Агесилай»... — Трагедия «Агесилай» (1666) великого французского драматурга Пьера Корнеля (1606—1684) была написана им уже в годы упадка его творчества.

С. 242. *Дяденька Пещуров,— говаривал Горчаков...* — Пещуров Алексей Никитич (1779—1849) — помещик Псковской губернии. На него, как на опочецкого уездного предводителя дворянства, было возложено наблюдение за Пушкиным, когда тот находился в ссылке в селе Михайловском. В 1825 г. Горчаков посетил село своего дяди, где с ним встретился ссыльный Пушкин.

С. 247. *Ростопчин* Федор Васильевич (1763—1826) — главнокомандующий Москвы с 1812 по 1814 г.

С. 255. *Гревениц* Павел Федорович (1798—1847), окончив лицей, служил в коллегии иностранных дел.

С. 256. *Сен-Пьер* — Бернарден де Сен-Пьер (1737—1814), французский писатель, автор известного романа «Поль и Виргиния» (1787). *Делиль* Жак (1738—1813) — французский поэт. *Фонтан* Луи (1757—1821) — французский писатель и политический деятель.

С. 258. *...метит в Сийесы или первые консулы...* — После контрреволюционного переворота, совершенного Наполеоном в 1799 г., исполнительная власть была передана трем консулам. Одним из них был Сийес, Наполеон же был провозглашен первым консулом Франции.

Барклай де Толли Михаил Богданович (1761—1818) — генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русскими войсками на первом этапе войны 1812 г.

С. 260. *...отрывок из «Маленького Грандисона»...* — Речь идет о сокращенном французском переводе романа английского писателя Ричардсона «История сэра Грандисона».

С. 263. *...Психея, Душенька, ведомая Прозерпиною.* — В «Золотом осле» Апулея (II в.) рассказывается о том, как в поисках Амура Психея спускается в подземное царство мертвых, по которому ее ведет Прозерпина, жена властителя этого царства Плутона. Психея — олицетворение человеческой души; изображалась обычно прелестной девушкой. Миф о Психее и Амуре положен также в основу стихотворной повести И. Ф. Богдановича «Душенька» (1783).

С. 264. *Кагульский мрамор* — памятник, воздвигнутый в честь победы в 1770 г. русских войск под командованием П. А. Румянцева над турецкими войсками у реки Кагул в Молдавии. *Чесменская колонна* — памятник в честь победы русского флота над турецким при Чесме в Эгейском море (1770 г.). *Орловские ворота* (см. прим. к с. 212).

Багратион Петр Иванович (1765—1812) — генерал, ученик и помощник Суворова; командовал в Отечественную войну Второй армией; был смертельно ранен в Бородинском бою. *Эпаминонд* (ок. 420—362 до н. э.) — древнегреческий полководец; одержал ряд побед над спартанцами. *Кульнев* Яков Петрович (1763—1812) — генерал, убитый в бою под селом Клястицы в июле 1812 г.

...ший Публий Мус (IV в. до н. э.) — римский консул и полководец; в битве с латинянами при Капуе (340 до н. э.) обеспечил отступавшим римским войскам победу, бросившись в ряды неприятелей. *Раевский* Николай Николаевич (1771—1829) — генерал, герой Отечественной войны 1812 г. *Коновницын* Петр Петрович (1776—1822) — генерал; во время Бородинского боя принял командование над войсками после ранения Багратиона. *Совместники древней Спарты* — то есть соперники прославленных воинов древней Спарты.

С. 266. *...надежду внушали ему действия Витгенштейна.*— Витгенштейн Петр Христианович (1768—1842) генерал, командовавший Первым корпусом. Речь идет о военных действиях 1812 г. на петербургском направлении, где русские войска одержали победу под Клястицами.

С. 268. *Аристарх* (III—II вв. до н. э.) — александрийский грамматик, занимавшийся истолкованием греческой поэзии. Его имя стало нарицательным для строгого критика.

С. 269. *Платов* Матвей Иванович (1751—1818) генерал, герой войны 1812 г

С. 270. *Сулла* Луций Корнелий (138—78 до н. э.) римский полководец и государственный деятель.

Руссо Жан-Батист (1670—1741) — французский лирический поэт, автор од, пользовавшихся большой известностью.

С. 283. *Давид* Жак-Луи (1748—1825) — французский живописец.

...экземпляр Аретина... — Аретино Пьетро (1492—1556) — итальянский писатель, драматург и публицист. Его книга «Рассуждения», отличающаяся откровенным цинизмом, была включена в индекс запрещенных изданий.

С. 285. *Велизарий* (505—565) — византийский полководец. Обвиненный императором Юстинианом в заговоре, был заключен в тюрьму. Согласно легенде был ослеплен, после чего, став нищим, просил милостыню. Эта легенда послужила сюжетом для ряда прозаических, драматических и оперных произведений.

Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1768—1851) — дипломат и писатель. Отец декабристов — Сергея Ивановича (казнен в 1826 г.), Ипполита Ивановича и Матвея Ивановича Муравьевых-Апостолов.

Никон (1605—1681) — патриарх Московской и всея Руси.

С. 290. *Парни* Эварист (1753—1814) — французский поэт, перевел на французский язык песни Оссиана (см. прим. к с. 16). *Фингал* — герой песен Оссиана, властитель вымышленной страны *Морвен*.

С. 299. *О память сердца...* — начальные строки стихотворения Батюшкова «Мой гений» (1815).

С. 305. *Эмилией называл он Эмиля...*— Речь идет о герое романа Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762).

С. 309. *Коцебу* Август (1761—1819) — немецкий реакционный писатель и публицист. Был тайным агентом русского правительства; убит студентом Карлом Зандом.

Корнелий Непот (I в. до н. э.) — римский писатель, историк культуры и биограф.

С. 310. *...поэма о монахе...*— Речь идет о поэме «Монах», написанной, вероятно, в 1814 г. (обнаружена впервые лишь в 1928 г.).

Это было достойно его «Девственницы».— Имеется в виду поэма Вольтера «Орлеанская девственница», в которой легенда о Жанне д'Арк излагается в сатирическом духе. Пушкин в «Монахе» обращается к Вольтеру, упоминая эту его поэму.

Фернейский старик — Вольтер, живший с 1758 г. в поместье Ферней на границе Франции и Швейцарии.

С. 313. *Мой друг, я видел море зла...*— строки из стихотворения Батюшкова «К Дашкову» (1813).

С. 317. *Муций Сцевола* (VI в. до н. э.) — легендарный римлянин; схваченный врагами во время осады Рима, сжег свою руку в знак презрения к пыткам и смерти.

С. 318. *Камоэнс* Луис (1525—1580) — португальский поэт, автор эпической поэмы «Лузиады». Претерпев гонения, умер в нищете. *Костров* Ермил Иванович (ок. 1750—1796) — поэт и переводчик, автор первого перевода «Илиады». Умер в крайней бедности.

Лонгин Дионисий Кассий (III в.) — греческий философ и критик.

С. 319. *Дорохов* Иван Семенович (1762—1815) — генерал, участник походов Суворова и Бородинской битвы. *Бэкон* Френсис (1561—1626) — английский философ и государственный деятель.

С. 320. *Пиндар* (ок. 518—442 до н. э.) — греческий поэт-лирик, автор торжественных од в честь богов и героев.

С. 321. *Нинон* Ленкло (де Ланкло, 1616—1706) — французская куртизанка, хозяйка модного салона, в котором собирались знаменитости той эпохи.

С. 322. *Батте* Шарль (1713—1780) — французский теоретик искусства.

С. 323. Агриппина (16—59 н. э.) — мать римского императора Нерона.

С. 324. Эпикур (341—270 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист.

С. 325. *Мильтон* Джон (1608—1676) — английский поэт и публицист.

С. 327. *Измайлов* Владимир Васильевич (1773—1830) — писатель карамзинского направления, издавал «Вестник Европы» (1814), «Российский музеум» (1815), альманах «Литературный музеум» (1827).

С. 330. *...называл воксгалом.*— Первоначально слово «вокзал» в России означало место прогулок, театральных представлений, празднеств. Происходит от названия села Воксхолл подле Лондона, где в XVII в. был устроен сад для высшего общества.

Он написал ей послание... Эпиграф он взял из французского поэта...— Речь идет о стихотворении Пушкина «К Наталье». Эпиграф взят из «Послания к Марго» Шодерло де Лакло — сатиры на фаворитку Людовика XV Дюбарри.

С. 332. *Овидий* Публий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.) — римский поэт.

С. 334. *Стерн* Лоренс (1714—1768) — английский писатель, родоначальник сентиментализма, автор романов «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и «Сентиментальное путешествие».

С. 337. *Дарья Алексеевна* — вторая жена Державина, которую он называл в стихах Милепой.

Крамер Жан-Батист (1771—1858) — известный пианист и композитор.

С. 340. *Кумиры* — здесь: скульптурные изображения.

Рашет Жан-Доминик (1744—1809) — скульптор. *Пленира* — так Державин называл в стихах свою первую жену Екатерину Яковлевну.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

С. 344. *...хлопотать об издании своей «Истории»...*— Над «Историей государства Российского» (в 12 томах) Карамзин работал с 1803 г. Рукопись первых восьми томов он в начале 1816 г. привез в Петербург для представления Александру I. Они вышли в свет в 1818 г.

Староста арзамасский...— «Арзамасское общество безвестных литераторов» возникло в 1815 г. Деятельность его была направлена против РоссийскойАкадемии и «Беседы». В «Арзамасе» объединялись сторонники так называемого карамзинского направления в литературе. В отличие от бюрократической торжественности заседаний «Беседы» собрания «Арзамаса» носили полушутливый характер. В общество входили Жуковский, Батюшков, Вяземский, В. Л. Пушкин; будущие декабристы — Н. Тургенев, Н. Муравьев, М. Орлов; будущие реакционные государственные деятели — Уваров, Блудов и др. В 1818 г. «Арзамас» прекратил свое существование вследствие обострившихся идейных и литературных разногласий внутри кружка.

С. 345. *...в доме Старушки...*— Перечисляются прозвища арзамасцев: *Старушка* —Уваров; *Громобой* — Жихарев; *Светлана* — Жуковский; *Вот* — В. Л. Пушкин; *Чу* — Дашков.

Ополченные красным колпаком...— Каждый очередной председатель заседаний «Арзамаса» облекался в красный колпак — головной убор якобинцев во время Французской революции конца XVIII в.

«Липецкие воды» — комедия Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1813; поставлена в 1815 г.).

С. 346. *С треском пыхнул огонек...*— строки из баллады Жуковского «Светлана».

Асмодей — злой дух. *Ахилл* — по греческому мифу, предводитель греков в Троянской войне.

С. 347. *Директор* — Энгельгардт Егор Антонович (1775—1862), директор Лицея с 1816 по 1823 г.

С. 348. *Философ резвый и пиит...* — строки из стихотворения Пушкина «К Батюшкову» (1814).

Лишь угли, прах... — строки из стихотворения Батюшкова «К Дашкову».

С. 349. *...о Бове...* — Речь идет о шутливой поэме «Бова», начатой Пушкиным в 1814 г. и оставшейся неоконченной.

С. 350. *...и с отверженными вкусом халдеями.* — Халдеи здесь: грубые, невежественные люди.

С. 351. *«Расхищенные шубы»* — пронкомическая поэма Шаховского, направленная против карамзинистов (1815).

С. 353. *...не Дельвига, который теперь называл себя в стихах... Нестором.* — Речь идет о «Романсе» Дельвига («Друзья, друзья! я Нестор между вами...»). *Нестор* — умудренный опытом старец (по имени одного из героев «Илиады», участника войны против Трои).

С. 355. *...он — причина смерти благородного Озерова...* — Враги Шаховского обвиняли его в том, что, как руководитель театра, он не проявлял должного беспристрастия к чужим произведениям, что по его вине не получила признания последняя трагедия В. А. Озерова «Поликсена».

...погребать эту Беседу губителей русского слова!.. И покойную Академию... — Адмирал Шишков был президентом Российской Академии, занимавшейся изучением русского языка и словесности. «Беседа» была как бы неофициальным филиалом Академии. «Покойной» Академия названа потому, что по уставу «Арзамаса» каждый вступающий в члены общества должен был читать надгробную речь одному из членов «Беседы» или Академии.

С. 356. *Сумароков* Александр Петрович (1717—1777) — поэт и драматург.

С. 357. *Соломирский* Павел Дмитриевич (ум. 1884) — офицер гвардейского гусарского полка. *Чаадаев* Петр Яковлевич (1794—1856) — писатель и философ, автор «Философских писем». В момент знакомства с Пушкиным был лейб-гусаром. Оказал на молодого поэта большое влияние, а в 1820 г. хлопотал о том, чтобы предполагавшаяся ссылка Пушкина в Сибирь или Соловецкий монастырь была заменена переводом на службу в Кишинев.

С. 359. *Он был на Аахенском конгрессе...* — Первый конгресс Священного союза происходил в прусском городе Аахене в 1818 г.

С. 366. *Медлительно влекутся дни мои...* — начальная и заключительная строки из стихотворения Пушкина «Желание» (1816)

С. 367. *Фемистокл* (ок. 525 — ок. 461 до н. э.) — государственный деятель и полководец Древней Греции. *Сципион* Публий Эмилиан Африканский (Младший; ок. 185—129 до н. э.) — римский полководец, разрушитель Карфагена.

С. 368. *«Илья Муромец»* — «богатырская сказка» Карамзина (1803), написанная размером старинных русских песен, который благодаря Карамзину получил широкое распространение в русской поэзии.

С. 369. *«Амфион»* — ежемесячный литературный журнал, издававшийся в 1815 г. в Москве А. Ф. Мерзляковым.

«Векфильдский священник» — роман английского писателя Оливера Голдсмита (1728—1774).

...Шихматову-Рифматову и его песнопению о Петре. — Речь идет о поэме Ширинского-Шихматова «Петр Великий» (1810).

С. 374. *...молодые гвардейцы живут здесь артелью, и главный у них — Бурцов.* — Речь идет о созданной в 1814 г. «Священной артели», в которую входили Иван Григорьевич Бурцов (ум. 1829), А. и М. Муравьевы и другие офицеры. В собраниях артели участвовали также и лицеисты: Пущин, Вальховский, Кюхельбекер и Дельвиг. Как вспоминал впоследствии И. И. Пущин, это был «мыслящий кружок», настроенный антикрепостнически. Его члены изучали общественные предметы и иностранные языки с помощью лицейских преподавателей. Некоторые участники артели явились инициаторами первой декабристской организации — «Общества истинных и верных сынов отечества», или «Союза спасения».

Смит Адам (1723—1790) — английский экономист.

С. 375. *Нелединский-Мелецкий* Юрий Александрович (1752—1828) — поэт; занимал важные должности при дворе.

С. 376. *Нелидова* Екатерина Ивановна (1758—1839) — фрейлина, любовница Павла I.

С. 377. *Шольс* Гийом (1639—1720) — французский поэт, автор «легких» анакреонтических стихотворений, которому подражали многие русские поэты в конце XVIII — начале XIX в.

Праздник... в честь... мужа великой княгини.— Речь идет о празднике по случаю бракосочетания сестры Александра I Анны Павловны с принцем Оранским.

Веллингтон Артур Уэлсли (1769—1852) — английский военный и политический деятель.

Раевский Николай Николаевич (1801—1843) — сын героя войны 1812 г., был связан с декабристами.

Молоствов Памфамир Христофорович (1793—1828) — офицер гвардейского гусарского полка, частый посетитель Лицея.

С. 378. *Левашов* Василий Васильевич (1783—1848) — генерал-лейтенант; впоследствии — председатель Государственного совета и Комитета министров.

С. 383. *Голицына* Авдотья — Голицына Евдокия Ивановна (1780—1850), одна из наиболее образованных женщин своего времени, хозяйка салона, в котором в 1817—1820 гг. часто бывал Пушкин.

С. 384. *Камерон* Чарлз (1740—1820) — архитектор, шотландец по происхождению; работал в России в 1799—1811 гг.

С. 385. *...в огне под Кульмом и под Лейпцигом...* — В битвах под Кульмом (август 1813) и Лейпцигом (октябрь 1813) союзные войска (русские, австрийские, прусские и швейцарские) одержали победы над армиями Наполеона.

С. 389. *...горькая правда в древней России и новой России...*— В 1811 г. в Твери Н. М. Карамзин через сестру царя Екатерину вручил Александру I «Записку о древней и новой России», в которой с реакционных позиций резко критиковалась политика Сперанского. Прямого ответа на «Записку» не последовало. Хотя программа Карамзина вполне соответствовала настроениям самого царя и легла в основу нового правительственного курса, Карамзин все же не получил того административного назначения (пост государственного секретаря или министра народного просвещения), на которое он рассчитывал.

С. 392. *Вот она, немецкая слобода, где юные петиметры...*— Имеется в виду Немецкая слобода в Москве, где во времена Петра I русские дворяне общались с немцами. Петиметр — щеголь.

И, бабушка, затеяла пустое...— заключительные строки одной из эпиграмм Пушкина на «Историю государства Российского» Карамзина. Пушкин имеет здесь в виду стихотворную сказку Карамзина «Илья Муромец».

С. 394. *В его «Истории» изящность, простота...*— эпиграмма Пушкина на «Историю государства Российского» Карамзина; датируется предположительно 1818—1819 гг.

Счастлив, кто в страсти сам себе...— начало элегии, написанной Пушкиным в 1816 г. При жизни поэта не была напечатана.

С. 396. *Он олицетворял эту тонкую усмешку в поэме в лице героини и назвал ее Зоей.*— Речь идет о ранней поэме Пушкина «Бова», от которой сохранился только отрывок.

С. 397. *Фотий* — Спасский Петр Никитич (1792—1838), архимандрит, крайний изувер и реакционер, боровшийся с мистиком Голицыным во имя сохранения господства официальной православной церкви.

С. 398. *Благочестивая жена...*— Эпиграмма «Гр. Орловой-Чесменской», приписывавшаяся Пушкину и распространявшаяся в списках. Датируется 1822—1824 гг.

С. 400. *...оттуда, что предан без лести.*— Подчеркивая свою преданность царю, Аракчеев для своей личной печати избрал девиз: «Без лести предан». Пушкин написал на Аракчеева эпиграмму «Всей России притеснитель...».

С. 401. *Ланкастерские взаимные обучения* — система взаимного обучения, введенная английским педагогом Ланкастером (1771—1838). Декабристы создали «Вольное общество учреждения училищ по методе взаимного обучения», добиваясь

...просвещения солдатской массы, «нижних классов народа». В ланкастерских школах декабристы вели агитационную работу.

Лавров Иван Саввич — директор исполнительного департамента в министерстве полиции.

С. 402. *Юрьев* Федор Филиппович (1796—1860) — офицер, член общества «Зеленая лампа».

Шишков Александр Ардалионович (1799—1832) — поэт.

С. 409. *Катенин* Павел Александрович (1792—1855) — поэт, драматург и критик; член «Союза спасения». В вопросах драматического искусства был единомышленником Шаховского, сторонником классического стиля актерской игры. Холодное искусство декламации школы Катенина (из среды его воспитанников вышли известные актеры В. А. Каратыгин, Е. И. Колосова) было прямой противоположностью взволнованной, страстной декламации Гнедича, воспитывавшего Е. С. Семенову.

С. 410. *А была в песне Шереметева Анютка...* — Графиня Прасковья Ивановна Шереметева (1768—1803) по происхождению была крепостной крестьянкой. В песне, сочиненной ею самой, и в ряде вариантов этой песни излагается история крепостной девушки, ставшей госпожой.

К вам Озерова дух взывает: други! месть... — из стихотворения Пушкина «К Жуковскому» (1816).

С. 413. «Дмитрий Донской» — патриотическая трагедия В. А. Озерова, впервые поставленная в Петербурге в январе 1807 г., в разгар войны с Францией. Пьеса имела громадный успех.

С. 414. *Началось неслыханное состязание между царицей русской сцены и королевой сцены французской.* — В 1808 г. в Петербурге дебютировала актриса Жорж. Екатерина Семенова, выступавшая в тех же ролях, что и Жорж, успешно соперничала с ней и, наконец, в 1809 г. с триумфом выступила в присутствии Жорж в роли Аменаиды в «Танкреде» — одной из главных ролей в репертуаре французской актрисы. С этой поры ее слава утвердилась. В соревновании двух актрис большую роль сыграл поэт Гнедич, считавшийся лучшим чтецом.

С. 416. *Лувель* Луи-Пьер (1783—1820) — французский ремесленник, совершивший из ненависти к династии Бурбонов убийство возможного наследника французского престола — герцога Беррийского. Был казнен.

Библейское общество, основанное в 1813 г. во главе с махровым реакционером А. Н. Голицыным, занималось распространением и изучением Библии и являлось центром мистицизма. Общество оказывало влияние на политику Александра I и пользовалось его покровительством. Было закрыто в 1826 г.

Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737—1814) — археограф, вице-президент московского отделения Библейского общества, воинствующий мистик.

Фон Фок Максим Яковлевич (1777—1831) — управляющий тайной политической полицией.

С. 417. *Дух был в Испании.* — В 1820 г. в Испании вспыхнула революция.

С. 418. *Бассомпьер* Франсуа (1579—1646) — французский маршал, автор записок «Дневник моей жизни».

С. 419. *Толстой* Федор Иванович (1782—1846) — отставной офицер, получивший в обществе прозвище Американец. В 1803—1805 гг., находясь в кругосветной экспедиции, из-за своего крайне неуживчивого характера был высажен на один из североамериканских островов и некоторое время жил среди алеутов. В 1805 г. вернулся через Камчатку в Петербург. Узнав в ссылке о клевете, распущенной о нем Толстым, Пушкин по возвращении вызвал его на дуэль, однако их примирили, и дуэль не состоялась. Позднее у Пушкина установились с Толстым приятельские отношения.

С. 421. *Инзов* Иван Никитич (1768—1845) — генерал, наместник Бессарабии.

С. 423. *Всеволожский* Никита Всеволодович (1799—1862) — богач, увлекался театром и музыкой, переводил пьесы; в его доме происходили заседания «Зеленой лампы».

С. 427. *...речь шла о царском счастье, о Софии Вельо...* — Александр I посещал дом придворного банкира Иосифа Вельо ради его дочери Софии. Здесь однажды Пушкин встретился с царем.

С. 429. *...химерический план Наполеона...*— В 1800 г. в связи с крахом русско-англо-австрийской коалиции, а также в связи с переворотом 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. началось сближение между Россией и Францией. Был задуман план совместного похода на Индию как удар по наиболее уязвимому месту английского могущества.

С. 430. *...самолюбивое имя Феодосии.*— Феодосия по-гречески означает «божий дар».

С. 432. *Но прежних сердца ран...*— из элегии Пушкина «Погасло дневное светило...» (1820).

И здесь он писал элегию о любви невозможной...— В статье Тынянова «Безыменная любовь» (1939) анализируется весь цикл произведений, связанных, по мнению исследователя, с «утаенной любовью» поэта к Е. А. Карамзиной. Это «Бахчисарайский фонтан», «Отрывки из путешествия Онегина», Посвящение «Полтавы», элегия «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». Тынянов выдвинул свое объяснение не только многих оставшихся загадочными намеков и обращений в поэзии Пушкина, но и некоторых засвидетельствованных современниками фактов в отношениях между Пушкиным и Карамзиными, в том числе последнего свидания Пушкина с Карамзиной, когда смертельно раненный поэт спрашивал: «Карамзина? Тут ли Карамзина?» Тынянов приходил в итоге к выводу, имевшему для него принципиальное значение: «Становится ясным, как ложно долго державшееся, одно время даже ставшее ходячим представление о Пушкине как о *ветреном, легкомысленном*, беспрестанно и беспечно меняющем свои привязанности человеке: мучительная и страстная любовь семнадцатилетнего «лицейского» заставила его в последний час прежде всего позвать Карамзину. Эта «утаенная», «безыменная» любовь прошла через всю его жизнь» (см.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1986, с. 209—232). Точка зрения Тынянова вызвала несогласие пушкиниста Н. В. Измайлова (см. его статью «Пушкин и семейство Карамзиных». В кн.: «Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов» М., Л., 1960) Вопрос об «утаенной» любви поэта продолжает обсуждаться в научной литературе (см.: Гроссман Л. П. У истоков «Бахчисарайского фонтана» В кн.. «Пушкин. Исследования и материалы», т. 3. М.; Л., 1960; Цявловская Т. Г Мария Волконская и Пушкин (новые материалы). «Прометей», т. I. М., 1966) Кинорежиссер С. М. Эйзенштейн под впечатлением статьи «Безыменная любовь», а затем и третьей части романа «Пушкин» задумал поставить фильм о поэте. «...Ваша точка зрения меня безумно увлекла», писал Эйзенштейн Тынянову в письме, не отправленном вследствие смерти писателя (см.: Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М., 1966, с. 180)

Б. КОСТЕЛЯНЕЦ

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Воспоминания, документы, научные и художественные исследования

Переписка А. С. Пушкина: В 2-х т. / Вступ. статья И. Б. Мушиной; Сост. и коммент. В. Э. Вацуро и др.— М.: Худож. лит., 1982.
Т. 1. Переписка русских писателей. 1982. 494 с., ил.
Т. 2. 1982. 560 с., ил.

Настоящее издание представляет собой избранную переписку Пушкина. Оно состоит из разделов, относящихся к определенному корреспонденту поэта. Каждый раздел начинается вступительной заметкой, в которой приводится краткая история отношений Пушкина с его адресатом, а также дается характеристика их переписки. За каждым письмом следует непосредственно комментарий, учитывающий появившиеся за последнее время научные материалы. Первый том содержит переписку Пушкина с членами литературного общества «Арзамас», среди которых учителя поэта Жуковский и Вяземский, с поэтами Дельвигом и Баратынским, с литераторами участниками общества «Зеленая лампа», с декабристами Рылее

ным. Бестужевым, Пущиным. Их переписка отражает литературно-общественные и эстетические аспекты становления Пушкина и поэтов пушкинского круга. Второй том содержит переписку поэта с Гоголем, Кюхельбекером, Чаадаевым и др. В книге дан большой иллюстративный материал, в том числе ранее неопубликованный.

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. / Вступ. статья В. Э. Вацуро; Подгот. текста, сост. и примеч. В. Э. Вацуро и др.— М.: Худож. лит., 1974.

Т. 1. Литературные мемуары. 1974. 544 с., ил.

Т. 2. 1974. 560 с., ил.

Книга воспоминаний и записок современников о Пушкине представляет читателю объемный образ поэта, передает живые его черты. Первый том сборника содержит материалы мемуарного характера, охватывающие период раннего детства поэта, лицейские годы, короткий петербургский период между лицеем и ссылкой, годы изгнания. Возвращением из михайловской ссылки завершаются мемуары первого тома. Во второй том вошли воспоминания современников о Пушкине, охватывающие 1826—1837 гг. Среди мемуаров сборника «Воспоминания о детстве А. С. Пушкина» его сестры, О. С. Павлищевой, «Биографическое известие об А. С. Пушкине до 1826 года» Л. С. Пушкина, записки о Пушкине И. И. Пущина и С. Д. Комовского и др. Оба тома содержат большой иллюстративный материал пушкинского времени.

Анненков П. В. А. С. Пушкин: Материалы для его биографии и оценки произведений.— Спб.: Изд-во Тов-ва «Общественная польза», 1873.— III, 475 с., 2 л. ил.

Первая научная биография Пушкина, основанная на воспоминаниях родных, друзей и знакомых поэта, впервые была опубликована в первом томе «анненковского» собрания сочинений Пушкина, вышедшем в 1855 г. В устных рассказах лиц, знавших поэта, прослеживается жизненный и творческий путь Пушкина изо дня в день с момента рождения поэта.

Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799—1826 гг.— Спб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874.— VIII, 334 с.

Очерки, входящие в эту книгу, дополняют «Материалы для биографии А. С. Пушкина» того же автора. Биографическая работа о детских, лицейских, южных, михайловских годах Пушкина, которую Анненков дополнил новыми текстами и неизвестными прежде воспоминаниями о поэте, раскрывает полно характер Пушкина и нравственные основы его жизни.

Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826).— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950,— 580 с.

Фундаментальный научный труд, посвященный изучению творчества поэта, построен на его биографии от детской поры до окончания михайловской ссылки. Особое внимание автор уделяет началу творческого пути Пушкина, то есть лицейскому периоду.

Вересаев В. Пушкин в жизни.— М.: Сов. писатель, 1936.

Т. 1. 1936. 448 с., ил.

Т. 2. 1936. 449 с., ил.

Эта книга представляет собой систематический свод свидетельств современников Пушкина, то есть своеобразный монтаж источников, содержащих сведения о личности и жизни поэта. В книгу помещены все дошедшие сообщения, степень достоверности которых различна. Часто не совпадающие одно с другим и даже противоречащие друг другу, они передают в сумме живой облик Пушкина.

Вересаев В. Спутники Пушкина.— М.: Сов. писатель, 1937.

Т. 1. 1937. 401 с., ил.

Т. 2. 1937. 480 с., ил.

Два тома очерков «Спутники Пушкина» служат как бы дополнением к книге В. В. Вересаева «Пушкин в жизни», но построение материала и задачи здесь иные: центр тяжести перенесен на пушкинское окружение. Представив около 400 портретов современников поэта, автор, таким образом, дал широкую картину истории, быта и нравов пушкинской эпохи. Не претендуя на энциклопедичность, это издание ценно большим собранием цитат и подлинных источников. И хотя портретные очерки научно документированы мемуарами, письмами современников, все же они не теряют своего беллетристического характера. Литературно-бытовые портреты лиц объединены в группы, например, «родственники и домочадцы», «Арзамас», «Зеленая лампа», «семья Раевских». Исключение составляют те лица, с которыми Пушкин общался на протяжении все своей жизни, например лицейские товарищи — их портреты вошли в ряд других разделов помимо лицейского периода. Оба тома иллюстрированы портретами современников Пушкина.

Гессен А. И. «Все волновало нежный ум...»: Пушкин среди книг и друзей.— М.: Наука, 1965.— 509 с., ил.

Автор книги еще в конце прошлого века познакомился со старшим сыном Пушкина Александром Александровичем и дочерью А. П. Керн Екатериной Ермолаевной. Эти встречи зародили в нем интерес к глубокому изучению жизни и творчества поэта. На страницах своей книги автор рассказывает о друзьях Пушкина в обычном смысле этого слова и о друзьях-книгах. Это своего рода жизнеописание поэта, небольшие биографические этюды, написанные живым языком, дающие представление о жизни и творчестве Пушкина. Читая этюды «Лицейская республика», «Сестра поэта», «Кюхля» и др., построенные на строгом документальном материале, мы переносимся в обстановку пушкинской поры.

Гроссман Л. П. Пушкин.— 3-е изд.— М.: Мол. гвардия, 1960,— 527 с., ил.— (Жизнь замечательных людей).

Большая биография Пушкина синтетического характера. Строя жизнеописание поэта в плане биографической хроники на основе политической летописи и литературной истории его времени, автор рассматривает и творческий путь Пушкина. Прекрасное знание эпохи позволило автору передать бытовой колорит пушкинского времени. В книге использованы редкие, малоизвестные исторические материалы, например о холерных волнениях 1831 г., о коронации Николая I и др. Книга Л. П. Гроссмана — биография в наиболее тесном и точном значении этого понятия.

Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина.— 2-е изд.— Спб.: Изд-во Акад. наук, 1910.— 557 с.

Впервые изданная в 1903 г. работа Н. О. Лернера была переработана и значительно дополнена в издании 1910 г. Эта книга представляет собой хронологическую канву, или летопись жизни и творчества Пушкина с включением данных о произведениях поэта, его переписки. «Летопись» систематизировала документальный материал и сгруппировала все известные архивные и печатные материалы о различных событиях жизни и творчества Пушкина, начиная с его родословной и кончая 1837 г.

Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. - Л.: Просвещение, 1982.— 251 с., ил.— (Биография писателя).

Написанная известным советским ученым биография Пушкина рассказывает о его жизни на основе богатого фактического материала. Обстоятельно характеризуется личность поэта, его душевный склад. Широко показана политическая, общественная, культурная жизнь пушкинской эпохи. Многие страницы посвящены окружению поэта — его родным, друзьям, однокашникам по лицею, соратникам по литературной борьбе. Особое внимание уделено вопросу о влиянии творчества Пушкина на историческое развитие России.

Мейлах Б. Жизнь Александра Пушкина.—Л.: Худож. лит., 1974.— 336 с., ил.

Эта книга — обобщение богатого фактического материала, накопленного советским пушкиноведением, а также разысканного самим исследователем в процессе многолетнего изучения биографии и творчества поэта. В свете этого материал в книге по-новому освещает ряд существенных эпизодов биографии Пушкина, в частности лицейского периода. В отличие от предыдущих биографий поэта книга Б. Мейлаха представляет собой сжатую биографию Пушкина: освещаются лишь основные вехи судьбы поэта - детство, лицейские годы, петербургский период до ссылки и др.

Томашевский Б. Пушкин: Кн. 1 (1813 1824). - М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1956.— 743 с.

Выход первой книги монографии Б. В. Томашевского явился большим событием в пушкиноведении и в советском литературоведении вообще. Автор поставил себе задачу дать всесторонний анализ развития мировоззрения и творчества Пушкина на фоне и в связи с общественно-политической и литературной жизнью его времени. Исследование этих вопросов делится на три главы — «Лицей», «Петербург», «Юг» — и доведено до середины 1824 г., т. е. до отъезда Пушкина из Одессы в Михайловское. Богатство предлагаемого автором материала и оригинальность исследования сочетаются в книге с глубиной анализа и с подлинно научной объективностью в изложении фактов. Книга Б. В. Томашевского вводит в научный оборот много нового фактического материала. Большое внимание уделяется анализу учебной программы лицея, дается необыкновенно полная характеристика общества «Зеленая лампа», как побочной управы Союза благоденствия. Не изданные части протоколов заседаний «Зеленой лампы» впервые публикуются и детально анализируются.

Большое место в монографии Томашевского уделено театральным интересам молодого Пушкина и в связи с этим петербургскому театру того времени. Лучшая частью книги является анализ романтического периода творчества Пушкина. Монография о Пушкине должна была стать итогом почти сорокалетних изучений Томашевского. Смерть исследователя оборвала этот труд - Томашевский успел написать лишь часть второй книги, вышедшей в виде материалов к монографии в 1961 г., в которой изложение доведено до творчества Пушкина середины 1825 г.

Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1. М.: Изд-во АН СССР. 1951,— XVI, 879 с., ил.

Настоящее издание явилось результатом труда всей жизни крупнейшего советского пушкиниста М. А. Цявловского. В «Летописи» приведены все документированные факты жизни поэта, основные политические события и исторические культурные явления того времени. Труд М. А. Цявловского раскрывая также такие темы, как «Пушкин в печати» и «Печать о Пушкине», дает [illegible] творчества поэта, появления его произведений в печати и критики.

В основу «Летописи» легли ряд архивов, в том числе А. М. Горчакова, переписка семьи Раевских, Остафьевский архив кн. Вяземских. Первый том «Летописи» описывает период от рождения Пушкина до окончания его ссылки в Михайловском 4 сентября 1826 г. Второй том «Летописи», над которым работала Т. Г. Цявловская до своей смерти в 1978 г., остается до сих пор [illegible].

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение.— Л.: Наука, 1975. 519 с.

Книга содержит документальные данные о 2500 современниках Пушкина. Это родственники, товарищи по лицею, московские и петербургские литераторы и артисты, чиновники, офицеры, иностранные дипломаты. Отличием данной работы от всех предшествовавших является ее широкий хронологический и географический диапазон: она стремится охватить всех известных нам знакомых Пушкина, не ограничиваясь определенным периодом его биографии. Настоящий словарь

дает, по существу, не столько подлинную картину окружения поэта, сколько картину источников об этом окружении. Он построен на статьях, расположенных в алфавитном порядке имен знакомых поэта и дающих сведения об истории, характере, хронологии взаимоотношений данного лица с Пушкиным.

Часть первая

Вегнер М. Предки Пушкина.— М.: Сов. писатель, 1937.— 316 с.

Вторая после изыскания Б. Л. Модзалевского «Род Пушкина» работа представляет собой очерки из истории предков поэта с подробным обзором источников и их характеристикой. В отличие от Модзалевского Вегнер дает сведения не только о родах Ганнибалов и Пушкиных, но и о ближайших женских линиях (Ржевских, Головиных и др.). Среди материалов биографические сведения о прадеде Пушкина Абраме Петровиче Ганнибале и бабушке Марии Алексеевне — спутнице детских лет поэта.

Ульянинский А. П. Няня Пушкина.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.— 123 с., ил.

Единственная монография о жизни Арины Родионовны. Исследователем введены новые биографические материалы, представлена родословная Арины Родионовны. Особенно подробно автор останавливается на детских годах жизни Пушкина и его взаимоотношениях с няней.

Волович Н. М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья.— М.: Моск. рабочий, 1979.— 231 с., ил.

Эта книга — своеобразный путеводитель по пушкинским местам содержит богатый фактический материал, накопленный в пушкиноведении за последние годы. Много разыскано и самим автором в московских архивах. В книге дана широкая картина пушкинской Москвы, представленной произведениями поэта и его современников, а также старыми путеводителями по Москве. На полях книги — фотографии тех мест, в которых бывал Пушкин, портреты москвичей, знакомых Пушкина. Завершает книгу указатель пушкинских мест Москвы и Подмосковья, состоящий из таблиц, содержащих перечень адресов, лиц, дат и других сведений.

Часть вторая

Гастфреинд Н. Товарищи Пушкина по императорскому царскосельскому лицею: Материалы для словаря лицеистов перв. курса 1811—1817 гг. В 3-х т.— Спб.: Тип. П. П. Сойкина, 1912—1913.

Т. I. 1912. X, 563, XII с., ил.
Т. II. 1912. VI, 434, VI с., ил.
Т. III. 1913. IX, 477, X с., ил.

В данном труде собраны все печатные материалы о каждом из воспитанников 1-го курса, а также рукописные материалы, в том числе переписка лицеистов пушкинского выпуска.

Грот К. Я. Пушкинский лицей (1811—1817): Бумаги 1-го курса, собранные Я. К. Гротом.— Спб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1911.— XXIV, 569 с.

Сын академика Я. К. Грота, лицеиста 6-го курса, опубликовал ранее не изданные материалы гротовского архива, снабдив их своими комментариями. Значительную часть их представляют литературные упражнения собратьев Пушкина по перу: Дельвига, Кюхельбекера, Илличевского, а также коллективные, а потому анонимные произведения юных лицеистов. Даны тексты «национальных» лицейских песен, опубликован дневник лицеиста Комовского, представлены автографы и лицейские стихотворения Пушкина из собрания Я. К. Грота.

В приложении помещен указатель имен лицеистов и их литературных произведений. В книге воспроизведены автографы Пушкина, Илличевского, Кюхельбекера, Матюшкина и др., а также рисунки и карикатуры из журнала «Лицейский мудрец».

Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники.— Спб.: Тип. Имп. Акад. наук. 1877.— IV, 315с.

Окончив лицей в 1832 г., Я. К. Грот десять лет возглавлял кафедру словесности в лицее с 1852 г. Его труд о лицее насыщен богатым фактическим материалом из жизни лицеистов пушкинского выпуска. Многие страницы этого исследования посвящены Пушкину и его лицейскому творчеству. Подробно даны характеристики лицейских учителей. Рассмотрено литературное общество в лицее при Энгельгардте. В приложении помещены заметки о Пушкине его лицейских товарищей и переписка лицеистов.

Кобеко Д. Императорский царскосельский лицей: Наставники и питомцы. 1811—1843.— Спб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1911.— X, 553 с.

Кроме печатного материала по истории лицея в данный труд включены письма, записки бывших лицеистов, хранившихся в Пушкинском лицейском музее, в том числе собрание писем директора лицея Е. А. Энгельгардта. Этот труд — один из самых подробных по истории лицея. В приложении помещены письма Кюхельбекера к Вальховскому, список романсов, положенных на музыку М. Л. Яковлевым, а также список воспитателей лицея.

«Прекрасен наш союз...» / Сост. и сопроводит. текст Н. Я. Эйдельмана.— М.: Мол. гвардия, 1979. 238 с., ил (Компас)

Художественно-документальное повествование, рассказывающее о жизни Пушкина и его соучеников в лицее, основано на письмах и воспоминаниях самих лицеистов. В книгу включены стихи юного Пушкина и его друзей. К текстам дан подробный комментарий Автор прослеживает дальнейшие судьбы лицеистов

Руденская М., Руденская С. Они учились с Пушкиным. Л.: Лен издат, 1976. 295 с., ил

В книгу вошли биографические очерки о 28 соучениках Пушкина по лицею. Авторы не ставили своей задачей дать развернутую характеристику Царскосельского лицея и раскрыть значение лицея в истории русской культуры. Основной целью было раскрыть характеры лицеистов пушкинского выпуска и их жизненные пути по выходе из лицея.

Дельвиг А. А. Стихотворения.—М., Л.: Сов. писатель, 1963. 387 с., портр. (Б-ка поэта)

В сборник включены стихотворения, в том числе лицейского периода, а также послания к Пушкину

Кюхельбекер В. К. Стихотворения.— Л.: Сов. писатель, 1952.—427 с., портр. (Б-ка поэта)

Среди стихотворений Кюхельбекера помещены стихи, адресованные Пушкину, а также произведения, созданные им в лицее.

Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневники. Статьи.— Л.: Наука, 1979.—789 с., портр.— (Лит. памятники).

В дневнике Кюхельбекера 1831 1845 гг. многие страницы посвящены Пушкину и другим лицейским товарищам.

Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма / Ред., вступ. статья и примеч. С. Я. Штрайха. М.. Госиздат, 1956.— 495 с., ил.

Свои воспоминания о Пушкине Пущин записал в последний год жизни по настоятельным просьбам Е. И. Якушкина. Записки Пущина драгоценный

источник для истории лицейских лет Пушкина. Здесь подробно описывается весь распорядок дня лицеистов, рассказывается о встречах с Пушкиным в Петербурге и в Михайловском. В настоящее издание помещено также 256 писем Пущина, большая половина которых публикуется впервые; среди них письма к Пушкину.

Тынянов Ю. Кюхля. Пушкин и Кюхельбекер. Французские отношения Кюхельбекера.— М.: Сов. Россия, 1975.— 639 с., ил.

Роман о Кюхельбекере был создан Юрием Тыняновым в 1925 г. и неоднократно переиздавался. Труд Тынянова восстановил подлинный образ поэта-декабриста. Биография, созданная оригинальным мастером этого жанра, воссоздает живую картину эпохи Пушкина — Кюхельбекера. Статья «Пушкин и Кюхельбекер» написана Тыняновым в 1934 г. и рассматривает литературные отношения двух поэтов, в том числе их лицейское творчество.

Штрайх С. Я. Первый друг Пушкина.— М.: Федерация, 1930.— 222 с., ил.

В книге одного из первых биографов И. И. Пущина рассказывается о судьбе лицеиста и декабриста. Автор прослеживает дружеские, общественно-политические и литературные отношения Пушкина и Пущина.

Эйдельман Н. Вьеварум.— М.: Дет. лит., 1975.— 191 с., ил.

Первая часть книги, написанной в беллетристическом плане известным пушкинистом и историком, посвящена судьбам трех лицеистов — Пушкина, Пущина и Горчакова.

Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха.— М.: Худож. лит., 1958.— 698 с.

Первая глава этого исследования называется «Легенда о лицее и действительность», в которой рассматриваются легенды прошлого, фальсифицирующие биографию Пушкина лицейского периода. Рассмотрено также значение Отечественной войны 1812 г. в идейно-творческой эволюции Пушкина.

Эфрос А. Лицейская графика.— В кн.: Эфрос А. Рисунки поэта. М., 1933, с. 97—174.

Известный исследователь рисунков Пушкина в одной из глав анализирует графику лицеистов пушкинского выпуска, преподавание предмета рисования С. Г. Чириковым, карикатуры на страницах журнала «Лицейский мудрец». Автор работы разбирает рисунки Пушкина, Пущина, Корсакова, Данзаса, а также творчество Илличевского-карикатуриста. Воспроизводится графика Пушкина и лицеистов.

Часть третья

Басина М. На берегах Невы.— Л.: Дет. лит., 1966.— 255 с., ил.

Документальная повесть о жизни Пушкина после лицея представляет нам Петербург десятых годов XIX в., театральные и общественные связи Пушкина. В книге дан многочисленный изобразительный материал пушкинского времени.

Арзамас и арзамасские протоколы.— Л.: Изд. писателей, (1933).— 304 с., портр.

Публикация арзамасских протоколов впервые вводит в научно-исследовательский оборот основной документальный материал по истории одной из интереснейших общественно-литературных организаций начала XIX в., членом которой состоял и Пушкин. В книге напечатаны 34 речи, произнесенные 12 членами «Арзамаса». Кроме речей и протоколов помещены письма, стихи и другие материалы, связанные с деятельностью кружка с 1815 по 1817 г., в том числе послание Пушкина — Сверчка — арзамасцам.

Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство.— Л.: Наука, 1974.— 226 с.

Автор научного исследования, посвященного «Арзамасу», дает ряд литературных портретов Пушкина, В. Л. Пушкина, Батюшкова, Вяземского и других членов этого общества, публикуя новые архивные материалы.

Емелин С. Зеленая лампа.— Л.: Худож. лит., 1939.— 237 с.

Художественное повествование, основанное на документах и мемуарах Пушкина и его современников, а также их переписки, раскрывает период жизни поэта в Петербурге после лицея. Автор дает живые портреты Д. Улыбышева, Я. Толстого, Ф. Глинки, Н. Всеволожского и других участников кружка.

Гроссман Л. П. Пушкин в театральных креслах: Картины русской сцены 1817—1820 годов.— Л.: Брокгауз — Ефрон, 1926.— 182 с., ил.

В своей полубеллетристической работе автор поставил задачу реконструкции быта и эстетических ощущений зрителя пушкинской поры, знакомя читателя со всеми сценическими явлениями, свидетелем которых мог быть Пушкин. По мемуарам С. Н. Жихарева, А. М. и П. А. Каратыгиных и др. воссоздан облик театрального Петербурга пушкинского времени. В приложении помещен список балетов Дидло на петербургской сцене (1802—1831 гг.).

Литвиненко Н. Г. Пушкин и театр.— М.: Искусство, 1974.— 288 с., ил.

В книге монографического характера рассматривается система театральных взглядов Пушкина на фоне широкой картины литературной и театральной жизни пушкинской поры. Перед читателем проходят деятели русского театра тех лет, писатели, критики. Особенно подробно автор останавливается на репертуаре и актерском искусстве Петербурга 1817—1820 гг., свидетелем которого был поэт.

Гиллельсон М. И., П. А. Вяземский: Жизнь и творчество.— Л.: Наука, 1974.— 391 с.

В настоящей монографии уделено наибольшее внимание литературно-общественной деятельности одного из близких друзей Пушкина. Автор рассматривает их взаимоотношения в приезды Вяземского в Царское Село и в Петербург, на заседаниях арзамасского братства.

Лебедев А. А. Чаадаев.— М.: Мол. гвардия, 1965.— 270 с., ил. (Жизнь замечат. людей).

Автор биографии о Чаадаеве уделяет внимание и отношениям его с Пушкиным, с которым будущий автор «философических писем» знакомится в 1818 г. в Царском Селе у Карамзиных, рассказывает о встречах Чаадаева и Пушкина в Петербурге до ссылки поэта, об отзывах Пушкина о чаадаевских «письмах».

Тынянов Ю. Безыменная любовь. В кн.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М, 1968, с. 209—232.

«Утаенная», северная любовь Пушкина занимала исследователей задолго до Ю. Тынянова. Так, М. О. Гершензон предположил, что ею была М. А. Голицына, П. Е. Щеголев — М. Н. Раевская. Тынянов выдвинул интересную и смелую мысль о том, что этой любовью была Екатерина Андреевна Карамзина, жена историографа. Эта догадка получила отражение в создавшейся одновременно со статьей третьей части романа Тынянова «Пушкин». Хотя эта гипотеза считается недоказанной, в статье дан мастерский анализ взаимоотношений Пушкина и Карамзиных, и видно глубочайшее знание материала.

Бартенев П. И. Пушкин в южной России.— М.: изд. «Русского архива», 1914.— VIII, 172 с.

Эта работа одного из первых биографов Пушкина значительно дополняет «Материалы к биографии Пушкина» Анненкова, впервые давая обстоятельное изложение истории ссылки Пушкина. Многие материалы, собранные Бартеневым, раскрывают читателю пребывание поэта в Екатеринославе, путешествие с Раевским по Кавказу и Крыму.

Впервые — «Литературный современник», 1933, № 7.

Стр. 432. *Нелидова* Варвара Аркадьевна (ум. 1897) — любовница Николая I, постоянно жившая в царском дворце в качестве фрейлины. Возникновению этой связи способствовал Клейнмихель (см. ниже).

Стр. 432. *Орлов* Алексей Федорович (1786—1861), «отличившийся» при подавлении восстания декабристов, пользовался исключительной благосклонностью Николая I, который даже называл его «братом Алексеем». С 1844 по 1856 г. был шефом жандармов и начальником III отделения.

Стр. 433. *Клейнмихель* Петр Андреевич (1793—1869) — выученик Аракчеева, был начальником штаба военных поселений. По воцарении Николая I, будучи дежурным генералом Главного штаба, беспрекословно выполнял все поручения царя, чем приобрел его исключительное доверие. Руководил восстановлением сгоревшего 17 декабря 1837 года Зимнего дворца, за что в 1839 г. получил несколько наград, в том числе графский титул с девизом в гербе: «Усердие все превозмогает». Затем, несмотря на то, что никогда не видал ни паровоза, ни железнодорожного вагона, был назначен руководителем строительства железной дороги между Петербургом и Москвой. Произволу, жестокости и цинизму Клейнмихеля не было предела.

Стр. 435. *Швальня* — портняжная мастерская.

Стр. 436. *Вронченко* Федор Павлович (1780—1852) — министр финансов (с 1844 г.), следовавший в финансовой политике по пути своего предшественника Канкрина (см. о нем ниже).

Стр. 438. *Дестрем* Морис Гугович (1788—1855) — инженер-генерал и председатель совета путей сообщения.

...не любил Гороховой улицы, не ездил по Екатерингофскому проспекту... — Названы улицы, по которым 14 декабря 1825 г. проходили восставшие полки.

Стр. 439. *...водевиль... Каратыгина...* — Имеется в виду Каратыгин Петр Андреевич (1805—1879) — актер-комик и автор множества водевилей, популярных в 30—40-х гг.

...два офицера женируются — то есть смущаются, стесняются.

Фридрих — решительный дурак... — Речь идет о Фридрихе-Вильгельме IV (1795—1861), с 1840 г. занимавшего прусский престол. Революция 1848 г. вынудила его на некоторые уступки конституционного характера, что крайне не одобрялось Николаем I. Фридриху IV он противопоставлял его отца, «бессмертного короля», и требовал от него «мгновенного военного действия», дабы отменить сделанные им уступки.

Соллогуб Владимир Александрович (1813—1882) — литератор; служил в министерстве иностранных, а затем внутренних дел.

Канкрин Егор Францевич (1774—1845) — с 1823 по 1844 г.— министр финансов; довел до крайних пределов все виды налогового обложения.

Стр. 442. *Брюллов* Карл Павлович (1799—1852) — русский живописец.

Бруни Федор Антонович (1799—1875) — русский живописец.

...при Енибазаре... — В 1828 г., во время русско-турецкой войны Николай I находился при войсках, причем его решения ставили русскую армию в крайне трудное положение. Николай демонстрировал свою храбрость, а армия несла бесцельные потери. Участники состоявшегося в Енибазаре военного совета были вынуждены предупредить царя об угрозе окружения превосходящими силами противника. Наконец он под благовидным предлогом оставил этот участок фронта.

Стр. 449. *Муравьев* Михаил Николаевич (1796—1866) — генерал, вошедший в историю под кличкой «Муравьева-вешателя». В прошлом декабрист, он затем оказался ренегатом; участвовал в подавлении польского восстания 1830 г., с крайней жестокостью подавил польское восстание 1863 г., за что получил графский титул.

Стр. 450. *Бенедиктов* Владимир Григорьевич (1807—1873) — поэт, пользовавшийся популярностью в начале 40-х гг.; служил в министерстве финансов. У него есть строки:

Взгляни, как высится прекрасно

Младой прельстительницы грудь.

Изображение цыганского табора — в его стихотворении «Московские цыганы».

Стр. 451. *Асенкова* Варвара Николаевна (1817—1841) — русская актриса.

Стр. 452. *Тальони* Мария (1804—1884) — французская балерина, в 1837—1842 гг. выступала в России.

Тон Константин Андреевич (1794—1881) — архитектор.

Стр. 455. *Панин* Виктор Никитич (1801—1874) — министр юстиции с 1841 по 1862 г.

Стр. 456. *Левашов* Василий Васильевич (1783—1848) — генерал-адъютант, председатель Государственного совета и комитета министров.

Стр. 458. *Поэнь* — в карточной игре «очко».

Стр. 460. *На волю птицу отпускаю* — неточная цитата из стихотворения Пушкина «Птичка».

Стр. 462. *Роде* Пьер (1774—1830) — французский композитор и знаменитый скрипач; в 1803—1808 гг. жил в России и был первым придворным скрипачом.

Греческий посол... был немец... на лучшем счету у короля Отто... — В 1832 г. на греческий престол был возведен Оттон I (1815—1867), сын баварского короля Людовика I.

Манна — папка для бумаг (от нем. Марре).

...услышали старинную фразу... — Намек на события 14 декабря 1825 г.

Стр. 465. *Железнодорожный тендер* - вагон с запасом воды и угля, прицепляемый позади паровоза.

Лютер Мартин (1483—1546) — глава церковно-реформационного движения в Германии, основатель протестантской церкви.

Стр. 466. *Помпеи* — город в Италии, погибший от извержения Везувия в 79 г.

Радклиф Анна (1764—1823) — английская писательница, автор «исторических» романов «тайн и ужасов» о средневековье.

Перекусихина Мария Саввишна (1739—1824) — любимая камер-юнгфера Екатерины II, от которой находились в зависимости даже фавориты императрицы.

Стр. 467. *Нарышкина* Мария Антоновна (1779—1854) — жена обер-егермейстера Нарышкина, фаворитка Александра I.

Стр. 470. *Мейербер* Джакомо (1791—1864) — французский композитор, пианист и дирижер.

Медий — медиум, человек, наделенный способностью общаться с «духами».

Веллингтон Артур Уосли (1769—1852) — английский полководец и государственный деятель.

Фультон (Фултон) Роберт (1765—1815) — американский изобретатель, создатель парохода.

Б. О. КОСТЕЛЯНЕЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Пушкин. Роман

Часть первая. ДЕТСТВО 3

Часть вторая. ЛИЦЕЙ 130

Часть третья. ЮНОСТЬ 343

Малолетный Витушишников. Рассказ 432

Примечания 471

Литературно-художественное издание

Юрий Тынянов

ПУШКИН

Редакторы *В. Ю. Потапов, И. В. Чепик*
Младший редактор *Г. С. Ялунина*
Художник *В. К. Бутенко*
Художественный редактор *В. К. Иванов*
Технические редакторы *Л. В. Андронова, Л. А. Долгова*
Корректоры *И. А. Соколова, Е. В. Феклистова*

ИБ № 1475

Сдано в набор 25.08.87. Подписано в печать 25.05.88. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 31. Усл. кр.-отт. 31,37 Уч.-изд. л. 35,34. Тираж 250 000 экз. Цена 2 р. 90 к. Заказ 3064.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59

СОДЕРЖАНИЕ

НУМА РУМЕСТАН. *Перевод П. Рыковой* 3
ЕВАНГЕЛИСТКА. *Перевод М. Вахтеровой* 201
ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ. *Перевод О. Моисеенко* 355
Примечания 361

Над сколькими частными библиотеками можно было бы прикрепить ярлык, как на аптечных скляпках: «Для наружного употребления!»

О писателе, который работает регулярно изо дня в день, как ремесленник, — «бесшумная шведская машина».

Нашел у Сенеки прекрасную мысль:

«Честолюбцы подобны собакам, которым кидают куски мяса: они хватают их на лету и, разинув пасть, вытянув шею, вечно ждут следующего куска, а получив, проглатывают, не смакуя и даже не ощутив вкуса, — ненасытные».

Другая мысль Сенеки: «Слава всегда шагает с талантом *(virtus)* — она его тень».

Но, как и наша тень, она зависит от положения солнца: иногда она шагает впереди нас, а иногда идет позади.

Когда хотят, чтобы соловей хорошо пел, ему выкалывают глаза. Когда бог хочет создать великих поэтов, он выбирает двух или трех и посылает им великие страдания.

Человек выходит из драки с подбитыми глазами. Целятся всегда в глаза. Они наиболее живое, выразительное, дерзкое в человеческом лице. Глаз живет собственной жизнью, привлекает всех, вплоть до малышей, которым всегда хочется запустить в него пальцы.

Если ты любим, то других забот тебе не надо.

Видел летним днем трогательную картину — бабочку, заблудившуюся в лучах солнца на площади Согласия. Жара, размягченный асфальт, и среди этой Сахары у самой мостовой порхала бабочка, ища прохладу в каплях воды, упавших из бочки при поливке улицы.

В своих описаниях природы Тургенев создает впечатление жаркой, пышущей зноем России, полнящейся жужжанием тяжелых, сытых пчел. Мне кажется, на протяжении всего его творчества снег выпадает только однажды.

Полдень — критический час дня. Тридцать лет — критический возраст женщины. До полудня нельзя сказать, будет ли день ясным, до тридцати лет нельзя сказать, будет ли женщина честной.

Он говорил: замыслы рождаются у меня легко, быстро, план книги требует больше времени, пишу же я так медленно, что сам прихожу в отчаяние. У меня слишком много мыслей в голове: огромный, вечно переполненный резервуар, а для стока имеется лишь тонкий, как волос, кран. Замыслы мои велики, творю я вдохновенно. Орел парит в моем мозгу, затем — шфф... и вылетают три колибри.

Самые сухие сердца легче всего воспламеняются.

Бывают дни, когда все, что со мной случается, как будто уже случалось раньше, а все, что я делаю, кажется повторением сделанного когда-то давно, во сне или в другой жизни, при стечении тех же обстоятельств. Некоторые интонации наводят меня на мысль о чем-то уже слышанном, цвета или сочетания цветов — о чем-то уже виденном. Как трудно выразить это так, как я чувствую!

У нас не больше двух-трех первоначальных, основных впечатлений. Все остальное только воспоминания о них — повторные оттиски. Так, первая сосна, которую я увидел, то есть увидел осмысленно, — это сосна в Фонт-вьейле, и теперь все сосны напоминают мне фонтвьейльскую сосну. Все осенние туманы напоминают мне Бюр и шеврезскую долину. (Развить.)

Для произведений искусства следовало бы иметь «усыпальницы», как в Германии. В них выставляли бы на время произведения, которые считаются мертвыми... и таким образом не хоронили бы живых произведений.

Утешать — это значит претендовать на оплату тем же.

Нет ничего скучнее дорожных знакомств, нет ничего прелестнее дорожных впечатлений. Определенное и неуловимое.

Ох уж эти люди, все высказывающие до конца!.. Жалкие писатели!

После моря самое сильное впечатление произвел на меня лес Фонтенебло. Ощущение величия почти одинаковое.

Я видел однажды этот лес осенью. Ба-Брео был весь в золоте под небом черным и таким низким, что, кажется, рукой до него достанешь. Зато лес светился, аллеи вдали пламенели.

Я знаю теперь, что такое северное освещение: предметы как бы сами излучают свет, излучают интенсивно, солнце почти в этом не участвует, цвета отчетливо разграничены — совсем не то, что на Юге, где все распылено, где все находится в состоянии брожения. Эти мысли еще не очень ясны, но я чувствую, что начинаю понимать, на Юге свет — на поверхности предметов, на Севере — внутри них.

Мое внимание обратили как-то на провинциализм Бальзака, открывшего высший парижский свет: он описывает светское общество, которого никогда не видел, как восхищенный провинциал. В наши дни это общество, быть может, и существует, но лишь потому, что жизнь скопировала роман; это случается не так редко, как принято думать.

По всей вероятности, вот как все произошло: Россия, где Бальзак имел наибольший успех, стала подражать парижским нравам по его книгам; потом эти нравы привились там и вернулись во Францию (подобно комедиям Мюссе), мы же их признали и переняли; теперь установился живой обмен.

Сюжет забавной комедии, заглавие которой я упомянул в другом месте: «Соседний дом». Люди все время порицают то, что делается в соседнем доме, а сами поступают так же.

Пусть произведение будет художественным, и пусть не чувствуется рука автора!

Стоя, лежа — два разных взгляда на сражение, прекрасно подмеченных Толстым. Но мне хотелось бы применить этот взгляд к жизни: на нее ведь тоже можно смотреть по-разному, в зависимости от того, смел человек или труслив.

Как все переплетено в жизни! Какая таинственная нить связывает наши души с предметами! Прочтешь в лесу книгу — и воспоминание остается на всю жизнь. Стоит подумать о лесе — и вновь видишь книгу; стоит перечитать книгу — и вновь видишь лес. Я много провожу времени за городом, и для меня заглавия произведений, имена писателей овеяны запахами, звуками, тишиной и прохладой аллей. Так, один из рассказов Тургенева вызывает у меня в памяти вересковую пустошь, тронутую осенью.

В общем, лучшие часы нашей жизни — это те скоротечные мгновения, когда думаешь со слезами на глазах: «Как мне хорошо!» Они так глубоко запечатлеваются в нас, что все окружающее — пейзаж, время — примешивается к воспоминанию о нашем счастье, наподобие водорослей и сломанных кувшинок, которые рыбак вытаскивает в сетях вместе с трепещущей среди них золотой рыбкой.

Продолжаю наблюдения, сделанные над светом моей жепой, и мои собственные наблюдения в лесу Фонтенебло.

Интересно видеть, как изменяются цветы моего садика: лица роз бледнеют или вспыхивают в зависимости от состояния неба. На закате, с приближением сумерек дрок загорается и озаряет весь сад: можно читать при его свете. Клумбы с белыми левкоями искрятся, и весь сад сияет, переливается всеми красками, живет за счет собственного света.

Честолюбие любит узкое пространство: высокопоставленного человека, всемогущего выскочку не так порадует грандиозный триумф, как мелкое удовлетворение тщеславия в определенном месте, на углу деревенской улицы, на которой он родился.

Остерегайтесь излишнего артистизма — можете потерять оригинальность.

Бывают невеселые хохотушки.

Провести параллель: звезды, которые, быть может, угасли миллионы лет тому назад и все-таки продолжают светиться и будут еще светиться в течение веков, — и умерший гений и бессмертие его труда. Кажется, что Гомер поет до сих пор.

Какая странная штука — дух толпы! Он захватывает вас, увлекает, воодушевляет, приводит в восторг. Невозможно оставаться холодным, невозможно сопротивляться, не делая над собой огромных усилий.

Удачно высмеиваешь лишь те недостатки, которые есть у тебя самого.

Те, кого он жалеет, страдают меньше, чем он: ведь его губит несчастья других.

Известность мешает, оскорбляет, но иные, лишаясь ее, умирают.

Гнев. Он вспыхивает и разъединяет людей, связанных привычкой, кровными, сердечными узами, — отца и сына, двух братьев: ненависть во взгляде, в усмешке. «Я знать тебя не хочу, я убью тебя!» А после сколько слез, сколько объятий, старание все загладить! Это случается, когда обе стороны одинаково вспыльчивы, но если необуздан только один, другой в конце концов утомляется.

Ах, опыт чувства, как он мешает чувствовать!

Он ни весел, ни печален — он впечатлителен; отражение времени и жизни.

И смел и труслив в продолжение одного дня, в зависимости от состояния своих нервов.

Один литератор сказал мне в минуту откровенности: «Здравый смысл, проницательность, жизненная мудрость — все, что во мне есть хорошего, вложено в мои книги, отдано всем добрым людям, у меня же самого ничего не осталось». Воистину так.

Равнодушные люди? Их нет.

Когда избираешь жизненный путь, очень важно правильно перевести стрелку. В искусстве полно сбившихся с толку, обезумевших, заблудившихся людей. Сколько апломба вон у того человека, который идет твердым шагом, гордо подняв голову, уверенный в правильности своего пути, и как удивился бы он, узнав, что ошибся в выборе призвания! Музыканты, занимающиеся живописью, литераторы, которые, в сущности, прирожденные живописцы!..

Мужчина и женщина — единоборство. Любовь продолжается до тех пор, пока нет побежденного, пока один из них полностью себя не высказал, пока в книге есть еще интересная страница, пока женщина или мужчина что-то утаивает, физически или духовно.

Есть ли на свете человек, голос и походка которого не менялись бы, как только он остается наедине с собой? О, это хвастовство на бумаге!.. Неужели среди мне подобных я один люблю правду и согласую каждое слово с биением своего сердца?

Я говорил на днях о том, как мало храбрых людей. Надо было сказать: не храбрых. Достоевский подсказывает мне нужное слово — решительных!

Всякая правда, стоит ее высказать, теряет свою несомненность, приближается ко лжи.

Светские преувеличения: все больные должны умереть, все незнакомые люди — злодеи.

Любимые существа — оружия пытки.

На острове Св. Елены Наполеон прекрасно описал, объяснил все свои деяния. Он гений стихийности, человек сильный, умный, своевольный. Нет и четверти правды во всех его словах.

Сколько людей, пустых внутри! Кажется, будто видишь дым над крышей, освещенное окно, приближаешься — никого, пусто.

ПРИМЕЧАНИЯ

НУМА РУМЕСТАН

Летом 1880 года Доде отправился на Юг, поближе к Арлю, к Фонвьею. «Для работы над большой книгой, которую я пишу сейчас, мне необходимо поколесить немного по Провансу»,— писал он Тимолеону Амбруа. Упомянутая книга поспла предварительное заглавие «Север и Юг»; впоследствии она стала называться по имени главного героя «Нума Руместан». В ней Доде прежде всего хотел изобразить Юг, «Юг помпезный, классический, театральный, обожающий зрелища, костюмы, подмостки, пышные султаны, фанфары и знамена, плещущиеся на ветру... Юг вкрадчивый и льстивый с его красноречием, самозабвенным и ослепляющим, но бесцветным, потому что цвет, краски — удел Севера,— с его короткими и страшными вспышками гнева, которые сопровождаются топаньем ног и всегда неестественными ужимками... А главное, с его воображением — оно является самой характерной чертой тамошней породы людей...» («Историа моих книг»). Доде хотел противопоставить свой родной Юг Северу с его уравновешенностью, здравомыслием и хладнокровием, воплощение которых представляют собой в книге отец и дочь Ле Кенуа, тогда как душевные свойства южанина воплощены в Руместане и Бомпаре.

Когда роман вышел в свет, многие попытались подобрать к нему «ключ» и разгадать, кто же скрывается под маской Руместана. Одни, основываясь на общности имен, увидели в нем карикатуру на сенатора Нуму Барапьена, депутата от Нима, другие стали распространять слухи, что прототипом героя послужил Гамбетта. Однако Доде категорически отверг обе эти версии. Наконец, оба сына Доде в своих книгах об отце указывают еще одного прототипа Нумы — самого писателя. В этом образе, по их словам, Доде воплотил те отрицательные черты южанина, которые потом сумел изжить в себе под благотворным влиянием жены. И оба добавляют, что некоторые психологические ситуации в отношениях Нумы и Розали напоминают ситуации, возникавшие порой между супругами Доде.

Однако образ Руместана не только своеобразный «отрицательный автопортрет» Доде и даже не только типический характер южанина,— по сути своей он гораздо шире и значительней, в нем заключена огромная сатирическая сила. Разлад между словом и делом, между провозглашаемыми высокими принципами и практической беспринципностью не объяснить южным происхождением героя. Нума Руместан — портрет типичного политического деятеля «республики без республиканцев» 1873—1879 годов и Третьей республики, занятнавшей себя Панамской аферой, делом Дрейфуса и грязными парламентскими махинациями. Эту важнейшую черту Руместана выделяет Люсьен Доде: «Альфонс Доде предвидит, что станет с Францией, отданной во власть такого рода политиканов, перерожденных государственными мужами, он показывает истинное их обличье, их расщепленность и пустоту, их пустословие и звериный эгоизм» («Жизнеописание Альфонса Доде»).

Что касается других персонажей, то только у двух есть реальные прототипы. Во-первых, это Вальмажур. Его судьба, его повадки, даже его любимый рассказ о птичке — все заимствовано у присланного Мистралем в

Париж тамбуринщика Бюиссона, которому Доде посвятил очерк «Тамбуринщик». Во-вторых, Бомпар: этот, по словам Доде, «самый необычный, самый неправдоподобный из всех персонажей» был «взят живьем, списан с натуры». Бомпар — «молчаливый южанин, вечно распираемый внутренним давлением, как паровой котел, время от времени взрывается; его выдумки превосходят всякую меру, потому что галлюцинации этого визионера не получают выхода в многословных речах или писаниях, которые служат нам предохранительным клапаном. Люди этого типа часто встречаются у нас на Юге, но я изучил только Бомпара, моего любезного и кроткого приятеля, которого я вижу иногда на бульваре и которого публикация «Нумы» ничуть не задела, ибо в мозгу у него столько собственных романов, что ему некогда читать чужие» («История моих книг»). Настоящее имя этого Бомпара — Гонзаг Прива, ему посвящена первая книга «Тартарена».

Все остальные персонажи, как говорит Доде, «составлены из кусочков». «Точно так же и Апс-ан-Прованс, родной город Нумы, я построил из обломков Арля, Нима, Сен-Ремп, Кавальона: в одном я взял арену, в другом — старые итальянские улочки, узкие, усыпанные галькой, точно высохшие русла ручьев, и базары по понедельникам, шумящие под толстыми платанами на Городском кругу... Дом, в котором я заставил родиться Нуму,— это тот дом, где я провел первые восемь лет моей жизни,— на улице Сегье, против Нимской академии — знаменитой монастырской школы... с ее розгами, вымоченными в уксусе,— школы моего детства».

И наконец, обстановка лечебного курорта тоже была списана Доде с натуры; ведь ему ежегодно приходилось теперь ездить на воды, лечить ноги. Уже начав работать над романом, он прожил некоторое время в Альваре, где посещал ингаляционный зал и «видел молодые лица, осунувшиеся, со впалыми щеками, слышал утратившие звонкость, тусклые голоса несчастных, их надсадный кашель, наблюдал, как все они одним и тем же движением подносят к губам носовой платок или перчатку и глядит, не появилось ли на них розовое пятнышко, стертое с уголка рта. Одно из этих бледных, безликих видений воплотилось в моей книге как бы помимо моей воли; так вошел в роман и остался в нем и курортный городок с его унылой жизнью и окружающим его чудесным буколическим пейзажем».

Роман начат был в 1880 году. Летом 1881 года «Нума» уже печатался фельетонами в газете «Иллюстрасьон», а осенью вышел отдельной книгой в издательстве Шарпантье, с посвящением жене. Доде считал «Нуму» лучшим своим произведением. Читатель принял ее хорошо, но южане обиделись. Прежние друзья Доде — Фелибры — метали в него молнии своих эпиграмм и сонетов на провансальском языке, почта приносила ругательные анонимные письма, почти все — с почтовым штемпелем «теплых краев», а однажды какой-то марселец подошел к Доде на улице и сказал ему: «С тех пор как вы написали «Нуму», мы следим за вами!»

Критика одобрила новый роман. Сочувственную статью написал о нем Золя. Правда, он резко критиковал мотив любви Ортанс к Вальмажуру: «Меня коробит эта фальшивая нота, без всякой логической надобности попавшая в гармоническую пьесу». Но зато он же отметил типичность Руместана-политика, «...последние десять лет дали романисту превосходный материал»,— иронически заметил он и выразил сожаление, что Доде уделил мало внимания «государственной деятельности» своего героя. Оценивая книгу в целом, Золя писал о самом авторе: «По-моему, он никогда еще не достигал такой силы прозрения и такого очарования... Счастливы книги, которые появляются в момент совершенной зрелости таланта»[1].

С. 4. ...*как в блаженные времена Антонинов*...— Антонины — династия римских императоров, правивших с конца I до начала III века н. э.

[1] Золя. Кампания 1880—1881 г. Альфонс Доде. Пер. А. и Е. Лазаревских (Э. Золя. Полное собрание сочинений, т. 48. Киев, 1904).

Этот период ознаменовался хозяйственным расцветом римских провинций и военными победами на границах.

С. 9. *Спартри* — изделия из плетеной ткани: ковры, покрывала, попоны и т. п. Их производством славились Марсель и Лион.

С. 12. *...ноэлей Саболи...* — Ноэль — народная песня, связанная с праздником Рождества; с XVI века ноэли писали и поэты. Саболи, Никола (1614—1675) — провансальский поэт и композитор. Пытался воскресить поэзию на провансальском языке. О его музыке Доде писал: «Саболи... создал французскую оперу... Сочетая ученость и вдохновение, он разгадал такие глубокие тайны музыкальной гармонии, что спустя примерно девяносто лет после его смерти его мелодии, к которым приспособили латинские слова, пелись во всех парижских церквах; всего лет тридцать назад... вся публика в Итальянской опере приветствовала аплодисментами марш, вдохновленный «Королевским ноэлем» Саболи». Всего Саболи создал 81 ноэль, написав и слова и музыку.

«Королевский марш».— Мелодия этого марша приобрела известность во всем мире после того, как вошла в музыку Бизе к «Арлезианке» Доде.

С. 21.— *но ведь это же* Horace Vernet...— Орас Верне...— Инициалы знаменитого французского художника-баталиста Ораса Верне (1789—1863) совпадают по начертанию с вензелем

— Генрих V, граф Шамборский.

С. 25. *Канефоры* — в Древней Греции девушки, несшие во время празднеств в честь богини земледелия Деметры корзины с дарами.

С. 28. *...От Лагуата до Гадамеса...*— Лагуат — город и оазис в Алжире, в северной части Сахары. Гадамес — город и оазис на юго-востоке Сахары.

С. 36. *«Шаривари»* — сатирический иллюстрированный журнал; выходил в Париже с 1832 по 1893 год.

С. 42. *Трестальон* — главарь одной из монархических банд, появившихся на Юге Франции в 1815 году, после падения Наполеона I, и учинявших кровавую расправу над республиканцами и бонапартистами. В банду Трестальона входили и его сыновья.

С. 43. *Капуцины-неучи* — то есть францисканцы-игнорантины, что значит «невежды».

С. 48. *...с графами Прованскими и с домом Бо.*— Графы Прованские (род каталонского происхождения) некоторое время владели Провансом. Они долго боролись за власть (1142—1162) с домом Бо — феодальными властителями города Оранжа, род которых возник в IX веке и угас в 1530 году.

С 51. *Дядюшка Матюрен* (умер в 1859 г.) — пользовавшийся широкой известностью во всей Бретани слепой волынщик; в 1847 году был приглашен в Париж и с успехом выступал в театре Амбигю-Комик в спектакле «Хутор среди дрока» (пьеса драматурга Фредерика Сулье).

С. 55. *...о покушении на маршала...*— то есть на Мак-Магона, в то время президента республики.

С. 57. *Трант-э-карант* — азартная восточная игра.

Фронда (1648—1653) — мятеж крупных феодалов против [illegible] абсолютизма, поднятый в начале царствования малолетнего Людовика XIV.

Коллеж де Франс — старейшее среднее учебное заведение Франции, основанное в Париже в 1530 году.

С. 59. *Латиняне вторично завоевали Галлию!* — Ручастан считает, что французы-южане — потомки древних римлян, в то время как северяне — потомки галлов. Территория нынешней Южной Франции была завоевана Римом во II веке до н. э., и население вскоре перешло на латынь и стало римлянами; Северная Галлия была завоевана Цезарем в 59—51 годах до н. э.

С. 62. *Манитy* — у индейцев Северной Америки — верховное божество.

С. 78. *«Пророк»* — опера Джакомо Мейербера (1849); балет на эту сцена из третьего акта, изображающая катание на коньках.

С. 79. *«Мирейль»* — опера Шарля Гуно (1864) на сюжет одноименной поэмы Фредерика Мистраля.

С. 88. *Фрейссину, Депп* (1765—1841) — французский священник, публицист и политический деятель, крайний реакционер. При реставрации был министром просвещения и вероисповеданий.

С. 91. *...исполнять серенаду из «Дон Жуана»...* — Имеется в виду серенада из первой картины второго акта оперы Моцарта (1787).

«Алкеста» — опера Глюка (1767).

С. 106. *Альберт Великий* (1193—1280) — средневековый ученый-схоласт и естествоиспытатель; ему приписывали также труды по магии и алхимии.

С. 116. *Шарантон* — городок под Парижем, где находится большая психиатрическая больница.

С. 131. *Баярд,* Пьер (1476—1524) — французский рыцарь, герой войн с испанцами за власть над Италией; был прозван рыцарем без страха и упрека.

С. 137. *Фрагонар,* Жан-Оноре (1723—1806) — французский художник, крупнейший представитель рококо в живописи, создал множество картин, изображающих галантные и любовные сцены.

С. 138. *Тайгетский хребет* — лесистые горы в Пелопоннесе (Греция); Шатобриан описал его в книге «Путь из Парижа в Иерусалим» (1811) — записках о своем путешествии 1806 года.

С. 140. *Де Фонтан,* Луи (1757—1821) — французский писатель и политический деятель, один из идеологов реставрации.

С. 149. *«Бельфорский лев»* — памятник работы скульптора Бартольди (1834—1904), установленный в местности Бельфор близ франко-германской границы в память об ее обороне в 1870—1871 годах.

С. 150. *«Марта»* — опера немецкого композитора Фридриха Флотова (1812—1883), поставленная в 1847 году.

С. 156. *...парадигмы λυω во всех трех залогах...* — то есть спряжения греческого глагола λυω (освобождаю) в залогах действительном («я освобождаю»), страдательном («я освобожден») и средним («я освобождаюсь»).

С. 160. *Латинский парус* — треугольный парус.

С. 168. *...рукоделье Пенелопы...* — Пенелопа — жена Одиссея. Осаждаемая женихами, она дала им обещание выбрать одного из них, когда закончит ткать покрывало. Однако, верная мужу, она ночью распускала то, что делала за день.

С. 171. *Товарищество* — комитет, состоящий из ведущих артистов, который, по уставу театра Французской комедии, руководит им.

С. 178. *Красотке — девице моей...* — последняя строфа из песни ребячего-поэта Пьера Дюпона (1821—1870).

С. 194. *Птолемеи* — династия царей эллинистического Египта (IV—I века до н. э.). Доде допускает неточность: роскошью двора Птолемеев в XV идиллии Феокрита любуются не обычные герои этого поэта — пастухи, а две городские кумушки.

ЕВАНГЕЛИСТКА

Когда «Евангелистка» вышла в свет, один из критиков упрекнул Доде в том, что фабула романа неправдоподобна. А между тем в ее основе лежит факт, и многие изображенные в романе лица реальны.

В 1880 году Леон Доде начал брать уроки немецкого языка. Его преподавательница, г-жа Лима, два раза в неделю приходила в дом Доде. Как-то раз писатель, заметив, что она чем-то расстроена, спросил ее о причине. Неожиданно Лима залилась слезами и вместо ответа протянула Доде открытку: «Матушка, я здорова, надеюсь, что вы тоже здоровы. Ваша дочь во Христе». Такие открытки — всегда без обратного адреса — несчастная женщина получала ежемесячно, и это была единственная нить, связывавшая ее с дочерью, которой она посвятила всю свою жизнь. Рано оставшись вдовой, Лима давала уроки, чтобы дочь получила образование и не знала лишений. Однако в возрасте двадцати лет серьезная и уравновешенная девушка подпала под влияние некоей фанатички, жены извест-

ного банкира, которая создала у себя в усадьбе нечто вроде монастыря; там она собирала девушек-протестанток из разных стран и, поработив их, рассылала проповедовать свои «откровения».

Лима рассказала писателю о своих хлопотах, о невозможности найти адвоката, об отказе суда вмешаться в ее дело под тем предлогом, что дочь уже совершеннолетняя и сама вправе устраивать свою судьбу. Сначала Доде показалось, что женщина несколько сгущает краски. Однако, наведя справки, он убедился, что все рассказанное ему о деятельности банкирши-проповедницы соответствует истине. И тогда писатель понял, что перед ним готовый сюжет нового романа.

Сам Доде был безбожником, с церковью открыто порвал еще в 1861 году, перестав исполнять обряды. Евангелическую веру как объект критики Доде выбрал не потому, что хотел лишний раз уязвить ее с точки зрения правоверного католика: ему хотелось чтобы в Жанне Отман читатель узнал определенное лицо (по свидетельству Люсьена Доде, ему это удалось). Но сила романа Доде не в изображении конкретного случая, она — в обличении фанатизма, который, по мысли писателя, убивает самые естественные и вместе с тем высокие человеческие чувства, прежде всего — семейные привязанности. Не следует забывать, что в те годы в мировоззрении Доде семья играла особую роль — роль очага, где сохраняются истинные моральные ценности. Чтобы заострить антитезу семьи и религиозного фанатизма, писатель и ввел в роман семейство Лори, которое Элина тоже бросила.

Вместе с тем к истории г-жи Лима Доде привлек еще интерес психолога. В это время писателя начал лечить Шарко, знаменитый ученый, создатель научной неврологии, прототип Бушро. В своей клинике Сальпетриер Шарко с особым вниманием изучал случаи истерии, кликушества, религиозного помешательства и об итогах своих наблюдений охотно беседовал с новым пациентом, с которым быстро подружился. Доде тоже проявлял большой интерес к такого рода явлениям, однако изображение всего патологического было настолько чуждо его таланту, что эта сторона религиозного фанатизма остается в книге на заднем плане. И все же Доде счел возможным посвятить роман Шарко.

Доде писал «Евангелистку» в 1881—1882 годах. Осенью она начала печататься фельетонами в «Фигаро», а весной 1883 года вышла отдельной книгой в издательстве Дантю. Критика встретила роман благожелательно, даже в «Газете французских протестантов» появилась положительная рецензия. Только крайне правые клерикальные газеты резко накинулись на нее. В первый же год она разошлась в количестве 40 тысяч экземпляров.

С. 208. *...Шестнадцатого мая...* — то есть шестнадцатое мая 1877 года — в день государственного переворота, совершенного президентом Мак Магоном. Поскольку на выборах в Палату депутатов большинство получили республиканцы, Мак-Магон, представлявший реакционные монархические и клерикальные круги, распустил кабинет министров, а затем и Палату и постарался всюду посадить угодных ему чиновников. Однако и на следующих выборах большинство получили республиканцы; Мак Магон вынужден был капитулировать и 30 января 1879 года вышел в отставку.

С. 222. *Дидон,* Филипп-Виктор (1806—1839) — французский проповедник и религиозный писатель, автор назидательных популярно-богословских книг.

Луи Вейо (1813—1883) — французский публицист и журналист, ярый защитник католицизма, редактор католического журнала «Юнивер».

С. 225. *Женульи,* Шарль-Ригоде (1807—1893) — в 60-е годы командующий французским средиземноморским флотом, в последние годы министр — морской министр.

С. 239. *...английских и швейцарских пиетисток.* — Пиетизм (от латинского «pietas» — благочестие) — возникшее в конце XVII века направление в немецком протестантизме. Пиетисты выдвигали на первый план эмоцио-

нальную сторону религии и «практическое» благочестие, выражавшееся в отказе от светских удовольствий, в обращении «неверных» и т. п.

С. 242. *...переписка Элоизы с Абеляром...* — **Абеляр, Пьер** (1079—1142) — французский богослов и философ-схоласт. Каноник Фюльбер поручил ему воспитание своей юной племянницы Элоизы (1101—1164). Молодые люди полюбили друг друга и тайно вступили в брак. Разгневанный Фюльбер с сообщниками вероломно напал на Абеляра и оскопил его, после чего супруги приняли монашество (1119 г.). С этого времени начинается их переписка на латинском языке, в которой проявления искреннего чувства перемежаются с рассуждениями в духе схоластической учености.

С. 244. *Г-жа Гион,* Жанна-Мари (1648—1717) — французская мистическая писательница, выдававшая себя за «ясновидящую» и резко нападавшая с точки зрения своего мистического учения на официальную церковь. В последующее время ее «труды» были использованы разного рода сектантами.

С. 254. *Нантский эдикт* — изданный 13 апреля 1598 года указ Генриха IV, уравнивавший в правах протестантов с католиками. Был отменен 18 октября 1685 года Людовиком XIV, вновь начавшим преследование протестантов.

Габриэль д'Эстре (1573—1599) — фаворитка Генриха IV.

С. 257. *Моравские братья* — религиозная секта, возникшая в Чехии в 1450 году; ведет свое происхождение от гуситов. Идеи моравских братьев во многом предвосхитили протестантизм Лютера. С 1620 года их общины рассеялись по всему миру.

Гернгутеры — религиозная община, основанная моравскими братьями в 1722 году в Саксонии.

Ниеска — колония гернгутеров в Силезии.

С. 309. *Канова,* Антонио (1757—1822) — скульптор, крупнейший представитель итальянского классицизма. Его «Магдалина» стоит на коленях и держит крест, который она созерцает, запрокинув голову.

Джон Митчел (1815—1875) — ирландский политический деятель, борец за независимость Ирландии; был сыном пресвитерианского пастора.

С. 323. *Анна Редклиф* (1764—1823) — английская писательница, создательница жанра «романа ужасов».

С. 327. *Антуанетта Буриньон* (1616—1680) — французская «ясновидящая», «пророческие» сочинения которой отличались крайней вздорностью.

С. 330. *...на пострижении мадемуазель де Лавальер...* — Луиза-Франсуаза Лавальер (1644—1710), первая фаворитка Людовика XIV, после охлаждения к ней короля ушла в 1674 году в монастырь кармелиток и через год приняла постриг.

Конкордат — соглашение о положении церкви во Франции, заключенное Наполеоном I с папой Пием VII в 1801 году.

С. 331. *Маро,* Клеман (1496—1544) — французский поэт, один из создателей французского литературного языка. В 1541 году перевел в стихах тридцать псалмов из Псалтыря.

Пьер Эро (1536—1601) — французский юрист. Доде точно передает его историю.

С. 332. *Айсса-уа* — мусульманская секта, возникшая в конце XVI века и распространенная в Северной Африке; сектанты доводят себя до исступления бешеными танцами и прыжками.

С. 340. *...декретов насчет конгрегаций...* — Имеются в виду постановления французского правительства (1880 г.) о закрытии многих монастырей.

С. Ошеров

СОДЕРЖАНИЕ

ЦАРСТВО ЗВЕРЯ. *Трилогия*
III. 14 декабря 7
РОЖДЕНИЕ БОГОВ (Тутанкамон на Крите) 261
ИТАЛЬЯНСКИЕ НОВЕЛЛЫ
Любовь сильнее смерти 369
Наука любви 384
Железное кольцо. *Новелла XV века* 394
Рыцарь за прялкой. *Новелла XV века* 413
Превращение. *Флорентинская новелла XV века* . . . 430
Микеланджело 451
Святой Сатир. *Флорентинская легенда. Из А. Франса* . . 502

СТИХОТВОРЕНИЯ

Лирика
Бог 521
Morituri 521
Дети ночи 522
Изгнанники 523
Голубое небо 523
Темный ангел 523
Одиночество 524
«И хочу, но не в силах любить я людей...» 525
Молчание 525
Признание 525
Любовь — вражда 526
Одиночество в любви 527
Проклятие любви 528
De profundis (*Из дневника*) 528
Пустая чаша 529
Парки 530
Скука 531
«Что ты можешь? В безумной борьбе ..» 531
Старость 532
Волны 532
Две песни шута 533
Природа 534
Нирвана 534
«Если розы тихо осыпаются...» 535
Усни 535
Вечер 536
Весеннее чувство 536
Март 537
Ноябрь 538
Осенью в Летнем саду 538
Успокоенные 539
Осенние листья 539
Мать 539
Сталь 540
На озере Комо 541
Помпея 541
Смех богов 542

Парфенон 542
Титаны (*К мраморам Пергамского жертвенника*) 543
Рим 544
Пантеон 544
Будущий Рим 545
«Так жизнь ничтожеством страшна...» 545
Двойная бездна 546
«О, если бы душа полна была любовью...» 546
Детское сердце 547
Трубный глас 548
Молитва о крыльях 548
Веселые думы 549
Легенды и поэмы
Леда 550
Марк Аврелий 551
Будда 553
Иов 555
Леонардо да Винчи 560
Микеланджело («Тебе навеки сердце благодарно...») . . . 561
Франческа Римини 563
Уголино (*Легенда из Данте*) 565
Дон Кихот 568
Расслабленный (*Легенда*) 569
Христос, ангелы и душа (*Мистерия XIII века*) 572
Протопоп Аввакум 574
Франциск Ассизский 582
Старинные октавы (*Octaves du passé*) 602
Возвращение 656

Е. Любимова. Трилогия «Царство Зверя» 657

О. Михайлов. Венок Мережковскому 662

Алфавитный указатель произведений Д. С. Мережковского, включенных в 1—4 тт. Собрания сочинений 668

Дмитрий Сергеевич МЕРЕЖКОВСКИЙ
Собрание сочинений в четырех томах
Том IV

ТРИЛОГИЯ «ЦАРСТВО ЗВЕРЯ»

Трилогия «Царство Зверя» представляет собой логическое художественное и философское продолжение и завершение трилогии «Христос и Антихрист».

Антихрист, согласно учению апостола Павла,— «человек греха, сын погибели», который «в храме Божием сядет... как Бог, выдавая себя за Бога» (Второе послание к Фессалоникийцам, II, 3, 4). Это и есть апокалиптический Зверь, лжехристос и враг Христа, которого, однако, Христос победит (Откровение [Апокалипсис] Иоанна Богослова, XVII, 14; Второе послание к Фессалоникийцам, II, 8, 9).

Если в романе «Петр и Алексей» в образе Петра Великого явственно проступают черты Антихриста (он носит личину глубоко верующего, но глумится над Церковью и губит ее), если Антихрист уже тогда появился в России, то в начале XIX столетия, по мнению писателя, Антихрист побеждает, и, хотя победа эта внешняя и временная, Россия, тем не менее, превращается в Царство Зверя. Но христианские страны имеют своих небесных покровителей. Например, покровитель Англии — св. Георгий Победоносец, Испании — апостол Иаков-младший, Франции — св. Денис и т. д. Россия же с древнейших времен называется Домом Богоматери, с Ее иконами шло на битву русское воинство: с Донской иконой — войско князя Дмитрия Донского, с Казанской — войско князя Дмитрия Пожарского, со Смоленской — армия М. И. Кутузова. И поэтому полное ужаса, крови и грязи повествование в романах Мережковского о России неожиданно завершается мажорным заключительным аккордом: «Россию спасет Мать».

Хронологические рамки русской истории в трилогии «Царство Зверя» очерчены предельно точно: первая четверть XIX века. Была ли Россия этой эпохи Царством Зверя?

Начнем с Павла I. Конечно, о любой исторической личности можно услышать разное. И все же не часто одному и тому же человеку давали столь противоречивые, а подчас и взаимоисключающие характеристики.

Так, президент Российской Академии наук кн. Е. Р. Дашкова писала: «Ссылки и аресты стали событиями... обыденными... Я была глубоко потрясена... ужасом, сковывавшим решительно всех, так как не было почти дворянской семьи, из которой хоть один член не томился бы или в Сибири или в крепости... Всюду царил страх и вызывал подозрительное отношение к окружающим, уничтожал доверие друг к другу, столь естественное при кровных родственных узах. Под влиянием страха

явилась и апатия, чувство губительное для первой гражданской добродетели — любви к родине».[1]

Герой 1812 года, поэт Денис Давыдов в «Воспоминаниях о цесаревиче Константине Павловиче» говорил, что Павлу «...нельзя было отказать в замечательных способностях и рыцарском благородстве...»[2].

А вот взгляд на Павла I из иной эпохи, из более поздних времен. В. Ф. Ходасевич: «...мы решаемся утверждать, что до тех пор, пока позорное клеймо тирана и изверга не будет снято с императора Павла, все слова о нелицеприятном суде истории будут звучать кощунственною насмешкой. Он осужден своими убийцами. Осуждая его, они оправдывали себя.

Историческая наука согласилась с судом убийц. В борьбе личности с обществом (особенно когда этой личностью является самодержавный монарх) она считала для себя обязательным неизменно брать сторону общества. Всякая оппозиция могла безошибочно рассчитывать на сочувствие науки, так как она являлась носительницей «прогресса», этого кумира минувшего века.

Правда, стараясь быть беспристрастными, ученые-исследователи павловской эпохи особенно подчеркивали психическую ненормальность Павла Петровича и в условиях его личной жизни видели некоторые обстоятельства, как бы смягчающие его личную вину... Но взгляды, свойственные их времени, не позволили им признать, что кроме исторической правоты существует большая правота — моральная.

Допустим даже на миг, что в убийстве Павла общество было исторически право: Павел мешал ему жить так, как оно хотело. Все же высокая моральная правота была на стороне государя, и это вовсе не потому, что он был жертвой, а общество палачом: убийство было последним и сравнительно наиболее благородным приемом борьбы, разыгравшейся между подданными и их государем. Мы также не станем оправдывать убитого государя его сумасшествием, потому что в таком оправдании он не нуждается, да и не имеет оснований на него рассчитывать»[3].

Художник А. Н. Бенуа, глубоко изучивший эпоху Павла, признавался: «Как мне понятна ... любовь (вовсе не почтение и не страх, а именно нежное и любовное чувство), которое он умел внушить к себе...»[4].

«Император Павел по характеру не был тупым, кровожадным извергом, каким не раз его изображали историки русские и иностранные. От природы человек одаренный, он стал жертвой душевной болезни... Неограниченная власть самодержца превратила его личную драму в национальную трагедию»[5]. Это мнение человека, весьма осведомленного в русской истории,— писателя Марка Алданова.

Дело историков — беспристрастно и нелицеприятно воссоздать историческую ситуацию и образ императора Павла I. Можно сказать только, что кн. Дашкова не покривила душой, создавая столь мрачную

---

[1] Екатерина Дашкова. Записки 1743—1810. Л., «Наука», 1985, стр. 182, 184.

[2] Денис Давыдов. Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче.— В кн.: Денис Давыдов. Сочинения. М., Государственное издательство художественной литературы, 1962, стр. 459.

[3] В. Ходасевич. Павел I.— В кн.: В. Ходасевич. Державин. М., «Книга», 1988, стр. 291—292.

[4] А. Н. Бенуа. Мои воспоминания. М., «Наука», т. I стр. 256—257.

[5] М. А. Алданов. Заговор. Святая Елена, маленький остров. М., «Московский рабочий», 1989, стр. 7.

картину. Но также известно, что она питала антипатию к ненавистному сыну обожаемой ею Екатерины II и, будучи сослана Павлом, не могла быть к нему объективна. Она совсем не упоминает о его благих деяниях: он отменил тяжкий рекрутский набор, объявленный Екатериной, отменил разорительную для крестьян хлебную подать, запретил продажу крепостных и дворовых без земли, освободил Радищева и Новикова, освободил и щедро наградил бунтовщика Костюшко. Указ от 5 апреля 1797 г., подписанный в день коронации Павла, запретил работу на барщине по воскресным дням и содержал совет ограничиваться трехдневной барщиной. Похоже все это на деяния Антихриста?!.

А что можно сказать об отношении современников к Александру I?

Там — громкой славою,
Сильной державою
Мир он покрыл.
Здесь безмятежно
Сенью надежною,
Благостью, нежною
Нас осенил.—

Это А. С. Пушкин («Боже! царя храни!»). Но у него Александр и «венчанный солдат» («На Стурдзу»), он же и «враг труда», и «Нечаянно пригретый славой,//Властитель слабый и лукавый» («Евгений Онегин», гл. X). И о нем же: «Покойный царь еще Россией//Со славой правил» («Медный всадник»), и еще:

Ура, наш царь! так! выпьем за царя!
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей.
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

19 октября («Роняет лес багряный свой убор...»)

Александр отличался «тонким, просвещенным умом, мужеством, хладнокровием, очаровательным обращением»[1].

А вот как характеризует Александра выдающийся русский историк В. О. Ключевский: «...Александр вступил на престол с запасом возвышенных и доброжелательных стремлений, которые должны были водворять свободу и благоденствие в управляемом народе, но не давал себе отчета, как это сделать. Эта свобода и благоденствие, так ему казалось, должны были водвориться сразу, сами собой, без труда и препятствий, каким-то волшебным «вдруг». Разумеется, при первом же опыте встретились препятствия; не привыкнув одолевать затруднения, великий князь... приходил в уныние. Непривычка к труду и борьбе развила в нем наклонность преждевременно опускать [illegible] скоро утомляться; едва начав дело, великий князь уже тяготился им, имея 18 лет от роду, он уже чувствовал себя усталым и признавался, что его мечта — со временем, отрекшись от престола, поселиться с женой на берегу Рейна и вести жизнь частного человека в обществе друзей и в изучении природы... После царя Алексея Михайловича император Александр [производил] наиболее приятное впечатление, вызывал к себе сочувствие своими личными качествами, это была [illegible] ный, но только типичный цветок, не успевший или не умевший акклиматизироваться на русской почве. Он рос и цвел роскошно, пока [illegible]

[1] Денис Давыдов. Сочинения. М., Государственное издательство художественной литературы, 1962, стр. 460.

хорошая погода, а как подули северные бури, как наступило наше русское осеннее ненастье, он завял и опустился.

Такие недостатки, вынесенные из воспитания, всего сильнее отразились на первоначальной преобразовательной программе»[1].

Перед нами самый обыкновенный человек, со своими достоинствами и недостатками, и уж меньше всего пригодный для роли Антихриста.

Николая I мы видим только в день восшествия на престол и в нескольких последующих эпизодах. Что ж, всякий человек имеет право защищать свою жизнь и уж тем более жизнь своих близких: войдем же и в его положение и не забудем, что Каховский, как бы ни относиться к нему, был убийцей. Не забудем и о том, что вдове Рылеева император назначил пенсию. А самое главное, невозможно говорить о «Царстве Зверя» применительно к человеку, только что принявшему бразды правления.

Но может быть Антихрист — Аракчеев? Это, пожалуй, фигура наиболее подходящая, и тут уместно будет вспомнить, что существовал не только Аракчеев сам по себе — существовала и а р а к ч е е в щ и н а. Так может быть, аракчеевщина и есть Царство Зверя?

Спору нет: в России первой четверти минувшего столетия было немало тяжелого и трагического. Крепостное право (существовавшее не только в России, но и в ряде других стран Центральной и Восточной Европы), аракчеевщина с ее военными поселениями, вызвавшими Чугуевский бунт, с неимоверной жестокостью подавленный тем же Аракчеевым, а еще раньше — отправка Павлом войск в Индию, отправка им же целого полка в Сибирь, правда, возвращенного с дороги...

Все это так, но была ведь при этом и совсем другая Россия. Не похоже — героические, светлые времена русской истории не интересуют Мережковского.

Это была Россия-победительница — Россия, победившая великого полководца и сильнейшую армию (1812), Россия, не в первый и, как теперь нам известно, не в последний раз выполнившая свою высокую историческую миссию — миссию спасения других народов. Русский флот под командованием Д. Н. Сенявина разгромил турецкий флот в Дарданелльском и Афонском сражениях (1807). Успешно прошел поход русского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова в войне с Францией (1798—1800).

В этой же России уже начался новый, невиданный расцвет великой русской культуры.

Не говоря о Пушкине, создавшем в эту пору многие свои шедевры, были Жуковский, которого Пушкин назвал «кормилицей нашей» в поэзии, Крылов и Грибоедов, Языков и Батюшков, Вяземский и Баратынский.

В 1804—1824 гг. Карамзин создает свой монументальный труд «Исто[illegible] Государства Российского», которым не уставал восторгаться Пушкин, называвший «Историю» «бессмертной книгой», ее создателя «великим нашим соотечественником».

Появились крупные художники — Тропинин, Брюллов, Кипренский, гравер Иордан, за гравюру «Преображение» Рафаэля впоследствии получивший звание не только профессора Императорской Академии художеств, но и члена Флорентийской, Берлинской и Урбинской (на родине Рафаэля) Академий.

Появились молодые композиторы Верстовский и Глинка.

---

[1] В. О. Ключевский. Сочинения. М., Издательство социально-экономической литературы, 1958, т. V, стр. 210—211.

Начался сказочный взлет русского театра — Щепкин, Семенова, Колосова, Каратыгин. Серьезных успехов достиг русский балет — Телешева, Глушковский, воспетая Пушкиным Истомина...

И кроме того, было о б щ е с т в о одаренных, просвещенных людей, способных понять и оценить великие творения культуры и составляющих ту питательную среду, без которой культура немыслима.

Невозможно обойти молчанием и еще одну область русской жизни — область, самое существование которой вряд ли возможно в царстве Антихриста. Это русская церковь.

В 1812 г. Александр I утвердил проект создания Библейского Общества, ставившего своей целью изучение Библии, сравнение переводов библейских книг на разные языки и перевод ее на русский и на другие языки народов Российской Империи. Помимо образованнейших представителей духовенства, к работе Общества были привлечены и светские люди, например, министр народного просвещения граф А. К. Разумовский, граф М. А. Милорадович, знаменитый М. М. Сперанский. В Библейское Общество вошли не только представители православного духовенства, но и других церквей — католической, протестантской, армянской. Из духовных лиц, игравших первостепенную роль в работе Общества, необходимо выделить священника Герасима Петровича Павского — «умного и доброго священника», как называет его в Дневнике Пушкин, выдающегося филолога и гебраиста, составившего грамматику и Хрестоматию еврейского языка, Еврейско-русский словарь, написавшего исследование «О книге псалмов», где, между прочим, первый доказывал ныне общепринятую точку зрения, что Псалтирь составлена не одним царем Давидом, а разными авторами. Он же был ответственным редактором переводов Книг Ветхого завета, а сам перевел на русский Евангелие от Матфея. Впоследствии он написал четырехтомные «Филологические наблюдения над составом русского языка», по поводу которых Белинский заметил, что «Павский один стоит академии».

Деятельность Библейского Общества сыграла в просвещении народов Российской Империи роль, которую трудно переоценить.

Евангелие от Иоанна перевел на русский язык архимандрит Филарет (Дроздов), впоследствии митрополит Московский, выдающийся деятель Русской Церкви. К митрополиту Филарету обращено стихотворение Пушкина «В часы забав иль праздной скуки...».

Выдающимся ученым был митрополит Киевский Евгений (Болховитинов), крупный историк и археолог. Помимо целого ряда трудов по русской истории, ему принадлежит находка «Грамоты великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Мстиславича» («Вестник Европы», 1818), а археологические раскопки, которые он вел в Киеве, обнаружили фундамент Десятинной церкви, Золотых ворот и другие бесценные находки. Крупным церковным писателем и знаменитым церковным оратором был митрополит Платон (Левшин).

И, наконец, в эпоху, о которой идет речь, жил один из величайших и один из наиболее чтимых русских святых — Серафим Саровский, к слову сказать, любимый русский святой Мережковского.

Отдавая должное Мережковскому-художнику, Мережковскому-мыслителю и Мережковскому-эрудиту, мы должны ясно представить себе, что писатель, как это почти всегда с ним бывало, упорно оставался в плену той или иной своей идеи или исторической концепции, мало считаясь или даже вовсе не считаясь с реальной исторической ситуацией.

Но и сам Мережковский твердо верил в грядущее спасение России: «Россию спасет Мать».

Е. Любимова

ВЕНОК МЕРЕЖКОВСКОМУ

«Все жены людей, более или менее замечательных, писали свои о них воспоминания, печатали письма. Последнего я бы не сделала, если бы имела фактическую возможность. Я ее не имею — почему — скажу потом. Трудно мне и писать воспоминания, делаю это из чувства долга. Трудно по двум причинам: во-первых — со дня смерти Дмитрия С. Мережковского прошло лишь около двух лет, а это для меня срок слишком короткий, тем более, что мне кажется, что это произошло вчера или даже сегодня утром. Вторая причина: мы прожили с Д. С. Мережковским 52 года, не разлучаясь, со дня нашей свадьбы в Тифлисе, ни разу, ни на один день. Поэтому, говоря о нем, нужно будет говорить и о себе,— о нас: говорить же о себе мне в высшей степени неприятно — было и есть...

Связанность наших жизней (и не одна внешняя) и останавливала меня. Но потом я поняла, что, отказавшись от задачи написать то, что от меня ждут, я поступлю эгоистично. И, наконец, если я буду писать свободно, не думая о препятствиях,— кто и что мне может помешать выкинуть из рукописи все, что будет для меня звучать неприятно. На случай внезапной смерти моей — оставлю указания и отметы. Но эта книга пускай будет написана с полной свободой, и ее точное название — ОН и МЫ».

Такое вступление предпослала жена и самый близкий друг Мережковского, поэт, прозаик, критик Зинаида Николаевна Гиппиус, создавшая своего рода *венок Мережковскому* своей книгой о нем [1].

Книга эта, написанная на свободном дыхании, воссоздает живой облик Мережковского — человека и писателя, религиозного мыслителя и философа — и добавляет существенные штрихи к тому портрету, который сложился у читателя после прочтения этого собрания сочинений.

Вот, к примеру, характеристика религиозного начала у молодого Мережковского:

«Живой интерес ко всем религиям, к буддизму, пантеизму, к их истории, ко всем церквам, христианским и не христианским равно. Полное равнодушие ко всякой обрядности (отсутствие известных традиций в семье сказалось). Когда я в первую нашу Пасху захотела идти к заутрене, он удивился: «Зачем? Интереснее поездить по городу, в эту ночь он красив». В следующие годы, мы, однако, у заутрени неизменно бывали. Но, конечно, не моя детская, условная и слабая вера могла на него как-нибудь повлиять. Его, в этот же год молодости, ждало испытание, которое не сразу, но медленно и верно повлекло на путь, который и стал путем всей его деятельности».

---

[1] З. Гиппиус-Мережковская. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951.

Гиппиус подробно реставрирует ту обстановку, тот фон, на котором формировался «жизненный состав» Мережковского, выкристаллизовывалась генеральная идея его исканий, его творчества. Она рассказывает о близких ему людях (отмечая при этом, что у него никогда не было близкого друга) — поэте Н. Минском, петербургском адвокате и поэте С. Андреевском, заведующем литературным отделом журнала «Мир Божий» «старике» А. Плещееве, уже давно создавшем себе в литературе имя. Но самым близким человеком, больше, чем другом, для Мережковского оставалась его мать. И кончина матери в 1889 году стала подлинным испытанием, поворотным пунктом в его дальнейшей жизни. «Он, в сущности, был совершенно одинок, — замечает Гиппиус,— и вся сила любви его сосредоточилась с детства в одной точке: мать. В «Старинных Октавах» он сам рассказывает об этом лучше, чем я могу сделать. Он и со мной мало говорил о своей любви к матери,— очень редко,— так целомудренно хранил эту любовь в душе до последнего дня».

После потери матери Мережковский, по словам Гиппиус, очень изменился, ушел в себя, «хотя перемена извне, для других, не была заметна». «Вспоминая потом часто о смерти матери Д[митрия] С[ергеевича],— продолжает Гиппиус,— странная мысль о какой-то уже нездешней о нем заботе приходила ко мне: как бы он это пережил, вдруг оставшись совершенно один, т. е., если бы, благодаря фантастическому сцеплению случайностей, не встретил ни меня, ни кого другого, кого мог бы любить и кто любил бы его. Я не могла заменить ему матери (никто не может, мать у каждого только одна), но все же он не остался один». Отец, вышедший в отставку крупный чиновник, был всю жизнь далек Мережковскому; в последние годы он погрузился в спиритизм.

Весной 1891 года Мережковский и Гиппиус отправились в первую поездку за границу — в Италию. В эту пору шла усиленная работа над романом «Юлиан Отступник». В Венеции супруги встретились с известным издателем, редактором газеты «Новое время» А. С. Сувориным и А. П. Чеховым. В либеральных кругах Суворин считался «пугалом интеллигенции», однако свою книгу стихов «Символы» Мережковский опубликовал именно в суворинском издательстве, как бы подчеркивая этим свое равнодушие к групповой борьбе.

Однако, как вспоминает Гиппиус, само время несло новые веяния, примером чему могли служить и «Символы» Мережковского, и его «Юлиан Отступник» («Я думаю,— пишет она,— что уже с «Юлиана» у Д[митрия] С[ергеевича] был поворот к христианству, начало углубления в него»), и публичная лекция «О причинах упадка и о новых течениях русской литературы», ставшая манифестом целого направления — символизма. В эту пору Мережковский знакомится со знаменитым уже философом В. Соловьевым, поэтами К. Бальмонтом, А. Добролюбовым (вскоре ушедшим «в народ»), наконец с самобытным русским мыслителем В. В. Розановым, долгие годы остававшимся в роли соперника-оппонента. В напряженных исканиях завершался духовный перелом, духовное переустройство Мережковского.

«Наши путешествия, Италия, все работы Д[митрия] С[ергеевича], отчасти эстетическое возрождение культурного слоя России, новые люди, которые входили в наш круг, а с другой стороны — глубокий материализм старой «интеллигенции»,— писала Гиппиус,— все это, вместе взятое, да, конечно, с тем зерном, которое лежало в самой природе Д[митрия] С[ергеевича], не могло не привести его к религии и к христианству. Даже, вернее не к «христианству» прежде всего, а ко Христу, к Иисусу из Назарета, образ которого мог и должен плевать, думаю, всякого, кто пожелал бы, или сумел, взглянуть на него просталь-

нее. Вот это «пленение», а вовсе не убеждение в подлинности христианской морали или что-нибудь в таком роде, оно одно и есть настоящая отправная точка по пути к христианству. Последние годы века мы жили в постоянных разговорах с Д[митрием] С[ергеевичем] о Евангелии, о тех или других словах Иисуса, о том, как они были поняты, как понимаются сейчас и где или совсем не понимаются или забыты».

На творчество Мережковского не могла не влиять предгрозовая, трагическая атмосфера России, вступавшей в новый, XX век: «Что-то в России ломалось, что-то оставалось позади, что-то, народившись или воскреснув, стремилось вперед... Куда? Это никому не было известно, но уже тогда, на рубеже веков, в воздухе чувствовалась трагедия. О, не всеми. Но очень многими, в очень многих». В этой предгрозовой атмосфере продолжались религиозно-философские искания Мережковского — в кружке Дягилева, образовавшемся вокруг журнала «Мир искусства», в «Религиозно-философских собраниях», открывшихся в Петербурге в 1901 году и собравших значительные силы интеллигенции и церкви, а после их запрещения Синодом в 1903 году, в журнале «Новый путь», где был опубликован заключительный роман трилогии «Петр и Алексей».

Весной 1904 года Мережковские перед очередной поездкой за границу посетили Льва Толстого в Ясной Поляне. «Утром в день нашего отъезда...— вспоминает Гиппиус,— Л. Толстой, поднимаясь по внутренней лесенке в столовую к чаю вместе с Дм[итрием] С[ергееви]чем, сказал ему:

— Как я рад, что вы ко мне приехали. А то мне казалось, что вы против меня что-то имеете.

«И он удивительно хорошо,— рассказывал мне потом Д[митрий] С[ергеевич],— посмотрел на меня своими серыми, уже с голубизной, как у стариков и маленьких детей, глазами».

Л. Толстой, оказывается, читал все,— не только о себе, но вообще все, что тогда писалось и печаталось. Даже и наш «Новый путь» читал. Наверно, знал он и дебаты в Собраниях по поводу его «отлучения», знал и книгу Д[митрия] С[ергееви]ча «Л. Толстой и Достоевский».

Скажу по поводу этой книги: конечно, Достоевский должен был быть и был ближе ему (т. е. Мережковскому — *О. М.*), нежели Толстой. Поэтому, вероятно, он и перегнул немного в его сторону и сказал кое-что несправедливое насчет Толстого. Это было давно, и с тех пор, не меняя своего мнения о «религии» Толстого, Д[митрий] С[ергеевич] немножко иначе стал видеть его, как человека с его трагедией. Он много писал о нем отдельных статей после его смерти, одна, помнится, была о нем и о его тетке-матери и называлась «Святой Лев».

В эту пору в жизнь и творческое содружество Мережковских входит, образовав некий «триумвират», двоюродный брат Дягилева литератор Д. Философов. Бурные события первой русской революции, споры о самодержавии и православной церкви, расставание с журналом «Новый путь» — все это предопределило новые планы. «Еще летом (1905 года.— *О. М.*),— рассказывает Гиппиус,— Д[митрий] С[ергеевич] высказал мысль, что хорошо бы нам троим поехать на год или даже два-три за границу, где мы могли бы сжиться совместно и кое-что узнать новое, годное потом и для дела в России. Д[митрия] Сер[геевича] интересовало католичество, и не только оно, а еще и движение «модернизма», о котором мы что-то слышали глухо, потому что из-за цензуры определенные вести до нас не доходили... Нас всех интересовали и наши русские «революционеры», находящиеся в эмиграции... Отсюда начинается особый период нашей жизни, втроем в Париже. Он длился, с краткими отлучками из Парижа — в Бретань, в Нормандию, на

Ривьеру или в Германию,— около двух с половиной лет, до нашего возвращения в Петербург в июле 1908 года».

Гиппиус вспоминает, как само собой образовались «субботы», на которые к ним в парижскую квартиру приходили и старые друзья, и новые эмигранты, выплеснутые революцией из России, и среди них — видный член партии эсеров Бунаков. В этой атмосфере споров и поисков складывался коллективный сборник статей «триумвирата» «Царь и революция», в котором Мережковскому принадлежит очерк «Революция и религия». Оглядываясь назад, уже с «другого» берега, Гиппиус размышляет об этой книге, где авторы, исходя из религиозно-метафизических начал, пытались предсказать будущее:

«Нельзя себе вообразить революции более не подходящей, более несвойственной России, нежели революция марксистская. Достаточно самого поверхностного взгляда на Россию, не говоря уже о ее знании внутреннем, знании духа ее народа, чтобы не сомневаться, что такая революция не могла в ней даже произойти. Она и не произошла. Не все европейцы забыли, что большевики революции и не сделали, они явились на «готовенькое», когда революция уже совершилась, и были только ее «захватчиками». Вот всякие захваты — это, к сожалению, России свойственно; а уж в том положении, в каком она (при войне!) находилась в 1917 году,— с захватчиками, да еще подобного сорта, бороться ей было не по силам.

Есть еще одно свойство у русского человека, у русского народа, у России: будучи кем-нибудь, чем-нибудь захвачена, она идет в этом до конца, не зная и не умея себя ограничить и найти предел. Вот об этом свойстве беспредельности и говорит Мережковский в «Le Tzar et la Révolution» («Царь и Революция». — *О. М.*): автор как будто предчувствовал безмерность русского пожара, предупреждая, что от него может сгореть и Европа».

Гиппиус не раз в своей книге повторяет мысль о некоей мессианской, пророческой черте, свойственной личности Мережковского: по сути своей все его художественное творчество было лишь формой некоей внутренней проповеди. Как раз в эмиграции он постепенно отходил от беллетризованного изложения излюбленных мыслей и постулатов. После двух романов «Рождение Богов. Тутанкамон на Крите» (1924) и «Мессия» (1925) Мережковский окончательно обращается к художественно-философской прозе, где как бы пытается разгадать в прошлом тайну будущего: «Наполеон», «Атлантида — Европа», «Иисус Неизвестный», книги о Данте, Франциске Ассизском, Жанне д'Арк, святом Августине и апостоле Павле. Но одновременно он почти с маниакальной настойчивостью повторял свой тезис о кризисе культуры и тотальном безбожии, которое объединяет большевизм с буржуазной Европой.

В коллективном сборнике 1922 года «Царство Антихриста» Мережковский писал: «Должно учесть как следует безмерность того, что сейчас происходит в России. В судьбах ее поставлена на карту судьба всего культурного человечества. Во всяком случае безумно надеяться, что зазиявшую под Россией бездну можно окружить заградкою и что бездна эта не втянет в себя и другие народы. Мы — первые, но не последние.

Большевизм, дитя мировой войны, так же, как эта война — только следствие глубочайшего духовного кризиса всей европейской культуры. Наша русская беда — только часть беды всемирной».

Комментируя это и другие высказывания, критик Г. Струве через три с лишним десятка лет подытоживал: «Следует признать, что у Мережковского были некоторые основания смотреть на себя, как на

пророка, которого просто не услышали». И в другом месте: «Последнее слово о Мережковском еще не сказано»[1].

Тем паче таким «последним словом», при всей ее ценности, не может служить и книга Гиппиус, хотя сама она не без оснований рассматривала себя как второе «я» Мережковского. Рассказывая о своей долгой жизни с ним, жизни как бы слитной («ОН и МЫ»), она во многом преодолевает устоявшееся представление о Мережковском, писателе-космополите, легко перешагивающем из одной отдаленной эпохи в другую, кабинетном ученом и библиофаге. Все это было, но было и иное, часто непосвященному недоступное.

Гиппиус говорит: «Я пишу о Д. С. Мережковском не для того, чтобы дать библиографический перечень его работ. Я пишу о нем самом, о его жизни во времени, в котором он жил, о воздухе, которым дышал,— о воздухе тогдашней России.

Нельзя взять человека вне его времени и вне его окружения: он будет непонятен. И меньше всего можно отделить Дм[итрия] С[ергееви]ча от России. Да, он многим казался, и был действительно, с известных сторон,— европеец: он был и до такой степени русский, что сам являлся как бы одним из знаков и доказательств, что русский человек и Россия не Азия, а Европа». Мысль эта не раз повторяется: Мережковский, по ее словам, «был русский человек прежде всего и русский писатель прежде всего — это я могу и буду утверждать всегда; могу — потому что знаю, как любил он Россию,— настоящую Россию — до последнего вздоха своего, и как страдал за нее... Но он любил и мир, часть которого была его Россия...»

«Венок Мережковскому» — книга о нем Гиппиус осталась недописанной, очевидно, из-за невозможности отделить «я» от «мы».

Олег Михайлов

БИБЛИОГРАФИЯ

Драма «Павел I» впервые была напечатана в журнале «Русская мысль» в 1908 г., № 2. Отдельное издание (М. В. Пирожкова) появилось в 1908 г. Драма вошла в собрание сочинений Д. С. Мережковского, изданное Товариществом И. Д. Сытина (1914).

Отрывки из романа «Александр I» впервые появились в газете «Русское слово» за 1911 г. Полностью роман был напечатан в журнале «Русская мысль» за 1911 г., №№ V, VI, XI, XII, и за 1912 г., №№ I, III, IV, X, XI, XII. Отдельным изданием роман вышел в 1913 г. вошел в собрания сочинений Д. С. Мережковского, изданные Товариществом М. О. Вольф (1912) и Товариществом И. Д. Сытина (1914).

Роман «14 декабря» был напечатан отдельным изданием в книгоиздательстве «Огни», СПб., 1918.

«Рождение богов» (Тутанкамон на Крите) был напечатан отдельным изданием в издательстве «Пламя», Прага, 1925.

---

[1] Глеб Струве. Русская литература в изгнании. Изд. 2-е. Париж, 1984, стр. 91, 256.

Итальянские новеллы

«Любовь сильнее смерти». Впервые была напечатана в журнале «Северный вестник» в 1896 г., № 8. Вошла в сборник новелл издательства «Скорпион» (1902), М. Второе издание (М. В. Пирожкова) появилось в 1904 г. Вошла в собрания сочинений Д. С. Мережковского, изданные Товариществом М. О. Вольф (1912) и Товариществом И. Д. Сытина (1914).

«Наука любви». Впервые была напечатана в журнале «Северный вестник» в 1896 г., № 8. Вошла в сборник новелл книгоиздательства «Скорпион» (1902), в собрания сочинений Д. С. Мережковского, изданные Товариществом М. О. Вольф (1912) и Товариществом И. Д. Сытина (1914).

«Железное кольцо». Впервые была напечатана в журнале «Всемирная иллюстрация» в 1897 г., №№ 1—3. Вошла в собрание сочинений Д. С. Мережковского, изданное Товариществом И. Д. Сытина (1914).

«Рыцарь за прялкой». Впервые была напечатана в журнале «Нива» в 1895 г., № 52. Вошла в собрание сочинений Д. С. Мережковского, изданное Товариществом И. Д. Сытина (1914).

«Превращение». Впервые была напечатана в журнале «Нива» в 1897 г., №№ 7, 8. Вошла в собрание сочинений Д. С. Мережковского, изданное Товариществом И. Д. Сытина (1914).

«Микеланджело». Впервые вошла в сборник новелл книгоиздательства «Скорпион» (1902), М. Вошла в собрания сочинений Д. С. Мережковского, выпущенные Товариществом М. О. Вольф (1912) и Товариществом И. Д. Сытина (1914).

«Святой Сатир». Впервые была напечатана в журнале «Северный вестник» в 1895 г., № 11. Вошла в сборник новелл книгоиздательства «Скорпион» (1902), в собрания сочинений Д. С. Мережковского, изданные Товариществом М. О. Вольф (1912) и Товариществом И. Д. Сытина (1914).

Стихотворения

Стихотворения, вошедшие в настоящий раздел, публиковались в периодике в 1881—1901 гг. («Северный вестник», «Труд», «Нива», «Русская мысль», «Мир искусства» и др.) и в сборниках стихов Д. С. Мережковского: «Символы», СПб., издательство А. Суворина, 1892; Собрание стихов. 1883—1903, М., книгоиздательство «Скорпион», 1904.

Стихотворения включались в собрания сочинений Д. С. Мережковского, изданные Товариществом М. О. Вольф (1912) и Товариществом И. Д. Сытина (1914).

Состав раздела «Стихотворения» дается в настоящем издании по собранию сочинений Д. С. Мережковского издания Товарищества М. О. Вольф (1912).

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

НАУКА НЕНАВИСТИ

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ

В Великую Отечественную войну Михаил Александрович Шолохов, как и другие советские писатели, был на переднем крае борьбы. И все написанное им в лихую годину — многочисленные боевые очерки о защитниках Родины, а также главы из романа «Они сражались за Родину» — ярко отобразило подвиг народа, изгнавшего ненавистного врага с родной земли.

В целом ряде мастерски нарисованных характеров Михаил Шолохов раскрывает благородство, нравственную чистоту и духовную мощь советского народа. Сила ее в неиссякаемом патриотизме. Патриотизм объединил всех, сблизил, заставил руководствоваться во всех своих поступках бескорыстным служением Родине. Говоря о смертельном враге в очерках «Военнопленные», «Гнусность» и «На смоленском направлении», Шолохов всему миру поведал правду о фашистских солдатах, вторгшихся на нашу землю. Там, где они проходят, остаются дотла сожженные деревни и села, ничем не оправданные, бессмысленные разрушения, «вытоптанная, тоскливо ощетинившаяся рожь». Первое, что отметил Михаил Шолохов в завоевателях, — это страх за собственную жизнь. Они не знали его, когда шли по Франции, Польше, Югославии, но этот страх появился, когда они переступили границу России.

В рассказах «Наука ненависти» и «Судьба человека» Шолохов в образах Виктора Герасимова и Андрея Соколова ярко показал черты русского национального характера, силу и стойкость советского воина.

Герасимов вместе с солдатами отступал, защищая украинскую землю. Вместе со всеми ему «жалко было, просто до боли жалко» оставлять какое-нибудь украинское село, вместе со всеми он уничтожал немецкие танки, гитлеровских солдат. Был ранен и взят в плен. Тяжесть испытаний не сломила его волю, не вытравила в нем доброго, светлого, он по-прежнему может улыбаться простой, милой ребяческой улыбкой. «Высокий, немного сутулый, с приподнятыми, как у коршуна, широкими плечами... с энергическим, мужественным лицом», лейтенант Герасимов, надломленный пережитыми лишениями, но все еще сильный и крепкий, олицетворял в дни войны лучшие черты защитника Родины.

Герои Шолохова обычно поставлены в такие обстоятельства, которые выявляют их характеры во всей полноте и многосторонности. Как в образе Виктора Герасимова, так и в образе Андрея Соколова мы видим живую человеческую личность, с ее особенным характером, со своим строем чувств, мыслей, переживаний и поступков.

Вспоминая о том, что в первые годы Великой Отечественной войны немецкие фашисты называли советского солдата русским Иваном, вкладывая в эти слова пренебрежительный смысл, Ше-

лохов в одной из своих статей в публицистической форме раскрыл те психологические, эмоциональные особенности, тот неповторимый склад характера, которым обладает символический русский Иван. «Что ж, хорошее имя Иван! Иванов миллионы в многонациональной Советской стране. Это те Иваны, которые сейчас беззаветно трудятся на благо и процветание своей родины, а в прошлую войну, как и на протяжении всей истории своей страны, с непревзойденным героизмом сражались с захватчиками.

Это они грудью прикрывали дула немецких пулеметов, спасая товарищей по оружию от губительного вражеского огня, это они шли на таран в воздухе, прикрывая от бандитских налетов родные города и села, это они тонули в соленой воде всех морей и океанов, омывающих нашу Родину, и в конце концов спасли человечество от фашистской чумы, распростершей над миром черные крылья. Не щадя ни крови, ни самой жизни, они делали свое святое и благородное дело...

Символический русский Иван — это вот что: человек, одетый в серую шинель, который, не задумываясь, отдавал последний кусок хлеба и фронтовые тридцать граммов сахару осиротевшему в грозные дни войны ребенку, человек, который своим телом самоотверженно прикрывал товарища, спасая его от неминуемой гибели, человек, который, стиснув зубы, переносил и перенесет все лишения и невзгоды, идя на подвиг во имя Родины».

Шолоховский взгляд всегда устремлен к самому лучшему, что есть в душе русского человека, — к его национальной чести, гордости, бескорыстию, самоотверженности, удали, доброте и сердечности. С особой яркостью Михаил Шолохов пишет о душевной человеческой красоте.

В трагическом образе Андрея Соколова Шолохов увидел человека-борца, обладающего титаническими душевными силами, испытавшего мучительные страдания, но и после них из него «ни оха, ни вздоха не выжмешь, хотя иной раз так схватит и прижмет, что белый свет в глазах меркнет».

Много нелюдских мук пришлось вынести Андрею Соколову за два года плена. После того как немцы травили его собаками, а потом месяц держали в карцере за побег, били кулаками, резиновыми палками, топтали ногами и при всем при этом впроголодь кормили и заставляли не под силу работать, казалось, что не сдюжит человек, потеряет контроль над собой, а вместе с ним и человеческое достоинство. Но только однажды вышел из себя Андрей Соколов: «Им по четыре кубометра выработки надо, а на могилу каждому из нас и одного кубометра через глаза хватит». И вот тут-то очень важно сравнить, как готовился к смерти Андрей Соколов и как дрожал за свою жизнь немецкий военнопленный Фриц Беркманн («Военнопленные»). «На подгибающихся от страха ногах Беркманн вошел в землянку. С глаз его спяли повязку, и он, увидев мирно сидевших за столом людей, вздохнул хрипло, всей грудью и с таким облегчением, что мне стало как-то не по себе.

— Я думал, что меня ведут на расстрел, — объясняя свой невольный вздох, пролепетал пленный и тотчас стал навытяжку...

Он все еще никак не может успокоиться после пережитого волнения. Щеку его подергивает нервный тик, руки, лежащие на коленях, дрожат. Он всеми силами старается подавить свое волнение и скрыть дрожь, но это ему плохо удается. Только после того как он с жадностью выкуривает предложенную папироску, к

пему приходит уравновешенность. ...Тяжело говорить с ефрейтором Беркманном. От циничных слов этого грабителя в солдатском мундире, истерически болтливого и тупого, в землянке становится еще душнее, тянет выйти на воздух». И Андрей Соколов, когда его вызвали к коменданту, тоже предполагал, что идет «на расстрел». «Что-то жалко стало Иринку и детишек, а потом жаль эта утихла и стал я собираться с духом, чтобы гляпуть в дырку писталета бесстрашно, как и подобает солдату, чтобы враги не увидали в последнюю мою минуту, что мне с жизнью расставаться все-таки трудно».

И во все время разговора Андрея Соколова с комендантом видишь моральное превосходство русского солдата, его непревзойденную силу духа, чувство национальной гордости, никогда не покидающее его чувство юмора.

В самой, казалось бы, незначительной детали, оброненной рассказчиком, раскрывается недюжинный характер героя, его бесстрашие, мужество. И в том, что Соколов, голодный, давно отвыкший от человеческой пищи, при виде здоровенной бутыли со шнапсом, хлеба, сала, моченых яблок, открытых банок с разными консервами сумел задавить тошноту и глаза оторвать от стола, и в том, что не стал отнекиваться, когда комендант повторил его слова, брошенные вгорячах накануне, за которые положено расстреливать как за призыв к саботажу, а мужественно, с достоинством подтверждает сказанное, и в том, как он выпил три стакана водки, стремясь хоть таким способом продемонстрировать силу и мощь русского солдата, и в том, что только после третьего стакана водки он «откусил маленький кусочек хлеба, остаток положил на стол» («Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя я и с голоду пропадаю, но давиться ихней подачкой не собираюсь, что у меня есть свое, русское достоинство и гордость и что в скотину они меня не превратили, как ни старались»), и в том, что, получив за смелость небольшую буханку хлеба и кусок сала, он, повернувшись к выходу и представляя собой хорошую мишень, прежде всего пожалел, если комендант выстрелит в него в этот момент, что не донесет «ребятам этих харчей», и в том, что эти харчи по его требованию были поделены «всем поровну» — во всем этом раскрылись лучшие черты русского национального характера.

Но рассказы «Судьба человека», «Наука ненависти», очерки военных лет — это, несмотря на их высокую художественную значимость, всего лишь эпизод как в жизни Шолохова, так и в отечественной литературе. Главный интерес Шолохова был сосредоточен на окончании романа «Они сражались за Родину».

В одном из своих интервью, рассказывая о творческой истории романа «Они сражались за Родину», Шолохов говорил, что одна из целей, которую он преследовал при написании романа, заключалась в том, чтобы посмешить героев-солдат неповторимым юмором, развлечь уставших от войны солдат, влить в них бодрость, энергию, радость жизни. Главы печатались тогда, когда война была в полном разгаре, когда уже всем был ясен исход этой великой битвы, но она требовала напряжения всех сил. И шолоховское искусство своей правдой, бескомпромиссностью, глубиной в освещении событий, простотой и обаятельностью действующих персонажей покорило солдатские и офицерские массы. Миллионным тиражом печаталась каждая новая глава шолоховского романа, и все было мало.

После войны Михаил Шолохов по-прежнему много и напряженно работал над романом. Долг перед читателями, перед народом, вынесшим на своих плечах такую войну, Шолохов спешил погасить.

Человек на войне такой же, как и всегда: прост, обходителен, дружелюбен, внимателен к товарищам и друзьям, ценит теплое слово, любит посмеяться и пошутить даже в самые трудные минуты жизни. Ничто человеческое не чуждо солдату — таков взгляд Шолохова на человека на войне, ярко проявившийся в опубликованных главах романа «Они сражались за Родину».

Звягинцев, Стрельцов, Лопахин, Копытовский, какие бы героические поступки они ни совершали, всегда, в любой момент своей жизни, предстают живыми людьми, полными человеческих чувств и страстей. Смело и трезво показывает Шолохов те сложные внешние и внутренние противоречия, через которые проходят его герои.

Иван Звягинцев сразу привлекает читателя своей простотой, непосредственностью, добродушием, полной отдачей тому, что он делает, отзывчивостью к горю и страданиям ближнего, неподдельным чувством юмора, с которым он рассказывает взгрустнувшему Стрельцову о своих неурядицах семейной жизни. Вот он нетерпеливо смотрит, как Николай Стрельцов пьет маленькими глотками воду, «часто отрываясь и снова жадно припадая к краю ведра». Он не такой, не любит тянуть, Звягинцев «на это нетерпеливый». «Он взял из рук Николая ведро и, запрокинув голову, долго, не переводя дыхания, пил большими, звучными, как у лошади, глотками». Вот он во время короткого перерыва с удовольствием возится около мотора трактора и так, видно, увлекся, что «широченная спина его и бугроватые мускулистые руки были густо измазаны отработанным маслом, черная полоса наискось тянулась через все лицо». Эта работа привычна для него, он комбайнер по специальности и «невыносимо» любит и уважает всякие моторы.

Вот Иван Звягинцев, смертельно уставший, долгое время отгонявший сильную дрему мыслями вслух и пикировкой с Лопахиным, все-таки засыпает на ходу. И столько в нем, этом сильном, мужественном солдате, беспомощности, что всегда насмешливый Лопахин, «тщетно стараясь скрыть стыдливую мужскую нежность», делится с ним последней щепоткой табака: «Для хорошего товарища не то что последний табак не жалко отдать, иной раз и последней кровинкой пожертвовать не жалко... А ты — товарищ подходящий и солдат ничего себе, от танков не бегаешь, штыком работаешь исправно, воюешь со злостью и до того, что с ног валишься на ходу. А я страсть уважаю таких неравнодушных, какие воюют до упаду: с немецкой подлюгой воевать надо сдельно, подрядился — и дуй до победного конца, холоднокровной поденщиной тут не обойдешься...»

Да и вся эта главка о Звягинцеве согрета поистине шолоховским гуманизмом, теплотой, сердечностью. Но шесть часов беспрерывного боя, жесточайший шквал огня, обрушившийся вскоре после этого, бессонные ночи и предельная усталость сделали свое дело: «Звягинцев, вначале кое-как крепившийся, под конец утратил и редко покидавшее его мужество, и надежду уцелеть в этом аду... внутри у Звягинцева вдруг словно что-то надломилось. Он резко вздрогнул, прижался к передней стенке окопа грудью, плечами, всем своим крупным телом и, сжав кулаки так, что опе-

мели кончики пальцев, широко раскрыл глаза... Только на миг мелькнула у него четко оформившаяся мысль: «Надо бы окоп поглубже отрыть», — а потом уже не было ни связных мыслей, ни чувств, ничего, кроме жадно сосавшего сердце страха.

На наших глазах человек здесь все время борется со своей слабостью. Он осунулся, постарел за эти полчаса, но как только началась атака, он «весь подобрался», от недавней беспомощной растерянности не осталось и следа. Как о постороннем, испытывая «какое-то внутреннее неудобство и стыд», стал думать о только что пережитом. Звягинцев победил в себе страх, и в этом бою он вел себя как герой...

У Шолохова есть замечательное высказывание, которое многое объясняет в его отношении к человеку на войне. Выступая на XXII съезде, он говорил: «Допустим, я пишу о нашем солдате, о человеке, бесконечно родном мне и близком. Как же я напишу о нем худо? Он мой, весь мой, от пилотки до портянок, и я стараюсь не замечать, допустим, рябинок на его лице или некоторых изъянов в его характере. А если и замечу, то уж постараюсь написать так, чтобы читатель тоже полюбил его вместе и с этими милыми рябинками, и с небольшими изъянами в характере».

В опубликованных главах романа «Они сражались за Родину» нет ничего эффектного: ни преувеличенных страстей, ни грандиозных подвигов — перед нами предстает фронтовая жизнь во всей ее простоте. И эта необычайная глубина воспроизведения жизни, многосторонность ее отражения привели писателя к тому, что героическое под его пером теряет павлинью окраску, становится простым, будничным, повседневным.

В жизни есть такие сложные явления, которые трудно, да и вряд ли возможно подогнать под какую-либо узаконенную формулу. К таким сложным явлениям относится и человеческий характер. Образ положительного героя в трактовке Шолохова теряет романтические очертания, перестает быть будничным, становится как бы подготовкой к свершению героического подвига, но ни один из его героев даже не помышляет, что это подвиг.

Михаил Шолохов проникает в самую сокровенную жизнь своих героев, подслушивает все их мысли и думы. Поэтому ничего нет удивительного в том, что героизм Звягинцева, Стрельцова, Лопахина совершенно лишен внешнего блеска. Перед нами обыкновенные люди, которым свойственны те или иные слабости и ошибки. Героический характер в трактовке Шолохова предстает перед нами как обыкновенный человек, потому что писатель показал его нам со всех сторон. В этом новаторство Михаила Шолохова в показе человека на войне.

Виктор ПЕТЕЛИН

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Последний поклон. . . . . [illegible]
Звездопад. . . . . [illegible]
Пастух и пастушка (современная пастораль). . . . . [illegible]

РАССКАЗЫ

Сашка Лебедев. . . . . [illegible]
Старая лошадь. . . . . [illegible]
Ясным ли днем. . . . . [illegible]
Пир после победы. . . . . [illegible]

ББК 84 Р7
С 30

Текст печатается по изданию:
Семенов Ю. Позиция. Книга первая. М. «Международные отношения», 1986.

© «Международные отношения», 1986
© Издательство «Ирфон», 1987

ОТ АВТОРА

Дорогой товарищ!

Читатель в своих письмах [illegible] процент исторической правды в моих хрониках о Штирлице, какова [illegible] судьба — до того момента, как он вновь появился в моих книгах «[illegible]» и «Бомба для председателя»?

Искусство — а литература [illegible] подразделением (да простится мне это сугубо военное определение) — [illegible] сказке, которая, по Пушкину, [illegible] добру [illegible] урок».

Конечно же, Штирлиц — [illegible]. Не было одного Штирлица. Однако [illegible] Штирлиц.

А вот факт [illegible]

А самого Карла [illegible] личного штаба Гиммлера, я не [illegible] бодрый восьмидесятилетний нацист, ни в чем не отступивший [illegible] принципов расизма, антикоммунизма и [illegible] «Да я был, есть и остаюсь верным палладином фюрера». И [illegible] СС — в Западной Германии более [illegible] торжественные похороны главному военному преступнику [illegible] в Нюрнберге; за гробом преемника Гитлера шли «старые борцы», их снимало телевидение и они не прятались камер, а, наоборот, красовались перед объективами, эти нацистские недобитки, выпускающие ныне свои мемуары, в которых восхваляется «эра национал-социализма». Сейчас эти бандиты вновь стали весьма состоятельными людьми, что позволяет им финансировать пропаганду гитлеризма, содействовать массовому изданию книг, в которых молодежи пытаются втолковать, что, мол, Гитлер — «обманутый идеалист», что он был «лучшим другом молодежи», что при нем «не было безработицы», что при нем «был порядок». Порядок был, «новый порядок» — когда в крематорий отправляли по очереди, вроде как в баню; порядок был — но по карточкам; мясо — норма на неделю, хлеб — норма на день; порядок был — попробуй покритиковать «идеалиста» за то, что твой отец погиб на Восточном фронте за его, «идеалиста», бредовую идею «мирового владычества» — завтра же очутишься в концлагере или попадешь под гильотину.

Снова собираются «судетские» и «кенигсбергские» землячества гитлеровцев,— бандиты мечтают о реванше; коричневый ужас царствует в Чили и Парагвае; юаровские расисты снабжают бандитские группировки в Анголе гитлеровским оружием: совсем недавно бойцы революционной Анголы передали мне нацистский «вальтер-полицай», пистолет, который выдавали эсэсовцам; ныне он попал в руки новых «борцов за свободу и демократию».

Значит, задача литературы состоит в том, чтобы противостоять фашизму — во всех его проявлениях.

Значит, задача литературы состоит в том, чтобы хранить память, ибо человечество ныне живо лишь благодаря тому, что двадцать миллионов советских людей погибли, защищая Завтра нашей планеты. Память о тех, кто ушел, чтобы мы остались,— священна; никто не забыт, и ничто не забыто.

Священна память и о тех бойцах с фашизмом, которые погибли не в танковой атаке, не в воздушном бою и не в стремительном броске на вражеские окопы, а на незримом фронте. Священна память Николая Кузнецова, Рихарда Зорге, Маневича, Медведева, Шандора Радо и других, чьи имена еще не известны нам, но обязательно станут известны, и тогда этим Героям будут посвящены книги и фильмы.

Цикл новых романов, объединенных общим названием «Позиция», обязан быть предварен именно этим томом; читатель должен знать, что попытки ряда нацистских главарей сговориться с Даллесом весной сорок пятого не были случайностью. События, происшедшие в мире в 1946—1947 годах, свидетельствуют об этом с неумолимой очевидностью.

Ежедневно я получаю множество писем от читателей. Иные корреспонденты прямо-таки требовали: «Продолжайте работать над романами о Штирлице!» К такого рода корреспондентам, кстати говоря, относится и Жорж Сименон: «В своих политических хрониках Вы имеете уникальную возможность через судьбу вашего Штирлица показать историю недавнего прошлого; она того заслуживает».

Пишешь не для кого-то, но именно для читателя. Самое важное для литератора — ощущение нужности твоего дела людям. Вот я и сел за новые романы о Штирлице, впрямую связанные с законченным уже циклом «Альтернатива».

Гонорар от этой книги передаю в фонд ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В свое время Сенека сказал: «Для меня нет интереса знать что-либо, хотя бы самое полезное, если только я один буду это знать. Если бы мне предложили высшую мудрость под непременным условием, чтобы я молчал о ней, я бы отказался».

За свои сорок лет жизни Юлиан Семенов успел узнать многое, и это многое он щедро отдает в своих книгах многомиллионному читателю. Историк и востоковед по образованию, он начинал как преподаватель афганского языка на историческом факультете МГУ и как исследователь Среднего Востока. Распространенное мнение, что труд историка — труд кабинетный, тихий, спокойный, — мнение отнюдь не верное. Историк подобен хирургу, зодчему, военачальнику — он всегда в поиске, он ощущает в себе страстное столкновение различностей, из которых только и может родиться единая и точная концепция того или иного эпизода истории. Каждое определение «эпизод истории» на самом деле включает в себя борение страстей пушкинского или шекспировского плана, сопряженность миллионов и личности, подвижничество и прозябания, прозрения и обыденности, добра и зла.

Чехов утверждал, что тот, «кто выше всего ставит жизнь своих близких, должен совершенно отказаться от личной жизни».

Юлиан Семенов, высаживавшийся на [illegible] Северного полюса, прошедший в качестве специального корреспондента «Правды» пылающие джунгли героического Вьетнама, сражавшийся бок о бок вместе с партизанами Лаоса, передававший мастерские репортажи из Чили и Сальвадора, Лос-Анджелеса и Токио, из Перу и с Кюрасао, из Франции и с Борнео, знавший затаенно-тихие улицы ночного Мадрида, когда он шел по следам бывших гитлеровцев, скрывшихся от

справедливого возмездия, живет по-настоящему идейной жизнью.

Именно поэтому его герой Максим Максимович Исаев-Штирлиц стал любимым героем советской молодежи — писатель отдает своему герою частицу своего «я», и чем больше он отдает себя своему герою, тем ярче, жизненнее и объемнее он становится.

Писатель, посвятивший себя созданию политических романов, в подоплеке которых — реальные факты истории, оказывается в положении особом: давно прошедшее он должен сделать сегодняшним, в былое он обязан вдохнуть живую реальность. Вне героя, который шел бы сквозь пласт истории, труд писателя обречен — обычная фотоиллюстрация в век цветной фотографии смотрится беспомощно и жалко.

В политических хрониках Юлиана Семенова категория интереса, то есть острый сюжет; информация, то есть широкое знание и понимание проблем; чувства, то есть душевное наполнение героев, — сплавлены так, что не видно «швов», это словно работа мастера горячей сварки. Исследование истории, политики и человеческих судеб в условиях нашего великого времени, потрясшего мир, — вот что такое романы Ю. Семенова о Штирлице.

Писатель проводит своего героя сквозь грозные и прекрасные годы революции. Романы «Бриллианты для диктатуры пролетариата» и «Пароль не нужен», написанные на одном дыхании, как, впрочем, и все у Семенова, не есть плод одной фантазии — писатель следует за строками документов той эпохи.

От романа к роману Ю. Семенов прослеживает становление и мужание Максима Исаева, коммуниста, солдата, антифашиста. Мы видим Исаева-Штирлица во время гражданской войны в Испании: в дни боев под Уэской и Харамой мы вместе с Михаилом Кольцовым встречали таких Штирлицев — замечательных дзержинцев, принявших бой с гитлеровцами, первый бой, самый первый. Читатель будет следить за событиями, разыгравшимися в тревожные весенние дни сорок первого года, когда Гитлер начал войну против Югославии, — роман «Альтернатива», написанный Ю. Семеновым в Белграде и Загребе, открывает множество неизвестных доселе подробностей в сложной политической структуре того периода; мы увидим Штирлица в самые первые дни Великой Отечественной войны, мы встретимся с ним в Кракове, обреченном нацистами на уничтожение, мы поймем, какой вклад внес Штирлиц в

спасение этого замечательного города, помогая группе майора Вихря, мы будем следить за опаснейшей работой Штирлица в те «семнадцать мгновений весны», которые так много значили для судеб мира в последние месяцы войны, когда я, фронтовой киножурналист, шел с нашими войсками по дорогам поверженного гитлеровского рейха, и наконец спустя двадцать лет мы вновь встретим Максима Максимовича Исаева, когда он, демобилизовавшись, вернулся к мирному труду ученого и журналиста, но жизнь столкнула его вновь — лицом к лицу — с последышами гитлеризма, с теми, кто делает «бомбу для председателя», с маньяками, обуреваемыми идеями расового превосходства и слепого националистического неонацизма.

Создавая свои политические хроники, Юлиан Семенов прошел все дороги своего героя: я помню, с какой настойчивостью он выступал против «отца душегубок» Рауфа, скрывавшегося от справедливого возмездия в Пунта-Аренас, столице Огненной Земли, я помню, как вместе с перуанским антифашистом Сесарем Угарте он разоблачал подручного Кальтенбруннера — гестаповца Швендта, затаившегося в Лиме.

Именно поэтому политические хроники Семенова отличает скрупулезное знание материала, именно поэтому так бескомпромиссна авторская позиция писателя-антифашиста.

Особенно мне хотелось бы отметить язык романов: емкий, приближенный к манере современного кинематографа, насыщенный огромным зарядом информации, рапирный — в острых и динамичных диалогах, доказательный — в раздумьях, лирический — в акварельных и тонких описаниях природы.

Все это — в значительной мере — объединяет романы Семенова единым стержнем, ибо эклектика, формализм, склонность к языковому «модерну» чужды нашей советской литературе.

Именно это вкупе, естественно, с открытием новых пластов истории, с глубокими философскими раздумьями, с интереснейшими человеческими характерами сделало прозу Ю. Семенова объектом пристального интереса наших кинематографистов — такие фильмы, как «Семнадцать мгновений весны», «Майор Вихрь», «Пароль не нужен», пользуются заслуженной и доброй славой в нашей стране и за рубежом.

Юлиан Семенов выступает в этой хронике-эпопее как социолог, историк, политический журналист — этот сплав породил новое качество романа, политического романа, построенного на факте, а написанного в жанре мастерского детектива.

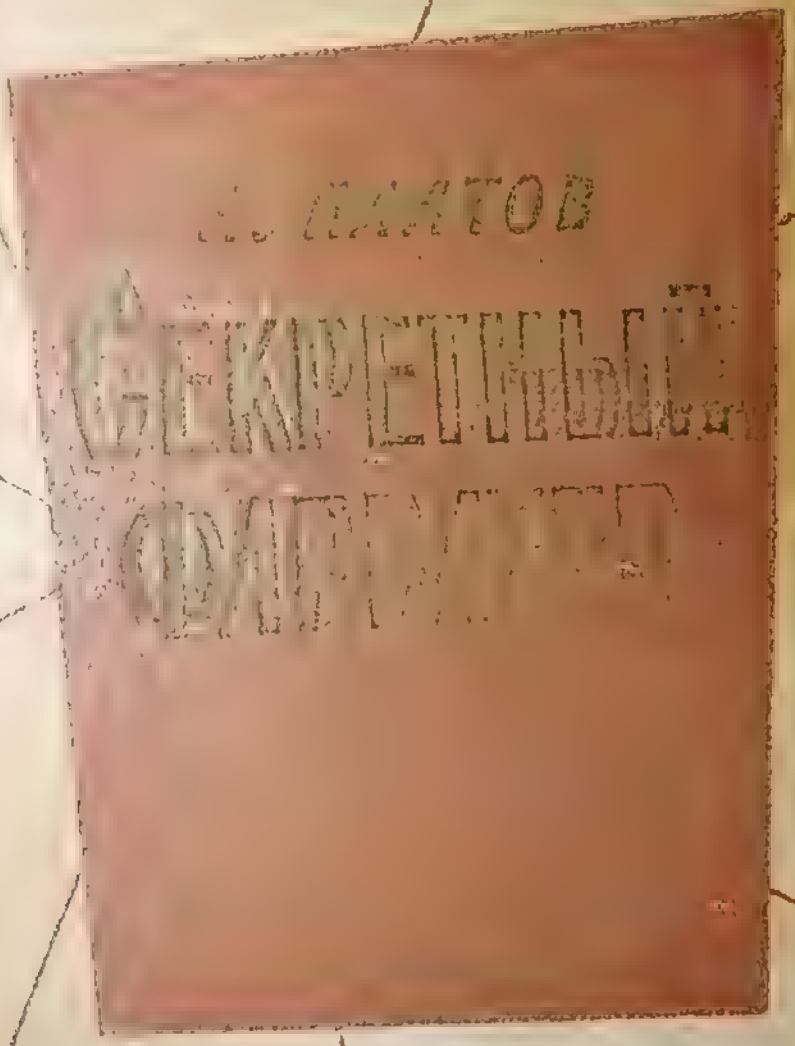
Через судьбу Максима Исаева-Штирлица прослеживаются скрытые пружины важнейших исторических событий. Судьба Исаева — одна из миллионов судеб тех, кто внес свой вклад в великий подвиг советского народа, спасшего мир от коричневой чумы...

Роман КАРМЕН,
лауреат Ленинской премии,
Герой Социалистического Труда. 1975 год

ОТ АВТОРА.

Выражаю свою глубокую благодарность всем военным морякам и пограничникам, которые оказали мне неоценимую помощь в работе над этим романом, и в особенности: Герою Советского Союза, контр-адмиралу С. А. Осипову, бывшему командиру гвардейского дивизиона торпедных катеров, контр-адмиралу А. Д. Федорову, бывшему начальнику кафедры Высшего военно-морского училища подводного плавания, капитану первого ранга Х. Е. Добрускину, начальнику разведывательного отдела Краснознаменного Балтийского флота в годы войны, а также генерал-майору П. Н. Кузнецову.

ВОЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ



СОДЕРЖАНИЕ

Завтра была война 5

А зори здесь тихие... 137

Рассказы 243

Встречный бой 245

Неопалимая купина 280

Ветеран 363

ДОБРОЕ ИСКУССТВО БОРИСА ВАСИЛЬЕВА

Борис Васильев пишет с 1954 года. Он был уже опытным, профессиональным литератором, автором пьес («Офицеры», «Стучите и откроется», «Отчизна моя, Россия») и киносценариев («Очередной рейс», «Длинный день», «Сержанты»), когда в журнале «Юность» появилась небольшая повесть «А зори здесь тихие...» (1969). Ее успех и определил дальнейшую судьбу писателя. Васильев нашел свое место в литературе, обратившись к самым традиционным прозаическим жанрам — повести, роману, рассказу. Но в то же время он сохранил приверженность к театру и кино, что весьма ощутимо чувствуется почти во всех произведениях Васильева, и, может быть, особенно сильно в повести «А зори здесь тихие...», романах «В списках не значился», «Не стреляйте в белых лебедей». Закономерно, что все эти произведения Васильева обрели и другую, театральную жизнь. Запомнился спектакль «А зори здесь тихие...», поставленный Драматическим театром на Таганке. С большим успехом шел на отечественных и зарубежных экранах и одноименный фильм, сценарий которого написал Б. Васильев.

Со времени публикации повести «А зори здесь тихие...» прошло десять лет. Срок немалый. На страницах журналов «Юность» и «Новый мир» за это время были напечатаны новые романы, повести, несколько превосходных рассказов Васильева. Сегодня писателя уже никак не назовешь начинающим или автором одной вещи. И все-таки ни одно из произведений Васильева не встретило такого живого отклика, всенародного резонанса, как повесть «А зори здесь тихие...». Дело здесь не в том, что Васильев стал писать хуже и краски его таланта поблекли. Напротив, профессиональное мастерство писателя возросло, расширился и горизонт творчества: в последние годы Васильев работал над большим историческим романом о событиях русско-турецкой войны 1876—1877 годов — «Были и небыли» («Новый мир», 1977, № 8, 9; 1978, № 3, 4). Но тем не менее для большинства читателей Васильев в первую очередь автор повести «А зори здесь тихие...». И это естественно — повесть покоряет удивительной чистотой нравственного чувства, проникновенным гуманизмом, потрясает и эмоционально «заражает» читателя, которого трудно, казалось бы, чем-то удивить, в том числе и но-

вым талантливым произведением о суровых и героических буднях Великой Отечественной. Она оказалась как-то очень сродни интересам и размышлениям современников — и тем, которые хорошо знали, что такое война, и тем, кто уже родился в мирные пятидесятые годы.

Первые главы повести рисуют почти идиллическую картину мирного военного быта. Война где-то вдали; здесь же, на 171-м разъезде, тишина и безделье. Патриархальным образом устроился превратившийся в «писателя» комендант разъезда старшина Васков. Прибытие на разъезд в распоряжение старшины девушек-зенитчиц еще более настраивает читателя на веселый лад. Складывается комическая, озорная ситуация — и Васильев щедро вводит в повествование юмористические штрихи, подшучивая над незадачливым и простодушным комендантом, тщетно пытающимся в сложившихся обстоятельствах действовать по уставу. Васкову, впрочем, не до смеха — его авторитет командира ежеминутно подвергается испытаниям, и все происходящее он склонен воспринимать как нелепый сон, неуместную и обидную шутку.

Васков, бесспорно, наиболее удавшийся герой произведения — его стержень и фундамент. Да и само повествование строится как своеобразный компромисс между словом героя и автора, причем голос Васкова — очевидца и хроникера — незаметно и органично сливается с авторским голосом. Последний как бы звучит за кадром, вдруг врываясь во внутренний монолог героя или откровенно прерывая его биографическими новеллами-вставками. Хотя Васков сначала фигура больше комическая, но это комизм особого рода, ситуативный, так как в самом герое нет ничего смешного и могущего спровоцировать даже улыбку. Он — жертва обстоятельств, и жертва невинная. Получилось так, что весьма почтенные и обычные качества опытного служаки, придя в соприкосновение с новой, необычной и, по сути, полуштатской средой, оказываются смешными и как бы ненужными.

Хмурому старшине Федоту Евграфовичу Васкову немногим более тридцати лет, но в глазах окружающих — и не только девушек, бойцов его отряда — он старичок, «пенек замшелый», «медведь глухоманный». Стариком чувствует себя и сам Васков, оглядываясь на прожитые годы. С четырнадцати лет он кормилец в семье. А в армии он уже давно, так что как будто никакой другой жизни, кроме армейской, не существует для Васкова, — после семейной драмы и смерти сына он помрачнел, замкнулся, перестал улыбаться, но не озлобился на мир, не стал мизантропом и женоненавистником. В угрюмом старшине неисчерпаемый запас душевного тепла, вот только разглядеть эту «вторую» натуру Васкова нелегко, — жизнь его обожгла и серьезно потрепала, напоила горечью обид и утрат.

На первый взгляд Васков — заурядный, неинтересный человек, скучный и нелюдимый. Он — аккуратный исполнитель, чем и любезен начальству; с неба звезд не хватает и не собирается даже заниматься

столь пустым занятием; карьера его не интересует, и внутренняя жизнь души как бы не существует или, вернее, существует, но в пределах, дозволенных начальством и предусмотренных воинским уставом. «Всю свою жизнь Федот Евграфович выполнял приказания. Выполнял буквально, быстро и с удовольствием, ибо в этом пунктуальном исполнении чужой воли видел весь смысл своего существования. Как исполнителя его ценило начальство, а большего от него и не требовалось. Он был передаточной шестерней огромного, заботливо отлаженного механизма: вертелся и вертел других, не заботясь о том, откуда началось это вращение, куда направлено и чем заканчивается».

Эти авторские суждения о герое не то чтобы неверны, они недостаточны. Васильев, чуждаясь патетики и удобных, но бессильных заполнить эстетическую пустоту, риторических фигур, избегая эффектных и в то же время бестактных экскурсов в душевный мир героя, показывает его в действии, где в чрезвычайной ситуации, в деле раскрывается подлинное человеческое величие обыкновенного старшины «курортного» 171-го разъезда. Там-то именно и обнаруживается, какой действительно редкий, удивительный «исполнитель» Васков, не потому, однако, что он все делает механически, согласно чужой воле, а напротив — как человек, безупречно овладевший сложным и всегда по-особому трудным искусством войны. «Война — это ведь не просто, кто кого перестреляет. Война — это кто кого передумает. Устав для того и создан, чтобы голову тебе освободить, чтоб ты вдаль думать мог, по ту сторону, за противника» — таков сформулированный одновременно от автора и героя один из вечных законов войны.

Нет, Васков не марионетка, и сравнение его с передаточной шестерней лишь отчасти справедливо и передает одну и, пожалуй, внешнюю сторону натуры старшины. Васков — человек высокой ответственности, понимающий, какой огромной важности дело выпало на его долю, знающий, что от его действий тоже зависит судьба России, и черпающий силы в этой великой вере. Даже, точнее, не знающий, а всем существом чувствующий, так как одного знания тут мало. «И такое чувство у него было, словно именно за его спиной вся Россия сошлась, словно он, Федот Евграфыч Васков, был сейчас ее последним сыном и защитником. И не было во всем мире больше никого — лишь он, враг да Россия».

Васков с честью выполнил свой долг перед Родиной. Все, что в его силах, сделал он и для того, чтобы уберечь от смерти своих насмешливых юных красноармейцев, с которыми он за время опаснейшей военной экспедиции сросся душой и сердцем, исполняя и командирские и отцовские обязанности. Вот только тщетными оказались все его усилия, энергия, огромный жизненный опыт. Одна за другой гибнут девушки-зенитчицы. Гибнут и по своей вине, и по воле случая, царствующего на войне, и в обстоятельствах безнадежных, в которых уцелеть почти немыслимо, равнозначно чуду. «Они жили единой жизнью, но

смерть у каждого была своя», — размышляет Васильев в романе «В списках не значился», и эти слова еще больше уместны в повести о старшине Васкове и пяти девушках-зенитчицах, где каждая смерть воспринимается не просто как утрата — как непоправимое, чудовищное и противоестественное событие. Ведь гибнут девушки, у которых еще только началась жизнь, рожденные для мира.

Сотрясается от ужаса и отвращения Женя Комелькова, убившая фашиста. Васков не вмешивается, не утешает, умудренно и тактично безмолвствует, испытывая чувство горечи и сострадания, понимая, что происшедшее кошмарно, хотя нет тут ни малейшей вины ни его, ни девушки. «Он не трогал Комелькову, не окликал, по себе зная, что первая рукопашная всегда ломает человека, преступив через естественный, как жизнь, закон — «не убий». Тут привыкнуть надо, душой зачерстветь, и не такие бойцы, как Евгения, а здоровенные мужики тяжело и мучительно страдали, пока на новый лад перекраивалась их совесть. А тут ведь женщина по живой голове прикладом била, баба, мать будущая, в которой самой природой ненависть к убийству заложена».

Многое знает старшина. Знает и то, что не передать ему свое знание девушкам, к которым он просто не может относиться как командир к бойцам, поступившим в его распоряжение. Вот отчего совсем не по уставу действует старшина, жалея, как малолетнего и перепуганного ребенка, Галю Четвертак, спасая ее от комсомольского суда. Поступок нелогичный и удивительный, так как совершает его обстрелянный и опытный солдат, знающий цену уступкам и «гуманным» порывам на войне, безукоризненный службист, для которого устав — закон. Не единственный, однако, закон, и пусть жалость и сострадание не спасли девушку и чуть не погубили старшину, явно ухудшили и без того тяжелое положение отряда—иначе он поступить не мог. Поэтому Васков не раскаивается в содеянном и сознательно говорит неправду, причисляя Галю Четвертак к погибшим храброй смертью товарищам. Святая ложь, и абсолютно понятно, почему Васков скрыл от оставшихся в живых (ненадолго!) истину. Он видит в Гале не бойца, а ребенка, которого он не смог уберечь, — еще одна маленькая ниточка «в бесконечной пряже человечества, перерезанная ножом...». Еще одна сестричка. А Васкову все они равно дороги, и ответственность у него тяжкая, двойная — перед Родиной и вверенными ему дочерьми войны.

Этот много повидавший и испытавший человек, привыкший к любым ситуациям на войне, горько обиженный в мирной жизни, в сущности, обособившийся и замкнувшийся, позабывший, что такое жизнерадостный смех и безнадежные слезы, бессильно плачет, впервые глубоко и лично осознав и прочувствовав всю чудовищную античеловечность войны. Ничего, кроме великого горя и сжигающей ненависти к врагам, не ощущает старшина Васков, — слишком большой ценой заплачено за победу. Наука ненависти, стократно усиленная наукой любви и неотделимая от нее.

Гуманистическое начало повести «А зори здесь тихие...», безусловно, самое главное и ценное в ней. Война здесь показана не с героической, а с обыденно-трагической стороны. Васильеву удалось создать яркие, запоминающиеся образы старшины Васкова и пяти бойцов его полувзвода. Безупречно вошли в ткань повести биографии девушек — своего рода некрологи, предшествующие их смерти. Психологический ряд повести искусно переплетен с событийным. С неослабевающим вниманием следишь за всеми подробностями необычайной военной операции. Повесть кажется написанной на едином дыхании. Захватывает душевная и скорбная интонация, достигающая трагической кульминации в финале повести. И, пожалуй, только назидательный эпилог, прямолинейно устанавливающий связь времен, представляется излишним. Но, собственно, это уже не повесть, а небольшое прибавление к ней — невинная уступка вкусу читателя.

* * *

Роман «В списках не значился» — взволнованное и патетическое повествование о подвиге одного из защитников Брестской крепости. О героях Бреста написано немало, и, конечно, всем памятна талантливая документальная книга С. С. Смирнова. Роман Васильева также имеет документальную основу — писатель рассказал в эпилоге, из каких реальных брестских впечатлений возник замысел книги. Но реальные впечатления лишь фундамент романа. Быль здесь тесно переплелась с народной легендой о герое, имя которого — Николай и воинское звание — лейтенант, фамилия же осталась неизвестной. Роман написан в ином стилистическом ключе, чем повесть «А зори здесь тихие...», что вполне понятно и закономерно, так как его герой — личность легендарная, последний защитник так и не склонившей головы крепости. Смерть героя — апофеоз свободы и бессмертия. Патетический финал — венок мужественному сыну непокоренной Родины, история, возведенная на уровень легенды.

Борис Васильев обычно предпочитает ситуации крайние, необыкновенные, на пороге жизни и смерти, мира и войны, сюжеты динамичные и усложненные, резкие психологические контрасты. Подготовка к действию, введение или экспозиция отличаются краткостью. Не исключение и роман «В списках не значился». О прошлом лейтенанта Плужникова сказано скупо и без легкой иронии. Николай Плужников очень молод, и его эмоции и мечты, соответственно, очень молоды, как молодо и потому наивно, ясно, безоблачно отношение к жизни.

Война в один миг дочиста выветрила как прежние настроения, так и вполне понятное, естественное тщеславие молодого командира Красной Армии. Николаю очень скоро пришлось узнать, что командир он еще плохой, а его первые действия на войне совершенно справедливо квалифицируются как преступление, за которое по армейским законам

полагается расстрел. Наступает время беспощадного суда над собой. Юный лейтенант Плужников умер в первый же день войны, сразу став человеком без возраста, молодость которого сгорела без остатка в страшном и безжалостно уничтожающем иллюзии огне. Плужников, сполна уже заплатив по счету войны, равнодушно отворачивается от своей новой командирской шинели, как от ушедшего прошлого. «Он сидел на полу, не шевелясь, угрюмо думая, что совершил самое страшное — предал товарищей. Он не искал оправданий, не жалел себя — он стремился понять, почему это произошло. «Нет, я струсил не сейчас, — думал он. — Я струсил во вчерашней атаке. После нее я потерял себя, упустил из рук командование. Я думал о том, что буду рассказывать. Не о том, как буду воевать, а что буду рассказывать...»

Николай Плужников стал бойцом невидимой армии ночных мстителей Бреста — неуловимых и, казалось, заговоренных от смерти. «Израненные, опаленные, измотанные жаждой и боями скелеты в лохмотьях поднимались из-под кирпичей, выползали из подвалов и в штыковых атаках уничтожали тех, кто рисковал остаться на ночь. И немцы боялись ночей».

Герои Бреста «умирали, не сдаваясь», приближая в страшные первые месяцы войны очень тогда далекий день победы. Они знали, что обречены, но продолжали сражаться, бросая вызов смерти. Умирали непобежденными. «Человека нельзя победить, если он этого не хочет. Убить можно, а победить нельзя», — говорит Плужников. Эти слова — не красивая фраза, не патетическая декламация, они — героическая формула Брестской эпопеи. А также — пророческое предвидение лейтенантом Плужниковым собственной судьбы. «Он упал на спину, навзничь, широко раскинув руки, подставив солнцу невидящие, широко открытые глаза. Упал свободным и после жизни, смертию смерть поправ».

Политрук, фельдшер, старшина Семишный, завещавший Плужникову перед смертью знамя полка, — звенья единой, прочной и вечной цепи. Николай с отчаянием кричит в первый день войны: «Пустите! Я в полк должен! В полк! Я же в списках еще не значусь!» Не суждено было Плужникову найти свой полк и быть зачисленным в списки. В апрельские дни 1942 года, после десяти месяцев немыслимых испытаний, великих потерь и побед, он уже не думает ни о списках, ни о личной славе. Не сожалеет и о том, что его имя затеряется в бесконечном мартирологе безымянных героев, неизвестных солдат. «Он уже не ощущал своего «я», он ощущал нечто большее — свою личность... И спокойно сознавал, что никому и никогда не будет важно, как именно звали эту личность, где и как она жила, кого любила и как погибла. Важным было одно — важным было, что звено, связывающее прошлое и будущее в единую цепь времени, было прочным».

Лейтенант Николай Плужников имел высшее, подвигом данное право так думать. Но в одном он ошибся — потомкам вовсе не без-

различно, как жили и как погибли героические защитники Родины.

Последние месяцы жизни лейтенанта Плужникова — каждодневный подвиг человека, продолжавшего сражаться несмотря ни на что, в одиночку. Героическая эпопея, символизирующая великую нравственную победу советского воина.

* * *

Роман «Не стреляйте в белых лебедей» — одна из частей своеобразной трилогии Б. Васильева о современной жизни; ему предшествовали повести «Иванов катер» и «Самый последний день». Повести и роман объединяет одна общая главная тема — извечный конфликт между силами добра и зла, но повернутый различными сторонами, исследованный в разных плоскостях и ситуациях. Конфликт выявлен резко, без полутонов и коварных психологических сложностей. Прямо и по всем пунктам противопоставлены полярные мироощущения и нравственные позиции, персонифицированные и четко психологически разграниченные: Иван Трофимович и Сергей Прасолов («Иванов катер»), Ковалев и Валера («Самый последний день»), Егор Полушкин и Федор Бурьянов («Не стреляйте в белых лебедей»). Везде «вопрос совести» равнозначен «вопросу жизни», контраст доведен до предела, до последней черты, мир и компромисс исключены.

Егор Полушкин, о мытарствах, поражениях, победах и трагической смерти которого с любовью и трепетом рассказал Васильев в романе «Не стреляйте в белых лебедей», психологически и нравственно близок Ивану Трофимовичу и Ковалеву. Правдоискатель и поэт, теснейшими узами связанный с родной почвой, Егор — неудачник и бедолага, блаженный и юродивый в глазах большинства своих земляков. Природная деликатность, нравственная чистота Егора не находят отклика в окружающей среде. «Он всегда жил тихо и застенчиво: все озирался, не мешает ли кому, не застит ли солнышко, не путается ли в ногах. За это бы от всей души спасибо ему сказать, но спасибо никто ему не говорил. Никто». Парадоксально, но именно открытый, мягкий, поэтичный характер Егора — источник всех его несчастий и неудач. Он живет по законам сердца и совести, воспринимая мир эстетически и по-своему исключительно глубоко. Никакого раздвоения личности: Егор цельный и несомненно духовно сильный человек, абсолютно ясный, безукоризненно честный и искренний. «Егор был единым, потому что всегда оставался самим собой. Он не умел и не пытался казаться иным — не лучше, не хуже. И поступал не по соображениям ума, не с прицелом, не для одобрения свыше, а так, как велела совесть».

Вонистенное противопоставление духовного и рационального, прозаического и поэтического, ума и совести, альтруизма и хищничества, свойственное всем произведениям Васильева о послевоенной жизни, достигает кульминации в романе «Не стреляйте в белых лебедей». Борьба

сил добра и зла здесь символически подчеркнута, переведена в предсмертном сне героя в мифологическую плоскость. «А Егор опять закрыл глаза, и опять мир широко раздвинулся перед ним, и Егор перешагнул боль, печаль и тоску. И увидел мокрый от росы луг и красного коня на этом лугу. И конь узнал его и заржал призывно, приглашая сесть и скакать туда, где идет нескончаемый бой и где черная тварь, извиваясь, все еще изрыгает зло».

Так состоялось во сне превращение Егора-бедоносца в Георгия Победоносца. И хотя это сон и ни в какой бой Егору уже не придется скакать, дело правдоискателя и поэта не осталось без надежных и стойких последователей. Живет память в народе о Егоре Полушкине. Никогда не забыть ни заветов отца, ни его трагической смерти сыну Коле. Так входит в роман старинная тема русской классической литературы — «отцов и детей».

Противостоят — и непримиримо — не только герои, но и семьи, различные, если так можно выразиться, генетические традиции. Достойного преемника взрастил и Федор Ипатович Бурьянов — сына Вовку, отрока с хищническими и садистскими наклонностями, по всем статьям антипода «чистоглазого» Коли. Потребительская философия жизни Бурьяновых проста и однозначна, пронизана мелочным рациональным практицизмом, холодной жестокостью. Бурьянов расправляется с Егором с такой же звериной бесчувственностью, с какой он методично избавляется от состарившихся собак. Слезы Бурьянова после встречи с умирающим Егором — скорее всего чистейший акт лицедейства. Во всяком случае, ни о каком исправлении и нравственном преображении приобретателя и убийцы не может быть и речи. Васильев четко выдерживает психологический рисунок характера Бурьянова, вскользь упоминая в эпилоге, что Пальму, несмотря на просьбу Егора, все-таки Федор Ипатович пристрелил. Не мог не пристрелить. Слишком ненавистна стала Бурьянову собака — зловещим напоминанием о совершенном им преступлении.

В сущности, Бурьянов примитивен, в чем, кстати, его сила и необыкновенная живучесть. Его обыденный, расчетливый цинизм не нуждается в демагогической защите, в риторических завитушках. Он — человек «дела», и нажива является единственной и естественной целью — равно и причиной — всех его преступных действий. Другое дело — внутренний мир Егора-бедоносца. Многократно берет слово автор, защищая героя, разъясняя его духовную суть. Сердцевиной романа стали философско-лирические монологи Егора. Поэтому просто невозможно поверить автору, утверждающему, что Полушкину «слов сроду не хватало: видно, при рождении обделили», тем более что после этих слов «поэт» и «сказитель» увлеченно рассуждает о земле-матушке, лесе-батюшке, речке-сестричке, травке-муравке, солнышке и мягком дождичке, заключая монолог апофегмой: «Для радости да для веселия души человек труд свой производить должен».

Речи Егора о труде, природе, условиях человеческого существования дороги и близки автору, совпадают с его мироощущением, чем, видимо, и объясняется то, что писатель забыл о косноязычии, «обделенности» словом героя. Он им, напротив, наделен, и с избытком.

Слово Егора — заветное, мудрое. Оно как бы парит над повествованием, главенствуя над другими словами, и энергично утверждается. Непрактичность Егора, атрофия пресловутых «деловых» качеств много раз иллюстрируются эпизодами из жизни «бедоносца» — комических и драматическими. У Егора Полушкина постоянные нелады с трудовой деятельностью, презрительно комментируемые хорошим добытчиком и хозяином Бурьяновым, дающим ему бесполезные житейские советы. Не понимает Егора и Яков Сазанов, убежденный, что всегда надо поступать «как положено», как общепринято, не вольнодумствуя, не фантазируя и не выделяясь. С точки зрения Сазанова, Егор — личность подозрительная, никчемная. Уважительно к нему он не может относиться, — ведь общественная репутация Егора весьма незавидна. Но у Егора есть отдушина — сын. К нему и обращена его педагогическая, исповедальная речь о работе: «По сердцу она — человек горы свернет. А уж коли так-то, за ради хлебушка, то и не липнет она к рукам-то. Не дается, сынок, утекает куда-то. И руки тогда — как крюки, и голова — что пустой чугунок. И не дай тебе господи, сынок, в месте своем ошибиться. Поэтому место все определяет для сердца-то. А я тут, видать, не к месту пришелся: не лежит душа, топорщится... И выходит, Коля, выходит, что я себя маленько потерял. И как найти — не удумаю, не умыслю. Никак не удумаю — вот главное. А что смеются, так пусть себе смеются в полное здравие. На людей, сынок, обижаться не надо. Последнее это дело — на людей обиду держать. Самое последнее».

В словах Егора остро звучит многолетняя грусть человека, которому не удалось найти своего места в жизни, работы по душе. Он понимает, что тут есть доля и его вины, что грех взваливать на других ответственность за неустроенную и нелепо сложившуюся жизнь, обижаться на насмешки людей. И безусловно прав, исповедуясь перед сыном, мягко предостерегая его — молодого и горячего, болезненно переживающего обидный, колющий людской смех. Сын жалеет отца, чутким сердцем ловит его слова, но не может примириться с таким фаталистическим приятием жизни. Юродство отца, унизившего себя и жестоко, прилюдно оскорбившего его, болезненно сказалось на их отношениях. Отчаявшийся Егор Полушкин, кажется, окончательно сломился. Он порывает последние — общественные и семейные — связи: «Егор поставил жирный крест на всех работах разом. Перестал он верить в собственное везенье, в труд свой и в свои возможности, перестал биться и за себя и за семью».

Фактически от самоубийства спасли Егора хорошие люди — лесничий Юрий Петрович Чувалов и учительница Нонна Юрьевна. Люди

они, что и говорить, чуткие и добрые, но, пожалуй, и самые бесцветные герои романа. Они появляются, чтобы помочь Егору обрести утраченную веру в себя, а он в свой черед выступает их доброхотным сватом и, так сказать, крестным отцом. Они исчезают после преображения героя. Похоже, что автор и удалил их для того, чтобы создать идеальные условия для трагической смерти Егора, гибнувшего на посту, как положено «старшему сыну» природы, защищая дело всей жизни, о котором он просто и задушевно говорил на столичном совещании: «А природа, она все покуда терпит. Она молчком умирает, долголетно. И никакой человек не царь ей, природе-то. Не царь, вредно это — царем-то зваться. Сын он ее, старший сыночек. Так разумным же будь, не вгоняй в гроб маменьку».

Егор с болью видит неблагополучие, трагедию края, он душой страдает, замечая на каждом шагу, как оторвался человек от родной природы, в каких неестественных и враждебных отношениях находится с ней. И еще — Егор знает, что надо делать. Не только знает, но и делает, оберегая и приближая природу к людям, так как глубоко уверен, что бессмысленна и пуста жизнь без поэзии, красоты, радости. Егору свойственно — и было бы данью наивному утилитаризму осуждать или превозносить его за это — уникальное, идущее от натуры отвращение к насилию, несправедливости, фальши, ячеству. Он поразительно чуток, деликатен и более всего, как и Иван Трофимович Бурлаков, боится как-либо обидеть людей. Егор — человек тихий: все грубое, резкое, бестактное ему претит, и в жизни он главным образом ценит «спокой» и благодать. Он вовсе не боец и воитель, больше склонен к самоуничижению и самоустранению, немного фаталист — в том смысле, что никого не осуждает и не винит. Естественно, что Егор прощает убийцу, но прощает как человек, наделенный большой силой, подающий милостыню слабому и презренному существу. «Не знал бы—казнил... А знаю — и милую», — говорит он перед смертью.

Егор встречает смерть с улыбкой, радуясь тому, что не затаил ни на кого зла в душе, спокойно, как человек, которому не в чем себя упрекнуть, а потому — счастливец. «И, улыбаясь так, он как-то очень просто, тихо подумал, что прожил свою жизнь в добре, что никого не обидел и что помирать ему будет легко. Совсем легко — как уснуть». Еще лет двадцать назад иной читатель или критик возмутился бы, привел афоризм о добре с кулаками и, может быть, даже воскликнул, что именно такие вот блаженные Егоры, милующие своих врагов, и составляют идеальную среду для Бурьяновых. Вряд ли, однако, так вскинется современный читатель, умудренный опытом и хорошо знающий, с какой легкостью перерождается порой добро, вооруженное кулаками, в разновидность зла, как сложно перепутано все в жизни человеческого общества и — особенно — как велика цена даже единичного, но истинно доброго дела. Ну а помимо этого существует логика характера, и согласно ей Егор не мог не простить Бурьянова. Иначе ведь он

перестал бы быть Егором. Васильев убедительно и сильно завершил роман. Вот тут бы следовало поставить точку. Но, видно, таков уж фатум писателя, непременно заключающего произведение прямым авторским послесловием. На этот раз Васильев перенес читателя в городскую квартиру, украшенную шедевром Егора, вокруг которого осторожно обносит свой большой живот хороший человек — «училка» Нонна Юрьевна, необыкновенно счастливая в браке с другим хорошим человеком — лесничим Чуваловым. Здесь чувство меры изменило писателю — досадный диссонанс, особенно режущий слух после сильного описания смерти Егора Полушкина.

* * *

Гибнет Егор Полушкин, как и пять девушек-зенитчиц, и легендарный защитник Брестской крепости Николай Плужников, и лейтенант милиции Ковалев. Гибнут на войне и в мирное время. Мало кто из героев Васильева умирает в своей постели. Смерть настигает их на посту — будь то дело защиты Родины или будничная служба милиционера и лесничего. Объяснять такое пристрастие Васильева к трагическим развязкам «жестокостью» таланта писателя было бы в высшей степени несправедливо. Но он действительно не щадит чувств читателя и иронизирует в рассказе «Старая «Олимпия» над «оптимистическим» и «жизнеутверждающим» финалом («как и положено в кино») фильма по сценарию «мистера Тутса». На экране — счастье и благополучие, а в зале — одинокая, плачущая, оскорбленная «Тутсом» женщина. Обвинительный вердикт фальшивому и лживому искусству.

Такое «творчество» глубоко враждебно Васильеву. Более того — оно античеловечно, в какие бы ни рядилось конъюнктурно-оптимистические одежды. Профессиональный и человеческий долг повелевает Васильеву оставаться верным суровой прозе жизни, правде, сколь бы ни была она трагична.

Васильев воспел в романе «В списках не значился» легендарный подвиг защитников Брестской крепости, которую так и не удалось взять: «Она просто истекла кровью...» Этот роман — патетическая симфония, резко выделяющаяся в будничной, бытовой военной прозе Васильева. Чаще всего писатель обращается к «другой» войне, к нелегендарным событиям, рисуя незаметный, повседневный труд тех, кто не был на передовой и мало что понимал в военной «стратегии». Но без труда которых не обойтись на войне.

О скромных труженицах войны, бойцах банно-прачечного отряда — сильный, впечатляющий рассказ писателя «Ветеран». Алевтина Ивановна Коникова, героиня рассказа, читает мемуары и не находит в них «своей» войны, в которой не было ни побед, ни поражений, а только один бесконечный тяжелый труд с рассвета и до темна и жуткие обыденностью впечатления, сложившиеся в ее памяти в образ вой-

ны, в яркую и страшную картину. «Алевтина Ивановна вспомнила усталость, от которой тошнило во сне, вшей на мертвых и на живых, тяжкий запах переполненных братских могил, вспомнила обугленных танкистов в сгоревших танках, двадцатилетних лейтенантов с седыми прядями в аккуратных прическах, надсадный вой пикирующих бомбардировщиков и искалеченные молодые тела — мужские и женские. Изодранные осколками, пробитые пулями, изрезанные кинжалами. И еще — своего «командующего» — сорокалетнего техника-лейтенанта с дергающейся головой и дрожащими, как у старика, руками». Война без прикрас и легенд. Вечное напоминание о том, какой ценой далась победа, о всенародном подвиге, о войне, в которой не было передовых и тыла. Не было и «негероических должностей».

С чувством боли и сострадания пишет Б. Васильев о женщинах на войне, из загубленной или опаленной юности. Все они по-особому дороги писателю: Лиза Бричкина, Женька Комелькова, Рита Осянина, Соня Гурвич, Галка Четвертак («А зори здесь тихие...»), Мирра («В списках не значился»), героини повести «Встречный бой», рассказов «Пятница», «Старая «Олимпия», «Ветеран». Рассказать о них, дочерях, сестрах, невестах войны, для писателя Васильева — исполнить священный долг. Вопрос совести, а значит, и жизни.

В одном литературном диалоге Васильев сказал, что задачу искусства он «видит в стремлении помочь человеку жить, а не устрашать его или будить в нем какие-то низменные инстинкты». Искусство, по глубокому убеждению писателя, «должно делать добро», «оно должно светить, оно должно греть и оно должно объединять»[1]. Собственно, таков девиз Васильева-художника и нравственно-психологический фундамент его творчества. И в этом, на наш взгляд, разгадка популярности в широкой читательской среде доброго искусства Бориса Васильева.

В. ТУНИМАНОВ

---

[1] «Литературная газета», 1976, 17 ноя... и М. Ульянова.

Широкоизвестный историко-приключенческий роман из эпохи Людовика XIII

Перевод с французского
В. С. ВАЛЬДМАН, Л. Г. ЛЕВШИНЦ
и К. А. КСАНФИНОЙ

Послесловие
М. С. ТРЕСКУНОВА

Рисунки
Н. С. КУСКОВА

„ТРИ МУШКЕТЕРА“
АЛЕКСАНДРА ДЮМА

I

Александр Дюма-отец (называемый так в отличие от своего сына, тоже писателя Александра Дюма) родился в 1803 году в маленьком городке Виллер-Котре, расположенном близ Парижа. Отец его был генералом, сражавшимся в рядах республиканской армии; дед писателя, маркиз Дави де Ля Пайетри, был богатым колониальным помещиком, женившимся на своей рабыне-негритянке.

Генерал Дюма, будучи убежденным республиканцем, впал в немилость при Наполеоне и вышел в отставку. Он умер в 1803 году, оставив свою семью совершенно необеспеченной.

После нескольких лет обучения в местной школе Дюма мальчиком принужден был начать трудовую жизнь в качестве писца у нотариуса в Виллер-Котре. Усердное чтение восполнило его скудное образование, и оно же, очевидно, заронило в его сердце мечту о литературной славе. В 1822 году Дюма переселяется в Париж, где при содействии друзей отца ему удается получить скромную должность в канцелярии герцога Орлеанского. После трех лет упорного труда и усиленного чтения произведений Шекспира, Мольера, Гёте, Шиллера, Вальтера Скотта Дюма начинает свой писательский путь небольшим сбор-

ником рассказов «Современные новеллы» (1825), не отличающимся особыми литературными достоинствами.

Крупный успех писателя в ближайшие после этого годы определило то, что Дюма примкнул к либерально-романтическому движению в литературе. В 1828 году в салоне Виктора Гюго — «штаб-квартире романтизма» — собрались рьяные приверженцы нового направления во французской литературе: Альфред де Виньи, Сент-Бев, Эмиль Дешан, Альфред де Мюссе. Среди этой группы романтиков мы встречаем и Александра Дюма.

В то время на смену старым эстетическим принципам классицизма пришли новые литературные формы и новые сюжеты, соответствовавшие новому этапу общественного развития Франции. Прогрессивное течение романтизма выражало собою оппозицию передового французского общества феодально-дворянской реакции времен Реставрации.

К 1828 году романтическая литература во Франции завоевала прочные позиции; во многих жанрах поэты-романтики сумели создать выдающиеся произведения, и, как бы консервативная критика ни была враждебно настроена по отношению к романтикам, из истории французской литературы нельзя было исключить романов мадам де Сталь, поэзии Гюго, драматургии молодого Мериме. Однако к тому времени романтики еще не создали значительных драматических произведений, которые удовлетворяли бы сценическим требованиям. Создание романтической драмы было поэтому очередной творческой задачей группы писателей, возглавляемой Виктором Гюго; надо было завоевать подмостки французского театра, до тех пор безраздельно принадлежавшие драматургам-классикам. В этой весьма важной для судеб французского романтизма борьбе видная роль выпала на долю молодого писателя Александра Дюма, которому удалось поставить на сцене театра «Одеон» 11 февраля 1829 года свою первую романтическую драму — «Генрих III и его двор».

Общественно-политическое значение этой драмы Дюма

состояло в том, что она обличала кровавые преступления французского королевского двора XVI века; ее идейная направленность была антимонархической и антиклерикальной, что вполне соответствовало происходившей тогда подготовке буржуазной революции 1830 года и борьбе против Бурбонов.

Громадный успех «Генриха III» открывает собой новую страницу в истории французской романтической драматургии. Отныне театры Парижа стали доступны для драматургов-романтиков. В том же году Гюго пишет одну из своих лучших драм — «Дуэль во времена Ришелье», впоследствии переименованную им в «Марион Делорм». Летом 1829 года пьеса была принята к постановке дирекцией театра Французской Комедии, но затем запрещена цензурой под тем предлогом, что она дискредитирует образ короля Людовика XIII и тем самым династию Бурбонов вообще.

В своем драматургическом творчестве Дюма начинает разрабатывать национально-историческую тематику и во многом намечает круг проблем, которые найдут свое воплощение в последующие годы, при создании обширного цикла его романов.

Июльская революция 1830 года оказала серьезное влияние на романтиков, заставив их более углубленно подойти к общественным проблемам.

Для многих писателей Франции эта революция не была неожиданностью. Попытки Карла X восстановить былые привилегии дворянства и духовенства, существовавшие до 1789 года, встретили резкое осуждение со стороны либеральных и демократических сил Франции. После свержения Карла X к власти пришла буржуазная монархия Луи-Филиппа. Многие свободолюбиво настроенные писатели Франции восторженно восприняли Июльскую революцию, наивно полагая, что с нею начнется эра благоденствия всего французского народа.

События революции 1830 года увлекли и Дюма. Пе-

риод Июльской монархии — это время народных волнений и республиканских восстаний, жестоко подавляемых господствующей властью. Дюма примкнул к оппозиции, выражавшей протест против реакционного режима Луи-Филиппа, а в 1832 году принял участие в походах генерала Ламарка, которые привели к республиканскому восстанию 5—6 июня, подавленному войсками. После этого писатель принужден был временно оставить Париж и уехал в Швейцарию. Возвратившись на работу, он вновь с необычайным усердием посвятил себя литературному творчеству.

С 1833 года Дюма публикует очерки, посвященные прошлому Франции и вошедшие впоследствии в его книгу «Галлия и Франция». В том же году Дюма напечатал статью «Как я стал драматургом», в которой выражал республиканские взгляды, обязанные своим происхождением, как утверждал писатель, влиянию его отца — генерала революционной армии.

В 1836 году во Франции начинают выходить общедоступные газеты «Пресса» (редактор — республиканец М. Жирарден) и «Век», которые в короткое время завоевали себе многочисленных читателей. В эти годы парижские газеты для привлечения широкого круга читателей начинают печатать небольшими отрывками-«фельетонами» занимательные романы.

Между газетами возникает сильная конкуренция. Издатели и редакторы, стремясь во что бы то ни стало повысить тираж изданий, привлекают к сотрудничеству известных писателей. В «Прессе» печатают свои произведения Бальзак, Эжен Сю, Ф. Сулье, Скриб и другие. В этой газете работает и Александр Дюма, публикуя здесь романы и критические статьи; Виктор Гюго редактирует отдел социальной жизни; Теофиль Готье представляет отдел литературы и искусства; Поль Лакруа возглавляет отдел библиографии.

Известные писатели подписывают договоры с издате-

лями и связывают себя жесткими сроками. Ежедневно сто тысяч читателей ждут продолжения увлекательных романов, и это обстоятельство регламентирует труд романистов. Свою писательскую судьбу Александр Дюма навсегда соединил с массовой французской прессой, в которой в 40-е годы укрепились буржуазные нравы.

Белинский метко назвал Францию 40-х годов «отечеством всемогущей прессы» [1]. Эта пресса привлекла на долгие годы Александра Дюма, крупнейшего мастера фельетонного романа.

В 30-х годах Дюма задумал план создания целой серии романов, которые должны были отразить огромный период исторического развития Франции — от Карла VII (1422—1461) до середины XIX века. Первым произведением этого цикла явился роман «Изабелла Баварская», источником для которого послужило исследование Баранта «История герцогов Бургундских». Антианглийская направленность этого романа несомненна. Из событий далекого прошлого Дюма воскрешал факты, обличавшие стремление Англии захватить французские земли и распространить на них свое господство. Таков смысл романизированного эпизода из истории Франции XV века, когда в 1420 году жена безумного короля Карла VI Изабелла Баварская и герцог Бургундский заключили с англичанами предательский договор в Труа, согласно которому английский король после смерти Карла VI получал французский престол.

Следующий роман Александра Дюма — «Асканио» (1840) — представляет читателю двор французского короля Франциска I. Героем этого романа является знаменитый ваятель итальянского Возрождения Бенвенуто Челлини. В романе старательно воссоздан колорит эпохи; значительное место отведено описанию Парижа XVI века, его причудливым сооружениям, узким улицам. Вся эта опи-

[1] В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, т. 2. Гослитиздат, М., 1948, стр 94.

сательная часть романа Дюма напоминает архитектурный пейзаж старого Парижа, показанный Виктором Гюго в «Соборе Парижской богоматери». Центральная идея произведения — судьба великого художника. Челлини, близкий к королевскому двору, ощущает пагубное влияние требований, предъявляемых к его искусству.

В это же время Дюма проявляет исключительный интерес к России и пишет исторический роман «Записки учителя фехтования, или Восемнадцать месяцев в С.-Петербурге» (1840), посвященный жизни декабристов И. В. Анненкова и его супруги П. Е. Анненковой. В новом произведении французского писателя, хотя и было допущено вольное обращение с историческими фактами, общая картина трагической судьбы декабристов представала в истинном свете и была проникнута глубоким чувством сострадания к жертвам царского произвола.

«Записки учителя фехтования» были запрещены царской цензурой к публикации в России и впервые были напечатаны в русском переводе лишь в 1925 году.

В жанре романа-фельетона Дюма становится популярным и признанным писателем, создавая в 40-х годах свои наиболее известные произведения: «Три мушкетера» (1844) с двумя продолжениями — «Двадцать лет спустя» (1845) и «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» (1848—1850), «Граф Монте-Кристо» (1844—1845), «Королева Марго», «Шевалье де Мезон-Руж» (1846), «Мадам де Монсоро» (1846), «Две Дианы» (1846), «Сорок пять» (1848).

В 50-е годы Дюма значительно отходит от своих былых романтических позиций и пишет ряд посредственных исторических романов. Из произведений этих лет следует отметить романы: «Исаак Лакедем» (1852), «Анж Питу» (1853), «Графиня де Шарки» (1853—1855), «Парижские могикане» (1854—1858).

Не следует заблуждаться и полагать, что труд писателя был легким. Он прилагал величайшее усердие, «работал

до смерти», с тем чтобы к определенному часу завершить очередную главу-«фельетон». Биографы и исследователи творчества Дюма пишут об огромном трудолюбии писателя, его умении работать при любых условиях.

«Дюма чрезвычайно гордился быстротой своей работы, — отмечает французский литературовед д'Альмера,— да и имел на то право. И вместе с тем у него совсем не было обычного прилежания, регулярности в работе, свойственной тем чиновникам от литературы, которые каждый день выполняют свою положенную задачу. Бывало так, что он по целым дням не прикасался к перу, а затем, подгоняемый необходимостью, стремясь возместить потерянное время, писал по двенадцати или по пятнадцати часов подряд и даже больше. В одном жилете, летом и зимой, утром и вечером, потный, задыхающийся, дымящий, как вулкан во время извержения, он работал ночь и день на краешке стола, среди шума, без конца прерываемый гостями, никогда не отказывая им в приеме, разговаривая с ними, а затем, когда они уходили, снова принимаясь за начатую страницу, сцену пьесы или главу романа. Он творил с наслаждением; прочитывал вслух свои диалоги, чтобы сделать их более естественными, возникающими сами собой. Время от времени слышно было, как он хохочет. Его произведения доставляли удовольствие ему самому. Вероятно, поэтому они доставляли удовольствие и другим». Некоторые произведения, напечатанные за подписью Александра Дюма, создавались романистом совместно с известными литераторами Франции.

Однако большое количество романов, отличающихся единством литературного стиля, стройностью композиции, цельностью воззрений на исторические события, могло быть создано лишь благодаря решающему участию самого Дюма.

Александр Дюма переделывал свои романы для сцены и основал в 1847 году «Исторический театр», в котором были поставлены инсценировки романов «Королева Мар-

го». «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо». Двадцать пятого мая 1848 года театр впервые показал парижской публике известную драму Бальзака «Мачеха». «Историче-ский театр» просуществовал два года и закрылся в связи с событиями революционных лет.

Революция 1848 года по-разному вовлекла в круговорот политических событий многих известных писателей Фран-ции. Виктор Гюго становится депутатом Национального собрания, Ламартин — министром иностранных дел, Жорж Санд редактирует бюллетени Временного правительства и издает журнал «Народное дело». Дюма в это время лелеет мысль о политической карьере, стремится быть избранным в депутаты Национального собрания, занимая в годы революции буржуазно-монархическую позицию. В обра-щении к избирателям департамента Ионны он называет своими политическими противниками видных республикан-цев: Ледрю-Роллена, Луи Блана, Этьена Араго, Ферди-нанда Флокона и всех тех передовых представителей бур-жуазной общественной мысли, которые признавали необ-ходимость социальных реформ. В том же обращении Дюма обещает избирателям следовать за лидерами конституци-онно-монархической партии — Одилоном Барро и Тьером. Этот политический курс, означавший сближение писателя с лагерем реакции, не был одобрен избирателями департа-мента Ионны, и Дюма потерпел на выборах полное пора-жение.

Так завершилась эволюция политических взглядов Дюма — от романтического республиканизма 30-х годов к признанию монархической власти как надежнейшего оплота буржуазии.

В 1858—1859 годы Дюма совершает путешествие по России. В Петербурге он гостит у графа Г. А. Кушелева-Безбородко. Пребывание французского писателя в Петер-бурге вызвало большой интерес русских читателей. В 1858 году в «Современнике» И. И. Панаев опубликовал очерк «Петербургская жизнь», в котором выразил общее

чувство уважения к известному романисту. «Петербург принял г-на Дюма с полным русским радушием и гостеприимством. ...да и как же могло быть иначе? Г-н Дюма пользуется в России почти такою же популярностью, как во Франции, как и во всем мире между любителями легкого чтения, а легкие чтецы составляют большинство в человечестве... Весь Петербург в течение июня месяца только и занимался г-ном Дюма. О нем ходили различные толки и анекдоты во всех слоях петербургского общества: ни один разговор не обходился без его имени, его отыскивали на всех гуляньях, на всех публичных сборищах, за него принимали бог знает каких господ. Стоило шутя крикнуть: «Вон Дюма!» — и толпа начинала волноваться и бросалась в ту сторону, на которую вы указывали. Словом, г-н Дюма был львом настоящей минуты»[1].

Уезжая из Парижа, Дюма на страницах основанного им журнала «Монте-Кристо» обещал читателям рассказать о своих путевых впечатлениях и особо подчеркивал значение исторического момента, совпавшего с его поездкой в Россию. Он направлялся туда, чтобы «присутствовать при великом деле освобождения сорока пяти миллионов рабов». Путешествие происходило накануне реформы 1861 года. Это путешествие по России Дюма описал в семи томах своих книг «В России» и «Кавказ».

Значительным событием в жизни Дюма явилось его знакомство с Гарибальди — героем национально-освободительного движения в Италии, боровшимся против австрийского господства. Дюма сопровождал Гарибальди в его героическом походе в Сицилию (1860) и после свержения неаполитанского короля был некоторое время директором национальных музеев в Неаполе.

В 1866 году, во время войны между Пруссией и Австрией, Дюма становится корреспондентом и шлет с фронта в парижские газеты обзоры военных действий.

[1] Цитируется по исследованию С. Дурылина «Александр Дюма-отец и Россия». «Литературное наследство», № 31—32. М., 1937, стр. 522.

Все биографы отмечают, что последние годы жизни писатель провел в крайней бедности. От нищеты его спасали дети — дочь-писательница и сын Александр Дюма, известный драматург, автор романа и пьесы «Дама с камелиями». Умер Дюма в городке Пюи 6 декабря 1870 года. Смерть его прошла незамеченной, так как совпала с поражением Франции в войне с Пруссией и оккупацией французской территории немецкими войсками.

II

Творчество передовых писателей Франции в 20-х годах XIX века протекало под воздействием исторической науки, представленной рядом трудов буржуазных историков, в которых нашла свое выражение идея прогрессивного развития общества. Идея закономерности исторического развития, выдвинутая либеральными историками 20-х годов, вполне соответствовала интересам буржуазного класса в тот момент, когда его позиции не были еще окончательно упрочены. Это и создавало благоприятную почву для художественного воплощения во французском историческом романе идеи причинности общественного развития. Новая историческая концепция, опираясь на уроки прошлого, должна была обосновать историческую необходимость господства буржуазии.

После Июльской революции 1830 года открывается новая глава в развитии буржуазной философии и буржуазной историографии. В послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» Маркс указал на апологетический характер трудов буржуазных идеологов. «Начиная с этого момента, — писал Маркс, — классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной экономики. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или

другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»[1]. Либеральные идеи, в соответствии с которыми утверждалась неизбежность общественного развития, оказываются теперь неприемлемыми для повернувшей вправо буржуазии и заменяются реакционной философией «извечности буржуазного строя». Не только в социологии 30-х годов, но и в художественной литературе преломляется отныне «теория случайности», объясняющая исторические события, войны и революции, переживаемые человечеством, сцеплением случайных обстоятельств. Это новое идейное течение, отражавшее переход буржуазного общества и его идеологов на реакционные позиции, нашло свое воплощение в 30-х годах в массовом появлении историко-приключенческих романов, из которых наиболее известными в свое время были: «Пляска смерти» Поля Лакруа, «Два трупа», «Король Сицилий», «Приключения при Карле IX», «Граф Тулузский» Ф. Сулье, «Государственная тайна» Эжена Сю. Формировавшийся жанр историко-приключенческого романа, при всем разнообразии тем и событий, отличался одной общей характерной чертой — причудливым вымыслом, искажавшим реальный ход истории. «Историчность» этих романов была чисто внешней, события давнопрошедших времен, изображавшиеся в них, воспроизводились только как эффектные явления, своими внешними чертами противостоявшие современности. Связь событий между собой и определяющая роль в них народа не были поняты и раскрыты романистами буржуазного общества. Авторы романов 30-х годов, усложняя рассказ о событиях минувших времен хаотическим нагромождением необъяснимых случайностей, исключали ка-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, стр. 13.

кое бы то ни было представление о закономерности общественных явлений в жизни народов и государств.

Во взглядах Дюма на историю, а отсюда и в самом методе его «исторического» повествования преобладающим моментом явился принципиальный отказ от возможности понять причинность в событиях прошлого и стремление объяснить их фатальными, случайными обстоятельствами.

В эти годы вопрос о случайности и необходимости в историческом развитии, вопрос о роли личности в истории правильно ставил и разрешал в своих статьях великий русский критик-демократ В. Г. Белинский. В статье «Идея искусства» он писал: «И в природе и в истории владычествует не слепой случай, а строгая, непреложная внутренняя необходимость, по причине которой все явления связаны друг с другом родственными узами, в беспорядке является стройный порядок, в разнообразии единство и по причине которой возможна наука» [1].

Во Франции в 20-е годы интерес к национальной истории был порожден бурным ходом политической борьбы, вызванной буржуазной революцией 1789—1794 годов, под воздействием которой протекал процесс становления буржуазного общества. После падения наполеоновской империи и реставрации Бурбонов во французском обществе возникает насущная необходимость осмысления происходящих событий и постижения путей будущего. Увлечение историей было свойственно как либеральной буржуазии, так и реакционному дворянству. Однако, пытаясь осмыслить исторические факты, представители того и другого класса приходили к глубоко различным выводам. Дворянство, надеясь на возврат былых привилегий, извлекало из

[1] В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, т. 2. Гослитиздат, М., 1948, стр. 73.

прошлого — как оно извлекало их и из непримиримых конфликтов настоящего — аргументы против революции; буржуазия, наоборот, всматриваясь в уроки истории, доказывала необходимость дальнейшего упрочения сложившегося капиталистического строя и стремилась к утверждению своего полного господства.

Нарождающаяся романтическая литература начинает изображать историческое прошлое Франции, интерес к которому поддерживается не простым любопытством читателей, но теми общественными преобразованиями, которые происходят в период Реставрации.

В 1828 году Проспер Мериме публикует свою историческую драму-хронику «Жакерия», в которой он дает реалистическую и в общем сочувственную трактовку восстания крестьян во Франции XIV века. Романтик Вите, современник Александра Дюма, печатает в конце 20-х годов драматическую трилогию «Лига» («Баррикады», «Штаты в Блуа», «Смерть Генриха III»); в этой трилогии Вите в живых сценах воскрешает быт и нравы конца XVI века. Основное внимание он сосредоточивает преимущественно на показе массовой народной жизни и отношений различных социальных классов, принимавших участие в политических событиях той эпохи.

Излюбленной эпохой романтиков становятся XVI и первая половина XVII века, когда во Франции происходили крупнейшие политические события и конфликты, предопределившие дальнейшие пути государственного развития страны. Так, период абсолютистской диктатуры кардинала Ришелье (1624—1642) нашел свое отображение в двух наиболее значительных произведениях романтической литературы — в историческом романе Альфреда де Виньи «Сен-Мар» (1826) и в драме Виктора Гюго «Марион Делорм» (1831).

Следует отметить различие во взглядах на историю Франции, выраженное в этих произведениях. Альфред де Виньи не скрывает своих симпатий к отжившему фео-

дальному укладу Франции, противопоставляя оппозицию высшего дворянства XVII века диктатуре Ришелье, тогда как Гюго решительно отвергает дворянский мир и выше всяких титулов и званий ставит истинно благородные человеческие достоинства героя из народа. Тем не менее в обоих произведениях кардинал выступает как ловкий интриган, ставший крупным государственным деятелем благодаря коварству, хитрости и угодничеству. Будучи первым министром, Ришелье самовластно управляет Францией: король беспрекословно соглашается с политикой и жестоким произволом кардинала. Такое понимание роли Ришелье в государственных делах становится широко распространенным у историков и писателей Франции. Необходимо заметить, что Дюма в романе «Три мушкетера» в значительной степени отходит от традиционного изображения личности Ришелье.

К событиям и историческим лицам этой эпохи Дюма обратился только в 40-х годах. В начале же 30-х годов он был поглощен мыслью и желанием отразить в художественной форме острый классовый конфликт, возникший между дворянством и буржуазией в конце XVIII века во Франции и завершившийся революционным переворотом и победой третьего сословия.

Впервые к теме Французской революции 1789 года Дюма обратился в исторической повести «Красная роза» (1831), несомненно навеянной политическими событиями, порожденными Июльской революцией 1830 года. В повести воскрешена социально-историческая обстановка периода наиболее бурного подъема революции, когда у власти находились якобинцы, возглавляемые Робеспьером. «Эта партия,— утверждает Дюма, — желала революции со всеми ее последствиями, чтобы народ когда-нибудь воспользовался ее плодами». Подобного исхода революции Дюма не приемлет и, изображая борьбу отряда республиканской армии с вандейскими мятежниками-роялистами, определенно склоняется на сторону последних.

К теме французской буржуазной революции Дюма возвращался и позже, в 40-х и 50-х годах. Ей посвящена серия романов, связанных единым сюжетным замыслом — «Воспоминания одного врача» («Жозеф Бальзамо»), «Ожерелье королевы», «Анж Питу», «Графиня де Шарни». Как всегда у Дюма, и здесь основное — романтическая авантюрная интрига с мотивами, почерпнутыми из «романа ужасов» и из мелодрамы. Однако исторический фон в этой тетралогии — события последних лет абсолютистского режима и годы революции; в числе главных действующих лиц — король Людовик XVI, королева Мария-Антуанетта, Жан-Жак Руссо, Калиостро, деятели революции Мирабо, Лафайет, Марат и другие. Отношение Дюма к событиям французской революции почти полностью совпадает с отношением буржуазно-либеральных историков. Революция вызвана злоупотреблениями дворянства и королевской власти, страданием народа, его справедливым гневом. Король слаб, полон предрассудков и не внемлет голосу либеральных идеологов, силящихся убедить его в необходимости пойти на уступки «духу времени», ограничить свою власть и тем самым спасти монархию. Королева ведет свою политику, откровенно надеясь на помощь из-за границы. Главный герой Дюма — доктор Жильбер, представитель «духа времени», крестьянский сын, ученик Руссо, прошедший к тому же школу американской борьбы за независимость. В своей политике Жильбер — благонамеренный либерал. Он выражает точку зрения автора и пользуется полнейшим его сочувствием. Дюма проявляет благорасположение и к другим героям из народа — фермеру Бийо и батраку Анж Питу. Однако, осуждая короля, королеву и представителей аристократии как «деятелей», Дюма полностью амнистирует их как «людей вообще», как жертв революционного террора, который он полностью отвергает. Сочувствуя революционному энтузиазму Бийо и Анж Питу, Дюма «беспристрастно» сочувствует и феодальной верности графа и графини Шарни

королю и королеве, несмотря на то что Шарни и его жена прекрасно понимают бессмысленность своей преданности монархическому идеалу и что они к тому же имеют все основания лично ненавидеть королеву и презирать короля.

Следует, однако, заметить, что в некоторых других произведениях Дюма занимает более прогрессивную позицию. Так, в романах «Сан-Феличе» и «Эмма-Лиона», где изображены события революционных войн 1798—1800 годов и буржуазная революция в Неаполитанском королевстве, он полностью на стороне революционных сил и довольно остро разоблачает цинизм, жестокость и грубость представителей феодального сословия.

III

Д'Артаньян, главный герой романа «Три мушкетера»,— лицо историческое. Основным источником для этого романа послужила напечатанная в Голландии в 1701 году книга Куртиля де Сандра под названием «Мемуары господина д'Артаньяна, капитан-лейтенанта первой роты королевских мушкетеров, содержащие множество частных и секретных вещей, которые произошли в царствование Людовика Великого».

Имена трех мушкетеров — Атоса, Портоса, Арамиса, — с которыми Дюма познакомился в книге Сандра, вызвали у него недоумение. Он предполагал, что с помощью этих псевдонимов Сандр скрыл имена хорошо известных лиц.

На самом же деле эти три героя действительно существовали. Атос родился в провинции Беарн. Из скудных сведений о его жизни известно, что он был превосходным фехтовальщиком, умер в 1643 году — по всей вероятности, после одной дуэли, так как тело нашли близ рынка Пре-о-Клерк — излюбленного места дуэлянтов.

Портос носил имя Исаака де Порто; он происходил из знатного рода, известного и в XIX веке, и служил в отряде королевских мушкетеров.

Третий персонаж — Арамис (его настоящее имя Арамиц) — некоторое время жил в долине Баритон; он также числился в рядах мушкетеров.

Книга Сандра вышла в свет примерно через тридцать лет после смерти д'Артаньяна, и автор писал вымышленные мемуары своего героя, пользуясь подлинными документами о жизни и служебной деятельности д'Артаньяна и его трех друзей-мушкетеров. Однако к действительным фактам Сандр присоединил немалую долю литературного вымысла. Так, например, у Сандра говорится, что три мушкетера были братьями, между тем как ему отлично было известно, что они происходили из различных дворянских семей и носили разные фамилии.

Из «Мемуаров» Сандра Дюма почерпнул многочисленные подробности нравов XVII века, взял имена своих героев, эпизод путешествия д'Артаньяна в Париж, интригу с миледи, похищение рекомендательного письма к Тревилю, дуэль в Пре-о-Клерк, образы гвардейцев кардинала, вступление д'Артаньяна в полк Дезэссара; простую кабатчицу писатель превратил в очаровательный образ мадам Бонасье. Отсюда же были заимствованы и сведения, касавшиеся служебной деятельности д'Артаньяна у Мазарини, поездки гасконца в Англию, его участие в аресте Фуке. Из книги Редерера «Политические и любовные интриги французского двора» романист заимствовал историю с алмазами, посланными Анной Австрийской герцогу Бекингэму. Но неиссякаемая сила воображения позволила писателю при очень вольном обращении со своими источниками создать на их основе произведение, глубоко своеобразное по художественной форме и характеру содержания.

Первая часть трилогии — роман «Три мушкетера» — явилась органическим воплощением ранее сложившихся творческих принципов Александра Дюма; в ней ярко про-

явились основные стилевые особенности разработанного им типа исторического приключенческого романа.

Воскрешая минувшую эпоху, превращая подлинные исторические факты в увлекательные живописные вымыслы, романист отнюдь не стремился к правдивому отображению крупнейших исторических событий XVII столетия. События эти представлены в романе как обособленные и не подчиненные тем решающим силам, которые определяли политическое развитие страны, шедшей по пути формирования и упрочения абсолютной монархии.

Это становится особенно ясным, если учесть некоторые важнейшие моменты из истории этой эпохи, раньше недооценивавшиеся. Семнадцатый век во Франции отмечен бурным протестом народных масс против тяжелого политического и экономического гнета, порожденного господством абсолютной монархии, интересы которой с большим усердием защищал первый министр Людовика XIII кардинал Ришелье. Вся политическая деятельность Ришелье была проникнута стремлением завершить государственную централизацию страны, навсегда покончить с былой самостоятельностью крупных феодалов и упрочить неограниченное господство королевской власти. Жестокий произвол абсолютной монархии создал исключительно тяжелые условия жизни для французского народа. Задавленное тяжестью налогов и жестоко эксплуатируемое феодалами, крестьянство поднимало восстания, беспощадно подавлявшиеся Ришелье.

В романе Дюма в причудливом виде отражены исторические события времен царствования Людовика XIII (1610—1643). История для Дюма являлась лишь богатейшим собранием фактов, на основе которых можно было создать увлекательный сюжет. Сложные явления политического и социального характера ускользали от взора романиста, и бурная жизнь Франции того времени, полная смут и восстаний, получила в романе произвольное истолкование. «Знатные господа, — пишет Дюма, — сражались

друг с другом; король воевал с кардиналом; испанцы вели войну с королем. Но, кроме этой борьбы — то глухой, то явной, то тайной, то открытой,— были еще и нищие, и гугеноты, бродяги и слуги, воевавшие со всеми. Горожане вооружались против воров, бродяг, слуг, нередко — против вельмож, время от времени — против короля, но против кардинала или испанцев — никогда».

В этом смешении различных групп и слоев французского народа, в этом сумбурном определении его отношения к королевской власти сказывается наивное и в корне неверное понимание романистом действительного смысла происходивших социальных и политических конфликтов.

Автор «Трех мушкетеров» был убежден, что сложная цепь событий исторического развития восстаний, войн, переворотов была обусловлена вторжением «случайных обстоятельств». Идея зависимости хода истории от непредвиденного вторжения всемогущего «случая» находит свое выражение во многих исторических рассуждениях романиста. Так, например, война между Францией и Англией, в превратном истолковании Дюма, возникла из-за соперничества Ришелье и Бекингэма, которые были оба влюблены во французскую королеву Анну Австрийскую. Через весь роман проходит то скрытая, то явная борьба королевских мушкетеров против кардинала и его приверженцев.

У Дюма хитроумный кардинал в своих кознях против мушкетеров всегда оказывается посрамленным. Казалось, гибель д'Артаньяна и его друзей была неминуема, когда миледи получила приказ первого министра, дававший ей неограниченное право расправиться со своими противниками. Но вовремя подоспел Атос, и миледи была лишена возможности учинить расправу.

В финальной сцене романа выясняется, что Ришелье имел все основания отправить д'Артаньяна в Бастилию и даже на эшафот; однако, решив воспользоваться его умом

и смелостью, министр вручает гасконцу указ о производстве его в чин лейтенанта, полагая, что таким способом он привлечет на свою сторону отважных мушкетеров.

Впоследствии, в романе «Двадцать лет спустя», о Ришелье говорится, что, по сравнению с д'Артаньяном, он в «отношении ловкости, проворства и политики был всего только школьником».

Вся вереница событий, излагаемых в романе, развивается по воле основных героев. Оторванные от общественной борьбы той эпохи, исторические лица у Дюма лишены социально-типических качеств; совершенно не чувствуются стоящие за ними политические силы и социальные группы. Дюма переключает повествование в план интимной жизни героев, которые превращены в персонажей авантюрного романа.

Франция того времени выступает в романе как страна, в которой народ верен королю и королеве, а властелины отдают все свое время и всю энергию галантным приключениям, даже если это связано с изменой государственным интересам; так, королева Анна Австрийская любит врага своей страны, герцога Бекингэма, и страсть эта находит самое идеальное освещение в романе.

Не такою была эпоха, изображаемая Дюма в «Трех мушкетерах», и совсем не такими, как у него, были ее деятели.

Маркс говорит об ужасном деспотизме Ришелье, о беззаконии, нагло царившем во Франции XVII века.

Осада Ла-Рошели, изображенная в «Трех мушкетерах» в качестве эпизода из истории Франции, объясняется романистом как событие, вызванное ревностью всесильного кардинала. «Для Ришелье, — утверждает Дюма, — дело было не только в том, чтобы избавить Францию от врага, но также и в том, чтобы отомстить сопернику; к тому же это мщение обещало быть значительным и блестящим, вполне достойным человека, который в качестве шпаги располагал в этом поединке военными силами целого коро-

ревства. Ришелье знал, что, победив Англию, он тем самым победит Бекингэма, что, восторжествовав над Англией, он восторжествует над Бекингэмом и, наконец, что, унизив Англию в глазах Европы, он унизит Бекингэма в глазах королевы».

Так романист свел к случайному эпизоду кровавые события долговременной осады крепости Ла-Рошель, польстив как представителю Франции, так и злейшему ее врагу — герцогу Бекингэму, которого Маркс презрительно назвал «бездельником».

IV

Белинский назвал XIX век «по преимуществу историческим», имея в виду типичный для этого столетия широкий интерес к истории и отражение в его литературе исторических событий. Это определение вполне применимо к Франции, где в первые же десятилетия XIX века начался расцвет исторической драмы и исторического романа.

Французские писатели внимательно изучали прошлое своей страны, воскрешая картины давних времен ради самых разнообразных целей.

Виньи в романе «Сен-Мар» элегически оплакивал «благородство» и «красоту» феодально-аристократических форм быта, с горьким унынием глядя на зрелище современности, которая, по его мнению, была кладбищем всех его надежд.

Гюго в своих произведениях соединял животрепещущие вопросы современности с колоритными сценами из прошлых времен. Его исторические романы проникнуты чувством глубокого протеста против современных буржуазных общественных отношений. Он разоблачал эгоизм буржуазии и призывал ее вместе с тем к состраданию, гуманности по отношению к обездоленному народу.

Мериме выступил с историческим романом («Хроника времен Карла IX»), задачей которого было убедить французскую читающую публику в том, что «хороших» эпох в истории никогда не бывало; и в старину низость одерживала победу над благородными мечтами, а в современной писателю действительности, как он изображает это, установилось господство буржуазной посредственности, которое почти совсем уничтожило надежды на какие-либо перемены в общественном строе.

Дюма сильно отличался от своих современников, создавших выдающиеся образцы французского исторического романа.

Он не стремился быть мыслителем и никогда не предпринимал попытки решить те или иные исторические проблемы — применительно ли к прошлому, применительно ли к современности. Несомненно, что многие французские романисты прошли школу Вальтера Скотта, пользовавшегося в XIX веке широким признанием в европейских странах. Дюма превосходно понимал метод творчества английского романиста, и первый его роман — «Изабелла Баварская» — написан под явным воздействием автора «Пуритан». В последующее время, когда был обретен опыт и умение, Дюма критически относится к художественным принципам Вальтера Скотта. «В самом деле,— говорит он,— следует ли начинать роман с интересного или начинать его со скучного, начинать с действия или начинать с приготовлений, говорить о персонажах после того, как их показываешь, или показывать их после того, как рассказал о них?» Дюма решительно утверждает первый метод, оказывает предпочтение стремительному действию, сразу же увлекающему читателя необычными приключениями, искусно сплетенной интригой, неожиданным поворотом сюжета.

Популярность романов Дюма, с их живописным изображением прошлого, пестрой картины приключений и борьбы, объясняется тем, что они давали читателю отдых

от скуки и пошлости буржуазной жизни. Они переносили его в мир ярких и действенных характеров, в мир бескорыстных страстей, храбрости и великодушия. Однако идейная ограниченность Дюма приводила к тому, что его романы не возбуждали активного протеста. Они звали к полному примирению с действительностью.

Дюма возрождает в своеобразной форме традицию буржуазного приключенческого романа XVII—XVIII веков.

Но в XVII—XVIII веках буржуазное общество еще только складывалось и шло к своему господству. Иное дело — в XIX веке. В годы Июльской монархии жизнь господствующих классов во Франции получила отпечаток буржуазной скуки и трезвой практичности. Не видя активных, смелых, находчивых, привлекательных героев в современной жизни, Дюма ищет и находит их в историческом прошлом.

Писатель явно стремился угодить своими романами широкому кругу французских читателей. На страницах его произведений история утрачивает свое эпическое величие, она становится простой и домашней; отдаленные исторические события даны на фоне интимной жизни героев. Писатель стремится показать, что короли, королевы, полководцы и министры тоже были людьми, над которыми страсти и капризы имели большую власть. Подобное изображение должно было внушить массовому читателю добродушный оптимизм в его отношении к жизни и к «великим мира сего».

Придавая исключительное значение занимательности сюжета и драматической напряженности повествования, Дюма воспользовался в этих целях распространенным среди романистов-современников эффектным приемом построения любовной интриги. Интрига осложнялась тем обстоятельством, что герой и героиня принадлежали к разным народам и партиям, находящимся во враждебных отношениях друг к другу.

На пути торжества чувств героев, таким образом, воздвигался барьер, искусно преодолеваемый романистом.

Наиболее популярным романом из серии его исторических повествований, бесспорно, являются «Три мушкетера». Роман этот характеризуется стремительно и бурно развивающейся интригой, оптимистическим показом жизни как непрерывной деятельности, напряженной драматической композицией, легким и простым языком.

Композиция «Трех мушкетеров» была предопределена жанром фельетонного романа, требовавшим от писателя не только завершенности глав, но и их органической связи в целостном развитии сюжета. Дюма писал каждую главу романа так, чтобы ее финал служил завязкой эпизода, излагаемого в следующей главе. Предназначавшийся для широкого читателя, роман этот содержал в себе множество увлекательных событий, приключений, описаний заговоров, поединков, сложных интриг, придававших драматическую напряженность повествованию.

Энергичный, ясный, лишенный архаизмов язык соответствует стремительному потоку событий, эпизодов и происшествий, развертывающихся в романе.

Отважные и предприимчивые мушкетеры, чудодейственным образом вмешивавшиеся в важнейшие исторические события, являются лицами дворянского звания, они торгуют своей шпагой, служа королю: за кровь им платят луидорами и предоставляют приличное содержание. Но вместе с тем Дюма старается сохранить во внешнем облике и поведении своих героев черты какой-то рыцарственности, заставляя их идти в огонь и воду ради чести французской королевы, которую не каждый из них даже видел. И все же в романе они выступают как самые обыкновенные люди, которые исполняют роли слуг.

Для того чтобы не снизить величия героев и оправдать в глазах читателя их поступки, романист ссылается на нравы той эпохи, формировавшие мораль его героев. «В те времена,— замечает Дюма,— понятия о гордости,

распространенные в наши дни, не были еще в моде. Дворянин получал деньги из рук короля и нисколько не чувствовал себя униженным. Д'Артаньян поэтому без стеснения опустил полученные им сорок пистолей в карман и даже рассыпался в изъявлениях благодарности его величеству».

Оценивая прошлое глазами буржуазного летописца, Дюма в своей попытке приблизить исторические события к уровню понимания современного ему массового читателя вынужден был показать зависимость судеб «великих» людей прошлого от энергии и сообразительности простых, незнатных людей. В наиболее критические моменты обязательно появляются три мушкетера, а с ними д'Артаньян, которые спасают своей отвагой честь королевы и Франции.

Дюма заставляет надменного аристократа герцога Бекингэма умилиться при известии об удивительных подвигах д'Артаньяна: «Слушая д'Артаньяна, рассказавшего все это с величайшей простотой, герцог время от времени поглядывал на молодого человека, словно не веря, что такая предусмотрительность, такое мужество и преданность могут сочетаться с обликом юноши, которому едва ли исполнилось двадцать лет».

Все «господа», то есть знатнейшие лица Франции и Англии, действуют в романе как манекены. Они обвешаны драгоценностями, учтиво раскланиваются, величественно выступают, в любой момент готовы умереть ради любви к прекрасной даме, но, в сущности, ничего не совершают, ничего не могут изменить ни в своей, ни в чьей-либо судьбе.

Намеренно или нет, но Дюма в своем романе показывает, что национальная энергия отнюдь не воплощалась ни в Людовике XIII, ни в Анне Австрийской, ни в вельможах королевского двора.

Наиболее активным героем из категории «господ» в романе является кардинал Ришелье, и то лишь потому, что

Дюма наградил его ролью мелодраматического злодея, от поступков которого зависят все повороты интриги.

И получилось так, что весь интерес героического повествования сосредоточился на поступках бравых мушкетеров, которые хотя и служат покорно двору, но вместе с тем противостоят в своих взглядах придворной морали. Холодному высокомерию вельмож в «Трех мушкетерах» противопоставлены великодушие и доблестная отвага героев, в сознании которых лишь изредка проскальзывает догадка о том, что им, собственно, приходится испытывать в чужом пиру похмелье.

Об этом, в частности, свидетельствует житейски трезвое рассуждение д'Артаньяна, который, избежав смертельной опасности после поединка с графом де Вардом, был поражен «при мысли о странностях судьбы, заставляющей людей уничтожать друг друга во имя интересов третьих лиц, им совершенно чужих и нередко даже не имеющих понятия о их существовании».

Главные герои романа стараются всегда действовать сообща, как если бы они черпали дополнительную энергию в товарищеском общении друг с другом. И, если случается кому-нибудь из них получить вознаграждение, оно немедленно делится поровну между всеми.

Такое изображение бескорыстия и душевного благородства, свойственных мушкетерам, превращалось в своеобразный упрек, направленный в адрес буржуазного общества Франции, каким оно сложилось после Июльской революции 1830 года и каким его изображали писатели-реалисты Бальзак и Стендаль.

В заключительной главе романа, в которой мелодраматически изображается возмездие, постигшее злодейку миледи, чьи многочисленные преступления едва не погубили и трех мушкетеров и д'Артаньяна, Дюма вводит многозначительный эпизод: человеку, согласившемуся отрубить голову миледи, предлагают в награду мешок с золотом; палач бросает его в реку — он неподкупен, он со-

вершает свое дело не ради денег, а во имя справедливого возмездия.

Три мушкетера и д'Артаньян действуют в романе и совершают свои подвиги в атмосфере неиссякаемого героизма. Этот героизм — естественный удел тех людей, которые созданы для неутомимой деятельности, удел тех, кто храбр и великодушен, кто ценит дружбу, кто готов спокойно отвернуться от груды бесчестно приобретенного золота. В двадцать первой главе первой части романа рассказывается о том, как герцог Бекингэм пытался наградить д'Артаньяна ценными подарками и как это обидело д'Артаньяна: «Он понял, что герцог ищет способа заставить его что-нибудь принять от него в подарок, и мысль о том, что за кровь его и его товарищей ему будет заплачено английским золотом, вызвала в нем глубокое отвращение».

Трилогия о трех мушкетерах охватывает значительный период истории Франции — от 1625 года до того времени, когда монархия Людовика XIV, продолжая агрессивную политику, предприняла в 70-х годах войну против Голландии ради завоевания чужих земель и упрочения своего экономического и политического могущества в Европе. Проследив судьбы своих великодушных героев и вдоволь порадовав читателя их необычайными приключениями, романист завершает свое пространное повествование картиной сражения французских войск с голландскими. В этом бою погибает д'Артаньян, за несколько минут до смерти получивший звание маршала Франции.

V

Дюма обладал поразительным даром — умением пленить читателя. В числе читателей его произведений были Маркс, Ленин, Толстой, Достоевский, Чехов, Горький, Менделеев. Во Франции ценителями его таланта были

Жорж Санд, Бальзак, Гюго. Историк Мишле писал Дюма: «Я вас люблю, я вас обожаю, потому что вы явление природы».

Можно привести восторженный отзыв Виктора Гюго: «Александр Дюма — один из тех людей, которых можно назвать сеятелями цивилизации; он оздоровляет и облагораживает умы, вселяя в них необъяснимый свет, яркий и сильный; он оплодотворяет душу и разум человека. Он возбуждает жажду чтения, он взрыхляет человеческое сердце и бросает в него семена. Он сеет французские идеи. Французские идеи содержат в себе столько гуманности, что всюду, куда они проникают, они вызывают к жизни прогресс. В этом — источник огромной популярности таких людей, как Александр Дюма» («Дела и речи»).

Произведения Дюма пользовались исключительной популярностью в России. В 30-х и 40-х годах XIX века переводы его романов и повестей печатаются в различных журналах, в частности в «Телескопе», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках». После того как драма Дюма «Генрих III и его двор» была поставлена на сцене театра во Франции, она была переведена на русский язык и вышла в свет отдельным изданием. Знаменитый трагик В. А. Каратыгин ставил пьесы Дюма на русской сцене в собственном переводе.

Одним из первых русских переводчиков Дюма был В. Г. Белинский. В 1834 году «Телескоп» напечатал переведенные Белинским произведения Дюма «Месть» и «Гора Гемми». В рецензии на книгу «Современные повести модных писателей. Собраны, переведены и изданы Ф. Кони» Белинский отметил наличие глубокой поэтической мысли в повести Дюма «Маскарад» и писал о «мощном и энергическом таланте» А. Дюма. Правда, впоследствии великий революционный демократ осуждал легковесный характер некоторых драм и романов Дюма.

Недостатки Дюма как романиста-историка общеизвестны и очевидны. Но читатель и не должен искать в его

романах подлинное изображение исторической действительности. В лучших своих произведениях Дюма остается великолепным, увлекательным рассказчиком, мастером интриги и композиции, создателем навсегда запоминающихся героических характеров, в которых своеобразно, пусть даже наивно, но все же воплощается вера писателя в то, что человек, обладающий ясным умом, волей, уверенностью в себе и своей правоте, честностью и великодушием, может и должен активно вмешиваться в жизнь, защищая, по мере своих сил и разумения, добро и правду, борясь с ложью и злом. Дюма — один из тех писателей, которых целые поколения начинают читать с детства и перечитывают до самой старости. И надо думать, что подобное признание дается недаром.

М. Трескунов

Маргарет Митчелл

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

Роман

ТОМ ПЕРВЫЙ

Перевод с английского
Т. Озерской

Москва «Художественная литература» 1991

МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ И ЕЕ КНИГА

Взгляните на карту Юга США. Штаты Алабама, Джорджия, Южная Каролина. Внизу Флорида — «о Флорида!», т.е. цветущая, утопающая в цветах,— вскричал, по преданию, Колумб; слева Новый Орлеан, куда, если верить литературе, сослали Манон Леско; справа, на побережье, Саванна, где умер пират Флинт — «умер в Саванне от рома» — и кричал «пиастры! пиастры!» его жуткий попугай. Вот отсюда и пришла Скарлетт О'Хара: героиня этой книги, покорительница Америки.

В американской литературе XX века нет более живого характера. Проблемы, неразрешенные комплексы, имена — это пожалуйста; но чтобы был человек, который перешагнул за обложку книги и пошел по стране, заставляя трепетать за свою судьбу,— второго такого не отыскать. Тем более что захватывает она неизвестно чем; буквально по словам английской песни: «если ирландские глаза улыбаются, о, они крадут ваше сердце». Ретт, ее партнер, выражался, может быть, еще точнее: «то были глаза кошки во тьме» — перед прыжком, можно было бы добавить, который она совершала всегда безошибочно.

Книга, в которой она явилась, оказалась тоже неспешно чем притягивающей читателя. То ли это история любви, которой нет подобия,— любовь-война, любовь-истребление,— где она растет сквозь цинизм, несмотря на вытравливание с обеих сторон; то ли дамский роман, поднявшийся до настоящей литературы, потому что только дама, наверное, могла подсмотреть за своей героиней, как та целует себя в зеркале, и множество других более тонких внутренних подробностей; то ли это усадебный роман, как у нас когда-то, только усадьба эта трещит, горит и исчезает в первой половине романа, будто ее не было... По знакомым признакам не угадаешь.

Да и сама писательница мало похожа на то, что мы привыкли видеть в Америке. Она, например, не признавала священное паблисити, т.е. блеск известности и сыплющиеся оттуда деньги. Она отказалась снять о себе фильм,— фильм! — не соглашалась на интервью, на рекламные употребления романа — мыло «Скарлетт» или мужской несессер «Ретт», особо огорчив одну исполнительницу стриптиза, которая требовала назвать свой номер «Унесенные ветром» (подразумевая, видимо, одежды); она не позволила сделать из романа мюзикл.

Она вступила в непримиримые отношения с кланом, определявшим литературные ранги Америки. Никому не известная домашняя хозяйка написала книгу, о которой спорили знатоки, возможно ли ее написать, и сошлись, что невозможно. Комбинат из профессоров, издателей, авторитетных критиков, давно предложивший литераторам иное: создавать *имя*: уступая место друг

прочу, но и гарантируя каждому положение в *истории литературы*, творимой на глазах соединенным ударом массовых средств,— этот комбинат, получив вдруг в бестселлеры не очередного кандидата в историю, а литературу, способную зажигать умы и жить в них независимо от мнений, ее не принял. Мнение его выразил критик законодатель Де Вото: «Значительно число читателей этой книги, но не она сама». Напрасно урезонивал своих коллег посетивший США Герберг Уэллс: «боюсь, что эта книга написана лучше, чем иная уважаемая классика»,— голос больного писателя утонул в раздражении профессионалов. Как водится, пошли слухи. Рассказывали, что она списала книгу с дневника своей бабушки, что она заплатила Синклеру Льюису, чтобы тот написал роман... Забыли только, что через очень короткое время можно будет спросить: где теперь этот нобелевский лауреат? кто его читает?

В самом составе литературы она поддержала то, что считалось примитивным и будто бы преодоленным: чистоту образа, жизнь. Ее девический дневник, полный сомнений в призвании, обнаруживает удивительную зрелость: «Есть писатели и писатели. Истинным писателем рождаются, а не делаются. Писатели по рождению создают своими образами реальных живых людей, в то время как «сделанные» — предлагают набивные чучела, танцующие на веревочках; вот почему я знаю, что я «сделанный» писатель...» Позднее в письме другу она высказалась так: «...если история, которую хочешь рассказать, и характеры не выдерживают простоты, что называется, голой прозы, лучше их оставить. Видит Бог, я не стилист и не могла бы им быть, если бы и хотела»

Но это было как раз то, в чем у интеллектуальных кругов искать сочувствия было трудно. Молодая американская культура не выдерживала напора модных течений и наук; в литературе начали диктовать свои условия экспериментаторы, авторитеты психоанализа сошли за великих мыслителей и т. д. Доказывать в этой среде, что простая история сама по себе имеет смысл, и более глубокий, чем набор претенциозных суждений, было почти так же бесполезно, как когда-то объяснять на островах, что стеклянные бусы хуже жемчужин. Здесь требовались, по выражению Де Вото, «философские обертоны». И через сорок лет на родине Митчелл, в Джорджии, критик Флойд Уоткинс, зачисляя ее в «вульгарную литературу», осуждает этот «простой рассказ о событиях» без «философских размышлений»; тот факт, что, как сказала Митчелл, «в моем романе всего четыре ругательства и одно грязное слово», кажется ему фарисейством и отсталостью; ему не нравится ее популярность. «Великая литература может быть иногда популярной, а популярная — великой. Но за немногими известными исключениями, такими, как Библия, а не «Унесенные ветром», величие и популярность скорее противостоят друг другу, чем находятся в союзе»[1]. Остается лишь поместить в исключения Сервантеса и Данте, Рабле, Толстого, Чехова, Диккенса, Марка Твена... кого еще? В исключения из американской литературы Маргарет Митчелл так или иначе попадала.

Мы не знаем ничего об ее общении с кем-либо из писателей, знаменитых в ее время. Она не участвовала ни в каких объединениях, никого, в свою очередь, не поддерживала, не выдвигала. Представители так называемой «южной

[1] C. Watkins. In Time and Place. Some Origins of American Fiction. Athens, The Univ. of Georgia Press, 1977, p. 48.

школьных (Р. Н. Уоррен, Карсон Маккалерс, Юдора Уэлти и др.), чрезвычайно предупредительные друг к другу, никогда не упоминают ее имени. То же и Фолкнер, воспитанный негритянкой-няней, вероятно похожей на ту, которую читатель встретит в романе (в семье Фолкнеров ее звали «Мамми Калли»[1]), и скакавший на лошади через изгородь собственного участка точно так же, как отец Скарлетт, Джеральд О'Хара, мог бы помянуть ее в своих перечнях «американских писателей»... Мог бы, если бы захотел. Небывалый читательский успех обошелся Митчелл, видно, все-таки слишком дорого. В литературной среде она осталась навсегда одна.

Но американкой она была. Настоящей, в жилах которой текла американская история: беглые предки из Ирландии со стороны отца, с другой — такие же французы; традиции независимости и полагания на собственную силу, готовность рисковать — любимыми стихами ее матери были:

И тот судьбы своей страшится
Иль за душой у него мало,
Кто все поставить не решится,
Когда на то пора настала!

Два деда ее сражались на стороне южан: один получил пулю в висок, случайно не задевшую мозга, другой долго скрывался от победителей-янки.

Современная Атланта, конечно, ничем не напоминает об этих временах. Фантастический гриб гостиницы «Хайет Риджженси», полированные поколи страховых компаний; чахлый скверик, обтекаемый потоками машин. Но во времена юности Митчелл здесь еще стояли особняки, похожие на наш дворянский «ампир», сады; жили люди, хорошо знавшие друг друга. Мать показывала ей обгорелые печные трубы и [illegible] — следы исчезнувших в войну семейств. Достопримечательностью [illegible] и панорама, рассказывающая о сражении за Атланту и взывающая [illegible] о финансовой помощи — среди более популярных современных развлечений. Хотя, по словам брата писательницы, г-на Стивенса Митчелла, Маргарет не любила ее и тогда, может быть, за несколько нарочитый пафос. Девочка росла в атмосфере рассказов о потрясающих событиях недавней эпохи, чему помогало и то, что отец ее был председателем местного исторического общества. Видимо, семейные предания и впечатления юности и привели ее к странной мысли, что она живет в завоеванной стране.

Какими путями было задумано отвоевание, мы не знаем. Характер был скрытный, оставлявший снаружи только то, что считал возможным показать. Однажды она рассказала, как, в свою очередь, ей рассказывал отец, что он, будучи мальчишкой, как-то залез на дерево, чтобы подсмотреть, куда идет старый джентльмен, их родственник. Он увидел, как тот прошагал с полмили по дороге, а потом вдруг свернул на луг, хотя мог бы пройти туда прямо: самая мысль, что кто-то знает его намерения, была ему ненавистна. «Чем дольше я живу, тем больше верю в наследственность и тем больше чувствую расположение к старому джентльмену».

Биография ее выглядит вполне ординарной[2]. Родилась в 1900 году, средне училась, писала для школьного театра пьесы из жизни экзотических

[1] Настоящее имя Каролина Барр: см. посвящение Фолкнера к роману «Сойди, Моисей».

[2] Единственным источником остается пока книга Финис Фарр «Маргарет Митчелл из Атланты» (Finis Farr. Margaret Mitchell of Atlanta. N. Y., Avon Books, 1974).

...ая Россию, танцевала, ездила верхом. В 1918 году на фронте во Франции погиб ее жених, которого и звали так же, как хемингуэевского героя — лейтенант Генри; каждый год в этот день она посылала его матери цветы. В 1925 году, вторично выйдя замуж за страхового агента Джона Маршала (о первом браке известно лишь то, что Маргарет не расставалась с пистолетом, пока ее супруг не был найден убитым где-то на Среднем Западе), она оставила работу репортера в местной газете и поселилась с мужем неподалеку от прославленной ею Персиковой улицы. Она повела жизнь типичной провинциальной леди, как себя и называла, с тем лишь отличием, что дом ее был полон каких-то бумажек, над которыми потешались и гости, и она сама. Это и был роман, создававшийся с 1926 по 1936 год. И только когда он вышел, можно было понять, на что посягнула эта маленькая смелая женщина.

Если европейские писатели, посещавшие Америку, нередко относились к ней как к переростку, воспитание которого упущено (как, например, Токвиль, Диккенс, Гамсун или Грин); если американцы выдвинули в ответ свой идеал, Гекльберри, которому воспитание не нужно,— лицемерие старой тетушки Европы, а янки еще скажет свое слово при дворе романтического хлама,— то Маргарет Митчелл повернула этот затянувшийся спор в неожиданный вопрос: да янки ли Америка? Никогда еще не подвергался такому сильному сомнению человеческий тип, связанный с этим именем, и его право представлять страну.

Сомнение это не покажется нам странным, если мы вспомним, что произошло в США в результате Гражданской войны 1861—1865 годов.

Восстановим кратко канву событий. В октябре 1859 года Джон Браун с сыновьями захватил арсенал в Харперс-Ферри, требуя отмены самого вопиющего из зол, существовавших в стране,— рабства. Его гибель покончила с надеждами на мирное урегулирование, обе партии мобилизовались. В 1860 году президентом стал убежденный аболиционист Авраам Линкольн; Южные штаты отделились, образовав конфедерацию (1861), и военные действия начались. Перевес был на стороне Севера — примерно двадцать миллионов населения против десяти и сильный промышленный потенциал; однако у Юга были более талантливые генералы и централизованное руководство. Вначале дело шло с переменным успехом: северяне захватили с моря Новый Орлеан и двигались навстречу своим войскам по Миссисипи; семидневный кровавый бой у реки Чикагомини (1862) кончился безрезультатно; южане выиграли несколько важных сражений в приграничных областях и вторглись в Пенсильванию. Но после того как Линкольн провозгласил с 1 января 1863 года отмену рабства, наступил перелом. Объединенное командование северными армиями принял генерал Грант, будущий президент; подчиненный ему генерал Шерман быстрым броском взял в сентябре 1864 года Атланту (пожар и паника которой красочно описаны в романе); в апреле 1865 года остатки армий конфедератов сдались.

Передовые силы праздновали победу. Но, как выяснилось, дело свободы продвинулось недалеко. На поверженные пространства пришел строй, о котором сказал поэт: «знаю, на место цепей крепостных люди придумали много иных». Финансовая аристократия сменила земельную. В стране, лишенной опыта истории, противоречия прогресса сказались с особой остротой: хищничество, спекуляции и циничное ограбление труда расцвели, почти не ведая препятствий. Явились новые хозяева, о которых недвусмысленно сказано в

романе: «То были некие Гелерты, побывавшие уже в десятке разных штатов и, судя по всему, поспешно покидавшие каждый, когда выяснялось, в каких мошенничествах они были замешаны; Коннингтоны, неплохо нажившиеся в Бюро вольных людей одного отдаленного штата за счет невежественных черных, чьи интересы они, судя по всему, должны были защищать; Дилсы, продававшие сапоги на картонной подметке правительству конфедератов и вынужденные потом провести последний год войны в Европе; Караханы, заложившие основу своего состояния в игорном доме, а теперь рассчитывавшие на более крупный куш, затеяв на бумаге строительство несуществующей железной дороги на деньги штата... и т. д. Нравы, вводимые ими, быстро сказались на образе жизни страны».

Отсюда пришло то удручающее сочетание дикости и цивилизации: минуя культуру (то есть представление о смысле), которое всегда так останавливало друзей Америки и стало чувствоваться теперь через соприкосновение с нею в прессе, психологии, быту — всюду. Здесь родилось то удивительное состояние, когда могучая страна, полная инициативы, богатств и технического совершенства, оказалась столь бедной по части обыкновенных понятий, к чему все это существует и куда движется.

Смысл жизни? Вам ответят: любой смысл для жизни, причем для моей жизни, а если не подходит — к черту его. А чтобы не разодралось в клочья общество, установить правила, как на охоте, да и в любой мафии они существуют; впрочем, тоже не абсолютные, их можно и переходить — но только уж если переломают кости и выбросят, не обижайся: знал, на что шел. Попробуйте возразить этой логике; интересно, сразу ли найдетесь.

Потом ведь это и свобода. Мало ли какие у меня могут быть желания: хотите подавлять их, насиловать — увольте. Скажите такому, что эта свобода помещает вас в рабство,— тому, кто умеет разпробленные желания быстро удовлетворять, потакать им, разжигать их, по своему усмотрению управлять ими; что это худшее из рабств, потому что исключает самую возможность слышать смысл и делает вас абсолютной пешкой в руках потакателя; скажите — не услышит.

В самом деле, здесь ведь был проведен этот опыт — жить без власти, без правительства — мечта! В Америке была провозглашена эта доктрина, и обобщил ее американский гуманист Генри Торо, сказав, что лучшее правительство — то, которое менее всего правит. Чего бы, кажется, лучше. Но свято место пусто не бывает, и на место человека явилось правительство, никакому лицу действительно не принадлежавшее и никакому принципу (наконец!) не подчинявшееся, зато и прибравшее своих подданных как никогда раньше: деньги...

Короче, Маргарет Митчелл имела достаточно оснований протестовать против отождествления Америки с «янки» и повернуть свой роман к изображению того, о чем сказал, вглядываясь в Новый Свет, неведомый ей Пушкин: «Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort)»[1].

Другое дело, что задача, которую писательница себе поставила, была не-

[1] Интересно, что эта формула до сих пор вызывает у тех, кого она касается, желание доказать ее несамостоятельность, отнести ее к самым разным источникам, кроме одного: действительности (см.: Попов И. А. Кто боится Александра Пушкина.— Иностранная литература, 1980, №11).

чайно трудна. Решая ее одиноко, нелегко было избежать ошибок, известных в истории. Америка — это не янки, хорошо, но кто же тогда? Уж не те ли, кого Север беспощадно разорил? Потерянный, невозвращенный уклад, очистившийся в памяти и готовый сойти за реальность... Искушение сильное, и ушла ли от него писательница вполне, сказать трудно. Так, по крайней мере, в первом впечатлении можно было понять заглавие ее книги, взятое из стихотворения Горация в популярном у американцев переложении Эрнста Доусона: «Я забыл многое, Цинара; унесенный ветром, затерялся в толпе аромат этих роз...», и название поместья — Тара (древняя столица ирландских королей), также широко известное по балладе английского романтика Т. Мура:

Молчит просторный тронный зал,
И двор порос травой:
В чертогах Тары отзвучал
Дух музыки живой.

Так спит гордыня прежних дней.
Умчалась слава прочь,—
И арфы звук, что всех нежней,
Не оглашает ночь.

(Перевод А. Голембы)

Правда, вглядевшись, можно было понять, что писательница не слишком жалует обитателей этих романтических времен. В ее романе они обрисованы такими, какими они, вероятно, и были: отчаянные дворяне, которые в других странах стали отмирать, давая дегенерировавших выходцев-ученых, писателей, или вырождаться в банкиров, а здесь, с щедрой землей и рабами, сложились в барскую вольницу; темпераментная дичь, независимая и безнаказанная. Лучшие из них, как отмечено в романе, сознавали это сами: «наш образ жизни так же устарел, как феодальная система средних веков». Циничный Ретт высказался еще жестче: «Это порода чисто орнаментальная».

Строчка из баллады Мура «Так спит гордыня прежних дней» тоже звучала недаром. «Дети гордости»[1] — так назвал историк Роберт Мэнсон Майерс свой трехтомник, вышедший в 1972 году, где он собрал переписку одной южной семьи за четырнадцать лет (с 1864 по 1878 год), т. е. до, во время и после Гражданской войны. Если наши издательства заинтересуются когда-нибудь документальным вариантом описываемых событий, лучшей книги не найти. История преподобного Ч.-К. Джонса, его жены, детей, тетки, сестер, племянниц и т. д., чуть не полностью совпавшая с романом Митчелл (вплоть до ребенка, рождающегося в заброшенном доме), открыла поразительную картину упорства, способного принимать мир только с высоты, пусть и воображаемой. Слова из «Автобиографии» основателя нации Бенджамина Франклина: «...из наших природных страстей труднее всего, может быть, совладать с гордостью» — подходили к ним как нельзя более.

Сложнее, что сама писательница оказалась несвободной от этих наследственных пристрастий. Так в ее книге несомненно дает о себе знать патерналистский подход к неграм — дружелюбно-покровительственное отношение, готовность оценить и понять их сколько угодно, но — «на своем месте». Читатель без труда уловит его в том, как она противопоставляет историю своего

[1] The Children of Pride. A true story of Georgia and the Civil war. Ed. by R. M. Myers. N. Y., Popular Library, 1972.

...ельницы Питера известному дяде Тому Г. Бичер-Стоу, как рисует кормилицу Мамушку, Большого Сэма и др. Эти ноты у Митчелл сквозят даже намеренно вызывающе, когда, например, она начинает рассказывать, как «в области, давно знаменитой своими добрыми отношениями между рабами и рабовладельцами, начала расти ненависть и подозрительность» (не желая замечать, что если подобные отношения где-то и существовали, то это значило лишь, что одобряемые ею невольники были не просто по положению, а и по чувствам рабы), или усматривает в нарождавшемся ку-клукс-клане защиту белых женщин от насилий. Подобные утверждения, разумеется, никакого сочувствия у прогрессивно мыслящих американцев вызвать не могли; они противоречили основной традиции американской литературы от Марка Твена до Фолкнера. Все это сильно затруднило отношения Митчелл с демократической Америкой, которая одна могла поддержать ее сопротивление чистогану.

Однако судить роман по этим всплескам сословного высокомерия было бы большим упрощением. Мы знаем и великие примеры,— как Толстой в предисловии к «Войне и миру» объявлял, что его не интересуют низшие сословия, а его Николай Ростов одним молодецким ударом усмирял мужицкий бунт. Но именно эпическая правда этой книги подготовила его поворот к «Воскресению». «Не могу молчать» и открытый переход на сторону народа. Неизвестно, куда бы пошла дальше Митчелл, не оборви ее жизнь пьяный таксист (1949 г.). Но ясно, что крушение рабства внесло в ее роман с очевидностью необратимой. Что касается ее критики неожиданного расизма освободителей — холодного, брезгливо-отчужденного и куда более последовательного, чем прежняя дикость, то исторический опыт, к сожалению, ее оправдал. Когда волна негритянского движения в стране заставила заново взглянуть на историю и реальное положение негритянского населения, выводы специалистов ее полностью подтвердили: «Права негров были немедленно выброшены за борт, как только северные политические и экономические лидеры решили, что для защиты своих интересов больше не нуждаются в их голосах»[1].

Одно в книге Митчелл не требовало никаких подтверждений: ее Скарлетт.

Литература отличается от подделок, между прочим, и тем, что читатель чувствует себя в чужой душе, как в собственной. В век разобщения эта черта незаменима. Со Скарлетт сюда добавилось и то, что она попала в положение, близкое в новой Америке многим. Человек без культуры, с сильным и острым умом и бешеной жаждой жизни, на которого обрушились все проблемы — несоизмеримые с ним и, кажется, непосильные,— стал побеждать их, ничего о них заранее не зная; этот опыт, конечно, притягивал каждого, кому он был по-своему знаком.

Вопрос был все тот же: как пронести и развить внутренние ценности в мире оголенно-практического интереса. «Ах, какою леди до кончиков ногтей она станет, когда у нее опять появятся деньги! Тогда она сможет быть доброй и мягкой, какой была Эллин, и будет печься о других и думать о соблюдении приличий... И она будет доброй ко всем несчастным, будет носить корзинки с едой беднякам, и суп, и желе — больным, и «прогуливать» обделенных судьбой в своей красивой коляске». А пока... пока она узнала, что «нельзя быть

[1] Black History. A Reappraisal. Ed. by Melvin Drimmer. N. Y., Doubleday, 1968, p. 299.

жели, не имея денег», и бросила все силы своей богатой натуры на их добывание.

Так сплелся клубок противоречий, нерасторжимо связавший в ней чистоту и перерождение, идеал и порок, где главное было не потерять дороги, как-то выбраться. Все соединило в себе и ее имя, удачно найденное в последний момент, прямо в издательстве,— в английском звучании которого есть и алый цветок, наподобие нашего горицвета, и болезнь (сохранившееся и в русском названии — скарлатина), и «блудница на звере багряном»...

Не поддавался этот характер и мнениям, в которые его пытались уловить. Напряжение и сила, с какими боролась эта душа против обстоятельств, терпя поражения, падая, темнея, часто не понимая смысла происходящего, но не сдаваясь,— не позволяли этого сделать. Напрасно говорил ей Ретт, выдавая желаемое за правду: «мы оба негодяи». Он — циник по убеждению и точному расчету наперед; она — под давлением необходимости, которую обычно не сознавала до последней минуты, пока не вынуждена была преодолеть ее, выстоять, выжить («выживание» — так определила тему своего романа Митчелл). Ее прыжки навстречу опасности, не предвиденной ею, метания, взлеты и временный мрак составили незабываемую картину души, за которой стали следить, затаив дыхание, миллионы читателей.

Видя, как приняли ее Скарлетт, писательница растерялась. А попытки репортеров расспросить ее, не [illegible] женщину с себя, привели ее в бешенство. «Скарлетт [illegible] ...Я старалась описать далеко не восхитительную женщину [illegible] сказать мало хорошего, и я старалась выдержать ее [illegible] таким и смешным, что мисс О'Хара стала чем-то вроде национальной героини; я думаю, что это очень скверно — для морального и умственного состояния нации,— если нация способна аплодировать и [illegible] женщиной, которая вела себя подобным образом»...

Но, видимо, было в ней что-то, чего остановить было уже нельзя. Скарлетт пошла по стране как триумфатор, поверглая ниц всякого, кто справедливо угадывал в ней нечто родное, неотменимо американское. Она умела за себя постоять; она, как кошка, выброшенная из окна, всегда поднималась; она находила выход из любых положений. И в своей непосредственности она оказалась сильнее человека, который долго ее искушал, подталкивал к своим целям, даже вынудил стать своей женой, но в конце концов, сломленный, бежал. В романе это поняла одна старая негритянка: «Я говорю вам, мисс Скарлетт все может вынести, что Господь пошлет, потому как ей уж много испытаний было послано, а вот мистер Ретт... он ведь никогда ничего не терпел, ежели ему не по праву, никогда, ничегошеньки».

Трудно поверить, чтобы черта эта не нравилась самой Митчелл. Ее ответ одному из «поколения разочарованных», пожаловавшемуся ей, что «их обманули», говорит о том, что кое-что она вложила в Скарлетт и от себя:

«Кто это, с какой стати, когда это обещал Вам и Вашему поколению обеспеченность? Вернее, почему это молодежь должна желать обеспеченности? Предоставьте это старым и усталым... Меня изумляет в некоторых юных, как это они, насколько я могу понять, не просто тоскуют по обеспеченности, но уверенно требуют ее, как свое законное право, и становятся горько раздраженными, если его не преподносят им на серебряном блюде. Есть что-то тревожное для нации, если ее молодые люди взывают к обеспеченности. Юность

с прошлым (была авантюристкой, желающей и умеющей испробовать свои возможности. ...Я знаю многое о своей семье, а мои друзья здесь на Юге очень хорошо осведомлены о делах своих давно покойных родственников и об их отношении к жизни. Я не могу вспомнить ни одного случая, когда кто-либо из этих стародавних ждал обеспеченности или думал, что может ее достичь. Напротив, я уверена, что они ответили бы Вам изумленным взглядом, если бы вы взялись обсуждать с ними эту тему, а скорее всего они бы пришли в ярость, как если бы Вы обвинили их в самой низкой трусости».

Со временем, видя нарастающий энтузиазм, писательница постепенно потеплела к своему созданию. На премьере фильма «Унесенные ветром» она уже благодарила за внимание «ко мне и к моей бедной Скарлетт», а когда один незадачливый поклонник обратился к ней за помощью после того, как был отвергнут, нечаянно сравнив предмет своей страсти со Скарлетт, она написала: «Я рада, что вам нравится Скарлетт и что вы считаете ее «решительной и достойной восхищения девушкой»... Но мне, она была далеко не восхитительным человеком, поэтому я могу понять реакцию вашей подруги... Но кое-что говорили о мисс О'Хара и другие. Они говорили, например, что, как бы эгоистична она ни была, у нее была несокрушимая смелость, которая есть часть южного наследия. Они писали, что она заботилась о своих близких, как черных, так и белых, даже если она сама должна была при этом голодать. Это тоже очень привлекательная нежная черта . Другие добавляли, что она к тому же обладала необыкновенной привлекательностью для мужчин. Еще другим она нравилась по причине, [illegible] — за решимость и способность видеть вещи в их последствиях [illegible] черта, редкая в любую эпоху».

И было еще одно, может быть важнейшее. Пусть отпечатались в Скарлетт черты наступившей эпохи, пусть не могла она им противостоять, усваивая худшее. Но помимо эпох, есть нечто проносимое человеком сквозь них, чего он добивается и достичь в них не может,— надежда, реальная в непрерывном усилии ее осуществить. И это усилие Митчелл воплотила в Скарлетт с редкой для новейшей американской литературы настойчивостью. В этом смысле она была сестрой Фолкнера, хотя и непризнанной.

Ушли «унесенные ветром», но остался идеал, неисполнимый сон, который видит Скарлетт,— душа, летящая в белой туманной массе (почти гоголевская струна в тумане); она рвется, кличет мать (опять как гоголевский отчаявшийся герой) — мать как достоинство, честь и правду, которую не отнять, потому что она была и, значит, может где-то быть, но где? как? — душа не знает.

Оттого-то многие и увидели в Скарлетт не Север и не Юг, а символ безумно-прекрасной Америки, за которую борются Север и Юг, силятся поглотить, но не могут. Не дается им беспутное дитя, искалеченное жадностью, но не потерявшее красоты, в том числе и следов красоты внутренней.

Эту красоту удалось удержать и в фильме. Конечно, у продюсера картины Селзника были свои представления, как должны выглядеть аристократы, но без подлинного в главной роли обойтись было нельзя; и тогда была найдена красавица англичанка, воспитанница католических монастырей, Вивиен Ли. Достоевский, считавший, что «красота спасет мир», писал: «Во всем мире нет такого красивого типа женщин, как англичанки». Любопытно, что наблюдение это он сделал на лондонском Хай-Маркет, т. е. в обиталище соответственных жриц, что приближает нас к оценке, которую дала своей героине

Мэтчетт. Одна особенно поразила его: «Черты лица ее были нежны, тонки, что-то затаенное и грустное было в ее прекрасном и немного горделивом взгляде. Она была, она не могла не быть выше всей этой толпы несчастных женщин своим развитием: иначе что же значит лицо человеческое?»[1]

У Вивиен Ли было это лицо, «которое что-нибудь да значит», как бы не обманывала им ее героиня. И зрители ее приняли безоговорочно. Это была Скарлетт! Хотя в фильме не осталось и десятой доли жизни романа, а многое вообще было заглажено красивой картинкой (провинциальные особняки превращены в роскошные палаты, как это случается и в наших картинах о тургеневских временах и т. п.), читателям (а именно они заполнили кинозалы) довольно было намека. Премьера состоялась 14 декабря 1939 года в Атланте. Когда Скарлетт застрелила ненавистного грабителя-янки, зрители чуть не сломали кинотеатр. По цифрам успеха картина обошла другие и продолжает идти впереди всех после нее созданных в Америке[2]. Когда ее дают по телевидению, страна замирает. Люди следят за своей любимицей и ее ответом судьбе: «О, fiddle-dee-dee! ду-удочки... не поймаешь!»

А за каждой ее победой все слышнее звучит вопрос, как сберечь честь смолоду, на который ответить она не смогла и который последовал за ней повсюду, куда бы ни являлась [illegible] непобедимая, неустрашимая Скарлетт О'Хара. Теперь она пришла и в наш [illegible] в таком наряде, которые она так любила, в русском языке.

П. Палиевский

---

[1] Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч., т. 5. Л., Наука, 1973, с. 71-72.

[2] Историю ее создания см. в кн. В. Утилова «Вивиен Ли», серия «Жизнь в искусстве» (М., Искусство, 1980).

Уважаемые читатели!

Мы не знаем точно, зачем пишут предисловия. Мы своему читателю доверяем — он без наших разъяснений во всем разберется. Разве что несколько слов об истории „Визита к Минотавру" и „Гонок по вертикали".

...Два десятилетия назад Москва была потрясена сенсационной кражей из квартиры великого скрипача Д. Ойстраха. Правда, сенсация заключалась лишь в имени потерпевшего, да еще, пожалуй, в длинном списке похищенных дорогостоящих вещей: часов, шуб, радиоаппаратуры, орденов и медалей.

Мы полистали уголовное дело. На роман оно никак „не тянуло" — разве что на репортаж для „вечорки". Отложили и забыли. Потом вспомнили — еще и еще раз. Что-то возвращало к этому сюжету. И наконец однажды осенило: если предметом кражи будет произведение искусства, порождающее в руках гения новые произведения искусства — это интересно, это уже из области острых переживаний, познания, морали. Так среди похищенных вещей появилась скрипка Страдивари, вместе с историей замечательных кремонских мастеров.

...С героем „Гонок по вертикали" вором Алехой Дедушкиным по кличке Батон мы познакомились в Ростовском суде, где его судили за очередную кражу. Нас очень заинтересовал ловкий красивый „майданщик", защищавший себя остроумно и изворотливо. Конечно, он получил свой срок, но нам захотелось поискать ответа на воистину проблемный вопрос: как же так получилось, что умный, явно незаурядный человек, посвятил все свои таланты и способности уничтожению самого себя?

Ответ на этот вопрос, как и похитителя скрипки Стардивари нашел постоянный герой наших романов — сыщик Станислав Тихонов. Дадим же ему слово.

Авторы.

...ично ра...
...их заботах,
...естно ему.
...ала сейчас,
...исправиться
...ом году не
...них усилий
... не имело
...к Лутаков;
...емя коман-
...ствующими
...иметно под-

...Захаровна,—
...ой заедет...
...е двинулась

...месте не мо-
...естнее уйти,
...олее смелый,

...ее решитель-
...юханову спо-
...ный, сразу за-
...льным, здоро-
...ой держаться.
...даст. Да потом
...го шага,— в ее
...зговор.

...ичности... Ми-
...потянулась к
...ртела в паль-
...власти и будут
...рода. Большей
...категорий, как
...ествует.

...е пристальнее
...х существует?
...ь.

...м же спокой-
...ствами ода-

...; самый за-
...со своими

ИТАЛО КАЛЬВИНО

ТРОПА ПАУЧЬИХ ГНЕЗД

РОМАН

НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ РЫЦАРЬ

РОМАН

РАЗДВОЕННЫЙ ВИКОНТ

РОМАН

БАРОН НА ДЕРЕВЕ

РОМАН

ОБЛАКО СМОГА

ПОВЕСТЬ

ПУТЬ В ШТАБ

РАССКАЗ

ПЕРЕВОД С ИТАЛЬЯНСКОГО

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Хлодовский. Об Итало Кальвино, его предках, истории и о наших современниках .....

Тропа паучьих гнезд. *Перевод Р. Хлодовского* .....

Несуществующий рыцарь. *Перевод С. Ошерова* .....

Раздвоенный виконт. *Перевод М. Архангельской* .....

Барон на дереве. *Перевод Л. Черашней* .....

Облако смога. *Перевод А. Короткова* .....

Путь в штаб. *Перевод Р. Хлодовского* .....

К17

Кальвино И.
Избранное. Пер. с итал./Составл. и Предисл. Р. Хлодовского.— М.: Радуга, 1984.—496 с.— (Мастера современной прозы)

Советскому читателю хорошо знакомо имя одного из классиков современной литературы Италии. В сборник вошла трилогия «Наши предки», «реалистическая фантастика» которой восходит к поэтике Ариосто, итальянского поэта эпохи Возрождения. В книгу включены также роман «Тропа паучьих гнезд» и повесть «Облако смога», пронизанные антифашистскими, демократическими идеями, остро критикующие антигуманность буржуазного общества.

К $\frac{4703000000—353}{030\ (01)—84}$ 63—84

ББК 84.4 Ит
И (Итал)

Все произведения, вошедшие в настоящий сборник, опубликованы на языке оригинала до 27 мая 1973 г.

© Составление, предисловие и перевод на русский язык, кроме отмеченного в содержании знаком *, издательство «Радуга», 1984

ОБ ИТАЛО КАЛЬВИНО, ЕГО ПРЕДКАХ, ИСТОРИИ И О НАШИХ СОВРЕМЕННИКАХ

1

Итало Кальвино всегда неожидан. Потому что он — Мастер. А также оттого, что даже в самых экстравагантных формах его произведений отражается время.

Неожиданностью оказался уже тот роман, с которого начинается эта книга. Правда, осознано это было не сразу. В 1947 году, когда «Тропа паучьих гнезд» стремительно исчезала с книжных прилавков, художественную неординарность Кальвино по-настоящему оценил, кажется, только Чезаре Павезе. Один из основоположников новейшей итальянской прозы сразу понял, что его талантливый ученик уверенно выбрал собственную дорогу, и проницательно указал на его далеких литературных предков. Чем неожиданнее и беспримернее художественное новаторство, тем глубже и народнее его национальные корни.

В 1947 году Итало Кальвино был еще совсем юн. Ему едва исполнилось двадцать четыре года, и гораздо больше, чем поэтика повествовательных структур, его интересовало то, что происходило в стране, народ которой сумел освободиться от фашистской диктатуры. Соглашаясь с мнением большинства тогдашних критиков, Кальвино не склонен был отделять шумный успех своего первого крупного произведения от подлинных и даже, как потом оказалось, мнимых завоеваний послевоенного итальянского неореализма. Вспоминая о том времени, он всегда говорит «мы». В 1964 году в предисловии ко второму изданию «Тропы» Кальвино писал: «Литературный взрыв тех лет был в Италии фактом не столько эстетическим, сколько физиологическим, экзистенциальным, общественным. Все только что пережили войну, и мы, самые молодые, но успевшие побывать в партизанах, ощущали себя не раздавленными войной, не побежденными, не «потерянным поколением», а победителями, выброшенными в жизнь напряжением только что закончившейся битвы, единственными хранителями ее наследия. И в этом не было ни бездумного оптимизма, ни мало чем оправданной эйфории. Наоборот — мы отстаивали свое восприятие жизни как чего-то такого, что можно начать с самого начала, свой страстный порыв решать самые общие проблемы, свою способность преодолевать скорбь и любые трудности. Но на первый план у нас выступала нахальная радость. Многое было порождено этой атмосферой, в частности художественный склад моих первых рассказов и моего первого романа».

Первые послевоенные годы были в Италии временем больших ожиданий и великой надежды. Сопротивление на какое-то время сплотило нацию и, казалось бы, полностью уничтожило вековые преграды между всегда несколько замкнутой в себе итальянской интеллигенцией и борющимся народом. Границы между искусством и действительностью стали вроде бы стираться. Кинорежиссеры снимали фильмы, в которых профессиональных актеров заменяли сицилийские рыбаки («Земля дрожит» Лукино Висконти) и взаправдашние рабочие («Похитители велосипедов» Витторио Де Сика), а писатели-неореалисты строили свои произведения на материале отрывочных, но зато доподлинных воспоминаний о лично пережитых событиях, щедро насыщая повествование диалектальными выражениями, услышанными у партизанских костров, в забитых переселенцами поездах, в нескончаемых очередях за оливковым маслом или керосином. В неореалистической литературе возобладала поэтика «лирического документа». Однако общей идейно-эстетической программы неореалисты не выработали. «Неореализм,— писал Кальвино,— не был школой. Он был собранием разных голосов, по большей части периферийных, многоплановым открытием различных Италий, а также — или даже прежде всего — открытием Италий, дотоле неведомых литературе».

Открытие «различных Италий» в пределах одной, но все еще по-настоящему не объединенной страны, или, как писал известный итальянский литературовед Карло Салинари, «открытие подлинной Италии, с ее отсталостью, нищетой и абсурдными противоречиями», было открытием большой художественной важности и огромного исторического значения. Это оно превратило неореализм в самое передовое течение послевоенной итальянской культуры: стремление к предельно точному воспроизведению действительности сочеталось у неореалистов, как утверждал все тот же Салинари, «с искренней и революционной верой в возможность нашего обновления, в прогресс всего человечества». Не надо полагать, будто самым главным в неореализме было изображение военного и послевоенного быта во всех его мелких натуралистических деталях и житейских подробностях. Это лишь внешняя сторона. Писатели-неореалисты бесстрашно поэтизировали «прозу жизни» именно потому, что верили в возможность эстетического преодоления быта и выхода к стоящей за ним глубоко человечной жизненной правде. «Серость повседневных будней,— писал Итало Кальвино,— представлялась нам чем-то давным-давно изжитым: мы жили в красочном мире истории».

Порожденное сопротивлением фашизму искусство было искусством «ангажированным» или «завербованным». Эти придуманные французскими экзистенциалистами термины прочно вошли в литературную критику, хотя считать их особо удачными вряд ли правомерно. Во всяком случае, неореалистов никто не нанимал и не вербовал. Осознав свою ответственность перед людьми, они сделали свободный выбор и сами поставили свое мастерство на службу обществу и историческому прогрессу. Большинство из них именовали себя в ту пору коммунистами. Но ясностью политических взглядов неореалисты никогда не отличались. Гуманистические идеалы переплетались у них с сугубо интеллектуалистическими иллюзиями. Автор едва ли не первого в Италии «ангажированного» романа и один из мэтров итальянского неореализма Элио Витторини издавал в 1945—1947 годах влиятельный журнал «Политекнико», в котором, полемизируя с Пальмиро Тольятти, утверждал, будто можно состоять в коммунистической партии, не будучи марксистом, и что создание молодой, социалистической Италии должно начаться не с радикальной перестройки общественно-экономических отношений, а с формирования принципиально новой национальной культуры, широко открытой для всех проявлений жизни, науки и мысли, в том числе и буржуазно-декадентских.

2

Молодой Итало Кальвино примкнул к неореализму. Сопротивление наполнило новым смыслом его юношеское абстрактно-этическое неприятие насилия и фашизма. Оказавшись в рядах партизан-гарибальдийцев, он подхватывал их смачные, не всегда благопристойные словечки и присказки, а также — что гораздо существеннее — напряженно вслушивался в «безымянный голос эпохи, более мощный, нежели все наши индивидуальные, еще очень робкие модуляции и

каденции». Лидеры итальянского неореализма стали его первыми литературными наставниками. Сразу же после войны Кальвино сблизился не только с Чезаре Павезе, но и с Элио Витторини и напечатал в «Политекнико» несколько небольших рассказов. Витторини повлиял также на замысел его первого романа. Начинающий писатель из Сан-Ремо принялся писать «Тропу паучьих гнезд» во многом из-за того, что незадолго перед этим были написаны «Люди и нелюди». Кальвино хотелось, чтобы его товарищи по Сопротивлению в Лигурии тоже имели «свой роман», такой, каким уже обладали боевики из миланского ГАП'а.

Роман, однако, получился совсем другим. В «Тропе паучьих гнезд» не только отсутствовала своего рода антириторическая риторика в духе поверхностно усвоенного Хемингуэя, но и само Сопротивление в романе Кальвино было изображено совсем не так, как оно изображалось в произведениях подавляющего большинства итальянских неореалистов, без любования (не всегда оправданного) жестокостями гражданской войны и без какой-либо ностальгической идеализации партизан. В центре романа Кальвино оказались не типичные герои Сопротивления, а отряд Ферта, основное ядро которого составили бывшие рецидивисты, дезертиры, спекулянты, мешочники — словом, как сказано в тексте, «люди, существующие в складках общества и за счет его пороков».

Такой выбор героев, разумеется, не случаен. Однако он был порожден не идейной незрелостью начинающего прозаика, не его стремлением дегероизировать борьбу народа против фашизма, а достаточно хорошо продуманной эстетической позицией. Именно она позволила Кальвино занять свое, особое место среди неореалистов, но в то же время не вывела его за идеологические пределы прогрессивной литературы послевоенной Италии. Пройдет несколько лет, и Итало Кальвино с никогда не покидающим его задором скажет о своем первом романе: «Я могу определить его как образец «ангажированной литературы» в наиболее содержательном и широком значении этого слова. Сейчас, говоря об «ангажированной литературе», зачастую неправильно понимают ее как литературу, служащую для иллюстрации какого-нибудь тезиса, взятого a priori, независимо от поэтического выражения. Между тем то, что именуется «engagement», идейностью, гражданственностью, может проявляться на всех уровнях. В данном случае «ангажированности» угодно было стать образами и языком, общим художественным складом, стилем, взрывом негодования, вызовом».

Итало Кальвино всегда оставался прежде всего художником. Но отнюдь не «чистым». «Тропа паучьих гнезд» создавалась им как роман социально-полемический. Полемика велась в нем сразу на два фронта. Роман был направлен как против тех, кто, отвергая идеалы Сопротивления, пытался связать с партизанским движением рост преступности, захлестнувшей нищую послевоенную Италию, так и против «священнослужителей Сопротивления, агиографического и залакированного», во что бы то ни стало требующих от литературы примитивно понятого положительного героя.

Ключ к идейно-художественному истолкованию «Тропы паучьих гнезд» находится в самом романе. Он помещен в текст почти не связанной с сюжетом IX главы, в которой читатель знакомится с комиссаром партизанской бригады Кимом, называющим себя большевиком. Важность этого персонажа подчеркнута предпосланным роману посвящением: «Киму и другим». «Другие» — это возглавлявшие итальянское Сопротивление коммунисты, такие, как Луиджи Лонго, которых Кальвино в сюжет не ввел, но без мыслей о которых это произведение не существовало бы как художественное целое. Объясняя командиру бригады Литейщику, почему он составил отряд Ферта из, так сказать, отбросов общества, из людей, которых толкает на борьбу «исконная ярость», «унизительность их жизни, мрак их пути, грязь их дома, непристойные ругательства, которым они выучиваются, будучи еще детьми», Ким говорит, что, хотя сама по себе такая ярость слепа, она может быть использована в борьбе против порабощающей человека системы, ибо, кроме экзистенциальной, исконной ярости, «есть история». «В истории,— говорит Литейщику Ким,— мы — там, где освобождение, фашисты — на стороне прямо противоположной... Я считаю, что наша политическая работа состоит в том, чтобы использовать даже человеческую слабость в борьбе против человеческих слабостей, ради нашего освобождения, так же как фашисты используют нищету для увековечения нищеты и человека против человека».

Ким — интеллектуал. Он мыслит несколько абстрактно, и читателю романа не так уж трудно представить, почему обыкновенный рабочий Литейщик не желает с ним соглашаться. Однако именно потому, что Кальвино прежде всего художник, он не лишает даже этого интеллектуала, умеющего и любящего раскладывать людей по классовым полочкам («сюда — пролетариат, туда — крестьянство, потом... — люмпен-пролетариат»), прекрасно простой человечности. Рационализм в Киме от молодости. Главное в нем — не абстрактно-социологические схемы, главное — то, что реальная, классовая борьба против фашизма, включив Кима в ход истории, дала ему сознание своей истинной человеческой сущности, самым высоким и наиболее естественным проявлением которой всегда оставалась любовь. Расставшись с Литейщиком, комиссар Ким размышляет: ««Я... иду по лиственничному лесу, и каждый мой шаг — история; я думаю: «Я люблю тебя, Адриана», и это — история, это будет иметь серьезные последствия, я стану действовать в завтрашнем бою как человек, который сегодня ночью подумал: «Я люблю тебя, Адриана». Возможно, я не сделаю ничего значительного, но история состоит из маленьких безымянных действий, возможно, я завтра умру... но все, что я сделаю, прежде чем умереть, и сама моя смерть станут частью истории, и все мои теперешние мысли окажут влияние на мою завтрашнюю историю, на завтрашнюю историю человечества...» Ким обрел душевную ясность. «А, б, в»,— скажет он. Он продолжает думать: «Я люблю тебя, Адриана». Это — история. Это — и ничего, кроме этого».

3

Однако центральный герой «Тропы паучьих гнезд» все-таки не комиссар Ким. Душевная ясность, которую дало Киму его классовое самосознание,— это конечная цель формирования личности и в определенном смысле исторический идеал. Но «ангажированному» писателю Кальвино хотелось заниматься не столько идеалами, сколько живой жизнью и ее развитием. В предисловии ко второму изданию «Тропы» он скажет: «Процесс, ведущий к обретению такого самосознания,— вот что надо изображать! Пока останется хотя бы один человек, лишенный самосознания, нашим долгом будет заниматься этим человеком, и только им».

Кальвино устранил комиссара Кима из основного фабульного течения именно оттого, что в пору создания романа он склонен был разделять идеи Кима. «Тропа» стала одним из лучших итальянских романов о Сопротивлении в значительной мере потому, что она больше чем просто неореалистический роман об итальянском Сопротивлении, она своего рода современный воспитательный роман. Предметом художественного анализа в книге молодого Кальвино стал путь человека к обретению человечности благодаря включению себя в ход истории. Итало Кальвино хотелось прочертить такой путь с самого начала, и он сделал главным героем брата проститутки и доносчицы, якшающегося с уголовниками мальчишку Пина, живущего на самом дне итальянского общества и отчасти уже этим обществом развращенного. Однако именно потому, что Пин — ребенок, для него еще открыт путь в историческое будущее. В процессе развития сюжета Пин, попадая в партизанский отряд и соприкасаясь с прекрасной природой, освобождается от томящего его чувства одиночества и в конце концов не только находит свой пистолет, который связал его с миром взрослых, но также обретает в партизане по прозвищу Кузен того долгожданного Настоящего Друга, которого он может ввести в свой сокровенный, таинственный мир паучьих гнезд и который в свою очередь уводит его в мир настоящих людей, таких же больших и добрых, как он сам. Роман заканчивается на чуть печальной, но оптимистической ноте.

Финал романа несколько напоминает последние кадры фильма Чаплина «Новые времена». Возможно, это не просто случайная перекличка. Строя свой первый роман, молодой Кальвино опирался на эстетический опыт мировой культуры и вовсе не считал, что неореалист должен ограничиваться непосредственным восприятием окружающей его жизни, забыв о предшествующей ему литературной традиции. «Чтение и жизненный опыт,— утверждал он,— единый мир. Всякий жизненный опыт, для того чтобы быть художественно интерпретированным, требует известного чтения и опирается на него. То, что книги всегда порождаются другими книгами,— правда, лишь на первый взгляд противоречащая другой правде,

согласно которой книги порождаются практикой жизни и взаимоотношениями между людьми».

Автор «Тропы паучьих гнезд» много читал. Падение фашизма открыло его поколению большой пласт художественной литературы, бывший при Муссолини под запретом. Роман Хемингуэя «По ком звонит колокол» помог Кальвино художественно осознать опыт партизанской войны в горах Лигурии и изобразить отряд Ферта. Характерные хемингуэевские «подтексты» сформировали сюжетное развитие включенной в этот сборник новеллы «Путь в штаб». Но еще больше помогали ему советские писатели, особенно Александр Фадеев с его «Разгромом» и Исаак Бабель. Впоследствии Кальвино назовет «Конармию» «одним из образцовых произведений реализма XX века, порожденных отношением интеллигента к революционному насилию», а итальянская критика отметит прямое влияние этого новеллистического романа на «Тропу паучьих гнезд».

Однако органичнее всего Кальвино был связан с национальной традицией. Итальянские прозаики, особенно неореалисты, как правило, пренебрегали фабулой, считая ее чем-то внешним и для подлинно художественного произведения вовсе не обязательным. Веристы о фабулах тоже не очень заботились. Вместе с тем именно итальянская литература породила такого непревзойденного виртуоза сюжетосложения, каким был Лодовико Ариосто. В статье «Три направления в итальянском романе» Кальвино скажет о создателе «Неистового Орландо»: «Из наших поэтов он мне ближе всех, и я не устаю его перечитывать».

Прочитанные книги привили Кальвино вкус к фабульности и научили его превращать хорошо построенный сюжет в действенное средство анализа противостоящей литературе действительности. Нахальный оборванец Пин не просто главный герой «Тропы» — он формообразующая сила, сюжетно охватывающая собранный в романе жизненный материал. Все происходящие события, за исключением чисто идеологической IX главы, увидены глазами мальчика, живущего в мире народных сказок и воспринимающего окружающую его суровую, неприглядную жизнь сквозь призму приключенческих романов и фильмов. Отсюда — неореалистический язык романа, диалектальные и жаргонные словечки, отсюда же — авантюрность и тот своеобразный, несколько сказочный колорит, которым окрашены быт и нравы Длинного переулка: партизанский повар Левша, похожий одновременно и на гнома, и на пирата Сильвера из «Острова сокровищ»; поле маков, где прячется Красный Волк, убежавший из тюрьмы, напоминающей рыцарский замок; лес, по которому бродит печальный великан Кузен. В упомянутой рецензии на «Тропу паучьих гнезд» Чезаре Павезе написал о романе молодого Кальвино: «В нем чувствуется дух Ариосто». И тут же добавил: «Но Ариосто наших дней именуется Стивенсоном, Киплингом, Диккенсом, Ньево и охотно переряжается в мальчика».

Рецензия Павезе не только порадовала Итало Кальвино, но и помогла ему осознать себя как писателя: «Мой творческий путь начал принимать четкие очертания».

Одновременно с «Тропой паучьих гнезд» писались рассказы. В 1949 году Кальвино объединил их в сборнике «Последним прилетает ворон». После этого о «сказочности» его неореализма заговорила вся итальянская критика. «Я не возражал,— признается Кальвино.— Я великолепно понимал, что это большое достоинство — быть сказочным, рассказывая о пролетариате и о незначительных событиях повседневной жизни».

Вообще говоря, сказочность, и особенно сказочные финалы, отнюдь не противоречила поэтике неореализма. В пределах художественного произведения сказочность как бы стирала противоречия между идеалами Сопротивления и порожденными им же социальными иллюзиями. После «Похитителей велосипедов» Де Сика и Дзаваттини создали «Чудо в Милане». Их же фильм «Крыша» был замаскированной, не очень типичной неореалистической сказкой. Если в рассказах Итало Кальвино сказочность оказалась заметнее, то только потому, что она была в них много откровеннее, обнаженнее и, я бы сказал, гораздо народнее. Она органически входила в характеры персонажей и определяла строение сюжета. Впрочем, возможность конфликта между идеалами и иллюзиями была предугадана еще в «Тропе паучьих гнезд». Шагая по лиственничному лесу, комиссар Ким думает о партизанах, с которыми он только что расстался: «...Что они будут

делать «после»? Узнают ли они в послевоенной Италии сделанное ими? Поймут ли они систему, к которой придется тогда прибегнуть для продолжения нашей борьбы, долгой и все время различной освободительной борьбы? Красный Волк поймет, я уверен. Но неизвестно, как он будет вести эту борьбу на практике, когда не будет возможности совершать внезапные налеты и дерзкие побеги,— он, такой находчивый и так страстно любящий приключения. Хорошо бы, все были такими, как Красный Волк... Однако среди нас окажутся и другие, которые, вновь став индивидуалистами, сохранят и тогда темную и уже бесплодную ярость. Эти докатятся до преступности, их затянет машина никчемной ярости... они забудут, что когда-то шли рядом с историей и дышали ее воздухом».

4

В конце 40-х годов Итало Кальвино попробовал писать неореалистический роман с положительным героем, но он у него не писался. Сопротивление отошло в прошлое. Жизнь налаживалась, но совсем не так, как того хотелось всем, кто еще недавно воевал с гитлеровцами и с собственными фашистами. Опасения Кима подтверждались. 27 августа 1950 года в номере туринской гостиницы покончил жизнь самоубийством Чезаре Павезе. Элио Витторини вышел из рядов компартии и почти совсем отошел от художественной литературы. «Мы находились в самом разгаре «холодной войны»,— вспоминает Кальвино.— В воздухе чувствовалось напряжение, мучительное и глухое; оно не облекалось в зримые формы, но владело нашими душами».

Об этом еще никто не говорил, но неореализм уже вступил в полосу кризиса. В основе его лежал кризис сознания антифашистской интеллигенции, мучительно переживавшей крушение иллюзий периода Сопротивления.

Жизнь Итало Кальвино тоже входила в определенную колею — «в колею интеллигента в сером пиджаке и белой рубашке». Оглядываясь вокруг, писатель размышлял, почему же роман о рабочих у него все-таки не получается. «Слишком легко сваливать все на внешние обстоятельства,— думал Кальвино.— Вероятно, я просто не настоящий писатель. Подобно многим, я писал на волне периода перемен, а потом вдохновение мое иссякло».

Перемены в жизни никогда не кончаются. Бывает, что человек перестает их замечать, и плохо, если этот человек — писатель. Тогда он действительно «выдыхается» или начинает переписывать собственные произведения.

Кальвино не исписался. Вдохновение его не иссякло, но вдруг пошло совсем по новому руслу. В 1951 году Итало Кальвино закончил свой второй по времени роман — «Раздвоенный виконт».

Новый роман Кальвино не имел ничего общего ни с неореализмом, ни даже, казалось бы, с современностью. В романе рассказывалась совершенно фантастическая история виконта Медардо ди Терральбы, или, вернее, его враждующих между собой половин. Книга вызвала самые разноречивые отзывы критиков. Некоторые заподозрили роман в «реакционности». Зато он привел в восторг такого эстета, как Эмилио Чекки. Тот увидел в романе Кальвино «истинную, самую настоящую сказку о стародавних временах, наполненную ворожбой, барочными чудесами и причудливыми гротесками — совсем как на полотнах Иеронима Босха».

Критики менее изощренные искали у Кальвино «мораль» и подходили к роману «Раздвоенный виконт» не столько как к сказке, сколько как к притче. Они обнаруживали в нем главным образом аллегории. По их мнению, Кальвино поставил в своем «Виконте» извечную проблему борьбы добра и зла.

Итало Кальвино решительно воспротивился такой пресно-моралистической интерпретации. Он заявил, что проблема добра и зла никакого интереса для него не представляла — интересовала его «проблема раздвоения».

Роман «Раздвоенный виконт» — это прежде всего роман о современном человеке. «Современный человек,— объясняет Кальвино,— является человеком раздвоенным, изувеченным, ущербным, враждебным самому себе; Маркс назвал его «отчужденным», Фрейд — «подавленным»; древнее состояние гармонии утрачено, к новой цельности мы только стремимся. Именно в этом заключалось то идейно-нравственное ядро, которое я сознательно старался вложить в свой роман».

Вряд ли надо говорить, что писатель имеет в виду человека современного

капиталистического общества. В романе «Виконт» Кальвино одним из первых в Италии коснулся ставшей потом модной проблемы «отчуждения».

Классовая природа «отчуждения» проанализирована К. Марксом в «Немецкой идеологии». Маркс говорит, что стихийно возникающая совместная деятельность отдельных индивидов в развитом капиталистическом обществе «...представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают...»[1]. Именно поэтому многие современные писатели Запада и Америки не только сами оказались в плену у «отчуждения», но и создали своего рода миф об «отчуждении». Согласно этому мифу, «отчуждение», иными словами, чувство глубокой растерянности, сознание собственного бессилия, неумение обрести реальные связи с другими людьми и т. д., является якобы закономерным порождением технического прогресса в век атома и кибернетики.

Для фантаста и сказочника Кальвино этот типично буржуазный миф отнюдь не характерен. Уже в романе «Раздвоенный виконт» он отказался признать «отчуждение» фатальной неизбежностью и чуть ли не естественным состоянием современного человека, как это делали не только модернисты, но даже такой большой писатель-реалист, как Альберто Моравиа. В этом Кальвино помог идеологический опыт периода Сопротивления.

Проблему «отчуждения» поставило перед Кальвино Время. Это оно связало роман «Раздвоенный виконт» с современностью, и не вопреки, а в значительной мере благодаря его, казалось бы, экстравагантной форме. Произведение Кальвино — не сказка и не притча, а философская повесть. В ее фантастических образах и ситуациях Кальвино удалось выразить не только «не облекавшееся в зримые формы» — а поэтому и непередаваемое методами неореализма — «мучительное напряжение» особенно острого периода «холодной войны», но и не всегда еще в то время идеологически осознанные стремления передовой итальянской интеллигенции выйти из этого кризисного периода.

5

Создание «Виконта» вовсе не означало, что Кальвино окончательно порвал с неореализмом и ушел в мир фантастического. Он по-прежнему писал неореалистические и просто хорошие реалистические рассказы. С большинством из них советский читатель знаком по книге «Кот и полицейский»[2]. В 1954 году вышел сборник «Вступление в войну». За ним последовали «Трудные идиллии», повести «Строительная афера», «Облако смога», «Аргентинский муравей».

В рассказах из сборника «Вступление в войну» сказочность отсутствовала. Но именно в 1954 году Итало Кальвино с головой погрузился в волшебный мир народных сказок. За два года упорной работы Кальвино отобрал и перевел на итальянский литературный язык двести народных сказок — ровно столько же, сколько содержалось в книге, изданной братьями Гримм.

Эти два года оказались очень важными в формировании Кальвино-романиста. Неверно думать, что Итало Кальвино «бежал» в мир сказок от современной ему действительности и от тех сложных проблем, которые ставила изменившаяся жизнь перед прогрессивной итальянской литературой. В трудные 50-е годы он, как прежде, оставался верен своему долгу писателя-антифашиста и демократа. Логика народных сказок — это, по мнению Кальвино, логика народа, логика самых простых и в то же время самых естественных отношений между человеком и человеком, между человеком и природой, между человеком и обществом.

«Итальянские сказки» вышли в свет в 1956 году. 10 декабря того же года был начат роман «Барон на дереве». Роман писался быстро — на одном дыхании. 26 февраля 1957 года Кальвино его уже закончил.

Созданный между 1956 и 1957 годами роман Кальвино рассказывал о событиях, происшедших в Италии на переломе XVIII и XIX столетий. Однако «Барон на дереве» в еще большей мере, чем «Виконт», роман о современности.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд., т. 3, с. 33.

[2] Русский перевод: М., «Молодая гвардия», 1974.

В последней главе «Барона» брат Козимо Бьяджо, от лица которого ведется повествование, грустно замечает: «Я не знаю, что нам принесет этот девятнадцатый век, который начался плохо, а продолжается еще хуже. Над Европой нависла тень Реставрации; все реформаторы, будь то якобинцы или бонапартисты, разбиты; абсолютизм и иезуиты вновь торжествуют победу; идеалы юности, светлые огни и надежды нашего восемнадцатого века — все превратилось в пепел».

Можно ли проводить параллель между Бьяджо и Кальвино?

Кризис сознания, захлестнувший итальянскую интеллигенцию с начала 50-х годов, усугубили трагические события конца 1956 года: контрреволюционный мятеж в Венгрии, потом Суэцкий кризис. В это время немало итальянских писателей восприняло утрату иллюзий, порожденных Сопротивлением, как крушение всех демократических и социалистических идеалов. Некоторые итальянские писатели оказались тогда в идейном тупике, из которого так и не нашли выхода.

Итало Кальвино к их числу не принадлежал. Но кризис затронул и его, оставил в душе до сих пор не изгладившиеся рубцы. Именно к этим годам восходят, по-видимому, истоки скептицизма Кальвино, а также той печальной иронии, которой проникнуты и его «Трудные идиллии», и его повесть «День счетчика голосов», и его роман «Барон на дереве». Это остроумная, озорная, веселая, но также и очень грустная книга. Особенно в конце. Там, между прочим, сказано: «...у нас были налицо все причины, вызвавшие Французскую революцию. Но вот только жили мы не во Франции, и революции у нас не было. Ведь мы живем в стране, где есть причины, но не бывает следствий».

В романе «Барон на дереве» ирония Кальвино направлена против помпезно-театрального чванства ставшего деспотом Наполеона, против сентиментального руссоизма лейтенанта Агриппы Папийона, «поэта и волонтера республиканской армии», и против просветительских иллюзий главного героя, простодушно мечтающего о «Всемирной республике свободных, равноправных и справедливых граждан». Источником грустной иронии романа становится и то, что о жизни, приключениях, мыслях и проектах мечтателя и энтузиаста Козимо ди Рондо рассказывает его брат Бьяджо, человек вполне ординарный, такой же, как все.

Однако было бы совершенно неправильно видеть в романе Кальвино прежде всего скептицизм и главным образом иронию. Несомненно, роман написан в период сомнений и горьких разочарований. Но в «Бароне» отразился не один лишь идейный кризис итальянской интеллигенции, в нем отразилось также настойчивое стремление Кальвино разобраться в этом кризисе, исторически осмыслить его, докопаться до его корней. «Хаосу действительности» Кальвино сумел противопоставить, с одной стороны, логику и оптимизм народной сказки, а с другой — разум и рационализм комиссара Кима. И это спасло его от пессимизма.

Кальвино и Бьяджо не тождественны. Позиции их в оценке исторической перспективы прямо противоположны. Имея в виду время создания романа «Барон на дереве», Итало Кальвино писал: «Это была эпоха переосмысления той роли, которую мы можем играть в историческом развитии, когда надежды и разочарования сменяют друг друга. Несмотря ни на что, мы шли к лучшим временам; надо было только найти правильную связь между индивидуальным сознанием и ходом истории».

Необходимость найти эту связь дала содержание роману «Барон на дереве». Она же породила его форму.

Форма романа или, вернее, форма неореалистического романа в то время стала казаться Кальвино устаревшей или, во всяком случае, не соответствующей новой идейной нагрузке. Она, по мнению Кальвино, непригодна для вскрытия подспудных процессов, происходящих в современном капиталистическом обществе. Писатель полагает, что на смену роману, отражающему действительность, должен прийти роман, действительность анализирующий. Во имя обнажения логики жизни и истории Кальвино готов пожертвовать жизнеподобием образов и ситуаций и допустить некоторую рационалистическую деформацию действительности. Но это у него отнюдь не от модернизма. Кальвино опирается здесь на прочную литературную традицию — на традицию Ариосто и Рабле, Свифта, Вольтера, Дидро, а также Франса и Стивенсона. Наиболее плодотворной Кальвино кажется традиция Просвещения.

В «Бароне на дереве» нетрудно обнаружить характерные признаки и эссе, и

этюдом, и, конечно же, философско-сатирической повести XVIII века. В то же время «Барон на дереве» очень типичный западноевропейский роман середины XX столетия. Пожалуй, никогда еще в истории литературы формы романа не были столь многообразны, как во второй половине нашего века.

6

Создавая «Барона», Итало Кальвино опять обратился к той же повествовательной форме, которую он использовал в романе «Раздвоенный виконт». Но связывают эти романы не только поиски в области формы. Их объединяет прежде всего общность проблематики. Проблема «отчуждения» получила в «Бароне на дереве» дальнейшее — более глубокое и, на мой взгляд, более реалистическое — разрешение.

Необходимость целостности человеческой личности в романе «Раздвоенный виконт» была лишь провозглашена как этический и эстетический идеал, но художественно этот идеал воплощен не был. Целостного Медардо ди Терральбу читатель не видел и представить себе не мог. Роман нуждался в продолжении.

«Роман «Раздвоенный виконт»,— говорит Кальвино,— самим своим внутренним движением подвел меня к тому, что всегда было и остается главной темой моих произведений: человек добровольно принимает трудные правила и следует им до конца, ибо иначе он не был бы самим собой ни для себя, ни для других».

Но это уже тема не «Виконта», а «Барона».

Правило, которому неукоснительно следует барон Козимо ди Рондо, состоит в том, что он не имеет права касаться земли. Поэтому он проводит всю жизнь на деревьях.

Правило это подчеркнуто неправдоподобно. Оно создает парадоксальную ситуацию-конфликт, приводящую в движение сюжет романа. Для романов XVIII века такой прием обычен. Дальше сюжет развивается в границах как бы реально возможного. Фабула «Барона на дереве», по сути дела, не менее правдоподобна, чем фабула «Робинзона Крузо».

Но от целиком фантастического романа «Раздвоенный виконт» роман «Барон на дереве» отличает не только это. В своем новом романе Итало Кальвино отказался и от преднамеренно абстрактного, подчиненного рассчитанной схеме строения сюжета, и от превращения центрального персонажа в бесплотную иллюстрацию идеи. Дата в начале романа указана не случайно. В «Бароне на дереве» Кальвино не только вводит действие в конкретно-историческое время, но и придает видимость реально-исторических очертаний основным характерам и обстоятельствам. Исторический фон — Вольтер и «Энциклопедия» Дидро, Просвещение и Великая французская революция, наполеоновские войны и Реставрация — не только формирует идейную структуру романа, придавая ей конкретность, но и определенным образом освещает его персонажи. В старом бароне Арминио Пьоваско ди Рондо, в его супруге, «генеральше» Конрадине, в их дочери Баттисте, в кавалере Энеа-Сильвио Карреге, в робком аббате Фошлафлере и даже в комическом разбойнике Джане Лесном нетрудно уловить знакомые черты тех самых чудаков XVIII века, которых мы все великолепно помним по романам Филдинга, Смоллетта, Стерна, Геккерея, Ньево и Стивенсона. Все они гротескны. Это не живые люди, но живых людей они очень напоминают...

Козимо ди Рондо тоже чудак. С его культом Разума и Природы он довольно типичный «естественный человек» XVIII столетия. В то же время как художественный образ он принципиально и даже программно отличен от остальных персонажей романа. Он, пожалуй, еще меньше похож на них, чем Гулливер на лилипутов. Различие здесь не количественное, а качественное. Козимо ди Рондо воспринимается не как воплощение определенной идеи и не как литературный герой, а как живой человек, во всяком случае в первой части романа. Он светит собственным, а не отраженным светом. Он самый реалистический образ в романе, потому что авторское отношение к нему принципиально иное, чем к остальным героям. «С этим персонажем,— говорит Кальвино,— случилось нечто для меня необычное: я принял его всерьез, я поверил в него и отождествил себя с ним».

Итало Кальвино отнесся к Козимо ди Рондо точно так же, как он относился

когда-то к героям своих неореалистических рассказов. Именно поэтому главный герой «Барона на дереве» «приобрел черты характера с четко выраженными историческими признаками». Это позволяет Козимо ди Рондо не просто органично «вписаться» в исторический фон романа, но установить с окружающей его исторической действительностью такие гармонические отношения, которые являются условием и предпосылкой его собственной внутренней гармонии и цельности. Просветительские идеалы, которым Козимо следует, позволяют ему «одновременно быть другом своему ближнему, природе и себе самому».

Козимо ди Рондо не просто отличен от остальных героев романа, он противопоставлен им. По замыслу автора, он противостоит им как нравственный и гуманистический идеал.

Протест Козимо ди Рондо по форме абсурден. Но такая парадоксальная форма избрана Кальвино, по-видимому, вполне сознательно: ею еще больше подчеркивается абсурдность тех форм жизни, против которых протестует герой.

Формы эти воплощают в романе и отец Козимо, о котором сказано, что он «всю жизнь руководствовался устаревшими представлениями, как это часто бывает в переходную пору»; и мать Козимо, урожденная фон Куртевиц, живущая воспоминаниями о войне за австрийское наследство и воображающая себя немецким генералом на поле боя; и его сестра, которая до конца жизни не изменила жестоким привычкам юности; и его дядя, о котором поговаривали, что он принял магометанство, и который составил сотни великолепных проектов оросительных каналов, но не сумел осуществить ни одного из них. Даже капризная и сумасбродная Виола противостоит Козимо. В чем-то она внутренне богаче его. Но она живет только для себя. Поэтому ее жажда жизни оборачивается капризами и сумасбродством. В противовес «просветительской определенности» своего возлюбленного она воплощает в себе, по мысли автора, «присущую барокко, а затем и романтизму устремленность в ничто».

Во всех второстепенных персонажах романа «Барон на дереве» есть что-то от XVIII века, но все они живут вразрез со своим временем и находятся вне истории. Поэтому все они одиноки и замкнуты в своей маниакальности. Они живут вместе, но всегда остаются друг для друга чужими и загадочно-непроницаемыми. В этом они напоминают уже не столько чудаков Филдинга и Стерна, у которых чудачество было формой проявления их неповторимой индивидуальности и человечности, сколько «отчужденных» героев современных зарубежных романов и фильмов. Чудачества героев Кальвино лишь симулируют утраченную ими индивидуальность. Это уже не люди, а манекены. Именно поэтому смерть кавалера Карреги лишена в романе не только трагичности, но даже драматизма. Его отрубленная голова, которую пес Козимо вытаскивает на берег, кажется картонной.

Козимо идейно взаимодействует с другими героями романа прежде всего как с «отчужденными людьми» литературы середины XX века. Конечно, он и другие литературные персонажи романа «живут» в XVIII веке. Однако было бы ошибкой думать, что Козимо Пьоваско ди Рондо восстает в прямом смысле против абсолютизма и всех его проявлений в общественной, политической и частной жизни. «Барон на дереве» — роман не исторический, а философский. Протестуя против насилия над природой и человеком, главный герой романа Кальвино восстает не столько против абсурдных форм жизни, свойственных XVIII столетию, сколько против абсурдности «отчуждения». Он пытается внутренне преодолеть «отчуждение». Это одна из причин, почему он забирается на дерево.

Тем не менее Козимо — не Робинзон. И меньше всего он Робинзон XX века. Рассказывая о замысле романа «Барон на дереве», Кальвино писал: «Должен ли я был превратить его в историю о бегстве от человеческих взаимоотношений, от общества, от политики и т. д.? Нет, это было бы слишком просто и тривиально: игра начала интересовать меня лишь тогда, когда героя, который, в отличие от всех прочих, отказывается ходить по земле, я сделал не мизантропом, а человеком, заботящимся о благе ближнего, находящимся в курсе идей своего времени, желающим активно участвовать во всех сторонах жизни...»

Козимо — положительный герой. Кальвино связывает с ним свои гуманистические представления о цельном человеке. Он единственный персонаж, который пытается принять участие в ходе истории (причем на стороне прогрессивных сил) и

который, вероятно, поэтому на протяжении почти всего романа не чувствует себя одиноким. Он не противопоставляет себя миру, и мир не кажется ему чужим, непознаваемым и неизменяемым. Именно это создает предпосылку для его деятельности, изменяющей природу и способствующей поступательному движению истории, для деятельности, которая и составляет главное содержание романа.

Однако не трудно заметить, что при всем этом образ Козимо очень противоречив. Я сказал бы даже, что образу, с которым Итало Кальвино связывает свои гуманистические идеалы и представления о человеческой цельности, свойственны трагические противоречия. Они проявляются во всем, начиная с абсурдной формы конфликта между Козимо и миром «отчужденности», и входят в композицию романа.

7

В двадцатой главе романа Бьяджо Пьоваско рассказывает о своей беседе с Вольтером. Естественно, что говорили они о Козимо. Старый философ спросил:

«— Mais c'est pour approcher du ciel, que votre frère reste là-haut?[1]

— Брат утверждает,— ответил я,— что тому, кто хочет получше рассмотреть землю, надо держаться от нее на известном расстоянии.

Вольтер весьма оценил мой ответ».

Как уже говорилось, Козимо отнюдь не созерцатель. Читатель легко убедится в этом, прочитав роман. Тем не менее о должной дистанции сказано здесь очень серьезно.

Козимо — человек общественный, или, как говорил Аристотель, политический: во время борьбы с лесными пожарами «он открыл в себе способность сплотить людей и возглавить их». Он понял, что «содружество делает человека сильнее, являет всем лучшие качества каждого». Для этого создались тогда благоприятные условия. Во время борьбы с пожарами «у всех было общее дело и каждый ставил его выше своих собственных интересов».

Потом лесные пожары были побеждены. Вслед за этим в сознании Козимо происходит перелом. «Позже Козимо понял, что, когда общая задача разрешена, содружества уже не столь хороши, как прежде, и лучше вернуться к жизни в одиночестве, чем оставаться их руководителем».

Борьба с пожарами — почти аллегория. Речь идет о глубоких внутренних противоречиях. По мнению Кальвино, герой не может утвердить себя как личность, не обособляя себя от других людей. Но он обязан утвердить себя как личность именно для того, чтобы дать людям как можно больше. Вот почему и у Козимо «приверженность к жизни в содружестве с людьми» сочетается «с постоянным стремлением уйти от общества». Такая позиция представляется Кальвино неизбежной и вечной, и определяет ее не просто неприятие героем «существовавших тогда форм человеческого общежития». Не осуществленный Козимо «Проект Конституции Республиканской общины» предполагал эпилог. В эпилоге должно было говориться вот что: автор, основав на вершинах деревьев совершенное государство и убедив все человечество обосноваться в нем и жить счастливо, спускается вниз, чтобы поселиться на опустевшей земле.

«Известное расстояние» между Козимо и остальным человечеством, таким образом, сохраняется. Оно даже не сокращается, хотя человечество становится совершенным. Позиция барона на дереве программна. По мнению автора романа, это позиция, которую занимает сейчас значительная часть современной интеллигенции или которую, как ему кажется, она должна занять.

Нет нужды спорить с Кальвино и доказывать, что его мысль о необходимости одиночества для подлинного поэта, ученого и революционера по меньшей мере парадоксальна. Отметим другое: противоречия барона Козимо ди Рондо — это противоречия самого Кальвино и его романа.

Противоречивость идеала проникает в образ и раскалывает его изнутри. Неукоснительно следуя добровольно взятому на себя обязательству-правилу, Козимо сам творит себя и сам создает свою внутреннюю гармоничность и

[1] Ваш брат живет наверху, чтобы быть ближе к небу? *(франц.)*

цельность. Ему удается «стать самим собой для себя и для других». Он преодолевает «отчуждение», отчуждаясь от мира «отчужденного человека». Но именно поэтому его победа над «отчуждением» оказывается мнимой.

Можно ли сказать, что Козимо — человек цельный?

Правило, от которого не отступает Козимо, лишь одно из условий человеческой цельности, и притом формальное. Другим, и уже существенным, ее условием является решение той основной проблемы, которую ставил перед собой Кальвино, принимаясь за роман «Барон на дереве»: «Найти правильное соотношение между индивидуальным сознанием и ходом истории». Но можно ли сказать, что Козимо удалось его найти?

По-моему, нет.

Та гармония, которая устанавливается между Козимо, другими людьми и природой, на поверку очень непрочна и иллюзорна. Именно тогда, когда Козимо ди Рондо приходится соотносить себя со стремительным развитием истории на рубеже XVIII и XIX веков, он начинает терять свою человеческую реальность и историческую конкретность. Чем реальнее и драматичнее становится та историческая действительность, с которой соприкасается главный герой романа Кальвино, тем причудливее и фантастичнее делается его облик. Если в первой половине романа его еще можно представить собеседником Дидро или гостем барона Гольбаха, то во времена Великой французской революции и наполеоновских войн похождения барона Козимо ди Рондо начинают сильно напоминать приключения барона Мюнхгаузена. В конце романа странности Козимо принимают форму маниакальных чудачеств его отца и дяди. Так же, как они, он кончает полным и страшным одиночеством.

Впрочем, все это не значит, что Кальвино не понимает того, что стало ясно еще Шекспиру, создателю «Бури». Просто противоречия гуманистической культуры, основы которой были заложены в эпоху Возрождения, до сих пор остаются противоречиями. Их нельзя преодолеть изнутри. Они исчезают лишь тогда, когда старый гуманизм сменяется новым — социалистическим.

Кальвино остается в пределах гуманизма старого, так сказать — классического. Но в «Бароне на дереве» — и в этом эстетическая сила романа — иллюзии классического гуманизма художественно осознаны как иллюзии. Не только конец — весь роман Кальвино пронизан ощущением зыбкости и сказочной нереальности гуманистического идеала, воплощенного в Козимо ди Рондо.

Тем не менее ничего, кроме этого идеала, Итало Кальвино предложить современному человечеству, по-видимому, не может. Роман заканчивается патетическим апофеозом героя. Козимо возносится на небо и превращается в своего рода гуманистический миф.

8

Признавая, что «Барон на дереве» не разрешил поставленной в нем проблемы, Итало Кальвино писал: «Совершенно ясно, что сегодня мы живем уже не в мире чудаков, а среди людей, лишенных самой элементарной индивидуальности, до такой степени их личность сводится к абстрактной сумме заранее установленных норм поведения. Проблему теперь составляет не потеря части себя самого, а полная утрата всего себя — несуществование».

Проблема эта легла в основу написанного в 1959 году философского романа «Несуществующий рыцарь». (Трилогию «Наши предки» Кальвино открывает именно «Несуществующим рыцарем».) Однако и здесь проблемы «Барона на дереве» не нашли своего решения. И это неудивительно. «Отчуждение» — проблема не этическая, не эстетическая, а историческая. Решение ее — в революции, которую совершает то самое «большинство человечества», которое «отчуждение», по словам К. Маркса, «превратило... в совершенно «лишенных собственности» людей, противостоящих в то же время существующему миру богатства и образования...»[1].

Нельзя, конечно, соглашаться с теми взглядами, которых придерживается Кальвино, но упрекать его за пессимизм, думаю, все-таки не стоит. Он художник,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд., т. 3, с. 33.

а не моралист. Возможно даже, он неважный философ. Сила его не в этом. Она — в гуманистической вере в цельную, не ущербную человеческую личность.

Мир, в котором живет Кальвино, ему не нравится. Он не хочет принимать его таким, каков он есть. Поэтому, подобно герою повести «Облако смога» (1958), Итало Кальвино постоянно преследует желание «найти новое толкование мира, которое придало бы какой-то смысл нашему серому существованию, отстояло бы утраченную красоту, спасло бы ее».

Это желание сделало Кальвино художником. Интересным и большим.

В последние годы Итало Кальвино много экспериментировал с литературными формами. В значительной мере экспериментален и его недавний роман «Если однажды зимней ночью путник...» (1978). Но касаться его я не стану: о нем уже превосходно написала Цецилия Кин[1]. Роман опять доказал, что от Кальвино надо ждать многого. Потому что Итало Кальвино всегда неожиданен.

Р. Хлодовский

[1] «Литературная газета», 14 января 1981.

Пин поет хорошо — серьезно, с чувством, поет ломающимся детским голосом. Он поет «Четыре времени года».

Увижу волю наяву
и ту, по ком я сохну,
хоть ночку с милой поживу —
и на свободе сдохну!

Мужчины слушают молча, опустив глаза, как в церкви во время молитвы. Все они побывали в тюрьме. Кто не сидел в тюрьме, тот не мужчина. Старая тюремная песня наполнена тем щемящим чувством, которое разливается по телу поздно вечером в камере, когда надзиратели запирают на засов решетки, когда мало-помалу затихают ругань и ссоры и слышен только голос, поющий вот эту самую песню, которую поет теперь Пин, и никто не кричит ему, чтобы он заткнулся.

Лежу — рука под головой,
луна — через решетку.
Лежу и слышу — часовой
дерет на вышке глотку[1].

По-настоящему в тюрьме Пин никогда не сидел. В тот раз, что его собирались отправить к «подонкам», он дал деру. Время от времени он попадается в лапы местной полиции за набеги на овощные лотки, но тогда он так верещит и плачет, что полицейские, не выдержав, отпускают его. Однако в камере предварительного заключения Пин побывал и знает, что это такое. Поэтому поет он хорошо, с чувством.

Пин помнит все старинные песни, которым его обучили завсегдатаи трактира. В них рассказывается о кровавых убийствах. Он знает песню «Вернись, Казерио...» и ту, о Пеппино, прикончившем лейтенанта. Все загрустили, уставились в лиловое дно стаканов, разомлели, но Пин вдруг поворачивается на каблуках и, окутанный клубами табачного дыма, орет во всю глотку:

— «Глажу я по волосам — говорит она: не там! Ниже надо, знаешь сам. Коли любишь, дорогой, дальше руку запусти».

Мужчины принимаются дубасить кулаками по цинковой стойке, служанка спасает скачущие стаканы, все кричат: «Гу-у-у» — и хлопают в такт руками. А сидящие в трактире женщины, круглолицые пьянчужки вроде Солдатки, притопывают, пытаясь изобразить какой-то танец. Пину кровь бросается в голову; он сжимает зубы от ярости, но прокрикивает слова похабной песенки до тех пор, пока у него не перехватывает дыхание:

— «Я поглажу носик ей — говорит: вот дуралей, ниже, ниже поскорей».

---

[1] Перевод Е. Солоновича.

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

Сочинения

ТОМ

1

Москва
Издательство „Правда"
1988

84 Р 1
Л 49

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Анджапаридзе Г. А.
Бем Ю. О.
Вацуро В. Э.
Дудин М. А.
Скатов Н. Н.
Чистова И. С.

Тексты и научный аппарат тома подготовлены издательством «Художественная литература» при участии Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Составление и комментарии И. С. Чистовой

Вступительная статья И. Л. Андроникова

Фронтиспис художника Е. В. Терехова

Иллюстрации художника В. А. Носкова

Л $\frac{4702010100 - 1815}{080(02) - 88}$ 1815 — 88 (Подписное)

© Составление и комментарии.
Издательство «Художественная литература», 1988 г.

ОБРАЗ ЛЕРМОНТОВА

I

Когда, по окончании юнкерской школы, Лермонтов вышел корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк и впервые надел офицерский мундир, бабка поэта заказала художнику Ф. О. Будкину его парадный портрет. С полотна пристально смотрит на нас спокойный, благообразный гвардеец с правильными чертами лица: удлиненный овал, высокий лоб, строгие карие глаза, прямой, правильной формы нос, щегольские усики над пухлым ртом. В руке — шляпа с плюмажем. «Можем... засвидетельствовать,— писал об этом портрете родственник поэта М. Н. Лонгинов,— что он (хотя несколько польщенный, как обыкновенно бывает) очень похож и один может дать истинное понятие о лице Лермонтова». Но как согласовать это изображение с другими портретами, на которых Лермонтов представлен с неправильными чертами, узеньким подбородком, с коротким, чуть вздернутым носом?

Всматриваясь в изображения Лермонтова, мы понимаем, что художники старательно пытались передать выражение глаз. И чувствуем, что взгляд не уловлен. При этом — портреты все разные. Если пушкинские как бы дополняют друг друга, то лермонтовские один другому противоречат. Правда, А. С. Пушкина писали великолепные портретисты — О. А. Кипренский, В. А. Тропинин, П. Ф. Соколов. Пушкина лепил И. П. Витали. Лермонтовские портреты принадлежат художникам не столь знаменитым — П. Е. Заболотскому, А. И. Клюндеру, К. А. Горбунову, способным, однако, передать характерные черты, а тем более сходство. Но, несмотря на все их старания, они не сумели схватить жизнь лица, оказались бессильны в передаче духовного облика Лермонтова, ибо в этих изображениях нет главного — нет поэта! И, пожалуй, наиболее убедительны из бесспорных портретов Лермонтова — беглый рисунок Д. П. Палена (Лермонтов в профиль, в смятой фуражке) и акварельный автопортрет: Лермонтов на фоне Кавказских гор, в бурке, с кинжалом на поясе, с огромными печально-взволнованными глазами. Два эти

портрета представляются нам похожими более других потому, что они внутренне чем-то сходны между собой и при этом гармонируют с поэзией Лермонтова.

Дело, видимо, не в портретистах, а в неуловимых чертах поэта. Они ускользали не только от кисти художников, но и от описаний мемуаристов. И если мы обратимся к воспоминаниям о Лермонтове, то сразу же обнаружим, что люди, знавшие его лично, в представлении о его внешности совершенно расходятся между собой. Одних поражали большие глаза поэта, другие запомнили выразительное лицо с необыкновенно быстрыми маленькими глазами. Глаза маленькие и быстрые? Нет! Ивану Сергеевичу Тургеневу они кажутся большими и неподвижными: «Задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших неподвижно-темных глаз». Но один из юных почитателей Лермонтова, которому посчастливилось познакомиться с поэтом в последний год его жизни, был поражен: «То были скорее длинные щели, а не глаза,— пишет он,— щели, полные злости и ума». На этого мальчика неизгладимое впечатление произвела внешность Лермонтова: огромная голова, широкий, но не высокий лоб, выдающиеся скулы, лицо коротенькое, оканчивавшееся узким подбородком, желтоватое, нос вздернутый, фыркающий ноздрями, реденькие усики, коротко остриженные волосы. И — сардоническая улыбка... А один из приятелей Лермонтова пишет о милом выражении лица. Один говорит: «широкий, но не высокий лоб», другой: «необыкновенно высокий лоб». И снова: «большие глаза». И опять возражение: нет, «глаза небольшие, калмыцкие, но живые, с огнем, выразительные». И решительно все стремятся передать непостижимую силу взгляда: «огненные глаза», «черные, как уголь», «с двумя углями вместо глаз». По одним воспоминаниям, глаза Лермонтова «сверкали мрачным огнем», другой мемуарист запомнил его с «пламенными, но грустными по выражению глазами», смотревшими на него «приветливо, с душевной теплотой».

Последние строки взяты из воспоминаний художника М. Е. Меликова, который особое внимание уделил в своем описании взгляду Лермонтова. «Приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом,— пишет Меликов,— он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза эти, умные, с черными ресницами, делавшими их еще глубже, производили чарующее впечатление на того, кто бывал симпатичен Лермонтову. Во время вспышек гнева они бывали ужасны. Я никогда не в состоянии был бы написать портрет Лермонтова при виде неправильностей в очертании его лица, и по-моему, один только К. П. Брюллов совладал бы с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды (по его выражению, вставить огонь глаз)». Однако на этот счет Карл Брюллов держался иного мнения. «Я как

художник,— сказал он однажды, вспомнив лермонтовские стихи,— всегда прилежно следил за проявлением способностей в чертах лица человека; но в Лермонтове я ничего не нашел».

Впрочем, и сам Лермонтов смеялся над собой, говоря, что судьба, будто на смех, послала ему общую армейскую наружность.

Не только внешность, но и характер его современники изображают между собой так несхоже, что временами кажется, словно речь идет о двух Лермонтовых. Одним он кажется холодным, желчным, раздражительным. Других поражает живостью и веселостью. Одному вся фигура поэта внушает безотчетное нерасположение. Другого он привлекает «симпатичными чертами лица». «Язвительная улыбка», «злой и угрюмый вид»,— читаем мы в записках светской красавицы. «Скучен и угрюм»,— вторит другая. «Высокомерен», «едок», «заносчив» — это из отзывов лиц, принадлежавших к великосветскому обществу. А человек из другого круга — кавказский офицер А. Есаков, бывший еще безусым в пору, когда познакомился с Лермонтовым,— вспоминает: «Он школьничал со мною до пределов возможного, а когда замечал, что теряю терпение (что, впрочем, недолго заставляло себя ждать), он, бывало, ласковым словом, добрым взглядом или поцелуем тотчас уймет мой пыл».

И совсем другой Лермонтов в изображении поэта — переводчика Лермонтова на немецкий язык: «В его характере преобладало задумчивое, часто грустное настроение». И снова — портрет, открывающий новые грани характера,— воспоминания князя М. Б. Лобанова-Ростовского, с которым Лермонтов встречался в Петербурге, в компании своих сверстников: «С глазу на глаз и вне круга товарищей он был любезен, речь его была интересна, всегда оригинальна и немного язвительна. Но в своем обществе это был настоящий дьявол, воплощение шума, буйства, разгула, насмешки...»

Очевидно, Лермонтова можно было представить себе только в динамике — в резких сменах душевных состояний, в быстром движении мысли, в постоянной игре лица. А кроме того, он, конечно, и держался по-разному — в петербургских салонах, где подчеркивал свою внутреннюю свободу, независимость, презрение к светской толпе, и в компании дружеской, среди людей простых и достойных. «Когда бывал задумчив,— пишет узнавший его на войне артиллерийский поручик К. Х. Мамацев,— что случалось нередко, лицо его делалось необыкновенно выразительным, серьезно-грустным; но как только являлся в компании своих гвардейских товарищей, он предавался тому же банальному разгулу, как и все другие; в это время делался более разговорчив, остер и насмешлив, и часто доставалось от его острот дюжинным его товарищам».

Лермонтов терпеть не мог рисоваться и, как пишет один из его современников, имевший случай беседовать с людьми, хорошо его знавшими, был истинно предан малому числу своих друзей, а в обращении с ними полон женской деликатности и юношеской горячности. «Оттого-то до сих пор в отдаленных краях России вы еще встретите людей, которые говорят о нем со слезами на глазах и хранят вещи, ему принадлежавшие, более, чем драгоценность». Эти строки взяты из журнальной статьи писателя А. В. Дружинина, высоко ценившего поэзию Лермонтова. Побывав на Кавказе, когда там еще была свежа память о нем, Дружинин близко узнал одного из друзей и сослуживцев поэта — Руфина Дорохова. Тот много рассказывал о Лермонтове. И кроме беглых впечатлений, изложенных на страницах журнала, Дружинин написал в 1860 году на основе этих рассказов большую статью о поэзии Лермонтова, о его характере и судьбе.

В свое время эта статья осталась ненапечатанной и обнаружена только теперь, спустя [illegible]. Она хотя и опубликована ныне (Литературное наследство, т. 67, 1959, с. 630—643, публикация Э. Г. Герштейн), но мало кому известна. А между тем мы находим в ней разъяснение многих черт личности Лермонтова и загадок его судьбы. Статья эта проливает [illegible] свет на непостижимый творческий подвиг Лермонтова, за четыре с небольшим года после гибели Пушкина создавшего величайшие творения романтической поэзии — «Демона», «Мцыри», знаменитую «Песню про царя Ивана Васильевича...»; полную тонкой иронии по отношению к себе и к романтическому направлению в литературе поэму, названную им «Сказкою для детей», и гениальный роман «Герой нашего времени», знаменовавший начало русской психологической прозы, сборник стихов, означивший целый период в истории русской лирики, и другой поэтический сборник, которого в печати увидеть Лермонтову не довелось. Не только гениальный поэтический дар, но и великая устремленность, могучая творческая воля, непрестанное горение помогли ему наполнить творчеством каждый миг его краткой жизни.

Дорохова, человека безудержной отваги и пылкого темперамента, удивляла в Лермонтове эта сила характера. «По натуре своей п р е д н а з н а ч е н н ы й в л а с т в о в а т ь н а д л ю д ь м и»,— начинает и вычеркивает Дружинин, стремясь наиболее точно передать впечатления Дорохова. «По натуре своей горделивый, сосредоточенный и сверх того, кроме гения, о т л и ч а в ш и й с я с и л о й х а р а к т е р а,— продолжает он начатую характеристику,— наш поэт был честолюбив и <горд> скрытен». И снова — о железном характере Лермонтова, который впервые проявился в дни опалы за стихи на смерть Пушкина: «Немилость и изгнание, последовавшие за первым подвигом поэта, Лермонтов, едва вышедший из детства, вынес так,

как переносятся житейские невзгоды людьми железного характера, предназначенными на борьбу и владычество».

С какой ясностью свидетельствуют эти строки о том, что Лермонтов, более чем кто-либо другой при его жизни, исключая разве В. Г. Белинского, понимал собственное значение и роль, каковую ему было предназначено сыграть в русской литературе и—больше того—в жизни русского общества! Впервые с такой очевидностью мы узнаем из этой статьи, что на Кавказе, среди людей непривилегированных, у Лермонтова были истинные друзья, что он был знаменит не только в литературных салонах и в широком кругу своих почитателей в обеих столицах, но и на «всем Кавказе». «Большая часть из современников Лермонтова,— продолжает Дружинин,— даже многие из лиц, связанных с ним родством и приязнью,— говорят о поэте как о существе желчном, угловатом, испорченном и предававшемся самым неизвинительным капризам,— но рядом с близорукими взглядами этих очевидцев идут отзывы другого рода, отзывы людей, гордившихся дружбой Лермонтова и выше всех других связей ценивших эту дружбу».

При этом статья Дружинина раскрывает черты личности Лермонтова, о которых прежде мы могли только догадываться и которые объясняют нам его сложный и внешне противоречивый характер. Со слов Дорохова автор ее говорит о сохранившейся с детства привычке Лермонтова к сосредоточенной мечтательности и о другой особенности, старательно им скрывавшейся. «Лермонтов долго был нескладным мальчиком,— пишет Дружинин,— и даже в молодости, выезжая в свет, имея на всем Кавказе славу льва-писателя, не мог отделаться от застенчивости, которую только прикрывал то холодностью, то насмешливой сумрачностью приемов». Мир искусства, замечает Дружинин, был для него святыней и цитаделью, куда не давалось доступа ничему недостойному. «Гордо, стыдливо и благородно совершил он свой краткий путь среди деятелей русской литературы»,— говорится в этой статье, удивительной по обилию тонких и верных мыслей о поэзии Лермонтова и живых впечатлений, полученных от друга и очевидца, разделявшего с поэтом опасности в кровопролитных боях и лишения в долгих походах.

Чем усерднее вчитываемся мы в дошедшие до нас строки воспоминаний, тем более убеждаемся, что Лермонтов действительно был разным и непохожим — среди беспощадного к нему света и в кругу задушевных друзей, на людях и в одиночестве, в сражении и в петербургской гостиной, в момент поэтического вдохновения и на гусарской пирушке. Это можно сказать про каждого, но у Лермонтова грани характера были очерчены особенно резко, и мало кто возбуждал о себе столько разноречивых толков. Одни воспоминания о нем

надобно читать, понимая буквально, другие — угадывая в описаниях, казалось бы, объективных, бессильную злобу и стремление дискредитировать если не поэзию, то хотя бы поэта — человека иного образа мыслей и нравственных представлений, разрушавшего общепринятую условность и весь этикет лицемерного великосветского общества и поставившего себе целью говорить одну только беспощадную правду. Такие мемуары приходится читать, угадывая под личиной беспристрастных свидетелей непримиримых врагов.

Н. П. Раевский, офицер, встречавший Лермонтова в кругу пятигорской молодежи летом 1841 года, рассказывал: «Любили мы его все. У многих сложился такой взгляд, что у него был тяжелый, придирчивый характер. Ну, так это неправда; знать только нужно было, с какой стороны подойти... Пошлости, к которой он был необыкновенно чуток, в людях не терпел, но с людьми простыми и искренними и сам был прост и ласков».

«Он был вообще не любим в кругу своих знакомых в гвардии и в петербургском [illegible]. Это прямо противоположное утверждение принадлежит [illegible] Глебовскому, секунданту на последней — роковой — дуэли с Мартыновым.

«Все плакали, как малые дети»,— рассказывал тот же Раевский, вспоминая час, когда тело поэта было доставлено в Пятигорск.

«Вы думаете, все тогда плакали? — с раздражением говорил много лет спустя священник Эрастов, отказавшийся хоронить Лермонтова.— ...Все радовались».

И сколько ни будете читать воспоминаний о Лермонтове, более, чем о поэте, они будут говорить вам об отношении к нему мемуаристов. Кому из них верить, если даже и декабрист Н. И. Лорер оставил недоброжелательную запись о нем?

2

Впрочем, есть книги, которые содержат самый достоверный лермонтовский портрет, самую глубокую и самую верную лермонтовскую характеристику. Это — его сочинения, в которых он отразился весь, каким был в действительности и каким хотел быть! Читая лирические стихи и бурные романтические поэмы, трагический «Маскарад» и одну из самых удивительных книг во всей мировой литературе — «Герой нашего времени», мы невольно вспоминаем, что сказал Пушкин о Байроне: «Он исповедался в своих стихах невольно, увлеченный восторгом поэзии».

Как всякий настоящий, а тем более великий поэт, Лермонтов исповедался в своей поэзии, и, перелистывая томики его сочинений, мы можем прочесть историю его души и понять его как поэта и человека.

Страницы его юношеских тетрадей напоминают стихотворный дневник, полный размышлений о жизни и смерти, о вечности, о добре и зле, о смысле бытия, о любви, о будущем и о прошлом:

Редеют бледные туманы
Над бездной смерти роковой,
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны...

Историю протекших веков и все лучшее, накопленное русской и европейской культурой,— поэзию, прозу, драматическую литературу, музыку, живопись, труды исторические и философские,— Лермонтов усваивал начиная с первого дня пребывания в Пансионе при Московском университете, а затем в годы студенчества.

Приятелям запомнилась его любимая поза: облокотившись на одну руку, Лермонтов читает принесенную из дома книгу, и ничто не может ему помешать — ни разговоры, ни шум.

Он владеет французским, немецким, английским, читает по-латыни, впоследствии, на Кавказе, примется изучать «татарский», то есть азербайджанский язык, в Грузии будет записывать слова грузинские и одной из своих поэм даст грузинское название — «Мцыри». Он помнит тысячи строк из произведений поэтов великих и малых, иностранных и русских, но из обширного круга его чтения нужно выделить двух авторов: Байрона и — особенно — Пушкина. Еще ребенком Лермонтов постигал законы поэзии, переписывая в свой альбом их стихи. Перед Пушкиным он благоговел всю жизнь. И больше всего любил «Евгения Онегина». Об этом он сам говорил Белинскому.

Он не просто читал — каждая книга была для него ступенью к самостоятельному пониманию назначения поэзии, каждая воспринималась критически. «Я читаю Новую Элоизу,— записывает семнадцатилетний Лермонтов впечатление от знаменитого романа Жан Жака Руссо.— Признаюсь, я ожидал больше гения, больше познания природы и истины... Вертер лучше: там человек — более человек»,— дописывает он, отдавая предпочтение роману Гёте.

Воображение уносит его на Кавказ, где он побывал в детстве, и в страны, где он никогда не бывал,— в Литву, Финляндию, Испанию, Италию, Шотландию, Грецию, в будущее и в прошлое и даже в мировое пространство:

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнию иной.
И о земле позабывал...

Его мысль в непрестанном горении. Недаром Белинский сразу же отметил у Лермонтова «резко ощутительное присутствие мысли».

и не один пластические изображения, заключающие в себе мысли поэта, но самая мысль, обретшая художественную форму, составляет силу множества его лучших вещей — «Не верь себе», «Сказки для детей», «Демона», «Думы»:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви.
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

Природа наделила его страстями. Трех лет он плакал на коленях у матери от песни, которую она певала ему. И в память о рано угасшей матери и о песне он написал потом своего «Ангела»:

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.

Он полюбил впервые в десятилетнем возрасте на Кавказе. Вспоминая через пять лет златокудрую девочку и Кавказские горы, он записал в тетрадку свою: «Говорят (Байрон), что ранняя страсть означает душу, которая будет любить изящные искусства. Я думаю, что в такой душе много музыки».

Он утверждал это на основании своего опыта. Он был одарен удивительной музыкальностью — играл на скрипке, на фортепиано, пел, сочинял музыку на собственные стихи. В последний год жизни он положил на музыку свою «Казачью колыбельную песню». Были даже и ноты, но пропали и до нас не дошли. Однако если бы мы даже не знали об этом, мы догадались бы о его музыкальности, читая стихи и прозу его. Не много было в мире поэтов, умевших передавать тончайшие душевные состояния, пластические образы и живой разговор посредством стиха и прозаической фразы, звучание которых составляет неизъяснимую прелесть, заключенную в музыкальности каждого слова и в самой поэтической интонации. Не много рождалось поэтов, которые бы так «слышали» мир и видели его так — динамично, объемно, красочно. В этом Лермонтову-поэту помогал его глаз художника. Не только с натуры, но и на память он мог воспроизводить на полотне, на бумаге фигуры, лица, пейзажи, кипение боя, скачку, преследование. И, обдумывая стихотворные строки, любил рисовать грозные профили и горячих, нетерпеливых коней. Если бы он профессионально занимался живописью, он мог бы стать настоящим художником.

Изображая в «Герое нашего времени» ночной Пятигорск, он сперва описывает то, что замечает в темноте глаз, а затем — слышит ухо:

«Город спал, только в некоторых окнах мелькали огни. С трех сторон чернели гребни утесов, отрасли Машука, на вершине которого лежало зловещее облачко; месяц поднимался на востоке; вдали серебряной бахромой сверкали снеговые горы. Оклики часовых перемежались с шумом горячих ключей, спущенных на ночь. Порою звучный топот коня раздавался по улице, сопровождаемый скрыпом нагайской арбы и заунывным татарским припевом».

Эти описания Лермонтова так пластичны, что понятным становится, почему современники называли его русским Гёте: в изображении природы великий немецкий поэт считался непревзойденным. «На воздушном океане» — строки, не уступающие пантеистической лирике Гёте, Лермонтов написал в 24 года. При всем том он умел одухотворять, оживлять природу: утес, тучи, дубовый листок, пальма, сосна, дружные волны наделены у него человеческими страстями — им ведомы радости встреч, горечь разлук, и свобода, и одиночество, и глубокая, неутолимая грусть.

«Музыка моего сердца была совсем расстроена нынче»,— вписал шестнадцатилетний Лермонтов в одну из своих тетрадок. Суровая жизнь с малых лет расстраивала ему эту «музыку сердца».

После того, как из университетских аудиторий он перешел в Петербург, в кавалерийскую школу, его старший и верный друг Мария Лопухина писала ему из Москвы: «Когда вы продолжаете писать, не делайте этого никогда в школе и ничего не показывайте вашим товарищам, потому что иногда самая невинная вещь причиняет нам гибель. Остерегайтесь сходиться слишком близко с товарищами, сначала хорошо их узнайте. У вас добрый характер, и с вашим любящим сердцем вы тотчас увлечетесь».

Добрый характер, любящее сердце, способность увлекаться — вот каким он был и каким навсегда остался в отношениях с друзьями. Он не изменял им, не забывал их. И, обращаясь к умершему декабристу — поэту Александру Одоевскому, с которым встретился на Кавказе, писал:

Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!

И, посвящая «Демона» женщине, которая не дождалась его, он обращался к ней с горьким упреком:

Я кончил, и в груди невольное сомненье:
Займет ли вновь тебя давно знакомый звук,
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?

Другом поэта был и тот, кто помог ему распространить стихи на смерть Пушкина, и та, что одною из первых угадала в нем великий талант. И кавказский кинжал — символ вольности — он считал своим другом, и сражающийся Кавказ, что олицетворял в представлении Лермонтова отвагу, честь, благородство, стремление к свободе.

Лермонтов не умел и не хотел скрывать свои мысли, маскировать чувства. Уроки Марии Лопухиной впрок не пошли. Он оставался доверчивым и неосторожным. И больше, чем открытая злоба врагов, его ранила ядовитая клевета друзей, в которых он ошибался. И чувство одиночества в царстве произвола и мглы, как назвал николаевскую империю А. И. Герцен, было для него неизбежным и сообщало его поэзии характер трагический. Его жизнь омрачала память о декабристском [illegible] года и о судьбах лучших людей. Состоянию общественной жизни отвечала его собственная трагическая судьба: ранняя гибель матери, [illegible] от отца, которого ему запрещено было видеть, мучения неразделенной любви в ранней юности, а потом разлука с Варварой Лопухиной, разобщенные судьбы, политические преследования в [illegible] последние годы... Все это сверхиндивидуальные [illegible], чтобы увидеть трагический характер его поэзии.

И при всем том он не стал мрачным отрицателем жизни. Он любил ее страстно, вдохновленный мыслью о родине, мечтой о свободе, стремлением к действию, к подвигу.

Чем старше он становился, тем все чаще соотносил субъективные переживания и ощущения с опытом и судьбой целого поколения, все чаще «объективировал» современную ему жизнь. Мир романтической мечты уступал [illegible] воображению реальной действительности. Все чаще в поэзию Лермонтова вторгалась повседневная жизнь и конкретное время — эпоха 30—40-х годов с ее противоречиями: глубокими идейными интересами и мертвящим застоем общественной жизни.

И все, что им создано за тринадцать лет творчества,— это подвиг во имя свободы и родины. И заключается он не только в прославлении бородинской победы, в строках «Люблю отчизну я...» или в стихотворном рассказе «Мцыри», но и в тех сочинениях, где не говорится прямо ни о родине, ни о свободе, но — о судьбе поколения, о назначении поэта, об одиноком узнике, о бессмысленном кровопролитии, об изгнании, о пустоте жизни...

Скорбная и суровая мысль о поколении, которое, как казалось ему, обречено пройти по жизни, не оставив следа в истории, вытеснила юношескую мечту о романтическом подвиге. Лермонтов жил теперь для того, чтобы сказать современному человеку правду о «плачевном состоянии» его духа и совести,— поколению малодушному, безвольному, смирившемуся, живущему без надежды на будущее. И это был подвиг труднейший, нежели готовность во имя родины

и свободы погибнуть на эшафоте. Ибо не только враги, но даже и те, ради которых он говорил эту правду, обвиняли его в клевете на современное общество. И надо было обладать прозорливостью Белинского, чтобы увидеть в «охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь» веру Лермонтова в достоинства жизни и человека.

И все же не только внутреннее возмужание было причиной стремительного развития Лермонтова. С того дня, когда он, подхватив знамя русской поэзии, выпадавшее из рук убитого Пушкина, встал на его место, он уже обращался к своему современнику, поднимал перед ним «вопрос о судьбе и правах человеческой личности» и отвечал на него всем своим творчеством.

С юных лет светское общество, с которым Лермонтов был связан рождением и воспитанием, олицетворяло в его глазах все лживое, бесчувственное, жестокое, лицемерное. И заглавие трагедии «Маскарад» заключает в себе смысл иронический, ибо у этих людей лицо было маской, а в маскараде, неузнанные, они выступали без масок, в обнажении низменных страстей и пороков. И Лермонтов имел смелость высказать все, что думал о них. В день гибели Пушкина он впервые заявил о себе. И первое, что он сказал им:

Свободы, Гения и Славы палачи!

Он грозил им народной расправой и указывал на их связь с императорским троном. «Люди лицемерные, слабые никогда не прощают такой смелости»,— писал о нем Герцен. И на последних вдохновениях Лермонтова уже лежит печать обреченности. Но неуклонно следовал он по избранному пути. И ненависть к «стране господ», отрицание купленной кровью славы только обостряли его любовь к «печальным деревням» и к «холодному молчанию» русских степей.

Десять лет писал он стихи, поэмы, драмы, прозу, прежде чем решился стать литератором. Еще три года понадобилось, чтобы из лучшего, что он создал, составить небольшой сборник. Взыскательность, строгость его по отношению к себе удивительны. Только две поэмы и два с половиной десятка стихотворений отобрал он из сотен стихов и трех десятков поэм. Зато никто еще не выступал в первый раз с таким сборником.

Все совместилось в этой маленькой книжке — старинный сказ «Песни про царя Ивана Васильевича...» и простая речь бородинского ветерана; тихая молитва о безмятежном счастье любимой женщины, которая принадлежит другому, и горечь разлуки с родиной; холодное отчаяние, продиктовавшее строки «И скучно и грустно...», и нежный разговор с ребенком; беспощадная ирония в обращении к богу и ласка матери, напевающей песню над младенческой колыбелью; трагическая мысль «Думы» и страстный разговор Терека с Каспием; горестная память о погибшем изгнаннике и гневная угроза велико-

светской черни; сокрушительная страсть Мцыри — призыв к борьбе, к избавлению от рабской неволи, и сладостная песня влюбленной рыбки; пустыни Востока, скалы Кавказа, желтеющие нивы России, призрачный корабль, несущий по волнам океана французского императора, слезы заточенного и страстный спор о направлении поэзии — все было в этом первом и последнем сборнике, который вышел при жизни поэта.

Вот такой и был Лермонтов, только натура его и личность его были еще богаче, потому что в эту книжку не вошли ни «Демон», ни «Маскарад», ни «Герой нашего времени», ни стихотворения последнего года, в которых он поднимается еще выше, потому что «Валерик», «Завещание», «Любовь мертвеца», «Спор», «Сон», «Выхожу один я на дорогу...» раскрывают новые стороны этой великой души. А между этими стихами мелькают острые эпиграммы и любезные, или добрые, или колкие стихотворные шутки...

Эти контрасты, эти смены душевных состояний в сочетании с верностью Лермонтова излюбленным идеям и образам сообщают его поэзии удивительное [illegible], выражение неповторимое. И любимым поэтическим средством [illegible] является в ней антитезы — столкновение противоположностей: «день первый» — «день последний», «позор» — [illegible], «падение» — «победа», «свиданье» — «разлука», «демоны» — «ангелы», «небо» — «ад», «блаженство» — «страданье»... И другой [illegible] поэтический прием — анафора, настойчивое повторение в начале строки одного и того же слова:

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой;
Клянуся сонмищем духов,
Судьбою братий, мне подвластных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой;
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первою слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей;
Клянусь блаженством и страданьем,
Клянусь любовию моей...

Как много говорит самый стих о личности его творца, о его характере, о его страсти!

В юности, сочиняя романтические поэмы и драмы, он рисовал в своем воображении свободных и гордых героев, людей пылкого сердца, могучей воли, верных клятве, гибнущих за волю, за родину, за идею, за верность самим себе. В окружающей жизни их не было. Но Лермонтов сообщал им собственные черты, наделял своими мыслями, своим характером, своей волей. Таковы Фернандо, Юрий Волин, Владимир Арбенин в юношеских трагедиях, Измаил-бей, Арсений... И Демон мыслит и клянется, как Лермонтов. Таков и герой «Маскарада» — Евгений Арбенин.

В мире, где нет ни чести, ни любви, ни дружбы, ни мыслей, ни страстей, где царят зло и обман,— ум и сильный характер уже отличают человека от светской толпы. И даже если над ним тяготеет преступное прошлое, как над Арбениным, он все равно возвышается над толпой, и толпа не смеет судить его. «Да, в этом человеке есть сила духа и могущество воли, которых в вас нет,— писал Белинский, обращаясь к критикам лермонтовского Печорина.— В самых пороках его проблескивает что-то великое, как молния в черных тучах, и он прекрасен, полон поэзии даже и в те минуты, когда человеческое чувство восстает на него: ему другое назначение, другой путь, чем вам. Его страсти — бури, очищающие сферу духа...»

Таков Арбенин, таков Печорин. Но в отличие от прежних своих творений Лермонтов, создавая «Героя нашего времени», уже не воображал жизнь, а рисовал такой, какой она являлась в действительности. И он нашел новые художественные средства, каких еще не знали ни русская, ни западная литература и которые восхищают нас по сей день соединением свободного и широкого изображения лиц и характеров с умением показывать их объективно, «выстраивая» их, раскрывая одного героя сквозь восприятие другого. Так, автор путевых записок, в котором мы без труда угадываем черты самого Лермонтова, сообщает нам историю Бэлы со слов Максима Максимыча, а тот, в свою очередь, передает монологи Печорина. И, скажем, снять «Бэлу» в кино невозможно, не изменив при этом ее структуру и смысл. Печорина никак не сыграешь, ибо в «Бэле» перед нами не сам Печорин, а Печорин в представлении Максима Максимыча, человека совсем другого круга и другого образа мыслей. И если не будет Максима Максимыча, Печорин станет похож на героев Марлинского. А в «Журнале Печорина» мы видим героя опять в новом ракурсе — такого, каким он был наедине сам с собой, каким мог предстать в своем дневнике, но никогда бы не открылся на людях.

Лишь один раз мы видим Печорина, как его видит автор. И через всю жизнь проносим в душе и в сознании гениальные эти страницы — повесть «Максим Максимыч», одно из самых гуманных со-

[illegible] во всей мировой литературе. Она поражает нас, эта повесть, [illegible] поражает личное горе, как оскорбление, нанесенное нам самим. И вызывает глубокое сочувствие и бесконечную нежность по отношению к обманутому штабс-капитану. И в то же время—негодование по адресу блистательного Печорина. Но вот мы читаем «Тамань», «Княжну Мери» и «Фаталиста» и наконец постигаем характер Печорина в его неизбежной раздвоенности. И, узнавая причины этой «болезни», вникаем в «историю души человеческой» и задумываемся над судьбой «героя» и над характером «времени».

При этом роман обладает свойствами высокой поэзии: его точность, емкость, блеск описаний, сравнений, метафор; фразы, доведенные до краткости и остроты афоризмов,— то, что прежде называлось «слогом» писателя и составляет неповторимые черты его личности, его стиля и вкуса,— доведено в «Герое нашего времени» до высочайшей степени совершенства.

Еще при [illegible] Лермонтова консервативная критика объявила его талант [illegible] собирательным, заключающим в себе отголоски [illegible], отказывала ему в оригинальности. В противовес этому [illegible] критика и широкая публика вслед за В. Г. Белинским и Н. Г. Чернышевским восприняли поэзию Лермонтова как явление глубоко самобытное.

Великая человечность Лермонтова, пластичность его образов, его способность [illegible] — в Максима Максимыча, в Казбича, в Азамата, в Бэлу, в княжну Мери, в Печорина, соединение простоты и возвышенности, естественности и оригинальности — свойства не только создания Лермонтова, но и его самого. И через всю жизнь проносим мы в душе образ этого человека—грустного, строгого, нежного, властного, скромного, смелого, благородного, язвительного, мечтательного, насмешливого, застенчивого, наделенного могучими страстями и волей и проницательным беспощадным умом. Поэта гениального и так рано погибшего. Бессмертного и навсегда молодого.

И. Андроников

Другие редакции «Демона»

<ДЕМОН>

<1829 год>

<1.> ПОСВЯЩЕНИЕ

Я буду петь, пока поется,
Пока волненья позабыл,
Пока высоким сердце бьется,
Пока я жизнь не пережил,
В душе горят, хотя безвестней,
Лучи небесного огня,
Но нежных и веселых песней,
Мой друг, не требуй от меня...
Я умер. Светлых вдохновений
Забыта мною сторона
Давно. Как скучен день осенний,
Так жизнь моя была скучна;
Так впечатлений неприятных
Душа всегда была полна;
Поныне о годах развратных
Не престает скорбеть она.

<2.> ПОСВЯЩЕНИЕ

Я буду петь, пока поется,
Пока, друзья, в груди моей
Еще высоким сердце бьется
И жалость не погибла в ней.
Но той веселости прекрасной
Не требуй от меня напрасно,
И юных гордых дней, поэт,
Ты не вернешь: их нет как нет;
Как солнце осени суровой,

Так пасмурна и жизнь моя;
Среди людей скучаю я:
Мне впечатление не ново...
И вот печальные мечты,
Плоды душевной пустоты!..

Печальный Демон, дух изгнанья,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним,
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него;
Когда сердечная тревога
Чуждалася души его,
Как дня боится мрак могилы,
И много, много... и всего
Представить не имел он силы...

(Демон узнает, что ангел любит одну смертную, Демон узнает и обольщает ее, так что она покидает ангела, но скоро умирает и делается духом ада. Демон обольстил ее, рассказывая, что бог несправедлив и проч. свою ис<торию>.)

Любовь забыл он навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Над ним владычествуют ныне...
В нем пусто, пусто: как в пустыне,
Смертельный след напечатлен
На том, к чему он прикоснется,
И говорят, что даже он
Своим злодействам не смеется,
Что груды гибнущих людей
Не веселят его очей...
Зачем же демон отверженья
Роняет посреди мученья
Свинцовы слезы иногда,
И им забыты на мгновенье
Коварство, зависть и вражда?..

Демон влюбляется в смертную (*монахиню*), и она его наконец любит, но Демон видит ее ангела-хранителя и от зависти и ненависти решается погубить ее. Она умирает, душа ее улетает в ад, и Демон, встречая ангела, который плачет с высот неба, упрекает его язвительной улыбкой.

Угрюмо жизнь его текла,
Как жизнь развалин. Бесконечность
Его тревожить не могла,
Он хладнокровно видел вечность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды.
Ему желанья были чужды,
Он жег печатью роковой
Того, к кому он прикасался,
Но часто Демон молодой
Своим злодействам не смеялся.
Таков осеннею порой
Среди долины опустелой
Один чернеет пень горелый.
Сражен стрелою громовой,
Он прямо высится главой
И презирает бурь порывы,
Пустыни сторож молчаливый.

Боясь лучей, бежал он тьму,
Душой измученною болен.
Ничем не мог он быть доволен:
Все горько сделалось ему,
И все на свете презирая,
Он жил, не веря ничему
И ничего не принимая.

В полночь, между высоких скал,
Однажды над волнами моря
Один, без радости, без горя
Беглец Эдема пролетал
И грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины.
И зрит, чернеет над горой
Стена обители святой
И башен странные вершины.

Меж низких келий тишина,
Садится поздняя луна,
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
Вот тихий и прекрасный звук,
Подобный звуку лютни, внемлет...
И чей-то голос... Жадный слух
Он напрягает. Хлад объемлет
Чело... он хочет прочь тотчас.
Его крыло не шевелится.
И странно — из потухших глаз
Слеза свинцовая катится...
Как много значил этот звук:
Мечты забытых упоений,
Века страдания и мук,
Века бесплодных размышлений,
Все оживилось в нем, и вновь
Погибший ведает любовь

М<онахиня>

О чем ты близ меня вздыхаешь,
Чего ты хочешь получить?
Я поклялась давно, ты знаешь,
Земные страсти позабыть.
Кто ты? Мольба моя напрасна.
Чего ты хочешь?..

Д<емон>

Ты прекрасна.

М<онахиня>

Кто ты?

Д<емон>

Я Демон. Не страшись...
Святыни здешней не нарушу...
И о спасенье не молись,
Не искусить пришел я душу;
Сгорая жаждою любви,
Несу к ногам твоим моленья,
Земные первые мученья
И слезы первые мои.

ДЕМОН

ПОЭМА

1831 год

ПОСВЯЩЕНИЕ

Прими мой дар, моя мадона!
С тех пор как мне явилась ты,
Моя любовь мне оборона
От порицаний клеветы.

Такой любви нельзя не верить,
А взор не скроет ничего:
Ты не способна лицемерить,
Ты слишком ангел для того!

Скажу ли? — предан самовластью
Страстей печальных и судьбе,
Я счастьем не обязан счастью,
Но всем обязан я — тебе.

Как демон, хладный и суровый,
Я в мире веселился злом,
Обманы были мне не новы,
И яд был на́ сердце моем;

Теперь, как мрачный этот Гений,
Я близ тебя опять воскрес
Для непорочных наслаждений,
И для надежд, и для небес.

———

Cain. Who art thou?
Lucifer. Master of spirits.
Cain. And being so, canst thou
Leave them, and walk with dust?
Lucifer. I know the thoughts
Of dust, and feel for it, and with you.
L. Byron, Cain [1]

Печальный Демон, дух изгнанья,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним;
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него,
Когда заботы и тревога
Чуждалися ума его,
Как дня боится мрак могилы;
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы.

Уныло жизнь его текла
В пустыне Мира. Бесконечность
Жилище для него была.
Он равнодушно видел вечность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды.
Ему желанья были чужды.
Он жег печатью роковой
Все то, к чему ни прикасался!..
И часто Демон молодой
Своим злодействам не смеялся.
Страшась лучей, бежал он тьму;
Душой измученною болен,
Ничем не мог он быть доволен,
Все горько сделалось ему;
И, все на свете презирая,
Он жил, не веря ничему
И ничего не признавая.
. . . . . .

[1] *Каин.* Кто ты?
Люцифер. Властелин духов.
Каин. Но если так, можешь ли ты
Покидать их и пребывать с смертными?
Люцифер. Я знаю мысли
Смертных и сочувствую им, и заодно с вами.
Л<орд> Байрон. Каин (англ.)

Однажды, вечером, меж скал
И над седой равниной моря,
Без дум, без радости, без горя,
Беглец Эдема пролетал
И грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины,
И зрит: белеет под горой
Стена обители святой
И башен странные вершины.
Меж бедных келий тишина;
Встает багровая луна;
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
Вдруг тихий и прекрасный звук,
Подобный звуку лютни, внемлет,
И чей-то голос. Жадный слух
Он напрягает: хлад объемлет
Чело. Он хочет прочь тотчас:
Его крыло не шевелится;
И — чудо! — из померкших глаз
Слеза свинцовая катится.
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезою жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.

Как много значил этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений,
Все оживилось в нем опять.
Но что ж? Ему не воскресать
Для нежных чувств. Так, если мчится
По небу летнему порой
Отрывок тучи громовой,
И луч случайно отразится
На сумрачных краях, она
Тот блеск мгновенный презирает
И путь неверный продолжает
Хладна, как прежде, и темна.

Проникнул в келью дух смущенный.
Со страхом отвращает взор,
Минуя образ позлащенный,
Как будто видя в нем укор.

Он зрит божественные книги,
Лампаду, четки и вериги;
Но где же звуки? где же та,
К которой сильная мечта
Его влечет?
Она сидела
На ложе, с лютнею в руках,
И песню гор играя пела.
И, мнилось, все в ее чертах
Земной беспечностью дышало;
И кольцы русые кудрей
Сбегали, будто покрывало,
На веки нежные очей.
Исполнена какой-то думой,
Младая волновалась грудь...
Вот поднялась; на свод угрюмый
Она задумала взглянуть:
Как звезды омраченной дали,
Глаза монахини сияли;
Ее лилейная рука,
Бела, как утром облака,
На черном платье отделялась,
И струны отвечали ей
Что дальше, то сильней, сильней.
Тоской раскаянья, казалось,
Была та песня сложена!
Меж тем, как путник любопытный,
В окно, участием полна,
На деву, жертву грусти скрытной,
Смотрела ясная луна!..

Окован сладостной игрою
Стоял злой дух. Ему любить
Не должно сердца допустить:
Он связан клятвой роковою;
(И эту клятву молвил он,
Когда блистающий Сион
Оставил с гордым сатаною).
Он искушать хотел,— не мог,
Не находил в себе искусства;
Забыть? — забвенья не дал бог;
Любить? — недоставало чувства!
Что делать? — новые мечты
И чуждые понные муки!

Так, Демон, слыша эти звуки,
Чудесно изменился ты.
Ты плакал горькими слезами,
Глядя на милый свой предмет,
О том, что цепь лежит меж вами,
Что пламя в мертвом сердце нет;
Когда ты знал, что не принудит
Его минута полюбить,
Что даже скоро, может быть,
Она твоею жертвой будет.

И удалиться он спешил
От этой кельи, где впервые
Нарушил клятвы неземные
И князя бездны раздражил;
Но прелесть звуков и виденья
Осталась на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не изгладит ничего.

. . . . . .

Спустя сто лет пергамент пыльный
Между развалин отыскал
Какой-то странник. Он узнал,
Что это памятник могильный;
И с любопытством прочитал
Он монастырские преданья
О жизни девы молодой,
И им поверил, и порой
Жалел об ней в часы мечтанья.
Он перевел на свой язык
Рассказ таинственный, но свету
Не передам я повесть эту:
Ценить он чувства не привык!

. . . . . .

Печальный Демон удалился
От силы адской с этих пор.
Он на хребет далеких гор
В ледяный грот переселился,
Где под снегами хрустали
Корой огнистою легли —
Природы дивные творенья!

Ее причудливой игры
Он наблюдает измененья.
Составя светлые шары,
Он их по ветру посылает,
Велит им путнику блеснуть
И над болотом освещает
Опасный и заглохший путь.
Когда метель гудет и свищет,
Он охраняет прошлеца;
Сдувает снег с его лица
И для него защиту ищет.
И часто, подымая прах
В борьбе с летучим ураганом,
Одетый молньей и туманом,
Он дико мчится в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спастись от думы неизбежной
И незабвенное — забыть!
Но все не то его тревожит,
Что прежде. Тот железный сон
Прошел. Любить он может, может,
И в самом деле любит он;
И хочет в путь опять пускаться,
Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи посмотреть
И невозвратно улететь!
. . . . . .
. . . . . .

Едва блестящее светило
На небо юное взошло
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Как Демон видел пред собой
Стену обители святой,
И башни белые, и келью,
И под решетчатым окном
Цветущий садик. И кругом
Обходит Демон; но веселью
Он недоступен. Тайный страх
В ледяных светится глазах.
Вот дверь простая перед ними.
Томяся муками живыми,

Он долго медлил, он не мог
Переступить через порог,
Как будто бы он там погубит
Все, что еще не отнял рок.
О! как приметно, что он любит!
Все тихо — вдруг услышал он
Давно знакомый лютни звон;
Слова певицы вдохновенной
Лились, как светлые струи;
Но не понравились они
Тому, кто с думой дерзновенной
Искал надежды и любви.

ПЕСНЬ МОНАХИНИ

1

Как парус над бездной морской,
Как под вечер златая звезда,
Явился мне ангел святой —
Не забуду его никогда.

2

К другой он летел иль ко мне,
Я напрасно б старалась узнать.
Быть может, то было во сне...
О! зачем должен сон исчезать?

3

Тебя лишь любила, творец,
Я поныне с младенческих дней,
Но видит душа наконец,
Что другое готовилось ей.

4

Виновна я быть не должна:
Я горю не любовью земной;
Чиста, как мой ангел, она,
Мысль об нем неразлучна с тобой!

5

Он отблеск величий твоих,
Ты украсил чело его сам.
Явился он мне лишь на миг,—
Но за вечность тот миг не отдам!

Умолкла. Ветер моря хладный
Последний звук унес с собой.
Непобедимою судьбой
Гонимый, Демон безотрадный
Проникнул в келью. Что же он
Не привлечет ее вниманье?
Зачем не пьет ее дыханье?
Не вздох любви — могильный стон,
Как эхо, из груди разбитой
Протяжно вышел наконец;
И сердце, яростью облито,
Отяжелело, как свинец.
Его рука остановилась
На воздухе. Сведенный перст
Оледенел. Хоть взор отверзт,
В нем ничего не отразилось,
Кроме презренья. Но к кому?
Что показалося ему?

Посланник рая, ангел нежный,
В одежде дымной, белоснежной,
Стоял с блистающим челом
Вблизи монахини прекрасной
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.
Они счастливы, святы оба!
И — зависть, мщение и злоба
Взыграли демонской душой.
Он вышел твердою ногой;
Он вышел — сколько чувств различных,
С давнишних лет ему привычных,
В душе теснится! сколько дум
Меняет беспокойный ум!
Красавице погибнуть надо,
Ее не пощадит он вновь.
Погибнет: прежняя любовь
Не будет для нее оградой!

Как жалко! он уже хотел
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу преступных дел,
Позволить сердцу оживиться!
Творцу природы, может быть,
Внушил бы Демон сожаленье
И благодатное прощенье
Ему б случилось получить.
Но поздно! сын безгрешный рая
Вдруг разбудил мятежный ум:
Кипит он, ревностью пылая,
Яви́лась снова воля злая
И яд коварных, черных дум.
Но впрочем, он перемениться
Не мог бы: это был лишь сон.
И рано ль, поздно ль, пробудиться
Навеки должен был бы он.
Успело зло укорениться
В его душе с давнишних дней:
Добро не ужилось бы в ней;
Его присвоить, им гордиться
Не мог бы Демон никогда;
Оно в нем было бы чужое,
И стал бы он несчастней вдвое.
Взгляните на волну, когда
В ней отражается звезда;
Как рассыпаются чудесно
Вокруг сребристые струи!
Но что же? блеск тот — блеск небесный,
Не завладеют им они.
Их луч звезды той не согреет;
Он гаснет — и волна темнеет!

Злой дух недолго размышлял:
Он не впервые отомщал!
Он образ смертный принимает,
Венец чело его ласкает,
И очи черные горят,
И этот самый пламень — яд!

Он ждет, у стен святых блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня младая,

Когда нескромная луна
Взойдет, пустыню озаряя;
Он ожидает час глухой,
Текущий под ночною мглой,
Час тайных встреч и наслаждений
И незаметных преступлений.
Он к ней прокрадется туда,
Под сень обители уснувшей,
И там погубит навсегда
Предмет любви своей минувшей!
. . . . . .

Лампада в келье чуть горит.
Лукавый с девою сидит;
И чудный страх ее объемлет,
Она, как смерть бледнея, внемлет.

Она

Страстей волненья позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь!
К чему ж теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? — речь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

Незнакомец

Ты прекрасна!

Она

Кто ты?

Незнакомец

Я Демон! — не страшись:
Святыни здешней не нарушу!
И о спасенье не молись —
Не искушать пришел я душу.
К твоим ногам, томясь в любви,
Несу покорные моленья,
Земные первые мученья
И слезы первые мои!
Не расставлял я людям сети
С толпою грозной злых духов;
Брожу один среди миров
Несметное число столетий!

Не выжимай из груди стон,
Не отгоняй меня укором:
Несправедливым приговором
Я на изгнанье осужден.
Не зная радости минутной,
Живу над морем и меж гор,
Как перелетный метеор,
Как степи ветер беспристрастный!
И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья:
Я полюбил мои мученья
И не могу их разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лень
И жизни скучной и позорной
Неразлетающую тень!

Она

На что мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты виноват...

Незнакомец

Против тебя ли?

Она

Нас могут слышать...

Незнакомец

Мы одне!

Она

А бог?

Незнакомец

На нас не кинет взгляда!
Он небом занят, не землей.

Она

А наказанье, муки ада?

Незнакомец

Так что ж? — ты будешь там со мной!
Мы станем жить любя, страдая,
И ад нам будет стоить рая;
Мне рай — везде, где я с тобой!

Так говорил он; и рукою
Он трепетную руку жал
И поцелуями порою
Плечо девицы покрывал.
Она противиться не смела,
Слабела, таяла, горела
От неизвестного огня,
Как белый снег от взоров дня!
. . . . . .

В часы суровой непогоды,
В осенний день, когда меж скал,
Пенясь, крутясь, шумели воды,
Восточный ветер бушевал,
И темно-серыми рядами
Неслися тучи небесами,
Зловещий колокола звон,
Как умирающего стон,
Раздался глухо над волнами.
К чему зовет отшельниц он?
Не на молитву поспешали
В обширный и высокий храм,
Не двум счастливым женихам
Свечи дрожащие пылали:
В средине церкви гроб стоял,
В гробу мертвец лежал безгласный,
И ряд монахинь окружал
Тот гроб с недвижностью бесстрастной.
Зачем не слышен плач родных
И не видать во храме их?
И кто мертвец? Едва приметный
Остаток прежней красоты
Являют бледные черты;
Уста закрытые бесцветны,
И в сердце пылкой страсти яд
Сии глаза не поселят,
Хотя еще весьма недавно
Владели бурною душой,
Неизъяснимой, своенравной,
В борьбе безумной и неравной
Не знавшей власти над собой.

За час до горестной кончины,
Когда сырая ночи мгла
На усыпленные долины

Прозрачной дымкою легла,
Духовника на миг единый
Младая дева призвала,
Чтоб жизни грешные деянья
Открыть с слезами покаянья.
И он приходит к ней; но вдруг
Его безумный хохот встретил.
Старик в лице ее заметил
Борение последних мук.
На предстоящих не взирая,
Шептала дева молодая:
«О, Демон! о, коварный друг!
Своими сладкими речами
Ты бедную заворожил...
Ты был любим, а не любил...
Ты мог спастись, а погубил,
Проклятье сверху, мрак под нами!»
Но кто безжалостный злодей,
Тогда не понял старец честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людям неизвестной.

С тех пор промчалось много лет,
Пустела древняя обитель,
И время, общий разрушитель,
Смывало постепенно след
Высоких стен; и храм священный
Стал жертва бури и дождей.
Из двери в дверь во мгле ночей
Блуждает ветр освобожденный.
Внутри, на ликах расписных
И на окладах золотых,
Большой паук, пустынник новый,
Кладет сетей своих основы.
Не раз, сбежав со скал крутых,
Сайгак иль серна, дочь свободы,
Приют от зимней непогоды
Искали в кельях. И порой
Забытой утвари паденье
Среди развалины глухой
Их приводило в удивленье!
Но в наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Что может падать, то упало,

Что мрет, то умерло давно,
Что живо, то бессмертно стало;
Но время вживе удержало
Воспоминание одно!

И море пенится и злится,
И сильно плещет и шумит,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранит:
Он вдался в море одиноко,
На нем чернеет крест высокой.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пылью белоснежной,
Теснится у волны волна,
И слышен ропот их мятежный,
И удаляются толпой,
Другим предоставляя бой.

Над тем крестом, над той скалою
Однажды утренней порою
С глубокой думою стоял
Дитя Эдема, ангел мирный;
И слезы молча утирал
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкие, как лен,
С главы венчанной упадали,
И крылья легкие, как сон,
За белыми плечьми сияли.
И был небесный свод над ним
Украшен радугой цветистой,
И воды с пеной серебристой,
С каким-то трепетом живым
К скалам теснились вековым.
Все было тихо. Взор унылый
На небо поднял ангел милый,
И с непонятною тоской
За душу грешницы младой
Творцу молился он. И, мнилось,
Природа вместе с ним молилась.

Тогда над сшей глубиной
Дух гордости и отверженья
Без цели мчался с быстротой;

Но ни раскаянья, ни мщенья
Не изъявлял суровый лик:
Он побеждать себя привык!
Не для других его мученья!
Он близ могилы промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул!..

Конец

ДЕМОН

1838 года сентября 8 дня

ЧАСТЬ I

Печальный Демон, Дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим;
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним;
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни страха, ни сомненья,
И не грозил душе его
Веков бесплодных ряд унылый;
И много, много — и всего
Припомнить не имел он силы!

С тех пор отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта.
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И зло наскучило ему!

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял;
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял;
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел — и хищный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственный дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик и чуден был вокруг
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенья бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели;
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины;
Звонко бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчанные плющом:

Ущелья, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений;
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи;
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил:
И все, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил;
Трудов и слез он много стоил
Рабам, послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени;
В скале нарублены ступени,
Они от башни угловой
Ведут к реке; по ним, мелькая,
Покрыта белою чадрой [1],
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом:
Но пир большой сегодня в нем,
Звучит зурна [2], и льются вины!
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг.
Средь игр и песен их досуг
Проходит; дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг.

---

[1] Белое покрывало. (*Прим. М. Ю. Лермонтова.*)
[2] Род флейты. (*Прим. М. Ю. Лермонтова.*)

И вот Тамара молодая
Берет свой бубен расписной;
В ладони мерно ударяя,
Запели все,— одной рукой
Кружа его над головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла мир земной;
Ее узорною повязкой
Играет ветер; как волна,
Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко;
Уста бледнеют и дрожат,
И жадной страсти полон взгляд,
Как страсть палящий и глубокой!
Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока!
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей алмазною росою
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишен был рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела!..

В последний раз она плясала.
Увы! заутра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто грустное сомненье
Темнило светлые черты;
Но были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны чудной простоты,
Что если б враг небес и рая
В то время на нее взглянул,

То, прежних братий вспоминая,
Он отвернулся б и вздохнул.

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг;
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук;
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!
И долго сладостной картиной
Он любовался; и мечты
О прошлом счастье цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой думой стал знаком,
В нем чувство вдруг заговорило
Родным, понятным языком.
То был ли признак возрожденья?..
Он подойти хотел — не мог!
Забыть? Забвенья не дал бог —
Да он и не взял бы забвенья!

На брачный пир к закату дня,
Измучив доброго коня,
Спешил жених нетерпеливый;
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжкой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван;
Ремнем затянут стройный стан,
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи [1],— кругом она
Вся галуном обведена.

[1] Верхняя грузинская одежда. *(Прим. М. Ю. Лермонтова.)*

То, прежних братий вспоминая,
Он отвернулся б и вздохнул.

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг;
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук;
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!
И долго сладостной картиной
Он любовался; и мечты
О прошлом счастье цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой думой стал знаком,
В нем чувство вдруг заговорило
Родным, понятным языком.
То был ли признак возрожденья?..
Он подойти хотел — не мог!
Забыть? Забвенья не дал бог —
Да он и не взял бы забвенья!

На брачный пир к закату дня,
Измучив доброго коня,
Спешил жених нетерпеливый;
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжкой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван;
Ремнем затянут стройный стан,
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи [1],— кругом она
Вся галуном обведена.

[1] Верхняя грузинская одежда. *(Прим. М. Ю. Лермонтова.)*

Цветными вышито шелками
Его седло, узда с кистями.
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти золотой;
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушьми и, полный страха,
Храпя, косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный:
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; стал туман;
Прибавил шагу караван.

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почиет в боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на битву,
Куда бы путник не спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил,
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала;
Но презрел молодой жених
Обычай прадедов своих;
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмущал;
Он, в мыслях, под ночною тьмою
Уста невесты целовал!
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше — выстрел! Что такое?
Привстав на звонких стременах,
Надвинув на́ брови папах [1],
Отважный князь не молвил слова;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелкі и, как орел,
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик, и стон глухой
Промчался в тишине долины!
Недолго продолжался бой,
Бежали робкие грузины.

[1] Баранья шапка, персидская. *(Прим. М. Ю. Лермонтова.)*

И стихло все. Теснясь толпой,
Верблюды с ужасом смотрели
На трупы всадников: порой
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван,
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица.
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт.
Не придут сестры с матерями,
Покрыты белыми чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги над скалою
На память водрузится крест,
И плющ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Порой усталый пешеход
Под божьей тенью отдохнет.

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется будто к брани,
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая,
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчаливый.
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводами,
Задвинул ноги в стремена,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун надежный господина
Из боя вынес как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала.

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный?
Кто бледный всадник у ворот?
Недолго жениха младого,
Невеста, взор твой ожидал.
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал;
Увы! Но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого.

На беззаботную семью,
Как гром, слетела божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:

«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет;
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет.
Он далеко; он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой.

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада;

Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участья
И беспечна, как они.

Лишь только ночь своим покровом
Долины ваши осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит,
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травою,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей,
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распустится ночной,
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет,
К тебе я стану прилетать!
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

Слова умолкли. В отдаленье
Вослед за звуком умер звук.
Она, вскочив, глядит вокруг;
Невыразимое смятенье
В ее груди: печаль, испуг,
Восторга пыл — ничто в сравненье!
Все чувства в ней кипели вдруг,
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробегал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, все еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил,
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,

Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел-небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный —
Ни день, ни ночь,— ни мрак, ни свет!

ЧАСТЬ II

«Отец, отец! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу,— видишь эти слезы,—
Но не первые они!
Не буду я ничьей женою,
Скажи моим ты женихам;
Супруг мой взят сырой землею,
Другому сердца не отдам.
С тех пор как труп его кровавый
Мы схоронили под горой,
Меня тревожит дух лукавый
Неотразимою мечтой.
В тиши ночной меня тревожит
Толпа печальных, странных снов;
Молиться днем душа не может:
Мысль далеко от звука слов!
Огонь по жилам пробегает,
Я сохну, вяну день от дня.
Отец! душа моя страдает,
Отец мой, пощади меня!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою,
Там защитит меня спаситель,
Пред ним тоску мою пролью;
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня».

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Все беззаконною мечтой
В ней сердце билося, как прежде
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы божественного пенья,
Знакомая среди моленья
Ей часто слышалася речь;
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама:
Он так смотрел! *Он* так манил!
Он, мнилось, так несчастлив был!

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой:
Чинар и тополей рядами
Он окружен был, и порой,
Когда ложилась ночь в ущелье,
Сквозь них мерцала в окнах келья
Лампада грешницы младой.
Кругом, в тени дерев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц.
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной
И, под нависшею скалой
Сливаясь дружески в ущелье,
Катились дале меж кустов,
Покрытых инеем цветов.

На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,
Когда синеющий дымок
Курится в глубине долины
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэцины,

И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,
Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной
На чистом небе рисовались;
А в час заката одевались
Они румяной пеленой.
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.

Но Демон огненным дыханьем
Тамары душу запятнал,
И божий мир своим блистаньем
Восторга в ней не пробуждал.
Страсть безотчетная как тенью
Жизнь осенила перед ней;
И стало все предлог мученью,
И утра луч и мрак ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед божественной иконой
Она в безумье упадет
И плачет, и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье,
Сквозь шум далекого ручья
И трель живую соловья.
Бывало, разбросав на плечи
Волну кудрей своих, она
Стоит без мысли, холодна,—
И странные лепечут речи
Ее дрожащие уста;
И грудь желанье волнует,
И чудный призрак все рисует
Пред нею в сумраке мечта.
Утомлена борьбой всегдашной,
Склонится ли на ложе сна—

Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она.
. . . . . .
. . . . . .

Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел;
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел;
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив у стены высокой
Он бродит. От его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: ее окно,
Озарено лампадой, блещет:
Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингуры [1] стройное бряцанье
И звуки песни раздались.
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена.
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз.
Он хочет в страхе удалиться —
Его крыло не шевелится!
И чудо! Из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезою жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.

[1] Род гитары. *(Прим. М. Ю. Лермонтова.)*

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра;
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит — перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор.

«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полночной?
Твоих поклонников здесь нет.
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»
Ему в ответ
Злой дух коварно усмехнулся,
Зарделся ревностию взгляд,
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.
«Она моя,— сказал он грозно,—
Оставь ее, она моя;
Отныне жить нельзя нам розно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю!..»
И ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.
. . . . . .

Тамара

О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?

Демон

Ты прекрасна.

Тамара

Но молви! кто ж ты? Отвечай...

Демон

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне,
Я тот, чей взор надежду губит,
Едва надежда расцветет,
Я тот, кого никто не любит
И все живущее клянет;
Ничто пространство мне и годы,
Я бич рабов моих земных,
Я враг небес, я зло природы,—
И, видишь, я у ног твоих.
Тебе принес я в умиленье
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои;
О, выслушай, из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю;
Я раб твой, я тебя люблю!

Когда я в первый раз увидел
Твой чудный, твой волшебный взор,
Я тайно вдруг возненавидел
Мою свободу, как позор.
Своею властью недовольный,

Я позавидовал невольно
Неполным радостям людей;
В бескровном сердце луч нежданный
Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Вдруг шевельнулася, как змей.
Что без тебя теперь мне вечность,
Моих владений бесконечность?
Пустые, звучные слова;
Обширный храм — без божества!

Тамара

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу!
Творец — увы! я не могу
Молиться; тайною отравой
Мой ум слабеющий объят.
Послушай, ты меня погубишь!
Твои слова — огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь?

Демон

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я все былое бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты!
В душе моей с начала мира
Твой образ был напечатлен;
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно, тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало —
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало!
О! Если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века, без разделенья
И наслаждаться и страдать,

За зло похвал не ожидать,
Ни за добро вознагражденья!
Жить для себя, скучать собой,
И этой долгою борьбой
Без торжества, без примиренья;
Всегда жалеть — и не желать;
Все знать, все чувствовать, все видеть,
Стараться все возненавидеть —
И все на свете презирать!

Лишь только божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство,
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно:
Они текли в венцах из злата!
Но что же? прежнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы, я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался — но куда? зачем?
Не знаю,— прежними друзьями
Я был отвергнут; как эдем,
Мир для меня стал глух и нем:
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа
Бог весть откуда и куда!
Как часто на вершине льдистой,
Один меж небом и землей,
Под кровом радуги огнистой
Сидел я мрачный и немой,

И белогривые метели,
Как львы, у ног моих ревели;
Как часто, подымая прах,
В борьбе с могучим ураганом,
Одетый молньей и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спастись от думы неизбежной
И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лишений,
Трудов и бед толпы людской,
Грядущих, прошлых поколений,
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? Что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут —
Надежда есть,— ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень,—
Мечтаний прежних и страстей
Несокрушимый мавзолей!

Тамара

Зачем мне знать твои печали?
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Демон

Против тебя ли?

Тамара

Нас могут слышать!..

Демон

Мы одне.

Тамара

А бог?

Демон

На нас не кинет взгляда;
Он занят небом — не землей!

Тамара

А наказанье — муки ада?

Демон

Так что ж? ты будешь там со мной.
Мы, дети вольные эфира,
Тебя возьмем в свои края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга вечная моя.
Без сожаленья, без участья
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты;
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить,
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.

Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое,—
Но дни бегут и стынет кровь.
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты?
И пусть другие б утешались
Ничтожным жребием своим:
Их думы неба не касались,
Мир лучший недоступен им.
Но ты, прекрасное созданье,
Не в жертву им обречена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина.
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе;
Пучину гордого познанья
Взамен открою я тебе.

О! верь мне! Я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг:
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик!
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам,
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной,
Его усыплю той росой.
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою.
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря.
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе все, все земное —
Люби меня!

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам,
И лести сладкими речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи;
Он жег ее; во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал...
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно кровь ее проник;
Мучительный, но слабый крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было все: любовь, страданье,

Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье —
Прощанье с жизнью молодой!..

В то время сторож полуночный
Один вокруг стены крутой,
Когда ударил час урочный,
Бродил с чугунною доской;
И под окошком девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугунной,
Смутясь душой, остановил;
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Чуть внятный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика;
Но пронеслось еще мгновенье,
И смолкло все. Издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать,
Чтоб наваждение духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча, скорыми шагами
Обычный продолжает путь.

. . . . . .

Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала.
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы —
Но кто б, взглянувши, не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя, иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,

Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали —
Нет, смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!
И все, где пылкой жизни сила
Так внятно чувствам говорила,
Теперь один ничтожный прах;
Улыбка странная застыла,
Едва мелькнувши на устах;
Но темен, как сама могила,
Печальный смысл улыбки той:
Что в ней? Насмешка ль над судьбой,
Непобедимое ль сомненье?
Иль к жизни хладное презренье?
Иль с небом гордая вражда?
Кто знать? для света навсегда
Утрачено ее значенье!
Она невольно манит взор,
Как древней надписи узор,
Где, может быть, под буквой странной
Таится повесть прежних лет,
Символ премудрости туманной,
Глубоких дум забытый след.
И долго бедной жертвы тленья
Не трогал ангел разрушенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама!

Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд:
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И, сжаты мертвою рукою,
Как бы прощаются с землею...

Уж собрались в печальный путь
Друзья, соседи и родные.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,

В последний раз Гудал садится
На белогривого коня —
И поезд двинулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться,
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.

Один из праотцев Гудала,
Грабитель путников и сел,
Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоились там.
И превратилася в кладбище
Скала, родная облакам,
Как будто ближе к небесам
Теплей последнее жилище!

Едва на жесткую постель
Тамару с пеньем опустили,
Вдруг тучи гору обложили,
И разыгралася метель;
И громче хищного шакала
Она завыла в небесах
И белым прахом заметала
Недавно вверенный ей прах.
И только за скалой соседней
Утих моленья звук последний,
Последний шум людских шагов,
Сквозь дымку серых облаков
Спустился ангел легкокрылый
И над покинутой могилой
Приник с усердною мольбой
За душу грешницы младой.
И в то же время царь порока
Туда примчался с быстротой
В снегах рожденного потока.

Страданий мрачная семья
В чертах недвижимых таилась;
По следу крыл его тащилась
Багровой молнии струя.
Когда ж он пред собой увидел
Все, что любил и ненавидел,
То шумно мимо промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул...

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолвный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет,
И голосов нестройный гул
Теряется; и караваны
Идут гремя издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река;
И жизнью вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботное дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы;
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы:
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья

На кровле весело играет,
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца.
То вдруг совьется в три кольца,
То ляжет длинной полосою
И блещет, как булатный меч,
Забытый в поле грозных сеч,
Ненужный падшему герою...
Все дико. Нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала...
И не напомнит ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!
И там, где кости их истлели,
На рубеже зубчатых льдов,
Гуляют ныне лишь метели
Да стаи вольных облаков;
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

Посвящение

Я кончил — и в груди невольное сомненье!
Займет ли вновь тебя давно знакомый звук,
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?

Пробудится ль в тебе о прошлом сожаленье?
Иль, быстро пробежав докучную тетрадь,
Ты только мертвого, пустого одобренья
Наложишь на нее холодную печать;

И не узнаешь здесь простого выраженья
Тоски, мой бедный ум томившей столько лет;
И примешь за игру иль сон воображенья
Больной души тяжелый бред...

ПОСВЯЩЕНИЯ К ПОЭМЕ «ДЕМОН»

<I>

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный,
Как сына ты его благослови
И осени вершины белоснежной.
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере, в стране тебе чужой,—
Я сердцем твой, всегда и всюду твой.

Еще ребенком робкими шагами
Взбирался я на гордые скалы,
Увитые туманными чалмами,
Как головы поклонников аллы.
Там ветер машет вольными крылами,
Там ночевать слетаются орлы;
Я в гости к ним летал мечтой послушной
И сердцем был товарищ их воздушный.

С тех пор прошло тяжелых много лет,
И вновь меня меж скал своих ты встретил.
Как некогда ребенку, твой привет
Изганнику был радостен и светел,
Он пролил в грудь мою забвенье бед
И дружески на дружний зов ответил.
И ныне здесь, в полуночном краю
Все о тебе мечтаю и пою.

<II>

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный,
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
Еще ребенком, чуждый и любви
И дум честолюбивых, я беспечно
Бродил в твоих ущельях, грозный, вечный
Угрюмый великан, меня носил
Ты бережно, как пéстун, юных сил
Хранитель верный.—
И мысль моя, свободна и легка,

Бродила по утесам, где, блистая
Лучом зари, сбирались облака,
Туманные вершины омрачая,
Косматые, как перья шишака;
А вдалеке, как вечные ступени
С земли на небо, в край моих видений
Зубчатою тянулись полосой,
Таинственней, синей одна другой,
Все горы, чуть приметные для глаза,
Сыны и братья грозного Кавказа.

Комментарии

СТИХОТВОРЕНИЯ

1828

Поэт («Когда Рафаэль вдохновенный...») (с. 21).— Написано в декабре 1828 г. Лермонтов включил стихотворение в письмо к Марии Акимовне Шан-Гирей (урожд. Хастатовой; 1799—1845), своей двоюродной тетке. Относится к периоду литературного ученичества, соответствует интересам и направлению литературного кружка в Московском университетском благородном пансионе, которым руководил Семен Егорович Раич (1792—1855), поэт и переводчик античных и итальянских авторов, преподаватель словесности в пансионе.

1829

К гению (с. 21).— Вероятно, связано с именем Софьи Ивановны Сабуровой (1816—1864), сестры пансионского товарища Лермонтова Михаила Ивановича Сабурова (1813—?). О реальной основе стихотворения свидетельствует помета Лермонтова в рукописи: «(Напоминание о том, что было в ефремовской деревне в 1827 году — где я во второй раз полюбил *12 лет — и поныне люблю*)».

Покаяние (с. 23).— Первое обращение к теме «незаконной» любви. Ср. позднейшее стихотворение «Договор», поэму «Сашка».

Русская мелодия (с. 24).— Как следует из позднейшей пометы Лермонтова («Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов — друг — которого поныне люблю и уважаю за его открытую и добрую душу — он мой первый и последний»), связано с литературными занятиями учеников Московского университетского благородного пансиона. Дмитрий Дмитриевич Дурнов (1813—?) — ближайший товарищ Лермонтова по пансиону, адресат нескольких юношеских стихотворений поэта.

К..... («Не привлекай меня красой!..») (с. 25).— Помета (позднейшего происхождения) в автографе «(А. С.) (Хотя я тогда этого не думал)» свидетельствует об автобиографической основе стихотворения. *А. С.*— Анна Григорьевна Столыпина (1815—1892), двоюродная сестра матери Лермонтова М. М. Лермонтовой.

Три ведьмы (с. 25).— Неточный перевод (с сокращениями) отрывка из трагедии У. Шекспира «Макбет», переработанной Ф. Шиллером (1829; акт I, явление 4).

Наполеон («Где бьет волна о брег высокой...») (с. 27).— Первое обращение Лермонтова к наполеоновской теме. В стихотворении заметно некоторое влияние Пушкина («Наполеон на Эльбе», 1815; «Наполеон», 1821) и Тютчева («Могила Наполеона», 1827). *С могилой тихою Диана осребрила.*— Диана *(лат.)* — богиня луны.

Жалобы турка (с. 28).— Турция воспринималась как образец деспотического государства; это представление в особенности укрепилось после начала освободительной борьбы греков. Несомненен иносказательный характер стихотворения, в котором отразилось отношение Лермонтова к русской политической системе и крепостному праву как одному из наиболее уродливых его проявлений.

Мой демон (с. 29).— Самое раннее обращение к теме демона. Написано одновременно с первым наброском поэмы «Демон». Возникло не без влияния стихотворения Пушкина «Мой демон», опубликованного в «Мнемозине» в 1824 г.

Жена Севера (с. 30).— Сюжет стихотворения оригинален, хотя в некоторой степени может быть соотнесен с исторической и мифологической литературой скандинавских стран; свидетельствует об увлечении Лермонтова мотивами северного фольклора, пользовавшимися популярностью у европейских и русских романтиков («оссианические» мотивы). *Жена севера.*— Выражение восходит к стихотворению Пушкина «Портрет» (опубл. 1829).

К другу («Взлелеянный на лоне вдохновенья...») (с. 30).— Первоначально стихотворение называлось «Эпилог (К Д....ву)» (помета в рукописи). О Дурнове см. прим. к стихотворению «Русская мелодия». *Но ты меня не спрашивай напрасно: Ты, друг, узнать не должен, кто она.*— Парафраза из стихотворения В. Астафьева «М. А. Д-ву» («Северная лира». М., 1827, с. 284—285).

К*** («Мы снова встретились с тобой...») (с. 31).— Адресат стихотворения неизвестен.

Монолог (с. 31).— Лирический фрагмент, предваряющий философию, образный и поэтический строй более позднего стихотворения «Дума».

Баллада («Над морем красавица-дева сидит...») (с. 32).— В стихотворении контаминированы сюжеты баллад Ф. Шиллера «Der Taucher» («Водолаз») (1797) и «Der Handschuh» («Перчатка») (1797).

Перчатка (с. 33).— Сокращенный перевод одноименной баллады Ф. Шиллера «Der Handschuh» (1797).

Дитя в люльке (с. 34).— Перевод двустишия Ф. Шиллера «Das Kind in der Wiege» (1796).

К* («Делись со мною тем, что знаешь...») (с. 35).— Вольный перевод двустишия Ф Шиллера «An *» (1796). Классическую «надпись» Лермонтов преобразовал в острую эпиграмму.

1830

«Один среди людского шума...» (с. 35).— В рукописи помета поэта: «1830 года в начале».

Кавказ (с. 36).— Одно из первых обращений к кавказской теме. *В младенческих летах я мать потерял. Но мнилось, что в розовый вечера час Та степь повторяла мне памятный глас.*— С этими строками соотносится автобиографическая запись, сделанная Лермонтовым в 1830 г.: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал... Ее певала мне покойная мать». *Пять лет пронеслось... Там видел я пару божественных глаз; И сердце лепечет, восполня тот взор...*— Лето 1825 г. Лермонтов провел на Кавказе. Одно из наиболее сильных впечатлений этого времени — знакомство с девятилетней девочкой, «дочерью одной дамы»: «...белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность... я никогда так не любил, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священны...» (Автобиографическая заметка от 8 июля 1830 г.).

К*** («Не говори: одним высоким...») (с. 36).— Содержащиеся здесь философско-этические рассуждения спроецированы на наполеоновскую тему; стихотворение может быть отнесено к наполеоновскому циклу.

Н. Ф. И....вой («Любил с начала жизни я...») (с. 38).— Первое стихотворение, обращенное к Наталье Федоровне Ивановой (в замужестве Обресковой; 1813—1875), дочери драматурга Ф. Ф. Иванова (1777—1816). Окончившиеся разрывом драматические отношения Лермонтова с Н. Ф. Ивановой запечатлены в лирическом цикле 1830—1832 гг. и пьесе «Странный человек» (1831). В первой публикации («Отечественные записки», 1859, № 11) было озаглавлено «М. Ф. М...вой» — возможно, по настоянию самой Ивановой.

«Ты помнишь ли, как мы с тобою...» (с. 39).— Вольный перевод стихотворения Т. Мура «The evening gun...» («Вечерний выстрел») (1829).

Ночь. I (с. 39).— «Байроническое» стихотворение Лермонтова. Ср. «The Dream» («Сон») (1816) и «Darkness» («Тьма») (1816) Д. Байрона.

Разлука (с. 41).— Возможно, обращено к М. П. Сабурову.

Ночь II (с. 42).— См. прим. к стихотворению «Ночь. I».

Незабудка (с. 44).— Написано по мотивам одноименного

стихотворения немецкого поэта А. Платена «Vergissmeinnicht» (1813); переосмыслено эмоциональное содержание: сентиментально-романтическая тональность заменена иронической.

В а л ь б о м («Нет! — я не требую вниманья...») (с. 46).— По свидетельству Екатерины Александровны Сушковой (в замужестве Хвостовой; 1812—1868), московской знакомой поэта, с именем которой связан объединенный мотивом неразделенной любви цикл стихов 1830 г., стихотворение было записано Лермонтовым в ее альбом. Вторая строфа — вольный перевод строфы стихотворения Байрона «Lines written in an Album, at Malta» («Стихи, написанные в альбом на Мальте») (1809). В рабочей тетради Лермонтова сохранились две редакции стихотворения, написанного по мотивам байроновского восьмистишия; в 1836 г. Лермонтов предпримет еще одну попытку его перевода, создав вариант, гораздо более близкий подлиннику.

З в е з д а (с. 47).— Первое обращение к теме «далекой звезды». Ср.: «Еврейская мелодия» («Я видал иногда, как ночная звезда...»), «Звезда» («Вверху одна Горит звезда...»).

Е в р е й с к а я м е л о д и я («Я видал иногда, как ночная звезда...») (с. 47).— Навеяно стихотворением Дж. Байрона «Sun of the Sleepless» («Солнце тех, кто не спит») из цикла «Еврейские мелодии» (1815). Вместе с тем это не перевод и не подражание, но самостоятельная вариация на байроновскую тему.

Н а п о л е о н *(Дума)* (с. 48).— Здесь, как и в большинстве лермонтовских стихотворений наполеоновского цикла, Наполеон изображен как высокий трагический герой. *Сей острый взгляд с возвышенным челом И две руки, сложенные крестом* — и заключительные два стиха.— Перефразировка 13—14 стихов XIX строфы из VII главы «Евгения Онегина» Пушкина: «Под шляпой, с пасмурным челом, с руками, сжатыми крестом!»

К г л у п о й к р а с а в и ц е (с. 50).— Позднейшая помета Лермонтова в автографе указывает на повод к созданию стихотворения: «(Меня спрашивали, зачем я не говорю с одной девушкой, а только смотрю...)».

С т а н с ы («Я не крушуся о былом...») (с. 52).— В 1831 г. стихотворение было переработано. См.: «Стансы» («Мгновенно пробежав умом...»).

«О с т а в л е н н а я п у с т ы н ь п р е д о м н о й...» (с. 53).— Пометы в рукописи: «(В Воскресенске. Написано на стенах [пустыни] жилища Никона). 1830 года»; «Там же в монастыре» — свидетельствует о том, что стихотворение написано под впечатлением поездки в Ново-Иерусалимский монастырь, основанный патриархом Никоном в Воскресенске (ныне — Истра); к западу от монастыря находилась пустынь (скит) Никона (1658).

Ночь. III (с. 54).— См. прим. к стихотворению «Ночь. I».

Эпитафия («Простосердечный сын свободы...» (с. 55).— Посвящено, по-видимому, памяти Дмитрия Владимировича Веневитинова (1805—1827). Некоторые мотивы стихотворения имеют личный характер; они присутствуют в автобиографических монологах Юрия Волина, героя драмы «Menschen und Zeidenschaften» (1830). *Для чувств он жизни не щадил.*— Парафраза строки из стихотворения Веневитинова «Поэт и друг» (опубл. 1827); *Он верил темным предсказаньям. И талисманам и любви.*— Упоминания о талисмане — перстне, подаренном Веневитинову З. А. Волконской, содержатся в стихотворении Веневитинова «К моему перстню» (1827) и «Завещании» (1827).

Гроб Оссиана (с. 55).— На обстоятельства возникновения стихов указывает позднейшая помета Лермонтова в автографе: «(Узнав от путешественника описание сей могилы)». *Оссиан* — легендарный шотландский бард (III в.). Интерес Лермонтова к Оссиану и Шотландии закономерен: основателем рода Лермонтовых в России был шотландец Георг (Юрий) Лермонт.

Кладбище (с. 56).— В рукописи помета Лермонтова: «(На кладбище написано) 1830».

К Су<шковой> (с. 56).— Посвящено Е. А. Сушковой; написано перед отъездом Лермонтова из подмосковной усадьбы Столыпиных Середникова, где поэт проводил каникулы, в Москву. В автографе позднейшая приписка: «При выезде из Середникова к Miss black-eyes». Шутка — преположенная от M. Kord». Кор — гувернер Аркадия Столыпина, двоюродного дяди Лермонтова; Miss black-eyes (черноокая) — прозвище Сушковой. В своих «Записках» Сушкова рассказала о том, как она получила эти стихи: «Накануне отъезда я сидела с Сашенькой (Верещагиной.— Н. Ч.) в саду, к нам подошел Мишель <...>, обменявшись несколькими словами, он вдруг опрометью убежал от нас <...> Я <...> увидела у ног своих не очень щегольскую бумажку <...> Это были первые стихи Лермонтова, поднесенные мне таким оригинальным образом».

К *** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...») (с. 57).— В рукописи помета Лермонтова: «Прочитав жизнь Байрона, <написанную> Муром (1830)». Лермонтов имеет в виду изданную в 1830 г. книгу Т. Мура «Letters and Journals of Lord Byron with Notices of his Life», vol. 1—2 («Письма и дневники лорда Байрона...», тт. 1—2). *О, если б одинаков был удел!..*— Дж. Байрон принимал участие в освободительной борьбе итальянских карбонариев; погиб, защищая свободу греческого народа (1824). *Как он, в ребячестве пылал уж я душой.*— Источником этой строки послужил рассказ Мура о детской любви Байрона.

Дереву (с. 58).— Адресовано А. Г. Столыпиной. Дата стихотворения «(1830)» поставлена в рукописи Лермонтовым; на следующем листе — связанная с настоящим стихотворением запись в прозе: «[Моя эпитафия]. Мое завещание (Про дерево, где я сидел с А. С.)». А. С.— А. Г. Столыпина (см. прим. к стихотворению «К Гению»).

Предсказание (с. 59).— В рукописи — позднейшая приписка Лермонтова («Это мечта») — в значении «видение», «фантазия». Написано под впечатлением крестьянских волнений, так называемых «холерных бунтов», распространившихся летом 1830 г. в южных губерниях России. 3 июня 1830 г. в Севастополе был убит губернатор — родной брат бабушки Лермонтова Н. А. Столыпин. *И будет все ужасно, мрачно в нем, Как плащ его с возвышенным челом.*— Эта характеристика «мощного человека» сближает его с Наполеоном: «Сей острый взгляд с возвышенным челом» («Наполеон», 1830).

Булевар (с. 60).— Помета Лермонтова в рукописи раскрывает замысел стихотворения: «В следующей сатире всех разругать, и одну грустную строфу. Под конец сказать, что я напрасно писал и что если б это перо в палку обратилось, а какое-нибудь божество новых времен приударило в них, оно — лучше». Далее приписка: «(Продолжение впредь)». Объект сатирического изображения в данном стихотворении — московское барство, в обычае которого были прогулки по Тверскому бульвару. *Подалее на креслах там другой...*— Возможно, речь идет об издателе «Дамского журнала» поэте князе Петре Ивановиче Шаликове (1767—1852). *И сам Башуцкий объяснит тотчас.*— Вероятно Александр Павлович Башуцкий (1801—1876) — писатель, журналист. *О женихи! о бедный Мосолов...*— Генерал Ф. И. Мосолов проживал на Тверском бульваре.

Песнь барда (с. 63).— В стихотворении заметно влияние стихов Н. М. Языкова «Песнь барда во время владычества татар в России» (1823).

10 июля. (1830) (с. 64).— Написано между 15 июля и 15 августа. Наиболее вероятно, что стихотворение посвящено Июльской революции во Франции, которая началась 27 июля н. ст. 1830 г. В этом случае следует дату «10 июля» считать датой написания стихотворения, но датой, в которой допущена описка (что характерно для Лермонтова): «10 июля» вместо «10 августа». *Знамя вольности кровавой.*— Реминисценция из пушкинской «Полтавы» (1829).

Благодарю! («Благодарю!.. вчера мое признанье...») (с. 64).— Обращено к Е. А. Сушковой. В стихотворении запечатлены действительные черты внутреннего облика Сушковой и характер ее отношений к юному поэту (насмешливость, «острота речей», «притворное вниманье»). Стихотворение упоминается в «Записках» Сушковой, где датировано 12 августа, хотя из рассказа мемуаристки об истории его создания следует, что оно было написано днем позже.

Нищий (с. 65).— Обращено к Е. А. Сушковой. Написано после посещения Троице-Сергиевой лавры.

Об одном эпизоде этой прогулки, послужившем сюжетом стихотворения «Нищий», Сушкова рассказала в своих воспоминаниях: «На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлою дрожащею рукою поднес нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: «Пошли вам бог счастие, добрые господа; а вот намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!»

Помолясь святым угодникам, мы поспешно возвратились домой, чтоб пообедать и отдохнуть. Все мы суетились около стола, в нетерпеливом ожидании обеда, один Лермонтов не принимал участия в наших хлопотах; он стоял на коленях перед стулом, карандаш его быстро бегал по клочку серой бумаги <...> Окончив писать, он вскочил, тряхнул головой, сел на оставшийся стул против меня и передал мне нововышедшие из-под его карандаша стихи».

30 июля.— (Париж). 1830 года (с. 65).— Написано по поводу событий Июльской революции во Франции 27—29 июля 1830 г. *Ты мог быть лучшим королем... Ты в бегстве уронил венец.*— 2 августа 1830 г. Карл X отрекся от престола; впоследствии бежал в Англию.

Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор...») (с. 66).— Пометы в автографе указывают на дату написания стихов — «(1830 года)» «(26 августа)»; рисунок пером (женский портрет) изображает, по всей вероятности, Е. А. Сушкову. Стихи Е. А. Сушкова включила в свои воспоминания о Лермонтове. *Я жертвовал другим страстям; Я не могу любить другой.*— В этих строках варьируются мотивы стихотворения Байрона «Stanzas to a Lady on leaving England» («Стансы к***, написанные при отплытии из Англии»).

Ночь («Один я в тишине ночной...») (с. 67).— Дата стихотворения указана Лермонтовым: «(1830 года ночью. Августа 28)».

К *** («Когда к тебе молвы рассказ...») (с. 68).— Обращено к Е. А. Сушковой.

Новгород (с. 69).— Стихотворение не закончено; автограф перечеркнут. Датировано Лермонтовым: «3 октября (м. б. 13 октября) 1830». Возможно, стихи адресованы сосланным декабристам.

Могила бойца (с. 69).— В черновой рукописи — примечание Лермонтова: «1830 год — 5-го октября. Во время холеры — morbus».

«Послушай! вспомни обо мне...» (с. 71).— Стихотворение вписано в альбом приятеля Лермонтова Николая Ивановича Поливанова (1814—1874); примечание, сделанное Поливановым, рас-

крывает обстоятельства создания стихов: «23-го марта 1831 г. Москва. Михайла Юрьевич Лермонтов написал эти строки в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью, когда вследствие какой-то университетской шалости он ожидал строгого наказания». Лермонтов ожидал наказания за участие в изгнании студентами из университетской аудитории грубого и невежественного профессора М. Я. Малова.

1831-го июня 11 дня (с. 72).— Три строфы (1, 2, 5) с некоторыми изменениями вошли в драму «Странный человек». *О, когда б я мог Забыть, что незабвенно! женский взор! Причину стольких слез, безумств, тревог!* — Здесь нашло отражение неразделенное чувство поэта к Н. Ф. Ивановой.

Романс к И... (с. 80).— Обращено к Н. Ф. Ивановой. В другой редакции вошло в драму «Странный человек» как стихи Владимира Арбенина («Когда одни воспоминанья...»). Варьирует (особенно в «Странном человеке») лирическую тему стихотворения Т. Мура «When he who adores thee» («Когда тот, кто обожает тебя...») из цикла «Ирландские мелодии».

Завещание («Есть место: близ тропы глухой...») (с. 80).— Время и место создания стихотворения указаны Лермонтовым: «(Середниково: ночью; у окна)». В авторизованной копии есть подзаголовок «(Из Гете)», однако ни одно из стихотворений Гете не может рассматриваться в качестве оригинала. Существует предположение, что Лермонтов облек в стихотворную форму предсмертное письмо героя романа Гете «Страдания молодого Вертера» (1774).

К*** («Всевышний произнес свой приговор...») (с. 81).— Обращено к Н. Ф. Ивановой.

Желание («Зачем я не птица, не ворон степной...») (с. 82).— Написано под впечатлением семейной легенды о шотландских предках Лермонтовых. В рукописи пометы Лермонтова: «(Середниково. Вечер на бельведере)», «(29 июля)».

Св. Елена (с. 82).— Написано, по-видимому, в связи с десятилетием смерти Наполеона. *Св. Елена* — остров в Атлантическом океане, куда был сослан Наполеон и где он скончался в 1821 г.

«Блистая пробегают облака...» (с. 83).— Написано в Середникове: «(7-го августа. В деревне на холме; у забора)» (помета Лермонтова в автографе).

Атаман (с. 84).— Написано по мотивам народных преданий, песен о Степане Разине. *Горе тебе, город Казань...*— В Казани Разин не был, хотя захват города и входил в его планы. Возможно, здесь сказалось влияние фольклора о Ермаке. *Остался ль ты хладен И тверд, как в бою, Когда бросили в пенные волны Красотку твою?* — В песенном фольклоре мотив гибели пленницы отсутствует.

Он мог быть известен по переводу рассказа голландского путешественника Я. Стрюйса, опубликованному в 1824 г. Пушкин включил этот эпизод в свои «Песни о Стеньке Разине» (1826), запрещенные к напечатанию, но известные в списках московским литературным кругам.

Видение (с. 86).— Поэтическим образцом для стихотворения послужил «The Dream» («Сон») (1816) Дж. Байрона, который несколько ранее Лермонтов предполагал перевести. В основу положены действительные события летних месяцев 1831 г. *Пылали смуглые его ланиты, И черный взор искал чего-то все В туманном отдаленье...*— Герою стихотворения приданы черты внешнего облика самого Лермонтова. *...темно, смутно являлося минувшее ему — Призрак остерегающий, который Пугает сердце страшным предсказаньем, Но верил он — одной своей любви.*— Летом 1831 г. Лермонтов был увлечен Н. Ф. Ивановой. *И всадник примечает огонек, Трепещущий на берегу противном, И различил окно и дом, но мост Изломан... и несется быстро Клязьма.*— На берегу Клязьмы находилось имение Ивановых... *Ее сестра идет к нему навстречу.*— Речь идет о Дарье Федоровне Ивановой.

К Л.— («У ног других не забывал...») (с. 89).— Вопрос об адресате окончательно не решен. Возможно, стихотворение обращено к Варваре Александровне Лопухиной (в замужестве Бахметевой; 1815—1851), московской приятельнице Лермонтова, младшей дочери в семействе Лопухиных, жившем по соседству с бабушкой поэта Елизаветой Алексеевной Арсеньевой на Малой Молчановке. По словам троюродного брата Лермонтова Акима Павловича Шан-Гирея (1818—1883), чувство Лермонтова к В. А. Лопухиной «было... истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей...». Существует предположение, что стихотворение связано с именем Н. Ф. Ивановой (в этом случае «Л» расшифровывается как «Любимой»). Е. А. Сушкова утверждала, что стихи посвящены ей.

К Н. И..... («Я не достоин, можеть быть...») (с. 90).— Обращено к Н. Ф. Ивановой.

Воля (с. 91).—Одно из первых обращений Лермонтова к фольклору; воспроизводит форму и содержание народных разбойничьих песен.

«Зови надежду — сновиденьем...» (с. 92).— К кому обращено стихотворение, не установлено. Е. А. Сушкова, опубликовавшая текст в составе подборки «Из альбома Е. А. Сушковой» («Библиотека для чтения», 1844, т. 64), называла адресатом себя. Вместе с тем вторая строфа стихотворения (с некоторыми изменениями) введена в посвящение к третьей редакции «Демона», обращенное к В. А. Лопухиной.

«Прекрасны вы, поля земли родной...» (с. 92).— *И позабытый прах, но мне, но мне бесценный.*— Речь идет об отце

Лермонтова Юрии Петровиче, который скончался 1 октября 1831 г. в деревне Кропотово Тульской губернии.

«Я видел тень блаженства; но вполне...» (с. 93).— Возможно, стихотворение имеет реальную основу — безответное чувство поэта к Н. Ф. Ивановой.

Стансы. К Д*** (с. 96).— Адресат стихотворения не установлен.

«Ужасная судьба отца и сына...» (с. 98).— Написано в связи со смертью отца поэта. *...ты свершил свой подвиг, мой отец.*— Здесь выражение «вершить подвиг» — идиома, означающая «завершить тяжелый, страдальческий жизненный путь». *...люди угасить в душе моей хотели Огонь божественный... Однако ж тщетны были их желанья: Мы не нашли вражды один в другом.*— Намек на семейные распри, приведшие к разлуке Лермонтова с отцом.

«Пусть я кого-нибудь люблю...» (с. 98).— Первоначально стихотворение состояло из трех строф; третья строфа носила автобиографический характер: Я сын страданья. Мой отец Не знал покоя по конец. В слезах угасла мать моя; От них остался только я... В дальнейшем 1-я и 3-я строфы были зачеркнуты.

Из Паткуля (с. 99).— *Паткуль* Иоганн Рейнгольд (1660—1707) — политический деятель, выступивший против ущемления Швецией прав Лифляндии. Был казнен Карлом XII как изменник. Его письма, написанные перед казнью, были изданы (в русском переводе) в 1806 г.

Портрет (с. 99).— Кто изображен в данном стихотворении — неясно. Соотносится со стихотворением Е. А. Баратынского «Взгляни на лик холодный сей...» (опубл. 1826).

«Настанет день — и миром осужденный...» (с. 99).— Заключительные строки близки концовке стихотворения Д. В. Веневитинова «Завещание» (опубл. 1829).

К Д. (с. 100).— К кому обращено стихотворение, неизвестно.

Отрывок («Три ночи я провел без сна—в тоске...» (с. 101).— Этюд к задуманной Лермонтовым в 1831 г. поэме о князе Мстиславе Черном, поклявшемся освободить родину от татарских завоевателей.

Баллада («В избушке позднею порою...») (с. 102).— Время действия (период татаро-монгольского нашествия) позволяет связать стихотворение с замыслом поэмы о Мстиславе Черном.

1830—1831

Звезда («Вверху одна...») (с. 104).— По утверждению Е. Л. Сушковой, стихотворение было посвящено ей.

Арфа (с. 105).— Может быть соотнесено со стихотворением Т. Мура «Завещание» (1808).

Пир Асмодея (с. 105).— Подзаголовок — «Сатира». Ее объектом Лермонтов избрал, с одной стороны, человеческие пороки (слова первого демона), с другой — явления социального характера. В речи второго демона — отзвук революционных событий 1830 г. во Франции, Бельгии, Польше; в словах третьего демона — отголосок эпидемии холеры и холерных бунтов. *По правую сидел приезжий <Павел>.*— В рукописи имя заменено звездочками и восстанавливается по рифме. Предполагается, что речь идет о царе Павле I. *Распространять сужденья дураков Он средство нам превечное доставил.*— Лермонтов ошибочно отождествляет (в соответствии с русской и европейской литературной традицией) доктора Фауста с первопечатником Иоганном Фаустом (иначе Фустом).

Сон («Я видел сон: прохладный гаснул день...») (с. 107).— *Все было тихо, как луна и ночь, И ветр не мог дремоты превозмочь.*— Реминисценция из пушкинской «Полтавы» (1829).

На картину Рембрандта (с. 108).— О какой картине Рембрандта (1606—1669) идет речь, не установлено.

К*** («О, полно извинять разврат!..») (с. 108).— Один из образцов русской гражданской лирики. Наиболее вероятно, что стихотворение обращено к А. С. Пушкину (эту мысль высказал в 1909 г. М. Горький), автору стихотворений «Стансы» (1826), «Друзьям» (1828), «К вельможе» (1830), несправедливо расцененных некоторыми из современников (не только из враждебного окружения, но и друзьями) как свидетельство компромисса поэта с самодержавием.

Поле Бородина (с. 110).— Ранний вариант стихотворения о Бородинской битве. Ср. «Бородино» (1837).

К*** («Не ты, но судьба виновата была...») (с. 116).— Адресовано Н. Ф. Ивановой.

К себе (с. 116).— Относится к циклу стихов, посвященных Н. Ф. Ивановой.

«Душа моя должна прожить в земной неволе...» (с. 117).— Связано с увлечением Н. Ф. Ивановой.

Из Андрея Шенье (с. 119).— Относится к группе стихотворений, объединенных темой поэта-борца. Заголовок стихотворения предполагает существование французского источника; между тем подобного стихотворения у французского поэта и публициста Андре Мари Шенье (1762—1794), казненного якобинцами, нет.

Возможно, что поэтический опыт Шенье Лермонтов воспринимал через Пушкина, через пушкинскую элегию «Андрей Шенье» (1825), написанную за несколько месяцев до восстания 14 декабря. Ряд строк из нее не был пропущен цензурой и распространялся в списках с произвольным заголовком «На 14-е декабря»; по этому поводу возникло длительное политическое дело (1826—1828). Имя Андре

Шенье в такой ситуации стало злободневным и символизировало собою образ страстного тираноборца, жертву деспотизма.

Стансы («Не могу на родине томиться»...) (с. 120).— Входит в лирический цикл, посвященный Н. Ф. Ивановой.

Мой демон (с. 121).— Новая редакция одноименного стихотворения 1829 г.

1832

«Время сердцу быть в покое...» (с. 124).— Адресовано, по-видимому, Н. Ф. Ивановой. Текстуально связано со стихотворением «К*» («Я не унижусь пред тобою...»). Первая строфа — вольный перевод стихотворения Байрона «Lines, inscribed: On this day I complete my thirty-sixth year» («В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет») (1824). Заключительное восьмистишие восходит к поэме С. Колриджа «Cristabel» («Кристабель») (1816). Ср. стихотворение «Романс» («Стояла серая скала...»).

К* («Я не унижусь пред тобою...») (с. 125).— Обращено к Н. Ф. Ивановой.

<В альбом Д. Ф. Ивановой> («Когда судьба тебя захочет обмануть...» (с. 127).— Адресовано сестре Натальи Федоровны — Дарье Федоровне Ивановой (?—1872).

«Синие горы Кавказа, приветствую вас!..» (с. 127).— Навеяно воспоминаниями о пребывании Лермонтова на Кавказе в начале 1820-х годов.—*Воздух там чист, как молитва ребенка.*— Эта фраза (с изменениями) введена в текст «Княжны Мери» (запись от 11 мая). Текстуально и стилистически отрывок в известной степени близок начальным строкам поэмы «Измаил-Бей».

Прелестнице (с. 129).— Представляет собой первоначальный вариант позднейшего стихотворения «Договор» (1841).

Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова?..») (с. 129).— Стихотворение посвящено памяти Ю. П. Лермонтова.

«Измученный тоскою и недугом...» (с. 130).— Адресовано Н. Ф. Ивановой.

«Нет, я не Байрон, я другой...» (с. 130).— О своей близости Байрону Лермонтов говорил неоднократно: «К ***» («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...»), автобиографическая заметка 1830 г. («Еще сходство в жизни моей с лордом Байроном...») — осознавая вместе с тем и собственную творческую самостоятельность, что наиболее определенно выразилось в комментируемом стихотворении.

Романс («Ты идешь на поле битвы...» (с. 131).— В романсе варьируются мотивы стихотворения Т. Мура «Go when glory waits thee» («Иди туда, где ждет тебя слава») из цикла «Ирландские мелодии» (1807—1834).

Сонет (с. 131); «Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья...» (с. 132).— Стихотворения обращены к Н. Ф. Ивановой.

К* («Мы случайно сведены судьбою...») (с. 133).— Обращено к В. А. Лопухиной.

К* («Оставь напрасные заботы...») (с. 134).— Обращено к В. А. Лопухиной.

«Я жить хочу! хочу печали...» (с. 134).— Первые восемь строк приведены в письме Лермонтова (август 1832 г.) к его приятельнице, воспитаннице Е. А. Арсеньевой Софье Александровне Бахметевой (1800—?) с примечанием, что стихи написаны «месяц тому назад».

«Приветствую тебя, воинственных славян...» (с. 135).— Написано в связи с посещением в августе 1832 г. Новгорода, где Лермонтов останавливался на пути из Москвы в Петербург. *...вольности одной Служил тот колокол на башне вечевой.*— Лермонтов вслед за декабристами воспринимал вечевой колокол как символ древней вольности новгородцев, ассоциировавшейся с идеалом политической свободы.

Желанье («Отворите мне темницу...») (с. 136).— Стихотворение известно в нескольких редакциях. Первые четыре строки позднее вошли в стихотворение «Узник».

К* («Мой друг, напрасное старанье!..») (с. 136); К* («Печаль в моих песнях, но что за нужда?..») (с. 137).— Вероятно, обращены к В. А. Лопухиной.

Два великана (с. 137).— Написано по поводу двадцатилетней годовщины Отечественной войны 1812 г. В иносказательной форме изображено поражение Наполеона («трехнедельный удалец») в борьбе с Россией («старый русский великан»). *Но упал он в дальнем море...*— Наполеон был отправлен в ссылку на остров Св. Елены, где скончался в 1821 г.

К* («Прости! — мы не встретимся боле...») (с. 138).— Написано в августе 1832 г. перед отъездом Лермонтова из Москвы в Петербург. По-видимому, обращено к Н. Ф. Ивановой; по другому предположению — к В. А. Лопухиной. *Есть звуки — значенье ничтожно... Но их позабыть невозможно.*— В измененном виде эти строки повторяются в стихотворении «Есть речи — значенье...».

«Слова разлуки повторяя...» (с. 139).— Написано, так же как и предыдущее стихотворение, перед отъездом в Петербург в августе 1832 г.

«Безумец я! вы правы, правы!..» (с. 139).— В рукописи стихотворение имело первоначальное заглавие — «Толпе».— Слово *толпа* употреблено здесь в значении «свет» (близко понятию «светская чернь» у А. С. Пушкина).

«Она не гордой красотою...» (с. 140).— Обращено к В. А. Лопухиной.

«Примите дивное посланье...» (с. 140).— Приведено в письме Лермонтова к С. А. Бахметевой, написанном в августе 1832 г. сразу после приезда в Петербург. *...Оно не Павлово писанье — Но Павел вам отдаст его.*— Каламбур, в основе которого сопоставление имен апостола Павла, автора 14 посланий, вошедших в Новый завет, и Павла Александровича Евреинова (?—1857) — двоюродного дяди Лермонтова, офицера лейб-гвардии Измайловского полка. По просьбе Лермонтова он должен был отвезти письмо в Москву. *Куда ни взглянешь, красный ворот, Как шиш, торчит перед тобой...*— Лермонтов имеет в виду полицейские мундиры. *И, наконец, я видел море, Но кто поэта обманул?.. Я в роковом его просторе Великих дум не почерпнул.*— Лермонтов возражал против традиционно-романтического изображения моря. В полемических целях он использовал выражение из стихотворения Н. М. Языкова «Пловец» («Нелюдимо наше море...», 1829): «В роковом его просторе Много бед погребено».

Челнок («По произволу дивной власти...») (с. 141).— Написано в связи с переездом Лермонтова из Москвы в Петербург. Включено в письмо к С. А. Бахметевой (август 1832 г.). Существует более краткая редакция стихотворения (альбом А. М. Верещагиной, США).

«Что толку жить!.. Без приключений...» (с. 141).— Первоначальный текст приведен в письме Лермонтова (от 28 августа 1832 г.) к Марии Александровне Лопухиной (1802—1877), старшей сестре В. А. Лопухиной. В нем нет первой строфы, а после строки *Названье ваше сохранит* идет следующий текст:

С двумя плачевными стихами,
Которых, к счастию, вы сами
Не прочитаете вовек.
Когда ж чиновный человек
Захочет место на кладбище,
То ваше тесное жилище
Разрост заступ похорон
И грубо выкинет вас вон;
И, может быть, из вашей кости,
Подлив воды, подсыпав круп,
Кухмейстер изготовит суп
(Все это дружески, без злости).
А там голодный аппетит
Хвалить вас будет с восхищеньем;
А там желудок вас сварит,
А там — но с вашим позволеньем
Я здесь окончу мой рассказ;
И этого довольно с вас.

«Для чего я не родился...» (с. 143).— Включено в письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 г. Написано 27 августа 1832 г. под впечатлением небольшого наводнения в Петербурге.

Парус (с. 143).— Написано в Петербурге. Первоначальный текст вошел в письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной, датированное 2 сентября 1832 г. *Белеет парус одинокой...*— Эта строка совпадает с 19-м стихом первой главы поэмы А. А. Бестужева (Марлинского) «Андрей, князь Переяславский» (отд. изд. 1828). Образ белеющего в морском тумане паруса получил в творчестве Лермонтова и живописное воплощение — в акварельном рисунке, относящемся к концу 1820-х — началу 1830-х годов. Несколько лет спустя Лермонтов вновь вернулся к этому образу, использовав его в концовке «Княжны Мери».

Тростник (с. 144).— В стихотворении использован распространенный фольклорный мотив о волшебной свирели, вырастающей на могиле убитого и называющей убийцу.

Гусар (с. 147).— Последние два стиха, возможно, обращены к В. А. Лопухиной.

Юнкерская молитва (с. 148).— Относится ко времени пребывания Лермонтова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Известно по воспоминаниям Александра Матвеевича Меринского (?—1873), товарища Лермонтова по юнкерской школе. Другая редакция стихотворения сохранилась в «Записках неизвестного гусара», принадлежащих другому соученику Лермонтова по Школе юнкеров — Александру Францевичу Тирану (1815—1865), позднее служившему вместе с поэтом в лейб-гвардии Гусарском полку. По воспоминаниям А. Ф. Тирана, «Юнкерская молитва» была помещена в рукописном журнале «Школьная заря». *Пускай в манеже Алехин глас Как можно реже Тревожит нас.*— Алексей Степанович Стунеев — командир кавалерийского эскадрона в Школе юнкеров (1832—1840). Известны два графических портрета Стунеева, принадлежащие Лермонтову. На одном из них Стунеев изображен в манеже с бичом в руках.

«На серебряные шпоры...» (с. 149).— Написано в годы учения в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

«Опять народные витии...» (с. 149).— Отклик на посвященные польскому вопросу антирусские выступления французской печати в 1834 — 1835 г.; стихотворение близко пушкинскому посланию «Клеветникам России» (1831).

<Эпиграмма на Н. Кукольника> («В Большом театре я сидел...») (с. 151).— Написано предположительно в 1835 г. в связи с постановкой драмы Н. Кукольника «Князь Михаил Ва-

сильевич Скопин-Шуйский» (первое представление — в Александринском театре 14 января 1835 г.). *В Большом театре я сидел...* — По-видимому, речь идет о петербургском Большом театре; 23 января там состоялось второе представление пьесы, вслед за которым прошло еще несколько спектаклей.

Пьеса получила одобрение консервативной журналистики, приветствовавшей официозного драматурга. С критикой драмы выступил В. Г. Белинский: «...драма совсем не изящна... когда ум творит без участия чувства и фантазии, то всегда делает нелепости и промахи против здравого смысла».

Умирающий гладиатор (с. 151).— Как следует из пометы в копии, стихотворение написано 2 февраля 1836 г. Две последние строфы зачеркнуты — возможно, в редакции «Отечественных записок», опубликовавших стихотворение без двух заключительных строф. Первые 20 стихов представляют собой свободное переложение строф 139—141 песни IV «Чайльд-Гарольда» Д. Байрона. Из этой же песни взят и эпиграф к стихотворению (строфа 110, стих 1). *Надменный временщик и льстец его сенатор.*— Строка навеяна началом стихотворения К. Ф. Рылеева «К временщику» («Надменный временщик... Монарха хитрый льстец...»). *Когда-то пламенных мечтателей кумир... Осмеянный ликующей толпою.*— Речь идет о гибели надежд, возлагавшихся на революционные движения в Европе (конец XVIII в., первая треть XIX в.), о духовном кризисе, который переживал «европейский мир» в условиях послереволюционной реакции.

Еврейская мелодия («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!..») (с. 152).— Вольный перевод стихотворения Дж. Байрона «My soul is dark» («Моя душа темна») из цикла «Еврейские мелодии» (1815).

В альбом («Как одинокая гробница...») (с. 152).— Вольный перевод стихотворения Дж. Байрона «Lines written in Aldum, at Malta» («Строки, написанные в альбом на Мальте») (1809).

«Великий муж! здесь нет награды...» (с. 153).— К кому обращено стихотворение, до сих пор не установлено (возможно, адресат был указан в начале текста, расположенном в верхней части листа, которая не сохранилась). Высказывалось предположение, что в стихотворении речь идет о Петре Яковлевиче Чаадаеве (1794—1856), писателе и ученом, авторе «Философических писем» (1829—1831). За публикацию в 1836 г. в журнале «Телескоп» первого письма, носившего резко обличительный характер, Чаадаев был официально объявлен сумасшедшим. Более вероятно, что Лермонтов имел в виду русского полководца Михаила Богдановича Барклая-де-Толли (1761—1818), заслуги которого как главнокомандующего русской армией в начале Отечественной войны 1812 г.

не были оценены современниками (предложенная Барклаем тактика отступления была воспринята резко отрицательно - и в войсках, и при дворе). В 1836 г. в третьей книжке пушкинского «Современника» появилось стихотворение Пушкина «Полководец», прямо посвященное прижизненной и посмертной репутации Барклая; стихи вызвали волну обсуждений, лишь отчасти проникших в печать из-за цензурных препятствий. Прочие версии, называющие имена А. П. Ермолова, Н. Н. Раевского и др., не получили необходимого подтверждения.

1837—1841

Бородино (с. 154).— Написано, по-видимому, в январе 1837 г. как отклик на двадцатипятилетие Отечественной войны 1812 г. Здесь, как и в раннем стихотворении «Поле Бородина», Лермонтов попытался воспроизвести бородинские события посредством рассказа очевидца, участника сражения.

Смерть Поэта (с. 157).— Отклик на трагическую гибель Пушкина (Пушкин умер 29 января 1837 г.). Лермонтов был болен, когда до него дошла весть о роковой дуэли. О последних днях Пушкина он узнал от лечившего его доктора Н. Ф. Арендта, который навещал тяжело раненного поэта. Первая часть стихотворения (без эпиграфа) сохранилась в автографе (до слов «А вы, надменные потомки...»); вторая его часть известна по копиям, в том числе по копии, приложенной к следственному делу «О непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским».

В стихах, написанных на смерть Пушкина, Лермонтов выразил глубокое возмущение передовых кругов русского общества отношением к поэту придворной аристократии, явившейся подлинной виновницей его гибели. Стихотворение разошлось во множестве списков; один из них, по свидетельству современников, был доставлен Николаю I. Лермонтова и его друга — литератора и этнографа Святослава Афанасьевича Раевского (1808—1876), принимавшего участие в распространении стихов, арестовали и отдали под суд. 25 февраля 1837 г. по высочайшему повелению был вынесен приговор: «Л<ейб> гв<ардии> гусарского полка корнета Лермонтова... перевесть тем же чином в Нижегородский драгунский полк; а губернского секретаря Раевского... выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу, по усмотрению тамошнего гражданского губернатора». В марте Лермонтов отправился в действующую армию на Кавказ, где в это время находился Нижегородский драгунский полк.

Стихотворение печатается по тексту издания: Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4-х томах, т. 1. Л., «Наука», 1979.

Отмщенья, государь, отмщенья!.. — Эпиграф к стихотворению взят из трагедии французского писателя Жана де Ротру (1609—1650) «Venceslas» («Венцеслав») (1648) в переделке А. А. Жандра, русского драматурга-переводчика. По словам шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, «вступление (то есть эпиграф.— И. Ч.) к этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное». *Погиб поэт! — невольник чести...* — Последнее выражение заимствовано из посвящения к поэме Пушкина «Кавказский пленник»: «Невольник чести беспощадной, Вблизи видал он свой конец. На поединках твердый, хладный, Встречая гибельный свинец». *Его убийца хладнокровно Навел удар...* — убийца Пушкина — Жорж Шарль Дантес (1812—1895), поручик Кавалергардского полка (с 1834 г). Усыновивший его нидерландский посланник барон Л. Геккерен ввел Дантеса в салоны придворной русской аристократии, организовавшей травлю поэта, закончившуюся роковым поединком. За дуэль с Пушкиным Дантес был выслан во Францию. *...издалека, Подобный сотням беглецов, На ловлю счастья и чинов Заброшен к нам по воле рока...* — Дантес прибыл в Петербург в 1833 г. после вандейского мятежа. *Как тот певец, неведомый, но милый...* — В этом и следующих стихах — напоминание о Владимире Ленском из романа Пушкина «Евгений Онегин». *Зачем от мирных нег и дружбы простодушной Вступил он в этот свет, завистливый и душный Для сердца вольного и пламенных страстей?* — Сознательная перекличка со строками из стихотворения Пушкина «Андрей Шенье»: «Зачем от жизни сей, ленивой и простой, Я кинулся туда, где ужас роковой, Где страсти дикие, где буйные невежды, И злоба и корысть!..» *И прежний сняв венок,— они венец терновый, Увитый лаврами, надели на него: Но иглы тайные сурово Яввили славное чело...* — Некоторые из этих формул восходят к написанному в связи со смертью драматурга В. А. Озерова посланию В. А. Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину»: «Пусть Дружба нежными перстами Из лавров сей венец свила — В них Зависть терния вплела; И торжествует: растерзали Их иглы славное чело...» *А вы, надменные потомки Известной подлостью прославленных отцов...* — Этот и следующие за ним 15 стихов были написаны позже, чем начальные строфы — в ответ на суждения тех, кто оправдывал убийц поэта. Точку зрения защитников Дантеса отстаивал камер-юнкер Николай Аркадьевич Столыпин (1814—1884), родственник Лермонтова, навестивший поэта в первой половине февраля. Впервые о «прибавлении» упоминается в письме А. И. Тургенева к А. Н. Пещурову от 13 февраля. О том, кого имел в виду Лермонтов, говоря о «над-

менных потомках», дает представление один из списков стихотворения, в котором неизвестный современник Лермонтова назвал ряд фамилий тех, кто, унаследовав «известную подлость» отцов, сочетал в себе «надменность» и «рабство»: графы Орловы, Бобринские, Воронцовы, Завадовские, князья Барятинские и Васильчиковы, бароны Энгельгардты и Фредериксы. В целом концепция этих строк опирается на пушкинские исторические представления о «новой аристократии», захватившей ключевые позиции в обществе и оттеснившей «старое дворянство», с судьбой которого Пушкин связывал национальную историческую и культурную традицию. К «обломкам игрою счастия обиженных родов» Лермонтов относил и самого Пушкина. *...Есть грозный суд; он ждет...* — По традиции, идущей от П. А. Ефремова, ссылавшегося на А. Мерзлякова, этот стих в некоторых изданиях печатался: «Есть грозный судия: он ждет». Сейчас, на основании дошедших списков, принято чтение «Есть грозный суд...».

Ветка Палестины (с. 159).—По словам писателя А. Н. Муравьева (1806—1874), которому, судя по зачеркнутой помете в копии, Лермонтов вначале посвятил стихотворение, оно было написано на квартире у Муравьева, в феврале 1837 г., когда Лермонтов навещал его перед своим арестом за стихи «Смерть Поэта». В воспоминаниях А. П. Шан-Гирея сохранился рассказ о том, как Лермонтов, увидев «пальмовую, искусно сплетенную ветку Палестины» в образной у Муравьева (писатель привез ее из своих путешествий «ко святым местам»), «по внезапному вдохновению» записал стихотворение на том же листке, где он набросал и записку хозяину дома. Вместе с тем существует еще одно свидетельство того же А. Н. Муравьева относительно истории возникновения стихотворения, которое никак не соотносится с событиями 1837 г.; текст датируется 1836 г. В настоящее время ни та, ни другая версия не может считаться окончательно доказанной. Традиционно стихотворение относится к 1837 г. *Солима бедные сыны...* — Солим — Иерусалим. *Прозрачный сумрак, луч лампады... Вокруг тебя и над тобой.*—Эта строфа напоминает стихи из поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»: «Лампады свет уединенный, кивот, печально озаренный, Пречистой девы кроткий лик И крест, любви символ священный».

Узник (с. 160).— По свидетельству А. П. Шан-Гирея, написано в феврале 1837 г.; Лермонтов в это время находился под арестом за стихи, написанные на смерть Пушкина. Поэт был помещен в одной из комнат верхнего этажа Главного штаба. К нему пускали только камердинера. Лермонтов «велел завертывать хлеб в серую бумагу, и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес»: «Когда волнуется желтеющая нива...», «Молитва» («Я, матерь божия, ныне с молитвою...»), «Сосед» («Кто б ни был ты, печальный мой сосед...») и «Узник». Первые 4 строки

перенесены из стихотворения «Желанье»: *...за дверями, Звучно-мерными шагами Ходит в тишине ночной Безответный часовой.*— Эти строки обнаруживают знакомство со стихотворением Н. М. Языкова «Конь»: Лермонтов варьирует типичный языковский неологизм (у Языкова: «стройно-верными»).

Послание (с. 161).— Адресовано Е. А. Сушковой; представляет собой шутливую реплику Лермонтова на выписки Сушковой из св. Августина, сделанные на странице голубого цвета. Стихотворение записано в альбом приятельницы Сушковой А. М. Верещагиной (США).

Молитва («Я, матерь божия, ныне с молитвою...») (с. 162).— Обращено, по-видимому, к В. А. Лопухиной. Введено в текст письма Лермонтова к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 г. под названием «Молитва странника»: «В завершение моего письма я посылаю вам стихотворение, которое я нашел случайно в ворохе своих путевых бумаг и которое мне в какой-то степени понравилось, потому что я его забыл — но это вовсе ничего не доказывает». А. П. Шан-Гирей относил «Молитву» к числу тех стихотворений, которые Лермонтов написал, находясь под арестом в феврале 1837 г. (см. примечание к «Узнику»). Однако, принимая во внимание приведенные выше слова Лермонтова из письма к М. А. Лопухиной и названное там же заглавие стихотворения, правильнее датировать «Молитву» первыми месяцами ссылки, то есть весной 1837 г.

«Расстались мы, но твой портрет...» (с. 162).— Возникло на основе переработки раннего стихотворения «Я не люблю тебя; страстей...».

«Не смейся над моей пророческой тоскою...» (с. 163).— Стихотворение не закончено. Варьирует первую строфу раннего стихотворения «К *» («Когда твой друг с пророческой тоскою...»). Предположительно связывается с событиями, последовавшими за смертью Пушкина. *Пускай толпа растопчет мой венец; Венец певца, венец терновый!..*— Сходный образ употреблен в стихотворении «Смерть Поэта»: «И прежний сняв венок, они венец терновый, Увитый лаврами, надели на него».

«Я не хочу, чтоб свет узнал...» (с. 163).— Написано на одном листке со стихотворением «Не смейся над моей пророческой тоскою...».

<Эпиграммы на Ф. Булгарина. I. II> (с. 164).— Эпиграммы адресованы Ф. В. Булгарину (1789—1859), реакционному писателю, редактору газеты «Северная пчела», негласному агенту III Отделения. Булгарин известен своей борьбой против Пушкина и писателей его круга; ему посвящен ряд пушкинских памфлетов и эпиграмм, которые, безусловно, знал Лермонтов и на которые ориентировался при создании собственных остро сатирических стихов,

обращенных к тому же адресату. В 1837 г. под именем Булгарина вышла в свет книга «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях...» (подлинный автор Н. А. Иванов). Книга успеха не имела, ее не покупали, в связи с чем Булгарин напечатал в «Северной пчеле» объявление, где широко рекламировал эту книгу. Данные события и послужили поводом для возникновения лермонтовских эпиграмм. *Россию продает Фадей...* — Строка имеет двойной смысл: она содержит намек на продажу книги и вместе с тем на прошлое Булгарина, служившего в 1812 г. в армии Наполеона.

«Спеша на север из далека...» (с. 164). — Написано в начале декабря 1837 г. на пути из Тифлиса во Владикавказ. В первой публикации в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1) было озаглавлено «Казбеку». *И прах бездомный по ущелью Без сожаления развей.* — Реминисценция из стихотворения А. И. Одоевского «Куда несетесь вы, крылатые станицы?..» (1837—1838).

Кинжал (с. 165). — Относится, по-видимому, к концу 1837 или к началу 1838 г. Записано, так же как и стихотворения «Гляжу на будущность с боязнью...» и «Она поет — и звуки тают...», на одном листе с посвящением к поэме «Тамбовская казначейша», относящейся также к этому времени — концу 1837 — самому началу 1838 г. Первоначальное название — «Подарок»: в стихотворении речь идет о подаренном поэту кинжале. Известно, что среди вещей Лермонтова находился кинжал, привезенный из первой ссылки.

«Слышу ли голос твой...» (с. 166). — Вместе со стихотворениями «Как небеса, твой взор блистает...» и «Она поет — и звуки тают...» образует как бы единый цикл, обращенный к одному и тому же лицу и написанный в одно и то же время — в конце 1837 — начале 1838 г. Адресатом названных трех стихотворений, возможно, является Прасковья Арсеньевна Бартенева (1811—1872), известная певица, камер-фрейлина (с 1835 г.). Бартенева была хорошо знакома с близким Лермонтову семейством Карамзиных, в их доме неоднократно встречалась с поэтом. Предполагалось совместное участие Лермонтова и Бартеневой в любительском спектакле (август — сентябрь 1838 г.).

«Она поет — и звуки тают...» (с. 167). — *Идет ли — все ее движенья... Так полны дивной простоты.* — Эти строки (с изменениями) взяты из стихотворения «Она не гордой красотою...» (1832).

<К М. И. Цейдлеру> («Русский немец белокурый...») (с. 167). — *Цейдлер* Михаил Иванович (1816—1892) — мемуарист и скульптор, в 1838 г. — гродненский гусар. 3 марта 1838 г. Лермонтов принимал участие в проводах Цейдлера в действующую армию

на Кавказ. *Но иной, не бранной сталью мысли юноши полны.*— Намек на увлечение Цейдлера Софьей Николаевной Стааль фон Гольштейн, женой дивизионного командира.

<К портрету старого гусара> («Смотрите, как летит, отвагою пылая...») (с. 168).— Стихи к рисунку, изображающему скачущего на коне полковника лейб-гвардии Гусарского полка (с 1837 г.) Николая Ивановича Бухарова (1799—1862), однополчанина Лермонтова. Рисунок сделан гусаром А. Н. Долгоруким. Под рисунком — авторизованная копия стихотворения Лермонтова, подпись поэта и написанная им дата.

<К Н. И. Бухарову> («Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...») (с. 168).— Написано, по-видимому, одновременно с четверостишием «<К портрету старого гусара>», также относящимся к Бухарову и датированным Лермонтовым 1838 г. *Столетья прошлого обломок... Пиров и битвы гражданин.*— Парафраза из стихотворения Пушкина «Моя родословная» (1830).

<А. Г. Хомутовой> («Слепец, страданьем вдохновенный...») (с. 169).— Обращено к Анне Григорьевне Хомутовой (1784—1856), сестре генерала Михаила Григорьевича Хомутова (1795—1864), командира лейб-гвардии Гродненского полка. Стихотворение, по-видимому, относится ко времени службы Лермонтова в гродненских гусарах (1838 г.). *Слепец, страданьем вдохновенный, Вам строки чудные писал...*— Поэт Иван Иванович Козлов, двоюродный брат А. Г. Хомутовой, горячо ее любивший, посвятил Хомутовой стихи «Другу весны моей после долгой, долгой разлуки», вдохновленные встречей с ней после более чем двадцатилетней разлуки. В это время (1838 г.) Козлов был уже тяжело болен и слеп. *И я, поверенный случайный Надежд и дум его живых...*— Лермонтов часто бывал у Хомутовых. В одно из таких посещений Анна Григорьевна показала поэту посвященные ей стихи Козлова. Глубоко тронутый ими Лермонтов попросил разрешения взять рукопись и вскоре вернул ее вместе со своим стихотворением.

Вид гор из степей Козлова (с. 170).— Вольный перевод одноименного стихотворения А. Мицкевича из цикла «Крымские сонеты» (1825). К творчеству Мицкевича Лермонтов больше не обращался. Написано в период службы Лермонтова в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку по подстрочнику, сделанному однополчанином поэта корнетом Николаем Александровичем Красно-кутским (1819—1891). Другим источником для Лермонтова послужил перевод стихотворения, выполненный в 1828 г. И. И. Козловым; Лермонтов взял за образец его размер и строфику и даже повторил некоторые неточности, в том числе неверный перевод польского «lupa» (зарево) как «луна». Козлов (Гёзлев) — старинное название Евпатории. *Застывших волн... твердыни* — Крымские горы;

самая высокая их точка — Чатырдаг. *Иль дивы, словом роковым, Стеной умели так высоко Громады скал нагромоздить...* — В польском тексте самим Мицкевичем сделано примечание, разъясняющее значение слова «Diwy» — «злые гении, некогда царствовавшие на земле, потом изгнанные ангелами и ныне живущие на краю света за горою Каф». В переводе Козлова упоминания о «дивах» нет.

Казачья колыбельная песня (с. 171). — Сохранился список стихотворения, сделанный бабушкой Лермонтова Елизаветой Алексеевной Арсеньевой для А. М. Верещагиной и посланный ей в Штутгарт в письме от 23 ноября 1838 г. — по случаю рождения дочери Верещагиной Елизаветы. По преданию, написано под впечатлением «баюкашной» песни казачки, которую Лермонтов слышал в станице Червленой на Тереке (по другим данным — в станице Старомышастовской на Кубани).

Поэт («Отделкой золотой блистает мой кинжал...») (с. 172). — *Твой стих, как божий дух, носился над толпой... Во дни торжеств и бед народных.* — Отзвук декабристских представлений о поэте как о народном вожде, пробуждающем в согражданах стремление к свободе.

«Это случилось в последние годы могучего Рима...» (с. 174). — Незаконченное произведение, стилизованное под раннехристианскую легенду. Написано гекзаметром без цезур — тем же размером, что и повесть в стихах В. А. Жуковского «Ундина», которая впервые вышла в свет отдельной книгой в 1837 г. («Ундина, старинная повесть, рассказанная в прозе бароном Ламот Фуке, на русском в стихах В. Жуковским». СПб., 1837) и в самом начале 1838 г. была подарена автором Лермонтову. Вероятно, в это же время было начато и лермонтовское стихотворение, повторившее стиховую форму «Ундины». *Царствовал грозный Тиверий и гнал христиан беспощадно.* — Лермонтов здесь неточен: во времена императора Тиберия (14—37 гг. н. э.) гонений на христиан еще не было.

«Ребенка милого рожденье...» (с. 175). — Написано в конце февраля или в марте 1839 г. при известии о рождении сына у Алексея Александровича Лопухина (1813—1872) — друга университетской поры.

<А. А. Олениной> («Ах! Анна Алексевна...») (с. 175). — Написано в альбом Анне Алексеевне Олениной (1808—1888), младшей дочери историка, художника, президента Академии художеств А. Н. Оленина, в день ее рождения 11 августа 1839 г.

Не верь себе (с. 176). — Поэтическая декларация Лермонтова, итог его размышлений о судьбах развития современной поэзии, ее общественной значимости, о характере взаимоотношений художника и «толпы». Непосредственным предшественником Лермонтова в обращении к этим традиционным для русской поэзии темам явился

Пушкин. Эпиграф взят из «Пролога» к «Ямбам» О. Барбье. Первый стих изменен: вместо «Que me font» («Какое мне дело») у Лермонтова «Que nous font» («Какое нам дело»).

<Из альбома С. Н. Карамзиной> («Любил и я в былые годы...») (с. 177).— Обращено к Софье Николаевне Карамзиной (1802—1856), старшей дочери писателя и историка Н. М. Карамзина, хозяйке известного литературного салона, где бывали А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, А. С. Хомяков, Е. П. Ростопчина и др. Карамзина была дружна с Лермонтовым, его поэтический талант сравнивала с «блестящей звездой», которая «восходит на нашем ныне столь бледном литературном небосклоне». 26 июня 1839 г. Лермонтов написал в альбом С. Н. Карамзиной стихи. Хозяйке альбома они не понравились; об этом известно из письма Карамзиной к ее сестре Екатерине Николаевне Мещерской (1806—1867): «Я давно уже дала ему (Лермонтову.— И. Ч.) свой альбом, чтобы он в него написал. Вчера он мне объявляет, *«что когда все разойдутся, я что-то прочту и скажу ему доброе слово»*. Я догадываюсь, что речь идет о моем альбоме,— и в самом деле, когда все разъехались, он мне его вручает с просьбой прочесть вслух и, *если стихи мне не понравятся, порвать их, и он тогда напишет мне другие*. Он не мог бы угадать вернее! Эти стихи, слабые и попросту скверные, написанные на *последней* странице, были ужасающе банальны: «он-де не осмеливается писать там, где оставили свои имена столько знаменитых людей, с большинством из которых он не знаком; что среди них он чувствует себя как неловкий дебютант, который входит в гостиную, где оказывается не в курсе идей и разговоров, но он улыбается шуткам, делая вид, что понимает их, и наконец, смущенный и сбитый с толку, с грустью забивается в *укромный уголок*» — и это все». «Я,— продолжает С. Н. Карамзина,— вырвала листок и, разорвав его на мелкие кусочки, бросила на пол. Он их подобрал и сжег над свечой... Он попросил обратно у меня альбом, чтобы написать что-нибудь другое, так как теперь *задета его честь*». Альбом Карамзиной не сохранился, однако в свое время он был изучен Б. Л. Модзалевским; Модзалевский обнаружил в альбоме только одно стихотворение Лермонтова; это и был публикуемый в настоящем томе текст: по-видимому, именно он был написан Лермонтовым взамен уничтоженного.

...Смирновой штучку, фарсу Саши II Ники Мятлева стихи...— Упомянуты А. О. Смирнова (о ней см. в примечании к стихотворению «А. О. Смирновой» на с. 688, Александр Николаевич Карамзин (1815—1888), сын Н. М. Карамзина от второго брака, и поэт Иван Петрович Мятлев (1796—1844).

Три пальмы (с. 178).— Соотносится с IX «подражанием Корану» А. С. Пушкина («И путник усталый на бога роптал...») — по

линии сюжета, ориентальной окраске, характеру строфики и стиха. *Фарис* (арабск.) — всадник, наездник.

Молитва («В минуту жизни трудную...») (с. 179).— По свидетельству А. О. Смирновой, написано для княгини Марии Алексеевны Щербатовой (урожд. Штерич; 1820—1879), которой Лермонтов был увлечен в 1839—1841 гг.: «Машенька велела ему молиться, когда у него тоска. Он ей обещал и написал эти стихи». Имя Щербатовой называли в связи с разговорами о дуэли Лермонтова с Эрнестом де Барантом (1818—1859), атташе французского посольства, сыном французского посла А. Г. П. Баранта.

Дары Терека (с. 180).— Навеяно гребенским казачьим фольклором, сказами и народными песнями о Тереке.

Памяти А. И. О<доевско>го (с. 182).— Обращено к Александру Ивановичу Одоевскому (1802—1839), поэту-декабристу, близкому другу Лермонтова. После десяти лет сибирской каторги и ссылки Одоевский был переведен на Кавказ в Нижегородский драгунский полк, где служил Лермонтов. Знакомство Одоевского с Лермонтовым относится либо к 8—10 октября 1837 г. (в Ставрополе), либо к ноябрю того же года (в Грузии). Стихотворение написано в связи со смертью Одоевского, умершего от лихорадки 15 августа 1839 г. *Я знал его: мы странствовали с ним В горах востока...*— Существует версия о совместной поездке Лермонтова и Одоевского по Кавказу. *Он был рожден для них, для тех надежд... И свет не пощадил — и бог не спас!* — Повторение с изменениями второй строфы «Когда твой друг с пророческой тоскою» и начала стихотворения «Он был рожден для счастья, для надежд». В строфах 3—5 — текстуальные совпадения с поэмой «Сашка».

<Э. К. Мусиной-Пушкиной> («Графиня Эмилия...») (с. 184).— Обращено к известной своей красотой графине Эмилии Карловне Мусиной-Пушкиной (урожд. Шерваль; 1810—1840).

«Как часто, пестрою толпою окружен...» (с. 184).— Написано под впечатлением новогодних празднеств под новый 1840 год. На одном из балов в Дворянском собрании Лермонтова видел Тургенев. Рассказ об этой встрече вошел в «Литературные и житейские воспоминания»: «На бале Дворянского собрания ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества. Быть может, ему приходили в голову те стихи:

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки ... и т. д.»

«Посреди небесных тел...» (с. 186).— Поэтическая шутка, вписанная 16 мая 1840 г. в альбом поэтессы и переводчицы Каролины Карловны Павловой (урожд. Яниш; 1807—1893). Лермонтов посещал салон Павловой в мае 1840 г., задержавшись в Москве по дороге на Кавказ.

<М. А. Щербатовой> («На светские цепи...») (с. 186).— Обращено к М. А. Щербатовой (о ней см. примечание к стихотворению «Молитва» («В минуту жизни трудную...»). *Но юга родного На ней сохранилась примета...*— М. А. Щербатова была украинкой по происхождению. Импульсом к созданию стихотворения, возможно, послужило напечатанное в 1839 г. в «Отечественных записках» стихотворение Е. П. Гребенки «Признание»: Украина изображается в нем в аллегорическом образе женщины.

«Есть речи—значенье...» (с. 187).— Стихотворение известно в трех редакциях. Первый вариант записан 4 сентября 1839 г. в альбом Марии Арсеньевны Бартеневой (1816—1870), фрейлины, сестры П. А. Бартеневой (о П. А. Бартеневой см. в примечании к стихотворению «Слышу ли голос твой...» на с. 680), знакомой М. Ю. Лермонтова. В альбомной редакции после 8-го стиха следовали строфы:

Надежды в них дышут,
И жизнь в них играет...
Их многие слышут,
Один понимает.
Лишь сердце родного
Коснутся в день муки
Волшебного слова
Целебные звуки;
Душа их с моленьем,
Как ангела, встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит.

Вторая редакция была напечатана в журнале «Отечественные записки» (1841, № 1). Стихотворение Лермонтов сам передал редактору А. А. Краевскому, приехав из Царского Села в Петербург. Текст третьей редакции, под заглавием «Волшебные звуки», известен по публикации в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (кн. 2, СПб., 1846). Первые две строфы совпадали с текстом первой публикации (кроме 6-го стиха, который был дан по альбомной записи). В дальнейшем тексте соединились строфы первой и второй редакций:

Их кратким приветом,
Едва он домчится,
Как божиим светом
Душа озарится.

Средь шума мирского
И где я ни буду,
Я сердцем то слово
Узнаю повсюду;
Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.
Надежды в них дышат,
И жизнь в них играет,—
Их многие слышат,
Один понимает.
Лишь сердце родного
Коснутся в дни муки
Волшебного слова
Целебные звуки,
Душа их с моленьем,
Как ангела, встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит.

...Из пламя и света Рожденное слово.— Эти строки были отмечены Краевским как грамматическая неточность. По воспоминаниям писателя и мемуариста П. И. Панаева (1812—1862), свидетеля разговора Лермонтова с Краевским, поэт пытался исправить «маленький грамматический промах, неправильность» в этом стихе («пламя» вместо «пламени» в родительном падеже), но не нашел соответствующей замены.

Журналист, читатель и писатель (с. 188).— Написано 20 марта 1840 г. в Петербурге на Арсенальной гауптвахте, где Лермонтов находился под арестом за дуэль с Э. де Барантом. В жанровом отношении стихотворение ориентировано на «Разговор книгопродавца с поэтом» А. С. Пушкина (1824), где впервые в форме поэтического диалога рассматривается проблема положения поэзии в «коммерческий век».

Центральный для поздней лирики Лермонтова вопрос о судьбе поэта в обществе решается здесь на конкретном материале современной литературы. Лермонтов, обобщая факты литературных полемик 1830-х годов, в первую очередь борьбы Пушкина и писателей его круга, а затем и «Отечественных записок» против Булгарина и Полевого, выступает с критикой бессодержательной «массовой» литературы. Экспозиционная ремарка стихотворения повторена в рисунке Лермонтова, изображающем самого Лермонтова в позе Читателя и А. С. Хомякова в позе Писателя (альбом Лермонтова 1840—1841 гг.). Вместе с тем действующие лица стихотворения не сводятся к конкретным прототипам.

Эпиграф — из произведения И. В. Гете «Sprüche in Reimen» («Изречения в стихах»). *Зато какая благодать, Коль небо вздумает послать Ему изгнанье, заточенье...* — Парафраза строк из «Ответа анониму» Пушкина (1830). *Ну, что вы пишете? нельзя ль Узнать?..* — парафраза из «Разговора...» А. С. Пушкина. *Во-первых, серая бумага... Да как-то страшно без перчаток...* — Парафраза известного замечания П. А. Вяземского («Отрывок из письма к А. И. Г<отовцевой>», 1830), которое принял на свой счет издатель журнала «Московский телеграф» (1825—1831) Николай Алексеевич Полевой (1796—1846): «Кто-то сказал, что с некоторого времени журналы наши так грязны, что их не иначе можно брать в руки, как в перчатках».

Воздушный корабль (с. 192). — Написано в марте 1840 г. в Ордонанс-гаузе, куда Лермонтов был заключен после дуэли с Э. де Барантом. Свободное переложение посвященной Наполеону баллады австрийского поэта Н. К. Цедлица (1790—1862) «Geisterschiff» («Корабль призраков») (1832). В ряде строф сказалось влияние другой баллады этого же автора: «Nächtliche Heerschau» («Ночной смотр») (1827), переведенной в 1836 г. В. А. Жуковским. *Но спят усачи-гренадеры — В равнине, где Эльба шумит, Под снегом холодной России, Под знойным песком пирамид.* — В этих строках обозначены основные вехи военной карьеры Наполеона (в обратном хронологическом порядке): битва при Лейпциге в 1813 г., война 1812 г. с Россией, египетский поход 1798—1799 гг.

Соседка (с. 194). — Возникло под влиянием реальных событий. Лермонтов написал стихотворение в марте — апреле 1840 г., находясь под арестом за дуэль с Э. де Барантом. Об истории создания «Соседки» рассказал в своих воспоминаниях А. П. Шан-Гирей, навещавший Лермонтова в Ордонанс-гаузе: «Здесь написана была пьеса «Соседка», только с маленьким прибавлением. Она действительно была интересная соседка, я ее видел в окно, но решеток у окна не было, и она была вовсе не дочь тюремщика, а, вероятно, дочь какого-нибудь чиновника, служащего при Ордонанс-гаузе, где и тюремщиков нет, а часовой с ружьем точно стоял у двери...» По свидетельству биографа Лермонтова П. А. Висковатого, писатель В. А. Соллогуб, знакомый Лермонтова, «видел даже изображение этой девушки, нарисованной Лермонтовым, с подписью: «La jolie fille d'un sous-officier»[1]. Поэт с нею действительно переговаривался через окно».

Пленный рыцарь (с. 195). — Предположительно относится к весне 1840 г. — времени, когда Лермонтов находился под арестом за дуэль с Э. де Барантом.

[1] Хорошенькая дочь одного унтер-офицера (*фр.*).

<М. П. Соломирской> («Над бездной адскою блуждая...») (с. 196).— Обращено к Марии Петровне Соломирской (урожд. графине Апраксиной; 1811—1859), жене камер-юнкера В. Д. Соломирского, брата П. Д. Соломирского, полковника лейб-гвардии Гусарского полка (с 1833 г.), сослуживца Лермонтова. *Так, разбирая в заточенье Досель мне чуждые черты...*— Послание Лермонтова написано, по-видимому, в ответ на письмо, которое поэт получил от Соломирской, находясь под арестом в Ордонанс-гаузе весной 1840 г.

Отчего (с. 197).— Принято считать, что стихотворение обращено к М. А. Щербатовой (о ней см. примечание к стихотворению «Молитва» («В минуту жизни трудную...») на с. 684).

Благодарность («За все, за все тебя благодарю я...») (с. 197).— *За все, за все тебя благодарю я...*— В первой публикации местоимение «тебя» было написано со строчной буквы. Стихотворение таким образом воспринималось как обращение к женщине и потому не привлекло внимания цензуры. Между тем очевидно, что смысл его — в обращении к богу, виновнику страданий поэта. Есть основание предполагать, что стихотворение полемически соотносится с напечатанным в 1839 г. в «Отечественных записках» стихотворением В. И. Красова «Молитва» («Благодарю, творец, за все благодарю,..»).

Из Гете (с. 197).— Свободный перевод второй «Wanderers Nachtlied» («Ночной песни странника») (1780) И. В. Гете. История создания стихотворения Лермонтова отражена в воспоминаниях поэта и переводчика Гете А. Н. Струговщикова: «На вопрос его (Лермонтова.— И. Ч.): не перевел ли я «Молитву путника» Гете?— я отвечал, что с первой половиной сладил, а во второй — недостает мне ее певучести и неуловимого ритма. «А я, напротив, мог только вторую половину перевести»,—сказал Лермонтов и тут же, по просьбе моей, набросал мне на клочке бумаги свои «Горные вершины». Свой разговор с Лермонтовым Струговщиков ошибочно относил к концу ноября 1840 г.: в это время Лермонтов уже был на Кавказе.

Ребенку (с. 197).— К кому обращено стихотворение — не установлено. Существует предположение, что его адресат дочь В. А. Лопухиной Ольга. (Мужской род: «Ты на нее *похож*...» и т. д.— объясняется грамматическим требованием согласования со словом «ребенок»).

А. О. Смирновой (с. 198).— Обращено к Александре Осиповне Смирновой (урожд. Россет; 1809—1882), одной из блестящих дам петербургского света, красота и ум которой были воспеты в поэзии современниками. Известный литературный салон Смирновой

посещали Жуковский, Пушкин, Вяземский, Гоголь, Карамзины. Бывал там и Лермонтов. Стихотворение было написано в альбом Смирновой. Этот эпизод отмечен в воспоминаниях владелицы альбома: «Софи Карамзина мне раз сказала, что Лермонтов был обижен тем, что я ничего ему не сказала об его стихах. Альбом всегда лежал на маленьком столике в моем салоне. Он пришел как-то утром, не застал меня, поднялся наверх, открыл альбом и написал эти стихи».

К портрету (с. 199).— Обращено к графине Александре Кирилловне Воронцовой-Дашковой (урожд. Нарышкиной; 1818—1856), знакомой Лермонтова. «...Никогда не встречал я,— писал В. А. Соллогуб...— такого соединения самого тонкого вкуса, изящества, грации с такой неподдельной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью. Живым ключом била в ней жизнь и оживляла, скрашивала все ее окружающее».

Тучи (с. 199).— Написано в апреле 1840 г. перед отъездом Лермонтова во вторую кавказскую ссылку. Как вспоминал впоследствии В. А. Соллогуб, «друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим, и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение «Тучки небесные, вечные странники!..». Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез...»

<Валерик> («Я к вам пишу случайно; право...») (с. 200).— Обращено, по-видимому, к В. А. Бахметевой (урожд. Лопухиной). В послании запечатлен один из эпизодов Кавказской войны, связанный с боевыми действиями отряда генерал-лейтенанта А. В. Галафеева в Чечне — бой на речке Валерик (11 июля 1840 г.), в котором Лермонтов принимал участие. По свидетельству К. Х. Мамацева, офицера-артиллериста, так же, как и Лермонтов, участника Валерикского сражения, поэт, «заметив опасное положение артиллерии, подоспел... со своими охотниками. Но едва начался штурм, как он уже бросил орудия и верхом на белом коне, ринувшись вперед, исчез за завалами». Рассказ Лермонтова о Валерикском бое очень близок описанию сражения, содержащемуся в «Журнале военных действий» отряда Галафеева. *Валерик* (чеченское Валарг) — река, приток Сунжи, впадающей в реку Терек. Название возникло от первоначального «Валерал хи» — «смерти река».

Завещание (с. 206).— Написано в конце 1840 г.; связано с участием Лермонтова в военных действиях на Кавказской линии (поход в Большую и Малую Чечню).

Оправдание (с. 207).— Возникло на основе переработки юношеского «Романса к И...» («Когда я унесу в чужбину...») и стихов Владимира Арбенина из драмы «Странный человек» («Когда одни воспоминанья...»). К кому обращено стихотворение, окончательно не установлено. Существует предположение, что адресат его — В. А. Бахметева (урожд. Лопухина).

Родина (с. 207).— В рукописи озаглавлено «Отчизна». Импульсом к созданию стихотворения, возможно, послужила публикация «Отчизны» А. С. Хомякова (в конце 1839 г.— в газете «Санкт-Петербургские ведомости» и журнале «Отечественные записки»). 13 марта 1841 г. В. Г. Белинский писал В. П. Боткину: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его «Родина» — то, аллах керим, что за вещь — пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских». Принято считать, что известный рисунок Лермонтова, названный «Чета белеющих берез», представляет собой автоиллюстрацию к стихотворению «Родина».

«На севере диком стоит одиноко...» (с. 208).— Вольный перевод стихотворения Г. Гейне «Ein Fichtendaum steht einsam» («Сосна стоит одиноко») из сборника «Buch der Lieder» («Книга песен») (1827). Как утверждал сын поэта П. А. Вяземского Павел Петрович Вяземский (с ним Лермонтов в 1838—1841 гг. встречался у Карамзиных), перевод стихотворения Гейне был сделан по его просьбе: «Немецкого Гейне нам принесла С. Н. Карамзина. Он наскоро, в недоделанных стихах, набросал на клочке бумаги свой перевод. Я подарил его тогда же княгине Юсуповой. Вероятно, это первый набросок, который сделал Лермонтов, уезжая на Кавказ в 1841 г., и который ныне хранится в императорской Публичной библиотеке».

Перевод известен в двух редакциях, весьма далеких от немецкого источника. При этом первая редакция более близка подлиннику, чем окончательный текст; она имеет эпиграф — цитату из немецкого оригинала:

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf Kahler Höh.
Heine

На хладной и голой вершине
Стоит одиноко сосна,
И дремлет... под снегом сыпучим,
Качаяся, дремлет она.
Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.

В обеих редакциях перевода изменен смысл оригинала. Лермонтов не принял во внимание существенных для Гейне грамматических родовых различий: в немецком языке «сосна» — мужского рода, «пальма» — женского. Поэтому стихотворение Лермонтова написано не о разлуке влюбленных, как у Гейне, а о трагедии одиночества, непреодолимой разобщенности людей.

Любовь мертвеца (с. 208).— Написано в альбом М. А. Бартеневой с авторской датой: «Марта 10-го 1841». Несколькими страницами ранее рукою графини Е. Н. фон Барановой вписано стихотворение французского поэта и романиста Альфонса Карра (1808—1890) «La mort amoureux» («Влюбленный мертвец») с пометой «14 сентября 1839 года». Стихотворение «Le mort amoureux», впервые опубликованное в мае 1841 г., было известно в светских и литературных кругах до его публикации — видимо, по рукописи. Увидев запись, сделанную Е. Н. фон Барановой, Лермонтов предложил свой вариант на тему стихотворения А. Карра.

Последнее новоселье (с. 209).— Написано в связи с известием о перенесении праха Наполеона с острова Св. Елены в Париж 15 декабря 1840 г. Оценку личности Наполеона и характер его изображения (трагический герой, жертва предательства) в известной мере определила кампания во французской печати, начатая уже в мае 1840 г.: Луи-Филипп и его министры в борьбе за свои политические интересы спекулировали на памяти Наполеона с целью получить поддержку широких масс. Эта дипломатическая игра воспринималась Лермонтовым как свидетельство гражданского и нравственного упадка, характеризующего французов поколения 1830-х годов. Резко отрицательная оценка современной Франции внешне сближала «Последнее новоселье» со стихами славянофильской и официально-патриотической ориентации (А. С. Хомякова, А. И. Подолинского, Е. П. Ростопчиной): «Какую дрянь написал Лермонтов о Наполеоне и французах,— писал В. Г. Белинский...— жаль думать, что это Лермонтов, а не Хомяков. *Ты жалкий и пустой народ!* — Эта характеристика французского обывателя опирается на формулу из пушкинской статьи «Последний из свойственников Иоанны д'Арк»: «Жалкий век! жалкий народ!» *Из вольности — орудье палача, И все заветные отцовские поверья Ты им рубил, рубил сплеча...*— Речь идет о якобинском терроре. Наполеон в представлении Лермонтова стал на защиту свободы, завоеванной на первом этапе Великой французской революции. *В степях египетских, у стен покорной Вены, В снегах пылающей Москвы!* — Речь идет о Египетской экспедиции 1798—1799 гг., разгроме Австрии, закончившемся Венским миром (1809 г.), и пожаре Москвы 1812 г. *Вы потрясали власть избранную, как бремя, Точили в темноте кинжал!* — Общественно-политическая обстановка во Франции к моменту возвращения в Па-

риж Наполеона после окончившегося разгромом французской армии военного похода в Россию характеризовалась ростом оппозиционных настроений. *Лишенный прав и места гражданина... Забытый, он угас один...*—31 марта 1814 г. союзники вступили в Париж, в апреле Наполеон отрекся от престола, сохранив титул императора; после окончившейся неудачей попытки восстановить свою власть 22 июня 1815 г. последовало окончательное отречение в пользу сына. Наполеон был сослан на остров Св. Елены, где и скончался, а сына вывезли в Австрию.

И. П. Мятлеву (с. 212).— Обращено к И. П. Мятлеву, поэту, более всего известному шутливыми стихами, основанными на смешении различных языков (макароническая поэзия). Особым успехом пользовалась юмористическая поэма «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже» (опубл. в 1841 г.) Известно стихотворение Мятлева «Мадам Курдюкова Лермонтову», в котором он от имени героини высказал свое восхищение лермонтовской поэзией. Послание, адресованное Мятлеву, написано в ответ на стихотворную шутку адресата. *На наших дам морозных С досадой я смотрю...*— Каламбур основан на созвучии русского слова «мороз» с французским «morose» (угрюмый, мрачный).

<Графине Ростопчиной> (с. 212).— Обращено к поэтессе графине Евдокии Петровне Ростопчиной (урожд. Сушковой; 1811/12—1858); знакомство ее с Лермонтовым относится к началу 1830-х годов. В 1841 г. Лермонтов встречался с Ростопчиной у Карамзиных. 27 марта 1841 г. Ростопчина посвятила Лермонтову стихотворение «На дорогу»; в середине апреля, перед отъездом на Кавказ, поэт вписал свое послание в альбом, который подарил Ростопчиной. Рассказ об этом содержится в примечании поэтессы, сделанном к своему стихотворению «Пустой альбом» (ноябрь 1841 г.).

«Прощай, немытая Россия...» (с. 213).— Написано в апреле 1841 г. в Петербурге перед отъездом поэта во вторую ссылку на Кавказ. Известно несколько вариантов текста, отличающихся друг от друга чтением стихов четвертого («И ты, послушный им народ», «И ты, покорный им народ») и шестого («Укроюсь от твоих царей»). Публикуемая редакция наиболее вероятна по смыслу и по форме. *И вы, мундиры голубые...*— Офицеры корпуса жандармов носили форму голубого цвета.

Утес (с. 214).— Написано в апреле 1841 г.

Спор (с. 214).— Непосредственный повод к возникновению стихотворения — вступление на Кавказ русских войск под предводительством генерала Алексея Петровича Ермолова (1777—1861). Вместе с тем появление «Спора» обусловлено не только этим конкретным событием; оно вызвано раздумьями поэта по поводу актуальных для конца 1830—1840-х годов историко-философских проблем:

историческая роль России, взаимоотношения Востока и Запада, первобытной природы и культуры. Текст «Спора» Лермонтов передал своему другу, критику-славянофилу Юрию Федоровичу Самарину (1819—1876) в день отъезда из Москвы на Кавказ 23 апреля 1841 г. для публикации в журнале «Москвитянин». *Их ведет, грозя очами, Генерал седой.*— Речь идет об А. П. Ермолове.

Сон («В полдневный жар в долине Дагестана...») (с. 216).— Написано между маем и началом июля 1841 г. Относительно реальной основы стихотворения и повода к его написанию существует несколько версий (Е. А. Сушкова связывала «Сон» с одним из эпизодов своей биографии, генерал Морис Христианович Шульц (1806—1888), знакомый Лермонтова, соотносил сюжет стихотворения со своим рассказом о ранении, полученном им во время штурма в 1839 г. дагестанской крепости Ахульго и т. д.); однако ни одна из них не получила необходимого подтверждения.

«Они любили друг друга так долго и нежно...» (с. 217).— Вольный перевод стихотворения Г. Гейне «Sie liebten sich beide, doch keiner...» («Они любили друг друга: но никто из них...») из сборника «Книга песен» (1827).

Тамара (с. 217).— Написано в мае — начале июля 1841 г. на материале кавказских легенд и преданий. В двухтомном труде известного путешественника, французского консула в Тифлисе Жана Франсуа Гамба (1763—1833) «Voyage dans la Russie méridionale...» («Путешествие в южную Россию») (1826) — он упомянут в романе Лермонтова «Герой нашего времени» — приведена легенда о коварной царице Дарье, которая заманивала путешественников в свой замок в Дарьяльском ущелье и после ночи любви убивала их, сбрасывая затем трупы в Терек. Возможно, что Лермонтову был знаком другой вариант легенды, связанный с именем имеретинской царицы Тамары (вторая половина XVII в.), отличавшейся редкой красотой в сочетании с хитростью и вероломством.

Свиданье (с. 219).— Написано между маем и началом июля 1841 г. под впечатлением от пребывания в Тифлисе и поездки по Военно-Грузинской дороге. *Уж за горой дремучею Погас вечерний луч, Едва струей гремучею Сверкает жаркий ключ; Сады благоуханием Наполнились живым, Тифлис объят молчанием, В ущелье мгла и дым...*— Эта картина открывается с расположенной на правом берегу Куры горы с развалинами старинной крепости Нарикала. Слева — Ортачальские сады.

Листок (с. 221). Написано между маем и июлем 1841 г. Наиболее полное воплощение образа гонимого бурей листка, проходящего через всю поэзию Лермонтова.

«Выхожу один я на дорогу...» (с. 222).— Написано между маем и началом июля 1841 г. *Сквозь туман кремнистый путь*

блестит...— Л. Н. Толстой характеризовал эту строку как «замечательно выраженное впечатление кавказского пейзажа».

Морская царевна (с. 223).— Написано между маем — началом июля 1841 г. Существует определенное сходство стихотворения (в изобразительных деталях) с балладой А. С. Пушкина «Яныш-королевич» (из цикла «Песни западных славян», опубл. 1836).

Пророк (с. 224).— Написано между маем и началом июля 1841 г.

«Нет, не тебя так пылко я люблю...» (с. 225).— Написано летом 1841 г. К кому обращено стихотворение, окончательно не установлено. Возможно, адресат его — Екатерина Григорьевна Быховец (1820—1880), дальняя родственница Лермонтова, с которой поэт встречался летом 1841 г. в Пятигорске. *Я говорю с подругой юных дней; В твоих чертах ищу черты другие...*— По свидетельству самой Быховец, она напоминала Лермонтову В. А. Бахметеву (урожд. Лопухину).

ПОЭМЫ

Кавказский пленник (с. 231). Впервые опубликована в отрывках в 1859 г. в «Отечественных записках» (т. 125, № 7, с. 5—11), полностью — в 1891 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова (т. 3, с. 133—151).

Поэма написана в 1828 г. В ней отразился живой и ранний интерес Лермонтова к быту и нравам кавказских горцев. Этому во многом способствовали детские впечатления поэта от Кавказа и рассказы родственников о нем. Значительную роль сыграли и литературные впечатления. Поэма создана под сильным воздействием одноименной поэмы Пушкина. Некоторые стихи Пушкина целиком вошли в поэму, другие — в несколько измененном виде; отдельные стихи поэмы Лермонтова близки к «Бахчисарайскому фонтану» и «Евгению Онегину» Пушкина, встречаются также стихи из «Андрея, князя Переяславского» А. А. Бестужева (Марлинского), «Обуховки» В. В. Капниста, «Чернеца» И. И. Козлова и др. Сюжетно «Кавказский пленник» близок к одноименному произведению Пушкина, но у Лермонтова увеличено количество персонажей, различны их характеры. Пленник лишен черт разочарованности и пресыщенности жизнью. Герой тоскует по родине и свободе, ищет поддержки друзей. У Черкешенки — более решительный характер, нежели у пушкинской героини, она требует любви пленника. Лермонтов усилил также драматичность развязки: у него погибают и герой, и героиня. Следуя традиции романтической (в основном пушкинской)

поэмы, юный поэт ввел этнографический материал (в том числе вставную песню).

В качестве эпиграфа к поэме взяты (в переработанном виде) строки из стихотворения немецкого поэта Карла-Филиппа Конца (1762—1827) «Das Orakel der Weisheit» («Оракул мудрости») (1791).

С. 238. *Сайгаки, с быстрыми ногами.*— Сайгак (сайга) — разновидность диких коз, встречается в степях Северного Кавказа.

С. 239. *Плывет на верном тулуке.*— Тулук (бурдюк) — мешок из шкур животных для хранения вина и других жидкостей; использовался для переправы через мелкие, но быстрые кавказские речки.

Корсар (с. 249). Впервые опубликована в отрывках в 1859 г. в «Отечественных записках» (т. 125, № 7, с. 11—14), полностью — в 1891 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова (т. 3, с. 152—163) и тогда же в собрании сочинений под редакцией Введенского (т. 2, с. 329—336).

«Корсар» написан в 1828 г. Поэма помещена в одной тетради с «Кавказским пленником». Она создавалась под воздействием «Братьев разбойников» Пушкина. Название поэмы восходит к одноименному произведению Байрона. Ряд стихов для «Корсара» взят Лермонтовым из «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана» Пушкина, «Андрея, князя Переяславского» А. А. Бестужева (Марлинского), «Княгини Натальи Борисовны Долгоруковой» И. И. Козлова, «Абидосской невесты» Байрона в переводе И. И. Козлова и др.

В описании бури — семь строк из оды Ломоносова «На день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны» (1746).

Эпиграф — из романа Жана Лагарпа (1739—1803) «Héro et Leandre» («Геро и Леандр»), французский текст изменен применительно к содержанию поэмы.

С. 253. *Где Геллеспонт седой, широкий.*— Геллеспонт — древнегреческое название Дарданелльского пролива. В данном случае Лермонтов употребил это географическое название неточно, имея в виду прилегающую к проливу северную часть Эгейского моря.

Афос задумчивый стоит.— Афос — греческая форма названия горы Афон. Эта же форма встречается во всех западноевропейских языках (Athos).

С. 254. *И башни гордые Лемоса.*—Лемос (правильно: Лемнос) — остров в северной части Эгейского моря. С Афона виден город Кастрон (крепость) на западном берегу Лемноса.

Там Цареградский путь идет.— Царьград — древнерусское название Константинополя, столицы бывшей Византийской империи (ныне г. Стамбул в Турции).

Джюлио (с. 260). Отрывок из поэмы впервые опубликован в 1860 г. в собрании сочинений под редакцией Дудышкина (т. 2,

с. 91—92), полностью — в 1891 г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова (т. 3, с. 184—199).

В автографе рукой Лермонтова написано: «Вступление (1830 года)», рядом запись: «(*великим постом и после*). Я слышал этот рассказ от одного *путешественника*». На следующем листе, после вступления, написано название поэмы: «Джюлио (повесть, 1830 год)». Предпоследний лист рукописи утерян, поэтому после стиха «Отдохшие под свежею росой» строка точек.

Некоторые стихи из «Джюлио» целиком или с небольшими изменениями перенесены в поэмы «Литвинка» и «Измаил-Бей», а также в стихотворение «1831-го июня 11 дня» (см. наст. изд., т. 1, с. 72).

С. 265. Стихи, начиная от строки «Заботы вьются в сумраке ночей» и до «Не отстает ни в куще, ни в бою» — вольное переложение двух строф оды XVI Горация (II книга), крупнейшего римского поэта (65—8 до н. э.).

С. 266. В стихах, начиная от строки «Я прихожу в гремящий маскерад» и в следующих, подчеркивающих фальшь светского общества, содержится как бы зерно будущего замысла драмы «Маскарад» (см. наст. изд., т. 2).

Какой-нибудь, лукавый чичисбей...—Чичисбей—в XVI—XVIII вв. в Италии постоянный спутник богатой, знатной женщины, с которым она выходила на прогулку. Здесь это слово употреблено в значении «возлюбленный».

С. 267. Стихи, начиная от строки «Средь гор кавказских есть, слыхал я, грот» и следующие, тематически и стилистически близки к стихотворению Пушкина «Обвал» (1829).

Быстрей его не будет аквилон...— Аквилон — северный или северо-восточный ветер.

Исповедь (с. 274).— Впервые опубликована в 1887 г. в «Русской старине» (№ 10, с. 112—119). Датируется предположительно второй половиной 1831 г. Есть мнение, что поэма является первым осуществлением плана поэта: *«Написать записки молодого монаха 17-ти лет.— С детства он в монастыре...»*. Набросок этот находится в тетради после текста драмы «Странный человек», которую сам Лермонтов датировал 17 июля 1831 г.

Последний сын вольности (с. 280).— Написано, по-видимому, во второй половине 1830 — первой половине 1831 г. В основу положен летописный рассказ об окончившемся неудачей восстании полулегендарного предводителя новгородцев Вадима Храброго против варяжского князя Рюрика (864 г.). Тема новгородской вольности и образ героического тираноборца, вождя восставших, неоднократно привлекали внимание писателей и драматургов второй половины XVIII — начала XIX в.— Я. Б. Княжнина (трагедия «Вадим Новгородский», 1789), К. Ф. Рылеева (неоконченная дума «Вадим»,

1823), В. Ф. Раевского («Певец в темнице», 1822), А. С. Пушкина (отрывки из поэмы «Вадим», 1827). Наиболее близкой Лермонтову оказалась традиция декабристской гражданской поэзии; ее воздействие определило ряд особенностей поэмы, прежде всего ее иносказательный характер, явно выраженную соотнесенность истории с современностью.

Поэма посвящена Николаю Семеновичу Шеншину (1813—1835) — товарищу Лермонтова по Московскому университету и, позднее, по Школе юнкеров. Рукопись поэмы до публикации (в 1910 г.) находилась в семье Шеншина. Посвящение Шеншину варьирует мотивы посвящения (А. А. Бестужеву), предпосланного К. Ф. Рылеевым поэме «Войнаровский» (1825).

С. 282. *Чернобог* — в славянской мифологии божество, олицетворяющее зло (в противоположность Белбогу).

С. 283. *С руками, сжатыми крестом...* — Строка заимствована из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (глава VII, строфа XIX).

Так спой же, добрый Ингелот... — Имя Ингелот упоминает Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского».

С. 284. *Кривичи, славяне, весь и чудь...* — Кривичи — союз восточнославянских племен (VI—X вв.) в верховьях Западной Двины, Днепра, Волги; весь — древнее племя, жившее вокруг Белозера и соединившееся в IX—XII вв. со славянами; чудь — древнерусское название эстов и других финских племен, располагавшихся к востоку от Онежского озера, по рекам Онеге и Северной Двине.

Рурик, Трувор и Синав клялись... — По летописи, ильменские славяне якобы призвали начальника варяжского военного отряда Рюрика вместе с братьями Синеусом и Трувором княжить в Новгород.

С. 302. A tale of the times of old!.. The deeds of days of other years!.. — Эти строки взяты из поэмы Оссиана — Макферсона «Carthon» («Картон») (опубл. в 1765 г.); они же приведены в поэме Пушкина «Руслан и Людмила» (1820): «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой».

Каллы (с. 303). Начало поэмы впервые опубликовано в 1860 г. в собрании сочинений под редакцией Дудышкина (т. 2, с. 292—293), полностью — в 1882 г. в «Русской мысли» (кн. II, с. 3—8) и более исправная редакция в «Русской старине» (1882, № 12, с. 697—700).

В авторизованной копии (ИРЛИ) рукой Лермонтова написаны подзаголовки («Черкесская повесть»), примечание к названию поэмы и эпиграф. Последний лист отсутствует: текст обрывается на стихе «И женщин он ласкать не мог». Заключительные строки печатаются по копии со списка В. Х. Хохрякова (ГПБ). В этом списке оторван угол листа и выпали десять строк между стихами: «И женщин он ласкать не мог» и «Хранил он вечное молчанье». В настоящем изда-

ции это место отмечено строкой точек. Есть еще одна копия (ИРЛИ) с исправлениями Висковатова «по рукописи Верещагиной». Здесь имеются стихи заключительной части (VI раздел), отсутствующие в других источниках:

Быть может, совести упрек
В ее чертах найти страшился...
Следы страданья и тревог
Не укрывались от вниманья,
Под башлыком упорный взор
Внушал лишь страх... Ни состраданья,
Ни сожаленья — лишь укор
Судьбы читался в нем... Никто
Не признавал в абреке друга.
Он поражал как бич недуга...
Встречал ли ночью он кого,
Встречал ли днем — всегда его
Все сторонились, избегали,
Как дней проклятья иль печали.
Ему открыт был всюду путь.

«Каллы́» датируется предположительно 1830—1831 годами. Поэма основана на черкесском предании (см. Андреев-Кривич С. А. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., 1954, с. 62).

Слово «каллы́» происходит от тюркского «канлы» — «кровавый». «Между убийцею и родственниками убитого с момента убийства до момента примирения за кровь устанавливаются особые отношения, называемые кровными. Сам убийца весь этот промежуток времени носит название канлы, что значит кровник»,— пишет Н. Семенов в книге «Туземцы северо-восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов)» (СПб, 1895, с. 280).

В глубоко драматичной по сюжету поэме «Каллы́» ярко выражен протест против устаревших жестоких обычаев, поддерживаемых муллами.

С. 306. *Кальян свой курит он лениво.*— Кальян (персидск. гальян) — курительный прибор, который часто делали из металла и украшали золотом, серебром, слоновой костью и т. п.

Белеет памятник простой: Какой-то столбик округленный! Чалмы подобие на нем.— Такие памятники ставились на скалах и возвышенностях над могилами убитых, которые должны были быть отомщены. Изображение чалмы указывало на то, что погребенный — хаджи, т. е. мусульманин, совершивший паломничество в Мекку.

Ангел смерти (с. 308).— Впервые опубликована отдельным изданием в 1857 г. в Карлсруэ.

В беловом автографе «Ангел смерти» датирован: «1831 года сентября 4-го дня». Известен предшествующий тексту план поэмы: «Ангел смерти при смерти девы влетает в ее тело из сожаления к любезному и раскаивается, ибо это был человек мрачный и кровожадный, начальник греков.— Он ранен в сражении и должен умереть; ангел уже не ангел, а только дева, и его поцелуй не облегчает смерти юноши, как бывало прежде. Ангел покидает тело девы, но с тех пор его поцелуи мучительны умирающим».

Поэма «Ангел смерти» связана с традицией европейской романтической поэмы Байрона («Каин», «Небо и земля») и А. де Виньи («Элоа»). Сюжет ее восходит к новелле Ж. П. Рихтера «Смерть ангела». Сохранив некоторые общие моменты, Лермонтов заменил рихтеровскую тему небесного милосердия темой противостояния добра и зла (Недосекина Т. А. Ранние поэмы М. Ю. Лермонтова (1828—1832). Автореф. канд. дис. Л., 1973, с. 8, 12—14). Проблематика «Ангела смерти» непосредственно связана со сходными проблемами в поэме «Демон», над которой Лермонтов тогда работал.

Поэма посвящена Александре Михайловне Верещагиной (1810—1873), впоследствии баронессе Хюгель, родственнице и приятельнице Лермонтова (к ней же обращена «Баллада» («До рассвета поднявшись перо очинил...»).

Измаил-Бей (с. 322).— Написано в 1832 г.; сохранилась тетрадь первого собирателя лермонтовских материалов В. Х. Хохрякова с выписками из утраченной рукописи поэмы, где воспроизведена следующая помета на обложке автографа: «Измаил-Бей. Восточная повесть. 1832 год. 10 мая». Посвящение написано позже — не ранее октября — ноября.

Содержание «Измаил-Бея» подсказано реальными эпизодами из истории Кавказа конца XVIII — начала XIX века. В поэме, воссоздающей картины народно-освободительной войны кавказских племен, в известной мере нашла отражение биография кабардинского князя Измаил-Бея Атажукина (Атажукова) ок. 1750—1811 или 1812), посланного отцом в Россию для получения военного образования. Атажукин участвовал в войне с Турцией; за храбрость, проявленную при штурме Измаила, был награжден орденом Георгия 4-й степени. Возможно, Лермонтову было знакомо и народное предание об Измаил-Бее (Исмел-Пшыго). Прототипом Росламбека, по-видимому, явился двоюродный брат Измаил-Бея — Росламбек Мисостов.

Черновой вариант посвящения состоял из 20 строк; 8 строк, не вошедшие в окончательный текст, связаны, по-видимому, с именем В. А. Лопухиной (о ней см. примечание к стихотворению «К Л.—» на с. 668):

И ты, звезда любви моей,
Товарищ бурь моих суровых,
Послушай песни прежних дней...
Давно уж нет у сердца новых;
Ни мрачных дум, ни дум святых
Не изменила власть разлуки —
Тобою полны счастья звуки,
Меня узнаешь ты в других!

С. 327. *А кровь джяуров не течет.*— Джяур (иначе гяур — от турецкого «gavur», персидского «гебр», арабского «кафир» — неверующий) — у исповедующих ислам название всех немусульман.

С. 331. *И Шат подъемлется за ними...*— Шат — Эльбрус.

С. 333. *И в час урочный молчаливо... Они на поле роковом...*— Эти строки, с изменениями, вошли в поэмы «Мцыри» и «Демон».

С. 334. *Не очи злобного шайтана...*— В восточной мифологии шайтан — дух зла, сатана.

С. 335. *Чихирь и мед кинжалом просят...*— Чихирь — молодое виноградное вино.

Стояла пери молодая! — Пери — в восточной мифологии добрая фея, охраняющая людей от злых духов.

С. 346. *Развеселясь, нередко дивы На тучах строят мост красивый.*— Дивы (дэвы) — в восточной мифологии демоны, злые духи.

Дни мчатся. Начался байран.— Байран (иначе Байрам, от турецкого «bayram» (торжество) — мусульманский праздник.

С. 351. *Здесь три столетья очарован, Он тяжкой цепью был прикован...*— В кавказских мифах о прикованном к скале великане герой бывает изображен двояко: он или благодетель людей (как греческий Прометей и его кавказский вариант Амирани), или их враг. Лермонтов использует материал тех горских народных сказаний, где герой изображен врагом людей.

С. 362. *Украсит Север Августом другим!* — Лермонтов в иронически возвышенном тоне говорит здесь о Николае I, сравнивая его с римским императором Гаем Юлием Цезарем Октавианом, которому впервые был присвоен титул Августа — «священного».

С. 367. *Пришел к Оссаевскому полю...*— Оссаевское поле — равнина, расположенная вдоль берега реки Асса.

С. 369. *«Песня Селима»* с некоторыми изменениями вошла в поэму «Беглец».

С. 373. *Питомец смелый трамских табунов...*— Около Константиногорской крепости, построенной у подножия Бештау, находился (до 1818 г.) аул Трам, известный своими превосходными конями.

С. 382. *Жестокий брат, завистник вероломный! Ты сам наметил выстрел роковой...*— Версия о «братоубийстве князя Росламбека

Мисостова» бытовала на Кавказе; о ней, например, есть упоминание в одном из писем декабриста А. И. Якубовича. Однако изучение исторических источников показало, что Росламбек не был убийцей Измаил-Бея, но, напротив, сам был убит по приказу брата.

И белый крест на ленте полосатой..— Герой поэмы носил Георгиевский крест на черно-оранжевой ленточке. Эта деталь соответствует реальной биографии георгиевского кавалера Измаил-Бея Атажукина.

Литвинка (с. 383). Впервые опубликована в отрывках в 1860 г. в собрании сочинений под редакцией Дудышкина (т. 2, с. 287—290), полностью — в 1882 г. в «Русской старине» (№ 12, с. 685—696) и одновременно в «Русской мысли» (кн. 12, с. 1—15) с произвольными отступлениями от текста в некоторых стихах.

Датируется 1832 годом на основании пометы Лермонтова в авторизованной копии.

Действие поэмы отнесено ко времени русско-литовских войн, происходивших в XV — начале XVI в. Лермонтов стремился отразить в «Литвинке» социально-бытовые особенности той эпохи.

По месту и времени действия, а также совпадению имени героя (Арсений) эта поэма сходна с более поздней — «Боярин Орша». Образ девы-воина, возможно, возник у Лермонтова под влиянием поэмы А. Мицкевича из древнелитовской жизни — «Гражина» (1822). Некоторые мотивы роднят «Литвинку» и с «Конрадом Валленродом» (1827) того же писателя.

Несколько стихов перенесено в эту поэму в измененном виде из «Джюлио» и из стихотворения «1831-го июня 11 дня».

Аул Бастунджи (с. 397). Датируется 1833—1834 гг. Аул Бастунджи — реально существовавшее в конце XVIII — начале XIX в. горское селение у горы Бештау. Он был разрушен после 1804 г.; Лермонтов мог видеть развалины аула, посетив в 1825 г. Пятигорье.

В поэме отразилась черкесская народная легенда о непримиримых врагах — братьях Канбулате и Атвонуке (или Антиноко); причиною вражды явилась красавица — жена Канбулата.

С. 399. *Не знаешь ли аула Бастунджи?* — Бастунджи (точнее бустанджи или бостанджи) означает огородник — от тюркского «бустан», «баштан» (огород).

С. 402. *Как гурии, из сумрака и света...*— Гурии по верованиям мусульман — населяющие рай вечно юные прелестные девы, которые служат наградой правоверным.

С. 403. *Косматые, как перья шишака.*— Шишак — шлем, каска с гребнем или с хвостом.

Ст. 407. *На арчаге мотается...*— Арчаг (арчак) — деревянный остов седла.

С. 408. *Мгновенный, как Симун...*— Симун (самум) — сухой, знойный ветер пустыни,

С. 416. *Какой-то темный стих из алкорана...*— Алкоран, коран— главная священная книга у мусульман.

Хаджи Абрек (с. 418).— Датируется 1833—1834 гг., временем пребывания Лермонтова в юнкерской школе.

Первая опубликованная поэма Лермонтова; по воспоминаниям соученика Лермонтова по школе юнкеров Николая Николаевича Манвелова (1816 — после 1889), поэт показал свое сочинение преподавателю словесности Василию Тимофеевичу Плаксину (1795—1869), который высоко его оценил.

«Хаджи Абрек» был напечатан без ведома Лермонтова в «Библиотеке для чтения» (1835, т. 11, отд. 1, стр. 81—94); по свидетельству А. П. Шан-Гирея, родственник и однокашник Лермонтова Николай Дмитриевич Юрьев (1814 –?) «передал тихонько от него (Лермонтова.— Н. Ч.) поэму «Хаджи Абрек» Сенковскому (редактору журнала.— И. Ч.), и она <...> появилась напечатанною в «Библиотеке для чтения». Лермонтов был взбешен; по счастью, поэму никто не разбранил, напротив, она имела некоторый успех...»

Содержание поэмы почерпнуто из черкесского и кабардинского фольклора, легенд и преданий, в основе которых лежал мотив кровной мести. Лермонтову могли быть известны рассказы о чеченском наезднике Бей-Булате Таймазове, «кровнике» кумыкского князя Салат-Гирея: Бей-Булат убил отца Салат-Гирея; через десять лет Салат-Гирей, следуя обычаю кровной мести, отомстил обидчику.

С. 418. *Хаджи Абрек.*— Абрек (возможно, от осетинского «абыраег», «абрег» (скиталец, разбойник)) — изгнанник, изгой, от которого отказывается род; ведет жизнь бездомного и безродного бродяги.

Велик, богат аул Джемат.— Предполагается, что действие поэмы развертывается в карачаевском ауле Джемаан (Теберда), либо в дагестанском селении Чирней.

Боярин Орша (с. 430).— Датируется 1835—1836 гг. А. А. Краевский, опубликовавший поэму в 1842 г. в 7-м номере журнала «Отечественные записки», писал: «Эта поэма принадлежит к числу первых опытов Лермонтова. Она написана была еще в 1835-м году, когда Лермонтов только что начинал выступать на литературном поприще. Впоследствии, строгий судья собственных произведений, он оставил намерение печатать ее, и даже, взяв из нее целые тирады, преимущественно из II главы, включил их в новую свою поэму: «Мцыри»... Рукопись поэмы данная мне автором еще в 1837-м году и едва ли не единственная, хранилась у меня до сих пор, вместе с другими оставленными им пьесами». Краевский же на последнем листе предназначавшейся для печати авторизованной копии

поэмы поставил другую дату — «1836». В окончательном тексте поэмы отсутствовал ряд стихов, известных по автографу. Некоторые из них были изъяты цензурой (отрывки богоборческого и антиклерикального характера), ряд стихов по тем же цензурным соображениям исключил сам Лермонтов:

Пусть монастырский ваш закон
Рукою бога утвержден,
Но в этом сердце есть другой,
Ему не менее святой:
Он оправдал меня — один.
Он сердца полный властелин!

Против этих стихов в рукописи Лермонтов сделал помету: «вымарать».

В основе сюжета поэмы — события, относящиеся ко времени Ливонской войны, происходившей в эпоху царствования Ивана Грозного; возможно, Лермонтов изобразил битву на реках Улле в Орше, описание которой мог найти в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Эпиграфы — к 1-й главе взят из поэмы Дж. Байрона «Паризина» (1816), ко 2-й и 3-й главам — из его поэмы «Гяур» (1813).

С. 431. *Так средь развалин иногда Растет береза...* — Тот же образ встречается в стихотворении «1831-го июня 11 дня» и в посвящении к драме «Испанцы».

С. 433—434. *«Жил-был за тридевять земель... И в сине море укатить...»* — Сказка Сокола, являющаяся фольклорной моделью сюжета поэмы, близка по содержанию ряду народных песен, известных по записям собирателей народного творчества (А. И. Соболевский и др.).

Сашка (с. 458).— Точная дата написания поэмы не установлена. Наиболее вероятно, что Лермонтов работал над ней в 1835—1836 гг. По свидетельству П. А. Висковатова, «поэма... писана около 1836 года, во время пребывания Лермонтова с декабря 35 года в Тарханах. Таково свидетельство А. П. Шан-Гирея да и многое в самой поэме указывает на эту эпоху, но отдельные части, вероятно, написаны раньше (1834 г.)». Рукопись поэмы в целом не сохранилась; ее текст восстанавливается по ряду дошедших до настоящего времени рукописных источников и малоавторитетной первой публикации поэмы, осуществленной П. А. Висковатовым («Русская мысль», 1882, кн. 1) на основании ныне утраченной рукописи, находившейся у пензенского купца И. А. Панафутина; Панафутин получил ее от своего отца, служившего землемером у родственника Лермонтова П. П. Шан-Гирея. П. А. Висковатов, публикуя текст поэмы, без достаточных оснований присоединил к ней восемь строф из другого

произведения, не имеющего с «Сашкой» ничего общего, кроме стихотворного размера и строфики.

С. 460. *Там (я весь мир в свидетели возьму)...*— В черновом автографе было: «Там новый век развил свою чуму». Замена, возможно, произведена Висковатовым.

С. 461. *Не завирайся,— тот зоил безбожный...*— Зоил — древнегреческий философ и ритор IV в. до н. э., автор «Порицания Гомеру». Его имя стало нарицательным для обозначения недоброжелательного, придирчивого, язвительного критика.

С. 462. *Как для хромого беса, каждый дом Имеет вход особый...*— Французский писатель Ален Рене Лесаж (1678—1747) в своем романе «Хромой бес» (1707) сумел охарактеризовать разные слои современного ему общества с помощью оригинального приема: герои романа, бес Асмодей и его спутник, приподнимают крыши домов и, застав людей врасплох, оказываются свидетелями их частной жизни.

С. 463. *Как Сусанна, Она б на суд неправедный пошла...*— Лермонтов имеет в виду библейский сюжет о Сусанне и старцах: два старейшины пытались соблазнить красавицу Сусанну, жену богатого еврея Иоакима, и, потеряв надежду, публично обвинили ее в супружеской неверности. Суд приговорил Сусанну к смертной казни, но юноша Даниил изобличил обвинителей во лжи. Сусанна была оправдана, а оклеветавшие ее старцы казнены (Книга пророка Даниила, гл. 13).

С. 466. *Скажу ль, при этом имени, друзья, В груди моей шипит воспоминанье...*— Лермонтов здесь вспоминает о В. А. Лопухиной, в 1835 г. ставшей женой Н. Ф. Бахметева.

С. 469. *Но «Сашка» тот печати не видал, И, недозревший, он угас в изгнанье.*— Речь идет об известной по спискам поэме А. И. Полежаева «Сашка» (1825—1826) (произведении, в известной мере автобиографическом) и о самом авторе, отданном за сочинение этой поэмы по распоряжению Николая I в солдаты; несколько лет Полежаев провел в действующей армии на Кавказе.

С. 473. *Терзал Саула; но порой и тот... И злобный дух бежал, как от креста.*— Поэтическое переложение 23 стиха 16 главы 1-й Книги Царств; «И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл,— и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него».

С. 475. *Я — Демосфен твой...*— Демосфен (ок. 384—322 гг. до н. э.) — древнегреческий оратор и политический деятель. Прославился страстными обвинительными речами против македонского царя Филиппа (позднее назывались «филиппиками»).

С. 480. *Гамлет сказал: «Есть тайны под луной И для премудрых»...*— Цитата из «Гамлета» Шекспира (акт I, сцена 5).

С. 483. Marquis de Tess.— Прототипом этого персонажа, по-ви-

димому, явился гувернер Лермонтова Жан Пьер Келлет Жандро, французский эмигрант, роялист.

С. 483—484. В строфах 76—81 речь идет о событиях Великой французской революции (1789—1793), о казни (в январе 1793 г.) короля Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты.

С. 483. *Приятель наш, парижский Адонис...* — Адонис — финикийское божество, олицетворение умирающей и оживающей природы. В V в. до н. э. культ Адониса был перенесен в Грецию и позднее — в Рим. Изображался в виде юноши необыкновенной красоты.

С. 484. *И ты, поэт, высокого чела Не уберег!* — Лермонтов имеет в виду Андре Шенье (см. о нем примечание к стихотворению «Из Андрея Шенье» на с. 670).

С. 487. *Со всем искусством древнего Фоблаза...* — Фоблас — герой многотомного романа «Les amours et les galanteries du chevalier de Faublas» (1787—1790; в русском переводе «Приключения шевалье де Фобласа»), принадлежащего перу французского писателя Жана Батиста Луве де Кувре (1760—1797). Имя героя употреблялось для обозначения искусного соблазнителя (ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»: «Фобласа давний ученик»).

С. 489. *Как Ариадну, преданную гневу.* — В античной мифологии Ариадна — дочь критского царя Миноса; спасла греческого героя Тесея, обреченного на съедение чудовищу Минотавру. Тесей увел Ариадну с собой, но вскоре покинул ее.

Как Аббадона грозный... — Аббадона — падший ангел, герой религиозно-эпической поэмы немецкого поэта Фридриха Готлиба Клопштока (1724—1803) «Мессиада» (1751—1773).

С. 492. *Что дышит жизнью в красках Гвидо-Рени?* — Рени Гвидо (1575—1642) — итальянский живописец. Лермонтов мог видеть его этюд «Магдалина» к известной картине того же названия в петербургской галерее Строгановых.

С. 496—497. Описание пансиона и Московского университета в строфах 116—119 сделано на основании личных впечатлений.

С. 501. *Стоял арап, его служитель верный.* — По словам П. А. Висковатова, «арап этот (по имени Ахилл.— *И. Ч.*) был слугою в доме Лопухиных, близких друзей Лермонтова. Он его очень любил и в одном из писем упоминает о нем, как о друге своем». Известен сделанный Лермонтовым акварельный портрет Ахилла (сохранился в альбоме А. М. Верещагиной).

С. 507. *Как Пифия, воссев на свой треножник!* — Пифия — жрица-вещательница в храме бога Аполлона в Дельфах. Пифия выкрикивала слова пророчеств, сидя на золотом треножнике над расселиной скалы.

Монго (с. 508).— Датируется сентябрем 1836 г. Сюжетом поэмы послужили события, относящиеся ко времени пребывания Лер-

монтова в Школе юнкеров: поездка Лермонтова и Алексея Аркадьевича Столыпина (1816—1858), родственника и приятеля поэта, на дачу к балерине Екатерине Егоровне Пименовой (1816—после 1860).

С. 508. *Монго, послушай — тут направо!* — Монго — прозвище А. А. Столыпина.

Вперед, Маёшка! только нас... — Маёшка — шутливое прозвище Лермонтова. Майё (Mayeux) — популярный в 1830-е годы персонаж, созданный фантазией французского карикатуриста Шарля Травье.

С. 512. *Флёри хлопочет, бьет тревогу...* — Флери Бернар — артист балета и преподаватель танцевального искусства.

С. 514. *И право, Пушкин наш не врет, Сказав, что день беды пройдет, А что пройдет, то будет мило...* — Имеется в виду стихотворение Пушкина «Если жизнь тебя обманет» (1825): Все мгновенно, все пройдет; Что пройдет, то будет мило.

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова (с. 515). — Точная дата написания поэмы не установлена. В прижизненном сборнике стихотворений Лермонтова 1840 г. «Песня...» датирована 1837 г. (по свидетельству родственника и друга Лермонтова А. П. Шан-Гирея, она была написана несколько ранее). Как вспоминал издатель и журналист А. А. Краевский (1810—1889), Лермонтов «...набросал ее от скуки, чтобы развлечься во время болезни, не позволяющей ему выходить из комнаты». Сюжет поэмы построен на материале русского средневековья. Конкретные факты могли быть почерпнуты в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, зафиксировавшей ряд бытовых эпизодов, относящихся к эпохе Ивана Грозного; к их числу принадлежит, например, рассказ о казненном чиновнике Мясоеде Вислом и о его красавице жене, обесчещенной опричниками. Исторический материал в поэме теснейшим образом переплетается с фольклорным; фольклорными источниками Лермонтову могли служить песни о Мастрюке, записанные Киршей Даниловым и П. В. Киреевским (из варианта Киреевского, возможно, была взята и фамилия героя — дети Кулашниковы, братья Калашнички, Калашниковы). Воздействие фольклорной традиции определило и лермонтовскую концепцию образа Ивана IV — поэт восстановил облик царя таким, каким сохранила его народная память.

Поэма была напечатана без имени автора (подпись «-въ») в 1838 г. в «Литературных прибавлениях к «Русскому Инвалиду» (№ 18, 30 апреля) — благодаря хлопотам В. А. Жуковского после долгой борьбы с цензурой, протестовавшей против публикации стихов опального поэта.

Поэма Лермонтова была высоко оценена читателями и критикой, и прежде всего В. Г. Белинским, который видел важнейшее достоинство этого подлинно народного произведения в его связи

с актуальными проблемами современности (та же демонстрация и осмысление связи времен минувшего и настоящего, что и в стихотворении «Бородино»). Иногда песню стремились даже связать с реальными, современными событиями, относящимися ко времени написания поэмы, например, с историей похищения гусаром жены московского купца; видели в «Песне...» и отражение семейной драмы Пушкина.

С. 527. *На высокое место лобное...* — Лобное место — круглый каменный помост с парапетом на Красной площади в Москве, построенный в 1534 г. В XVI—XVII вв. с него оглашались царские указы. Около лобного места находились специальные сооружения, где иногда совершались казни.

Тамбовская казначейша (с. 529). — Поэма создавалась между апрелем 1837 г. — началом 1838 г.; уже 15 февраля 1838 г. Лермонтов сообщал М. А. Лопухиной (о ней см. в примечании к стихотворению «Что толку жить!.. без приключений...» с. 673), что был у Жуковского и передал ему рукопись «Тамбовской казначейши», которую предполагал печатать в «Современнике». Поэма была опубликована в третьем номере журнала за 1838 г. под заглавием «Казначейша», без подписи, с купюрами и искажениями, с заменой названия города «Тамбов» буквой Т с точками. Лермонтов был крайне возмущен бесцеремонным вмешательством цензуры. Как вспоминал писатель И. И. Панаев, присутствовавший при разговоре Лермонтова с редактором А. А. Краевским, поэт даже «покушался» «разодрать» тоненькую книжечку «Современника»: «— Это черт знает что такое! позволительно ли делать такие вещи! — говорил Лермонтов, размахивая книжечкою... — Это ни на что не похоже!» Он подсел к столу, взял толстый красный карандаш и на обертке «Современника», где была напечатана его «Казначейша», набросал какую-то карикатуру».

В основе сюжета поэмы — бытовой анекдот из провинциальной жизни. Материал для точного описания города, для изображения быта и нравов его обитателей Лермонтову могло дать посещение Тамбова, куда он заезжал по дороге в Тарханы в декабре 1835 г.

С. 529. *Пишу Онегина размером...* — Лермонтов использовал в поэме 4-стопный ямб и 14-стишную строфу.

Он прежде город был опальный... — Автор опубликованной в «Историческом вестнике» (1884, № 10) статьи «Тамбовский край в конце XVIII и в начале XIX столетия» И. Дубасов писал: «Все местные старожилы помнят <...> что Тамбов в прежние времена был ссылочным местом <...> Эта мысль выражена также и в известном стихотворении Лермонтова — «Казначейша». Между тем на основании документов тамбовских архивов можно сказать, что <...> ссыльные бывали в Тамбовской губернии <...> но только

их ссылали не в город Тамбов, а в разные монастыри Тамбовской епархии».

С. 530. *Короче, славный городок.*— Этой строке, по свидетельству П. А. Висковатова, ссылавшегося на А. П. Шан-Гирея, предшествовал следующий текст: «Там зданье лучшее острог». Указание Висковатова ничем не подтверждается, и потому приведенная им вставка (так же, как и ряд указанных ниже) не может быть введена в основной текст.

С. 531. *Роскошно золотит Аврора...*— В римской мифологии Аврора — богиня утренней зари. Как синоним утренней зари употребляется в образной и поэтической речи.

Играли марш из «Двух слепых».— «Два слепых из Толедо» (1806) — во времена Лермонтова популярная в России опера французского композитора Этьена Мегюля (1763—1817).

С. 534. *Как жаль, что не было детей...*— Как сообщал П. А. Висковатов со слов А. П. Шан-Гирея, после этой строки шел текст:

У них! — о том причины скрыты;
Но есть в Тамбове две кумы,
У них, пожалуй, спросим мы.

С. 535. *Он не терялся никогда.*— После этой строки шел следующий текст (указано П. А. Висковатовым):

И не смущен бы был и раем,
Когда б попался и туда.

Шутя и сам он лег бы в гроб...— После этой строки Висковатов вставлял стих: «Чтоб от кнута избавить вора». Другой издатель сочинений Лермонтова, историк и библиограф П. А. Ефремов, предлагал свой вариант: «Иль стал душою заговора». Указания эти не вполне достоверны, и потому названные строки в текст поэмы не введены.

С. 539. *Амфитрион был предводитель...*— В греческой мифологии Амфитрион — царь Тиринфа, муж Алкмены, матери Геракла. На сюжет мифа об Амфитрионе Мольер (Жан Батист Поклен, 1622—1673) написал пьесу «Афмитрион»; благодаря его трактовке этого образа имя Амфитрион стало нарицательным и употребляется как синоним гостеприимного, хлебосольного хозяина.

С. 540. *О, скоро ль мне придется снова Сидеть среди кружка родного... И скоро ль ментиков червонных Приветный блеск увижу я...*— Сосланный на Кавказ Лермонтов мечтал о возвращении в свой лейб-гвардии Гусарский полк (расшитый золотом красный ментик, короткая куртка, опушенная мехом,— форма лейб-гусаров).

С. 542. *Амур прилежно помогал.*— Далее следовала строка (указано П. А. Висковатовым):

Увы! молясь иной святыне.

С. 546. *Блюститель нравов, мирный сплетник...* — Далее следовал текст (указано П. А. Висковатовым):

За злато совесть и закон
Готов продать охотно он.

С. 549. *Признайтесь, вы меня бранили? Вы ждали действия? страстей?* — Эти строки и следующие содержат поэтическую декларацию Лермонтова, заявившего об отказе от эстетических канонов романтической поэзии; здесь же, по-видимому, можно увидеть и полемический отклик Лермонтова на обращенный к поэтам призыв издателя «Северной пчелы» Ф. Булгарина: «Давайте действия, давайте страстей».

Беглец (с. 551). — Написано, по указанию П. А. Висковатова, не позднее 1838 г.; вероятнее всего, после поездки Лермонтова на Кавказ в 1837 г. Подзаголовок «горская легенда» указывает на связь с кавказским фольклором. Черкесская песня о юноше, вернувшемся в родной аул из похода против русских, в котором погибли его товарищи (за предательство был приговорен к изгнанию из страны), упоминается в книге Тетбу де Мариньи «Путешествие в Черкессию» (Брюссель, 1821). Не исключено влияние неоконченной поэмы Пушкина «Тазит», которая в 1837 г. была напечатана в седьмом томе «Современника» под названием «Галуб».

С. 553. *Месяц плывет...* — Эта песня, с изменениями, перенесена в текст «Беглеца» из поэмы «Измаил-Бей».

Демон (с. 555). — Началом работы над поэмой считается 1829 г.; к этому времени относится первый набросок, содержащий 92 стиха и прозаическое изложение содержания: «Демон влюбляется в смертную (монахиню), и она его наконец любит, но демон видит ее ангела-хранителя и от зависти и ненависти решается погубить ее. Она умирает, душа ее улетает в ад, и демон, встречая ангела, который плачет с высот неба, упрекает его язвительной улыбкой».

На протяжении последующих десяти лет были созданы еще семь редакций поэмы, отличающихся друг от друга и сюжетно, и степенью поэтического мастерства. Работа над первыми пятью (ранними) редакциями была закончена к 1833—1834 гг. После возвращения из кавказской ссылки Лермонтов вновь принимается за работу над «Демоном». В 1837 — начале 1838 г. был создан первоначальный вариант шестой редакции поэмы (так называемый «ереванский» список; хранится в Государственном архиве Армянской ССР); в нем действие впервые перенесено на Кавказ, героиней вместо монахини становится юная грузинская красавица Тамара. Второй вариант шестой редакции сохранился в авторизованной копии с датой 8 сентября 1838 г. Рукопись, сопровожденная посвящением («Я кончил — и в груди невольное сомненье!»), была подарена В. А. Лопухиной.

4 декабря 1838 г. датирована седьмая редакция «Демона». Лермонтов вновь во многом переработал поэму, имея в виду ее публикацию и связанные с нею неизбежные цензурные препятствия. Последняя, восьмая, редакция относится к началу 1839 г.; она возникла как результат окончательной подготовки текста к печати. Одновременно был изготовлен список для чтения при дворе: императрица выразила желание познакомиться с поэмой. Эта редакция воспроизведена в копии, сделанной двоюродным дядей Лермонтова Алексеем Илларионовичем Философовым (1800—1874), близким придворным кругам. Чтение состоялось 8—9 февраля 1839 г. (об этом есть соответствующая запись в дневнике Александры Федоровны), затем текст был возвращен автору и в том же виде передан 7 марта в Санкт-Петербургский цензурный комитет. 10 марта рукопись получила одобрение цензора А. В. Никитенко, просматривавший текст, сделал в нем ряд купюр, после чего поэма была разрешена к печати. Цензурная история «Демона», относящаяся к весне 1839 г., известна по воспоминаниям А. П. Шан-Гирея и родственника Лермонтова с материнской стороны Дмитрия Аркадьевича Столыпина (1818—1893). Д. А. Столыпин рассказывал также, что Лермонтов не мог согласиться с правкой Никитенко и сам отказался от публикации поэмы.

В 1842 г. «Отечественные записки» опубликовали несколько фрагментов из «Демона». Предполагалась между тем полная публикация поэмы; Белинский сам изготовил список, соединив текст двух поздних редакций, но цензурного разрешения получить на этот раз не удалось. Полностью «Демон» был напечатан только через 14 лет, в 1856 г. в Карлсруэ по списку А. И. Философова в количестве 28 экземпляров; тогда же поэма вышла в свет в Берлине, а через год опять в Карлсруэ. Первую полную публикацию «Демона» в России осуществил сотрудник «Отечественных записок» критик С. С. Дудышкин — в составе редактируемого им собрания сочинений поэта.

Сюжет «Демона» восходит к библейскому мифу об ангеле, восставшем против бога и по воле бога превратившемся в духа зла. Падший ангел—один из излюбленных образов мировой поэзии. Джон Мильтон, Дж. Байрон, Т. Мур, И. В. Гете, А. де Виньи, Пушкин предлагали свой вариант библейской легенды и свою интерпретацию ее героя; вместе с тем в каждом случае сохранялся основной мотив — враждебность демона небесам и богу, отчужденность дерзкого носителя зла от мира. Так библейский демон как поэтический образ получил устойчивое символическое значение, воплощая идею бунта, неприятия мира, гордого одиночества. Лермонтов, обращаясь к истории демона, прежде всего имел в виду символический смысл образа и соотносящиеся с ним философско-этические идеи.

С. 557. *Столпообразные рашны* — пирамидальные тополя (рашна — название пирамидального тополя на Украине и Северном Кавказе).

С. 567. *Зовут к молитве муэцины...*— Муэцин (муэззин, муэдзин) — служитель мечети, призывающий с минарета мусульман к молитве.

С. 568. *«То горный дух Прикованный в пещере стонет!»* — См. об этом примечание к поэме «Измаил-Бей» на с. 700.

Сказка для детей (с. 584).— Точная дата написания поэмы не установлена. В печати «Сказка для детей» появилась в 1842 г.; опубликована в журнале «Отечественные записки» (т. 20) с датой — «1841». Однако поэма не могла быть написана позже 1840 г., так как перед отъездом в этом году на Кавказ Лермонтов передал А. А. Краевскому свои рукописи, в том числе и «Сказку для детей». На основании ряда косвенных свидетельств принято считать, что поэма создавалась в конце 1839 — начале 1840 г.

Поэма не закончена; обещание автора написать «легкую поэму в сорок песен» оказалось невыполненным: написано всего 27 строф, оканчивающихся строкой точек, обозначающих недосказанность.

Существует некоторая связь «Сказки для детей» с поэмой «Сашка» — по линии шутливой разработки демонической темы.

С. 584. *Умчался век эпических поэм... И влажных рифм — как, например, на ю.*— Эти строки позволяют соотнести «Сказку для детей» со стихотворной повестью А. С. Пушкина «Домик в Коломне» (1830), открывающейся строфами, также содержащими размышления о стихе, рифмах и т. д.

С. 587. *Минувших лет событий роковых Волна следы смывала роковые...*— В первой публикации эти строки были вычеркнуты цензурой, увидевшей в них намек на декабрьские события 1825 г.

С. 590. *Рафáэля иль кисти Перуджина.*— Перуджино (настоящая фамилия Ваннуччи) Пьетро (между 1445 и 1452—1523) — итальянский живописец, представитель умбрийской школы раннего Возрождения, учитель Рафаэля.

Мцыри (с. 594).— Написана в 1839 г.; дата поставлена самим Лермонтовым на обложке тетради, содержащей текст поэмы: «1839 года Августа 5». Первоначальное заглавие — «Бэри» — прокомментировано автором: «Бэри, по-грузински монах». Впоследствии заглавие было заменено на «Мцыри», что означает, во-первых, «неслужащий монах, нечто вроде послушника» (примечание Лермонтова) и, во-вторых,— «пришелец», «чужеземец». Под этим вторым заглавием, более соответствующим содержанию, поэма и была опубликована в сборнике стихотворений Лермонтова 1840 г. В процессе работы над поэмой был заменен и эпиграф: вместо «On n'a qu'une seule patrie» («У каждого есть только одно отечество») было взято изречение из Библии (1-я Книга Царств, гл. 14) «Вкушая вкусих мало меда, и се аз умираю».

В окончательном тексте отсутствуют 115 стихотворных строк, зачеркнутых Лермонтовым, вероятно, при подготовке рукописи к пе-

чати. Так, после слов «И кинул взоры я кругом...» (с. 608 наст. изд.) следовали следующие строки:

Тот край казался мне знаком...
И страшно, страшно стало мне!..
Вот снова мерный в тишине
Раздался звук: и в этот раз
Я понял смысл его тотчас:
То был предвестник похорон,
Большого колокола звон.
И слушал я, без дум, без сил,
Казалось, звон тот выходил
Из сердца, будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
О боже, думал я, зачем
Ты дал мне то, что дал ты всем,
И крепость сил, и мысли власть,
Желанья, молодость и страсть?
Зачем ты ум наполнил мой
Неутолимою тоской
По дикой воле? почему
Ты на земле мне одному
Дал вместо родины тюрьму?
Ты не хотел меня спасти!
Ты мне желанного пути
Не указал во тьме ночной,
И ныне я как волк ручной.
Так я роптал. То был, старик,
Отчаянья безумный крик,
Страданьем вынужденный стон.
Скажи? Ведь буду я прощен?
Я был обманут в первый раз!
До сей минуты каждый час
Надежду темную дарил,
Молился я, и ждал, и жил,
И вдруг унылой чередой
Дни детства встали предо мной.
И вспомнил я ваш темный храм
И вдоль по треснувшим стенам
Изображения святых
Твоей земли. Как взоры их
Следили медленно за мной
С угрозой мрачной и немой!
А на решетчатом окне
Играло солнце в вышине...
О, как туда хотелось мне,
От мрака кельи и молитв,
В тот чудный мир страстей и битв...
Я слезы горькие глотал,
И детский голос мой дрожал,
Когда я пел хвалу тому,
Кто на земле мне одному
Дал вместо родины — тюрьму...

Биограф Лермонтова П. А. Висковатов, основываясь на свидетельствах родственников Лермонтова А. П. Шан-Гирея и А. А. Хастатова, связывал возникновение замысла поэмы со странствиями поэта по старой Военно-Грузинской дороге; в Мцхете Лермонтов встретил «одинокого монаха... узнал от него, что родом он горец, плененный ребенком генералом Ермоловым... Генерал его вез с собою и оставил заболевшего мальчика монастырской братии. Тут он и вырос; долго не мог свыкнуться с монастырем, тосковал и делал попытки к бегству в горы. Последствием одной такой попытки была долгая болезнь, приведшая его на край могилы». Достоверность сведений, сообщенных Висковатым, окончательно не доказана; вместе с тем рассказ его вполне правдоподобен. Лермонтов мог знать, например, историю происходившего из чеченцев живописца-академика П. З. Захарова, который ребенком был взят в плен и отвезен в Тифлис генералом А. П. Ермоловым.

Работая над «Мцыри», Лермонтов не однажды мысленно возвращался к ранним поэмам «Исповедь» и «Боярин Орша», откуда заимствовал для нового произведения ряд отдельных стихов.

Известно, что Лермонтов сам читал «Мцыри» своим друзьям и знакомым. «Мне случилось однажды,— вспоминал поэт и мемуарист Андрей Николаевич Муравьев (1806—1874),— в Царском Селе уловить лучшую минуту его вдохновения. В летний вечер я к нему зашел и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и с огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. «Что с тобою?» — спросил я. «Сядьте и слушайте»,— сказал он, и в ту же минуту, в порыве восторга, прочел мне, от начала до конца, всю великолепную поэму «Мцыри», которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера... Никогда никакая повесть не производила на меня столь сильного впечатления».

По воспоминаниям писателя С. Т. Аксакова, 9 мая 1840 г. Лермонтов в Москве «читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случились, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри», и читал, говорят, прекрасно».

С. 594. *Немного лет тому назад...* и следующие 20 строк — описание древнего Мцхетского собора и могил грузинских царей Ираклия II и Георгия XII, при котором в 1802 г. Восточная Грузия была присоединена к России.

С. 606—607. *Я ждал. И вот в тени ночной... Как в битве следует бойцу!..*— Этот эпизод основан на мотивах грузинской народной поэзии; известны 14 вариантов древней грузинской песни «Юноша и тигр».

Содержание

И. Андроников. Образ Лермонтова 5

СТИХОТВОРЕНИЯ 1828—1836 гг.

Поэт 21
К Гению 21
Покаяние 23
Русская мелодия 24
Песня 25
К..... («Не привлекай меня красой!..») 25
Три ведьмы 25
Наполеон 27
Жалобы турка 28
Черкешенка 29
Мой Демон 29
Жена Севера 30
К другу 30
К*** («Мы снова встретились с тобой...») 31
Монолог 31
Баллада 32
Перчатка 33
Дитя в люльке 34
К* (Из Шиллера) 35
Молитва 35
«Один среди людского шума...» 35
Кавказ 36
К*** («Не говори: одним высоким...») 36
Опасение 37
Стансы («Люблю, когда, борясь с душою...») 37
Н.Ф.И....вой 38
«Ты помнишь ли, как мы с тобою...» 39
Ночь. I 39
Разлука 41
Ночь. II 42
Незабудка 44
Одиночество 45
В альбом 46
Гроза 46
Звезда 47
Еврейская мелодия 47

Вечер после дождя 48
Наполеон (Дума) 48
К глупой красавице 50
Отрывок 50
Стансы («Я не крушуся о былом...») 52
«Оставленная пустынь предо мной...» 53
Ночь. III 54
Эпитафия 55
Гроб Оссиана 55
Кладбище 56
К Су<шковой> 56
1830. Майя. 16 число 57
К*** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...») 57
Дереву 58
Предсказание 59
1830 год. Июля 15-го 59
Булевар 60
Песнь барда 63
10 июля. (1830) 64
Благодарю! 64
Нищий 65
К... («Не говори: я трус, глупец!..») 65
30 июля.— (Париж). 1830 года 65
Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор...») 66
Ночь 67
К*** («Когда к тебе молвы рассказ...») 68
Новгород 69
Могила бойца 69
Русская песня («Клоками белый снег валится...») 70
1831-го января 71
«Послушай! вспомни обо мне...» 71
1831-го июня 11 дня 72
Романс к И.... 80
Завещание 80
К*** («Всевышний произнес свой приговор...») 81
Желание 82
Св. Елена 82
«Блистая, пробегают облака...» 83
Атаман 84
Исповедь 86
Видение 86
Чаша жизни 89
К Л.— (Подражание Байрону) 89
К Н. И..... 90
Воля 91
«Зови надежду — сновиденьем...» 92
«Прекрасны вы, поля земли родной...» 92
Небо и звезды 92
«Когда б в покорности незнанья...» 93
«Я видел тень блаженства; но вполне...» 93
«Кто в утро зимнее, когда валит...» 95
Ангел 95
Стансы к Д*** 96
«Ужасная судьба отца и сына...» 98
«Пусть я кого-нибудь люблю...» 98

Из Паткуля 99
Портрет 99
«Настанет день — и миром осужденный...» 99
К Д. 99
Песня 100
Отрывок 101
Баллада 101
«Как дух отчаянья и зла...» 102
Звезда 103
«Я видел раз ее в веселом вихре бала...» 104
Арфа 104
Пир Асмодея 105
Сон 105
На картину Рембрандта 107
К*** («О, полно извинять разврат!..») 108
Смерть 108
Волны и люди 109
Поле Бородина 110
Смерть («Ласкаемый цветущими мечтами...») 110
Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено...») . . . 112
Поток 115
К***(«Не ты, но судьба виновата была...») 115
К себе 116
«Душа моя должна прожить в земной неволе...» 116
Песня («Колокол стонет...») 117
«Унылый колокола звон...» 117
Земля и небо 118
Из Андрея Шенье 119
Стансы («Не могу на родине томиться...») 119
Мой Демон 120
«Люблю я цепи синих гор...» 121
«Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови...» 122
Прощанье 123
«Время сердцу быть в покое...» 123
«Как в ночь звезды падучей пламень...» 124
К* («Я не унижусь пред тобою...») 125
<В альбом Н. Ф. Ивановой> 125
<В альбом Д. Ф. Ивановой> 126
«Как луч зари, как розы Леля...» 127
«Синие горы Кавказа, приветствую вас!..» 127
Романс 127
Прелестнице 128
Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова?..») 129
«Измученный тоскою и недугом...» 129
«Нет, я не Байрон, я другой...» 130
Романс («Ты идешь на поле битвы...») 130
Сонет 131
«Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья...» 131
«Поцелуями прежде считал...» 132
К* («Мы случайно сведены судьбою...») 132
«Послушай, быть может, когда мы покинем...» 133
К* («Оставь напрасные заботы...») 133
Бой 134
«Я жить хочу! хочу печали...» 134
«Смело верь тому, что вечно...» 135

«Приветствую тебя, воинственных славян...» 135
Желанье 136
К* («Мой друг, напрасное старанье!..») 136
К* («Печаль в моих песнях, но что за нужда?..») 137
Два великана 137
К* («Прости! — мы не встретимся боле...») 138
«Слова разлуки повторяя...» 139
«Безумец я! вы правы, правы!..» 139
«Она не гордой красотою...» 140
«Примите дивное посланье...» 140
Челнок 141
«Что толку жить!.. Без приключений...» 141
«Для чего я не родился...» 143
Парус 143
Тростник 144
Русалка 145
Баллада («Куда так проворно, жидовка младая?..») 146
Гусар 147
Юнкерская молитва 148
«На серебряные шпоры...» 149
«Опять, народные витии...» 149
<Эпиграмма на Н. Кукольника> 151
Умирающий гладиатор 151
Еврейская мелодия (Из Байрона) 152
В альбом (Из Байрона) 152
«Великий муж! Здесь нет награды...» 153

СТИХОТВОРЕНИЯ 1837—1841 гг.

Бородино 154
Смерть Поэта 157
Ветка Палестины 159
Узник 160
Сосед 160
«Когда волнуется желтеющая нива...» 161
Послание 161
Молитва 162
«Расстались мы; но твой портрет...» 162
«Не смейся над моей пророческой тоскою...» 163
«Я не хочу, чтоб свет узнал...» 163
<Эпиграмма на Ф. Булгарина, I> 164
<Эпиграмма на Ф. Булгарина, II> 164
«Спеша на север из далека...» 164
Кинжал 165
«Гляжу на будущность с боязнью...» 166
«Слышу ли голос твой...» 166
«Как небеса, твой взор блистает...» 167
«Она поет — и звуки тают...» 167
<К М. И. Цейдлеру> 167
<К портрету старого гусара> 168
<К Н. И. Бухарову> 168
Дума 168
<А. Г. Хомутовой> 169
Вид гор из степей Козлова 170

Казачья колыбельная песня 171
Поэт («Отделкой золотой блистает мой кинжал...») 172
«Это случилось в последние годы могучего Рима...» 174
<А. А. Олениной> 175
Не верь себе 175
<Из альбома С. Н. Карамзиной> 176
Три пальмы 177
Молитва («В минуту жизни трудную...») 178
Дары Терека 179
Памяти А. И. О<доевско>го 180
<Э. К. Мусиной-Пушкиной> 182
«Как часто, пестрою толпою окружен...» 184
И скучно и грустно 184
«Посреди небесных тел...» 185
<М. А. Щербатовой> 186
«Есть речи — значенье...» 186
Журналист, читатель и писатель 187
Воздушный корабль 188
Соседка 192
Пленный рыцарь 194
<М. П. Соломирской> 195
Отчего 196
Благодарность 197
Из Гете 197
Ребенку 197
А. О. Смирновой 198
К портрету 199
Тучи 199
<Валерик> («Я к вам пишу случайно; право...») 200
Завещание 206
Оправдание 207
Родина 207
«На севере диком стоит одиноко...» 208
Любовь мертвеца 208
Последнее новоселье 209
«Из-под таинственной, холодной полумаски...» 211
И. П. Мятлеву 212
<Графине Ростопчиной> 212
Договор 213
«Прощай, немытая Россия...» 213
Утес 214
Спор 214
Сон 216
«Они любили друг друга так долго и нежно...» 217
Тамара 217
Свиданье 219
Листок 221
«Выхожу один я на дорогу...» 222
Морская царевна 223
Пророк 224
«Нет, не тебя так пылко я люблю...» 225

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Крест на скале 226
Черны очи 226
К*** («Когда твой друг с пророческой тоскою...») 227
<Н. Н. Арсеньеву> 227
«Когда надежде недоступный...» 227
«Никто моим словам не внемлет... я один...» 228

ПОЭМЫ

Кавказский пленник 231
Корсар 249
Джюлио 260
Исповедь 274
Последний сын вольности 280
Каллы 303
Ангел смерти 308
Измаил-Бей 322
Литвинка 383
Аул Бастунджи 397
Хаджи Абрек 418
Боярин Орша 430
Сашка 458
Монго 508
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова 515
Тамбовская казначейша 529
Беглец 551
Демон 555
Сказка для детей 584
Мцыри 594

Другие редакции «Демона» 614

Комментарии 660

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

Сочинения

ТОМ

2

Москва
Издательство „Правда"
1990

Содержание

ДРАМЫ

Menschen und Leidenschaften 5
Странный человек 63
Маскарад 126
Два брата 239

ПРОЗА

<Вадим> 275
Княгиня Лиговская 380
<«Я хочу рассказать: ...» > 443
Ашик-Кериб 447
Герой нашего времени 455
Часть первая
I. Бэла 456
II. Максим Максимыч 489
Журнал Печорина. *Предисловие* 498
I. Тамань 499
Часть вторая (*Окончание журнала Печорина*)
II. Княжна Мери 509
III. Фаталист 580
Кавказец 590
<Штосс> 594
Панорама Москвы 608
Комментарии 613
Хронологическая канва жизни и творчества М. Ю. Лермонтова 648
Алфавитный указатель 688

Комментарии

ДРАМЫ

Menschen und Leidenschaften (с. 5).— Написано в 1830 г. Дата указана самим Лермонтовым на заглавном листе рукописи: «Menschen und Leidenschaften (ein Trauerspiel) <Люди и страсти (трагедия)> 1830 года. М. Лермонтов».

В пьесе широко использован автобиографический материал. Главный герой Юрий Волин — характер, близкий лермонтовскому; во многих случаях монологи Волина соотносятся с лирикой Лермонтова 1830 г. Реальную основу имеет и предыстория событий, составляющих сюжет «Menschen und Leidenschaften»: семейная распря между старухой Громовой и Н. М. Волиным, о которой рассказывает горничная Дарья, повторяет действительные отношения, сложившиеся между бабушкой Лермонтова и его отцом. Прототипов имеют некоторые второстепенные персонажи пьесы: горничная Дарья — это ключница в Тарханах Дарья Григорьевна Соколова; Иван — Андрей Иванович Соколов, муж Дарьи Григорьевны, лакей, «дядька» Лермонтова.

В пьесе воспроизведены картины хорошо знакомой Лермонтову жизни помещичьей усадьбы. При этом внимание поэта сосредоточено не только на семейно-бытовой коллизии, но и на отношениях социальных; в поле его зрения — уродливые проявления крепостничества: жестокость, раболепие, лицемерие, ложь. Противостояние порочному обществу чистого душой, высокого романтического героя, бессильного против царящего в мире зла, составляет основной конфликт драмы.

С. 5. *Посвящается.*— После этого слова в рукописи стоит двоеточие, тире и густо зачеркнутое имя адресата, оставшееся неизвестным.

С. 7. *...наконец его улакомили, и он, оставя сынка, да и отправился к себе в отчину.*— Так же как герой драмы Н. М. Волин, Ю. П. Лермонтов, получив после смерти жены от Е. А. Арсеньевой, бабушки Лермонтова, вексель на 25 тысяч рублей, оставил ей сына и уехал в свое имение.

...хоть он и нарахтится в важные люди.— Нарахтиться — стремиться к чему-либо.

С. 9. *...Если жизнь тебя обманет...*— Стихотворение А. С. Пушкина (опубликовано в «Московском телеграфе», 1825, № 17).

Смертный, мне ты подражай... А за чашей отдыхай.— Источником этого четверостишия послужили стихи Пушкина «Гроб Анакреона» (1815), его поздняя редакция, опубликованная в сборнике стихотворений Пушкина 1826 г.:

Смертный, век твой привиденье;
Счастье резвое лови!
...Наслаждайся, наслаждайся!
Чаще кубок наливай!
Страстью пылкой утомляйся,
А за чашей отдыхай!

С. 10. *...сделался таким мрачным,— как доктор Фауст!* — Доктор Фауст — герой одноименной трагедии (1808—1832) И. В. Гете, жизненный путь которого проходит в трудных поисках смысла жизни.

С. 12. *Поверь мне, той страны нет краше и милее...*— Неточная цитата из басни И. А. Крылова «Два голубя» (1808):

Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая, иль где живет ваш друг.

С. 14. *...я была у Троицкой лавры...*— Троице-Сергиева лавра — монастырь, основанный в середине XIV в. (ныне г. Загорск, 71 км от Москвы). Лермонтов посетил лавру в середине августа 1830 г.

С. 21. *Все колбасники, шмерцы!..*— Пренебрежительные прозвища немцев.

С. 22. *Неужто Кант был дурак?..*— Кант Иммануил (1724—1804) — немецкий философ; положил начало немецкой классической философии.

...тот, который знает, что он ничего не знает...— Здесь Н. М. Волин приводит суждение, приписывавшееся древнегреческому философу Сократу (ок. 470—399 до н. э.), который считал, что невозможно обладать позитивным знанием.

С. 32. *Если я умру, то брат Павел Иванович опекуном именью...*— Известно, что бабушка Лермонтова Е. А. Арсеньева распорядилась в случае своей смерти передать до совершеннолетия внука опеку над именем своему младшему брату Афанасию Алексеевичу Столыпину (1788—1866); если умрет и он, то принять опеку должны были другие братья. Внук Арсеньевой, М. Ю. Лермонтов, становился владельцем всего ее движимого и недвижимого имения только при том условии, что будет жить отдельно от отца.

С. 40. *...если когда-нибудь Купидон заглядывал в ваше сердце...*— Купидон — в римской мифологии бог любви.

С. 45. *...недвижна, как жена Лотова...*— Как гласит библейская легенда, в момент бегства из Содома жена Лота, несмотря на запрет ангелов, оглянулась на оставленный город и была превращена в соляной столп (Бытие, 19, 26).

С. 47. *Прочь, прочь... сирена... прочь от меня...*— Сирены в греческой мифологии — фантастические существа, полуженщины-полуптицы, своим волшебным пением увлекавшие мореходов и губившие их. В переносном смысле — соблазнительные красавицы, завораживающие своим голосом.

С. 57—59. Явления 8 и 9 с небольшими изменениями были введены в пьесу «Странный человек» (сцена XI).

С. 61. *...мы с тобой не были созданы для людей.*— Эти слова Юрия почти полностью совпадают с заключительной строкой стихотворения «Эпитафия» (1830): «Он не был создан для людей».

Странный человек (с. 63).— Драма написана в 1831 г. Первоначальный вариант закончен 17 июля, о чем свидетельствует помета Лермонтова на обложке тетради: «Странный человек. Романтическая драма. 1831 года кончена 17 июля. Москва». В августе — октябре в пьесу были введены еще две сцены и монолог Арбенина; необходимость этих дополнений стала очевидной после окончания пьесы и была зафиксирована в следующей записи: *«Memor* <для памяти>: прибавить к «Странному человеку» еще сцену, в которой читают историю его детства, которая нечаянно попалась Белинскому». Лермонтов вновь переписал текст, на обложке беловой рукописи сделал надпись: «Странный человек. Романтическая драма. Москва, 1831 года».

В пьесе «Странный человек» драматургический конфликт построен на столкновении независимого в мыслях и поступках героя с обществом. Идейно и тематически она во многом родственна написанной годом ранее лермонтовской трагедии «Menschen und Leidenschaften»; ряд реплик, монологов и даже явлений в «Странном человеке» заимствованы из «Menschen und Leidenschaften».

С. 63. *Я решился изложить драматически происшествие истинное...*— В драме «Странный человек» нашла свое отражение история отношений Лермонтова с Натальей Федоровной Ивановой (1813—1875), адресатом лирического цикла 1830—1832 гг. (о ней см. в примечании к стихотворению «Н. Ф. И....вой» («Любил с начала жизни я...»; наст. изд. т. 1, с. 662). Первые встречи с Ивановой, ее приветливое внимание к поэту, доброжелательность и дружеское участие позволили Лермонтову надеяться на ее ответное чувство; между тем эти надежды были обмануты. Мотив измены и вероломства становится основным в произведениях, посвященных Ивановой. Героине

«Странного человека» переданы имя и отчество Н. Ф. Ивановой, черты ее внешнего и внутреннего облика. В значительной мере автобиографичен и образ Владимира Арбенина; в текст «Странного человека» намеренно введены стихи Лермонтова, посвященные Н. Ф. Ивановой,— в драме они выполняют роль стихотворного обращения Арбенина к Загорскиной. Сюжетная линия, связанная с родителями Арбенина, достаточно далека от реальных фактов биографии Лермонтова; общим является лишь самый факт семейного разлада и вызванные им переживания героя.

Ощущение подлинности изображаемых событий подчеркивается драматургической конструкцией произведения, состоящего из датированных сцен, сообщающих пьесе характер дневника.

С. 64. The Lady of his love was wed with one...— Стихотворение Дж. Байрона «The Dream» («Сон», 1816), отрывок из которого Лермонтов взял в качестве эпиграфа к «Странному человеку», органически входит в художественную ткань пьесы и представляет собою как бы ее лирический подтекст. В его рабочей тетради, содержащей сцены из «Странного человека», есть «запись для памяти», зафиксировавшая намерение Лермонтова сделать прозаический перевод «Сна» для своей кузины Александры Михайловны Верещагиной (этот перевод либо не был сделан, либо не сохранился). «Сном» навеяно стихотворение Лермонтова «Видение», включенное в текст «Странного человека» как «пиеса» Арбенина, о которой один из героев драмы, Зарецкой, говорит: «Арбенин описывает то, что с ним было, просто, но есть что-то особенное в духе этой пиесы. Она, в некотором смысле, подражание «The Dream» Байронову».

Утром 26 августа.— Даты, указанные перед каждой сценой, были внесены в беловую рукопись вместе с разделением текста на сцены. Возможно, ими отмечены памятные Лермонтову дни, относящиеся ко времени его увлечения Н. Ф. Ивановой.

С. 67. *Входит Белинской...*— Фамилия Белинской, вероятно, происходит от названия села Белынь Нижнеломовского уезда Пензенской губернии. Того же происхождения, по-видимому, и фамилия критика В. Г. Белинского, не имеющего тем не менее никакого отношения к названному выше действующему лицу драмы Лермонтова. Не исключено, что под именем Белинского в «Странном человеке» выведен соученик Лермонтова по Московскому университету Дмитрий Павлович Тиличеев (1812 — после 1860).

С. 69. *Магомет сказал, что он опустил голову в воду и вынул, и в это время четырнадцатью годами состарился.*— Этот эпизод не упоминается ни в Коране, ни в преданиях об основателе ислама. Лермонтов использовал легенду о Магомете, которая в XVIII в. была зафиксирована в английском сатирико-нравоучительном журнале «The Spectator» («Зритель»), 1711, № 94, 18 июня.

С. 73. *...господа кавалеры, не хотите ли играть в мушку...*— Мушка — карточная игра.

С. 75. *Я не сотворен для людей теперешнего века и нашей страны...*— Ср. в поэме «Демон»:

Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!

...со мною случится скоро горе, не от ума, но от глупости!..— Комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума» Лермонтов мог знать не только по постановкам (в искаженном цензурой варианте) на петербургской и московской сценах (январь — ноябрь 1831 г.); ему, вероятно, были известны и многочисленные списки «Горя от ума», которые ходили по Москве.

...как прошлый раз в Собрании один кавалер уронил замаскированную даму...— Костюмированные балы устраивались в зале Московского благородного собрания (здание построено архитектором М. Ф. Казаковым в 1780-х годах. Ныне — Дом Союзов).

С. 76. *А бывало, помню (ему еще было три года), бывало, барыня посадит его на колена к себе и начнет играть на фортепьянах что-нибудь жалкое. Глядь: а у дитяти слезы по щекам так и катятся!..*— В этом отрывке воспроизведен реальный факт биографии Лермонтова, зафиксированный в одной из его автобиографических заметок 1830 г.: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если б услыхал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать».

С. 80—86. *Сцена IV.*— В сцене IV изображен студенческий кружок, к которому принадлежал Лермонтов во время своего пребывания в Московском университете (с сентября 1830-го по июнь 1832 г.). В одно время с Лермонтовым в университете учились: В. Г. Белинский, А. И. Герцен, И. А. Гончаров, Н. П. Огарев, Н. В. Станкевич. О связях Лермонтова с кружком Герцена и Огарева, который возник в 1831 г., сведений не сохранилось. Общество близких друзей поэта составляли А. Д. Закревский, А. А. Лопухин, В. А. и Н. С. Шеншины — их иногда именовали «лермонтовской пятеркой». Есть основания предполагать, что персонаж «Странного человека», названный Заруцким, в какой-то мере списан с А. Д. Закревского, которому очень нравились лермонтовские стихи (стихи Арбенина в пьесе читает именно Заруцкой) и который был известен своим увлечением русской историей; в статье «Взгляд на русскую историю», напечатанной в 20-м номере «Телескопа» за 1833 г., Закревский специально останавливался на проблеме национальной самобытности России, подчер-

давая особенное значение Отечественной войны 1812 г. «1812 год,— писал он,— есть начало самобытной, национальной жизни России». До публикации статьи эти идеи могли быть им высказаны на собраниях дружеского кружка (ср. заключительный монолог Заруцкого).

С. 80. *Общипанных разбойников Шиллера*.— Упоминается московская постановка драмы Ф. Шиллера в переделке Н. Н. Сандунова, представлявшей собой вариант, приспособленный к требованиям цензуры и театральной администрации, занятой «бенефисными спекуляциями». Отрицательное отношение Лермонтова к принятой в театре традиции ставить пьесы классического репертуара в искажающем смысл «переложении» известно из его письма к тетушке Марии Акимовне Шан-Гирей (февраль 1830-го либо 1831 г.); в нем высказано сожаление, что знакомство театральной публики с творениями великого Шекспира происходит через перевод «перековерканной пиесы Дюсиса, который... переменил ход трагедии и выпустил множество характеристических сцен».

С. 80—81. *Мочалов ленился ужасно; жаль, что этот прекрасный актер не всегда в духе. Случиться могло б, что я бы его видел вчера в первый и последний раз: таким образом он теряет репутацию.*— В этих словах Чеяяева отразилось общее увлечение московской студенческой молодежи вдохновенной романтической игрой П. С. Мочалова («прекрасный актер»); здесь же отмечена характерная для Мочалова «неровность» игры — известная особенность его актерской манеры, о которой с сожалением писал В. Г. Белинский: «Со дня вступления на сцену, привыкши надеяться на вдохновение, всего ожидать от внезапных и волканических вспышек своего чувства, он всегда находился в зависимости от расположения своего духа: найдет на него одушевление — и он удивителен, бесподобен; нет одушевления — и он впадает не то чтобы в посредственность — это бы еще куда ни шло — нет, в пошлость и тривиальность... Вот в такие-то неудачные для него спектакли и видели его люди, имеющие о нем понятие как о дурном актере. Это особенно приезжие в Москву, и особенно петербургские жители».

С. 81. *Моя душа, я помню, с детских лет...*— Лермонтов передает Арбенину свое стихотворение «1831-го июня 11 дня» (1, 2, 5-я строфы; отдельные строки введенного в текст драмы стихотворения несколько изменены).

С. 82. *К чему волшебною улыбкой...*— Как самостоятельное стихотворение — неизвестно.

С. 83. *Я видел юношу: он был верхом...*— Начало стихотворения Лермонтова «Видение» (см. об этом т. 1, с. 668). В тексте драмы приведено с отдельными изменениями.

С. 88. *...я видел ее в театре: слезы блистали в глазах ее, когда играли «Коварство и Любовь» Шиллера!.. Неужели она равнодушно*

стала бы слушать рассказ моих страданий? — Для Лермонтова и современной ему молодежи драматургия Шиллера знаменовала собою страстный протест против всякой несправедливости, социального неравенства, духовной ограниченности, лицемерия и ханжества. Игра Мочалова, исполнявшего роль Фердинанда в драме Шиллера «Коварство и Любовь», производила огромное впечатление на романтически настроенных молодых людей. Реакцию потрясенной спектаклем Наташи Загорскиной Арбенин расценивает как знак благородства и одухотворенности ее натуры.

С. 89. *...терпенья уж нет. Долго мы переносили, однако пришел конец... хоть в воду!..* — Картины, изобличающие крепостное право, написаны в значительной мере по собственным впечатлениям Лермонтова, хорошо знакомого с бытом сельских дворян, живущих по соседству с Тарханами (имение бабушки, расположенное в Пензенской губернии), где поэт провел детство.

С. 92. *Скучно будет сегодня во Французском театре: играют скверно, тесно, душно. А нечего делать! весь beau monde!* — Здесь отразились впечатления от действовавшего в 1829—1830 гг. в Москве частного французского театра, созданного по инициативе С. С. Апраксина, старшины Благородного собрания, Д. В. Голицына, московского генерал-губернатора, министра двора П. М. Волконского и др. Несмотря на то, что труппа была слабой, а помещение, снятое для театра, неудобным и для зрителей, и для актеров, посещение французских спектаклей входило в обязательную программу развлечений «большого света».

С. 112. *Славная музыканьша будет на арфе играть... вы не слыхали еще? Она из Парижа...* — «Славная музыканьша» — С. Бертран, французская арфистка. В январе — марте 1831 г. в Москве проходили ее гастроли.

С. 114. *Когда одни воспоминанья...* — Отдельные строки перенесены в это стихотворение из «Романса к И...», первоначально введенного в драму. В результате дальнейшей переработки текста возникло стихотворение «Оправдание» (1841).

С. 117—118. *В каком романе... у какой героини вы переняли такие мудрые увещевания... вы желали бы во мне найти Вертера!.. Прелестная мысль...* — В романе И. В. Гете «Страдания молодого Вертера» (1774) герой, духовно близкий центральному персонажу лермонтовской пьесы, переживает любовную драму, подобную той, которая разыгрывается между Загорскиной, Арбениным и его счастливым соперником. Вертер находит возможным сохранить добрые отношения с возлюбленной и ее мужем. Арбенин с негодованием отвергает подобную систему отношений.

С. 123. *Вы, конечно, не ученик Лафатера?* — Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский пастор и писатель. В своем

главном труде «Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe» («Физиогномические фрагменты, способствующие познанию людей и любви к людям», 1775—1778) развивал теорию соответствия духовного мира человека его внешности.

Маскарад (с. 126).— Лермонтов работал над «Маскарадом» в течение 1835—1836 гг. Окончив в декабре 1834 г. Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, впервые надев гусарский мундир, Лермонтов принимает живейшее участие в светской жизни Петербурга; в это время его можно встретить и на балах в Дворянском собрании, и на знаменитых маскарадах в доме Энгельгардта, и в великосветских гостиных, и в театральной зале на очередной премьере с участием знакомых актрис. Об этом поэт мечтал еще в юнкерской школе. «...Одно лишь меня ободряет — мысль, что через год я офицер! — писал Лермонтов М. А. Лопухиной.— И тогда, тогда... боже мой! если бы вы знали, какую жизнь я намерен вести!.. О, это будет чудесно: во-первых, причуды, шалости всякого рода и поэзия, купающаяся в шампанском...». В декабре 1834 г. Лермонтов сообщал Лопухиной: «Я теперь бываю в свете...».

К началу работы над «Маскарадом» Лермонтов прекрасно изучил петербургский «свет». Эти впечатления в известной мере отразились в «Маскараде». Карточная игра и костюмированные балы с их обязательной интригой — наиболее распространенные увлечения современной Лермонтову дворянской молодежи — стали основными мотивами пьесы. На этих характерных деталях быта выстроен сюжет драмы; не менее важным вместе с тем оказалось и их символическое значение. Следы знакомства Лермонтова с конкретными лицами, типичными для столичного «общества», можно отыскать в некоторых персонажах «Маскарада». В Арбенине есть нечто общее с одержимыми карточной игрой писателем Н. Ф. Павловым (1803—1864), композитором А. А. Алябьевым (1787—1851), нечистым на руку игроком графом Ф. И. Толстым («Американцем») (1782—1846). Адам Петрович Шприх наделен портретным сходством с завсегдатаем петербургских аристократических салонов, либреттистом и музыкальным рецензентом Александром Львовичем Эльканом (1786—1868), послужившим прототипом Загорецкого в «Горе от ума» А. С. Грибоедова (опубл. 1833) и Шпирха в повести О. И. Сенковского «Предубеждение» (1834); у Сенковского Лермонтов и заимствовал фамилию своего персонажа, слегка ее изменив («Шприх» вместо «Шпирх»).

Лермонтов как автор «Маскарада» продолжил традицию обращения к теме маскарада и карточной игры, характерной как для

современной ему русской литературы (повесть А. А. Бестужева-Марлинского «Испытание» (1830), из которой заимствованы фамилии двух действующих лиц «Маскарада» — баронессы Штраль и князя Звездича; роман Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских» (1832), «Пиковая дама» А. С. Пушкина (опубл. 1834)), так и для западноевропейской («Trente ans, ou La vie d'un joueur» («Тридцать лет, или Жизнь игрока», 1827) В. Дюканжа и Дино).

Драматургически «Маскарад» Лермонтова наиболее близок комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (изображение героя, противостоящего обществу, особенности стиха и стиля и т. д.).

«Маскарад» известен в нескольких редакциях. Первоначальная редакция пьесы состояла из четырех актов. В начале октября 1835 г. Лермонтов передал в театральную цензуру новый, трехактный вариант драмы; этот текст до нас не дошел, и единственным источником сведений о нем служит развернутый отзыв цензора Е. И. Ольдекопа, который подробно изложил содержание просмотренной рукописи. Ольдекоп не счел возможным допустить пьесу к постановке, главным образом из-за содержащихся в ней нападок на публичные маскарады в доме Энгельгардта: «Я не знаю, сможет ли пьеса пойти даже с изменениями; по крайней мере сцена, где Арбенин бросает карты в лицо князю, должна быть совершенно изменена... Я не понимаю, как автор мог допустить такой резкий выпад против костюмированных балов в доме Энгельгардтов». 8 ноября 1835 г. текст драмы был возвращен Лермонтову «для нужных перемен». Помимо Ольдекопа, коренной переделки «Маскарада» потребовал заинтересовавшийся пьесой шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, возмущенный тем, что Арбенин остался безнаказанным; рекомендации Бенкендорфа сводились к тому, чтобы в финале было показано «торжество добродетели» и «супруги Арбенины помирились». Знакомый Лермонтова поэт и камергер А. Н. Муравьев в своих воспоминаниях коснулся цензурной истории «Маскарада»: «Пришло ему (Лермонтову.— *И. Ч.*) на мысль написать комедию вроде «Горе от ума», резкую критику на современные нравы, хотя и далеко не в уровень с бессмертным творением Грибоедова. Лермонтову хотелось видеть ее на сцене, но строгая цензура Третьего отделения не могла ее пропустить. Автор с негодованием прибежал ко мне и просил убедить начальника сего отделения, моего двоюродного брата Мордвинова, быть снисходительным к его творению; но Мордвинов остался неумолим».

В ноябре — первой половине декабря 1835 г. Лермонтов вновь вернулся к тексту «Маскарада» и в конце года представил в драматическую цензуру еще один вариант пьесы. В письме к директору императорских Санкт-Петербургских театров А. М. Гедеонову он сообщал, что «возвращенную цензурою... пьесу «Маскерад»... пополнил

четвертым актом» в надежде на этот раз получить одобрение цензора. Однако и новая редакция пьесы не была разрешена к постановке: несмотря на то, что Лермонтов значительно переработал пьесу, он не учел при этом основных требований, предъявленных ему драматической цензурой и Бенкендорфом. Свой отказ дать пьесе цензурное разрешение (январь 1836 г.) Ольдекоп мотивировал также принадлежностью «Маскарада» к школе «неистовой» романтической драмы (В. Гюго, А. Дюма), запрещенной на русской сцене. Как писал впоследствии Лермонтов в своем «объяснении» по делу «О непозволительных стихах на смерть Пушкина», «драма «Маскарад», в стихах, отданная... в театр, не могла быть представлена по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель недостаточно награждена». В 1836 г. Лермонтов полностью переделал пьесу, изменив даже ее заглавие; новый, теперь уже пятиактный вариант назывался «Арбенин», были внесены изменения в сюжет пьесы, состав действующих лиц, концовку. В 20-х числах октября рукопись поступила в цензуру, а 26 октября было принято решение о ее запрещении.

После смерти Лермонтова, в 1843 г., знаменитый актер П. С. Мочалов попытался получить разрешение на постановку пьесы, но успеха не имел; неудачей окончились и хлопоты дирекции Александринского театра, предполагавшей сыграть «Маскарад» в бенефис актрисы М. Н. Валберховой в 1846 г. Безрезультатной была также новая попытка Мочалова добиться права поставить пьесу в свой бенефис в 1848 г. Первое представление «сцен» из лермонтовского «Маскарада» состоялось в 1852 г., а полностью (с незначительными изъятиями отдельных стихов) драма была разрешена к постановке на официальной театральной сцене (московский Малый театр) только через десять лет — в 1862 г.

Опубликован (с купюрами) «Маскарад» был в 1842 г. по инициативе А. А. Краевского в издании «Стихотворения М. Лермонтова» (ч. III, СПб., 1842).

С. 126. *Нина, жена его.*— Полное имя героини — Анастасия (см. первую сцену третьего действия пьесы: «Настасья Павловна споет нам что-нибудь»).

За столом мечут банк и понтируют...— Банк (штосс) — азартная карточная игра, распространенная в 1830-е годы. Игрок (банкомет) мечет банк, то есть открывает карты, и в зависимости от того, куда упадет карта, уплачивает проигрыш (по карте, выпавшей направо) или оказывается в выигрыше (по карте, выпавшей налево). Понтировать — ставить деньги на карту, наугад вытащенную из колоды.

С. 127. *А семпелями плохо...* — Семпель — простая, не увеличенная относительно названной ранее суммы ставка. *Надо гнуть* — удвоить ставку. *Ва-банк* — ставка, равная сумме, поставленной банкометом.

С. 128. *Убита* — убитой называли проигравшую карту.

С. 135. *Не по нутру мне этот Ванька Каин...* — Имя Ваньки-Каина Лермонтов употребляет как синоним жулика, ловкого мошенника. Ванька-Каин (прозвище крестьянского сына Ивана Осипова) — знаменитый в первой половине XVIII в. московский вор и сыщик. Будучи сыщиком, организовал в своем доме игорный притон, где велась нечистая игра и были в ходу фальшивые деньги. О приключениях этого знаменитого своими подвигами исторического персонажа написан авантюрный роман М. Комарова «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки-Каина, всей его жизни и странных похождений» (СПб., 1779).

С. 136. *Обрежется...* — Этим термином обозначалась ошибка, допущенная игроком.

С. 138. *Ведь нынче праздники и, верно, маскерад У Энгельгардта...* — Энгельгардт Василий Васильевич (1785—1837) — полковник в отставке, широко известный в Петербурге богач, крупный игрок, весельчак и острослов. В молодости был дружен с Пушкиным. В. В. Энгельгардт получил от правительства привилегию на проведение в своем доме на Невском проспекте (ныне — Малый зал имени М. И. Глинки Ленинградской филармонии) публичных концертов и костюмированных балов. Вечера у Энгельгардта были чрезвычайно популярны, нередко на них присутствовали и члены царской фамилии.

С. 143. *Ты! бесхарактерный, безнравственный, безбожный, Самолюбивый, злой, но слабый человек; В тебе одном весь отразился век...* — Эти строки соотносятся со следующим отрывком из седьмой главы «Евгения Онегина»:

...два-три романа,
В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой...

С. 163. *Жорж Занд почти что прав!* — Санд (Занд) Жорж — псевдоним французской писательницы Авроры Дюпен, по мужу Дюдеван (1804—1876). Русскому читателю известна с начала 1830-х годов. Лермонтов, одним из первых обративший внимание

на проповедовавшие идею женского равноправия романы Жорж Санд, глубоко сочувствовал ее взглядам.

С. 196. *Возьмут Лепажа пистолеты...* — Лепаж — парижский оружейник. Пистолеты его марки во времена Лермонтова пользовались славой лучшего дуэльного оружия.

С. 198. *Чтоб в этом увидать картель...* — Картель — письменный вызов на дуэль.

С. 220. *А этой нежности ты знала ль цену?* — Одна из частых у Лермонтова автореминисценций (ср. в стихотворении «К *» («Я не унижусь пред тобою...»): «Такой души ты знала ль цену?»).

Два брата (с. 239). — По свидетельству историка, биографа Лермонтова и собирателя рукописей поэта Владимира Харлампиевича Хохрякова (ок. 1828—1916), пользовавшегося данными друга Лермонтова С. А. Раевского, драма написана в 1834—1836 гг. Упоминание о работе над пьесой содержится в письме Лермонтова к Раевскому от 16 января 1836 г.: «...пишу четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мною в Москве». «Происшествие в Москве» — это скорее всего встреча Лермонтова в декабре 1835 г. с горячо любимой им в юности В. А. Лопухиной (см. наст. изд., т. I, с. 668), которая в мае вышла замуж за Н. Ф. Бахметева; в таком случае драма «Два брата» создавалась в декабре 1835 — январе 1836 г.

При создании «Двух братьев» Лермонтов только отчасти использовал биографический источник; в целом пьеса ориентирована на ряд литературных образцов, варьирующих мотив вражды двух братьев-соперников, которые являются воплощением противоположных нравственно-этических начал в человеке: с одной стороны, доброта, благородство, искренность; с другой — жестокость, лживость, низость души (Ф. Шиллер — «Разбойники», 1781; Ф. М. Клингер — «Близнецы», 1776).

Характерный для творчества Лермонтова интерес к «внутреннему» человеку привел к усложнению фигуры Александра Радина элементами демонического характера, несущего зло и разрушение миру, который не принял, оттолкнул героя, задушив данные ему от рождения светлые стороны души. Здесь уже видна схема характера Печорина в «Герое нашего времени». Типологическая близость А. Радина и Печорина подтверждается и тем, что центральный монолог Радина «Да!.. такова была моя участь со дня рождения...» (действие 2, сцена 1) был почти без изменений перенесен в роман «Герой нашего времени». (Ср. также диалог Александра и Веры от слов Веры: «О, лучше убей меня» — до слов Александра: «...в груди моей возникло отчаянье,— не то, которое лечат дулом пистолета...» (наст. изд., с. 250) и диалог Мери с Печориным от слов Мери:

«...возьмите лучше нож и зарежьте меня...» — до слов Печорина: «...не то отчаянье, которое лечат дулом пистолета...» (наст. изд., с. 542).

Пьеса «Два брата», созданная после «Маскарада» и перед «Героем нашего времени», знаменовала переход Лермонтова к прозе, переход от психологической драмы к психологическому роману.

С. 239—240. *...Веринька Загорскина...* — Фамилию Загорскина носит и героиня «Странного человека», так же как и Вера в «Двух братьях», представляющая собой характерный для лермонтовской лирики образ ветреной женщины, недостойной высокой любви героя.

С. 240. *...за князя Лиговского!* — Фамилия жениха Веры, как и вся в целом сюжетная коллизия, связанная с ее замужеством, повторяются в повести «Княгиня Лиговская» (1836).

С. 245. *...посмотри, какой чудесный трельяж у Дмитрия Петровича...* — Трельяж (фр. treillage) — либо трехстворчатое зеркало, либо тонкая деревянная решетка для вьющихся растений, ширма.

...Вера! посмотри, как переделали твой бриллиантовый фермуар. — Точное значение слова «фермуар» — нарядная застежка на ожерелье (фр. fermoir — застежка). Однако, как правило, это слово употреблялось в значении «ожерелье».

С. 248. *Поедемте вместе на Кузнецкий...* — Улица Кузнецкий мост в Москве, где располагались модные французские магазины, служила и излюбленным местом прогулок московской знати.

С. 260—261. *...один, всегда один, отверженный, как Каин...* — По библейской легенде, Каин, убивший своего брата Авеля, был проклят богом и осужден быть «изгнанником и скитальцем на земле» (Бытие, 4, 8—12).

С. 268. *...запру вас в степной деревне, и там извольте себе вздыхать, глядя на пруд...* — Подобное наказание ожидало и Софью в «Горе от ума» Грибоедова:

Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми;
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.

(Действие IV, явление 14).

ПРОЗА

<Вадим> (с. 275) — Незаконченный юношеский роман. Название, данное роману Лермонтовым, неизвестно, так как начальный лист рукописи не сохранился. Редакторские заглавия: «Горбач — Вадим. Эпизод из Пугачевского бунта (юношеская повесть)»; «Вадим. Неоконченная повесть».

Датируется 1833—1834 гг. на основании свидетельства Меринского, учившегося в это время вместе с Лермонтовым в юнкерской школе: «Раз, в откровенном разговоре со мной,— вспоминал Меринский,— он мне рассказал план романа, который задумал писать прозой, и три главы которого были тогда уже им написаны... Не помню хорошо всего сюжета, помню только, что какой-то нищий играл значительную роль в этом романе... Он не был окончен Лермонтовым...»

Роман о пугачевском движении (1773—1775 гг.), охватившем в летние месяцы 1774 г. ряд волжских провинций, в том числе Пензенскую губернию и ряд северных уездов (Краснослободский, Керенский, Нижнеломовский), имел в своей основе материал устных преданий, легенд, воспоминаний старожилов. Многое Лермонтов почерпнул «из рассказов бабушки» — об этом он сам говорил Меринскому.

Среди пензенских помещиков, пострадавших от Пугачева, были родственники Е. А. Арсеньевой и родственники ее знакомых, в том числе убитый в Краснослободске капитан Данило Столыпин, подпоручик Василий Хомяшнев, сын которого Фома был крестным отцом Лермонтова, семьи Мартыновых, Мансыревых, Киреевых, Мещериновых, Моселовых.

Ряд сцен (бегство в лес Палицына, спасавшегося от пугачевцев в пещерах, казнь его жены, расправа с «упрямыми господами села Красного») восходит к подлинным эпизодам, подлинным событиям «пугачевского года». История Вадима могла иметь в основе свидетельства очевидцев о том, что среди пугачевцев оказалось несколько пензенских дворян: отставной корнет В. Д. Васильев (Шацкий уезд), А. Л. Евсюков и отставной поручик Н. Н. Чевкин (Нижнеломовский уезд). Примечательно, что Чевкин примкнул к мятежникам, желая отомстить соседу, помещику Левашову.

Место действия романа — Пензенский край, где Лермонтов вырос. Описывая поместье Палицына, расположенную недалеко от него деревню, где находился крутой и глубокий овраг, известный под названием «Чертово логовище», Лермонтов имел в виду местность, ему хорошо знакомую. Это окрестности Тархан, сел Нижние Поляны и Тархово, лесистый овраг Гремучий, лежащий к востоку от Тархова, пещеры около Пачелмы Пензенской области.

С. 275. *У ворот монастырских...* — Лермонтов описал здесь мужской монастырь в Нижнем Ломове, старинном городе, стоявшем на пути из Москвы в Пензу. С Тарханами его связывала короткая прямая дорога, сохранившаяся и до настоящего времени.

Известно, что вблизи от Нижнеломовского монастыря в августе 1774 г. неоднократно появлялись повстанческие отряды.

С. 278. *...за два месяца до Пугачева.*— Первые отряды пугачевцев появились на территории Пензенского края в конце июля 1774 г. Пенза была взята 1 августа. Волнения пензенско-воронежских крестьян начались еще до появления там Пугачева.

С. 297. *...разрушить естественный порядок...*— Выражение «естественный порядок» здесь означает — установленный природою, не зависящий от воли и разума человека (ср. в «Странном человеке»: «Я создан, чтоб разрушать естественный порядок», наст. изд., с. 102).

С. 301. *...на дне этого удовольствия шевелится неизъяснимая грусть, как ядовитый крокодил...*— Это сравнение восходит к повести Шатобриана «Атала». Оно встречается также в главе третьей «Княгини Лиговской», но употреблено в ироническом смысле.

С. 302. *Таково предание народное...*— Рассказ о женихе-призраке восходит к немецкой народной песне. Этот сюжет был использован Г. Бюргером в балладе «Ленора», в русской литературе известной по подражаниям и переводам В. А. Жуковского («Людмила», 1808, «Светлана», 1808—1812, «Ленора», 1831). Ср. балладу Лермонтова «Гость».

С. 308. *Этот гальванизм...*— Явление, открытое основоположником электрофизиологии итальянским анатомом и физиологом Луиджи Гальвани (1737—1798). Позднее гальванизм был определен как физиологическое действие электрического тока.

...таков был ужас Макбета...— Лермонтов напоминает 4-ю сцену III акта «Макбета» Шекспира, где появляется призрак убитого Банко.

С. 312. Песня «Воет ветер» встречается также в поэме Лермонтова «Азраил» с разночтениями в двух первых стихах.

С. 315. *«Ты черт или Гуммель»,— сказал Фильд...*— Гуммель Иоганн (Ян) Непомук (1778—1837); Филд Джон (1782—1837) — известные пианисты-виртуозы и композиторы. Гуммель, уроженец Братиславы, выступал с концертами в Петербурге и в Москве в 20-х гг. XIX в. Филд, ирландец, приехал в Россию в 1802 г. В 1831—1835 гг. концертировал в Западной Европе (Лондон, Париж). Умер в Москве.

...песня была дика...— Лермонтов ввел в текст романа юношеское стихотворение «Воля» (1831) в несколько измененной редакции (см. наст. изд. т. 1, с. 91).

С. 316. *...поезжай скажи Белбородке...*— Белбородко — вероятно, от фамилии пугачевского полковника Ивана Наумовича Белобородова, одного из наиболее талантливых сподвижников Пугачева.

С. 317. *...когда турки угнетали потомков Леонида...*— Потомки Леонида — греки. Леонид — спартанский царь, возглавив-

ший объединенное войско греческих полисов против персидского царя Ксеркса. Героически погиб при защите Фермопильского ущелья (480 г. до н. э.). Греция освободилась от турецкого ига, длившегося 400 лет, в 1829 г.

С. 320. *...рисуются под Адамовой головой.*— Адамова голова — христианский религиозный символ в виде черепа и скрещенных под ним костей.

С. 338. *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!* — стих из «Божественной комедии» Данте («Ад», песнь 3, стих 9).

С. 341. *...в колючие объятья мадонны долорозы...*— «Мадонна долороза» (матерь скорбящая) — наименование средневекового орудия пытки.

С. 346. *...как семена притчи...*— Лермонтов имеет в виду притчу о сеятеле, изложенную в Евангелии от Матфея (XIII, 3—23), от Марка (IV, 3—20), от Луки (VIII, 4—15).

С. 348. *...поход! в Турцию...*— Турция объявила войну России 25 сентября/6 октября 1768 г. Военные действия начались в январе 1769 г. Через Дунай русские переправились под начальством Суворова в мае 1773 г.

С. 360. *...прощай, роза Гулистана.*— «Гулистан» в переводе с персидского значит «розовый сад». Так озаглавлено произведение персидского поэта и мыслителя Саади (р. между 1203—1210, ум. 1292).

Не одна тридцатилетняя вдова рыдала у ног его...— В этой фразе содержится намек на роман Бальзака «Тридцатилетняя женщина» (1831—1834), упоминание о котором есть и в «Герое нашего времени» (см. наст. том, с. 493).

...подобно плодам, растущим на берегах Мертвого моря...— В «Иудейской войне» Иосифа Флавия есть описание странных деревьев, растущих в окрестностях Асфальтового озера (Мертвого моря). Плоды их, съедобные на вид, но негодные к пище, рассыпаются в пепел при первом к ним прикосновении (IV, 8, 4). Этот сюжет использовал Д. Мильтон в «Потерянном рае» (кн. 10, ст. 760—767) и Томас Мур в «восточной» поэме «Лалла-Рук». Наиболее вероятно, что сравнение, употребленное здесь Лермонтовым, пришло к нему именно от Мура.

...узел, который судьба, не умея расплесть, перерубит, подобно Александру.— По преданию, Александр Македонский, не сумев распутать сложный узел, завязанный фригийским царем Гордием, разрубил его мечом.

С. 365. *Вдруг толпа раздалась, расхлынулась, как некогда море, тронутое жезлом Моисея...*— Ср. в Библии: «И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром

всю ночь, и сделал море сушею; и расступились воды» (Исход. 14, 21).

Княгиня Лиговская (с. 380).— Незаконченный роман из жизни петербургского общества 1830-х годов; был начат в 1836 г. Создавался при участии ближайшего друга Лермонтова, литератора и этнографа С. А. Раевского (1808—1876). С. А. Раевский служил в Департаменте государственных имуществ и был хорошо знаком с бытом и нравами петербургских чиновников. Беседы с ним явились для Лермонтова тем источником, откуда писатель получал фактический материал, необходимый ему для разработки сюжетной линии, связанной с образом Красинского.

Работа над романом была прервана событиями, последовавшими за гибелью в январе 1837 г. А. С. Пушкина. Вскоре Лермонтов и Раевский были высланы из Петербурга — первый за создание стихотворения «Смерть Поэта», второй — за его распространение. 8 июня 1838 г. Лермонтов писал Раевскому: «Роман, который мы с тобою начали, затянулся и вряд ли кончится, ибо обстоятельства, которые составляли его основу, переменились, а я, знаешь, не могу в этом случае отступить от истины».

Роман «Княгиня Лиговская» во многом автобиографичен; реальной основой сюжетной линии «Печорин — Негурова» послужили «петербургские» отношения Лермонтова с предметом его юношеской любви Е. А. Сушковой, охарактеризованные им самим в письмах к М. А. Лопухиной и А. М. Верещагиной (конец 1834 — начало 1835 г.). «...Я обращался с нею в обществе так, как если бы она была мне близка <...> Когда я заметил, что мне это удалось <...> я прибегнул к маневру. Прежде всего в свете я стал более холоден с ней, а наедине более нежным, чтобы показать, что я ее более не люблю, а что она меня обожает <...> когда она стала замечать это <...>, я в обществе первый покинул ее, я стал жесток и дерзок, насмешлив и холоден с ней <...> ...когда я увидал, что в глазах света надо порвать с нею, а с глазу на глаз все-таки еще казаться ей верным, я живо нашел чудесный способ — я написал анонимное письмо <...> Итак, вы видите, я хорошо отомстил за слезы, которые меня заставило пролить 5 лет тому назад кокетство m-lle С.» (из письма к А. М. Верещагиной — весна 1835 г.).

Отношения Лермонтова с В. А. Лопухиной (о ней см. в примечании к стихотворению «К Л.—» («У ног других не забывал...»), см. наст. изд., т. 1, с. 668) нашли отражение во второй сюжетной линии романа, связанной с именами Печорина и княгини Веры Лиговской. Прототипом князя Лиговского в романе явился Н. Ф. Бахметев, за которого В. А. Лопухина в 1835 г. вышла замуж.

С. 380. *Поди! — поди! раздался крик!* — Строка из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. I, строфа XVI; у Пушкина — Пади!).

С. 382. *...было бы любопытно для Лафатера...* — О Лафатере (см. примечание наст. изд. с. 619—620).

В заключение портрета скажу, что он назывался Григорий Александрович Печорин... — фамилия «Печорин» образована по тому же принципу, что и фамилия главного героя пушкинского романа (по названию северных русских рек) и потому, как писал В. Г. Белинский, «неизримо» с ним связывается. В рукописи I главы лермонтовского романа допущена характерная описка: «Онегин» вместо «Печорин».

С. 385. *...с теми, которых когда-то за Балканом...* — Участники русско-турецкой войны 1828—1829 гг. закончили ее переходом через Балканские горы.

...на мраморном камине стояли три алебастровые карикатурки Никколо, Иванова и Россини... — Паганини Никколо (1782—1840) — итальянский скрипач и композитор; Иванов Николай Кузьмич (1810—1880) — тенор, пользовавшийся европейской славой; Россини Джоаккино Антонио (1792—1868) — итальянский оперный композитор. А. М. Верещагина вспоминала, как Лермонтов «во все горло и до потери дыхания» пел дуэт из оперы Россини «Семирамида» (1823).

С. 385—386. *...он, как партизан Байрона, назвал ее портретом Лары...* — «Партизан Байрона» — почитатель, поклонник таланта английского поэта. Лара — герой одноименной поэмы Дж. Байрона (1814).

С. 386. *Как уголь, в горниле раскаленный!..* — Строка из «Оды, выбранной из Иова» (1743—1751) М. В. Ломоносова.

С. 387. *Поверьте, я лучше этого говорю по-русски — я не монастырка.* — Варенька подчеркивает, что она не воспитывалась в Институте благородных девиц (помещался в здании Смольного женского монастыря), где французскому языку уделялось бóльшее внимание, чем русскому.

Маленький Меркурий... — Меркурий в римской мифологии бог торговли, покровитель путешественников. Изображался в крылатых сандалиях, дорожной шляпе. Здесь его имя употреблено в значении «посыльный».

Давали Фенеллу... — Под названием «Фенелла» в Петербурге шла опера французского композитора Даниеля Франсуа Эспри Обера (1782—1871) «Немая из Портичи» (1828). Была разрешена к постановке после того, как в либретто оперы (сюжетом послужило восстание неаполитанских рыбаков против испанских поработителей в 1647 г.) был внесен ряд изменений. Известно, что Лермонтов любил играть увертюру к этой опере.

...ходят пить чай к Фениксу.— Лермонтов имеет в виду трактир «Феникс», располагавшийся против Александринского театра.

С. 392. *...так беден, что хожу в стулья...*— Красинский мог позволить себе только дешевые места в театре — за креслами.

С. 393. *...вызывали Новицкую и Голланда...*— Балерина Мария Дмитриевна Новицкая (1816—1868) с огромным успехом исполняла роль немой рыбачки Фенеллы в опере Обера. Голланд Константин (1804—1868) — оперный певец, артист немецкой оперной труппы в Петербурге. Выступал в роли Фиорелло (брата Фенеллы).

С. 396. *...идти пешком в Невский монастырь...*— Александро-Невская лавра находилась на самой окраине города.

С. 397. *...ибо натуральная история...*— Иначе — естественная история.

...один раз на два месяца в Ревель на воды...— Современное название Ревеля — Таллин.

...взяли учителя по билетам...— «Учителю по билетам» платили не за каждый урок, а по накопившимся талонам.

С. 410. *В Москве, где прозвания еще в моде, прозвали их la bande joyeuse.*— Одно из писем Лермонтова к своей московской приятельнице С. А. Бахметевой подписано: «член вашей bande joyeuse» («веселой шайки»). Бахметева называла так Лермонтова и его друзей — Н. И. Поливанова, В. А. и Н. С. Шеншиных, А. Д. Закревского и А. А. Лопухина.

С. 411. *...суждения молодых людей, воспитанных в Москве и привыкших без принуждения постороннего развивать свои мысли...*— Лермонтов подчеркивает разницу между «московским» и «петербургским» воспитанием; последнее, по его мнению, приводило к нивелировке личности: уничтожению ее своеобразия, к утрате индивидуальности. В письме к М. А. Лопухиной (28 августа 1832 г.) из Петербурга Лермонтов писал: «...видел я образчики здешнего общества: любезнейших дам, учтивейших молодых людей — все вместе они производят на меня впечатление французского сада, очень тесного и простого, но в котором с первого раза можно заблудиться, потому что хозяйские ножницы уничтожили всякое различие между деревьями!»

Наконец приехали в монастырь... и последний Новик открыл так поздно имя свое и судьбу свою... — «Последний Новик» — название исторического романа И. И. Лажечникова (1792—1869), написанного в 1831—1833 гг. «Новики» — в допетровское время молодые дворяне, начинавшие службу при дворе без определенной должности. Лермонтов отсылает к событиям заключительной главы романа, которые развертываются на площадке западной башни Симонова монастыря.

С. 413. *После взятия Варшавы...* — Речь идет о польском восстании 1831 г.; Варшава была занята царскими войсками 8 сентября.

С. 415. *...букли à la Sévigné...* — В XVIII в. появилась мода на прическу, которую носила маркиза де Севинье (1626—1696), чье имя стало необыкновенно популярным после издания в 1726 г. ее писем к дочери. В прическе «à la Sévigné» обруч стягивал волосы на темени и лицо обрамляли длинные букли, ниспадающие до плеч.

...У мужчин прически à la jeune France, à la russe, à la moyen âge, à la Titus... — Лермонтов подчеркивает разнообразие причесок: длинные волосы (мода французских писателей-романтиков), волосы, остриженные в кружок (à la russe), челка и волосы до плеч (à la moyen âge), короткая стрижка (как у Тита, римского императора).

...какая смесь одежд и лиц! — Строка из поэмы Пушкина «Братья разбойники» (1821—1822).

...в малиновом токе... — Ток — название высокого женского головного убора без полей (от фр.— toque).

С. 417. *Он увернулся от решительного ответа, как Талейран или Меттерних.* — Лермонтов называет имена двух известных политиков и государственных деятелей, отличавшихся особым дипломатическим искусством. Это француз Талейран-Перигор Шарль Морис (1754—1838) и австриец Меттерних-Виннебург Клеменс Венцель Лотар (1773—1859).

С. 419. *...картина Брюллова «Последний день Помпеи» едет в Петербург.* — Картина К. П. Брюллова была привезена из Италии в конце июля 1834 г. и в августе выставлена в Эрмитаже.

С. 423. *...борода à la St.-Simonienne* — мода, принятая в подражание последователям учения графа Клода Анри де Сен-Симона (1760—1825), французского мыслителя, социалиста-утописта. В Париже 1830-х годов такую бороду носили молодые люди, принадлежавшие к артистической богеме, и сенсимонисты.

...он называл себя Горшенков. — Возможно, что прототипом Горшенкова явился петербургский журналист, камер-юнкер Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков (1805—1873). Считалось, что Тарасенко-Отрешков был связан с III Отделением.

С. 441. *Вкус, батюшка, отменная манера.* — Цитата из «Горя от ума» Грибоедова (действие второе).

<«Я хочу рассказать вам...»> (с. 443).— Прозаический отрывок, начатый, возможно, до «Княгини Лиговской». Не исключено, однако, что он написан в последние годы жизни Лермонтова, так же как ряд произведений, опубликованных вместе с ним в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845).

С. 444. *Он родился в Москве. Скоро после появления его на этот свет его мать разъехалась с его отцом по неизвестным причи-*

нам.— Рассказ о детстве Арбенина в известной мере автобиографичен.

С. 445. *Деревня эта находилась на берегу Волги... Бедные качели!* — По содержанию этот отрывок близок рассказу о детстве героя в поэме Лермонтова «Сашка».

Ашик-Кериб (с. 447).— Написано в 1837 г. в Закавказье: там стоял Нижегородский драгунский полк, куда Лермонтов был переведен из гвардии за стихи на смерть Пушкина. Сказка «Ашик-Кериб» представляет собой запись азербайджанского дастана об Ашыг-Гарибе (ашик — народный певец, музыкант; кериб — чужеземец, бедняк). Этот сюжет известен в грузинском, армянском, туркменском, узбекском, турецком вариантах. Существует несколько записей азербайджанского сказания, первая из которых была сделана в XIX в. учителем А. Махмудбековым со слов сказителя Оруджа. Лермонтовский вариант наиболее близок записи, сделанной много позже, в 1944 г., азербайджанским фольклористом Ахлиманом Ахундовым со слов Мешеди-Дадаша Ахмед оглы. Много общего в лермонтовском тексте и с грузинской записью, сделанной в 1930 г. со слов Аслана Блиадзе (характерно, что эта запись восходит к азербайджанским источникам). Лермонтов назвал свою сказку турецкой. Однако преобладание в тексте «Ашик-Кериба» азербайджанских языковых элементов (терминология, диалектные формы, следы произношения) доказывает, что сказку Лермонтову рассказал азербайджанец. Примечательно, что в среде народов Закавказья азербайджанский язык назывался турецким.

Записав сказку, Лермонтов отказался от ее дальнейшей обработки. Этим объясняется отсутствие единообразия в передаче местных слов и выражений: «хадерилияз» и «хадрилиаз», «Арзерум» и «Арзрум», «шинды гёрурсез» и «шинди гёрузез» и т. д.

С. 448. *Прибыл он, наконец, в Халаф* — Халаф — древнее название Халеба (Алеппо) — города на северо-западе Сирии.

С. 451. *Хадерилиаз (Хадрилиаз)* — мусульманский пророк; в его имени отразилось предание о переселении души пророка Хидра в пророка Илью (Илиаз — азербайджанская форма этого имени). В некоторых легендах такого отождествления нет; Илья и Хидр действуют рядом. Сам Лермонтов в тексте сказки поясняет, что Хадерилиаз — это св. Георгий; по-видимому, в этом проявилось влияние армянского и грузинского фольклора, в котором смешение Хадерилиаза со св. Георгием встречается достаточно часто.

С. 453. *В городе Халафе я пил мисирское вино...*— Миср — арабское наименование Египта; Миср аль-Кахира — древнее название Каира.

Намаз — ежедневное пятикратное моление у мусульман, один из главных обрядов ислама.

Герой нашего времени (с. 455).— Хронологические рамки, которыми определяется основная работа над романом,— 1838—1839 гг. Последовательность создания отдельных его частей не документирована и устанавливается на основании косвенных свидетельств. Возможно, осенью 1837 г. были сделаны черновые наброски к «Тамани» и затем к «Фаталисту» — вероятно, еще безотносительно к общему замыслу романа, который сложился несколько позже. Вместе с тем не исключено, что «Тамань» была написана последней, а «Фаталист» — после «Максима Максимыча».

«Бэла», «Фаталист» и «Тамань» стали известны читателю до выхода в свет отдельного издания романа — по журнальной публикации в «Отечественных записках» (1839, № 3, 11; 1840, № 2). «Фаталист» был напечатан со следующим редакционным примечанием: «С особенным удовольствием пользуемся случаем известить, что М. Ю. Лермонтов в непродолжительном времени издаст собрание своих повестей,— и напечатанных, и ненапечатанных. Это будет новый прекрасный подарок русской литературе». Сообщение, сделанное редакцией «Отечественных записок», подтвердилось: через несколько месяцев, в апреле 1840 г., было опубликовано «сочинение М. Лермонтова» (так стояло на обложке книги) «Герой нашего времени». Оно действительно состояло из ряда отдельных новелл, открывавшегося «Бэлой» и заключенного «Фаталистом». Однако это не было просто случайное «собрание повестей»; это было цельное произведение, роман, построенный на объединении (в соответствии с традицией, характерной для русской прозы 1830-х годов) малых жанровых форм. Каждая повесть, таким образом, оказывалась значимой не только сама по себе, но играла свою особую роль в системе всего произведения, задуманного как роман о современном герое. Это обстоятельство определило и порядок расположения частей, следующих друг за другом вне хронологии реальных событий (на самом деле эти события развивались в такой последовательности: по дороге на Кавказ Печорин сначала останавливается в Тамани («Тамань»), затем оказывается в Пятигорске («Княжна Мери»), потом попадает в крепость, откуда отлучается в казачью станицу («Фаталист»), по возвращении его в крепость разыгрывается история с похищением Бэлы («Бэла») и т. д.).

Первоначальное заглавие романа, известное по рукописи,— «Один из героев начала века»,— связано с появившимся в 1836 г. и сразу ставшим знаменитым романом А. Мюссе «La confession d'un enfant du siècle» («Исповедь сына века»; более точно — одного из детей века (эпохи)). Роман Лермонтова о «современном человеке»,

во внешних действиях и исповеди которого точно обозначились приметы исторического времени, сразу же по выходе в свет был восторженно встречен В. Г. Белинским, блестяще раскрывшим его социально-психологическое и философское содержание.

В начале 1841 г. «Герой нашего времени» вышел вторым изданием. В него было введено предисловие, написанное в ответ на враждебные критические статьи, появившиеся в связи с первой публикацией романа, например, С. А. Бурачка в журнале «Маяк» (1840, ч. IV, гл. IV), определившего Печорина как «эстетическую и психологическую нелепость», клевету «на целое поколение людей».

Бэла (с. 456).— Напечатана в «Отечественных записках» (1839, № 3) с подзаголовком «Из записок офицера о Кавказе», который подчеркивал связь новеллы с массовой романтической «кавказской литературой», распространенной в 1830-х годах. Между тем произведение Лермонтова было написано в принципиально иной художественной манере — вопреки традиции живописно-риторических описаний; стилистически оно было ориентировано на «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина. Эту особенность «Бэлы» отмечал В. Г. Белинский: «Простота и безыскусственность этого рассказа — невыразимы, и каждое слово в нем так на своем месте, так богато значением. Вот такие рассказы о Кавказе, о диких горцах и отношениях к ним наших войск мы готовы читать, потому что такие рассказы знакомят с предметом, а не клевещут на него. Чтение прекрасной повести г. Лермонтова многим может быть полезно еще и как противоядие чтению повестей Марлинского».

С. 458. *Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче... Когда он приехал на Линию...* — Ермолов Алексей Петрович (1777—1861) — генерал; известен некоторой близостью декабристам и оппозиционными по отношению к правительству Николая I настроениями. В 1816—1827 гг.— командир Отдельного кавказского корпуса. Линия — Кавказская кордонная линия, протянувшаяся от Черного до Каспийского моря; на ней был выстроен ряд укреплений и располагались казачьи и регулярные войска.

С. 460. *...у Каменного Брода...* — Каменный брод (по-кумыкски — Таш-Кичу) — укрепление на реке Аксай, недалеко от станицы Шелковской, построенное в 1825 г. по приказу генерала А. П. Ермолова для защиты от набегов чеченцев.

С. 461. *...как напьются бузы...* — Буза — хмельной напиток, приготовленный из печеного хлеба или просяной (кукурузной) муки.

...у мирнова князя был в гостях. — Мирные горцы — горцы, давшие присягу на верность русскому правительству. Однако присяга эта давалась не по доброй воле, и потому сколько-нибудь сущест-

венных различий между мирными и немирными горцами не существовало.

С. 463. *...моего старого знакомца Казбича.*— Лермонтовскому герою дано имя исторического лица Кизилбеча Шеретлукова (или просто Казбича) — знаменитого вождя черкесского племени шапсугов, до 1863 г. отчаянно сопротивлявшегося русским войскам. Однако этот исторический Казбич не является прототипом действующего лица «Бэлы»; это следует из ответа Максима Максимыча на вопрос проезжего офицера о судьбе его «старого знакомца»: «Слышал я, что на правом фланге у шапсугов есть какой-то Казбич, удалец... да вряд ли это тот самый!..»

...гоняться за Кубань с абреками...— Абрек (в первоначальном значении) у народов Северного Кавказа и в Дагестане — горец, изгнанный из рода и занимающийся разбоем. Во времена Кавказской войны так называли тех, кто вел борьбу против русских.

С. 465. *...спускается прямо к ним мой Карагёз.*— Карагёз (тюрк.) — черноглазый, черноглазый.

С. 466. *...и шашка его настоящая гурда...*— Так назывались лучшие старинные сабельные клинки. О происхождении названия «гурда» существует легенда: «Рассказывают, что один из туземных мастеров, достигший чрезвычайным трудом и усилиями выделки этих чудесных клинков, встретил себе соперника в лице другого мастера, старавшегося всячески подорвать его репутацию. Произошла ссора, и первый, желая доказать преимущество своего железа, с криком «Гурда!» (Смотри) одним ударом перерубил пополам и клинок, и самого соперника. Имя этого мастера изгладилось из народной памяти, но его восклицание «гурда!» так и осталось за его клинками».

Много красавиц в аулах у нас...— Песня Казбича близка черкесской песне в поэме Лермонтова «Измаил-Бей». Обе песни написаны по мотивам горского фольклора.

С. 476. *...отпрягши заранее уносных...*— Так называлась первая пара лошадей при запряжке четверкой (уносы — постромки).

...переезд через Крестовую гору (или, как называет ее ученый Гамба, le Mont St.-Christophe) достоин вашего любопытства.— Жак Франсуа Гамба в своей книге «Путешествие в Южную Россию» (1826) Крестовую гору переименовал в гору Святого Христофора.

С. 478. *Байдара* — правый приток Терека.

С. 489. *...удалец, который в красном бешмете разъезжает...*— Бешмет — горская одежда, полукафтан; его носили под верхним платьем.

Максим Максимыч (с. 489).— В печатном тексте рассказа отсутствует абзац, известный по рукописи: «Я пересмотрел записки Печорина и заметил по некоторым местам, что он готовил их к

печати, без чего, конечно, я не решился бы употребить во зло доверенность штабс-капитана». В предисловии к «Журналу Печорина» Лермонтов специально подчеркнул, что записки его героя писаны «без тщеславного желания возбудить участие или удивление»; то есть для себя, без расчета на публикацию.

С. 490. *...Казбек в своей белой кардинальской шапке.*— Здесь Лермонтов допустил ошибку: кардиналы, ближайшие советники и помощники папы по управлению церковью, носят головные уборы красного цвета.

...нечто вроде русского фигаро.— Фигаро — имя героя трилогии Пьера Огюстена Карона де Бомарше (1732—1799): «Севильский цирюльник» (1775), «Женитьба Фигаро» (1784), «Преступная мать» (1794).

С. 493. *...он сидел, как сидит Бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала.*— Лермонтов имеет в виду героиню романа О. Бальзака «Тридцатилетняя женщина» (1831—1834).

Тамань (с. 499).— По свидетельству мемуаристов, сюжет повести построен на действительных событиях, участником которых оказался сам Лермонтов во время своего пребывания в Тамани осенью 1837 г. Товарищ Лермонтова по Школе юнкеров и позднее по лейб-гвардии Гродненскому полку М. И. Цейдлер, который посетил Тамань через год после него, в своих записках о Кавказе 1830-х годов подробно описал дни, проведенные в этом «небольшом, невзрачном городишке», и не мог не отметить сходства своего описания с «поэтическим рассказом о Тамани в «Герое нашего времени»: «Мне отвели с трудом квартиру, или, лучше сказать, мазанку, на высоком утесистом берегу, выходящем к морю мысом. Мазанка эта состояла из двух половин, в одной из коих я и поместился <...> по всей вероятности, мне суждено было жить в том же домике, где жил и он; тот же слепой мальчик и загадочный татарин послужили сюжетом к его повести. Мне даже помнится, что когда я, возвратясь, рассказывал в кругу товарищей о моем увлечении соседкою, то Лермонтов пером начертил на клочке бумаги скалистый берег и домик, о котором я вел речь». Рисунок Лермонтова сохранился.

С. 501. *В тот день немые возопиют и слепые прозрят...*— Неточная цитата из Библии: «И в тот день глухие услышат слова Книги, и прозрят из тьмы и мрака глаза слепых» (Книга пророка Исайи. 29, 18).

С. 504—505. *...бежит... моя ундина...*— Ундина в германо-скандинавском фольклоре — то же, что русалка в народно-поэтическом

творчестве славянских народов. Образ русалки-ундины не раз встречается в лермонтовской поэзии: «Русалка» (1836), «Мцыри» (1839), «Морская царевна» (1841). Лермонтов был знаком и с поэмой В. А. Жуковского «Ундина» (1837) — стихотворным переложением прозаической повести того же названия немецкого писателя Фридриха де ла Мотт Фуке (1777—1843).

С. 505. *...это открытие принадлежит юной Франции.*— «Юная Франция» — группа молодых французских писателей-романтиков (А. де Виньи, Ш. Нодье и др.), объединившихся после революции 1830 г. вокруг Виктора Гюго.

...я вообразил, что нашел Гётеву Миньону...— Миньона — героиня романа И. В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1793—1796).

Княжна Мери (с. 509).— Эта центральная часть записок Печорина наиболее широко представляет современное Лермонтову «общество», быт и нравы посетителей Кавказских минеральных вод. По свидетельству мемуаристов, многие персонажи повести имели своих прототипов. Считалось, например, что Грушницкий списан с Н. П. Колюбакина (1811—1868), задиры, дуэлянта, нередко следовавшего манере поведения героев своего приятеля А. А. Бестужева (Марлинского); не исключено, что в Грушницком отразились и какие-то черты Н. С. Мартынова (1815—1875), противника Лермонтова на роковой дуэли, состоявшейся в июле 1841 г., в прошлом его товарища по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Прообразом Веры в какой-то степени послужила В. А. Лопухина-Бахметева; мнения современников относительно прототипа княжны Мери расходятся: одни называли имя Н. С. Мартыновой, сестры Н. С. Мартынова, другие — Э. А. Клингенберг, пятигорской знакомой Лермонтова, впоследствии жены А. П. Шан-Гирея, друга и родственника поэта (сама Э. А. Шан-Гирей между тем возражала против подобного отождествления).

В рукописи «Княжны Мери» вычеркнут отрывок, объясняющий появление Печорина на Кавказе: «Но я теперь уверен, что при первом случае она (княгиня Лиговская.— *И. Ч.*) спросит, кто я и почему я здесь на Кавказе. Ей, вероятно, расскажут страшную историю дуэли, и особенно ее причину, которая здесь некоторым известна, и тогда... вот у меня будет удивительное средство бесить Грушницкого!» По-видимому, Лермонтов отказался от мысли вводить в текст изложение биографии своего героя, сосредоточив внимание на изображении его внутренней жизни.

С. 510. *...«последняя туча рассеянной бури».*— Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Туча» (1835).

Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка...— Соотносится со следующей фразой из юношеского стихотворения в прозе «Синие горы Кавказа, приветствую вас!»: «Воздух там чист, как молитва ребенка».

...узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись... под белой фуражкой образованный ум.— На эполетах армейских офицеров были обозначены номера их войсковых частей; солдаты-армейцы носили нумерованные фуражки и пуговицы (у гвардейцев на пуговицах был изображен двуглавый орел). Отрывок содержит намек на то, что при Николае I на Кавказе было много офицеров, переведенных за те или иные провинности из гвардии в армию (сам Лермонтов и его Печорин) или разжалованных в солдаты.

С. 514. *А что за толстая трость: точно у Робинзона Крузоэ!* — В романе Даниеля Дефо (ок. 1660—1731) «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» (1719) упоминается зонтик, который сделан руками самого героя; трость появилась во французских переводах, по-видимому, служивших источником знакомства Лермонтова с произведением английского писателя.

С. 518. *Тогда, посмотрев значительно друг другу в глаза, как делали римские авгуры, по словам Цицерона, мы начинали хохотать...*— Авгуры (жрецы) предсказывали будущее по полету птиц и их поведению, однако далеко не все верили их гаданию. Сами авгуры, вводившие римлян в заблуждение, по словам Цицерона, еле сдерживали смех, глядя друг на друга при встрече.

С. 528. *...из Пятигорска в немецкую колонию...*— Немецкая колония (Каррас, Шотландка) находилась в 8 км от Железноводска по дороге в Пятигорск. Основана шотландскими миссионерами (1802), поселившимися в ауле Каррас (у подножия Бештау) с тем, чтобы обращать в свою веру кавказских горцев. С 1808 г. шотландцев постепенно вытеснили немецкие колонисты. Лермонтов останавливался в Каррасе, направляясь 15 июля 1841 г. из Железноводска к месту поединка.

...смесь черкесского с нижегородским.— Лермонтов вводит в свой текст слегка измененную (в соответствии с содержанием текста) цитату из «Горя от ума» Грибоедова: «Господствует еще смешенье языков: французского с нижегородским» (слова Чацкого в 1-м действии пьесы).

С. 542. *Да, такова была моя участь с самого детства!..*— Таким же образом себя характеризует Александр Радин, герой драмы «Два брата»; его монолог (действие 2, сцена 1) был перенесен в роман «Герой нашего времени».

С. 546. *...одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным.*— Речь идет о Петре Павловиче Каверине (1794—1855), гусаре, вольнодумце, приятеле А. С. Пушкина, кото-

рый посвятил ему ряд стихотворений, в том числе «К Каверину» (1817). Упоминается Каверин и в «Евгении Онегине»:

К Talon помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин...

С. 551. *...Но смешивать два эти ремесла...* — Неточно процитированы слова Чацкого из третьего действия «Горя от ума»: «А смешивать два эти ремесла Есть тьма искусников, я не из их числа».

С. 553. *...Ума холодных наблюдений...* — Процитирована строка из посвящения «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (П. А. Плетневу).

...Вернер намедни сравнил женщин с заколдованным лесом, о котором рассказывает Тасс в своем «Освобожденном Иерусалиме». — В XIII песне эпической поэмы итальянского поэта Возрождения Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим» (переведена на русский язык в 1828 г. С. Е. Раичем и А. Ф. Мерзляковым) содержится описание очарованного леса, в который вступает герой поэмы рыцарь Танкред.

С. 555. *...есть минуты, когда я понимаю Вампира!* — Вампир — сверхъестественное существо, высасывающее человеческую кровь; здесь имеется в виду герой повести «Вампир», якобы записанной со слов Дж. Байрона его доктором Джоном Полидори; в 1828 г. переведена на русский язык П. В. Киреевским. Лермонтов упоминал Вампира и в черновом варианте предисловия к роману: «Если вы верили существованию Мельмота, Вампира и других — отчего же вы не верите в действительность Печорина?»

С. 558. *Вчера приехал сюда фокусник Апфельбаум.* — Иллюзионист Апфельбаум — реальное историческое лицо. В конце 1820-х годов жил в Москве; летом 1837 г. гастролировал на курортах Кавказских минеральных вод. О выступлениях Апфельбаума не раз сообщалось в периодической печати.

С. 566. *Архалук (ахалук)* — полукафтан из шерстяной или шелковой ткани, собранный у талии.

С. 570. *...не падайте заранее; это дурная примета. Вспомните Юлия Цезаря!* — Гай Юлий Цезарь (102 или 100—44 гг. до н. э.), римский диктатор и полководец, был убит заговорщиками в сенате. По словам древних историков, существовал ряд предзнаменований, предостерегавших Цезаря от появления на заседании сената; известно, например, что по пути туда он оступился на пороге.

С. 577. *...заснул сном Наполеона после Ватерлоо.* — Проиграв битву при Ватерлоо (1815), где решалась судьба его империи, Наполеон, по преданию, проспал более полутора суток.

Фаталист (с. 580). — Относительно сюжетного источника новеллы не существует единого мнения. По утверждению биографа

Лермонтова П. А. Висковатова (1842—1905), «Фаталист» «списан с происшествия, бывшего в станице Червленной с (Акимом Акимовичем.— *И. Ч.*) Хастатовым», дядей Лермонтова: «По крайней мере, эпизод, где Печорин бросается в хату пьяного рассвирепевшего казака, произошел с Хастатовым». Историк и собиратель лермонтовских рукописей В. Х. Хохряков указывал на рассказ друга Лермонтова С. А. Раевского о том, что в «Фаталисте» запечатлено подлинное происшествие, участниками которого были сам Лермонтов и его приятель А. А. Столыпин (Монго). Было высказано и предположение о том, что тему новеллы Лермонтов отыскал в мемуарах Байрона, содержащих рассказ об удивительном случае, происшедшем с школьным приятелем автора воспоминаний: «...взяв пистолет и не справляясь, был ли он заряжен, он приставил его себе ко лбу и спустил курок, предоставив случаю решить, последует выстрел или нет».

Вопрос о «случае», «судьбе», «предопределении», входивший в круг философских проблем, особенно интересовавших современников Лермонтова, и положен в основу «Фаталиста». Сюжет новеллы трижды подтверждает реальность предопределения. Вместе с тем фатализм не исключал для Лермонтова активного вмешательства в жизнь, но, напротив, он предполагал свободу действий, решительное вторжение в заранее определенный ход событий.

С. 581. *Наружность поручика Вулича...*— Фамилия этого героя в рукописи «Фаталиста» читается «Вуич»; первоначально Лермонтов использовал без изменений фамилию своего знакомого Ивана Васильевича Вуича (1813—1884), поручика лейб-гвардии Конного полка.

Кавказец (с. 590).— Очерк написан, по-видимому, в 1841 г. Существует его копия с пометой переписчика: «Список с статьи собственноручной покойного М. Лермонтова, предназначенный им для напечатания в «Наших» и не пропущенный цензурою». «Наши» — альманах петербургского литератора А. П. Башуцкого (1801—1876) «Наши, списанные с натуры русскими» (1841—1842; вышло 14 выпусков, после чего издание было прекращено по цензурным причинам), задуманный по образцу французского сборника «Les français peints par eux mêmes» («Французы в их собственном изображении», 1840—1842). Как сообщали в 1841 г. «Отечественные записки», «самое название <...> показывает уже, что вся книга будет состоять из статей оригинальных русских, ибо предметом их будут русские нравы, русские физиономии, русские характеры.— К изданию уже приступ-

лено: заказаны рисунки, и вся первая часть книги просмотрена цензурою». Далее были перечислены имена участников издания: А. П. Башуцкий, Е. П. Гребенка, М. А. Корф, М. Ю. Лермонтов, В. Ф. Одоевский, И. И. Панаев, В. А. Соллогуб и т. д.

По сохранившейся копии «Кавказец» был опубликован только в 1928 г.

В очерке Лермонтова изображен кавказский армейский офицер, каких часто можно было встретить в Дагестане и Чечне. Его возможный прототип — Павел Петрович Шан-Гирей (1795—1864), родственник Лермонтова, штабс-капитан в отставке; служил на Кавказе при А. П. Ермолове.

Герой очерка «Кавказец» в литературном отношении — это дальнейшее развитие образа Максима Максимыча из «Героя нашего времени». Ср. в «Герое нашего времени» («Бэла»): «Сознайтесь, однако ж, что Максим Максимыч человек, достойный уважения?..» (см. с. 489).

С. 591. *...кинжал — старый базалай...* — Кумыкский мастер Базалай изготовлял клинки, отличавшиеся удивительной прочностью; эти клинки так и назывались — «базалай».

...лошадь — чистый шаллох... — Шаллох (иначе — Шолок) — один из знаменитых у горцев Западного Кавказа конских заводов.

...и весь костюм черкесский... — Черкесский костюм, по воспоминаниям современников, был у русских в большой моде и даже служил образцом для служебных мундиров линейного казачьего войска.

С. 592. *...бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова...* — Бурка стала популярной после появления пушкинского «Кавказского пленника» (опубл. в 1822 г.) и кавказских повестей А. А. Бестужева (Марлинского) — «Аммалат-бек» (опубл. в 1832) и «Мулла-Нур» (опубл. в 1836). Носил бурку и Лермонтов, в этом костюме он изобразил себя на известном акварельном автопортрете; образцом ему, возможно, послужил знаменитый портрет А. П. Ермолова в бурке, выполненный английским живописцем Джорджем Доу (1781—1829).

...достать настоящую андийскую бурку... — Бурки, изготовленные в округе Анди, славились далеко за пределами Дагестана.

<Штосс> (с. 594). — Датируется серединой марта — началом апреля 1841 г. В альбоме Лермонтова 1840—1841 г. сохранился набросок плана повести, оканчивавшейся трагически: «Сюжет. У дамы лица желтые. Адрес. Дом: старик с дочерью, предлагает ему метать. Дочь: в отчаянии, когда старик выигрывает.— Шулер: старик проиграл дочь. Чтобы <?> Доктор: окошко». «Штосс» (комментируемый текст известен под этим условным названием) — по

следнее произведение Лермонтова; представляет собой опыт фантастической повести из современной жизни. Написан с учетом полемики относительно предмета и формы фантастического повествования, связанной с именами Пушкина, В. Ф. Одоевского, Е. П. Ростопчиной. Эстетическая позиция Лермонтова в «Штоссе» заключалась в утверждении фантастики, которая, как показал писатель, наполняет явления окружающей реальности (что соответствовало романтической поэтике); именно фантастический мир своего героя Лермонтов ставит в центр повествования, подчеркивая тем самым его первостепенное значение.

С произведениями, написанными в традициях романтизма как русского («Портрет» Гоголя, опубл. в 1835), так и западного («Мельмот-Скиталец» Мэтьюрина, 1820), сближает «Штосс» и содержащийся в повести мотив оживающего портрета, оригинально интерпретированный Лермонтовым.

Лермонтов работал над «Штоссом» в период тесного общения с В. Ф. Одоевским, поэтессой Е. П. Ростопчиной, семейством Карамзиных, А. О. Смирновой, Виельгорскими. «Три месяца, проведенные тогда Лермонтовым в столице, были <...> самые счастливые и самые блестящие в его жизни,— вспоминала Ростопчина.— Отлично принятый в свете, любимый и балованный в кругу близких, он утром сочинял какие-нибудь прелестные стихи и приходил к нам читать их вечером». В один из таких вечеров был прочитан и «Штосс»: «Однажды он объявил, что прочитает нам новый роман под заглавием «Штос», причем он рассчитал, что ему понадобится, по крайней мере, четыре часа для его прочтения. Он потребовал, чтобы собрались вечером рано и чтобы двери были заперты для посторонних. Все его желания были исполнены, и избранники сошлись числом около тридцати; наконец Лермонтов входит с огромной тетрадью под мышкой, принесли лампу, двери заперли, и затем начинается чтение; спустя четверть часа оно было окончено. Неисправимый шутник заманил нас первой главой какой-то ужасной истории, начатой им только накануне; написано было около двадцати страниц, а остальное в тетради была белая бумага. Роман на этом остановился и никогда не был окончен».

«Штосс» стал известен в устном авторском чтении; в какой-то момент (не с самого начала) Лермонтов стал писать свою повесть исключительно для устного исполнения, видя в ней лишь дружескую шутку, литературную мистификацию. В таком варианте, обрываясь на фразе «Он решился» (эта оборванность была сознательным художественным приемом), повесть представлялась Лермонтову законченной. Как следует из сделанной после отъезда из Петербурга записи в подаренной Одоевским памятной книжке («Да кто же ты, ради бога? — Что-с? — отвечал старичок, примаргивая одним гла-

зом.— Штос! — повторил в ужасе Лугин. Шулер имеет разум в пальцах.— Банк — Скоропостижная»), Лермонтов предполагал продолжить «Штосс», который должен был закончиться гибелью героя. Какие-либо данные о том, как должно было развиваться повествование, отсутствуют.

С. 594. *У графа В... был музыкальный вечер.*— Имеется в виду музыкальный вечер в доме М. Ю. Виельгорского, музыкального деятеля, композитора, мецената, гофмейстера двора. Лермонтов познакомился с Виельгорским, видимо, в 1838 г.; Виельгорские в то время жили в доме Яковлева (Жако) на Михайловской площади (ныне пл. Искусств, 5).

...и один гвардейский офицер.— По всей вероятности, здесь речь идет о самом Лермонтове.

...новоприезжая певица подходила к роялю...— Вероятно, Лермонтов имеет в виду Сабину Гейнефеттер (1809—1872); в программе певицы, гастролировавшей в Петербурге начиная с октября 1840 г., были романсы Ф. Шуберта (1797—1828). Концертная деятельность С. Гейнефеттер широко освещалась в прессе. См.: «Северная пчела», 1840, № 238, 21 октября; № 266, 23 ноября; № 271, 28 ноября.

...одна молодая женщина...— Лермонтов имеет в виду А. О. Смирнову (урожд. Россет; 1809—1882), одну из блестящих дам петербургского света, хозяйку литературного салона, который посещали Жуковский, Пушкин, Вяземский, Гоголь, Карамзины. В 1838—1841 гг. там бывал и Лермонтов.

На плече, пришпиленный к голубому банту, сверкал бриллиантовый вензель...— В е н з е л ь — знаки с инициалами императрицы, которые давались фрейлинам. А. О. Смирнова до замужества была фрейлиной императриц — Марии Федоровны, а после ее смерти — Александры Федоровны.

...правильное, но бледное лицо...— Эстетика 1830-х гг. требовала от петербургской светской женщины томной бледности. Ср. в «Маскараде»: «...в Петербурге кто не бледен, право! Одна лишь старая княжна, И то — румяны!» (наст. изд., с. 215).

...и у меня сплин...— Модные среди светской молодежи начала 1820-х годов разочарованность и скука, обозначаемые английским словом «spleen» (см. в «Евгении Онегине» Пушкина), оставались актуальными и в конце 1830-х годов. В 1839 г. газета «Северная пчела» даже поместила ироническую статью «Петербургский сплин», в которой говорилось: «Сплин существует повсюду — и в Париже, и в Пекине, и в Москве, да и в Петербурге,— да и в Петербурге, несмотря на Большой театр с Тальони <...> Сплин! Недуг наших франтов, перемежающаяся лихорадка всех людей без различия, неизле-

чимая боль нынешних 15-летних стариков...» («Северная пчела», 1839, № 282, 15 декабря).

С. 597. *...В Столярном переулке, у Кокушкина моста...* — Столярный переулок (улица) (ныне ул. Пржевальского) располагался во 2-й Адмиралтейской части Петербурга; Кокушкин мост — мост через Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова) в районе Большой Мещанской улицы (ныне ул. Плеханова).

С. 600. *...овальные зеркала с рамками рококо.* — Рококо — архитектурный, художественный стиль XVIII в., отличающийся изысканной усложненностью форм.

С. 604. *...он был готов пустить шандалом в незваного гостя.* — Шандал — подсвечник.

...я поставлю клюнгер... — Клюнгер — золотая монета.

У меня в банке вот это!.. Мечите!.. Идет темная... она (семерка бубен.— *Ред.*) *соника была убита... Еще талью!* — При игре в штосс один из игроков (понтер) ставит деньги на карту (держит *банк*), второй (банкомет) *мечет* карты из другой колоды на две кучки. Выигрыш зависит от того, на какую сторону ложится карта, подобная той, на которую поставлены деньги: направо — достается понтеру; налево — банкомету. *«Темные»* карты на шулерском языке — карты с разного рода отметками (обыкновенные карты назывались «чистыми»). *Соника* — сразу выигрыш или проигрыш по первому вскрытию карты; *убитая* карта — проигравшая; *талия* — один промет всей колоды, до конца или до срыва банка.

С. 605. *...бросил было на стол два полуимпериала.* — Полуимпериал — российская золотая монета до денежной реформы 1897 г. достоинством в 5 рублей.

С. 606. *...я должен знать, с кем играю! Как ваша фамилия?..— Что-с? — проговорил неизвестный, насмешливо улыбаясь.— Штос? кто? — У Лугина руки опустились: он испугался.* — Этот ключевой каламбур повести имеет в своей основе взволновавшую столицу в декабре 1839 г. историю о бедной гувернантке Е. И. Штосс, которая благодаря выигрышу в лотерее стала обладательницей огромного состояния. Любопытно, что, рассказывая об этом в своем письме к родным, П. А. Вяземский, сетуя на судьбу, оказавшуюся к нему неблагосклонной, тоже обыграл фамилию счастливой обладательницы выигрыша: «А большой выигрыш в 400 000 рублей <...> выиграла <...> какая-то бедная девица Штосс, а я-то что-с?»

Панорама Москвы (с. 608).— Датируется 1834 г.; представляет собой сочинение, выполненное по заданию преподавателя русской словесности в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров Василия Тимофеевича Плаксина (1795—1869), ав-

тора «Краткого курса словесности, приспособленного к прозаическим сочинениям» (СПб., 1832).

С. 608. *...на вершине Ивана Великого...* — Имеется в виду колокольня «Иван Великий» в Московском Кремле (1505—1508; 1600; архитектор — Фрязин) высотой 81 м (в XVII—XIX вв. — самое высокое здание в Москве). Возможно, Лермонтову была знакома напечатанная в «Московском телеграфе» (1830, № 17, с. 149—157) статья «Письма о Москве» (колонтитул — «Панорама Москвы»), автор которой использовал тот же прием описания города: «...в Москве есть точка, с которой панорама Москвы расстилается в живых образах <...> мы взошли на Ивана Великого...»

Москва не безобразная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа... — Эти строки — свидетельство внимания Лермонтова к характерным для его времени спорам о Москве и Петербурге (см. также поэму «Сашка» и повесть «Княгиня Лиговская», наст. изд., т. I, с. 460, т. II, с. 416—417). Содержащееся в приведенном Лермонтова апофеоз древней русской столицы противостоит официальной точке зрения, отдающей предпочтение Петербургу.

С. 609. *...пушки Петровского замка...* — Петровский дворец был построен в 1776—1796 гг. на месте бывшего владения Высокопетровского монастыря сельца Петровского (архитектор М. Ф. Казаков). Современный адрес — Ленинградский проспект, 40).

...фантастическая громада — Сухарева башня <...> имя Петра начертано на ее мшистом челе! — Построена по приказу Петра I в 1692—1695 гг. архитектором М. И. Чоглоковым недалеко от Стрелецкой слободы, где размещался полк Л. П. Сухарева. В 1934 г., когда шли работы по реконструкции Большой и Малой Колхозной площадей, башня была разобрана.

...возвышается Петровский театр... — Петровский театр был построен в 1780 г. на улице Петровке архитектором Розбергом. В 1805 г. здание сгорело; через 20 лет на том же месте был открыт вновь построенный театр (архитекторы О. И. Бове, А. А. Михайлов).

...бесчисленные куполы церкви Василия Блаженного... — Собор был построен в 1555—1561 г. в честь победы над Казанским ханством (зодчие Барма и Постник). Состоит из нескольких церквей, объединенных общим основанием, галереей и внутренними переходами.

С. 610. *...все так шумно, живо, непокойно!* — В этой строке перефразированы строки из пушкинских «Цыган» (1824): «Но все так живо-неспокойно...»

С. 611. *...между коими Симонов примечателен...* — Симонов монастырь (мужской) был основан в 1379 г. во владениях боярина С. В. Ховрина (инока Симона) на левом берегу реки Москвы. Часть

монастырских построек была разобрана в 1930-х годах; на их месте был построен Дворец культуры завода им. Лихачева (Восточная ул., 4).

...против Тайницких ворот... — Тайницкая башня Кремля (проездная) была сооружена в 1485 г. архитектором Фрязиным. Свое название башня получила от построенного в ней тайника-колодца. В 1930 г. он был засыпан, ворота заложены.

...будучи построена после французов... — При отступлении французской армии из Москвы по распоряжению Наполеона 11 октября 1812 г. была взорвана часть Московского Кремля. Башни, стены и другие сооружения были восстановлены в 1816—1819 гг. (архитектор О. И. Бове).

...силуэты Алексеевского монастыря... — Женский Алексеевский монастырь был основан во 2-й половине XIV в. по инициативе митрополита Алексея. С XVI в. располагался на берегу реки Москвы (ныне на этом месте бассейн «Москва»). В 1838 г. монастырь был переведен в Красное село.

...блещут верхи Донского монастыря... — Мужской Донской монастырь был основан в 1591 г. в ознаменование победы над крымским ханом Казы-Гиреем — на том месте, где располагалось русское войско; там же находилась походная церковь с иконой Донской божьей матери. С 1964 г. в бывшем Донском монастыре помещается филиал научно-исследовательского Музея архитектуры им. А. В. Щусева.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

1814

Октябрь, в ночь со 2-го на 3-е. В Москве (в доме генерал-майора Ф. Н. Толя напротив Красных ворот) в семье капитана Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны, рожденной Арсеньевой, родился Михаил Юрьевич Лермонтов.

Конец года или весна 1815 (не позднее первой половины апреля). Из Москвы Лермонтовы вместе с Е. А. Арсеньевой переехали в Тарханы, Чембарского уезда, Пензенской губернии. В Тарханах (ныне село Лермонтово) прошли детские годы М. Ю. Лермонтова.

1816—1817

Зима, не позднее февраля. «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал... Ее певала мне покойная мать» (запись Лермонтова 1830 года).

1817

Февраль 24. Умерла Мария Михайловна Лермонтова, мать поэта. «Житие ей было: 21 год 11 месяцев 7 дней» — надпись на могильной плите в Тарханах.

Март 5. Юрий Петрович Лермонтов уехал из Тархан в Кропотово, оставив сына на попечение Е. А. Арсеньевой.

1818

Первая половина года (до мая). Лермонтов с Е. А. Арсеньевой в Пензе.

1819—1820

Не ранее июля 1819. Лермонтов с бабушкой был в Москве и видел оперу «Невидимка» (т. е. «Князь Невидимка, или Личарда-волшебник» —опера в 4 действиях, слова Е. Лифанова, музыка К. А. Кавоса).

1820

Лето. Поездка Лермонтова с Е. А. Арсеньевой на Кавказские минеральные воды к Е. А. Хастатовой.

1821

Март. Лермонтов и Е. А. Арсеньева в Тарханах.

1825

Лето. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой на Кавказе, в Горячеводске.

Лето. Первая любовь Лермонтова. «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? Мы были большим семейством на водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет 9. Я ее видел там. Я не помню, хороша была она или нет. Но ее образ и теперь еще хранится в голове моей». (Запись Лермонтова от 8 июля 1830 года).

Декабрь, 20-е числа. До Тархан дошли первые известия о восстании на Сенатской площади в Петербурге.

1826

Середина января: До Тархан дошли первые известия о восстании Черниговского полка на Украине.

1827

Конец лета. Двенадцатилетний Лермонтов гостит в отцовской деревне Кропотово Ефремовского уезда Тульской губ.

Осень. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой переехал в Москву. Он часто бывал в доме дальнего родственника П. А. Мещеринова (в Пушкарском переулке на Сретенке) и подружился с его сыновьями Владимиром, Афанасием и Петром. Начало занятий Лермонтова с домашним учителем А. З. Зиновьевым.

Осень. Первое дошедшее до нас письмо Лермонтова из Москвы к тетке Марии Акимовне Шан-Гирей о занятиях с учителями и о посещении Московского театра, где он слушал оперу «Князь Невидимка».

1828

Весна. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой жил в Москве на Поварской улице (ныне ул. Воровского, 24).

Летом Е. А. Арсеньева с внуком была в Тарханах. Там написана первая поэма Лермонтова «Черкесы», на копии которой рукой Лермонтова сделана надпись: «В Чембаре за дубом».

Август. В дом Е. А. Арсеньевой к Лермонтову приглашен гувернер-француз Жан Пьер Келлет-Жандро.

Сентябрь 1. Лермонтов зачислен полупансионером в четвертый класс в Московский университетский благородный пансион.

Осень. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой переехал с Поварской на Малую Молчановку в дом Чернова (ныне № 2). В соседстве жило семейство Лопухиных: отец, три дочери (Мария, Варвара и Елизавета Александровны) и сын Алексей, с которым Лермонтов впоследствии был очень дружен.

Декабрь 13—20. Экзамены. Лермонтов переведен из четвертого класса в пятый; за успешные занятия получил два приза: книгу и картину.

Около 21 декабря. Письмо Лермонтова к тетке М. А. Шан-Гирей об экзаменах в пансионе, о приезде отца, об учителях. К письму приложено стихотворение «Поэт».

1828. Лермонтовым датированы: «Осень», «Заблуждение Купидона», «Цевница», «Кавказский пленник», «Корсар».

К 1828 г. Лермонтов относит начало своей поэтической деятельности: «Когда я начал марать стихи в 1828 году, я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они еще теперь у меня» (запись 1830 г.).

1829

Начало января. В Москве широко обсуждается судебный процесс и приговор по делу французского поэта Беранже. Это событие, возможно, послужило поводом для написания Лермонтовым стихотворения «Веселый час».

Февраль 19. Экзамены в Московском университетском благородном пансионе.

Март 5. Подписан билет на выпуск из типографии альманаха Московского университетского благородного пансиона: «Цефей. Альманах на 1829 год. Москва». В этом альманахе под псевдонимом, возможно, опубликованы первые литературные опыты Лермонтова.

Весна. Письмо Лермонтова из Москвы к М. А. Шан-Гирей, в котором он пишет о приближении вакаций. Говоря о Московском театре, Лермонтов восторгается игрой П. С. Мочалова.

Апрель 6. Торжественное собрание в Московском университетском благородном пансионе по случаю девятого выпуска в присутствии поэта И. И. Дмитриева и других почетных гостей. На собрании среди отличившихся младших воспитанников был назван и Михаил Лермонтов.

Лето Лермонтов с Е. А. Арсеньевой проводят в имении Е. А. Столыпиной Середниково под Москвой.

Декабрь 12—20. Экзамены воспитанников Московского университетского благородного пансиона в языках и науках.

Декабрь 21. В Московском университетском благородном пансионе за экзаменами следовало испытание в искусствах. Лермонтов играл на скрипке аллегро из Маурерова концерта.

1829. Первая редакция «Демона».

1830

Начало года. Вторая редакция «Демона».

Вторая половина января. Лермонтов после зимних вакаций приступил к занятиям в пансионе.

Конец февраля — начало апреля. В автографе «Джюлио» Лермонтовым обозначено: «Повесть. 1830 год».

Март 11. Московский университетский благородный пансион посетил Николай I. Он появился без предупреждения, без свиты; при входе его встретил только старый сторож. Была перемена, и в коридоре император оказался среди бушевавшей толпы пансионеров. Николай I был неприятно поражен вольными порядками пансиона.

Март 29. По указу Сената Благородные пансионы при Московском и С.-Петербургском университетах преобразованы в гимназии.

Март 29. Среди выпускников шестого класса, награжденных книгами, первым отмечен Михайла Лермонтов.

Апрель 16. Выдано свидетельство из Благородного пансиона «Михаилу Лермонтову в том, что он в 1828 году был принят в пансион, обучался в старшем отделении высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам... с весьма хорошими успехами; ныне же по прошению его от пансиона с сим уволен».

Вторая половина апреля — начало мая. Лермонтов вместе с Е. А. Арсеньевой переехал на лето из Москвы в Середниково.

Май 16. Датировано стихотворение «Боюсь не смерти я. О нет!».

Июль 10. Датировано стихотворение «Опять вы гордые восстали...».

Июль 11. Датировано стихотворение «Между лиловых облаков...».

Июль 15. Датировано стихотворение «Зачем семьи родной безвестный круг...».

Июль 18/30. Революция во Франции. Этим числом по новому стилю озаглавлено стихотворение Лермонтова «30 июля. (Париж) 1830 года», написанное в первой половине августа.

Август 12. Датированы стихотворения «Благодарю» и «К Сушковой» («Вблизи тебя до этих пор...»).

Август 13. Лермонтов в сопровождении Е. А. Арсеньевой, Е. А. Сушковой и своих кузин отправился из Середникова в Москву.

Август 15. Датировано стихотворение «Чума в Саратове».

Август 17. Лермонтов вместе с Е. А. Арсеньевой и своими кузинами пришел на богомолье в Троице-Сергиеву лавру, где написал стихотворение «Нищий».

Август 26. Датировано стихотворение «Стансы» («Взгляни, как мой спокоен взор...»).

Август 28. Датировано стихотворение «Ночь» («Один я в тишине ночной...»).

Август. Датировано стихотворение «Чума» («Два человека в этот страшный год...»).

Сентябрь 1. По решению правления Московского университета Лермонтов после сдачи необходимых экзаменов принят на Нравственно-политическое отделение.

Сентябрь. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой остаются в Москве, оцепленной военными кордонами в связи с распространившейся в городе эпидемией холеры.

Сентябрь. В журнале «Атеней» (1830, ч. IV) напечатано стихотворение Лермонтова «Весна» («Когда весной разбитый лед...») — цензурное разрешение получено 10 мая. Это первое известное нам появление стихотворения Лермонтова в печати.

Октябрь 1. Датировано стихотворение «Свершилось! полно ожидать...». В этот же день написано стихотворение «Итак, прощай! Впервые этот звук...».

Октябрь 3. Перед зачеркнутым текстом стихотворения «Сыны снегов, сыны славян...», рядом с заглавием «Новгород», дата: «3 октября 1830».

Октябрь 4. Датировано стихотворение «Глупой красавице» («Амур спросил меня однажды...»).

Октябрь 5. Датировано стихотворение «Могила бойца».

Октябрь 9. Датировано стихотворение «Смерть» («Закат горит огнистой полосою...»).

1830. Озаглавлена тетрадь «Разные стихотворения. (1830 год)». В этой тетради 1830-м годом датированы стихотворения: «(В Воскресенске) (Написано в стенах пустыни жилища Никона) 1830 года»; «Кладбище (На кладбище написано) 1830»; «К***» («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...») и «Дереву».

1830. Датирована драма «Menschen und Leidenschaften».

1831

Январь. Датировано стихотворение «Редеют бледные туманы...».

Первая половина февраля. Письмо Лермонтова к М. А. Шан-Гирей, в котором он «вступается за честь Шекспира» и сообщает, что в Москве «довольно весело: почти каждый вечер на бале. Но великим постом я уже совсем засяду. В университете все идет хорошо».

Март 16. Студенты Московского университета выгнали из аудитории реакционного профессора М. Я. Малова.

Март 23. Дата на стихотворении Лермонтова в альбом Н. И. Поливанову «Послушай! вспомни обо мне». Сбоку приписка рукою Н. Поливанова с поправками Лермонтова: «Москва. Михайло Юрьевич Лермонтов написал эти строки в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью, когда, вследствие какой-то университетской шалости, он ожидал строгого наказания. Н. Поливанов».

Начало июня. Лермонтов гостил несколько дней под Москвой в семье московского драматурга Ф. Ф. Иванова. В одну из его дочерей — Наталью Федоровну — Лермонтов был влюблен.

Июнь 11. Датировано стихотворение «Моя душа, я помню, с детских лет...».

Июль 17. Кончена драма «Странный человек».

Июль 29. Приписка к стихотворению «Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной...») — «Средниково. Вечер на бельведере».

Август 7. Датировано стихотворение «Блистая пробегают облака...». Приписка: «В деревне на холме; у забора».

Вторая половина августа — октябрь. Под впечатлением от романа И. И. Лажечникова «Последний Новик» Лермонтов написал стихотворение «Из Паткуля» («Напрасно врагов ядовитая злоба...»).

Сентябрь 4. Лермонтов посвятил А. М. Верещагиной поэму «Ангел смерти».

Сентябрь 10 — декабрь 23. В Московском университете по классу английского языка лектором английской словесности Эдуардом Гарве «В классе литературы читаны с критическим разбором и объяснениями отрывки из лорда Байрона, Вальтер-Скотта и Томаса

Мура». Лермонтов получил по английской литературе высший в то время балл — 4.

Сентябрь 28. Датировано стихотворение «Опять, опять я видел взор твой милый...».

Октябрь 1. Юрий Петрович Лермонтов умер от чахотки в Кропотове, Ефремовского уезда, Тульской губернии, сорока четырех лет от роду.

Ноябрь 1—2. Начало знакомства Лермонтова с В. А. Лопухиной, приехавшей из тульского имения.

Декабрь 31. Новогодние мадригалы и эпиграммы Лермонтова на маскараде в Благородном собрании. Лермонтов явился на маскарад в костюме «астролога» с огромною «книгою судеб» под мышкой.

1832

Май 10. Датирована поэма «Измаил-Бей».

Июнь 6. Прошение Лермонтова об увольнении принято Правлением Московского университета. На оборотной стороне прошения помечено: «Приказали означенного студента Лермонтова, уволив из Университета, снабдить надлежащим о учении его свидетельством». Свидетельство было выдано Лермонтову 18 июня.

Июль. Датированы стихи «Я жить хочу! хочу печали...».

Июль — начало августа. Лермонтов вместе с Е. А. Арсеньевой выехали из Москвы в Петербург.

Июль — начало августа. Проездом в Петербург Лермонтов в Новгороде написал стихотворение «Приветствую тебя, воинственных славян святая колыбель...».

Август 28. Письмо Лермонтова из Петербурга к М. А. Лопухиной о болезни бабушки, впечатлениях от петербургского общества, о работе над романом («Вадим»); в письме стихи «Для чего я не родился...» и «Конец! как звучно это слово!..».

Сентябрь. После переезда в Петербург Лермонтов подружился со Святославом Афанасьевичем Раевским.

Сентябрь 2. Письмо Лермонтова М. А. Лопухиной со стихами «Белеет парус одинокий...».

Октябрь, вторая половина. Письмо Лермонтова М. А. Лопухиной о предстоящем поступлении его в военную школу. В письме стихи «Он был рожден для счастья, для надежд...».

Ноябрь 4. Лермонтов держит экзамены в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Ноябрь 14. Отдан приказ по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров о зачислении Лермонтова в Школу на правах вольноопределяющегося унтер-офицера лейб-гвардии Гусарского полка.

Ноябрь 26 или 27. Несчастный случай с Лермонтовым в манеже: одна из лошадей расшибла ему до кости ногу ниже колена.

1833

Середина апреля. Лермонтов после болезни вернулся в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Июнь 8. Лермонтов выдержал экзамен в первый (старший) класс Школы.

Июнь 20 — июль 26. Лермонтов находился в летнем лагере Школы под Петергофом.

Август 4. Письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной о жизни в лагере.

1834

Начало года. Лермонтов принимает участие в рукописном журнале юнкеров «Школьная заря». Здесь были помещены «Гошпиталь», «Петергофский праздник», «Уланша» и другие «юнкерские» стихотворения.

Начало года. Друг и родственник Лермонтова Аким Павлович Шан-Гирей переехал из Москвы в Петербург для поступления в Артиллерийское училище и поселился в доме Е. А. Арсеньевой, где часто встречался с Лермонтовым.

Первая половина года. По заданию преподавателя русской словесности В. Т. Плаксина Лермонтов написал «Панораму Москвы».

Июнь 5. Публичные экзамены в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Июнь 22. Выступление Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в лагерь под Петергофом.

Август, начало. Возвращение Школы в Петербург.

Ноябрь 22. Лермонтов высочайшим приказом произведен по экзамену из юнкеров в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка.

Декабрь 4. Встреча Лермонтова с Е. А. Сушковой на балу. Разговор с нею об А. А. Лопухине. Лермонтов впервые в гусарском мундире.

Декабрь. Встречи Лермонтова с Е. А. Сушковой.

1832—1834 гг. Работа над романом из времен крестьянского восстания под водительством Пугачева «Вадим».

1835

Январь — февраль. Разрыв Лермонтова с Е. А. Сушковой.

Весной Е. А. Арсеньева уехала из Петербурга в Тарханы.

Май. В. А. Лопухина в Москве вышла замуж за Н. Ф. Бахметева.

Июль, последние числа — начало августа. Вышла в свет августовская книжка «Библиотеки для чтения», где напечатана поэма Лермонтова «Хаджи-Абрек». Цензурное разрешение получено 30 июня.

Октябрь. Лермонтов представил «Маскарад» (трехактную редакцию) в драматическую цензуру.

Ноябрь 8. На докладе цензора Е. Ольдекопа по поводу первой редакции драмы Лермонтова «Маскарад» помечено: «Возвращена для нужных перемен».

Первая половина декабря. Лермонтов закончил четвертый акт «Маскарада» (вторая редакция драмы) и поручил С. А. Раевскому снова представить «Маскарад» в драматическую цензуру.

Конец декабря. С. А. Раевский передал директору императорских театров А. М. Гедеонову письмо Лермонтова вместе с текстом четырехактной редакции «Маскарада».

20-е числа декабря. Получив 20 декабря отпуск из полка, Лермонтов проездом задержался в Москве.

Декабрь 31. Лермонтов приехал в Тарханы.

1836

Январь. Отзыв цензора Е. Ольдекопа на четырехактную редакцию «Маскарада».

Январь 16. Письмо Лермонтова к С. А. Раевскому из Тархан в Петербург. Лермонтов сообщает о работе над четвертым актом новой драмы («Два брата»), «взятой из происшествия, случившегося в Москве». Тут же он спрашивает, пропустила ли цензура «Арбенина» (вторую редакцию «Маскарада»).

Февраль 2. Датировано стихотворение «Умирающий гладиатор».

Март, вторая половина. Лермонтов «на лицо в полку» (Царское Село).

Март 30 или 31. Лермонтов гостил в Петербурге у Никиты Васильевича Арсеньева (в Коломне за Никольским мостом). Здесь его видел М. Н. Лонгинов, с которым Лермонтов провел вечер и которому показывал рукопись «Маскарада».

Апрель, последние числа — начало мая. Письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой в Москву о том, что квартира нанята «на Садовой улице в доме князя Шаховского за 2000 рублей...» (ныне Садовая ул, дом 61).

Май — июнь. Лермонтов болел и получил разрешение уехать на Кавказские воды, которым не воспользовался.

Середина августа. Поездка Лермонтова с Аркадием Алексеевичем Столыпиным (Монго) из села Копорского около Царского Села на Петергофскую дорогу на дачу Моисеева к жившей там балерине Екатерине Егоровне Пименовой. Приключение, описанное в сентябре в поэме «Монго».

Октябрь 28. Запрещена представленная Лермонтовым в драматическую цензуру пятиактная драма «Маскарад» под заглавием «Арбенин».

Декабрь 24. Лермонтов «заболел простудою».

Осень или зима. Знакомство Лермонтова через С. А. Раевского с А. А. Краевским.

1836 — начало 1837 года. Работа над романом «Княгиня Лиговская».

1837

Январь 27. Около 5 часов пополудни за Комендантской дачей на Черной речке в окрестностях Петербурга состоялся поединок Пушкина с Дантесом. В 6 часов вечера смертельно раненный Пушкин привезен в свою квартиру в доме кн. Волконской на Мойке. В тот же вечер по городу распространился слух о смерти Пушкина.

Январь 28. Лермонтов написал первые 56 стихов стихотворения «Смерть Поэта».

Январь 29. В 2 часа 45 минут пополудни смерть Пушкина. «Стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми» (И. И. Панаев).

Февраль 7. Лермонтов написал заключительные 16 стихов стихотворения «Смерть Поэта» («А вы, надменные потомки...»).

Февраль 18. Лермонтов арестован и помещен в одной из комнат верхнего этажа Главного штаба.

Февраль 19 или 20. Записка шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа Николаю I о стихотворении «Смерть Поэта» и о том, что генералу Веймарну поручено допросить поэта и обыскать его квартиры в Петербурге и в Царском Селе.

Резолюция Николая I: «...старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он...»

Февраль 20. У Лермонтова и С. А. Раевского сделан обыск.

Февраль 22. «Объяснение корнета лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтова» по поводу стихов на смерть Пушкина.

Как утверждает А. П. Шан-Гирей, под арестом к Лермонтову пускали только камердинера, приносившего обед. Лермонтов велел завертывать хлеб в серую бумагу, и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес, а именно: «Когда волнуется желтеющая нива...», «Я, матерь божия, ныне с молит-

вою...», «Кто б ни был ты, печальный мой сосед...», и переделал старую пьесу «Отворите мне темницу...», прибавив к ней последнюю строфу: «Но окно тюрьмы высоко...».

Февраль 23. Началось дело «О непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым и о распространении оных губернским секретарем Раевским».

Февраль 25. Военный министр Чернышев отношением за № 100 сообщил А. Х. Бенкендорфу высочайшее повеление: «Л.-гвардии Гусарского полка, корнета Лермонтова, за сочинение известных вашему сиятельству стихов, перевесть тем же чином в Нижегородский драгунский полк: а губернского секретаря Раевского за распространение стихов и в особенности за намерение тайно доставить сведение корнету Лермонтову о сделанном им показании, выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу,— по усмотрению тамошнего гражданского губернатора».

Февраль, после 27. Лермонтова отпустили домой проститься. Записка Лермонтова к С. А. Раевскому.

Март, первые числа. К Лермонтову, находившемуся под домашним арестом, приезжал А. А. Краевский и говорил с ним о деле С. А. Раевского. Вторая записка Лермонтова к С. А. Раевскому.

Март, первая половина. Письмо С. А. Раевского к Лермонтову из крепости. Ответное письмо Лермонтова, в котором он сообщает о хлопотах о смягчении участи Раевского.

Март 19. Лермонтов выехал из Петербурга в ссылку на Кавказ через Москву.

Март 23. Лермонтов приехал в Москву.

Весна (скорей всего в начале апреля, в Москве). Два варианта эпиграммы на Ф. В. Булгарина «Россию продает Фадей...».

Апрель 10. Лермонтов выехал из Москвы на Кавказ.

Вторая половина апреля — первые числа мая. Лермонтов приехал в Ставрополь, «простудившись дорогой».

Май 2. Цензорами А. Крыловым и С. Куторгой разрешен «Современник», т. VI, № 2, в котором помещено стихотворение Лермонтова «Бородино».

Май 13. Находясь в Ставрополе, Лермонтов подал в штаб войск на Кавказской линии и в Черномории рапорт «об освидетельствовании болезни его». Помещен сначала в ставропольский военный госпиталь, затем переведен в пятигорский госпиталь для лечения минеральными водами.

Май 31. Письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной из Пятигорска.

Июль 13. Письмо Е. А. Арсеньевой к вел. кн. Михаилу Павловичу с просьбой ходатайствовать «о всемилостивейшем прощении внука».

Июль 16. Лермонтов ездил из Пятигорска в Железноводск.

Июль 18. Письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой из Пятигорска: сообщает о причислении его к эскадрону Нижегородского драгунского полка в Анапе, жалуется на плохую погоду и просит прислать денег.

Лето. В Пятигорске Лермонтов встретился с Н. М. Сатиным, с которым был знаком еще по пансиону, Белинским, доктором Н. В. Майером и семейством Н. С. Мартынова.

Лето. С конца мая до 5—10 августа Лермонтов находился в Пятигорске, после этого продолжал лечение в Кисловодске.

Первая половина сентября. С Кавказских минеральных вод через Ставрополь и укрепление Ольгинское Лермонтов выехал в Тамань, чтобы оттуда отправиться в Анапу или Геленджик, где находился отряд ген. Вельяминова, готовившийся к встрече Николая I. Вынужденная задержка в Тамани.

Сентябрь 29. Лермонтов вернулся из Тамани в укрепление Ольгинское, где получил предписание отправиться в свой полк в Тифлис. В Ольгинском, по-видимому, произошла встреча с Н. С. Мартыновым, которому Лермонтов должен был доставить пакет с письмами и деньгами от родных Мартынова из Пятигорска.

Октябрь 5. Н. С. Мартынов из Екатеринодара пишет отцу: «Триста рублей, которые вы мне послали через Лермонтова, получил: но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, вложенные в письмо, также пропали; но он, само собой разумеется, отдал мне свои».

Октябрь, до 22 числа. По пути в Тифлис Лермонтов задержался в Ставрополе. Здесь он бывал в доме своего родственника, начальни-

ка Штаба Кавказской линии и в Черномории генерал-майора П. И. Петрова, встречался с Н. М. Сатиным и доктором Н. В. Майером. Через Сатина и Майера поэт познакомился с сосланными на Кавказ декабристами С. Кривцовым и В. Голицыным, а быть может, и с прибывшими из Сибири в первых числах октября А. И. Одоевским и А. И. Черкасовым.

Октябрь 10. На Дидубийском поле под Тифлисом Николай I произвел смотр войсковым частям Кавказского корпуса, среди которых были четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка, найденные царем в отличном состоянии. В это время Лермонтов находился еще в Ставрополе, но смотр Нижегородского полка под Тифлисом, по словам историка полка В. Потто, косвенным образом повлиял на судьбу Лермонтова.

Октябрь 11. В Тифлисе отдан высочайший приказ по кавалерии о переводе «прапорщика Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк корнетом».

Октябрь 21. Запись в дневнике Жуковского: «Пребывание в Новочеркасске. Прибытие государя в ½ 11. Его коротенькая и выразительная речь в круге, окруженном знаменами и регалиями атаманскими... Обед за маршальским столом. Рассказы о опасности государя <катастрофа в Тифлисе на Верейском спуске>. Прощение Лермонтова. Почему Бенкендорф упомянул обо мне?».

Конец октября — ноябрь. Лермонтов, направляясь в Нижегородский драгунский полк, в котором все еще продолжал числиться до 25 ноября, «переехал горы», а затем в Закавказье «был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии».

Ноябрь. В Закавказье Лермонтов сдружился с поэтом-декабристом А. И. Одоевским.

Ноябрь. Запись Лермонтова: «Я в Тифлисе у Петр. Г.— ученый татар. Али и Ахмед...» и т. д.

Ноябрь 6. Письмо Е. А. Мартыновой из Москвы к сыну Н. С. Мартынову, в котором она сетует на пропажу писем, посланных с Лермонтовым, и обвиняет Лермонтова в том, что эти письма он будто бы вскрыл и прочел.

Ноябрь. Лермонтов записал сказку «Ашик-Кериб».

Вторая половина ноября — первая половина декабря. Письмо Лермонтова к С. А. Раевскому о странствованиях по Кавказу и Закавказью.

Начало декабря. На пути из Тифлиса во Владикавказ написано стихотворение «Спеша на север из далека...».

Около 10 декабря. Лермонтова, приехавшего по Военно-Грузинской дороге во Владикавказ из Тифлиса, видел в заезжем доме В. В. Боборыкин.

Декабрь 14. Запись в дневнике неизвестного кавказского офицера: «14. В Прохладной встретил я Лермонтова, едущего в С.-Петербург».

Вторая половина декабря. Возможный заезд Лермонтова в имение его родственника А. А. Хастатова Шелковое на Тереке, неподалеку от Кизляра.

Вторая половина декабря. По пути в Петербург Лермонтов останавливался в Ставрополе. Встречи с П. И. Петровым, Н. М. Сатиным, Н. В. Майером и сосланными декабристами.

1838

Январь 3. Лермонтов прибыл с Кавказа в Москву.

Январь, вторая половина. Лермонтов приехал в Петербург.

Февраль 15. Письмо Лермонтова М. А. Лопухиной: «Первые дни после приезда прошли в непрерывной беготне: представления, парадные визиты — вы знаете; да еще каждый день ездил в театр... Я был у Жуковского и отнес ему, по его просьбе, «Тамбовскую казначейшу»; он повез ее Вяземскому, чтобы прочесть вместе; сие им очень понравилось». К письму приложено стихотворение «Молитва странника».

Февраль 16 или несколькими днями позже. Отъезд Лермонтова из Петербурга в Новгородскую губернию, в первый округ военных поселений, в распоряжение штаба лейб-гвардии Гродненского гусарского полка.

Февраль 26. Лермонтов прибыл в л.-гв. Гродненский гусарский полк. Явившись к командиру полка князю Д. Г. Багратиону, он получил назначение состоять в четвертом эскадроне, которым коман-

довал К. Войнилович. Лермонтов поселился вместе с Н. А. Краснокутским в доме для холостых офицеров.

Март 3 и ночь на 4 марта. Лермонтов принимал участие в проводах М. И. Цейдлера, откомандированного из л.-гв. Гродненского гусарского полка в отдельный Кавказский корпус. Экспромт «Русский немец белокурый едет в дальнюю страну...».

Март 24. По ходатайству Е. А. Арсеньевой А. Х. Бенкендорф сделал представление через военного министра А. И. Чернышева о переводе Лермонтова в л.-гв. Гусарский полк.

Март — первая половина апреля. Н. А. Краснокутский, с которым Лермонтов жил под Новгородом в Селищенских казармах, сделал подстрочный перевод крымского сонета А. Мицкевича «Вид гор из степей Козлова», и Лермонтов тогда же сделал вольный перевод этого стихотворения под тем же заглавием.

Апрель 9. Опубликован высочайший приказ о переводе Лермонтова в л.-гв. Гусарский полк.

Апрель 18. Лермонтов подал рапорт о болезни и некоторое время еще оставался в л.-гв. Гродненском гусарском полку.

Апрель 24—25. Лермонтов возвратился в Петербург.

Апрель 30. Вышел № 18 «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», где за подписью «-въ» была напечатана «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Май 14. Лермонтов прибыл в л.-гв. Гусарский полк, расквартированный в Софии под Царским Селом.

Июнь 8. Письмо Лермонтова к С. А. Раевскому, в котором он сообщает, что роман «Княгиня Лиговская» «затянулся и вряд ли кончится».

Июнь, около 20. Проездом в Гапсаль (близ Ревеля) остановилась в Петербурге Варвара Александровна Бахметева, рожденная Лопухина. Последнее свидание с нею Лермонтова и А. П. Шан-Гирея.

Июль 1. Цензоры А. Никитенко и В. Лангер разрешили «Современник», т. XI, № 3, где в отд. VIII без подписи автора напечатана «Казначейша».

Июль 4. Письмо декабриста Н. А. Бестужева из Петровского завода к брату Павлу в Петербурге: «Недавно прочли мы в прило-

жении к Инвалиду Сказку о купеческом сыне Калашникове. Это превосходная маленькая поэма. Вот так должно подражать Вальтер Скотту, вот так должно передавать народность и ее историю! Ежели тебе знаком этот ...въ, объяви нам эту литературную тайну. Еще просим тебя сказать: кто и какой Лермонтов написал «Бородинский бой»?»

Август, конец. Знакомство Лермонтова с семейством Карамзиных. Первое посещение Карамзиных в Царском Селе по приглашению вдовы Н. М. Карамзина — Екатерины Андреевны и его дочери Софьи Николаевны.

Сентябрь 2 и 5. Посещение Лермонтовым Карамзиных.

Сентябрь 8. На обложке копии «Демона» дата рукой Лермонтова: «1838 года сентября 8 дня» (на так называемом Лопухинском списке).

Сентябрь 22. Лермонтова по приказанию вел. кн. Михаила Павловича за очередную гусарскую шалость (появление на параде со слишком короткой саблей) посадили под арест. Находясь на Царскосельской гауптвахте, Лермонтов написал маслом картину «Вид Кавказа» в подарок А. М. Хюгель (Верещагиной).

Октябрь 10. Лермонтов освобожден из-под ареста.

Октябрь 11. Лермонтов, С. Н. Карамзина и С. Д. Абамелек по железной дороге приехали из Царского Села в Петербург.

Октябрь 29. В узком кругу друзей у Карамзиных Лермонтов читает «Демона».

Ноябрь 3. Лермонтов вместе с А. О. Смирновой (Россет) провел вечер у Карамзиных.

Ноябрь, первая половина. Е. А. Сушкова вышла замуж за дипломата А. В. Хвостова, на этой свадьбе Лермонтов был шафером.

Осень и начало зимы. Лермонтов почти ежедневно бывает у Карамзиных. Кроме того, он посещает Валуевых, Репниных, Озеровых, М. А. Щербатову, В. Ф. Одоевского, появляется на балах в Царском Селе и в Павловске.

В письме из Петербурга в Москву к М. А. Лопухиной он сообщает, что ему трижды отказали в отпуске, рассказывает о своих успехах в «большом свете» и замечает, что нигде нет столько пошлого и смешного, как там.

Декабрь 4. Лермонтов закончил работу над новой редакцией поэмы «Демон».

Декабрь 7. С. А. Раевскому дозволено продолжать службу на общих основаниях.

Декабрь. Е. А. Арсеньева пишет А. М. Хюгель (Верещагиной): «Любезная Александра Михайловна, посылаю Вам для новорожденного дитяти баюкашную песню, отгадать не трудно, чье сочинение» (имеется в виду «Казачья колыбельная песня»).

1839

Январь 1. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. I, № 1, в котором в отд. III за подписью «М. Лермонтов» было напечатано стихотворение «Дума».

Январь 22. Лермонтов в Аничковом дворце в присутствии императорской фамилии был гостем на свадьбе А. Г. Столыпина, как родственник со стороны жениха.

Февраль 1. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. II, № 2, где в отд. III напечатано за подписью «М. Лермонтов» стихотворение «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»).

Февраль, начало. Лермонтов закончил последнюю редакцию поэмы «Демон».

Февраль 8 и 9. При дворе состоялось чтение поэмы «Демон» по списку, специально приготовленному для этого Лермонтовым.

Март 1. Разрешен цензурой «Московский наблюдатель», ч. II, № 4, где в отд. IV помещен отзыв Белинского о стихотворении Лермонтова «Поэт».

Март, первая половина. В «Отечественных записках», т. II, № 3 напечатана «Бэла. Из записок офицера о Кавказе». Подпись — «М. Лермонтов».

Март 16. Разрешен цензурой «Сын отечества», т. VII, ч. II, где в отд. IV дан положительный отзыв о стихотворении Лермонтова «Поэт».

Конец февраля — март. Письмо Лермонтова из Петербурга в Москву А. А. Лопухину со стихами, посвященными его новорожденному сыну, «Ребенка милого рожденье приветствует мой запоздалый стих...».

Март, вторая половина или начало апреля. Святослав Афанасьевич Раевский, освобожденный из ссылки, приехал из Петрозаводска в Петербург. Через несколько часов после его приезда Лермонтов вбежал в комнату, где его друг беседовал с приехавшими из Саратова матерью и сестрой, и бросился на шею к Раевскому.

Апрель 14. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. III, № 4, в котором напечатано стихотворение «Русалка», подписанное «М. Лермонтов».

Май. В майской книжке «Отечественных записок», т. III, в отд. III напечатаны стихотворения «Ветка Палестины» и «Не верь себе», подписанные «М. Лермонтов».

Июнь 14. Цензоры А. Никитенко и П. Корсаков разрешили «Отечественные записки», т. IV, № 6, где в отд. III напечатаны стихотворения «Еврейская мелодия (Из Байрона)» и «В альбом (Из Байрона)», подписанные «М. Лермонтов».

Июнь 26. Лермонтов вечером у Карамзиных по просьбе Софьи Николаевны написал в альбом стихи. Она признала их слабыми и с согласия Лермонтова уничтожила.

Июнь 30. П. А. Вяземский сообщает в письме: «Вечером у Валуевых кое-кто пили чай: Карамзин, Пашковы, Смирнова, Репнина, поэт Лермонтов...»

Июнь 30. Лермонтов вечером у Карамзиных примирился с Софьей Николаевной после эпизода с альбомом.

Июль 7. Письмо М. Н. Каткова из Москвы А. А. Краевскому в Петербург: «Засвидетельствуйте мое уважение Плетневу и Лермонтову, постарайтесь познакомить с последним Бакунина; это было бы, как я уверен, приятно для обоих».

Июль 22. Лермонтов присутствует у Карамзиных в Царском Селе на чтении Ф. Ф. Вигелем его воспоминаний.

Июль 25. Лермонтов в Павловске на обеде у М. А. Щербатовой.

Август 3. Знакомство Лермонтова у Карамзиных с фрейлиной Н. Я. Плюсковой.

Август 5. Дата рукой Лермонтова на обложке рукописи «Бэри» («Мцыри»): «Поэма 1839 года. Августа 5».

Август 11. Стихотворение А. А. Олениной «Ах! Анна Алексеевна...», написанное Лермонтовым в день ее рождения.

Август 14. Цензоры А. Никитенко и В. Лангер разрешили «Отечественные записки», т. V, № 8, в котором напечатано стихотворение «Три пальмы. Восточное сказание», подписанное «М. Лермонтов».

Сентябрь 4. Лермонтов в Царском Селе записал в альбом М. А. Бартеневой стихотворение «Есть речи — значенье...» (первый вариант).

Сентябрь 12. Лермонтов у Карамзиных в присутствии А. И. Тургенева читал отрывок из «Героя нашего времени». В тот же день Лермонтов был у Валуевых, где присутствовали также А. И. Тургенев, Л. Ф. Полуэктова, А. В. Мергасов, Александр Николаевич Карамзин.

Сентябрь 17. Первоначальный вариант повести «Штосс» Лермонтов начал словами: «17 сентября 1839 года был музыкальный вечер у С.» Этот намек на именины (17 сентября) Софьи Михайловны Соллогуб (Вильгорской), в салоне которой и происходит действие первой главы повести.

Октябрь 24. Лермонтов обедал у Карамзиных в день 25-летия Андрея Николаевича Карамзина. Там же были В. А. Жуковский, П. А. Вяземский и А. И. Тургенев.

В тот же день Жуковский записал в своем дневнике: «Поездка в Петербург из Царского Села с Вильгорским по железной дороге. Дорогой чтение «Демона»».

Октябрь 27. Лермонтов в театре с П. А. Вяземским, П. А. Валуевым и А. И. Тургеневым на балетном спектакле с участием Тальони в роли Сильфиды. Потом у Карамзиных.

Октябрь 28 и 31. Лермонтов у Карамзиных.

Ноябрь 5. Запись в дневнике Жуковского: «Вечер у Карамзиных. Князь и княгиня Голицыны и Лермонтов».

Ноябрь 14. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. IV, № 11, где в отд. III напечатаны повесть «Фаталист» и стихотворение «Молитва».

В примечании редакции сообщалось: «С особенным удовольствием пользуемся случаем известить, что М. Ю. Лермонтов в непродолжительном времени издаст собрание своих повестей и напечатанных и ненапечатанных. Это будет новый, прекрасный подарок русской литературе».

Ноябрь 16. Лермонтов был у А. И. Тургенева и с ним отправился на бал к Гогенлоэ, вюртембергскому посланнику в Петербурге, жена которого Екатерина Ивановна (рожденная Голубцова, двоюродная сестра Н. П Огарева) пригласила Лермонтова на этот бал накануне 15 ноября, через А. И. Тургенева.

Ноябрь 16. Лермонтов сделал приписку в письме к А. М. Хюгель (Верещагиной) с стихотворным экспромтом на французском языке.

Осень и зима. Лермонтов принимал участие в «Кружке шестнадцати». Это общество составилось из университетской молодежи и частью из кавказских офицеров. «Каждую ночь, возвращаясь из театра или бала, они собирались то у одного, то у другого. Там после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободою, как будто бы III Отделение собственной его императорского величества канцелярии вовсе не существовало». В «Кружок шестнадцати», кроме Лермонтова, входили: А. А. Столыпин-Монго, К. В. Браницкий, Н. А. Жерве, Д. П. Фредерикс, А. и С. Долгорукие, П. А. Валуев, И. С. Гагарин, А. П. Шувалов, А. И. Васильчиков и др.

Декабрь. На вечеринке у Гогенлоэ первый секретарь французского посольства в Петербурге барон д'Андре от имени посла де Баранта обратился к А. И. Тургеневу с вопросом: «Правда ли, что Лермонтов в известной строфе стихотворения «Смерть Поэта» бранит французов вообще или только одного убийцу Пушкина?» Барант хотел бы знать правду от Тургенева. Тургенев текста стихотворения точно не помнил и, встретив на другой день Лермонтова, просил сообщить ему текст стихотворения «Смерть Поэта». На следующий день Лермонтов прислал Тургеневу письмо, в котором процитировал просимый отрывок. Однако справка Тургеневу не понадобилась. «Через день или два,— писал А. И. Тургенев П. А. Вя-

земскому,— кажется на вечернике или на бале у самого Баранта, я хотел показать эту строфу Андре, но он прежде сам подошел ко мне и сказал, что дело уже сделано, что Барант позвал на бал Лермонтова, убедившись, что он не думал поносить французскую нацию».

Декабрь 6. Лермонтов высочайшим приказом произведен из корнетов в поручики.

Декабрь 14. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. VII, № 12, где в отд. III, за подписью «М. Лермонтов» напечатаны стихотворения «Дары Терека» и «Памяти А. И. О[illegible]ва», который скончался 15 августа 1839 года на Черноморском побережье.

Декабрь 22. Цензор Нахман разрешил к печати в Одессе «Одесский альманах на 1840 год», в котором напечатаны стихотворения «Узник» и «Ангел», подписанные «М. Лермонтов».

Декабрь 28. Встреча Лермонтова с А. И. Тургеневым у М. А. Щербатовой, которой посвящено стихотворение «На светские цепи...».

Декабрь, последние числа. И. С. Тургенев впервые видел Лермонтова в доме княгини Шаховской в Петербурге.

Декабрь 31. Лермонтов и Белинский на встрече Нового года у кн. В. Ф. Одоевского.

1839. Стихотворения «На буйном пиршестве задумчив он сидел...» и Э. К. Мусиной-Пушкиной («Графиня Эмилия...») датируются этим годом.

1840

Январь 1. Лермонтов был приглашен на бал во французское посольство.

Январь 1. Стихотворение «Как часто, пестрою толпою окружен...» датировано: «1-е Января».

Январь 14. Лермонтов вечером у Карамзиных. Здесь же были А. И. Тургенев, Жуковский, Вяземский и князь В. Ф. Одоевский.

Январь, между 14 и 17. Вышли в свет «Отечественные записки», т. VIII, где в отд. III напечатано стихотворение «Как часто, пестрою толпою окружен...», подписанное «М. Лермонтов».

Январь 20. В «Литературной газете» напечатано стихотворение «И скучно, и грустно...», подписанное «М. Лермонтов».

Начало года. Знакомство Лермонтова с поэтом Е. А. Баратынским у кн. В. Ф. Одоевского в Петербурге.

Февраль 9. Белинский в письме к Боткину делится впечатлением от стихотворения «Дары Терека»: «Черт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт, и что Пушкин умер не без наследника». Затем Белинский пишет о «Казачьей колыбельной песне», о «Молитве» («В минуту жизни трудную...») и о стихотворении «И скучно, и грустно...»

Февраль, около 14 числа. Вышли «Отечественные записки», т. VIII, № 2, где в отд. III напечатаны «Тамань» и «Казачья колыбельная песня», подписанные «М. Лермонтов».

Февраль 16. На балу у графини Лаваль столкновение Лермонтова с сыном французского посла Эрнестом де Барантом. Де Барант вызвал Лермонтова на дуэль.

Формальной причиной вызова был обмен резкими словами во время разговора.

Февраль 18, воскресенье, 12 часов дня. Дуэль Лермонтова с де Барантом за Черной речкой на Парголовской дороге при секундантах А. А. Столыпине и графе Рауле д'Англесе. После дуэли Лермонтов, слегка оцарапанный ниже локтя, заезжал к А. А. Краевскому.

Февраль 19. Цензор П. Корсаков разрешил издание: «Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. Часть I и часть II. СПб. В типографии Ильи Глазунова и К°. 1840».

Февраль, двадцатые числа. Командир л.-гв. Гусарского полка Н. Ф. Плаутин потребовал от Лермонтова объяснения обстоятельств дуэли с де Барантом.

Март, начало. Письмо Лермонтова к командиру л.-гв. Гусарского полка Н. Ф. Плаутину с объяснениями обстоятельств дуэли с де Барантом.

Март 2. В «Одесском вестнике» № 18 отзыв о стихотворениях Лермонтова «Узник» и «Ангел», напечатанных в «Одесском альманахе на 1840 год».

Март 10. Начато «Дело Штаба отдельного Гвардейского корпуса... О поручике лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтове, предан-

ном военному суду за произведенную им с французским подданным Барантом дуэль и необъявление о том в свое время начальству». Лермонтов арестован.

Март 12. Письмо А. А. Столыпина к А. Х. Бенкендорфу о том, что он был секундантом на дуэли Лермонтова с де Барантом. Столыпина арестовали 14 марта.

Март 15. А. И. Тургенев в письме из Москвы спрашивает П. А. Вяземского: «...Верно, Лермонтов дрался с Бар<антом> за кн. <Щербатову>?».

Март 15. [illegible] из Петербурга в Москву В. П. Боткину: «Лермонтов [illegible] за дуэль с сыном Баранта. Государь сказал, что [illegible] Лермонтов [illegible]рался с русским, он знал бы, что с ним [illegible] с французом, то три четверти вины слагается. Дрались на саблях, Лермонтов слегка ранен и в восторге от этого случая, [illegible] в однообразной жизни. Читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает. Если, говорит, переведут в армию, буду проситься на Кавказ. Душа его жаждет впечатлений и жизни».

Март 16. Допрос Лермонтова комиссией военного суда. Лермонтов дал письменные показания.

Март 17. Лермонтов переведен из Ордонанс-гауза на «Арсенальный караул».

Март 22. Лермонтов через А. В. Браницкого пригласил на Арсенальную гауптвахту Эрнеста де Баранта для личных объяснений по поводу своих показаний от 16 марта, которыми де Барант был настолько недоволен, что требовал новой дуэли.

Март 23. Министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде получил предписание вел. кн. Михаила Павловича получить показания де Баранта. Нессельроде распорядился: «Отвечать, что Барант уехал...»

Март 25. Объяснение Лермонтова о свидании с де Барантом, представленное великому князю Михаилу Павловичу.

Март 29. Лермонтов допрошен «в присутствии комиссии военного суда» и дал письменные показания о свидании с де Барантом на Арсенальной гауптвахте 22 марта.

Апрель 5. Комиссия военного суда закончила дело Лермонтова.

Апрель 11. Мнение вел. кн. Михаила Павловича по поводу приговора военно-судной комиссии в отношении Лермонтова: «...сверх содержания его под арестом с 10 прошедшего месяца, выдержать еще под оным в крепости в каземате три месяца, и потом выписать в один из армейских полков тем же чином...».

В этот же день поступило предписание Николая I о срочном окончании дела о дуэли.

Апрель 12. Вышли «Отечественные записки», т. IX, № 4, в котором в отд. III напечатано стихотворение «Журналист, Читатель и Писатель», подписанное «М. Лермонтов». На копии стихотворения рукой В. А. Сологуба. «С.-Петербург, 20 марта 1840. Под арестом, на Арсенальной гауптвахте».

Апрель 12—16. Белинский посетил Лермонтова в Ордонанс-гаузе, куда в конце месяца Лермонтов был вновь переведен с Арсенальной гауптвахты. 16 апреля он писал В. П. Боткину: «...вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь. Недавно я был у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух. Как верно он смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура».

Апрель 13. На докладе генерал-аудиториата по делу Лермонтова рукой Николая I написано: «Поручика Лермонтова перевесть в Тенгинский пехотный полк тем же чином; отставного поручика Столыпина и г. Браницкого освободить от подлежащей ответственности, объявив первому, что в его звании и летах полезно служить, а не быть праздным. В прочем быть по сему. Николай. С.-Петербург 13 апреля 1840».

Резолюция Николая I противоречила определению генерал-аудиториата, который предлагал выдержать Лермонтова три месяца на гауптвахте, а потом уже выписать в один из армейских полков. Вот почему не знали, как привести в исполнение высочайший приказ.

Апрель 19. Военный министр А. И. Чернышев сообщил вел. кн.

Михаилу Павловичу, что Николай I «изволил сказать, что переводом Лермонтова в Тенгинский полк желает ограничить наказание».

Апрель 20—27. Письмо Лермонтова к вел. кн. Михаилу Павловичу с просьбой защитить его от требований Бенкендорфа написать письмо к де Баранту с признанием о ложном показании на суде, что он стрелял в воздух.

Вел. кн. Михаил Павлович направил его письмо на высочайшее рассмотрение.

Апрель 17. В «Литературной газете», № 34 напечатано извещение о выходе из печати «Героя нашего времени».

Апрель 29. На письме Лермонтова к вел. кн. Михаилу Павловичу карандашная помета Л. В. Дубельта: «Государь изволил читать», и далее: «К делу, 29 апреля 1840». Хотя резолюции Николая I на это письмо не последовало, Бенкендорф отказался от своих требований, оскорбительных для Лермонтова.

Апрель, конец — май, начало. Написано стихотворение «Благодарность» («За все, за все тебя благодарю я...»).

Весна. Предположительно датируются стихотворения Лермонтова М. П. Соломирской («Над бездной адскою блуждая...») и «Пленный рыцарь» («Молча сижу под окошком темницы...»).

Май 3, 4 или 5. Отъезд Лермонтова из Петербурга. Прощальный вечер у Карамзиных. Стихотворение «Тучи».

Май 5. В «Северной пчеле» № 98 и в ряде следующих номеров — извещение о выходе из печати «Героя нашего времени».

Май 8. Приезд Лермонтова из Петербурга в Москву.

Май, первая половина. По дороге на Кавказ Лермонтов задержался в Москве. Часто встречается с Ю. Ф. Самариным, в семье Мартыновых знакомится с А. В. Мещерским, несколько вечеров проводит у Н. Ф. Павлова и Свербеевых. Бывал в кружке московских славянофилов. Больше других Лермонтову понравился А. С. Хомяков. О случайных встречах с Лермонтовым в Москве упоминают также Ф. Ф. Вигель и В. В. Боборыкин.

Май 9. Лермонтов присутствовал на именинном обеде Гоголя в саду Погодина на Девичьем Поле. «На этом обеде, кроме круга близких, приятелей и знакомых, по свидетельству С. Т. Аксакова, были: А. И. Тургенев, кн. П. А. Вяземский..., М. Ф. Орлов, М. А.

Дмитриев, Загоскин, профессора Армфельд и Редкин и многие другие. Обед был веселый и шумный. После обеда все разбрелись по саду маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случились, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри» и читал, говорят, прекрасно...»

Май 10. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «Вечер у Сверб<севой> с гр. Зубовой. Павлова: подарил ей лиру. Она довольна. Лермонтов и Гоголь. До 2 часов... Был у кн. Щерб<атовой>. Сквозь слезы смеется. Любит Лермонт<ова>...»

Май 12. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «...После обеда в Петровское к Мартыновым, они еще не уезжали из города... Несмотря на дождь поехали в Покровское-Глебово, мимо Всехсвятского... возвратились к Мартыновым — пить чай и сушиться. Кн. <Л. А.> Гагарин гарсевал на коне своем. Лермонтов любезничал и уехал».

Май 14. Цензоры П. Корсаков и А. Фрейганг разрешили «Отечественные записки», т. X, № 5, где в отд. III напечатано стихотворение «Воздушный корабль», подписанное «М. Лермонтов». В том же номере без подписи напечатана первая часть статьи Белинского о «Герое нашего времени».

Май 16. Стихотворение «Посреди небесных тел...».

Май 19. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «...в Петровское, гулял с гр. Зубовой... Цыгане, Волковы, Мартыновы, Лермонтов».

Май 22. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «...в театр, в ложи гр. Броглио и Мартыновых, с Лермонтовым; зазвали пить чай и у них и с Лермонт<овым> и с Озеров<ым> кончил невинный вечер; весело».

Май 25. В «Литературной газете» № 42 без подписи помещена рецензия Белинского на «Героя нашего времени».

Май 25. Письмо Е. М. Мартыновой, из Москвы к сыну Н. С. Мартынову на Кавказ, в котором говорится о том, что Лермонтов еще в городе и почти каждый день посещает ее дочерей, находящих «большое удовольствие в его обществе».

Май, последние числа. Отъезд Лермонтова на Кавказ. Последний вечер в Москве у Н. Ф. и К. К. Павловых. Ю. Ф. Самарин писал: «Он уехал грустный. Ночь была сырая. Мы простились на крыльце».

Июнь, первые числа. Лермонтов проездом задержался в Ново-

черкасске у ген. М. Г. Хомутова; он прожил у него три дня и каждый день бывал в театре.

Июнь 10. Лермонтов приехал в Ставрополь, в главную квартиру командующего войсками Кавказской линии и Черномории генерал-адъютанта П. Х. Граббе.

Июнь 14/26. Резкий отзыв Николая I о Лермонтове и его романе «Герой нашего времени» в письме к императрице: «...это жалкое дарование, оно указывает на извращенный ум автора».

Июнь, вторая половина. Письмо С. Т. Аксакова к Гоголю: «Я прочел Лермонтова «Героя нашего времени» в связи и нахожу в нем большое достоинство. Живо помню слова ваши, что Лермонтов-прозаик будет выше Лермонтова-стихотворца».

Июнь 15. Вышли в свет «Отечественные записки», т. X, № 6, где в отд. III напечатаны стихотворения «Отчего?» и «Благодарность», подписанные «М. Лермонтов».

Июнь 17. Лермонтов пишет А. А. Лопухину из Ставрополя о том, что на следующий день едет в действующий отряд на левый фланг в Чечню «брать пророка Шамиля».

Июнь 18. Лермонтов «командирован на левый фланг Кавказской линии для участвования в экспедиции, в отряде под начальством генерал-лейтенанта Галафеева».

Июнь 21. Издатель и редактор «Отечественных записок» А. А. Краевский обратился с письмом к цензору А. В. Никитенко, в котором просил «благословить... к напечатанию отдельной книжкой» сборник стихотворений Лермонтова. Никитенко не решился взять на себя ответственность за выпуск сборника стихов опального поэта и после ряда напоминаний Краевский перенес это дело на рассмотрение Цензурного комитета.

Июль 6—10. Отряд, в котором находился Лермонтов, выступив из лагеря при крепости Грозной, переправился через реку Сунжу и через ущелье Хан-Калу с боями продвинулся в Дуду-Юрт и далее в Большую Атагу и Чах-Гери к Гойтинскому лесу. После штыковой атаки у Ахшпатой-Гойта был совершен переход к Урус-Мартан и к деревне Гехи.

Июль 11. Отряд выступил из лагеря при дер. Гехи. Бой при реке Валерик. «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов,

во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнил возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших солдат ворвался в неприятельские завалы».

Июль 12—15. Лермонтов принимает участие в перестрелке при следовании отряда через деревню Ачхой, по рекам Натахи и Сунже до возвращения в крепость Грозную.

Июль 14. Цензоры П. Корсаков и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. XI, № 7, где в отд. III напечатаны стихотворения «Молитва» («Я, матерь божия...») и «Из Гете» («Горные вершины...»), подписанные «М. Лермонтов».

Июль 17 — август 2. Участие Лермонтова в походе части отряда генерала А. В. Галафеева в Северный Дагестан. По пути, в палатке, у Миатлинской переправы, Лермонтова нарисовал в профиль барон Д. П. Пален. Отряд прибыл 29 июля в Темир-Хан-Шуру, а 2 августа через Миатлинскую переправу выступил к крепости Грозной.

Август 13. Цензурный комитет разрешил сборник «Стихотворений М. Лермонтова».

Сентябрь 12. Письмо Лермонтова из Пятигорска к А. А. Лопухину в Москву с описанием битвы при Валерике.

Сентябрь 14. Цензоры А. Фрейганг и В. Ольдекоп разрешили «Отечественные записки», т. XII, № 9, где в отд. III напечатано стихотворение «Ребенку» («О грезах юности томим воспоминаньем...»), подписанное «М. Лермонтов».

Сентябрь 26. Отряд генерал-лейтенанта А. В. Галафеева выступил из крепости Грозной через Ханкальское ущелье к реке Аргуну. Лермонтов был прикомандирован к кавалерии отряда.

Октябрь 10. Когда выбыл раненым из строя юнкер Руфин Дорохов, Лермонтов принял от него начальство над охранниками, выбранными из всей кавалерии — «летучей сотнею казаков». Лермонтов «с командою» отличился в делах 12 и 15 октября за Шалинским лесом и при переправе через Аргун.

Октябрь 15. Вышли в свет «Отечественные записки», т. XII, № 10, где в отд. III напечатано стихотворение «А. О. Смирновой» («Без вас хочу сказать вам много...»), подписанное «М. Лермонтов».

Октябрь 25. Вышел в свет сборник «Стихотворения М. Лермонтова. СПб., в типографии Ильи Глазунова и К°. 1840». Издание вышло в количестве 1000 экз.

Октябрь, вторая половина. Лермонтов в крепости Грозной после двадцатидневной экспедиции в Чечне. Письмо к А. А. Лопухину в Москву о походе и команде охотников, которую Лермонтов «получил в наследство от Дорохова».

Октябрь 27 — ноябрь 6. Лермонтов в составе отряда генерала А. В. Галафеева выступил из крепости Грозной и отличился в делах 27, 28, 29 и 30 октября у аула Алды, в Гойтинском лесу и у реки Валерик.

Ноябрь 9. Лермонтов в Ставрополе.

Ноябрь 9—20. Во время второй экспедиции в Малой Чечне Лермонтов был все время при генерал-лейтенанте А. В. Галафееве.

Ноябрь 20 — декабрь. Лермонтов в Ставрополе. Встречи с С. В. Трубецким, Л. В. Россильоном, И. А. Вревским, А. Д. Есаковым, Л. С. Пушкиным, М. А. Назимовым и др.

Декабрь 9. Рапорт генерала А. В. Галафеева с приложением наградного списка и просьбой перевести Лермонтова «в гвардию тем же чином с отданием старшинства».

Декабрь 11. Военный министр А. И. Чернышев сообщил командиру Отдельного кавказского корпуса о том, что Николай I разрешил предоставить Лермонтову отпуск в С.-Петербург сроком на два месяца.

Декабрь 14. В «Отечественных записках», т. XIII, № 12, отд. III напечатано стихотворение «К портрету» (А. К. Воронцовой-Дашковой) («Как мальчик кудрявый резва...»), подписанное «М. Лермонтов».

Декабрь 16 и 17. В «Северной пчеле» № 284—285 в форме письма к Ф. В. Булгарину напечатан отзыв В. С. Межевича (подпись Л. Л.) о «Герое нашего времени» и о первом издании «Стихотворений М. Лермонтова».

Декабрь 24. Рапорт командовавшего кавалерией действующего отряда на левом фланге Кавказской линии полковника князя В. С.

Голицына командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории ген.-лейт. Граббе с представлением к награждению Лермонтова золотой саблей с надписью «За храбрость».

Декабрь, конец месяца. Лермонтов приехал в Фанагорию близ Тамани для свидания с декабристом Н. И. Лорером, которому привез письмо от его племянницы А. О. Смирновой-Россет и книгу «Imitation de Jesus Christ» («О подражании Христу») Фомы Кемпийского.

Декабрь 31. Приказом № 365 Лермонтов зачислен «налицо» в Тенгинском пехотном полку. Штаб полка находился в станице Ивановской.

1841

Январь 1. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. XIV, № 1, где в отд. III напечатано стихотворение «Есть речи — значенье...», подписанное «М. Лермонтов».

Начало года. Эпиграмма Лермонтова на О. И. Сенковского «Под фирмой иностранной иноземец...».

Январь 6. Лермонтов в Ставрополе присутствует на обеде у П. Х. Граббе вместе с Л. С. Пушкиным, А. И. Дельвигом и др.

Январь 14. Лермонтову выдан отпускной билет на два месяца. Вероятно, в этот день он выехал из Ставрополя в Петербург, через Новочеркасск, Воронеж, Москву.

Январь, конец месяца. Остановка Лермонтова в Воронеже.

Январь 30. Лермонтов прибыл с Кавказа в Москву.

Февраль, первые числа. Вышли в свет «Отечественные записки», т. XIV, № 2, где в отд. III напечатано стихотворение «Завещание» («Наедине с тобою, брат...»), подписанное «М. Лермонтов». В этой же книжке, в отд. V, статья Белинского (без подписи) «О стихотворениях М. Лермонтова».

Февраль 5—6. Приезд Лермонтова в Петербург «на половине масленицы».

Февраль 8. Вечером Лермонтов был у В. Ф. Одоевского, к которому в 11-м часу вечера приехал и П. А. Плетнев.

Февраль 9. Лермонтов был на балу у А. К. Воронцовой-Дашковой, где среди гостей находился вел. кн. Михаил Павлович. Лермон-

тов писал: «... я отправился на бал к г. Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким. Что делать? Кабы знал, где упасть, соломки бы подостлал...».

Февраль 19. Цензор П. Корсаков разрешил издание: «Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. Часть I. Издание 2-е. СПб. В типографии Ильи Глазунова и К°. 1841». Тираж 1200 экз.

Февраль. Близкое знакомство Лермонтова с гр. Е. П. Ростопчиной: «...двух дней было довольно, чтобы связать нас дружбой» (Ростопчина).

Февраль, вторая половина. Письмо Лермонтова к А. И. Бибикову на Кавказ, в котором он сообщает, что у него «началась новая драма, которой завязка очень замечательная, зато развязки, вероятно, не будет». Тут же идет речь об отъезде на Кавказ, предположительно назначенном на 9 марта, и о том, что Лермонтова вычеркнули «из Валерикского представления», т. е. отказали в награждении орденом св. Станислава 3-й степени.

Февраль 27. Лермонтов был у Карамзиных, где застал его приехавший в 11 часов П. А. Плетнев.

Февраль 28. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. XV, № 3, где в отд. III напечатано стихотворение «Оправдание», подписанное «М. Лермонтов».

Март 5. Рапорт командира Отдельного кавказского корпуса с представлением к награде Лермонтова за участие в экспедиции в Малой Чечне с 27 октября по 6 ноября 1840 года. 30 июня 1841 года в награде было отказано.

Март 9. Запись в дневнике Жуковского: «Приехал в 4 часа... у Карамзиных: Лермонтов. Ростопчина».

Март 10. Лермонтов записал в альбом М. А. Бартеневой стихотворение «Любовь мертвеца».

Март 11. А. А. Краевский пишет М. Н. Каткову за границу: «Здесь <т. е. в Петербурге> теперь Лермонтов в отпуску и через две недели опять едет на Кавказ. Я заказал списать с него портрет Горбунову: вышел похож. Он поздоровел, целый год провел в драках и потому писал мало, но замыслил очень много».

Март 13. Белинский пишет В. Н. Боткину: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его «Родина», то, аллах-керим, что за вещь: пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских».

Март 16. Заметка Лермонтова: «Ахвердов<а> — на Кирочн<ой>. Г<рафиня> Завадовск<ая>. Лео<нид> Голицы<н> в доме Ростовцева. Понед<ельник> Смир<нова>. Втор<ник> Ростоп<чина>. Веч<ером> Лаваль именины».

Март 17. Запись в дневнике Жуковского: «К Смирновой, у нее Ростопчина, Лермонтов, Соболевский, Мальцов, Норов. Ее миленькая сестра. Жаркий спор за Орлова, Ермолова и Перовского».

Март 18. Запись в дневнике Жуковского. «Обедал у Ростопчиной с С<офьей> Николаевной <Карамзиной>, с Лермонтовым, с Андреем Карамзиным и с Озеровыми».

Март — апрель, первая половина. Стихотворение в альбом С. Н. Карамзиной «Любил и я в былые годы...».

Март — апрель, первая половина. Попытка Лермонтова выйти в отставку, посвятить себя литературной деятельности и издавать свой журнал.

Март 24. Запись в дневнике Жуковского: «У детей <у великих князей> на лекции. У обедни. Отдал письмо бабушки Лермонтова».

Март 27. Стихотворение Е. П. Ростопчиной «На дорогу Михаилу Юрьевичу Лермонтову».

Март 30 — апрель 4. Лермонтов написал: «Последнее новоселье».

Апрель 4. Запись в дневнике Жуковского: «У меня Лермонтов, который написал прекрасные стихи на Наполеона... Обедал у Смирновой с Лермонтовым, Полетикою и Маркеловым».

Апрель, начало. Вышли в свет «Отечественные записки», т. XV, № 4, где в отд. III напечатано стихотворение «Родина», подписанное «М. Лермонтов».

В этом же номере «Отечественных записок» извещение: «Герой нашего времени» соч. М. Ю. Лермонтова, принятый с таким энтузиазмом публикою, теперь уже не существует в книжных лавках; первое издание его все раскуплено; приготовляется второе издание, которое скоро должно показаться в свет; первая часть уже отпечатана: кстати о самом Лермонтове: он теперь в Петербурге и привез с Кавказа несколько новых прелестных стихотворений, которые будут напечатаны в «Отечественных записках». Тревоги военной жизни не позволили ему спокойно и вполне предаваться искусству, которое назвало его одним из главнейших жрецов своих; но замышлено им

много и все замышленное превосходно. Русской литературе готовятся от него драгоценные подарки».

Апрель 11—13. Жуковский написал письмо к великому князю Александру Николаевичу, наследнику престола, в котором просит по случаю предстоящего 16 апреля бракосочетания его с принцессой Марией Гессен-Дармштадтской оказать «милость» — смягчить участь декабристов, Герцена и Лермонтова.

Письмо, видимо, отправлено не было, но хлопоты Жуковский продолжал.

Апрель, около 11 числа. Дежурный генерал Главного штаба граф П. А. Клейнмихель вызвал Лермонтова и сообщил ему предписание в 48 часов покинуть Петербург и отправиться на Кавказ в Тенгинский полк. Прямо от Клейнмихеля в сильном возбуждении Лермонтов приехал к Краевскому.

Апрель 12. Запись в дневнике Жуковского: «...У Уварова, у меня Лермонтов... Ввечеру у Плетнева с Левашевым. Потом у Карамзиных».

Апрель 12. Запись в журнале П. А. Плетнева: «После чаю Жуковский отправился к Карамзиным на проводы Лермонтова, который снова едет на Кавказ по миновании срока отпуска своего». На прощальном вечере у Лермонтова был долгий сердечный разговор с Натальей Николаевной Пушкиной: «Прощание их было самое задушевное...»

Апрель 12—13. Стихотворение «Графине Ростопчиной» («Я верю: под одной звездой...») Лермонтов вписал в альбом, который подарил ей перед отъездом.

Апрель 12—13. По просьбе П. П. Вяземского Лермонтов написал стихотворение «На севере диком...».

Апрель 13. Надпись князя В. Ф. Одоевского на альбоме, подаренном Лермонтову при отъезде его на Кавказ: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам и всю исписанною. К<нязь> В. Одоевский. 1841, Апреля 13-е. СПБург».

Весной и в начале лета в записной книжке, подаренной В. Ф. Одоевским, Лермонтов написал стихотворения: «Утес», «Спор», «Сон», «L'Attente», «Лилейной рукой поправляя...», «На бурке под тенью чинары...», «Они любили друг друга так долго и нежно...», «Тамара»,

«Свиданье», «Листок», «Выхожу один я на дорогу...», «Морская царевна», «Пророк», «Нет, не тебя так пылко я люблю...».

На ответном даре Лермонтова надпись В. Ф. Одоевского: «Эта картина рисована поэтом Лермонтовым и подарена им мне при последнем его отъезде на Кавказ. Она представляет Крестовую гору...»

Апрель 13—14. Прощальная записка Лермонтова к А. А. Краевскому.

Апрель 14, 8 часов утра. Отъезд Лермонтова из Петербурга в Москву.

Апрель 17. Лермонтов прибыл в Москву.

Апрель 18. Письмо Е. А. Арсеньевой к С. Н. Карамзиной с просьбой напомнить Жуковскому похлопотать перед императрицей о прощении Лермонтова.

Апрель 20. Запись в дневнике Жуковского: «...У императр<ицы> на завтраке. Чтение моей статьи. О Лермонтове».

Апрель 20. Письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой о том, что он остановился у Дмитрия Григорьевича Розена и пробудет в Москве еще несколько дней.

Апрель 20-е числа. Встречи Лермонтова с Ю. Ф. Самариным, который записал мнение Лермонтова о современном состоянии России: «Хуже всего не то, что известное количество людей терпеливо страдает, а то, что огромное количество страдает, не сознавая этого». Далее Самарин сообщает, что он был с Лермонтовым на народных гуляниях под Новинским.

Апрель 20-е числа. Стихотворение Лермонтова «Прощай, немытая Россия...».

Апрель 23. За полчаса до отъезда из Москвы на Кавказ Лермонтов пришел проститься к Ю. Ф. Самарину и принес ему для «Москвитянина» стихотворение «Спор».

Апрель 23. Лермонтов выехал из Москвы в Ставрополь.

Апрель, между 25 и 30 числами. По пути на Кавказ Лермонтов догнал в Туле А. А. Столыпина, выехавшего из Москвы 22 апреля. Они обедали у А. М. Меринского, их товарища по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, и отправились в дальнейший путь вдвоем. По дороге они заезжали к М. П. Глебову в его имение Мишково Мценского уезда Орловской губернии.

Апрель, конец. Остановка Лермонтова и А. А. Столыпина в Воронеже «в гостинице Евлаховой».

Май, начало. Заезд Лермонтова в Таганрог для свидания с сослуживцем по л.-гв. Гусарскому полку А. Г. Реми.

Май 1. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. XVI, № 5, где в отд. III напечатано стихотворение «Последнее новоселье», подписанное «М. Лермонтов».

Май 3. Цензор П. Корсаков разрешил второе издание «Героя нашего времени. Сочинение М. Лермонтова, ч. II, СПб., в типографии Ильи Глазунова и К°. 1841».

Май 9. Лермонтов и Столыпин прибыли в Ставрополь и были прикомандированы к отряду для участия в экспедиции «на левом фланге Кавказа».

Май 10. Письмо Лермонтова к. Е. А. Арсеньевой о приезде со Столыпиным в Ставрополь и о предполагающемся отъезде в крепость Темир-Хан-Шуру.

Май 10. Письмо Лермонтова к С. Н. Карамзиной в Петербург с сообщением об отъезде в экспедицию: «Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это самое лучшее, что только можно мне пожелать... Я хотел написать... и г-же Смирновой, но... воздерживаюсь».

Май 19. Рукой Лермонтова в «книжке Одоевского» карандашная запись: «19 мая — буря».

Май 20 (вероятная дата). Лермонтов и А. А. Столыпин приехали в Пятигорск, где подали рапорты коменданту о болезни и ходатайства о разрешении лечиться минеральными водами. Разрешение было получено.

Май, конец месяца. Лермонтов и А. А. Столыпин сняли дом и поселились в Пятигорске у капитана В. И. Чилаева. В соседних домах остановились М. П. Глебов, кн. А. И. Васильчиков, С. В. Трубецкой и Н. С. Мартынов — их старые приятели по Петербургу и Кавказу, составившие вместе «Лермонтовский кружок».

Май, конец месяца. Вышли в свет «Отечественные записки», т. XVI, № 6, где в отд. III напечатано стихотворение «Кинжал», подписанное «М. Лермонтов».

Май 31. Цензор Н. Крылов разрешил журнал «Москвитянин»,

часть III, № 6, где напечатано стихотворение «Спор», подписанное «М. Лермонтов».

Июнь 13. Рапорт Лермонтова, поданный командиру Тенгинского полка полковнику С. И. Хлюпину о том, что он, отправляясь в отряд командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, заболел и получил от Пятигорского коменданта позволение остаться в Пятигорске впредь до излечения.

Июнь 28. Письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой, в котором он просит прислать ему в Пятигорск собрание сочинений Жуковского, «полного Шекспира, по-английски» и книгу стихов Е. П. Ростопчиной и сообщает о своем намерении проситься в отставку: «...а чего мне здесь еще ждать?».

Лето 1841 года. А. С. Хомяков в письме к Н. М. Языкову пишет: «В «Москвитянине» был разбор Лермонтова Шевыревым, и разбор не совсем приятный, по-моему несколько несправедливый. Лермонтов ответил очень благоразумно: дал в «Москвитянин» славную пьесу, спор Шата с Казбеком, стихи прекрасные».

Июнь 30. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. XVII, № 8, где в отд. III напечатано стихотворение «Пленный рыцарь», подписанное «М. Лермонтов».

Июнь 30. Дежурный генерал Главного штаба граф П. А. Клейнмихель сообщил командиру отдельного Кавказского корпуса генералу Е. А. Головину о том, что Николай I, «заметив, что поручик Лермонтов при своем полку не находился, но был употреблен в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил... дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте...» Подлинная резолюция царя гласила: «Зачем не при своем полку? Велеть непременно быть налицо во фронте, и отнюдь не сметь под каким бы то ни было предлогом удалять от фронтовой службы при своем полку».

Это распоряжение было получено на Кавказе уже после гибели Лермонтова.

Июль, первая половина. В Пятигорск приехал И. Е. Дядьковский, знаменитый врач, профессор Московского университета. Он привез Лермонтову от Е. А. Арсеньевой «гостинца и письма... долго беседовали они о Байроне, Англии, о Бэконе... По уходе его Иустин

Евдокимович много раз повторял: «Что за умница». Гибель Лермонтова потрясла Дядьковского, и через шесть дней он скончался.

Июль 8. Вечером Лермонтов и его друзья дали пятигорской публике бал в гроте Дианы возле Николаевских ванн.

Июль 13. Столкновение между Лермонтовым и Мартыновым на вечере в доме Верзилиных. Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль. Формальной причиной вызова послужили шутки и остроты Лермонтова.

Июль 14. Поездка Лермонтова и А. А. Столыпина в Железноводск.

Июль 15. Утром к Лермонтову в Железноводск из Пятигорска приехали в коляске Обыденная и Е. Г. Быховец, которых сопровождали верхами юнкер Бенкендорф, М. В. Дмитревский и Л. С. Пушкин. Пикник в немецкой колонии Каррас (Шотландка). После обеда в колонии между 6—7 часами вечера дуэль Лермонтова с Мартыновым у подножия Машука при секундантах М. П. Глебове и князе А. И. Васильчикове. При дуэли присутствовали А. А. Столыпин, С. В. Трубецкой и Р. И. Дорохов. Гроза. Лермонтов убит Мартыновым. Поздно вечером тело поэта перевезено в Пятигорск в дом Чилаева.

Июль 16. Создание в Пятигорске следственной комиссии по делу о дуэли. Составлен акт осмотра места поединка следственной комиссией в присутствии секундантов М. П. Глебова и А. И. Васильчикова. Художник Р. К. Шведе зарисовал Лермонтова в гробу.

Июль 17. Медицинское освидетельствование лекарем И. Е. Барклаем де Толли в присутствии следственной комиссии тела Лермонтова.

Погребение на Пятигорском кладбище: «Офицеры несли прах любимого ими товарища до могилы, а слезы множества сопровождающих выразили потерю общую, незаменимую». Запись в метрической книге Пятигорской Скорбященской церкви за 1841 год, часть III, № 35: «Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьев Лермонтов 27 лет убит на дуэли 15-го июля, а 17 погребен, погребение пето не было».

Июль 17. Письмо начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории полковника А. С. Траскина из Пятигорска в Ставрополь к генералу П. Х. Граббе с подробным рассказом о дуэли.

Август 6. В «Одесском вестнике» № 63 в статье А. С. Андреевского, присланной из Пятигорска, первое сообщение в печати о смерти Лермонтова: «15-го июля, около 5-ти часов вечера, разразилась ужасная буря с молнией и громом: в это самое время, между горами Машуком и Бештау, скончался лечившийся в Пятигорске М. Ю. Лермонтов. С сокрушением смотрел я на привезенное сюда бездыханное тело поэта... Кто не читал его сочинений, проникнутых тем глубоким лирическим чувством, которое находит отголосок в душе каждого?..»

Август 30. Цензурное разрешение на выход в свет «Отечественных записок», т. XVIII, кн. 9, где в отд. VI без подписи помещена статья Белинского «Герой нашего времени»: «...мы встречаем новое издание «Героя нашего времени» горькими слезами о невозвратимой утрате, которую понесла осиротелая русская литература в лице Лермонтова!.. Этой жизни суждено было проблеснуть блестящим метеором, оставить после себя длинную струю света и благоухания и — исчезнуть во всей красе своей...»

Сентябрь 30. Комиссия военного суда в Пятигорске огласила «Сентенцию», в которой приговорила Н. С. Мартынова, М. П. Глебова и А. И. Васильчикова «за дуэль с поручиком Тенгинского пехотного полка Лермонтовым (на оной ныне убитым)» к «лишению чинов и прав состояния».

Высочайшая конфирмация по военно-судному делу состоялась 3 января 1842 года. «Майора Мартынова посадить в крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжелой раны».

1842

Апрель 21. По просьбе Е. А. Арсеньевой гроб с прахом Лермонтова привезен из Пятигорска в Тарханы.

Апрель 23. Прах Лермонтова погребен в фамильном склепе в Тарханах.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ангел — I, 95
Ангел смерти — I, 308
Ашик-Кериб — II, 447
<Н. Н. Арсеньеву> («Дай бог, чтоб ты не соблазнялся...») — I, 227
Арфа — I, 105
Атаман — I, 84
Аул Бастунджи — I, 397
«Ах! Анна Алексевна...» (<А. А. Олениной>) — I, 175

Баллада («В избушке позднею порою...») — I, 102
Баллада («Куда так проворно, жидовка младая?..») — I, 146
Баллада («Над морем красавица-дева сидит...») — I, 32
Беглец — I, 551
«Безумец я! вы правы, правы!..» — I, 139
Благодарность («За все, за все тебя благодарю я...») — I, 197
Благодарю! — I, 64
«Блистая пробегают облака...» — I, 83
Бой — I, 134
«Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья...» — I, 132
Бородино — I, 154
Боярин Орша — I, 430
«Будь со мною, как прежде бывала...» (К Д.) — I, 100
Булевар — I, 60

* Римская цифра обозначает том, арабская — страницу. Указатель составлен Н. Артемовой.

<Вадим> — II, 275
<Валерик> («Я к вам пишу случайно; право...») — I, 200
<В альбом Д. Ф. Ивановой> («Когда судьба тебя захочет обмануть...») — I, 127
<В альбом Н. Ф. Ивановой> («Что может краткое свиданье...») — I, 126
В альбом («Как одинокая гробница...») — I, 152
В альбом («Нет! — я не требую вниманья...») — I, 46
«Вблизи тебя до этих пор...» (К Су<шковой>) — I, 56
«В Большом театре я сидел...» (<Эпиграмма на Н. Кукольника>) — I, 151
«Вверху одна...» (Звезда) — I, 104
«Великий муж! Здесь нет награды...» — I, 153
Ветка Палестины — I, 159
Вечер после дождя — I, 48
«Взгляни, как мой спокоен взор...» (Стансы) — I, 66
«Взгляни на этот лик; искусством он...» (Портрет) — I, 99
«Взлелеянный на лоне вдохновенья...» (К другу) — I, 30
Вид гор из степей Козлова — I, 170
Видение — I, 86
«В избушке позднею порою...» (Баллада) — I, 102
«В минуту жизни трудную...» (Молитва) — I, 179
«В неверный час, меж днем и темнотой...» (Наполеон) — I, 48
Воздушный корабль — I, 192
Волны и люди — I, 110
Воля — I, 91
«В полдневный жар в долине Дагестана...» (Сон) — I, 216
«В простосердечии невежды...» (А. О. Смирновой) — I, 198
«Время сердцу быть в покое...» — I, 124
«Всевышний произнес свой приговор...» (К***) — I, 81
«В уме своем я создал мир иной...» (Русская мелодия) — I, 24
«Выхожу один я на дорогу...» — I, 222

«Где бьет волна о брег высокой...» (Наполеон) — I, 27
Герой нашего времени — II, 455
«Гляжу на будущность с боязнью...» — I, 166

<Графине Ростопчиной> («Я верю: под одной звездою...») — I, 212
«Графиня Эмилия...» (<Э. К. Мусиной-Пушкиной>) — I, 184
Гроб Оссиана — I, 55
Гроза («Ревет гроза, дымятся тучи...») — I, 46
Гусар — I, 147

«Дай бог, чтоб ты не соблазнялся...» <Н. Н. Арсеньеву> — I, 227
Дары Терека — I, 180
Два великана — I, 137
«Делись со мною тем, что знаешь...» (К*) — I, 35
Демон — I, 555
«День гас; в наряде голубом...» (Исповедь) I, 274
Дереву — I, 58
10 июля, (1830) — I, 64
Джюлио — I, 260
Дитя в люльке — I, 34
«Для чего я не родился...» — I, 143
Договор — I, 213
Дума — I, 168
«Душа моя должна прожить в земной неволе...» — I, 117
«Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!..» (Еврейская мелодия) — I, 152

Еврейская мелодия («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!..») — I, 152
Еврейская мелодия («Я видал иногда, как ночная звезда...») — I, 47
«Есть место: близ тропы глухой...» (Завещание) — I, 80
«Есть речи — значенье...» — I, 187

Жалобы турка — I, 28
Желание («Зачем я не птица, не ворон степной...») — I, 82
Желанье («Отворите мне темницу...») — I, 136

«Желтый лист о стебель бьется...» (Песня) — I, 101
Жена Севера — I, 30
Журналист, читатель и писатель — I, 188

Завещание («Есть место: близ тропы глухой...») — I, 80
Завещание («Наедине с тобою, брат...») — I, 206
«За все, за все тебя благодарю я...» (Благодарность) — I, 197
«Зачем я не птица, не ворон степной...» (Желание) — I, 82
Звезда («Вверху одна...») — I, 104
Звезда («Светись, светись, далекая звезда...») — I, 47
Земля и небо — I, 119
«Зови надежду — сновиденьем...» — I, 92

<Из альбома С. Н. Карамзиной> («Любил и я в былые годы...») — I, 177
Из Андрея Шенье — I, 119
Из Гете — I, 197
Измаил-Бей — I, 322
«Измученный тоскою и недугом...» — I, 130
Из Паткуля — I, 99
«Из-под таинственной холодной полумаски...» — I, 211
И скучно и грустно — I, 185
Исповедь («День гас; в наряде голубом...») — I, 274
Исповедь («Я верю, обещаю верить...») — I, 86

К* («Делись со мною тем, что знаешь...») — I, 35
К* («Мой друг, напрасное старанье!..») — I, 136
К* («Мы случайно сведены судьбою...») — I, 133
К* («Оставь напрасные заботы...») — I, 134
К* («Печаль в моих песнях, но что за нужда?..») — I, 137
К* («Прости! — мы не встретимся боле...») — I, 138
К* («Я не унижусь пред тобою...») — I, 125
К*** («Всевышний произнес свой приговор...») — I, 81
К*** («Когда к тебе молвы рассказ...») — I, 68
К*** («Когда твой друг с пророческой тоскою...») — I, 227

К*** («Мы снова встретились с тобой...») — I, 31
К*** («Не говори: одним высоким...») — I, 36
К*** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...») — I, 57
К*** («Не ты, но судьба виновата была...») — I, 116
К*** («О, полно извинять разврат!..») — I, 108
К... («Не говори: я трус, глупец!..») — I, 65
К..... («Не привлекай меня красой!..») — I, 25
Кавказ («Хотя я судьбой на заре моих дней...») — I, 36
Кавказский пленник — I, 231
Кавказец — II, 590
Казачья колыбельная песня — I, 171
«Как в ночь звезды падучей пламень...» — I, 125
«Как дух отчаянья и зла...» — I, 103
«Как луч зари, как розы Леля...» — I, 127
«Как мальчик кудрявый, резва...» (К портрету) — I, 199
«Как небеса, твой взор блистает...» — I, 167
«Как одинокая гробница...» (В альбом) — I, 152
«Как часто, пестрою толпою окружен...» — I, 184
Каллы — I, 303
«Катерина, Катерина...» (Посланье) — I, 161
<К Н. И. Бухарову> («Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...») — I, 168
К гению — I, 21
К глупой красавице («Тобой пленяться издали...») — I, 50
К Д. («Будь со мною, как прежде бывала...») — I, 100
К другу («Взлелеянный на лоне вдохновенья...») — I, 30
Кинжал — I, 165
Кладбище — I, 56
«Клоками белый снег валится...» (Русская песня) — I, 70
К Л.— («У ног других не забывал...») — I, 89
<К М. И. Цейдлеру> («Русский немец белокурый...») — I, 167
К Н. И..... («Я не достоин, может быть...») — I, 90
Княгиня Лиговская — II, 380
«Когда б в покорности незнанья...» — I, 93
«Когда волнуется желтеющая нива...» — I, 161
«Когда к тебе молвы рассказ...» (К***) — I, 68

«Когда, надежде недоступный...» — I, 227
«Когда Рафаэль вдохновенный...» (Поэт) — I, 21
«Когда судьба тебя захочет обмануть...» (<В альбом Д. Ф. Ивановой>) — I, 127
«Когда твой друг с пророческой тоскою...» (К***) — I, 227
«Когда я унесу в чужбину...» (Романс к И...) — I, 80
«Колокол стонет...» (Песня) — I, 117
Корсар — I, 249
К портрету («Как мальчик кудрявый, резва...») — I, 199
<К портрету старого гусара> («Смотрите, как летит, отвагою пылая...») — I, 168
Крест на скале — I, 226
К себе — I, 116
<К Сушковой> («Вблизи тебя до этих пор...») — I, 56
«Кто б ни был ты, печальный мой сосед...» (Сосед) — I, 160
«Кто в утро зимнее, когда валит...» — I, 95
«Куда так проворно, жидовка младая?..» (Баллада) — I, 146

«Ласкаемый цветущими мечтами...» (Смерть) — I, 112
Листок — I, 221
Литвинка — I, 333
«Любил и я в былые годы...» (<Из альбома С. Н. Карамзиной>) — I, 177
«Любил с начала жизни я...» (Н. Ф. И...вой) — I, 38
«Люблю, когда, борясь с душою...» (Стансы) — I, 37
«Люблю я цепи синих гор...» — I, 122
Любовь мертвеца — I, 208

Маскарад — II, 126
«Мне любить до могилы творцом суждено...» (Стансы) — I, 115
Могила бойца — I, 69
Мой демон (1829) — I, 29
Мой демон (1830—1831) — I, 121
«Мой друг, напрасное старанье!..» (К*) — I, 136
Молитва («В минуту жизни трудную...») — I, 179

Молитва («Не обвиняй меня, всесильный...») — I, 85
Молитва («Я, матерь божия, ныне с молитвою...») — I, 162
Монго — I, 508
Монолог — I, 31
Морская царевна — I, 223
<Э. К. Мусиной-Пушкиной> («Графиня Эмилия...») — I, 184
Мцыри — I, 594
«Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...» (<К Н. И. Бухарову>) — I, 168
«Мы случайно сведены судьбою...» (К*) — I, 133
«Мы снова встретились с тобой...» (К***) — I, 31
И. П. Мятлеву («На наших дам морозных...») — I, 212

«Над бездной адскою блуждая...» (<М. П. Соломирской>) — I, 196
«Над морем красавица-дева сидит...» (Баллада) — I, 32
«Наедине с тобою, брат...» (Завещание) — I, 206
«На жизнь надеяться страшась...» (Отрывок) — I, 50
На картину Рембрандта — I, 108
«На наших дам морозных...» (И. П. Мятлеву) — I, 212
Наполеон («Где бьет волна о брег высокой...») — I, 27
Наполеон («В неверный час, меж днем и темнотой...») — I, 48
«На светские цепи...» (<М. А. Щербатовой>) — I, 186
«На севере диком стоит одиноко...» — I, 208
«На серебряные шпоры...» — I, 149
«Настанет день — и миром осужденный...» — I, 99
Небо и звезды — I, 92
Не верь себе — I, 176
«Не говори: одним высоким...» (К***) — I, 36
«Не говори: я трус, глупец!..» (К...) — I, 65
«Не дождаться мне, видно, свободы...» (Соседка) — I, 194
«Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...» (К***) — I, 57
Незабудка — I, 44
«Не могу на родине томиться...» (Стансы) — I, 120
«Не обвиняй меня, всесильный...» (Молитва) — I, 35
«Не привлекай меня красой!..» (К.....) — I, 25
«Не смейся над моей пророческой тоскою...» — I, 163

«Нет, не тебя так пылко я люблю...» — I, 225
«Не ты, но судьба виновата была...» (К***) — I, 116
«Нет, я не Байрон, я другой...» — I, 130
«Нет! — я не требую вниманья...» (В альбом) — I, 46
«Не уезжай, лезгинец молодой...» (Прощанье) — I, 123
«Никто моим словам не внемлет, и я один...» — I, 228
Нищий — I, 65
Новгород — I, 69
Ночь («Один я в тишине ночной...») — I, 67
Ночь, I («Я зрел во сне, что будто умер я...») — I, 39
Ночь, II («Погаснул день! — и тьма ночная своды...») — I, 42
Ночь. III («Темно. Все спит. Лишь только жук ночной...») — I, 54
Н. Ф. И...вой («Любил с начала жизни я...») — I, 38

«Оборвана цепь жизни молодой...» (Смерть) — I, 109
«О грезах юности томим воспоминаньем...» (Ребенку) — I, 197
Одиночество — I, 45
«Один среди людского шума...» — I, 35
«Один я в тишине ночной...» (Ночь) — I, 67
<А. А. Олениной> («Ах! Анна Алексевна...») — I, 175
«Она не гордой красотою...» — I, 140
«Она поет — и звуки тают...» — I, 167
«Они любили друг друга так долго и нежно...» — I, 217
Опасение — I, 37
«О, полно извинять разврат!..» (К***) — I, 108
Оправдание — I, 207
«Опять народные витии...» — I, 149
«Оставленная пустынь предо мной...» — I, 53
«Оставь напрасные заботы...» (К*) — I, 134
«Отворите мне темницу...» (Желанье) — I, 136
«Отделкой золотой блистает мой кинжал...» (Поэт) — I, 172
Отрывок («На жизнь надеяться страшась...») — I, 50
Отрывок («Три ночи я провел без сна — в тоске...») — I, 101
Отчего — I, 197

Памяти А. И. О<доевско>го («Я знал его: мы странствовали с ним...») — I, 182

Панорама Москвы — II, 608
Парус — I, 143
Перчатка — I, 33
Песнь барда — I, 63
Песня («Желтый лист о стебель бьется...») — I, 101
Песня («Колокол стонет...») — I, 117
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова — I, 515
Песня («Светлый призрак дней минувших...») — I, 25
«Печаль в моих песнях, но что за нужда?..» (К*) — I, 137
Пир Асмодея — I, 105
Пленный рыцарь — I, 195
«Погаснул день! — и тьма ночная своды...» (Ночь. II) — I, 42
Покаяние — I, 23
Поле Бородина — I, 110
«По произволу дивной власти...» (Челнок) — I, 141
Портрет («Взгляни на этот лик; искусством он...») — I, 99
Послание («Катерина, Катерина...») — I, 161
Последнее новоселье — I, 209
Последний сын вольности — I, 280
«Послушай, быть может, когда мы покинем...» — I, 133
«Послушай! вспомни обо мне...» — I, 71
«Посреди небесных тел...» — I, 186
Поток — I, 115
«Поцелуями прежде считал...» — I, 132
Поэт («Когда Рафаэль вдохновенный...») — I, 21
Поэт («Отделкой золотой блистает мой кинжал...») — I, 172
Предсказание — I, 59
«Прекрасны вы, поля земли родной...» — I, 92
Прелестнице — I, 129
«Приветствую тебя, воинственных славян...» — I, 135
«Примите дивное *посланье*...» — I, 140
Пророк — I, 224
«Прости! — мы не встретимся боле...» (К*) — I, 138
«Прости! увидимся ль мы снова?..» (Эпитафия) — I, 129
«Простосердечный сын свободы...» (Эпитафия) — I, 55
«Прощай, немытая Россия...» — I, 213

Прощанье («Не уезжай, лезгинец молодой...») — I, 123
«Пусть я кого-нибудь люблю...» — I, 98

Разлука — I, 41
«Расстались мы; но твой портрет...» — I, 162
«Ребенка милого рожденье...» — I, 175
Ребенку («О грезах юности томим воспоминаньем...») I, 197
«Ревет гроза, дымятся тучи...» (Гроза) — I, 46
Родина — I, 207
Романс к И... («Когда я унесу в чужбину...») — I, 80
Романс («Стояла серая скала на берегу морском...») — I, 128
Романс («Ты идешь на поле битвы...») — I, 131
«Россию продает Фадей...» (<Эпиграмма на Ф. Булгарина. I, II>) — I, 164
Русалка — I, 145
Русская мелодия («В уме своем я создал мир иной...») — I, 24
Русская песня («Клоками белый снег валится...») — I, 70
«Русский немец белокурый...» (<К М. И. Цейдлеру>) — I, 167

Сашка — I, 458
Св. Елена — I, 82
«Светись, светись, далекая звезда...» (Звезда) — I, 47
«Светлый призрак дней минувших...» (Песня) — I, 25
Свиданье — I, 219
«Синие горы Кавказа, приветствую вас!..» — I, 127
Сказка для детей — I, 584
«Слепец, страданьем вдохновенный...» (<А. Г. Хомутовой>) — I, 169
«Слова разлуки повторяя...» — I, 139
«Слышу ли голос твой...» — I, 166
«Смело верь тому, что вечно...» — I, 135
Смерть («Ласкаемый цветущими мечтами...») — I, 112
Смерть («Оборвана цепь жизни молодой...») — I, 109
Смерть Поэта — I, 157
А. О. Смирновой («В простосердечии невежды...») — I, 198
«Смотрите, как летит, отвагою пылая...» (<К портрету старого гусара>) — I, 168

«Собранье зол его стихия...» (Мой демон) (1829) — I, 29
«Собранье зол его стихия...» (Мой демон) (1830—1831) — I, 121
<М. П. Соломирской> («Над бездной адскою блуждая...») — I, 196
Сон («В полдневный жар в долине Дагестана...») — I, 216
Сон («Я видел сон: прохладный гаснул день...») — I, 107
Сонет («Я памятью живу с увядшими мечтами...») — I, 131
Сосед («Кто б ни был ты, печальный мой сосед...») — I, 160
Соседка («Не дождаться мне, видно, свободы...») — I, 194
«Спеша на север из далека...» — I, 164
Спор — I, 214
Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор...») — I, 66
Стансы («Люблю, когда, борясь с душою...») — I, 37
Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено...») — I, 115
Стансы («Не могу на родине томиться...») — I, 120
Стансы («Я не крушуся о былом...») — I, 52
Стансы. К Д*** («Я не могу ни произнесть...») — I, 96
«Стояла серая скала на берегу морском...» (Романс) — I, 128
Странный человек — II, 63

Тамара — I, 217
Тамбовская казначейша — I, 529
«Темно. Все спит. Лишь только жук ночной...» (Ночь. III) — I, 54
«Тобой пленяться издали...» (К глупой красавице) — I, 50
Три ведьмы — I, 25
30 июля.— (Париж). 1830 года — I, 65
«Три ночи я провел без сна в тоске...» (Отрывок) — I, 101
Три пальмы — I, 178
Тростник — I, 114
Тучи — I, 199
«Ты идешь на поле битвы...» (Романс) — I, 131
«Ты помнишь ли, как мы с тобою...» — I, 39
1830 год. Июля 15-го — I, 59
1830. Майя. 16 число — I, 57
1831-го января — I, 71
1831-го июня 11 дня — I, 72

«Ужасная судьба отца и сына...» — I, 98
Узник — I, 160
Умирающий гладиатор — I, 151
«У ног других не забывал...» (К Л.—) — I, 89
«Унылый колокола звон...» — I, 118
Утес — I, 214

Хаджи Абрек — I, 418
<А. Г. Хомутовой> («Слепец, страданьем вдохновенный...») — I, 169
«Хотя я судьбой на заре моих дней...» (Кавказ) — I, 36
Чаша жизни — I, 89
Челнок («По произволу дивной власти...») — I, 141
Черкешенка — I, 29
Черны очи — I, 226
«Что может краткое свиданье...» (<В альбом Н. Ф. Ивановой>) — I, 126
«Что толку жить!.. Без приключений...» — I, 141

Штосс — II, 594

<М. А. Щербатовой> («На светские цепи...») — I, 186

<Эпиграмма на Н. Кукольника> («В Большом театре я сидел...») — I, 151
<Эпиграмма на Ф. Булгарина. I, II> («Россию продает Фадей...») — I, 164
Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова?..») — I, 129
Эпитафия («Простосердечный сын свободы...») — I, 55
«Это случилось в последние годы могучего Рима...» — I, 174

Юнкерская молитва — I, 148

«Я верю, обещаю верить...» (Исповедь) — I, 86
«Я верю: под одной звездою...» <Графине Ростопчиной> — I, 212
«Я видал иногда, как ночная звезда...» (Еврейская мелодия) — I, 47

«Я видел раз ее в веселом вихре бала...» — I, 104
«Я видел сон: прохладный гаснул день...» (Сон) — I, 107
«Я видел тень блаженства; но вполне...» — I, 93
«Я жить хочу! хочу печали...» — I, 134
«Я знал его: мы странствовали с ним...» (Памяти А. И. О<доевско>го) — I, 182
«Я зрел во сне, что будто умер я...» (Ночь. I) — I, 39
«Я к вам пишу случайно; право...» <Валерик> — I, 200
«Я, матерь божия, ныне с молитвою...» (Молитва) — I, 162
«Я не достоин, может быть...» (К Н. И.....) — I, 90
«Я не крушуся о былом...» (Стансы) — I, 52
«Я не могу ни произнесть...» (Стансы. К Д***) — I, 96
«Я не унижусь пред тобою...» (К*) — I, 125
«Я не хочу, чтоб свет узнал...» — I, 163
«Я памятью живу с увядшими мечтами...» (Сонет) — I, 131
«Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови...» — I, 123
«Я хочу рассказать вам...» — II, 443

Menschen und Leidenschaften — II, 5

К читателю

Издательство приносит извинения читателям за ошибку, допущенную в части тиража первого тома «Сочинений» М. Ю. Лермонтова, отпечатанного первыми заводами в типографии издательства «Кузбасс». В поэме «Демон» после слов: «Земля цветет и зеленеет» (с. 583, 15 строка св.) следуют пропущенные строфы:

И голосов нестройный гул
Теряется, и караваны
Идут, звеня, издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью, вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботное дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца,
То вдруг совьется в три кольца,
То ляжет длинной полосою,
И блещет, как булатный меч,
Забытый в поле давних сеч,
Непужный падшему герою!..
Все дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомнит ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!

Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властию святой,
Видна меж туч еще поныне.
И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;

И далее по тексту.

КОММЕНТАРИЙ

Из стихотворений, не вошедших в основное Собрание, подготовленное поэтом.

Из «Больных дум» (с. 12—26).— Это один из ранних, ныне известных стихотворных циклов поэта. Летом 1912 г. Есенин переписал шестнадцать стихотворений этого цикла в отдельную тетрадь и тогда же передал ее рязанскому знакомому — С. Д. Ильину. Подробнее см.: Есенин и русская поэзия: Сборник. Л., 1967. С. 331—333.

Поэт («Тот поэт, врагов кто губит...») (с. 27).— Посвящено Грише Панфилову. О нем см. с. 362 наст. тома.

Село (с. 31) — вольный перевод отрывка из поэмы «Княжна»

Кузнец (с. 33).— Напечатано 15 мая 1914 г. в газ. «Путь правды» (в это время под таким названием выпускалась «Правда») Напечатано в разделе «Движение рабочих».

Бельгия (с. 43).— В августе 1914 г. германские войска вторглись в нейтральную Бельгию. Мужественное сопротивление небольшой бельгийской армии захватчикам вызвало в те дни живой отклик многих писателей.

Греция (с. 59).— Под общим названием «Два сонета» опубликовано вместе со стихотворением «Польша» в журн. «Огниво» в 1915 г.

Написано в то время, когда Греция еще не сражалась на стороне государств против австро-германской коалиции. В войну она вступила в 1917 г.

Ахиллес, Патрокл, Гектор, Андромаха — герои, воспетые в «Илиаде».

Польша (с. 60).— В первой мировой войне Польша была захвачена немецкими и австро-венгерскими оккупантами. Стихотворение — отклик на эти трагические события.

Костюшко Тадеуш (1746—1817) — возглавлял польское восстание 1794 г

«Тебе одной плету венок...» (с. 68)

Куга — болотная трава.

Смирна — благовонная смола.

Диван — ладан.

«Небо ли такое белое...» (с. 102).

Умба — пристань на Белом море.

«Пушистый звон и руга...» (с. 104).

Руга — земля и угодья, отведенные церкви.

Завьялый — занесенный снегом.

Сельский часослов (с. 106).

Чернявский Владимир Степанович (1889—1948) — поэт, позже актер. Дружеские отношения с Есениным сложились в 1915—1916 гг в Петрограде.

...начертательница третьего завета... — Поэту видится его родина, несущая миру новое вероучение, после Ветхого завета (Библии) и Нового завета (Евангелия).

Израмистил — по Библии, в книге пророка Иоиль, имя ожидаемого избавителя и преобразователя.

«И небо и земля все те же...» (с. 110).

Езекиильский глас ветров — Езекииль, или Иезекииль — библейский пророк, предсказавший освобождение евреев через муки и страдания.

...золотые мрежи — мрежа (мережа) — рыболовная снасть. Здесь ее образное преломление.

Кантата (с. 112).— Текст «Кантаты» состоял из трех частей. Первая часть принадлежит М. И. Герасимову, вторая — Есенину, а третья — С. А. Клычкову. Написана к торжественному открытию мемориальной доски на Кремлевской стене в память героев революции. Доска, выполненная скульптором С. Т. Конёнковым, была открыта в дни Октябрьских торжеств 1918 г.

Памяти Брюсова (с. 121).— Стихотворение опубликовано в дни смерти В. Я. Брюсова. Тогда же Есениным написана статья о поэте (см. с. 290—291 наст. тома).

Капитан земли (с. 129).— Напечатано в газ. «Заря Востока» 21 февраля 1926 г. с примечанием: «Впервые публикуемое стихотворение Сергея Есенина «Капитан земли» написано в январе 1925 г. в Батуми, накануне годовщины смерти Ленина».

1 мая (с. 133).— «Первое мая 1925 года,— вспоминает бакинский журналист В. Швейцер,— Есенин встречал на рабочем празднике в Балаханах.

Он переходил от группы к группе, оживленный, разговорчивый, поднимая тосты за рабочих, принимая тосты за поэзию» (Воспоминания. М., 1965. С. 409).

Пускай меня бранят за «Стансы»... — Имеется в виду статья А. К. Вороновского «На разные темы» (альм. «Наши дни». М.; Л., 1925. № 5), в которой резко критиковались «Стансы».

Не очень лефте! — имеется в виду «Левый фронт искусства» («Леф»).

«До свиданья, друг мой, до свиданья...» (с. 150).— Последнее стихотворение Есенина. 24 декабря 1925 г. Есенин из Москвы приехал в Ленинград и остановился в гостинице «Англетер». 25, 26, 27 декабря он встречался со своими друзьями, многие бывали у него в номере. Е. А. Устинова, жившая в этой же гостинице, вспоминает, что днем 27 декабря она зашла в номер к Есенину, «Сергей Александрович стал жаловаться, что в этой «паршивой» гостинице даже чернил нет и ему пришлось писать сегодня утром кровью. Скоро пришел поэт Эрлих. Сергей Александрович подошел к столу, вырвал из блокнота написанное утром кровью стихотворение и сунул Эрлиху во внутренний карман пиджака. Эрлих потянулся рукой за листком, но Есенин его остановил: «Потом прочтешь, не надо!» Позднее мы снова сошлись все вместе» (Воспоминания. С. 160).

В. Эрлих вспоминает: «Часам к восьми и я поднялся уходить. Простились. С Невского я вернулся вторично: забыл портфель... Есенин сидел у стола спокойный, без пиджака, накинув шубу, и просматривал старые стихи. На столе была развернута папка. Простились вторично» (Воспоминания. С. 456).

Стихотворение В. Эрлих прочитал только на следующий день после смерти Есенина. Напечатанное в «Красной газете» в тот же день, оно вскоре стало широко известно.

ПРОЗА

Я р (с. 248).— В 1915 г. двадцатилетний поэт написал свою первую и единственную большую прозаическую вещь о дореволюционной рязанской деревне — повесть «Яр», нелегкая судьба героев которой непосредственно так или иначе связана с этими родными есенинскими местами.

По свидетельству Е. А. Есениной, повесть «Яр» была написана автором немногим более чем за две недели (Собр. соч. Т. V. С. 304).

В повести Есенина немало местных рязанских слов и выражений. Сестрой поэта, А. А. Есениной, был составлен словарь таких слов. С небольшими сокращениями он приводится ниже:

Артус — просфора, освященная в первый день пасхи.

Бочаг — яма на дне реки, омут.

Брусница — деревянный футляр для точильного бруса. Во время работы привязывается ремнем за спину косца.

Бурыга — ухаб, рытвина.

Бучень — птица выпь.

Воронок — медовая брага с хмелем.

Вяхирь — сетчатый кошель для сена.

Грядки — две продольные жерди, образующие края кузова повозки.

Еланка (елань) — прогалина, луговая равнина.

Жарница — глиняная миска для запеканок.

«Заря-зоряница...» — заговор от бессонницы. Есенин слышал его от матери.

Засемать — засуетиться, зачастить ногами.

Засычка (норовить в засычку) — задираться, ввязываться в драку, в скандал.

Зубок — подарок новорожденному.

Калпушка — детский чепчик.

Кочатыг — тупое, широкое, плоское шило для плетения лаптей и кошелей.

Кулага — заварное жидкое тесто из ржаной муки с солодом.

Лоск — лог, лощина или низкое место в поле.

Лушник — ситный хлеб, испеченный с луком, пережаренным в масле.

Мускорно — трудно, кропотливо.

Мухортая — захудалая.

Наянно — навязчиво.

Ободнять — рассветать.

Попки — связанные пучки ржаной соломы, кладущиеся на верх соломенной крыши.

Поставня — круглая корзиночка, плетенная из соломы, перевитой мелким лозняком. В ней держат муку и в нее же кладут, как в форму, хлебное тесто для подхода.

Поязать — обещать.

Путро — месиво с мучными высевками для скота.

Пьяника — лесная ягода (голубика).

Саламата — кушанье, приготовленное из поджаренной муки с маслом.

Суровика — лесная ягода.

Тудылича — в том месте, в той стороне; или — не теперь, не сейчас.

Ушук — мгла.

Хруп — жесткий, крупный помол муки.

Цыбицы — чибисы.

Чапыга (чапыжник) — частый кустарник, непроходимая чаща.

Чимерика (чемерица) — луговая трава с толстым стеблем и с широкими листьями.

Чичер — резкий холодный ветер.

Шомонить — лезть, заглядывать, шуметь, наговаривать.

Бобыль и Дружок (с. 256).— Рассказ Есенина, несомненно, близок и перекликается со стихами поэта о «братьях наших меньших», и прежде всего со знаменитой «Песнью о собаке». Они были написаны почти одновременно, когда Есенину едва ли исполнилось двадцать лет.

Железный Миргород (с. 259).— В основу очерка, опубликованного Есениным в газ. «Известия» осенью 1923 г., легли впечатления от его зарубежной поездки.

В настоящем издании дается полный текст «Железного Миргорода», без каких-либо цензурных изъятий, как это происходило в прошлом.

Германия, Голландия, Бельгия, Франция, Италия — вот европейские страны, которые посетил Есенин. Более четырех месяцев (со 2 октября 1922 г. по 4 февраля 1923 г.) он вместе с Айседорой Дункан проводит в США. 3 августа 1923 г. Есенин вернулся в Москву. Очерк «Железный Миргород» — правдивый художественный документ эпохи. Есенин предполагал продолжить очерк «Железный Миргород» и в следующей части «поговорить особо» о «той среде, которая называется рабочим классом». И в этом случае не обошлось без «помощи» критики.

После публикации в «Известиях» очерка «Железный Миргород» бывший сатириконец О. Л. Д'ора печатает в «Правде» рецензию-фельетон «Сергей Есенин в Америке. Личные воспоминания...» (28 августа 1923 г.). В издевательско-памфлетной форме он зло и незаслуженно высмеивает рассказ поэта об американских встречах.

...прошлогодней статьи Л. Д. Троцкого...— Осенью 1922 г. Троцкий напечатал в «Правде» несколько статей о литературе и революции. В одной из них он касается творчества литературных «попутчиков». К ним он относит Бориса Пильняка, Николая Тихонова и «Серапионовых братьев», «отчасти Клюева» и, наконец, «Есенина и группу имажинистов». Отметив, что они «были бы невозможны — все вместе и каждый в отдельности без революции», Троцкий особо подчеркивает, что «есть у них всех общая черта, которая резко отделяет их от коммунизма и всегда грозит противостоять ему. Они не охватывают революции в целом, и им чужда ее коммунистическая цель. Они все более или менее склонны через голову рабочего глядеть с надеждой на мужика. Они не художники пролетарской революции, а ее художественные попутчики... Относительно попутчика всегда возникает вопрос: до какой станции?». «Присматриваясь» далее «к попутчикам повнимательнее», особенно к Николаю Клюеву, Троцкий безапелляционно выносит свой «приговор» попутчикам: «Большинство попутчи-

ков принадлежит к мужиковствующим интеллигентам. Интеллигентское же принятие революции с опорой на мужика без юродства не живет. Оттого попутчики не революционеры, а юродствующие в революции».

...Прочел о себе и грустно улыбнулся.— Рассуждая о Есенине, Троцкий главным образом затрагивает драматическую поэму «Пугачев», отмечая при этом, что «попытка Есенина построить имажинистским методом «Пугачева» оказалась несостоятельной. И это несмотря на то, что автор украдкой изрядно-таки разгрузил свою вьючную образность». После критических замечаний о «Пугачеве» Троцкий касается заграничной поездки Есенина и дальнейшего пути поэта: «Если имажинизм, почти не бывший, весь вышел, то Есенин еще впереди. Заграничным журналистам он объявляет себя левее большевиков. Это в порядке вещей и никого не пугает. Сейчас для Есенина-поэта, от которого попахивает *средневековьем* (курсив мой.— *Ю. П.*),— хоть он и левее нас грешных,— начались «годы странствий». Воротится он не тем, что уехал. Но не будем загадывать: приедет, сам расскажет». Именно это «лихое» высказывание Троцкого имеет в виду Есенин, именно с ним во многом полемизирует своим очерком.

С. 260. Поэмы Маяковского об Америке! — Имеется в виду поэма «150 000 000», написанная Маяковским в 1920 г.

Ваши «кузницы» и «лефы» — «Левый фронт искусства» («Леф») и «Кузница» — литературные группы 20-х годов. Входящие в них писатели проявляли повышенный интерес к достижениям техники, индустриальной тематике.

С. 261. В Штаты он нас впустить не может...— По прибытии в Нью-Йорк (1 октября 1922 г.) С. Есенину и А. Дункан как «большевистским агитаторам» не было разрешено сойти на берег. Разрешение на пребывание в США было получено 2 октября после допроса А. Дункан специальным иммиграционным комитетом.

Сейчас прибежит свинья, схватит бумагу, и мы спасены! — Есенин вспомнил сценку из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя.

С. 262. Взяли с меня подписку не петь «Интернационала», как это сделал я в Берлине.— Об этом эпизоде см. с. 320 наст. тома.

С. 266. Мани-Лейб — псевдоним М. Л. Брагинского, еврейского поэта-переводчика, переводил на идиш стихи Есенина. Есенин встречался с ним в Нью-Йорке.

...от периода Гофштейна до Маркиша.— Д. Н. Гофштейн и П. Д. Маркиш — советские еврейские поэты.

ИЗ КРИТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Ярославны плачут (с. 268).— Долгое время текст этого, по всей вероятности, первого печатного выступления Есенина как крити-

ка оставался неизвестным. Хотя некоторые современники Есенина вспоминали эту статью, опубликованную в феврале 1915 г. в журн. «Женская жизнь». В 1975 г. статья «Ярославны плачут» была напечатана как забытое произведение в журн. «Молодая гвардия» № 10 (публикация С. Кошечкина).

«Внимая ужасам войны...» — Есенин начинает свою статью первой строкой известного стихотворения Н. А. Некрасова.

Мирра Лохвицкая (1869—1905) — поэтесса, известная в начале века.

Надежда Львова — поэтесса. В 1913 г., когда ей было 22 года, покончила с собой. Ей принадлежит стихотворение «Я оденусь невестой в атласное белое платье...». Его имеет в виду Есенин, цитируя, очевидно, по памяти.

С. 269. Плачет Щепкина-Куперник — известная русская поэтесса и переводчица Т. Л. Щепкина-Куперник (1874—1952). Цитируется ее стихотворение «Песня над рубашкой».

Любовь Столица (1884—1948) — поэтесса. Есенин цитирует ее стихотворение «Казак».

...Поэты, вам ли теперь молчать? — строка стихотворения «В далеком прошлом, в иные годы...» — напечатанного М. Трубицкой в сентябре 1914 г. в журн. «Нива».

...Полки стремятся врага встречать... — из того же стихотворения М. Трубицкой. Процитировано не совсем точно.

...Вы над орлами, разбившими грудь... — цитируется стихотворение поэтессы Е. Хмельницкой, опубликованное в ноябре 1914 г. в журн. «Солнце России».

〈Когда я читаю Успенского...〉 (с. 272).

В 1915—1916 гг. в Петрограде Есенин встречался с литературным критиком и публицистом Львом Максимовичем Клейнбортом (1875—1950). Последний в своих воспоминаниях в 1926 г. рассказывает, как, при каких обстоятельствах появился отзыв об Успенском.

«Затеяв работу о читателе из народа — работу, опубликованную целиком уже в годы революции,— я разослал ряд анкет в культурно-просветительные организации, библиотеки, обслуживавшие фабрику и деревню, в кружки рабочей и крестьянской интеллигенции. Объектом моего внимания были по преимуществу Горький, Короленко, Лев Толстой, Глеб Успенский. Разумеется, я не мог не интересоваться, под каким углом зрения воспринимает этих авторов Есенин. Оригинальнее всего он отозвался об Успенском» (Воспоминания. С. 150—152).

Рукопись Есенина, о которой рассказывает Клейнборт, включала шесть страниц. Известна из них только одна — шестая. Другие до сих пор не обнаружены.

С. 272. Видел его на Растеряевой улице.— «Нравы Растеряевой улицы» — одна из книг Г. Успенского. Ее имеет в виду Есенин.

О «Заревe» Орешина (с. 273).

Знакомство Есенина с поэтом Петром Васильевичем Орешиным (1887—1938) произошло осенью 1917 г. в Петрограде. После первой встречи, как вспоминает Орешин, они «виделись часто и подолгу».

Когда в 1918 г. в Петрограде вышел первый сборник Петра Орешина — «Зарево», Есенин выступает в печати с рецензией, поддерживающей молодого автора.

«Кто любит родину?..» — строфы из стихотворения того же названия. Кроме него, в рецензии цитата из стихов «Дед-Краснобай» и «На заре».

...знаком читающей публике. Имя его пестрело по многим петроградским газетам и журналам... — Орешин начал печататься с 1911 г. (газ. «Саратовский вестник» и др.). Позднее его стихи публикуют петроградские журналы («Вестник Европы», «Заветы» и др.).

〈О пролетарских писателях〉 (с. 275).

В статье речь идет о сб. «Завод огнекрылый», выпущенном издательством Московского пролеткульта в 1918 г. и «Сборнике пролетарских писателей» (под ред. М. Горького, А. Сереброва, А. Чапыгина), который вышел в петроградском издательстве «Парус» в том же 1918 г.

...строки поэта Кириллова... — Владимир Тимофеевич Кириллов (1890—1943) — поэт. Есенин, очевидно, по памяти цитирует его стихотворение «Мы», написанное в 1917 г. Точно строфа звучит так:

Мы во власти мятежного, страстного хмеля,
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»,
Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

...по отношению к Софии футуристов... — В своих выступлениях, особенно коллективных манифестах, публиковавшихся в альманахах «Пощечина общественному вкусу», «Садок судей», «Рыкающий Парнас» и др., футуристы решительно отвергали писателей-классиков, их связь с современностью: «Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности. Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней» («Пощечина общественному вкусу»).

...волчею мудростью века по акафистам Ницше... — имеются в виду взгляды немецкого философа-идеалиста Фридриха Ницше (1844—1900).

Морозов Иван Игнатьевич (1883—1942) — поэт. В статье цитируется стихотворение «Из осенних мотивов», напечатанное в «Сборнике пролетарских писателей».

Хрисков Кондратий Кузьмич (1887—1921) — поэт. Цитируется по его стихотворению «Ночью» из «Сборника пролетарских писателей».

С. 277 Герасимов Михаил Прокофьевич (1889—1939) — поэт. Цитируются его стихи «Кочегар» и «Ночью»

Повесть «Больница» — напечатана в «Сборнике пролетарских писателей», автор М. Черноков.

С. 278. Бибик Александр Павлович (1877—1976) писатель.

Безсалько Павел Карпович (1887—1920) — писатель.

Быт и искусство (с. 279).

Подзаголовок статьи «Быт и искусство» (Отрывок из книги «Словесные орнаменты») свидетельствует о том, что эта статья должна была явиться частью книги, которую Есенин, судя по его заявлению в отдел печати Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, предполагал выпустить в 1920 г. Книга не выходила.

Вспомним тавров, будинов и сарматов... — названия древнейших народов, которые жили: тавры — на Крымском полуострове; будины (скифское племя), сарматы (савроматы) — между Доном и Волгой.

Описывая скифов, Геродот... — Имеется в виду «История греко-персидских войн» древнегреческого историка Геродота (ок. 484—425 гг. до н. э.).

С. 282. Взбрезжи, полночь, луны кувшин... — Есенин цитирует свое стихотворение «Хулиган».

...страны «Инония»... — См. коммент. к поэме «Инония» (т. 1, с. 464—465).

С. 283 ... «Марьи зажги снега, заиграй овражки», «Авдотьи подмочи порог» и «Федули сестреньки» построены по самому наилучшему приему чувствования своей страны... — Автором взяты выражения из народного календаря (месяцеслова). Конкретно они обозначают такие дни и времена года: 1 апреля — день Марии Египетской, 1 марта — день Евдокии, 5 февраля — день Аглотьи и Федулии.

У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова... — Имажинисты выступали против национального искусства, национальных традиций в поэзии. Так, В. Шершеневич открыто провозглашал: «Национальная поэзия — это асбурд; признать национальную поэзию, это то же самое, что признать поэзию крестьянскую, буржуазную и рабочую. Нет искусства классового и нет искусства национального... любовь к родине — это плохая сентиментальность» (Шершеневич В. Кому я жму руку. (1920). С. 23).

У Анатолия Франса есть чудесный рассказ об одном акробате... Есенин вспоминает рассказ «Жонглер богоматери».

Вступление (к сборнику «Стихи скандалиста») (с. 284).

4 стихотворения «Москва кабацкая»... — Имеются в виду стихотворения: «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Снова пьют

здесь, дерутся и плачут...», «Сынь, гармоника. Скука... Скука...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...».

Ответы на анкету о Пушкине (с. 289).— В 1924 г. журн. «Книга о книгах» разослал анкету о Пушкине. В дни 125-летия поэта ответы Есенина и ряда других писателей были напечатаны в журнале.

В. Я. Брюсов (с. 290).

Умер Брюсов...— В. Я. Брюсов скончался 9 октября 1924 г.

...О смерти Гиппиус и Мережковского...— Писатели, эмигрировавшие после Октябрьской революции за границу, где злобно выступали против Советской власти.

После смерти Блока...— А. А. Блок умер 7 августа 1921 г. *О, закрой свои бледные ноги.*— Имеется в виду стихотворение Брюсова из сборника «Русские символисты» (1895), состоящего всего из одной строки.

Но вас, кто меня уничтожит...—этими строками заканчивалось известное брюсовское стихотворение «Грядущие гунны»:

Дама с лорнетом (с. 292).

С писателями Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским Есенин знакомится в марте — апреле 1915 г., когда приезжает в Петроград. Тогда же З. Гиппиус в журн. «Голос жизни», под псевдонимом Роман Аренской, помещает статью, посвященную стихам молодого рязанского поэта. Один из современников Есенина вспоминает, что, прочтя статью, он с возмущением заметил: «Она меня, как вещь, общупывает». Есенин уже тогда, в 1915—1916 гг., прекрасно почувствовал истинное отношение к нему этих писателей. Об этом убедительно свидетельствует его письмо к Н. Ливкину от 12 августа 1916 г. (см. с. 328 наст. тома). Окончательно их пути разошлись во время революции, когда З. Гиппиус и Д. Мережковский оказались в эмиграции.

...проезжая Петербург, зашел к Блоку...— См. примеч. на с. 368 наст. тома.

В газете «Eclair» Мережковский называл меня хамом...— имеется в виду клеветническое, по отношению к Есенину, выступление Мережковского в указанной парижской газете 16 июня 1923 г.

Лориган — французские духи.

Бедекер — путеводитель.

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПРОЗЫ

В литературном наследии Есенина особое место занимает его эпистолярная проза.

В настоящем издании публикуется большинство юношеских писем Есенина, относящихся к 1911—1914 гг. В отдельный раздел

выделены письма, в которых затрагиваются вопросы, связанные с творчеством Есенина, его литературно-общественной и редакционно-издательской деятельностью, а также ряд зарубежных писем.

Письма Есенина — как роман его жизни. В письмах встает перед нами Личность поэта, его Время, Эпоха.

Юношеские письма Есенина

№ 1 (с. 294). Г. А. Панфилову.— Первое из известных есенинских писем, адресованных Панфилову Григорию Андреевичу (1895—1914), близкому другу по Спас-Клепиковской Второклассной учительской школе.

Известно 19 есенинских писем к Панфилову. Ранняя его смерть (Панфилов умер от туберкулеза в феврале 1914 г.) оборвала переписку.

1. Вероятнее всего, письмо утрачено. Других источников, говорящих о его содержании, нет.

2. Есенин приезжал к отцу, который работал у купца Н. В. Крылова в Замоскворечье.

3. Это была первая встреча поэта с миром большого города. «Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва»,— скажет Есенин позднее, в 1922 г.

4. Клавдий Петрович Воронцов — один из близких друзей детства, воспитывающийся в доме И. Я. Смирнова — константиновского священника.

№ 2 (с. 294). Г. А. Панфилову.

1. Стихотворение неизвестно.

2. Дмитрий Пыриков, товарищ Есенина в Спас-Клепиках, умер 18 лет в 1912 г.

№ 3 (с. 295). Г. А. Панфилову.

1. Есенин в это время находится в Москве. «Отец,— рассказывает сестра поэта А. А. Есенина,— вызвал его к себе в Москву и устроил работать в конторе к своему хозяину с тем, чтобы осенью Сергей поступил в учительский институт».

2. Стихотворение не найдено. Позже Анне Сардановской Есенин посвятил стихотворение «За горами, за желтыми долами...».

3. Иван Клеменов, уроженец с. Кузьминское, по словам Есенина, «первый давал наставления... любить деревню... писать об эпосе земли и вечной поэме весеннего труда в полях» (Вопр. литературы. 1975. № 10. С. 238—239).

№ 4 (с. 296). Г. А. Панфилову.

1. По свидетельству А. А. Есениной — сестры поэта, он непродолжительное время работал в книжном магазине. Там имелись кни-

готорговые проспекты. Некоторые из них Есенин отправил клениковскому другу.

2. Подробно о работе над «Пророком» мы узнали из писем Есенина к М. П. Бальзамовой, публикуемых ниже.

3. Рукопись «Пророка» неизвестна.

№ 5 (с. 297). Г. А. Панфилову.

1. Строки стихотворения С. Я. Надсона «Умерла моя муза!.. Недолго она...».

№ 6 (с. 298). Г. А. Панфилову.

Письмо характерно для периода напряженных нравственных и мировоззренческих поисков молодого поэта.

1. Имеется в виду основатель древней восточной религии — буддизма, мифический мудрец Сакья-Муни, прозванный «Будда», что значит «просветленный».

2. Дать широкому слою читателей доступный по форме и разнообразный материал для всестороннего духовного развития — такую цель ставил журнал (см.: Огни, 1912. № 2).

3. Пасха приходилась в 1913 г. на 14 апреля. В это время журнал перестал выходить.

№ 7 (с. 300). М. П. Бальзамовой.

С Марией Парменовной Бальзамовой (1896—1950) Есенин встретился впервые летом 1912 г. в Константинове. К тому времени она, окончив епархиальное училище, начала трудиться в школе села Калитники Рязанской губ. Возникшая между ними дружба и переписка продолжалась несколько лет. Сохранилось 17 писем поэта к Бальзамовой. Об этом подробнее см. сб. «Есенин и современность». М., 1975. С. 245—255.

1. Строки из седьмой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

2. Письма поэта к А. Сардановской до настоящего времени не публиковались.

3. Завершена ли была поэма — неизвестно, текст ее не найден.

№ 8 (с. 301). Г. А. Панфилову.

1. А. А. Есенина вспоминает: «Отец не верил, что можно прожить на деньги, заработанные стихами. Ему казалось, что ничего путного из этого не выйдет» (журн. «Молодая гвардия». 1960. № 8).

2. Имеется в виду брат матери поэта — И. Ф. Титов. Поездка не была осуществлена.

3. Из стихотворения «Поэт» (Дума) А. В. Кольцова. Цитация неточная, очевидно по памяти.

4. Было ли закончено стихотворение — неизвестно, текст не обнаружен.

№ 9 (с. 303). Г. А. Панфилову.

1. Строки из поэмы «Саша» Н. А. Некрасова. Цитируется не совсем точно, очевидно по памяти.

2. См. примеч. к письму № 4.

№ 10 (с. 305). М. П. Бальзамовой.

1. Ранее о замысле «Пророка» говорилось в одном из писем Панфилову (№ 4).

2. О конкурсе см. журн. «Вопросы литературы». 1976. № 4.

№ 13 (с. 308). М. П. Бальзамовой.

1. Далее письмо написано мелким почерком.

2. Речь идет о «Пророке».

№ 14 (с. 310). М. П. Бальзамовой.

1. О предполагаемой публикации каких стихов говорится в письме — до сих пор не установлено.

2. Стихотворение неизвестно.

№ 15 (с. 312). Г. А. Панфилову.

1. Речь идет об участии рабочих печатников типографии Сытина в однодневной общемосковской забастовке 23 сентября 1913 г.

2. Работающая вместе с Есениным корректор М. Мешкова рассказывает: «Когда арестовали несколько наборщиков, мы все это видели, возмущались. Есенин был особенно взволнован и расстроен случившимся» (цит. по записи беседы с М. М. Мешковой 4 февраля 1962 г.).

№ 16 (с. 312). Г. А. Панфилову.

1. Строки широко известной революционной песни «По пыльной дороге телега несется...».

2. Есенин как бы напоминает другу об обращении Белинского к Гоголю в его знаменитом письме 1847 г.: «...вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из вашего прекрасного далека...»

3. Цитируются строки стихотворения поэта Соловьева Владимира Сергеевича (1853—1900): «Израиля ведя стезей чудесной...»

4. Из стихотворения Лермонтова «И скучно и грустно...».

5. Письмо А. Н. Есенина к Панфилову неизвестно.

6. До настоящего времени остается неизвестным, о какой «неосторожности» конкретно идет речь. Всего вероятнее, что Панфилов весьма откровенно и явно сочувственно высказывает свое отношение к революционным событиям в Москве, о которых сообщил ему Есенин.

7. Есенин и сам прибегает к подобной «конспирации». Так, письмо об аресте рабочих-печатников написано им резко измененным почерком, абсолютно непохожим на его почерк.

8. В Центральном государственном архиве Октябрьской революции в Москве хранится дело, заведенное на Есенина Московским охранным отделением. В охранке Есенин имел кличку «Набор». Полиция отнюдь не случайно заинтересовалась Есениным. В марте 1913 г. в руки

Московского охранного отделения понял важный документ, заставивший охранку обратить внимание на молодого рабочего типографии Сытина. Документ этот — письмо «пяти групп сознательных рабочих Замоскворецкого района», резко осуждавших раскольническую деятельность ликвидаторов и антиленинскую позицию газ. «Луч». Пятьдесят подписей стоит под этим письмом. Среди них — подпись Сергея Есенина.

9. Для более глубинного, эмоционального состояния своей души, мыслей и чувств, владеющих им в данный момент, окружающей его обстановки, Есенин, как уже было не однажды замечено, вводит в текст своих писем выразительные песенные строки, народные крылатые слова, стихотворные строфы многих поэтов. Приводя их большей частью по памяти, Есенин, случается, дает им как бы свою «вольную» редакцию, всегда точно при этом сохраняя их сокровенный смысл. Так поступает он и в данном случае со строками известного стихотворения Лермонтова «Прощай, немытая Россия».

10. Опять тот же случай. Есенин дает свою «редакцию» одной из строк стихотворения Кольцова «Песня» («Не скажу никому, отчего я весной...»).

11. Во время Декабрьского вооруженного восстания в 1905 г. дружинники-сытинцы с оружием в руках сражались на баррикадах, возведенных на Пятницкой улице.

12. См. стихотворение Никитина «Вырыта заступом яма глубокая...».

13. Из стихотворения М. Лохвицкой «Я хочу умереть молодой...».

14. Русская народная песня (первый куплет).

15. Есенин вспоминает эпизод из «Мертвых душ» Гоголя.

№ 17 (с. 314). Г. А. Панфилову.

1. Пока не выяснено, что за стихотворение и в какой газете предполагал поместить Есенин.

2. В. Ропшин (псевдоним писателя Б. В. Савинкова, 1879—1925) изображает события 1905 г. явно односторонне.

№ 20 (с. 318). Г. А. Панфилову.

1. Всего вероятнее, речь идет о журн. «Мирок», напечатавшем в январе 1914 г. стихотворение «Береза».

2. 25 февраля 1914 г. Панфилов умирает от туберкулеза легких.

№ 21 (с. 318). Г. А. Панфилову.

Этому письму суждено было стать последним в переписке Есенина с Панфиловым. Написано оно на обороте фотографии поэта («Какова моя персона?») и было отправлено из Москвы не ранее второй половины февраля. В детских журналах за этот месяц впервые напечатаны стихи Есенина за подписью автора, а не под псевдонимом «Аристон».

№ 22 (с. 319). М. П. Бальзамовой.

1. Есенин предполагал напечатать сборник «Рязанские прибаски, канавушки и страдания». С этим, очевидно, связано его обращение к Бальзамовой.

Из зарубежных писем

В настоящее издание включены (полностью или частично) ряд заграничных писем Есенина. Остается заметить, что зарубежные письма, несомненно, дополняют и расширяют картину, воссозданную в есенинском очерке «Железный Миргород» (см. коммент. к нему и другим материалам, касающимся зарубежной поездки, с. 356—357 наст. изд.).

№ 23 (с. 319). И. И. Шнейдеру.

1. Шнейдер Илья Ильич (1891—1980) — газетный репортер, журналист, автор книги «Записки старого москвича» и «Встречи с Есениным». Занимался организационно-административными делами балетной школы-студии А. Дункан, создаваемой в Москве. Тогда же знакомится с Есениным. В дальнейшем заведует этой студией.

2. Есенин имеет в виду книгу немецкого философа-идеалиста Освальда Шпенглера (1870—1936) — «Закат Западного мира» (в русском переводе «Закат Европы»).

№ 24 (с. 320). М. М. Литвинову.

Литвинов Максим Максимович (1876—1956) — видный советский дипломат. Есенин обращается к нему в то время, когда Литвинов как заместитель наркома иностранных дел возглавлял советскую делегацию на международной конференции в Гааге.

1. В берлинском «Кафе Леон», где обычно собирались по-разному настроенные русские интеллигенты-эмигранты, 12 мая 1922 г. состоялось первое выступление Есенина. Поэт пришел один. Начал читать стихи. Через некоторое время появилась Дункан, неожиданно предложившая в честь Есенина спеть «Интернационал». Она и Есенин запели, к ним присоединились из зала. Из зала же раздался свист, крики «долой!». Есенин вскочил на стул: «Вы все равно не пересвистите!» И продолжал петь. И снова читал стихи (см.: Шнейдер И. Встречи с Есениным. М., 1965. С. 59). В Гаагу Есенин не поехал: 4 июля 1922 г. у бельгийского консула в Кельне он получил визу, разрешающую ему и Дункан с 5 июля двухнедельное пребывание в Брюсселе.

№ 25 (с. 320). А. М. Сахарову (частично).

Сахаров Александр Михайлович (1891—1952) — издательский работник. С Есениным познакомился в 1919 г. Позднее Есенин посвятил Сахарову «маленькую поэму» — «Русь советская». Подробнее см.: Собр. соч. Т. 6. С. 296—297.

1. Нарицательное выражение по имени одного из героев романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — Смердякова.

2. Речь идет о поэте А. Б. Мариенгофе.

№ 26 (с. 321). А. Б. Мариенгофу (частично).— Об адресате письма см. коммент. к стихотворению «Я последний поэт деревни...» (т. 1, с. 460).

1. Есенин имеет в виду себя и Мариенгофа. Задуманные издания не были осуществлены. Лишь в Париже на французском языке в 1922 г. вышла книга Есенина «Исповедь хулигана» (перевод Ф. Элленса и М. Милославской).

2. См. коммент. к письму М. М. Литвинову, с. 366 наст. тома.

3. Гржебин Зиновий Исаевич (1869—1929) — издатель, по приезде Есенина в Берлин подписавший с ним договор и выпустивший его книгу «Собрание стихов и поэм», т. 1 (Берлин, 1922).

4. Объявление о выходе книги Есенина и Мариенгофа было помещено в газ. «Накануне» 28 мая 1922 г. По неизвестной причине книга не была напечатана.

5. См. статью историка литературы и критика Когана Л. С. (1872—1932) «Есенин» в журн. «Красная новь» № 3 за 1922 г., в которой, в частности, говорилось, что «бунт Есенина это — крестьянский бунт, без выдержки, бунт не прочный, срывающийся и тем не менее близкий и сродный социальной революции».

№ 27 (с. 322). А. Б. Мариенгофу (частично).

1. Речь идет о выступлении певицы легкого жанра Кремер Изы Яковлевны, эмигрировавшей из России после Октября 1917 г.

ИЗ ПИСЕМ О ЛИТЕРАТУРЕ

№ 28 (с. 323). А. В. Ширяевцу.

Уже в ранний период Есенин завязывает контакты с теми из молодых поэтов, которые близки ему творчески. Характерно в этом отношении и настоящее письмо, отправленное им Александру Ширяевцу, находившемуся в то время в Ташкенте. В дальнейшем Александр Ширяевец станет одним из самых близких друзей Есенина. В мае 1921 г. Есенин встречается с Ширяевцем в Ташкенте. С 1922 г. до своей смерти в 1924 г. Александр Ширяевец живет в Москве.

1. В январском номере журн. «Друг народа» опубликовано есенинское стихотворение «Узоры» и «Хоровод» Ширяевца.

2. Имеется в виду «Ежемесячный журнал», где в 1914 г. было напечатано несколько стихотворений Ширяевца.

3. «Метель» — так называлось стихотворение Ширяевца, помещенное во втором номере этого журнала за 1915 г.

4. Поэт Клычков (псевдоним; наст. фамилия Лешенков) Сергей Антонович (1889—1940).

5. Псевдоним писателя Каменского Алексея Владимировича (1887—1942).

6. Поэт Рославлев Александр Степанович (1883—1920).

7. В этом издании стихи Есенина появляются несколько позднее, спустя три месяца после приезда в Петроград (в марте 1915 г.) В шестой (июньской) книжке журнала были опубликованы: «Сыплет черемуха снегом...», «Девичник» («Я надену красное монисто...») «Троица» («Троицыно утро, утренний канон...»).

8. В Москве в четырнадцатом году стал выходить литературный журнал «Млечный Путь». В нем впервые напечатаны стихотворения Есенина «Кручина» («Зашумели над затонами тростники...») и «Выткался на озере алый свет зари...».

9. В этом и других номерах журнала стихотворение «Городское» не печаталось.

№ 29 (с. 325). А. А. Блоку.

Встреча состоялась 9 марта 1915 г. «Днем у меня рязанский парень со стихами»,— отмечает Блок в тот день в записной книжке. Со своими краткими рекомендательными письмами он направляет Есенина к поэту С. М. Городецкому и литератору М. П. Мурашеву.

№ 30 (с. 325). Н. А. Клюеву.

Лично Есенин с Клюевым встретился впервые осенью 1915 г Отсюда берет начало их «дружба-вражда», о которой Есенин говорит в автобиографиях. Находит это также отражение в письмах и стихах двух поэтов.

1. О С. М. Городецком см. коммент. т. 1, с. 456.

2. Позднее, в 1921 г., Есенин в беседе с И. Н. Розановым подчеркивал: «С детства ... болел я «мукой слова». Хотелось высказать свое и по-своему. Но было, конечно, много влияний, и были ошибочные пути. Вот, например, знаете ли вы мою «Радуницу»... В первом издании у меня много местных рязанских слов. Слушатели часто недоумевали, а мне это сначала нравилось. Потом я решил, что это ни к чему Надо писать так, чтобы тебя понимали» (Розанов И. Н. Есенин о себе и других. М., 1926. С. 13—14).

3. Имеется в виду статья «Земля и камень» в журн. «Голос жизни» (Пг., 1915. № 17. 22 апр.).

4. Осенью Городецкий не смог организовать издание книги Есенина «Радуница», вышла в начале 1916 г.

5. Литературно-художественное объединение «Краса» возникает весной 1915 г. Предполагался выпуск альманаха «Краса», других изданий, включая «Радуницу» Есенина, проведение литературно-музыкальных вечеров и встреч членов «Красы». Однако проведя пер-

вый вечер 25 октября 1915 г. в концертном зале Тенишевского училища, в котором участвовал и Есенин, «Краса» практически прекратила дальнейшую деятельность.

№ 32 (с. 326). Д. В. Философову.

Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940) — публицист и литературный критик.

1. Имеется в виду «Радуница» (1916 г.). Что касается второй, то, всего вероятнее, речь идет о задуманном Есениным в то время сб. «Авсень» (замысел не был реализован).

2. Речь идет о стихотворении «Микола». Философов передал его в газ. «Биржевые ведомости» (25 августа 1915 г.).

3. С отъездом в Петроград весной 1915 г., а затем — призывом на военную службу Есенин не смог продолжать занятия в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского.

4. Будучи в 1915—1917 гг. в Петрограде, Есенин не смог их напечатать. Лишь в 1918 г. ему удалось опубликовать в московской газ. «Голос трудового крестьянства» (19 и 29 мая; 2 и 8 июня) более ста частушек, собранных и записанных им в рязанском крае.

5. Журнал перестал выходить с июля 1915 г.

№ 33 (с. 327). М. В. Аверьянову.

Аверьянов Михаил Васильевич (1867—1941) — издатель.

№ 36 (с. 328). Н. Н. Ливкину.

Еще в 50-е годы довелось ознакомиться с письмом Есенина, относящимся к 1915 г., где речь шла о таком «дряпном человеке, как Ливкин», который сумел сделать ему, Есенину, зло: «Он вырезал из «Млечного Пути» несколько своих стихов и еще чужих и прислал их в петроградский «Новый журнал для всех» с таким заявлением: «Если вы напечатали стихотворение Есенина, то думаю, что не откажетесь и наши». «Это подлость,— замечает Есенин и добавляет: — Я возмущен до глубины души» (см.: Собр. соч. Т. 6. С. 61—62). Кто такой Ливкин, почему он так поступил со стихами Есенина? — никто в то время не знал. В начале 60-х годов удалось разыскать Николая Николаевича Ливкина, в недавнем прошлом работника типографии, находящегося на пенсии. Когда-то он вместе с Есениным печатал стихи в журн. «Млечный Путь». Он рассказал о «конфликте» с Есениным и о письме, полученном от Есенина из Петрограда, разрешив его напечатать. Тогда же оно было опубликовано (см.: Прокушев Ю. Есенин, каким он был//Огонек. 1965, окт. № 40).

«По совету редактора «Млечного Пути» А. М. Черышева,— заметил Ливкин во время нашей беседы,— я написал письмо Есенину с извинениями и объяснениями и получил ответ — это письмо».

1. Отправленное Ливкиным письмо Есенину — неизвестно.

2. Есенин был призван в армию 26 марта 1916 г. Служил солдатом-санитаром в Царскосельском полевом военно-санитарном поезде № 143, неоднократно выезжал с поездом к линии фронта. Вся корреспонденция на поезд доставлялась в Феодоровский собор на имя Д. Н. Ломана, который был главноуполномоченным по этому поезду и одновременно ктитором (церковным старостой) собора. Подробнее см.: Вдовин В. Материалы к биографии Есенина//Вопр. литературы. 1970. № 7. С. 171.

3. Имеется в виду «Новый журнал для всех», выходящий в Петрограде.

4. Слова из арии Германна в опере «Пиковая дама» П. И. Чайковского.

№ 37 (с. 330). Л. Н. Андрееву.

Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — известный русский писатель. В то время в газ. «Русская воля» возглавлял отделы беллетристики, критики, театра.

1. 14 октября 1916 г. Есенин и Клюев побывали у писателя Ремизова Алексея Михайловича (1877—1957).

2. Какие стихи, не установлено, в «Русской воле» Есенин не печатался. Оставленная книга — «Радуница».

№ 40 (с. 331). А. В. Ширяевцу.

1. Есенин имеет в виду одну из строк пушкинского стихотворения «Если жизнь тебя обманет...».

2. Речь идет о великом художнике Древней Руси Андрее Рублеве (ок. 1360—70-х — ок. 1430).

3. Византийский автор, живший в VI в., Индикоплов Косьма, см. о нем т. 1 с. 465.

4. Есенин подчеркивает суть расхождений между «крестьянской купницей» и «питерскими литераторами», напоминая при этом Ширяевцу о его стихотворении «Утес Разина» и блоковском — «Новой Америке».

5. Имеется в виду З. Н. Гиппиус.

6. Есенин вспоминает статью В. Г. Белинского «О жизни и сочинениях Кольцова». Высоко отзываясь о таланте и стихах воронежского поэта, Белинский с явным сожалением, сочувственно замечает, что, встречаясь с Кольцовым, он не заметил «никаких признаков образования».

7. Миролюбов рассказал Есенину об «обиде» Ширяевца на Блока, с которым ему так и не удалось встретиться.

8. В 1915—1916 гг. в Петрограде некоторое время действует литературно-художественное общество «Страда». В апреле 1916 г. общество выпустило первый сборник. В нем Есенин печатает стихот-

ворение «Теплый вечер». Второй сборник «Страды» вышел в 1917 г. Стихов Есенина в нем не было.

9. Речь, вероятно, идет о сб. «Голубень», первое издание которого вышло в 1918 г. (изд. «Революционный социализм»).

10. Очевидно, имеется в виду сб. «Красный звон» (Пг., 1918 г.). Стихов Ганина и Клычкова в нем нет.

11. Во втором сб. «Скифы» — его готовил к печати летом 1917 г. Иванов-Разумник, вышел он в декабре того же года — стихов Ширяевца нет. Журн. «Заветы» в это время перестал выходить.

№ 44 (с. 335). В профессиональный Союз писателей.— На этом письме-заявлении отмечено: «Принят 17.XII — 918».

№ 45 (с. 336). В литературно-художественный клуб.— В ноябре 1918 г. при Союзе советских журналистов организуется советская секция Союза писателей-художников и поэтов. Есенин избирается в состав президиума секции. В начале марта 1919 г. при этой секции открывается литературно-художественный клуб, заявление о приеме в который подает Есенин. Подробнее см.: Вдовин В. Материалы к творческой биографии С. Есенина//Вопр. литературы. 1975. № 10.

№ 47 (с. 337). А. В. Ширяевцу.

1. Сборник предполагало выпустить изд. «Московская трудовая артель художников слова». Книга не выходила.

2. Вспомним, с каким радостным соучастием встретил Есенин выход первой книги Орешина «Зарево» (см. рец. на эту книгу в наст. томе, с. 273 и коммент. к ней на с. 359).

3. Есенин имеет в виду сборник Ширяевца «Край солнца и Чимбета (Туркестанские мотивы)», который вышел в Ташкенте (1919 г.).

4. Этот сборник выпущен московским изд. «Злак» в 1920 г.

№ 48 (с. 338). Е. И. Лившиц (частично).

В 1920 г. в Харькове Есенин знакомится с Лившиц Евгенией Исаковной (1901—1961). Ей адресовано несколько писем поэта.

1. Есенин вспоминает здесь, очевидно, строки стихотворения А. К. Толстого «Юпкер Шмидт», входящего в знаменитые «Сочинения Козьмы Пруткова».

2. Именно этот взволновавший Есенина эпизод с жеребенком послужил основой для создания образа «красногривого жеребенка» в «Сорокоусте» (см. т. 1, с. 260 наст. изд.).

3. Утопические мечты о социализме, как «золотом веке» и свободном «мужицком рае» на земле, столь вдохновенно воспетые поэтом в его «Инонии» (1918 г.), вступили в кричащие противоречия с суровой революционной действительностью эпохи военного коммунизма. Во взглядах, а главное, произведениях Есенина прежде всего находили свое отражение те конкретные, объективные противоречия, которые

характерны для русского крестьянства в период пролетарской революции.

4. Есенин имеет в виду остров Святой Елены, где в ссылке умер Наполеон.

№ 49 (с. 339). Р. В. Иванову-Разумнику.

1. С переездом Есенина в марте 1918 г. из Петрограда в Москву он с Ивановым-Разумником не встречался.

№ 50 (с. 340). Р. В. Иванову-Разумнику (частично).— Этот черновой вариант письма составлен Есениным во время пребывания в Ташкенте весной 1921 г. Письмо осталось незаконченным. Адресат его не получил. Оно сохранилось в архиве Ширяевца.

1. Имеется в виду письмо Есенина к Иванову-Разумнику от 4 декабря 1920 г.

2. Есенин приводит рифму одной из строф поэмы «Пугачев»: «Мне нравится степей твоих медь//И пропахшая солью почва.// Луна, как желтый медведь,//В мокрой траве ворочается».

3. Несколько измененная рифма одной из строф поэмы «Кобыльи корабли»: «Им не нужно бежать в туда — //Здесь, с людьми бы теперь ужиться.//Бог ребенка волчице дал,//Человек съел дитя волчицы».

4. Строки из поэмы «Кобыльи корабли».

5. Строки из поэмы «Кобыльи корабли».

6. См. коммент. к статье «Быт и искусство» на с. 360 наст. тома.

№ 55 (с. 345). Г. А. Бениславской (частично).

Бениславская Галина Артуровна (1897—1926) — издательский работник, журналист, с 1923 г. сотрудник редакции газ. «Беднота». Знакомство Бениславской с Есениным относится к концу 1920 г. Дружеские отношения между ними складываются позднее, в 1924—1925 гг.

1. Поэма была напечатана в одном из сентябрьских номеров газ. «Заря Востока». После этой публикации Есенин сделал ряд исправлений и уточнений в тексте «Песни...» и прислал его Бениславской.

2. *Берзинь* Анна Абрамовна (1897—1961) — писательница, издательский работник. Как редактор отдела крестьянской литературы Госиздата участвует в выпуске отдельным изданием «Песни о великом походе» и других сборников Есенина.

3. В Ленинградском отделении Госиздата такой сборник не выходил.

4. *Казин* Василий Васильевич (1898—1981) — поэт. Заведовал отделом поэзии журн. «Красная новь», где печатался Есенин.

5. Поэма Есенина в этом журнале не публиковалась.

6. Принцип составления и построения этого тома (издание не было осуществлено) будет в дальнейшем положен Есениным в основу своего трехтомного Собрания стихотворений, договор на выпуск которого он подписал с Госиздатом в июне 1925 г.

№ 56 (с. 345). Г. А. Бениславской (частично).

1. Сборник в Москве не выходил. Осталось также не осуществленным намерением поэта выпустить его в Тифлисе (см. письмо Есенина к Бениславской, конец ноября 1924 г.) или Баку (см. письмо к Чагину от 14 декабря 1924 г.). Позднее так был назван раздел в сборнике «Персидские мотивы».

2. Имеется в виду том Собрания стихов и поэм Есенина, который был выпущен изд. З. И. Гржебина в 1922 г. в Берлине.

№ 57 (с. 346). Г. А. Бениславской.

1. Книги не были изданы.

2. Имеется в виду поэма «Анна Снегина», работа над ней была завершена в январе 1925 г.

№ 58 (с. 346). П. И. Чагину (частично).

Чагин Петр Иванович (1896—1967) — видный партийный и издательский работник, журналист. В годы знакомства с Есениным — редактор газ. «Бакинский рабочий». В этой газете впервые напечатана «Анна Снегина» и многие стихи поэта. С предисловием Чагина в Баку вышел сб. стихов Есенина «Русь советская». Поэт посвятил ему «Персидские мотивы» и стихотворение «Стансы».

1. В Батуми в январе 1925 г. была завершена «Анна Снегина».

2. См. коммент. к письму Г. А. Бениславской от 29 октября 1924 г. (т. 2, с. 373).

3. 26 октября 1924 г. газ. «Заря Востока», редактором которой был *Лифшиц (Лившиц)* Михаил Осипович, напечатала стихотворение Есенина «Стансы». В нем Чагин, обращаясь к поэту, говорит: «Давай, Сергей, за Маркса тихо сядем...» Эти-то строчки и напоминал Лившиц Есенину.

№ 59 (с. 347). Г. А. Бениславской (частично).

1. Речь идет о критике-публицисте А. К. Воронском, ответственном редакторе журн. «Красная новь». Введение в состав редакционной коллегии журнала Ф. Раскольникова и Вл. Сорина, придерживающихся сектантско-рапповской ориентации, ослабляло его позиции. Сообщение Бениславской об этих «затруднениях» Воронского и расстроило Есенина.

2. Есенин приводит в своей «редакции» строки из поэмы «Домик в Коломне». У Пушкина они звучат так: «К чему? скажите; уж и так мы голы.//Отныне в рифмы буду брать глаголы».

3. Таков, очевидно, был первоначальный замысел. Первое издание книги «Персидские мотивы» включало 10 стихотворений цикла, позднее им были написаны еще пять. В окончательной редакции цикл включает 15 стихотворений.

№ 60 (с. 348). П. И. Чагину.

1. Какие стихи, не установлено.

2. 4 января 1925 г. в однодневной газ. «Арена» было помещено стихотворение «Цветы».

3. «С любовью и дружбой Петру Ивановичу Чагину» — с таким посвящением вышел сб. «Персидские мотивы», выпущенный изд. «Современная Россия» в июне 1925 г.

№ 62 (с. 348). Т. Ю. Табидзе.

Табидзе Тициан Юстинович (1895—1937) — выдающийся грузинский поэт. Знакомство Есенина с ним состоялось осенью 1924 г. в Тифлисе. Тогда же Есенин встречается с поэтами, о которых говорится в письме,— Паоло Яшвили (1896—1941), Георгием Леонидзе (1899—1966), Валерьяном Гаприндашвили (1889—1944) и др. «Милому Тициану в знак большой любви и дружбы. Сергей Есенин. Тифлис. Фев. 21/25»,— пишет поэт на своей книге «Страна Советская» Т. Табидзе. О пребывании Есенина в Грузии и встречах с ним рассказывают в своих воспоминаниях Т. Ю. Табидзе, Н. А. Табидзе, Г. Н. Леонидзе (см.: Воспоминания. С. 376—392).

№ 63 (с. 349). Н. Н. Накорякову.

1. *Накоряков* Николай Никандрович (1883—1970) — писатель, издательский работник. Член коллегии Госиздата, в то время заведовал отделом художественной литературы.

2. По свидетельству поэта В. Наседкина, замысел об альманахе возникает у Есенина в марте 1925 г. после возвращения с Кавказа. Есенин считал, что «Поляны» должны стать вехой современной литературы, с некоторой ориентацией на деревню» (Воспоминания. С. 432).

3. Альманах не выходил. На организационной стороне дела сказался, очевидно, отъезд Есенина в конце марта на Кавказ. Однако, по свидетельству Грузинова, «мысль о создании журнала до самой смерти не покидает Есенина». Осенью 1925 г. «он набрасывает проект первого номера журнала» (Воспоминания. С. 284). Наконец, уезжая в декабре в Ленинград, он предполагает там «через Ионова устроить свой двухнедельный журнал» (Воспоминания. С. 439).

4. Накоряков не только распорядился о приеме первого номера к оплате гонорара, но и особо подчеркнул, что это интересное предложение «можно и нужно держать в орбите внимания»

№ 65 (с. 350). В Литературный отдел Госиздата.

Намерение издать Собрание стихов и поэм возникает у Есенина значительно раньше. В 1924 г. Есенин пытается решить вопрос о подготовке Собрания стихотворений в Госиздате (см. письма к Бениславской, с. 345—346 наст. тома). В июне 1925 г. он получает согласие Госиздата на выпуск трехтомного Собрания стихотворений. Собрание было подготовлено к печати при жизни поэта.

№ 66 (с. 350). А. М. Горькому.

С автографом письма, в свое время забытого и неизвестного в литературе, довелось ознакомиться еще в пятидесятые годы и тогда же впервые напечатать его. В те годы С. А. Толстая-Есенина рассказала, что когда летом 1925 г. Есенин узнал, что Горький интересуется его стихами, особенно последних лет, и хотел бы их иметь, он написал ему письмо. Как всегда, своих книг под рукой у Есенина не оказалось. Вскоре он уезжает на Кавказ. Вернувшись в сентябре в Москву, решает дождаться выхода первых томов своего Собрания и послать их с письмом в Италию Горькому. В декабре 1925 г. Есенин умирает. В первые месяцы 1926 г. выходят I и II тома его Собрания. Эти два тома вместе с копией письма Есенина С. А. Толстая-Есенина отправляет летом 1926 г. в Италию Горькому.

1. Есенин встречается с Горьким в Берлине в мае 1922 г. у А. Н. Толстого.

2. Есенин, очевидно, имеет в виду журн. «Красная новь» и «Прожектор», ответственным редактором которых был Воронский.

№ 67 (с. 351). Я. Е. Цейтлину.

Цейтлин (псевд. Цветов) Яков Евсеевич (1910—1977) — в 1925 г. работал наборщиком в типографии в г. Николаеве. Первые стихи опубликовал в 1924 г. в газ. «Красный Николаев». В 1928 г. выпустил книгу стихов «Жажда». В дальнейшем журналист-очеркист в газетах «Комсомольская правда», «Социалистическое земледелие», «Известия», где выступает под псевдонимом «Цветов». В годы Отечественной войны — военный корреспондент «Правды». После войны выходят его книги «Повесть о Кирилле Орловском», «Выбор Ивана Демина» и роман «Птицы поют на рассвете», принесший известность автору.

О письме Есенина к Цейтлину (Цветову) впервые упоминает в своих воспоминаниях «Как жил Сергей Есенин» С. Виноградская в 1926 г. (б-ка «Огонек»). Текст письма оставался неизвестным. В 1956 г. в архиве С. А. Толстой-Есениной я познакомился с этим письмом. Она рассказала его историю:

«Случилось так, что последним адресатом Есенина стал рабочий паренек из города Николаева, комсомолец, увлекающийся поэзией, пишущий стихи. Несколько своих стихотворений он прислал Сергею: просил совета, поддержки, помощи. Насколько я помню,— продолжала Софья Андреевна,— стихи молодого николаевского поэта понравились Сергею своей искренностью чувств. Он написал об этом их автору. Из Николаева вскоре пришло восторженное ответное письмо. Но... Есенину было не суждено его прочитать. Позднее след молодого поэта из Николаева затерялся. Неизвестно, где он находится и сегодня. Жив ли он?»

Прошло немало времени, прежде чем в 1962 г. (почти сорок лет спустя) мне удалось найти автограф письма Цейтлина (Цветова) и его стихов, которые он послал Есенину, а позднее, в начале 70-х годов, разыскать его самого.

1. 25 мая 1925 г. Цейтлин отправил Есенину свое письмо. Вот несколько отрывков из этого волнующего документа романтической эпохи двадцатых годов:

«Дорогой Сергей Есенин!

Я вот уже 2 года имею сильнейшее желание сместись с тобой...

...Провинция сейчас преклоняется перед тобой (в городе одна лишь «Радуница»), а поклонников... не сосчитать!.. Но это нам не мешает «болезненно» следить за тобой по журналам.

И вот, в корне изучив тебя, делаем везде о тебе доклады. А по ночам ходим и, как помешанные, пьем ведрами твои стихи!..

Сергей, ты — гениален!!! Ты единственный поэт, который заставил меня трепетать перед твоим именем...» Письмо заканчивается настойчивой просьбой — ответить и, главное, прислать свои книги.

2. Имеется в виду кто-то из работников редакции журн. «Прожектор», куда Цейтлин направил свои стихи и письмо Есенину.

3. Цейтлин послал четыре стихотворения: «Наган», «Дума», «Ответ». Последнее — «Письмо брату», судя по письму Есенина, привлекло его внимание, особенно третья строфа:

Вспоминаю я тебе о старом:
(Для меня ты денег не жалей!)
Привези из города подарок
Красноперых пару голубей...

(Цит. по автографу, хранящемуся в моем архиве.)

4. Есенин имеет в виду последнюю строку в следующей строфе стихотворения «Письмо брату»:

У меня за клуней голубятня.
Чужаки не ловятся на рожь...
И назло всем деревенским парням
Ты мне будешь помощником... хошь?..

Юрий Прокушев

СОДЕРЖАНИЕ

Из стихотворений, не вошедших в основное Собрание, подготовленное поэтом

Поэт («Он бледен. Мыслит страшный путь...») 3
Ночь («Усталый день склонился к ночи...») 4
Звезды 5
Воспоминание («За окном, у ворот...») 6
Моя жизнь 7
Что прошло — не вернуть 8
Ночь («Тихо дремлет река...») 9
Восход солнца 10
Зима 11
Песня старика разбойника 12
Думы 13
Звуки печали 14
Слезы 15
«Не видать за туманною далью...» 16
Вьюга на 26 апреля 1912 г. 17
Пребывание в школе 18
Далекая веселая песня 19
Мои мечты 20
Брату человеку 21
«Я зажег свой костер...» 22
Деревенская избенка 23
Отойди от окна 24
Весенний вечер 25
«И надо мной звезда горит...» 26
Поэт («Тот поэт, врагов кто губит...») 27
«Грустно... Душевные муки...» 28
Береза 29
Пороша 30

Село 30
«Колокол дремавший...» 31
Кузнец 32
С добрым утром! 33
Молитва матери 34
Богатырский посвист 35
Сиротка 36
Что это такое? 37
Узоры 41
Бельгия 42
Ямщик 43
«На небесном синем блюде...» 44
Буря 45
«Ты ушла и ко мне не вернешься...» 46
Лебедушка 47
Королева 48
Удалец 52
Сонет 53
Чары 54
Черемуха 55
«О дитя, я долго плакал над судьбой твоей...» 56
Побирушка 57
Греция 58
Польша 59
Старухи 60
Город 61
Девичник 62
«На лазоревые ткани...» 63
«Я странник убогий...» 64
Бабушкины сказки 65
Плясунья 66
«Тебе одной плету венок...» 67
«Занеслися залетною пташкой...» 68
Колдунья 69
Русалка под новый год 70
Дед 71
Разбойник 72
«Белая свитка и алый кушак...» 73
«Наша вера не погасла...» 74
«Вечер, как сажа...» 75
«Прячет месяц за овинами...» 76
«По лесу леший кричит на сову...» 77
«За рекой горят огни...» 78
Молотьба 79

«Скупались звезды в невидимом бреде...» 81
«Не в моего ты бога верила...» 82
«Закружилась пряжа снежистого льна...» 83
«Гаснут красные крылья заката...» 84
Нищий с паперти 85
«Месяц рогом облако бодает...» 86
«Еще не высох дождь вчерашний...» 87
«В зеленой церкви за горой...» 88
«Даль подернулась туманом...» 89
Иисус-младенец 90
«Без шапки, с лыковой котомкой...» 93
«День ушел, убавилась черта...» 94
Мечта 95
«Синее небо, цветная дуга...» 97
«Снег, словно мед ноздреватый...» 98
«К теплому свету, на отчий порог...» 99
«Есть светлая радость под сенью кустов...» 100
«Заря над полем — как красный тын...» 101
«Небо ли такое белое...» 102
О родина! 103
«Пушистый звон и руга...» 104
«Заметает пурга...» 105
Сельский часослов 106
«И небо и земля все те же...» 110
«Не стану никакую...» 111
Кантата 112
«В час, когда ночь воткнет...» 113
«Вот такой, какой есть...» 114
«Ветры, ветры, о снежные ветры...» 115
Прощание с Мариенгофом 116
«Грубым дается радость...» 117
Папиросники 118
«Издатель славный! В этой книге...» 119
«Цветы на подоконнике...» 120
Памяти Брюсова 121
Цветы 122
Батум 126
Капитан земли 129
Воспоминание («Теперь октябрь не тот...») 132
1 мая 133
«Неуютная жидкая лунность...» 135
«Тихий ветер. Вечер сине-хмурый...» 136
«Я иду долиной. На затылке кепи...» 137
«Я помню, любимая, помню...» 138

«Море голосов воробьиных...» 139
«Плачет метель, как цыганская скрипка...» 140
«Ах, метель такая, просто черт возьми!..» 141
«Снежная равнина, белая луна...» 142
«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» 143
«Какая ночь! Я не могу...» 144
«Не гляди на меня с упреком...» 145
«Ты меня не любишь, не жалеешь...» 146
«Может, поздно, может, слишком рано...» 148
«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» 149
«До свиданья, друг мой, до свиданья...» 150

Проза

Яр 151
У Белой воды 248
Бобыль и Дружок 256
Железный Миргород 259

Из критической прозы

Ярославны плачут 268
<Когда я читаю Успенского...> 272
О «Зареве» Орешина 273
<О пролетарских писателях> 275
Быт и искусство 279
Вступление <к сборнику «Стихи скандалиста»> 284
Предисловие 285
<О советских писателях> 287
Ответы на анкету о Пушкине 289
В. Я. Брюсов 290
Дама с лорнетом 292

Из эпистолярной прозы

ЮНОШЕСКИЕ ПИСЬМА

1. Г. А. Панфилову. *7 июля 1911 г.* 294
2. Г. А. Панфилову. *Июнь — июль, до 8,1912 г.* 294
3. Г. А. Панфилову. *Август, до 18,1912 г.* 295
4. Г. А. Панфилову. *Август 1912 г.* 296
5. Г. А. Панфилову. *Ноябрь — декабрь 1912 г.* 297
6. Г. А. Панфилову. *Март, 1913 г.* 298
7. М. П. Бальзамовой. *Весна 1913 г.* 300
8. Г. А. Панфилову. *Апрель, до 14,1913 г.* 301
9. Г. А. Панфилову. *23 апреля 1913 г.* 303

10. М. П. Бальзамовой. *1 июня 1913 г.* 305
11. М. П. Бальзамовой. *12 июня 1913 г.* 307
12. Г. А. Панфилову. *16 июня 1913 г.* 308
13. П. М. Бальзамовой. *20 июня 1913 г.* 308
14. М. П. Бальзамовой. *Середина 1913 г.* 310
15. Г. А. Панфилову. *Сентябрь, не ранее 24,1913 г.* 312
16. Г. А. Панфилову. *Сентябрь 1913 г.* 312
17. Г. А. Панфилову. *Сентябрь — октябрь 1913 г.* 314
18. М. П. Бальзамовой. *Октябрь 1913 г.* 315
19. Г. А. Панфилову. *Октябрь 1913 г.* 317
20. Г. А. Панфилову. *Январь 1914 г.* 318
21. Г. А. Панфилову. *Февраль 1914 г.* 318
22. М. П. Бальзамовой. *Март — апрель 1915 г.* 319

ИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСЕМ

23. И. И. Шнейдеру. *21 июня 1922 г.* 319
24. М. М. Литвинову, *29 июня 1922 г.* 320
25. А. М. Сахарову. *1 июля 1922 г.* 320
26. А. Б. Мариенгофу. *9 июля 1922 г.* 321
27. А. Б. Мариенгофу. *12 ноября 1922 г.* 322

ИЗ ПИСЕМ О ЛИТЕРАТУРЕ

28. А. В. Ширяевцу. *21 января 1915 г.* 323
29. А. А. Блоку. *9 марта 1915 г.* 324
30. Н. А. Клюеву. *24 апреля 1915 г.* 325
31. В. С. Чернявскому, *июнь — июль 1915 г.* 325
32. Д. В. Философову, *июль — август 1915 г.* 326
33. М. В. Аверьянову, *16 ноября 1915 г.* 327
34. Р. В. Иванову-Разумнику, *декабрь, не позднее 21, 1915 г.* . . . 327
35. Н. А. Клюеву, *июль — август 1916 г.* 327
36. Н. Н. Ливкину, *12 августа 1916 г.* 328
37. Л. Н. Андрееву, *20 октября 1916 г.* 330
38. М. В. Аверьянову, *ноябрь, около 20, 1916 г.* 330
39. А. В. Ширяевцу, *июнь, до 16, 1917г.* 331
40. А. В. Ширяевцу, *24 июня 1917 г.* 331
41. Р. В. Иванову-Разумнику, *апрель, до 13,1918 г.* 333
42. А. Белому, *сентябрь — декабрь 1918 г.* 335
43. В профессиональный Союз писателей, *декабрь, до 17,1918 г.* . . 335
44. В профессиональный Союз писателей, *декабрь, до 20,1918 г.* . . 335
45. В литературно-художественный клуб... *февраль, не ранее 23,— март, не позднее 3,1919 г.* 336
46. В отдел печати Московского Совета... *февраль, до 18,1920 г.* . . 336
47. А. В. Ширяевцу, *26 июня 1920 г.* 337
48. Е. И. Лившиц, *11—12 августа 1920 г.* 338
49. Р. В. Иванову-Разумнику, *4 декабря 1920 г.* 339

50. Р. В. Иванову-Разумнику, *май 1921 г.*
51. Р. В. Иванову-Разумнику, *6 марта 1922 г.* 340
52. А. В. Луначарскому, *17 марта 1922 г.* 342
53. Н. А. Клюеву, *5 мая 1922 г.* 343
54. О. М. Бескину, *1 сентября 1924 г.* 344
55. Г. А. Бениславской, *17 октября 1924 г.* 344
56. Г. А. Бениславской, *29 октября 1924 г.* 345
57. Г. А. Бениславской, *конец ноября 1924 г.* 345
58. П. И. Чагину, *14 декабря 1924 г.* 346
59. Г. А. Бениславской, *20 декабря 1924 г.* 346
60. П. И. Чагину, *21 декабря 1924 г.* 347
61. Г. А. Бениславской, *20 января 1925 г.* 348
62. Т. Ю. Табидзе, *20 марта 1925 г.* 348
63. Н. Н. Накорякову, *27 марта 1925 г.* 348
64. В. Н. Качалову, *15 мая 1925 г.* 349
65. В Литературный отдел Госиздата, *17 июня 1925 г.* 350
66. А. М. Горькому, *3 июля 1925 г.* 350
67. Я. Е. Цейтлину, *13 декабря 1925 г.* 350
Комментарий 351
. 352

НЕЗАКАТНАЯ ЗВЕЗДА

В те годы (это было начало века) некоторые томимые мистическими идеями теоретики призывали к постижению бестелесной красоты, к службе готической, к болезненно изогнутой арке, к ангельской душе святых грешниц, лик которых является лишь среди звезд, и отвергали реализм как «простое ретуширование действительности», где отсутствует духовное начало. Энергичный, юный, живой среди этих певцов отрешенной неземной красоты, Есенин трудно вставляется в ряд представителей какого-либо модного направления, театрально-литературной школы, средневековой традиции, он, по сути, чужероден был и акмеизму. Сам по себе явление уникальное, это был художник русского вызывающего дарования, ярчайшая страстная натура, истинный сын своего противоречивого времени.

Не нужно искать в поэте сахар с солью, ужас жизни, павлина в голове, нужно искать в нем поэтическую правду бытия, колдовское очарование неподслащенной красотой, за короткую жизнь так неповторимо выявленные им. Но Есенин прошел и через умствующее уродство неустанных в своей нечестивости критиков, зло воображающих национального гения в кабацком дыму в разорванной на груди рубашке, с криком «Эх, ты гой еси!» в порыве языческого анархизма и патриархального экстаза отрицающего революционный город, до которого он якобы не дошел, не дорос...

Нет, город и революция не были для него «запечатанной дверью» на околице деревни. Обладая европейской культурой, познав и деревню, и город, он бесстрашно стоял на всех ветрах послереволюционной поры, дыша радостным воздухом свободы. В нем неистово горели, обжигая, страстные, порой взрывные чувства, не сдержанные благоразумием расчета, его терзало, задавало неуспокоенные вопросы главное в жизни, что всегда мучило думающего русского интеллигента: «Кто я?», «Что есть человек?» — вопросы, которые Циолковский считал совершенно необходимыми в попытке познания смысла жизни.

Он, Есенин, так же как и Блок, был убежден, что России суждено идти не по пути европейско-американскому, а по своему, не похожему ни на один известный путь. Он убежден был и в том, что культура — это не только движение вперед, но это и движение к истокам, а без знания русской деревни узнать Россию вообще нельзя.

И есть единство родины и судьбы каждого незаурядного поэта.

Дух его борется, мечется в поисках и растет. Поэзия ткется из реальности при благословенной помощи искренности и волшебства слов. В то же время чувственность Есенина, его ранимая нежная душа, как ни у кого обнаженная, открытая страстность чрезвычайно далеки от растроганно-женственной романтичности: энергия мужественной силы присутствует в его поэзии везде.

Никому не уйти из-под очаровывающей власти его таланта.

Наверное, почти нет ни одного современного поэта, кого не осветил бы зеленый луч звезды Есенина, которая кристально сияет, горит над полями, над лесами, над водами России.

Поистине неопухающая, незакатная звезда.

Юрий Бондарев

ПРОЗРЕНИЯ ГЕНИЯ

(Читая и перечитывая Есенина)

Гений — всегда народен.
Александр Блок

Гениальный поэт...

Его романтически-легендарная и реально-земная жизнь — всегда напряженно-драматична, контрастно-противоречива, всегда — чудо!

Сердце гениального поэта испытывает воистину «космические» эмоциональные, нравственные перегрузки. На совесть его неодолимо ложатся тревоги, заботы Отчизны, людские слезы и печаль, светлые и радостные мгновения счастья народного. Жизнь его — пророческий духовный подвиг.

Что делать! Пока такой поэт рядом с нами, далеко не всегда сознаем мы, его современники, эту истину. Лишь со временем открывается она сполна нашим потомкам, во всем ее историческом значении и величии. Так когда-то было с гениальным Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым; так позднее случилось с великим Блоком и Маяковским; так было с Есениным...

«...С каждым годом все больше и больше вырисовывается лицо культуры советской России, пролетарской России. И последний символист, Есенин, довольно скоро утратит свою популярность, хотя творчество его останется навсегда свидетельством о психическом складе людей отмершей культуры»[1].

«Он хотел быть вместе с революцией, но не сумел. Он не пошел в ногу с жизнью — и жизнь ушла от него. И он погиб»[2].

«...Есенин... по характеру своего творчества в его существенном — типичный представитель буржуазного и мелкобуржуазного упадического индивидуализма»[3].

«Есенин, как поэт, жил и умер в Москве кабацкой»[4].

«Есенин, поэт самоубийства...»[5].

---

[1] Друзин В. Сергей Есенин.— Л., 1927.— С. 44.
[2] Полонский В. На литературные темы.— Л., 1927.— С. 145.
[3] Беляев И. Подлинный Есенин.— Воронеж, 1927.— С. 50.
[4] Крученых А. Есенин и Москва кабацкая.— М., 1926.— С. 10.
[5] Там же.— С. 21.

«...Внутренняя жизнь Есенина в последние годы была только дорогой к смерти»[1].

В этой оголтелой «анафеме» Есенину «перстом указующим» для вульгарно-социологической критики 20-х годов и позднее стали: с одной стороны, печальной памяти бухаринские «Злые заметки», а с другой — выступление Троцкого, «сочувственно» «оплакивающего» Есенина после смерти, как поэта, который был «несроден революции», отсюда — неизбежность его гибели!

Нам довелось и ранее не однажды говорить и писать о бухаринских «Злых заметках», а также троцкистской «концепции» гибели Есенина в своих книгах и статьях о Есенине, преодолевая при этом цензурные «преграды», существующие в ту пору.

Ныне, в пору гласности, стало возможным сказать об этом во весь голос. Побуждало к этому не только стремление полнее, объективнее приблизиться к исторической правде, касающейся судьбы великого поэта России, но и то очевидное, тревожное обстоятельство: когда под флагом гласности и перестройки кое-кто явно стал впадать из одной крайности в другую. При этом нашлись и такие «отчаянно-смелые» «перестройщики», которые были готовы и даже пытались «заменить», казалось бы, неподвластные времени вершины русской поэзии Пушкина, Блока, Маяковского, Есенина другими именами и «вершинами» Вопреки тому, что история давно уже сказала свое непререкаемое объективное слово о величайших поэтах России.

Вернемся в двадцатые годы...

Статья Троцкого «Памяти Сергея Есенина» была опубликована в «Правде» 19 января 1926 года. При «сочувственной» интонации и «красивости» стиля главная мысль выражена в ней с убийственной откровенностью: «...Есенин, «не от мира сего». Он не поэт революции... Поэт погиб потому, что был несроден революции... К смерти Есенин тянулся почти с первых годов творчества...»

Сколько раз на протяжении десятилетий, вплоть до недавнего времени, на все «лады», в самых различных аспектах проявлялась эта троцкистская «версия» в работах о Есенине, без ссылки на «первоисточник».

Что касается «Злых заметок» Н. И. Бухарина, то их впервые также, к сожалению, напечатала «Правда» 12 января 1927 года, ровно через год после выступления Троцкого. В том же году «Злые заметки» вышли отдельной брошюрой[2]. Трудно представить, что речь в них идет о гениальном, подлинно народном поэте России, каким был и останется навсегда Сергей Есенин.

«Говорят нам: крестьянский поэт переходной эпохи, трагически погибший из-за своей неприспособленности. Не совсем так, милые друзья! — рассуждает, без тени сомнения, автор «Злых заметок».— Крестьяне бывают разные. Есенинская поэзия по существу своему есть

---

[1] Крученых А. Лики Есенина. От херувима до хулигана.— М., 1926.— С. 23—24.

[2] См.: Бухарин Н. И. Злые заметки.— М., 1927.— С. 19.

мужичок, наполовину превратившийся в «ухаря-купца», в лаковых сапожках, с шелковым шнурочком на вышитой рубахе, «ухарь» припадает сегодня к ножке «Государыни», завтра лижет икону, послезавтра мажет нос горчицей половому в трактире, а потом «душевно» сокрушается, плачет, готов обнять кобеля и внести вклад в Троицко-Сергиевскую лавру «на помин души». Он даже может повеситься на чердаке от внутренней душевной пустоты. «Милая», «знакомая», «истинно-русская» картина!» И далее:

«Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера»: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще».

Буквально выдавив из себя, ради «объективности», что «есенинский стих звучит нередко, как серебряный ручей»,— Н. И. Бухарин с завидной «настойчивостью» и «принципиальностью» продолжает: «И все-таки в целом есенинщина — это отвратительная напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная».

Н. И. Бухарин «пророчески» вещает, что «советские устремления... оказались совсем не по плечу Есенину, всеми своими эмоциональными корнями сосавшему совсем другие соки из окружающей жизни».

По разумению Бухарина, эти «другие соки» — «наше рабское историческое прошлое, еще живущее в нас». Оно-то и «воспевается, возвеличивается, ставится на пьедестал лихой и в то же время пьяно рыдающей поэзией Есенина и его многочисленных подражателей и подражательниц».

«Злые заметки» сделали свое непоправимое черное дело. С «легкой руки» их автора, под «флагом» «борьбы» с «есенинщиной», стихи Есенина фактически были на десятилетия отторгнуты от народа.

Не будем забывать, что Н. И. Бухарин в те годы был одним из руководящих деятелей партии и Советского государства, членом Политбюро и главным редактором «Правды».

Через какие же воистину черные критические очки надо было смотреть на жизнь поэта, его творчество, чтобы писать подобное, выше цитируемое, об авторе «Анны Снегиной», «Песни о великом походе», «Поэмы о 36», «Баллады о двадцати шести», «Руси советской», «Возвращения на родину», «Пугачева», «Письма к женщине», «Капитана земли», «Ленина», «Персидских мотивов», «Письма к матери»!..

Сегодня трудно все это представить. Кажется невероятным. Но что было, то было... И не только в далекие двадцатые годы — куда значительно позднее.

Справедливости ради подчеркнем, что после смерти Есенина раздавались и полярно-противоположные суждения:

«Погиб величайший поэт... Его поэзия есть как бы разбрасывание обеими пригоршнями сокровищ его души»,— писал в те дни Алексей Толстой. «Мы потеряли великого русского поэта»,— скажет потрясенный смертью Есенина Максим Горький.

Гениальные художники всегда великие гуманисты. Как негасимый

огонь, проносят они через века свою неколебимую любовь и веру в человека, в то, что будущее его светло и прекрасно. По своей творческой сути, по своим убеждениям и идеям они, великие мыслители и революционеры духа, постоянно и настойчиво вслушиваются в биение народного сердца, в могучее дыхание Родины, чутко улавливая раскаты новых революционных бурь и потрясений. Это рождает их бессмертие...

Ныне становится особенно очевидно, что Есенин в «суровые, грозные годы» революционного преображения его Родины, находясь в постоянных тревожных раздумьях о будущем полевой Руси, о том, «куда несет нас рок событий», *был предельно обеспокоен завтрашним днем всего Человечества* (курсив мой.— *Ю. П.*).

Есенину из своего знаменитого села Константинова, как когда-то Льву Толстому из Ясной Поляны, зримо открывался и проглядывался до самых дальних далей весь современный окружающий его мир, в вечном борении человеческих страстей, непримиримости добра и зла, света и тьмы, богатства и нищеты; мир, охваченный революционной октябрьской бурей.

Есенин пророчески стремится заглянуть в будущее Человечества. «Пространство будет побеждено», и в свой творческий рисунок мира люди, как в инженерный план, вдунут осязаемые грани строительства. Воздушные рифы глазам воздушных корабельщиков будут видимы так же, как рифы водные. Всюду будто расставлены вехи для безопасного плавания, и человечество будет перекликаться с земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности».

Сказано это было в... 1918 году.

Чем больше размышляешь о космизме Есенина, его поэзии, тем больше поражаешься ее вселенской глобальности, которая органически слита в есенинских стихах с предельным реализмом земной романтики. Вспомним хотя бы такие ранние стихи поэта, как «Звезды», «Голубень» и особенно стихотворение «Там, где вечно дремлет тайна...», написанное Есениным в 1916 году.

А вторая, «космическая» часть поэмы «Русь»: «Попакаркали черные вороны...» Я уже не говорю о сплошь вселенских космических стихах и поэмах Есенина первых лет революции — «Отчаре», «Преображении», «Иордапской голубице», «Инонии», «Пантократоре», «Небесном барабанщике». В них поэт как бы на «ты» со всей Вселенной.

И так — на всю жизнь.

Чего стоит только одна поэма «Цветы». «Это философская вещь» — так определил ее суть Есенин. Заметив, что, прежде чем ее читать, «нужно... подумать о звездах, о том, что ты такое в пространстве и т. д., тогда она будет понятна».

Человек — дивное творение природы, прекрасный, неповторимый цветок живой жизни, единственный во всей Вселенной, и вместе с тем необъятная Вселенная своей души. В поэме «Цветы» Есенин сумел обо всем это сказать по-своему, в высшей степени художественно-впечатляюще и самобытно.

«Человек и Вселенная» — вечная тема, которая в современной поэзии по-настоящему только «проклевывается». У Есенина, по сути дела, в его стихах она была одной из главенствующих. Ради истины заметим: достойно, по-есенински она звучит в наши дни в стихах выдающегося русского поэта Василия Федорова, особенно в его поэме «Седьмое небо».

Что же касается самого Есенина, то он на связь человека с миром Вселенной посмотрел как бы из будущего... из XXI века, когда человечество «будет перекликаться... со всем миром в его необъятности»

* * *

Да! Время работает на Есенина.

Ныне мы справедливо говорим о Сергее Есенине как гениальном поэте XX века.

Наибольшее количество «белых пятен» долгое время было связано с «деревенским детством» и юностью Есенина в родном рязанском крае. Из тридцати лет жизни поэта первые семнадцать прошли здесь! Однако так случилось, что вплоть до середины пятидесятых годов мы, к сожалению, очень мало знали правды о становлении Есенина как личности, особенно в юности, о раннем пробуждении его «творческих дум», о народных, глубинных истоках его поэзии. Многие вопросы, касающиеся судьбы поэта в отрочестве и в юношеские годы, по существу, оставались без ответа.

Но когда читаешь и перечитываешь Есенина, включая его ранние стихи, где все — правда, озаренная и печальная, все — жизнь, радостная и трагическая, поэмы и стихи, в которых предельно обнажена исповедальная душа художника,— все очевиднее становится их кричащая несовместимость с различного рода «романами без вранья».

Трудно, а вернее, почти невозможно понять до конца поэта, движение его души, рожденье его стихов, наконец, его судьбу, не побывав хотя бы раз на той священной земле, откуда берет начало его жизнь, его приход в мир, земле, которая с первых сознательных его шагов и до смерти будет наполнять его сердце неугасимой любовью к Отечеству.

Сколько людей ради желанной «встречи» с поэтом на его «малой родине» каждый год идут и едут со всех концов Земли к Пушкину — в Михайловское, к Лермонтову — в Тарханы, на Волгу — к Некрасову, в край рязанских раздолий — к Есенину.

В свое время мне посчастливилось едва ли не первому из тех, кто писал в разные годы о Есенине, зримо прикоснуться к родной земле поэта. То была едва ли не самая светлая и радостная пора многолетних встреч с миром поэзии Есенина.

Константиново, родное село поэта, привольно раскинулось по правому высокому холмистому берегу Оки — многоводной сестры великой Волги. Взору открываются необъятный простор заливных лугов, убегающие вдаль перелески, а у самого горизонта — дымка лесов Мещеры.

Вот уже более полувека, как в любую погоду, летом и зимой идут и

сдут люди в Константиново со всех концов света, чтобы низко поклониться древней рязанской земле — колыбели великого поэта России.

Хорошо помню то потрясение, которое испытал, увидев все это впервые сорок лет тому назад. С Константиновских, а особенно Федякинских холмов просматриваются такие неоглядные дали и видится такой бездонный голубой небесный купол, что на какое-то мгновенье ты чувствуешь себя не на земле, а как бы во Вселенной, в центре мироздания.

Нет! Не случайно в минуты революционного озарения родное константиновское небо представляется поэту в его стихотворении «Небо — как колокол...» гигантским вселенским колоколом, а месяц в небесной почной синеве — звонким его языком...

Словно Антей, каждый раз, когда Есенину было особенно трудно, припадал он душой и сердцем к родной рязанской земле, вновь обретая животворную нравственную силу и энергию для своих бессмертных стихов и поэм о России.

* * *

Как справедливо однажды заметил Александр Блок, гений всегда народен.

Историей рода человеческого, равно как и своим народом, на него каждый раз возлагается священная миссия: быть совестью и пророком своего времени, врачевателем народной души.

Судьба гениального поэта России — Сергея Есенина — блистательное тому подтверждение. В его стихах и поэмах есть и беспощадный нравственный счет своим ошибкам и заблуждениям, и кричащие противоречия, отражающие объективные противоречия самой действительности, равно как и субъективные противоречия во взглядах самого поэта. Нет во всем творчестве Есенина, его гражданской жизни одного: ухода, отстраненности от самых жгучих, самых животрепещущих, самых сложных социально-классовых, политических, моральных, нравственных, этических проблем, которые встали перед Родиной поэта, его народом в годы революции.

Только поэт, которого до глубины души, столь нераздельно и постоянно волновала и красота родных «рязанских раздолий», и судьба «Руси крестьянской» в революции, и будущее всего «шара земного», мог создать «Инонию» и «Сорокоуст», «Пугачева» и «Страну негодяев», «Москву кабацкую» и «Персидские мотивы», «Русь советскую» и «Письмо к женщине», «Песнь о великом походе» и поэму «Ленин», «Капитана земли» и «Балладу о двадцати шести», «Черного человека» и «Анну Снегину».

А лирико-философские стихи Есенина! Такие, как «Не жалею, не зову, не плачу...», «Отговорила роща золотая...», «Мы теперь уходим понемногу...», «Спит ковыль. Равнина дорогая...», «Жизнь — обман с чарующей тоской...», «Цветы мне говорят — прощай...» и другие.

Сколько в них самого сокровенного, есенинского, лично пережитого поэтом, и одновременно сколько общечеловеческой доброты и сердечного тепла, которого ныне так явно не хватает на нашей планете.

Все очевиднее становится сегодня непреходящее значение и самобытнейшего прозаического наследия Есенина, его юношеской повести «Яр», рассказов «У Белой воды», «Бобыль и Дружок», очерка «Железный Миргород», его автобиографической, критической, эпистолярной прозы.

Художественный мир Есенина-прозаика романтически-эмоционален, драматичен, афористичен в слове, языке. Проза поэта, как правило, предельно реалистична в показе картин народной жизни. Ныне мы только начинаем открывать ее для себя.

* * *

Сергею Есенину было предназначено Историей, Временем вместе с первопроходцами советской поэзии — Владимиром Маяковским, Александром Блоком — рассказать о рождении и утверждении на земле человека нового, революционного мира, а вместе с тем одновременно сказать решительное «нет» «черному человеку» — черным силам зла и бездуховности.

Первопроходцам всегда трудно, первопроходцам революции, обновляющим мир, возрождающим в человеке все человеческое, особенно. В самые трудные, в самые тяжелые для революции дни, в самые драматические часы жизни — главная боль, главная дума Есенина о судьбе Родины:

Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли.
Уж сколько лет не слышит поле
Петушье пенье, песий лай.

Преодолевая голод, холод, разруху, разгромив белогвардейщину и интервентов, Россия выстояла и победила в революции. Правда революции становится правдой поэта:

Но Россия... вот это глыба...
Лишь бы только Советская власть!..

Неодолимая действенная сила поэзии Есенина определяется прежде всего тем, что он сумел понять, осмыслить философски и раскрыть художественно величайшее историческое значение Октябрьской революции, открывшей миру путь духовного возрождения человека.

Большевики-ленинцы, те, кто в эпоху Октября олицетворял все истинно человеческое и революционное в русском народе, становятся для Есенина идеалом прекрасного, идеалом Человека. Поэт жадно тянулся к ним, вначале больше стихийно, чем сознательно («Говорят, что я большевик. Да, я рад зауздать землю...»); несколько

позднее он пробивался к ним настойчиво «в развороченном бурей быте».

Как итог неустанных, бескомпромиссных поисков поэтом высшей истины в годы революции звучит взволнованный голос Есенина: «...я еще больше влюбился в коммунистическое строительство. Пусть я не близок коммунистам, как романтик в моих поэмах,— я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве».

Сказано это было поэтом в 1923 году! Вскоре после его поездки в Европу и Америку.

«Только за границей,— подчеркивал Есенин еще в 1922 году,— я понял совершенно ясно, как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мещанства». В своих письмах из-за рубежа поэт размышляет о пагубном влиянии «господина доллара» на европейскую жизнь и искусство, о прагматической бездуховности, господствующей в буржуазной действительности. «Там, из Москвы, нам казалось, что Европа — это самый обширнейший рынок распространения наших идей в поэзии, а теперь отсюда я вижу: боже мой! до чего прекрасна и богата Россия в этом смысле. Кажется, нет еще такой страны и быть не может».

* * *

Вскоре после приезда из-за границы Есенин выступает в Политехническом музее. Он читает новые стихи. Среди них — «Москва кабацкая».

Еще в пятидесятые годы удалось разыскать воспоминания поэта А. Кусикова, относящиеся к концу 1925 — началу 1926 года. В них он рассказывает о встречах с Есениным в Берлине, совместной поездке в Париж и о том, когда и где были написаны первые стихи «Москвы кабацкой».

«Были у Горького. Сережа читал. Горький плакал. А вскоре, после долгих бесед в ночи, под гитару мою, писал «Москву кабацкую».

Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои в полукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг».

Далее, говоря о судьбе Есенина, его отношении к России и Западу, Кусиков отмечает:

«...Берлин, Париж, Нью-Йорк — затмились.
Есенин увидел «Россию зарубежную», Россию без родины:

Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи.
Вспоминают Московскую Русь».

Многое тогда открыли мне эти и другие мемуарные источники, а также письма Есенина из-за границы. Стало очевидно: нельзя ставить знак равенства и видеть в «герое» «Москвы кабацкой» чуть ли не автопортрет поэта, как это пытались, к сожалению, утверждать в разные годы разные литераторы, пишущие о Есенине,— это, по существу, была попытка граждански «убить» поэта, «доказать», что он был «несроден революции», не понял ее, прошел мимо. Это, дескать, и привело его, в конце концов, на дно Москвы кабацкой. Иные из «критиков», такие, как Сосновский, «авторитетно» утверждали, что стихи Есенина, особенно «Москва кабацкая» — это «лирика взбесившихся кобелей» (!!!).

Они сделали свое «черное дело». Чистый небосвод поэзии Есенина был на долгие годы замутнен ядовитыми критическими «выбросами» разного рода крученых и сосновских. Между тем гражданская позиция Есенина в вопросе, который тогда вставал перед каждым его соотечественником — за революционную, восставшую Россию или против нее — даже в самые драматические моменты личного бытия, в корне отличалась от общественного поведения «героя» «Москвы кабацкой».

Характерно в этом отношении свидетельство близко знавшего Есенина поэта Ивана Грузинова, который рассказывает:

«Перед отъездом за границу Есенин спрашивает А. М. Сахарова:

— Что мне делать, если Мережковский или Зинаида Гиппиус встретятся со мной? Что мне делать, если Мережковский подаст мне руку?

— А ты руки ему не подавай! — отвечает Сахаров.

— Я не подам руки Мережковскому,— соглашается Есенин.— Я не только не подам ему руки, но я могу сделать и более решительный жест... Мы остались здесь. В трудные для родины минуты мы остались здесь. А он со стороны, он издали смеет поучать нас»[1].

Тогда почему же возникает «Москва кабацкая»?

Есенин отвечал сам на этот вопрос, и прежде всего своим творчеством. При этом он подчеркивал, когда его спрашивали о «Москве кабацкой»:

— Я это видел, я это по-своему пережил, я должен был рассказать об этом в стихах.

Поэт-гуманист, чье сердце наполнено милосердием к людям, не мог оставаться равнодушным к трагической судьбе соотечественников, которые в силу классовых, сословных и иных причин и предрассудков оказались после революции на чужом, эмигрантском берегу, людьми без Родины, как перекати-поле.

Есенин ощутил горький и неизбежный конец их судьбы в ту пору, когда еще многим русским эмигрантам верилось, что скоро на их родине вернется все на «круги своя», что большевики вот-вот «падут».

С особым рвением на это рассчитывали белоэмигрантские «верхи».

Но мечты эти были по меньшей мере иллюзорно-несбыточными, как мираж в пустыне. На самом деле, в действительности многие из

---

[1] Грузинов И. В. С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве // Воспоминания о Сергее Есенине.— М., 1975.— С. 276.

них уже в те годы все неотвратимее сползали на дно беспросветной эмигрантской жизни. Это были живые мертвецы.

Все безысходней, все чаще, надсадно-горько в угарном ресторанно-кабацком чаду звучали их охрипшие, пьяные голоса: «Ты, Рассея моя... Рас-сея... Азиатская сторона!» Все более цинично-бесстыжие страстишки одолевали их. Распад души ощущался все острее. Безнравственно относились они теперь к «святая святых» — женщине, ее духовной красоте.

Сложная, противоречивая гамма чувств в душе поэта, его стихах отражала по-своему драматизм послереволюционной действительности и, в частности, судьбы русских людей, оказавшихся на чужбине. Все это отозвалось не одной печальной трагической нотой в поэзии Есенина, наполненной светом доброты, сострадания, милосердия к людям, ко всему живому на земле.

Особенно горько-правдивы, порой сурово-беспощадны и вместе с тем всегда озабоченно-человечны те немногие стихи, что были написаны поэтом за границей. Четыре стихотворения: «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Сыпь, гармоника. Скука... Скука...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...», «Да! Теперь решено. Без возврата...» — впервые были напечатаны Есениным как своеобразная «маленькая поэма» под единым названием «Москва кабацкая» в сборнике «Стихи скандалиста». Он вышел в Берлине в 1923 году.

В кратком «Вступлении» к сборнику Есенин подчеркивал: «Я чувствую себя хозяином в русской поэзии и потому втаскиваю в поэтическую речь слова всех оттенков, нечистых слов нет...

Слова — это граждане. Я их полководец. Я веду их»[1].

Подчеркнем еще раз: горек, суров, трагичен пафос «Москвы кабацкой», особенно тех ее стихов-завязей, что родились на чужбине.

Что говорить! Сколько мятущихся русских душ потеряли себя за годы революции в заграничных скитаниях, скольких соотечественников поэта навсегда поглотил эмигрантский омут.

Есенин вернулся из зарубежной поездки, когда в стране в полном разгаре был нэп, со всеми характерными для него приобретениями и потерями.

Случилось так, что настроение безысходной тоски и разочарования, отстранения от социально значимых проблем, потери веры в себя и безоглядного «прожигания жизни», столь характерное для «героя» «Москвы кабацкой», оказалось в годы нэпа по-своему в чем-то психологически созвучным и близким, во-первых, тем, кто все еще надеялся на возрождение старых буржуазных порядков в России, а во-вторых, части идейно незрелой молодежи, особенно учащейся, студенческой, которая не прошла революционную закалку и явно терялась перед неизбежными объективными контрастами и противоречиями действительности тех лет.

Наконец, ради истины заметим, что были в то время и такие люди, которые люто ненавидели Советскую власть. Они таились до поры до

[1] Полный текст «Вступления» печатается во 2 т. наст. издания.

времени в своем духовном подполье. По существу, это были внутренние эмигранты, ожидающие своего часа.

Что же касается Есенина, то для поэта-гуманиста было важно не только и не столько нравственное «падение» его лирического героя в «Москве кабацкой», сколько его духовное возрождение, пробуждение и утверждение в его душе и сердце вновь светлого чувства любви и надежды.

Так появляется вторая, центральная часть книги «Москва кабацкая» — цикл стихов «Любовь хулигана». Он был создан Есениным во второй половине 1923 года. Поэт посвятил его актрисе Камерного театра Августе Миклашевской, с которой познакомился после возвращения из-за границы.

«Любовь хулигана» включает в себя такие ныне широко известные лирические стихи Сергея Есенина, как «Заметался пожар голубой...», «Ты такая ж простая, как все...», «Пуская ты выпита другим...», «Дорогая, сядем рядом...», «Мне грустно на тебя смотреть...», «Ты прохладой меня не мучай...», «Вечер черные брови насопил...».

Поэт как бы заставляет «героя» «Москвы кабацкой» пройти один за другим круги своеобразного Дантова ада, по которым он, в конце концов, настойчиво преодолевая в своей душе все чуждое, наносное, поднимается на ту духовную высоту, с которой счастливо открывается суть человеческого бытия, жизни и смерти, добра и зла, вечности и бессмертия...

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

. . . . . .

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

Именно этим стихотворением, бесспорно, одним из выдающихся в мировой и отечественной лирико-философской поэзии, завершает Есенин книгу «Москва кабацкая», изданную в Ленинграде летом 1924 года.

Когда думаешь о нравственном, этическом, гуманистическом пафосе «Москвы кабацкой», вновь и вновь размышляя о нелегкой судьбе ее лирического героя, о несказанном свете любви, просыпающейся в его сердце, радостно отогревающей его душу, о возрождении в нем Человека,— начинаешь все неотступнее вспоминать о Достоевском, многих его героях, их падении на дно жизни, страдании и раскаянии, очищении духовном.

И не только Достоевского...

Думаешь о революционном гуманизме Максима Горького и, в частности, о его всемирно известной пьесе «На дне», с обжигающим душу монологом Сатина: «Человек — это звучит гордо»; думаешь о «хожде-

ния по мукам» героев Алексея Толстого: Даши и Кати, Телегина и Рощина, которым любовь помогает вновь обрести, казалось бы, навсегда утраченное чувство родины.

А героиня поэмы самого Есенина — его Анна Снегина, что позволяет ей не потерять себя окончательно в эмигрантских потемках? Любовь! Вспомним ее письмо с «лондонской печатью» в Россию, письмо-исповедь к человеку, который когда-то ее любил и о котором она теперь думает с особой теплотой и надеждой:

Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна.

Конечно, у каждого из героев, о которых говорилось выше, был свой путь в жизни, своя, порой далеко не простая судьба, свои духовные драмы, взлеты и падения, наконец — часы нравственного пробуждения. Но каждый из них к добру, свету, надежде неповторимо, по-своему был подвигнут любовью! Уже в наши дни справедливо было сказано поэтом: «По тому, как людям любится, здоровье мира узнают».

* * *

Гениальный поэт всегда современен. Стихи Есенина кровно близки нам, нашему времени. Они затрагивают самые насущные, самые коренные, истинно глобальные проблемы нашего времени. Каких бы глубинных вопросов современной народной жизни, сегодняшней действительности мы ни коснулись, мы убеждаемся, что о многих из них мучительно думал, размышлял Есенин, тревожно вглядываясь со светлой надеждой и верой в будущее России.

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну, куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Кто сегодня не знает этих пронзительных стихов, впервые прозвучавших в русской поэзии еще в начале двадцатых годов? Чью душу и сердце не заберет в полон романтически-прекрасный образ красногривого жеребенка, трагически-беззащитного перед железной силой века? Могут ли эти стихи, наполненные великой сыновней любовью к Родине, ко всему живому на земле, оставить кого-нибудь равнодушным?

Неумолим ход времени, ход истории и прогресса. Есенин-поэт чувствует это эмоционально, значительно острее многих литераторов своего поколения. В одном из писем, относящихся к осени 1920 года, он рассказывает: «Ехали мы от Тихорецкой на Пятигорск, вдруг слышим крики, выглядываем в окно, и что же? Видим, за паровозом что есть силы скачет маленький жеребенок... Эпизод для кого-нибудь незначительный, а для меня он говорит очень много. *Конь стальной победил коня живого* (курсив мой.— *Ю. П.*). И этот маленький жеребенок был для меня наглядным дорогим вымирающим образом деревни...»

На глазах у поэта умирала старая, патриархальная Русь, что придет ей на смену? Что ждет Россию в будущем? Сумеют ли люди будущего сохранить красоту природы, любовь к Земле, ко всему живому в мире? А значит, сохранить и себя, и весь род человеческий!

Тревожны раздумья поэта...

Стихи Есенина прежде всего обращены к его современникам, к их сердцам и душам, к их разуму, но еще больше они обращены к нам, в завтрашний день человечества.

Истинная поэзия всегда с заглядом в будущее. То, что в ней художественно, философски общечеловечно, со временем, «на расстоянии», становится очевидным для всех: либо общей радостью и долгожданным озарением, либо общей болью, тревогой и заботой. Так и с есенинским «красногривым жеребенком», со стихами поэта, наполненными живой красотой русской природы, которая, по существу, уже со времен Есенина становилась все более беззащитной перед натиском стального коня. В самом деле, на первый взгляд кажется, время сняло вопросы, столь драматично прозвучавшие в есенинском «Сорокоусте». И да, и нет! Судьба патриархальной Руси при всех сложностях и потерях исторически определилась. Она стала Русью советской, социалистической. А глубинная проблема «Сорокоуста»: защита живой красоты природы — этого драгоценнейшего и святого дара земли — не только осталась, но со временем заострилась. Более того — ныне она стала всемирной, касается всех и, конечно же, каждого из нас. Человечество стоит у края экологической пропасти.

Вот почему стихи о красногривом жеребенке будут, несомненно, волновать и тех, кто придет за нами. По праву можно сказать: это стихи века. Их пророческий пафос ныне особенно очевиден!

Для Есенина природа — это вечная красота и вечная гармония мира. Нежно и заботливо, без какого-либо нажима, природа врачует людские души, снимая напряжение неминуемых земных перегрузок. Именно так воспринимаем мы стихи поэта о родной природе, именно так возвышенно-просветленно и благостно воздействуют они на нас.

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

. . . . . .

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя,
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

Поэт как бы говорит нам: остановитесь хотя бы на мгновенье, отбросьте повседневную «суету сует», посмотрите на окружающий вас мир земной красоты, послушайте шелест луговых трав, песнь ветра, голос речной волны, посмотрите на утреннюю зарю, возвещающую рождение нового дня, на звездное ночное небо... Живые, трепетные картины природы в стихах Есенина не только учат любить и хранить мир земной красоты. Они, как и сама природа, способствуют формированию нашего миросозерцания, нравственных основ нашего характера и, более того, нашего гуманистического мировоззрения.

Мир человека и мир природы поэзии Есенина единый и неделимый. Отсюда половодье чувств и мудрость мысли, естественная их слитность в образной плоти стиха; отсюда прозрение, нравственная высота есенинской философской лирики.

Поэт прекрасно осознает, что отстранение человека от природы, а тем более конфликт с ней приносит обществу непоправимый моральный урон и нравственный ущерб. Потому-то Есенин столь открыто бескомпромиссно встает в стихах на защиту красногривого жеребенка. Он для него олицетворяет красоту и гармонию мира.

* * *

Время накладывает свой отпечаток на наши мысли, чувства, образ действия. Все мы — дети своего времени. Важно только, каким бы тяжелым, а порой трагическим ни было твое время, памятуя о вечном его движении, видеть из своего времени с надеждой и верой день завтрашний.

Сколько светлой надежды и веры в будущее Руси советской в стихах Сергея Есенина, сколько в них человеколюбия и милосердия к людям.

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!

И сколько зароют еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судорогу щек.

Эти строки Есенина, наполненные и гордостью, и радостью, и болью за человека, его судьбу, проникнутые нескрываемой тревогой за будущее всего человечества, всей нашей планеты, могли бы по праву стать эпиграфом ко всем есенинским стихам и поэмам. И еще: они предельно современны. Появляется такое чувство, что они написаны в наши дни, когда с космических высот, в голубом ореоле, особенно прекрасной видится Земля и когда реальная угроза термоядерной и экологической катастроф, возможной гибели человечества объединяет всех людей доброй воли. Такова сила прозрения гениального художника.

Не перестает тревожить, что сейчас, когда гласность распахнула двери, мы, отвергая одну полуправду, часто заменяем ее другой полуправдой. Когда то журнал какой-нибудь заявит, что такой-то поэт — самый «перестроечный», то он с телеэкрана провозгласит себя «прорабом перестройки» — я думаю о Сергее Есенине. Он, наша национальная гордость, и есть, по сути дела, самый перестроечный поэт! Его творчество — образец великой правды и исторической, и нравственной. Поэт видел, чувствовал и «черного человека», и человека будущего.

Сегодня как-то по-особому звучат, казалось бы, такие лично-исповедальные слова великого Есенина:

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Ведь если подумать о духовной, нравственной сути перестройки, то она, наверное, и состоит в том, чтобы заглянуть правде в глаза. И правде эпохи, и правде времени, и собственной своей правде — в свою совесть, в свою душу; без точного, ясного определения сути правды — правды исторической, правды настоящего и будущего — трудно избежать многих перекосов как экономических, так и нравственных.

Сегодня мы с тревогой говорим, что в погоне за материальным начинаем все больше терять человечность, милосердие. И вот Есенин... Он очищает наши души, потому что настоящая русская литература, настоящая поэзия всегда была совестью народа, его духовностью и нравственной опорой.

Сложные процессы происходят в мире. С одной стороны, растет национальное самосознание народов, с другой — происходит размывание национального. Если говорить об этом по отношению к нашей стране, к Есенину, то Есенин чувствовал опасность национального нигилизма. Великий русский поэт, который, может быть, лучше всех сказал в стихах о подвиге 26 бакинских комиссаров, любви к грузинскому народу и Грузии, мечтал, когда все народы станут единой братской

семьей. И он же, Есенин, не мыслил себя, своей жизни без России.

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Гениальный поэт всегда народен и современен. Каких бы сторон его творчества мы ни коснулись, к каким бы его стихам и поэмам ни обратились.

* * *

Неодолимо движение времени. Одно поколение сменяет другое. Русь советская, разворачивая перестройку, готовится вступить в XXI век...

Движется, живет по своим законам мир поэзии — Вселенная души человечества. Беспрерывно нарождаются и вспыхивают в этом чудесном мире новые поэтические звезды и звездочки. Одни сгорают и навсегда затухают еще при жизни их «хозяина», свет души от других доходит к нам на протяжении десятилетий, и лишь немногие, очень немногие согревают народную «живую душу» в веках, разгораясь со временем все ярче и ярче. Имя одной из таких прекраснейших лучезарных звезд в бессмертном поэтическом созвездии России — Сергей Есенин. Оно — вечно...

Юрий Прокушев

О СЕБЕ

Родился в 1895 году, 21 сентября, в Рязанской губернии, Рязанского уезда, Кузьминской волости, в селе Константинове.

С двух лет был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми протекло почти все мое детство. Дядья мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх! Стерва! Ну куда ты годишься?..» «Стерва» у него было слово ласкательное. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавал по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо лазил по деревьям. Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах. За озорство меня ругала только одна бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: «Ты у меня, дура, его не трожь, он так будет крепче!» Бабушка любила меня из всей мочи, и нежности ее не было границ. По субботам меня мыли, стригли ногти и гарным маслом гофрили голову, потому что ни один гребень не брал кудрявых волос. Но и масло мало помогало. Всегда я орал благим матом и даже теперь какое-то неприятное чувство имею к субботе.

Так протекло мое детство. Когда же я подрос, из меня

очень захотели сделать сельского учителя и потому отдали в церковно-учительскую школу, окончив которую я должен был поступить в Московский учительский институт. К счастью, этого не случилось.

Стихи я начал писать рано, лет девяти, но сознательное творчество отношу к 16—17 годам. Некоторые стихи этих лет помещены в «Радунице».

Восемнадцати лет я был удивлен, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и поехал в Петербург. Там меня приняли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй — Городецкий. Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта. Городецкий меня свел с Клюевым, о котором я раньше не слыхал ни слова. С Клюевым у нас завязалась при всей нашей внутренней распре большая дружба.

В эти же годы я поступил в Университет Шанявского, где пробыл всего $1^1/_2$ года, и снова уехал в деревню.

В Университете я познакомился с поэтами Семеновским, Наседкиным, Колоколовым и Филипченко.

Из поэтов-современников нравились мне больше всего Блок, Белый и Клюев. Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности.

В 1919 году я с рядом товарищей опубликовал манифест имажинизма. Имажинизм был формальной школой, которую мы хотели утвердить. Но эта школа не имела под собой почвы и умерла сама собой, оставив правду за органическим образом.

От многих моих религиозных стихов и поэм я бы с удовольствием отказался, но они имеют большое значение как путь поэта до революции.

С восьми лет бабка таскала меня по разным монастырям, из-за нее у нас вечно ютились всякие странники и странницы. Распевались разные духовные стихи. Дед напротив. Был не дурак выпить. С его стороны устраивались вечные невенчанные свадьбы.

После, когда я ушел из деревни, мне долго пришлось разбираться в своем укладе.

В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном.

В смысле формального развития теперь меня тянет все больше к Пушкину.

Что касается остальных автобиографических сведений,— они в моих стихах.

Октябрь 1925

КОММЕНТАРИЙ

В основу настоящего издания положено трехтомное Собрание стихотворений, подготовленное С. Есениным в 1925 г.

Воспроизведение композиции есенинского Собрания позволяет увидеть более наглядно и представить объективно идейно-художественную эволюцию творчества поэта, наиболее полно сохранить авторскую волю.

Первый том настоящего издания по составу полностью повторяет трехтомное Собрание Есенина. Первый раздел (I) соответствует первому тому Есенина — лирика поэта; второй (II) — второму тому — «Маленькие поэмы» (так не однажды определял жанр этих стихотворений Есенин); третий (III) — третьему тому — поэмы Есенина.

Второй том настоящего издания включает основную часть стихотворений Есенина, которые в свое время не вошли в трехтомное Собрание.

Большую часть тома занимают прозаические вещи Есенина: «Повесть, рассказы, публицистика», «Из критической прозы», «Из эпистолярной прозы».

Таким образом, настоящее издание фактически представляет собой Собрание сочинений поэта в двух томах.

Примечания содержат необходимый конкретный, сжатый историко-литературный и реальный комментарий. Учитывая, что важнейшие сведения о жизни и творчестве поэта, кроме стихов, содержат его автобиография, критические статьи и письма, публикуемые в настоящем издании, и комментарии к ним, главное внимание во

вступительной статье обращено на связь поэзии Есенина с современностью.

О датировке произведений Есенина. Авторские даты, установленные на основании безусловных документальных источников, даются без скобок. Место, где было написано произведение, указывается только тогда, когда оно обозначено в основном источнике текста. В тех случаях, когда стихотворение не датировано ни в одном документальном источнике текста, в угловых скобках даются редакционные даты (указывается только год).

В КОММЕНТАРИЯХ ПРИНЯТЫ СЛЕДУЮЩИЕ СОКРАЩЕНИЯ:

Воспоминания – Воспоминания о Сергее Есенине. Сборник / Под ред. Ю. Л. Прокушева. М.: Моск. рабочий, 1975.

Комментарии ГЛМ – комментарии С. А. Толстой-Есениной, хранящиеся в Отделе рукописей Государственного литературного музея (Москва)

Собр. соч. Есенин С. А. Собр. соч. В 6 т. М. Худож. лит., 1977–1980

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва)

О себе (с. 23). Есениным было написано несколько кратких автобиографий. «О себе» – последняя из них. Она предназначалась для первого тома трехтомного Собрания стихотворений, готовившегося поэтом к изданию.

Деду по матери... — Федор Андреевич Титов (умер в 1927 г.), к нему обращено стихотворение «Письмо деду»

Бабушка — Наталья Евтеевна Титова.

Городецкий С. М. (1884—1967) — поэт, в те годы увлекавшийся народной поэзией, фольклором.

Клюев Н. А. (1884—1937) — поэт.

Поступил в Университет Шанявского. — В Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского Есенин занимался в 1913—1914 гг. на историко-философском отделении.

Семеновский Д. И. (1894—1960) — поэт.
Наседкин В. Ф. (1894—1940) — поэт.
Колоколов И. И. (1897—1933) — поэт и беллетрист.
Филипченко И. Г. (1887—1939) — поэт.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1910—1925

I

«Вот уж вечер. Роса...» (с. 25).— Одно из первых юношеских стихотворений поэта. «По словам Есенина,— свидетельствует С. А. Толстая-Есенина, жена поэта,— это его первые стихи. Считая их слабыми, он не хотел включать их в Собрание. Согласился напечатать стихи только благодаря просьбе своих близких. Текст был продиктован им. Дата поставлена по его указанию» (Комментарии ГЛМ).

«Матушка в Купальницу по лесу ходила...» (с. 36)

Купальница — ночь накануне народного праздника Ивана Купалы, который по старому стилю отмечается 24 июня.

Не дознамо печени судорга схватила...— не от печени судорога схватила.

Купыри — луговая трава.

Сутемень — вечерние сумерки.

Травы ворожбиные...— по народному поверью, целебная сила трав бывает наибольшей в ночь на Ивана Купала.

В хате (с. 50).

Драчены — блины, сдобренные яйцами, молоком и маслом.

Дежка — кадка.

Печурка — углубление в боковой части русской печи.

«Гой ты, Русь, моя родная...» (с. 52).

Корогод — хоровод.

Лехи — полевые полосы.

«Я пастух, мои палаты...» (с. 53).

Сутёмы — сумерки.

Кивливом — от слова «кивать».

«Сторона ль моя, сторонка...» (с. 54).

Посолонка — тощая земля.

Забольная — надоедливая.

«Край ты мой заброшенный...» (с. 58).

Прутник — кустарник.

«Заглушила засуха засевки...» (с. 59).— Это стихотворение было напечатано в редактировавшемся М. Горьким журн. «Летопись». (Об отношении Есенина к М. Горькому см. т. 2 наст. изд.)

«Черная, потом пропахшая выть!..» (с. 60).

Выть — участок пахотной земли, которым в Рязанской губернии наделялось определенное количество душ или дворов.

Веретье — широкое полотно из брезента или сурового домотканого холста.

Кукан — островок, появляющийся во время спада разлива в реке.

«В том краю, где желтая крапива...» (с. 63).

Свей — здесь: пыльная рябь дороги.

Табун (с. 76).

Вихрастый гамаюн — сказочная птица-вещунья с человеческим лицом, воспетая в древнерусских сказаниях.

«О товарищах веселых...» (с. 79).

Парагущ — дымка над водой.

Пожня — луг.

«Покраснела рябина...» (с. 83).

Вой — вон.

Вольга — один из былинных героев.

«В лунном кружеве украдкой...» (с. 85).

Магдалина (Мария Магдалина) — по христианской легенде, раскаявшаяся грешница, последовательница Христа.

«Тучи с ожерёба...» (с. 87).

Назарет — по евангельской легенде, город, где жил Христос.

Новый Симеон — имеется в виду Симеон Богоприимец, предсказавший, согласно легенде, судьбу Христа.

Лисица (с. 88).

Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель. Есенин познакомился с ним в 1915 г. После революции в 1921 г. Ремизов выехал за рубеж.

Желна — черный дятел.

Ощур — оскал зубов.

«О Русь, взмахни крылами...» (с. 89).

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) — поэт. Стихотворение «О Русь, взмахни крылами...» Есенин читал на открытии в Москве памятника А. Кольцову 3 ноября 1918 г.

Клюев Николай Алексеевич — о нем и взаимоотношениях Есенина и Клюева см. т. 2 наст. изд. Стихотворение «О Русь, взмахни крылами...» явилось своего рода ответом на клюевское стихотворение «Елушка-сестрица...», посвященное Есенину. Подробнее о взаимоотношениях Есенина и Клюева см: Базанов В. Г. Сергей Есенин и крестьянская Россия. Л., 1982.

Чапыгин Алексей Павлович (1870—1937) — автор исторических романов «Разин Степан» и «Гулящие люди». Есенин познакомился с ним в 1915 г.

«Разбуди меня завтра рано...» (с. 93).— С. А. Есенина-Толстая свидетельствует, что, «по словам Есенина, это стихотворение явилось первым его откликом на Февральскую революцию» (Комментарии ГЛМ).

«Зеленая прическа...» (с. 98).— Написано в Константинове. *Л. И. Кашина* — дочь константиновского помещика, прообраз героини поэмы «Анна Снегина».

«Проплясал, проплакал дождь весенний...» (с. 105).

Понтий Пилат — римский наместник в древней Иудее. Согласно библейской легенде, при его правлении свершилась казнь — распятие Христа.

Или, Или лама савахфани... («Боже мой, боже мой! Для чего ты меня оставил?») — слова, произнесенные Христом перед смертью (Евангелие от Матфея, 27, 46).

«Я последний поэт деревни...» (с. 107).

Мариенгоф А. Б. (1897—1962) — поэт, с которым был близок Есенин в период имажинизма.

«Да! Теперь решено. Без возврата...» (с. 127).— Этим стихотворением в сборнике «Стихи скандалиста» (Берлин, 1923) открывается цикл «Москва кабацкая», включающий еще три: «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Сыпь, гармоника. Скука... Скука...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» Они были напечатаны в подборку, как единое произведение, и посвящались поэту А. Кусикову (1896—1977). Из его воспоминаний мы узнаем, при каких обстоятельствах эти стихи были написаны Есениным в Берлине.

«Заметался пожар голубой...» (с. 141).— Первое стихотворение из цикла «Любовь хулигана», включающего «Ты такая ж простая, как все...», «Пускай ты выпита другим...», «Дорогая, сядем рядом...», «Мне грустно на тебя смотреть...», «Ты прохладой меня не мучай...», «Вечер черные брови насопил...».

Эти стихи посвящены актрисе Августе Леонидовне Миклашевской. Есенин познакомился с ней осенью 1923 г. Подробнее см.: Воспоминания. С. 342—349.

«Мы теперь уходим понемногу...» (с. 148).— Стихотворение написано на смерть друга — поэта Александра Ширяевца (подробнее о нем см. т. 2 наст. изд.).

Пушкину (с. 149).— Написано в связи с 125-летием со дня рождения Пушкина. Есенин читал стихотворение у памятника Пушкину в Москве, на Тверском бульваре, 6 июня 1925 г.

«Я красивых таких не видел...» (с. 171).— Стихотворение, как и последующие: «Ах, как много на свете кошек...» «Ты запой мне ту песню, что прежде...», «В этом мире я только прохожий...» — поэт посвятил младшей сестре Александре Александровне (1911—1981), которую осенью 1924 г. взял из Константинова к себе в Москву. Подробнее об этом см.: Воспоминания. С. 94—95.

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

Написаны Есениным во время трех поездок в Грузию и Азербайджан, с осени 1924 г. по август 1925 г. Хотя цикл и назван «Персидскими мотивами», навеян он именно этими поездками, а не Персией, где Есенин никогда не был.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» (с. 178).

Шаганэ — Шаганэ Нерсесовна *Тальян*, в те годы преподавательница литературы, Есенин познакомился с ней во время своего пребывания в Батуми зимой 1924/25 г.

Шираз — город на юге Ирана. В письме к Г. Бениславской от 8 апреля 1925 г. Есенин писал: «Я хочу поехать даже в Шираз, и, думаю, поеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики».

«Ты сказала, что Саади...» (с. 179).

Саади (начало XIII в.—1292) — классик персидско-таджикской поэзии.

«Свет вечерний шафранного края...» (с. 181).

Хаям — Омар *Хайям* (1048—1123) — великий таджикский и персидский поэт, автор знаменитых четверостиший (рубаи).

II

Марфа Посадница (с. 203).— В основу поэмы положены предания о Марфе Посаднице (вторая половина XV в.), вдове новгородского посадника И. А. Борецкого, которая возглавляла в 1471 г. боярскую оппозицию, отстаивавшую независимость Новгорода и боровшуюся против присоединения Новгорода к Московскому великому княжеству.

Написанная в начале империалистической войны, «Марфа Посадница» воспринималась современниками Есенина как произведение с отчетливо выраженными демократическими устремлениями. М. Горький предполагал напечатать «Марфу Посадницу» в журн. «Летопись», но царская цензура запретила стихотворение.

Полотнища зорние — здесь: световые вспышки.

Внуки Васькины... — то есть Василия Буслаева, героя новгородских былин.

...правнуки Микулы... — Микула Селянинович, былинный богатырь.

Хоругви — знамена, стяги.

Шомонить — лезть, заглядывать, шуметь, наговаривать.

Тропарь — церковный певчий стих.

Микола (с. 207).

Микола (Николай Чудотворец; Николай Угодник) — в христианской религии святой, заступник обиженных, покровитель земледельцев.

Иордан-река — в Палестине, место, связанное с легендами о жизни Иисуса Христа.

Русь (с. 211).— На обороте автографа *(ЦГАЛИ)* рукой Есенина даны объяснения к ряду слов стихотворения:

В погорающем инее — облетающем, исчезающем инее.

Застреха — полукрыша, намет соломы у карниза.

Шаль пурги — снежный смерч (вьюга) (зга) (мзга).

Бласт — видение.

Невущий зов (с. 217).

Новый Назарет — провозвестник новой веры. Как гласит Библия, именно в Назарете (город в Галилее) начал проповедовать Христос.

Фавор — город вблизи Назарета. По библейской легенде, здесь свершилось преображение Христа.

Не погасить ее Ироду кровью младенцев. — Стремясь уничтожить младенца Христа, иудейский царь Ирод распорядился умертвить всех маленьких детей в Вифлееме.

«Пляши, Саломея, пляши!» — Как гласит библейское предание: однажды Саломея своей пляской привела всех в восторг и так угодила властителю, что он пообещал исполнить любое ее желание. Она попросила в награду голову Иоанна Предтечи (Крестителя) — ближайшего предшественника Иисуса Христа. Последний был обезглавлен.

...снова грозят Содому. — Содом — один из палестинских городов, по Библии, подвергшийся божьей каре за грехи его жителей и истребленный огнем.

Товарищ (с. 220).

Он лежит на Марсовом поле... — 23 марта 1917 г. в Петрограде, на Марсовом поле, состоялись похороны борцов, погибших в дни Февральской революции.

Отчарь (с. 224).

Ятаг (ятаган) — большой кривой турецкий кинжал, отточенный с одной стороны.

Аника — герой лубочных картин, народных сказаний; печенег, разоритель церквей.

Соловки. — На Соловецком острове в Белом море находился монастырь, основанный в XV в. и являвшийся одним из центров раскола.

Цепь Акатуя. — На Акатуевские рудники в Сибири (около Нерчинска) ссылались каторжники.

Октоих (с. 228).

Октоих (лат.) — книга церковного пения на 8 голосов.

...пожру тя, господи... — то есть восславлю тебя, господи.

Мавринкийский дуб.— В Библии — дерево, у которого Авраам встречал трех странников (св. Троицу)

Пришествие (с. 232).

Андрей Белый (псевд. Бугаева Бориса Николаевича, 1880—1934) — писатель, теоретик символизма.

Симон — по библейскому сказанию, рыбак, который затем становится одним из учеников Христа — апостолом Петром.

То третью песню пропел петух.— Как сказано в Библии: Апостол Петр трижды, после каждого пения петуха, отрекался от Христа.

И голгофят снега твои...— По Библии, на Голгофе, холме близ Иерусалима, распяли Христа.

Елеон — Елеонская (или Масличная) гора около Иерусалима. По библейской легенде, на ней свершилось «вознесение» Христа на небо.

Преображение (с. 236).

Разумнику Иванову (т. 2 наст. изд.).

Егудиил (Иегудиил) — по Библии, один из семи архангелов; здесь — исполнитель божьей кары.

Лот — по Библии, единственный праведный житель Содома, которого спасет Бог. Покидая город, Лот не должен был оглядываться назад.

Иорданская голубица (с. 240).

Иорданская голубица — по библейской легенде, голубь, появившийся над Христом в момент его крещения в реке Иордан.

Апостол Андрей — по Библии, один из ближайших учеников Христа.

Инония (с. 243).— Вспоминая о встречах с Есениным в первые послереволюционные месяцы, В. С. Чернявский писал: «Про свою «Инонию», еще никому не прочитанную и, кажется, только задуманную, он заговорил со мной однажды на улице, как о некоем реально существующем граде, и сам рассмеялся моему недоумению:

«Это у меня будет такая поэма... Инония — иная страна...» (Новый мир. 1965. № 10).

Иеремия — один из библейских пророков.

Индикоплов (Индикоплевст — плаватель в Индию) *Косьма* ви зантийский купец и путешественник VI в., автор «Христианской топографии», где давалось библейское толкование теории строения Вселенной.

Часослов — книга молитв и песнопений.

На реках вавилонских мы плакали... — Перефразированное начало 136-го псалма Давида (Библия), где говорится о плаче иудеев, томившихся в вавилонском плену.

Олипий — Есенин имеет в виду *Алимпия (Алипия)* — первого известного по имени русского иконописца (конец XI — начало XII в.).

«Слава в вышних богу и на земле мир!..» — одна из молитв православной церкви («Великое славословие»).

Сион — гора, на которой была воздвигнута иерусалимская крепость.

Небесный барабанщик (с. 250).

Старк Л. Н. (1869—1937) — поэт и журналист, один из редакторов газ. «Советская страна» (1919), в которой печатался Есенин.

Пантократор (с. 253).

Пантократор — могущественный (греч.).

Сорокоуст (с. 259).

Сорокоуст — в православной церкви сорокадневная молитва по умершему.

Исповедь хулигана (с. 262).

«В начале 1918 года,— записывает Есенин в черновике последней автобиографии,— я твердо почувствовал, что связь со старым миром порвана, и написал поэму «Инония», на которую много было нападок и из-за которой за мной утвердилась кличка «Хулиган».

Русь советская (с. 268).

Сахаров Александр Михайлович — о нем см. т. 2 наст. изд.

Русь бесприютная (с. 271).— Об истории создания поэмы, связанной с посещением Есениным коллектора беспризорников в Тифлисе в ноябре 1924 г. См.: Вержбицкий Н. К. Встречи с Есениным. Тбилиси, 1961.

В настоящем издании дается полный текст «Руси бесприютной», без каких-либо цензурных изъятий, как это происходило в прошлом.

В них даже Троцкий...— Троцкий (наст. фамилия Бронштейн) Лев Давыдович (1879—1940).

...и Бухарин.— Бухарин Николай Иванович (1888—1938) В 1917—1918 гг. лидер «левых коммунистов», в 1918—1929 гг. ред. «Правды», в 1924—1929 гг.— член Политбюро. В 1927 г. опубликовал статью о Есенине «Злые заметки».

На Кавказе (с. 277).

Не пой, красавица, при мне...— начальные строки известного стихотворения А. С. Пушкина.

Азамат, Казбич — персонажи повести «Бэла» («Герой нашего времени») М. Ю. Лермонтова.

Был пулей друга успокоен...— имеется в виду Н. С. Мартынов, убивший на дуэли Лермонтова. В юности они учились вместе в юнкерской школе.

И Грибоедов здесь зарыт.— Могила А. С. Грибоедова находится в Тбилиси, на горе Мтацминда.

Поет о пробках в Моссельпроме...— Намек на работу Маяковского в эти годы над стихами для торговой рекламы.

Поэтам Грузии (с. 279).

...Голубые роги.— От названия литературной группы грузинских поэтов «Голубые роги» (1916—1930 гг.), в которую входили такие выдающиеся поэты, как Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Георгий Леонидзе и др.

Кунак — друг.

Баллада о двадцати шести (с. 282).— Написана в Баку к шестой годовщине гибели двадцати шести бакинских комиссаров.

Якулов Г. Б. (1884—1928) — художник и скульптор, автор памятника 26 бакинским комиссарам в Баку.

Письмо деду (с. 299).— Стихотворение обращено к деду Есенина Ф. А. Титову. Подробнее о нем см.: Воспоминания. С. 24—26.

«Достойно ест», *«Отче»*, *«Символ веры»* — православные молитвы.

«Аллилуйя» (хвалите господа — греч.) — возглас в христианском богослужении.

Ленин (Отрывок из поэмы «Гуляй-поле») (с. 303).

Еще зимой 1921/22 г. у Есенина возник замысел поэмы из эпохи гражданской войны, с широким охватом революционных событий в России. В поэме должен быть показан Ленин, а также действовать Махно, бунтующие мужики. Замысел ее тогда и позднее осуществлен не был. Причиной, побудившей Есенина вновь вернуться к нему, стала кончина Ленина.

Поэт был в Колонном зале, видел, как народ прощался с Лениным.

«Это то горе, которое не оплакать»,— скажет Есенин. Проявляется в эти дни окончательно первоначальный замысел поэмы. Это должна быть поэма о Ленине, вожде и Человеке.

Метель (с. 306).— В автографе *(ГБЛ)* стихотворения «Метель» и «Весна» объединены общим заглавием «Над капиталом».

Письмо к сестре (с. 311).— Стихотворение обращено к сестре поэта — Екатерине Александровне Есениной (1905—1977).

О Дельвиге писал наш Александр.— Подразумевается стихотворение А. С. Пушкина «Послание Дельвигу».

Ах, эти вишни! Ты их не забыла? — «У нас... по всему участку,— рассказывает в своих воспоминаниях А. А. Есенина,— росли ползучие вишни, которые доставляли много хлопот нашим родителям —

нужна была земля под картошку. Нам, детям, много огорчений принесла вырубка сада и распашка его сохой или плугом» (Воспоминания. С. 74).

Блажен, кто не допил до дна...— вариации строк из восьмой главы «Евгения Онегина»:

...Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина...

Песнь о Евпатии Коловрате (с. 324).— Написана весной 1912 г. Известны две редакции. Первую в 1918 г. напечатала газ. «Голос трудового крестьянства». В 1925 г. при подготовке Собрания Есенин создает вторую редакцию «Песни...», исключая строфы, не связанные непосредственно с главным героем — Коловратом, освобождая поэму от многих диалектизмов, вводя новые строфы.

В основе «Песни...» — один из героических эпизодов борьбы русского народа с татаро-монгольским нашествием, непосредственно связанный с подвигом рязанского воеводы Евпатия Коловрата, его дружины. Он нашел свое отражение как в древних письменных памятниках («Повесть о разорении Рязани Батыем» и др.), так и в устных народных сказаниях и легендах. К ним, очевидно, ближе есенинская «Песнь...», в которой Коловрат предстает не рязанским воеводой, а простым кузнецом — богатырем, изгоняющим захватчиков с родной земли.

Зарайская сторонушка — город Зарайск, находится между Рязанью и Коломной.

Допоть — татарское нашествие.

Нешнёвые угорины — видимо, раскаленные ломы.

Пешня — орудие из железа, типа кирки с заостренным концом.

Лонейшний — прошлогодний.

Смолот — смолотое зерно.

Шехлино и Пилево — рязанские села.

ПОЭМЫ

III

Пугачев (с. 329).— И. И. Розанов вспоминает: «Однажды Есенин сказал мне: «Сейчас я заканчиваю трагедию в стихах. Будет называться «Пугачев».

— А знаете ли вы замысел повести Короленко из эпохи пугачевского бунта?

— Нет.

Я передал, что слышал когда-то от самого Короленко. Главный интерес повесть должна была возбудить трагической участью одной из жен Пугачева, без вины виноватой...

— Ну это совсем другое!.. У меня же совсем не будет любовной интриги. Разве она так необходима? Умел же без нее обходиться Гоголь... Еще есть одна особенность в моей трагедии.

Кроме Пугачева, никто почти в трагедии не повторяется: в каждой сцене новые лица. Это придает большое движение и выдвигает основную роль Пугачева». Есенин многократно выступал с публичным чтением отрывков из «Пугачева». Особенно часто он читал монолог Хлопуши».

Анна Снегина (с. 358).— Поэма «Анна Снегина» была в основном закончена к концу января 1925 г. В своих комментариях к поэме С. А. Толстая-Есенина подчеркивает: «Анна Снегина» в значительной степени автобиографична... Лето 1918 года Есенин провел в Константинове и, конечно, был очевидцем явлений, происходивших в революционной деревне. Связь этого произведения с реальной действительностью легко проследить даже по ряду деталей. Например, названия деревень Криуши и Радово... Две деревни с такими названиями существуют в округе села Константиново».

В 1925 г. Есенин неоднократно читал «Анну Снегину».

По свидетельству С. А. Толстой-Есениной, поэма имела большой успех у рядового читателя, но литературной средой и критикой поэма была встречена равнодушно и даже отрицательно. На Есенина это произвело тяжелое впечатление.

Песнь о великом походе (с. 379).— Поэма написана в Ленинграде летом 1924 г. Работу над ней Есенин продолжил осенью, находясь на Кавказе. Там же, в газ. «Заря Востока», он впервые печатает поэму. В Москве «Песнь...» отдельным изданием, массовым тиражом выпускает Госиздат.

К сожалению, при жизни Есенина, как и другие его историко-революционные поэмы, не получила в критике должной и заслуженной оценки.

Живой отклик, судя по свидетельству современников, вызвала «Песнь о великом походе» среди читателей, особенно в крестьянской массе. В известной книге А. М. Торопова «Крестьяне о писателях» (М.; Л., 1930) автором приводятся высказывания крестьян после того, как им была прочитана поэма «Песнь о великом походе».

«По-моему, этот «Поход» лучше всех сочинений Есенина»; «За этот стих любая деревня ухватится обеими руками»; «Разумный стих. Будь ты хоть какой неписьменный, все поймешь»; «Изо всех стихов стих!.. Дороже целых книг он» (Торопов А. Крестьяне о писателях. 2-е изд., доп. и перераб. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1963. С. 188—189).

Сам Есенин, как вспоминает поэт В. Кириллов, относился к поэме «Песнь о великом походе» как к своей несомненной удаче (см.: Кириллов В. Встречи с Есениным // Сергей Александрович Есенин. М.; Л., 1926. С. 178).

В настоящем издании дается полный текст «Песни о великом походе», без каких-либо цензурных изъятий строк поэмы, связанных с упоминанием отдельных имен, как происходило в прошлом.

Ни за Троцкого...— Троцкий (наст. фамилия Бронштейн) Лев Давыдович (1879—1940). В 1918—1924 гг. занимал пост наркомвоенмора и одновременно председателя Реввоенсовета республики.

...речь Зиновьева?..— Зиновьев (наст. фамилия Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883—1936), с декабря 1917 г. занимал пост председателя Петроградского Совета.

С нами храбрый Ворошилов, удалой Буденный.—Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969). С 1918 г. командир и член РВС ряда армий и фронтов. С 1925 г. нарком по военным и морским делам и председатель РВС СССР.

Буденный Семен Михайлович (1883—1973) — Маршал Советского

Союза. В гражданскую войну — командир конного корпуса и командующий Первой Конармией (1919—1923).

Поэма о 36 (с. 394).— Возникновению замысла «Поэмы о 36» и ее созданию, несомненно, способствовала встреча, а затем и близкое знакомство Есенина с бывшим политкаторжанином и узником Шлиссельбурга И. И. Ионовым. В начале двадцатых годов Ионов заведовал Ленинградским отделением Госиздата.

Нашли в «Поэме о 36» отражение и события, очевидцем которых стал Есенин в юности, когда трудился в типографии Сытина, был связан с революционно настроенными рабочими-печатниками и одно время сам подвергался полицейской слежке (см. письма к Г. Панфилову в т. 2 наст. изд.).

Баргузин — северо-восточный ветер на Байкале.

Чалдон — здесь: коренной сибиряк.

Страна негодяев (с. 407).— В автобиографии 1922 г. Есенин писал: «Сейчас работаю над большой вещью под названием «Страна негодяев». С. А. Толстая-Есенина рассказывает: «Замысел пьесы «Страна негодяев» все время менялся по ходу работы... С. А. Есенин намеревался создать широкое полотно, в котором хотел показать столкновение двух миров и двух начал в жизни человечества... Расширение замысла у Есенина произошло после его поездки в США, о чем он мне не раз говорил...» (Юность. 1957. № 4. С. 32).

«Слова, слова, слова...» — из монолога Гамлета в одноименной трагедии Шекспира.

«Все, что было...» — популярная в двадцатые годы песенка.

Черный человек (с. 450).— Замысел поэмы возник, очевидно, у Есенина в годы зарубежных поездок. «Сергей Есенин,— сообщал журн. «Россия» (1923. № 8),— вернулся из Нью-Йорка... Им написан цикл лирических стихотворений «Страна негодяев» и «Черный человек в черной перчатке». По свидетельству современников (А. Мариенгофа, В. Шершеневича и др.), первый вариант поэмы, значительно более драматический и больший по размеру, Есенин читал после возвращения на Родину осенью 1923 г.

Еще в конце 1955 г. жена поэта Софья Андреевна Толстая-

Есенина, показывая мне сохранившийся у нее автограф заключительных строк поэмы, заметила с явным огорчением:

«Как ни странно, но мне приходилось слышать и даже у кого-то читать, что «Черный человек» писался в состоянии опьянения, чуть ли не в бреду. Какой это вздор! Взгляните еще раз на этот черновой автограф. Как жаль, что он не сохранился полностью. Ведь «Черному человеку» Есенин отдал так много сил! Написал несколько вариантов поэмы. Последний создавался на моих глазах, в ноябре двадцать пятого года. Два дня напряженной работы. Есенин почти не спал. Закончил — сразу прочитал мне. Было страшно. Казалось, разорвется сердце. И как досадно, что критикой «Черный человек» не раскрыт... А между тем я писала об этом в своих комментариях. Замысел поэмы возник у Есенина в Америке. Его потряс цинизм, бесчеловечность увиденного, незащищенность человека от черных сил зла. «Ты знаешь, Соня, это ужасно. Все эти биржевые дельцы — это не люди, это какие-то могильные черви».

«Черный человек» — это своеобразный реквием поэта.

С трагической искренностью поведал нам Есенин в своей поэтической исповеди о том «черном», что омрачало его душу, что все больше волновало его сердце. Но — это только одна грань, одна сторона поэмы, ибо ныне особенно очевидно, что ее художественно-философское и социальное содержание несомненно значительно глубже.

Своей поэмой Есенин так яростно «ударил» «черного человека», так бесстрашно обнажил его душу, что необходимость суровой, беспощадной борьбы с черными силами зла стала еще более очевидной. Такова вторая грань, вторая объективная сторона поэмы.

Подробнее о поэмах Есенина см. в кн.: Прокушев Ю. Сергей Есенин: Образ. Стихи. Эпоха. М.: Современник, 1985.

Юрий Прокушев

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Бондарев. Незакатная звезда 5
Ю. Прокушев. Прозрения гения 7
С. Есенин. О себе 23

Стихотворения

1910—1925

I

«Вот уж вечер. Роса...» 25
«Там, где капустные грядки...» 26
«Поет зима — аукает...» 27
«Под венком лесной ромашки...» 28
«Темна ноченька, не спится...» 29
«Хороша была Танюша, краше не было в селе...» 30
«За горами, за желтыми дóлами...» 31
«Опять раскинулся узорно...» 32
«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» 33
Подражанье песне... 34
«Выткался на озере алый свет зари...» 35
«Матушка в Купальницу по лесу ходила...» 36
«Зашумели над затоном тростники...» 37
«Троицыно утро, утренний канон...» 38
«Туча кружево в роще связала...» 39
«Дымом половодье...» 40
«Сыплет черемуха снегом...» 41
«На плетнях висят баранки...» 42
Калики 43

«Задымился вечер, дремлет кот на брусе...»
«Край любимый! Сердцу снятся...» 44
«Пойду в скуфье смиренным иноком...» 45
«Шел господь пытать людей в любови...» 46
Осень 47
«Не ветры осыпают пущи...» 48
В хате 49
«По селу тропинкой кривенькой...» 50
«Гой ты, Русь, моя родная...» 51
«Я пастух, мои палаты...» 52
«Сторона ль моя, сторонка...» 53
«Сохнет стаявшая глина...» 54
«Чую радуницу божью...» 55
«По дороге идут богомолки...» 56
«Край ты мой заброшенный...» 57
«Заглушила засуха засевки...» 58
«Черная, потом пропахшая выть!..» 59
«Топи да болота...» 60
«За темной прядью перелесиц...» 61
«В том краю, где желтая кранива...» 62
«Я снова здесь, в семье родной...» 63
«Не бродить, не мять в кустах багряных...» 64
«О красном вечере задумалась дорога..» 65
«Нощь и поле, и крик петухов...» 66
«О край дождей и непогоды...» 67
Голубень 68
«Запели тесаные дроги...» 69
«Не напрасно дули ветры...» 71
«Колокольчик среброзвонный...» 72
Корова 73
«Под красным вязом крыльцо и двор...» 74
Табун 75
Пропавший месяц 76
«О товарищах веселых...» 77
«Весна на радость не похожа...» 79
«Алый мрак в небесной черни...» 80
«Прощай, родная пуща...» 81
«Покраснела рябина...» 82
«Твой глас незримый, как дым в избе...» 83
«В лунном кружеве украдкой...» 84
«Там, где вечно дремлет тайна...» 85
«Тучи с ожерёба...» 86
Лисица 87
«О Русь, взмахни крылами...» 88
. 89

«Гляну в поле, гляну в небо...» 91
«То не тучи бродят за овином...» 92
«Разбуди меня завтра рано...» 93
«Где ты, где ты, отчий дом...» 94
«О матерь божья...» 95
«О пашни, пашни, пашни...» 96
«Нивы сжаты, рощи голы...» 97
«Зеленая прическа...» 98
«Я по первому снегу бреду...» 99
«Серебристая дорога...» 100
«Отвори мне, страж заоблачный...» 101
«О верю, верю, счастье есть!..» 102
«Песни, песни, о чем вы кричите?..» 103
«Вот оно, глупое счастье...» 104
«Проплясал, проплакал дождь весенний...» 105
«О муза, друг мой гибкий...» 106
«Я последний поэт деревни...» 107
«Душа грустит о небесах...» 108
«Устал я жить в родном краю...» 109
«О боже, боже, эта глубь...» 110
«Я покинул родимый дом...» 111
«Хорошо под осеннюю свежесть...» 112
Песнь о собаке 113
«Закружилась листва золотая...» 114
«Теперь любовь моя не та...» 115
«По-осеннему кычет сова...» 116
Песнь о хлебе 117
Хулиган 118
«Все живое особой метой...» 120
«Мир таинственный, мир мой древний...» 121
«Сторона ль ты моя, сторона!..» 123
«Не ругайтесь. Такое дело!..» 124
«Не жалею, не зову, не плачу...» 125
«Я обманывать себя не стану...» 126
«Да! Теперь решено. Без возврата...» 127
«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» 128
«Сыпь, гармоника. Скука... Скука...» 129
«Пой же, пой. На проклятой гитаре...» 130
«Эта улица мне знакома...» 132
«Годы молодые с забубенной славой...» 134
Письмо матери 135
«Я усталым таким еще не был...» 137
«Этой грусти теперь не рассыпать...» 139
«Мне осталась одна забава...» 140

«Заметался пожар голубой...» 141
«Ты такая ж простая, как все...» 142
«Пускай ты выпита другим...» 143
«Дорогая, сядем рядом...» 144
«Мне грустно на тебя смотреть...» 145
«Ты прохладой меня не мучай...» 146
«Вечер черные брови насопил...» 147
«Мы теперь уходим понемногу...» 148
Пушкину 149
«Низкий дом с голубыми ставнями...» 150
Сукин сын 151
«Отговорила роща золотая...» 153
«Синий май. Заревая теплынь...» 154
Собаке Качалова 155
«Несказанное, синее, нежное...» 156
Песня 157
«Заря окликает другую...» 158
«Ну, целуй меня, целуй...» 159
«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» 160
«Вижу сон. Дорога черная...» 161
«Спит ковыль. Равнина дорогая...» 162
«Не вернусь я в отчий дом...» 163
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...» 164
«Каждый труд благослови, удача!..» 165
«Видно, так заведено навеки...» 166
«Листья падают, листья падают...» 167
«Гори, звезда моя, не падай...» 168
«Жизнь — обман с чарующей тоскою...» 169
«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..» 170
«Я красивых таких не видел...» 171
«Ах, как много на свете кошек...» 172
«Ты запой мне ту песню, что прежде...» 173
«В этом мире я только прохожий...» 174

Персидские мотивы

«Улеглась моя былая рана...» 175
«Я спросил сегодня у менялы...» 177
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» 178
«Ты сказала, что Саади...» 179
«Никогда я не был на Босфоре...» 180
«Свет вечерний шафранного края...» 181
«Воздух прозрачный и синий...» 182

«Золото холодное луны...» 183
«В Хороссане есть такие двери...» 184
«Голубая родина Фирдуси...» 185
«Быть поэтом это значит то же...» 186
«Руки милой - пара лебедей...» 187
«Отчего луна так светит тускло...» 188
«Глупое сердце, не бейся!..» 189
«Голубая да веселая страна...» 190
«Эх вы, сани! А кони, кони!..» 191
«Снежная замять дробится и колется...» 192
«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» 193
«Голубая кофта. Синие глаза...» 194
«Снежная замять крутит бойко...» 195
«Вечером синим, вечером лунным...» 196
«Не криви улыбку, руки теребя...» 197
«Сочинитель бедный, это ты ли...» 198
«Синий туман. Снеговое раздолье...» 199
«Свищет ветер, серебряный ветер...» 200
«Мелколесье. Степь и дали...» 201
«Цветы мне говорят — прощай...» 202

II

Марфа Посадница 203
Микола 207
Русь 211
Ус 214
Певущий зов 217
Товарищ 220
Отчарь 224
Октоих 228
Пришествие 232
Преображение 236
Иорданская голубица 240
Инония 243
Небесный барабанщик 250
Пантократор 253
Кобыльи корабли 256
Сорокоуст 259
Исповедь хулигана 262
Возвращение на родину 265
Русь советская 268
Русь бесприютная 271

Русь уходящая 274
На Кавказе 277
Поэтам Грузии 279
Баллада о двадцати шести 282
Письмо к женщине 287
Письмо от матери 290
Ответ 293
Станцы 296
Письмо деду 299
Ленин (Отрывок из поэмы «Гуляй-поле») 303
Метель 306
Весна 309
Письмо к сестре 311
Мой путь 313
Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве 318
Песнь о Евпатии Коловрате 324

Поэмы

III

Пугачев 329
Анна Снегина 358
Песнь о великом походе 379
Поэма о 36 394
Страна негодяев 407
Черный человек 450

Комментарий 455

274
277
279
282
287
290
293
296
299
303
306
309
311
313
тве 318
324

329
358
379
394
407
450

455

Есенин С. А.

Е82 Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы / Слово о поэте Ю. В. Бондарева; Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Л. Прокушева.— М.: Сов. Россия: Современник, 1990.— 480 с., портр.

В первый том настоящего издания вошло трехтомное Собрание стихотворений, подготовленное С. Есениным в 1925 г.

Е $\frac{4702010202-283}{\text{М-105(03)90}}$ подп. 90

ISBN 5—268—00099—3 Р2

ISBN 5—268—00100—0 (т. 1)

Анатолий Иванов

ТЕНИ ИСЧЕЗАЮТ В ПОЛДЕНЬ

зам все читала у него. Он и толкнул. Да... вывернулся как-то уж топор у меня, когда он толкнул. Это уж случай. А кто случай предусмотрит...

— Да... Ну, проходи.

Пистимея нерешительно прошла к столу, села на краешек стула. Демид сел напротив. Некоторое время молчали. Демид поглядывал на Пистимею выпуклыми глазами, а она то клала на стол, то убирала свои руки.

— Давай-ка я вот что сперва скажу, Пистимея, чтоб... не стесняться нам,— усмехнулся Демид.— Было время — ты командовала, я каждого твоего слова слушался, каждую твою волю исполнял, ни о чем не спрашивал. Да и как было не слушать — подохли бы все в те поры. Премного благодарен тебе за все. А теперь уж...

— Да понимаю я, не без ума ведь,— сдержанно проговорила Пистимея.— Что же, времени-то немало прошло. Многое переменилось.

— Да, время... Но...— Демид еще раз, но теперь снисходительно, усмехнулся, мотнул куда-то в сторону головой.— А в общем и сейчас, как видишь, слушаюсь я тебя. Говорил вчера с Устином. Верно, совсем начал сдавать мужик. Это ты хорошо придумала, ко мне его... Да ты вообще гораздо на придумки. С баптистами этими, например...

— Нужда научит хитрости,— промолвила Пистимея.— Захарка Большаков во все глаза ведь глядит. Чуть что почует, так...

— У нас, в Краевом комитете...[1] словом, все высшие

---

[1] Краевой комитет — высший руководящий орган «свидетелей Иеговы» в стране. Иеговистская секта — глубоко законспирированная, скорее политическая, чем религиозная, организация. Ее деятельность в нашей стране запрещена.

Международный центр Общества свидетелей Иеговы находится в США, в Бруклине (пригород Нью-Йорка). Ответвления общества существуют более чем в ста странах.

Бруклинский международный центр разделил весь земной шар на десять «зон», в каждой из которых действует так называемое бюро.

Каждая «зона» делится, в свою очередь, на восемь-десять «отделов», созданных по государственно-территориальному признаку. «Зоны» и «отделы» возглавляются особо доверенными лицами бруклинского центра, руководящими работой иеговистских организаций в одной или группе смежных стран.

Так называемый «краевой комитет» иеговистской подпольной организации в нашей стране непосредственно подчинен «бюро Восточно-европейской зоны», находящемуся в Польше, а также активно поддерживается «бюро Среднеевропейской зоны», которое находится в Висбадене (Западная Германия).

«Краевой комитет» состоит из небольшой, глубоко законспирированной группы проповедников-профессионалов, имеющих большой опыт нелегальной политической работы. Члены «краевого комитета» нелегально разъезжают по стране, организуя деятельность иеговистских организаций на местах.

слуги Общества свидетелей великого и всемогущего Иеговы высоко оценили твою выдумку. Сам Николай Демьяныч[1] дал потом распоряжение: слугам отделов, групп и килок, где возможно или необходимо, действовать, как ты...

— Что ж, спасибо,— сдержанно проговорила Пистимея.— Ты-то как? Каково жил? Ведь, кажись, года за три до войны и след твой канул... лет этак на десять... нет, на двенадцать даже. Уже в сорок девятом весточку о тебе Семен принес. Удивилась я, признаться, что ты... в этого еврейского бога — Иегову уверовал.

— Так ведь что... Всяко жил. В тридцать восьмом попался-таки я, угодил за решетку. Обо всем дальнейшем, до самого конца войны, я вчера Устину рассказал. Спросишь у него. Потом в Германии я нырнул в это Общество свидетелей Иеговы. Огляделся — ничего, хорошее общество. Тут и уверовал. Кто я да что я — таиться не стал. В этом только спасение мое было. И не ошибся. Обнюхивали меня несколько месяцев с разных сторон какие-то люди — то очкастые, то лысые, то старые, то молодые. И оказался я... в самой Америке, в городе Нью-Йорке, в Гнилом Аду.

Пистимея непонимающе взмахнула ресницами.

— Это мы так про себя звали духовное заведение, в ко-

Далее структура иеговистской организации имеет следующие формы. «Краевому комитету» подчиняются два окружных зональных «центра» — западный и восточный, на которые разделена территория нашей страны. Каждому «центру» подчиняются так называемые «стрефы» или «обводы», объединяющие «свидетелей Иеговы», проживающих в одной или нескольких областях.

«Стрефам» подчиняются «отделы», осуществляющие руководство «свидетелями Иеговы» одного или нескольких районов. «Отделы», в свою очередь, состоят из «группы», объединяющих низовые кружки («килки») иеговистов одного или нескольких населенных пунктов.

Все «килки», «группы», «отделы», «стрефы» и окружные зональные «центры» возглавляются более или менее опытными организаторами со значительным стажем подпольной работы — так называемыми «слугами». Члены «краевого комитета» считаются высшими «слугами» «свидетелей Иеговы».

«Слуга» нижестоящей организации имеет связь со «слугой» только первой вышестоящей. Но чаще всего он не знает ни имени, ни фамилии своего вышестоящего «слуги», так как связь осуществляется преимущественно через «пионеров» (курьеров»), называемых «слугами святой охраны».

«Пионеры» — особо провилегированные и преданные иеговисты, в совершенстве постигшие искусство конспирации, тщательно оберегаемые и щедро оплачиваемые люди.

[1] Цыба Н. Д.— активный иеговистский организатор, бывший руководитель «краевого комитета». В 1946 году с санкции бруклинского центра был переброшен из Польши в нашу страну под видом репатрианта. Арестован в 1952 году.

В. ВИЛЕНКИН

В СТО ПЕРВОМ ЗЕРКАЛЕ

Издание второе, дополненное

Москва
Советский писатель
1990

ПУЛЬС

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

80 к.

Тайна смерти
героя гражданской войны
Николая Щорса

●

Генерал Яхонтов:
любовь к Отечеству
превыше всего

●

Рассекреченный план Пентагона

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Почему надо знать историю. *Полковник И. Нечаев*	3
Лично причастны. *Подполковник В. Давыдов*	8
«Хочу на Вас идти». *Полковник В. Амельченко*	24
«Ему вечно хотелось сражаться»... *Подполковник В. Шедченко*	44
Генерал Яхонтов на Родине и в эмиграции. *Анатолий Афанасьев, Юрий Баранов*	66
Главный комиссар Балтики. *Полковник В. Климов*	86
Батька Махно, или оборотень гражданской войны. *Василий Голованов*	103
Шел под Красным знаменем... *Федор Терещенко, Юлий Сафонов*	123
«Одна неправда нам в убыток...» *Подполковник В. Забродин*	150
«Лесные братья». Кому они служили? *Полковник в отставке А. Дегтярев*	185
За три ночи до полной луны... *Капитан 1 ранга запаса Н. Черкашин*	201
Жаркие дни в стране пирамид. *Владимир Синютин*	209
Трагедия централизма. *Александр Проханов*	229
Главком Республики. *Леонид Крайний*	241

ПУЛЬС

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск третий

Художник *В. А. Колпачников*
Редактор (литературный) *В. В. Квятковская*
Художественный редактор *А. Н. Жданов*
Технический редактор *А. А. Перескокова*
Корректор *Н. И. Музалевская*

Н/К

Сдано в набор 19.02.90. Подписано в печать 17.04.90. Г-41584.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,7.
Уч.-изд. л. 16,11. Тираж 30 000 экз. Изд. № 1/5600. Зак. 37. Цена 80 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата,
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

го времени» 3
. 25
. 287
оневым 287
И. С. Иса- 303
. 332
И. Васи-
. 353
. 389

Симонов К.

37 Глазами человека моего поколения. Сост. Л. И. Лазарев.— М.: «Правда», 1990. 432 с. (Библиотека журнала «Знамя»).

В основу сборника избранной публицистики Константина Симонова легли впервые опубликованная после смерти писателя в журнале «Знамя» книга воспоминаний «Глазами человека моего поколения», а также беседы писателя с советскими военачальниками И. С. Коневым, И. С. Исаковым и А. М. Василевским.

С $\frac{4702010200—2171}{080(02)—90}$ 2171—90

84 Р 7

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Лазарев. «Для будущих историков нашего времени»
(*последняя работа Константина Симонова*) 5

ГЛАЗАМИ ЧЕЛОВЕКА МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ 25

СТАЛИН И ВОЙНА 307

Уроки истории и долг писателя 307
Беседы с Маршалом Советского Союза И. С. Коневым . 307
Беседы с Адмиралом флота Советского Союза И. С. Исаковым 332
Беседы с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским 337
Из комментариев к книге «Сто суток войны» 337

«ДЛЯ БУДУЩИХ ИСТОРИКОВ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

(Последняя работа Константина Симонова)

Он не любил разговоров о том, как себя чувствует, а если они все-таки возникали, старался отшутиться, когда очень уж приставали с расспросами и советами — это ведь та ситуация, когда советы дают особенно охотно и настойчиво,— сердился. Но несколько раз при мне проговаривался — стало ясно, что он тяжело болен, что ему худо, что мысли у него о том, что его ждет, самые мрачные. Как-то пришлось к слову: «А я сказал врачам,— услышал я от него,— что должен знать правду, сколько мне осталось. Если полгода — буду делать одно, если год — другое, если два — третье...» Дальше этого, на более долгий срок он уже не загадывал, планов не строил. Разговор этот был в конце семьдесят седьмого года, жить ему оставалось меньше чем два года...

Потом, разбирая оставшиеся после него рукописи, я наткнулся на такое начало (один из вариантов) задуманной пьесы «Вечер воспоминаний»:

«Белая стена, койка, стол, стул или медицинская табуретка. Все.

Может быть, самое начало — разговор или с человеком, стоящим здесь, или — за кулису:

— До свидания, доктор. До понедельника, доктор.

А после этого прощания с доктором экспозиция.

— Так я остался один до понедельника. Чувствовал я себя в общем неплохо. Но оперироваться было надо. Это, в сущности, как поединок, как дуэль. ...Не через полгода, так через год. Так мне сказали врачи, вернее, врач, перед которым я поставил вопрос прямо,— я люблю ставить такие вопросы прямо. И он, по-моему, тоже был к этому склонен. Как быть? Чем мне это грозит? Решились на поединок. Но положение не такое, чтобы сразу и на стол. Можно было подождать несколько дней. Он хотел сде-

лать сам, уезжал на несколько дней. Дело не горело, надо было просто решиться. Горело решение, а не операция. А меня это устраивало. Раз так, раз или да или нет, или выдержать все это или не выдержать, то надо что-то еще успеть. Вот что? Весь вопрос состоял в этом.

Жена согласилась. Мы откровенно с ней поговорили, как всегда. Она тоже считала, что только так. И от этого, конечно, мне было легче. А вот что? Что успеть? Состояние духа не такое, чтобы начинать что-то новое. А вот биография, с которой ко мне приставали, действительно не написана. Вот ее и надо, наверное, сделать. Пусть останется хотя бы черновик — в случае чего. А нет — будет достаточно времени, чтобы переписать набело».

Со странным чувством читал я это, словно Симонов угадал свой конец, как все будет, перед каким выбором он будет стоять, что решит делать, когда сил остается совсем мало. Или напророчил себе все это. Нет, конечно, врачи не сказали ему, каким временем он располагает, да и вряд ли они знали, какой срок ему отмерен. Но так уж случилось, что скверное самочувствие заставило его выбирать, что важнее всего, что делать в первую очередь, чему отдать предпочтение, и выбор этот, как намечалось и в пьесе, пал на произведение, представлявшее и расчет с собственным прошлым.

Даже в последний год жизни фронт намеченных и начатых работ был у Симонова очень широк. Он принялся за сценарий художественного фильма о пути одного танкового экипажа в последний год войны — ставить картину должен был Алексей Герман, до этого экранизировавший повесть Симонова «Двадцать дней без войны». Госкино СССР приняло заявку Симонова на документальный фильм о маршале Г. К. Жукове. Для им же предложенной серии телевизионных передач «Литнаследство» Симонов намеревался сделать ленту о А. С. Серафимовиче — военном корреспонденте во время гражданской войны. На основе многочисленных бесед с кавалерами трех орденов Славы, которые он провел во время съемок документальных фильмов «Шел солдат...» и «Солдатские мемуары», задумал книгу о войне — какой она была для солдата, чего ему стоила. И подобного же рода книгу на основе бесед с известными полководцами. А может быть,— он этого еще не решил,— надо делать не две, говорил он мне, а одну книгу, соединяющую и сталкивающую оба взгляда на войну — солдатский и маршальский. Он хотел написать еще несколько мемуарных очерков о видных людях литературы и искусства, с которыми его близко сводила жизнь,— вместе с уже

опубликованными должна была в конечном счете получиться цельная книга воспоминаний. В общем, планов было хоть отбавляй.

Работоспособность и упорство Симонова известны, он и в больницу брал с собой рукописи, книги, диктофон, но болезни все больше давали себя знать, сил становилось меньше и меньше, пришлось одну за другой задуманные и даже начатые уже работы «консервировать», откладывать до лучших времен, до выздоровления. А часть их была кому-то обещана, включена где-то в планы, он говорил об этих работах в интервью, на читательских конференциях, что для него было равносильно взятому на себя обязательству.

Кроме только что перечисленных, были задуманы еще два произведения, о которых Симонов особо не распространялся, публично не говорил. Но когда почувствовал себя совсем скверно, когда решил, что из того, что мог и хотел сделать, пришел час выбирать самое важное, он стал заниматься именно этими двумя замыслами, которые много лет все откладывал и откладывал, то ли считая, что еще не готов к столь сложной работе, то ли полагая, что она может подождать, время для нее не приспело, все равно ведь это должно писаться «в стол», ибо не имеет в ближайшем обозримом будущем ни малейших шансов на публикацию.

С таким чувством в феврале — апреле 1979 года Симонов продиктовал рукопись, составившую первую часть книги, которую держит сейчас в руках читатель. В подзаголовке ее стоит «Размышления о И. В. Сталине». Однако это книга не только о Сталине, но и о себе. Рукопись вобрала в себя в трансформированном виде и идею, пафос и отчасти материал задуманной писателем пьесы «Вечер воспоминаний». Впрочем, что из этого могло получиться — пьеса, сценарий или роман,— автору было неясно. Он еще не выбрал путь: «Для начала назовем это «Вечером воспоминаний», а подзаголовок пусть будет «Пьеса для чтения». А может быть, это окажется и не пьеса, а роман, только немного непривычный. Не тот, в котором я буду рассказывать о себе, а тот, в котором будет сразу четыре моих «я». Нынешний «я» и еще трое. Тот, каким я был в пятьдесят шестом году, тот, которым я был в сорок шестом году, вскоре после войны, и тот, которым я был до войны, в то время, когда я только-только успел узнать, что началась гражданская война в Испании,— в тридцать шестом году. Вот эти четыре моих «я» и будут разговаривать меж-

ду собой. ...Сейчас при воспоминании о прошлом мы никак не можем удержаться от соблазна представить себе, что ты знал тогда, в тридцатых или сороковых годах, то, что ты тогда не знал и чувствовал то, что тогда не чувствовал, приписать себе тогдашнему сегодняшние твои мысли и чувства. Вот с таким соблазном я вполне сознательно хочу бороться, во всяком случае, попробовать бороться с этим соблазном, который часто сильнее нас. Именно поэтому, а не по каким-нибудь формалистическим или мистическим причинам я избрал эту несколько странноватую форму рассказа о теперешнем поколении».

Так обосновывался прием, который должен был стать инструментом историзма. Симонов хотел выяснить, докопаться, почему до войны и в послевоенную пору он поступал так, а не иначе, почему так думал, к чему тогда стремился, что и как менялось затем в его взглядах и чувствах. Не для того чтобы подивиться неожиданным капризам памяти, ее небескорыстному отбору — приятное, возвышающее нас в собственных глазах она хранит цепко и охотно, к тому, чего мы сегодня стыдимся, что не соответствует нашим нынешним представлениям, старается не возвращаться, и нужны немалые душевные усилия, чтобы вспоминать и то, что вспоминать не хочется. Оглядываясь на прожитые нелегкие годы, Симонов хотел быть справедлив и нелицеприятен и к самому себе: что было, то было, за прошлое — ошибки, заблуждения, малодушие — надо рассчитываться. Симонов судил себя строго — чтобы показать это, приведу два отрывка из его заметок к пьесе, они о том, к чему прикасаться особенно больно. И они имеют самое непосредственное отношение к той рукописи «Глазами человека моего поколения», которую он продиктовал весной 1979 года:

«...Нынешнему кажется, что он всегда считал преступлением то, что было сделано в сорок четвертом году с балкарцами, или калмыками, или чеченцами. Ему многое надо проверить в себе, чтобы заставить себя вспомнить, что тогда, в сорок четвертом или сорок пятом, или даже в сорок шестом, он думал, что так оно и должно было быть. Что раз он слышал от многих, что там, на Кавказе и в Калмыкии, многие изменили и помогали немцам, что так и надо было сделать. Выселить — и все! Ему не хочется вообще вспоминать сейчас о своих тогдашних мыслях на этот счет, да он и мало тогда думал об этом, по правде говоря. Даже страшно подумать сейчас, что он мог тогда так мало думать об этом.

А тогда, в сорок шестом году, именно так и думал, не очень вникал в этот вопрос, считал, что все правильно. И только когда он сам сталкивался — а у него были такие случаи — с этой трагедией на примере человека, который всю войну провоевал на фронте, а после этого, высланный куда-то в Казахстан или Киргизию, продолжал писать стихи на родном языке, но не мог их печатать, потому что считалось, что этого языка больше не существует,— только в этом случае поднималось в душе какое-то не до конца осознанное чувство протеста».

Речь здесь идет о Кайсыне Кулиеве, и стоит, наверное, справедливости ради сказать и о том, как Симонов выглядел в его глазах. Через много лет после этого, когда минули тяжкие, черные времена для Кулиева и его народа, он писал Симонову: «Помню, как приходил к Вам снежным февральским днем 1944 года в «Красную звезду». На стене у Вас висел автомат. Это были самые трагические для меня дни. Вы это, конечно помните. Вы отнеслись ко мне тогда сердечно, благородно, как полагается не только поэту, но и мужественному человеку. Я помню это. О таких вещах не забывают».

Я привел это письмо, чтобы подчеркнуть строгость того счета, который предъявлял себе Симонов в поздние годы, он не хотел преуменьшать ту часть ответственности за происходившее, которая падала на него, не искал самооправданий. Он допрашивал свое прошлое, свою память без всякого снисхождения.

Вот еще один отрывок из заметок:

«— Ну, и как ты поступал, когда кто-то из тех, кого ты знал, оказывался там, и надо было ему помочь?

— По-разному. Бывало, что и звонил, и писал, и просил.

— А как просил?

— По-разному. Иногда просил войти в положение человека, облегчить его судьбу, рассказывал, какой он был хороший. Иногда было и так: писал, что не верю, что не может быть, чтобы этот человек оказался тем, за кого его считают, сделал то, в чем его обвиняют,— я его слишком хорошо знаю, этого не может быть.

— Бывали такие случаи?

— Случаи? Да, был один такой случай, именно так писал. А больше писал, что, конечно, я не вмешиваюсь, не могу судить, наверное, все правильно, но... И дальше старался написать все, что знал хорошего о человеке, для того, чтобы как-то помочь ему.

— А еще как?

— А еще как? Ну, бывало, что не отвечал на письма. Два раза не отвечал на письма. Один раз потому, что никогда не любил этого человека и считал, что вправе не отвечать на это письмо чужого для меня человека, о котором я, в общем, ничего не знаю. А в другой раз хорошо знал человека, даже на фронте с ним был вместе и любил его, но, когда его во время войны посадили, поверил в то, что за дело, поверил в то, что это могло быть связано с разглашением каких-то секретов того времени, о которых не принято было говорить, нельзя было говорить. Поверил в это. Он мне написал. Не ответил, не помог ему. Не знал, что ему писать, колебался. Потом, когда он вернулся, было стыдно. Тем более что другой, наш общий товарищ, о котором принято считать, что он пожиже меня, потрусливее, как выяснилось, и отвечал ему, и помогал всем, чем мог,— слал посылки и деньги».

Не так часто встречаются люди, способные допрашивать свою память с подобной беспощадностью.

Симонов не стал кончать пьесу — можно только догадываться почему: видимо, дальнейшая работа над ней требовала преодоления прямого автобиографизма, надо было создавать персонажи, строить сюжет и т. д., а, судя по заметкам и наброскам, главным объектом этих нелегких размышлений о суровом, противоречивом времени, о порожденных им мучительных конфликтах и деформациях был он сам, его собственная жизнь, его причастность к тому, что происходило вокруг, его личная ответственность за беды и несправедливости прошлого. Создавая пьесу, придумывая сюжет, отдавая свои терзания и драмы вымышленным персонажам, он все это словно бы отодвигал, отделял, отстранял от себя. А в книге о Сталине все это было уместно, даже необходимо, такая книга не могла не стать для Симонова книгой и о себе, о том, как он тогда воспринимал происходящее, как поступал, за что отвечает перед своей совестью,— иначе в его глазах работа лишилась бы нравственного фундамента. Лейтмотив книги Симонова — расчет с прошлым, покаяние, очищение, и это выделяет, возвышает ее над многими мемуарными сочинениями о сталинском времени (стоит сравнить их хотя бы с появившимися в самое последнее время воспоминаниями Д. Ф. Устинова, А. А. Громыко).

Нужно иметь в виду, что перед нами только первая часть задуманной Симоновым книги. Вторую часть — «Сталин и война» — он, увы, написать не успел. Сохранились объемистые папки

самых разных подготовительных материалов, собиравшихся не один год: заметки, письма, записи бесед с военачальниками, выписки из книг — иные из них, представляющие самостоятельную ценность, вошли в эту книгу. И для того чтобы правильно понять первую часть, надо знать, куда во второй хотел двигаться автор, в каком направлении, какой должна была быть итоговая оценка деятельности и личности Сталина. Впрочем, и в первой части, в основном построенной на материале вполне «благополучных» (где вождь не лютовал, напротив, очень хотел понравиться, произвести самое благоприятное впечатление) встреч со Сталиным, на которых довелось присутствовать автору (это были фарисейские спектакли театра одного актера, раз в год устраиваемые в поучение писателям диктатором, установившим режим никем и ничем не ограниченной личной власти), Симонову удалось убедительно раскрыть его иезуитство, жестокость, садизм.

Речь на этих встречах шла главным образом о литературе и искусстве. И хотя завеса, прикрывающая подлинный смысл и внутреннюю кухню сталинской литературной и — шире — культурной политики, там лишь слегка приоткрывалась, некоторые черты этой политики явственно проступают в симоновских записях и воспоминаниях. И крайняя вульгарность исходных идейно-эстетических установок Сталина, и требование примитивной дидактики, и неуважение к таланту как следствие пронизывающего сталинский режим полного пренебрежения к человеческой личности — это ведь из того времени присказка «У нас незаменимых нет»; и потребительское отношение к истории: отвергаемый на словах, официально осуждаемый принцип — история есть политика, опрокинутая в глубь веков,— без тени смущения на деле неукоснительно проводился в жизнь. Все это внедрялось при помощи пряника (премий, званий, наград) и кнута (широкой системы репрессий — от разгрома по команде сверху книг в печати до лагеря для неугодных авторов).

В одной из папок с подготовительными материалами есть листок с вопросами, касающимися Великой Отечественной, которые Симонов, приступая к работе, сформулировал для себя и для бесед с военачальниками, они дают некоторое — разумеется, далеко не полное — представление о том круге проблем, которому должна была быть посвящена вторая часть:

«1. Было или не было происшедшее в начале войны трагедией?

2. Нес ли Сталин за это наибольшую ответственность по сравнению с другими людьми?

3. Было ли репрессирование военных кадров в тридцать седьмом — тридцать восьмом годах одной из главных причин наших неудач в начале войны?

4. Была ли ошибочная оценка Сталиным предвоенной политической обстановки и переоценка им роли пакта одной из главных причин наших неудач в начале войны?

5. Были ли эти причины единственными причинами неудач?

6. Был ли Сталин крупной исторической личностью?

7. Проявились ли в подготовке к войне и в руководстве ею сильные стороны личности Сталина?

8. Проявлялись ли в подготовке к войне и в руководстве ею отрицательные стороны личности Сталина?

9. Какая другая концепция в изображении начала войны может существовать, кроме как периода трагического в истории нашей страны, когда мы были в отчаянном положении, из которого вышли ценой огромных жертв и потерь, благодаря неимоверным и героическим усилиям народа, армии, партии?»

Почти каждый из этих вопросов стал затем для Симонова темой серьезного исторического исследования. Так, например, во включенном в эту книгу докладе «Уроки истории и долг писателя» (сделанный в 1965 году, к двадцатилетию Победы, он был опубликован лишь в 1987 году) обстоятельно и многосторонне проанализированы тяжелые последствия для боеспособности Красной Армии массовых репрессий тридцать седьмого — тридцать восьмого годов. Вот несколько кратких выписок из этого доклада, дающих представление о выводах, к которым пришел Симонов. Говоря о состоявшемся в июне 1937 года сфальсифицированном процессе, на котором по ложному обвинению в измене Родине и шпионаже в пользу фашистской Германии была осуждена и расстреляна группа высших командиров Красной Армии: М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, А. И. Корк и другие, Симонов подчеркивал, что этот чудовищный процесс был началом событий, носивших потом лавинообразный характер: «Во-первых, погибли не они одни. Вслед за ними и в связи с их гибелью погибли сотни и тысячи других людей, составлявших значительную часть цвета нашей армии. И не просто погибли, а в сознании большинства людей ушли из жизни с клеймом предательства.

Речь идет не только о потерях, связанных с ушедшими. Надо помнить, что творилось в душах людей, оставшихся служить в армии, о силе нанесенного им духовного удара. Надо помнить, каких невероятных трудов стоило армии — в данном случае я говорю только об армии — начать приходить в себя после этих страшных ударов». Но к началу войны это так и не произошло, армия до конца не оправилась, тем более что «и в 1940 и в 1941 году все еще продолжались пароксизмы подозрений и обвинений. Незадолго до войны, когда было опубликовано памятное сообщение ТАСС с его полуупреком-полуугрозой в адрес тех, кто поддается слухам о якобы враждебных намерениях Германии, были арестованы и погибли командующий ВВС Красной Армии П. В. Рычагов, главный инспектор ВВС Я. М. Смушкевич и командующий противовоздушной обороной страны Г. М. Штерн. Для полноты картины надо добавить, что к началу войны оказались арестованными еще и бывший начальник Генерального штаба и нарком вооружения, впоследствии, к счастью, освобожденные». Целиком на совести Сталина и то, что Гитлеру удалось застать нас врасплох. «Он с непостижимым упорством,— пишет Симонов,— не желал считаться с важнейшими донесениями разведчиков. Главная его вина перед страной в том, что он создал гибельную атмосферу, когда десятки вполне компетентных людей, располагающих неопровержимыми документальными данными, не располагали возможностью доказать главе государства масштаб опасности и не располагали правами для того, чтобы принять достаточные меры к ее предотвращению».

В публикуемом фрагменте из комментария к книге «Сто суток войны», в котором тщательно рассматриваются военно-политическая ситуация предвоенных лет, ход подготовки к надвигающейся войне и прежде всего роль, которую сыграл в этом деле советско-германский пакт, Симонов приходит к недвусмысленному выводу: «...Если говорить о внезапности и о масштабе связанных с нею первых поражений, то как раз здесь все с самого низу — начиная с донесений разведчиков и докладов пограничников, через сводки и сообщения округов, через доклады Наркомата обороны и Генерального штаба, все в конечном итоге сходится персонально к Сталину и упирается в него, в его твердую уверенность, что именно ему и именно такими мерами, какие он считает нужными, удастся предотвратить надвигающееся на страну бедствие. И в обратном порядке — именно от него, через Наркомат обороны, через Генеральный штаб, через штабы округов и до самого низу — идет весь тот нажим, все то административное и

моральное давление, которое в итоге сделало войну куда более внезапной, чем она могла быть при других обстоятельствах». И далее о мере ответственности Сталина: «Говоря о начале войны, невозможно уклониться от оценки масштабов той огромной личной ответственности, которую нес Сталин за все происшедшее. На одной и той же карте не может существовать различных масштабов. Масштабы ответственности соответствуют масштабам власти. Обширность одного прямо связана с обширностью другого».

Отношение Симонова к Сталину, которое, конечно, не сводится к ответу на вопрос, был ли Сталин крупной исторической личностью, в самом главном определилось тем, что́ писатель услышал на XX съезде партии, который был для него огромным потрясением, и узнал потом, занимаясь историей и предысторией Великой Отечественной войны (для выработки своей собственной позиции эти исторические штудии были особенно важны). Надо со всей определенностью сказать, что чем больше углублялся Симонов в этот материал, чем больше накапливалось у него свидетельств самых разных участников событий, чем больше он размышлял над тем, что было пережито народом, над ценой Победы, тем обширнее и строже становился счет, который он предъявлял Сталину. «Все — от стратегии до тактики — было отмечено сталинской бесчеловечностью, она проникла во все поры жизни»,— говорил он мне, делясь замыслом книги «Сталин и война», когда незадолго до смерти я посетил его в больнице.

В книге «Глазами человека моего поколения» сказано не обо всем, что в жизни Симонова было связано со сталинскими порядками, с давящей атмосферой того времени. Не успел автор написать, как было им задумано, о зловещих кампаниях сорок девятого года по борьбе с так называемыми «космополитами-антипатриотами»; за пределами книги осталось и то дурное для него время после смерти Сталина, когда у себя дома в кабинете он вдруг повесил в качестве вызова наметившимся в обществе переменам его портрет. Непросто давалась Симонову затем переоценка прошлого — и общего, и своего собственного. В день своего пятидесятилетия он говорил на юбилейном вечере в Центральном Доме литераторов: «Я хочу просто, чтобы присутствующие здесь мои товарищи знали, что не все мне в моей жизни нравится, не все я делал хорошо,— я это понимаю,— не всегда был на высоте. На высоте гражданственности, на высоте человеческой. Бывали в жизни вещи, о которых я вспоминаю с неудовольствием, случаи

в жизни, когда я не проявлял ни достаточной воли, ни достаточного мужества. И я это помню». Он это не только помнил, но делал из этого для себя самые серьезные выводы, извлекал уроки, старался все, что мог, исправить. Будем же и мы помнить о том, как нелегко и непросто человеку себя судить. И будем уважать мужество тех, кто, как Симонов, отваживается на такой суд, без которого невозможно очищение нравственной атмосферы в обществе. И не путать, читая эту книгу, того, что думал Симонов в сталинские времена и в 1979 году, когда диктовал «Глазами человека моего поколения». Тем более, что уже появились отклики на эту книгу, в которых эта путаница устраивается намеренно с неблаговидными целями.

Не стану характеризовать отношение Симонова к Сталину своими словами, оно выразилось и в трилогии «Живые и мертвые», и в комментарии к фронтовым дневникам «Разные дни войны», и в письмах читателям. Воспользуюсь для этого одним из писем Симонова, приготовленных им в качестве материала для работы «Сталин и война». Оно выражает его принципиальную позицию:

«Я думаю, что споры о личности Сталина и о его роли в истории нашего общества — споры закономерные. Они будут еще происходить и в будущем. Во всяком случае, до тех пор, пока не будет сказана, а до этого изучена вся правда, полная правда о всех сторонах деятельности Сталина во все периоды его жизни.

Я считаю, что наше отношение к Сталину в прошлые годы, в том числе в годы войны, наше преклонение перед ним в годы войны,— а это преклонение было, наверно, примерно одинаковым и у Вас, и у Вашего начальника политотдела полковника Ратникова, и у меня,— это преклонение в прошлом не дает нам права не считаться с тем, что мы знаем теперь, не считаться с фактами. Да, мне сейчас приятнее было бы думать, что у меня нет таких, например, стихов, которые начинались словами «Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас». Но эти стихи были написаны в сорок первом году, и я не стыжусь того, что они были тогда написаны, потому что в них выражено то, что я чувствовал и думал тогда, в них выражена надежда и вера в Сталина. Я их чувствовал тогда, поэтому и писал. Но, с другой стороны, тот факт, что я писал тогда такие стихи, не зная того, что я знаю сейчас, не представляя себе в самой малой степени и всего объема злодеяний Сталина по отношению к партии и к армии, и всего

объема преступлений, совершенных им в тридцать седьмом — тридцать восьмом годах, и всего объема его ответственности за начало войны, которое могло быть не столь неожиданным, если бы он не был столь убежден в своей непогрешимости,— все это, что мы теперь знаем, обязывает нас переоценить свои прежние взгляды на Сталина, пересмотреть их. Этого требует жизнь, этого требует правда истории.

Да, в тех или иных случаях того или другого из нас могут уколоть, могут задеть упоминанием о том, что ты, мол, в свое время говорил или писал о Сталине не то, что ты говоришь и пишешь сейчас. Особенно легко в этом смысле уколоть, задеть писателя. Книги которого существуют на книжных полках и которого можно, так сказать, уличить в этом несоответствии. Но что из этого следует? Следует ли, что, зная объем преступлений Сталина, объем бедствий, причиненных им стране начиная с тридцатых годов, объем его действий, шедших вразрез с интересами коммунизма, зная все это, мы должны молчать об этом? Я думаю, напротив, наш долг писать об этом, наш долг поставить вещи на свое место в сознании будущих поколений.

При этом, конечно, нужно все трезво взвешивать и нужно видеть разные стороны деятельности Сталина и не надо изображать его как какого-то ничтожного, мелкого, мелкотравчатого человека. А попытки к этому иногда уже проскальзывают в некоторых литературных сочинениях. Сталин, конечно, был очень и очень крупным человеком, человеком очень большого масштаба. Это был политик, личность, которую не выбросишь из истории. И этот человек, в частности если говорить о войне, делал и много необходимого, много такого, что влияло в положительном смысле на ход дела. Достаточно перечесть его переписку с Рузвельтом и Черчиллем, чтобы понять, какого масштаба и какого политического дарования был этот человек. И в то же время именно на этом человеке лежит ответственность за начало войны, стоившее нам стольких лишних миллионов жизней и миллионов квадратных километров опустошенной территории. На этом человеке лежит ответственность за неготовность армии к войне. На этом человеке лежит ответственность за тридцать седьмой и тридцать восьмой годы, когда он разгромил кадры нашей армии и когда наша армия стала отставать в своей подготовке к войне от немцев, потому что к тридцать шестому году она шла впереди немцев. И только учиненный Сталиным разгром военных кадров, небывалый по масштабам разгром, привел к тому, что мы стали от-

ставать от немцев и в подготовке к войне, и в качестве военных кадров.

Конечно, Сталин хотел победы. Конечно, когда началась война, он делал все, что было в его силах, для победы. Он принимал решения и правильные и неправильные. Были у него и ошибки, были у него и удачи и в дипломатической борьбе, и в военном руководстве войною. Вот все это и надо постараться изобразить так, как оно было. В одном месте моей книжки (речь идет о романе «Солдатами не рождаются».— *Л. Л.*) один из ее героев — Иван Алексеевич — говорит о Сталине, что это человек великий и страшный. Я думаю, что это верная характеристика и, если следовать этой характеристике, можно написать правду о Сталине. Добавлю от себя: не только страшный — очень страшный, безмерно страшный. Подумать только, что и Ежов, и этот выродок Берия — все это были только пешки в его руках, только люди, руками которых он совершал чудовищные преступления! Каковы же масштабы его собственных злодеяний, если мы об этих пешках в его руках с полным правом говорим как о последних злодеях?

Да, правда о Сталине — это правда сложная, в ней много сторон, и ее в двух словах не скажешь. Ее и надо писать и объяснять как сложную правду, только тогда она будет подлинной правдой.

Вот, собственно говоря, то главное, что мне хотелось Вам ответить. Нет времени на то, чтобы, как говорится, подыскивать наиболее точные формулировки для своих мыслей — это не статья, а письмо, но в основном я, кажется, сказал Вам то, что хотел сказать».

Это письмо Симонов написал в 1964 году. И в последующие пятнадать лет, когда разговор в печати о преступлениях Сталина стал невозможен, когда стала всячески замалчиваться его вина за тяжелейшие поражения сорок первого — сорок второго годов, за понесенные нами неисчислимые потери, когда даже решения XX съезда партии о культе личности и его последствиях поминались все реже и реже — лишь для проформы, Симонов, на которого шло в этом направлении очень сильное давление — и с помощью запретов (не увидели света «Сто суток войны», «Заметки к биографии Г. К. Жукова», доклад «Уроки истории и долг писателя»), и с помощью изматывающих конъюнктурных замечаний, касавшихся почти всего, что он писал и делал в то время (совершенно изуродовали экранизацию романа «Солдатами не рождаются» — так, что Симонов потребовал, чтобы из титров были

сняты название романа и его фамилия), твердо стоял на своем, не отступил, не попятился. Он надеялся, что правда в конце концов восторжествует, что скрывать ее можно только до поры до времени, что придет час и фальсификации будут разоблачены и отброшены, выйдет на свет то, что замалчивалось и скрывалось. Отвечая на грустное и растерянное письмо одной читательницы, которая пришла в уныние, столкнувшись в литературе с беззастенчивым искажением исторической правды, Симонов заметил: «Я менее пессимистически настроен, чем Вы, в отношении будущего. Думаю, что правду не спрячешь и история останется подлинной историей, несмотря на различные попытки фальсификации ее — главным образом при помощи умолчаний.

А что касается того, чему больше будут верить, когда мы все помрем, будут ли больше верить, в частности, тем мемуарам, о которых Вы пишете в своем письме, или тому роману, о котором Вы пишете, то это еще, как говорится, бабушка надвое сказала.

Хотелось бы добавить: поживем — увидим, но поскольку речь идет об отдаленных временах, то мы уже не увидим. Однако думаю, что будут верить как раз тому, что ближе к истине. Человечество никогда не было лишено здравого смысла. Не лишится его и впредь».

При всем своем оптимизме Симонов надежду на торжество «здравого смысла» относил все-таки лишь к «отдаленному будущему», он не мог представить, что не пройдет и десяти лет после его смерти и будет напечатана книга о Сталине. Тогда это казалось немыслимым. Однако он и весной 1979 года, когда диктовал «Глазами человека моего поколения», повторял формулу героя своего романа, написанного в 1962 году: «...Хочется надеяться, что в дальнейшем время позволит нам оценить фигуру Сталина более точно, поставив все точки над «i» и сказав все до конца и о его великих заслугах, и о его страшных преступлениях. И о том, и о другом. Ибо человек он был великий и страшный. Так считал и считаю».

Вряд ли сегодня можно принять эту формулу «великий и страшный». Быть может, доживи Симонов до наших дней, узнай то, что открылось нам, прочитай то, что получили возможность прочитать мы, он отказался бы от нее, нашел бы более точную. Но и тогда она не была для него безусловной и безоговорочной, тем более не было у него и тени снисхождения к злодеяниям Сталина — он считал, что его преступлениям нет и не может быть никаких оправданий (вот почему, как мне кажется, напрасны

опасения некоторых журналистов, что симоновские воспоминания могут использовать нынешние сталинисты). И слово «великий» означало для Симонова в данном случае не величие Сталина, а масштаб той ужасной роли, которую он сыграл в нашей истории. Тот же Иван Алексеевич из «Солдатами не рождаются», размышляя о Сталине в связи со словами Толстого в «Войне и мире»: «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды», эту формулу опровергает. Один из руководителей Генерального штаба, изо дня в день общающийся со Сталиным, имеющий возможность довольно близко его наблюдать, он про себя хорошо знает, что простота, добро и правда совершенно чужды Сталину, и поэтому речи не может быть о каком-либо его величии.

Из подготовительных материалов ко второй части книги Симонова особый интерес и ценность представляют записи его бесед с Г. К. Жуковым, А. М. Василевским, И. С. Коневым и И. С. Исаковым. Большая часть записей бесед с Г. К. Жуковым вошла в мемуарный очерк «Заметки к биографии Г. К. Жукова».

Обращают на себя внимание откровенность и доверительный тон собеседников писателя. Они рассказывают ему и то, что по понятным причинам не могли тогда написать в собственных мемуарах. Эта откровенность объяснялась их высоким уважением к творчеству и личности Симонова; беседуя с писателем, они не сомневались, что он распорядится рассказанным ему самым лучшим образом.

Как известно, Г. К. Жуков был человеком, не терпевшим панибратства и чуждым сентиментальности, но, поздравляя Симонова с пятидесятилетием, он обратился к нему «дорогой Костя» и закончил свое письмо словами, которые предназначаются только близким людям: «мысленно обнимаю Вас и целую».

О том, каким авторитетом пользовался Симонов у И. С. Конева, рассказывает в своих воспоминаниях М. М. Зотов, возглавлявший в 60-е годы редакцию мемуаров Воениздата. Когда при подготовке к изданию книги И. С. Конева «Сорок пятый» автору сделали в издательстве несколько критических замечаний, он, свидетельствует М. М. Зотов, «решительно отверг их. И аргумент у него был один-единственный: «Рукопись читал Симонов». Кстати, когда эта книга вышла в свет, И. С. Конев подарил ее Симонову с надписью, подтверждающей рассказ М. М. Зотова,— Симонов не только читал рукопись, но и, как говорится, приложил к ней руку:

«Дорогой Константин Михайлович!
На память о героических днях Великой Отечественной войны. Благодарю Вас за инициативу и помощь в создании этой книжки. С товарищеским приветом и уважением к Вам

И. Конев
3 ноября 1966 года
Москва»

А. М. Василевский однажды, обращаясь к Симонову, назвал его народным писателем СССР, имея в виду не несуществующее звание, а народный взгляд на войну, который выражен в творчестве Симонова. «Очень важно для нас,— писал маршал Симонову,— и то, что все Ваши всенародно известные и безоговорочно любимые творческие труды, касаясь почти всех важнейших событий войны, преподносятся читателю наиболее капитально, а главное — строго правдиво и обоснованно, без каких-либо попыток в угоду всяким веяниям послевоенных лет и сегодняшнего дня отойти от порой суровой правды истории, на что, к сожалению, многие из писателей и особенно нашего брата, мемуаристов, по разным причинам идут так охотно». Эти слова помогают понять, почему самые прославленные наши полководцы с такой охотой и открытостью беседовали с Симоновым: их подкупало его редкое знание войны, его верность правде.

И. С. Исаков, человек литературно одаренный сам — что в данном случае существенно,— прекрасно владевший пером, писал Симонову, вспоминая керченскую катастрофу: «Был свидетелем такого, что, если напишу, не поверят. Симонову — поверили бы. Ношу в себе и мечтаю когда-либо рассказать Вам». Историю бесед с И. С. Исаковым поведал сам Симонов в предисловии к письмам адмирала, переданным им в ЦГАОР Армянской ССР. Стоит ее воспроизвести здесь:

«В апреле 1962 года, как об этом свидетельствует письмо Ивана Степановича (Исакова.— *Л. Л.*), он прочитал опубликованные в газете первые главы романа «Солдатами не рождаются», и хотя прочитал их с интересом, но одновременно выразил некоторые претензии. «Как жаль, что Иван Алексеевич многого не знал, как жаль, что Иван Алексеевич не мог одновременно говорить о некоторых, как бы прослаивающих и человечных чертах». В сущности, эти слова в письме были адресованы не одному из героев романа, а, конечно же, автору. Ивану Степановичу хотелось, чтобы автор, предолжая работать над своим романом, знал

больше, чем знает. Он хотел этого и осуществил свое желание. Вскоре после этого письма, едва-едва успев почувствовать себя немного лучше, Иван Степанович пригласил меня приехать к нему в Барвиху. Повторив и развив те мысли, которые он высказал мне в письме, он сказал, что считает своим долгом поделиться со мной теми впечатлениями, которые сложились у него в результате многих встреч со Сталиным, происходивших в разные годы.

«Все мы люди — смертны, но я, как видите, ближе к этому, чем Вы, и мне хотелось бы, не откладывая, рассказать Вам то, что я считаю важным, о Сталине. Думаю, что и Вам пригодится, когда Вы будете дальше работать над своим романом или романами. Не знаю, когда я напишу об этом сам и напишу ли вообще, а у Вас это будет записано и, значит, цело. И это важно». После этого предисловия Иван Степанович перешел к делу и стал рассказывать о своих встречах со Сталиным. Разговор продолжался несколько часов, и мне самому пришлось наконец прервать этот разговор, потому что я почувствовал, что мой собеседник находится в опасном для него состоянии крайнего утомления. Мы договорились о новой встрече, и я, вернувшись домой, на следующий день продиктовал все рассказанное мне Иваном Степановичем на диктофон. Диктовал, как обычно в этих случаях, от первого лица, стремясь передать все точно так, как оно сохранилось в памяти.

Следующая, назначенная на ближайшие дни встреча с Иваном Степановичем не состоялась из-за состояния его здоровья, а потом из-за моего и его отъезда. Мы снова вернулись к теме этого разговора только в сентябре 1962 года. Уже не помню, где происходила эта вторая встреча — не то снова в Барвихе, не то дома у Ивана Степановича, но после нее так же, как в первый раз, я продиктовал на диктофон, главным образом от первого лица, содержание нашего разговора».

Я привел эту цитату еще и потому, что она раскрывает, как Симоновым делались записи бесед, раскрывает его «технологию», обеспечивающую высокий уровень точности.

Несколько слов о печатаемых отрывках из комментария к книге «Сто суток войны». Первую попытку напечатать свои военные дневники, составившие затем двухтомник «Разные дни войны», Константин Симонов предпринял вскоре после 20-летия Победы. Первая часть их под названием «Сто суток войны» должна была появиться в трех последних номерах «Нового мира» в 1967 году. Однако набранная и сверстанная книга света не уви-

дель. Читателю, который в письме спрашивал, почему она не появилась, хотя и была уже объявлена, Симонов объяснил, что он «не сошелся во взглядах с людьми, которые считали, что эту книгу не следует печатать в том виде, в каком я ее подготовил к печати. А я считал и считаю, что именно в таком виде, и ни в каком другом, ее и следует печатать.

В результате эта книга пока что не вышла.

А так как я убежден, что это вещь, нужная читателям,— я говорю не о ее художественном качестве, тут я не судья, а о ее документальной стороне,— и вещь, написанная с партийных позиций, то я буду продолжать стремиться ее опубликовать».

Обращение Симонова, как принято было тогда говорить, «наверх» успехом не увенчалось, поддержки он не получил. Симонов эту историю переживал тяжело. Если в письме читателю она излагается спокойным, эпическим тоном, то от человека близкого, старого друга — бывшего редактора «Красной звезды» Д. И. Ортенберга — Симонов не скрывает мрачного настроения и горьких мыслей: «Что же касается моих колебаний, ты должен понять их (речь в письме идет о заказанном Д. И. Ортенбергом для составлявшегося им сборника очерке о Г. К. Жукове.— *Л. Л.*). Я дал тебе слово написать. Я люблю тебя и хотел бы выполнить это слово. Я люблю и уважаю Жукова и рад был бы написать о нем. Но пойми мои чувства человека, у которого лежит полтора года без движения рукопись, которую он считает лучшей из всего, что он написал. Как трудно такому человеку сидеть и писать еще одну вещь, которая, по его весьма основательным предчувствиям, ляжет и тоже будет лежать рядом с предыдущей». Кстати, предчувствия не обманули Симонова: написанные им по просьбе Д. И. Ортенберга «Заметки к биографии Г. К. Жукова» были опубликованы только в наше время, в 1987 году, в «Военно-историческом журнале». А фронтовые дневники напечатаны через семь с лишним лет после того, как были набраны в «Новом мире»,— с серьезными потерями, с весьма существенными купюрами в комментарии. В частности, были изъяты и те два фрагмента, которые включены в эту книгу. Один из них был в «новомирской» верстке обширным комментарием к первой фразе дневника: «*Двадцать первого июня меня вызвали в Радиокомитет и предложили написать две антифашистские песни*». В этом фрагменте в свете тяжкого опыта войны с гитлеровской Германией рассматривалась предвоенная драматическая обстановка в стране. Второй фрагмент представляет собой комментарий к следующей дневни-

ковой записи, в которой речь идет о событиях второй половины августа сорок первого года: «Я, в свою очередь, стал расспрашивать у него (у поэта И. Френкеля, служившего в то время корреспондентом газеты Южного фронта «Во славу Родины».— *Л. Л.*) о знакомых. Горбатов был где-то в частях. Про Алтаузена говорили, что он чуть не попал в плен к немцам, оставшись ночевать в какой-то деревне, в которую они уже вошли, и только случайно оттуда выбрался. Про Долматовского — что он был в армии, не могу вспомнить, не то в 6-й, не то в 12-й, *в общем в той, которой командовал Понеделин, через несколько дней так печально прославившийся своим ставшим к этому времени уже общеизвестным предательством».* Подчеркнутая часть фразы была изъята со связанным с ней обширным комментарием, посвященным трагической судьбе генералов П. Г. Понеделина, Н. К. Кириллова, В. Я. Качалова, честные имена которых были долгие годы опорочены. О жертвах сталинского произвола и жестокости говорить в печати тогда возбранялось: эта правда в брежневские времена была уже не по сезону.

Когда в выступлениях и письмах речь заходила об истории, исторической науке, Симонов предварял свои соображения неизменной по смыслу оговоркой: «Я не историк, не специалист». Однако войну он изучал самым тщательным образом именно как историк: и работая в военных архивах, и штудируя военно-исторические исследования, и читая присылаемые ему в больших количествах неопубликованные мемуары, и обстоятельно беседуя с многими участниками войны — от рядовых до прославленных военачальников. Об этом красноречиво свидетельствуют и материалы к задуманной им работе «Сталин и война».

Остается сказать, что точка зрения Симонова, добросовестно воспроизводящего рассказанное ему, вовсе не всегда совпадает с точкой зрения его собеседников, да и вообще и беседы, записанные Симоновым, и «Глазами человека моего поколения», как и полагается воспоминаниям, субъективны. Было бы неосмотрительно видеть в них некий исторический приговор, это только свидетельские показания, хотя и очень важные. Симонов отдавал себе в этом ясный отчет и хотел, чтобы так понимали его читатели. Среди записей, сделанных им в больнице в последние дни жизни, есть и такая: «Может быть, назвать книгу «В меру моего разумения»?» Он хотел подчеркнуть, что на абсолютную истину не претендует, что написанное и записанное им — лишь свидетельства современника. Но это свидетельства уникальные, большой

исторической ценности. Сегодня они для постижения прошлого нужны как воздух. Одна из главных задач, стоящих перед нами, без решения которой мы не сможем двинуться вперед в осмыслении истории,— ликвидировать создавшийся в последние десятилетия острый дефицит точных фактов и правдивых, достоверных свидетельств.

Составившие эту книгу рукописи, находившиеся в архиве К. М. Симонова, который хранится в его семье, к печати автором не были подготовлены. Продиктовав первую часть книги, Симонов, к сожалению, даже не успел или уже не смог ее вычитать и выправить. В книге сохранены даты диктовок, чтобы таким образом напоминать читателям, что писателю не удалось завершить работу над текстом. При подготовке рукописи к печати были исправлены явные ошибки и оговорки, неверно понятые при перепечатке с диктофона на бумагу слова и фразы.

Л. Лазарев

Дейл КАРНЕГИ

КАК ВЫРАБАТЫВАТЬ
УВЕРЕННОСТЬ
В СЕБЕ И ВЛИЯТЬ НА ЛЮДЕЙ,
ВЫСТУПАЯ ПУБЛИЧНО

КАК ПЕРЕСТАТЬ
БЕСПОКОИТЬСЯ
И НАЧАТЬ ЖИТЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на то, что полные тексты популярных книг американского специалиста в области человеческих отношений Дейла Карнеги (1888—1955) никогда не издавались в СССР массовыми тиражами, у нас в стране его имя известно широкому кругу людей. Во-первых, сокращенные переводы и рефераты отдельных текстов публиковались в общедоступных журналах*, во-вторых, кое-что выходило небольшими тиражами «для служебного пользования» и, наконец, сделанные по заказу организаций и «просто так» переводы перепечатывались, ксерокопировались, размножались иным способом (доводилось видеть экземпляры, изготовленные на матричных принтерах ЭВМ) — и все это передавалось из рук в руки, читалось и перечитывалось. В различных работах, адресованных специалистам или широкой публике, имя Карнеги упоминалось с различными оттенками неодобрения или одобрения. Так или иначе, его имя, что называется, «на языке».

Но влияние произведений Д. Карнеги несравненно шире. И даже многие из тех, кто никогда не слышал его имени, встречались со следами воздействия его книг, так как встречались с людьми, практикующими «систему Карнеги», и поэтому на себе испытали, сами того не сознавая, способы обращения, которые рекомендует этот автор.

В чем же секрет особой популярности Карнеги? Ведь людей, строящих свою жизнь «по Карнеги», пожалуй, больше, чем стремящихся жить «по Толстому» или «по Руссо». Если говорить совсем коротко, то секрет в том, *о чем* пишет Карнеги и *как* пишет Карнеги.

Три книги Д. Карнеги, — «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», «Как вырабатывать уверенность в себе, выступая публично» и «Как ———.

* Издающийся в Новосибирске журнал «ЭКО» в шести номерах публиковал сокращенный перевод наиболее известного труда Д. Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей» (1978, № 4—6; 1979, № 1—3), а журнал «Социологические исследования» познакомил своих читателей с отдельными извлечениями из другой книги — «Как перестать беспокоиться и начать жить» (1987, № 6; 1988, № 2—3).

перестать беспокоиться и начать жить» (последняя — с некоторыми сокращениями) — относятся к несколько непривычному для нашего читателя жанру — жанру «поучений». Для российского дореволюционного читателя он был привычен, привычен он в настоящее время и на Западе (да и на Востоке), но приобрел там новые стилевые особенности, отличающие современные образцы этого жанра от неторопливых и размеренных назидательных текстов прошлых столетий. Лаконизм, конкретность, доходчивость — вот нынешний стиль. Правда, доходчивость «поучений», адресованных «человеку с улицы», доводится иной раз до примитивизма, вызывает скептическую усмешку у интеллектуалов. Таковы многочисленные вариации ряда авторов на темы: «Как подцепить девчонку», «Как заарканить парня», «Как управлять своим шефом», «Как сорвать банк» и т. д. и т. п. К счастью, Дейлу Карнеги удается не соскальзывать в развлекательность и плоскости. Характеризуясь динамизмом и конкретностью, его текст привлекает к себе внимание, хотя и неназойливо. Привлекательность обусловлена не стилистическими ухищрениями, а широтой и разнообразием рекомендаций. Но способом изложения не исчерпывается перечень достоинств книг Д. Карнеги. Суть — в их содержании.

Одна книга посвящена тому, как приобретать друзей; другая — как добиться признания и успеха, выступая публично; третья — как беречь свои нервы. Успех, друзья, здоровье — для многих, очень многих людей это непременные слагаемые человеческого счастья. И Карнеги берется сформулировать правила, как достичь этого счастья. Сумел ли он выполнить эту задачу? Трудно дать однозначный ответ на этот вопрос. Но то, что такие попытки всегда вызывают повышенное внимание, несомненно. И это внимание автор во многом оправдывает. Читатель может найти в тексте много мыслей, заслуживающих вдумчивого отношения, вызывающих то желание согласиться, то сомнение, а то и неприятие (а может и не найти — смотря как искать). Этим текст и хорош. И даже то, что кажется непримлемым, трудно отбросить с порога. Ибо все стремится быть основательным, опереться на логику и факты, на мысль. Ярлык доморощенного мудреца, который нередко навешивают на Карнеги, не держится. Дейл Карнеги и не претендует

на построение своеобычной философии жизни. Скорее он пытается донести извечную мудрость человечества тому же человечеству, предварительно ее отретушировав, упаковав и снабдив, где это только возможно, инструкциями по применению этих мудростей для решения проблем частной жизни. Житейская мудрость — составная часть общечеловеческой культуры, и, как и всякая другая составляющая культурного наследия, она нуждается в изучении, систематизации и пропаганде, а также в дальнейшем развитии. Работы Карнеги, собранные под переплетом книги, лежащей перед вами, читатель, являются хорошими образцами работ в этом направлении, образцами яркими и добротными одновременно. Здесь изречения известных мыслителей, пословицы, научные данные сопоставляются со здравым смыслом, применяются для решения проблем сегодняшнего дня, проходят проверку на практичность. И тут же предлагаются потребителю. Нужда в таких книгах есть не только у деловых людей, желающих развить свой успех, не только у издерганного городской суетой и деревенской маятой населения, стремящегося оздоровить общественный климат, но и у серьезных специалистов по человеческому фактору.

В настоящее время перед науками о человеке стоит задача выработки стратегии познания человека и организации фундаментальных комплексных исследований. Такая постановка задачи обусловлена тем, что в наше время изучение человека вышло далеко за пределы специальных наук о нем и превратилось в общую проблему всей системы научного познания.

Положение дел в науках, изучающих человека, специалисты не раз сравнивали с сооружением Вавилонской башни. И как уже стало ясно, проблема не решается автоматически на пути развития междисциплинарных исследований. Более того, расширение междисциплинарных связей приводит скорее к росту дисциплинарного Эвереста, появлению новых рядов гибридных дисциплин типа психофизики, психобиологии, психолингвистики и даже социобиологии и т. д. Один из путей преодоления продолжающегося дробления наук о человеке — это создание, помимо непосредственных стыков, некоего опосредующего звена, которым должен стать образ целостного человека, воплощающий в себе

представление о личности, способной к осуществлению свободного и ответственного действия.

Возникает законный вопрос, а где взять этот образ целостного человека, ведь он уже «растащен» многочисленными науками, да и многочисленными практиками. Правда, у последних он представлен полнее. Здесь уместно вспомнить старые термины: «человековедение» и «человекознание». Выберем первый. Человековедение — особая сфера, в создании которой на равных принимают участие наука, культура, искусство, практика, понимаемые в самом широком смысле. Оно растет и развивается вместе с ними, вместе с историей общества. И было бы наивно представлять себе дело таким образом, будто его нужно строить как особую специальную науку или сумму, систему наук. Оно существует и без этого. Иное дело, что нужно попытаться дать себе отчет, а что же оно собой представляет на нынешнем этапе развития общества, культуры. Именно человековедение должно учить нас культуре изучения человека, обращения с ним. Оно обеспечивает культурный и этический контекст, вне которого не могут полноценно развиваться науки о человеке, да, видимо, и все другие науки, которые сейчас, по словам лауреата Нобелевской премии И. Р. Пригожина, должны стать гуманитарными, то есть иметь своей мерой человека. Вне этого контекста невозможны гуманитарные техники психотехники, понимаемые в широком смысле этого слова (медицинские, психотерапевтические, педагогические, эргономические, социальные, коммуникативные, даже идеологические).

И беда, когда педагогика, медицина, психология, социология, эргономика выпадают из этого контекста. Это же относится и к обществоведению, которое не может развиваться без человековедения. Да оно, по сути дела, и развивалось лишь в той мере, в какой было с ним связано. Вне контекста человековедения исследования человека в фундаментальных и прикладных науках вольно или невольно делают его либо предметом изучения, подобным предметам естественных наук, либо средством достижения некоторых социальных или технических целей.

Выше уже говорилось, что у практиков образ человека представлен полнее, чем у теоретиков. Сказанное относится и к содержанию данной книги, ибо оно явля-

ется не чем иным, как описанием специфической практики — практики оказания помощи людям в решении их проблем. Поэтому интересно проанализировать отношение идей, развиваемых Д. Карнеги, к науке или, точнее, к контексту научных дисциплин, изучающих человека.

Карнеги, щедро цитирующий политиков, бизнесменов, врачей и поэтов, довольно редко ссылается на ученых. Среди тех, для кого делается исключение, — Уильям Джеймс, американский философ и психолог конца XIX — начала XX века, один из авторов периферической теории эмоций (теория Джеймса — Ланге), согласно которой эмоциональные переживания есть просто ощущения изменений, происходящих в теле человека или животного. Известно парадоксальное высказывание Джеймса: «Мы печалимся потому, что плачем; боимся потому, что дрожим; радуемся потому, что смеемся». Для Карнеги теория Джеймса, скомпрометировавшая себя в академических кругах, но удивительно хорошо согласующаяся с современной методологией аутотренинга, привлекательна прежде всего потому, что подсказывает путь к произвольной регуляции эмоциональных состояний. И Карнеги привлекает авторитет Джеймса для обоснования своих рецептов урегулирования эмоциональной сферы.

Однако связь работ, написанных Карнеги, с наукой не ограничивается не очень частыми ссылками на немногие и уже несколько старомодные теории. Не будет безосновательным утверждать, что Карнеги дает современной науке больше, чем взял от нее, хотя вроде бы и не претендует на что-то большее, чем популяризаторство. Чтобы как-то оправдать это далеко не очевидное утверждение, посмотрим, что же составляет основное содержание всех трех книг. Это — набор всяческих правил достижения успеха в жизни. А понятие правил в современных гуманитарных науках претендует на роль, аналогичную той, какую понятие законов играет в науках естественных.

Ценность такого перечня правил не только в том, что некоторые из них можно заимствовать и взять в свой арсенал, но и в том, что он вдохновляет на поиски собственных вариантов, поскольку достаточно явно предстает как принципиально открытый для добавлений, уточнений и исправлений.

Система «правил Карнеги» содержит в себе неувязки, а иной раз самые настоящие противоречия. Попытка следовать всем правилам сразу может оказаться неудачной. Попробуйте одновременно реализовать принцип «будь искренен в выражении своих чувств» и принцип «веди разговор в русле интересов собеседника» в случае, когда интересы вашего собеседника вам лично неинтересны. Здесь явное противоречие. Но это свойство всех жизненных систем. Знание правил не избавляет от необходимости искать и находить, думать и придумывать. И иной раз выход может быть найден путем поиска тем разговоров, интересующих всех участников беседы. А в другом случае страстная заинтересованность в самом собеседнике сделает увлекательной ту тему, которая сама по себе никогда до той поры не казалась привлекательной. Да мало ли можно найти путей решения проблем, если есть желание и мастерство.

И еще об одном «слабом месте» книги. Автор, как правило, говорит, *что* нужно сделать, но не всегда показывает, *как* это делается. Так, призыв «будьте внимательными слушателями» не может вызвать никаких возражений; он понят и принят, однако встает вопрос: «А как быть внимательным собеседником, если внимание то и дело отвлекается и рассеивается?» Вместо того чтобы растолковать, какие же существуют средства организации своего слушания и как их эффективно использовать, Карнеги раз за разом приводит примеры, демонстрирующие важность внимательного слушания. Но не стоит судить автора столь строго. Когда писалась книга, мало что было известно о технике слушания *, да и оценивать текст нужно прежде всего по тому, что в нем есть, а не по тому, чего в нем не хватает. Кроме того, пытаться словами описать технику общения — занятие архитрудное и неблагодарное, все равно по книге этому научиться по-настоящему невозможно.

Нередко Карнеги обвиняют в том, что он учит людей искусству делать комплименты, науке изощренной лести. Данные обвинения зиждутся на неправильном понимании пафоса книги. То, о чем ведет речь Карнеги, на

---

* С ними читатель может познакомиться в книге Иствуда Атватера «Я Вас слушаю...», вышедшей в издательстве «Экономика» в 1984 и повторно в 1988 году.

современном языке называют наградой, а не комплиментом. Комплимент есть незаслуженная похвала, а награда — похвала заслуженная. Нет ничего легче, чем научиться дежурным комплиментам, говоря женщинам, что они хорошо выглядят, а мужчинам — что они умны. Для того чтобы поступать так, можно не видеть другого человека и не слушать его. Умение же награждать основано на внимании к другому человеку, потому что во внешности, поведении и словах другого человека нужно найти и отметить то, что действительно достойно похвалы. Поэтому комплименты ценятся так дешево, а награды дорого. Карнеги, несомненно, имеет в виду именно награды, а не комплименты, хотя в его время эта терминология не использовалась.

При всех ее достоинствах данную книгу не следует воспринимать догматически. Применение правил, как и их нарушения должны быть осмысленными. Надо всегда помнить, что универсальных рецептов успеха не существует. И не забывать о своей индивидуальности, которая является одной из высших ценностей. Именно потому, что вы — это вы, не каждое правило вам подходит, даже если оно хорошо во всех отношениях. Как сказано у Козьмы Пруткова, «не всякому человеку даже гусарский мундир к лицу».

Завершим выступление, как это и рекомендует Д. Карнеги, стихотворными строками. В свое время они были написаны А. С. Пушкиным в альбом Павла Вяземского, семилетнего сына Петра Андреевича Вяземского, друга великого поэта.

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

В. П. Зинченко,
доктор психологических наук, профессор

Ю. М. Жуков,
кандидат психологических наук

не компли-
хвала, а на-
легче, чем
женщинам,
о они умны.
деть другого
ждать осно-
тому что во
века нужно
ойно похва-
во, а награ-
иду именно
мя эта тер-

не следует
равил, как
ыми. Надо
успеха не
дуальности,
ей. Именно
о вам под-
ениях. Как
овеку даже

екомендует
время они
Павла Вя-
ча Вязем-

Зинченко,
профессор
М. Жуков,
ских наук

КАК ВЫРАБАТЫВАТЬ УВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ И ВЛИЯТЬ НА ЛЮДЕЙ, ВЫСТУПАЯ ПУБЛИЧНО

Перевод Ю. В. Семенова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

Альберони Ф. Дружба и любовь: Пер. с итал.

Автор — известный итальянский социолог и психолог, имеющий многочисленные публикации по нравственным вопросам человеческих отношений. Предлагаемая книга состоит из двух его работ, вышедших в Италии отдельными многотиражными изданиями — «Дружба» и «Любовь». Автор живым, образным языком рассказывает об удивительных человеческих чувствах дружбы и любви, о том, как они возникают и расцветают, что их губит и разрушает.

Рекомендуется самым широким кругам читателей, особенно молодежи.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на то, что полные тексты популярных книг американского специалиста в области человеческих отношений Дейла Карнеги (1888—1955) никогда не издавались в СССР массовыми тиражами, у нас в стране его имя известно широкому кругу людей. Во-первых, сокращенные переводы и рефераты отдельных текстов публиковались в общедоступных журналах*, во-вторых, кое-что выходило небольшими тиражами «для служебного пользования» и, наконец, сделанные по заказу организаций и «просто так» переводы перепечатывались, ксерокопировались, размножались иным способом (доводилось видеть экземпляры, изготовленные на матричных принтерах ЭВМ) — и все это передавалось из рук в руки, читалось и перечитывалось. В различных работах, адресованных специалистам или широкой публике, имя Карнеги упоминалось с различными оттенками неодобрения или одобрения. Так или иначе, его имя, что называется, «на языке».

Но влияние произведений Д. Карнеги несравненно шире. И даже многие из тех, кто никогда не слышал его имени, встречались со следами воздействия его книг, так как встречались с людьми, практикующими «систему Карнеги», и поэтому на себе испытали, сами того не сознавая, способы обращения, которые рекомендует этот автор.

В чем же секрет особой популярности Карнеги? Ведь людей, строящих свою жизнь «по Карнеги», пожалуй, больше, чем стремящихся жить «по Толстому» или «по Руссо». Если говорить совсем коротко, то секрет в том, *о чем* пишет Карнеги и *как* пишет Карнеги.

Три книги Д. Карнеги — «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», «Как вырабатывать уверенность в себе, выступая публично» и «Как

---

* Издающийся в Новосибирске журнал «ЭКО» в шести номерах публиковал сокращенный перевод наиболее известного труда Д. Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей» (1978, № 4—6; 1979, № 1—3), а журнал «Социологические исследования» познакомил своих читателей с отдельными извлечениями из другой книги — «Как перестать беспокоиться и начать жить» (1987, № 6; 1988, № 2—3).

перестать беспокоиться и начать жить» (последняя — с некоторыми сокращениями) — относятся к несколько непривычному для нашего читателя жанру — жанру «поучений». Для российского дореволюционного читателя он был привычен, привычен он в настоящее время и на Западе (да и на Востоке), но приобрел там новые стилевые особенности, отличающие современные образцы этого жанра от неторопливых и размеренных назидательных текстов прошлых столетий. Лаконизм, конкретность, доходчивость — вот нынешний стиль. Правда, доходчивость «поучений», адресованных «человеку с улицы», доводится иной раз до примитивизма, вызывает скептическую усмешку у интеллектуалов. Таковы многочисленные вариации ряда авторов на темы: «Как подцепить девчонку», «Как заарканить парня», «Как управлять своим шефом», «Как сорвать банк» и т. д. и т. п. К счастью, Дейлу Карнеги удается не соскальзывать в развлекательность и плоскости. Характеризуясь динамизмом и конкретностью, его текст привлекает к себе внимание, хотя и неназойливо. Привлекательность обусловлена не стилистическими ухищрениями, а широтой и разнообразием рекомендаций. Но способом изложения не исчерпывается перечень достоинств книг Д. Карнеги. Суть — в их содержании.

Одна книга посвящена тому, как приобретать друзей; другая — как добиться признания и успеха, выступая публично; третья — как беречь свои нервы. Успех, друзья, здоровье — для многих, очень многих людей это непременные слагаемые человеческого счастья. И Карнеги берется сформулировать правила, как достичь этого счастья. Сумел ли он выполнить эту задачу? Трудно дать однозначный ответ на этот вопрос. Но то, что такие попытки всегда вызывают повышенное внимание, несомненно. И это внимание автор во многом оправдывает. Читатель может найти в тексте много мыслей, заслуживающих вдумчивого отношения, вызывающих то желание согласиться, то сомнение, а то и неприятие (а может и не найти — смотря как искать). Этим текст и хорош. И даже то, что кажется неприемлемым, трудно отбросить с порога. Ибо все стремится быть основательным, опереться на логику и факты, на мысль. Ярлык доморощенного мудреца, который нередко навешивают на Карнеги, не держится. Дейл Карнеги и не претендует

на построение своеобычной философии жизни. Скорее он пытается донести извечную мудрость человечества тому же человечеству, предварительно ее отретушировав, упаковав и снабдив, где это только возможно, инструкциями по применению этих мудростей для решения проблем частной жизни. Житейская мудрость — составная часть общечеловеческой культуры, и, как и всякая другая составляющая культурного наследия, она нуждается в изучении, систематизации и пропаганде, а также в дальнейшем развитии. Работы Карнеги, собранные под переплетом книги, лежащей перед вами, читатель, являются хорошими образцами работ в этом направлении, образцами яркими и добротными одновременно. Здесь изречения известных мыслителей, пословицы, научные данные сопоставляются со здравым смыслом, применяются для решения проблем сегодняшнего дня, проходят проверку на практичность. И тут же предлагаются потребителю. Нужда в таких книгах есть не только у деловых людей, желающих развить свой успех, не только у издерганного городской суетой и деревенской маятой населения, стремящегося оздоровить общественный климат, но и у серьезных специалистов по человеческому фактору.

В настоящее время перед науками о человеке стоит задача выработки стратегии познания человека и организации фундаментальных комплексных исследований. Такая постановка задачи обусловлена тем, что в наше время изучение человека вышло далеко за пределы специальных наук о нем и превратилось в общую проблему всей системы научного познания.

Положение дел в науках, изучающих человека, специалисты не раз сравнивали с сооружением Вавилонской башни. И как уже стало ясно, проблема не решается автоматически на пути развития междисциплинарных исследований. Более того, расширение междисциплинарных связей приводит скорее к росту дисциплинарного Эвереста, появлению новых рядов гибридных дисциплин типа психофизики, психобиологии, психолингвистики и даже социобиологии и т. д. Один из путей преодоления продолжающегося дробления наук о человеке — это создание, помимо непосредственных стыков, некоего опосредующего звена, которым должен стать образ целостного человека, воплощающий в себе

представление о личности, способной к осуществлению свободного и ответственного действия.

Возникает законный вопрос, а где взять этот образ целостного человека, ведь он уже «растащен» многочисленными науками, да и многочисленными практиками. Правда, у последних он представлен полнее. Здесь уместно вспомнить старые термины: «человековедение» и «человекознание». Выберем первый. Человековедение — особая сфера, в создании которой на равных принимают участие наука, культура, искусство, практика, понимаемые в самом широком смысле. Оно растет и развивается вместе с ними, вместе с историей общества. И было бы наивно представлять себе дело таким образом, будто его нужно строить как особую специальную науку или сумму, систему наук. Оно существует и без этого. Иное дело, что нужно попытаться дать себе отчет, а что же оно собой представляет на нынешнем этапе развития общества, культуры. Именно человековедение должно учить нас культуре изучения человека, обращения с ним. Оно обеспечивает культурный и этический контекст, вне которого не могут полноценно развиваться науки о человеке, да, видимо, и все другие науки, которые сейчас, по словам лауреата Нобелевской премии И. Р. Пригожина, должны стать гуманитарными, то есть иметь своей мерой человека. Вне этого контекста невозможны гуманитарные техники и психотехники, понимаемые в широком смысле этого слова (медицинские, психотерапевтические, педагогические, эргономические, социальные, коммуникативные, даже идеологические).

И беда, когда педагогика, медицина, психология, социология, эргономика выпадают из этого контекста. Это же относится и к обществоведению, которое не может развиваться без человековедения. Да оно, по сути дела, и развивалось лишь в той мере, в какой было с ним связано. Вне контекста человековедения исследования человека в фундаментальных и прикладных науках вольно или невольно делают его либо предметом изучения, подобным предметам естественных наук, либо средством достижения некоторых социальных или технических целей.

Выше уже говорилось, что у практиков образ человека представлен полнее, чем у теоретиков. Сказанное относится и к содержанию данной книги, ибо оно явля-

ется не чем иным, как описанием специфической практики — практики оказания помощи людям в решении их проблем. Поэтому интересно проанализировать отношение идей, развиваемых Д. Карнеги, к науке или, точнее, к контексту научных дисциплин, изучающих человека.

Карнеги, щедро цитирующий политиков, бизнесменов, врачей и поэтов, довольно редко ссылается на ученых. Среди тех, для кого делается исключение, — Уильям Джеймс, американский философ и психолог конца XIX — начала XX века, один из авторов периферической теории эмоций (теория Джеймса — Ланге), согласно которой эмоциональные переживания есть просто ощущения изменений, происходящих в теле человека или животного. Известно парадоксальное высказывание Джеймса: «Мы печалимся потому, что плачем; боимся потому, что дрожим; радуемся потому, что смеемся». Для Карнеги теория Джеймса, скомпрометировавшая себя в академических кругах, но удивительно хорошо согласующаяся с современной методологией аутотренинга, привлекательна прежде всего потому, что подсказывает путь к произвольной регуляции эмоциональных состояний. И Карнеги привлекает авторитет Джеймса для обоснования своих рецептов урегулирования эмоциональной сферы.

Однако связь работ, написанных Карнеги, с наукой не ограничивается не очень частыми ссылками на немногие и уже несколько старомодные теории. Не будет безосновательным утверждать, что Карнеги дает современной науке больше, чем взял от нее, хотя вроде бы и не претендует на что-то большее, чем популяризаторство. Чтобы как-то оправдать это далеко не очевидное утверждение, посмотрим, что же составляет основное содержание всех трех книг. Это — набор всяческих правил достижения успеха в жизни. А понятие правил в современных гуманитарных науках претендует на роль, аналогичную той, какую понятие законов играет в науках естественных.

Ценность такого перечня правил не только в том, что некоторые из них можно заимствовать и взять в свой арсенал, но и в том, что он вдохновляет на поиски собственных вариантов, поскольку достаточно явно предстает как принципиально открытый для добавлений, уточнений и исправлений.

Система «правил Карнеги» содержит в себе неувязки, а иной раз самые настоящие противоречия. Попытка следовать всем правилам сразу может оказаться неудачной. Попробуйте одновременно реализовать принцип «будь искренен в выражении своих чувств» и принцип «веди разговор в русле интересов собеседника» в случае, когда интересы вашего собеседника вам лично неинтересны. Здесь явное противоречие. Но это свойство всех жизненных систем. Знание правил не избавляет от необходимости искать и находить, думать и придумывать. И иной раз выход может быть найден путем поиска тем разговоров, интересующих всех участников беседы. А в другом случае страстная заинтересованность в самом собеседнике сделает увлекательной ту тему, которая сама по себе никогда до той поры не казалась привлекательной. Да мало ли можно найти путей решения проблем, если есть желание и мастерство.

И еще об одном «слабом месте» книги. Автор, как правило, говорит, *что* нужно сделать, но не всегда показывает, *как* это делается. Так, призыв «будьте внимательными слушателями» не может вызвать никаких возражений; он понят и принят, однако встает вопрос: «А как быть внимательным собеседником, если внимание то и дело отвлекается и рассеивается?» Вместо того чтобы растолковать, какие же существуют средства организации своего слушания и как их эффективно использовать, Карнеги раз за разом приводит примеры, демонстрирующие важность внимательного слушания. Но не стоит судить автора столь строго. Когда писалась книга, мало что было известно о техниках слушания *, да и оценивать текст нужно прежде всего по тому, что в нем есть, а не по тому, чего в нем не хватает. Кроме того, пытаться словами описать технику общения — занятие архитрудное и неблагодарное, все равно по книге этому научиться по-настоящему невозможно.

Нередко Карнеги обвиняют в том, что он учит людей искусству делать комплименты, науке изощренной лести. Данные обвинения зиждутся на неправильном понимании пафоса книги. То, о чем ведет речь Карнеги, на

---

* С ними читатель может познакомиться в книге Иствуда Атватера «Я Вас слушаю...», вышедшей в издательстве «Экономика» в 1984 и повторно в 1988 году.

современном языке называют наградой, а не комплиментом. Комплимент есть незаслуженная похвала, а награда — похвала заслуженная. Нет ничего легче, чем научиться дежурным комплиментам, говоря женщинам, что они хорошо выглядят, а мужчинам — что они умны. Для того чтобы поступать так, можно не видеть другого человека и не слушать его. Умение же награждать основано на внимании к другому человеку, потому что во внешности, поведении и словах другого человека нужно найти и отметить то, что действительно достойно похвалы. Поэтому комплименты ценятся так дешево, а награды дорого. Карнеги, несомненно, имеет в виду именно награды, а не комплименты, хотя в его время эта терминология не использовалась.

При всех ее достоинствах данную книгу не следует воспринимать догматически. Применение правил, как и их нарушения должны быть осмысленными. Надо всегда помнить, что универсальных рецептов успеха не существует. И не забывать о своей индивидуальности, которая является одной из высших ценностей. Именно потому, что вы — это вы, не каждое правило вам подходит, даже если оно хорошо во всех отношениях. Как сказано у Козьмы Пруткова, «не всякому человеку даже гусарский мундир к лицу».

Завершим выступление, как это и рекомендует Д. Карнеги, стихотворными строками. В свое время они были написаны А. С. Пушкиным в альбом Павла Вяземского, семилетнего сына Петра Андреевича Вяземского, друга великого поэта.

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

В. П. Зинченко,
доктор психологических наук, профессор.
Ю. М. Жуков,
кандидат психологических наук.

ДЕЙ...
КАРНЕГИ

КАК ЗАВОЕВЫВАТЬ ДРУЗЕЙ
И ОКАЗЫВАТЬ
ВЛИЯНИЕ
НА ЛЮДЕЙ

ПРОГРЕСС Москва

ний восторг перед всеми прекрасными сокровищами, ко-
торые она приобрела во время своих путешествий и бе-
регла всю жизнь: шалями из города Пейсли[1], старинным
английским чайным сервизом, веджвудским фарфором,
французскими кроватями и стульями, итальянскими кар-
тинами и шелковыми драпировками, в свое время висев-
шими в каком-то французском замке.

«После того как она показала мне дом, — рассказы-
вает Р., — она повела меня в гараж. Там был подвешен
на блоках автомобиль марки «паккард» — почти новый.

«Муж купил эту машину незадолго до своей кончи-
ны, — сказала она тихо. — После его смерти я ни раз
на ней не ездила... Вы понимаете толк в хороших вещах,
и я хочу подарить вам эту машину».

«Да что вы, тетя, — запротестовал я, — вы чересчур
добры. Я ценю, конечно, вашу щедрость, но вряд ли мо-
гу воспользоваться ею. Ведь я даже не родня вам. У ме-
ня есть новая машина, а у вас много родных, которым
хотелось бы иметь этот "паккард"».

«Родные! — воскликнула она. — Да, у меня есть род-
ные, которые только и ждут, когда я умру, чтобы полу-
чить эту машину. Но она им не достанется».

«Если вы не хотите подарить им ее, вы очень легко
можете продать ее торговцу подержанными автомобиля-
ми», — сказал я.

«Продать ее! — вскричала она. — Вы думаете, я ко-
гда-нибудь продам эту машину? Вы думаете, что я смог
стерпеть, видя, как чужие будут разъезжать по улице
в машине, которую купил для меня мой муж? Мне и в го-
лову не придет продавать ее. Я отдам ее вам. Вы пони-
маете толк в красивых вещах».

Он пытался уклониться от неожиданного подарка, но
не мог это сделать, не обидев старушку.

Эта старая дама, оставшаяся совершенно одна в боль-
шом доме со своими шалями из города Пейсли, фран-
цузскими антикварными вещами и воспоминаниями, из-
голодалась хотя бы по небольшому вниманию к себе.
В свое время она была молода, красива и желанна. Она
построила когда-то дом, согретый любовью, и собирала
вещи по всей Европе, чтобы украсить его. Теперь, в свои

---

[1] Город в Шотландии, где изготавливались шали типа кашеми-
ровых. — *Прим. ред.*

сти, больше того — личной безопасности. В браке нужна не откровенность, а дипломатия.

Если вы хотите великолепно питаться каждый день, никогда не критикуйте жену за то, как она ведет домашнее хозяйство, и не проводите в этой связи каких-либо оскорбительных сравнений между ней и вашей матерью. Напротив, вы должны постоянно хвалить ее хозяйственные способности и громогласно поздравлять себя с тем, что женились на единственной женщине, которая сочетает в себе все достоинства Венеры, Минервы и идеальной хозяйки. Не жалуйтесь, даже если бифштекс похож на подметку, а хлеб превратился в уголь. Просто отметьте, что сегодня обед не на обычном для нее уровне совершенства, и она добровольно ляжет на жертвенный огонь кухонной плиты, чтобы быть достойной вашего идеалистического представления о ней».

Не прибегайте к такому методу действий слишком внезапно, иначе она что-то заподозрит.

Но сегодня же вечером или завтра принесите ей цветы или коробку конфет. Не ограничивайтесь признанием: «Да, мне следовало бы это сделать раньше», а сделайте это! И одарите ее вдобавок улыбкой и несколькими теплыми словами привязанности. Интересно, разбивался ли бы у нас на скалах Рино[1] один брак из каждых шести, если бы побольше жен и мужей следовали такой тактике?

Хотите знать, как заставить женщину влюбиться в вас? Ну что же, поделюсь с вами секретом. Он даст хорошие результаты. Идея эта не моя, я позаимствовал ее у Дороти Дикс. Однажды она брала интервью у знаменитого многоженца, который завоевал сердца и сберегательные книжки двадцати трех женщин. (Кстати, следует отметить, что интервью это она брала у него в тюрьме.) Когда она спросила, как ему удается заставлять женщин влюбиться в него, он ответил, что это совсем не трудно: все, что надо делать, — это говорить с женщиной о ней самой.

Тот же метод применим и к мужчинам. «Говорите

---

[1] Рино — город в штате Невада, куда приезжает множество американцев, желающих получить развод, оформление которого не связано здесь с обычными трудностями и проволочками. — *Прим. ред.*

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (РАУ)

Объединим наши сердца, духовные силы и материальные средства для решения «горячих» проблем современной цивилизации — помощи одиноким старикам и больным детям, облегчения страдания инвалидов, в том числе и афганской войны. Все это — цепи международной акции «Караван милосердия», которую намечено провести в 1991 году.

НАША СЦЕНА — ВЕСЬ МИР,
НАШ ПРИНЦИП — БЕСКОРЫСТИЕ,
НАШ ПУТЬ — МИЛОСЕРДИЕ

Если вы сочувствуете нашим идеям, поддержите инициативу. Наш расчетный счет 161804 в Молодежном коммерческом банке ЦОУ при Госбанке СССР г. Москвы, МФО 299112. (РАУ, р/сч. 345051 для акции «Караван милосердия»).

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Издательско-полиграфическое объединение ВЦСПС Профиздат, выпустившее эту книгу, и Всесоюзный фонд «Оздоровление и спорт» предлагают вам стать участниками доброго дела — внести свой взнос в помощь инвалидам афганской войны, которые нуждаются в особой заботе общества, а значит, каждого из нас.

Цена на эту книгу установлена с надбавкой, которая будет переведена на конкретные благотворительные цели.

Информацию о том, куда именно будут направлены эти средства, Всесоюзный фонд «Оздоровление и спорт» обязуется публиковать в печати, а также сообщать во время проведения крупных всесоюзных и международных соревнований.

Издательско-полиграфическое объединение
ВЦСПС Профиздат
Всесоюзный фонд «Оздоровление и спорт»

...забить коллективно, особенно в праздники и юбилеи. Это действительно и проще, и легче. Собрать всех по какому-то поводу, провести мероприятие, чтобы затем отчитаться за него. На долгое же, индивидуальное чувство к конкретному человеку нас, как правило, не хватает. Мы уже забыли сотни и тысячи живущих рядом с нами ветеранов, инвалидов Великой Отечественной, не говоря об участниках этой, хотя и близкой, но не объявленной, а оттого и не всегда понятной войны.

Однако, начиная по-новому осмысливать свое нынешнее бытие, мы все чаще приходим к простой и удивительно ясной мысли: существует не только долг человека перед страной, мера возросшей социальной ответственности перед обществом, но и не меньший гуманный долг страны перед человеком.

Именно о гуманизме напоминает книга «После Афганистана». О гуманизме, без которого не мыслим социализм, так же как не мыслим он без демократии, без той свободы слова и мысли, которые дают нам возможность честно и правдиво говорить об афганской войне, которая, хотелось бы того или нет, суровой и горькой строкой войдет в историю.

И книга И. Дынина, как и всякая книга, построенная на документальной основе, думаю, поможет в чем-то осмыслить и оценить то, что было в судьбе нашей страны, нашего народа, что отмечено двумя датами 1979—1989. Датами, вместившими в себя куда больше, чем обычные календарные годы.

Владимир Муссалитин

Вот уже долгие годы мы говорим и думаем об Афганистане. Его военная трагедия — часть нашей социальной, духовной трагедии. Тысячи погибших, десятки тысяч покалеченных... Ради чего? Этот вопрос обязательно задаст читатель этой книги. Автор предлагает свои ответы, понимаю его аргументы. И все же вопрос «Ради чего?» не дает покоя. Задаю его себе и при каждой встрече с Александром Карпенко, прошедшим через горнило страшной афганской войны. Вглядываюсь в его обожженное лицо, в глаза, по которым «не скажут вам метрики сколько нам лет». Больно перехватывает горло, появляется спазм, вызванный ощущением полной незащищенности личности перед командно-административ-

Владимир Высоцкий

130 ПЕСЕН ДЛЯ КИНО

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий сборник составили песни Высоцкого, написанные для кино или же сочиненные раньше — не по заказу, — но предложенные впоследствии автором для той или иной картины. Далеко не все из них вошли в фильмы, но большинство их известно любителям творчества поэта и певца по магнитным лентам.

Рассказ о работе Высоцкого в кино, предваряющий песенные циклы, тоже фрагментарно знаком его поклонникам по концертным фонограммам. Он не был написан самим автором, не было все это и произнесено им в качестве единого монолога. Мы взяли на себя смелость обобщить и свести воедино по возможности все сказанное Высоцким о кино на сотнях публичных выступлений и в интервью, известных нам сегодня в магнитофонной записи и хранящихся в собрании Комиссии по творческому наследию В.С.Высоцкого при Всесоюзном совете клубов самодеятельной (авторской) песни. То есть каждый факт, каждая мысль этой главы подтверждены живым словом Владимира Высоцкого. Мы старались не интерпретировать отдельные — не совсем ясно сформулированные — положения, не хотели сглаживать некоторые противоречия в высказываниях, а они есть: ведь записи делались в разные годы, в различных аудиториях, в различном настроении. Мы хотели, чтобы читатель сам постарался разобраться и понять, что именно имел в виду автор, услышал бы за строками текста его разговорную интонацию.

О РАБОТЕ В КИНО

Профессия актера, может быть, больше, чем другие, привлекает внимание: к человеку на экране или на сцене всегда возникает какой-то повышенный интерес.

Многие считают, что у актеров легкая жизнь — только цветы, поцелуи, поклонницы, аплодисменты, — это неправда. Это серьезная трудная работа. Я считаю, не существует легких профессий, денег задаром никому не платят, — кстати, правильно делают. (Бывают моменты, когда платят деньги ни за что, но хорошо бы это изживать.) Мы тоже очень много работаем, чтобы в конце выйти перед вами с улыбкой, но зрители видят только результат и не замечают нашей закулисной работы, наши огонь, воду и медные трубы. Кстати, очень многие не выдерживают испытания медными трубами: огонь выдерживают, и воду все проходят, а вот медные трубы — немногие.

Единственное, чем наша профессия отличается от других, — в ней есть немедленная отдача. Ведь для чего в идеале человек работает? Чтобы какой-то след оставить, что-то принести людям, государству, человечеству. Я уже не говорю, что каждый это ощущает, но и результат любого труда, гуманизм работы, философия ее — в этом. Конечно, цель каждой работы — принести людям какую-то радость: неважно — сейчас, завтра, через много лет... В науке, очевидно, эта отдача происходит позже, чем у актеров: мы работаем и тут же видим — на сцене или на экране, — доставили мы удовольствие зрителям, пробудили у них добрые чувства или нет, — это ведь и призвано делать искусство... Так что все мы, в общем, работаем на равных.

Теперь я постараюсь очень коротко рассказать о своей работе в кино. И не только — о своей, а вообще о работе в кино. Я не буду, конечно, рассказывать никаких фактов своей биографии — когда учился, когда поступил, когда женился, когда родились дети, — это никому не интересно. Меня, например, абсолютно не интересует, кто из сидящих здесь в зале сколько раз был женат, — это личное дело каждого.

Хотя за границей есть даже журналы, — они очень много разговаривают об интимной жизни артистов... Закулисные всякие истории, и с напечатанием фотографий — но все это плохо кончается. Вы знаете, что американская актриса Мэ-

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3
О работе в кино 4

Я РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА
Песня о госпитале 54
Песня о звездах 55
"В холода, в холода..." 55
Высота 56
Штрафные батальоны 57
Братские могилы 57
"Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог..." 58

ПОСЛЕДНИЙ ЖУЛИК
"Здравствуйте, наши добрые зрители..." 60
"Здесь сидел ты, Валет..." 61
О вкусах не спорят 61
"Вот что: жизнь прекрасна, товарищи..." 62

САША-САШЕНЬКА
Песня-сказка о старом доме на Новом Арбате 66
"Дорога, дорога, счета нет шагам..." 67
Песня парня у обелиска космонавтам 68

ВЕРТИКАЛЬ
Песня о друге 70
"Свои обиды каждый человек..." 71
Скалолазка 71
Здесь вам не равнина 72
Военная песня 73
Прощание с горами 74

КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ
Песня-сказка о нечисти 77
Дела 79

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
Спасите наши души 81

ИНТЕРВЕНЦИЯ
Песня Саньки 85
"Передо мной любой факир — ну просто карлик..." 86
Гром прогремел 86
"До нашей эры соблюдалось чувство меры..." 87
Песня Бродского 88

ИВАН МАКАРОВИЧ
Письмо 91

КАРАНТИН
"Красивых любят чаще и прилежней..." 93
"Вот и разошлись пути-дороги вдруг..." 93
"Давно смолкли залпы орудий..." 94

ХОЗЯИН ТАЙГИ
Дом хрустальный 97
Песня Рябого 97

МОЙ ПАПА — КАПИТАН
"Сколько чудес за туманами кроется..." 100
Еще не вечер 101

Песенка ни про что, или Что случилось в Африке 102
ОПАСНЫЕ ГАСТРОЛИ
Куплеты Бенгальского 105
Цыганская песня 106
Баллада о цветах, деревьях и миллионерах 107
Романс 108
ВОЙНА ПОД КРЫШАМИ. СЫНОВЬЯ УХОДЯТ В БОЙ
Аисты 111
"У нас вчера с позавчера..." 112
Песня о новом времени 113
Песня о Земле 114
Он не вернулся из боя 115
Сыновья уходят в бой 116
Темнота 117
БЕЛЫЙ ВЗРЫВ
"Ну вот, исчезла дрожь в руках..." 119
К вершине 120
ВНИМАНИЕ, ЦУНАМИ!
"Долго же шел ты в конверте, листок..." 122
Цунами 123
ОДИН ИЗ НАС
"Бросьте скуку, как корку арбузную..." 125
Романс 125
Танго 126
АНТРАЦИТ
Марш шахтеров 129
ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ
"Оплавляются свечи..." 131
ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ
"Неужели мы заперты в замкнутый круг?.." 133
ЗЕМЛЯ САННИКОВА
Белое безмолвие 135
Баллада о брошенном корабле 136
Кони привередливые 138
РЕЙС ПЕРВЫЙ — РЕЙС ПОСЛЕДНИЙ
Дорожная история 141
МОРСКИЕ ВОРОТА
"В день, когда мы, поддержкой земли заручась..." 144
"Всему на свете выходят сроки..." 145
Пиратская 147
"Когда я спотыкаюсь на стихах..." 148
КОНТРАБАНДА
Танго 151
"Сначала было Слово печали и тоски..." 152
ИВАН ДА МАРЬЯ
Скоморохи на ярмарке 154
Свадебная 158
Выезд Соловья-разбойника 159
Серенада Соловья-разбойника 160
"Если в этот скорбный час..." 162
Солдатская песня
I. Грустная 163

II. Походная 164
Солдат с победою 165
Куплеты кассира и казначея 166
Куплеты нечистой силы 167
Солдат и привидение 168
Песня Марьи 169
Иван да Марья 170
Частушки 171
ЕДИНСТВЕННАЯ ДОРОГА
Расстрел горного эха 175
Песня Солодова 175
"Если где-то в глухой неспокойной ночи..." 177
ОДИНОЖДЫ ОДИН
Песня Вани у Марии 179
Песня о черном и белом лебедях 180
Величальная отцу 181
Частушки к свадьбе 181
Студенческая песня 182
Частушки 183
Грустная песня о Ванечке 185
Песня Вани перед студентами 186
ЗНАКИ ЗОДИАКА
О знаках зодиака 188
ЕДИНСТВЕННАЯ
Очи черные
I. Погоня 191
II. Старый дом 192
БЕГСТВО МИСТЕРА МАК-КИНЛИ
Баллада о маленьком человеке 196
Баллада о Кокильоне 199
Прерванный полет 201
Марш футбольной команды "медведей" 203
Баллада о манекенах 204
Песня Билла Ситера 208
Мистерия хиппи 210
Баллада об оружии 212
Баллада об уходе в рай 216
СТРЕЛЫ РОБИН ГУДА
Песня о времени 220
Песня о вольных стрелках 221
Баллада о Любви 222
Песня о двух погибших лебедях 224
Песня о ненависти 225
Баллада о борьбе 226
СКАЗ ПРО ТО, КАК ЦАРЬ ПЕТР АРАПА ЖЕНИЛ
Купола 230
Разбойничья 231
ВЕТЕР НАДЕЖДЫ
Начальная песня 234
Одна научная загадка, или Почему аборигены съели Кука 235
"Вы в огне да и в море вовеки не сыщете брода..." 236
Шторм 237
Гимн морю и горам 238
Мореплаватель-одиночка 239

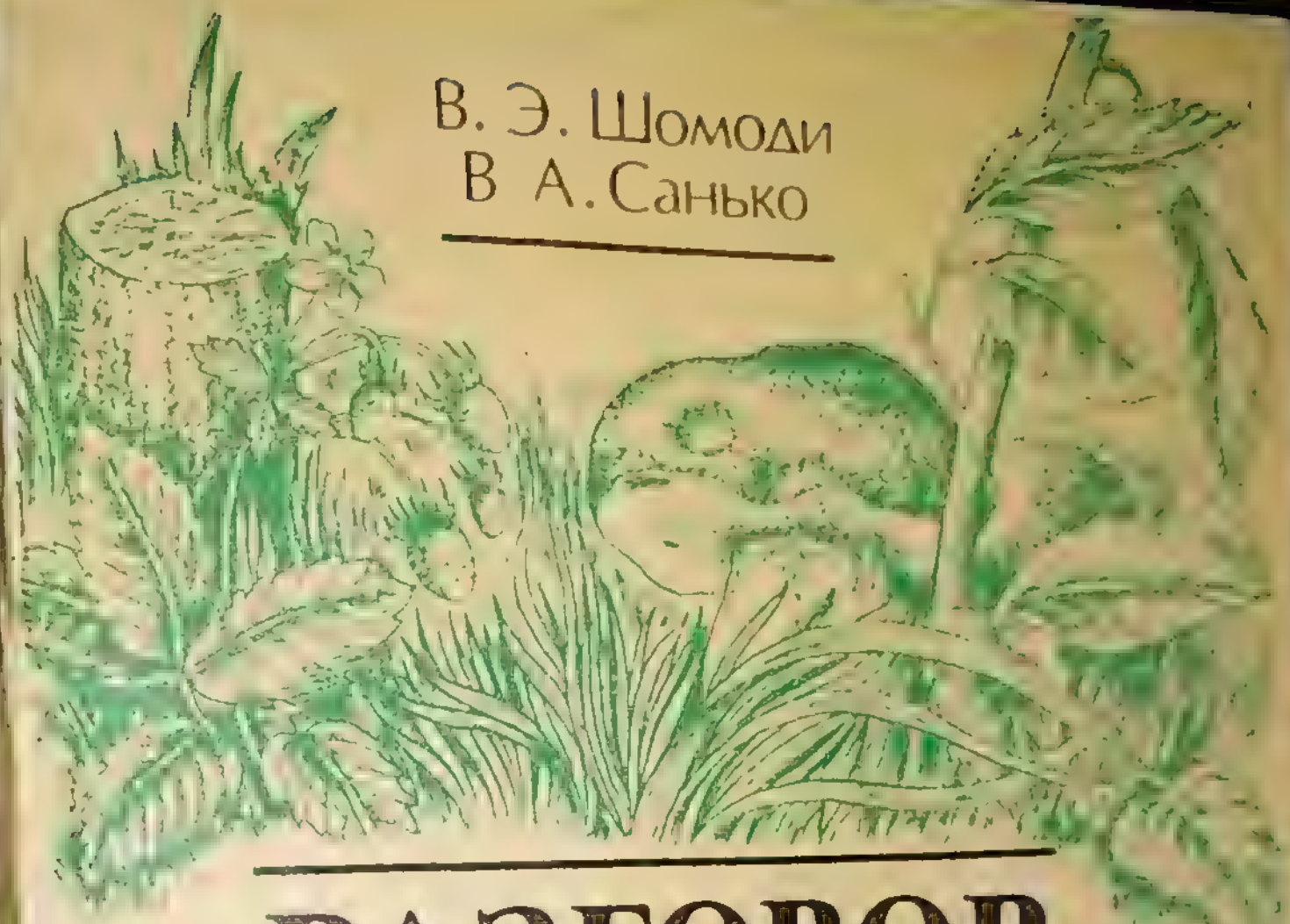
ВООРУЖЕН И ОЧЕНЬ ОПАСЕН
Расскажи, дорогой 243
Не грусти 244
Вооружен и очень опасен 246
Живучий парень 247
"Живу я в лучшем из миров..." 248
"Это вовсе не френч канкан..." 249
ВТОРАЯ ПОПЫТКА ВИКТОРА КРОХИНА
Баллада о детстве 252
ЗАБУДЬТЕ СЛОВО СМЕРТЬ
Пожары 258
МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ
О конце войны 261
ТОЧКА ОТСЧЕТА
Белый вальс 264
"Так случилось — мужчины ушли..." 266
Песня о двух красивых автомобилях 267
Затяжной прыжок 269
НАШЕ ПРИЗВАНИЕ
Гимн школе 273
ЗЕЛЕНЫЙ ФУРГОН
"Проскакали всю страну..." 275
Примечания 293

Владимир Высоцкий

130 ПЕСЕН
ДЛЯ КИНО

Редакторы В. В. Забродин, Э. Н. Мендельсон
Художественный редактор Ю. П. Фролов
Технический редактор С. Н. Орлова
Корректор Е. В. Сулькина
Сдано в набор 14.03.91. Подписано в печать 07.06.91.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 9,95.
Тираж 100 000 экз. Цена 6 р. Заказ 157.
СОЮЗ КИНЕМАТОГРАФИСТОВ СССР
Всесоюзное творческо-производственное объединение
«Киноцентр»
123376, Москва, ул. Дружинниковская, 15
Отпечатано с оригинал-макета в типографии № 1.
220041, г. Минск, Ленинский пр., 79.

В. Э. Шомоди
В. А. Санько



РАЗГОВОР С ПРИРОДОЙ

НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ

Овощные культуры и цветы	Посев семян, высадка рассады
Посадки тюльпанов, нарциссов, гиацинтов	Когда снег сойдет совсем, удобрить мочевиной (20—30 г на 1 кв. м) На бедных почвах количество удобрений удвоить
Гладиолусы	Клубнелуковицы высаживают в грунт в 20-х числах апреля и всю первую половину мая
Астры, душистый горошек, бархатцы, настурции и другие однолетние цветы	Посев семян для рассады в помещении — в марте. В конце апреля семена можно высевать в грунт

66.61(2)8
Е 58

Печатается по изданию:

Борис Ельцин. ИСПОВЕДЬ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ.— Свердловск. Средне-Уральское книжное издательство, 1990.

Оформление художника А. М. Гаранина

Заказное издание
Союза журналистов Коми АССР

Е 58 **Ельцин Б. Н.**
Исповедь на заданную тему.— Союз журналистов Коми АССР, 1990.— 192 с.
ISBN 5-7555-0294-3

Автор, Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин, открыто, прямо и честно рассказывает о своей работе в Свердловской области, в ЦК КПСС, в Московском горкоме партии, высказывает свои взгляды на сегодняшние проблемы перестройки, на политическую и экономическую ситуацию в стране, на борьбу идей.

В книге делаются личные оценки автора политическим деятелям, обстановке в «верхних эшелонах» власти. Сам автор вышел из КПСС.

66.61(2)8

Е $\frac{0803010000 - 074}{М\ 128(03) - 90}$ без объявл.— 90 м

ISBN 5-7555-0294-3

© Борис Николаевич Ельцин, 1990.
© Оформление. Гаранин А. М., 1990.

К ЧИТАТЕЛЮ

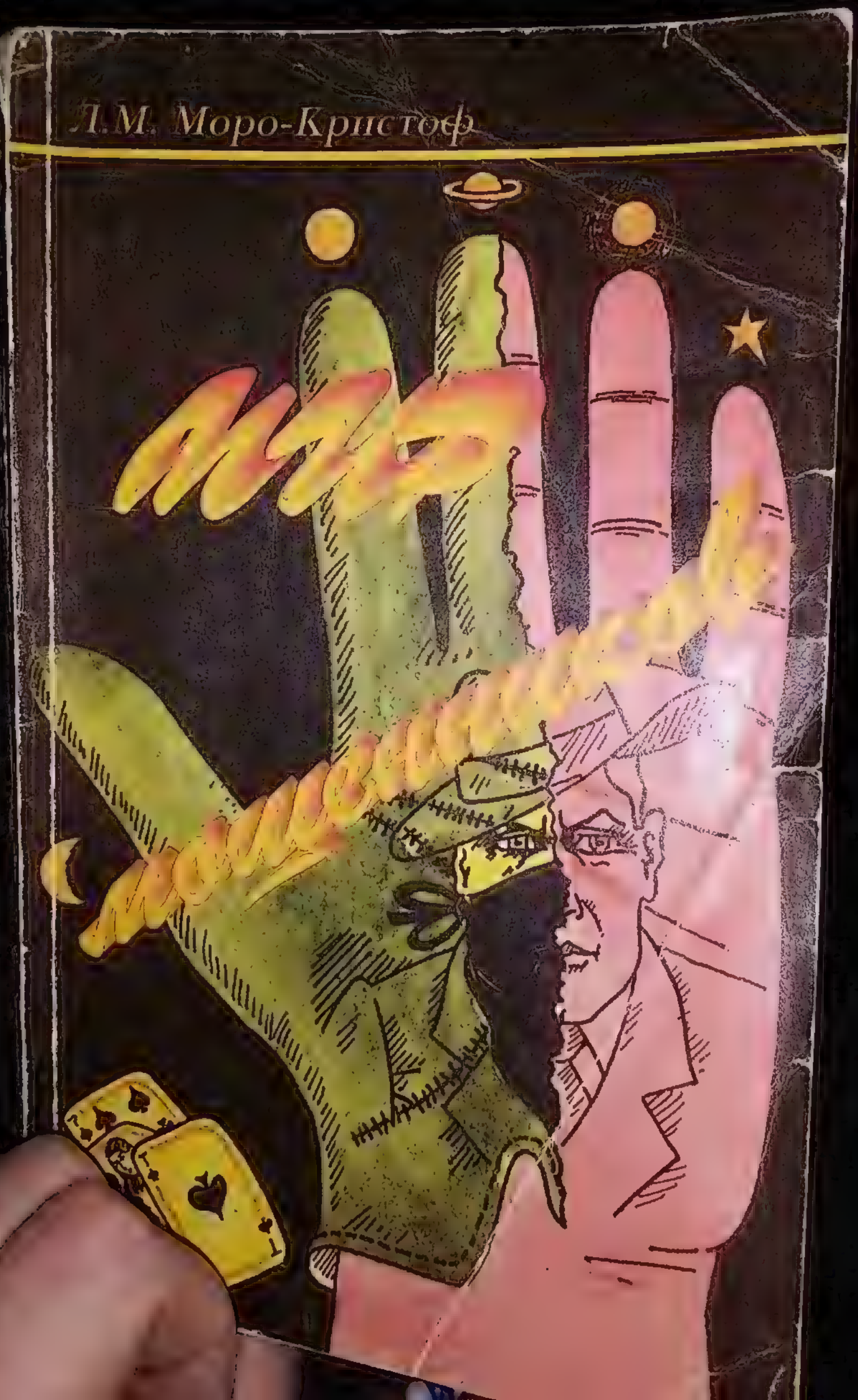
Когда выйдет эта книга, мы надеемся, что в экономической и политической жизни страны многое уже изменится. Тем не менее, она надолго останется актуальной, потому что в ней вы найдете уроки жизненной и политической борьбы, острую характеристику социальной обстановки, людей, стоящих у власти, почувствуете ту сложную и неоднозначную атмосферу, в которой идет перестройка и живут политические лидеры страны.

«Исповедь...» Б. Н. Ельцина не раз выходила в нашей стране и за рубежом, успела получить международную литературную премию «Капри-90». Будучи в Коми республике, Борис Николаевич напутствовал наше издание добрым словом.

ПО ПРОСЬБЕ АВТОРА ВЕСЬ ГОНОРАР ЗА КНИГУ БУДЕТ ПЕРЕДАН НА СТРОИТЕЛЬСТВО ГОСТИНИЧНОГО КОМПЛЕКСА «МАТЬ И ДИТЯ» В Г. СЫКТЫВКАРЕ. В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, СОЮЗ ЖУРНАЛИСТОВ КОМИ АССР ЧАСТЬ ПРИБЫЛИ ОТ ИЗДАНИЯ ПЕРЕЧИСЛИТ КОМИ РЕСПУБЛИКАНСКОМУ ОТДЕЛЕНИЮ СОВЕТСКОГО ФОНДА МИЛОСЕРДИЯ И ЗДОРОВЬЯ.

В добрый путь по республике нашей, «Исповедь...»!

Л.М. Моро-Кристоф



Предисловие от издателя

Ниже всех классов общества, составляющих *мир честных людей*, существует самый низкий класс, самый ненормальный, неподчиняющийся в своих действиях правилам, которыми руководствуются все честные люди; этот класс людей составляет совершенно особенный мир, который Виктор Гюго называет le troisieme dessous, а Моро-Кристоф – *Миром мошенников* (le Monde des coquins).

Моро-Кристоф, узнавший этот темный мир через продолжительное изучение и частые наблюдения, может дать нам весьма ясное понятие о *мире мошенников*, который у В. Гюго изображен только с одной стороны (intus et in cute). Моро-Кристоф, изучавший мир мошенников во всех тюрьмах Франции и в главных тюрьмах Европы, поставил себе задачей выставить в рельефном виде этот малознакомый публике мир во всех его формах; он желает начертать нам малейшие фибры и черты его сложной физиономии, грязной, кровавой, мрачной физиономии...

В издаваемой нами книге Моро-Кристоф мастерски исполняет свою задачу, столь важную для изучения нравственности и терапевтики настоящего общества. Он решает эту задачу способом столь же новым, сколько искусным; столь же остроумным, сколько серьезным, и притом со всем свойственным ему пылом ума и слога.

Предлагая свою книгу публике, Моро-Кристоф может сказать, как говорил Монтен: «Никогда никто не изучал с таким усердием, как я, предмета, за который он брался; никто не знал изучаемого предмета лучше меня; поэтому в данном случае я имею сведений больше всех других современников моих. Никогда никто не вникал глубже меня в свой предмет, не рассматривал его старательнее меня и не достигал предположенной себе цели точнее и полнее меня. Для решения заданного себе вопроса я руководствовался одной только истиной».

Мы надеемся, что публика по прочтении предлагаемой ей книги подтвердит наше суждение о ее достоинстве.

Издатель.

Дозволено цензурой.
Москва, 8 июля 1867 года

Вместо предисловия от автора

Мнения критиков о «Мире мошенников»

Первое издание «Мира мошенников» разошлось с такой быстротой, что едва критика успела высказаться о нем. Однако многие журналы говорили об этой книге и возбудили к ней любопытство публики. Вот некоторые замечательнейшие статьи, которые послужат превосходным предисловием ко второму изданию моего сочинения.

В настоящую минуту у меня в руках книга Моро-Кристофа под заглавием *«Мир мошенников»*, и эта книга, кажется, пришла к нам прямо из *страны бедности*. При чтении ее с самого начала чувствуются холод, голод, беспомощность, нужда, уединение, смрадный воздух; воображению нашему представляется какая-то преисподняя, какой-то омут, где гнездятся мелкие преступления вместе с мелкими насекомыми, где совершенное царство мрака, где нет ни одного луча света, где все грязно, подло, отвратительно.

«Этот *омут* есть вывеска совести горсда. Здесь нет ничего скрытного, все ставится на очную ставку. В этом месте есть мрак, но нет секретов. Всякая вещь имеет свою истинную форму или, по крайней мере, определенную. Эта куча дряни имеет за себя то, что она не лжет. Здесь убежище наивности. Все грязности цивилизации поглощаются этой ямой истины. Они поглощаются, но не скрываются, а выказываются. Там нет ложной наружности, там невозможна штукатурка или маска; сволочь сбрасывает свое покрывало; здесь безусловная нагота; здесь нет мечты и призраков. Здесь одно дно бутылки уже свидетельствует о пьянстве, одна ручка корзинки для хлеба указывает на хозяйство; здесь господствуют полное равенство, полное братство...»

Мы идем далее автора *«Несчастных»*. Ниже омута существует еще клоака.

Знаете ли вы, однако, сколько совершается в этом *мире мошенников* преступлений против *собственности* каждый год? – 175600. А против *личности*? – 31900. В этот счет не вошли клеветы, пасквили, банкротства и мелкое воровство, которые забывают или которыми пренебрегают. Прибавьте к этому еще то, что ежегодно расходуется 146000000 франков на добровольную или вынужденную милостыню, да 70200000 франков, которые еже-

годно тратятся на содержание арестантов; примите также во внимание целую армию стражи: 35000 человек полевой стражи, 30000 особенной стражи, 30000 – таможенной, 15000 жандармов, 10000 – лесной стражи, 3000 полицейских комиссаров, 3000 дорожных агентов и их команда, разные другие стражи, министр юстиции, министр внутренних дел, префект полиции, 89 префектов, 379 субпрефектов, 38000 мэров, 3000 мирных судей, 2500 магистратов, президентов, вице-президентов, следственных судей, генерал-прокуроров, их помощников, секретарей, экзекуторов, 3500 ежегодных присяжных, 38000 полиции, 3000 жандармских казарм, 362 тюрьмы, 86 судов, 27 центральных исправительных домов, 86 палачей и их помощников, три галеры, 12 тюрем в Париже, дома призрения нищих, разные приюты, колонии молодых арестантов, тюремщиков, сторожей в достаточном количестве для 200000 арестантов во всей Франции! Прочитав этот перечень, честный человек содрогнется; ему покажется это невероятным.

Моро-Кристоф есть наблюдатель. Будучи инспектором тюрем, он много видел, много изучил, ничего не забыл. Он имеет чутье красного зверя. Он вполне знает все различные темпераменты: флегматический, лимфатический, желчный, сангвинический; он распознает их по черепу, по взгляду, рукам, по малейшим признакам. «А, – говорит он, – вот этот грустный и тот веселый – оба воры».

Только по одним бровям он так хорошо узнает качества человека, как немецкий философ. «На нижней границе лба, – сказал философ Гердер, – находится бровь – радуга мира в спокойном или веселом состоянии человека и натянутый лук раздора в гневе».

Глаза, нос, рот и уши служат верными признаками внутренних качеств человека. Между мошенниками можно заметить одних с львиными головами, других – с волчьими, свиными, птичьими, овечьими и т.д. «В этой голове есть доля телячьей и доля лисьей, но телячья преобладает», – сказал один физиономист, говоря о каком-то государственном человеке.

Терпеливый Моро-Кристоф изучал руки, плечи, бедра, колени, грудь и живот. Смотря по тем приемам, с какими кто снимает свою шапку, он скажет: «Этот человек мошенник... Потом, сказав об этих *признаках*, Моро-Кристоф рассказывает о знаменитых преступниках старого и нового времени: о маркизе Бринвилье, которую один кри-

миналист долго провозглашал воплощенной невинностью; о госпоже Тике, отравившей своего мужа, великой и прекрасной, которая носила имя Анжелики. В свою очередь мы встретим и славного преступника Леже, жившего в лесах Сены и Оазы. Однажды он съел 16-летнее дитя, изнасиловав его; нашли только кости жертвы. В той же книге вам расскажут о славном мошеннике Дома-Дюпене и о его достойном друге Роберте Сент-Клере, потом об убийстве вдовы Гуе ее зятем Бастианом.

Потом, наконец, мы найдем там странную личность, которая в одно и то же время принадлежала к миру честных людей и к миру мошенников. Он имел громкий голос, ум тонкий и замечательный; он был полон ненависти и злобы, изобретателен... *лев, дипломат, сестра милосердия,* говорил Фоссати, френолог, смотря на его широкий лоб и полные щеки. Глаза его были зеленые, круглые, маленькие, проницательные и блестящие, как алмаз.

Кто поверит, что этот преступник, странный человек по имени Видок, наблюдал за спокойствием Парижа, что он был *начальником* дневной и ночной стражи, что он сторожил уснувший город, равно как охранял его и днем! Этот наказанный преступник приобрел удивительную популярность; он был какой-то *тайной,* загадкой и действовал по всем закоулкам города. Он нападал на преступление или оргию с быстротой молнии. При его имени мошенниками овладевал страх, заставлявший их дрожать. Он на мостовой открывал кровавые следы; по тряпке, забытой на месте преступления, находил преступников. Он был *везде и нигде.* Когда он шел, то был уверен, что его никто не знает. В самом деле его видели только те, которые потом попадали на галеры или на эшафот.

Этот человек столько занимал места в области юстиции, сколько тюрьмы венецианской инквизиции, австрийские carcere duro и четыре башни Бастилии. Он получил известность, написав первую книгу на воровском языке, которой может похвастаться французская литература. Он из этого страшного языка сделал свой обыкновенный разговорный язык; он имел его акцент и жесты. Он был ловок, хитер, насмешлив, страшен. Его остроты заставляли бледнеть самых наглых. Удар его кулака сбивал всякого, самого сильного. Он с одинаковым успехом действовал с помощью хитрости и дерзости. Он был вполне тем, чем можно быть на его месте. Он казался добродушным человеком, обожаемым теми, кого он подводил под гильотину. Не один раз

мошенник, которого он предавал в руки палача, в последний час перед смертью призывал Видока, чтобы получить от него благословение в предсмертный час!

Когда же ему наскучил Париж, он переехал в Англию. Он имел целью познакомить англичан с подземным миром. Он так хорошо рассказывал об этом мире, что слушателям его казалось, будто они сами видят все его оргии, присутствуют на их праздниках. Для этого он привез с собой в Лондон цепи, ошейники, гвозди, молотки, пистолеты, мечи, ножи, воровские ключи и т.п. Прибавьте еще сюда маленькую гильотину, Консьержери в миниатюре, маленькую Бисетр и пр. Видевшие его в дороге принимали его за комедианта. У него всегда была целая толпа слушателей, в числе которых были лорды, герцогини, философы, государственные люди, мошенники высшего света, все привлекаемые одной и той же прелестью. Они удивлялись Видоку, слушали его рассказы про Жана Кике, Фарина или Гаффи. Он вполне отчетливо знал все подробности истории Иерусалимской улицы. Он рассказывал о происхождении и развитии воровского языка. Он знал все песни, которые пелись на воровском языке, с аккомпанементом ломаного железа. Он знал все поэмы на этом языке. Он говорил, что благодаря ему и доктору Гильотену искусство убивать людей сделало несомненные успехи. Он даже составил песню в честь изобретателя гильотины, д-ра Гильотена:

Ce savant medecin
Que l'amour du prochain
Fit mourir de chagrin!

Видок объяснял своим слушателям воровской язык, все красоты и тонкости которого ему были вполне известны. Потом рассказывал им о своих похождениях; этими рассказами англичане пленялись более, чем своими лучшими поэмами и трагедиями. Рассказывая о каком-либо преступлении, он показывал одежду жертвы и орудие убийцы, но особенно он был очарователен, когда рассказывал о прекрасном поле, любимом мошенниками.

«Милорды и господа! – говорил он тем же сладким и страшным одновременно голосом, – приблизьтесь без страха к этой блузе с несколькими кровавыми пятнами. Эта блуза была моей любимой одеждой. Я в ней был в тот день, когда арестовал моего друга Тусине и прекрасную Лизу, его любовницу. Вот ее перчатки!.. Это была единственная рука, которая могла войти в эту перчатку, и которая в ней так проворно вытаскивала золотые часы... Миледи, не трогайте это-

го платья католического священника. Оно мне оказало много услуг: я был в нем, когда поймал одного вора, обокравшего Palais-Bourbon. Я был одет священником, вор – полковником. Вот его крест Святого Людовика. Он был на нем, когда я остановил его лошадь. «Возьми его, – сказал он мне, – Видок. Теперь ты один достоин носить его».

«Что вы видите там? Эти цепи и замки изломаны и испорчены Габленом, великаном в пять футов с лишком. Однако я арестовал его однажды утром, когда его жена родила, и я был крестным отцом дитяти. Вы хорошо видите, господа, эту табакерку с прекрасной головкой на крышке ее. Это подарок Рауля в предсмертный его час. Рауль – это мой chef-d'oeuvre. Он убил одного несчастного путешественника... Что касается до этого *часослова*, то он принадлежал другу Серье, который позабыл отдать его уважаемому аббату Монте. Оба эти имени находятся на первой странице. Этот автограф хотел купить у меня лорд Спенсер. Странно, я думаю, встретить рядом с именем убийцы имя исповедника!» А все-таки Видок и после рассказов Моро-Кристофа остается для нас загадкой.

Все упомянутые до сих пор лица принадлежали к простому неученому классу народа.

Между учеными мошенниками первое место принадлежит Ласенеру. Он был нашим соучеником. Я еще и теперь вижу эту безумную голову рядом с поэтом Э. Кине, доктором Труссо, энергичным Э. Жеиром. Ласенер был послан в Париж по стараниям двух своих соучеников. Я вполне согласен с М.-Кристофом, когда он отвечает именем Ласенера на ту страницу *«Несчастных»*, где говорится, что недостаток образования есть истинная и единственная причина преступлений. Ласенер был даже писателем: он писал много песен.

Chantons, lorcats en choeur le chant que nous aimons!
Libres et gaillards, un jour nous reviendrons!
Adieu, berceau de notre enfance;
Adieu, loin de votre presence,
A vous parfois nous penserons (bis).
Si dans vos coeurs gravee est notre image,
Gardez-nous parfois un soupir;
Nous vous promettons d'etre sages.

В сочинениях Ласенера есть трагедия, эпическая поэма, элегия и песни, печальные произведения дурного школьника. Его философия достойна его поэзии. Однако были люди, собиравшие *мысли* этого мошенника. «Добродетель, – говорил он, – это счастье. Преступление – несчастье. Другого мира

нот. Почему не едят людей, как быков? Женщина имеет лимфатический характер. Я бы лучше ел мясо мужчины. Я предпочитаю некрасивую женщину красивой». Немного далее автор прибавляет: «Ласенер любил хорошее бордосское вино, он был влюблен в шампанское». Он говорил: «Я рожден убийцей, как родятся поэтами». Он презирал *эшафот* и улыбался при имени *гильотины*.

Однажды он просил милостыню у Скриба, который дал ему денег. Впоследствии он убил своего благодетеля так же спокойно, с таким же бесстыдством, как убил вдову Шардон.

Однажды его посетил аббат Лакордер, а он едва стал слушать живую и горячую речь этого молодого аббата и сказал ему: «Я не хочу, чтобы меня изобличали».

Заметьте, что страх к этому преступнику появился после удивления его поэмам и разным шалостям. Он сперва был героем, о нем говорил весь город, желавший знать его молодость и любовные интриги. Его тюрьма была осаждаема сочувствующими ему любопытными. При его появлении ему аплодировали, к нему приближались, когда он был осужден на смерть, и *он говорил свои красноречивые комплименты*. С детским вниманием слушали каждое его слово, записывали его стихи. Книгопродавцам он отдал свои *записки*. Дамы посещали его в тюрьме. Дамы в бальных платьях провожали его на эшафот. Френологи осматривали его голову и нашли бугорки *воображения и благосклонности*; живописцы сняли его портрет, а скульпторы просили дозволения сделать его бюст! Его изучали, рассматривали, ощупывали до конца. Книгопродавцы нажились через него. Его превосходно изобразил адвокат его г. Брошан. «У этого человека мраморное сердце; душа его окаменела. Ни тени угрызений совести и раскаяния! Бесчувственный, он не имеет ни страха, ни надежды. Он убивал без малейшего колебания. Эта холодная бесчувственность при виде его жертв, это спокойствие перед вами, эта вечная улыбка на устах, эта свобода ума, которая позволяет ему сочинять стихи и песни накануне своего приговора... Наконец, это хладнокровие перед эшафотом. Все это поражает меня, возмущает и заставляет думать, что этот человек, считающий себя умным, есть больной, безумный, бешеный!..»

Изобразив жизнь мошенников, М.-Кристоф обращается к их языку, и в этом отношении книга его имеет весьма большой интерес. Интересная история этого интересного мира оканчивается перечнем древних казней, из которого видно, что и в древности не щадили мошенников. И тогда

существовали знаменитые мошенники: у нас Ласенер, в древности Картуш, и тогда был особый воровской язык...

Jules Janin (Indep, belge)

«Мир мошенников» – заглавие заманчивое, книга интересная. Автор ее, Моро-Кристоф, бывший главным инспектором тюрем, 20 лет провел среди мира мошенников. Чтобы изобразить этот мир в настоящем его виде, автору нужны были только воспоминания. Он посещал тюрьмы, галеры, исправительные и пенитенциарные дома. Всех лучше он мог заглянуть в самую глубь пучины, где господствуют нищета, разврат, низкие страсти, всякого рода преступления.

В первой части этой книги – самой важной, по моему мнению, – сущая правда. Автор разговаривал с осужденными, забыв свои официальные к ним отношения. Потом он собрал вместе эти разговоры и предлагает теперь публике свою жатву.

Выводы М.-Кристофа диаметрально противоположны положениям В. Гюго.

«Бедность – удивительное и тяжкое испытание, из которого сильный выходит великим, а слабый – бесчестным. Испытание, которому судьба подвергает человека, когда хочет сделать его полубогом или негодяем!» – так говорит В. Гюго.

Моро-Кристоф, напротив, убежден, что преступление рождает нищету, и что если бы каким-нибудь чудом бедность была уничтожена, то по прошествии нескольких лет преступления снова населили бы землю несчастными. По словам М.-Кристофа, голод не был причиной всех случаев воровства, которые ему приписываются, так как воровство съестных припасов составляет самую незначительную долю, а именно только 1% в общей массе всех случаев воровства, так как статистика доказывает, что три четверти украденных съестных припасов принадлежат к предметам роскоши.

По этому поводу автор ссылается на статистику краж в Англии. В ряду 43 категорий предметов, подвергающихся краже, 13-е место занимают роскошные съестные припасы. Хлеб же отнесен к последней категории.

Итак, поставщиком этого презренного мира людей служит не голод, а желание удовлетворить низкие страсти.

Есть ли теперь надобность определять мир мошенников, открытый для всех погибших, для всех заблудившихся? Этот мир подкрепляется *сухими плодами*, всеми пустыми людьми. Кто поскользнулся и не поднялся тотчас, тот навеки погряз в этом омуте, куда стекает через тысячи подземных каналов всякая дрянь, грязь, все отверженные обществом. Там кишат в беспорядке черное платье и рубища, шелковое и шерстяное грубое платье, городские и сельские жители, образованные в коллегиях и неумеющие читать, там все чины, сословия, занятия, там все пороки.

Более всех пороков увеличивает это гнусное население самый страшный порок, мать всех пороков – *леность*. Мошенники знают друг друга, воздают каждому должное уважение.

Мошенники не стоят неподвижно. Они меняют походку, привычки, способ *работать*, смотря по времени и обстоятельствам. Промышленник, грабивший прежде дилижансы на больших дорогах, переселяется в город, довольствуясь мелкими мошенничествами. Разные случаи делают из убийцы вора. Одним словом, они делают все, что могут.

Когда в Париже были перестроены до основания все грязные кварталы с узкими улицами, мошенники также произвели у себя разные улучшения. Это требовало издержек, но они не скупились, так как все улучшения они сделали на счет своих врагов, т.е. честных людей.

Все моралисты с изумлением останавливались над этим вопросом и пытались его разрешить. Одни требовали просвещения, другие жандармов.

По нашему мнению, следует соединить оба эти средства, чтобы излечить зло. Edmond Texirt. (Le Siecle).

Книга М.-Кристофа может испугать все сердца, растроганные *«Несчастными»*. Все несчастные, выведенные на сцену В. Гюго, могут при хорошем направлении их способностей, сделаться честными людьми. Его мрачные натуры могут сделаться героями. Моро-Кристоф, к сожалению, не разделяет этих благородных надежд.

Нам кажется, было бы лучше, если бы М.-Кристоф опирался только на собственные наблюдения, которые он делал, посещая главные европейские тюрьмы. Но он был вовлечен еще в намерение разыскать *признаки*, по которым можно узнать мошенников.

Et ne devaut-on pas, a des signes certains,
Reconnaitre le coeur des perfides humains?..

М.-Кристоф подвергает анализу лоб, глаза, брови, волосы, нос, уши, щеки, зубы, губы, подбородок. Никогда нигде не бывало точнейших паспортов, разве только в Италии, где в паспорте обозначается даже голос, что особенно характеризует музыкальный народ.

Кому придет в голову, что даже колени могут служить признаком тех или других качеств? Так, например, мясистое колено свидетельствует о слабой силе и мягкости характера.

Припомним здесь Гландвилля, который приписывает человеку звериные лица, подобно тому, как Лафонтен снабжает животных человеческим языком. Грандвилль был великий моралист, который старался предохранять нас от волков, лисиц, львов, тигров, сорок и т.п. в человеческом образе, которых мы часто встречаем.

Все эти аналоги открывают разные признаки наблюдателю, говорит Моро-Кристоф. Однако следует опасаться, чтобы описание это не произвело замешательства в обществе, и чтобы люди, имея в руках книгу Кристофа, не уверились, что есть много мошенников в числе их друзей и знакомых. Наконец, многим придет в голову мысль всматриваться с беспокойством в свою физиономию, ища в ней разные роковые признаки!

О моралисты! Вы смотрите на людей только с дурной стороны, подобно полицейским комиссарам. Знаете ли вы, что, разделяя общество на два мира – честных людей и мошенников, – вы создаете антисоциальную армию, которая подобно римским гладиаторам всегда готова пожрать вас?

Я старался бы показывать людям, что они лучше, чем на самом деле есть. Я желал бы, чтобы не ставили резкой границы между падшими и честными, чтобы не ставили в подозрение никого только по каким-то гадательным признакам, чтобы не изгоняли из общества людей только по этим приметам, ибо подобные действия могут на самом деле сбить с пути и честного человека.

Но М.-Кристоф ответит нам, что он основывался на статистике, которая говорит, что во Франции ежегодно совершается до 200000 преступлений, и почти всегда в одинаковой пропорции.

Я преклоняю голову перед статистикой, не веря мнению Кристофа. Мной овладевает ужас при мысли об этих 200000 преступлениях. Я был на Марсовом поле в двухсоттысячной толпе, собравшейся смотреть шар Надара, и мне пришло в голову, что если бы здесь были собраны 200000 преступников М.-Кристофа, то я был бы очень рад улететь с земли вместе с Надаром.

Hippolite Lucas. (La Nation).

Гг. Morel, Sarcey и др. также высказали свои мнения о моем сочинении, но о них я скажу несколько слов во второй части этого сочинения, когда буду говорить и о мнениях многих других моих критиков.

Некоторые мелкие журналы прежде всех говорили о моей книге. Один из них, le Nain jaune, посвятил моему сочинению колкую статью, в которой между прочими читаем следующие строки:

«Можно ли по наружным признакам узнать здоровое или болезненное состояние души человека, как это удается при распознавании телесных болезней?

Можно ли по этим чувственным, осязаемым приметам отличить дьявола от ангела, Каина от Авеля, честного А., которого считают плутом, от бесчестного Б., который считается честным?

Да, можно, и Моро-Кристоф доказывает это рядом поразительных примеров. Смотрите в его книгу, вы все, которые... Но избегайте его взгляда: он вас узнает.

Всего любопытнее в этой занимательной книге то, что многие люди, которые не считались принадлежащими к *Миру мошенников*, однако встречаются там с именами мошенников...

Гг. Дюпанлу, Р.И. Прудон, Пелльетан, Виктор Гюго, Жувен, Теофиль и Леон Готье, Жюль Фавр, Мери, д-р Лелю, сенатор Дюпен, книгопродавец Гильомен и пр., и пр., и пр.., наконец, Эрнест Кристоф, племянник автора, и Аврелиан Шолль, редактор журнала le Nain jaune!

Неужели они там встречаются в ряду мошенников? О нет! Однако встречаются!..»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – ОТЕЦ, БЕДНОСТЬ – МАТЬ

«Бедность – удивительное и тяжкое испытание, из которого сильные люди выходят великими, а слабые – бесчестными».

Такова тема романа *«Несчастные»*, романа, шум которого утих, но заблуждения проводимой в нем доктрины оставили в умах следы, которые могли бы долго не изгладиться, если бы те, которые поняли эти заблуждения, не постарались истребить их, или по крайней мере, сгладить их, уменьшить влияние их.

Во главе заблуждений книги В. Гюго стоит мнение, по которому бедность служит почти единственным побуждением к преступлениям.

Как роман «Claude Gueux», изданный в 1831 г., как «Le dernier jour d'un condamne», изданный в 1832 г., так и роман «*Miserables*», изданный в 1862 году, – все основываются на одном и том же роде воровства, во всех упоминается воровство *хлеба.*

Отчего повторяется воровство хлеба в течение тридцати лет и притом таких тридцати лет, которые ознаменованы столь различными причинами преступлений?

От того, что, по мнению Гюго и весьма многих других, воровство всегда имеет единственной причиной голод, и это мнение теперь приобретает тем большее значение, что автор *«Несчастных»* основывает его на будто бы компетентном авторитете английской статистики, «которая подтверждает, что в Лондоне четыре воровства на пять имеют непосредственной причиной голод».

От того, что голод, который выгоняет волка из леса, побуждает несчастного человека, который терпит голод, ограбить всякого, кто может попасть в его руки. Голодный может совершить воровство, единственно только желая удовлетворить чувство голода.

Но представляют ли официальные ежегодные статистики в Англии и во Франции постоянно известное количество воров съестных припасов? Заметим, однако, кража съестных припасов составляет весьма малую часть всех случаев воровства – едва 1%.

И что любопытнее всего в этом отношении, так это то, что те же самые статистики подтверждают, что только в

«Игра, конструктор, самоделка», сокращено «ИКС», – детский журнал. Подписной индекс в каталоге 73173.

«ИКС» задуман как сборник игр, конструкций и самоделок. Каждый его номер – своего рода загадка, тест на сообразительность. Взяв в руки ножницы и клей, ребята смогут из журнала сделать летающего змея, собрать увлекательную игру под названием «Звездные войны», склеить точную копию храма Василия Блаженного или Собор Парижской Богоматери...

По подписке журнал выходит раз в месяц с июля 1993 года.

Заинтересованные в приобретении сказок и журнала «ИКС» организации и частные лица могут обратиться в издательство «ФЕДЕРАЦИЯ» по адресу:

125883. г.Москва, ул. Правды, 24.
Тел: 257-22-90; 257-23-17.
Факс: 257-20-97.

«Золотой сад», сказки казаков-некрасовцев. М.: «Федерация», 2 п.л. ISBN 5-86167-005-6. Цена договорная. 100000 экз. 1993 год.

Книга состоит из трех сказок. В первой «Золотой сад» рассказывается о том, как царь выковал себе золотой сад, в который повадилась прилетать птичка. Не столько съест яблок, сколько напортит. У царя три сына, по очереди они хотят поймать птичку. Что из этого выходит – в книге.

В сказках «Иван Охотник» и «Орел и Карга» происходят удивительные истории с колдуном, волшебным цветком, говорящим конем...

«Кочеток и охотник» – сказки казаков-некрасовцев. М.: «Федерация», 2 п.л. ISBN 5-86167-002-1. Цена – договорная. 100000 экз. 1993 год

Главные действующие лица этой книги – звери. Здесь рассказывается о бурмистре леса Котофее Ивановиче, который женился на Лисице. Медведь, бирюк и заяц хотят познакомиться с бурмистром... Чем заканчивается знакомство ребята узнают из книги.

В сказке «Кочеток и Охотник» – история охотника, который освободил змея, придавленного упавшим дубом. Змей дарит ему изумрудное зернышко, полизав которое, охотник начинает понимать язык птиц, деревьев, зверей...

В следующей сказке идет спор между Рыбаком и Змеей – чем платят за добро? Они спрашивают у быка, коня, ишака. Все отвечают, что им за добро платят злом. Что было дальше? Ответ – в книге.

Моро-Кристоф Л. М.
Мир мошенников: Анатомия, физиология человека. Оформление Н. Малова. — М.: Федерация, 1993. — 160 с.
ISBN 5-86167-003-X

Автор, будучи инспектором французских тюрем, многое видел, изучил, пришел к выводу по темпераменту, строению черепа, взгляду, рукам, по расположению бровей и так далее может определить вора или убийцу. Теперь, зная Моро-Кристоф тщательно изучил все части человеческого тела. Терпеливый Моро-Кристоф тщательно изучил все части человеческого мошенника. поэтому, снял с мошенника шапку, он мог сказать: этот человек Книга рассчитана на массового читателя.

ББК 19.10

«Волшебная лампа» — сказки казаков-некрасовцев, ворная. 100000 экз. 1993 год.
М.: «Федерация», 2 п.л. ISBN 5-86167-001-3. Цена — Аого-

В книге — три сказки. В «Волшебной лампе» рассказывается о том, как старик освобождает из-под камня деревочку и она дарит ему волшебную лампу. Благодаря ей он строит город, женится на царской дочери, но однажды жена крадет лампу и отдает отцу-царю. Что из этого получается — читатель узнает из книги.

Вторая сказка «Про царицу Лютру», колдунью. А третья — о казаке-охотнике, помогающем лесным зверям. Как они помогли охотнику одолеть змея и злую жену, читатели узнают из книги.

Моро-Кристоф Л. М.
М 80 Мир мошенников: Анатомия, Физиология человека. Оформление Н. Малова. — М.: Федерация, 1993. — 160 с.
ISBN 5-86167-003-X

Автор, будучи инспектором французских тюрем, многое видел, изучил, поэтому по темпераменту, строению черепа, взгляду, рукам, по расположению бровей и так далее может определить вора или убийцу.

Терпеливый Моро-Кристоф тщательно изучил все части человеческого тела, поэтому, сняв с мошенника шапку, он мог сказать: этот человек мошенник.

Книга рассчитана на массового читателя.

М 191000000—004
ЛР040561—93 Без объявл.

ББК 19.10

Мир мошенников

Соч. Л.М. Моро-Кристофа

Ответственный редактор

УДК 389.14

Шабалин С.А. Измерения для всех. — М.: Изд-во стандартов, 1992. — с. 560, ил.

Каждый человек волей-неволей сталкивается с измерениями: будь то дома, в магазине, на приусадебном участке, на отдыхе и т.д. Данная книга призвана дать необходимые знания в области измерений. Она содержит практические советы, которые пригодятся Вам в домашнем хозяйстве при приготовлении пищи, ремонте квартиры, покупке одежды и обуви, при выполнении слесарных или плотницких работ, при пользовании электробытовыми приборами. Книга будет интересна людям, имеющим приусадебные хозяйства, фото-, авто- и радиолюбителям. Советы, приведенные в книге, пригодятся Вам и в туристическом походе, и при занятиях спортом. Кроме того, Вы познакомитесь с историей метрологии (науки об измерениях), с историческими курьезами, связанными с ней, и др.

Надеемся, что книга расширит Ваш кругозор и станет Вашей надежной помощницей.

Для широкого круга читателей.

Табл. 54. Ил. 312 Библиогр.: 66 назв.

Рецензент инж. Б.А. Демьянович

Ш $\frac{2004010000\text{-}045}{085(02)\text{-}92}$ 36-91

ISBN 5-7050-0219-X

© С.А. Шабалин, 1992

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ *

Когда в начале марта 1909 г. на прилавках книжных магазинов появился тоненький сборник под заглавием «Вехи», никто не мог предположить, что повороты его судьбы будут столь удивительны. Встреченный враждебно теми, к кому обращались его авторы,— российской интеллигенцией, большей ее частью, он вскоре, уже к 1917 г., обрел славу пророческой книги; затем, после революции, маятник качнулся — появилось «сменовеховство»; затем — долгое время забвения в родном отечестве, прерывавшееся разве что трогательными попытками помянуть «Вехи» грандиозными идеологическими программами фронтальной критики «веховства»: еще в 50—60-х гг. книга почиталась за серьезного врага. И, наконец, сегодня— целый поток переизданий, вместе с горячими заверениями наших современников в любви к «Вехам». Изгибы судьбы имеют, впрочем, нечто парадоксально общее: при всем желании авторов этого «сборника статей о русской интеллигенции» переступить магический круг общероссийской общественно-политической борьбы, и при всем их старании убедить русскую интеллигенцию в необходимости пересмотра духовных ценностей, их иерархии, и при всем громадном стремлении показать, что, оставаясь в границах чисто политических задач, в этом упорствуя, русская интеллигенция не сможет решить и самих этих политических задач, и гораздо более важных человеческих проблем,— «Вехи», вплоть до сегодняшнего дня, остаются в центре именно *политической*, и именно *борьбы*.

В чем причина? Наилучшим образом ее прояснил Л. Н. Толстой, не принявший, как известно, веховских идей; он писал, что содержание сборника носит в основном отрицательный, разоблачительный характер, в нем нет позитивной, творческой программы, которая бы отвечала на исконно русский народный вопрос: «что же делать?» [1]. Авторы «Вех», конечно, сами хорошо понимали эту односторонность и даже собирались подготовить еще одну книгу, в продолжение «сборника статей о русской интеллигенции», в кото-

---

* Подробное изложение фактов и обстоятельств появления сборников «Вехи» и «Из глубины» читатель найдет в примечаниях к настоящему тому.

[1] См.: Полторацкий Н. П. Лев Толстой и «Вехи» // Н. Полторацкий. Россия и революция.— Tenafly, N. J., 1988. Толстой, подчеркивает Н. П. Полторацкий, выделял и чрезвычайную самоуверенность авторов,— как личную, так и кастовую интеллигентскую.

рой бы эти, выражаясь современным языком, «конструктивные» идеи получили развитие. (Книга так и не была написана.) А оставаясь по жанру и стилю «отрицательным», сборник неизбежно нес в себе ту темную энергию «этики нигилизма», о которой столь блестяще повествовали сами авторы.

По общечеловеческим стандартам любая критическая рефлексия — непременная основа для зарождения новых, творческих идей. Однако — и это, возможно, самая характерная черта бытования интеллигенции и вообще интеллектуальной жизни в России,— критика и рефлексия, отображение объективно происходящего никогда не превращались у нас в такую основу, скорее давали повод для новой политической (в том числе и в науке, и в литературе, и в религии) междоусобицы. Можно себе представить, сколько ярости вызвало самопокаяние, несомненно заключавшееся в «Вехах»: каяться? а кто вас, господа хорошие, уполномочил выступать от имени интеллигенции? да еще в годы реакции, наступившей после неудачи революции 1905—1907 гг.? да еще с таких демократических — более того, конституционно-демократических! — позиций?

О значении «Вех» достаточно ясно сказал П. И. Новгородцев в статье «О путях и задачах русской интеллигенции»[2]. Здесь же хотелось бы выделить некоторые (только некоторые) идеи, не столь далекие и от современности.

По сути, это вопросы, которые интеллигенция поставила самой себе в начале века и на которые до сих пор не нашла вразумительных ответов.

— Не есть ли наши уныние и растерянность, утомление и безверие, не только реакция на неудачу революции, но и пробудившееся сознание ответственности, и в какой-то мере вины, за случившееся?

— Не слишком ли много сил мы отдаем борьбе «против», и не слишком ли мало — борьбе «за»? И вместо того, чтобы бороться с внешними формами устроения, не стоило бы посвятить себя полностью умножению ценностей духовной культуры? Может быть, причина человеческого несчастья в изъянах внутреннего устроения, а не во внешних, общественных формах?

— Возможно, цель деятельности интеллигенции состоит прежде всего в желании жить, любить, быть с народом, разделять с ним его судьбу, а не в том, чтобы, превратившись в секту, готовить наступление тысячелетнего «счастья народного»? Разве наша задача — политическое возбуждение людей, своего рода подстрекательство к насилию, а не *воспитание?*

— Быть может, путь, который мы долгие годы пытались найти, вовсе не в том, чтобы противостоять официальным формам

---

[2] См. наст. изд., с. 424.

и власти и общежития[3], а в том, чтобы находить возможности для самого активного сотрудничества с ними и участия в них? Иначе страна наша будет обречена на безмыслие государственное, а мы сами — на бесконечно бессмысленные «интеллигентские» стенания, на то, чтобы обвинять эту упрямую «бюрократию» во всем происходящем зле? (С. Л. Франк считал, что объяснение неудачи революции при помощи аргумента о «злокозненности» бюрократии равносильно обвинению японцев в печальном исходе русско-японской войны.)

— Не является ли сегодня главной задачей сохранение традиции, дабы любою ценой не допустить этих «перерывов постепенности», «скачков в истории», чреватых кровью, разорением культуры и душевным опустошением? Ведь только прошлое России, и только оно, есть залог ее будущего, а все остальное — лишь надежда на какое-то чудо, на «историческое колдовство», заклинание магией литературных фантазий революционного толка?

— Наконец, в полный рост встает проблема *интеллектуальной совести* (в отличие от столь дорогой русскому интеллигенту совестливости кающейся и плачущей). Не слишком ли много в нас, интеллигентах, верхоглядства, которое мы оправдываем революционной фразой? И не следует ли, наконец, признать, что для того, чтобы сдвинуть страну с мертвой точки, нужны годы и годы упорной работы, а не постоянные радикальные преобразования ради самих радикальных преобразований?

В этом томе вместе с «Вехами» печатается известный сборник «Из глубины». И это не случайно. В каком-то смысле сборник «Из глубины», составленный в 1918 г. и появившийся на свет в 1921 г.,— прямое продолжение «Вех»: основные авторы те же, постоянные ссылки на сборник 1909 г., указания на сбывшиеся пророчества, да и многое, многое другое говорит о близком родстве. Однако «Из глубины» носит уже чисто политический характер, продолжая как раз ту линию, которая осуждалась десятилетие назад в «Вехах»[4]. В сборнике ясно видно пагубное противопоставление *интеллигенции подлинной*, ни в чем не виновной, и *интеллигенции нена-*

---

[3] Одной из важнейших идей «Вех» является та, что политический радикализм как форма жизни приводит к отрицанию семьи и семейной традиции.

[4] Как справедливо отмечает Л. Шапиро, «Вехи» символизировали возвращение к «истинно либеральной русской традиции, понимавшей, что, когда произошло какое-то великое общественное изменение, главным союзником либерализма становится консерватизм (conservation), а не революционаризм» (Schapiro L. Russian studies.— L., 1986.— P. 90). Либерализм в какие-то исторические периоды измеряется не степенью оппозиционности, не восславлением свободы, не «прогрессизмом», но преданностью тем целям и ценностям, которые уже удалось завоевать и которые теперь главное — утвердить.

ВЕХИ

СБОРНИК СТАТЕЙ
О РУССКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка

стоящей, непосредственно виновной в случившейся катастрофе, «Из глубины» ближе к этике нигилизма, чем «Вехи»: в нем гораздо сильнее мотив самооправдания.

* * *

Перед читателем — документы огромной значимости для духовного развития России. Им наверняка еще суждено сыграть свою роль в возрождении нашей национальной философской традиции и возвышении той культуросозидающей и интеллектуально честной работы, к которой призывали русскую интеллигенцию «Вехи» и «Из глубины», эти сборники статей о русской интеллигенции и о русской революции. Мы должны помнить, что в России, как нигде, революция неразрывно связана с интеллигенцией.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 1-МУ ИЗДАНИЮ

Не для того, чтобы с высоты познанной истины доктринерски судить русскую интеллигенцию, и не с высокомерным презрением к ее прошлому писаны статьи, из которых составился настоящий сборник, а с болью за это прошлое и в жгучей тревоге за будущее родной страны. Революция 1905-6 гг. и последовавшие за нею события явились как бы всенародным испытанием тех ценностей, которые более полувека, как высшую святыню, блюла наша общественная мысль. Отдельные умы уже задолго до революции ясно видели ошибочность этих духовных начал, исходя из априорных соображений; с другой стороны, внешняя неудача общественного движения сама по себе, конечно, еще не свидетельствует о внутренней неверности идей, которыми оно было вызвано. Таким образом, по существу поражение интеллигенции не обнаружило ничего нового. Но оно имело громадное значение в другом смысле: оно, во-первых, глубоко потрясло всю массу интеллигенции и вызвало в ней потребность сознательно проверить самые основы ее традиционного мировоззрения, которые до сих пор принимались слепо на веру; во-вторых, подробности события, т. е. конкретные формы, в каких совершились революция и ее подавление, дали возможность тем, кто, в общем, сознавал ошибочность этого мировоззрения, яснее уразуметь грех прошлого и с большей доказательностью выразить свою мысль. Так возникла предлагаемая книга: ее участники не могли молчать о том, что стало для них осязательной истиной, и вместе с тем ими руководила уверенность, что своей критикой духовных основ интеллигенции они идут навстречу общесознанной потребности в такой проверке.

Люди, соединившиеся здесь для общего дела, частью далеко расходятся между собою как в основных вопросах «веры», так и в своих практических пожеланиях; но в этом общем деле между ними нет разногласий. Их общей платформой является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над

внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства. С этой точки зрения идеология русской интеллигенции, всецело покоящаяся на противоположном принципе — на признании безусловного приматета общественных форм,— представляется участникам книги внутренне-ошибочной, т. е. противоречащей естеству человеческого духа, и практически-бесплодной, т. е. неспособной привести к той цели, которую ставила себе сама интеллигенция,— к освобождению народа. В пределах этой общей мысли между участниками нет разногласий. Исходя из нее, они с разных сторон исследуют мировоззрение интеллигенции, и если в некоторых случаях, как, например, в вопросе о ее «религиозной» природе, между ними обнаруживается кажущееся противоречие, то оно происходит не от разномыслия в указанных основных положениях, а от того, что вопрос исследуется разными участниками в разных плоскостях.

Мы не судим прошлого, потому что нам ясна его историческая неизбежность, но мы указываем, что путь, которым до сих пор шло общество, привел его в безвыходный тупик. Наши предостережения не новы: то же самое неустанно твердили от Чаадаева до Соловьева и Толстого все наши глубочайшие мыслители. Их не слушали, интеллигенция шла мимо них. Может быть, теперь, разбуженная великим потрясением, она услышит более слабые голоса.

М. Гершензон

Март 1909 г.

Второе издание печатается без существенных перемен; добавлено лишь несколько подстрочных примечаний, отмеченных каждый раз особенно, и в некоторых местах сделаны незначительные поправки.

20 мая 1909 г.

В третьем и четвертом изданиях текст второго воспроизведен без всяких изменений.

1 июля 1909 г.
10 сентября 1909 г.

ФИЛОСОФСКАЯ ИСТИНА И ИНТЕЛЛИГЕНТСКАЯ ПРАВДА

В эпоху кризиса интеллигенции и сознания своих ошибок, в эпоху переоценки старых идеологий необходимо остановиться и на нашем отношении к философии. Традиционное отношение русской интеллигенции к философии сложнее, чем это может показаться на первый взгляд, и анализ этого отношения может вскрыть основные духовные черты нашего интеллигентского мира. Говорю об интеллигенции в традиционно-русском смысле этого слова, о нашей кружковой интеллигенции, искусственно выделяемой из общенациональной жизни. Этот своеобразный мир, живший до сих пор замкнутой жизнью под двойным давлением, давлением казенщины внешней — реакционной власти и казенщины внутренней — инертности мысли и консервативности чувств, не без основания называют «интеллигентщиной» в отличие от интеллигенции в широком, общенациональном, общеисторическом смысле этого слова. Те русские философы, которых не хочет знать русская интеллигенция, которых она относит к иному, враждебному миру, тоже ведь принадлежат к интеллигенции, но чужды «интеллигентщины». Каково же было традиционное отношение нашей специфической, кружковой интеллигенции к философии, отношение, оставшееся неизменным, несмотря на быструю смену философских мод? Консерватизм и косность в основном душевном укладе у нас соединялись с склонностью к новинкам, к последним европейским течениям, которые никогда не усваивались глубоко. То же было и в отношении к философии.

Прежде всего бросается в глаза, что отношение к философии было так же малокультурно, как и к другим духовным ценностям: самостоятельное значение философии отрицалось, философия подчинялась утилитарно-общественным целям. Исключительное, деспотическое господство утилитарно-морального критерия, столь же

БИБЛИОГРАФИЯ «ВЕХ»

Алфавитный указатель книг, статей и заметок о «Вехах».
С 23 марта 1909 г. по 15 февраля 1910 г.

1909

А. П. К. Поиски нового или вечно-старого. Вил<енский> Вести, 14 мая.

А-р. Нашумевшая книга. Новорос. Край, 27 мая.

А. Т. По поводу «Раздумья у Вех». Сибирск. Жизнь, 4 июля.

А. Ч. Обзор журналов. Северное Сияние, № 8.

Авельо. Из дневника обывателя (стих.). Утро, 18 мая.

Айвазов, И. «Вехи». Колокол, 1 мая.

Александрович, Ю. Новый поход против общественности. Руль, 31 марта.

Его же. Нигилизм-модерн и наши [illegible]. После Чехова. Т. II. М., 1909.

Амфитеатров, А. Записная книжка. Одесса. Нов<ости>, 7 июня.

Антоний, архиеп. Открытое письмо [illegible] «Вехи». Слово, 10 мая, № 791.

Его же. Ответное письмо Н. А. Бердяеву о «Вехах» о Церкви и духовенстве. Колокол, 3 и 4 сент., №№ 1045 и 1046.

Антонович, М. Покаявшийся блудный сын и [illegible] человек. Нов. Русь, 17 мая.

Анчар. Из дневника. Нов. Русь, 10 июня.

Арсеньев, К. Призыв к покаянию. Вести. Европы, май.

Баян. Два лагеря. Вечер, 1 июля.

Бердяев, Н. Открытое письмо архиеп. Антонию. Моск. Еженедельник, № 32, 15 авг.

Беседа о сборнике «Вехи». Русск. Вед., 16 апр., № 86.

Бикерман, И. Отщепенцы в квадрате. Бодр<ое> Слово, № 8.

Боборыкин, П. Обличители интеллигенции. Русск. Слово, 17 апр.

Его же. Подгнившие «Вехи». Русское Слово, 17 мая, № 111.

Борский, Б. Светлячки русской жизни. Утро (Харьков), № 111, 1 июля.

Боцяновский, В. Нечто о трусливом интеллигенте. Новая Русь, 8 мая, № 124.

Брусиловский, И. Письмо и ответ. Совр. Слово, 14 мая.

Его же. Недовольные. Киевск. Вести, 5 июля.
Его же. Вокруг празднества. Киевск. Вести, 10 июля.
Булатович, Д. «Вехи» и Нововременский вестовой. Русск. Знамя, 5 мая.
Его же. «Вехи» или дымящиеся головешки. Русск. Знамя, №№ 143, 145, 149, 154, 157, 165, 169, 171 и 175.
Его же. Антихристово наваждение. Русск. Знамя, 29 авг., № 192.
Его же. Убеленные сединами. Русск. Знамя, № 233.
Бунин, Ю. «Вехи». Вести. Восп<итания>, окт.
Бедный Макар. Приднепровск. Край, 5 мая.
Белый, Андрей. Весы, № 5.
Белоруссов. Власть быта. Русск. Вед., № 153.

В. Г. «Вехи»... и вехи. Киевск. Вести, № 231, 30 авг.
Валентинов, Н. «Вехи». Киевск. Мысль, 19 и 22 апр., №№ 107 и 110.
Его же. Еще о «Вехах». Киевск. Мысль, 14 мая, № 132.
Василевский, И. Не-Буква. Сказки жизни. Всемири. Панор., № 7.
Вергежский, А. Вехисты и анти-вехисты. Южн. Вед., № 259, 6 ноября. Голос (Ярославль), 6 ноября. Сарат. Лист., № 249.
Волков, Л. Новая религиозность и неонационализм. Моск. Вед. 30 и 31 окт. (№№ 249 и 250).
Волох, Л. Вторая лекция К. И. Арабажина (Дневник рецензента). Одесск. Обозр., № 607, 24 дек.
Вольный. Грех интеллигенции. Граждании, 16 июля, № 51—2.
Его же. К религиозному воспитанию в нашем обществе. Русск. Правда (Екатеринослав), 29 июля.
Его же. Статья. Русск. Правда, 5 мая.
Вольский, В. За границей. Утро (Харьк.), 15 июля.
Его же. В осенние сумерки. Утро, 4 июля.
В два кнута. Совр. Слово, 29 апр.
В защиту интеллигенции. Сборник статей К. Арсеньева, М. Бикермана, П. Боборыкина, Вл. Боцяновского, Н. Валентинова, Н. Геккера, И. Игнатова, Ник. Иорданского, Д. Левина, Ф. Мускатблита, Григ. Петрова. Изд. Заря. Москва, 1909.
В печати и обществе. Новая Русь, 11 мая.
В религиозно-философском обществе. Русск. Слово, 23 апр.
Вехи новых путей или предельная веха. Слово, 23 апр.

Гловский, М. Рецензия. Изв<естия> кн<ижного> маг<азина> Вольф, май, № 5.
Горный, Серг. История одного путешествия (стих.). Русск. Слово, 7 мая.
Гой, А. Литературные штрихи. Харбин, № 1116, 30 дек.

Григорьев, И. Литературные наброски. Одесск. Обозр., 22 апр.
Гросман, И. Махаевцы сверху и махаевцы снизу. Киевск. Вести, 28 мая.
Грехи и вехи. Новая Русь, 19 окт.
Homunculus. Штрихи. Киевск. Мысль, 18 июля.

Денисов, В. Нельзя не сознаться, но и надо признаться. Россия, 13 июня.
Дерман, А. Литературные заметки. Юж. Вед., 13 авг.
Дживелегов, А. К. На острой грани. К вопросу о русской интеллигенции. Север. Сияние, № 8.
То же. Далекая Окраина, № 680, 14 авг.
Диспут о русской интеллигенции. Русск. Слово, № 252.

За интеллигенцию. Новая Русь, 18 апр.
Залетный, И. Возврат к славянофильству. Волга, №№ 233 и 234, 5 и 6 ноября.
Защитники «Вех». Приднепровский Край, 18 июня.
Знамя труда.

И. Из книги и жизни. Русск. Вед., 9 апр.
И. П. О нашей интеллигенции. Тифл. Лист., 26 апр.
Игнатов, И. Литературные отголоски. Русск. Вед., № 69 и 85.
Идеалист. Цусима литературы, афоризма и фарисейства. Нов. Вечер, № 15, 15 окт.
Изгоев, А. С. Еще о сборнике «Вехи». Речь, 26 марта.
Его же. Ответ Д. А. Левину. Речь, 29 марта, № 86.
Его же. Письмо в редакцию. Речь, 19 мая.
Его же. «Соль земли». Моск. Еженед., № 46.
Интеллигенция и национализм. Русск. Вед., 25 апр.
Исаков, Е. Жизнь и идеи. Киевск. Вести, 21 авг.
Иорданский, Н. Творцы нового шума. Совр. Мир, май.
Иорданский, Н. Бесплодный пессимизм. (Политическое обозрение). Соврем. Мир, ноябрь.

К. «Вехи» и «Антивехи». (Из петерб. жизни.) Русск. Вед., 6 ноября, № 255.
Кара-Мурза, П. Борьба идей. Каспий, № 80.
Его же. Книга о горькой правде. Каспий, 5 июля.
Его же. Критики «Вех». Каспий, 12 июля.
Качоровская, А. Сборник «Вехи» перед лицом русской действительности. Сибир. Жизнь, 21 июня.
Кизеветтер, А. О сборнике «Вехи». Русск. Мысль, май.
Кипен, Г. Темы дня. Мариупольск. Жизнь, 9 авг.
Кистяковский, Б. Письмо в редакцию. Русск. Вед., 17 апр., № 87.
К. М. Признаки просветления. Колокол, № 1109, 21 ноября.
Ковалевский, М. М. Грехи интеллигенции. Задачи жизни, № 1.

Кольцов, К. Кающиеся интеллигенты. Возрождение, № 7—8.
Коробка, Н. «Вехи» на пути к реакционному квиетизму. Правда Жизни, 20 апр. № 21.

Л-н, Н. Еще о сборнике «Вехи». Харьк. Вед., 15 мая.
Лашнюков, В. Двойное кощунство. Киевск. Вести, 1 мая.
Левин, Д. Наброски. Речь, 25 и 29 марта, №№ 82 и 86, и 17 мая.
Леонидов, Д. Из литературы и жизни. Приднепр. Край, 21 июня.
Литературное насилие. Соврем. Слово, 16 июня.
Лукин, А., свящ. «Вехи». Таврич. церк.-общ. Вестник, 20 июля.
Лунин, Н. Скорбные итоги. Харьк. Вед., 30 апр., 5 и 7 мая.
Лурье, С. В. О сборнике «Вехи». Русск. Мысль, май.
Его же. Жизнь и идеи. Русск. Мысль, июль.
Львов, В. Нестрашный суд. Одесск. Нов., 24 июля.
Любош, С. Дуэль Мережковского и Струве. Слово, 23 апр.
Люсин, П. Вожди. Полтавск. Вести., №№ 2056 и 2069.
Летопись последней недели. Запросы Жизни, № 4.

М. К. Куда идти? Спб. Отголоски, 21 авг., № 176.
Маленькая библиограф. справка. Харьк. Губ. Вед., 14 авг.
Малиновский, И., проф. Начальная страница из истории русской интеллигенции. Сибирск. Жизнь, №№ 254, 255, 256.
Меб. «Вехи» (стих.). Раннее Утро, 9 мая.
Мельгунов, С. Нашли виновника. Киевские Вести, 25 марта.
Мережковский, Д. Семь смиренных. Речь, 26 апреля.
Его же. К соблазну малых сих. Речь, № 244, 6 сент.
Мещерский, В. П., кн. Дневники. Гражданин, № 51—2, 16 июля.
Милорадович, К. М. «Вехи». Журнал Мин. Нар. Просв., авг.
Мишин. Две книги. Русск. Вед., 24 июня.
Musca. Танцкласс. Раннее Утро, 25 апр.
Его же. Проникновенному. Раннее Утро, 2 июля.

N. Мемуары унтер-офицерской вдовы. Киевлянин, 7 июля.
Н-в, Б. Усовершенствование личности. Отдых Христианина, ноябрь.
Н. Г. Литературный дневник. Одесск. Нов., 9 и 12 апр.
Н. Ф. «Вехи». Полтавские Ведом., 6 авг.
Надеждин, Н. Предел скорби. Нов. Русь, 23 апр.
Нанд. Сезон начался. Сибирь, № 243.
Нездешний. Мимоходом. Сибирь, 2 июня.
Николаев, П. Снова у «Вех» и ответ г. А. Т. Спб. Жизнь, № 128.
Новомирский, Н. По вехам. Одесск. Обозр., № 577, 19 ноября.
Новые пути. Варшавский Дневник, 9 авг.
Норд. Больной вопрос современности. Тифл. Лист., 24 апр.

Обзор печати. Слово, 7 мая, № 788.

О «Вехах». Отчет о докладе д-ра Петровского. Киевск. Вести, № 328.
Огнев, Н. О русской интеллигенции. Речь, 23 апр.
Озеросский, С. О «Вехах». Речь, 24 мая, № 139.
О. Л. Д'Ор. Суд над интеллигенцией. Приднепр. Край, 12 мая.
Его же. Дружеская переписка. Утро (Петерб.), 18 мая.
Опискин, Фома. «Вехи». Сатирикон, № 21, 23 мая.
Отчет о заседании в Спб. женском клубе (доклад Н. А. Гредескула: Перелом в русской интеллигенции). Речь, 2 ноября.
Отчеты о докладе В. И. Гурко «Интеллигенция от Базарова до «Вех». Россия, 11 дек. Новая Русь, 12 дек.

Передовая статья. Виленский Вестник, 2 мая.
Передовая статья. Наш Край, 6 июня.
Передовая статья. Сарат. Вести., 18 июня.
Пессимист. Из записной книжки пессимиста. Русск. Речь, 2 мая.
Петров, Гр. Обвиненные судьи. Русское Слово, 17 мая, № 111.
Печать. Киевские Вести, 29 мая.
Печать. Харбин, 25 июня.
По Вехам. Сборник статей об интеллигенции и «национальном лице». М. 1909. Предисловие.
Поляцкий, А. Апология мещанства. Киевские Вести, № 335, 15 дек.
Поправка. Слово, 12 мая.
Посторонний. Бей интеллигенцию. Всемирн. Панорама, 15 мая.
Пешехонов, А. На очередные темы. (Новый поход против интеллигенции. Русск. Богатство, апрель и май.
Его же. Свободная кооперация. Киевск. Вести, 30 апр.

Р-а. О «Вехах». Киевские Вести, № 328.
Реферат о «Вехах». Каспий, № 211, 22 сент.
Рецензия. Уральская Жизнь, 30 апр.
Розанов, В. Мережковский против «Вех». Нов. Вр., 27 апр.
Его же. Между Азефом и «Вехами». Нов. Вр., 20 авг.
Rum-rum. Черносотенные «Вехи». Русск. Знамя, № 142.

Сарматов. Маленькие заметки. Россия, 30 апр. и 31 июля.
Сборник «Вехи». Резолюция, принятая в учебном отделе О. Р. Т. Зп. в Москве. Русское Слово, 15 апр.
Сементковский, Р. Рецензия в Истор. Вести., № 5.
Спиро, С. Л. Н. Толстой о «Вехах». Русское Слово, 21 мая.
Среди газет и журналов. Нов. Вр., 11 мая.
Статья. Новая Русь, 26 апр.
Статья. Тифл. Листок, 24 мая.
Столыпин, А. Интеллигенты об интеллигентах. Нов. Вр., 23 апр.
Его же. Еще о «Вехах». Нов. Вр., 27 апр.

Струве, П. Слабонервность, или Игра на слабых нервах. Слово, 27 марта.
Его же. Размышления. Слово, 25 апр., 7 и 19 мая.
Его же. Ответ архиепископу Антонию. Слово, 10 мая, № 791.
Его же. На разные темы. Русск. Мысль, май.
Суд над авторами сборника «Вехи». Голос Москвы, 15 апр., № 85.
Суд над клеветой. Новая Русь, 22 апр.
Северный, С. «Вехи» и Чехов. Слово, 13 июня.

Таврический, П. Старые боги. Утро (Харьк.), 10 мая.
Т-н, С. Интеллигенция и «Вехи». Киевск. Вести, № 330.
Толстой, К. Гордость мысли. Спб. Вед., № 247.
Л. Н. Толстой о сборнике «Вехи». Русское Слово, 12 мая.
Тон, Н. Страничка жизни. Харбин, 19 июля.
Трубецкой, Е. Н., кн. «Вехи» и их критики. Моск. Еженед., № 23.

У. Т. Литературно-общественные заметки. Народная Летопись, 9 авг.

Филевский, И. Поворот в нашей интеллигенции. Церк. Вестн., 25 июля.
Философов, Д. О любви к отечеству и народной гордости. Наша Газета, 26 марта, № 71.
Его же. Спор вокруг «Вех». Русск. Слово, 17 мая.
Франк, С. «Вехи» и их критики. Слово, 1 апр., № 752.
Его же. Мережковский о «Вехах». Слово, 28 апр.
Его же. Культура и религия. Русск. Мысль, июль.
Фудель, М. Критика интеллигентского сознания. Моск. Ведом., 29 апр.

Хирьяков, А. Близкие тени. Правда Жизни, 23 марта.
Христианка. Условия возрождения России. (Ответ авторам книги «Вехи».) Москва, стр. 64, ц. 35 к.

Чернов, С. Р. Зигзаги жизни. Новая Жизнь (Харбин), 19 июля.
Чуковский, К. Современные Ювеналы. Речь, 16 авг., № 223.
Шагинян, М. Еще о «Вехах». Приазовск. Край, 29 июля.
Шаховской, Д., кн. Слепые вожди слепых. Голос (Ярославль), 3 апр.
Ш-г, Л. Старые и новые богоискатели. Запросы Жизни, № 4.

Эсаша. Осужденная интеллигенция. Варшавск. Дневник, № 312.

Южный, В. «Вехи». (Жизнь и литература.) Бакинские Вести, № 16, 28 сент.
Южный, Н. Доклад Ю. В. Португалова. Оренбургский Край № 380.

Ю-и. «Вехи» и Чехов. Нов. Вр., 13 июня.

Ясинский, И. Суд над интеллигенцией. Биржевые Ведомости, №№ 11245, 11247, 11249, 11251, 11255, 11257.

1910

А. Заметки журналиста. Харбин, 6 янв.

А. П. «Интеллигенция». (Лекция К. И. Арабажина.) Русск. Слово, 4 февр.

Басаргин, А. Течения встречные. (Критические заметки.) Моск. Вед., № 4, 6 янв.

Его же. Компромиссы. Моск. Вед., № 12, 16 янв.

Беседа об интеллигенции. Русск. Вед., 4 февр.

Венгеров, С. Литературные настроения в 1909 году. Русск. Вед., 1 янв.

Гой, А. Заметки журналиста. Харбин, 9 янв.

Его же. «Героизм и подвижничество». (Литературные штрихи.) Харбин, 12 янв.

Иванов-Разумник. Об интеллигенции. Спб., 1910.

Изгоев, А. С. Интеллигенция и «Вехи». (Русское общество и революция). Москва, 1910.

Караваев, Н. Драма русской революции. (Письма из Вены.) Южн. Край, № 9902, 30 янв.

Наумов, Вс. «Вехи». Эхо (Благовещенск), № 390, 21 янв.

Никс. Да будет ей триумф! (Лекция К. И. Арабажина.) Утро России, 4 февр.

Нич. Спор об интеллигенции. Голос Москвы, 4 февр.

Новомирский, Н. Беллетристическая иллюстрация к «Вехам». Одесск. Обозрение, № 621, 24 янв.

Петров Григорий. Кнутом по пристяжной. Южный Край, 9 февр.

Рославлев. Мысли. Спб. Вед., № 35, 13 февр.

Сергей Глаголь. О человеке и мундире (Мой дневник). Столичная Молва (Москва), № 107, 15 февр.

Схимник. «Героизм и подвижничество». Сибирь, № 4, 6 янв.

Чеботарев, Ф. «У берегов свободы». Русск. Правда, № 918.

Ш. П. Москва. Киевская Мысль, № 38, 7 февр.

Яблоновский, С. К лекции о «Вехах». Русск. Слово, 4 февр.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Сборник «Вехи», вышедший в 1909 г., был призывом и предостережением. Это предостережение, несмотря на всю вызванную им, подчас весьма яростную, реакцию и полемику, явилось на самом деле лишь робким диагнозом пороков России и слабым предчувствием той моральной и политической катастрофы, которая грозно обозначилась еще в 1905—1907 гг. и разразилась в 1917 г. Историк отметит, что русское образованное общество в своем большинстве не внняло обращенному к нему предостережению, не сознавая великой опасности, надвигавшейся на культуру и государство.

Бо́льшая часть участников «Вех» объединилась теперь для того, чтобы, в союзе с вновь привлеченными сотрудниками, высказаться об уже совершившемся крушении — не поодиночке, а как совокупность лиц, несмотря на различия в настроениях и взглядах, переживающих одну муку и исповедующих одну веру. Взор одних из нас направлен непосредственно на конечные религиозные вопросы мирового и человеческого бытия, прямо указующие на Высшую Волю. Другие останавливаются на тех вопросах общественной жизни и политики, которые, не будучи вопросами общественной техники, в то же время лишь через промежуточные звенья связаны с религиозными основами жизни. Но всем авторам одинаково присуще и дорого убеждение, что положительные начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания и что разрыв этой коренной связи есть несчастие и преступление. Как такой разрыв они ощущают то ни с чем не сравнимое морально-политическое крушение, которое постигло наш народ и наше государство.

П. С.

Июль 1918 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

При подготовке текста «Вех» использовано 5-е изд. (1910). Параллельная сверка выявила разночтения главным образом 1-го и 2-го изданий. 2-е, 3-е и 4-е издания оказались идентичными, в 5-м имеются незначительные изменения, а также добавлена «Библиография Вех». В примечания вынесены только те разночтения, которые изменяют смысл фразы, а также купюры и вставки (особенно много их у С. Н. Булгакова и Б. А. Кистяковского). Пунктуация и написание личных имен в большинстве случаев оставлены авторские, сохранено написание ряда слов (например, «эксплоатация», «пэдократия», «западно-европейский» и др.). Исправление опечаток специально не оговаривается. Конъектуры даются в угловых скобках.

Те же принципы использованы и при подготовке текста «Из глубины», который дается по 1-му изданию (1918). 2-е издание (1967) имеет ряд погрешностей — впрочем, немногочисленных,— которые мы не посчитали необходимым специально обозначать в примечаниях.

А. А. Яковлев

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЖ — «Вопросы Жизни», журнал
ГПБ, АДП — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Архив Дома Плеханова
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
МЕ — «Московский Еженедельник», журнал
ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
ПЗ — «Полярная Звезда», журнал
РМ — «Русская Мысль», журнал
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦПА — Центральный партийный архив

ВЕХИ

СБОРНИК СТАТЕЙ О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Даже современникам, видевшим идейную изоляцию М. О. Гершензона в «струвеской компании» и полагавшим, что ведущая роль в «Вехах» принадлежит П. Б. Струве, было известно, кто именно задумал и осуществил это издание. Н. Валентинов шестьдесят лет спустя свидетельствовал: «Идея сборника принадлежала Гершензону, он собирал для него статьи, в этом смысле был его редактором» (Валентинов Н. Два года с символистами. Стэнфорд, 1969. С. 209). Это стороннее мнение лишь оттеняет мемуарное признание С. Л. Франка: «Идея и инициатива «Вех» принадлежала <...>

М. О. Гершензону» (Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 81).

Однако замысел сборника, посвященного анализу идей и образа жизни русской интеллигенции, возник у М. О. Гершензона не сразу. Прежде чем сформировалась сама идея *книги*, Гершензон предполагал реализовать замысел в рамках тех возможностей, которые предоставлял редактируемый им с 1907 г. вместе с Б. А. Кистяковским и П. П. Гензелем журнал «Критическое Обозрение». Впервые желание обсудить проблемы интеллигенции Гершензон, очевидно, высказал С. Н. Булгакову и С. Л. Франку. Еще в марте 1907 последний дал согласие на сотрудничество в журнале, а в сентябре 1908 года в ответ на предложение Гершензона высказаться по принципиальным вопросам в связи с какой-либо книгой, соглашаясь на рецензию как жанр статьи, писал: «Я мог бы, например, писать о религиозных течениях, вернее, о равнодушии интеллигенции к религиозным проблемам», проявившемся, в частности, в отношении к Л. Толстому. «Но эту тему Вы предоставляете Булгакову,— писал Франк далее,— а затем — к чему это приурочить?» (*ОР ГБЛ*. Ф. 746. К. 42. Ед. хр. 60. Л. 2).

Вскоре обнаружилось, что обязательная ориентация статей на рецензирование конкретных книг не может обеспечить достаточного уровня анализа тех проблем, которые занимали Гершензона и привлекаемых им авторов. В середине октября 1908 г. Гершензон составляет план самостоятельного сборника, по рубрикам «интеллигенция и...» трактующего различные сферы ее деятельности. В числе возможных авторов будущей книги называются Р. В. Иванов-Разумник, Л. Е. Габриллович и, разумеется, С. Н. Булгаков и Б. А. Кистяковский. 19 октября 1908 г. Франк писал Гершензону: «Предлагаемый Вами план сборника, посвященного критике нашей интеллигенции, я горячо одобряю, вполне понимаю и с большим удовлетворением приму в нем участие. Выполнение его потребовало бы, вероятно, личного собеседования между участниками» (Там же. Л. 6). Это собеседование состоялось той же осенью; о нем, кроме косвенных свидетельств (Письмо Е. Н. Орловой — М. О. Гершензону: *ОР ГБЛ*. К. 39. Ед. хр. 18. Л. 6 об.), сохранилось позднейшее признание Б. А. Кистяковского: «К сожалению, мы очень мало обсуждали содержание, план и направление нашего сборника в целом» (Там же. К. 34. Ед. хр. 43. Л. 31). Пока же, 19 октября 1908 г., С. Л. Франк отвел кандидатуры Р. В. Иванова-Разумника и Л. Е. Габриловича и предложил привлечь к обсуждению «духовного облика» и «быта» интеллигенции Н. А. Бердяева и А. С. Изгоева; Ю. И. Айхенвальда или А. Г. Горнфельда — к теме «интеллигенция и эстетика»; сам же отказался писать о политике и определил своим предметом нравственность. «Что касается участия П. Б. Струве,— заключал Франк,— то я уже телеграфировал Вам, прося переговорить с ним в Москве. У него есть большая работа (неоконченная) об интеллигенции» (Там же. К. 42. Ед. хр. 60. Л. 7). Письма Франка, развивающие программу сборника, несомненно, имели большое значение. Так, приглашая в гости Гершензона, 20 ноября 1908 г. Кистяковский писал ему: «Пожалуйста, захватите письма С. Л. Франка» (Там же. К. 34. Ед. хр. 43. Л. 15). Известно также, что участвовать в сборнике Булгаков предложил Н. О. Лосскому, но тот отказался (Лосский Н. О. Воспоминания. Мюнхен, 1968. С. 148).

В конце октября—начале ноября 1908 г. московская встреча авторов (кроме Изгоева и Бердяева) состоялась на квартире Б. А. Ки-

стяковского (об этом: упоминание Струве — Там же. К. 41. Ед. хр. 67. Л. 11—12). Тогда же, вероятно, было решено привлечь Изгоева; тот писал Гершензону: «Еще до Вашего письма П. Б. Струве говорил со мной о сборнике, идейной цели которого я, конечно, вполне сочувствую» (Там же. К. 36. Д. 5. Л. 1). Во всяком случае, «сведения о составе и заглавии» сборника Изгоев просил сообщить «недели за две до выхода» (Письмо М. О. Гершензону от 10 января 1909 г.— Там же. Л. 5). Должно быть, все это и послужило основанием для позднейшего вывода о том, что «идея берет начало в разговорах Струве с Гершензоном» (Изгоев А. С. О виновных // Россия (Париж). 1928. № 31). Как бы ни трактовалось впоследствии происхождение «Вех», очевидно, что выбор Гершензона (отвергнувшего, как видим, и Айхенвальда, и Горнфельда) был внутренне логичен. Из его молодости, из «околомарксистских» 1890-х годов, сотрудничества в издательстве М. И. Водовозовой, журнале «Новое Слово» приходят близкий знакомый С. Н. Булгаков (его многочисленные письма к Гершензону того времени см.: Там же. К. 29. Ед. хр. 22) и «мэтр» П. Б. Струве. В издаваемый Струве в эмиграции журнал «Освобождение» Гершензон послал исповедальное «Письмо с берегов Женевского озера» (Освобождение. 1902. Кн. 1. С. 225—228). 26 августа 1902 г. Гершензон пояснил Струве: «своим письмом я хотел сказать: не надо больше воспитывать русскую публику в духе специфической политики; надо вернуться к источнику политики, опять растворить ее в нравственности» (*ЦПА*. Ф. 279. Д. 77. Л. 43 об). П. Б. Струве и С. Л. Франк привлекают к участию в сборнике своего коллегу по *РМ*, «политического» публициста А. С. Изгоева. Выяснилось, что своим знакомством участники сборника обязаны Струве: это он связал в свое время Булгакова с Бердяевым, Бердяева с Франком, Франка с Кистяковским и всех их — с Изгоевым. Этот биографический факт впоследствии многих ввел в заблуждение: казалось труднообъяснимым, что именно Гершензон собрал в одном сборнике признанных критиков интеллигенции. Общая судьба сотрудников «Вех» — движение через марксизм, «Союз Освобождения», революцию 1905 года, крах социалистических помыслов, кризис узкополитического конституционализма,— стала той средой, из которой аполитизм и асоциальность Гершензона вызвали к жизни и побудили к систематизации богатый опыт одухотворенной политики и социальности других авторов «Вех».

Круг идей, высказанных в сборнике «Вехи», был результатом длительного духовного развития его авторов. Для большинства из них оно было связано с углублением миросозерцания, выраженного в «Проблемах идеализма» (1902). Отход от социалистического радикализма в политике и от рационализма и позитивизма в философии стал основным направлением этого развития. События революции 1905 года потребовали от авторов «Вех» ясного формулирования своей позиции. В статьях 1905—1908 гг. (Русская идейная интеллигенция на распутьи // *ПЗ*. 1906. № 7; Из размышлений о русской революции // *РМ*. 1907. № 1; Интеллигенция и народное хозяйство // Слово. 16 ноября 1908 и др.) Струве выдвинул идею политической ответственности и политического воспитания интеллигенции — идею, которая опиралась на признание главенствующей роли личности в культурном и социальном творчестве. Франк был устремлен к раскрытию духовных начал общественной жизни и ее религиозного смысла. В статьях этого периода он обосновывал необходимость культурного объединения как основы политической деятельности (Политика и идеи (о программе «Полярной Звезды») // *ПЗ*. 1905. № 1; Очерки

философии культуры // *ПЗ*. 1906. № 3, совместно со Струве; Молодая демократия // Свобода и Культура. 1906. № 2). Размышления Бердяева в эти годы сосредоточены в основном на проблеме кризиса интеллигентского сознания и разрушительных результатах действия интеллигентской идеологии в революции (Из психологии русской интеллигенции // *МЕ*. 1907. № 2; К психологии революции // *РМ*. 1908. № 7; Бунт и покорность в психологии масс // *МЕ*. 1906. № 50). Для Булгакова религиозная укорененность социальной жизни становится важной темой уже в статьях «Без плана», «Религиозно-общественная хроника», публиковавшихся в *ВЖ* (1905); в последующие годы в *МЕ* и в *РМ* (особенно в цитируемой им в «Вехах» статье «Интеллигенция и религия») он формулирует противоположность человекобожеского и богочеловеческого религиозного отношения к миру. Не склонный к публицистике Гершензон высказывал свои мысли в исторических исследованиях, которыми он занимался еще до революции 1905 года (см. Проскурина В. «Творческое самосознание» Гершензона // Литературное Обозрение. 1990. № 9). Идея права как компромисса, обеспечивающего нормальное конституционное развитие общества, является главным мотивом послереволюционных статей Кистяковского, многие из которых были собраны в его книге «Социальные науки и право» (1916). Изгоев был одним из главных политических публицистов кадетской «Речи». Его тонкие анализы социальной ситуации в России, впоследствии вошедшие в авторский сборник «Русское общество и революция» (1910), ясно показывали роль и значение интеллигенции в революционном движении.

Итак, 16 ноября 1908 Франк обещает написать статью «Интеллигенция и нравственное сознание» к Новому году (*ОР ГБЛ*. Ф. 746. К. 42. Ед. хр. 60. Л. 8); 28 декабря Изгоев обещает прислать статью «о быте» к 15 января 1909 г. (Там же. К. 36. Ед. хр. 5. Л. 4). В тот же день Бердяев пишет Гершензону: «15 января доставлю Вам статью лично» (Там же. К. 28. Ед. хр. 31. Л. 15); 30 декабря Кистяковский сообщает: «уже начал писать статью «Интеллигенция и правосознание» (Там же. К. 34. Ед. хр. 43. Л. 19); 19 января 1909 Струве телеграфирует: «Статья будет начале февраля» (Там же. К. 41. Ед. хр. 67. Л. 10). Он планировал направить статью «Интеллигенция и народное хозяйство», но «внешние обстоятельства» помешали этому (она была опубликована в газете «Слово» 16 ноября 1908, см.: *РМ*. 1923. № 1—2. С. 155, прим.). Соответственно 14 января, 19 февраля и 2 марта 1909 из Петербурга отправляют свои статьи Изгоев, Франк, Струве (Там же. К. 36. Ед. хр. 5. Л. 7; К. 42. Ед. хр. 60. Л. 14; К. 41. Ед. хр. 67. Л. 13). Позже, возвращая корректуры составителю, 7 и 8 марта Изгоев и Франк дают окончательные заглавия своим работам. Встает проблема заглавия самого сборника. 2 марта Струве отвергает предложенное Гершензоном *«Интеллигенты об интеллигенции»*; 7 марта поступают предложения: *«На гору!»* (Струве), *«На перепутьи»* (Франк), последний выступает против *«Московских дум»* и за *«Межи и вехи»*; 8 марта Изгоев выражает несогласие: ни *«Московские думы»*, ни *«Межи и вехи»* не удовлетворяют его; 10 марта Кистяковский вместо *«К русской молодежи»* предлагает *«К русскому обществу»*. Булгаков, считая вопрос о названии сборника неразрешимым, готов был согласиться с «формальным»: *«К русской интеллигенции или обществу»* (*ОР ГБЛ*. Ф. 746. К. 29. Ед. хр. 23. Л. 41). Телеграмма Струве от 11 марта: *«„Межи и вехи“* очень удачно» предопределяет выбор Гершензона. Одновременно обсуждается «кредо» сборника в преди-

словии. 7 марта Франк беспокоится: «Как обстоит дело с предисловием? Вы не забыли, что обещали нас предварительно ознакомить с ним?» (Там же. К. 42, Ед. хр. 60. Л. 20); 8 марта, уже ознакомившись, Изгоев оговаривает свое особое мнение (Там же. К. 36. Ед. хр. 5. Л. 9). Изгоев потребовал от Гершензона либо внести его особое мнение в текст предисловия, либо отказаться от общей «платформы». Гершензон сформулировал «особое мнение» и, по согласованию с Кистяковским и Бердяевым, решил поместить его в подстрочном примечании к статье самого Изгоева (по техническим причинам оно смогло попасть только в конец всего текста). Булгаков, соглашаясь с решением Гершензона, писал ему: «Ваше выключение Изгоева из порядка алфавита и помещение его как бы в приложении тем самым оправдано!» (*ОР ГБЛ*. Ф. 746. К. 29. Ед. хр. 23. Л. 41—42). В 1-м изд. «Вех» статья Изгоева была напечатана последней. 11 марта Струве возвращает корректуру предисловия со своими поправками. 16 марта сборник, получивший название «Вехи», выходит в свет в издательстве В. М. Саблина тиражом 3 тысячи экземпляров. В конце марта появляются первые отклики в газетах.

25 апреля 1909 в газете «Слово» Струве, желая отмежеваться от «ужасной фразы» Гершензона, заявил: «Следует отметить, что сборник «Вехи» никем не «редактировался», и я, и некоторые другие его участники со статьями других авторов ознакомились только после выхода в свет книжки» (Струве П. Б. Patriotica. Сб. ст. СПб., 1911. С. 229). Не касаясь пока «ужасной фразы» (см. прим. к с. 90), уточним хрестоматийное свидетельство Струве, широко распространившееся в литературе о «Вехах». Известны два факта «редактирования» Гершензоном статей Кистяковского и Изгоева, которые сами признавали необходимость такого редактирования (Там же. К. 36. Ед. хр. 5. Л. 9, 12—13; К. 34. Ед. хр. 43. Л. 27). Что же касается знакомства авторов со статьями друг друга, то можно с уверенностью заявить, что таковое состоялось *до* выхода «Вех». Трудно сказать, читались ли рукописи в кругу московских авторов, но в Петербурге их корректуры были известны. 2 марта Струве обращается к Гершензону с просьбой о присылке корректур других статей (Там же. К. 41. Ед. хр. 67. Л. 13), 7 марта Франк благодарит составителя за присылку статьи Кистяковского и отмечает: «Вашей и булгаковской статей я не читал еще» (Там же. К. 42. Ед. хр. 60. Л. 20).

Оглушительный успех сборника (за два дня было продано 2853 экземпляра.— Там же. К. 14. Ед. хр. 21) сделал необходимым переиздание книги. Во второе издание, вышедшее 4—11 июня 1909 г. тиражом 3000 экз., авторами были внесены подстрочные примечания; Изгоев расширил свое «особое мнение» (Там же. К. 36. Ед. хр. 5. Л. 18). Н. Валентинов вспоминал: «Из беседы в 1913 г. с С. Н. Булгаковым мне стало известно, что он и П. Б. Струве дружески намекнули Гершензону, что было бы хорошо, если бы он внес в свою статью кое-какие смягчения и оговорки» (Валентинов Н. Два года с символистами. С. 209). Это пожелание, касающееся, конечно, «ужасной фразы», несмотря на протесты Н. А. Бердяева (Там же. К. 28. Ед. хр. 31. Л. 2), было исполнено.

Новый тираж разошелся так же быстро. Контора «Критического Обозрения», занимавшаяся рассылкой книг, принимала все новые заказы на «Вехи» отовсюду: от Кутаисской губернии до Владивостока (Там же. К. 14. Ед. хр. 14). Получая постоянные напоминания от Кистяковского о необходимости переиздания и увеличения тиража,

Гершензон уже в середине июня 1909 г. заручился согласием других авторов (Там же. К. 36. Ед. хр. 5. Л. 23; К. 41. Ед. хр. 67. Л. 21) и обратился к новому издателю И. Н. Кушнереву (в его типографии в 1902 г. были напечатаны «Проблемы идеализма»). Попытки Кистяковского внести новые примечания (Там же. К. 34. Ед. хр. 43. Л. 35, 37 об.) поддержки не встретили. Склад «Критического Обозрения» в начале августа заполнили новые четыре тысячи «Вех». Уже 7 сентября 1909 года Гершензон писал В. В. Розанову: *«Вехи* вот как идут: 10 тыс. экз. продано, от 3-го изд. уже ничего не осталось, печатаю 4-ое с матрицей, потому что спрос не падает. Это — с 16 марта» (Там же. Ф. 249. М4197. Ед. хр. 1. Л. 5 об.). В начале октября 1909-го появилось еще три тысячи, в середине марта и начале апреля 1910-го — еще две. Миф критиков «Вех» о недолгом «успехе скандала» был развеян.

С первых же дней Гершензон и Изгоев стали собирать отклики на сборник. Летом в 1909 г. Ф. Мускатблит издал книгу, составленную из газетных и журнальных статей по поводу «Вех»: «В защиту интеллигенции» (М., 1909). К пятому изданию сборника была приложена «Библиография «Вех», далеко не полная, по признанию Изгоева. С апреля 1909 г. шли публичные обсуждения, рефераты, лекции критиков «Вех». Однако, как свидетельствует Ф. Степун, «вся эта горячая полемика шла по столичным верхам» (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. Т. 1. С. 205). Надо думать, и этим обстоятельством, а не только задачами борьбы с «ростом консервативных течений», было вызвано «лекционное турне по России» П. Н. Милюкова против «Вех», о котором упоминает Франк (Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. С. 84). С октября 1909 г. стал выходить журнал «Запросы Жизни», в выступлениях М. Ковалевского и В. Водовозова открывший систематическую полемику против «Вех». Изгоев имел полное основание назвать его «Еженедельные Анти-Вехи» *(МЕ.* 1909. № 46. Стлб. 5). Уже летом 1909-го Гершензон задумал составление обзора откликов печати на «Вехи», дабы представить русскому читателю, атакуемому антивеховскими лекциями и журналами, объективную картину противоборствующих сил. В июле 1909 г. он предложил составление очерка Франку *(ОР ГБЛ,* Ф. 746. К. 36. Ед. хр. 5. Л. 44 об.), но тот, полагая, что автор подобного обзора не должен принадлежать к коллективу «Вех», отказался (Там же. К. 42. Ед. хр. 60. Л. 24). В феврале 1910 г. Гершензон адресовал некоего А. Г. Фомина к Струве с предложением поместить очерк полемики в *РМ (ГПБ, АДП.* Ф. 753. Ед. хр. 128). Струве, планируя в журнале ряд статей «веховского» толка, счел появление очерка А. Г. Фомина, оговаривавшего свою не-«веховскую» позицию, невозможным (Письмо М. О. Гершензону от 17 марта 1910 // *ОР ГБЛ.* Ф. 746. К. 41. Ед. хр. 67. Л. 27). Таким образом, «веховский» анализ полемики вокруг сборника не состоялся (статья Франка «"Вехи" и их критики» // Слово. 1909. 1 апреля (№ 752) не затронула ее сколько-нибудь значительной части). Впоследствии авторы сборника не раз возвращались к проблеме «Вех» — см. статьи А. С. Изгоева «"Вехи" и "Смена Вех"» (*РМ.* 1922. № 3). «О задачах интеллигенции» (Парфенон. Сб. 1. СПб., 1922), П. Б. Струве «Материнское лоно и героическая воля» (*РМ.* 1923. № 1—2), «Дневник политика» (Россия и Славянство. 1929. № 13), а также статью близкого к кругу «веховцев» П. И. Новгородцева в сборнике «Из глубины» (см. наст. изд.).

Уже в ходе полемики вокруг «Вех» было подчеркнуто несогласие взглядов авторов, хотя выдвинутый в Предисловии тезис о первенстве духовной жизни личности над внешними политическими фор-

мами они в целом разделяли. Различие в оттенках смысла и обосновании этого тезиса можно схематично, вслед за Струве, обозначить так: «В «Вехах» все-таки сохранился и явственно виден старый водораздел русской мысли, тот, который отделял «западничество» и «славянофильство» (Струве П. Patriotica. С. 231). Первое направление представлено Изгоевым, Кистяковским, Франком и самим Струве, ко второму принадлежат Бердяев, Булгаков и Гершензон. Франк более точно обрисовал позицию «западников»: «...четыре участника «Вех» солидарны в своем призыве к культуре и культурному творчеству, но религиозное (в свободном, недогматическом смысле религии) обоснование этого идеала опять-таки отделяет в этой общей группе П. Б. Струве и пишущего эти строки от Б. А. Кистяковского и А. С. Изгоева» (Франк С. Л. Культура и религия // *РМ*. 1909. № 7. С. 148). Суть позиции Бердяева и Булгакова Франк видел в «возврате к церковной, догматической религии». Статья Гершензона занимала в сборнике особое место. Хотя по некоторым идеям она и примыкала к духовной ориентации Бердяева и Булгакова, но моральный индивидуализм Гершензона и понимание культуры как механизма, подавляющего человеческую жизнь, резко отличали его от «славянофилов». «Вместо христианского Гершензон дает *индивидуалистическое* истолкование славянофильства, и в этом его односторонность»,— писал Бердяев (Бердяев Н. А. Исторические записки о современности // *МЕ*. 1910. № 9. Стлб. 48).

Интересно заметить, что триумфальный выход «Вех» породил в кругах «веховской» интеллигенции проект составления нового сборника. Так, 4 и 17 мая 1909 г. А. А. Стахович писал Струве: «Теперь <...> о сборнике по вопросу «о национализме». Сборнике большом, серьезном, издать который предельно не позже сентября <...> В Москве я о нем говорил со всеми Вашими единомышленниками. Изъявили согласие принять в нем участие и за лето написать большие статьи: С. Н. Булгаков, Кистяковский, Е. Н. Трубецкой и П. И. Новгородцев. В Петербурге видел Голубева, который лишь сказал, что Вы сочувственно относитесь к такому сборнику, но хотели бы предварительно переговорить со всеми авторами. <...> Удобно ли будет сделать предполагаемый сборник — продолжением «Вех» — непосредственно связать с ними, как говорил мне Голубев? Не сделает ли это его слишком *полемичным*, не затемнится ли от того основная тема — *«здоровый национализм»*, не отойдет ли он на 2-й план. Вопрос же этот, думается мне, огромнейшей важности и *своевременно* именно теперь возможно громче и ярче о нем говорить и *проповедовать* о нем. Это нисколько не помешает авторам, участвовавшим в «Вехах», в своих статьях «о здоровом национализме и национальном лице» ответить своим противникам, полемизировавшим с ними о «Вехах»,— связать ведь эти два вопроса очень легко и естественно» (*ГПБ, АДП*. Ф. 753. Ед. хр. 105. Л. 2—2 об.; ср.: Ед. хр. 201. Л. 1 — здесь Стахович просит Струве «взять на себя редакторство сборника»). Для Струве и его единомышленников появилась возможность высказать в предполагавшемся сборнике положительные идеи того органического национально-государственного и религиозно-культурного миросозерцания, которое было противопоставлено в «Вехах» интеллигентскому «воззрению о самочинном, умышленном человеческом строительстве жизни» (Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. С. 87). Однако сборнику не суждено было увидеть свет.

Весной 1910 года, как вспоминает Франк, возник новый замысел — «выяснить и развить в коллективном труде *положитель-*

ное содержание тех идей, которые были выражены в «Вехах» в отрицательной форме критики интеллигентского миросозерцания. У меня на квартире по почину и подбору П. Б. состоялось собрание для обсуждения идейной программы нового сборника» (*Франк С. Л.* Там же). Струве планировал привлечь к обоснованию философско-политической программы реальных политиков, думских деятелей, промышленников и тех публицистов, которые, будучи близки идейной ориентации «Вех», в силу способа составления сборника не приняли в нем участия. Редактор-издатель *М Е* Е. Н. Трубецкой писал Струве: «Последнее Ваше письмо касалось сборника. Вероятно, и сами Вы пришли к заключению, что дело это — не к спеху. Сейчас я очень занят и по церковному вопросу обстоятельной статьи родить не смогу. Что касается Гучкова, то я остаюсь при своем мнении о несовместимости его с нами: ведь это как-никак, а коллективное profession de foi. Думаю, что в таком сборнике статья о государственной обороне не нужна как техническая» (*ГПБ, АДП*, Ф. 753. Ед. хр. 125. Л. 7). Отложенный вновь, проект частично воплотился в сборниках экономических и политических статей «Великая Россия» (М., 1911—1912).

Не считая репринтов (первый из которых: Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1967), в последующие годы переизданий сборника не было.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие написано М. О. Гершензоном в начале марта 1909 г. Верстка была им направлена в Петербург А. С. Изгоеву и П. Б. Струве. 8 марта 1909 Изгоев отвечал: «<...> о предисловии. До слов «их общей платформой» — я могу подписаться всецело, но дальше начинается область спорного. Боюсь, что ставя так вопрос, вы возбудите только бесплодный спор на тему, что было раньше: яйцо или курица? Боюсь, что вместо обсуждения сборника по существу, наши противники всю свою артиллерию направят на вопрос: учреждения или личности? — и ничего кроме старого шаблонного спора Вы не получите.

Поэтому, если нельзя обойтись без второй половины Предисловия, я просил бы меня выделить, отметив, что я согласен с большинством выводов, но не согласен с мотивировкой и обоснованием. Я тоже полагаю, что для интеллигенции вопросы внутр<енней> духовной жизни имеют первенствующее значение, но обосновываю это совсем иначе» (*ОР ГБЛ*. Ф. 746. К. 36. Ед. хр. 5. Л. 9 об.). Гершензон не принял поправку к «платформе», но «особое мнение» Изгоева изложил в подстрочном примечании к его статье (см.: С. 121 наст. изд.). Во время подготовки второго издания «Вех» Изгоев писал Гершензону: «Мне, конечно, очень совестно, что я причинил Вам столько хлопот и даже материального ущерба (быть может, легче было приклеить особый листочек в конце статьи). Но, согласитесь, что часть вины лежит и на Вас и на П<етре> Б<ернгардови>че. Нельзя платформу редактировать в последнюю минуту» (Там же. Л. 21). П. Б. Струве действительно принял участие в составлении Предисловия. От него составитель получил верстку с рядом предложений по изменению текста. Гершензон не снял свою подпись (по мнению Струве, это «заявление должно пойти как коллективное заявление авторов всего сборника, ибо по существу своему оно не есть индивидуальное» —

письмо от 11 марта 1909 (Там же. Ф. 746. К. 41. Ед. хр. 67. Л. 18). Во исполнение замечаний были проведены замены слов: «политических убеждениях» на *«практических пожеланиях»*, «политического строительства» на *«общественного строительства»*. К ряду имен в тексте Гершензона (Чаадаев, Соловьев) по предложению Струве добавилось имя *Толстого* (Там же. Л. 19—19 об.).

Н. А. Бердяев. ФИЛОСОФСКАЯ ИСТИНА И ИНТЕЛЛИГЕНТСКАЯ ПРАВДА

БЕРДЯЕВ Николай Александрович (6(18).III.1874, Киев — 24.III.1948, Кламар, под Парижем) родился в аристократической семье. Отказавшись от карьеры военного, поступил на естественное отделение физико-математического факультета Университета св. Владимира в Киеве (1894), но вскоре перешел на его юридический факультет. Тогда же вступил в крупнейший в Киеве марксистский кружок самообразования, в котором выдвинулся как лектор по философии. В 1898 г. арестован по делу киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», исключен из университета и через два года высочайшим повелением приговорен к ссылке на три года, которую отбывал в Вологде (1900—1902, где сблизился с А. А. Богдановым, А. В. Луначарским, Б. В. Савинковым и др.) и в Житомире (*ЦГАОР*. ДП. 1898. Д. 736). В 1900 г. впервые выступил в русской прессе со статьей «Ф. А. Ланге и критическая философия» («Мир Божий». 1900. № 7; прежде опубликована в «Neue Zeit» (Берлин). 1899—1900. № 32—34). Первый литературный опыт Бердяева дал основания современникам причислить его к «критическому направлению» в русском марксизме. В 1900 г. Бердяев послал П. Б. Струве рукопись своей книги «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», в которой анализировалась социология Н. К. Михайловского и ставилась задача расширения философских оснований марксизма. Струве организовал издание книги, снабдив ее объемным предисловием (СПб., 1901). В 1902 г. Бердяев участвует в московском сборнике «Проблемы идеализма» (ст. «Этическая проблема в свете философского идеализма»). С 1903-го — в либеральном движении: участник совещания в Шафгаузене (июль 1903), член «Союза Освобождения» (1904) (Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1985), один из руководителей киевской группы «Союза» (см.: Записки Социально-экономического отдела Украинской АН. Киев, 1923 (на укр. яз.) Вып. I), сотрудник нелегального журнала «Освобождение» (см. Бердяев Н. А. Письма П. Б. и Н. А. Струве // Пролегомены. Вып. I — в печати). С осени 1904 г. Бердяев, вместе с С. Н. Булгаковым, становится фактическим соредактором петербургского религиозно-философского журнала «Новый Путь», а с 1905-го возглавляет журнал *ВЖ*. Бердяев — один из инициаторов и активных членов «Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева». В 1907 г. был привлечен Струве к сотрудничеству в журнале *РМ*. Один из основателей издательства «Путь» (1910). В 1913 г. за критику политики Св. Синода в отношении «имяславцев» (ст. «Гасители духа» в газете «Русская Молва») привлечен к суду. Но принятие решения по делу Бердяева, в связи с начавшейся мировой войной, было отложено, пока в феврале 1917 года, в изменившихся обстоятельствах, не было прекращено. Весной 1917-го Бердяев — в числе учредителей «Лиги русской

культуры», член ее Совета, председатель Временного комитета в Москве (*ОР ГБЛ*. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 34), ведущий публицист еженедельника «Русская Свобода» и газеты «Народоправство». В 1918-м — участник сборника «Из глубины». Зимой 1918—1919 гг. Бердяев основал Вольную Академию Духовной Культуры, где читал лекции и вел семинар. В конце 1918-го — начале 1919 г. работал в Главархиве в хранилище частных архивов. В 1920 г. привлекался к следствию по делу «Тактического центра», в том же году был избран профессором историко-филологического факультета Московского университета. Осенью 1922-го, после ареста, выслан в Германию, до 1924-го жил в Берлине, где основал Религиозно-философскую академию, а затем перенес ее деятельность в Париж (с 1925-го). С 1924-го — главный редактор издательства «YMCA-Press». Один из основателей русского студенческого христианского движения. В 1924 г. вместе с Булгаковым и Франком основал «Братство св. Софии». В 1925—1940 гг. издавал в Париже религиозно-философский журнал «Путь». См. Bibliographie des oeuvres de Nicolas Berdiaev. YMCA-Press. Paris, 1978.

Статья вошла в сборник: Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907—1909 гг.). СПб., 1910. С. 171—192; далее *ДКИ*. Ниже отмечены разночтения.

С. 13. *...загубило философский талант Н. К. Михайловского...*— Разработанную Н. К. Михайловским «субъективную социологию» Н. А. Бердяев подверг анализу и критике в своей первой книге «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (СПб., 1901). См. также статью Бердяева «Н. К. Михайловский и Б. Н. Чичерин» (в его сб.: Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900—1906). СПб., 1907), его письма к Струве (*ЦПА*. Ф. 279. Д. 74) и статью последнего «К характеристике нашего философского развития» (в сб. «Проблемы идеализма». М., 1902).

С. 14. *...презирался Юркевич...*— Отвечая на статью Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии», Юркевич подверг основательной критике материализм (см.: Юркевич П. Д. Из науки о человеческом духе // Его же. Философские сочинения. М., 1990. С. 104—192). Завязавшаяся полемика вызвала оживление в печати, подвергшей Юркевича по большей степени беспочвенной критике (см. об этом указ. изд. С. 644, прим. А. И. Абрамова).

И Лавров давал философскую санкцию...— В «Исторических письмах» (1868—1869) Лавровым была выдвинута теория «критически мыслящей личности» как движущей силы общественного прогресса, послужившая обоснованием первенствующей роли радикальной интеллигенции в преобразовании русского общества.

С. 15. *«Философом» эпохи стал Бельтов-Плеханов...*— Имеется в виду книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (СПб., 1894), явившаяся первым систематическим изложением философской доктрины марксизма на русском языке. Из авторов сб. «Вехи» в переписке, в том числе философской, с Плехановым состояли П. Б. Струве и С. Н. Булгаков (*ГПБ, АДП*. Ф. 1093).

...появился Авенариус и Мах...— В русском переводе главное сочинение Авенариуса «Критика чистого опыта» вышло в 1907—1908 гг. (СПб. Т. 1—2; рец. С. Л. Франка: *РМ*. 1908. № 4). Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психиче-

скому. М., 1907 (рец. С. Л. Франка: *РМ*, 1907, № 11); его же. Познание и заблуждение. М., 1909.

...гг. Богданов и Луначарский сделались «философами»...— Их философские работы см. в сб. «Очерки реалистического мировоззрения» (СПб., 1904) и «Очерки философии коллективизма» (СПб., 1909), а также в кн. А. Богданова «Эмпириомонизм» (Кн. 1—3; М., 1904—1906), «Философия живого опыта» (СПб., 1913). О философских течениях в русском марксизме начала XX века см. рецензию С. Л. Франка на книги Н. Валентинова, А. Богданова и П. Юшкевича: *РМ*. 1908. № 12. С. 271—273.

...критического течения в марксизме...— «Критическое течение в марксизме» явилось результатом освоения русскими марксистами современной философской и социологической проблематики (в работах П. Б. Струве и С. Н. Булгакова 1896—1897 гг.) и приобрело свою качественную определенность в результате политикоэкономических исследований М. И. Туган-Барановского, П. Б. Струве, С. Л. Франка и С. Н. Булгакова, существенно ревизовавших марксистскую доктрину,— в 1899—1900 гг. К этому же времени относится переосмысление частью марксистских интеллектуалов в России и на Западе самоценности и приемлемости общественных преобразований революционным путем; частью его стало так называемое «бернштейнианство». Политическая переориентация на реформизм сопровождалась эволюцией в сторону метафизического обоснования социального идеала (прежде всего — на основе этики Канта). Последним проявлением «критического течения» в русском марксизме стали статьи Бердяева и Струве в сб. «Проблемы идеализма». Идеологическое размежевание с социал-демократами и попытки создания широкой общественной коалиции, направленной на достижение конституционного строя в России, привели критиков в ряды либерального движения.

С. 16. *...теория знания Маха...*— Была призвана обосновать идеал «описательной» науки и устранить из науки объяснительную функцию. Всякое познание руководствуется принципом «экономии мышления» и сводится к наблюдению чувственно данных «элементов». См.: Богданов А. Чего искать русскому читателю у Эриста Маха // Мах Э. Анализ ощущений. М., 1907. С. I—XII.

...философия Авенариуса... ∾ философией социал-демократов «большевиков».— Авенариус стремился преодолеть субстанциальную противоположность духа и материи, интерпретируя эти начала как производные от нейтральной реальности — опыта, чистой формальной структурой которого является принципиальная координация объекта и субъекта. Физическое и психическое становятся при этом содержанием внешнего и внутреннего опыта. О соединении философии Авенариуса с марксизмом см.: Валентинов Н. Философские построения марксизма (диалектический материализм, эмпириомонизм и эмпириокритическая философия). М., 1908; Очерки по философии марксизма. СПб., 1908.

С. 17. *...Вл. Соловьев совершил важное дело...*— Имеется в виду полемика В. С. Соловьева с К. Н. Леонтьевым, Н. Я. Данилевским, Н. Н. Страховым и др. по национальному вопросу (1883—1891). Его статьи этого периода были перизданы в сб. «Национальный вопрос в России» (см.: Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Философская публицистика. М., 1989. Т. 1. С. 259—637).

С. 21. *...в «субъективную социологию»...*— Речь идет о теоретических воззрениях на общественно-исторический процесс ряда «народников»; систематическое изложение их дано в трудах П. Л. Лав-

рова и Н. К. Михайловского: основной «единицей» общественной структуры (и исторического развития) является личность, а не группа, класс; критерием общественного развития — нравственный идеал исторического деятеля.

...наука Чичерина... — Об отношении к Чичерину см. подробнее: прим. к с. 13 и работу П. Б. Струве: Б. Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности // Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С. 323—331.

С. 22. *...утверждал и развивал* ∾ *П. Б. Струве.* — См. биографическую справку Струве и прим. к его статье в наст. изд.

Марксизм подвергся у нас народническому перерождению... — Смотри об этом: Струве П. Б. Интеллигенция и народное хозяйство (1908) // Его же. Patriotica. Сб. ст., СПб., 1911. С. 365, см. также статьи А. С. Изгоева в сб. «Из глубины» (с. 361 наст. изд.), его же «О заслугах большевиков» (*РМ*. 1918. № 1—2), П. Б. Струве «Иллюзии русских социалистов» (Русская Свобода. 1917. № 5). Тезис о «народническом перерождении» русского марксизма, воспроизведении в нем социально-психологических стереотипов народничества получил распространение в начале XX века и был направлен против радикального крыла социал-демократии. Мессианство, сектантство, экстремизм старого народничества, как считалось, стали характерными чертами большевизма, ушедшего от подчеркнуто «объективно-научного» образа русского марксизма 1890-х гг. Концепция «перерождения» марксизма в России в сторону традиционно-популистской доктрины находит немало сторонников в западной историографии (см., напр., Dan T. The Origins of Bolchevism. N.-Y., 1964; Meyer A. Leninism. N.-Y., 1957; Ulam A. The Bolchevicks. N.-Y., 1965; Venturi F. Roots of Revolution. N.-Y., 1960. Близок к этому и Р. Такер («Сталин. Путь к власти. 1879—1929». М., 1990. С. 29).

С. 23. *...Струве в первой своей книге прегрешил...* — Ср. слова самого П. Б. Струве: «Струве впал в догматизм, приспособляя воззрения Риля и Зиммеля к обоснованию «экономического материализма». Самое это приспособление было задумано правильно. Но критический реализм Риля и психологизм Зиммеля были неправильно истолкованы в смысле принципиально-философского подчинения долженствования бытию. У Струве недоставало в то время той принципиальной философской ясности, которая не допускает такого подчинения» (П. Г. К характеристике нашего философского развития // Проблемы идеализма. С. 85). Бердяев имеет в виду первую книгу Струве «Критические заметки об экономическом развитии России» (СПб., 1894), написанную им под сильным влиянием А. Риля. Но спустя несколько лет Струве считал необходимым рассматривать социологию как методологическое учение и теоретико-познавательное введение в социальные науки. См.: Struve P. B. Rez.: Th. Kistjakowski. Gesellschaft und Einzelwesen // Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik. Bd. 14. 1899. S. 222.

...Зиммеля ∾ *у нас считали почти марксистом...* — В 1890-е гг. Г. Зиммель как автор «Социальной дифференциации» (русск. пер.: 1898), идеи которой использовались русскими марксистами в качестве аргументов, подтверждающих «теорию классов», считался представителем немецкого «катедер-социализма». Его идеи были восприняты в России П. Б. Струве, Б. А. Кистяковским (которые были знакомы с философом лично) и С. Л. Франком (учившимся у Зиммеля). Впоследствии Зиммель становится одним из наиболее значительных представителей философии жизни. В центре его вни-

вания — проблемы культурного творчества в его индивидуальных и исторических формах.

...неокантианский и неофихтеанский дух... — На представителей «критического направления» *неокантианство* повлияло в двух отношениях. Во-первых, как теория этического социализма (исследование Р. Штаммлера «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» (Т. 1—2; русск. пер.: 1907)) — об этой ветви неокантианства см.: Форлендер К. Кант и Маркс. Очерки этического социализма (русск. пер.: 1909; с предисловием М. И. Туган-Барановского). Туган-Барановский писал в этом издании: «Этическое обоснование социализма знаменует собой не дополнение марксизма, а коренное преобразование, точнее разрушение его» (С. VI—VII). Об истории неокантианского влияния Франк замечал: «Вопрос об отношении между кантианством и марксизмом в России не нов; в некотором смысле он прямо исходит из России. По крайней мере впервые о нем заговорил П. Б. Струве во вступительных главах своих «Критических заметок» (1894 г.) и он первый среди марксистов призывал «обновить» философскую основу марксизма путем замены материализма кантовским критицизмом» (Франк С. Л. Социализм и кантианство // Его же. Философия и жизнь. СПб., 1910. С. 348). Во-вторых, как гносеологическая теория и методология социального познания. Основными моментами развития и осмысления проблематики неокантианства стали статьи: С. Н. Булгакова «О закономерности социальных явлений», «Закон причинности и свобода человеческих действий» и «Хозяйство и право» (1896—1897; собраны в его книге «От марксизма к идеализму». М., 1903); Н. А. Бердяева «Ф. А. Ланге и критическая философия», «Этическая проблема в свете философского идеализма». Книги: П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» и Н. А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии». Статья Струве «Свобода и историческая необходимость» (1897, переиздана в его сборнике «На разные темы». СПб., 1902).

Отчетливое влияние идей Фихте наблюдается в статьях Струве «Ф. Лассаль» (1899), «В чем же истинный национализм?» (1901; см. в его сб. «На разные темы»). Струве принимал участие в переводе 1-й кн. VI тома «Истории новой философии» К. Фишера («От Канта к Фихте»). Бердяев также признавал воздействие Фихте на свое философское развитие: «Мое умственное настроение того времени можно определить как этический, нормативный идеализм, близкий к Фихте» (Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990. С. 87).

...Творческих же неокантианских традиций в русской философии не было... — Среди философов и исследователей русской философии весьма распространено убеждение в том, что русская философская мысль прошла мимо Канта. Тем не менее невозможно отрицать существование или по крайней мере становление творческой кантианской традиции в России, представленной академическим неокантианством в лице таких ярких философов, как А. И. Введенский и Н. И. Лапшин, а также мыслителями, группировавшимися вокруг ежегодника «Логос» (1910—1914): С. И. Гессен, Г. Д. Гурвич, Б. В. Яковенко и др.

...Корнелиус признал... — См. его «Введение в философию» (М., 1905).

С. 24. *...опрадывать Авенариусом...* — *ДКИ* (С. 185): «Авенариусовская учение о «максимуме жизнесохранения»».

...разных систем С...— Система С — так называет Авенариус ту часть всей нервной системы, от возбуждения которой, согласно его допущению, непосредственно зависит определенный душевный процесс.

...г. Луначарский выдумал даже новую религию пролетариата...— См.: Луначарский А. Религия и социализм. Ч. 1—2. СПб., 1908—1909.

С. 25. *...Чаадаев совсем не был замечен...*— Впервые систематическое исследование философских взглядов П. Я. Чаадаева предпринял М. О. Гершензон. См. его издание: Чаадаев П. Я. Сочинения и письма. Т. 1—2. М., 1913—1914, и книгу: Гершензон М. О. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб., 1908 (рец. на нее А. С. Изгоева // *РМ*. 1907. № 12).

...традиция вокруг Когена, Виндельбанда...— О Когене см.: Франк С. Л. Религиозная философия Когена // *РМ*. 1915. № 12. II отд. С. 29—31.

Идеи Виндельбанда и его понимание философии как «всеобщей науки о ценностях» стали предметом широкого обсуждения среди представителей критического направления в русском марксизме: см. книгу Н. А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» и предисловие к ней П. Б. Струве, статью Н. А. Бердяева «Кризис рационализма в современной философии» (*ВЖ*. 1904. № 6), а также послесловие С. Л. Франка к книге В. Виндельбанда «Прелюдии», вышедшей в его переводе (СПб., 1904), и его некролог «Вильгельм Виндельбанд» (*РМ*. 1915. № 11).

С. 26. *Интеллигенция и Л. Толстого не признала...*— Об этом, в частности, см.: Франк С. Л. Лев Толстой и русская интеллигенция // Его же. Философия и жизнь. СПб., 1910. С. 303—311.

...уже у Хомякова.— Подробнее см. работы Бердяева: А. С. Хомяков. М., 1912; Его же. Идеи и жизнь. Хомяков и свящ. П. А. Флоренский // *РМ*. 1917. № 2.

...Козлов, кн. С. Трубецкой... Н. Лосский, ... В. Несмелов...— О Козлове см.: Аскольдов С. А. А. А. Козлов. М., 1912.

Вместе с большинством будущих участников «Вех» С. Н. Трубецкой сотрудничал в сб. «Проблемы идеализма». См. о нем: некролог С. Н. Булгакова (*ВЖ*. 1905. № 10—11), его работу «Кн. С. Н. Трубецкой как религиозный мыслитель. Выступление на заседании памяти Трубецкого в Московском университете 16 марта 1908» (*МЕ*. 1908. № 14) и статью «Философия кн. С. Н. Трубецкого и духовная борьба современности (По поводу собрания сочинений кн. С. Н. Трубецкого) // Критическое обозрение. 1909. № 1; перепечатана: Булгаков С. Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. М., 1911. Т. 2. С. 243—254 (здесь же в качестве приложения опубликованы выдержки из некролога.— С. 255—259).

Подробный анализ гносеологических воззрений Н. О. Лосского см.: Бердяев Н. А. Об онтологической гносеологии // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 93.

О Несмелове см.: Бердяев Н. А. Опыт философского оправдания христианства // *РМ*. 1909. № 9 (перепечатано в *ДКИ*. С. 274—298).

С. 27. *...кн. С. Трубецкой и называет ~ метафизическим социализмом...*— «Метафизический социализм» — учение С. Н. Трубецкого о соборности человеческого сознания, согласно которому индивидуальное *Я* в каждом акте сознания выходит

за свои пределы, и только через это преодоление собственной замкнутости в целостном универсальном сознании приобретает объективность, определенность и осмысленность. На этом учении основывается и нравственно-юридическая теория. См.: Трубецкой С. Н. О природе человеческого сознания // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 7.

С. 28. *...прагматическая философия Джемса...*— См. о Джемсе: Франк С. Л. Прагматизм как философское учение // *РМ*. 1910. № 5 (здесь же выступления Н. А. Бердяева, П. Б. Струве, Е. Н. Трубецкого и др.— «спор о прагматизме»). См. также статью С. Л. Франка «Философия религии В. Джемса» (*РМ*. 1910. № 2).

...«Новый Путь»...— Ежемесячный журнал (1902—1904), редактор-издатель (до июня 1904) П. П. Перцов, фактические руководители Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус. Основной корпус его публикаций и круг авторов поставили Религиозно-философские собрания в Петербурге, протоколы заседаний которых печатались в журнале. В нем сотрудничали С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков. Последние двое осенью 1904 года вошли в редакцию журнала, придав ему ярко выраженную общественную направленность (№№ 10—12 за 1904). В 1905 г. Бердяев и Булгаков возглавили новый журнал «Вопросы Жизни», получивший редакционно-издательское наследие «Нового Пути», но утративший связи с его прежними лидерами.

...относился к философии почти с презрением.— К этим словам в *ДКИ* было примечание (С. 190): «Исключение составляет Н. Минский, который пропагандирует меоническую философию, но Минский рационалист до мозга костей».

Замечательнейшие наши мистики — Розанов, Мережковский, Вяч. Иванов...— Бердяев анализировал взгляды Мережковского в статье «Мережковский о революции» (*МЕ*. 1908. № 25; перепечатано в *ДКИ*. С. 102—119).

Об Иванове см.: Бердяев Н. О книге Вяч. Иванова «По звездам» // *МЕ*. 1909. № 42; а также — прим. к с. 354 наст. тома.

С. Н. Булгаков. ГЕРОИЗМ И ПОДВИЖНИЧЕСТВО.

Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции

БУЛГАКОВ Сергей Николаевич (16(28).VI.1871, Ливны Орлов. губ.—12.VII.1944, Париж) — философ, экономист, общественный деятель. Родился в семье кладбищенского священника. Окончив духовное училище, поступил в Орловскую духовную семинарию (1885), но из-за материалистических и революционных идей оставил ее (1888) и перешел в Елецкую гимназию, открывшую ему путь в университет (1890). В 1894 г. Булгаков окончил юридический факультет Московского университета, был оставлен при кафедре политэкономии и статистики для подготовки к преподаванию. Одновременно Булгаков выступает в печати как марксист (статьи в «Вопросах философии и психологии», книга «О рынках при капиталистическом производстве», 1897). Он сотрудничает в марксистских журналах «Новое Слово», «Начало», «Научное обозрение». В 1897 и 1900 гг. в качестве адъюнкт-профессора политэкономии и статистики читает лекции в Московском техническом училище (см. Адрес-календарь Российской империи на 1897 и 1900 гг.). В 1898—1900 гг. в научной командировке в Германии Булгаков знакомится с К. Каутским, А. Бебелем и др.; там «напе-

рекор ожиданиям начались быстрые разочарования и мое «мировоззрение» стало трещать по всем швам» (Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Париж, 1946. С. 36). В 1901 г. защитил диссертацию «Капитализм и земледелие» (СПб., 1900. Т. 1—2), в которой на фактическом материале пересмотрены основы экономической доктрины Маркса. В 1901—1906 гг. Булгаков — ординарный профессор Киевского политехнического института, приват-доцент университета св. Владимира. Участник московского сборника «Проблемы идеализма». В это время Булгаков переживает возвращение к религиозному миросозерцанию, поначалу пытаясь совместить его с социалистической ориентацией (сб. статей «От марксизма к идеализму». СПб., 1903). Находя неразрывной связь между политическим либерализмом и этическим социализмом, активно участвовал в либеральном движении (совещание в Шафгаузене, июнь 1903, «Союз Освобождения», 1904), стал сотрудником журнала «Освобождение» (*ЦПА*. Ф. 279. Д. 71; (см. также: Шацилло К. Ф. Русский либерализм...). Осенью 1904 г. вместе с Бердяевым вошел в редакцию религиозного журнала «Новый Путь», придав ему «общественную» направленность. В 1905 г. он — во главе журнала *ВЖ* (см. прим. к с. 28). Позиция журнала отразила как поворот Булгакова к православию, так и его социальную программу. Считая религию «силой социального прогресса», Булгаков видел «путь общественного служения» в политическом раскрепощении, экономическом возрождении, культурном ренессансе и в религиозной реформации. Активно выступал против русско-японской войны и антигуманной сущности царизма. В 1905 г. вступил в подпольное «Христианское братство борьбы» (В. Ф. Эрн, В. Н. Свенцицкий и др.), редактировал его орган — газету «Народ» (Киев, 1906); называя себя «христианским социалистом», призывал к созданию новой церкви в противовес официальной, «отпавшей от Христа». Стал одним из основателей Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева. С 1906-го — профессор Московского университета, читал лекции в Московском коммерческом институте (ректором которого был П. И. Новгородцев). В 1907 г. Булгаков становится членом II Государственной Думы (о думской деятельности его см. прим. к с. 36). Статьи 1906—1909 гг. в *РМ* и *МЕ* отразили разочарование Булгакова в возможности решения общественных проблем политическим путем и окончательный его отход к религии. Участвовал в создании издательства «Путь» (1911). В феврале 1911 г. в числе других представителей русской профессуры ушел из Московского университета в знак протеста против нарушений университетской автономии. В 1912 г. защитил докторскую диссертацию «Философия хозяйства» (Ч. I. М., 1912). В 1917 г. вновь избран профессором университета, вошел в Совет «Лиги русской культуры» (товарищ председателя Временного комитета в Москве), основанной П. Б. Струве, принял участие во Всероссийском Поместном соборе православной церкви (1917—1918). Выступил с идеей иерархической религиозной организации с «царским священством» во главе; церковь должна была «поднимать, воспитывать демократию». В 1918 г. принял священство, стал одним из авторов сборника «Из глубины», был исключен из университета. В 1919 г. переехал в Крым. Служил в Ялтинском соборе, избран профессором Симферопольского университета (политэкономия и богословие). Осенью 1920 г. исключен из университета. В 1922 г. выслан в Константинополь. В 1923—1925 гг.— профессор церковного права Русского юридического института (факультета) Пражского университета, здесь же организо-

вал «Братство св. Софии» (вместе с Франком и Бердяевым). В 1925—1944 гг.— профессор догматики и декан (инспектор) русского Богословского православного института (впоследствии — академии) в Париже. В эмиграции занимался в основном проблемами православной теологии. Учение Булгакова о Софии-Премудрости Божией стало основанием для обвинения его в ереси одновременно епископами из эмигрантского Карловацкого собора и московским митрополитом Сергием. Участвовал в работе братства святых Сергия и Албания, экуменических съездах. Дважды (1934, 1936) Булгаков приезжал в США с циклом лекций и проповедей. В 1939 г., после операции рака горла, потерял голос. См.: Bibliographie des oeuvres de S. Boulgakov. Paris, 1984.

Текст статьи сверен с первым изданием сборника и переизданием ее в сборнике «Два града» (М., 1911. Т. 2; далее *ДГ*). Ниже отмечаются разночтения и дополнения, внесенные автором.

С. 32. *Русская революция ∾ далеко слабее разрушительных.*— В *ДГ* (С. 177) к этому предложению сделано примечание: «Освободительное движение у нас нередко смешивается с специфической русской революционностью, о которой идет речь в этих очерках. В действительности — и нельзя этого достаточно подчеркнуть — между ними скоро обнаружилась противоположность и притом настолько глубокая, что революцией, можно сказать, загублено было или парализовано освободительное движение, духовно капитулировавшее перед возобладавшей революцией, и это кратковременное возобладание ввергло страну в теперешнюю затяжную реакцию (ср. вообще об этом наш очерк «Революция и реакция». Моск. Еженед. 20 февраля 1910 г. (№ 8 — Авг. 7))».

В очерке «Религия и интеллигенция»...— Речь идет о статье «Интеллигенция и религия», отд. изд.: Интеллигенция и религия (о противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения). М., 1908. Эта же статья под названием «О противоречивости современного религиозного сознания» вошла в книгу А. Ельчанинова «История религии» (М., 1909. С. 212—245) и под названием «Религия человекобожия в русской революции» в *ДГ* (Т. 2. С. 128—166).

Духовное руководительство в ней ∾ социальными замашками.— В 1-м изд. фраза выглядит так: «Руководящим, духовным двигателем ее была наша интеллигенция, с ее мировоззрением, навыками, вкусами, даже социальными замашками».

С. 33. *...несчастная война...*— Имеется в виду русско-японская война 1904—1905 гг. Булгаков сравнивал оборону Порт-Артура с Полтавской битвой, причем Россия, взявшая на себя роль шведов, была обречена на поражение (Булгаков С. Без плана // *ВЖ*. 1905. № 1. С. 309—311).

Худо ли это или ∾ эта интеллигенция.— В 1-м изд. вместо «эта интеллигенция» — «наша интеллигенция».

Россия не может ∾ так и отдаленным! — В 1-м изд. вместо «огромна и устрашающа» — «устрашающе огромна».

С. 33—34. *Многие в России ∾ несостоятельность интеллигенции.*— В 1-м изд. фраза выглядит так: «Многие в России после революции и в результате ее опыта испытали острое разочарование в интеллигенции и ее исторической годности, в ее неудачах увидали вместе с тем и несостоятельность интеллигенции».

С. 34. *Революция обнажила ∾ для ее интеллигенции.*— В 1-м изд. отсутствует «их действительном».

...и прежде всего Достоевским... — См. также статью С. Н. Булгакова «Иван Карамазов как философский тип» в «Вопросах философии и психологии» (1902. Кн. 61; отд. изд.: М., 1902; перепечатано: «От марксизма к идеализму», 1903); лекцию-статью «Венец терновый (памяти Ф. М. Достоевского)» (Свобода и Культура. 1906. № 2; отд. изд.: СПб., 1907), вошедшую впоследствии во второй том *ДГ*. В первом томе юбилейного Полного собрания сочинений Достоевского помещен очерк Булгакова о Достоевском (СПб., 1906).

Ибо на чем же ~ на русской ниве. — В 1-м изд. вместо «упадка» — «уныния».

Первым было непрерывное ~ мужестве и жизнеспособности. — В 1-м изд. начало фразы читалось: «Первым является непрерывное и беспощадное давление на нее полицейского пресса...»

Изолированность от жизни ~ духовного развития. — В 1-м изд. вместо «затрудняя для нее возможность нормального духовного развития» — «затрудняя возможность разностороннего духовного развития».

...«Ганнибалову клятву» борьбы с самодержавием... — См.: «В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца — с чем я поклялся никогда не примириться... Это была моя Аннибалова клятва; и не я один дал ее себе исполнить» (Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания // Его же. Собр. соч.: В 12 т. М., 1956. Т. X. С. 261).

С. 34—35. *Более благоприятная ~ освободительного движения.* — В 1-м изд. начало фразы читалось так: «Такая возможность и такая потребность могут народиться только теперь...»

С. 35. *Но и историческое ~ в умах и сердцах.* — В 1-м изд. отсутствует «мертвенном».

...мой очерк «Душевная драма Герцена»... — Отд. изд. статьи «Душевная драма Герцена», впервые появившейся в «Вопросах философии и психологии» (1902. Кн. 64) и републикованной в сб. «От марксизма к идеализму» (1903); — вышло в Киеве в 1905 г.

С. 36. *В свою очередь ~ наибольшего напряжения.* — В 1-м изд. вместо «на современный революционный жаргон, и в последние годы» — «на современный язык, и в последние революционные годы».

...mixtum compositum... — Сложная смесь (*лат.*).

Но есть, несомненно ~ успокоенным самодовольством. — В 1-м изд. вместо «с его успокоенным самодовольством» стоит «к успокоенному самодовольству».

В этом стремлении ~ утраченной церковности. — В 1-м изд. вместо «в сравнении» — «перед».

Сколько раз ~ духовной прививки. — В 1-м изд. вместо «обнаруживалось» — «обнаружилось».

...во второй Государственной Думе... — Во II Государственную Думу С. Н. Булгаков был избран как беспартийный «христианский социалист» от Орловской губернии. С 20 февраля по 5 июня работал в ней как председатель комиссии по церковному законопроектов, зательству, член комиссий — для рассмотрения законопроектов, аграрправленных к осуществлению «свободы совести», бюджетной, ной; председатель IX отдела Думы, ревизовавшего результаты выборов по ряду губерний (в том числе Петербургу). В Думе Булга-

ков несколько раз выступал по различным вопросам, в частности об отмене военно-полевых судов, с осуждением правительственного и революционного террора и смертной казни. В «Автобиографических заметках» Булгаков писал, что Дума показала «полное отсутствие государственного разума», а «четырехмесячное сидение в «революционной» Государственной Думе совершенно и окончательно отвратило меня от революции» (С. 78, 80).

С. 36—37. *Вообще, духовными навыками ~ вообще строгость личной жизни...*— В 1-м изд. вместо «духовными» — «душевными», вместо «вообще строгость» — «строгость».

С. 37. *Христианские черты ~ деятелей русской революции.*— В 1-м изд. фраза читалась так: «Христианские черты, воспринятые помимо ведома и воли, чрез посредство окружающей среды, от семьи, от няни, из всей духовной атмосферы, проникнутой церковными воззрениями и обычаями, просвечивают...» — и далее без изменений.

Ввиду того, однако ~ пережитки христианства.— В 1-м изд. вместо «прежних христианских» — «христианских», вместо «обнаружении» — «проявлении», вместо «проявившегося» — «обнаружившегося».

...«кающегося дворянина»...— Это выражение принадлежит Н. К. Михайловскому (См. его: Разночинцы и кающийся дворянин // Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений. СПб., 1907. Т. II. С. 646—659).

К этому надо еще ~ даже искание их.— В 1-м изд. «эту» и «всякие» отсутствуют.

Какова бы ни была ~ особой религиозности.— В 1-м изд. вместо «настроение неотмирности» — «ту неотмирность»; «особой» отсутствовало.

С. 37—38. *И как всякая общественная среда ~ хорошего тона.*— В 1-м изд. вместо «особые верования» — «верования», вместо «сделался само собою» — «сделался как бы само собою», вместо «как бы признаком» — «признаком».

С. 39. *Таким образом создается ~ подрастающая интеллигенция.*— В 1-м изд. вместо «создается» — «складывается».

...даже Л. Н. Толстого...— См. также работы Булгакова о Л. Н. Толстом: Карлейль и Л. Толстой («Новый путь». 1909. № 12); *ВЖ*. 1905. № 1 (переиздано в *ДГ*. Т. 1); На смерть Толстого (*РМ*. 1910. № 12); Толстой и Церковь; Л. Толстой: Простота и опрощение (В сб. статей: О религии Л. Толстого. М., 1912); Человекобог и человекозверь (по поводу посмертных произведений Л. Н. Толстого «Дьявол» и «Отец Сергий») // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 2; отд. изд.— М., 1913. Толстой отозвался на «Вехи» не опубликованной при жизни статьей (см.: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М., 1936. Т. 38. С. 285—290). Основные положения его статьи тем не менее стали известны современникам: Спиро С. Л. Н. Толстой о «Вехах» // Русское Слово. 1909. 21 мая. Секретарь Толстого Гусев 8 мая 1909 г. записал в дневнике: «Несколько дней тому назад Лев Николаевич начал статью о вышедшем недавно сборнике статей об интеллигенции («Вехи»). Статью эту Лев Николаевич не хочет печатать отчасти потому, что не хочет обижать «молодую интеллигенцию», то есть авторов сборника, статьи которого он подвергает резкой критике, отчасти потому, что эта книга вызвала большую полемику, в которую ему не хотелось бы вмешиваться.... Мне он сказал:

— Я хотел в этой статье указать, как лучшие представители этой интеллигенции безнадежно запутались» (Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973. С. 253).

С. 40. *Поэтому даже и отрицательные ~ просвещения и цивилизации.*— В 1-м изд. вместо «стать единственным» — «быть единственным, становятся».

Si duo idem dicunt, non est idem.— «Если двое говорят одно и то же, это не одно и то же» (*лат.*): аллюзия на «если двое делают одно и то же...» (Теренций. Братья. 823—824).

...новейшими исследованиями выясняется также значение протестантизма...— Имеется в виду исследование Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (Weber Max. Die Protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus- 1905; // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1905. Bd. 20. S. 1—54; Bd. 21. S. 1—110. Русск. пер.— М., 1972).

...стать руководителями развивавшегося народного хозяйства.— В *ДГ* (С. 186) к этому отнесено примечание: «Ср. очерк «Народное хозяйство и религиозная личность», впервые появившийся в *ME* (1909. №№ 23—24. 13 и 20 июня) и переизданный в *ДГ* (Т. I. С. 178—205).

Культурная история ~ веяниями нового времени.— В 1-м изд. вместо «свое необходимое место» — «необходимое место».

С. 41. *...деизма...*— От лат. *Deus* (Бог): форма религиозного миросозерцания, возникшая в эпоху Просвещения. В ее основании лежит убеждение, что Бог хотя и существует как первопричина мира, но, после сотворения, развитие мира совершается без его участия. Представители деизма: Толанд, Шефтсбери — в Англии, Вольтер, Руссо — во Франции, Лессинг — в Германии.

...«естественную» мораль...— Просвещенческая концепция сенсуалистической морали, основным принципом которой является непосредственный, чувственный, живой индивидуум с его претензией на счастье, на удовлетворение своих «естественных», то есть присущих «человеческой природе» потребностей, интересов. Теория «естественной морали» была систематически изложена Дж. Локком.

Это направление ~ в новейшей истории.— В 1-м изд. «но» отсутствует.

С. 42. *...свободным делом самой интеллигенции...*—в *ДГ* (С. 188) выделено курсивом.

Отбрасывая христианство ~ идолопоклонство этой религии.— В 1-м изд. вместо «переходит в идолопоклонство этой религии» — «(и притом еще в упрощенной азбучной форме)».

С. 42—43. *Основным догматом ~ механическое его понимание.*— В 1-м изд. после «догматом» стояло «ее».

С. 43. *...Sturm und Drang...*— Буря и натиск (*нем.*).

Иначе в России ~ исторических времен.— В 1-м изд. вместо «при происшедшем» — «при наступившем».

Она сознавала ~ варварским и ей чуждым.— В 1-м изд. вместо «ей чуждым» — «чуждым».

С. 44. *Изолированное положение ~ психологию этого героизма.*— В 1-м изд. вместо «все это взвинчивало» — «взвинчивало».

Но и преклонение ~ перед мартирологом интеллигенции.— В 1-м изд. вместо «этим „крестом"» — «крестом».

И так как, вследствие ~ в принятом направлении.— В 1-м изд. вместо «такая» — «эта»; «его» отсутствовало.

С. 45. *Если юный интеллигент ∾ устраняет и эти сомнения.*— В 1-м изд. вместо «устраняет и эти сомнения» — «устраняет эти сомнения».

Превращение русского юноши ∾ героические котурны.— В 1-м изд. «какой-либо партии» и «сами собой» отсутствуют.

Он делает исторический прыжок ∾ исторического горизонта.— В 1-м изд. «лишь» отсутствует.

С. 46. *...со стороны «левого блока».*— «Левый блок» — выборный союз левых партий социал-демократов, социалистов-революционеров, народных социалистов и трудовиков (зимой 1906—1907 гг.), в который трудовикам не удалось привлечь кадетскую партию из-за противодействия социал-демократов.

Каждый герой ∾ для него программу.— В 1-м изд. «для него» отсутствует.

Обычно за таковую ∾ путях и средствах.— В 1-м изд. фраза читалась так: «Обычно для этого принимается одна из программ политических партий или фракций, которая не различаясь...» — и далее без изменений.

С. 47. *Герой есть до некоторой ∾ себя «обывателям».*— В 1-м изд. вместо «сословного» стояло «духовного».

...известного спора с Бернштейном...— Имеется в виду известный тезис Э. Бернштейна «конечная цель для меня — ничто, движение — все», выдвинутый им в серии статей 1898 г. (собраны в кн. «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»; русск. пер.: 1899—1901 гг.). В этой фразе для радикальных социал-демократов, возглавленных в Германии К. Каутским (см. его книгу «Бернштейн и социал-демократическая программа» (1899); русск. пер.: СПб., 1906), сфокусировалось все «ренегатство» Бернштейна, подвергшего сомнению абсолютную ценность «конечной цели» — революции, что и послужило одним из основных пунктов обвинения Бернштейна на Штутгартском съезде социал-демократической партии. В России, где с произведениями Бернштейна знакомили журналы «Мир Божий» и «Жизнь» (1897—1899), «бернштейниада» поначалу встретила резкое осуждение и со стороны «ортодоксов», и со стороны «критиков» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского), в последнем случае, правда, за невысокое качество его философских и экономических изысканий (см., например, письма А. Н. Потресова П. Б. Струве (*ЦПА*. Ф. 265. Оп. 1. Ед. хр. 14), переписку Потресова, Плеханова, Струве, др. в сб. «Социал-демократическое движение в России» (М., 1928. Т. I) и в «Философско-литературном наследии Г. В. Плеханова» (М., 1973—1974. Т. 1, 2). По многим положениям «критическое направление» в русском марксизме предвосхитило и превзошло «ревизионизм» Бернштейна уже в 1897—1899 гг. (в трудах Струве, Туган-Барановского и Булгакова). (См.: Струве П. Б. Против ортодоксальной нетерпимости — pro domo sua. // Его же. На разные темы. С. 299—305). Одновременно идеи Бернштейна взяли на вооружение т. н. «экономисты» — С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова и др. (см. книгу С. Н. Прокоповича «К критике Маркса» (СПб., 1901), стремившиеся к подъему политического рабочего движения через его экономическую борьбу. До начала XX века «ревизионизм» в России не выходил за пределы социал-демократической ориентации, стремясь найти и обосновать более широкую в философском и социальном плане платформу марксистской практики. Тем не менее ожесточенная полемика, развернувшаяся между «ортодоксами» и «критиками», увенчалась отходом от социал-демократических организаций многих

сторонников «критического марксизма»; в то время как Бернштейн продолжал оставаться в рядах германской социал-демократии.

С. 48. *...оцеживанию комара и поглощению верблюда.*— См.: Мф. 23 : 24.

...в эсхатологическом настроении.— В *ДГ* (С. 195) вместо слова «эсхатологическом» стоит «хилиастическом».

Нет нужды показывать ∾ *от христианской эсхатологии.*— В *ДГ* (С. 195) примечание заменено на: «Ср. очерк «Апокалиптика и социализм (Религиозно-философские параллели)».

С. 48—49. *Конечно, интеллигентские святцы* ∾ *остается тот же.*— В 1-м изд. вместо «здесь» — «этот».

С. 49. *...дух разрушающий есть вместе с тем и дух созидающий...*— См.: Бакунин М. А. Реакция в Германии // Его же. Сочинения и письма. М., 1987. С. 226.

Она упрощает задачу ∾ *этом упрощенном понимании...*— В 1-м изд. «упрощенном» отсутствует.

Благодаря молодости ∾ *тип героического максимализма.*— В 1-м изд. вместо «заменяемому» — «заменяемым», вместо «не доходящей» — «не доходящего».

И если в христианстве ∾ *учащаяся молодежь.*—В 1-м изд. вместо «относительно» — «среди».

С. 50. *Это уродливое соотношение* ∾ *и для тех, и для других.*— В 1-м изд. вместо «и для тех, и для других» — «и для старших, и для младших».

Исторически эта духовная ∾ *в своем мировоззрении.*— В 1-м изд. вместо «с своими порывами» — «своими порывами».

С. 51. *Разоблачения, связанные с именем Азефа...*— Извещение о разоблачении провокации Азефа было сделано ЦК партии социалистов-революционеров 8 января 1909 г. (нового стиля). Дело Азефа обсуждалось в Думе по запросу социал-демократической и кадетской фракций правительству 2 и 26 февраля 1909 г.

...воспитывать аррогантов.— В *ДГ* (С. 199) вместо слова «аррогантов» — «притязательность».

С. 52. *...та самая героическая молодежь* ∾ *если только не хуже.*— В *ДГ* (С. 199) добавлено примечание: «*Людей нет*— вот стон, который несется по необъятным равнинам многомиллионной России (ср. в цит. очерке «Революция и реакция»)».

Не рыдай так безумно над ним...— Из стихотворения, написанного под впечатлением смерти Д. И. Писарева и посвященного М. А. Маркович (Марко Вовчок) (1868).

С. 53. *Боюсь, что черты* ∾ *с растущей быстротой.*— Этого предложения в *ДГ* (С. 200) нет.

...Карлейль в своей книге...— Карлейль Т. Герои и героическое в истории. 1-е изд.— СПб., 1891; 2-е изд.— СПб., 1898.

С. 54. *Собр. соч. Ф. М. Достоевского, изд. 6-е...*— См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 139.

С. 56. *...в «хождении пред Богом»...*— Быт. 24 : 40.

И эта разница между ∾ *все ее самочувствие.*— В 1-м изд. вместо «ее самочувствие» — «самочувствие».

...о старом Моисеевом десятословии...— Десять заповедей Моисея (Исх. 20: 4—5, 7—8, 12—17).

С. 57. *Я не буду много* ∾ *в жизни личности и ее психологии.*— В *ДГ* (С. 205) этот отрывок опущен.

...«будет Бог все во всем».— Еф. 1 : 23; Кол. 3 : 11.

...совершенно устраняется.— В *ДГ* (С. 205) слова «совершенно устраняется» заменены на «значительно смягчается».

С. 58. *...bona ~ mala fide...*— Добросовестно... недобросовестно *(лат.)*.

Но не по ним же следует судить о существе ее.— П. Б. Струве писал по этому поводу: «Известного противопоставления «героизма» и «подвижничества» я не разделяю. Конечно, может быть ложный героизм, но возможно также и ложное подвижничество» (*РМ*. 1923. № 1—2. С. 157).

С. 60. *...она воспитывает...*— В *ДГ* (С. 207) далее: «почвенность».

...«творить не свою волю, но пославшего Его Отца» и «грядущий во имя Господне».— Ин. 6 : 38; Мф. 21 : 9 (см. также: Мк. 11 : 9; Лк. 19 : 38).

С. 61. *Белинский писал...*— См. совр. изд.: Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1982. Т. VIII. С. 283.

...новое религиозное сознание...— В *ДГ* (С. 209) слова «новое религиозное сознание» берутся в кавычки — идейное направление, имеющее своим истоком работы Д. С. Мережковского и Д. В. Философова. Центральной идеей нового религиозного сознания является идея преодоления противоположности «языческой прелести мира и христианского отречения от мира» в религии «Третьего Завета». Новая религия, соединяющая «правду о небе и правду о земле», должна стать основой «религиозной общественности», осуществить которую призвана интеллигенция. Ср.: «Г. Мережковский убедился, что историческое христианство не вмещает в себе всей полноты религиозной истины; будучи противоположным язычеству и ветхозаветной религии, оно утверждает односторонний аскетизм, бегство от земли на небо, вражду к культурному прогрессу; отсюда он делает вывод о необходимости «третьего откровения», «религии Св. Духа», которая должна сочетать земное с небесным, освятить доселе антирелигиозное или внерелигиозное культурное творчество, примирить религию с мирской жизнью и тем завершить „богочеловеческий процесс"» (Франк С. Л. О так называемом «новом религиозном сознании» // Его же. Философия и жизнь. СПб., 1910. С. 341). См. также: Бердяев Н. А. О новом религиозном сознании // Его же. Sub specie aeternitatis. СПб., 1907, а также: Минский Н. Религия будущего. СПб., 1905.

С. 61—62. *Если до революции ~ стало гораздо труднее.*— В 1-м изд. вместо «самообнажения» — «самообнаружения».

С. 62. *Я беру все эти вопросы ~ их по существу.*— В *ДГ* примечание снято.

С. 64. *По мнению Достоевского...*—См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 137.

И действительно, чувства...— В *ДГ* (С. 213) далее: «почвенности».

Но призывать к нему ~ но и должно.— В 1-м изд. вместо «невидящим» — «невидящим его».

С. 65. *...чувствует себя «Weltbürger'ом»...*— «Космополит»*(нем.)*; маркиз Поза в сцене встречи с Доном Карлосом (драма Ф. Шиллера «Дон Карлос») говорит: «Посланник человечества пред вами» (пер. М. М. Достоевского).

В своих примечаниях к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля.— См.: Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. М., 1952. Т. 9.

С. 66. *...движение «неославизма»...*— «Неославизм» — получивший распространение на рубеже веков интерпретация славянской идеи, ставящая во главу угла общеславянское единение перед лицом германской экспансии, сторонники которой проводили систематические съезды, активно выступали в периодической печати (например, в *МЕ*). «Славянский вопрос» резко обострился в связи с Боснийским кризисом 1908—1909 гг., показавшим политическую слабость сторонников «неославизма» как в России (и Польше), так в Австро-Венгрии (и Чехии) и Болгарии. См.: Вознесенский С. Русская литература о славянстве (опыт библиографического указателя). Пг., 1915; Дьяков В. А. Славянская идея в России периода империализма // Вопросы истории. 1987. № 3.

...общее и народное дело свое...— В 1-м изд. в цитате из Достоевского вместо «народное» стояло «всенародное».

...Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., изд. 6, т. XXI...— См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 152—153 (в тексте неверно указан т. XXI шестого издания, следует читать: Т. XII).

С. 67. *...в речи проф. В. О. Ключевского «Благодатный воспитатель русского народного духа (преп. Сергий)».*— Речь В. О. Ключевского на собрании Московской Духовной академии (1892), опубликованная в «Троицком цветке» (1892. № 9), вошла (под названием «Значение преп. Сергия для русского народа и государства») в его сборник статей «Очерки и речи» (М., 1915. С. 194—209; перепзд.: Русский архив. М., 1990). В *ДГ* Булгаков указывает издание: «39. «Религиозно-философской библиотеки», два выпуска. Москва, 1910».

Книга В. А. Кожевникова вышла под названием «О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем» (СПб., 1910; см. рецензию Булгакова: *МЕ*. 1910. № 22. С. 50) и его статью «Памяти В. А. Кожевникова» (Христианская Мысль. 1917. № 11—12. С. 75—83).

С. 68. *Мне уже пришлось говорить об этом...*— В *ДГ* (С. 217) примечание снято. См. прим. к с. 32.

И эти грозные ~ старше самой интеллигенции.— В 1-м изд. вместо «они и принимаются» — «он и принимается».

...характеристику казачества и Запорожья...— См.: Ключевский В. О. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 98—103.

С. 71. *...«красный цветок» ~ сердцем Гаршину.*—Имеется в виду рассказ В. М. Гаршина «Красный цветок» (1883).

М. О. Гершензон. ТВОРЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

ГЕРШЕНЗОН Михаил Осипович (1(13).VII.1869, Кишинев — 19.II.1925, Москва) — историк, литературовед, философ. В 1875 г. окончил частное еврейское училище. В 1877 г. поступил в приготовительный класс Кишиневской прогимназии, по окончании которой перешел в 5-й класс гимназии (1883). Получив гимназическое образование, поступил в Берлинский политехнический институт (1887), но вскоре его оставил и вернулся в Кишинев. В 1889 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, стал личным секретарем профессора П. Г. Виноградова. Удостоенная в 1893 г. золотой медали, его работа «Афинская полития» Аристотеля и «Жизнеописания» Плутарха» была издана в 1895 г. Московским университетом. Весной 1894 г. окончил университет, но не был оставлен при кафедре из-за принадлежности к иудейскому

вероисповеданию; тогда же начал зарабатывать рецензиями в *РМ*, «Русских Ведомостях» (их корреспондент в Риме в 1896 г.) и переводами (среди них: «Всеобщая история» Лависса и Рамбо, проза Петрарки и др.). В 1900-е гг. обратился к историко-литературным исследованиям, в результате которых появились статьи, предисловия, издания писем и документов Н. П. Огарева, А. И. Герцена, П. Я. Чаадаева, А. И. Эртеля, П. В. Киреевского. С 1904 г. редактор литературного отдела журнала «Научное Слово», редактор отдела журнала «Критическое Обозрение» (с 1908 г.—сотрудник редакции). В 1907—1908 гг. заведовал литературным отделом «Вестника Европы», в 1912—1913 гг. выступал как публицист в газетах «Русская Молва» и «Биржевые Ведомости». В предисловии к своей книге «История молодой России» (М., 1908) Гершензон изложил свое исследовательское кредо: «Общество — абстракция; общество не ищет, не мыслит, не страдает; страдают и мыслят только отдельные люди...»: «сущность общественного движения всегда воплощается в немногих личностях», что Гершензон и показал на примерах М. Ф. Орлова, В. С. Печерина, Н. В. Станкевича, Т. Н. Грановского и др. Позже, в книге «Декабрист Кривцов и его братья» (М., 1910), Гершензон обратился к рядовому участнику общественной жизни и его семье, «чтобы сквозь них стало видно движение общественно-психологических сил».

После революции 1917 г. работал в Наркомпросе, Центрархиве, преподавал в Высшем литературно-художественном институте, сотрудничал в журнале «Записки мечтателей». В конце жизни обратился к проблемам философии и эстетики. См.: Берман Я. З. М. О. Гершензон. Библиография. Одесса, 1928.

Текст статьи, доработанной с учетом ожесточенной полемики вокруг некоторых ее положений, вошел в книгу Гершензона «Исторические записки» (М., 1910. С. 153—185; далее — *ИЗ*), в раздел V: Интеллигенция, главы XXIX—XXXIII (рец. Н. Бердяева «Исторические записки о современности» см.: *МБ*. 1910. № 9; Струве П. Б. На разные темы // *РМ*. 1909. № 12 — Гершензон отвечал ему там же (1910. № 2). Проведенная Гершензоном правка при переиздании статьи отмечена в комментарии.

С. 73. *Нет, я не скажу ~ чувственно-волевую жизнь.*— В *ИЗ* (С. 153) этот фрагмент опущен. Вместо него следует: «Когда мысленно вглядываешься в облик среднего русского интеллигента, одна типическая его особенность сразу бросается в глаза».

Чтобы возлюбить или ~ почти бессильно.— В 1-м изд. «почти» отсутствовало.

С. 74. *...идеалистического делания.*— В *ИЗ* (С. 154) вместо «идеалистического делания» поставлено «нравственного усилия».

С. 77. *«Однажды ~ Для меня одного не было спасения!»* — Буньян Джон. Путешествие пилигрима в Небесную страну. Аллегорический рассказ (подобие сновидения). 2-е изд. СПб., 1908. С. 16.

Карлейль в «Sartor Resartus»...— Карлейль Т. Sartor Resartus. Жизнь и мысли Герра Тейфельсдрека. М., 1904. С. 187—188.

С. 79—80. *Эта цельность ~ идея-страсть.*— В 1-м изд. слова «самое элементарное» не выделены.

С. 81. *Divide et impera...*— Разделяй и властвуй *(лат.)*.

...о «святых» Кромвеля...— «Святые» Кромвеля — соратники Кромвеля в английском парламенте (1640-е гг.), воспринимавшие свою деятельность по свержению монархии как проявление божественной необходимости.

...о горсти юношей ~ *«Dio e popolo».*— «Бог и народ» (*итал.*)— лозунг, выдвинутый вождем итальянских радикалов Джузеппе Мадзини, одним из организаторов освободительного похода «тысячи» в 1859—1860 гг. Этим лозунгом освобождение Италии от австрийского господства вменялось в религиозный долг каждому итальянцу.

Общественность заполнила ~ *к спасению души.*— В 1-м изд. вместо «заполнила» — «заполонила».

С. 82. *А в целом интеллигентский быт* ~ *а личная.*— В 1-м изд. после «неаккуратность в личной жизни» идет часть фразы, выпущенная в последующих изданиях: «грязь и хаос в брачных и вообще половых отношениях».

С. 84. *И тут образовался* ~ *гипертрофированный орган.*— В *ИЗ* (С. 168—169) фрагмент читается иначе: «Это не в меру разросшееся, поглотившее всю духовную энергию сознание как рак точило и грызло человека. Справедливо указывают на резонерство русского интеллигента, как на одно из его характернейших отличий. Этот болезненный самоанализ, это беспрерывное, бесплодное копание в своей душе искажает в его глазах естественный облик вещей, лишает их существенности. Где уж тут «внимать отношению мира к своей неразгаданной душе», как учил Киреевский! Ни одного непосредственного впечатления, ни одного цельного чувства; рефлектирующая мысль, как кислота, разъедает всякое переживание и обессиливает его действие на душу,— отсюда утрата вкуса к жизни, призрачность существования и паралич воли. Это изнурительное резонерство не имеет ничего общего с нормальной деятельностью разума, потому что оно безразлично направляется на все, что ему подвернется, и как раз *меньше всего* — на собственную чувственно-волевую жизнь личности; оно — болезненная самокритика интеллекта, а не дружное сотрудничество интеллекта и воли с целью правильного устроения целого «я».

Для такого человека одиночество нестерпимо: он сам себя пожирает и становится в тягость себе. Ему нужно внешним шумом заглушить эту расстраивающую нервы, бесплодную возню рассудка, ему нужно *опьяняться аффектом.* Этим спасительным убежищем от самого себя являлась та самая общественность, которою больше всего и был вызван отрыв сознания от личности».

С. 85. *Больше того* ~ *а Чехова индифферентным.*— В 1-м изд. вместо «а Чехова индифферентным» — «Чехова индифферентным и пр.»

С. 86. *...кучка искалеченных душ...*— В *ИЗ* (С. 171) слова «кучка искалеченных душ» заменены словом «интеллигенция».

С. 87—88. *«Заменить литературными понятиями* ~ *развившегося организма».*— См.: Киреевский И. В. Обозрение современного состояния литературы // Полное собрание сочинений И. В. Киреевского. М., 1861. Т. II. С. 29.

С. 88. *Великая мечта воодушевляла славянофилов.*— В 1-м изд. вместо «воодушевляла» — «одушевляла».

...«несознанная мысль» ~ *до последних ступеней сознания»...*— См.: Киреевский И. В. Там же.

С. 89. *И действительно, на Западе* ~ *решающую роль.*— В 1-м изд. «идеи» не выделено.

С. 90. *Каковы мы есть* ~ *от ярости народной.*— В редакции *ИЗ* (С. 176—177) эта фраза и ее продолжение выглядят так: «*Каковы мы есть*, нам нельзя мечтать о слиянии с народом. Надежда на это чудесное слияние — одна из самых безумных и губительных иллюзий интеллигенции. На протяжении нашей новой исто-

рии нельзя найти ни одного признака, который указывал бы на возможность истинного душевного единения между народом и интеллигенцией или даже какой-нибудь частью ее. Были явления, так сказать, механической солидарности, всегда случайные и кратковременные, когда мотивы *разных порядков* встречались в одной материальной точке,— но и только».

С. 91. *И потому я думаю ∾ до самых оснований.*— В *ИЗ* (С. 179) отрывок заменен следующим образом: «Неудача революции потрясла интеллигентскую душу до самых оснований».

С. 95—96. *И здесь, как во всем, нужна мера ∾ ...Божьего дела на земле.*— В *ИЗ* (С. 184) этот фрагмент отсутствует. Следующие два предложения объединены в одно: «Можно было бы опасаться, что начинающийся теперь процесс сосредоточения личности в самой себе на первых порах поведет к разнузданию эгоизма и т. д.».

С. 96. *Оттого и у нас ∾ не задерживали друг друга.*— В 1-м изд. вместо «сами» — «и сами», после «неподвижными» запятая.

...и не задерживали друг друга.—В *ИЗ* (С. 186—187) далее следует дополнение: «Не только наука работает при помощи гипотез: всякая человеческая деятельность определяется тем общим представлением о законах духа, о смысле жизни, о прогрессе, которое усвоил себе человек. Это представление — его «гипотеза»; если гипотеза верна, то и расчеты, основанные на ней, будут верны; если ошибочна, то и выводы неверны. История человечества есть история самосознания человечества: по мере того как человек лучше узнает себя, он заменяет свою прежнюю, грубую гипотезу все более верной, как это делает и наука по мере накопления и разработки своего материала. От Демокрита до Ньютона изменялись представления физиков о тяготении, медленно восходя от самых наивных до более и более соответствующих действительности, пока Ньютону не удалось вывести из фактов непреложный закон, по которому все тела притягиваются взаимно с силою прямо пропорциональной их массам и обратно пропорциональной квадратам расстояний. Обретет ли когда-нибудь человечество формулу столь же непреложную и математически точную, которой был бы выражен закон духовной жизни и прогресса? Этого мы не можем знать,— и нет сомнения, что каждый шаг истории приближает нас к уразумению истины о человеке.

Материализм русской интеллигенции и ее вера в творческую силу общественных реформ есть прежде всего неверная, грубая, детски наивная гипотеза о человеке, понимая гипотезу в научном смысле. Утверждать, что мысль есть только особая функция материи, что нравственный строй души определяется в существенном формою производства, что единственной движущей силой в истории являются материальные интересы людей,— значит стоять в науке о духе на той же ступени, на какой стояли физики до Ньютона, верившие в пропорциональность быстроты падения весу тела. А на этой неверной гипотезе основано все мировоззрение интеллигенции, и оттого ее деятельность не могла быть успешна.

Этой неверной гипотезе должна быть противопоставлена другая, несравненно более соответствующая действительности,— именно та, которая дана в Евангелии и на которой основаны предложенные выше учения: Киреевского — о личности, Самарина — о природе сознания, Гоголя — о жизненном деле. Ее основной закон может быть выражен словами Гоголя: «В душе ключ всего». Из нее вытекает, что не изменением общественных форм можно поднять жизнь на высшую ступень а единственно правильным устроением каждого отдельного духа; и если в этом устроении немаловажную роль играет соз-

дание разумных общественных форм, то главным делом все-таки остается нравственная работа над собою и нравственное влияние на других людей. А первое, самое коренное условие и такой жизни, и такой деятельности есть *самосознание*».

А. С. Изгоев. ОБ ИНТЕЛЛИГЕНТНОЙ МОЛОДЕЖИ
(Заметки об ее быте и настроениях)

ИЗГОЕВ (наст. фамилия — Ланде) Александр (Арон) Соломонович (10 (22). IV.1872, Ирбит, Пермской губ.— 11.VII.1935, Хаасалу, Эстония) по окончании Ирбитской гимназии (1889) поступил на медицинский факультет Томского университета. С 1894 г.— за границей, где посвятил себя изучению общественных наук. По возвращении в Россию сотрудничал в марксистских журналах «Новое Слово» (1897), «Жизнь» (с 1899) и др. В 1900 г. окончил юридический факультет Новороссийского университета. С 1899 г.— сотрудник газеты «Южное Обозрение». В журнале «Образование» (1903, № 6) выступил с разоблачением либеральных «земных корней» религиозно-философской программы сб. «Проблемы идеализма». В 1904 г., не порывая с «неортодоксальным» марксизмом, отошел от социал-демократии и вступил в одесскую группу «Союза Освобождения». В 1904—1905 гг. зав. редакцией и редактор отдела еженедельного журнала «Южные Записки» (с 1902 г.— сотрудник). После еврейских погромов в Одессе переехал в Петербург (декабрь 1905-го). Здесь в январе 1906 г., на II съезде кадетской партии, был избран членом ее ЦК, к правому крылу которого примыкал до 1918 г. Сотрудничал в журналах П. Б. Струве *ПЗ* и «Свобода и Культура», газете «Дума». Заведовал отделом в газете «Речь» (органе кадетской партии). Привлеченный П. Б. Струве в журнал *РМ* (с 1907 г.), выступал в нем со статьями по вопросам внутренней политики, а с 1910 г. возглавил политический отдел. В сб. «Русское общество и революция» (М., 1910), объединившем его пореволюционные статьи, сформулировал свое политическое кредо. Продолжая считать себя марксистом, полагал, что необходимость для России длительного периода эволюционного развития требует особой роли «третьего элемента» (интеллигенция, земские служащие и др.), призванного возглавить общественное движение за правовое реформирование буржуазного государства. В мае — июне 1917 г. вместе с большинством участников сб. «Вехи» стал членом-учредителем «Лиги русской культуры». В конце 1917 г. взамен закрытой большевиками «Речи» организовал издание ряда кадетских газет. В 1918 г.— участник сб. «Из глубины». В ноябре 1918-го — январе 1919 г.— в ссылке на окопных работах в Вологде. Возвращен в Петроград по ходатайству М. Горького и Союза писателей. В начале 1921 г. содержался в Ивановском концентрационном лагере. Выйдя на свободу, работал в архиве Публичной библиотеки, сотрудничал в сб. «Утренники», «Парфенон», выступал с лекциями об отношении «веховского» наследия к «Смене Вех». В августе 1922 г. арестован, осенью выслан в Германию, где, встретившись с П. Б. Струве, продолжил сотрудничество в восстановленной *РМ*. Живя в Чехословакии, сотрудничал в газетах «Возрождение», «Россия и Славянство», «Руль» (до 1930-го г.). Протестуя против сближения Струве с правомонархическими кругами эмиграции, порвал с ним отношения. Переселившись в Прибалтику, до конца жизни публиковался в рижской газете «Сегодня». Сочинения: Общинное право. СПб., 1905;

П. А. Столыпин. М., 1912; Наши политические партии. Пг., 1917; Пять лет в Советской России // Архив русской революции. Т. X. Берлин, 1923; Рожденное в революционной смуте. Париж, 1932.

В структуре настоящей статьи и характере обсуждаемых в ней тем заметно влияние курса лекций Т. Циглера «Немецкий студент конца XIX века», вышедшего в марксистском издательстве О. Н. Поповой (СПб.) в 1898 г. В нем, примерно в той же последовательности, что и у Изгоева, исследовалось значение отрыва молодого человека от семьи для выработки «вполне студента» как «вполне свободного человека» (ср. также обращение к цифровому материалу переписей, сходную рубрикацию — половая жизнь студенчества, студенческие союзы, отношение студентов к политике, науке, профессуре). Ср. у Циглера о радикализме студентов: «Он (студент.— *М.К., Н.П.*) охотно доходит до самых крайних и резких заключений. Он не любит ни оппортунистических соображений с данными обстоятельствами и условиями, ни каких бы то ни было компромиссов и уступок. Он не только радикален, но он не признает уроков истории» (с. 125) и т. д. Обнаруживается еще один из источников статьи Изгоева: в Научной библиотеке МГУ хранится аллигат, принадлежавший редакции газеты «Речь» (инв. № 314-31-58). В книге (на корешке название: «Народнические группы»), составленной из направленных в редакцию для отзыва эсеровских брошюр, содержатся три выпуска «Сознательной России» и «Ответ Виктору Чернову» Е. Таг-ина, цитируемые в статье.

Статья была переиздана без существенных изменений в сборнике А. С. Изгоева «Русское общество и революция» (М., 1910).

С. 97. *В Париже мне пришлось...*— А. С. Изгоев жил в Париже в 1894—1897 гг.

С. 98. *Шелгунов и публицисты «Дела» дулись на «семидесятников»...*— Николай Васильевич Шелгунов был ведущим публицистом журнала «Дело» (1866—1888), позиция которого, выявлявшаяся в обозрениях сотрудников и фактических руководителей (Г. Е. Благосветлова, К. М. Станюковича, Д. Д. Минаева и др.), была полемична в отношении народнической направленности «Отечественных Записок» (Н. К. Михайловский, Г. З. Елисеев, С. Н. Кривенко). По мнению публицистов «Дела», «семидесятнические» теоретики в своем отрицании неизбежности капитализации России и проповеди доктрины «героя и толпы» не только порывали с духовными традициями 1860-х годов, но и «сужали горизонт мысли» русской радикальной демократии. Такая критика собственно народнического утопизма обеспечивала высокий авторитет Шелгунова в кругу русских марксистов 1890-х годов.

С. 99. *В опубликованной недавно ~ М. А. Членовым «Половой переписи московского студенчества»...*— Членов М. А. Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. М.: Студенч. медиц.-издат. комиссия, 1909.

С. 100. *Я не принадлежу ~ славянофильского дворянства.*— В 1-м изд. вместо «скрыть» — «скрывать».

...Аксаковы, Хомяковы, Самарины...— Имеются в виду: Аксаковы — Сергей Тимофеевич и его дети — Константин, Иван и Вера; Хомяковы — Алексей Степанович и его сыновья Дмитрий и Николай; Самарины — Юрий Федорович и Дмитрий Федорович. Их семьи служили не только центрами притяжения «классического» славянофильства, но также и попыткой придать ему новое дыхание в рамках так называемого «неославянофильства» на рубеже XIX и XX веков. По-

следнее, впрочем, развивалось в лоне либо октябризма, либо консервативной дворянской идеологии.

С. 103. *...«Санин» и книга Вейнингера...* — «Санин» (1907) — роман Михаила Петровича Арцыбашева, приобретший славу «порнографического» в современной ему критической литературе. В сущности, описывая разочарование революционера в своей деятельности, нашедшего смысл жизни в гедонизме, роман лишь намечал проблему промискуитетных половых связей, не попадая под действие 1001-й статьи «Временных правил о печати», преследовавших порнографию.

Вейнингер О. Пол и характер. Принципиальное исследование. К моменту издания «Вех» книга выдержала три издания в московском издательстве «Сфинкс»: 1904, два в 1909-м. О ней см. статью Н. А. Бердяева в «Вопросах философии и психологии» (1909. Кн. 98. С. 494—500).

С. 105. *...Ecole de droit...* — «(Высшая) Юридическая школа» *(франц.)*.

...краткий Геппнер... — Геппнер К. Ф. Основания анатомии человека. Краткое руководство для врачей и студентов. СПб., 1875 (2-е изд.), 1883 (3-е изд.).

...многочисленные огромные томы Фарабефа... — Фарабёф Л. У. Основы оперативной хирургии. Руководство для студентов и врачей. Пер. с франц. Вып. 1—4. СПб., 1886—1887.

С. 106. *...Ecole de médecine.* — «(Высшая) Медицинская школа» *(франц.)*.

С. 107. *...«бурш», с его корпорациями...* — О буршеншафтах — студенческих корпорациях, — в частности см.: «Возникнув в качестве общей организации для борьбы с землячествами, они вначале не хотели быть замкнутым союзом в узком смысле этого слова, напротив, они желали бороться с бездушием союзов и с их многочисленными уродливыми проявлениями и вселить немецкому студенчеству новые идеи о своем положении и задачах в жизни народа, любовь к народу и отечеству, одушевление к его объединению, силе и свободе» (Паульсен Ф. Немецкие университеты и их историческое развитие. М., 1898. С. 104—105).

...кнайпами... — Кнеip — пивная, трактир *(нем.)*.

...мензурами-дуэлями... — Студенческими дуэлями на шпагах *(нем.)*.

С. 108. *...островом Хортицей...* — О. Хортица на р. Днепр, центр Запорожской Сечи.

С. 108—109. *«Для этого духовного казачества ~ и «своя политика».* — Розанов В. В. Религия и культура. СПб., 1899. С. 92—93; совр. изд.: М., 1990. С. 123—124.

С. 110—111. *«Живущая в сознании студенчества ~ верно угадываемые»...* — См.: Левченко Вад. Кризис университетской жизни // *РМ*. 1908. № 5. С. 111—121 (II отд.). Цитируются С. 114—115.

С. 112. *...известным провокатором, Гуровичем ~ журнала «Начало».* — Ежемесячный марксистский журнал «Начало» (1899) выходил под фактической редакцией П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановского и финансировался, как выяснилось позже, агентом охранного отделения Михаилом Ивановичем Гуровичем. Журнал, впрочем, просуществовал всего лишь несколько месяцев, не выдержав требований цензуры. О провокаторской деятельности Гуровича, прославившегося беспринципностью и в частной жизни, стало известно в

1902 г. по совокупности фактов ареста большинства социал-демократов, имевших с ним дело. В эмиграции и в России был собран обильный материал для заочного суда чести революционеров (см. об этом: письма Н. А. Герд П. Б. Струве (*ЦПА*. Ф. 279. Оп. 1. Д. 63. Л. 96—97); М. И. Гурович и журнал «Начало» // Былое. 1917. № 5—6; Клейнборт Л. М. И. Гурович-«Харьковцев» (Из воспоминаний) // Былое. 1921. № 16.

С. 113. *...несчастной студенческой забастовкой...*— Изданные летом 1908 г. распоряжения министра народного просвещения А. Н. Шварца поставили под сомнение немногие начала автономии, дарованные университетам 27 августа 1905 г. Николаем II. Сходка студентов Петербургского университета 20 сентября приняла резолюцию и обращение к студенчеству страны о всероссийской забастовке протеста. Одновременно на защиту университетской автономии выступил ряд Советов высших учебных заведений, пытаясь предупредить экстремальное развитие событий. Призыв петербургского студенчества был поддержан в университетах Москвы, Казани, Харькова, Юрьева, Томска и других вузах. В Московском университете студентами был избран Коалиционный Совет представителей различных политических партий и создан Исполнительный Комитет. Однако в октябре 1908 года студенческая фракция «Союза 17 октября» вышла из Коалиционного Совета и обратилась с воззванием об объединении сторонников умеренных групп, ее поддержала студенческая фракция кадетской партии. Академический Совет Московского университета, отражавший позиции в первую очередь аристократического студенчества, принял решение об отказе от забастовки. О сути академических разногласий с Министерством народного просвещения см.: Мякотин В. Наброски современности. Трагедия высшей школы // Русское Богатство. 1908. № 10. Отд. II. С. 121—150; Трубецкой Е. Н. Университетская политика Министерства народного просвещения // *МЕ*. 1908. № 36; богатый материал о ходе забастовки хранится в фонде А. А. Мануйлова в *ОР ГБЛ* (Ф. 158. Папки 6 и 7).

...после 17 октября 1905 г. ...— 17 октября 1905 г. был подписан Манифест Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка», даровавший основные гражданские свободы и определявший новый (по сравнению с прежними проектами) статус Государственной Думы как законодательного органа. Издание в 1906 г. новой редакции «Основных законов», отметившей новую роль Думы, давало основание некоторым современным правоведам говорить об установлении конституционной монархии — без конституции как таковой.

С. 115. *...брошюру максималистского теоретика Е. Таг-ина «Ответ Виктору Чернову»*.— Таг-ин (А. Г. Троицкий) — социалист-революционер, с 1906 г. член Центрального Исполнительного Бюро Союза эсеров-максималистов.

С. 118. *...«экономистов»...*— См. прим. к с. 47.

С. 118—119. *...П. Б. Аксельрод ∞ снова доказывать...*— См.: Протоколы объединительного съезда РСДРП. М.; Л., 1926. С. 169—175.

С. 119. *Народным социалистам...*— Народно-социалистическая партия с 1906 г. объединяла интеллигентов традиционно-народнической ориентации. Ее лидеры — А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский — и литературные силы концентрировались вокруг журнала «Русское Богатство».

...*«Не земцы-либералы ~ подотчетная»*.— Новиков Александр. Земство в его настоящем виде // Сб. «На современные темы». Библиотека «Сознательная Россия». СПб., 1906. № 3.

...*третьим элементом*.— Генезис понятия «третий элемент» прояснил в своих мемуарах историк, деятель кадетской партии и соредактор П. Б. Струве по *РМ* в 1907—1910 гг. А. А. Кизеветтер: «Самарский <вице->губернатор Кондоиди, открывая в 1899 г. Самарское губернское земское собрание, пустил крылатое словечко, прочно вошедшее затем в общеупотребительную терминологию: он назвал эту организующуюся при земстве массу наемных земских служащих *третьим элементом* (правительство, земство и — третий элемент: наемные земские служащие) и усматривал в нарождении этого третьего элемента большую политическую опасность для существующего государственного строя» (Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881—1914). Прага, 1929. С. 226). В «третьем элементе», трактуя его расширительно, А. С. Изгоев видел ту силу, которая после революции 1905 г. призвана заменить собою старый господствующий класс и обеспечить строительство конституционного строя в России. Из необходимости такого социально-политического переворота, по мнению Изгоева, «родились «Вехи» (Изгоев А. С. Интеллигенция и «Вехи» // Его же. Русское общество и революция. М., 1910. С. 7—8).

С. 120. *«Больная совесть»*...— Выражение «больная совесть», обозначающее нравственный императив деятельности интеллигента во благо народа, вошло в литературный обиход с рассказом Г. И. Успенского «Больная совесть» (1873).

...*победа младотурок*...— «Младотурки» — члены тайной организации турецкого офицерства и интеллигенции «Единение и прогресс», в июле 1908 г. подняли вооруженное восстание против власти султана, быстро переросшее во всеобщее движение армии и населения против режима, под давлением которого султан подписал указ о созыве парламента и восстановлении конституции. В апреле 1909 г. в результате младотурецкой революции монархия была низложена.

С. 121. *Считаю долгом сделать ~ в его принципиальной мотивировке*.— В переиздании («Русское общество и революция») это примечание отсутствует.

Б. А. Кистяковский. В ЗАЩИТУ ПРАВА

(Интеллигенция и правосознание)

КИСТЯКОВСКИЙ Богдан Александрович (при крещении: Федор, 4(16). XI. 1868, Киев — 16(29). IV. 1920, Екатеринодар) родился в семье профессора права и одного из лидеров украинского национального движения, А. Ф. Кистяковского. Учился во II Киевской гимназии, из 7-го класса которой был исключен за организацию кружка по изучению запрещенной украинской литературы. Из 8-го класса Черниговской гимназии, куда ему удалось поступить для окончания курса, Кистяковский также был исключен (вместе со всем классом за ученический проступок) (см.: Записки Социально-экономического отделения Украинской АН. Киев, 1923. Вып. I. С. XIV—XVIII). Сдав экзамен на аттестат зрелости в Ревельской Александровской гимназии, осенью 1888 г. поступил на историко-филологический факультет Киевского университета св. Вла-

димира. Организовал в нем украинофильский кружок. Вместе с его участниками летом 1889 г. отправился в австро-венгерскую Галицию для встречи с лидером украинского национального движения М. П. Драгомановым, его не застал, но познакомился во Львове с руководителями радикальной партии Галиции И. Франко и М. Павликом. В сентябре 1889 г. арестован и после полуторамесячного ареста выслан из Австрии по подозрению в шпионаже. По прибытии в Киев был арестован вновь за переписку с эмигрантами-революционерами, хранение нелегальной литературы и организацию подпольного кружка. Исключенный из Киевского университета, в начале 1890 г. Кистяковский перевелся по протекции в Харьковский, но вскоре за участие в студенческих беспорядках был изгнан и оттуда. В августе 1890 г. политика русификации немецкого Дерптского университета позволила Кистяковскому поступить на его юридический факультет. Здесь он сблизился с польским марксистским кружком и Н. В. Водовозовым, введшим его в круг петербургских марксистов во главе с П. Б. Струве; переводил социал-демократическую литературу на украинский язык и организовывал марксистскую пропаганду в киевских ученических и студенческих кружках (где состояли в это время А. В. Луначарский и Н. А. Бердяев). Современник называл Кистяковского «родоначальником марксизма в Киеве». В июле 1892 г. он был арестован близ австрийской границы за отсутствие паспорта, полиция вновь обнаружила нелегальную литературу; Кистяковского исключили из Дерптского университета. Август — сентябрь 1892 г. он провел в киевской тюрьме, где начал изучение немецкой классической и новейшей философии. В октябре 1893 г. «высочайшим повелением» приговорен к двухмесячному заключению (ноябрь 1893 — январь 1894) и высылке на год под полицейский надзор (отбывал в Либаве). В январе 1895 г. Кистяковский выехал за границу; учился в Берлинском университете на философском факультете под руководством Зиммеля; весной 1897 г., продолжая образование в Парижском университете, начал сотрудничество в журнале «Новое Слово» (СПб.). Летом 1897 г. он посещает семинары Виндельбанда, Циглера и Кнаппа в Страсбургском университете; тогда же завязывается его знакомство с П. И. Новгородцевым. В 1898 г. Кистяковский защитил там же докторскую диссертацию по философии «Общество и индивидуальность» (опубл. на нем. языке: Берлин, 1899), получившую высокую оценку в немецкой философской литературе (Виндельбанд, Зиммель, Еллинек, Диль и др.), но не признанную достаточным основанием для получения звания магистра права в Петербурге. Здесь в журналах «Жизнь» и «Мир Божий» он выступил с анализом основных категорий нравственной оценки социальных явлений, что поставило его вне классовой доктрины социал-демократии. Поиски абсолютных принципов социального переустройства объективно привели его в ряды деятелей «критического направления». Осенью 1900 г. вслед за высланной из столицы женой (М. В. Беренштам) он поселяется под Киевом. С весны 1901 г. — в Гейдельбергском университете, в семинаре Еллинека; участвует в создаваемом П. Б. Струве журнале «Освобождение», сборнике «Проблемы идеализма». Осенью 1902 г. Кистяковский вернулся в Россию и отправился в Вологду, где отбывала ссылку его жена. Весну — лето 1903 г. он снова провел в Германии — и с тех пор каждое лето отправлялся за границу для научных занятий. В 1903—1904 гг. участвовал в учредительных съездах «Союза Освобождения» (Шафгаузен, Штуттгарт). В 1904 г., по амнистии жены, вернулся в Киев, где вошел в руководство местной группы «Союза Осво-

бождения» (вместе с С. Н. Булгаковым и Н. А. Бердяевым), сотрудничал в журнале *ВЖ*. Зима 1905/1906 гг. прошла в Гейдельберге, где он завершал начатое П. Б. Струве издание «Сочинений» М. П. Драгоманова (Париж, 1905. Т. I—II). По возвращении весной 1906 г. в Россию Кистяковский продолжал сотрудничество в изданиях Струве: журналах *ПЗ*, «Свобода и Культура», *РМ*, газете «Дума», а также газете «Право», журнале *МЕ*. С осени 1906 г. по приглашению П. И. Новгородцева он читает в Московском коммерческом институте курс государственного и административного права, преподает на Высших женских и ряде других курсов. В 1907—1910 гг.—редактор журнала «Критическое Обозрение». В 1909 г. получил при Московском университете звание магистра государственного права, стал приват-доцентом его юридического факультета. 1910—1911 гг. Кистяковский провел в Мюнхене и по возвращении, поддерживая массовый протест профессуры против нарушений университетской автономии, отказался от преподавания в Москве и читал лекции по философии права в Ярославском демидовском лицее и редактировал его «Юридические Записки» (1912—1914). В 1913—1917 гг. редактировал обновленный журнал «Юридический Вестник» (М.), заметно расширив поле его исследований за счет социальных и политических проблем права. В течение 1915—1916 гг. полемика Кистяковского со Струве по национальному вопросу, начатая еще в *РМ* (см. Записки... С. XXXVIII), приводит их к полному разрыву: отстаивая идею «Великой России», Струве отрицал за украинским народом права не только на национальное самоопределение, но и на отличный от диалектов русского язык и самостоятельную культуру, что ни в коей мере не могло быть принято Кистяковским как одним из деятелей украинского «возрождения». В 1916 г. вышла итоговая книга Кистяковского, объединившая его статьи с 1900 г. (опубликованные, помимо упомянутых, также в журналах «Вопросы философии и психологии», «Логос», «Вопросы права») в качестве глав и разделов стройного систематического труда: «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права» (М.). В 1917 г. защитил в Харьковском университете магистерскую диссертацию, принесшую ему степень доктора права. С мая 1917 г.— профессор юридического факультета Киевского университета св. Владимира, с 1918-го — профессор государственного права и декан юридического факультета Украинского государственного университета, член комиссии по законодательной подготовке учреждения украинской Академии наук, ее внештатный академик по кафедре права. С января 1919 г. — академик по кафедре социологии. Вместе с В. И. Вернадским ездил к генералу А. И. Деникину для защиты прав учреждений Академии наук.

Статья вошла в книгу Б. А. Кистяковского «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права» (М., 1916. С. 615—644; далее: *СНП*) в качестве гл. XIII. Внесенные автором изменения отмечены в комментарии.

С. 122. *Право не может ∾ религиозная святыня.*— В 1-м изд. вместо «религиозная святыня» — «личная святость».

Относительное значение ∾ его ценность.— В 1-м изд. вместо «относительное значение» — «относительность значения».

Одни видят в праве только этический минимум...— Имеется в виду Вл. Соловьев. Ср.: «Оправдание добра», Гл. 17 («Нравственность и право»). Ч. V // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988.

Т. 1. С. 448: *«право есть низший предел или определенный минимум нравственности».*

С. 123. *...самая лучшая школа для первой.*— В *СНП* (С. 616) далее следует: «Еще более важную роль играют внешние формы для справедливости, так как только благодаря им справедливость превращается из душевного настроения в жизненное дело. Таким образом, и все то ценное, что составляет содержание права, приобретает свое значение в силу основного формального свойства права, выражающегося в его дисциплинирующем действии».

С. 124. *...трактаты Гоббса ∾ идеи уравнителей — «левеллеров».*— В трактатах Томаса Гоббса «О гражданине» (1646) и «Левиафан, или Материал, форма и власть государства» (1651) изложено его учение о государстве, основывающееся на принципах естественного права.

В сочинении Роберта Фильмера «Патриарх» (1680) дана защита естественной власти королей против неестественной свободы народа и обосновывается неограниченная монархия. Право монарха выводится из того, что Бог предоставил Адаму отеческую власть над его сыновьями, которые наследовали ее по праву первородства.

В своих памфлетах Джон Мильтон выступал в защиту парламентаризма от монархической власти. Сочинения: «Ареопагитика, или Речь о свободе бесцензурной печати» (1644), «О власти королей и сановников» (1649), «Трактат о гражданской власти в духовных делах» (1655). Основная идея его политических воззрений: «Люди по природе своей свободны и должны оставаться свободными при всех условиях общественной жизни. Устанавливая власть над собою, они передают ее некоторым лицам, не как господам, а как уполномоченным» (см.: Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. М., 1910. С. 105—110).

Джон Лильберн — автор памфлетов («Разоблачение новых цепей Англии», «Демонстрация в Сент-Альбане 18 ноября 1648 г.», «Соглашение свободных жителей Англии о мерах по установлению мира» (1649) и др.), защищавших самую широкую индивидуальную свободу как в политике, так и в вопросах религии.

...в этюдах Локка «О правительстве».— Главное сочинение Джона Локка, излагающее учение о государстве,— «Два трактата о правлении: В первом ложные принципы и основания сэра Роберта Фильмера и его последователей исследуются и опровергаются. Второй есть опыт об истинном происхождении области действия и цели гражданского правления» (1690).

...из «Духа законов» Монтескье и «Общественного договора» Руссо.— В сочинении «О духе законов» (1742) Монтескье исследует управляющие человеческим обществом законы, в особенности те, которыми охраняется свобода. Эта книга послужила основанием европейских конституционных учений.

О трактате Руссо (1762) ср. у П. Б. Струве: «Теоретическое завершение и классическую формулировку идеи народного суверенитета получает в «Общественном договоре» Руссо, в этой после евангелия самой влиятельной книге человечества» (Струве П. Б. Patriotica. С. 568).

...благодаря Альтузию, Пуфендорфу, Томазию и Хр. Вольфу.— Иоанн Альтузий развивал учение об объединении людей посредством договора, заключенного в силу их побуждений и потребностей. Народ, по его мнению,— это «тело, представляющее собой сожитель-

ство индивидов», он имеет все суверенные права, в том числе и по отношению к зависящему от его воли правительству. Задача политики — осуществление божественной воли и нравственного закона («Политика», 1603).

Самуил Пуфендорф стремился систематически развить теорию естественного права, опираясь на рационалистический метод, создать философию права на светских основаниях («О праве естественном и общенародном», 1672). Указывал на нравственный характер права и выше всего ставил необходимость закона. По его мнению, естественное право, подобно естественному нравственному закону, покоится на божественной воле, но тем не менее должно выводиться из разума.

Главное достижение Х. Томазия — принципиальное разграничение права и нравственности. Источником последней, согласно его представлениям, является внутреннее содержание человеческой личности, ее духовный мир, не зависящий от предписаний власти. Совесть — единственное начало, способное регулировать нравственную жизнь. Право, напротив, регулирует внешние обязанности. Этим разграничением Томазий обосновывал отстаиваемый протестантизмом принцип внутренней свободы человека.

Свою философию права Вольф изложил в многотомном сочинении «Естественное право, обработанное научным путем» (1742—1750). Общий принцип, полагаемый им в основание философии — стремление человечества к совершенствованию,— сочетается со свойственным ему систематизмом, что приводит его к построению теории так называемого полицейского государства, опекающего жизнь и личность подданных. Эта теория покоится на смешении нравственных целей человеческой жизни с политическими задачами государственной деятельности: человеческое совершенство является целью личной морали, и оно же представляется Вольфу направляющим принципом политики.

...Кант, Фихте и Гегель — уделили очень видное место в своих системах философии права.— Правовое учение И. Канта изложено в работе «Метафизика нравов. Часть первая» (1797), И. Г. Фихте — в сочинениях: «Основы естественного права по принципам наукоучения» (1796); «Замкнутое торговое государство» (1800) и др. Система философии права Г. В. Ф. Гегеля развита в книге «Энциклопедия философских наук» (1817, 1827, 1829): т. III (Философия духа), ч. 2 (Объективный дух), а также в отдельно изданной работе «Основы философии права, или естественного права и науки о государстве в сжатом очерке» (1821).

...Гербарт, Краузе, Фриз...— И. Ф. Гербарт нравственность и право рассматривал как правила, регулирующие столкновение нравственных «вкусов» во внутренних отношениях «воли» и в окружающем чувственном мире. Нормами нравственной жизни как отдельного человека, так и всего общества, по Гербарту, служат практические идеи: внутренней свободы, совершенства, благосклонности, справедливости («Общая практическая философия», 1808).

Краузе развивал идею права как органической совокупности всех внешних и внутренних условий разумной жизни, которая коренится в высшей основе сущего — Божестве, понимаемом как абсолютное всеединство и тождество («Очерк системы философии права или естественного права», 1828).

Фриз стремился построить этику и учение о праве, основываясь на соединении чувственного влечения к счастью, исходящего из сердца,— и идей разума. В центр своей моральной философии Фриз

ставит понятие личного достоинства человека. Считая основным началом права принцип равенства, а началом нравственности — свободу, Фриз противопоставляет их целостному религиозно-эстетическому миросозерцанию, составляющему предмет философии религии («Философское учение о праве», 1803).

С. 125. *...знаменитый спор между двумя юристами — Тибо и Савиньи...* — А. Ю. Тибо в 1814 г. выпустил книгу «О необходимости для Германии всеобщего гражданского права», в которой, анализируя историческую ситуацию в стране и обозначившиеся в ней после освобождения от наполеоновского завоевания настроения в пользу национального объединения, высказался против такового, требуя, однако, общих гражданских законов для всего Германского союза, составленных по разумным основаниям, а не по исторически сложившимся правовым отношениям. Савиньи выступил против идеи Тибо. В брошюре «О призвании нашего времени к законодательству и правоведению» (1814) он утверждал, что нельзя составить общий гражданский кодекс по произволу. Право, подобно языку, нравам и политическим учреждениям, является органическим проявлением народной жизни. Рождаясь в виде обычаев, право в ходе общественного развития становится делом юристов, но его корень остается прежним и его развитие не подлежит произвольному ускорению или замедлению (см. подробнее: Чичерин Б. А. История политических учений. Ч. 4. М., 1877.— Гл. 3. Историческая школа).

...«Обычное право» Пухты.— Г. Ф. Пухта, ближайший ученик и преемник Савиньи, завершил теорию исторической школы права. По его взглядам, народная воля есть основа, на которой зиждется политическое тело, источник правотворчества. Государство призвано в праве применять к жизни обычай, вытекающий из народного сознания («Обычное право», 1828—1837).

...Безелер, в своей замечательной книге «Народное право и право юристов»... — «Народное право и право юристов» (1843) развивает идеи исторической школы права.

В нашей юридической ∾ «Борьба за право».— В 1-м изд. «даже» и «и боевую» отсутствуют.

...иеринговская «Борьба за право».— Р. фон Иеринг разработал новое учение о праве, согласно которому правовой и политический порядок отношений создается путем борьбы личностей и их групп, связанных одинаковыми интересами. Этим отрицались все устои исторической школы: право — не плод народного духа и не развивается мирным путем из заложенных в нем нравственных начал. Право — результат соглашения, достигаемого во взаимной борьбе личностей, и является продуктом умственного творчества и власти. «Борьба за право» Иеринга (1872) оказала огромное влияние на юриспруденцию и выдержала 15 изданий (кроме того — 7 русских переводов). См.: Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. М., 1896. Гл. VII.

...идея возрождения естественного права и идея интуитивного права.— См. об этом: Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. Теорию эмоционально-психологического и интуитивного права разрабатывал проф. Л. И. Петражицкий. См. о нем: Кистяковский Б. А. Реальность объективного права // Логос. 1910. Кн. 2; перепечатано в *СНП*.

С. 126. *Если бы это ∾ вполне нашей интеллигенцией.*— В 1-м изд. «она возбуждает его волю к активности, к действию» отсутствует.

Притупленность правосознания ~ русского народа.— В 1-м изд. вместо «застарелого» — «нашего застарелого».

С. 126—127. *...«правовая необеспеченность ~ существующего порядка вещей».*— В переиздании статьи (*СНП*) указан источник цитат: Герцен А. И. Сочинения. СПб., 1905. Т. III. С. 457; Т. V. С. 272; Т. VI. С. 127, 272. См. соответственно по современному изданию: Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т.: Т. XI. С. 322—323; Т. I. С. 362—363; Т. XIV. С. 168; Т. VII. С. 325—326.

С. 127. *«Гарантия не нужна!»* — См.: Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. М., 1889. Т. I. С. 9. Ср.: «В западных народах, на всех проявлениях общественности, лежит печать государственности; нет простоты жизни, нет свободы. Везде внешнее, условное, искусственное. Митинги, обеды, общества, собрания,— все условное, все не имеет истинной общественности <...> Русский народ свободен, не имеет в себе государственного внешнего элемента, не имеет в себе ничего условного» (Там же. С. 597). В 1-м изд. в цитате из Аксакова вместо «добра» — «доброго».

...По причинам органическим...— В оригинале: «По причинам историческим».— Слова Аксакова в стихотворении «Учено-литературный маскарад. Интермедия в одном действии» (Алмазов Б. Н. Сочинения. М., 1892. Т. II. С. 370—371).

С. 128. *...К. Н. Леонтьев чуть не прославлял ~ «вексельная честность»...*— О нем см.: Бердяев Н. А. Константин Леонтьев. Париж, 1926; Франк С. Л. Миросозерцание К. Леонтьева // Его же. Философия и жизнь. СПб., 1910; Струве П. Б. Константин Леонтьев // Возрождение. 1926. № 362. 30 мая. См. также прим. к с. 332.

И надо признать ~ для общественной жизни...— В 1-м изд. в конце фразы точка.

...«quantité negligeable»...— «Ничтожная величина» (*франц.*) — выражение, заимствованное из книги П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом положении России» (СПб., 1894), первого «символа веры» русского легального марксизма 1890-х годов; «ничтожной величиной», по мнению Струве, являлась «кучка идеалистов», интеллигенты-народники, лишенные поддержки какого-либо класса и, потому не могущие быть «реальной общественной силой». «Ничтожной величиной» для Струве была и личность вообще: «социология может с легким сердцем отбросить исторического деятеля» (С. 70—71, 30—35). Многолетний сотрудник Струве в его марксистской деятельности, А. Н. Потресов писал, что в «социологическом» уничтожении личности и интеллигенции Струве «грешен вместе со всем своим поколением» (Потресов А. Н. Этюды о русской интеллигенции. Сб. ст. СПб., 1906. С. 153). Однако уже в 1896 г., осмысляя философские проблемы истории, Струве фактически отходит от отрицания роли личности в историческом развитии; дальнейшая идейная эволюция приводит Струве к созданию учения, названного им «религиозным индивидуализмом».

Обе стороны этого ~ нашей интеллигенции.— В 1-м изд. вместо «чужды» — «были чужды».

С. 129. *...К. Д. Кавелин уделил очень много внимания ~ в переписке, которую он вел тогда с Герценом...*— В *СНП* (С. 623) Кистяковский указывает: «ср. Кавелин К. Д. Сочинения. М., 1859. Т. I. С. 305—380. Имеются в виду также незавершенный труд Кавелина «Задачи этики» (1884) и книги: <Кавелин К. Д.> Дворянство и освобождение крестьян. Берлин, 1862; Письма К. Дм. Кавелина и И.в. Тургенева к Ал. Ив. Герцену (с объяснительными примечаниями М. Драгоманова). Женева, 1892.

С. 130. *...возникла партия «Народной воли»...* — «Народная воля» — подпольная революционная организация (1879—1883), впервые в истории народнического движения поставившая перед собой задачу достижения в России политической свободы. Ее программа борьбы с самодержавием содержала требования созыва Учредительного собрания и работы постоянного народного представительства, обеспечения всех гражданских свобод.

Н. К. Михайловский ~ полемизировал с славянофилами... — См.: Михайловский Н. К. Сочинения. СПб., 1897. Т. V. Стлб. 436—445, 574—576, 604—623.

С. 131. *А правовой характер ~ неприкосновенности и свободе.* — В 1-м изд. этой фразы нет.

...Адольф Меркель... — А. Меркель в статье «Сила и право» (1881, русск. пер.: 1894) и в работе «Элементы общего учения о праве» (1890, русск. пер.: 1900) развивал учение о праве как компромиссе, который является результатом примирения частных сил и основывается на признании законности притязаний обеих сторон. Право возникает в мире жизненных столкновений и противоречий. С этим связано его основное стремление к установлению нейтральной почвы для примирения противоречивых притязаний. Необходимость ввести в известные границы борьбу и проистекающие из нее бедствия для спорящих сторон влечет за собой образование нейтральных инстанций, которые, оставаясь чуждыми спору и будучи дружественны спорящим, могли бы призываться ими на помощь для водворения мира. В этом и заключается задача объективного права (см.: Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. Ук. изд.).

...Англия до избирательной реформы 1832 года... — По избирательной реформе 1832 г. ликвидировалась большая часть мелких округов и так называемых «гнилых местечек» — малонаселенных городов и деревень, традиционно имевших представителей в парламенте, которые, как правило, назначались собственниками — лендлордами. Таким образом, в парламенте освободилось до пятой части для «буржуазных» депутатов от городов.

С. 132. *...Пруссия, несмотря на шестидесятилетнее существование конституции...* — В качестве одного из результатов революции 1848 г. в Пруссии в 1850 г. была введена конституция, устанавливавшая трехклассную избирательную систему. Действовала до 1918 г.

...на компромисс ~ идут социалисты всего мира. — В *СНП* эта фраза отсутствует.

В этом смысле ~ деятельности и самоопределения. — В 1-м изд. вместо «которых» — «которой».

С. 132—133. *...социалистический строй ~ правовой строй.* — См. об этом: Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. 1906. № 85; перепечатано в *СНП*, а также: Вопросы философии. 1990. № 6.

С. 133. *Не было теоретических ~ это бесправие.* — В 1-м изд. вместо «теоретических» — «даже теоретических».

С. 133—134. *Наша интеллигенция ~ и т. д., и т. д.* — В 1-м изд. «неприкосновенности личности и» отсутствовало.

С. 134. *...по просьбе одного члена Центрального Комитета.* — Имеется в виду Степан Иванович Радченко.

С. 134—135. *Так, Г. В. Плеханов ~ самого конституционного государства.* — В 1-м изд. вместо «твердого и» — «сколько бы то ни было»

С. 135. *...salus populi suprema lex...*— Благо народа — высший закон (*лат.*). См.: II съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 181—182. См. последнюю статью Г. В. Плеханова «Буки Азъ — Ба» (1918), перепечатанную в журнале «Диалог» (1990. № 11. С. 24—31), в которой он признал ошибочность основного тезиса своего выступления на II съезде РСДРП.

...«chambre introuvable» ~ *сделать его долгим парламентом...*— «Незаменимая палата» (*франц.*)—название, данное Людовиком XVIII французской палате депутатов (1815), высказавшейся в пользу полного восстановления политической власти дворянства и духовенства, уничтоженной Французской революцией. Долгий парламент в Англии был созван в 1640 г. и действовал на всех этапах английской революции, законодательно санкционировав свержение монархии и казнь короля. Распущен Кромвелем в 1653 году.

Провозглашенная в этой речи ~ *прямо чудовищна.*— В *СНП* (С. 630) к этому месту дано примечание: «Справедливость требует отметить, что под влиянием создания в России народного представительства Г. В. Плеханов изменил свое отношение к принципам права. Его выступления в 1906 году и особенно по поводу настоящей войны <1914—1918.— *М.К., Н. П.*>, несомненно, свидетельствуют о его глубоком уважении к праву».

С. 136. *...группы «бундистов»...*— «Бундисты» — члены Бунда — Всеобщего еврейского рабочего съезда в Литве, Польше и России (1897—1921), на автономных началах участвовавшего в создании и деятельности РСДРП. На II съезде Бунд временно вышел из РСДРП из-за отказа съезда признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата.

...Егоров заметил...— Выступление Егорова (псевдоним Е. Я. Левина) см.: II съезд РСДРП... С. 181.

...Гольдблат нашел...— Выступление Гольдблата (псевдоним В. Д. Медема) см.: II съезд РСДРП... С. 182.

Как бы то ни было ~ *к его извращению.*— В 1-м изд. «не только» отсутствовало, вместо «нашей» — «всей нашей», часть фразы после слова «интеллигенции» и до точки отсутствовала.

С. 137. *...дебатов в первой Государственной Думе...*— В *СНП* (С. 631) дана ссылка: «Государственная Дума. Стен. отчет. Сессия первая. 1906. Т. II. Стр. 1452—1468 и 1523—1540».

С. 138. *Русский народ* ~ *его артели и т. под.*— В 1-м изд. вместо «видам» — «формам».

Этим, вероятно, объясняются ~ *единообразное применение.*— В 1-м изд. этой фразы нет.

Но именно тут интеллигенция ~ *систематическому развитию.*— В 1-м изд. «более устойчивому их применению, а также» отсутствуют.

Только тогда народническая ~ *социалистическому строю.*— В 1-м изд. «укреплению и» отсутствует, вместо «вместе с тем сделалось бы возможным пересоздание» — «и пересозданию».

С. 138—139. *Такое стремление противоестественно...*— В *СНП* слово «противоестественно» заменено на «внутренне противоречиво». В 1-м изд. вместо «уничтожению» — «унижению».

С. 140—141. *...охарактеризовал этот устав Мартов* ~ *руководителя большинства Ленина...*— См. соответственно: II съезд РСДРП... С. 371 (Ю. О. Мартов) и С. 374 (В. И. Ленин).

С. 142. *...у нас* ~ *на личных отношениях.*— В *СНП* эти слова сняты.

...«Союза освобождения»...— «Союз Освобождения» — нелегальная либерально-демократическая организация (1904—1905), создан-

ная вокруг журнала «Освобождение» (1902—1905), издававшегося П. Б. Струве за рубежом (Штутгарт — Париж), и объединившая в своих рядах широкий спектр общественных сил от земских либералов до внепартийных социал-демократов. Основой политической программы «Союза» было требование свержения самодержавия, во взаимодействии с революционным и рабочим движением, и установления в России конституционного строя. Активными деятелями «Союза» были, кроме Струве, авторы «Вех» и «Из глубины»: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев, С. Л. Франк. Осенью 1905 г. большая часть членов «Союза», за исключением сторонников левых убеждений, составила костяк образуемой конституционно-демократической партии. Б. А. Кистяковский в период, предшествовавший созданию «Союза», определенно выступал против его конституирования как партийной организации (см. его письма П. Б. Струве: *ЦПА*. Ф. 279. Оп. 1. Д. 80), но тем не менее в 1903—1904 гг. участвовал в учредительных съездах «освобожденцев».

С. 144. *Суд с такой организацией ∾ истинного правопорядка.*— В 1-м изд. вместо «вполне пригоден» — «несомненно, пригоден».

Сперва и наше общество ∾ новым судам.— В 1-м изд. вместо «сперва и» — «даже».

С. 145—146. *Конечно, и у нас есть ∾ деятельности судов.*— В 1-м изд. вместо «известного постоянства в деятельности» — «существования и деятельности».

С. 146. *...потерпевших при эксплоатации железных дорог.*— В *СНП* (с. 641) к этому добавлено примечание: «28 июня 1912 года издан закон «о вознаграждении пострадавших вследствие несчастных случаев служащих, мастеровых и рабочих на железных дорогах, открытых для общего пользования, а равно членов семейств сих лиц». Он внес, однако, только некоторую определенность и устойчивость при решении лишь части этих дел».

...газета «Право»...— «Право» — еженедельная юридическая газета (СПб., 1898—1916?), выходившая под редакцией В. М. Гессена, И. В. Гессена, Д. Д. Гримма, В. Д. Набокова, Б. Э. Нольде и др. В ней печатались работы К. К. Арсеньева, В. И. Вернадского, П. Д. Долгорукова, Н. И. Кареева, Ф. Ф. Кокошкина, Л. И. Петражицкого, П. Б. Струве, Е. Н. и С. Н. Трубецких и др.

Даже наши теоретики-юристы ∾ существует только десять лет.— В *СНП* этот фрагмент отсутствует.

У нас не существует ∾ орудие мести.— В 1-м изд. после «уголовного суда» точка, далее часть фразы отсутствует.

Тут, конечно, политические ∾ решающую роль.— В 1-м изд. вместо «конечно» — «правда».

С. 147. *В широких слоях ∾ «честный лжесвидетель».*— В 1-м изд. этот фрагмент текста отсутствует.

С. 148. *Что такого сознания ∾ «на поток и разграбление».*— В *СНП* этот фрагмент отсутствует.

...член второй Думы Алексинский ∾ представитель крайне правой Шульгин...— См.: Государственная Дума. Сессия II. Стенографический отчет. Стлб. 248. Заседание 6. 7 марта 1907 г. (Г. А. Алексинский); стлб. 376. Заседание 8. 12 марта 1907 г. (В. В. Шульгин).

С. 149. *...Поражение русской революции ∾ написаны и эти строки.*— В *СНП* (с. 643—644) вместо этого фрагмента следует: «Такое отношение к этому явлению было бы не только бесполезно и праздно, но и нравственно недопустимо. К тому же сама история уже не

раз произносила свой суровый приговор над нашей интеллигенцией, приводя к крушению ее наилучшие стремления и обрекая их на полную неудачу. Однако нельзя и замалчивать этот коренной недостаток в нашей духовной культуре. Напротив, роковая роль его должна быть вполне осознана».

...ненарушимого правопорядка... — В *СНП* (с. 644) дан вариант этого предложения (и далее): «Наша интеллигенция должна сознать, что устойчивость и прочность правопорядка есть лучшее средство для того, чтобы этот правопорядок сделался справедливым и гарантирующим свободу. В процессе этой внутренней работы должно, наконец, пробудиться и истинное правосознание русской интеллигенции. Оно должно стать созидателем и творцом нашей новой личной, общественной и государственной жизни».

...Многие считают ∾ к жизни и деятельности. — В *СНП* примечание отсутствует.

П. Б. Струве. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

СТРУВЕ Петр Бернгардович (26.I (7.II). 1870, Пермь—26.II.1944, Париж), сын пермского губернатора, внук астронома В. Я. Струве,— в 1879—1882 гг. жил с семьей в Германии. В 1882—1889 гг. учился в гимназии в Петербурге. В 1890-е гг.— один из лидеров русского марксизма. В 1889 г. Струве поступил на естественный факультет Петербургского университета. В 1890-м — перешел на юридический факультет, где организовал социал-демократический кружок. В 1891—1892 гг. учился в Граце (Австрия) у Л. Гумпловича, тогда же начал литературную деятельность в немецкой социал-демократической прессе. По возвращении в Россию работал библиотекарем в Министерстве финансов. В апреле 1894 г. был арестован за связи с «Группой народовольцев». В августе 1894 г. вышла его первая книга «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПб.), открывшая эпоху легальной борьбы с народничеством и ставшая «символом веры» русских марксистов. В январе 1895 г. от имени земской депутации Струве составил «Открытое письмо Николаю II», отвергнувшему надежды на конституцию: «Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать». Весной 1895 г. Струве экстерном сдал за юридический факультет Петербургского университета. Участвовал в составлении и издании вместе с А. Н. Потресовым марксистского сборника «Материалы к характеристике нашего экономического развития» (1895), уничтоженного цензурой. В 1896 г. Струве входил в делегацию на Международный социалистический конгресс в Лондоне (IV Конгресс II Интернационала) от российской социал-демократии; он написал аграрную часть доклада делегации, с которым выступил Г. В. Плеханов. Вместе с М. И. Туган-Барановским редактировал марксистский журнал «Новое Слово» (1897) и «Начало» (1899). В серии «Экономическая библиотека» в 1898 г. под его редакцией в издательстве О. Н. Поповой вышел I том «Капитала» К. Маркса. По предложению члена ЦК РСДРП С. И. Радченко он написал «Манифест РСДРП» (1898). В 1899 г. выступил со статьей «Марксова теория социального развития» (Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. Bd. 14), подвергшей пересмотру теорию социальной революции. По мнению Струве, революция неизбежна для стран с неразвитым стихийным капитализмом; по мере же его развития естественным становится путь реформы, позволяющий сохранить достижения культуры и хозяйства.

Как глава «критического направления» в русском марксизме

Струве развивает систему взглядов, в основу которой полагаются идеи компромисса и эволюции — как средств политического развития, права и культуры — как основ общества. Однако применение этих принципов Струве считал возможным лишь после свержения самодержавия. На Псковском совещании с социал-демократами во главе с В. И. Лениным (апрель 1900 г.) и совещании в декабре 1900 г. от лица «демократической оппозиции» он обещал поддержку «Искре» (и поместил в ней две статьи) и журналу «Заря», но вскоре окончательно разошелся с социал-демократией. Осенью 1900 г. написал предисловие к книге Н. А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901), в котором порывает философские связи с марксизмом, ставя задачу обоснования социального идеала на «более широкой основе», в том числе идеалистической («Мир Божий». 1900. № 11). В конце 1900—1901 гг. состоял членом редакции журнала «Мир Божий». В 1901 г. стал инициатором сборника «Проблемы идеализма».

В марте 1901 г. Струве участвовал в демонстрации петербургской интеллигенции у Казанского собора: был избит полицией, арестован и выслан в Тверь под гласный надзор с запретом проживать в столицах и университетских городах. Летом вошел в контакт с земскими деятелями и принял их предложение редактировать заграничный оппозиционный журнал. В конце 1901 г. Струве выехал за границу, где с июля 1902 г. по октябрь 1905 г. (Штутгарт — Париж) редактировал журнал «Освобождение». Выступал за создание широкого фронта нелегальных организаций на базе программы политических реформ. Один из создателей «Союза Освобождения». В сентябре—октябре 1904 г.— секретарь Конференции революционных и оппозиционных партий в Париже. После манифеста 17 октября 1905 г. по амнистии вернулся в Россию. С декабря 1905 г. в Петербурге редактировал еженедельный журнал *ПЗ*, в котором призывал к строительству правового государства на основе существующей «конституции» и к прекращению правительственного террора и революционной борьбы. Член ЦК кадетской партии со II съезда (1906). В марте 1906 г. привлечен к суду, журнал закрыт. Возобновил деятельность в журнале «Свобода и Культура» (под ред. С. Л. Франка) с апреля по май 1906 г., газете «Дума» (апрель — июнь 1906). Летом 1906 г. присутствовал в Выборге в момент составления воззвания группы депутатов Думы о гражданском неповиновении, но выступил против его принятия. Член II Государственной Думы (1907), в составе группы депутатов 2 июня 1907 г. посетил П. А. Столыпина с целью предотвратить роспуск Думы. С осени 1906 г. по приглашению А. И. Чупрова преподавал политэкономию в Петербургском политехническом институте (до 1917), а также с 1910-го — на Бестужевских женских курсах, был избран приват-доцентом университета. С конца 1906 г.— редактор *РМ*, к сотрудничеству в которой привлек Франка, Изгоева, Бердяева, Булгакова, Новгородцева и др. В 1908 г. сдал магистерский экзамен в Московском университете. Тогда же выдвинул концепцию «Великой России», «национально-либеральный империализм» которой, строясь на мистических основах нации и государства, своей целью имел захват Проливов и экспансию на Ближнем Востоке. В 1909—1913 гг. принимает активное участие в деятельности Религиозно-философского общества. В 1913 г. опубликовал сборник «Крепостное хозяйство» (М.), объединивший его исследования с 1899 года, в Московском университете защитил магистерскую диссертацию «Хозяйство и цена» (М., 1913 Ч. I.), был избран экстраординарным профессором Петербургского

университета. В январе 1914 г. выступил со статьей «Оздоровление власти», видя необходимость «самоограничения» самодержавия и общества во имя «Великой России». С началом первой мировой войны стал одним из руководителей Всероссийского Земского Союза, председателем комитета по борьбе против торговли с неприятелем. В связи с этим посетил Францию и Англию, где прочел серию лекций о современном положении России и был удостоен степени доктора Кембриджского университета (1916). В июне 1915 г. вышел из кадетской партии из-за разногласий по национальному вопросу (фактически отошел от партийной деятельности в 1908-м). В 1917 г. в Киевском университете защитил докторскую диссертацию «Хозяйство и цена» (Т. II. Ч. 2. Опубл.: Пг., 1916). В качестве «идейного центра для духовно-обоснованного патриотизма» организовал «Лигу русской культуры» (май—июнь 1917), избран членом ее Временного комитета; фактическим органом «Лиги» стало приложение к «Русской Мысли» — еженедельник «Русская Свобода». В апреле — мае 1917 г. — директор экономического департамента МИДа. Летом 1917 г. избран академиком Российской Академии наук по отделу политэкономии (исключен в 1928-м), работал в ее Отделении Исторических наук и Филологии. В ноябре 1917 г. — прибыл в Новочеркасск, где вошел в состав «Донского гражданского совета» для организации Добровольческой армии. С февраля 1918 г. в Москве — в ряде подпольных организаций, организатор и участник сборника «Из глубины». В декабре 1918 г. из Петрограда перешел по льду в Финляндию. В начале 1919 г. в качестве представителя кадетского «Национального центра» находился в Англии и Франции с целью организации материальной поддержки контрреволюции Западом, включен в состав участников «Политического Совещания» в Париже. В конце лета 1919 г. вернулся на юг России. Член Особого Совещания при генерале А. И. Деникине. В начале 1920 г. сблизился с П. Н. Врангелем, в апреле возглавил Управление внешних отношений в его правительстве в Крыму. В эмиграции, отказавшись от руководства Экономическим институтом в Софии, возобновил издание *РМ* (1921—1925, 1927, Прага — Берлин), редактировал газету «Возрождение» (1925—1927), газету «Россия» (1928), участвовал в руководстве газетой «Россия и Славянство» (1928—1932). В конце 1921 г. выступил против вмешательства церкви в политику (Карловацкий собор эмигрантского духовенства). В 1926-м — председатель Зарубежного Съезда, призванного объединить правые и монархические силы; один из создателей Русского национального объединения, оказывал содействие Российскому общевоинскому Союзу. В 1930 г. — участник съезда русских писателей в Белграде, где поселяется до 1943 года (прежде: 1921—1925 гг. — в Праге, с 1925-го — в Париже) и становится председателем Отделения общественных наук Русского научного института; читает курс социологии в университетах Белграда и Субботицы. В это время Струве отходит от политической деятельности. В конце жизни работал над итоговыми трудами: «Система критической философии» (рукопись погибла) и «Социально-экономическая история России» (не окончена, опубликована в 1952 г.). В 1941 г. арестован немецкими оккупантами, выпущен после трехмесячного заключения в Граце. В 1943 г. ему удалось выехать в Париж. См. библиографию его работ в кн.: Pipes R. Struve: liberal on the right. 1905—1944. Cambridge, Mass., 1980.

Настоящая статья вошла в сборник статей П. Б. Струве «Patriotica» (СПб., 1911) практически без изменений (С. 339—362).

С. 150. *Настоящие размышления ~ пережитой нами революции.*— В книгу размышлений о государстве и революции должны были войти, помимо «веховской» статьи, следующие очерки: «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества» (*РМ.* 1908. № 1; перепечатано в: Patriotica. С. 71—96) и «Очерки о государстве и нации» (*РМ.* 1908. № 5; перепечатано там же. С. 97—108, под названием «Отрывки о государстве»).

С. 151. *Социальные результаты...*— В «Patriotica» (С. 341): «Непосредственные социальные результаты».

...Пугачев манифестом 31 июля 1774 года...— Манифестом, изданным Е. И. Пугачевым 31 июля 1774 г., объявлялось освобождение крестьян от крепостной зависимости и безвозмездная передача им земли; в манифесте, кроме того, содержался призыв к повсеместному истреблению дворян.

С. 152. *История этого слова...*— Первое употребление слова «интеллигенция» в русской литературе принадлежит, по-видимому, И. С. Аксакову (Отчужденность интеллигенции от народной стихии // День. 1861. 21 окт.): здесь оно обозначало литераторов противоборствующих в прессе направлений. Термин «интеллигенция» в его традиционном социально-культурном значении принадлежит П. Д. Боборыкину, который не преминул об этом напомнить в своем отклике на сборник «Вехи»: Подгнившие «Вехи» // Русское Слово. 1909. 17 апр.

С. 153. *...ее отщепенство...*— Мотив «отщепенства» интеллигенции от государства (а не от народа) в поле зрения П. Б. Струве впервые появляется со статьей А. Н. Потресова «О наследстве и наследниках», посланной ему автором в 1899 г. для опубликования в журнале «Начало», который он редактировал. Статья была остановлена цензурой и послужила одной из наиболее веских причин закрытия журнала. Впервые напечатанная в сборнике А. Н. Потресова «Этюды о русской интеллигенции» (СПб., 1906), она появилась и непосредственно перед выходом «Вех» (2-е изд.— СПб., 1908). Потресов вспоминал: ««Отщепенством» я называл — цензуры ради — революционное отрицание существующего строя» (Социал-демократическое движение в России. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 354); таким образом, мысль Струве вступала в актуальную полемику с тем, что выдвигалось в качестве одного из достоинств интеллигенции.

С. 154. *...ибсеновского Бранда...*— Бранд — главный персонаж одноименной драмы Г. Ибсена (1865). Образ священника Бранда широко обсуждался в русской печати начала XX века и стал символом идейного и нравственного максимализма (ср. с. 400 наст. изд.).

С. 155. *...кальвинизм и янсенизм...*— Кальвинизм — христианское вероучение, развитое Жаном Кальвином. Янсенизм — теологическое движение, получившее название по имени нидерландского теолога Корнелиуса Янсения. Оба течения утверждали доктрину предопределения человека (к блаженству или к мукам) божественной волей уже до или при его рождении. Идея эта проповедовалась уже Августином, впоследствии — Лютером.

...«Царство Божие внутри вас есть».— Лк. 17:21.

...статью о Льве Толстом...— «Лев Толстой». Эта статья, вкупе с другой, появившейся в *РМ* (1910. № 10) после смерти Л. Толстого, была переиздана в «Patriotica» (С. 531—555) с общим подзаголовком: «Лев Толстой: I. Смысл жизни. II. Смысл смерти». См. также статью «Роковые вопросы (По поводу статьи Л. Н. Толстого

«Неизбежный переворот»)» // *РМ*. 1909. № 10; «Patriotica». С. 556—563 и «Статьи о Л. Толстом» (София, 1921).

С. 157. *«Многие рассуждают ~ земскую думу».*— См.: Бакунин М. А. Романов, Пугачев или Пестель // Его же. Избранное. Пг.; М., 1920. Т. III. С. 81.

С. 158. *...в предисловии к заграничному изданию знаменитой записки Витте...*— Р. Н. С. Предисловие // Витте С. Ю. Самодержавие и земство. Штутгарт, 1901.

С. 161. *...охлократия.*— От ὀχλοκρατία *(греч.)* — господство массы, толпы. Согласно Аристотелю, охлократия является формой вырождения демократии. См. также: Полибий. Всеобщая история. VI. 4, 6 сл.; VI. 44, 9; VI. 57. 9.

С. 165—166. *...Социализм, разлагаясь, поглощается социальной политикой.*— См. об этом: Струве П. Б. Понятие и проблема социальной политики. М., 1910; Струве П. Б. Социализм. Критический опыт // *РМ*. 1922. № 6—7.

С. Л. Франк. ЭТИКА НИГИЛИЗМА

ФРАНК Семен Людвигович (16(28).I.1877, Москва—10.XII.1950, близ Лондона) — религиозный философ и общественный деятель. Родился в семье еврея-врача. В 1886 г. поступил в гимназию при Лазаревском институте восточных языков. В 1892 г. переехал с семьей в Нижний Новгород. В 1894 г. окончил гимназию, где с 1893 г. состоял в марксистском кружке. В 1894—1899 гг. учился на юридическом факультете Московского университета у П. И. Новгородцева и А. И. Чупрова, вел марксистскую пропаганду среди рабочих (по 1896 г.). Сближается с кругом марксистских издателей и публицистов. В 1899 г. за связь с социал-демократической организацией арестован, исключен из университета, сослан в Нижний Новгород и лишен права проживания в университетских городах. Получив разрешение на выезд за границу, с 1899 г. продолжал образование в Берлинском университете. В 1901 г. экстерном сдал экзамены в Казанском университете. В 1900 г. вышла его первая книга «Теория ценности Маркса и ее значение» (СПб.), в которой он выступил против Марксовой теории стоимости. Это выступление ввело Франка в ряды «критического направления» в марксизме, быстро развивавшегося в направлении либерализма и идеализма. С 1898 г. сблизился с П. Б. Струве и до конца его жизни оставался его ближайшим другом и сотрудником. По предложению Струве приглашен Новгородцевым к участию в сборнике «Проблемы идеализма». Вероисповедание помешало Франку получить направление для подготовки к профессуре в Петербургском университете (1902). Начиная со съезда в Шафгаузене (Швейцария, июль 1903), принимал активное участие в либеральном движении, состоял членом «Союза Освобождения», печатался в журнале «Освобождение», от дальнейшего сотрудничества в котором отказался после событий 9 января 1905 г., считая исчерпанными идейные средства борьбы с самодержавием. Признавая необходимой «борьбу с оружием в руках», чувствовал себя, однако, к ней неспособным. В 1904—1905 гг. печатался в журналах «Новый путь» и *ВЖ*. Участвовал в I съезде кадетской партии (1905). После манифеста 17 октября 1905 г. вместе с П. Б. Струве редактировал еженедельники «Полярная Звезда» и «Свобода и Культура» (декабрь 1905 — май 1906), в которых обосновывались идеи конституционализма, противопоставленные антиправовому

экстремизму как бюрократии, так и революционеров. В 1907 г. привлечен Струве к редактированию философского отдела в журнале *РМ*, деятельным сотрудником которого оставался до 1917 г.: на его страницах развернулась борьба за так называемое «религиозное возрождение» — против «ереси утопизма» радикальной интеллигенции. В 1912 г. принял православие, сдал магистерский экзамен и стал приват-доцентом философии Петербургского университета. В 1913—1914 гг. в Германии готовится к диссертации, с началом первой мировой войны через Италию и Балканы вернулся в Россию. Читал лекции на экономическом отделении Петербургского политехнического института. Тогда же стал членом редакции *РМ*, в дополнение к философским и научным материалам начинает курировать беллетристический отдел. В мае 1916 г. защитил магистерскую диссертацию «Предмет знания» (Пг., 1915). Весной 1917 г.— член-учредитель «Лиги русской культуры», секретарь редакции журнала «Русская Свобода». В сентябре 1917 г. по предложению министра народного просвещения С. Ф. Ольденбурга и товарища министра по высшей школе В. И. Вернадского переехал в Саратов, где возглавил историко-филологический факультет университета, стал его профессором и основал Саратовское философско-историческое общество. В 1918 г. к защите не была допущена его докторская диссертация «Душа человека». Участник сборника «Из глубины». Осенью 1921 г. возвратился в Москву, принял деятельное участие в работе Вольной академии духовной культуры. Избран профессором Московского университета. Осенью 1922 г. после ареста выслан в Германию, с 1923 г.— профессор Русского научного института в Берлине. В эмиграции — один из основателей Русского студенческого христианского движения. Осенью 1924 г.— один из учредителей «Братства св. Софии». С 1928 г. сотрудник газеты «Руль». С 1930 г. читал лекции по истории русской мысли и литературы в Славянском институте Берлинского университета, с 1931 по 1932 г.— директор Русского научного института. Участник Всемирного Философского конгресса в Праге (1934). В конце 1937 — начале 1938 г. выехал во Францию, «скрываясь от немецкой оккупационной армии, ибо — в силу моего не-арийства — мне грозила депортация и смерть в газовой камере. С 1945 года соединился с моими детьми, которые по разным обстоятельствам уже раньше переселились в Англию» (Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. С. 368). См. Bibliographie des oeuvres de Simon Frank. Paris, 1980.

Статья «Этика нигилизма» без изменений вошла в сборник: Франк С. Л. Философия и жизнь. СПб., 1910. С. 218—259 (переиздана: Франк С. Л. Сочинения. М., 1990).

С. 167. *«Also sprach Zarathustra»*.— «Так говорил Заратустра», гл. «О великих событиях».

С 168. *...всякий народ ∾ он заслуживает»*.— Выражение из письма Ж. де Местра (1811) // Maistre J. de. Lettres et opuscules inédits. Paris, 1851. Vol. 1. P. 215 (Указ. Ю. П. Сенокосовым).

...«саничство»...— См. прим. к с. 103.

С. 172. *И тут — не простое недоразумение ∾ всякой религии*.— В 1-м и 4-м изд. «безмыслие», в 5-м изд.— «бессмыслие».

...«человеческое, слишком человеческое».— Название произведения Ф. Ницше (1878): «Menschliches allzumenschliches» (пер. С. Л. Франка // Полн. собр. соч. Ф. Ницше. М., 1911. Т. 3).

С. 173. *...Штирнеру не стоило большого труда*...— Философия Штирнера является классическим примером последовательного

эгоизма. Единственной реальностью является индивид, а все остальное имеет ценность лишь постольку, поскольку служит *Я*. См.: Франк С. Л. Штирнер и Ницше в русской жизни (в сб. «Философия и жизнь»).

...*«carpe diem»*.— Лови момент, пользуйся сегодняшним днем *(лат.)*: Гораций. Оды. I, II.

Под нигилизимом я разумею ∽ ценностей.— См. об этом также: Струве П., Франк С. Очерки философии культуры. Что такое культура? // *ПЗ*. 1905. № 2. С. 113—115 и статью П. Струве «Культура и личность» (1905; *ЦПА*. Ф. 279. Оп. I. Д. 58).

С. 175. ...*«суть народушко»*...— См.: «Богостроитель — это суть— народушко! Неисчислимый мировой народ! Великомученик великий, церковью прославленный — сей бо еси Бог, творяй чудеса! Народушко бессмертный, его же духу верую, его силу исповедаю; он есть начало жизни единое и несомненное; он отец всех богов бывших и будущих!» (Горький М. Исповедь // Сборник товарищества «Знание» за 1908 год. СПб., 1908. Кн. XXIII. С. 148).

С. 182. ...*с религией социализма*.— Ср.: «Религия социализма неразрывно связана с материализмом и утилитаристическим жизнепониманием. Сущность ее лежит в убеждении, что несчастья, несовершенства и зло человеческой жизни зависят от внешних условий общественного бытия и могут быть в корне уничтожены внешними же социальными реформами. Эта вера решительно противоположна и сознательно враждебна основной мысли всякого идеалистического умонастроения, согласно которой совершенствование человеческой жизни есть не внешняя, а внутренняя задача, не социально-политическая проблема, а дело религиозного и морального воспитания» (Франк С. Л. Социализм и кантианство // Его же. Философия и жизнь. С. 352—353).

С. 184. ...*«profession de foi»*.— Кредо, символ веры *(франц.)*.

«Die Lust der Zerstörung ist auch eine schaffende Lust»...— См. прим. к с. 49 («Страсть к разрушению есть также и творческая страсть», *нем.*).

С. 190. ...*«Социализм и душа человека»*.— Ср.: «В обществе существует один только класс, думающий о деньгах более, нежели думают о деньгах богатые,— это именно бедные» (Уайльд О. Душа человека при социалистическом строе // Полное собрание сочинений О. Уайльда. СПб., 1912. Т. 2. С. 317).

С. 195. ...*подмечена покойным А. И. Эртелем*...— «Письма» Эртеля были изданы под редакцией М. О. Гершензона и получили высокую оценку П. Б. Струве в майском номере *РМ* (1909): «...они изумительно, по своему духу, совпадают и с той критикой интеллигенции, которая дана в «Вехах», и, что гораздо существеннее, с теми положительными идеями, которые развиты в этом сборнике и противопоставлены интеллигентской идеологии» (Струве П. Б. Patriotica. С. 445). Ср. об А. И. Эртеле: Франк С. Л. Философия и жизнь. С. 328—337.

С. 196. ...*братаются с «мистическими анархистами»*...— «Мистические анархисты» — литературно-общественное направление, зачинателями которого выступили Г. И. Чулков и Вяч. Иванов (см.: Чулков Г. О мистическом анархизме // *ВЖ*. 1905. № 7; отд. изд.: Чулков Г. О мистическом анархизме. СПб., 1906, с предисловием Вяч. Иванова; Иванов Вяч. Кризис индивидуализма // *ВЖ*. 1905. № 7. Статьи Вяч. Иванова этого периода перезданы в его сб. «По звездам» (СПб., 1909)). «Мистический анархизм» ставил задачи преодоления общественного индивидуализма в соборном творче-

ство, в котором анархизм реализовывал бы себя «как идея метафизическая» (Вяч. Иванов). Г. Чулков писал: «Под *мистическим анархизмом* я разумею учение о путях последнего освобождения, которое заключает в себе *последнее утверждение* личности в начале абсолютном»; «ныне ставится задача — найти пути для воссоединения свободы и последнего утверждения личности, т. е. для воссоединения плана формального с планом мистическим» (Чулков Г. О мистическом анархизме. Ук. изд. С. 28, 30). Цель сотрудничества различных сил преследовало издание сборников «Факелы» (СПб., 1906—1908. Кн. 1—3), составителями которых были Вяч. Иванов и Г. Чулков.

С. 198. *Веруя в Лассаля...* — О Лассале см.: Струве П. Б. Ф. Лассаль // Его же. На разные темы. СПб., 1902; Франк С. Л. Новые данные к характеристике культурно-исторических, социологических и философских взглядов Лассаля // Вопросы философии и психологии. Кн. 65. 1902.

М. А. Колеров, Н. С. Плотников

ПРИЛОЖЕНИЕ

Полемика вокруг «Вех»

Сборник «Вехи» был назван «крупнейшим скандальным успехом в интеллектуальной истории России» (Pipes R. Struve. Liberal on the Right, 1905—1944. Cambridge, Mass., 1980. P. 106). Странности, которые он вызвал в среде русской интеллигенции, можно сравнить с воздействием известных «Философических писем» Чаадаева 1836 года. Подобно дерзким размышлениям Чаадаева о причине ненормального положения России в семье европейских наций, вопросы, поднятые «Вехами» и их послереволюционным продолжением «Из глубины», имели значение, простирающееся гораздо дальше тех исторических событий, которыми они были вдохновлены.

Истоки «Вех» лежат в движении, известном под названием «легальный марксизм» или ревизионизм, которое возникло в среде русских марксистов в конце XIX века. (Об истории этого движения см.: Kindersley R. The First Russian Revisionists. A Study of «Legal Marxism» in Russia. Oxford, 1962; Mendel A. Dilemmas of Progress in Tsarist Russia. Legal Marxism & Legal Populism. Cambridge, Mass., 1961.) Будущие четыре лидера ревизионизма (все сотрудничали в «Вехах» и «Из глубины») были в числе первых русских марксистов. Это П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и С. Л. Франк, которые играли важную роль в марксистской полемике 1890-х годов, критикуя веру народников в свободную волю и доказывая, что социальные процессы управляются не «субъективными» этическими ценностями, но необходимыми и объективными законами. Но марксистская реакция на проблему свободной воли не удовлетворяла их, и к концу десятилетия они обратились к современному неокантианскому идеализму, сначала чтобы дополнить марксистскую теорию; но, не будучи способными примирить одно с другим, порвали с марксизмом, приняв за основу своей социальной философии кантовский постулат об объективной реальности свободной воли и абсолютной ценности личности. В 1902 г. они участвовали вместе с восемью другими сотрудниками в «Проблемах идеализма»; сборник задумывался как ответ на ощущаемый его авторами современный кризис интеллигенции. Центральный тезис сбор-

ника состоит в том, что только идеалистическая философия как источник теории неотчуждаемых прав и личной неприкосновенности может дать твердую теоретическую базу для защиты прав личности и уверенность в том, что ими нельзя пожертвовать в борьбе за материальный прогресс.

Последствия революции 1905 года, казалось, укрепили авторов «Проблем идеализма» в их мнении, что прогрессивная интеллигенция стоит на пороге идеологического кризиса. В анархическом насилии и широко распространившемся бандитизме 1905 года многие революционеры потеряли веру в чистоту своих идеалов. Когда правительство вновь обрело контроль над опустошенной революцией страной, главные революционные партии столкнулись с проблемой деморализации в собственных рядах. В Предисловии к «Вехам» это широко распространившееся моральное беспокойство прогрессивной интеллигенции выдвигается в качестве одной из основных причин появления сборника. Его авторы отстаивают свое убеждение в том, что своей публичной критикой взглядов интеллигенции в этот критический момент русской истории они отвечают на общее требование пересмотра тех принципов, которые были раньше приняты на веру.

Реакция на публикацию «Вех» была немедленной и всеобщей. Она приняла форму общенациональной полемики о характере и идеалах русской интеллигенции. Полемика велась с неослабевающей энергией около года, в течение которого «Вехи» выдержали пять изданий. «Полемика вокруг «Вех», как ее стали называть, привлекла все слои русского образованного общества, включая художников и писателей, равно как и все политические группировки от крайне левых до правых. Как позднее писал Франк, сборник был главной сенсацией того года в русском обществе (Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. С. 83—84).

Реакция на «Вехи» вылилась в четыре основные формы. Во-первых, в Москве, Санкт-Петербурге и наиболее крупных провинциальных городах были проведены публичные лекции и собрания с обсуждением сборника. Во-вторых, полемика велась в газетах всей России. Библиография, опубликованная в пятом издании «Вех», содержит около 200 подобных статей; но она не полна, и один критик насчитывает от 200 до 300 статей, появившихся только в первый год полемики (см.: Полторацкий Н. «Вехи» и русская интеллигенция // Мосты. 1963. № 10. С. 297). В-третьих, было опубликовано несколько сборников на тему «Вех»; по сборнику издали кадеты и социалисты-революционеры; еще один был составлен из уже опубликованных в прессе статей авторов, принадлежащих к разным политическим образованиям. Наконец, «Вехи» упоминались или обсуждались во многих памфлетах и сборниках, которые не были в принципе им посвящены.

Несмотря на живой интерес, вызванный сборником, дискуссия не приняла той формы, на которую надеялись авторы, когда приступили исследовать основные принципы возгласили о своих намерениях левого движения. «Веховцы» недооценили чувства взаимной лояльности в среде интеллигенции, которое, несмотря на сомнения и межоусобицы, заставило ее сформировать общий фронт против нацеленного на всех них удара. Как только дело касалось политических партий, дискуссия становилась поводом не для самоанализа, а для самооправдания. Предпочитая толковать «веховскую» платформу как призыв к интеллигенции выйти из политической борьбы и сосредоточиться на задаче религиозного самосовершенствования,

многие несправедливо отождествили «Вехи» с правыми, стремились дискредитировать их и превратить полемику в пропаганду.

Некоторые левые достигли этой пропагандистской цели цитированием вырванной из контекста фразы Гершензона, в которой, подчеркивая степень отчуждения интеллигенции от масс, он говорит: «Мы должны благословлять эту власть, которая одними своими штыками <...> ограждает нас от ярости народной». Хотя марксисты не дали коллективного отзыва на «Вехи», они часто ссылались на него в дискуссиях, и Ленин опубликовал статью, умело используя «Вехи» для дискредитации кадетской партии. Он доказывал, что основной мишенью «Вех» была не интеллигенция, но массовое революционное движение; в этом он был союзником либералов, чье осуждение сборника Ленин описывает как «полнейшее лицемерие». Ответ Ленина появился в газете «Новый день» 3 декабря 1909 г. (см.: Ленин В. И. Сочинения. 4-е изд. Т. 45. М., 1941—67. С. 106—114). Другой марксистский отзыв на «Вехи» был дан в памфлете В. Фриче «От Чернышевского к „Вехам"» (М., 1910). Плеханов дает краткие ссылки на «Вехи» в серии статей, которые впервые появились в журнале «Современный мир» в 1909 г.: «О так называемых «религиозных исканиях» в России», где он пишет, что сборник имел «большой успех скандала, и возможно не только скандала» (Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956—1958. Т. III. С. 326. Плеханов намеревался посвятить серию статей месту сборника в движении от марксизма к идеализму, но статьи написаны не были. См.: Там же. С. 437). Во введении к коллективному отзыву социалистов-революционеров их лидер Виктор Чернов принял тон других участников полемики, описывая «Вехи» как «наиболее реакционную книгу десятилетия»» (Гарденин Ю. <В. Чернов> «Вехи» как знамение времени. Сб. ст. М., 1910. С. 1), как работу контрреволюционеров, чьей основной мишенью было русское народничество и партии его прямых наследников. Отзыв кадетов имел все признаки академической объективности (среди писавших его был лидер партии, историк П. Милюков и Д. Н. Овсянико-Куликовский, автор многотомного исследования об интеллигенции. См.: Интеллигенция в России. Сборник статей. СПб., 1910). Однако он был вызван также тактическими соображениями, в частности желанием кадетов идентифицироваться в глазах русской общественности с героическими традициями радикальной интеллигенции, а также верой в необходимость объединения в борьбе против правительства. Так, признавая все же некоторую ценность «веховской» критики интеллигенции, кадеты доказывали, что ее наиболее непривлекательные черты должны исчезнуть в результате общественного и экономического прогресса, по мере развития которого интеллигенция должна все больше походить на свои западные соответствия. Статья Милюкова (около ста страниц) содержит критику некоторых авторов «Вех», которые, как он считает, сами являясь представителями интеллигенции, как таковые, разделяют некоторые из характеристик, которые сами осуждают (в частности, тяготение к мессианской идеологии).

Среди наиболее выдающихся участников дискуссии о «Вехах» только писатели Андрей Белый и Василий Розанов пренебрегли политическими вопросами с тем, чтобы подчеркнуть центральную, по их мнению, тему «Вех»: исследование типа ментальности, ослабленной и разрушенной догматической верностью блоку идеологических убеждений (см.: Белый А. Правда о русской интеллиген-

ций. По поводу сборника «Вехи» // Весы. 1909. Т. V. С. 65—68; Розанов В. В. Мережковский против «Вех» // Новое время. 1909. 27 апреля; Между Азефом и «Вехами» // Там же. 20 августа). Оба автора относятся к «делу Азефа» как к подтверждению «веховского» тезиса, что негативное отношение интеллигенции к духовным и эстетическим ценностям привело к подобному разрушению ее морального сознания. Они подчеркивают важность того факта, что революционные идеалисты работали в течение ряда лет в тесном контакте с продажным и корыстным политическим агентом без ощущения какой-либо моральной разницы между ним и собою. Они основывали свое доверие к нему исключительно на внешних данных: для выражения «правильных» радикальных мыслей ему достаточно было во всем соглашаться с ними. Розанов заключает, что война интеллигенции на протяжении многих десятилетий против эстетики, метафизики и религии в конце концов закончилась атрофией ее «духовного видения».

Тот факт, что большинство участников полемики вокруг «Вех» не смогли обратиться к основным вопросам, поднятым сборником, ограничивая себя идеологическими банальностями, был понят Бетым как доказательство безразличия левых к вопросам, выдвинутым «Вехами». Но это не так. Из радикальной интеллигенции только марксисты, считавшие этику не относящейся к истории, не были затронуты проблемой моральности прогрессивной идеологии. Как показывает радикальная пресса, мемуары и художественная литература этого периода, многие кадеты и большинство из руководства партии социалистов-революционеров, так же как и симпатизирующие левым писатели Д. Мережковский, Леонид Андреев и В. Вересаев, были обеспокоены моральными проблемами, сформулированными в «Вехах» и горячо обсуждавшимися между революциями 1905 и 1917 гг. (см. мою статью: Kelly A. The Russian Intelligentsia & Self-censorship, 1905—1914 // Slavic Review. Vol. 46. No 2. Summer, 1987. P. 204—205). Их негативный ответ на «Вехи» прежде всего следовал из восприятия «веховцев» как непримиримых противников их идеалов. Их участие в полемике можно рассматривать как попытку скрыть внутренние сомнения и разногласия, воздвигнув перед своими врагами фасад самоуверенности и единства. В конце концов в определенном смысле их попытка удалась: некоторые западные комментаторы цитировали полемику вокруг «Вех» как свидетельство того, что благодаря революции прогрессивная интеллигенция сохранила примитивное видение мира, которое Тургенев сатирически изобразил в фигуре Базарова (см., например: Pipes R. Struve. Liberal on the Right. P. 114).

Так как полемика вокруг «Вех» немногим отличалась от партийной пропаганды, большинство западных комментаторов сконцентрировали основное внимание на самих «Вехах». На Западе ныне существует солидная литература по этому вопросу. Первую статью Леонарда Шапиро (The «Vekhi» Group & the Mystique of Revolution // Slavonic & East European Review. 1955. Vol. XXXIV. No. 82. December. P. 68—76) продолжили по крайней мере две книги и бесчисленные статьи; кроме того, этот предмет получил детальное рассмотрение в книгах, посвященных началу XX века в России. См., например: Oberländer G. Die Vechi-Diskussion 1909—1912. Köln, 1965; Read C. Religion, Revolution & the Russian Intelligentsia 1900—1912; the Vechi Debate & its Intellectual Backgorund. London, 1979. См. также мою диссертацию: «Attitudes to the Individual in Russian Thought & Literature, with

Special Reference to the Vechi Controversy (Diss.) (Oxford, 1970); Tomkins S. «Vekhi» & the Russian intelligentsia // Canadian Slavonic Papers. Vol. II. 1957. P. 11—25; Poltoratzky N. P. Lev Tolstoy and «Vekhi» // Slavonic & East European Review. Vol. XLII. No. 99. June, 1964. P. 332—352; Zernov N. The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century. London, 1963. P. 113—130. Poltoratzky N. P. The «Vekhi» dispute & the Significance of «Vekhi» // Canadian Slavonic Papers. Vol. IX. Spring, 1967. P. 86—106; Brooks J. «Vekhi» & the Vekhi Dispute // Survey; Vol 19. No. 1. 1971. P. 21—50.

Большинство западных исследований поддерживают убеждение авторов сборника в том, что их платформа представляет собой четкую альтернативу критикуемым ими идеологиям. Но анализ самой платформы вскрывает, во-первых, что «Вехи» включают в себя несколько конфликтующих «философий» и, во-вторых, что некоторые из них имеют гораздо больше общего с традиционной точкой зрения интеллигенции, чем с западным либерализмом.

Из семи сотрудников сборника только четверо могут быть названы либералами в определенном западными критиками смысле. Это были Струве, Франк, Изгоев и Кистяковский. Позиция Гершензона имела мало общего с точками зрения всех остальных шести авторов (некоторые из которых публично отмежевались от его идей после публикации сборника). (См. Струве П. Размышления. // Слово. 25 апреля 1909. Струве заявляет, что размышления Гершензона и Булгакова ближе к славянофильству новых религиозных движений в России, чем к «западничеству» его самого, Франка, Изгоева и Кистяковского. См. также Франк С. Культура и религия // *РМ*. 1909. № 7. Ч. II. С. 148. О полемике, вызванной статьей Гершензона в «Вехах», см. Levin A. M. O. Gershenson and «Vekhi» // Canadian Slavic Studies. Vol. 4. No. 1. Spring, 1970. P. 60—73.)

Но существует также конфликт между взглядами, выраженными в «Вехах» Струве и Франком, с одной стороны, и Бердяевым и Булгаковым, с другой — в том, что касается центральной проблемы отношения между идеалом и действительностью. Струве и Франк осуждают утопизм интеллигенции на том основании, что он приводит ее к нивелировке ценностей личной инициативы и ответственности, производительной и творческой силы богатства, которые оба автора считают необходимой основой свободы и самодостаточности индивидуумов. Отношение двух других мыслителей к апокалиптическим надеждам интеллигенции более сложно. В «Проблемах идеализма» они оба подчеркивали понимание истории как разворачивающегося «божественного плана», согласно которому все человеческие общества движутся к воплощению религиозного идеала на земле. В «Вехах» они вновь обратились к этой теме. Они доказывают, что, несмотря на негативные последствия, враждебность интеллигенции ко всем ценностям, которые не способствуют достижению ее цели, и ее отвращение к тому, что Булгаков называет «филистерством» западных буржуазных обществ, являют собой «неосознанное» религиозное стремление к Царству Божию на земле. Булгаков интерпретирует политический мессианизм интеллигенции как извращенную форму апокалиптической веры таких религиозных мыслителей, как Достоевский, славянофилы и Владимир Соловьев, которые понимали историю как развитие человеческих обществ в направлении к предопределенной божественной цели. Он выражает надежду, что интеллигенция полностью примет этот идеал.

Тогда как Франк и Струве осуждают интеллигентский мессианизм за его доктринерскую нетерпимость и отсутствие уважения к истории и материальной культуре, Бердяев и Булгаков осуждают его как тип ложного мессианства. Интеллигенция играла, по мнению Бердяев и Булгаков верят в их определение Божественным Провидением. В «Проблемах идеализма» Бердяев доказывал, что эти законы не равно очевидны для всех; существует «духовная аристократия» (к которой он относит идеалистических интеллектуалов и в том числе себя); она и призвана истолковать их обществу. Интеллигенция имела такую же элитную веру в свою роль как интерпретатора законов истории.

С точки зрения западного либерализма оба эти мессианизма гораздо ближе к доктринерскому утопизму традиционной мысли, который они критикуют, чем к либеральному духу прагматизма, терпимости и компромисса. Их участие в «Вехах» может быть понято не как критика интеллигенции извне, но как сектантские распри в ее рядах.

Подведем итог: «Вехи» содержат продуктивное прочтение не в суть пороков утопического сознания, но личности некоторых авторов, как заметил Милюков, «несут в себе наследие того прошлого, которое они отвергают» (Интеллигенция в России. С. 191). Вопреки мнению многих критиков сборник не предлагал и не предлагает решения проблем России. Действительно, наиболее проницательные страницы «Вех» — это те, на которых исследуется стремление русских радикалов к окончательным ответам на все вопросы; здесь авторы словно откликаются на вывод, сделанный Александром Герценом на основе анализа другой революции (1848 г.): «В общем, для современного человека нет выхода» (Герцен А. И. С того берега // Его же. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1954—1965. Т. IV. С. 7). Среди спорных идей «Вех» последующая история подтвердила одну: вера в то, что (как полагали и утописты) можно перепрыгнуть из царства необходимости в царство свободы, игнорируя все препятствия на этом пути, есть одно из самых опасных современных заблуждений. (О продолжении полемики вокруг «Вех» см.: Schapiro L. The «Vekhi» group...; Burbank J. Intelligentsia and Revolution. Russian Views of Bolshevism, 1917—1922. New York, 1986. PP. 222—234; Oberländer G. Nationalbolschewistsche Tendenzen in der russische Intelligentz; Die «Smena Vech» Diskussion 1921—1922 // Jahrbücher fur Geschichte Osteuropas. NF 16. No. 2. June, 1968, SS. 194—211.)

Айлин Келли (Великобритания)

ИЗ ГЛУБИНЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В марте 1918 П. Б. Струве задумал издание сборника, который в новых условиях продолжил бы традицию «Вех» и, применяя строй их идей, отозвался бы на итоги развития России, судя по всему, предсказанного знаменитым сборником. На этот раз очевидная правота «Вех» и настоятельная необходимость аккумуляции культурных сил, противостоящих революции, вынуждали к сотрудничеству

всех, кто прежде так или иначе примыкал к «либерально-консервативному» направлению русской мысли во главе со Струве, отнюдь не во всем разделяя «веховскую» программу. Струве провел ряд встреч в Москве, написал письма в Петроград и Саратов. Он приглашал своих коллег по «Лиге русской культуры», сборникам «Проблемы идеализма» и «Вехи» — Бердяева, Булгакова, Франка, Изгоева, Новгородцева. Обращался и к прежним авторам своих журналов: *РМ* — Вяч. Иванову и В. Н. Муравьеву, *ПЗ* — И. А. Покровскому. Не был забыт и деятельный сотрудник *МЕ* Е. Н. и Г. Н. Трубецких, некогда рекомендованный Струве Франком (*ЦПА*. Ф. 279. Оп. 1. Д. 67. Л. 167) — С. А. Котляревский. В то же время Вяч. Иванов, видимо по поручению Струве, в письме к участнику «Проблем идеализма» С. А. Аскольдову, переселившемуся в Казань, обратился с просьбой написать статью в сборник. Первоначальный срок, определенный составителем, был чрезвычайно краток: сбор материала должен был закончиться через три недели (*ОР ГБЛ*. Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 19. Л. 7). Три профессора права — Новгородцев, Котляревский, Покровский, два профессора философии — Франк и Аскольдов, два профессора политэкономии — Булгаков и Струве, философствующие писатели Бердяев и Вяч. Иванов, публицисты Изгоев и Муравьев,— общей целью этой представительнейшей группы аналитиков было «поставить» новые «вехи» в пережившей революцию России.

Тем временем жизнь творческой интеллигенции под властью большевиков в апреле, принесшем закрытие оппозиционных изданий, утратила видимость чисто духовного противостояния и вскоре ознаменовалась альтернативой. Если на запрещение ряда журналов Струве мог отреагировать демонстративным объявлением подписки на *РМ* на весь 1918 год, то альтернатива, поставленная советской властью перед интеллигенцией, проблему «признавать» или «не признавать» ее переводила в план: служить или не служить ей. Былая интеллигентская фронда приобретала трагический характер. Интеллигенцию перед выбором ставил В. И. Ленин, говоря 29 апреля на заседании ВЦИК: «...специалистов у нас нет, вот в чем гвоздь дела, вот почему нужно привлечь 1000 людей, первоклассных специалистов в своих отраслях... Тут просто привлечение людей, которых можно привлечь либо покупкой за высокую плату, либо идейной организацией» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 272—273). Не говоря об «идеях», следует отметить, что проблема «покупки» вновь могла напомнить интеллигенции ее недавнее прошлое: необходимость «малых дел» при любом режиме, врачебную, учительскую и прочую профессиональную работу в земстве. И это заставляло ее пересмотреть свои традиционные ценности. Легко было провести параллель между прошлым и настоящим. Легко, если не замечать цинизма деклараций о «покупке», подчинения даже «малых дел» интересам власти, уничтожения земств, гимназий, преследования одних «буржуазных» врачей и привлечения других в кремлевские кулуары. В переписке современников отразилось отношение круга «Вех» к новым веяниям власти. Пьер Паскаль писал из Москвы: «Я познакомился здесь с А. Белым — Булгаковым — В. Ивановым — Лундбергом — Есениным... Булгаков теперь пугает меня искушением хлебами. Encyclica Rerum novarum (имеется в виду упомянутое выступление Ленина — *М. К., Н. П.*) — для него искушение хлебами» (П. Паскаль — И. С. Книжнику-Ветрову 30 мая 1918 // *ГПБ, АДП*. Ф. 352. Ед. хр. 2013. Л. 1 об.). «Искушение» могло только укрепить «веховцев» в необходимости личного противостояния злу ценой от-

речения от интеллигентских традиций. Можно сказать, что обращение новых властей стало еще одной точкой отталкивания интеллигенции от революции.

Сборник готовился к печати силами московской конторы *РМ* на Сивцевом Вражке и печатался в типографии Кушнерева и К°. Название было лапидарным: *«Сборник «Русской Мысли»»* (об этом свидетельствует сигнатура листов первого издания), неожиданно приобретшим особый смысл. Если еще в феврале планировался мартовско-апрельский (3—4) номер журнала (А. П. Татаринова — Г. И. Чулкову 15/28 февраля 1918 года // *ОР ГБЛ*. Ф. 371. К. 3. Ед. хр. 38. Л. 3), то в начале апреля шансы журнала увидеть свет в обозримом будущем упали настолько, что, очевидно, сочтено было за благо временное приостановление издания. Последний, третий — шестой номер вышел лишь в июне. Убийство германского посла Мирбаха 6 июля 1918 г., восстание левых эсеров и связанные с ним карательные меры поставили крест на московской истории *РМ*. В этих условиях выпуск сборника приобрел особое значение: иного способа публично заявить о своей позиции легально у «веховцев» не было. Редакция целиком переключилась на издание книги (на рукописи статьи Вяч. Иванова отмечено секретарем редакции *РМ* А. П. Татариновой: «Набрать для сборника» (*ОР ГБЛ*. Ф. 77. К. 21. Ед. хр. 18. Л. 1).

18 мая 1918 г. в Москве прошли аресты членов ЦК и московского комитета кадетской партии (Долгоруков П. Д. Великая разруха. Мадрид, 1964. С. 98). Предупрежденный заранее, Новгородцев прямо с защиты диссертации И. А. Ильина в университете, где он присутствовал, не возвращаясь домой, перешел на нелегальное положение. Видимо, эту дату следует принять за предельный срок создания статьи Новгородцевым и рубеж, помешавший кому-либо из московских интеллигентов принять участие в сборнике Струве. Позже пришли лишь статьи Изгоева и Покровского из Петрограда (интересно заметить, что последний, кроме того, в июле закончил подготовку четвертого издания своего «Курса римского права»). Таким образом, в большей своей части сборник был готов к июлю 1918 г. Примерно в середине лета Струве получил из Саратова письмо от Франка, сопровождавшее его статью и содержавшее предложение назвать книгу — «Из глубины» (Франк С. Л. Биография Струве. С. 120). Предложение было принято: готовый уже титульный лист пришлось переделать. Струве написал предисловие и закончил собственную статью. В августе «Из глубины» был в печати. Параллельное допечатывание материалов бывшей *РМ* было окончено в начале августа (*ОР ГБЛ*. Ф. 371. К. 3. Ед. хр. 38. Л. 5).

Но увидеть свет в 1918 году сборнику не удалось. Как свидетельствует информированный публикатор одной из статей сборника Р. Б. Гуль, «после убийства Урицкого и покушения на Ленина, в разгар террора, сборник в продажу, разумеется, поступить не мог и остался на складе «Русской Мысли». Там он пролежал до 1921 г., когда кто-то попытался пустить его в продажу. Но органами власти сборник «Из глубины» был немедленно изъят из обращения» (Новый Журнал. Нью-Йорк, 1965. Кн. 79. С. 211, прим.).

Но это уже вряд ли стало известно редактору и издателю «Из глубины» — Струве. В августе 1918 г. он пробирался из Москвы на север (Борман А. Факты биографии П. Б. Струве // Вестник РСХД. 1970. № 4. С. 153), чтобы зимой по льду перейти границу с Финляндией и с головой отдаться борьбе с большевиками общественным и дипломатическим представителем белых армий. Вскоре

за ним последовал Новгородцев. К семье в Крым выехал Булгаков. Вяч. Иванов отправился преподавать в Бакинский университет. Изгоев большую часть времени до высылки в 1922 г. провел в лагерях и ссылке. Покровский умер в 1920 г. В Москве оставались трое: Котляревский, Муравьев и Бердяев, но достоверно известно лишь, что книгу имел последний, которую и вывез с собой за границу в 1922 г. С бердяевского экземпляра и ведет свою историю переиздание «Из глубины» в парижском издательстве YMCA-Press в 1967 г., благодаря, которому сборник в основном и получил ограниченный круг читателей в последующие годы.

С. А. Аскольдов. РЕЛИГИОЗНЫЙ СМЫСЛ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

АСКОЛЬДОВ (наст. фамилия — Алексеев) Сергей Алексеевич (1870—1945) — философ, сын философа А. А. Козлова. По окончании естественного факультета Московского университета работал экспертом по химии в Департаменте таможенных пошлин и акциза. В 1902 г.— один из авторов сборника «Проблемы идеализма». С 1908 г.— ближайший участник Петербургского Религиозно-философского общества. Оставив службу, посвятил себя академической деятельности: защитил магистерскую диссертацию по философии («Мысль и действительность», 1914). Философские интересы Аскольдова лежали в области теории познания. В своей диссертации он критикует учения Шуппе, неокантианцев, Гуссерля и Н. О. Лосского, развивая учение о чистом опыте как чистом доструктурном качественном основании познания, которое само непознаваемо и доступно лишь алогической формулировке. В этом Аскольдов старался найти примирение между спиритуализмом и наивно-реалистическим приятием действительности. С 1917 г.— профессор Петроградского университета. В 1918—1920 гг. жил в Казани. По возвращении в Петроград принял активное участие в работе философского общества при университете, сотрудничал в журнале «Мысль» (1922), альманахе «Литературная мысль» (1922—1925), сборниках «Достоевский» (1922—1925). Основал тайное религиозно-философское общество, в 1926 г. получившее название «Братство Серафима Саровского». Преподавал химическую технологию в Ленинградском политехническом институте. В 1928 г. сослан в Коми. В 1935 г. получил разрешение поселиться в Новгороде. После оккупации Новгорода германскими войсками принял участие в антимарксистской и антикоммунистической пропаганде. В 1944 г. получил премию за книгу «Критика диалектического материализма». Умер в мае 1945 г. в Потсдаме (его семья всю войну прожила в Ленинграде).

3(16) апреля 1918 года С. А. Аскольдов писал из Казани Вяч. Иванову в Москву: «Дорогой Вячеслав Иванович! Ваше пожелание написать статью в 3-недельный срок исполнить не смог. Все же и при отсутствии службы времени у меня не много, т. к. семейственных хлопот достаточно, да и работа в ненормальных бивуачных условиях идет хуже. Но я все же сегодня закончил статью листа в 2—2½ и надо только ее переписать, на что потребуется дней пять, т. к. мне же это и придется проделывать. Рискованно посылать по почте, но я все же не имею иного способа Вам переслать. Имейте в виду, что пошлю Вам статью, не надписывая ее заглавия, так как это может заинтересовать с точки зрения политической цензуры, а цен-

зоров теперь, конечно, не меньше, чем при старом режиме. А потому и прошу Вас по получении статьи надписать заголовок: «Религиозный смысл русской революции» (*ОР ГБЛ*. Ф. 109. Оп. 1. К. 11. Ед. хр. 19. Л. 7—7об.) И через неделю опять: «С перепиской у меня дело задержалось. <...> Надеюсь, что в Вербную субботу отправлю Вам рукопись; все равно ведь до Пасхи уже к набору не приступят. Жена написала, что Вы выразили готовность взять на себя корректуру» (там же. Л. 6). Жена Аскольдова Е. А. Алексеева-Аскольдова в описываемое время работала в Наркомате путей сообщения в Москве (*ОР ГБЛ*. Ф. 25. Оп. 1, папка 8. Ед. хр. 6), а 9 июня 1918 г. присутствовала на рукоположении С. Н. Булгакова в сан вместе с Вяч. Ивановым, Бердяевым, Струве и др. (Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Париж, 1946. С. 41—42). В письме от 16(24) апреля Аскольдов сообщил об отсылке статьи и повторил свою просьбу к Вяч. Иванову относительно ее заглавия и корректуры (Л. 9). Почтовый штемпель указывает датой отправки письма 30 апреля (нового стиля). Поэтому, видимо, Вяч. Иванов, получив письмо 8 мая, принял 29 апреля за день окончания работы над статьей, что и отразилось в печатном тексте.

С. 211. *...in statu nascendi...*— В состоянии зарождения (возникновения) *(лат.)*.

С. 214. *...«христианская политика»*.— Об этом см.: Аскольдов С. А. Христианство и политика. Киев, 1906. Ср. идеи Вл. Соловьева, высказанные в статье «Великий спор и христианская политика» // Соловьев Вл. Соч.: В 2 т. Т. 1. Философская публицистика. М., 1989. С. 59—167. Возможность соединения христианской религии и политического движения широко обсуждалась в России в годы первой революции. См., напр.: Булгаков С. Н. Религия и политика // *ПЗ*. 1906. № 13 (вновь опубликовано: Новый мир. 1989. № 10), там же ответ П. Б. Струве, а также Бердяев Н. А. О путях политики // Свобода и Культура. 1906. № 2 (перепечатано в: Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. С. 398—411).

...ceteris paribus... — При прочих равных *(лат.)*.

С. 218. *...древнего Парсизма...*— Парсизм — религия парсов, потомков зороастрийцев, бежавших в Индию после завоевания Ирана арабами (VII—IX вв.).

...«Родное и вселенское» (М., 1917) — Вяч. Иванов различает две личины Сатаны: Люцифер в его представлении — это дух возмущения, Ариман — дух растления.

С. 219. *...«конь блед»...*— Откр. 6 : 8.

«Из рукописей А. Н. Шмидт»... — Опубликованные посмертно С. Н. Булгаковым рукописи А. Н. Шмидт и ее письма к Вл. Соловьеву (М.: Путь, 1916) сразу были признаны крупнейшим явлением мистической литературы. Пророческий дух ее произведений оказал значительное влияние на С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского. См. прим. к с. 324.

С. 221. *Кареев: «История Зап. Европы»...*— Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время. Т. IV. Первая треть XIX века: Консульство, империя и реставрация. Изд. 4. СПб., 1913.

С. 222. *...Вл. Соловьев «угадал» Антихриста...*— Имеется в виду «Краткая повесть об антихристе» («Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», 1899).

С. 224. *...даже турки отлично все это проделали...*— См. прим. к сб. «Вехи» к с. 120.

С. 226. *...«и всякой мерзости полна».*— Строка из стихотворения А. С. Хомякова «России» (1854).

С. 227—228. *Грешить бесстыдно, непробудно...* — Стихотворение А. А. Блока (1914).

С. 231. *...религиозного обновления...*— Проблемы религиозного обновления, вероятности нового откровения «святой плоти» широко обсуждались на «Религиозно-философских собраниях» (СПб. в 1901—1903 гг.), в которых участвовали представители Православной церкви и интеллигенции (епископ Сергий (Страгородский), Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, Н. Минский), а также на страницах журнала «Новый Путь», организованного Мережковским, Гиппиус и Д. В. Философовым при участии Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова.

...«встань и ходи».— Мф. 9 : 5.

С. 232. *...«мертвой коры вещества».*— Измененная строка из поэмы Вл. Соловьева «Три свидания» (1898). Ср. «под грубою корою вещества».

Душа моя — элизиум теней! — Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева (1836).

С. 233. *«Добротолюбие», т. IV...*— Добротолюбие. Т. IV: Феодор Студит. М., 1901.

С. 234. *...«край родной, долготерпенья».*— Строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855).

Удрученный ношей крестной... — Цитата из того же стихотворения (см. выше).

С. 235. *...выстрела сербского террориста...*— Имеется в виду Гаврило Принцип — сербский националист, убивший 28 июня 1914 г. австрийского престолонаследника Франца Фердинанда, что послужило поводом к началу Первой мировой войны.

С. 240. *...государство есть Левиафан...*— Первое такое сравнение принадлежит английскому философу Т. Гоббсу в произведении «Левиафан» (1651); *Левиафан* (Иов. 40 : 25—41 : 26) — чудовище, сила, принижающая человека.

С. 243. *...«О связи добра и зла»* // Христианская Мысль. Киев, 1916 (в тексте ошибочно: *1914*).

С. 246. *...primum movens...* — Первое движущее, перводвигатель *(лат.)*; понятие, введенное Аристотелем как характеристика Божества.

С. 248. *...«весь мир во зле лежит»...* — 1 Ин. 5 : 19.

С. 249. *...соблазн «третьего завета».*— Истоки идеи «третьего завета» — в средневековой мистике, в учении Иоахима Флорского. В начале XX в. в России эта идея легла в основу «нового религиозного сознания», которое проповедовал Мережковский. «Мережковский понял, что исход из религиозной двойственности, из противоположности двух бездн — неба и земли, духа и плоти, языческой прелести мира и христианского отречения от мира, что исход этот не в одном из Двух, а в Третьем, в Трех» (Бердяев Н. А. О новом религиозном сознании // Его же. Sub specie aeternitatis. С. 344). См. об этом также: Шмидт А. Н. Третий Завет. (См. прим. к с. 219. Ср. прим. к с. 61.).

Н. А. Бердяев. ДУХИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Статья отдельно печаталась в «Вестнике РСХД» (1959, № 3 — отрывок) и в «Новом Журнале» (1965, № 79). В парижском переиздании сборника (YMCA-Press, 1967) среди отдельных публикаций ошибочно назван номер *РМ* за май — июнь 1918 г. (прим. С. 331).

В «Библиографии сочинений Н. А. Бердяева», составленной Т. Клепининой (Париж, 1980), журнальная публикация «Духов ...» датирована 6) помещена статья Бердяева «Откровение о человеке в творчестве Достоевского», не имеющая текстологических связей с «Духами...» Указанные в «Библиографии...» страницы журнальной публикации (с. 39—74) соответствуют положению статьи в первом издании сборника «Из глубины». Источником недоразумения послужила, вероятно, сложная история издания книги, фигурировавшей вначале как «Сборник *РМ*». Июльского номера *РМ* за 1918 год не существует.

С. 250. *Сбились мы. Что делать нам?* — Из «Бесов» А. С. Пушкина (1830).

С. 253. *Он не любит Гоголя...* — См. работы В. В. Розанова: «Опавшие листья». Короб 1 (1913—1915); «Пушкин и Гоголь (приложение к книге «Легенда о великом Инквизиторе», 1894); «Гоголь» (Мир Искусства. 1902. Т. 3); «Уединенное». СПб., 1912. В. В. Розанов писал П. Б. Струве: «Я всю жизнь боролся и ненавидел Гоголя: и в 62 года думаю: «Ты победил, ужасный хохол». Нет, он увидел русскую душеньку в ее «преисподнем содержании» (Вестник РСХД. 1974, № 112/113. С. 142).

С. 255. *...Пикассо...* — См. о нем: Бердяев Н. А. Пикассо // София. 1914. № 3; Его же. Кризис искусства. М., 1918.

С. 258. *...летнем герое аграрной революции...* — Имеется в виду В. М. Чернов, летом 1917 г. министр земледелия Временного правительства. Во исполнение эсеровской программы аграрного переустройства выдвинул систему законопроектов, призванных организационно и научно подготовить наделение крестьян землей, но откладывавших решение вопроса до созыва Учредительного собрания. Перед лицом растущего недовольства в деревне, приступившей к явочному разделу помещичьих земель, В. М. Чернов санкционировал применение карательных отрядов.

С. 263. *...«человек произошел от обезьяны...»* — Ср. у Соловьева: «ничего не существует, кроме вещества и силы, человек есть только разновидность обезьяны, а потому мы должны думать только о благе народа и полагать душу свою за меньших братьев» (Соловьев Вл. С. Византизм и Россия. VIII // Его же. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 579).

С. 277. *...назвать его христианство розовым.* — Ср.: «Слишком *розовый* оттенок, вносимый в христианство г. Достоевским, есть *новшество* по отношению к Церкви, от человечества ничего особенно благотворного в будущем не ждущей; но этот оттенок не имеет в себе ничего ни особенно русского, ни особенно нового по отношению к преобладающей европейской мысли XVIII и XIX веков» (Леонтьев К. Н. О всемирной любви, по поводу речи Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 годов. Сб. ст. М., 1990. С. 23).

С. 280. *Мораль Ницше...* — См. об этом: Франк С. Л. Фр. Ницше и этика любви к дальнему // Проблемы идеализма. М., 1902; Философия и жизнь. СПб., 1910 (перепечатано: Франк С. Л. Сочинения. М., 1990); Струве П. Б. К вопросу о морали // Его же. На разные темы. СПб., 1902.

С. Н. Булгаков. НА ПИРУ БОГОВ.

Pro и contra. Современные диалоги

После написания «Современных диалогов» и принятия сана (9 июня 1918 г.) Булгаков выехал из Москвы в Крым, где близ Ялты (Кореиз) жила его семья. В августе, на обратном пути в Москву, Булгаков остановился в Киеве. Новый вариант текста диалогов, написанного для сборника, Булгаков передал киевскому издательству «Летопись». Тогда же выпущенная в свет, брошюра была снабжена предисловием: «Настоящая работа профессора, ныне священника С. Н. Булгакова, предназначена для сборника статей, подготовляемого группой писателей к печати в Москве и посвященного проблемам русской общественности. По соглашению с автором, издательство получает возможность опубликовать «Современные диалоги», не дожидаясь выхода в свет всего московского сборника, отдельным изданием в Киеве» (Булгаков С. Н. На пиру богов. Киев, 1918). В это время Булгаков, разумеется, не предвидел непреодолимых трудностей в издании «Из глубины». В начале сентября, однако, он получил письмо от М. О. Гершензона и Вяч. Иванова (присутствовавших на его рукоположении), которые предостерегали его от возвращения в Москву. 10(23) сентября 1918 Булгаков писал из Киева Гершензону: «Начиная с августа все еду» (*ОР ГБЛ*. Ф. 146. К. 29. Ед. хр. 23. Л. 59) и М. К. Морозовой: «<...> доктор М. О. Гершензон вкупе с Вячеславом Ивановым и другими медицинскими авторитетами находит невозможным для моего здоровья приезд сюда <...>» (*ОР ГБЛ*. Ф. 109. Оп. 1. К. 14. Ед. хр. 6. Л. 1). Иносказание указывало на изменившуюся ситуацию в Москве с сентября 1918 г.: «красный террор». Трудно предположить, что в условиях гражданской войны Булгакову удалось сохранить связь со столицей и узнать о печальной судьбе сборника. С зимы 1918—1919 гг. Булгаков жил с семьей в Крыму. Газета «Великая Россия» от 6(19) ноября 1919 г. сообщала о приезде Булгакова из Кореиза в Симферополь на Таврический епархиальный съезд. В Таврическом университете, в «Обществе философских, исторических и социальных знаний», Булгаков «прочел свой еще не напечатанный диалог «Трое» (вероятно, этот диалог можно идентифицировать с другим продолжением «На пиру богов», созданным по образцу «Трех разговоров» Вл. Соловьева, известным под названием «Ночь», рукопись которого утрачена.— *М.К., Н. П.*) — о Единой России и о мистической природе власти. Диалог заканчивался поэтической повестью о конце истории, о святом царе и антихристе — отчасти в стиле соловьевской повести». Кроме того, Булгаков выступил в Симферопольской мужской гимназии с докладом «Духовные корни большевизма»: «Эти духовные корни, по мнению докладчика, уходят в глубокую историю — в рационалистические настроения XVIII века, в мессианистические настроения Иерусалимских большевиков 2000 лет тому назад; специально в русском обществе идейные родоначальники большевизма — вожди радикальной и социалистической интеллигенции XIX века — Белинский, Герцен, Добролюбов, Чернышевский, во многом — Толстой; им противоположны те, кто не отходил от Бога — Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Достоевский, славянофилы, Соловьев; с этими людьми мы и должны идти. Все больше и больше намечается в современной жизни борьба Христа и Антихриста. Надо выбирать, с кем идти». В контекст «Современных диалогов» следует включить и прочие выступления

Булгакова этого времени: «Слово памяти В. В. Розанова», «Речь о церкви и социализме», речь на Таврическом епархиальном съезде,— содержание которых, впрочем, текстуально неизвестно.

Новым отдельным изданием «На пиру богов» стала брошюра, выпущенная Российско-Болгарским книгоиздательством в Софии в 1920 г. (на обложке: 1921),— оно полностью повторяло киевское. О текстологической тождественности двух публикаций свидетельствуют их равные разночтения с текстом, вошедшим в московский сборник. Авторская правка была в основном стилистической и проводилась с целью придания более разговорного характера репликам участников диалогов. Основные смысловые разночтения приводятся ниже:

С. 290. *Pro и contra.*— За и против (Достоевский Ф. М. «Братья Карамазовы». Часть 2. Книга V).

Счастлив, кто посетил сей мир...— Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1830).

Диалог первый

О, Русь! Забудь былую славу...— Строки из стихотворения Вл. Соловьева «Панмонголизм» (1894).

Исчезни в пространство, исчезни...— Цитата из стихотворения А. Белого «Отчаяние» (1909).

С. 291. *Дипломат. ...Тогда вы говорили ∞ о славянском ренессансе.*— В киевском издании (далее: *КИ*) добавлено: после слов «о русской равнине» — «о бескровной революции»; далее по тексту.

...стадом гадаринских свиней...— См.: Мф. 8:28—34; Мк. 5:1—13.

Цирцея (Кирка) — в древнегреческой мифологии волшебница, превращающая в свиней прибывших на ее остров спутников Одиссея (Гомер. Одиссея. X, 207—574).

С. 292. *О, в этот век, преступный и постыдный...*— Цитата из надписи к статуе «Ночь» Микеланджело Буонаротти, в переводе Ф. И. Тютчева «Молчи, прошу, не смей меня будить...» (1855).

С. 293. *...тентетниковщину какую-то.— Тентетниковщина* — от Андрея Ивановича Тентетникова, героя II тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

С. 294. *...как оно и было предуказано Тютчевым и Достоевским...*— См. стихотворение Ф. И. Тютчева «Пророчество» (1850) и статьи Ф. М. Достоевского о Восточном вопросе в «Дневнике писателя на 1876 г.», напр.: «Сам собою после Петра обозначился и первый шаг нашей новой политики: этот первый шаг должен был состоять в единении всего славянства, так сказать, под крылом России <...> Само собою и для этой же цели, Константинополь — рано ли, поздно ли, должен быть наш» (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 23. С. 48).

Этот вопрос ... всегда интересовал С. В. Ковалевскую...— В ее драме «Борьба за счастье» (1887, совместно с А. Леффлер) — две части: в первой действие разворачивается так, *«как оно было»*, во второй — так, *«как оно могло быть»*; разладу в отношениях между героями первой части противостоят гармоничные взаимоотношения во второй; внешней регуляции поведения — внутренняя.

Дипломат, ...ведь он неизбежно окажется виноват...— В *КИ* добавлено: *«у вас виноват»*.

«Связываете бремена неудобоносимые...» — Мф. 23:4.

Шерамур — персонаж одноименного рассказа Н. С. Лескова из серии «Праведники» (1879).

С. 295. *...галицийские победы...* — успешное наступление русского Юго-Западного фронта в августе-сентябре 1914 и весной 1915 против австро-венгерских войск в Галиции.

Забвена буди десница моя... — Пс. 136:5.

С. 296. *...«бегает нечестивый, не единому же гонящемуся».* — «Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним» (Притч. 28:1).

...приятнее чувствовал себя в мюнхенском посольстве... — Ф. И. Тютчев в 1822—1842 гг. состоял при русской дипломатической миссии в Мюнхене. Цитаты, соответственно, из стихотворений «Эти бедные селенья» и «Итак, опять увиделся я с вами...» (1849).

С. 297. *...status quo ante.* — Прежнее положение *(лат.)*.

С. 299. *Дипломат. ...то, что некогда было крестовыми походами...* — В *КИ* вместо слова «было» — «почиталось».

С. 300. *...natura non facit saltus...* — Природа не делает скачков *(лат.)*. Эта мысль, высказанная в 1751 г. К. Линнеем, легла в основу эволюционной биологии.

Писатель. Верен им, как и раньше... — В *КИ* отсутствуют слова: «до самой смерти» в первой и следующей фразе. Начало реплики Писателя звучит так: *«Верен им, как и раньше, и вперед пребуду верен. Россия изменила своему призванию...».*

...лукавство разума... — List der Vernunft *(нем.)*. См. об этом: Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса. Post-scriptum. // От марксизма к идеализму. М., 1903; переиздано: Булгаков С. Н. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 91—92.

С. 301. *...сливают славянские ручьи в русском море...* — Скрытая цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831), неоднократно приводимая Вл. Соловьевым в его публицистических сочинениях (Еврейство и христианский вопрос; Национальный вопрос в России). Ср. у Пушкина: «Славянские ль ручьи сольются в русском море?»

...предвестие Тютчева... — См. стихотворения Ф. И. Тютчева «Славянам» (начало мая и 11—16 мая 1867 г.).

С. 302. *«deutsche Treue...»* — Немецкая верность *(нем.)*. Ср.: Соловьев Вл. С. Национальный вопрос в России. Выпуск I. III // Его же. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 309.

Диалог второй

С. 303. *«Русский бунт...»* — цитата из так называемой «пропущенной главы», не включенной А. С. Пушкиным в окончательную редакцию «Капитанской дочки», полностью звучит так: «Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный».

О, бурь заснувших не буди... — Заключительные строки стихотворения Ф. И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?» (1836).

С. 304. *2 марта 1917 г.* — Дата подписания манифеста Николая II об отречении от престола.

Общественный деятель. ... устранено змеиное гнездо измены... — В *КИ* вместо слова «устранено» стоит «разорено».

Энтелехийность — понятие философии Аристотеля («энтелехия»), обозначающее: 1) совершенную действительность предмета в противоположность его возможности, то есть состояние, которое является целью всякого развития; 2) форму, идеальный принцип, предопре-

делющий осуществление возможности. Здесь также — «предназначение».

«So sagten schon Sybillen, so Propheten». — «Так уже говорили Сивиллы и пророки» (*нем.*).

С. 306. *...«прогрессивный думский блок»...* — Прогрессивный блок — межпартийная коалиция членов IV Государственной Думы: кадетов, прогрессистов, октябристов, националистов и др., делавшая ставку на мирные средства либерального реформирования монархии (с августа 1915 г.).

Рамолисмент — маразм (устаревш.).

«Перемена шофера» — эвфемизм, распространенный в среде либеральной оппозиции, обозначавший надежды на смену монарха без приостановки «машины» — участия России в войне. Аллегория «безумный шофер» принадлежит В. А. Маклакову (см. его статью «Трагическое положение» в газете «Русские Ведомости», 27 сент. 1915 г.).

С. 307. *...по соловьевской схеме полагается!* — Имеется в виду учение Вл. Соловьева о взаимодействии трех начал в истории образования свободной теократии: священственного, царственного и пророчественного, и соответственно этой триаде — об утверждении земной церковной иерархии, государственной власти и деятельности пророка (см. его «Оправдание добра», гл. XIX, особенно § XX).

Общественный деятель. ...Здесь уместно суждение только всего. — В *КИ* все предложение отсутствует.

...хлыстократии... — Намек на огромное влияние на императрицу и самого Николая II «старца» Г. Е. Распутина, считавшегося членом секты хлыстов.

С. 308. *...папá Милюковым...* — «В кадетской фракции <II Государственной Думы — *М. К., Н. П.*> Милюкова в шутку называли «папой», а Шингарева — «мамой»» (Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 446).

...«сенатор» Соколов подоспел... — Николай Дмитриевич Соколов, один из авторов «Приказа № 1» (1 марта 1917 г.), отменявшего титулование офицеров и подчинявшего воинские части выборным солдатским комитетам и Советам. 20 июня 1917 года во время агитации за наступление на фронте Н. Д. Соколов избит солдатами. В качестве своеобразной «компенсации» А. Ф. Керенский назначил Соколова сенатором.

С. 309. *Генерал. ...Да и весь лепет их о пролетарской культуре...* — В *КИ* после этих слов следует: *«благочестив отменно, он...»*, далее по тексту.

...ancilla theologiae... — «Служанка богословия» (*лат.*). (Петр Дамиани). В Средние века так определялось назначение философии.

...ecclesiae socialisticae... — Социалистической церкви (*лат.*).

С. 310. *...каким-то зелотизмом...* — Зелоты («ревнители») — иудейская религиозно-политическая секта I века, выступала за идеал древней теократии.

Аякс Меченосец — древнегреческий мифологический персонаж. После смерти Ахилла в споре за его доспехи был побежден Одиссеем, от чего впал в безумие и истребил стадо овец, приняв их за врагов. Герой одноименной трагедии Софокла.

С. 311. *...панмонголизм!* — См. стихотворение Вл. С. Соловьева «Панмонголизм» (1894) и его «Три разговора...».

С. 312. *Если победит согласие...* — Entente — согласие (*франц.*). Имеется в виду «Антанта» — военно-политический союз Англии и Франции в первой мировой войне.

С. 313. *...опыт июньского наступления...* — 18 июня — 6 июля 1917 г. наступление русского Юго-Западного фронта против австро-германских войск в направлении южнее Львова после кратковременного успеха завершилось контрударом противника, прорвавшего фронт в районе Тарнополя, отступлением и большими потерями русских армий.

Корниловская попытка спасти армию... — выдвинутая генералом, верховным главнокомандующим Л. Г. Корниловым в июле 1917 г. программа «оздоровления армии» (применение смертной казни на фронте и в тылу, диктатура военных властей в тылу, подавление революционного движения), одобренная руководством кадетской партии. Послужила политическим кредо контрреволюционного корниловского мятежа в августе 1917 г.

«Некто в сером»... — Действующее лицо пьесы Л. Андреева «Жизнь Человека» (1906), символизирующее дьявольскую силу.

...hypotheses non fingo... — «Гипотез не измышляю» *(лат.)* — изречение И. Ньютона, характеризующее его научный метод.

Диалог третий

С. 314. *...«Dünger»...* — удобрение, навоз *(нем.)*.

С. 315. *...в виттевских университетах...* — Намек на то, что С. Ю. Витте (в 1892—1903 гг. министр финансов), инициатор и руководитель реформ, направленных на ускоренную индустриализацию России, в целях увеличения государственных доходов расширял сеть казенных питейных заведений. (Ср. с. 322.)

С. 316. *...pudenda...* — «То, чего должно стыдиться» *(лат.)*.

С. 317. *Эта «Wahlverwandschaft»...* — Родство душ, избирательное сродство *(нем.)*. См. об этом: Берлин И. Русские мыслители и евреи: Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве, В. Розанов //Новый Журнал. Нью-Йорк, 1962. № 70; Соловьев Вл. Статьи по еврейскому вопросу. Берлин, 1925; Бердяев Н. А. Философия неравенства. Берлин, 1923. С. 73.

С. 319. *...«пусть в нашем народе ∾ идеал народа — Христос»?* — См.: Достоевский Ф. М. Дневник писателя на 1880 г. Гл. 3, 1 // Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 152.

С. 320. *Писатель. ...Не понимаете, что ∾ военного искусства?* — В *КИ* вместо «немцем треклятым» стоит: «цивилизованным немцем». *А у колбасника что выйдет?* — В *КИ* это предложение отсутствует.

...asylum impotentiae. — Прибежище бессилия *(лат.)*. Парафраз выражения Бенедикта Спинозы «asylum ignorantiae» — «прибежище незнания» (Этика. I, 36).

С. 322. *...штейнерианство...* — Направление теософии (антропософия), основанное в 1912 г. философствующим писателем, исследователем творчества Гете Рудольфом Штейнером; в России получило распространение в части интеллектуальной элиты.

С. 323. *Генерал. ...старое слово гезиодовское.* — В *КИ* вместо «старое слово» стоит: «словцо».

...«viel lügen die Dichter»... — Много лгут поэты *(нем.)*. Ницше Ф. Веселая наука. Кн. 2. Афоризм 84. У Ницше ссылка не на Гесиода, а на Гомера. Ср. также: Аристотель. Метафизика. А2, 983а3, где эти же слова названы «пословицей».

С. 324. *...«неяркий пурпурово-серый круг».* — Неточная цитата из стихотворения А. А. Блока «К Музе» (1912).

...Вл. Соловьев писал одной своей мистической корреспондентке... — А. Н. Шмидт (см. выше прим. к с. 219): Из рукописей А. Н. Шмидт... С. 284. См. об этом: Булгаков С. Н. Владимир Соловьев и Анна Шмидт // Его же. Тихие думы. М., 1918. С. 71—114.

Диалог четвертый

С. 324. *Из «Вех»* — Эпиграф — парафраз слов С. Н. Булгакова из статьи «Героизм и подвижничество»: «...интеллигенция в союзе с татарщиной, которой еще так много в нашей государственности и общественности, погубит Россию» (см. наст. изд. С. 33).

С. 325. *...ходить ли посолонь...* — Идти крестным ходом вокруг храма *«обсолонь»* (против солнца) требует православие, *«посолонь»* (по солнцу) — старообрядчество; *«двоить»* — дважды петь аллилуйю по-старообрядчески или трижды: *«троить»* — по-православному.

С. 326. *...только голосуй за такой-то «номер».* — Имеется в виду номер партийного списка на выборах 1917 года в Учредительное собрание: голосование велось не за персональные кандидатуры, а за список («номер») целиком, составленный самими представителями партии.

С. 327. *...третьим-то элементом пресловутым...* — См. прим. к с. 119 наст. изд.

С. 329. *Дух дышит, где хочет...* — Ин. 3 : 8.

Писатель. ...Охранять религию ∾ энергия. — В *КИ* это предложение заканчивается иначе: *«да это хуже, чем самое адское нигилистическое исступление».*

С. 330. *Светский богослов. Да, теперь ∾ исторически умереть.* — В *КИ* вторая часть предложения, начиная с двоеточия, изменена: *«или духовно возродиться, предприняв радикальнейший пересмотр всего своего духовного багажа, всего своего гуманистического мировоззрения...».*

С. 331. *...во образе Калибана...* — Калибан в «Буре» В. Шекспира — получеловек, получудовище. В одноименной философской драме (1878) Э. Ренан изобразил в виде Калибана торжествующую демократию.

С. 331—332. *Писатель. ...И Россия бесповоротно ∾ европейским миром.* — В *КИ* вместо слов «имеет место» стоит: *«произошло».*

С. 332. *Светский богослов.* Интеллигентами были ∾ *и Леонардо.* — В *КИ* это предложение отсутствует, а начало следующего изменено: *«Ведь и Достоевский...».*

...К. Леонтьев... — Основу его мировоззрения составляли следующие идеи: строгого церковного христианства византийского типа, крепкой монархической власти и красоты жизни. О нем см. также прим. к с. 128.

Разве не веяло ужасом от этого разлагающегося мира... — См. об этом: Булгаков С. Н. Труп красоты // Его же. Тихие думы. М., 1918 (переиздано: Булгаков С. Н. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2).

С. 334. *«Von Eise befreit sind Strom und Bäche».* — «Растаял лед, шумят потоки...» (пер. Б. Л. Пастернака) // Гете И.-В. Фауст. Часть 1. Сцена 2. «У городских ворот».

Футуризм... в ...союзе с большевизмом. — Среди активных сторонников советской власти в ее первые годы были футуристы В. Маяковский, Н. Асеев, В. Каменский и др. Абсолютное большинство дея-

телей «нового искусства» в литературе, живописи и театре в период с 1917 по 1922 г. в разных формах — от «комиссара по делам искусств» до преподавания во ВХУТЕМАСе — сотрудничало с новой властью, используя ее возможности для реализации своих идей, созвучных планам общественного переустройства.

Он все хотел как-нибудь «подморозить»...— См.: Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М., 1886. Т. 2. С. 86.

С. 335. *Odi profanum vulgus et arceo...*— «Презираю и прочь гоню невежественную толпу» (*лат.*). // Гораций. Оды. III. 1, 1—4.

Диалог пятый

С. 336. *...in partibus infidelium.*— В стране неверных (*лат.*), средневековая формула — добавление к титулу церковных деятелей, назначавшихся епископами в нехристианские страны.

С. 341. *...«изволился Духу Св. и нам».*— Деян. 15: 28.

С. 342. *...вопросы «третьего завета»...*— См. прим. к с. 249.

С. 344. *Светский богослов. ...Придворному этикету, проникавшему...*— В *КИ* вместо «проникавшему» стоит «проникшему». *...ереси...*— *ариева, македониева и под.*— Еретические секты (с IV в.), отрицавшие учение о Троице.

С. 346. *...germanis auxiliis* — С германской помощью (*лат.*).

Светский богослов. Это есть вопрос политической ∽ как вы изволили выразиться.— В *КИ* категорические «церковь должна» и «церковь не должна» заменены, соответственно, на «церкви следует» и «церковь не может».

С. 347. *...уния...*— Брестская уния 1596 г., объединившая на территории Речи Посполитой польскую католическую и украинскую и белорусскую православную церкви.

Светский богослов. ...Теперь больше, чем когда-либо, необходима война с католицизмом.— В *КИ* на этом реплика Богословa заканчивается, весь пассаж с упоминанием митр. Антония (Храповицкого) и Шептицкого отсутствует, как и первая фраза Беженца (см. ниже).

Беженец. Не являются ли ∽ отживающей уже эпохи?— В *КИ* все предложение отсутствует.

С. 348. *...Вл. Соловьев с его тайным присоединением к католичеству...*— Речь идет о своеобразном понимании Вл. Соловьевым единства Церкви, возвышающегося над историческими разделениями. См. об этом: Иванов Вяч. Религиозное дело Вл. Соловьева // Собр. соч. Т. III. Брюссель, 1979. С. 301. В фонде Вяч. Иванова в *ОР ГБЛ* хранится статья Николая Толстого «Владимир Соловьев — католик» (Русское Слово. 21 августа 1910. № 192. С. 2), в которой, в частности, говорится: «И вот, на второй неделе поста 18-го февраля 1896 года, в небольшой каплице Лурдской Божией Матери, что в Москве, на Остоженке, во Всеволожском переулке, д. Соболева, при моей квартире, совершилось это скромное торжество. В присутствии членов моей семьи, причта и некоторых лиц из высшего петербургского и московского общества, тесного кружка почитателей присоединяющегося и присоединяющего (имена которых я пока не уполномочен назвать), Владимир Сергеевич Соловьев совершил свое присоединение к католической церкви, но без всякого отречения от православия, простым исповеданием «символа православной веры тридентинского собора», исповедавшись и публично причастившись за униатской обедней» (Ф. 109. К. 51. Ед. хр. 12. Л. 26).

С. 349. *...разделение церквей...* — 16 июля 1054 г. римский легат кардинал Гумберт (будущий папа Григорий VII) предал анафеме константинопольского патриарха Кируларию, который, в свою очередь, предал анафеме Гумберта. Так, после временного примирения в X в. формально завершился длительный (с 867 г.) процесс раскола христианской церкви на восточную и западную.

С. 350. *Quod erat demonstrandum...* — Что и требовалось доказать: вражда временна, дружба постоянна *(лат.)*.

Заключение

С. 350. *«Жена, облеченная в солнце»*. — Откр. 12 : 1.

С. 352. *Все, все, что гибелью грозит...* — Цитата из песни Председателя, так наз. «Гимна Чуме» // Пушкин А. С. Пир во время чумы (1830).

С. 353. *...зовет Он тихим гласом: Мария!* — См.: Ин. 20: 16.

Вяч. Иванов. НАШ ЯЗЫК

ИВАНОВ Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт. Окончив с золотой медалью Первую московскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где проучился два курса под руководством П. Г. Виноградова. С третьего курса по его рекомендации уехал в Берлин (1886) для продолжения образования. В Берлинском университете изучал древнюю историю и филологию в семинарии Т. Моммзена. После девяти семестров обучения он подготовил диссертацию «Об обществах откупщиков в Риме» (на латинском языке). В 1904 г. вернулся в Россию и обосновался в Петербурге. Вяч. Иванов стал одним из теоретиков и духовных руководителей «младшего» поколения русских символистов. В эти годы опубликованы его первые стихотворные сборники «Кормчие звезды» (1903) и «Прозрачность» (1904), трагедия «Тантал» (1904). В журн. «Новый Путь» (1904) и *ВЖ* (1905) напечатаны его исследования: «Эллинская религия страдающего Бога» и «Религия Диониса». Вяч. Иванов принимал деятельное участие в работе Петербургского Религиозно-философского общества, сотрудничал в журналах «Золотое Руно», «Весы», «Труды и дни», *РМ* и др.

В 1910—1912 гг. преподавал историю древнегреческой литературы на Высших женских курсах. После годовой поездки во Францию и Италию поселился в Москве.

В 1917 г. член-учредитель «Лиги русской культуры», читал в различных учреждениях курсы по истории литературы и театра, поэтике. В 1918 г. Вяч. Иванов работал в театральном отделе Наркомпроса. Осенью 1920 г., не получив разрешения на выезд за границу, уехал в Баку, где был избран профессором и заведующим кафедрой классической филологии университета, а позднее — его ректором. В 1921 г. защитил докторскую диссертацию «Дионис и прадионисийство» (опубл. в 1923-м).

В 1924 г. эмигрировал в Италию. В 1926—1934 гг. жил в Павии, занимая должность профессора новых языков и литератур в университетском «Колледжо Борромео». Затем переехал в Рим, принял итальянское подданство.

К предыстории работы «Наш язык» в творчестве Вяч. Иванова следует отнести его размышления в статье «К вопросу об орфографической реформе» (*ВЖ*. 1905. № 9). В ней говорится: «Орфогра-

фия — явление народной жизни, своего рода национальное учреждение. Школа — приготовление к жизни. Итак, школа должна удовлетворять жизни, а не жизнь сообразовываться со школой. Иначе жизнь — ancilla paedagogiae, а не педология — ancilla vitae <...> Орфографическая реформа не может, на наш взгляд, быть продиктована потребностями школьного дела.

Будем говорить о нежелательности упрощений, объявим, если угодно, войну китайщине и во владениях нашей условной граммагики,— но не будем спрашивать школьников об их орфографической «платформе». Это будет лучше для них самих. Ведь они хотят быть образованными людьми; зачем же отнимать у них крохи знания и, главное, *осознания* родного языка? <...>

Прекрасный язык наш давно уже переживает болезненный процесс, и страшно — как бы не изнемог, народная речь портится и теряет свою мощь и свои краски. Могут быть спорадически наслежены в ней подлинные патологические явления. Остатки старого народного творчества приходят в забвение. Жаргон газетной и иной эфемерной письменности продолжают свое разрушительное дело. Обиходный язык образованных классов становится все расчетливее от бедности, все условнее и суше от разобщенности с корнями, из коих вырос. Все труднее становится нам даже только понимать русский язык, поскольку он простирается дальше за изгородь отведенного для современной «культуры» загона... А оскудение языка — оскудение души народной.

Но обратимся к принципу «упрощения». Опасность, грозящая на этом пути, есть графическая аморфность, или бесформенность, которая не только, вследствие ослабления иероглифического элемента, неприятна эстетически и психологически противоестественна, но может способствовать и общей анемии языка. Здесь мы должны прежде всего отказаться от вожделений последовательно проведенного фонетизма. Quod licet Iovi... Хорош фонетизм у итальянцев, коли речь их так отчетлива и звучна. Орфографический фонетизм мог господствовать и у древних греков или римлян; там он не искажал, не затеснял языка <...> напротив, односторонне-фонетическая перестройка *нашей* орфографии затускнит наш язык. Она же отдалит нас от нашего прошлого и отъединит от живого славянства, которое не слышит нашу речь, а видит ее. <...>

Итак, не потребности обихода должны руководить нас в деле возможной реформы, а глубокая и научная, т. е. прежде всего чисто теоретическая разработка запросов, предъявляемых самой стихией языка,— пафос возвеличивания и украшения его (хотя бы путем восстановления словоначертаний Остромирова евангелия), а не пафос нивелировки и опрощения в смысле убогого довольства и практичности. Нам кажется, что такая реформа по существу не допускает поспешности, да и жизнь такой реформы отнюдь не торопит. Нам кажется также, что весь дух переживаемого нами времени не таков, чтобы она могла быть успешно выполнена. Насадить бы сначала, так чтобы ростки наконец принялись, немного истинного гуманизма! А, принимаясь за ломку, помнить бы, что у нас, малоимущих в культуре, может отняться и то, что думаем иметь...» (С. 254—256).

Говоря об историческом контексте статьи в сборнике «Из глубины», следует упомянуть проект, с которым в 1918 (?) году Вяч. Иванов обратился в Наркомат просвещения. В нем предлагалось создание при академическом подотделе Литературного отдела, где служил поэт, «ученой ассоциации, цели которой определяются как охранение чистоты русского слова и попечение о его процветании, сбере-

жение и изучение памятников русского слова, научная разработка теории словесности и поэтики и, наконец, содействие развитию и распространению гуманитарного просвещения в России» (*ОР ГБЛ.* Ф. 109. Оп. 1. К. 8. Ед. хр. 39. Л. 1). Проекту не суждено было осуществиться, но факт его появления свидетельствует не только об обеспокоенности поэта судьбой русского языка, но и о желании обеспечить институциональные гарантии преемственности его развития.

Начальный вариант статьи «Наш язык» (две первые главки и большая часть третьей, с немногочисленными разночтениями с книжным текстом) опубликован в виде «неизвестных прежде» «двух отрывков из статьи о русском языке» по рукописи (*ИРЛИ.* Ф. 607. Ед. хр. 177) в журнале «Грани», 1976. № 102, где датирован 1918—1920 гг.

Настоящая публикация сверена по наборной рукописи (*ОР ГБЛ.* Ф. 77. К. 21. Ед. хр. 18). Ниже отмечены наиболее важные разночтения рукописи с окончательным текстом.

С. 354. *Язык ...есть одновременно дело и действенная сила...*— О языке как ἔργον и ἐνέργεια см.: Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 70.

С. 355. *...«божественной эллинской речи»...*— Цитата из эпиграммы А. С. Пушкина «На перевод Илиады» (1830).

С. 356. *И здраво мыслить о земле...*— Вариант последних двух строк стихотворения Вяч. Иванова «Русский ум» (1890).

Ничто славянское ~ великого племени.— В наборной рукописи (далее: *НР*) это предложение отсутствует.

С. 356—357. *Язык наш свят ~ «сарынь на кичку».*— Слова *«богомерзким бесивом»* в *НР* отсутствуют.

С. 357. *Язык наш свободен ~ поступь.* Слова *«чужеземною муштрой ~ уродуют поступь»* в *НР* отсутствуют.

...пресловутой орфографической реформы.— Декретом Наркомпроса от 23 декабря 1917 г., подтвержденным декретом СНК РСФСР от 10 октября 1918 г., вводилось новое правописание, исключавшее из русского алфавита несколько букв и изменявшее ряд орфографических норм по принципу произношения (фонетизм).

А преемственностью ~ творчества — разрыв?—В *НР* это предложение отсутствует.

«Суббота для Человека...» — Мк. 2: 27.

С. 358. *Следовательно, оно же ~ развитие патриотизма.*— В *НР* предложение отсутствует.

С. 359. *Проф. Н. Н. Сакулин в книге...*— Имеется в виду его книга «Реформа русского правописания». Пг., 1917.

Наши языковеды ~ живую русскую речь.— Слова *«произвольных новшеств» ~ «в русском духе»* и подстрочное примечание к ним в *НР* отсутствуют.

А. С. Изгоев. СОЦИАЛИЗМ, КУЛЬТУРА И БОЛЬШЕВИЗМ

С. 365. *«Мы принадлежим ~ наше предназначение».*— Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо 1. (Пер. М. О. Гершензона.) См.: Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 44.

С. 368. *...хотя бы вспомнить депутатов Шингарева, Кокошкина, Тулякова...*— Шингарев Андрей Иванович — земский врач, публицист, депутат II—IV Государственных Дум, член кадетской партии.

Убит в январе 1918 г. в Мариинской больнице. Кокошкин Федор Федорович — юрист, земский деятель, член ЦК кадетской партии. Убит в январе 1918 г. в Мариинской больнице. Стихотворение Вяч. Иванова памяти Кокошкина 7 января 1918 (*ОР ГБЛ*. Ф. 109. Оп. 1. К. 3. Ед. хр. 39). Туляков Иван Никитич (1878—1918?) — социал-демократ, член IV Государственной Думы.

С. 372. *...копировали приемы Кассо...* — Министерская политика Л. А. Кассо, министра народного просвещения, характеризовалась усилением административного контроля над сферой образования, нарушениями университетской автономии: запрещением студенческих собраний и союзов, вмешательством в избрание профессуры. В знак протеста против этой, по выражению Струве, «вопиющей бессмыслицы» (*РМ*. 1923—1924. №№ 9—12. С. 376) десятки представителей профессуры ушли в 1911 году из университетов, среди них: П. И. Новгородцев и С. Н. Булгаков; уволен был И. А. Покровский.

С. 373. *...речь Г. В. Плеханова на втором съезде...* — См. Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 181—182.

...«chambre introuvable»... — «Незаменимая (бесподобная) палата» (*франц.*) — см. прим. к с. 135 наст. изд.

С. 375. *...lex talionis...* — Закон равного возмездия, основанный на принципе «око за око, зуб за зуб».

С. 377. *...риттиховская разверстка...* — В ноябре 1916 г. управляющий министерством земледелия и председатель Особого совещания по продовольствию Александр Александрович Риттих объявил принудительную разверстку зерновых хлебов и фуража на нужды армии, вскоре сорванную из-за отказа крупных товаропроизводителей (прежде всего, помещиков) следовать ей. Принятое Риттихом в феврале 1917 г. решение об ограничении отпуска муки в хлебопекарни стало одной из причин хлебного кризиса в Петрограде, повлекшего за собой революционные события (этому факту склонен придавать определяющее значение В. А. Оболенский: см. его мемуары «Моя жизнь. Мои современники» С. 508—509).

С. А. Котляревский. ОЗДОРОВЛЕНИЕ

КОТЛЯРЕВСКИЙ Сергей Андреевич (1873—1939) — историк, правовед, общественный деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, где защитил магистерскую («Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV вв.», 1901) и докторскую («Ламенне и новейший католицизм», 1904) диссертации, заняв место приват-доцента кафедры всеобщей истории. В начале 1900-х годов — член либеральных организаций: «Беседа», «Союз земцев-конституционалистов», член Совета «Союза Освобождения» (участник совещаний и съездов в России и Германии, 1902—1905). В мае 1902 г. в составе земской делегации посетил в Германии П. Б. Струве, результатом чего стало сотрудничество в журнале «Освобождение» (1902—1905). Избирался земским гласным Балашевского уезда и Саратовской губернии. Член ЦК кадетской партии с момента ее основания (1905). С 1905 г.— приват-доцент кафедры всеобщей истории Московского университета. Сотрудник *ПЗ* и *РМ, ME* под редакцией Е. Н. Трубецкого (1906—1910). Депутат I Государственной Думы от Саратовской губернии (1906). В июне 1906 г. присутствовал при составлении Выборгского

воззвания депутатов Думы, выступал против его принятия, но предстал перед судом и был приговорен к трехмесячному заключению, закрывшему ему путь к избранию в последующие составы парламента. Тем не менее продолжал участвовать в формировании думской политики кадетов, вошел в делегацию для переговоров с П. А. Столыпиным в апреле 1907 г. Сдал экстерном экзамены за курс юридического факультета и защитил в Московском университете магистерскую («Конституционное право. Опыт политико-морфологического обзора», 1907) и докторскую («Правовое государство и внешняя политика», 1909) диссертации, получив звание профессора государственного права. Одновременно в качестве приватдоцента читал лекции по истории Франции и международных отношений XVIII—XIX вв. на Высших женских курсах в Москве (1908—1917). В годы I мировой войны Котляревский участвовал в пропаганде и организации снабжения армии во Всероссийском Союзе городов и Земском Союзе. В 1915 г. поддержал планы захвата Проливов, прежде получившие «либерально-национальное» обоснование у Струве и в ходе войны поставленные на повестку дня царским правительством. В мае — июне 1917 г. член-учредитель «Лиги русской культуры». Тогда же включен в состав комиссии Временного правительства по выработке закона об Учредительном Собрании (под председательством Ф. Ф. Кокошкина). В феврале — марте 1918 г. Котляревский находился среди тех либеральных деятелей, которые возрождали созданный еще летом 1917 г. — в оппозицию Временному правительству — патриотический «Совет общественных деятелей» (в их числе Новгородцев и Бердяев) и параллельно вошли в союз с торгово-промышленными и землевладельческими организациями. Формой сотрудничества стал «Правый центр», в руководство которого от кадетской партии был выдвинут вместе с Новгородцевым и Котляревский. Много сил приложил последний и к налаживанию контактов либерального подполья с академическими кругами. Когда в мае 1918 г. обнаружилось, что правые союзники кадетов склоняются к помощи Германии в подавлении революции, из коалиции выделился проантантовский кадетский «Национальный центр», где Котляревский также занимал не последнее место. В условиях подпольной деятельности, опустошившей ряды московских либералов, антисоветский радикализм Котляревского сошел на нет. Уже в феврале 1920 г., привлеченный (вместе с Бердяевым) по делу «Тактического центра», «Котляревский работал для предварительного следствия и тем самым обосновал политический процесс» (Мельгунов С. П. Суд истории над интеллигенцией // На чужой стороне. III. Берлин — Прага, 1923. С. 157). На суде он выступил с полноценным историческим обзором подпольной работы своей и своих коллег, что придало его выступлению характер обвинительного акта («Национальный центр» в Москве в 1918 г. (Записка С. А. Котляревского по делу «Тактического центра») // На чужой стороне. VIII. Берлин — Прага, 1924). Приговорен к условному заключению на 5 лет. «Выдя из суда на свободу, заявив на суде о своем «положительном отношении» к власти и сделавшись юрист-консультом комиссариата юстиции, Котляревский продолжал выступать с докладами в Вольной Академии Духовной Культуры наряду с Бердяевым, Франком и другими, выступал и с <...> проповедями о христианской морали, участвовал в литературных сборниках» (Мельгунов С. П. Суд истории над интеллигенцией. С. 158). Позже Котляревский работал в Институте советского права, журнале «Советское право».

Автор многочисленных работ по советскому финансовому праву, местному хозяйству, международным отношениям.

С. 388. *...разница между ... немецкими гернгутерами и английскими методистами.*— *Гернгутеры* — протестантская секта лютеранской ориентации, отличительной чертой которой является особый акцент на «религии сердца» — эмоционального переживания связи с Христом; *методисты* — последователи протестантского течения, возникшего в Англии как обновленческое движение внутри англиканства и создавшего строго централизованную церковную организацию.

С. 391. *...такие люди, как Н. К. Михайловский...*— В конце 1870 — начале 1880-х гг. Н. К. Михайловский был близок к «Народной Воле», сотрудничал в одноименной газете, в социально-политическую программу которых входило требование широкого общинного самоуправления на основе уравнительного землепользования.

...бентемовской формулы высшего блага...— Принцип утилитаристской этики английского философа Иеремии Бентама, который связывает наибольшее благоденствие (наибольшее счастье) с чувством удовольствия большинства людей.

С. 392. *...говорили саратовские крестьяне...*— С. А. Котляревский на протяжении ряда лет до 1905 г. был гласным Балашевского уездного и Саратовского губернского земств.

С. 396. *...выборгское воззвание.*— Обращение группы депутатов I Думы (кадетов, трудовиков, социал-демократов), принятое в Выборге 10 июля 1906 г. в ответ на роспуск Думы, с призывом к гражданскому неповиновению. Присутствовавший на совещании (как и С. А. Котляревский) П. Б. Струве выступил против его принятия (П. И. Новгородцев был среди подписавших воззвание). Расчет на авторитет Думы в народе не оправдался: обращение не возымело действия, депутаты (в их числе Новгородцев) были отданы под суд, приговорены к краткосрочному заключению и лишились права быть избранными в новые составы Дум. С. Н. Булгаков писал по этому поводу: «Выборг был несомненно самоубийством партии» кадетов — «вечное равнение налево, трусливое оглядывание по сторонам» (Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Париж, 1946. С. 78).

...источник победы Столыпина над первой думой...— I Государственная Дума, обсуждая аграрный вопрос, рассматривала ряд законопроектов, так или иначе требовавших радикальной реформы помещичьего землевладения. Реформа подразумевала принудительное отчуждение помещичьих земель. Правительство во главе с П. А. Столыпиным выступило 20 июня 1906 г. с заявлением, в котором высказывалось за безусловную неприкосновенность помещичьего землевладения. Высочайшим Манифестом 9 июля 1906 г. Государственная Дума была распущена. См. также: Изгоев А. С. Столыпин. М., 1912.

...грешит и против первой, и против второй заповеди Моисея.— Исх. 20 : 3: «да не будет у тебя других богов перед лицом Моим»; 20 : 4: «Не делай себе кумира...».

С. 399. *Попытка Л. Н. Толстого его опровергнуть...*—См. статьи Л. Н. Толстого «Что такое искусство?», «Об искусстве», «О Шекспире и о драме» и др. в кн.: Толстой Л. Н. Что такое искусство? М., 1985.

...господство... «парнасского» искусства...— «Парнас» — группа французских поэтов (Т. де Банвиль, С. Малларме, Ж. М. Эредиа и др.), ориентировавшихся на эстетические принципы Т. Готье и Ш. Леконт де Лилля, провозгласивших культ формы, изысканного поэтического языка и бесстрастной поэзии.

...magistrix vitae.— Наставница жизни (*лат.*).

В. Н. Муравьев. РЕВ ПЛЕМЕНИ

МУРАВЬЕВ Валериан Николаевич (1885—1931) — публицист. Сын министра юстиции в 1903—1905 гг. Н. В. Муравьева. В 1905 г. окончил Александровский лицей, в котором редактировал «Лицейский журнал». В 1910-е гг.— секретарь русской дипломатической миссии в Белграде. По рекомендации Е. Н. Трубецкого печатался в журнале *РМ*, политико-философскую концепцию которого («Великая Россия») пропагандировал в книге «Четвертая Дума и наше великодержавное будущее» (СПб., 1912). В 1917 г.— среди членов-учредителей «Лиги русской культуры», начальник политического кабинета при министерстве иностранных дел Временного правительства. В 1918 г.— член подпольного «Национального центра». В 1918—1922 гг. участвовал в работе Вольной Академии Духовной Культуры, основанной Н. А. Бердяевым. В 1920 г. привлекался по делу «Тактического центра». С 1926 г.— в ссылке. Сочинения: «Мелкая единица самоуправления в русском законодательстве» (Новгород, 1912); «Овладение временем как основная задача организации труда» (М., 1924).

С. 402. *(Пс. 17, 12).*—В определении источника эпиграфа ошибка — вместо Пс. 17, 12 следует читать Ис. 17, 13. Так же на с. 423.

С. 411. *...начатому Декартом и доведенному до Канта.*— В России было распространено убеждение, что кантовская философия является высшим пунктом рационалистического течения, основоположником которого был Декарт, хотя Кант первым выступил против рационалистических систем Г. В. Лейбница и его ученика Х. Вольфа. Германские философы (Фихте, Шеллинг, Гегель и др.) присоединились к кантовской критике рационалистической метафизики.

...«этость»...— В философии Дунса Скота принцип индивидуализации видоопределяющей формы.

С. 413. *...от времени Гегезия...*— Греческий философ-киренаик Гегезий имел прозвище «ходатай смерти», ибо рисовал жизнь в столь мрачных красках, что некоторые из его слушателей решались на самоубийство.

С. 415. *Интеллигенция была тем же ∽ чем древнее казачество...*— Ср. мысль П. Б. Струве, что интеллигенция была преемницей казачества как антигосударственной силы, а также высказывание В. В. Розанова // Вехи. Наст. изд. С. 152; 108—109.

С. 418. *...«fair play».*— Игра по правилам, честная игра (*англ.*)

С. 420. *...«logical situation»...*— «Логическая ситуация» (*англ.*) — термин, принятый в философии прагматизма, прежде всего у Дж. Дьюи, для обозначения на нейтральном языке единичной локализации опыта, представляющей единство объективных условий и их субъективного восприятия.

С. 423. *...узревшему в себе... Рахаба...*— *Рахаб* (Рашаб) — в иудаистской мифологии имя одного из чудовищ, с которым сражался Яхве.

(Пс. 17, 12).— Следует читать: Ис. 17, 13.

П. И. Новгородцев. О ПУТЯХ И ЗАДАЧАХ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

НОВГОРОДЦЕВ Павел Иванович (Бахмут, Екатеринославской губ., 1866—23.IV.1924, Прага) — правовед, философ, общественный деятель, основоположник и признанный глава идеалистической школы в русской философии права. Окончил Екатеринославскую гимназию с золотой медалью, а затем юридический факультет Московского университета (1888), где был оставлен для подготовки к преподаванию. Находился в научной командировке в Берлине и Париже. С 1896 г.— приват-доцент, с 1897-го — магистр государственного права (диссертация «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии»). С 1898 г. читал курс истории философии права. В 1902 г. составитель и участник сборника «Проблемы идеализма». В 1902 г. в Петербургском университете защитил докторскую диссертацию «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве», в 1903 г. избран экстраординарным профессором юридического факультета в Москве по кафедре энциклопедии права (с 1904-го — ординарный профессор). Одновременно преподавал на Высших женских курсах, сотрудничал в журнале «Вопросы философии и психологии». С 1904 г.— член Совета «Союза освобождения», с 1905 г.— член бюро Академического Союза, ЦК кадетской партии. Депутат I Государственной Думы от Екатеринославской губернии, участник Выборгского воззвания, после подписания которого находился в тюрьме (1906) (ср. прим. к с. 396). В 1906—1918 гг.— ректор Московского коммерческого института, отказался от профессуры в университете, читал лекции в качестве приват-доцента. В 1911 г.— протестуя против политики министра просвещения Л. А. Кассо, покинул университет (ср. прим. к с. 372). В годы первой мировой войны работал во Всероссийском Союзе городов, был московским уполномоченным Особого совещания по топливу. В 1917 г. избран профессором Московского университета. Член-учредитель «Лиги русской культуры», ее Временного комитета в Москве. В 1918 г.— деятельный участник и руководитель подпольных центров в Москве. В конце 1918 г. переехал в расположение белых армий, где в 1919-м проводил кадетские конференции в Екатеринодаре и Харькове. По болезни выехал за границу, работал в газете «Руль» (Берлин, 1920). В 1921 г. вернулся в Крым, занятый войсками П. Н. Врангеля. Зимой 1921—1922 гг. читал лекции в Ахенской технической школе. Основатель и декан Русского юридического института (факультета) в Пражском университете.

Среди наиболее значительных его сочинений: «Кризис современного правосознания» (М., 1909); «Политические идеалы древнего и нового мира» (Вып. I—II. М., 1913—1914); «Об общественном идеале» (Вып. I. 1-е изд.— М., 1917); статьи «Существо русского православного сознания» в сборнике «Православие и культура» (Берлин, 1923) и «Демократия на распутье» // С о ф и я. Берлин, 1923.

Летом 1917 г. П. И. Новгородцев вошел в ЦК кадетской партии и принял активное участие в ее совещаниях, последовательно рассматривавших вопросы установления «кадетской», затем просто «военной диктатуры» для предотвращения дальнейшего развития революционных событий. Зимой 1917—1918 гг. Новгородцев продолжал преподавать в Московском университете и возглавлять Московский коммерческий институт. Весной 1918 г. он стал одним из создателей и руководителей подпольного «Правого центра», объединявшего представителей правой части политического спектра. В мае из него выделился кадетский «Национальный центр» во главе с Новгородцевым, поставивший себе программой: «духовно вглубь и вперед, политически направо, социально налево». Предупрежденный заранее, в ночь с 18 на 19 мая Новгородцев избежал ареста на собственной квартире, где был проведен обыск (Ильин И. Памяти П. И. Новгородцева // *РМ*. 1923—1924. №№ 9—12. С. 373—374). С этого времени Новгородцев практически перешел на нелегальное положение. Кадетское движение в Москве постепенно сходит на нет, перенося центр деятельности в расположение войск А. И. Деникина. С переездом правления «Национального центра» в Киев и далее — Екатеринодар — Одессу, в октябре 1918-го Новгородцев покинул Москву.

С. 426. ...*французские «Вехи»*...— Параллель, устанавливаемую Новгородцевым, вряд ли можно назвать корректной. Книга Э. Берта и предисловие Сореля имели целью переориентировать философские основы социалистического движения. Отказ от рационализма интеллектуалов и обращение к иррационалистическим идеям Паскаля и Бергсона не связывались с отказом от революционного действия. Наоборот, религиозный максимализм, к которому призывал Эдуард Берт, признавался им истинной основой «философии действия». «Разум изначально относителен, тогда как действие проистекает из абсолюта» (Berth E. Les méfaits des intellectuels. Paris. 2-me ed. 1926. P. 12). Разрушение разума и признание мистического характера мира (Ibid. P. 324) является фундаментом трагически-революционного миросозерцания, которое одно лишь способно вести народ к всемирному перевороту. Логическим развитием этой позиции является оценка Бертом большевистской революции 1917 г. (высказанная в предисловии ко 2-му изданию 1926 г., вышедшему уже после смерти Новгородцева). Берт писал: «Россия, в том виде, в каком ее попытались преобразовать большевики, являет собой тип цивилизации, который не только с материальной и индустриальной, но и с моральной и духовной точки зрения создает для современного мира подлинно живой источник обновления» (Ibid. P. 37). Берт полагал, что советская Россия сможет распространить на Запад, иссушенный моральным материализмом, новый религиозный дух. Все недостатки русской революции Берт видит в том, что в ней участвовало слишком много интеллектуалов, зараженных рационалистической рефлексией (Ibid. P. 27). В противоположность им, считал Берт, Ленин смог придать марксизму поистине мистический дух, который западные адепты марксизма утопили в «тошнотворном оппортунистическом релятивизме» (Ibid. P. 37). Связывая свою оценку революции с выдвинутыми им ранее идеями, Берт заключал: «Конфликт между *аполлоновским и дионисийским*, который я проследил в «Преступлениях интеллектуалов» <...>, смог найти свое историческое осуществление в советской России, которая является мостом между Западом и Востоком и в которой Ленин — этот духовный

сын Маркса — развязал революцию, способную полностью пробудить западный пролетариат и вызвать бунт Азии против плутократии» (Ibid. P. 44—45).

Впоследствии Эд. Берт был идейно близок к профашистской организации «Аксьон франсэз».

С. 429. *«Вы соль земли...»* — Мф. 5, 12.

...«небо и землю, людей и богов».— Платон. Горгий. 508а.

С. 430. *...у Белоха в его «Истории Греции».*— Белох Ю. История Греции. Пер. с нем. М. Гершензона. 2-е изд. М., 1900. Т. I—II (Т. III не переведен).

С. 430. *...построить жизнь «ни на чем»...*— Фраза Макса Штирнера «Я основал свою философию на ничто» стала крылатой.

С. 434. *...«кипенье в действии пустом».*— Неточная цитата из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (Гл. VII; XXII). В оригинале звучит так: «С его озлобленным умом, // Кипящим в действии пустом».

...статьи проф. Виппера в «Утре России»...— Р. Виппер. Соль земли // Заря России. 2 февраля 1918. Газета «Утро России» по цензурным условиям с 25 октября 1917-го по 22 марта (4 апреля), с 17 апреля по 6 июля 1918 г. выходила под названием «Заря России».

С. 436—437. *«Сохранение старого ∞ преимущества».*— Цитата из трактата Э. Берка (Burke) «Reflections on the Revolution in France...». London, 1790. Более полный рус. пер. этого отрывка см.: Жорес Жан. Социалистическая история французской революции. Т. IV. М., 1981. С. 352—354.

С. 442. *...«Об общественном идеале». Выпуск II* — Не вышел.

И. А. Покровский. ПЕРУНОВО ЗАКЛЯТЬЕ

ПОКРОВСКИЙ Иосиф Алексеевич (1868—1920) — правовед. В 1896—1902 гг. читал лекции по римскому праву в Университете св. Владимира в Киеве. С 1902 г.— профессор римского и гражданского права Петербургского университета, редактор журнала «Вестник Права» (с 1904 г.). С 1906 г.— профессор юридического факультета Высших женских курсов, откуда в 1911 г. был уволен по приказу Л. А. Кассо «за отказ читать лекции под охраной полиции во время студенческих волнений» (Санкт-петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы. Л., 1973. С. 158). В 1910—1912 гг.— декан юридического факультета Петербургского университета. Сотрудничал в журналах П. Б. Струве *ПЗ*, «Свобода и Культура» (1906); «Юридическом Вестнике» и др. Преподавал в разное время в Московском и Дерптском университетах. Кроме многочисленных курсов лекций, издал книги: «Прагматизм» и «релятивизм» в правосудии» (Пг., 1916); «Индивидуализм и человечество» (М., 1919) и др. «В своей книге «Индивидуализм и человечество» и в серии статей Покровский дал философское разъяснение основной проблемы права с точки зрения принципиального этического персонализма. Он был резким противником движения «свободного права», релятивистские предпосылки которого он опровергал с помощью аппарата гуссерлевской логики. В последние годы своей преждевременно оборвавшейся жизни Покровский подготовил большой учебник по философии права, но до сих пор неизвестно, оставил ли он законченную рукопись» (Gurwitsch G. Übersicht

der neueren rechts philosophischen Literatur in Rußland. // Philosophie und Recht. 1920/1923. Heft. 2. S. 123). Похоронен в Москве, в Новодевичьем монастыре.

С. 443. *Курс русской истории...*— Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть II. М., 1906. С. 83—84. См. его Сочинения: В 9 т. Т. 2. М., 1988. С. 65—66.

С. 443. *La vie du droit et l'impuissance des lois.*— Жизнь права и бессилие законов (*франц.*).

С. 444. *...bellum omnium contra omnes.*— Война всех против всех (*лат.*) — формула, данная Гоббсом для характеристики естественного состояния человеческого рода («Левиафан». Гл. 13).

С. 458. *...горе тому ∽ броситься в пучину?* — Мф. 18 : 6.

«Каин...» — См.: Быт. 4: 9—10.

П. Б. Струве. ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ

С февраля 1918 г. П. Б. Струве находился в Москве, куда он прибыл после деятельного участия (с ноября 1917 г.) в работе «Донского гражданского совета» (Новочеркасск) по организации Добровольческой армии. В Москве он продолжил выпуск журнала *РМ* (№№ 1—2 и 3—6), планируя прием подписки на весь 1918 год. В объявлении о подписке, помещенном на второй странице обложки «Из глубины», подчеркивалась верность прежней программе, «твердо проводя идею национальной русской культуры и уделяя всего больше места вопросам и темам, связанным с высшими стремлениями и ценностями человеческого духа». Далее Струве коротко излагал свое политическое кредо как частный случай своей жизненной позиции: «В дни величайшего унижения России мы будем отстаивать идеалы, создавшие ее мощь и величие, и вести борьбу с идолами, ввергающими ее в бедствия и неслыханный позор». Одновременно Струве задумал издание «Библиотеки общественных знаний», к созданию которой, помимо постоянных своих сотрудников, пригласил и С. А. Котляревского. Проспект «Библиотеки» в равной степени, как и все написанное Струве в это время, отражал не только узловые вопросы, его волновавшие, но и всепоглощающее желание в любом своем предприятии — прежде всего «мысль разрешить». Так, Струве писал: «Возрождение России должно быть прежде всего возрождением и укреплением национального духа. Внести свою скромную лепту в эту работу есть задача нашего литературного предприятия, вдохновляемого горячей верой в поруганную национальную культуру и уважением к безрассудно разрушенной русской государственности. Наша «Библиотека общественных знаний» будет стремиться на серьезном, но доступном широкой публике изложении освещать основные вопросы культурного, общественного и государственного развития и бытия человечества и в особенности русского народа, пробуждать в русском человеке исторический смысл и обличать перед его сознанием ложь и тщету тех мнимонаучных отрицательных течений, разлив которых исковеркал народную душу и разрушил государство».

Осенью 1919 г. в Ростове-на-Дону Струве выступил с двумя лекциями, почти полностью основанными на тексте его статьи в сборнике. Поэтому, когда они были (после предварительной публикации в *РМ* за 1921 г., № I—II) перепечатаны в брошюре «Размышления о русской революции» (София: Российско-Болгарское книгоиздатель-

ство, 1921), то это, по сути дела, стало отдельным изданием варианта его статьи 1918 года почти одновременно со случайным выходом в свет «Из глубины».

С. 459. *...как свидетельствовал Николай Тургенев...*— «Оправдательная записка декабриста Николая Ивановича Тургенева», составленная им в Англии, где он жил с 1824 г., в ответ на запросы Следственного комитета в апреле 1826 г.

С. 462. *...обобщающей исторической работы...*— В 1928—1932 гг. в Русском научном институте в Белграде П. Б. Струве читал курс «Экономическая история России в связи с образованием государства и общим культурным развитием страны», который лег в основу итогового труда П. Б. Струве (1941—1944) по социальной и экономической истории России.

С. 465. *...в известной формулировке ее задач Юрием Самариным.*— См.: Струве П. Б. Юрий Самарин. Опыт характеристики и оценки // Возрождение. 1926. 13 июня.

С. 467. *Flectere si nequeo...*— «Если небесных богов не склоню — Ахеронт я подвигну» *(лат.)* // Вергилий. Энеида. VII, 312. (Пер. С. Ошерова.) Слова Юноны, сулящей Энею бедствия.

С. 470. *...в своих чтениях по истории хозяйственного быта...*— П. Б. Струве преподавал «историю хозяйственного быта» на экономическом отделении Петербургского политехнического института (1906—1917). См. его: Теория политической экономии и история хозяйственного быта. М., 1916; Понятие и проблема социальной политики. М., 1910.

С. 477. *«Эллинами называются ∾ происхождение».*— *Исократ* — афинский оратор и публицист, сторонник единства Эллады под предводительством Афин. Им были сформулированы основные черты идеала греческой образованности. Исократ. Панегирик, 50 // Ораторы Греции. М., 1985. С. 45.

С. 477. *«Быти нам всем ∾ суда Христова».*— См.: Отписка Нижегородцев к Вологжанам (1612) // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии Наук. Т. II. 1598—1613. СПб., 1836. С. 249.

С. Л. Франк. DE PROFUNDIS

С. Л. Франк вспоминал в 1944 году, что по возвращении Струве в Москву (февраль 1918 г.) «получил от него письмо, в котором он приглашал меня написать статью в сборник, в котором бывшие участники «Вех» (кроме Гершензона, ставшего нам политически совершенно чуждым) и многие другие писатели должны были дать принципиальное обоснование своего отрицания большевизма. П. Б. писал мне, что предполагается, что каждый из нас «скажет то, что ему подсказывает совесть и разум». Было принято предложенное мною название сборника «Из глубины». Я дал статью под тем же заглавием «De profundis». Я не помню полного состава сотрудников и содержания их статей, в том числе и П. Б. Сборник этот имел своеобразную судьбу. Когда осенью 1918 г. разразилась, после покушения на Ленина, первая волна большевистского террора, сборник как раз был закончен печатанием и лежал в типографии Кушнерева. Было решено, что выпустить его в свет при тогдашних условиях невозможно. Через три года после этого, в 1921 г., один из саратовских коллег, приехав из Москвы, сооб-

щил мне, что сборник вышел и распространяется в Москве — известие довольно жуткое по тому времени. Оказалось, что наборщики типографии Кушнерева самовольно пустили его в продажу. Дальше Москвы распространение его не пошло, и в самой Москве он разошелся по рукам, кажется, даже не попавши в книжные магазины. Нас, оставшихся в России его сотрудников, спасло, вероятно, то, что на обложке остался помеченным год издания — 1918» (Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 120—121).

С. 478. *The air is cut away before...*—
Раздался воздух впереди,
Сомкнулся сзади он.
Летим, мой брат, скорей летим!
Мы запоздали так... *(англ.)*

Колридж С. Т. Поэма о старом моряке (1798). Пер. Н. С. Гумилева.

С. 478—479. *Вспоминается мрачная... фантазия... Достоевского...*— Рассказ «Бобок» (Достоевский Ф. М. Дневник писателя на 1873 год // Полное собрание сочинений. Т. 23).

С. 488. *Quos vult perdere, dementat.*— Кого <Бог> хочет погубить, того <он прежде> лишает разума *(лат.)*.

С. 489—490. *...«вся наша либеральная партия ∽ хихикала».*— Источник этой и следующей цитаты установить не удалось.

С. 491. *Черносотенный деспотизм высших классов ∽ истинный либерализм.*— В годы революции 1905 г. об этом писал П. Б. Струве (см. его статью «Черносотенный социализм» // Струве П. Б. Patriotica. С. 13—17). Эту «родственность» Струве рассматривал не только с нравственной, но и с правовой точки зрения, отмечая тождественность антиправового нигилизма революции и контрреволюции (там же. С. 165).

С. 492. *«Нужно признаться ∽ в отчаяние».*— Цитата из письма А. С. Пушкина П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г.

С. 494. *Нигилизм...*— Проблема нигилизма — одна из важнейших для С. Л. Франка. Наиболее полно его взгляды на нее изложены в статье «Этика нигилизма» (см. сб. «Вехи»), а также в работе «Очерки философии культуры», написанной совместно со Струве: под нигилизмом следует понимать, по мнению авторов, «не политический радикализм и не «отрицание авторитетов», а философскую тенденцию идейного упрощения и опрощения» (*ПЗ*. 1905. № 2. С. 115).

...христианский социализм...— Направление в общественной мысли, находящее в христианском учении санкцию социалистическим идеалам (развивается с 1830—1840 гг.; представители — Ф. Ламенне, Ф. Баадер и др.). В России XX в. представлен именами Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, членов «Христианского братства борьбы» (В. Ф. Эрн, В. Свенцицкий и др.), их работами 1902—1906 гг. См.: Франк С. Л. Проблема «христианского социализма» // Путь. 1939. № 60 (перепечатано: Новый мир. 1990. № 4); Булгаков С. Н. Христианство и социализм. М., 1917 (перепечатано: Социологические исследования. 1990. № 4); Бердяев Н. А. Христианство и социализм // Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве. Прага, 1925.

...«toutes proportions gardées».— При равных условиях *(франц.)*.

М. А. Колеров, Н. С. Плотников

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

Абрамов Александр Иванович, историк рус. философии — *509*

Август (до 27 н. э. Октавиан; 63 до н. э.— 14 н. э.), рим. император — 332

Августин Аврелий Блаженный (354—430), христианский теолог — 388, *544*

Авенариус Рихард (1843—1896), швейцарск. философ, один из основоположников эмпириокритицизма — 15, 16, 18, 23—26, 28, 83, *509, 510, 512, 513*

Азеф Евно Фишелевич (Евгений Филиппович; 1869—1918), агент Охранного отделения, один из руководителей Боевой организации партии социалистов-революционеров — 51, 112, 323, *521, 551*

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872—1928), литературный критик — *501, 502*

Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), рус. публицист и общественный деятель, один из идеологов славянофильства — *528, 544*

Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860), рус. публицист, историк, лингвист, поэт; брат *И. С. Аксакова* — 127, 128, *528, 537*

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859), рус. писатель; отец *И. С., К. С.* и *В. С. Аксаковых* — *528*

Аксакова Вера Сергеевна (1819—1864), рус. писательница-мемуаристка — *528*

Аксаковы — 100, *528*

Аксельрод Павел Борисович (1850—1928), участник российского революционного движения, один из лидеров меньшевиков (с 1903) — 118, *530*

Александр II Николаевич (1818—1881), российский император (с 1885) — 129, 144, *234*

Алексеева-Аскольдова Елизавета Алексеевна, жена *С. А. Аскольдова* — *557*

Алексинский Григорий Алексеевич (1879—1967), участник российского социал-демократического движения, депутат II Государственной думы от рабочей курии — 148, *540*

[1] «Библиография „Вех" не включена в указатель имен.

Алмазов Борис Николаевич (1827—1876), рус. сатирический поэт — 127, *537*

Альтузий Иоанн (1557—1638), нидерланд. философ права — 124, *534*

Андреев Леонид Николаевич (1871—1919), рус. писатель — *551, 564*

Андрей (Шептицкий Роман; 1865—1944), митрополит униатской церкви Западной Украины — 347, *566*

Анна Иоанновна (1693—1740), российская императрица (с 1730) — 462, 463

Анненский Николай Федорович (1843—1912), рус. публицист, экономист, общественный деятель — *530*

Антоний (Храповицкий Алексей Павлович; 1863—1936), архиепископ Волынский, Житомирский и Харьковский, митрополит Киевский и Галицкий — 347, *566*

Аристотель (384—322 до н. э.) — *523, 545, 558, 562, 564*

Арсеньев Константин Константинович (1837—1919), рус. публицист, юрист, земский деятель — *540*

Арцыбашев Михаил Петрович (1878—1927), рус. прозаик, драматург — 103, *529*

Асеев Николай Николаевич (1889—1963), сов. поэт — *565*

Аскольдов (наст. фамилия: Алексеев) Сергей Алексеевич (1870—1945) — *554, 556—558*

Баадер Франц Ксавер фон (1765—1841), нем. религиозный философ, естествоиспытатель, представитель философского романтизма и неортодоксального католицизма — *579*

Базелер Карл Георг Кристоф (1809—1888), нем. юрист и политический деятель — 125

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876), рус. революционер, теоретик анархизма, идеолог революционного народничества — 49, 153, 156, 184, 333, 424, 428, 432, 446, *521, 545*

Банвиль Теодор де (1823—1891), франц. поэт, участник группы «Парнас» — *573*

Батый (Бату, Саян-хан; 1208—1255), монг. хан, внук Чингисхана, с 1243 г. хан Золотой Орды — 345

Бебель Август (1840—1913), один из основателей (1869) и руководителей нем. социал-демократической партии и II Интернационала — 366, *514*

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — 14, 37, 39, 61, 66, 84, 156, 254, *522, 560*

Белох Карл Юлиус (1854—1929), нем. историк античности — 430, *576*

Белый Андрей (наст. имя и фамилия: Борис Николаевич Бугаев; 1880—1934), рус. писатель-символист — 255, 256, 290, *550—551, 554, 561*

Бельтов, Бельтов-Плеханов, см. *Плеханов Г. В.*

Беньян (Буньян, Беньян) Джон (1628—1688), англ. писатель и проповедник — 77—79, 388, *524*

Бентам Иеремия (1748—1832), англ. философ, один из главных представителей утилитаризма — 155, 166, 198, *572*

Бергсон Анри (1859—1941), франц. философ, представитель интуитивизма и философии жизни — 28, *575*

Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — 354, *501—504, 506, 508—515, 522, 524, 529, 532, 533, 537, 540, 542, 548, 553, 554, 556—559, 564, 571, 573, 579*

Беренштам Мария Вильямовна, рус. марксистка, сестра адвокатов В. В. и М. В. Беренштамов, жена *Б. А. Кистяковского* — *532*

Берк Эдмунд (1729—1797), англ. государственный деятель, эстетик, основатель психологической эстетики — 198, 436, *576*

Берлин Исайя, англ. философ и культуролог, славист — *564*

Берман Яков Зиновьевич, сов. библиограф — *524*

Бернштейн Эдуард (1850—1932), один из лидеров герм. социал-демократии и II Интернационала — 47, 366, *520*

Берт Эдуард (1874—1939), франц. писатель, теоретик анархо-синдикализма — 427, *575—576*

Бетман-Гольвег Теобальд (1856—1921), герм. рейхсканцлер, прусск. министр-президент (1909—1917), министр внутренних дел Пруссии (1905—1907) — 366

Бетховен Людвиг ван (1770—1827) — 399

Благосветлов Григорий Евлампиевич (1824—1880), рус. публицист, журналист, революционный демократ, издатель-редактор журн. «Русское слово», «Дело» — *528*

Блок Александр Александрович (1880—1921) — 227, 319, 323, 353, *558, 564*

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921), рус. писатель — *544*

Богданов Александр Александрович (наст. фамилия: Малиновский; 1873—1928), деятель российского революционного движения, врач, философ, экономист — 15, 18, 23, 24, 28, *508, 510*

Богословский Михаил Михайлович (1867—1929), рус. историк — 463

Борман Аркадий (1891—?), журналист, сын А. В. Тырковой-Вильямс, сотрудник газ. «Возрождение» (1926—1927) — *555*

Бочкарев Борис Николаевич, издатель писем *А. П. Чехова* — 83
Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — 427, *500—504, 506, 508—510, 512—523, 533, 540, 542, 548, 553, 554, 556, 557, 560—567, 570, 572, 579*
Бурбоны, королевская династия во Франции в 1589—1792, 1814—1815, 1815—1830 гг.— 159
Бухарев Александр Матвеевич (в монашестве: архимандрит Феодор; 1824—1871), рус. религиозный мыслитель, богослов, критик, публицист, профессор Московской и Казанской духовных академий — 39, 315

Валентинов Н. (наст. имя и фамилия: Николай Владиславлевич Вольский; 1879—1964), рус. публицист, философ-идеалист, мемуарист — *500, 504, 510*
Введенский Александр Иванович (1856—1925), рус. философ-идеалист, психолог, крупнейший представитель рус. неокантианства — 111, *512*
Вебер Макс (1864—1920), нем. социолог, историк, экономист, юрист— 40, *519*
Вейнингер Отто (1880—1903), нем. ученый и писатель — 103, *529*
Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920), рус. историк литературы, библиограф — 61
Вергилий Марон Публий (70—19 до н. э.), рим. поэт — *578*
Вересаев Викентий Викентьевич (наст. фамилия: Смидович; 1867—1945), рус. писатель — *551*
Вернадский Владимир Иванович (1863—1945), рус. ученый, основатель биогеохимии, радиогеологии, первый президент украинской Академии наук (1919), профессор Московского университета (1898—1911), автор трудов по философии естествознания, науковедению — *533, 540, 546*
Веселовский Степан Борисович (1876—1952), рус. историк — 435
Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941), герм. император, прусск. король (1888—1918) — 313, 366, 382
Виндельбанд Вильгельм (1848—1915), нем. философ, глава баденской (юго-западной) школы неокантианства — 25, *513, 532*
Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925), рус. историк, профессор Московского университета — *523, 567*
Виппер Роберт Юрьевич (1859—1954), рус. историк — 425, 426, 434, *576*
Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф, рус. государственный деятель, министр финансов (1892—1903), председатель Совета

министров (1905—1906), инициатор винной монополии (1894), денежной реформы (1897) — 158, 321, 326, *545, 564*

Владимир I Святой (ум. 1015), князь новгородский (с 969), киевский (с 980) — 443

Вовчок Марко (наст. имя и фамилия: Мария Александровна Вилинская, в первом браке Маркович, во втором Лобач-Жученко; 1833—1907), укр. и рус. прозаик, переводчица; гражданская жена *Д. И. Писарева* — *521*

Водовозов Василий Васильевич (1864—1933), рус. публицист, юрист, экономист — *505*

Водовозов Николай Васильевич (1870—1896), марксист, близкий друг *П. Б. Струве*, муж *М. И. Водовозовой*, свояк *С. Н. Булгакова* — *532*

Водовозова Мария Ивановна (урожденная Токмакова; 1869—1954), рус. книгоиздательница — *502*

Вознесенский Сергей Валерианович, рус. историк, библиограф — *523*

Вольтер (Мари Франсуа Аруэ; 1694—1778) — *519*

Вольф Христиан (1679—1754), нем. философ, последователь *Лейбница* и систематизатор его философии — 124, *534—535, 573*

Врангель Петр Николаевич (1878—1928), барон, генерал-лейтенант рус. армии (1918), в 1920 г. главнокомандующий рус. армии — *543, 574*

Габрилович Леонид Евгеньевич (1878—?), критик, публицист — *501*

Гамбетта Леон (1838—1882), премьер-министр и министр иностранных дел Франции (1881—1882), республиканец-радикал — 195

Гарденин Ю., см. *Чернов В. М.*

Гаршин Всеволод Михайлович (1855—1888), рус. писатель — 36, 71, *523*

Гегезий (320—280 до н. э.), древнегреч. философ-киренаик — 413, *573*

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — 18, 26, 124, 198, *535, 573, 574*

Гензель Павел Петрович (1878—1928), рус. экономист, публицист — *501*

Геппнер Карл Федорович (1833—1874), хирург, автор многих пособий и руководств для студентов — 105, *526*

Гербарт Иоганн Фридрих (1776—1841), нем. философ, последователь *Лейбница* и *Вольфа*, представитель «эмпирической метафизики» — 124, *535*

Герд Нина Александровна (1869—1943), жена *П. Б. Струве* — *530*

Гермоген (ок. 1530—1612), рус. патриарх в 1606—1612 гг., с декабря 1610 г. рассылал грамоты с призывом бороться против польск. интервентов, умер в заключении у польск. интервентов — 151, 459

Герцен Александр Иванович (1812—1870), рус. писатель, революционер-демократ, философ — 35, 64, 126—128, 156, 157, 327, *517, 524, 537, 553, 560*

Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — 426, *500—508, 513, 523—527, 547, 550, 552, 560, 569, 576, 578*

Гесиод (VIII—VII вв. до н. э.), древнегреч. поэт — *564*

Гессен Владимир Матвеевич (1868—1920), юрист — *540*

Гессен Иосиф Владимирович (1865—1943), юрист, публицист, лидер партии кадетов, редактор-издатель газ. «Речь» (1906—1917), депутат II Государственной думы — *540*

Гессен Сергей Иосифович (1887—1950), философ, сын *И. В. Гессена* — *512*

Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832) — 334, *564, 565*

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945), рус. поэтесса, писательница — *514, 558*

Гоббс Томас (1588—1679), англ. философ, основоположник системы механистического материализма — 124, *534, 558, 577*

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — 61, 66, 156, 225, 251—260, 315, 461, 476, *526, 559, 561*

Голицын Дмитрий Михайлович (1665—1737), князь, один из вождей «верховников», в 1736 г. осужден по обвинению в заговоре — 462—463

Голубев Василий Семенович (1867—1911), рус. общественный деятель, публицист, сотрудник журн. «Вопросы жизни», «Московский еженедельник», в 90-е гг. сотрудник *П. Б. Струве* — *506*

Гольбах Поль Генрих Дитрих (1723—1789), франц. философ, систематизатор идей франц. материализма — 198

Гольдблад (наст. имя и фамилия: Медем Владимир Давыдович; 1879—1923), публицист, один из лидеров Бунда, делегат на II съезде РСДРП от Заграничного комитета Бунда — 136, *539*

Гомер — *561, 564*

Гончаров Иван Александрович (1812—1891), рус. писатель — 254

Гораций (Квинт Гораций Флакк; 65—8 до н. э.), рим. поэт — 335, *547, 566*

Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867—1941), литературовед, лите-

ратурный критик, сотрудник журн. «Русское богатство» — *501, 502*

Горький Максим (наст. имя и фамилия: Алексей Максимович Пешков; 1868—1936) — 175, 327, 366, 495, *527, 547*

Готье Теофиль (1811—1872), франц. писатель, критик, основатель группы «Парнас» — *573*

Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855), рус. историк, общественный деятель, профессор Московского университета (с 1839) — *524*

Григорий VII Гильдебранд (между 1015 и 1020 — 1085), папа римский (с 1073) — *567*

Гримм Давид Давидович (1864—1941), юрист, правовед, сотрудник газ. «Право» — *540*

Гримм Роберт (1881—1956), лидер социал-демократической партии Швейцарии и II Интернационала, центрист — 382

Грот Яков Карлович (1812—1893), рус. историк, филолог, академик Санкт-Петербургской Академии наук — 465

Гуль Роман Борисович (1896—1986), писатель, секретарь, затем редактор «Нового журнала» — *555*

Гумбольдт Вильгельм фон (1767—1835), нем. филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат — 354, *569*

Гумилев Николай Степанович (1886—1921), рус. поэт — *579*

Гумплович Людвиг (1838—1909), польско-австрийский социолог и юрист, представитель социального дарвинизма — *541*

Гурвич Георгий Давыдович (Жорж; 1894—1965), философ, социолог — *512, 576*

Гурович Михаил Иванович (наст. имя и фамилия: Гуревич Моисей Давидович; 1863—1915), социал-демократ, сотрудник журн. «Начало», провокатор Охранного отделения — 112, *529, 530*

Гусев Николай Николаевич (1882—1967), рус. историк, личный секретарь (1906—1909) *Л. Н. Толстого* — *518—519*

Гуссерль Эдмунд (1859—1938), нем. философ-идеалист, основоположник феноменологии — *556*

Гучков Александр Иванович (1862—1936), рус. политический деятель, основатель и лидер партии октябристов, военный и морской министр Временного правительства, в 1918 г. эмигрировал в Берлин — 308, 494, *507*

Давид, царь Израильско-Иудейского государства в XI в. — 950 г. до н. э. — 343

Давид Эдуард (1863—1930), деятель германской социал-демократической партии — 366

Данилевский Николай Яковлевич (1822—1885), рус. публицист, социолог, идеолог панславизма — *510*

Декарт Рене (1596—1650), франц. философ — 411, 427, *573*

Демокрит (ок. 470 или 460 до н. э.— ум. в глубокой старости), древнегреч. философ-материалист — *526*

Деникин Антон Иванович (1872—1947), генерал-лейтенант рус. армии, с апреля 1918 г. командующий Добровольческой армией, затем — главнокомандующий «Вооруженными силами Юга России» — *533, 543, 575*

Джемс Уильям (1842—1910), амер. философ, основатель прагматизма, психолог — 28, *514*

Диль Карл (1864—?), нем. экономист, философ, социолог, профессор Кенигсбергского университета — *532*

Дмитрий Донской (1350—1389), великий князь московский (1359), владимирский (1362) — 58, 403

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861), рус. литературный критик, публицист, революционер-демократ — 37, 254, *560*

Долгоруков Павел Дмитриевич (1866—1927), рус. общественный деятель, один из лидеров Союза земцев-конституционалистов — *540, 555*

Достоевский Михаил Михайлович (1820—1864), рус. писатель, переводчик, издатель; брат *Ф. М. Достоевского* — *522*

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — 14, 26, 34, 35, 39, 50, 54, 64—66, 72, 83, 85, 156, 157, 251—253, 259—261, 263—277, 280, 293, 294, 297, 315—319, 327, 332, 335, 348, 352, 366—368, 418, 424, 428, 431, 478, 489, 490, 494, 497, *517, 521—523, 559—561, 564, 565, 579*

Драгоманов Михаил Петрович (1841—1895), укр. публицист, историк, фольклорист — *532, 533, 537*

Дунс Скот, см. *Иоганн Дунс Скот*

Дьюи Джон (1859—1952), амер. философ-идеалист, прагматик, психолог — *573*

Дьяков Владимир Анатольевич, сов. историк — *523*

Егоров (наст. имя и фамилия: Е. Я. Левин; 1873—?), деятель российского революционного движения, представитель группы «Южнорусский рабочий» на II съезде РСДРП — 136, *539*

Елизавета Петровна (1709—1761/62), российская императрица с 1741, дочь *Петра I* — 463

Елисеев Григорий Захарович (1821—1891), рус. публицист, революционный демократ — *532*

Еллинек Георг (1851—1911), нем. юрист, философ — *532*

Ельчанинов Александр Викторович (1881—1934), рус. религиозный и общественный деятель, богослов, историк, друг *В. Ф. Эрна* и *П. А. Флоренского* — *516*

Есенин Сергей Александрович (1895—1925) — *554*

Ефремов Иван Николаевич (1866—?), член I, III, IV Государственных дум, в августе — октябре 1917 г. министр государственного призрения Временного правительства — 363

Железняков Анатолий Григорьевич (1895—1919), матрос Балтийского флота, участник Октябрьской революции — 373

Жорес Жан (1859—1914), руководитель франц. социалистической партии, реформист — *576*

Зиммель Георг (1858—1918), нем. социолог, представитель философии жизни, основоположник формальной социологии — 23, *511*, *532*

Ибсен Генрик (1828—1906), норвежский драматург — *544*

Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584), великий князь всея Руси (с 1533), первый рус. царь (с 1547) — 443

Иванов Александр Андреевич (1806—1858), рус. живописец — 315

Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — 28, *514*, *547—548*, *554—557*, *560*, *566—570*

Иванов-Разумник (наст. имя и фамилия: Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946), рус. критик, публицист, историк литературы и общественной мысли — *501*

Иванюков Иван Иванович (1844—1912), профессор Санкт-Петербургского политехнического института — 111

Изгоев (наст. фамилия: Ланде) Александр (Арон) Соломонович (1872—1935) — *501—504*, *506*, *507*, *511*, *513*, *527—531*, *540*, *542*, *552*, *554—556*, *559—570*, *572*

Иеринг Рудольф фон (1818—1892), нем. юрист, философ права — 125, 131, *536*

Ильин Иван Александрович (1882—1954), рус. философ-гегельянец — *555*, *575*

Иоахим Флорский (Джоаккино да Фьоре; ок. 1132—1202), итал. мыслитель — *558*

Иоанн Дунс Скот (ок. 1266—1308), философ, ведущий представитель францисканской схоластики — *573*

Исократ (436—338 до н. э.), афинский оратор — 475, *578*

Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), рус. историк, либеральный общественный деятель, публицист, автор одного из проектов отмены крепостного права — 129, 131—133, *537*

Кальвин Жан (1509—1564), деятель Реформации во Франции — 388, *544*

Каменский Василий Васильевич (1884—1961), сов. поэт-футурист — *565*

Кант Иммануил (1724—1804), нем. философ, родоначальник нем. классического идеализма — 16, 18, 23, 124, 400, 411, 420, *510, 512, 535, 573, 574*

Карсев Николай Иванович (1850—1931), рус. историк, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук с 1910 г.— 221, *540, 557*

Карлейль Томас (1795—1881), англ. публицист, историк, философ — 53, 77—79, *518, 521, 524*

Кассо Лев Аристидович (1865—1914), министр народного просвещения России (1910—1914) — 372, *570, 574, 576*

Каутский Карл (1854—1914), один из лидеров и теоретиков герм. социал-демократической партии и II Интернационала — 366, *514, 520*

Керенский Александр Федорович (1881—1970), рус. политический и государственный деятель — 238, 308, 310, 363, *563*

Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933), рус. историк, публицист, член ЦК кадетской партии — 531

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), рус. философ, публицист, критик, один из родоначальников славянофильства — 88, *525, 526*

Киреевский Петр Васильевич (1808—1856), рус. фольклорист, археолог, переводчик, публицист — *524*

Кирилл (Константин; ок. 827—869), святой, создатель славянской азбуки, проповедник христианства — 355

Кистяковский Александр Федорович (1833—1885), рус. юрист; ординарный профессор по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства в Киевском университете; статский советник, отец *Б. А. Кистяковского* — *531*

Кистяковский Богдан Александрович (1868—1920) — 372, *500—502, 504—506, 511, 531—541, 552*

Клейнборт Лев Наумович (1875—?), рус. политический деятель, социал-демократ, публицист — *530*

Клепинина Тамара, составитель библиографии *Н. А. Бердяева* — *558, 559*

Ключевский Василий Осипович (1841—1911), рус. историк — 67, 68, 443, *523, 577*

Кнапп Георг Фридрих (1842—1926), нем. экономист, статистик — *532*

Книжник-Ветров Иван Сергеевич (1878—1965), рус. историк, библиограф — *554*

Ковалевская Софья Васильевна (1850—1891), рус. математик — 294, *561*

Ковалевский Максим Максимович (1851—1916), рус. историк, юрист, социолог-эволюционист — *505*

Коген Герман (1842—1918), нем. философ, основатель и глава марбургской школы неокантианства; один из теоретиков этического социализма — 25, *513*

Кожевников Владимир Александрович (1852—1915), рус. ученый, издатель — 67, *523*

Козлов Алексей Александрович (1831—1901), рус. философ-персоналист, под влиянием идей *Шопенгауэра* и Гартмана развивал систему панпсихизма — 26, *513, 556*

Кокошкин Федор Федорович (1871—1918), рус. юрист, публицист, лидер партии кадетов — 368, *540, 569—570*

Колридж Сэмюэл Тейлор (1772—1834), англ. поэт и литературный критик — 478, *579*

Кондоиди Владимир Георгиевич, самарский вице-губернатор (1899) — *531*

Константин I Великий (ок. 235—337), рим. император с 306 г.— 343—345

Конт Огюст (1798—1857), франц. философ, один из создателей позитивизма и родоначальник социологии — 26

Корнелиус Ганс (1863—1947), нем. философ, представитель эмпириокритицизма, автор системы гносеологического эмпиризма — 23, *512*

Корнилов Владимир Алексеевич (1806—1854), рус. вице-адмирал (1852), в Крымскую войну руководил обороной Севастополя, погиб при бомбардировке города — 476

Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918), рус. генерал от инфантерии (1917), в июле-августе 1917 г. верховный главнокомандующий рус. армии, один из организаторов Добровольческой армии (ноябрь — декабрь 1917 г.) — *564*

Корсаков Дмитрий Александрович (1843—1919), рус. историк — 463

Костомаров Николай Иванович (1817—1885), рус. историк, писатель — 463

Котляревский Сергей Андреевич (1873—1939) — *540, 554, 556, 570—573, 577*

Краузе Карл Христиан Фридрих (1781—1832), нем. философ, последователь *Шеллинга* и *Баадера* — 124, *535*

Кривенко Сергей Николаевич (1847—1906), рус. публицист, литературный критик — *528*

Кривцов Сергей Иванович (1802—1864), декабрист, член Северного общества — *524*

Кромвель Оливер (1599—1658), деятель Английской буржуазной революции XVII в. — 58, 81, 386, 488, *524, 539*

Кропоткин Петр Алексеевич (1842—1921), князь, рус. революционер, философ, публицист, теоретик анархизма — 153, 393, 446

Крыжановский Сергей Ефимович (1861—?), рус. государственный деятель, в 1906 г. товарищ министра внутренних дел *П. А. Столыпина*, автор избирательного закона от 3 июня 1907 г., впоследствии — сенатор, государственный секретарь, член Государственного совета — 374

Кускова Екатерина Дмитриевна (1869—1958), рус. публицист, один из идеологов «экономизма», деятельница «Союза освобождения» (1904—1905), жена *С. Н. Прокоповича* — *520*

Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813), светлейший князь смоленский (с 1812), рус. полководец, генерал-фельдмаршал (с 1812) — 85

Кушнерев Иван Николаевич (1827—1896), рус. издатель — *505, 555, 578, 579*

Лависс Эрнест (1842—1922), франц. историк — *524*

Лавров Петр Лаврович (1823—1900), рус. философ, социолог, публицист, один из идеологов революционного народничества — 14, 15, 21, 85, 424, 428, *509—511*

Ламенне Фелисите Робер де (1782—1854), франц. мыслитель, предшественник социал-христианства — *570, 579*

Ланге Фридрих Альберт (1828—1875), нем. философ, экономист, представитель неокантианства — *508, 512*

Лапшин Иван Иванович (1870—1952), рус. философ, психолог — *512*

Ларин-Лурье, Ларин Ю. (наст. имя и фамилия: Лурье Михаил Зельманович; 1882—1932), деятель российского революционного движения, экономист — 377, 378

Лассаль Фердинанд (1825—1864), нем. писатель и политический

деятель, участник нем. рабочего движения, один из теоретиков социализма — 198, *512, 548*

Левченко Вад.— 110—112, *529*

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716), нем. философ-идеалист, математик, физик, языковед — 411, *573*

Леконт де Лилль Шарль (1818—1894), франц. поэт, глава группы «Парнас» — *573*

Ленин Владимир Ильич (1870—1924) — 141, 333, 363, 367, 378, 462, 472, 494, *539, 542, 550, 554, 555, 575, 578*

Леонардо да Винчи (1452—1519), итал. художник, ученый-энциклопедист — 332, *565*

Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891), рус. писатель, публицист, литературный критик — 128, 277, 332—334, 494, *510, 537, 559, 565, 566*

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — 156, 399, *560*

Лесков Николай Семенович (1831—1895), рус. писатель — 225, *562*

Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781), нем. философ-просветитель, писатель, критик — *519*

Леффлер Анна Шарлотта (1849—1892), герцогиня де Кайянелло, шведская писательница — *561*

Лильберн Джон (1615—1657), англ. политический деятель, глава радикального крыла парламента «левеллеров» — 124, *534*

Линней Карл (1707—1778), шведский естествоиспытатель, основоположник системы растительного и животного мира — *562*

Локк Джон (1632—1704), англ. философ-материалист, создатель доктрины либерализма — 124, *519, 534*

Лопатин Лев Михайлович (1855—1920), рус. философ-персоналист, один из первых критиков материализма и позитивизма, редактор журн. «Вопросы философии и психологии» (1844—1918) и председатель Московского психологического общества (с 1899) — 18, 26

Лосский Николай Онуфриевич (1870—1965), рус. философ-персоналист и интуитивист — 26, *501, 513, 556*

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933), литературный критик, государственный деятель — 15, 23, 24, 25, 28, 372, *508, 510, 513, 532*

Лундберг Евгений Германович (1833—1965), писатель, переводчик, литературный критик, мемуарист — *557*

Людовик XVIII (1755—1824), франц. король (1814—1815, 1815—1824), занявший престол после падения *Наполеона I Бонапарта — 539*

Лютер Мартин (1483—1546), деятель Реформации в Германии — 62, *544*

Ляпунов Прокопий Петрович (?—1611), думный дворянин (1607), участник восстания под руководством И. И. Болотникова (1606—1607) и свержения Василия Шуйского (1610); один из организаторов 1-го Земского ополчения (1611), глава земского правительства, убит казаками — 151

Мадзини Джузеппе (1805—1872), вождь республиканско-демократической части итальянского Рисорджименто — *525*

Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957), рус. юрист, автор трудов по истории рус. общественной мысли — 149, *563*

Малларме Стефан (1842—1898), франц. поэт-символист — *573*

Мануйлов Александр Аполлонович (1861—1929), профессор политэкономии, в 1905—1911 гг. ректор Московского университета, возглавлял Совет университета в борьбе за сохранение начал автономии, весной 1917 г. министр народного просвещения; редактор газ. «Русские ведомости» — 111, *530*

Марат Жан Поль (1743—1793), деятель Великой французской революции — 58

Маркович М. А., см. *Вовчок Марко*

Маркс Карл (1818—1883) — 25, 61, 166, 196, 198, 295, 363, 366, 370, 380, *512, 515, 520, 541, 545, 576*

Мартов Л. (наст. имя и фамилия: Цедербаум Юлий Осипович; 1873—1923), один из лидеров меньшевизма, член редакции «Искры» — 140, *539*

Мах Эрнст (1838—1916), австрийский физик, философ, основатель эмпириокритицизма — 15, 16, 24, 83, 196, *509, 510*

Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930) — *565*

Мельгунов Сергей Петрович (1879/80—1956), рус. историк, публицист, редактор журн. «Голос минувшего» — *571*

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941), рус. писатель, публицист — 28, 343, 372, *514, 522, 551, 558*

Меркель Адольф (1836—1896), нем. юрист, теоретик права, ученик *Иеринга* — 131, *538*

Местр Жозеф Мари де (1753—1821), граф, франц. политический деятель, религиозный философ, сторонник консервативного католического учения о государстве, критик Великой французской революции — 198, *516*

Мефодий (ок. 815—885), святой, создатель славянской азбуки, проповедник христианства — 355

Микеланджело Буонаротти (1475—1564), итал. скульптор, живописец, архитектор, поэт — 332, *561*

Милль Джон Стюарт (1806—1873), англ. философ, экономист, общественный деятель — 65, *522*

Мильтон Джон (1608—1674), англ. поэт, политический деятель — 124, 388, *534*

Милюков Павел Николаевич (1859—1943), рус. историк, публицист, один из организаторов и лидеров партии кадетов (1905), в марте — июне 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства — 308, 463, 494, *505, 550, 553, 563*

Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889), рус. сатирический поэт — *528*

Минин Кузьма (Сухорук; ?—1616), руководитель 2-го Земского ополчения 1611—1612 гг.— 151

Минский Н. М. (наст. имя и фамилия: Виленкин Никол Максимович; 1855—1937), рус. писатель-символист — *514, 522,* [illegible]*3*

Мирбах Вильгельм (1871—1918), германский дипломат, граф, посол в Москве с апреля 1918 г., убит эсером Я. Г. Блюмкиным — *555*

Михаил Кируларий (ок. 1000—1058), патриарх константинопольский с 1043 г.— *567*

Михайловский Николай Константинович (1842—1904), рус. социолог, публицист, глава народнических теоретиков в полемике 1890-х гг. с рус. марксистами — 13, 14, 15, 20, 21, 61, 94, 98, 99, 129—133, 157, 171, 369, 391, 424, 428, *508, 509, 511, 518, 528, 538, 572*

Моммзен Теодор (1817—1903), нем. историк античности — *567*

Монтескье Шарль Луи (1689—1755), франц. просветитель, философ, правовед — 124, *534*

Морозова (урожденная Мамонтова) Маргарита Кирилловна (1873—1958), учредительница издательства «Путь» и московского Религиозно-философского общества — *560*

Муравьев Валериан Николаевич (1885—1931) — *554, 556, 573—574*

Муравьев Николай Валерианович (1850—1908), рус. юрист, прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты, автор многих книг и статей по судебным вопросам; отец *В. Н. Муравьева* — *573*

Мускатблит Федор Генрихович (1878—?), рус. историк, публицист, издатель, журналист; автор книги «По вехам...» — *505*

Мякотин Венедикт Александрович (1867—1937), рус. историк, публицист, член редакции журн. «Русское богатство» — *530*

Набоков Владимир Дмитриевич (1869—1922), рус. юрист, публицист, один из лидеров кадетов — *540*

Наполеон I Бонапарт (1769—1821), франц. император (1804—1814, март-апрель 1815) — 159, 221, 222, 274, 386

Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт; 1808—1873), франц. император (1852—1870), племянник *Наполеона I* — 159

Нахимов Павел Степанович (1802—1855), рус. флотоводец, адмирал — 476

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877/78) — 52, 494

Некрасов Николай Виссарионович (1879—1940), один из лидеров левых кадетов, депутат III и IV Государственных дум, в марте — августе 1917 г. министр путей сообщения Временного правительства — 363

Несмелов Виктор Иванович (1863—1937), рус. религиозный философ, предшественник экзистенциализма, профессор Казанской духовной академии — 26, *513*

Николай I Павлович (1796—1855), российский император с 1825 г.— 371, 444, 492

Николай II Александрович (1868—1918), российский император (1868—1917) — *530, 540, 562, 563*

Ницше Фридрих (1844—1900), нем. философ — 24, 25, 167, 171, 191, 196, 198, 280, 323, *546, 547, 559, 564*

Новгородцев Павел Иванович (1886—1924) — 4, 137, *505, 506, 515, 532—534, 538, 540, 542, 545, 554—556, 570, 572, 574—576*

Новиков Александр Иванович, рус. публицист, литературный критик — *531*

Новиков Николай Иванович (1744—1818), рус. просветитель, писатель, журналист, издатель — 156

Нольде Борис Эммануилович (1876—1946), барон, историк, правовед, дипломат, член партии кадетов — *540*

Ньютон Исаак (1642—1727) — *526, 564*

Оболенский Владимир Андреевич (1869—1950), князь, в 1890-е гг. социал-демократ, в начале XX в.— член «Союза освобождения», позже один из лидеров левого крыла кадетской партии — *563, 570*

Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853—1920), рус. литературовед, языковед — *550*

Огарев Николай Платонович (1813—1877), рус. революционер-демократ, поэт, публицист — *524*

Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), востоковед, основатель рус. индологии, член партии кадетов, летом 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства — *546*
Орлеанские (Орлеаны), младшая ветвь королевских династий Валуа и *Бурбонов* — 159
Орлов Иван Иванович (1851—1917), земский врач Московского губернского земства, адресат нескольких писем *А. П. Чехова* — 82
Орлов Михаил Федорович (1788—1842), декабрист, генерал-майор, член «Союза благоденствия» — *524*
Орлова Елизавета Николаевна, либеральная деятельница по вопросам самообразования, издательница журн. «Критическое обозрение» — *501*
Островский Александр Николаевич (1823—1886), рус. драматург — 225
Оуэн Роберт (1771—1858), англ. социалист-утопист — 155
Ошеров Сергей Александрович, сов. переводчик, специалист по античности — *578*

П. Г., см. *П. Б. Струве*
Павел, апостол — 284, 285, 289
Павел I Петрович (1754—1801), российский император с 1796 г.— 210, 371
Павлик (Павлык) Михаил Иванович (1853—1915), укр. писатель — *532*
Паскаль Блез (1623—1662), франц. религиозный философ, писатель, математик, физик — 427, *575*
Паскаль Пьер (в России: Петр Карлович), военный атташе франц. посольства в России в 1918 г.— *554*
Пастернак Борис Леонидович (1890—1960), рус. сов. поэт — *565*
Паульсен Фридрих (1868—1908), нем. философ-идеалист — *529*
Перцов Петр Петрович (1868—1947), рус. литературный критик, публицист, поэт, издатель и соредактор журн. «Новый путь» — *514*
Пестель Павел Иванович (1793—1826), декабрист, член «Союза спасения» и «Союза благоденствия» — *545*
Петр I Алексеевич (1672—1725), рус. царь (с 1682), российский император (с 1721) — 33, 231, 409, 410, 443, 462, 476, *561*
Петр Дамиани (1007—1072), итал. философ-схоластик, теолог — *563*
Петражицкий Лев Иосифович (1867—1931), юрист, правовед, председатель «Союза освобождения», член партии кадетов — *536, 540*
Петрарка Франческо (1304—1374), итал. поэт — *524*

Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863—1942), рус. историк, представитель социально-экономической школы либеральной историографии — 470

Печерин Владимир Сергеевич (1807—1885), рус. общественный деятель, философ, поэт — *524*

Пешехонов Алексей Васильевич (1867—1933), рус. политический деятель, публицист, член редакции журн. «Русское богатство» — *530*

Пикассо Пабло (1881—1973), франц. живописец — 255, *559*

Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868), рус. публицист, литературный критик — 15, 20, 94, 171, *521*

Платон (428 или 427—348 или 347 до н. э.) — 26, 332, 400, 425, 429, 430, *576*

Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904), министр внутренних дел, шеф корпуса жандармов в 1902—1904 гг.— 119

Плеханов Георгий Валентинович (псевдоним: Бельтов; 1856—1918), деятель российского и международного социал-демократического движения, философ, публицист — 15, 20, 24, 134, 136, 369, 373, 374, 393, *509, 520, 538—539, 541, 570*

Плутарх (ок. 45 — ок. 127) — *523*

Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), обер-прокурор Святейшего Синода (1880—1905), идеолог контрреформ и консервативной реакции 1880-х — 1890-х гг.— 195

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642), князь, боярин (с 1613), участник 1-го Земского ополчения 1611 г., руководитель 2-го Земского ополчения и временного земского правительства — 151, 435

Покровский Иосиф Алексеевич (1868—1920) — *554—556, 570, 576—577*

Полибий (ок. 200 — ок. 120 до н. э.), древнегреч. историк — *545*

Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920), рус. генерал от инфантерии, военный министр с июня 1915 г. по март 1916 г., в 1920 г. в Красной Армии — 308

Полторацкий Николай Петрович, историк рус. философии — *3, 549, 552*

Попова Ольга Николаевна (1848—1907), прогрессивная издательница, владелица книжного магазина и библиотеки-читальни, писательница, переводчица — 134, *528, 541*

Потебня Александр Афанасьевич (1835—1891), рус. и укр. филолог-славист — 357

Потресов Александр Николаевич (псевдоним: Старовер; 1869—1934),

деятель российского революционного движения — 134, *520*, *537*, *541*, *544*

Принцип Гаврило (1894—1918), член организации «Молодая Босния» (1914), убийца австрийского престолонаследника *Франца Фердинанда* — 235, *558*

Прокопович Сергей Николаевич (1871—1955), рус. политический деятель, идеолог «экономизма», деятель «Союза освобождения»— *520*

Проскурина Вера Юльевна, современный литературовед, специалист по творчеству *М. О. Гершензона* — *503*

Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742—1775), предводитель крестьянской войны 1773—1775 гг.— 36, 69, 151, 460, *544*, *545*

Пуфендорф Самуил (1632—1694), нем. юрист и историк — 124, *534*, *535*

Пухта Георг Фридрих (1798—1846), нем. юрист, правовед, представитель исторической школы права — 125, *536*

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 52, 64, 156, 293, 303, 315, 320, 352, 356, 398, 399, 476, 492, 494, *559*, *560*, *562*, *567*, *569*, *576*, *579*

Радищев Александр Николаевич (1749—1802), рус. революционный мыслитель, писатель — 156, 464

Радченко Степан Иванович (1869—1911), деятель российского революционного движения, организатор «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — 134, *538*, *541*

Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630—1671), предводитель крестьянской войны 1670—1671 гг.— 36, 68, 150, 151, 460

Раковский Христиан Георгиевич (1873—1941), деятель румынской, болгарской и российской социал-демократии, в 1918 г. представитель советской власти на Украине — 472

Рамбо Альфред (1842—1905), франц. историк — *524*

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916), приближенный Николая II, убит в декабре 1916 г. князем Ф. Ф. Юсуповым, великим князем Дмитрием Павловичем и В. М. Пуришкевичем— 232, 235, 238, 307, 312, 323, 337, 346, *563*

Рачинский Сергей Александрович (1833—1902), рус. ученый-ботаник, педагог, деятель народного образования, сторонник церковноприходского обучения, организатор народных школ — 87

Ренан Жозеф Эрнест (1823—1892), франц. писатель — *565*

Рескин Джон (1819—1900), англ. критик, социальный мыслитель, теоретик школы прерафаэлитов — 494

Риль Алоиз (1844—1924), нем. философ-неокантианец — 23, *511*
Риттих Александр Александрович (1868—?), рус. государственный деятель, управляющий министерством земледелия, председатель особого совещания по продовольствию в ноябре 1916 — феврале 1917 г.— *570*
Робеспьер Максимильен (1758—1794), деятель Великой французской революции — 58, 222
Розанов Василий Васильевич (1856—1919), рус. писатель, публицист, философ — 28, 108, 253, 255, 317, *505, 514, 529, 550—551, 558, 559, 564*
Романовы, российская царская (с 1613), императорская (с 1721) династия — 462
Руссо Жан Жак (1712—1778) — 56, 124, 182, 198, 283, 284, 295, 392, *519, 534*
Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826), поэт-декабрист — 58

Саблин Владимир Михайлович (1872—1916), переводчик, владелец издательства, в котором вышли два первых издания сб. «Вехи» — *504*
Савинков Борис Викторович (псевдоним: Ропшин Б.; 1879—1925), эсер (1903 — сентябрь 1917), один из руководителей «Боевой организации» — 393, *508*
Савиньи Фридрих Карл (1779—1861), нем. юрист, один из основателей исторической школы права — 125, *569*
Сакулин Павел Никитич (1868—1930), рус. литературовед, представитель культурно-исторической школы — 359, *569*
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889), рус. писатель— 157, 461
Самарин Дмитрий Федорович (1831—1901), рус. историк, журналист — *528*
Самарин Юрий Федорович (1819—1876), рус. философ, историк, публицист, идеолог славянофильства — 465, *526, 528, 578*
Самарины — 100
Свенцицкий (Свентицкий) Валентин Павлович (1879—1931), рус. прозаик, публицист, драматург, религиозный писатель — *515, 579*
Семевской (Семевский) Василий Иванович (1848/49—1916), рус. историк народнической ориентации — 465
Сенокосов Юрий Петрович, историк рус. философии — *546*
Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (1760—1825), граф, французский мыслитель, социалист-утопист — 166
Серафим Саровский, преподобный (Мошнин Прохор Исидорович;

1760—1833), православный подвижник, инок Саровской пустыни (Темниковский уезд Тамбовской губернии) — 315, *556*

Сергеевич Василий Иванович (1823—1910), рус. юрист, профессор Московского (с 1871) и Санкт-Петербургского (с 1872) университетов — 111

Сергий, епископ (Страгородский Иван Николаевич; (1887—1944), с 1917 г. митрополит, патриарх Московский и Всея Руси (с 1943) — *516, 558*

Сергий Радонежский, преподобный (ок. 1321—1391), основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря — 58, 67, 68, 320, 356, 476, *523*

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853—1902), министр внутренних дел России (1900) — 119

Скобелев Матвей Иванович (1885—1938), рус. политический деятель, меньшевик, в 1917 г. заместитель председателя Исполкома Петроградского совета, министр труда Временного правительства (май — октябрь 1917) — 363

Скоропадский Павел Петрович (1873—1945), флигель-адъютант свиты *Николая II*, генерал-лейтенант, в апреле — декабре 1918 г. гетман «Украинской державы», далее в эмиграции в Германии — 366

Соболев, домовладелец в Москве — *566*

Соколов Николай Дмитриевич (1870—1928), рус. адвокат, член Исполнительного комитета Петроградского совета — 308, *563*

Сократ (470/469—399 до н. э.) — 221, 425, 429, 430

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900), рус. религиозный философ, поэт, публицист — 10, 17, 21, 25—27, 29, 39, 65, 125, 154, 157, 222, 235, 237, 262, 290, 293, 297, 311, 315, 317, 324, 332, 348, 424, 428, 431, 438, 463, 494, *508, 510, 515, 533, 534, 552, 557, 566*

Сорель Жорж (1847—1922), франц. теоретик анархо-синдикализма — *427, 575*

Софокл (ок. 496—406 до н. э.), древнегреч. драматург — *563*

Спенсер Герберт (1820—1903), англ. философ, социолог, родоначальник позитивизма — 385

Спиноза Бенедикт (Барух; 1632—1677), нидерланд. философ — *564*

Спиридонова Мария Александровна (1884—1941), деятель рус. революционного движения, руководитель партии левых эсеров, участница мятежа 6—7 июля 1918 г. в Москве — *367*

Спиро Сергей Петрович, корреспондент газ. «Русское слово», знакомый *Л. Н. Толстого* — *518*

Станкевич Николай Владимирович (1813—1940), рус. общественный деятель, философ, поэт — *524*

Станюкович Константин Михайлович (1843—1903), рус. писатель — *528*

Стахович Александр Александрович (1857—1915), земский деятель — *506*

Степун Федор Августович (1884—1965), рус. философ, историк и социолог культуры, писатель — *505*

Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), рус. государственный деятель, министр внутренних дел и председатель совета министров с 1906 г.— 396, 466, *528, 542, 571, 572*

Страхов Николай Николаевич (1828—1896), рус. философ, публицист, литературный критик — *510*

Струве Бернгард Вильгельмович (1827—1889), рус. государственный деятель, издатель, историк, отец *П. Б. Струве* — *541*

Струве Василий Яковлевич (1793—1864), рус. астроном, геодезист, академик Санкт-Петербургской Академии наук (1832), дед *П. Б. Струве* — *541*

Струве Никита Алексеевич, рус. литературовед, издатель, глава издательства YMCA-пресс в Париже — *508*

Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — 22, 23, 134, 426—428, 434, *500—515, 520, 522, 524, 527, 529—534, 537, 540—549, 551—555, 557, 570—573, 576—579*

Суворов Александр Васильевич (1729 или 1730—1800), рус. полководец, генералиссимус — 476

Таг-ин Е., см. *Энгельгардт М. А.*

Такер Роберт, амер. историк — *511*

Татаринова Александра Павловна, в 1910-е гг. секретарь редакции журн. «Русская мысль» — *555*

Тейлор Фредерик Уинслоу (1856—1915), амер. инженер — 379

Теренций Публий (ок. 195—159 до н. э.), древнерим. комедиограф — *519*

Тибо Антон Фридрих Юстус (1772—1840), нем. юрист — 125, *536*

Тит (39—81), рим. император (с 79) — 327

Толанд Джон (1670—1722), англ. философ-материалист — *519*

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — 3, 10, 14, 26, 39, 53, 73, 85, 155, 157, 251, 252, 277—285, 297, 315, 399, 446, 476, 494, *501, 508, 513, 518, 519, 544, 545, 560, 572*

Толстой Николай, рус. католический священник — *566*

Томазий Христиан (1655—1728), нем. юрист, один из первых представителей идей Просвещения в философии права — 124, *534—535*
Троицкий А. Г., см. *Энгельгардт М. А.*
Троцкий Лев Давидович (наст. фамилия: Бронштейн; 1879—1940), деятель российского революционного движения — 367
Трубецкой Григорий Николаевич (1865—1930), князь, дипломат, публицист, соиздатель «Московского еженедельника» — *554*
Трубецкой Дмитрий Тимофеевич (?—1625), князь, один из руководителей 1-го Земского ополчения, глава (совместно с *Пожарским*) рус. правительства, кандидат на рус. престол в 1613 г.— 435
Трубецкой Евгений Николаевич (1863—1920), князь, рус. религиозный философ, правовед, общественный деятель — *506, 507, 530, 540, 554, 570, 573*
Трубецкой Сергей Николаевич (1862—1905), князь, рус. религиозный философ и общественный деятель, один из лидеров рус. конституционного движения начала века, первый выборной ректор Московского университета (1905) — 26, 27, 39, *513, 514, 540*
Туган-Барановский Михаил Иванович (1865—1919), рус. экономист, историк, представитель «легального марксизма» — *510, 512, 520, 529, 541*
Туляков Иван Никитич (1878—1918?), социал-демократ, член IV Государственной думы — 368, *569—570*
Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 156, 254, 389, *517, 537, 551*
Тургенев Николай Иванович (1789—1871), декабрист; экономист, основоположник финансовой науки в России — 459, *578*
Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — 85, 234, 290, 293, 294, 296, 301, 303, 312, 315, 398, 494, *558, 560—562*

Уайльд Оскар (1854—1900), англ. писатель — 190, *547*
Урицкий Моисей Соломонович (1873—1918), деятель российского революционного движения, юрист; убит эсером — *555*
Успенский Глеб Иванович (1843—1902), рус. писатель — 13, 36, 86, 87, 157, *531*
Ушаков Симон Федорович (1626—1686), рус. иконописец — 315

Фарабеф Луи Убер (1841—1910), франц. хирург, профессор медицины, автор руководств для студентов — 105, *529*
Фейербах Людвиг (1804—1872), нем. философ — *173*

Феодор Студит (759—826), византийский аскет, настоятель Студийского монастыря, глава движения иконопочитания — 233, *558*

Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820—1892) — 85, 95

Филипп (Колычев Федор Степанович; 1507—1569), митрополит Московский и Всея Руси (с 1566), за выступления против опричнины лишен сана (1568) и сослан в Тверской монастырь, где по приказу Ивана Грозного задушен Малютой Скуратовым — 476

Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940), рус. публицист, литературный критик — *522, 558*

Фильмер Роберт (1604—1653), англ. политический писатель — 124, *534*

Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814), нем. философ — 23, 124, *512, 535, 573*

Фишер Куно (1824—1907), нем. историк философии; гегельянец — *512*

Флоренский Павел Александрович (1882—1937), рус. религиозный философ — *513, 557*

Фомин Александр Григорьевич (1887—1939), рус. книговед, библиограф — *505*

Форлендер Карл (1860—1928), нем. историк философии, неокантианец — *512*

Франк Семен Людвигович (1877—1950) — *5, 501—507, 509—514, 516, 522, 537, 540, 542, 545—549, 552, 554, 555, 559, 571, 578—579*

Франко Иван Яковлевич (1856—1916), укр. писатель, публицист, общественный деятель — *532*

Франц Фердинанд (1863—1914), австрийский эрцгерцог, убит в Сараеве — *558*

Фриз Якоб Фридрих (1773—1843), нем. философ, профессор в Йене, последователь *Канта*, Ф. Якоби, Ф. Шлейермахера — 124, *535—536*

Фриче Владимир Максимович (1870—1929), рус. советский литературовед — *550*

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), рус. религиозный философ, поэт, основатель славянофильства — 26, 348, 349, *513, 528, 558*

Хомяков Дмитрий Алексеевич, сын *А. С. Хомякова* — *528*

Хомяков Николай Алексеевич (1850—1925), рус. политический деятель, председатель III Государственной думы; сын *А. С. Хомякова* — *528*

Хомяковы — 100, *528*

Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1959), рус. политический деятель, один из лидеров меньшевизма, депутат II Государственной думы, в мае — августе 1917 г.— министр почты и телеграфа Временного правительства — 363

Циглер Теобальд (1846—1918), нем. историк педагогики, социолог, профессор Страсбургского университета — *528, 532*

Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856), рус. философ — 10, 25, 83, 156, 318, 348, 365, 402, 412, 424, 428, 431, *508, 513, 524, 569, 579*

Чернов Виктор Михайлович (1873—1952), рус. политический деятель, руководитель партии эсеров, в мае — октябре 1917 г. министр земледелия Временного правительства — 115, 363, *528, 530, 559*

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889), рус. революционер-демократ, писатель — 14, 15, 37, 65, 156, 157, 254, 327, 369, 424, 428, *509, 522, 550, 560*

Чехов Антон Павлович (1860—1904) — 82, 83, 85, 90, 156, 389, *525*

Чичерин Борис Николаевич (1826—1903), рус. философ-гегельянец, теоретик государства и права, публицист, общественный деятель — 21, 26, 125, *509, 511, 536*

Членов Михаил Александрович (1871—?), рус. врач, публицист — 99, *528*

Чулков Георгий Иванович (1879—1939), рус. писатель, поэт, критик — *547—548, 555*

Чупров Александр Иванович (1842—1908), рус. экономист, статистик, публицист, общественный деятель — *542, 545*

Чхеидзе Николай Семенович (1864—1926), рус. политический деятель, один из лидеров меньшевизма, депутат III и IV Государственных дум, в 1917 г.— председатель Исполкома Петроградского совета, председатель первого состава ВЦИКа — 363

Шапиро Леонард (1908—1991), англ. советолог, историк рус. общественной мысли — *5, 551, 553*

Шацилло Корнелий Федорович, сов. историк — *508, 515*

Шварц Александр Николаевич (1848—1915), рус. государственный деятель, министр народного просвещения России (1808—1810) — *530*

Шейдеман Филипп (1865—1939), нем. политический деятель, один из лидеров правого крыла германской социал-демократической партии — 366

Шекспир Уильям (1564—1616) — *565, 572—573*
Шедрунов Николай Васильевич (1824—1891), рус. революционер-демократ, публицист, литературный критик — 98, *528*
Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775—1854), нем. философ — *573*
Шефтсбери Антони Эшли Купер (1671—1713), англ. философ, эстетик — *519*
Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805), нем. поэт — *522*
Шингарев Андрей Иванович (1869—1918), рус. политический и государственный деятель, депутат II—IV Государственных дум, член кадетской партии, в марте — мае 1917 г. министр земледелия, мае — августе министр финансов Временного правительства; земский врач, публицист — 368, *563, 569*
Шмидт Анна Николаевна (1831—1905), рус. религиозно-мистическая писательница, корреспондентка *Вл. С. Соловьева* — 219, 299, 341, *557, 558, 565*
Шопен Фридерик (1810—1849), польск. композитор, пианист — 399
Шопенгауэр Артур (1788—1860), нем. философ — 356
Штаммлер Рудольф (1856—1938), нем. юрист, теоретик права — *512*
Штейнер Рудольф (1861—1925), нем. философ-мистик, основатель антропософии — *564*
Штирнер Макс (наст. имя и фамилия: Каспар Шмидт; 1806—1856), нем. философ-младогегельянец — 173, 431, *546—547, 576*
Шульгин Василий Витальевич (1878—1976), рус. политический деятель, монархист, один из лидеров правого крыла II—IV Государственных дум — 148, *540*
Шуппе Вильгельм (1836—1913), нем. философ-идеалист, представитель имманентной философии — *556*

Энгельгардт Михаил Александрович (псевдоним: Троицкий А. Г., Таг-ин Е.; 1861—1915), рус. политический деятель, социалист-революционер, публицист — 115, *528, 530*
Энгельс Фридрих (1820—1895) — 366
Эредиа Жозе Мария де (1842—1905), франц. поэт, участник группы «Парнас» — *573*
Эрн Владимир Францевич (1881—1917), рус. религиозный философ — *515, 579*
Эртель Александр Иванович (1855—1908), рус. писатель — 195, *524, 547*

Юркевич Памфил Данилович (1826—1874), рус. религиозный философ, профессор Киевской духовной академии и Московского университета — 14, *509*

Юшкевич Павел Соломонович (1873—1945), рус. философ, эмпирио-символист, историк литературы, журналист, драматург — *510*

Яковенко Борис Валентинович (1884—1948), рус. философ — *512*

Янсений Корнелиус (1585—1638), нидерландский теолог — *544*

Brooks J.— *552*

Burbank Jane, амер. исследовательница рус. общественной мысли — *553*

Coleridge S. T., см. *Колридж С. Т.*

Cruet Jean, франц. юрист, представитель социологического направления в школе «свободного права» — 444

Dan T.— *511*

Gurwitsch Georges, см. *Гурвич Г. Д.*

Kelly Aileen, англ. исследовательница рус. философии, профессор Кэмбриджского университета — *551*

Kindersley R.— *548*

Kistjakowski Th., см. *Кистяковский Б. А.*

Levin A.— *552*

Mendel A., амер. исследователь рус. общественной мысли — *548*

Meyer Alfred George, амер. профессор политологии, руководитель центра по изучению России и стран Восточной Европы — *511*

Oberländer Gisela, нем. историк — *551, 553*

Pipes Richard (Edgar), амер. историк и политолог, специалист по рус. и сов. истории — *543, 551*

Poltorazky N. P., см. *Полторацкий Н. П.*

Read C.— *551*

Struve P. B., см. *Струве П. Б.*

Schapiro Leonard, см. *Шапиро Л.*

Tomkins S.— *552*

Ulam Adam B., амер. ученый, профессор Гарвардского университета, специалист по рус. истории — *511*

Venturi F.— *511*

Zernov N.— *552*

СОДЕРЖАНИЕ

Балуев В. Г. Слово к читателю 3
Хацкевич А. Ф. Первый чекист 9
Майданов И. И. Операция «Крот» 43
Борисов И. С. Бумеранг 48
Борисов И. С., Суслов А. А. Под псевдонимом Быстрый 79
Скорбин Б. П. Доброволец — всю жизнь . . . 92
Золотарь И. Ф. Верный товарищ 113
Миронов А. Е. Не ради славы 128
Борисов И. С. Разведчик грядущей Победы . . 135
Миронов А. Е. Наперекор всему 151
Вершубский Г. В. Боевая мудрость 163
Камионский А. Л. Отряд особого назначения . 178
Казицкий А. С., Розенберг Л. Б. В смоленском «треугольнике» 196
Борисов И. С. Охота на охотников 205
Скорбин Б. П. Комбриг «Неуловимых» . . . 223
Суслов А. А. От боя к бою 233
Никитин Б. В. Лесной гарнизон 247
Борисов И. С. Солдат партии 256
Шиманский М. Н. Повесть о боли и памяти . . 284
Свиржевский Д. П. Агент не пришел на явку . 300
Прокудин В. П. Провал «Славянской миссии» . 322
Пономарев В. Г. Оборотень 348
Шиманский М. Н. Позови меня, Родина! . . 364
Дмитриев Ю. В. Битая карта 387
Краткие сведения об основных героях очерков . 394

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОСНОВНЫХ ГЕРОЯХ ОЧЕРКОВ

ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ БЫЧЕК

О. С. Бычек родился в 1921 году в местечке Бобровица Козелецкого района Черниговской области в семье рабочего. Кандидат в члены КПСС. В 1941 году окончил Буйнакское пехотное училище. В сентябре — ноябре 1941 года — помощник командира взвода отряда Шпилевого, выполнявшего специальное задание на оккупированной территории Калининской, Смоленской и Витебской областей. С марта 1942 года — комиссар, а с июня 1943 года — командир спецотряда «Третьи», действовавшего на территории Витебской, Минской, Вилейской областей и Литовской ССР.

О. С. Бычек погиб 7 мая 1944 года при выполнении боевого задания.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года посмертно.

СТАНИСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ ВАУПШАСОВ

С. А. Ваупшасов родился в 1899 году в деревне Груздjяй Шяуляйского района Литовской ССР в семье батрака. Член КПСС. В 1918 году добровольно вступил в Красную Армию, участвовал в боях на Западном фронте. В 1920—1925 годах руководил партизанским отрядом в Западной Белоруссии. С 1925 года на административно-хозяйственной работе в Москве, с 1930— в органах госбезопасности. Участник антифашистской борьбы в Испании (1937—1938 гг.) и войны с Финляндией.

В начале Великой Отечественной войны командовал батальоном отдельной мотострелковой бригады особого назначения, оборонявшей Москву. С марта 1942 по июль 1944 года С. А. Ваупшасов (Градов) — командир спецотряда «Местные», действовавшего на территории Минской области. При отряде базировался Минский подпольный горком партии, членом которого являлся С. А. Ваупшасов. Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года.

В послевоенный период продолжительное время работал на руководящих должностях в органах государственной безопасности. Проживал в Москве. Умер в 1976 году.

БОРИС ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ГАЛУШКИН

Б. Л. Галушкин родился в 1919 году в городе Шахты Ростовской области в семье рабочего. Член КПСС. В 1937—1941 годах учился в Московском институте физкультуры. Осенью 1941 года участвовал в боях с немецко-фашистскими оккупантами под Ленинградом. В 1942 году выполнял спецзадание в тылу врага. С мая 1943 по июнь 1944 года — командир специального партизанского отряда «Помощь», действовавшего в Минской и Ви-

тебской областях. Погиб 15 июня 1944 года во время прорыва вражеской блокады в районе озера Палик Борисовского района Минской области.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года посмертно.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЗЕБНИЦКИЙ

Н. В. Зебницкий родился в 1919 году в селе Новосухотино Красноармейского района Кокчетавской области в семье крестьянина. Член КПСС. В 1941 году окончил Орловское пехотное училище. В Отечественную войну в июне — августе участвовал в боях с немецко-фашистскими войсками, в сентябре — ноябре — командир взвода отряда особого назначения Западного фронта. С апреля 1942— комиссар, с июля 1942 по ноябрь 1943 года — командир партизанского отряда «Вторые», действовавшего на территории Орловской, Смоленской, Могилевской, Гомельской и Черниговской областей.

Звание Героя Советского Союза присвоено 1 января 1944 года.

В послевоенное время Н. В. Зебницкий работал в органах госбезопасности Белоруссии. Умер в 1975 году.

ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ ЛОПАТИН

П. Г. Лопатин родился в 1907 году в деревне Излегоще Усманского района Липецкой области в семье крестьянина-бедняка. Член КПСС. В Красной Армии служил с 1929 года, в 1934—1935 годах — в органах НКВД. С 1936 по 1941 год работал на железнодорожной станции в Минске. С июля 1941 года — в отдельной мотострелковой бригаде особого назначения. В сентябре — декабре 1941 года — командир отделения, затем взвода спецотряда, действовавшего под командованием Д. Н. Медведева на территории Смоленской, Могилевской и Орловской областей.

В феврале 1942 года П. Г. Лопатин назначается командиром разведывательно-диверсионной группы «Бывалые», которая в марте 1942 года перешла линию фронта и направилась в Борисовский район Минской области. С августа 1942 года — командир партизанской бригады «Дяди Коли». Звание Героя Советского Союза присвоено 15 августа 1944 года.

С 1944 года П. Г. Лопатин работал заместителем председателя Борисовского горисполкома, а затем райисполкома. В 1955—1962 годах находился на хозяйственной работе. Проживал в городе Борисове. Умер в 1974 году.

НИКОЛАЙ АФАНАСЬЕВИЧ МИХАЙЛАШЕВ

Н. А. Михайлашев родился в 1917 году в станице Прочноокопская Новокубанского района Краснодарского края в семье крестьянина. Член КПСС. В 1939—1941 годах служил в органах госбезопасности. С июля 1941 года в тылу врага — командир группы, взвода, заместитель командира Чечерского партизанского отряда, с августа 1942 года — заместитель начальника разведки отряда НКГБ «Вперед», с мая 1943 года — заместитель командира Добрушской партизанской бригады. В апреле —

июле 1944 года — командир специальной разведывательно-диверсионной группы «Буря», действовавшей на территории Вилейской области. Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года.

В 1944—1976 годах работал в органах госбезопасности Белоруссии. Живет в городе Минске.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ МИРКОВСКИЙ

Е. И. Мирковский родился в 1904 году в городе Минске в семье служащего. Член КПСС. С 1921 по 1926 год — рабочий бондарной мастерской в городе Дмитриеве Курской области, бетонщик стройучастка в Минске. В 1927—1941 годах служил в пограничных войсках. В 1941 году, будучи командиром роты отдельной мотострелковой бригады особого назначения, участвовал в обороне Москвы. С марта 1942 по август 1944 года — командир партизанского отряда специального назначения «Ходоки», действовавшего на территории Орловской, Гомельской, Черниговской, Житомирской и Брестской областей.

Звание Героя Советского Союза присвоено 17 ноября 1944 года.

В 1944—1955 годах Е. И. Мирковский работал на руководящих должностях в органах госбезопасности в Москве. С 1955 года пенсионер, проживает в Москве.

ВАЛЕНТИН ЛЕОНИДОВИЧ НЕКЛЮДОВ

В. Л. Неклюдов родился в 1910 году в Омске в семье служащего. Член КПСС. В 1931 году окончил Новосибирский коммунистический университет. С 1933 года — в органах госбезопасности. Участник обороны Москвы. С февраля 1942 года — комиссар, а с августа того же года — командир партизанского отряда специального назначения «Боевой», действовавшего на территории Витебской, Вилейской областей и Литовской ССР.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года.

В 1944—1958 годах работал на ответственных должностях в органах МГБ и МВД Белорусской и Молдавской ССР.

Жил в Кишиневе. Умер в мае 1979 года.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ ОЗМИТЕЛЬ

Ф. Ф. Озмитель родился в 1918 году в селе Липовицкое Мартукского района Актюбинской области в семье крестьянина. Член КПСС. В Красной Армии служил с 1938 года. Участвовал в боях под Москвой. В феврале 1942 года направлялся в тыл врага командиром партизанского отряда особого назначения «Грозный», действовавшего в районе Орша — Витебск — Смоленск. В мае 1943 года снова в тылу врага во главе спецотряда «Гром», действовавшего на территории Минской области. В июне 1944 года во время вражеской блокады возле озера Палик Ф. Ф. Озмитель командовал штурмовой группой по прорыву окружения, был тяжело ранен. Когда гитлеровцы приблизились, чтобы взять его в плен, подорвал связкой гранат себя и окруживших его врагов. Похоронен в деревне Маковье Борисовского района.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года посмертно.

КИРИЛЛ ПРОКОФЬЕВИЧ ОРЛОВСКИЙ

К. П. Орловский родился в 1895 году в деревне Мышковичи Кировского района Могилевской области в семье крестьянина. Член КПСС с 1918 года. В 1915—1918 годах служил в армии. В 1918 году поступил на службу в органы ВЧК. В 1918—1920 годах — командир партизанских отрядов, сражавшихся с кайзеровскими, польскими оккупантами, бандами Булак-Балаховича и Савинкова. Последующие пять лет возглавлял партизанский отряд, действовавший на территории Западной Белоруссии. В 1930 году окончил Коммунистический университет в Москве.

Участник гражданской войны в Испании (1937—1938 гг.). В 1942—1943 годах — командир спецотряда «Соколы», действовавшего на территории Минской и Брестской областей.

Звание Героя Советского Союза присвоено 20 сентября 1943 года.

С 1944 по 1968 год работал председателем колхоза «Рассвет» Могилевской области. Являлся делегатом XX, XXII и XXIII съездов КПСС. На XX съезде был избран кандидатом в члены ЦК КПСС, на XIX—XXVI съездах КПБ избирался в состав ЦК КПБ. Депутат Верховного Совета СССР 3—7-го созывов.

Умер в 1968 году.

МИХАИЛ СИДОРОВИЧ ПРУДНИКОВ

М. С. Прудников родился в 1913 году в деревне Новопокровка Ижморского района Кемеровской области в семье крестьянина. Член КПСС. С 1931 года служил в войсках НКВД, окончил Харьковское пограничное училище. В Отечественную войну — командир батальона отдельной мотострелковой бригады особого назначения, участник обороны Москвы.

В марте 1942 года со спецотрядом прибыл в Полоцкий район. Вскоре отряд значительно пополнился новыми бойцами и был преобразован в партизанскую бригаду «Неуловимые». М. С. Прудников командовал ею до мая 1943 года, после чего был отозван в Москву, где продолжал служить в органах госбезопасности.

Звание Героя Советского Союза присвоено 20 сентября 1943 года.

М. С. Прудников — автор книг «Неуловимые», «Неуловимые действуют», «Особое задание», «Разведчики «Неуловимых» и других.

Сейчас на пенсии. Живет в Москве.

АЛЕКСАНДР МАРКОВИЧ РАБЦЕВИЧ

А. М. Рабцевич родился в 1898 году в деревне Лозовая Буда Бобруйского района Могилевской области в семье крестьянина. Член КПСС. С 1910 по 1916 год — батрак имения Кочеричи, в 1916—1917 годах — рядовой, унтер-офицер 6-го гренадерского полка. Участник гражданской войны. В 1921—1923 годах — участник партизанского движения в Западной Белоруссии. С 1924 по 1937 год находился на хозяйственной работе. В 1937—1938 годах участвовал в гражданской войне в Испании, позже работал в хозяйственных органах.

В Великую Отечественную войну, начиная с 1941 года, на

фронте в должности командира роты отдельной мотострелковой бригады особого назначения. С июня 1942 по июль 1944 года — командир разведывательно-диверсионного отряда «Храбрецы», действовавшего на территории Могилевской, Полесской и Пинской областей.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года. После войны служил в органах госбезопасности Белоруссии в Минске. Умер в 1961 году.

АЛЕКСАНДР НИКИТИЧ ШИХОВ

А. Н. Шихов родился в 1914 году в деревне Песчанка Орычевского района Кировской области в семье крестьянина. Член КПСС. С 1933 по 1936 год работал на машиностроительном заводе в Кирове, в 1936—1938 годах служил в Красной Армии. С 1939 по 1941 год — работник Кировского облисполкома. В первые же дни Великой Отечественной войны ушел в действующую армию, участвовал в обороне Москвы. В мае — сентябре 1943 года — командир специальной группы, действовавшей в Гомельской области, а с января по июль 1944 года — командир специального отряда «Богатыри», выполнявшего задание Центра в тылу врага на территории Минской, Пинской и Барановичской областей.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года.

С 1945 по 1970 год служил в органах госбезопасности. Живет в Москве.

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ МАКСИМЕНКО

А. П. Максименко родился в 1905 году в городе Орск Оренбургской области в семье крестьянина. Член КПСС. Трудовую деятельность начал с тринадцати лет — батрачил у кулаков, работал рассыльным в уездном комиссариате, учеником в шорной мастерской, секретарем губернского отдела профсоюза пищевой промышленности. С 1925 года — в органах госбезопасности.

В годы Великой Отечественной войны — руководитель оперативно-чекистской группы, действовавшей в районе Витебска, а с мая 1943 года — командир разведывательно-диверсионной группы «Неуловимые» и зам. командира 1-й партизанской бригады имени К. С. Заслонова по разведке.

В 1944—1952 годах работал в органах госбезопасности Белоруссии.

В 1959 году умер.

ВЫСОКИЙ ДОЛГ

К 70-летию ВЧК — КГБ

МИНСК
«БЕЛАРУСЬ»
1985

„Бородатыя Венеры“ древности

...«Кедеши Молоха и Астарты обязывались къ жертвамъ иного рода. Богъ разрушенія и *врагъ жизни* умилостивлялся *самоистязаніями и требовалъ уничтоженія той силы*, которая служила *къ продолженію существованія* на землѣ человѣческаго *рода*,—половой силы. Извѣстны были *огненныя очищенія*[1]) или *прохожденія черезъ огонь*, въ

[1]) «Они (раскольники XVII вѣка) все разспрашивали о *гари*, ужасно интересовались *гарью*, прислушивались, не *горитъ*-ли гдѣ *люди*; *сколько*, *когда* и пр.»,—говоритъ проф. Сикорскій въ изслѣдованіи о самозакопавшихся Терновскихъ старообрядцахъ (см. книгу «Темный Ликъ» и въ ней главу — «Русскія могилы»). Въ этихъ разспросахъ уже чувствуется *любимая страсть*: «—И *страшно*, а какъ *хорошо*!» «—У, какъ *боюсь*, а *попробовать*-бы». Тутъ влечетъ, тянетъ. Что? Какой ужасъ! Мнѣ приходилось читывать въ медицинскихъ книгахъ, что нѣкоторыя женщины любятъ *оперироваться* (о *мужчинахъ* этого [illegible]). «Женщины особенно *религіозны*, женщины дали *все религіозное на землѣ*», какъ-то обмолвилась въ разговорѣ со мною грустная Л. И. Веселитская (Микуличъ). И объ «операціяхъ», и о «религіозности» можно сопоставить. Есть какая-то религія грусти, есть какая-то религія ужаса и грусти, «далекая отъ земли», «caelestis»... Тутъ какой-то другой корень, совсѣмъ иной, чѣмъ на какомъ держатся цѣты, плоды, радость міра. Другой и *сильнѣй*, другой и *страшнѣй*. Въ «Молохѣ-Астартѣ» древніе и схватили, и уловили этотъ другой корень, и въ трепетѣ поклонились и ему. «Ваалу--сонтіи, дѣторожденіе! Молоху—смерть, самосожженіе, *гарь* (у русскихъ), могила!». Я хочу, однако, обратить вниманіе на то, что ощущеніе

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК СССР

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

ДЛЯ УЧАЩИХСЯ
СРЕДНИХ ШКОЛ,
СРЕДНИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ТЕХНИЧЕСКИХ УЧИЛИЩ
И СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Издание пятое

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1979

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящий сборник призван помочь учащимся старших классов общеобразовательных школ, средних профессионально-технических училищ и средних специальных учебных заведений в изучении ленинского теоретического наследия.

На земле не было и нет человека, труды которого имели бы такое широчайшее распространение, какое имеют произведения В. И. Ленина. Ленинские книги читают, по ним учатся жить и бороться люди во всех странах, на всех континентах.

Идейное наследие В. И. Ленина — бесценное достояние советского народа и всего прогрессивного человечества, вечно живой источник революционной мысли и революционного действия. «Марксизм-ленинизм,— отмечалось в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева XXV съезду партии,— это единственная надежная основа для разработки правильной стратегии и тактики. Он дает нам понимание исторической перспективы, помогает определить направление социально-экономического и политического развития на долгие годы вперед, правильно ориентироваться в международных событиях. Сила марксизма-ленинизма — в постоянном творческом развитии»[1].

Огромное значение марксистско-ленинского учения отмечено и в новой Конституции СССР. В ней говорится, что советский народ закрепляет основы общественного строя и политики СССР, устанавливает права, свободы и обязанности граждан, принципы организации и цели социалистического общенародного государства, «руководствуясь идеями научного коммунизма и соблюдая верность своим революционным традициям»[2].

Советская школа раскрывает учащимся смысл учения В. И. Ленина, великое интернациональное богатство марксистско-ленинских идей, освещает политику партии как ленинизм в действии, вырабатывает у учащихся умение самостоятельно овладевать революционной теорией, воспитывает стойких борцов против чуждой идеологии и морали, на примере жизни и деятельности вождя формирует у молодежи черты коммунистической личности.

---

[1] «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 72.

[2] «Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик». М., 1977, стр. 5.

В сборник включены произведения В. И. Ленина, тесно связанные по своему содержанию с материалом курсов истории, обществоведения, основ Советского государства и права, литературы, экономической географии и отдельных тем по другим учебным предметам. Сборник будет полезен для факультативных курсов, а также во внеклассной работе.

Изучая произведения В. И. Ленина, учащиеся будут глубже усваивать содержание учебных дисциплин, постигать основные положения марксистско-ленинской теории, овладевать четким классовым подходом к оценке современных явлений общественной жизни в нашей стране и за ее рубежами. «Обращаясь к бессмертным ленинским трудам, документам нашей партии, молодежь воспринимает их как руководство к научному познанию мира, личному участию в созидательном труде на благо народа»[1].

Произведения В. И. Ленина включаются в настоящее пособие либо целиком, либо отдельными, относительно законченными фрагментами.

В начале сборника помещены четыре произведения В. И. Ленина, посвященные жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса, обобщенно раскрывающие революционное содержание, великую силу и действенность марксизма. Остальные произведения располагаются в хронологическом порядке. Все произведения и извлечения из них публикуются по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Примечания и именной указатель составлены на основе справочного аппарата Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

Сборник снабжен перечнем ленинских работ, которые могут быть использованы для изучения тех или иных школьных курсов, разделов, тем. Перечень поможет читателю определить — в соответствии с учебными программами — последовательность ознакомления со статьями, выступлениями В. И. Ленина, отрывками из его книг, включенными в данный сборник.

Пожелаем молодому читателю, который впервые приобщается к бессмертным ленинским страницам, успеха в этом важном деле.

---

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976, стр. 370.

ЛУЧШИМ ПАМЯТНИКОМ
ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ ЛЕНИНУ
БУДЕТ ШИРОКОЕ МАССОВОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ
ЕГО СОЧИНЕНИЙ,
КОТОРОЕ СДЕЛАЕТ ИДЕИ КОММУНИЗМА
ДОСТОЯНИЕМ ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ.

Из постановления
II съезда Советов Союза ССР
«Об издании сочинений В. И. Ленина».

НЕТ НИЧЕГО БОЛЕЕ ВОЗВЫШЕННОГО
И БЛАГОРОДНОГО,
ЧЕМ СЛЕДОВАТЬ ЛЕНИНУ,
САМООТВЕРЖЕННО БОРОТЬСЯ ЗА ДЕЛО,
КОТОРОМУ ОН ПОСВЯТИЛ СВОЮ ЖИЗНЬ.

Из постановления
Центрального Комитета КПСС
«О подготовке к 100-летию со дня рождения
Владимира Ильича Ленина».

ЛЕНИН БЫЛ ВЕЛИЧАЙШИМ УЧЕНЫМ В РЕВОЛЮЦИИ
И РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ В НАУКЕ,
ОТКРЫВШИМ НОВЫЙ ЭТАП
В РАЗВИТИИ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ,
ОБОГАТИВШИМ ВСЕ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ МАРКСИЗМА —
ФИЛОСОФИЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИЮ
И НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ.

Из тезисов
Центрального Комитета КПСС
«К 100-летию со дня рождения
Владимира Ильича Ленина».

Из статьи

«КАРЛ МАРКС

(КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК С ИЗЛОЖЕНИЕМ МАРКСИЗМА)»

Маркс Карл родился 5 мая нового стиля 1818 г. в городе Трире (прирейнская Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная. Окончив гимназию в Трире, Маркс поступил в университет, сначала в Бонне, потом в Берлине, изучал юридические науки, но больше всего историю и философию. Окончил курс в 1841 г., представив университетскую диссертацию о философии Эпикура. По взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом. В Берлине он примыкал к кружку «левых гегельянцев» (Бруно Бауэр и др.), которые стремились делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы.

По окончании университета Маркс переселился в Бонн, рассчитывая стать профессором. Но реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишило кафедры Людвига Фейербаха и в 1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 г. отняло право читать лекции в Бонне у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила Маркса отказаться от ученой карьеры. Развитие взглядов левого гегельянства в Германии шло в это время вперед очень быстро. Людвиг Фейербах в особенности с 1836 г. начинает критиковать теологию и поворачивать к материализму, который вполне берет верх у него в 1841 г. («Сущность христианства»); в 1843 г. вышли его же «Основные положения философии будущего». «Надо было пережить освободительное действие» этих книг — писал Энгельс впоследствии об этих сочинениях Фейербаха. «Мы» (т. е. левые гегельянцы, Маркс в том числе) «стали сразу фейербахианцами». В это время рейнские радикальные буржуа, имевшие точки соприкосновения с левыми гегельянцами, основали в Кёльне оппозиционную газету: «Рейнскую Газету» (начала выходить с 1 января 1842 г.). Маркс и Бруно Бауэр были приглашены в качестве главных сотрудников, а в октябре 1842 г. Маркс сделался главным редактором и переселился из Бонна в Кёльн. Революционно-демократическое направление газеты при редакторстве Маркса становилось все определеннее, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензуре, а затем решило вовсе закрыть ее 1 января 1843 г. Марксу пришлось к этому

Из статьи «Карл Маркс»

1 Статью «*Карл Маркс*» (краткий биографический очерк с изложением марксизма)» В. И. Ленин написал в 1914 году для популярного в то время в России Энциклопедического словаря Гранат.— 7.

2 Имеется в виду буржуазная революция во Франции в феврале 1848 года.— 8.

3 Речь идет о буржуазной революции в Германии и Австрии, начавшейся в марте 1848 года.— 8.

4 Речь идет о народной демонстрации в Париже, организованной партией мелкой буржуазии («Гора») в знак протеста против нарушения президентом и большинством Законодательного собрания конституционных порядков, установленных революцией 1848 года. Демонстрация была разогнана правительством.— 9.

5 Ленин имеет в виду памфлет К. Маркса «Господин Фогт», являвшийся ответом на клеветническую брошюру бонапартистского агента К. Фогта «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 14, стр. 395—691).— 9.

6 Имеется в виду «Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 3—11).— 9.

Фридрих Энгельс

1 Строки, данные эпиграфом, взяты В. И. Лениным из стихотворения Н. А. Некрасова «Памяти Добролюбова».— 22.

2 См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 231—517.— 25.

3 См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 3—230.— 25.

4 Имеется в виду работа Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 544—571).— 26.

5 «*Союз коммунистов*» — первая международная организация революционного пролетариата. Своей целью ставил свержение буржуазии, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и создание нового общества без классов и частной собственности. Маркс и Энгельс принимали участие в работе второго конгресса «Союза», состоявшегося в Лондоне в ноябре — декабре 1847 года, и написали по его поручению программу «Союза» — «Манифест Коммунистической партии», опубликованный в феврале 1848 года.— 26.

6 Речь идет о книге Ф. Энгельса «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом».— 27.

7 См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 23—178.— 27.

8 См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 269—317.— 27.

9 Имеется в виду письмо Ф. Энгельса И.-Ф. Беккеру от 15 октября 1884 года (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 188).— 27.

Три источника и три составных части марксизма

1 Статья «*Три источника и три составных части марксизма*» написана В. И. Лениным к 30-летию со дня смерти Карла Маркса и опубликована в журнале «Просвещение» № 3 за 1913 год. «*Просвещение*» — ежемесячный большевистский теоретический легальный журнал; издавался в Петербурге с декабря 1911 по июнь 1914 года.— 29.

Исторические судьбы учения Карла Маркса

Статья *«Исторические судьбы учения Карла Маркса»* была написана В. И. Лениным к 30-летию со дня смерти Карла Маркса.— 33.

Из книги

«Развитие капитализма в России»

Книга В. И. Ленина *«Развитие капитализма в России»* является итогом огромной исследовательской работы, продолжавшейся свыше трех лет. Ленин усиленно начал работать над книгой в тюрьме, вскоре после ареста по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», и закончил ее в ссылке в селе Шушенском.

«Развитие капитализма в России» вышло из печати под псевдонимом «Владимир Ильин» в конце марта 1899 г.— 36.

Из статьи

«С чего начать?»

Статья В. И. Ленина *«С чего начать?»*, напечатанная передовой в № 4 газеты «Искра», явилась программным документом для революционной социал-демократии и широко распространялась в России и за границей.—37.

«К учащимся средних школ»

Заметка является редакционным послесловием к листовке-воззванию «К учащимся средних школ», изданному Южнорусской группой учащихся средних школ. Послесловие было написано В. И. Лениным на экземпляре листовки, присланном в редакцию «Искры», листовка была перепечатана 1 декабря 1902 года в «Искре» № 29.

Южнорусская группа учащихся средних школ возникла в мае 1902 года в Ростове-на-Дону. В августе 1902 года состоялся I съезд группы. На съезде было принято упоминаемое выше воззвание, в котором определялись задачи группы: революционная и культурная работа среди учащихся, распространение нелегальной литературы. Центральный комитет группы призывал всех учащихся оказать содействие начинаниям группы, чтобы впоследствии, выйдя из стен школы, учащиеся могли вступать «под гордо развевающиеся красные знамена российской социал-демократии». Группа работала под руководством Донского комитета РСДРП, получала и распространяла социал-демократическую литературу, в том числе «Искру», «Зарю», издания отдельных произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова и др. С октября 1902 по июнь 1903 года Центральный комитет группы издал и распространил около 4000 экземпляров листовок. Группа имела постоянную связь с учащимися одиннадцати южных городов России. В 1904 году Центральный комитет группы объявил группу распущенной и все ее организации присоединившимися к РСДРП.— 40.

Проект резолюции об отношении к учащейся молодежи

Данный проект написан В. И. Лениным до съезда. В архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС имеется второй проект этой же резолюции, незначительно отличающийся от публикуемого. Этот проект был, по-видимому, написан Лениным во время 37-го заседания съезда 10 (23) августа, на котором обсуждался вопрос об отношении к учащейся молодежи. Под проектом, кроме подписи Ленина, имеются подписи еще 10 делегатов съезда. В таком виде проект был принят съездом за исключением второго пункта. Ленин выступал на съезде в защиту своего проекта (см. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 312).— 41.

Три конституции или три порядка государственного устройства

[1] Прокламация В. И. Ленина *«Три конституции или три порядка государственного устройства»* была издана листовкой на русском языке в издании газеты «Пролетарий», Центрального Комитета и местных комитетов: Астраханского, Вятского, Московского, Нижегородского, Казанского, Омского и др.; на грузинском языке — в издании Тифлисского комитета; на армянском языке — Кавказского союза РСДРП; на латышском языке — Латышской социал-демократической рабочей партии.— 56.

Уроки московского восстания

[1] *Коалиционный Совет боевых дружин* возник в Москве в конце октября 1905 года. Созданный вначале для практической борьбы против «черной сотни», этот орган был сохранен и на время декабрьского восстания. В дни восстания Совет дружин оказался в хвосте революционных событий и не сумел выполнить роли общего оперативного штаба восстания.— 58.

[2] В. И. Ленин приводит положение из работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 7).— 59.

[3] Вечером 8 (21) декабря 1905 года солдаты и полиция оцепили сад «Аквариум» (на Садово-Триумфальной площади), где в это время в помещении театра проходил многолюдный митинг. Кровопролития удалось избежать благодаря самоотверженным действиям рабочей дружины, охранявшей митинг; имевшим оружие дали возможность скрыться через разобранный забор, однако остальные участники митинга, выходившие через ворота, подверглись обыскам, избиениям, многие были арестованы.— 59.

[4] Помещение училища Фидлера (у Чистых Прудов) было постоянным местом партийных митингов и собраний.— 59.

Л. Н. Толстой

[1] *«Господин Купон»* — образное выражение, принятое в литературе 80-х и 90-х годов XIX в. для обозначения капитала и капиталистов. Выражение «господин Купон» пустил в ход писатель Глеб Успенский в очерках «Грехи тяжкие». См. также очерк Глеба Успенского «На Кавказе».— 69.

[2] *Веховцы* — видные кадетские публицисты, представители контрреволюционной либеральной буржуазии, выпустившие весной 1909 года в Москве сборник своих статей под названием «Вехи». Критический разбор и политическую оценку сборника кадетских черносотенцев В. И. Ленин дал в статье «О «Вехах»» (см. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 167—175).— 70.

[3] *«Новое Время»* — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год. С 1905 года — орган черносотенцев.— 71.

Л. Н. Толстой и современное рабочее движение

[1] Речь идет о телеграмме, посланной социал-демократическими депутатами III Думы в Астапово на имя В. Г. Черткова — близкого друга и последователя Л. Н. Толстого. В ней говорилось: «Социал-демократическая фракция Государственной думы, выражая чувства российского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого, непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых».— 71.

Разногласия в европейском рабочем движении

[1] *«Молодые»* — мелкобуржуазная полуанархистская оппозиция в германской социал-демократии; возникла в 1890 году.— 77.

[1] Здесь и ниже В. И. Ленин имеет в виду и цитирует «Манифест Коммунистической партии» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 448—449, 456).— 83.

«Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция

[1] *«Вестник Европы»* — ежемесячный журнал буржуазно-либерального направления; выходил в Петербурге с 1866 по 1918 год. В журнале печатались статьи против революционных марксистов.— 84.

[2] В. И. Ленин приводит слова Волгина — одного из героев романа Н. Г. Чернышевского «Пролог».— 87.

[3] Имеется в виду резолюция «О современном моменте и задачах партии», принятая V Общероссийской конференцией РСДРП (21—27 декабря 1908 года (3—9 января 1909)).— 91.

Памяти Герцена

[1] *Крестьянский союз* (Всероссийский крестьянский союз) — революционно-демократическая организация, возникшая в 1905 году. По словам В. И. Ленина, это была «организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, податливая к мелкобуржуазным иллюзиям крестьянина (как податливы к ним и наши социалисты-революционеры), но безусловно «почвенная», реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы» (Поли. собр. соч., т. 12, стр. 334). С первых же шагов своей деятельности Крестьянский союз подвергался полицейским репрессиям. В начале 1907 года Союз прекратил свое существование — 97.

[2] *«Колокол»* — политический журнал, выходил под девизом «Vivos voco!» («Зову живых!»). Издавался А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в основанной Герценом Вольной русской типографии (с 1 июля 1857 года по апрель 1865 года в Лондоне и с мая 1865 года по июль 1867 года в Женеве). Вышло 245 номеров. В 1868 году журнал выходил на французском языке (удалось выпустить 15 номеров), к некоторым номерам печаталось приложение на русском языке. «Колокол» печатался тиражом до 2500 экземпляров и широко распространялся в России.— 97.

[3] *«Полярная Звезда»* — литературно-политический сборник; издавался в 1855—1862 годах в Лондоне, в основанной Герценом Вольной русской типографии, последняя книга сборника была издана в Женеве в 1868 году.— 97.

Революционный подъем

[1] Упоминаемая В. И. Лениным прокламация была напечатана в Петербурге и распространялась на заводах перед 1 мая 1912 года.— 101.

Одна из великих побед техники

[1] Статья *«Одна из великих побед техники»* посвящена проблеме непосредственной добычи газа под землей из пластов каменного угля. Возможность подземной газификации углей была впервые теоретически установлена и высказана великим русским ученым Д. И. Менделеевым в работе «Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца», опубликованной в 1888 году. В 1912 году с идеей подземной газификации углей выступил английский химик Вильям Рамсей, он в 1913 году начал готовить опыты, но помешала империалистическая война. Опыты подземной газификации углей в естественных условиях начались в СССР. В 1932—1934 годах были построены Лисичанская и Горловская опытные станции в Донецком бассейне. За 1936—1941 годы было построено и введено в эксплуатацию несколько

станций подземной газификации полупромышленного типа в Донбассе и Подмосковье. После Великой Отечественной войны подземная газификация углей получила дальнейшее развитие.— 105.

Из прошлого рабочей печати в России

1 *«Старая «Искра»»* — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса России.—114.

2 *«Новая «Искра»»* — меньшевистская «Искра». На II съезде партии была утверждена редакция центрального органа партии в составе В. И. Ленина, Г. В. Плеханова и Л. Мартова. Однако меньшевик Мартов, вопреки решению съезда, отказался войти в редакцию без старых редакторов-меньшевиков (П. Б. Аксельрода, А. Н. Потресова и В. И. Засулич), не избранных II съездом, и №№ 46—51 «Искры» вышли под редакцией Ленина и Плеханова. В дальнейшем Плеханов перешел на позиции меньшевизма и потребовал включения в состав редакции отвергнутых съездом старых редакторов-меньшевиков. Ленин не мог согласиться с этим и 19 октября (1 ноября) 1903 года вышел из редакции «Искры»; он был кооптирован в ЦК партии и оттуда повел борьбу с оппортунистами-меньшевиками. Номер 52 «Искры» вышел под редакцией одного Плеханова, а 13 (26) ноября 1903 года Плеханов единолично, нарушив волю II съезда партии, кооптировал в состав редакции «Искры» бывших ее редакторов-меньшевиков Аксельрода, Потресова и Засулич. С пятьдесят второго номера «Искра» перестала быть боевым органом революционного марксизма. Меньшевики превратили ее в орган борьбы против марксизма, против партии, в трибуну для проповеди оппортунизма. Издание газеты прекратилось в октябре 1905 года.— 116.

3 *«Вперед»* — нелегальная большевистская еженедельная газета; издавалась в Женеве с 22 декабря 1904 (4 января 1905) по 5 (18) мая 1905 года. Вышло 18 номеров. Организатором, идейным вдохновителем и непосредственным руководителем газеты был В. И. Ленин.— 116.

4 *«Пролетарий» (женевский)* — нелегальная большевистская еженедельная газета; центральный орган РСДРП, созданный по постановлению III съезда партии. Решением пленума Центрального Комитета партии 27 апреля (10 мая) 1905 года ответственным редактором ЦО был назначен В. И. Ленин. Газета издавалась в Женеве с 14 (27) мая по 12 (25) ноября 1905 года. Вышло всего 26 номеров. «Пролетарий» продолжал линию старой, ленинской «Искры» и сохранил полную преемственность с большевистской газетой «Вперед».— 116.

5 *«Новая Жизнь»* — первая легальная большевистская газета; выходила ежедневно с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) декабря 1905 года в Петербурге.— 117.

6 *«Начало»* — ежедневная легальная меньшевистская газета; выходила в Петербурге с 13 (26) ноября по 2 (15) декабря 1905 года.— 117.

7 *«Волна»* — ежедневная большевистская газета; выходила легально в Петербурге с 26 апреля (9 мая) по 24 мая (6 июня) 1906 года. С № 9 «Волна» фактически редактировалась В. И. Лениным.

«Эхо» — легальная большевистская ежедневная газета; выходила в Петербурге с 22 июня (5 июля) по 7 (20) июля 1906 года. Редактором газеты фактически был В. И. Ленин. В каждом номере печатались статьи Ленина; всего в газете было помещено свыше двадцати ленинских статей и заметок.— 117.

8 *«Народная Дума»* — ежедневная меньшевистская газета; выходила в Петербурге в марте — апреле 1907 года вместо закрытой «Русской Жизни».— 117.

Война и российская социал-демократия

1 Манифест *«Война и российская социал-демократия»* явился первым официальным документом ЦК РСДРП, выразившим позицию большевистской партии по отношению к начавшейся мировой империалистической войне.— 118.

[2] *Международный социалистический конгресс в Штутгарте* (VII конгресс II Интернационала) происходил с 18 по 24 августа 1907 года. На конгрессе присутствовали 886 делегатов — представителей социалистических партий и профессиональных союзов. РСДРП была представлена 37 делегатами.

Во время конгресса В. И. Ленин проделал огромную работу по сплочению левых сил в международной социал-демократии, решительно борясь против оппортунистов и ревизионистов.— 122.

[3] *Международный социалистический конгресс в Копенгагене* (VIII конгресс II Интернационала) происходил с 28 августа по 3 сентября 1910 года. На конгрессе присутствовали 896 делегатов. РСДРП на конгрессе представляли В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский и другие.

В целях сплочения революционных марксистов на международной арене Ленин во время конгресса провел совещание с левыми социал-демократами, присутствовавшими на конгрессе.

В резолюции по вопросу о борьбе с войной — «Третейские суды и разоружение» конгресс подтвердил резолюцию Штутгартского конгресса (1907) «Милитаризм и международные конфликты», которая включала предложенные В. И. Лениным и Р. Люксембург поправки, требовавшие от социалистов всех стран использовать вызванный войной экономический и политический кризис для свержения буржуазии. Резолюция Копенгагенского конгресса обязывала также социалистические партии и их представителей в парламентах требовать от своих правительств сокращения вооружений, разрешения конфликтов между государствами посредством третейского суда, призывала рабочих всех стран к организации протестов против угрозы войны.— 122.

[4] *Базельский конгресс* — Чрезвычайный международный социалистический конгресс, происходивший в Базеле 24—25 ноября 1912 года. Конгресс был созван для решения вопроса о борьбе с надвигающейся опасностью мировой империалистической войны, угроза которой еще более возросла после начала первой балканской войны. На конгрессе был единогласно принят манифест о войне. В случае возникновения империалистической войны манифест рекомендовал социалистам использовать экономический и политический кризис, вызываемый войной, для борьбы за социалистическую революцию.

Вожди II Интернационала (Каутский, Вандервельде и др.) на конгрессе голосовали за принятие манифеста против войны. Однако с началом мировой империалистической войны они предали забвению Базельский манифест, как и другие решения международных социалистических конгрессов о борьбе с войной, и стали на сторону своих империалистических правительств.— 122.

О национальной гордости великороссов

[1] В. И. Ленин приводит цитату из романа Н. Г. Чернышевского «Пролог».— 125.

[2] *Ф. Энгельс.* «Эмигрантская литература» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 509).— 126.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 79.— 126.

Из статьи
«Военная программа пролетарской революции»

[1] Статья *«Военная программа пролетарской революции»* (В. И. Ленин в переписке называет ее «Entwaffnung» — «О разоружении») была написана на немецком языке и предназначалась к опубликованию в печати швейцарских, шведских и норвежских левых с.-д. Но в то время она не была напечатана. Вскоре Ленин несколько переработал статью для издания ее на русском языке. Статья под заглавием «О лозунге «разоружения»» была напечатана в «Сборнике «Социал-демократа»» № 2 в декабре 1916 года.—135.

«Jugend-Internationale» («Интернационал Молодежи») — орган Международного союза социалистических организаций молодежи, примыкавшего к Циммервальдской левой; выходил с сентября 1915 года по май 1918 года в Цюрихе, редактировался В. Мюнценбергом.— 135.

Имеются в виду *тезисы по военному вопросу*, составленные Р. Гриммом и напечатанные в газете «Grütlianer» №№ 162 и 164 от 14 и 17 июля 1916 года.— 135.

Из статьи
«Империализм и раскол социализма»

К. Маркс. Предисловие ко второму изданию «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 375—376).— 141.

Доклад о революции 1905 года

«Доклад о революции 1905 года» был прочитан В. И. Лениным на немецком языке 9 (22) января 1917 года в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодежи.— 141.

Письма из далека

«Письма из далека» — первое — четвертое написаны В. И. Лениным с 7 по 12 (с 20 по 25) марта; пятое, недописанное, письмо начато накануне отъезда из Швейцарии в Россию, 26 марта (8 апреля) 1917 года.— 156.

«Окисты» — меньшевики, объединенные своим руководящим центром — Организационным комитетом (ОК), который был создан в 1912 году.— 160.

Октябристы — члены партии октябристов (или «Союза 17 октября»), образовавшейся в России после опубликования царского манифеста 17 (30) октября 1905 года. Это была контрреволюционная партия, представлявшая и защищавшая интересы крупной буржуазии и помещиков, хозяйничавших по-капиталистически; возглавляли ее известный промышленник и московский домовладелец А. И. Гучков и крупный помещик М. В. Родзянко.— 161.

«Мирнообновленцы» — партия «мирного обновления», конституционно-монархическая организация крупной буржуазии и помещиков, окончательно оформившаяся в 1906 году после роспуска I Государственной думы. Партия объединяла «левых октябристов» и «правых кадетов».— 161.

Кадеты — члены конституционно-демократической партии, ведущей партии либерально-монархической буржуазии в России. Партия кадетов была создана в октябре 1905 года; в состав ее входили представители буржуазии, земские деятели из помещиков и буржуазные интеллигенты. В дальнейшем кадеты превратились в партию империалистической буржуазии.— 161.

Военно-промышленные комитеты были созданы в России в мае 1915 года крупной империалистической буржуазией для помощи царизму в ведении войны. Пытаясь подчинить рабочих своему влиянию и привить им оборонческие настроения, буржуазия решила организовать «рабочие группы» при комитетах и тем самым показать, что в России установлен «классовый мир» между буржуазией и пролетариатом. Большевики объявили бойкот военно-промышленных комитетов и успешно его провели при поддержке большинства рабочих.— 161.

О задачах пролетариата в данной революции

Статья «О задачах пролетариата в данной революции», опубликованная в «Правде» № 26 от 7 апреля 1917 года, содержит знаменитые «Апрельские тезисы» В. И. Ленина.— 165.

«Единство» — газета, орган крайне правой группы меньшевиков-оборонцев во главе с Г. В. Плехановым; издавалась в Петрограде.— 168.

«Русская Воля» — ежедневная буржуазная газета, существовавшая на средства крупных банков; выходила в Петрограде с декабря 1916 года.— 168.

См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Предисловие к немецкому изданию «Мани-

феста Коммунистической партии» 1872 года»; *К. Маркс.* «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих», «Критика Готской программы»; *Ф. Энгельс.* Письмо А. Бебелю 18—28 марта 1875 г.; *К. Маркс.* Письма Л. Кугельману от 12 и 17 апреля 1871 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 90; т. 17, стр. 339—347; т. 19, стр. 5, 9—32; т. 33, стр. 172—173).— 168.

К лозунгам

1 См. *Ф. Энгельс.* «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 170).— 176.

2 *«Листок «Правды»»* — одно из названий ежедневной легальной большевистской газеты «Правда».— 176.

3 В. И. Ленин имеет в виду следующие факты. 20 апреля (3 мая) в газетах была опубликована нота министра иностранных дел Милюкова правительствам союзных государств, в которой Временное правительство подтверждало, что будет соблюдать все договоры царского правительства и доведет войну до победного конца. Империалистическая политика Временного правительства вызвала возмущение широких масс трудящихся. 21 апреля (4 мая) по призыву партии большевиков рабочие Петрограда прекратили работу и вышли на демонстрацию с требованием мира.

Апрельская демонстрация положила начало правительственному кризису. Под давлением масс министры П. Н. Милюков и А. И. Гучков вынуждены были уйти в отставку. 5 (18) мая было образовано первое коалиционное правительство, в состав которого вместе с десятью министрами-капиталистами вошли лидеры соглашательских партий. Буржуазное правительство было спасено эсерами и меньшевиками, открыто перешедшими на сторону буржуазии.— 177.

4 Речь идет о принятом 9 (22) июня 1917 года постановлении первого Всероссийского съезда Советов о запрещении демонстрации, назначенной большевистской партией на 10 (23) июня. Решение о проведении демонстрации было принято 8 (21) июня на расширенном совещании Центрального Комитета и Петроградского комитета РСДРП(б) совместно с представителями районов, воинских частей, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов.— 177.

Большевики должны взять власть

1 Письма В. И. Ленина *«Большевики должны взять власть»* и *«Марксизм и восстание»* обсуждались на заседании ЦК 15 (28) сентября 1917 года.— 178.

2 См. «Революция и контрреволюция в Германии» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 100).— 180.

Марксизм и восстание

1 *Александринка* — Александринский театр в Петрограде, в котором заседало Демократическое совещание.

Петропавловка — Петропавловская крепость, расположенная напротив Зимнего дворца, на другом берегу Невы. При царизме в ней содержались политические заключенные. Петропавловская крепость имела громадный арсенал и являлась важным стратегическим пунктом Петрограда. В настоящее время — историко-революционный музей.— 184.

Письмо членам ЦК

1 Письмо членам Центрального Комитета РСДРП(б) было написано В. И. Лениным вечером 24 октября (6 ноября). В тот же день поздно вечером Ленин нелегально прибыл в Смольный и взял в свои руки непосредственное руководство вооруженным восстанием.— 187.

2 *Военно-революционный комитет при Петроградском Совете* был создан 12 (25) октября 1917 года по указанию ЦК партии большевиков. Главной задачей ВРК являлась подготовка вооруженного восстания в соответствии с директивами ЦК большевистской партии. ВРК проводил многостороннюю

работу по организации боевых сил для победы Октябрьской социалистической революции. Руководящим ядром ВРК являлся созданный на заседании ЦК 16 (29) октября 1917 года Военно-революционный центр в составе: А. С. Бубнова, Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина и М. С. Урицкого. Деятельность этого центра повседневно направлял В. И. Ленин. После победы Октябрьской социалистической революции и образования на II съезде Советов Советского правительства главной задачей Военно-революционного комитета стала борьба с контрреволюцией и охрана революционного порядка. По мере создания и укрепления советского аппарата Военно-революционный комитет свои функции передавал организуемым наркоматам. 5 (18) декабря 1917 года ВРК был ликвидирован.— 187.

Из материалов Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов

1 В. И. Ленин имеет в виду обращение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира», опубликованное в газете «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» № 15 от 15 марта 1917 года.— 192.

2 *Эсеры, социалисты-революционеры* — мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 — начале 1902 года в результате объединения различных народнических групп и кружков. Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма. В годы первой мировой войны большинство эсеров стояло на позициях социал-шовинизма.

После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года эсеры вместе с меньшевиками были главной опорой контрреволюционного буржуазно-помещичьего Временного правительства, а лидеры партии (Авксентьев, Керенский, Чернов) входили в его состав. Партия эсеров отказалась от поддержки крестьянского требования ликвидации помещичьего землевладения, выступила за сохранение помещичьей собственности на землю; эсеровские министры Временного правительства посылали карательные отряды против крестьян, захватывавших помещичьи земли.

Сложившееся внутри партии эсеров левое крыло в конце ноября 1917 года образовало самостоятельную партию левых эсеров.

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны эсеры вели контрреволюционную подрывную работу, активно поддерживали интервентов и белогвардейцев, участвовали в контрреволюционных заговорах, организовывали террористические акты против деятелей Советского государства и Коммунистической партии. После окончания гражданской войны эсеры продолжали враждебную деятельность внутри страны и в стане белогвардейской эмиграции.— 193.

3 *«Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов»* — ежедневная газета, официальный орган Всероссийского Совета крестьянских депутатов; издавалась в Петрограде с 9 (22) мая по декабрь 1917 года; выражала взгляды правого крыла партии эсеров. Октябрьскую социалистическую революцию газета встретила враждебно; была закрыта за контрреволюционное направление.— 194.

Как организовать соревнование?

1 *К. Маркс.* Письмо В. Бракке от 5 мая 1875 г. (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 111).— 202.

2 В. И. Ленин цитирует здесь слова Мефистофеля из трагедии И.-В. Гете «Фауст» (см. *Гете,* «Фауст». Часть 1. Сцена 4-я. «Кабинет Фауста»).— 202.

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа

1 Проект *«Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа»* был внесен на заседании ВЦИК 3 (16) января 1918 года. Проект был принят за основу большинством голосов при двух против и одном воздержавшемся

и передан для окончательной доработки в согласительную комиссию. «Декларация», принятая ВЦИК, 4 (17) января была опубликована в «Известиях ЦИК». 5 (18) января от имени ВЦИК «Декларация» была оглашена Я. М. Свердловым на первом заседании Учредительного собрания и предложена на его утверждение. Предложение обсудить «Декларацию» было отвергнуто большинством голосов контрреволюционной части Учредительного собрания. 12 (25) января «Декларация» была утверждена III Всероссийским съездом Советов и впоследствии легла в основу Советской конституции.— 203.

Социалистическое отечество в опасности!

1 Декрет *«Социалистическое отечество в опасности!»* был принят Совнаркомом 21 февраля 1918 года и опубликован 22 февраля в «Правде» и «Известиях ЦИК», кроме того, выпущен отдельным листком.— 205.

Тяжелый, но необходимый урок

1 В. И. Ленин имеет в виду объединенное заседание фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК 23 февраля 1918 года.— 208.

Очередные задачи Советской власти

1 Работа В. И. Ленина *«Очередные задачи Советской власти»* в рукописи называлась «Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент». «Тезисы» Ленина обсуждались на заседании ЦК партии 26 апреля 1918 года. ЦК единодушно одобрил их и постановил опубликовать в виде статьи в «Правде» и «Известиях ВЦИК», а также издать отдельной брошюрой.

Центральный Комитет поручил Ленину выступить с докладом об очередных задачах Советской власти на заседании ВЦИК, подготовив краткое изложение «Тезисов» в виде резолюции (см. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 277—280).— 213.

2 Контроль над внешней торговлей стал осуществляться с первых дней Советской власти. Первое время регулированием внешней торговли занимался Петроградский военно-революционный комитет, рассматривавший заявки на ввоз и вывоз товаров и проводивший надзор за деятельностью таможен. Декретом Совета Народных Комиссаров от 29 декабря 1917 года (11 января 1918) внешняя торговля была поставлена под контроль Народного комиссариата торговли и промышленности. Однако организация только контроля и таможенной охраны не могла служить надежной защитой советской экономики от иностранного капитала. Уже в декабре 1917 года Ленин поставил вопрос о введении государственной монополии внешней торговли. Декрет о монополии внешней торговли был принят Совнаркомом 22 апреля 1918 года.— 223.

3 В первые месяцы Советской власти одним из основных источников пополнения бюджета, особенно на местах, служили контрибуции и чрезвычайные налоги. С укреплением Советской власти встал вопрос о переходе к регулярному налоговому обложению; главную роль при этом должны были сыграть прогрессивно-подоходный и поимущественный налоги, дававшие возможность перенести основную тяжесть обложения на имущие слои населения. I Всероссийский съезд представителей финансовых отделов Советов принял предложение Ленина о необходимости введения подоходного и поимущественного налога и избрал специальную комиссию для разработки соответствующего Положения на основе тезисов Ленина.

17 июня 1918 года Совет Народных Комиссаров утвердил «Декрет об изменении и дополнении декрета 24 ноября 1917 г. о взимании прямых налогов», который определил строгий порядок подоходного и поимущественного обложения.— 224.

[6] *«Декрет о потребительских кооперативных организациях»* был принят Советом Народных Комиссаров 10 апреля 1918 года, утвержден на заседании ВЦИК 11 апреля и опубликован за подписью В. И. Ленина в газетах «Правда» № 71 от 13 апреля и «Известия ВЦИК» № 75 от 16 апреля.— 225.

[7] Организация общественного производства на социалистических началах потребовала разработки новых правил внутреннего распорядка на национализированных предприятиях, новых положений о трудовой дисциплине, о привлечении к общественно полезной работе всех способных к труду. Эти вопросы приобрели особую важность в период мирной передышки весной 1918 года. Первые положения о трудовой дисциплине начали разрабатываться советскими профсоюзами совместно с хозяйственными органами.— 228.

[8] После Октябрьской революции сдельная оплата труда почти повсеместно была заменена повременной оплатой, что отрицательно сказалось на производительности труда и трудовой дисциплине.

Внедрение сдельной оплаты труда, наиболее полно отвечающей социалистическому принципу распределения по количеству и качеству труда, началось на первых национализированных предприятиях. Принцип сдельной оплаты был окончательно утвержден опубликованным в декабре 1918 года советским Кодексом законов о труде.— 228.

[9] *Коммерческая тайна* — охраняемое буржуазным законодательством право на засекречивание всех производственных, торговых и финансовых операций, а также всей документации по ним на частных капиталистических предприятиях.

В. И. Ленин в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» показал, что коммерческая тайна в руках буржуазии является «орудием скрывания финансовых мошенничеств и невероятных прибылей крупного капитала» (Полн. собр. соч., т. 34, стр. 172), и обосновал необходимость отмены коммерческой тайны. После Великой Октябрьской социалистической революции коммерческая тайна была отменена Положением о рабочем контроле, принятым ВЦИК и СНК 14 (27) ноября 1917 года.— 229.

[10] Имеется в виду декрет Совета Народных Комиссаров *«О централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности»* (см. «Декреты Советской власти», т. 2, 1959, стр. 18—20).— 234.

[11] *«Вперед»* — меньшевистская ежедневная газета. Выходила с марта 1917 года. Была закрыта за контрреволюционную направленность в феврале 1919 года по постановлению ВЦИК.— 236.

[12] *«Наш Век»* — одно из названий газеты «Речь» — центрального органа контрреволюционной партии кадетов.— 236.

[13] В. И. Ленин имеет в виду и цитирует работу Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 295).— 239.

Набросок плана научно-технических работ

[1] *«Набросок плана научно-технических работ»* отражает важный этап в привлечении научных сил России к разработке народнохозяйственных проблем.

Переговоры с Академией наук были начаты по инициативе В. И. Ленина и Советского правительства в январе 1918 года. Ленин направлял деятельность Народного комиссариата просвещения, который непосредственно вел эти переговоры. В конце марта Академия наук в обращении к Советскому правительству согласилась на его предложение работать в области исследования естественных ресурсов страны. В связи с этим 12 апреля на заседании Совета Народных Комиссаров, проходившем под председательством Ленина, было принято постановление, которое поставило перед Академией наук «неотложную задачу систематического разрешения проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рационального использования ее хозяйственных сил», и признана необходимость финансирования соответственных работ академии. Получив большую финансовую поддержку правительства, развернула свою деятельность

Комиссия Академии наук по изучению естественных производительных сил России (КЕПС).

В «Наброске плана научно-технических работ» Ленин дал широкую программу деятельности для Академии наук, всех научно-технических сил страны.— 242.

Речь на митинге в Хамовническом районе 26 июля 1918 г.

[1] 26 июля 1918 года во всех районах Москвы были проведены митинги на тему «Что дает трудовому народу Советская Конституция». С разъяснением сущности принятой 10 июля 1918 года V Всероссийским съездом Советов Конституции РСФСР и ее значения выступили видные деятели партий.

В. И. Ленин выступил в переполненной аудитории Высших женских курсов, вмещавшей более 1000 человек.— 242.

Из речи на митинге в Пресненском районе 26 июля 1918 г.

[1] В. И. Ленин выступил на митинге вечером 26 июля 1918 года в большом зале Бегового общества на Ходынке. Зал был переполнен рабочими и красноармейцами.— 243.

Из материалов I конгресса Коммунистического Интернационала

[1] См. «Введение» Ф. Энгельса к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 200—201).— 257.

[2] См. *К. Маркс*. «Гражданская война во Франции» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 344).— 258.

[3] Имеется в виду резолюция, принятая VII съездом РКП(б), состоявшимся 6—8 марта 1918 года, об изменении названия партии и партийной программы (см. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 58—59).— 265.

[4] *«Газета Печатников»* — издание московского профессионального союза рабочих печатного дела; начала выходить 8 декабря 1918 года. В это время профсоюз находился под влиянием меньшевиков. Закрыта в марте 1919 года за антисоветскую агитацию.— 267.

Из статьи «Третий Интернационал и его место в истории»

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 293.— 278.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 37.— 279.

Великий почин

[1] В. И. Ленин имеет в виду заговор о сдаче Петрограда, которым руководила контрреволюционная организация «национальный центр», объединявшая деятельность ряда антисоветских групп и шпионского подполья. В ночь на 13 июня 1919 года заговорщики подняли мятеж на форту Красная Горка, представляющем собою один из важнейших подступов к Петрограду.

Для разгрома мятежников были направлены войска береговой группы, корабли Балтийского флота, военно-воздушные силы, отряды добровольцев. В ночь с 15 на 16 июня части береговой группы овладели фортом. Руководившая заговором контрреволюционная организация была раскрыта и ликвидирована.— 286.

[2] *Битва под Садовой* (деревня, ныне город в Чехословакии) происходила 3 июля 1866 года. Эта битва, закончившаяся полной победой Пруссии и разгромом Австрии, решила исход австро-прусской войны.— 290.

[4] Речь идет о партийной программе, принятой на VIII съезде РКП(б) (см. «Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы». М., 1959, стр. 404—405; *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 98, 120).— 293.

[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 310—311.— 293.

[6] Совет Народных Комиссаров декретом, принятым 16 марта 1919 года, объединил потребительские кооперативы и реорганизовал их в единый распределительный орган, присвоив ему название «потребительская коммуна». Однако новое название кооперативов привело кое-где к неправильному пониманию и толкованию декрета. Учитывая это, ВЦИК в своем постановлении «О рабоче-крестьянских потребительских обществах» от 30 июня 1919 года, одобрив декрет, решил заменить название «потребительская коммуна» привычным для населения названием «потребительское общество» (см. «Известия ВЦИК» № 143, 3 июля 1919 г.).— 296.

Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным

[1] *Всеукраинский военно-революционный комитет* — временный орган революционной власти на Украине, созданный постановлением ЦИК и СНК Украины 11 декабря 1919 года (в день освобождения Полтавы и Харькова).— 328.

[2] *Боротьбисты* — члены мелкобуржуазной, националистической партии, возникшей в мае 1918 года после раскола Украинской партии социалистов-революционеров. Именовались по названию центрального органа партии — газеты «Боротьба».— 328.

Г. М. Кржижановскому

[1] В. И. Ленин имеет в виду статью Г. М. Кржижановского «Задачи электрификации промышленности», напечатанную в сокращенном виде в «Правде» № 20 от 30 января 1920 года.— 331.

[2] Г. М. Кржижановским была написана брошюра «Основные задачи электрификации России». Брошюра была издана в феврале 1920 года.— 331.

Из доклада о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва

[1] *План электрификации всей России* — первый научный перспективный план восстановления и развития народного хозяйства Советской республики, составленный по заданию В. И. Ленина Государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО) в 1920 году.— 333.

Ответ на вопросы берлинского корреспондента американского информационного агентства «Universal Service» Карла Виганда

[1] После победы Красной Армии над Колчаком и Деникиным американская печать, выражая настроения своих деловых кругов, дважды обращалась к В. И. Ленину за интервью. 18 февраля 1920 года Ленин ответил на вопросы берлинского корреспондента американского информационного агентства «Universal Service» Карла Виганда. Текст ответа Ленина был сообщен радиограммой в Берлин, откуда был передан в Нью-Йорк 21 февраля 1920 года; в тот же вечер ответ Ленина был напечатан в «New York Evening Journal» под заголовком «Цели большевиков — мир и больше торговли,— говорит Ленин».— 334.

От разрушения векового уклада к творчеству нового

[1] В. И. Ленин имеет в виду однодневную газету «Коммунистический субботник», выпущенную по инициативе Московского комитета РКП(б) 11 апреля 1920 года.— 337.

«Детская болезнь «левизны» в коммунизме»

[1] Книга *«Детская болезнь «левизны» в коммунизме»* была написана В. И. Лениным к открытию II конгресса Коммунистического Интернационала и вручена всем делегатам конгресса. Книга должна была помочь молодым коммунистическим партиям найти правильный путь революционной борьбы, исправить ошибки их первых шагов, ознакомить коммунистов всех стран с богатейшим опытом большевиков, с их стратегией и тактикой, чтобы вооружить этим опытом братские партии. Важнейшие положения и выводы книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» легли в основу решений II конгресса Коминтерна.— 339.

[2] Имеется в виду военно-монархический переворот, так называемый «каповский путч», который был произведен реакционной германской военщиной. Организаторами путча были монархисты — помещик Капп и генералы Людендорф, Сект и Лютвиц. Под натиском пролетариата правительство Каппа 17 марта пало; к власти вновь пришли социал-демократы.— 345.

[3] *Дело Дрейфуса* — провокационный процесс, организованный в 1894 году реакционно-монархическими кругами французской военщины против офицера французского генерального штаба, еврея Дрейфуса, ложно обвинявшегося в шпионаже и государственной измене. Инспирированное реакционной военщиной осуждение Дрейфуса, приговоренного к пожизненному заключению, было использовано реакционными кругами Франции для разжигания антисемитизма и наступления против республиканского режима и демократических свобод. В 1898 году, когда социалисты и передовые представители буржуазной демократии (среди них — Э. Золя, Ж. Жорес, А. Франс и др.) подняли кампанию за пересмотр дела Дрейфуса, оно приобрело ярко политический характер и раскололо страну на два лагеря: республиканцев и демократов, с одной стороны, и блок монархистов, клерикалов, антисемитов и националистов — с другой. В 1899 году под давлением общественного мнения Дрейфус был освобожден; в 1906 году решением кассационного суда он был признан невиновным и восстановлен в армии.— 349.

Из тезисов ко II конгрессу Коммунистического Интернационала

[1] В результате начавшейся 27 января 1918 года революции в Финляндии буржуазное правительство было свергнуто и власть перешла в руки рабочих. 29 января было создано революционное правительство Финляндии — Совет народных уполномоченных. 1 марта 1918 года в Петрограде был подписан договор между Финляндской социалистической рабочей республикой и РСФСР. В результате вмешательства германских вооруженных сил революция в Финляндии, после ожесточенной гражданской войны, в мае 1918 года была подавлена.— 356.

[2] 17 декабря 1918 года в Латвии в результате массовых выступлений латышского пролетариата и крестьянства против немецких оккупантов и контрреволюционного правительства было образовано временное Советское правительство, издавшее Манифест о переходе государственной власти в руки Советов. Братскую помощь латышскому народу в борьбе за установление Советской власти и упрочение Латвийской Советской Социалистической Республики оказала Советская Россия. В марте 1919 года против Советской Латвии начали широкое наступление части немецкой армии и белогвардейцев, вооруженные и оснащенные империалистами США и Антанты. В мае ими была захвачена столица Советской Латвии Рига. К началу января 1920 года после ожесточенных боев вся территория Латвии была захвачена интервентами.— 356.

Задачи союзов молодежи

[1] Имеются в виду пролеткультовцы — члены культурно-просветительной организации Пролеткульт. Возникший еще в сентябре 1917 года как незави-

сшая самодеятельная рабочая организация, Пролеткульт, руководство кото-
рым сосредоточилось в руках А. А. Богданова и его сторонников, продол-
жал и после Октябрьской революции отстаивать свою «независимость», тем
самым противопоставляя себя пролетарскому государству. Вследствие этого
в Пролеткульт проникли и стали оказывать решающее влияние на его по-
зицию буржуазные интеллигенты. Пролеткультовцы фактически отрицали
значение культурного наследия прошлого, стремились отгородиться от задач
массовой культурно-просветительной работы и в отрыве от жизни, «лабора-
торным путем» создать особую «пролетарскую культуру». Наибольшее
развитие пролеткультовские организации получили в 1919 году. В начале
20-х годов они пришли в упадок; в 1932 году Пролеткульт прекратил свое
существование.— 363.

Из статьи
«О пролетарской культуре»

1 *Проект резолюции «О пролетарской культуре»* был написан В. И. Лениным в связи с I Всероссийским съездом Пролеткульта, который проходил в Москве с 5 по 12 октября 1920 года. Ленинский проект лег в основу обсуждения вопроса о Пролеткульте на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) 9 и 11 октября 1920 года.— 374.

Из брошюры
«О продовольственном налоге»

1 В. И. Ленин начал работу над брошюрой *«О продовольственном налоге»* в конце марта 1921 года, вскоре после окончания X съезда партии, и закончил 21 апреля. Он придавал большое значение скорейшему изданию и распространению этого произведения, в котором глубоко обосновывалась необходимость перехода к новой экономической политике.

ЦК РКП(б) специальным постановлением предложил областным, губернским и уездным партийным комитетам использовать брошюру Ленина для разъяснения трудящимся сущности и значения новой экономической политики.— 382.

2 Ленин приводит здесь слова из стихотворения Пушкина «Герой».— 389.

3 Ленин имеет в виду план электрификации РСФСР, разработанный Государственной комиссией по электрификации России.— 390.

Из статьи
«О нашей революции»

1 В. И. Ленин имеет в виду, очевидно, характеристику Парижской коммуны как «в высшей степени гибкой политической формы» в работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 345—346) и высокую оценку «гибкости парижан», которую Маркс дал в письме Л. Кугельману от 12 апреля 1871 года (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 172).— 401.

2 В. И. Ленин имеет в виду следующее место из письма К. Маркса Ф. Энгельсу от 16 апреля 1856 года: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 37).— 401.

Адлер (Adler), *Виктор* (1852—1918) — один из организаторов и лидеров австрийской социал-демократии. В 80—90-е годы поддерживал отношения с Ф. Энгельсом, но вскоре после смерти Энгельса скатился к реформизму и выступал как один из вождей оппортунизма. Во время первой мировой войны 1914—1918 годов Адлер занимал центристскую позицию, проповедовал «классовый мир» и боролся против революционных выступлений рабочего класса.— 27.

Адлер (Adler), *Фридрих* (Ф. А.) (1879—1960) — австрийский социал-демократ.— 340.

Акимов (Махновец), *В. П.* (1872—1921) — социал-демократ, видный представитель «экономизма», крайний оппортунист.— 115.

Александр II (Романов) (1818—1881) — русский император (1855—1881).— 86, 97, 98, 147.

Алексеев, М. В. (1857—1918) — генерал царской армии, ярый монархист и контрреволюционер.— 207.

Алексеев, П. А. (1849—1891) — известный революционер 70-х годов, по профессии рабочий-ткач. В 1873 году входил в революционный рабочий кружок в Петербурге за Невской заставой; с ноября 1874 года принимал активное участие в революционной пропаганде среди рабочих в Москве. В апреле 1875 года был арестован и после двухлетнего пребывания в тюрьме судим по «процессу 50». На суде отказался от защитника, произнес революционную речь, которую закончил предсказанием неизбежного падения царского самодержавия. 14 марта 1877 года Алексеев был приговорен к 10 годам каторги. В 1884 году вышел на поселение, жил в Якутии, где в 1891 году был убит грабителями.— 113.

Альберт, М.— см. *Эберлейн* (Eberlein), *Гуго.*

Антоний Волынский (Храповицкий, А. П.) (1863—1936) — один из видных проводников реакционной политики царизма.— 70, 99.

Аракчеев, А. А. (1769—1834) — один из наиболее реакционных представителей царского самодержавия, граф, военный министр при Александре I. С именем Аракчеева связан целый период реакционного полицейского произвола, грубой военщины, шпионства, взяточничества, подкупов и бездушной мелочной формалистики — так называемый режим «аракчеевщины».— 95.

Бабушкин, И. В. (1873—1906) — рабочий, затем профессиональный революционер, большевик.— 77—80, 114.

Бакунин, М. А. (1814—1876) — один из идеологов народничества и анархизма. С 1840 года жил за границей, принимал участие в революции 1848—1849 годов в Германии. Входил в I Интернационал, где выступал как ярый враг марксизма.— 9, 96.

Баллод (Ballod), *Карл* (1864—1931) — экономист-статистик, занимался научной и педагогической деятельностью в Германии и Латвии.— 381.

Бауэр (Bauer), *Бруно* (1809—1882) — немецкий философ-идеалист, один из виднейших младогегельянцев, буржуазный радикал.— 7, 25.

Бауэр (Bauer), *Эдгар* (1820—1886) — немецкий публицист, младогегельянец, брат философа-идеалиста Бруно Бауэра.— 25, 26.

Бауэр (Bauer), *Отто* (1882—1938) — один из лидеров австрийской социал-демократии и II Интернационала. К Октябрьской социалистической революции отнесся враждебно.— 340, 352.

Белинский, В. Г. (1811—1848) — великий русский революционный демократ, литературный критик и публицист, философ-материалист.— 112, 198.

Белоруссов (Белевский), *А. С.* (1859—1919) — буржуазный публицист, правый народник. В 1918 году как представитель подпольного контрреволюционного московского центра введен в «Совет» при генерале Корнилове, затем уехал к Колчаку.— 231.

Бернштейн (Bernstein), *Эдуард* (1850—1932) — лидер крайнего оппортунистического крыла германской социал-демократии и II Интернационала, теоретик ревизионизма и реформизма. Отрицал марксистскую теорию классовой борьбы, учение о неизбежности краха капитализма, о социалистической революции и диктатуре пролетариата. Основной задачей рабочего движения Бернштейн объявил борьбу за реформы, направленные на «улучшение» экономического положения рабочих при капитализме, выдвинул оппортунистическую формулу: «движение — все, конечная цель — ничто». Теоретические воззрения и практическая оппортунистическая деятельность Бернштейна и его последователей привели к прямому предательству интересов рабочего класса, завершившемуся в период первой мировой войны (1914—1918) крахом II Интернационала. В последующие годы Бернштейн продолжал борьбу против марксизма, поддерживал политику империалистической буржуазии, выступал против Октябрьской социалистической революции и Советского государства.— 180.

Бирон, Э. И. (1690—1772) — всесильный временщик в период царствования Анны Иоанновны, выходец из мелких курляндских дворян.— 95.

Бисмарк (Bismarck), *Отто Эдуард Леопольд* (1815—1898) — государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии. Основной целью Бисмарка было объединение «кровью и железом» мелких разрозненных немецких государств и создание единой Германской империи под гегемонией юнкерской Пруссии. В 1871—1890 годах Бисмарк — рейхсканцлер Германской империи.— 120, 126.

Бобринский, В. А. (род. в 1868 г.) — граф, реакционный политический деятель, крупный землевладелец и сахарозаводчик.— 125, 126.

Богаевский, М. П. (1881—1918) — видный деятель контрреволюционного казачества на Дону. Был арестован, осужден и 1 апреля 1918 года расстрелян за активную контрреволюционную деятельность.— 216, 219, 238.

Брантинг (Branting), *Карл Яльмар* (1860—1925) — лидер социал-демократической партии Швеции, один из руководителей II Интернационала.— 264.

Бурцев, В. Л. (1862—1936) — участвовал в революционном движении 80-х годов, был близок к народовольцам. Во время первой мировой войны — ярый шовинист. После Октябрьской социалистической революции эмигрировал за границу, участвовал в создании белогвардейско-монархических организаций для борьбы против СССР.— 124.

Бьюкенен (Buchanan), *Джордж Уильям* (1854—1924) — английский дипломат. Будучи послом в России (1910—1918), оказывал помощь реакционным кругам в их борьбе с революцией.— 161.

Бэйкон (Bacon), *Реджинальд Хью Спенсер* (1863—1947) — крупный английский специалист по военно-морским делам.— 110.

Бюхнер (Büchner), *Фридрих Карл Христиан Людвиг* (1824—1899) — немецкий буржуазный философ, один из главных представителей вульгарного материализма, буржуазный реформист.— 12.

Вебер (Weber), *Макс* (1864—1920) — немецкий буржуазный социолог, историк и экономист. В 1893—1903 годах и 1919—1920 годах был профессором в ряде университетов Германии. В своих работах выступал как апологет капитализма, затушевывал антагонистические классовые противоречия.—154.

Верховский, А. И. (1886—1941) — подполковник царской армии. В 1917 году командовал войсками Московского военного округа, после подавления корниловского мятежа — военный министр в последнем составе буржуазного Временного правительства.— 187.

Вестфален — см. *Маркс, Женни.*

Виганд (Wigand), *Карл* — берлинский корреспондент американского информационного агентства «Universal Service».— 334.

Вильгельм II (Гогенцоллерн) (1859—1941) — германский император и король Пруссии (1888—1918).— 119, 160, 192.

Вильсон (Wilson), *Вудро* (1856—1924) — американский государственный деятель. В 1913 году был избран президентом США от демократической партии и оставался на этом посту до 1921 года. Проводил политику жесткого подавления рабочего движения внутри страны. После победы Октябрьской социалистической революции Вильсон добивался расчленения России, был одним из организаторов военной интервенции США против Советской России.— 250.

Воинов, И. А. (1884—1917) — член РСДРП с 1909 года, большевик, сотрудник и активный корреспондент «Звезды» и «Правды». 6 (19) июля, распространяя «Листок «Правды»», был убит казаками и юнкерами.— 176.

Гайндман (Hyndman), *Генри Майерс* (1842—1921) — английский социалист, реформист. К Октябрьской социалистической революции отнесся враждебно, выступал за интервенцию против Советской России.— 352.

Галифе (Galliffet), *Гастон Александр Огюст* (1830—1909) — французский генерал, участник ряда войн Франции, палач Парижской коммуны 1871 года. В 1872 году подавил восстание арабов в Алжире.— 137.

Гапон, Г. А. (1870—1906) — священник, провокатор, агент царской охранки. Накануне революции 1905—1907 годов по заданию департамента полиции создал по образцу зубатовских новую организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Петербурга», субсидируемую департаментом полиции. Спровоцировал шествие рабочих Петербурга с петицией к царю 9 января 1905 года. Бежал за границу, где был близок к эсерам. После возвращения в Россию был разоблачен и убит эсерами.— 141.

Гвоздев, К. А. (род. в 1883 г.) — меньшевик-ликвидатор.— 158, 159, 162—164.

Гегель (Hegel), *Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831) — немецкий философ, объективный идеалист, идеолог немецкой буржуазии. Исторической заслугой Гегеля является глубокая и всесторонняя разработка диалектики, которая послужила одним из теоретических источников диалектического материализма. Однако диалектика Гегеля носила идеалистический характер, была тесно связана с его в целом консервативной, метафизической философской системой.— 10, 11, 13, 23, 24, 30, 95.

Гегечкори, Е. П. (род. в 1879 г.) — грузинский меньшевик. С ноября 1917 года — председатель контрреволюционного правительства Закавказья (Закавказского комиссариата), затем министр иностранных дел и заместитель председателя меньшевистского правительства Грузии. После установления в 1921 году Советской власти в Грузии — белоэмигрант.— 219, 220, 233, 236, 238.

Гед (Guesde), *Жюль* (Базиль, Матье) (1845—1922) — один из организаторов и руководителей французского социалистического движения и II Интернационала.— 352.

Гексли (Huxley), *Томас Генри* (1825—1895) — английский естествоиспытатель. Ближайший соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения, для обоснования которого важное значение имели исследования Гексли.— 12.

Гендерсон (Henderson), *Артур* (1863—1935) — один из лидеров лейбористской партии и английского профессионального движения. Неоднократно входил в буржуазные правительства Англии.— 254, 347.

Герцен, А. И. (1812—1870) — великий русский революционер-демократ, философ-материалист, публицист и писатель.— 95—99, 112, 113.

Гизо (Guizot), *Франсуа Пьер Гийом* (1787—1874) — французский буржуазный историк и государственный деятель.— 16.

Гильфердинг (Hilferding), *Рудольф* (1877—1941) — один из оппортунистических лидеров германской социал-демократии и II Интернационала; после первой мировой войны выступал как автор теории «организованного капитализма»; апологет государственно-монополистического капитализма. Открытый враг Советской власти и диктатуры пролетариата.— 265, 268, 280.

Гинденбург (Hindenburg), *Пауль* (1847—1934) — германский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал, представитель реакционных и шовинистических элементов германского империализма.— 290.

Гладстон (Gladstone), *Уильям Юарт* (1809—1898) — английский политический и государственный деятель.— 110.

Гольденберг, И. П. (1873—1922) — социал-демократ, после II съезда РСДРП — большевик. Во время первой мировой войны примкнул к оборонцам. В 1920 году был вновь принят в партию большевиков.— 167, 169.

Гомперс (Gompers), *Самюэл* (1850—1924) — деятель американского профсоюзного движения. Проводил политику классового сотрудничества с капиталистами, выступал против революционной борьбы рабочего класса. Во время мировой империалистической войны — социал-шовинист. К Октябрьской социалистической революции и Советскому государству относился враждебно.— 254.

Горький, Максим (Пешков, А. М.) (1868—1936) — великий пролетарский писатель, основоположник социалистического реализма, родоначальник советской литературы.— 378.

Гоц, А. Р. (1882—1940) — один из лидеров партии эсеров. После Октябрьской социалистической революции вел активную борьбу против Советской власти; осужден по процессу правых эсеров в 1922 году.— 219, 230, 233, 236, 238, 239.

Гримм (Grimm), *Роберт* (1881—1958) — один из лидеров швейцарской социал-демократии. В годы мировой империалистической войны — центрист.— 135.

Гуревич, Э. Л. (Смирнов, Е.) (род. в 1865 г.) — публицист, до 1890 года — народоволец, затем примкнул к социал-демократам; после II съезда РСДРП — меньшевик. В годы реакции — ликвидатор.— 122, 124.

Гучков, А. И. (1862—1936) — крупный капиталист, организатор и лидер партии октябристов. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — военный и морской министр первого состава буржуазного Временного правительства. В августе 1917 года участвовал в организации корниловского мятежа. После Октябрьской социалистической революции активно боролся против Советской власти, белоэмигрант.— 49, 125, 157, 158, 160, 161, 163, 164.

Гюисманс (Huysmans), *Камиль* (1871—1968) — один из старейших деятелей бельгийского рабочего движения. В 1904—1919 годах — секретарь Международного социалистического бюро II Интернационала, занимал центристскую позицию. После первой мировой войны (1914—1918) — один из видных деятелей восстановленного II Интернационала. В последние годы жизни неоднократно выступал за установление контактов социалистической партии с КПСС, за восстановление единства международного рабочего движения.— 134.

Давид (David), *Эдуард* (1863—1930) — один из лидеров правого крыла германской социал-демократии. Во время первой мировой войны — социал-шовинист. В 20-х годах поддерживал реваншистские устремления германского империализма, враждебно относился к СССР.— 159, 278.

Дан (Гурвич), *Ф. И.* (1871—1947) — один из лидеров меньшевиков. В начале 1922 года был выслан за границу как враг Советского государства.— 175.

Дантон (Danton), *Жорж Жак* (1759—1794) — один из видных деятелей Французской буржуазной революции конца XVIII века. Талантливый оратор, пользовавшийся популярностью в массах. В критические дни августа — сен-

тября 1792 года, когда армии интервентов быстро продвигались к Парижу, Дантон проявил энергию, инициативу и решимость, мобилизуя силы народа на защиту революционного отечества.— 185.

Дебс (Debs), *Юджин Виктор* (1855—1926) — видный деятель рабочего движения США. Во время мировой империалистической войны стоял на интернационалистских позициях, резко осуждал предательство социал-шовинистов. Дебс приветствовал победу Октябрьской социалистической революции.— 250.

Деникин, А. И. (1872—1947) — царский генерал; во время гражданской войны — один из главарей белогвардейского движения. После смерти генерала Корнилова — главнокомандующий антисоветскими вооруженными силами юга России. После разгрома его армий советскими войсками эмигрировал за границу.— 314—318, 326, 328—330, 336, 370.

Добролюбов, Н. А. (1836—1861) — великий русский революционный демократ, выдающийся литературный критик и философ-материалист, ближайший друг и соратник Н. Г. Чернышевского.— 97, 111, 240.

Долгоруков, Павел Дм. (1866—1930) — князь, крупный помещик, кадет. После Октябрьской социалистической революции — активный участник белогвардейских заговоров против Советской власти.— 125.

Дрейфус (Dreyfus), *Альфред* (1859—1935) — офицер французского генерального штаба, еврей, невинно осужденный в 1894 году к пожизненному заключению по заведомо ложному обвинению в государственной измене.— 260, 349.

Дубасов, Ф. В. (1845—1912) — один из главарей царской реакции, кровавый палач первой русской революции 1905—1907 годов. В 1905 году руководил подавлением аграрного движения в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях. С ноября 1905 года — московский генерал-губернатор, руководил разгромом декабрьского вооруженного восстания в Москве.— 59—61.

Дутов, А. И. (1864—1921) — полковник царской армии, атаман оренбургского казачьего войска; один из руководителей казачьей контрреволюции.— 219, 236, 238.

Дюринг (Dühring), *Евгений* (1833—1921) — немецкий философ и экономист, мелкобуржуазный идеолог. Философские взгляды Дюринга представляли собой эклектическую смесь позитивизма, метафизического материализма и идеализма. Взгляды Дюринга, нашедшие поддержку среди части германской социал-демократии, были подвергнуты критике Энгельсом в книге «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом». Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» и в ряде других произведений неоднократно критиковал эклектические воззрения Дюринга.— 27, 30.

Дьяченко, А. П. (1875—1952) — член большевистской партии с 1917 года. В 1919 году — фельдшер на Московско-Казанской железной дороге.— 284.

Засулич, В. И. (Иванов, В.) (1849—1919) — видная участница народнического, а затем социал-демократического движения в России. В 1900 году вошла в редакцию газеты «Искра» и журнала «Заря». После раскола партии в 1903 году Засулич стала одним из лидеров меньшевизма. К Великой Октябрьской социалистической революции Засулич отнеслась отрицательно.— 27.

Кавелин, К. Д. (1818—1885) — историк и юрист, профессор Московского и Петербургского университетов, представитель дворянско-буржуазного либерализма. В период подготовки и проведения «крестьянской» реформы 19 февраля 1861 года выступал против революционно-демократического движения, одобрял реакционную политику самодержавия.— 97, 98.

Кавеньяк (Cavaignac), *Луи Эжен* (1802—1857) — французский генерал, реакционный политический деятель.— 174—177, 232.

Каледин, А. М. (1861—1918) — генерал царской армии, донской казачий атаман. После Октябрьской социалистической революции — один из руководителей казачьей контрреволюции на Дону, участвовал в создании белогвардейской «добровольческой армии», возглавлял казачий мятеж.— 189, 207.

Каменев (Розенфельд), *Л. Б.* (1883—1936) — состоял членом РСДРП с 1901 г., после II съезда РСДРП примкнул к большевикам. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года выступал против ленинского курса партии на социалистическую революцию. В октябре 1917 года вместе с Зиновьевым опубликовал в полуменьшевистской газете «Новая жизнь» заявление о несогласии с резолюцией ЦК о вооруженном восстании, что явилось разглашением секретного решения партии, предательством революции. После Октябрьской социалистической революции неоднократно выступал против ленинской политики партии. В 1926 году — один из лидеров антипартийного троцкистско-зиновьевского блока, в 1927 году исключен из партии как активный деятель троцкистской оппозиции.— 176.

Кант (Kant), *Иммануил* (1724—1804) — немецкий философ, основоположник классической немецкой философии. Философия Канта представляла собой разновидность субъективного идеализма и агностицизма, но вместе с тем она имела известную материалистическую тенденцию, выраженную в учении о «вещах в себе» и в признании опытного характера наших знаний.— 11.

Каплун, Б. Г. (род. в 1894 г.) — в партии состоял с 1917 года. В 1918—1921 годах — член коллегии отдела управления Петросовета, затем работал в Петроградском совнархозе. В ноябре 1921 года за карьеризм и злоупотребление служебным положением решением Петроградской проверочной комиссии был исключен из партии.— 378.

Капп (Карр), *Вольфганг* (1858—1922) — представитель кругов германского юнкерства и империалистической военщины.— 345.

Каутский (Kautsky), *Карл* (1854—1938) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, вначале марксист, позднее ренегат марксизма, идеолог наиболее опасной и вредной разновидности оппортунизма — центризма (каутскианства). После Октябрьской социалистической революции открыто выступал против пролетарской революции и диктатуры рабочего класса, против Советской власти.— 61, 134, 136, 153, 167, 170, 265, 268, 278, 280, 289, 293, 340, 341, 352, 384.

Керенский, А. Ф. (1881—1970) — эсер, депутат IV Государственной думы, некоторое время примыкал к группе трудовиков и был ее председателем. В годы мировой империалистической войны — ярый оборонец. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года был министром, а затем премьер-министром Временного правительства и верховным главнокомандующим. После Октябрьской социалистической революции активно боролся против Советской власти, в 1918 году бежал за границу. Жил в США, вел антисоветскую пропаганду.— 158, 161—163, 176, 179—181, 186, 187, 189, 207, 208, 215—217, 219, 227, 230, 236, 249, 269, 351.

Кишкин, Н. М. (1864—1930) — один из лидеров партии кадетов. Накануне Октябрьской социалистической революции был назначен «диктатором» Петрограда. В 1919 году — один из активных участников контрреволюционной белогвардейской организации в Москве («Тактического центра»).— 215.

Колчак, А. В. (1873—1920) — адмирал царского флота, монархист, один из главных руководителей российской контрреволюции в 1918—1919 годах, ставленник Антанты. После Октябрьской социалистической революции при поддержке империалистов США, Англии и Франции объявил себя верховным правителем России и возглавил военную буржуазно-помещичью диктатуру на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Удары Красной Армии и рост революционно-партизанского движения привели к ликвидации колчаковщины; Колчак был взят в плен и 7 февраля 1920 года по постановлению Иркутского ревкома расстрелян.— 282, 283, 313—319, 322, 326, 329, 330, 336, 370.

Кольцов, Д. (Гинзбург, Б. А.) (1863—1920) — социал-демократ, меньшевик, сотрудник ряда меньшевистских изданий. К Октябрьской социалистической революции отнесся враждебно.— 117.

Корнилов, Л. Г. (1870—1918) — генерал царской армии, монархист. В июле — августе 1917 года — верховный главнокомандующий русской армии. В августе возглавил контрреволюционный мятеж. После подавления мятежа был арестован и заключен в тюрьму, откуда бежал на Дон и стал одним из организаторов, а затем командующим белогвардейской «добровольческой армии». Убит во время боев под Екатеринодаром.— 207, 225, 227, 230, 232, 233, 236, 238, 345.

Красин, Л. Б. (1870—1926) — видный советский государственный деятель.— 332.

Краснов, П. Н. (1869—1947) — генерал царской армии, активный участник корниловского мятежа в августе 1917 года. В конце октября 1917 года командовал казачьими отрядами, двинутыми Керенским на Петроград во время антисоветского мятежа. В 1918—1919 годах руководил белоказачьей армией на Дону. В 1919 году бежал за границу, где продолжал контрреволюционную антисоветскую деятельность. В 1941—1945 годах сотрудничал с гитлеровцами. Был взят в плен и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен.— 219.

Крестовников, Г. А. (род. в 1855 г.) — октябрист, крупный промышленник и биржевик.— 125.

Кржижановский, Г. М. (1872—1959) — старейший деятель Коммунистической партии, известный советский ученый, инженер-энергетик. В революционное движение вступил в 1893 году. После победы Октябрьской социалистической революции по поручению Ленина Кржижановский возглавлял Комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО). В 1921—1930 годах руководил Госпланом. Неоднократно избирался членом ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР. В 1929 году был избран членом Академии наук СССР, с 1929 по 1939 год — вице-президент Академии наук СССР. Автор многих научных трудов в области энергетики.— 331, 333.

Кристи, М. П. (1875—1956) — член партии с 1898 года, революционную работу вел с 1893 года. С 1918 по 1926 год — уполномоченный Наркомпроса в Петрограде, с 1926 года — заместитель начальника Главнауки.— 338.

Кричевский, Б. Н. (1866—1919) — социал-демократ, публицист, один из лидеров «экономизма». После II съезда РСДРП отошел от социал-демократического движения.— 115.

Кропоткин, П. А. (1842—1921) — один из главных деятелей и теоретиков анархизма. В 1872 году за границей примкнул к группе Бакунина. Вернувшись из эмиграции в 1917 году, оставался на буржуазных позициях, однако в 1920 году обратился с письмом к европейским рабочим, где признал историческое значение Октябрьской социалистической революции и призвал рабочих воспрепятствовать военной интервенции против Советской России. Автор ряда научных трудов по географии и геологии.— 124.

Кутлер, Н. Н. (1859—1924) — видный деятель партии кадетов.— 125.

Лафарг (Lafargue), *Лаура* (1845—1911) — деятель рабочего движения Франции, дочь К. Маркса. Много сделала для распространения марксизма во Франции; совместно с мужем Полем Лафаргом перевела на французский язык ряд трудов К. Маркса и Ф. Энгельса.— 10.

Левицкий (Цедербаум), *В. О.* (род. в 1883 г.) — социал-демократ, меньшевик. В годы реакции и нового революционного подъема — один из лидеров ликвидаторства; входил в меньшевистский центр. Октябрьскую социалистическую революцию встретил враждебно, активно боролся против Советской власти. В 1920 году привлекался по делу контрреволюционного «Тактического центра».— 117.

Легин (Legien), *Карл* (1861—1920) — немецкий правый социал-демократ, один из лидеров немецких профсоюзов, ревизионист.— 278.

Либкнехт (Liebknecht), *Карл* (1871—1919) — выдающийся деятель германского и международного рабочего движения; один из руководителей левого крыла немецкой социал-демократии. В годы первой мировой войны стоял на революционно-интернационалистских позициях, был одним из

организаторов и руководителей группы «Интернационал», которая впоследствии стала называться группой «Спартак», а затем «Союзом Спартака». В 1916 году за антимилитаристскую пропаганду был осужден на каторгу. Во время Ноябрьской революции 1918 года в Германии вместе с Р. Люксембург возглавлял революционный авангард немецких рабочих. Являлся одним из основателей Коммунистической партии Германии и руководителей восстания берлинских рабочих в январе 1919 года. После подавления восстания был зверски убит контрреволюционерами.— 207, 209, 260, 261.

Ллойд Джордж (Lloud George), *Дэвид* (1863—1945) — английский государственный деятель и дипломат, лидер партии либералов. В 1916—1922 годах — премьер-министр. После Октябрьской социалистической революции в России — один из вдохновителей и организаторов военной интервенции и блокады Советского государства.— 347.

Лонге (Longuet), *Женни* (1844—1883) — деятель международного рабочего движения; старшая дочь Карла Маркса, жена Шарля Лонге. Выступала в периодической печати с позиций пролетарского интернационализма.— 10.

Лонге (Longuet), *Жан* (1876—1938) — член Французской социалистической партии и II Интернационала, публицист; сын Шарля Лонге и Женни Маркс. В годы первой мировой войны возглавлял центристско-пацифистское меньшинство Французской социалистической партии. В 30-х годах выступал за единство действий социалистов и коммунистов против фашизма.— 167.

Львов, Г. Е. (1861—1925) — князь, крупный помещик, кадет. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — с марта по июль — глава буржуазного Временного правительства и министр внутренних дел. Один из инициаторов кровавой расправы с рабочими и солдатами Петрограда в июльские дни 1917 года. После Октябрьской социалистической революции — белоэмигрант; участвовал в организации иностранной военной интервенции против Советской России.— 158, 161, 163—165.

Люберсак (Lubersac), *Жан* — офицер французской армии, граф, монархист; входил в состав французской военной миссии, находившейся в России в 1917—1918 годах.— 248.

Люксембург (Luxemburg), *Роза* (1871—1919) — выдающийся деятель международного рабочего движения, один из лидеров левого крыла II Интернационала. Была в числе основателей и руководителей социал-демократической партии Польши. С 1897 года принимала активное участие в германском социал-демократическом движении, вела борьбу против бернштейнианства и мильеранизма. Люксембург была участницей первой русской революции (в Варшаве). С самого начала первой мировой войны заняла интернационалистскую позицию. После Ноябрьской революции 1918 года в Германии принимала руководящее участие в Учредительном съезде Коммунистической партии Германии. В январе 1919 года была арестована и зверски убита.— 136, 169, 260, 261.

Мадзини (Mazzini), *Джузеппе* (1805—1872) — видный итальянский революционер, буржуазный демократ, один из вождей и идеологов итальянского национально-освободительного движения. Мадзини пропагандировал утопический мелкобуржуазный план разрешения рабочего вопроса путем «сотрудничества труда и капитала».— 9.

Макаров, А. А. (1857—1919) — реакционный государственный деятель царской России.— 105.

Макдональд (Macdonald), *Джеймс Рамсей* (1866—1937) — английский политический деятель, один из основателей и лидеров лейбористской партии. Проводил крайне оппортунистическую политику, проповедовал реакционную теорию классового сотрудничества и постепенного врастания капитализма в социализм.— 167.

Маклаков, В. А. (род. в 1870 г.) — правый кадет, помещик.— 89.

Маркс (Marx), *Карл* (1818—1883) — основоположник научного коммунизма, гениальный мыслитель, вождь и учитель международного пролетариата.— 7—36, 83, 96, 126, 127, 141, 168, 183, 185, 186, 202, 231, 233, 257, 258, 264, 279—281, 293, 299, 362, 363, 401, 403.

Маркс (фон Вестфален) (Marx; von Westphalen), *Женни* (1814—1881) — жена Карла Маркса, его верный друг и помощник.— 8.

Маркс-Эвелинг (Marx-Aveling), *Элеонора* («Тусси») (1855—1898) — деятель английского и международного рабочего движения; младшая дочь К. Маркса. После смерти К. Маркса работала под непосредственным руководством Ф. Энгельса, принимала энергичное участие в массовом движении неквалифицированных рабочих, была одним из организаторов крупной стачки лондонских докеров в 1889 году.— 10.

Мартов, Л. (Цедербаум, Ю. О.) (1873—1923) — один из лидеров меньшевизма. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор. В период первой мировой войны занимал центристскую позицию. После Октябрьской социалистической революции перешел в лагерь открытых врагов Советской власти.— 117, 134, 230—232, 240, 289.

Мартынов, А. (Пикер А. С.) (1865—1935) — один из лидеров «экономистов», видный меньшевик. В 1923 году был принят в Коммунистическую партию.— 115, 116.

Маслов, П. П. (1867—1946) — экономист, социал-демократ, автор ряда работ по аграрному вопросу, в которых пытался ревизовать марксизм. После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам.— 122, 124.

Меллер-Закомельский, А. Н. (род. в 1844 г.) — барон, генерал царской армии, крайний реакционер. В 1906 году вместе с генералом П. К. Ренненкампфом возглавлял карательные экспедиции по подавлению революционного движения в Сибири.— 79, 94.

Меньшиков, М. О. (1859—1919) — реакционный публицист, сотрудник черносотенной газеты «Новое время».— 89, 124.

Милюков, П. Н. (1859—1943) — лидер партии кадетов, видный идеолог русской империалистической буржуазии, историк и публицист. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — министр иностранных дел в первом составе буржуазного Временного правительства; проводил политику продолжения империалистической войны «до победного конца». После Октябрьской социалистической революции стал одним из организаторов иностранной военной интервенции против Советской России; активный деятель белой эмиграции.— 156—158, 160, 161, 163, 164.

Минье (Mignet), *Франсуа Огюст Мари* (1796—1884) — французский буржуазный историк.— 16.

Молешотт (Moleschott), *Якоб* (1822—1893) — ученый-физиолог. Один из главных представителей вульгарного материализма; возрождал механистические взгляды на природу и общество.— 12.

Морганы — семья банкиров-миллиардеров, представляющая одну из крупнейших групп финансовой олигархии США.— 106.

Морозовы — крупнейшие русские текстильные фабриканты. В 1913—1914 годах на всех предприятиях Морозовых, объединенных в четырех компаниях, насчитывалось 54 тысячи рабочих. В период первой мировой войны Морозовы играли крупную роль в военно-промышленных комитетах.— 106.

Мост (Most), *Иоганн Иосиф* (1846—1906) — немецкий социал-демократ, затем анархист.— 77.

Муромцев, С. А. (1850—1910) — видный деятель партии кадетов, профессор Московского университета. В 1906 году — депутат I Государственной думы и ее председатель.— 79.

Наполеон I (Бонапарт) (1769—1821) — император Франции 1804—1814 и 1815 годов.— 212.

Наполеон III (Бонапарт, Луи) (1808—1873) — император Франции с 1852 по 1870 год, племянник Наполеона I. После поражения революции 1848 года был избран президентом Французской республики; в ночь на 2 декабря 1851 года произвел государственный переворот.— 96.

Николай II (Романов) (1868—1918) — последний русский император, царствовал с 1894 года до Февральской буржуазно-демократической рево-

люции 1917 года. 17 июля 1918 года был расстрелян в Екатеринбурге (Свердловск) по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов.— 84, 85, 104, 120, 124—126, 159, 160.

Носке (Noske), *Густав* (1868—1946) — один из оппортунистических лидеров Германской социал-демократической партии. Организатор расправы с рабочими Берлина и убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург, за что получил прозвище «кровавой собаки». В годы фашистской диктатуры получал государственную пенсию от гитлеровского правительства.— 278, 352.

Осинский, Н. (Оболенский, В. В.) (1887—1938) — член большевистской партии с 1907 года. В 1921—1923 годах — заместитель наркома земледелия.— 267.

Оуэн (Owen), *Роберт* (1771—1858) — английский социалист-утопист.— 399.

Павлов, И. П. (1849—1936) — выдающийся русский физиолог, академик.— 378, 379.

Паннекук (Panneckoek), *Антони* (1873—1960) — голландский социал-демократ.— 74, 77.

Петров, А. (Сидоров, А. П.) (1824 (?) — 1861) — крепостной крестьянин села Бездна Спасского уезда Казанской губернии; возглавлял восстание бездненских крестьян, явившееся протестом против «крестьянской реформы» 1861 года. После подавления восстания Петров по приговору военно-полевого суда был расстрелян.— 98—99.

Платтен (Platten), *Фридрих* (Фриц) (1883—1942) — швейцарский левый социал-демократ, затем коммунист, профессиональный революционер. В 1905—1907 годах вел революционную работу в Риге. В апреле 1917 года был главным организатором переезда В. И. Ленина из Швейцарии в Россию. В 1919 году принимал участие в создании III, Коммунистического Интернационала; член Бюро Коминтерна, один из организаторов Коммунистической партии Швейцарии.— 269.

Плеханов Г. В. (1856—1918) — выдающийся деятель русского и международного рабочего движения, первый пропагандист марксизма в России. В 1883 году в Женеве создал первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда». В начале 900-х годов вместе с В. И. Лениным редактировал газету «Искра» и журнал «Заря», участвовал в подготовке II съезда РСДРП. После II съезда РСДРП Плеханов стал на позиции примиренчества с оппортунизмом, а затем примкнул к меньшевикам. В период революции 1905—1907 годов недооценивал революционную роль крестьянства, выступал с требованием союза с либеральной буржуазией; признавая на словах идею гегемонии пролетариата, на деле выступал против существа этой идеи. Осуждал декабрьское вооруженное восстание 1905 года. В годы реакции и нового революционного подъема выступал против махистской ревизии марксизма и ликвидаторства, возглавлял группу «меньшевиков-партийцев». Во время первой мировой войны (1914—1918) стал на позиции социал-шовинизма, защищал меньшевистскую тактику оборончества. Вернувшись после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года в Россию, возглавил крайне правую группу меньшевиков-оборонцев, активно выступал против большевиков, против социалистической революции.— 27, 60, 115, 122, 124, 127, 159, 163, 164, 168—170, 349, 352.

Потресов, А. Н. (1869—1934) — один из лидеров меньшевизма. После Октябрьской социалистической революции эмигрировал, выступал с нападками на Советскую Россию.— 158, 159, 162—165.

Прокопович, С. Н. (1871—1955) — буржуазный экономист и публицист. В конце 90-х годов — видный представитель «экономизма», один из первых проповедников бернштейнианства в России. В 1917 году — министр продовольствия в буржуазном Временном правительстве. После Октябрьской социалистической революции выслан из СССР за антисоветскую деятельность.— 116.

Прудон (Proudhon), *Пьер-Жозеф* (1809—1865) — французский публицист, экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из основоположников анархизма.— 8, 9.

Пуанкаре (Poincaré), *Раймон* (1860—1934) — французский буржуазный политический деятель. В 1912 году стал премьер-министром, а с 1913 по 1920 год был президентом Франции. Активный сторонник подготовки мировой империалистической войны, за что получил прозвище «Пуанкаре-война». После Октябрьской социалистической революции был одним из организаторов иностранной военной интервенции против Советской России. В 1922—1924 и 1926—1929 годах — премьер-министр Франции. Его политика отличалась резкой антисоветской направленностью, наступлением на жизненные права и демократические свободы французских трудящихся, преследованиями французских коммунистов.— 120.

Пуришкевич, В. М. (1870—1920) — крупный помещик, ярый реакционер-черносотенец, монархист. Был одним из инициаторов создания черносотенного «Союза русского народа». После Октябрьской социалистической революции активно боролся против Советской власти.— 107, 125, 126.

Путкамер (Puttkamer), *Роберт Виктор* (1828—1900) — немецкий реакционный государственный деятель.— 150.

Радищев, А. Н. (1749—1802) — выдающийся русский писатель, революционный просветитель.— 125.

Ракитников, Н. И. (род. в 1864 г.) — народник, затем эсер, журналист.— 175.

Рамсей (Ramsay), *Уильям* (1852—1916) — английский химик и физик; известен работами в области органической и физической химии. Независимо от Д. И. Менделеева, значительно позднее его, Рамсей предложил осуществить подземную газификацию каменного угля с последующим использованием выделяющегося газа для технических целей.— 105, 106.

Распутин (Новых), *Г. Е.* (1872—1916) — авантюрист, пользовавшийся большим влиянием при дворе Николая II. В 1907 году под видом «святого старца» и «прорицателя» вошел в доверие к царской семье. В «распутинщине» нашло наиболее яркое выражение мракобесие, характерное для правящей верхушки царской России. Распутин был убит в Петрограде группой монархистов, пытавшихся этим актом спасти авторитет монархии.— 157.

Рейтерн (ум. в 1861 г.) — полковник царской армии. Застрелился, не желая участвовать в расстреле демонстрации, состоявшейся в Варшаве.— 98.

Ренненкампф, П. К. (1854—1918) — царский генерал, один из палачей и душителей революционного движения. В 1906 году вместе с генералом Меллер-Закомельским возглавлял карательные экспедиции по подавлению революционного движения в Сибири.— 78, 79, 94.

Реннер (Renner), *Карл* (1870—1950) — австрийский политический деятель, лидер и теоретик австрийских правых социал-демократов.— 254, 275.

Ренодель (Renaudel), *Пьер* (1871—1935) — один из реформистских лидеров Французской социалистической партии. Во время мировой империалистической войны — социал-шовинист.— 254.

Рикардо (Ricardo), *Давид* (1772—1823) — выдающийся английский экономист, автор ряда работ, в которых нашла завершение классическая буржуазная политическая экономия.— 31.

Риссер (Riesser), *Якоб* (1853—1932) — немецкий экономист и банковский деятель.— 133.

Родичев, Ф. И. (род. в 1856 г.) — тверской помещик и земский деятель, один из лидеров партии кадетов.— 125.

Рокфеллеры — семья крупнейших финансовых магнатов в США.— 106.

Романов, М. А. (1878—1918) — великий князь, брат последнего русского императора Николая II.— 163.

Романовы — династия русских царей и императоров, царствовавших с 1613 по 1917 год.— 84, 98, 125, 157, 162—163.

Рубакин, Н. А. (1862—1946) — русский библиограф и писатель, автор многочисленных работ по библиографии, истории книжного дела в России, научно-популярных очерков по географии, естественным наукам и др.— 117.

Рубанович, И. А. (1860—1920) — один из лидеров партии эсеров.— 124.

Руге (Ruge), *Арнольд* (1802—1880) — немецкий публицист, младогегельянец; буржуазный радикал.— 8, 26.

Рябушинский, П. П. (род. в 1871 г.) — крупный московский банкир и промышленник, один из главарей контрреволюции.— 106.

Савинков, Б. В. (1879—1925) — видный деятель партии эсеров, один из руководителей ее «боевой организации». После Октябрьской социалистической революции — организатор ряда контрреволюционных мятежей, содействовал военной интервенции против Советской республики, белоэмигрант. В 1924 году нелегально приехал в СССР, был арестован. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Савинкова к расстрелу, решением ЦИК СССР высшая мера наказания была заменена тюремным заключением сроком на 10 лет. В 1925 году, находясь в тюрьме, покончил с собой.— 219, 220, 233.

Садуль (Sadoul), *Жак* (1881—1956) — офицер французской армии, член Французской социалистической партии, стоял на социал-шовинистических позициях. В 1917 году был командирован в Россию в качестве члена французской военной миссии. Под влиянием Октябрьской социалистической революции стал сторонником коммунистических идей, вступил во французскую секцию РКП(б) и добровольцем в Красную Армию. Выступал в печати с горячими протестами против интервенции империалистов Антанты в Советскую Россию, вел революционную пропаганду среди французских войск, оккупировавших юг Украины. Участник I конгресса Коминтерна. В последующие годы — активный борец за мир и дружбу между народами.— 248.

Свердлов, Я. М. (1885—1919) — выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства. Член партии с 1901 года. Во время революции 1905—1907 годов руководил большевистскими организациями Урала. После VI (Пражской) конференции РСДРП (январь 1912 года) был кооптирован в члены ЦК РСДРП и введен в состав Русского бюро ЦК. Входил в редакцию газеты «Правда». За революционную деятельность неоднократно подвергался преследованиям царского правительства; всего в тюрьмах и ссылке провел 12 лет. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — один из руководителей уральской партийной организации. Свердлов принимал активное участие в подготовке и проведении Октябрьской социалистической революции. Член Петроградского Военно-революционного комитета и Военно-революционного центра по руководству восстанием, созданного Центральным Комитетом партии. 8 (21) ноября 1917 года был избран председателем ВЦИК.— 255, 270—274.

Северянин, А. (Быков, А. Н.) (1860—1919) — кадет, по образованию инженер-технолог. С 1889 по 1906 год был фабричным инспектором. Сотрудничал в буржуазно-либеральных органах.— 102.

Серно-Соловьевич, А. А. (1838—1869) — видный деятель революционно-демократического движения 60-х годов. Автор резкого памфлета «Наши домашние дела», направленного против либеральных колебаний Герцена. С 1867 года был членом женевской секции I Интернационала.— 97.

Сисмонди (Sismondi), *Жан-Шарль-Леонар Симонд де* (1773—1842) — швейцарский экономист и историк.— 141.

Смирнов, Е. — см. *Гуревич, Э. Л.*

Смит (Smith), *Адам* (1723—1790) — английский экономист, крупнейший представитель классической буржуазной политической экономии.— 20, 31.

Спартак (Spartakus) (ум. в 71 г. до н. э.) — вождь одного из самых крупных восстаний рабов в Древнем Риме в 74 (или 73) — 71 годах до н. э.— 307—308.

Стеклов, Ю. М. (1873—1941) — профессиональный революционер, в социал-демократическом движении участвовал с 1893 года. После II съезда РСДРП примыкал к большевикам. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года стоял на позициях «революционного оборон-

чества»; позднее перешел к большевикам. После Октябрьской социалистической революции — член ВЦИК и ЦИК. Автор ряда трудов по истории революционного движения.— 166, 170, 171.

Столыпин, П. А. (1862—1911) — государственный деятель царской России, крупный помещик. В 1906—1911 годах — председатель Совета министров и министр внутренних дел России.— 66, 84, 161.

Струве, П. Б. (1870—1944) — буржуазный экономист и публицист, один из лидеров партии кадетов. В 90-х годах — виднейший представитель «легального марксизма»; пытался приспособить марксизм и рабочее движение к интересам буржуазии. Один из идеологов российского империализма. После Октябрьской социалистической революции — ярый враг Советской власти, член контрреволюционного правительства Врангеля, белоэмигрант.— 143.

Суханов, Н. (Гиммер, Н. Н.) (род. в 1882 г.) — экономист и публицист мелкобуржуазного толка, меньшевик.— 401—402.

Тейлор (Taylor), *Фредерик Уинслоу* (1856—1915) — американский инженер, основоположник системы организации труда, направленной на максимальное уплотнение рабочего дня и рациональное использование средств производства и орудий труда. В условиях капитализма эта система используется для усиления эксплуатации трудящихся.— 228.

Толстой, Л. Н. (1828—1910) — гениальный русский писатель, один из величайших писателей мира, оказавший огромное влияние на развитие русской и мировой литературы.— 64—73, 80—84, 100, 111.

Троцкий (Бронштейн), *Л. Д.* (1879—1940) — злейший враг ленинизма. В годы реакции и нового революционного подъема, прикрываясь маской «внефракционности», фактически стоял на позициях ликвидаторов. В 1912 году был организатором антипартийного Августовского блока. В период первой мировой войны занимал центристскую позицию, вел борьбу против В. И. Ленина по вопросам войны, мира и революции. Вернувшись после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года из эмиграции, вошел в группу «межрайонцев» и вместе с ними на VI съезде РСДРП(б) был принят в большевистскую партию. После Октябрьской социалистической революции занимал ряд государственных постов. В 1918 году был противником Брестского мира. С 1923 года вел ожесточенную фракционную борьбу против генеральной линии партии, против ленинской программы построения социализма, проповедовал невозможность победы социализма в СССР. В 1927 году Троцкий был исключен из партии, в 1929 году за антисоветскую деятельность выслан из СССР и в 1932 году лишен советского гражданства. Находясь за границей, продолжал борьбу против Советского государства и Коммунистической партии, против международного коммунистического движения.— 101, 116.

Турати (Turati), *Филиппо* (1857—1932) — деятель итальянского рабочего движения, один из организаторов Итальянской социалистической партии (1892), лидер ее правого, реформистского крыла. К Октябрьской социалистической революции отнесся враждебно. После раскола Итальянской социалистической партии (1922) возглавил реформистскую Унитарную социалистическую партию. В 1926 году эмигрировал из фашистской Италии во Францию.— 167.

Тургенев, И. С. (1818—1883) — великий русский писатель.— 98, 111, 240.

Тьер (Thiers), *Адольф* (1797—1877) — французский буржуазный государственный деятель и историк. Был одним из главных организаторов подавления Парижской коммуны.— 16, 94.

Тьерри (Thierry), *Огюстен* (1795—1856) — французский буржуазный историк либерального направления, один из основоположников буржуазной теории классовой борьбы.— 16.

Фейербах (Feuerbach), *Людвиг Андреас* (1804—1872) — выдающийся немецкий философ-материалист и атеист, один из предшественников марксизма.— 7, 10, 11, 27, 30, 95.

Фогт (Vogt), *Карл* (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель, один из главных представителей вульгарного материализма. Будучи ярым противником научного социализма, участвовал в преследованиях пролетарских революционеров, выступал с клеветническими заявлениями о деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса.— 12.

Фош (Foch), *Фердинанд* (1851—1929) — французский военный деятель, маршал. В 1918—1920 годах — один из активных организаторов вооруженной интервенции против Советской России.— 290.

Халтурин, С. Н. (1857—1882) — один из первых русских революционеров-рабочих. С середины 70-х годов принимал активное участие в рабочем движении, входил в народническое «Общество друзей». Вместе с В. П. Обнорским Халтурин в 1878 году организовал нелегальный «Северный союз русских рабочих», вел подготовку к изданию самостоятельной рабочей газеты. Под влиянием народовольцев организовал в 1880 г. покушение на царя. Преследуемый полицией, Халтурин продолжал вести революционную работу. Вместе со своим товарищем Н. А. Желваковым организовал в Одессе покушение на генерала Стрельникова; оба были арестованы и приговорены военно-полевым судом к смертной казни.— 113.

Ходоровский, И. И. (1885—1940) — член РСДРП с 1903 года. После Октябрьской революции — на партийной, военной и советской работе.— 393, 394.

Церетели, И. Г. (1882—1959) — один из лидеров меньшевизма. Министр буржуазного Временного правительства, один из вдохновителей погромной травли большевиков. После Октябрьской социалистической революции Церетели был одним из руководителей контрреволюционного меньшевистского правительства Грузии, белоэмигрант.— 166, 170, 171, 175, 176, 181, 215, 232.

Черненков, Б. Н. (род. в 1883 г.) — член партии эсеров с 1903 года.— 298.

Чернов, В. М. (1876—1952) — один из лидеров и теоретиков партии эсеров. В 1917 году — министр земледелия буржуазного Временного правительства, проводил политику жестоких репрессий против крестьян, захватывавших помещичьи земли. После Октябрьской социалистической революции — один из организаторов антисоветских мятежей. В 1920 году эмигрировал; за границей продолжал антисоветскую деятельность.— 175, 176, 181, 215, 232.

Чернышевский, Н. Г. (1828—1889) — великий русский революционный демократ и социалист-утопист, ученый, писатель, литературный критик; один из выдающихся предшественников русской социал-демократии.— 86, 87, 97—99, 111, 113, 125, 240, 249.

Черчилль (Churchill), *Уинстон* (1874—1965) — английский политический деятель, консерватор. В 1918—1921 годах, будучи военным министром, являлся одним из вдохновителей вооруженной интервенции против Советской России.

В 1940—1945 годах — премьер-министр коалиционного правительства, лидер консервативной партии. В годы второй мировой войны был главным инициатором политики оттяжки открытия второго фронта, целью которой являлось стремление ослабить Советский Союз. В 1946 году Черчилль выступил с программой «холодной войны» против СССР и стран народной демократии; проводил курс, направленный к возрождению германского милитаризма и к созданию военно-политических блоков против СССР и стран народной демократии.— 347.

Чхеидзе, Н. С. (1864—1926) — один из лидеров меньшевиков. Активно поддерживал буржуазное Временное правительство. После Октябрьской социалистической революции — председатель Учредительного собрания Грузии — контрреволюционного меньшевистского правительства.— 158, 162, 163, 166, 167, 170, 171.

Чхенкели, А. И. (род. в 1874 г.) — социал-демократ, меньшевик.— 158, 162.

Шейдеман (Scheidemann), *Филипп* (1865—1939) — один из лидеров крайне правого, оппортунистического крыла германской социал-демократии. Был одним из организаторов кровавого подавления немецкого рабочего движения в 1918—1921 годах.— 159, 240, 254, 264, 265, 269, 276, 278, 335, 347, 362.

Шелгунов, В. А. (1867—1939) — рабочий, профессиональный революционер, большевик. В революционное движение вступил в 1886 году. Был одним из организаторов и деятелей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», по делу которого был арестован и сослан. После ссылки работал в Екатеринославе, Баку, Тифлисе и Петрограде. В 1910 году участвовал в создании газеты «Звезда», а позднее — газеты «Правда». Неоднократно подвергался арестам и ссылкам, в результате чего лишился зрения. После Октябрьской социалистической революции жил в Москве, принимал участие в работе Москворецкой партийной организации.— 114.

Шер, В. В. (1884—1940) — социал-демократ, меньшевик. При Советской власти работал в Центросоюзе, ВСНХ и Госбанке. В 1931 году был арестован и осужден Верховным судом СССР за враждебную деятельность против Советского государства.— 298.

Шингарев, А. И. (1869—1918) — кадет, земский деятель. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — министр земледелия в первом составе и министр финансов во втором составе буржуазного Временного правительства.— 158.

Штейнберг, И. З.— один из лидеров партии левых эсеров. Ярый противник заключения Брестского мира. После окончательного разгрома левых эсеров эмигрировал за границу.— 208.

Эберлейн (Eberlein), *Гуго* (Альберт, М.) (1887—1944) — немецкий коммунист. Был одним из руководителей «Союза Спартака» и членом ЦК Коммунистической партии Германии. Делегат I, IV и VII конгрессов Коминтерна.— 269.

Эвелинг, Элеонора — см. *Маркс-Эвелинг, Элеонора.*

Элленбоген (Ellenbogen), *Вильгельм* (род. в 1863 г.) — один из ревизионистских лидеров австрийской социал-демократии, сторонник буржуазно-националистической теории культурно-национальной автономии.— 155.

Энгельс (Engels), *Фридрих* (1820—1895) — один из основоположников научного коммунизма, вождь и учитель международного пролетариата, друг и соратник К. Маркса.— 7—9, 11—13, 16, 22—30, 33, 44, 55, 61, 126, 136, 168, 176, 239, 257, 299, 301, 311.

Эпикур (ок. 341 — ок. 270 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, атеист.— 7.

Юань Ши-кай (1859—1916) — китайский политический деятель. В 1898 году примкнул к либеральному движению, но вскоре предал его. В 1915 году сделал неудачную попытку провозгласить себя императором.— 109.

Юденич, Н. Н. (1862—1933) — генерал царской армии. После Октябрьской социалистической революции — член контрреволюционного «Северо-Западного правительства», главнокомандующий белогвардейской северо-западной армией, пользовался широкой поддержкой империалистов Антанты.— 318, 322, 336.

Юм (Hume), *Давид* (1711—1776) — английский философ, субъективный идеалист, агностик; буржуазный историк и экономист.— 12.

Юниус — см. *Люксембург, Роза.*

Якоби (Jacoby), *Иоганн* (1805—1877) — немецкий публицист, политический деятель, буржуазный демократ.— 290.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА, РЕКОМЕНДУЕМЫХ К ОТДЕЛЬНЫМ ШКОЛЬНЫМ КУРСАМ, РАЗДЕЛАМ, ТЕМАМ*

ИСТОРИЯ

VIII класс

НОВАЯ ИСТОРИЯ (ПЕРВЫЙ ПЕРИОД)

Тема: **Французская буржуазная революция XVIII в.**

Из статьи «Крах II Интернационала» . . . . . 127—128

ИСТОРИЯ СССР

Раздел: **Разложение и кризис феодализма в России. Начало революционной борьбы против царизма и крепостничества**

Памяти Герцена . . . . . 95— 99

Раздел: **Победа капитализма в России. Революционно-демократический этап освободительного движения. Начало пролетарского этапа освободительного движения в России**

Из статьи «Крах II Интернационала» . . . . . 127—128

«Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция . 84— 91

Заключение: **Краткая характеристика развития России в XIX в.**

Из прошлого рабочей печати в России . . . . . 112—118

IX класс

НОВАЯ ИСТОРИЯ (ВТОРОЙ ПЕРИОД)

Тема: **Франко-прусская война и Парижская Коммуна**

Памяти Коммуны . . . . . 91— 94

Тема: **Пробуждение Азии**

Отсталая Европа и передовая Азия . . . . . 108—109

Тема: **Международное рабочее движение и II Интернационал**

Разногласия в европейском рабочем движении . . . . . 73—77

Исторические судьбы учения Карла Маркса . . . . . 33—36

Тема: **Империализм как высшая и последняя стадия капитализма**

Из книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» . . . 132—134

Вооружения и капитализм . . . . . 109—110

Из статьи «Империализм и раскол социализма» . . . . . 140—141

Из статьи «О лозунге Соединенных Штатов Европы» 128

Тема: **Первая мировая война 1914—1918 гг.**

Из статьи «Военная программа пролетарской революции» . . . . 135—140

---

* В перечне названы произведения, включенные в настоящий сборник. При составлении данного перечня, как и при отборе произведений, включенных в сборник, учтен опыт школ, предложения, сформулированные участниками III Всесоюзной научно-практической конференции «Изучение в средней школе жизни, деятельности, произведений В. И. Ленина, документов КПСС», а также предметных лабораторий Института содержания и методов обучения АПН СССР.

Список произведений, подлежащих обязательному изучению, определяется учебными программами и рекомендациями. Ряд включенных в сборник произведений привлекается лишь на факультативных и кружковых занятиях.

Данный перечень используется также в средних профессионально-технических училищах и средних специальных учебных заведениях с учетом конкретного содержания соответствующих учебных программ.

НОВАЯ ИСТОРИЯ (ПЕРВЫЙ ПЕРИОД)
Тема: Французская буржуазная революция XVIII в.
Из статьи «Крах II Интернационала» . . . . . 127—128

ИСТОРИЯ СССР
Раздел: Разложение и кризис феодализма в России. Начало революционной борьбы против царизма и крепостничества
Памяти Герцена . . . . . 95— 99
Раздел: Победа капитализма в России. Революционно-демократический этап освободительного движения. Начало пролетарского этапа освободительного движения в России
Из статьи «Крах II Интернационала» . . . . . 127—128
«Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция . 84— 91
Краткая характеристика развития России в XIX в.
Рабочей печати в России . . . . . 112—118

ИСТОРИЯ СССР

НОВАЯ ИСТОРИЯ (ВТОРОЙ ПЕРИОД)
Тема: Франко-прусская война и Парижская Коммуна
Памяти Коммуны . . . . . 91— 94
Тема: Пробуждение Азии
Отсталая Европа и передовая Азия . . . . . 108—109
Тема: Международное рабочее движение и II Интернационал
Разногласия в европейском рабочем движении . . . . . 73—77
Исторические судьбы учения Карла Маркса . . . . . 33—36
Тема: Империализм как высшая и последняя стадия капитализма
Из книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» . . . 132—134
Вооружения и капитализм . . . . . 109—110
Из статьи «Империализм и раскол социализма» . . . . . 140—141
Из статьи «О лозунге Соединенных Штатов Европы» 128
Тема: Первая мировая война 1914—1918 гг.
Из статьи «Военная программа пролетарской революции» . . . . 135—140

---

* В перечне названы произведения, включенные в настоящий сборник. При составлении данного перечня, как и при отборе произведений, включенных в сборник, учтен опыт школ, предложения, сформулированные участниками III Всесоюзной научно-практической конференции «Изучение в средней школе жизни, деятельности, произведений В. И. Ленина, документов КПСС», а также предметных лабораторий Института содержания и методов обучения АПН СССР.

Список произведений, подлежащих обязательному изучению, определяется учебными программами и рекомендациями. Ряд включенных в сборник произведений привлекается лишь на факультативных и кружковых занятиях.

Данный перечень используется также в средних профессионально-технических училищах и средних специальных учебных заведениях с учетом конкретного содержания соответствующих учебных программ.

IX—X классы

ИСТОРИЯ СССР

Тема: Вступление России в стадию империализма. Россия — родина ленинизма

Из статьи «Империализм и раскол социализма» . . . . . 140—141
Из статьи «С чего начать?» . . . . . 37— 40
К учащимся средних школ 40
Иван Васильевич Бабушкин (Некролог) . . . . . 77— 80
Из прошлого рабочей печати в России . . . . . 112—118

Тема: Революция 1905—1907 гг. в России — первая народная революция эпохи империализма

Из статьи «Крах II Интернационала» . . . . . 127—128
Из материалов III съезда РСДРП. Резолюция о вооруженном восстании . . . . . 41— 42
Пролетариат и крестьянство . . . . . 45— 48
Доклад о революции 1905 года . . . . . 141—156
Три конституции или три порядка государственного устройства . 56— 58
Из статьи «Революционная армия и революционное правительство» 42— 45
Уроки московского восстания . . . . . 58— 63
Иван Васильевич Бабушкин (Некролог) . . . . . 77— 80

Тема: Россия между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907 г.— февраль 1917 г.)

«Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция . 84— 91
Революционный подъем . . . . . 100—105
Рабочий класс и национальный вопрос . . . . . 107—108
Война и российская социал-демократия . . . . . 118—124
О национальной гордости великороссов . . . . . 124—127
Из статьи «Военная программа пролетарской революции» . . . 135—140
Из статьи «О лозунге Соединенных Штатов Европы» 128

Тема: Февральская буржуазно-демократическая революция

Письма из далека. Письмо 1-е . . . . . 156—165
О двоевластии . . . . . 169—171

Тема: Россия в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую

О задачах пролетариата в данной революции . . . . . 165—169
Из статьи «Крах II Интернационала» . . . . . 127—128
Из материалов Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). Резолюция по национальному вопросу . . . . . 171—173
К лозунгам . . . . . 173—178
Большевики должны взять власть. Письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому Комитетам РСДРП(б) . . 178—180

Тема: Победа социалистической революции и установление диктатуры пролетариата в России. Начало переходной эпохи от капитализма к социализму

Марксизм и восстание. Письмо Центральному Комитету РСДРП(б). 180—184
Советы постороннего . . . . . 184—186
Из материалов заседания Центрального Комитета РСДРП(б) 10 (23) октября 1917 г. Резолюция 186

Письмо членам ЦК . . . . . 187—188
Из материалов Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г.
Речь при открытии мемориальной доски борцам Октябрьской революции 7 ноября 1918 г. . . . . 188—196
Речь памяти Я. М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 г. . . . . 255—256
Как организовать соревнование? . . . . . 270—276
Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа . . 196—203
Речь на митинге в Хамовническом районе 26 июля 1918 г. . . . 203—205
Из материалов VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г. Речь о годовщине революции 6 ноября . 242—243
Из книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (I) . . . 255
Тяжелый, но необходимый урок . . . . . 339—343
Главная задача наших дней . . . . . 207—209
Очередные задачи Советской власти . . . . . 210—213
. . . . . 213—242

Тема: **Советская страна в годы интервенции империалистических государств и гражданской войны (1918—1920 гг.)**

Социалистическое отечество в опасности! . . . . . 205—206
Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком 313—319
Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным . . . . . 326—331
Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») . . . . . 281—298
Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г.) 360—373
Ответ на вопросы берлинского корреспондента американского информационного агентства «Universal Service» Карла Виганда 334—336

Тема: **СССР в годы строительства экономического фундамента социализма (1921—1932 гг.)**

Главная задача наших дней . . . . . 210—213
Из брошюры «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)» . . . . . 382—391
Из материалов VIII Всероссийского съезда Советов. Доклад Всероссийского Центрального Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политики 22 декабря . . . 375—378
Из статьи «Об едином хозяйственном плане» . . . . . 379—382
Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным . . . . . 326—331
Из материалов II конгресса Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля . . . . . 359—360
О кооперации . . . . . 395—401
Странички из дневника . . . . . 391—394
Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г.) . . . . . 360—373
Из статьи «Лучше меньше, да лучше» . . . . . 403—407

Тема: **Завершение социалистической реконструкции народного хозяйства. Построение социализма в СССР (1933—1937 гг.)**

От разрушения векового уклада к творчеству нового . . . . . 337—339
Как организовать соревнование? . . . . . 196—203
Из статьи «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)» 401—403
Из речи на митинге в Пресненском районе 26 июля 1918 г. . . . . 243—244
Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников. Постановление Совета Народных Комиссаров . . . . . 378—379

X класс

Тема: **Великая Отечественная война Советского Союза (1941—1945 гг.)***

Социалистическое отечество в опасности! . . . . . 205—206

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Тема: **Подъем революционного движения в капиталистических странах и рост национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах после Великой Октябрьской социалистической революции. Версальская система**

Из материалов I конгресса Коммунистического Интернационала. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта (1919 г.) . . . . . 256—270
Из статьи «Третий Интернационал и его место в истории» . . . . 276—281
Из книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» . . . . . 339—354
Из доклада на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. . . . . 322—325
Из материалов II конгресса Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля . . . . . 359—360

Тема: **Зарубежные страны в 1924—1939 гг.**

Письмо к американским рабочим . . . . . 244—254
Из книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (X) . . . . 343—354
Из тезисов ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам . . . . . 354—359

Тема: **Образование и развитие мировой системы социализма**

Из тезисов ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам . . . . . 354—359
Из материалов II конгресса Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля . . . . . 359—360

Тема: **Подъем национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки. Распад и крушение колониальной системы империализма**

Из тезисов ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам . . . . . 354—359

---

* Литературу к последующим темам см. в указаниях к курсу «Обществоведение» (Тема: «Социализм и коммунизм — две фазы единой коммунистической формации»).

Из материалов II конгресса Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля . . . . . 359—360

Тема: **Международные отношения после второй мировой войны. Движение народов за мир**

Из статьи «О лозунге Соединенных Штатов Европы» 128
Из статьи «Военная программа пролетарской революции» . . . 135—140
Из материалов Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. 2. Доклад о мире 26 октября (8 ноября) 189
Ответ на вопросы берлинского корреспондента американского информационного агентства «Universal Service» Карла Виганда 334—336

Тема: **Международное коммунистическое и рабочее движение**

Из книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (X) . . . 343—354
Разногласия в европейском рабочем движении . . . . . 73— 77

ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ

Тема: **Диалектический и исторический материализм — основа научного мировоззрения**

Из статьи «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)» . . . . . 7— 22
Фридрих Энгельс . . . . . 22— 29
Три источника и три составных части марксизма . . . . . 29— 33
Социализм и религия . . . . . 52— 56
Рабочий класс и национальный вопрос . . . . . 107—108
Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») . . . . . 281—298
О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. 298—313

Тема: **Капитализм — последний эксплуататорский строй. От капитализма — к социализму**

Из статьи «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)» . . . . . 7— 22
Из книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» . . . . 132—134
Из статьи «Военная программа пролетарской революции» . . . 135—140
Из статьи «Империализм и раскол социализма» . . . . . 140—141
Из материалов I конгресса Коммунистического Интернационала Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта (1919 г.) . . . . . 256—270

Тема: **Социализм и коммунизм — две фазы единой коммунистической формации**

Как организовать соревнование? . . . . . 196—203
Набросок плана научно-технических работ 242
Из речи на митинге в Пресненском районе 26 июля 1918 г. . . . 243—244
Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») . . . . . 281—298
От разрушения векового уклада к творчеству нового . . . . 337—339
О трудовой дисциплине . . . . . 336—337
Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г.) 360—373

Тема: **Коммунистическая партия Советского Союза — руководящая и направляющая сила советского общества**

Из книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» . . . . . 339—354
Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г.) 360—373
Из проектов резолюций ко II съезду РСДРП. Проект резолюции об отношении к учащейся молодежи 41

Заключение

Исторические судьбы учения Карла Маркса . . . . . 33— 36

ОСНОВЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Из материалов VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г. Речь о годовщине революции 6 ноября 255
Из речей, записанных на граммофонных пластинках. Что такое Советская власть? . . . . . 274—275
Из речи на митинге в Пресненском районе 26 июля 1918 г. . . . 243—244
О трудовой дисциплине . . . . . 336—337
Советская власть и положение женщины . . . . . 319—321
Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г.) 360—373

VIII класс

ЛИТЕРАТУРА

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОГО ПЕРИОДА РУССКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Введение

Из прошлого рабочей печати в России . . . . . 112—118

А. И. Герцен

Из прошлого рабочей печати в России . . . . . 112—118
Памяти Герцена . . . . . 95— 99

IX класс

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОГО ПЕРИОДА РУССКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Введение

Из прошлого рабочей печати в России . . . . . 112—118

Н. Г. Чернышевский

«Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция 84— 91
О национальной гордости великороссов . . . . . 124—127

Л. Н. Толстой

Лев Толстой, как зеркало русской революции . . . . . 64— 67
Л. Н. Толстой . . . . . 68— 71
Л. Н. Толстой и современное рабочее движение . . . . . 71— 73
Л. Н. Толстой и его эпоха . . . . . 80— 84

X класс

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Партийная организация и партийная литература . . . . . 48— 52
Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г. 360—373
Из статьи «О пролетарской культуре» 374

РУССКИЙ ЯЗЫК

VIII класс

Общие сведения о языке

Из статьи «Нужен ли обязательный государственный язык?» . . 111—112
Об очистке русского языка (Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях) 331

ГЕОГРАФИЯ

VIII класс

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СССР

Тема: **Общая характеристика народного хозяйства СССР**

Набросок плана научно-технических работ 242
Очередные задачи Советской власти . . . . . 213—241

Тема: **География промышленности СССР**

Из доклада о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. . . . . 332—334
Из статьи «Об едином хозяйственном плане» . . . . . 379—382
Из брошюры «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)» . . . . . 382—391

Тема: **География сельского хозяйства**

Из материалов Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. . . . . 193—196
Доклад о земле 26 октября (8 ноября) . . . . . 36 — 37

Тема: **Обзор союзных республик и крупных экономических районов**

Из книги «Развитие капитализма в России» . . . . . 36 — 37

IX класс

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Тема: **География населения мира**

Письмо к американским рабочим . . . . . 244—254

Тема: **Социалистические страны**

Из тезисов ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам . . . . . 354—359

Тема: **Развитые капиталистические страны**

Из книги «Развитие капитализма в России» . . . . . 36— 37
Вооружения и капитализм . . . . . 109—110

Из книги «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки» . . . . . : 129—131
Из статьи «Империализм и раскол социализма» . . . . . 140—141
Из книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» . . . 128
Тема: **Развивающиеся страны** . . . . . 132—134
Из материалов II конгресса Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля . . . . . 359—360
Тема: **Экономическое соревнование двух мировых систем**
Ответ на вопросы берлинского корреспондента американского информационного агентства «Universal Service» Карла Виганда 334—336

VIII класс

ФИЗИКА

Социализм и религия . . . . . 52— 56

IX—X классы

Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г.) 360—373
Набросок плана научно-технических работ 242
Г. М. Кржижановскому . . . . . 331—332
Из материалов VIII Всероссийского съезда Советов. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря . . . . . 375—378
Из статьи «Об едином хозяйственном плане» . . . . . 379—382

IX—X классы

ХИМИЯ

Одна из великих побед техники . . . . . 105—107
Набросок плана научно-технических работ 242
Г. М. Кржижановскому . . . . . : 331—332

НАЧАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА

Социалистическое отечество в опасности! . . . . . 205—206
Как навсегда спасти трудящихся от гнета помещиков и капиталистов . . . . . 275—276
О трудовой дисциплине . . . . . 336—337

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 3
Из статьи «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)» 7
Фридрих Энгельс 22
Три источника и три составных части марксизма 29
Исторические судьбы учения Карла Маркса 33
Из книги «Развитие капитализма в России» 36
Из статьи «С чего начать?» 37
К учащимся средних школ 40
Из проектов резолюций ко II съезду РСДРП. Проект резолюции об отношении к учащейся молодежи 41
Из материалов III съезда РСДРП. 12—27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 г. Резолюция о вооруженном восстании . . . . . —
Из статьи «Революционная армия и революционное правительство» . . 42
Пролетариат и крестьянство 45
Партийная организация и партийная литература 48
Социализм и религия 52
Три конституции или три порядка государственного устройства . . . 56
Уроки московского восстания 58
Лев Толстой, как зеркало русской революции 61
Л. Н. Толстой 68
Л. Н. Толстой и современное рабочее движение 71
Разногласия в европейском рабочем движении 73
Иван Васильевич Бабушкин (Некролог) 77
Л. Н. Толстой и его эпоха 80
«Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция . . . 84
Памяти Коммуны 91
Памяти Герцена 95
Революционный подъем 100
Одна из великих побед техники 105
Рабочий класс и национальный вопрос 107
Отсталая Европа и передовая Азия 108
Вооружения и капитализм 109
Из статьи «Нужен ли обязательный государственный язык?» 111
Из прошлого рабочей печати в России 112
Война и российская социал-демократия 118
О национальной гордости великороссов 124

Из статьи «Крах II Интернационала» 127
Из статьи «О лозунге Соединенных Штатов Европы» 128
Из книги «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки» 129
Из книги «Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк)» 132
Из статьи «Военная программа пролетарской революции» 135
Из статьи «Империализм и раскол социализма» 140
Доклад о революции 1905 года 141
Письма из далека. Письмо 1. Первый этап первой революции 156
О задачах пролетариата в данной революции 165
О двоевластии 169
Из материалов Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г. Резолюция по национальному вопросу 171
К лозунгам 173
Большевики должны взять власть. Письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому Комитетам РСДРП(б) 178
Марксизм и восстание. Письмо Центральному Комитету РСДРП(б) . . 180
Советы постороннего 184
Из материалов заседания Центрального Комитета РСДРП(б) 10 (23) октября 1917 г. Резолюция 186
Письмо членам ЦК 187
Из материалов Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. . . . 188
1. Рабочим, солдатам и крестьянам! . . . . . —
2. Доклад о мире 26 октября (8 ноября) 189
4. Доклад о земле 26 октября (8 ноября) 193
Как организовать соревнование? 196
Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа 203
Социалистическое отечество в опасности! 205
Тяжелый, но необходимый урок 207
Главная задача наших дней 210
Очередные задачи Советской власти 213
Набросок плана научно-технических работ 242
Речь на митинге в Хамовническом районе 26 июля 1918 г. . . . . —
Из речи на митинге в Пресненском районе 26 июля 1918 г. 243
Письмо к американским рабочим 244
Из материалов VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г. Речь о годовщине революции 6 ноября 255
Речь при открытии мемориальной доски борцам Октябрьской революции 7 ноября 1918 г. . . . . —
Из материалов I конгресса Коммунистического Интернационала 2—6 марта 1919 г. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта 256
Речь памяти Я. М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 г. 270
Из речей, записанных на граммофонных пластинках. Что такое Советская власть? 274

Как навсегда спасти трудящихся от гнета помещиков и капиталистов 275
Из статьи «Третий Интернационал и его место в истории» 276
Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») 281
О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. 298
Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком . . 313
Советская власть и положение женщины 319
Из доклада на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. 322
Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным 326
Об очистке русского языка (Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях) 331
Г. М. Кржижановскому . . . . . —
Из доклада о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. 332
Ответ на вопросы берлинского корреспондента американского информационного агентства «Universal Service» Карла Виганда . . . 334
Из речей, записанных на граммофонных пластинках. О трудовой дисциплине 336
От разрушения векового уклада к творчеству нового 337
Из книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» 339
Из тезисов ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам 354
Из материалов II конгресса Коммунистического Интернационала. 19 июля — 7 августа 1920 г. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля 359
Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г.) . . 360
Из статьи «О пролетарской культуре» 374
Из материалов VIII Всероссийского съезда Советов. 22—29 декабря 1920 г. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря 375
Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников. Постановление Совета Народных Комиссаров 378
Из статьи «Об едином хозяйственном плане» 379
Из брошюры «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)» 382
Странички из дневника 391
О кооперации 395
Из статьи «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)» . 401
Из статьи «Лучше меньше, да лучше» 403
Примечания 407
Именной указатель 422
Перечень произведений В. И. Ленина, рекомендуемых к отдельным школьным курсам, разделам, темам 437

«От двух до пяти» Корнея Ивановича Чуковского — это книга, которую будут читать и перечитывать, доколе существует на свете род человеческий. Доколе будут сменяться и чередоваться поколения. Доколе не разучатся глядеть друг на друга с вниманием и интересом.

Я отнюдь не преувеличиваю: «От двух до пяти» — это зеркало. В него вглядываются — кто пристально, а кто мимоходом, но все-таки вглядываются — сначала матери и отцы тех, кому от двух до пяти, а затем и подросшие герои книги, у которых появляются свои дети. Взгляды в это зеркало чередуются — сначала мы, а потом они. Сначала, вглядываясь, мы учимся понимать другой — детский — мир, а потом глядим, чтобы вспомнить и вспоминать о нем.

«От двух до пяти» — кусочки смальты из начинающейся жизненной мозаики, складывающиеся затем в такие узоры, о которых пытаются задумываться те, кому от двадцати до пятидесяти. Именно в этом главная притягательность книги К. И. Чуковского. В этом причина ее неумирания.

Иными словами, это книга о нашем возвращении к самим себе. Но не только: «От двух до пяти» — веселый и талантливый учебник детоведения. И пожалуй, единственный.

Я далек от мысли, что он может научить всему. Но что может научить главному — это несомненно. Научить внимательному и бережному отношению к картинам, наплывающим из зазеркального мира детства. К его правилам и причудам. Непривычным и не схожим с нашими, взрослыми, правилами и причудами. К заинтересованности жителей этого мира во всех и всем. К неподобию их и нас. К тому неподобию, которое мы так быстро теряем и потом никогда не находим. И наверное, жалеем об этом. К той игре, в которой и вещи, и люди, и слова равноценны и в равной мере заменимы. В которой все может стать всем. И все живет, а если и умирает, то возвращается. В которой каждая минута — вечность, но разная, изменяющаяся. И ее хочется выспрашивать без конца. И быть с ней всегда. С ней и с теми, кто тоже соглашается играть в эту игру.

Но это также и слово о словах — слово о творчестве

в том мире, которому не перестаем удивляться, когда читаем «От двух до пяти». Творчестве словесном и в то же время миропостигающем. Стремящемся через игру понять себя, мир и других людей. И ту увлекательную игрушку, которая зовется языком. И который не в меньшей степени, чем люди, интересен и загадочен. Скрытен и непредсказуем. Щедр на сюрпризы и подарки. Не теряется и не надоедает. Всегда в тебе и вокруг тебя.

Рассказы Корнея Ивановича Чуковского о детском словотворчестве увлекательны не только из-за этого. Его слово о словах — одна из первых попыток разобраться в тайнах творчества, понять, когда и почему мы бываем талантливы и когда и почему перестаем такими быть. Понять: кто виноват в этом? И если не кто, то что? Найти отгадку вечного творчества и поделиться ею со всеми. Научить взрослых осторожному отношению к детскому бескорыстному удивлению перед словом и ненавязчиво (доверительно!) убедить их в ценности словесных игр от двух до пяти. И не только потому, что небрежение и невнимание губительны сами по себе: они еще и знаки, указывающие на невсамделишность словесного мира, в котором живут дети, и тех правил, которые они вывели из него, на неравноправность и второсортность — по сравнению со взрослыми — их, детских, интересов и занятий.

Когда дети привыкают к такому отношению взрослых — тогда и кончается любое творчество.

Но я думаю, что интерес Чуковского к лепым нелепицам и детским стихам был продиктован не только желанием убедить нас в уникальности словесных игр. Детский словотворческий и смыслотворческий мир не мог не интересовать его как поэта и переводчика. Он искал в нем,— может быть, и неосознанно — ответы на вопросы, мучающие нас до сих пор: в чем секрет поэзии? В чем ее сила? Как отличить стихи от поэзии? В чем различие между поэтом и стиходелом? Можно ли свой опыт передать другим?

На последний вопрос, как мы видим из 13 заповедей для детских поэтов, он отвечал утвердительно. И я готов тоже согласиться с ним, но лишь с одной маленькой поправкой: для того чтобы принять и учесть этот опыт, надо все-таки хоть немного быть Корнеем Ивановичем Чуковским...

И еще одно об его советах: заповеди — заповедями, но им могут следовать лишь те, кому удалось сохранить в себе тот взгляд — в прямом смысле этого слова!— на мир, о котором пишет Чуковский в своей книге. Но истина в них есть. Говоря в пятой заповеди о музыкальности поэтической речи (о недопустимости жестких звукосочетаний и желательности плавных), а в первой — о зрительном образе и звуке как органическом единстве, К. И. Чуковский предугадал то, что лишь недавно доказано экспериментально: звуки оцениваются нами как мягкие и холодные, острые и горячие, звуки соотнесены с цветовой гаммой (синий, темно-лиловый, густо-красный, белый, желто-зеленый), а звук, цвет и смысл составляют триединство, лежащее в основе поэтической (а может быть, и прозаической) речи.

Еще одним доказательством постоянных поисков ответов на эти вопросы может служить и другая книга К. И. Чуковского, не менее известная, чем «От двух до пяти», и переизданная в 1988 г.,— «Высокое искусство». Книга о переводчиках и для переводчиков. Об их «заповедях» и правилах, по которым строится удачная и неудачная «словесная игра». Рассказ о том, как она продолжается теми, кто пробовал ее начинать в возрасте от двух до пяти лет. И затем устоял в недоверительном мире и продолжил ее взрослым в иных, конечно, формах и ином качестве, но на той же, «игровой» основе.

У обеих книг Корнея Ивановича Чуковского — счастливая судьба. Хочется даже сказать, что они родились в рубашке. И наверное, иначе и быть не могло: они рассказывают о том, что не может быть безразличным человеку,— о детстве как творчестве и творчестве как «возвращении» к детству. И недаром они прочно вошли в наш научный и ненаучный обиход и стали одной — зачастую незамечаемой — ступенью в лестнице знаний, упорно удлиняемой людьми.

Перечитывая «От двух до пяти» Чуковского, я вспоминал и его собственные стихи, и стихи Даниила Хармса и Велимира Хлебникова. Стихи Дилана Томаса и Огдена Нэша. Это были голоса из того зазеркального мира, из той словесной — звукотворческой и смыслотворческой — игры, которой они столь многим обязаны. Прислушайтесь к ним.

ОСЬМИНОГ

Скажи мне, пожалуйста, осьминог-осьминогия,
эти штуки твои — руки иль ногия?
Я восхищаюсь тобой, осьминожие,
будь я тобой, себя величал бы «наши вельможия».

ФЕНИКС

Коль в евгенику
поглубже проник,
отыщется эта сказочная
птица Феникс.
Мудрейшая птица
из живших на свете белом
не в пример остальным
мамам и папам бедным
кладет лишь одно яйцо,
не десять или двенадцать,
чтоб, высидев,
самой из него появляться.

Это — Огден Нэш. Но это и кто-то из тех, кому от двух до пяти.

Книга Корнея Ивановича Чуковского — это книга о душе ребенка. О той деликатной материи, сутью и формой которой были озабочены еще древнеиндийские педагоги. Это — слово — и первое! — против авторитарной педагогики — педагогики уравнивания, выравнивания и муштровки — и за педагогику — доверительную: за равные права (мы с тобой из одной стаи!) взрослого и ребенка, за равноценность их сознаний, равноответственность взрослого и ребенка друг перед другом, за уникальность каждого из них.

Ю. А. Сорокин

Последние издания этой книги
я посвящал своей единственной правнучке Маше.
Но Маша уже давно не единственная.
Добрая моя судьба то и дело обогащает меня
все новыми и новыми правнуками.
Теперь у меня кроме Маши
есть и Юра, и Боба,
и Коля, и Андрюша, и Марина,
и Митя.
Каждому из них
и всем вместе
я посвящаю
эту правдивую книгу,
а также их внукам и правнукам,
которые будут жить
и работать в завтрашнем
двадцать первом столетии.

Корней Иванович Чуковский работал над книгой «От двух до пяти» более полувека. Она впервые была опубликована под названием «Маленькие дети» в Ленинграде в 1928 г. Начиная с 3-го издания (1933) книга стала называться «От двух до пяти». Многие поколения советских читателей с любовью обращаются к ней как к неиссякаемому источнику доброго и жизнерадостного видения детства, оптимистического взгляда на детское речевое и художественное творчество, языковую одаренность. Читая о лепых нелепицах, невольно заражаешься доброй улыбкой и мягким юмором, свойственным Чуковскому, его доброй верой в неисчерпаемые творческие возможности детей.

К. И. Чуковский не соглашался с теми читателями, которые рассматривали книгу как сборник детских курьезов, он настаивал на научной ценности сделанных им обобщений и выводов. В послесловии к 21-му изданию он писал: «Правда, в книжке едва ли найдешь насупленные, скучные страницы, но это отнюдь не значит, что она не научная. Это только значит, что научность (по крайнему моему разумению) далеко не всегда сочетается с дремучими словесными дебрями и с нагромождением умопомрачительных терминов»[1].

Книга уникальна и по материалу (документальные данные о речевом, познавательном и личностном развитии десятков поколений дошкольников нашей страны), и по манере изложения. Чуковскому удалось в занимательной форме обобщить результаты его научных открытий, имеющих непреходящее значение и вошедших в золотой фонд детской психологии и дошкольной педагогики. Его идеи получили мировое признание, к его труду неоднократно обращались классики советской психологии Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин[2]

---

[1] От двух до пяти. М., 1970. С. 411.

[2] См.: Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1987; Психология личности и деятельности дошкольников / Под ред. А. В. Запорожца, Д. Б. Эльконина. М., 1965; Жолъ К. К. Мысль, слово, метафора: Проблемы семантики в философском освещении. Киев, 1984; Speech Play: Research and Resources for Studying Linguistic Creativity / Ed. by B. Kirshenblatt-Gimblett. Philadelphia, 1976.

Какие же это открытия? Анализируя огромный фактический материал, собираемый на протяжении всей жизни, К. И. Чуковский показал, что в дошкольном детстве ребенок обладает повышенной чувствительностью к языку, к смысловой и звуковой стороне речи. Эта чувствительность проявляется в легкости, с которой ребенок запоминает слова, их звучание и значение, осваивает нормы и правила грамматики, в тонкости анализа смысла и формы слова, а также в особом, лингвистическом (познавательном) отношении к языку, интересе к словам, звукам, рифмам. На основе экспериментальных данных психологи установили, что у ребенка в возрасте от двух до пяти возникает как бы поисковая доминанта, ориентировочная поисковая деятельность в сфере языка и речи. Малыш начинает так же играть со словом, как он это делает с предметами и игрушками.

Языковая игра — игра мыслями, словами, звуками, рифмами — гениальное открытие К. И. Чуковского. Яркие внешние проявления языковой игры, экспериментирование в сфере языка: феномены рифмотворчества (часто заумного, не наполненного смыслом), создание песенок-шумелок (*экикики*), переборы грамматических форм и словотворений (*сплим, сплям, сплюм; зажигата́, зажгина́, зажгёна, пахлая, духлая*), перевертыши (обратная координация вещей) — собраны в этой книге.

К. И. Чуковский открыл и описал специфически детский способ ориентировки в языковой материи и духе языка. И он удивительно точно подмечал, что ребенок, который в дошкольном возрасте не создавал *ползуков, кружинок, тормозил, улиционеров*, никогда не станет подлинным хозяином своего языка. Дело в том, что в русском языке лишь около двух процентов слов не мотивированы, не производны, все остальные образованы друг от друга. Чтобы понять их и научиться активно использовать в речи, необходимо проникнуть в системные, родственные связи слов. Взрослый лингвист делает это при помощи словообразовательного анализа. А ребенок добывает аналогичные знания в процессе словотворчества.

Создавая новые слова и необычные словосочетания ребенок порою их не замечает (*нахмуренные брюки, голова босиком, лягавая лошадь, отмухиваться, откнопился* и т. п.). Но так бывает не всегда. Часто малыши в своих экспериментах как бы испытывают материал на

прочность. О том, что это не случайное, интуитивное образование, а произвольное действие, свидетельствует все поведение ребенка: лукавая улыбка, смех, интонация скандирования, а нередко приглашение к обсуждению полученного результата. Интеллектуальная (умственная) игра имеет двоякий результат, доставляя знания о языке и удовлетворяя естественную потребность в юморе, улыбке, радости. И Чуковский не уставал отстаивать право ребенка и на эксперимент в языке, и на радость, и на смех.

Был период, когда психологи рассматривали речевое развитие ребенка как репродуктивный, подражательный процесс. К. И. Чуковский присоединил свой голос к тем ученым, которые видели в детских вопросах о словах, в этимологиях проявление сознательного отношения к языку и речи. Дальнейшие исследования подтвердили, что элементарное осознание языковой действительности — обязательная предпосылка успешного, полноценного овладения языком и речью. Только осознает ребенок язык в специфически детских формах. А языковая игра становится специфически детским способом обследования и осознания слова, его строения и формально-семантических (смысловых, системных) связей с другими словами.

В самые тяжелые периоды жизни нашей страны, когда в системе народного образования искусственно насаждались репродуктивные формы мышления, репродуктивный тип личности, К. И. Чуковский отстаивал за ребенком право на творчество, он не переставал удивляться созидательным возможностям детей, сравнивая их достижения и сам способ словесного творчества с работой художников слова. Ребенок действует в рамках языка, не изобретая, а лишь заново открывая его для себя.

К. И. Чуковский очень точно подметил возраст (от двух до пяти), когда творчество ребенка особенно искрометно. Хотя и более старшие дети не чужды играм в сфере языка и речи, однако они никогда больше не бывают такими смелыми, непосредственными, а может быть, и уникальными.

Их творчество разворачивается на фоне недостаточной усвоенности существующих в области языка законов. Оно направлено прежде всего на познание, освоение, моделирование существенных связей и отношений в окружающем ребенка мире звуков, цветов, вещей

и людей. Причем, как показали исследования, именно недостаточная осведомленность малыша побуждает его к поиску вариантов, к созиданию нового.

К. И. Чуковский бережно и, можно сказать, восторженно относился к детским логическим ошибкам. Он приводит многочисленные примеры неверных умозаключений детей, отмечая титанический труд маленького человека по координации знаний, прослеживанию существенных связей и отношений в мире вещей и мире людей. Детские речения не могут не вызвать улыбки. Смешное и серьезное рядом. Психологи считают, что именно такие нечеткие, неясные, противоречивые знания, которые описаны К. И. Чуковским, побуждают ребенка к поиску, размышлению, дают развивающий эффект. Они создают как бы зону ближайшего развития, точнее — саморазвития.

Саморазвитие — это то последействие, которое возникает в результате самостоятельной мыслительной, поисковой, ориентировочной деятельности детей. Это тот результат, к которому должно стремиться обучение. Но саморазвитие возникает далеко не всегда. К сожалению, можно еще увидеть заплаканного ребенка, без дела сидящего на стульчике или бесцельно слоняющегося по комнате. В таком состоянии говорить о саморазвитии не приходится. Саморазвитие возникает, если ребенок занят интересным делом, если ему хорошо на душе, тепло и радостно, если он чувствует доброжелательное отношение к себе взрослых.

Долгое время вызывало споры положение К. И. Чуковского о том, что с возрастом ребенок теряет свою гениальную лингвистическую одаренность. Аргументом служили данные о поступательном развитии детской речевой деятельности: накоплении словарного запаса, формировании грамматической правильности речи, освоении видов монолога (описания, повествования, рассуждения), письменной речи — тех средств языка и форм речи, которые не доступны ребенку от двух до пяти. Признавая правильность этих аргументов, нельзя не отметить, что и в этом вопросе Чуковский был прав.

С возрастом притупляется природная чувствительность к языку, поэтому так трудно изучать иностранные языки взрослым. Нередко падает и собственно интерес к языку. Все это находится в прямой зависимости от условий жизни ребенка. Если взрослые находят адекват-

ные формы контактов с ребенком, расцвет его речевого и литературного творчества смещается к более старшим возрастам.

Следует отметить, что не только угасание, но и восприятие словесной игры начинается со слова взрослого, его настроения. Имеет значение не только кто, что и как говорит и читает ребенку, но и что и как делает. Возраст от двух до пяти характеризуется большой открытостью, доверчивостью ребенка. Малыш не боится впасть в ошибку. В старшем дошкольном возрасте происходят значительные изменения в личностном развитии. Ребенок теряет свою непосредственность. Формируется критическое отношение к себе, к своим возможностям. Языковая игра еще не исчезает, но начинает прятаться. Ребенок проделывает свои эксперименты про себя, часто отказывается от полученных результатов. В школьные годы осваиваются иные средства ориентировки в языке. Этап овладения сменяется этапом владения языком.

Педагогу горько читать страницы, на которых К. И. Чуковский рассказывает о своей трудной и долгой борьбе за детскую сказку. Сегодня даже странно думать, что все это могло быть. Отстаивая право детей на сказку, Чуковский, основываясь на конкретных фактах, доказывал способность ребенка к реалистическому пониманию образности сказки.

Классик детской психологии А. В. Запорожец вместе со своими сотрудниками посвятил специальное исследование реалистическому подходу ребенка к сказке и пришел к выводу: ребенок способен правильно относиться к сказке, адекватно реагировать на сказочную фантастику. Совместные усилия писателей, психологов и реалистически мыслящих педагогов, в первых рядах которых был К. И. Чуковский, помогли одолеть противников детской сказки и восстановить ее в законных правах.

Автор «От двух до пяти» дает советы родителям, как им относиться к детскому словотворчеству, к речевым ошибкам. Однако педагогика речевого развития — особая область знания, несводимая только к правильности речи. Ребенок должен дорасти до ошибок. К ним он приходит через колоссальный труд. И хотя ребенок совершает свои открытия самостоятельно, анализ выявляет в этом процессе участие взрослого.

Педагогика детского речевого развития интересовала К. И. Чуковского особенно в последние годы жизни. Слож-

ные взаимоотношения с педагогикой и педагогами в 1920—1930-е гг. не помешали ему причислить себя к педагогам и включить в книгу главы «Воспитание речи» и «О стиховом воспитании». Дошкольная лингводидактика (методика обучения языку и развития речи) представляет собой сейчас серьезную область научного знания. И эти знания в большой мере основываются на идеях К. И. Чуковского о творческой природе языка и речи, о больших потенциальных возможностях детей, их обостренном внимании к смыслу и звучанию слова, к грамматической форме. (Интересующихся отошлю к книге «Развитие речи детей дошкольного возраста» под ред. Ф. А. Сохина. М., 1984.) Основываясь на идеях К. И. Чуковского, педагоги-исследователи, методисты, воспитатели разработали замечательные игры по ознакомлению детей со звучащим словом, воспитывающие у них особое, лингвистическое отношение к языку и речи, языковое чутье.

Если Вы хотите, чтобы Ваши дети были такими же активными, интересными, одаренными, как герои «От двух до пяти», позаботьтесь прежде всего об их жизни, играх и занятиях, об их здоровье и эмоциональном благополучии. Природа снабдила ребенка обостренной чувствительностью к речи, способностью к ее анализу и обобщениям. Но один он не в силах реализовать все, отпущенное ему природой. Прислушайтесь к своим малышам, что и как они говорят. Поучитесь умению слушать и слышать у К. И. Чуковского. Вашему ребенку очень нужна Ваша поддержка, Ваша вера в него, Ваше внимание и Ваше время. И конечно же, сказка.

Своими наблюдениями Вы можете поделиться, написав письмо по адресу: 113184, Москва, Климентовский пер., 1. НИИ дошкольного воспитания АПН СССР. Лаборатория развития речи.

А. Г Арушанова

Dale Carnegie

HOW TO STOP WORRYING AND START LIVING

Copyright, 1944, 1945, 1946, 1947, 1948
by Dale Carnegie

Kingswood
The World's Work
1948

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дейл Карнеги. Как была написана эта книга — и почему 224

Часть первая

ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ, КОТОРЫЕ СЛЕДУЕТ ЗНАТЬ О БЕСПОКОЙСТВЕ

1. Живите в «отсеке» сегодняшнего дня . . . 230
2. Магическая формула, позволяющая найти выход из ситуаций, связанных с беспокойством . 241
3. К каким последствиям может привести беспокойство 249

Часть вторая

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА БЕСПОКОЙСТВА

4. Как анализировать и решать проблемы беспокойства 261
5. Как устранить пятьдесят процентов беспокойства, возникающего на работе 269
Девять рекомендаций, позволяющих извлечь максимальную пользу из данной книги . . 274

Часть третья

КАК ОДОЛЕТЬ ПРИВЫЧКУ БЕСПОКОИТЬСЯ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОНА ОДОЛЕЕТ ВАС

6. Как вытеснить беспокойство из вашей души . 278
7. Не позволяйте пустякам сокрушить вас . . 288

8. Закон, который поставит вне закона значительную часть вашего беспокойства . . . 296
9. Считайтесь с неизбежным 303
10. Установите «ограничитель» на ваше беспокойство 313
11. Не пытайтесь «пилить опилки» 319

Часть четвертая

СЕМЬ ПРАВИЛ ВЫРАБОТКИ ТАКОГО УМОНАСТРОЕНИЯ, КОТОРОЕ ПРИНЕСЕТ ВАМ ДУШЕВНОЕ СПОКОЙСТВИЕ И СЧАСТЬЕ

12. Девять слов, которые могут преобразовать вашу жизнь 326
13. Стремление свести счеты обходится очень дорого 337
14. Если вы это сделаете, вы никогда не будете переживать из-за неблагодарности 344
15. Отдали бы вы то, что имеете, за миллион долларов? 351
16. Найдите себя и будьте собой: помните, что на земле нет другого такого человека, как вы . 358
17. Если вам достался лимон, сделайте из него лимонад 366
18. Как вылечить меланхолию за четырнадцать дней 375

Часть пятая

КАК УБЕРЕЧЬ СЕБЯ ОТ БЕСПОКОЙСТВА ИЗ-ЗА КРИТИКИ

19. Помните, что никто никогда не бьет мертвую собаку 389
20. Поступайте так — и критика не принесет вам огорчения 393
21. Глупые поступки, которые я совершил . . . 398

Часть шестая

ШЕСТЬ ПРАВИЛ, СОБЛЮДЕНИЕ КОТОРЫХ ПОЗВОЛИТ ПРЕДОТВРАТИТЬ УСТАЛОСТЬ И БЕСПОКОЙСТВО, А ТАКЖЕ ПОДДЕРЖИВАТЬ ВЫСОКИЙ ТОНУС И ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

22. Как прибавить по часу к каждому дню вашей активной жизни 405
23. Почему вы устаете — и как преодолеть усталость 411
24. Как домашняя хозяйка может избежать усталости и при этом молодо выглядеть . . . 416
25. Четыре хороших трудовых навыка, которые помогут вам предотвратить усталость и беспокойство 422
26. Как преодолеть скуку, вызывающую усталость, беспокойство и чувство обиды 428
27. Как избавиться от беспокойства по поводу бессонницы 438

Дейл Карнеги

КАК БЫЛА НАПИСАНА ЭТА КНИГА — И ПОЧЕМУ

Тридцать пять лет назад я считал себя одним из самых несчастливых парней в Нью-Йорке. Я продавал грузовики и таким образом зарабатывал себе на жизнь. Я совершенно не разбирался в механизмах, управляющих движением грузовиков, да я и не стремился в этом разобраться, поскольку ненавидел свою работу. Мне было противно жить в дешевой меблированной комнате на 56-й Западной улице — в комнате, где кишели тараканы. Я до сих пор помню, что на стенах комнаты висели мои галстуки, и, когда утром я брал чистый галстук, тараканы разбегались в разные стороны. Я с отвращением питался в дешевых грязных кафе, в которых, вероятно, также было полным-полно тараканов.

Каждый вечер я приходил в свою одинокую конуру с головной болью, вызванной отчаянием, беспомощностью, горечью и возмущением. Я возмущался потому, что мечты, которые я лелеял в дни учебы в колледже, превратились в кошмары. Разве это жизнь, думал я. Где же блистательный триумф, которого я все время ждал? Неужели именно так должна проходить вся моя жизнь, почему я должен ходить на ненавистную работу, жить в комнате, полной тараканов, есть отвратительную пищу и не иметь никаких надежд на будущее?.. Я страстно желал иметь свободное время, чтобы читать, и мечтал написать книги. Я думал о них еще во время учения в колледже.

Я знал, что, уйдя с нелюбимой работы, я ничего не потеряю и многое приобрету. Меня не интересовали большие деньги, я хотел сделать свою жизнь интересной. Короче говоря, я пришел к Рубикону — к моменту принятия решения, который возникает перед многими молодыми людьми, когда они начинают свой жизненный путь. Итак, я принял решение, которое полностью изменило мое будущее. Оно сделало меня счастливым и удовлетворенным жизнью в последующие тридцать пять лет — сверх моих самых утопических надежд.

Мое решение заключалось в следующем: мне надо покинуть ненавистную работу. Так как я четыре года обучался в Педагогическом колледже в Уорренсберге,

8(069)
С91

Составитель *Т. Н. Волкова*

С91 Сухотина-Толстая Т. Л.
Дневник. Сост. и автор вступит. статьи Т. Н. Волкова.— М.: Современник, 1984.— 559 с.
В пер.: 2 руб.

Старшая дочь Л. Н. Толстого (1864—1950) начала дневник с четырнадцати лет и вела его всю жизнь. Своеобразная, интересная жизнь дома Толстых нашла отражение в дневнике Татьяны Львовны.
На русском языке он издается впервые.

С $\frac{4702010000—283}{М106(03)—84}$ без объявл.

8(069)

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННИК», 1979 г.

От составителя

*Татьяна Львовна Сухотина-Толстая вела Дневник с четырнадцати лет: первая запись сделана ею 28 октября 1878 года в Ясной Поляне *, последняя — 13 декабря 1932 года в Риме **. И за эти пятьдесят четыре года через все записи проходит любовь старшей дочери к отцу и ответное его чувство. «За всю мою жизнь то особенно сильное чувство любви и благоговения, которое я испытывала к отцу,— писала Татьяна Львовна,— никогда не ослабевало. И по тому, что́ я сама помню, и по тому, что́ мне рассказывали, и он особенно нежно всегда ко мне относился» ***. Дневник ее, писанный о себе и для себя, проигрывая иногда в полноте и обстоятельности, много выигрывает в искренности и непосредственности. «Если кто-нибудь, когда-нибудь прочтет мой дневник,— заносит она на страницы своей тетради 29 мая 1882 года,— то не осуждайте меня, что я пишу такой вздор и так несвязно. Я пишу все то, что мне только в голову приходит, и искренне надеюсь, что никто, никогда его не прочтет».*

Как хорошо, что это не сбылось! Дневник ее много дает читателю для постижения эпохи, среды, быта семьи Толстых и, конечно, главное, сведения, о само́м гениальном писателе. Не говоря уж о том, что письма, им написанные, ряд событий, приезды его, отъез-

---

* Первая страница Дневника не сохранилась. Возможно, что 28 октября — не первый, а второй или третий день записей.

** Даты указываются до 1918 года — по старому стилю, после 1918 г., как у Татьяны Львовны,— двойные, во время ее пребывания за границей — по новому стилю.

*** Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1976, с. 48.

ды — точно и правильно датируются на основании ее свидетельств.

*За первые годы Дневник ее написан по-детски, кратко. О Толстом всего восемнадцать упоминаний, но и они характерны: Лев Николаевич еще страстный охотник, сторонится «светских» знакомых Софьи Андреевны в Туле, «не любит лекарств и никогда, ничем не лечится» *.*

Внутренняя, душевная жизнь отца пока еще незаметна для пятнадцатилетней дочери его.

Дневник молодости более обширен; внимание ее главным образом сосредоточено на личной жизни: светских развлечениях, веселье, небольших романах. Но в ней уже постепенно, неуклонно, вполне осознанно начинается внутреннее сближение с отцом, тот процесс, который так искренне отражен на страницах Дневника.

*Еще в 1909—1915 годах первый биограф Л. Н. Толстого — П. И. Бирюков, как он пишет в своем предисловии к третьему тому биографии писателя, включил (с разрешения Татьяны Львовны) большие выдержки из ее Дневника (описание работы с отцом «на голоде», поездку в Петербург к Победоносцеву) в свою книгу, которая вышла в 1921 году на русском языке в Берлине в издательстве П. П. Ладыжникова, а через год была переиздана в Москве **. Немного позднее описание ее встречи с Победоносцевым перепечатано в кн.: «Толстой. Памятники творчества и жизни. 3». М., 1923, с. 62—72.*

Вскоре после смерти Татьяны Львовны (она скончалась в Риме 21 сентября 1950 года) Дневник был издан отдельной книгой (не целиком):

1) на английском языке в Лондоне, 1950, изд-во Harwill Press.

2) тоже на английском языке, в Нью-Йорке, 1951: «The Tolstoy home. Diaries of T. Sukhotin-Tolstoy». Columbia University Press.

3) на французском языке с предисловием Андрэ Моруа в 1953 г. Tatiana Tolstoï: Journal. Изд-во Plon. Paris.

---

* Дневник. Запись 5 января 1879 г.

** Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. Т. III. М., Госиздат, 1922.

*В предисловии (стр. X) А. Моруа писал: «Т. Л. Сухотина-Толстая, из скромности, никогда не собиралась печатать свой дневник, начатый ею в 14 лет. Один из ее друзей, писатель и философ *, прочитал случайно ее дневник и стал настаивать на его издании. Она согласилась, потому что главным делом своей жизни считала сохранение и распространение идей отца. А Дневник мог этому способствовать. Но она робела и смущалась при мысли, что все будут читать то, что она писала для себя одной».*

*На русском языке Дневник Т. Л. Сухотиной-Толстой отдельным изданием не выходил ни разу. Выдержки из него Н. Н. Гусев включил в IV том своей биографии Толстого ** и пользовался им в работе над «Летописью жизни и творчества Л. Н. Толстого» ***.*

*Отрывки из дневника Татьяны Львовны, начиная с 1970-х годов, стали появляться в газетах и в журнале «Новый мир»****. Наиболее полная сводка всех предыдущих публикаций — в книге: Сухотина-Толстая Т. Л. «Воспоминания», М., «Художественная литература», 1976, с. 167—240.*

В настоящем издании Дневник Т. Л. Сухотиной-Толстой печатается по хранящимся в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве подлинным тетрадям. Их всего двадцать семь: три хранились в Архиве Музея с 1925 года, когда она уехала за границу, остальные двадцать четыре переданы в дар Татьяной Михайловной Альбертини, рожд. Сухотиной,— дочерью Татьяны Львовны, живущей с семьей в Риме.

Дневники Т. Л. Толстой за 1878—1910 годы печатаются с небольшими сокращениями, которые были намечены ею самой. Вторая часть Дневника (1911—1932), когда Л. Н. Толстого уже не было в живых, вошла в настоящую книгу частично, поскольку там есть интересные данные о жизни и творчестве великого писателя.

Считаю приятным долгом принести глубокую благодарность старшему научному сотруднику Государственного музея Л. Н. Толстого, кандидату наук, Эве-

---

* Вячеслав Иванов, поэт-символист.

** Гусев Н. Н. Л. Н. Толстой. М., изд-во «Наука», 1970.

*** Гусев Н. Н. Летопись. М., Гослитиздат, 1960.

**** «Новый мир», 1973, № 12.

Анне Ефимовне Зайденшнур, которая пятьдесят четыре года плодотворно работает над изучением наследия Л. Н. Толстого. Ее дружеские советы и указания немало помогли мне в работе над Дневником Татьяны Львовны. Ряд сведений о крестьянах я получила летом 1965 года в деревне Ясная Поляна от В. С. Ляпуновой, которая полжизни прожила в семье Толстых и умерла в преклонном возрасте в Ясной Поляне.

В издании сохранена стилистика и орфография автора дневника.

Т. Волкова

Я прожила невероятно, незаслуженно счастливую и интересную жизнь. И удачливую.

Толстая Т. Л. Запись в «Дневнике» 13 декабря 1932 года

1878

28 октября. Суббота.

Нынче я не ходила гулять, потому что у меня шишка в горле. Мама́ говорит, что ее надо вырезать, когда мы поедем в Москву после Рождества.

У нас есть два осла. Мы на них ездим каждый день. Вперед они всегда идут шагом, а назад, если погнать, то они скачут галопом. Одного зовут Бисмарк, а другого Мак-Магон [1].

Нынче шел град, а снега нет и не было. Папа́ говорит, что он не помнит года, когда бы в этот день не было снега.

У меня гувернантка m-lle Gachet, а у Маши — Annie англичанка, у мальчиков m-r Nief, а у Андрюши няня. Еще у нас русский учитель Василий Иванович. Он живет во флигеле с женой Елизаветой Александровной, сыном Колюшкой (ему год и 2 месяца); у него же живет падчерица восьми лет Лиза. Она ходит к мама́ каждый день учиться по-французски. Жена m-r Nief тоже намеревается приехать сюда; m-r Nief уже нанял избушку для нее и для своего мальчика.

Еще к нам приезжают вот какие учителя: учитель рисования Василий Тимофеевич — он маленький, горбатый. Потом учитель греческого — Ульянинский, священник, учитель музыки Александр Григорьевич, немка — Амалия Федоровна.

1878 г.

1. В 1870-х годах Толстой приобрел в Самарской губ. 6 500 дес. земли и завел там хозяйство. 5 октября 1878 г. Л. Н. писал брату, С. Н. Толстому: «Вчера привели из Самары лошадей и ослов, которые ужасно забавляют детей» (т. 62, с. 442).

2. «Баронами» Толстые называли А. А. Дельвига (брата поэта Антона Дельвига), его жену и детей, живших в Туле.

3. Будучи в Москве (февраль — март 1866 г.), Толстой познакомился с художником М. С. Башиловым, который был уже известен как иллюстратор комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» и др. произведений. Лев Николаевич просил его сделать 60—70 иллюстраций для отдельного издания «Войны и мира». Пробные рисунки, присланные Башиловым в Ясную Поляну, восхитили Толстого. С апреля 1866 г. по 31 мая 1867 г. он написал Башилову 11 писем, высказывая свои пожелания. Но в последнем письме его звучат тревожные нотки: «У меня голова кругом идет от затеянного мною печатания» (т. 61, с. 170). Живя в Ясной Поляне, Т. напряженно работал над романом. Художник, граверы, издательство — были в Москве. И писателю пришлось отказаться от первоначального намерения: первое издание «Войны и мира» вышло без иллюстраций. 20 рисунков Башилова хранятся в ГМТ. Они воспроизводились в печати неоднократно.

4. По Московско-Курской жел. дороге мимо Ясной Поляны проезжал Александр II. Опасаясь покушения, пускали три одинаковых поезда; в котором из них ехал царь — было неизвестно.

5. Каменноугольные копи, цементный и кирпичный заводы Р. Р. Гиля находились в 9 верстах от Ясной Поляны, близ станции Ясенки (ныне Щекино). 14 сентября 1896 г. Толстой записывает в Дневнике: «Вспоминал два прекрасные сюжета для повестей: самоубийство старика Перспянинова и подмена ребенка в Воспитательном доме» (т. 53, с. 107). Оба сюжета остались неиспользованными. 13 дек. следующего года писатель к ним вернулся: «Хочу записать теперь сюжеты, которые стоит и можно обработать» (т. 53, с. 170). И в числе названных «подмененный ребенок». Через

8 лет в его Дневнике: «Надо попытаться выразить <...> рассказ подмененный ребенок» (10 авг. 1905 г.) и на следующий день то же (т. 55, с. 157). В течение 27 лет творческая мысль Толстого возвращалась к происшествию, записанному Татьяной Львовной.

1879 г.

1. Вероятно, «Сочинения гр. Л. Н. Толстого в восьми ч. изд. третье». М., 1873.

2. Н. Н. Страхов гостил в Ясной Поляне с 26 дек. 1878 г. по 4 янв. 1879 г. Толстой писал ему 18...19 января 1879 г.: «После вашего отъезда я совсем заболел и так, что несколько дней лежал. Теперь почти здоров и принялся за работу, но все еще не выхожу и кашляю» (т. 62, с. 463).

3. В декабре 1855 г., приехав из Севастополя в Петербург, Толстой остановился у Тургенева и познакомился там с А. А. Фетом. 1860 — 70-е годы были годами оживленной между ними переписки и частых встреч. Известно 157 писем Толстого к Фету (1858—1881). Но в 1880-х годах взгляды их стали столь различными, что они, без всякой ссоры, отошли друг от друга.— См.: Розанова С. А. Л. Н. Толстой. «Переписка с русскими писателями». М., 1962, с. XX—XXVIII.

4. В конце мая 1879 г. Толстой писал Н. Н. Страхову: «У нас все, слава богу, здоровы и веселы, по немного для нас суетливое время: мальчики, Сережа и Ильюша, ездят каждый день на экзамены. Для Сережи экзамен нужный, и он держит плохо по своей неловкости» (т. 62, с. 487).

5. Николай Валерьянович Толстой — сын сестры Льва Николаевича — женился 8 октября 1878 г. Л. Н. был на его свадьбе «посаженым отцом». Через 6 месяцев после женитьбы Н. В. заболел тифом. 1 июня 1879 г., вернувшись из Покровского, Л. Н. писал брату Сергею: «Николенька очень плох. Его по совету доктора, для перемены воздуха, свезли в Чернь вчера при мне. Жена его прекрасно за ним ходит» (т. 62, с. 489). Н. В. умер 12 июня 1879 г.

1880 г.

1. С. Н. Халтурин, член Исполнит. Комитета партии «Народной воли», устроил 5 февраля 1880 г. взрыв в Зимнем дворце, который случайно не коснулся царской семьи; около 40 человек сол-

дат караула были убиты или искалечены. Генерал И. В. Гурко, занимавший временно пост Спб. генерал-губернатора, был переведен в Одессу, а на его место 12 февраля назначен М. Т. Лорис-Меликов.

2. Стихотворение А. С. Пушкина 1828 г.

1882 г.

1. Толстой, приискивая в Москве помещение для семьи, остановил свой выбор на доме коллежского секретаря И. А. Арнаутова в Долго-Хамовническом переулке, вероятно потому, что в те времена это была далекая от центра Москвы окраина, а при доме, построенном в 1808 г. и пережившем московский пожар 1812 г., был прекрасный фруктовый запущенный сад. Ныне это Музей-усадьба Л. Н. Толстого, улица Льва Толстого, дом № 21.

2. «Дом в том виде, в котором он был куплен, был мал для нашей семьи, и отец решил сделать к нему пристройку, к чему и приступил немедленно, пригласив архитектора. Нижний этаж и антресоли остались в прежнем виде, а над первым этажом были выстроены три высокие комнаты: довольно большой зал, гостиная и за гостиной небольшая комната и парадная лестница» (Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1975, с. 137).

3. «Жалованьем» Т. Л. называет деньги, которые мать давала на карманные расходы старшим детям (кроме Сергея, который был уже студентом и получал значительно больше). Известно, что в 1884 г. Т. Л., Илья, Лев и Мария получали по 3 руб. в месяц. (В этом же году кухарка для прислуги у Толстых получала 4 руб. в месяц.)

4. Пушкин А. С. Евгений Онегин, гл. восьмая, стих X.

5. Портрет Т. Л. Толстой работы Соколовской в настоящее время экспонируется на первом этаже Музея-усадьбы «Ясная Поляна» («комната с бюстом»); по фотографии М. А. Стаховича воспроизведен в т. 63, с. 240.

6. 8 июня 1882 г. Толстой писал Н. Н. Страхову: «Я лежал в сильнейшем жару и проболел тяжело трое суток, нынче мне лучше и вот пишу вам» (т. 63, с. 98).

7. «В моем раннем детстве,— вспоминала А. Л. Толстая,— Кузминские каждое лето приезжали в Ясную Поляну. Бывало шумно, весело, у них была почти такая же большая семья, как наша. Тетенька — первая затейница: то за грибами, то купаться, то пик-

ник, то друг к другу обедать. Высокого, красивого, важного А. М. Кузминского, крестного моего, мы боялись, тетеньку обожали <...> Тетенька любила радость и веселье, все, что было нерадостно, она с негодованием откидывала. Она терпеть не могла ссор, неприятностей, злобы — они нарушали радость — и старалась скорее все уладить <...> С детьми она вовсе не церемонилась: если кто-нибудь поссорится или подерется, она сейчас же схватит их за шиворот и стукает головами друг о друга, сердито приговаривая: «Ну, целуйтесь же, дряни вы этакие, целуйтесь, говорят вам!» А если это не действовало, она и подзатыльник даст, чтобы скорее помирились, а тогда делалось так смешно, что пропадала злость» («Современные записки», 1931, т. XV, с. 449—450).

8. Купчая крепость на приобретение Толстым дома А. П. Арнаутова за 27.000 р. была утверждена старшим нотариусом Моск. окружного суда 14 июля 1882 г.

9. Поль и Виргиния — юные герои романа французского писателя Бернардена де Сен-Пьера: «Paul et Virginie» (1787).

10. Тяжелое впечатление от кукуевской катастрофы надолго сохранилось в памяти Толстого: работая в голодающих деревнях Тульской и Орловской губ., он пишет жене 14 мая 1898 г. из Гриневки: «Вчера я был в деревне, знаменитой Кукуевке» (т. 84, с. 318). В VIII гл. статьи «В чем моя вера?» писатель упоминает о погибших на железной дороге (т. 23, с. 386). Несомненно, многое рассказал ему близкий его знакомый в Туле — Н. В. Давыдов, проведший по долгу службы две недели вместе со следователем на месте катастрофы. См.: Давыдов Н. В. Из прошлого. М., 1913, с. 154.

11. «Начиная с лета 1882 г. в Ясной Поляне был заведен «почтовый ящик». Это был простой деревянный ящик. Он запирался ключом и привешивался на площадке лестницы. В него всякий житель Ясной Поляны мог опускать свои «произведения». По воскресеньям вечером ящик отпирался, все собирались в зале и кто-нибудь из старших читал все бумажки, опущенные за неделю <...> Разумеется, самые интересные «бумажки» были написаны Львом Николаевичем. Они опубликованы в «Воспоминаниях» моего брата Ильи и в Юбилейном издании сочинений Л. Н. Толстого, т. 25» (Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1975, с. 163—164).

12. «Мы с мужем заехали к графу Л. Н. Толстому,— вспоминала М. С. Урусова о своем приезде в Ясную Поляну 8 августа 1882 г.— Старшая дочь его готовилась выезжать, сам же он, выря-

дившись в свою блузу, как в рясу, работал на поле. Но очарование от его разговора испытывал каждый, кто с ним встречался.

От моей дочери граф был в восторге. Он, так тонко понимавший музыку, испытывал истинное наслаждение от ее игры на рояле. Не меньше поразила его и литературная память Мэри, правильность ее суждений о поэзии разных народов, которую она знала. Сам Толстой проповедует некоторое презрение к стихам, и немало, во время нашего пребывания в Ясной Поляне, было споров на эту тему. Дочь моя метала гром и молнии в защиту своих любимых поэтов». Пер. с франц. M. Ouroussow. Histoire d'une âme. Mary. Paris, 1904 c. 24.

13. Телеграмма Л. Н. Толстого из Москвы от 18? августа 1882 г. не найдена.

14. 26 августа 1882 г. С. А. Толстая записала в Дневнике: «В первый раз в жизни Левочка убежал от меня и остался ночевать в кабинете. Мы поссорились о пустяках: я напала на него за то, что он не заботится о детях, что не помогает ходить за больным Илюшей и шить им курточки. Но дело не в курточках, дело в охлаждении его ко мне и детям. Он сегодня громко вскрикнул, что самая страстная мысль его о том, чтоб уйти от семьи. Умирать буду я, а не забуду этот искренний его возглас <...> Он пришел, но мы помирились только через сутки. Мы оба плакали, и я с радостью увидала, что не умерла та любовь, которую я оплакивала в эту страшную ночь» (Толстая С. А. Дневник, I, с. 130).

15. Перестройкой и ремонтом Хамовнического дома занимался архитектор М. И. Никифоров. Приехав в Москву 10-го сентября, Толстой 11-го писал жене: «Постройка подвинулась, но еще много недоделано» (т. 83, с. 348). А 12 сентября: «Архитектор вчера к ужасу моему объявил, что до 1-го октября он просит не переезжать. Ради бога не ужасайся и не отчаивайся» (т. 83, с. 350) Переезд семьи Толстых из Ясной Поляны в Москву совершился 8 октября 1882 г.

16. Т. А. Кузминская ехала в Петербург, где муж ее был председателем окружного суда, Толстой ехал в Москву с сыном Львом, поступавшим в гимназию Л. И. Поливанова.

17. Об отношениях 18-летней Т. А. Берс и С. Н. Толстого в 1864—1865 гг. см.: Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1976 г.

18. Вымышленное Толстым, несуществующее лицо — олицетворение всех недостатков «светской дамы».

19. Магазин модной обуви «Шумахера Иосифа сын» в 1896 г. помещался на Неглинном проезде в Москве.

20. Письмо Т. к жене от 12 сентября 1882 г. (т. 83, с. 350—351).

21. Всероссийская промышленно-художественная выставка в Петровском парке в Москве была открыта с 20 мая по 1 октября. Толстой посетил ее 24 мая и резко отрицательно отозвался о ней.

22. В письме от 4/16 сентября 1882 г. из Буживаля Тургенев просил Толстого прислать ему оттиск «Исповеди», напечатанной в майской книжке журнала «Русская мысль» и уничтоженной полицией по распоряжению цензуры. А. Г. Олсуфьева посетила Тургенева в октябре 1882 г. и передала ему «Исповедь».

23. Анна Сейрон (Anna Seuron) шесть лет провела в доме Толстых гувернанткой. Ее воспоминания на немецком языке вышли в Берлине в 1895 г.: «Graf Leo Tolstoï». На русском языке: «Записки Анны Сейрон». Перевод А. Сергиевского. Спб. 1895.

24. Гете. Фауст. С 50-ю картинами Лицен-Майера. Русский перевод А. Н. Струговщикова. В XVI гл. трактата «Что такое искусство?» Толстой высоко оценил картину Лицен-Майера «Королева Елизавета, подписывающая приговор Марии Стюарт». «Картин этого рода очень мало. Заботы о технике и красоте большею частью затемняют чувство» (т. 30, с. 161).

25. С. А. Толстая попросила И. С. Тургенева написать рассказ для журнала «Детский отдых», издававшегося ее братом П. А. Берсом. Рассказ «Перепелка» был напечатан вместе с рассказами Толстого «Чем люди живы» и др. в кн.: Рассказы для детей И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого. Изд. П. А. Берса и Л. Д. Оболенского. М., 1883.

26. 7—15? ноября 1882 г. Толстой писал из Москвы В. И. Алексееву об окружающей его среде и о своих семейных: «Таня полудобрая, полусерьезная, полу-умная — не делается хуже — скорее делается лучше <...> Я довольно спокоен, но грустно часто от торжествующего самоуверенного безумия окружающей жизни. Не понимаешь часто, зачем мне дано так ясно видеть их безумие и они совершенно лишены возможности понять свое безумие и свои ошибки <...> Только их легион, а я один. Им как будто весело, а мне как будто грустно» (т. 63, с. 106).

1883 г.

1 Ф. Л. Соллогуб — музыкант, актер, художник-декоратор. Весь текст шарады «Арена», который Толстой ввел в свою пьесу «Плоды просвещения», написан Соллогубом (т. 27, с. 656).

2. См.: Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1975, гл. «Поездка в Самарское имение».

3. Картина Репина «Неприпцин» (1882) на сюжет «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя.

4. Через год, живя с семьей в Ясной Поляне, Толстой осуществил эту мысль: «Вечером у Маши в комнате заговорили о том, как каждый провел день. Это не игрушка. Я бы ввел это в обычай. Разумеется, не нужно принуждать. Кто хочет, рассказывает» (Толстой. Дневник, 1884, 21 июня, т. 49, с. 106). И на следующий день то же: «За чаем девочки, и Таня, и Александр Михайлович рассказывали каждый свой день и свои грехи <...> Я хотел рассказать свои грехи, но не мог» (там же).

5. Толстой пожил на Самарском хуторе с 24 мая по 28 июня 1883 г. Целью его поездки была ликвидация хозяйства: продажа лошадей, построек, посевов, сдача земли крестьянам в аренду. Кроме того, он пил кумыс, который всегда на него хорошо действовал. Эта поездка Толстого на хутор была последней.

6. А. Л. Толстая вспоминала: «Я, к сожалению, не помню ее молодой, но помню, что она пела так, как никто на свете. Я спала в детской за две комнаты от зала. Прогонят спать, а я знаю, что тетенька будет петь, и жду. И вот слышу первые аккорды на фортепьяно берет папа или брат Сережа. Сердце стучит. В ночной рубашке я крадусь в гостиную.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты...

Я знаю каждую ноту, дыхание захватывает <...> Тетенька кончила. Похвалы, восклицания кажутся ненужными, нарушают очарование. Но вот она снова начинает любимый романс отца:

Слышу ли голос твой,
Звонкий и ласковый,
Сердце, как птичка
В клетке запрыгает.

— Превосходно! Превосходно! — слышится голос отца.— Чудесно! <...> Бывало, отец посмотрит на тетеньку, такую сияющую, жизнерадостную, и скажет: — Таня, а ведь ты умрешь!

— Вот глупости какие! — восклицала она с негодованием.— Никогда! — Отцу это правилось, он смеялся до слез» («Современные записки», 1931, т. XV, с. 150—151).

7. Отзыв Толстого об О. И. Герке см.: Толстовский ежегодник, М., 1912, с. 61—62.

8. Толстой прожил в Ясной Поляне с 8 по 18 ноября. Вернувшись в Москву, по пути с Курского вокзала в Хамовники, он потерял чемодан с рукописями статьи «В чем моя вера?» и книгами; некоторые из них принадлежали Н. Н. Страхову. Чемодан не нашелся, хотя в газете «Ведомости московской городской полиции» была сделана публикация о потере.

9. 8 апреля 1882 г. С. А. писала мужу из Москвы в Ясную Поляну про свой визит к вдове поэта А. К. Толстого, жившей тогда в Москве со своей приятельницей: «Сегодня я была у своей тезки Толстой. Эти две таинственные дамы играли со мной в простоту, но мне не понравились. Вот уж нам не ко двору! Бог с ними, я знакомства с ними продолжать не желаю» (Толстая С. А. Письма, с. 190). Однако С. А. своего намерения не выполнила и встретилась со своей «тезкой», как видно из записи, 23 ноября 1883 года и еще раз в 1885 г. в Петербурге.

10. Романс на слова И. С. Тургенева (ноябрь 1843 г.), музыка А. М. Абазы.

1884 г.

1. Лицей имени цесаревича Николая в Москве, основанный в 1868 г.— среднее мужское учебное заведение для детей дворян, помещалось на Остоженке (ныне Метростроевская ул.) у Крымского моста.

2. В Дневнике Толстого под 9 апреля записано: «Очень важно: стал выговаривать Тане, и злость, и как раз Миша стоял в больших дверях и вопросительно смотрел на меня. Кабы он всегда был передо мной! Большая вина, вторая за месяц. Все ходил около Тани, желая попросить прощения, и не решился. Не знаю, хорошо или дурно» (т. 48, с. 80).

3. 24 июня 1884 г. Толстой писал Черткову: «Живу я нынешний год в деревне как-то невольно по-новому: встаю и ложусь рано, не пишу, но много работаю, то сапоги, то покос. Прошлую неделю всю проработал на покосе. И с радостью вижу (или мне

кажется так), что в семье что-то такое происходит, они меня не осуждают и им как будто совестно» (т. 85, с. 69).

4. В том же письме Черткову: «Жена родила девочку. Но радость эта отравлена для меня тем, что жена, противно выраженному мною ясно мнению, что нанимать кормилицу от своего ребенка к чужому есть самый нечеловеческий, неразумный и нехристианский поступок, все-таки без всякой причины взяла кормилицу от живого ребенка» (т а м ж е).

В объяснение нежелания кормить новорожденную дочь Сашу Софья Андреевна писала в автобиографии: «Если бы в то время Лев Николаевич приласкал меня, помог бы мне в делах, попросил бы меня самой кормить ребенка, я, разумеется, с радостью склонилась бы на это. Но он неизменно был суров, строг, неприятен и чужд, как никогда» (Т о л с т а я С. А. Моя жизнь. Тетр. 4, с. 225).

5. После отъезда семьи в Москву Толстой остался в Ясной Поляне до 3 ноября, работая над своим трактатом «Критика догматического богословия».

1886 г.

1. «Чертковскими изданиями» Т. Л. называет книжки для народа издательства «Посредник», организованного в ноябре 1885 г. Чертковым при активном участии Л. Н. Толстого и П. И. Бирюкова. Первые 9 лет «Посредник» помещался в Петербурге и в значительной степени существовал на средства Черткова. Целью издательства было дать народу по самой доступной цене (от 3/4 коп. за книжку) переработанные издания лучших произведений классической литературы, русской и иностранной, а также дешевые книжки по сельскому хозяйству, ремеслам, медицине, картины, календари, детские книжки и т. п.

В 1890-х гг. «Посредник» перебазировался в Москву и просуществовал до 1934 г., возглавляемый И. И. Горбуновым-Посадовым и его женой Еленой Евгеньевной.

«Посредник» бросал широкими пригоршнями семена знания в рабочие и крестьянские массы»,— писала Н. К. Крупская, сотрудничавшая в «Посреднике», в своем приветствии И. И. Горбунову-Посадову по случаю 35-летнего юбилея издательства в 1920 г. (Сборник «Сорок лет служения людям». М., 1925, с. 115). Т а м ж е см.: приветствие Анны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой.

2. Великосветский благотворительный вербный (за неделю до пасхи, в «вербную» субботу и воскресенье) базар обыкновенно устраивался в залах «Благородного дворянского собрания» на Б. Дмитровке, дом № 1 (ныне ул. Пушкина, Дом Союзов).

3. 3 апреля 1886 г. Толстой писал Черткову: «Не знаю, что буду делать дорогой и в деревне <...> Иду же главное затем, чтобы отдохнуть от роскошной жизни и хоть немного принять участие в настоящей» (т. 85, с. 332). Выйдя из Москвы 4 апреля часа в 2 дня, путники пришли в Ясную Поляну 9 апреля вечером, откуда Толстой писал жене: «Мы шли прекрасно. Осталось, как я и ожидал, одно из лучших воспоминаний в жизни» (т. 83, с. 569).

4. На Мясницкой улице (ныне ул. Кирова) в Москве помещалось Училище живописи, ваяния и зодчества, при котором семья инспектора Училища П. А. Философова жила на казенной квартире. 28 февраля 1888 г. Илья Львович Толстой венчался со старшей дочерью П. А.— Софьей Николаевной Философовой.

5. Рассказ Толстого «Чем люди живы» был издан в 1886 г. «Посредником» в виде альбома с иллюстрациями Н. Н. Ге, которые очень нравились Льву Николаевичу. Типография А. И. Мамонтова помещалась в Леонтьевском пер. (ныне ул. Станиславского), дом № 5.

6. 30 марта на публичном заседании «Общества любителей российской словесности» в Московском университете Н. И. Стороженко и А. С. Ругавин прочли «Смерть Ивана Ильича». 6 апреля в Актовом зале университета читали «Много ли человеку земли нужно», «Крестник», «Зерно с куриное яйцо» и «Кающийся грешник». «Читал хорошо Стороженко, видно постарался», сообщала Софья Андреевна сыну Льву в письме от 7 апр. (Толстая С. А. Письма, с. 362).

7. Толстой переехал на лето в Ясную Поляну. 4 мая он писал оттуда жене: «Перестала ли Таня нанимать за 5 р. лошадь на час? 5 р.— хлеб на месяц детям вместо корок. Боюсь, что в Москве это непонятно» (т. 83, с. 569).

8. А. К. Дитерихс и О. П. Озмидова приехали в Ясную Поляну с П. И. Бирюковым 2 мая. Толстой писал жене: «Меня одолели девицы. Нынче приехал Павел Иванович с двумя <...> Девицы эти довольно тяжелы для меня, но делать нечего. Они очень хорошие. Жалко, что вне обычных условий. Завтра в час они уедут» (т. 83, с. 566).

9. В Отделе рукописей ГМТ хранятся 50 000 писем к Толстому,

из них около 9 000 на иностранных языках. Конечно, отвечать на все письма было невозможно. В собр. соч. опубликовано 8 500 ответных писем Л. Н. Толстого. Часть ответов писателя, особенно за первые десятилетия его жизни, утратилась. Но все же утверждение Татьяны Львовны, что Лев Николаевич «на письма никогда не отвечает» — не совсем правильно: уже в 1886 г. (т. 63) писатель отвечал: «Неизвестному (Юнопе)», «Неизвестному (англичанину)», «Тифлисским барышням» и др. лично ему незнакомым людям. С 1887 г. (т. 64) в томах писем появляется новый раздел: «Список писем, написанных по поручению Л. Н. Толстого». В 1887—1889 гг. отвечали его дочери. Позднее — его секретари и другие члены семьи Толстых.

10. 28—29 июня Толстой писал Черткову: «Все это время работал в поле и очень уставал <...> Сначала пока была пахота и навозная возка, я не целые дни был в поле <...> но потом пришел покос, и я целые дни был в поле. Дети — мальчики и девочки, особенно Илья и Маша, упорно и религиозно работают. И другие работают на покосе, но больше из молодечества силы, но и то очень хорошо и очень меня радует» (т. 85, с. 361). Свою работу на покосе Софья Андреевна описала в письме от 15 окт. 1886 г. к А. П. Ге (жене художника) в самых мрачных красках (т. 85, с. 367).

11. Работая на покосе, Толстой (около 14 июля) упал с воза и ушиб ногу о грядку телеги. Не придав сперва этому значения, он позже из-за сильного жара от ушиба слег в постель и проболел более двух месяцев.

12. Письма Н. Н. Ге к Татьяне Львовне см. в книге: «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка». М.— Л., Academia, 1930.

13. О. Н. Озмидова писала Толстому в мае, июне, июле и августе 1886 г., советуясь, как ей устроить свою жизнь, жаловалась на тяжелое настроение. Толстой ответил на все ее письма, желая поддержать ее (т. 63, с. 361—362, 367—368, 371—372, 373—374).

14. 25 октября 1886 г. С. А. Толстая записала в Дневнике: «Последние два месяца — болезнь Льва Николаевича — было последнее мое, странно сказать, с одной стороны, мучительное, а с другой — счастливое время. Я день и ночь ходила за ним, у меня было такое счастливое, несомненное дело — единственное, которое я могу делать хорошо — это личное самоотвержение для человека, которого любишь. Чем мне было труднее, тем я была счастливее» («Дневник», 1, с. 133).

15. Письмо Льва Николаевича к сыну Илье опубл. в т. 64, с. 117—119 с неверной датой: октябрь 1887 г.

16. В ответ на письмо П. И. Бирюкова от 10 октября Толстой писал: 12? окт.: «Спасибо за то, что пишете мне. Нынешнее письмо со вложением письма Джунковского доставило мне большую радость» (т. 63, с. 388).

«Лейб-уланский блестящий офицер Джунковский» посетил Толстого в первых числах ноября 1886 г. (См. письмо Толстого к Н. Н. Ге (отцу) от 31 октября — ноября 1? 1866 г. (т. 63, с. 403). «Ma religion» — перевод Л. Д. Урусова на французский язык запрещенной в России статьи «В чем моя вера?», вышедшей в Париже в 1885 г. (т. 23, с. 553).

17. В «Предисловии к сочинениям Гюи де Мопассана» Толстой назвал «Les Misérables» «лучшим французским романом» (т. 30, с. 7).

18. Фабула «Власти тьмы» взята Толстым из жизни: в 1880 г. в Тульском окружном суде слушалось дело крестьянина дер. Сидоровки Чернского уезда Ефрема Колоскова, который умертвил новорожденного ребенка, своего и 16-летней падчерицы своей Елены. Н. В. Давыдов — прокурор Тульского окр. суда — рассказал об этом Толстому и доставил ему возможность дважды побеседовать с Е. Колосковым в тюрьме.

19. Живя летом 1885 г. в Ясной Поляне, Т. А. Кузминская записала со слов крестьянки сельца Кочаки Аксиньи Тюриной историю ее жизни. Толстой присутствовал при записывании и однажды сам занес на бумагу несколько страниц, а затем существенно проредактировал всю запись. Рассказ этот под заглавием «Бабья доля» был напечатан в «Вестнике Европы», 1886, № 4, а затем издан «Посредником» отдельной книжечкой. (См. кн.: Толстой-редактор. М., «Книга», 1965.)

20. Мать С. А. Толстой — Л. А. Берс скончалась 11 ноября 1886 г. в Ялте.

21. 9 ноября Толстой писал жене: «Затеял я календарь с пословицами русскими, и девочек это занимает» (т. 83, с. 576), а 14 ноября он уже извещал Черткова: «Календарь с пословицами послал Сытину печатать» (т. 85, с. 411). В ноябре Л. Н. прибавил к календарю еще статьи о крестьянских работах на каждый месяц и тексты из Евангелия. В январе календарь вышел из печати в Петербурге под заглавием: «Календарь с пословицами на 1887 г.» Спб., 1887. (См. т. 39.) Успех календаря был огромный: 10 000 экз. разошлись в один месяц.

22. «Брат на брата» — переделка одного из эпизодов романа В. Гюго «93-й год», сделанная Е. П. Свешниковой, издана «Посредником» в 1886 г. Толстой очень одобрил эту книжку.

23. Об этом эпизоде см.: Толстой И. Л. Мои старые друзья.— «Столица и усадьба», 1916, № 59, с. 21—22.

24. Аким — один из персонажей драмы «Власть тьмы». Указанную реплику он произносит в XV явлении третьего действия.

25. С. Л. Толстой баллотировался в непременные члены Крапивенского уездного по крестьянским делам присутствия. 14—15 декабря Лев Николаевич писал Н. Н. Ге-отцу: «Сережу не выбрали. Жена огорчена, а я даже не могу понять, что тут может огорчать или обратное» (т. 63, с. 427).

26. А. К. и В. Г. Чертковы проездом из Воронежской губернии в Петербург прожили, по приглашению Л. Н. Толстого, около недели в Хамовническом доме. (См.: Черткова Анна. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом. «Толстой и о Толстом. Новые материалы». Сб. второй, М., 1926, с. 87—112.)

1887 г.

1. «Стрельна» — загородный ресторан в Москве, в Петровском парке, славившийся своими хорами.

2. Собрание картин московского мецената К. Т. Солдатенкова помещалось на Мясницкой улице в доме № 37 (существует и поныне).

3. Уезжая 25 апреля в Ясную Поляну, Толстой говорил с женой, которая его провожала на вокзал, об образе жизни старшей дочери. 26 апреля С. А. писала мужу: «Тане я серьезно передала твои слова, то есть о том, что пора жить для дела. Она спросила: «Что такое для дела?» И я сказала: «Замуж выходить или работать над чем-нибудь последовательно» (Толстая С. А. Письма, с. 406—407).

4. 1 мая Толстой писал жене: «Ты, верно, недовольна мной, милый друг, за мои письма. Они, вероятно, вышли пасмурны, как у меня было пасмурно на душе эти два или полтора дня <...> Третьего дня вечером на меня нашло такое физическое состояние тоски, как бывало Арзамасская» (т. 84, с. 31).

5. Письмо опубликовано с датой «Сентябрь — октябрь 1887 г.» (т. 64, с. 113—115).

6. Брат Софьи Андреевны, Степан Андреевич Берс, в юные годы каждое лето проводил в Ясной Поляне, ездил с Толстым в Самарское имение и на Бородинское поле. Окончив в 1878 г. образование, служил в Закавказье. Приехал в Ясную Поляну в десятых числах августа 1887 г., 5 октября Толстой писал П. И. Бирюкову: «Степан шурин измучал нас, но старался я очень помочь ему. Не знаю, успел ли» (т. 64, с. 98). «Он советовал мне оставить службу и изменить образ жизни,— пишет С. Берс в своих воспоминаниях,— ставил мне в пример молодого князя Хилкова». (Берс С. А. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. Смоленск, 1894, с 77.)

7. А. В. Тыркова, «либеральная сотрудница» газеты «Речь», посетившая Толстого 7 октября 1903 г. (Гусев Н. Н. Летопись, II, с. 467), писала о М. А. Стаховиче: «Он был очень талантлив, говорил вдохновенно и заразительно. Из него мог бы выйти крупный политик, но он за этим не гнался. Беспечный, жизнерадостный, он не искал популярности. Этот даровитейший человек так и прошел через жизнь, не выявив себя. Это часто бывало с такими, как он, талантливыми, но не целеустремленными русскими людьми. Может быть еще и потому, что в нем кипела не остывающая жажда жизни».

8. Толстой приступил к писанию «Крейцеровой сонаты» в первых числах октября 1887 г. См. его письма к Бирюкову и Н. Н. Ге (т. 64, № 136 и 137).

1888 г.

1. 13 марта 1888 г. Толстой писал Н. Н. Ге (отцу): «Илья женится на Философовой (вы, верно, знаете, славная, простая, здоровая, чистая девушка) 28 февраля и находится в том невменяемом состоянии, в котором находятся влюбленные. Жизнь для него остановилась и вся в будущем (т. 64, с. 151).

2. Поливановцы — ученики частной мужской гимназии, где учились сыновья Толстого.

3. «У нас на днях была скоропостижная смерть Оболенского — мужа племянницы,— писал Толстой художнику Ге 13 февраля 1888 г.— Человек был очень хороший, простой, добрый. Теперь вдова с семью детьми осталась, бедная, долгов много, но и это все хорошо и много вызывает доброго в людях» (т. 64, с. 151).

4. Елизавета Августовна, рожд. Шаре, жена художника В. И. Сурикова, скончалась 8 апреля 1888 г.

5. 15 сентября 1887 г. Толстой писал Черткову: «Маша дочь так хороша, что постоянно сдерживаю себя, чтоб не слишком высоко ценить ее» (т. 86, с. 84). И 29 ноября 1887 г. к нему же: «Не нарадуюсь я на эту девочку, все у ней цельно, из одного источника — от отношений ко мне, матери, прислуге, до пищи и отношений к лечению. Они и все хороши, но эта как-то особенно ясна» (т. 86, с. 102).

6. Для Ильи Львовича и Софьи Николаевны Толстых.

1889 г.

1. «Что читать народу?» — критический указатель книг для народного и детского чтения. Составлен учительницами харьковской женской воскресной школы. Спб., т. 11, 1889.

2. Толстой начал вести Дневник с 19-летнего возраста, первая запись — 17 марта 1847 г.,— и вел с бо́льшими или ме́ньшими перерывами всю жизнь. Последняя запись сделана им в Дневнике 3 ноября 1910 г. в Астапове за четверо суток до смерти (т. 58, с. 126).

3. Гипсовый бюст римского юноши Антиноя стоит на площадке верхнего этажа парадной лестницы Хамовнического дома Толстых.

4. «Согласие против пьянства» было основано Толстым в конце 1887 г. Текст обязательства, которое подписывали вступающие в «Согласие», составленный Толстым, см. т. 90. 1—2 февраля 1888 г. Толстой писал И. Е. Репину: «Наше согласие против пьянства, несмотря на свою неопределенность формы, расширяется и захватывает много людей, т. е. действует (т. 64, с. 146). Список лиц, примкнувших к «Согласию»,—744 чел.— См.: «Известия Общества Толстовского музея», 1911, №№ 3—4—5, с. 6—22. Не желая придавать организации официальный характер, Толстой пробовал хлопотать через А. А. Толстую об утверждении Общества без устава. Это оказалось невозможным, и дальнейшего развития «Согласие» не получило.

5. Укрепление текинцев Геок-Тепе было взято русскими войсками под начальством генерала М. Д. Скобелева 12 января 1881 г. Свой разговор с юнкером Толстой ввел в предисловие к книге А. И. Ершова «Севастопольские воспоминания артиллерий-

ского офицера», законченное 10 марта 1889 г. (т. 27, с. 524), в статью «По поводу дела Скублинской», написанную через год — 18 февраля 1890 г. (т. 27, с. 539—540) и в большую свою статью «Для чего люди одурманиваются» (10 июня 1890 г., т. 27, с. 273).

6. По просьбе редактора журнала «Русская мысль» В. А. Гольцева Толстой выразил свой взгляд на искусство в небольшой заметке (см. т. 30 с. 436—439), которая была тогда же напечатана Гольцевым в его статье «О прекрасном в искусстве» («Русск. мысль», 1889, № 9, с. 68—69).

7. О тяжелых внутрисемейных отношениях Толстых в Дневнике Льва Николаевича 19 ноября 1889 г. записано: «Не записал: вчера Соня обиделась, что ее не подождали читать. Оказалось, что это у ней накипевшее оскорбление от Тани, ушедшей от ее музыки. Она говорит: я одинока совсем в семье. Может быть, я виноват. Очень жалко, любя жалко стало ее. Как хорошо, что я не обиделся а сказал ей, что было правда, что у меня заболело сердце» (т. 50, с. 180).

1890 г.

1. Картина Н. Н. Ге «Христос перед Пилатом» (позднейшее название «Что есть истина?») 11 февраля 1890 г. экспонировалась на XVIII выставке передвижников в Петербурге, но по требованию Синода снята через несколько дней. 10 июня Ге привез картину в Ясную Поляну. 11 июня Толстой в письме к Третьякову убеждал его приобрести ее для галереи; но ввиду запрещения в России, возникла мысль отвезти картину в Америку и выставить там, предварительно показав в Гамбурге, Берлине и Ганновере. Пять тысяч рублей, уплаченных Третьяковым художнику, все пошли на расходы по поездке. 11 июня Толстой продиктовал Татьяне Львовне четыре письма американцам: В. Гаррисону, Натану Доулю, В. Ньютону и Изабелле Хэпгуд, прося их помочь организовать выставку картины «Что есть истина?». 8 августа 1890 г. Лев Николаевич в большом письме к Д. Кеннану, известному общественному деятелю Америки, подробно высказал свое мнение о картине и просил «содействовать пониманию ее» в Америке (т. 65, с. 138—141).

2. 22 февраля 1889 г. Толстой писал Э. Роду, благодаря его за присланную книгу «Le sens de la vie»: «Я редко читал что-либо более сильное в смысле анализа умственного состояния большин-

ства нашего общества» (т. 64, с. 229—230). Некоторые мысли Э. Рода Толстой включил в сборники: «Круг чтения», «На каждый день» и «Путь жизни». На русском языке книга Рода издана «Посредником» в 1894 г.

3. 3 сентября Толстой записал в Дневнике: «Нынче думал: я сержусь на нравственную тупость детей, кроме Маши. Но кто же они? мои дети, мое произведение со всех сторон, с плотской и духовной. Я их сделал такими, какими они есть. Это мои грехи — всегда передо мной. И мне уходить от них некуда и нельзя. Надо их просвещать, а я этого не умею, я сам плох» (т. 51, с. 85).

4. 16 сентября Толстой записал в Дневнике: «Разговоры с Сережей вчера о Тане и девочках. Слишком строго» (т. 51, с. 89).

5. С. Н. Толстой с дочерью Верой уехали в Пирогово.

6. 16 сентября Толстой записал в Дневнике: «Вечером приехал Илья с Г. Саломирским, очень довольным тем, что он поехал на полчаса и пробыл четверо суток» (т. 51, с. 89).

7. Опубликование «Крейцеровой сонаты» в Америке вызвало ряд откликов, в том числе появление брошюры «Диана. Психофизиологический очерк о половых отношениях женатых мужчин и женщин», изд. 3-е. Нью-Йорк, 1887 г. и письма от 7 октября н. с. 1890 г. от Элизы Бернс, в котором она писала: «Диана проводит, объясняет и дает практическое применение теориям графа Толстого» (т. 65, с. 182). Толстой поблагодарил ее письмом от 31 октября, в котором писал: «я нахожу вашу работу очень полезной» (там же, с. 181). Свои взгляды писатель кратко выразил в статье «Об отношениях между полами» (т. 27, с. 286—289).

8. Роман Эдны Лайель «Мы двое» вышел в Англии в 1884 г. В письме от 21—22 июля 1890 г. Толстой рекомендовал его для перевода на русский язык Л. П. Никифоровой (т. 65, с. 130).

9. Трактат Л. Н. Толстого «Царство божие внутри вас» писался с небольшими перерывами около трех лет: с июля 1890 г. по май 1893 г. См. т. 28.

10. Рассказ «Дорого стоит» (т. 27, с. 259—262) является свободным пересказом в стиле народных рассказов отрывка из очерка Г. де Мопассана «На воде». Заглавие дано Толстым. Рассказ впервые опубликован Чертковым в Англии в 1899 г. В России напечатан вследствие цензурных затруднений только в 1901 г.

11. «Альфа» (в переносном смысле — начало) — ежемесячный журнал, издававшийся «Обществом нравственного воспитания» в Вашингтоне. В яснополянской библиотеке сохранилось несколько номеров этого журнала за 1887 и 1888 гг.

12. Бюст Л. Н. Толстого работы Н. Н. Ге, отлитый в бронзе, находится в Музее-усадьбе «Ясная Поляна». Вторая отливка — в ГМТ.

13. Приписка Л. Н. Толстого к письму М. А. Кузминской — неизвестна.

14. Началом работы Толстого над статьей «О жизни» можно считать его ответ (конец сентября — начало октября 1886 г.) на письмо А. К. Дитерихс (от 12—16 сентября 1886 г.), в котором он писал «о жизни и смерти то, о чем я так много напряженно думал это последнее время» (т. 85, с. 392). 20 декабря 1887 г. Лев Николаевич пишет П. И. Бирюкову из Москвы: «Я свою статью совсем кончил, до праздника будет отпечатана» (т. 64, с. 129). А 25 января 1888 года Московский духовный цензурный комитет выносит решение, что книга «О жизни» подлежит безусловному запрещению». (Апостолов Н. Н. Лев Толстой и русское самодержавие. ГИЗ, 1930, с 87.) Ст. «О жизни» и варианты к ней см. т. 26.

15. См. прим. 10.

16. 6? ноября 1890 г. Толстой записал в Дневнике: «Рассказывали об убийстве трех невинных вольноопределяющихся» (т. 51, с. 102).

17. 16 ноября 1890 г. Толстой писал дочери в Москву: «Мы все живы-здоровы, тебя поминаем. Что ты? Не верь докторам. Вылечит только время, сама натура и здоровый образ жизни. Вылечить доктора не могут, а повредить очень могут» (т. 65, с. 187).

18. Пушкин А. С. Воспоминания.

19. 5 декабря 1890 г. С. А. Толстая записала в Дневнике: «Была в Москве <...> Таня была там же, с ней всегда мне хорошо, и я дорожу ее близостью» (Дневник, I, с. 148).

20. Из стихотворения Козьмы Пруткова «Вянет лист, проходит лето, иней серебрится, юнкер Шмидт из пистолета хочет застрелиться».

21. В своих «Воспоминаниях» (1903—1906) Толстой писал про брата Николеньку: «Была еще какая-то Фанфаронова гора, на которую, он говорил, что может ввести нас, если только мы исполним все положенные для того условия <...> Во-первых, стать в угол и не думать о белом медведе. Помню, как я становился в угол и старался, но никак не мог не думать о белом медведе» (т. 34, с. 386).

22. Э. М. Диллон, переводчик «Крейцеровой сонаты» и др. произведений Толстого на английский яз., автор ряда статей о России. Его труд о Толстом «Count Leo Tolstoy» вышел посмертно в 1934 г. в Лондоне. 15 декабря Толстой записал в Дневнике: «Дил-

лоп. Нынче только уехал. Мне было тяжело, отчасти потому, что я чувствовал, что я для него — материал для писания. Но умный и как будто с возникнувшим религиозным интересом» (т. 51, с. 111).

23. Зимою 1890 г. Мария Львовна, а одно время и Татьяна Львовна учили крестьянских детей в домике у въезда в усадьбу. Становой эту школу запретил. Тогда Мария Львовна стала не гласно собирать и учить детей в одной из комнат большого дома. Земский начальник А. В. Сытин приезжал по просьбе Татьяны Львовны поговорить о школе в Ясной Поляне.

24. Управляющий имением Ясная Поляна — И. А. Бергер — заметил порубку 30-ти саженых берез. Урядник обнаружил виновников и составил протокол. Земский начальник приговорил крестьян к 27 рублям штрафа и шести неделям ареста при уездном арестном доме. По-видимому, Софья Андреевна не знала, что по закону примирения по делам порубок состояться не могло. 16 декабря Толстой записал в Дневнике: «Вчера лег и не мог спать <...> Встал с постели в 2, пошел по залу ходить. Вышла она, и говорили до 5-го часа. Кое-что высказал ей. Я думаю, что надо заявить правительству, что я не признаю собственности и прав, и предоставить им делать, как они хотят» (т. 51, с. 113).

20 декабря Толстой взял у крестьян копию решения по их делу и хлопотал об освобождении от наказания. 9 марта 1891 г. он записал в Дневнике: «Узнал, что мужики за березы не освобождены» (т. 52, с. 17).

1891 г.

1. 2 января 1891 г. С. А. Толстая, ездившая в Гриневку на крестины новорожденного сына Ильи Львовича, записала в Дневнике: «В Гриневке много, много Философовых, все такие большие, толстые, но удивительно добродушные и в обращении и в жизни. У них много простоты настоящей, не деланной, и отсутствие всякой злобности. И это очень хорошо. Илья какой-то растерянный и точно нарочно ни о чем не задумывается, а весь разбрасывается по мелочам (Дневник I, с. 162).

2. 25 и 27 декабря 1890 г. С. А. Толстая записала в Дневнике: «Елка прошла весело; было 80 человек с лишком ребят из деревни. Мы усердно их оделяли, и наши были довольны и веселы» (Дневник, 1, с. 159). «Вечером пришли дворовые и прислуга наша, ряженые, и плясали под гармонию и фортепьяно. Это Тапя все хло-

потала и самой ей хотелось «глупого» веселья. Она тоже и Маша нарядились» (там же).

3. 7 января 1891 г. Толстой писал П. И. Бирюкову: «Колечка приехал в новый год и теперь еще с нами. Мне очень радостно было его видеть. Он такой же, как всегда, еще лучше» (т. 65, с. 215).

4. 21—22 июля 1890 г. Толстой писал Л. П. Никифорову о «Самом великом в мире» : «Небольшая статья о любви, прекрасная и имевшая большой успех в Европе» (т. 65, с. 130).

5. 9 января 1891 г. Толстой писал Т. А. Кузминской про ее дочь Машу: «Маша твоя очень мила, но страшна: страшно так ставить всю жизнь на одну карту, как она делает, что я ей и говорю» (т. 65, с. 218).

6. Письмо Л. Н. Толстого к А. А. Толстой от 20 января 1891 г. см. т. 65, с. 224—225.

7. Приписываемый французскому философу Ж. Буридану (XIV в.) рассказ об осле, который обрек себя на голодную смерть, потому что не мог решить, какую из двух охапок сена, справа или слева, предпочесть.

8. Упоминаемое Татьяной Львовной письмо отца — неизвестно.

9. Основателем ежемесячного детского журнала «Родник» был А. Н. Альмединген; он же в течение ряда лет (до конца 1908 г.) оставался его редактором. Рассказ Татьяны Львовны «Учитель музыки», под псевдонимом Ольга Болхина, был напечатан в журнале «Игрушечка», 1891, № 11.

10. 17 апреля 1891 г. Лев Николаевич писал Н. Н. Ге (сыну): «Теперь все собрались дети. Илья все хозяйничает и живет распущенно, и денежные столкновения с матерью, и решили все делить именье. Илья рад, остальные спокойно-равнодушны. Маша озабочена тем, как бы отказаться так, чтобы ее часть не была ее. Я должен буду подписать бумагу дарственную, которая меня избавит от собственности, но подписка которой будет отступлением от принципа. И все-таки подпишу, потому что, не поступив так, я бы вызвал зло» (т. 65, с. 289). Дарственную бумагу Лев Николаевич подписал 17 апреля 1891 г., окончательный раздел произошел в июле 1892 г. «Отец оценил все свои имения <...> в 500 000 р. и решил распределить все эти имения поровну. (Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1975, с. 180). Выйдя в 1897 г. замуж за Н. Л. Оболенского, Марья Львовна Толстая изменила свое первоначальное намерение — отказаться от наследства отца — и приня-

ла свою часть (55 000 р.), сбереженную для нее Софьей Андреевной.

11. Первое упоминание о новой повести в Дневнике Толстого 25 марта 1891 г.: «Встал очень рано. Ходил гулять и очень, как редко, живо представил — воспитание художественное. Лопухину. Мать. Вопрос матери. Записки матери» (т. 52, с. 24). Неоконченная повесть под заглавием «Мать» напечатана в т. 29, с. 251—259.

12. Григорий Федотович Блохин — крестьянин деревни Лисьи Пряры, в 20 верстах от Ясной Поляны, душевнобольной человек. Считал себя князем, не хотел работать. Толстой упоминает о нем в своей статье «Так что же нам делать?». Рисунок Татьяны Львовны (24 июня 1891 г.), изображающий «князя Блохина» см. «Литературное наследство», № 69, кн. вторая, с. 51.

13. 22 мая Толстой записал в дневнике: «Я не то что ем или пью, а я занимаюсь искусством, играю на фортепьяно, рисую, пишу, читаю, учусь, а тут приходят бедные, оборванные, погорелые, вдовы, сироты, и нельзя в их присутствии продолжать — совестно. Что их нелегкая носит, держались бы своего места,— не мешали. Такое явление среди еды, лаун-тенниса и занятий искусством и наукой доказывает больше всяких рассуждений» (т. 52, с. 34).

Этот взгляд на вопиющее противоречие между миром господ и жизнью голодного народа Толстой позднее разовьет в автобиографической драме «И свет во тьме светит» (1896, т. 31, с. 115—184).

14. 24? мая 1891 года Толстой писал А. А. Толстой: «Как только узнал, что вы проезжаете, я тотчас же собрался в Тулу, с тем, чтобы с вами проехать до Ясенков и, представьте, опоздал в Туле на 5 минут, а Таня опоздала в Ясенках <...> Обо многом хочется беседовать с вами и не только не спорить, но ни в чем не расходиться, как не должны и не могут расходиться люди серьезные, старые, готовящиеся к смерти, да еще любящие друг друга» (т. 65, с. 316—317).

15. Павильоном в Ясной Поляне называлась деревянная летняя однокомнатная постройка между домом и флигелем. Построен весной 1885 г.

16. Минский Н. М. При свете совести. Мечты и мысли о цели жизни. Спб., 1890. 31? декабря 1889 г. Толстой писал В. Г. Черткову: «Нынче я кончил читать книгу Минского «При свете совести». Это замечательная книга. Первая часть необыкновенно сильна, и там есть много мест поразительных по силе, ис-

крепости и красоте выражения <...> Но конец о меонах это что-то ужасное по нелепости» (т. 86, с. 284).

17. Трактат «Царство Божие внутри вас или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» писался Толстым с небольшими перерывами около трех лет, с июля 1890 г. по май 1893 г. (т. 28, с. 1—330). Подвергнув уничтожающей критике государственное устройство не только России, но и других государств, Толстой в Заключении пишет: «Существующий строй жизни отжил свое время и неизбежно должен быть перестроен на новых началах» (т. 28, с. 289).

В 1893—1894 гг. Трактат «Царство Божие» вышел за границей на английском, французском, итальянском и немецком языках. На русском языке издан в Берлине в 1894 г. и в 1898 г.— В. Г. Чертковым в «Свободном слове» в Англии. В России напечатан в июле 1906 г.

18. Посещение бойни в Туле описано Толстым в IX гл. статьи о вегетарианстве «Первая ступень» (т. 29, с. 78—83) и в Дневнике 7 июня 1891 г. (т. 52, с. 38). Статья напечатана в журн. «Вопросы философии и психологии» за 1892 г., кн. 13 (май).

19. 14 июля 1891 г. Толстой писал А. Н. Дунаеву: «Последнее время у нас — непереставшие посетители, самые разнообразные и большей частью такие, которым, я чувствую, что я не нужен, и общение с которыми поэтому особенно тяжело <...> Все кое-чего требуют от меня и очень суетно. И так почти каждый день, а писать так много хочется, а времени остается так мало» (т. 66, с. 15—16).

20. «Я помню чудное мгновенье...» — романс М. И. Глинки на слова А. С. Пушкина.

21. 16 сентября 1891 г. Толстой направил редакторам газет «Русские ведомости» и «Новое время» для опубликования следующее заявление: «Предоставляю всем желающим право безвозмездно издавать в России и за границей, по-русски и в переводах, а равно и ставить на сценах все те из моих сочинений, которые были написаны мною с 1881 года <...> равно и все мои не изданные в России и могущие вновь появиться после нынешнего дня сочинения» (т. 66, с. 47). Заявление было напечатано в газетах 19 сентября 1891 г. Все же написанное до 1881 г. он оставлял в пользу семьи (т. 66, с. 47—48).

22. Лев Львович Толстой, студент второго курса историко-филологического факультета Моск. университета, почти год провел

в Самарской губернии, где вместе с товарищами организовал около двухсот столовых для голодающих.

23. 29 октября Лев Николаевич писал жене: «Ночевали недурно в бедненькой, но не очень грязной гостинице. Девочки так ухаживают за мной, так укладывали все, так старательны, что только можно желать уменьшения, а не увеличения заботы <...> Рано утром поднялись, но выехали в 10. Ехали хорошо, тепло <...> Дом теплый, топленый, все прекрасно приготовлено» (т. 84, с. 90).

24. В статье «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая», законченной 26 ноября 1891 г., Толстой писал: «Бедствие нынешнего года заключается не только в недостатке хлеба, но и в неменьшем совершенном недостатке не только заработков, но прямо работы <...> В деревнях неурожайных мест не родились ни конопля, ни лен; овцы почти все проданы, и у баб нет пряжи, нет тканья. Бабы, девушки, старухи, обыкновенно занятые, сидят без дела. Мало того, мужики, оставаясь дома и не имея денег для покупки лык, тоже сидят без своей обычной зимней работы — плетения лаптей» (т. 29, с. 130—131).

25. С. А. Толстая, оставшаяся в Москве с младшими детьми, написала «Письмо в редакцию» газеты «Русские ведомости» (где оно и было напечатано 3 ноября 1891 г.), призывая жертвовать для голодающих, по четырем адресам: Т. Л. Толстой в Бегичевку, С. Л. Толстому в Никольское-Вяземское, Л. Л. Толстому в Самарскую губернию и лично ей в Москву. В свое обращение она включила письмо к ней Татьяны Львовны с описанием тех двух столовых, которые ее дочь успела посетить в первый день пребывания «на голоде». Результат превзошел все ожидания: за первые десять дней С. А. было получено 9000 рублей. 7 ноября 1891 г. Лев Николаевич писал жене: «Твое письмо очень хорошо. Только одно жалко, что говоришь, как бы восхваляя, о своих» (т. 84, с. 94).

26. 29 октября Толстой написал жене пространное письмо, описывая, как они ехали в Бегичевку, хорошо устроились в доме И. И. Раевского и начали уже свою работу. «Я сейчас был в трех деревнях,— писал он,— из которых в двух приискал места для столовых, в обоих человек на 50. Описывать слегка нищету и забитость этих людей нельзя. Но хорошо, здорово их видеть, если можно только сколько-нибудь служить им, и я думаю, что можно» (т. 84, с. 90). Письмо Льва Николаевича к Л. П. Никифорову напечатано с не-

верной датой 3...6 ноября 1891 г. в т. 66, с. 79. Сын фабриканта С. П. Софронов хотел быть учителем; познакомившись с Толстым, обращался к нему с вопросами о жизни. Ответ Толстого от 29 октября 1891 г. см. т. 66, с. 84 — напечатано с неверной датой... начало ноября.

27. Читая в январе 1889 г. роман английской писательницы Х. Уорд «R. Elsmere», Толстой дважды отметил в Дневнике: «хорошо, тонко» и «очень хорошо» (т. 50, с. 19, 25).

28. Решив заняться организацией помощи голодающим, Толстой стал перед вопросом, хватит ли в России хлеба или надо его выписывать из-за границы. Приехав 29 октября в Бегичевку, Лев Николаевич в тот же день начал писать об этом статью. 1 ноября он закончил ее. Под заглавием «Страшный вопрос» статья была напечатана 6 ноября в газете «Русские ведомости», № 306, в несколько сокращенном и измененном виде. См. т. 29, с. 117—125.

29. Толстой познакомился с Д. А. Дьяковым в 1845 г. в Казани. Дружба между ними продолжалась почти всю жизнь и нашла отражение в «Отрочестве» и «Юности»: Николенька и Дмитрий Нехлюдов. Д. А. Дьяков был крестным отцом Тани и Ильи Толстых; умер от заражения крови, проболев всего неделю.

30. Е. И. Раевская, мать П. П. Раевского, писала в своих «Воспоминаниях» о вечере 6 ноября 1891 г.: «Лев Николаевич подсел к роялю.

— Давайте,— сказал он молодому хозяину,— сыграемте им что-нибудь посущественнее!

Хозяин взял скрипку, и все притихло при звуках моцартовской сонаты b-mol-скрипки и пиано-форте.

Игра Льва Николаевича всех удивила: он с листа уверенно и с выражением читает ноты <...> Импровизированный графом концерт продолжался более часа. После Моцарта играли сонаты Вебера, Шуберта и проч. Граф, видимо, увлекся музыкой, а скрипач был в восторге, имея хорошего пианиста для аккомпанемента». (Летописи Гос. Лит. музея. Кн. вторая. М., 1938, с. 378—379.)

31. 5 ноября н. с. 1891 г. лондонский издатель Фишер Унвин писал Толстому, прося его стать «посредником между руководителями сбора пожертвований в Англии и <...> земствами, которыми, как мы слышали, организована помощь» (т. 66, с. 77).

4 ноября Толстой ответил ему, благодаря за помощь: «Для меня большая радость видеть,— писал он,— что братство людей

не есть пустое слово, а факт». «Способ помощи, который я избрал <...> — организация обедов для крестьянского населения» (там же, с. 76). В отчете за декабрь 1891 г.— 12 апреля 1892 г. значится полученных из Англии — 15758 р. (т. 29, с. 152).

32. 20 августа 1891 г. Н. Я. Грот приезжал в Ясную Поляну с известным французским физиологом и психологом — Шарлем Рише и его родственником, французским писателем О. Гудайлем. Толстой записал 27 августа в Дневнике: «Мало интересны» (т. 52, с. 50).

33. 19 ноября Лев Николаевич писал жене: «Таня написала нынче маленькое письмо в газеты <...> в котором она пишет, как устройство столовой, присутствие людей извне, посещения — ободряют людей. Это совершенно справедливо и очень заметно». Письмо это напечатано в анонимном фельетоне «Даровые столовые» («Новое время», 20 ноября, № 5650).

34. Тульский помещик, старинный знакомый Толстого — Д. Д. Оболенский, провел 23 октября целый день в Ясной Поляне с целью привлечь Тольстого к участию в сборнике в пользу голодающих. Толстой обещал и 4 ноября в Бегичевке начал писать рассказ «Кто прав?». Однако издание сборника Оболенскому не удалось осуществить, а Толстой свой рассказ так и не закончил (т. 29, с. 264—277).

35. Письмо Софьи Андреевны к мужу от 1 ноября 1891 г. («Письма», с. 454—455).

36. Пространное письмо А. Н. Апухтина к Толстому от 31 октября 1891 г. см. в № 37—38 «Литературного наследства», кн. 11, с. 441—442. В 1892 г. А. В. Жиркевич писал в своих воспоминаниях о 1892 годе: «Я напомнил Толстому об Апухтине. Лев Николаевич получил от него письмо, но не дочитал его до конца. Толстой бранил Апухтина и как человека и как поэта» (там же, с. 429).

37. 17 ноября Толстой отметил в Дневнике: «Читал Башкирцеву» (т. 52, с. 58). Мать молодой художницы М. К. Башкирцевой — в письме от 3 октября п. ст. просила Толстого высказать свое мнение о дневнике ее дочери. М. Башкирцевой отвечала Татьяна Львовна (т. 66, с. 467).

38. В ответном письме от 24 ноября Ф. А. Свечин, богатый помещик Тульской губернии, благодарил Толстого за приписку, сделанную в письме Татьяны Львовны (т. 66, с. 459), и сообщал, как по школам раздают детям хлеб, сделанный пополам из ржаной и кукурузной муки.

39. 9 ноября 1891 г. Толстой писал Н. Н. Ге и его сыну: «Мы живем здесь и устраиваем столовые, в которых кормятся голодные <...> Тут много не того, что должно быть, тут деньги от Софьи Андреевны и жертвованные, тут отношения кормящих к кормимым, тут греха конца нет, но не могу жить дома, писать, чувствую потребность участвовать, что-то делать. И знаю, что делаю не то <...> а не могу ничего не делать» (т. 66, с. 81—82).

40. 17 ноября Толстой дал Н. Т. Владимирову два рекомендательных письма в Москву, где писал Н. Я. Гроту: «Он крестьянин-автодидакт и очень своеобразно и дельно судит» (т. 66, с. 88). И А. С. Суворину: «Письмо это передаст вам очень оригинальный и замечательный человек, земец Калужской губернии Н. Т. Владимиров. <...> Познакомившись с ним, вы сами увидите это» (там же, с. 89).

41. В письмах к близким ему людям Толстой откровенно высказывал свое отношение к работе по оказанию помощи голодающим: 17? ноября Н. Н. Страхову: «Дело наше идет очень хорошо. Страшно говорить. Все разрастается и разрастается <...> И если бы вы видели, как это все делается добро и просто. Много хороших чувств я испытал и радуюсь за девочек. Все это не то. Чем ближе к этому делу, тем очевиднее свои грехи, но утешаешься тем, что желал бы лучше, и чувствуешь всю свою мерзость и недостаточность» (т. 66, с. 90). 23? ноября И. Б. Файерману: «Бедствие здесь большое и все растет <...> и потому, раз попавши в это положение, не могу отстраниться <...> Много тут и дурного, много и хорошего, т. е. не в смысле нашего дела, а в смысле проявления добрых чувств» (там же, с. 95).

42. 13 апреля 1891 г. Александр III принял в Аничковом дворце в Петербурге С. А. Толстую. Она просила царя снять запрет с «Крейцеровой сонаты». Он разрешил напечатать ее только в полном собрании сочинений Л. Н. Толстого. (См.: Толстая С. А. Дневник, II, с. 23—35.)

1893 г.

1. Г. де Мопассан умер 24 июня 1893 г. Смерть писателя возбудила сильный интерес к нему и его произведениям в русской публике. Толстой, восхищаясь Мопассаном, отобрал лучшие произведения его и посоветовал Л. П. Никифорову перевести их на русский язык, а Татьяна Львовна согласилась взять на себя ре-

дактирование переводов. См.: «Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана» Л. Н. Толстого (т. 30, с. 3—23), законченное 2 апреля 1894 г.

2. «Весь рабочий народ, да и многие из нерабочего народа <...> не понимают те произведения искусства, которые мы считаем прекрасными»,— писал Толстой в своей статье «Что такое искусство?» (т. 30, с. 106). «Искусство не есть наслаждение, утешение или забава: искусство есть великое дело» (там же, с. 194). «Содержанием искусства будущего будут только чувства, влекущие людей к единению» (там же, с. 185).

3. 5 октября 1893 г. Толстой записал в Дневнике: «Попов здесь. Мы с ним по немецкому Штраусу переводили Лаотзи. Как хорошо! Надо составить из него книжку» (т. 52, с. 100).

4. Хитровцы — обитатели дешевых ночлежных домов на Хитровом рынке в Москве. Ржановцы — по фамилии владельца ночлежного дома в Проточном переулке близ Смоленского рынка.

1894 г.

1. 24 января 1894 г. Толстой записал в Дневнике: «Тяжесть от пустой, роскошной, лживой московской жизни и от тяжелых или скорее отсутствующих каких-либо отношений с женой особенно давила меня. Она не могла, потом не захотела понять, и этот грех ее мучает ее и меня, главное ее. Девочки хороши <...> Соня сноха осталась одна и мы решили ехать к ней» (т. 52, с. 108).

2. Толстой познакомился с дневником швейцарского литератора философа А. Амиеля в октябре 1892 г. «Я был поражен значительностью и глубиною содержания, красотою изложения и, главное, искренностью этой книги»,— пишет он в «Предисловии к Дневнику Амиеля» (т. 29, с. 209). «Читая ее, я отмечал из нее места, особенно поразившие меня. Дочь моя взялась перевести эти места». Предисловие было написано Толстым в декабре 1893 г., напечатано в январском номере «Северного вестника» за 1894 г. Отрывки из дневника Амиеля, переведенные М. Л. Толстой, печатались в № 1—7 того же журнала. В том же году вышли отдельной книгой в издательстве «Посредник».

3. Толстой работал над статьей «Христианство и патриотизм» с 8 октября 1893 г. до 17 марта 1894 г. (см. т. 39, с. 27—80). Поводом к ее написанию послужила шумиха, поднятая газетами в связи с заключением франко-русского союза и пышными празднествами в Тулоне по случаю прибытия туда в начале октября русской военной эскадры.

4. 28 января Лев Николаевич писал сыну Льву из Гриневки: «Ехав сюда, я разговорился с господином. Он стал говорить про съезд естествоиспытателей. Я сказал, что мне особенно не понравилась речь Данилевского. Оказалось, что это — сам Данилевский. Речь его получила такой резкий смысл, потому что она урезана. Мы приятно поговорили» (т. 67, с. 20). IX съезд естествоиспытателей и врачей происходил в Москве 3—11 января 1894 г. На последнем собрании съезда присутствовал Толстой.

5. Письмо Толстого к Марье Львовне от 27? января см. т. 67, с. 18.

6. Письмо Толстого к Л. Л. Толстому от 28 января см. т. 67, с. 19—20.

7. 29 января Толстой писал К. К. Бооль в город Сумы, где она служила гувернанткой, в ответ на ее письмо: «То, что вы считаете себя нехорошей — это прекрасно, но из этого не следует, что надо отчаяться, а напротив то, что надо всю жизнь стараться быть менее нехорошей и в этом видеть все дело жизни» (т. 67, с. 21).

8. Мария Михайловна Холевинская, до 1894 г.— земский врач Крапивенского уезда, затем в Туле. Часто бывала в Ясной Поляне. 27 ноября 1893 г. арестована по оговору фельдшерицы Труша и увезена в Киев, где просидела два месяца в одиночной камере. С просьбой об ее освобождении Толстой обратился к А. М. Кузминскому и А. Ф. Кони (т. 66, с. 455—456). Холевинская была освобождена в январе 1894 г.

9. Е. Н. Дрожжин, крестьянин, сельский учитель, в августе 1891 г. отказался от военной службы, за что был судим военным судом и приговорен к заключению в дисциплинарном батальоне. Непрерывно содержащийся в карцере, истерзанный голодом, заболел туберкулезом и умер 27 января 1894 г. 9 февраля 1894 г. Толстой записал в Дневнике: «Дрожжин умер, замученный правительством» (т. 52, с. 3).

10. 23 октября 1893 г. к сосланному на Кавказ единомышленнику Толстого Д. А. Хилкову приехала его мать — княгиня Ю. П. Хилкова; «по высочайшему повелению» с помощью полицейского пристава забрала у него двух малолетних детей и увезла с собой в Петербург. Поводом для этого явилось непризнание официальной церкви Хилковым, который жил с женой — Ц. В. Випер, не венчаясь, и не крестил своих детей. Толстой, принимая участие в судьбе Хилкова, написал письмо его матери (т. 66, с. 423—424), обратился с пространным письмом к Александру III

(2—3? января 1894 г., т. 67, с. 4—9). Однако дети родителям возвращены не были.

11. 7 февраля 1894 г. Толстой писал Е. И. Попову: «Разумеется, очень хорошо будет, если вы возьметесь за биографию Дрожжина (...). Я уверен, что вы сделаете хорошо. Надо только поездить и к его родным, и в дисциплинарный батальон и в Харьков» (т. 67, с. 31). См.: Попов Е. И. Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина. С предисл. Л. Н. Толстого. Берлин, 1895 г., изд. Готтейнер.

12. По раздельному акту между детьми Толстого Татьяна Львовна получила небольшое имение Овсянниково близ Ясной Поляны в 180 десятин земли и 28 000 р. Крестьянам деревни Рудаково в 8-ми верстах от Ясной Поляны она продала, по-видимому, 45 десятин земли. Оставшиеся непроданными 135 десятин она решила сдать в аренду овсянниковским крестьянам. 27 августа 1894 г. Толстой писал Льву и Марье Толстым: «Вчера Таня ездила в Овсянниково с мужиками писать условие. (...) Она, приехавши, была очень грустна (...) я спросил ее, отчего она грустна? (...) Она сказала: «Овсянниково. Зачем делать гадости, когда они никому не нужны? (...) Я придумал ей, как сделать. И сердце радовалось во мне» (т. 67, с. 209).

Толстой написал для дочери соглашение с крестьянами деревень Овсянниково и Скуратово в духе учения Генри Джорджа (т. 90, с. 348—349): имп отдавалось на 9 лет в полное распоряжение 135 десятин земли с тем, чтобы арендные деньги они употребляли на общественные нужды: помогали погорельцам, копали пруд и т. п. Первое время крестьяне добросовестно вносили аренду, но когда убедились, что никто с них не требует платы, стали нарушать соглашение, сдавая землю соседям. «Мне стало досадно на крестьян за их спекуляцию, и я решила согласиться на их просьбу продать им через Крестьянский банк ту землю, которой они пользовались» — Сухотина-Толстая Т. Л. О том, как мы с отцом решали земельный вопрос.— Сб. «Толстой и о Толстом. Новые материалы». М., 1924, с. 55.

13. Л. Л. Толстому в 1892 г. предстояло отбывать воинскую повинность. Сочувствуя взглядам отца, Лев Львович намеревался отказаться, но, передумав, написал А. М. Кузминскому, прося похлопотать о зачислении его в конную артиллерию в Петербурге. Через полтора месяца его освободили от воинской службы за непригодностью.

Ц. В. Винер-Хилкова, хлопоча об отнятых у нее детях, согласилась, чтобы их отдали ее родной сестре (см. т. 67, с. 17).

14. Телеграмма Толстого неизвестна. Ц. В. Винер-Хилкова просила Толстого приехать в Петербург, потому что пастор А. Френсис брался хлопотать о возвращении отнятых у нее детей, но ставил условием, чтобы ему разрешили их окрестить. 16 и 17 февраля пастор беседовал с Толстым в Москве (см. т. 67, с. 38—39).

15. Вероятно, для книги: «Похищение детей Хилковых». Материалы, собранные В. Чертковым, изд. «Свободного слова», Christchurch England. 1901.

16. Над картиной «Распятие» Н. Н. Ге работал очень долго. Закончив ее в конце января 1894 г., выставил в Москве в небольшой частной мастерской на Долгоруковской ул. Увезенная художником в Петербург на выставку, картина была снята по распоряжению президента Академии художеств — великого князя Владимира Александровича.

17. Ц. В. Винер-Хилкова посетила хамовнический дом Толстого 2 января 1894 г., направляясь в Петербург, чтобы подать прошение о возвращении ей отнятых детей. См. т. 67, письма № 1, 2, 3, 28, 42.

18. Татьяна Львовна ездила со старшим братом в Париж в середине сентября 1889 г. на VIII Всемирную выставку. 21 сентября Толстой писал им в Париж: «Желаю вам <...>не торопиться, и не зевать, и главное держать себя в порядке, не объедаться, не уставать, не делать эксцессов никаких. Главное же, уважать все неизвестное и доходить до конца» (т. 64, с. 306).

19. Шарль Саломон — преподаватель русского языка в учебных заведениях Парижа. Перевел на французский язык ряд произведений Толстого. Нина Саломон — его жена. Наталья Александровна Герцен, старшая дочь А. И. Герцена.

20. Эдуард Бриссо — парижский врач-психиатр и невропатолог. 2 марта Толстой писал: «Бриссо мне нравится. Вот умница! Хочет пробовать прилаживаться к болезни и организму, имея большой опыт и знания и не имея самоуверенности. Это очень хорошо» (т. 67, с. 59).

21. Л. Л. Толстой хотел остаться в Москве, во флигеле долгохамовнического дома Толстых.

22. Выдержки из Дневника Татьяны Львовны, начиная со слов: «Была сегодня на трех выставках...», кончая: «...обведено широким черным контуром» — Толстой включил в X главу статьи

«Что такое искусство?» (т. 30, с. 103—104). В своих отрывочных воспоминаниях «Зарницы памяти» Татьяна Львовна писала под заглавием «Женофобия»: «Отец был невысокого мнения о женщинах <...> Когда отец работал над своим трактатом об искусстве, я часто переписывала рукопись. Однажды он попросил страницу из моего дневника, чтобы вставить ее в свою книгу. Поясняя этот отрывок, он написал, что цитирует слова друга, разбирающегося в искусстве. Я его спросила: «<...>почему ты написал «друга», а не «приятельницы»?»

— Видишь ли,— отец был немного смущен,— чтобы читатель проникся бо́льшим уважением к высказанному мнению» (Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1976, с. 444—445).

23. В заключение письма к П. В. Анненкову от 14/26 февраля 1868 г. И. С. Тургенев дает, однако, очень высокую оценку «Войны и мира»: «Со всем тем есть в этом романе вещи, которых, кроме Толстого, никому в целой Европе не написать и которые возбудили во мне озноб и жар восторга» (Тургенев. Письма. М.— Л., 1961—1965, т. 7, с. 65).

24. Толстой упоминает об этом в письме к Л. Л. и Т. Л. Толстым от 21 февраля 1894 г. (т. 67, с. 45).

25. 18 марта Толстой, получив от Черткова телеграмму о болезни его жены, ответил телеграммой и письмом, что не может быть тотчас из-за болезни сына Льва, приехавшего в этот день в Москву (см. т. 87, с. 265). 25 марта Толстой с Марьей Львовной выехали к Черткову в Ржевск, вернулись 3 апреля.

26. 23 марта Толстой записал в Дневнике: «Событие и важное и тяжелое это установившиеся у Тани отношения с————*. Самые чистые, хорошие, дружеские отношения, но исключительные. Это было скрытое влюбление. Она мне сказала, и я говорил с ним. Они решили откинуть все излишнее, исключительное. Он уехал» (т. 52, с. 112).

27. За одну неделю Толстой написал старшей дочери три письма об ее отношениях с Е. И. Поповым: 22?, 28, и 29 марта мягко, но решительно осуждая. «Я вижу тебя, как человека, который лег на рельсы и не видит поезда, а поезд надвигается, и, если человек со всей возможной поспешностью не вскочит, он будет раздавлен» (т. 67, с. 96). Письмо Л. Н. к Е. И. Попову от 4—5? апреля см. там же, с. 96—98.

28. См. прим. 1 к 1893 г.

---

* так в подлиннике.— *Прим. сост.*

29. Портрет Толстого работы Н. Я. Ярошенко хранится в Русском музее в Ленинграде. Толстой высоко ценил картину Ярошенко «Всюду жизнь». Первоначальное название ее было «Чем люди живы?», так как сюжет навеян рассказом Толстого.

30. 21 апреля Толстой записал в Дневнике: «Москва. Почти месяц не писал. За это время были у Черткова с Машей. Прекрасная поездка <...> Отравило поездку распутывание Таниного тяжелого дела. Как они, бедные, слабы! <...> Читал их дневники. Мучительно было и хорошо. Это сблизило меня с Таней еще больше. Она мне импонировала своей привлекательностью и грацией. А она такая маленькая, шаткая, слабая, но милая девочка» (т. 52, с. 114).

31. См. т. 67, с. 121.

32. Художник Н. Н. Ге скоропостижно скончался в ночь на 2-е июня. 7—14 июня 1894 г. Толстой писал П. М. Третьякову: «Вот 5 дней уже прошло, как я узнал о смерти Ге, и не могу опомниться. В этом человеке соединялись для меня два существа, три даже: 1) один из милейших, чистейших и прекраснейших людей, которых я знал, 2) друг, нежно любящий и нежно любимый, не только мной, но и всей моей семьей от старых до малых, и 3) один из самых великих художников, не говорю России, но всего мира» (т. 67, с. 153).— См. о нем: Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1976, с. 257—297.

33. М. А. Сопоцько писал Толстому из дома предварительного заключения в Петербурге, где он находился уже месяц. Толстой ответил 13 июня 1894 г. : «... я был очень рад узнать о вас и из вашего письма увидать, что вы переносите совершаемое над вами насилие с бодрым духом и сознанием своей неотъемлемой рабами свободы» (13 июня 1894 г., т. 67, с. 152).

34. Ольга Константиновна Дитерихс (1872—1951) в январе 1899 г. вышла замуж за Андрея Львовича Толстого, разошлась в 1904 г. После развода жила в имении Таптыково, у Чертковых в Англии, в Ясной Поляне, где помогала Толстому, отвечая на письма к нему иностранцев, и в Москве. С 1927 г.— член «Комитета по исполнению воли Л. Н. Толстого» (см. т. 81, с. 230—231), созданного В. Г. Чертковым совещательного органа по вопросам издания «Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого». В «Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого» опубликовано 17 писем его к Ольге Константиновне за 1898—1909 гг.

35. В 1894—1896 гг. Андрей Львович был увлечен Акулиной Макаровой, крестьянской девушкой из деревни Ясная Поляна.

Поскольку Андрей Львович был очень молод, а посещения деревни всегда сопровождались выпивками,— Лев Николаевич был против увлечения сына и пытался на него воздействовать. См. т. 68, письмо № 195, т. 69, письмо № 155.

36. Душан Петрович Маковицкий (1866—1921), словак, врач. В городе Жилине организовал издательство, выпускавшее сочинения Толстого на словацком языке. С осени 1904 г. до смерти Толстого был его домашним врачом и вел подробный дневник о жизни Толстого за эти годы. Выходит двумя томами «Литературного наследства» в издательстве «Наука» в 1979 г.

37. Толстой с дочерьми переехал в Москву из Ясной Поляны 7 ноября. 22 октября он писал из Ясной Поляны Попову в Москву: «О ваших письмах к Тане. Письма эти вызывают самые недобрые чувства в Софье Андреевне, неприятны мне, боюсь, что стеснительны и тяжелы для Тани. Не показывать их мне — неприятно, показывать, как будто исполняя обязанность, тоже неприятно. И самые письма ненатуральны. Если у вас есть дела до нас, то с ними вам удобнее обратиться ко всем более, чем к Тане» (т. 67, с. 254).

1895 г.

1. Ванечка Толстой, проболев трое суток, умер 23 февраля 1895 г. от скарлатины.

2. После смерти художника Н. Н. Ге младший сын его — Н. Н. Ге — прислал Толстому картины отца: «Распятие» и «Повинен смерти». Лев Николаевич считал, что нужно создать музей Ге в Москве. Сыновья Ге предоставляли бесплатно все картины и рисунки отца. 13 октября 1894 г. Татьяна Львовна писала отцу из Москвы: «Картины Ге в Румянцевский музей совсем не принимают. Солдатенкова нет в Москве, в Исторический берут на сохранение, но только на время и в проходную комнату» (т. 67, с. 239). Музей Н. Н. Ге так и не был создан.

1896 г.

1. Свадьба Сергея Львовича с Марьей Константиновной Рачинской была 10 июля 1895 г. 19 ноября 1896 г. они разошлись. 2 июля 1900 г. М. К. Толстая скончалась.

Письмом от 13/25 февраля 1896 г. Л. Л. Толстой известил родителей о предстоящей женитьбе на Доре Вестерлунд, дочери врача,

у которого Л. Л. лечился. 19 февраля Толстой писал сыну: «Я очень рад. Мне представляется это очень хорошим. Весь тон твоего письма порадовал меня. Передай ее отцу и ей мою радость за твой выбор» (т. 69, с. 43—44).

2. В ночь с 14 на 15-е февраля 1896 г. у тульского врача — М. М. Холевинской — был произведен обыск, во время которого полиция обнаружила визитную карточку Т. Л. Толстой: она просила дать неизвестному, но надежному человеку (тульскому раскольнику Н. П. Новикову) статью Толстого «В чем моя вера?». Холевинской было предъявлено обвинение в пропаганде запрещенных произведений Толстого, она была посажена в Тульскую тюрьму, а затем выслана в Астрахань.

3. Л. А. Сулержицкий отбывал воинскую службу вольноопределяющимся в Кушке, на границе Афганистана, и в Сераксе, военном посту в долине Кошана.

4. Как видно из записи Татьяны Львовны от 15 марта 1897 г., М. М. Холевинская была вынуждена покинуть Тулу и отправиться в Астрахань в ссылку.

5. Дочь философа А. А. Шпира — Е. А. Шпир-Клапаред — известила Толстого в письме от 10/22 марта о посылке ему четырех томов сочинений своего отца. Толстой благодарил ее письмом от 1/13 мая. «Я не знаю ни одного современного философа, столь глубокого и в то же время столь точного»,— писал он (т. 69, с. 93).

6. 19 апреля Лев Николаевич писал брату Сергею: «Наша жизнь суетливая, шальная идет по-прежнему. Только и живого в жизни, что утренние часы, которые остаюсь одни, а то сплошная толкучка. Теперь с коронацией и весною еще хуже» (т. 69, с. 82).

7. 19? апреля Толстой написал два письма (текст их, кроме обращения, был абсолютно одинаков) министрам — внутренних дел И. Л. Громыкину и юстиции — Н. В. Муравьеву (т. 69, с. 83—89). «Дело касается тех преследований, которым подвергаются со стороны чинов Вашего министерства лица, имеющие мои запрещенные в России сочинения и дающие их читать»,— писал Толстой. Ответа на письма не последовало.

8. «Вчера же вечером был в театре, слушал знаменитую новую музыку,— писал Толстой брату Сергею 19 апреля 1896 г.,— Вагнера «Зигфрид» — опера. Я не мог высидеть одного акта и выскочил оттуда, как бешеный, и теперь не могу спокойно говорить про это.

Это — глупый, не годящийся для детей старше семи лет балаган с претензией, притворством, фальшью сплошной и музыки никакой. И несколько тысяч человек сидят и восхищаются» (т. 69, с. 82—83).

Подробный разбор оперы Вагнера «Зигфрид» и других см. в статьях Толстого об искусстве (т. 30).

9. 8—9 августа 1895 г. Чехов впервые посетил Л. Н. Толстого и его семью в Ясной Поляне. «Дочери Толстого очень симпатичны»,— писал Чехов А. С. Суворину 26 окт. 1895 г. (Мелкова А. С. Т. Л. Толстая и А. П. Чехов — «Яснополянский сб.». Тула, 1974, с. 209.)

10. Юлиус Блок, владелец магазина велосипедов на Кузнецком мосту в Москве. «В субботу собралось у Толстых особенно много публики,— записал в своем Дневнике 20 апреля В. Ф. Лазурский.— <...> Блок, поднесший Льву Николаевичу свою книгу о велосипедной езде <...> Интересен был разговор о вагнеровской музыке с Блоком, который принадлежит к страстным вагнеристам. Лев Николаевич был на последнем представлении «Зигфрида» и говорит, что такой отчаянной тоски и скуки давно не испытывал» («Литературное наследство», 37—38, 11, с. 489).

11. 26 июля Толстой записал в Дневнике: «Вчера шел в Бабурино и невольно (скорее избегал, чем искал) встретил <...> Марью, у которой муж замерз и некому рожь свозить, и мрет ребенка» (т. 53, с. 102).

12. «Бросил ездить на велосипеде. Удивляюсь, как мог так увлекаться»,— записал Толстой в Дневнике 2 мая (т. 53, с. 84).

13. А. Эдельфельт — художник, автор реалистических жанровых картин, отражающих жизнь финского народа. А. Галлен в первую половину творчества — художник-реалист, финн. Позднее увлекся символикой и стилизацией в духе «модерн».

14. «Страшное событие в Москве. Я как-то не могу, как должно отозваться»,— записал Толстой в Дневнике 28 мая 1896 г. (т. 53, с. 96). Во время коронационных торжеств 18 мая по случаю восшествия на престол Николая II, при раздаче народу дешевых подарков, произошла давка: погибло около 2000 человек и десятками тысяч людей были нанесены увечья. В 1910 г. Толстой написал рассказ «Ходынка» (т. 38, с. 205—211).

15. 28 мая Толстой записал в Дневнике: «Дурное расположение духа, усиливаемое пустотой, бедной, самодовольной, холодной пустотой окружающей жизни» (т. 53, с. 95).

16. Н. Д. Фомина, переводившая нашумевший роман М. Прево «Les Demi-vierges»,* прислала его Толстому, прося прочесть и написать к ее будущему переводу предисловие. Толстой отнесся к новому произведению Прево резко отрицательно: «Роман этот не только не может принести никому никакой пользы, но может быть только вреден, как всякое порнографическое сочинение»,— писал он Фоминой 11 июля 1894 г. (т. 67, с. 172—173).

17. Письмо Толстого к дочери от 2? августа 1896 г. см. в т. 69, с. 120.

1897 г.

1. Ольга Николаевна Михеева, вдова с четырьмя детьми, из которых старшей девочке было 13 лет, утопила своего незаконнорожденного ребенка, была судима в Крапивенском суде и получила приговор: 3½ месяца тюрьмы. Толстой, жалея ее, попросил В. А. Маклакова и Ф. Н. Плевако защищать ее в суде. Когда Ольга находилась в заключении, Толстые ежемесячно выдавали оставшимся без матери детям определенную сумму денег.

2. Письмо Толстого к старшей дочери от 18 марта 1897 г. (т. 70 с. 59—60).

3. Воспоминания Татьяны Львовны о Параше Лохмачевой, бедной крестьянке из деревни Ясная Поляна, под заглавием «Дурочка из Ясной Поляны» (на франц. яз). в книге: T. Tolstoï. «Avec Léon Tolstoï». Paris, 1975, с. 203—206. Очерк начинается словами: «Отец говорил, что Параша обладает двумя основными достоинствами христианки: она никогда не заботилась о завтрашнем дне и всем желала добра» (с. 203).

4. В своих воспоминаниях А. Л. Толстая пишет про взаимоотношения с гувернантками: «От няни мое воспитание перешло к англичанкам-боннам, научившим меня говорить по-английски и обливаться холодной водой, а затем к гувернанткам. Они постоянно менялись, я их не любила, старалась делать им наперекор. И они находили какое-то удовольствие в том, чтобы меня мучить. Мама меня шлепала, наказывала, таскала за косу, но это не помогало. В конторе по приисканию гувернанток у меня была уже определенная репутация: «Ah! la petite Sacha Tolstoy! Non, merci!» ** (Толстая С. А. Дневник, III, с. 260.)

---

* «Полу-девы» *(франц.)*.
** Ах! маленькая Саша Толстая! Нет уж, спасибо! *(франц.)*

5. «Маша вышла замуж, а жалко ее,— писал Толстой в Дневнике 16 июля,— как жалко высоких кровей лошадь, на которой стали возить воду. Воду она не везет, а ее изорвали и сделали негодной. Что будет, не могу себе представить. Что-то уродливое, неестественное, как из детей пирожки делать. Таня тоже нажила себе страдания. Миша мучается. В Пирогове тоже та же беда. Ужасно! Страсть, источник величайших бедствий, мы не то что утишаем, умеряем, а разжигаем всеми средствами, а потом жалуемся, что страдаем» (т. 53, с. 147).

1898 г.

1. «Потонувший колокол» написан немецким писателем Г. Гауптманом в 1896 г.

2. Альбом французских картин — это «Картинная галерея «Посредника». Издание Т. Л. Толстой. 1. «Последний луч» картина Ж. Бретона и др. картины французских художников». М., 1898. Издание альбома немецкой живописи не осуществилось.

3. 19 апреля 1897 г. В. Ф. Лазурский записал в «Дневнике» отрицательный отзыв Толстого о картине Репина «Искушение Христа». «Это совсем не дело Репина, и напрасно он за это взялся» («Литературное наследство», 37—38, 11, с. 492). Картина эта, под названием «Иди за мною, Сатано», была в первый раз выставлена на выставке передвижников в 1901 г.

4. Картины на сюжет, который дал ему Толстой, Репин не написал.

5. Точный текст телеграммы, посланной 26 января Толстым старшей дочери, таков: «Молокане приезжают вторник Петербург хлопотать детях. Отложи отъезд помочь им. Мама̀ лучше» (т. 70, с. 265). Молокане — крестьяне-сектанты Бузулукского уезда Самарской губ., у которых в 1897 г. были отняты дети и помещены для воспитания в православной вере в монастыри. Толстой, к которому молокане обратились за помощью, принял в их деле горячее участие.

6. Пятеро детей из трех молоканских семей были отняты в начале апреля 1897 г. Толстой дважды обращался к Николаю II в 1897 г.: 10 мая и 19 сентября (т. 70, с. 72—75 и 140—141), описывая, как это произошло, и прося принять меры к возвращению детей. Однако на его письма не было дано никакого ответа.

7. Письмо Толстого редактору газеты «С.-Петербургские ведомости» Э. Э. Ухтомскому от 6 октября 1897 г. с изложением горестей молокан см. т. 70, с. 162—163. Опубликовано в вышеупомянутой газете 5 октября 1897 г., № 282.

8. Письмо Толстого к Татьяне Львовне от 25 января с инструкциями, как ей дальше хлопотать, см. т. 71, с. 263.

9. Рассказ Татьяны Львовны о посещении ею Победоносцева положен в основу описания Топорова и его беседы с Нехлюдовым в XXVII гл., 2-й ч. романа Толстого «Воскресение».

10. 25 января 1898 г. Толстой написал прошение Николаю II от имени молоканина Ф. И. Самошкина, у которого был отнят пятилетний единственный сын. (См. т. 71, с. 264—265.) Самошкин привез это прошение из Москвы в Петербург.

11. Детей вернули родителям в начале марта 1898 г.

12. Французский офицер генерального штаба — А. Дрейфус был обвинен в государственной измене и сослан на пожизненную каторгу. Под давлением прогрессивных сил дело его пересмотрели, и Дрейфус был оправдан. Мнение Толстого о деле Дрейфуса см. гл. VII критического очерка Толстого «О Шекспире и о драме» (т. 35, с. 216—272).

13. Татьяна Львовна вместе с П. А. Сергеенко писала драму «Сандра», где главное действующее лицо — молодая художница.

14. Е. А. Олсуфьева умерла от скарлатины, заразившись от своих учеников, крестьянских детей. 12 января 1895 г. Толстой писал про нее жене: «Добрая, простая и очень благородная девушка» (т. 84, с. 236).

15. Н. А. Жарницева, переводчица и педагог. В Яснополянской библиотеке Толстого хранится экземпляр книги Джером К. Джерома «Женихи и невесты», но более позднего издания — 1901 г. 16 декабря С. А. Толстая записала в Дневнике: «Л. Н. читал нам Джером-Джерома вслух и так хохотал сам, как я давно не видала его смеющимся» (Дневник, III, с. 101).

16. Аппарат для получения оттисков с текста, изготовленного от руки или на пишущей машинке.

17. Вероятно, «...вечер в театре Корша, который должен был считаться вечером чествования 70-летия Толстого. Жалкий, неудачный вечер! Плохое пение, плохое чтение, плохая музыка и отвратительные живые картины» (Толстая С. А. Дневник, III, с. 101).

1900 г.

1. 14 ноября 1899 г. Татьяна Львовна венчалась с М. С. Сухотиным. «Событие это,— пишет С. А. Толстая в Дневнике,— вызвало в нас, родителях, такую сердечную боль, какой мы не испытывали со смерти Ванечки. Все наружное спокойствие Льва Николаевича исчезло; прощаясь с Таней, он так рыдал, как будто прощался со всем, что у него самого дорогого в жизни» (Дневник, III, с. 122). Татьяна Львовна «была любимицей всей семьи — пишет в своих воспоминаниях А. Л. Толстая.— Мама несравненно более любила Таню, чем Машу. Они всегда вместе выезжали и всегда оживленно вспоминали это время. Но любовь к матери не помешала Тане быть близкой к отцу и разделять его взгляды. Она никогда резко не становилась на чью-либо сторону и всю свою жизнь старалась быть связующим звеном между родителями. Таню любили малыши, п. ч. она часто возилась с ними. <...> Не было человека в доме, который бы сочувствовал Таниному замужеству. Все были против. Мама всегда мечтала о блестящей партии для своей любимицы <...> У Тани не было недостатка в женихах. И вдруг она выходит замуж за вдовца с шестью детьми <...> С течением времени все полюбили Михаила Сергеевича. Веселый, остроумный, с прекрасным характером, он всегда вносил оживление. Отец любил говорить с ним, играть в шахматы. Мы подружились с его семьей» (Толстая С. А. Дневник, III, с. 278).

2. Возможно, что Татьяна Львовна организовала в своей новой семье такой же семейный «почтовый ящик», то есть еженедельную «семейную стенгазету», как в Ясной Поляне в 1880-х годах.

3. Через два дня после свадьбы Татьяны Львовны Толстой писал ей: «Мне разлука с тобой ничто в сравнении с вопросом о твоем счастии. Только бы я знал, что ты с Михаилом Сергеевичем так же разговариваешь, как Маша с Колей, что в разговоре, в общении вашем нет никаких подводных камней, мелей, а свободный океан, и я буду радоваться и не видя тебя. Сегодня убирал твою комнату, разложил твои этюды, портреты. Много хорошего <...> Целую тебя и Михаила Сергеевича и с успехом стараюсь любить его, чего и ему желаю относительно себя» (т. 72, с. 246). 27 октября в Кочетах Толстой записал в Дневнике о старшей дочери: «Она очень хороша и еще ближе мне по реакции. Но ей некогда» (т. 54, с. 49). А 18 ноября в Москве: «Много ходил с М[ихаилом] С[ергеевичем]. Я его начинаю просто любить» (там же, с. 63).

4. 6 ноября, в Москве, Толстой записал в Дневнике: «Три дня, как приехал сюда. Переезд до станции был тяжелый, пересилил, устал и расстроился животом. Все время нездоров и ничего не писал. Палец болит» (т. 54, с. 53). С. А. Толстая в Дневнике 5 и 12 ноября дополняет: «Он шел пешком к станции, заблудившись, по незнакомой дороге, 4 часа подряд, потный». «Увидал мужиков и попросил его проводить, они боялись волков и не пошли; один согласился проводить до большой дороги, на которой нагнали уж его ехавшие на станцию Свербеевы и Сухотин. Но все-таки он <...> вернулся в Москву совсем больной и разбитый» (Дневник, III, с. 124 и 126).

1901 г.

1. В 1901 г. здоровье Толстого настолько ухудшилось, что врачи посоветовали ему пожить на юге. Богатая владелица имения Гаспра на южном берегу Крыма в 12 верстах от Ялты — графиня С. В. Панина — предложила в полное распоряжение Толстого и его семьи свое имение. Толстой приехал в Гаспру 8 сентября 1901 г., уехал 25 июня 1902 г.

2. «Живу я здесь в роскошнейшем палаццо, в каких никогда не жил,— писал Толстой брату Сергею 6 ноября 1901 г.— Фонтаны, разные поливаемые газоны в парке, мраморные лестницы и т. п. И, кроме того, удивительная красота моря и гор» (т. 73, с. 158).

3. 29 ноября Толстой записал в Дневнике: «Опять почти два месяца не писал. Все время нездоров. Даже редко лучше. Главное ревматические боли и слабость» (т. 54, с. 113).

4. В начале декабря Толстому стало лучше. Он перестал бояться, 5 декабря сделал верховую прогулку, проехав более 20 верст. Подробнее об этом см.: Из дневника М. С. Сухотина.— «Литературное наследство», № 69, кн. 2-я, с. 158.

1902 г.

1. Татьяна Львовна уехала из Гаспры в Кочеты 25 мая 1902 г.

2. С Е. Е. Лазаревым Толстой познакомился на самарском хуторе в июне 1883 г. 8 июня он писал жене: «Лазарев очень интересен. Образован, умен, искренен, горяч и совсем мужик — и гово-

ром, и привычкой работать. Он живет с двумя братьями мужиками, пашет и жнет, и работает на общей мельнице» (т. 83, с. 384). Лазарев в 1874 г. привлекался по делу «193», неоднократно подвергался арестам и ссылке. В 1890 г. бежал из Сибири в Америку. См. о нем т. 55, с. 465—466.

3. Толстой посетил Люцерн во время первого своего заграничного путешествия. 27—29 июня ст. ст. начал писать рассказ «Люцерн», в котором описывал действительное происшествие, виденное им два дня назад. Закончил рассказ 6/18 июля. На другой день Толстой уехал в Цюрих.

4. 4 декабря на прогулке Толстой простудился и заболел инфлюэнцей с высокой температурой, от которой сердце стало слабеть. Подробное описание его болезни см. в Дневнике С. А. Толстой, ч. III, с. 207—214.

1903 г.

1. В журнале «Вестник Европы», 1904, № 11 напечатан отрывок из воспоминаний Т. Л. Сухотиной-Толстой: «Друзья и гости Ясной Поляны». 1. «Н. Н. Ге», с датой: «с. Кочеты. 7 сентября 1904 г.» Позднее Татьяна Львовна написала свои воспоминания об И. С. Тургеневе, Л. А. Сулержицком, Агафье Михайловне, шведе А. фон Бунде и «Старушке Шмидт». Все эти очерки вошли в ее книжку: «Друзья и гости Ясной Поляны», изд-во «Колос», М., 1923.

2. Статья Т. Л. Сухотиной-Толстой «О незаконнорожденных детях. Ответ Марку Басанину».

3. 6 октября Толстой писал В. Г. Черткову: «Занят теперь очень неожиданной работой, которая, вот уже скоро месяц, отвлекла меня от моих более нужных работ. Это — начатое мною предисловие к статье Кросби об отношении Шекспира к рабочему народу, которое переросло статью Кросби и стоило мне большого труда. Надеюсь, что кончу ее дня через два. Мне хотелось высказать мое много раз и очень добросовестно проверенное впечатление о Шекспире, совершенно противоположное установившемуся» (т. 88, с. 309). Толстой закончил работу над статьей «О Шекспире и о драме» 17 января 1904 г. Напечатана в газ. «Русское слово», 1906, № 277—282, 285 от 12, 14—18, 23 ноября.

4. Романс М. Л. Толстого на слова А. В. Толстой «Мы вышли в сад».

5. Коклэн-старший, французский актер, гастролировавший в России, начиная с 1882 г.

6. Священник тульской тюремной церкви Д. Е. Троицкий посещал Толстого с 1897 по 1908 г. по распоряжению архиерея с целью увещания и возвращения в лоно церкви.

7. Известно 42 письма И. С. Тургенева к Толстому (1856—1883). Они опубликованы в книге: «Толстой и Тургенев. Переписка» под ред. А. Грузинского и М. Цявловского. М., 1928.

8. См. статью С. Л. Толстого «Об отражении жизни в «Анне Карениной», «Лит. наследство», М., 1939, № 37—38, с. 568.

9. В 1903 г. Андрей Львович Толстой увлекся замужней женщиной — А. Л. Толмачевой, что было крайне тяжело и Льву Николаевичу и Софье Андреевне. 18 января 1904 г. Толстой писал сыну: «Бедный Андрюша, ты не выходишь у меня из головы. Ты настолько мне близок, и я настолько стар, чтоб не винить людей за их нехорошие поступки, а жалеть, зная, что никогда ни один дурной поступок не проходит даром, а за всякий приходится расплачиваться <...> Больше всего меня мучает то, что ты, поступив дурно против Ольги и своих детей, оставив их, делаешь совсем нехороший поступок, отказываясь исполнить свое обещание: передать ей имение <...> Второе, нехороша вся та жизнь, которую ты ведешь, то безумное растрачивание денег, которых ты не заработал и никогда не заработаешь трудом» (т. 75, с. 9).

1904 г.

1. Александр Михайлович Добролюбов (род. 1876 г.), поэт и религиозный мыслитель. В 1899 г., оставив Петербургский университет и светскую жизнь, стал вести жизнь странника, работая в разных местах батраком (см. т. 54, с. 531).

2. М. А. Оленина (род. 1869 г.) по мужу д' Альгейм, камерная певица. Пела в Ясной Поляне 25, 26 декабря 1903 г.

3. Вильям Дженнингс Брайан (1860—1925), американский политический деятель, член демократической партии Америки. Посетил Толстого.

5 декабря 1903 г. 20 января/2 февраля 1904 г. Толстой писал Брайану: «Желаю вам успеха в ваших попытках уничтожить тресты и помочь трудовому народу пользоваться всеми плодами своего труда» (т. 75, с. 17).

4. П. Г. Дашкевич (род. 1860 г.), член партии «Народной воли». Бежал в 1887 г. из сибирской ссылки, до 1905 г. жил в Болгарии и Швейцарии, где кончил медицинский факультет университета. В 1909 г. был земским врачом близ Кочетов.

1905 г.

1. Воспоминания С. А. Толстой под заглавием «Моя жизнь» писались ею на основании писем, дневников и в значительной степени личных впечатлений. Читавшие «Мою жизнь» часто отмечали тенденцию к самооправданию, которой была пронизана автобиография Софьи Андреевны.

2. Татьяна Михайловна Сухотина, по мужу Альбертини, живет в настоящее время в Риме, дважды приезжала в Москву, живо интересуется всем, что касается нашей жизни. Значительную часть архива Татьяны Львовны передала в дар Государственному музею Л. Н. Толстого в Москве.

3. В 1909 г. Толстой работал над произведением из современной жизни рабочих и революционеров. Неоконченная повесть эта под заглавием «Кто убийцы? Павел Кудряш» напечатана в 37 т.

$$\frac{dy}{dx} = \frac{1}{\sqrt{1-x^2}}$$

здесь ок
умираю
Она *
совсем к
говорила
забываю
него. А е
же, чем о
человек!
Андрюши
находила
помочь. У
Мне стра
ской жиз
Она слиш
разврат

целую неделю пассажирское движение
лых предметов.) Мы попали, к счастью,
товарной недели, так что те, которые
и Петроград до прекращения пассажир
уже проехали. Приехали мы в Москву
вокзале взяли плохонькое ландо парой
вещи, сами сели и в 11 ч. вечера прие

На другой день в 11-м часу мы с С
Кремль, в суд. Провели нас в свидетел
сидело человек 30 или больше. Из зна
были следующие: Саша Шестра, О. К.
Н. Н. Гусев, К. С. Шохор-Троцкий, д-р А.
И. Скороходов, С. Д. Николаев,
А. Страхов, д-р Д. В. Никитин,
Б. М. Беркенгейм, Сашка, брат, я.

Была еще старушка Попаева, очень
ведует детской колонией в Телятен
его я не знала. Были также и свиде
разные туляки, которые получали пен
санное Булгаковым воззвание. (Это ту
перы воспользовались этим воззванием
Туле распространяли.)

Обвиняемые были: 1. Булгаков В. Ф.
2. Трегубов И. М.
Эти двое составил
сали воззвание.
3. д-р Маковицк
4. Демихович Я
5 — 9. Радины:
два сы
10. Платонова К
кая крестьянка
11. Новиков М.
12. Молочников
13. Новиков И.
14. Стрижева,
сих пор
дворянка,
ная.

страшею были приведены Сер
арый корреспондент наш, кото

Первую книгу „Сестры"
я начал писать в середине
июля 1919 года и закончил ее
осенью 1921 года. Я не думал,
что она развернется в трилогию.
Но по мере того, как я писал,
развертывались события
в России, и мне становилось
ясно, что нельзя ставить точку
на этой книге, что это начало
большой эпопеи.

А. Толстой

СЕСТРЫ

Впервые под заглавием «Хождение по мукам» роман напечатан в журналах: «Грядущая Россия» (Париж), 1920, № 1—2 (главы первая — десятая) и «Современные записки» (Париж), 1920—1921, № 2, 3, 4, 5 и 6 (полностью). Первое отдельное издание: «Хождение по мукам», роман, изд-во «Москва», Берлин, 1922. Первое издание в СССР: «Хождение по мукам», роман в двух частях, издание автора, Л., 1925. Под названием «Хождение по мукам» — «Сестры» — многократно перепечатывался в собраниях сочинений А. Н. Толстого и в отдельных изданиях.

Хотя все герои романа «Сестры», за очень небольшим исключением, вымышлены, но в облике некоторых персонажей угадываются черты известных политических деятелей и литераторов. Жизнь Петербурга 1914—1917 годов, эпизоды первой мировой войны и подготовки революции А. Толстой воспроизводил, опираясь на собственные впечатления, а также широко используя газеты и документы тех лет.

Так, общество «Философские вечера», на заседаниях которого присутствует Даша, напоминает известное в те годы «Религиозно-философское общество». В «Центральной станции по борьбе с бытом», в «великолепных кощунствах», устраиваемых жильцами телегинской квартиры, не трудно распознать модные тогда сборища футуристов. Речи Сапожкова по содержанию и форме близки к крикливым манифестам и воззваниям кубофутуристов. Стихи, которые Жиров читает Даше,— «Каждый молод, молод, молод, в животе чертовский голод...»,— взяты из стихотворения одного из лидеров футуризма Давида Бурлюка. Скандальный футуристический маскарад, описанный в седьмой главе, воспроизводит маскарад русских футуристов в 1913—1914 годах.

Наряду с футуристами в романе представлены также литературные круги символистов — это участники заседаний общества «Философские вечера», посетители вторников Екатерины Дмитриевны — такие, как критик Чирва и Алексей Алексеевич Бессонов, о котором, выступая на своем юбилейном вечере 13 января 1943 года, А. Толстой сказал, что он представляет собирательный тип утонченно-высокомерного символиста.

Говоря об автобиографическом материале, который использован в первой части трилогии, следует отметить, что сам А. Толстой оценивал «Хождение по мукам» как «хождение совести автора по страданиям, надеждам, восторгам, падениям, унынию, взлетам...». Кроме того, исследователи отмечают, что образы Даши и Кати, перекликаясь с некоторыми женскими образами ранних

произведений писателя, навеяны чертами характеров жены писателя Н. В. Крандиевской и ее сестры. Первой из них был посвящен роман «Сестры» при его выходе в свет.

На основе личных жизненных впечатлений автора описана сцена встречи сотрудника либеральной газеты «Слово народа» Арнольдова с полковником Солнцевым на приеме в Главном штабе (глава 14). А. Н. Толстому как корреспонденту «Русских ведомостей» пришлось в подобной же ситуации беседовать с полковником Свечиным. Об этом эпизоде А. Толстой рассказал в 1934 году в статье «Общество»[1].

Текст романа «Сестры» подвергался наибольшей переработке из всех книг трилогии. Самые значительные изменения были внесены при подготовке издания 1925 года.

При выработке текста 1925 года принципиальной переработке подверглось берлинское издание 1922 года. Общее направление правки текста берлинского издания свидетельствует об идейной эволюции писателя, который переосмысляет истолкование революции как стихийной разрушительной силы, избавляется от пессимистического взгляда на историю, усиливает критическое отношение к буржуазному обществу и событиям империалистической войны.

Изменилось и изображение главных персонажей трилогии — Телегина и Рощина. В издании 1922 года Телегин был политически более наивен. Рощин же сразу и без колебаний становится сознательным врагом революционного народа. В редакции 1925 года их общественно-политические взгляды открывают возможность для показа автором эволюции героев в сторону сближения с революционным народом.

В изданиях романа «Сестры», следовавших за изданием 1925 года, текст его не подвергался существенным изменениям вплоть до включения романа в однотомник 1943 года, когда текст был подвергнут существенной правке, смысл которой состоял в том, чтобы придать стилевое единство всей трилогии в целом.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Впервые под заглавием «Хождение по мукам» напечатан в журнале «Новый мир», 1927, № 7—12 и 1928, № 1, 2, 5—7. Первое отдельное издание: «Хождение по мукам. Восемнадцатый год», М.— Л. ГИЗ. 1929. Перепечатывался в собраниях сочинений А. Н. Толстого и отдельными книгами вместе с романом «Сестры».

Сбор материалов для романа начат писателем в 1925 году. Роман написан в период с апреля 1927 года по июнь 1928 года. Позднее сам автор следующим образом определял отличие «Восемнадцатого года» от предшествующей книги трилогии. «Это был предельный историзм. Что спустя семь лет после «Сестер» я взялся за вторую часть, это меня обязывало к каким-то фрагментам историческим. Я первый раз начал писать исторический роман»[2]

А. Толстой обращается к изучению ленинских работ и партийных документов. Одним из первых в советской литературе он воссоздает художественный образ В. И. Ленина, показывая вождя революции во время выступления на

[1] См.: Толстой А. Н. Полн. собр. соч., т. 13, с. 85.
[2] «Новый мир», 1944, № 5—6 с. 171.

заводском митинге. Писатель использовал в этой сцене (глава 8) «Доклад о борьбе с голодом 4 июля 1918 года», сделанный Лениным на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и профессиональных союзов, и высказывания из его «Речи на митинге в Лефортовском районе 19 июля 1918 г.».

По свидетельству исследователей, Толстой стремился к всестороннему историческому обоснованию материала. В архиве А. Н. Толстого были собраны статьи о гражданской войне, выписки из газет того времени, стенографические записи воспоминаний участников боев. Широко обращался писатель также к свидетельствам «с того берега» — мемуарам генералов Деникина, Алексеева, Краснова, что дало ему материал для характеристики разложения белой армии. Много времени он провел и в поездках по тем местам, где проходили описываемые события гражданской войны, стремясь насытить роман конкретностью, зримостью впечатлений. «Чем больше точности в деталях, тем художественнее, лучше, не говоря уже о том, что книжный материал дает только схему, а насыщает ее и глаз, и ухо, и ощущение»,— писал он И. И. Скворцову-Степанову 30 июня 1927 года.

Исторического материала было накоплено такое большое количество, что его оказалось слишком много для одной книги. Он был использован в других произведениях, лишь тематически примыкающих к трилогии («Записки Мосолова», написанные в соавторстве с П. Сухотиным, роман «Черное золото» («Эмигранты»).

О том, насколько тщательно и ответственно работал А. Толстой над своим историческим романом, какое значение ему придавал, свидетельствует письмо редактору «Нового мира» В. Полонскому, завершающееся словами о том, что «Восемнадцатый год» будут читать не только к десятилетию Октября, но «может быть, через пятьдесят лет. Будут читать на многих языках земного шара. Я слишком серьезно чувствую свою ответственность»[1].

При перепечатке «Восемнадцатый год» не подвергался столь существенной правке, как роман «Сестры». Частично текст романа изменен при включении в пятый том Собрания сочинений в издании Ленгослитиздата (1934—1936) и тщательно просмотрен при подготовке к печати однотомного издания трилогии (Гослитиздат, 1943), причем в обоих случаях автор стремился к уточнению военной и политической обстановки в стране и на отдельных фронтах, к сокращению публицистических отступлений, к тому, чтобы вместо показа бунтарски-анархической стихии русской революции подчеркнуть ее организующую силу.

В основу настоящих примечаний положены комментарии к восьмому тому Полного собрания сочинений А. Н. Толстого (М., Гослитиздат, 1947) и шестому тому Собрания сочинений А. Н. Толстого в десяти томах (М., Гослитиздат, 1959).

---

[1] А. Толстой о литературе. Статьи, выступления, письма. М., Советский писатель, 1956, с. 82.

ББК 84Р7
Т52

Текст печатается по изданию:
А. Н. Толстой. Собрание сочинений. В 10-ти т., т. 6.
М., Художественная литература, 1984.

Послесловие *Л. А. КОЛОБАЕВОЙ*

Оформление *И. И. ПЧЕЛКО* и *Н. А. АБАКУМОВА*

Толстой А. Н.

Т52 Хождение по мукам: Трилогия. В 2 т. Т. 2. Кн. 3. Хмурое утро / Послесл. Л. А. Колобаевой.— М.: Просвещение, 1985.— 319 с.

«Хмурое утро» — заключительная книга трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». На первом плане повествования — рождение и возмужание молодой Советской России, становление вместе с революционным государством нового человека.

Т $\frac{4800000000-265}{103\ (03)-85}$ инф. п. 85

ББК 84Р7
Р2

© Послесловие. Издательство «Художественная литература», 1984
© Оформление. Издательство «Просвещение», 1985

ТРИЛОГИЯ А. Н. ТОЛСТОГО «ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ»

В творчестве Алексея Николаевича Толстого соединяются трезвость художественной правды и смелость вымысла, устремленного к фантастическим далям будущего и к отшумевшим былям прошлого Писатель будоражит наше воображение, увлекает мечтой о встрече с инопланетянами, уверенностью, что человеку все по плечу, заражает полнокровной радостью бытия Своими книгами о Петре Первом, об Иване Грозном, о революции и гражданской войне А Толстой помогает понять важнейшие страницы нашей отечественной истории, в движении столетий представить наш народ, русский характер, его корни

Созданный А Толстым художественный мир удивляет широтой размаха и разнообразием. Алексей Николаевич писал стихи, сказки («Сорочьи сказки», «Золотой ключик, или Приключения Буратино»), рассказы (среди них всем известные «Голубые города», «Гадюка», «Русский характер»), пьесы («Иван Грозный», комедии), фантастические романы («Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина»), был киносценаристом (сценарий фильма о Петре Первом), публицистом, сатириком (роман-памфлет «Эмигранты» и др.). Он создал роман-эпопею о гражданской войне трилогию «Хождение по мукам» и исторический роман «Петр Первый», ставшие классикой советской литературы Во всех этих произведениях писателя искрится энергия жизнелюбия, лукавый юмор, веселость здорового духа, молодость таланта.

Замечательным свойством художественного дара А. Толстого была необыкновенная динамичность сознания, способность быстро схватывать изменения окружающей действительности, улавливать направление главного исторического потока жизни. Это помогало А Толстому одолевать противоречия его непростого творческого развития.

Творческая эволюция А. Толстого после Октября — эволюция крупного масштаба, значения и стремительности. Увлеченный в начале пути веяниями модного тогда символизма, А. Толстой становится со временем художником социалистического реализма, автором крупнейших произведений советской литературы, активным общественным деятелем. Живая потребность обновления,

критическое отношение к себе, умение безбоязненно признать собственные предрассудки, отвага начинаний — эти качества А. Толстого, «революционера по всем эмоциям», по «характеру таланта»[1], как о нем сказал Горький, были залогом его творческих достижений.

В творчестве А. Толстого, в разных его проявлениях, живет широкая душа русского человека, выросшего в Заволжье, за «синими реками», впитавшего в себя запахи трав, солнечные краски и ветры степных просторов. Здесь, в этой жизни на родной приволжской земле, в непосредственной близости к природе, к деревне,— корни поэтической мечтательности А. Толстого, его любви к русскому слову, к народной сказке, к поэзии родной старины.

По словам И. Бунина, А. Толстой «владел богатым русским языком, все русское знал и чувствовал, как очень немногие»[2].

В художественном наследии А. Толстого, при всем его многообразии, есть нечто такое, что объединяет и связывает его произведения воедино. Это раздумья художника об *истории и человеке*, об исторической *судьбе России*, о русском национальном характере, об искусстве как «познании счастья». Одним из высших достижений писателя стал исторический роман «Петр Первый», в котором изображена эпоха, когда, по выражению А. Толстого, завязывался русский характер, со свойственной ему творческой широтой духа и смелостью в мечтах («взлетом в непомерность»), жизненной стойкостью. Идея «дивной силы исторического сопротивления» народа, прозвучавшая в романе «Петр Первый», новой стороной открылась миру в антифашистской публицистике А. Толстого периода Великой Отечественной войны Основы же историзма художественного мышления писателя закладывались в его трилогии «Хождение по мукам»

Работа над эпопеей, над одним из главных созданий художника, продлилась больше двадцати лет, от одной эпохи к другой, от гражданской войны к Отечественной Роман «Сестры»[3], первую часть трилогии, он писал в 1919—1921 годах, вторую часть — «Восемнадцатый год» — в 1927—1928 годах и третью — «Хмурое утро» — в 1939—1941 годах В «Хождении по мукам» встают стержневые для Толстого вопросы: куда и как движется история, что ждет Россию, какая роль принадлежит воле от-

---

[1] *Горький М.* Письмо А Толстому от 1 июня 1932 года Цит по ст.: *Щербина В. А Н.* Толстой и А. М. Горький. Известия АН СССР, т 14, вып 1, 1955, с. 17

[2] *Бунин И. А.* Собр. соч. В 9-ти т. М., 1967, т. 9, с. 433.

[3] Роман «Сестры» первоначально назывался иначе — «Хождение по мукам» — и не был задуман как начало трилогии, но затем, с изменением и расширением авторского замысла, он вошел в трилогию, став первой ее частью.

дельного человека в главном общественном движении эпохи? В числе первых советских писателей А. Толстой отваживается поставить труднейшую художественную задачу показать Великую Октябрьскую социалистическую революцию как кульминацию и перелом всей русской и новой мировой истории, показать в ее национальном и всемирном размахе и монументальности. В отличие от эпопеи «Тихий Дон» М. Шолохова, где революция преломляется через исторический опыт донского казачества, со всей вытекающей отсюда своеобычностью характеров, драм и проблем, А. Толстой выбирает иной, близкий ему угол зрения — показать революцию через отношение к ней русской интеллигенции. В связи с этим в трилогии, особенно в «Сестрах» и в «Хмуром утре», значительную роль приобретают проблемы искусства, литературы, культуры.

В трилогии, в образах героев-интеллигентов отражен и личный духовный опыт А. Толстого, пережитая им самим драма «потерянной и вновь обретенной родины». В трех частях трилогии, написанных в разные годы, запечатлено изменение взглядов художника на революцию, на человеческую личность, на роль и назначение искусства в современную эпоху. Изменения в мировоззрении писателя влияли, разумеется, на развитие общего замысла трилогии, жанровые и композиционные особенности входящих в нее романов.

Роман «Сестры» был написал А. Толстым в эмиграции (где он находился с 1919 по 1923 год, в Париже, потом в Берлине). Это был период его заблуждений, связанных с непониманием социалистической революции в России. Высокие цели революции казались тогда писателю недостижимыми, утопическими, а жестокая борьба народа за право и возможность их осуществить представлялась ему лишь взрывом разрушительных сил. «Россия кончилась» или только начинается, ответ на этот вопрос был еще неясен автору романа «Сестры» в тот момент, когда он приступил к нему. Поэтому исторические события, изображенные в «Сестрах» (с начала первой мировой войны 1914 года до лета 1917-го), служат лишь общим фоном основного сюжетного действия произведения, связанного с личной судьбой сестер Булавиных, их любовью, увлечениями, сердечными драмами и бытом окружающей их интеллигенции.

Со всей полнотой реалистической достоверности А. Толстой изобразил в «Сестрах» предреволюционное буржуазное общество, его нравы, искусство, политику, охваченные «духом разрушения». В картинах быта, в выразительных зарисовках мгновенно меняющихся, летучих умонастроений героев художник верно передал атмосферу жизни петербургской интеллигенции — жизни взвинченной, лихорадочной, мечущейся в предчувствии потрясений. «Дух разрушения был во всем...— писал автор «Сестер».— То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком; никто не любил, но все

жаждали и, как отравленные, припадали ко всему острому, раздирающему внутренности»[1].

Особую социальную заостренность приобретают в романе «Сестры» образы политиканствующих интеллигентов-либералов — адвокат Смоковников, журналист Антошка Арнольдов, члены редакции буржуазной газеты «Слово народу» и др. Они представлены в романе порхающими «папильонами» (от *фр.* papillon — бабочка), которые живут в отчуждении от России «пашущей», в пустой словесной игре, в заботах о «портфелях». А. Толстой метко очерчивает политическую физиономию либералов — их готовность пойти на сделку с властьпредержащими, лицемерное двоедушие, карьеристские устремления. Выразительна сатирическая сцена заседания редакции «Слово народа» в первые дни войны 1914 года. Заседание начинается с шумного возмущения войной — «авантюрой» царя Николая, а заканчивается решением угодить — выпустить номер с заголовком «Отечество в опасности. К оружию!».

Много места в романе занимает изображение мира буржуазного искусства. В язвительно-ироническом освещении автор дает описания картин и стихов футуристов, с их вывернутыми наизнанку представлениями о красоте, с абсурдной, вызывающей путаницей ассоциаций и исчезновением реальных предметов, с установкой на шокирующую непонятность (картины в гостиной Кати, чтение стихов о «кузнечике в коверкоте» и пр.). Сатирического эффекта А. Толстой достигает особыми средствами — чаще всего без гротеска, без резких и явных преувеличений, с помощью бытовых, предметных деталей, которые уличают героев в каких-то скрытых несообразностях поведения. Так, при описании вечера «Великолепные кощунства» бытовые детали подчеркивают обыденность, домашность обстановки, которая не вяжется с замыслом «великих кощунств», противоречит заявкам футуристов на отрицание быта, любви и красоты. Все это в итоге обнажает жалкую, смешную «доморощенность» затей футуристов, несостоятельность их претензий на переворот в искусстве.

Поэт Бессонов изображен в романе в позе мрачного пророка всеобщей гибели, в позе загадочного, демонического гения. Он завораживает юную Дашу своими стихами, пропитанными сладким ядом философии «расточения». В крымских эпизодах А. Толстой покажет, что загадочное, демоническое в Бессонове — это всего лишь видимость, за которой кроется мрачная фантазия усталой, пресыщенной души, а то и банальные, пошлые страстишки (отношение Бессонова к Елизавете Киевне, к Кате, к Даше в Крыму). В сцене последней встречи сестер с Бессоновым, когда его призывают на войну четырнадцатого года, происходит

---

[1] Толстой А. Н. Полн. собр. соч. В 15-ти т. М., 1947, т. 7, с. 9.

окончательное развенчание, падение «демона». Мы видим Бессонова глазами повзрослевшей Даши: когда-то пленивший ее воображение герой кажется теперь жалким «маленьким мальчиком», которого надо «вымыть теплой водой, накормить конфетами». Так, «демон» оказывается пустой детской выдумкой, мечта о «сладости расточения» — изломом фантазии.

И в этом не только внутренний суд героини над собственным увлечением, но и авторская оценка декадентской среды, представленной образом Бессонова.

В душе Даши, которая отчасти захвачена модным «духом разрушения» и в то же время сопротивляется ему, спорят два начала, два увлечения — «бессоновское» и «телегинское». По контрасту с окружающими, на вечере футуристов, Телегин введен в роман с нарочито обыденной фразой — об обыкновенном (угощая Дашу чаем, Иван Ильич говорит: «И чай и колбаса у нас о б ы к н о в е н н ы е, х о р о ш и е»). С помощью подобных деталей сразу же выделяется лейтмотив образа инженера Телегина, мотив ценности реального, «обыденного», надежного и здорового, незатронутого петербургским «чадом». С Телегиным для Даши, как для самого художника, связаны надежды на жизнь иную — серьезную, невыдуманную, духовно крепкую, далекую от абстракций. Чувство национальной чести, безотчетное стремление к сближению с народной жизнью, нравственная чистота и безупречная честность — все это отличает Телегина, как и остальных главных героев «Сестер» — Дашу, Катю и Рощина, от декадентствующей интеллигенции. Иван Ильич Телегин теснее других связан с реальностью, с жизнью трудной и трудовой. Для многих рабочих завода, на котором он служит инженером, Телегин — свой человек. Его демократичность и человечность — залог его внутреннего здоровья, устойчивости и верного выбора пути — на стороне революции. Тревожный большой мир — забастовок, стачек, войны, плена — входит в роман «Сестры» вместе с Телегиным.

Но в романе эти два мира — мир сестер и мир исторической жизни — пока существуют порознь. Даше, Телегину, Рощину и Кате кажется, что счастье таится в «отъединенной ото всех жизни души» и достижение его возможно вне зависимости от положения окружающих людей, вне общественных связей. Герои стремятся к счастью «наперекор всему». Это действие героев сказалось и в самом построении произведения. Любовная линия в сюжете развивается так, что ее высшие точки даны как бы параллельно с важнейшими кульминационными моментами в ходе событий общественных и исторических (поездка Даши и Телегина на пароходе по Волге — и забастовка на механическом заводе; начало войны — свидание их в Крыму, взаимное признание в любви; революционный взрыв в России в феврале семнадцатого года — женитьба Телегина и Даши; критический момент русской революции летом семнадцатого года — «революция в опасно-

ти!»,— эпизод свидания Рощина и Кати, решительное их объяснение). Автору «Сестер» тогда казалось, что жизнь в этих двух областях — личной и общей, исторической — совершается каждая по своим законам, независимо друг от друга. Позднее, в окончательной редакции романа, подобный взгляд сохранился лишь частично, в иной форме, как точка зрения не автора, а героев, их преодолеваемые со временем заблуждения.

Главные герои романа «Сестры» — натуры внутренне подвижные, беспокойные духом, взыскательно честные перед своей совестью. Сомнение в том, можно ли укрыться от мира, спрятать свое счастье под крышей, когда земля горит под ногами, возникает прежде всего у Телегина. Картина голодной толпы, выстроившейся ночью в очередь за хлебом, вызывает в Иване Ильиче нелегкое раздумье: «Могу я уничтожить очереди, накормить голодных, остановить войну? — Нет. Но если не могу, то должен ли я также исчезнуть в этом мраке, отказаться от счастья? — Нет, не должен. Но могу ли я, буду ли счастлив?..»

Всем существом восстает Телегин против безнадежного отчаяния Рощина, который во всем происходящем видит гибель России («Родины у нас с вами больше нет»,— заключает Вадим). В поисках опоры Телегин обращается мыслью к истории, к великим урокам прошлого страны. «Ты видишь... И теперь не пропадем... Великая Россия пропала! А вот внуки этих самых драных мужиков, которые с кольями ходили выручать Москву,— разбили Карла Двенадцатого и Наполеона... А внук этого мальчика, которого силой в Москву притащили, Петербург построил... Великая Россия пропала!.. Уезд от нас останется,— и оттуда пойдет русская земля...»

Так, уже в «Сестрах» спасительной «нитью Ариадны» возникала «идея России» — идея неискоренимости, исторической устойчивости русского народа, вера «в чудесную любовь, скрытую в глубинах русского духа»[1]. «Это та самая идея России, которую не раз постигало художественное русское творчество от сказания о граде Китеже, через Достоевского до Александра Блока»[2],— писал А. Толстой в 1920 году в статье «Нить Ариадны». Это все укрепляющееся в сознании художника убеждение: «Россия сама подсказывает, что верить нужно в коренные вещи, на которых бытие строится, или бытие кончается, то есть в добро или зло», верить в «конечное добро» России[3]. Дума о России удивлением, вздохом, болью и надеждой звучит в эпиграфе к роману «Сестры»: «О, русская земля!.. («Слово о полку Игореве»)».

«Идея России» и идея революции в «Сестрах» еще не соединены. («Ты за революцию, я — за Россию, а может, и я за революцию...» — эти слова Телегина, обращенные к рабочему Рублеву,

---

[1] Толстой Алексей. Познание счастья. М., 1981, с. 56.
[2] Там же, с. 54.
[3] Там же, с. 55.

знаменательны). Они воедино свяжутся в сознании А. Толстого позже, когда пройдут годы его художнического «вживания» в реальность новой, советской эпохи и он станет автором «Восемнадцатого года».

Писатель, когда-то протестовавший против закона «больших чисел» в жизни и в искусстве, теперь убеждается, что понять историческую суть нового, XX века можно только включив в панораму изображаемой действительности «поток современности», движение массовой, народной жизни.

Не сестры, а восемнадцатый год, само движение истории во второй книге трилогии составляют главную тему и содержание. Сердцевиной произведения становятся кардинальные проблемы эпохи — судьбы революции, народа и интеллигенции в период гражданской войны. Семейный и социально-бытовой роман, каким была первая часть трилогии, перерастает в двух последующих книгах в роман-эпопею. В письме к В. П. Полонскому, редактору журнала «Новый мир», где в 1927—1928 годах впервые печатался роман «Восемнадцатый год», А. Толстой писал о плане и замысле своего произведения: «Я не только признаю революцию,— с одним таковым признанием нельзя было бы и писать роман,— я люблю ее мрачное величие, ее всемирный размах. И вот — задача моего романа,— создать это величие, этот размах во всей его сложности, во всей его трудности»[1].

Основной пафос «Восемнадцатого года» — пафос великих трудностей, мук борьбы и их преодоления. Толстой стремится показать величие народа, первым принявшего «на свои плечи всю тяжесть борьбы за человеческое счастье». Этот пафос определен не только самой исторической действительностью, но и авторским подходом к материалу. Толстой намеренно заостряет изображаемую ситуацию: он начинает с наиболее критического момента в событиях восемнадцатого года — немецкой интервенции, когда революция, лишенная хлеба, не сломившая еще разложение, хаос и дезорганизацию, оказалась на грани катастрофы. Историческая линия романа открывается эпизодом экстренного совещания Совнаркома, на котором обсуждается вопрос о смертельной угрозе, нависшей над Республикой. Заканчивается «Восемнадцатый год» картиной трагической гибели черноморского флота, контрреволюционных мятежей и, наконец, известием о страшном ударе, нанесенном Республике,— о покушении на В. И. Ленина.

Через весь роман проходит образная идея года — «урагана», разбушевавшейся крестьянской стихии. И несмотря на некоторые преувеличения ее роли (в первой, журнальной редакции романа), этот образный мотив в основе своей исторически и художественно оправдан. А. Толстой изображает во второй части трилогии тот труднейший период революционной войны, когда,

[1] Толстой Алексей. Познание счастья. М., 1981, с. 156.

по выражению В. И. Ленина, сознание ее действительных целей в широких массах только еще «пробивалось»[1].

Драматичны образы людей из народа, тех из них, которые наиболее рельефно выписаны в романе,— Семен Красильников, Мишка Соломин, Чертогонов. В них запечатлен драматизм преображения, становления личности нового типа. Такой персонаж, как Соломин,— крестьянский паренек, какое-то время махновец, потом солдат Красной Армии,— обрисован в «Восемнадцатом годе» человеком, объятым «вихрем страстей и противоречий». Страшный в минуты своей ярости, в глубине души он поэт, человек нежный и чуткий, совестливый. В его сознании укрепляется мысль о ценности человека: «Что такое теперь человек, шинель да винтовка? Нет, это не так... Я бы черт знает чего хотел! Да вот не знаю чего... Станешь думать: ну, воз денег? Нет. Во мне человек страдает... Тем более такое время — революция, гражданская война...» Пониманию достоинства человека противоречит у Соломина ощущение какой-то своей слепоты, «ума дикого», «злодейства» (которому он дал волю, когда был среди махновцев).

Драма героя развертывается в борении противоположных и неизбежных для него начал — «дикого разгула» и «раскаяния». Неизбежность первого обусловлена тем, что Соломин несет в себе стихийные, анархические настроения русского крестьянина, в котором веками копившаяся ненависть к притеснителям выливалась нередко в формы буйные и всесокрушающие. О таких, как Мишка Соломин, А. Толстой писал: «...народ, на семьдесят процентов неграмотный, не знает, что ему делать с его ненавистью, мечется,— в крови, в ужасе...»

Неизбежность трагического расчета героя со своей совестью связана с тем, что в ходе революции в Соломине крепнет сознание иных возможностей человека, чувство подлинной человечности. Художник убеждает читателя в том, «что не злодейство и пьяный угар в нем главное, что это в нем от тьмы, и не пьяница он и злодей, а взметнувшаяся, как птица в бурю, российская душа, и что для геройских дел он пригоден не хуже другого,— по плечу ему и высокие дела...»[2].

Ярко воссоздавая в романе «Восемнадцатый год» неповторимость исторического момента, А. Толстой рисует начало гражданской войны в образах войны-митинга. Вспомним некоторые массовые сцены романа, когда армия решает свои вопросы голосованием. В ту пору в этом была своя неизбежность, но и беда, источник конфликтов, трагедий. Такая трагедия отражена в картине поражения Северо-Кавказской Красной Армии и в образе ее командующего Сорокина. Сорокин делает ставку исключительно на чувства, настроения масс — ненависть к врагу, «ре-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 146.

[2] Толстой А. Н. Хождение по мукам.— Новый мир, 1928, № 2, с. 103—104.

волюционный порыв» и воодушевление народной армии, даже если это идет вразрез с дисциплиной.

Честолюбивый, опьяненный военной славой, он использует массовый энтузиазм в своих целях, в целях достижения полноты личной власти и тем самым предает, по существу, революцию. Но, как убеждает нас автор, корень трагедии, развернувшейся на Северо-Кавказском фронте, был заложен не в отдельной личности, не в Сорокине только. Дело не в том, что Сорокин сознательно обманывает, предает свою армию, а в том, что она сама обманывается на его счет. Истоки той популярности, которой Сорокин пользовался вначале среди своих солдат, как убедительно показывает писатель, скрыты прежде всего в особенностях его армии, в качестве самой массы воюющего народа той поры — массы, легко воспламеняющейся, неуравновешенной, движимой больше чувствами, нежели ясным революционным сознанием.

Передать величие и трудности исторической борьбы русского народа А. Толстому помогает интонация у д и в л е н и я, существенная в образной ткани «Восемнадцатого года». Удивление обновляющимся миром А. Толстой считал непременным свойством художника, одним из необходимых эмоциональных источников искусства. В дневнике А. Толстого есть такая запись: «Мир есть — чудо. Пробудиться ото сна и оглянуться — чудо. Вот отчего такая радость пробуждения у ребенка. Познание не отдельных элементов и законов, а всего чуда в совокупности — искусство». И там же: «Большевизм — это желание сделать мир — чудом. Столкновение человека (большевика) с миром»[1], со всей косностью. В трилогии в деталях непривычного быта, домашнего, мирного и военного, мы узнаем удивительные черты времени, с фантастикой самой исторической реальности («времена Фенимора Купера») Мы видим женщин в платьях из портьер, солдат в собольих мехах поверх кавалерийских полушубков (армия Махно), узнаем о невероятных затеях художников, помышляющих перекрасить в лиловый цвет деревья Тверского бульвара.

Художественный мир трилогии «Хождение по мукам» захватывает нас размахом трагических страстей, героизма и страданий, через которые в поисках правды проходит русский народ. «В трех водах топлено, в трех кровях купано, в трех щелоках варено Чище мы чистого»— этот эпиграф ко второй, центральной части трилогии выражает главную образную мысль трилогии в целом — идею «хождения по мукам» народа, идею выстраданной им исторической и нравственной правоты.

Свое «хождение» за правдой совершают центральные персонажи трилогии — Телегин и Даша, Рощин и Катя. Вихрь

[1] Из дневника А. Н. Толстого (1923—1931).— Вопросы литературы, 1983, № 1, с. 103.

событий бросает их в разные стороны — к белым, махновцам, эсерам, анархистам, к красным партизанам и большевикам. Линия развития героев, их стремительных жизненных перемен, подобно «чертову колесу», то взмывает вверх, то падает («Восемнадцатый год»).

Вначале кажется, что во всем этом круговороте сказывается всего лишь страшная зависимость людей-песчинок от случая, их растерянность, смятенность духа, непонимание происходящего. Но постепенно в их судьбах обозначается своя логика, закономерность, неминуемость. Это погружение в окружающую жизнь, в атмосферу всеобщих народных страданий, когда горе свое перестает казаться исключительным, как прежде, и зреет способность воспринимать чужую боль, когда уже не «страшно», а «стыдно» думать о самоубийстве (как Кате в деревне, при известии о смерти Вадима Рощина). Появляется возможность почувствовать себя не «котенком», а «значительным существом» (Катя становится учительницей в деревенской школе, а Даша увлечена фронтовым театром). Своими глазами видят они духовную омертвелость, опустошенность защитников старого миропорядка (белая гвардия глазами Рощина) и начинают понимать, что за революцией — не только реальная сила, всенародная поддержка, но и моральная правота. Большую роль в самоопределении героев-интеллигентов играют их встречи с защитниками народной правды — коммунистами, рабочими, красными партизанами (встречи Телегина с Василием Рублевым, Рощина — с Чугаем, Даши — с партизаном Пьявкой и с рабочими на заводском митинге, где с речью выступает В. И. Ленин). Нравственная ответственность героев перед собой, своей совестью и перед воюющим за правду народом определяет их окончательный выбор пути — вместе с революцией. Так решает А. Толстой проблему в ы б о р а и о т в е т с т в е н н о с т и личности, одну из существенных в мировой литературе XX века.

Враги революции представлены в трилогии разнообразными фигурами, действующими от имени различных военных и политических сил и партий,— Корнилов, Деникин, Каледин и другие белогвардейцы, Махно, анархисты, участники эсеровского заговора и другие. В их изображении автор трилогии реалистически достоверен. А. Толстой сохраняет объективный, беспристрастный тон повествования, избегает карикатуры. Явная сатира — с гротеском, резкой гиперболизацией — не его художественная стихия. И в образах тех, кого он разоблачает, художник не нарушает общей направленности произведения — к реалистической полноте жизненной правды — и стиля трилогии: «всегда говорить от лица действующего лица, никогда не смотреть на него со стороны»[1]. А. Толстой изображает белогвардейцев в скрытоиронических сопоставлениях. Так, он показывает

[1] Т о л с т о й Алексей. Познание счастья. М., 1981, с 156

Деникина в узком, домашнем кругу, в гостях, в обстановке укромного уюта, с осколками прежней роскоши старого дворянского быта (игра в винт, ужин, закусочки на тонких разбитых тарелочках), и перед нами встает образ человека, казалось бы, сугубо штатского, невоинственного, не лишенного изящества в манерах, обыкновенного старичка. А потом художник являет нам тех же героев в иных ситуациях, парадных,— Деникин на виду у войска — в позе героя с «влагой орла» в глазах, играющего роль «спасителя» России», и так постепенно обнажается несоответствие театральной позы и реальной, зловещей сути персонажа. Во всем поведении Деникина, как и других участников белого движения, несмотря на различие их индивидуальностей, проглядывает в конце концов одно, общее — старческая и злобная немощь их целей, бесплодие борьбы тех, чьи идеалы позади, в мертвом культе монарха. Их стремления безнадежно разошлись с интересами России, народа, и потому умертвляют живое, выжигают цинизмом их собственные души (образ Оноли).

Война изображается в трилогии грандиозной трагедийной коллизией — это смертельная схватка непримиримых: «Жить победителями или умереть со славой»,— таков эпиграф к заключительной части трилогии, к роману «Хмурое утро». Знаменательно, что последние страницы его были дописаны 22 июня 1941 года.

Последнюю часть «Хождения по мукам» автор хотел назвать вначале «Девятнадцатый год». С девятнадцатого года начинался тот новый период гражданской войны, когда «диктатура пролетариата и советская система морально уже победили во всем мире»[1]. Не мучительность преодолений, не «мрачное величие» борьбы, а просветленность преобразующего себя мира и человека — основной тон последней книги трилогии. В образах «Хмурого утра» брезжит не только «утро» военных побед, но и «утро» молодой России, начавшей строить. Финал романа — картина партийного съезда в Большом театре с волнующим обсуждением Ленинского проекта электрификации, преобразования страны.

Развернутая в романе гуманистическая тема нового человека вносит новые акценты в массовые сцены, в изображение эволюции народных персонажей. Обрисовка героев-коммунистов становится многосторонней.

А. Толстой поднимает в произведении философские общечеловеческие вопросы — о назначении человека, о смерти и бессмертии, о долге, о счастье, о любви. Об этом спорят и размышляют в романе многие его персонажи, такие, как Кузьма Кузьмич Нефедов или немец-профессор, непосредственно высказывающие особенно важные для автора мысли (например, в спо-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 150.

ре о русском национальном характере, о воле и анархичности в нем).

Тема человечности — сквозная в «Хмуром утре». Она звучит в горькой были о прошлом, которую рассказывает Кузьма Кузьмич,— были о том, как русский человек жил, имени своего не помня. О смысле революционного долга как стремлении русского народа к правде и человечности идет речь в споре между командиром Красной Армии Телегиным и бойцом Латугиным. Тема рождения Человека проходит в сцене прощания Телегина с полком, одной из кульминаций «Хмурого утра» и завершает трилогию.

Отношение А. Толстого к человеку, впитавшее в себя гуманистические традиции русской классической литературы,— это вера в большие силы «маленького» человека. В письме к студенту П. Я. Дьяченко («Об искусстве будущего», 1936 год) А. Толстой называл человека «сложнейшим, гениальным, почти совсем не изученным и не вскрытым феноменом» «Каждый человек — это чудо»,— в этих словах Кузьмы Кузьмича мы узнаем голос самого писателя. Понимание того, что же именно чудесно в человеке, у А. Толстого было различным на протяжении его творческого пути. Утверждение человека в дореволюционном творчестве было прежде всего поэтизацией «чуда» любви, душевной красоты русской женщины. А. Толстому тогда казалось, что живая и почти единственная связь личности с миром, с природой, с людьми таится в человеческом чувстве, в сердце: в любви возникает та полнота и обостренность жизнеощущений человека, которая делает понятным и близким ему весь мир. В «Аэлите», первой книге, отразившей коренной поворот А. Толстого к новому мировосприятию, рядом с «грозой» любви утверждается чудо человеческого разума, творческого гения (образ инженера Лося) и смелого социального, революционного действия (образ красногвардейца Гусева).

Ставка на лучшее в человеке, «оптимистическая гипотеза» в подходе к нему объединяет А Толстого со всеми значительными писателями социалистического реализма — М. Горьким, М. Шолоховым, Н. Островским, А. Макаренко и др. Это качество убедительно раскрывается во взаимоотношениях персонажей «Хмурого утра». Запечатленное здесь развитие человека происходит как приобщение множества людей, живших раньше узкими материальными интересами, к активной общественной и духовной жизни. Гуманизм писателя, его вера в героического человека приобретает глубокую социально-историческую конкретность и обоснованность. А. Толстого теперь привлекает человек, способный оценивать жизнь «с точки зрения целого»[1], опираясь на творческие силы коллектива. «Великое дело, граждане командиры, мыслить большими категориями. Что хочу сказать? Спа-

[1] Крупская Н. К. О воспитании и обучении. М., 1946, с. 98.

спасибо революции за то, что оторвала нас от унылых мелочей...» — раздумывает Кузьма Кузьмич. От круга «унылых мелочей» внутренний мир человека раздвигается до «высоких тем», больших категорий. Поднять людей над обыденщиной — этим стремлением движим комиссар Иван Гора, когда обсуждает с Дашей мысль об устройстве фронтового театра.

Пробуждение «дремотных душ», одухотворение людей большими целями и мечтами и показывает А. Толстой. Не случайно он вводит в повествование описание какого-нибудь особенного захолустья, спящего уголка России, куда свежим ветром врывается революция (Хвалынск в «Восемнадцатом годе», глухое село, куда Иван Гора посылает Кузьму Кузьмича и продотряд в «Хмуром утре»).

Автор «Хождения по мукам» видел многих своих героев в свете той «идеи грандиозности», о которой писал в своем дневнике: «Дерзновения, непримиримость, планетарность, беспредельность — вот окраска Революции. Ничего не жалко, ничего нет недоступного, мир миру, пожар Земли — вот психологические предпосылки. Грандиозность как сознание, как форма мышления, как строй души — вот один из краеугольных камней новой морали»[1].

В 20-е годы А. Толстой видел своеобразие и красоту поколения людей гражданской войны в том, что оно было «взъерошенным» и противоречивым. Подобная «взъерошенность» была проявлением рождающейся активности масс. Теперь А. Толстого привлекает иная, пробивающаяся в людях красота — движение личности к внутренней цельности и гармоничности. В образах героев гражданской войны в «Хмуром утре» он стремится ярче оттенить истоки, задатки подобной гармоничности характера. Особенно интересна в этом отношении образная связь-отталкивание между Латугиным и Шарыгиным, история их взаимоотношений.

Латугин — коренной русский человек, богатырь из керженских лесов, человек неукротимой души. Писатель тонко передает обаяние этого характера — впечатлительного и сумасбродного. Он — моряк, из племени тех, кому близок и открыт весь мир. Революция пленяет его прежде всего грандиозностью своих освободительных идеалов, своим всемирным размахом. Если Латугин движим силой чувств, вдохновением, талантом, который виден во всем — в смелости мечтаний, в образной речи, в искусстве рассказывать, в меткости юмора, то в образе рабочего Шарыгина обрисован человек, усвоивший «главное» в революции — ее «науку», разум, дисциплину, необходимость самоограничения.

Между Латугиным и Шарыгиным идет постоянный, явный или скрытый, спор о «науке» и «таланте», разуме и чувстве в человеке.

---

[1] Из дневника А. Н. Толстого.— Вопросы литературы, 1983, № 1, с. 97.

В Шарыгине подкупает строгая нравственность, преданность гражданскому долгу и вместе с тем чувствуется иногда узость, прямолинейность суждений и взглядов. В Латугине неудержимый порыв чувств нередко оборачивается недостатком выдержки, толкает его к озорству и лихости, к анархичности.

Толстой показывает, как постепенно в столкновении и взаимном влиянии этих начал в революции — таланта и науки, чувства и разума — шлифуется новый человеческий характер, в котором они уравновешиваются и соединяются.

Герои трилогии остаются в нашей памяти, трогают своей искренностью, человечностью, трепетной подвижностью души. Подвижность и драматизм образов А. Толстого соединяются с пластичностью, «телесностью», зримостью облика персонажей. И в этом несомненно сказывается искусство большого художника. Движение образа у А. Толстого двойное: развивается сам характер и меняется угол зрения на него. Каждый персонаж дается через восприятие многих других действующих лиц, и смена их точек зрения преломляется в авторском повествовании, изменяя его окраску и тон.

Ивана Гору в романе «Хмурое утро» мы видим впервые глазами Даши. Иван Гора выглядит здесь существом непроницаемым, чуждым всякой жалости, к а м е н н ы м: «Но командиры за столом сидели, как две глыбы». Даша «изнемогла» от взгляда Горы, «прошелестела сухими губами...». За субъективностью Даши в отношении к большевику здесь угадывается и какая-то доля правды. Горе вначале действительно свойственна некоторая прямолинейность, «каменность».

В следующий момент Иван Гора изображается уже изнутри, открывается иной своей стороной. Перед нами мелькают воспоминания героя о солнечном дне, о любимой, о минуте долгожданного отдыха Мы начинаем понимать, что у этого человека-«глыбы» отнюдь не каменное, а ласковое, горячее сердце.

При встрече Ивана Горы с Телегиным мы видим Гору опять словно впервые в свете мягком, человечном, слегка юмористическом — эдаким «чудаком-верзилой». Наконец, в новом освещении — «правильным товарищем», требовательным, уважаемым и значительным — показан он в восприятии бойцов: «Иван Гора повернул к орудию такой серьезный, что расчет замер...»

Проникнуть во внутренний мир, в психологию героев А. Толстому помогают жесты героев. По его словам, «жест — ключ к человеческой психике», «ключ к пониманию и переселению в человека». В жесте он находит самое непосредственное, физически достоверное выражение движения затаенного, душевного Причем жесты героя могут быть не только явными, но и едва различимыми, жестами-намеками, жестами-импульсами, всего лишь угаданным «желанием жеста». С помощью таких «внутренних жестов» А. Толстой чертит «иероглифы» переживаний героя, выражает бесконечную смену его психических состояний, пос-

ственно обрисовывая существо характера. По одному жесту А. Толстой стремится угадать прошлое и будущее действующего лица. Так, в сцене расстрела пленных красноармейцев деникинцами, однополчанами Рощина, один только «жест» Вадима — встретив глазами пленного, «низко нагнулся», как бы желая спрятаться от увиденного,— выдает в нем целый клубок чувств — острое ощущение себя соучастником убийц, стыд и смятенность, а значит, предвещает его расчет с совестью, с прошлым.

Активную роль в психологической характеристике героев «Хождения по мукам» выполняет пейзаж. А. Толстой дает обычно не столько объективное описание природы, сколько индивидуальное впечатление от нее персонажа. По своему колориту картины природы в «Хождении по мукам», как правило, скромны, будничны, лишены эффектных красок. Поэзия этих пейзажей — в другом. Общий, философский их смысл и тон — это изумление художника перед могучей, неиссякаемо щедрой силой жизни, любование богатством и многообразием жизненных процессов, от грандиозных и величавых (тема «звездного») до самых незатейливых и немудрящих. Чувством восхищения бытия проникнуты такие, казалось бы, совсем прозаические пейзажи, как описание лягушиного хора, который слушает Телегин («Хмурое утро», глава XVI), или неутомимого щебетанья воробьев в восприятии Даши (глава VIII). Мотив «живем во что бы то ни стало», неустанная хвала жизни и составляют преобладающий тон пейзажей А. Толстого.

Все изобразительные приемы в трилогии подчинены ведущей художественной мысли: показать, что жизненная необходимость личности — разделить подвиг народа в истории, связавшего в революции воедино «идею России» и идею социальной справедливости.

Мотивы личности и истории, «русского человека как исторического феномена»[1],— эти значительные проблемы века всегда были главными в творчестве А. Н. Толстого. Претворенная в образы «историческая мечтательность», смелость воображения, богатство русского языка, оптимистический тонус в отношении к жизни, полнокровный реализм в произведениях А. Толстого — все это делает его художественный мир нестареющим, близким нашему современному читателю. Сегодня по-особому значимым становится постоянный пафос его произведений — историческое понимание действительности. Академик Д. Лихачев подчеркивает: «Отношение к прошлому формирует собственный национальный облик. Ибо каждый человек — носитель прошлого и носитель национального характера. Человек — часть общества и часть его истории...»[2].

Л. Колобаева

---

[1] Толстой А. Н. Русский характер.— Литературная газета, 1957, 5 октября.

[2] Лихачев Дмитрий. Заметки о русском. М., 1981, с. 46.

А. Н. ТОЛСТОЙ. СТАТЬИ

О СЕБЕ

Я ограничиваюсь краткими сведениями. Подробная и обстоятельная автобиография должна писаться в конце жизни, когда намеченные высоты пройдены и костры страстей рассыпались пеплом Тогда, если ценен художник,— ценен и его рассказ о себе.

Что можно сказать о себе на середине пути? Что из сделанного важнейшее? Какие события жизни должны быть особенно отмечены? Не знаю. Спрошу у товарищей литераторов: кто из них уверен в своей нужности, кто думает, что именно он — соль в сложнейшей и таинственной кухне, где кипит сегодняшняя жизнь? Уверенности этой ни у кого нет. У Пушкина, Достоевского, Льва Толстого она была,— там было другое время,— творческая личность высоко маячила над сонной равниной жизни. А у нас уверенности нет,— мы кипим в чудовищном котле,— вверх и вниз — сегодня на поверхности, завтра на дне. Под знаком вопроса даже право на существование самого искусства. Цивилизация Нового Света скинула его с баланса жизни. Быть может, вместе со средневековьем оно останется позади, в отбросах истории, когда человечество перешагнет через пыль и грохот организации нового хозяйства? Наши взгляды туда — в неведомый день. И там — лишь неясные очертания, грандиозные призраки.

Уверенность в одном: отъединенная ото всех жизнь души, одно сердце в пустоте вселенной, «я» как центр мира, лишь сяющегося мне,— все это миновало навсегда. Рассыпался средневековый дом человека, с железными решетками, с окованной гвоздями дверью. Сегодня мы связаны круговой порукой со всеми точками жизни на всех трехстах шестидесяти меридианах. Это растущее, все заполняющее *чувство связи и зависимости* и есть *демон нашего искусства*. Ни кружок ценителей, ни десяток тысяч любителей литературы,— завтра перед нами миллиард, не знающих снисхождения и пощады.

Примерно таковой мне представляется автобиография нового Пушкина: «Родители неизвестны... Пяти лет я ознакомился с теорией стихосложения и в громкоговоритель прослушал классиков. К десяти годам я изучил высшую математику. В пятнадцать лет понял, что такое пространство и время. Я мыслил уже в

четырех измерениях. В семнадцать лет ощутил магнитную связь с человечеством, и неудержимая страсть швырнула меня к микрофону... И так далее»... Вот это автобиография!

Что могу сказать о себе? Мне сорок пять лет. Я намереваюсь сделать больше (и лучше) сделанного до сих пор. По образованию — инженер-технолог без диплома. Помню появление чудес: электрической лампочки, фонографа, автомобиля и аэроплана. Помню, как железную дорогу называли «чугункой» и не любили на ней ездить. Моя мать ушла от страшной, как кошмар, жизни с отцом и унесла меня грудным. Я рос с матерью и вотчимом в разоряющейся усадьбе в степях Самарской губернии. Вотчим считался красным в уезде, в 90-х годах он сделался (это было неисповедимо, это могло быть только в России) помещиком-марксистом и, конечно, вылетел в трубу.

В 1901 году я студент Петербургского Технологического института. Влечения к литературе у меня не было никакого. Однажды я сочинил десяток стишков любовного содержания. Мама (писательница, роман — «Неугомонное сердце», повесть — «Захолустье», впоследствии — детские книги, псевдоним — Александра Бостром) сказала по поводу стишков: «Очень серо, скучно». Так оно и было. Больше всего маме хотелось, чтобы я стал писателем. Она умерла (1906 год), уверенная, что этого никогда не случится.

В Петербурге я ходил к одному человеку (кажется, он служил в Министерстве путей сообщения) — Константину Петровичу. У него не хватало какого-то пустяка, винтика, чтобы стать гениальным в любой области,— в этом я до сих пор твердо уверен. Он познакомил меня с новой поэзией — Бальмонтом, Вячеславом Ивановым, Брюсовым. В мезонине, в жарко натопленной комнатке, почти касаясь головой потолка, он читал стихи. Он говорил о них, выворачивая губы, по штукатуренным стенам металась его усатая, бородатая тень,— он черт знает что говорил. На верстаке, рядом с лампой, стояла построенная им модель пространства четвертого измерения. Закутываясь дымом, он впихивал меня в это четвертое измерение.

В 1907 году я начал писать жестокие стихи и бегал их читать на мезонин Константину Петровичу,— вывертывался наизнанку, чтобы он похвалил. В 1908 году напечатал первый рассказ в «Ниве». Потом, в один серенький денек оказалось в моем кошельке сто рублей на всю жизнь (и неоконченный институт), и, не раздумывая, я кинулся в мутные воды литературы.

Дальнейшее — трудный путь борьбы, работы, работы, познания, падения, отчаяния, взлетов, восторгов, надежд и все возрастающего к себе требования.

Постановка первой пьесы «Насильники» — в 1913 году в Московском Малом театре. Большой общественный скандал... Несколько лож (занятых симбирскими помещиками) свистали в клю-

ли. После десятого представления пьесу запретили на императорской сцене.

Оглядываясь, думаю, что потребность в творчестве определилась одиночеством детских лет: я рос один в созерцании, в растворении среди великих явлений земли и неба. Июльские молнии над темным садом; осенние туманы, как молоко; сухая веточка, скользящая под ветром на первом ледку пруда; зимние вьюги, засыпающие сугробами избы до самых труб; весенний шум вод, крик грачей, прилетавших на прошлогодние гнезда; люди в круговороте времен года, рождение и смерть, как восход и закат солнца, как судьба зерна; животные, птицы; козявки с красными рожицами, живущие в щелях земли; запах спелого яблока, запах костра в сумеречной лощине; мой друг Мишка Коряшонок и его рассказы; зимние вечера под лампой, книги, мечтательность (учился я, разумеется, скверно)... Вот поток дивных явлений, лившийся в глаза, в уши, вдыхаемый, осязаемый... Я медленно созревал, в дальнейшем медленно вжился в современность, но, вжившись, воспринял ее всеми чувствами. Меня могут упрекать в чрезмерной эпичности, но происходит она не от безразличия, а от любви к жизни, к людям, к бытию.

1929

КАК СОЗДАВАЛАСЬ ТРИЛОГИЯ «ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ»

22 июня 1941 года, в день объявления войны, я дописал последнюю страницу романа «Хмурое утро»— третьей и последней части трилогии «Хождение по мукам», за которую мне присуждена Сталинская премия первой степени. Окончательно завершил я всю работу над трилогией только полгода назад. На протяжении 20 лет писалось это произведение, которое я считаю сейчас основным во всем моем творчестве.

Первую книгу «Сестры» я начал писать в середине июля 1919 года и закончил ее осенью 1921 года. Я не думал, что она развернется в трилогию. Но по мере того, как я писал, развертывались события в России, и мне становилось ясно, что нельзя ставить точку на этой книге, что это начало большой эпопеи.

Для того чтобы приступить ко второму тому —«Восемнадцатый год», нужно было очень многое увидеть, узнать, пережить. То, что называется «собиранием материалов», неприменимо к этой предварительной работе, потому что помимо документов, книг, знакомств с участниками гражданской войны, посещения мест, где происходило действие романа — Царицына, Сальских степей, Краснодара, Кубани, мне нужно было сделать основное,

а именно: определить свое отношение к материалу. Иными словами, нужно было все заново пережить самому, продумать и прочувствовать. Начал я вторую книгу в 1927 году и кончил ее через полтора года. И лишь гораздо позже я понял, что в описание событий вкралась одна историческая ошибка. Печатные материалы, которыми я пользовался, умалчивали о борьбе за Царицын, настолько умалчивали, что при изучении истории 18-го года значение Царицына от меня ускользнуло Только впоследствии, через несколько лет, я начал видеть и понимать основную и главную роль в борьбе 1918—1919 гг., в борьбе революции с контрреволюцией — капитальную роль обороны Царицына

Что было делать? Роман был уже написан и напечатан. Вставить в него главы о Царицыне не представлялось возможным. Нужно было все писать заново. Но без повести о Царицыне, об обороне Царицына невозможно было продолжать дальнейшего течения трилогии. Поэтому мне пришлось прибегнуть к особой форме – написать параллельно с «Восемнадцатым годом» повесть под названием «Хлеб», описывающую поход ворошиловской армии и оборону Царицына Сталиным. В связи с этим работу над третьим томом «Хмурое утро» я начал лишь в 1939 году.

После «Восемнадцатого года» я, как известно, написал две части романа «Петр I». В 1939 году встала передо мной проблема: какую из этих двух неоконченных трилогий закончить — «Петра» или «Хождение по мукам»? В это время уже с совершенной ясностью представлялось, что неизбежна мировая война. И так же ясно было, что после мировой войны я уже, разумеется, не смогу вернуться к эпохе гражданской войны — она отодвинется слишком далеко. Третью же часть романа «Петр I» возможно было бы написать и после мировой войны, что я сейчас и делаю: я приступаю к ней этим летом, чтобы закончить трилогию.

Окончание «Хождения по мукам» — роман «Хмурое утро» я начал в 1939 году и, как уже говорил раньше, кончил его ровно 22 июня 1941 года. И я не жалею, что между второй и третьей частями был такой длинный перерыв, потому что за это время я сам, в своей жизни, в своем отношении к жизни, к действительности, к нашей борьбе стал относиться гораздо более зрело, гораздо более углубленно.

Тему трилогии «Хождение по мукам» можно определить так — это потерянная и возвращенная родина. Дело в том, что ощущение родины на рубеже первой мировой войны и даже в первую мировую войну в среде интеллигенции было ослаблено. И только за эти 25 лет новой жизни, и в особенности в преддверии ко второй мировой войне, стало вырисовываться перед каждым человеком глубокое ощущение связи, неразрывной связи со своей родной землей. Мы пришли к ощущению родины через глубокие страдания, через борьбу. Никогда на протяжении, может быть, целого века не было такого глубокого и острого ощущения роди-

ны, как сейчас Всего этого я не мог бы понять в 1927 году, когда писал «Восемнадцатый год».

«Хождение по мукам» — это хождение совести автора по страданиям, надеждам, восторгам, падениям, унынию, взлетам — ощущение целой огромной эпохи, начинающейся преддверием первой мировой войны и кончающейся первым днем второй мировой войны

Сейчас уже печатается полностью в одном томе вся трилогия Романы, составляющие трилогию, писались с большими интервалами Нужно было их свести к единому стилю, многое переделать, многое лишнее выпустить, придать им стройность одной книги Это была довольно сложная работа, и закончил я ее сравнительно недавно, полгода назад.

1943

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Н.Г. ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ
А.Н. ТОЛСТОЙ

ПОВЕСТИ

Н.Г. ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ

ДЕТСТВО ТЁМЫ

Из семейной хроники

ГАРИН [1]

Гарин был невысокого роста, очень подвижный, щеголеватый, красивый: в волосах седина, глаза молодые и быстрые.

Всю жизнь он работал инженером-путейцем, но и в его шевелюре, в его порывистой, неровной походке и в его необузданных, торопливых, горячих речах всегда чувствовалось то, что называется широкой натурой — художник, поэт, чуждый скаредных, корыстных и мелочных мыслей.

Под открытым небом зимою в лесу он выбрал однажды высокую ель и приказал, не срубая ее, разукрасить от вершины до нижних ветвей золочеными орешками, флагами, свечками, окружил веселыми кострами и, созвав из деревни крестьян, всю новогоднюю ночь пировал вместе с ними под этим деревом на морозе, в снегах.

В другой раз он устроил новогоднюю елку у себя в усадьбе для деревенских ребят, увесил ее игрушками, лакомствами, а когда ребята вдоволь натешились ею, повалил ее на пол и скомандовал: грабьте!

Ему постоянно мерещилось, будто у него есть какие-то лишние деньги, ненужные, даже мешающие,— скорее бы избавиться от них.

— Кто здесь бедный? — как-то спросил он, очутившись в деревне, и пошел по крестьянским избам, наделяя своими «ненужными» деньгами одичавших от нужды «мужиков».

Щедрость его нередко была безрассудной.

Горячая отцовская кровь: его отец, боевой генерал, отличался отчаянной храбростью. Таков и он сам, «Тёма» — Гарин: побывал и под турецкими пулями, и под японской шрапнелью.

Нет сомнения, что в своем «Детстве Тёмы» изобразил он себя. В Тёме та же пламенная страстность:

— Милый папа, отруби мои руки!

В повести маленький Тёма вскакивает ночью с постели, крадется к колодцу, куда брошена Жучка, спускает-

---

[1] Чуковский К. Собрание сочинений: В 6 т.— М., 1967.— Т. 5.

ся туда по вожжам и с опасностью для жизни спасает собаку, отчего его болезнь становится чуть не смертельной...

Проходят десятки лет. Гарин — седой инженер, писатель, общественный деятель, но в душе все тот же Тёма.

На пятом десятке уехал к хунхузам, в дебри, где не ступала нога европейца, и там, среди хищных зверей, изведал романтику приключений и подвигов. В его тогдашнем дневнике мы читаем:

«Залпы выстрелов?! Хунхузы?! Где ружье?! Стреляют в бумажные двери?..»

Хунхузы подожгли ту фанзу, где он спал, открыли стрельбу из орудий, а он мужественно сражался с ними — один против многих.

Такой это был человек. Не боялся же маленький Тёма вскарабкаться на огромную лошадь и, замирая от восторга и ужаса, скомандовать Иоське: «Бей!»

И в творчестве был он такой же. Всякую тему брал с бою. Долго обрабатывать роман или повесть было ему не по нраву. Он писал второпях, без оглядки и, сдав рукопись в редакцию журнала, несся в курьерском поезде куда-нибудь в Сибирь или на Урал по неотложному делу...

Окруженный врагами, в маньчжурской степи, он работал, как у себя в кабинете. Бумага промокала от дождя, руки коченели от холода, рукописи погибали в пути. «Одну тетрадь со сказками я потерял, к сожалению»,— сообщает он в предисловии к «Корейским сказкам».

Товарищи, смеясь, говорили, что пишет он всегда «на облучке».

Телеграфная быстрота творчества придавала его слогу крылатость: он даже при желании не умел бы писать в медленном темпе, бесстрастно и вяло,— даже если бы нарочно постарался. Взрывчатыми, короткими фразами ведет он свой торопливый рассказ. Восклицательные знаки, междометия так и мелькают у него на страницах.

Драматизируя каждый описываемый им эпизод, он изображает события так, будто они происходят сейчас. Каждая его вещь — словно запись об этих только что происходящих событиях.

Вообще он не умел относиться к своему писательству как к мастерству и никогда не ставил себе чисто литературных, формальных задач. Форма его импровизаций

никогда не занимала его. Вся его сила в душевной тревоге. Оттого-то его автобиографические повести «Детство Тёмы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры» так взволнованно воспринимаются читателем.

В том застенке, каким ему представлялась тогдашняя жизнь, его больше всего ужасали крики истязуемых детей. В сказке о волшебнице Ашем, в повести «Детство Тёмы», в «Исповеди отца», в рассказе об умирающем Диме им заклеймено это зверство — телесное наказание детей.

Возмутительнее всего было для Гарина то, что снаружи, на поверхностный взгляд весь этот страшный застенок мог показаться чуть ли не райской обителью.

«Если жизнь — застенок, незачем ее проклинать, нужно перестроить ее»,— как бы говорят его книги. В каждом зле ему нравилось то, что оно устранимо. Он не был бы Гариным, не был бы Тёмой, если б не бросался много раз в эту машину, кромсающую ни в чем не повинных людей, и не пробовал остановить ее, задержать ее ход, отлетая от нее всякий раз, как ламанчский рыцарь от мельницы.

Но это не смущало его. Машина будет сломана,— в этом он не сомневался нисколько,— и хруст человеческих костей прекратится. Всем пыткам сразу наступит конец — таково было оптимистическое убеждение Гарина. Он так и говорит в одной сказке: «Погибнет злой волшебник, а с ним исчезнет и мрак,— и увидят тогда люди, что для всех есть счастье на земле».

Для него это не было сказкой. Оттого-то в его произведениях нет ни стонов, ни нытья, ни уныния. Оттого-то этот изобразитель человеческих мук был всегда жизнерадостен и светел.

Настоящая его фамилия была Михайловский. Николай Георгиевич Михайловский. Он родился в Петербурге в 1852 году. Родители его были люди богатые. Его отец был боевой офицер, отличившийся во время венгерской кампании. Крестил Гарина царь Николай, едва ли предвидевший, что его крестник к концу своей жизни будет социал-демократом. Вскоре семья перекочевала в Одессу, здесь мальчик учился и окончил гимназию в 1871 году. Гимназическая жизнь описана им в его повести «Гимназисты». В 1872 году он поступил в Институт путей сообщения (в Петербурге) и через шесть лет, во время русско-турецкой войны, молодым инже-

нером был послан в действующую армию строить в Болгарии шоссе.

С тех пор он всю жизнь занимался строительством: строил тоннели, мосты, проводил железные дороги, работал и в Батуми, и в Уфе, и в Казанской, и в Вятской, и в Костромской, и в Волынской губерниях.

Отсюда его близкое знакомство с народом: в качестве инженера-практика он постоянно сталкивался с крестьянами и рабочими, и чем больше узнавал их, тем больше любил. В те годы он считал себя народником, то есть веровал, что у России другая судьба, чем у прочих европейских народов; что Россию будто бы минует капиталистический строй, так как у русской деревни есть община, которой будто бы не знают европейцы.

В 1879 году он женился и поступил на службу в министерство путей сообщения. Но он не был создан для департаментской службы: человек горячий и правдивый, он постоянно наживал себе врагов в затхлой инженерской среде. Его помыслы были направлены к народному благу, хотя в ту пору он при всем радикализме относился к народу как благожелательный барин. Барин чувствовался в нем на каждом шагу, добрый, великодушный, но — барин. Это лучше всего сказалось в середине восьмидесятых годов, когда он удалился с молодой женою в деревню, купил большую усадьбу и стал — с обычным своим увлечением — лечить, учить и просвещать крестьян. Попытка окончилась крахом, так как он не учел, что милая его сердцу крестьянская община находится во власти кулаков. Он уехал в Петербург и в 1892 году стал издателем журнала «Русское богатство», объединявшего писателей-народников. В этом журнале он впервые выступил в качестве автора. В первой же книжке «Русского богатства» началось печатание его повести «Детство Тёмы». Повесть была подписана псевдонимом Н. Гарин (потому что у автора был сын, которого звали Гаря). «Детство Тёмы» имело огромный успех; столь же сочувственно были встречены и следующие произведения Гарина: «Гимназисты», «Студенты», «Деревенские панорамы» и проч. Повесть «Гимназисты», обличающая тогдашний гимназический быт, вызвала бурю среди педагогов: впервые в литературе было с такой резкостью сказано о том, что гимназия, созданная самодержавием, калечит и развращает детей.

К середине девяностых годов Гарин окончательно ра-

зочаровался в народничестве и имел смелость — на пятом десятке — порвать с единомышленниками и перейти в лагерь социал-демократов. Он ушел из «Русского богатства», основал марксисткую газету «Самарский вестник» и стал с той поры сотрудничать в органах легальных марксистов: в «Мире божьем», «Жизни», «Начале» и проч. В 1898 году он совершил большое путешествие, описанное им в очерках «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову».

Во время русско-японской войны он снова уехал в Маньчжурию корреспондентом. Его корреспонденции с фронта жестоко искажались военной цензурой. Большую роль в его жизни сыграло сближение с Горьким. Горький своими беседами помог ему окончательно утвердиться на революционных позициях.

Революцию 1905 года Гарин встретил с энтузиазмом. Он примкнул к редакции социал-демократического органа «Вестник жизни», где работали Ольминский, Луначарский, Воровский. Но недолго ему пришлось сотрудничать в этом журнале: 27 ноября 1906 года он скончался на редакционном совещании. Незадолго перед этим он отдал партии большевиков часть своего состояния.

«Он так и умер «на ходу»,— говорит о нем Горький,— участвовал в каком-то заседании по литературным делам, сказал горячую речь, вышел в соседнюю комнату, прилег на диван, и паралич сердца оборвал жизнь этого талантливого, неистощимо бодрого человека».

К. ЧУКОВСКИЙ

А.Н. ТОЛСТОЙ

ДЕТСТВО НИКИТЫ

«ПОВЕСТЬ О САМЫХ НЕОБЫКНОВЕННЫХ ВЕЩАХ»

Сколько превосходных книг написано о детстве замечательных революционеров, ученых, изобретателей, путешественников, полководцев, поэтов! Сколько читали мы о подвигах юных героев, совершенных в мирной жизни и на войне! Но есть среди книг о детстве особые. Они рассказаны писателями от первого лица и основаны на их собственных впечатлениях — на воспоминаниях своего детства. Кто не читал «Детство» и «Отрочество» Л. Н. Толстого, «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, «Детство Тёмы» Н. Г. Гарина-Михайловского, «Детство» и «В людях» М. Горького! Вспомним книги советских писателей — «Зачарованную Десну» А. П. Довженко и «Повесть о детстве» Ф. В. Гладкова.

К числу самых талантливых книг, в которых раскрывается внутренний мир подростков, принадлежит «Детство Никиты» — повесть замечательного советского писателя Алексея Николаевича Толстого (1883—1945).

Эта книга, написанная в 1919—1920 годах, называлась первоначально «Повесть о самых необыкновенных вещах». Многое в этой книге близко напоминает детство самого автора. Так же, как и Никита, Алексей Толстой провел детские годы на степном хуторе, в Поволжье, недалеко от Самары. В своей повести он сохранил не только название хутора — Сосновка, но даже некоторые имена. Мать Толстого звали Александрой Леонтьевной, учителя — Аркадием Ивановичем Словоохотовым. Мишка Коряшонок тоже существовал; так его и звали в действительности. А маска Пушкина, которую Толстой упоминает в главе «Елка», до конца его жизни висела в кабинете над конторкой, стоя за которой он написал лучшие свои сочинения.

Подростком, живя на хуторе, Толстой дружил с деревенскими ребятишками, купался в степной речонке Чагре, бегал на пруд, окруженный высокими ветлами, катался верхом. За садом расстилались ковыльные

степи. И явления природы — знойный засушливый день, и ночная гроза, и осенний перелет птиц, снежный буран, ледоход на реке — все это составляло огромное событие в жизни будущего писателя. С тех, детских, лет и полюбил Толстой волшебную русскую природу, узнал богатую образную народную речь. И хотя он жил в барском доме, а не в людской, рос и развивался он среди народа, изо дня в день видел тяжелую в ту пору крестьянскую жизнь и великий крестьянский труд. В «Детстве Никиты» он представил ее безмятежной, в одних поэтических чертах, как воспринял ее в раннем возрасте. По-иному изобразил он ее в других сочинениях. Особенно чувствуется это поразительное знание народной крестьянской жизни, когда читаешь исторический роман А. Н. Толстого «Петр I», где уже на первой странице открывается дверь избы и в клубах пара, переминаясь с ноги на ногу, выбегают на мороз крестьянские чада, разутые, в одних рубашонках.

Своим уважением к народу Толстой наделил и Никиту. Самым авторитетным лицом Никита считает работающего на скотном дворе Мишку Коряшонка — подпаска. Этот серьезный и рассудительный паренек, который, в подражание взрослым, говорит с напускным равнодушием, занимает в повести очень важное место. Хотя он и маленький, но в его замечаниях, советах и поступках уже ясно виден русский склад ума и русский характер.

Чудесный русский парнишка и другой знакомец Никиты — вихрастый, курносый и большеротый Степка Карнаушкин с «заговоренным кулаком». Компанию деревенских друзей Никиты дополняют Семка, Ленька, Артамошка-меньшой, Нил, Ванька Черные Уши и бобылев племянник Петрушка.

Целыми днями крутится Никита во дворе, у колодца, в каретном сарае, в людской, на гумне... Конечно, всего понятнее для него суждения Мишки Коряшонка. Но не менее важно и то, что сказал или сделал плотник Пахом, рабочий Василий, сутулый Артем...

В этой чистой и ясной книге, рассказанной с шутливой улыбкой, с великолепным и сочным юмором, раскрыт большой мир и глубокие чувства и взрослых и детей. А достигнуто это средствами очень скупыми. Много ли рассказал Толстой об Аркадии Ивановиче? А между тем из загадочных улыбок Аркадия Ивановича, из

проницательных взглядов и хитрых намеков, упоминаний о том, как морщит он губы, в сотый раз перечитывая письмо своей Вассы Ниловны — учительницы, на которой мечтает жениться,— из этих отдельных черточек возникает живой человек — умный, славный и при этом отличный педагог. Как много узнаем мы об отношении матушки к отцу Никиты — Василию Никитьевичу, еще прежде, чем он появляется в книге. И какой достоверный характер у самого Василия Никитьевича — взбалмошного, нетерпеливого, увлекающегося, действующего под влиянием минуты; едет на ярмарку, чтобы продать кобылу Заремку, а вместо денег посылает жене сообщение о том, что «страшно недорого и совершенно случайно» купил целую партию ненужных ему верблюдов. Как отчетливо выписан образ Анны Аполлоновны с ее грузной фигурой и густым голосом, от которого звенят стекляшки под лампой. Как помнится все, что сказано о Лиле, о ее брате — гимназисте Викторе Бабкине, о «седьмом ребенке Петра Петровича» — Анне, которая по всякому поводу восклицает: «Неправдычка!» Все помнится — даже маленький мальчик в мамкином платке, повязанном крест-накрест.

«Детство Никиты» принадлежит к удивительным книгам: прочтешь и хочется пересказать ее всю — от слова и до слова. Радует каждая фраза. Как празднично описаны морозные узоры на окнах! Какими теплыми кажутся солнечные квадраты на полу горницы! Так и видишь на снегу «синие следы зайцев» и «стеклянные следы полозьев», которые «бегут» от дома через весь двор. Никита подходит к окну, смотрит в завалинный снегом сад. На ветке сирени сидит «черная головастая ворона, похожая на черта». Никита постучал пальцем в окно. «Ворона шарахнулась боком и полетела, сбивая крыльями снег с ветвей». Кажется, что она каркнула, хотя про это не сказано.

Читая книгу, чувствуешь, что каждое слово, которое ставит Толстой,— самое точное, единственно верное слово. Морозным утром «хрустят» ступени под шагами Никиты. Обычно говорят: «хрустит снег». У Толстого — ступени. Про воздух, который колет щеки иголочками, писатель сказал: «Воздух морозный и *тонкий*». Тонкий воздух! Кажется, что Толстой наделяет нас еще неведомой остротой чувств — учит постигать прелесть весеннего вечера, когда на зеленом небе затеплилась первая, «чистая, как льдинка, звезда», учит вглядываться в мигание молний над темным июльским садом, слышать

жар летней степи, горячей от спелых хлебов, вековечный свист ветра в ушах, когда скачешь на лошади.

В самых обыкновенных событиях жизни Никиты Толстой находит неизъяснимую прелесть — в решении арифметических задач, в писании диктанта, в скучном вечере, который кончился приездом гостей. Поэзия разлита во всем, что окружает этого мальчика — нежного, наблюдательного и очень серьезного. Все полно для него значения, все важно, все интересно. Благодаря этому даже собаки Шарок и Каток, даже кот Василий Васильевич, еж Ахилка, скворец Желтухин, как в сказке, наделены в этой книге характерами и занимают в ней важное место.

Но вот дочитана повесть. Вы чувствуете, что подружились с Никитой, навсегда полюбили этого доброжелательного десятилетнего человека. Вы словно прожили с ним целый год — от зимы до зимы — и вместе с ним повзрослели. Вместе с ним вы научились видеть необыкновенное в самых обыкновенных вещах, с новой силой и свежестью ощутили любовь к русским людям, к русской земле и русской природе. И узнали еще душевные и умственные черты, из которых сформировался потом талант великого русского писателя Алексея Толстого.

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ

ЛЕВ КАССИЛЬ

КОНДУИТ И ШВАМБРАНИЯ

ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ

ЛИНИЯ СВЯЗИ

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1979

СОДЕРЖАНИЕ

КОНДУИТ И ШВАМБРАНИЯ. *Повесть*

Книга первая. Кондуит 7

Книга вторая. Швамбрания 139

ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ. *Повесть* 283

ЛИНИЯ СВЯЗИ. *Рассказы*

Рассказ об отсутствующем 423

Линия связи 428

Зеленая веточка 433

Все вернется 437

У классной доски 442

Отметки Риммы Лебедевой 451

Держись, капитан! 455

А. БЕЛЯЕВ

ГЕНИАЛЬНЫЙ БЕЗУМЕЦ

ЧЕЛОВЕК--АМФИБИЯ

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ

ЕНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ

АНЫ И ПОВЕСТЬ

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

НОВОСИБИРСК «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1993

ИЯ ИЗДАЁТСЯ С 1936 ГОДА

Романы приключений

Эмилио Сальгари

На Дальнем Западе

РОМАН

Ловцы трепанга

РОМАН

book chamber international

МОСКВА,
1992

Настоящее издание печатается по тексту:
Эмилио Сальгари «На Дальнем Западе».
Москва. 1910. Книгоиздательство т-ва И. Д. Сытина.

Перевод с итальянского

book chamber international

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

РЕНЕ КАДУ

«АТЛАНТИДА ПОД ВОДОЙ»

Р. БРИДЖС

«ЧЕЛОВЕК НИОТКУДА»

book chamber international

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

в серии «Романы приключений»:

ЛУИ ЖАКОЛИО

«В ТРУЩОБАХ ИНДИИ»

«ЗАТЕРЯННЫЕ В ОКЕАНЕ»

«ПИТКЕРНСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ»

ЛУИ ЖАКОЛИО

«Грабители морей»

Из предисловия к первому изданию на русском языке:

В это время только что окончилась семилетняя война, в которой принимали участие Пруссия, Франция, Австрия и Россия.

Опустошенная и обессиленная Европа представляла благодатные условия для развития всевозможных преступных обществ и организаций, носивших разнообразные названия: «Рыцари Шварцвальда», «Нагреватели», «Вольные товарищи», «Рыцари горных стран» и «Грабители морей».

Самым значительным из этих обществ было «Грабители морей», отличавшееся большим размахом своих операций. Они действовали не только на море, но и на суше.

В их распоряжении находились многочисленные корабли, прекрасно вооруженные и снабженные хорошо подобранным экипажем, и сухопутные шайки.

Прежде чем приступить к делу, «Грабители» получали самые точные указания от своих агентов, среди которых многие принадлежали к высшему свету и занимали важные государственные посты...

book chamber international

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Мастера французского
приключенческого романа

ЛУИ ЖАКОЛИО

Луи Жаколио родился на тридцать пять лет позже Александра Дюма-отца, на двадцать шесть позже Эдгара По и на одиннадцать — Уильяма Уилки Коллинза. Королевские троны исторического романа, детектива и авантюрного эпоса были заняты.

Жаколио не смастерил своего трона и не захватил чужого: он остался принцем, но каким принцем! С явными признаками королевской крови.

Ученый юрист, путешественник и председатель суда, Жаколио посвящал часы досуга созданию безумно увлекательных романов.

Почему бы вам самим не убедиться в этом?

book chamber international

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ЭМИЛИО САЛЬГАРИ

«СМЕРТЕЛЬНЫЕ ВРАГИ»

«СТРАНА ЧУДЕС»

ДЖ. О. КЕРВУД

«ЗОЛОТАЯ ПЕТЛЯ»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Литературный вестерн
знаменитого романиста
ЭМИЛИО САЛЬГАРИ

Из предисловия к изданию 1910 года:

Эмилио Сальгари, автор ряда приключенческих романов, является последователем школы Жюля Верна и продолжателем наиболее сильных сторон этого созданного Жюлем Верном жанра. В романе «На Дальнем Западе» Сальгари идет по следам Фенимора Купера, но обстановка у него более реальная, более современная. «Город прокаженного короля» приводит нас в Сиам, в те уголки, которые населены загадочными племенами дикарей, где рассеяны остатки неведомой и неразгаданной древнейшей цивилизации. Наконец, в «Человеке огня» он дает картины ожесточенной борьбы первобытных племен между собой и с чудовищными хищниками на суше и в воде.

Сальгари поражает, но поражает совершенно иначе, чем Жюль Верн. Поражает именно тем, что на так хорошо будто бы изученном земном шаре существует еще столько необычного, иногда чудовищного и опасного, сложного и порой неразгаданного еще исследованиями и наукой.

...урнальная.
...9. С 16

РФ. 144003.

Русский охотничий рассказ/Сост., авт. предисл. и примеч. М. М. Одесская.— М.: Сов. Россия, 1991.— 432 с.

Р89

В сборник вошли рассказы русских писателей-классиков и писателей так называемого «второго ряда».

Охота — это живой образный фон рассказов, объединенных темой взаимоотношений человека и природы.

Внимание читателя привлекут мистические и драматические истории, рассказанные на привале, комические приключения горе-охотников, лирические и бытовые сцены.

Р $\frac{4702010000-105}{М-105(03)91}$ 85—90

84Р1

ISBN 5—268—01020—6

СОДЕРЖАНИЕ

М. Одесская. Русский охотничий рассказ XIX века 5

С. Т. Аксаков
ВСТУПЛЕНИЕ 15
ГОНЬБА ЛИС И ВОЛКОВ . . . 19
МЕЛКИЕ ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ . 23
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СУЕВЕРИЯХ И ПРИМЕТАХ ОХОТНИКОВ 23
СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ 28
СТРАННЫЕ СЛУЧАИ НА ОХОТЕ 30

И. С. Тургенев
ЛЬГОВ 35
МАЛИНОВАЯ ВОДА 45
ЛЕС И СТЕПЬ 53
ПЭГАЗ 58
О СОЛОВЬЯХ 65

В. М. Гаршин
МЕДВЕДИ 70

Н. С. Лесков
ЗВЕРЬ 86

А. П. Чехов
ОН ПОНЯЛ! 104
НА ОХОТЕ 113
НА ВОЛЧЬЕЙ САДКЕ 114
ПЕТРОВ ДЕНЬ 119
ЕГЕРЬ 130

Н. А. Лейкин
ОСЕННЯЯ ОХОТА 135

И. А. Бунин
АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ 139

Б. К. Зайцев
МГЛА 152
ВОЛКИ 158

И. А. Салов
РАССКАЗЫ ОХОТНИКА 163
I. ВОЛКИ 163
II. ОХОТНИЧИЙ ДВОР 179

С. И. Терпигорев
ПЕРВАЯ ОХОТА 200
Н. Н. Воронцов-Вельяминов
МЫТИЩИ 226
Ф. А. Арсеньев
ЩУГОР 237
Н. Г. Бунин
СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ. Из рассказов охотника-переселенца . . 275
ВИХРЯЙ. Из рассказов охотника-переселенца 298
Н. А. Вербицкий
У КОСТРА 318
ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК В ГОРОДЕ N ОСНОВЫВАЛОСЬ ОХОТНИЧЬЕ ОБЩЕСТВО 347
Д. А. Вилинский
ПЕРЕД ОБЛАВОЙ 371
Е. Н. Опочинин
АРТЕМИЙ «БОГАЧ». Рассказ 394
ЛЕСНЫЕ ПЕВЦЫ. Очерк 401
ЗАЙЦЫ. Рассказ 405
ЖМЫРЬ И «КОРНОУХИЙ». Рассказ 410

Примечания 417

ПРИМЕЧАНИЯ

АКСАКОВ СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ (1791—1859) — прозаик, мемуарист, критик, журналист. Происходил из старинной дворянской семьи. Детские годы Аксаков провел в Уфе и в имении родителей Новое Аксаково Бугурусланского уезда Оренбургской губернии. С детства полюбил природу, рыбную ловлю, охоту. Общение с природой имело для Аксакова нравственно очищающий смысл, избавляло от «низких страстей».

Первые литературные пробы Аксаков сделал в гимназические годы, поместив в рукописных журналах стихи в духе массовой сентиментальной лирики того времени. Во второй половине 20-х — начале 30-х гг. Аксаков выступал как театральный и литературный критик.

С конца 20-х гг. дом Аксаковых стал одним из центров литературной жизни. С начала 40-х гг. аксаковские «субботы» находились в центре общественно-литературной полемики между западниками и славянофилами.

В 1847 г. вышла книга Аксакова «Записки об уженье рыбы», в которой, как заметил Хомяков, «страстный рыболов... захотел вспомнить старые годы, прежние тихие радости». Книга имела успех, потому что в ней деловые замечания натуралиста сочетаются с воспоминаниями, описаниями нрава рыб, поэтическими картинами природы. В «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» еще ярче выразилась идея единения человека и природы. Книга вызвала много откликов Тургенева, Чернышевского, Н. А. Некрасова, Н. Н. Воронцова-Вельяминова, естествоиспытателя К. Ф. Рулье.

В 1853 г. Аксаков задумал издавать «Охотничий сборник», однако цензура запретила издание. Тургенев написал для сборника очерк «О соловьях». Из очерков, предназначенных для сборника, Аксаков составил третью книгу о природе: «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (М., 1855). Некоторые из них публикуются в нашем сборнике. Жанр книги — свободные художественные воспоминания, в книге читатель найдет «дельные охотничьи заметки и наблюдения, живописные картины природы, интересные анекдоты и поэзию» (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 9. М., 1950. С. 255).

Очерки, вошедшие в сборник, печатаются по изд: Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. М., 1987.

ТУРГЕНЕВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ (1818—1883) — прозаик, поэт, драматург, переводчик, критик, публицист, мемуарист.

В настоящий сборник вошли рассказы Тургенева из цикла «Записки охотника», наиболее связанные с темой охоты, а также очерки «Пэгаз» и «О соловьях».

С 1847 по 1852 г. Тургенев опубликовал в журналах 22 рассказа с подзаголовком из «Записок охотника», а в 1852 г. вышла отдельным изданием книга «Записки охотника». В конце жизни, в 70-х гг., Тургенев дополнил первое издание «Записок охотника» новыми рассказами — «Конец Чертопханова», «Живые мощи», «Стучит».

«Льгов» — впервые опубликован в журнале «Современник» (1847. № 5). В мемуарной литературе существует много указаний на жизненный материал, отразившийся в рассказе. Село Льгов Орловской губернии находилось в четырех верстах от села Тургенево, принадлежавшего отцу писателя. Топографическое описание Льгова в рассказе довольно точно. Мемуаристы Тургенева нашли людей, лично знавших Сучка — героя рассказа.

«Малиновая вода» — впервые опубликован в журнале «Современник» (1848. № 2). Тургенев писал рассказ в Париже в середине сентября — октябре 1847 г. Белинский сдержанно отозвался о рассказе. «Малиновая вода» мне не очень понравилась»,— писал он Анненкову 15(27) февраля 1848 г. Зато Боткин и Анненков встретили новый рассказ Тургенева с одобрением.

«Лес и степь» — впервые опубликован в журнале «Современник» (1849. № 2). Очерк «Лес и степь» создавался как заключительный в цикле и во всех программах «Записок охотника» ставился в конце. Публикация «Леса и степи» вызвала сочувственные отзывы Ап. Григорьева. Он считал рассказ проникнутым «истинно поэтическою симпатией к природе».

«Пэгаз» — впервые напечатан отдельным изданием: Тургенев И. Пэгаз. Казань: Изд. Васильева, 1874. Очерк написан в 1871 г. для «Журнала охоты и коннозаводства», который внезапно закрылся. Пэгаз был любимой охотничьей собакой Тургенева.

«О соловьях» — впервые напечатан в книге С. Т. Аксакова «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (М., 1855). В издании Сочинений 1860 г. включен в состав «Записок охотника». Очерк был написан в 1854 г. для задуманного С. Т. Аксаковым «Охотничьего сборника». Тургенев говорил, что рассказ о соловьях «списан» им со слов «одного старого и опытного охотника из дворовых людей»: это Афанасий Алифанов, знакомый читателям «Записок охотника» под именем Ермолай.

Рассказы печатаются по изд.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1979. Т. 3.

ГАРШИН ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ (1855—1888) — прозаик, критик. Из дворян, происходивших, по преданию, от Мурзы Горши, вышедшего из Золотой Орды при Иване III. В 1874 г. поступил в Горный институт, а в 1877-м, в день обнародования манифеста о вступлении России в войну с Турцией, подал прошение об увольнении. Участвовал в болгарском походе и был

рнен в бою. Впечатления войны отразились в военных рассказах Гаршина: «Четыре дня», «Очень коротенький роман», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Трус».

Одно из лучших произведений — «Красный цветок», выразившее, по словам В. Г. Короленко, «всю душевную драму самоотвержения и героизма поколения 1870-х годов»,— Гаршин посвятил Тургеневу. «Красный цветок» — своего рода иллюстрация вечного противостояния двух особенностей человеческой природы — «донкихотства» и «гамлетизма».

Тургенев внимательно следил за творчеством Гаршина: приветствовал выход его первой книжки рассказов (1882), отмечал «признаки настоящего крупного таланта» и называл Гаршина своим литературным наследником (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Л., 1967. Т. 12. Кн. 2. С. 273—274).

По словам Г. И. Успенского, в двух небольших книжках рассказов Гаршина было «положительно исчерпано все содержание нашей жизни» (Успенский Г. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 476).

В сборнике «Памяти В. М. Гаршина» (1889) А. П. Чехов опубликовал рассказ «Припадок», в котором отразил своеобразие личности Гаршина, связанное с «человеческим талантом», «великолепным чутьем к боли» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1977. Т. 7. С. 216).

Рассказ «Медведи» впервые был опубликован в «Отечественных записках» (1883. № 11). В сатирических зарисовках жизни провинциального города отразились наблюдения писателя над городом Старобельском Харьковской губернии, где прошли его детские годы. Один из мемуаристов свидетельствует, что рассказ имел политический смысл. «Мне не позволяют писать о том, как расстреливают медведей» — так энергично патетически воскликнул В. М. Гаршин при матушке, когда рассказ был принят к напечатанию» (Соколов В. П. Гаршины//Исторический вестник. 1916. Кн. IV. С. 150). В самом рассказе нет политических аналогий. Критика восприняла «Медведей» как мастерское произведение бытового характера.

Рассказ печатается по изд.: Гаршин В. М. Рассказы. Л., 1978.

ЛЕСКОВ НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ (1831—1895) — прозаик, публицист. Творчество Лескова отличается большим разнообразием жанровых форм. Лесков создал цикл святочных рассказов, мало популярных в русской литературе XIX в. В рассказе «Зверь» (1883) в конце повествования, как это и полагается в святочном рассказе, помещик-самодур в день Рождества Христова перерождается. В рассказе много автобиографического: дядя из рассказа «Зверь» напоминает дядю автора — Страхова, в доме которого Лесков получил первоначальное образование. «Он был очень богат, стар и жесток. В характере его преобладала злобность и неумолимость. О прекрасном духовном преображении его в горячего доброхота в семейных преданиях слышно не было. Умер таким, каким жил» (Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова). Впервые напечатан в Рождественском приложении к «Газете А. Гатцука»

1883 г., с подзаголовком «Рождественский рассказ». Почти без поправок перепечатан в «Святочных рассказах» (1886) и в Собрании сочинений.

Рассказ печатается по изд.: Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 7.

ЧЕХОВ АНТОН ПАВЛОВИЧ (1860—1904) — прозаик, драматург, публицист. Публикуемые в сборнике рассказы «Петров день», «На охоте», «На волчьей садке», «Он понял!», «Егерь» относятся к раннему периоду творчества Чехова. В это время после окончания медицинского факультета Московского университета Чехов сотрудничал в мелких юмористических журналах «Стрекоза», «Будильник», «Развлечение», «Осколки», «Зритель» и др. Большинство «охотничьих» рассказов Чехонте написано в духе «малой» прессы 80-х гг. на злобу дня. Хотя Чехов не был охотником и не издал ни одной книги охотничьих рассказов, подобно своим предшественникам и современникам, исследователи считают возможным выделить цикл «чеховских» «Записок охотника» (Бялый Г. А. Г. П. Бердников).

«Петров день» — впервые опубликован в журнале «Будильник» (1881. № 26. 29 июня). Заглавие: «Двадцать девятое июня» (Шутка) (С удовольствием посвящается гг. охотникам, плохо стреляющим и неумеющим стрелять) Подпись: Антоша Чехонте. В 1882 г. рассказ был включен в сборник «Шалость».

«На охоте» — впервые опубликовано: «Будильник» (1884. № 6). Заглавие: «Дядюшка и собака». Подпись: А.— н Ч.— те.

«На волчьей садке» — впервые опубликован в «Литературном приложении журнала «Москва» (1882. № 5). Подпись: Антоша Ч.

«Он понял!» — впервые опубликован в журнале «Природа и охота» (1883. Т. IV. № 11). Подзаголовок: Этюд. Подпись: А. Чехов.

Включен в первое издание сборника «Пестрые рассказы» (Спб., 1886).

Первоначально рассказ предназначался для журнала Лейкина «Осколки», однако, опасаясь, что редактор может сократить рассказ, Чехов послал его в альманах «Стрекоза». Рассказ не был принят, так как не подходил по тематике. Тогда Чехов предложил рассказ журналу «Природа и охота» Редакция ответила автору следующее: «Картинка Ваша «Он понял!» найдена редакцией вполне подходящей для журнала и очень хорошенькой, так что мы с удовольствием напечатали бы, если бы Вы отдали ее нам бесплатно. Средства журнала так еще ограничены, что мы можем платить только за фундаментальные статьи, дающие какие-либо сведения. Ваша же статья — хорошенькая игрушечка или пирожное: мы, конечно, не прочь полакомиться, но лишь в том случае, если лакомство даровое». Чехов согласился на условия журнала и опубликовал рассказ под своим именем.

«Егерь» — впервые опубликован в «Петербургской газете» (1885. № 194) в отделе «Летучие заметки» с подзаголовком «Сценка». Подпись. А. Чехонте. Включен в сборник «Пестрые рассказы» (Спб., 1886).

Рассказ был замечен Григоровичем и получил его положительный отзыв. В письме Чехову он писал (25 марта 1886 г.): «Около года тому назад я слу-

...нно прочел в «Петербургской газете» Ваш рассказ; названия его теперь ...е припомню; помню только, что меня поразили в нем черты особенной свое...бразности, а главное — замечательная верность, правдивость в изображении ...йствующих лиц и также при описании природы. С тех пор я читал все, ...то было подписано Чехонте...» (Примеч. к Полн. собр. соч. и писем. Т. 4. ...477).

Рассказы печатаются по изд.: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В ...0 т. М., 1974. Т 1, 2, 4.

ЛЕЙКИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1841—1906) — прозаик, издатель. Происходил из старинной, но обедневшей купеческой семьи. Окончил Петербургское немецкое реформаторское училище. После училища служил приказчиком в кладовой купца гостиного двора, позднее — в конторе страхового общества. Литературный дебют — стихотворение «Кольцо» — Лейкин опубликовал в журнале «Русский мир» в 1860 г. Позднее сотрудничал как фельетонист и беллетрист в журналах «Искра», «Библиотека для чтения», «Современник», «Отечественные записки», «Стрекоза». С 1882 по 1905 г. — редактор самого популярного юмористического журнала «Осколки».

Лейкин — автор 36 романов и повестей, 11 пьес, нескольких тысяч очерков, рассказов, сценок и фельетонов. Тематика подавляющего большинства произведений Лейкина — быт купеческой среды. Главная черта поэтики произведений Лейкина — фактографическое изображение действительности в традициях «физиологических» очерков «натуральной школы». Социально острые темы и проблемы в произведениях Лейкина растворяются в бытописании. Н. А. Некрасов отметил несвоевременный недостаток «злобы» в его очерках, а Н. К. Михайловский упрекнул за опоздание в выборе актуальных тем на двадцать лет.

Особую славу Лейкину принесли его многочисленные сценки. Юмор сценок Лейкина чужд социальной направленности. Предметом осмеяния оказывались внешние стороны купеческой жизни, нелепости «дачного прозябания». Такое видение действительности и понимание задач юмористики определило лицо журнала «Осколки». Лейкину удалось привлечь к сотрудничеству в журнале молодого Чехова. Однако, усвоив законы «малого» жанра, Чехов вскоре перерос своих собратьев по перу.

Установка на изображение комических сторон быта определила и характер названия большинства сборников: «Наши забавники» (1879), «Шуты гороховые» (1879), «Гуси лапчатые» (1881) и др. Многие сценки объединены в сборники по тематическому признаку: «В деревне и в городе» (1899), «Ребятишки» (1892), «Мученики охоты» (1880), «Воскресные охотники» (1894).

Очерки, вошедшие в сборник, печатаются по изд.: Лейкин Н. А. Воскресные охотники. Спб., 1894.

БУНИН ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (1870—1953) — прозаик, поэт, переводчик. Публикуемый рассказ «Антоновские яблоки» впервые появился в журнале

«Жизнь» (1900. № 10). Проникнутый ностальгическими интонациями, рассказ дал повод современной критике говорить о Бунине как эпигоне Тургенева и Чехова, изысканном и неглубоком импрессионисте, оплакивателе «дворянских гнезд» (Шуляти ков В. Очерки реалистического мировоззрения. Спб., 1904. С. 639—645). «Это — хорошо. Тут Иван Бунин, как молодой бог, спел. Красиво, сочно, задушевно»,— написал Горький Бунину (ок. 25 нояб. 1900 г.— Горьковские чтения. М., 1961. С. 16). Однако Горький также отметил, что «Антоновские яблоки» пахнут отнюдь не демократично» (письмо К. П. Пятницкому, нояб. 1901). Рассказ «Антоновские яблоки» — вершина творчества раннего Бунина, размышлявшего об исторических корнях России.

Рассказ печатается по изд.: Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965. Т. 2.

ЗАЙЦЕВ БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ (1881—1972) — прозаик, драматург, переводчик. Происходил из дворянской семьи, сын горного инженера. В 1922 г. после тяжелой болезни выехал с семьей за границу. Жил в Берлине, Италии, после 1924 г. в Париже. Современники усматривали влияние Тургенева на ранние произведения Зайцева. Рассказ «Волки» (1902) открыл путь молодому писателю в столичные журналы. Тогда же Зайцев вошел в кружок «Среда». Литературная деятельность его определилась в 1905—1906 гг. В 1905—1911 гг. в издательстве «Шиповник» вышли три сборника его рассказов («Тихие зори», «Полковник Розов», «Сны»). В рассказах Зайцева философская, психологическая проблематика преобладает над конкретно-исторической. Основным содержанием рассказов Зайцева является описание «состояния души» повествователя. Рассказы «Волки», «Мгла» — психологические миниатюры, раскрывающие внутренний драматизм жизни природы. Одиночество, смерть, равнодушие природы — вот тематический стержень рассказов.

Рассказы печатаются по изд.: Зайцев Борис. Рассказы. М., 1906.

САЛОВ ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1834—1903) — прозаик, драматург. Детство Салова прошло неподалеку от Пензы в родовом имении отца Никольском, расположенном в живописном уголке Поволжья. Картины природы, написанные точно и поэтично, станут неотъемлемой частью его произведений. В 1850 г. переехал в Москву, служил в канцелярии Московского губернатора. Занимался переводами модных французских пьес. Написал и издал за свой счет две собственные пьесы. В 1858—1859 гг. одно за другим печатаются произведения Салова, написанные под ощутимым влиянием «Записок охотника» Тургенева: «Пушиловский регент» и «Забытая усадьба» («Русский вестник»), «Лесник» («Современник»), «Мертвое тело» («Отечественные записки»). В 1864 г. опубликовал в журнале «Время» роман «Бутузка» антикрепостнической направленности. С середины 70-х гг. сотрудничал в «Отечественных записках» Салтыкова-Щедрина. Щедрин неоднократно обращался к Салову с просьбой присылать свои произведения: «...Редакция весьма

лепит Ваше участие в журнале» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1976. Т. 19. Кн. 1. С. 104). В «Отечественных записках» с 1877 по 1883 г. Салов напечатал четырнадцать рассказов. Их главная тема — буржуазные хищники и их жертвы. Современники обвиняли Салова в подражании Щедрину, автор же утверждал, что его герои «списаны с натуры». В 80—90-е гг. рассказы Салова имели успех у читателей и были переведены на иностранные языки. В 1894 г. рецензии на новый сборник рассказов Салова появились в крупнейших русских журналах. Критики отмечали превосходное знание сельской жизни, глубокое сочувствие к деревенским людям, правдивое, лишенное идеализации изображение крестьян. А. М. Скабичевский охарактеризовал Салова как писателя «тургеневской школы», одного из самых талантливых беллетристов своего времени. По мнению А. Н. Пыпина, «некоторые из его деревенских героев могут считаться в ряду лучших народных типов», созданных русскими писателями. В то же время правдивое, лишенное прикрас изображение Саловым народа не удовлетворило критика народнического «Русского богатства», без оснований обвинившего писателя в «безучастном отношении к изображаемым явлениям». После закрытия «Отечественных записок» Салов печатался в журналах «Русская мысль», «Северный вестник», «Неделя», «Артист», «Нива» и др.

Рассказы «Волки», «Охотничий двор» печатаются по изд.: Салов И. А. Собр. соч. Спб., 1909. Т. 1.

ТЕРПИГОРЕВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, псевдоним АТАВА (1841—1895) — прозаик. Происходил из обедневшего дворянского рода. Получил домашнее образование, окончил Тамбовскую гимназию, затем учился на юридическом факультете Петербургского университета, который оставил во время студенческих волнений 1861 г.

Литературную деятельность Терпигорев начал в газете «Гудок», где опубликовал очерк «Черствая доля» (1862. № 100). В 60-е гг. писатель выступал в «Русском слове» и газете «Голос» с корреспонденциями разоблачительного характера, сатирой на обывательские нравы и произвол провинциальных властей. В 1869 г. в «Отечественных записках» стали появляться публикации Терпигорева, подписанные псевдонимом Атава.

Широкую известность принес Атаве цикл очерков, опубликованных в 1880 г. в «Отечественных записках» под общим заглавием «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика» (отдельное изд.— Спб., 1881). Антикрепостническая направленность очерков, их тематика — жизнь мелкопоместного дворянства, разорение дворянских усадеб, нравственное оскудение хозяев,— разоблачительный сатирический пафос, сказовая манера повествования — все это сближало очерки Терпигорева с произведениями М. Е. Салтыкова-Щедрина. За 14 лет работы в «Новом времени» Терпигорев опубликовал около 600 фельетонов. В 80-е гг. Терпигорев печатался также в других журналах. Публикуемый рассказ «Первая охота» впервые появился в журнале «Русское богатство» в 1883 г. (Т. VIII. Авг.) под заглавием «Первая охота. Впечатления раннего возраста». Рассказ о зверских выходках по-

мещика-крепостника основан на детских воспоминаниях писателя. «Первую охоту» вместе с двумя очерками антикрепостнического характера «Две жизни — покончепная и призванная», «Иуда» Терпигорев намеревался издать отдельной книгой под названием «Потревоженные тени». Однако в дальнейшем писатель задумал расширить серию очерков на ту же тему и, очевидно, предложил редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому, с которым сотрудничал с 1887 г., опубликовать на страницах журнала новый цикл. Шубинский поддержал замысел Терпигорева, пытаясь, однако, повлиять на писателя в нужном для журнала направлении. «Я очень рад, что вы не отложили намерения писать свою «Семейную хронику»,— писал редактор в письме Терпигореву 24 июня 1888 г.— Лучшим указателем формы и манеры, как писать подобные хроники, может служить С. Т. Аксаков с его «Семейной хроникой» и «Записками Багрова-внука». Ваша «Первая охота» приближается к этому типу, но в ней слишком преобладает беллетристика, то есть исключительно разговорная форма, тогда как всякая «хроника» суть, по преимуществу, описание нравов и быта, а разговоры являются как оживляющая иллюстрация. «Хроника» должна служить для изучения быта, обстановки, образа жизни, отношений и т. п.- людей данной эпохи. Такая задача, по-моему, вам по плечу, и я уверен, что вы найдете в себе «чувство меры», благодаря которому удержитесь от излишнего увлечения беллетристической формой и дадите действительную и яркую картину нравов и быта». В первых произведениях, напечатанных в «Историческом вестнике», из цикла «Потревоженные тени» был подзаголовок «Из одной семейной хроники», впоследствии писатель от него отказался. Рассказ «Первая охота» был включен в книгу «Потревоженные тени», выпущенную отдельным изданием (Спб., 1888—1890. Т. 1—2). Современная писателю критика указывала на некоторое сходство «Потревоженных теней» с «Семейной хроникой» и «Детскими годами Багрова-внука» С. Т. Аксакова, а также сближала с «Пошехонской стариной» Салтыкова-Щедрина.

ВОРОНЦОВ-ВЕЛЬЯМИНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1824—1864) — прозаик, журналист. Из древнего дворянского рода; сын лейб-гвардии поручика, помещика Тульской губернии. Автор книги «Рассказы Московского охотника» (М., 1858, 1871). С 50-х гг. служил в Московском губернском правлении переводчиком, в 1858—1861 гг.— помощником старшего секретаря (коллежский асессор). В 1852—1853 гг. печатал в «Москвитянине» статьи на охотничьи темы, в том числе рецензию на «Записки ружейного охотника...» С. Т. Аксакова (1852. № 8). Поместил там же «ряд небольших рассказов о подмосковной охоте...» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 5. С. 408). С февраля 1859 г., поддержанный ходатайством за него Тургенева (Письма. Т. 3. С. 237, 346), Воронцов-Вельяминов был редактором политической и литературной газеты «Московский вестник». В газете, носившей либеральный характер, до 1860 г. преобладал литературный отдел, в котором эпизодически участвовали И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Островский, Н. А. Некрасов, А. П. Плещеев, Б. Н. Алмазов, И. И. Лажечников,

А. И. Левитов, В. А. Слепцов, А. Н. Апухтин, В. Л. Марков. В феврале 1861 г. газета слилась с «Русской речью». Рассказ «Мытищи» печатается по изд.: Рассказы Московского охотника. М., 1858.

АРСЕНЬЕВ ФЛЕГОНТ АРСЕНЬЕВИЧ (1832—1889) — автор охотничьих рассказов, этнограф. Сын уездного исправника. С 1844 г. учился в частном пансионе в Пошехонье, через год был взят обратно домой, где все время посвящал охоте. «Весь род наш страстные охотники и любители рыбной ловли, эти качества перешли и ко мне, должно быть, по наследству»,— писал Арсеньев в автобиографии. В 1849—1851 гг. учился в Рыбинске в Романовском училище, затем в Демидовском лицее в Ярославле (1854—1857), но не окончил его и, сдав экзамены, преподавал в Усть-Сысольском, а затем с 1862 г. в Вологодском уездных училищах. С 1867 г.— секретарь Вологодского статистического комитета, редактор томов 1-го и 2-го издававшегося комитетом «Вологодского сборника» (Вологда. 1879—1881), с 1882 г.— чиновник по крестьянским делам Усть-Сысольского уезда (надворный советник).

Литературную деятельность Арсеньев начал в 1857 г. очерками «Шексна и ее окрестности...» в неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей» (23 марта — 25 мая). Рассказы Арсеньева, публиковавшиеся в журнале «Время», «Журнале коннозаводства и охоты», «Журнале охоты», «Природе и охоте» и др., вошли в его книгу «Охотничьи рассказы» (Спб., 1864, 1885). В рецензиях отмечались достоинства языка рассказов, «пластические картины природы, много интересных охотничьих подробностей» (Книжный вестник. 1864. № 10). Арсеньев опубликовал также ряд статей и очерков по этнографии, статистике и промышленности Вологодской губернии в «Вестнике промышленности», «Вологодских губернских ведомостях», неофициальную часть которых он редактировал, в сборниках и памятных книжках Вологодского статистического комитета. Ему принадлежат несколько книг: «Речная область Шексны» (Ярославль, 1866), «Зыряне и их охотничьи промыслы» (М., 1873), «Крестьянские игры и свадьбы» (Вологда, 1879), «Петр Великий в Вологде и на Севере России» (Вологда, 1880), «Вологодский губернский очерк кустарных промыслов...» (Вологда, 1882), «Ульяновский монастырь у зырян» (М., 1889).

Рассказ «Шугор» печатается по изд.: Охотничьи рассказы. М., 1885.

БУНИН НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (1834—1902) — автор книги «Рассказы охотника» (1900, 1910). Сын винного пристава, служил акцизным надзирателем под началом М. А. Языкова, знакомого И. С. Тургенева по кругу Белинского. Заядлый охотник, Н. Г. Бунин пешком исходил «роскошные местности патриархальной Малороссии и северные земли Новгородского и Витебского краев». Ружейную охоту Бунин любил, как писал в предисловии к своей книге, «за тишину ее наслаждения, как более других способствующую общению человека с природой».

По воспоминаниям А. Н. Мошина «Новое о великих писателях» (Спб., 1908), которым, однако, нельзя полностью доверять, так как в них имеются

существенные фактические неточности, Н. Г. Бунин встречался в доме М. А. Языкова с Тургеневым, Достоевским, Некрасовым, Салтыковым-Щедриным. Сам Бунин в предисловии к своей книге писал: «Самым счастливым в жизни и, конечно же, самым драгоценным для меня было мое знакомство с незабвенным Иваном Сергеевичем Тургеневым». Согласно версии А. Н. Мошина, Н. Г. Бунин послал оттиск рассказа «Наповал!!!», посвященного И. С. Тургеневу, в Париж адресату. Тургенев якобы ответил автору письмом, которое сгорело во время пожара в квартире Бунина, погибло также и собрание сочинений Тургенева с дарственной надписью, присланное из Франции. Документов, подтверждающих такую версию, найти не удалось.

Во время охотничьих скитаний Н. Г. Бунин сдружился с художником-акварелистом П. П. Соколовым, известным своими иллюстрациями к «Запискам охотника» Тургенева. Соколов посвятил Н. Г. Бунину стихотворное «Дружеское послание», в котором обещал проиллюстрировать книгу своего товарища по охоте. К сожалению, эти иллюстрации (по воспоминаниям Л. И. Писарева — друга Н. Г. Бунина, в доме которого писатель жил два последних года перед смертью, рисунки Соколова к рассказам висели в комнате Бунина) найти не удалось. Заставки же к рассказам в книге Бунина, выполненные в виньеточной манере, не соответствуют стилю П. П. Соколова. по-видимому, это оттиски с немецких изданий. Текст поэмы «Дружеское послание» Бунин, как и обещал, поместил в своей книге.

Охотничьи рассказы Н. Г. Бунин начал публиковать в журнале Л. П. Сабанеева «Природа и охота» в 70-е гг. Отдельно был издан в виде брошюры «Из забытой тетради» (Тула, 1895) рассказ «Лука Иванович Долбняков и его Букетка», впоследствии включенный в сборник. В книгу также вошли изданные отдельными оттисками рассказы «Наповал!!!» (Природа и охота. 1881) и «Захолустник в столице» (Псовая и ружейная охота. 1896). Рассказ «Старый знакомый», на который откликнулся Тургенев, впервые был напечатан в журнале «Природа и охота» (1881. № 3). Высокую оценку рассказам Бунина дал библиофил Н. Ю. Апофриев (Охотничья библиография. Брест-Литовск, 1905).

В старинном русском городе Борисоглебске, на родине писателя, не осталось о нем никакой памяти, кроме записи в архиве: «Бывший старший надзиратель III округа акцизных сборов Витебской губернии надворный советник Н. Г. Бунин умер 5 октября 1902 года, похоронен 7 октября 1902 года». Не сохранился и памятник на могиле писателя, сооруженный на средства от пожертвований, организованных по инициативе Московского общества охоты, как не сохранилось и само кладбище: город разросся, кладбище оказалось в центре, и совсем недавно было решено его снести. И только книга «Рассказы охотника» спасла Николая Григорьевича Бунина от небытия.

Тексты печатаются по изд.: Бунин Н. Г. Рассказы охотника. Спб., 1900.

ВЕРБИЦКИЙ-АНТИОХОВ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ (1843—1909) — прозаик, украинский и русский поэт. Происходил из дворян, сын чиновника губернского правления. Окончил Черниговскую гимназию (1851—1859), где был дружен с Г. И. Успенским, для которого, по воспоминаниям его сестры А. И. Богословской, дом Вербицкого-Антиохова был «любимым местом уединения от товарищеской среды». В 1859 г. поступил в Киевский университет, через год перешел в Петербургский университет, но в 1861 г. по закрытии университета выслан за участие в студенческом движении в Киев. Энциклопедически образованный, талантливый, Н. А. Вербицкий тридцать шесть лет посвятил педагогической деятельности. За высокую эрудицию, свободную манеру преподавания, склонность к импровизации и «товарищеское отношение к воспитанникам» учитель словесности Вербицкий-Антиохов пользовался большой популярностью и любовью своих учеников. Жизненные впечатления, связанные с преподаванием, отразились в рассказах «Педагог», «Просветитель». В них нарисованы портреты провинциальных учителей-просветителей, вольнодумцев. Охота же служит лишь предлогом для развертывания повествования.

В 1876 г. Вербицкий-Антиохов был приглашен П. А. Гайдебуровым сотрудничать в «Неделе». Печатался в «Книжках «Недели», а также в журнале «Россия», в провинциальной прессе («Киевский телеграф», «Орловские ведомости» и др.), но «больше всего... писал в охотничьи журналы (и под литерою Н. В. и под своею фамилиею)» (автобиография — ИРЛИ, ф. 377): «Журнал охоты», «Природа и охота», «Псовая и ружейная охота». В 1904 г. печатался в литературном приложении к журналу «Охотничий вестник». Посмертно были опубликованы «Очерки школьной жизни. Инспектор» (Жизнь и люди. 1910. № 3).

В некрологе, напечатанном в газете «Речь» и журнале «Исторический вестник», выражено сожаление о том, что писатель помещал свои рассказы в «малораспространенных журналах, и потому они остались малоизвестными для читателя». Вербицкий-Антиохов издал сборники охотничьих рассказов: «Очерки из охотничьей жизни» (Ч. 1—2. Тула, 1898, 1908), «Охотничьи рассказы» (Тула, 1900), по которым печатаются рассказы «У костра» и «Повесть о том, как в городе N основывалось охотничье общество».

ВИЛИНСКИЙ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1840—1911) — автор книги «Бытовые охотничьи рассказы» (Спб., 1892). Вилинский — брат Марко Вовчок, родственник Д. И. Писарева, в семье которого воспитывался. Служил помощником акцизного надзирателя. Помещал охотничьи рассказы в журналах «Охота и коннозаводство» (1870—1872), «Охота» (1877), «Книжки «Недели» (1890-е гг.), «Наша охота» (1900-е гг.), в последнем печатались также некоторые стихотворения Вилинского (1910. № 1), «Весенний венок на могилу Вербицкого» (1911. № 9). Частично произведения, печатавшиеся в журналах, вошли в его книгу. На рассказы Вилинского откликнулся «Журнал охоты» (1891—1892. Кн. 1, 3), положительно охарактеризовал произведения библиофил Н. Ю. Апофриев (Русская охотничья библиография.

Брест-Литовск, 1905). В письме Марко Вовчок от 13 марта 1878 г. Твери. Т. 7. Кн. 2. К., 1967. С. 183—377 упоминается статья Вилинского об акцизе, написанная для «Отечественных записок», но не появившаяся в журнале В статье Вилинского «По поводу одного стихотворения Т. Г. Шевченки» Вилинский вспоминает о дружбе поэта с Марко Вовчок и А. В. Марковичем (Исторический вестник. 1893. № 6). Там же, в № 8 — полемический отклик А. Лашкевича. Рассказ «Перед облавой» печатается по кн.: Вилинский Д. А. Бытовые охотничьи рассказы. Спб 1892.

ОПОЧИНИН ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ (1858—1928) — писатель, журналист, историк, театровед, фольклорист, коллекционер. Происходил из древнего дворянского рода. В роду ярославских дворян Опочининых были и придворные вельможи, и литераторы, и коллекционеры, и просветители, занимавшиеся благотворительностью. Е. Н. Опочинин — автор более тридцати книг, множества газетных и журнальных публикаций. Писать начал в студенческие годы в Киеве, для заработка помещал статьи в газетах. С 1879 по 1883 г. служил хранителем библиотеки Общества любителей древней письменности (ОЛДП) и Музея древностей и был ближайшим помощником президента ОЛДП и организатора музея Павла Петровича Вяземского. В эти годы Е. Н. Опочинин находился в гуще культурной жизни Петербурга: сблизился с Ф. М. Достоевским, посещал литературные салоны А. П. Милюкова и Я. П. Полонского, вел переписку с видными историками, литераторами, театральными деятелями. Позднее в своих мемуарах, которые хранятся в ЦГАЛИ, писатель запечатлел портреты великих современников, атмосферу литературных вечеров. С 1883 по 1892 г. служил исполняющим дела редактора внутреннего отдела газеты «Правительственный вестник», издаваемой Г. П. Данилевским. В этот период помещал рассказы исторического содержания в журнале «Исторический вестник». Среди опубликованных и неопубликованных статей Опочинина немало о дворянском усадебном быте, о старинных библиотеках, о коллекционерах, об альбомной лирике помещиков. Опочинин интересовался жизнью старообрядцев, историей Древнего Египта, франкмасонами, историей русского театра.

Странствуя по городам и весям ярославского края, Опочинин записывал песни, легенды, сказки, народные обычаи (Русские народные сказки. М., 1913; Сборник детских народных песенок, стихотворений, прибауток и пр. М., 1913), собирал предметы старины, древние книги, все, что связано с историей России. Опочинин собрал уникальные альбомы автографов знаменитых деятелей культуры.

В 90-е гг. Е. Н. Опочинин начал сотрудничать в демократической газете Н. И. Пастухова «Московский листок», в которой публиковал исторические рассказы. Опочинин издал два сборника рассказов об охоте — «В деревне и на охоте» (М., 1902, 1910), «Из рассказов охотника» (Вып. 1—2. М., 1907, 1911). Рассказы небольшие по объему, в них писатель изобразил необычные характеры и судьбы крестьян. В 900-е гг. Опочинин печатался в журналах «Юная Россия», «Наша Родина», «Жизнь и люди», «Всемирная иллюстрация», «Доброе утро», «Голос минувшего»

РУССКИЙ ОХОТНИЧИЙ РАССКАЗ XIX ВЕКА

Чем объяснить интерес современного читателя к охоте, корнями уходящей в глубокую древность? Ностальгия по прошлому? Экологический голод?

Охота была жизненной необходимостью, неотъемлемой частью быта наших предков, а народная фантазия воспевала и прославляла сообразительных и ловких, настойчивых и выносливых, сильных и смелых охотников. «Он первым стал властным на земле»,— говорит книга Бытия о Нимвроде, страстном и неутомимом зверолове, основателе Вавилона.

Охотник — это не только отважный воин, который, подобно Гераклу, сражается с немейским львом и эриманфским вепрем, но и веселый бурный Вакх, изображавшийся в тигровой шкуре, и прекрасная Артемида с колчаном за плечами и луком или факелом в руках, и Аполлон, которому приписывается изобретение лука, забавлялся охотой и был увенчан лаврами за убиение страшного дракона Пифона, даже Афродита охотилась из любви к Адонису.

С охотой связаны легенды и сказки. Меткая стрела Ивана царевича настигла в болоте чудесную царевну-лягушку. Охотник нашел у лешего пропавшую девушку и женился на ней. А преследуемый королем Карлом IV олень вывел удачливого охотника к горячим источникам, которые с тех пор, согласно легенде, названы именем короля — Карловы Вары.

К ратному подвигу приравнивал свои победы над дикими конями, турами и медведями отважный воин князь Владимир Мономах. После описания военных походов и битв, скитаний по разным уделам Мономах повествует в «Поучении» о ловах. А завершается «Поучение» призывом не страшиться смерти ни в бою, ни на охоте, доблестно исполняя «мужьское дело».

В древности охоту называли ловом, что выражало мысль о материальной стороне этого занятия, о желательном обилии добычи. С конца XV — начала XVI века охота изменяет свое первоначальное назначение добычливого промысла. Изменения отразились и в языке: вместо слова «лов» стали употреблять слово «охота». Охота — это настроение, страстное хотение «гнати по зверю». Охота — источник наслаждения, возможность проявить сметливость, смелость, ловкость: чем больше препятствий, тем радостней успех для охотника.

Помпезно обставлял соколиную охоту азартный любитель «красной потехи» царь Алексей Михайлович. В «Уряднике или новом уложении и устроении чина сокольничья пути», находим описание подготовки к соколиной охоте как костюмированному театрализованному действу со строго предписанными ролями. А в письмах к стольнику Матюшкину царь-охотник с такой любовью и изобразительностью описывает славные добычи своих дорогих птиц, что сухой дневник Алексея Михайловича оживляется эпизодами охотничьих мемуаров.

В XIX веке охота сделалась забавой для привилегированного сословия, частью дворянского усадебного быта. И по тому, как содержалась псарня, можно было судить о достатке помещика. Славился на всю Россию помещик-охотник, автор охотничьих мемуаров, Николай Васильевич Киреевский — товарищ по охоте Л. Н. Толстого, близкий знакомый семьи Тургеневых. В его имении Шаблыкино, своеобразной «охотничьей столице», подолгу живали и охотились знаменитые писатели и художники. Сам же щедрый хозяин, страстный охотник, чудак, выстроивший беседку в память о любимой собаке, стал прототипом для персонажей И. С. Тургенева — гостеприимный помещик («Гамлет Щигровского уезда») и Л. Н. Толстого — дядюшка в «Войне и мире»[1].

Конские ярмарки, устройства псарни, скитания по лесам и болотам, азартные травли, а затем долгие рассказы в кружке охотников о погонях за мастодонтами, о встречах нос к носу с хищниками, анекдоты, байки, мистические истории, хвастовство трофеями — все это наполняло досуг наших благородных предков. Однако в реальной жизни помериться силушкой с медведем, подсадив его на рогатину, или же спрыгнуть на полном ходу с лошади на спину бегущему волку и, крепко схватив его за уши, заструнить, взять живым считалось особой доблестью среди русских охотников. Рациональному же европейцу такая смелость была непонятна и казалась безрассудством. Луи Виардо (приятель Тургенева, муж известной певицы), охотясь в России, был свидетелем рискованных и захватывающих поединков с хищниками. В цикле очерков «Охота в России», публиковавшихся в «Лесном журнале», он не только делится с читателями охотничьими наблюдениями, но и объясняет виды и способы охоты, характерные для разных народов, особенностями национальной психологии. «Эта слепая храбрость,— пишет Луи Виардо,— замечена всеми, кто только имел случай видеть русский народ вблизи, но немногие знают, откуда происходит эта храбрость. Она не есть следствие ни незнания самой опасности [...], ни презрения к жизни... В русском языке есть слово, непереводимое ни на какой другой язык, слово всемогущее, выражающее лучше длинных фраз и объяснений то странное чувство, которое пробуждается в русском человеке при приближении опасности, в исполнении опаснейших пред-

[1] Подробнее см. об этом интересные сведения в статье В. А. Громова «Н. В. Киреевский — знакомый Тургенева и Толстого» (Тургеневский сборник.— Т. 1.— С. 284).

приятий. Это слово — а в о с ь, с ним для русского нет ничего невозможного»[1].

Иностранцу бросилась в глаза и другая особенность, отличающая русскую охоту,— ее ритуальность, обрядовость. Перед началом охоты весь состав: помещики-охотники, егеря, доезжачие, своры собак выстраивались при полном параде в торжественной боевой готовности, а звуки охотничьего рога провозглашали сбор.

Дело в том, что охота (в отличие от промысла — занятия межународного и межнационального) воспроизводит веками складывавшуюся ритуальность, культовые представления и суеверия народа. И, очевидно, страсть русских охотников к единоборству с хищниками связана не только с безрассудной стихийностью русского характера, но и с национальной традицией кулачных боев, бессознательно хранимой исторической памятью народа. А ритуальная парадность и торжественность перед началом охоты сродни смотру войск перед сражением. Ведь в охоте много общего с битвой, воинскими действиями. Охота — в чем-то подражание войне. Подтверждение такой аналогии можно найти, читая описания охоты и военного сражения в «Войне и мире» Толстого. Пожалуй, с неменьшим вожделением, чем на поле сражения, мечтает Николай Ростов о доблести и славе, засев в кустах, во время облавы на волка. Стираются социальные различия: как во время битвы с врагом народ сливается в «единое мы», так и в поединке со зверем равны барин Ростов и крестьянин-егерь Данила.

Мы видим, что тема охоты имеет давние традиции в мировой культуре, она восходит еще к мифологии и фольклору. В произведениях русских писателей XIX века охота также занимала определенное место. Но небольшие эпизоды из охотничьей жизни в произведениях А. Пушкина, Н. Гоголя, Л. Толстого — лишь своеобразный фон, антураж, передающий атмосферу усадебной жизни поместного дворянства. Гарцует в отъезжем поле граф Нулин, но не победы охотника живописует Пушкин, а то, чем занята «супруга одна в отсутствии супруга»... Воздвиг Кирила Петрович Троекуров («Дубровский») на зависть соседям псарню с «лазаретом для больных собак и отделением, где благородные суки оценялись и кормили своих щенят», но охотничья забава барина-самодура не более, чем дополнительный штрих к прочим его причудам. Похваляется перед гостями псарней даже такой нерадивый помещик, как Ноздрев (Гоголь. «Мертвые души»), но об азартных погонях, напряженных поединках, охотничьих трофеях читатель может лишь догадываться. Описание же собственно охоты было достоянием специальных журналов, альманахов. В 40-е годы прошлого столетия издавалось немало журналов, в которых печатались практические советы для охотников, а наряду с описаниями пород собак и лошадей, видов ружей, этнографическими

---

[1] В и а р д о Л у и. Охота в России//Лесной журнал.— 1847.— № 10.— С. 80.

листками были очерки с лирическими зарисовками пейзажей, полумистические-полуюмористические рассказы неизвестных русских авторов. Широко публиковались также переводы английских охотничьих и одновременно правоописательных очерков из загородной сельской жизни. Однако хотя такая литература и пользовалась спросом и была популярна в определенном читательском кругу, критериям художественности не отвечала.

И только с появлением «Записок охотника» И. С. Тургенева (первый рассказ «Хорь и Калиныч» вышел в 1847 году) литературный охотничий рассказ освободился от того, что интересно только специалисту. Большой писатель раздвинул сюжетную и жанровую замкнутость повествования. Этнографичность сгладилась правописательностью, в жизнь леса, природы вошли люди. Близостью к природе в рассказах писателя измеряется душевная чистота, цельность и талантливость человеческой натуры. Охотник способен оценить естественность, искренность, простоту как высший человеческий дар.

Подзаголовок рассказу «Из записок охотника» дал И. И. Панаев, «дабы, как вспоминает Тургенев («Встречи мои с Белинским») расположить благосклонного читателя». Рассказ не только расположил «благосклонного читателя», но и получил высокую оценку Белинского. Критику-идеологу 40-х годов импонировало, что молодой писатель «зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто не заходил». С тех пор и стали появляться в «Современнике» один за другим рассказы Тургенева с тем же подзаголовком, а вскоре, в 1852 году, вышла книга «Записки охотника», состав которой менялся и дополнялся почти на протяжении всей жизни писателя.

Акцентируя один, безусловно, актуальный для того времени аспект очерков Тургенева — крестьянский, народный,— критик не придал никакого значения подзаголовку, посчитав его, очевидно, несущественным. Несомненно, книга Тургенева — это результат наблюдений дворянина, предпринявшего одно из первых хождений в народ. Но фигура охотника, скрепляющая разные по содержанию рассказы, отнюдь не бутафорская, это не игра автора с переодеванием. Вдохновенный охотник-поэт легко узнаваем: это сам Иван Сергеевич Тургенев — чуткий и тонкий знаток природы, дворянин, сочувствующий народным нуждам, исследователь русского характера, ценитель народного таланта, красоты и простоты; ироничный к фальши, беспощадный к жестокости и самодурству. Охотничий костюм демократизировал дворянина, ломал социальные барьеры, позволяя барину зайти в крестьянский кабак, на постоялый двор, заночевать в поле у костра или же в сарае на сеновале. От непосредственного контакта с природой и людьми рождались рассказы охотника.

Почти одновременно с тургеневскими вышли в свет «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова. Многое объединяет и роднит очерки Тургенева и Аксакова. Прежде всего позиция повествователя-охотника, изучающего родную землю, проникающего в тайны природы. Имен-

но ружейная охота, не соколиная, не псовая, располагала одинокого странствующего по лесам и болотам охотника к созерцательности, к единению с природой, к философскому отношению к ней. Охота для Тургенева и Аксакова, как и для многих их современников,— это еще и возможность не отстраненно взирать на красоту природы, а участвовать в ее жизни. Тургенева привлекало, что Аксаков «смотрит на природу не с какой-нибудь точки зрения, а так, как на нее смотреть должно: ясно, просто и с полным участием». Такое понимание делало их единомышленниками. Природа,— считает Тургенев,— «одно великое целое», а человек — частица этого единства. Охотясь, человек приобщается к круговороту, постоянно совершающемуся в природе. Ибо «каждая единица природы существует ради себя и обращает все окружающее себе в пользу», а с другой стороны, «все, что существует,— существует для другого, в другом только достигает своего примирения или разрешения — и все жизни сливаются в одну мировую жизнь [...]. Для комара, который сосет вашу кровь,— вы пища, и он так же спокойно и беззаботно пользуется вами, как паук, которому он попал в сети,— им самим...» (V, с. 415—416). И, очевидно, потому, что осознание себя наравне с другими живыми существами было свойственно современникам Тургенева и Аксакова, они считали охоту занятием естественным, не противоречащим нравственным законам. Охотничья страсть, поэзия, красота гармонично сосуществовали в сознании охотника, охота была естественной склонностью натуры, дававшей пищу для ума, наблюдений, исцеление от несовершенств жизни.

И все же «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова значительно отличались от тургеневских. У Аксакова любовь к природе и животному миру сочетается с научной точностью и аналитичностью. Исследование характеров, повадок зверей и птиц, среды их обитания неразрывно связано в книге Аксакова с традициями, обычаями, историей России. Например, размышляя в главе «Лебедь» над тем, «отчего лебедь считался лакомым или почетным блюдом у наших великих князей и даже царей», автор-охотник делает исторический экскурс: лебедь живет в старинных наших песнях, очевидно, сложенных на юге России, живет также до сих пор в народной речи, хотя там, где теперь обитает настоящая Русь, лебедь не мог войти ни в песню, ни в речь, так мало знает и видит его народ. На юге, в Киеве, попал он в народные песни и на великокняжеские столы; его р у ш а л а, то есть разрезывала сама великая княгиня, следовательно, лебедя ели. Вероятно, оттуда, по преданию и старому обычаю, перебрался он на столы великих князей и царей московских и в народную речь, где слова л е б е д к а и л е б е д у ш к а остались навсегда выражением ласки и участия»[1].

Хотя книга Аксакова не претендует на художественность, понимание писателем природы, характеров животных так поразительно тонко и поэтично, что даже такой знаток человеческих душ, как Гоголь, воскликнул: «в ваших птицах больше жизни, чем в моих людях». И все-таки «Записки ружей-

[1] А к с а к о в С. Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии.— М., 1987.— С. 234—235.

ного охотника Оренбургской губернии» написаны для читателя-специалиста. Практическая направленность сказалась и в названии.

Тургенев же в своей книге переставил акценты, направив читательское внимание на человека, выдвинул на первый план нравственный, социальный, эстетический аспекты. Показав жизнь русской деревни с позиции свободного от мирской суеты странствующего охотника-дворянина, Тургенев «специальное» заменил универсальным, «охотничье», этнографическое — общечеловеческим, художественным.

После тургеневских «Записок охотника» оживились охотничьи издания, журналы: беллетристика стала занимать в них существенное место, появилась даже взыскательная критика на охотничью литературу. И как когда-то «Бедная Лиза» Карамзина вызвала отклик второстепенных писателей и пробудила к жизни целую вереницу сентиментальных повестей с похожими названиями («Бедная Маша» А. Е. Измайлова, «Несчастная Маргарита» неизвестного автора, «Обольщенная Генриетта» Свечинского), так и записки Тургенева и Аксакова нашли немало последователей среди охотников-литераторов.

Кто же эти ныне забытые писатели? Многие из них и при жизни были вдали от литературного Парнаса: чиновники, помещики, учителя, мелкие беллетристы, публиковавшие свои рассказы и статьи в периодических изданиях. Тургенев привечал и поощрял к творчеству своих безвестных литературных собратьев. Так, в рецензии на книгу С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» Тургенев положительно упомянул о Н. Н. Воронцове-Вельяминове и отметил, что рассказы автора о подмосковной охоте отличаются «верностью тона, безыскусственностью изложения». Доброжелательным отзывом на рассказ И. Г. Бунина «Старый знакомый» метр «ободрил на дальнейшее авторство рассказов об охоте»[1] незаметного литератора. «[...] рассказ г-на Бунина я прочел с истинным удовольствием. Описание того далекого края и людей весьма характерно, и не один во мне охотник, но и литератор остался вполне доволен»[2],— писал Тургенев в письме Н. А. Языкову.

Традиция охотничьего повествования осваивалась литераторами «второго и третьего рангов» как бы в двух направлениях: преемники Аксакова стремились сделать очерки познавательными и полезными для охотников, последователи Тургенева, переняв жанрово-композиционную структуру «Записок охотника», предоставили возможность странствующему охотнику рассказывать обо всем, что тот встречает на пути своем, поэтому во многих произведениях, как писал составитель охотничьей библиографии Н. Ю. Анофриев, «охота притянула за волосы»[3].

---

[1] Бунин И. Г. Рассказы охотника/Предисл. автора.— Спб., 1900.
[2] Тургенев И. С. Поли. собр. соч. и писем. Письма.— Т. XIII.— Кн. 1.— С. 109.
[3] Анофриев Н. Ю. Русская охотничья библиография.— Брест-Литовск, 1905.

В очерках Флегонта Арсеньевича Арсеньева — писателя и этнографа — читатель не найдет ни занимательных сюжетов, ни художественно нарисованных характеров, ни поэтических картин природы. Не случайно первый свой рассказ «Из воспоминаний охотника», напечатанный в «Отечественных записках», автор посвятил С. Т. Аксакову, ибо тот поощрял начинающего писателя «исключительно к занятиям охотничьей литературой»[1]. Природа, люди, животные в очерках Ф. А. Арсеньева описаны зорким охотником, наблюдательным природоведом, любознательным ученым, исследователем края.

А рассказы Николая Николаевича Воронцова-Вельяминова — явление переходное от охотничьего, этнографического повествования к художественному. И хотя автор, стараясь сделать книгу «Рассказы Московского охотника» полезной, указал в заглавии место охоты (дань аксаковской традиции), а в некоторых очерках подробно описал подмосковные леса, болота и обитающую в них дичь, все же в некоторых его рассказах в «дело охоты вмешивается любовь»[2]. Автор «Охотничьего словаря» С. Романов, оценив художественные достоинства книги, заключает свою статью выводом о том, что «если из этих рассказов читатель не вынесет пользы, то прочтет их с удовольствием».

Полезное, специальное постепенно вытеснялось в охотничьих рассказах художественным. Не этнографические описания ландшафта, а тонкие, лирические картины предвечернего неба и заката, морозного утра в лесу и дождливого осеннего вечера в деревне, предгрозового дня в поле находим в рассказах Николая Григорьевича Бунина и Николая Андреевича Вербицкого-Антиохова. Жизнь леса неизменно связана с лешими, русалками, кикиморами. И не только «Лесной журнал» полушутя-полусерьезно предупреждает своих читателей о всяких непонятных существах, встречающихся в воде и в лесу, нечистой силы побаиваются и «завзятые» охотники. С лукавой усмешкой рассказывает писатель Евгений Николаевич Опочинин об охотниках-браконьерах («Одинец»), при комических обстоятельствах попавших в дом к нелюдимому благородному защитнику леса Одинцу, который будто бы знается с лешими. Правда, с подобным персонажем читателям приходилось встречаться и в рассказе Тургенева «Бирюк», но это неудивительно: браконьерство и борьба с ним — одна из основных тем охотничьих рассказов.

Что ж, мифические существа населяют лес, а мистические истории наряду с небылицами, байками и анекдотами любят послушать охотники на привале у костра. Романтическая повесть Н. А. Вербицкого-Антиохова «У костра» — загадочная история роковой любви и смерти, которую рассказывает один из охотников в свою последнюю ночь,— вызывает в памяти читателей ассоциации с «Бежиным лугом» Тургенева и с его поздними мистическими произведениями. Но Вербицкий и не скрывает этих параллелей. Аллюзии, реминисценции, пародирование — излюбленные приемы писателя. Не-

[1] Егоров О. А. Арсеньев Ф. А.//Русские писатели: Биографический словарь.— М., 1989.— Т. 1.— С. 109.

[2] Романов С. И. Охотничий словарь.— М., 1876.— Вып. 1.— С. 68.

мало сентиментальных сюжетов, продолжающих тургеневские традиции, о неразделенной любви или же о любви к неровне в репертуаре писателей-охотников. В рассказе Н. Г. Бунина «Старый знакомый» сентиментальность любовной коллизии уравновешивается юмором автора, напряжением сцены схватки героя с медведем. В большинстве же рассказов Д. А. Вилинского любовная интрига доминирует, сентиментальность даже переходит в мелодраматизм. Анонимный обозреватель русской охотничьей литературы за 1890 год, выступивший в «Журнале охоты», не без оснований упрекнул писателя за бессодержательность и недостаточную художественность некоторых его рассказов, а издателя «Природы и охоты» Л. П. Сабанеева — за неразборчивость по отношению к публикуемым материалам[1]. Возрос читательский спрос на охотничью литературу, возросла и требовательность критики и читателей. Ведь наряду с «хорошенькими игрушечками», «пирожными», как называет Л. П. Сабанеев рассказ А. П. Чехова «Он понял!», в охотничьих изданиях печатались и графоманские произведения.

Россия щедра талантами-самородками, бродячими богомазами и певцами, самобытными натурами — сильными, цельными, независимыми; терпеливыми и незлобивыми чудаками-бессребрениками, нищими богачами. С некоторой долей идеализации показывают писатели-охотники людей, близких к природе, незамутненных пороками цивилизации. Искусный птицелов и зверолов Вихряй из одноименного рассказа Н. Г. Бунина, добровольно принявший на себя роль юродивого, ходит на охоту «с голыми руками». Чудной мужик обладает замечательным голосом — чистым серебром звенящим тенором: «то безысходною тоской, то бесшабашной удалью заливался этот голос, и чудно музыкальные звуки, таинственно стройно нарушая окружающую тишину ночного безмолвия, как-то особенно глубоко проникали в душу». А чем богат этот нищий мужик из рассказа Е. Н. Опочинина «Артемий «богач»? Как бы испытывая его, судьба постоянно отнимает у него и то малое, что он имеет. Но Артемий не жалуется, находя положительное объяснение всему происходящему, и лишь приговаривает: «Святло, тяпло, умирать не надо...» С этим и живет Артемий, страстный охотник, охота которого не добычлива: «во всю жизнь он убил одного токовика».

Люди, далекие от природы, обремененные чинами, погрязшие в суете мирской, никчемные чревоугодники и пьяницы сатирически нарисованы в рассказах И. Г. Бунина «Старый знакомый», Н. А. Вербицкого-Антиохова «Повесть о том, как в городе N основывалось охотничье общество».

В меру либеральные, авторы охотничьих рассказов не поднимались до глубоких социальных обобщений, до разоблачения и бичевания существовавших порядков. Быт деревни показан ими без той идеологической предвзятости, с какой изображалась крестьянская жизнь народниками. Даже такой мастер бытописания, как И. А. Салов, сотрудничавший в «Отечественных записках» с Салтыковым-Щедриным, «спешит увести читателя на свежий чистый

---

[1] Обзор русской охотничьей литературы за 1890 год//Журнал охоты.— 1891—1892.— Кн. 1, 3.

воздух, в лес, на озеро, чтобы он здесь отдохнул от мрачных картин произвола, насилия, народной нищеты и обездоленности, от тяжелых сцен несчастной любви, душного чахоточного умирания»[1]. И понятно, почему журнал «Русское богатство»[2], проповедовавший народнические идеалы, упрекнул писателя-охотника Вербицкого-Антиохова в безыдейности и легковесности.

Охотники не только знают характер и повадки животных, они умеют читать их мысли, понимают психологию своих меньших братьев. Существует немало охотничьих рассказов о животных. Рассказ «Пэгаз», написанный Тургеневым для журнала «Коннозаводство и охота» и не включенный автором в последнее издание «Записок охотника», посвящен любимой собаке. А в шуточном рассказе Н. А. Вербицкого-Антиохова «Записки ирландского сеттера» собака — «главный герой» — анализирует поведение своего хозяина. О чем думает бьющийся в предсмертных судорогах побежденный волк? — этим вопросом задается охотник из рассказа Н. Г. Бунина «Медвежатники».

После Тургенева охота вошла в произведения и других крупных писателей, правда, не заняла в их творчестве существенного места. Человек и зверь. Многое их объединяет. Как равные партнеры ведут напряженный психологический поединок загонщик и преследуемый им волк (Б. Зайцев. «Мгла»). Человек и хищный зверь могут прийти к взаимопониманию и любви. О несчастной судьбе прирученных медведей рассказы Н. С. Лескова «Зверь» и В. М. Гаршина «Медведи». Когда человек взирает на животных свысока, с позиции завоевателя, охота превращается в публичную казнь. Под стать самым пышным царским охотам организовал герой рассказа Н. С. Лескова «Зверь» травлю беззащитного провинившегося медведя, жившего для потехи в его доме. Казнь, травля — забава для деспота, и охота с собаками и доезжачими может быть устроена и на неугодившего человека (С. Н. Терпигорев. «Первая охота»). Человек травит человека, подобно тому, как разъяренные волки, преследуемые охотниками, терзают своего старого вожака, не сумевшего вывести их из круга смерти (Б. Зайцев. «Волки»). Человек терзает зверя за то, что тот своим побегом сорвал подготовленное зрелище (В. М. Гаршин. «Медведи»): «Всякий, у кого было ружье, считал долгом всадить пулю в издыхающего зверя, и когда с него сняли шкуру, она никуда не годилась». Рассказ Антоши Чехонте «На волчьей садке», описывающий реальные события публичной травли волков на Ходынском поле в Москве в 1882 году, и фельетоны газеты «Московский листок» способствовали тому, что в 1883 году садка волков стала производиться без публики.

К концу XIX века охота сделалась настолько массовым занятием, что даже юмористические журналы давали объявления по случаю открытия сезона. А тема неудачливых охотников стала не менее актуальной для юмористики, чем темы рогатых мужей, сварливых жен. Не упускает случая поострить о горе-охотниках и редактор самого популярного юмористического

---

[1] Покусаев Е. Вступительная статья//Салов И. А. Повести и рассказы.— Саратов, 1956.— С. 12.

[2] Русское богатство.— 1898.— № 12.— С. 51—52.

журнала 80-х годов «Осколки» Н. А. Лейкин. Персонажи его рассказов не отличались разнообразием: все они выезжают на охоту, чтобы выпить и закусить на природе, стреляют по воробьям и воронам, а в качестве трофеев набивают ягдташи березовыми почками. Комичны герои Антоши Чехонте «осколочного периода» («На охоте», «Петров день», «Двадцать девятое июня») — охотники, не умеющие стрелять, ссорящиеся во время охоты ревнивые мужья, подвыпившие охотники; комичны и захолустные нравы Отлетаевки, где «рак — рыба, Фома — человек и ссора — живое слово».

Давно замечена исследователями близость рассказа А. П. Чехова «Егерь» с «Ермолаем и Мельничихой» и «Свиданием» Тургенева. Хотя Чехов и не был охотником, он создал свой цикл «Записок охотника». О превратностях жизни и любви, о несовершенстве человеческой природы размышляют во время охотничьего привала герои поздней трилогии Чехова «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви».

Распадались «дворянские гнезда», уходило из жизни все, что связано с поместным усадебным бытом: бабушкины «полонезы на клавикордах», «томное чтение стихов из «Евгения Онегина», портреты с аристократическими головками, «дедовские книги в толстых кожаных переплетах с золотыми звездочками на сафьянных корешках», охота... Как упоительные картины былой жизни встают в памяти героя И. А. Бунина «Антоновские яблоки» сцены больших дворянских охот с музыкальным гамом собак, призывными звуками рога, шумными, разгоряченными застольями после напряженного удачливого гона.

Угас дворянский быт, но остались записки охотников, рассказы, донесшие до нас приметы времени. Целый пласт русской литературы, тесно связанный с культурными традициями, жизнью XIX века, до сих пор оставался в тени. Охотничий рассказ, примостившийся где-то на обочине, в сторопе от магистральных тем и проблем, вдали от острой полемики по жгучим вопросам современности, оказался удивительно жизнеспособным. Охотничьи сюжеты представлены не только в творчестве корифеев XIX века — Л. Н. Толстого, В. М. Гаршина, Н. С. Лескова, А. П. Чехова, И. А. Бунина, но и советских прозаиков — М. Пришвина, Г. Троепольского, В. Тендрякова, Ю. Казакова, Ч. Айтматова. «Малые», ныне забытые писатели XIX века, не открывая новых путей в литературе, подхватывали и бережно сохраняли традиции, поддерживали жизнь жанра, создавая субкультуру. Издавая этот сборник, антологию русского охотничьего рассказа XIX века, мы хотим восстановить эту прерванную традицию.

Маргарита ОДЕССКАЯ

Р2
И48

Иллюстрации Е. Шукаева

Оформление В. Синельщиковой

И48 Ильф И. А., Петров Е. П.
Золотой теленок: Роман.— М.: Сов. Россия, 1991.— 384 с.: ил.

Переиздание романа известных советских писателей-сатириков.

И $\frac{4702010201-001}{М-105(03)91}$ 106—90 Р2

ISBN 5-268-01053-0

писчебумажными принадлежностями. Теперь в одной витрине помещались галстуки и подтяжки, а в другой висел на двух веревочках огромный желтый карандаш.

Потом настали времена еще более лихие. В магазине появился третий совладелец. Это был часовых дел мастер, оттеснивший карандаш в сторону и занявший полови-ну окна бронзовыми часами с фигурой Психеи, но без минутной стрелки. И напротив бедного галантерейщика, который не переставал уже иронически улыбаться, сидел кроме постылого карандашника, еще и часовщик с вставленной в глаз черной лупой.

Еще дважды посетило галантерейщика горе-злосчастье. В магазин дополнительно въехали водопроводный мастер, который тотчас же зажег какой-то паяльный примус, и совсем уже странный купец, решивший, что именно в 1930 году от рождества Христова население Черноморска набросится на его товар — крахмальные воротнички.

И когда-то гордая, спокойная вывеска галантерейщика приобрела мерзкий вид.

ТОРГОВЛЯ
ГАЛАНТЕРЕЙНЫМИ ТОВАРАМИ
ГАЛАНТПРОМ
Б. КУЛЬТУРТРИГЕР

ПОЧИНКА
РАЗНЫХ ЧАСОВ
Б. ПАВЕЛ БУРЕ
ГЛАЗИУС-ШЕНКЕР

КАНЦБУМ
ВСЕ ДЛЯ ХУДОЖНИКА И СОВСЛУЖАЩЕГО
ЛЕВ СОКОЛОВСКИЙ

РЕМОНТ
ТРУБ, РАКОВИН И УНИТАЗОВ
М. Н. ФАНАТЮК

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
КРАХМАЛЬНЫХ ВОРОТНИЧКОВ ИЗ ЛЕНИНГРАДА
КАРЛ ПАВИАЙНЕН

Покупатели и заказчики со страхом входили в некогда благоухавший магазин. Часовой мастер Глазиус-Шенкер, окруженный колесиками, пенсне и пружинами, сидел под часами, в числе коих были одни башенные. В магазине часто и резко звонили будильники. В глубине помещения толпились школьники, осведомлявшиеся насчет дефицитных тетрадей. Карл Павиайнен стриг свои воротнички ножницами, коротая время в ожидании заказчиков. И не успевал обходительный Б. Культуртригер спросить покупательницу: «Что вы хотели?» — как водопроводчик Фанатюк с грохотом ударял молотком по ржавой трубе, и сажа от паяльной лампы садилась на нежный галантерейный товар.

В конце концов странный комбинат частников развалился, и Карл Павиайнен уехал на извозчике во мглу, увозя свой не созвучный эпохе товар. За ним ка

в небытие Галантпром
конные фининспектора
Шенкер ушел в часо
Гофрированные железн
чезла и занятная выве
Вскоре, однако, что
шим ковчегом частни
ная таблица:

Праздный черномо
заметить, что прилав
вымыт, стояли янчны
висели обыкновенны
часов приема и вред
учрежденьице уже
против посетителей,
У маленького столи
пускал пары и тоне
ную судьбу, сидел к
чайные кружки, он

Что за
Что за
В бога
В бога

За барьером бр
подходил к пишущ
щимся пальцем по к
глубине конторы,
ния», сидел велич
штепсельной лампы

Гостиница «Ка
антилоповцы, за
«Вороньей слобо
чайно этим скан
стовать, указыв
а одному — о
«Мон дье, Ва
заботно,— не
всех трех я
ие се
Ма
в

СОДЕРЖАНИЕ

На графских развалинах 4
Дальние страны 62
Военная тайна 132
Комендант снежной крепости 235
Р.В.С. 281
Четвёртый блиндаж 319
Чук и Гек 339

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
И ЗАРУБЕЖНОЙ
КЛАССИКИ

АРКАДИЙ ГАЙДАР

Дальние страны

Повести и рассказы

МИНСК
«ЮНАЦТВА»
1985

АРКАДИЙ ГАЙДАР

Дальние страны

АРКАДИЙ ГАЙДАР • Дальние страны

РОБЕРТ
ШТИЛЬМАРК

НАСЛЕДНИК ИЗ КАЛЬКУТТЫ

КНИГА ИЗ-ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКИ

Вместо послесловия

Вы прочитали, перевернули последнюю страницу одной из самых, быть может, замечательных книг нашего времени. И, конечно, у вас еще в памяти слова, которыми автор предварил свою книгу:

«Работа над романом началась в экспедиционно-полевой обстановке, когда мы двигались по зимней заполярной тайге с первыми строительными партиями, следом за изыскателями...»

И далее он говорит о веселой и смелой комсомольской молодежи этих партий, о том, как собиралась она после напряженного трудового дня «у огонька», пела песни и читала взятые с собой книги. Но книжки были быстро прочитаны, а новых поступлений не ожидалось, и тогда — «наш «кружок у костра» стал, так сказать, ареной проявления всех самодеятельных талантов».

Вот так, по уверению автора, в обстановке якобы острейшего, как сейчас сказали бы, книжного дефицита и в порядке самодеятельного творчества и родился роман «Наследник из Калькутты». По принципу, когда-то подсказанному автору еще датским писателем Мартином Андерсеном Нексе: все это вы сможете съесть, если сами принесете это с собой — и русскую икру, и африканских лангустов.

А была, и вправду, зимняя заполярная тайга. Были и напряженные, до изнеможения, трудовые дни, и костры на снегу, и заиндевелые стены бараков, и коптилки особой конструкции, которые и до сих пор известны под названием «зов предков» и в смрадном, чадном, зыбком сумраке которых писалась эта книга. Была и веселая комсомольская молодежь, были и люди постарше, и среди них — прошедшие еще царские каторги и централы. Но не для того подходили они к костру, чтобы петь песни, и не книги были в их обмороженных руках. И уж, конечно, не было у этих людей задора, энтузиазма, характерного «для малых и больших коллективов советских людей... на любых плацдармах «переднего края» пятилеток».

Роман «Наследник из Калькутты» пришел к нам из-за колючей проволоки сталинских лагерей. Он написан на печально знаменитой 503-й стройке, откуда возвращались немногие. Строилась задуманная Сталиным и бесплодно [illegible] десятки тысяч жизней «великая [illegible] железная магистраль», и она проходила параллельно от печально знаменитой Курейки, где в свое время отбывал ссылку «великий вождь и отец всех народов». Сторожевые вышки с молоденькими солдатиками, которым было дано право стрелять в зеков без предупреждения, да ряды колючей проволоки, за которой бегали надрессированные рвать людей овчарки,— вот что окружало «плацдарм». И как непременный знак, тяжело отражавшийся на всем, что происходило на этом «плацдарме»,— на рукописи, а затем и на первом издании книги рядом с фамилией автора появилась еще и фамилия некоего В. Василевского — «дяди Васи», как заискивающе называли его лагерные урки, «пахана», державшего в руках всю лагерную верхушку.

Эта книга написана в сталинском лагере, но рассказывает о другом, светлом мире. Ныне она становится достоянием нашей большой литературы, но она — еще и живой документ времени, отразивший самые, быть может, трагические моменты нашего недавнего прошлого. И поэтому эта книга — еще и свидетельство стойкости человеческого духа, той веры в людей, в их добрые начала, которую не могут сломить никакие невзгоды.

За несколько недель до окончания войны, в апреле 1945 года начинающий литератор и преподаватель высших командных курсов, а совсем в недавнем прошлом боевой офицер-разведчик Роберт Александрович Штильмарк был арестован. Его обвинили в распространении слухов, порочащих социалистический строй и советский образ жизни. На допросах он признался, что действительно неодобрительно отзывался об одном новом здании столицы, назвал его «спичечным коробком». И что действительно выражал сожаление, недовольство сносом Сухаревой башни — замечательного исторического памятника Москвы. Особое Совещание определило ему «за болтовню» срок в 10 лет, и бывший фронтовик очутился в Заполярье.

Тюрьмы, этапы, лагеря. Лесоруб, водовоз, переводчик, преподаватель те[illegible], грузчик, кострожог, заведующий репертуарной частью театра, геодезист, бетонщик — самых разнообразных умений и навыков требовали эти и многие другие профессии, которыми пришлось овладевать. [illegible] разносторонности дарований позавидовали бы [illegible], даже предприимчивые представители древнего [illegible]ландского рода Штильмарков, перебравшиеся [illegible] в Россию. Но едва ли эти умения и навыки были необходимы для будущей книги. Эти годы не были временем накопления материала, связанного с темой, столь далекой от действительности — Англией XVIII века. Скорее, можно было растерять и те знания, что имелись. И все же они были дорогой к книге. Потому что эти первые и самые трагические для многих годы заключения не сломили Штильмарка, не убили в нем человека.

И вот — лагерь на 503-й стройке. И всеведущий дядя Вася узнает о литературных способностях «новенького». А тут кто-то говорит дяде Васе, что Сталин будто бы читает только исторические романы, любит их, и даже был случай, когда он одному писателю-зеку за сочинение такого романа «скостил срок». И у «пахана» зреет блестящая идея. Он поручает Штильмарку написать «ро́ман», да чтобы потрогательнее, поинтереснее, чтобы дух захватывало и мурашки по телу и чтобы были и похищение ребеночка, и удивительные превращения, и преследования, и бури в океане, и кораблекрушения, и даже охота на львов была. Действие

поэтому должно происходить, конечно, не в России и лет, этак, 200 назад, но Иосиф Виссарионович должен непременно узнать место, где «ро́ман» написан. А так как это место рядом с Курейкой, то надо дать приметы, без сомнения, трогательно памятные «дорогому учителю».

Нетрудно представить, какая бы сентиментальная мещанина, бижутерия, позлащенная канитель получилась, попадись такой заказ в руки графомана. Бессердечность и жестокость всегда, как ни странно, соседствуют с умилением и слезами, а самые сентиментальные люди, как известно,— садисты. Но под пером Штильмарка вырастает живое и захватывающее художественное полотно со всеми признаками остроприключенческого жанра. Даже приметы Курейки удалось вплести так, что они не выпирают, и на этих страницах — все те же свободолюбивые и вольные правдоискатели, правдолюбцы, первопроходцы. И не такой уж это непростительный прием — неоторая вынужденная мистификация, потому что роман должен выйти в свет, а он всей своей сущностью направлен против лжи и фальши.

И Штильмарк работает, все более увлекаясь, вначале по шесть, а потом и по двенадцать, двадцать часов в сутки. Убористо исписанные «крошечные листы почтовой бумаги» мгновенно расходятся по баракам, переписываются четким каллиграфическим почерком, украшаются виньетками, рисунками и хранятся бдительным дядей Васей пуще зеницы ока. Не тень «пахана» нависает над плечами писателя, приковывает к табурету в промерзшем блоке. Наконец-то он может отдаться любимой работе, высказать людям все, чем жива его душа и чем, по его мнению, люди должны быть живы! Здесь, пожалуй, можно только поблагодарить дядю Васю. Всемогущей своей властью он предоставил писателю неограниченное время, избавил от лагерной принудиловки, от той трудовой нормы, за невыполнение которой лишались и миски баланды, а то и попадали в карцер.

К 15 июня 1951 года трехтомный роман был завершен. За необыкновенно короткий срок: год и два месяца! За акварелью, необходимой для изготовления морских карт, направили пешего гонца за 150 километров. Кисти изготовили из беличьего хвоста. На переплет

употребили обложки дел заключенных и синюю шелковую рубаху одного из зеков. На первой странице тщательно вывели трогательное посвящение отцу всех народов, рукопись торжественно сдали в Политотдел стройки и стали ждать.

Напрасно! Следы рукописи затерялись надолго, и наверняка ее никто не читал. Тирания и режим, основанный на ее принципах, равнодушны, слепы и глухи. Деспот не видит и не слышит никого, кроме себя. Уже был освобожден в 1953 году Роберт Александрович, хотя еще и оставался жить в Енисейске. И лишь хлопотами сына и усилиями все того же всемогущего дяди Васи три толстых тома в синем переплете удалось наконец заполучить в [illegible] доме на Садовом кольце. Слава богу, хоть не потерялн!

В 1958 году роман «Наследник из Калькутты» при самом активном участии писателя-фантаста И. Ефремова был издан. На [illegible] первом издании книги, как уже говорилось, значилась [illegible] фамилии. Еще долго Роберту Александровичу Шпильмарку, ставшему уже членом Союза писателей СССР, приходилось доказывать, что В. Василевский имеет отношение к роману лишь косвенное. Роман был [illegible] же замечен, переведен и издан за рубежом. Четыре раза он издавался в Болгарии, два раза — в Польше, в Чехословакии, в Китае. А в нашей стране он становился все большей библиографической редкостью, за ним «охотились», за него платили бешеные деньги, о нем слагались легенды, а об авторе ходили небылицы. Договаривались даже до того, будто бы автор — это и есть тот самый счастливчик, что получил несметное наследство из Калькутты.

И автор не может теперь опровергнуть слухи, потому что среди нас его уже нет.

«Книги имеют свою судьбу»,— вспомните еще раз начальные слова романа. «Habent sua fata libelli»,— как говорили древние. Так вот, эта самая «fata» «Наследника из Калькутты», родившегося за колючей проволокой и ныне вырывающегося к читателю, должна быть долгой и счастливой. Гораздо счастливее, чем она слагалась прежде и чем сложилась судьба самого автора.

Написанный в остросюжетной, яркой художественной форме, роман идеально отражает все «приметы»

приключенческого жанра. В послесловии к роману уже не надо пересказывать его содержание, напоминать те невероятные события, которые с первых же страниц буквально обрушиваются на читателя. И они увлекают, захватывают, завораживают, и неизъяснимой магией писательского таланта вы оказываетесь погруженными в водоворот этого стремительно развивающегося действия и уже чувствуете себя его живыми соучастниками, заинтересованными, страдающими, торжествующими или негодующими. А главное, вы оказываетесь в удивительно светлом, солнечном мире людей прекрасных в каждом движении своей души. Их окружают жестокость, несправедливость, насилие, и они зачастую становятся их жертвами, но это не ослабляет их волю, и с еще большей решимостью бросаются они на борьбу, и зло отступает, и торжествует добро.

И вот вы уже вместе с этими сильными, смелыми, [illegible] людьми на их летящем [illegible] под белыми парусами. И говорите, и [illegible] о новой жизни, и звезды, и [illegible] ваши слова. Вы думаете не только о [illegible] и о дороге, которой людям идти в будущее. И в [illegible] смелых мечтах видите Город Солнца, [illegible] вами для всей огромной семьи человечества. Вы понимаете, что воздвигнуть этот Город на [illegible] просторах земли смогут лишь новые поколения отважных людей, но верите, что это будет скоро, и шлете грядущему свою звонкую песню привета.

По-разному будет восприниматься роман в разные времена. Но неизменно будет слышаться этот призыв к Городу Солнца. Для нас, для нынешнего поколения советских людей, он особенно важен, потому что мы начинаем перестраивать свою жизнь. Многое мы утратили, подрастеряли за годы сталинщины, брежневщины, и уже порой просто катастрофически не хватает нам и веры, и стойкости, и решительности, и обыкновенной человечности. Многое на пути перестройки нам предстоит не только обрести, но и восстановить в себе. И потому нам еще и особенно важно помнить, что даже в самые мрачные времена нашей истории были люди несгибаемой воли, несокрушимой веры и бесконечной человечности. Даже за колючей проволокой они творили добро, несли людям жизнь. И несть им числа,

и не должен иссякать род человеческий, оскудевать в добре!

До тех пор, пока эта память будет, как пепел Клааса, стучать в наши сердца,— будет строиться Город Солнца. И будет счастливой судьба книги, которую вы только что прочитали, и судьба ее автора. И неизменно он будет подходить к нашему «кружку у костра». Подойдет, снимет варежки с обмороженных своих рук, улыбнется и скажет: «Вот мы и снова вместе, друзья! Дайте местечко у огонька вашему романисту!»

Помните обо всем этом, читатель!

Помните!

Виктор Макаров

МУСА ДЖАЛИЛЬ

КРАСНАЯ РОМАШКА

ИЗБРАННОЕ

Перевод с татарского

Казань
Татарское книжное издательство
1981

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

МУСА ДЖАЛИЛЬ

КРАСНАЯ РОМАШКА

С(Тат)2
Д40

Редакционная коллегия

Вакиф Нуруллин (главный редактор), *Амина Джалиль*, *Рафаэль Мустафин*, *Сибгат Хаким*, *Нил Юзеев*

Вступительная статья, составление и примечания
Рафаэля Мустафина

Сборник является одним из наиболее полных изданий на русском языке произведений выдающегося татарского поэта Героя Советского Союза лауреата Ленинской премии Мусы Джалиля. В книге широко представлен творческий путь поэта начиная с юношеских произведений и до стихотворений, вошедших во всемирно известную «Моабитскую тетрадь».

В сборник включены письма Джалиля и воспоминания о поэте.

Д $\frac{70803—043}{М132(03)—81}$ 157—81

© Состав., оформление. Татарское книжное издательство, 1981 г.

ПОЭЗИЯ ПРАВДЫ И СТРАСТИ

Песнь свою я посвятил народу.
Жизнь свою народу отдаю.

Муса Джалиль

«...Я не боюсь смерти. Это не пустая фраза. Когда мы говорим, что мы смерть презираем, это на самом деле так... Есть жизнь... после смерти, в сознании, в памяти народа. Если я при жизни делал что-то важное, бессмертное, то этим я заслужил эту другую жизнь— «жизнь после смерти»... Цель-то жизни в этом и заключается: жить так, чтобы и после смерти не умирать»[1]. Эти слова, обращенные к самым близким людям — жене и дочери,— написаны Джалилем в канун его отъезда на фронт в начале 1942 года. В них и определение и объяснение великого человеческого и творческого подвига, свершенного поэтом, чье имя стало символом стойкости, героизма, беззаветной преданности Родине, верности гражданскому и писательскому долгу.

«Мир и мировая литература знают много поэтов, обессмертивших свои имена неувядаемой славой, но таких, как поэт-герой Муса Джалиль, увековечивший свое имя и бессмертными творениями, и смертью, которая сама является подвигом, не так уж много. Вот они: великий Байрон, славный народный поэт Венгрии Петефи, герой Юлиус Фучик и, наконец, Муса Джалиль»[2] — так мудро и проникновенно сказал о Джалиле замечательный азербайджанский поэт Самед Вургун на торжественно-траурном собрании памяти Мусы Джалиля в августе 1954 года.

Подвиг поэта был подготовлен всей его жизнью. Это была не минутная вспышка, не мгновенный пламенный порыв. С 26 июня

---

[1] Муса Джалиль. Сочинения, Казань, 1962, с. 481.
[2] Цит. по кн.: Муса Джалиль. Сочинения, Казань, 1962, с. 3.

1942 года, когда тяжело раненный, оглушенный взрывной волной политрук Муса Залилов попал в плен к гитлеровцам, до 25 августа 1944 года, когда над его головой сверкнул нож фашистской гильотины, прошел 791 день. 791 день лицом к лицу со смертью... 791 день унижений, изматывающих допросов в гестаповских застенках и не прекращающейся ни на день, ни на час борьбы.

В 1921 году пятнадцатилетний Муса написал страстное, полное горячей убежденности стихотворение, в котором со всем пылом молодости пророчески заявлял:

Пусть кому-то быть из нас убитым,
Никому из нас не быть рабом!

(«Нет, сильны мы — мы найдем дорогу...»)

Двадцать с лишним лет спустя узник фашистской тюрьмы Моабит Мусса Гумерофф-Джалиль (так значилось в его учетной карточке смертника) записал в свой самодельный блокнот строки, прямо перекликающиеся с его юношеским стихотворением:

С мужеством свобода, что гранит,
Кто не знает мужества — тот раб.

(«О героизме»)

Проще всего было бы провести между этими крайними точками прямую линию и рассматривать всю жизнь и все творчество Джалиля как неуклонное восхождение к вершине. Но у жизни своя логика, которая далеко не всегда укладывается в прямолинейные схемы. Были на пути поэта и срывы, и неудачи, и напряженные исканния, и горькие разочарования. Цикл «Моабитская тетрадь» — вершина творческого пути татарского поэта и наивысшее проявление его героического духа. Однако творчество Джалиля не исчерпывается этим циклом и не сводится к нему. В многогранном мире поэзии Джалиля — и задушевная лирика, и откровенно публицистические, иной раз лозунговые стихи, и эпические поэмы, и стихи для детей, и драматические либретто, и злободневные поэтические фельетоны, и репортажи в стихах. Уже до войны Джалиль был широко известным, признанным поэтом Татарии, стихи его вошли в школьные хрестоматии.

Как же формировался этот своеобразный талант и сильный, волевой, мужественный характер?

1

Муса Джалиль родился в татарской деревне Мустафино бывшей Оренбургской губернии (ныне Шарлыкский район Оренбургской области) 2 (15) февраля 1906 года в небогатой крестьянской семье.

Отец Мусы, Мустафа, сын бедного аульного пастуха Абубакира, с детских лет гнул спину на богатого купца. Был мальчиком на побегушках, позднее работал приказчиком. Попробовал было завести собственное дело и открыл в Мустафино небольшую бакалейную лавочку, но вскоре разорился, вынужден был распродать все свое имущество и в 1913 году перебрался в поисках лучшей доли в город. В Оренбурге он часто месяцами сидел без работы, а семья — без куска хлеба. Жили на те жалкие гроши, которые мать Мусы, Рахима, добывала стиркой и уборкой в домах состоятельных горожан. А в семье Залиловых [1] было шестеро детей.

Огромное влияние на формирование внутреннего мира будущего поэта оказала его мать Рахима-апа [2]. Спокойная, тихая, уравновешенная, полная противоположность Мустафе-абзы, темпераментному, вспыльчивому, легко подверженному неожиданным перепадам настроения,— она обладала бесконечным терпением и стойкостью. Но не только нравственные основы характера Мусы складывались под ее воздействием.

Родное село поэта, Мустафино, было основано в последней четверти XVIII века переселенцами из Казанской губернии. Давно замечено, что в национальных поселениях, возникших вдали от родных мест, истово сберегается родной язык, обычаи предков, сокровища устного народного творчества. Так же произошло и здесь. Фольклористы находят в этих краях такие народные песни, сказки, легенды, которые не сохранились в самой Татарии. Языковеды же с особым интересом изучают местные говоры, восходящие в ряде форм к древним истокам татарского языка.

Хранительницей и исполнительницей замечательных образцов народного творчества в семье Залиловых была мать поэта. В юности она считалась первой певуньей на селе, не только знала

---

[1] Татарский звук «җ» передается на русский и как «з», и как «дж». В русских документах фамилия Җәлил (окончание «ов» чисто русское, татарские писатели обычно избегают его) издавна пишется как Залилов. В последние годы вошло более правильное написание — Джалилов, Джалиль.

[2] А б з ы, а п а — уважительные «приставки» при обращении к старшим у татар.

множество песен, сказок, баитов [1], но и сама сочиняла их. Сложенный ею незадолго до смерти мунаджат [2] к сыновьям Ибрагиму и Мусе до сих пор еще бытует в Мустафино.

Шести лет Муса пошел учиться в сельский мектеб [3], где за год овладел азами грамоты и вызубрил наизусть несколько сур [4] из Корана. В Оренбурге Мустафе Залилову удалось устроить сына в медресе «Хусаиния» [5] — мусульманское учебное заведение типа духовной семинарии. «Хусаиния» считалось «новометодным» медресе. Наряду с обязательной зубрежкой Корана и всякого рода религиозной схоластикой, здесь изучались и светские дисциплины. Больше всего Мусе нравились уроки родной литературы, рисования и пения. В медресе была богатая библиотека, где маленький Муса запоем читал стихи классика татарской дореволюционной поэзии Габдуллы Тукая (1886—1913), виднейшего представителя татарской и башкирской литератур поэта и прозаика Маджита Гафури (1880—1934), мастера философской лирики крупного татарского поэта Дердмэнда (1859—1921). Несколько позже, в городской библиотеке, будущий поэт впервые познакомился с книгами Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова.

Отроческие годы Мусы совпали с периодом больших социальных потрясений.

Активный, любознательный и очень впечатлительный подросток, увлеченный романтикой борьбы за свободу, самим духом близящихся революционных преобразований, был захвачен бурным потоком событий. После февральской революции в медресе «Хусаиния» началось брожение. Муса — на левом крыле движения шакирдов (учащихся медресе). Он редактирует классную газету, пишет статьи и памфлеты, выступая против сторонников мулл и баев, страстно воспевает солнце свободы.

Становление Советской власти в Поволжье и Приуралье проходило в сложных условиях. В годы гражданской войны Оренбург несколько раз переходил из рук в руки. Свои порядки устанавливали

---

[1] Баит — сюжетная песня или сказание типа русских былин, преимущественно на трагические темы.

[2] Мунаджат — стихотворное послание религиозного или нравоучительного характера.

[3] Мектеб — татарская начальная школа, чаще всего содержавшаяся на средства самих крестьян.

[4] Сура — глава из Корана, священной книги мусульман.

[5] Медресе «Хусаиния» — духовное училище, содержавшееся на средства оренбургских купцов Хусаиновых.

то дутовцы, то колчаковцы. В оренбургском караван-сарае (своего рода гостинице для приезжих) двенадцатилетний Муса видел окровавленные трупы красноармейцев, женщин, детей, изрубленных белоказаками во время ночного налета. На его глазах армия Колчака устанавливала «твердую власть» в деревне: реквизировала скот, отбирала лошадей, арестовывала и расстреливала сочувствующих Советской власти. Так сама жизнь давала подростку наглядные уроки классовой борьбы. Муса ходил на митинги и собрания, жадно читал газеты и большевистские брошюры. Особенно большую роль в формировании его мировоззрения сыграл старший брат Ибрагим, работавший корректором в большевистской газете.

Весной 1919 года, когда в окруженном белогвардейцами Оренбурге возникла комсомольская организация, тринадцатилетний Муса записывается в ряды Коммунистического Союза молодежи, рвется на фронт. Но в отряд его не берут: маленький, щуплый, он выглядит совсем мальчишкой. Вернувшись после смерти отца в родную деревню, Джалиль создает здесь детскую коммунистическую организацию «Красный цветок», куда вошло около сорока мальчишек и девчонок. Они ставили в деревне спектакли, проводили вечера, собрания, митинги, выпускали стенгазету и рукописный журнал (который Муса почти целиком заполнял своими стихами, рассказами, пьесами). В 1920 году по инициативе Мусы в Мустафино возникает комсомольская ячейка. Кипучий, деятельный по натуре, Муса становится признанным вожаком сельской молодежи. Его выбирают членом волостного комитета РКСМ, посылают делегатом на губернскую конференцию комсомола.

Муса не просто агитировал за новую жизнь, но и, когда это было нужно, с оружием в руках отстаивал молодую Советскую власть: в составе частей особого назначения воевал с белыми бандами, которых немало еще действовало в те годы в оренбургских краях, участвовал в подавлении кулацких мятежей.

В 1921 году в Оренбуржье пришла жестокая засуха и голод. На глазах Мусы умерли от голода двое его младших братишек. Чтобы не быть семье в тягость, Муса уходит в город и вливается в толпы голодной беспризорной детворы, наводнившей в то страшное лето Оренбург. В эти месяцы он «ел что попало, ночевал где придется, воровал» («Мой жизненный путь»). Позднее, с помощью одного из сотрудников красноармейской газеты «Кызыл юлдуз» (в ней были напечатаны его первые стихи) Муса стал курсантом Оренбургской военно-партийной школы, а затем — студентом ТИНО (Татарского института народного образования), созданного на базе медресе «Хусаиния».

27 мая 1920 года В. И. Ленин и М. И. Калинин подписали декрет, провозгласивший создание в составе РСФСР Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. Таким образом, была создана прямая государственная основа для развития национальной экономики, науки, культуры. Со всех концов страны в Казань съезжаются молодые литераторы, музыканты, художники, одержимые желанием принять участие в становлении и развитии новой социалистической культуры. В Казани создается труппа Татарского государственного драматического театра, начинают выходить периодические издания, растет выпуск книг на татарском языке.

Осенью 1922 года в Казань переезжает и шестнадцатилетний Муса Джалиль. «Меня вела... окрыляла вера в поэтическую силу», — писал он позднее («Мой жизненный путь»).

2

Джалиль, по его собственному признанию, начал сочинять стихи с девяти лет. Первые стихотворные опыты поэта не сохранились. По воспоминаниям родных и близких, это были идиллические стишки про бабочек и гусей, про коршуна и цыплят, про родную речку Неть и ее зеленые цветущие берега.

Бурное, богатое событиями время способствовало раннему идейному созреванию будущего поэта. В начале 1917 года одиннадцатилетний Муса пишет стихотворение, в котором говорит о первой мировой войне как о бессмысленной бойне, ежедневно уносящей тысячи жизней, и посылает его в редакцию татарской газеты «Вакыт» («Время»). Стихотворение, конечно, осталось ненапечатанным. Позднее Муса вернулся к нему, усилив обличительный пафос и подчеркнув свое сочувствие народным массам («На войне», 1920).

До нас дошло несколько толстых общих тетрадей 1918—1921 годов со стихами, рассказами, пьесами Мусы и сделанными им записями народных песен, сказок и легенд. Значительная часть стихотворений этого периода осталась ненапечатанной при жизни поэта. Но и по ним можно получить некоторое представление об этапах творческого возмужания Джалиля. Уже с самых первых стихов чувствуется стихийный демократизм начинающего автора. Выходец из низов, немало хлебнувший в своей жизни и горя, и нужды, знающий цену куску хлеба насущного, на себе испытавший презрительно-высокомерное отношение байских сынков к нему, сыну старьевщика, лишь из милости взятому на казенный кошт в медресе, Муса с искренним сочувствием относится

к народу. Правда, он еще не умеет облечь свою мысль в плоть художественных образов и декларирует ее прямо, в лоб:

Жизнь моя для народа, все силы ему,
Я хочу, чтоб и песня служила ему.
За народ свой я голову, может, сложу —
Собираюсь служить до могилы ему.

(«Слово поэта свободы»)

В этих строчках чувствуется явная перекличка со стихотворением татарского народного поэта Габдуллы Тукая «Народу». Близки не только настроение и идейный пафос: Джалиль придерживается того же стихотворного размера (одна из модификаций арабского аруза), схемы рифмовки (а — а — б — а) с использованием редифа (повторяющегося после рифмы слова в конце каждой строки), даже в самой интонации стиха идет по стопам своего учителя.

Творчество Джалиля этих лет носит на себе явные следы влияния передовой демократической татарской литературы начала XX века, в особенности поэзии Габдуллы Тукая и Маджита Гафури. Стихи юного Мусы роднит с ними гуманистический пафос его поэзии, сочувствие к угнетенным, униженным и обездоленным, непримиримость ко злу во всех его видах, ненависть к угнетателям. Таково, в частности, стихотворение М. Джалиля «Сирота» (1918). В то же время надо отметить и издержки некритического следования далеко не лучшим образцам. Так, в том же стихотворении «Сирота» чувствуется стремление как-то разжалобить читателя, вызвать не просто сочувствие, но и слезы на глазах. Подобные мелодраматические нотки, перемежающиеся с натуралистически-приземленными сценками и эпизодами, нередко встречаются и в других ранних стихах Джалиля.

Есть в стихах юного поэта и наивный дидактизм, нравоучительность, идущие еще от просветительских традиций татарской литературы: «Каков — не важно — ты с лица, Была бы светлой суть. Будь человеком до конца, С высоким сердцем будь» («Будь стойким, друг мой, до конца...», 1918).

В годы гражданской войны дидактизм поэзии раннего Джалиля, несколько видоизменившись, принимает форму открытых призывов и лозунгов. Осенью 1919 года в оренбургской татарской газете «Кызыл юлдуз» («Красная звезда») — органе большевиков Туркестанского фронта — Муса напечатал около десятка стихотворений (очень красочно рассказывает об этом сам поэт в автобиографических заметках «Мой жизненный путь»).

Стихи эти примечательны своим открытым революционным пафосом, роднящим поэзию Джалиля с творчеством таких татарских поэтов нового времени, как Галиасгар Камал, Мирхайдар Файзи, Шамун Фидаи и др. Это стихи, «полные ненависти к белым бандам» («Мой жизненный путь»), проникнутые уверенностью в победе дела рабочих и крестьян.

Обращает на себя внимание и ораторский накал этих стихов, откровенно прокламационный стиль: «Друг-рабочий, винтовку возьми — и в поход. Жизнь отдай, если надо, за волю свою» («Счастье», 1919). Таковы же по характеру стихи «Нет, сильны мы — мы найдем дорогу...», «Слово поэта свободы» и др.

Стихи эти создавались в то время, когда еще не отгремели залпы гражданской войны. Обстановка была чрезвычайно сложной. Апологеты буржуазного национализма разглагольствовали об «общенациональной свободе» и под ширмой борьбы за «единство наций» выступали против Советской власти. Предпринимались попытки создать между Волгой и Уралом буржуазно-националистическое государство «Идель-Урал штаты» («Волгоуральские штаты»). В конце февраля 1918 года в Казани была объявлена так называемая «Забулачная республика», просуществовавшая, правда, всего несколько дней: трудящиеся Татарии решительно выступили против контрреволюционной авантюры — мятеж был ликвидирован, а националистические организации разогнаны.

С первых дней Октября Джалиль четко и навсегда определил свое место в рядах борющегося народа, а затем, вместе с другими молодыми писателями, участвовал в новаторских исканиях только еще зарождающейся татарской советской поэзии.

Новым было не только идейное содержание. Национальное под пером поэтов, рожденных революцией, приобретает новые формы. В поэзию проникает новая лексика. На смену традиционным восточным образам приходит революционная символика — *алое знамя, пылающая заря свободы, меч революции, серп и молот, сияющая звезда нового мира, красный воин* и т. д. Обращают на себя внимание сами названия юношеских стихов Джалиля: «Красное войско», «Красный праздник», «Красный богатырь», «Красный путь», «Красная сила», «Красному знамени». Поэт настолько часто употребляет в эти годы эпитет «красный» (в его новом, революционном значении), что некоторые исследователи называют первые годы творчества Джалиля «красным периодом». Для этого периода характерны императивность, сжатость и энергия стиха. Как правило, это страстные, публицистически заостренные декларации.

В Казани Джалиль завязывает знакомства с наиболее яркими представителями татарской советской поэзии: Кави Наджми, Хади Такташем, Аделем Кутуем и другими,— участвует в диспутах, литературных вечерах, творческих судах, с головой окунается в бурную литературную жизнь республики. С 1924 года он член литературной группы «Октябрь», стоявшей на пролеткультовских позициях. Все свое свободное время (Муса в течение года работал переписчиком в газете «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан»), а затем два года учился на рабфаке при Восточном педагогическом институте) он отдает творчеству, активно печатается в казанских газетах и журналах.

В татарской поэзии двадцатых годов возникло своеобразное революционно-романтическое течение, получившее название «гисьянизм» (от арабского слова «гисьян»—«бунт»). Для этого течения характерны повышенная экспрессия, романтический пафос, культ сильной, одинокой, бунтующей личности, отрицание затхлого быта (а вместе с ним нередко и всей «низкой, грубой» действительности), устремленность к возвышенному и не всегда точно определенному идеалу. Как видим, в «гисьянизме» в сугубо национальной форме отразились некоторые черты и особенности, свойственные всей молодой советской поэзии первой половины двадцатых годов.

Чуткий ко всему новому, готовый идти в ногу с веком, Муса также отдал дань этому течению. От лозунговых и откровенно агитационных стихов он делает резкий переход к сгущенной метафоричности, нередко нарочитой усложненности поэтического языка («Душе моей», «От сердца» и др.). Для стихов Джалиля 1921—1923 годов характерна романтическая окрыленность, масштабность «космически» отвлеченных образов: «Я солнцу новый путь открыл за мглою, Я побывал в гостях у синих звезд, Я небо сблизил и сдружил с землею, Я со вселенной поднимаюсь в рост». Его герой мечтает о вселенском пожаре, в котором сгорит все старое, отжившее. Он не только не боится смерти, а идет ей навстречу с каким-то восторженным самоотречением.

В этот период в поэзию Джалиля проникают «прекрасные пэри», «стрелы ресниц», «сладкоголосые соловьи», «райские сады любви» и другие традиционно восточные образы и метафоры, нередко используемые как готовый изобразительный стандарт. Особенно отчетливо проступают восточные краски в любовной лирике. Как правило, поэт воспевает любовь отвергнутую, несчастную. Объект любви абстрагирован до бесплотности — не то ангел неба, не то исчадие ада. Она то мучает героя своей неземной

красотой и бессердечностью, то погружает его в райское блаженство («Раб любви», «Она» и др.).

«Гисьянизм» был не просто «болезнью роста», своего рода помехой на пути утверждения реалистических принципов в татарской литературе. Это был один из закономерных этапов развития национальной поэзии. С одной стороны, в нем отразились процессы, общие для всей многонациональной советской литературы. С другой — своеобразно преломились многовековые романтические традиции татарской литературы, возродившиеся на крутом перевале истории [1].

При всех очевидных издержках подражательности, учеба у классиков татарской и восточной поэзии помогала поэту добиваться изящества и отточенности слога, музыкальности стиха, метафорической насыщенности и яркости поэтического языка.

В стихах Джалиля первой половины двадцатых годов нашли яркое и образное выражение высокие идеалы поколения комсомольцев двадцатых годов, чистота чувств, искренность, страстное стремление служить своему народу. И пусть поэзия молодого Джалиля не знала полутонов, но она была рождена и вдохновлена юношеским максимализмом, высоким накалом гражданских чувств; у этой романтически-окрыленной поэзии, при всей ее условности, было и свое неповторимое очарование:

Вошла стрела под сердце...
Нараспашку
Открыта мне неведомая новь.
Течет на белоснежную рубашку
Моя еще бунтующая кровь.

Пусть я умру...
Но вы, кто по соседству
Окажетесь в иные времена,
Взгляните на рубашку — кровью сердца
В тревожный цвет окрашена она.

(«Перед смертью»)

---

[1] О романтических тенденциях в татарской поэзии двадцатых годов и, в частности, в творчестве М. Джалиля см. в кн.: Х. Госман. Татарская поэзия двадцатых годов, Казань, 1964 (на татарском языке) и В. Воздвиженский. «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля, М., 1969.

На своем пути к зрелости и мастерству Муса Джалиль прошел несколько важнейших этапов. С некоторой долей условности их можно ограничить следующими хронологическими рамками: ранний (1918—1923), путь к зрелости (1924—1932), довоенный (1933—1940) и, наконец, поэзия периода Великой Отечественной войны (1941—1944).

Сам поэт не раз подчеркивал, что новый этап в его творчестве начинается с 1924 года: «В годы рабфака в моем творчестве наметился переворот. В 1924 году я стал писать совсем иначе» («Мой жизненный путь»).

Джалиль решительно отказывается как от романтической условности, так и от восточной метафоричности, ищет новые, реалистические краски. Поэт даже не отдает в печать вполне готовый сборник своих стихотворений, составленный из произведений, опубликованных в периодической прессе и получивших признание широкого читателя. Позднее, в первой половине тридцатых годов, вспоминая о стихах, входивших в этот сборник, Джалиль находил в них «романтические и символистские мотивы — не связанные с жизнью абстрактные образы» (архив поэта). Эта самооценка, конечно, излишне резкая, не соответствующая истинному положению вещей.

«Переворот» в творческом развитии Джалиля не означал коренной ломки всего освоенного и достигнутого до тех пор поэтом. Он был подготовлен жизнью, самим процессом становления творческой и гражданской индивидуальности Джалиля.

Путь к творческой зрелости естественно был связан в поэзии Джалиля с поисками новых форм и средств поэтического языка.

В стихах 1918—1923 годов Джалиль чаще всего пользовался различными модификациями арабского аруза — системы стихосложения, сложившейся в тюркоязычной классической поэзии. Она основана на чередовании длинных и коротких слогов. На арузе созданы произведения таких выдающихся поэтов Востока, как Алишер Навои, Махтумкули, Фуркат, Мукими и мн. др. Изощренно овладев арузом, Джалиль тем не менее вслед за Хади Такташем переходит на более органичный для татарского языка силлабический народный стих. Экспериментирует он и в области так называемого акцентного стиха, обращается к свободным размерам и вольной ритмике, близкой верлибру (поэма «Листки»). Однако неупорядоченный свободный стих оказался чуждым его поэтической манере, и Джалиль довольно скоро отказался от его использования. Характерно также, что на смену строгим класси-

ческим жанрам восточной лирики (газель, месневи, мадхия и др.) приходят в его поэзию жанры, распространенные в европейской литературе: лирическое стихотворение, лиро-эпическая поэма, песня на фольклорной основе, стихотворный фельетон и т. д.

Все отчетливее проявляются в творчестве Джалиля краски и образы реальной жизни, все решительнее отказывается он от абстрактно-романтического восприятия мира. В значительной мере этому способствует активная общественная деятельность поэта. В годы работы инструктором Орского укома комсомола Джалиль ездит по казахским и татарским аулам, организует комсомольские ячейки, ведет большую политико-массовую работу. В 1926 году он становится членом Оренбургского губкома комсомола. В следующем году его посылают делегатом на Всесоюзную конференцию ВЛКСМ, где он был избран членом татаро-башкирской секции ЦК ВЛКСМ. После переезда в Москву Джалиль становится членом бюро и впоследствии ответственным секретарем этой секции, совмещает учебу в МГУ с большой общественной работой. «Комсомольская работа обогатила мой жизненный опыт, закалила меня, воспитала во мне новый взгляд на жизнь»,—отмечал позднее сам поэт («Мой жизненный путь»).

Джалиль постепенно формируется как певец молодежи, поэт комсомольского племени. Во время его работы в Орском и Оренбургском укомах к нему не раз обращались с просьбой прислать в низовые комсомольские организации наряду с политическими брошюрами его поэму «Больной комсомолец» и другие стихи. Один из сборников Джалиля («Орденоносные миллионы», Казань, 1934) был подготовлен и издан по прямому заказу Татарского обкома ВЛКСМ и сопровождался вступительной статьей секретаря обкома комсомола. Многие стихи поэта приурочены к тем или иным знаменательным датам в жизни комсомола («Восемнадцать»), стали популярными комсомольскими песнями («Песня молодости», «Споемте, друзья», «Песня комсомольской бригады» и др.). Не случайно и то, что первый сборник стихов Джалиля «Барабыз» («Мы идем», 1925) вышел в серии «Библиотека МОПРа»[1] и гонорар от него полностью пошел в фонд помощи иностранным рабочим.

В этой небольшой по объему книжке поэт остается верен революционной тематике. Но теперь изображение действительности обрастает конкретными жизненными деталями. Ярче всего это проявилось в поэме «Больной комсомолец» (1924), ставшей одним из

---

[1] МОПР — Международная организация помощи рабочим.

этапных произведений не только в творчестве Джалиля, но и во всей татарской поэзии двадцатых годов.

Поэма написана от имени комсомольца первого поколения. Еще мальчишкой он принимал участие в ленских событиях, сидел в царских тюрьмах, знал и голод, и побои, и унижения, позднее воевал с Юденичем и Махно. Ледяные подвалы царских застенок унесли его здоровье, белогвардейская пуля прострелила ему легкое. Жить ему осталось считанные дни. Но он счастлив тем, что, говоря словами Николая Островского, отдал свою юность самому прекрасному в жизни — борьбе за освобождение человечества.

В поэме «Больной комсомолец» отчетливо звучит мотив жертвенности. Но здесь он вполне оправдан, так как отражает реальное самопожертвование героического поколения комсомольцев двадцатых годов. Поэт не конкретизирует своего героя, не сообщает даже его национальности, «не делает его ни Иваном, ни Абдуллой» [1]. Тем не менее характер его вполне конкретен и жизненно достоверен. В его страстной убежденности, горячей порывистости, готовности к немедленному действию проглядываются черты, во многом свойственные самому автору. Ведь поэт, так же как его герой, знал и голод и холод, с оружием в руках гонялся за белыми бандами, «вливал,— как писал он в одном из стихотворений,— свою молодость каплями пота в новостройки страны». Героя поэмы можно считать лирическим двойником автора: поэт доверил ему свои самые заветные мысли, гражданский пафос, готовность без раздумий отдать жизнь за дело революции. И в то же время образ этот имеет большое обобщающее значение, он вобрал в себя типические черты представителей корчагинского племени (нужно отметить, что поэма Джалиля вышла почти на десять лет раньше романа Н. Островского «Как закалялась сталь»).

В 1929 году поэт доработал поэму, сняв излишний мелодраматизм некоторых сцен и эпизодов. С этого времени поэма печатается под названием «Пройденные пути» (в русском переводе — «Минувшие годы»).

Значительную часть первого авторского сборника «Мы идем» составили стихи о тяжелом дореволюционном прошлом. В следующем сборнике Джалиля «Товарищу» (1929) уже преобладают стихи о современности и современниках. Но и в этой книге господствует тот же дух революционного аскетизма, готовности к

---

[1] Газ и К а ш ш а ф. Муса Джалиль, Казань, 1961, с. 109 (на татарском языке).

подвигу в бою и в труде, порою даже своего рода поэтизация трудностей.

Еще одна особенность лирического героя Джалиля (также во многом характерная для всей советской поэзии двадцатых годов) — его исторический оптимизм. Он словно бы опьянен открывшимися перед ним небывалыми возможностями и перспективами. Поэт не просто устремлен в будущее, а как бы опережает события, воспринимает как свершившийся факт то, что еще только рождалось в действительности, причем в муках и боли.

В этот период поэт еще не уделяет достаточного внимания индивидуальности своих героев, раскрытию во всей глубине и противоречивости их внутреннего мира. Для него гораздо важнее чувство коллективизма, общности с массой, причастности к большим делам эпохи. Лишь много позднее, в начале тридцатых годов, к нему пришло осознание самоценности каждой отдельной личности, интерес к неповторимому в человеке. И то, что раньше расценивалось им как частное, то есть мелкое, несущественное, как «индивидуализм» (нередко с эпитетом «буржуазный»), то есть помеха общему делу, рассматривается уже совсем иначе. В поэзии Джалиля второй половины двадцатых годов общее как бы вбирает в себя личное, растворяет его в себе. Постепенно приходит понимание того, что внутренний мир человека способен вместить радости, беды и заботы большого мира, всей окружающей человека жизни.

В годы учебы и работы в Москве Муса знакомится со многими видными советскими поэтами: А. Жаровым, А. Безыменским, М. Светловым. Слушает в Политехническом музее выступления Маяковского. Знакомится с Э. Багрицким, который переводит одно из стихотворений Джалиля. Вступает в МАПП (Московскую ассоциацию пролетарских писателей), вскоре становится третьим секретарем ассоциации и руководителем татарской секции МАПП.

Эпоха величайших социальных и экономических преобразований породила людей особого склада — первостроителей, первопроходцев, которые не щадили себя и сознательно шли на самые суровые лишения. Этот рожденный самой жизнью гражданский идеал и послужил основой эстетического и нравственного идеала советской литературы двадцатых годов и, в частности, поэзии Мусы Джалиля.

Герой поэзии Джалиля тех лет — чаще всего простой крестьянский паренек, рвущийся к свету новой жизни. Пусть ему не хватает знаний, культуры, но зато не занимать убежденности и веры в дело социализма («Со съезда», «В пути», «Первые дни в комсомоле» и др.). Нередко героями поэзии Джалиля становятся и молодые рабочие и работницы («На заводе «Орлес», «Утро»

«Весы» и др.). Однако образы представителей рабочего класса еще не всегда жизненно убедительны, конкретны.

Образ молодого современника в стихах Джалиля тех лет неотделим от личности и характера самого автора. Чаще всего поэт рассказывает о себе, о своей любви, дружбе, учебе, окружающем его быте («Из дневника студента», «Наша любовь» и др.). Герой таких стихов бескомпромиссен, одержим идеалами светлого будущего, презирает мещанское благополучие. Это творец, созидатель, активный участник социалистического строительства, утверждающий своим трудом и всей своей жизнью новые общественные отношения.

Поэт ищет небывалые краски, пытается выработать новый поэтический язык. «И во мне, как чугун из руды,— из мечтаний — выплавляешь ты волю к борьбе и труду»,— пишет он в стихотворении «Утро». Даже улица кажется герою этого стихотворения привлекательной оттого, что на ней стоит дымный завод. В стихах конца двадцатых — начала тридцатых годов нередко звучат «стальные голоса машин», порою заглушающие голос поэтического сердца.

Так, в поэме «Зейнаб» (1932) Джалиль пытается увязать в один узел производственную и любовную тему. Лирические строки поэмы звучат проникновенно и убедительно. Но вот с «увязкой» не все обстоит благополучно. Главная героиня поэмы Зейнаб отворачивается от любимого, как только он снижает выработку со ста двадцати до восьмидесяти двух процентов. И снова дарит ему свою благосклонность, едва он начинает перевыполнять норму. Как верно заметил литературовед. В. Воздвиженский [1], график любви в этой поэме полностью совпадает с графиком выполнения производственного плана. Такого же рода заданность чувствуется и в ряде произведений Джалиля на колхозную тему.

Но даже в тех произведениях, где так или иначе дают себя знать издержки рапповских установок и вульгарно-социологических воззрений, преодолевая их, а то и сводя на нет, словно талая вода из-под снега, пробивается живое лирическое чувство. Лиризм, по единодушному признанию критики,— самая сильная сторона таланта Мусы Джалиля.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов лирика Джалиля приобретает новые черты. От резкого ораторского жеста поэт переходит к доверительному лирическому разговору с глазу

---

[1] См.: В. Воздвиженский. Муса Джалиль.— В кн.: История татарской советской литературы, М., 1965.

на глаз с читателем. От размашистой поступи стиха — к песенной напевности.

В числе литературных учителей Джалиля прежде всего следует назвать поэта-трибуна В. Маяковского. Муса преклонялся перед гением крупнейшего советского поэта, многому учился у него. Но татарский поэт не пытался копировать шаг Маяковского. Он шел своей походкой, своим путем.

Джалиль исходит из твердой жизненной установки: личное счастье возможно только в борьбе за общее дело. В полном соответствии с духом эпохи, поэт полагает: жизнь отдельной личности — это камень в фундаменте будущего. Он ощущает искреннюю радость от сознания причастности к героической борьбе и труду народа. Отсюда и боевой тон поэзии Джалиля, ее неиссякаемый оптимизм, пронизывающая ее музыка революции:

Растите ж в борьбе
и в работе упорной
На стройке заводов,
на пахоте сел!
Грозою весенней,
будящей зерна,
По пашне всемирной
шагай, Комсомол!

(«Комсомольцам»)

Так же как и Маяковский, Джалиль—поэт, «революцией мобилизованный и призванный». Так же как и творчеству великого учителя, поэзии Джалиля присущи высокая революционная патетика, ощущение величия и мощи переживаемых событий. Многому учился Муса и у русских «комсомольских» поэтов — Жарова, Безыменского, Уткина и др.

Но в таком взаимодействии и взаимовлиянии не только не была утрачена, но все более явственно определялась и проявлялась самостоятельность творческого пути татарского поэта, оригинальность его художественно-образной системы. Джалиль постепенно вырабатывал свой стиль, создавал свой неповторимый поэтический мир.

4

В 1931 году Джалиль заканчивает литературное отделение Московского университета по специальности «литературная критика». До конца 1932 года продолжает работать редактором детского журнала «Октябрь баласы» («Октябренок»). После перевода редакции журнала в Казань работает завотделом литературы и

искусства центральной татарской газеты «Коммунист», выходившей в те годы в Москве. Но в столице он живет не так уж много, постоянно разъезжает по стране. Так, все лето 1933 года, с ранней весны до глубокой осени, Джалиль провел на Нижней Волге с выездной редакцией «Коммуниста», следующее лето — в Мамадышском районе Татарии. Поэт подолгу бывает и в крупных промышленных центрах — в Нижнем Тагиле, Туле, Ленинграде, знакомится с людьми, организует работу литературных объединений, налаживает выпуск татарских периодических изданий.

«...Я привык видеть его в постоянном движении,— пишет татарский поэт Сибгат Хаким.— Он бывал удивительно остроумным и лукавым. В глазах постоянно поблескивала ртуть... В деревнях раньше были водяные мельницы. Если один мельник перекроет воду, запрудит русло, не идет вода в другую мельницу, не крутятся жернова. Бросают поэтому в воды плотины ртуть в тайне от того, кто запрудил воду. Серебристый металл ведь все равно где-нибудь да подточит запруду, вырвется вода, не застоится. И в глазах Мусы тоже та сокрушающая плотины капля ртути...» [1]

Джалиль никогда не был только профессиональным литератором. Всю жизнь он либо учился, либо работал, нередко совмещая по две-три должности одновременно. Товарищи поражались его неуемной энергии, широкой эрудиции, меткости и бескомпромиссности его суждений.

Такой же была и его поэзия — порывисто-страстной, убежденной в правоте дела социализма, непримиримой к его врагам и в то же время мягкой, лиричной.

В 1934 году выходят два больших сборника произведений Джалиля: «Орденоносные миллионы», куда вошли в основном стихи на комсомольско-молодежную тему, и «Стихи и поэмы», включившие в себя лучшее из того, что было создано поэтом в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Эти книги подводили итог всему предшествующему периоду творчества поэта, времени его творческого роста, и знаменовали собой начало зрелого этапа его поэзии.

Расцвет поэзии Джалиля приходится на время общего подъема татарской советской культуры, утверждения принципов социалистического реализма. Рядом с Джалилем, плечом к плечу с ним, работали в эти годы такие талантливые и своеобразные поэты, как Хасан Туфан, Ахмед Файзи, Шайхи Маннур, Ахмед

---

[1] С. Хаким. Он мечтал о весне.— В кн.: Муса Джалиль. Избранное, М., 1976, с. 6.

Ерикеев, Фатых Карим и др. Каждый из них, по-своему продол-
жая и развивая традиции Тукая и Такташа, искал новые краски
для выражения нового содержания.

К середине тридцатых годов мир поэзии Джалиля становится
глубже, значительнее, многообразнее. Обогащается и облик его
лирического героя. Его чувства становятся психологически до-
стовернее, а восприятие мира — философски значительнее, мудрее.

Так, лирический герой стихотворения «Молодость» с грустной
улыбкой вспоминает свои боевые комсомольские годы («Моло-
дость со мною не простилась, даже и руки не подала. До чего
ж горда — скажи на милость. Просто повернулась и ушла») и
слегка подтрунивает над самим собой. Но в этой его улыбке
сквозит и тоска по ушедшей молодости, и гордость за свое по-
коление, и зрелое спокойствие умудренного, немало повидавшего
в своей жизни человека. Проникновенным, бьющим через край
лиризмом пронизано и стихотворение «Года, года...». Все, о чем
пишет Джалиль, освещено его самобытной индивидуальностью,
несет явственный след его незаурядной, целостной натуры, нрав-
ственных исканий, раздумий, волнений. И в то же время, читая
стихи и поэмы Джалиля, постоянно ощущаешь его сопричаст-
ность радостям, бедам и болям созременников.

К этому времени окончательно сложился индивидуальный
стиль поэта. Он характеризуется прежде всего страстным, эмоци-
ональным отношением к событиям и фактам окружающей его
жизни. С одной стороны, в этом находил выражение свойствен-
ный поэту исторический оптимизм, обусловленный его мировоз-
зрением. С другой — проявлялись свойства его активной, чуждой
рефлексии натуры и горячего темперамента. Любое событие жиз-
ни или явление действительности — как положительное, так и
отрицательное — пробуждает у него порыв к немедленному
действию, вызывает восторженное одобрение или столь же стра-
стное неприятие. Или — или. Середины, как правило, нет. Герой
его поэзии всегда воинственно активен. Ему противопоказаны
праздная созерцательность, душевная пассивность. В стихах
Джалиля воплощались высокие нравственные критерии автора,
чистота его души и помыслов. Но сами эти критерии рождены и
подсказаны эпохой, навеяны временем.

Очень серьезное внимание обращал Джалиль на способы ор-
ганизации стиха: использовал различные вариации стихотворных
размеров, прибегал к причудливой, порою непривычной, рифмов-
ке. Его стихи отличаются энергичной, мажорной ритмикой, искус-
ным использованием аллитераций и ассонансов. Особенно мно-
гообразна строфика песен Джалиля с их звонкими, запоминаю-

щимися рефренами. Зрелый Джалиль совершенно не пользуется свободными размерами и белым стихом, предпочитая классические четкую, чеканную структуру стихотворной речи.

В самых ранних стихах Джалиля метафора практически отсутствует. Затем поиски изысканной метафоры неожиданно выступают на первый план, становятся самоцелью, зачастую не способствуют, а затрудняют восприятие авторской мысли. Со временем Джалиль овладевает искусством бережного и экономного использования метафорического языка.

В качестве яркого примера можно взять написанное во второй половине тридцатых годов стихотворение «Одинокий костер». Оно начинается вроде бы с обычной жанровой картинки:

Ночной простор.
Я жгу костер.
Вокруг туман, как море...
Я одинок —
простой челнок,
Затерянный в просторе.

По мере развития авторской мысли открываются новые, вполне реалистические детали. Мы словно бы слышим треск горящего бурьяна, видим, как костер «мечет сноп огнистый», разделяем с героем его легкую грусть и необременительное одиночество: «То погрущу, то посвищу, То запою негромко». Поэт нигде не формулирует идею стихотворения прямо, не говорит о роли искусства, о тайной, заветной мечте всякого настоящего художника — согреть теплом своего огня людские сердца. Но стихотворение именно об этом:

Огонь, светящийся во мгле,
Заметят ли, найдут ли?
На звук, летящий по земле,
Ответят ли, придут ли?

Это одно из немногих стихотворений Джалиля, в котором он предстает перед нами в минуту неуверенности, сомнений.

Очевидно, поэт временами ощущал разлад между голосом сердца и собственными теоретическими установками и иногда, говоря словами Маяковского, становился «на горло собственной песне». Не случайно, по-видимому, это лирическое раздумье, как и ряд других замечательных стихотворений Джалиля, осталось при жизни поэта не напечатанным. Лиризм, так свойственный и творческой манере поэта, и его характеру, прорывался в них особенно явственно. Но неверно было бы расценивать такую подчиненность сознательным, рационалистически заданным самому

себе установкам лишь как слабость поэта. Прав В. Воздвиженский, говоря об этом периоде творчества Джалиля: «Эмоционально-образное восприятие жизни освободило поэзию Джалиля от прямолинейности, но ничуть не лишило ее обычной целеустремленности, высокого общественно-политического тонуса»[1]. Абсолютная поглощенность Джалиля делами общенародного масштаба была исторически обусловлена и вполне объяснима. Поэт был счастлив воспользоваться этой открытой великой революцией возможностью — жить жизнью других, для других, совершенно забывая о себе. В стихотворении «Года, года...», размышляя о годах борьбы и напряженного труда, оставивших морщины на лице и глубокие отметины в душе, автор заключает:

Я не в обиде.
Молодости пыл
Я отдал дням, что в битвах закалялись.
Я созидал, и труд мне сладок был,
И замыслы мои осуществлялись.

Это особенность поэзии не одного только Джалиля, а в той или иной мере почти всех советских писателей периода первых пятилеток (справедливо и обстоятельно пишет об этом Е. Любарева в книге «Республика труда»[2] на примерах творчества Н. Тихонова, Вл. Луговского, Б. Корнилова, Я. Смелякова, Дм. Кедрина и др.).

Читая такие стихи Джалиля, как «Зайтуне», «Родник», «Мы сквозь ресницы всё еще смеемся...», «Амине», «Когда она росла» и другие, чувствуешь человеческое тепло, жизнелюбие автора, обаяние его доброты. Это поэзия исключительной нравственной чистоты, привлекающая сердечностью и доверительностью интонации. В лирике Джалиля преобладает чувство единения с миром, слитности с другими людьми.

Поэзию Джалиля тридцатых годов можно назвать лирической летописью своего времени. В ней отразились события, которыми жила в то время вся страна,— развитие социалистической индустрии, колхозное строительство, великие стройки пятилеток, покорение Северного полюса, спасение челюскинцев, укрепление оборонной мощи нашей Родины. А самое главное, в ней отразилось становление нового советского человека, творца нового мира, новых человеческих взаимоотношений.

Нет резкой грани между Джалилем-журналистом, газетчиком

---

[1] «История татарской советской литературы», М., 1965, с. 364.
[2] См.: Е. Любарева. Республика труда, М., 1978.

и Джалилем-поэтом. Он часто выступает в периодической прессе тех лет с публицистическими статьями, очерками и репортажами о строителях Сталинградского тракторного завода и Московского метрополитена, пишет о большевистских темпах и об ударниках первых пятилеток, разоблачает бюрократов, взяточников, хапуг, делится своими раздумьями о молодежном движении и антирелигиозном воспитании, информирует читателей о ходе посевной и уборочной компании. Проблемы эти так или иначе отразились и в его поэзии.

Для Джалиля — как в стихах, так и в его журналистской практике — не было «низких» тем. Он не считал зазорным для себя выступить со статьей о борьбе с сусликами — вредителями полей, написать передовицу ко дню Восьмого марта, проанализировать программу для педагогических училищ или призвать малышей помогать своим мамам. Все, что касалось страны, касалось и его лично. Поэтому у него немало стихов, написанных к различным знаменательным датам. Джалиль не считал такие стихи дежурными однодневками, а подходил к ним с полной мерой ответственности.

Если в стихах на политическую тему преобладает наступательный, мажорный дух, то в интимной лирике небосвод не столь безоблачен. В ней есть и грусть, и сомнения, и тяжелые переживания. «Как-то странно дружба завязалась. Всё в ней было — искренность и страсть. Но два сильных, гордых человека, Мы друг друга истерзали всласть» («Хадие». Из стихов, оставшихся неопубликованными при жизни поэта). В таких исповедальных стихах привлекает прежде всего глубина и правдивость лирического чувства. Такой же характер носят стихи «Синеглазая озорница...», «Латифе», «Я помню» и др. Но поэт ошибался, полагая, что стихи такого рода имеют слишком частный, интимный характер. Идеология ислама веками внедряла в сознание татарского народа презрение к женщине, рассматривала ее как существо низшего порядка, как бессловесную рабу, собственность мужа. В лирике же Джалиля — бережное, трепетное и нежное отношение к женщине, утверждающее ее право на самостоятельное чувство, семейное счастье, свободный выбор в любви. В этом — важный социальный аспект интимной лирики Мусы Джалиля.

С чувством неподдельного восторга пишет Джалиль о своих современницах, овладевающих новыми профессиями. О девушке Зейнаб, которая в числе первых в татарском селе села за руль трактора и штурвал комбайна («На ржаном поле»). О юной красавице Файрузе, выучившейся на агронома и переписывающейся

с маститым академиком из Москвы (поэма «Письмоносец»). О бригадире Джиган, которая командует мужчинами, в том числе и своим мужем (поэма «Джиган»). О девушках — милиционерах, рыбачках, колхозницах, рабочих и т. д.

В этом отношении творчество Джалиля перекликается с рядом произведений писателей других национальных литератур. Так, в поэме «Астхик» армянского писателя А. Акопяна показано, как девушка из далекого горного селения, презрев вековые предрассудки, пошла учиться на инженера. В поэме «Алеся» Я. Купалы героиня, простая белорусская девушка, бросает вызов заскорузлому деревенскому укладу и становится летчицей. Сходные мотивы есть и в поэзии М. Исаковского. Уже само приобщение женщины, вчера еще забитой, бесправной, полуграмотной, а то и вовсе неграмотной, к профессии, требующей немалых знаний, профессиональной сноровки, а часто и недюжинной физической выносливости, советская литература тридцатых годов рассматривала как факт глубокого социального значения, свидетельствующий о тех новых, безграничных возможностях, которые открыла перед советской женщиной — и особенно перед женщиной национальных окраин — революция.

Поэзия Джалиля, продолжавшая лучшие традиции татарской и всей советской литературы, уже в довоенные годы перешагнула национальные рамки. Переводы стихов Джалиля на русский язык часто публикуются в центральных газетах и журналах, входят в антологии и коллективные сборники. В 1935 году стихи поэта на русском языке выходят отдельной книгой[1]. Книга эта не осталась незамеченной. В рецензии на нее критик С. Гамалов писал: «Маленькая книжка стихов Мусы Джалиля доставит большую радость советскому читателю подлинной поэтичностью, сочетающей в себе железную волю с мягкой лиричностью, великий гнев с нежной любовью» [2]. Как видим, еще задолго до войны рецензент выделяет в лирике Джалиля те черты, которые позднее в полную силу раскрылись в «Моабитских тетрадях».

5

23 апреля 1932 года Центральный Комитет партии принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». К этому времени в Татарии существовало несколько

---

[1] См.: Муса Джалиль. Стихи. Авториз. перевод с татарского А. Миниха, М., 1935.

[2] С. Гамалов. Лирика любви и труда.— «Художественная литература», М., 1935, № 9, с. 34—36.

писательских объединений: ТАПП (Татарская ассоциация пролетарских писателей), Татарское отделение ЛОКАФ (Литературное объединение Красной Армии и Флота), Общество советских писателей, Союз крестьянских писателей. Группировки эти яростно дискутировали друг с другом, стремились навязать свои взгляды и установки другим, устраивали так называемые «литературные суды», на которых видные татарские писатели подвергались необоснованным нападкам и проработке с вульгарно-социологических позиций. (Так, в начале тридцатых годов руководители ТАПП организовали «суды» над Х. Такташем, Ф. Бурнашем, А. Кутуем и др.). Становилось очевидным, что рамки существующих литературно-художественных организаций, как отмечалось в постановлении, «становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества». Постановление Центрального Комитета, оздоровившее творческую атмосферу, было встречено татарскими писателями с искренним одобрением. «Это историческое решение,— писал М. Джалиль,— поставило вопрос о творческой работе в центр внимания будущего единого Союза советских писателей. Оно призвало советских писателей к еще более широкому и глубокому показу успехов нашего великого социалистического строительства, дав новую творческую зарядку лучшим представителям советской литературы» [1].

Важнейшим событием литературной жизни и яркой демонстрацией единения братских литератур нашей страны явился состоявшийся в августе 1934 года Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Выступая с докладом о татарской литературе, руководитель делегации писателей Татарии Кави Наджми отметил, что татарская литература «сделала крупный шаг по пути ликвидации национальной ограниченности, ограниченности тематики и проблем, по пути отражения новых социальных и культурно-бытовых явлений, которыми так богата наша социалистическая действительность» [2]. В числе других татарских советских поэтов, идущих по этому пути, докладчик назвал и Мусу Джалиля.

Во второй половине тридцатых годов поэзия Джалиля обогащается качественно новыми чертами.

Прежде всего необходимо отметить резко возросший интерес поэта к фольклору, что привело к сознательной и последовательной ориентации на жанры, язык, образную систему устного на-

---

[1] Цит. по кн.: «Современная татарская литература», М.—Л., 1933, с. 9.

[2] «Первый Всесоюзный съезд советских писателей». Стенографический отчет, М., 1934, с. 67.

родного творчества. Джалиль с детских лет впитывал в себя богатства устного творчества татарского народа. Волшебные сказки, рассказанные бабушкой Гильми, народные песни, которые часто напевала мать, бывшая когда-то первой певуньей на селе и сама сочинявшая песни и частушки,— все это отложилось в памяти впечатлительного мальчугана.

Муса уже в ранних своих произведениях нередко использовал фольклорные сюжеты, образы, стихотворные размеры народных песен и частушек. Основой нового, более глубокого понимания им роли и сущности устно-поэтического творчества стал доклад Горького на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. В целом ряде своих произведений второй половины тридцатых годов поэт прибегает к таким традиционным приемам татарского фольклора, как образный параллелизм, постоянные эпитеты и сравнения, традиционные зачины, повторы и т. д. Особенно удачно и органично звучат фольклорные мотивы и приемы в лирических песнях Джалиля. Многие песни на его слова получили широчайшую популярность и стали национальным достоянием татарского народа («Воспоминание», «По ягоды», «Волны-волны» и др.). В песнях Джалиля — народный язык, народный юмор, лаконизм и образность, свойственные татарскому фольклору. Следует подчеркнуть, что это была не просто стилизация, а сознательная творческая учеба, органическое усвоение фольклора, который Джалиль справедливо называл «явлением гениальности народа» [1].

Первый Всесоюзный съезд советских писателей имел немалое значение и для разоблачения антимарксистского вульгарно-социологического подхода к классическому наследию. Джалиль пересматривает в эти годы свое отношение к великим творениям прошлого, которые он в период засилья рапповских концепций в запальчивости отрицал или же недооценивал. В 1937—1938 годах он работает над составлением собрания сочинений классика татарской и башкирской литератур Маджита Гафури и пишет глубокое, обстоятельное предисловие. В эти же годы появляется в печати большая статья Джалиля о творчестве Габдуллы Тукая, дающая высокую оценку поэзии народного татарского поэта, обзорный материал об истории татарской литературы, статьи и рецензии о произведениях Х. Такташа, Ш. Камала и др. Меняется не просто отношение к культурному наследию прошлого, не только оценки конкретных произведений. Учеба у классиков

---

[1] М. Джалиль. Сочинения в трех томах, т. 3, Казань 1956, с. 348 (на татарском языке).

способствует возмужанию таланта Джалиля, совершенствованию его литературного мастерства.

В тридцатые годы продолжают углубляться литературные связи татарских писателей с писателями других братских республик, резко возрастает число переводов как с татарского, так и на татарский язык. Джалиль принимает активное участие в этом ответственном и благородном деле. Так, он переводит «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели (в соавторстве с А. Файзи), поэму «Батрачка» Шевченко, пушкинские стихи, стихотворения Некрасова, Маяковского, Лебедева-Кумача, Голодного, Ухсая, Табидзе и др. Работая во второй половине тридцатых годов заведующим литературной частью татарской оперной студии в Москве, поэт переводит на татарский ряд романсов, арий, дуэтов и оперных либретто.

Предвоенные годы в творчестве Джалиля отмечены также усилившейся тягой к эпической широте изображения. В это время им создано несколько крупных эпических поэм и драматических либретто.

Очень интересна неопубликованная при жизни автора поэма «Директор и Солнце» (1935). Она осталась незавершенной. Отсюда некоторые длинноты, неотшлифованные строчки, не совсем оправданная концовка. Но произведение в целом представляет собою новый, заметный этап в творчестве Джалиля.

В поэме два главных действующих лица: директор совхоза и... Солнце. Солнце — не обстрактный символ, а своеобразный образ-характер, четко индивидуализированный персонаж. Даже имя у него чисто женское, татарское: Биби-Кояш, то есть Биби-Солнце. Биби-Солнце предстает перед нами в виде этакой татарской молодайки — крепкой, здоровой, румяной, задорной. Оно встает с рассветом и неустанно трудится весь день, до самого вечера: растит хлеба, согревает землю, помогает тянуться ввысь деревьям и травам. Биби-Солнце не лишено и таких чисто женских слабостей, как чрезмерное любопытство, юное озорство, кокетство.

Создавая этот образ, Джалиль в какой-то мере опирался на опыт Вл. Маяковского («Чрезвычайное происшествие...»), но главным образом — на фольклорные традиции. В татарских народных песнях солнце служит синонимом трудолюбия и образным определением женской красоты. Само слово «Кояш» является распространенным женским именем. Поэт ввел этот образ, чтобы подчеркнуть самоотверженный труд директора совхоза. Как ни рано в разгар страды встает солнце, а директор в это время уже

на ногах. Солнце уходит на покой, а директор все еще тянет груз забот большого коллективного хозяйства...

Подчеркнутая условность сюжета, обнаженность приема, лукавство авторского взгляда (не случайно произведение снабжено подзаголовком «озорная поэма») придают поэме своеобразную стилистическую окраску. Поэт вовсе не стремится убедить читателя в достоверности описываемого. По-фольклорному фантастический сюжет служит лишь своего рода канвой, по которой вышиты причудливые цветы народного юмора, пестрые песенные узоры, перемежающиеся то картинками природы, то жанровыми сценками.

Таковы же по характеру и стилистическому рисунку поэмы «Джиган» (1935—1938) и «Письмоносец» (1938). И в этих произведениях теплый лиризм сочетается с мягкой и доброй авторской улыбкой. Сюжет и там и тут комедийно-условен. В первом случае это терзания колхозника Шангерея, жена которого назначена бригадиром. Самолюбие Шангерея, привыкшего верховодить в семье, уязвлено тем, что он оказался в подчинении у собственной жены. Во втором — страдания влюбленного почтальона Тимербулата, который вынужден собственноручно приносить своей любимой письма от незнакомого ему «соперника» из Москвы. Читатель с улыбкой следит за перипетиями комического сюжета, не принимая описываемые события слишком уж всерьез, ибо с самого начала верит: согласно законам жанра, все должно окончиться благополучно. И в самом деле, самолюбивый Шангерей, задумавший было разводиться с женой-начальницей, осознает свою ошибку и перевоспитывается. Недоразумения между влюбленными в поэме «Письмоносец» также в конце концов рассеиваются: таинственный незнакомец оказывается известным академиком, помогающим девушке-агроному своими советами.

В связи с поэмой «Письмоносец» в татарской печати возникла небольшая дискуссия об использовании фольклорных мотивов и красок в художественной литературе. Поэт Шайхи Маннур, соглашаясь с той высокой оценкой, которую поэма получила в критике и среди читателей (по его признанию, поэма «Письмоносец» явилась самым крупным, самым значительным событием в татарской поэзии конца тридцатых годов), все же предъявил автору серьезный упрек: полное растворение в фольклорной стихии. Однако другие участники дискуссии (прозаик Мирсай Амир и литературовед М. Файзуллина) полагали, что использование традиций народного творчества — самая сильная сторона этого яркого и незаурядного произведения.

В предвоенные годы Джалиль написал четыре оперных либретто. Самое значительное из них — либретто оперы «Алтынчеч» («Золотоволосая», 1936, музыка татарского композитора Н. Жиганова).

Джалиль работал над этим произведением несколько лет. Тщательно изучал историю, эпическое наследие татарского, башкирского и других народов, постигал особенности оперного искусства. Поэт задумал произведение, органично сочетающее легенду и историческую реальность, сказочную условность и социальную достоверность. Задачу эту он разрешил блестяще. В произведении действуют персонажи подлинной эпической глубины и мощи, большой обобщающей силы: мудрая прародительница рода старая Тугзак, золотоволосая красавица Алтынчеч, воплощающая в себе вечную юность и красоту народной души, бесстрашный защитник интересов народа Джик. Им противопоставлены злобные и коварные враги: хитрый хан Мемет, его прислужник — трусливый Урмай и др. В полном соответствии с традициями народного эпоса поэт не индивидуализирует своих полумифических героев, а, напротив, укрупняет их, характеризуя одним-двумя яркими запоминающимися мазками и отсекая черты мелкие, бытовые, нехарактерные. Как писал сам автор в предисловии к литературному варианту поэмы «Алтынчеч», действующие лица произведения — не обычные «земные» люди, а «обобщенные образы, олицетворяющие ту или иную философскую мысль» [1].

Произведение привлекает богатством языка, яркой образностью, подлинно народной основой:

Если страна Тугзак — бескрайнее небо,
Вы — яркие звезды мои.
Если страна Тугзак — бездонное озеро,
Вы — мои шаловливые бобры.
Увеличится число звезд —
Станет прекраснее небо.
Возрастет семейство бобров —
Прибавится озеру славы.

(Монолог Тугзак. Подстрочный перевод)

Премьера оперы «Алтынчеч» состоялась уже в первые дни Отечественной войны. Публика встретила ее восторженно. Республиканские газеты посвятили премьере целые полосы, напечатали десятки отзывов людей разных профессий. С тех пор опера

[1] М. Джалиль. Сочинения, с. 360.

не сходит со сцены Татарского театра оперы и балета, по праву носящего имя Мусы Джалиля.

Наряду со сценическим вариантом, автор подготовил и издал отдельной книгой полный литературный вариант либретто, назвав свое произведение «драматической поэмой».

Творческое использование поэтики народных сказаний, увлекательность и динамизм сюжета, впечатляющая сила эпически укрупненных образов обеспечили либретто «Алтынчеч» вторую жизнь — теперь уже как самостоятельного литературного произведения (случай в музыкальной практике не столь уж частый).

Около пяти лет (с небольшим перерывом) Джалиль проработал редактором детских журналов. Почти всю литературную работу он вел один. Писал передовые статьи, корреспонденции, готовил сатирические материалы и юморески под рубрикой «Из блокнота Шамбая», вел обширную переписку с юными читателями из разных уголков страны, обрабатывал материалы юнкоров. В эти годы Муса приобрел вкус к работе с детьми, лучше узнал детскую психологию. Он пишет пионерские песни и марши, басни и стихотворные фельетоны, пейзажные зарисовки и изящные миниатюры для самых маленьких. Много писал Джалиль для детей и позднее, в середине и второй половине тридцатых годов. В 1940 году он издал альбом детских песен [1], куда вошли стихотворения «Мой пес», «Родник», «Звезды», «Кукушка», «Вороватый котенок», «Петушок», «Колыбельная дочери» и другие, положенные на музыку татарским композитором Дж. Файзи.

С увлечением занимался поэт и переводами детской литературы. Так, в переводах Джалиля вышли отдельными изданиями на татарском языке «Девочка чумазая» А. Барто (1936), «Детки в клетке» С. Маршака (1938), «Книжка эта про четыре цвета» Н. Саконской (1938) и др.

Поэт очень внимателен к музыкальной стороне стиха. Его детские стихи тонко инструментованы, богаты внутренними созвучиями, неожиданными и глубокими рифмами. В них нередко встречается чисто звуковая игра, которую так любят дети и которую особенно трудно сохранить в переводе.

Так, в стихотворении «Петушок» Джалиль обыгрывает звонкоголосое пенье петуха, в «Кукушке» — грустный монотонный голос лесной птицы. В «Вороватом котенке» мы словно бы слышим довольное мурлыканье хитрого котенка, в стихотворении «Мой пес» — отрывистый лай исполнительного пса. В пейзажных стих-

---

[1] «Первый альбом для детей». Музыка Дж. Файзи, слова М. Джалиля, Казань, 1940.

хах для детей слышен то звон капели, то треск ломающихся льдин («челтыр-челтыр»), то шепот теплого весеннего дождя. Песни Джалиля для детей отличаются простотой языка, своеобразной строфикой, бодрой, энергичной ритмикой. Работая совместно с композиторами, поэт учитывал требования мелодии, добивался гармоничности и естественности звучания песни.

Вот почему Джалиль справедливо считается одним из зачинателей татарской советской литературы для детей.

В середине тридцатых годов, когда уже явственно «тянуло порохом со всех границ» (В. Маяковский), Джалиль пишет ряд стихов и песен на военно-патриотическую тему, в том числе балладу «Матрос Штепенко», создает поэму для детей «Джим». Показывая в своей поэме разгул террора и расизма в фашистской Германии, поэт в то же время верит в силы, способные противостоять фашизму. Джалилю удалось рассказать об этом так просто, доходчиво и впечатляюще, что на этой поэме воспитывались и воспитываются в духе гуманизма и интернационализма целые поколения татарской детворы.

В предвоенные годы Джалиль переезжает в Казань и работает заведующим литературной частью только что созданного Татарского оперного театра. Писатели Татарии выбирают его руководителем своей творческой организации. Депутат Казанского горсовета Муса Джалиль по-прежнему в гуще жизни, часто встречается со своими избирателями, выполняет большую общественную работу. Поэт живет новыми творческими планами: задумывает большой роман из истории комсомола, начинает поэму о современной деревне, либретто оперы о рыбаках Каспия.

Война перечеркнула эти планы...

6

23 июня 1941 года, на второй день войны, Джалиль отнес в военкомат заявление с просьбой направить его на фронт, а 13 июля он уже надел военную форму. Вначале поэт попал в формирующийся под Казанью артиллерийский полк «конным разведчиком», как значилось в его личном деле, а попросту говоря — ездовым. Когда выяснилось, что рядовой Залилов — известный писатель, руководитель татарской писательской организации, его хотели либо демобилизовать, либо оставить в тыловой части. Но Муса решительно воспротивился этому и добился отправки в действующую армию. Окончив краткосрочные курсы политработников, он прибыл на Волховский фронт корреспондентом армейской газеты «Отвага».

Началась жизнь армейского политработника и военкора, полная трудностей, лишений и риска. «Только на передовой линии можно видеть нужных героев, черпать материал, следить за боевыми фактами, без которых невозможно сделать газету оперативной и боевой, — писал Джалиль с фронта своему другу Г. Кашшафу.— Моя жизнь сейчас проходит в боевой обстановке и в кропотливой работе и походе. Поэтому я сейчас ограничиваюсь фронтовой лирикой, а за большие вещи возьмусь после победы, если останусь жив» [1].

Война не заставила поэта растеряться. Муса был внутренне готов к ней и буквально с первых же дней, еще не взяв в руки боевого оружия, начал сражаться с врагом пером поэта. В первые недели Отечественной войны он написал цикл стихотворений «Против врага», куда вошли боевые песни, марши, страстные патриотические стихи. Стихи эти построены как взволнованный монолог. Их сила — в убежденности автора, подлинности его гражданского пафоса. Поэт глубоко возмущен посягательством фашистов на мирный труд советских людей и призывает к беспощадной мести, к борьбе до последнего дыхания.

Несколько иной характер носят стихи, написанные на фронте. Поэт осваивает новый жизненный материал, метко подмечает конкретные детали фронтовой действительности («Язык», «Победа»). На смену патетическому монологу и открытой публицистичности приходит фронтовая лирика, просто и достоверно раскрывающая чувства и мысли человека на войне («Прощай, моя умница», «Моей дочери Чулпан», «На память другу», «Письмо из окопа» и др.). Такие стихи, как «Смерть девушки», «Слеза», «След», не могли оставить читателя равнодушным, они звали к отмщению, к немедленному действию.

Написанное Джалилем в первые месяцы войны вошло в сборник «Клятва артиллериста» (1942). Один из основных мотивов книги — верность воинской клятве. Мысль эта в той или иной форме звучит почти в каждом стихотворении.

3 июня 1942 года Джалиль писал с Волховского фронта Газиму Кашшафу: «Я продолжаю писать стихи и песни. Но редко. Некогда и обстановка другая. У нас сейчас кругом идут жестокие бои. Крепко деремся, деремся не на жизнь, а на смерть... Поэтому поэма пока откладывается. Но я скоро вышлю 10—15 коротеньких песен и стихов и очень прошу планировать второй сборник. Очень прошу» [2].

---

[1] Муса Джалиль. Сочинения, с. 503.
[2] Там же, с. 504.

В то время, когда Джалиль писал это письмо — свое последнее письмо с фронта, 2-я ударная армия была уже полностью окружена и отрезана от основных сил («кругом идут жестокие бои»). Связь с Большой землей, хотя и не регулярная, поддерживалась лишь самолетами. И все же поэт, не ждавший ниоткуда «ни спасенья, ни чуда», продолжал писать. Здесь, в окружении, в сложнейшей обстановке, написаны многие замечательные стихи.

Очевидцы рассказывают, что Муса все время носил в своей походной сумке толстую потрепанную тетрадь, в которую он записывал все сочиненное им. Там были наброски новой поэмы и, по-видимому, другие не дошедшие до нас стихотворения.

25 марта, высылая Кашшафу несколько новых стихотворений, Муса писал: «Это так, среднего уровня стихи, куда-нибудь пригодятся. Есть у меня незаконченные две замечательные баллады — «Баллада о последнем патроне» и «О двух глазах и двух сыновьях», но они еще в работе» [1]. Неделю спустя Джалиль снова называет стихи, над которыми он работает в недолгие передышки между боями: «Баллада о последнем патроне», «Сон», «Поход смерти», «Мать».

Из всех перечисленных стихов поэт успел закончить и переслать в Казань лишь стихотворение «Сон».

Некоторое время от Джалиля еще приходили письма. А с июля 1942 года все связи с ним прервались. Наконец пришло уведомление, что Муса пропал без вести.

...23 апреля 1945 года 79-й стрелковый корпус Советской Армии, наступавший в направлении рейхстага, вышел на рубеж берлинских улиц Ратеноверштрассе и Турмштрассе. Впереди сквозь дым разрывов показалось мрачное серое здание за высокой кирпичной стеной — тюрьма Моабит. Когда бойцы ворвались во двор тюрьмы, там уже никого не было. Лишь ветер носил по двору мусор, обрывки бумаги, ворошил страницы каких-то книг, видимо выброшенных взрывом из тюремной библиотеки. На чистой страничке одной из этих книг кто-то из солдат заметил запись на русском языке: «Я, татарский поэт Муса Джалиль, заключен в Моабитскую тюрьму как пленный, которому предъявлены политические обвинения, и, наверное, буду скоро расстрелян. Если кому-нибудь из русских попадет эта запись, пусть передадут привет от меня товарищам писателям в Москве, сообщат семье». Бойцы переслали этот листок в Москву в Союз писателей. Так на Родину пришла первая весть о подвиге Джалиля.

---

[1] Муса Джалиль. Сочинения, с. 498.

В 1946 году бывший военнопленный Н. Терегулов принес в Союз писателей Татарии маленький блокнотик, в котором убористым подчерком было записано шестьдесят стихотворений Джалиля. В следующем году бельгийский патриот Андре Тиммерманс, сидевший в одной камере с поэтом, переслал в Казань еще одну тетрадку со стихами Джалиля. Стихи из этих блокнотов получили ныне широчайшую известность под именем «Моабитские тетради». Но потребовалось немало лет, чтобы шаг за шагом проследить путь поэта в лагерях смерти, выяснить все обстоятельства его подвига.

В конце июня 1942 года при попытке прорвать кольцо окружения тяжело раненный, оглушенный взрывной волной Муса попал в плен. После многомесячных скитаний по лагерям для советских военнопленных Джалиля привезли в польскую крепость Демблин. Здесь гитлеровцы собирали военнопленных татар, башкир и других национальностей Востока. Муса встретил в этом лагере своих земляков, познакомился с другими пленными из числа тех, кому можно было доверять. Они и составили впоследствии ядро созданной им подпольной организации.

В конце 1942 года фашисты развернули формирование так называемых «национальных легионов». В числе других в польском местечке Едлино был создан легион «Идель-Урал» из пригнанных насильно военнопленных из числа народностей Поволжья (так как подавляющую часть легиона составляли волжские татары, немцы обычно называли его Волго-татарским легионом). Фашисты вели идеологическую обработку пленных в националистическом и антисоветском духе, готовясь использовать легионеров в военных действиях против Советской Армии. Сорвать замыслы фашистов, повернуть оружие против них — такую задачу поставила перед собой подпольная группа Джалиля. Подпольщики сумели проникнуть в редакцию издаваемой немецким командованием газеты «Идель-Урал», печатали и распространяли среди легионеров антифашистские листовки, создавали тщательно законспирированные боевые подпольные группы — «пятерки».

Первый же батальон Волго-татарского легиона, посланный на Восточный фронт, поднял восстание, перебил немецких офицеров и влился в отряд белорусских партизан.

В августе 1943 года гитлеровцам удалось напасть на след подпольной группы. Муса Джалиль и большинство его боевых товарищей были арестованы. Начались дни и ночи допросов, пыток. Гестаповцы сломали поэту левую руку, отбили почки. Тело его было исполосовано электрическим шнуром и резиновыми шлан-

гами. Раздробленные пальцы распухли и почти не гнулись. Но поэт не сдался. Он и в тюрьме продолжал схватку с фашизмом— теперь уже оружием песни.

7

Об ужасах фашистской неволи написано немало. Едва ли не каждый год появляются новые книги, пьесы, фильмы на эту тему...

Но никто не расскажет об этом так, как это сделали сами узники концентрационных лагерей и тюрем, свидетели и жертвы кровавой трагедии. В их свидетельствах — нечто большее, чем сухая достоверность факта. В них большая человеческая правда, за которую заплачено самой дорогой ценой — ценой собственной жизни.

Одним из таких неповторимых, обжигающих своей подлинностью документов истории являются и «Моабитские тетради» Мусы Джалиля.

В них мало бытовых деталей, почти нет сколько-нибудь подробных описаний тюремных камер, мытарств и жестоких унижений, которым подвергались узники. В этих стихах иного рода конкретность — конкретность эмоциональная, психологическая.

Чувства поэта предельно обнажены. Связей с большим миром, с жизнью Родины — почти никаких. Муса один на один со своим блокнотом. И эта бедность впечатлений внешнего мира еще отчетливее подчеркивает богатство внутреннего, духовного мира поэта.

По многим стихам моабитского цикла видно, как нелегко приходилось Джалилю. Тоска и отчаяние тяжелым комом застревали в горле. Надо знать жизнелюбие Мусы, его общительность, привязанность к друзьям, жене, дочурке Чулпан, его любовь к людям, чтобы понять всю тяжесть его вынужденного одиночества. Нет, не физические страдания, даже не близость смерти больнее всего угнетали Джалиля, а разлука с Родиной, с близкими, смерть на чужбине. Он не был уверен в том, что Родина узнает правду о мотивах его поступков, не знал, вырвутся ли на волю его стихи. А вдруг фашистам удастся оболгать его, и на Родине о нем будут думать как о предателе?

Однако, когда читаешь даже самые мрачные, безысходные строки Джалиля, в душе не остается тяжелого чувства. Наоборот, чувствуешь гордость за человека, за величие и благородство его души. Человек, который так любит свою Родину, свой народ, так привязан к ним тысячами живых нитей, не может исчезнуть бесследно, ибо он существует не только в себе, для себя, но и в сердцах, помыслах, памяти многих и многих людей. В «Моа-

битских тетрадях» нет мотивов обреченности, пассивной жертвенности, как не было их в здоровой, влюбленной в жизнь душе поэта.

При всей исключительности личной судьбы поэта, его мысли и чувства типичны для многих, поскольку смертельная схватка с фашизмом потребовала от советских людей полного напряжения духовных и физических сил, беспримерного мужества и героизма. Особые обстоятельства, в которых оказался Джалиль, лишь еще сильнее подчеркнули всю меру стойкости советского человека, несокрушимую силу его справедливого гнева и волю к борьбе.

Поэзия Джалиля, таким образом, не ограничивается рамками одной судьбы, пусть даже замечательной, а показывает самые истоки нашей победы.

Но героическое в «Моабитских тетрадях» не исключает трагического. Читая стихи Джалиля, мы ни на минуту не забываем о том, что их написал человек, над головою которого навис топор палача. Как и миллионы его соотечественников, он отдал жизнь за свободу Родины. Сила духа Джалиля не в том, что он совсем не знал страха смерти, а в том, что он умел преодолевать его и гордо, спокойно смотреть в лицо смерти.

Необходимо подчеркнуть в то же время, что стихи, созданные в Моабитской тюрьме,— не просто человеческий документ, но и самая высокая поэзия. Эту поэзию отличает подлинная внутренняя культура, уверенное владение стихом, глубокая национальная основа. По единодушному признанию критики, моабитский цикл — это наивысшее достижение татарской поэзии периода Отечественной войны и одна из вершин всей советской многонациональной литературы.

То, что накапливалось в творчестве Джалиля постепенно, годами, проявилось в ослепительно-яркой вспышке. Со страниц «Моабитских тетрадей» перед нами встает не просто хороший поэт, не просто талант, принадлежащий одному народу, а поэт, по праву принадлежащий к числу лучших сынов человечества.

В своем раннем творчестве Джалиль, стремясь передать пафос общенародной борьбы за свободу, порою терял неповторимость личного, индивидуального. Все, о чем рассказано в «Моабитских тетрадях»,— глубоко личное, сокровенное. Но от этого оно не перестало быть общественно значимым. Здесь был найден тот чудесный сплав личного и общенародного, к которому поэт стремился всю жизнь.

Одно из главных достоинств моабитского цикла, обеспечивших ему широчайшую популярность и всемирную известность,—

это ощущение подлинности чувств. Мы верим буквально каждому слову поэта, ощущаем ледяное дыхание смерти, стоявшей за его спиной. И острая боль разлуки, и тоска по воле, и горечь, и сомнения, и гордое презрение к смерти, и ненависть к врагу — все это воссоздано с поразительной, потрясающей душу силой.

В «Моабитских тетрадях» поражает острота ощущения полноты жизни в предчувствии близкой насильственной смерти. Нерв цикла, его стержневой конфликт — это извечное столкновение жизни и смерти, человечного и бесчеловечного. Джалиль, столкнувшийся с фашизмом лицом к лицу, с особенной остротой и наглядностью выразил мысль об античеловеческой сущности гитлеризма. В таких стихах, как «Волшебный клубок», «Варварство», «Перед судом», разоблачается не просто жестокость и бездушие фашистских палачей. Поэт самой логикой художественных образов подводит нас к мысли о том, что фашизм органически враждебен всему живому. Фашизм и смерть для поэта — синонимы.

Так, в стихотворении «Варварство» показана сцена жестокой расправы фашистских палачей над мирными советскими жителями. Но главное содержание стихотворения — не в столкновении палачей и их жертв, а в противоборстве сил жизни и смерти. Смерть в облике фашистов торжествует, упиваясь своей жестокостью, пьянея от пролитой крови. Но это торжество временное, потому что вся природа негодует против такой бесчеловечности. Реки рыдают, кричат «ручьи, словно малые дети», при виде невинных жертв, и в ярости рыдает и стонет земля, и солнце выходит из туч, чтобы в последний раз поцеловать детские глаза. Все живое, таким образом, ополчается против гитлеровцев, противостоит им. Фашизм по самой своей природе несовместим с жизнью на земле и потому обречен — такова основная мысль стихотворения.

Показывая социальное и нравственное уродство фашизма, поэт прибегает к гротескным, гиперболическим образам, густым и контрастным краскам. Фашист — это подручный смерти, наймит варварства, сгубивший немало живых душ: «когда б земля про всё узнала, Она — разверзлась бы под ним» («Тюремный страж»). В стихотворении «Каменный мешок» фашистская Германия уподобляется гигантской и бездушной мельнице, перемалывающей жизнь людей:

Мельник злится, от крови пьян:
Не мука — кровь течет из ран.
Жадно пьет ее клоп проклятый —
Бесноватый, слепой тиран.

В «Волшебном клубке» поэт прибегает к образам фантастических чудовищ, созданных народным воображением. Гитлеровская Германия представляется поэту мрачным подземным царством сказочного дива-людоеда.

Но ненависть к фашизму как к социальному явлению нигде не оборачивается у Джалиля ненавистью к немецкому народу. Поэт всегда с большим уважением относился к Германии Маркса и Тельмана, Гете и Гейне, Баха и Бетховена. Брошенный в каменный мешок Моабитской тюрьмы, со дня на день ожидая смертной казни, он не хочет верить в то, что весь немецкий народ отравлен ядом нацизма. Глубоко символично, что, задыхаясь во мраке фашистской ночи, поэт тоскует о солнце — солнце знания, передовой культуры, бессмертных идей марксизма-ленинизма,— верит в то, что оно засияет над обновленной Германией («В стране Алман»).

Вера Джалиля в торжество разума, жизни и света над мраком и безумием настолько велика, что в самый разгар войны, в ноябре 1943 года, он пишет о войне в прошедшем времени, как будто победа уже свершилась:

Но через слезы, пепел, кровь
Страна к победе шла великой,
И вот земля оделась вновь
В цветы и просветлела ликом.

(«Цветы»)

По меткому выражению одного из исследователей, в «Моабитских тетрадях» есть целый цикл «послевоенных» стихотворений[1] («После войны», «Уходи, горе», «Раны», «Цветы» и др.). Устремляясь в будущее, поэт живет пафосом мирного труда, творческого созидания. Он пишет о том, как уставшие от крови и смерти люди восстанавливают разрушенные дома, поднимают из руин сожженные села, лечат измученную землю («Помощь весне», «Строитель»).

Эта спокойная и стойкая уверенность в победе, в неодолимости сил жизни рождает своеобразный жизнеутверждающий тон «Моабитских тетрадей». Стихи, написанные накануне казни, то и дело озаряются улыбкой спокойного, уверенного в своем превосходстве человека, а нередко в них звучит смех. Это может показаться неожиданным, даже невероятным, но факт остается фактом: юмористические мотивы сквозной нитью проходят через весь моабитский цикл. Есть здесь и изящные шуточ-

[1] Р. Бикмухаметов. М. Джалиль. Критико-биографический очерк, М., 1957.

вые миниатюры («Соленая рыба», «Беда»), и развернутые сюжетные стихотворения балладного строя, пронизанные добродушной иронией и лукавством («Хадича», «Влюбленный и корова», «Любовь и насморк», «Соседи», «Гроб»).

Лирический герой молодого Джалиля сознательно выбрал путь борьбы, путь тревог, опасностей и риска. Размышляя о юности, сгоревшей в огненном пекле войны, он не жалел о своем выборе, так как жизнь его была отдана высокому и справедливому делу. В моабитских стихотворениях часто звучит мотив, возникший еще в поэме «Больной комсомолец» и глубоко аргументированный в записках, сделанных по дороге на фронт: человек, погибающий за правое дело, бессмертен, ибо его ожидает жизнь «в сознании, в памяти народа». В таких стихах, как «Сталь», «Дороги», «Не верь» и других, тема героической борьбы и гибели во имя общего дела получает лирико-философское решение.

В стихах моабитского цикла запечатлены и раскрыты с огромной эмоциональной силой и убедительностью жизненная программа Джалиля, его самые заветные убеждения, его нравственная концепция.

Моабитские стихи убеждают в том, что коммунистическая идеология не была для поэта суммой готовых книжных истин; она сделалась системой его мышления, неотъемлемым достоянием его ума и сердца. Джалиль всегда чувствовал себя на передовой линии борьбы за новую жизнь, всегда был и до последнего вздоха оставался верным сыном партии. Советский патриотизм, чувство коллективизма и пролетарского интернационализма определяли жизненную позицию Джалиля, одушевляли его творчество. В «Моабитских тетрадях» с необыкновенной яркостью и полнотой раскрылась гуманистическая сущность мировоззрения Джалиля.

Занимающая значительное место в моабитском цикле интимная лирика убедительно свидетельствует о силе чувств лирического героя, его цельности, чистоте души, высокой человечности. Поэт верит в животворную силу любви, это чувство обогащает его, придает стойкость и мужество в минуты самых тяжелых жизненных испытаний. Подобно Юлиусу Фучику, герой моабитского цикла готов, не колеблясь, пойти под топор палача, лишь бы хоть в чем-то облегчить участь сражающегося народа, хоть на день, хоть на час приблизить миг желанной Победы.

Многонациональная советская литература военных лет создала впечатляющий и жизненно правдивый образ солдата, верного своему патриотическому и интернациональному долгу. Рожденный

Октябрем советский характер — вот основа народного подвига. Герой Джалиля так же, как герои Симонова и Твардовского, Корнейчука и Фадеева, принадлежа великому братскому единству советских людей всех национальностей, остается и сыном своего родного народа.

Этим определяется своеобразие восприятия им мира, особенности личности, весь его житейский и духовный опыт. Он взращен традициями, обычаями своего народа, с молоком матери впитал родной язык, богатства устно-поэтического творчества. Национальная почва придает герою поэзии Джалиля неповторимую конкретность и убедительность. Поэт постоянно прибегает в своих стихах к бытующим среди татар сказкам, песням, легендам, поэтическим сказаниям, обращается к истории своего народа и его революционным традициям. Так, он усматривает прямую связь между судьбой своего героя и жизнью одного из первых татарских большевиков-ленинцев Хусаина Ямашева («Тюремный страж»).

Национальное своеобразие поэзии Джалиля проявляется, в частности, в переплетении в моабитских стихах романтических и реалистических начал. Так, баллады «Праздник матери», «Соловей и родник», «Рубашка» и другие построены с широким использованием стилистических и жанровых особенностей устного творчества татарского народа. Поэт отказывается здесь от бытовых деталей, житейской достоверности, прибегает к укрупненному масштабу изображения и показывает героизм в его, если можно так выразиться, «очищенном» виде. Как верно подметил В. Воздвиженский[1], советский воин выступает у Джалиля, как правило, в облике удалого джигита на горячем коне. При этом перед нами — не реальный боец-кавалерист, а традиционная эпическая фигура, перекликающаяся с народными песнями и дастанами[2]. С другой стороны, он смело соединяет фольклорные традиционные образы с деталями повседневного воинского и житейского быта: на вооружении у джигита рядом с вполне современным автоматом — сказочный меч, романтический алмазный булат. Волшебная рубашка, возвращающая жизнь убитому на фронте бойцу, посылается обыкновенной посылкой через самое прозаическое почтовое отделение.

В стихотворении «Раб» автор не рисует подробной картины жизни военнопленного, избегает конкретных деталей, обращаясь

---

[1] См.: В. Воздвиженский. Муса Джалиль.— В кн.: История татарской советской литературы, М., 1965, с. 383.

[2] Дастан — эпическое сказание героического или любовного характера.

к условно-аллегорическим образам: пленника гонят в тыл бичами, он сгибается под грузом, навьюченным на него, как во времена древнего рабства. В результате перед нами встает образ невольника, типичного для всех времен. Джалиль апеллирует к таким краскам, чтобы пробудить фантазию читателя, натолкнуть его на размышления о позоре плена, унизительной участи любого раба.

Такого рода образы восходят не только к эпическому наследию татарского народа, но и к романтическим мотивам татарской литературы, в частности к творчеству поэта и драматурга Ф. Бурнаша. Национальные художественные традиции во многом определяют и объясняют возвышенную, героико-романтическую тональность моабитского цикла.

Особое место среди стихов из «Моабитских тетрадей» занимают песни, созданные в духе народного песенного творчества («Костяника», «Песня», «Платок», «Лишь была бы волюшка» и др.). Поэт развивает лучшие традиции этого популярного жанра, опираясь на яркую образность татарского фольклора. Он отлично чувствует особенности музыкальной фразы и песенного сюжета, добивается емкого афористического звучания каждой строки. Многие из песен, написанных в Моабитской тюрьме, до сих пор звучат с эстрады, бытуют в народе.

Надо подчеркнуть еще одну особенность моабитского цикла. Многие моабитские стихи построены как прямое обращение, лирическое послание к любимой, к дочери Чулпан, к друзьям, единомышленникам. В одних стихах адресатом является Родина, родная земля, народ («Прости, Родина!», «К Двине», «Лес», «Волшебный клубок»), в других — враждебные силы («Палачу», «К смерти» и др.). Конкретность адресата придает поэтической речи Джалиля особую взволнованность, достоверность и проникновенность.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1956 года за исключительную стойкость и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, Мусе Джалилю посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. А еще через год Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР присудил Мусе Джалилю — первому среди поэтов — Ленинскую премию за цикл стихотворений «Моабитская тетрадь».

В этом факте наглядно проявилось общенародное признание поэзии Джалиля как яркого образца героического искусства.

Творческое наследие поэта-патриота стало ныне интернациональным достоянием.

В предисловии к одному из сборников Джалиля башкирский народный поэт Мустай Карим писал: «Мы благодарно думаем о татарской нации, сыном которой является Муса Джалиль. Она вложила накопленные веками свои душевные драгоценности в сердце сына... Муса Джалиль стал одной из вершин величия и гордости советского народа; именно такие, как полномочные послы, представляют свою Родину во всемирном духовном общении народов и племен. По ним судят люди мира о разуме и сердце народа, породившего их» [1].

Подвиг Джалиля и сегодня, несколько десятилетий спустя, служит примером подлинного мужества, верности гражданским идеалам. Немецкий публицист и переводчик, исследователь биографии Джалиля и страстный пропагандист его творчества в ГДР Леон Небенцаль писал в одной из своих статей: «В той борьбе, которую мы ведем против сил реакции, мы чувствуем великого поэта рядом с собой» [2].

Наследие Мусы Джалиля стало живой неотъемлемой частью сегодняшнего многонационального литературного процесса. Вобрав в себя и национальные традиции, и влияние восточной поэтики, испытав благотворное воздействие русской и всей мировой литературы, творчество Джалиля, в свою очередь, стало новым шагом в развитии этих традиций. Джалиль обновил и обогатил гражданское звучание, издавна отличавшее татарскую поэзию, привнес в нее яркий мотив героики. Можно утверждать, что «Моабитские тетради» Джалиля положили начало новой традиции, оказывающей прямое и благотворное влияние на последующие поколения татарских, да и не только татарских, писателей.

Все дальше уходят в прошлое события Великой Отечественной войны. Выросло уже новое поколение, знакомое с минувшей войной лишь по фильмам и книгам. Но подвиг советского народа живет. И Джалиль навечно с нами. Его имя носят улицы, пионерские отряды и дружины, колхозы, театры, клубы, пароходы. Его именем назван город в нефтяных районах Татарии и центральный проспект в Набережных Челнах, только что отстроенная улица в молодом поселке Беркакит на БАМе и одна из высочайших вершин в Антарктиде.

Рафаэль Мустафин

---

[1] Цит. по кн.: Муса Джалиль, Избранное, М., 1976, с. 9—10.

[2] Цит. по кн.: «Муса Джалиль». Материалы научной конференции, Казань, 1978, с. 10.

17. Чулпан, 26 февраля 1942 г. 450
18. А. Джалиловой, 26 февраля 1942 г. . . . 451
19. Чулпан, 28 февраля 1942 г. 451
20. Чулпан, 4 марта 1942 г. 454
21. Чулпан, 9 марта 1942 г. 455
22. Г. Кашшафу, 20 марта 1942 г. 455
23. Чулпан, март 1942 г. 457
24. Чулпан, 24 марта 1942 г. 458
25. Г. Кашшафу, 25 марта 1942 г. 453
26. Г. Кашшафу, 3 апреля 1942 г. 460
27. А. Джалиловой, 20 мая 1942 г. 461
28. С. Мазитовой, 26 мая 1942 г. 462
№ 29. Г. Кашшафу, 27 мая 1942 г. 463
№ 30. Г. Кашшафу, 3 июня 1942 г. 465
Завещание 468

ВОСПОМИНАНИЯ О МУСЕ ДЖАЛИЛЕ
(приложение)

Амина Джалиль. О Мусе Джалиле 471
Гази Кашшаф. О моем друге 478
Константин Симонов. [illegible] 484
Рафаэль Мустафин. [illegible] 499
Примечания 516

«Юность, юность, сердце обжигая...» *Перевод В. Ганцева* 327
Мой подарок. *Перевод Р. Галимова* 327
Четыре цветка. *Перевод А. Штейнберга* 327
Ребята. *Перевод А. Штейнберга* 328
Гена. *Перевод А. Тарковского* 329
Граб. *Перевод Г. Горностаева* 330
Новогодние пожелания. *Перевод И. Френкеля* 331
. 332

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Юные друзья. *Перевод Ю. Кушака* 335
Юный Шакир переситрия. *Перевод Ю. Кушака* 335
Ребята. *Перевод И. Мазнина* 336
Мой нос. *Перевод И. Мазнина* 337
Песня о красном снипте. *Перевод Ю. Кушака* 338
Мой. *Перевод Гл. Семенова* 339
Гена. *Перевод Я. Козловского* 339
Воробышек-крошка. *Перевод И. Мазнина* 340
Весна. *Перевод Ю. Кушака* 341
Чужак. *Перевод Ю. Кушака* 343
Колыбельная дочери. *Перевод Ю. Кушака* 344
Весенние воды. *Перевод Ю. Кушака* 344

ПОЭМЫ

Сироты. *Перевод Гл. Семенова* 347
На заводе «Орлес». *Перевод А. Миниха* 352
Минувшие годы. *Перевод Л. Дубаева* 357
Письмоносец. *Перевод Т. Стрешневой* 371

ПИСЬМА

№ 1. К. Наджми, 26 января 1926 г. 429
№ 2. Дж. Файзи, 6 февраля 1934 г. 430
№ 3. Дж. Файзи, 24 февраля 1935 г. 431
№ 4. Н. Исанбету, 10 декабря 1936 г. 433
№ 5. А. Джалиловой, 18 сентября 1939 г. 434
№ 6. А. Джалиловой, 16 июля 1941 г. 435
№ 7. А. Джалиловой, 17 июля 1941 г. 436
№ 8. Г. Кашшафу, 17 сентября 1941 г. 437
№ 9. Г. Кашшафу, 6 декабря 1941 г. 439
№ 10. М. Максудову, 10 января 1942 г. 441
№ 11. А. Джалиловой, 12 января 1942 г. 441
№ 12. З. Мухамметшину, 18 января 1942 г. 445
№ 13. Г. Динмухаметову, 23 января 1942 г. 446
№ 14. А. Джалиловой, 5 февраля 1942 г. 447
№ 15. Чулпан, 5 февраля 1942 г. 449
№ 16. Чулпан, 15 февраля 1942 г. 450

Праздник матери. *Перевод В. Гончарова* 271
Путь джигита. *Перевод К. Арсеневой* 273
Осужденный. *Перевод Т. Ян* 274
Сон в тюрьме. *Перевод Р. Морана* 274
Ты забудешь. *Перевод М. Петровых* 275
Тюремный страж. *Перевод И. Френкеля* 276
Перед судом. Черчетский хан. *Перевод В. Ганиева* . . . 277
Костяника. *Перевод А. Ахматовой* 278
Соленая рыба. *Перевод Ю. Гордиенко* 278
Горная река. *Перевод В. Державина* 278
Дороги. *Перевод В. Ганиева* 280
Рубашка. *Перевод И. Френкеля* 281
Последняя обида. *Перевод И. Френкеля* 283
После войны. *Перевод И. Френкеля* 285
Сержант. *Перевод А. Шпирта* 286
Помощь весне. *Перевод В. Гончарова* 288
Строитель. *Перевод С. Северцева* 289
К Двине. *Перевод Л. Дубаева* 290
Молодая мать. *Перевод В. Ганиева* 292
Последнее воспоминание. *Перевод В. Ганиева* 293
Без ноги. *Перевод И. Френкеля* 294
Варварство. *Перевод В. Гончарова* 295
После болезни. *Перевод А. Ахматовой* 297
Уходи, горе. *Перевод С. Ботвинника* 297
Блоха. *Перевод С. Ботвинника* 298
Другу. *Перевод Л. Дубаева* 299
К смерти. *Перевод Л. Пеньковского* 301
«Нагрянул Иоганн — и, клокоча...» *Перевод В. Ганиева* . 302
Утешение. *Перевод А. Тарковского* 302
Буря. *Перевод А. Тарковского* 303
Выздоровление. *Перевод Л. Пеньковского* 306
Соседи. *Перевод Р. Морана* 306
Цветы. *Перевод Б. Сиротина* 308
Сила джигита. *Перевод А. Шпирта* 309
Не верь! *Перевод И. Френкеля* 310
Песни мои. *Перевод В. Казанцева* 311
Двуличному. *Перевод В. Ганиева* 312
Избранник. *Перевод А. Тарковского* 312
Любовь. *Перевод Р. Морана* 312
Мечта. *Перевод Гл. Семенова* 313
Случается порой. *Перевод С. Маршака* 314
Палачу. *Перевод Р. Галимова* 315
Водоворот. *Перевод С. Северцева* 315
Угощение поэта. *Перевод В. Ганиева* 316
Каменный мешок. *Перевод А. Шпирта* 317
Снежная девушка. *Перевод Р. Морана* 318
Один совет. *(О человечности). Перевод И. Френкеля* . . 320
Дуб. *Перевод И. Френкеля* 320
Сон ребенка. *Перевод И. Френкеля* 322
Волшебный клубок. *Перевод И. Френкеля* 323
В стране Алман. *Перевод И. Френкеля* 324
О героизме. *Перевод А. Шпирта* 326
«Придет и нас освободит Москва...» *Перевод С. Ботвинника* 327

Слава. *Перевод Гл. Семенова*
Перед атакой. *Перевод Р. Морана* 215
Мост. *Перевод Б. Зернита* 215
Победа. *(Этюд). Перевод Р. Морана* 217
След. *Перевод Гл. Семенова* 218
В Европе весна. *Перевод В. Державина* 218
Весна («Палата утром проснулась...»). *Перевод В. Державина* 219
«Язык». *Перевод П. Антокольского* 221
Братство. *Перевод Б. Зернита* 222
Сон. *Перевод В. Ганиева* 224
Твоя доля. *Перевод Р. Морана* 225
Смерть девушки. *Перевод Р. Морана* 227
Радость весны. *Перевод В. Ганиева* 227
. 228

МОАБИТСКАЯ ТЕТРАДЬ

Песня девушки. *Перевод В. Ганиева* 231
Письмо. *(Песня). Перевод А. Ахматовой* 231
Платочек. *Перевод В. Ганиева* 232
Прости, родина! *Перевод И. Френкеля* 233
Воля. *Перевод М. Львова* 235
Лес («Закат давно сгорел,— а я стою, гляжу...»). *Перевод С. Северцева* 236
Красная ромашка. *Перевод И. Френкеля* 237
Соловей и родник. *(Баллада). Перевод И. Френкеля* 238
Пташка. *Перевод В. Ганиева* 243
Былые невзгоды. *Перевод С. Ботвинника* 244
Неотвязные мысли. *Перевод И. Френкеля* 245
В пивном зале. *Перевод В. Ганиева* 246
Поэт. *Перевод А. Тарковского* 249
Расставанье. *Перевод Р. Морана* 250
Лекарство. *Перевод М. Лисянского* 251
Меч. *Перевод А. Тарковского* 251
Звонок. *Перевод Л. Пеньковского* 253
Лишь была бы волюшка. *Перевод Т. Ян* 253
Раб. *Перевод М. Львова* 254
Хадича. *Перевод Я. Козловского* 255
Любовь и насморк. *Перевод Я. Козловского* 257
Волки. *Перевод И. Френкеля* 259
Влюбленный и корова. *Перевод В. Ганиева* 260
Одной девушке. *Перевод С. Северцева* 261
Садовод. *Перевод Т. Ян* 262
Последняя песня. *Перевод Л. Дубаева* 263
Капризная любовница. *Перевод В. Ганиева* 263
Клоп. *Перевод И. Френкеля* 264
Любимой. *Перевод И. Френкеля* 265
Сталь. *Перевод П. Антокольского* 267
Могила цветка. *Перевод В. Казанцева* 267
Часы. *Перевод А. Ахматовой* 268
Милая. *Перевод Н. Гребнева* 270
Беда. *Перевод С. Маршака* 270

Песня молодости. *Перевод Я. Козловского* 160
Наша яблоня. *Перевод Гл. Пагирева* 160
Родник. *Перевод Я. Козловского* 162
Бетер. *Перевод Гл. Пагирева* 163
Дождь. *Перевод Я. Козловского* 165
Когда она росла. *Перевод Р. Морана* 166
На ржаном поле *Перевод А. Штейнберги* 167
Наша песня. *Перевод В. Ганиева* 169
Песня ручья. *Перевод Гл. Пагирева* 169
Рыжий со звездочкой. *(Песня Ильяса из либретто оперы «Первая весна»). Перевод Гл. Семенова.* 170
Я помню. *Перевод В. Звягинцевой* 171
Мать. *Перевод А. Щербакова* 171
Урок *(К событиям у озера Хасан в 1938 году). Перевод А. Щербакова* 173
Мы расстались. *Перевод Я. Козловского* 174
Муршида. *Перевод Гл. Пагирева* 175
Одинокий костер. *Перевод Р. Морана* 176
Хадие. *Перевод П. Антокольского* 177
«Синеглазая озорница...» *Перевод Р. Морана* 177
«Мы сквозь ресницы все еще смеемся...» *Перевод М. Петровых* 178
«Бывают ночи — сны уходят прочь...» *Перевод В. Ганиева* 179
«Вы, листья, шумите, звеня и ликуя...» *Перевод В. Ганиева.* 179
«К глазам и слеза не подкатит.. » *Перевод Ю. Кушака* . . 180
Первые дни в комсомоле. *Перевод И. Френкеля* 180
«Жизнь твоя до конца отгремела...» *Перевод В. Ганиева* . 181
Амине. *Перевод В. Звягинцевой* 182
В минуту обиды. *Перевод В. Звягинцевой* 182
Ива. *Перевод В. Тушновой* 183
Лес. *Перевод В. Тушновой* 184
Врач. *Перевод А. Щербакова* 186
Под водой. *Перевод Гл. Пагирева* 190

ФРОНТОВАЯ ЛИРИКА

Против врага. *Перевод С. Северцева* 193
В последний бой *(Песня). Перевод С. Северцева* 194
Клятва артиллериста. *Перевод С. Северцева* 195
Моей дочери Чулпан. *Перевод П. Антокольского* . . . 197
Вперед, моя песня! *Перевод С. Северцева* 199
Прощай, моя умница. *Перевод В. Тушновой* 200
На память другу. *Перевод В. Тушновой* 202
Каска. *Перевод Р. Морана* 203
Из госпиталя. *Перевод Р. Морана* 204
Письмо из окопа. *Перевод В. Державина* 206
Сестричке Иншар. *Перевод С. Северцева* 208
Мензелинские воспоминания. *Перевод Я. Козловского* . . 209
Что сделал ты? *Перевод С. Северцева* 211
Бахвалу урок. *Перевод Гл. Семенова* 212
Слеза. *Перевод Б. Зерина* 212
Азимут. *Перевод С. Северцева* 214

В больнице. *Перевод А. Щербакова*
Бойцам за солнечный день. *Перевод А. Щербакова* 85
Комсомольцам. *Перевод А. Миниха* 88
Путевые заметки. *Перевод А. Миниха.* 89
На собрании. Перевод *Гл. Семенова* 90
Мать-батрачка. *Перевод А. Щербакова* 93
Отцы и дети. *(Отрывок).* Перевод *А. Щербакова* 95
Весна («На городской булыжной мостовой...»). *Перевод А. Щербакова* 97
На Кавказе. *Перевод И. Френкеля* 97
В поход. *Перевод Гл. Семенова* 99
Ударники. *Перевод С. Ботвинника* 100
В. И. Ленин. *Перевод В. Ганиева* 102
Голос волн. *Перевод Гл. Пагирева* 104
Наша любовь. *Перевод В. Звягинцевой* 104
Восемнадцать. *(Восемнадцатому Всемирному дню молодежи). Перевод Гл. Семенова* 105
К полюсу. *Перевод А. Штейнберга* 107
Молодость. *Перевод Е. Звягинцевой* 109
В тир! *Перевод Р. Морана* 112
Пожар. *Перевод А. Миниха* 114
На ночном посту. *Перевод С. Ботвинника* 116
Девушке из колхоза. *Перевод Гл. Пагирева* 120
Песня девушки-рыбачки. *Перевод А. Миниха* 122
«Недалеко от Москвы-реки...» *Перевод А. Щербакова* . . . 123
Лэйсан. *Перевод А. Щербакова* 126
На весенней дороге. *Перевод Гл. Семенова* 127
Песня комсомольской бригады. *Перевод Я. Козловского* . . 129
Песня о красном летчике. *(Марш). Перевод Гл. Семенова* . 131
Снега. *Перевод Я. Козловского* 133
Шаланда № 24. *Перевод Гл. Семенова* 134
Весна («Я открываю солнцу грудь...»). *Перевод Э. Багрицкого* 136
«Года, года...» *Перевод К. Арсеневой* 137
Сивый конь. *(Песня колхозника, верхом объезжающего поля). Перевод С. Северцева* 138
На реке. *Перевод Гл. Пагирева* 140
Во время катанья на лыжах. *Перевод В. Звягинцевой* . . . 141
Лыжные следы. *Перевод Ю. Кушака* 142
Зайтуне. *Перевод М. Петровых* 143
Песня весны. *Перевод Я. Козловского* 144
Волны. *(Из «Девушки-рыбачки»). Перевод С. Северцева* . . 145
Парашют. *Перевод Я. Козловского* 146
Туча. *Перевод Гл. Пагирева* 147
Молодежь. *Перевод Гл. Пагирева* 148
Бабушка Сарби. *Перевод В. Державина* 150
Латифе. *Перевод Р. Морана* 152
Расставание. *(Из цикла «Молодая Испания»). Перевод С. Северцева* 154
Посвящение. *Перевод И. Френкеля* 155
Из Крыма. *Перевод Я. Козловского* 156
Осень. *Перевод Я. Козловского* 158
Мои друзья. *Перевод Я. Козловского* 160

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия правды и страсти. *Рафаэль Мустафин* 5
Мой жизненный путь. *Муса Джалиль* 45

ПЕСНЯ МОЛОДОСТИ

Довоенные стихи

«Будь стойким, друг мой, до конца...» *Перевод Д. Даминова* 51
Сирота. *Перевод М. Борисовой* 51
Счастье. *Перевод В. Ганиева* 52
Народу страны. *Перевод С. Северцева* 53
Праздник Октября. *Перевод А. Щербакова* 53
Слово поэта свободы. *Перевод В. Ганиева* 54
Не дай себя обмануть. *Перевод М. Борисовой* 54
Раб любви. *Перевод М. Борисовой* 56
Торговец-спекулянт. *Перевод Л. Григорьевой* 56
Если нет тебя... *Перевод Л. Григорьевой* 57
«Нет, сильны мы — мы найдем дорогу...» *Перевод В. Тушновой* 57
Душе моей. *Перевод М. Фофановой* 58
Дитя труда. *Перевод М. Борисовой* 58
Перед смертью. *Перевод В. Савельева* 60
У могилы Тукая. *Перевод Р. Бухараева* 60
Сын пахаря. *Перевод М. Борисовой* 62
От сердца. *Перевод К. Арсеневой* 63
Она. *Перевод М. Борисовой* 64
Ледоход. *Перевод А. Бондаревского* 64
Ведь это я... *Перевод В. Савельева* 65
Родился Ленин *(Ко дню 22 апреля). Перевод А. Щербакова* 67
Первый дождь. *Перевод Р. Бухараева* 68
Со съезда. *Перевод А. Штейнберга* 69
Отрывок («Ты выбрала ленинский путь, страна...»). *Перевод А. Щербакова* 70
В пути. *Перевод А. Штейнберга* 70
Чуждой нам девушке. *Перевод С. Ботвинника* 73
Сельскому Совету. *Перевод А. Штейнберга* 75
Товарищу. *Перевод Гл. Пагирева* 76
Из дневника студента. *Перевод А. Миниха* 77
Утро. *Перевод А. Миниха* 79
Вспоминаю. *Перевод С. Северцева* 81

ПРИМЕЧАНИЯ

Джалиль издал при жизни шесть сборников стихотворений и поэм: «Мы идем» (1925), «Товарищу» (1929), «Орденоносные миллионы» (1934), «Стихи и поэмы» (1934), «Стихи» (1939), «Клятва артиллериста» (1942). Кроме того, отдельными изданиями вышли: альбом детских песен («Первый альбом для детей». Музыка Дж. Файзи, слова М. Джалиля, Казань, 1940), поэма «Письмоносец» (1940), драматическая поэма «Алтынчеч» (1941) и оперное либретто «Ильдар» («Соколы») (1941). Джалиль принимал участие и в работе над коллективными поэмами, вышедшими отдельными книгами: «Песня о Великом Октябре» (1937), «Дорога молодости» (1938), «Наша песня» (1941), «Вождю» (1941). В каждой из них ему принадлежат отдельные главы. Но в свои книги Джалиль эти главы не включал. В настоящее издание они также не вошли.

Первое издание «Моабитских тетрадей» на родном языке (1953) подготовил к печати, снабдил предисловием и примечаниями татарский критик и литературовед Гази Кашшаф. Под его редакцией вышло и первое посмертное Собрание сочинений Мусы Джалиля в трех томах (1955—1956). В это издание вошли не только стихи и поэмы, опубликованные при жизни поэта, но и значительная часть неопубликованного. Джалиль в своем завещании, посланном с фронта на имя Г. Кашшафа, отмечал, что успел опубликовать при жизни лишь 30—35 процентов написанного им, то есть примерно одну треть. Сбор и издание своих рукописей он поручил своему близкому другу Г. Кашшафу, который впоследствии проделал огромную текстологическую работу по подготовке к печати произведений поэта.

В семидесятые годы сектор литературы Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР подготовил Собрание сочинений Джалиля в четырех томах (1975—1976). Г. Кашшаф успел составить и прокомментировать первые три тома. После смерти Г. Кашшафа четвертый том составил и прокомментировал главный редактор четырехтомного издания татарский литературовед Н. Юзеев. Четырехтомное собрание сочинений Джалиля легло в основу и настоящего издания. Все новые переводы стихотворений и поэм поэта осуществлены по текстам этого издания.

В переводах на русский язык при жизни поэта вышло две книги: «Стихи» (М., 1935) и «Письмо из окопа» (Казань, 1944). Вторую из них Муса уже не увидел и даже не узнал о ней — он томился в это время в одной из берлинских тюрем в ожида-

нии смертной казни. Первое издание «Моабитских тетрадей» на русском языке осуществлено в Москве в 1954 г. За прошедшие с тех пор годы стихи Джалиля издавались на русском языке десятки раз (более подробно см. об этом в библиографическом указателе: «Муса Джалиль», Казань, 1976). Самое полное среди этих изданий — казанское издание сочинений Джалиля, осуществленное в 1962 г. (составители В. Владимирцев и В. Ганиев).

Один из первых переводов стихов Джалиля на русский язык осуществил Эдуард Багрицкий (стихотворение «Весна», 1929). В непосредственном контакте с автором работал над переводом московский поэт и переводчик Александр Миних, который целиком перевел на русский язык сборник 1935 г. В годы Отечественной войны над переводом книги «Письмо из окопа» работал казанский поэт и переводчик Бруно Зернит. Первым переводчиком стихотворений из «Моабитских тетрадей» был поэт Илья Френкель. Многие его переводы выдержали десятки переизданий, некоторые включены и в настоящее издание. В дальнейшем в дело перевода произведений Джалиля включились такие известные русские поэты и переводчики, как А. Ахматова, П. Антокольский, Н. Гребнев, М. Исаковский, Я. Козловский, С. Маршак, Р. Моран, А. Тарковский и др.

Для настоящего издания отобраны лучшие переводы произведений Мусы Джалиля. Включенные в сборник новые стихи открывают новые стороны поэтического дарования Джалиля, тонкого лирика, глубокого знатока духовного мира современника.

МОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Написано в 1939 г. по просьбе автора учебника по татарской советской литературе для десятого класса Х. Хисматуллина. Опубликовано впервые в трехтомном Собрании сочинений М. Джалиля на татарском языке (1955). *В семье Мустафы, сына Габдельджалила*—неточность. Отца Мустафы Залилова звали Абубакиром. Габдельджалил был прадедом Мусы. От него пошла семейная фамилия—Габдельджалиловы, впоследствии Жалиловы, или Залиловы. Джалиль — не псевдоним, а более близкое к татарскому написание той же фамилии (татарский звук «ж» может передаваться на русский и как «з» и как «дж»). *Мустафино* входило до революции в Исаево-Дедовский уезд Оренбургской губернии. Ныне — Шарлыкский район Оренбургской области. *Мектеб* — школа. *Медресе* — мусульманское учебное заведение типа духовной семинарии. *Нургали* Сибгатуллович *Надеев* (1882—1940) — прогрессивный татарский педагог, автор ряда учебников и методических пособий. До Октябрьской революции работал преподавателем медресе «Хусаиния», затем директором ТИНО (Татарского института народного образования), созданного на базе медресе, заведующим мусульманским отделом Оренбургского гороно. Был не только учителем, но и наставником Мусы. *Взяли в педагогическое учебное заведение.* Имеется в виду Татарский институт народного образования в Оренбурге. *Омар Хайям* — персидский и таджикский поэт, математик, философ второй половины XI — начала XII в. *Саади* — персидский писатель и мыс-

литель XIII в. *Хафиз* — персидский поэт XIV в. *Дердмэнд* (З. Рамиев, 1859—1921) — татарский поэт дооктябрьской эпохи, поэзия которого отличается изощренностью формы, тонким лиризмом и философской насыщенностью. *Газета «Татарстан»*, позднее «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан»), ныне «Социалистик Татарстан» («Социалистический Татарстан») — республиканская газета на татарском языке. Основана 12 марта 1918 г. *Татарский рабфак* — рабочий факультет при Восточном (ныне Казанском) педагогическом институте. *«Девушка Бибкай»*, *«Русские крылья»* — ранние, неопубликованные пьесы Джалиля. *В 1927—1928 годы я продолжал комсомольскую работу.* С 1927 по 1930 г. (т. е. с первых дней в Москве до ликвидации национальных отделов в ЦК ВЛКСМ) Джалиль был членом Татаро-Башкирского бюро Центрального Комитета комсомола, в последнее время — ответственным секретарем бюро. *Закончил литературный факультет Московского... университета.* В 1927 г. Джалиль поступил на первый курс литературного отделения этнографического факультета Первого МГУ и в 1931 г. закончил полный курс обучения по циклу литературной критики. *«Кечкенэ иптэшлэр»* («Маленькие товарищи»), позднее (в новом оформлении) выходил под заглавием *«Октябрь баласы»* («Октябренок») — татарский детский журнал, орган ЦК ВЛКСМ, издававшийся в Москве. В 1932 г. журнал был переведен в Казань и ныне издается под названием «Ялкын» («Пламя»). *Газета «Коммунист»* — центральная татарская газета, орган Совета Национальностей ЦИК СССР, издававшаяся в первой половине тридцатых годов в Москве. Джалиль проработал в этой газете с марта 1933 по март 1935 г. *«Орденоносные миллионы»*, *1933* — неточность. Сборник вышел в Казани в 1934 г. *«Татаризировать» русские оперы.* Джалиль перевел на татарский язык с русского либретто опер «Евгений Онегин», «Свадьба Фигаро», отдельные арии и дуэты из других опер.

ПЕСНЯ МОЛОДОСТИ

Довоенные стихи

1. Записано в альбом школьного приятеля Мусы Джалиля В. Зайнигибдинова. Внизу дата — 15 октября 1918 г. Обнаружено в начале семидесятых годов оренбургским краеведом И. Тапалиным. При жизни поэта не публиковалось. Первое дошедшее до нас стихотворение поэта.

3. Опубликовано в татарской воинской газете Туркестанского фронта «Кызыл юлдуз» («Красная звезда») в октябре 1919 г. (Оренбург). Подписано «Кечкенэ Джалиль» («Маленький Джалиль»). Первое опубликованное стихотворение поэта.

4. Стихотворение сохранилось в толстой тетради, датированной 1920 г. и озаглавленной «Сверток революционных песен». На внутренней стороне обложки нарисована лира на фоне красной

звезды. Внизу, рассыпая огненные лучи, поднимается солнце. Стихи в тетради написаны красными чернилами с большой тщательностью. В 1922 г. поэт внес в тетрадку еще несколько стихотворений, сделал ряд исправлений и приписал: «Все, написанное Мусой Джалилем». *О народ, поднимись, меч надежды возьми — и вперед!* В оригинале перекличка со строками из стихотворения Габдуллы Тукая «К народу» (1906). В той же тетради помещены стихи «Слово поэта свободы», «На войне», «Если нет тебя...», «Торговец-спекулянт» и др.

9. *Масло, сахар, соль под сеном.* В 1920 г. комсомольский патруль с. Мустафино, в составе которого был и Муса, задержал крупного спекулянта, который вез в тайнике под сеном дефицитные продукты и мануфактуру на продажу (см. об этом в кн.: Р. Мустафин, Муса Джалиль. Очерк о детстве и юности поэта, М., 1977, с. 80—81).

10. *Пэри* — здесь: красавица неземной красоты.

14. *Тал* — ветла, ива.

15. Посвящено памяти татарского народного поэта Габдуллы *Тукая* (1886—1913) и опубликовано к десятой годовщине со дня его смерти.

20. *Быть может, он спешит в далекие края.* По татарскому обычаю, самым тяжким, непростительным грехом считается прогнать от дверей путника, идущего в далекие края. Существует поверье, что пророк аллаха Хозур Ильяс, приняв образ нищего бродяги, странствует по городам и весям. Прогоняя путника и бродягу, можно прогневить аллаха. Джалиль, обыгрывая в своем стихотворении это поверье, ставит на место Хозура Ильяса себя.

21. Стихотворение, посвященное рождению В. И. Ленина, написано Джалилем в год смерти вождя с тем, чтобы подчеркнуть бессмертие ленинского дела, величие его жизни, отданной народу.

23. С 26 января по 2 февраля 1924 г. в Москве проходил II съезд Советов, на котором выступил с речью М. И. Калинин. Съезд утвердил Конституцию СССР, Договор об образовании Союза ССР, поднял вопросы повышения культуры земледелия и борьбы с кулачеством. Возможно, что Джалиль имел в виду и другие мероприятия партии и правительства в помощь деревне.

25. В 1925—1927 гг. инструктор Орского, затем Оренбургского укомов комсомола, Муса Джалиль разъезжал по комсомольским делам по всей губернии (см. об этом в кн.: Р. Мустафин, Муса Джалиль. Очерк о детстве и юности поэта, М., 1977, с. 93—134).

26. Стихотворение написано с позиции комсомольца, глубоко возмущенного аморальным разгулом нэповского мещанства. *Намаз* — ежедневная пятикратная молитва мусульман. *Муэдзин* —

служитель при мечети, призывающий в установленные часы мусульман к молитве. *Азан* — призыв к молитве, возглашаемый муэдзином с минарета мечети.

28. В оригинале стихотворение имеет подзаголовок «Товарищу-единомышленнику». Стихотворение дало название сборнику стихотворений Джалиля.

29. Стихотворение связано с учебой Мусы Джалиля на Казанском рабфаке (1923—1925).

34. *В зеленых юнгштурмах.* Так называлась популярная среди молодежи двадцатых — тридцатых годов униформа: хлопчатобумажная блуза и такая же юбка или брюки.

40. Летом 1929 г. студент МГУ М. Джалиль отдыхал по профсоюзной путевке на Кавказе. *Воробьевы горы* — в Москве. Ныне Ленинские горы. *Я часто в Цека комсомола твердил...* М. Джалиль в эти годы был членом бюро Татаро-Башкирской секции ЦК ВЛКСМ и часто бывал по делам в ЦК комсомола.

45. *Члены волостного комитета.* В 1920 г. Муса был избран членом волостного комитета и, несколько позднее, делегатом губернского съезда комсомола. *Комбеды* — комитеты бедноты.

46. *Восемнадцатому Всемирному дню молодежи.* Имеется в виду Международный юношеский день, интернациональный праздник боевой солидарности молодежи всех стран в борьбе за мир. В 1933 г. Международный юношеский день отмечался в восемнадцатый раз.

47. В годы первой пятилетки начался новый этап освоения Арктики. В 1932 г. ледокол «Сибиряков» впервые осуществил сквозное плавание за одну навигацию из Архангельска во Владивосток. 14 июля 1933 г. из Ленинградского порта вышел в первый ледовый поход ледокол «Челюскин», на борту которого находилась научная экспедиция во главе с О. Ю. Шмидтом. Огромных успехов добилась в эти годы и полярная авиация. В оригинале упоминается отважный полярный летчик Бабушкин.

49. *Мой друг Ахмет* — друг Джалиля, татарский поэт Ахмет Файзи (1903—1958). А. Файзи вспоминал, что Джалиль любил ходить в тир, метко стрелял и с детской непосредственностью хохотал, когда пули близорукого Ахмета уходили «за молоком». Разозленный насмешками, А. Файзи вызвал друга на творческое состязание: кто напишет лучшее стихотворение об оборонном спорте. А. Файзи написал на пари «Оптимистическую песню», М. Джалиль — стихотворение «В тир!». По единодушному признанию друзей, победителем и на этот раз вышел Джалиль (А. Файзи. Незабываемые встречи.— В кн.: Воспоминания о Мусе Джалиле, Казань, 1966, с. 63).

50. *Ланка* — лань, олениха.

53. Написано после посещения Астрахани и рыбаков Каспия летом 1933 г. Публикуя стихотворение в сборнике «Стихи и поэмы» (1934), автор снабдил его следующим примечанием: «В июле 1933 года кулак Некозырев из деревни Дурнаево утопил в море колхозницу-ударницу тов. Чураеву (Из письма колхозников)». В дальнейшем поэт снял это примечание, так как стихотворение, хотя и рожденное конкретным фактом, имеет более широкое, обобщающее значение. Тогда же поэт задумал либретто оперы «Девушка-рыбачка». «Песня девушки-рыбачки» является, по-видимому, одним из фрагментов этой оперы.

55. *Лэйсан* — первый весенний ливень.

56. Весной и летом 1933 г. Джалиль работал редактором выездной редакции газеты «Коммунист» в Дергачевском районе Нижне-Волжского края. Стихотворение написано им на основе личных впечатлений и приурочено к началу посевной кампании. *Мотый* — усеченное татарское имя Мотыгулла, употребляется с ироническим оттенком.

60. Один из фрагментов задуманного поэтом либретто оперы «Девушка-рыбачка» (см. примеч. 53).

61. Одно из первых стихотворений Джалиля, переведенных на русский язык. Впервые перевод Багрицкого был опубликован в 1930 г. *Челтыр-челтыр* (звукоподражание) — треск льдин. *В днепровский яростный поход.* Имеется в виду строительство Днепровской гидроэлектростанции, давшей первый ток в 1932 г. Строки эти дописаны позднее. В первом варианте стихотворения (1929) их нет.

67. Посвящено заслуженной артистке Башкирской АССР *Зайтуне* Ильбаевой. *Дёма* — приток Белой, река в Башкирии, текущая по очень красивым, живописным местам. На берегу Дёмы находится санаторий Юматово, где поэт отдыхал летом 1935 г. и где познакомился с З. Ильбаевой. При жизни поэта не печаталось. Сохранилось в «Лирическом дневнике» поэта — толстой тетради, куда поэт вписывал многие стихи, оставшиеся неопубликованными при его жизни.

73. В 1920—1921 гг. Муса Джалиль в составе отрядов ЧОН (части особого назначения) принимал участие в схватках с белыми бандами. Очевидно, в основу стихотворения положено одно из реальных событий тех лет.

74. Из тетради лирических стихотворений, оставшихся неопубликованными. Посвящено московской знакомой поэта А. Абузяровой. *Латифа* — в переводе с арабского: любимая, прекрасная. В оригинале это значение имени обыгрывается.

75. Является частью задуманного поэтом цикла «Молодая Испания», посвященного героической борьбе испанского народа против реакционных сил во главе с генералом Франко. *Чем*

рабами быть, на коленях жить, Лучше стоя умрем! — перифраз известных слов Председателя Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». *Сьерра-де-Гвадаррама* — горная цепь в Центральных Кордильерах. *Тахо* — река, протекающая неподалеку от Мадрида.

76. Фрагмент поэмы «Директор и Солнце», не вошедший в последнюю редакцию. Джалиль опубликовал его как самостоятельное стихотворение. *О солнце, солнце!* — А. Файзи пишет в своих воспоминаниях о Джалиле: «Солнце он любил, пожалуй, как никто. Свою дружбу с ним он подчеркивал в ряде стихотворений. «Товарищ Солнце! Здравствуй, Солнце!» — обращался он к нему, как к близкому» (В кн.: Воспоминания о Мусе Джалиле, Казань, 1966, с. 63).

85. Стихотворение посвящено дочери поэта Чулпан.

86. Фрагмент поэмы «Директор и Солнце».

89. В 1937—1938 гг. Джалиль написал либретто оперы «Первая весна», впоследствии утерянное (или, скорее всего, уничтоженное самим автором). Стихотворение представляет собою фрагмент этого либретто. С пометкой «Ария Ильяса» Джалиль передал его композитору Джаудату Файзи.

92. В стихотворении речь идет о военном конфликте, развязанном японскими империалистами в районе *озера Хасан* (Приморский край РСФСР) с 29 июля по 11 августа 1938 г., с целью создать базу для наступления на Владивосток. В результате успешных боевых действий советских войск японская дивизия была разгромлена.

100. *Но сгинул в осеннюю пору глухую* и т. д. Речь идет о безвременной смерти татарского народного поэта Габдуллы Тукая (1886—1913).

102. Зимой 1925—1926 гг. инструктор Орского укома Муса Джалиль во время очередной командировки попал в буран, заблудился и обморозился. Стихотворение, очевидно, написано на основе этих впечатлений.

103. По предположению В. Х. Ганиева, навеяно стихотворением Байрона «Ты кончил жизни путь, герой...» (из цикла «Еврейские мелодии») в переводе Плещеева.

104. Стихотворение, как и два следующие, посвящено жене поэта *Амине* Джалиль (Залиловой).

108. Стихотворение написано под впечатлением болезни дочери поэта Чулпан. Джалиль изменил некоторые детали, но сохранил посвящение реальному лицу — доктору *Хазановой*.

110. Написано на второй день войны, 23 июня 1941 г. Опубликовано в газете «Кызыл Татарстан» 2 июля того же года.

111. Стихотворение стало популярной песней (музыка татарского композитора Ф. Яруллина). С первого месяца войны исполнялась на концертах, часто передавалась по радио.

112. Написано в июле 1941 г., когда Джалиль был рядовым артиллерийского полка. Впоследствии поэт так же назвал сборник своих стихотворений, изданный в Казани в 1942 г.

113. Чулпан — утренняя звезда, планета Венера.

114. *Аргамак* — быстрый и легкий скаковой конь степной породы. В данном случае — боевой конь, сказочный скакун, излюбленный образ татарских народных песен и сказок.

115. Написано в августе 1941 г. в прифронтовой полосе. Джалиль в это время обучался на военно-политических курсах в г. Марьино Курской области, нередко принимал участие в боевых операциях по ликвидации вражеских десантов и лазутчиков. *Кремлевские белые стены.* Имеется в виду Казанский кремль.

116. Посвящено товарищу Мусы Джалиля по военно-политическим курсам Латыфу Амирхану.

119. *Гази Кашшаф* (Миргази Султанович Кашшафутдинов, 1907—1975) — татарский критик и литературовед, один из ближайших друзей поэта.

120. Стихотворение посвящено *Иншар* Алькарамовой, дочери старой знакомой Джалиля, подруги его рабфаковских лет Махмуды Мазитовой. Ныне И. Алькарамова работает преподавателем средней школы в Мензелинском районе Татарии.

121. Стихотворение написано по поводу окончания Джалилем военно-политических курсов и впервые прочитано на городском вечере, посвященном проводам курсантов. *Мензелинск* — город в Татарии, районный центр. *Шункар* — Ходжа Шункаров (1903—1948), популярный артист-комик Мензелинского колхозно-совхозного передвижного театра.

125. *Азимут* — «топографический термин. Угол между направлением на север и заданным курсом называется «азимут». Двигаясь по заданному азимуту, можно выйти в необходимый район или место» (примеч. автора).

134. *Тарас* Григорьевич Шевченко (1814 — 1861) — великий украинский поэт, похоронен в г. Каневе. Его могила была разрушена фашистами.

136. *Ясин* — отходная мусульманская молитва. *Серебро, которое пришлось тебе на долю* — обыграна татарская пословица: «Каждому — своя доля серебра», то есть каждому воздается по заслугам.

МОАБИТСКАЯ ТЕТРАДЬ

До нас дошли две маленькие, размером с детскую ладошку, тетрадки с моабитскими стихами Джалиля. Первая из них содержит 62 стихотворения и два фрагмента, вторая — 50 стихотворений. Двадцать из них, очевидно, те, которые поэт считал наиболее важными, повторяются в обеих тетрадках. Таким образом, моабитский цикл содержит 92 стихотворения и два отрывка. Первую тетрадь вынес из Моабитской тюрьмы бывший узник этой тюрьмы, советский военнопленный Габбас Шарипов[1]. В лагере Ле Шон во Франции он передал тетрадку военнопленному Нигмату Терегулову. В марте 1946 г. Н. Терегулов приехал в Казань и передал тетради Мусы Джалиля и Абдуллы Алиша вдове А. Алиша Р. Тюльпановой, которая, в свою очередь, отдала их председателю Союза писателей Татарии А. Ерикею.

Тетрадь Джалиля сшита из разрозненных клочков бумаги и заполнена убористым арабским шрифтом. На обложке написано химическим карандашом по-немецки (для отвода глаз гитлеровских тюремщиков): «Словарь немецких, тюркских, русских слов и выражений. Муса Джалиль. 1943—44 г.» На последней странице поэт оставил свое завещание: «К другу, который умеет читать по-татарски и прочтет эту тетрадь. Это написал известный татарский поэт Муса Джалиль... Его история такова: он родился в 1906 году. Имеет квартиры в Казани и Москве. Считается у себя на родине одним из больших поэтов. Он в 1942 году сражался на фронте и взят в плён. В плену испытал все ужасы, прошел через сорок смертей, затем был привезен в Берлин. Здесь он был обвинен в участии в подпольной организации, в распространении советской пропаганды и заключен в тюрьму. Его присудят к смертной казни. Он умрет. Но у него останется 115 стихов, написанных в плену и в заточении. Он беспокоится за них. Поэтому он из 115 старался переписать хотя бы 60 стихотворений. Если эта книжка попадет в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги их и после войны сообщи в Казань, выпусти их в свет как стихи погибшего поэта татарского народа. Таково мое завещание. Муса Джалиль. 1943. Декабрь».

На обороте Джалиль написал список тех, кто был арестован и брошен в тюрьму вместе с ним. Их — 12 человек. «Они обвиняются в разложении татарского легиона, в распространении советской пропаганды, в организации коллективных побегов»,—

---

[1] О подробностях спасения первой моабитской тетради см. в кн.: Р. Мустафин. По следам поэта-героя, Казань, 1971, с. 224—232.

разъяснил поэт. Затем он провел жирную черту и приписал фамилию тринадцатого — предателя, выдавшего подпольную организацию. Кроме того, в блокноте указан адрес семьи Джалиля и Союзов писателей в Москве и Казани [1].

Вторую тетрадку, написанную латинским шрифтом, Муса передал соседу по камере, бельгийскому патриоту Андре Тиммермансу. Тиммерманс смог переслать ее вместе с другими личными вещами на родину, а после войны, уже в 1947 г., передал в Советское консульство в Брюсселе. Эта тетрадь заполнялась позднее. Последнее помещенное здесь стихотворение — «Новогодние пожелания» — написано 1 января 1944 г. В тетрадке есть адрес Джалиля и краткие сведения о нем для тех, кто обнаружит тетрадку: «Муса Джалиль — известный татарский поэт, заключенный и осужденный к смерти за политику в Германии. Тюрьма. М. Джалиль». Слова эти написаны по-русски (на случай, если тетрадь попадет в руки тех, кто не умеет читать по-татарски). Джалиль выражался осторожно: «за политику», то есть по обвинению в политической деятельности против фашизма.

Вторая тетрадка тоньше первой. Сшитая часть содержит всего 33 стихотворения, после которых поэт оставил горькую надпись: «В плену и в заточении — 1942.9—1943.11 — написал сто двадцать пять стихотворений и одну поэму. Но куда писать? Умирают вместе со мной».

После этого Джалилю, видимо, удалось раздобыть несколько листков бумаги, и он записал на них еще семнадцать стихотворений. Листки эти не подшиты, просто вложены в блокнот.

В настоящем издании стихи моабитского цикла публикуются полностью. Стихи датированы автором. Там, где нет авторских дат, дается предположительная датировка, сопровождаемая знаком вопроса.

139, 141. По всей вероятности, стихи эти написаны еще на Волховском фронте: и по содержанию, и по настроению они передают мысли воина, а не военнопленного. *Платок,* подаренный девушкой храброму джигиту,— традиционный образ татарских народных песен.

142. ***Волхов — свидетель.*** Джалиль участвовал в боях в составе 2-й ударной армии на Волховском фронте и был взят в плен среди болот, невдалеке от реки Волхов. *В содрогающемся под бомбами, Обреченном на гибель кольце...* 2-я ударная армия, свыше двух месяцев сражаясь в кольце окружения, подвергалась ежеминутным бомбардировкам и артиллерийскому и минометному обстрелу. *Не я ли писал спутнику жизни* и т. д. Поэт цитирует строки из своего стихотворения «Из госпиталя», написанного в октябре 1941 г. В оригинале строки совпадают дословно. Далее в стихотворении обыгрываются строки из стихотвор-

---

[1] Подлинники «Моабитских тетрадей» хранятся в Государственном музее Татарии в специальном сейфе.

ного письма жене «Прощай, моя умница» (август 1941). *Мне изменил мой пистолет.* Поэт не намерен был сдаваться живым в руки врага. Так, на Волховском фронте он написал «Балладу о последнем патроне» (она не дошла до нас). *Будет август. Во мгле ночной.* Джалиль попал в плен в конце июня, когда ночи под Ленинградом еще очень светлые.

143. *Я вырос без родителей.* Отец Джалиля умер в 1919 г., когда Мусе было 13 лет. С пятнадцати лет юноша жил самостоятельно, вдали от родных. *В стране врагов я раб тут.* В подлиннике написано: «В стране Д» — видимо, от татарского слова «дошман» — «враг». Возможно и другое прочтение — «в стране Дейчланд», то есть в фашистской Германии.

144. По свидетельству бывшего военнопленного Г. Хафизова, написано в лагере под с. Рождествено. Тогда оно называлось «Дремучий лес». *Товарищ Т. не спит.* В одном из номеров газеты «Отвага», где работал Муса, сообщалось о действиях партизанского отряда под руководством товарища Т. Партизаны называли его «Дедушкой», «Дедом».

145. Помещено в обеих тетрадях. Между двумя вариантами есть небольшие разночтения. *Чулпан-звезда* — планета Венера.

146. По свидетельству М. Гафарова, Джалиль написал эту балладу вначале по-русски, хотел опубликовать в газете «Отвага», но не успел.

147. В том варианте, который запомнил Г. Хафизов (см. примеч. 144), стихотворение называлось «За колючей проволокой». Помещено в обеих тетрадях.

149. *Напрасно я писал: «Умру смеясь».* Имеется в виду раннее стихотворение Джалиля «О смерти» (1929).

150. Стихотворение написано специально для лагерной самодеятельности, которая служила своего рода ширмой для подпольщиков, и часто исполнялось хоровой капеллой

152. В октябре 1942 г., когда написано стихотворение, Джалиль расстался с другом Салихом Ганеевым, вместе с которым более двух месяцев скитался по лагерям для военнопленных. Очевидно, стихотворение написано по этому поводу.

153. Стихотворение, по всей вероятности, написано в те дни, когда поэт, страдающий фурункулезом и полным истощением,

попал в лазарет Демблинского лагеря. В эти тяжелые дни он припомнил эпизод из своей довоенной жизни. Однажды, когда он был в отъезде, тяжело заболела дочка Чулпан. Никакие лекарства не помогали. Но вот вернулся Муса. Он взял дочку на руки и, ласково прижимая ее к себе, принялся ходить по комнате. Пел ей песни, рассказывал сказки. К вечеру Чулпан была уже здорова.

154. Очевидно, создано в лагере Демблин на Висле (Польша). Воспринималось узниками как призыв к сопротивлению, переписывалось от руки и было широко распространено среди военнопленных татар.

155. Сестра поэта, Хадича Залилова, пишет в своих воспоминаниях, что рассказала брату услышанную от кого-то историю о мальчишке-озорнике. Много лет спустя Джалиль в фашистском плену вспомнил об этом. Стихотворение исполнялось лагерной самодеятельностью.

156. Стихотворение записано в обе тетради. В нем обыгрываются образы татарских народных песен (в первой тетради оно названо «Песней»). По свидетельству бывшего военнопленного Г. Хафизова, М. Джалиль написал его в лагере под с. Рождественно.

157—163. Эти стихи входили в репертуар созданной в лагере хоровой капеллы.

164. Первое стихотворение, написанное поэтом после провала и ареста, по всей вероятности, в Варшавской тюрьме, куда арестованных привезли из лагеря Едлино под городом Радом (Польша). С этого стихотворения начинается собственно моабитский цикл. Записано в обе тетради.

165. Этим стихотворением завершается сшитая часть второй тетрадки. Написано в традициях восточной притчи. Последняя строфа — вывод из притчи.

167. *В одежде черной вдруг войду.* У татар это недоброе предзнаменование, означающее смерть близкого человека.

168. Стихотворение есть в обеих тетрадях. Во второй — озаглавлено «Закаленная молодость».

170—172. Эти стихотворения написаны в сентябре 1943 г., когда прекратились изнурительные допросы, пытки и побои и фашисты на время оставили поэта в покое.

173. В письмах с Волховского фронта Джалиль упоминает о большом сюжетном стихотворении или балладе «Мать» (в другом письме он называет ее — «О двух глазах и двух сыновьях»). Но выслать ее поэт не успел и, очевидно, смог восстановить по памяти и доработать только в Моабитской тюрьме. По воспоминаниям Р. Хисамутдинова, это стихотворение ходило по рукам среди узников Тегельской тюрьмы. Его передавали друг другу во время прогулок, пересылали через надежных людей из числа немцев-уборщиков. Тем же путем заключенным стали известны стихи М. Джалиля «Утешение», «О героизме» и др.

175. По воспоминаниям соратников поэта, в сентябре 1943 г. военный следователь закончил следствие и передал дело в Третий имперский суд. Окончательный суд состоялся в Дрездене в феврале 1944 г., но уже в сентябре 1943 г. Джалилю и его товарищам был известен смертный приговор.

178. *Две буквы «Э» блестят на рукавах.* В оригинале — «знак копья». Опасаясь, что его не поймут, Джалиль подписал под этими словами две маленькие буковки «э. э.», то есть «эсэс». Есть в обеих тетрадях. В первой озаглавлено «Стража». Ниже, в скобках и кавычках,— Казань, Монолог Ядкарь-хана» (Ядкарь — по-татарски «память»). Во второй тетрадке в скобках записано — Ямаш, 1911. Ямашев Хусаин (1882—1912) — известный татарский революционер, большевик, подпольщик.

179. Речь в стихотворении идет, очевидно, о первом суде над подпольщиками, когда рядовых членов организации отделили от руководителей. *Черчетский хан* — персонаж из поэмы-сказки А. Исхака «Каракаш-батыр» («Батыр Черная Бровь»), изданной в 1940 г. в Казани под редакцией М. Джалиля. В скобках, для маскировки, приписано: «К трагедии «Кылыч хан» (Кылыч — по-татарски «меч»). Оригинал заканчивается словами: «Моя последняя песня, написанная кровью сердца, будь обвинительным актом Черчету». Последнее слово подчеркнуто, а на полях арабским шрифтом справа налево написано «актсишаф», что, согласно правилам арабской орфографии, читается «фашистка», т. е. «фашисту».

183. Посвящено *Амине* Джалиловой. *Забыть не могу я Замостье родное...* (в оригинале — «Место возле моста»), так назывался тот конец деревни Мустафино Оренбургской области, где проживала семья Джалиля. *Тот юный «бродяга».* Джалиль с пятнадцати лет расстался с родными краями и много ездил по стране.

184. Волшебная *рубашка,* возвращающая жизнь павшему на поле брани,— излюбленный мотив татарских народных сказок. Джалиль осовременивает сказку (Дильбар посылает ру-

башку посылкой через почтовое отделение), переплетает реальные и сказочные мотивы. Имеется в обеих тетрадях.

185. Включено в обе тетради. Во второй тетрадке зачеркнута одна строфа, видимо показавшаяся поэту слишком мрачной. Есть и другие разночтения. Перевод сделан по варианту из второй тетради. *Лейла, Меджнун* — персонажи из восточного сказания о безумной любви красавицы Лейлы и одержимого Меджнуна. *И псам на растерзанье отдала.* В оригинале: «Мое чистое сердце отдала на растерзанье диким псам». Поэт зачеркнул слова «диким псам», но так, чтобы их можно было разобрать.

186. Включено в обе тетради. *В мае опять состоится сбор* и т. д.— поразительная по своей прозорливости деталь. Джалиль, казненный на гитлеровской гильотине 25 августа 1944 г., свято верил, что победа будет именно в мае.

190. Написано, очевидно, в лагере для военнопленных на берегу Двины осенью 1942 г. Позднее оно ходило среди военнопленных лагеря Демблин под названием «К Висле» (с некоторыми изменениями). В Моабите поэт, видимо, доработал стихотворение и поставил дату «октябрь 1943 года». В татарской народной песне поется: «Пусть реки потекут однажды вспять — утраченная юность не вернется». Здесь обыгран этот мотив.

191. В подлиннике «Моабитских тетрадей» первая строка третьей строфы в целях конспирации не дописана.

194. В начале апреля 1942 г., когда Джалиль приехал на Волховский фронт, работники редакции «Отвага» 2-й ударной армии составили акт о злодеяниях фашистов в оккупированных районах Новгородской области. Здесь были материалы о массовых расстрелах мирных жителей — стариков, женщин, детей, о сожженных деревнях и селах, о людях, угнанных в рабство. Джалиль и сам видел в освобожденных от врага районах штабеля трупов расстрелянных мирных жителей, облитых водою и превращенных в ледяные глыбы. Для конспирации Джалиль под заголовком в скобках написал: «Из пьесы. Воспоминание о 1919 годе». Строка «хищноносый майор» зачеркнута карандашом (но так, чтобы можно было разобрать), и сверху приписано с маленькой буквы «маев» (т. е. майор).

198. Посвящено другу и соратнику Джалиля по подпольной борьбе, татарскому детскому писателю Абдулле Алишу (1908—1944), казненному вместе с Джалилем.

200. Слово *Иоганн* написано арабскими буквами так, что может читаться как «дошман» — враг или «герман» — германец, немец. В данном контексте означает: фашист.

201. В тетрадях не датировано, но бывший узник Тегельской тюрьмы Р. Хисамутдинов рассказывает, что стихотворение дошло до его тюремной камеры в конце 1943 г. В целях конспирации Джалиль пользуется иносказаниями: «мырманская (вместо «германская») тюрьма», «придет Москат» (вместо «Москва»). Стихотворение обращено к друзьям и широко ходило среди узников фашистских тюрем. *Мы выйдем, как «Челюскин»* изображает. Имеется в виду эпизод спасения команды советского ледокола «Челюскин», затертого льдами в Северном Ледовитом океане в сентябре 1933 г. К 13 апреля 1934 г. советские летчики сняли со льдины всю команду — свыше ста человек.

202. В оригинале стихотворение называется «Буран». Этим стихотворением открывается первая тетрадь. *Зухра, Лейла* — персонажи древних поэм «Тагир и Зухра», «Лейла и Меджнун», широко распространенных среди народов Востока.

203. Это программное стихотворение Джалиля. Им открывается вторая «Моабитская тетрадь». Оно может быть поставлено эпиграфом ко всему творчеству поэта.

214. Подлинник стихотворения озаглавлен арабским словом «Катыйльге» (т. е. «Палачу»). Джалиль нередко прибегал к арабским словам и выражениям, чтобы скрыть свои мысли от врагов. Г. Кашшаф высказал предположение, что данное стихотворение — поэтическое переложение последнего слова поэта на суде.

222. *Див* — чудище, злая недобрая сила из татарских народных сказок. *Эх, сказки моей бабушки...* Бабушка поэта Гильми очень любила внука Мусу и в детстве рассказывала ему много сказок.

223. Поэт называет Германию арабским словом «Алман». *Карл и Роза* — немецкие революционеры Карл Либкнехт (1871—1919) и Роза Люксембург (1871—1919), перед мужеством и стойкостью которых Муса преклонялся с юношеских лет. *Цеткин Клара* (1857—1933) — выдающаяся деятельница германского и международного рабочего движения, одна из основательниц Коммунистической партии Германии. Вождь немецких коммунистов *Эрнст Тельман* (1886—1944) томился в гражданской тюрьме Моабит, расположенной неподалеку от военной тюрьмы Моабит, где был заключен Джалиль.

225, 226. Г. Кашшаф высказывает вполне обоснованное предположение, что это — отрывки из недошедшей до нас поэмы Мусы Джалиля. Первый, очевидно, передает главную идею, второй — лирическую линию поэмы. Они записаны под общим заглавием «Фрагменты», затем в скобках после звездочки записано: «Эпос Масгут Батыр» (масгут — в переводе с арабского —

счастье). В оригинале слово «Москва» зачеркнуто и сверху написано «Масгут», причем так, что оно может читаться и как «Москва».

227. Посвящено соседу по камере, бельгийскому патриоту *Андре* Тиммермансу (1917—1977). За мужество и героизм, проявленные при спасении тетради стихов Джалиля, награжден Советским правительством медалью «За отвагу». Джалиль вписал стихотворение в молитвенник А. Тиммерманса.

229. В Моабите Муса Джалиль писал не только новые стихи, но и осуществил некоторые свои прежние замыслы. Р. Бикмухаметов высказал вполне правдоподобное предположение, что данное стихотворение — один из фрагментов произведения о рыбаках Каспия, задуманного еще до войны.

231. В оригинале стихотворения речь идет о табуте, то есть носилках, на которых несут покойного на кладбище. *Бабай* — дед.

232. Этим стихотворением завершается Моабитская тетрадь.

ПОЭМЫ

Муса Джалиль написал 23 поэмы и баллады. На русский переведены наиболее значительные из них.

245. Написана в 1925 г. Джалиль работал в эти годы инструктором Орского укома комсомола, отвечал за работу с детьми. Он шефствовал над детскими домами г. Орска, часто бывал в них, вел большую воспитательную работу.

246. *«Орлес»* — Оренбургский лесопильный завод. Во время работы в Оренбургском укоме Джалиль часто бывал на этом заводе. *Отблеск схваток пятого года.* Имеются в виду события первой русской революции 1905 г.

247. Первый вариант поэмы под заглавием «Больной комсомолец» был закончен в октябре 1924 г. В автографе есть посвящение, не вошедшее в печатные издания: «Произведение «Больной комсомолец» посвящается МОПРу (Международной организации помощи рабочим.— *Ред.*) и может рассматриваться как первый шаг на пути создания литературы МОПРа. М. Джалиль». Первая публикация поэмы осуществлена в сборнике «Мы идем» (1925), вышедшем в серии «Библиотека МОПРа». Впоследствии поэт не раз возвращался к этому произведению и вносил в него ряд изменений. С 1929 г. печатается в новой редакции под названием «Пройденные пути» (в русском переводе — «Минувшие годы»). Поэма пользовалась широкой популярностью среди татарской молодежи второй половины двадцатых — начала тридцатых годов. Часто с чтением поэмы выступал ав-

тор, как правило, в музыкальном сопровождении. На полях рукописи сохранились авторские пометки: «без музыки», «страдание», «марш победы», «оратор», «Интернационал», «резкий переход», «ярость», «призыв», «Молодая гвардия», «Гармонь», «фронт-война», «напряжение», «радость», «Похоронный марш», «Смело мы в бой...», «Грусть», «капель», «заводской гудок» и т. д. По воспоминаниям очевидцев, исполнение поэмы превращалось в небольшое театрализованное представление в духе того времени. Перевод осуществлен с последнего авторского варианта 1929 г. *Солнце-золото в Лене плавится* — намек на Ленские золотые прииски. *Драга* — землечерпальная машина, используемая на добыче золота. *Прищурясь, Двенадцатый год Прицелился в сердце Апреля.* Имеется в виду Ленский расстрел. 4 апреля 1912 г. по приказу жандармского ротмистра Трещенкова солдаты открыли огонь по бастующим рабочим, 270 человек были убиты, 250— ранены. *Тогда делегатов встречала Москва.* Имеется в виду 2-й съезд РКСМ, открывшийся 2 октября 1920 г. в Москве. *Юденич рвется на Петроград.* В мае 1919 г. началось наступление контрреволюционных сил под командованием генерала Юденича на Петроград. Решающие бои развернулись в июне в районе Гатчины и фортов Красная горка, Серая лошадь и Обручев. К концу августа 1919 г. войска Юденича были разгромлены. *Гуляй-Поле* — город в Запорожье. В годы гражданской войны — центр махновщины. *КИМ* — Коммунистический интернационал молодежи.

248. Джалиль работал над поэмой с 1935 по конец 1938 г. Отдельной книгой впервые напечатана в 1940 г. Поэма написана с широким использованием татарского фольклора. Многие популярные народные песни цитируются целыми строфами, иногда — в слегка видоизмененном виде. В некоторых местах автор перефразирует широко известные песни, но чаще всего создает свои, очень близкие по духу и всей образной системе к народным. *Жилбер-жилбер* — звукоподражание. Так говорят у татар о теплом, ласковом, порывистом ветерке. *МТФ* — молочно-товарная ферма. *Курай* — татарский музыкальный инструмент из полого стебля растения. *Ичиги* — кожаные сапожки на мягкой подошве. *Файрузакай* — ласкательное от Файруза. *Академик* Алексей Николаевич *Бах* (1857—1946) — выдающийся советский ученый-биохимик и общественный деятель, выступивший в конце двадцатых годов с призывом о всемерном участии советских ученых в деле строительства социализма. *Той* — пир, праздник.

ПИСЬМА [1]

№ 1. *К. Наджми* (1901—1957) — известный татарский писатель и поэт.

Статья *«Сто одному поэту»* написана К. Наджми. Упоминаемый альманах не был издан.

[1] В настоящем издании использованы примечания к письмам, написанные Г. Кашшафом. Письма публикуются по копиям, снятым Г. Кашшафом с подлинников.

Подлинник на татарском языке. Из архива К. Наджми. Перевод М. Рафикова.

№ 2. *Джаудат Файзи* — советский композитор, автор оперетты «Башмачки». В то время работал зав. учебной частью татарской оперной студии при Московской государственной консерватории.

Адгам Кайбицкий — артист Московского татарского театра.

Подлинник на татарском языке, хранится в архиве Дж. Файзи. Перевод М. Рафикова.

№ 3. Написано из Дома творчества писателей в Голицыно.

«Коммунист» — газета на татарском языке, орган Совета национальностей ЦИК СССР, издавалась в Москве до 1/I 1935 г.

«Директор и солнце» — поэма Джалиля.

Черновик пьесы *«Куседжамал»* («Крысонька») хранится в архиве поэта в КФАН, пьеса не опубликована.

А. С. Ключарев — советский татарский композитор.

Подлинник на татарском языке, хранится в архиве Дж. Файзи. Перевод М. Рафикова.

№ 4. *Наки Исанбет* — татарский советский драматург.

«Один наш молодой писатель» — кто имеется в виду, установить не удалось.

Подлинник на татарском языке, хранится в архиве Г. Кашшафа. Перевод М. Рафикова.

№ 5. Письмо написано на русском языке из Одессы, когда Джалиль находился в Доме творчества. К этому времени немецкие фашисты оккупировали Польшу, нависла угроза мировой войны.

Нина — Амина Джалилова, урожденная Сайфуллина, жена поэта.

Чулпан — Чулпан Залилова (Джалилова), дочь поэта.

Газиз Сайфуллин — брат Амины Джалиловой.

Подлинник письма хранится у А. Джалиловой.

№ 6. Письмо написано после мобилизации М. Джалиля в армию, когда он находился в лагере в нескольких километрах от Казани.

Подлинник на русском языке, хранится у А. Джалиловой.

№ 7. *С. Мухаметов* — секретарь Татарского ОК ВКП(б).

Исхаков Ахмет — татарский поэт А. Исхак.

Хасан Хайри — литературовед, тогда работник Татгосиздата.

Ш. Гарей — поэт.

Нафиса Сунчелеева — технический секретарь СП ТАССР.

А. Шамов — писатель.

Н. Жиганов — известный советский композитор.

З. Тинчурин — заместитель Председателя СНК ТАССР.

Ф. Махиянов — главный редактор Татгосиздата.

Подлинник на русском языке, хранится у А. Джалиловой.

№ 8. *«Ильдар»* — оперное либретто М. Джалиля.

Баян — Нур Баян — татарский поэт.

Письмо написано во время учебы поэта на курсах политработников.

Подлинник на русском языке, хранится в архиве Г. Кашшафа.

№ 9. Стихотворение *«На память Амирханову»* вошло в данное издание под названием «На память другу». Латиф Амирханов учился на курсах вместе с Джалилем.

«Стихи, посвященные тебе» — речь идет о стихотворении «Письмо из окопа».

Ф. Яруллин — композитор, автор балета «Шурале», погиб на фронте в 1943 г.

Имам — Т. Имаметдинов, секретарь СП ТАССР.

А. Гумаров — секретарь редакции журнала «Совет эдэбияты».

Подлинник на татарском языке, хранится в архиве Кашшафа. Перевод М. Рафикова.

№ 10. *Феликс, Светлана, Валерий Максудовы* — дети писателя Махмута Максудова.

Подлинник на татарском языке, хранится в архиве М. Максудова., Перевод М. Рафикова.

№ 11. Письмо публикуется в сокращении. Впервые на русском языке напечатано в газете «Советская Татария» (14 февраля 1956 г.), но в сильно измененном виде (произвольная правка, большие сокращения).

Подлинник на русском языке, хранится у А. Джалиловой.

№ 12. *З. М. Мухамметшин* — председатель Мензелинского райисполкома.

Хакимзянов, Чекмарев — секретари Мензелинского райкома партии.

Закирова — редактор районной газеты.

Хакимова — заместитель председателя райисполкома.

Подлинник на татарском языке, хранится в архиве Г. Кашшафа. Перевод М. Рафикова.

№ 13. *Г. Динмухаметов* — председатель Президиума Верховного Совета ТАССР.

А. Кутуй (1903—1945) — писатель, автор повести «Неотосланные письма».

Подлинник на татарском языке, хранится в Госмузее ТАССР. Перевод М. Рафикова.

№ 14. *Роза* — Разия Сайфуллина, сестра А. Джалиловой.

Светлана, Валерий — дети Разии Сайфуллиной.

«Наша комната...» — Столешников переулок, д. 11, кв. 1 — московская квартира М. Джалиля.

Подлинник на русском языке, хранится у А. Джалиловой.

№ 15. Письмо написано из Москвы, когда Джалиль ждал отправки на фронт. Адресовано в Казань, где жила семья поэта. *«Иногда бываю в нашей комнате...»* — в московской квартире Джалиля никто не жил в то время.

Светлана, Валя, Ира — имена кукол Чулпан.

Подлинник на русском языке, хранится у Чулпан Залиловой.

№ 16. *Светик* — Светлана Максудова, дочь писателя М. Максудова, которая жила в казанской квартире М. Джалиля (ул. М. Горького, д. 17, кв. 28), где установлена мемориальная доска.

Загорянск — в Подмосковье находилась дача отца А. Джалиловой.

Подлинник на русском языке, хранится у Ч. Залиловой.

№ 17. Написано из Москвы в то время, когда Чулпан была больна. М. Джалиль находился в резерве ПУРККА.

Обещанная сказка о петушке до нас не дошла.

Подлинник на русском языке, хранится у Ч. Залиловой.

№ 18. *С. Хитарова* — редактор Гослитиздата.

Упоминаемый сборник не был издан.

Подлинник на русском языке, хранится у А. Джалиловой.

№ 19. Написано по пути на фронт, почтовый штемпель от 28 февраля 1942 г. На обороте открытки рисунок — дети опускают в почтовый ящик письмо с надписью: «Папа, бей немцев».

Подлинник на русском языке, хранится у Ч. Залиловой.

№ 20. Написано по пути на фронт: М. Джалиль направлялся на Северо-Западный фронт, во Вторую ударную армию, которая должна была прорвать блокаду Ленинграда.

Подлинник на русском языке, хранится у Ч. Залиловой.

№ 21. *«А вот эта картина показывает войну с немцами...»* — на лицевой стороне открытки рисунок — красноармеец спасает раненого командира.

Подлинник на русском языке, хранится у Ч. Залиловой.

№ 22. *И. Узбеков* — редактор газеты «Кызыл Татарстан».

Х. Усманов, Ф. Хусни, М. Амир, И. Гази, Г. Галеев — татарские писатели.

Подлинник на русском языке, хранится в архиве Г. Кашшафа.

№ 23. По всей вероятности, написано в марте 1942 г., до десятидневного похода, о котором говорится в письме к Чулпан от 24 марта 1942 г. По-видимому, письмо было вложено в конверт с письмом к А. Джалиловой. На письме нет ни даты, ни почтового штемпеля.

«...как мы с тобой гуляли в Ялте..» — в сентябре 1940 г. М. Джалиль отдыхал с семьей в Ялте.

Подлинник на русском языке, хранится у Ч. Залиловой.

№ 24. Написано после выполнения боевого задания из г. Малая Вишера Ленинградской обл., где временно находился М. Джалиль.

Подлинник на русском языке, хранится у Ч. Залиловой.

№ 25. Упоминаемые стихи — *«Баллада о последнем патроне»*, *«О двух глазах и двух сыновьях»* — до нас не дошли.

Хазяр Кашшафутдинова — жена Г. Кашшафа.

Подлинник на русском языке, хранится в архиве Г. Кашшафа.

№ 26. *«Поход смерти»*, *«Мать»* до нас не дошли. Стихотворение «Сон», видимо, было отправлено и С. Мазитовой (см. примечание к письму № 28).

Ахмет — поэт Ахмет Исхак.

Подлинник на русском языке, хранится в архиве Г. Кашшафа.

№ 27. Подлинник на русском языке, хранится у А. Джалиловой.

№ 28. *С. Мазитова* — тогда секретарь Агрызского РК ВЛКСМ (ТАССР). После окончания курсов политработников, в конце декабря 1941 г., М. Джалиль выехал из Мензелинска в Агрыз, чтобы попасть на поезд. В Агрызе он встретился с Мазитовой С., обещал ей написать стихи для агрызской районной газеты и сдержал свое слово.

Подлинник на русском языке, хранится в архиве Г. Кашшафа.

№ 29. С этим письмом М. Джалиль прислал свое завещание, написанное карандашом.

Подлинник на русском языке, хранится в Госмузее ТАССР.

№ 30. Это последнее письмо М. Джалиля с фронта.

Подлинник на русском языке, хранится в архиве Г. Кашшафа.

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

ВОР

Подобно Векшину, она круто повернулась и, не простясь, медленно, но все быстрее пошла прочь. С раздвоенным чувством сочинитель проводил ее глазами до угла и вдруг, как ей исчезнуть, шагнул вослед раз и другой со странным и тоскливым сожаленьем — то ли удостовериться в чем-то, то ли запомнить ноздрями навеки ее пропадающие духи... Но уже ничего больше не содержалось во встречном ветерке, кроме того молодящего и напрасного, чем пахнет всякая оттепель.

1927, 1959, 1982

WILBUR
SMITH

A FALCON
FLIES

УИЛБУР
СМИТ

В
ПОИСКАХ
ДРЕВНИХ
КЛАДОВ

СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

Альманах — астрономический календарь-справочник, содержащий небесные координаты светил на каждый день года и позволяющий определить место судна в открытом море.

Багала — арабское торговое судно с двумя треугольными (латинскими) парусами.

Бак — носовая часть верхней палубы.

Бакштаг — курс, при котором направление движения судна составляет от 100° до 170° с направлением ветра; ветер дует косо в корму.

Бейдевинд — курс, при котором направление движения судна составляет от 10° до 80° с направлением ветра; ветер дует спереди сбоку. Различают полный бейдевинд, когда ветер почти боковой, и крутой бейдевинд, когда судно идет под более острым (порядка 45°) углом к ветру.

Бизань-мачта — самая задняя мачта на судне.

Бимс — балка поперечного набора корпуса судна; связывает бортовые ветви шпангоута.

Бом-кливер — передний из косых треугольных парусов на носу судна.

Боцман — старшина так называемой палубной (в отличие от машинной) команды на судне, то есть непосредственный начальник всех матросов.

Брейд-вымпел — вымпел, поднимаемый на корабле командира соединения или дивизиона кораблей, а также старшего на рейде.

Ванты — снасти, удерживающие с боков мачты и их продолжения — стеньги.

Вельбот — быстроходная шлюпка с заостренными носом и кормой.

Выбленки — веревочные ступеньки на вантах по которым матросы поднимаются на мачты.

Галс — курс судна относительно ветра. Идти правым или левым галсом — идти при ветре, дующем с правой или левой стороны.

Галфвинд — курс, при котором направление движения судна составляет угол от 80° до 100° с направлением ветра. Ветер дует прямо в борт судна.

Гардемарин — переходное звание, которое получали лица, оканчивающие военно-морские учебные заведения, до производства в офицеры на период приобретения ими практического опыта.

Гик — горизонтальный или слегка наклонный брус, подвижно прикрепленный одним концом к нижней части мачты. К нему привязывается нижний край косого паруса.

Гичка — легкая быстроходная гребная шлюпка.

„Голубой Питер" — сигнальный флаг, означающий, что корабль готов к отплытию.

Грот — нижний парус на грот-мачте.

Грот-бом-брамсель — четвертый снизу прямой парус на грот-мачте.

Грот-каюта — кладовая, где хранились паруса.

Грот-марсель — марсель на грот-мачте.

Грот-мачта — вторая от носа мачта.

Дрейф — снос судна ветром. Дрейфовать — перемещаться по ветру, не имея собственного хода вперед. Лечь в дрейф — не становясь на якорь, убрать паруса или расположить их так, чтобы они не сообщали судну движения.

Дхоу — арабское торговое судно с латинским парусом, разновидность багалы.

Кабельтов — единица длины, равная 0,1 морской мили, или 185,2 м.

Кабестан — горизонтальная лебедка с ручным приводом, применявшаяся для подъема якоря.

Канонерская лодка — боевой артиллерийский корабль, предназначенный для ведения боевых действий в прибрежных районах и на реках.

Каронада — короткая гладкоствольная пушка корабельной артиллерии.

Кают-компания — общее помещение для командного состава судна, служащее столовой, местом собраний и отдыха.

Каютный настил — палуба, пол в каюте.

Киль — продольный брус в нижней части судна, простирающийся от носа до кормы и служащий основанием, к которому крепятся остальные детали набора судна — корабельного скелета.

Кливер — второй из косых треугольных парусов на носу судна.

Клипер — быстроходное океанское трехмачтовое парусное судно с острыми обводами и развитой парусностью.

Кормовой подзор — нависающая над водой часть кормы судна.

Кубрик — общее жилое помещение для команды на судне.

Лаг — приспособление, служащее для измерения скорости судна и пройденного им расстояния.

Латинский парус — косой треугольный парус, верхняя кромка которого крепится к наклонному рею, а задняя и нижняя свободны. Поднимается на короткой, иногда наклоненной к носу мачте.

Леер — веревка, снасть, закрепленная обеими концами; служит для постановки некоторых парусов.

Лига — мера длины, равная 3 морским милям, или 5,58 км.

Линь — тонкая веревка.

Лисель — добавочный парус, поднимаемый при слабом ветре на двух передних мачтах сбоку от основных прямых парусов.

Лихтер — несамоходное грузовое судно, обычно плоскодонное, используемое для вспомогательных целей, в частности для перегрузочных операций.

Лот — прибор для измерения глубины с борта судна. Представляет собой свинцовый или чугунный груз, подвешенный на тросе — лотлине.

Люгер — небольшое двух- или трехмачтовое парусное судно с задней мачтой впереди оси руля.

Марс — площадка, устраиваемая в местах соединения мачт с их верхними продолжениями — стеньгами и служащая для разноса к бортам судна вант, удерживающих стеньги с боков.

Марсель — второй снизу прямой парус трапециевидной формы.

Машинный телеграф — устройство для передачи команд об изменении скорости судна с ходового мостика на пост управления двигателем.

Мидель-шпангоут — шпангоут, расположенный в самом широком месте судна.

Миля морская — мера длины, равная 1852 м.

Муссоны — ветры тропического пояса, дующие зимой с материков на океаны, а летом — в обратном направлении.

Наветренная сторона — сторона, с которой дует ветер.

Найтов — снасть для закрепления предметов оборудования, деталей судовых устройств или грузов в трюме и на палубе.

Нактоуз — привинченная к палубе тумба с надетым сверху колпаком, под которым устанавливается компас. Снабжается приспособлением для освещения компаса.

Нок — наружная оконечность всякого горизонтального или наклонного дерева; нок реи — оконечность реи.

Обезветривать паруса — привести судно или паруса в такое положение относительно ветра, чтобы последний не надувал их и они заполоскали.

Оверштаг — поворот парусного судна с одного галса на другой, когда нос судна пересекает линию ветра.

Остойчивость — способность судна, наклоненного ветром или волной, возвращаться в прямое положение.

...ниже центр тяжести судна, тем больше его остойчивость.

Отдать риф — отвязать, отпустить ранее закрепленную снасть или конец. Отдать якорь — освободить якорь от удерживающих его креплений, чтобы он упал за борт.

Палуба — сплошное горизонтальное перекрытие на судне, а также пол в каюте.

Парусное вооружение — совокупность парусов, ранго...та и такелажа, предназначенная для постановки, убор...ки и управления парусами. На судах с прямым парусным вооружением мачты со стеньгами, брам-стеньгами и реями снабжены прямыми трапециевидными парусами, которые посредством рей укреплены поперек судна. Суда с косым парусным вооружением несут косые паруса, поднимаемые посредством гафелей.

Пассаты — постоянные и довольно сильные ветры, дующие в океанах. Направление их, хотя и не всегда строго постоянно, но сохраняется в определенных пределах (к северу от экватора наблюдаются преимущественно северо-восточные, а к югу от экватора юго-восточные пассаты).

Переборка — вертикальная перегородка на судне.

Переложить руль — повернуть руль.

Перлинь — пеньковый корабельный трос толщиной от 100 до 152 мм по окружности.

Пиллерс — деревянная или металлическая стойка под бимсом, поддерживающая вышележащую палубу судна.

Плавучий якорь — любой предмет (обычно парусиновый мешок или щит с распорками), создающий дополнительное сопротивление, для того чтобы при стоянке в открытом море на больших глубинах удерживать судно носом к волне.

Планшир — верхний брус борта шлюпки или фальшборта корабля.

Поворот оверштаг — поворот судна против ветра, когда оно пересекает линию ветра носом.

Погонное орудие — артиллерийское орудие на парусном корабле, установленное для стрельбы прямо по курсу через носовой порт.

Подветренная сторона — сторона, противоположная той, с которой дует ветер.

Полубак — возвышенный уступ (надстройка) в носовой части судна. Под полубаком обычно располагались жилые помещения для матросов.

Полуклюз — отверстие в обшивке судна для прохода цепей или канатов.

Полуют — возвышенный уступ (надстройка) в кормовой части судна. Под полуютом обычно располагались каюты капитана и его помощников.

Приводить к ветру — поворачивать судно носом к ветру.

Приз — неприятельское судно или имущество, захваченное в морской войне; морской трофей. Приз следует доставить в какой-либо порт для утверждения законности захвата. Доставкой судна занимается призовая команда.

Путенс-ванты — ванты, идущие от борта судна до края марса.

Рангоут — совокупность всех частей, служащих для несения парусов, как то: мачты, стеньги, бушприт, реи, гики, гафели и т.п. Для изготовления рангоута использовался специальный прямой и ровный корабельный лес, отчего перечисленные части рангоута получили название рангоутных деревьев.

Реи — длинные горизонтальные поперечины, подвешенные за середину к мачтам и служащие для крепления прямых трапециевидных парусов.

Рифы — расположенные в несколько рядов завязки на парусах (риф-штерты), с помощью которых при необходимости (при сильном ветре) уменьшают площадь парусов. Взять рифы — уменьшить площадь парусов с помощью рифов. Взять по два рифа — взять два ряда рифов. Зарифленные паруса — паруса, на которых взяты рифы.

„Руль под ветер" — команда, подаваемая в том случае, когда нужно повернуть судно в сторону, куда дует ветер.

Румб — деление окружности компаса, принятое в старых корабельных компасах. 1 румб равен 1/32 окружности, или углу в 11 $^1/_4$°

Румпель — рычаг на верхней части оси руля; служит для перекладывания (поворота) руля на малых судах.

Рундук — сундук.

Сажень морская — мера длины, равная 1,83 м.

Салинг — деревянные брусья, крестообразно привязанные к мачте. Служит для привязывания снастей и как опора для стеньги.

Стапель — место постройки судов; наклонная к воде площадка, на которой располагаются опоры для судна (кильблоки).

Стеньга — брус, служащий продолжением мачты.

Стренга — веревка, из которой свиваются тросы.

Счисление пути — расчет местонахождения судна по его курсу и пройденному расстоянию.

Такелаж — снасти, служащие для укрепления частей рангоута, для подъема и спуска парусов и рангоута и для управления парусами.

Тали — система блоков и тросов для подъема тяжестей, управления парусами и т.п.

Твиндек — помещение между двумя палубами для экипажа, пассажиров, груза на судах, имеющих несколько палуб.

Топ мачты — верхний конец мачты.

Траверз — направление, перпендикулярное продольной оси судна.

Трап — лестница на судне.

Трюсель — самый верхний прямой парус на мачте.

Узел — единица измерения скорости хода судов, равная 1 морской миле в час.

Фал — снасть для подъема и удержания парусов в требуемом положении. Концы фалов обычно проводятся вдоль мачты и крепятся у ее основания.

Фальшборт — продолжение борта, возвышающееся по краям открытых палуб для защиты от воды и предохранения людей от падения за борт.

Фок-марсель — марсель на фок-мачте.

Фок-мачта — передняя мачта.

Форштаг — снасть, поддерживающая фок-мачту спереди.

Форштевень — вертикальный брус, образующий острие носа судна и соединенный внизу с килем.

Фрегат — трехмачтовый парусный военный корабль, имел до 60 пушек. Использовался для крейсерства и разведки.

Шкартов — трос, предназначенный для подтягивания и удержания судна у причала или у борта другого судна.

Шкафут — часть верхней палубы между фок-мачтой и грот-мачтой.

Шкот — снасть, идущая от нижнего угла паруса и служащая для растягивания последнего и управления им.

Шлюпбалка — устройство для спуска шлюпки с борта судна на воду и для подъема ее на борт.

Шпангоут — поперечное ребро жесткости бортовой обшивки судна (между днищем и палубой).

Шпигаты — отверстия в борту или палубе для стока воды.

Штаг — снасть, расположенная в диаметральной плоскости судна и поддерживающая мачту или стеньгу спереди.

Штормовой кливер — косой парус небольшого размера, поднимаемый над носом судна во время шторма.

Штормтрап — веревочная лестница.

Шхуна — двух- или семимачтовое судно с косым парусным вооружением.

Ют — кормовая часть палубы.

СОДЕРЖАНИЕ

«Сибирский сказ Вячеслава Шишкова». *В. Чалмаев* 3

ПОВЕСТИ. РАССКАЗЫ

Тайга *(Повесть)* 21
Холодный край 193
Краля 205
Чуйские были 228
Та сторона 249
Золотая беда 275
Каторжник 286
Царская птица 305
Журавли 311
Отец Макарий 325
Алые сугробы 333
Чертознай 369
Пейпус-озеро *(Повесть)* 381

ШУТЕЙНЫЕ РАССКАЗЫ

«На травку» 523
Экзамен 530
Смерть Тарелкина 539
Портрет 549
Развод 553
«Настюха» 558
Усекновение 563
Примечание 568

«СИБИРСКИЙ СКАЗ» ВЯЧЕСЛАВА ШИШКОВА

«Уж и как же ты, даль, на Руси далека!
Уж не будет ли жизнь для меня коротка?

С. Городецкий «Печальник» (1909)

...На одном из оживленнейших перекрестков Чуйского тракта в горном Алтае, там, где капризная красавица Катунь нетерпеливо раздвинула горы, «перемолов» в россыпи камней-голышей скалистый левый берег, высится памятник устроителю этого пути (и многих других водных и шоссейных путей Сибири), замечательному русскому писателю Вячеславу Яковлевичу Шишкову (1873—1945).

Сероватая лента многокилометровой дороги то свободно огибает склоны гор, на которых весной вспыхивают розовые бутоны маральника и синие огоньки триса, то прижимается к берегу Катуни, и тогда видны вспышки радуги в голубоватой водной пыли, взлетающей над порожистой рекой. Сам Алтай, или «Хан Алтай», как говорят о своей горной стране алтайцы, с высоты перевалов или снизу, со стороны реки, с его белоснежными вершинами, «белками», все время изумляет дикой, необузданной мощью вздыбленного камня. Невольно вспоминаются чудесные строки старинной алтайской песни, которую мог знать и Вяч. Шишков — друг знаменитого алтайского художника и поэта Григория Гуркина:

Треуголен ты, Хан-Алтай,
Когда взглянешь на тебя с высоты...
Со стороны поглядишь на тебя,
Ты блестишь, как девятигранный алмаз!
Когда же со ската горы окинешь взором тебя,
То, как расплетенная плеть, хребты твои...

...На бесконечных поворотах и подъемах тракта, соединяющего хлебные просторы Сибири с глубинами Азии, с плоскими степями Монголии, с песками Гоби, памятник Шишкову-инженеру возникает, особенно ночью, в свете фар неожиданно. И вместе с тем очень естественно! Для шоферов, сутками находящихся в пути, цепенеющих за рулем — остановка «у Шишкова»,— он работал здесь в 1913—1914 годах,— желанное место отдыха, кратких встреч, обмена информацией о каверзных перевалах, наледях,

оползнях и обвалах. Памятник для них — нечто вроде пролога, гранитной «увертюры» к биографии и книгам писателя. Именно здесь, на Чуйском тракте, среди гула машин, среди бесчисленных табунов длиннохвостых яков («сарлыков»), овечьих отар, в прибое жизни, бьющей в подножие памятника, сам Вячеслав Шишков, русский землепроходец и художник, больше всего, по жалуй, похож на себя. Похож он и на чеховских земских врачей и на тех русских инженеров, которые некогда в пять лет — с 1891 по 1896 год — построили транссибирскую магистраль длиной в восемь тысяч километров. Посмотришь на его лицо, и кажется, что, на миг прервав деловой разговор с рабочими — а в его партиях были и каторжники, и кряжистые сибиряки-кержаки, и алтайцы,— он, «инженер Томского округа путей сообщения», с удивлением, восторженно, чуть отрешенно взглянул сейчас на дело рук своих, на полотно дороги... Взглянул и припомнил другие сибирские реки, дороги, давящие морозы и полчища таежного гнуса.

Резкие и глубокие борозды на суровом лице, опаленном как будто дыханием якутских льдов, поземкой тунгусской тундры, бронза сделала еще глубже. Но в глазах «этого Шишкова» есть нечто теплое — благодарность ли самой Сибири, второй родине писателя, подарившей ему свои богатырские просторы, а может быть, инженерская гордость сделанным. Он, никогда не одинокий здесь, поистине похож на себя...

Похожим на самого себя делает этого Шишкова и необычайно синяя Катунь, что не просто течет, а словно фантастическая «угрюм-река» чешет гриву о скалы, кипит на «шиверах» — плоских грядах, лишь прикрытых водой. Они страшны для сплавщиков! Творит образ Шишкова и любимый им Алтай, чьи хребты, покрытые кедровниками, не пугая, а скорее завораживая воображение, бегут, причудливо громоздясь друг на друга, к Телецкому озеру, к Бийску, к негромкому селу Сростки, родине В. М. Шукшина. И трудно сказать, какая из рек — Лена, Витим, Нижняя Тунгуска или вот эта серебристая Катунь — ожила в знаменитом романе «Угрюм-река». Заговорила о себе в народной песне:

Уж ты, матушка Угрюм-река,
Государыня, мать свирепая,
Что про тебя-то идет слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая:
У тебя бережки посеребряны,
Крыты берега скатным жемчугом,
У тя донышко позолочено?..

* * *

История появления в Сибири, на могучих ее реках неторопливого, крепко скроенного тверича — Вячеслав Шишков родился в 1873 году в древнем русском городе Бежецке — и начало его творческого пути как создателя целой серии сибирских повестей и рассказов кажутся простыми, будничными и в то же время невероятными.

Отец писателя Яков Дмитриевич Шишков, владелец лавки с «красным» товаром, зять бежецкого купца, страстный любитель

оперного пения, бесшабашная «художественная натура» — в молодости он был приказчиком в Петербурге, часто и с немалой увлеченностью посещал Мариинский театр,— по прихоти, из-за нелюбви к поприщу торговли и своих неудач на этом поприще пустил любимого «Вестеньку» (так звали Вячеслава Шишкова в семье) не по торговой, а по инженерной части. В 1888 году Вячеслав поступил в Вышневолоцкое училище кондукторов путей сообщения. Окончив его, он обрел весьма редкую специальность — устроителя водных путей, грунтовых и шоссейных дорог. В девятнадцать лет будущий писатель покинул родное гнездо. Несколько лет он работал в Новгородской и Вологодской губерниях, где строил плотины, составлял карты водных путей. Можно сказать, что река породила в душе Шишкова жажду необъятного простора, своего рода особый пейзажный голод, когда глазу стала нужна даль, синь небес, ничем не заслоненная, когда само безмолвие лесов, невозмутимый покой не пугали, не рождали чувства одиночества и слабости, а укрепляли мужество, волю.

Река — кормилица и вечная русская дорога среди бездорожья лесов и болот, строгая воспитательница чувства порядка и вместе с тем героиня самых задушевных народных песен — помогла Вяч. Шишкову не только узнать множество живописнейших характеров, она же одарила его глубоким и чутким «слухом» на народную речь. В те годы на русском Севере живое, сказываемое слово, художественная речь сказителей, подкрепляемая жестом, артикуляцией, напевом, мимикой не были еще совсем побеждены сухой книжной буквой. А импровизация непосредственный устный рассказ часто бывали лучшей литературой. Эта стихия живой речи навсегда сделает Шишкова своим счастливым пленником.

Пинега, Вычегда, Северная Двина, Сухона, каналы на Шексне и в Вышнем Волочке, знавшие еще державную руку великого строителя путей и городов Петра I,— таковы маршруты плаваний молодого Шишкова. Это был немалый простор, освоенный в те времена довольно слабо. Краем непуганых птиц назвал Карелию начала XX века М. М. Пришвин.

И вдруг даже этого простора, этих далей юноше Шишкову показалось мало! Запросилась душа на иной простор. Какой-то душевный вихрь подхватил его, вырвал из европейской тесноты и бросил на реки, «бегущие воды» Сибири, как называли реки еще землепроходцы. Гений дальних странствий навеял свои сны золотые молодому строителю дорог.

Такие решения небанальны, «яблочко» тут откатывается слишком далеко от родительской «яблони». И родные проводили Вестеньку из Бежецка в путь со слезами и недоумением. А истоки этого порыва — и в сказках бабушки Елизаветы Даниловны из села «Шишкова Дубрава», населившей мир детской души ожиданиями встреч с «некоторыми царствами и государствами», с тем, «что за тридевять земель», «за горами, за долами»... И уж, конечно, в песнях, которые так любил петь вслед за отцом и собирать — особенно песни старинные, проголосные! — будущий писатель. И не скоро удалось насытить эту жажду простора, это жадное око! Вероятно, эти особые состояния — источник их в характере писателя — обусловили и невероятный в писательских биографиях факт: только проработав в Сибири

семнадцать лет, Вячеслав Шишков, буквально «переполненный» впечатлениями, сюжетами судеб, решился наконец создать первые новеллы, повести, главы его «сибирского сказа»...

* * *

...Перенесемся мысленно в последний декабрьский вечер 1911 года в бревенчатый двухэтажный дом по улице Акимовской старого Томска, в дом, кажется, застывший в сугробах. Здесь как будто забыли о встрече Нового года. Высокий человек в валенках, с обветренным и буквально обожженным морозами лицом, с темной короткой мужицкой бородой, сходящейся на щеках с густыми усами, в непривычном волнении дописывает письмо за столом, отодвинув в сторону какие-то рукописи. Он не торопится поставить точку, то и дело подолгу задумывается, что-то припоминая, многое, видимо, взвешивая..

Шел семнадцатый год работы его, Шишкова, в Сибири. Он исследовал пороги Енисея, ездил в Якутию, чтобы изучить и укрепить берега могучей Лены, объехал Бию и Чулым, изучая их «характер». Совсем недавно, в сентябре 1911 года, экспедиция его, Шишкова, на Лене и Нижней Тунгуске едва не закончилась гибелью всех изыскателей в ледовом плену тундры за тысячу верст от жилья! Только случайная встреча с тунгусами, длительное кочевое «путешествие» с ними в течение сорока суток спасли жизнь будущего автора «Пугачева» и его спутников. Сотни человеческих характеров — золотоискателей и ссыльных, замкнувшихся в себе или открытых, охотников-таежников, купцов и рабочих, тунгусов, алтайцев, якутов — он узнал в таких ситуациях, которые раскрывали в психологическом плане, кажется, «последнее уловимое» в человеке.

Где-то вдали, как за поворотом речного рукава, осталось детство в родном Бежецке. Совсем недавно ему, Вячеславу Шишкову, исполнилось тридцать восемь лет... Картины среднерусской, тверской земли с мягкой хрустальной теплынью тихих речек Тверцы или Мологи, с радугой над омытыми теплыми дождями сенокосами, конечно, тоже еще живы в памяти. Но надо всем — грозная красота и мощь Сибири! Он, скромный инженер, уже ощущал в себе еще не созданный художественный мир. С мечущимися по небосклону молниями полярного сияния, с гремящей на порогах Ангарой, с узкими «нитями» водопадов, вплетенными в каменные гряды гор.

И все же, вкладывая в конверт рукописи первых двух рассказов, не решаясь еще изменить привычному делу, тридцативосьмилетний инженер с трепетом и надеждой пишет далекому и лично незнакомому «Алексею Максимовичу»: «Ежели признаете за ними некоторые положительные качества,— помогите мне всплыть на божий свет. Лет семь я пишу, но держу написанное у себя — все думаю, что еще не выросли крылья... Много шатался по тайге, сталкивался с народом. Нонче в экспедиции на р. Нижнюю Тунгуску едва не погиб. Написал бы подробно, но не смею утруждать...»

* * *

Обращение Вячеслава Шишкова к Горькому — при всем глубоком уважении инженера-землепроходца к томскому культурному окружению (Томск с его старейшим университетом считался «сибирскими Афинами»), при самом дружественном отношении к крупному ученому, патриоту Сибири Г. Н. Потанину, томскому поэту Г. П. Вяткину — было, конечно, не случайным.

В Горьком-романтике, художнике, провозгласившем, что «Человек — это великолепно! Это звучит гордо!», Шишкова привлекал призыв к преодолению тусклой, тяжкой и жестокой часто действительности силой мечты, силой надежды, дерзостью вызова принижающим обстоятельствам. Дар мечты — это дар непокорства. И способность увлечь мечтой, высоким уровнем ожидания для Шишкова — истинный гуманизм художника.

Следует сказать, что Шишков всегда смущался, когда его хвалили за мастерство бытописателя, за знание быта.

— Вы, Вячеслав Яковлевич, словно «распечатываете» любой быт — купеческий, крестьянский, бродяжий...

Он отмалчивался, порой отшучивался, зная о себе нечто иное.

Вячеслав Шишков не был, в сущности, бытописателем — при всем глубочайшем знании всех сторон быта, редком даре слышать говоры жизни, звучащие именно в быту. Величайшее свое творение «Угрюм-реку» он назовет «романом страстей, положенных на бумагу». И не случайно всю жизнь его увлекали, например, трагедии Шекспира. И чем же увлекали? Преодолением быта, тем, что бурные страсти, драматичнейшие конфликты, вихри мучительных сомнений и тревог, в которые ввергнуты и Гамлет, и король Лир, и Отелло, сконцентрировались, а «не растеклись» в шекспировских трагедиях, как выражался Шишков, «мокрым пятном повседневного быта». И о новеллах, повестях писателя можно сказать, что эта запись страстей «преодолевающих», часто разбивающих оковы обстоятельств, застойного быта, условностей.

...Среди тех двух рассказов, что в этот декабрьский вечер 1911 года Вячеслав Шишков послал А. М. Горькому, был замечательный рассказ «Ванька Хлюст», раскрывающий по-горьковски страстно муки и протест простого человека в буржуазном мире, явно «тронутом» вирусом бездушия и фальши. «Или всех грызи — или лежи в грязи»,— говорил горьковский Яков Маякин («Фома Гордеев»), воспитывая в Фоме Гордееве «должную» — необходимую для дела — агрессивность, волчью хватку. Этому же — скорейшему усвоению морали хищников — учит шишковского героя окружающая его действительность. И прежде всего — грабитель и лицемер — священник, искалечивший его, отбросивший его за тем, как ненужную вещь. Но Ванька Хлюст не может усвоить эту мораль,— в его душу словно «положен» некий волшебный состав труженической морали, возвращающий его к человечности, доброте, отрицающий нормы стяжательского ожесточения, бездушия. Что-то особое «дано» всем шишковским бродягам, «таежным волкам». В них живет высокий уровень ожиданий, надежд, мечтаний о счастье, об идеально построенной жизни. Эти порывы сообщают удивительную сложность их нравственным запросам, выводят их постоянно к вечным думам о добре и зле, о честности и бесчестии в жизни. И никакие соблазны легкого успеха, счастья хищника,

способного всех грызть, не могут вытряхнуть эту высшую духовную материю, искоренить мечту, жажду найти «Беловодье», вольную страну, на поиски которой двинулись в другом шишковском рассказе, «Алые сугробы», два крестьянина.

Рассказ «Краля» — первоначально он назывался «Евдокея Ивановна» — также поражает силой гуманистического чувства, совершенством новеллистической формы: в нем словно сжаты, переплетены нити нескольких человеческих жизней, «играется» шекспировская драма «на аршине пространства» (Достоевский). Как будто несколько музыкальных тем ожили и зазвучали в стенах заурядной земской избы, где остановились на ночлег доктор Шер, купец Аршинин, урядник, где царствует, даже будучи униженной, оскорбленной, солдатка Евдокея Ивановна, «краля».

Купец Аршинин — один из первых в шишковской галерее портретов сибирского купечества, предшественник Громовых в «Угрюм-реке» — детина с масленными глазами, «с большеборо-дым ликом» способен лишь к «гастрономическому» обожанию красоты. «Ох, наваждение,— восклицает он при виде Евдокеи Ивановны.— Она-то оплетет, как пить даст... А умная, стерьва: где пообедает, туда и ужинать идет»... Красота — как духовная сторона материи, как своеобразное преодоление косности и глухоты быта, как высокое духовное начало ему совершенно неведома.

Еще более жесток, даже враждебен по отношению к красоте, к человеческой судьбе Дуни истязатель всей округи урядник, ведущий в этой же избе следствие. В ответ на злобный смех се (Дуни.— *В. Ч.*), на задорный вызов, на угрозу уйти отсюда он размахивает револьвером и кричит»: «Со дна моря достану, из могилы выкопаю, воскрешу и перерву глотку... Знай!» Он «сожрет» чужую жизнь, чужое счастье и не поперхнется.

Но подлинный центр всей человеческой панорамы доктор — добряк, мечтатель, несколько резонер и рационалист, но тоже отчасти уже смятый грубой жизнью, жаждущий устоять в ней, и сама Дуня, откликнувшаяся вдруг на «жалость» доктора, на его обещание увезти ее отсюда. Робкий, неясный свет засветился как будто для нее в мрачных стенах земской избы. Вначале Дуня не верит этой надежде: «Ох, мутишь ты меня, барин. И зачем тебя нелегкая принесла сюда». Затем она — как «музыкально», с соблюдением некоего ритма, создана Шишковым история, слышимая и видимая, ее мучительно вспыхнувшего чувства! — жалуется на свою жизнь, минувшую и нынешнюю... И наконец звучит решимость героини, выраженная с характерным для всех последующих шишковских героинь, включая Анфису Козыреву из «Угрюм-реки», простодушным «коварством», страстностью:

«Вдруг засияла улыбкой, сверкнула радостно глазами, подбоченилась и, тряхнув бусами, гордо откинула голову:

— Вот бери, коли люба! Не гляди, что криво повязана: полюблю — в глазах потемнеет!..»

Ее уверенность сродни демонической силе тайги, рек, всей природы в малой прозе Вячеслава Шишкова. Красота, как и «тайга», «пурга» (названия повестей писателя),— нечто всевластное, даже роковое, неподсудное человеку. В любви равенства нет для шишковских героев: один здесь всегда властвует, другой подавлен, повержен демонической силой привязанности. Герои

Шишкова не знают любви «доброй» — она всегда мучительна для одной стороны, а часто и для обеих. Красота — это, чаще всего «разбойная краса» (Блок). Она не боится мучительной борьбы, поединков, но она... вянет, столкнувшись с бесхарактерностью, с душевной мелкостью, уклончивостью! И доктор, испугавшись последнего решительного шага, отойдя от Дуни, от этой «змеи», отойдя покаянно, даже поругав и отчитав себя за мечтательность! — смертельно обидел Дуню. Мечта вновь обманула ее. Нет, не удалось ей победить людское малодушие силой высокого и страстного чувства. Слишком маленькие, слишком серые людишки с «коротенькими» влечениями ходят рядом с Красотой. Они, в сущности, боятся ее пламени, ее неземного величия. О тоске Дуни, невысказанной и горестной, говорит пейзажная зарисовка, картина осени. Журавли улетают в страны, где «солнце еще не остановилось», их провожает тоскующий человеческий взгляд:

«Лишь человек, прикованный неволей к земле, провожает их благословляющим взором; только щемящая тоска вдруг схватит его за сердце, а глаза нет-нет и заволокутся слезой.

И загрустит человек, что нет у него крыльев».

Загрустит человек — а грустят, ропщут, грозят безликой стихии бездушия, стяжательства и Ванька Хлюст, и Дуня, и Николка в «Золотой беде», и другие герои Шишкова,— но все чаще, правда, ненадолго они приходят к мысли: чтобы уцелеть в этом внезапно надвинувшемся на них жестоком мире, неестественном, чуждом природе и ее законам, человек должен поставить себя в какие-то незыблемые рамки. Пока ты холоден, как лед, ты уцелеешь, сохранишь себя, чуть «поддашься» движению сердца, оттаешь — ты смят, ты «расплылся»... Что-то надо подавить в себе, что-то спрятать, от чего-то, особенно тревожного, отойти подальше, скажем, в сердцевину тайги, к озерам горных духов.

В сущности, так и поступает герой рассказа «Таежный волк» Бакланов, кажущийся самому автору «одухотворенной скалой». Он верует в «таежную правду», которая превыше всех небес. Эта вера неотделима от суеверий, от предчувствий, от особой, необидной покорности природе. «Нет, дружок, тайга все планы человечьи может перепутать, с толку сбить. Идешь в тайгу — помалкивай в тряпочку; только звериный нюх имей да сам зверем притворись, забудь, что ты есть человек, а зверь и зверь, только по-лесному умный, в сто разов умнее человека»,— говорит Бакланов своему собеседнику у костра. В тайге, по его мнению, еще не нарушено равновесие душевных сил человека, в ней нет нужды подавлять в себе чувство душевной открытости, усваивать лицемерие и притворство; мрак тайги и ее тишина не пугают, а скорее врачуют.

Конечно, эта программа таежных людей, их стихийная «натурфилософия» не могли объяснить слишком многого в мире. Но так выражали герои Шишкова свой протест против законов корыстолюбия, «истины» буржуазного мещанского мира, так искали они правду, хоть в малой мере соответствующую их нравственному богатству! И это было с их стороны предчувствием, ожиданием очищающей бури, страстным желанием социальных перемен. Тот же Бакланов, Ванька Хлюст, герой рассказа «Колдовской цветок», протестуют, в сущности, против того, чтобы

ценность людей определялась условными и временными критериями, деньгами, волей урядника, мишурным почетом лакеев.

* * *

Рассказы «Краля», «Чуйские были», «Золотая беда», «Колдовской цветок», повести «Тайга» и «Пурга», как и самый ранний — аллегорический рассказ «Кедр», посвященный патриоту Сибири Г. Н. Потанину, бесспорно, отразили в своем художественном строе, в пафосе обожествления природы, ее тайн и загадок, некоторые идеи ближайшего, «томского» окружения писателя. Позднее Вячеслав Шишков скажет о призвании писателя:

«Писатель обязан... указывать народу на вершины человеческой жизни или давать жизнь для контраста в отрицательных ее чертах, в провалищах, ограждая бездну горящими маяками» («Автобиография»).

Такими «провалищами», безднами, где сгорала, умирала человечность, доброта, величие души, был мир торгашества, купеческой суеты. Здесь корысть, воля к преступлению, бездушие были нормами поведения. А «горящими маяками», ограждавшими бездны, были чаще всего сказочные, величественные миры тайги, алтайских гор, скрывавших сказочную страну Беловодье.

Истоки этого деления жизни «на полюсы» добра и зла любопытны... В сибирских газетах тех лет подобная идеализация таежной Сибири как оазиса безбуржуазных, «естественных» отношений была нередкой и куда более прямой. На все лады звучали «объяснения» основ сибирского характера, связанного якобы только с природой, с ее стихийной жизнью, характера, управляемого какими-то загадочными силами: «Сибирский ландшафт неизменно обвеян чем-то стихийным, словно смутная греза самой земли носится над ним, и тундра, и горы, и леса как будто затаили невысказанную величавую повесть... Затаенная мощь сибирского ландшафта чувствуется не только там, где высятся к небу «сине-лиловые» громады ее гор — она чувствуется и в бедной, однообразной природе тундр и степей,— в самой безбрежности их. Сила эта зачарованная, как принцесса в сказке, сила, скованная сном, от которого она пробуждается лишь на миг — на короткий миг северного лета... Суеверными страхами дышит темная сибирская тайга, суеверный страх рождает в душе и вечное молчание ее степей и тундр, где в долгую зимнюю ночь вспыхивают вдруг загадочные и величавые переливы северных сияний» («Жизнь Алтая», 1912, № 72).

Подобные, часто, безусловно, очень поэтичные догадки, вещания, взгляд на природу как на единственную якобы «купель» для формирования характера сибиряков встречались Вячеславу Шишкову во многих сибирских газетах. И какой же вывод делался иногда из таких безусловно отвлеченных, внеисторических созерцаний? Или сугубо «областнический», узкотенденциозный, как это было в стихотворении И. Омулевского «При разливе Оби»:

Не дивись: тут запасы несметные
Всякой рыбы в глубоких водах...
И пускай эти воды заветные
Будут вечно в сибирских реках.

Или — что тоже увлекало, но, к счастью, не могло до конца убедить и покорить Вячеслава Шишкова, художника-реалиста горьковской школы! — выводы эти были отвлеченно-мистические:

Но волны полярного света
Таит охлажденная тьма.
И в бархатной бездне лазури
Взамен незакатного дня
Возникнут магнитные бури
С волшебною пляской огня...

Вяч. Шишков очень скоро ощутил, что совсем иные, не магнитные бури зрели в Сибири. Как и во всей России в тот предреволюционный период, в 1912—1914 годы, к моменту создания первых рассказов, очерков, сказок Вячеслава Шишкова, в русском обществе вновь воцарилось ожидание огромных свершений, казалось, уже нависших над империей, ожидание сдвигов, равных, если судить по эмоциональному трепету горьковской романтики или блоковских строк, великому обновлению всей жизни. Вновь после революции 1905 года приходили в движение социальные силы и воля пролетариата, вновь мечты о земле оживали в сознании крестьян. «Слышу ваш топот чугунный...» — говорил об этих силах Брюсов. Повседневность, быт неуклонно наполнялись гулом близких и неотвратимых перемен, музыкой новой революции.

Замечательной победой реализма Вячеслава Шишкова явилось преодоление иллюзий особого пути Сибири, соблазнов идеализации «сибирского характера» на областнический лад. Подобно рассказам и очеркам Горького, составившим знаменитый цикл «По Руси», все ранние рассказы Вяч. Шишкова, включая повесть «Тайга», как бы образуют особый цикл — «По Сибири»... И поистине горьковское богатство и колоритность человеческой панорамы составляет душу этой серии новелл. Тут и каторжник Иван Безродных («Каторжник»), ушедший в тайгу от людей, и мужики, посланцы целой деревни, «самоходы» Афоня и Степан, отыскивающие богатые земли для своей деревни («Алые сугробы»), и тунгус Сенкича, носящий в бездорожной тайге «тайное путье в самом себе» («Холодный край»), и окрещенный алтаец-шаман Чалбак, внезапно вновь обращающийся в языческое состояние («Страшный Кам»).

Величественные характеры будущей «Угрюм-реки» словно предвещали и угрюмоватый бродяга «Оглашенный», вдохновенно играющий роль судьи, перед ошеломленными тунгусами («Суд скорый»), и обманщик-купчина, о котором говорят, что «он крест сбросил, а совесть-то пяткой придавил» («Чуйские были»). С глубокой симпатией рисует Вячеслав Шишков и образы якутов, тунгусов, наивных еще пленников природы, брошенных в жернова торгашеских отношений, «золотой беды».

Все это богатство характеров, «текучих», расширяемых изнутри непрерывными раздумьями о самых сложных проблемах, «брожением» совести, стихийным бунтарством против буржуазных норм морали живет у Вячеслава Шишкова в «оболочке» удивительно самобытного, отнюдь не бытописательского стиля. Он сотворил свой голос не для того, чтобы кого-либо перекричать в литературе, тем более не из желания удивить мир необыч-

постью этого голоса. Но он, этот голос, сочетающий и богатство лирических интонаций и замедленное описательство, игру света и теней, как оказалось, был очень слышимым, заметным.

В его рассказах проза, поэзия и музыка «на одном наречье говорят». Лирико-романтическая окрыленность изобилующая вспышками мимолетных настроений, спадами и взлетами, бытовой фон, необычайно сочный и яркий, в сущности, равноправный с героями, с сюжетом, расширение образа «тайги» или «пурги» до роли символа, до выражения некоего смерча, стихии, бушующей в мире,— все это есть в прозе Шишкова. «Далеко стегнула по Алтаю Чуя, священная река!.. Бурлит по крупному склону, вся седая, вся косматая, яро камни точит, грозит своим гневом человеку. Стой, Чуя, стой!.. Гляди — восход стал розовым... День идет, день идет, ночь кончилась... Еще немного — и твои волны запоют иные песни и будут сказывать новые были, светлые и радостные»— таков характерный образец словесной живописи Вяч. Шишкова (рассказ «Чуйские были»).

Примечательно одно: прозы Вячеслава Шишкова, неизменно предметной, полной естественных тревог и радостей, не коснулись декадентское «распыление» действительности, превращение явлений в призраки, привычка проектировать любое явление на некий неосязаемый «экран» запредельного, условного бытия. Одухотворена, неодномерна его Бия («На Бие»), она в крутом ущелье «бросилась на эту каменную грудь и, ударившись, рассыпалась белой пеной, захохотала, заискрилась под лучами солнца». Но это не условность, не обессиленный призрак реки. Не условен и утес, что «улыбается добродушно многочисленными очами пещер и вымоин» — это живая частица мира, как будто пробующего «заговорить» с человеком на своем достаточно сложном языке.

И не только заговорить. В рассказах и повестях Вячеслава Шишкова мы видим, как стихийные силы природы или человеческой души изменяют судьбы героев, властно вмешиваются в сюжет, в общий эмоциональный или идейный пафос произведений, «высвобождаются» из сюжетной канвы, становясь главными героями.

Вот два крестьянина — Афоня, мечтатель, поэт, и Степан Недокрытов, охотник, снаряженные малоземельным «обществом» для поисков сказочного, богатого даровой землей Беловодья,— попадают на Алтай («Алые сугробы»). Это царство красоты столь заворожило их, что все конечные практические цели их похода на время уходят вдаль, уступают место жизни чисто возвышенной, сменяются думами, предельно поэтичными. Они видят водопад, «падучую воду», которая «дробилась» в облачную пыль, видят эту пыль, что взлетает туманными крыльями. Их поражают птицы, похожие на крылатых призраков: «...вот один, вот другой крылатый призрак отделяются, тихо плывут под легким ветром, протягивают к путникам седые ласковые руки...» «Призраки», «руки», «крылья», «белоснежные видения» — как свободно и плавно Шишков выводит помыслы героев из мира земных забот в мир сказки, поэзии, в мир демонической по-своему красоты! Кажется, что все муки героев в горах, в алтайских «белках», голод, лишения на каменистых тропах эта лапотная Русь претерпевает ради красоты, ради какой-то великой мечты! Словно какая-то сила все время вырывает их из привычного

мира чувств, изгоняет старый быт и заставляет жить «чистой» поэзией, силой товарищества, возвышенной любви. Степан Недокрытов, один из героев «Алых сугробов», в начале похода раздражен практической немощью дружка. Афоня же, певческая натура, увидев «белки», восхищенно смотрит на эти алые снега, как на свою, ожившую во плоти мечту, вознесенную к облакам: «Все гуще алели снежные вершины, все голубей становились сугробы на обрывах и кругах, в ребристых же гранях снег до боли глаз блестел расплавленным стеклом.

Афоня сложил молитвенно руки и шептал, умиляясь:

— Господи, господи, снег-то какой... красный... Так бы и погулял там.

— Может, там смерть наша сидит,— сурово сказал Степан, разжигая костер».

Следует отметить, что с приближением революции это бушевание вихрей, смерчей в повестях и рассказах приобретает все более точный социальный смысл. Вячеслав Шишков, с упоением рисуя «разбойную красу», мятущуюся душу народа, все активнее выступает против идеализации патриархальщины. Да, зеленая тьма тайги то укрывает таежных волков от бездушного, лежащего, как они говорят, во зле мира, то расступается под напором хищных скупщиков пушнины, золотого песка. Но сколько преступного, злого раскрывается и в этом идиллическом якобы царстве! Как искажены прекрасные души трудовых людей таежным же изуверством и темнотой! Нет, вовсе не идиллический «сибиряк», как пробовали уверить Вяч. Шишкова публицисты народнического плана, является из недр тайги, а часто целая масса людей, тоже зараженная вирусом ожесточения в какой-то наивной, еще более страшной форме.

* * *

Повесть «Тайга» (1916) в полной мере передает это напряженное, полное изумления и негодования, гордости и боли отношение Шишкова к миру патриархального изуверства. В ней исследованы сложные, социально-контрастные пласты эпохи, показан крах идеалистических взглядов на врачующую и исцеляющую якобы от всякого раздражения силу природы, силу молитвы, силу проповеди смирения.

Таежная деревушка Кедровка окружена глухими лесами, она вся живет в полном смысле на иждивении у природы, люди здесь прикованы к взыскательной опеке природы. Голод, бесхлебье взрывают прежде тихую жизнь, толкают мужиков на неожиданно жестокие поступки. «Из тайги, из болот, падей, вместе с туманом неслышно, по-змеиному ползет зло, туманит головы, ложится псом у порогов. И от двора к двору натягивались тогда какие-то невидимые дьявольские нити».

Нити, зло, ползущее по-змеиному... Мысль Шишкова о жизни, о ее скрытых и явных драмах всегда облечена в сложную поэтическую форму. Без сказки, т. е. без преувеличения, домысла, правды в мире не бывает, без символа для Шишкова нет конкретности, без лирического волнения суха и неполна достоверность документа — эти представления о смысле реализма надо постоянно учитывать, вникая в строй чувств и мыслей Шишкова.

В повести «Тайга» уже видны черты будущего замечательного романиста, в ней есть более глубокое раскрытие сути тех «смерчей», что толкают людей и на разгул и на мрачные преступления. Писатель как бы отыскивает четкий социологический эквивалент разного рода темным силам. Преступление, грех, кара, совесть — все эти понятия наполняются реальным, конкретно историческим содержанием.

Почему были зверски убиты забредшие в Кедровку в разгар праздника лесные бродяги? Вначале, всматриваясь в одного из виновников пьяного разгула, Обабка, можно объяснить это случайным пьяным помрачением. «На душе тоскливо, нехватка в празднике, надо драку всей деревней завести. Больше всех хотелось этого Обабку: забурлило в душе, как в бочонке брага, вот идет, идет — подступает к сердцу, нашептывает в уши, мутит башку» — такова эмоциональная предыстория мотивировка преступления. Без драки — «нехватка», пустота в празднике. Когда же свершилось убийство, когда ужаснувшийся этим язно безнравственным поведением мужиков местный праведник Устин стыдит мужиков, стыдит того же Обабка, вдруг рождается резкий протест в самой крестьянской массе. Часть кедровцев молит Устина не уходить из опоганенной преступлением Кедровки («пьянству зарок дадим...»), но другая часть в ответ на призывы Устина молиться говорит совершенно иное, осознает всю нищету и бесправность своей жизни:

«— Бо-огу!.. Святоша чертов! — вдруг грянул Обабок.— Мне жрать нечего... У меня шестеро ребят... У меня баба пузатая. Подыхать, што ли?!

— Верно, Обабок, правильно...»

Но Обабок — это слепая стихия, скорее призрак анархической толпы... Этот призрак пугал Шишкова. Разоблачение Устина, вероятно, могло быть более полным, крах идеалистических иллюзий мог быть раскрыт более резко. Но Шишкова в известной степени испугало то, что, справедливо издеваясь над святошеством Устина, патриархальная масса в своей мрачной свирепости многое крушит слепо, крушит она часто и кое-что, дорогое самому писателю. Свист, ругань несутся вслед Устину. А до этого кедровцы едва ли не убили ссыльного Андрея, своего искреннего заступника. Шишков словно спрашивает самого себя: «Кто способен внести в эту массу какую-то форму разумной организации, направить ее протесты против действительных виновников ее бед и несчастий?». И не случайно такое внимание уделено в повести ссыльному Андрею. Этот герой в итоге при всей его ограниченности предстает единственной разумной силой на всю округу. Именно он в разгар пожара, огненного половодья, видя горящую Кедровку со всей поэзией и изуверством, думает: «Русь! Веруй! Огнем очищаешься и обелишься. В слезах потонешь, но будешь вознесена».

* * *

В 1915 году Вячеслав Шишков простился с Томском и переехал на работу в Петербург. Он «открывает» для себя тот величественный «град Петров», его дворцы и площади, Царское

Село и Петергоф. Все это оживет впоследствии в его историческом романе «Емельян Пугачев». Среди литературных друзей Вячеслава Шишкова этих и последующих лет петербургской жизни — М. М. Пришвин, А. М. Ремизов, А. Н. Толстой и, конечно, А. М. Горький. Началась полоса интенсивнейшего духовного развития, совершенствования мастерства, всестороннего познания эпохи.

Он осознает, например, как глубоко, хотя и внешне незаметно вошел в его творческое сознание гений Пушкина. Шишков не раз обращал внимание друзей:

— Как отчеканен пушкинский «Пророк»! Сила проникновения, почти сверхъестественная, повергает меня в трепет... А самый мудрый шедевр Пушкина — «Медный всадник»! Это, если хотите, зашифрованный ребус исторического мировоззрения поэта...

В Петербурге в общении с М. М. Пришвиным, А. М. Ремизовым Шишков яснее понимает, какой великой изобразительной силой обладает литературный сказ,— он запечатлевает исповедь людей, говоры жизни, «фотографирует» уходящие в прошлое и нарождающиеся душевные состояния, изменчивые формы сознания.

Элементы сказительства, живой устной речи — они заметны и в «Чертознае», и в «Журавлях», и в «Шутейных рассказах», и в повести «Пейпус-озеро» — будут придавать всей прозе Шишкова, подлинного чародея слова на редкость раскованный, «нагляднЫй» вид непосредственных записей, устных импровизаций.

Писатель глубоко осознает и великую «мыслеемкость» новеллы, небольшой повести. Новелла для Вячеслава Шишкова — малый отрывок пути, как бы кусочек спирали в вихревом, знающем и остановки и резкие скачки движений человеческой жизни. Это счастливо уловленный художником полунамек истории в единичном сознании. Новелла — миг недолгой сосредоточенности, похожести человека на самого себя, ситуация, в которой оказываются сконцентрированными его самые искренние и главные стремления. Такими мгновениями — и об этом догадывался Шишков,— вероятно, не измерить жизнь в длину, «по горизонтали». Но быструю эволюцию сознания, его пики высоты, незримые часто движения они освещают порой с поразительной четкостью. И надо ли «новеллистичные», прерывистые события или житейские случаи перемалывать в однообразный студень водянистого и «бескостного» романа, раскатывать их в длину? Ведь тогда человек будет засыпан ворохом бессодержательных, размывающих портрет частностей...

Воздействие А. М. Горького сыграло решающую роль и в углублении социально-политической мысли Шишкова в годы первой мировой войны, в период между Февральской и Октябрьской революциями. С горечью осознавал писатель тот тупик, в который завели Россию царизм и всякого рода «квасные» патриоты, в сущности, слепцы, не видящие необходимости коренных перемен: «Обидно за Россию, стыдно. Но мы, к сожалению, и возмущаться как следует не умеем, не научены негодовать открыто, смело, нет у нас в руках молота, которым можно дробить и созидать... Нет у нас в крови огня, нет тех гражданских

дрожжей, которые бушуют и творят жизнь». (Из письма Г. Н. Потанину. 25 июня 1915 г.)

Мечты о рождении энергии, о социальной и патриотической активности, преобразующей мир, звучат и в шишковских письмах к В. И. Анучину, А. М. Горькому и, наконец, в книге «Подножие башни», отразившей всю радость писателя в связи с падением царизма.

Писатель быстро разобрался в антинародной сущности «керенщины» — этого скопления кучки позерствующих, «маргариновых» вождей, варившихся в меду собственного красноречия. Конец этих завравшихся говорунов, сметенных Октябрьской революцией, был глубоко закономерным в глазах писателя. Вячеслав Шишков — он пристальнее всего следил за социальным поведением крестьянской массы и в Сибири и на своей родине, на тверской земле,— вскоре обратился к дорогой для себя теме поведения народных масс в дни революции, к теме подвига ленинской партии, взявшей на свои плечи дело преображения огромной мужицкой России.

В повестях «Ватага» (1923), «Пейпус-озеро» (1924), в больших циклах так называемых «шутейных рассказов» Вячеслав Шишков отразил колебания, приливы и отливы «моря-окияна» народной жизни в его стихийном бурлении и шуме. Многие силы, действовавшие на арене истории, определявшие ход событий, остались ему недостаточно ясными, хотя в ряде произведений вроде «Свежего ветра» (1922) он показывает и колоритные фигуры большевиков.

В повести «Пейпус-озеро» (1924) Вяч. Шишков обращается одним из первых к трагедии людей, в силу исторического заблуждения оторванных от Родины. Вместе с армией Юденича в Эстонию оказались заброшенными различные люди — и милые русские мещаночки, разлученные с теплым уютом родных среднерусских городков, и отчаявшийся поручик Баранов, похожий на лермонтовского Печорина, и откровенный подлец Белявский, и толпы крестьян в солдатских шинелях... Чем вооружены духовно даже лучшие представители этой пестрой массы? Самый талантливый из офицеров, наставник главного героя Николая Реброва поручик Баранов, живет среди фальшивых декораций, не замечая, что их давно расшатало и даже отбросило время. С одной стороны, он надеется, что не приживется новое в России, что «взбунтовавшийся хам» утонет в собственных нечистотах: «И что такое, спрошу я тебя, наш развращенный народ, наш пьяница, эгоист-мужик? Ха... Равенство, братство. Плюет он с высокого дерева на братство. Назови мужика братом, он тебе в отцы лезет». Но, с другой стороны, именно этот отчаявшийся, изверившийся во всем фаталист Баранов советует Николаю бежать через лед Пейпус-озера в Советскую Россию. Сам он, не найдя гармонии между своей душой и новым миром, пишет в предсмертном письме своему юному другу: «...я вижу: введение в историю закончилось, хаос людских взаимоотношений сгущается в два неравных противоборствующих ядра, человечество обмакнуло перо в кровавые чернила и каракулями начинает писать первые слова новой своей истории. Пройдет положенное время, наука и людская совесть по-настоящему расправят свои крылья, каракули выровняются, встанут четкими рядами...»

Вячеслав Шишков часто ездит в 20-е годы в родные места, путешествует также по деревням Костромской, Новгородской губерний. «Из хаоса, тумана постепенно рождаются радующие сердце факты нового строительства, внутреннего и внешнего»,— пишет Шишков А. М. Горькому 17 ноября 1925 года. В эти годы словно «открылся» в писателе еще один животворный источник, «воды» которого влились и в будущие эпические полотна Вяч. Шишкова. Сила, нежность, романтическая любовь к природе, удаль, суровая справедливость, смыкающаяся с аскетизмом,— все есть в душе героев «сибирского сказа» Вяч. Шишкова. Но эти сокровища выглядели бы как алмазы в пещере, тускло светили бы в колодезном полумраке, мерцали бы таинственно и смутно, если бы их не освещал в произведениях Шишкова обильный и «звонкий» свет юмора, улыбки. Юмор у Шишкова — это всегда некий «фонарик» или «искра», освещающая смысл и красоту слова, оттенки любого психологического состояния. Его смех можно назвать «освобождающим», он рождается жизнерадостным состоянием человека. Это смеется сама жизнь! Смешны и мерзавцы, и трагические герои, и богатыри, и даже красавицы вроде Анфисы в «Угрюм-реке». В 1925 году, в самый разгар создания «Шутейных рассказов», Шишков писал Горькому: «Вообще же — тем литературных и житейского мяса у меня много в запасе, писать бы да писать, но мешает русская ленища. А все-таки пишу. И смешное, и соленое, и горькое. Тянет на смешное, чтоб весело было читать, и чтоб в душе получался осадок». Смысл огромного количества «шутейных» рассказов, созданных в 1923—1926 гг., таких, как «Шерлок Холмс — Иван Пузиков», «Бабка», «Развод», как раз можно определить этими словами «и смешное, и соленое, и горькое»

Все оттенки, все «сверкания» народного юмора Вяч. Шишкова передает, например, рассказ «Спектакль в селе Огрызове». Писатель все время использует один прием: он сталкивает деревенскую «косность», такую «родную и близкую сердцу», и смелые, но тоже «косноязычные» по форме порывы к культуре нового человека деревни, бывшего красноармейца Павла Мохова.

«Навозница кончилась, до сенокоса еще далече, крестьяне отдыхали справлялись солнечные праздники: Николай — вешний, троица, духов день — с молебнами, трезвоном колоколов, крестными ходами, бесшабашной гульбой и мордобоем.

— Вот черти! Живут, как самая отсталая национальность,— возмущался Павел Мохов.— Ежели с птичьего полета поглядеть, то революции-то — здесь и не ночевало никакой. Позор!»

Шишков последовательно развивает этот комический конфликт патриархальной косности и нового, тоже весьма причудливого еще по форме. Спектакль в селе Огрызове с сердцещипательным страданием пролетарки Анпушки с дитем, брошенной буржуем (бабы из зала простодушно советуют «актрисе» с куклой покормить ребенка, «не томить» его), усердие Павла, придающего всему видимость полного театра,— все это под пером мастера предстает как стихия подлинной народной жизни, стихия смеха, незлобивых страстей. Дядя Павла Федотыч, использованный им в роли суфлера, в самый разгар торжества, когда все «чтят» Павла, вдруг ударяет племянника по затылку: «Я те дам, как дядю за грудки брать!» И это совершенно в духе всех «шу-

тейных» рассказов Вяч. Шишкова: все, что было грубым, страшным в былой мужицкой жизни, в этих рассказах стало, как под пером волшебника, «теплым», домашним, смешным. Писатель не изобличает, он с помощью юмора «расширяет» единый ковер жизни. Он увеличивает зрительный, эмоциональный объем и богатство страстей изображаемой им народной жизни в ее движении вперед.

Вячеслав Шишков-юморист почувствовал, что и форма «шутейного» рассказа — это на редкость подвижная, необходимая ему форма. Смешное, дисгармоничное, противоречивое сочетание старого и нового как раз лучше всего передавал именно непринужденный, «шутейный» рассказ, где голоса рассказчика и героя часто сливаются, где живет иллюзия сказа. «Шутейный» рассказ Шишкова «сценичен», в нем много жестов, а дела и поступки людей, даже смешные, непоследовательные, прерывистые, послушные воле художника, точно и емко отражают сложнейшие сдвиги в безбрежном океане народной жизни.

* * *

С Ленинградом связаны были многие годы жизни и творческого труда Вячеслава Шишкова. Здесь создана была «Угрюм-река» (1932), начата работа над историческим романом «Емельян Пугачев». Отсюда писатель совершил важные для него поездки на Север, в Кандалакшу (вместе с А. Толстым), в Москву на I съезд писателей СССР, где в последний раз встретился с А. М. Горьким.

В осажденном Ленинграде Вячеслав Шишков — война застала писателя в Пушкине, ему было около 70 лет — выступал с патриотическими статьями и рассказами в газете «На страже Родины», читал их по радио и в воинских частях. Непреклонной верой в победу исполнены такие рассказы, как «Гордая фамилия», «Дед Андрей», «Буря», очерки «Сусанины советской земли», «Прокормим!», созданные отчасти в блокаде, отчасти в Москве, куда в апреле 1942 года вынужден был выехать больной уже писатель.

...В июле 1943 года семидесятилетний В. Я. Шишков (он умер в Москве в 1945 году) писал в частном письме с грустью и достоинством: «А дух бодр, и творчество бушует, ходит по жилам. Удивляюсь на самого себя! Лишь бы кончить «Пугачева», а там и на отдых можно, в гроб, в землю. Кончу, с народом буду в расчете, все, к чему был призван, посильно завершено. Пусть люди и поскучают, и поулыбаются, и поучатся жизни на моих страницах».

Вячеслав Шишков оставил богатейшее художественное наследие, сложное по составу идей, философских проблем, одухотворявших его творчество. Все бури народной жизни — и нравственные и исторические — бушуют в его художественных творениях. Эти творения по мучительной напряженности раздумий, трагической полноте страстей — сущий «огонь в одежде слова», говоря словами Т. Г. Шевченко. И этот огонь вечно будет гореть в сокровищнице русской художественной мысли XX века.

Виктор ЧАЛМАЕВ

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание повестей и рассказов В. Я. Шишкова вошли произведения, созданные писателем в 1912—1927 гг. В основе многих из них — включая замечательную повесть «Тайга», рассказы «Краля» и «Алые сугробы», подлинные шедевры шишковской «малой прозы»,— суровые впечатления многих лет работы писателя в Сибири. Свыше двадцати лет (с 1894 по 1915 год) Шишков, инженер-изыскатель водных и шоссейных путей, работал на таких сибирских реках, как Обь, Катунь, Лена, Витим, Нижняя Тунгуска, прокладывал знаменитый Чуйский тракт на Алтае. Сибирь стала для него второй родиной, и он с благодарностью говорил позднее об этом, «дотворческом» периоде своей жизни: «Мои лучшие годы протекли в живом труде, среди разнообразной природы... Пред моими глазами прошли многие сотни людей,— прошли неторопливо, не в случайных мимолетных встречах, а нередко в условиях, когда можно читать душу постороннего как книгу. Каторжники и сахалинцы, имевшие за плечами не одно убийство, бродяги, варнаки, шпана, крепкие кряжистые сибиряки-крестьяне, новоселы из России, политическая и уголовная ссылка, кержаки, скопцы, инородцы,— во многих из них я пристально вгляделся и образ их сложил в общую копилку памяти» (В. Я. Шишков, «Автобиография». Полн. собр. соч., в 12-ти томах, т. I, изд. 2-е, ЗИФ, М.—Л., 1928, с. 66—68).

Богатейший и непрерывно пополнявшийся материал в «копилке памяти» В. Я. Шишкова, художника горьковской школы, уже на раннем этапе творческого труда преображался в своеобразную серию зарисовок с натуры, ярких и самобытных портретов, в новеллистический цикл, напоминающий горьковскую книгу «По Руси». Именно А. М. Горького Шишков просит в письме от 30 декабря 1911 года: «Бога ради, прошу Вас: улучите времечко и просмотрите обе мои вещи, Вас препровождаемые... Ежели признаете за ними некоторые положительные качества,— помогите мне всплыть на божий свет... Благословение Ваше я принял бы с великим ликованием, порицание Ваше — с покорностью, видя и в нем лишь добрые Ваши побуждения» (Речь шла о рассказах «Ванька Хлюст» и «Краля», первоначально названном «Авдокея Ивановна».— В. Ч.).

Тексты произведений в настоящем однотомнике печатаются по изданию: Вячеслав Шишков. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 1, 2. М. Гослитиздат., 1960.

ТАЙГА

Впервые опубликована в журнале «Летопись». 1916, №№ 7, 8, 9, 10, 11, первое отдельное издание — в издательстве «Парус», Пг., 1918.

По свидетельству писателя, к созданию повести «Тайга» его подтолкнула заметка в одной из сибирских газет об убийстве шести бродяг крестьянами глухой таежной деревни. Бродяги были обвинены в том, что они зарезали несколько коров и украли деньги у местного торгаша. Обвинение оказалось, как выяснилось позднее, ложным. «Перед моими глазами стоял этот ужасный факт, тревожил меня, и я должен был так или иначе на него отозваться»,— говорил Шишков в 1934 году, беседуя с начинающими литераторами. Но отозваться, воспроизведя лишь поимку бродяг и казнь их, было для Шишкова, художника огромного гуманистического дарования, невозможно: «вдруг всплыла другая идея, значительно сильнейшая, чем первоначальный замысел», перед духовным взором писателя предстала вся страшная жизнь патриархальной деревни. Работа над повестью продолжалась два года. Даже после публикации отрывков из «Тайги» в томской газете «Сибирская жизнь» в 1914, в 1915, 1916 гг. писатель все еще считал повесть недоработанной, пребывающей «в полусыром виде». В. Я. Шишков — он в 1915 году переселился из Томска в Петроград — вновь ищет помощи и советов А. М. Горького; он с благодарностью выслушивает его совет — не злоупотреблять «лирикой слов», в ущерб «лирике фактов». Повесть была еще раз переработана и опубликована в возглавлявшемся Горьким журнале «Летопись». Она, как и предсказывал Горький, имела успех, поставила автора на ноги, укрепила «убеждение в необходимости работать, веруя в свои силы» (А. М. Горький — В. Я. Шишкову. 3 апреля, 1916.— М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 29, с. 356).

ХОЛОДНЫЙ КРАЙ

Впервые этот рассказ под названием «На Севере» был опубликован в газете «Сибирская жизнь» (1912, 4 ноября); в этом же году под тем же названием — в барнаульской газете «Жизнь Алтая» (15 ноября). Название «Холодный край» было дано рассказу при публикации в журнале «Красная нива» (1923, № 4). Под этим же названием с подзаголовком «Из дневника скитаний 1911 года» и посвящением «...Сенкиче, Гирманче—проводникам моим...» рассказ вошел в сборник Вяч. Шишкова «Страшный кам» (М., Недра, 1931).

О путешествии на Лену и Нижнюю Тунгуску в 1911 году Вяч. Шишков рассказывал неоднократно. Более поздние воспоминания об этом путешествии — в частности в «Автобиографии» — также поражают редкой предметностью, яркостью подробностей.

«Река то бешено мчала нас по неизвестному фарватеру, щитики со всего маху ударялись о подводные камни с риском проло-

мить дно и затонуть, то вдруг от берега до берега поток воды преграждался огромной песчаной мелью... В туманных сумерках встретили грохочущий порог, в нем камни лежали, как киты, вода кипела. Нас втянуло туда насильно, и до сих пор не понимаю, как мы остались живы. Случайно увидели на берегу старого тунгуса, очень обрадовались, но он сказал: «Худой твой дело. Сдохнешь. Надо весна ждать, большой воды»,— писал Вяч. Шишков.— Мы теряли мужество. 4 сентября выпал снег, вода у закрайков замерзла, шитики обледенели. А впереди полторы тысячи самых трудных верст...»

Это же путешествие легло в основу описаний трудного пути Прохора Громова и черкеса Ибрагима по фантастической «Угрюм-реке», когда оба путника, замерзая в снегах, борются с невыносимым холодом, со смертельной тоской, надеются «поймать нить жизни, которую авось подбросит судьба»...

Во время этого путешествия Вяч. Шишков записал 87 старинных «проголосных» песен и былин, изданных в 1912 году Иркутским Географическим Обществом.

КРАЛЯ

Впервые об этом рассказе Вяч. Шишков упоминает в письме к А. М. Горькому из Томска от 30 декабря 1911 года, когда просит Горького просмотреть рассказ «Авдокея Ивановна». Это был, видимо, первоначальный вариант рассказа «Краля», опубликованного в журнале «Заветы» (1913, № 2) и входившего позднее под этим названием во многие сборники произведений писателя.

ЧУЙСКИЕ БЫЛИ

Материал для этой серии мелких рассказов, впервые опубликованных в «Ежемесячном журнале» (1914, № 2), был собран Вяч. Шишковым на Алтае в 1913—1914 гг. «С весны 1913 года я стал заведовать Чуйской партией... Партия была разбита на два отряда, по-тридцать человек в каждом, и работала рабочие периоды 1913/14 гг. Мне все время приходилось поддерживать связь между отрядами, передвигаться по убийственным кручам верхом. Алтай поражает своей строгой величественной красотой. Увенчанные вечными снегами Чуйские Альпы и река Катунь — незабываемы; или Чуйская степь, где горы, отодвинутые от вас на полсотни верст, кажутся стоящими рядом с вами — до того чист, прозрачен воздух»,— вспоминал писатель после революции. Но основная тема «Чуйских былей», как и путевых заметок «По Чуйскому тракту»,— разоблачение хищничества купцов, торгашей, вторгшихся в эти края, использующих все средства, часто преступные, для наживы и обогащения.

Рассказы и повести В. Я. Шишкова этого периода составили затем сборники «Сибирский сказ» (1916), «Краля» (1924), «Пурга. Рассказы и повести о старой Сибири» (1938). Они вошли в первое Полное собрание сочинений писателя, законченное изданием в конце 20-х годов, в канун создания главной книги писателя— романа «Угрюм-река».

После Великой Октябрьской революции В. Я. Шишков продолжил свой «сибирский сказ», используя все тот же богатейший запас впечатлений и наблюдений дореволюционных лет. В первую половину 20-х годов были написаны рассказы «Страшный кам», «Отец Макарий», «Таежный волк», «Журавли». Но одно из центральных мест в работе писателя в эти годы заняла тема гражданской войны — ей были посвящены повесть «Ватага» (1923) и повесть «Пейпус-озеро» (1924). Одновременно художник обратился и к теме становления новых социально-нравственных отношений в деревне, к художественному изображению процесса ломки старого уклада, привычек и устоев былой жизни («Шутейные рассказы»).

ТА СТОРОНА. ЗОЛОТАЯ БЕДА

Эти рассказы 1917—1923 гг. объединены общей темой бесправного, угнетенного положения национальных меньшинств Сибири в условиях разгула стяжательской стихии. Друг Вяч. Шишкова писатель Вл. Бахметьев писал о гуманистическом смысле заступничества автора «Чуйских былей», «Страшного кама», «Золотой беды» за «наивных детей природы»: «Читаешь о всех этих Борисках, Конго, Юсупах, Гнусах, Харлашках, Гирманчах и видишь, сколь безобразна русская жизнь: сверху донизу надо лопатами очищать ее, и веришь, что сделает это не кто иной, как тот самый жестокий и ласковый народ, который, подобно Оглашенному («Суд скорый»), из судьи угнетаемых превратится в судью над угнетателями» (Сибирская жизнь, 1917, № 4).

Следует отметить глубокий интерес Вяч. Шишкова-художника к этнографии, к красочной и таинственной стороне быта, обычаев. «Рабочий период 1910 года я заведовал партией по исследованию р. Бия на Алтае, от истоков из Телецкого озера (Алтынкуль) до устья. Работа была чрезвычайно опасная — Бия бушевала в своих многочисленных порогах, но весь риск окупился впечатлениями: познакомился с бытом кержаков — староверов, теленгитов, калмыков, с культом шаманизма: шаманы (камы) во время моления в глухих горных ущельях приносили кровавые жертвы подземному богу Эрлику, жертвенной лошади привязывали к каждой ноге по аркану, и четыре группы алтайцев, вцепившись за концы арканов, раздирали ее живьем. Кам ударом ножа извлекал жертвенную кровь из ее живого сердца. Визг лошади, ораные толпы, громовой грохот аршинного бубна, игра ночных костров во тьме. Интересен национальный теленгитский праздник, где состязались три дня — три ночи народные певцы и сказители былин (рапсоды)...» — писал Шишков в 1928 году. И добавлял:—«Мне удалось присутствовать (в 1913—1914 гг.) на калмыцком празднике «Той», и я перенесся во времена Тамерлана. Борьба, конские состязания, а к вечеру при мерцающих звездах, на берегу озера запылали костры, в невиданных котлах варилось чуть ли не по целой лошади, голые по пояс калмыки огромными жердинами ворошили в котлах хлебово, время от времени ошарашивая жердями снующих тут же многочисленных собак» («Автобиография»).

КАТОРЖНИК

Впервые опубликован в «Ежемесячном журнале» 1917, № 1.

ЦАРСКАЯ ПТИЦА

Впервые опубликована в «Петербургском сборнике», изд. журнала «Летопись дома литераторов», 1922.

ЖУРАВЛИ

Рассказ «Журавли» опубликован впервые в «Красном журнале для всех» (1924, № 1).

Рассказ создан на основе наблюдений над противоречиями деревни нэповской, причудливо сочетающей старое и ростки нового. В книге очерков «С котомкой» (появившейся в 1922 году после посещения писателем ряда деревень Лужского уезда) Вяч. Шишков в излюбленном своем духе обозначил это парадоксальное сочетание разнородных явлений в деревенском быту. «О совхозах.— Начинали строить.— Умный дурак.— Масляные фокусы.— Как он любит.— Пьяная взятка.— Самогон» — таковы подзаголовки глав, фиксирующие все оттенки событий, бытовых драм и неурядиц.

В очерках «С котомкой», как и в рассказе «Журавли», Вяч. Шишков с особым вниманием исследует взаимоотношения поколений, подчеркивает важную роль крестьянской молодежи в деле преобразования деревни: «...как будто начинает въедаться в жизнь свежая струя... мужичья молодежь, потрепавшаяся в вихре революции по широкому лицу России. У них и взгляд шире — народ бывалый, и к старому укладу отвращение, у них воля и тяга к новой, красивой жизни» (Шишков В. Я. С котомкой. Очерки. Пг., 1922 г.).

ОТЕЦ МАКАРИЙ

Рассказ под заглавием «Отец Макарий — приблудный поп» появился в журнале «Сибирь» (1926, № 3).

Писатель не раз говорил, что за годы работы в Сибири он многое «сложил в общую копилку памяти». Эти рассказы об уродующей силе стяжательства, о людях, которых в старой Сибири «вознесло золото на верх жизни», созданы одновременно с романом о «гении стяжательства» Прохоре Громове («Угрюм-река»). Приступы скупости купца Раскатилова, смертельный ужас его приказчика Григория, потерявшего хозяйские деньги, самоубийство мужика Никиты, «прозевавшего» момент присвоения золота, «вещие» сны об удачах и неудачах в деле наживы,— вся душевная жизнь людей в атмосфере стяжательства имеет, как у Прохора Громова, ложные координаты. «Они не совпадали и не могли совпасть с планом реальной действительности. Они, как основа болезни, пересекали вкривь и вкось бредовые сферы душевнобольного»,— писал Вяч. Шишков в «Угрюм-реке» о состоянии Прохора Громова в канун самоубийства.

АЛЫЕ СУГРОБЫ

Рассказ впервые опубликован в журнале «Красная новь» (1926, № 10). При создании его Вяч. Шишков вновь опирался на достоверные факты, реальные события, по-своему «интерпретируя» их. «Алые сугробы» — в бытность мою в 1913 году на Чуйском тракте встретил вечером возле нашего изыскательского стана двух оборванцев, сидевших у костра. Оказалось — крестьяне (самоходы), искавшие за горами, в Сойотии, в Урянхайском крае хорошей земли. Земли нашли, теперь возвращаются домой, в свою российскую деревню, чтоб на будущий год скопом переселяться. «В пути терпели немоверные лишения — вроде описанных мною» — писал Вяч. Шишков профессору П. С. Богословскому 17 марта 1926 года (В. Я. Шишков. Неопубликованные произведения. Воспоминания о В. Я. Шишкове. Письма, Л., 1956, с. 265).

Рассказ отразил — в своеобразной форме — обстоятельства переселения миллионов крестьян из Центральной России в Сибирь. Переселенческое движение, как свидетельствуют историки, привело к тому, что «за 1896—1906 гг. переселилось 1,1 млн. человек, а за 1906—1914 — 3,0 млн., или в 2,7 раза больше... В 1907 г. среди крестьян центральных губерний страны было распространено 6,5 млн. экземпляров брошюр и листовок с призывами переселяться в азиатскую часть России» (История Сибири, т. 3. Л., Наука, 1968, с. 301, 307).

ЧЕРТОЗНАЙ

Впервые опубликован в журнале «Литературный современник», 1938, № 5.

ПЕЙПУС-ОЗЕРО

Впервые повесть опубликована в альманахе «Наши дни», 1925, кн. 5. Отдельное издание повести выпущено в этом же году издательством «Книга».

Творческая предпосылка этой повести сложна и многообразна. Известно, что весть о падении царизма, о победе революции В. Я. Шишков встретил с огромным подъемом, с надеждой на скорейший выход родной страны из того тупика, в который завело Россию самодержавие, господство капитала. В книге «Подножие башни» писатель писал о той радости, которую он пережил в эти годы: «Достойный взять камень и положить его на крепком цементе в основании — бери и клади! Нерадивый не мешай строить!»

Но очень скоро писатель ощутил, что строительство новой жизни потребует от многих людей глубоко осознанной перестрой-

ки, отказа от множества иллюзий, наивных верований. В письме к В. И. Анучину от 25 марта 1917 года из Петрограда, рассказав о встрече с А. М. Горьким, о всеобщем ликовании в связи с крахом царизма, В. Я. Шишков прозорливо предсказал неизбежность трудной и долгой борьбы за полное торжество свободы, неизбежность заблуждений, колебаний многих людей и даже социальных групп между старым и новым: «О том радостном чувстве, которым был охвачен каждый из нас, вся Русь, весь мир,— нечего говорить. Внезапность переворота ошеломила всех... Но... конечно, на будущее нельзя закрывать народу свои очи. Россия — страна всяческих неожиданностей, и в грядущем дне могут быть нелепости. Возврата к старому, известное дело, быть не может, но «анархия», вместе с ней какой-нибудь «помазанник» будут кошмаром стоять за плечами свободы» (В. Я. Шишков. Неопубликованные произведения. Воспоминания о В. Я. Шишкове. Письма. Л., 1956, с. 261).

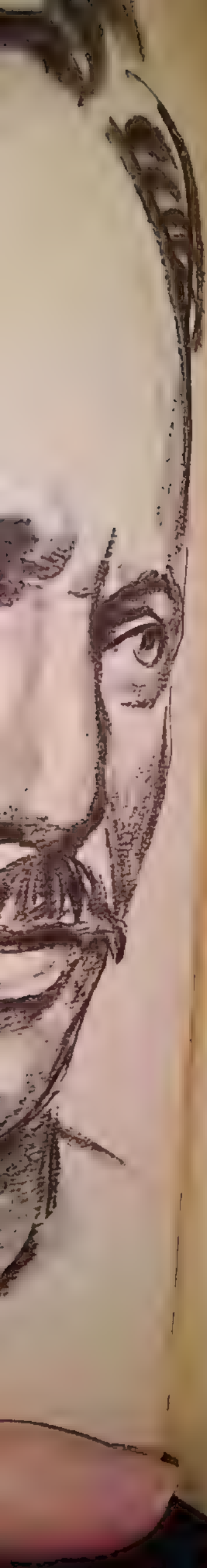
В повести «Пейпус-озеро», задуманной, видимо, в начале 20-х годов, писатель раскрыл типичную историю мучительных заблуждений, «хождений по мукам» и нравственного возрождения молодого героя, «беженца» в Эстонию, Николая Реброва. Работая над повестью, В. Я. Шишков собрал огромный материал о гражданской войне, исследовал судьбы множества беженцев. Среди них были и те, кого вихрь Октябрьской революции навсегда и бесповоротно отмел в сторону, и те, кто нашел в себе силы осознать великий исторический смысл свершившегося и найти дорогу домой... «Надо думать, что «Пейпус-озеру» обеспечена длительная жизненность: его будут читать и перечитывать»,— писал о повести один из критиков сразу же после ее появления («Печать и революция», 1926. кн. 7, с. 205—206).

ШУТЕЙНЫЕ РАССКАЗЫ

Вяч. Шишков написал в первой половине 20-х годов около 120 юмористических рассказов, публиковавшихся в тогдашних сатирических журналах («Дрезина», «Красная панорама», «Красный ворон», «Смехач», «Бегемот» и др.), выходивших отдельными сборниками с характерными, тоже «шутейными» названиями: «На травку», «Радиосатана», «Хреновинка», «Бисерная рожа» и др.

Старый деревенский быт — мир скрытых слез, неудач, молитв — на глазах у Вяч. Шишкова, совершавшего в начале 20-х годов длительные пешеходные путешествия по Тверской губернии, ломался, трещал, в нем являлись новые фигуры. История былой деревни — история русского патриархального долготерпения — кончалась, и Вяч. Шишков запечатлел множество смешных ситуаций, в которых свершалось это отнюдь не «шутейное» расставание с прошлым.

«Шутейные рассказы» неоднократно — после первых публикаций в периодических изданиях — переиздавались. Они вошли и в первое прижизненное собрание сочинений Вячеслава Шишкова в двенадцати томах (ГИЗ, 1927), составив последние четыре тома, и частично в собрание сочинений в восьми томах (Гослитиздат, 1960).



Михаил Шолохов

Поднятая целина

РОМАН В ДВУХ КНИГАХ

Ростов-на-Дону
Ростовское книжное
издательство
1985

КНИГА, ПРЕОБРАЗУЮЩАЯ МИР

Публикация романа М. А. Шолохова «Поднятая целина» в журнале «Новый мир» (январь — сентябрь, 1932) сразу же превратилась в литературно-художественное и общественно-политическое событие всемирного звучания.

Как известно, начало 30-х годов в СССР было ознаменовано невиданным в истории человечества, грандиозным по масштабам социально-экономическим преобразованием советской деревни — коллективизацией, которая по своей значимости и глубине последствий была приравнена к Великой Октябрьской социалистической революции.

Михаил Шолохов в «Поднятой целине» высокохудожественно и исторически правдиво запечатлел и, словно лучом прожектора, высветил это общественное явление на примере жизни хутора Гремячий Лог, показав ожесточенную борьбу строителей нового мира — Давыдова, Нагульнова, Размётнова и других — против кулацко-белогвардейского подполья Островнова и Половцева, нити которого тянулись за рубеж.

В романе с глубоким знанием быта и нравов, психологии и характеров различных классовых групп советского Дона Шолохов изобразил революционный поворот трудового казачества к социализму, создание нового социально-экономического уклада, ликвидацию кулачества как класса, обобществление главных средств производства — земли, рабочего скота, зерновых запасов, возникновение в народе нового отношения к труду, духа коллективизма и соревнования.

Вот это рождение социалистической нови в советской деревне, да еще в казачьем крае, вызвало за рубежом в коммунистическом авангарде и прогрессивных кругах горячее одобрение, а в буржуазном стане — ожесточенную ярость, смятение в генштабах, готовивших планы новой военной интервенции, а кое-где все-таки и реалистические раздумья о кризисе-закате капиталистических форм производства и

признание открываемых социалистической Россией перспектив изменения мира.

И потому в конце 1932— начале 1933 года особыми распоряжениями правительств, прокуроров и полиции в Румынии и Болгарии, в Венгрии и Польше, в Югославии, Италии и Китае шолоховская «Поднятая целина» была запрещена к ввозу, а также и к изданию ее в переводах.

...Есть все основания предполагать, что первым переводчиком «Поднятой целины» на иностранный язык был рабочий Ростсельмаша, политэмигрант, немецкий коммунист Леон Мареш, владевший тремя языками.

В конце 1932 года он отправил в коммунистическую «Роте фане», в Берлин, переводы ряда глав из «Поднятой целины», но в связи с фашистским террором и захватом здания ЦК Компартии Германии (в котором размещалась и редакция газеты немецких коммунистов) вряд ли его бандероль достигла адресата.

И все же Леон Мареш издал свой перевод фрагментов из «Поднятой целины» в Ростове-на-Дону в двух брошюрах: это были главы о Давыдове на пахоте — «Прорыв в бригаде» и юмористические главы «Неудачник Щукарь», которые и поныне хранятся в фондах ростовской научной библиотеки имени Карла Маркса.

Самый первый полный перевод «Поднятой целины» был подготовлен коммунистами Германии осенью 1932 года (переводчик Эдуард Шимани) в издательстве «Литература и политика». В связи с фашистским переворотом (февраль, 1933) верстка «Поднятой целины» была сожжена гестаповцами, а переводчик Э. Шимани, загнанный в концлагерь, пропал без вести... Однако копию его перевода друзья вывезли в Норвегию, в Осло, где и выпустили в свет в издательстве «Ринг» с эмблемой коммунистов — алое знамя в круге.

Как свидетельствует венгерский политэмигрант Людвиг Сюч (в мае 1933 года находившийся в Берлине в качестве подставного книгопродавца), изданная на немецком языке в Осло «Поднятая целина» нелегально проникла к антифашистам Германии.

В это же время другие энтузиасты — Борис Кротков и Георг Штёсслер, сделавшие перевод «Поднятой целины» на немецкий язык в Вене, вынуждены были под угрозой смерти бежать в нейтральную Швейцарию. Их перевод, выпущенный прославленной книжной фирмой «Бюхергильде Гутенберг» летом 1933 года, был воспринят немецкими эмигрантами (по сообщению В. Зутер-Бианки из Цюриха, 1966) «как призыв к сплочению под красным знаменем Коминтерна».

Так, «Поднятая целина» в этих немецких переводах начала свое триумфальное шествие из Осло в Скандинавские страны, в США (дошла до Эптона Синклера!), в Японию и Китай (дойдя и до Лу Синя!), а из Цюриха — в страны Центральной Европы — Францию, Италию, Испанию...

Третьей страной, где осенью 1933 года появился перевод «Поднятой

целины», была Франция. Но здесь ее первыми издателями оказались белогвардейцы! Прикрывшись псевдонимами, переводчик Д. Эргаз и редактор Б. де Шлезер напечатали в буржуазном издательстве «Галлимар» извращенный перевод «Поднятой целины» (под названием «Распахиватели»), вырубив в ней последние семь глав и поставив «Fin» (конец) после главы XXXIII, в которой, как известно советскому читателю, описаны эпизоды «бабьего бунта» в хуторе Гремячий Лог и избиения коммуниста Давыдова.

Надо ли комментировать, какое ликование в буржуазной и белогвардейской прессе вызвало это провокационное издание и как извращенно трактовали там авторскую позицию Михаила Шолохова по отношению к коммунисту Давыдову и к коллективизации!

Важно отметить, что эта фальсификация и враждебная возня вокруг шолоховского романа сразу же были разоблачены коммунистической газетой «Юманите», а к концу 1933 года в Париже коммунисты издали полный текст «Поднятой целины» в переводе Алисы Оран и Жоржа Ру с «Декларацией» Михаила Шолохова от 2 ноября 1933 года:

«Я категорически заявляю, что мною передано право издания моего романа «Поднятая целина» на французском языке только издательству «Editions Sociales Internationales» в Париже.

Я признаю авторский текст лишь тот, который печатается в издательстве «E.S.I.».

Я решительно протестую против выпуска в свет романа другими издательствами.

М. Шолохов».

«Первый тираж полного текста «Поднятой целины» с «Декларацией» М. А. Шолохова,— рассказывал ее переводчик профессор Жорж Ру,— вышел в Париже в середине декабря 1933 года и вызвал сенсацию. «Декларация» Шолохова имела огромное значение. Успех книги был исключительный. О романе «Поднятая целина» писали все газеты Парижа — от «Юманите» до полицейского листка «Либерте» (что значит — «Свобода»!!!)... А в Париже тогда издавалось около 300 газет и журналов. Реакционные и белогвардейские газеты самым злостным образом извращали содержание романа и суть коллективизации... Но буржуазная пресса порой выступала с умными статьями, высоко оценивая художественные достоинства нового романа Шолохова».

Вот некоторые высказывания парижской прессы.

Журнал «Кри Дю Жур»: «Тихий Дон» и «Поднятая целина» доказывают, что Шолохов — художник, равный Тургеневу и Толстому».

Газета «Прогресс де Лион», политический рупор выдающегося государственного деятеля Франции и друга СССР Эдуарда Эррио (декабрь, 1933): «Поднятая целина» представляется нам мощной симфонией нового мира».

Газета «Нотр Тан», критик Жак Шабан: «Поднятая целина» — это не социальное учение, не пропагандистский роман. Это — произведение большого художника, написанное с необычайной творческой силой».

«Юманите», ЦО компартии Франции (1934, 11 января): «...Цели, преследуемые буржуазным издательством («Галлимар»), слишком прозрачны. Извратив текст романа Шолохова, исказив его идейный замысел, издательство хочет заставить эту эпопею о коллективизации служить делу, которое шито белыми нитками, в угоду реакции и белогвардейщине, которая еще пытается спекулировать некоторыми отрывками из «Поднятой целины»...»

Провокаторы из парижского издательства «Галлимар» были приговорены к столбу позора в Чехословакии в начале 1934 года («Руде право», «Доба»), а также в статье советского публициста Д. Заславского в «Правде» 15 января 1934 года. «Вот уж когда полностью оправдывается итальянское выражение: «Традутори — традитори»,— писал Д. Заславский.— Белогвардейские традутори — переводчики — это всегда по своей профессии традитори — предатели!»

В Чехословакии роман «Поднятая целина» появился в декабре 1933 года в издательстве «Сфинкс» (перевод Богумила Матезиуса). Он сразу же приобрел известность не меньшую, чем «Тихий Дон», и актуальностью проблематики еще более взволновал пролетарскую и литературную общественность страны.

Во всем мире люди с напряженным вниманием следили за коллективизацией в СССР. Коммунисты, пролетарии, прогрессивная интеллигенция — с радостью, а буржуазия, вожди социал-демократии, белогвардейцы — с яростью и упованием на провал!

Очень хорошо об этом говорил в своей публичной лекции 13 апреля 1951 года в городе Добржише первый переводчик «Поднятой целины» на чешский язык Б. Матезиус:

«С каким злорадством всюду в те времена буржуазия и реакция воспринимали весть о коллективизации в Советском Союзе! Буржуазия ожидала, что возникшие трудности сломят шею советской политике. Говорили, что дело идет к реставрации буржуазной республики, что большевистский эксперимент не удался. Вы знаете, какие это были тяжелые времена для нас, как мы переживали эти трудности и как мы приветствовали этот роман Шолохова...»

Вначале сам Б. Матезиус в аннотации на обложке первого издания его перевода рассматривал «Поднятую целину» как «литературу факта» (1933). Но в дальнейшем назвал ее «учебником социалистического реализма», во многом более действенным, чем даже «Тихий Дон»... «В те времена,— вспоминал Б. Матезиус,— желающий перевести «Поднятую целину» должен был идти против течения. Его не поддерживали никакие учреждения, кроме компартии. Наша партия решила, что такая книга должна быть издана... Использовав яркий рекламный девиз, я нашел издателя. Я доказал ему, что книга Шолохова

скажет о внутреннем экономическом положении Советского Союза больше, чем десять хозяйственно-экономических трактатов». И «Поднятая целина» вышла в свет в издательстве «Сфинкс» без каких-либо сокращений!

Правда о трудностях коллективизации, сказанная Шолоховым в «Поднятой целине», заставила и некоторые буржуазные газеты Чехословакии объективно высказаться о романе. Так, например, «Ческа освета», давая в своей рецензии отзыв на роман, подчеркнула, что «вдохновителями новой жизни являются красные партизаны Нагульнов, Размётнов и рабочий Давыдов. Они вступают в смертельную борьбу за колхоз и побеждают старую Россию. Советская критика видит в романе документ творческого труда и источник надежды, а русская эмиграция — доказательство ошибок нового режима».

В 1934 году в Праге появился новый перевод «Поднятой целины» Франтишека Пишека, выпущенный издательством Карела Борецкого. В аннотации на обложке книги роман был представлен как «мастерски отшлифованное, зеркальное отражение борьбы за коллективизацию казачьих хозяйств», как произведение, завоевавшее «почетное место в советской и мировой литературе».

И снова наиболее всестороннюю и глубокую оценку получил этот роман Шолохова на страницах коммунистической газеты «Руде право». Автор большой статьи Мария Бергманова писала, что «коллективизация ознаменовала собой уничтожение тысячелетних тенденций и ликвидацию (говоря словами Маркса) «идиотизма деревенской жизни». Главное достоинство романа — это «мастерски созданные типы: двадцатипятитысячник Давыдов, председатель хуторского Совета Разметнов, секретарь партийной ячейки Нагульнов — живые люди, скульптурно зримые, психологически точно изображенные... Каждый персонаж характерен своим, присущим ему языком. В целом это огромная картина исторического процесса, который перевернул жизнь широких масс, процесса, нарисованного с позиций диалектического материализма, облеченного в великолепную литературную форму. Достойный образец нового направления — социалистического реализма».

Как весьма отрадный факт следует отметить выступления чешской прогрессивной прессы в защиту романа. Так, редакция журнала «Доба» в феврале 1934 года напечатала статью, разоблачающую извращения в издании «Поднятой целины» в другом парижском издательстве — «Nouvelle Revue Francaise» (конец 1933 года). Сообщая о том, что «французские фальсификаторы Шолохова из 40 глав его романа выпустили в свет только 33 главы», редакция журнала «Доба» называет эту акцию «политическим мошенничеством», часто используемым так называемой «социалистической» печатью для извращения советских источников информации о жизни в СССР.

В мае 1935 года пражский режиссер Ян Бора поставил в театре драматическую инсценировку «Поднятой целины», получившую

отклики в прессе Варшавы, Будапешта, Белграда. «Это была не просто премьера,— писал в югославском журнале «Живот и рад» критик Божо Ловрич.— Благодаря Шолохову весь мир услышал и увидел, что русские люди с новой силой и верой указали народам Востока и Запада путь в будущее».

В 1934 году роман «Поднятая целина» вышел в свет в Варшаве. Писательница Ирена Кшивицкая в журнале «Вядомости литерацке» заявила: «...шолоховский роман формирует убеждение, что путь коллективизации — это единственно правильный путь, ведущий к новым победам». Критик Збигнев Грабовский в журнале «Курьер литерацко-науковы» подчеркнул: «Поднятая целина» — это песнь в честь масс и коллектива», это «произведение высшего класса, на котором лежит печать гения». И даже в органе варшавских иезуитов «Пшеглёнд повшехны» известный критик и писатель Теодор Парницкий, один из активнейших пропагандистов творчества Шолохова, утверждал, что «Поднятая целина» — это «шедевр в искусстве», что «советская литература может похвалиться литературным произведением, которое, будучи коммунистическим... в то же время является книгой высочайшего ранга».

Английский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн» (1935, 26 октября), высоко оценив художественные достоинства романа, пугал своих читателей «раскулачиванием» и тем, что может случиться с буржуями и «их меховыми пальто», «когда в Англию придут красные...»

И в это же время шведские газеты «Социал-демократен» и «Нью-Даг» (1935, 3 и 4 ноября) впервые в зарубежной прессе заявили, что «Шолохов как никто другой достоин Нобелевской премии!..»

В 1936 году шолоховский роман проломил преграды на пути в Болгарию, Испанию, Китай, Норвегию, Голландию, Турцию, Финляндию.

В Болгарии царская цензура сильно изуродовала перевод «Поднятой целины» в эпизодах спора Давыдова с секретарем окружкома партии о кулаке, собрания бедноты, решающей вопрос о раскулачивании; также были изъяты последние семь глав романа. Как в белогвардейском издании «Поднятой целины» в Париже, царская цензура в Софии поставила «Конец» на эпизоде «бабьего бунта» и приняла все меры к тому, чтобы коммунистическая пресса не сумела публично разоблачить эту фальсификацию шолоховского текста.

Тем не менее коммунисты подпольно распространяли финал «Поднятой целины», перепечатанный на стеклографе и даже просто переписанный от руки. Тогда же, в 30-е годы, в болгарской прессе пробились в свет лишь несколько небольших статей о «Поднятой целине», и все они восторженно приветствовали большую творческую победу Шолохова.

«Все человечество,— писал известный болгарский писатель Георг Караславов в 1936 году,— с затаенным дыханием следило за этой борьбой двух сил — старого и нового в СССР... Кто победит? Шолохов великолепно справился с труднейшей задачей... И эта необычайно трудная тема рождения колхоза под его пером оказалась захватывающей, а по

своей художественной и общественно-политической значимости «Поднятая целина» оказалась «Тихим Доном» в мирном строительстве, где две противостоящие армии дают свое последнее сражение».

В 30-е годы в Китае первая весточка о романе «Поднятая целина» появилась в журнале «Вэньсюэ цунбао» (май, 1936). Это была десятая глава первой книги романа, озаглавленная «Расставание»,— о вступлении Кондрата Майданникова в колхоз (перевод Чжао Цзя-би). По неизвестным причинам этот переводчик свои публикации прекратил.

В Китае полный перевод «Поднятой целины» впервые подготовил коммунист-писатель Чжоу Ли-бо и выпустил его подпольно в Шанхае в 1936 году. Из «Послесловия» Ли Бо (псевдоним Чжоу Ли-бо) мы узнаём, что перевод «Поднятой целины» был сделан с английского издания (Стефан Гарри, «Путнам»), в котором были «преднамеренные сокращения и пробелы», но Ли Бо удалось восстановить «полный текст «Поднятой целины» по японскому выпуску (цитирую по книге: Шолохов М. Бэйкан конъди чуньюйди (Поднятая целина). Дальний, 1946, с. 462—463).

Во всем мире буржуазные власти чинили много препятствий продвижению «Поднятой целины» к читателям. Ярким примером тому может быть борьба сербского писателя С. Ковачича за издание перевода «Поднятой целины», длившаяся несколько лет и завершившаяся победой — выходом в свет шолоховского романа в издательстве «Библиотека независимых писателей» (Загреб, 1940), правда, с огромным количеством цензурных сокращений и злостных извращений текста.

В те годы в югославской прессе в свет пробивалось очень мало материалов о творчестве Шолохова. Но все же из всех статей, напечатанных до войны, надо назвать публикации Божо Ловрича по поводу театральной инсценировки шолоховского романа в Праге. В одной из них критик писал:

«...«Поднятая целина» — это эпос, наполненный драматическим содержанием, подобно гекзаметрам «Илиады»... Драматизация Яном Бором шолоховского романа во всех отношениях чудесна. Это было не просто театральное представление, а настоящая, страстная стихия жизни, которая нашла свое высшее выражение в идее труда, самоотверженности и справедливости. У Шолохова нет украшательства и нет лжи, а полным голосом глаголет сама Истина!»

После окончания второй мировой войны и разгрома фашизма интерес к творчеству Михаила Шолохова в странах Европы, Азии и Америки вновь проявился с огромной силой. Все новые и новые поколения зачитывались «Тихим Доном» и «Поднятой целиной». Чтобы показать действительное отношение прогрессивно мыслящих людей США в 40-е годы к творчеству Шолохова, приведу высказывание известного американского критика Эдвина Сивера:

«В век, когда великие писатели Запада пытались изобразить чело-

вческие существа, как тени в ритуальном танце, и утопить себя в потоке времени, Шолохов, романист социалистического общества, вернул художественной литературе ее назначение и достоинство. Великие традиции русского реализма еще раз дали о себе знать всему миру». Так было оценено развитие Шолоховым в «Тихом Доне» и «Поднятой целине» лучших традиций русской классики.

В послевоенные годы, когда в социалистических странах на повестку дня был поставлен вопрос о великих преобразованиях на селе, книги Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина», по свидетельству Вальтера Ульбрихта, стали для коммунистов, рабочих и крестьян руководством к действию.

Примером могут служить события в деревне Линов-Мекери (в 100 километрах западнее Берлина), где батраки в 1960 году, прочитав «Поднятую целину», сами решили создать в бывшем помещичьем имении сельскохозяйственный кооператив и назвали его именем Михаила Шолохова.

Тогда же из этого кооператива в Вешенскую пришло письмо с приглашением М. А. Шолохову посетить деревню Линов-Мекери. В ответном письме Шолохов писал:

«Членам кооператива деревни
Линов-Мекери

Дорогие товарищи!

Постоянные разъезды помешали мне ответить вам своевременно, за что прошу извинить меня.

Вы удостоили меня великой чести, присвоив вашему кооперативу мое имя. Разумеется, я горжусь этим и от всей души желаю всем членам вашего кооператива, всем вашим родным и близким счастья в жизни, успехов в работе и учебе.

Если в будущем году мне удастся побывать в ГДР, я непременно навещу вас и познакомлюсь с вами и вашим хозяйством.

ст. Вешенская
14.9.60.

С добрыми чувствами
ваш М. Шолохов»

В протоколах VI съезда СЕПГ (1963) отмечается, что «Поднятая целина» помогла коммунистам — вожакам трудового крестьянства — создавать первые сельхозкооперативы в ГДР. В социалистических странах спрос на «Поднятую целину» был колоссальным. Ее тиражи достигли в ГДР 550 тысяч экземпляров, в Польше — 500 тысяч, в Югославии — 300 тысяч. В этой стране появилось два сербско-хорватских перевода — В. Вулевича и Б. Булатовича. В связи с тем что книга моментально разошлась, а потребность в ней не уменьшалась, редакция газеты «Борба» с 1 мая по 25 июля 1960 года на своих страницах опубликовала весь роман «Поднятая целина». В странах социализма книги Шолохова вторгались в жизнь простых тружеников и

вдохновляли их на преодоление трудностей... В Китае, например, в 50-е годы «Поднятая целина» была издана миллионным тиражом и вручалась каждому политработнику, выезжавшему проводить коллективизацию в деревне.

В 1960 году, после выхода в свет второй книги «Поднятой целины», М. А. Шолохову была присуждена Ленинская премия. Авторитет Шолохова как одного из основоположников литературы социалистического реализма стал всемирным. В большинстве стран Европы, Азии и Америки в 60-е годы «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека» вновь были переизданы огромными тиражами.

Достаточно сказать, что, например, в буржуазной Японии к 1965 году тиражи «Тихого Дона» и «Поднятой целины» (каждого романа в отдельности) перевалили за один миллион экземпляров!

В том же, 1965 году в прогрессивном токийском театре «Мингэй» («Народное искусство») выдающийся режиссер Уно Дзюкити поставил пьесу «Поднятая целина».

В своей театральной программе-брошюре, посвященной постановке «Поднятой целины», руководство театра особо подчеркнуло, что шолоховские герои во многом отличаются от японцев и что именно это привлекло внимание режиссера и актеров. «Мы решили заглянуть в историю, когда происходило становление современного советского человека,— говорится в театральной программе.— Мы решили узнать радости, горести и муки людей той эпохи, когда осуществлялась переделка общества и человека, причем в таком важном месте, как деревня, которая решала тогда судьбу революции. Как боролись крестьяне — люди по натуре консервативные — в переходный период к социализму? Как проходила перестройка сознания людей в ходе быстрого прогресса общества? Эти проблемы не ограничиваются одной страной — Советским Союзом, они крайне близки нам, живущим в современной Японии. Вот почему мы и взялись за инсценировку «Поднятой целины» — классического произведения Шолохова».

Крупнейшие газеты Японии в своих рецензиях называли этот спектакль замечательным событием театральной жизни.

Японский театральный критик Сато Киоко в статье, присланной для ростовской газеты «Молот», писал: «...со спектаклем «Поднятая целина» познакомились не только жители столицы. Его видели любители театра почти всех крупных городов Японии. Ведь он идет каждый вечер на протяжении четырех месяцев. Такой большой успех «Поднятой целины» и огромный интерес к нему в Японии вполне закономерны. Это же живое воплощение любимейших в Японии шолоховских героев».

Поэт Накано Сигэхару в программе-брошюре театра «Мингэй» заявил: «Для меня незабываемы просторы донской степи. Как живых, я вижу Нагульнова, и бабий бунт, и Давыдова в разорванной одежде, избитого бабами. Все это было живой историей России. Я думаю, что самое большое своеобразие творчества Шолохова заключается в

изображении правды русской жизни... Произведения Шолохова — это не просто литературное описание войны, революции, строительства социализма, но это сама жизнь, со всеми ее противоречиями и многообразием».

В 1965 и 1966 годах состоялось 300 спектаклей «Поднятой целины». Для театров Токио это невиданно крупный успех!

Поистине героические усилия надо было приложить подвижникам-переводчикам в Индии, Турции, Алжире, Испании, Аргентине и Бразилии, чтобы «Поднятая целина» дошла до читателей их стран. Вот важный документ из франкистского Мадрида — письмо от коммунистов-подпольщиков, рассказывающее о впечатлении, которое произвело на них испанское издание шолоховского романа, проникшее к ним в 1965 году из Франции:

«...До нас все же дошла «Поднятая целина» Шолохова — изображение величайшего переворота на Востоке. Со страниц «Поднятой целины» на нас повеял живительный ветер Русской революции... Ты знаешь, отец, как нам трудно. Но и мы знаем, что время так же, как вода каплями, медленно, но неотвратимо долбит и рушит камни. Мы верим, что и над нашей многострадальной землей еще пробьют часы истории. И присланная тобой шолоховская «Поднятая целина» (она уже пошла тайком по рукам!), и ваши давние жертвы, и мы в подполье — приближаем то Время, когда наш народ снова поднимется, чтобы перевернуть вековую целину в жизни Испании»

В Индии «Поднятая целина» впервые была переведена и издана на языке панджаби поэтом Моханом Сингхом в 1945 году, а в 60-е годы шолоховский роман был переведен и издан еще на пяти языках — тамили, хинди, гуджарати, бенгали, ория. Известный публицист, редактор коммунистической газеты «Навая Замана» Джагджит С. Ананд, выпустив в 1961 году новый полный перевод «Поднятой целины», в своем предисловии писал:

«Вопрос о переводе аграрных отношений на новую базу в Индии и других странах является животрепещущей проблемой. И в этом отношении «Поднятая целина» Шолохова, нисколько не уступая самым лучшим научным трудам, художественными средствами учит, с какими трудностями происходится сталкиваться и сколько ошибок надо преодолеть, чтобы успешно решить эту труднейшую проблему современности». Таков был взгляд коммунистов Индии.

В это же время в Китае хунвейбины сжигали на кострах книги всех советских писателей и русских классиков, и прежде всего бросали в огонь переводы произведений Шолохова. Он был объявлен врагом номер один, и маоисты в своей прессе и по радио повели яростную кампанию против Шолохова клеветническими тезисами: «Тихий Дон» — это «ядовитая трава», а «Поднятая целина» — это «ода кулачеству, написанная для ниспровержения власти пролетариата» («Жэньминь жибао», 1967, 11 и 22 ноября). Переводчик «Тихого Дона» Цзинь

Жэнь и знаменитый китайский писатель Чжоу Ли-бо, переводчик «Поднятой целины», были брошены в концлагеря...

В странах, строящих социализм, «Поднятая целина» продолжала свое триумфальное шествие. Яркое тому подтверждение — письмо болгарских писателей — их приветствие Михаилу Александровичу Шолохову по случаю 60-летия писателя:

«...В годы народной власти интерес к Вашему творчеству увеличился стократно. Мы не можем себе представить успешной коллективизации болгарского села без примера и уроков, кои почерпнул наш крестьянин в «Поднятой целине». Эта книга стала истинным учебником, явила нам школу, в которой учились наши крестьяне, партийные и государственные деятели».

Очень большую популярность завоевала «Поднятая целина» среди трудящихся Вьетнама. Впервые она была издана в переводах Чук Тхеина в четырех книжках. В предисловии издательство «Культура» пишет, что «Тихий Дон» и «Поднятая целина» на французском языке были уже давно известны образованным вьетнамским читателям. В годы борьбы вьетнамского народа против французских, а затем и американских захватчиков «книги Шолохова вдохновляли патриотов героического Вьетнама на борьбу за светлое будущее».

В этом же предисловии сообщается любопытная история проникновения «Поднятой целины» на французском языке (перевод Алисы Оран и Жоржа Ру) в Народно-освободительную армию Вьетнама в 40-е годы. Юноша-вьетнамец привез из Франции «Поднятую целину» Шолохова и повесть В. Овечкина «С фронтовым приветом». Знающие французский язык записывались на очередь, чтобы прочесть эти книги. Но вскоре книга «Поднятая целина» так обветшала, что ее пришлось отдать переплетчику. В это время оккупанты внезапно захватили этот городок. И тогда секретарь союза писателей Хоай Тхань тайно прошел через линию фронта, проник в городок, нашел переплетчика, забрал у него «Поднятую целину» и вернулся к бойцам Народной армии[1]. Этот экземпляр романа Шолохова не мог удовлетворить желающих его прочесть, поэтому вскоре книга была расшита на части, десятками рук переписана, и в рукописном виде она начала свою новую жизнь.

В конце 50-х годов по решению XVI пленума ЦК партии трудящихся Вьетнама по всей стране началось кооперирование сельского хозяйства. «Это была самая трудная революционная задача,— говорится далее в предисловии.— Наш народ нуждался в опыте СССР. Поэтому возникла необходимость перевода на вьетнамский язык «Поднятой целины» Шолохова, которая стала настольной книгой трудящихся, строящих социализм» (Шолохов М. Поднятая целина. Ханой, Культура, 1961).

[1] См.: Базаров И. История двух книг.— Литературная газета. 1951. 13 окт.

В «Поднятой целине» М. А. Шолохов дал высокохудожественное обобщение невиданного в истории решения проблем государственного масштаба — политических, правовых, социально-экономических, хозяйственно-административных, нравственных и других, выдвинутых будничной колхозной жизнью. Проблема ответственности коммуниста-руководителя и его взаимоотношения с народом, требование партии (в лице секретаря райкома Нестеренко) внимания к живому человеку с учетом его характера, способностей и стремлений, притча Шолохова о «чудинке», которую надо уметь видеть, знать и ценить в человеке, зарождение трудового соревнования, важность и ценность критики снизу — все эти и многие другие аспекты социалистического преображения деревни и ее тружеников приобрели благодаря «Поднятой целине» международное, политическое, педагогическое и нравственное значение.

Шолоховская эпопея «Поднятая целина» стала настоящей *энциклопедией опыта коллективизации* в Советском Союзе и поэтому повсеместно в странах, строящих социализм, была взята на вооружение коммунистическими и рабочими партиями и народами этих стран.

Вот как говорил об этом Первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт при вручении М. А. Шолохову «Большой золотой звезды дружбы народов»: «... Уже в трудные годы после свержения гитлеровского фашизма ваш роман «Поднятая целина» у многих читателей вызвал глубокие переживания... Сотни тысяч людей пытались найти в нем ответ на вопрос: «Что же делать дальше?» Они понимали, что смысл жизни состоит не в словесных проклятиях фашистскому прошлому и не в пассивном выжидании, а в борьбе за торжество достоинства и справедливости. Мы благодарны вам за то, что вы и ваши книги оказали на многих людей могучее влияние в духе социалистических идеалов и в духе борьбы за мир и социализм» («Нойес Дойчланд», 1964, май, № 26).

Первый секретарь ЦК Болгарской Компартии Тодор Живков в поздравлении Шолохову по случаю его 70-летия и награждения писателя орденом Георгия Димитрова, высоко оценив значение книг Шолохова в антицаристской и антифашистской борьбе коммунистов, подчеркнул, что «после победы социалистической революции в Болгарии «Тихий Дон» и «Поднятая целина» вошли в каждый наш дом, стали настольными книгами для всех нас и особенно для тех, кто распахивал болгарскую целину, чтобы первыми повернуть нашу родину на путь Советского Союза» («Литературен фронт», 1975, 29 мая).

К сказанному можно добавить, что в 70-е годы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» переведены и изданы в Турции и Греции, в Сирии и Ливане, в Египте и Иране, в Алжире и Канаде, в Австралии и Новой Зеландии, в Мексике и Уругвае, Португалии и Испании.

Кстати, присуждение М. А. Шолохову Нобелевской премии в 1965 году разбило цепи реакционной цензуры в Испании, Иране, Бразилии... В Мадриде и Барселоне три книжных фирмы десятью

тиражами издали «Тихий Дон» и «Поднятую целину». Барселонское издательство «Планета» в своей листовке-рекламе писало: «Шолохов сумел показать миру русского человека — донского казака, ввергнутого в великое историческое потрясение», и «он сделал это с точностью, с пониманием, как это умеют делать только гениальные художники», ибо «наступило новое время — большевизм, коллективизация, коммунизм — как последствия великого переворота, самого большого после введения христианства, как историческое изменение, которое представляет собой Октябрьская революция...»

1981 год для Китая знаменателен решительным поворотом на идейно-литературном фронте: в вузовские программы включено изучение творчества М. Горького, М. Шолохова, А. Фадеева, Н. Островского; издается собрание сочинений М. Горького в 30-ти томах; вновь изданы переводы «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Судьбы человека» М. Шолохова; в издательстве Пекинского университета вышел в свет большой том «Материалы по изучению Шолохова», содержащий как высказывания о творчестве писателя крупнейших художников слова — Роллана, Горького, Серафимовича, Фадеева, Федина, Зегерс,— так и работы советских шолоховедов — Л. Якименко, К. Приймы, Ф. Бирюкова и др.» (см.: Вопросы литературы, 1984, № 1, с. 100).

Роман «Поднятая целина» во всем мире продемонстрировал жизненность и силу метода социалистического реализма, оказав плодотворное воздействие на писателей в странах социализма, во всем мире и на миллионы читателей нашей планеты.

У нас и за рубежом созданы крупные исследования о величии и значении творчества М. А. Шолохова в истории советской и мировой литературы.

Выдающиеся современники — политические и общественные деятели, писатели, литературоведы - рассматривают «Тихий Дон» и «Поднятую целину», «Судьбу человека» и «Они сражались за Родину» М. А. Шолохова как классику социалистического реализма, как «послание надежды всем тем, кто в различных местах Земли ведет борьбу за свободу народных масс и независимость своей родины» (Хесус Фариа), как выражение великих идей гуманизма и Правды в беспокойном XX веке.

К. И. Прийма

ПЕТР ПЕРВЫЙ

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИРФОН»
ДУШАНБЕ
1976

показался высокий всадник на поджаром коне с мокрой гривой, у него плащ был мокрый, а со шляпы висели мокрые перья. Увидев Наталью Алексеевну, он соскочил с коня, бросив его — шагнул к окошку, снял шляпу, преклонил колено в траву и шляпу прижил к груди...

Наталья Алексеевна стремительно поднялась, толстая коса ее упала на шею, лицо вспыхнуло, все задрожало, засияли глаза, раскрылись губы...

— Гаврила! — сказала тихо.— Это ты? Здравствуй, батюшка мой... Так иди же в дом, чего на дожде-то стоишь...

Вслед за Гаврилой подъехала одноколка, рядом с кучером сидел востроносый испуганный человек, накрывшись от дождя мешком. Он тотчас снял шляпу, но не вылезал. Гаврила, не отрывая темных глаз от Натальи Алексеевны, приблизился к самой сирени.

— Здравствуй на множество лет,— сказал, будто задыхаясь.— Прибыл с поручением от государя... Привез тебе искусного живописца с наказом написать парсуну с некоторой любезной особы... Которого опосля надобно отослать за границу — учиться... Вон сидит в тележке... Дозволь с ним зайти...

Одного челядинца — верхом — Анисья Толстая послала в Кремль на сытный двор за всякими припасами к ужину и сладостями,— «да — свечей, свечей побольше!..» Другой поскакал в Немецкую слободу за музыкантами. Из трубы поварни повалил густой дым,— стриженые поварята застучали ножами. Подоткнутые девчонки бегали за цыплятами в мокром бурьяне. Дворцовые рыбаки, разленившиеся от безделья, пошли с вершами и сетями на пруды — ловить не менее ленивых карпов, полеживавших на боку в тине.

С заросших прудов после дождя закурился туман, заволок большой сгнивший мост, по которому никто уже больше не ходил, пополз между деревьями на луг перед дворцом, и старый дворец понемногу стал погружаться в него по самые кровли.

Старые люди, дворовые еще царя Алексея Михайловича, сидя у дверей поварни, у людской избы, глядели, как в затуманенном дворце в окошечках — то там, то там — появится и пропадет расплывающееся сияние свечи, слышится топот ног и хохот... Не дают старому дому покойно ветшать и догнивать, подставляя бревенчатые стены непогоде, худые крыши проливным дождям... И сюда ворвалась шалая молодость с новыми порядками... Бегают по лест-

СОДЕРЖАНИЕ

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ. *Роман* 3

БЕЗОТЦОВЩИНА. *Повесть* 263

РАССКАЗЫ

Жила-была семужка. *Северная быль* . . . 313
Последняя охота 340
Однажды осенью 362
Собачья гордость 374
В Питер за сарафаном 381
Сосновые дети 390

Н. Губко. Федор Абрамов 413

ФЕДОР АБРАМОВ

Имя Федора Абрамова стало широко известно в литературе в 1958 году, когда появилось первое его художественное произведение — роман «Братья и сестры». О писателе заговорили как о зрелом мастере, без скидки на литературную молодость. Широта мысли, самобытность языка и стиля рома заставляли предполагать у автора немалый жизненный и литературный опыт.

Родился Федор Александрович Абрамов в 1920 году в деревне Веркола Архангельской области, в многодетной крестьянской семье. Ему было немногим больше двух лет, когда умер отец и все заботы о семье взяла на себя мать, сумевшая вырастить и поставить на ноги шестерых детей. Затем школа, университет... Студентом третьего курса Федор Абрамов идет добровольно на фронт. Тяжелое ранение, госпиталь в блокадном Ленинграде, эвакуация, снова армия. Уже после войны — окончание университета, ученая степень кандидата филологических наук, заведование ка-

[illegible] советской литературы, преподавательская и литературно-критическая деятельность.

Художественное творчество Абрамова началось в годы нового общественного подъема, вызванного XX съездом партии. Идеи съезда глубоко проникли в искусство. В литературу пришли молодые талантливые писатели. Конечно, в общем литературном потоке было немало противоречивого и незрелого. В запальчивом стремлении к внешней новизне иные молодые писатели не всегда дорожили великим опытом литературы, пренебрегали мудростью старших мастеров. Многие из них нередко терялись перед сложными вопросами времени. Но бурное развитие талантов, общий подъем идейно-художественного мастерства — едва ли не самые характерные особенности литературы в эти годы.

Высокая оценка первого произведения Абрамова читателями и критикой была не случайной. Роман «Братья и сестры» оказался значителен не только своей темой. Жизнь в годы войны затерявшейся в архангельских [illegible] Пекашино стала близкой нам потому, что [illegible] в романе глубоко современной мысли. [illegible] книг, появившихся после XX съезда партии, — мы [illegible] о нравственных, гуманистических основах народного подвига. Писатель отстранился от внешних, формальных поисков, которые [illegible] считаются непременным признаком новизны, и обратился к [illegible] русской прозы XIX века. Они прежде всего в самом подходе к теме, в стремлении исследовать жизнь во всех подробностях, заглянуть в глубину человеческих характеров. Поэтому так внимателен писатель ко всему, чем живет человек и что его окружает.

Введение к книге, написанное в форме воспоминаний, предполагает как будто спокойное, последовательное изложение событий. Простой деревянный стол на дальних сенокосах, на котором крестьяне села Пекашина оставляли на память свои подписи и фамильные знаки, пробуждает у писателя мысли о 1942 годе, когда «потом и слезами» были омыты здешние сенокосы... «Вот два давнишних, полуискрошившихся крестика, вправленных в веночки из листьев. Должно быть, когда-то в Пекашине жил парень или мужик, который и букв-то не знал, а вот поди ж ты — сказалась душа художника». И каких только знаков здесь не было! О них, об этих людях, прошедших по здешней земле, и обещает рассказать писатель, приоткрывая одну из самых героических страниц «деревянной летописи Пекашина».

Но чем дальше, тем драматичнее и напряженнее становится действие романа, и всё отчетливее прорывается сквозь внешние

бесстрастную, летописную манеру изложения голос писателя, рассказывающего о времени, когда многие не дождались своих кормильцев, когда «всю ночь звенели, стучали лопаты, хрипели, надрываясь, в упряжке бабы, бились в постромках худые, очумелые коровенки. Ребятишки — зеленые помощнички — жгли костры, пекли проросшую картошку, а днем сидя засыпали за партой».

В романе нет сюжета в привычном значении этого слова. Каждая глава представляет собой законченный эпизод. Многие действующие лица появляются однажды и исчезают. И вместе с тем роман «Братья и сестры» — единое художественное целое; самобытность отношения автора к теме, удивленного и восхищенного открывшейся ему нравственной красотой человека, создает художественное единство внешне независимых друг от друга картин, судеб, характеров.

При внешней сдержанности и даже суровости общего тона повествования роман внутренне глубоко драматичен. Это достигается не столько описанием трагических событий, сколько психологической достоверностью характеров.

Семья Пряслиных... Когда-то Анну Пряслину с безобидной завистью прозвали пекашницы Анкой Куколкой за ее беззаботный, веселый нрав, за редкую счастливую жизнь в замужестве. Беспомощной и растерянной чувствует она себя после гибели мужа. Через многие нравственные испытания предстоит ей пройти, прежде чем она обретет мужество, станет опорой своих шестерых детей... Мишка Пряслин — четырнадцатилетний подросток. Веселый, живой, насмешник и озорник, охваченный наивными романтическими мечтами о необыкновенных военных подвигах. Ему посвящены самые поэтичные страницы романа. Как рано пришлось ему повзрослеть, чтобы взять на себя мужскую, отцовскую заботу об осиротевшей семье...

Гордость, человеческое достоинство, готовность к подвигу открылись писателю в самой обычной жизни. Именно это определило его особое, поэтическое мироощущение. В романе ожили люди, быт, язык русской северной деревни. Язык романа глубоко народен. Образное, народное слово появляется в романе не для украшения — оно органично для всего художественного строя произведения. Причем в языке Абрамова мало специфически крестьянского, диалектного. Северный колорит присутствует в необходимой и тонкой дозировке... Характерная деталь: северный крестьянин называл только ближние к дому земли «Русью»; слишком дорогой ценой, замечает писатель, доставались дальние сенокосы, чтобы называть их дорогим именем «Русь».

Абрамов обладает редким даром речевой характерности. Как не узнать, например, деревенскую обольстительницу, бойкую, разбитную, ловкую в работе Варвару Иняхину по самому складу ее речи: «Марфушка!.. телом-то, телом пособляй! На что тебе бог тело дал? Вот глупая!.. Вишь ведь, вишь ведь, та хитрюга — всем телом водит, а эта медведица — прет, хоть золото рассыпь — не наклонится». Или Трофима Лобанова, золотого работника, известного всем пекашинцам добряка и задиры, с его характерной простодушной хвастливостью: «Скажи, чтобы новую доску заказали. На старой... для Трохи места мало!», «Ты не больно... У Трохи три штыка на фронте...»

А что стоят поэтичные, образные названия деревень и их окрестностей — Медвежья зыбка, Оленькина гарь, Калинкина пустошь, Евдохин камешник, за которыми часто ощущалась горечь работяги, обманувшегося в своих надеждах.

Все горькое и радостное, что происходило в Пекашине во время войны, объединило людей — они стали братьями и сестрами перед лицом общей беды. Однако проявлялось это чувство у каждого по-своему, неповторимо. Социально-психологическая характеристика русского крестьянина дополняется углубленным вниманием к его индивидуальному, духовному миру. Поэтому такие разные, так непохожи друг на друга герои Абрамова. Но общее в них — высокое душевное благородство: самые самоотверженные и мужественные поступки они совершают просто, обыденно, как ни в чем не бывало, не думая о мере своих испытаний, не требуя за них награды.

Необычна и печальна жизнь Марфы Репишной. Сильная, умная, работящая, она против воли вышла замуж за жалкого, ничтожного человека — «пойдешь, воля не своя». Но она ревниво оберегала достоинство нелюбимого мужа — «перед людьми срамить не хотела», а когда ему грозила тюрьма за растрату, «все начисто продала, в последней рубахе осталась, — только бы от решетки его спасти».

...И умирают такие люди, как и живут, просто и величественно.

«Ты бы шел куда, Степа. Я ведь что — лежу... Да сколько-нибудь веников бы принес. Может, еще лист держится, а то как не у людей — не с чем в баню сходить», — уговаривает мужа, накануне своей смерти, скошенная горем старая Макаровна.

Писатель чуждается ярких красок и возвышенных слов, хотя это и трудно в произведении, где много героизма и человеческого горя. Даже в самых драматичных сценах писатель остается верен избранной интонации — интонации неторопливого и серьезного раздумья.

Лукашин — один из героев романа (ему автор доверяет многие свои мысли), с удивлением и любовью открывает новое, необычное в давно знакомых ему людях. Совсем иным, чем прежде, представляется ему Степан Андреянович Ставров... Сложно переплелись в его душе собственнические предрассудки с порывами благородной натуры. Степан Андреянович — человек крутого нрава, он бывает несправедлив, упрям и даже жесток. И в то же время для него характерно углубленное, самостоятельное мышление и прочно вошедшие в его жизнь народные понятия о правде и совести.

Сколько раз мы читали о преодолении власти собственности в душе крестьянина-труженика. Но эта традиционная тема углубляется в романе размышлениями о необходимости бережного отношения к отстоявшимся веками нравственным устоям народной жизни. Жизнь — непрерывна. Как важно уметь отделить в духовном опыте прошлого действительно старое и отжившее от того, что составляет истинную и прекрасную основу будущего. И как опасно грубое разрушение нравственного мира и устоявшихся традиций в угоду догматическому пониманию книжных истин.

Именно так поступает председатель пекашинского колхоза Лихачев. О нем в романе сказано немного. Но что может быть выразительнее короткой реплики одной из колхозниц: «бригадиров по номерам кличешь, а мы лошадей по имени зовем». Громкие фразы и громовые слова заменяют Лихачеву знание жизни, скрывают пустоту и заносчивую самонадеянность. Такие люди любят пророчествовать, но бегут истинного знания. А если нет знания, — всякое действие бесплодно или вредно. Они становятся особенно опасными, если обладают властью. Вот почему принципиальный смысл имеет в романе Абрамова победа подлинного коммуниста-руководителя Лукашина в его конфликте с Лихачевым.

Лукашин понял существо народного подвига. Подвига, соединившего в себе глубинный духовный опыт прошлого и то новое, что внесли в этот опыт годы революции и социализма. «Другая, великая, неведомого доселе размаху сила двигала людьми. Она, эта сила, поднимала с лежанок дряхлых стариков и старух, заставляла женщин от зари до зари надрываться на лугу. Она, эта сила, делала подростков мужчинами, заглушала голодный крик ребенка, и она же, эта сила, привела Анфису в партию...»

Интерес к лучшим проявлениям человеческой натуры остается неизменным и в других произведениях Федора Абрамова. Именно этим определяется нравственно-художественная основа его таланта.

Тревога за творческое, гуманное отношение к жизни, к земле, к людям составляет содержание одного из самых значительных

после романа «Братья и сестры» произведений Абрамова — повести «Безотцовщина». Эта повесть большого общественного содержания, останавливающая наше внимание на еще не преодоленных до конца противоречиях и бедах деревенской колхозной жизни. Она пронизана непримиримостью к равнодушию и безответственности («безотцовщине») по отношению к общему делу. Образ пятнадцатилетнего подростка Володьки, разгильдяя и забияки, почувствовавшего и осознавшего радость труда и человеческого доверия, — большая творческая удача писателя.

Чаще всего мы встречаем человека в произведениях Абрамова в расцвете его лучших духовных сил.

...Украшает землю редкими деревьями и цветами Игорь Чарнасов, мечтающий о «зеленой революции» («Сосновые дети»), покоряет окружающих ее людей внешне невзрачная, но обаятельная своим душевным богатством и доверием к жизни Шура («Однажды осенью»), возрождается к жизни, одержав нелегкую победу над самим собой, отчаявшийся было Матвей Лысцев («Последняя охота»). Но торжество истинного и прекрасного в человеке дается нередко дорогой ценой. Тяжкими страданьями потрясенной совести платит Егор Тыркасов за совершенную им жестокость («Собачья гордость»), в столкновении с грубой и тупой силой гибнет Красавка («Жила-была семужка»).

Талант Абрамова гуманистичен по самой своей сути: писателю дорога мысль о ценности, неповторимости каждой отдельной жизни, о незабываемом благородном следе, который должен оставить после себя человек на земле... Хотя бы такую, едва заметную тропинку, которую проложила некогда четырнадцатилетняя пинежская девчушка, прошедшая пешком свыше полутора тысяч километров в поисках счастья. Ее хождение — как сказка, осталось в памяти людей («В Питер за сарафаном»).

Творчество Абрамова — серьезное достижение литературы последнего десятилетия. Немногим писателям выпадает на долю уловить суть и требования времени и способствовать знанию о жизни и человеке. Федор Абрамов принадлежит к их числу.

Н. Губко

50
268875
1085

СЕСТРЫ
ЩИНА

18/XI 1965 г.
ечати 26/II
№ 2 84×
еч. л.=22,05
д. л. 21,603+
аж 75 000 экз.
82 к. Изда-
твенная ли-
адское отде-
д. Невский
кая тип. № 2
Соколовой
Комитета
вете Мини-
овский про-

II (Англ.)
С80

Текст печатается по изданию:
Стивенсон Р. Л. Остров сокровищ.
Черная стрела. — М.: Правда, 1981

4803020000—48
142(01)—85
—85 © Дальневосточное книжное издательство, оформл., 198

МОЯ ПЕРВАЯ КНИГА
«ОСТРОВ СОКРОВИЩ»

В сущности, это была вовсе не первая моя книга, ведь я пишу не только романы. Однако я прекрасно понимаю, что мой казначей, его величество читатель, на все прочее, написанное мною, взирает равнодушно, чтоб не сказать неприязненно. Он признает меня не иначе, как в моем единственно привычном и незыблемом качестве; и когда меня просят рассказать о первой моей книге, совершенно очевидно, что подразумевается мой первый роман.

Рано или поздно мне суждено было написать роман. Почему? Праздный вопрос. Люди появляются на свет с различными странностями, — с юных лет моей страстью было придумывать и связывать воедино несуществующие события; едва я обучился писать, как стал верным другом тех, кто делает бумагу. Бессчетные кипы ушли, должно быть, на «Ратиллета», «Пентландское восстание»[1], «Королевскую амнистию» (иначе: «Парк Уайтхед»), «Эдварда Даррена», «Контрданс» и «Западную вендетту»; утешительно вспоминать, что все они ныне обратились в пепел и преданы матери-земле.

Я назвал только немногие из бессчетных своих опытов, а именно те, которые достигли солидного объема, прежде чем были отринуты; но даже и они заняли долгие годы. «Ратиллет» был начат, когда мне было пятнадцать, «Вендетта» — в двадцать девять, и неудачи тянулись непрерывной чередою, пока мне не исполнился тридцать один год. К этому времени я успел стать автором небольших книжечек, коротеньких эссе, рассказов: меня похлопывали по плечу и платили, но слишком мало, чтоб на то прожить. Я составил себе имя. Я попал в разряд преуспевающих. Я проводил дни свои в трудах, тщетность которых порою заставляла меня краснеть, ибо я, взрослый мужчина, отдавал этому делу все силы и все-таки не мог заработать на жизнь; и по-прежнему сияла предо мною неосуществленная мечта. Раз десять, а то и больше принимался я за дело, притом весьма горячо, и все-таки еще не написал романа. Все-все они, мои красавчики, какое-то время подвигались вперед, а потом вдруг останавливались, неминуемо, как часы у школьника. Я походил на многоопытного игрока в крикет, который, однако же, ни разу не выиграл ни одной партии. Рассказ — я хочу сказать, плохой рассказ — может написать всякий, у кого есть усердие, бумага и досуг, но далеко не всякому дано написать роман, хотя бы и плохой. Размеры — вот что убивает. Признанный романист может позволить себе начать книгу, затем отложить ее, потратить не один день впустую, написать и тотчас с легкой душой вымарать написанное. Иное дело новичок. У человеческой природы есть свои законы; чувство самосохранения не позволит человеку (если только его не об-

---

[1] Ne pas confondre. Не ту тоненькую брошюрку с именем Эндрю Элиота на титульном листе, которую (как я с изумлением вижу по книжным реестрам) английские господа согласны покупать по баснословной цене, — но предшественника ее, объемистый исторический роман без тени каких-либо достоинств, ныне ввергнутый в небытие. (*Прим. автора.*)

надеживает, не воодушевляет ранее одержанная победа) терпеть муки бесплодных писательских усилий дольше двух-трех недель. Что-то должно питать его надежду. Даже чтоб взяться за перо, нужно счастливое наитие, удачная полоса, одна из тех минут, когда слова сами собой идут на ум и складываются в предложение. А раз начав, с таким душевным трепетом глядишь вперед, пока не кончена книга! Удержится ли счастливое наитие, удачная полоса; сумеешь ли сохранить единый стиль, останутся ли твои куклы живыми, естественными, выразительными?.. Помнится, я в те дни смотрел на всякий роман в трех томах с неким благоговением, как на подвиг, пусть даже не литературный, но, во всяком случае, подвиг физической и нравственной выносливости и отваги, достойной Аякса.

В тот знаменательный год я приехал погостить к своим родителям в Киннерд, над Питлохри. Я бродил по рыжим торфяникам, по берегам золотистого ручья. Первозданный, чистый воздух родимых гор вселял в нас если не вдохновение, то воодушевление, и мы с женой задумали написать вдвоем книгу рассказов о домовых и лешах, для которой ею написана была «Тень на постели», а мною — «Окаянная Дженет» и первоначальный вариант «Веселых Молодцов». Я люблю воздух родины, но без взаимности; и завершилось это блаженное время простудой, шпанскою мушкой и переселением в бремерский Каслтон через Стретэрди и Гленши. Там дули ветры и соответственно лили дожди. Воздух на моей родине злее неблагодарности людской, и я был принужден значительную часть времени проводить в четырех стенах «дома покойной мисс Макгрегор» — так зловеще именовалось мое жилище. А теперь полюбуйтесь, что вытворяет провидение! В дом покойной мисс Макгрегор приехал на каникулы школьник, который жаждал найти себе какое-нибудь занятие, чтоб было над чем поломать голову. О сочинительстве он не помышлял; он отдал мимолетное свое предпочтение искусству Рафаэля и с помощью пера, чернил и коробки акварельных красок, купленной за один шиллинг, он живо обратил одну из комнат в картинную галерею. Моею непосредственной обязанностью было принимать в галерее посетителей; порою, однако, я позволял себе снизойти с моих высот, встать (образно говоря) рядом с художником у мольберта и провести полдня в благородном соперничестве с ним, малюя картинки. Так однажды я начертил карту острова; она была старательно и (на мой взгляд) красиво раскрашена; изгибы ее необычайно увлекли мое воображение; здесь были бухточки, которые меня пленяли, как сонеты. И с бездумностью обреченного я нарек свое творенье «Островом Сокровищ». Я слышал, бывают люди, для которых карты ничего не значат, но не могу себе этого представить! Имена, очертания лесов, направление дорог и рек, доисторические следы человека, и ныне четко различимые в горах и долах, мельницы и развалины, водоемы и переправы, какой-нибудь «Стоячий валун» или «Кольцо друид» посреди вересковой пустоши — вот неисчерпаемый кладезь для всякого, у кого есть глаза и хоть на грош воображения. Кто не помнит, как ребенком зарывался лицом в траву, вглядывался в дебри этого крохотного леса и видел, как они наполняются волшебными полчищами!

То же примерно произошло со мной, когда я уронил задумчивый взгляд на карту своего «Острова Сокровищ» и средь придуманных лесов зашевелились герои моей будущей книги. Загорелые лица их и сверкающее оружие высовывались из самых неожиданных мест; они сновали туда и сюда, сражались и искали сокровища на нескольких квадратных дюймах плотной бумаги. Я не успел опомниться, как передо мною очутился чистый лист, и я составлял перечень глав. Сколько раз уже было так, и на том дело кончалось! Правда,

здесь кое-что сулило удачу. Это будет книга для мальчишек: стало быть, не потребуется ни психологии, ни изощрений в стиле; а тут и мальчик был под боком, чтоб послужить мне пробным камнем. Женщин не будет. С бригом (а «Испаньоле» по-настоящему полагалось быть бригом) мне было не управиться, но я полагал, что сумею избежать публичного позора, если пущусь в плавание на шхуне. К тому же мне пришла в голову одна мысль насчет Джона Сильвера, которая обещала доставить немало забавных минут: взять одного своего приятеля, которого я очень любил и уважал (читатель, очень может статься, знает и любит его не меньше моего), откинуть его утонченность и все достоинства высшего порядка, ничего ему не оставить, кроме его силы, храбрости, сметливости и непотребимой общительности, и попытаться найти им воплощение где-то на уровне, доступном неотесанному мореходу. Подобного рода психологическая хирургия, я думаю, — достаточно распространенный способ «создания образа»; пожалуй, даже и единственный. Можно вставить в книгу занятного прохожего, с которым перекинулся накануне десятком фраз на улице, но что мы о нем знаем? Друга во всем бескрайнем многообразии и переменчивости его натуры мы знаем, но можем ли мы вставить его в книгу? Первого должно наделить побочными, надуманными качествами, возможно, вовсе ему не свойственными; от второго надо отсечь и отбросить ненужные нам ответвления его личности; зато по крайней мере мы можем быть уверены, что ствол и немногие оставшиеся ветви нас не подведут.

Промозглым сентябрьским утром — веселый огонек горел в камине, дождь барабанил в оконное стекло — я начал «Судового повара» — так сперва назывался роман. Я начинал (и кончил) много книг на своем веку, но не припомню, чтобы хоть за одну из них садился в столь безмятежном расположении духа. Оно и неудивительно: недаром говорится, что краденое яблочко всегда слаще. Я вынужден коснуться сейчас щекотливого предмета. Да, несомненно, попугай принадлежал когда-то Робинзону Крузо. Да, скелет, несомненно, заимствован у По. Но не они меня тревожат: это все мелочи, ничтожные пустяки; никому не позволено присваивать себе исключительное право на скелеты или объявлять себя единовластным хозяином всех говорящих птиц. Частокол, как утверждают, взят из «Мичмана Риди». Пусть так, мне совершенно все равно. Достойные писатели эти лишь оправдали слова поэта: удалясь, они оставили после себя

Следы на вечности песках,
Следы, по коим, может быть, другой... —

вот я и оказался тем другим! Нет, мою совесть мучит лишь долг перед Вашингтоном Ирвингом, и не напрасно, ибо, по-моему, не часто встретишь столь очевидный плагиат. Несколько лет назад в поисках чего-нибудь подходящего для антологии прозы случилось мне открыть «Рассказы путешественника», и вдруг строчки заплясали у меня перед глазами. Билли Бонс, его сундук, общество, собравшееся в трактире, весь внутренний дух и изрядная доля существенных подробностей первых моих глав — все было тут, и все было собственностью Вашингтона Ирвинга. Но в те часы, когда в приливе вдохновения, несколько заземленного, пожалуй, я сидел у камелька и писал, я не догадывался об этом; не догадывался и потом, когда день за днем после второго завтрака читал в кругу семьи то, что написал за утро. Все это мне казалось первородным, как грех; все принадлежало мне столь же неоспоримо, как мой правый глаз. Я рассчитывал, что слушать будет один школьник; я обнаружил, что их два. Отец мой загорелся тотчас всею силой своей романтической, ребячливой и само-

бытной души. Ведь и его собственные истории, которые он каждый вечер рассказывал себе на сон грядущий, все неизменно были о парусниках, придорожных кабачках, разбойниках, старых матросах и бродячих торговцах тех времен, когда на свете не было еще паровой машины. Он ни одной из них не досказал до конца — счастливец, ему в том не было нужды! Но в «Острове Сокровищ» он учуял нечто родственное ему по духу; это была его стихия; мало того, что он каждый день выслушивал с восторгом новую главу, он стал моим рьяным сотрудником. Когда настало время перерыть сундук Билли Бонса, он чуть не целый день просидел, составляя на конверте делового письма опись его содержимого, которой я неукоснительно придерживался, и это по его настоятельной просьбе «старый корабль Флинта» был окрещен «Моржом». А тут словно Deus ex machina, к нам нагрянул — кто бы вы думали? Сам доктор Джэпп — нежданно-негаданно, подобно переодетому принцу, которому назначено под занавес, в последнем действии, принести мир и благоденствие, он приехал и привез в кармане — не рог изобилия, не талисман, а издателя: старинный друг мой мистер Гендерсон, оказывается, поручил подыскать новых авторов для юношеского журнала «Янг Фолкс». Навязать нашему гостю жалкие огрызки «Судового повара» было бы столь крайней мерой, что на нее не отважилось даже беспощадное в своей сплоченности семейство, а между тем мы и мысли не допускали о том, чтоб приостановить наши чтения, и потому ради доктора Джэппа повесть была вновь торжественно перечитана сначала. С того самого мгновения и по сей день я высоко ценю его критический дар, ибо, покидая нас, он увозил рукопись в чемодане.

Итак, у меня было все, что нужно, чтоб поддержать во мне бодрость духа: сочувствие, помощь, а теперь еще и твердая договоренность с издателем. Мною был избран к тому же очень легкий стиль. Сопоставьте его с «Веселыми Молодцами», написанными почти одновременно; кто-то отдаст предпочтение одному стилю, кто-то другому — это дело вкуса, настроения, пожалуй, но никакой ценитель не может не заметить, что один соблюдать труднее, другой — гораздо легче. Казалось бы, ты зрелый, опытный литератор, пиши себе свой «Остров Сокровищ» по столько-то страниц в день и живи припеваючи! Но увы! Мне суждено было иное. Пятнадцать дней я держался и сделал пятнадцать глав; но потом, на первых же абзацах шестнадцатой, позорно споткнулся. Уста мои были немы; в груди — ни слова более для «Острова Сокровищ», а в гостинице «Рука и копье» меня уже дожидались гранки первых глав! Там я и правил их, живя большею частью один, разгуливая росными осенними утрами по вересковой пустоши за Вейбриджем, изрядно довольный тем, что мною сделано, и невыразимо подавленный тем, что еще сделать предстоит.

Мне минул тридцать один год, я был глава семейства; я успел лишиться здоровья; я еще никогда не жил без долгов, ни разу не доводилось мне заработать двести фунтов в год; совсем недавно отец мой выкупил у издателя мою книгу и погасил неустойку; неужто и этой суждено стать еще одной, последней неудачей? По правде сказать, я был близок к отчаянию; однако стиснул зубы и нашел в себе достаточно решимости, чтобы по пути в Давос, где мне предстояло провести зиму, думать о другом и с головою погрузиться в романы мсье дю Буагобэ. Прибыв на место, сел я как-то утром за неоконченную книгу, и — о диво! — слова так и полились, точно в пустой, незначащей беседе; и на второй волне счастливого вдохновения, вновь подвигаясь с каждым днем на целую главу, я закончил «Остров Сокровищ». Силою обстоятельств совершалось это едва ли не тайком. Жена моя была больна, в рядах приспешников остался только школь-

ник, а Джон Аддингтон Саймондс (которому я робко заикнулся о том, чем занимаюсь) косился на меня с неодобрением. Ему в ту пору очень хотелось, чтобы я писал о «Характерах» Теофраста — столь ошибочны бывают порой суждения разумнейших из людей. Впрочем, Саймондс, правду сказать, едва ли подходил для роли наперсника, способного сочувственно отнестись к книге для мальчишек. Это был человек широких взглядов, большой книгочей, однако уже сама затея моя должна была навести его на мысль о сделках с искренностью и погрешностях в стиле. Что ж, он был недалек от истины.

«Остров Сокровищ» — первоначальное заглавие «Судовой повар» было отвергнуто мистером Гендерсоном — надлежащим образом вышел в журнале, затерялся на его малопочтенных полосах без всяких иллюстраций и не привлек ни малейшего внимания. Мне было все равно. Самому мне эта вещь нравилась и в основном по той же причине, по какой моему отцу понравилось начало, это была моя стихия. К тому же я немало гордился Джоном Сильвером, мне и поныне внушает своеобразное восхищение этот велеречивый и опасный авантюрист. И, что тысячу раз замечательней, я перешел Рубикон: я завершил повествование и написал на своей рукописи слово «Конец», чего со мной не случалось со времени «Пентландского восстания», когда я был шестнадцатилетним юнцом, еще не поступившим в колледж. Правду сказать, все объяснялось счастливым стечением обстоятельств: если бы не приехал доктор Джэпп и если бы сама повесть не шла с такой небывалой легкостью, она, как и ее предшественники, была бы отложена и, никем не оплаканная, угодила бы в огонь. Пуристы могут возразить, что это было бы только к лучшему. Я с ними не соглашусь. Книга как будто доставила людям много удовольствия и добыла (или послужила средством добыть) тепло, еду, вино одному достойному семейству, в котором я принимал живое участие. Надо ли говорить, что я имею в виду свое собственное семейство.

Однако перипетии с «Островом Сокровищ» тем не исчерпались. Я его написал по карте. Собственно говоря, карта отчасти породила фабулу. Так, например, я дал одному островку имя «Остров Скелета», не зная хорошенько, для чего, попросту ради колорита, а уже чтобы оправдать это название, я вломился в сокровищницу мистера По и украл указательную стрелу Флинта. Подобным же образом «Испаньола» отправилась в свои скитания с Израэлем Хендсом лишь потому, что я нанес на карту две бухточки. Со временем решено было переиздать роман, и я отослал рукопись, а вместе с ней и карту издательской фирме «Кесселл». Пришли гранки, я держал корректуру, но о карте не было ни слуху ни духу. Я написал, спрашивая, что случилось; мне сообщили, что карты никакой не получали. У меня просто ноги подкосились. Одно дело — нарисовать карту как придется, поставить в уголке масштаб наудачу и применительно к этому сочинить историю. Совсем другое дело — досконально обследовать всю книгу, составить перечень всех имеющихся в ней ссылок на те или иные места и, вооружившись циркулем, старательно подогнать под них карту. Я все это проделал, и карта была нарисована заново в рабочей комнате моего отца, украшена китами, пускающими фонтанчики, и корабликами с раздутыми парусами; а тут еще отец использовал свое умение писать разными почерками и мастерски «подделал» подпись капитана Флинта и путевые указания Билли Бонса. И все же для меня новая карта так и не стала почему-то «Островом Сокровищ».

Я сказал, что карта отчасти породила фабулу. Я мог бы сказать, пожалуй, что она и была фабулой. Какие-то застрявшие в памяти места из книг Эдгара По, Дефо и Вашингтона Ирвинга, экземпляр джонсоновских «Пиратов», название «Сундук мертвеца» из книги

Кингсли «Наконец», обрывки воспоминаний о лодочных прогулках в открытом море, о плавании на яхте водоизмещением в пятнадцать тонн и, наконец, сама карта с ее бессчетными красноречивыми подсказками воображению — вот и все мои источники. Не часто, может быть, карте отводится такое знаменательное место в книге; и все-таки она всегда важна. Писатель должен знать свою округу — будь она настоящей или вымышленной — как свои пять пальцев; расстояния, деления компаса, сторону, где восходит солнце, поведение луны — все должно быть безупречно. А сколько хлопот с одной луной! Я уж раз сел в лужу из-за луны в «Принце Отто» и, после того как мне указали мою оплошность, в виде предосторожности взял себе за правило никогда не писать без лунного календаря, что и другим советую. Имея календарь, карту местности и план каждого дома — на бумаге ли или четко и подробно удержанный в уме, — можно надеяться, что избежишь хотя бы самых грубых ошибок. С раскрытой картой перед глазами едва ли разрешишь солнцу сесть на востоке, как это происходит в «Антикварии». Имея под рукой календарь, не позволишь двум всадникам, которые скачут с важным поручением, потратить шесть суток (с трех часов ночи в понедельник до поздней ночи в субботу) на путь длиною, скажем, в девяносто или сто миль, а потом еще до истечения недели и все на тех же скакунах проделать пятьдесят миль за день, как о том пространно повествуется в неподражаемом романе «Роб Рой». Да, таких ляпсусов лучше, конечно, хоть и вовсе не обязательно, избегать. Впрочем, мое убеждение — суеверное, если угодно, — что всякий, кто неукоснительно повинуется своей карте, сверяется с нею, черпает в ней вдохновение ежедневно, ежечасно, получит надежную поддержку и, стало быть, не только оградит себя от досадных случайностей, а еще и останется в выигрыше. Повесть уходит в карту корнями, растет на ее почве, у нее есть где-то, помимо слов, свой собственный костяк. Лучше, чтобы все происходило в настоящей стране и вы ее прошли из края в край и знаете в ней каждый камешек. Но даже когда речь идет о вымышленных местах, тоже не мешает сначала запастись картой. Вы вглядываетесь в нее, и возникают какие-то новые связи, о которых вы прежде и не подозревали. Вы обнаружите очевидные, хотя и непредвиденные тропинки для ваших гонцов, и даже когда карта не составляет всей фабулы, как в «Острове Сокровищ», она всегда сумеет дать богатую пищу уму.

Роберт Луис Стивенсон

СОДЕРЖАНИЕ

М. Соколова. «...Человек с большим и сильным сердцем...» . . 5

Чудная 27
Сон Макара 45
Слепой музыкант 75
Река играет 206
Мгновение 236
Огоньки 247

Комментарии 249

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Владимир Галактионович Короленко

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ

Ответственный редактор Н. Е. Приймa.
Художественный редактор В. П. Дроздов.
Технические редакторы Т. Д. Раткович
и Т. С. Тихомирова.
Корректоры Л. А. Бочкарёва и Е. С. Петрова.

ИБ № 7387

Сдано в набор 06.01.84. Подписано к печати 18.06.84. Формат 84×108¹/₃₂. Шрифт обыкновенный новый. Печать высокая. Бумага книжно-журнальная № 2. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,86. Уч.-изд. л. 13,17. Тираж 300 000 экз. (2-й завод 150 001—300 000 экз.). Заказ № 3584. Цена 60 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Короленко В. Г.

К68 Повести, рассказы/ Сост., вступ. ст. и коммент. М. Соколовой; Рис. О. Рытман.— Переизд.— Л.: Дет. лит., 1984.— 255 с., ил. (Школьная б-ка.)

В пер.: 60 коп.

В книгу вошли «Чудная», «Сон Макара», «Слепой музыкант» и другие произведения. Комментированное издание.

К $\frac{4803010101-164}{М101(03)-84}$ 162—84

Р1

Р1
К68

Текст печатается по изданию:
В. Г. Короленко. Собрание сочинений
в 5-ти томах. Т. 1.
М., Молодая гвардия, 1960—1961

Составление, вступительная статья и комментарии
М. Соколовой

Рисунки О. Рытман

© Составление, вступительная статья, комментарии, иллюстрации.
Издательство «Детская литература», 1981 г.

© Оформление.
Издательство «Детская литература», 1984 г.

К $\frac{4803010101-164}{М101(03)-84}$ 162—84

«...ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШИМ И СИЛЬНЫМ СЕРДЦЕМ...»

Так назвал А. М. Горький замечательного русского писателя, публициста и общественного деятеля Владимира Галактионовича Короленко. «Дорог человек, дорога его свобода, его возможное на земле счастье»,— писал Короленко, и для него это были не слова. Это было то, во что он страстно верил, к чему стремился, за что боролся, чему отдал всю свою жизнь.

Короленко родился 15 июля (27 июля по новому стилю) 1853 года на Украине, в городе Житомире. Мальчик рос в трудолюбивой семье, в атмосфере любви, внимания и взаимного уважения. Отец — уездный судья, прямой, строгий, преданный своему делу человек — сумел сохранить при своей нелегкой в то время должности кристальную честность, бескорыстность и неподкупность. Писатель вспоминал впоследствии, как отец отказывался принимать даже самые мелкие подарки, приносимые в знак благодарности «по освященному веками обычаю», и бесцеремонно прогонял изумленных посетителей. В характере матери сочетались доброта и чуткость, мужество и преданность. Родители примером своей жизни воспитывали в сыне лучшие человеческие качества.

Однако очень скоро мальчик увидел и темные стороны жизни. Он столкнулся со злом и несправедливостью, социальным неравенством и жестокостью. Так, описывая в «Истории моего современника» свое детство, писатель вспоминал о том, какое глубокое впечатление оставило у него шоссе, проходившее вблизи дома, по которому двигались похоронные процессии, прогоняли солдат, каторжников, арестантов, шедших по этапу. «По длинному прямому шоссе двигалось и в город, и из города много

интересного, нового, иногда страшного...»[1] Мальчик напряженно всматривался в пеструю жизнь провинциального города, и постепенно его охватывало неясное ощущение чего-то «огромного, тяжелого, тревожного».

Жизнь, ослепительно яркая, полная острых впечатлений, врывается в душу ребенка. С детских лет будущий писатель обладал исключительной способностью тонко воспринимать поэтическую красоту и величие природы. Зачарованный, слушал он шум деревьев в сосновом лесу, часами наблюдал синюю бездну неба, любовался бесчисленным количеством далеких и таинственных звезд. Он жадно впитывал рассказы старой няньки о былых временах, с наслаждением слушал украинские и русские народные мелодии, которые пел кучер, дружил с крепостным «купленным» мальчиком. Особое впечатление производят на него воспоминания о крестьянских бунтах, о повстанцах-гайдамаках, рассказы о «вольной-волюшке» и борцах за народное счастье.

В маленьком городке Ровно, куда переехала семья, Короленко поступает в реальную гимназию. Гнетущая обстановка, царившая в то время в учебных заведениях (наказания, доносы, обыски), не могла заглушить в юноше рано проснувшуюся жажду знаний. Короленко знакомится с произведениями русской классики, которые раскрыли перед ним целый мир, прекрасный и увлекательный. «Каждый урок словесности являлся светлым промежутком на тусклом фоне обязательной гимназической рутины, часом отдыха, наслаждения, неожиданных и ярких впечатлений»[2],— вспоминал он. Юноша увлекается Некрасовым, Островским, Гончаровым, Тургеневым, изучает работы великих критиков-демократов — Белинского, Добролюбова, которого впоследствии назовет своим «первым и главным учителем». Русские писатели-реалисты воспитали в юном Короленко любовь к своему народу и ненависть к угнетению и рабству. «Я нашел тогда свою родину,— писал он,— и этой родиной стала прежде всего русская литература»[3].

---

[1] Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 5.— М.: Гослитиздат, 1953—1956, с. 31.
[2] Там же, с. 272.
[3] Там же, с. 277.

Короленко кончает гимназию с серебряной медалью. «Я был способен,— гимназия не могла захватить всех сил моего растущего ума...— писал он.— Ощущение, что мне что-то нужно сделать и что я могу что-то сделать — хорошее, интересное, захватывающее, нужное,— достигало иногда во мне почти мучительного напряжения»[1].

В 1871 году с несколькими рублями в кармане и восторженными мечтами о будущем юноша уезжает в Петербург и поступает в Технологический институт. «Мне здесь нравилось всё,— даже петербургское небо, потому что я заранее знал его по описаниям, даже скучные кирпичные стены, загораживавшие это небо, потому что они были знакомы по Достоевскому... Мне нравилась даже необеспеченность и перспектива голода... Это ведь тоже встречается в описаниях студенческой жизни, а я глядел на жизнь сквозь призму литературы»[2]. Начинается студенческая жизнь — с ее нуждой, тяжелым трудом ради грошового заработка (Короленко занимается переводами, выполняет чертежные работы, раскрашивает географические атласы, рисует карты). Однако изнурительный труд не мешает ему заниматься напряженной научной, литературной и общественной работой. Он принимает участие в многочисленных студенческих сходках, где горячо обсуждались литературные, философские и социальные вопросы современности. Юношей владеет страстное желание как можно больше увидеть и понять. Но вскоре нужда заставила его оставить институт и поступить работать корректором в одно из петербургских издательств.

В 1874 году Короленко переезжает в Москву, поступает в Петровскую земледельческую и лесную академию. Здесь он сближается с революционно настроенной молодежью, знакомится с народническим движением, увлекается идеей «хождения в народ». Любимым учителем Короленко был профессор физиологии растений К. А. Тимирязев. Прямой, честный, справедливый, ненавидящий казенщину и рутину, блестящий ученый, призывавший, по словам Короленко, «ценить разум, как святыню», он навсегда остался для него «одним из самых дорогих и светлых образов юности».

---

[1] Короленко В. Г. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 5.— М.: Гослитиздат, 1953—1956, с. 353.

[2] Там же, т. 6, с. 73

Короленко не удается окончить академию. В марте 1876 года он был исключен за участие в составлении и подаче коллективного протеста студентов против полицейского режима, царившего в академии, арестован и сослан в Вологодскую губернию, а затем переведен в Кронштадт под надзор полиции. В 1877 году Короленко пытается завершить высшее образование и поступает в Петербургский горный институт, однако вскоре как «политически неблагонадежный» снова был арестован.

С 1879 года для будущего писателя начинается время непрерывных арестов и ссылок. Тюрьма, арестантские вагоны, камеры для каторжников... Ссылка в Вятскую губернию, в Восточную Сибирь, в далекую Якутию, куда был отправлен в 1881 году после отказа принять присягу Александру III. Где бы ни был Короленко — в глухом северном местечке Березовские Починки, в далекой слободе Амге, в захолустном городке Глазове,— везде он жил и работал бок о бок с бедняками российских окраин. Он пахал, сеял, косил, шил сапоги, пек хлеб, занимался различными ремеслами. Короленко увидел весь ужас нищенского, бесправного положения русского крестьянина, неограниченную власть местного чиновничества и всю бесчеловечность этого жестокого мира, где ценится лишь власть и деньги. При этом Короленко поражает необыкновенная природная одаренность обитателей глухих окраин, их жажда знаний, их ум, доброта, человечность. Писатель сумел почувствовать огромную потенциальную силу, таящуюся в народе. «Многие иллюзии, основанные на кабинетных представлениях о народе, дрогнут и вянут... по выходе из кабинетов в настоящую жизнь»[1],— писал Короленко. Писатель понял ложность идеи о крестьянском смирении. Он понял, что ненависть к угнетателям в конце концов проявится в активном социальном протесте.

В далеких поселениях начинает Короленко свою литературную деятельность. Он работает над рассказами «Чудная», «Сон Макара», «Убивец», «Соколинец», «В дурном обществе», которые смогли появиться в печати лишь после возвращения писателя из ссылки. В 1880 году в вышневолоцкой пересыльной тюрьме, в камере, тайком, с трудом доставая бумагу и карандаш, Короленко пишет рассказ

[1] Газ. Волжский вестник, 1886, № 201.

«Чудная». «Как он ухитрился это сделать, живя в «большой» камере с ее вечной сутолокой, среди несмолкаемого гомона,— я совершенно не постигаю,— вспоминал товарищ писателя по заключению С. П. Швецов.— Сделал это он, сидя на кровати, забравшись на нее с ногами и прижавшись в угол так, чтобы можно было писать на развернутой книге, положенной на согнутые колени... «Чудную» он прочел нам на одном из наших собраний, где присутствовала вся тюрьма, в той же «большой» камере... Впечатление было огромное. Тогда же рассказ был передан через Н. Ф. Анненского и ходившую к нему на свидания жену Г. И. Успенскому, который пришел от него в восторг»[1].

В лице героини рассказа Морозовой, человека огромной силы воли и твердых убеждений, Короленко отразил черты политической ссыльной, двадцатилетней петербургской студентки Эвелины Людвиговны Улановской, которую писатель встретил в Березовских Починках. Образ девушки-революционерки, человека твердой воли и непоколебимых убеждений является одним из лучших образов передовых женщин в русской литературе и перекликается с «Русскими женщинами» Некрасова и героиней стихотворения в прозе Тургенева «Порог». Однако, восхищаясь героизмом революционной народнической молодежи 70-х годов, Короленко видел их отчужденность от народа и осудил «чудную» за ее пренебрежение к простому солдату.

В якутской ссылке Короленко пишет рассказ «Сон Макара», в котором показывает, что несмотря на темноту, забитость и вековую покорность мужика, в нем заложена большая стихийная сила протеста. В смиренном, замученном Макаре просыпается чувство собственного достоинства, и он бросает в лицо своим судьям гневные и обличающие слова упрека. Заключительная сцена рассказа символизирует близкий конец народного смирения и назревающий бунт. Известно, что Чернышевский высоко оценил правдивость этого рассказа Короленко.

Сибирская ссылка открыла писателю целый ряд ярких образов бродяг, каторжников, поселенцев. Короленко пишет о людях, не покорившихся своей судьбе, полных мужества и стойкости. В рассказах «Убивец», «Соколинец»,

[1] Швецов С. П. В. Г. Короленко в Вышнем Волочке.— В кн.: В. Г. Короленко в воспоминаниях современников.— М.: Гослитиздат, 1962, с. 45.

«В дурном обществе» он рисует колоритные образы бродяг, стремящихся к независимости, воле, он воспевает их удаль, смелость, чувство товарищества и солидарности. Писатель создает романтически приподнятый образ людей-отщепенцев, которые были для него символом неугасимого стремления к воле и счастью.

А. М. Горький писал, что Короленко «ласковою, но сильной рукой великого художника честно и правдиво нарисовал нам мужика действительно во весь рост»[1]. В герое рассказа «Река играет» — самом любимом рассказе Горького — воплощена могучая, хотя пока еще и дремлющая сила русского крестьянина. Перевозчик Тюлин — ленивый, тихий и неповоротливый человек — в минуту опасности выходит из состояния привычной апатии, весь преображается, как и воды тихой Ветлуги, неожиданно приходящие в движение. Тюлин не похож был на прикрашенных «шоколадных» мужичков, встречавшихся в некоторых произведениях писателей-народников. «Правда, сказанная образом Тюлина,— писал Горький,— огромная правда, ибо в этой фигуре нам дан исторически верный тип великорусса — того человека, который ныне сорвался с крепких цепей мертвой старины и получил возможность строить жизнь по своей воле»[2].

В рассказах и очерках, этюдах и зарисовках Короленко мы видим далекие сибирские селения, «пустынные места», глушь керженских лесов, дикость и невежество народных масс («На затмении», «Смиренные», «В пустынных местах»). Но всегда при этом писатель подчеркивал, что «русский народ — народ живой и дееспособный». Короленко показывает, что старая Русь должна исчезнуть. «Умираешь ты, исконная, старая Русь... Русь древлего благочестия, Русь потемневших ликов, Русь святых неправленных книг, Русь скитов и пустынного жития, Русь старой буквы и старого обряда, Русь полная отвращения к новшествам и басурманской науке». Очерк с натуры «На затмении», написанный в 1887 году, задолго до подъема революционного общественного движения, Короленко заканчивает стихами забытого поэта:

На святой Руси петухи поют,
Скоро будет день на святой Руси.

---

[1] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 14.— ГИХЛ, 1951, с. 52.
[2] Там же, с. 245.

Через все творчество Короленко, демократа и гуманиста, четко проходит проблема человеческого счастья. Уже в первом своем художественном произведении «Эпизоды из жизни искателя» (1878) он утверждал мысль о счастье, как об активном отношении к действительности. Герои его рассказов жаждут большой деятельной жизни. В рассказе «Парадокс» (1894) Короленко провозглашает афоризм: «Человек создан для счастья, как птица для полета», который в устах жалкого урода, в мире социальной несправедливости превратился в парадокс. Но тем яснее становится необходимость борьбы за это счастье. Работая над рассказом в тяжелый момент своей жизни (смерть дочери), Короленко писал: «А если нет счастия? Ну, что ж, исключение не опровергает правила. Нет своего — есть чужое, а все-таки общий закон жизни есть стремление к счастию и все более широкое его осуществление»[1].

В повести «Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды» (1886) Короленко на материале далекого прошлого проводит мысль о необходимости борьбы с социальным злом и насилием. Рассказ был направлен против толстовского учения о непротивлении злу насилием. Он повествовал о народе, восставшем против владычества Рима, и о мудреце, призывавшем народ свергнуть завоевателей. А тем, кто звал к смирению, говоря, что «силу не побеждают силой, которая есть зло», автор устами своего героя отвечает: «Сила руки не зло и не добро, а сила; зло же или добро в ее применении. Сила руки — зло, когда она поднимается для грабежа и обиды слабейшего; когда же она поднята для труда и защиты ближнего — она добро».

«Я думаю, верю, убежден,— писал Короленко в марте 1917 года толстовцу Журину,— что в идеальном образе человека... негодование и гнев против насилия и всегдашняя готовность отдать жизнь на защиту своего достоинства, независимости и свободы — должны занимать нормальное место. И когда я мечтаю, что со временем насилие всякого рода исчезнет и народы, как и отдельные люди, станут братьями, то я жду этого от усовершенствования общественных отношений, которые устранят прежде всего насилие».

---

[1] Короленко В. Г. Избранные письма в 3-х т. Т. 3.—М.: Мир, 1936, с. 85.

О грубом насилии над человеком в буржуазно-дворянском обществе рассказал Короленко в произведении «Ат-Даван» (1892). Писатель разоблачил неограниченную власть чиновничества в Сибири («где зауряд, ежедневно и ежечасно совершаются самые удивительные вещи...») и поведал об истории «маленького человека» Кругликова, который подобно гоголевскому Акакию Акакиевичу погибает из-за бесчеловечного отношения к нему начальства.

В 1886 году Короленко пишет большую повесть «Слепой музыкант», где ставит вопрос: что же такое человеческое счастье? Повесть рассказывает о слепорожденном мальчике, для которого мир лишен красок и света, жизни и счастья. Тонкий психолог Короленко удивительно проникновенно воссоздает замкнутый мирок ощущений и звуков, намеков и догадок, в котором живет его герой. Как истинный поэт, Короленко ощущает едва уловимые переживания, впечатления, чувства слепого и передает гармонию его души посредством звуковых образов. Герой повести погружен во мрак и горе. Однако писатель вводит в мир слепого старого воина-гарибальдийца, который с гневом говорит юноше: «Я хотел, чтобы ты почувствовал чужое горе и перестал носиться со своим...» Старик ведет слепого из богатой усадьбы в широкий мир, раскрывает перед ним всю глубину людских страданий, знакомит его с героическим прошлым Родины. И слепой убеждается в том, что его личное горе — ничто по сравнению со страданием всего народа. Повесть кончается концертом, на котором слепой музыкант потрясает людей своим мужественным искусством. Его музыка не уводила от действительности, в ней звучала боль человека, думающего о судьбах своего народа. Несмотря на то, что играл слепой, в его музыке властно звучала сама жизнь, во всей ее полноте и многообразии. Преодолев свое личное страдание, слепой обретает себя в служении обществу. Так проблема смысла жизни и счастья человека, соотношения личного и общественного решалась на путях сближения с народом, Родиной. М. И. Калинин 25 октября 1919 года говорил в одной из своих речей: «Величайший художник слова Короленко в своем «Слепом музыканте» ясно показал, как проблематично, непрочно это отдельное человеческое счастье... Человек... может быть счастлив только тогда, когда всеми нитями

своей души, когда всем телом и всем сердцем спаян он со своим классом, и только тогда его жизнь будет полна и цельна»[1].

Для самого писателя источником силы всегда была жизнь среди людей и для людей. Дочь Короленко вспоминает: «В самый счастливый, молодой, здоровый и спокойный период своей жизни отец остро чувствует чужое страдание и свою вину за него»[2].

В 1885 году Короленко возвратился из ссылки и поселился в Нижнем Новгороде.

«Самый счастливый период моей жизни... наступил по возвращении из ссылки, когда я женился на любимой женщине и вошел в литературу»[3],— вспоминал он. В 1886 году вышла в свет первая его книга «Очерки и рассказы», обратившая на себя внимание Успенского, Гаршина, Чехова. Книга сразу же поставила автора в ряды передовых деятелей литературы и журналистики. Короленко выступает как писатель, литературный критик, публицист, историк литературы и общественный деятель. С его темпераментом гражданина ему было тесно в рамках одного лишь художественного творчества. На самые жгучие и важные вопросы действительности он хотел откликнуться немедленно (недаром излюбленным жанром Короленко был очерк). Истинный патриот и гражданин, он старался живым словом публициста участвовать в общественной жизни страны.

80-е годы были тяжелым периодом в истории русской журналистики: прогрессивные журналы и газеты насчитывались единицами, процветала реакционная официальная печать. В годы, когда работа в провинциальной прессе была настоящим подвигом, Короленко высоко поднял знамя прогрессивной журналистики. И голос его, честный и смелый, страстный и принципиальный, зазвучал в поволжских и столичных газетах и журналах, как призыв к уничтожению социальной несправедливости. «Для меня,— писал он о своей деятельности публициста,— это не второстепенный

---

[1] Калинин М. И. За эти годы. Кн. 3.—М.—Л.: Госиздат, 1929, с. 188—189.

[2] Короленко С. В. Десять лет в провинции.— Ижевск: Удмуртия, 1966, с. 157.

[3] Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 7.—М.: Гослитиздат, 1953—1956, с. 299.

придаток, а половина моей работы и моей литературной личности»[1]. Вокруг Короленко сплотились прогрессивные журналисты и общественные деятели. Не было ни одного события, характерного для полицейского режима самодержавной России, на которое бы не откликнулся Короленко. Около 700 статей и около 50 названий газет и журналов, в которых они печатались, говорят об огромной работе, проделанной Короленко-публицистом. «В Нижнем — я корреспондент и горжусь этим званием»[2],— говорил он. «Я желал бы, чтобы голос печати звучал как труба на горе, чтобы подхватить ее, передать дальше, разнести всюду, до самых дальних углов, заронить в наименее чуткие сердца, самые беспечные души»[3].

Будучи корреспондентом казанской газеты «Волжский вестник», Короленко старался освещать самые темные стороны провинциального бытия. «...Я сильно увлекся местными интересами, а местные интересы, по крайней мере настоящего времени — почти целиком хищения, хищения, хищения»,— писал он в одной из неопубликованных статей. В 1889 году открылись крупные злоупотребления нижегородского уездного предводителя дворянства, и Короленко начинает борьбу с «дворянской диктатурой». На страницах газеты «Волжский вестник» он публикует серию статей «Об Александровском банке», где раскрывает огромные растраты, подлоги, незаконные действия банковских заправил. В результате ревизии раскрылись миллионные хищения.

В 1892 году Поволжье поразил голод, целые деревни вымирали от болезней и нищеты. Видя преступное отношение дворянских деятелей к бедствиям народа, Короленко едет в самый центр пораженного голодом Поволжья — Лукояновский уезд. Он помогает голодающим, открывает столовые. «Ты не можешь себе представить, какие там люди владели и правили,— пишет он своему другу В. Н. Григорьеву,— эксплуатация — это что, это еще самое мягкое слово. Нет,— систематическая ненависть и презре-

---

[1] Короленко В. Г. Избранные письма в 3-х т. Т. 2.—М.: Мир, 1932, с. 7.

[2] Короленко В. Г. Речь на прощальном обеде в Нижнем Новгороде в 1896 г.— Нижегородский листок, 1896, № 5.

[3] Русские ведомости, 1917, № 58.

ние к мужику, возведенные в принцип, затем — террор над остальными, недворянскими классами и полная власть в руках»[1]. Короленко помещает в газетах серию гневных статей (объединенных впоследствии в книгу «В голодный год»), призывая прекратить произвол, царящий в деревне. Летом 1893 года в низовьях Волги началась холера. Короленко направляется в места, где свирепствует эпидемия, и в очерках, составивших впоследствии книгу «В холерный год», раскрывает равнодушие правительства к нуждам народа. Для Короленко-публициста не было больших и малых тем, а были только важные и не важные для народа вопросы. В 1894 году писатель возмущен новым преступлением царского правительства — мултанским делом, в котором ярко выразилась политика натравливания одного народа на другой. Группа крестьян-удмуртов из села Старый Мултан Вятской губернии была провокационно обвинена в убийстве прохожего нищего якобы с целью принесения человеческой жертвы языческим богам. Удмурты были осуждены на каторгу. Короленко спешит в качестве корреспондента в Мултан, лично расследует судебное дело, на месте изучает события. «Я теперь ничего не вижу, не слышу, не думаю, кроме этого дела,— и даже все мои письма теперь — о том же»[2],— писал он 19 октября 1895 года литератору Н. Ф. Анненскому. Писатель был потрясен раскрывшимся перед ним произволом и насилием над людьми. «...Здесь, в дальнем углу, приносилось настоящее жертвоприношение невинных людей шайкой полицейских разбойников под предводительством тов<арища> прокурора и с благословения Серап<ульского> окр<ужного> суда. Следствие совершенно фальсифицировано, над подсудимыми и свидетелями совершались пытки». Короленко поклялся «чем-то вроде аннибаловой клятвы» пролить свет на это темное дело. Он публикует в газете «Русские ведомости» серию статей, вскрыв перед лицом общественности всю фальшь этого заведомо подстроенного процесса, все, по словам Горького, «идиотское мракобесие самодержавной власти». На третьем судебном разбирательстве писатель сам выступил в качестве

---

[1] Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10.—М.: Гослитиздат, 1953—1956, с. 156.

[2] Короленко В. Г. Избранные письма в 3-х т. Т. 2.— М.: Мир, 1932, с. 100.

защитника. Мултанцы были оправданы. Когда же после процесса в поддержку обвинения выступила официальная церковь в лице «ученого» попа Н. Н. Блинова, Короленко разоблачил на страницах печати на этот раз изуверов в рясах. «По самому существу писательской работы писателю до всего есть дело...» — писал Короленко. Недаром период с 1885 по 1895 год в жизни Нижнего Новгорода Горький назвал «временем Короленко».

В противоположность народникам Короленко видел признаки роста капитализма в России. В. И. Ленин, говоря в своем труде «Развитие капитализма в России» о развитии фабричного производства, ссылается на Павловские очерки Короленко. В 1893 году писатель в качестве корреспондента газеты «Русские ведомости» посетил Всемирную выставку в Чикаго, где сразу же столкнулся с вопиющими противоречиями капиталистического мира. Безработица, нищета, бесправие и рабство одних и безраздельное господство других. С любопытством и глубоким вниманием изучает писатель буржуазную действительность Запада. «Мы, русские, к какому бы сословию, классу, направлению ни принадлежали,— въезжаем в первый раз за границу с особенным чувством,— писал Короленко в очерке «В Америку».— Пусть это будет наивное доверие к Западу или, наоборот, кичливое «патриотическое» пренебрежение,— но всегда в первом взгляде нашем на свободную Европу читается один и тот же вопрос: «Ну что же у вас тут лучше нашего? У вас тут свобода, конституция или республика... Что же, нет у вас голода, нищеты и порока?» Личные наблюдения писателя над жизнью простых людей в Америке легли в основу его большой повести «Без языка» (1895), в которой он описал горестные похождения за границей украинского крестьянина.

Писатель всегда разоблачал национализм, шовинизм, угнетение одного народа другим. «Гонение всегда гнусно, националистический шовинизм всегда извращает национальный характер»[1],— писал он. В Америке Короленко был потрясен чванливым, заносчивым, воинственным национализмом, идущим рядом с презрением к другим нациям. В одной из статей он передает разговор с встречен-

---

[1] Короленко В. Г. Избранные письма в 3-х т. Т. 3.—М.: Мир, 1936, с. 233.

ным им на пароходе американцем, отмечает с иронией его «колокольный патриотизм». «Он глубоко уверен, что Америка — лучшая страна в мире, Иллинойс — лучший штат в Америке, его квартал — лучший квартал в городе, его дом — лучший дом этого квартала...» Писатель выносит приговор политике угнетения наций. Потрясенный всем увиденным в «свободной» Америке, писатель записывает в дневнике: «Есть особые вагоны для негров... негр должен при встрече обходить американца. Два негра, беседующие на тротуаре, обязаны непременно посторониться оба,— американец оскорбляется, если ему пришлось свернуть. Цветные держатся в терроре. От времени до времени идет крик, что негры зазнались, и при первом пустом проступке — линч и казнь»[1]. От индейцев, «когда-то великого племени», осталась жалкая кучка людей, «состоящих на содержании из милости у Соединенных Штатов». «Целый народ быстро, как трава от пожара, исчезает с лица земли. А когда порой они тоже вспоминают о воле, о том, что они были когда-то свободными хозяевами страны,— американцы рады. Вместо скудного жалованья они расплачиваются картечью, и дело идет еще быстрее»,— писал Короленко жене 24 августа 1893 года, и гневные слова писателя, написанные более 80 лет назад, актуальны и сегодня.

Призывая народы к братству, Короленко верил, что «любовь к своему отечеству, своему языку и своей родине... будет только живой ветвью на живом стволе общечеловеческой солидарности» («О патриотизме»). Так чванливому национализму писатель противопоставлял истинный патриотизм, который предполагает уважение к другим нациям. Велико значение призыва писателя к миру между народами. Он понимал, что трудящиеся всех стран, несмотря на разный язык и цвет кожи, заинтересованы в мирном содружестве. Он показал, как русский человек в Америке на митинге безработных почувствовал огромную силу солидарности с этими людьми труда. И «человек без языка» понял их. Писатель мечтал о том времени, когда человеческая кровь не будет литься на земле. Он предвидел, что в будущем именно свободной России «на великом совещании народов» будет принадлежать роль организатора

---

[1] Короленко В. Г. Дневник. Т. 2.— Гос. изд-во Украины, 1926, с. 120.

в деле защиты мира. «Нужно быть на страже великого сокровища — мира, которое не сумели сберечь для нас правительства королей и дипломатов»[1].

В 1896 году Короленко покидает Нижний Новгород и переезжает в Петербург.

Здесь, несмотря на болезнь, он продолжает активно участвовать в общественной и литературной жизни, ведет большую работу в редакции журнала «Русское богатство». Короленко оставил нам огромное количество писем к начинающим писателям, отзывов о произведениях, которые присылались в редакции журналов, где работал писатель. Через руки Короленко прошли тысячи рукописей начинающих писателей. Тонкий художник, замечательный стилист и знаток русского языка, чуткий и отзывчивый человек, Короленко помогал молодым авторам (Подъячеву, Серафимовичу, Д. Бедному, Горькому и др.) войти в литературу. «Он был моим учителем недолго, но он *был* им, и это моя гордость по сей день»[2],— писал Алексей Максимович Горький.

Короленко много размышлял и писал о путях развития русской литературы. Он искал такую литературу, которая бы отвечала задачам нового времени. Писатель понял, что одного реалистического показа отрицательных сторон жизни мало. Необходима была литература, устремленная в будущее. Короленко ценил в произведениях Чехова и Гаршина ту боль и скорбь о судьбе человека, которые были основой их творчества. Но Короленко не удовлетворяло то, что они недостаточно конкретны в своем устремлении в будущее. Два самых любимых его писателя не дали того положительного начала, необходимость которого чувствовалась в то время. Короленко писал о Трофимове — носителе «положительного идеала» в пьесе «Вишневый сад»: «...фигура «облезлого студента», в котором должны звучать ноты бодрости и надежды, производит впечатление невыясненности и недоумения: почему надежда на будущее ассоциирована с внушающей уныние полинялостью и безнадежной тусклостью».

Короленко сумел предугадать необходимость героического начала в литературе, которое вытекало из ощущения

---

[1] Русские ведомости, 1917, № 58.
[2] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 29.— ГИХЛ, 1954, с. 444.

надвигающихся революционных событий. Нужна была литература, несущая в себе идеал, и идеал не выдуманный. Писатель понял главную особенность своего времени — романтически возвышенное присуще самой действительности, нужно только уметь его увидеть. Стремясь показать новое в психологии человека, Короленко создает произведения, в которых налицо лирико-романтическое воплощение идеала. Его герои — исключительны. Это бунтари, одинокие узники и смелые борцы за свободу. Однако они типичны, так как им принадлежит будущее. Это еще не реальность, это «возможная реальность»,— говорил писатель (бунт Макара, пробуждение Тюлина). Надо не выдумывать, а угадывать то новое, что пробивалось в жизнь и что отвечало интересам народа — в этом задача «нового» искусства.

Короленко нашел новые средства художественной выразительности: его произведения отличаются особым, романтически приподнятым тоном — и это своеобразие художественной манеры писателя. Он утверждал своими произведениями героизм отдельной личности, как выражение народного героизма (подвиг слепого музыканта, протест Макара). Это было то ощущение надвигающейся новой волны освободительного движения, которое охватило впоследствии и Горького, выразившего его в 1900 году в письме Чехову: «Настало время нужды в героическом...» Короленко первый сформулировал специфику новой литературы, которая вырастет из «синтеза романтизма и реализма». В своих литературно-критических статьях, рецензиях, письмах и воспоминаниях о писателях (Чернышевском, Успенском, Чехове, Щедрине, Толстом, Гончарове) Короленко разоблачал теорию «чистого искусства» и защищал высокоидейное, политически острое, реалистическое, активное искусство. «Нужно искать красоты и жизненной правды вместе. Жизненная правда проста, сурова, иной раз непривлекательна, но если суметь овладеть ею, то с нею и красота прочнее»[1].

Короленко стоял в стороне от рабочего движения, не понял роли пролетариата и до конца жизни оставался на общедемократических позициях. То, что для Короленко

---

[1] Короленко В. Г. Избранные письма в 3-х т. Т. 3.— М.: Мир, 1936, с. 179.

было предчувствием рассвета, для Горького стало романтикой революционной борьбы пролетариата. Горький принял от Короленко эстафету поисков новой литературы и пошел дальше — к действительно новому искусству — социалистическому реализму.

В 1900 году Короленко переезжает из Петербурга в Полтаву, где и прожил последние годы своей жизни. В годы общественного подъема, в канун первой русской революции, писатель создает произведения, проникнутые верой в близкую победу народа. Рассказ «Мгновение» (1900) наполнен героикой освободительной борьбы и предчувствием бури. Ставшие знаменитыми слова: «Кто знает, не стоит ли один миг настоящей жизни целых годов прозябания!» — перекликаются с известным афоризмом Горького: «Безумству храбрых поем мы песню!» («Песня о Соколе», 1899). В 1900 году Короленко создает миниатюру «Огоньки», которая стала любимым произведением передовых читателей тех лет. Оно имело колоссальный успех в студенческой и рабочей среде, ходило по рукам в списках, исполнялось на молодежных вечерах. Оно вселяло бодрость, уверенность, оптимизм. Как прямой призыв к борьбе воспринимались заключительные строки: «...опять приходится налегать на весла... Но все-таки... все-таки впереди огни!» И здесь, как и в первых своих произведениях, Короленко ставит проблему счастья и борьбы за него. Говоря об «Огоньках», писатель разъяснял: «Жизнь состоит в постоянном стремлении, достижении и новом стремлении... Если при этом люди научатся все больше помогать друг другу в пути, если будет все меньше отсталых, если на пройденных путях будет оставаться все больше маяков, светящих вперед, если формы взаимной борьбы будут становиться все более человечными, а впереди будет все яснее,— то это и значит, что счастья будет все больше. Потому что счастье только в жизни, а жизнь вся — стремление, достижение, новое стремление»[1].

В 1902 году Короленко вместе с Чеховым отказывается от звания почетного академика в знак протеста против отмены выборов в академики А. М. Горького. Это был удивительный акт гражданского мужества со стороны двух

---

[1] Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10.— М.: Гослитиздат, 1953—1956, с. 486—487.

крупнейших русских писателей. «Среди русских культурных людей,— писал Горький,— я не встречал человека с такой неутомимой жаждою «правды-справедливости», человека, который так проникновенно чувствовал бы необходимость воплощения этой правды в жизнь»[1].

В годы общественного подъема Короленко с радостью видел близкий конец самодержавно-крепостнического строя. Убедившись в утопичности надежд на реформы, он приходит к мысли о неизбежности революции, возлагая при этом все надежды на народ. В 1905 году он обратился от имени народных масс к высшим властям: «Вы можете не слушать нашего голоса, гнать и арестовывать... вы можете задержать и уничтожить что угодно, но создать ничего не можете без нас, без вольного труда всего народа»[2].

После поражения революции 1905 года, в период жесточайшей столыпинской реакции и правительственных репрессий Короленко не впал в пессимизм. Писатель твердо верил в историческую неизбежность нового революционного подъема: «Революции имеют свои подъемы и падения... отдельная волна пала, прилив продолжается...» («Роковой путь»). Короленко продолжает разоблачать правительственную реакцию во всех областях жизни. В очерке «В успокоенной деревне» он рисует страшные картины расправы с крестьянами в деревнях; в статье «Истязательская оргия» — насилие над людьми в полицейских застенках; в произведении «Сорочинская трагедия» — кровавую расправу, учиненную правительственным карательным отрядом в местечке Сорочинцы; в работе «Черты военного правосудия» разоблачает военный суд, как орудие правительственной реакции. С присущим Короленко гражданским пафосом и негодованием описывает он бесчинства полицейских властей. «Эти люди пьянеют уже от сознания своего всемогущества, своей безответственности, своей власти над обывателем».

В день шестидесятилетия Короленко ленинская «Правда» в статье «Писатель-гражданин» писала: «Свое бодрое настроение, свою большую веру в лучшее будущее Короленко с юношеских лет пронес через мрачную эпоху

---

[1] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 15.— ГИХЛ, 1951, с. 50.
[2] Газ. Полтавщина, 1905, № 270.

80-х годов... через мертвую полосу реакции; и в свои 60 лет является все тем же неутомимым протестантом, которому могут позавидовать многие юноши нашего времени».

В 1910 году Короленко пишет серию очерков «Бытовое явление», ставшую крупным общественным событием в России. Произведение было направлено против смертных казней, применявшихся главным образом против участников революционного движения. Без суда и следствия, по наскоро состряпанным решениям людей расстреливали и вешали. Каждый день приносил все новые и новые сообщения о казнях. Собрав письма смертников, показания родных и свидетелей, Короленко нарисовал страшные своей «будничностью» картины издевательств над людьми. «Почти ежедневно, в предутренние часы, когда над огромной страной царит крепкий сон, где-нибудь по тюремным коридорам зловеще стучат шаги, кого-нибудь подымают от кошмарного забытья и ведут здорового, полного сил к готовой могиле...» Только писатель, для которого боль народа была его собственной болью, мог с такой силой показать трагедию человека. Гуманизм Короленко был действенным и глубоко демократичным. Юрист О. О. Грузенберг вспоминал о нем: «...мы болели лишь теми делами, которые нам доводилось защищать; он же всеми, о которых слышал. Мысленно он сидел на скамье подсудимых со всеми «смертниками», переживал с ними муки ожидания приговора и нередко метался от адвокатов к властям, чтобы спасти тех, на спасение которых все другие потеряли надежду»[1]. Произведение Короленко раскрыло перед общественностью «оргию» казней, ставшую «бытовым явлением». Прочитав «Бытовое явление», потрясенный Л. Н. Толстой написал Короленко 27 марта 1910 года: «...всячески во время чтения старался, но не мог удержать не слезы, а рыдания. Не нахожу слов, чтобы выразить всю мою благодарность и любовь за эту и по выражению, и по мысли, и, главное, по чувству превосходную статью. Ее надо перепечатать и распространять в миллионах экземпляров. Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной то-

[1] Научн. зап. Полтавского гос. литературно-мемориального музея В. Г. Короленко. Вып. I.— Полтава, 1961, с. 116.

го благотворного действия, какое должна произвести эта статья»[1].

В 1907 году В. И. Ленин назвал Короленко «прогрессивным писателем»[2]. Столь высокую оценку вождя пролетариата писатель заслужил своей многолетней борьбой с самодержавием и защитой интересов трудящихся с демократических позиций.

У Короленко — борца и гуманиста — нет произведений, написанных бесстрастным тоном простого наблюдателя. Его рассказы проникнуты страстной взволнованностью, пафосом подлинного человеколюбия. Каким бы художественным или публицистическим жанром ни пользовался писатель — будь то очерк или политическая статья, газетный фельетон или рассказ, легенда или сказка, путевой очерк или повесть,— всегда это было произведение яркое, написанное поэтически, образно, психологически глубоко, подчас окрашено своеобразным тонким юмором. Рассказы и очерки Короленко («В дурном обществе», «Мгновение», «Убивец», «Лес шумит», «Соколинец», «Ат-Даван» и другие) отличаются острым сюжетом, драматичностью и, в то же время, необычайной стройностью построения, недаром Чехов сказал, что рассказ «Соколинец» написан как «хорошая музыкальная композиция». Замечательного мастерства достигает писатель в создании портрета. С необычайной глубиной передает он психологию человека, тончайшие нюансы его душевных переживаний (будь то слепой юноша или забитый крестьянин, нищий, голодный ребенок или старый звонарь). Этой задаче подчинены у него и пейзаж, и музыка, и целая гамма разнообразных выразительных средств — от деталей портрета до языка персонажа. Короленко как истинный поэт ощущал едва уловимые переживания, впечатления, чувства, создавая средствами прозаического языка музыкальную гармонию души человеческой. Лиризм, особая эмоциональная приподнятость тона приближают рассказы Короленко к лучшим образцам стихотворений в прозе (например, «Огоньки»). Можно говорить об особой мелодии языка писателя. Поэтическая музыкальность легенды «Лес шумит»,

---

[1] Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями.— М.: Гослитиздат, 1962, с. 672.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15, с. 132.

повествование которой неторопливо ведется под аккомпанемент шумящего леса, поразила современников писателя. «Язык рассказа звучал певуче, мелодично, лучше многих стихов; подобно музыке, открывал он то, что казалось невозможным выразить словами. Тогда я еще не читал, не слыхал такого красивого языка, полного струнной звучности»[1],— вспоминал Скиталец.

Любовь к русскому народу была у Короленко неразрывно связана с любовью к неповторимой русской природе. Любимым занятием писателя было путешествие пешком, на лодке, пароме, пароходе по живописнейшим окрестностям Нижнего Новгорода. «...Кабинетная работа и общественная деятельность постоянно прерывались путешествиями, которые он совершал пешком, с котомкой за плечами, и лишь иногда на лодке по любимым рекам — Волге, Ветлуге, Керженцу,— вспоминала дочь писателя.— Идя в толпе за иконой, толкаясь среди паломников на Светлояре, переходя из дома в дом в кустарном селе Павлове, он выносил из своих походов наброски в записных книжках, содержавших материалы к его дальнейшим работам»[2]. Подлинной поэзией проникнуты у него картины русских пейзажей — лесов Поволжья, величаво-спокойных рек Ветлуги и Керженца, просторов Волги, суровой тайги, сказочного озера Светлояр. В рассказе «Ушел» Короленко писал: «Мчишься в поезде от станции до станции или на пароходе от пристани до пристани, и страна мелькает мимо с головокружительной быстротой, оставляя впечатление грохота, свиста, дыма, в лучшем случае молчаливого пейзажа, красиво освещенного луной... С этой точки зрения страна слишком упрощается и представляется какой-то легкой... Но стоит сойти с поезда или с парохода — и точка зрения сразу меняется: поезд свистнул и умчался, и исчез из виду, пока вы прошли несколько десятков сажен; пароход завернул за отдаленную гору на повороте реки, пока вы успели взобраться на глинистый откос по крутой тропинке,— а вы остались и чувствуете, что кругом вас начинается что-то другое... Жжет солнце, слепит пыль, жужжат овода и мухи, томит жажда, каждый шаг стоит

---

[1] Скиталец С. Г. Повести и рассказы. Воспоминания.— М.: Моск. рабочий, 1960, с. 371.

[2] Короленко С. В. Десять лет в провинции.— Ижевск: Удмуртия, 1966, с. 85.

усилия, так бесконечны поля, так трудны дороги, так озабочены люди, так далека вся жизнь от быстрого движения поезда... И так тяжела, кажется, эта жизнь бесконечной страны. И столько в ней порой захватывающего и интересного...»[1] В дневниках и записных книжках, рассказах и очерках, зарисовках с натуры и путевых очерках, в которых повествование ведется в виде беседы с читателем о пережитом и увиденном, Короленко поэтически и вдохновенно воспел величие и красоту русской природы.

Последние годы жизни Короленко посвятил созданию четырехтомной «Истории моего современника» — художественных мемуаров, над которыми писатель работал более 15 лет. «Здесь не будет ничего, что мне не встретилось в действительности, что я не испытал, не чувствовал, не видел»,— писал он в предисловии. Короленко стремился показать человека своего поколения, отобразить историю общественного развития России на протяжении нескольких десятилетий. Перед читателем проходит галерея типичных представителей эпохи 60—80-х годов, важнейшие события тех лет.

«История моего современника» осталась незавершенной. 25 декабря 1921 года Короленко умер в Полтаве.

В своих воспоминаниях Горький писал: «Всю жизнь трудным путем героя он шел навстречу дню, и неисчислимо все, что сделано В. Г. Короленко для того, чтоб ускорить рассвет этого дня»[2].

Все свои чувства, мысли, желания, всю свою силу, энергию и талант отдал Короленко защите интересов народа. В день 65-летнего юбилея писателя, 28 июля 1918 года в Петрограде Горький, открывая чествование Короленко, произнес горячее слово любви и уважения к Владимиру Галактионовичу, которого назвал своим учителем. «Мне лично этот большой и красивый писатель сказал о русском народе многое, что до него никто не умел сказать...»[3] А после смерти писателя он пишет его вдове, Евдокии Семеновне Короленко: «Он для меня был и остается самым законченным человеком из сотен мною

---

[1] Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 3.— М.: Гослитиздат, 1953—1956, с. 417—418.

[2] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 15.— ГИХЛ, 1951, с. 51.

[3] Там же, т. 14, с. 245.

встреченных, и он для меня идеальный образ русского писателя»[1].

Короленко любят миллионы советских читателей за его светлый облик гуманиста и патриота, за высокое мастерство его произведений, навсегда вошедших в сокровищницу мировой литературы. В день юбилея Короленко И. Е. Репин прислал писателю поздравительную телеграмму, в которой великий художник выразил чувства всего русского народа: «Благодарю вас за вашу прекрасную жизнь»[2].

М. Соколова

---

[1] Горький М. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 29.— ГИХЛ, 1954, с. 444.
[2] Бюллетени литературы и жизни, 1913, № 1, сентябрь, с. 39.

ЧУДНАЯ

Очерк из 80-х годов

I

— Скоро ли станция, ямщик?

— Не скоро еще,— до метели вряд ли доехать,— вишь, заку́ржавело* как, сивера́ идет.

Да, видно, до метели не доехать. К вечеру становится все холоднее. Слышно, как снег под полозьями поскрипывает, зимний ветер — сивера́ — гудит в темном бору, ветви елей протягиваются к узкой лесной дороге и угрюмо качаются в опускающемся сумраке раннего вечера.

Холодно и неудобно. Кибитка узка, под бока давит, да еще некстати шашки и револьверы провожатых болтаются. Колокольчик выводит какую-то длинную, однообразную песню, в тон запевающей метели.

К счастию — вот и одинокий огонек станции на опушке гудящего бора.

Мои провожатые, два жандарма, бряцая целым арсеналом вооружения, стряхивают снег в жарко натопленной, темной, закопченной избе. Бедно и неприветно. Хозяйка укрепляет в светильнике дымящую лучину.

КОММЕНТАРИИ

ЧУДНАЯ

Рассказ впервые в России напечатан в журнале «Русское богатство», 1905, кн. 9, с. 222–234, под заглавием «Командировка».

Рассказ был написан в 1880 году в вышневолоцкой пересыльной тюрьме, где Короленко провел несколько месяцев в ожидании отправки в Сибирь. Рукопись, тайно переданная на волю, 25 лет распространялась нелегально в списках (в 1893 году рассказ был опубликован в Лондоне в издании «Фонда вольной русской прессы»).

Стр. 27. *Закýржавело* — покрылось инеем.

Стр. 28. *Позóбать* — поклевать.

Стр. 29. *Сдаточный* — сданный в рекруты солдат-новобранец.

Стр. 41. *Антимонии разводить* — заниматься пустыми разговорами.
Сектантка — здесь: человек узких взглядов.

Стр. 42. *Боярыня Морозова* — известная русская раскольница XVII века, не принявшая «новую веру», которая насаждалась на Руси в царствование Алексея Михайловича. Была сослана по приказу царя и умерла в остроге в 1672 году.

СОН МАКАРА

Рассказ впервые напечатан в журнале «Русская мысль», 1885, кн. 3, с. 6—32.

Рассказ написан в 1883 году в ссылке, в слободе Амга Якутской области. Прототипом его героя был крестьянин Захар Цыкунов, у которого жил писатель. «Это был пашенный, женатый на якутке. У них была маленькая дочка. Жилье их состояло из юрты и русской избы с плоской крышей. Сами они жили в юрте с хоттоном (отдел для хлева), а русскую избу с прямыми стенами и широкими окнами сдавали мне,— вспоминал впоследствии Короленко.— Отношения Захара с женой-якуткой были очень оригинальные. Они никогда не дрались, но порой ругались при помощи... песен. Начинала всегда жена. У нее было много

поводов для огорчения: Захару нередко случалось выпивать так, что она узнавала об этом только после того, как буланка привозил хозяина от татар совершенно пьяным. Если порой он привозил бутылку татарской водки и угощал ее, она сначала была весела, приветлива, но потом вспоминала прежние обиды и начинала выпевать все его прегрешения... Захар пытался возражать ей все так же нараспев, но вскоре принужден бывал сдаться». (Короленко В. Г. Собр. соч., т. 7, с. 315.)

Стр. 46. *Торбаса́* — сапоги из оленьего меха.

Стр. 47. *Алас* — лесная лужайка.

Стр. 53. *Сполохи* — северное сияние.

Стр. 56. *Косач* — тетерев-самец.

Стр. 57. *Руга* — содержание, выплачиваемое прихожанами попу. *Треба* — богослужебный обряд (крестины, венчание, отпевание).

Стр. 60. *По третьей траве* — то есть по третьему году.

Стр. 70. *Трапезник* — церковный сторож.

Стр. 72. *Крин сельный* — полевая лилия.

СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ

Повесть впервые напечатана в газете «Русские ведомости», 1886, № 32, 34, 44, 46, 73, 76, 82, 92, 100 и 101.

Короленко начал работать над повестью (сам писатель в письмах называет «Слепого музыканта» рассказом, а в подзаголовке помечает: «Этюд») в январе 1886 года. В 1888 году она вышла отдельным изданием и переиздавалась много раз. «Спешно законченный «Слепой музыкант» не удовлетворил автора, но тема занимала его, и впоследствии он возвращался к повести, перерабатывая ее для позднейших изданий»,— вспоминала дочь писателя С. В. Короленко.

«В этом этюде,— писал Короленко в своей автобиографии,— я задался целью проследить душевную драму слепого... Материалом послужили воспоминания о слепорожденной девушке, которую я знал в детстве, наблюдения над мальчиком (моим учеником), который постепенно терял зрение, и, наконец, над одним взрослым слепым человеком, развитым и образованным и вдобавок музыкантом по профессии». Однако при этом Короленко предупреждал: «Моя главная художественная задача была не специально психология слепого, а психология общечеловеческой тоски по недостижимому и тоски по полноте существования». (Избранные письма, т. 3, с. 257.)

Стр. 75. *Априорный* — не основанный на опыте.

Стр. 78. *Офтальмоскоп* — зеркало для исследования глазного дна.

Стр. 79. *Гарибальди* Джузеппе (1807—1882) — руководитель национально-освободительного движения в Италии.
Схизматический — еретический, отступнический.
Реляция — письменное донесение о ходе военных действий.

Стр. 86. *Фимиам* — благовонное вещество для курения.

Стр. 93. *Стрехи* — крыши.

Стр. 95. *Смушковый* — сделанный из смушек, шкурок, снятых с новорожденного ягненка.

Стр. 107. *Рацéя* — назидательное рассуждение, наставление.
Сечь — военная организация запорожского казачества на Украине (в XVI—XVIII веках).

Стр. 108. *Баян* — народный певец; *кебзарь* и *бандурист* — украинские певцы, аккомпанирующие себе на кобзе и бандуре.
Чайка — небольшое судно у запорожцев.

Стр. 111. *Необачный* (укр.) — беспечный.

Стр. 114. *Покоювка* (польск.) — горничная.

Стр. 125. *Отец папеж* (польск.) — римский папа.
Вольтер Франсуа Мари Аруэ (1694—1778) — французский просветитель, поэт, философ, историк.
Требники — богослужебные книги.

Стр. 129. *Экзерциции* — упражнения.

Стр. 136. *Карбованец* — рубль.

Стр. 139. *Доктоpальный* — наставительный.

Стр. 141. *Этнография* — наука, изучающая быт, нравы, культуру разных народов.

Стр. 143. *Сентенция* — нравоучительное изречение.

Стр. 160. *Жолнер* — солдат в польской армии.
Ментор — наставник.

Стр. 161. *Левада* — участок земли около хаты.
Эолова арфа — музыкальный инструмент у древних греков, струны которого приводились в колебание дуновением ветра (*Эол* — в древнегреческой мифологии — повелитель ветров).

Стр. 162. *Ватажко* — предводитель.

Стр. 163. *Булава* — палица, служившая военным оружием, а также символ гетманской власти.
Бунчук — знак власти на Украине.

Стр. 164. *Гайдамаки* — украинские казаки-повстанцы, боровшиеся против поляков.
Рушница (ручница) — ружье.

Стр. 168. *Столбовка* — 25 рублей.

Стр. 169. *Тать* — вор.

Стр. 189. *Чумак* — крестьянин, возивший на волах рыбу, соль, хлеб.

Стр. 203. *Зоил* — придирчивый, несправедливый критик (от греческого критика IV века до н. э. Зоила).

РЕКА ИГРАЕТ

Рассказ впервые напечатан в сборнике «Помощь голодающим» газеты «Русские ведомости», 1892, с. 1—25.

Рассказ навеян дорожными впечатлениями во время путешествия писателя по реке Ветлуге. Летом 1889 года Короленко возвращался в лодке из своего путешествия на озеро Светлояр. В письме к жене он сообщал: «Мозоли я натер, устал, как собака, но зато какие виды, какая прелестная река!.. С обеих сторон две стены глухого, непроходимого леса, кой-где в чаще стучит топор, кой-где на берегу мелькнет человек, вяжущий плот, или караульщик в шалашике, и такой он, под этими громадными деревьями, кажется маленький. Эти несколько дней я жил совсем в другом мире...» (Короленко В. Г. Собр. соч., т 10, с. 118). Во время путешествия Короленко встретил перевозчика Тюлина, о котором писатель говорил: «Не мог придумать никакой другой подходящей фамилии, не мог ни единого звука изменить в фамилии. Закроешь глаза,— так и слышишь, как по реке издалека несется: «Тю-у-у-ли-и-ин!» (В. Г. Короленко в воспоминаниях современников, с. 317). Писатель В. В. Вересаев в своих воспоминаниях о Короленко пишет: «На Ветлуге рассказ Короленко быстро стал известен, и пароходы останавливались у описанного перевоза, чтоб дать возможность пассажирам посмотреть на прославившегося Тюлина. Он знает, что его пропечатали. Когда ему прочли рассказ, он, помолчав, поглядел в сторону и, подумав, сказал:

— Так ведь меня же в тот раз не били!

— Если бы я знал,— прибавил Короленко,— что рассказ дойдет до него, я, конечно, переменил бы фамилию». (Там же.)

Стр. 207. *«...у невидимого града Китежа...»* — По преданию, на дне озера Светлояра лежит «невидимый град» Китеж. Город этот будто бы скрылся под водой в момент, когда к нему

подходил Батый, чтобы захватить укрывшегося в городе князя суздальского.
Скитник — житель старообрядческих поселков монастырского типа — скитов.
Миссионер — проповедник.
Схоластика — здесь: бесплодное умствование.

Стр. 209. *«Все это было когда-то, но только не помню когда...»* — строки из стихотворения А. К. Толстого «По гребле неровной и тряской».

Стр. 210. *Баять* (обл.) — говорить.

Стр. 211. *Вица* — хворостина.

Стр. 215. *Чегень* — шест, употребляемый на плотах для упора на мелях.

Стр. 216. *Огрудок* — бугор на дне реки.

Стр. 225. *«Катенька»* — 100 рублей (кредитный билет с изображением Екатерины II).

Стр. 228. *Начетчики* — богословы у старообрядцев, отличавшиеся большой начитанностью и хорошим знанием старопечатных книг.

Стр. 230. *Полуманатейка* — монашеская одежда.

Стр. 232. *Молокане* — одна из русских религиозных сект.

Стр. 233. *Пуритане* — участники религиозно-политического буржуазного движения в Англии в XVI—XVII веках.
Кромвель Оливер (1599—1658) — один из вождей английской буржуазной революции XVII века, руководитель партии *индепендентов* (независимых), которые представляли интересы средней торгово-промышленной буржуазии и были сторонниками наиболее радикального течения среди пуритан.

МГНОВЕНИЕ

Рассказ впервые напечатан в сборнике «На славном посту», СПб., 1900, с. 39—48.
Рассказ представляет собой переработку этюда «Море», опубликованного в 1886 году в газете «Волжский вестник» № 286 от 25 декабря.

Стр. 236. *Форт* — крепость.

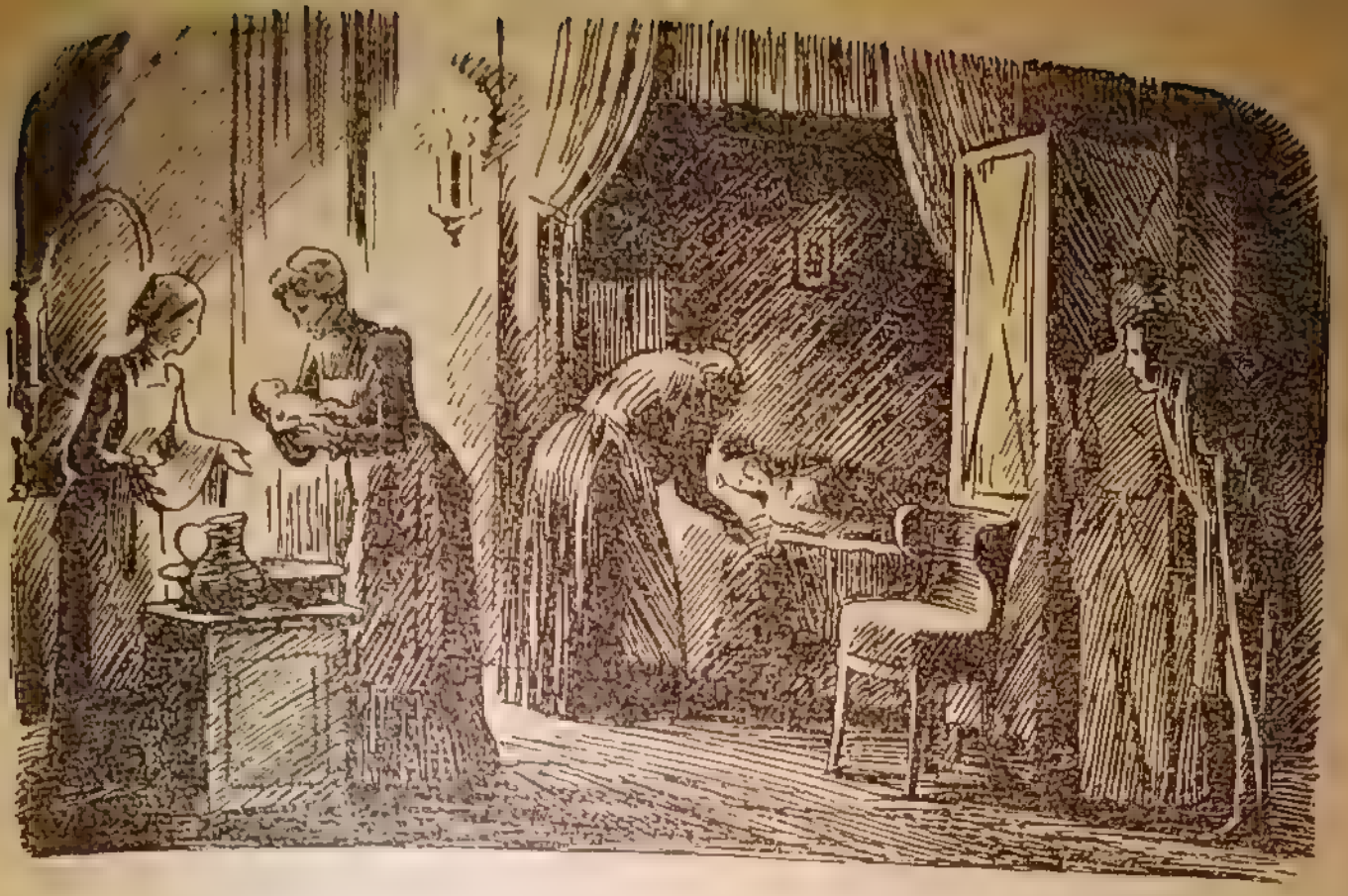
Стр. 238. *Инсургент* — участник восстания.
Флибустьеры — морские пираты, боровшиеся в XVII веке с испанским господством в Вест-Индии.

Стр. 240. *Мониторы* — военные корабли.
Волнолом — портовое сооружение для защиты судов от волн.

ОГОНЬКИ

Впервые напечатано в сборнике «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая», СПб., 1901, с. 1.

Написано 4 мая 1900 года экспромтом в альбом писательницы М. В. Ватсон.



СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ

Этюд

ОТ АВТОРА

К шестому изданию[1]

Чувствую, что пересмотр и дополнения к повести, выдержавшей уже несколько изданий, являются неожиданными и требуют некоторого объяснения. Основной психологический мотив этюда составляет инстинктивное, органическое влечение к свету. Отсюда душевный кризис моего героя и его разрешение. И в устных, и в печатных критических замечаниях мне приходилось встречать возражение, по-видимому, очень основательное: по мнению возражающих, этот мотив отсутствует у слепорожденных, которые никогда не видели света и потому не должны чувствовать лишения в том, чего совсем не знают. Это соображение мне не кажется правильным: мы никогда не летали, как птицы, однако, все знают, как долго ощущение полета сопровождает детские и юношеские сны. Должен, однако, признаться, что этот мотив вошел в мою работу, как априорный*, подсказанный лишь воображе-

[1] В этом издании были сделаны значительные дополнения.

Титульный лист первого издания на украинском языке книги А.С. Макаренко „Лекции о воспитании детей" (К. : Рад. школа, 1941)

А. МАКАРЕНКО

ЛЕКЦІЇ ПРО ВИХОВАННЯ ДІТЕЙ

Під редакцією
Г. Макаренко і В. Колбановського

ВИДАВНИЦТВО
„РАДЯНСЬКА ШКОЛА"
КИЇВ—1941

Титульный лист первого наиболее полного издания на украинском языке собрания сочинений А.С. Макаренко (К. : Рад. школа, 1953–1955)

А.С. МАКАРЕНКО

ТВОРИ

В СЕМИ ТОМАХ

ДЕРЖАВНЕ
УЧБОВО-ПЕДАГОГІЧНЕ ВИДАВНИЦТВО
«РАДЯНСЬКА ШКОЛА»
КИЇВ — 1953

Заявление А.С. Макаренко в парторганизацию Союза советских писателей о приеме в кандидаты в члены ВКП(б)

В Парторганизацию
Союза Советских Писателей

Члена ССП
Антона Семеновича
Макаренко

Заявление

Прошу принять меня в число кандидатов в члены ВКП(б)

А. Макаренко

Москва
15 - февраля 1939 г.

Автограф А.С. Макаренко: план доклада „Режим и дисциплина"

Доклад в наркомпросе

Режим и дисциплина

1 Дисциплина – результат воспитательного процесса.
Дисциплиной должны гордиться
Дисциплина в старом обществе – технически удобств подавления. У нас – нравственно-политическая категория

2. Сознательная дисциплина
а) достижение целей коллектива
б) защита и совершенствование отдельного человека
в) дисциплина коллектив – выше интерес члена
г) дисциплина украшает коллектив
д) дисциплина не проявляется только в приятном виде

3. Дисциплина сопровождается сознанием, но не вытекает из сознания, вытекает из опыта

4 Как организуется опыт дисциплины
Как можно больше требований к человеку, как можно больше уважения к нему
Опыт коллективной жизни
Размах колебаний маятника. Опыт сопротивления

5. Требование Развитие требований
а) требование организатора
б) требование актива
в) требование коллектива
г) требование к самому себе
Непреклонность требования

6. Чего требовать 1) Подчинение коллективу
2 Повышение

7 Формы требования а) привлечение
б) разъяснение – теория
в) поощрение
г) волны давления
д) угрозы

А.С. МАКАРЕНКО

Том третий

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ

Издание второе,
исправленное и дополненное

КИЕВ «РАДЯНСЬКА ШКОЛА» 1985

Что значит воспитать ребенка?
О воспитании 326
О путях общественного воспитания 327
Понятие дисциплины в общей системе воспитания 328
Выбор профессии 330
О «взрыве» 331
Художественная литература о воспитании детей 333
План лекции «Режим и дисциплина» 336
План лекции «Коммунистическое воспитание и поведение» 356
Выступление в Высшем коммунистическом институте просвещения 358 360

О СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ

Лекции о воспитании детей 364
Общие условия семейного воспитания 364
О родительском авторитете 370
Игра 377
Дисциплина 384
Семейное хозяйство 392
Воспитание в труде 399
Половое воспитание 407
Воспитание культурных навыков 414
Семья и воспитание детей 421
Воспитание в семье и школе 440
Советы родителям 467

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА, ПЕРЕПИСКА

Детство и литература 516
Максим Горький в моей жизни 520
Дети в стране социализма 530
Заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения . 533
О личности и обществе 536
Из переписки А. С. Макаренко с А. М. Горьким 540

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ 554

ПРИЛОЖЕНИЯ 575

Основные даты жизни и педагогической деятельности А. С. Макаренко . . . 575
Библиография 580

СОДЕРЖАНИЕ

СОВЕТСКОЕ ШКОЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Проблемы школьного советского воспитания (тезисы) 5
Проблемы школьного советского воспитания (лекции) 9
Лекция первая. Методы воспитания 9
Лекция вторая. Дисциплина, режим, наказания и поощрения 25
Лекция третья. Педагогика индивидуального действия 47
Лекция четвертая. Трудовое воспитание, отношения, стиль, тон в коллективе 66
На пороге третьего десятилетия 89
Проблемы воспитания в советской школе 92
Воспитание характера в школе 95
Некоторые соображения о школе и наших детях 99
Докладная записка об организации свободной мастерской 102
Объяснительная записка к проекту организации трудового детского корпуса 103

ИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПЫТА

Некоторые выводы из моего педагогического опыта 111
О моем опыте 130
Мои педагогические воззрения 148
Из опыта работы 170
Педагоги пожимают плечами 181
Доклад на заседании секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики 188
План книги «Опыт методики работы детской трудовой колонии» 199
Опыт методики работы детской трудовой колонии (Материалы книги) . . . 202
Тезисы доклада «Организация воспитания трудного детства» 227
Письмо заведующему Главным управлением социального воспитания НКП УССР 228
На педагогических ухабах 230
Очерк о работе Полтавской колонии им. М. Горького 236
Прекрасный памятник 245
Операционный план педагогической работы трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 247
«Конституция» трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 256
Конституция страны ФЭД 262
Докладная записка члену правления коммуны им. Ф. Э. Дзержинского . . . 267

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЭТИКА И ВОСПИТАНИЕ

Цель воспитания 283
Коммунистическое воспитание и поведение 291
О коммунистической этике 311
Воля, мужество, целеустремленность 318
Разговор о воспитании 333

БИБЛИОГРАФИЯ*

Издание произведений А. С. Макаренко **

I. Собрания сочинений

2. Сочинения: В 7-ми т. / Редкол.: И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. М., 1950—1952.

2. Сочинения: В 7-ми т. / Редкол.: И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. 2-е изд. М., 1957—1958.

Т. 1. Педагогическая поэма. 1957. 783 с.

Т. 2. Марш 30 года: Повесть. ФД-1: Повесть. Мажор: Пьеса. Из истории коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. 1957. 528 с.

Т. 3. Флаги на башнях: Повесть. 1957. 496 с.

Т. 4. Книга для родителей. Лекции о воспитании детей. Выступления по вопросам семейного воспитания. 1957. 552 с.

Т. 5. Общие вопросы теории педагогики. Воспитание в советской школе. 1958. 558 с.

Т. 6. Честь: Повесть. Настоящий характер: Лит. сценарий. Командировка: Лит. сценарий. Полемические статьи. 1958. 447 с.

Т. 7. Публицистика. Рассказы и очерки. Статьи о литературе и рецензии. Переписка с А. М. Горьким. 1958. 583 с.

3. Собрание сочинений: В 5-ти т. / Под ред. А. Терновского. М., 1971.

Т. 1. Педагогическая поэма, ч. 1—2. 431 с.

Т. 2. Педагогическая поэма, ч. 3 Марш тридцатого года. 384 с.

Т. 3. Флаги на башнях: Повесть в 3-х ч. Открытое письмо Ф. Левину. 463 с.

Т. 4. Книга для родителей. Рассказы. 432 с.

Т. 5. Честь: Повесть. Статьи о литературе. А. М. Горький и А. С. Макаренко. 510 с.

4. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Редкол.: М. И. Кондаков (гл. ред.), В. М. Коротов, С. В. Михалков. В. С. Хелемендик. М., 1983— .

Т. 1. Педагогические произведения 1922—1936 гг. 368 с., ил.

Т. 2. Марш 30 года: Очерк; ФД-1: Очерк; Мажор: Пьеса; Честь: Повесть. 1983. 512 с.

Т. 3. Педагогическая поэма. 1984. 512 с., ил.

Т. 4. Педагогические произведения 1936—1939 гг. 1984. 400 с., ил.

II. Избранные произведения

1. Избранные педагогические произведения / Сост. И. Ф. Козлов; Под. ред. Е. Н. Медынского, И. Ф. Свадковского. М., 1946. 303 с.

2. Педагогические сочинения. Неопубликованные произведения; статьи и стеногр. выступлений / Сост. А. Г. Тер-Гевондян. М., 1948. 304 с.

---

* В библиографии представлены основные издания произведений А. С. Макаренко, а также основные исследования о его педагогическом наследии.

** Произведения А. С. Макаренко внутри разделов даны в хронологическом порядке.

3. Избранные педагогические сочинения: В 4-х кн. / Сост. И. С. Петрухин; под ред. И. А. Каирова. Г. С. Макаренко. М., 1949.
Кн. 1. Лекции о воспитании детей. 1949, 163 с.
Кн. 2. Книга для родителей. 1949. 347 с.
Кн. 3. Флаги на башнях. 1949. 475 с.
Кн. 4 Педагогические произведения. 1949. 592 с.
4. Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. / Редкол.: В. Н. Столетов и др.; Под ред. И. А. Каирова, В. М. Коротова, Б. Т. Лихачева. М., 1977.
Т. 1. Общие вопросы теории и практики коммунистического воспитания. Методика воспитательной работы. 397 с.
Т. 2. Воспитание детей в семье. Переписка, публицистика, критика. Приложения. 320 с.
5. Избранные произведения: В 3-х т. / Редкол.: Н. Д. Ярмаченко (председатель) и др. К., 1984.
Т. 1. Педагогическое наследие А. С. Макаренко — на службу созременной школе: вступительная статья; Педагогическая поэма. 1984, 518 с.
Т. 2. Флаги на башнях; Книга для родителей. 1984, 574 с.
Т. 3. Общие проблемы педагогики. 1984. 576 с.

III. Тематические сборники

1. О воспитании молодежи. Сб. избр. пед. произведений / Под ред. Г. С. Макаренко; Вступ. ст. и примеч. В. Е. Гмурмана. 2-е изд. М., 1951. 396 с.
2. О воспитании в семье / Сост. И. С. Петрухин; Научн. ред. Е. Н. Медынский; Вступ. ст. Е. Н. Медынского, И. С. Петрухина. М., 1955. 320 с.
3. О детской литературе и детском чтении: Ст., рец., письма / Предисл. Ю. Лукина. М., 1955. 184 с.
4. О коммунистическом воспитании. Избр. пед. произведения / Сост.: В. Е. Гмурман, И. С. Петрухин. 2-е изд. Коммент. и примеч. Н. А. Сундукова, В. Е. Гмурмана. М., 1956. 579 с.
5. О литературе: Статьи, выступления, письма / Сост. и авт. предисл. Ю. Б. Лукин. М., 1956. 294 с.
6. Некоторые выводы из педагогического опыта / Сост., авт. ввод. ст. и примеч. В. С. Аранский, А. И. Пискунов. М., 1964. 116 с.
7. Трудовое воспитание / Сост. и авт. вступ. ст. Л. Ю. Гордин. М., 1964. 264 с.
8. Воспитание в советской школе / Сост. В. В. Кумарин. М., 1966. 255 с.
9. Воспитание гражданина: Сб. / Сост. и авт. вступ. ст. М. П. Павлова; Под ред. Л. Ю. Гордина. М., 1968. 373 с.
10. Коллектив и воспитание личности / Сост. и авт. вступ. ст. В. В. Кумарин. М., 1972. 334 с.
11. Трудовое воспитание / Сост. и авт. вступ. ст. Л. Ю. Гордин. Минск, 1977. 256 с.

IV. Сочинения А. С. Макаренко, изданные на украинском языке

1. Вибрані педагогічні твори / За ред. Є. М. Мединського, І. Ф. Свадковського; Вступ. ст. Є. М. Мединського; Упор. І. Ф. Козлов. К., 1947. 282 с.
2. Вибрані твори: У 2-х т. К., 1950.
Т. 1. Педагогічна поема. 534 с.
Т. 2. Прапори на баштах. Книга для батьків. Промови. Статті. 700 с.
3. Твори: В 7-ми т. / Редкол.: І. А. Каїров (гол. ред.), Г. С. Макаренко, Є М. Мединський. К., 1953—1955.
Т. 1. Педагогічна поема. 1953. 693 с.
Т. 2. Марш 30 року.: Повість. ФД-1: Повість. Мажор: П'еса. 1953. 440 с.
Т. 3. Прапори на баштах: Повість. 1954. 467 с.
Т. 4. Книга для батьків. Лекції про виховання дітей. Виступи з питань сімейного виховання. 1954. 524 с.

Т. 5. Загальні питання теорії педагогіки. Виховання в радянській школі. 1954. 484 с.

Т. 6. Честь: Повість: Справжній характер: Літ. сценарій. Командировка: Літ. сценарій. 1955. 123 с.

Т. 7. Оповідання і нариси. Статті про літературу і рецензії. Листування з О. М. Горьким. 1955. 500 с.

V. Отдельные публикации (по архивным материалам)

1. Макаренко А. С., Конисевич Л. В. Из переписки А. С. Макаренко с Л. В. Конисевичем (1937—1938).— Сов. педагогика. 1949, № 3, с. 50—53.

2. Макаренко А. С. Из переписки А. С. Макаренко с Наркомпросом УССР / Коммент. и публ. Н. Борисенко.— Нар. образование, 1960, № 3, с. 98—100.

3. Макаренко А. С. Реферат / Публ. и коммент. Р. И. Яковлевой.— Ист. архив, 1961, № 2, с. 228—229.

4. Макаренко А. С. Из архива А. С. Макаренко / Публ. отрывков из записных книжек и авт. варианта фрагментов глав «Педагогической поэмы».— Нар. образование, 1962, № 10. с. 105—109.

5. Макаренко А. С. Мысли о воспитании.— Нар. образование, 1963, № 1, с. 78—79.

6. Макаренко А. С. Два письма А. С. Макаренко / Публ. и коммент. В. Е. Гмурмана.— Сов. педагогика, 1965, № 3. с. 97—100.

7. Макаренко А. С. Письмо в редакцию газеты «Коммунист».— Нар. образование, 1963, № 2, с. 92—98.

8. Макаренко советует родителям: (Из архива выдающегося педагога). М., 1970. 76 с.

Литература об А. С. Макаренко

1. Александровская Е. П. Доверие как метод педагогического мастерства А. С. Макаренко.— В кн.: Воспитание — дело коллективное. Минск, 1965, с. 61—65.

2. Алексеевич Г. С. А. С. Макаренко о воспитании сознательной дисциплины.— Дет. дом. 1956, № 2, с. 49—62.

3. Алексеевич Г. С. К биографии А. С. Макаренко.— Учен. зап. Новосиб. пед. ин-та, 1955, вып. II, с. 237—243.

4. Аранский В. С., Пискунов А. И. Выдающийся советский педагог А. С. Макаренко.— Сред. спец. образование, 1963, № 3, с. 61—62.

5. Асеева К. А. А. С. Макаренко о воспитании товарищеских отношений в коллективе.— В кн.: Вопросы развития и формирования личности школьника. Саратов, 1969, с. 112—124.

6. Белоус В. М. Вопросы психологии воспитания в произведениях А. С. Макаренко. Симферополь, 1941. 30 с.

7. Бобровская М. Е. К истории детской трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского: Докум. очерк.— Изв. АПН РСФСР, 1952, вып. 38, с. 85—106.

8. Бограчев Я. Л. Вопросы коммунистической этики в научном наследстве А. С. Макаренко.— Вопр. философии, 1949, № 1, с. 244—264.

9. Борисов Г. Е. А. С. Макаренко о воспитании через коллектив.— Учен. зап. Тамбов. гос. пед. ин-та, 1958, вып. 18, с. 126—148.

10. Вейкшан В. А. А. С. Макаренко — выдающийся педагог-новатор.— Сов. педагогика, 1954, № 3, с. 13—21.

11. Виноградова М. Д. А. С. Макаренко о трудовом воспитании в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского.— Сов. педагогика, 1953, № 6, с. 33—44.

12. Виноградова М. Д. Вопросы организации общего образования в школе коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.— Изв. АПН РСФСР, 1959, вып. 102, с. 225—313.

13. Виноградова М. Д. Труд и учение в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского.— Нар. образование, 1957, № 3, с. 92—96.

14. Волнующие страницы: (Докум. материалы о работе А. С. Макаренко в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского: Из сб. «Второе рождение». (Подгот. Е. Долгин, Харьков, 1932).— Воспитание школьников, 1968, № 2. с. 42—45.

15. Волков Г. Н. Великий педагог-марксист: (К пятнадцатилетию со дня смерти А. С. Макаренко).— Учен. зап. Чуваш. гос. пед. ин-та, 1955, вып. 2, с. 3—22.

16. Воспоминания о Макаренко: Сб. материалов / Сост.: Н. А. Лялин, И. А. Морозова; Вступ. ст. Н. А. Лялина; Коммент. Н. А. Морозовой. Л., 1960. 347 с.

17. Гавриловец К. В. Проблема воспитания нравственных отношений между людьми в педагогическом наследии А. С. Макаренко.— В кн.: Вопросы истории школы и педагогики. Минск, 1972, с. 104—116.

18. Гмурман В. Е. А. С. Макаренко — выдающийся педагог-марксист.— Сов. педагогика, 1952, № 1, с. 21—39.

19. Гмурман В. Е. Из бесед о нем.— Нар. образование, 1963, № 2. с. 98—102; № 10, с. 96—100; 1965, № 3, с. 97—100.

20. Гмурман В. Е. Изучение трудов А. С. Макаренко сегодня.— Нар. образование, 1963, № 3, с. 1—16.

21. Гмурман В. Е. Педагогическое наследие А. С. Макаренко и воспитание в начальной школе.— Нач. школа, 1958, № 3. с. 17—18.

22. Гмурман В. Е. Творчески разрабатывать педагогическое наследие А. С. Макаренко.— Дет. дом, 1958, № 1, с. 16.

23. Головчинер Г. А. А. С. Макаренко о воспитании честности и правдивости.— В кн.: Вопросы воспитания и обучения. Ульяновск, 1957, вып. 2, с. 3—33.

24. Гончаров Н. К. Антон Семенович Макаренко (1888—1939).— В кн.: Гончаров Н. К. Очерки по истории советской педагогики. К., 1970, с. 221—240.

25. Гордин Л. Ю. А. С. Макаренко о системе трудового воспитания: К 80-летию со дня рождения А. С. Макаренко.— Шк. и пр-во, 1968, № 3, с. 20—25.

26. Гордин Л. Ю. Система трудового воспитания в опыте и воззрениях А. С. Макаренко.— В кн.: Макаренко А. С. Трудовое воспитание. Минск, 1977, с. 3—38.

27. Гуревич Л. Н. Сочетание горьковского оптимизма и требовательности в педагогической деятельности А. С. Макаренко.— Сов. педагогика, 1967, № 4, с. 127—132.

28. Долгин Е. С. Опыт А. С. Макаренко — в практику школ.— Шк. и пр-во, 1970, № 2, с. 16—24.

29. Дрозд Л. Н. Производительный труд в воспитательной системе А. С. Макаренко.— В кн.: Воспитание — дело коллективное. Минск, 1965, с. 66—79.

30. Евсеенко П. М. А. С. Макаренко о педагогическом мастерстве.— Сов. педагогика, 1950, № 1, с. 11—22.

31. Есипов Б. Н. Организация и воспитание коллектива школьников в свете учения А. С. Макаренко, М., 1956. 23 с.

32. Жураковский Г. Е. Педагогические идеи А. С. Макаренко / Под ред. и с вводн. ст. Ш. И. Ганелина. М., 1963. 328 с.

33. За боевую макаренковскую линию в педагогике! — Нар. образование, 1963, № 3, с. 1—8.

34. Зайцев В. Г. Вдохновляющий пример.— Воспитание школьников, 1970, № 4, с. 22—29.

35. Зайцев В. Г. Рассказы о Макаренко. 2-е изд., доп. Мурманск, 1974. 71 с.

36. Иваненко О. Д. Настоящая жизнь: (Памяти А. С. Макаренко).— Дет. лит., 1940, № 5, с. 27—31.

37. Іваненко О. Д. Сторінки спогадів про великого друга: (До 75-річчя з дня народження А. С. Макаренко).— Рад. шк., 1963, № 3, с. 17—22.

38. Идеи А. С. Макаренко в современной школе / Под ред. И. А. Каирова и др. Воронеж, 1976, 182 с.

39. Использование педагогического наследия А. С. Макаренко в учебных заведениях трудовых резервов: Сб. материалов по обмену опытом ремесленных училищ Украинской ССР. М., 1951. 99 с.

40. К 75-летию со дня рождения А. С. Макаренко: [Ст.] — Шк. и пр-во, 1963, № 3, с. 6—33.

Содерж.: Гмурман В. Е. Воодушевляющий пример. Павлова М. П., Фере Н. Э. Производительный труд в педагогической системе А. С. Макаренко. Калабалин С. А. Трудовой долг. Калабалина Г. К. А. С. Макаренко в моей жизни и работе. Герский В. Н. О развитии технического творчества детей в опыте А. С. Макаренко. Перцовский Н. Е. Развивайте педагогическое наследие А. С. Макаренко. Котов И. А. Трудовое воспитание в колонии имени Горького. Дроздюк П. А. Колонисты. Поповиченко Н. Т. Сила коллектива. Фере Н. Э. Наш Антон Семенович.

41. К 80-летию со дня рождения А. С. Макаренко: [Ст.] — Нар. образование, 1968, № 3, с. 81—99.

Содерж.: Нежинский Н. П. Зодчий духовного мира. Левшин А. Л. Над раскрытыми томами Макаренко. Волков Б. Н. Педагогика, которая тоньше поэзии. Фролов А. А. Киподокумент о колонии имени М. Горького. Из воспоминаний об А. С. Макаренко.

42. К 85-летию со дня рождения А. С. Макаренко: [Ст]. — Шк. и пр-во, 1973, № 3, с. 3—19.

Содерж.: Плуких П. И. Народный учитель и воспитатель. Долгин Е. С. Вехи жизни. Рогаль Л. И. Использование опыта А. С. Макаренко в трудовом воспитании учащихся.

43. К 90-летию со дня рождения А. С. Макаренко: [Ст.] — Сов. педагогика, 1978, № 3. с. 10—73.

Содерж.: Моносзон Э. И. А. С. Макаренко и актуальные проблемы теории коммунистического воспитания школьников. Филонов Г. В. Выдающийся вклад в марксистско-ленинскую педагогику. Фролов А. А. Развитие педагогических взглядов А. С. Макаренко в период деятельности коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Новикова Л. И. А. С. Макаренко и его современники (к постановке проблемы). Гордин Л. Ю. Проблема самоуправления воспитанников в наследии А. С. Макаренко и в современной школе. Ярмаченко Н. Д. Педагогическое наследие А. С. Макаренко и некоторые вопросы совершенствования воспитательной работы школы. Виноградова М. Д. А. С. Макаренко об изучении личности воспитанника. Кривонос И. Ф. А. С. Макаренко о педагогическом опыте. Караковский В. А. Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского как воспитательная система. Романов А. П. А. С. Макаренко о педагогическом значении клубов в детском коллективе.

44. Каиров И. А. Слово о Макаренко: К семидесятипятилетию со дня рождения. М., 1963. 24 с.

45. Калабалин С. А. Как нас воспитывал А. С. Макаренко.— Семья и школа, 1955, № 4. с. 15—19.

46. Калабалин С. А. Вперед вместе с Макаренко!: (К 75-летию со дня рождения).— Нар. образование, 1963, № 3, с. 56—60.

47. Камышанский Г. В. Наш Антон.— Школа-интернат, 1963, № 2, с. 19—22.

48. Касько Н. І. А. С. Макаренко в Одесі.— Рад. шк., 1958, № 3, с. 41—43.

49. Козлов И. Ф. Единство воспитания и жизни детей / Сост. А. М. Козлова; Под ред. Л. Ю. Гордина, В. М. Коротова. М., 1964. 139 с.

50. Козлов И. Ф. Шестнадцать пламенных лет: (О пед. деятельности А. С. Макаренко в колонии им. М. Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского).— Нар. образование, 1963, № 3, с. 9—20.

51. Колбановский В. Н. Еще о поэзии педагогики.— Красная новь, 1936, № 6, с. 190—201.

52. Колбановский В. Н. А. С. Макаренко о воспитании детей в советской семье.— Семья и шк., 1949, № 3. с. 2—5.

53. Колбановский В. Н. Ценная книга о жизни и творчестве А. С. Макаренко.— Сов. педагогика, 1951, № 12. с. 98—103.

54. Колбановский В. Н. Предисловие.— В кн.: А. С. Макаренко. Книга для родителей. 6-е изд. М., 1956, с. 3—22.

55. Конисевич Л. В. Большая семья: Зап. воспитанников коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. М., 1980. 95 с. (Библиотечка журн. «Пограничник», 1980, № 4 (88).

56. Коротов В. М. Вдохновленный великой революцией: (Об А. С. Макаренко). Воспитание школьников, 1968, № 2, с. 26—30.
57. Коротов В. М. Развитие воспитательных функций коллектива. М., 1974. 280 с.
58. Костелянец Б. «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко. Изд. 2 е, доп. Л., 1977. 110 с.
59. Костяшкин Э. Г. По пути Макаренко. Из опыта организации производительного труда.— Нар. образование, 1963, № 3, с. 36—41.
60. Кубрапов Т. М. По пути Макаренко. Алма-Ата, 1982. 87 с.
61. Кумарин В. В. Правофланговый советской педагогики: (К 75-летию со дня рождения А. С. Макаренко).— Нар. образование, 1963, № 3, с. 29—35.
62. Кумарин В. В. Организация школьного коллектива на основе принципов А. С. Макаренко.— Воспитание школьников, 1969, № 4, с. 15—20.
63. Кумарин В. В. Теория коллектива в трудах А. С. Макаренко. К., 1979. 121 с.
64. Левшин А. Л. Педагогика «завтрашней радости».— Семья и шк., 1969, № 3, с. 2—5.
65. Левшин А. Л. «Удивительный Вы человечище»: О творческой дружбе М. Горького и А. С. Макаренко.— Семья и шк., 1968, № 3, с. 5—9.
66. Легенький Г. Н. Опыт А. С. Макаренко на широком фронте общественного воспитания.— Воспитание школьников, 1966, № 2, с. 59—65.
67. Леухин Б. Д. А. С. Макаренко о доверии как стимуле воспитания творческой инициативы и общественной активности.— В кн.: Вопросы теории и истории педагогики. Йошкар-Ола, 1969, с. 95—106.
68. Лихачев Б. А. А. С. Макаренко о сущности и функциях воспитательного коллектива.— Воспитание школьников, 1974, № 5, с. 20—25.
69. Лукин Д. Б. А. С. Макаренко: Крытико-биограф. очерк. М., 1954. 207 с.
70. Лутошкин А. Н. Проблемы групповой психологии в педагогической теории А. С. Макаренко.— Вопр. психологии, 1973, № 5, с. 66—73.
71. Лысенко П. Г. Пропагандисты наследия А. С. Макаренко.— Воспитание школьников, 1970, № 4, с. 30—31.
72. Ляхов М. І. Полтавський період життя і діяльності А. С. Макаренко.— Рад. школа, 1958, № 3, с. 38—41.
73. Ляхов Н. И. Выдающийся педагог и писатель: К 80-летию со дня рождения А. С. Макаренко.— Нач. шк., 1968, № 3, с. 8—12.
74. А. С. Макаренко. 1888—1963: К 75-летию со дня рождения: Сб./Сост. Л. Д. Гордин. М., 1963. 216 с.
75. А. С. Макаренко: Опыт, изучение, применение: Материалы конф., посвящ. 80-летию со дня рождения. 1888—1968 / Редкол.: В. Е. Гмурман, Л. Ю. Гордин, З. С. Кузнецова. М., 1969. 215 с.
76. А. С. Макаренко: Сб. / Отв. ред. Ф. И. Науменко. Львов, 1949—1974, кн. 1—9.
77. А. С. Макаренко. Сборник: Теория и практика воспитания. Документы. Воспоминания: К 90-летию со дня рождения / Редкол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. Львов, 1978. 159 с.
78. А. С. Макаренко и современность: Тез. Всесоюз. научно-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения А. С. Макаренко. 13—14 марта 1978 г. М., 1978. 193 с.
79. А. С. Макаренко — педагог и писатель: Тез. докл. и сообщ. респ. науч. конф. «Педагогическое наследие А. С. Макаренко и современные проблемы коммунистического воспитания», посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося советского педагога и писателя. 2—3 марта 1978. Сумы, 1978. 324 с.
80. Макаренко Г. С. Макаренко А. С.— организатор детского учреждения.— Сов. педагогика, 1943, № 11—12, с. 33—37.
81. Макаревич М. В. Некоторые вопросы педагогической системы А. С. Макаренко.— В кн.: Воспитание — дело коллективное. Минск, 1965, с. 3—22.
82. Марейн К. Н. Воспитательная работа в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. М., 1958, с. 5—31.
83. Маслянный В. Т. Идеи А. С. Макаренко в трудовом воспитании.— Шк. и пр-во. 1970, № 2, с. 24—26.

84. Медынский Е. Н. А. С. Макаренко: Жизнь и педагогическое творчество. 2-е изд. М.; Л., 1949. 127 с.
85. Морозова Г. Ф. А. С. Макаренко о воспитании дошкольника в семье.— Дошкол. воспитание, 1950, № 5, с. 22—30.
86. Ніжинський М. П. О. М. Горький і А. С. Макаренко: Стеногр. лекц. К., 1950. 37 с.
87. Ніжинський М. П. Приїзд Горького в дитячу колонію (1928).— Рад. Україна, 1955, № 10, с. 140—143.
88. Ніжинський М. П. Життя і педагогічна діяльність А. С. Макаренка. 2-е вид. К., 1967. 303 с.
89. Нежинский Н. П. А. С. Макаренко и его время.— Сов. педагогика, 1968, № 3, с. 96—103.
90. Нежинский Н. П. Выдающийся педагог-новатор: К 85-летию со дня рождения А. С. Макаренко.— Сов. педагогика, 1973, № 3, с. 121—126.
91. Нежинский Н. П. А. С. Макаренко и педагогика школы. К., 1976. 260 с.
92. Опыт творческого использования педагогической системы А. С. Макаренко в профтехучилищах. М., 1975. 184 с.
93. Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко: Учеб. пособие / Подгот. А. А. Фролов, Под ред. В. А. Сластенина, Н. Э. Фере. Горький, 1976. 97 с.
94. Островская Л. Ф. Читая А. С. Макаренко.— Дошкол. воспитание, 1970, № 12, с. 48—51.
95. Павлова Н. В. Физическое воспитание в педагогическом опыте А. С. Макаренко.— Изв. АПН РСФСР, 1949, вып. 23, с. 51—118.
96. Павлова М. П., Фере Н. Э. Производительный труд в педагогической системе А. С. Макаренко.— Шк. и пр-во, 1963, № 3, с. 10—15.
97. Павлова М. П. Педагогическая система А. С. Макаренко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1972. 352 с.
98. Педагогическое учение А. С. Макаренко.— Нач. шк., 1958, № 3, с. 11—12.
99. Педагогическая система А. С. Макаренко и вопросы ее творческого применения современными воспитательными учреждениями: Материалы к симпозиуму. 27—29 марта 1972 г. / Редкол.: В. Е. Гмурман. А. Ю. Гордин, Э. С. Кузнецова. М., 1972. 229 с.
100. Петров Н. В. А. С. Макаренко: Воспоминания.— Изв. АПН РСФСР, 1952, вып. 38, с. 136—142.
101. Петрухин И. С. Педагог-новатор.— Нар. образование, 1957, № 11, с. 118—123.
102. Петрухин И. С. Некоторые общие проблемы педагогики в трудах А. С. Макаренко.— Изв. АПН РСФСР, 1959, вып. 102, с. 157—223.
103. Плеханов А. В. А. С. Макаренко о формировании нравственно ценных потребностей.— Сов. педагогика, 1963, № 3, с. 103—112.
104. Плеханов А. В. А. С. Макаренко о причинах и предупреждении детских правонарушений.— Воспитание школьников, 1966, № 2, с. 66—68.
105. Проблемы детского коллектива в русской и советской педагогической мысли / Под ред. А. Ю. Гордина, Л. И. Новиковой. М., 1973. 319 с.
106. Проценко В. Крюковские встречи.— Нар. образование, 1963, № 3, с. 92—99.
107. Пусть в каждую школу войдет Макаренко: Открытое письмо предстоящему учит. съезду.— Лит. газ., 1960, 11 июня.
108. Ривес С. М. Педагогическая система А. С. Макаренко и вопросы укрепления дисциплины в школе.— В кн.: Воспитание сознательной дисциплины в школе. М., 1941, т. 1, с. 34—46.
109. Рогаль Л. И. Использование опыта А. С. Макаренко в трудовом воспитании учащихся.— Шк. и пр-во, 1973, № 3, с. 12—19.
110. Рубинштейн М. М. А. С. Макаренко о воспитании нового человека.— Сов. педагогика, 1944, № 2—3, с. 5—9.
111. Сидельковский А. П. Проблемы отношений в советской педагогике и педагогическое наследие А. С. Макаренко.— Тр. каф. педагогики и психологии Карачаево-Черкес. пед. ин-та. Ставрополь, 1971, с. 7—131.

112. Сокольников Ю. П. Использование макаренковского метода «взрыва» в индивидуальном воздействии.— Учен. зап. Чуваш. пед. ин-та им. И. Я. Яковлева, 1962, вып. 14, с. 192—208.

113. Сонин Д. М. А. С. Макаренко о воспитании советского патриотизма.— Учен. зап. каф. пед. психологии Кировского пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1970, вып. 25, с. 5—25.

114. Сорокина Н. Т., Евграфова А. Д., Невский А. М. Проблема стиля в педагогическом наследии А. С. Макаренко.— Учен. зап. Горьк. пед. ин-та им. М. Горького. Сер. обществ. наук, 1970, вып. 76, с. 163—172.

115. Степанов П. М. Философские основы педагогических взглядов А. С. Макаренко.— Учен. зап. Чечен.-Ингуш. пед. ин-та, № 13. Сер. фил., 1957, вып. 3. 58 с.

116. Сундуков Н. А. О некоторых архивных документах Антона Семеновича Макаренко.— Сов. педагогика, 1952, № 4, с. 54—68.

117. Сундуков Н. А. Переписка А. С. Макаренко с М. Горьким и его работа над текстом «Педагогической поэмы».— Изв. АПН РСФСР, 1952, вып. 38, с. 151—269.

118. Сундуков Н. А. Переписка воспитанников колонии им. Горького с А. М. Горьким.— Сов. педагогика, 1954, № 1, с. 118—138.

119. Сытин Г. В. Детский коллектив как фактор коммунистического воспитания в педагогическом наследстве А. С. Макаренко.— Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1969. Педагогика, вып. 15, с. 156—168.

120. Татаринов Т. Д. Педагог-творец.— Нар. образование, 1965, № 3, с. 103—105.

121. Терский В. Н. А. С. Макаренко как человек и руководитель.— Нар. образование, 1959. № 4, с. 69—71.

122. Терский В. Н. Клубные занятия и игры в практике А. С. Макаренко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1961. 172 с.

123. Терский В. Н. О развитии графического творчества детей в опыте А. С. Макаренко.— Шк. и пр-во, 1963, № 3, с. 20—22.

124. Тимощук Е. И. А. С. Макаренко о мотивации групповой деятельности.— Науч. тр. Курск. пед. ин-та, 1975, т. 41 (137), с. 79—87.

125. Тер-Гевондян А. Г. Педагогическая система А. С. Макаренко: Стеногр. публ. лекции, прочит. 1 апр. 1949 г. в Центр. лектории о-ва «Знание» в Москве. М., 1949. 32 с.

126. Тер-Гевондян А. Г. Идейно-политическая основа педагогических взглядов А. С. Макаренко.— Сов. педагогика, 1949, № 3, с. 10—19.

127. Толмачев М. И. Советы А. С. Макаренко родителям: В помощь родителям и учителям школы. Тюмень, 1952. 23 с.

128. Удивительный человечище. Воспоминания об А. С. Макаренко: Сб. ст. / / Лит. запись А. Каштаньера. Харьков, 1959. 160 с.

129. Ферре Н. Э. Мой учитель: Воспоминания об А. С. Макаренко. М., 1953. 104 с.

130. Ферре Н. Э. Наш Антон Семенович.— Шк. и пр-во, 1963, № 3, с. 31—33.

131. Фотеева А. И. А. С. Макаренко о воспитательной роли литературы.— Сов. педагогика, 1976, № 1, с. 103—111.

132. Фролов А. А. Ленинские идеи в учении А. С. Макаренко о целях и путях коммунистического воспитания.— Учен. зап. Горьк. пед. ин-та им. М. Горького. Сер. пед. наук, 1972, вып. 147, с. 41—52.

133. Фролов А. А. Становление педагогических взглядов А. С. Макаренко в 20-х годах.— Сов. педагогика, 1976, № 9, с. 103—110.

134. Фролов А. А. Разработка А. С. Макаренко методологических и общетеоретических проблем коммунистического воспитания.— Сов. педагогика, 1983, № 3, с. 103—107.

135. Фролова О. А. А. С. Макаренко о моральном воспитании детей дошкольного возраста.— Дошкол. воспитание, 1958, № 4, с. 7—14.

136. Фролова О. А. А. С. Макаренко об ответственности родителей за воспитание детей.— Дошкол. воспитание, 1963, № 3, с. 63—67.

137. Чуковский К. И. Макаренко. В кн.: Чуковский К. Современники. Портреты и этюды. М., 1962, с. 537—547.
138. Шабалов С. М. О педагогической системе А. С. Макаренко.— Шк. и пр-во, 1964, № 4, с. 10—15.
139. Шоргина В. И. Физическое воспитание в педагогическом опыте А. С. Макаренко.— Физкультура в школе, 1963, № 3, с. 19—24.
140. Юрченко Е. З. Из воспоминаний об Антоне Семеновиче Макаренко. Нач. школа, 1944, № 5—6, с. 6—9.
141. Ярмаченко М. Д. Животворне джерело методики комуністичного виховання.— У кн.: А. С. Макаренко. Про комуністичне виховання. К., 1978, с. 3—27.
142. Ярмаченко Н. Д. Педагогическое наследие А. С. Макаренко — на службу современной школе.— В кн.: А. С. Макаренко. Избр. произведения: В 3-х т. К., 1983, т. 1, с. 5—34.

Библиографические источники

1. Бобровская М. Е. Библиография произведений А. С. Макаренко.— Сов. педагогика, 1951, № 12, с. 103—107.
2. А. С. Макаренко: Указ. тр. и литературы о жизни и деятельности / Сост.: И. М. Рудаева, Н. М. Турич. М., 1978. 80 с.
3. Морозова Н. А. А. С. Макаренко: Семинарий. 2-е изд., перераб. Л., 1961. 240 с.
4. Педагогическая библиография (1931—1935). М., 1970.
Макаренко А. С.— № 19564, с. 667.
5. Педагогическая библиография (1936—1940). М., 1973.
Макаренко А. С.— с. 107, 318, 334, 519; о нем — с. 12. 119, 333.
6. Пискунов А. И. Советская историко-педагогическая литература (1918—1957): Сист. указ. / Под ред. В. З. Смирнова. М., 1960.
А. С. Макаренко, с. 252—255; о нем — с. 225—282.
7. Плотников П. И. Воспитание детского коллектива: (Обзор пед. литературы об использовании пед. наследства А. С. Макаренко).— Сов. педагогика, 1955, № 2, с. 106—115.
8. Хрусталева В. А. Литература о А. С. Макаренко (1959—1962).— Нар. образование, 1963, № 3, с. 116—119.
9. Хрусталева В. А. А. С. Макаренко: Библиогр. указ. / Под ред. Н. А. Зинкевича. М., 1955. 16 с.
10. Хрусталева В. А. А. С. Макаренко. Библиогр. указ. / Под ред. Н. А. Сундукова. М., 1959. 136 с.
11. Хрусталева В. А. Новая литература о А. С. Макаренко.— Нар. образование, 1958, № 3, с. 113—116.
12. Цирлина Р. Д. Библиографический указатель произведений А. С. Макаренко.— Нач. шк., 1941, № 6, с. 60—61.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. С. МАКАРЕНКО

1888, *1 марта* *. В г. Белополье Харьковской губернии (теперь Сумской области) в семье маляра железнодорожных мастерских родился А. С. Макаренко.

1895. Поступает в двухклассное училище Министерства народного просвещения с пятилетним курсом обучения.

1901. Семья Семена Григорьевича Макаренко переезжает в г. Крюков, являющийся частью (пригород) г. Кременчуга Полтавской губернии. А. С. Макаренко блестяще сдает экзамены и поступает во второй класс Кременчугского городского четырехклассного училища.

1904. С отличным аттестатом [illegible] Кременчугское городское четырехклассное училище.

1905. Заканчивает с оценкой «[illegible]» одногодичные педагогические курсы при этом же училище. В [illegible] указывалось: «...удостоен звания учителя начальных училищ с правом преподавания в сельских двухклассных училищах Министерства народного просвещения».

1905, *1 сентября*. Назначен помощником учителя двухклассного железнодорожного училища в г. Крюкове.

1905—1911. Учительствует в Крюковском железнодорожном начальном училище. Преподает русский язык, рисование, черчение. Вспоминая об этих годах, А. С. Макаренко писал: «В железнодорожной школе, где я учительствовал, воздух был несравненно чище, чем в других местах; рабочее, настоящее пролетарское общество крепко держало школу в своих руках и «Союз русского народа» боялся к ней приближаться. Из этой школы вышло много большевиков» (см. с. 523 настоящего тома).

1911—1914. Учительствует в двухклассном училище на станции Долинская Южной железной дороги Херсонской губернии (теперь Кировоградской области). Преподает русский язык, литературу, черчение и рисование. Одновременно работает надзирателем в интернате при училище.

1914, *1 августа*. Поступает в Полтавский учительский институт. Сразу же включается в активную студенческую жизнь. Неоднократно выступал на студенческих конференциях с докладами на педагогические темы. Пишет стихи, рассказы, фельетоны.

1916, *20 сентября*. Призван в армию и прослужил ратником 127-й пешей Воронежской дружины по апрель 1917 г.

1917, *15 июня*. Закончил Полтавский учительский институт с отличными оценками и с золотой медалью за сочинение «Кризис современной педагогики», над которым работал шесть месяцев. Педагогический совет в официальной характеристике отмечал: «Макаренко Антоний — выдающийся воспитанник по своим способностям, знаниям, развитию и трудолюбию; особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представлял прекрасные сочинения. Будет весьма хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности же по истории и русскому

* По 1917 г. включительно даты даны по старому стилю.

языку» (Антон Семенович Макаренко / Сост. П. Г. Лысенко, И. С. Убыйвовк. К., 1978, с. 42).

1917, *сентябрь — ноябрь.* Работает учителем образцового училища при Полтавском учительском институте.

Восторженно встречает Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

1918, *январь* — 1919, *май.* Работает инспектором (директором) Крюковского высшего начального железнодорожного училища. Весной 1919 г. в запущенном фруктовом саду и на прилегающей к нему заброшенной земле организует производительный труд воспитанников училища. Учеников по территориальному признаку (с одной улицы или из одного дома) были разделены на отряды садоводов, огородников и цветоводов. Командирами отрядов и их заместителями были педагоги. Функционировало самоуправление учащихся.

А. С. Макаренко создает вечерние курсы для рабочих, на которых преподает русский язык и историю, занимается политическим и культурным просвещением.

Организует при школе драматический коллектив из числа учителей, старших учащихся и родителей. Ставят пьесы: «Вишневый сад» А. П. Чехова, «Без вины виноватые» А. Н. Островского, «Женитьба» Н. В. Гоголя.

1919—1920. А. С. Макаренко заведует 2-м городским начальным училищем в Полтаве. Одновременно работает в аппарате Полтавского губернского отдела народного образования. Принимает активное участие в организации профсоюза работников просвещения, является членом губернского правления профсоюза учителей.

1920, *сентябрь* — 1926, *май.* Работает заведующим колонией в местечке Трибы и в с. Ковалевке под Полтавой. И. А. Соколянский, работавший в то время в Наркомпросе Украины заведующим отделом учреждений «дефективного детства», которому подчинялись и колонии для беспризорных детей, в своих воспоминаниях писал, что А. С. Макаренко пришел в колонию уже сформировавшимся педагогом «в смысле оценок решающих факторов в организации и перестройке нашей работы» (см.: Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко / Подгот. А. А. Фролов. Горький, 1976, с. 11).

1921, *28 марта.* Колония присваивается имя Максима Горького.

1921, *15 апреля.* А. С. Макаренко был вручен мандат делегата Пленума Полтавского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Участвовал в работе секции просвещения.

1922. Пишет фрагмент одной из первых дошедших до нас теоретических работ «О воспитании», в котором затронуты такие вопросы: общие законы воспитания и разнообразие их проявлений, единство принципов воспитания «хороших детей» и правонарушителей, воспитание и общественная среда», «чванство иных педагогов», упражняющихся «в балансировании прекрасными идеями» (см.: Макаренко А. С. Соч. М., 1958, т. 7, с. 381—382).

1922, *24 августа.* Подает заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения в Москве с просьбой о зачислении его студентом основного отделения. К заявлению прилагает работу «Вместо коллоквиума», где в пяти пунктах впервые сформулированы основные положения педагогики Макаренко.

1922, *14 октября —27 ноября.* Учится в Центральном институте организаторов народного просвещения.

1922, *27 ноября.* Обеспокоенный тяжелым положением, сложившимся в колонии им. М. Горького, оставляет учебу в институте.

1923, *4 февраля.* В полтавской газете «Голос труда» опубликована статья А. С. Макаренко «Колония имени М. Горького».

В полтавском журнале «Новыми стежками» (1923, № 2 (6—7) опубликована статья А. С. Макаренко «Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького».

1923, *9 августа.* А. С. Макаренко выступает с лекцией о коллективе и личности перед работниками детской колонии им. В. И. Ленина в с. Писаревщине Полтавской губернии. Обосновывает следующие принципиальные положения: воспитывать человека — это значит руководить жизненной практикой

человека. Человек и коллектив — это центральные вопросы пролетарской революционной педагогики... Моральный и умственный рост человека возможен только в коллективе — в жизненной среде... Не может быть такого положения, чтобы коллектив прогрессировал, а индивиды стояли на месте, и наоборот. Между индивидуумом и коллективом прямое взаимодействие... Воспитатель должен находиться в среде коллектива и руководить движением коллектива, сливая свои силы с силами коллектива». (См.: Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко, с. 27—28).

1924, *10—15 октября.* Принимает участие в работе Всеукраинского съезда комиссий по делам несовершеннолетних, выступает содокладчиком к основному докладу И. А. Соколянского.

1925, *8 июля.* Пишет первое письмо к А. М. Горькому: рассказывает историю колонии, объясняет причины, по которым коллектив избрал великого писателя своим шефом. Завязывается переписка, продолжавшаяся до конца жизни А. М. Горького.

1925, *30 августа.* Колония им. М. Горького отпраздновала свое пятилетие. Наркомпрос УССР присваивает А. С. Макаренко звание «Красного героя труда».

1925. А. С. Макаренко пишет «Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького», подводя итог ее 5-летней деятельности. Освещает принципиальные теоретические и организационно-методические проблемы воспитания.

1926, *28—29 мая.* Колония им. М. Горького переезжает в Куряж.

1926, *30 сентября — 5 октября.* А. С. Макаренко участвует в работе Всеукраинской конференции заведующих детскими городками и колониями в Одессе. В 1-м Одесском детском городке выступает с 4-часовым докладом «Организация воспитания трудного детства». С этим же докладом выступает также на Всеукраинском совещании-семинаре по педагогике в Харькове (точная дата не установлена).

1927. Женится на Галине Стахиевне Салько, работавшей председателем комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей в Харьковском окружном отделе народного образования.

1927, *июнь.* По приглашению чекистов принимает участие в организации коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

1927, *20 октября.* А. С. Макаренко назначается заведующим Детской трудовой коммуной им. Ф. Э. Дзержинского ГПУ УССР.

1928, *16 января.* Правление коммуны им. Ф. Э. Дзержинского утверждает план и программу учебно-воспитательной работы коммуны и правила приема, составленные А. С. Макаренко.

1928, *8—9 июля.* Колонию им. М. Горького посещает А. М. Горький.

1928, *10 июля.* А. М. Горький посещает коммуну им. Ф. Э. Дзержинского.

А. С. Макаренко писал: «Эти дни были самыми счастливыми днями и в моей жизни и в жизни ребят. Я, между прочим, считал, что Алексей Максимович — гость колонистов, а не мой, поэтому постарался, чтобы его общение с колонистами было наиболее тесным и радужным. Но по вечерам, когда ребята отправлялись на покой, мне удавалось побывать с Алексеем Максимовичем в близкой беседе. Беседа касалась, разумеется, тем педагогических. Я был страшно рад, что все коллективные наши находки встретили полное одобрение Алексея Максимовича» (см. с. 528 настоящего тома).

1928, *3 сентября* (дата с учетом очередного отпуска) А. С. Макаренко вынужден уйти с должности заведующего колонией им. М. Горького. Свою педагогическую деятельность он сосредоточивает в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

«Горький уехал, а на другой день я оставил колонию. Эта катастрофа для меня не была абсолютной. Я ушел, ощущая в своей душе теплоту моральной поддержки Алексея Максимовича, проверив до конца все свои установки, получив во всем его полное одобрение. Это одобрение было выражено не только в словах, но и в том душевном волнении, с которым Алексей Максимович наблюдал живую жизнь колонии, в том человеческом празднике, который я не мог ощущать иначе, как праздник нового, социалистического общества» (см. с. 528 настоящего тома).

В письме к А. М. Горькому А. С. Макаренко писал: «Я из колонии должен был уйти, так как не хотел поступиться ни одним словом из своих педагогических верований» (см. с. 549 настоящего тома).

1930, *октябрь — ноябрь.* А. С. Макаренко пишет книгу «Марш 30 года» о работе коммуны им. Ф. Э. Дзержинского в течение первых трех лет.

1931. Задумывает большую книгу «Опыт методики работы детской трудовой колонии», в которой предполагает изложить выводы из своего опыта. Составляет к ней тезисы.

1932, *март — апрель.* Во время отпуска в Москве пишет повесть «ФД—1».

1932. При участии выездной бригады «Комсомольской правды» к пятилетию коммуны издается сборник «Второе рождение» (Харьков, 1932). А. С. Макаренко пишет для него статью «Педагоги пожимают плечами», подготавливает материалы о жизни коммуны: «Один день коммуны», «Перевернутые страницы».

1932, *29 декабря.* В день празднования пятилетнего юбилея коммуны им. Ф. Э. Дзержинского А. С. Макаренко награжден грамотой ГПУ УССР и именными золотыми часами, а также грамотой Наркомпроса УССР.

1933, *21 сентября.* А. С. Макаренко передает А. М. Горькому в Москве рукопись 1-й части «Педагогической поэмы».

1933. Опубликована 1-я часть «Педагогической поэмы» (Альманах «Год ХУП». М., 1933, кн. 3).

1933, *25 сентября.* А. С. Макаренко получил письмо от А. М. Горького, в котором он писал о 1-й части «Педагогической поэмы»: «...на мой взгляд, «Поэма» очень удалась Вам. Не говоря о значении ее «сюжета», об интереснейшем материале, Вы сумели весьма удачно разработать этот материал и нашли верный, живой, непрерывный тон рассказа, в котором юмор Ваш — уместен как нельзя более... Рукопись нужно издавать» (см. с. 551 настоящего тома).

1933, *сентябрь — октябрь.* Макаренко пишет пьесу «Мажор» и под псевдонимом Андрей Гальченко представляет ее на всесоюзный конкурс пьес. Жюри конкурса принимает пьесу к постановке.

1934, *1 июня.* А. С. Макаренко принят в члены Союза писателей СССР (членский билет № 583).

1934, *август.* А. С. Макаренко заканчивает 2-ю часть «Педагогической поэмы».

1935, *1 мая.* А. С. Макаренко избирают членом Дзержинского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Харькова.

1935, *1 июля.* Во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 июня 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» в НКВД УССР создан Отдел трудовых колоний. А. С. Макаренко назначается помощником начальника этого отдела и переезжает в Киев.

1935, *28 сентября.* Заканчивает работу над рукописью «Педагогической поэмы». В письме к А. М. Горькому пишет: «Сегодня авиапочтой выслал Вам третью часть «Педагогической поэмы». Не знаю, конечно, какой она получилась, но писал ее с большим волнением.

Как Вы пожелали в Вашем письме по поводу второй части, я усилил все темы педагогического расхождения с Наркомпросом, это прибавило к основной теме много перцу, но главный оптимистический тон я сохранил.

<...>

Дорогой Алексей Максимович! Большая и непривычная для меня работа «Педагогическая поэма» окончена. Не нахожу слов и не соберу чувств, чтобы благодарить Вас, потому, что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи я никогда этой книги не написал бы» (см.: Макаренко А. С. Соч. М., 1958, т. 7, с. 367).

1935, *8 октября.* А. М. Горький писал А. С. Макаренко: «...третья часть «Поэмы» представляется мне еще более ценной, чем первые две.

С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжцами, да и вообще очень многое дьявольски волновало.

<...>

Ну — что же? Поздравляю Вас с хорошей книгой, горячо поздравляю» (см.: Макаренко А. С. М., 1958, т. 7, с. 370—371).

1936, *15 октября.* А. С. Макаренко пишет работу «Некоторые соображения о школе и наших детях», направляет ее А. М. Горькому. Предлагает ввести звания народного учителя и заслуженного учителя.

1935. Впервые опубликованы 2-я и 3-я части «Педагогической поэмы» (альманах «Год XVIII», кн. 5 и 8).

А. С. Макаренко пишет статьи: «Народное просвещение в СССР», «Методика организации воспитательного процесса».

1936, *апрель.* Участвует в работе IX съезда комсомола Украины. Возглавляет делегацию коммунаров — участников съезда.

1936, *май.* Выступает в Высшем коммунистическом институте просвещения на обсуждении «Педагогической поэмы».

1936, *20 июня.* А. С. Макаренко в газете «Більшовик» (№ 143, на укр. языке) публикует статью «Большое горе» — первый отклик на смерть своего учителя и друга А. М. Горького.

1936, *30 июня.* В «Литературной газете» (№ 30) опубликована статья А. С. Макаренко «Близкий, родной, незабываемый», посвященная А. М. Горькому.

1936, *20 июля.* В связи с 10-летием со дня смерти Ф. Э. Дзержинского А. С. Макаренко публикует в «Правде» статью «Прекрасный памятник», посвященную коммуне.

1936, *5 августа.* В «Литературной газете» опубликована статья А. С. Макаренко «О лесной школе» (письмо в Совет жен писателей).

1936, *10 октября.* А. С. Макаренко соглашается заведовать колонией в Броварах (близ Киева) по совместительству. Работает в ней до отъезда в Москву.

1936. А. С. Макаренко приступает к работе над повестью «Флаги на башнях», начинает большой роман «Пути поколения». Собирает материал к «Книге для родителей».

1937, *февраль.* А. С. Макаренко переезжает на постоянное жительство в Москву.

1937, *1 сентября.* Начало передач по радио лекций А. С. Макаренко для родителей о воспитании детей в семье (всего было передано 8 лекций).

1937, *октябрь.* Журнал «Красная новь» № 7, 8, 9, 10) заканчивает публикацию «Книги для родителей».

1938, *январь.* А. С. Макаренко читает цикл лекций для ответственных работников Наркомпроса РСФСР — «Проблемы школьного советского воспитания».

1938, *23 марта.* «Правда» публикует статью А. С. Макаренко «Проблемы воспитания в советской школе». Статья вызвала более двух тысяч откликов родителей, партийных и комсомольских работников.

А. С. Макаренко в Москве и Крыму пишет повесть «Флаги на башнях», которая публикуется в журнале «Красная новь» (1938, № 6, 7, 8).

1938, *16 октября.* Выступает перед учителями Ленинграда и Ленинградской области с докладом на тему: «Некоторые выводы из моего педагогического опыта».

1938, *20 октября.* Выступает с докладом «О моем опыте» в Научно-практическом институте специальных школ и детских домов Наркомпроса РСФСР.

1939, *1 февраля.* А. С. Макаренко награжден орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в области литературы.

1939, *18 февраля.* А. С. Макаренко выступает на празднования 20-летнего юбилея школы № 1 Ярославской железной дороги.

1939, *февраль.* Пишет статьи «О коммунистической этике», «Воля, мужество, целеустремленность», «Предстоит большая работа над собой».

1939, *1 марта.* В лектории Московского государственного университета читает лекцию на тему «О коммунистическом воспитании и поведении».

1939, *9 марта.* Выступает с лекцией в Харьковском педагогическом институте («Мои педагогические воззрения»).

1939, *13 марта.* Приезжает в Дом творчества Союза писателей СССР, расположенный в дачном поселке Голицыно Московской области.

1939, *29 марта.* Выступает с докладом об опыте своей работы на совещании учителей Ярославской железной дороги. Это последнее публичное выступление А. С. Макаренко.

1939, *1 апреля.* Антон Семенович Макаренко скоропостижно скончался в вагоне пригородного поезда на ст. Голицыно Белорусско-Балтийской железной дороги.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Проблемы школьного советского воспитания (тезисы)

А. С. Макаренко написал тезисы в период подготовки цикла лекций для сотрудников Наркомпроса РСФСР. При устном изложении лекций Макаренко отошел от тезисов и не исчерпал всего их содержания. Между тем тезисы представляют самостоятельный интерес, так как в них поставлены важнейшие вопросы теории советской педагогики: цель воспитания, отношение педагогики к другим наукам и др. Название и нумерация тезисов даны автором. Печатаются по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983 —, т. 4, с. 118—121.

Проблемы школьного советского воспитания (лекции)

В январе 1938 г. А. С. Макаренко прочитал четыре лекции для сотрудников Наркомпроса РСФСР (10, 14, 16 и 20 января). Стенограммы этих лекций уже после смерти автора были обработаны в 1941 г. и опубликованы в «Учительской газете»: 5 и 8 января первые две лекции (Дисциплина, режим, наказания и поощрения), 12 и 17 января лекция третья (Педагогика индивидуального действия) и 2 февраля лекция четвертая (Трудовое воспитание, отношения, стиль, тон в коллективе). Первая лекция (Методы воспитания) была опубликована в журнале «Советская педагогика» (1943, № 5, 6). С некоторыми сокращениями лекции вошли в 5-й том семитомного издания сочинений А. С. Макаренко.

Неоднократно лекции издавались также отдельной книгой. Печатаются по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: в 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983 —, т. 4, с. 123—207.

В этом цикле лекций А. С. Макаренко стремился, опираясь на свой 32-летний педагогический опыт, систематизированно изложить основные положения советской педагогики, базирующейся на марксистско-ленинской методологии. Прежде всего Макаренко опроверг утверждение о том, что он является специалистом по работе с беспризорными, и заявил, что по отношению к беспризорным никаких особенных методов употреблять не нужно и что ему удавалось в очень короткое время доводить беспризорных до состояния нормы и всю дальнейшую работу с ними проводить как с нормальными детьми. Поэтому его выводы могут быть отнесены не только к беспризорным (трудным) детям, но и ко всякому детскому коллективу, ко всякому работнику на фронте воспитания.

А. С. Макаренко выступал против попыток отождествлять воспитание с обучением, вернее, попыток сведения воспитания к обучению. Он настаивал на том, что воспитание является отдельной областью, требующей своеобразной методики, отличной от методики преподавания. Воспитание, по сравнению с другими основными педагогическими категориями (обучением и образованием),— наиболее всеобъемлющая категория, а «методика воспитательной работы имеет свою логику, сравнительно независимую от логики работы образовательной». Методика воспитания и методика образования, считал Макаренко, составляют два «более или менее самостоятельных отдела педагогической науки». Разумеется, они органически взаимосвязаны между собой. Всякая работа по обучению и образованию

является одновременно и воспитательной работой, однако сводить воспитательную работу к обучению и образованию принципиально неверно.

Таким образом развенчивалась лженаучная концепция «воспитывающего обучения» реакционного немецкого педагога И. Гербарта, имевшая значительное распространение в дореволюционной России.

А. С. Макаренко обоснованно и убедительно раскрыл основные понятия марксистско-ленинской педагогики (об отношении методики воспитания и смежных отраслей знания, о цели и средствах коммунистического воспитания, о диалектическом характере педагогической науки, о соотношении индивидуального и коллективного в процессе воспитания, о решающей роли коллектива в системе коммунистического воспитания, о сознательной дисциплине, режиме, наказаниях и поощрениях, о педагогике индивидуального и параллельного действия, о трудовом воспитании на основании вовлечения воспитанников в серьезный производительный труд, об отношении как важнейшей категории коммунистического воспитания, о стиле и тоне коллектива).

[1] Павлов Иван Петрович (1849—1936) — великий русский физиолог, основоположник учения о высшей нервной деятельности. С его именем связана целая эпоха в развитии физиологии и ряда смежных дисциплин.— 11.

[2] А. С. Макаренко имеет в виду тех педагогов-теоретиков, которые путем отвлеченных рассуждений «выводили» средства воспитания из этических норм и представлений.— 12.

[3] А. С. Макаренко работал с 1905 по 1911 г. в Крюковском железнодорожном училище, а с 1911 по 1914 г.— в двухклассном железнодорожном училище на станции Долинской Южной железной дороги Херсонской губернии (теперь Кировоградской области).— 17.

[4] См.: Энгельс Ф. Может ли Европа разоружаться? — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 396—399.— 23.

[5] Термин «неполная средняя школа» (семилетка) очень широко использовался в 30—40-е годы. В настоящее время не употребляется.— 23.

[6] В годы Великой Отечественной войны многие воспитанники колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского были награждены орденами и медалями.— 24.

[7] Мелкобуржуазная педагогическая теория «свободного воспитания» идеализировала ребенка как «первообраз правды, истины и красоты» и предполагала его саморазвитие. Направленная против муштры и угнетения детей, против формализма и зубрежки в обучении, эта теория отрицала право взрослых руководить воспитательной работой, объявляя такое руководство насилием над личностью ребенка. Сторонники этой теории (Ж.-Ж. Руссо, С. Фор, Э. Кей, А. Гурлитт, М. Монтессори, Л. Н. Толстой, К. Н. Вентцель и др.), ратуя за создание новой школы, которая бы воспитывала детей без принуждения и насилия, в конечном счете все сводили к крайнему индивидуализму, к отрицанию учебных планов, программ, учебников, руководящей роли учителя. Одна из ошибочных установок «свободного воспитания» — положение о том, что «дисциплина должна вытекать из сознания». А. С. Макаренко подвергает резкой критике эту формулу, убедительно доказывая, что дисциплину нельзя создать одной проповедью, одними разъяснениями, что она «является продуктом всей суммы воспитательного воздействия» — 27.

[8] Имеются в виду последние годы работы А. С. Макаренко в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.— 34.

[9] В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского право наказания принадлежало не только А. С. Макаренко, но и коллективу воспитанников (в частности, совету командиров). Никто из педагогического и инженерно-технического персонала такого права не имел.— 44.

[10] Логика «параллельного педагогического действия» — одно из принципиально важных открытий А. С. Макаренко. Она свойственна только системе коммунистического воспитания, в которой воздействие на личность наиболее успешно осуществляется не в условиях «парной педагогики» (воспитатель — воспитанник), а через первичный коллектив. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского первичным коллективом был разновозрастный отряд, который и стал основным путем прикосновения к отдельной личности.— 51.

[11] Упоминание А. С. Макаренко о закреплении воспитателей за отрядами — [illegible] корректив к описанию методики работы в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.— 54.

[12] А. С. Макаренко в период с 1930 по 1935 г. в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского [illegible] отказался от освобожденных воспитателей, не имеющих никаких других [illegible] должностей, кроме воспитательных — 57.

[13] Вербицкая А. А. (1861—1928) — сентиментальная, мелодраматическая писательница. Пользовалась большой популярностью в годы реакции, наступившей после революции 1905 г. Главные темы ее книг — вопросы пола и различные [illegible] половые перегибы — 59.

[14] Более подробно этот вопрос освещен в статье «Длительность педагогического коллектива» (см.: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 1, с. 102—111.— 60.

[15] Данный прием подробно описан в повести «Флаги на башнях» (глава «Вам письмо»).— 63.

[16] Некоторые [illegible] настаивали на том, чтобы коммунары работали 6 часов в день, и требовали соответственно сократить продолжительность занятий в школе. А. С. Макаренко считал необходимым отводить на учебу в школе не менее 6 часов, а продолжительность работы на заводе ограничить 2 часами в день. Было принято компромиссное решение: 4 часа — работа на производстве и 4—5 часов — учеба в школе.— 66.

[17] Более подробно этот вопрос А. С. Макаренко освещает в повести «Марш 30 года» и в «Книге для воспитателей».— 68.

[18] [illegible] выдачи воспитанникам карманных денег А. С. Макаренко обращался в Наркомпрос УССР в июне 1924 г. Карманные деньги колонистам выдавались обычно по праздникам.— 68.

[19] На строительство и оборудование коммуны им. Ф. Э. Дзержинского государством было [illegible] руб. В первые годы коммуна существовала не только на полупроизводственные отчисления от зарплаты сотрудников политсостава органов и войск ГПУ УССР и на представляемые Коллегией ГПУ УССР [illegible] «Красные зори», переданного в распоряжение совета по делам коммуны. Материальную помощь оказывали также советские и общественные организации.— 69.

[20] А. С. Макаренко считал, что трудовое коммунистическое воспитание молодежи можно обеспечить только на основе вовлечения ее в активный производительный труд [illegible] социалистического производства. Данное высказывание [illegible] Антона Семеновича с широко распространенным в 20—30-е годы извращением идеи о связи обучения с трудом.— 77.

На пороге третьего десятилетия

Статья впервые опубликована в газете «За коммунистическое просвещение» (1937, 1 сент.) Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 49—51.

А. С. Макаренко, указывая на огромные достижения советской школы, в то же время акцентирует внимание общественности на воспитательной работе школы, как на «самом отсталом нашем участке». В статье сформулировано принципиально важное в методологическом отношении положение о том, что «надо по-настоящему обратить педагогику в активную, целеустремленную, политическую науку». Статья не утратила своей актуальности и в наши дни.

[1] Речь идет о комплексной системе обучения. Государственный ученый совет Наркомпроса РСФСР (ГУС) опубликовал схемы комплексных программ еще в конце 1922 г. С 1924/25 учеб. года они вводились как обязательные в 1—2 кл., а в 3—5 кл.— с 1925/26 учеб. года. Применение комплексной системы обучения было мотивировано стремлением осуществить связь школы с жизнью и трудом. Однако в процессе реализации этих программ делались попытки увязать в комплекс самые разнообразные явления. Н. К. Крупская писала, что во многих случаях «начали связывать что попало и с чем попало и комплексность выливалась часто

я довольно нелепую вещь. Задумана она была как увязка между знаниями, как мост между разными знаниями, а стала связывать что угодно с чем угодно, стали делать массу неверных искусственных увязок» (Крупская Н. К. Пед. соч.: В 10-ти т. М., 1959, т. 4, с. 484). Именно на этот формализм и указывает А. С. Макаренко.— 89.

[2] Бригадно-лабораторный метод как организованная форма обучения применялся в советских школах в 20-х — начале 30-х годов. В 20-е годы делались попытки превратить его в универсальный метод обучения. Конец этому был положен постановлением ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе». Бригадно-лабораторная форма обучения широко используется и в настоящее время, в частности, в странах Американского континента.— 90.

Проблемы воспитания в советской школе

Статья впервые опубликована в порядке обсуждения в газете «Правда» (1938, 23 марта). Она вызвала многочисленные отклики педагогов, родителей, партийных работников и других читателей. Часть этих писем хранится в Центральном государственном литературном архиве МВД СССР. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 203—207.

Воспитание характера в школе

А. С. Макаренко написал эту статью в ответ на письма читателей, полученные редакцией «Правды» после опубликования статьи «Проблемы воспитания в советской школе». Статья была опубликована в «Правде» — 1938, 6 мая). Печатается по изданию: Макаренко А. С., Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 207—210.

[1] В авторской машинописи эта фраза заканчивается словами: «стоящих всегда в близком соседстве с рабом» — 97.

[2] В авторской машинописи этот абзац дан в следующей редакции: «В своей практике я применял такую шкалу мер воздействия, которые, впрочем, всегда и мною и моими воспитанниками называлась попросту наказаниями: замечание наедине, замечание перед классом, замечание перед общим собранием школы, наряд, выговор в приказе по школе, арест, выговор перед строем, лишение школьного значка, исключение» (Макаренко А. С. Соч. 2-е изд., М., 1958, т. 5, с. 536) — 98.

[3] В авторской машинописи этим словам предшествует следующий текст: «Вообще в моем коллективе считалось, что наказание не унижает, а, напротив, доказывает товарищеское отношение к виновному. Поэтому я никогда не вел учета наказаний и никогда не вспоминал прошлых проступков, в воспитательной работе я считаю это необходимым: ученик должен отвечать только за последний поступок» (Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 5, с. 536) — 98.

Некоторые соображения о школе и наших детях

Рукопись датирована 15.X.1935 г. Написана она, по всей вероятности, специально для А. М. Горького (оригинал хранится в Архиве А. М. Горького). Впервые опубликована в 1958 г. в 7-м томе 2-го изд. Сочинений А. С. Макаренко (с. 387—392). Многие положения, сформулированные в данных тезисах, сохраняют свою актуальность и сегодня. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 213—216.

[1] Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г., в котором требовалось от администрации школы и педагогов усилить внимание к укреплению

сознательной дисциплины учащихся. С этой целью им предлагалось «вести настойчивую воспитательную работу, борясь с нарушающими порядок в школе преступками учащихся, привлекая к этому делу общественные организации, родителей, комсомольские и пионерские организации, а неисправимых из учащихся хулиганствующих и оскорбляющих учащий персонал, нарушающих распоряжения администрации школы и педагогов и ломающих школьный режим, портящих или расхищающих имущество школы, исключать из школы без права поступления в школу сроком от одного до трех лет» / см.: Народное образование в СССР. М., 1977, с. 163.— 100.

Докладная записка об организации свободной мастерской

Адресована правлению коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Датируется 1928 г. Опубликована впервые в 1958 г. в 7-м томе 2-го изд. Сочинений А. С. Макаренко (с. 414—416). Печатается по изданию: Макаренко А. С., Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост. Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 68—69.

Объяснительная записка к проекту организации трудового детского корпуса

Впервые опубликована в 1952 г. в 7-м т. 1-го изд. Сочинений А. С. Макаренко. Более подробно мнение Макаренко о проекте организации трудового детского корпуса изложено в письме к А. М. Горькому от 14 июня 1934 г. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 204—210.

Некоторые выводы из моего педагогического опыта

Этот доклад А. С. Макаренко сделал для учителей школ Ленинграда и Ленинградской области 16 октября 1938 г. в Ленинградском областном Доме учителя. Впервые доклад был опубликован в «Учительской газете» (1940, 15, 18 дек.). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 4, с. 230—248.

[1] А. С. Макаренко неоднократно отмечал, что принципиальных различий в методике воспитания беспризорных детей и так называемых нормальных детей (из семьи) не существует и не должно быть.— 112.

[2] Ломброзо Чезаре (1835—1909) — итальянский психиатр и антрополог, основоположник теории так называемой «прирожденной преступности», согласно которой люди не становятся преступниками под влиянием различных условий, а рождаются ими.— 112.

[3] Антинаучная сущность педологии раскрыта в постановлении ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 г. / см.: Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 гг. М., 1974, с. 173—175.— 113.

[4] Имеется в виду система искусственно подогнанных, словесных доказательств — 113.

[5] Положение А. С. Макаренко о том, что для правильного воспитания в учебно-воспитательном заведении необходимо стремиться к созданию единого коллектива, органически включающего в себя и учащихся и учителей, является принципиально важным положением методики коммунистического воспитания. Макаренко утверждал, что воспитывать нужно не поочередно отдельных учащихся, а целый коллектив, который в свою очередь воспитывает каждую индивидуальность в отдельности (см.: Педагогика индивидуального действия.— Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 5, с. 163).— 116.

[6] А. С. Макаренко имел в виду опубликованные в «Правде» статьи «Проблемы воспитания в советской школе» (1938, 23 марта) и «Воспитание характера в школе» (1938, 6 мая).— 120.

[7] Далее следует беседа двух коммунаров из повести А. С. Макаренко «Флаги на башнях» (ч. III, г. «Отказать»).— 126.

[8] А. С. Макаренко действительно присутствовал на судебном заседании 23 февраля 1938 г. Его записи по этому поводу хранятся в Архиве А. С. Макаренко (Дело № 6д, папка № 7).— 128.

[9] Имеется в виду коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, где воспитанники получили образование в объеме десятилетки (десятилетка здесь была организована в 1935 г.).— 128.

[10] Имеются в виду эксперименты в области воспитания. Это заявление А. С. Макаренко не относилось к педагогическому эксперименту как методу научного исследования.— 128.

[11] По-видимому, речь идет о необходимости иметь в учебно-воспитательном заведении учителей и учеников с различным стажем пребывания в нем.— 129.

О моем опыте

Этот доклад А. С. Макаренко сделал в Научно-практическом институте специальных школ и детских домов Наркомпроса РСФСР 20 октября 1938 г. Впервые доклад напечатан (с сокращениями) в Бюллетене Научно-практического института спецшкол и детдомов (1941, № 2—3), посвященном памяти А. С. Макаренко в связи с двухлетием со дня его смерти.

Автором доклад не озаглавлен. Название «О моем опыте» дано И. Ф. Козловым — составителем сборника: Макаренко А. С. Избр. пед. произведения. М., 1946. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов, М., 1983—, т. 4. с. 248—266.

[1] Более подробно метод «взрыва» освещен в отрывке «О взрыве», написанном А. С. Макаренко для «Педагогической поэмы», но не вошедшим в окончательный ее текст (см. с. 333—335 настоящего тома).

Метод «взрыва» А. С. Макаренко использовал, как известно, при перевоспитании подростков, склонных к правонарушениям. В обычных условиях воспитания область применения этого метода соответственно сужается.— 131.

[2] Ригоризм — чрезмерная строгость, прямолинейность и мелочность в соблюдении нравственных принципов, в поведении.— 139.

[3] Впоследствии А. С. Макаренко несколько уточнил эту формулу, устранив излишне категорическое противопоставление дисциплины как результата воспитания дисциплине как средству воспитания. Выступая перед студентами и преподавателями Харьковского педагогического института 9 марта 1939 г., Макаренко сказал: «Дисциплина — это прежде всего не средство воспитания, а результат, и уже потом она становится средством» (с. 159 настоящего тома).— 140.

[4] Данюшевский Израиль Исаакович (1890—1950) — советский педагог, дефектолог. С 1930 по 1943 г.— директор Экспериментального дефектологического института, который в 1936 г. реорганизован в Научно-практический институт специальных школ и детских домов. Автор статей по вопросам дефектологии и педагогики детских домов.— 143.

[5] Макбетовские ведьмы — среди действующих лиц трагедии «Макбет» В. Шекспира важную роль играют три ведьмы, сопровождающие главного героя и выступающие по отношению к нему в роли волшебниц, «вещих сестер». Однако они не только предрекали исход его жестких действий (убийств короля, многих членов его семьи и т. п.), но и по существу подстрекали Макбета к этому, следили за тем, чем все это кончится.— 146.

Мои педагогические воззрения

9 марта 1939 г. А. С. Макаренко выступил перед студентами и преподавателями Харьковского педагогического института. Стенограмма этого выступления впервые была опубликована в «Научных записках Харьковского государственного педагогического института» (1941). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983 —, т. 4, с. 343—364.

[1] А. С. Макаренко отличался чрезвычайной скромностью при оценке своей деятельности. Фактически же его художественные и научно-педагогические труды составили целую эпоху в педагогической науке, заняли достойное место в фундаменте марксистско-ленинской педагогики, направленной на формирование нового человека с коммунистической моралью и идеологией.— 148.

[2] А. М. Горький в письме от 17 декабря 1932 г. писал: «Вчера прочитал Вашу книжку «Марш 30 года». Читал — с волнением и радостью. Вы очень хорошо изобразили коммуну и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренно поздравляю с этой книгой» (см. с. 550 настоящего тома).— 149.

[3] Речь идет о статье Н. П. Стороженко «Вредные советы родителям о воспитании детей».— Советская педагогика, 1938, № 3.— 150.

[4] Понятие «синтетический образ» означает, что в характере своего героя писатель обобщил черты многих лиц. Некоторые критики требовали от А. С. Макаренко «синтетических образов», не понимая того, что и характер конкретного человека также может быть типичным, а следовательно, и обобщающим. К тому же следует учитывать и то, что герои А. С. Макаренко не являются копиями его сотрудников и воспитанников. При большом сходстве с прототипами они все же содержат типичные черты, являются художественным домыслом автора.— 151.

[5] Воспитание таких качеств, как выдержка, сдержанность, умение отказать себе в чем-либо, самообладание (т. е. воспитанию «тормозов»), А. С. Макаренко придавал большое значение. Осуждая «дисциплину торможения», он имел в виду педагогов, которые только ограничивают воспитанников и не заботятся о воспитании активности.— 154.

[6] А. С. Макаренко, считая недопустимым напоминать воспитанникам о прошлых проступках, не вел учета наказаний. Однако он твердо придерживался точки зрения о необходимости тщательного учета поведения воспитанников в колонии или коммуне. Он писал: «...даже мелкие проступки воспитанников не должны остаться без регистрации. Это правило нужно взять следующее: ни один проступок воспитанников не должен быть незамеченным. В учебно-воспитательной части должна вестись постоянная регистрация всех нарушений дисциплины, традиций, стиля и тона учреждения, даже самых мелких; данные этой регистрации должны итожиться по неделям, по отрядам, бригадам и классам и быть предметом обсуждения в советах коллективов (педагогическом и детском) воспитательного учреждения (Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 5, с. 49).— 161.

[7] Имеется в виду позиция школьного работника (употреблено иронически).— 164.

[8] Детальнее этот вопрос А. С. Макаренко осветил в лекции «Половое воспитание», с которой он выступил по радио в 1937 г. (см.: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд., 1957, т. 4, с. 406).— 164.

[9] К. Маркс говорит об этом в «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» (см.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 16, с. 195—199).— 167.

[10] О горьковском оптимизме А. С. Макаренко подробно говорит в статье «Максим Горький в моей жизни» (см. с. 520—530 настоящего тома).— 168.

Из опыта работы

С этим докладом А. С. Макаренко выступил в Москве на совещании учителей Ярославской железной дороги 29 марта 1939 г. Это его последнее публичное выступление. Впервые доклад был опубликован в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч. М., 1948. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т./ Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов, 1983—, т. 4, с. 365—375.

[1] В июле 1935 г. А. С. Макаренко был назначен помощником начальника отдела трудовых колоний НКВД УССР.— 170.

[illegible] Развитие производства в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского позволило в 1931 г. в короткий срок увеличить число воспитанников со 150 до 350. Чтобы не нарушать нормальной работы полной средней школы в коммуне, для старших классов пополнение принимали из детских домов Наркомпроса УССР по конкурсу, после вступительных экзаменов. Прием детей производила на местах выездная комиссия в составе трех преподавателей и представителя совета командиров, выделенных педагогическим коллективом коммуны. Младшие классы пополнялись в обычном порядке: сиротами и беспризорными детьми. Этот порядок сохранялся и в дальнейшем, когда происходили значительные пополнения коммуны.— 171.

[illegible] Имеется в виду статья Ф. Энгельса «Может ли Европа разоружаться?» (1893). На русском языке впервые опубликована в 1936 г.— 177.

В статье говорится о необходимости сокращения срока военной службы и *«перенесения центра тяжести всякого обучения на воспитание молодежи»*. Ф. Энгельс доказывает возможность осуществления поставленной задачи. Он писал: «Учащиеся легко могут усвоить в школе правила военного построения и передвижения сомкнутым строем. Школьник от природы держится и ходит прямо, в особенности если он занимается гимнастикой. ...Передвижениям в составе взвода и роты можно обучить в каждой школе, и притом с легкостью, о которой в армии не имеют представления. Но, что для новобранца является ненавистным делом, зачастую непреодолимой [illegible] для школьников — игра и развлечение. Умение поддерживать интервалы и равнение при движении развернутым строем, а также при поворотах,— [illegible] добиться от взрослых новобранцев,— школьники усвоят играючи. [illegible] упражнения с ними проводить систематически. Если добрую [illegible] тренировать на походы и тренировки на местности, то это принесет пользу как физическому и духовному развитию школьников, так и военному казначейству». Энгельс считал, что такие военные прогулки можно отлично использовать для того, чтобы научить школьников решать задачи, связанные с полевой службой, и что эти прогулки «в значительной степени содействуют умственному развитию школьников и дают им возможность в сравнительно короткий срок пройти специальную военную подготовку» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч 2-е изд., т. 22, с. 396—397).

[4] Приказ начинался фразой: «С утра все по нарядам командиров». Далее следовало распределение нарядов на предстоящую работу.— 178.

[5] Вестибюль, где стоял ночью часовой, был освещен. Спальни коммунаров до 1932 г. располагались на втором этаже того же здания. Позднее был пристроен корпус спален, который сообщался с главным зданием.— 179.

[6] Для уборки остальных помещений коммуны система жеребьевки сохранялась. Эта система подробно описана в повести «Марш 30 года» (см.: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1957, т. 2, с. 35—36).— 179.

Педагоги пожимают плечами

29 декабря 1932 г. коммуна им. Ф. Э. Дзержинского торжественно отпраздновала свой пятилетний юбилей. Активное участие в этом празднике приняла выездная бригада газеты «Комсомольская правда», которая подготовила и издала небольшим тиражом сборник «Второе рождение», в котором были опубликованы четыре работы А. С. Макаренко: «Педагоги пожимают плечами», «Перевернутые страницы», «Один день коммуны», «Конституция страны ФЭД». Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 136—144.

В статье «Педагоги пожимают плечами» А. С. Макаренко обобщил опыт своей работы в колонии им. А. М. Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. В ней четко сформулированы многие принципиально важные теоретические положения системы коммунистического воспитания, подтвержденные замечательным опытом выдающегося педагога.

[1] Имеются в виду постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г. и «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г.— 181.

[2] Высказывание А. С. Залужного (см.: Педология и воспитание. М., 1928, с. 76).— 181.

[3] А. С. Макаренко имеет в виду опыт работы в колонии им. А. М. Горького, которая вначале располагалась в лесу, в нескольких километрах от г. Полтавы.— 182.

[4] Здесь А. С. Макаренко намечает программу воспитания, акцентируя внимание на самых важных чертах советского человека.— 183.

[5] Авгуры — в Древнем Риме члены коллегии жрецов. Авгурами называют людей, которые делают вид, что они посвящены в особые тайны.— 184.

[6] Это положение А. С. Макаренко имеет принципиально важное методологическое значение для марксистско-ленинской педагогики. В последующих работах [illegible] развивается педагога оно получило глубокое обоснование. Выступая 1 марта 1939 г. в лектории Московского университета, Антон Семенович подчеркнул, что «настоящая педагогика — это та, которая повторяет педагогику всего нашего общества», которая строится в соответствии с высокими требованиями нашей партии к человеку и коллективу.— 184.

[7] Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского имела два завода: по производству электротрехверпилок и различных фотоаппаратов. По уровню своего оборудования и качеству выпускаемой продукции они соответствовали самым высоким требованиям того времени.— 185.

[8] Имеется в виду [illegible] А. С. Макаренко о том, что воспитанника следует рассматривать не только в [illegible] воспитания, но и как его носителя-субъекта, является существенным [illegible] в системе коммунистического воспитания. Наличие четко организованного [illegible], подлинного самоуправления, включающего всех воспитанников в [illegible] воспитательный процесс,— необходимое условие этой системы.— 185.

Доклад на заседании секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики

Доклад был сделан на заседании секции социального воспитания института 14 марта 1928 г. Это заседание саркастически описано А. С. Макаренко в «Педагогической поэме» (часть III, гл. 14, «Награды»). Впервые доклад опубликован во 2-м изд. Сочинений А. С. Макаренко (М., 1958, т. 5, с. 325—340). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 69—80.

[1] На этом А. С. Макаренко закончил свой доклад. Последующий текст воспроизводит стенограмму его краткого выступления в прениях и заключительного слова.— 194.

План книги «Опыт методики работы детской трудовой колонии»

Этот «Общий план» А. С. Макаренко написал для себя, приступая к созданию книги, в которой он хотел обобщить опыт работы в колонии им. М. Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Как видно из написанных глав, автор в процессе работы несколько изменил последовательность изложения материала.

Впервые «Общий план» опубликован в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч. М., 1948. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 190—193.

Опыт методики работы детской трудовой колонии (Материалы книги)

В 1931 г. А. С. Макаренко начал работать над книгой о методике организации работы детской трудовой колонии (на основе собственного опыта работы в колонии им. М. Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского). Как видно из плана книги, Макаренко хотел создать пособие, охватывающее все основные проблемы и этапы жизнедеятельности учреждения данного типа.

В 1932 г. были написаны 3 части: предисловие; вступление, включающее подразделы «Цель воспитания», «Коллектив», «Педагогическая логика» и «Организационный период». На этом работа была прервана, так как автор готовил к печати «Педагогическую поэму» и был занят решением сложных задач расширения коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

Впервые эти материалы опубликованы в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч. М., 1948. Главы «Цель воспитания» и «Педагогическая логика» были одновременно опубликованы также в журн. «Вопросы философии» (1948, № 2). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения. В 8-ми т./Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—т. 1, с. 166—190.

[1] Дальнейшее развитие положения А. С. Макаренко о цели воспитания получили в его статье «Цель воспитания» (см. с. 283—291 настоящего тома).—203.

[2] А. С. Макаренко, говоря о возможности «брака» в существующих условиях воспитания, был решительным сторонником «безбрачного» воспитания. Выступая во Фрунзенском районном Доме учителя г. Москвы 8 февраля 1939 г., он говорил: «Я категорически утверждаю и всю жизнь говорю: ни одного процента брака, ни одной загубленной жизни.

Давайте же, товарищи, примем за норму — ни одного процента брака в воспитательной работе» (Макаренко А. С. Соч. 2-е изд., М., 1957, т. 4, с. 488).— 205.

[3] Аркин Ефим Аронович (1873—1948) — советский педагог и врач, автор работ по вопросам гигиены, дошкольной педагогики, воспитания в семье.— 210.

[4] А. С. Макаренко имеет здесь в виду постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г.— 214.

[5] Дьюи Джон (1859—1952) — американский педагог, психолог и философ-идеалист. Разработанная им разновидность прагматизма, названная инструментализмом, послужила основой его педагогики. Он противопоставляет школьной системе, основанной на приобретении и усвоении знаний, обучение «путем делания», когда все знания извлекаются из практической самодеятельности и личного опыта ребенка. Педагогика Дьюи направлена на подготовку практиков-дельцов, умеющих приспосабливаться к жизни, к различным ситуациям, т. е. делать карьеру в буржуазном обществе. Его установки на борьбу с формализмом школьного обучения в начале 20-х годов пользовались симпатией некоторых педагогов, его высказывания о детях сочувственно цитировались. А. С. Макаренко осуждал некритическое отношение к теории Дьюи.

Наторп Пауль (1854—1924) — немецкий буржуазный философ и педагог, неокантианец, один из представителей так называемой социальной педагогики. Он рассматривал воспитание как средство обеспечить «здоровое совместное сосуществование» классов и единственный путь к совершенствованию общества. В начале XX в. среди части русских педагогов популярной была книга Наторпа «Социальная педагогика», изданная на русском языке в 1911 г.

Бременцы — в данном случае группа немецких мелкобуржуазных школьных деятелей, организовавших в 1920 г. в г. Бремене опытно-показательную школу, пропагандировавшую идеи мелкобуржуазной анархистской педагогики. В 1921 г. эта школа распалась. Говоря о «соленой воде» бременцев, А. С. Макаренко подразумевал, по-видимому, их высказывания о «понимающей любви учителя», о «прирожденном разуме ребенка» и т. п.— 214.

[6] А. С. Макаренко резко критиковал традиционную педагогику, утопающую в абстрактных суждениях и игнорирующую технологию педагогического процесса. В «Педагогической поэме» он написал, что традиционное педагогическое производство никогда не строилось по технологической логике, а всегда по логике моральной проповеди. Макаренко считал это одним из главных недостатков педагогической науки.— 214.

[7] А. С. Макаренко неоднократно обращал внимание на типичные ошибки педагогической логики, подробно анализировал их в своих выступлениях перед сотрудниками Наркомпроса РСФСР (см. с. 9—89 настоящего тома) и в ряде других лекций и выступлений.— 216.

[8] Эти положения А. С. Макаренко имеют особо важное теоретическое и практическое значение для современной педагогической теории и практики.— 217.

[9] Речь идет о коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, в организации которой А. С. Макаренко принимал самое непосредственное и активное участие.— 220.

[10] А. С. Макаренко имеет в виду колонию им. М. Горького, ее Куряжский период в 1926 г. (см.: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд., М., 1957, т. 1, с. 394 и далее).— 221.

[11] Имеются в виду эпизоды из кинокартины «Путевка в жизнь».— 223.

[12] Бокль Генри Томас (1821—1862) — английский историк и социолог-позитивист. Автор книги «История цивилизации Англии». Он связывал развитие сознания непосредственно с условиями географической среды, считая накопление знаний причиной изменения общественно-политического строя.— 223.

[13] С 1930 г. коммуна им. Ф. Э. Дзержинского получала от своих мастерских (слесарно-механической, деревообрабатывающей, пошивочной) столь значительные доходы, что это позволило ей перейти на полную самоокупаемость. Введена была зарплата для коммунаров и создан фонд совета командиров. Кроме того, коммуна ежегодно давала государству около 5 млн. рублей чистой прибыли.— 224.

[14] А. С. Макаренко с самого начала организации коммуны считал необходимым создать серьезную производственную базу, однако к ее открытию это было осуществлено только частично.— 225.

Тезисы доклада «Организация воспитания трудного детства»

Доклад был сделан А. С. Макаренко на Всеукраинской конференции детских городков в 1926 г. Тезисы впервые опубликованы в 1952 г. в 7-м томе 1-го изд. Сочинений А. С. Макаренко. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 53—54.

Письмо заведующему Главным управлением социального воспитания НКП УССР

Письмо написано в 1928 г. В нем изложены основные принципиальные положения педагогической системы А. С. Макаренко. Впервые опубликовано в 1952 г. в 7-м томе 1-го изд. Сочинений А. С. Макаренко. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост. Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 92—94.

На педагогических ухабах

Впервые опубликована как 12 глава первой части «Педагогической поэмы» в 1935 г. в украинском издании. В русских изданиях при жизни автора опубликована не была. В начале 1951 г. отделом Института мировой литературы АН СССР был разыскан авторский машинописный экземпляр этой главы. Впервые авторский текст был опубликован в 7-м томе 1-го изд. Сочинений А. С. Макаренко (1952). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд., М., 1957, т. 1, с. 648—654.

Глава представляет большой теоретический и практический интерес. Особую значимость она приобретает в связи с необходимостью рационального обучения с производительным трудом учащихся, что требуется проводимой в настоящее время школьной реформой.

Очерк о работе Полтавской колонии им. М. Горького

Очерк написан в 1925 г. Впервые опубликован в 7-м томе 1-го изд. Сочинений А. С. Макаренко (1952). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 44—53.

[1] В авторской машинописи стерто.— 242.

Прекрасный памятник

Статья написана в 1936 г. Впервые опубликована в газете «Правда» (1937, 20 июля) в связи с десятилетием со дня смерти Ф. Э. Дзержинского. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 5, с. 341—345.

[1] Эти слова Ф. Э. Дзержинский сказал в 1922 г. А. В. Луначарскому, предлагая ему привлечь ВЧК для борьбы с детской беспризорностью. См.: Луначарский А. В. Ф. Э. Дзержинский в Наркомпросе.— Нар. просвещение, 1926. № 7.— 245.

Операционный план педагогической работы трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

Документ разработан А. С. Макаренко предположительно в самом начале 1928 г. Хранится в Харьковском государственном архиве в фондах Харьковского горono (ф. р. 4, оп. 1, д. 85, лл. 6—9 об.).

Материал впервые был обнаружен Н. Н. Оксой. Первая детальная публикация о нем дана в брошюре: А. С. Макаренко в Харькове / Сост.: Попова Л. Д., Корнилов В. В., Видченко А. Г., Окса Н. Н. Харьков, 1983, с. 22—28. Комментарий этого материала дан также Ф. И. Науменко (Учит. газ., 1983, 14 июля).

В этом документе А. С. Макаренко впервые систематически изложил принципиальные позиции своей педагогики коллектива, сохраняющие свою актуальность и поныне.

Публикуется по архивной справке с некоторыми редакционными исправлениями.

[1] Аркадия — гористая область в центре Пелопонеса, ныне частично входит в одноименный ном (мелкая административная единица Греции). В древности население Аркадии, богатой прекрасными пастбищами, занималось преимущественно скотоводством. В переносном смысле Аркадия — это идиллическая страна «аркадских пастушков».— 250.

[2] В данном случае в понятие «партийный» А. С. Макаренко, по-видимому, вкладывал смысл «политический», что включало в себя и принадлежность учащихся к политическим общественным организациям (комсомольской, пионерской).— 251.

[3] Янычары — турецкая регулярная пехота, организованная в XIV в. и использовавшаяся турецкими феодалами в их захватнических, грабительских войнах. Янычары, составлявшие замкнутую военную касту, вскоре стали оплотом реакции в Османской империи.— 253.

[4] 15—20 ноября 1927 г. в Москве состоялась Всероссийская конференция работников детдомов, на которой выступал А. С. Макаренко.— 254.

«Конституция» трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

Данный проект «Конституции» разработан А. С. Макаренко в первый год существования коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Он хранится в Харьковском государственном архиве, в фондах Харьковского горono (ф. р. 4, оп. 1, д. 85, лл. 6—9 об.). Материал впервые был обнаружен Н. Н. Оксой. Первая детальная публикация о нем дана в брошюре: А. С. Макаренко в Харькове / Сост.: Л. Д. Попова, В. В. Корнилов, А. Г. Видденко, Н. Н. Окса. Харьков, 1983, с. 22—28. Комментарий этого материала дан также Ф. И. Науменко / Учит. газ., 1983. 14 июля). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Избранные произведения: В 3-х т. / Редкол.: Н. Д. Ярмаченко (председатель) и др. К., 1984, т. 3, с. 249—255.

Конституция страны ФЭД

«Конституция» коммуны им. Ф. Э. Дзержинского является дальнейшим развитием и углублением традиций колонии им. А. М. Горького, устав которой, именуемый «конституцией», не сохранился. Утверждена правлением коммуны при участии колонистов 4 февраля 1928 г.

Впервые статья опубликована в сборнике «Второе рождение», изданном к пятилетию коммуны им. Ф. Э. Дзержинского (Харьков, 1932). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 149—154.

[1] В коммуне существовал порядок, в соответствии с которым для выступающих устанавливался постоянный регламент в одну минуту. За этим строго следили не только руководители собрания, но и все присутствующие, ибо на столе стояли песочные часы, рассчитанные только на одну минуту.

Важной традицией являлось также и то, что на собрании не подводилось черты под списком желающих выступить. Если хоть один из участников собрания желал выступить, председательствующий обязан был предоставить ему слово.— 263.

Докладная записка члену правления коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

Написана в декабре 1930 г. Впервые опубликована в 7-м томе 1-го изд. Сочинений А. С. Макаренко (1952). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 1, с. 119—135.

[1] В период с 28 августа 1926 г. по 11 декабря 1927 г. колонию им. М. Горького в Куряже посетило 32 иностранные делегации. В 1928 г. в Нью-Йорке вышла книга Л. Вильсон «Новая школа в новой России», где с большим одобрением описывалась педагогическая практика горьковской колонии. Эта книга была известна А. С. Макаренко.— 268.

[2] Имеется в виду буржуазная «Декларация о правах человека и гражданина», принятая учредительным собранием в начале французской буржуазной революции 26 августа 1789 г.— 272.

[3] Погребинский М. С.— руководитель трудкоммуны бывших правонарушителей им. ОГПУ № 1 в Болшеве, автор книги «Фабрика людей» (М., 1928).— 274.

[4] Имеется в виду последствия неурожая на Украине.— 278.

[5] В написанной А. С. Макаренко хронике «Перевернутые страницы» имеется запись от 3 декабря 1930 г.: «Посещение коммуны красными фронтовиками Германии» (Макаренко А. С. Соч. М., 1953, т. 2, с. 425).— 282.

Цель воспитания

Статья написана в августе 1937 г., впервые напечатана в газете «Известия» (1937, 28 авг.). Вопрос о цели воспитания подробно рассмотрен А. С. Макаренко также в лекции «Методы воспитания» (см. с. 9 настоящего тома). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 4, с. 41—49.

[1] Педологи исходили из того, что судьба ребенка предопределена его наследственностью и влиянием какой-то якобы неизменной социальной среды.— 283.

[2] Бубнов Андрей Сергеевич (1884—1940) — советский государственный, партийный деятель. С 1929 по 1937 г. был народным комиссаром просвещения РСФСР.— 284.

[3] Здесь имеется в виду одно из течений буржуазной педагогики конца XIX — начала XX в., все положения которого строились на данных эмпирических наблюдений и специально поставленного эксперимента. В центре внимания экспериментальной педагогики находилось не обучение ребенка, а изучение самого ребенка. Ее представители — немецкие психологи и педагоги В. Лай, Э. Мейман, французский психолог А. Бине, американские психологи и педагоги С. Холл, Э. Торндайк и др.— 284.

[4] Гербарт Иоганн Фридрих (1776—1841) — немецкий педагог, разработал теорию воспитания, которая носила резко выраженный реакционный характер.

Опираясь на идеалистическую философию и психологию, Гербарт пытался доказать, что обучение решает все задачи воспитания. Его концепция «воспитывающего обучения» фактически отождествляла воспитание с обучением, явилась основой так называемой «школы учебы», в которой обучение доминирует над воспитанием. Н. К. Крупская подвергла резкой критике «школу учебы», указав на неприемлемость такого подхода для социалистической школы, в которой, по ее убеждению, воспитание должно доминировать над обучением. Такой позиции придерживался и А. С. Макаренко.— 285.

[5] Чуждый коммунистической морали характер такой психологии А. С. Макаренко разоблачал также в своих работах по этике (см. с. 312—318 настоящего тома).— 287.

[6] А. С. Макаренко считал, что дисциплинированность — это не одно из многих свойств, а проявление всей совокупности качеств, характеризующих личность.— 290.

Коммунистическое воспитание и поведение

Лекция была прочитана А. С. Макаренко 1 марта 1939 г. в лектории Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Впервые опубликована в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч. М., 1948. Здесь же опубликован и план этой лекции. Печатается с некоторыми сокращениями по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения. В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983—, т. 4, с. 322—342.

[1] Имеется в виду 20-летний юбилей школы № 1 Ярославской железной дороги, где работал А. К. Волнин, бывший директор Полтавского учительского института, в котором А. С. Макаренко учился в 1914—1917 гг.— 292.

[2] Цитируется речь В. И. Ленина на III съезде РКСМ (1920 г.). См.: Ленин В. И. Задачи союзов молодежи.— Полн. собр. соч., т. 41, с. 311.— 296.

[3] См.: Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше.— Полн. собр. соч., т. 45, с. 390—298.

[4] Разумеется, А. С. Макаренко не только не оправдывал никаких недостатков личности, но и призывал постоянно совершенствовать положительные качества характера и поведения.— 298.

[5] Имеется в виду постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» (см.: Трудовое законодательство. М., 1946, с. 87).— 305.

[6] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Соч. 2-е изд., т. 3, с. 236.— 306.

[7] См.: Маркс К. Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 198,— 308.

[8] С 1946 г. издается ежемесячный журнал «Семья и школа».— 309.

[9] В устранении «бытовой бесформенности» школьного коллектива А. С. Макаренко усматривал важнейшее условие повышения эффективности коммунистического воспитания учащихся. Многие школы, следуя его советам о создании разновозрастных отрядов школьников по бытовому принципу, добиваются заметных успехов в коммунистическом воспитании.— 310.

О коммунистической этике

Статья написана в феврале 1939 г. после опубликования проекта решений XVIII съезда ВКП(б) о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1938—1942). Впервые опубликована в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч. М.; Л., 1948. Автором статья не озаглавлена.

Печатается по указанному изданию с некоторыми сокращениями.

[1] А. С. Макаренко цитирует в сокращении слова В. И. Ленина (см.: Ленин В. И. Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 102).— 318.

Воля, мужество, целеустремленность

Статья написана в феврале—марте 1939 г. для газеты «Рабочая Москва». Впервые опубликована (с некоторыми сокращениями) в кн.: Макаренко А. С. Избр. пед. произведения. М., 1946. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 316—320.

Разговор о воспитании

В октябре 1936 г. в Московском областном педагогическом институте был организован диспут по книге «Педагогическая поэма», в котором приняло участие свыше 900 человек. Выступление на диспуте А. С. Макаренко и его заключительное слово впервые были опубликованы в журн. «Советская педагогика» (1952, № 4) в статье П. А. Сундукова «О некоторых архивных документах Антона Семеновича Макаренко». Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 35—36.

[1] В плане книги «Опыт методики работы детской трудовой колонии» эти влияния объединены под общим термином «Внутренние отношения» (см. с. 201 настоящего тома). По смыслу текста у А. С. Макаренко, термином «чистое влияние» А. С. Макаренко обозначил непосредственное влияние личности воспитателя в отличие от педагогически организованного влияния.— 325.

Что значит воспитать ребенка?

Текст представляет собой материал к выступлению или проспект задуманной автором работы. Написан после возвращения А. С. Макаренко из Харькова между 13 марта и 1 апреля 1939 г. Впервые опубликован в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч., М., 1948. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 364—365.

О воспитании

Предположительно фрагмент написан в 1922 г. Впервые опубликован в 1958 г. в 7-м томе 2-го изд. Сочинений А. С. Макаренко. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 1, с. 12—13.

О путях общественного воспитания

Данный фрагмент написан предположительно в 1932 г. Впервые опубликован в «Учительской газете» (1957, 14 марта). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 7, с. 384—387.

Понятие дисциплины в общей системе воспитания

Тезисы датируются предположительно 1922 г. Впервые опубликованы в 1958 г. в 7-м томе 2-го изд. Сочинений А. С. Макаренко. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 1, с. 11—12.

[1] Норман Мак-Мен — автор книги — «Путь к свободе в школе» (Петроград, 1915).— 331.

Выбор профессии

В 1937 г. А. С. Макаренко был привлечен к консультациям для оканчивающих среднюю школу по вопросу о выборе профессии. Он выступал на собраниях учащихся, проводил индивидуальные беседы. Это, по-видимому, и послужило стимулом для написания статьи.

Статья опубликована на французском языке в ежемесячном иллюстрированном журнале «Revue de Moscou» (1937, № 9) под названием «Путевка в жизнь». На русском языке впервые опубликована в кн.: А. С. Макаренко. Пед. соч. М., 1948. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 38—39.

[1] Педагогический стаж А. С. Макаренко до начала его работы в колонии им. М. Горького составлял около 16 лет.— 331.

О «взрыве»

Первоначально А. С. Макаренко предусматривал дать этот материал в «Педагогической поэме», однако в окончательный текст «Поэмы» он не вошел.

Фрагмент впервые был опубликован (под другим названием) в «Учительской газете» (1949, 30 марта). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 5, с. 507—510.

Художественная литература о воспитании детей

21 апреля 1937 г. в Политехническом музее А. С. Макаренко прочел лекцию, которая была объявлена следующим образом: «Художественная литература о воспитании беспризорных и безнадзорных». Однако по своему содержанию лекция значительно шире поставленной темы и включает анализ ряда принципиальных вопросов педагогической теории (критика педологии, связь педагогической науки с политикой, взаимоотношение между целью и методами воспитания и т. д.). Сам Антон Семенович данную лекцию назвал беседой. На ней присутствовали воспитанники А. С. Макаренко, коммунары-дзержинцы. Впервые обработанная стенограмма лекции опубликована в сокращении в кн.: А. С. Макаренко. Пед. соч. М., 1948. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Избр. пед. соч.: В 2-х т. М., 1977, т. 2. с. 209—234.

[1] А. С. Макаренко указывает на идейную близость педологии и различных педоцентристских теорий, выводящих не только цели, но и содержание, формы и методы обучения и воспитания из особенностей психического развития ребенка.— 338.

[2] Высказывание не означает, что А. С. Макаренко был противником воспитания гармонической личности. Вся его деятельность и творческое наследие проникнуты идеей воспитания гармонической личности. Основной целью советской педагогики, по его мнению, «должно быть воспитание цельной коммунистической личности» (Макаренко А. С. Соч. 2-е изд., М., 1958, т. 7, с. 175).— 339.

[3] Имеется в виду заседание секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики 14 марта 1928 г., на котором А.С.Макаренко выступил с докладом «Основные положения организации воспитания в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского».— 339.

[4] Более подробное раскрытие этой мысли дал А. С. Макаренко в «Педагогической поэме» (см. настоящее изд., т. 1, с. 423—426).— 339.

[5] См. «Педагогическую поэму» (см. настоящее изд., т. 1, с. 325).— 340.

[6] А. С. Макаренко дает преувеличенную оценку данного рассказа.— 341.

[7] Калабалин Семен Афанасьевич — один из первых воспитанников в колонии им. М. Горького, в последующем — страстный пропагандист и последователь педагогической системы А. С. Макаренко (в «Педагогической поэме» — Семен Карабанов).— 342.

[8] Имеются в виду слова некоторых персонажей и заведующего колонией Мартынова из книги Л. Сейфуллиной (См.: Сейфуллина Л. Правонарушители. М., 1928, с. 131, 144).— 343.

[9] Деятельность коммуны им. Ф. Э. Дзержинского А. С. Макаренко впоследствии описал в книге «Флаги на башнях».— 348.

[10] Речь шла о бывшем коммунаре Леониде Вацлавовиче Конисевиче, награжденном орденом «Знак Почета» за участие в эвакуации испанских детей из порта Бильбао в 1936 г.— 349.

[11] Прототип Ужикова — Фейгельсон (см.: Макаренко А. С. Типы и прототипы персонажей «Педагогической поэмы».— Соч. 2-е изд., М., 1957, т. 1, с. 683).— 349.

[12] Под этим названием «Педагогическая поэма» была издана в 1936 г. на английском и в 1939 г. на французском языках.— 350.

[13] В архиве А. С. Макаренко сохранились рукописи сценариев «Флаги на башнях», «Настоящий характер» (1938) и сценария без заглавия (1939).— 350.

[14] Имеется в виду колония в Броварах, пригороде Киева, которой А. С. Макаренко заведовал с октября 1936 г. по январь 1937 г. по совместительству с основной работой в должности помощника начальника Отдела трудовых колоний НКВД УССР. Здесь особенно ярко проявилось педагогическое мастерство Макаренко. Применяя систему педагогических методов, выверенную в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, он в течение 15—20 дней превратил деморализованную толпу ребят в прочный коллектив.— 352.

[15] Эту награду А. С. Макаренко получил в связи с 5-летним юбилеем коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, торжественно отмеченным 29 декабря 1932 г.— 355.

[16] А. С. Макаренко женился в 1927 г. на Галине Стахиевне Салько, работавшей в то время председателем Харьковской окружной комиссии по делам несовершеннолетних.— 355.

[17] Более подробно А. С. Макаренко говорил о наказаниях в докладе, прочитанном для учителей начальных и средних школ Ленинграда и Ленинградской области 16 октября 1938 г. (см. с. 120—122 настоящего тома).— 355.

[18] Речь идет о персонажах «Педагогической поэмы» Вере Березовской и Наталии Петренко (см. настоящее изд., т. 1, с. 238, 239 и др.).— 355.

[19] Разработанная А. С. Макаренко в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского система расходования коммунарами их заработной платы была также методом воспитания ответственности, хозяйственности и коллективизма. Здесь имеются в виду суммы, которые составлялись из отчисляемых каждым коммунаром процентов от своей зарплаты в фонд совета командиров. Эти деньги находились в распоряжении совета командиров и употреблялись на культурные нужды коллектива, для помощи выпускникам и т. п.— 356.

[20] Сердюк Калина Иванович — с сентября 1920 г. по май 1922 г. был заведующим хозяйством колонии им. М. Горького.— 356.

План лекции «Режим и дисциплина»

По данному плану А. С. Макаренко прочитал лекцию в Наркомпросе РСФСР на тему: «Дисциплина, режим, наказания и поощрения». Впервые план опубликован в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч. М., 1948. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 121—122.

План лекции «Коммунистическое воспитание и поведение»

Многие из тем, намеченных в этом плане, А. С. Макаренко развил в статье «О коммунистической этике» и в лекции «Коммунистическое воспитание и поведение», публикуемых в настоящем томе. Впервые план опубликован в кн.: Макаренко А. С. Пед. соч. М., 1948. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 5, с. 518—520.

Выступление в Высшем коммунистическом институте просвещения

В мае 1936 г. А. С. Макаренко присутствовал на обсуждении «Педагогической поэмы» в Высшем коммунистическом институте просвещения и выступил с заключительным словом. Его выступление имеет резко полемический характер, но оно проникнуто настойчивым требованием создать на подлинно научных основах методику и технику коммунистического воспитания. Впервые текст опубликован в сборнике: А. С. Макаренко. Львов. 1969, кн. 7. Печатается по указанному изданию.

[1] В. Н. Шульгин возглавил группу педагогов, которые насаждали и отстаивали антиленинскую теорию «отмирания школы».— 360.

[2] А. С. Макаренко имеет в виду Руссо как создателя теории анархической педагогики, центральной фигурой которой является воспитатель-одиночка. В советской же педагогике воспитатель выступает прежде всего как член педагогического коллектива.— 362.

[3] См.: В. И. Ленин. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) на XI съезде партии.— Полн. собр. соч., т. 45, с. 110.— 362.

[4] Выступая в Московском областном педагогическом институте, А. С. Макаренко говорил: «Я не отрицаю науку педагогику... Глубоко уважаю старых педагогов. Много их читал и многому научился у них, но нам нужно продолжать дело создания воспитательной методики (Макаренко А. С. Соч. 2-е изд., 1958, т. 5, с. 515—516).— 363.

Лекции о воспитании детей

Лекции были прочитаны А. С. Макаренко по радио в 1937 г. в цикле «Педагогическая пропаганда для родителей».

Семь лекций (2—8-я) впервые опубликованы в 1940 г. в «Учительской газете» (15, 20, 22, 24, 29 сентября, 9 и 13 октября). Две лекции одновременно были опубликованы и в газете «Известия» — «Воспитание в труде» 15 сент. и «О родительском авторитете» 19 сент. 1940 г. Первая лекция впервые была опубликована при отдельном издании лекций — А. С. Макаренко. Лекции о воспитании детей. М., 1940. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4. с. 59—116.

В «Радиопрограмме» от 2 сентября 1937 г. указывалось: «Беседы тов. Макаренко имеют целью помочь родителям научиться размышлять над своими семейными делами, научиться видеть особенности своей семьи, научиться делать из своих наблюдений правильные выводы.

Правильным воспитанием может быть только сознательное воспитание. Как и всякое дело, воспитание невозможно без некоторых педагогических познаний. Беседы тов. Макаренко имеют целью дать начатки таких познаний. Это поможет родителям проверить свой опыт, свою практику, поможет найти в воспитательной работе возможные ошибки» (см.: Макаренко А. С. Избр. пед. соч.: В 2-х т. М., 1977, т. 2, с. 280—281).

[1] Под перевоспитанием А. С. Макаренко понимал не обычное исправление недостатков характера и поведения, а полноценное формирование личности.— 364.

[2] Этой теме А. С. Макаренко посвятил статью «Выбор профессии» (см. с. 331—333 настоящего тома).— 365.

[3] А. С. Макаренко был твердо убежден, что методы воспитания должны вытекать из цели воспитания. Более подробно он осветил этот вопрос в лекции «Художественная литература о воспитании детей» (см. с. 336—356 настоящего тома).— 368.

[4] В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского премирование воспитанников практиковалось редко. Высшей формой поощрения являлось объявление благодарности в приказе перед строем воспитанников.— 374.

[5] По данным специалистов в области дошкольного воспитания, грань перехода от индивидуальной игры к групповой подвижна. В современных условиях многие дети уже к трем годам предпочитают групповые игры. А. С. Макаренко

справедливо считал, что индивидуальные и групповые игры дополняют друг друга в развитии личности ребенка.— 380.

[6] Частью этой системы могут быть и специальные дисциплинарные упражнения. Более подробно А. С. Макаренко пишет об этом в «Методике организации воспитательного процесса» (раздел «Дисциплина и режим»).— 386.

[7] В «Методике организации воспитательного процесса» А. С. Макаренко определяет четыре признака правильного режима: а) целесообразность, б) точность, в) общность, г) определенность. Под общностью понималось требование обязательности режима для всех (см.: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 5, с. 39—41).— 392.

[8] Метерлинк Морис (1862—1949) — бельгийский писатель-символист.— 415.

Семья и воспитание детей

А. С. Макаренко прочитал эту лекцию в редакции журнала «Общественница» 22 июля 1938 г. В сокращенном варианте впервые опубликована в «Учительской газете» (1944, 29 марта), ответы на вопросы — в журнале «Семья и школа» (1948, № 11). Вместе с выступлениями родителей лекция опубликована в приложении к журн. «Советская педагогика» (см.: Макаренко А. С. Избр. пед. соч.: В 4-х тт. М., 1949, кн. 1). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8 ми т. / Сост. М. Д. Виноградова, А. А. Фролов, М., 1983— , т. 4, с. 211—229.

[1] В августе 1933 г. коммуну им. Ф. Э. Дзержинского посетил премьер-министр Франции Э. Эррио.— 433.

[2] О методах влияния школы на семью А. С. Макаренко более подробно говорил в лекциях, прочитанных в лектории Московского государственного университета 1 марта 1939 г. и для учителей Ярославской железной дороги 29 марта 1939 г.— 440.

Воспитание в семье и школе

8 февраля 1939 г. А. С. Макаренко выступил с докладом на встрече с учителями во Фрунзенском районном Доме учителя г. Москвы. Часть этого доклада впервые была опубликована в «Учительской газете» (1940, 27 дек.). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983— , т. 4, с. 287—314.

[1] Татаринов Тимофей Денисович (в «Педагогической поэме» — Киргизов) работал в колонии им. М. Горького воспитателем, затем руководил школой, а в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского до весны 1934 г. был заведующим производственным обучением.— 447.

[2] Не имея штатных заместителей, А. С. Макаренко всегда имел помощников на разных участках работы коллектива из числа лучших педагогов, которые за дополнительную работу получали доплату.— 448.

[3] Имеется в виду статья А. С. Макаренко «Проблемы воспитания в советской школе» (см. с. 92 настоящего тома).— 448.

[4] Воспитание высокой ответственности за порученное дело — важнейший принцип в системе коммунистического воспитания А. С. Макаренко. Он полагал, что школа должна уделять серьезное внимание организации разносторонней и ответственной деятельности учащихся.— 455.

[5] Ниточная мастерская коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, обслуживаемая лишь наемными рабочими, в конце 1930 г. была закрыта из-за несоответствия учебно-воспитательным задачам коммуны.— 455.

[6] В колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского очень много внимания уделялось цветоводству. Обилие цветов на территории и в зданиях этих заведений создавало весьма благоприятные условия для эстетического воспитания коллектива.— 455.

[7] Речь идет о встрече с учителями в Ленинградском областном Доме учителя 16 октября 1938 г.— 456.

Советы родителям

По времени написания они относятся предположительно к последним годам жизни А. С. Макаренко и являются набросками задуманного им продолжения «Книги для родителей». Соавтором «Советов родителям» следует считать Галину Стахиевну Макаренко, которая готовила многие материалы к «Книге для родителей». «Советы родителям» отобрал из архива и подготовил к печати Е. С. Долгин. Впервые опубликованы издательством «Знание» под названием «Макаренко советует родителям (из архива выдающегося педагога)» в серии «Народный университет. Педагогический факультет» (1970, № 4). Печатается по указанному изданию.

Детство и литература

Статья была опубликована в газете «Правда» (1937, 4 июля). В ней развиваются идеи, высказанные А. С. Макаренко в лекции «Художественная литература о воспитании детей». Печатается по изданию: Макаренко А. С. Избр. пед. соч.: В 2-х т. М., 1977, т. 2, с. 335—340.

Максим Горький в моей жизни

Статья написана в 1936 г., непосредственно после смерти А. М. Горького. Впервые опубликована в альманахе «Год XIX» (1936, кн. 10). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов, М., 1983.— , т. 4, с. 8—18.

[1] Засодимский Павел Владимирович (1843—1912) — русский писатель-народник.— 520.

[2] Орлов — учитель, товарищ А. С. Макаренко по работе в Долинском двухклассном железнодорожном училище.— 523.

Дети в стране социализма

Работа была написана А. С. Макаренко в начале 1939 г. для советского отдела международной выставки в Нью-Йорке. Издана в том же году отдельной брошюрой на английском языке. На русском языке впервые опубликована в 7-м томе 1-го изд. Сочинений А. С. Макаренко (1952). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. М., 1983.— , т. 4, с. 277—281.

Заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения

Заявление датировано 24 августа 1922 г. Впервые опубликовано в журн. «Исторический архив» (1961, № 2, с. 228—229). Публикации с сокращением: Дементьева А., Токарев Ю. Новые документы о Макаренко.— Нева, 1955, № 8, с. 171—172; Лялин Н. Личное дело студента А. Макаренко: Новые архивные материалы.— Учительская газета, 1955, 3 дек. Печатается по изданию: Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1983.— , т. 1, с. 8—11.

О личности и обществе

Статья была написана в связи с принятием первого Основного закона реального социализма — Конституции СССР — Чрезвычайным VIII съездом Советов 5 декабря 1936 г. Опубликована в газете «Известия» (1936, 9 дек.). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Соч. 2-е изд. М., 1958, т. 7, с. 11—13 с некоторыми сокращениями.

[1] Трансцендентная категория — в идеалистической философии: недоступная показанию, находящаяся за пределами опыта.— 537.

[2] Речь идет о следующих этических воззрениях: этике христианства («любовь к ближнему»), ницшеанстве (идеи «сверхчеловека», «человека-зверя»), толстовстве («не противься злому»), моральном нигилизме («скашивай на нет»), пессимистическом индивидуализме («спасайся, кто может»).— 537.

[3] Данное определение коллектива является значительным вкладом А. С. Макаренко в педагогику и социологию. Правда, зародыши коллектива появляются еще в буржуазном обществе в виде революционных организаций — предвестников будущего, которые, отстаивая интересы трудящихся, ведут с буржуазным миром борьбу. Однако в наиболее точном смысле этого слова коллектив как социально-общественное явление органически связан с социализмом и коммунизмом. Ярким подтверждением этому является принятие Верховным Советом СССР Закона о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями и организациями (1983 г.).— 538.

Из переписки А. С. Макаренко с А. М. Горьким

Впервые опубликована по частям: в журн. «Октябрьские всходы» 1928, № 8); альманахе «Год XIX» (1936, кн. 10), в «Педагогической поэме» (М., 1940), в «Учительской газете» (1946, 19 июня) и в «Известиях АПН РСФСР» (1952, вып. 38). Печатается по изданию: Макаренко А. С. Избр. пед. соч.: В 2-х т. М., 1977, т. 2, с. 149—198 с некоторыми сокращениями.

Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким представляет особую ценность и значимость как документальный материал, позволяющий воссоздать отдельные периоды жизни колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, в которых закладывался фундамент принципиально новой системы коммунистического воспитания, базирующейся на марксистско-ленинской методологии.

Горьковские оценки педагогического опыта А. С. Макаренко, его новаторской системы воспитания сыграли выдающуюся роль в становлении новой советской педагогики. Они вдохновляли Антона Семеновича на творческий труд, на бескомпромиссную борьбу с традиционными лженаучными педагогическими «теориями» и «концепциями».

[1] Алексей Максимович Горький родился 28 марта 1868 г. В письме дата названа ошибочно.— 541.

[2] А. С. Макаренко положительно относится к идее социального воспитания и фактически все делал для ее реализации. Он причислял себя к «подвижникам соцвоса». Однако он выступал против извращения и вульгаризации идеи соцвоса некоторыми педагогами и инспекторами управления социального воспитания Наркомпроса УССР. Борьбу с ними он и имел в виду.— 543.

[3] С проектом об организации центральной колонии для правонарушителей на базе колонии им. М. Горького А. С. Макаренко выступил в Наркомпросе 23 сентября 1925 г. Совещание положительно оценило этот проект.— 543.

[4] А. М. Горький посетил Куряжскую колонию 8 июля 1928 г. А. С. Макаренко написал заявление об уходе из колонии 10 мая 1928 г., однако ушел из колонии им. М. Горького 3 сентября 1928 г. (с учетом отпускного времени).— 549.

[5] А. М. Горький посетил коммуну им. Ф. Э. Дзержинского 9 июля 1928 г. Свои впечатления от этого посещения он описал в статье «По Союзу Советов» (Наши достижения, 1929, № 2).— 549.

[6] По всей вероятности, А. С. Макаренко имел в виду начатый им в 1931—1932 гг. труд «Опыт методики работы детской трудовой колонии». Книга осталась незаконченной.— 553.

...ступка: от страха голодной смерти, с одной стороны, до бессильн...
...ва — с другой.

В нашем обществе обозначены пределы, дальше которых не ...
размахнуться личность, какой бы гомерической жадностью она ни ...
дала. Недра, поля, леса в личную собственность? Нельзя! Они прина...
жат всему народу... Ничего не делать? Нельзя! «Кто не работает, то...
ест»... Для эксплуататора, для какого-нибудь такого «сверхчеловека» ...
ствительно скучно, податься некуда! Зато для реального, живого граж...
нина нашей страны, для трудящегося амплитуда колебаний поступка оче...
велика: от радостного, сознательного, творческого труда в полном еди...
стве с трудом других людей, с одной стороны, до полнокровного, жизнен...
ного счастья, не отравленного никакой обособленностью, никакими мука...
ми совести,— с другой.

Личность и общество в Советском Союзе потому счастливы, что их отношения сконструированы с гениальным разумом, с высочайшей честностью, с великолепной точностью. И хотя в нашей Конституции нигде не стоит слово «любовь», но за всю историю людей в ней впервые реально поставлено слово «Человек».

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. С. МАКАРЕНКО С А. М. ГОРЬКИМ

Полтава, Колония им. М. Горького.
8 июля 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

<...> Выбирая Вас своим шефом, мы руководствовались не простым желанием носить имя известного всему миру лица, а какой-то глубокой родственностью между Вами и нами. Эту родственность мы видим и чувствуем не только в том, что и Ваше детство подобно детству наших ребят, и не только в том, что многие типы в Ваших произведениях — это наши типы, но больше всего в том, что Ваша исключительная вера в человека, нечто единственное во всей всемирной литературе, помогает и нам верить в него. Без такой веры мы не могли бы 5 лет работать без отдыха в колонии. Теперь эта вера стала и верой наших хлопцев, она создает в нашей колонии здоровый, веселый и дружный тон, которому удивляются все, кто у нас бывает. Когда меня спрашивают, какое главное доказательство успешности нашей работы, я указываю: наши мальчики, присланные к нам принудительно, по постановлению судебных органов, носящие позорное клеймо правонарушителя, через несколько месяцев уже гордятся тем, что они колонисты да еще горьковцы. Я бы сказал — пожалуй, че-

СОДЕРЖАНИЕ

ФЛАГИ НА БАШНЯХ 5

Часть первая 7
Часть вторая 93
Часть третья 218

КНИГА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ 321

Глава первая 323
Глава вторая 333
Глава третья 348
Глава четвертая 369
Глава пятая 382
Глава шестая 419
Глава седьмая 466
Глава восьмая 495
Глава девятая 525

Авторские материалы, приложения, комментарии и примечания к повести «Флаги на башнях» 530

О повести «Флаги на башнях» 530
Открытое письмо Ф. Левину 534
Редактору «Литературной газеты» Войтинской и критику Ф. Левину . . . 539
Комментарии и примечания к повести «Флаги на башнях» 544

Авторские материалы, приложения, комментарии и примечания к «Книге для родителей» 547

Разговор с читателем 547
О «Книге для родителей» 551
Наши матери 563
Любовь и долг 564
Об опыте трудовой заботы 565
Труд как моральная категория 566
Вот у вас родился ребенок... 567
Комментарии и примечания к «Книге для родителей» 571

ФЛАГИ НА БАШНЯХ

Повесть в трех частях

Текст
(за исключением главы «На всю жизнь»)
с некоторыми сокращениями
и редакционными правками
печатается по изданию:
Макаренко А. С. Флаги на башнях.
М.: Правда, 1983.
Глава «На всю жизнь» печатается по изданию:
Макаренко А. С. Сочинения: В 7-ми т.
М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957, т. 3.

КНИГА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Текст
(с некоторыми сокращениями
и редакционными правками
печатается по изданию:
Макаренко А. С. Книга для родителей:
Л.: Лениздат, 1981.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ К «КНИГЕ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ»

В «Книге для родителей» писатель ставил перед собой цель привлечь внимание родителей к узловым вопросам семьи, помочь им в решении сложных нравственных проблем, способствовать формированию у них педагогического мышления, умения анализировать мотивы поведения и поступков людей.

Познакомившись с первыми разделами рукописи «Книги для родителей», редактор альманаха «Год XIX» писатель П. А. Павленко писал Антону Семеновичу: «Вы начали книгу, великое народное значение которой во много раз превосходит «Педагогическую поэму», произведение редкое по правдивости, но все же написанное на «частную» тему. А «Книга для родителей» — это то, чего еще никогда не было в литературе как жанра»; она «целиком уходит в область философского жанра. Она должна звучать как проповедь, как манифест (грубо говоря), как учебник благородства» (А. С. Макаренко. Соч., т. 4, с. 524—530).

П. А. Павленко предрекал «Книге для родителей» большой успех, превосходящий даже «Педагогическую поэму».

В феврале 1937 г. А. С. Макаренко переехал в Москву, где имел возможность полностью отдаться творческой работе. Он усиленно работал прежде всего над «Книгой для родителей», разделы которой были закончены уже к середине 1937 г. и опубликованы в журнале «Красная новь» в № 7, 8, 9, 10 за 1937 год. В этом же 1937 году книга вышла и отдельным изданием в издательстве «Художественная литература».

«Книгу для родителей» А. С. Макаренко предполагал написать в четырех частях, однако преждевременная смерть (на 51 году жизни) не позволила осуществиться этим планам. О тематике II, III и IV частей писатель-педагог неоднократно рассказывал в своих устных выступлениях и в публикациях.

Выступая в Харьковском пединституте 9 марта 1939 года (меньше чем за месяц до смерти), А. С. Макаренко, отвечая на вопрос, почему он решил написать «Книгу для родителей», говорил: «Последние два года я работал в управлении НКВД УССР, в отделе трудовых колоний, и организовал трудовые колонии. Мне уже пришлось меньше возиться с беспризорными, чем с «семейными» детьми. Если в колонии имени Горького были беспризорные правонарушители, то в последние годы пришлось больше собирать детей «семейных».

Я должен был присмотреться, заинтересоваться семьей, и мне показалось нужным написать такую книгу для родителей. Я выпустил первый том, в котором касался вопроса семьи как коллектива. Сейчас я пишу второй том, который говорит о нравственном и политическом воспитании в семье, главным образом, но приходится касаться и школы. Третий том будет посвящен вопросам трудового воспитания и выбора профессии. И четвертый том, самый для меня важный, на тему: как нужно воспитывать человека, чтобы он, хочешь — не хочешь, был счастливым человеком» (т. 5, с. 279—280).

К сожалению, материалы для II, III, IV частей «Книги для родителей» не найдены. Сохранились лишь некоторые черновые заметки, авторские планы и отдельные фрагменты.

Со времени написания «Книги для родителей» прошло около 50 лет. За эти годы в нашей стране произошли крупные изменения. В условиях зрелого социализма существенно возрос материальный, культурный и образовательный уровень советских людей. Принципиальные изменения произошли в советской семье. Накоплен огромный и чрезвычайно интересный опыт совместной деятельности школы, семьи и производственных коллективов по коммунистическому воспитанию детей и молодежи. Однако и в наши дни книга А. С. Макаренко не утратила своего значения. Основные его положения по вопросам семейного воспитания остаются актуальными, теоретически и практически значимыми. Особую пользу «Книга для родителей» может принести в реализации установки партии на усиление борьбы с проявлениями эгоизма, мещанства, накопительства, равнодушия к заботам и делам народа, а также с другими уродливыми явлениями, к сожалению, еще нередко бытующими в нашей жизни.

[1] В первые годы после Великого Октября много говорилось о разложении семьи, которая рассматривалась в качестве носителя мещанского мировоззрения и психологии. Высказывались даже предложения о том, чтобы с малолетства всех детей забирать от родителей и воспитывать их только в системе общественного воспитания. Н. К. Крупская, А. С. Макаренко и многие другие прогрессивные педагоги придерживались иной точки зрения. Они разрабатывали конкретные пути влияния на семью, которая должна быть не врагом, а надежным союзником школы в коммунистическом воспитании подрастающего поколения. А. С. Макаренко считал, что положительное педагогическое воздействие на семью школа должна оказывать через своих учеников как представителей государственного учреждения.— *323.*

[2] А. С. Макаренко в противовес традиционной парной педагогике разработал теорию педагогики параллельного действия, в соответствии с которой воспитатель должен воздействовать на ученика не непосредственно, а через первичный коллектив. Таким образом формулу «воспитатель — воспитанник» он дополнил следующим образом: «воспитатель — первичный коллектив — воспитанник».— *329.*

[3] В некоторых изданиях «Книги для родителей» этот текст дан в другой редакции: «Человек давно умел осторожно и нежно прикасаться к природе. Сейчас он научился переделывать природу, творить новые ее формы, вносить в жизнь природы свой могучий корректив. При этом надо помнить, что мы, советские педагоги, также уже «не слуги природы», а ее хозяева».

Изменение в текст внесла жена писателя Г. С. Макаренко. Приведенный вариант излагает мысль А. С. Макаренко, высказанную им в одной из записных книжек: «Надо помнить, что мы, советские педагоги, не слуги природы, а ее хозяева и обязаны овладеть такими активными методами воспитания, которые дают нам возможность преодолевать в наших воспитанниках ненужные советскому гражданину качества, наследственные и благоприобретенные» (см. т. 4, с. 533).— *331.*

[4] Данный эпиграф является цитатой из работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 15, с. 63).— *333.*

[5] Здесь приводятся статьи Конституции СССР, принятой в 1936 году.—*341.*

[6] Это положение коммунистической этики А. С. Макаренко более подробно рассматривает в лекции «Коммунистическое воспитание и поведение» (см. т. 5, с. 437—458), которую он прочел в лектории Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова 1 марта 1939 г. (ровно за месяц до смерти).— *342.*

[7] А. С. Макаренко всегда верил в большие возможности воспитанников. Он исходил из того, что советская педагогика должна ориентироваться не на отрицательные, а на положительные черты личности. Он призывал внимательно изучать все хорошее, положительное каждого воспитанника, что в реальной жизни зачастую теряется в ежедневных текущих конфликтах. «Хорошее в человеке,— писал он,— приходится всегда проектировать, и педагог должен это делать. Он должен подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже с определенным риском ошибиться» (т. 7, т. 299—300).— *345.*

[8] *ГРК* — городской рабочий кооператив.— *358.*

[9] *Ломброзо Чезаре* (1836—1909) — итальянский криминалист, автор антинаучной теории прирожденной преступности.— *360.*

[10] *Диезит* — диез — нотный знак, требующий повышения звука на полутон.— *364.*

[11] С. Ю. Витте занимал различные министерские посты в царской России. В 1905 году он получил титул графа.— *440.*

[12] *Шкраб* — сокращение от слов «школьный работник». Оно широко употреблялось в начале 20-х годов.— *461.*

[13] *Сноб* — пустой, с ограниченными умственными интересами человек, увлекающийся только внешним лоском и стремящийся слепо подражать вкусам и манерам буржуазно-аристократического общества.— *465.*

[14] *Эдип* — в греческой мифологии сын царя города Фив Лайя. Согласно мифу, отцу Эдипа была предсказана гибель от руки сына. После рождения Эдип был брошен в горах; спасенный пастухом, он, сам того не зная, убил отца и женился на своей матери. Образ Эдипа широко использовался в мировой литературе.—*471.*

[15] *Рюриковичи* — древнерусская княжеская, позже русская царская династия.— *494.*

[16] Речь идет о книгах: Ю. Германа «Наши знакомые», Н. Островского «Как закалялась сталь», Л. Леонова «Дорога на океан», Ф. Гладкова «Энергия», А. Фадеева «Разгром».— *496.*

[17] *Ордер* (от французского *ordre* — порядок) — один из видов архитектурной композиции. Капитель — верхняя часть колонны.— *497.*

[18] В письме к жене Ф. Э. Дзержинский писал: «Я не аскет. Это лишь диалектика чувств, источники которой — в самой жизни и, как мне кажется, в жизни пролетариата» (Ф. Э. Дзержинский и дети.— см.: Правда, 1936, 20 июля).—*526.*

— Не имеем права, понимаешь ты? Права не имеем!

— А кто имеет право?

— Прокурор. Да все равно, часы уже далеко.

Зырянский закусил губу, но не знал, что дальше делать.

Вечером над разгромленной колонией стояли раздумье и тишина. Говорить было не о чем, да, пожалуй, и не с кем. С кем могла говорить колония имени Первого Мая? Ведь в самом теле колонии сидело ненавистное существо предателя.

Колонисты встречались друг с другом, смотрели в глаза, грустно отворачивались. Редко-редко где возникал короткий разговор и тотчас же пустоте.

Рыжиков сказал Ножику:

— Это из нашей бригады.

— Из нашей,— ответил Ножик.— А кто?

— А черт его знает!

И в восьмой бригаде сказал Миша Гонтарь Зорину:

— А того... Воленко обыскивали?

— Миша! Ты дурак,— ответил Зорин.

— Я не такой дурак, как ты думаешь. Никто ведь не знал, что у Воленко часы.

— Все равно, ты дурак.

Гонтарь не обиделся на Санчо. При таких делах нетрудно и ошибиться человеку.

И в палатке четвертой бригады Володя Бегунок сказал Ване:

— Это не Воленко.

— А кто?

— Это Дюбек.

— Рыжиков? Нет!

— Почему нет? Почему?

— Володя, ты понимаешь? Рыжиков, он вор, ты понимаешь? Он возьмет и украдет. А это, с часами, нарочно кто-то сделал, понимаешь, нарочно!

* * *

НА ВСЮ ЖИЗНЬ[1]

Игоря здорово проработали на комсомольском бюро. Сначала он упорщился и угрюмо настаивал на своем, но потом принужден был согласиться: он поступил неосмотрительно, в подобных случаях нельзя выступать партизаном, не поговорившись с товарищами. Он согласился выступить на общем собрании и сделал это без судорог:

— Я погорячился и обидел товарища необоснованным подозрением. Прошу Рыжикова простить меня.

[1] Данная часть главы была опубликована в журнале «Красная новь» (1939, № 8), однако в первом отдельном издании повести «Флаги на башнях», вышедшем в свет в конце 1939 года уже после смерти А. С. Макаренко, она отсутствовала.

КНИГА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Текст
(с некоторыми сокращениями
и редакционными правками
печатается по изданию:
Макаренко А. С. Книга для родителей:
Л.: Лениздат, 1981.

детей. Нам не нужны люди, воспитанные на молчаливом подвиге матерей, обкормленные их бесконечным жертвоприношением... Дети, воспитанные на жертве матери, могли жить только в обществе эксплуатации.

И мы должны протестовать против самоущербления некоторых матерей, которое кое-где творится у нас. За неимением других самодуров и поработителей эти матери сами их изготовляют из... собственных детей. Такой анахронический стиль в той или иной степени у нас распространен, и особенно в семьях интеллигентных. «Все для детей» понимается здесь в порядке совершенно недопустимого формализма: все, что попало,— это значит и ценность материнской жизни, и материнская слепота. Все это для детей! Работа и жизнь наших матерей не слепой любовью должна направляться, а большим, устремленным вперед чувством советского гражданина. И такие матери дадут нам прекрасных, счастливых людей, и сами будут счастливы до конца.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ[1]

Какой-нибудь двухлетний Жора смотрит с презрением на чашку молока, замахивается на нее ручонкой и отворачивается. Жора сыт, у него нет желания пить молоко. Этот будущий человек не испытывает никаких прорывов в области питания. Но, вероятно, есть другие области, где его потребности недостаточно удовлетворены. Может быть, у него есть потребность в симпатии к другим людям или, по крайней мере, к другим существам. А если у Жоры еще нет такой потребности, то, может быть, ее нужно создать?

Мать смотрит на Жору любовным взглядом, но эти вопросы почему-то не интересуют мать. Они не интересуют и любую наседку, любую мать в зоологическом царстве.

Там, где жизнь направляется инстинктом, там у матери единственная цель — накормить детеныша. И зоологические матери выполняют эту задачу с благородной простотой: они запихивают в раскрытые пасти, клювы, рты те продукты, которые им удается добыть и притащить в гнездо, запихивают до тех пор, пока удовлетворенные птенцы не закроют ротовые отверстия. После этого зоологические матери могут и отдохнуть и заняться собственными, личными потребностями.

Природа-мать весьма осмотрительно снабдила зоологических матерей очень мудрыми условиями. Во-первых, разные воробьихи и ласточки, чтобы накормить своих деток, должны совершить несколько десятков, а может быть, и несколько сот рейсов в воздухе в течение одного рабочего дня. Пустяковая букашка, содержащая в своем теле какую-нибудь сотую долю калории, требует отдельного рейса, часто при этом неудачного. Во-вторых, зоологические матери не обладают членораздельной речью. Это достижение присуще только человеку.

Выходит как будто, что человеческие матери поставлены в гораздо лучшие условия. Но эти выгодные условия сплошь и рядом становятся причиной гибельного воспитания человеческих детей...

---

[1] Печатается с сокращениями.

А.С. МАКАРЕНКО

Том первый

Педагогическая поэма

Издание второе,
исправленное

КИЕВ «РАДЯНСЬКА ШКОЛА» 1985

74.3 Р2
М15

МАКАРЕНКО А. С. Избранные произведения: В 3-х т. Редкол.: Н. Д. Ярмаченко (пред.) и др.— Изд. 2-е, испр.— К.: Рад. шк., 1985.— (Пед. б-ка).— Т. 1.— 496 с.— 3 р. 50 к.— 65 000 экз.

В первый том вошла «Педагогическая поэма». Здесь же помещена вступительная статья о жизни и деятельности А. С. Макаренко, о значении его педагогического наследия на современном этапе развития советской школы.

Автор вступительной статьи, примечаний и комментариев действительный член АПН СССР *Н. Д. Ярмаченко.*

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АНТОН СЕМЕНОВИЧ МАКАРЕНКО

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В трех томах

Том 1

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Издание второе, исправленное

Зав. редакцией педагогики *М. И. Мухин.* Редактор *Н. Г. Несын.* Художеств. редактор *Г. Е. Полищук.* Художественное оформление *С. А. Назароза, М. М. Василькова.* Технич. редактор *Л. Б. Ланцман.* Корректор *Н. Я. Савоник.*

Информ. бланк № 5010.

Сдано в набор 19.03.85. Подписано к печати 16.08.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Способ печати высокий. Усл. лист. 31+0,25 форзац+1,062 вкл. Усл. кр.-отт. 33,56. Уч.-изд. лист. 39,48+0,44 форзац+0,65 вкл. Тираж 65 000 экз. Изд. № 30170. Зак. № 5-1132. Цена 3 р. 50 к.

Издательство «Радянська школа», 252053, Киев, Ю. Коцюбинского, 5.

Книжная фабрика имени М. В. Фрунзе, 310057, Харьков-57, Донец-Захаржевского, 6/8.

М 4702010200—288
М210(04)—85 БЗ-19-10-85

© Составление, вступительная статья, примечания, комментарии и художественное оформление издательство «Радянська школа», 1984

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Великая Октябрьская социалистическая революция впервые в истории установила прочную власть рабочих, диктатуру пролетариата. Она сломала старую государственную машину угнетения и создала советский строй — самый передовой и демократический в мире. С первых дней существования Советского государства формирование нового человека стало одной из самых важных задач Коммунистической партии.

Принципиальное значение имело указание В. И. Ленина, что рабочий класс, сформировавшийся в условиях буржуазного общества, не может быть отделен от старого мира китайской стеной. Он неминуемо несет на себе «много традиционной психологии» капиталистического общества. «Рабочие строят новое общество,— писал В. И. Ленин,— не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи. Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно» (ПСС, т. 37, с. 449). Этим определяется особое значение воспитательных функций Коммунистической партии и Советского государства.

Руководствуясь ленинскими установками, А. С. Макаренко сформулировал принципиально важные, имеющие методологическое значение положения о том, что «настоящая педагогика — это та, которая достоверно педагогику всего нашего общества» и строится в соответствии с великими требованиями нашей партии к человеку и коллективу (т. 5, с. 456), что педагогическая наука должна находиться «в прямом отношении и к нашей революции, и к тому, что называется реализмом, и к пятилетке, и к индустриализации» (т. I, с. 656).

Основные пути коренной перестройки образования и воспитания подрастающего поколения определены декретом ВЦИК от 30 сентября 1918 г., утвердившим «Положение об единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» и «Основные принципы единой трудовой школы», написанными А. В. Луначарским, по его выражению, под «идейную диктовку» Н. К. Крупской и опубликованными одновременно с Положением 16 октября 1918 г. В нем были определены руководящие и направляющие принципы воспитания нового советского человека. Ими и руководствовался А. С. Макаренко в своей практической деятельности.

А. С. Макаренко, по свидетельству хорошо знавших его товарищей и сослуживцев, имел фундаментальную общепедагогическую подготовку. И. Н. Гуков, товарищ Антона Семеновича, работавший с ним в 1917—1920 гг., отмечал: «Поражало знание Антоном Семеновичем педагогической литературы. Длинные цитаты русских и иностранных авторов он приводил наизусть. И приводил для того, чтобы опровергнуть их советской действительностью, советской практикой. Это «отрицание святых» в педагогике, преклонение перед опытом и экспериментом влекли к Макаренко учительскую молодежь» (См.: Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко. Учебное пособие). Подготовлено доцентом А. А. Фроловым. Горький, 1976, с. 10). На его рабочем столе, по воспоминаниям работавшего в колонии в 1920—1922 гг. А. К. Сердюка, всегда лежали новые книги, педагогические журналы (там же, с. 11).

Однако применить эти знания классической педагогической литературы к формированию нового человека оказалось невозможным. Нужно было создавать принципиально новую педагогику. Это хорошо осознавал А. С. Макаренко, и именно потому он столь тщательно изучал марксистскую литературу и особенно произведения В. И. Ленина. Антон Семенович в одном из своих выступлений в 1932 г. говорил: «Труды Ленина я постоянно изучал» (Макаренко А. С.

К вопросу об организации кабинета научной педагогики.— А. С. Макаренко (Отв. ред. Ф. Н. Науменко. Кн. 7. Львов, 1969, с. 145).

«Педагогическая поэма» — одно из самых крупных произведений А. С. Макаренко. В ней с документальной точностью отражена разносторонняя деятельность принципиально нового учебно-воспитательного заведения, ставившего своей задачей воспитание нового человека, человека с коммунистическим сознанием и морялью, отвечающего идеалам Великой Октябрьской социалистической революции. Задача усложнялась тем, что здесь воспитывались не обычные дети и подростки, а беспризорные и правонарушители. Большинство из них, прежде чем попасть в колонию, скитались по миру как бездомные бродяги, неоднократно сталкивались с самым разнообразным человеческим горем и несправедливостью, а многие из них становились на путь воровства, хулиганства и разбоя. В книге показано, как в этих необычных условиях зарождалась и развивалась методика коммунистического воспитания детей и молодежи — принципиально новая страница педагогической теории и практики — и какие блестящие воспитательные результаты она давала.

В колонии им. А. М. Горького А. С. Макаренко последовательно реализовал марксистско-ленинские установки по вопросам коммунистического воспитания, образования и обучения [illegible] поколения. Он один из первых весьма удачно применил на [illegible] принципы социалистической школы, предельно четко сформулированные К. Марксом и В. И. Лениным,—об органическом соединении обучения [illegible] трудом учащихся.

Над «Педагогической поэмой» А. С. Макаренко работал около 10 лет (1925—1935 гг.).

---

[1] Губернский отдел народного образования — 35.

[2] Брюки [illegible] (парубки) из более зажиточных, кулацких семей. [illegible] автор указывает на наличие у определенной части [illegible] после революции обывательско-мещанских устремлений, [illegible] у них революционности — 35.

[3] *Ницше Ф.* [illegible] немецкий философ, волюнтарист, один из идеологов [illegible] фашизма. Он проповедовал аморализм и культ «сильной личности». [illegible] существами вниз концами — 35.

[4] В некоторых буржуазных странах Запада детские тюрьмы назывались реформаториями — 35.

[5] В первые годы после Октябрьской революции в Наркомпросе Украины было управление социального воспитания (соцвос), доминирующее над всеми другими службами общеобразовательной школы. Проблемам социального воспитания в 20-е годы придавалось первостепенное значение — 36.

[6] Невежды, варвары, разрушители культурных ценностей — 36.

[7] Киргизская лошадь — порода верхово-вьючного направления. Выносливая, приспособленная к суровым горным условиям, крепкая, некрупного роста — 36.

[8] Особенности звукового произношения французского языка — 38.

[9] *Пан* — в греческой мифологии бог лугов и полей, покровитель пастухов, охотников и рыболовов — 38.

[10] *Архиерей* — общее название для высших чинов духовенства (епископа, архиепископа, митрополита). Они носили коротко подстриженные усы — 38.

[11] Опродкомарм. Первой запасной — Особая продовольственная комиссия по снабжению Первой запасной армии в годы гражданской войны — 39.

[12] Заниматься красноречием — 39.

[13] Попали в неприятное положение — 40.

[14] Здесь и далее иронические и критические замечания А. С. Макаренко относительно соцвоса вызваны теми ошибками и извращениями в педагогической теории и практике, которые искажали идею социального воспитания (запрещение каких-либо наказаний, преувеличение роли педагогических бесед и внушений и т. д.) — 41.

[15] Помогите — 42.

[16] *Блакитный* (голубой) и *желтый* — цвета флага правительства Петлюры. Многочисленные националистические банды на Украине также имели желто-голубое знамя. Автор указывает на то, что в сложных условиях гражданской

войны некоторая часть малограмотных или даже вовсе неграмотных крестьян иногда поддавалась националистическому влиянию — 42.

[17] Здесь разбойники, растрепы (бранное) — 42.

[18] Дом принудительных работ, в просторечии — тюрьма — 44.

[19] До революции: мужское духовное училище, которое отличалось жестокими нравами с применением физических наказаний — 45.

[20] Имеется в виду комиссия по делам несовершеннолетних при губернском отделе народного образования — 45.

[21] Кирпичные печи в форме стоящих цилиндров, обшитые железом — 46.

[22] Обтянутые сукном четырехугольные раскладные столы для игры в карты — 46.

[23] Автор с юмором описывает обстановку в губнаробразе в первые месяцы его существования. Заведующие многочисленными секциями, состоящими преимущественно из одного человека — заведующего, фактически превращались самими обстоятельствами в счетоводов-распределителей. Отсюда и название — губраспред — 47.

[24] Изодранный пиджак (жаргон) — 47.

[25] В первые годы существования Советской власти (в первой половине 20-х годов) в дефектологии различались 3 основные группы аномальных детей: 1) физическая дефективность (глухонемые, слепые, слепоглухонемые и т. п.), 2) интеллектуальная дефективность (умственно отсталые дети, так называемые олигофрены) и 3) моральная дефективность (преимущественно малолетние правонарушители). В связи с этим и колония им. А. М. Горького, возглавляемая А. С. Макаренко, входила в подчинение инспектуры учреждений дефективного детства. В 1923 г. Н. К. Крупская опубликовала статью «К вопросу о морально-дефективных детях» (На путях к новой школе, № 9). Она подвергла резкой критике термин «морально-дефективный» [illegible] для марксиста совершенно неприемлем», поскольку санкционирует [illegible] отношение к беспризорным детям. Для «морально-дефективных» ребят [illegible] «изолятор», оскорбляющее обращение — все позволено, с детьми [illegible] поделаешь: они «дефективные». Надежда Константиновна [illegible] что позорный термин «морально-дефективный», разъясняющий руки [illegible] и бессознательной части педагогов, должен быть изгнан из употребления (Крупская Н. К. Педагогические сочинения. В 6-ти т. М.: Педагогика, 1978, т. 2, с. 210—211) — 47.

[26] Убежит (жаргон) — 50.

[27] Мелкие воришки, трусливые, дохлые, готовые скорее выпросить, чем украсть, и неспособные ни на какие подвиги (жаргон) — 51.

[28] Заведующий колонией — 51.

[29] Старая русская мера длины, равная 4,4 см — 59.

[30] Колышки на краю саней — 59.

[31] Несколько искаженные слова из Евангелия: «...просите, и дастся вам, ищите, и обрящете, толцыте, и отверзется вам» (то есть просите и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам) — 63.

[32] Образованный — 74.

[33] Не трогай — 74.

[34] Очень — 74.

[35] Слово «грак» А. С. Макаренко в повести «ФД-1» объясняет так: «Граками в коммуне называют людей чрезвычайно сложного состава. Грак — это человек прежде всего отсталый, деревенский, не умеющий ни сказать, ни повернуться, грубый с товарищами и вообще первобытный. Но в понятие грака входило и начало личной жадности, зависти, чревоугодия, а кроме того, грак еще и внешним образом несимпатичен: немного жирный, немного заспанный...» (т. 2, с. 164) — 74.

[36] Хлопчатобумажная ткань, отличающаяся плотностью, значительной толщиной, обыкновенно окрашенная в темный цвет («чертова кожа»); применяется для изготовления рабочей, спортивной, специальной форменной одежды, верха обуви — 75.

[37] Лодырь — 76.

[38] Вмешательство — 78.

[39] Способность — 82.

[40] Рыцарь — 82.

[41] Грабитель (жаргон) — 82.

[44] Палач — 84.

[45] Выгоним — 88.

[46] Ультра — первая часть сложных слов в значении сверх, более (какой-нибудь меры, предела). В данном случае употребляется с юмористическим оттенком — 92.

[45] Легкий четырехколесный экипаж с откидным верхом — 92.

[46] Родной дом, домашний очаг — 92.

[47] По народным обычаям в конюшнях к балкам над кормушками лошадей вешали убитых сорок с тем, чтобы лошади привыкли к ним и не пугались живых сорок — 94.

[48] До сих пор — 94.

[49] Шлея (укр.), верхняя часть сбруи, из полосок ремня, начинающаяся от шлеи и облегающая бока и спину лошади; служит своеобразным украшением запряженной лошади. На Украине шлея служила взамен хомута. Изготовляли ее из толстой и крепкой специальной ткани — 94.

[50] Ремень в упряжи, идущий от одной оглобли к другой через седелку — 95.

[51] Желтоватый порошок для присыпки язв, ран — 95.

[52] Не взвешивал — 96.

[53] Позорить, бесчестить — 98.

[54] Переносно: жестокий человек, изощренный мучитель — 99.

[55] Человек, доходящий до крайней, дикой жестокости — 99.

[56] *Песталоцци Иоган Генрих* (1746—1827) — швейцарский педагог, содействовавший развитию народной школы, соединению обучения с производительным трудом.

Руссо Жан-Жак (1712—1778) — французский философ, автор книги «Эмиль, или О воспитании». Руссо усматривал задачу воспитания в том, чтобы оградить воспитанника от дурного влияния среды, не мешать «саморазвитию» ребенка.

Наторп Пауль (1854—1924) — немецкий буржуазный философ и педагог. Воинствующий идеалист, враг диалектического материализма, реакционер, один из основателей течения так называемой «социальной педагогики».

Блонский Павел Петрович (1884—1941) — русский советский педагог, психолог, историк философии. Занимался вопросами трудовой народной школы, детской психологии. В 20—30-х гг. увлекался педологией.

А. С. Макаренко, называя имена И.-Г. Песталоцци, Ж.-Ж. Руссо, П. Наторпа, П. П. Блонского, показывает несоответствие традиционной педагогики совершенно новым условиям социалистического государства. Главную задачу советских учебно-воспитательных заведений он усматривал в формировании нового человека с коммунистической моралью, что являлось принципиально новой педагогической задачей — 103.

[57] Овсяный суп (нем.). Употребил Н. В. Гоголь в комедии «Ревизор». По распоряжению попечителя богоугодных заведений Артемия Филипповича Земляники габерсуп давали больным — 112.

[58] Народность в Южной Африке, занимающаяся преимущественно скотоводством и земледелием — 115.

[59] Потворствовать, потакать, попустительствовать — 116.

[60] Каток — 118

[61] В начале 20-х годов в советской педагогике культивировалось резко отрицательное отношение к любым наказаниям. А. С. Макаренко стоял на других позициях. Он полагал, что наказание является вполне законным педагогическим явлением. Другое дело — характер наказания и вопрос о том, кто должен иметь право наказывать. Макаренко считал, что таким правом обладает только директор, а сами наказания не должны унижать человеческого достоинства провинившегося.

15—20 ноября 1927 г. в Москве состоялась Всероссийская конференция работников детдомов. В одном из выступлений макаренковская система сравнивалась с «аракчеевской казармой». Основываясь на недостоверных материалах очерка Н. Ф. Остроменецкой о колонии им. А. М. Горького (Навстречу жизни. Народный учитель, 1928, № 1—2), Н. К. Крупская также подвергла резкой критике в докладе на VIII съезде ВЛКСМ «один Дом им. Горького на Украине».

А. С. Макаренко, предварительно ознакомившись с материалом Н. Ф. Остроменецкой о колонии, в целом одобрил рукопись, но просил автора внести в текст

некоторые изменения и уточнения, в частности по вопросу о применении физических наказаний. Однако при публикации очерка Остроменецкая этих замечаний не учла. В письме к А. М. Горькому от 18 апреля 1928 г. А. С. Макаренко, с одобрением отзываясь об очерке в целом и отмечая его искренность и в основном правдивое отображение жизни колонии, указывал на «отдельные ошибки», допущенные автором очерка. Он писал: «...история с палками и дубинами — явный гротеск. Наши ребята любят сочинять обо мне легенды». 14 июня 1928 г. он писал Остроменецкой: «Что касается «моего полного согласия» с Вашим текстом, то это не совсем так. Когда Вы мне читали Вашу статью, я просил «Вас о «побоях» говорить осторожнее, и Вы обещали».

Указанные письма А. С. Макаренко впервые были опубликованы в 1968 г. и не могли быть известны Н. К. Крупской — 118

[62] А. С. Макаренко имеет в виду руководителей управления социального воспитания Наркомпроса УССР и ведущих научных сотрудников республики в области педагогики, находящихся в плену псевдонауки педологии и не понимавших глубокого смысла макаренковской теории и практики. Они явно «гипертрофировали» индивидуальной подход и недооценивали роли коллектива в воспитании — 118.

[63] *Приват доцент* — в вузах до революции нештатный преподаватель, равный по званию доценту. Приват доценты часто отличались пышными, удлиненными прическами — 119.

[64] Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией — 119.

[65] Рабоче-крестьянская инспекция — 121.

[66] Завели — 121.

[67] Взбесились — 121.

[68] Пестрая, рябая — 123.

[69] Испортило, напакостило — 124.

[70] Учреждение, распределявшее в 20-е годы беспризорных детей по детским домам. Существовали коллекторы в каждой губернии — 128.

[71] Французское слово галантерея буквально означает вежливость, обходительность — 129.

[72] И достаточно — 129.

[73] Юбка — 130.

[74] Быстрее — 132.

[75] Легкий одноконный двухколесный экипаж на высоком ходу без козел — 134

[76] Слесарно-кузнечные приспособления типа молотка с расширенной нижней частью, используемые для выравнивания плоскостных поверхностей металла — 135.

[77] Взбесился — 140.

[78] Бахча — 146.

[79] Поговоришь — 147.

[80] Искать — 153.

[81] Лучше — 153.

[82] Всеобщее воинское обучение — 158.

[83] А. С. Макаренко уделял много внимания вопросам военизации: использование в колонии строя, дежурств, рапортов, формы одежды, сигналов, духового оркестра и т. д. Официальные органы Наркомпроса УССР и института педагогики обвиняли Антона Семеновича в злоупотреблении военизацией и требовали отказаться от нее — 158.

[84] Одна из разновидностей севооборота, заключающаяся в разделении земельного участка на 6 равновеликих частей (полей), с тем чтобы на них чередовались по годам посевы определенных сельскохозяйственных культур — 161.

[85] Имущество, оставшееся без хозяина после смерти владельца, не имевшего наследников — 164.

[86] Плуги — 164.

[87] Отрядная система построения коллектива (сводные, разновозрастные отряды и т. д.) — принципиально важная находка А. С. Макаренко. Против нее решительно выступали представители Наркомпроса республики и УНДППа. Понятие «командирская» педагогика относилось к макаренковской системе и явля-

...резко отрицательной ее оценкой. Жизнь показала несостоятельность такой оценки — 167.

[88] Нищенствуйте — 168.

[89] Дровни; крестьянские сани без кузова для перевозки дров, грузов — 168.

[90] Много — 168.

[91] В годы гражданской войны на Украине орудовала банда Маруси, отличавшаяся особой жестокостью — 169.

[92] Здесь количество — 172.

[93] Разновидность кулисного пара, занимаемого высокостебельными культурами, высеваемыми полосами (кулисами). Рекомендовался еще в конце XIX—начале XX вв. как средство накопления влаги и защиты озимых от вымерзания в помещичьих и крестьянских хозяйствах. Эти пары, имея очень узкие междурядья, значительно уступают современным кулисным парам. Они не имеют перспектив для применения в социалистическом земледелии. Академик В. Р. Вильямс характеризовал их как «пережитки мелкого крестьянского земледелия» — 174.

[94] Драма-сказка бельгийского драматурга Мориса Метерлинка, в которой дети ищут синюю птицу — символ счастья — 180.

[95] Всеукраинский электрокомбинат — 181.

[96] Слова «клейкие листочки» взяты из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Макаренко подчеркивает этим связь идеалистических пережитков в педагогике с чуждым советской педагогике культом индивидуализма. Для Ивана Карамазова характерным было преклонение перед слепыми силами природы, неверие в ум человека, позерство индивидуалиста, упивающегося собственным умилением — 185.

[97] Ходатайство — 185.

[98] Так как это дело требует безотлагательного решения, нельзя терять времени, уважаемый товарищ Братченко — 186.

[99] Издеваться — 187.

[100] Конституция колонии им. А. М. Горького не найдена. Сохранилась «Конституция» коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, являющаяся дальнейшим развитием и углублением традиций колонии в соответствии с новыми, более сложными условиями коммуны — 189.

[101] Строй колонистов замыкал один из малышей с небольшим флажком в руке. Этого мальчика называли флаженером — 194.

[102] Кричите — 196.

[103] «Украинская помощь детям» — комиссия по улучшению жизни детей — 199.

[104] Употреблено в смысле «почесал затылок» — 200.

[105] Сговор, сбручение — 203.

[106] Так называют длину вспахиваемого поля от начала до конца борозды—204.

[107] Смотри — 205.

[108] Бороновать — 206.

[109] Голова (жаргон) — 212.

[110] Выпучить глаза (разг.) — 213.

[111] Приняться, начать — 213.

[112] Сапоги — 213.

[113] Пристрастие к изысканной пище — 215.

[114] Поверхностном увлечении — 215.

[115] Покровителей наук и искусств — 216.

[116] В буржуазной педагогике педология — система взглядов на воспитание, основанная на признании фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими, социальными факторами, влиянием наследственности и неизменной среды. У нас в стране педологические методы были осуждены специальным постановлением ЦК ВКП(б) в 1936 г., и все педологические кабинеты, имевшиеся в школах, были закрыты — 217.

[117] Крытое помещение для хранения (подкатывания) возов — 219.

[118] В старину крестьяне отпугивали зайцев от садовых насаждений солевыми зарядами — 223.

[119] Название пьесы А. Н. Толстого — 227.

[120] Название пьесы В. Голичникова — 227.

[121] Название пьесы А. Н. Толстого и П. Е. Щеголева — 227.

[122] Губернский отдел социального воспитания — 231.

[123] Говорила — 237.
[124] Покупала — 237.
[125] Относится — 238.
[126] Агитаторы и пропагандисты — 238.
[127] Очень хочется — 240.
[128] Ботва — стебель и листья растений корнеплодов и клубнеплодов, часть которых срезают для корма скота, особенно свиней — 240.
[129] *Диоген* — древнегреческий философ (около 404—323 гг. до н. э.). По преданию, жил в бочке, отказываясь от всех жизненных удобств — 241.
[130] Кустарная Украинская ткань, полосатая или клетчатая, а также четырехугольный отрез ее, носимый вместо юбки — 242.
[131] Луг — 242.
[132] Геодезический прибор — 244.
[133] Полынь — 246.
[134] Хлев — 246.
[135] Бутылка — 247.
[136] Кабан — 250.
[137] Телесное наказание — 253.
[138] Больной — 255.
[139] В древнеримской мифологии — бог полей, лесов и покровитель стад — 256.
[140] На деревянных двухраловых вилах, используемых в сельском хозяйстве для подачи снопов, соломы или сена при их скирдовании и перевозке — 258.
[141] Сопротивляться — 263.
[142] Трижды — 265.
[143] Одно-и многолетние кормовые травы семейства злаковых — 267.
[144] Гневная обличительная речь против кого-либо (от названия речей древнегреческого оратора Демосфена против царя Филиппа Македонского) — 274.
[145] Грабитель, останавливающий людей на большой дороге (жаргон) — 274.
[146] Секретарь совета командиров — 275.
[147] В начале 20-х годов соревнование в школах не использовалось. Оно рассматривалось как одна из форм конкуренции, свойственной буржуазному обществу. Именно поэтому применяемые в колонии им. А. М. Горького приемы соревнования подвергались критике со стороны органов народного образования — 278.
[148] Делать — 279.
[149] Перепугался — 280.
[150] Сокращенное название одного из существовавших тогда харьковских рынков (Благовещенского базара) — 281.
[151] Сделаем — 285.
[152] Хорошая (жаргон) — 286.
[153] Хохотом — 290.
[154] Спросили — 292.
[155] Здесь хитрите — 298.
[156] Сокращенное название научно-педагогического комитета, существовавшего в Наркомпросе УССР — 300.
[157] Не понимать — 302.
[158] Название войскового подразделения у запорожских казаков. В данном случае употреблено в переносном значении — отряд — 302.
[159] Запорожцы в каждом курене ежегодно избирали атамана, которому, в соответствии с принятым обрядом, голову посыпали землей — 302.
[160] Короткое древко с привязанным конским хвостом как символ власти (у казачьих атаманов, гетмана) — 303.
[161] Символы власти гетманов на Украине — 303.
[162] Поели — 306.
[163] Человек, страдающий перханием (судорожным кашлем) — 308.
[164] Официальное программное заявление. В данном случае употреблено в смысле речь, заявление — 308.
[165] Банкомет в игорном доме, который следит за игрой, выдает участникам их выигрыш и забирает проигранные ставки — 311.
[166] Род луковичных растений семейства лилейных, распространенных в Америке; семена сабадиллы лекарственной содержат ядовитые алкалоиды, которые применяются как инсектицидные средства против вшей — 311.

[167] Прыгали — 318.

[168] Григорий Иванович Петровский (1878—1958) — крупный советский партийный и государственный деятель, с 1919 по 1939 г. — председатель Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета — 318.

[169] Поезжайте — 323.

[170] Знак (NB) служит для того, чтобы обратить внимание на данное место в тексте. Употреблено в переносном значении — 324.

[171] Народная героиня Франции Жанна д'Арк, возглавившая освободительную борьбу французского народа против англичан во время Столетней войны 1337—1453 гг. Сожжена англичанами на костре 30 мая 1431 г. — 326.

[172] Дюйм — единица длины в русской системе мер, отмененной в 1918 г.; 1 дюйм = 2,54 см — 327.

[173] Узкий рубанок с полукруглым резцом для глубокого строгания — 327.

[174] Общее название племен, населявших Скандинавию в средние века — 328.

[175] Вероятно — 328.

[176] В бильярде — удар шаром, отскочившим от другого, рикошетом в третий — 328.

[177] Валек — толстая палка у передка экипажа, к которой прикрепляются постромки пристяжной лошади — 329.

[178] Сапоги, у которых передок и передняя часть голенища из цельной кожи — 331.

[179] Проводник, дающий объяснение туристам при осмотре достопримечательностей, музеев и т. п. (в странах Западной Европы, главным образом в Италии) — 341.

[180] Еженедельный иллюстрированный журнал, который издавался в Петербурге в 1870—1918 гг. — 345.

[181] Полный крах Куряжской колонии в воспитательном отношении А. С. Макаренко рассматривал как яркую иллюстрацию несостоятельности соцвосовской педагогики. Именно с этой целью и употреблен образ «засохшие стебли соцвоса», на которых «качались тучные ядовитые плоды» — 349.

[182] В Древнем Риме — преобладающая масса свободного (то есть не состоявшего в рабстве) населения, не пользовавшаяся политическими правами в противоположность патрициям; в Западной Европе в средние века и позже — широкие слои городской бедноты — 351.

[183] Пруд — 354.

[184] Укромное местечко, укромный уголок — 354.

[185] Добыть — 355.

[186] Суслик — 356.

[187] Механистическое направление в психологии, основанное В. М. Бехтеревым (1857—1927), рассматривавшее психическую деятельность человека как совокупность сочетательных рефлексов, образовавшихся в результате влияния внешней среды на нервную систему; р. ограничивалась изучением внешних реакций организма, отказываясь от изучения психики, сознания — 360.

[188] Социально-правовая охрана несовершеннолетних — 361.

[189] А. С. Макаренко полагал, что советская педагогика в начале 20-х годов была еще в значительной степени под влиянием так называемой «интеллигентской», «дамской» педагогики. В связи с этим и воспитательную катастрофу Куряжа он рассматривал не как несчастный случай, а как закономерное следствие определенной педагогической системы, состоящей из целых штабелей идей и предрассудков: слюнотечивого интеллигентского идеальничания, будничного бесталанного формализма, дешевой бабьей слезы и умопомрачительного канцелярского невежества — 363.

[190] В данном случае таланты, направленные на рассмотрение отдельных сторон, свойств, составных частей чего-нибудь — 364.

[191] Не задерживаются — 370.

[192] В армии персидского царя Дария Гистаспа (VI в. до н. э.) были отряды всадников на боевых слонах, наводивших панику в рядах противника — 371.

[193] Название пьесы Е. И. Замятина. Написана по известному рассказу Н. С. Лескова «Левша» — 372.

[194] У древних греков западный ветер; в западно-европейской и русской поэзии эпохи классицизма легкий приятный ветерок — 376.

[195] Ребятишкам — 376.

[196] Издеваться — 376.
[197] Работал — 376.
[198] Здесь — равновесие — 378.
[199] Широкая соломенная шляпа — 382.
[200] *Кориолан* — герой одноименной трагедии Шекспира, боровшийся с плебеями — 384.
[201] В сражении под Аустерлицем (Моравия) 2 декабря 1805 г. Наполеон одержал победу — 390.
[202] Слышали — 393.
[203] Ворона. *Гав ловить* — ротозейничать — 393.
[204] В смысле — выскажем все наши требования к вводимым отныне в Куряже порядкам — 402.
[205] Воротник — 402.
[206] Болтовня — 402.
[207] Сейчас — 409.
[208] Священник — 409.
[209] Меркурий — бог торговли у древних римлян (в Греции — Гермес), покровитель купцов и путешественников. Его иногда изображали в высоких сапожках с крылышками вместо шпор. В западноевропейской и русской поэзии эпохи классицизма Меркурий — Гермес — часто синоним слова вестник — 410.
[210] «Мальчишек радостный народ коньками звучно режет лед» — строки из IV главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». А. С. Макаренко писал по поводу слов *«радостный народ»*: «Пушкин в свое время хорошо разобрался в мальчишеской сущности» — 416.
[211] Сморкаются — 417.
[212] По должности, по обязанности (лат.) — 418.
[213] Трубы — 421.
[214] *Силлогизм* — положение, в котором из двух данных суждений (посылок) получается третье (вывод) — 422.
[215] *Дедукция* — доказательство или выведение следствия из посылок, совершаемое на основе законов логики и носящее достоверный характер — 422.
[216] Имеется в виду — в кругах официальной педагогической науки — 423.
[217] *Система перспективных линий* — важный элемент макаренковской воспитательной технологии. А. С. Макаренко считал, что у человека социалистического общества коллективная перспектива всегда должна преобладать над личной. Подробнее об этом см.: Методика организации воспитательного процесса, гл. 14 «Перспектива» (т. 5) — 430.
[218] Запрещение — 430.
[219] Жутко — 438
[220] Театральное или цирковое представление сказочного содержания, требующее пышной постановки и сценических эффектов. В данном случае — волшебное, сказочное зрелище. Тексты для литературно-музыкальных представлений в колонии и коммуне А. С. Макаренко обычно писал сам — 447.
[221] Языческие храмы — 449.
[222] Скулит, поет — 451.
[223] Немецкий философ-идеалист, проповедник пессимизма — 457.
[224] Постепенно в Наркомпросе УССР и в Украинском научно-исследовательском институте педагогики формируется отрицательное отношение к системе воспитания А. С. Макаренко. К концу июня 1928 г. он увольняется с должности заведующего колонией (дата дается с учетом очередного отпуска: фактически же он ушел из колонии сразу после отъезда из Харькова А. М. Горького, после ультиматума заведующего Главсоцвосом Наркомпроса УССР В. А. Арнаутова, посетившего колонию в период пребывания там А. М. Горького) — 459.
[225] Добровольное общество «Друг детей» было организовано советской общественностью. Общество помогало отделам народного образования в деле социально-правовой охраны несовершеннолетних — 459.
[226] Здесь преувеличение пустых, беспредметных общих рассуждений, бесплодных умствований — 463.
[227] Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского создавалась по линии НКВД УССР за счет полупроцентных отчислений от зарплаты сотрудников и политсостава органов и войск ГПУ УССР. А. С. Макаренко принимал непосредственное участие в ее организации, начиная с проектирования зданий. 20 октября 1927 г. он был

...кен заведующим Детской трудовой коммуной им. Ф. Э. Дзержинского ГПУ УССР, одновременно оставаясь заведующим колонией им. А. М. Горького. Официальное открытие коммуны состоялось 29 декабря 1927 г.

А. С. Макаренко сам подбирал педагогический персонал, занимался комплектованием коммуны воспитанниками. Часть педагогов (4 человека) и воспитанников (50 мальчиков и 10 девочек) перешла из колонии им. А. М. Горького. С конца февраля 1928 г. А. С. Макаренко 3 дня в неделю работает в колонии имени А. М. Горького и 3 дня — в коммуне имени Дзержинского. Колония и коммуна часто объединяются для проведения совместных походов, пионерских маневров, экскурсий, приветствий. В колонии и в коммуне была единая форма одежды. 7 июня 1928 г. Совнарком УССР принял постановление об утверждении организации Детской трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского как самостоятельной организации, действующей на началах хозрасчета. Она существовала на средства, полученные от реализации продукции своих мастерских и совхоза «Красные зори» — 467.

[228] Догматизм, начетничество, схоластика — 470.

[229] Харьковский паровозостроительный завод — 474.

[230] Торговцы, владельцы лабазов — помещений для торговли зерном, мукой, для хранения зерна и муки — 475.

[231] 13—14 марта 1928 г. в УНИПе обсуждался проект учебно-воспитательной организации коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, разработанный А. С. Макаренко. Он вызвал большой интерес у присутствовавших, однако на сей раз «верх взяли» противники Антона Семеновича, признав его систему «не советской» — 476.

[232] Сход, собрание — 476.

[233] Собрание, совет, при римском господстве (I в. до н. э.— I в. н. э.) — верховный суд Иудеи — 476.

[234] Вероятным прототипом Чайкина был Яковлев — член научпедкома Главсоцвоса Наркомпроса УССР — 477.

[235] Преодоление трудных препятствий, совершение решительных поступков, принятие бесповоротных решений — 477.

[236] Правление Трудкоммуны с постановлением этого заседания не согласилось, и в основу организации коммуны им. Ф. Э. Дзержинского были положены педагогические принципы А. С. Макаренко — 478.

[237] Постепенно в колонии им. А. М. Горького сменился не только коллектив воспитанников, но и воспитателей. В 1936 г. колония перешла в систему детских учреждений Отдела трудовых колоний НКВД УССР, где заместителем начальника отдела в то время работал А. С. Макаренко. Во время Великой Отечественной войны с фашистской Германией здания коммуны им. Ф. Э. Дзержинского были взорваны оккупантами. Затем близ бывшей усадьбы коммуны был создан Детский дом им. Ф. Э. Дзержинского для детей, потерявших родителей во время войны — 479.

[238] Знаки воинского различия, существовавшие в Красной Армии до 1943 г.—481.

[239] Марка электросверлилки — «Феликс Дзержинский». Цифра 3 обозначает номер модели — 482.

[240] Марка американской электросверлилки — 483.

[241] Портативный фотоаппарат с ленточной фотопленкой — 484.

[242] Название фотоаппарата — 484.

[243] Частичным исполнением этого положения является книга А. С. Макаренко «Методика организации воспитательного процесса» — 485.

А.С. МАКАРЕНКО

Том первый

Педагогическая поэма

Издание второе,
исправленное

КИЕВ «РАДЯНСЬКА ШКОЛА» 1985

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. С. МАКАРЕНКО — НА СЛУЖБУ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Антон Семенович Макаренко — выдающееся явление в истории советской педагогики. В нем чудесно сочетались качества талантливого педагога-практика и выдающегося теоретика-новатора. Педагогическая деятельность А. С. Макаренко была весьма удачной и в дооктябрьский период, однако благоприятные условия для расцвета его мастерства и творчества открылись только после революции.

С 1920 по 1926 г. А. С. Макаренко заведовал колонией имени А. М. Горького в селе Ковалевке под Полтавой, с мая 1926 г. по сентябрь 1928 г.— колонией имени А. М. Горького в селе Куряже под Харьковом, с октября 1927 г. по 1935 г.— коммуной имени Ф. Э. Дзержинского в Харькове. Именно здесь и была создана и проверена на практике новаторская методика коммунистического воспитания, позволившая из бывших правонарушителей и беспризорных подростков воспитать около трех тысяч советских граждан, дисциплинированных членов социалистического общества, настоящих патриотов и интернационалистов, людей с коммунистическим сознанием и моралью. Эта методика была проникнута требовательной любовью к детям и подросткам, стремлением воспитать у них черты коммунистического характера, твердую волю, умение преодолевать препятствия, бороться за великие идеалы коммунизма.

Все творчество и практическая деятельность Антона Семеновича — это «пафос устремления в будущее», благодаря которому преодолевались трудности, возникавшие на его пути в трудные 20-е годы. Этот пафос вдохновлял его на ежедневную пятнадцатичасовую работу без выходных дней и отпусков на протяжении нескольких лет! Этот пафос окрылял коллектив горьковцев, наполнял их не только праздничные, но и будничные дни большой радостью и настоящим человеческим счастьем.

Выступая в октябре 1936 г. перед студентами и преподавателями Московского областного пединститута, А. С. Макаренко с воодушевлением говорил: «Прекрасна работа по созданию нового человека! В ней много наслаждения! Я приветствую партию, давшую нам это счастье и радость!» (Макаренко А. С. Сочинения: В 7-ми т. М., Изд-во АПН РСФСР, 1957—1958, т. 5, с. 516. В дальнейшем в ссылках на данное издание указываются только том и страница).

А. С. Макаренко никогда не отрывал педагогических явлений от бурно развивающейся жизни. Он глубоко осознавал, что коренные изменения

общественно-политической жизни в стране после Великого Октября обусловливали необходимость принципиально иной педагогической теории.

В сентябре 1920 г. А. С. Макаренко был назначен на должность заведующего колонией, создаваемой в шести километрах от Полтавы. Условия работы здесь оказались чрезвычайно сложными и трудными. Среди воспитанников были не просто беспризорные, но воры и бандиты. И хотя Антон Семенович имел 15-летний опыт успешной учительской деятельности и хорошо знал педагогическую теорию (Полтавский учительский институт он закончил в 1917 г. с отличными оценками, а за сочинение «Кризис современной педагогики» получил золотую медаль), однако этого оказалось явно недостаточно для решения возникших педагогических проблем. Тщательное изучение имеющейся педагогической литературы зимой 1920 г. также не давало ответа на поставленные вопросы: «У меня главным результатом этого чтения была крепкая и почему-то вдруг основательная уверенность, что в моих руках никакой науки нет и никакой теории нет, что теорию нужно извлечь из всей суммы реальных явлений, происходящих на моих глазах. Я сначала даже не понял, а просто увидел, что мне нужны не книжные формулы, которые я все равно не мог привязать к делу, а немедленный анализ и немедленное действие» (т. 1, с. 23).

И действительно, после Октябрьской революции старая педагогика в прежнем своем виде, как писала Н. К. Крупская, стала невозможна. Необходимо было создавать совершенно новую педагогическую науку, базирующуюся на подлинно научной марксистско-ленинской методологии. В письме к А. М. Горькому в 1926 г. Антон Семенович сообщал, что коллектив горьковцев «чувствует себя в силах принять участие в этом создании», что уже многое сделано. «Но первое, что нам нужно,— это свобода от делопроизводителей, свобода от всякого хлама, которым мы завалены, а потом уже мы легко избавимся и от педагогических предрассудков» (т. 7, с. 329).

А. С. Макаренко глубоко изучал теоретическое наследие В. И. Ленина и в своей практической деятельности неотступно руководствовался ленинскими наставлениями. Огромное значение в становлении макаренковской системы воспитания имела речь Владимира Ильича на III Всероссийском съезде РКСМ, которую Антон Семенович знал почти наизусть.

На деятельность А. С. Макаренко как педагога большое влияние оказывал А. М. Горький, благодаря которому Антон Семенович сумел «проникнуть в тайны и секреты новой, советской педагогики», находящейся «в горьковском русле оптимистического реализма» (т. 7, с. 294). В колонии имени А. М. Горького и в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского Антон Семенович свято придерживался принципов горьковского оптимизма, восхищался горьковским умением «проектировать лучшее в человеке». В одном из писем к Алексею Максимовичу он отмечал, что исключительная вера А. М. Горького в человека вдохновляла и коллектив колонии на творчество и самоотверженность и, в частности, писал: «эта вера стала и верой наших хлопцев, она создает в нашей колонии здоровый, веселый и дружный тон, которому удивляются все, кто у нас бывает» (т. 7, с. 315).

А. М. Горький с огромным вниманием следил за развитием макаренковской воспитательной системы и высоко ее ценил. Опыт А. С. Макаренко он рассматривал, как «огромнейшего значения и поразительно

удачный педагогический эксперимент», имеющий «мировое значение» (т. 7, с. 355), а коммуну имени Ф. Э. Дзержинского назвал «окном в коммунизм». В одном из писем А. М. Горький, обращаясь к А. С. Макаренко, писал: «удивительный Вы человечище и как раз из таких, в каких Русь нуждается» (т. 7, с. 339).

Жизнь трудовой колонии имени А. М. Горького, педагогическая система, применяемая здесь и давшая блестящие результаты в коммунистическом воспитании, освещены в «Педагогической поэме», являющейся непревзойденным произведением такого типа.

В конце 20-х — начале 30-х годов А. С. Макаренко столкнулся с недоброжелательным отношением к его педагогической деятельности со стороны педагогов-бюрократов и педологов, работающих тогда в Наркомпросе УССР и в Украинском научно-исследовательском институте педагогики. Они вынудили его летом 1928 г. оставить работу в системе Наркомпроса и перейти в систему НКВД, в коммуну имени Ф. Э. Дзержинского, открытую украинскими чекистами к 10-летию органов безопасности как памятник выдающемуся стражу революции.

Трудовая коммуна имени Ф. Э. Дзержинского являлась дальнейшим развитием системы А. С. Макаренко. Она была образцовым учебно-воспитательным заведением интернатного типа. За восемь лет ее посетило свыше ста делегаций из различных стран мира. Все они искренне восхищались успехами коммуны. Жизнь коммуны имени Ф. Э. Дзержинского нашла свое художественное отражение в повести «Флаги на башнях» (1938 г.).

В коммуне имени Ф. Э. Дзержинского, где вначале был филиал рабфака Харьковского машиностроительного института, а затем и полная средняя школа, обучение сочеталось с ежедневным трудом воспитанников на коммунарских заводах по производству фотоаппаратов и электросверлилок.

Свою систему А. С. Макаренко строил на прочной методологической почве марксизма-ленинизма, на умелом использовании законов диалектического материализма в решении педагогических проблем. Благодаря этому он нашел удачное решение таких чрезвычайно сложных проблем, как личность и общество, свобода и необходимость, долг и право, авторитет педагога и права коллектива воспитанников, требовательность и любовь, не противопоставляя их друг другу, а подчеркивая их единство. Исходным положением системы Макаренко являлось то, что проблема взаимоотношений между личностью и обществом получает свое наилучшее решение только в социалистическом обществе, впервые создающем для человечества возможность полного счастья.

24 августа 1922 г. А. С. Макаренко в своем «Заявлении в Центральный институт организаторов народного просвещения» предельно четко сформулировал основные проблемы советской педагогической науки. Вот они:

«1. Создание научного метода педагогического исследования. В настоящее время считается азбукой, что объектом педагогического исследования является ребенок. Мне это кажется неверным. Объектом исследования со стороны научной педагогики должен считаться педагогический факт (явление).

2. Усиление внимания к детскому коллективу как к органическому

ческому, для этого необходима перестройка всей психологии школьного работника.

3. Полное отрешение от мысли, что для хорошей школы нужны прежде всего хорошие методы в стенах класса. Для хорошей школы прежде всего нужна научно организованная система всех влияний.

4. Психология должна сделаться не основанием педагогики, а продолжением ее в процессе реализации педагогического закона.

5. Русская трудовая школа должна совершенно наново перестроиться, так как в настоящее время она по идее буржуазна. Основанием русской школы должна сделаться не труд-работа, а труд-забота. Только организация школы как хозяйства сделает ее социалистической» (т. 7, с. 402).

Эти положения имеют принципиальное методологическое значение для социалистической школы, для всей системы коммунистического воспитания детей и молодежи. Последовательная реализация их позволила А. С. Макаренко в колонии имени А. М. Горького и особенно в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского добиться поразительных практических результатов, которые удивляли и изумляли не только сторонников, но и противников великого педагога.

Руководствуясь ленинскими наставлениями, А. С. Макаренко сформулировал положения о том, что «настоящая педагогика — это та, которая повторяет педагогику всего нашего общества» и строится в соответствии с великими требованиями нашей партии к человеку и коллективу (т. 5, с. 456), что педагогическая наука должна находиться «в прямом отношении и к нашей революции, и к тому, что называется реализмом, и к пятилетке, и к индустриализации» (т. 1, с. 656).

Особую актуальность и значимость имеет важнейшее принципиальное положение А. С. Макаренко о том, что «надо по-настоящему обратить педагогику в активную, целеустремленную, политическую науку» (т. 5, с. 391), что советская педагогика должна стоять на позициях активной большевистской педагогики, создающей личность, создающей тип нового человека.

А. С. Макаренко решительно выступал против традиционного взгляда, согласно которому педагогика базируется на изучении ребенка и отдельно взятых, абстрактно мыслимых воспитательных методов. Он утверждал, что «наша советская педагогика должна отправляться от политических целей, а в нашем представлении это значит от того, каким должен быть новый человек, человек коммунистического общества» (т. 5, с. 376), что «воспитание есть выражение политического кредо педагога, а его знания являются подсобными» (т. 5, с. 313), что «политическая чуткость является первым признаком нашей педагогической квалификации» (т. 5, с. 353). Макаренко был страстным сторонником активного воспитания, руководствовался принципом, что «человека нужно не лепить, а ковать» (т. 5, с. 342). Этот принцип в конкретных условиях воспитания реализуется при помощи такой цепи упражнений, цепи трудностей, «которые надо преодолевать и благодаря которым выходит хороший человек» (т. 5, с. 373).

Антон Семенович считал, что нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество, все равно в чем: в сдержанности, в прямом открытом слове, в некоторых лишениях, в терпеливости, в смелости. С глубокой убежденностью

и неподдельной страстностью выдающийся педагог писал, что «коммунистическую волю, коммунистическое мужество, коммунистическую устремленность нельзя воспитать без специальных упражнений в коллективе. Не метод парного влияния от случая к случаю, не метод благополучного непротивления, не метод умеренности и тишины, а **организация коллектива**, организация требований к человеку, организация реальных, живых, целевых устремлений человека вместе с коллективом,— вот что должно составить содержание нашей воспитательной работы» (т. 5, с. 425).

А. С. Макаренко, как и Н. К. Крупская, весьма критически относился к традиционной педагогике, всегда ставившей на первый план вопросы дидактики, а воспитательные проблемы отодвигавшей на второй план. Он считал это принципиальной ошибкой, поскольку воспитание является более широким явлением, включающим в себя и само обучение. Великий педагог мечтал написать учебник педагогики «завтрашнего дня» по другой схеме: вначале о воспитании, потом об учителе и завершить его дидактикой. К сожалению, этой мечте не суждено было осуществиться.

А. С. Макаренко был сторонником специальной воспитательной дисциплины, «которая еще не создана, но которую именно у нас, в Советском Союзе создают» (т. 5, с. 523). Методика воспитательной работы, с его точки зрения,— это отдельная отрасль педагогики. Она «имеет свою логику, сравнительно независимую от логики работы образовательной» (т. 5, с. 113). Разумеется, методика воспитания и методика образования органически связаны между собой. Любая работа в классе всегда является одновременно и воспитательной работой, однако сводить воспитательную работу только к образовательной нельзя.

Говоря о путях воспитания, Антон Семенович отмечал: «Конечно, на первом плане общая сумма правильных представлений, сумма правильных, марксистски освещенных знаний. Знания приходят из учебы и еще больше из замечательного советского опыта, из газеты, книги, из каждого нашего дня. Многим кажется, что этого достаточно. Это действительно много. Наша жизнь производит самое могучее впечатление на человека и действительно воспитывает его.

Но мы не можем останавливаться на этих достижениях, мы прямо должны сказать, что без специальной заботы о человеке, заботы педагогической, мы многое теряем. Правда, получаются хорошие результаты, но мы ими довольны только потому, что не знаем, какими грандиозными они могут быть» (т. 5, с. 523).

На такой глубокий научно обоснованный подход к знаниям и воспитанию указывается в Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы. В этом принципиально важном документе внимание акцентируется на том, «чтобы человек воспитывался у нас не просто как носитель определенной суммы знаний, но прежде всего — как гражданин социалистического общества, активный строитель коммунизма, с присущими ему идейными установками, моралью и интересами, высокой культурой труда и поведения» (Материалы первой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва 11—12 апреля 1984 года. М.: Политиздат, 1984, с. 49).

Теория воспитания «есть прежде всего наука практически целесообразная» (т. 5, с. 113). Мы не можем, считал Макаренко, просто воспитывать

человека, мы не имеем права проводить эту работу, не ставя перед собой определенную политическую цель. Бесцельная воспитательная работа в конечном счете окажется работой аполитичного воспитания. Примером нецелеустремленной педагогической теории, по мнению А. С. Макаренко, была педология, рассматриваемая им «как полная противоположность советского воспитательного устремления» (т. 5, с. 114).

Создавая методику коммунистического воспитания, А. С. Макаренко исходил из того, что решающее значение имеют новые цели воспитания. Под целями же воспитания он понимал не цели отдельных мероприятий, не общий идеал, а всю «программу человеческой личности, программу человеческого характера», причем понятие характера включает «все содержание личности, то есть и характер внешних проявлений и внутренней убежденности, и политическое воспитание, и знания — решительно всю картину человеческой личности» (т. 5, с. 118).

Цель воспитания определяется потребностью формирования нового человека — советского гражданина как активного, деятельного, осмотрительного, знающего коллективиста.

Значительное внимание уделял А. С. Макаренко формированию и воспитанию чувства долга, понимаемого им «как переживание своих обязанностей по отношению к коллективу», «своей принадлежности к классу» (т. 5, с. 337).

Самым важным, определяющим качеством личности Антон Семенович считал чувство ответственности, которое «воспитывается в коллективе с наибольшим трудом, но зато, когда оно воспитано, оно творит чудеса» (т. 5, с. 241). С другой стороны, самые большие неприятности, «главные драмы» являются результатом безответственности.

Эти положения выдающегося педагога полностью соответствуют установкам нашей партии. На XXV съезде КПСС указывалось, что «именно ответственный подход каждого гражданина к своим обязанностям, к интересам народа создает единственно надежную базу для наиболее полного воплощения принципов социалистического демократизма, подлинной свободы личности» (Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976, с. 85).

Коммунистическая партия и Советское государство исходят из того, что «очень важно воспитывать с ранних лет коллективизм, требовательность к себе и друг к другу, честность и правдивость, доброту и принципиальность, стойкость и мужество характера» (Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы, с. 59).

Существенным и главным, с точки зрения А. С. Макаренко, является то, что «наша коммунистическая работа не может быть бесстрастной. Надо уметь работать с верой в человека, с сердцем, с настоящим гуманизмом» (т. 5, с. 515). Он отмечал, что без любви к человеку не было бы и Октябрьской революции.

Научно-теоретическое наследие, как и вся педагогическая деятельность А. С. Макаренко, проникнуты верой в безграничные духовные возможности личности, в том числе юной. Антон Семенович считал, что если человек воспитан плохо, то виноваты в этом воспитатели, что «человек плох только потому, что он находился в плохой социальной структуре, в плохих условиях» (т. 5, с. 364), что советская педагогика должна ориентироваться на

положительные черты личности. Он утверждал и доказывал это своей практикой. «Видеть хорошее в человеке всегда трудно. В живых будничных движениях людей, тем более в коллективе сколько-нибудь нездоровом, это хорошее видеть почти невозможно, оно слишком прикрыто мелкой повседневной борьбой, оно теряется в текущих конфликтах. Хорошее в человеке приходится всегда проектировать, и педагог это обязан делать. Он обязан подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже и с некоторым риском ошибиться» (т. 7, с. 299—300).

Животворным источником педагогического оптимизма А. С. Макаренко была, разумеется, не только его бесконечная вера в человека, в силу и могущество воспитательной работы. Этим источником была для него сама наша жизнь, вдохновенный пафос социалистического созидания, устремленность народа-творца в светлое коммунистическое будущее, окрыленность великими идеями партии Ленина.

А. С. Макаренко был глубоко убежден в том, что «талант только в небольшой мере принадлежит биологии, что в самом основном своем блеске он всегда обязан благоприятным влияниям общества, работы, культуры и знания» (т. 7, с. 147). Чрезвычайно важную роль в развитии таланта играет «свободный человеческий коллектив», его «дружеский локоть», великое творческое движение масс.

Социалистический способ жизни создает реальные условия не только для полного раскрытия талантов, но и для проявления подлинной социальной активности каждого человека.

В Советском Союзе родились новая мораль и новое право, «основанием для которых является победившая идея человеческой солидарности» (т. 4, с. 335). В социалистическом обществе «нравственность вырастает из фактической солидарности трудящихся» (т. 4, с. 337). Идея солидарности охватывает все области жизни. Именно поэтому в социалистическом обществе «не может быть личности вне коллектива и поэтому не может быть обособленной личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастью коллектива» (т. 5, с. 354). Воспитывая отдельную личность, необходимо заботиться о воспитании всего коллектива, и, наоборот, воспитание коллектива обязательно будет и воспитанием каждой личности, входящей в коллектив. Макаренко писал: «...отношение общей и частной цели у нас не есть отношение противоположностей, а только отношение общего (значит, и моего) к частному, которое, оставаясь только моим, будет итожиться в общее в особом порядке» (т. 5, с. 354).

Основой методики коммунистического воспитания является теория коллектива. Еще в «Основных принципах единой трудовой школы» (1918 г.) указывалось, что «в воспитании самой прекрасной задачей является создание школьного коллектива, спаянного радостным и прочным товариществом» (Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 гг. М.: Педагогика, 1974, с. 142). Впоследствии А. С. Макаренко убедительно доказал, что в «коммунистическом воспитании единственным и главным инструментом воспитания является живой трудовой коллектив» (т. 1, с. 752), а потому основные усилия следует сосредоточить на создании и сохранении коллектива, на создании тона и традиций в его жизни и деятельности.

Принципиально важным является то, что «детский коллектив реши-

тельно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив.

Отдельные члены коллектива не рассматривают себя как «зародыш будущих личностей» (т. 2, с. 400).

Вся деятельность А. С. Макаренко, ее высокие воспитательные показатели убеждают, что «правильное, советское воспитание должно быть организовано путем создания единых, сильных воспитательных коллективов. Школа должна быть единым коллективом, в котором организованы все воспитательные процессы, и отдельный член этого коллектива должен чувствовать свою зависимость от него — от коллектива, должен быть предан интересам коллектива, отстаивать эти интересы и в первую очередь дорожить этими интересами» (т. 5, с. 123).

Анализируя проблемы советского школьного воспитания, А. С. Макаренко отмечал, что «нормальная работа школы немыслима без сплоченного педагогического коллектива, придерживающегося единой методики и коллективно отвечающего не только за «свой» класс, а за всю школу в целом» (т. 5, с. 396). Наличие единого школьного коллектива — решающее условие в коммунистическом воспитании школьников. Правильное воспитание невозможно «без могучего коллектива, уважающего свое достоинство и чувствующего свое коллективное лицо» (т. 5, с. 127). Макаренко был убежден, что настоящая воспитательная работа возможна только тогда, когда для каждого педагога успех всей школы стоит на первом месте, успех его класса — на втором, а его личный успех — только на третьем месте.

Поставив перед собой задачу воспитания нового человека, А. С. Макаренко направлял все усилия на то, чтобы каждый воспитанник стал активным деятелем общества. Обращаясь к московским писателям, он акцентировал внимание на четкой направленности советского воспитания, на необходимости «воспитывать коллективиста, воспитывать человека новой эпохи» (т. 7, с. 143). Новый советский человек «должен быть коллективистом в каждом своем поступке, в каждом своем помышлении» (т. 7, с. 152).

Решительно выступая против шаблона в воспитании нового человека, Антон Семенович указывал, что в нашей жизни и единство, и строительство, и борьба, и победы — все по-новому богатое, по-новому радостное и по-новому тяжелое, что «счастье нашего человека вовсе не заключается в свободном и безоблачном существовании, наше счастье ни в какой мере не напоминает райского житья, полного святости и бездеятельности» (т. 6, с. 419).

Советская действительность вовсе не бесконфликтна. Наоборот, отличительной особенностью нашей жизни является ее конфликтный характер. «Наша жизнь именно потому прекрасна,— говорил А. С. Макаренко,— что мы способны бороться, то есть разрешать конфликты, смело идти им навстречу, смело и терпеливо переживать страдания и недостатки, бороться за улучшение жизни, за совершенствование человека» (т. 6, с. 419). Секрет и красота нашей жизни не в отсутствии конфликтов, а в нашей готовности и умении их решать.

Значительный интерес представляют положения А. С. Макаренко об «очеловечивании» конфликта при социализме. Он отмечал, что в социалистическом обществе «конфликт становится более тонким, более глубоким, более нежным, он отражает более сокровенные глубины человеческой личности» (см.: Вопросы теории и истории педагогики / Под ред. А. В. Ососкова. Труды Орехово-Зуевского педагогического института. М., 1960, с. 27).

Антон Семенович утверждал, что коммунистическое воспитание немыслимо без воспитания чувства долга, а поскольку последнее часто противоречит интересу ребенка, особенно так, как он его понимает, то строить все воспитание только на интересе нельзя. Именно поэтому он требовал «воспитания закаленного, крепкого человека, могущего проделывать и неприятную работу и скучную работу, если она вызывается интересами коллектива» (т. 1, с. 128).

А. С. Макаренко подчеркивал, что идеалистические пережитки в педагогике связаны с чуждым нам культом индивидуализма. Он считал, что «все провалы воспитания можно свести к одной формуле: «воспитание жадности» (т. 4, с. 334). Личная жадность во всех ее проявлениях — одно из самых отвратительных и реакционных свойств. В условиях социализма она очень легко «совпадает с тенденцией контрреволюционной». Макаренко говорил родителям: «Человек, видящий только себя и свое «я», требовательное и ненасытное,— это тормоз нашему революционному движению, действиям и деятельности» (см.: Макаренко советует родителям: (Из архива выдающегося педагога) / Публ. подгот. Е. С. Долгин. (М.: Знание, 1970, с. 53).

Начинается же личная жадность там, где потребность одного человека сталкивается с потребностью другого, где радость или удовольствие нужно отобрать у соседа силой, хитростью или воровством. Иждивенчество, рвачество, обман, безответственность и многие другие отрицательные качества такого типа — прямое порождение личной жадности. Одним из самых темных закоулков личной жадности является равнодушие, которое, как правило, выступает в едином комплексе с культом собственной личности, зарождающемся нередко на самых ранних этапах детского развития. Слепая, беспринципная, зоологическая родительская любовь к своим детям, особенно в однодетных семьях, очень быстро формирует уже у маленьких детей глубоко антисоциальную философию необузданного эгоизма, искоренить которую в более зрелом возрасте чрезвычайно трудно. В таких случаях приходится ломать уже сложившийся динамический стереотип, что, как указывал И. П. Павлов, всегда является весьма сложным, а иногда и чрезвычайно трудным процессом.

К совершенно чуждым социалистическому обществу чертам характера относил А. С. Макаренко также избалованность и изнеженность, называя их весьма тяжелыми и вредными пережитками старого мира, одним из его смертных грехов. «Изнеженность и избалованность наших детей такая же опасность, как и шкурничество, воровство, ложь. Это враждебные нам качества» (см.: А. С. Макаренко советует родителям, с. 21).

А. С. Макаренко полагал, что у детей с самого раннего возраста необходимо воспитывать классовую ненависть, физическое отвращение к мещанству, что этому необходимо учить так, как учат арифметике.

Важно научить детей правильно относиться к своим товарищам, ко всем людям, проявлять чуткость, внимательность, доброжелательность, уважение к интересам других — не только близких, но и совершенно неизвестных людей.

Одновременно Антон Семенович решительно выступал против различных проектов «идеалистического альтруизма, какой-то мифической «доброты» и «нестяжания», которые в буржуазном обществе являются школой «утонченного ханжества» (т. 4, с. 81). О добре в буржуазном обществе написано много литературы, которой прикрывается подлинная хищническая эксплуататорская сущность капитализма; к «добру» веками призывали с амвонов священники, но такое «добро» не смогло стать привычной для людей будничной вещью, а было лишь препятствием и для хорошей работы, и для хорошего настроения. «Там, где добро осеняло мир своими мягкими крыльями, потухали улыбки, умирала энергия, останавливалась борьба, и у всех начинало сосать под ложечкой, а лица принимали скучно-кислое выражение. В мире наступал беспорядок» (т. 4, с. 85). А. С. Макаренко отмечал, что идеи христианской морали, «скучная, серенькая, бездеятельная, прибранная христианская добродетель, «доблесть» воздержания, «героизм» умеренности и непротивленчества» оказались весьма живучими и в литературе и в работе некоторых педагогов (т. 7, с. 177).

А. С. Макаренко считал, что «рецептура доброго сердца» в большинстве случаев приводит к ханжеству, а потому, осуществляя коммунистическое воспитание десятков миллионов наших детей, мы не можем «строить свои планы в расчете на добрые сердца». К педагогическому делу мы имеем право подходить как к производству, а на воспитателя смотреть «как на человека труда, на рабочего, которому вверяется серьезная деловая функция, ставится точная, пусть трудная, но все же посильная задача, не требующая от него гипертрофии сердца или другого какого-нибудь не менее важного органа, не лишающая его возможности быть человеком, иметь свою личную жизнь и спокойную старость» (т. 1, с. 660). Нельзя делать главную ставку на педагогические таланты, нельзя не замечать того, что учителя и воспитатели — это преимущественно обычные советские люди, люди реального делового мышления, которые, приспособляясь к процессу производства, к его реальным условиям, становятся на путь производственных поисков, стремятся осмыслить и понять деловую сущность своей работы, найти ту рабочую установку, которая одновременно позволяла бы им хорошо выполнять свои функции и не требовать от них ненужного нечеловеческого напряжения. Для такого учителя и воспитателя нужна реальная педагогическая теория, а не «наука» с горящими глазами и растрепанной шевелюрой, призывающая к чудесам (т. 1, с. 661).

Антон Семенович находил большое сходство «между процессами воспитания и обычными процессами в материальном производстве», а потому считал необходимым изучать в педагогических вузах такой предмет, как «сопротивление личности», когда ее начинают воспитывать, и предлагал ввести отдел контроля, «который мог бы сказать разным педагогическим партачам: — У Вас, голубчики, девяносто процентов брака. У Вас получилась не коммунистическая личность, а прямая дрянь, пьянчужка, лежебок и шкурник. Уплатите, будьте добры, из вашего жалованья» (т. 1, с. 559).

Решающее значение он придавал педагогической (методической) технике, какой можно и нужно овладевать в период обучения в педагогическом вузе. С его точки зрения, «обучить человека воспитанию» можно в такой же степени, как и научить его чему-либо другому. Дело здесь заключается не в таланте, а в педагогическом мастерстве, в знаниях, умениях и навыках, которыми может овладеть любой нормальный человек. «Воспитатель должен уметь организовывать, ходить, шутить, быть веселым, сердитым. Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет» (т. 5, с. 179). Всему этому сравнительно легко может научиться каждый человек, если он относится к делу с чувством ответственности. Принципиально важно, чтобы воспитатель был «активно действующим организмом, нацеленным на воспитательную работу».

А. С. Макаренко отмечал, что «плохие детские дома не оттого таковы, что там плохие работники или что мало денег дают на их содержание, а исключительно потому, что они отравлены дамской педагогикой, в существе своем не имеющей никакого отношения ни к идее социализма, ни к пролетариату, ни к труду, ни к советской власти, ни просто к здравому смыслу» (т. 7, с. 417).

Воспитательная катастрофа детского дома в Куряже была не несчастным случаем, а закономерным следствием определенной педагогической системы, состоящей из целых штабелей идей и предрассудков: «слюноточивого интеллигентского идеальничания», будничного бесталанного формализма, дешевой бабьей слезы и угнетающего канцелярского невежества (т. 1, с. 519—529). Куряж является лишь яркой иллюстрацией традиционного педагогического производства, которое «никогда не строилось по технологической логике, а всегда по логике моральной проповеди» (т. 1, с. 558). Болезненный дух потребительской психологии насыщал каждую клеточку Куряжской колонии. Именно потому Антон Семенович считал, что в возрождении Куряжа «самая главная задача — изжить потребительскую философию наших новых питомцев» (т. 7, с. 335).

С целью коренного улучшения работы по воспитанию беспризорных детей А. С. Макаренко предлагал «принять все меры, чтобы детские дома перестали быть потребительскими учреждениями, а сделались учреждениями трудового советского социалистического воспитания, чтобы на них не нужно было выбрасывать десятки миллионов рублей совершенно непроизводительно» (т. 7, с. 443).

Одним из наиболее существенных недостатков педагогики Антон Семенович считал положение о том, что дети являются только объектом воспитания. «Нет,— писал он,— дети — это живые жизни, и жизни прекрасные, и поэтому нужно относиться к ним, как к товарищам и гражданам, нужно видеть и уважать их права и обязанности, право на радость и обязанность ответственности» (т. 3, с. 137).

Опираясь на личный опыт работы с беспризорными правонарушителями, на глубокие знания их природы и особенностей, А. С. Макаренко убедительно показал беспочвенность «романтических сплетен» о них. Он решительно выступал против распространенного в начале 20-х годов взгляда на правонарушителей как на «морально дефективных детей», называя это вымыслом неудовлетворенных романтиков. Он заявлял, что нужно

говорить о дефективных методах, а не о дефективных детях, что в случае детского хулиганства виновны не дети, а неправильные педагогические методы. Правонарушители — это дети, нуждающиеся прежде всего в помощи. Активная и целенаправленная педагогика очень быстро превращает их в совершенно нормальных членов детского коллектива.

Значительный теоретический и практический интерес представляет учение А. С. Макаренко об эволюционном и взрывном путях решения сложных педагогических ситуаций. Основным объектом педагогической работы он считал отношения между личностью и обществом. Детские правонарушения, «дефективность их сознания» — это ненормальность социальных явлений, социальных отношений, это «прежде всего испорченные отношения между личностью и обществом, между требованиями личности и требованиями общества» (т. 5, с. 508).

Конфликтные столкновения личности и общества не могут быть устранены только эволюционным путем. Поскольку «выключить личность, изолировать ее, вынуть ее из отношения совершенно невозможно, технически невозможно, следовательно, невозможно себе представить и эволюцию отдельной личности, а можно представить себе только эволюцию отношений». Но если отношения в самом начале, в отправной точке, уже испорчены, то всегда есть страшная опасность, что эволюционировать и развиваться будет именно эта ненормальность, и это будет тем скорее, чем личность сильнее, то есть чем более активной стороной она является в общем конфликте. Вот почему «единственным методом является в таком случае не оберегать это дефективное отношение, не позволять ему расти, а уничтожить его, взорвать» (т. 5, с. 508). Взрыв — по Макаренко — это доведение конфликта до последнего предела, до такого состояния, когда уже нет возможности ни для какой эволюции, ни для какой тяжбы между личностью и обществом, когда ребром поставлен вопрос: или быть членом общества, или уйти из него.

Этот «последний предел», «крайний конфликт» может выражаться в самых разнообразных формах: решение коллектива, коллективный гнев, осуждение, бойкот, отвращение. Важно, чтобы «они создавали впечатление крайнего сопротивления общества», чтобы они «сопровождались проявлениями общественных или личных эмоций, чтобы они не были просто бумажными формулами» (т. 5, с. 508—509).

В каждом коллективе таких столкновений разных степеней конфликтности всегда бывает очень много. Если стать на путь разбирательства и изучения каждого из них и доведения их до взрывов, то «вся жизнь коллектива превратилась бы в сплошную трескотню, нервную горячку, и толку от этого было бы очень мало» (т. 5, с. 509). Но этого и не нужно. А. С. Макаренко всегда выбирал из общей цепи конфликтных отношений самое яркое, выпирающее и убедительное, для всех понятное. Разваливая его вдребезги, разрушая самое его основание, коллективный протест становился такой мощной, такой все сметающей лавиной, что остаться в стороне от нее не мог ни один человек. Обрушиваясь на голову одного лица, эта лавина захватывала очень многие компоненты других ненормальных отношений.

Поставленные перед необходимостью немедленно что-то решать, воспитанники не в состоянии заняться анализом и в сотый, может быть, раз

копаться в скрупулезных соображениях о своих интересах, капризах, аппетитах, о «несправедливостях» других. Подчиняясь в то же время эмоциональному внушению коллективного движения, они, наконец, «действительно взрывают в себе очень многие представления, и не успеют обломки их взлететь на воздух, как на их место уже становятся новые образы, представления о могучей правоте и силе коллектива, ярко ощутимые факты собственного участия в коллективе, в его движении, первые элементы гордости и первые сладкие ощущения собственной победы» (т. 5, с. 510).

А. С. Макаренко указывал, что «взрывной маневр» — вещь очень болезненная и педагогически трудная, но отказываться от него нельзя.

Учение А. С. Макаренко о коллективе является выдающимся вкладом в педагогическую науку. Он категорически осуждал попытки подводить под понятие коллектива любые ячейки с положительным социальным статусом и настойчиво доказывал, что «только социальное единство, построенное по социалистическому принципу, может быть названо коллективом», что «коллектив есть контактная совокупность, основанная на социалистическом принципе объединения» (т. 5, с. 475).

Коллектив учителей и учащихся, указывал А. С. Макаренко,— это не два коллектива, а один коллектив, к тому же коллектив педагогический. Воспитание такого единого коллектива — «единственный путь правильного воспитания» (т. 5, с. 232) Только создав единый школьный коллектив, можно пробудить в детском сознании могучую силу общественного мнения как регулирующего и дисциплинирующего воспитательного фактора.

Причины многих неудач школьного воспитания Антон Семенович усматривал в отсутствии школьного коллектива. Одновременно он высказывал твердую уверенность в том, что «в школе можно создать единый коллектив» (т. 4, с. 492).

Серьезным недостатком воспитательной системы в школе Макаренко считал то, что класс в ней «не играет роли первичного коллектива, то есть связующего звена между личностью и целым коллективом, а очень часто является и последним коллективом» (т. 5, с. 164). Первичный коллектив объективно имеет тенденцию отойти от интересов общего коллектива, замкнуться в своих интересах. При таких условиях он теряет свою ценность как первичный коллектив, поглощая интересы общего коллектива, а это делает переход к интересам общего коллектива весьма трудным.

Принципиально важным, с точки зрения А. С. Макаренко, является то, что первичный коллектив, во-первых, не должен оттеснять общий коллектив и подменять его и, во-вторых, должен быть основным звеном, связующим общий коллектив с отдельной личностью. В практике А. С. Макаренко таким первичным коллективом был разновозрастный отряд.

Организация коллектива, по мнению А. С. Макаренко, должна начинаться с решения вопроса о первичном коллективе, который уже не может делиться на более мелкие коллективы. Во главе первичного коллектива непременно должен быть единоначальник, являющийся в то же время и уполномоченным от своего коллектива в общеколлективном органе. Разновозрастный характер первичного коллектива, напоминающий семью, наиболее выгоден в воспитательном отношении. В нем «создается забота о младших, уважение к старшим, самые нежные нюансы товарищеских отношений» (т. 5, с. 259).

Организация первичных коллективов в форме разновозрастных отрядов «создает более тесное взаимодействие возрастов и является единственным условием постоянного накопления опыта и передачи опыта старших поколений» (т. 5, с. 11). В таких условиях младшие дети получают разнообразную информацию, усваивают навыки правильного поведения, рабочую сноровку, приучаются уважать старших. У старших же детей забота о младших и ответственность за них воспитывают такие необходимые для советского гражданина черты, как уважение к человеку, великодушие и требовательность, качества будущего семьянина и т. д.

Основную организационно-исполнительскую роль в деятельности макаренковского коллектива играл совет командиров отрядов, состав которого систематически менялся. Совет представлял всю колонию или коммуну, а не одно какое-то подразделение ее. В своих решениях он всегда исходил из позиций общеколлективных интересов, не допуская никаких случаев цеховщины и цехового рвачества. Благодаря этому удавалось избегать какого-либо раскола коллектива, вражды, неудовлетворенности, зависти и сплетен.

Совет командиров не имел никаких признаков бюрократического органа. Он не составлял даже планов своей работы. Это был орган управления, работающий над задачами и проблемами, возникающими ежедневно.

Исключительное значение в коммуне имел комитет комсомола. Не подменяя многочисленных рабочих органов коллектива, он выполнял в нем руководящие и направляющие функции, был фактически самым важным политическим органом.

Центром воспитания являлся кабинет заведующего колонией (коммуной), где проводились все важнейшие организационные мероприятия и куда имел право в любое время зайти, сесть на свободный стул и слушать все, выпавшее на его долю, любой коммунар.

А. С. Макаренко придавал огромное значение в воспитательной работе общему собранию воспитанников как высшему органу коллектива. Он говорил, что если бы ему пришлось работать в массовой школе, то он начал бы свою работу не с формы и не с создания традиций, а «с хорошего общего собрания, где так, от души, в лоб сказал бы ребятам: во-первых, чего я от них хочу, во-вторых, чего я от них требую, и, в-третьих, я предсказал бы им, что у них будет через два года» (т. 5, с. 242). Он верил в то, что хорошо сказанное слово имеет огромное значение. В слове руководителя воспитанники должны ощущать его волю, культуру, личность.

Собрания коллектива, по мнению А. С. Макаренко, должны быть всегда строго деловыми, и не отнимать у воспитанников много времени. В макаренковских коллективах был установлен такой порядок, что выступающий на собрании имел право говорить не более одной минуты, без каких-либо лишних слов. В то же время на собрании никогда не допускали прекращения прений или сокращения списка ораторов. Общее собрание вовлекало всех воспитанников в активную общественную жизнь, способствовало воспитанию у каждого из них активной жизненной позиции.

Много внимания уделял А. С. Макаренко воспитанию актива колонистов, считая его «тем здоровым и необходимым в воспитательном детском

учреждении резервом, который обеспечивает преемственность поколений в коллективе, сохраняет стиль, тон и традиции коллектива» (т. 5, с. 33).

В те годы вопросы стиля и тона детского коллектива, как правило, игнорировались педагогической «теорией», а между тем, по мнению Антона Семеновича, «это самый существенный, самый важный отдел коллективного воспитания» (т. 1, с. 556). Стиль создается очень медленно. Он не возможен без накопления традиций, то есть положений и привычек, воспринимаемых уже не чистой совестью, но сознательным уважением к опыту старших поколений, к великому авторитету целого коллектива. Неудачи многих воспитательных заведений именно и объясняются отсутствием стиля в их работе, отсутствием привычек и традиций в жизни коллектива.

«Общий тон» воспитывается в детском учреждении всем укладом его жизни и деятельности. Много зависит здесь и от поведения и тона педагогического, руководящего и обслуживающего персонала. Основными качествами нормального общего тона являются: достоинство, единство коллектива, идея защищенности, активность, привычка торможения. Характерным признаком нормального общего тона Макаренко считал мажорность, то есть постоянную бодрость, готовность к действию, к спокойному, энергичному и одновременно экономному движению. Разумеется, мажорность несовместима с приподнятой постоянной бурливостью, истерической напряженностью, «которая всегда неприятно бьет в глаза и которая грозит при первой неудаче сорваться и перейти в разочарование» (т. 5, с. 82).

Один из важнейших принципов педагогической техники А. С. Макаренко — принцип параллельного педагогического действия. Он считал, что влияние отдельной личности на отдельную личность («парная педагогика») является фактором узким и ограниченным. «Парная педагогика» слишком преувеличивает влияние педагога на учащегося, практически сводит все воспитание к назидательным, «душераздирающим» сентенциям, к разнообразным моральным поучениям и наставлениям, к засилью сугубо вербальных, формально-бюрократических методов и приемов, неминуемо порождает неискренность, лживость и двуличность. «Парная педагогика» — это педагогика обывательско-мещанского типа. Разумеется, она абсолютно не соответствует требованиям социалистического общества.

На основе личного опыта Антон Семенович приходит к выводу, что коммунистическое воспитание требует совершенно иной логики, в которой центральное место занимает не отдельная личность, какая бы она сильная и влиятельная ни была, а коллектив. Педагог воздействует на личность через коллектив. Таким образом, объектом воспитания должен быть целый коллектив, на который направляется организованное педагогическое влияние. Такая педагогическая логика создает совершенно иные отношения между воспитателем и воспитанником, опосредствованные коллективом. Она названа педагогикой параллельного действия.

Антон Семенович был убежден в том, что «и дисциплинирование отдельной личности, и полная свобода отдельной личности не наша музыка. Советская педагогика должна иметь совершенно новую логику: от коллектива к личности. Объектом советского воспитания может быть только целый коллектив. Только воспитывая коллектив, мы можем рассчитывать, что найдем такую форму его организации, при которой отдельная личность

будет и наиболее дисциплинирована, и наиболее свободна» (т. 1, с. 653—654).

Создание нужного нам типа поведения, по мнению А. С. Макаренко,— это прежде всего вопрос опыта, привычки, длительных упражнений в том, что нам нужно, а «гимнастическим залом для таких упражнений должен быть наш советский коллектив, наполненный такими трапециями и параллельными брусьями, которые нам сейчас нужны» (т. 1, с. 654).

А. С. Макаренко не раз утверждал, что интересы коллектива должны стоять выше интересов личности, что «предпочтение интересов коллектива должно быть доведено до конца, даже до беспощадного конца — и только в этом случае будет настоящее воспитание коллектива и отдельной личности». Правда, этот беспощадный конец на самом деле должен быть беспощаден только в логике, иначе говоря, «нужно так организовать технику беспощадности, чтобы интересы коллектива стояли впереди интересов личности, но и чтобы личность не оказалась в тяжелом, катастрофическом положении» (т. 5, с. 145).

Коллектив защищает каждую личность и обеспечивает для нее самые благоприятные условия развития. Требования коллектива являются воспитательными, главным образом, по отношению к принимающим участие в требовании. Здесь личность выступает в новой позиции воспитания — она не объект воспитательного влияния, а его носитель — субъект, однако субъектом она становится, только выражая интересы всего коллектива.

А. С. Макаренко писал, что коллектив является не только объектом, но и субъектом воспитания именно в форме коллективного реагирования, ибо в этой форме он приобретает опыт активной защиты своих интересов. В коллективном воспитании оттачиваются скрепляющие детали для очень важного человеческого атрибута — чувства ответственности, без которого, считал А. С. Макаренко, не может быть коммунистического человека. Следовательно, «коллектив является воспитателем личности» (т. 2, с. 399).

Важный элемент макаренковской воспитательной технологии — система перспективных линий. Он утверждал, что «человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость — один из важнейших объектов работы» (т. 1, с. 567). Вначале надо организовать саму радость, вызвать ее к жизни, сделать ее реальностью, а затем настойчиво превращать простейшие виды радости в более сложные и значимые. Иначе говоря, здесь проходит интересная линия: от примитивного удовлетворения каким-то пряником к наиболее глубокому чувству долга. Отсюда логически вытекает вывод, что «воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость» (т. 1, с. 567). Воспитательная работа состоит в своевременном использовании уже имеющихся перспектив и в постепенной замене их более ценными и практически значимыми. Принципиально важной является организация новых перспектив. В центре внимания должны быть перспективы целого коллектива, доведенные до перспектив всего Союза, которые наполняют пульс индивидуальных перспектив, делают их реальными и жизненными. Главное внимание следует направлять на воспитание коллективных, а не только личных линий устремлений. Антон Семенович всегда исходил из того, что в человеке

советского типа «коллективная перспектива преобладает над личной» (т. 5, с. 75).

Определяя коллектив в качестве главного инструмента в системе коммунистического воспитания, А. С. Макаренко в то же время не игнорировал и личности. Наоборот, он постоянно подчеркивал, что сама проблема личности может быть решена только в социалистическом обществе, где в каждом человеке усматривается личность, где проблема «общество и личность» решена не в горячей проповеди, не в призывах, не постановкой принципов, а исключительно в процессе грандиозной революционной творческой работы, создавшей конструкцию детально продуманную и сделанную с точностью до наиболее мелких величин. Если же личность проектируется только в некоторых людях по какому-то специальному выбору, как это имеет место в буржуазном обществе, то сама проблема личности исчезает. «Наше воодушевленное доверие к партии, наш экономический строй,— писал А. С. Макаренко,— создают невиданную еще свободу личности, но это не та свобода, о которой болтают на Западе. Есть «свобода» и свобода. Есть свобода кочевника в степи, свобода умирающего в пустыне, свобода пьяного хулигана в заброшенной деревне и есть свобода гражданина совершенного общества, точно знающего свои пути и пути встречные» (т. 7, с. 15). Коллизия «личность и общество» у нас решается не только в свободе, но и в дисциплине.

Макаренко разъяснял, что проблему «общество и личность» буржуазные идеологи связывают с амплитудой колебания личного поступка. Величина такого колебания в буржуазных конституциях устанавливается для идеально мыслимой личности, вырванной из общества, абстрагированной. Такой личности предоставляется свобода «выживать и злоупотреблять», свобода работать или бездельничать, свобода пировать или умереть с голоду, свобода жить в халупе или во дворце. Но настоящая, реальная личность, живущая под ярмом буржуазного общества, в преобладающем большинстве случаев имеет очень маленькую и ничтожную амплитуду поступка: от страха голодной смерти, с одной стороны, до бессильного гнева — с другой.

В социалистическом обществе четко определены границы, за которые не может выйти личность, какою бы, как сказал Макаренко, гомерической жадностью она ни обладала. Недра, поля, леса принадлежат у нас всему народу, а потому отдельная личность присвоить их не может. Бездельничать тоже нельзя, ибо «кто не работает, тот не ест». Для эксплуататора, для какого-то «сверхчеловека» действительно скучно, податься некуда! Зато для реального, живого гражданина амплитуда очень широка: от радостного, сознательного, творческого труда в полном единстве с другими людьми, с одной стороны, к полнокровному, жизненному счастью, не отравленному никакой обособленностью, никакими муками совести,— с другой.

«Личность и общество в Советском Союзе потому счастливы,— приходит к выводу Антон Семенович,— что их отношения сконструированы с гениальным разумом, с высочайшей четкостью, с великолепной точностью. И хотя в нашей Конституции нигде не стоит слово «любовь», но за всю историю людей в ней впервые реально поставлено слово «Человек» (т. 7, с. 16).

А. С. Макаренко справедливо считал, что смотреть на молодое поколение только как на объект воспитания в корне неверно. Лучший путь для воспитания состоит в создании таких условий, в использовании такой воспитательной технологии, когда воспитанники оказываются одновременно и в положении воспитателей.

В практике выдающегося педагога четко организованный коллектив играл главную роль в воспитательной системе. Показательным является следующий факт: когда А. С. Макаренко предложили перейти в Куряж, напоминающий не столько воспитательное заведение, сколько гниющую мусорную яму, где воспитанники не только терроризировали своих «воспитателей», но были грозой и для столицы республики города Харькова, он поставил среди прочих и такое условие — количество штатных воспитателей должно быть сокращено от 40 до 20 человек, а в 1930 году в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского, являющейся образцовым заведением в воспитательном отношении, ему удалось добиться высочайшей интенсификации педагогического труда и полностью отказаться от платных воспитателей. Воспитателями здесь были, по словам Антона Семеновича, «учителя, инженеры, мастера и инструкторы, чекисты, члены нашего Правления и в первую очередь и главным образом — партийная и комсомольская ячейки. И воспитание коммунаров достигается не путем чьей-нибудь проповеди или нравоучений, а исключительно из жизни, работы, стремления самого коллектива» (т. 2, с. 405).

Разумеется, А. С. Макаренко не выступал против воспитателей в детском учреждении вообще. Наоборот, он полагал, что в детских учреждениях «должны быть авторитетные, культурные, работоспособные, хорошие взрослые люди...» (т. 5, с. 371). Однако он отрицал необходимость большого воспитательского персонала, сковывающую возможности участия самих воспитанников в воспитательном процессе.

Воспитание — дело чрезвычайно сложное и многообразное. Самым опасным моментом здесь есть страх перед этой сложностью и многообразием, который может проявляться в двух формах: во-первых, в стремлении «стричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов» и, во-вторых, в пассивном следовании за каждым индивидуумом, в безнадежной попытке справиться с миллионной массой воспитанников при помощи разрозненной возни с каждым человеком в отдельности, что называл А. С. Макаренко «гипертрофией индивидуального подхода» (т. 5, с. 353).

На основе личного опыта А. С. Макаренко пришел к выводу, что наиболее трудным в воспитательной работе является не тот ребенок, который все время привлекает внимание разными отклонениями от норм поведения, а тот, кто ведет себя тихо, старается ничем не выделяться. Между тем, в педагогической практике и в настоящее время чаще всего «воспитательная работа» начинается лишь тогда, когда школьник допустил тот или иной проступок. Школьники, которые не нарушают дисциплину, мало интересуют педагогов, в результате «такие распространенные типы характеров, как «тихони», «нисусики», накопители, приспособленцы, шляпы, разини, кокеты, приживалы, мизантропы, мечтатели, зубрилы, проходят мимо нашей педагогической заботы» (т. 5, с. 425). А как раз из них и вырастают потом люди с антисоциальными наклонностями. Антон Семенович всегда

труда ту педагогическую опасность и вовремя принимал меры для ее предотвращения. И в этих случаях его главным оружием был коллектив.

Тенденции индивидуализма, как пережитки прошлого, чрезвычайно живучи. Иногда они выступают в виде «личного чванства, одинокой слепой гордости своим «совершенством» без всякой мысли об общественной пользе, иногда это личное кокетство, эстетический припадок нравственного эгоиста, для которого собственная слеза дороже общей радости». При этом не следует забывать, что «ревнивая, пропитанная личной нравственной жадностью и самолюбованием этика индивидуалиста на каждом шагу отталкивает человека от общественных явлений» (т. 5, с. 432).

Нельзя забывать и того, что пережитки прошлого чаще всего проявляются в замаскированной форме, что они предательски незаметны, что они часто «хорошо спрятаны в мимикрии советского поведения и даже прикрываются марксистской фразеологией. Иногда они не бросаются в глаза и потому, что их живыми «бациллоносителями» выступают люди искренне советские, но не понимающие ошибочности своих взглядов и поступков, «даже не знающие, какого врага они в себе носят» (т. 5, с. 429).

А. С. Макаренко призывал «самым решительным образом бороться с бытовой бесформенностью коллектива» (т. 5, с. 12). Если дети в школе и на производстве организованы, а в быту предоставлены случайным формам организации, то это неминуемо отрицательно сказывается на результатах воспитания. Педагогический коллектив школы, утверждал Макаренко, должен организовывать быт школьника. Именно потому центром воспитательной работы в своем микрорайоне должна быть школа как единый коллектив. Антон Семенович считал ненормальным явлением тот факт, когда «внешкольная работа действительно делается «внешкольной», и школа считает себя вправе отказаться от нее» (т. 5, с. 123).

В одной из своих последних публичных лекций Антон Семенович говорил о том, что бы он сделал на месте директора школы: «Я положил бы перед собой карту всех дворов, где живут ученики. Организовал бы бригады. Бригадиры приходили бы каждый день и рапортовали, что делается во дворах. Раз в месяц под руководством бригадира бригада выстраивалась бы, и я приходил бы на смотр. Я премировал бы лучшие бригады в школе. Я прикреплял бы родителей к бригадам. И можно было бы многое сделать. Лиха беда начало. Во всяком случае, влиять на семью нужно через учеников. Самый верный способ. Вы в школе, в государственном воспитательном учреждении, и вы должны руководить воспитанием в семье» (т. 5, с. 458).

Чрезвычайно ценен опыт А. С. Макаренко по органическому соединению обучения с производительным трудом. В колонии имени А. М. Горького и в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского он неуклонно и последовательно руководствовался марксистско-ленинским учением о единстве обучения и производительного труда как одной из характерных особенностей школы коммунистического общества. Уделяя много внимания организации производительного труда своих воспитанников, Макаренко одновременно отмечал, что «труд без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом» (т. 5, с. 116).

На основе личного опыта Антон Семенович пришел к выводу, что труд без напряжения, без общественной и коллективной заботы является малодейственным в деле воспитания новых мотиваций поведения. Такой труд быстро и легко становится автономным механическим действием и отражается на психике только травматически, но не конструктивно. Он завершается малым развитием, «презрением к учебе и полным отсутствием планов и видов на будущее» (т. 1, с. 649).

А. С. Макаренко не представлял трудового воспитания вне привлечения учащихся к активному производительному труду, вне условий производства. Он был убежден в том, что «труд, не имеющий в виду создания ценностей, не является положительным элементом воспитания...» (т. 5, с. 192). В коммуне имени Ф. Э. Дзержинского производительный труд занимал одно из центральных мест в воспитательной системе. Это позволило ей перейти на полный хозрасчет и не только отказаться от каких-либо государственных дотаций на содержание, но и давать государству ежегодно около 5 миллионов рублей прибыли. Дело, разумеется, здесь не только в экономической стороне проблемы, а в том, что «только в производственном процессе вырастает настоящий характер человека, члена производственного коллектива, там именно человек учится чувствовать свою ответственность за деталь, когда нужно выполнить весь промфинплан» (т. 5, с. 303—304). Макаренко считал, что в социалистическом обществе труд «является не только экономической категорией, но и категорией нравственной» (т. 5, с. 433).

В соответствии с коммунистическими принципами общественно-политический облик каждого человека определяется его отношением к общественно значимому труду, мерой его участия в таком виде труда. Именно поэтому в условиях развитого социалистического общества «деловитость становится достоинством, которое должно быть у всех граждан, она делается критерием правильного поведения вообще,— деловитость становится, таким образом, явлением нравственного порядка» (т. 5, с. 434). Человек, уклоняющийся от труда, в социалистическом обществе является безнравственным. Это нашло свое отражение в Конституции СССР, согласно которой «общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе» (из 14 статьи).

И до сих пор еще нередко раздаются жалобы директоров школ на то, что решение разнообразных хозяйственных дел вызывает большую перегрузку и отвлекает от участия в решении вопросов учебно-воспитательной работы. Между тем А. С. Макаренко считал, что «воспитательную и хозяйственную власть необходимо объединить в одних руках», что «и воспитателем и хозяйственником должно быть одно лицо» (т. 5, с. 241), что «педагог и хозяйственник не должны расходиться» (т. 5, с. 271). Все дело в том, как организовать и воспитательную и хозяйственную работу. Если нет крепкого коллектива, если хозяйственными вопросами занимается только директор, если к решению хозяйственных дел не привлекаются учащиеся и другие члены коллектива, если хозяйственные дела не являются ареной воспитания, они действительно будут висеть тяжестью на шее директора. Собственно говоря, при таких условиях сам директор теряет функции главного руководителя и организатора учебно-воспитательного заведения, превращаясь в невыразительную мечущуюся личность, которая нагад

остается в хвосте такого же невыразительного и аморфного «коллектива».

В детском заведении «хозяйство должно рассматриваться нами прежде всего как педагогический фактор»; в нем «должны превалировать педагогические задачи, а не узкохозяйственные»; «нужно всякую хозяйственную деталь, всякий частный хозяйственный процесс ощущать как явление педагогическое». Воспитание и перевоспитание, с точки зрения А. С. Макаренко, «не может принять иных форм, кроме формы коллективного хозяйствования, формы полной коммуны» (т. 1, с. 697—698).

Осуществляя современную реформу школы, партия исходит из того, что «правильно поставленные трудовое воспитание и обучение и профессиональная ориентация, непосредственное участие школьников в общественно полезном, производительном труде являются незаменимыми факторами выработки осознанного отношения к учебе, гражданского становления, нравственного и интеллектуального формирования личности, физического развития» (Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы, с. 61).

Много внимания уделял Антон Семенович проблеме дисциплины, которая обычно была преимущественно формой угнетения и вызывала сопротивление, протест и желание детского коллектива побыстрее уйти из сферы дисциплины. Он рассматривал дисциплину не как причину, не как метод, не как средство правильного воспитания, а как результат его. Средством же воспитания, по его мнению, является правильный режим, характеризующийся целесообразностью, точностью, всеобщностью и определенностью.

Проблему дисциплины А. С. Макаренко рассматривал в качестве важнейшего участка политического воспитания. Он был глубоко убежден в том, что «дисциплина в нашем обществе — это явление нравственное и политическое», что она «всегда должна быть дисциплиной сознательной» (т. 5, с. 134—135). Являясь свободой отдельной личности социалистического общества, дисциплина проявляется в том, что «человек делает и неприятное для себя с удовольствием» (т. 5, с. 147). Такая дисциплина «украшает коллектив». Однако, как только дисциплину начинают рассматривать как метод, она «обязательно обращается в проклятие» (т. 5, с. 265).

Часто в школьной практике говорят о дисциплине «воздержания» (этого не делай, того не делай, не опаздывай в школу, не оскорбляй учителя и т. д.). А. С. Макаренко считал, что такая дисциплина «воздержания или торможения» — наихудший вид нравственного воспитания. Дисциплина в советском детском коллективе «должна иметь один характер — стремление вперед. Это дисциплина победы, дисциплина преодоления» (т. 5, с. 414), «дисциплина борьбы и движения вперед, дисциплина стремления к чему-то, борьба за это что-то...» (т. 5, с. 285). Гордиться можно только дисциплиной, которая куда-то ведет, чего-то требует от человека, чего-то большего, чем воздержание. В советской школе должна быть такая дисциплина, «которая есть в нашей партии и во всем нашем обществе, дисциплина движения вперед и преодоления препятствий, в особенности таких препятствий, которые заключаются в людях» (т. 5, с. 356).

Представители теории «свободного воспитания» отрицали воспитательное значение наказаний, полагая, что «наказание воспитывает раба». Прин-

циально по-иному подошел к этому вопросу А. С. Макаренко, считавший наказание таким же естественным, простым и логически целесообразным средством, как и другие воспитательные средства. Более того, «наказание — это не только право, но и обязанность в тех случаях, когда наказание необходимо» (т. 5, с. 158). Там, где нужно наказывать, педагог не имеет права не наказывать.

В практике А. С. Макаренко применялись такие наказания, в которых одновременно выражалось и уважение к человеку и требования к нему. Он постоянно руководствовался принципом: «как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к ней», считая его формулой нашего общества (т. 5, с. 148).

Выдающийся педагог был убежден в том, что «когда мы от человека много требуем, то в этом самом и заключается наше уважение, именно потому, что мы требуем, именно потому, что это требование выполняется, мы и уважаем человека» (т. 5, с. 229). Коллектив должен знать, что в наказании также проявляется уважение.

Четкая, научно обоснованная система воспитания довольно быстро приводила к тому, что воспитанники А. С. Макаренко становились «наиболее передовыми людьми во всей округе и оказывали очень благотворное влияние на окружающее население, которое уважало их за общительность, изобретательность, за веселый нрав и вежливое обращение» (т. 7, с. 166).

Воспитание характера А. С. Макаренко считал самым важным педагогическим вопросом. «Воспитать настоящий большевистский характер,— писал он,— значит воспитать человеческое чувство. Я уверен, что если мы не воспитаем человеческого чувства как нужно, то, значит, мы ничего не воспитаем. А чувство и воспитание чувства лежит в известном вопросе, который можно назвать «личность — коллектив» (т. 5, с. 410—411).

А. С. Макаренко писал, что в целом советская молодежь не только мечтает, но и способна на героизм. И если бы неожиданно пришлось нашим детям проявить свою любовь к Родине, пожертвовать ради нее своей жизнью, они бы сделали это. В таком духе ее воспитывает, прежде всего, наш социалистический способ жизни, вся наша история. Красноречивым свидетельством тому является массовый героизм советской молодежи в годы Великой Отечественной войны.

Однако, если требуется не героический взрыв, не героический неожиданный подвиг, а длительная настойчивая работа, нередко тяжелая, неинтересная, грязная и даже причиняющая неприятные ощущения в организме, то к такой работе часть нашей молодежи оказывается недостаточно подготовленной.

Как же сформировать положительные качества личности? Разумеется, здесь могут быть полезными и встречи с героями трудовой и боевой славы, и содержательные беседы и лекции, и чтение художественной литературы и периодической печати, и широкое использование радио и телевидения, но все же главную роль играют правильная организация коллектива, дисциплина, порядок, организация ежедневного быта.

А. С. Макаренко утверждал, что каждый воспитательный шаг должен быть насыщен политическим воспитанием, и если это не так, то такое воспитание никуда не годится. «Политическое воспитание — это не отдельный участок в коммуне, а это именно и есть наше воспитание. Если мне

говорит, что у меня все хорошо, но нет политического воспитания, то я должен понимать это так, что вся работа вообще ничего не стоит» (т. 7, с. 435).

Политическое воспитание состоит в организации постоянных связей между учебно-воспитательным заведением и окружающим миром. Эти связи, по мнению А. С. Макаренко, могут устанавливаться двумя путями: связь с политическими организациями и деловая (коммерческо-производственная) связь с производственными, потребительскими и распределяющими организациями.

А. С. Макаренко четко различал политическое просвещение и политическое воспитание. Он считал, что педагоги, ограничивающие свою деятельность только вопросами политического просвещения, совершают большую ошибку, поскольку «знания сами по себе не делают еще человека политически воспитанным» (т. 5, с. 409). Подтверждением тому являются не единичные случаи, когда учащийся хорошо знает школьную программу, систематически читает газеты, высказывается очень правильно, а своим поведением, своим отношением к коллективу школы и всему государству по существу аполитическое, несоветское лицо.

К сфере политического воспитания относил А. С. Макаренко и формирование у воспитанников такого качества, как умение приказывать и подчиняться товарищу, которого можно достичь только в условиях правильно сконструированных коллективных отношений.

Уже в первые годы становления советской педагогики чрезвычайно актуальной являлась проблема воспитания у учащихся творческой активности и инициативы, активной жизненной позиции. «Секретом самодеятельности» педагогическая наука интересовалась издавна; на эту тему написано и наговорено много красивых слов. Однако, как правило, эти красивые слова не превращались в дело. Отдельные дидактические упражнения по развитию самостоятельности, какими бы полезными и эффективными они ни были, не дают желаемого конечного результата. Только в рамках системы коммунистического воспитания создаются для этого благоприятные и реальные условия. Главной движущей силой труда и инициативы, указывал А. С. Макаренко, является воспитание чувства служебной, деловой и юридической ответственности. «Если на человеке не лежит реальная ответственность,— писал он,— никакая сила не подвинет его на почин и на работу» (т. 1, с. 670). Нельзя угнетать воспитанников чрезмерной опытностью педагогов. Воспитательная система должна предусматривать выход для стремлений воспитанников руководить, командовать, показывать, решать. Только при таких условиях можно воспитать в учащихся не деланную, не показную, а подлинную самодеятельность.

В социалистическом обществе, освобождающем человека от индивидуалистических, частнособственнических целей старого мира, создаются благоприятные условия для расцвета семьи и усиления ее роли в воспитании подрастающего поколения. В соответствии с Конституцией СССР советская семья находится под защитой государства, заботящегося о ней путем создания и развития широкой сети детских учреждений, организации и совершенствования службы быта и общественного питания, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления пособий и льгот многодетным семьям, а также других видов пособий и помощи семье (статья 53).

Одновременно на каждого гражданина СССР возлагается обязанность заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества (статья 66). Как говорил А. С. Макаренко, «никаких детских катастроф, никаких неудач, никаких процентов брака, даже выраженных сотыми единицы, у нас быть не должно!» (т. 4, с. 12).

Однако и в наши дни в некоторых семьях случаются катастрофы, явные и скрытые конфликты. Обусловливаются они чрезвычайной живучестью все тех же буржуазных пережитков, особенно в области нравственного воспитания. В условиях семьи, да к тому же еще и малодетной, действительно создается благоприятная почва для процветания так называемой «парной педагогики», весьма преувеличивающей значение педагогических бесед. Как справедливо указывал А. С. Макаренко, в условиях «парной педагогики» субъект (отец или мать) и объект (ребенок) воспитания попадают в своеобразную позицию «прямого противостояния».

А. С. Макаренко писал, что «советский человек не может быть воспитан непосредственным влиянием одной личности, какими бы качествами эта личность ни обладала. Воспитание есть процесс социальный в самом широком смысле. Воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и больше всего — люди. Из них на первом месте — родители и педагоги. Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка» (т. 4, с. 20). Задача воспитания состоит в том, чтобы направить это развитие и руководить им. Бессмысленны попытки некоторых родителей и педагогов оградить ребенка от влияний жизни, подменяя социальное воспитание индивидуальной дрессурой. Кончается это, как правило, неудачей: или ребенок вырывается из домашних застенков, или вырастает выродок.

В семейном воспитании меньше всего следует полагаться на какие-то педагогические фокусы. А. С. Макаренко резко отрицательно относился к широко распространенному среди родителей заблуждению, по которому хорошее воспитание обусловливается какими-то педагогическими секретами. Такое отношение к воспитательному процессу, по его мнению, напоминает поиски секретов черной и белой магии. Чтобы показать фокус, надо знать секрет фокуса, к тому же фокусы требуют определенной обстановки. Поэтому родителям иногда кажется, что в воспитании детей нужна какая-то специальная поза, особая манера держать себя с ребенком, что необходимо сохранять эту позу всегда и неизменно, пока не окончится воспитание. «Все эти заблуждения нахватаны из обрывков старых и новых педагогических мыслей и предрассудков и хранятся в памяти как рецепт магического бальзама, безусловно целебного, но применение его требует такого сложного ритуала, что бальзам бездействует, кроме того, и рецепт утерян» (см.: Макаренко советует родителям, с. 9).

Антон Семенович выступал против того, что воспитывать могут только посвященные в тайны специальных наук и утверждал, что воспитание — дело трудное, но это прежде всего дело, деловая деятельность, доступная каждому взрослому советскому гражданину. И этой деятельностью он обязан заниматься, какая бы у него ни была основная специальность. Воспи-

тание — это большой, напряженный, требующий постоянного внимания труд. Оно требует предельной простоты и искренности, отсутствия какой бы то ни было позы, искусственности и лжи. В него входит сложный процесс формирования отношений между детьми и родителями, отношений, затрагивающих самые глубокие и интимные чувства. Родители никогда не должны угождать детям, чтобы они их любили. Такая ориентировка на детскую любовь ведет к потере представления, кто кого воспитывает. Дети в таких случаях начинают отвечать родителям грубостью, типа: «Папка, ты мне надоел» и пр. (см.: Макаренко советует родителям, с. 15).

Родители часто оправдывают недостатки в воспитании своих детей тем, что у них не хватает времени на общение с ними. А. С. Макаренко считал такие объяснения совершенно несостоятельными. Он говорил, что у таких родителей не времени мало, а «нет чувства ответственности ни перед ребенком, ни перед обществом». Для правильного воспитания ребенка «совсем не нужно какого-то особенного времени и не нужно, главное, много времени». Великий педагог утверждал: «Воспитание требует гораздо больше души, неослабевающего внимания, все растущего чувства ответственности, а не времени. И чем ребенок старше, тем меньше он требует времени и тем напряженнее ответственность» (Макаренко советует родителям, с. 13—14).

Решающим фактором успеха семейного воспитания «является активное, постоянное, вполне сознательное выполнение родителями их гражданского долга перед советским обществом. Там, где этот долг реально переживается родителями, где он составляет основу ежедневного их самочувствия, там он необходимо направляет и воспитательную работу семьи, и там невозможны никакие провалы и никакие катастрофы» (т. 4, с. 23). Настоящий воспитатель не может существовать вне его деятельности как гражданина, вне его самочувствия как личности.

Поведение родителей — решающий фактор в воспитании детей. А. С. Макаренко указывал, что родители воспитывают ребенка не только тогда, когда с ним разговаривают, поучают его или приказывают ему, но и в каждый момент их жизни, даже тогда, когда их нет дома. «Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету — все это имеет для ребенка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями...» (т. 4, с. 347). Именно потому основой родительского авторитета является жизнь и работа родителей, их гражданское лицо, их поведение.

Существенно важно своевременно приучать детей к активному участию в семейном хозяйстве, правильная постановка которого воспитывает коллективизм, честность, заботливость, бережливость, ответственность, способность к ориентации, оперативность. Родители должны помнить, что, воспитывая хорошего и честного хозяина, они тем самым воспитывают и хорошего гражданина.

А. С. Макаренко считал, что хороших людей могут воспитать только счастливые родители. «Разорвитесь на части, используйте все свои таланты, ваши способности, привлеките ваших друзей, знакомых, но будьте счастливы настоящим человеческим счастьем» (т. 4, с. 460). Научить че-

человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно.

Особое значение уделял Антон Семенович раннему воспитанию детей. Он полагал, что в первые два-три года закладывается фундамент не только физического здоровья ребенка, но и основные линии будущей личности, характера, что «успех воспитания человека определяется в младшем возрасте до пяти лет. Каким будет человек, главным образом зависит от того, каким вы его сделаете к пятому году его жизни» (т. 4, с. 445). По его мнению, уже с двух лет ребенок должен быть членом коллектива, разделять ответственность за его успехи и неудачи. Если до шести лет ребенок воспитывается правильно и в нем воспитаны определенные привычки активности и торможения, то на такого ребенка никто не повлияет плохо.

Самым пагубным в семейном воспитании, по мнению Антона Семеновича, является привычка к ссорам и раздражительности, которая, как правило, приводит к несчастной семейной жизни. Раздражительность обусловливается не плохим состоянием нервов, не переутомлением их, а дурной, порочной привычкой «мещанского торгашеского захолустного бытия». Она — признак распущенности и отсутствия дисциплины, порочности мировоззрения. Раздражительность — это порок, являющийся причиной нервных заболеваний, а не их следствием. В избавлении от него не могут помочь ни бром, ни души Шарко, ни электризация. Помочь может только самодисциплина и глубоко осознанная отвратительная антисоциальность этого порока (см.: Макаренко советует родителям, с. 55—60).

Существенным недостатком семейного воспитания является то, что родители часто не задумываются всерьез над тем, кого они хотят воспитать из ребенка, какие качества необходимы ему как советскому гражданину и человеку, какой комплекс качеств. В данном случае необходимо не общее представление: коммунистическая личность, человек-коммунист, активный строитель... Надо расчленить эти понятия и представить себе совершенно конкретно, из каких элементов, деталей состоит идеал человека, которого мы хотели бы воспитать в наших детях. Должна быть не только четкая цель воспитания, но и детализированная и продуманная программа.

В конце 20-х годов и в начале 30-х годов определенную остроту приобретал вопрос так называемого полового воспитания. Возникали различные проекты его решения. Под влиянием зарубежного опыта вносились предложения организовать с учащимися специальную работу по половому воспитанию, начиная уже с начальной школы. В этих предложениях такая работа в большинстве случаев представлялась в виде санитарно-гигиенического просветительства с осторожными заходами и в традиционно тайные отрасли отношений между лицами различного пола и выходами на окончательный результат этих отношений — создание семьи, рождение ребенка и т. д.

В педагогическом наследии А. С. Макаренко впервые в мировой педагогике дано подлинно научное решение этой проблемы. Великий педагог решительно выступал против попыток выделить половое воспитание в какую-то отдельную, автономную отрасль воспитательной работы. В этих вопросах, по его мнению, «решающими являются не какие-либо отдельные способы, специально предназначенные для полового воспитания, а весь общий вид воспитательной работы, вся его картина в целом» (т. 4, с. 409).

Не специальные методы, а дисциплина и режим обеспечивают надлежащий уровень полового воспитания. Открытое и слишком преждевременное обсуждение половых вопросов приводит ребенка к грубо рационалистическому взгляду на половую сферу, кладет начало тому цинизму, с которым мы иногда встречаемся среди взрослых людей.

В человеческом обществе, а тем более в обществе социалистическом, половое воспитание необходимо осуществлять без чрезмерно откровенного и по существу циничного рассмотрения узкофизиологических вопросов. Половой акт не может быть отделен от всех достижений человеческой культуры, от условий жизни человека, от гуманитарного пути истории, от побед эстетики. «Если мужчина или женщина не ощущает себя членом общества, если у них нет чувства ответственности за его жизнь, за его красоту и разум, как они могут полюбить? Откуда у них возьмутся уважение к себе, уверенность в какой-то своей ценности, превышающей ценность самца или самки? Половое воспитание — это прежде всего воспитание культуры социальной личности» (т. 4, с. 220).

Высмеивая тех, кто требовал непременного объяснения детям таинств деторождения, кто свысока посмеивался «над старыми возмутительными подходами», ненавидел «аистов» и пренебрегал «капустой», кто был убежден в том, что от «аистов» и от «капусты» происходят всяческие несчастья и что только своевременным объяснением можно предотвратить эти несчастья, кто требовал полностью сорвать «покровы» и полной свободы в разговорах с детьми на половые темы, А. С. Макаренко писал, что «половая проблема, несмотря ни на какие объяснения, несмотря на их героическую правдивость, желает оставаться все-таки половой проблемой, а не проблемой клюквенного киселя или абрикосового варенья. В силу этого она никак не могла обходиться без такой детализации, которая даже по самой либеральной мерке была неприличима и требовала засекречивания» (т. 4, с. 221). Таинство деторождения не имеет двух вариантов. При самом добросовестном старании, при самой научной мимике детям рассказывают то же самое, что и «ужасные мальчишки и девчонки». Следовательно, «никакие разговоры о «половом» вопросе с детьми не могут что-либо прибавить к тем знаниям, которые и без того придут в свое время. Но они опошлят проблему любви, они лишат ее той сдержанности, без которой любовь называется развратом. Раскрытие тайны, даже самое мудрое, усиливает физиологическую сторону любви, воспитывает не половое чувство, а половое любопытство, делая его простым и доступным» (т. 4, с. 245).

А. С. Макаренко считал, что половое развитие не существует отдельно от всего развития личности, а потому «нельзя половую сферу рассматривать как основу всей человеческой психики и направлять на нее главное внимание воспитателя. Культура половой жизни есть не начало, а завершение. Отдельно воспитывая половое чувство, мы еще не воспитываем гражданина, воспитывая же гражданина, мы тем самым воспитываем и половое чувство, но уже облагороженное основным направлением нашего педагогического внимания» (т. 4, с. 246). По его мнению, половое воспитание — это выработка в личности с детства умения владеть своими чувствами, представлениями, возникающими желаниями, умения вовремя тормозить свои влечения; воспитание того интимного уважения к вопросам пола, которое именуется целомудрием.

Много внимания уделял А. С. Макаренко вопросам физического и эстетического воспитания детей и молодежи. Определяя основные задачи советской школы, он исходил из того, что нам нужно воспитать здоровое поколение, способное сознательно, энергично и успешно участвовать в строительстве нового общества и в защите дела пролетарской революции. Он писал: «Три положения этого принципа: здоровье, умение работать и способность к борьбе — идейная вооруженность и должны нами руководить» (т. 5, с. 493). Какое значение мы ни придавали бы производству и школе, на первом месте должна стоять задача — воспитать здоровое поколение. «Нам нужны,— говорил Антон Семенович,— здоровые производственники и строители, а слабые, неврастенические люди испортили бы наше дело» (т. 5, с. 494).

А. С. Макаренко широко использовал в своей педагогической практике такие средства физического воспитания, как прогулки, игры, гимнастику и спорт, труд, военный строй. Элементы военизации и символики (сигналы, рапорты и др.), хор, оркестр, театр, кино, клубная работа, чтение художественной литературы, занятия изобразительным искусством, большое количество цветов — такие средства, совокупностью которых он осуществлял эстетическое воспитание.

Опираясь на личный опыт работы в колонии имени А. М. Горького и в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского, А. С. Макаренко указывал, что методическая догма является недопустимым условием в деле воспитания. Нет никаких непогрешимых средств, как нет и средств непременно порочных. Никакая система воспитания не может быть определена навсегда. Все зависит от обстоятельств, времени, особенностей личности и коллектива, от таланта и подготовки исполнителей, от ближайшей цели, от только что исчерпанной конъюнктуры и т. д. «Нет более диалектической науки, чем педагогика, и поэтому ни в какой другой области показания опыта не имеют такого большого значения» (т. 5, с. 480).

Как и всякие крупные открытия, открытия А. С. Макаренко в педагогике намного опередили свое время. Развитой социализм предоставляет для реализации этих открытий в системе коммунистического воспитания самые благоприятные условия. Об этом свидетельствуют и специальная статья в Конституции СССР, законодательно закрепляющая воспитательные функции коллективов в зрелом социалистическом обществе, и прямые указания партии о возрастании роли трудовых коллективов в воспитании советских людей и о комплексном подходе к воспитанию, в частности, решения июньского (1983 г.) и апрельского (1984 г.) Пленумов ЦК КПСС, и материалы о реформе общеобразовательной и профессиональной школы.

Научно-теоретическое наследие выдающегося советского педагога пропитано глубокой партийностью, чувством высокой ответственности советских педагогов за будущее молодого поколения социалистического общества. Это обеспечивает его практическую значимость и актуальность и в наше время. Глубокое овладение научно-теоретическим наследием Антона Семеновича Макаренко — одно из важных условий успешного решения тех сложных задач, которые ставит перед современной школой сама жизнь.

Н. Д. ЯРМАЧЕНКО,
действительный член АПН СССР.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Текст печатается по изданию:
Макаренко А. С. Педагогические сочинения:
В 8-ми т.— М.: Педагогика, 1984, т. 3.

С преданностью и любовью
нашему шефу, другу и учителю

Максиму Горькому

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

РАЗГОВОР С ЗАВГУБНАРОБРАЗОМ

В сентябре 1920 года заведующий губнаробразом [1] вызвал меня к себе и сказал:

— Вот что, брат, я слышал, ты там ругаешься сильно... вот что твоей трудовой школе дали это самое... губсовнархоз...

— Да как же не ругаться? Тут не только заругаешься — взвоешь: какая там трудовая школа? Накурено, грязно! Разве это похоже на школу?

— Да... Для тебя бы это самое: построить новое здание, новые парты поставить, ты бы тогда занимался. Не в зданиях, брат, дело, важно нового человека воспитать, а вы, педагоги, саботируете все: здание не такое, и столы не такие. Нету у вас этого самого вот... огня, знаешь, такого — революционного. Штаны у вас навыпуск! [2]

— У меня как раз не навыпуск.

— Ну, у тебя не навыпуск... Интеллигенты паршивые!.. Вот ищу, ищу, тут такое дело большое: босяков этих самых развелось, мальчишек,— по улице пройти нельзя, и по квартирам лазят. Мне говорят: это ваше дело, наробразовское... Ну?

— А что — «ну»?

— Да вот это самое: никто не хочет, кому ни говорю,— руками и ногами, зарежут, говорят. Вам бы это кабинетик, книжечки... Очки вон надел...

Я рассмеялся:

— Смотрите, уже и очки помешали!

— Я ж и говорю, вам бы все читать, а если вам живого человека дают, так вы, это самое, зарежет меня живой человек. Интеллигенты!

Завгубнаробразом сердито покалывал меня маленькими черными глазами и из-под ницшевских [3] усов изрыгал хулу на всю нашу педагогическую братию. Но ведь он был неправ, этот завгубнаробразом.

— Вот послушайте меня...

— Ну, что «послушайте», что «послушайте»? Ну, что ты можешь такого сказать? Скажешь: вот если бы это самое... как в Америке! Я недавно по этому случаю книжонку прочитал,— подсунули. Реформаторы... или как там, стой!.. Ага! реформаториумы [4]. Ну, так этого у нас еще нет.

— Выйти на середину!.. Стань смирно и давай объяснение, как и что! ры, и так же временами, как в улье, тревожно гудит коллектив и броса- ется в опасное место. И все такой же трудной и хитрой остается наука педагогика.

Но уже легче. Далекий, далекий мой первый горьковский день, полный позора и немощи, кажется мне теперь маленькой-маленькой картинкой в узеньком стеклышке праздничной панорамы. Уже легче. Уже во мно- гих местах Советского Союза завязались крепкие узлы серьезного педа- гогического дела, уже последние удары наносит партия по последним гнездам неудачного, деморализованного детства.

И, может быть, очень скоро у нас перестанут писать «педагогические поэмы» и напишут простую деловую книжку: «Методика коммунистиче- ского воспитания» [243].

Харьков, 1925—1935 гг.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Великая Октябрьская социалистическая революция впервые в истории установила прочную власть рабочих, диктатуру пролетариата. Она сломала старую государственную машину угнетения и создала советский строй — самый передовой и демократический в мире. С первых дней существования Советского государства формирование нового человека стало одной из самых важных задач Коммунистической партии.

Принципиальное значение имело указание В. И. Ленина, что рабочий класс, сформировавшийся в условиях буржуазного общества, не может быть отделен от старого мира китайской стеной. Он неминуемо несет на себе «много традиционной психологии» капиталистического общества. «Рабочие строят новое общество,— писал В. И. Ленин,— не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы [illegible] от этой грязи. Было бы глубочайшей утопией думать, что это [illegible] можно сделать немедленно» (ПСС, т. 37, с. 449). Этим определяется особое значение воспитательных функций Коммунистической партии и Советского государства.

Руководствуясь ленинскими установками, А. С. Макаренко сформулировал [illegible] особые методологическое значение положения о том, что [illegible] педагогика, которая повторяет педагогику всего нашего общества, а строится в соответствии с великими требованиями нашей партии к человеку и коллективу (т. 5, с. 156), что педагогическая наука должна находиться на [illegible] отношении и к нашей революции, и к тому, что называется реализмом, и к пятилетке, и к индустриализации» (т. I, с. 656).

Основные пути коренной перестройки образования и воспитания подрастающего [illegible] определены декретом ВЦИК от 30 сентября 1918 г., утвердившим «Положение о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» и «Основные принципы единой трудовой школы», написанные А. В. Луначарским, по его выражению, под «идейную диктовку» Н. К. Крупской и опубликованными одновременно с Положением 16 октября 1918 г. В них были определены руководящие и направляющие принципы воспитания нового советского человека. Ими и руководствовался А. С. Макаренко в своей практической деятельности.

А. С. Макаренко, по свидетельству хорошо знавших его товарищей и сослуживцев, имел фундаментальную общепедагогическую подготовку. И. Н. Гуков, товарищ Антона Семеновича, работавший с ним в 1917—1920 гг., отмечал: «Поражало знание Антоном Семеновичем педагогической литературы. Длинные цитаты русских и иностранных авторов он приводил наизусть. И приводил для того, чтобы опровергнуть их советской действительностью, советской практикой. Это «отрицание святых» в педагогике, преклонение перед опытом и экспериментом влекли к Макаренко учительскую молодежь» (См.: Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко. Учебное пособие). Подготовлено доцентом А. А. Фроловым. Горький, 1976, с. 10). На его рабочем столе, по воспоминаниям работавшего в колонии в 1920—1922 гг. А. К. Сердюка, всегда лежали новые книги, педагогические журналы (там же, с. 11).

Однако применить эти знания классической педагогической литературы к формированию нового человека оказалось невозможным. Нужно было создавать принципиально новую педагогику. Это хорошо осознавал А. С. Макаренко, и именно потому он столь тщательно изучал марксистскую литературу и особенно произведения В. И. Ленина. Антон Семенович в одном из своих выступлений в 1932 г. говорил: «Труды Ленина я постоянно изучал» (Макаренко А. С.

К вопросу об организации кабинета научной педагогики.— А. С. Макаренко (Отв. ред. Ф. Н. Науменко. Кн. 7. Львов, 1969, с. 145).

«Педагогическая поэма» — одно из самых крупных произведений А. С. Макаренко. В ней с документальной точностью отражена разносторонняя деятельность принципиально нового учебно-воспитательного заведения, ставившего своей задачей воспитание нового человека, человека с коммунистическим сознанием и моралью, отвечающего идеалам Великой Октябрьской социалистической революции. Задача усложнялась тем, что здесь воспитывались не обычные дети и подростки, а беспризорные и правонарушители. Большинство из них, прежде чем попасть в колонию, скитались по миру как бездомные бродяги, неоднократно сталкивались с самым разнообразным человеческим горем и несправедливостью, а многие из них становились на путь воровства, хулиганства и разбоя. В книге показано, как в этих необычных условиях зарождались и развивалась методика коммунистического воспитания детей и молодежи — принципиально новая страница педагогической теории и практики — и какие блестящие воспитательные результаты она давала.

В колонии им. А. М. Горького А. С. Макаренко последовательно реализовал марксистско-ленинские установки по вопросам коммунистического воспитания, образования и обучения подрастающего поколения. Он один из первых весьма удачно применил на практике ленинский принцип социалистической школы, предельно четко сформулированный К. Марксом и В. И. Лениным,—об органическом соединении обучения с производительным трудом учащихся.

Над «Педагогической поэмой» А. С. Макаренко работал около 10 лет (1925—1935 гг.).

[1] Губернский отдел народного образования — 35.

[2] Брюки навыпуск и [illegible] парни (парубки) из более зажиточных, кулацких семей. Используя [illegible], автор указывает на наличие у определенной части школьников в первые годы после революции обывательско-мещанских устремлений, на отсутствие у нее революционности — 35.

[3] *Ницше Ф.* (1844—[illegible]) — реакционный немецкий философ, волюнтарист, один из идеологических предтеч фашизма. Он проповедовал аморализм и культ «сильной личности». Носил усы с опущенными вниз концами — 35.

[4] В некоторых буржуазных странах Запада детские тюрьмы назывались реформаториями — 35.

[5] В первые годы после Октябрьской революции в Наркомпросе Украины было управление социального воспитания (соцвос), доминирующее над всеми другими службами общеобразовательной школы. Проблемам социального воспитания в 20-е годы придавалось первостепенное значение — 36.

[6] Невежды, варвары, разрушители культурных ценностей — 36.

[7] Киргизская лошадь — порода верхово-вьючного направления. Выносливая, приспособленная к суровым горным условиям, крепкая, некрупного роста — 36.

[8] Особенности звукового произношения французского языка — 38.

[9] *Пан* — в греческой мифологии бог лугов и полей, покровитель пастухов, охотников и рыболовов — 38.

[10] *Архиерей* — общее название для высших чинов духовенства (епископа, архиепископа, митрополита). Они носили коротко подстриженные усы — 38.

[11] Опродкомарм Первой запасной — Особая продовольственная комиссия по снабжению Первой запасной армии в годы гражданской войны — 39.

[12] Заниматься красноречием — 39.

[13] Попали в неприятное положение — 40.

[14] Здесь и далее иронические и критические замечания А. С. Макаренко относительно соцвоса вызваны теми ошибками и извращениями в педагогической теории и практике, которые искажали идею социального воспитания (запрещение каких-либо наказаний, преувеличение роли педагогических бесед и внушений и т. д.) — 41.

[15] Помогите — 42.

[16] *Блакитный* (голубой) и *желтый* — цвета флага правительства Петлюры. Многочисленные националистические банды на Украине также имели желто-голубое знамя. Автор указывает на то, что в сложных условиях гражданской

войны некоторая часть малограмотных или даже вовсе неграмотных крестьян иногда поддавалась националистическому влиянию — 42.

[17] Здесь разбойники, растрепы (бранное) — 42.

[18] Дом принудительных работ, в просторечии — тюрьма — 44.

[19] До революции: мужское духовное училище, которое отличалось жестокими нравами с применением физических наказаний — 45.

[20] Имеется в виду комиссия по делам несовершеннолетних при губернском отделе народного образования — 45.

[21] Кирпичные печи в форме стоящих цилиндров, обшитые железом — 46.

[22] Обтянутые сукном четырехугольные раскладные столы для игры в карты — 46.

[23] Автор с юмором описывает обстановку в губнаробразе в первые месяцы его существования. Заведующие многочисленными секциями, состоящими преимущественно из одного человека — заведующего, фактически превращались самими обстоятельствами в счетоводов распределителей. Отсюда и название — губраспред — 47.

[24] Изодранный пиджак (жаргон) — 47

[25] В первые годы существования Советской власти (в первой половине 20-х годов) в дефектологии различались 3 основные группы аномальных детей: 1) физическая дефективность (глухонемые, слепые, слепоглухонемые и т. п.), 2) интеллектуальная дефективность (умственно отсталые дети, так называемые олигофрены) и 3) моральная дефективность (преимущественно малолетние правонарушители). В связи с этим и колония им. А. М. Горького, возглавляемая А. С. Макаренко, входила в подчинение инспектуры учреждений дефективного детства. В 1923 г. Н. К. Крупская опубликовала статью «К вопросу о морально-дефективных детях» (На путях к новой школе, № 9). Она подвергла резкой критике термин «морально-дефективный», который «для марксиста совершенно неприемлем», поскольку санкционирует преступное отношение к беспризорным детям. Для «морально-дефективных» ребят ввели карцер, «изолятор», оскорбляющее обращение — все позволено, с детьми ничего не поделаешь: они «дефективные». Надежда Константиновна настаивала на том, что «позорный термин «морально-дефективный», развязывающий руки бессознательной и бессознательной части педагогов, должен быть изгнан из употребления» (Крупская Н. К. Педагогические сочинения. В 6 тт. М.: Педагогика, 1978, т. 2, с. 210—211) — 47.

[26] Убежище (жаргон) — 50

[27] Мелкие воришки, трусливые, дохлые, готовые скорее выпросить, чем украсть, и неспособные ни на какие подвиги (жаргон) — 51.

[28] Заведующий колонией — 54

[29] Старая русская мера длины, равная 4,4 см — 59.

[30] Колышки на краю саней — 59.

[31] Несколько искаженные слова из Евангелия: «...просите, и дастся вам, ищите, и обрящете, толцыте, и отверзется вам» (то есть просите и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам) — 63.

[32] Образованный — 74.

[33] Не трогай — 74.

[34] Очень — 74.

[35] Слово «грак» А. С. Макаренко в повести «ФД-1» объясняет так: «Граками в коммуне называют людей чрезвычайно сложного состава. Грак — это человек прежде всего отсталый, деревенский, не умеющий ни сказать, ни повернуться, грубый с товарищами и вообще первобытный. Но в понятие грака входило и начало личной жадности, зависти, чревоугодия, а кроме того, грак еще и внешним образом несимпатичен: немного жирный, немного заспанный...» (т. 2, с. 164) — 74.

[36] Хлопчатобумажная ткань, отличающаяся плотностью, значительной толщиной, обыкновенно окрашенная в темный цвет («чертова кожа»); применяется для изготовления рабочей, спортивной, специальной форменной одежды, верха обуви — 75.

[37] Лодырь — 76.

[38] Вмешательство — 78.

[39] Способность — 82.

[40] Рыцарь — 82.

[41] Грабитель (жаргон) — 82.

[42] Палач — 84.

[43] Выгоним — 88.

[44] Ультра — первая часть сложных слов в значении сверх, более (какой-нибудь меры, предела). В данном случае употребляется с юмористическим оттенком — 92.

[45] Легкий четырехколесный экипаж с откидным верхом — 92.

[46] Родной дом, домашний очаг — 92.

[47] По народным обычаям в конюшнях к балкам над кормушками лошадей вешали убитых сорок с тем, чтобы лошади привыкли к ним и не пугались живых сорок — 94.

[48] До сих пор — 94.

[49] Шлея (укр.), верхняя часть сбруи, из полосок ремня, начинающаяся от шлеи и облегающая бока и спину лошади; служит своеобразным украшением запряженной лошади. На Украине шлея служила взамен хомута. Изготовляли ее из толстой и крепкой специальной ткани — 94.

[50] Ремень в упряжи, идущий от одной оглобли к другой через седелку — 95.

[51] Желтоватый порошок для присыпки язв, ран — 95.

[52] Не взвешивал — 96.

[53] Позорить, бесчестить — 98.

[54] Переносно: жестокий человек, изощренный мучитель — 99.

[55] Человек, доходящий до крайней, дикой жестокости — 99.

[56] *Песталоцци Иоган Генрих* (1746 -1827) — швейцарский педагог, содействовавший развитию народной школы, соединению обучения с производительным трудом.

Руссо Жан-Жак (1712- 1778) - французский философ, автор книги «Эмиль, или О воспитании». Руссо усматривал задачу воспитания в том, чтобы оградить воспитанника от дурного влияния среды, не мешать «саморазвитию» ребенка.

Наторп Пауль (1854—1924) — немецкий буржуазный философ и педагог. Воинствующий идеалист, враг диалектического материализма, реакционер, один из основателей течения так называемой «социальной педагогики».

Блонский Павел Петрович (1884 - 1941) — русский советский педагог, психолог, историк философии. Занимался вопросами трудовой народной школы, детской психологии. В 20—30-х гг. увлекался педологией.

А. С. Макаренко, называя имена И. Г. Песталоцци, Ж.-Ж. Руссо, П. Наторпа, П. П. Блонского, показывает несоответствие традиционной педагогики современно новым условиям социалистического государства. Главную задачу советских учебно-воспитательных заведений он усматривал в формировании нового человека с коммунистической моралью, что являлось принципиально новой педагогической задачей — 103.

[57] Овсяный суп (нем.). Употребил Н. В. Гоголь в комедии «Ревизор». По распоряжению попечителя богоугодных заведений Артемия Филипповича Земляники габерсуп давали больным — 112.

[58] Народность в Южной Африке, занимающаяся преимущественно скотоводством и земледелием — 115.

[59] Потворствовать, потакать, попустительствовать — 116.

[60] Каток — 118.

[61] В начале 20-х годов в советской педагогике культивировалось резко отрицательное отношение к любым наказаниям. А. С. Макаренко стоял на других позициях. Он полагал, что наказание является вполне законным педагогическим явлением. Другое дело — характер наказания и вопрос о том, кто должен иметь право наказывать. Макаренко считал, что таким правом обладает только директор, а сами наказания не должны унижать человеческого достоинства провинившегося.

15—20 ноября 1927 г. в Москве состоялась Всероссийская конференция работников детдомов. В одном из выступлений макаренковская система сравнивалась с «аракчеевской казармой». Основываясь на недостоверных материалах очерка Н. Ф. Остроменецкой о колонии им. А. М. Горького (Навстречу жизни. Народный учитель, 1928, № 1—2), Н. К. Крупская также подвергла резкой критике в докладе на VIII съезде ВЛКСМ «один Дом им. Горького на Украине».

А. С. Макаренко, предварительно ознакомившись с материалом Н. Ф. Остроменецкой о колонии, в целом одобрил рукопись, но просил автора внести в текст

некоторые изменения и уточнения, в частности по вопросу о применении физических наказаний. Однако при публикации очерка Остроменецкая этих замечаний не учла. В письме к А. М. Горькому от 18 апреля 1928 г. А. С. Макаренко, с одобрением отзываясь об очерке в целом и отмечая его искренность и в основном правдивое отображение жизни колонии, указывал на «отдельные ошибки», допущенные автором очерка. Он писал: «...история с палками и дубинами — явный гротеск. Наши ребята любят сочинять обо мне легенды». 11 июня 1928 г. он писал Остроменецкой: «Что касается «моего полного согласия» с Вашим тезисом, то это не совсем так. Когда Вы мне читали Вашу статью, я просил Вас о «побоях» говорить осторожнее, и Вы обещали».

Указанные письма А. С. Макаренко впервые были опубликованы в 1953 г. и не могли быть известны Н. К. Крупской — 118

[62] А. С. Макаренко имел в виду руководителей управления социального воспитания Наркомпроса УССР и ведущих научных сотрудников республики в области педагогики, находящихся в плену псевдонауки педологии и не понимавших глубокого смысла макаренковской теории и практики. Они ярко «клеймили» индивидуальной подход и недооценивали роль коллектива в воспитании — 118

[63] *Приват-доцент* — в вузах до революции нештатный преподаватель, равный по званию доценту. Приват-доценты часто отличались пышными, удлиненными бородами — 119.

[64] Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией — 119.

[65] Рабоче-Крестьянская инспекция — 121.

[66] Завели — 121.

[67] Взбесились — 121.

[68] Пестрая, рябая — 123.

[69] Испортило, напакостило — 124.

[70] Учреждение, распределявшее в 20-е годы беспризорных детей по детским домам. Существовали комиссии в каждой губернии — 128.

[71] Французское слово галантерея буквально означает вежливость, обходительность — 129.

[72] Недостаток — 129.

[73] Обычно — 130.

[74] Быстрее — 132.

[75] Легкий одноконный двухколесный экипаж на высоком ходу без козел — 134.

[76] Слесарно-ударный инструмент для правки и рихтовки изделий типа молотка с расширенной нижней частью. Применяется для выравнивания плоскостных поверхностей металла — 135.

[77] Взбесился — 136.

[78] Бакча — 142.

[79] Поговорить — 147.

[80] Невзгоды — 153.

[81] Лучше — 153.

[82] Всеобщее воинское обучение — 158.

[83] А. С. Макаренко уделял много внимания вопросам военизации: использование в колонии строя, дежурств, рапортов, формы одежды, сигналов, духового оркестра и т. д. Официальные органы Наркомпроса УССР и института педагогики обвиняли Антона Семеновича в злоупотреблении военизацией и требовали отказаться от нее — 158.

[84] Одна из разновидностей севооборота, заключающаяся в разделении земельного участка на 6 равновеликих частей (полей), с тем чтобы на них чередовались по годам посевы определенных сельскохозяйственных культур — 161.

[85] Имущество, оставшееся без хозяина после смерти владельца, не имеющего наследников — 164.

[86] Плуги — 164.

[87] Отрядная система построения коллектива (сводные, разновозрастные отряды и т. д.) — принципиально важная находка А. С. Макаренко. Против нее решительно выступали представители Наркомпроса республики и УНДИПа. Понятие «командирская» педагогика относилось к макаренковской системе и имп-

...ный резко отрицательной ее оценкой. Жизнь показала несостоятельность такой оценки — 167.

[97] Нищенствуйте — 168.

[98] Дровни; крестьянские сани без кузова для перевозки дров, грузов — 168.

[99] Много — 168.

[91] В годы гражданской войны на Украине орудовала банда Маруси, отличавшаяся особой жестокостью — 169.

[92] Здесь количество — 172.

[93] Разновидность кулисного пара, занимаемого высокостебельными культурами, высеваемыми полосами (кулисами). Рекомендовался еще в конце XIX—начале XX вв. как средство накопления влаги и защиты озимых от вымерзания в помещичьих и крестьянских хозяйствах. Эти пары, имея очень узкие междурядья, значительно уступают современным кулисным парам. Они не имеют перспектив для применения в социалистическом земледелии. Академик В. Р. Вильямс характеризовал их как «пережитки мелкого крестьянского земледелия» — 174.

[94] Драма-сказка бельгийского драматурга Мориса Метерлинка, в которой дети ищут синюю птицу — символ счастья — 180.

[95] Всеукраинский электрокомбинат — 181.

[96] Слова «клейкие листочки» взяты из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Макаренко подчеркивает этим связь идеалистических пережитков в педагогике с чуждым советской педагогике культом индивидуализма. Для Ивана Карамазова характерным было преклонение перед слепыми силами природы, неверие в ум человека, позерство индивидуалиста, упивающегося собственным умилением — 185

[97] Ходатайство — 185.

[98] Так как это дело требует безотлагательного решения, нельзя терять времени, уважаемый товарищ Братыко — 186.

[99] Издеваться — 187.

[100] Конституция колонии им. А. М. Горького не найдена. Сохранилась «Конституция» коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, являющаяся дальнейшим развитием и углублением традиций колонии в соответствии с новыми, более сложными условиями коммуны — 189.

[101] Строй колонистов замыкал один из малышей с небольшим флажком в руке. Этого мальчика называли флаженером — 194.

[102] Кричите — 196.

[103] «Украинская помощь детям» — комиссия по улучшению жизни детей — 199.

[104] Употреблено в смысле «почесал затылок» — 200.

[105] Сговор, обручение — 203.

[106] Так называют длину вспахиваемого поля от начала до конца борозды—204.

[107] Смотри — 205.

[108] Бороновать — 206.

[109] Голова (жаргон) — 212.

[110] Выпучить глаза (разг.) — 213.

[111] Приняться, начать — 213.

[112] Сапоги — 213.

[113] Пристрастие к изысканной пище — 215.

[114] Поверхностном увлечении — 215.

[115] Покровителей наук и искусств — 216.

[116] В буржуазной педагогике педология — система взглядов на воспитание, основанная на признании фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими, социальными факторами, влиянием наследственности и неизменной среды. У нас в стране педологические методы были осуждены специальным постановлением ЦК ВКП(б) в 1936 г., и все педологические кабинеты, имевшиеся в школах, были закрыты — 217.

[117] Крытое помещение для хранения (подкатывания) возов — 219.

[118] В старину крестьяне отпугивали зайцев от садовых насаждений солевыми зарядами — 223.

[119] Название пьесы Л. Н. Толстого — 227.

[120] Название пьесы В. Голичникова — 227.

[121] Название пьесы Л. Н. Толстого и П. Е. Щеголева — 227.

[122] Губернский отдел социального воспитания — 231.

[123] Говорила — 237.
[124] Покупала — 237.
[125] Относится — 238.
[126] Агитаторы и пропагандисты — 238.
[127] Очень хочется — 240.
[128] Ботва — стебель и листья растений корнеплодов и клубнеплодов, части которых срезают для корма скота, особенно свиней — 240.
[129] *Диоген* — древнегреческий философ (около 404—323 гг. до н. э.). По преданию, жил в бочке, отказываясь от всех жизненных удобств — 241.
[130] Кустарная Украинская ткань, полосатая или клетчатая, а также четырехугольный отрез ее, носимый вместо юбки — 242.
[131] Луг — 242.
[132] Геодезический прибор — 244.
[133] Полынь — 246.
[134] Хлев — 246.
[135] Бутылка — 247.
[136] Кабан — 250.
[137] Телесное наказание — 253.
[138] Больной — 255.
[139] В древнеримской мифологии — бог полей, лесов и покровитель стад — 256.
[140] На деревянных двухрогловых вилах, используемых в сельском хозяйстве для подачи снопов, соломы или сена при их скирдовании и перевозке — 258.
[141] Сопротивляться — 263.
[142] Трижды — 265.
[143] Одно и многолетние горновые травы семейства злаковых — 267.
[144] Гневная обличительная речь против кого-либо (от названия речей древнегреческого оратора Демосфена против царя Филиппа Македонского) — 274.
[145] Грабитель, останавливающий людей на большой дороге (жаргон) — 274.
[146] Секретарь совета командиров — 275.
[147] В начале 20-х годов соревнование в школах не использовалось. Оно рассматривалось как одна из форм конкуренции, свойственной буржуазному обществу. Именно поэтому применяемые в колонии им. А. М. Горького приемы соревнования подверглись критике со стороны органов народного образования — 278.
[148] Делать — 279.
[149] Перепугался — 280.
[150] Сокращенное название одного из существовавших тогда харьковских рынков (Благовещенского базара) — 281.
[151] Сделаем — 285.
[152] Хорошая (жаргон) — 286.
[153] Хохотом — 290.
[154] Спросили — 292.
[155] Здесь хитрите — 298.
[156] Сокращенное название научно-педагогического комитета, существовавшего в Наркомпросе УССР — 300.
[157] Не понимать — 302.
[158] Название войскового подразделения у запорожских казаков. В данном случае употреблено в переносном значении — отряд — 302.
[159] Запорожцы в каждом курене ежегодно избирали атамана, которому, в соответствии с принятым обрядом, голову посыпали землей — 302.
[160] Короткое древко с привязанным конским хвостом как символ власти (у казачьих атаманов, гетмана) — 303.
[161] Символы власти гетманов на Украине — 303.
[162] Посли — 306.
[163] Человек, страдающий перханием (судорожным кашлем) — 308.
[164] Официальное программное заявление. В данном случае употреблено в смысле речь, заявление — 308.
[165] Банкомет в игорном доме, который следит за игрой, выдает участникам их выигрыш и забирает проигранные ставки — 311.
[166] Род луковичных растений семейства лилейных, распространенных в Америке; семена сабадиллы лекарственной содержат ядовитые алкалоиды, которые применяются как инсектицидные средства против вшей — 311.

[167] Прыгали — 318.

[168] Григорий Иванович Петровский (1878—1958) — крупный советский партийный и государственный деятель, с 1919 по 1939 г. — председатель Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета — 318.

[169] Поезжайте — 323.

[170] Знак (NB) служит для того, чтобы обратить внимание на данное место в тексте. Употреблено в переносном значении — 324.

[171] Народная героиня Франции Жанна д'Арк, возглавившая освободительную борьбу французского народа против англичан во время Столетней войны 1337—1453 гг. Сожжена англичанами на костре 30 мая 1431 г. — 326.

[172] Дюйм — единица длины в русской системе мер, отмененной в 1918 г.; 1 дюйм = 2,54 см — 327.

[173] Узкий рубанок с полукруглым резцом для глубокого строгания — 327.

[174] Общее название племен, населявших Скандинавию в средние века — 328.

[175] Вероятно — 328.

[176] В бильярде — удар шаром, отскочившим от другого, рикошетом в третий — 328.

[177] Валек — толстая палка у передка экипажа, к которой прикрепляются постромки пристяжной лошади — 329.

[178] Сапоги, у которых передок и передняя часть голенища из цельной кожи — 331.

[179] Проводник, дающий объяснение туристам при осмотре достопримечательностей, музеев и т. п. (в странах Западной Европы, главным образом в Италии) — 341.

[180] Еженедельный иллюстрированный журнал, который издавался в Петербурге в 1870—1918 гг. — 345.

[181] Полный крах Куряжской колонии в воспитательном отношении А. С. Макаренко рассматривал как яркую иллюстрацию несостоятельности соцвосовской педагогики. Именно с этой целью и употреблен образ «засохшие стебли соцвоса», на которых «качались тучные ядовитые плоды» — 349.

[182] В Древнем Риме — преобладающая масса свободного (то есть не состоявшего в рабстве) населения, не пользовавшаяся политическими правами в противоположность патрициям; в Западной Европе в средние века и позже — широкие слои городской бедноты — 351.

[183] Пруд — 354.

[184] Укромное местечко, укромный уголок — 354.

[185] Добыть — 355.

[186] Суслик — 356.

[187] Механистическое направление в психологии, основанное В. М. Бехтеревым (1857—1927), рассматривавшее психическую деятельность человека как совокупность сочетальных рефлексов, образовавшихся в результате влияния внешней среды на нервную систему; р. ограничивалась изучением внешних реакций организма, отказываясь от изучения психики, сознания — 360.

[188] Социально-правовая охрана несовершеннолетних — 361.

[189] А. С. Макаренко полагал, что советская педагогика в начале 20-х годов была еще в значительной степени под влиянием так называемой «интеллигентской», «дамской» педагогики. В связи с этим и воспитательную катастрофу Куряжа он рассматривал не как несчастный случай, а как закономерное следствие определенной педагогической системы, состоящей из целых штабелей идей и предрассудков: слюноточивого интеллигентского идеальничания, будничного бесталанного формализма, дешевой бабьей слезы и умопомрачительного канцелярского невежества — 363.

[190] В данном случае таланты, направленные на рассмотрение отдельных сторон, свойств, составных частей чего-нибудь — 364.

[191] Не задерживаются — 370.

[192] В армии персидского царя Дария Гистаспа (VI в. до н. э.) были отряды всадников на боевых слонах, наводивших панику в рядах противника — 371.

[193] Название пьесы Е. И. Замятина. Написана по известному рассказу Н. С. Лескова «Левша» — 372.

[194] У древних греков западный ветер; в западно-европейской и русской поэзии эпохи классицизма легкий приятный ветерок — 376.

[195] Ребятишкам — 376.

[196] Издеваться — 376.
[197] Работал — 376.
[198] Здесь — равновесие — 378.
[199] Широкая соломенная шляпа — 382.
[200] *Кориолан* — герой одноименной трагедии Шекспира, боровшийся с плебеями — 384.
[201] В сражении под Аустерлицем (Моравия) 2 декабря 1805 г. Наполеон одержал победу — 390.
[202] Слышали — 393.
[203] Ворона. *Гав ловить* — ротозейничать — 393.
[204] В смысле — выскажем все наши требования к вводимым отныне в Куряже порядкам — 402.
[205] Воротник — 402.
[206] Болтовня — 402.
[207] Сейчас — 409.
[208] Священник — 409
[209] Меркурий — бог торговли у древних римлян (в Греции — Гермес), покровитель купцов и путешественников. Его иногда изображали в высоких сапожках с крылышками вместо шпор. В западноевропейской и русской поэзии эпохи классицизма Меркурий — Гермес — часто синоним слова вестник — 410.
[210] «Мальчишек радостный народ коньками звучно режет лед» — строки из IV главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». А. С. Макаренко писал по поводу слов *трудящийся народ*: «Пушкин в свое время хорошо разобрался в мальчишеской [illegible]» — 116
[211] Сморкаются — 417.
[212] По должности, по обязанности (лат.) — 418.
[213] Грубы — 421.
[214] *Силлогизм* — положение, в котором из двух данных суждений (посылок) [illegible] (вывод) — 122
[215] *Дедукция* — [illegible] или выведение следствия из посылок, совершаемое [illegible] и носящее достоверный характер — 422.
[216] Имеется в виду [illegible] официальной педагогической науки — 423.
[217] *Система перспективных линий* — важный элемент макаренковской воспитательной технологии. А. С. Макаренко считал, что у человека социалистического общества коллективная перспектива всегда должна преобладать над личной. Подробнее об этом см.: Методика организации воспитательного процесса, гл. 14 Перспективы (т. 5) — 430
[218] Запрещение — 430.
[219] Жулик — 438
[220] Театральное или цирковое представление сказочного содержания, требующее пышной постановки и сценических эффектов. В данном случае — волшебное, сказочное зрелище. Тексты для литературно-музыкальных представлений в колонии и коммуне А. С. Макаренко обычно писал сам — 447.
[221] Языческие храмы — 449.
[222] Скульптор — 451.
[223] Немецкий философ-идеалист, проповедник пессимизма — 457.
[224] Постепенно в Наркомпросе УССР и в Украинском научно-исследовательском институте педагогики формируется отрицательное отношение к системе воспитания А. С. Макаренко. К концу июня 1928 г. он увольняется с должности заведующего колонией (дата дается с учетом очередного отпуска: фактически же он ушел из колонии сразу после отъезда из Харькова А. М. Горького, после ультиматума заведующего Главсоцвосом Наркомпроса УССР В. А. Арнаутова, посетившего колонию в период пребывания там А. М. Горького) — 459.
[225] Добровольное общество «Друг детей» было организовано советской общественностью. Общество помогало отделам народного образования в деле социально-правовой охраны несовершеннолетних — 459.
[226] Здесь преувеличение пустых, беспредметных общих рассуждений, бесплодных умствований — 463.
[227] Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского создавалась по линии НКВД УССР за счет полупроцентных отчислений от зарплаты сотрудников и политсостава органов и войск ГПУ УССР. А. С. Макаренко принимал непосредственное участие в ее организации, начиная с проектирования зданий. 20 октября 1927 г. он был

на пачки заведующим Детской трудовой коммуной им. Ф. Э. Дзержинского ГПУ УССР, одновременно оставаясь заведующим колонией им. А. М. Горького. Официальное открытие коммуны состоялось 29 декабря 1927 г.

А. С. Макаренко сам подбирал педагогический персонал, занимался комплектованием коммуны воспитанниками. Часть педагогов (4 человека) и воспитанников (50 мальчиков и 10 девочек) перешла из колонии им. А. М. Горького. С конца февраля 1928 г. А. С. Макаренко 3 дня в неделю работает в колонии имени А. М. Горького и 3 дня — в коммуне имени Дзержинского. Колония и коммуна часто объединяются для проведения совместных походов, пионерских маневров, экскурсий, приветствий. В колонии и в коммуне была единая форма одежды. 7 июня 1928 г. Совнарком УССР принял постановление об утверждении организации Детской трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского как самостоятельной организации, действующей на началах хозрасчета. Она существовала на средства, полученные от реализации продукции своих мастерских и совхоза «Красные зори» — 467.

[228] Догматизм, начетничество, схоластика — 470

[229] Харьковский паровозостроительный завод — 474.

[230] Торговцы, владельцы лабазов — помещений для торговли зерном, мукой, для хранения зерна и муки — 475.

[231] 13—14 марта 1928 г. в ВНИИПе обсуждался проект учебно-воспитательной организации коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, разработанный А. С. Макаренко. Он вызвал большой интерес у присутствовавших, однако на сей раз «верх взяли» противники Антона Семеновича, признав его систему «не советской» — 476.

[232] Сход, собрание — 476.

[233] Собрание, совет, при римском господстве (I в. до н. э.— I в. н. э.) — верховный суд Иудеи — 476.

[234] Вероятным прототипом Чайкина был Яковлев — член научпедкома Главсоцвоса Наркомпроса УССР - 477.

[235] Преодоление трудных препятствий, совершение решительных поступков, принятие бесповоротных решений — 477.

[236] Правление Трудкоммуны с постановлением этого заседания не согласилось, и в основу организации коммуны им. Ф. Э. Дзержинского были положены педагогические принципы А. С. Макаренко — 478.

[237] Постепенно в колонии им. А. М. Горького сменился не только коллектив воспитанников, но и воспитателей. В 1936 г. колония перешла в систему детских учреждений Отдела трудовых колоний НКВД УССР, где заместителем начальника отдела в то время работал А. С. Макаренко. Во время Великой Отечественной войны с фашистской Германией здания коммуны им. Ф. Э. Дзержинского были взорваны оккупантами. Затем близ бывшей усадьбы коммуны был создан Детский дом им. Ф. Э. Дзержинского для детей, потерявших родителей во время войны — 479.

[238] Знаки воинского различия, существовавшие в Красной Армии до 1943 г.—481.

[239] Марка электросверлилки — «Феликс Дзержинский». Цифра 3 обозначает номер модели — 482.

[240] Марка американской электросверлилки — 483.

[241] Портативный фотоаппарат с ленточной фотопленкой — 484.

[242] Название фотоаппарата — 484.

[243] Частичным исполнением этого положения является книга А. С. Макаренко «Методика организации воспитательного процесса» — 485.

СОДЕРЖАНИЕ

МАСТЕР И МАРГАРИТА. *Роман* 5

Рассказы

Красная корона 311
Китайская история . . . . . —
Налет 315

Публицистика

Грядущие перспективы 323
Письмо Правительству 329
М. О. Чудакова. Михаил Булгаков: эпоха и судьба художника 331

Литературно-художественное издание

БУЛГАКОВ Михаил Афанасьевич

ИЗБРАННОЕ

Заведующий редакцией *В. П. Журавлев*
Редактор *Ю. Д. Тарасов*
Художественный редактор *Л. Ф. Малышева*
Технический редактор *М. М. Широкова*
Корректор *О. В. Ивашкина*

ИБ № 12466

Сдано в набор 05.02.90. Подписано в печать 10.10.90 Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага типограф. № 2. Гарнит. литер. Печать высокая. Усл. печ. л. 24 + 0,25 форзац. Усл. кр.-отт. 24,69. Уч.-изд. л. 27,03 + 0,42 форзац. Тираж 700 000 экз. Заказ № 748. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Министерства печати и массовой информации РСФСР. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

ББК 84Р7-4
Б90

Серия «Школьная библиотека» основана в 1969 году

Составитель, автор послесловия *М. О. Чудакова*

Художник *И. И. Бабаянц*

Тексты печатаются по изданиям:

Булгаков М. Мастер и Маргарита.— М.: Худ. лит., 1988.
Булгаков М. Сочинения.— Минск: Университетское, 1988.
Булгаков М. Письмо Правительству СССР. // Новый мир, 1987, № 8.

Для старшего школьного возраста

Б90 **Булгаков М. А.**
Избранное. Для ст. шк. возраста / Сост., авт. послесл. М. О. Чудакова; Худож. И. И. Бабаянц.— М.: Просвещение, 1991.— 384 с.: ил.— (Шк. б-ка).— ISBN 5-09-001931-2.

В сборник избранных произведений М. А. Булгакова — одного из крупнейших русских писателей советского времени — вошли роман «Мастер и Маргарита», рассказы 1920-х годов и публицистика. Издание дополняют послесловие доктора филологических наук М. О. Чудаковой, известного специалиста по изучению жизни и творческого наследия Булгакова.

Б $\frac{4306000000-575}{103(03)-91}$ **инф. письмо — 90**

ISBN 5-09-001931-2

© Составление, послесловие Чудаковой М. О., 1991

ББК 84Р7-4

МИХАИЛ БУЛГАКОВ: ЭПОХА И СУДЬБА ХУДОЖНИКА

1

Михаил Булгаков — писатель с необычной судьбой: основная часть его литературного наследия стала известна читающему миру только четверть века спустя после его смерти. При этом последний его роман — «Мастер и Маргарита» — принес автору мировую славу.

Казалось бы, мировая история искусства знает, увы, немало примеров, когда слава художников сильно запаздывает и приходит после их смерти. Но необычность этой судьбы — в положении этого писателя в том обществе, в котором он жил и писал,— в нашем отечестве. В 1930-е — 40-е — 50-е годы (писатель умер в 1940-м году) сложилась постепенно такая официальная схема этого общества, в которой как бы не оставлено было места художнику, не признанному при жизни: предполагалось, что все сполна получают свою меру признания. Тем более, когда в 1955—57 годах были реабилитированы безвинно погибшие писатели — казалось, что на карте литературы заполнились все искусственно созданные белые пятна. Появление в 1962—67 годах нескольких крупных и доселе неизвестных произведений Булгакова, который до сих пор был известен в России и Европе главным образом как автор нашумевших во второй половине 1920-х годов пьес «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира», переместило его имя в ряд лучших русских писателей.

Роман «Мастер и Маргарита» требует от его читателя выхода за пределы обиходных житейских представлений и сведений. Иначе часть художественных смыслов романа остается невидимой, а некоторые его страницы могут показаться не более, чем порождением странной фантазии автора.

Уже в самом заглавии романа имя «Маргарита» должно напомнить о трагедии И.-В. Гете «Фауст» и о ее героях — докторе Фаусте и его возлюбленной Маргарите. Эпиграф из трагедии упрочивает эту связь. На протяжении первых двенадцати глав название романа остается, однако, для читателя загадочным — ни Мастера, ни Маргариты на этих страницах нет. Наконец, название 13-й главы — «Явление героя» — настораживает внимание: ожидается выход на сцену **героя романа**. И прежде чем этот герой назовет себя: «я — мастер», он сам упомянет оперу «Фауст», связав облик Воланда — с оперным Мефистофелем. Кроме того, Мастер — автор романа о Пилате. Это также сближает его с героем трагедии, который у Гете переводит на немецкий язык Новый Завет (то есть ту самую часть Библии, где повествуется о Пилате), стремясь, как и Мастер, дать собственное истолкование описываемого в нем...

И заметные, и едва видимые нити, связывающие роман с «Фаустом», протянуты далее на разных его страницах. Так, неслучайно у Воланда трость — «с черным набалдашником в виде головы *пуделя*», а в сцене бала у сатаны Коровьев вешает на грудь Маргариты «тяжелое в овальной раме изображение *пуделя* на тяжелой цепи»: в виде пуделя проникает Мефистофель в дом Фауста. Полет Маргариты, бал у сатаны тоже находятся в прямой связи со сценами трагедии и одноименной оперы Ш. Гуно «Фауст». Боязнь Мастера погубить Маргариту также должна напомнить о докторе Фаусте, который боится погубить свою Маргариту-Гретхен и в конце концов губит ее; Азазелло, выполняющий волю Воланда, увлекает за собой в «последний полет» и Мастера, и его подругу, тогда как Мефистофель увлекает одного Фауста, а Гретхен остается ждать казни (хотя, в конечном счете, она «спасена», как возглашает «голос свыше»). Напомним в этой связи диалог Левия Матвея и Воланда: « — Он просит, чтобы ту, которая любила и страдала из-за него, вы взяли бы тоже...— Без тебя бы мы никак не догадались об этом...» Автор романа настойчиво подчеркивает, что он рассказывает историю *новых* Фауста и Маргариты. Заметим, что в сделанных осенью 1933 года набросках ранней редакции романа герои его так и именовались, а одна из намечаемых глав была обозначена как «Ночь Фауста и Маргариты».

Понятно, что эта связь с одним из авторитетнейших памятников мировой культуры углубляет смысловое пространство романа, помогая читателю различить за изображаемой в «московских» главах сутолокой повседневного и преходящего быта не отменяемые ею, важнейшие, вечные, заново поставленные «фаустианские» вопросы бытия. Спор между Мефистофелем и Фаустом о том, кто же управляет жизнью человека, о смысле этой жизни, о границах человеческого разума и о поисках истины продолжен в романе М. Булгакова, начиная разговором Воланда с Берлиозом и кончая разрешением судьбы Мастера и его подруги.

Особого комментария требуют главы о Пилате и Иешуа. Сначала — о том, что является их предметным содержанием, а затем — и о том, каково же их место в художественной структуре произведения.

То, о чем в них рассказано, обсуждается уже с первых страниц повествования,— в том самом месте, где Берлиоз «повел речь» об Иисусе Христе. Он ссылается при этом на иудейско-эллинского философа Филона Александрийского (ок. 25 до н. э.— ок. 50 н. э.), утверждавшего, что о божестве, в существовании которого философ не сомневался, человеку известно лишь то, что оно существует, но не известно, какое оно; ссылается Берлиоз и на Тацита (ок. 58 — ок. 117; римский историограф, автор «Анналов», «Истории», посвященных Римской империи I века). Упоминание в этом же контексте Иосифа Флавия должно было, видимо, по тонкому замыслу автора, поставить под сомнение «со-

линную эрудицию» Берлиоза (о котором Мастер не без иронии скажет, что тот «хоть что-то читал»). Иосиф Флавий — иудейский историк (37 — после 100), автор Иудейских древностей (основного источника по истории иудеев до завоевания Иерусалима римлянами), в которых (XVIII, 5,2) есть свидетельства об Иисусе Христе. К началу XX века эти фрагменты из его сочинений были подвергнуты сомнению. Гипотеза о вставках позднейшего происхождения на несколько десятилетий получила, по словам известного современного отечественного историка И. Д. Амусина, «безраздельное господство в советской историографии раннего христианства», между тем как с конца XIX в. в мировой науке уже распространилась гипотеза о первоначальном тексте Флавия, в котором содержалось упоминание об Иисусе, о распятии и о последующих событиях, но оно было подправлено позднейшими авторами-христианами (начиная с IV века), что и заставило впоследствии усомниться в его подлинности (в настоящее время подлинность свидетельства Флавия о «мудром человеке, которого звали Иисусом», распятом при Пилате, не опровергается). Берлиоз, по-видимому, не подозревает об аргументах представителей этого направления, основываясь главным образом на переводной антихристианской литературе, в изобилии выпускавшейся в 1924—1928 гг. издательством «Атеист»: «Миф о Христе» А. Древса, «Евангельские мифы» Дж. М. Робертсона, «Иисус против Христа» Анри Барбюса (Булгаков, не называя источников, использует материал этих и других книг для демонстрации поверхностной начитанности Берлиоза).

Место действия тех глав романа, которые естественней всего называть «новозаветными» (поскольку автор имел в виду неизбежное сопоставление им описанного с теми событиями, о которых повествуется в Четырех Евангелиях Нового Завета),— Иудея I века н. э. За Ершалаимом легко угадываются очертания исторического Иерусалима — центра Иудеи в эпоху римского императора Тиберия (14—37 н. э.). Синедрион осуществлял местную власть, в то время как верховная власть принадлежала наместнику императора — прокуратору (точнее же префекту, согласно найденной в 1961 г. надписи в Кесарии). Пилат — точное историческое имя римского прокуратора, Пилата Понтийского (Понтия Пилата, ум. ок. 37), управлявшего Иудеей (Палестиной) как частью римской провинции Сирии. Он был преемником на этом посту Валерия Грата и, по одним источникам, пятым, а по другим — шестым правителем Иудеи. Ко времени его правления относятся, согласно христианской традиции, главные евангельские события, от выступления Иоанна Крестителя с проповедью до распятия Христа. В романе Пилат слышит во сне слова, обращенные к нему казненным с его согласия «философом-бродягой»: « — Мы теперь будем всегда вместе... Раз один — то, значит, тут же и другой! Помянут меня — сейчас же помянут и тебя!» Это — точно обозначенная перспектива: биография римского прокуратора постепенно

сделась в памяти последующих поколений к одному единственному факту, прочно связав его имя с именем Иисуса Христа. Обещание Иешуа («Помянут меня...») несло в себе смысл, который, по замыслу автора, должен был быть внятен любому человеку, знакомому с христианской традицией и обрядом: одна из ежедневных утренних молитв, включающая краткое изложение основ веры («символ веры»), содержит формулу, где единственный раз христианское предание исповедующего веру выходит в сферу исторической действительности — «... Иисуса Христа, Сына Божия, ... распятого же за ны [за нас] при Понтийском Пилате». Это и есть то подразумеваемое автором романа «бессмертие», мысль о котором мелькнула «как молния» у прокуратора, когда утвердилось решение о казни Иешуа Га-Ноцри («Иешуа» — еврейское личное имя, в греческой передаче — «Иисус». «Га-Ноцри» — «Спаситель из Назарета» — именование Иисуса Христа в иудейских религиозных книгах), и «заставила его похолодеть на солнцепеке».

Требует пояснения и сама просьба Пилата, обращенная к Иешуа («— Да, уж ты не забудь, помяни меня, сына звездочета,— просил во сне Пилат»). Это — почти точное воспроизведение известного евангельского текста о разбойнике, распятом рядом с Иисусом («И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю»,— Лука XXIII, 42—43). Раскаявшийся разбойник просит Иисуса помолиться за него (помянуть в молитве) — и тем самым оказывается прощенным. Сон Пилата, таким образом,— напоминание о возможности спасения для последнего преступника и злодея, идущего через гибель к конечному спасению. В этом же — и смысл слов Мастера, обращенных к Пилату: «Свободен! Свободен!» — т. е. освобожден от вины, прощен. Финальные строки романа «Кто-то **отпускал на свободу** мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя» — имеют в виду христианскую традицию: **отпущение** грехов и **развязывание** всех земных уз (так в молитве на исход души: «душу раба твоего... от всякия узы разреши, и от всякия клятвы свободи... да отпустится от уз плотских и греховных...»), при этом не оставляя читателя только в ее границах.

Та гора, на которой застают Пилата Воланд и Мастер, связана с легендой о том, что римский прокуратор ежегодно, в великую пятницу Страстной недели (последней недели Великого поста перед Пасхой, в которую и разворачивается точно расчисленное автором действие и новозаветных, и «московских» глав «Мастера и Маргариты») появляется на вершине горы в Швейцарии (носящей его имя) и умывает руки, тщетно стремясь смыть с себя грех совершенного им злодеяния.

В главах о Пилате и Иешуа М. Булгаков прежде всего опирается на Евангелие и апокрифические сказания о Христе, предлагая свой вариант истолкования традиционных текстов. Из иных источников важнейшим, по нашему представлению, стал труд анг-

лийского религиозного писателя Фаррара. Друг Булгакова С. А. Ермолинский вспоминал, что в годы завершения романа не раз видел у него на письменном столе эту книгу — со множеством закладок и помет на полях. По многочисленным выпискам в рабочей тетради 1938—39 гг. было установлено, что из множества изданий сочинения, выходившего в России в разных переводах, в распоряжении Булгакова было следующее: Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа. Пер. с посл. англ. изд. М. П. Фивейского. Полное иллюстрированное издание с прилож. карты Палестины. Спб., (1905). Из этой книги, перелагавшей основные исторические источники (Филона, Флавия и др.), Булгаков широко черпал некоторые детали воссоздаваемой им обстановки. Так, речь Пилата, обращенная к Каифе (*«И не водою из Соломонова пруда, как хотел я для вашей пользы, напою я тогда Ершалаим! Нет, не водою! Вспомни, как мне пришлось из-за вас снимать со стен щиты с вензелями императора, перемещать войска, пришлось, видишь, самому приехать, глядеть, что у вас тут творится! Вспомни мое слово, первосвященник... Увидишь ты не одну когорту в Ершалаиме, нет!»*), явно восходит к сведениям, собранным у Фаррара:

«Иерусалим, кажется, всегда страдал, как это бывает и до сегодня, от худой воды и ее недостатка. Чтобы устранить это неудобство, Пилат задумал устроить водопровод, по которому можно было бы провести воду из «прудов Соломона». Смотря на это, как на дело общественного благоустройства, он заимствовал для этой цели несколько сумм из «корвана» или священной сокровищницы, и народ тысячами начал свирепый бунт, чтобы отомстить за такое мирское употребление своих священных сумм». В следующий раз «во дворце Ирода в Иерусалиме, занимаемом Пилатом во время праздников, он вывесил несколько щитов, посвященных Тиверию. В речи Агриппы к императору Каю, как о ней передает Филон, этот акт приписан умышленной злобе Пилата; но так как, с дозволения самого императора, щиты были сделаны совершенно гладкими и только украшены посвятительными надписями, то иудеи явно оскорбились тем, что Пилат просто намерен был сделать безвредным и честным украшением, и притом таким, которое он едва ли мог и уничтожить, не оскорбляя мрачного и подозрительного императора, в честь которого щиты были сделаны. Так как Пилат не хотел уступить, то народные вожди написали жалобу к самому императору Тиверию. В его политику входило удовлетворение притязаний провинций (...). Он поэтому сделал выговор Пилату и велел ненавистные иудеям щиты убрать из Иерусалима в храм Августа в Кесарии. О последнем случае сообщает только Филон (...) «Таков был Понтий Пилат, прибывший по случаю торжеств и опасностей великого годичного праздника из своей обычной резиденции в Кесарии Филипповой в столицу — ненавидимую им, в главное местопребывание презираемого им фанатизма»,— пишет Фаррар, давая далее описание дворца,

также использованное Булгаковым: «В Иерусалиме Пилат занял один из великолепных дворцов, выстроенных там с нелепою архитектурною расточительностью первым Иродом. Дворец был расположен в верхнем городе, к юго-западу от храма (...). Это было одно из роскошных зданий, «превосходящих всякое описание», что согласовывалось с направлением того века, на чем Иосиф останавливается с восторгом и удивлением. Между колоссальными зданиями из белого мрамора, названными Кесареум и Агриппеум,— украшенное скульптурными портиками и колоннами из разноцветного мрамора, выстланное богатой мозаикой, с разнообразными фонтанами и резервуарами и зелеными аллеями, где красиво гнездились целые стада голубей. По внешности это была масса высоких башен и блестящих крыш. Дворец был довольно обширен, чтобы вместить в себе сотни гостей, снабжен пышной мебелью и золотыми и серебряными сосудами (...) Свирепость и иудейский фанатизм иерусалимского народа сделали и такой дворец столь мало приятным, что ни Пилат, ни его предшественники, кажется, не стремились наслаждаться его прелестями более, чем в течение нескольких недель в целом году. Они были вынуждены присутствовать в иудейской столице во время многолюдных праздников, чтобы постоянно быть наготове ко встрече смуты вследствие какого-нибудь взрыва пламенного патриотизма, и скоро поняли, что даже великолепный дворец мог быть для них ни чем другим, как отвратительным местопребыванием,— как если бы он был выстроен на всегда готовом к извержению вулкане». Из этого материала строил Булгаков фрагменты беседы Пилата с Афронием:

« — Прокуратор не любит Ершалаима?..

— Нет более безнадежного места на земле. Я не говорю уже о природе! Я бываю болен всякий раз, как мне приходится сюда приезжать. Но это бы еще полгоря. Но эти праздники...»

Сам подход англиканского священника к личности Пилата и оценка его участия в казни также, на наш взгляд, оказались Булгакову ближе, чем точки зрения, выраженные в других источниках: Фаррар полагал, что та стадия «возмутительных деяний, предшествовавших окончательной пытке Христа, которая развернулась во дворце, не была похожа на незаконное решение синедриона»: Пилат был на стороне Христа; идя за евангелистом Иоанном, Фаррар давал примечательную по своей многозначности характеристику прокуратора, который «со всею силою слабосильной гордости, со всею смелостью преступления и трусости, со всею снисходительностью, к которой была способна залитая кровью натура, стремился освободить его. Последний суд полон страстности и движения» и демонстрирует многократные усилия со стороны Пилата, «делавшиеся со все возрастающей энергией и все более и более глубоким волнением, расстроить план обвинителей и освободить подсудимого».

Важнос для понимания опорных ценностей, выдвинутых автором романа, рассуждение о трусости и слова Пилата о том, что он «пойдет на все, чтобы спасти от казни решительно не виновато безумного мечтателя и врача» (сон Пилата), восходит к еще одному источнику, внимательно изученному Булгаковым,— «Жизни Иисуса» немецкого философа-младогегельянца Д. Ф Штрауса. Вышедшая первым изданием в 1835 году, книга открыла собой ряд работ об «историческом» Иисусе, одной из которых была ставшая знаменитой книга Э. Ренана «Жизнь Иисуса» (1863). Штраус, оспаривая сведения об о м о в е н и и р у к, пишет: «Пилат едва ли мог настолько заинтересоваться судьбой м е ч т а т е л я-иудея, каким он в лучшем случае считал Иисуса, чтобы подобным омовением рук своих обнаружить свою собственную слабость и робость...»

Упрек Пилата Левию: «Ты, я знаю, считаешь себя учеником Иешуа, но я тебе скажу, что ты не усвоил ничего из того, чему он тебя учил (...) Ты жесток, а тот жестоким не был (...)» — возможно также основан автором романа на критике Апокалипсиса («Откровения Иоанна Богослова», завершающего Новый Завет) в книге Д. Ф. Штрауса: «... нет надобности доказывать, что эта книга мало проникнута истинным духом учения Иисуса: она написана в духе мести и злобы, столь свойственном пророку Илии и столь чуждом Иисусу и им отвергнутом».

Каким же образом сцеплены в романе «новозаветные» главы с их специфической проблематикой с «московскими»?

В первой главе речь идет об «антирелигиозной поэме», написанной Иваном Бездомным, причем «Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой» — что-то «п о д в е л о (выделено нами.— *М. Ч.*) Ивана Николаевича». В этом контексте слово «подвело» должно навести на мысль о некоем наитии, скорректировавшем замысел поэта. Вторая глава — рассказ, в котором героей поэмы Ивана тоже, можно сказать, предстает «ну совершенно как живой», причем сам Иван вовсе не уверен, что с л ы ш а л р а с с к а з Воланда — он допускает, что видел сон. Тем самым читателю оставлена возможность истолковать начальную и конечную реплики Воланда как отмечающие начало и конец того, что привиделось Ивану (неизвестно, полностью ли совпадало воспринятое Иваном и Берлиозом). В 11-й главе Иван как бы заново обращается к своему замыслу — он пытается воссоздать письменно услышанное им, увиденное, но не преуспевает в этом. В доме скорби освобождается его сознание и ему становится важно узнать, «что было далее с Пилатом и этим арестованным Га-Ноцри». О том же он вопрошает Мастера. Перед нами уже переродившийся «новый» Иван взамен «ветхого» (в традиции Павловых посланий старая греховная натура человека противопоставляется совсем новой, более здоровой сущности во всяком возрожденном свыше христианине: «сбросить с себя ветхого человека с делами его и облечься в нового» (Колос, III,

8 и сл.). Тогда ему снится продолжение истории Пилата и Иешуа (глава 16, «Казнь»). Затем Маргарита *читает роман Мастера* (главы 25 и 26), дойдя до последних строк главы, но не романа. В главе 27 «новый» Иван дремлет и перед ним проходят видения — фрагменты, во-первых, виденного им самим во сне и, во-вторых,— неизвестных ему глав романа, перечитываемых Маргаритой.

Оставив мысль о стихах, он мечтает теперь писать «другое» — и Мастер, поняв его мысли, говорит о «продолжении» все того же единочитаемого текста.

В финале романа Воланд передает Мастеру слова того, к встрече с которым так стремится Пилат — роман, «к сожалению, не окончен» — и Мастер заканчивает его «одною фразой» — но уже не только за границей собственно романного слова, но и за чертою мировой истории. Если до этого Мастер лишь «угадал» некий пратекст (куда включена и история Пилата), сейчас он создает текст *новый*, который знаменует последний момент исторического времени, сменяющийся вечностью. Но конец в то же время — возможное новое начало уже завершившейся истории: прощенный Пилат уходит «безвозвратно», и тем открывается чистая страница.

Эпилог романа — это место действия, покинутое не только Воландом и его свитой и не только Мастером. В нем утрачена и параллельность трех временных планов человеческой жизни, связь между которыми осуществлялась творческой волей Мастера. Повторяются те же дни весеннего полнолуния, столь насыщенные событиями и в «новозаветных», и в «московских» главах романа, в которых Мастер прошел неузнанным и исчез из города навсегда,— но теперь в эти дни ничего не происходит, они пусты. «Каждый год, лишь только наступает весеннее праздничное» (т. е. пасхальное) полнолуние, выходит под липы Иван Николаевич, но в его сознании — лишь обрывки видений, по-видимому, навсегда (или надолго) утративших связную форму. Он видит либо сон Пилата (неизвестный ему!), либо конец романа, созданный не его творческой волей. Мастер уходит из мира со своим словом о мире. Без него никто не может ни собрать куски распавшегося «романа» воедино, ни продолжить его, ни сказать вовсе новое слово. Роман Мастера о Иешуа и Пилате описывал — в качестве метаромана — современную Мастеру жизнь, служил ключом к ней; сама же эта жизнь пока еще не может описать ни себя, ни историю. В эпилоге перед нами — интервал, пустое место перед началом иного и не предсказуемого автором цикла.

Целый пласт деталей в «московских» главах рассчитан на то, чтобы быть понятным главным образом соотечественнику-современнику. В любом произведении часть реалий угасает для позднейших читателей, но мы говорим о другом — о сознательных недоговоренностях автора. Когда Азазелло приглашает Маргариту к «одному очень знатному иностранцу», а она говорит:

«...мой муж... (...) портить ему жизнь считаю делом недостойным», то Азазелло прекрасно понимает «эту бессвязную речь», за текстом которой — общение с иностранцами как проступок, портящий карьеру. Булгаков тщательно разрабатывает в романе тему «иностранца» и взаимоотношений с ним представителей отечественной среды, и связанный им с этой темой мотив доносительства, не выведенный на поверхность литературы почти никем из его современников.

Поведение Берлиоза и Ивана в первой сцене подчеркнуто окрашено ксенофобией — то есть навязчивым страхом перед незнакомым, чужим, недоверчивостью ко всему иноземному. Иностранец, говорящий по-русски, вызывает равную настороженность и у темного Иванушки, и у «начитанного» Берлиоза — и здесь они понимают друг друга с полуслова. Автор демонстрирует зараженность шпиономанией («...Он никакой не интурист, а шпион»), которую в те самые годы, когда шла работа над романом, многие писатели, как и деятели театра и кино, вполне разделяли со своими героями, активно занимаясь той наглядной агитацией, последствия которой мы ощущаем и сегодня. Булгаков избрал позицию авторского отчуждения от этих свойств, которые он изображал местами по необходимости иносказательно, но неизменно давая читателю понять мрачный смысл эпизодов. Напомним один из фрагментов первой сцены романа: иностранец «Берлиозу скорее понравился, то есть не то чтобы понравился, а... как бы выразиться... заинтересовал, что ли». Это нарочитое авторское затруднение в выборе слов должно приковать внимание читателя и прояснить для него смысл сцены: интерес Берлиоза к незнакомцу — это зловещий и весьма характерный для времени интерес к «чужому» человеку, необычному, резко отличному от окружающих как к потенциальной жертве. Действительно — вскоре оба литератора вполне готовы к тому, чтобы задержать «иностранца» («Спрашивай у него документы, а то уйдет...»). И потому скорая гибель Берлиоза может быть истолкована и как возмездие за его повседневную готовность к доносу — если учесть, что все происходит на таком общественном фоне (известном предполагаемому читателю-современнику), когда донос вел к непременному аресту и возможной гибели задержанного.

Продемонстрировано в романе и прямое возмездие — совершаемая на глазах у Маргариты казнь барона Майгеля (прототипом которого был реальный человек, постоянно сопровождавший приезжих иностранцев в Москве 30-х годов и уже бесследно исчезнувший к тому времени, когда завершался роман). «Наушник и шпион» — Булгаков выбирает слова, всем ясные («шпион» — старое наименование того, кто кого-то выслеживает — в отличие от современного значения слова), но в то же время отличные от тех, что употреблялись в этих случаях в современном ему, да и позднейшем быту («осведомитель», «сексот», «стукач»).

В главе о событиях в Торгсине выводится на чистую воду несомненный коллега Майгеля, «сиреневый джентльмен», неожиданно заговоривший по-русски: как бы полемизируя с Иваном и Берлиозом, автор показывает действительно подозрительных «иностранцев»...

Цепочку персонажей «наушников» замыкает Алоизий Могарыч. Его зловещее участие в судьбе Мастера выясняется из вопроса Азазелло, где табуированное слово «донос» заменено иносказанием: «— Это вы, прочитав статью Латунского о романе этого человека, написали на него ж а л о б у с сообщением о том, что он хранит у себя нелегальную литературу?». После этой «жалобы», как рассказывал Мастер Ивану,— «...Ко мне в окно постучали». Он не произносит слова «арест», читатель-соотечественник должен сам догадаться, что означал ночной стук. Только Маргарита, переступившая после встречи с Воландом круг неписаных запретов, произносит непроизносимое, объявляя на оклик знакомца Алоизия Могарыча: «его арестовали вчера. А кто его спрашивает?»

Однако «жалоба»-донос Алоизия, вернее, действие этой жалобы подготовлено реакцией на роман Мастера в литературной среде. Доносительская подоплека звучит и в вопросе редактора («кто это меня надоумил сочинить роман на такую странную тему?») и в стилистике статей критиков, где слово «опубликовать» заменено выражением «протащить в печать».

В фигуре Мастера, центральной в «московских» главах романа, намечена прямая связь с Иешуа новозаветных глав. С огромной художественно-мировоззренческой смелостью автор романа дал читателю возможность и для такого истолкования фигуры Мастера — оставшееся неузнанным современниками явление того, кто недаром «угадан» до полной достоверности в собственном романе. Тем острее и многозначнее становится автобиографичность фигуры этого героя, также подчеркнутая автором — начиная с реакции критики на роман Мастера, воспроизводящей отзывы рецензентов на сочинения Булгакова и вплоть до полного отождествления: неслучайно последние слова романа «Мастер и Маргарита» совпадают с процитированными Мастером последними словами его романа. С этим связаны и особенности московской топографии романа. Основным местом его действия сделана та квартира на Большой Садовой, которая была первым местом жительства Булгакова в Москве. Адрес ее в романе изменен, но так, чтобы это не препятствовало будущей «расшифровке» и даже подталкивало к ней. И действительно — спустя всего четыре года после журнальной публикации романа квартира № 50 в доме № 302-бис по Садовой была отождествлена с квартирой № 50 в доме № 10 по Большой Садовой. Это сразу стимулировало бурные поиски других реальных адресов и топографических деталей, тем более, что сам автор романа будто поддразнивал читателя, детально размечая маршруты героев, описывая дом Мар-

гариты — прекрасный особняк «в саду в одном из переулков близ Арбата. Очаровательное место! Всякий может в этом убедиться, если пожелает направиться в этот сад. Пусть обратится ко мне, я скажу ему адрес, укажу дорогу — особняк цел еще до сих пор». Так были «обнаружены» Варьете (театр Сатиры — здание московского мюзик-холла 1920—1930-х годов, выстроенное в 1910-е), летний сад за ним, где избивали Варенуху. Недалеко от дома № 10 — Патриаршие (переименованные в Пионерские) пруды, где легко определить место той скамейки, где сидели, лицом к пруду и спиной к Малой Бронной, Берлиоз и Иван Николаевич в злосчастный для Берлиоза день.

Писатель несомненно рассчитывал на то, чтобы за Домом Грибоедова различали рано или поздно Дом Герцена — дом № 25 на Тверском бульваре, в котором родился А. И. Герцен и который в 1921 году был передан правительством московским литераторам — Всероссийскому Союзу писателей. Там происходили в 1920-е годы и заседания разнообразных кружков — «Литературный Особняк», «Лирический круг», «Литературное звено», религиозно-философские собрания с участием Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского. Однако в последней редакции романа, писавшейся во второй половине 1930-х годов, саркастически воспроизведена не только атмосфера литературного Дома Герцена двадцатых годов (страницы романа Булгакова перекликаются с «Четвертой прозой» О. Мандельштама), но в еще большей степени бюрократизировавшийся уклад писательской организации с умножавшимися «творческими» путевками и командировками. И насмешка над мечтой овладеть членским МАССОЛИТским билетом, коричневым, пахнущим дорогой кожей, с золотой широкой каймой, конечно, относится уже не к скромному, непрезентабельному билету Всероссийского Союза писателей 1920-х годов, а к тому билету, который получали члены Союза писателей СССР начиная с 1934 года.

У читателя, столкнувшегося с подчеркнутой достоверностью московской топографии, с автобиографичностью фигуры Мастера возникает вопрос и о прототипах других героев. Эти поиски приобрели большой размах и почти не скорректированы размышлением о значении новых и новых предположений для понимания замысла писателя. Между тем следует отделить факты, которые имеют отношение только к творческой истории романа (когда то или иное лицо дало какой-то первоначальный импульс работе воображения — и только), от случаев, когда автор рассчитывал на у з н а в а н и е определенного лица читателями-современниками, делая прототипичность средством своего полемического участия в текущей литературно-общественной жизни. Так, за Латунским должен был угадываться критик Осаф Литовский, активно выступавший против пьес Булгакова, а за «литератором Мстиславом Лавровичем» могли при желании увидеть Всеволода Вишневского, резкие характеристики которого (в связи с его активной

ролью в крушении жизненно важного для Булгакова замысла постановки пьесы «Мольер» в Ленинграде) встречаются в нескольких из опубликованных недавно писем Булгакова к П. С. Попову. Любопытны те средства, к которым прибег Булгаков, чтобы намекнуть на адрес своего полемического выпада,—имя «Мстислав» несет тот же «древнерусский» колорит, а фамилия, по верной догадке Л. Яновской, «спародирована через популярные некогда «лавровишневые» капли». Фигурой Берлиоза, появившегося в романе в наиболее острый момент взаимоотношений Булгакова с литературной и театральной критикой (1928—1929 гг.), был брошен вызов, по-видимому, сразу нескольким известнейшим литераторам. Слава эрудита и блестящее красноречие пропагандиста атеизма вели прежде всего к фигуре А. В. Луначарского, участника многочисленных в двадцатые годы публичных диспутов на тему существования исторического Иисуса и бытия Иисуса Христа. Детали внешности, манера разговора с Иваном, командное положение в литературе вели к Л. Авербаху (вплоть до 1932 года председателю РАППа) и М. Е. Кольцову, бывшему киевлянину, редактору «Огонька» и «Чудака», к которому Булгаков, отличный от него по своей общественной ориентации, относился с раздражением и опаской. К моменту завершения романа эти люди, которых он адресовал свою уничтожающую насмешку, с кем расправился на страницах романа, уже погибли страшной безвестной смертью. Умер и Луначарский, чье отношение к пьесам Булгакова не было устойчиво-враждебным, но, несомненно, вероломным, к чему писатель был весьма чувствителен (в своем альбоме он поместил рядом два противоположных высказывания наркома о пьесе «Дни Турбиных»). К концу тридцатых годов Берлиоз отчеканился в лишенный прямых полемических адресаций, собирательный образ управляющего литературой, квази-эрудита, прочно заместившего в общественной жизни хорошо знакомых Булгакову образованных интеллигентов предшествующих десятилетий.

Едва ли не самой загадочной для читателя стала в романе фигура Воланда. Когда писались и были прочитаны автором первым слушателям ранние редакции романа, в 1928—1931 годах, эта фигура загадочной, по-видимому, не казалась. Дьявол был нередким гостем на страницах литературы 1920-х годов, его сразу «узнавали» читатели. Внешнее сходство с Мефистофелем было подчеркнуто и именем — «Воланд» встречается в «Фаусте» как одно из имен дьявола. Десятилетие спустя во время авторских чтений реакция была уже совсем иной. Изменился литературный и общественный фон; углубилось и усложнилось и место Воланда в завершенном романе, становившемся, как сознавал сам автор, итогом его драматической судьбы. Слушателями владело огромное напряжение, желание понять, «что бы это значило». На другой день после чтения первых глав (в апреле 1939 года) Е. С. Булгакова записала в дневнике: «Миша спросил после

чтения: а кто такой Воланд? Виленкин сказал, что догадался, но ни за что не скажет». Цитируя эту запись, театровед В. Я. Виленкин (тогдашний сотрудник литературной части МХАТа) в опубликованных недавно воспоминаниях дополняет ее: «Отвечать прямо никто не решался, это казалось рискованным». Поэтому слушатели пишут разгадку на бумажках, обмениваются этими бумажками; Виленкин вспоминает: «Михаил Афанасьевич, не утерпев, подошел ко мне сзади, пока я выводил своего «Сатану», и, заглянув в записку, погладил по голове». Так повторялось описанное в романе неузнавание Воланда всеми, кроме Мастера и Маргариты. Будто предвидя реакцию читателей, автор еще осенью 1934 года устами Мастера рассказал, что тот пробовал читать свой роман «кой-кому, но его и половины не понимают». Первые слушатели романа — современники автора — были чрезмерно сосредоточены на разгадывании Воланда, испуганы невольными ассоциациями, к которым вело их всемогущество героя в наказании одних и поощрении других персонажей романа.

Ассоциации эти были неслучайны — хотя автор, несомненно, мечтал, чтобы они не деформировали, не сужали впечатлений читателя от встречи с произведением, масштабы которого сам он уже сознавал.

Создавая фигуру Воланда, Булгаков опирался на огромную литературную традицию, которая еще в эпоху предромантизма сменила средневековые представления о дьяволе и злых демонах — иными, сформировав, как писал В. М. Жирмунский, «загадочный и сложный, поэтизированный и фантастический мир сверхъестественных существ (...) бессмертных, но открытых страстям и страданиям, а главное — не поддающихся однозначной оценке с точки зрения традиционных критериев добра и зла. Эти существа оказываются таинственным образом связанными с человеком: он может вступать с ними в общение и даже подчинять своей воле, хотя бы на время». Автор романа опирался также и на внимательно изученные им источники — Ветхий Завет, Талмуд, на многие другие, далеко не в полном объеме нам еще известные. Там он нашел, по-видимому, и такую функцию Воланда, которая приводит в недоумение сегодняшнего даже в какой-то степени искушенного читателя — почему именно Воланд выполняет волю Иешуа относительно судьбы Мастера? Между тем в Ветхом Завете Сатана еще не враг Бога и людей, как в Новом Завете, а земной администратор божественного правосудия, нечто вроде судебного исполнителя. Исследования показывают, что здесь, как и в древневосточной книжности, место Сатаны определяется нередко как место управителя мира, то есть вещей земных и временных, в противоположность тому, кто ведает вечным и духовным (И даже в Новом Завете, в посланиях Павла, сатана — «князь» (владыка) «мира сего», сопоставим с одним из вариантов названия романа — «Князь тьмы») И именно такая роль Воланда особенно очевидна в главе «При свечах». Мало того — Сатана

осознавался как нечто вроде шпиона, соглядатая, который, скитаясь, сообщает Богу о замеченном им зле; некоторые исследователи (Л. Викс) предполагают, что роль его моделировалась по секретной службе персидской империи — главы этих служб были ответственны только перед императором и появлялись инкогнито для проверки лояльности правителей провинций. В этом смысле поражает своей точностью догадка, высказанная в одной из многочисленных в конце 1960-х годов работ, писавшихся под первым сильнейшим впечатлением от романа — не для печати, а «для себя» и для узкого круга друзей: «Уж не реализовался ли Воланд в его Афрании, отождествление с которым и наполняет убедительностью слова о том, что Воланд «лично» был в колонаде Иродова дворца — и «лично» был знаком с Понтием Пилатом». Это предположение подтверждается рукописями романа, которые были неизвестны автору работы М. Андреевской (1935—1986); ею же впервые, насколько нам известно, Воланд, сидящий на крыше Пашкова дома, был сопоставлен с «Мефистофелем» скульптора Антокольского.

И, наконец, в тех огромных правах, которые предоставлены Воланду в романе, в том, что именно в его руках оказались судьбы всех, кто населил «московские» главы, воплотилось авторское истолкование окружающей его общественно-государственной жизни тридцатых годов. Это был итог его наблюдений и размышлений, его вывод и приговор, и потому бессмысленны упреки общемонального плана — почему в силе Воланда есть обаяние, почему Маргарита идет на сделку с дьяволом, так сказать, не моргнув глазом? Булгаков рисовал не свое представление о возможной и должной норме, а спешил запечатлеть свое понимание уже совершившегося.

Перед сегодняшним читателем неминуемо встает вопрос — что же за произведение перед ним? Прообраз будущего самиздата? Или роман, заведомо писавшийся автором «в стол», без надежды увидеть его напечатанным при жизни? Разве мог автор хоть на йоту рассчитывать на удачу, хотя бы минутами надеяться, что власть, в то время уже, в сущности, единоличная, отнесется к роману одобрительно и даст позволение его печатать?

Сегодня эта коллизия вызывает наш интерес, может быть, гораздо более, чем в первое время после напечатания романа. В тридцатые годы множество современников хорошо понимало безнадежность подобной задачи. Но подлинно творческая сила человека нередко идет, да и не может не идти, рядом с порывами не только высокого утопизма, но и простодушия, наивной веры в удачу. «А вдруг?...» — эта мысль, несомненно, волновала порою Булгакова. Он не претендовал на роль подвижника — вопреки легенде. Прельстительной, органичной для него была артистическая свобода, нерасторжимая с известной долей беспечности, содействовавшей в свою очередь с трезвостью человека с дипломом медика. Осенью 1937 г. он возобновил работу над романом в на-

дежде, что «представит», т. е. передаст для чтения лично Сталину, давно ставшее для него главным произведение — и доверится судьбе. В процессе работы он то терял надежду на возможность успеха, то вновь зажигался ею, и чем далее, тем все более, как нам представляется, полностью отвлекался, работая над текстом, от всяких расчетов. Момент завершения машинописной (седьмой) редакции романа в июне 1938 г. был моментом безнадежного взгляда на ближайшее будущее близящегося к концу сочинения; возможно, это было связано с гнетущим впечатлением от последнего открытого судебного процесса (март 1938) и все усиливавшимся террором, достигшим к этому времени своего апогея. «Что будет? — ты спрашиваешь? — писал он жене, проводившей то лето в деревне, 15 июня 1938 г.— Не знаю. Вероятно, ты уложишь его в бюро или шкаф, где лежат убитые мои пьесы, и иногда будешь вспоминать о нем. Впрочем, мы не знаем нашего будущего.

Свой суд над этой вещью я уже совершил, и, если мне удастся немного приподнять конец, я буду считать, что вещь заслуживает корректуры, и того, чтобы быть уложенной в тьму ящика. Теперь меня интересует твой суд, а буду ли я знать суд читателей, никому неизвестно».

Особый интерес представляет разговор Воланда с Мастером в 24-й главе. Узнав, что Мастер написал «роман о Понтии Пилате», Воланд, посмеявшись «громовым образом», переспрашивает: «О чем, о чем? О ком?. Вот теперь? Это потрясающе! И вы не могли найти другой темы?». Автор предварял впечатление экстраординарности, которое неминуемо должно было сложиться у первого читателя, и, предсказывая,— п о д с к а з ы в а л ему возможность постижения полноты замысла и примирения с ним: «Ну, теперь все ясно,— сказал Воланд и постучал длинным пальцем по рукописи». Булгаков писал эту сцену, адресуя ее сразу «всем»,— как любой литератор,— но еще и о д н о м у конкретному читателю. Создавая сцену, он тут же описывал и ситуацию ее прочтения, а вслед за тем иронизировал над тем и другим — автопародийно звучат слова Бегемота, подхватывающего реплику Воланда: «— Совершенно ясно,— подтвердил кот...— теперь главная линия этого опуса ясна мне насквозь».

Работая над этими страницами, Булгаков, на наш взгляд, предполагал также, что, попав на стол адресату его многочисленных писем, роман окажется для него в этом специфическом эпистолярном контексте.

Ставшее популярным выражение Воланда «Рукописи не горят» имеет сегодня целый ряд важных и интересных историко-литературных толкований. Так, например, И. Галинская в своей богатой гипотезами и сопоставлениями работе «Криптография» романа «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова» рассказывает историю одного из борцов с альбигойской ересью, который выступал в начале XIII века с проповедями, вел с альбигойскими богословами яростные диспуты и однажды «изложил свои до-

воды письменно и манускрипт вручил оппонентам. Но альбигойцы, посовещавшись, решили предать эту рукопись огню. Каково же было их потрясение, повествует легенда (...), когда «пламя отнеслось к рукописи Доминика с благоговением и трижды оттолкнуло ее от себя»[1].

Слова Воланда «Рукописи не горят» имеют для своего истолкования и более широкий контекст. «Через семь столетий после Иезекииля римские солдаты сжигали заживо одного ближневосточного книжника вместе со святыней его жизни — священным свитком. «Его ученики сказали ему: «Что ты видишь?» Он ответил: «Свиток сгорает, но буквы улетают прочь!»[2]

Но помимо всех общих истолкований реплики Воланда «Рукописи не горят!», следует иметь в виду и одно частное: реплика описывала то самое впечатление «первого читателя», которое моделировалось автором романа с учетом фразы из письма 1930 г.— «бросил в печку черновик романа о дьяволе...» (почти буквально повторенной Мастером — «... Я сжег его в печке»). Этой репликой адресату письма и романа навязывался высокий тон предполагаемого контакта. В определенном, узком, рассчитанном только на одного читателя смысле роман был новым письмом, опирающимся на первое, 1930 года, единственное, на которое последовал ответ. Он должен был, по мысли автора, возродить в памяти Сталина и это, и другие письма, настаивал на отождествлении автора писем — с героем романа: первому читателю предлагался ключ к пониманию личности настойчивого корреспондента. И подсказкой судьбе, ее заклинанием звучали реплики Воланда, адресуемые автором не только неведомому будущему читателю, но и читателю вполне конкретному: «ваш роман принесет еще сюрпризы... Ничего страшного уже не будет».

Этому предполагаемому читателю фигура всесильного духа зла, совершающего благо, должна была импонировать. И все же его возможное самоотождествление, надо думать, пугало автора. В память ли биографических фактов семинарской юности Кобы Джугашвили (вскоре нашедших отражение в пьесе «Батум»), в связи ли с авторским моделированием возможных его пристрастий первый и последний читатель романа Мастера (Воланд в романе не читает) возвышен до Лица иного, чем приоткрыта возможность более высоких и, если позволительно так выразиться, лестных аналогий. «Он прочитал сочинение Мастера»,— говорит Левий Матвей; «Ваш роман прочитали»,— сообщает Мастеру Воланд. Навязчивая, колеблющаяся в процессе писания романа авторская мысль о его чтении как решающем судьбу и романа и автора отрывается наконец от всякой прагматики. Факт чтения остается в романе, но он выводится за границу земной конкретности и передается в высший мир.

[1] Галинская И. Л. Загадки известных книг — М., 1965.— С. 112.
[2] Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы.— М., 1977.— С. 169.

Написанные в мае 1939 г. новые страницы год назад окончен-
ного романа (сцена Воланда с Левием Матвеем и эпилог) —
свидетельство совершившегося к этому моменту полного расчета
с надеждой на благоприятный исход первого чтения. Роман
переадресовывается будущим читателям: время действия в эпило-
ге дано так, чтобы оно могло быть совмещено с любым временем
будущего чтения.

Умирая при помощи Воланда, но по решению свыше, Мастер
отправляется туда, где уже правитель (земное, государственное
воплощение высшей демонической силы), а не он, жаждал встречи
с тем, с кем когда-то недоговорил. И этот желаемый теперь
Пилатом упущенный собеседник представлен как высшая ипостась
земной творческой силы, силы художника. Только этой творческой
силе суждено бессмертие в памяти поколений — и под знаком этой
именно памяти, с гордым вызовом утверждает автор романа,
навсегда суждено входить в историю тем правителям, в эпоху
которых разворачивается трагическая судьба художников.

2

Статья Булгакова 1919 года и письмо правительству СССР
1930 года — немногие дошедшие до нашего времени прямые его
публичные высказывания о собственных политических и социаль-
ных воззрениях. Здесь он высказался на эти темы с полнотой, от-
кровенностью и определенностью. Правда, зимой 1919—1920гг.
Булгаков напечатал в кавказских газетах немало рассказов и
фельетонов (так назывались в те годы газетные статьи), но эти его
сочинения,— вряд ли оставлявшие сомнения в политической ори-
ентации автора,— до сих пор не разысканы.

Но воззрения Булгакова очевидны и в его романах, повестях
и известных нам рассказах — если читать их без предубеждения.
Булгаков считал писательским долгом не беречь свои убеждения
«про запас», для домашнего употребления, демонстрируя в печати
совсем иную, приспособленную к власти политическую позицию
(путь, по которому пошли многие его современники). Он стремился
выражать свои истинные мысли *в творчестве* — печатно или на
сцене театра,— стараясь лишь не перейти по возможности той гра-
ни, за которой уже возникала прямая опасность для жизни и сво-
боды автора. Вот почему он с гордостью пишет «правительству
СССР» в 1930-м году: «Я не шепотом в углу выражал эти мысли».
Он стремился не к двойной, а к единой, цельной жизни — в этом и
было своеобразие занятой им литературно-общественной позиции.

Современная Булгакову и в основном враждебная ему критика
стремилась сформулировать с опасной для автора прямолиней-
ностью его отрицающий взгляд на новый социальный порядок.
Критика посмертная, появившаяся с начала 60-х,— по большей
части не только дружелюбно, но восторженно отнесшаяся к писа-

...ство, чьи сочинения вышли на свет спустя четверть века после его кончины,— напротив, старалась доказать недоказуемое — хорошее отношение писателя к советской власти. Это делалось в прагматических целях — ради наиболее безболезненного введения имени Булгакова в широкий общественный контекст, а его произведений — в издательские планы. Благожелательная посмертная критика оказалась в результате дальше от интерпретации его действительных воззрений, чем враждебная прижизненная.

Его детство и отрочество прошло в консервативной, монархически настроенной среде. В течение всей своей жизни он оставался консерватором — то есть человеком, ориентированным на сохранение, а не на изменение (тем более резкое или насильственное) существующего порядка, душевно привязанным к устоявшимся чертам частного и социального быта. Разрушение этих черт в годы революции эту его привязанность только усилило. Так определяли его и друзья, и он сам: «Вероятно, потому, что я консерватор до... «мозга костей», хотел написать, но это шаблонно, но, словом, консерватор всегда в старые праздники меня влечет к дневнику»[1],— записал он 25 сентября 1923 г. Он подчеркивал это и внешним своим обликом — накрахмаленный воротничок, монокль, дико выглядящий в литературном быту 1920-х годов, были демонстративным утверждением связи с прежней Россией, за которой революция закрыла двери.

Дружеский круг семьи Булгаковых при жизни отца (до 1907 г.) составляли главным образом русские православные — для А. И. Булгакова, преподавателя Духовной академии и глубоко верующего христианина, это было естественным предпочтением. Но в доме, несомненно, не было небрежения к иным нациям и вероисповеданиям: А. И. Булгаков профессионально занимался англиканской церковью и в Духовной академии, где шла в начале века ожесточенная борьба между крайне правой профессурой, близкой черносотенному Союзу Михаила Архангела, и сторонниками реформ, занимал умеренную, примиряющую позицию.

После смерти отца дом стал гораздо более открытым — женихом одной из сестер стал «щирый» (то есть стоявший за «самостийность» — самостоятельность Украины) украинец, за другой ухаживал поляк. Старший сын покойного профессора через несколько лет после смерти отца утратил веру. 3 марта 1910 г. Надежда Афанасьева Булгакова записала в свой дневник: «Мальчики (младшие братья.— *М. Ч.*) сегодня причащались. Мы говеем, Миша ходит и клянет обычай поститься, говоря, что голоден страшно... Он не говеет...», 25 марта она пишет о том, как в спорах с матерью Михаил, студент медицинского факультета Университета св. Владимира, защищал теорию Дарвина, как он задал сестре вопрос: «Христос — Бог, по-твоему?» и она, уже идя за старшим

[1] Театр.— 1990.— № 2.— С. 146—147.

братом, отвечает — «Нет!» И все-таки признается: «Я боюсь решить, как Миша...»[1].

По-видимому, во время киевских событий осени 1905 года перед гимназистом Булгаковым впервые замаячила реальная возможность изменения того государственного устройства, в котором он рос. Как он отнесся к этим событиям? «Булгаков в гимназические годы был совершенно бескомпромиссный монархист — квасной монархист. ...Так говорилось тогда — не только «квасной патриот», но и «квасной монархист», — единственное свидетельство о политическом умозрении Булгакова-гимназиста, услышанное от Е. Б. Букреева, его однокашника по Второй (в подготовительном классе) и Первой гимназиям представляется нам достоверным. Рассказанное Татьяной Николаевной Кисельгоф (первой женой Булгакова), познакомившейся с ним спустя два-три года, во всяком случае, не противоречит этому. «В пятом классе нас застал 1905 год,— рассказывал Е. Б. Букреев.— Мы, конечно, били стекла, швырялись чернильницами; Булгаков в этом участвовал — как во всех такого именно рода коллективных действиях... Конечно, было очень интересно забаррикадироваться и не пускать учителей на уроки! Мы выбирали также общественный совет гимназии —1—2 человека от класса. Помню собрания на каких-то квартирах, валялись на постелях, курили... произносили зажигательные речи, на этом все кончалось... Булгаков ни в каких советах, митингах, собраниях никогда не участвовал»[2].

Понимание событий и осознанное к ним отношение пришло, конечно, несколько позже — и соответствовало скорее всего общему консервативному духу родительского дома. Возможно, в отроческие впечатления заложены были и некоторые страницы статей редактора одной из самых солидных на юге России и читаемой в среде киевской русской интеллигенции газеты «Киевлянин». Статьи Д. И. Пихно ежедневно печатались в его газете в течение сентября — декабря 1905 года — всего времени революционных событий, рядом с откровенно черносотенными высказываниями в них как бы концентрировалась та реакция на ощутимое приближение революционных событий, которую разделяла консервативно ориентированная часть киевской русской среды — это была часть той атмосферы, в которой формировались политические предпочтения юноши. Резко отрицательно оценивая съезд земских и городских деятелей в Москве (непосредственно предшествовавший началу стачек и волнений), Пихно предупреждал, что «российские радикалы впредь предназначили своей партии не законодательную работу на законной почве и развитие государственной жизни и государственных учреждений, а путь политических авантюр революционного характера». (Спустя много

[1] Земская Е. А. Из семейного архива: Воспоминания о Михаиле Булгакове.— М., 1988.— С. 68, 70.

[2] Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова.— 2-е изд.— М., 1989.— С. 23, 22.

лет, в письме правительству 1930 года Булгаков будет настаивать на своем скептицизме «в отношении революционного процесса» в России и на «противупоставлении ему Великой Эволюции»). Пихно подчеркнет, что радикальная партия «не скрывает своей ненависти к бывшему до сего времени государственному строю (...). Но дух ненависти и разрушения, грозя бедами, не гарантирует ни малейшим образом созидания». Сравнивая российских радикалов с деятелями французской революции (отметив по ходу дела, что «весьма скоро радикальные поклонники Руссо уступили место красным демагогам, соответствующим теперешним социалистам, и тогда разыгрался финал кровавого безумия: все свободы были отвергнуты кроме свободы гильотины»), Д. И. Пихно напоминал, что «радикализм Руссо и энциклопедистов был проникнут мечтательным добродушием и над ним веял, в их воображении, светлый гений «свободы, равенства и братства» (...). Нынешний же радикализм уже в своей колыбели повит злобой «классовой борьбы», беспредельными притязаниями «социальной демократии» на владычество толпы (...). Кто протянул руку революции, тот в самой основе своих воззрений и в способе действий разошелся с теми, кто ищет мирной реформы и не хочет сойти с законного пути. Эти две дороги никогда не сходятся, а неизбежно расходятся все дальше и дальше»[1].

Булгаков, по его словам, с юных лет был решительным противником революционного пути — он был уверен, что этот путь неизбежно ведет к [illegible] нас личностью.

События, развернувшиеся в России на протяжении 1917 года, убедили его в этом окончательно.

31 декабря 1917 года Булгаков пишет из Вязьмы в Царское Село сестре Надежде: «...Поздравляю тебя с Новым годом и желаю от души, чтобы этот новый год не был бы похож на старый. (...) Я в отчаянии, что из Киева нет известий. А еще в большем отчаянии я оттого, что не могу никак получить своих денег из Вяземского банка и послать маме. У меня начинает являться сильное подозрение, что 2 000 р. ухнут в море русской революции. (...) Что касается дяди Коли (брат матери Н. М. Покровский, известный в Москве врач с отличной профессиональной репутацией и хорошей практикой, дававшей ему заслуженно большой доход.— *М. Ч.*), то его, вероятно, тоже ждет хорошая штука: с захватом банков его в награду за его каторжно-трудовую жизнь ждет, вероятно, потеря всего, что он имеет».

Так октябрьские события повернулись к Булгакову той самой стороной, которая определялась большевистской программой как «Экспроприируйте экспроприаторов!». Одним из первых актов новой власти был арест, наложенный на банковские вклады. Булгаков лишался возможности получить те деньги, которые сам он ни у кого не экспроприировал, а заработал не только честным, но и в

---

[1] Пихно Д. И. В осаде: Политические статьи.— Киев, 1906.— С. 4—7.

высшей степени самоотверженным трудом земского врача в российской деревенской глуши — трудом, так красочно описанным им самим в «Записках юного врача». Признать справедливость таких действий новой власти он, естественно, не мог.

В начале декабря он ездил в Москву — делал попытку освободиться от земской службы с тем, чтобы в смутных и становившихся все более страшными российских обстоятельствах уехать домой, в Киев. Это не удалось. В том же предновогоднем письме сестре он писал далее: «И вновь тяну лямку в Вязьме, вновь работаю в ненавистной мне атмосфере среди ненавистных людей. Мое окружающее настолько мне противно, что я живу в полном одиночестве. Зато у меня есть широкое поле для размышлений. И я размышляю». Последующие строки письма намечают контуры того миросозерцания Булгакова, которое легло в основание его взглядов — не менявшихся круто (как у многих его современников, переживших исторический перелом), но все более укреплявшихся в дальнейшей жизни,— в основание его поступков и самого творчества. «Единственным моим утешением является для меня моя работа и чтение по вечерам. Я с упоением читаю старых авторов (что попадется, т. к. книг здесь мало) и упиваюсь картинами старого времени. Ах, отчего я опоздал родиться! Отчего я не родился сто лет назад. Но, конечно, это исправить невозможно!»

Четыре с лишним года спустя, герой рассказа Булгакова «Необыкновенные приключения доктора» (1922) — врач, которого против его воли мобилизует «пятая по счету власть»,— воскликнет: «За что ты гонишь меня, судьба?! Почему я не родился сто лет тому назад? Или еще лучше: через сто лет. А еще лучше, если б я совсем не родился. Сегодня один тип мне сказал: «Зато вам будет что порассказать вашим внукам!» Болван такой! (...) К черту внуков. Моя специальность — бактериология. Моя любовь — зеленая лампа и книги в моем кабинете. Я с детства ненавидел Фенимора Купера, Шерлока Холмса, тигров и ружейные выстрелы, Наполеона, войны (...)»[1]. Апофеоз мирной созидающей жизни — в противовес любым действиям с оружием в руках,— домашнего уюта после трудового дня стал одним из главнейших, постоянных мотивов его сочинений: глубоко личное, интимное переживание разрушенного раз и навсегда *покоя* вошло в творчество.

Упоение «картинами старого времени», несколько стилизованное, олитературенное даже в таком сугубо частном, казалось бы, жанре как письмо к сестре (литературностью письма подтверждается тот факт, что к концу 1917 года Булгаков уже глубоко погружен в творчество) — это настойчивое утверждение своего консерватизма, взгляда назад, на руины прежнего порядка.

Один из идеологов консерватизма, французский социолог, историк и политический деятель А. Токвиль (1805—1859), изучая соотношение свободы и равенства в развивающемся буржуаз-

---

[1] Булгаков М. Собр. соч.: В 5 т.— Т. 1.— М., 1989.— С. 431—432.

ном обществе, приходил к выводу, что «извращенная» склонность к равенству, в основе которой стремление низвести всех до уровня массы, приводит к «равенству в рабстве». Токвиль восхищался английской аристократией, «всегда простой в привычках и открытой в обращении и потому не ненавидимой низшими классами, не провоцирующей в них жажды равенства своей суровой, полной самоограничений жизнью. Аристократия, точнее, аристократизм в Англии,— не просто сословность, а моральная норма для всех и каждого, и суть ее в том, что человеку важно не подчинять кого-то, а не подчиняться никому»[1].

Это близко умонастроению Булгакова, его представлениям о правильной социальной структуре. Культура *ранга* всегда стояла высоко в общей иерархии — вместо поголовного уравнивания всех во всем — его ценностей. Он, несомненно, уверен был, в соответствии с основами монархического правосознания, что общественная справедливость требует не «равенства» и не «привилегий», но — *обоснованных* привилегий — обоснованных воспитанием, образованием, качеством труда. Вот почему в его повести «Собачье сердце» (1925) профессор Преображенский с изумлением и негодованием слушает Шарикова, называющего себя «трудовым элементом» — *трудящимся* профессор резонно считает себя. Он с полной уверенностью в своей моральной правоте, совершенно разделяемой автором, заявляет домовому комитету, пришедшему его «уплотнять»: « — Я один живу и работаю в семи комнатах (...) и желал бы иметь восьмую. Она мне необходима под библиотеку»[2].

Можно предполагать, что именно британский тип социального жизнеустройства импонировал Булгакову так же, как и тип личного поведения. Недаром в одном из его рассказов из цикла «Записки юного врача» герой вспоминает, как читал он где-то «об одном англичанине, попавшем на необитаемый остров. Интересный был англичанин. Досиделся он на острове даже до галлюцинаций. И когда подошел корабль к острову и лодка выбросила людей — спасителей, он — отшельник — встретил их револьверной стрельбой, приняв за мираж, обман пустого водяного поля. Но он был выбрит. Брился каждый день на необитаемом острове. Помнится, громаднейшее уважение вызвал во мне этот гордый сын Британии»[3].

В этом многозначительном фрагменте—также и программа личного поведения автора. С первых московских лет Булгаков упорно сохранял атрибуты прежнего цивилизованного быта, резко диссонирующие с бытом пореволюционным, где небрежность костюма стала идеологизированной нормой. Для него важны были крахмальные воротнички, манжеты (одно из первых произведений, пи-савшихся уже в стане победителей, он вызывающе озаглавил «За-

[1] Пер. В. А. Чаликовой.
[2] Булгаков М. Собр. соч.— Т. 2.— С. 136.
[3] Булгаков М. Собр. соч.— Т. 1.— С. 122. Пересказывается содержание рассказа А. Грина «Жизнь Гнора».

писки на манжетах»), пробор, тщательное бритье. Оставшись — после окончания гражданской войны в пользу большевиков — без привычного круга друзей юности (почти все они вынуждены были покинуть свою страну), навсегда отрезанный границей от младших братьев, он чувствовал себя в каком-то смысле на необитаемом острове. *Его* Россия переместилась на Запад. Не веря в реставрацию, он держал себя, однако, как «гордый сын» этой России, исчезнувшей с карты мира и из окружающей его реальности: он как бы сохранял готовность к встрече во всякий момент с людьми европейской цивилизации — как своими настоящими соплеменниками.

И в том, как долго вглядывается автор «Грядущих перспектив», «как зачарованный», в «чудно исполненные снимки» на страницах английского иллюстрированного журнала,— в снимки, на которых кипит деятельная и разумная жизнь,— есть глубоко ностальгическое чувство: чувство потерянной родины, которую он мыслил себе только в европейском сообществе, но не в изоляции, не в положении страны, от которой в ужасе отворачиваются западные державы.

Снова обратимся к предновогоднему письму сестре 1917 года. «Мучительно тянет меня вон отсюда в Москву, или Киев, где хоть и замирая, но все же еще идет жизнь. В особенности мне хотелось бы быть в Киеве! Через два часа придет новый год. Что принесет мне он? Я спал сейчас, и мне приснился Киев, знакомые и милые лица, приснилось, что играют на пианино...

Придет ли старое время?

Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его... не видеть, не слышать![1].

Недавно в поездке в Москву и в Саратов мне пришлось все видеть воочию и больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... Тупые и зверские лица...

Видел толпы, которые осаждали подъезды захваченных и запертых банков, голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут в сущности об одном: о крови, которая льется и на юге и на западе, и на востоке, и о тюрьмах. Все воочию видел и понял окончательно, что произошло».

Так воочию, открытыми глазами — не затуманенными ни в малой степени волнующими в те годы многих его соотечественников мыслями о возможности достижения всеобщей справедливости насильственными кровавыми мерами — увидел он трагическое настоящее и будущее своей страны.

---

[1] Сравнение этих строк письма со строками «Грядущих перспектив» — «Настоящее перед нашими глазами. Оно таково, что глаза эти хочется закрыть. Не видеть!» — служит дополнительным аргументом для подтверждения авторства статьи. 1919 г. (подписанной не полным именем писателя, а инициалами — «М. Б.»).

Два года спустя, своей статьей «Грядущие перспективы» Булгаков сразу вошел в сердцевину спора о революции и большевизме в России — спора, который не кончен до сих пор.

Важнейший мотив первой статьи Булгакова — мотив *вины общенациональной*. Все соотечественники повинны в катастрофе, постигнувшей Россию: одни — тем, что к ней активно толкали («одурачивали» идеей насильственного переустройства страны на началах всеобщей гармонии), другие — тем, что пошли на братоубийство, третьи — тем, что попустительствовали этому, четвертые — безмолвным, пусть даже пассивным участием в страшных событиях... В статье нет распространенных и тогда, и теперь, семьдесят с лишним лет спустя, суждений о внешнем источнике внутренних событий — всю ответственность за случившееся и, следовательно, будущую расплату Булгаков возлагает на собственный народ, суровo обвиняя его за податливость к «одурачиванию» и пророча, что очень не скоро теперь наступит то время, когда «мы вновь начнем кой-что созидать».

Статья подводила итоги пережитого за 1917—1919 годы и была окрашена мрачными ожиданиями. Прогнозы ее автора относительно «грядущих перспектив» оказались безотрадными.

Еще в декабре 1917 года, как видели мы из письма к сестре, Булгаков «понял окончательно, что произошло». События, развернувшиеся в последующие два года, только упрочили его понимание. Стало ясно, что страна покатилась в глубокую пропасть, из которой неизвестно когда начнет «медленно, тяжело вставать». (История дала ей такую возможность только почти семьдесят лет спустя). Трезвость взгляда военного врача и начинающего литератора выделила статью на фоне тогдашней публицистики «добровольческих» газет, и два дня спустя в той же газете «Грозный» появился резко критический отзыв (за подписью «П. Голодолинский»): «Стыдно и больно читать статью М. Б. (...). Будто бы и не русский писал ее. Мрачным пессимизмом и каким-то жалким унижением дышат его строки».

Оппонент Булгакова, находящийся, как и он, в рядах Добровольческой армии, воюющий с красными, ищет виноватого в нынешнем положении России на стороне — и легко находит его в стане европейских правительств: «Война принесла нам все ужасы революции, и награды за все понесенные бедствия мы еще не получили. Час расплаты еще не пришел для нас. (...) Мы никому не должны, это должно быть ясно союзникам, и трудно ожидать, чтобы они могли требовать уплаты по всем тем дутым векселям, на которых расписывались узурпаторы русской государственной власти». Виновны те, кто развязали мировую войну — она принесла революцию. Поэтому платить должны не «мы», а «нам» — идея аннулирования займов русского правительства, реализованная впоследствии, созревала, как видим, и в лагере, далеком от тех, кто возглавил советское правительство. **Два понятия главенствуют в статье Булгакова — «безумие» и «плата».**

Они же станут лейтмотивами его творчества.

Для понимания статьи 1919 года и рассказов Булгакова первых московских лет — рассказов, сохраняющих живую связь с событиями гражданской войны, важно следующее обстоятельство. Булгаков, в отличие от многих своих будущих собратьев по перу, довольно хорошо знал тот народ, к которому принадлежал по рождению — или, по крайней мере, имел основания думать, что знает его. В течение двух лет своей врачебной службы он видел ежедневно, причем не на дистанции, а лицом к лицу вереницу «людей из народа» — причем именно жителей российской «глубинки», которою, без сомнения, была (да и осталась в немалой степени) Смоленская губерния. Он наблюдал их в мирном и даже раболепном состоянии (униженно просящими помощи у господина доктора), видел в ярости и нерассуждающей темной злобе. Его взгляд на свой народ был близок чеховскому — взгляд врача, жалеющего этих людей, но трезво видящего безбрежность их темноты, невежества и прямо связанной с ним агрессивной подозрительности к «образованным».

Друг киевской юности Булгакова А. П. Гдешинский писал его сестре Надежде в ноябре 1940 года, уже после смерти писателя, пересказывая сохранившееся письмо Булгакова из Никольского: «Помню только следующее: 1) Это село Никольское под Сычевкой представляло собой дикую глушь и по местоположению, и по окружающей бытовой обстановке и всеобщей народной темноте. Кажется, единственным представителем интеллигенции был лишь священник (...) 3) Огромное распространение сифилиса. Помню, Миша рассказывал об усилиях по открытию венерических отделений в этих местах (...) 4) Миша очень сетовал на кулацкую, черствую натуру туземных жителей, которые, пользуясь неоценимой помощью его как врача, отказали в продаже полуфунта масла, когда заболела жена... или в таком духе». Впоследствии Надежда Афанасьевна записывала, обобщая рассказанное когда-то старшим братом: «1916 год. Приехав в деревню в качестве врача, Михаил Афанасьевич столкнулся с катастрофическим распространением сифилиса и других венерических заболеваний (конец войны, фронт валом валил в тыл, в деревню хлынули свои и приезжие солдаты). При общей некультурности быта это принимало катастрофические размеры. Кончая университет, М. А. выбрал специальностью детские болезни (характерно для него), но волей-неволей пришлось обратить внимание на венерологию. М. А. хлопотал об открытии венерологических пунктов в уезде, о принятии профилактических мер. В Киев в 1918 г. он приехал уже венерологом. И там продолжал работу по этой специальности — недолго»[1].

В первой редакции пьесы «Дни Турбиных», называвшейся сначала так же, как и первый роман Булгакова — «Белая гвардия», Мышлаевский на реплику Николки о Достоевском («Выдающийся

[1] Воспоминания о Михаиле Булгакове.— М., 1988.— С. 85—87.

писатель земли русской») отвечает неожиданным для слушателей образом: «Я бы с удовольствием повесил этого выдающегося писателя земли: (...) За это — за самое. За народ-богоносец». И еще раз повторит с возмущением: «...вот эти самые достоевские мужички, богоносцы окаянные. Все, оказывается, на стороне Петлюры»[1]. В том же 1925-м году он настойчиво поведет эту тему и в романе «Белая гвардия» — также в рассказе Мышлаевского о том, как горстка офицеров пытается защитить Киев от Петлюры, в войска которого уходит подавляющее большинство крестьян: «... это местные мужички-богоносцы достоевские!.. у-у... вашу мать! (...) «Побиглы до Петлюры?» А вот я тебя сейчас пристрелю, так ты узнаешь, как до Петлюры бегают! (Так вразумляет Мышлаевский старика украинца, который сослепу принял русских офицеров за петлюровцев.— *М. Ч.*) Ты у меня сбегаешь в царство небесное. стерва!» Ну, тут понятное дело, святой землепашец, сеятель и хранитель[2]. (Мышлаевский, словно обвал камней, спустил страшное ругательство), прозрел в два счета. Конечно, в ноги, и орет: «Ой, ваше высокоблагородие, извините меня, старика (...)» («Белая гвардия», ч. 1) Мышлаевский цитирует одного из персонажей романа «Бесы» — Шатова: «...Знаете ли вы, кто теперь на всей земле единственный народ «богоносец», грядущий обновить и спасти мир именем нового бога и кому единому даны ключи жизни и нового слова...» (Этот мотив Достоевским повторен и в «Братьях Карамазовых»: «... ибо сей народ богоносец»). Концепция «народа-богоносца» в романе не оспорена, а как бы отодвинута — взору читателя предъявлена историческая реальность, с кровью и гибелью людей. В последней (сценической) редакции пьесы «Дни Турбиных» имя Достоевского заменено на Толстого: «Вот эти самые милые мужички из сочинений Льва Толстого»[3]. Это реплика Мышлаевского — персонажа, с которым автор не отожествляется (как с Алексеем Турбиным), но к словам которого относится в основном одобрительно, во всяком случае сочувственно.

Булгаков спорит, в сущности, не с Некрасовым, Толстым или Достоевским по отдельности, а со всей той традицией русской литературы второй половины XIX века, которая так или иначе формировала патетическое отношение к народу («золото, золото сер це народное»,— восклицал Некрасов), призывая образованные слои склониться перед «мужиком» и поверить в возможность полного с ним единения — во имя собственного «опрощения» и улучшения его участи. Булгакову был гораздо ближе взгляд автора

---

[1] Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов.— Л., 1989.— С. 40.

[2] Мышлаевский цитирует строки Некрасова, ставшие одной из прописей «народничества» и вскоре сделавшиеся хрестоматийными в точном смысле слова: «Укажите мне такую обитель, Я такого угла не видал, Где бы сеятель твой и хранитель, Где бы русский мужик не стонал» («Размышления у парадного подъезда»). Булгакову это сентиментально-возвышенное отношение к «русскому мужику», несомненно, чуждо.

[3] Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов.— С. 113.

«Капитанской дочки»: «Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Правление было повсюду прекращено; помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... *Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!*» (Курсив мой — *М. Ч.*).

Эхо этих известных пушкинских строк слышно в строках письма Булгакова о событиях, происходящих в России около полутора столетий спустя: «... больше я не хотел бы видеть...». Спустя почти двадцать лет, работая над «Курсом истории СССР» (в 1936 году), Булгаков обратится и к описанию пугачевщины.

В его повествовании проступит пушкинское трезвое понимание обстоятельств и причин бунта — и при этом несочувственное (в противовес современной Булгакову официозной советской историографии), отстраненное холодно-историческое отношение к следствиям — кровавым действиям Пугачева, аналогию которым Булгаков лично увидел в России 1917 года: «...Пугачев выпустил манифест, в котором объявил свободу крепостным крестьянам и призывал их к истреблению помещиков, которых называл возмутителями империи и разорителями крестьян»[1].

Именно здесь — в отношении к кровавым насильственным попыткам изменить государственное устройство, в том числе и к народным возмущениям,— пролегла к началу XX века черта, разделившая образованных людей России. Это деление сохранит свою силу на долгие последующие годы, определит и направление творчества многих литераторов.

Младшая современница Булгакова (на десятилетие с лишним его моложе), выдающийся литературовед Лидия Гинзбург размышляет о чувстве, которое испытывала Марина Цветаева (в своей статье «Пушкин и Пугачев», 1937) к Пугачеву «Капитанской дочки» — «Был Пугачев великодушный и бесстрашный мужичий царь...» И Л. Гинзбург задает вопрос — «...Как же это так, что мы *за*? Конечно, мы, интеллигенты, гуманисты, мы против жестокостей (неизбежных), но в общем мы за мужичьего царя». Она пишет о поколении, которое считало, что Пугачев — это хорошо, «но Софья Перовская еще лучше, потому что в отличие от Пугачева — это красота жертвенности. Это жертва собой. Ну, а как насчет жертвы другими? И невинными? Это тоже входило в набор. Бомба, которую метнул Рысаков, царя не убила (убила следующая бомба — Гриневицкого), но между прочим убила подвернувшегося мальчика с корзинкой. (...) Александра II заметили, заметили Гриневицкого, повешенных первомартовцев, но маль-

---

[1] Михаил Булгаков. Курс истории СССР (выписки из черновика). Публ. А. К. Райта.//Новый журнал.— 1981.— № 143.— С. 66; см. также: Лурье Я. С., Панеях В. М. Работа М. А. Булгакова над курсом истории СССР//Русская литература.— 1988.— № 3.— С. 192.

чика с корзинкой никто не заметил. Он и есть страшный символ издержек истории»[1].

На эти «издержки» и был направлен пристальный взгляд Булгакова-писателя. Там, где для немалой части российской интеллигенции был пафос борьбы за освобождение — и прежде всего за освобождение «народных масс»,— его взгляд различал страшные очертания пугачевщины, «тупые и зверские лица», всегда отвратительное для него зрелище того, как «бьют людей». Вот эта уверенность в том, что нельзя бить, а тем более убивать людей во имя чего бы то ни было, станет этической опорой его творчества. Пафос разрушения как обновления, пьянивший еще в начале века, и особенно в революционные годы, многих литераторов — его современников, ему самому остался чужд навсегда. В первой же его статье («Грядущие перспективы») — скорее *обыденный* взгляд на вещи: колоссальные разрушения и реки пролитой крови в его глазах столь значимы, столь самоценны, что никакого оправдания им какими бы то ни было грандиозными целями он не признает. В этой статье им владеет одна мысль — о скорейшем прекращении разрушения и начале созидания.

В двадцатые годы, когда такой взгляд на общественное устройство, при котором оно рассматривается не под знаком грандиозных задач переустройства мира, а под знаком интересов частной жизни всякого человека, все больше терял свои акции, вытеснялся иными подходами. Булгакова в его собственном приятельском литературном кругу обвиняли в «мещанском» взгляде на вещи — и в определенном смысле правомерно.

Так или иначе с первых известных нам печатных выступлений он встал особняком в том слое, который носил название российской интеллигенции.

Один из замечательных русских литераторов и философов искусства Владимир Васильевич Вейдле писал, что с середины XIX века *единого* культурного слоя, каким был слой образованных людей, скажем, в пушкинское время, в России больше уже не было, «а была бюрократия, была интеллигенция и были не примыкавшие ни к той, ни другой образованные и творчески одаренные люди. Эти последние, чем дальше, тем больше, становились подлинными носителями русской культуры, но к русскому государству не имели никакого отношения, ни правительственного, как бюрократия, ни оппозиционного, как интеллигенция». Вейдле говорит об основной интеллигентской черте — «исключительной одержимости политикой, убеждения, что горсть политических идей важней религии, важней культуры, важней всего прочего содержания жизни. (...) К духовной свободе относилась враждебно как большая часть бюрократии, так и большая часть интеллигенции»[2].

Если принять этот ход мысли, то, пожалуй, Булгакова можно

---

[1] Гинзбург Л. Литература в поисках реальности.— Л., 1987.— С. 312—313, 316.

[2] Вейдле В. Задачи России.— Нью-Йорк, 1956.— С. 92—93.

отнести именно к этому сравнительно тонкому российскому слою «образованных и творчески одаренных людей», настроенных, как правило, скорее консервативно, чем радикально — в отличие от подавляющей части интеллигенции начала XX века. Отрицание идей любого насилия человека над человеком, утверждение ничем незаменимой ценности духовной свободы — все это узнаваемые читателем Булгакова любимые его мысли.

С этим связано и несомненное нежелание раствориться в любой идее «большинства», защита собственных, личных ценностей, добытых в результате индивидуальной духовной работы. Здесь Булгаков близок к авторам сборника статей «Вехи», задумавшимся над взаимоотношениями народа и интеллигенции задолго до необратимых событий 1917 года. «Символ веры русского интеллигента есть благо народа, удовлетворение нужд «большинства». Служение этой цели есть для него высшая и вообще единственная обязанность человека, а что сверх того — то от лукавого. Именно потому он не только просто отрицает или не приемлет иных ценностей — он даже прямо боится и ненавидит их. (...) Деятельность, руководимая любовью к науке или искусству (...) все это отвлекает от служения народу (...). Из отрицания объективных ценностей вытекает обожествление субъективных интересов ближнего («народа»), отсюда следует признание, что высшая и единственная задача человека есть служение народу, а отсюда в свою очередь следует аскетическая ненависть ко всему, что препятствует или даже только не содействует осуществлению этой задачи. Жизнь не имеет никакого объективного, внутреннего смысла; единственное благо в ней есть матерьяльная обеспеченность, удовлетворение субъективных потребностей; поэтому человек обязан посвятить все свои силы улучшению участи большинства, и все, что отвлекает его от этого,есть зло и должно быть беспощадно истреблено — такова странная, логически плохо обоснованная, но психологически крепко спаянная цепь суждений, руководящая всем поведением и всеми оценками русского интеллигента»[1].

Булгаковым, несомненно, были пересмотрены самые основания дореволюционной интеллигентской психологии — и сформировано новое, его собственное представление об интеллигенте и его месте в своей стране. Мы увидим это в письме к правительству, которое он напишет в марте 1930 года.

Он был консервативнее едва ли не всех, с кем сводила его судьба в московских домах 1920-х годов. Понятна далекость его политических воззрений от умонастроения «гудковцев» — Ильфа, Е. Петрова, Олеши, для которых новая власть была все-таки своей, при всех разногласиях с ней. Известная шутка Ильфа — «Что вы хотите от Миши? Он только-только смирился с отменой крепост-

---

[1] Франс С. Л. Этика нигилизма//Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, В. А. Кистяковского, П. В. Струве, С. Л. Франса. — 2-е изд. — М., 1909. — С. 183—185.

ного права, а вы требуете, чтобы он признал советскую власть!» — имела под собой более серьезные основания, чем думал, возможно, сам автор шутки.

Но Булгаков не сливался и с совсем иной средой, обитавшей главным образом в переулках Пречистенки и Остоженки,— средой коренных москвичей, выходцев из дворянских и богатых купеческих рядов. Широко образованные люди — филологи, переводчики, искусствоведы,— все они, конечно, находились в тихой оппозиции к власти. Признанный остроумец, поэт и переводчик Б. И. Ярхо на встрече 1928 года произнес стихотворный текст собственного сочинения:

Кому с тоской в груди
Мы шепчем десять лет
«Уйди — уйди — уйди»,[1] —
Пусть в нынешнем году
Нам прокричит в ответ —
«Уйду — уйду — уйду»!

От этой среды Булгакова отделяло — и к началу 30-х годов отделило совсем — главным образом ее стремление вписать его в традиционную роль *интеллигента*.

Для того чтобы понять, что именно ему мешало войти в эту роль, надо припомнить, как понималось это слово в предреволюционные десятилетия — на рубеже веков. Философ и писатель Ф. Степун писал: «Интеллигентный человек и интеллигент для русского уха отнюдь не одно и то же. Не каждого, даже весьма образованного ученого и великого художника, отнесем мы к интеллигенции» — для такого отнесения нужно, чтоб в жизни и творчестве чувствовалась «страстная заинтересованность в вопросах социальной жизни»; интеллигентом являлся, показывал Ф. Степун на ряде примеров, «каждый, кто жертвенно борется за превращение монархии в правовое государство, независимо от степени своего образования. В различных интеллигентских организациях можно было встретить оппозиционных профессоров, радикальных адвокатов, офицеров, земских врачей, журналистов и большое количество студентов, освистывавших консервативного профессора при его появлении в аудитории, а также наборщиков либеральных газет, которых и за десять рублей месячной прибавки нельзя было сманить на работу в реакционных издательствах». Степун приводил слова П. В. Анненкова, который еще в середине XIX века определил сообщество российских интеллигентов как тех, кто «все-таки стоял по какому-то соглашению, никем в сущности не возбужденному, поперек всего течения современной ему жизни, (...) ненавидимый одними и страстно любимый другими»[2]. Этому определению вторит и наша современница, вспоминая эпоху 1910-х

[1] Свистулька «уйди-уйди» продавалась тогда в Москве на всех углах.
[2] Степун Ф. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции.//Мосты.— 1959.— № 3.— С. 177—178.

годов: «Русский интеллигент находил комплекс несогласия в себе готовым, вместе с первыми проблесками сознания, как непреложную данность и ценность. (...) Сочетание народнических, даже народовольческих традиций с авангардизмом, модернизмом породило в начале XX века новую формацию, которая привела бы в ужас честных народников 1870-х годов»[1].

«Пречистенская» среда, пожалуй, близка была к этой формации — критичность взгляда на современное (предреволюционное) общественное устройство сочеталась — в области вкуса — с прекрасным знанием западного модернизма и сочувственным отношением к отечественному авангарду, прошедшему путь от декадентства до футуризма. Булгаков (с раздражением, заметим, относившийся к новейшей поэзии) в предреволюционные годы был ближе к совсем другому слою, который сформировался к концу века, после революции быстро был рассеян — и вскоре исчез из отечественной жизни, сильно ее этим обескровив.

Современник Булгакова, талантливый и, к сожалению, забытый писатель Г. П. Блок (двоюродный брат А. Блока) оставил в своих воспоминаниях описание того, как в восьмидесятые-девяностые годы распадалась «определительная и простая» картина «дворянско-крестьянского двуединства» России, «и между раскословшимся верхом и низом стало нарастать дикое мясо (...) Прослойка дикого мяса тонка и извилиста. Невозможно проследить всех многоразличных ее пластов, исчерпать их в каком-нибудь перечислении». Во всяком случае, нужно помнить, что кроме тех, кто «говорил», кто писал в журналах, «были другие — молчаливые, неслышные потомкам, и вот именно из них-то, как и всегда, составлялось главное множество, подлинная основная ткань данного века (...). Из задичавшего дворянства, думается мне, составилось основное ядро этой группы (...) без определенных политических привязанностей; без смелости, хоть, правда, и без страха; во второй половине месяца (неизбежно!) без денег, а главнейшим образом — без сословного ощущения. Это, конечно, не родовая и служилая знать и не «буржуазия». Вместе с тем это вовсе и не так называемая «передовая интеллигенция» и не «кающиеся дворяне, а просто так: начальник отдела имя такой-то, присяжный поверенный такой-то, инженер такой-то...».

Здесь важно именно отсутствие некоего группового — сословного или кланового — самосознания: речь идет о слое, состоящем из *отдельных людей*, ведущих свою частную жизнь, вне групповых знамен и лозунгов. Оба деда Булгакова были священники — «колокольные дворяне», как тогда называли, что делает его сопоставимым по происхождению с выходцами из «задичавшего дворянства». Просто — граждане своего государства, подданные со всеми своими правами,— немалыми, как оказалось, когда права эти были отняты — и потому жившие «без страха». Г. П. Блок при-

[1] Гинзбург Л. Литература в поисках реальности.— С. 314.

водит еще одну характеризующую черту — и тут-то начинается тонкое отличие описанного им слоя от той его же «прослойки», к которой принадлежал Булгаков: «Они понимали толк в вещах, только понимание это было глубоко пассивное, не дававшее почвы никакому уменью,— пишет Г. П. Блок.— Для уменья нужна уверенность, а они ни в чем уверены не были и меньше всего уверены были в себе»[1].

Булгаков был человеком слоя иного — состоявшего из людей, прекрасно владевших одним, но определенным уменьем. Это были квалифицированные инженеры, опытные земские врачи, военные специалисты с основательным знанием своего дела (те самые, пожалуй, которые собирались за столом у чеховских «трех сестер» или позднее — булгаковских Турбиных). Они очень серьезно относились к образованию, к знанию языков,— вообще к позитивному знанию, к *ремеслу*, становившемуся для них главным жизненным делом. Это были люди интеллигентных профессий — но не интеллигенты в привычном российском смысле слова. Отличительной их чертой было углубление в свою профессию — и определенная отстраненность от других сфер жизни, тех, где жила и действовала художественная богема (все более заметная в России начала века), религиозно-философская общественность (Булгаков уходит от религии в те самые годы, когда авторы сборника «Вехи» призывают российскую интеллигенцию к религии вернуться) и политика — будь это правительственная, официозная, парламентски-оппозиционная и уж тем более радикальная. Это были земские работники, практики, люди, хорошо знавшие Россию, но не любившие о ней говорить, да еще публично. И когда в романе «Белая гвардия» Алексей Турбин, самый близкий автору герой, начинает страстно говорить на политические темы,— это вызывает изумление и добродушное подтрунивание близких ему людей: «...тебе бы знаешь, не врачом, а министром обороны быть, право... — Алексей на митинге незаменимый человек, оратор».

Принадлежность к этому слою определялась уже не происхождением, не семьей, а была делом скорее личного выбора, личного самоотождествления, индивидуальной биографии. Описывая в своих мемуарах первые киевские месяцы после февральской революции, Л. С. Карум, женившийся в апреле 1917 г. на сестре Булгакова Варваре, фиксирует среди прочего: «Приехала из Москвы старшая сестра Вареньки, Надежда. Она кончала историко-филологический факультет Высших женских курсов Герье в Москве и была уже невестой Андрея Михайловича Земского, только что окончившего Московский университет по филологическому факультету (впоследствии — автора известных учебников русского языка.— *М. Ч.*). *Оба они были социал-демократами по убеждению,* но, к счастью, в партии не состояли».

[1] Блок Г. П. Из петербургских воспоминаний. Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения.— Рига, 1986.— С. 158—159.

Это свидетельство совпадает с тем, что сохранила память первой жены Булгакова, Татьяны Николаевны. В последние годы жизни она рассказывала, как ехала летом 1915 года в Черновицы, где ее муж служил в это время в военном госпитале: «Перед отъездом Надежда — *она тогда увлекалась агитацией, хождением в народ* — насовала мне прокламаций, чтобы разбрасывать, и я — такая дура! — взяла. Потом ужасно боялась, что Михаил увидит,— он бы меня убил! Когда приехали — сожгла в камине...»

Здесь характерно и поведение Надежды Булгаковой, и уверенность Татьяны Николаевны в противоположном взгляде на вещи Михаила Булгакова.

Л. С. Карум был человеком совсем иного психологического склада, чем его шурин; они друг друга недолюбливали, и какие-то черты Карума послужили автору «Белой гвардии» импульсом для изображения малосимпатичного персонажа — Тальберга. При всем том воспоминания Л. С. Карума — это взгляд на события тех лет, так сказать, из окна дома Булгаковых, взгляд не только современника, но человека близкого круга. Поэтому стоит присмотреться к тому, как описывает он Февральскую революцию, как говорит об интеллигенции, об офицерах и солдатах, об агитации на фронте и т. д. — во всем этом, конечно, есть точки соприкосновения со взглядом на события 1917 года М. Булгакова.

«(...) Итак, трехдневных манифестаций в Петрограде было достаточно, чтобы присоединить солдат к рабочим. Присоединение же солдат к рабочим-революционерам решило судьбу России.

Эти солдаты были реальной силой. Это были солдаты петроградского гарнизона — запасные гвардейские полки. Каждый действующий на фронте полк имел свой запасный — например, Преображенский, Семеновский (и т. д.) — стоявший в Петрограде. Таким образом, петроградский гарнизон был очень велик. Делалось это, конечно, ради офицеров, жителей Петрограда. Но солдаты запасных полков набирались из мобилизованных рабочих Петрограда, которые пуще всего не хотели идти на фронт и были достаточно распропагандированы. Среди них были и члены революционных партий. Солдаты эти покинули своих офицеров и примкнули к рабочим, которые социально были более близки к ним (...) Временный комитет Государственной Думы, выбранный 26 февраля, представлявший Верховную власть до образования Временного правительства, прекрасно понимал, что судьба России находилась в руках этих запасных солдат гвардейских полков. Как отнесется к отказу от престола Николая II армия, солдаты — не петроградского гарнизона — было неизвестно. Армия была для русского интеллигента — сфинксом».

Поясним здесь, что для Булгакова это было, по-видимому, не так или не совсем так. С острым сочувствием и знанием описывает автор «Белой гвардии» армию — во *сне* Алексея Турбина,— как некое воспоминание о мифе гармонии, единения офицеров, военных врачей, вахмистров и солдат, единения, испытанного и

доктором Булгаковым в немногие месяцы его службы в военном госпитале вблизи линии фронта мировой войны: «Как огромный витязь возвышался вахмистр, и кольчуга его распространяла свет. Грубые его черты, прекрасно памятные доктору Турбину, собственноручно перевязавшему смертельную рану Жилина, ныне были неузнаваемы (...) — Как же вы? — спрашивал с любопытством и безотчетной радостью доктор Турбин,— как же это так, в рай с сапогами, со шпорами? Ведь у вас лошади, в конце концов, обоз, пики?» Одного и того же человека видят во сне в романе «Белая гвардия» двое людей из противоборствующих станов: «неизвестный, непонятный всадник в кольчуге», «братски» наплывающий на то и дело засыпающего на ходу часового-красноармейца в финале романа — это «сосед и земляк» его Жилин. Вахмистр Жилин убит в бою до начала другой, братоубийственной войны — и потому остается братски близким обоим, военному врачу и рядовому красноармейцу, в результате революционных потрясений поставленных в трагическое смертельное противостояние. Для Булгакова этот «вахмистр» — важный символ былого состояния всей нации и армии, как ее составной части.

Вернемся к мемуарам Л. С. Карума. «...И к армии обратились сразу обе конкурировавшие между собой власти: легальный орган революции — Временный Комитет Государственной Думы и нелегальный — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, до смерти боявшийся фронтовой армии (...) Временный Комитет обратился к запасным полкам Петроградского гарнизона с требованием 1) вернуться в казармы (солдаты наводнили город), 2) повиноваться офицерам. Это обращение вызвало взрыв возмущения среди солдат, так как они не хотели ни возвращаться в казармы, предпочитая жить в своих семьях или у приятелей, ни тем более повиноваться офицерам, которые будут требовать от них соблюдения дисциплины и чего доброго еще накажут за «революционные дела». Петроградский Совет поступил куда умнее. Он обратился к фронту. В этом обращении (...) предлагалось офицеров не слушаться и мало того — выбирать самим себе офицеров. Так называемый приказ № 1 Петроградского Совета отнял у офицерства право распоряжаться военной силой и оказал очень сильное влияние на революционизирование всей армии на фронте и в тылу. (...) По примеру петроградцев советы солдатских депутатов были образованы в каждом городе, а главное — в каждой военной части на фронте. Вот эти советы и разложили старую некогда грозную армию — до конца. Разложение это велось сознательно, главным образом партией большевиков. «Для разложения старой русской армии нужны были солдатские комитеты»,— пишет в своей книге «Пройденный путь» Семен Буденный». Люди, связанные так или иначе с армией — как Л. С. Карум и М. Булгаков,— связанные среди прочего и кругом родных и друзей — были более или менее единодушны в том, что войну с Германией на-

до продолжать. Неумелое ведение войны ставилось в упрек Николаю II самыми разными слоями.

В статье 1919 года есть горькие слова о безумии мартовских дней, но при этом — ни слова о последнем российском монархе. Это умолчание значимо. Оно могло быть обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, вопреки расхожему мнению, в белой армии отнюдь не преобладали монархические настроения — лозунг «единой и неделимой России» означал возвращение России к состоянию на момент отречения членов царствующей семьи, а не *до* него; речь шла о возвращении отпавших уже *после* мартовских дней Украины, Финляндии, Прибалтики, Польши. Булгаков занимал, возможно, позицию, слишком крайнюю для газеты, издававшейся в добровольческом тылу и в какой-то степени вынужденной учитывать настроение большинства. Не исключаем и другое — мысль о том, что Николай II по меньшей мере разделяет общенациональную вину в происшедшей катастрофе, приведшей к братоубийственной войне, была для Булгакова в ту осень еще слишком болезненной, чтобы выразиться в печатном слове. Спустя два года это было уже иначе.

Осенью 1921 года, приехав в Москву, Булгаков прежде всего берется за замысел пьесы о 1916—1917 годах. 16 ноября 1921 года в письме к матери он просит ее передать сестре Наде: «нужен весь материал для исторической драмы — все, что касается Николая и Распутина в период 16 и 17-годов (убийство и переворот). Газеты, описание дворца, мемуары, а б о л ь ш е в с е г о «Д н е в н и к» П у р и ш к е в и ч а — д о з а р е з у! Описание костюмов, портреты, воспоминания и т. д. Она поймет!

Лелею мысль создать грандиозную драму в 5 актах к концу 22 года. Уже готовы некоторые наброски и планы. Мысль меня увлекает безумно. В Москве нет «Дневника». Просите Надю достать, во что бы то ни стало! (...) Конечно, при той иссушающей работе, которую я веду, мне никогда не удастся написать ничего путного, но дорога хоть мечта и работа над ней. Если «Дневник» попадет в руки ей временно, прошу немедленно т е п е р ь ж е списать дословно из него все, что касается убийства с граммофоном, заговора Феликса и Пуришкевича, докладов Пур⟨ишкевича⟩ Николаю, личности Николая Михайловича и послать мне в письмах (я думаю, можно? Озаглавив «Материал драмы»?). Может, это и неловко просить, ее обременять этим, но она поймет. В Румянцевском музее нет комплектов газет 17 г.!! Очень прошу».

Почему Булгаков обращался с этой просьбой в Киев? Именно там вышло в 1918 г. первое издание книги «Убийство Распутина (Из дневника В. Пуришкевича)» (позже, в 1923 г., книга вышла и в Москве).

Из письма Булгакова видно, что книга прочитана им раньше — по памяти называет он нужные ему места. Это дает возможность восстановить направление его интереса.

В «Дневнике» Пуришкевича передавался первый его разговор

с князем Юсуповым — разговор, в котором Пуришкевич согласился участвовать в деле «устранения» Распутина — т. е. его убийства; «описание дворца» — дворца Юсуповых на Мойке, где произошло убийство; «убийство с граммофоном» — Пуришкевич описывал, как решено было «поставить большой граммофон в тамбуре (...) и в момент прибытия Распутина граммофон будет заведен...»; убийство шло под звук американского марша «янки дудль».

По-видимому, Булгаков собирался вводить в круг героев драмы Николая II, Распутина, Пуришкевича, Юсупова, великого князя Николая Михайловича. Его драматургически заинтересовало, видимо, описание самого облика великого князя, данное Пуришкевичем: «Меня встретил в кабинете дряхлеющий лев, в генерал-адъютантских погонах, говоривший почему-то с восточным акцентом и с первых же слов остановившийся на ужасном положении, в которое поставлена Россия и династия Романовых, благодаря исключительному влиянию на царя, через Александру Федоровну, Распутина»[1].

Пуришкевич рассказывает о докладе, сделанном великим князем царю и прочитанном им вслух Пуришкевичу,— в этом докладе «обращалось внимание государя на то, что в случае дальнейшего вмешательства Александры Федоровны и Распутина в государственные дела, династии грозит гибель, а Российской империи — катастрофа»[2].

Доклады Пуришкевича Николаю — это *единственный* несколько раз упомянутый в «Дневнике» доклад от 3 ноября 1916 г., сыгравший важную роль в принятии Пуришкевичем рокового решения об убийстве Распутина. «Что ждет нас завтра? Вот вопрос, который вправе поднять всякий мало-мальски вдумывающийся в причины той политической абракадабры, которая царит в России. Я лично впереди просвета не вижу никакого, ибо воля государя скована, а при этом условии не может быть никакой устойчивости в политическом курсе, и это ярко и выпукло понял я из одного факта, сравнительно мелкого, но в высшей степени характерного». Когда в докладе речь зашла о благотворной деятельности адмирала М. М. Веселкина, «государь донельзя оживился, был чрезвычайно доволен моею его характеристикой и, перебив мой доклад, сказал: «Да, да, я давно знаю Веселкина, это прекрасный дельный администратор, на своем месте, в особенности при данной боевой обстановке, я очень его ценю и крайне им дорожу. Мне приятен ваш отзыв о нем». Это было 3 ноября в Могилеве, а 7-го того же ноября», входя утром в Государственную Думу, Пуришкевич узнал от одного из министров, что Веселкин уволен «прямо со ставки, вчера неведомо по каким проискам», и на его место назначен уже другой адмирал. «Можно ли надеяться на какой-либо

[1] Убийство Распутина (из дневника Пуришкевича).— М., 1923.— С. 62, 80.
[2] Там же.— С. 82.

«курс» в России, при наличности явлений, подобных этому»[1],— с негодованием вопрошал Пуришкевича.

Если иметь в виду, что Булгаков хорошо помнил содержание «Дневника», то понятным становится, что сцена доклада Николаю неминуемо должна была вести драматурга к изображению вероломства и в то же время некоторого легкомыслия государя.

Вообще письмо с подробным перечнем необходимых материалов дает возможность сделать некоторые выводы относительно очертания того драматургического замысла, который «безумно» увлекал Булгакова поздней осенью 1921 года, но так и не был воплощен,— а тем самым реконструировать отчасти взгляд Булгакова на недавние исторические события.

Во-первых, немаловажно, что литератор, третий раз начинавший свой путь в печать заново (после канувшего в историческое небытие дебюта 1919 года и «вымученных» — по его же признанию — пьес 1920—1921 гг., писавшихся для советской сцены во Владикавказе), хочет писать драму историческую и выбирает для нее события, непосредственно предшествующие революции.

Год назад Булгаков уже написал — и даже поставил на сцене — пьесу о семье Турбиных в эпоху 1905 года. Позже он сам ее уничтожил, и содержание ее известно, в самых общих очертаниях, только по рецензии. В пересказе враждебно настроенного рецензента можно угадать присутствие в пьесе важного для автора мотива, выразившегося в письме к сестре накануне 1918 года и в статье 1919 года: «Автор, устами резонера, в первом акте, в сценах у Алексея Турбина, с усмешкой говорит о «черни», о «чумазых», о том, что искусство не понятно для толпы, о «разъяренных Митьках и Ваньках». Мы решительно и резко отмечаем, что таких фраз никогда ни за какими масками не должно быть»[2].

Теперь Булгаков движется дальше по ходу исторического времени.

Он рискует писать в подцензурной большевистской печати о Николае II — это значит, во всяком случае, что он не намеревался нарисовать расстрелянного советской властью монарха в светлых тонах. Однако он берет за основу «Дневник» Пуришкевича — человека, для которого сама идея монархии остается незыблемой, царь остается «первой святыней русской государственности» несмотря на явную неспособность его справиться с современными задачами. Пуришкевич и родовитый дворянин Юсупов с их идеей спасения монархии ценою взятого ими на душу тяжкого греха убийства Булгакову, пожалуй, ближе, чем социалисты, взывающие к самодеятельности народных масс. «Это была попытка спасти монархию старорусским способом: тайным насилием... — писал В. В. Шульгин, убежденный монархист. (...) Цели это, конечно,

---

[1] Убийство Распутина (из дневника Пуришкевича).— С. 48, 50, 51.

[2] В о к с. «Братья Турбины» М. Булгакова // Коммунист (Владикавказ.).— 4 декабря 1920 года. (Цит. по: Театр.— 1987.— № 6.— С. 161).

не достигло. Монархию это не могло спасти, потому что распутинский яд уже сделал свое дело... Что толку убивать змею, когда она уже ужалила... Но при всей его бесцельности убийство Распутина было актом глубоко монархическим... Так его и поняли... Когда известие о происшедшем дошло до Москвы (это было вечером) и проникло в театры, публика потребовала исполнения гимна. И раздалось, может быть, в последний раз в Москве.— Боже, царя храни...»[1].

Популярный журнал «Исторический вестник» писал весной 1917 года в редакционной статье «Государственный переворот»: «Наше отечество вступило в новый период истории. Революционная буря (...) в несколько дней смела старый порядок вещей, и над русской землей взошло яркое солнце, живительные лучи которого должны согреть ее теплом и светом, вызвать наружу ее творческие силы, столь долго находившиеся под гнетом старой власти, состоявшей в разъединении с народной волей, народным чувством и мыслью. (...) Россия призвана к новой жизни, где ходом всех долгих предшествовавших годов, полных борьбы за народную свободу, она должна явить сокровища своего духа», сказать «новое слово. (...) Веруем и исповедуем, что в том слове обнаружится то «золото, золото сердце народное», о коем твердил нам поэт, блестки которого просвечивали через все наше историческое бытие, даже в самые мрачные периоды...», «Относительное беззлобие протекшей революции есть свидетельство «золотого» сердца народного...»[2].

Была ли близка Булгакову эта патетика в те февральские дни, когда пьянящий воздух свободы почувствовали, по многочисленным воспоминаниям, и те, кто вовсе не желал до этого революции? Он был человеком скорей практического, чем патетического склада. Возможно, уже тогда ситуация виделась ему иной — трезвый взгляд на народные массы внушал опасения: включение в игру «сердца народного» могло развязать неуправляемую реакцию. События последующих месяцев быстро подтвердили справедливость таких опасений.

Замысел оставшейся ненаписанной исторической драмы показывает, во всяком случае, что для Булгакова декабрь 1916 года (убийство Распутина) и февраль—март 1917—события, находящиеся в тесной исторической связи, а личность и действия Николая II в этих событиях — в поле напряженного внимания.

Все годы Булгаков сохранял — не без риска! — исторические документы, относящиеся к переломным годам российской империи — манифест Николая II о войне с Турцией от 20 октября 1914 года (приложение к газете «Киевская мысль»), объявление журнала «Новый Сатирикон» по случаю революции 27 февраля 1917

---

[1] Шульгин В. Воспоминания бывшего члена Государственной думы. Годы.— М., 1979.— С. 304—305.

[2] Исторический вестник.— 1917.— Кн. 147.— С. 1, 3.

года, манифест Николая II и великого князя Михаила Александровича об отречении от престола от 2 и 3 марта 1917 года.

Отречение царя, его причины и его последствия для России продолжали волновать Булгакова в последующие годы. В 1923—1924 годах упоминания о Николае II появятся непосредственно в его творчестве — и именно в связи с отречением.

В застолье героев «Белой гвардии», приуроченном к декабрю 1918 года в Киеве, Алексей Турбин говорит: « — Ему никогда, никогда не простится его отречение на станции Дно. Никогда. Но все равно, мы теперь научены горьким опытом и знаем, что спасти Россию может только монархия. Поэтому, если император мертв, да здравствует император! — Турбин крикнул и поднял стакан.

— Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра-а!! — трижды в грохоте пронеслось по столовой».

Оставаясь монархистом по политическим убеждениям, Булгаков, по-видимому, не простил последнему российскому монарху ни его действий, приведших все круги России к крайним поступкам — вплоть до требования отречения, ни самого отречения. Жизнь в Советской России (в значительной степени вынужденная, т. к. несколько попыток как постоянного, так и временного отъезда в Европу успехом не увенчались) не уменьшала, а увеличивала его счет к убитому царю. Свидетельство этого — та крайняя степень гротеска, с которой нарисован Николай II в последней пьесе Булгакова «Батум». Конечно, пьеса писалась совсем иначе, чем все другие произведения Булгакова,— *за* чертой свободного творчества. Это был не творческий, а социальный акт — полученная, наконец, властью реакция на многолетнее давление. И все же трудно отделаться от мысли, что Николай II, дающий нелепые (с точки зрения врача) советы по лечению, занятый дрессировкой канарейки, поющей «Боже, царя храни» — это месть монарху, выпустившему свою монархию из рук — над пропастью.

Та среда московской интеллигенции, в которую окунулся Булгаков, уже покончив с поденной работой в «Гудке», в момент сближения с МХАТом, работы над пьесой «Дни Турбиных»,— в предреволюционные годы была настроена либерально. Она ожидала революции, надеялась на нее — и теперь была глубоко разочарована ее результатами. Интеллигенция встала в оппозицию к «новому самодержавию» — как была в оппозиции к старому.

В оппозиции к власти победивших в гражданской войне был, конечно, и Булгаков — и все же разница в генезисе, в *прошлой* позиции по отношению к разрушенному российскому государственному порядку была для него существенна.

В восприятии московской (и не только, разумеется, московской) интеллигенции октябрьский переворот уничтожил плоды «бескровной» (хотя убитых было на самом деле немало) февральской революции; для Булгакова, как и для его любимого героя

Алексея Турбина,— все «социалисты» были плохи, в том числе, по-видимому, и кадеты — наиболее умеренная либеральная российская партия конституционалистов-демократов, партия «профессоров». Его новые московские друзья — умные, образованные, высокопорядочные люди,— были в его глазах в определенной степени ответственны за участие в подготовке «безумства мартовских дней», а теперь они как бы отказывались за это «платить», обвиняя за все только большевиков.

Это были в прошлом состоятельные люди, дети богатых московских семей; многие из них побывали в Европе — во Франции, в Италии; получив прекрасное образование, они успели в предреволюционные годы вкусить радостей, связанных с образом жизни «золотой молодежи»; годы войны и революции они по большей части провели в Москве, где все-таки можно было затаиться, ожидая более спокойных времен.

Молодость Булгакова была иной. Он никогда не бывал за границей, не видел картинных галерей Европы и так никогда и не стал ценителем живописи. Военные госпитали, кровь и страдания, больница в смоленской глуши — и снова зрелище страшных болезней, грязь и тьма невежества, не дающая возможности сформировать прекраснодушные кабинетные представления о «золотом» сердце народном; Киев – эпохи гражданской войны — убийства, грабежи, расстрелы, снова госпиталь, прифронтовые лазареты — на Северном Кавказе осенью 1919 года, страх за свою жизнь и «вымученное» (по его выражению) творчество ради куска хлеба в советском Владикавказе (в котором остался волею судеб — заболел в момент эвакуации белой армии) и, наконец, «каторжно-рабочая жизнь» (по его собственным словам в письме к матери) в Москве, куда он приехал обживаться на голом месте, без того обеспеченного тыла, который был у коренных москвичей.

Теперь московская интеллигентская среда, признавшая автора «Белой гвардии» и «Дней Турбиных», возлагала на него свои не только художественные, но и общественные надежды. В соответствии с некоторым стереотипом противостояния художника и власти, она призывала его воплотить идею подвижничества и жертвенности, стать знаменем интеллигенции в ее противостоянии власти.

Не так просто объяснить сегодня, что именно претило здесь Булгакову, что мешало ему слиться с этим о нем представлением. Во-первых, разное прошлое — и дореволюционное, и в годы революции. Во-вторых, его раздражала сама мысль о себе как выразителе чьих-то интересов и идеалов — помимо тех, которые он сам формировал: все внеположное, неорганичное ему мешало. В-третьих, по натуре, воспитанию, сложившимся привычкам он жаждал не подвижничества, а нормальной жизни. «Категорически заявляю, что я не герой. У меня нет этого в натуре»,— эти слова из московского очерка «Сорок сороков» — не только ирония и авто-ирония,— они близки к серьезному авторскому признанию. Бул-

...лков жаждал «покоя» и «нормы». Недаром, едва приехав в Моск-
...ву, в ноябре 1921 года, он писал матери о своей навязчивой идее:
...«А заключается она в том, чтобы в 3 года восстановить норму —
...квартиру, одежду, пищу и книги. Удастся ли — увидим». Когда его
...пречистенские друзья «не приняли» близкий к представлениям о
...«норме» быт, который стала налаживать в 30-е годы Елена Серге-
...евна, и была произнесена фраза: «Нет! Булгаков должен жить бед-
...но!» — это прозвучало для него как фальшивая нота. «Почему
...я должен идти за них на Голгофу?» — раздраженная реплика,
...сохранившаяся в памяти друзей, говорит о многом. Хорошо зная
...пьесу Н. Эрдмана «Самоубийца», в те годы так и не поставленную,
...он слышал, видимо, в разговорах вокруг перипетий его жизни от-
...звуки реплик героев злой комедии: «Раньше люди имели идею и хо-
...тели за нее умирать. В настоящее время люди, которые имеют
...идею,— не хотят умирать. С этим надо бороться. Теперь, больше
...чем когда-либо, нам нужны идеологические покойники».

Выскажем еще одно соображение о самоощущении Булгакова в близкой ему социальной среде и причинах несомненной его внутренней отделенности от нее.

Структурирование общества *по горизонтали*, свойственное республиканскому сознанию, было для него неорганично. Как «равенство» всех членов общества, так и равенство в единомыслии в пределах определенного клана, определенного сообщества не имело для него привлекательности. К тому же чувство *своего* слоя осталось для него в киевской молодости — в советской Москве он слоя, к которому почувствовал бы кровную свою причастность, уже не находил. В 1931 году в письме, адресованном уже не правительству, а лично Сталину (с которым они были уже как бы лично знакомы после телефонного разговора 18 апреля 1930 года), Булгаков писал: «На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашеный ли волк, стриженый ли волк, он все равно не похож на пуделя». Ощущение личной особости на поле своего, казалось бы, профессионального, социального слоя воплощалось начиная с 1931—1932 годов в фигуре «поэта» (не *писателя*, не *литератора*!), позже поименованного «мастером».

Его социальная база была не в настоящем — в кругу равных,— а в прошлом, где горизонтальные отношения «социально близких» (речение советского времени) сложно соотносились с вертикалью, с социальной иерархией. Об этой структуре неустанно и ностальгически вспоминает писатель в середине 20-х годов, когда ясно обозначились последствия того, что до основания была разрушена сложная структура общественного здания и на обломках строилось иное. Об этом — «Записки юного врача», об этом же — повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце».

Профессор и его ассистент, сторож, горничная, кухарка — вертикаль социальных отношений исполнена для Булгакова глубокого смысла.

Известный историк, ученик В. Ключевского, Юрий Владимирович Готье, записал 20 июля 1917 года (как видим, еще за несколько месяцев до октябрьского переворота!) «Все время неотвязная мысль: почему сметен событиями цвет русской деловой интеллигенции, например, земские деятели, дельцы земского и городского союзов, из которых, конечно, вышли бы наилучшие деятели на первое время русской свободы? Я думаю, что это следствие разинского или пугачевского характера, которое принимает всякое русское политическое движение. Разрушительные лозунги, которыми фанатики и провокаторы полвека поднимали народ против преступного и слепого правительства, не могли дать иных результатов (...) Все люди, культурно более высокие, чем народная темнота, и сбитые совершенно с толку полуинтеллигенты, независимо есть у них деньги или же они такие же трудовые бедняки, как 99% русского народа, были объявлены врагами народа — буржуями; к ним такое же отношение, как прежде к барам. В отдельных случаях это доходило до взлома врачей, земских служащих (...) (это было в Приволжье, где ещё Разина и поныне витает)»[1].

К тому моменту, когда Булгаков в своем романе «Белая гвардия» и в пьесе о тех же героях саркастически писал о «богоносцах достоевских», это настроение стало уже едва ли не всеобщим — в среде не только эмигрантской, но и отечественной интеллигенции, уже успевшей к середине 1920-х годов сполна ощутить горечь врожденной злобности и презрения со стороны тех, чьим интересам интеллигенция еще недавно с такой готовностью стремились служить. Бывший киевский профессор В. В. Зеньковский (с 1910 года — председатель Киевского общества по изучению религии и философии) писал в 1927 году: «Факт довольно яркого развития в наши дни антинародничества представляется мне очень серьезным. Я не боюсь преувеличений, если скажу, что вера в народ и любовь к нему куда-то исчезли, провалились, (...) на место их выступили совсем иные настроения. От народа ныне отворачиваются, кто с горечью и гневом, а кто даже с ненавистью, а если верят — то не в русский народ, а в Россию «вообще». (...) Особенно любят в наши дни высмеивать и даже издеваться над народничеством Достоевского с его верой в то, что русский народ — «богоносец». В противовес Достоевскому указывают на бесчисленные кощунства, которые проходили при молчаливом безучастии народа: многим кажется, что стихия религиозного бунтарства развернулась за последнее время с такой силой, что лик народа богоносца совершенно потемнел и исказился». Зеньковский обращал внимание на то, что русское народничество — одна из самых давних, «основных и неустранимых тем в русских исканиях. Ныне, однако, самая эта тема как бы выпадает (...) Между тем дело обстоит и глубже и слож-

[1] С дневником Ю. В. Готье, хранящемся в Гуверовском институте в Стэнфорде, меня любезно ознакомил известный американский историк Т. Эммонс; он издал дневник отдельной книгой на английском языке и подготовил публикацию русского оригинала.

нее — на наших глазах закладываются и на родине нашей и в эмиграции основы новой интеллигентской психологии, более грубой, более реалистической и оппортунистической, иногда хищной, но все же интеллигентской по силе и устойчивости духовных устремлений. Это новая, лишь слагающаяся психология действительно сдвигает народническую «установку» как некую сентиментальную и изжитую форму жизни, но различие между интеллигенцией в России и эмиграцией заключается в том, что в России крепнет вненародническая, а в эмиграции антинародническая установка»[1].

Чем более усиливаются гонения против интеллигенции, тем безоговорочней Булгаков себя к ней причисляет. Но еще в сочинениях первого московского года Булгаков будет очерчивать контур нового образа русского интеллигента — и это отчасти близко к той «новой психологии», о которой будет писать Зеньковский. 21 декабря 1922 года в берлинской газете «Накануне» он начнет печатание цикла беллетризованных корреспонденций из Москвы — «Столица в блокноте». Одну из главок этого цикла он назовет «Гнилая интеллигенция». В ней выведен некий знакомый доктор, не нашедший работы после университета; он зарабатывает на жизнь погрузкой мебели; а в свободное время занимается в клинике рентгеном. И автор-рассказчик размышляет вслух: — «Вот писали все: гнилая интеллигенция, гнилая... Ведь пожалуй, она уже умерла. После революции народилась новая, железная интеллигенция. Она и мебель может грузить, и дрова колоть, и рентгеном заниматься». В одной из последующих главок («Биомеханическая глава») автор выразится так: «...Я — человек рабочий, каждый миллион (при тогдашней инфляции — мелкая денежная единица.— *М. Ч.*) дается мне путем ночных бессонниц и дневной зверской беготни. Мои денежки как раз те самые, что носят название кровных».

Так в годы, когда интеллигенцию новая власть последовательно зачисляет в «нетрудовые» слои, возбуждает против нее «трудящихся» и готовит почву для ее истребления, Булгаков — один из немногих — настаивает на престиже профессионального «интеллигентного» труда.

В 1928-м году Булгаков работает над первой редакцией романа о Боге и Дьяволе — будущего «Мастера и Маргариты». В 1929 году он начинает его переписывать. Эта, вторая, редакция была доведена только до пятой главы (а, быть может, только эти главы дошли до нашего времени). В немногих сохранившихся целиком страницах редакции 1929 года (уничтоженной автором, как и редакция 1928 года) Воланд предлагает Иванушке наступить, в доказательство своего неверия, ногой на им же, Иванушкой, сделанное «изображение Христа на песке».

---

[1] Зеньковский В. В. Новое о народничестве.//Современные записки.— 1927.— № 23.— С. 470.

Воланд убеждает Берлиоза удержать «юного безумца» от действия, кощунственный смысл которого никем из собеседников не понимается (как и самим автором), но всеми предполагается: «Остановите его! Остановите!! Вы старший!

— Это так глупо все!! — в свою очередь закричал Берлиоз,— что у меня уже в голове мутится! Ни поощрять его, ни останавливать я, конечно, не стану!

И Иванушкин санок вновь взвился, послышался топот, и Христос разлетелся по ветру серой пылью.

И был час девятый»[2].

Именно после этого разворачивалась в первой и второй редакциях романа картина гибели Берлиоза — и читатель волен был поставить ее в связь с поступком Иванушки.

В 1928—29 гг. роман назывался «Копыто инженера». Слово «*инженер*» в тот год несло в себе для предполагаемого читателя-современника много значений.

Оно связывалось со словом «спец» — то есть «буржуазный специалист»; так обозначили в первые послереволюционные годы инженеров-путейцев, промышленников, всех квалифицированных, образованных людей, которые пошли на службу в наркоматы и главки — сотрудничать с советской властью ради интересов страны, не разделяя идеологии новой власти.

Инженерами были и иностранные специалисты, приезжавшие по контрактам на стройки, промышленные предприятия. И в тот самый год, когда роман был начат, весной 1928 года, шел судебный процесс по дискредитированному так называемому «шахтинскому делу» — ряду инженеров, работавших в Шахтинском районе, предъявлено было обвинение во вредительстве и шпионаже.

«Буржуй», «иностранец», «инженер», «вредитель», «шпион» — все эти слова к концу 1920-х годов встали в языке пропаганды и в массовом общественном сознании в один синонимический ряд. В опасной близости к ним оказалось и слово «интеллигент».

Именно тогда, когда это слово стало откровенно уничижительным, Булгаков отождествил себя с ним — и выступил в его защиту.

Теперь он говорит об этом слое в целом — как средоточии культуры, носителе знания — уже независимо от оттенков политических воззрений. Эти оттенки остались в прошлом, поскольку

---

[1] И в «Красной короне» мать просит вернуть младшего сына с фронта, куда он ушел добровольно: «Я вижу — безумие. *Ты старший*, и я знаю, что ты любишь его. Верни Колю. Верни. *Ты старший*». Здесь не так важен повторяющийся мотив *юноши*, совершающего *безумный* поступок (эти повторяющиеся элементы обычны для творчества Булгакова и усиливают впечатление от этого творчества, как единого текста), сколько эта апелляция к *старшинству*. Возрастная иерархия также разрушена в новом обществе, как и другие иерархические ряды. Но Булгаков всякий раз подчеркивает вертикаль социальных отношений как ценную и неотменяемую — вопреки реальности.

[2] Цит. по: Памир.— 1984.— № 7.— С. 50—51 (публ. Б. С. Мягкова)

образованные слои полностью отстранялись от участия в полити-
ческой жизни страны. Осенью 1929 года из переулков Остоженки
и Пречистенки высылали знакомцев Булгакова — «детей старой
Москвы», наследников дворянских и купеческих родов. Москва на
глазах меняла свой физиономический облик; здесь было уже не до
оттенков. В письме к правительству Булгаков открыто заявит как
важную черту своего творчества «упорное (обратим внимание на
это слово, которое должно было показать адресатам, что он *упорст-
вует* в своих взглядах — несмотря ни на что.— *М. Ч.*) изображение
русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране», и под-
черкнет свою *кровную* связь с интеллигенцией — в то время, ког-
да именно *кровные* связи с «интеллигентско-дворянской» (как
определил Булгаков в том же письме семью Турбиных) средой
становились криминальными и влекли за собой репрессии.

В 1922— начале 1923 гг. Булгаков еще имел надежду на то,
что жизнь в стране наладится и в ней найдет свое законное место
«новая, железная интеллигенция», закалившаяся в труднейших
условиях. Один из очерков того цикла, где рисовался переход от
«гнилой» интеллигенции к «железной», начинался словами, обра-
щенными к берлинским читателям газеты «Накануне» — русским
послереволюционным эмигрантам: «Фридрихштрасской уверен-
ности, что Россия прикончилась, я не разделяю, и даже больше
того: по мере того как я наблюдаю московский калейдоскоп, во
мне рождается предчувствие, что «все образуется» и мы еще мо-
жем пожить довольно славно» (Столица в блокноте. IX. Золотой
век.— «Накануне», 1 марта 1923 г.). Несколько вызывающе-иро-
ническая окраска обращения к проживающим на Фридрихштрассе
бывшим его согражданам связана была с тем, что и там, в Берли-
не, далеко не все вызывали его симпатию. Сочувствие его было
на стороне офицеров, вместе с которыми, пройдя весь тяжелый
путь Добровольческой армии, вынуждены были покинуть Россию
его младшие братья. Но он сохранял еще свой счет к деятелям тех
политических партий, которые, с его точки зрения, делили вину
за российскую катастрофу с теми, кто был теперь у власти в Моск-
ве. Реконструировать этот его взгляд помогает хотя бы реплика
Алексея Турбина полковнику Малышеву: «И даже, должен ска-
зать, не могу выносить самого слова «социалист». А из всех социа-
листов больше всех ненавижу Александра Федоровича Керенско-
го» («Белая гвардия»).

Теперь, в 1930 году, после «шахтинского» дела, после кам-
пании вокруг Замятина осенью 1929 года, после слухов о расстреле
на Соловках и высылок он уже не верит в то, что «старая» ли,
«новая» ли интеллигенция нужна новому строю. Именно с этим
не в последнюю очередь связан с бесстрашием выраженный в пись-
ме его «глубокий» скептицизм в отношении революционного про-
цесса...

Но вглядимся пристальней в слова последующие: «происходя-
щего в *моей* отсталой стране...»

«Моей», но не «нашей» — а именно это местоимение уже вошло в газетный и широкий публичный обиход, и можно было бы предложить отдельный трактат о том, как одни, произнося его, подразумевали с горечью — «а на самом деле давно уже *вашей*», а другие, с уверенностью правящего слоя, имели в виду — «нашей, но не *нашей с вами*, бывшие граждане бывшей России, не *вашей* ни в малой мере».

Булгаков с дерзкой и спокойной гордостью выбрал слово, немыслимое в советском контексте, и даже в стихах Маяковского звучавшее с немалым вызовом («А *моя* страна — подросток...», «Улица — *моя*, дома — *мои*...») Особая тема — значение этого местоимения в словесной жизни 30-х годов, значение, зафиксированное в строке Лебедева-Кумача «Широка страна *моя* родная...». Но песни пелись как бы от лица всех сразу — Булгаков же говорит «от первого лица» в точном смысле слова.

Отчасти и полемично по отношению к Маяковскому, как бы присвоившему в поэме «Хорошо» право называть страну «моя» от имени ее новых хозяев, Булгаков утверждал в письме правительству свою непрерывающуюся, неотменяемую *личную* связь с этой страной по праву рождения и *личную* за нее ответственность.

... Мое творчество, мои произведения, мои повести, мой язык, и в этом же ряду — моя отсталая страна и «изображение *страшных черт моего народа*» как огромной важности задача писателя, для которого эта страна — своя, которого кровно волнует ее будущее.

В этом и было, пожалуй, та *вненародническая*, но не антинародническая установка, о которой писал В. Зеньковский несколькими годами ранее.

В романе «Мастер и Маргарита» воплотился глубокий духовный путь, проделанный его автором в течение двух с лишним тяжелейших в истории его страны десятилетий.

Слой интеллигенции — «лучший слой» России — разрушен, замены ему не нашлось. Мастер — одинок, но в его отношениях с Иваном Бездомным намечен для тех, кто захочет числить себя среди наследников российской интеллигенции, обусловленный самой историей этой страны путь к народу, к единству с ним. Заново восстанавливается естественная, необидная и невысокомерная вертикальная структура отношений учителя и ученика,— ученика взрослого, способного глубоко оценить плодотворность такого рода отношений. «Хорошо, я готов принять на веру. Хороши ваши стихи, скажите сами!

— Чудовищны! — вдруг смело и откровенно произнес Иван.

— Не пишите больше! — попросил пришедший умоляюще.

— Обещаю и кляпусь! — торжественно произнес Иван».

Перед Иваном — человек, бесконечно более образованный, чем он, но не насилующий его волю, а помогающий высвободить его собственную свободу воли, свободу выбора действий и поступков, свободу оценки и самооценки.

Так, по-прежнему погруженный в «глубокий скептицизм» по поводу происходящего в России, Булгаков торопился запечатлеть в своем последнем романе еще неиспользованные и сулящие хотя бы отдаленную надежду на обновление страны правильные, здравомысленные отношения к народу отечественной интеллигенции (и его — к ней) — не возбуждающей в нем темные инстинкты зависти и злобы, а обращающейся,— со всей пылкостью и заражающей верой — непосредственно к разуму человека и к его порой засыпающей, но не погибающей в нем до последней минуты жизни совести.

М. Чудакова

СОДЕРЖАНИЕ

МАСТЕР И МАРГАРИТА. *Роман* 5

Рассказы

Красная корона 311
Китайская история . . . . . —
Налет 315

Публицистика

Грядущие перспективы 323
Письмо Правительству 329
М. О. Чудакова. Михаил Булгаков: эпоха и судьба художника 331

Литературно-художественное издание

БУЛГАКОВ Михаил Афанасьевич

ИЗБРАННОЕ

Заведующий редакцией *В. П. Журавлев*
Редактор *Ю. Д. Тарасов*
Художественный редактор *Л. Ф. Малышева*
Технический редактор *М. М. Широкова*
Корректор *О. В. Ивашкина*

ИБ № 12466

Сдано в набор 05.02.90. Подписано в печать 10.10.90 Формат 60 × 90¹/₁₆ Бумага типограф. № 1
Гарнит. литер. Печать высокая. Усл. печ. л. 24 + 0,25 форзац. Усл. кр.-отт. 24,69. Уч.-изд. л. 26,0
0,42 форзац. Тираж 700 000 экз. Заказ № 748. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Министерства печати и массовой информации РСФСР. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

ФЕДОР АБРАМОВ

Повести и рассказы

ПРИМЕЧАНИЯ

Повести и рассказы Федор Абрамов создавал на протяжении всего своего творчества. Первые из них (повесть «Безотцовщина» и рассказы «В Питер за сарафаном», «Собачья гордость», «Однажды осенью») датированы 1961 годом. Последний цикл рассказов был опубликован в «Новом мире» в 1982 году. Всего Ф. Абрамов написал семь повестей и свыше тридцати рассказов. Кроме того, в 1981 году в журнале «Север» им было опубликовано большое собрание рассказов-миниатюр «Трава-мурава».

Повести и рассказы писателя неоднократно выходили отдельными изданиями. Самый ранний сборник (Безотцовщина. М.-Л.: Сов. писатель, 1962) включал одноименную повесть и шесть рассказов.

Последующие наиболее значительные сборники: Братья и сестры. Безотцовщина. Рассказы. М.-Л.: Худож. лит., 1966; Деревянные кони. Повести и рассказы. Л.: Сов. писатель, 1972; Последняя охота. Повести и рассказы. М.: Сов. Россия; 1973; Деревянные кони. Повести и рассказы. М.: Современник, 1978; Деревянные кони. Пелагея. Алька. Безотцовщина. Вокруг да около. Жила-была Семужка. Л.: Лениздат, 1979; Трава-мурава. Повести и рассказы. М: Современник, 1982; Повести. М.: Сов. Россия, 1983; Трава-мурава. Миниатюры. Рассказы. М.: Молодая гвардия, 1983; Жарким летом. Рассказы. Л.: Сов. писатель, 1984.

В Северо-Западном издательстве произведения Федора Абрамова выходили дважды. В 1974 году в серии «Земля родная» вышла книга «Пелагея и Алька», куда, кроме двух повестей, вошел роман «Две зимы и три лета» В 1976 году был выпущен сборник «Олешина изба», вобравший шесть повестей и тринадцать рассказов.

Над повестями особенно интенсивно Ф. Абрамов работал в начале шестидесятых годов (тогда были написаны «Безотцовщина», «Жила-была Семужка», «Вокруг да около») и на рубеже шестидесятых-семидесятых годов («Деревянные кони», «Пелагея» и «Алька»). Последняя повесть писателя «Мамониха» завершена в 1980 году.

Рассказы создавались более равномерно. В первой половине шестидесятых годов было написано около десяти рассказов, которые можно отнести к ранним произведениям писателя. Несколько рассказов было завершено в 1969 году, и значительный ряд про-

изведений этого жанра появился в семидесятые и в начале восьмидесятых годов.

В настоящее издание вошли все повести Ф. Абрамова (кроме «Жила-была Семужка») и наиболее поздние рассказы.

ПОВЕСТИ

Деревянные кони. Впервые опубликована: Новый мир, 1970, № 2. Затем в кн.: Ф. Абрамов. Деревянные кони. Повести и рассказы. Л.: Сов. писатель, 1972.

Пелагея. Впервые: Новый мир, 1969, № 6. Затем в кн.: Ф. Абрамов. Деревянные кони. Повести и рассказы. Л.: Сов. писатель, 1972.

Алька. Впервые: Наш современник, 1972, № 1. Потом в сб.: Ф. Абрамов. Последняя охота. Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1973.

Вокруг да около. Впервые: Нева, 1963, № 1. Затем в кн.: Ф. Абрамов. Последняя охота. Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1973.

Безотцовщина. Впервые: Звезда, 1961, № 1. Затем в кн.: Ф. Абрамов. Безотцовщина. Повесть и рассказы. М.-Л.: Сов. писатель, 1962.

Мамониха. Впервые: Нева, 1980, № 9. Затем в кн.: Ф. Абрамов. Бабилей. Рассказы, повести. Л.: Сов. писатель, 1981

Почти все повести Ф. Абрамова при своем появлении вызвали острые критические споры.

По мотивам первых трех повестей в Московском театре драмы и комедии на Таганке в 1974 году был поставлен спектакль «Деревянные кони», а на сцене Архангельского драматического театра — «Пелагея и Алька» (1977).

РАССКАЗЫ

Михей и Иринья. Впервые опубликован: Наш современник, 1976, № 1.

Валенки. Впервые: Нева, 1981, № 1.

Когда делаешь по совести. Впервые: Нева, 1981, № 1.

Золотые руки. Впервые: Нева, 1981, № 1.

Бабилей. Впервые: Нева, 1981, № 1. Затем, наряду с рассказами «Валенки», «Когда делаешь по совести», «Золотые руки» и др., вошел в сб.: Ф. Абрамов. Бабилей. Л.: Сов. писатель, 1981.

Из колена Аввакумова. Впервые: Север, 1979, № 10.

Сказание о великом коммунаре. Первые: Север, 1979, № 10.

Бревенчатые мавзолеи. Впервые: Нева, 1981, № 1. Затем в кн.: Ф. Абрамов. Бабилей. Л.: Сов. писатель, 1981.

Дорогами Суворова. Впервые: под названием «Райозеро» — Новый мир, 1982, № 5.

Куст рукотворный. Впервые: там же.

Как Лукеша свою Маньку замуж выдала. Впервые: там же.

Жарким летом. Впервые: там же.

ДУМА О НАРОДЕ

Большой талант всегда интересен во всех своих проявлениях. У крупного писателя не бывает вещей незначащих. В любых его созданиях отражаются напряженные духовные искания, мысли, переживания и чаяния.

Федор Абрамов за четвертьвековую творческую жизнь создал немало разнохарактерных произведений. Он обращался к очень разным прозаическим жанрам от самых малых эпических форм — микрорассказов всего в несколько строк до развернутого многотомного романа-эпопеи. Но в освоении этих жанров у Ф. Абрамова не было последовательности. Он шел не обычным путем (от малых произведений к крупным), а наоборот, от самых объемных и сложных к малым. Впервые в печати он выступил с романом «Братья и сестры», а завершил свой путь циклом рассказов-миниатюр «Трава-мурава».

Однако такое движение писателя только внешне кажется парадоксальным. Тут есть своя логика. У Ф. Абрамова не было поры ученичества. До писательского дебюта у тридцатитрехлетнего доцента Ленинградского университета был уже значительный теоретический опыт работы, опыт литературоведа и критика,—он прошел, можно сказать, скрытый период подготовки к писательскому труду. Поэтому в литературу Федор Абрамов вступил мастером и сразу начал с крупных произведений.

Предлагаемое издание — книга избранных повестей и рассказов Федора Абрамова. Но этот сборник дает достаточно яркое представление и о творчестве писателя в целом, о его позициях, взглядах, принципах, ибо Ф. Абрамов — художник удивительно целостный, органичный, верный себе в любом своем слове.

Все произведения писателя — звенья единой, большой и напряженной думы. Каждое из них — как бы этюд, деталь, штрих к общей широкоохватной картине жизни советской деревни. Но у малых и средних абрамовских вещей — повестей и рассказов — в отличие от романов есть одна особая мета: они более остропроблемны, теснее связаны с текущими общественными заботами. Если в тетралогии «Братья и сестры» к жгучим вопросам современности писатель шел исподволь, издалека, то его повести и рассказы — непосредственный отклик на злобу дня.

К малым эпическим жанрам Ф. Абрамов обращался на всем протяжении своего творчества. Излюбленная форма его рассказов— исповедь героя, иногда со вступительными зарисовками и размышлениями автора-повествователя, с элементами беседы, с диалогической речью, но чаще в чистой форме, в форме монолога. Такая форма позволяла автору глубже проникать в сущность народных характеров, в особенности психологии, обнажать трудноуловимые душевные извивы. В живом народном слове напрямую отражался богатейший житейский опыт бывалых людей, этот прием являлся кратчайшим путем освоения сокровищ народной памяти. И, наконец, еще одна цель достигалась самовыражением героя: исповедь— всегда разговор о сокровенном, заветном, сжатое повествование о большой заботе, о важных делах и событиях.

Все эти особенности рассказов всецело соответствовали эстетике Ф. Абрамова, сторонника лаконичного и емкого художественного стиля. Общий пафос произведений — дума о величии советского человека, его нравственной красоте, стойкости, силе. Это низкий сыновний поклон отчей земле, народу, Родине, взволнованный разговор о неисчерпаемых духовных возможностях советских людей.

Герои произведений Абрамова, как правило, жители северной деревни, труженики, много повидавшие, испытавшие, за плечами которых большая дорога. Автор глубоко проникает в толщу жизни, он по-хозяйски пристально всматривается в окружающий деревенский мир, стараясь выявить все наиболее ценное из прошлого крестьянского опыта, все то, что нельзя забывать, терять в нашем стремительном движении к далям. Народная нравственность имеет свои глубокие корни, питающие и духовный мир современника.

Рассказ «Михей и Ирина» — своеобразное исследование устоев народной жизни. Здесь показана крестьянская семья — старый охотник и его жена. Главное в их отношении к природе — не просто любовь, а бережное, хозяйское отношение к ней, и в основе этого — честность, совестливость, понимание природы как первоосновы бытия.

Старик Михей вспоминает давний урок, который ему в годы его молодости преподал родитель:

«Я, бывало, с Екутина ручья вот в это самое хлебное время пришел, сено ставил. Татя-покойничек спрашивает: «Как там, Михейко, на бору? Будет, нет нонешней осенью перо?» — «Будет, говорю. Три гнезда на лету видел да одну тетеру на гнезде». Татя глазами захлопал. «Как на гнезде? В это время на гнезде?»—«Да, говорю, на гнезде, на яйцах сидит». — «Ну и что ты, говорит, сделал с этими яйцами?» — «А ничего, говорю, не сделал. Разве не понимаю, говорю, что гнездо нельзя зорить?» Татя-покойничек вспылил: «Эх, говорит, Михейко-Михейко, дурак ты еще, а не охотник. Да ведь из-за этих яйцев, говорит, тетера пропадет. Яйца-ти эти у ей бесплодные, мерзлые — весенним морозом прихватило. Бить их, говорит, надо, а то она, бедная, до полного истощения на них сидеть будет, покуда не сдохнет»... Дак я со стыда сгорел, поел, не поел сколько — опять на Екутин ручей побежал... Из-за тетеры. С гнездовья снимать».

Вот она народная мудрость — истинная забота об основах жизни. В старину соблюдались неписаные правила охоты, поведения в лесу. Была строгость. Шалости, вольности, воровство жестоко карались. В людях жила нерушимая вера в то, что человека, предающего природу, ждет неизбежное возмездие.

В понимании писателя красота человека в отношении к природе слита с его общественной ценностью. Человек, слышащий душу природы, совестлив и в мирских делах. Михей в годы гражданской войны дважды ходил на Двину с донесениями по заданию красных. Зимой — без дороги, в мороз, а летом — по болотам и чащобам... Не за его ли доброту сердечную природа хранила охотника?..

В повседневных делах людей больше всего привлекает Ф. Абрамова их способность к трудовой самоотверженности. Тема труда раскрывается в его рассказах чаще всего в особой, сконцентрированной форме. У Ф. Абрамова мы редко встретим описание самих трудовых процессов. Автор умеет показать степень рабочего напряжения через частный случай, штрих, косвенное событие.

В рассказе «Валенки» о высоко развитом чувстве трудового долга мы узнаем от самой героини, которую постигла беда в первые годы ее работы в лесу: она сожгла валенки, сунув их для просушки в печь, и, чтобы вовремя выйти на работу, пошла за обуткой в родную деревню, за восемь верст, обмотав ноги клочьями от шубы. Потом за ударную работу в лесу получила премию — новые валенки, и вот эти-то валенки стали для нее самой большой, самой памятной и неизбывной радостью в жизни... Рассказ крохотный, в полторы странички, но в этот случай говорит и о характере и о трудной судьбе северной крестьянки.

Через деталь, штрих, отдельную черточку Ф. Абрамов умеет дать полное представление о человеке, о самом главном, истинном в нем. В рассказе «Золотые руки» нет ни описания внешности героини, молодой телятницы Марии, ни повествования о ее прошлом, ни показа ее труда. А есть лишь выраженное устами самой героини описание ее рук, ее «граблей» («Все растрескались, все красные, как сучья»), рук, на которые, как на диковинку, уставились пижоны за столиком, когда, собравшись к подруге на свадьбу, Мария зашла пообедать на аэродроме в ресторан...

Но для председателя колхоза эти «крюки» — золотые руки, потому что за все «сорок пять лет свои» он такой работницы не видывал.

Не поехала Мария на свадьбу, устыдилась своих рук и, расстроенная, даже хотела уходить с работы. Но — опять-таки сильнейший штрих — успокоение, духовное исцеление Мария находит там же, на своей «каторге». «В семьдесят пять глоток, в семьдесят пять зычных труб затрубили телята от радости», когда она перешагнула порог телятника.

В основах народной нравственности Ф. Абрамова особенно привлекает извечная тяга в правде, к справедливости, стремление поступать по совести, инициативное отношение к жизни. На эти издревле ценимые народные черты писатель обращает особое внимание во многих произведениях, и в частности в рассказах «Когда поступаешь по совести» и «Куст рукотворный».

Малые эпические формы не очень-то удобны для широкого охвата времени, для показа длительных человеческих историй. Но Ф. Абрамов, с его склонностью к емкости изображений и к экономии средств, и в этом отношении достигает многого. В его рассказах семидесятых годов живописание судеб, самых характерных и самых глубоких отметин на жизненном пути героя становится одной из ведущих форм исследования жизни.

Из вошедших в настоящий сборник произведений к рассказам-судьбам относятся такие, как «Сказание о великом коммунаре»,

«Бабилей», «Из колена Аввакумова». Это очень разные вещи. Первая по форме — рассказ, притча, вторая — бытовая сцена, третья — исповедь. Но в основе всех история жизни — и необычная и типичная, по-абрамовски резко гипертрофированная и в то же время предельно правдивая. Во всех трех рассказах — поэтизация сильных духом людей, несгибаемых, кремневых характеров.

Разволнованный сказ о «великом коммунаре» — это доподлинная быль и в то же время легенда, конкретный случай и смелое обобщение, выражающее авторское представление о беспредельных возможностях человека. Неграмотный крестьянин Сила Иванович совершил небывалый подвиг: сорок лет один осушал огромное болото, сорок лет изо дня в день орудовал лопатой, чтобы оградить родную деревню от холодных ветров, чтобы ледяное дыхание севера не губило крестьянские нивы. И своего добился: на месте непроходимого болота со временем поднялся лес...

Сила Иванович навсегда остался в народной памяти как сказочный богатырь, как истинный радетель об общем благе. Недаром ведь комиссар, когда хоронили Силу Ивановича (он умер в год окончания гражданской войны), назвал его «великим коммунаром». Он, когда работал, о будущем думал, далеко вперед смотрел.

«Сказание о великом коммунаре» — почти горьковской силы прославление гуманистического подвига.

Подлинной поэмой о человеческом упорстве можно назвать и рассказ «Из колена Аввакумова». Это тоже повествование о судьбе, исповедь крестьянки, вся жизнь у которой была чередой нечеловеческих мук: «И с голоду, сколько раз помирала, и ноги отнимались, и мужа насмерть убивали, и по тюрьмам, по острогам злые люди водили». Но все превозмогла Соломея, все победила своей неистовой верой в добро и правду.

Но важно не только жить по правде. Важно убедить людей в этой правде, завоевать их полное доверие. Соломея выдержала все удары судьбы, но до конца дней своих страдала из-за человеческого неверия, отчужденности, прослыла в деревне «икотницей», насылавшей на людей порчу. И только своей смертью Соломея «оправдалась перед всеми», «смертью своей сняла с себя... понапраслину».

Рассказ этот силен не только утверждающим пафосом. В нем звучат и обличительные ноткн. Автор страстно выступает против предрассудков, которых немало еще было в старой деревне. Судьба Соломеи — приговор человеческому невежеству, горькая история одоления суеверий.

Думая о женской доле, Ф. Абрамов выступает против пережитков прошлого и в общем укладе деревенской жизни, и во внутрисемейных связях. Его очень волнует роль женщины в доме, ее положение в семье. Любое принижение женщины ранит художника.

В рассказе «Бабилей» — еще одна женская судьба, тоже нелегкая, но типичная: история женщины, у которой муж — пьяница, лентяй и деспот.

В шестнадцать лет выйдя за инвалида, Катерина всю жизнь ломила, как на каторге, вела хозяйство, дом, поднимала детей... И удивительное дело: не увяла женщина безвременно, чудесные живительные силы в себе сохранила. На своем «бабилее» по случаю выхода на пенсию расцвела, как девушка. Дочери перед ней казались замухрышками. И танцевала лихо, красиво, страстно: столько в ней было молодого задора, такая резвость, такая неуто-

мимость в ногах, во всем теле, так ладно, не по-бабьи выглядел ее стан, перетянутый узким черным лакированным ремешком, какие давно уже вышли из моды, такое счастье, такая синяя радость хлестала из глаз, что все притихли, все залюбовались ею».

Повествование об этом необыкновенном «бабилее» звучит как взволнованный гимн русской женщине, ее неувядаемой красоте и величию. И все-таки не это главное в рассказе. Соль его в том, что таким вот «гением красоты» Катерина могла быть лишь «на час»... Назавтра автор-повествователь не узнал своей героини. Перед ним была старуха, покорная, поникшая, разбитая работой, верная раба своего самодура мужа, который успел уже наставить ей синяков, потому что вина ему не осталось опохмелиться...

Боль автора выражена здесь устами сестры Катерины: «Весь век на нас какие-то прилипалы да огарыши ездят. Почто? По какому праву? Почто человеками-то мы не можем быть?.. Ох, кака бы жизнь, кака бы жизнь у нас была, сколько бы этой красоты-то на земле было, кабы Катерина набралась смелости да всем этим сволочам вместе с Гордей в рожу плюнула! Хватит! Буде, поездили на мне, а тепере я буду командовать, раз вы ни черта не можете».

В этих словах и чувство протеста против некоторых уродливых сторон традиционного крестьянского быта, и преклонение перед «русской бабой», бессмертный памятник которой Федор Абрамов создал всем своим творчеством.

Исследование семейного уклада, всей жизни крестьянского дома в его основах, переменах, эволюции — постоянный предмет почти во всех произведениях Ф. Абрамова. Сложность объекта обусловливает и сложность структуры произведений, их особую содержательную насыщенность. Например, рассказ «Жарким летом», хотя и не велик по объему, но по своей наполненности может быть поставлен в ряд с повестями.

В основе рассказа частные эпизоды, и действие происходит в течение одного дня, однако перед читателями развертываются сложные человеческие судьбы. Многое, очень многое умеет передать писатель через характерные частности. Через них он оживляет прошлое, проникает в глубины характеров.

Так повествуется об истории семьи Аркадия Лысохина. Рассказ о прошлом героя занимает всего лишь несколько строк, но сколько содержания вложено в них:

«Аркадия Лысохина в четырнадцать лет выписали на лесозаготовки, а в семнадцать лет он уже был инвалидом: простудился на осеннем сплаве — и костный туберкулез правой ноги.

Долго, годами кочевал он по всяким больницам и лечебницам, два раза был под ножом, а когда предложили ему и третий раз на операционный стол лечь, он сказал: хватит — и поехал умирать домой».

На первый взгляд, герой Ф. Абрамова не привлекателен: резок, груб, скуп на тепло и ласку. А на самом деле он мягок, жалостлив, у него чуткое сердце. Только все это слабо проявляется внешне. Но писатель умело обнажает это скрытое, истинное, далеко не сразу познаваемое в человеке.

Вот, например, как рисуются первые встречи Лысохина с фельдшерицей Тоней, его будущей женой, сцены многоговорящие, в которых оба героя явственно обнажаются в своей главной сути:

«И вот вскоре после приезда в свою Лысоху он и встретился

с фельдшерицей Тоней. Сама пришла к нему, без всякого вызова. Из соседней деревушки. И, помнится, первое, что он увидел, когда она перевалила за порог, — ее дырявые, вдребезги разбитые сапожонки. А весенняя распутица была, самый что ни на есть потоп. И он ей строго сказал:

— Не ходи больше ко мне. Мне все равно крышка, а ты в этих чоботах без ног останешься. Как я.

И еще он пожалел ее потому, что она была с брюхом — шлепнется по дороге, что будет? Криком кричать — ни до кого не докричаться.

Однако через три дня Тоня опять пришла. И опять в этих самых калеках-сапожонках. И тут он просто заорал на нее:

— Да ты совсем сдурела, баба! Как тебя и мужик-то отпускает в такую погоду?

— Нет у меня мужика.

— Понятно. Так сказать, невтерпеж стало — досрочно отоварилась.

Тоня расплакалась (кто бы на ее месте не расплакался), но вот какой характер у человека: в один миг все шлюзы перекрыла и так ему больную ногу обработала да промыла, что он в ту ночь спал без снотворного. Впервые за много-много недель».

Аркадий взял ее, на «брюхатой женился», не боясь пересудов и даже невзирая на то, что «родная мать взбунтовалась».

Человечность героя особенно зримо проявляется в его отношениях к своей старшей, неродной дочери Геле. И опять-таки мы не видим здесь внешних проявлений любви. Но ощущаем тепло, заботу этого человека по сути. Когда умерла от родов Тоня, Геля стала главной помощницей Аркадия по дому, по уходу за младшими дочерьми. Он делил с ней все заботы и тяготы, он тащил домашний воз и своей жизнью, своим поведением влиял на нее. И она до конца приняла его как отца, как наставника и друга.

Здесь важно было с самого начала найти верный путь к сердцу растущего человека, и Аркадий нашел его. Девочка безошибочно почувствовала настоящую любовь и заботу о себе большого человека, и каким же щедрым, благодарным чувством она загорелась в ответ, как радостно было ей во всем помогать отцу:

«Ох как помогала! Он со своей клешней туберкулезной куда попал? А ведь надо воды с улицы занести, девок на горшок посадить, на огороде луку нащипать, в лавку за хлебом сбегать, овец из хлева выпустить, посуду прибрать... Все делала. И как быстро делала! Только что крутилась, вертелась возле тебя, шелестела голыми ножонками (летом не заставишь надеть что-либо на ноги: «Босиком-то быстрее, папа»), смотришь, строчит уже на пороге — за молоком побежала. Как трясогузочка, перебирает своими палочками.

И вот прошел какой-то год-два, за хозяйку стала. Даже кассу семейную незаметно для себя передал. Валяй, девка, рассчитывай, что и когда купить, а мое дело пятаки зашибать».

Развязка рассказа логична: не ушла Геля к родному отцу, когда тот «нагрянул среди бела дня в черной лакированной машине». Не ушла, хотя у этого родного отца были положение и достаток. И слова, брошенные ею в лицо пришельцу, были выношены всей ее маленькой жизнью:

«— Нету у меня другого отца, кроме папы, а папу моего зовут Аркадий Васильевич Лысохин...»

Образ Лысохина — новый шаг писателя в углубленном познании психологии положительного народного героя. Он не святой, не образцовый, в нем масса несовершенного, «простонародного». Но он душевно высок, справедлив, чист, это социально активная, действенная натура, искренне болеющая за положение дел и в доме своем, и в родном совхозе, и во всей стране.

Образ Гели тоже согрет глубоким авторским чувством. В судьбе ее отражаются думы писателя о путях нашей юности, о возбуждении в молодых людях трудовой энергии, общественного жара и гражданской настроенности. Как и отец, Геля болеет за деревню, любит землю, ощущает кровную связь с основами народной жизни.

В рассказе «Жарким летом» явственно ощущается перекличка с крупными эпическими произведениями писателя, и в частности с романом «Дом». Аркадий Лысохин во многом напоминает нам Михаила Пряслина, а Геля — старшую дочь Михаила, Веру. И такая повторяемость знаменательна. Рассказы Ф. Абрамова создавались параллельно с крупными его произведениями. Они являлись как бы продолжением постоянных авторских дум о путях движения деревни, поэтому нередко дополняли эти крупные произведения, развивая и конкретизируя существенные мысли, выраженные в них.

Ведущей задаче абрамовского творчества — углубленному раскрытию характеров — подчинены и повести писателя.

Повесть «Безотцовщина» появилась в самом начале шестидесятых годов, в период обостренного общественного внимания к вопросам формирования личности активного строителя коммунистического общества. И так же, как первый роман писателя «Братья и сестры» — контрастный по отношению к доминирующим тогда в деревенской прозе пасторально-благодушным произведениям, повесть «Безотцовщина» своей серьезностью и деловитостью заметно выделялась в литературе тех лет, особенно на фоне шумных, бойкосюжетных молодежных повестей.

Ф. Абрамов, решая проблему воспитания, избирает, казалось бы, очень обыденные и в то же время трудные жизненные коллизии. Он обращается к истокам характера, к началу пути формирования человека. Володька, деревенский подросток, рос без отца. Общество, деревенская среда, коллектив не могли оказать на мальчика сколько-нибудь значительного благотворного воздействия, потому что люди не проявляли к нему большого участия, каждый был занят своим, не чувствовал ответственности за чужую судьбу. Юная душа, чутко улавливая несовершенство этого коллектива, хитрость, изворотливость, недобросовестность отдельных людей, сама формируется по этому образцу. Но в то же время она тянется к идеалу, жаждет красоты, справедливости, тоскует по истинной человечности, по совершенным людям. Счастье, если такие люди окажутся рядом, если они встретятся у начала дороги.

Именно таким человеком и оказался коммунист Кузьма Антипин, приехавший работать в колхоз по партийной мобилизации. Кузьма воспитывает Володьку правдой, прямотой и мужеством, требовательностью и верой в него. Те несколько дней, которые провел Володька с Кузьмой на Шопотках, на дальних покосах, явились для подростка бесценной школой прозрения, школой познания истинных нравственных ценностей. Удача писателя заключается прежде всего в ярком художественном изображении того, как настоящего человека творит Человек.

Однако развязка произведения лишена облегченности. Намечен-

ный в начале повести конфликт молодого героя со своими односельчанами, не считающимися с его достоинством, в конце повествования обретает сильнейший драматический накал. Колхозники не поехали на Шопотки, хотя начинались дожди и сену грозила гибель. Они пошли домой на праздник. И юноша взрывается. Он не может примириться с этим. Он бьет в набат.

Так завершается повесть. Тревожным набатом. Предостережением. Сигналом о неблагополучии. И в этом предостережении так много оздоровляющей правды. Примиренчество с негативными тенденциями в жизни калечит души юных, ломает, корежит в них человеческое. Материальный урон, который наносят все эти неполадки, — полбеды. Урон духовный необратим и страшен. Деформацию души нельзя компенсировать никакими материальными достижениями. Честный труженик заронил в ребячью душу семена благодатнейшие. Но этот посев так легко погубить, подорвав с трудом обретенную веру в людей, веру в справедливость.

Об этом повесть писателя. Мудрая повесть при всей своей внешней простоте и безыскусственности.

Ф. Абрамов не любит формальные новации, рассчитанные на эффект стилевые ухищрения. Различные композиционные решения и вообще все формообразующие элементы его повестей кажутся очень незаметными, неброскими. Однако это не следствие скудости художника — это результат гармонии авторского замысла и его воплощения. Форма повествования в «Безотцовщине» традиционна: события изображаются в простой хронологической связи. Эта форма строго подчинена исследованию повседневных, обыденных явлений. Здесь все работает на показ взаимоотношений двух характеров. И основной прием — максимальное сближение авторской речи с внутренним монологом героя — служит той же цели.

Так же рождались по существу все другие повести Ф. Абрамова: необходимость реализации задуманной творческой задачи предопределяла и их жанрово-формальную специфику. Разнообразие задач вызвало многообразие решений. Именно поэтому так гибка сама стилистика повестей, так подвижна, неповторима, каждый раз нова их форма.

В 1963 году Ф. Абрамов опубликовал очерковую повесть «Вокруг да около» — необычное по структуре произведение, где динамика сюжетного повествования вытесняется логикой художественного исследования. Главный пафос повести — пафос познания, и в первую очередь — хозяйственных аспектов жизни северной деревни начала шестидесятых годов. Автором смело были вскрыты многие неполадки в колхозном строительстве тех лет, мешающие его дальнейшему развитию недостатки, связанные и с нарушением принципа материальной заинтересованности колхозников, и с ошибками в системе планирования, и с формально-бюрократическими методами работы на местах.

Повесть «Вокруг да около» перекликается с лучшими образцами очерковой литературы пятидесятых годов, и в частности с произведениями о деревне В. Овечкина, Г. Троепольского, А. Яшина. Но в то же время положительную «программу» деревенского очерка Ф. Абрамов развивает дальше. Он углубленно изучает экономику колхозного производства, реальные условия труда жителей северной деревни. В очерке много наблюдений над жизнью отдельной крестьянской семьи, ее ресурсами, источниками дохода, связями. Писателя интересует и положение колхозных пенсионеров, и будни

сельской молодежи, и вопросы культуры, и перспективы застройки села. Успешное решение всех этих проблем Ф. Абрамов тесно связывает с дальнейшей демократизацией деревенской жизни: колхозник должен быть полновластным хозяином в своем колхозе.

Однако значение повести не исчерпывается тем, что писатель указал на теневые явления в жизни деревни. Ф. Абрамов писал не экономический трактат, а художественное произведение, и его больше всего волновал процесс воздействия вскрытых им неполадок, упущений, бесхозяйственности на человеческую душу, на сознание самих тружеников. И в этом отношении явственно ощущается близость «Вокруг да около» к повести «Безотцовщина». Голько если в «Безотцовщине» говорилось о пагубных итогах этого воздействия на юную, формирующуюся натуру, основная авторская мысль в «Вокруг да около» заключается в том, что обеление недостатков, нежелание бороться с ними вообще калечит людей духовно, порождает цинизм, равнодушие к делу, ведет к опошлению идеалов.

Способности Ф. Абрамова к проникновенному анализу народной психологии особенно ярко проявились в его повестях «Деревянные кони», «Пелагея» и «Алька», тесно связанных друг с другом и появившихся в печати одна за другой. Эта малая трилогия Ф. Абрамова — картина сложной эволюции крестьянских поколений, раздумье о вечных народных нравственных ценностях.

Повесть «Деревянные кони» по аналогии с «Пелагеей» и «Алькой» могла быть названа по имени главной героини — Василисы Милентьевны. В натуре много пережившей русской крестьянки автор оттеняет прежде всего ее огромное трудолюбие, терпение и твердость. Именно эти черты ее характера в сочетании с ясным умом и практической сметкой помогли ей стать в дикой лесной деревеньке, куда ее «за шубу и шаль» выпихнули замуж, настоящей Василисой Прекрасной, всеми уважаемой и всеми любимой. Сказ о том, как Василиса Милентьевна «урваев» жить научила, как она «пижемский зверюшник» укротила, людьми сделала, — центральный в повести. Картина по-своему многозначительная, говорящая о великой силе народной инициативы, о тех несметных благах, которые могут открыться людям при разумном подходе к делу.

Пытливо изучая жизнь, Ф. Абрамов проявляет большой интерес к исследованию противоречивых склонностей человека, причем он рассматривает их в развитии, в их сложном взаимодействии и в постоянной зависимости от питающей среды — конкретных жизненных условий. Такими глубоко высвеченными характерами являются героини повестей «Пелагея» и «Алька».

По своему складу, по редкому сочетанию сильных качеств Пелагея близка к Василисе Милентьевне. Но есть в них и существенное различие, предопределившее несходную историю этих героинь и разное отношение к ним людей. Василиса Милентьевна — человек, с изначально присущим ей общественным темпераментом, с тонко развитым чувством общей пользы. Пелагея обделена этим чувством, она всегда стремилась жить «на особицу», для себя, чужие беды ее не трогали... Василиса Милентьевна умела согревать жизнь, согревать людей, и люди ее любили. Пелагея умела брать от жизни, оттесняя других, и в деревне ее недолюбливали.

Уйдя из колхоза, устроившись на выгодную работу пекарихой в заречной пекарне, Пелагея «все свое хлебное воинство пустила на завоевание людей...» И завоевала. «Никто не мог устоять против ее хлеба — легкого, душистого, вкусного...» Она старалась сытую

жизнь навсегда обеспечить. На вырученные деньги стала «загребать» мануфактуру. Годами загребала, не могла остановиться. Потому что думала: не ситец, не шелк в сундуки складывает, а саму жизнь. Сытные дни про запас. Для дочери, для мужа, для себя...» Вот почему потеря семьи для Пелагеи — потеря смысла жизни, потеря цели существования. И, оставшись одна, Пелагея попросту не смогла жить. Думается, в определении душевного склада героини очень важен этот учет конечной направленности ее усилий. Иначе мы не так поймем характер. Беда Пелагеи имеет глубокие корни. И здесь мы подходим к вопросу об особом воздействии обстоятельств на душу героини. Дело в том, что под влиянием определенных условий духовная сущность героини в чем-то меняется, а в чем-то остается неизменной. И эта ее реакция на обстоятельства очень непростая.

Возьмем сильнейшую черту героини — ее трудовую истовость. Как она любила и как умела хорошо, вдохновенно работать, всю свою душу вкладывая в дело! Алька вспоминает о матери, что она «только в те дни добрела и улыбалась (хоть и на ногах стоять не могла), когда хлеб удавался». Работу своей героини в пекарне автор описывает красочно. «Бывало, чтобы хлеб духовитее был, чего только она не делала! Воду брала на пробу из разных колодцев, дрова смоляные — избави боже — сажа; муку, само собой, требовала первый сорт, а насчет помела и говорить нечего. Все перепробовала: и сосну, и елку, и вереск». В работе Пелагея никогда не жалела себя, в труде находила великое удовлетворение, радость, счастье.

Пекарня для Пелагеи — настоящий ад, «жернов каменный на шее». Она вытягивает из нее все силы. И в то же время Пелагея не может жить без этой адовой работы. «Оказывается, без этой каторги, да без этого жернова ей и дышать нечем». Она плачет при одном виде пекарни, когда после недолгого перерыва снова возвращается в нее.

Однако в духовном складе пинежской крестьянки не все так неизменно и устойчиво. Другая сильнейшая черта Пелагеи — действенность — под влиянием различных факторов, объективных и субъективных, развивается уродливо: она становится приспособленцем, человеком пробивным, ловким, ушлым. Она научилась отталкивать других, опережать их в борьбе за жизненные блага. И это ей, волевой, предприимчивой, решительной, хорошо удается. Она научилась хитрить, выделять и располагать к себе нужных людей, влиятельных в том небольшом мире, в котором она жила. Она старалась быть поближе к этим умелым и умным людям — таким, как Петр Иванович, который вовек в руках топора не держал, а зажмет — не вывернешься. И усилия Пелагеи не пропали даром. Прикормив «головок» села, она извлекла из этого немалую выгоду.

И все-таки прогадала Пелагея. Жизнь прошла мимо нее. Вещи, накопленные ею с таким трудом, оказались никому не нужными... Но и в финале повести уже в предчувствии конца Пелагея, глубоко осознавая бессмысленность своего накопительства и никчемность своих с таким трудом установленных связей с влиятельными людьми, все-таки не может побороть себя. Она ненавидит Петра Ивановича, ненавидит страшно, а в то же время мечтает породниться с ним, выдать Альку за его сына — за размазню, за алкоголика... И мотив заглавный — выгода: «Правда, сам Сереженька, может, и не ахти что, хоть и инженер, да зато отец всем кладам клад.

Ах ты, господи, говорила мысленно себе Пелагея, в одной упряжке с таким человеком шагать... Да ведь *каких дел можно наворочать!»* (курсив мой. — *Ш. Г.*). Эти последние думы Пелагеи обнажают стойкие подспудные пласты в душевной жизни человека.

Судьба Пелагеи по-своему продолжается в истории ее дочери. Алька не только дочь Амосовых, это прежде всего дочь своего времени, натура, сформировавшаяся на определенном и весьма знаменательном этапе жизни советской деревни, когда и в сельский мир пришло довольство. Алька не знала бедности, не знала нужды. Мать и отец рвали жилы, чтобы хоть их доченька покрасовалась, чтобы хоть она-то горя не знала. И выросшая в сытости, Алька восприняла это как норму жизни, в ней развиваются потребительские настроения... Алька не хотела повторения судьбы матери. Она хотела жизни более осмысленной, яркой, наполненной. Вот почему ни дом, ни тряпки, нажитые родителями, Альке оказались не нужными. Вот почему с такой безоглядной легкостью решилась она на бегство из дома, мечтая о жизни какой-то иной, заманчивой, красивой. Но какою должна была быть эта жизнь, Алька не знала. Вот здесь-то причина всех ее метаний и мучений, противоречивых решений и опрометчивых шагов.

Муки девушки усугубляются тем, что это натура неразвитая. Иллюзорную красоту она принимает за истинную, фальшивые радости за настоящие. И что удивительного в том, что на первых порах она легко попадает в плен беспечно-веселой жизни, легких заработков. Став официанткой в ресторане, Алька как будто бы нашла свой идеал. По крайней мере, приехав на побывку в деревню, она старается в этом убедить всех своих слушательниц:

«— Ничего живу! Не пообижусь. Девяносто рэ чистенькими каждый месяц, ну, и сотняга — это уже само мало — чаевые...»

Но на самом деле нет у Альки глубокой убежденности в том, что живет она как надо. Отсюда и частые думы о матери с сознанием (таким запоздалым!) привлекательных сторон ее жизни, ее хозяйственной, трудовой одержимости; отсюда и вдруг нахлынувшее и оказавшееся таким нестойким желание — в память о матери остаться жить в деревне; отсюда и та истерика, которая случилась с Алькой после посещения ею дома своей подруги Лидки и ее мужа Мити. Ее потрясла красота их отношений, высокая человечность чувств. Именно на фоне этой любви Алька интуитивно почувствовала фальшь своей «красивой жизни», низость своих увлечений. Заключительный штрих повести (Алька полетела над миром стюардессой) в контексте всей судьбы — тоже акт отчаяния. Это круги натуры беспокойной, страстно ищущей, но не нашедшей своего назначения.

Неверно конечный смысл истории Альки сводить к тому, вернется или не вернется она в деревню. Не в этом дело. Алька будет метаться и в деревне, и в городе. В ней самое святое и есть неутоленная жажда иного, более осмысленного существования.

Цикл повестей писателя достойно венчает его последнее произведение в этом жанре «Мамониха». Это своеобразный синтез многих достигнутых ранее стилевых приемов и решений: фрагментарного показа отдельных судеб, сложных семейных отношений, частных драм, острых бытовых конфликтов и, наконец, умелого использования символических образов.

Сюжет повести кажется очень обыденным: городская семья, когда-то вышедшая из деревни, навещает родные места. Впечатле-

ния главы семьи от этой поездки и составляют основу произведения. Но эта традиционная фабула позволила автору еще раз развернуть перед читателем детальную картину ухода старой деревни, выявить многие тревожные стороны этого процесса и еще раз выразить наболевшую мысль о необходимости умного, хорошо продуманного рационального хозяйствования.

В содержании повести немало боковых мотивов, в которых также выражаются заветные думы писателя: о ценности векового народного опыта (баба Соха), о нравственных потерях, связанных с отрывом от народных истоков (Полина), о формировании особого типа современных деревенских хозяйчиков (Геха-маз), о человеческих трагедиях, вызванных ходом истории (Лида).

Повесть завершается твердой решимостью героя сберечь родительский дом. Как и в последнем романе Ф. Абрамова, образ дома приобретает здесь глубокий, многозначный смысл. Это и образ конкретного крестьянского дома, и символ русской деревни, и олицетворение родимой земли, и аллегорическое обозначение вековых устоев народной нравственности.

«Мамониха» — один из последних актов в завершении целого этапа творчества Ф. Абрамова и предчувствие нового этапа: еще более глубокого, глобального изучения истории деревенской России в ее коренных революционных преобразованиях.

Федор Абрамов ушел из жизни на самом взлете творчества, в период расцвета своего таланта. Он многого не успел сделать, но и созданное им трудно переоценить: книги его в значительной степени обогатили современную литературу.

Феномен Ф. Абрамова объясняется не только его яркой художественной одаренностью. Это писатель мощного интеллекта, высокой образованности, широкого кругозора. В его творчестве органически сочетается талант живописца с даром ученого-исследователя и искусством критика. И в то же время Ф. Абрамов — писатель публицистически страстный, очень активный, художник горячего общественного темперамента. В любых творениях Ф. Абрамова, в каждом его слове ощущается поистине коммунистическая заинтересованность в успехах всех наших общественных дел.

И, может быть, следствием всех этих качеств явился особый характер реализма писателя, особый характер его писательского мышления и видения. Ф. Абрамов смотрел на жизнь трезво, видел ее зорко, без всяких прикрас, без всяких иллюзий. Первые же его книги сразу полюбились читателям, выделились своей суровостью, своей необычайно жесткой, обжигающей правдой. Ф. Абрамов никогда не умалял трудностей жизни, не смягчал обстоятельств. Но его герои не отступают перед трудностями. Они одолевают их.

Федор Александрович Абрамов — кровный и верный сын своего народа, и все его книги — думы о народе, думы о России.

По мнению академика Д. С. Лихачева, этот «сильный, мощный, темпераментный» писатель поднимался в своем творчестве «до высот античного пафоса»: «Широкие проблемы современного человечества он сумел показать через судьбы русского северного крестьянства. И не случайно книги его переведены на все главные языки мира. Они интересуют всех, ибо судьба народного начала в современном мире усложнившихся отношений хотя и по-разному, но тревожит все цивилизованные народы» *.

Ш. Галимов

* Лит. газета, 1983, 18 мая.

мания — проблемы культурного творчества в его индивидуальных и исторических формах.

...неокантианский и неофихтеанский дух... — На представителей «критического направления» *неокантианство* повлияло в двух отношениях. Во-первых, как теория этического социализма (исследование Р. Штаммлера «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» (Т. 1—2; русск. пер.: 1907)) — об этой ветви неокантианства см.: Форлендер К. Кант и Маркс. Очерки этического социализма (русск. пер.: 1909; с предисловием М. И. Туган-Барановского). Туган-Барановский писал в этом издании: «Этическое обоснование социализма знаменует собой не дополнение марксизма, а коренное преобразование, точнее разрушение его» (С. VI—VII). Об истории неокантианского влияния Франк замечал: «Вопрос об отношении между кантианством и марксизмом в России не нов; в некотором смысле он прямо исходит из России. По крайней мере впервые о нем заговорил П. Б. Струве во вступительных главах своих «Критических заметок» (1894 г.) и он первый среди марксистов призывал «обновить» философскую основу марксизма путем замены материализма кантовским критицизмом» (Франк С. Л. Социализм и кантианство // Его же. Философия и жизнь. СПб., 1910. С. 348). Во-вторых, как гносеологическая теория и методология социального познания. Основными моментами развития и осмысления проблематики неокантианства стали статьи: С. Н. Булгакова «О закономерности социальных явлений», «Закон причинности и свобода человеческих действий» и «Хозяйство и право» (1896—1897; собраны в его книге «От марксизма к идеализму». М., 1903); Н. А. Бердяева «Ф. А. Ланге и критическая философия», «Этическая проблема в свете философского идеализма». Книги: П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» и Н. А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии». Статья Струве «Свобода и историческая необходимость» (1897, перепечатана в его сборнике «На разные темы». СПб., 1902).

Отчетливое влияние идей Фихте наблюдается в статьях Струве «Ф. Лассаль» (1899), «В чем же истинный национализм?» (1901; см. в его сб. «На разные темы»). Струве принимал участие в переводе 1-й кн. VI тома «Истории новой философии» К. Фишера («От Канта к Фихте»). Бердяев также признавал воздействие Фихте на свое философское развитие: «Мое умственное настроение того времени можно определить как этический, нормативный идеализм, близкий к Фихте» (Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990. С. 87).

...Творческих же неокантианских традиций в русской философии не было... — Среди философов и исследователей русской философии весьма распространено убеждение в том, что русская философская мысль прошла мимо Канта. Тем не менее невозможно отрицать существование или по крайней мере становление творческой кантианской традиции в России, представленной академическим неокантианством в лице таких ярких философов, как А. И. Введенский и И. И. Лапшин, а также мыслителями, группировавшимися вокруг ежегодника «Логос» (1910—1914): С. И. Гессен, Г. Д. Гурвич, Б. В. Яковенко и др.

...Корнелиус признал... — См. его «Введение в философию» (М., 1905).

С. 24. *...оправдывать Авенариусом...* — *ДКИ* (С. 185): «Авенариусовским учением о «максимуме жизнесохранения»».

А. С. ГРИБОЕДОВ

ГОРЕ ОТ УМА

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ «ГОРЯ ОТ УМА»

«Комедия «Горе от ума»!.. — писал в 1830 году «Московский телеграф».— Кто из грамотных россиян не знает ее наизусть, несмотря на то, что она до сих пор не напечатана и на сцене не была выставлена вполне; и кто не сознается в том, что эта известность есть самое убедительное доказательство высокого достоинства сей пьесы и совершенно уничтожает все шипения «Вестника Европы», который в дни оны, общими силами своих клевретов, острил жало на бессмертное творение Грибоедова? Литературные подьячие никакими крючками не могут опровергнуть суда целой нации...» (Московский телеграф, 1830, № 11, с. 383).

Моментальное признание комедии Грибоедова — факт удивительный. При своем появлении пьеса поражала современников скорее блеском остроумия, чем глубиной мысли. Слишком привязанными к сиюминутной повседневности казались ее намеки, слишком современными и потому исторически преходящими — изображенные в ней нравы. Эпоха принципиальной оценки «Горя от ума» была еще впереди, и большинству критиков той поры казались излишне экзальтированными пророческие слова А. Бестужева: «Будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее среди первых творений народных» (Полярная звезда, карманная книжка на 1825 год... Спб., 1825, с. 18).

Замечательным качеством комедии Грибоедова, однако, оказалось то, что полифонизм ее содержания становился все ощутимее с ходом времени. С годами смысл ее неизмеримо укрупнился: комедия осветилась трагическим отблеском декабристского восстания, за хлесткой злободневностью ее фраз стала различима принципиальная глубина конфликта. В столкновении пылкого правдолюбца Чацкого с фамусовским миром обнажилась пропасть, отделившая радикально настроенную дворянскую интеллигенцию от основной массы

крепостнического дворянства. Комедия Грибоедова стала ярчайшим художественным документом эпохи декабризма.

Вместе с тем менее всего в русской литературе «Горе от ума» оставалось произведением, отлакированным «хрестоматийным глянцем». Комедию не только постоянно цитировали, но образным ее масштабом мерили иные исторические времена. Герои Грибоедова свободно перешагивали за порог фамусовского особняка и продолжали жить, старея с годами (как стареют живые люди) и возрождаясь в новых поколениях, в потомках и Чацкого, и Молчалина, и Репетилова.

Комедия Грибоедова органически вошла в историю русской культуры не только в качестве признанного шедевра, обозначившего определенную стадию в развитии русского художественного гения. Пьеса стала школой мастерства многих русских писателей, произведением, активизирующим русскую художественную и общественную мысль.

Вместе со стихотворным романом Пушкина «Евгений Онегин» комедия Грибоедова положила, по словам В. Г. Белинского, «прочное основание новой русской поэзии, новой русской литературе... она, как произведение сильного таланта, глубокого и самостоятельного ума, была первою русскою комедиею, в которой нет ничего подражательного, нет ложных мотивов и неестественных красок, но в которой и целое, и подробности, и сюжет, и характеры, и страсти, и действия, и мнения, и язык — все насквозь проникнуто глубокою истиною русской действительности» (VII, 441) [1].

Существует несколько разноречивых свидетельств мемуаристов о начале работы Грибоедова над комедией «Горе от ума».

Университетский товарищ Грибоедова В. В. Шнейдер вспоминал: «Литературные занятия будущего автора «Горя от ума» начались еще в университете. Нередко читал он своим товарищам стихи своего сочинения, большею частью сатиры и эпиграммы. Однажды, в начале 1812 года, он прочел... отрывок из комедии, им задуманной; это были начатки «Горя от ума» (Воспоминания, 1929, с. 329).

Ближайший друг Грибоедова, С. Н. Бегичев, утверждал: «...известно мне, что план этой комедии был сде-

---

[1] Список сокращений см. на с. 292.

лан у него еще в Петербурге 1816 года, и даже написаны были несколько сцен; но не знаю, в Персии или в Грузии, Грибоедов во многом изменил его и уничтожил некоторые действующие лица, а между прочим, жену Фамусова, сентиментальную модницу и аристократку московскую (тогда еще поддельная чувствительность была несколько в ходу у московских дам), и вместе с этим выкинуты и написанные уже сцены» (Воспоминания, с. 26). Это свидетельство дополняется воспоминаниями Д. О. Бебутова, относящимися к 1819 году (написанными Бебутовым на склоне лет, в 1861 году): «От Моздока до Тифлиса мы с Грибоедовым ехали вместе и коротко познакомились; он мне читал много своих стихов, в том числе, между прочим, и из «Горя от ума», которое тогда еще у него было в проекте» (Кавказский сборник. Тифлис, 1902, т. XXIII, с. 51).

Но эти свидетельства противоречат собственному признанию Грибоедова:

«Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание, сколько можно было. Такова судьба всякого, кто пишет для сцены: Расин и Шекспир подвергались той же участи, — так мне ли роптать? — В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли и чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком,— но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно. Для того с обеих сторон требуется: с одной — дар, искусство; с другой — восприимчивость, внимание. Но как же требовать его от толпы народа, более занятого собственною личностью, нежели автором и его произведением? Притом сколько привычек и условий, нимало не связанных с эстетическою частью творения,— однако надобно с ними сообразоваться. Суетное желание рукоплескать не всегда кстати декламатору, а не стихотворцу; удары смычка после каждых трех-четырех сот стихов; необходимость побегать по коридорам, душу отвести в поучительных разговорах о дожде и снеге,— и все движутся, входят и выходят, и встают и садятся. Все таковы, и я сам таков, и вот что называ-

ется публикой! Есть род познания (которым многие кичатся) — искусство угождать ей, то есть делать глупости» (III, 100—101).

По-видимому, это набросок предисловия к комедии, подготовленного для первого издания пьесы, о котором Грибоедов хлопотал осенью 1824 года. Замысел, приведший к «Горю от ума», вовсе не был сначала комедийным, что кажется само собой разумеющимся всем мемуаристам, которые вспоминали о «начатках комедии». По всей вероятности, повествуя о «делах давно минувших дней», приятели драматурга невольно ошибались.

В 1818 году Грибоедов, поступивший на службу в коллегию иностранных дел, был назначен секретарем в персидскую миссию. Проездом он останавливается на несколько дней в Москве, впечатлениями от которой делится в письме к Бегичеву от 18 сентября 1818 года: «В Москве все не по мне. Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему. Прежде там любили музыку, нынче она в пренебрежении; ни в ком нет любви к чему-нибудь изящному, а притом «несть пророк без чести, токмо в отечестве своем, в сродстве и в дому своем». Отечество, сродство и дом мой в Москве. Все тамошние помнят во мне Сашу, милого ребенка, который теперь вырос, много повесничал, наконец становится к чему-то годен, определен в миссию, и может со временем попасть в статские советники, а больше во мне ничего видеть не хотят» (III, 133).

Так мог бы сказать Чацкий, явившийся в Москву после трехлетнего отсутствия. Может быть, здесь мы находим еще не осознанное драматургом зерно замысла его великой комедии.

Но прежде чем этот замысел созреет, пройдут годы, наполненные разнообразными хлопотами секретаря «бродящей миссии». Незатухающие в сердце воспоминания о родине, частое одиночество, предрасполагающее к размышлениям, подготавливали творческий взлет.

«Будучи в Персии в 1821 году,— вспоминал Булгарин, со слов драматурга,— Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, о театре, который он любил страстно, и об артистах. Он лег спать в киоске, в саду, и видел сон, представивший ему любезное отечество, со всем, что осталось в нем милого для сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей

рассказывает о плане комедии, будто им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов берет карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начертывает план «Горя от ума» и сочиняет несколько сцен первого акта» (Воспоминания, с. 342).

Это свидетельство подтверждается и уточняется письмом Грибоедова, написанным им в Тавризе 17 ноября 1820 года:

«Вхожу в дом, в нем праздничный вечер; я в этом доме не бывал прежде. Хозяин и хозяйка, Поль с женою, меня принимают в двери. Пробегаю первый зал и еще несколько других. Везде освещение; то тесно между людьми, то просторно. Попадаются многие лица, одно как будто моего дяди, другие тоже знакомые; дохожу до последней комнаты, толпа народу, кто за ужином, кто за разговором; вы там же сидели в углу, наклонившись к кому-то, шептали, и ваша возле вас. Необыкновенно приятное чувство и не новое, а по воспоминанию мелькнуло во мне, я повернулся и еще куда-то пошел, где-то был, воротился; вы из той же комнаты выходите ко мне навстречу. Первое ваше слово: вы ли это, А<лександр> С<ергеевич>? Как переменились! Узнать нельзя. Пойдемте со мною; увлекли далеко от посторонних в уединенную, длинную, боковую комнату, к широкому окошку, головой приклонились к моей щеке, щека у меня разгорелась, и подивитесь! вам труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда был выше вас гораздо[1]. Но во сне величины искажаются, а все это сон, не забудьте.

Тут вы долго ко мне приставали с вопросами, написал ли я что-нибудь для вас? — Вынудили у меня признание, что я давно отшатнулся, отложился от всякого письма, охоты нет, ума нет — вы досадовали. — Дайте мне обещание, что напишете.— Что же вам угодно? — Сами знаете. — Когда же должно быть готово? — Через год непременно.— Обязываюсь.— Через год, клятву дайте... И я дал ее с трепетом. В эту минуту мало-

---

[1] В собраниях сочинений Грибоедова это письмо обозначается как «письмо к неизвестному». В качестве возможных адресатов комментаторы указывают Катенина или Шаховского. Но первый из них упоминается в самом этом письме (см. ниже) как посторонний человек, а второй был вовсе не ниже Грибоедова ростом. Весь тон письма позволяет предположить, что оно адресовано женщине.

рослый человек, в близком от нас расстоянии, но которого я, давно слепой, не довидел, внятно произнес эти слова: лень губит всякий талант... А вы, оберпясь к человеку: посмотрите, кто здесь?.. Он поднял голову, ахнул, с визгом бросился ко мне на шею... дружески меня душит... Катенин!.. Я пробудился.

Хотелось опять позабыться тем же приятным сном. Не мог. Встав, вышел освежиться. Чудное небо! Нигде звезды не светят так ярко, как в этой скучной Персии! Муэдзин с высоты минара звонким голосом возвещал ранний час молитвы (ч. пополуночи), ему вторили со всех мечетей, наконец ветер подул сильнее, ночная стужа развеяла мое беспамятство, затеплил свечку в моей храмине, сажусь писать, и живо помню мое обещание; во сне дано, наяву исполнится» (III, 144—145).

На обороте черновика этого письма Грибоедов набрасывает просьбу об отставке или в крайнем случае о переводе в Россию. В конце 1821 года он попадает в Тифлис, добившись назначения «по дипломатической части» при Главноначальствующем в Грузии генерале А. П. Ермолове; здесь, по-видимому, у Грибоедова складывается наконец план комедии (а не сценической поэмы!). В Тифлисе и были написаны первые два акта. Вовсе не случайно, что одно из самых злободневных в русской литературе произведений, пронизанное намеками на современную российскую действительность, создается «за хребтом Кавказа». Кавказ того времени называли «теплой Сибирью» — сюда, подальше от столиц, прямо под пули горцев ссылались многие неугодные властям люди. Российские новости, аракчеевский режим обсуждались здесь горячо и почти свободно. Постоянным слушателем только что написанных сцен комедии стал В. Кюхельбекер, попавший в Тифлис после многих мытарств, которые в ту пору становятся обычным уделом «умников».

Длительный отпуск, предоставленный Грибоедову в начале 1823 года, позволяет писателю попасть, наконец, в Москву. О первом впечатлении (март 1823 года) от комедии позже рассказал С. Н. Бегичев: «Из комедии его «Горе от ума» написаны были только два действия. Он прочел мне их, на первый акт я сделал ему некоторые замечания, он спорил, и даже показалось мне, что принял их нехорошо. На другой день приехал я к нему рано и застал его только что вставшим с постели: он неодетый сидел против растопленной печи и

бросал в нее свой первый акт по листу. Я закричал: «Послушай, что ты делаешь?!!» — «Я обдумал, — отвечал он,— ты вчера говорил мне правду, но не беспокойся: все уже готово в моей голове». И через неделю первый акт уже был написан» (Воспоминания, с. 27—28).

Уточнить смысл этого свидетельства помогает автограф ранней редакции комедии. Из него действительно вырваны несколько листов, на которых был записан первоначальный вариант 2—4-й сцен первого акта. Текст этот до некоторой степени можно восстановить по оставшимся корешкам вырванных листов, сохранившим части стихотворных строк. Заигрывание Фамусова с Лизой и подозрения его насчет отношений Софьи с Молчалиным были первоначально изображены более откровенно, что, вероятно, и смутило друга Грибоедова. Между прочим, даже в переработанном виде впоследствии эти сцены раздражали многих критиков своим «неприличием», служили предлогом для цензурных придирок к комедии.

Свежие московские впечатления позволили Грибоедову развернуть многие картины, лишь отдаленно намеченные в Тифлисе.

Так, на место риторического монолога Чацкого во втором действии «Вы правы, что в Москве всему печать» встал знаменитый монолог «А судьи кто?», дающий богатый «живописно-бытовой материал, ценные этюды для общей картины грибоедовской Москвы» (см.: Пиксанов, с. 208—210).

В то же время московская жизнь мешала сосредоточиться для творческой работы. В конце июля 1823 года Грибоедов уезжает в тульское имение Бегичева и в селе Дмитриевском Ефремовского уезда заканчивает работу над двумя последними актами «Горя от ума». С новой комедией знакомятся близкие приятели поэта, и слух о ней распространяется за пределы Москвы. Уже в декабре 1823 года Пушкин запрашивал из Одессы Вяземского: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чедаева...» (X, 62). В то время Грибоедов еще не стремился к широкому ознакомлению публики с пьесой, не считая работу завершенной. Очевидно, для того чтобы пресечь слухи о «комедии на Чедаева», фамилия главного героя (первоначально Чадский) несколько меняется: Чацкий. Добиваясь стройности сценического плана пьесы, Грибоедов сокращает сцены, замедляющие течение действия.

Уже в московской редакции произведение получило и окончательное название, более комедийное, чем вначале,— «Горе от ума» (сначала произведение называлось «Горе уму»).

В июне 1824 года Грибоедов переезжает в Петербург, оставив первоначальную рукопись комедии Бегичеву и захватив с собою копию, которая ляжет в основу окончательной редакции произведения. Через несколько дней Грибоедов напишет Бегичеву: «Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли решишься: он так несовершенен, так нечист; представь себе, что я с лишком восемьдесят стихов, или лучше сказать, рифм переменил, теперь гладко, как стекло. Кроме того, на дороге мне пришло в голову приделать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечою над лестницею, и перед тем, как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, в самый день моего приезда, и в этом виде читал я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гречу и Булгарину, Колосовой, Каратыгину...» (III, 155).

К счастью, Бегичев «не предал огню манускрипта» В настоящее время рукопись первоначальной редакции комедии хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве. Впервые музейный автограф воспроизведен в печати В. Е. Якушкиным (Имп. российский исторический музей. Описание памятников. Вып. III. Рукопись комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». М., 1903)

В процессе чтений текст пьесы непрерывно совершенствуется. Шероховатости стиля, налет книжности или, наоборот, грубость иных выражений настойчиво устраняются драматургом.

Приведем несколько примеров стилистической правки:

Музейный автограф	Окончательная редакция
Брат Молчалин, Гуляешь возле женских спален...	Друг. Нельзя ли для прогулок Подальше выбрать закоулок...
Не занимайся этим чадом...	Где чудеса, там мало складу...
Как не смутиться мне? От вас нет оборон: Обозреваете со всех сторон...	Да хоть кого смутят Вопросы быстрые и любопытный взгляд...

Что это от меня все
направляют лыжи!
Куда один, другой туды же...

Все врозь, не говоря ни слова.
Чуть из виду один,
гляди уж нет другого.

Предвидя цензурные затруднения, Грибоедов смягчает особо острые политические намеки:

Нет! нынче худо для
Дворов...

Нет! Нынче свет уж не таков...

Да был нам черный год,
не послужило впрок...

Дома новы, а предрассудки
стары...

Что за правительство
путем бы взяться надо...

Что радикальные потребны
тут лекарства...

О дальнейшей судьбе рукописи «Горя от ума» сохранился рассказ А. А. Жандра в передаче Д. А. Смирнова:

«Когда Грибоедов приехал в Петербург и в уме своем переделал свою комедию, он написал такие ужасные брульоны (brouillon (фр.) — черновик.— *С. Ф.*), что разобраться было невозможно. Видя, что гениальнейшее создание чуть не гибнет, я у него выпросил его полулисты. Он их отдал с совершенною беспечностью. У меня была под руками целая канцелярия; она списала «Горе от ума» и обогатилась, потому что требовали множество списков. Главный список, поправленный рукою самого Грибоедова, находится у меня» (Воспоминания, с. 248. Жандровский список воспроизведен в кн.: Горе от ума. Текст Жандровской рукописи, хранящийся в Императорском российском историческом музее. Ред., введ. и примеч. Н. К. Пиксанова. Изд. Л. Э. Бухгейм. М., 1912).

Если бы приведенный рассказ Жандра был точен, можно было ожидать, что при просмотре неавторизованных списков «Горя от ума» мы должны обнаружить такие, в которых позднейших авторских исправлений не содержалось бы (ср.: «она (канцелярия.— *С. Ф.*) списала «Горе от ума» и обогатилась, потому что требовали множество списков»). Таких списков, однако, нет ни в одном из архивохранилищ страны.

Без помощи автора «брульоны» Грибоедова, очевидно, не могли быть скопированы. Автор же мог работать только с одним переписчиком. Следовательно, с «брульонов» первоначально был сделан только один список. Это и понятно. Приехав в Петербург 1 июня 1824 года, Грибоедов надеялся провести свою комедию в печать и не был поэтому заинтересован в распространении руко-

писных копий пьесы. Только в середине октября того же года писатель стал поощрять создание списков «Горя от ума». 17 октября 1824 года он пишет Катенину: «Сам не отстаю от толпы пишущих собратий. А. А. (Жандр.— *С. Ф.*) везет к тебе мои рифмы, прочти, расположи, переписывал кто-то в Преображенском полку» (III, 162).

От Катенина Грибоедов получил первую развернутую критику своей комедии. Письмо Катенина к Грибоедову не дошло до нас, но суть его замечаний о пьесе восстанавливается по письмам Катенина к Н. И. Бахтину. «Теперь в гору лезет,— пишет он 17 февраля 1825 года,— на счету критиков Грибоедов за комедию «Горе от ума»... в ней ума и соли тьма, но план далек от хорошего... Стихи вольные и разговорные, побочные лица, являющиеся на один миг, мастерски обрисованы; жаль только, что эта фантасмагория не театральна: хорошие актеры этих ролей не возьмут, а дурные их испортят. Смелых выходок много, и даже невероятно, что Грибоедов, сочиняя свою комедию, мог в самом деле надеяться, что ее русская цензура позволит играть и печатать». «Ума в ней (в комедии.— *С. Ф.*) точно палата, но план, по-моему, недостаточен, и характер главный сбивчив и сбит (manque); слог часто прелестный, но сочинитель слишком доволен своими вольностями; так писать легче, но лучше ли, чем хорошими александрийскими стихами? вряд» (Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. Спб., 1911, с. 76—78, 74).

Впрочем, можно представить катенинскую критику в более развернутом виде, обратившись к его «Размышлениям и разборам», появившимся в «Литературной газете» в 1830 году, но написанным значительно раньше. Все, что здесь говорится о «комедии нравов», впрямую относится к «Горю от ума». «Еще более (чем в комедии характеров.— *С. Ф.*),— считает Катенин, — прозы в комедии нравов, которой чуть ли не слишком благосклонно назначают обыкновенно второе место в списке родов. За сию честь всем вообще — каждая поодиночке дорого платится, ветшая чрезвычайно скоро, так что едва новое поколение сменит выведенное в ней на посмеяние, никому и смеяться охоты нет. Напирая преимущественно на странности, с каждым днем исчезающие, имея при этом необходимость их усиливать сверх настоящего, без чего глазам современников, привык-

шим к ним и дома, не покажутся странными, останавливаясь на одной наружной оболочке людской, почти всегда слабые по части завязки, коею нет ни места заняться драматическому сатирику, ни возможности существовать в быту ежедневном общества недеятельного,— сии комедии, вместе с платьем и прическою действующих лиц, через несколько лет обращаются в карикатурные портреты, без красоты нестареющейся и без сходства с существующим, заслуживающие внимания в одном ученом, археологическом смысле. За то вновь они нравятся чрезвычайно, особливо если злы, если сочинитель не боялся намеков личных и умел сговориться с насмешливым направлением ума на ту пору. Что ни говори, а немногие из авторов решаются предпочесть холодное уважение потомства, которого не услышат, готовому сейчас плеску и похвале».

В январе 1825 года Грибоедов откликается на критику Катенина и формулирует собственные творческие принципы, реалистические по своей сути:

«Критика твоя, хотя и жестокая и вовсе не справедливая, принесла мне истинное удовольствие тоном чистосердечия, которого я напрасно буду требовать от других людей; не уважая искренность их, негодуя на притворство, черт ли мне в их мнении? Ты находишь главную погрешность в плане: мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка сама не глупая предпочитает дурака умному человеку (не потому, чтобы ум у нас грешных был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека); и этот человек разумеется в противуречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих, сначала он весел, и это порок: «Шутить и век шутить, как вас на это станет!» Слегка перебирает странности прежних знакомых, что же делать, коли нет в них благороднейшей заметной черты! Его насмешки неязвительны, покуда его не взбесить, но все-таки: «Не человек! змея!», а после, когда вмешивается личность, «наших затронули», предается анафеме: «Унизить рад, кольнуть, завистлив! горд и зол!» Не терпит подлости: «ах! боже мой, он карбонари». Кто-то со злости выдумал об нем, что он сумасшедший, никто не поверил, и все повторяют, голос общего недоброхотства и до него доходит, притом и нелюбовь к нему той девушки, для которой единственно он явился в Москву, ему совер-

шенно объясняется, он ей и всем наплевал в глаза и был таков. Ферзь тоже разочарована насчет своего сахара медовича. Что же может быть полнее этого? «Сцены связаны произвольно». Так же, как в натуре всяких событий, мелких и важных: чем внезапнее, тем более завлекает в любопытство. Пишу для подобных себе, а я, когда по первой сцене угадываю десятую: раззеваюсь и вон бегу из театра. «Характеры портретны». Да! и я, коли не имею таланта Мольера, то по крайней мере чистосердечнее его; портреты и только портреты входят в состав комедии и трагедии, в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные — всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь. Вот моя поэтика; ты волен просветить меня, и коли лучше что выдумаешь, я позаймусь от тебя с благодарностью. Вообще я ни перед кем не таился и сколько раз повторяю (свидетельствуюсь Жандром, Шаховским, Гречем, Булгариным etc., etc), что тебе обязан зрелостию, объемом и даже оригинальностию моего дарования, если оно есть во мне. Одно прибавлю о характерах Мольера: Мещанин во дворянстве, Мнимый больной — портреты, и превосходные; Скупец — антропос собственной фабрики, и несносен.

«Дарования более, нежели искусства». Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать, не знаю, стою ли ее? Искусство в том только и состоит, чтоб подделываться под дарование, а в ком более вытвержденного, приобретенного потом и сидением, искусства угождать теоретикам, т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силы,— тот, если художник, разбей свою палитру и кисть, резец или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем спорее дело, и не лучше ли вовсе без хитростей? nugae difficilis (замысловатые пустяки (лат.).— *С. Ф.*). Я как живу, так и пишу свободно и свободно» (III, 168).

Потеряв надежду опубликовать комедию целиком, Грибоедов отдает отрывки из нее (7—10-е явления первого действия и третье действие) в альманах «Русская Талия», который выходит из печати 15 декабря 1824 года (см.: С.-Петербургские ведомости, 1824, № 101,

16 декабря, с. 1246). Грибоедовский текст в альманахе подвергся цензурной правке и сокращениям. Здесь было напечатано, например: «Между учеными который поселился» (у Грибоедова: «В ученый комитет...»); «Ведь надобно других иметь в виду» (вместо: «Ведь надобно зависеть от других»), «перед каким ни есть (вместо «перед монаршим») лицом»; «Одежд (вместо «правлений»), и климатов, и нравов, и умов» и т. п.

Но с публикацией этих отрывков комедия Грибоедова легализировалась. На страницах всех основных журналов того времени разразилась бурная полемика по поводу пьесы. В полемике этой сразу же обозначились два полюса.

Одним из первых о «Горе от ума» высказался на страницах журнала «Вестник Европы» М. А. Дмитриев, который обвинил Грибоедова в «бранчливом патриотизме», в непродуманности плана, в «жестком, неровном и неправильном языке». В сущности, раздражение критика вызвала сатирическая картина нравов московского дворянства; Чацкий же, по его мнению, «есть не что иное, как сумасброд, который находится в обществе людей совсем не глупых, но необразованных и который умничает перед ними, потому что считает себя умнее: следственно, все смешное на стороне Чацкого» (Вестник Европы, 1825, ч. 140, № 6, с. 115). Ответ Дмитриеву был дан на страницах журнала «Сын отечества» О. М. Сомовым, который глубже всех из современников Грибоедова оценил художественное новаторство автора «Горя от ума». «Сочинитель ее (комедии.— *С. Ф.*), — писал Сомов,— не шел, и, как видно, не хотел идти тою дорогою, которую углаживали и наконец истоптали комические писатели от Мольера до Пирона и наших времен. Посему обыкновенная французская мерка не придется по его комедии... Здесь характеры узнаются и завязка развертывается в самом действии; ничто не подготовлено, но все обдумано и взвешено с удивительным расчетом... Чацкий сам очень хорошо понимает (и в этом со мною согласится всяк, кто внимательно читал комедию «Горе от ума»), что, говоря невеждам о их невежестве и предрассудках и порочным о их пороках, он только напрасно теряет речи; но в эту минуту, когда пороки и предрассудки трогают его, так сказать, за живое, он не в силах владеть своим молчанием: негодование против воли вырывается у него потоком слов, колких, но справедливых. Он

уже не думает, слушают и понимают ли его или нет: он высказал все, что у него лежало на сердце — и ему как будто стало легче. Таков вообще характер людей пылких, и сей характер схвачен г. Грибоедовым с удивительной верностью» (Сын отечества, 1825, ч. 101, № 10, с. 179).

Разумеется, современная Грибоедову критика не могла касаться главного в комедии: ее общественно-политической актуальности, своеобразное свидетельство которой мы находим в частном письме ярого реакционера (между прочим, члена того самого Ученого комитета, который упоминается в пьесе) Д. П. Рунича: «В самой пьесе нет другой цели, кроме той, чтобы сделать презрительным не порок, а возбудить презрение к одному только классу общества... Всякий, считая себя и умнее, и достойнее другого, а чаще всех, по фигаро-грибоедовской философии, будет видеть в Чацком себя, а в других же никто и сходства с собой искать не станет... Ему хотелось высказать свои философско-политические понятия, а о прочем он не думал» (РС, 1892, № 10, с. 217).

«Философско-политические понятия» эти были в полной мере оценены декабристами. «Литературные деятели (Северного тайного общества.— *С. Ф.*),— вспоминал Д. И. Завалишин, — захотели воспользоваться предстоящими отпусками офицеров для распространения в рукописи комедии Грибоедова «Горе от ума», не надеясь никоим образом на дозволение напечатать ее. Несколько дней сряду собирались у Одоевского, у которого жил Грибоедов, чтобы в несколько рук списывать комедию под диктовку» (Воспоминания, 1929, с. 159).

К 1825 году относится первая попытка поставить комедию «Горе от ума» в театре — на учебной сцене театрального училища в Петербурге. «Мы с Григорьевым, — вспоминал П. А. Каратыгин, — предложили Александру Сергеевичу разыграть «Горе от ума» на нашем школьном театре, и он был в восхищении от нашего предложения... мы живо принялись за дело; в несколько дней расписали роли, в неделю их выучили, и дело пошло на лад. Сам Грибоедов приезжал к нам на репетиции и очень усердно учил нас... Надо было видеть, с каким простодушным удовольствием он потирал себе руки, видя свое «Горе от ума» на нашем репбяческом театре... На одну из репетиций он привел с собой А. Бестужева и Вильгельма Кюхельбекера — и те

тоже нас похвалили... Наконец, комедия была уже совсем приготовлена, на следующий день назначен был спектакль (на 18 мая 1825 года.— *С. Ф.*)... но, увы! все наши хлопоты и надежды лопнули, как мыльный пузырь! Накануне самого представления, на самой последней репетиции, является к нам инспектор Бок и объявляет нам грозный фирман графа Милорадовича (который имел тогда главное начальство над императорскими театрами и которому кто-то донес о наших затеях), чтоб мы не смели так либеральничать и что пьесу, не одобренную цензурой, нельзя позволить играть в театральном училище» (Воспоминания, с. 106).

В 1828 году, перед отъездом из Петербурга, куда он прибыл с известиями о Туркманчайском мире, Грибоедов на списке «Горе от ума», принадлежащем бывшему издателю «Русской Талии» Ф. В. Булгарину, делает надпись: «Горе мое поручаю Булгарину...», надеясь, что оборотистый журналист сумеет добиться полной публикации текста комедии. Список этот, представляющий собой тщательно выправленную писарскую копию, содержит текст идентичный, за исключением нескольких слов, с текстом Жандровского списка. Тем самым драматургом подтверждалось окончание работы над комедией «Горе от ума», последние штрихи в которую были внесены еще в 1825 году.

Лишь после смерти Грибоедова его комедия проникает, сперва в отрывках, на профессиональную сцену; в 1831 году в составе всех четырех актов, но с многочисленными цензурными исправлениями и купюрами «Горе от ума» наконец было поставлено и в Петербурге (26 января), и в Москве (27 ноября). Однако и после этого для каждой постановки пьесы на провинциальной сцене требовалось особое разрешение властей.

Первое отдельное издание «Горя от ума» вышло в Москве в 1833 году с цензурными купюрами; первым полным легальным изданием комедии в России стало издание П. Тиблена (1862); впрочем, известно два бесцензурных издания комедии, напечатанной в 1830-х годах в полковых типографиях. Научное издание комедии Грибоедова «Горе от ума», основанное на авторизованных (Жандровском и Булгаринском) списках, осуществлено Н. К. Пиксановым во втором томе академического Полного собрания сочинений драматурга (СПб., 1913).

СОДЕРЖАНИЕ

Повести

Два гусара 6
Утро помещика 48
Казаки 85

Рассказы

Набег 196
Рубка леса 215
Поликушка 240

Севастопольские рассказы

Севастополь в декабре месяце 280
Севастополь в мае 290
Севастополь в августе 1855 года 323

Лев Николаевич Толстой

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Редактор А. Тимофеева
Художник А. Тленшиев
Художественный редактор Б. Табылдиев
Технический редактор Н. Галицкая
Корректоры Ж. Абдельдинова, Д. Аханькова

ИБ № 2093

Сдано в набор 25.12.84. Подписано к печати 10.09.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 23,0. Усл. кр.-отт. 23,6. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 1—50 000 экз.). Заказ № 3694. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

...произвести. Ей-богу! Уж такой барин, что одно слово! Разве с евтими ...менить, что тут в карты играють,— это что — тьфу!— одно сло-во!— заключил Никита, указывая на светящееся около комнаты бари-ня, в которой во время отсутствия штабс-капитана юнкер Жвадческий позвал к себе на кутеж, по случаю получения креста, гостей: подпо-ручика Угровича и поручика Непшитшетского, того самого, которому надо было идти на бастион и который был нездоров флюсом.

— Звездочки-то, звездочки так и катятся,— глядя на небо, пре-рвала девочка молчание, последовавшее за словами Никиты,— вон, вон еще скатилась! К чему это так? а, маынька?

— Совсем разобьют домишко наш,— сказала старуха, вздыхая и не отвечая на вопрос девочки.

— А как мы нынче с дяинькой ходили туда, маынька,— продол-жала певучим голосом разговорившаяся девочка,— так большущая такая ядро в самой комнатке подле шкапа лежит; она сенцы, видно, пробила да в горницу и влетела. Такая большущая, что не поднимешь.

— У кого были мужья да деньги, так повыехали,—говорила ста-руха,— а тут — ох, горе-то, горе, последний домишко и тот разбили. Вишь как, вишь как палит злодей! Господи, господи!

— А как нам только выходить, как одна бомба прилети-и-ит, как лопни-и-ит, как засыпи-и-ит землю, так даже чуть-чуть нас с дяинькой одним оскретком не задело.

— Крест ей за это надо,— сказал юнкер, который вместе с офи-церами вышел в это время на крыльцо посмотреть на перепалку.

— Ты сходи до генерала, старуха,— сказал поручик Непшитшет-ский, трепля ее по плечу,— право!

— Pójde, na ulice, zobaczic co tam noweqo[1],— прибавил он, спус-каясь с лесенки.

— A my tym czasem napijmy siewódki, bo cós dusza w piety ucieka[2],— сказал, смеясь, веселый юнкер Жвадческий.

---

[1] Сходить на улицу, узнать, что там новенького *(польск.)*.

[2] А мы тем часом кнаксик сделаем, а то что-то уж очень страшно *(польск.; пер. Л. Н. Толстого)*.

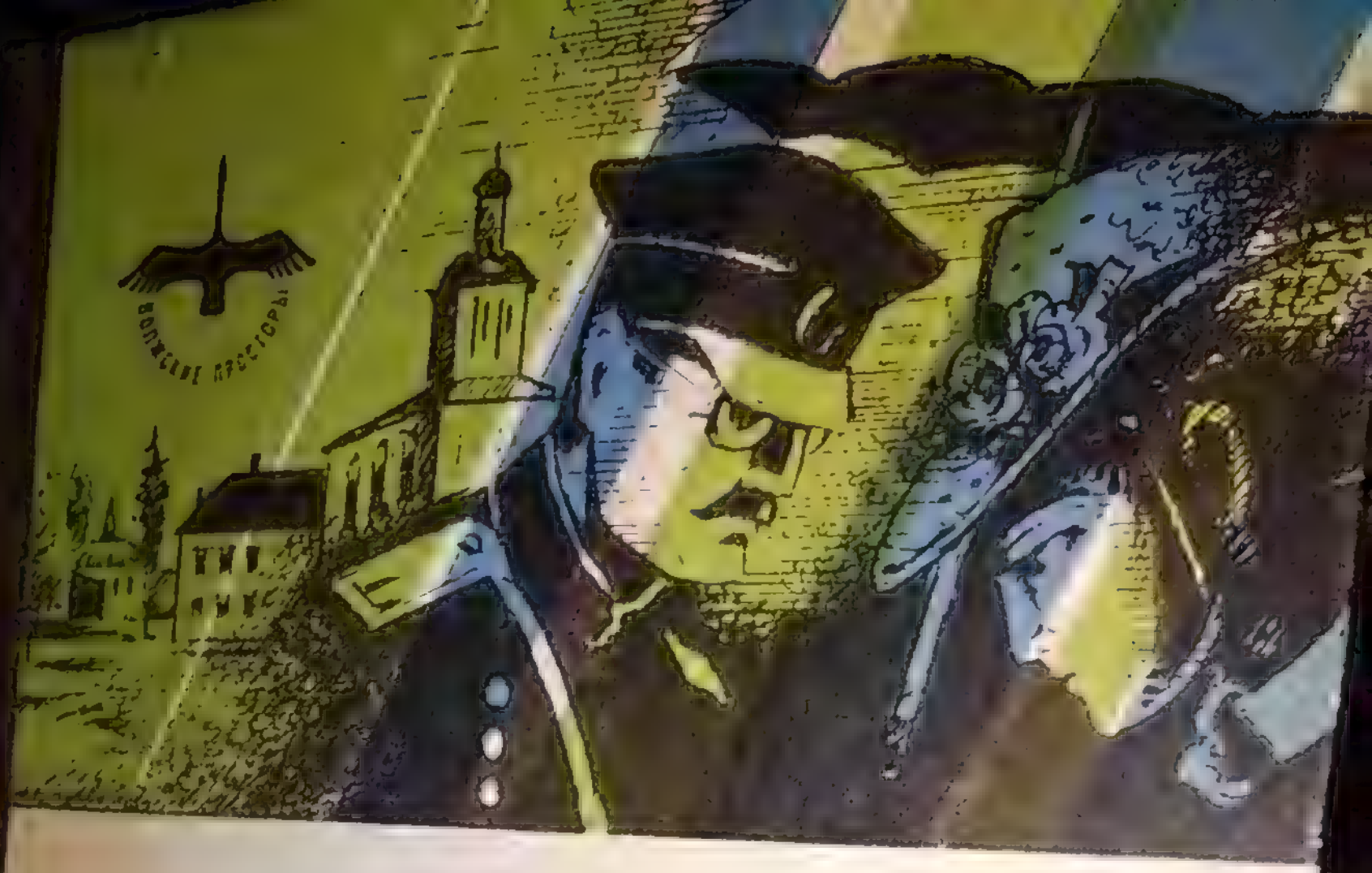
Р2
Ф95

Текст печатается по изданию:
Д. Фурманов. „Чапаев. Красный десант. Мятеж".
Л., Лениздат, 1967.

Фурманов Д. А.
Ф95 Мятеж. Перепзд. Петрозаводск, «Карелия», 1977.
352 с.

Ф $\frac{70302—039}{М127(03)}$ 61—77

Р2



А. И. КУПРИН

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

СОДЕРЖАНИЕ

К. Паустовский. ПОТОК ЖИЗНИ (заметки о прозе Куприна) 3
ПОЕДИНОК. Повесть 20

Рассказы

ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ 195
КУСТ СИРЕНИ 232
К СЛАВЕ 236
ДЕТСКИЙ САД 260
ALLEZ! 264
НА ПОКОЕ 268
ИСПОЛИНЫ 290
ГАМБРИНУС 293
СЛОН 313
СВЯТАЯ ЛОЖЬ 321
ХРАБРЫЕ БЕГЛЕЦЫ 330
ЛИСТРИГОНЫ 347

ПОТОК ЖИЗНИ

(заметки о прозе Куприна)

В 1921 году в одесских газетах появилось объявление о смерти никому не известного Арона Гольдштейна.

В те годы революции, голода и веселья никто бы не обратил внимания на это объявление, если бы внизу под фамилией Гольдштейн не было напечатано в скобках «Сашка Музыкант из Гамбринуса».

Я прочел это объявление и удивился. Значит, он действительно жил на свете, этот Сашка Музыкант, а не был только отдаленным прототипом для Куприна в его «Гамбринусе». Значит, все, о чем писал в этом рассказе Куприн,— подлинность.

В это трудно было поверить потому, что жизнь и искусство в нашем представлении никогда не сливались так неразрывно.

Оказалось, что Сашка Музыкант, давно ставший для нас легендой, литературным героем, жил в зимней, обледенелой Одессе рядом с нами и умер где-то на мансарде старого одесского дома.

Хоронила Сашку Музыканта вся портовая и окраинная Одесса. Эти похороны были как бы концовкой купринского рассказа.

Колченогие лошади, часто останавливаясь, тащили черные дроги с гробом. Где достали этих одров, переживших в то голодное время, когда и людям нечего было есть, так и осталось тайной.

Правил этими конями высокий рыжий старик, должно быть, какой-нибудь знаменитый биндюжник с Молдаванки. Рваная кепка была сдвинута у него на один глаз. Биндюжник курил махорку и равнодушно сплевывал, выражая полное презрение к жизни и к смерти. «Какая разница, когда на Привозе уже не увидишь буханки арнаутского хлеба и зажигалка стоит два миллиона!»

За гробом шла большая шумная толпа. Ковыляли старые тучные женщины, замотанные в теплые шали. Похороны были для них единственным местом, где можно поговорить не о ценах на подсолнечное масло и керосин, а о тщете существования и семейных бедах,— поговорить, как выражаются в Одессе, «за жизнь».

Женщин было немного. Я упоминаю их первыми потому, что, по галантным правилам одесского нищего люда, их пропустили вперед к самому гробу.

За женщинами шли в худых, подбитых ветром пальто музыканты — товарищи Сашки. Они держали под мышками инструменты. Когда процессия остановилась

около входа в заколоченный «Гамбринус», они вытащили свои инструменты и неожиданная печальная мелодия старинного романса полилась над толпой:

Не для меня придет весна,
Не для меня Буг разольется...

Скрипки пели так томительно, что люди в толпе начали сморкаться, кашлять и утирать слезы.

Когда музыканты кончили, кто-то крикнул сиплым голосом:

— А теперь давай Сашкину!

Музыканты переглянулись, ударили смычками, и над толпой понеслись игривые скачущие звуки:

Прощай, моя Одесса,
Прощай, мой Карантин!
Нас завтра угоняют
На остров Сахалин!

Куприн писал о посетителях «Гамбринуса», что все это были матросы, рыбаки, кочегары, портовые воры, машинисты, рабочие, лодочники, грузчики, водолазы, контрабандисты — люди молодые, здоровые, пропитанные крепким запахом моря и рыбы. Они-то и шли сейчас за гробом Сашки Музыканта. Но от прежней молодости и задора ничего уже не осталось. «Жизнь погнула!» — говорили старые морские люди. Что от нее сохранилось? Надсадный кашель, обкуренные седые усы да опухшие суставы на руках с узловатыми синими венами. Да и то сказать — жизнь не обдуришь! Жизнь надо выдюживать, как десятипудовый тюк,— донести до трюма и скинуть. Вот и скинули, а отдохновения все равно нету,— не тот возраст! Вот и Сашка лежит в гробу белый, сухой, как та обезьянка.

Я слушал эти разговоры в толпе, но их горечь не доходила до меня. Я был тогда молод, революция гремела вокруг, события смывали друг друга с такой быстротой, что некогда было как следует в них разобраться.

Ко мне подошел репортер Ловенгард — седобородый нищий старик с большими детскими глазами.

Ловенгард, как шутили молодые непочтительные репортеры, картавил на все буквы, и потому его не всегда можно было сразу понять. К тому же Ловенгард любил говорить несколько выспренно.

— Я первый,— сказал он мне,— привел Александра Ивановича Куприна в «Гамбринус». Он сидел, курил, пил пиво и смеялся — и вдруг через год вышел этот рассказ! Я плакал над ним, молодой человек. Это шедевр любви к людям, жемчужина среди житейского мусора.

Он был прав, Ловенгард. Я не знал, что он был знаком с Куприным, но с тех пор мне всегда казалось, что Куприн просто не успел написать о самом Ловенгарде.

Это был подлинный купринский персонаж. Единственной страстью этого одинокого старика был одесский порт. В редакциях газет ему предлагали любую выгодную работу, но он от всего упорно отказывался и оставлял за собой только порт.

С утра до вечера, в любое время года и в любую погоду, он медленно обходил все гавани и все причалы — неимоверно худой и торжественный, как Дон Кихот, опираясь вместо рыцарского копья на толстую палку.

Он поднимался на все пароходы и, как «капитан порта» в известном рассказе Грина, опрашивал моряков о подробностях рейса. Он в совершенстве говорил на нескольких языках, даже на новогреческом. С изысканной вежливостью он беседовал с капитанами и с отпетыми портовыми босяками и, разговаривая, снимал перед всеми старую шляпу.

В порту его прозвали «Летописцем». Несмотря на нелепость его старомодной фигуры среди буйного и ядовитого на язык населения гаваней, его никогда не трогали и не давали в обиду. Это был своего рода Сашка Музыкант для моряков.

Мне кажется, что Ловенгард очень просто, даже слишком просто, сказал о том главном, что характерно для Куприна,— о его любви к человеку и его человечности.

Любовь Куприна к человеку проступает ясным подтекстом почти во всех его повестях и рассказах, несмотря на разнообразие их тем и сюжетов. Она лежит в основе таких разных произведений, как «Олеся» и «Анафема», «Чудесный доктор» и «Листригоны».

Прямо, в открытую, Куприн говорит о любви к человеку не так уж часто. Но каждым своим рассказом он призывает к человечности.

Он повсюду искал ту силу, что могла бы поднять человека до состояния внутреннего совершенства и дать ему счастье. В поисках он шел по разным путям, часто заблуждался, но в конце концов пришел к единственно правильному решению, что только величайший гений социализма приведет к расцвету человечности в этом измученном противоречиями мире.

Он пришел к этому решению поздно, после трудной и сложной жизни, после дружбы и разрыва с Горьким, после своего противоречивого и не всегда ясного отношения к революционным событиям, после некоторой склонности к анархическому индивидуализму,— пришел уже в старости, больной и утомленный своим непрерывным писательским трудом. Тогда он вернулся из эмиграции на родину, в Россию, в Советский Союз, и этим поставил точку под всеми своими исканиями и раздумьями.

Александр Иванович Куприн родился 8 сентября 1870 года в городке Наровчате Пензенской губернии.

Городок этот стоял, по свидетельству Куприна, среди пыльной равнины и каждый год почти наполовину выгорал от пожаров. Место было унылое и безводное.

Долгое время Наровчат по своей полной ничтожности пребывал в качестве так называемого «заштатного города». В нем не было ничего примечательного, кроме ремесленников, делавших хорошие решета и бочки, и ржаных полей, подступавших вплотную к заставам Наровчата.

У городка этого, по существу, не было истории, как не было и своих летописцев. Да и в литературе Наровчат до революции ни разу не отмечался. Впервые написал о нем К. Федин в своих замечательных рассказах «Наровчатская хроника».

В общем, только два выдающихся литературных события были связаны с именем этого захолустного городка — рождение в нем Куприна и упомянутая выше

книга Федина, тоже имевшего некоторое касательство к Наровчату (мать писателя была родом из этого городка).

Пензенская земля дала много незаурядных людей. Недаром Чехов в одном из своих писем пензяку Ладыжинскому шутливо воскликнул: «Vive la Penza! Да здравствует Пенза!»

В первом ряду этих замечательных пензяков был Куприн.

Отец Куприна — обнищавший дворянин — был мелким уездным письмоводителем.

Раннее его детство прошло в скучнейшем Наровчате, в обстановке мещанской и скудной, но Куприн никогда не проклинал этот город. Наоборот, он любил его, как любят, должно быть, заброшенного и некрасивого ребенка, и, будучи уже писателем, навещал его. Каким бы он ни был, этот безвестный Наровчат, но все же это была родина, своя земля. Она первая открыла ему свою нехитрую прелесть.

В любви к родным местам есть всегда доля необъяснимого или, вернее, необъясненного. Порой эта любовь ставит нас в тупик и удивляет, но, конечно, только в тех случаях, когда относится не к нашим родным местам.

Вот Наровчат! За что, кажется, можно полюбить этот плоский и пыльный городок?

Для того чтобы проникнуть в тайну этой любви, нужно пожить в нем, и тогда, возможно, и вам, приезжему человеку, приглядится и полюбится этот городок. Тогда исподволь начнет оживать скрытая в нем поэзия молчаливых полей, что простираются вокруг, поэзия закатов, мутных от пыли, поднятой стадами, резных наличников с облупившейся краской, могучих вязов со внезапно возникающим шумом тяжелой листвы, фикусов, выставленных под теплый дождь, веснушчатых детей и сухих вечеров, когда зарницы полыхают за оврагами, за полями и от них доходит запах прибитой дождем дорожной пыли.

Все эти разнообразные черты, где бы мы с ними ни встречались, одинаково близки и понятны нам, и из них-то и разрастается любовь к своей земле.

С самого раннего детства она завладела Куприным и преобразилась в дальнейшем в сильнейшую жадность к жизни. Это, пожалуй, было самым характерным свойством Куприна как писателя и человека. Не было ничего в реальной жизни своей страны, ни единой мелочи, которая казалась бы ему безразличной.

Сам он сказал о себе словами Платонова в «Яме»:

— Я бродяга и страстно люблю жизнь. Я был токарем, наборщиком, сеял и продавал табак, махорку-серебрянку, плавал кочегаром по Азовскому морю, рыбачил на Черном — на Дубининских промыслах, грузил арбузы и кирпич меня не гнала нужда. Нет, только безмерная жадность к жизни и нестерпимое любопытство... я хотел бы на несколько дней сделаться лошадью, растением или рыбою, или побыть женщиной и испытать роды; я бы хотел пожить внутренней жизнью и посмотреть на мир глазами каждого человека, которого я встречаю.

В этих словах — человеческий и писательский облик Куприна.

Для него характерна конкретность видения мира. Он говорит не вообще о махорке, а о махорке-серебрянке, и не вообще о рыбачьих промыслах на Черном море, а именно о Дубининских промыслах. И мы прекрасно понимаем, что Куприн может написать интереснейшие рассказы и об этой

махорке и этих промыслах, и потому нам становится досадно, что он упомянул о них вскользь и не рассказал подробнее.

Есть наука, или, вернее, свод знаний, которая носит скучное название «товароведение». Она подробно рассказывает о всех так называемых товарах, хотя бы, к примеру, о той же махорке, о всех ее сортах и качествах, о том, как ее выращивают, и приготовляют, о том, чем и почему «кременчугская крошка» лучше «нежинских корешков». Учебник товароведения можно читать как увлекательную повесть.

Можно представить себе такой же свод знаний о жизни, своего рода энциклопедию жизневедения. В этой области Куприн был замечательным знатоком, великим жизневедом. Все окружающее, в особенности человеческий быт, обиход, служило для него вернейшим показателем внутренней человеческой жизни и ее сложнейших психологических состояний.

Но дело не только в знании людей. Куприн поистине поражает нас своими познаниями в любой области жизни.

Познания эти особенно ценны потому, что все они следствие житейских наблюдений. Все пережито, все увидено воочию, все услышано самим писателем. Это сообщает прозе Куприна неувядаемую свежесть и богатство.

Можно открывать наугад том за томом сочинения Куприна и в каждом рассказе находить россыпи глубоких и разносторонних знаний.

Например, в великолепном рассказе «Анафема» Куприн показал себя блестящим знатоком церковной службы с ее «крюковскими» распевами, требниками, чином анафемствования, канонами. В «Поединке» и в цикле военных рассказов Куприн — непревзойденный знаток армейской службы и армейских нравов.

Обо всем он пишет, как знаток,— о цирке, актерской работе, охоте, рысистых бегах и правах животных.

Куприн читается легко. Таково общее мнение. И это верно. Но для того чтобы погрузиться в тот житейский материал, какой «подымает» Куприн, чтобы оценить всю обширность купринских познаний в науке жизневедения, надо читать его книги медленно, надо запоминать множество точных и метких черт «быстротекущей жизни», схваченных острым глазом писателя и целиком перенесенных им из жизни на страницы книг, где они продолжают жить, как и в действительности. Так пересаживают растения с комом плодородной земли, чтобы они не завяли.

Одним из первых выражений купринского «жизневедения» была его маленькая книга «Киевские типы». Она похожа на блестяще выполненный молодым писателем литературный этюд.

Это галерея киевских обывателей (в Киеве обывательщина носила своеобразный, несколько западный характер) и темных пронырливых людей — от студентов-«белоподкладочников» до шулеров.

Нужно было обладать превосходной проницательностью, чтобы так безошибочно вникнуть в душевный мир разнообразнейших людей, как это сделал Куприн в своих «Киевских типах».

Я не буду подробно рассказывать здесь биографию Куприна. Вся его жизнь — в его повестях и рассказах. Полнее, чем сам Куприн, никто об

этом, конечно, не скажет. К тому же Куприн писал, что «лишнее для читателя путаться в мелочах жизни писателей, ибо это любопытство вредно, мелочно и пошло». Поэтому я ограничусь лишь самыми важными событиями из его жизни.

Отец умер рано. С тех пор у мальчика началась сиротская жизнь с беспомощной матерью, жизнь без маленьких радостей, но с большими обидами и нуждой. С необыкновенной едкостью и горечью Куприн рассказал об этой сиротской жизни в рассказе «Река жизни»:

«Моя мать... рано овдовела, и мои первые детские впечатления неразрывны со скитаньем по чужим домам, клянченьем, подобострастными улыбками, мелкими, но нестерпимыми обидами, угодливостью, слезливыми, жалкими гримасами, с этими подлыми мучительными словами: кусочек, капелька, чашечка чайку... Меня заставляли целовать ручки у благодетелей,— у мужчин и женщин. Мать уверяла, что я не люблю того-то и того-то лакомого блюда, лгала, что у меня золотуха, потому что знала, что от этого хозяйским детям останется больше и что хозяевам это будет приятно. Прислуга втихомолку издевалась над нами; дразнила меня горбатым, потому что я в детстве держался сутуловато, а мою мать называли при мне приживалкой и салопницей... Я ненавидел этих благодетелей, глядевших на меня, как на неодушевленный предмет, сонно, лениво и снисходительно совавших мне руку в рот для поцелуя, и я ненавидел и боялся их, как теперь ненавижу и боюсь всех определенных, самодовольных, шаблонных, трезвых людей, знающих все наперед».

Мать Куприна устроилась во вдовий дом в Москве на Кудринской площади. Мальчик первое время жил там вместе с матерью, потом его перевели в сиротский пансион.

В нашей дореволюционной литературе мало писали о «богоугодных заведениях» — о сиротских и вдовьих домах и убежищах для престарелых. Унижение человека было доведено в этих заведениях до степени искусства. Нужно было впасть в полное отчаяние, чтобы добиваться приема в эти дома, откуда не было другого выхода, кроме как в больницу или на кладбище.

Куприн с необыкновенной точностью описал жизнь этих заведений в рассказах «Храбрые беглецы», «Святая ложь», «На покое». Он, пожалуй, первый из наших писателей безбоязненно прикоснулся к теме людей, вышвырнутых за ненадобностью из жизни. Он писал об этом с какой-то пронзительной жалостью.

Но у Куприна было доброе сердце. Иногда он сам не выдерживал беспросветного горя, о котором писал, и старался смягчить судьбу своих персонажей по своей писательской воле. Но это плохо ему удавалось и воспринималось читателями, да, очевидно, и самим автором, как беспомощное утешение или как вынужденная концовка святочного рассказа.

После сиротского периода в жизни Куприна начался второй период — военный. Он тянулся очень долго — четырнадцать лет.

Мальчика удалось устроить в кадетский корпус. В те времена для детей обнищавших чиновников и дворян кадетский корпус был единственной возможностью получить кое-какое образование,— обучение в корпусе было бесплатное, и кадеты жили, как говорилось, «на всем готовом».

Из корпуса Куприн перешел в Александровское юнкерское училище в Москве. Оттуда он был выпущен подпоручиком и направлен «для несения

строевой службы» в 46-й пехотный Днепровский полк. Полк стоял в захолустных городках Подольской губернии — Проскурове и Волочиске.

Очень лаконично Куприн описал эти заброшенные города в своих военных рассказах.

В этих рассказах впервые проявилась редкая особенность купринского таланта (таланта «чрезвычайного», как говорил о нем Бунин) — его способность быстро и крепко вживаться в любую обстановку, в любой уклад жизни, в любой пейзаж. О чем бы Куприн ни писал, он с первых же слов захватывал читателя полной достоверностью своей прозы.

Писал ли он об Одессе, Западном крае, Киеве, лесах и посадах Рязанского края, Балаклаве, Донецком бассейне, Полесье, Москве, о деревнях и железнодорожных полустанках — всегда он наполнял свои рассказы остро подмеченными чертами, которые тотчас же переносили нас, читателей, в эти места, делали нас обитателями их и очевидцами местных событий.

Эта способность Куприна — все от того же жизнелюбия, постоянной заинтересованности всеми проявлениями действительности, от жажды все знать, все видеть и все понять.

Куприн прослужил в полку всего четыре года. Но этого времени ему вполне хватило, чтобы досконально изучить армейскую жизнь и написать через несколько лет одно из самых замечательных и беспощадных произведений русской литературы — повесть «Поединок».

«Поединок» вышел в мае 1905 года в 6-м сборнике «Знания».

Появление этой книги было тяжелейшей пощечиной политическому строю царской России. Успех «Поединка» был поистине неслыханным и небывалым.

Я был в то время мальчишкой, мне исполнилось только тринадцать лет, но я помню и то грозное время и то впечатление, какое произвела новая книга Куприна.

Война в Маньчжурии приближалась к своему роковому и позорному концу. Солдаты гибли тысячами в гаоляновых полях из-за бездарности и вопиющей глупости генералов. Болтливого Куропаткина сменил выживший из ума маньяк генерал Линевич. Тыл воровал и пьянствовал. Армия не умела даже отступать. Страна волновалась.

И как последний ошеломляющий удар пришла весть о полном, почти неправдоподобном разгроме всего нашего флота при Цусиме.

Я видел первые рабочие и студенческие демонстрации после Цусимского разгрома. Даже шарманщики пели по дворам новую песню:

Довольно! Довольно! Герои Цусимы,
Вы жертвой последней легли.
Она уже близко, она у порога,
Свобода родимой земли!

И в это время вышел «Поединок».

Все искали причин маньчжурского поражения. Куприн в «Поединке» сказал свое слово об этих причинах с такой неопровержимостью, что даже сторонники царского строя были растеряны.

Нельзя было спорить с очевидностью. А этой очевидностью был «Поединок» —

повесть и вместе с тем документ о тупой и сгнившей до сердцевины офицерской касте, об армии, державшейся только на страхе и унижении солдат, об армии, как бы нарочно созданной для неизбежного и постыдного разгрома в первых же боях.

Волна гнева прокатилась по стране. Даже лучшая часть офицерства приветствовала Куприна и посылала ему благодарственные телеграммы. Но большинство офицеров — типичных героев из «Поединка» — было возмущено и озлоблено.

В то время я, киевский гимназист, жил вне семьи и снимал комнату в тесной дешевой квартире пехотного поручика Ромуальда Козловского в Дегтярном переулке. Поручик жил с матерью — подслеповатой и незлобивой старушкой.

Когда я прочел «Поединок», то мне казалось, что в этой книге не хватает Ромуальда Козловского. Чванный этот офицер, несмотря на то, что отец его был полотером, очень кичился своим шляхетством и был налит до краев глуповатым гонором. Он был задирист и взвинчен постоянным ожиданием столкновений с непочтительными «шпаками». Он даже ждал этих столкновений и набивался на них, чтобы потом защищать свою шляхетскую честь и честь своего пехотного мундира.

Из-за своего маленького роста он носил сапоги на высоченных каблуках, корсет и все время вытягивался, как петух перед тем, как загорланить на мусорной куче.

По утрам он пил в кухне ячменный кофе, сидя в подусниках и голубых кальсонах. Он него несло бриллиантином и крепкими дешевыми духами. Пан Ромуальд душился яростно, чтобы перебить запах кислых каких-то лекарств, которыми он безуспешно лечился от сифилиса. Этот тошнотворный запах сочился из его комнаты и наполнял всю квартиру.

Поручик считал себя сердцеедом, неутомимым в любви. Говорили, что он бил солдат. Изредка он бренчал на гитаре и пел шансонетку:

Ваша ножка
Толста немножко,
Но обожаю
Ее лобзать!

С матерью он был груб. Она боялась его. Я же поручика ненавидел.

Однажды пан Ромуальд вошел в кухню, где мы со старушкой Козловской пили кофе «Гималайское жито». Он брезгливо нес двумя пальцами неизвестную книгу и бросил ее в мусорное ведро.

— Сожгите это! — сказал он своей мамаше.— Сожгите в грубке эту гадость, где какой-то штафирка позволил себе оплевать наше русское офицерство. Если бы он мне попался, я бы показал ему кузькину мать, клянусь честью. Он бы у меня потанцевал!

Этой книгой был «Поединок».

Сейчас я ловлю себя на том, что уже второй раз вспоминаю людей, которые могли бы участвовать в рассказах Куприна. Мне кажется, что это совсем не случайно и только доказывает необыкновенную типичность его персонажей для своего времени, кажущегося нам очень далеким.

Сила «Поединка» — в превосходном знании армейской среды и в точности ее

изображения. Портретная галерея офицеров в «Поединке» вызывает и стыд за человека и спасительный гнев.

Школа унижения в армии шла по нисходящей линии: генерал грубо и пренебрежительно обращался с командиром полка, командир, в свою очередь, «цукал», как тогда говорили, офицеров, а офицеры — солдат. Всю злобу мелких неудачников, всю житейскую муть, жгущую сердце, офицеры срывали на солдатах.

Почти все офицеры в «Поединке» — это скопище ничтожеств, тупиц, пьяниц, трусливых карьеристов и невежд, для которых Пушкин был «какой-то там штак».

Они начисто оторваны от народа. Они варятся в грязноватом и пудном быту. Их сознательно превратили в касту с ее спесью, с ее ни на чем не основанном представлении о своей исключительной роли в жизни страны, о «чести мундира».

Лучше всего об этом сказал Куприн словами одного из героев «Поединка», талантливого и спившегося офицера, доморощенного ницшеанца Назанского:

«Подумайте вы о нас, несчастных армейских, об армейской пехоте, об этом главном ядре славного и храброго русского войска. Ведь все это заваль, рвань, отбросы... убоявшиеся премудрости гимназисты, реалисты, даже не окончившие семинаристы. Я вам приведу в пример наш полк. Кто у нас служит хорошо и долго? Бедняки, обремененные семьями, нищие, готовые на всякую уступку, на всякую жестокость, даже на убийство, на воровство солдатских копеек, и все это из-за своего горшка щей. Ему приказывают: «Стреляй!», и он стреляет,— кого, за что? Может быть, понапрасну? Ему все равно, он не рассуждает. Он знает, что дома пищат его замурзанные, рахитические дети, и он бессмысленно, как дятел, выпуча глаза, долбит одно слово: «Присяга!» Все, что есть талантливого, способного,— спивается. У нас семьдесят пять процентов офицерского состава больны сифилисом.

...Если рабство длилось века, то распадение его будет ужасно. Чем громаднее было насилие, тем кровавее будет расправа. И я глубоко, я твердо уверен, что настанет время, когда нас (офицеров.— *К. П.*)... станут стыдиться женщины и, наконец, перестанут слушаться солдаты. И это будет не за то, что мы били в кровь людей, лишенных возможности защищаться, и не за то, что нам, во имя чести мундира, проходило безнаказанным оскорбление женщин, и не за то, что мы, опьянев, рубили в кабаках в окрошку всякого встречного и поперечного. Конечно, и за то и за это, но есть у нас более страшная и уже теперь непоправимая вина. Это то, что мы слепы и глухи ко всему. Давно уже где-то вдали от наших грязных, вонючих стоянок совершается огромная, новая, светозарная жизнь. Появились новые, смелые, гордые люди, загораются в умах пламенные свободные мысли... А мы, надувшись, как индейские петухи, только хлопаем глазами и надменно болбочем: «Что? Где? Молчать! Бунт! Застрелю!» И вот этого-то индюшечьего презрения к свободе человеческого духа нам не простят — во веки веков!»

О серой солдатской доле Куприн говорит с такой же жестокой силой, как и об офицерстве.

Мучительная сцена разговора Ромашова с замордованным, обезумевшим от побоев солдатом Хлебниковым, пытавшимся броситься под поезд, принадлежит к одной из лучших сцен в русской литературе. Ее невозможно читать без глубокой внутренней дрожи.

В том же ряду, как и «Поединок», стоят военные рассказы Куприна: «Ночная смена», «Поход» и «Дознание».

Значительно позднее «Поединка» Куприн написал превосходный и отточенный рассказ о японском шпионе «Штабс-капитан Рыбников».

В рассказе великолепно выписан японский шпион, в какой-то мере напоминающий гоголевского капитана Копейкина. Это был, пишет Куприн, «настоящий тип госпитальной, военно-канцелярской или интендантской крысы». Шпион долго и безнаказанно работал только из-за разгильдяйства властей и благодушия и непомерной лени русских интеллигентов.

«Поединок» стал одной из революционных вех в России. Недаром, когда Куприн читал «Поединок» в Севастополе, к нему подошел лейтенант Шмидт и крепко пожал ему руку. Это было незадолго до восстания на «Очакове».

После «Поединка» слава Куприна приобрела не только всероссийский, но и мировой характер. Но Куприн не только не обольщался ею, но даже тяготился.

Свою славу Куприн, по свидетельству Бунина, «нес... так, как будто ровно ничего не случилось в его жизни; казалось, что он не придает ей ни малейшего значения, ни в грош не ставит ее».

Куприн часто говорил, что писателем он стал случайно и потому собственная слава его удивляет.

В 1894 году Куприн вышел в отставку из армии и поселился в Киеве. Сначала он бедствовал, но вскоре начал работать в киевских газетах фельетонистом и писать, как он говорил, «рассказишки».

До этого Куприн писал очень мало. Еще юнкером, в 1889 году, он напечатал свой первый рассказ «Последний дебют» в московском юмористическом журнале «Русский сатирический листок». В кадетском корпусе Куприн написал несколько стихотворений с революционной, но несколько приподнятой и по-детски наивной окраской.

Свои рассказы Куприн писал легко, не задумываясь, брал талантом, но прекрасно понимал, что на одном таланте без большого жизненного материала долго не продержишься. В одном из своих писем он писал о том, что, когда он вышел из полка, «самое тяжелое было то, что у меня не было никаких знаний — ни научных, ни житейских. С ненасытимой и до сей поры жадностью я накинулся на жизнь и на книги».

Надо было уходить в жизнь, и Куприн, не задумываясь, бросился в нее. Он изъездил всю Россию, меняя одну профессию за другой. Он изучил страну и знал ее во всех ее качествах, любил жить одной жизнью с простыми людьми, выспрашивать их, следить за ними, запоминать их язык, их говор.

И так постепенно, из года в год, Куприн стал таким же бывалым человеком, как Горький, с которым он потом подружился, как Лесков,— стал знатоком своего народа и его описателем. Поэтому он никогда не чувствовал недостатка материала. Все занимало его, и обо всем он рассказывал живо, со вкусом, ни на минуту не сомневаясь в том, что это интересно и всем окружающим.

В этом широком погружении в жизнь страны вырабатывалась зрелость писателя. В этом отношении интересно сравнить рассказы «Киевские типы» с рассказом «Река жизни».

Все эти рассказы связаны с жизнью Куприна в Киеве. Материал их одинаков, но после фельетонных, хотя и несомненно талантливых, «Киевских типов» рассказ «Река жизни» по своей силе является классическим.

Мне пришлось еще юношей жить в таких же киевских номерах, как купринская «Сербия», и каждый раз, когда я перечитываю этот рассказ, он

меня поражает своей типичностью. В «Сербии» я не жил. Но жил в номерах «Прогресс». Там все было совершенно таким же, как и в описанной Куприным «Сербии», и вся обстановка, и хозяйка, и ее любовник-управитель, и вся коллекция отталкивающих и подозрительных жильцов.

Тогда, между прочим, я впервые и единственный раз видел Куприна. Он выступал в помещении киевского цирка с чтением своих рассказов. Читал он превосходно. Меня поразила внешность Куприна. До этого я видел его фотографии, и он казался мне похожим на хорошего русского прасола. У него было широкое простонародное лицо чуть монгольского типа.

В цирке же я увидел крепкого, немного кряжистого человека с явными чертами внутреннего и внешнего изящества,— вплоть до красной гвоздики в петлице пиджака.

В 1896 году Куприн работал в кузнечном цехе одного из металлургических заводов Донбасса. Вскоре после этого он написал повесть «Молох».

В те годы донецкие земли быстро теряли патриархальный характер чеховской «Степи». Мутные дымы заводов залегли над степными горизонтами. Степная поэзия «Слова о полку Игореве» ушла в невозвратимое прошлое. А. Блок писал об этом:

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в полях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной — без конца, без исхода,
Степь да ветер, да ветер — и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

Донецкий бассейн охватила золотая каменноугольная лихорадка. Угленосные участки раскупались за бешеные деньги. Создавались акционерные компании, строились шахты и заводы. Шло жестокое соревнование между русскими промышленниками и иностранцами. Иностранцы почти всегда побеждали. У них была старая сноровка, а русские толстосумы, недавние купцы и подрядчики, пока что примеривались и приспосабливались и знали только один способ выколачивать прибыли — выжимать все до конца из людей, земли и машин.

Перечитывая Куприна, я с удивлением заметил, что в своих жизненных скитаниях я как бы шел по его следам. Западный край, Киев, Одесса, Донбасс, Балаклава, Мещерские леса под Рязанью — все это прошло через жизнь почти в той же последовательности, как и в жизни Куприна. Разница была только во времени, и то небольшая, не больше двадцати лет.

Я застал жизнь такой же, какой она была при Куприне, и потому могу с некоторым правом свидетельствовать о необыкновенной свежести его характеристик людей и событий, всего его художественного письма.

Куприн был на Юзовском заводе в 1896 году. Мне привелось работать там в 1916 году — ровно через двадцать лет, но я застал еще в Донбассе всю обстановку куприпского «Молоха». Я помню те же рабочие поселки, Нахаловки и Шанхаи, из землянок и лачуг, беспросветную работу и нужду шахтеров, воскресные побоища с казаками, уныние, гарь, брезгливых и высокомерных инженеров и «молохов» — владельцев акционерных компаний, промышленных сатрапов, перед которыми заискивали министры.

Ни в одной своей вещи Куприн не выразил с такой силой, как в «Молохе», свою ненависть к капитализму и его разнузданным представителям, свое осуждение прекраснодушных и мягкотелых интеллигентов, в решительную минуту впадающих в истерию, и свое сочувствие рабочим, обреченным на голод и нищету.

Очень резко, густо выписан в повести делец и промышленник Квашнин — «молох», «мешок, набитый золотом». Временами Куприн придает Квашнину даже несколько гротескные черты.

Часть современных Куприну критиков, так называемых «литературных чистоплюев», обвиняла писателя, особенно в связи с «Молохом», в том, что он не окончил «литературную консерваторию» и допускает в своих вещах языковые и стилистические небрежности.

Обвинение это объясняется тем, что Куприн стремился сказать все, что он хотел, «по свежему следу», не откладывая работу и не вынашивая ее годами. Ему было важно заразить людей своим состоянием, своими мыслями, гневом или радостью, своей заветной мечтой, и для этого он не искал особых слов и особых эпитетов.

Куприн любил и превосходно знал русский язык, но никогда не делал из него раз навсегда установленного литературного канона.

Временами его язык приближается к разговорному, к языку устного рассказчика, и в этом отношении он несколько родствен языку Толстого. Вместе с тем Куприн всегда восхищался языком Чехова — «благоуханным, тонким и солнечным». Эта солнечность языка, его свет, его сила, его свежие краски были присущи и куприпскому языку.

Куприн с удивительным чувством меры и умением пользовался родственными русскому языками (в частности, украинским) и местными диалектами. Особенно хороши его полесские рассказы, где диалект полещуков придает локальную прелесть всему произведению.

Помимо этого, Куприн хорошо знал жаргоны русского языка, вплоть до «блатного» языка и жаргона проституток, до речи обывателя и полуинтеллигента. Это качество придает его рассказам острую типичность. Куприн свободно владел способностью характеристики не только отдельных людей, но и больших прослоек русского общества при помощи их языковых особенностей, при помощи диалога.

Примеров можно привести много, но достаточно хотя бы двух — манеры говорить инженера Боброва из «Молоха» и студента из рассказа «Реки жизни».

Ничто так не разоблачает внутреннюю несостоятельность этих интеллигентов, как их язык — приподнятый, временами даже ходульный, книжный, многословный, «прекраснодушный», но лишенный твердости и силы.

По размаху своего таланта, по своему живому языку Куприн окончил не только «литературную консерваторию», но несколько литературных академий.

Еще будучи офицером, Куприн ездил в Петербург держать экзамен в Академию генерального штаба. Экзамена он не выдержал, но поездка помогла ему установить связь с журналом «Русское богатство» и несколькими писателями.

С тех пор, несмотря на беспрерывные скитания иногда по самым забытым и глухим углам страны, Куприн не прерывал эти связи. Он познакомился с Чеховым, часто бывал у него в Ялте на Аутке и сдружился там с Буниным, Горьким, Федоровым, писателем-доктором Елпатьевским и со всем чеховским окружением.

Среди писателей он выделялся своей непосредственностью, простотой и образом жизни, далеким от обычного писательского существования. Дружа с писателями, Куприн никогда не изменял своим старым друзьям из рабочих, рыбаков, крестьян и матросов, из простонародья и ради общения с ними легко мог поступиться обществом литераторов.

В нем не было тщеславия. Он никогда не говорил о себе как о писателе,— возможно, что он просто забывал об этом. Но он никогда не упускал случая помочь начинающему писателю, особенно если он происходил из милой его сердцу простонародной среды.

Писатель Н. Никандров рассказывал мне, как Куприн упорно тащил и жестоко заставлял его, Никандрова, работать, чтобы «сколотить из него настоящего писателя».

История эта вообще интересна для характеристики того времени.

В 1905 году Никандров — бывший черноморский рыбак — сидел в севастопольской тюрьме за принадлежность к организации эсеров.

Севастопольская тюрьма была расположена вблизи Базарной площади, в месте довольно оживленном. Было лето. Стояла жара, и потому окна в камерах были открыты.

Никандрову — человеку необыкновенно жизнерадостному и большому говоруну — было скучно сидеть без дела, и он придумывал себе развлечения. Стоя у окна, он следил за пешеходами, шедшими на базар, главным образом за крикливыми южными хозяйками. Как только хозяйки, встретившись, останавливались и заводили разговор, Никандров начинал вслух сочинять этот разговор — смехотворный и необыкновенно сочный. Никандров хорошо знал быт и нравы южан.

Вся тюрьма слушала Никандрова у открытых окон и награждала его рассказы хохотом и аплодисментами.

Однажды Никандров получил через уголовного, прибиравшего камеры, записку. В ней было сказано, что если Никандров набросает на бумаге свои устные рассказы и передаст их автору этой записки, то рассказы можно будет напечатать в севастопольской газете и даже получить за них гонорар. Под запиской стояла незнакомая подпись — Гриневский. Это был А. С. Грин.

Никандров набросал свои озорные рассказы, переслал их Грину, и вскоре рассказы действительно были напечатаны.

После освобождения из тюрьмы Никандров зашел в редакцию севастопольской газеты. Там на его имя лежало письмо из Балаклавы от Куприна. Куприн

с восхищением отзывался о рассказах Никандрова и приглашал неизвестного автора к себе.

Никандров поехал к Куприну в Балаклаву, они быстро сдружились, и Куприн просто заставлял Никандрова писать и долго и терпеливо учил его основам писательского мастерства.

В Балаклаве Куприн написал один из самых обаятельных своих рассказов «Листригоны».

Я уже говорил о том, что почти все вещи Куприна автобиографичны. Все мечтатели и все влюбленные в жизнь в его рассказах — это он сам, Куприн, цельный и непосредственный человек, не знающий ни рисовки, ни позы, ни резонерства. Поэтому его неудержимо тянуло к таким же простым и ярким людям, каким он был сам.

Таковы были балаклавские греки — «листригоны».

Вообще «Листригоны» занимают по своей поэтичности, свободе повествования и вместе с тем по живописной конкретности людей, обстановки и пейзажа особое место в творчестве Куприна.

«Листригоны» — удивительная по простоте и прелести поэма русской прозы. Каждая черта, каждая деталь вызывают улыбку,—настолько все ощутимо, верно и просто.

Двумя-тремя лаконичными фразами Куприн дает тонкое, эмоциональное если можно так выразиться, представление о Балаклаве.

Вот, например, одна из таких фраз:

«Нигде во всей России,— а я порядочно ее изъездил по всем направлениям,— нигде я не слушал такой глубокой, полной, совершенной тишины, как в Балаклаве. Выходишь на балкон и весь поглощаешься мраком и молчанием. Черное небо, черная вода в заливе, черные горы. Вода так густа, так тяжела и так спокойна, что звезды отражаются в ней, не рябясь и не мигая»

Куприн недаром жил в Балаклаве. Нет, по-моему, лучшего места (конечно зимой, когда Балаклава пустеет) для писательской работы.

Что-то гриновское есть в этом городе, в его греческих домах с пустыми нишами для статуй, в тончайших голубых сетях, разостланных прямо на набережной, в его уютных лесенках, в закоулках и переходах, в его тишине, в близости открытого моря. Гул шторма слышен рядом, за мысом, тогда как в Балаклавской бухте вода, налитая вровень со старыми набережными, стоит неподвижно и ветер даже не шелестит в сухой листве акаций.

Но самыми поразительными, действительно магическими и необыкновенными являются балаклавские ночи, когда свет единственного в городе фонаря тонет во мраке и так хорошо думать, сидя на балконе, в кромешной темноте и чувствовать беспредельный покой и какую-то, я бы сказал, тишину сердца. В этой тишине должны рождаться удивительные мысли и такие удивительные книги, как «Листригоны».

У Куприна есть цикл рассказов: «Лесная глушь», «Болото», «На глухарей». Их объединяет место действия — леса, но по своему содержанию они очень различны.

Благоговейная и спокойная любовь Куприна к природе очень заразительна, и в этом тоже чувствуется сила его таланта.

О природе, о лесах, о какой-нибудь хибарке смолокуров Полесья Куприн рассказывает так, что тоска начинает грызть сердце,— тоска оттого, что ты сейчас не там, не в этих местах, тоска от страстного желания немедленно увидеть их во всей девственной суровости и красоте.

Одно время Куприн жил в Мещерских лесах у мужа сестры, лесничего в Крюшах. Действие рассказа «Болото» происходит в Мещере.

Память о зяте Куприна и о нем самом еще жива среди старых мещерских лесников и объездчиков. Они даже показывают место, где стояла сторожка лесника Степана, описанного Куприным в «Болоте», безответного, тихого человека, умершего, как и вся его семья, от малярии.

Сторожка стояла на Боровом Мху, на обширном болоте. Такие болота в Рязанской области зовут мшарами. Сейчас Боровой Мох почти осушен и лесники на нем не живут. Лесные сторожки-кордоны вынесены из болот на так называемые «острова», на песчаные бугры сосновых лесов.

На буграх сухо и тепло, но жить там летом — тоже адовая мука. Комара столько, что семьи лесников по неделям не выходят из избы и сидят в едком дыму от дымокуров. Спят только под марлевыми пологами. К осени комар исчезает, и потому осень — самое благословенное время для лесных жителей. Воздух свеж и чист, и последняя легкая теплота еще прогревает сосновые чащи.

О великой силе комаров можно судить хотя бы по тому, что листва ольхи по берегам озер и на болотах днем кажется серой, а не зеленой, от плотного слоя комаров, сидящих на деревьях. А по вечерам все болота зудят тонким и, кажется, всемирным комариным писком.

Мне случалось ночевать на мшарах. Ни костер, ни толстая подстилка из сосновых веток не спасали от резкого водянистого холода, что сочился снизу, из самых недр земли. А туманы были такие, что никак не могли разгореться костры.

Все сказанное выше — только внешняя обстановка рассказа «Болото». Рассказ этот с потрясающей силой обличает идиотизм деревенской жизни и тупую, поистине рабскую покорность человека перед недоброй силой тогдашнего общественного строя. Вся беспомощность лесника Степана, вся его безответная философия сводится к словам: «Не мы, так другие».

Есть у Куприна одна заветная тема. Он прикасается к ней целомудренно, благоговейно и нервно. Да иначе к ней и нельзя прикасаться. Это тема любви.

Иногда кажется, что о любви в мировой литературе сказано все. Что можно сказать о любви после «Тристана и Изольды», после сонетов Петрарки и истории Манон Леско, после пушкинского «Для берегов отчизны дальной...», лермонтовского «Не смейся над моей пророческой тоскою...», после «Анны Карениной» и чеховской «Дамы с собачкой»?

Но у любви тысячи аспектов, и в каждом из них — свой свет, своя печаль, свое счастье и свое благоухание.

Один из самых благоуханных и томительных рассказов о любви — и самых печальных — это купринский «Гранатовый браслет».

Куприн плакал над рукописью «Гранатового браслета», плакал скупыми и облегчающими слезами. К сожалению, писатели не так часто плачут и хохочут над своими рукописями. Я говорю «к сожалению» потому, что и эти слезы и этот смех говорят о глубокой жизненности того, что писатель создал, иной раз сам не понимая до конца силы своего перевоплощения и своего таланта.

Куприн говорил о «Гранатовом браслете», что ничего более целомудренного он еще не писал.

Это верно. У Куприна есть много тонких и превосходных рассказов о любви, об ожидании любви, о трагических ее исходах, об ее поэзии, тоске и вечной юности. Куприн всегда и всюду благословлял любовь. Он посылал «великое благословение всему: земле, водам, деревьям, цветам, небесам, запахам, людям, зверям и вечной благости и вечной красоте, заключенной в женщине».

Характерно, что великая любовь поражает самого обыкновенного человека — гнущего спину за канцелярским столом чиновника контрольной палаты Желткова.

Невозможно без тяжелого душевного волнения читать конец рассказа с его изумительно найденным рефреном: «Да святится имя твое!»

Все персонажи «Гранатового браслета» действительно существовали. Куприн сам писал об этом в одном из своих писем: «Это — помнишь? — печальная история маленького телеграфного чиновника П. П. Желтикова, который был так безнадежно, трогательно и самоотверженно влюблен в жену Любимова».

Я упоминаю об этом исключительно для того, чтобы подчеркнуть безусловную подлинность многих вещей Куприна. Куприн не извлекал свои рассказы из мира вымысла и поэзии. Наоборот, он открывал в реальности поэтические пласты настолько глубокие и чистые, что они производили впечатление свободного вымысла.

Куприн с восторгом принял Февральскую революцию, но по отношению к Октябрьской революции он занял противоречивую позицию. Он гневно восставал против врагов Октябрьской революции и вместе с тем сомневался в ее успехе и в ее подлинно народной сущности.

В этом состоянии растерянности Куприн эмигрировал в 1919 году во Францию.

Поступок этот был неорганичен для него, был случаен. За границей он тяжело тосковал по России, почти бросил писать и, наконец, весной 1937 года вернулся в родную Москву.

Он был уже тяжко болен и умер 25 августа 1938 года.

«Даже цветы на родине пахнут по-иному»,— написал он перед самой смертью, и в этих словах выразилась вся его глубочайшая любовь к своей стране.

Мы должны быть благодарны Куприну за все: за его глубокую человечность, за его тончайший талант, за любовь к своей стране, за непоколебимую веру в счастье своего народа и, наконец, за никогда не умиравшую в нем способность загораться от самого незначительного соприкосновения с поэзией и свободно и легко писать об этом.

К. ПАУСТОВСКИЙ

84Р1
Ч49

Чернышевский Н. Г.
Ч49 Что делать?: Из рассказов о новых людях. — Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1985. — 368 с.

В основу издания положен текст, опубликованный в серии «Литературные памятники» (Л., Наука, 1975) с учетом дополнительных уточнений по изданию романа «Что делать?» (Л., Художественная литература, 1976).

В приложении дается вариант XVII раздела четвертой главы «Второе замужество», в свое время изъятый или цензурой, или самим автором по автоцензурным соображениям. Он был обнаружен после Октябрьской революции в первоначальной редакции романа в архиве Петропавловской крепости.

Ч 4702010100
153(41)—85 84Р1

© Приволжское книжное издательство, 1985.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

[XVII]

Через год новая мастерская уже совершенно устроилась, установилась, пришла в порядок; [обе] мастерские были тесно связаны между собой, передавали друг другу заказы; одна исполняла часть работы другой, когда той случалось быть заваленной заказами; между ними был постоянный текущий счет. Размер их средств вместе был уж настолько обширен, что, если бы они сблизились еще больше, можно было открыть магазин на Невском. Это опять стоило довольно долгих хлопот Вере Павловне и Мерцаловой. Хотя отношения между девушками той и другой компании были тесные, хотя все они были между собою знакомы, хотя часто одна компания принимала у себя в гостях другую, хотя часто они соединялись для поездок за город летом, но все-таки мысль о слиянии счетов двух различных предприятий была мысль новая, которую долго надобно было разъяснять. Однако же выгода иметь на Невском свой магазин была очевидна, и после нескольких месяцев хлопот о слиянии двух предприятий в одно Вере Павловне и Мерцаловой удалось достичь этого. На Невском явилась новая вывеска: «Au bon travail. Magazin des Nouveautés».

С открытием магазина на Невском дела начали довольно заметно становиться еще выгоднее прежнего. Магазин входил в моду,— не в высшем кругу, до этого куда ж бы! — но все-таки в кругах довольно богатых, то есть дающих выгодные заказы.

Через два-три месяца стали замечаться в магазине посетители, отличавшиеся любознательностью, несколько неловкою, которой как будто конфузились сами, которая как будто сопровождалась в них не тою мыслью, какою сопровождается обыкновенная любознательность в любознательных людях: «ведь если я интересуюсь тем, чем интересуешься ты, то, вероятно, ты смотришь на меня с расположением и постараешься, как можешь, сам просветить меня»,— нет, а как будто другою мыслью: «конечно, ты на меня смотришь косо и стараешься спрятать хвост от меня, но меня все-таки не проведешь». Таких посетителей было два-три человека, и бывали они каждый раза по три, по четыре. В их «любознательности» прошло еще месяца полтора. А месяца через полтора приехал к Кирсанову

один отчасти знакомый, а больше незнакомый ему собрат по медицине и после различного разговора о различных медицинских казусах, главным образом после рассказов гостя об удивительных успехах того метода врачевания, которого он тогда держался и который состоял в том, чтобы больному несколько дней не давали ничего пить: «потому что все болезни состоят в худосочии, а соки постоянно выделяются из организма, следовательно, если не давать нового источника для этих отделений, то худые соки по необходимости истощатся, и через то болезнь пройдет» *,— сказал, что имеет [сообщить] Кирсанову приглашение: один просвещенный человек, много наслышавшийся о Кирсанове, желает познакомиться с ним. Кирсанов отвечал, что отправится к просвещенному человеку завтра же.

Просвещенный человек,— которого точнее следует называть даже просвещенным мужем, хотя у него и не было жены,— итак, просвещенный муж был действительно просвещенный муж, потому что тогда, в 1858—1859 гг., было уж очень просвещенное время. Некоторые <не>просвещенные люди еще были, да и то уж были большой редкостью, но эта редкость попадалась тогда только между существами, которых нельзя с точностью назвать мужами, хотя б у них и были жены; а между мужами в собственном смысле слова, то есть такими мужами, которые мужи собственно сами по себе,— мужи, потому что мужи, а не потому, это имеют жен,— между такими мужами непросвещенных не было: мужи все до одного были тогда просвещенными.

Муж принял Кирсанова, как, конечно, следует просвещенному мужу принимать гостей, с которыми ему самому захотелось познакомиться,— очень любезно; усадил, сам несколько пододвинул стул, предложил сигару и сказал несколько очень хороших слов о том, что он очень рад случаю познакомиться «с вами, Александр Матвеевич», потому, что он очень много наслышался «о вас, Александр Матвеевич», «как об одном из лучших украшений нашей медицинской науки, которая так необходима для государства», и проч.— Все это было действительно очень любезно, особенно то, что называл Кирсанова по имени и отчеству,— вот что значит просвещение! Прекрасная вещь. После этого несколько времени шел просвещенный разговор о медицине, а напоследок дошел и до цели знакомства, до приятного случая.

— У меня к вам есть просьба,— сказал просвещенный муж, когда достаточно доказал свою просвещенность и любезность.— Сделайте одолжение, объясните мне, что за магазин открыла ваша супруга на Невском?

---

* Это положительный факт. Один из моих лучших знакомых говорил, что один медик лечил по такому методу. Теперь этот медик держится уж другого метода, кажется, пятого с тех <пор>, как лечил высушиванием, что было лет пятнадцать назад. *(Прим. Н. Г. Чернышевского.)*

— Модный магазин,— сказал Кирсанов.

— Но с какою целью открыт он, это важно.

— С обыкновенною целью всех модных магазинов, торгующих дамскими нарядами.

Просвещенный муж посмотрел на своего гостя с внимательной мыслью; Кирсанов посмотрел на просвещенного мужа тоже с внимательной мыслью; просвещенный <муж>, смотря с внимательной мыслью, усмотрел, что гость, с которым ему приятно было познакомиться,— человек прижимистый, на которого надобно напирать плотнее.

— Я должен вам сказать, г-н Кирсанов (почему просвещенный муж вдруг забыл имя и отчество своего гостя?), что о магазине вашей супруги ходят невыгодные слухи.

— Это очень может быть: у нас любят сплетни; магазин моей жены имеет некоторый успех, может быть, есть в ком зависть к нему,— вот вам и объяснение. Но любопытно бы знать, какие ж это невыгодные <слухи>? Сплетни о модных магазинах чаще всего состоят в том, что они служат местами любовных свиданий. Не это ли уж? Но это была бы чистая нелепость.

Просвещенный муж снова посмотрел на Кирсанова с внимательной мыслью и убедился, что его гость — человек не только прижимистый, но и очень прижимистый.

— Помилуйте, Александр Матвеевич, кто же смеет оскорблять такою клеветою вашу супругу? Она и вы, конечно, слишком много выше подобных подозрений. И притом, если б слухи, о которых я говорю, относились к этому, мне не было бы причины искать вашего знакомства, потому что подобными вещами нет надобности заниматься людям серьезным. Но я желал с вами познакомиться потому, что, высоко уважая пользу, приносимую государству вашей ученой деятельностью, я бы желал быть вам полезен, и потому позвольте мне просить вас, Александр Матвеевич: будьте осторожнее. Обществу и, можно сказать, государству драгоценны такие ученые деятели, как вы, потому что процветание науки — первая потребность благоустроенного государства, и потому они должны, Александр Матвеевич,— можно сказать более: обязаны беречь себя.

— Насколько я сам о себе знаю, я не делаю ничего такого, что противоречило бы моей обязанности перед обществом и государством беречь себя.

Просвещенный муж посмотрел на Кирсанова с внимательной мыслью и увидел, что его гость человек не только очень прижимистый, но и закоснелый.

— Будем говорить прямо, Александр Матвеевич, к чему людям просвещенным не быть между собою вполне откровенными? Я сам <тоже> в душе социалист и читаю Прудона с наслаждением. Но...

— Позвольте сказать несколько слов, чтобы не оставалось между нами недоразумений. Вы сказали: «тоже социалист».

Это «тоже», вероятно, относится ко мне. Почему я, вы думаете, социалист? Может быть, вовсе нет,— кроме социалистов, есть протекционисты, есть последователи Сэ, есть последователи исторических воззрений Рау, есть последователи множества различных других направлений в политической экономии. Для причисления человека к последователям одного из них надобно иметь какие-нибудь основания.

— Я имею те основания причислять вас, г-н Кирсанов, к социалистам, что мне известно устройство магазина вашей супруги.

— Это устройство [позволяют] последователи всех направлений, когда они говорят серьезно. Некоторые из них — и теперь уж очень немногие — нападают на него, когда ведут полемику против последователей какого-нибудь другого направления, смотря по надобности. Но нападают только тогда, когда ведут полемику. В спокойном, чисто ученом изложении не отваживается не признавать его безопасность и полезность для общества решительно никто из пишущих о политической экономии. Если и говорю неправильно, прошу вас указать мне хоть один пример противного.

— Г-н Кирсанов, мы здесь не для ученых споров. Вы согласитесь, что мне некогда ими заниматься. Магазин г-жи Кирсановой имеет вредное направление, и я бы советовал ей, и в особенности вам, быть осторожнее.

— Если он вреден, то его надобно закрыть, а нас отдать под суд. Но мне любопытно было бы знать, в чем же состоит его вред?

— Да во всем. Начнем хотя с вывески. Что это такое «Au bon travail»? — это прямо революционный лозунг.

— В переводе это будет означать: «магазин хорошей работы»; какой тут революционный смысл, что модный магазин обещает хорошо исполнять заказы, я не понимаю.

— Смысл этих слов не тот. Они означают, что надобно все магазины так устроить, тогда только будет хорошо рабочему сословию. И само слово travail — это ясно, взято из социалистов, это революционный лозунг.

— Мне кажется, что с тех пор, как французы стали пахать землю, а раньше того — охотиться за зверями, они уж занимались какою-нибудь работою и не могли обходиться в своих разговорах без этого слова; а оно очень давнишнее, лет на тысячу старше всех социалистов, уверяю.

— Но к чему вообще какие-нибудь слова на вывеске? «Модный магазин такой-то» — и довольно.

— Вывесок с разными девизами много на Невском. «Au pauvre Diable», «A l'Elégance», — мало ли? Потрудитесь проехать по Невскому, вы увидите.

— Мне с вами некогда спорить. Я вас прошу заменить эту вывеску другою, на которой было бы просто написано: «мод-

ный магазин такой-то». Вот такое прямое изъявление воли, которая должна быть исполнена.

— Теперь я не спорю, я говорю: это будет сделано. Но, принимая перед вами за мою жену обязательство исполнить это, я должен сказать, что эта перемена сильно вредит денежным интересам предприятия. Она вредит им вдвойне: во-первых, всякая перемена фирмы отнимает значительную часть торговой известности, возвращает коммерческое предприятие далеко назад в отношении торгового успеха; во-вторых, моя жена носит мою фамилию, моя фамилия русская, русская фамилия на модном магазине уже подрывает его. Денежные интересы моей жены сильно пострадают. Но она покорится необходимости.

Просвещенный муж задумался с искренним участием.

— Ваш магазин есть коммерческое предприятие? Эта точка зрения заслуживает внимания. Администрация должна охранять денежные интересы и покровительствовать развитию торговли. Но можете ли вы уверить меня честным словом, что магазин вашей супруги есть коммерческое предприятие?

— Даю вам честное слово, да. Он — коммерческое предприятие.

— Скажите, что можно сделать в облегчение денежной потери, которой, к сожалению, необходимо должна подвергнуться ваша супруга? Все возможные средства для смягчения этого неизбежного удара будут допущены мною с готовностью, могу сказать больше: с удовольствием. Но вы понимаете, эта вывеска не может остаться.

— Мне приходит в голову вот что. В вывеске представляется неудобным слово travail, оно должно быть заменено именем моей жены. В этом состоит требование общественной пользы?

— Да.

— Я нахожу возможным исполнить это требование, важность оснований которого я вполне ценю, избегнув № 2 из двух невыгод — страшного удара, который нанесло бы магазину выставленное на нем имя с окончанием — off. Имя моей жены Вера. Можно передать это на французский язык словом Foi,— если оставить слово bon, ограничив эту перемену только размером необходимости, относящейся собственно к слову travail, то новая вывеска была бы: «A la bonne foi» — собственно «добросовестный магазин», но во французской надписи будет даже оттенок консервативного смысла: foi — Вера, как бы в противоположность тенденциям отрицательного характера.

Просвещенный муж задумался.

— Это вопрос важный. На первый взгляд ваше желание, Александр Матвеевич, представляется возможным. Но я в настоящую минуту не хотел бы давать решительного ответа, надобно зрело обдумать это.

— Я позволю себе высказать прямо мою мысль: конечно, в людях обыкновенных быстрота решения и зрелость его — усло-

вия не легко соединимые, но я никогда не сомневался, что встречал в жизни людей со взглядом, с одного раза обнимающим все стороны вопросов, формулирующим совершенно верный и зрелый окончательный вывод,— это талант по преимуществу административный.

— Я требовал у вас только несколько минут,— глубокомысленно сказал просвещенный муж,— и несколько минут мне действительно необходимы.

Несколько минут прошло в глубоком молчании.

— Да, я теперь обдумал все стороны вопроса: ваш компромисс может быть принят. Вы поймете грустную необходимость более или менее нарушить ваши интересы для интересов общества,— могу сказать больше: для интересов общественного благоустройства; но точно так же я жду от вашего беспристрастия, Александр Матвеевич, и признания готовности моей сделать все возможное для возможного смягчения необходимой меры.

— Будьте уверены, что я ценю одинаково и важность принимаемой вами меры, и вашу заботливость о возможном охранении наших частных интересов.

— Итак, мы расстаемся дружелюбно, Александр Матвеевич, это очень меня радует как вообще по моей готовности служить смягчающим посредником между государственной необходимостью и частными интересами, так и в особенности по моему уважению к вам как к одному из наших достойнейших ученых, которыми так должно дорожить общество,— могу сказать более: которых так уважает правительство.

Просвещенный муж и ученый, им уважаемый, с чувством пожали друг другу руки.

Довольно долго Вера Павловна и ее муж находили себе источник частого удовольствия в размышлениях о том, как общество,— можно сказать, общественное благоустройство,— было спасено от опасности заменою слова travail словом foi и соответственною тому переменою в роде прилагательного имени на одной из многих тысяч вывесок Невского проспекта. Но, в сущности, дело было вовсе не шуточное. Магазин отделался на этот раз очень легко; конечно, так; а все-таки ясно было, что надобно поприжаться и поприжаться, заставить забыть о себе; что теперь — по крайней мере, надолго — нечего уж думать о развитии предприятия, которое так и просилось идти вперед; что высшее возможное счастье надолго должно будет состоять в том, чтобы продолжать существовать, отказавшись на многие месяцы, вероятно, не на один год, от расширения дела. Это было, конечно, тяжело. Но ведь и то сказать, разве это не предвиделось? Хорошо и то, что дело успело без помех развиться хоть настолько,— помехи могли явиться гораздо раньше; хорошо и то, что помехи проявились только в останавливающем, а не в разрушительном характере,— ведь можно было ждать и разрушения.

Само собою разумеется, что внимание, раз обращенное на

магазин, не отвратилось. Но в магазине действительно не было ничего, кроме тишины и порядка, благонравия и благоустройства. Поэтому деятельность внимания ограничивалась собственно вниманием, действие внимания ограничивалось тем, что надобно неподвижно остановиться на том месте, где оно застало, и своей неподвижностью покупать продолжение своего существования.

Но от этих вещей нельзя отделаться никак, особенно если раз они вздумали прицепиться, а они вздумали и прицепились к вывеске.

Если б я вздумал, например, положим, гулять по Невскому, кому-нибудь непременно вздумалось бы думать о том, «зачем, дескать, он гуляет по Невскому? Что это значит?» Но я не гуляю по Невскому, потому кому-нибудь уж наверное вздумалось: «его никогда не видно гуляющим по Невскому — что это значит?» Вы не подумайте, что я шучу,— нисколько; и не предположите, что я, может быть, ошибся в своем «наверное»,— нет, это я только для смягчения выразился «наверное», а я это положительно знаю, у меня на это есть доказательства, и я по чистой правде вам говорю, что вот уж три года ни одного дня не проводил я без тяжелого размышления о том, как мне быть по вопросу о моем гулянии или негулянии по Невскому. Я б, пожалуй, и стал гулять, хоть этого вовсе мне не хочется, но по зрелом размышлении я убедился, что от этого дело выйдет еще хуже,— «раньше не гулял, теперь начал гулять,— что это значит?» Согласитесь, ведь это уж еще гораздо более компрометировало бы меня. И если человек, который ведет такую жизнь, что ни о чем в ней нельзя задуматься, кроме того, что он не гуляет (или гуляет, что все равно относительно удобства взятия за тему для размышлений и вывода предположений), если такой человек все-таки вот уж несколько лет служит предметом размышления и предположений, то уж никак не избавиться от этой судьбы Кирсанову, у которого жена открыла на Невском магазин.

Таким образом, по временам стал заезжать к нему медик, лечивший когда-то высушиванием, и выражал ему свое уважение, и советовал ему быть спокойным, и советовал ему быть осторожным, и все это было очень любезно, и действительно было очень доброжелательно как со стороны медика, лечившего высушиванием, так и вообще со стороны просвещенных мужей, которые действительно были и просвещенные, и добрые, и благожелательные, и доброжелательные люди, не желающие никогда никому вредить и никого стеснять.

И вправду сказать, ни вреда, ни стеснения Кирсанову не было.

На мастерской это отзывалось тем, что она продолжала существовать, конечно, не развиваясь, а стараясь по возможности сжиматься, но все-таки продолжала существовать, значит, и

на ней доброжелательство отзывалось хорошим, а не дурным результатом, и над ней оно оказывалось, действительно доброжелательством, и, можно сказать, даже охранением ее от всякого вреда.

Однако если дело не могло теперь расширяться, то оно все-таки могло продолжать устроиваться лучше и лучше. Конечно, и в этом надобно было соблюдать осторожность, чтоб заметные успехи не пробуждали новой недоверчивости; конечно, и сама остановка расширения должна была много задержать внутреннее развитие, потому что в этих вещах увеличение внешнего размера и увеличение средств для внутреннего усовершенствования — стороны, очень тесно связанные между собою; но все-таки, хоть гораздо медленнее, чем могло быть при других условиях, дело успевало.

В каком положении было оно года через три-четыре после основания второй мастерской, лет через семь после основания первой,— это рассказывает письмо одной девушки, которая познакомилась около этого времени с Верой Павловной, к одной подруге, жившей тогда в Москве.

«КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕР...»

Роман «Что делать?» имел необычную судьбу.

Написан он в одиночной камере Петропавловской крепости, куда автор был заточен по подозрению в антиправительственной деятельности. Чернышевский передавал роман редактору журнала «Современник» Н. А. Некрасову небольшими частями. Жандармский цензор, не обнаружив в первых главах ничего предосудительного (автор занят всего-навсего какой-то любовной историей!), не препятствовал их опубликованию. Так прошли цензуру и остальные главы. И только потом, когда вышли из печати все три номера журнала с полным текстом романа (Современник, 1863, № 3, 4, 5), власти спохватились: как можно было пропустить это бунтарское сочинение, вызвавшее бурю негодования в охранительной прессе? Собранные вместе главы романа жгли, подобно сфокусированным солнечным лучам. Сочинение Чернышевского немедленно запретили. Но было поздно. Роман вырвался из стен тюрьмы на волю.

На пути в печать роману суждено было преодолеть еще одно препятствие. Некрасов, везший рукопись типографам, случайно где-то обронил ее. Отчаянию редактора не было предела. Ему уже представлялось, как «какой-нибудь безграмотный мужичок поднял ее и немедленно продал за гривенник в мелочную лавку, где в ее листы завертывают покупателям сальные свечи, селедки, или какая-нибудь кухарка будет растапливать ею плиту» *. К счастью, рукопись нашлась.

Необычна и творческая история произведения: объемистый роман написан всего за четыре месяца — с 14 декабря 1862 г. по 4 апреля 1863 г. Проставленная Чернышевским в рукописи дата начала работы дает основание предположить, что он приступил к созданию самого революционного своего сочинения в память дня восстания декабристов.

Выступление Чернышевского в роли романиста было необычно для современников. Читатели привыкли к его философским, историческим, политико-экономическим, литературно-критическим, публицистическим работам. Но роман... Чернышевский, понимая необычность своей новой роли, просил читателей не смущаться формой сочинения. «Истина — хорошая вещь: она вознаграждает недостатки писателя, который служит ей», — писал он. Тем, кто считал себя другом истины, зв-

* Чернышевский Н. Г. в воспоминаниях современников. М., 1982, с. 265.

тор предлагал как можно внимательнее и глубже вчитаться в его произведение и только тогда судить о сочинении.

Роман сразу же нашел читателей, вполне оценивших его значение. Он будил мысль, призывал не мириться с пошлостью и смело противостоять ей, открывал возможность иной жизни, в которой человек не мыслил себе счастья вне счастья окружающих его. Официальной морали, основанной на безусловном служении богу, царю и отечеству, автор противопоставил мораль «новых» и «особенных» людей, для которых служение отечеству сопрягалось с иными нравственными и политическими понятиями — свободы, равенства и братства. Роман провозгласил освобождение женщины от рабской подчиненности в семье. Русской женщине суждено широкое общественное служение, судьбой своей должна распоряжаться она сама, ее чувство должно быть свободно от посягательств. Роман воспитывал решимость отстаивать идеалы, бороться за них. «Будущее светло и прекрасно», — писал автор. Но оно не придет само. Его нужно творить уже сегодня, сейчас: «стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести...» Роман давал широкую программу общественных и нравственных преобразований, он ясно и четко отвечал на вопрос «что делать?».

Прообразы героев романа во времена Чернышевского не составляли, конечно, большинства общества. «Добрые и сильные, честные и умеющие,— писал о них автор,— недавно вы начали возникать между нами, но вас уже немало и быстро становится все больше». Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна, Рахметов, Никитин, Мосолов вовсе не были списаны с натуры, но в них нашли отражение многие качества людей, которых Чернышевский близко знал. Среди них Н. А. Добролюбов — друг и соратник Чернышевского, Н. В. Шелгунов и М. И. Михайлов — сотрудники «Современника» и авторы революционных прокламаций, М. А. Бокова-Сеченова — одна из первых женщин-врачей в России, П. А. Бахметев — гимназический ученик Чернышевского, уехавший на Маркизские острова с целью организовать там земледельческую колонию-коммуну, И. М. Сеченов — известный ученый-физиолог. Несомненно, Чернышевский находил в своих современниках черты созданных его воображением персонажей, о которых в романе говорилось: «Мало их, но ими расцветает жизнь всех... Это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

Людям «особенным» Чернышевский отводил особую роль. Это профессиональные революционеры, сознательно готовившие себя к нелегкой, полной опасностей и требующей специальной физической закалки жизни. Такие люди чрезвычайно редки. Может быть, у современного читателя «рахметовские гвозди» и вызовут улыбку. Но в те годы, когда создавался роман и вместе с ним впервые в русской литературе создавался

образ профессионального революционера, важно было показать, насколько ответственны, серьезны и сложны задачи, стоявшие перед сознательными борцами с самодержавием. Революционерами не рождаются, ими становятся — такова основная идея посвященных Рахметову страниц романа.

Велика была воздействующая сила этого поучительного произведения Чернышевского. Не одно поколение революционеров испытало на себе мощное влияние идей «Что делать?». Рахметову подражал Д. В. Каракозов, бросивший бомбу в царя в 1866 г. «Ни одна из повестей Тургенева, никакое произведение Толстого или какого-либо другого писателя не имели такого широкого и глубокого влияния на русскую молодежь, как эта повесть Чернышевского. Она сделалась своего рода знаменем для русской молодежи»,— свидетельствовал известный революционер П. А. Кропоткин. «Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее»,— слова Г. В. Плеханова.

Однажды в Женеве (это было в начале 1904 г.) среди русских эмигрантов возник разговор о романе Чернышевского. Один из присутствующих назвал это сочинение бездарным и примитивным. Ему резко возразил В. И. Ленин: «Недопустимо называть примитивным и бездарным «Что делать?». Под его влиянием сотни людей делались революционерами... Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепахал... Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь». И далее В. И. Ленин конкретно обозначил свое понимание главной идейной направленности романа: «Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления» *.

Нравственная чистота героев романа, призыв к человеку делаться добрее и в то же время непримиримее к злу и пошлости, мудрые советы согласовывать свои убеждения с поступками, социалистические идеалы — эти стороны произведения Чернышевского приближают роман к современному читателю.

Из прошлого нашей истории всегда протянуты нити в сегодняшнюю жизнь. Чернышевский и его знаменитый роман — одна из самых прочных таких нитей.

А. А. Демченко,
доктор филологических наук

---

* В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1976, с. 619.

в том, чтобы люди, которых они уважают, думали о них, как о благородных людях, и для этого, государь мой, они хлопочут и придумывают всякие штуки не менее усердно, чем ты для своих целей, только цели-то у вас различные, потому и штуки придумываются неодинаковые тобою и ими: ты придумываешь дрянные, вредные для других, а они придумывают честные, полезные для других.

— Однако как ты смеешь говорить мне грубости? — восклицает проницательный читатель, обращаясь ко мне.— Я за это подам на тебя жалобу, расславлю тебя человеком неблагонамеренным!

— Пощадите, государь мой,— отвечаю я,— смею ли я говорить вам грубости, когда ваш характер я столько же уважаю, как и ваш ум. А я только осмеливаюсь просвещать вас по части художественности, которую вы так любите. Вы в этом отношении заблуждались, государь мой, полагая, будто Рахметов выведен, собственно, для произнесения приговора о Вере Павловне и Лопухове. Не было такой надобности: в мыслях, которые он о них высказывает, нет ничего такого, чего бы я не мог сообщить тебе, государь мой, как мысли самого Лопухова о себе и как мысли, которые и без Рахметова имела бы через несколько времени Вера Павловна о себе и о Лопухове. Теперь, государь мой, вопрос тебе: зачем же я сообщаю тебе разговор Рахметова с Верою Павловною? Понимаешь ли ты теперь, что если я сообщаю тебе не мысли Лопухова и Веры Павловны, а разговор Рахметова с Верою Павловною, то нужно сообщить не те только мысли, которые составляли сущность разговора, но именно разговор? Зачем же нужно сообщать тебе именно этот разговор? Затем, что он разговор Рахметова с Верою Павловною; понимаешь ли хоть теперь? Все еще нет? Хорош же, однако, ты. Плох по части смысла-то, плох. Ну, вот тебе, раскушу: если разговаривают два человека, то из разговора бывает более или менее виден характер этих людей,— понимаешь, к чему идет дело? [illegible] Павловны был ли тебе достаточно известен [illegible]. Ч[illegible] Был, ты не узнал тут ничего нового о ней [illegible] и вспыхивает, и шутит, и не проч[illegible] жалуй, выпить рюмочку хере[illegible] рактеристики не Веры [illegible] щих-то двое маленький уголок дворц[illegible] ну-ткодворец — это, должно быть, шту[illegible] штаба, как строение, изображенное на картинке, и ч[illegible] ние действительно, должно быть, не [illegible] кновенный дом, в каких, или даже п[illegible] жить. Не покажи я фигуру Рахметова, [illegible] сбилось бы с толку насчет главных де[illegible] сказа. Я держу пари, что до последних [illegible] Вера Павловна, Кирсанов, Лопухов казали[illegible] героями, лицами высшей натуры, пожа[illegible]

нами еще не было тогда равенства; с ее стороны было слишком много уважения ко мне; мой образ жизни казался ей образцовым, она принимала за общую человеческую черту то, что было моею личною особенностью, и на время она увлеклась ею. Была и другая причина, еще более сильная.

Между неразвитыми людьми мало уважается неприкосновенность внутренней жизни. Каждый из семейства, особенно из старших, без церемонии сует лапу в вашу интимную жизнь. Дело не в том, что этим нарушаются наши тайны: тайны — более или менее крупные драгоценности, их не забываешь прятать, стерегать, да и не у всякого есть они, многим и ровно [illegible] прятать от близких. Но каждому хочется, чтобы в его [illegible] был уголок, куда никто не залезал бы, как [illegible] свою особую комнату, для себя одного. Люди [illegible] смотрят ни на то, ни на другое: если у вас и есть [illegible] в все лезет каждый не из желания подсмотреть или быть [illegible] чивым, нет, просто потому, что не имеет предположения, [illegible] может беспокоить вас; он думает, что лишь в том случае, [illegible] бы он был вообще противен вам, вы могли бы не желать [illegible] его вдруг ни с того ни с сего явившимся у вас под носом, [illegible] понимает, что может надоедать, может мешать человеку, хотя бы и расположенному к нему. Святыня порога, через который никто не имеет права переступить без воли живущего за ним, [illegible] признается только в одной комнате, комнате главы семейства, потому что глава семейства может выгнать в шею всякого, выросшего у него под носом, без его спроса. У всех остальных вырастает под носом, когда вздумает, всякий, кто старше их [illegible] равен им по семейному положению. То же, что с комнатою [illegible] миром внутренней жизни. В него без всякой надобности, [illegible] без всякой мысли залезает всякий за всяким вздором, [illegible] всего не более как затем, чтобы почесать язык о вашу [illegible]. У девушки есть два будничные платья, белое и розовое; она надела розовое, вот уж и можно чесать язык о ее душу. «Ты надела розовое платье, Анюта, зачем ты его надела?» Анюта сама не знает, почему она надела его,— ведь нужно же было надеть какое-нибудь; да притом, если б она надела белое, то вышло бы то же самое. «Так, маменька (или сестрица)» — «А ты бы [illegible] надела белое». Почему лучше, [illegible] седует с Анютою: она просто чешет язык. [illegible] как будто не весела?» Анюта [illegible] но почему ж не спросить, [illegible], чего и не видно и нет. [illegible] знаю; нет, кажется, я ничего».— «Нет, ты что-то [illegible] сам, минуты: «А ты бы, Анюта, [illegible] ние о времени известно; и так [illegible] чувства и намерения [illegible] дый, кто сидит подле [illegible] крыл ему неудовлетворитель было увидеть там [illegible] нужного, ни [illegible]

«Я сказал (слова Дмитрия [illegible] слов о страшном сне я понял неизбежно [illegible] довательно, почему же

не поглядывать? Улице, точно, все равно; но человеку вовсе нет удовольствия оттого, что пристают к нему.

Натурально, что это приставанье, без всякой цели и мысли, может вызывать реакцию: и как только человек станет в такое положение, что может уединяться, он некоторое время находит удовольствие в уединении, хотя бы по натуре был расположен к общительности, а не к уединению.

Она, с этой стороны, находилась до замужества в исключительно резком положении: к ней приставали, к ней лезли в душу не просто от нечего делать, случайно и только по неделикатности, а систематически, неотступно, ежеминутно, слишком грубо, слишком нагло, лезли злобно и злонамеренно, лезли не просто бесцеремонными руками, а руками очень жесткими и чрезвычайно грязными. Оттого и реакция в ней была очень сильна.

Поэтому не должно строго осуждать мою ошибку. Несколько месяцев, может быть год, я и не ошибался: ей действительно нужно и приятно было уединение. А в это время у меня успело составиться мнение о ее характере. Сильная временная потребность ее сходилась с моею постоянною потребностью, что ж удивительного, что я принял временное явление за постоянную черту ее характера? Каждый так расположен судить о других по себе!

Ошибка была, и очень большая. Я не виню себя в ней, но мне все хочется оправдаться; это значит: мне чувствуется, что другие не будут так снисходительны ко мне, как я сам. Чтобы смягчить порицание, я должен несколько поболее сказать о своем характере с этой стороны, которая ей и большей части других людей довольно чужда и потому без объяснений могла бы пониматься в неверном виде.

Я не понимаю отдыха иначе, как в уединении. Быть с другими для меня значит уже чем-нибудь заниматься, или работать, или наслаждаться. Я чувствую себя совершенно на просторе только тогда, когда я один. Как это назвать? Отчего это? У одних от скрытности; у других от застенчивости; у третьих от расположения хандрить, задумываться; у четвертых от недостатка симпатии к людям. Во мне, кажется, нет ничего этого: я прямодушен и откровенен, я готов быть всегда весел и вовсе не хандрю. Смотреть на людей для меня приятно; но это для меня уже соединено с работою или наслаждением, это уж нечто требующее после себя отдыха; то есть, по-моему, уединения. Сколько я могу понять, во мне это просто особенное развитие влечения к независимости, свободе.

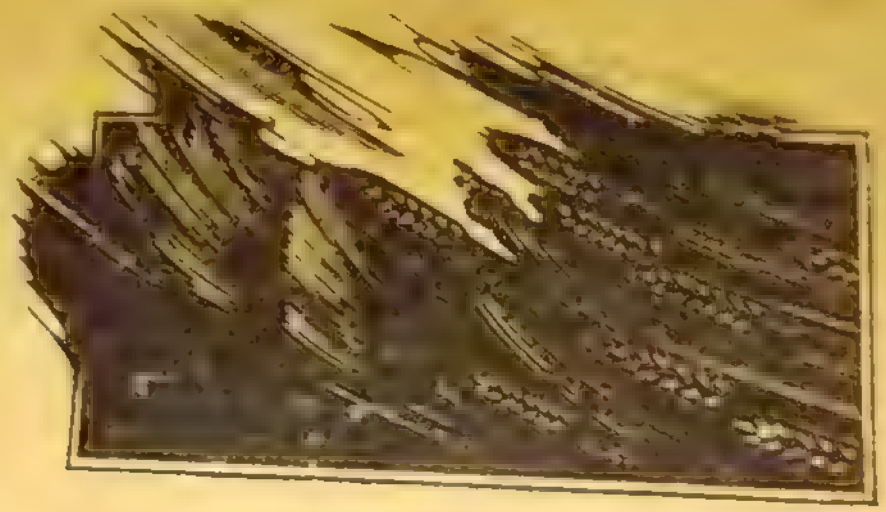
И вот сила реакции против прежнего, слишком тревожного. И положения в семействе заставила ее на время прим и для дружизни, несообразный с ее постоянною намыслей — мое извинеко мне поддерживало ее в этом времетил разницу между натуше, чем было бы само собою, помогло и то, что, когда мы собе мнение о ее характера слишком высоко ставила меня: между

...шатров пасутся овцы, лошади, ко...
...смоковниц. Еще дальше, дальше, ...
...западу, двойной хребет высоких г...
...снегом, склоны их покрыты кедрами. На...
...пастухи, строящее пальм их жены, и безза...
...ночью за днем, в ласках и песнях — любовь, все...
...светлая красавица, — это не обо мне. То...
...была рабыня. Где ист равенства,
...звали Астарта. Вот она.
...руках и на ногах ее тяжелые золо...
...перлов и кораллов, справ...
...ожерелье из перлов и кораллов, мирром. Сла...
...волосы увлажнены и бессмыслие
...ее шее. Ее волосы увлажнены мирром. Сла...
...лице, сладострастие и бессмыслие
...в ее лице, сладострастие в проме...
...ТЫ ДОЛЖНА ЛЮБИТЬ ЕГО, ПОТОМУ ЧТО ОН КУПИЛ ТЕ...

...ЕМУ ГОСПОДИНУ; УСЛАЖДАЙ ЛЕНЬ ЕГО В ПРОМЕ...
...ЛЮБИТЬСЯ ТВОЕМУ ГОСПОДИНУ; УСЛАЖДАЙ ЛЕНЬ ЕГО В ПРОМЕ...
...ЕЙ ЖЕНЩИНА. НА РУКАХ И НА НОГАХ ЕЕ ТЯЖЕЛЫЕ ЗОЛО...
...ЕЕ ТЯЖЕЛОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ ПЕРЛОВ И КОРАЛЛОВ, СПРАВ...
...ЕЕ ШЕЕ. ЕЕ ВОЛОСЫ УВЛАЖНЕНЫ МИРРОЮ. СЛА...
...ЕЕ ЛИЦЕ, СЛАДОСТРАСТИЕ И БЕССМЫСЛИЕ
...ЕЕ ЛИЦЕ, СЛАДОСТРАСТИЕ В ПРОМЕ

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

Материнское поле



ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ Материнское поле

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕГИЙ ПЕС, БЕГУЩИЙ КРАЕМ МОРЯ 5

РАННИЕ ЖУРАВЛИ 82

БЕЛЫЙ ПАРОХОД 169

ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ! 275

МАТЕРИНСКОЕ ПОЛЕ 412

ДЖАМИЛЯ 496

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ 540

В. КОРКИН. ВЛЕЧЕНИЕ К ОКЕАНУ 587

ВЛЕЧЕНИЕ К ОКЕАНУ

Тот день, когда я перестану беспокоиться и мучиться, искать и волноваться, будет самым тяжелым днем в моей жизни.

Ч. Айтматов

I

«Будь человеком, сын мой! Где бы ты ни был, будь человеком! Всегда оставайся человеком!»

Это последние слова, которые старый чабан Чодрон, герой одного из ранних рассказов Чингиза Айтматова «Свидание с сыном» (1959), успел простонать-прохрипеть сквозь сдерживаемую судорогу рыданий, провожая сына на войну.

Сказалось самое главное — то, для чего, вероятно, и предназначается напоследнее мгновение перед разлукой (возможно, навечно), когда забывается все остальное.

Но, будь у них время, отец сказал бы только э т о, ибо *такое* и *так* не дано сказать никому другому.

Тут — не просто слово. Тут — огонь пылающего сердца, полного самозабвенной и самоотверженной любви и скорби. Подлинная, сокровенная правда — невыразимая в обычном существовании, и вдруг, во всей полноте и пронзительности, явившаяся перед лицом неизбежности на высоком языке поэзии.

Но что значит — быть человеком?

Есть вещи, которые как будто сами собой разумеются, понятны... до тех пор, пока что-то не заставит задуматься о том, что в привычном, простом, казалось бы, предмете скрывается сложный, неведомый, волнующий смысл.

И в тот же миг обжигающей волной беспокойство охватывает все существо: как ты мог жить, не подозревая об этом,— о вечной загадке, начав разгадывать которую, ты уже почувствовал, как какая-то могучая сила подхватила тебя и несет в необозримый океан новой жизни, где ожидают тебя необыкновенные приключения, суровые испытания и встречи с людьми, которые станут твоими верными друзьями?

Кто-то с удивлением признался, что, читая книгу, он хотел найти писателя, а нашел человека. Вдумайтесь, сколь поразительны эти слова! Несомненно, куда легче представить, что они значили бы в устах отчаявшегося путника, бредущего среди бескрайней пустыни. А в устах читателя, если к тому же он не мучим смертельной жаждой?

В том-то и дело, что наивысшая радость — встреча с неведомым доселе другом, с необходимым собеседником, который всенепременно явится, чтобы слышать и откликаться (таков закон дружбы!), если мы всем сердцем бескорыстно жаждем с ним общения. И произойдет равнозначное чуду, ибо в этот момент случится самое великое событие на свете — открытие человека человеком.

Только, настаиваю, нужно именно ж а ж д а т ь, а не просто ждать у моря погоды, положившись на случай: если, мол, повезет... А — главное: надо самому идти навстречу!

Испокон веков жизнь сравнивали с океаном. Древний поэт Востока Рудаки восклицал:

Жизнь — это море!
Плыть желаешь?
Построй корабль из добрых дел...

Некоторые ученые утверждают, что мы, люди, вышли из моря. А есть и такая гипотеза (для поэтов — это истина): на заре своей праистории человек был птицей. Подтверждение тому, что и теперь он парит в снах детства — р а с т е т. Или в нас летает память предков? Разве это не удивительно? Мы растем, когда оказываемся способны взлететь.

На языке поэзии взлететь — значит преодолеть притяжение страха, разорвать путы косных предрассудков, познать неведомое, без чего человеческое существование уже теряет смысл и становится хуже каторги, без чего нет достоинства.

Достоинство, по словам Чингиза Айтматова,— это ум, окрыленный свободой.

Свобода... Ее гордый и пленительный образ в порыве небывалых, не испытанных раньше человеческих чувств и мыслей являют герои, взрослые и юные, которых писатель вызвал к жизни, будь то «первый учитель» и Алтынай («Первый учитель»), Джамиля и Данияр («Джамиля»), Толгонай и Суванкул («Материнское поле»), Султанмурат и Мырзагуль («Ранние журавли»), безымянный мальчик, мечтающий превратиться в рыбу («Белый пароход»), и мальчик-нивх по имени Кириск из повести «Пегий пес, бегущий краем моря».

Что объединяет всех этих персонажей, делает их героями в полном смысле этого слова? Готовность перед лицом любой стихии отстаивать «право быть свободными людьми». Даже и ценой собственной жизни.

Герои Ч. Айтматова, как правило, молоды. И потому некоторых критиков (а все критики — взрослые люди) нередко одолевает смущение: а не слишком ли преувеличивает писатель силу и глубину изображаемых чувств героев? Способны ли они вообще переживать так? И, в-третьих, нужно ли потрясать читателя трагедией—ведь книги Ч. Айтматова читают и подростки?

Я же уверен, что юноша, не открывший этого писателя в самом чистом, отзывчивом, благородном возрасте, очень пожалеет, когда, став взрослым, поймет, чего он себя лишил.

А как считает сам Чингиз Айтматов? На мой вопрос, как он представляет своего читателя, писатель ответил: «Предполагаю, что среди м о и х читателей большинство молодых людей. Почему я так думаю? Подросток или даже юноша — тот, кто искренне (но вовсе не простодушно-наивно) верит в идеальное, что может восприниматься как «сказочное»: любовь, дружбу, чистоту и благородство человеческих отношений. И он абсолютно прав».

«Какой герой, по вашему мнению, наиболее интересен читателю и «взрослому» и «юному»?»

«Который преодолевает себя. Испытать себя, почувствовать свои внутренние силы — без этого невозможна полноценная жизнь. А что значит жить полноценно? Пережить те необыкновенные ощущения и впечатления, которые составляют сокровенную сущность духовной жизни XX века. Страстность этой мечты, ставшей смыслом жизни, делает обыкновенного человека равным тому, кто открывает звезды».

Но «открывать звезды» — не забава. Речь не о престижности профессии, а о престижности человечности. Все испытания — ради этого. Человек, сколько бы лет ему ни было,— никогда не *маленький*,

если его душа полна живого трепета, удивления и участия к людям, к природе, не приемлет лжи и жестокости.

Страх инстинктивен. Он, как говорится, родился раньше нас. А бесстрашие? Оно — результат выбора, сделанного под влиянием благородного чувства.

Порой, не желая обидеть кого-то из тех, кто, промолчав, отошел в сторонку, хотя бы речь шла о защите чести и достоинства человека, мы вместо «предатель» готовы подыскать какое-нибудь слово помягче. Скажем, «равнодушный». Но вот Л. Н. Толстой называл равнодушие душевной подлостью. Если мы согласны с этим, что тогда? Кто мы сами, если не хотим или боимся называть вещи своими именами? Еще и оправдать пытаемся: «Он же не знал!» Допускаю, не знал Толстого. Но то, что совершает низкий, гнусный поступок, знал.

И — самое главное — в этот момент состоялся его в ы б о р. Выбор судьбы. Непоступок — тоже поступок.

Другое: человек не знает, что совершает подвиг, на что идет и что с ним будет после, как не знала Алтынай, героиня «Первого учителя», что ей «суждено будет произнести эти слова».

Какие?

2

Хочу, прежде всего, обратить внимание читателя на то обстоятельство, что «произнести» слово для героя Чингиза Айтматова — огромный труд души, ибо слово в его устах — не пустой звук, какой можно забыть, или он забудется сам (мало ли чего не скажешь в запале?), но, вырвавшееся на волю, оно неотвратимо определяет его дальнейшую жизнь.

И то же — мысль.

«Я испугался собственных мыслей. Но желание было сильнее страха. Я нарисую их такими вот, счастливыми! Да, вот такими, какие они сейчас! Но смогу ли я? Дух захватывало от стаха и радости. Я шел в сладко-пьяном забытьи. Я тоже был счастлив, потому что не знал еще, сколько трудностей доставит мне в будущем это дерзкое желание».

Чего же испугался Сеит, юный художник из «Джамили»?

Быть художником — значит не только уметь рисовать, но и иначе жить. Иначе, чем испокон веков жили предки; открывать в обыкновенном необыкновенное, чего никто почему-то не видит. Это значит восстать против закосневшего, обыденного, бескрылого, утверждая новый образ сущего мира в свете сказочной любви. И, не исключено, вызвать гнев того (пусть он даже родной брат), кто не хочет видеть и понимать по-новому.

Вот какую «трудность», о какой не знал еще, имеет в виду Сеит. А если бы и знал, разве отказался бы он от своего призвания? Никогда Ни за что. Страх и радость, захватывающие дух, оттого что состоялся выбор судьбы — «рассказать красками песню Данияра».

Думал ли Сеит, что он, как витязь на распутье, выбирает дорогу? Конечно, нет. Но выбрал единственно верную и ни на какую другую не согласился бы.

Когда кто-то гадает, кем быть: врачом, физиком, спортсменом или артистом,— зачастую это превращается в перебирание «модных» занятий или сулящих славу.

Пирогов не потому стал великим врачом-хирургом, что ему нравилось оперировать живое тело, а потому, что прежде он был одержим мечтой облегчить людям страдания. Когда прежде? В отрочестве.

Вот и Сенту важнее всего в жизни поделиться со всеми людьми — и с теми, кто будет благодарен ему за это, и с теми, кто возненавидит его,— восставшей в его душе нетленной красотой.

Зачем бы иначе ей открыться, довериться именно ему? Не затем же, чтобы он, как скупой рыцарь, замкнул ее в подземелье и чах над ней, упиваясь тайным сознанием, что один владеет бесценным сокровищем. В таком случае человек невольно превращается в раба сомнительной страсти и должен скрывать ее как нечто постыдное.

Не тешь себя иллюзией, что ты свободен, если это скрыто от других, если люди, глядя на тебя, не ощущают радости освобождения, не чувствуют, как у них вырастают крылья, и у них не рождается желание стать лучше, чего бы это ни стоило.

Разумеется, юный Сент не мог думать, а тем более рассуждать подобным образом. Просто слова, которые пришли к уже ставшему взрослым человеку, родились из детских, чистых, возвышенных впечатлений и чувств.

О чем это говорит? О том, уверен, что многие мудрые мысли, приходящие к нам с возрастом, заложены, или, как говорят, запрограммированы, в добром сердце детства...

Что же было суждено произнести Алтынай?

3

«Встаньте, несчастные, из могил, встаньте, призраки загубленных, поруганных, лишенных человеческого достоинства женщин! Встаньте, мученицы, пусть содрогнется черный мрак тех времен! Это говорю я, последняя из вас, перешагнувшая через эту судьбу!»

Накал страсти Алтынай иному читателю покажется чрезмерным, неправдоподобным: мол, так в жизни не бывает!

В самом деле, представить такую картину наяву — волосы встанут дыбом

Что же здесь все-таки реально, что неопровержимая правда? Ненависть и проклятье, сострадание и вера, вера в то, что отныне никто не посмеет глумиться над человеком.

Слившись воедино в небывалом чувстве, устами Алтынай кричит боль веков. Алтынай нельзя представить и понять вне Истории, вне Революции.

Как огонь на себя, вызывает она на очную ставку прошлое — рассчитаться сполна и до конца. Это ее право: она — «последняя», пережившая стыд поругания, позор рабства. И это же ее долг: она — первая, увидевшая красоту и правду будущего глазами свободного человека.

И все-таки, согласен, страшно!

Но разве не то же испытывал сам писатель: «...даже задним числом мне было страшно представить, какой могла оказаться судьба кочевых казахов и киргизов, если бы не Октябрьская революция!

И потому только за одно это — за то, что Октябрьская революция, родившись в России, сокрушила имперский колониализм и тем самым спасла мои народы от физического и духовного прозябания, я готов славить революцию до конца дней своих и детям детей своих завещаю: считать началом дней наших — Октябрь!»

Герой Айтматова — новый человек нового мира. Вот в чем дело. И страх, и восторг, предшествующий рождению слова, потрясает и его, и нас, читателей.

Невольная тревога — не слишком ли много берет на себя? — из

спасения, знакомого врачу: прозревший должен привыкать к яркому свету постепенно.

Кстати, тут повод поразмыслить, почему один человек берет на себя много — ему необходимо отвечать за все, что было до нас, есть при нас и будет после нас, а другому — и пылинка в тягость? Что, дескать, зря думать обо всех, когда недосуг подумать о себе?

Некогда думать — значит, некогда быть человеком. А может, эдак и удобнее? Меньше спросу. Это дело совести. А совесть — мера человека в человеке. Она связывает людей во времени и пространстве, делает их братьями по духу, по борьбе за справедливость и счастье всех.

«Боже мой! — подивилась я, и разом мне вспомнилось: и та первая ночь, и наша любовь, и молодость, и тот могучий хлебороб, о котором я грезила. Значит, все сбылось, все, о чем мы мечтали! Да, земля и вода стали нашими, мы пахали, сеяли, молотили свой хлеб — значит, исполнилось то, о чем мы думали в первую ночь. Конечно, не знали мы, что придут новые времена, что наступит новая жизнь, но земная мечта простого человека, выходит, совпала с желанием времени, желанием добра и справедливости. Охваченная этими мыслями, я не шелохнувшись...»

Чувство свободы вошло в сердце юной Толгонай, героини «Материнского поля», как первая любовь. Святая. Вечная. «И земля в ту синюю светлую ночь была счастлива вместе с нами».

Любовь истинна, если ее благословила природа.

И вот что любопытно: сказка скорее всего доверяется человеку, в котором сильно чувство будущего.

Но если для героя «Белого парохода» естествен разговор с камнями, с деревьями, с Рогатой матерью-оленихой (он сам дитя, еще не покинувшее ее лона), то взрослый, чтобы обратиться к Земле, как будто должен сделать некоторое усилие. У Толгонай, однако, это происходит совершенно свободно. Стало быть, детское мироощущение хранилось в ее душе как бы про запас...

К чему я говорю об этом? Мне хочется понять, почему я, читатель, безусловно верю в реальность такого диалога.

Все дело в том, чем является Земля для Толгонай. Это — ее судьба, ее труд, ее любовь, ее святая вера. Земля *не может* не ответить. Тем более, что заговорила-то Толгонай не ради себя: она хочет поведать внуку *всю* правду жизни.

Кто знает эту правду? И на каком языке ее можно выразить?

Кто-то из ученых сказал, что землетрясение — фонарь, освещающий недра земли. Почему время от времени происходят извержения вулканов? Не спорю, такое сравнение несовершенно, но, учитывая всю относительность и условность его, уверен, что долго дремавшие, казалось бы, навсегда отошедшие в небытие мифы, легенды, предания *ожили и заработали* в человеческой памяти не случайно. Не вопреки велению времени, научно-техническому прогрессу, а как раз благодаря им.

Образ современного мира таков, каким его способен воспринимать человек, испытывающий неотразимую потребность явить в себе природу и суть подлинно современного мышления. «Фантастическое,— говорит Айтматов,— это метафора жизни, позволяющая увидеть ее под новым, неожиданным углом зрения. Метафоры сделались особенно необходимыми в наш век не только из-за вторжения в область вчерашней фантастики научно-технических свершений, но, скорее, потому, что фантастичен мир, в котором мы живем...» А еще писатель утверждает: «Искусство — это прежде всего революция души. Чувство освобожде-

ния, которое испытывает человек,—самое великое и прекрасное чувство, ибо оно рождено в результате борьбы всего человечества за высшие идеалы. В этом его историчность. Ее можно, стало быть, выразить в слове, которое вбирает в себя судьбы мира. И, конечно, говорить о слове — значит говорить о том, что удержала в себе память человечества, память искусства».

«В таком случае "память" неизбежно будет обозначать и "совесть"?»

«Вне всякого сомнения. Память — это значит и мужество остаться наедине с собственной совестью, не заглушая ее голоса, не пытаясь уйти от ответа на ее настойчивые и нередко беспощадные вопросы.

Человек, у которого нет или который добровольно отказался от памяти, от истории, от, в конечном счете, духовной биографии, обречен на душевную нищету и одиночество; он не готов к восприятию сложнейшей современной жизни».

Предупреждение суровое.

4

Любовь, как и дружба, у Чингиза Айтматова — обязательно великое чувство, которое потрясает его героев.

Другое же просто не про них — не такие натуры. И не в том дело, что они сознательно не приемлют суррогата, не могут удовольствоваться подобием какого-либо чувства, лишь бы быть как все,—например, влюбиться, что, вроде бы, положено по возрасту.

Такое не приходит им в голову. Потому что, в сущности, человек любит всегда; он и рожден любить. Это нормальное его состояние, естественное, как дыхание.

Отчего же немало людей, которые не умеют любить? Нельзя же думать, что природа еще до появления на свет лишила их этого счастливого дара. Может быть, нужно еще уметь его принять, быть его достойным и доказывать это всею своею жизнью.

Но как отличить настоящую любовь от ненастоящей? Может быть, по тому, какие неведомые до сих пор душевные порывы вызывает она?

Если ты забыл себя, охваченный пламенем, готов совершить подвиг ради того, кого любишь,— это любовь. Но самое трудное для тебя — впереди: сохранить и вырастить это чувство, как робкий росток, из которого должно распуститься вечнозеленое дерево.

Эти мысли мне «подсказал» Чингиз Айтматов, вернее, уже упоминавшийся его герой, юный художник Сеит: «Я впервые почувствовал тогда, как проснулось во мне что-то новое, чего я еще не умел назвать, но это было что-то неодолимое, это была потребность выразить себя... рассказать людям о красоте нашей земли так же вдохновенно, как умел это делать Данияр».

Красоту можно выразить мелодией. Значит, жизнь нужно создавать, как песню о любви. Любовь пробуждает художника.

«Тогда я только видел все это, но не понимал. Да и теперь я часто задаю себе вопрос: может быть, любовь — это такое же вдохновение, как вдохновение художника, поэта?»

И мальчик, пораженный красотой любви, нашел ответ на этот вопрос.

«Я смотрел на нее снизу вверх, на это лицо, полное смутной тревоги и тоски, и, казалось, узнавал в ней себя. Ее тоже что-то томило, что-то копилось, и созревало в ее душе, требуя выхода. И она страшилась этого. Она мучительно хотела и в то же время мучительно не хотела признаться себе, что влюблена, так же как и я желал и не желал, чтобы она любила Данияра».

Любовь Джамили и Данияра—истинно возвышенное облагораживающее и неодолимое чувство. В нем — возможность иной, достойной жизни. Любовь —«заговор двоих против всех», по выражению поэта — становится вызовом, протестом против стремления унизить счастье, сбить птицу.

Свидетелем такой любви посчастливилось стать мальчику, который был обязан «стеречь» Джамилю.

«Изменник»— обвинение старшего брата, как пощечина.

Но, значит, власть детства не мнима. Оно и в самом деле обладает чудодейственной силой. Оказывается, от «согласия» или «несогласия» ребенка зависела судьба взрослых людей.

Чингиз Айтматов первый — с такой пронзительностью — изобразил детство, чувствующее ответственность за нравственные устои всей жизни и, более того, отстаивающее свою веру, хотя бы и дорогой ценой — нелегко ведь перенести такое жестокое оскорбление — «изменник».

Став взрослым, Сент находит оправдание своим тогдашним действиям: «Кому я изменил? Семье? Нашему роду? Но я не изменил правде, правде жизни, правде этих двух людей!»

Вся его жизнь стала опровержением, отрицанием всего того, что олицетворяет домостроевский кодекс чести, обрекающий на эгоизм, страх перед жизнью, перед ее случайностями и возможностями, которые открываются влюбленному человеку.

Любовь включает человека в историю человечества, дает ему возможность ощутить свою причастность ко всему миру.

Вот почему герой Айтматова прекрасен.

Он прекрасен, когда произносит гневный монолог (Алтынай); когда озарен таинственным, волшебным чувством—любовью (Джамиля и Данияр); когда обращается к матери-земле с просьбой дать правдивый ответ на вопрос: «Могут ли люди жить без войны?» (старая мать Толгонай); когда, завороженный, вытянув руки, как во сне, ступает навстречу Рогатой матери-оленихе (Мальчик, у которого нет имени).

Герои Айтматова, сами не замечая того, начинают говорить языком эпоса, языком высокой поэзии.

И никого это не удивляет, никто не смеется. Наоборот. Взрослые рады, что подросток обрел дар истинной речи.

5

А сейчас — об уроке моря.

«Теперь он понял разницу между сушей и морем. На земле не думаешь о земле. А находясь в море, неотступно думаешь о море, даже если мысли твои о другом. Это открытие настораживало мальчика...»

Он — мальчик-нивх, по имени Кириск, герой повести «Пегий пес, бегущий краем моря». Открытие случилось, казалось бы, вдруг. Но нечаянно ли? Сначала нужно выйти в море.

«Настороженность» героев Ч. Айтматова — не из страха за себя, не из-за инстинкта будущего «охотника». Вспомним, как замер под взглядом природы мальчик из «Белого парохода»: «...Рогатая мать-олениха смотрела на мальчика пристально, спокойно, точно вспоминала, где она видела этого большеголового ушастого мальчишку...». Или открытие Кириска: «В том, что море заставляло постоянно думать о себе, таилось нечто неведомое, настойчивое, властное...»

Человек и природа узнают друг друга. Всматриваются, чтобы «вспомнить», стремятся навстречу друг другу. У них общая задача,

общая цель существования (а не просто вежливого со-существования — разница принципиальная). Эта идея выявляет свою социально-историческую сущность в сфере сокровенного «осторожного» чувства, исключающего даже легкое касание, прикосновение.

Море — судьба Кириска. Но море — и стихия, не зависящая от воли человека. Оно само по себе. Оно живет по своим законам, которые нельзя изменить, укротить, приспособить. А кто же человек? Он — тоже стихия, но стихия, мыслящая. Стало быть, человек обязан управлять своими страстями, над которыми он властен, если свободен.

Урок моря — урок свободы.

Быть воистину свободным, как это понимает писатель и его герои,— значит честно и бесстрашно смотреть в глаза правде жизни, судьбе. Когда это происходит? Когда человек, отрешившись от всяческой бытовой суеты, мелочности, дрязг, остается наедине с собой. И... если он опять-таки «призван», подвигнут к «открытию». Что же открыл Кириск? Свое призвание — быть человеком.

Можно ли представить себе больший праздник, чем выпавший мальчику, который з н а е т: «Этот выход в море предназначался ему...»? Забава ради. Ничего подобного! Уточнение автора о «приобщении к охотничьему делу» необходимо.

Радость неудержима. И Кириск, несмотря на все усилия, не может ее скрыть. Но мальчик не виноват: нельзя в одно мгновение стать взрослым. Тем более — «серьезным». Взрослые *понимают* Кириска. И они тоже счастливы. Праздник становится общим.

Тут именно та ситуация, которую подразумевал Маркс, размышляя о взаимоотношении мира взрослых и детства: «Мужчина не может снова превратиться в ребенка, или он становится ребячливым. Но разве не радует его наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на высшей ступени воспроизвести свою истинную сущность? Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде?»

Мальчик и взрослый равны. Равны перед правдой жизни, которая «безыскусственна». И также они равны перед судьбой.

Но не преждевременно ли радовался Кириск?

Мальчик не в с е «знает». Не знает, например, о чем думает, глядя на него, старейшина рода, мудрый Орган. О чем же? О том, что ему, Кириску, «предстояло начать жизнь морского охотника. Начать с тем, чтобы кончить ее когда-нибудь в море,— такова судьба морского добытчика, ибо нет на свете более трудного и опасного дела, нежели охота на море. А привыкать требуется сызмальства».

Что это — мрачное пророчество, философия отчаяния, обреченности? Нет. Ведь думая об этом, Орган прячет от мальчика улыбку. Чему же он радуется? Наивности ребенка? Он видит в мальчике и себя и будущего человека, охотника. В нем — его надежда, вера в бессмертие жизни, а к жизни нужно быть готовым, «привыкать». Такова философия действия. Она предполагает не порыв, а каждодневное мужество, привычку к опасности. Привычку — не затем, чтобы равнодушно встретить гибель, но затем, чтобы бороться до конца, а если... то поступить так, как того требует закон жизни, закон братства и товарищества, неразрывными узами которого должны быть связаны люди, вышедшие навстречу судьбе...

Но не может ли случиться так, что страх парализует волю мальчика и он не отважится снова выйти в море? Было бы так, люди никогда не оторвались бы от «берега», не подняли глаз к звездам. Насторожившая «власть моря», однажды пережитая мальчиком, станет неудержи-

вы притягивать его, как всю жизнь влекла Органа легенда о рыбе-женщине.

Это — влечение сердца.

И потому он ничего не «скрыл», как можно было предположить, от Кирпска. Он посвящает его морю, жизни, своей мечте, все время думая об этом, но не произнося ни слова. Да слова и не нужны, они могут помешать, отвлечь, расслабить сердце.

Урок Органа — урок сосредоточенности. Урок самопожертвования будет потом. Урок не только для мальчика, но и для нас, если, пережив вместе с героем Айтматова самое большое горе, мы снова захотим уйти в океан.

6

«Я учу детей... Я преподаю историю от древнейших времен до сегодняшних и всеми силами стараюсь, чтобы история человечества была для них уроком жизни, а не просто — когда, какие войны совершались. Я стараюсь вложить в их сознание, в их думы понимание того, как и каким образом, какой ценой исторической практики пришло человеческое общество к идее интернационального содружества народов, и что они именно — ученики мои, наследники великого опыта, единственного способа общежития, достойного свободных, равноправных людей».

Несомненно, что этим всепроникающим и всеобъемлющим чувством, идеей, которую выразил герой пьесы Чингиза Айтматова[1] «Восхождение на Фудзияму», учитель Мамбет, одухотворено и все его творчество.

Вот почему на повествовании Чингиза Айтматова — отблески далеких будто бы совсем не имеющих касательства к сегодня происходящей здесь жизни голосов, мыслей, образов.

На самом деле они выражают жажду одухотворенной жизни, которой проникнуто человечество и которую художники ощущают особенно остро: это и жажда дороги, труда, звезд, познания себя, словно неизведанной страны, и поиски ответа на вопросы: зачем ты родился, какое слово принадлежит тебе или именно в твоих устах обретает свежесть первого впечатления и красоту первозданности.

Герои Чингиза Айтматова одухотворены и истомлены предчувствием необычного. Чудо таится в дороге. Это чудо встреч, способных определить судьбу. У нее может оказаться волшебное имя. Например, Асель. Оно пахнет морем. Не описка ли тут,— может, Ассоль?

Перекличка через годы. Перекликаются народы, эпохи. Алые паруса в степи. Они — мираж. Как на картинах Павла Кузнецова, любившего киргизскую степь в любое время года. Но мираж — воспоминание природы, сон наяву. Природа помнит шторм, когда-то бушевавший здесь.

А миф о Ромуле и Реме, вскормленных волчицей? Киргизский вариант этой легенды возник, конечно, самостоятельно. Но не свидетельство ли он того, что пути добра, которые искало и ищет человечество, схожи и цели людей Земли едины?

Такая восприимчивость героев Айтматова, умеющих слышать далекие голоса и чувства, идет от их необычайного таланта сопереживания всему трагическому и прекрасному, что совершилось, совершается или когда-либо совершится в мире.

Говорит Айтматов:

---

[1] Пьеса написана в соавторстве с К. Мухамеджановым.

«Сегодня, как никогда, перед нами стоят острейшие социально-нравственные проблемы, в том числе и такая страшная, как угроза существованию самого человечества: быть или не быть? Сможем ли мы, мыслящие люди, победить эту стихию, не дрогнуть перед охватывающим все существо ужасом, бездонным отчаянием, отнимающим душевные силы и веру, не отречься от будущего ради «последних мгновений», чтобы прожить их с истерическим, самозабвенным весельем самоубийц? Что можно противопоставить этой философии отчаяния или равнодушия, что зависит и что требуется от человечества, от каждого человека, чтобы остановить эту угрозу?

От искусства, от литературы тут зависит очень много: тревожить, будить в человеке совесть, мужество, гуманизм, раскрывать перед ним весь мир, чтобы он не забыл, не смог и не смел забыть, что он — человек...»

Я убежден, что, прочтя эту книгу, ты, читатель, обретешь настоящих друзей на всю жизнь — тех, чью душу писатель воспламенил мечтой о прекрасной жизни.

Владимир **КОРКИН**

ИЗ СТАТЬИ В. Г. БЕЛИНСКОГО, ПОМЕЩЕННОЙ В «ПЕТЕРБУРГСКОМ СБОРНИКЕ» (1846 г.)

Слухи о «Бедных людях» и новом необыкновенном таланте, готовом появиться на арене русской литературы, задолго предупредили появление самой повести. Подобного обстоятельства никак нельзя назвать выгодным для автора. Для людей с положительным, развитым эстетическим вкусом, всё равно быть или не быть предубежденными в пользу или не в пользу автора: прочитав повесть, они увидят, что это такое; но истинных знатоков искусства немного на белом свете, а не знаток от всего заранее расхваленного ожидает какого-то чуда совершенства, т. е. фразистой мелодрамы во вкусе Марлинского,— и увидя, что это совсем не то, что всё так просто, естественно, истинно и верно, он разочаровывается и в досаде уже не видит в произведении и того, что более или менее ему доступно и что, наверное, понравилось бы ему, если б он не был заранее настроен искать тут каких-то волшебных фокус-покусов. Несмотря на то, успех «Бедных людей» был полный. Если б эту повесть приняли все с безусловными похвалами, с безусловным восторгом,— это служило бы неопровержимым доказательством, что в ней точно есть талант, но нет ничего необыкновенного. Такой дебют был бы жалок. Но вышло гораздо лучше: за исключением людей, решительно лишенных способности понимать поэзию, и за исключением, может быть, двух-трех *испугавшихся* за себя писак, все согласились бы, что в этой повести заметен не совсем обыкновенный талант. Для первого раза нечего больше и желать. Со временем та же повесть будет казаться иною многим из тех, которые сочли преувеличенными предшествовавшие ее появлению слухи

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

БЕДНЫЕ ЛЮДИ

ДВОЙНИК

о высоком художественном ее достоинстве. Из всех критиков самый великий, самый гениальный, самый непогрешительный — время. Впрочем, не должно забывать, что роман г. Достоевского прочтен всеми только в Петербурге и что только Петербург обнаружил свое мнение о таланте нового поэта. В Москве еще только читают его «Бедных людей» и «Двойника» (помещенного в февральской книжке «Отечественных записок»), а в провинции еще и не читали их. Мы очень любим и уважаем Петербург во многих отношениях, но отнюдь не в климатическом и не в эстетическом: нигде в России так много не читают, как в Петербурге, следовательно, нигде в России нет такой многочисленной читающей публики, сосредоточенной на таком малом пространстве, как в Петербурге,— и при всем том, *нас* (chague baron a sa fantaisie[1]) почему-то всегда интересует более мнение Москвы и провинции о книге, нежели Петербурга. Мы никогда не говорим: «это сочинение так хорошо, что даже в провинции имело огромный успех», но, напротив, мы как-то особенно не расположены к сочинениям, которые только в Петербурге возбуждают общий восторг. Может быть, по этому самому нам не нравятся стихотворения г. Бенедиктова, «Сенсации мадам Курдюковой»[2] и все патриотические и патетические драмы, возбуждающие такие оглушительные аплодисманы на сцене Александровского театра. Может быть, в этом случае мы и не правы, но нам кажется, что жители Петербурга — уж чересчур занятые, чересчур деловые люди и потому едва ли могут блистать особенно развитым эстетическим вкусом. Им надо что-нибудь, во-первых, не слишком большое, а во-вторых, и это главное — что-нибудь полегче, что-нибудь не слишком требующее углубления мыслию, не слишком вызывающее на размышление, словом, такое, что было бы и коротко и ясно и не заставляло бы думать, как фёльетонная статья в «Северной пчеле», как нравописательная статейка г. Булгарина. И это понятно: в Петербурге все бедны временем: кто служит, кто спекулирует, кто играет в преферанс, а часто случается и так, что одно и то же лицо несет на себе эти три тягости разом. Когда тут читать с самоуглублением в читаемое, с размышлением о читаемом? Тут, дай бог, успеть только перелистывать часть того бедного количества печатных листов,

---

[1] у каждого барона своя фантазия (*фр.*).— *Ред.*

[2] Имеются в виду «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, dan s'etranje» И. П. Мятлева.— *Ред.*

которое вырабатывают наши типографии. В Москве число читателей несравненно меньше, но в массе московских читателей есть довольно людей, для которых сколько-нибудь замечательная книга есть факт, есть «нечто», которые читают ее сами, читают другим или настоятельно рекомендуют другим читать ее, думают о ней, толкуют, спорят. Смешно было бы утверждать, что и в Петербурге нет таких читателей, но мы знаем достоверно, что в нем их очень мало в сравнении со всею читающею массою и что большая часть их состоит из такого молодого народа, который не успел еще ни поступить на службу, ни постичь поэзию преферанса. Что касается до провинции, в ней, может быть, в сложности не менее, если не более истинно образованных и с эстетическим вкусом людей, нежели в обеих столицах наших; и если их кажется так мало в провинции, это потому, что они рассеяны на огромном пространстве и живут в таком друг от друга расстоянии, что от одного до другого иногда хоть месяц скачи на лихой тройке — не доедешь! Велика матушка Россия!..

По всему этому очень интересно узнать, какое впечатление талант г. Достоевского производит на Москву и на провинцию. Но, в ожидании этого, мы поспешим отдать отчет в собственных наших впечатлениях.

С первого взгляда видно, что талант г. Достоевского не сатирический, не описательный, но в высокой степени творческий и что преобладающий характер его таланта — юмор. Он не поражает тем знанием жизни и сердца человеческого, которое дается опытом и наблюдением: нет, он знает их и притом глубоко знает, но á priori[1], следовательно, чисто поэтически, творчески. Его знание есть талант, вдохновение. Мы не хотим его сравнивать ни с кем, потому что такие сравнения вообще отзываются детством и ни к чему не ведут, ничего не объясняют. Скажем только, что это талант необыкновенный и самобытный, который сразу, еще первым произведением своим, резко отделился от всей толпы наших писателей, более или менее обязанных Гоголю направлением и характером, а потому и успехом своего таланта. Что же касается до его отношений к Гоголю, то если его, как писателя с сильным и самостоятельным талантом, нельзя назвать подражателем Гоголя, то и нельзя не сказать, что он еще более обязан Гоголю, нежели сколько Лермон-

[1] независимо от опыта *(лат.)*. — *Ред.*

тов обязан был Пушкину. Во многих частностях обоих романов г. Достоевского («Бедных людей» и «Двойника») видно сильное влияние Гоголя, даже в обороте фразы; но со всем тем, в таланте г. Достоевского так много самостоятельности, что это теперь очевидное влияние на него Гоголя, вероятно, не будет продолжительно и скоро исчезнет с другими, собственно ему принадлежащими недостатками, хотя тем не менее Гоголь навсегда останется, так сказать, его отцом по творчеству. Продолжая эту риторическую фигуру сравнения, прибавим, что тут нет никакого даже намека на подражательность: сын, живя своей собственною жизнию и мыслию, тем не менее все-таки обязан своим существованием отцу. Как бы ни великолепно и ни роскошно развился впоследствии талант г. Достоевского, Гоголь навсегда останется Коломбом той неизмерной и неистощимой области творчества, в которой должен подвизаться г. Достоевский. Пока еще трудно определить решительно, в чем заключается особенность, так сказать, индивидуальность и личность таланта г. Достоевского, но что он имеет все это, в том нет никакого сомнения. Судя по «Бедным людям», мы заключили было, что глубоко человечественный и патетический элемент, в слиянии с юмористическим, составляет особенную черту в характере его таланта; но, прочтя «Двойника», мы увидели, что подобное заключение было бы слишком поспешно. Правда, только нравственно слепые и глухие не могут не видеть и не слышать в «Двойнике» глубоко патетического, глубоко трагического колорита и тона; но, во-первых, этот колорит и тон в «Двойнике» спрятались, так сказать, за юмор, замаскировались им, как в «Записках сумасшедшего» Гоголя... Вообще, талант г. Достоевского, при всей его огромности, еще так молод, что не может высказаться и выказаться определенно. Это естественно: от писателя, который весь высказывается первым своим произведением, многого ожидать нельзя. Как ни хорош «Герой нашего времени», но если б кто подумал, что Лермонтов впоследствии не мог бы написать чего-нибудь несравненно лучшего, тот этим показал бы, что он не слишком высокого мнения о таланте Лермонтова.

Мы сказали, что в обоих романах г. Достоевского заметно сильное влияние Гоголя, и это должно относиться только к частностям, к оборотам фразы, но отнюдь не к концепции целого произведения и характеров действующих лиц. В последних двух отношениях талант г. Достоевского блестит яркою самостоятельностью. Если можно подумать, что

Макару Алексеевичу Девушкину, старику Покровскому и г-ну Голядкину-старшему г. Достоевского несколько сродни Попрыщин и Акакий Акакиевич Башмачкин Гоголя, то в то же время нельзя не видеть, что между лицами романов г. Достоевского и повестей Гоголя существует такая же разница, как и между Попрыщиным и Башмачкиным, хотя оба эти лица созданы одним и тем же автором. Мы даже думаем, что Гоголь только первый навел всех (и в этом его заслуга, которой подобной уже никому более не оказать) на эти забитые существования в нашей действительности, но что г. Достоевский сам собою взял их в той же самой действительности.

Нельзя не согласиться, что для первого дебюта «Бедные люди» и, непосредственно за ними, «Двойник» — произведения необыкновенного размера и что так еще никто не начинал из русских писателей. Конечно, это доказывает совсем не то, чтоб г. Достоевский по таланту был выше своих предшественников (мы далеки от подобной нелепой мысли), но только то, что он имел перед ними выгоду явиться после них; однако ж, со всем тем, подобный дебют ясно указывает на место, которое со временем займет г. Достоевский в русской литературе, и на то, что если б он и не стал рядом с своими предшественниками, как равный с равными, то долго еще ждать нам таланта, который бы стал к ним ближе его. Посмотрите, как проста завязка в «Бедных людях»: ведь и рассказать нечего! А между тем так много приходится рассказывать, если уже решишься на это! Бедный пожилой чиновник, недалекого ума, без всякого образования, но с бесконечно доброю душою и теплым сердцем, опираясь на право дальнего, чуть ли еще не придуманного им для благовидного предлога, родства, исхищает бедную девушку из рук гнусной торговки женскою добродетелью, девическою красотою. Автор не говорит нам, любовь ли заставила этого чиновника почувствовать сострадание, или сострадание родило в нем любовь к этой девушке; только мы видим, что его чувство к ней не просто отеческое и стариковское, не просто чувство одинокого старика, которому нужно кого-нибудь любить, чтоб не возненавидеть жизни и не замереть от ее холода, и которому всего естественнее полюбить существо, обязанное ему, одолженное им,— существо, к которому он привык и которое привыкло к нему. Нет, в чувстве Макара Алексеевича к его «маточке, ангельчику и херувимчику Варенькe» есть что-то похожее на чувство любовника,— на чувство, которое он силится не

признавать в себе, но которое у него против воли по временам прорывается наружу и которое он не стал бы скрывать, если б заметил, что *она* смотрит на него не как на вовсе неуместное. Но бедняк видит, что этого нет, и с героическим самоотвержением остается при роли родственника-покровителя. Иногда он разнеживается, особенно в первом письме, насчет поднятого уголочка оконной занавески, хорошей весенней погоды, птичек небесных и говорит, что «всё в розовом цвете представляется». Получив в ответ намек на его лета, бедняк впадает в тоску, чувствуя, что его поймали на шалости, и досада его слегка высказывается только в увереньях, что он еще вовсе не старик. Эти отношения, это чувство, эта старческая страсть, в которой так чудно слились и доброта сердечная, и любовь, и привычка,— всё это развито автором с удивительным искусством, с неподражаемым мастерством. Девушкин, помогая Вареньке Доброселовой, забирает вперед жалованье, входит в долги, терпит страшную нужду и, в лютые минуты отчаяния, как русский человек, ищет забвения в пьянстве. Но как он деликатен по инстинкту! Благодетельствуя, он лишает себя всего, так сказать, обворовывает, грабит самого себя,— до последней крайности обманывает свою Вареньку небывалым у него капиталом в ломбарде, и если проговаривается об истинном своем положении, то по стариковской болтливости и так простодушно! Ему не приходит в голову, что он приобрел право своими пожертвованиями требовать вознаграждения любовью за любовь, тогда как по тесноте и узкости его понятий он мог бы навязать себя Вареньке в мужья уже по тому естественному и весьма справедливому убеждению, что никто, как он, не может так любить ее и всего себя принести ей на жертву; но от нее он не потребовал жертвы: он любил ее не для себя, а для ней самой, и жертвовать для ней всем — было для него счастием. Чем ограниченнее его ум, чем теснее и грубее его понятия, тем, кажется, шире, благороднее и деликатнее его сердце; можно сказать, что у него все умственные способности из головы перешли в сердце. Многие могут подумать, что в лице Девушкина автор хотел изобразить человека, у которого ум и способности придавлены, приплюснуты жизнью. Была бы большая ошибка думать так. Мысль автора гораздо глубже и гуманнее; он в лице Макара Алексеевича показал нам, как много прекрасного, благородного и святого лежит в самой ограниченной человеческой натуре. Конечно, не все бедняки такого рода похожи на Макара Алексеевича в его хороших

свойствах, и мы согласны, что такие люди редки, но в то же время нельзя не согласиться и с тем, что на таких людей мало обращают внимания, мало ими занимаются, мало их знают. Если богач, ежедневно проедающий сто, двести и больше рублей, бросит нищему двадцать пять рублей, все замечают это и, в чаянии получить от него больше, умиляются душою от его великодушного поступка. Но бедняк, отдающий такому же бедняку, как и он сам, свои последние двадцать копеек медью, как отдал их Девушкин Горшкову,— такой бедняк не всех тронет и в повести, мастерски написанной, а в действительности в его поступке не захотели бы увидеть ничего, кроме смешного. Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах и говорит о них обитателям раззолоченных палат: «Ведь это тоже люди, ваши братья!»

Обратите внимание на старика Покровского — и вы увидите ту же гуманную мысль автора. Подставной муж обольщенной, обманутой женщины, потом угнетенный муж разлихой бой-бабы, шут и пьяница — и он *человек!* Вы можете смеяться над его любовью к своему мнимому сыну, напоминающею робкую любовь собаки к человеку; но если, смеясь над нею, вы в то же время глубоко ею не трогаетесь, если изображение Покровского, с книгами в кармане и под мышкою, без шапки на голове, в дождь и в холод бегущего, с видом помешанного, за гробом смешно любимого им сына, не производит на вас трагического впечатления,— не говорите об этом никому, чтоб какой-нибудь Покровский, шут и пьяница, не покраснел за вас, как за человека...

Вообще, трагический элемент глубоко проникает собою весь этот роман. И этот элемент тем поразительнее, что он передается читателю не только словами, но и понятиями Макара Алексеевича. Смешить и глубоко потрясать душу читателя в одно и то же время, заставить его улыбаться сквозь слезы,— какое уменье, какой талант! И никаких мелодраматических пружин, ничего похожего на театральные эффекты! Все так просто и обыкновенно, как та будничная, повседневная жизнь, которая кишит вокруг каждого из нас и пошлость которой нарушается только неожиданным появлением смерти то к тому, то к другому!.. Все лица обрисованы так полно, так ярко, не исключая ни лица господина Быкова, только на минуту появляющегося в романе собственною особою, ни лица Анны Федоровны, ни разу не появляю-

щейся в романе собственною особою. Отец и мать Доброселовой, старик и юноша Покровские, жалкий писака Ратазяев, ростовщик,— словом, каждое лицо даже из тех, которые или только вскользь показываются, или только заочно упоминаются в романе, так и стоит перед читателем, как будто давно коротко ему знакомое. Можно бы заметить, и не без основания, что лицо Вареньки как-то не совсем определенно и оконченно; но, видно, уж такова участь русских женщин, что русская поэзия не ладит с ними, да и только! Не знаем, кто тут виноват, русские ли женщины или русская поэзия; но знаем, что только Пушкину удалось, в лице Татьяны, схватить несколько черт русской женщины, да и то ему необходимо было сделать ее светскою дамою, чтоб сообщить ее характеру определенность и самобытность. Журнал Вареньки прекрасен, но всё-таки, по мастерству изложения, его нельзя сравнить с письмами Девушкина. Заметно, что автор тут был не совсем, как говорится, у себя дома; но и тут он блистательно умел выйти из затруднительного положения. Воспоминания детства, переезд в Петербург, расстройство дел Доброселова, ученье в пансионе, особенно жизнь в доме Анны Федоровны, отношения Вареньки к Покровскому, их сближение, портрет отца Покровского, подарок молодому Покровскому в день именин, смерть Покровского,— всё это рассказано с изумительным мастерством. Доброселова не выговаривает ни одного щекотливого для нее обстоятельства, ни бесчестных видов на нее Анны Федоровны, ни своей любви к Покровскому, ни своего потом невольного падения, но читатель сам видит всё так ясно, что ему и не нужно никаких объяснений.

Рассказывать содержание этого романа было бы излишне; делать большие выписки тоже. Но не мешает иным, может быть, забывчивым читателям напомнить их же собственные впечатления, их же самих призвать в свидетели справедливости и верности нашего мнения о высоком, художественном достоинстве «Бедных людей», и потому считаем необходимым выписать несколько мест из писем Макара Алексеевича. Это не даст большой работы вниманию читателей,— а между тем посреди их, вероятно, найдутся такие, которым эти выписанные нами места покажутся как будто новыми, в первый раз прочитанными, и это обстоятельство, может быть, заставит их вновь перечесть всю повесть и сознаться себе, что они только при этом втором чтении поняли ее... Такие произведения, как «Бедные люди»,

никому не даются с первого раза: они требуют не только чтения, но и изучения[1].

...Такая *страшная* сцена может не потрясти глубоко только душу такого человека, для которого человек, если он чиновник не выше 9-го класса, не стоит ни внимания, ни участия. Но всякое человеческое сердце, для которого в мире ничего нет выше и священнее человека, кто бы он ни был, всякое человеческое сердце судорожно и болезненно сожмется от этой — повторяем — *страшной,* глубоко патетической сцены... И сколько потрясающего душу действия заключается в выражении его благодарности, смешанной с чувством сознания своего падения и с чувством того самоунижения, которое бедность и ограниченность ума часто считают за добродетель!..[2]

...Что перед этою картиною, написанною такою широкою и мощною кистию, что перед нею мелодраматические ужасы в повестях модных французских фельетонных романистов! Какая страшная простота и истина! И кто все это рассказывает? — ограниченный и смешной Макар Алексеевич Девушкин!..

Мы не будем больше указывать на превосходные частности этого романа: легче перечесть весь роман, нежели пересчитать всё, что в нем превосходного, потому что он весь, в целом, — превосходен. Упомянем только о последнем письме Девушкина к его Вареньке: это слезы, рыдание, вопль, раздирающие душу! Тут всё истинно, глубоко и велико, а между тем это пишет ограниченный, смешной Макар Алексеевич Девушкин! И читая его, вы сами готовы рыдать, и в то же время вы улыбаетесь... Сколько сокрушительной силы любви, горя и отчаяния в этих простодушных словах старика, теряющего всё, чем мила была ему жизнь: «Да вы знаете ли только, что там такое, куда вы едете-то, маточка? Вы, может быть, этого не знаете, так меня спросите! Там степь, родная моя, там степь, чистая, голая степь, вот как моя ладонь голая! Там ходит баба бесчувственная да мужик необразованный, пьяница ходит...»

---

[1] Здесь В. Г. Белинский дает отрывки из романа, которые мы в статье опускаем. См. стр. 15 со слов «Целая семья бедняков» стр. 91 со слов «Я к тому про шарманщика этого заговорил» стр. 96 со слов «Пишу вам вне себя».

[2] См. стр. 104 со слов «Сего числа случилось у нас в квартире».

Стерты до крови ноги, и плечи изныли,
Долго шла я одна среди скал и болот.
Белый месяц не светит, темно, как в могиле,
На тропинке, где ночью сиротка бредет.

Ах, зачем в эту даль меня люди послали,
Где седые утесы, где тяжко идти!
Люди злы, и лишь ангелы в кроткой печали
Сироту берегут в одиноком пути.

Тихо веет в лицо мне ночная прохлада,
Нет ни облачка в небе, в звездах небосвод.
Милосердие бога — мой щит и ограда,
Он надежду сиротке в пути подает.

Если в глушь заведет огонек на трясине
Или вдруг оступлюсь я на ветхом мосту,—
И тогда мой отец сироты не покинет,
На груди у себя приютит сироту[1].

— Перестаньте, мисс Джен, не плачьте,— сказала Бесси, допев песню до конца. Она с таким же успехом могла бы сказать огню «не гори»; но разве могла она догадаться о том, какие страдания терзали мое сердце?

В то утро опять зашел мистер Ллойд.

— Уже встала? — воскликнул он, входя в детскую.— Ну, няня, как она себя чувствует?

Бесси ответила, что очень хорошо.

— Тогда ей следовало бы быть повеселее. Подите-ка сюда, мисс Джен. Вас ведь зовут Джен? Верно?

— Да, сэр, Джен Эйр.

— Я вижу, что вы плакали, мисс Джен Эйр. Не скажете ли вы мне — отчего? У вас что-нибудь болит?

— Нет, сэр.

— Она, верно, плакала оттого, что не могла поехать кататься с миссис Рид,— вмешалась Бесси.

— Ну уж нет! Она слишком большая для таких глупостей.

Я была того же мнения, и так как это несправедливое обвинение задело мою гордость, с живостью ответила:

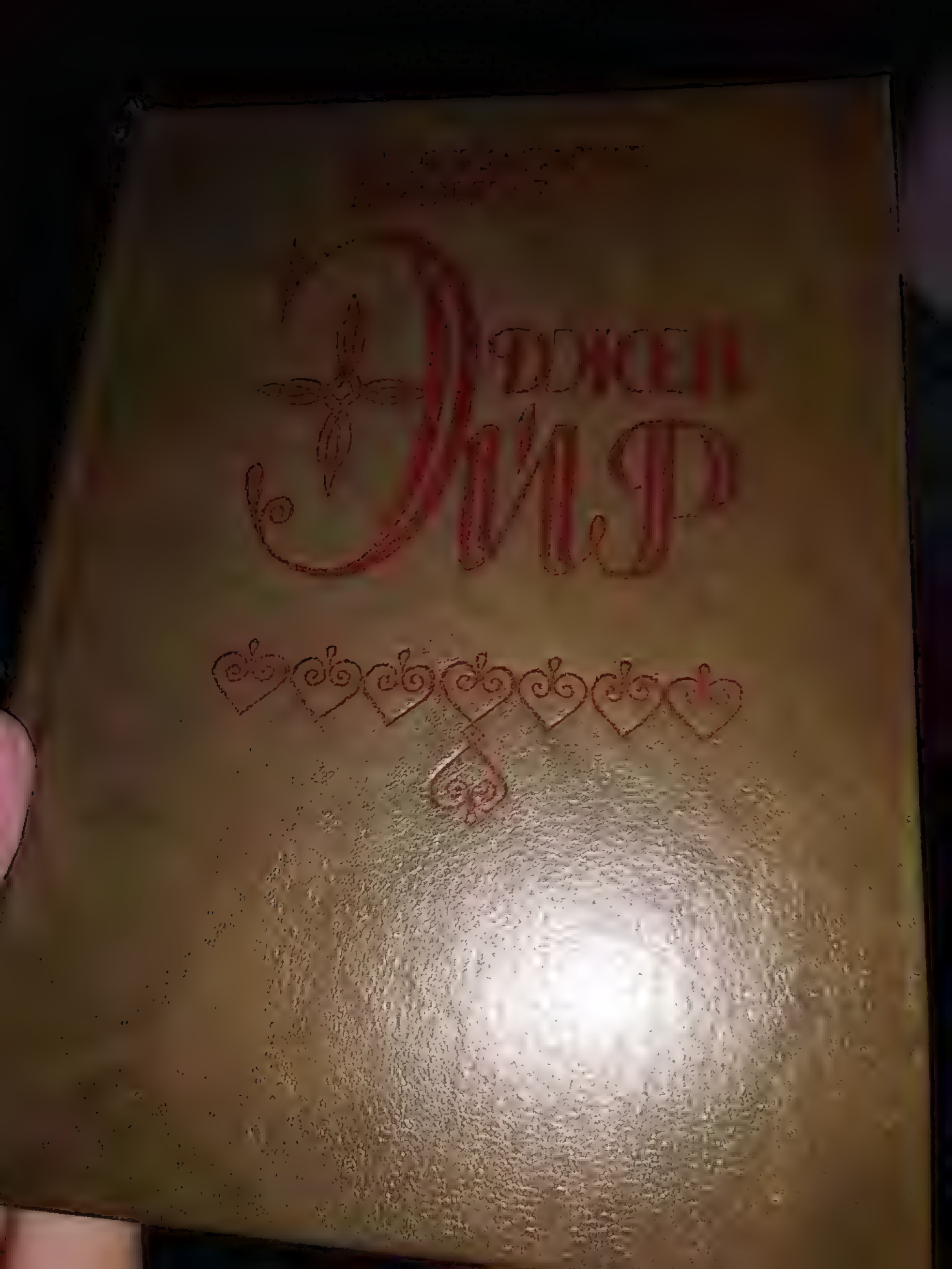
— Я за всю мою жизнь ни разу еще не плакала о таких глупостях. Я терпеть не могу кататься! А плачу оттого, что я несчастна.

— Фу, какой стыд! — сказала Бесси.

Добрый аптекарь был, видимо, озадачен. Я стояла перед ним; он пристально смотрел на меня. У него были маленькие серые глазки, не очень блестящие, но я думаю, что теперь они показались бы мне весьма проницательными; лицо у него было грубоватое, но добродушное. Он долго и обстоятельно рассматривал меня, затем сказал:

---

[1] Перевод Т. Казмичевой.



Тревоги нет. О светлый миг!
Все, что я смел с пути,
Примчись на крыльях вихревых
И мщенье возвести!

Поставь, Закон, свой эшафот,
Низвергни, Злоба, в прах!
В Власть, где твой жестокий гнет?
Мне уж неведом страх.

Мне руку милая дала
В залог священных уз,
Две жизни клятвою сплела —
И нерушим. союз.

Она клялась мне быть женой,
И поцелуй пресек
Ей путь иной: она со мной
На жизнь, на смерть — навек.

О, наконец вслед за мечтой
Взлетел я к небесам:
Блажен, любим любовью той,
Какой люблю я сам[1].

Едва закончив, мистер Рочестер встал и подошел ко мне; меня смутило его взволнованное лицо и блестящий соколиный взгляд, нежность и страсть в каждой черте. Я растерялась, затем овладела собой. Нет, я не желала ни идиллических сцен, ни пылких объяснений, а тут мне угрожало и то и другое. Я должна была приготовить оружие защиты. Я отточила свой язычок и, когда он подошел ко мне, спросила задорно, на ком он собственно собирается жениться.

Что за странный вопрос задает ему его любимая Джен?

Ничуть не странный, наоборот, совершенно естественный и необходимый. Ведь он только что пел о том, что его любимая должна умереть вместе с ним. Так что же он хочет сказать этой чисто языческой идеей? Я отнюдь не собираюсь умирать вместе с ним, пусть не надеется.

О, единственно о чем он просит, чего он жаждет, это чтобы я любила его живого. Смерть не для таких, как я.

Вот еще! Я так же умру, как и он, когда настанет мой час, но я собираюсь ждать этого часа, а не спешить ему навстречу.

Прощу ли я ему это эгоистическое желание и не докажу ли свое прощение примиряющим поцелуем?

Нет уж, увольте!

Тут я услышала, как он назвал меня «злой девчонкой» и затем добавил:

— Другая женщина растаяла бы, если бы в ее честь были спеты такие стансы.

---

[1] Перевод Б. Лейтина.

НЕУЛОВИМЫЕ
МСТИТЕЛИ

СОДЕРЖАНИЕ

П. Бляхин
Красные дьяволята

5

А. Козачинский
Зеленый фургон

97

Г. Белых, Л. Пантелеев
Республика Шкид

169

Весть о разгроме шайки Мельниченко разъярила Махно, но просьбу его «сына» он решил удовлетворить, а в знак согласия ожег его плетью и приказал зачислить казачком при своей особе.

Скрипнув зубами, Овод стерпел «ласку» бандита и поклялся отплатить ему сторицей. А как он выполнил свою клятву, читатель уже знает.

Таинственный автомобиль

Через десять дней после описанных событий, глубокой ночью, по дороге из города выехал большой красный автомобиль. Он был изрешечен пулями, осколками снарядов, но летел, как буря, поднимая облака пыли и наполняя безбрежную степь тревожным гулом. Вслед за ним мчался отряд вооруженных всадников.

В автомобиле сидели трое военных в кожаных куртках. Один из них, небольшого роста, широкоплечий, поместился на откидной скамеечке, держа наготове маузер и зорко вглядываясь в темноту ночи. Двое за его спиной тихо переговаривались между собой:

— Признаться, я очень опасаюсь засады.

— Да. Я тоже думаю, что надо быть начеку...

— В самом деле: никому не известный бандит вызывает на свидание командира красных партизан, обещая помощь против Махно. Согласитесь, что все это очень странно и пахнет провокацией.

— На всякий случай за нами следует полуэскадрон надежных рубак...

— Это, конечно, хорошо. Впрочем, неожиданного нападения я не боюсь: с нами едет такой разведчик, о котором говорят, что он чует махновца за сто верст...

Путники смолкли. И только глухой рокот мотора да отдаленный гул лошадиных копыт нарушали тишину ночи.

Вдали показались черные контуры леса. Автомобиль спустился в ложбинку.

молодая к
Жилкий
вали по
трескоп
ших

ного
ии рож
их старых
Маленьк
сучьями и
похитителе
Те прих
в золе кру
тость.

Правда, спе
чему хотели
степенно
— Ша! Б
Так же
— Дово
с чужих
и ни
Ка
Ин
пр
ке
Зах
побо
Япо
ноги.
— Чер
— Ниче
ивал его Янкель.
Наконец прилип к
комый. Стеганочки
оттуда они не раз
постояли на дороге, оглядыв
Янкель нагнулся и
Японец.
Сразу же оба
ла все ожидания. Дожд
стояли лужи, глинистая
кашу.
Зато копать было лег
та мокрую ботву, и
гнездом картошки.
Работали молча,
чтобы не терять
наволочки вздулись
стить ни одной
Но тут, взглянув
пугались. Чистенькие
глины.

— Я думаю — должен пойти [illegible]
— Это кто же именно? — [illegible]
— А именно — ты!
— Я?
— Да... пойдешь ты!
Сказано это было [illegible]
Японец побледнел.
Неизвестно, чем [illegible]
бы по Шкиде не пронесся [illegible]
изолятора. Через неск[illegible]
в классе. Лицо его, [illegible]
ками, было бледнее [illegible]
шись, он прошел к своей [illegible]
пожитки. Не спеша он [illegible]
парту несколько книг и тетрадок, [illegible]
«Смычка», вязаное, заштопанное [illegible]
не, коробочку с перышками и [illegible]
тками постного сахара — и стал [illegible]
ком шпагата.

Класс молча наблюдал за [illegible]

— Ты куда это собрался, Пан[illegible]
чание Горбушка.

Пантелеев не ответил, еще бо[illegible]
сопел.

— Ты что — в бутылку залез? Ра[illegible]
ешь? А?

— Брось, Ленька, не сердись, — [illegible]
ходя к новенькому. Он положил [illegible]
плечо, но Пантелеев движе[illegible]

— Идите вы все к чертуу, — [illegible]
крепче затягивая узел на [illegible]
пакет в парту.

И тут к пантелеев[illegible]

— Знаешь, Ленька, [illegible]
дец, — проговорил он, [illegible]
сти нас, пожалуйста. Это [illegible]
класса говорю. Правильно [illegible]

В 1986 ГОДУ
ВОЛГО-ВЯТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО
И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
ВЫПУСКАЕТ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКОЙ,
СОВЕТСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ КЛАССИКИ:

А. С. Пушкин. **РУСЛАН И ЛЮДМИЛА. Сказки**

А. Беляев. **ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ. ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ**

Ж. Верн. **ПЛАВУЧИЙ ОСТРОВ. ВВЕРХ ДНОМ**

Мой Ры

БЕЛАЯ ПЕРЧАТКА

Мой Ры

Перевод с английского
М. П. Богословской

Аркадий Стругацкий,
Борис Стругацкий

ХРОМАЯ СУДЬБА
ХИЩНЫЕ ВЕЩИ ВЕКА

Фантастические повести

МОСКВА «КНИГА» 1990

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Аркадий и Борис Стругацкие пишут тридцать лет. Книги их созданы в разные времена, и не во все времена у писателей было прекрасное настроение. В этом Стругацкие похожи на всех писателей. Одни книги удаются, другие — нет. В хорошей книге накапливается и фиксируется часть времени, прожитого ее автором. Для того чтобы время осталось в книге, нужно знать какой-то секрет. Знание этого секрета не приходит вместе с розовоперстой Эос. Муза не нашептывает автору его лучшие строки. Секрет нужно найти самому.

Писатель всматривается в окружающий его мир.

Он вспоминает. Наблюдает. Предсказывает.

Три разных действия писателя приводят к возникновению различных литератур: исторической, литературы о современности и фантастики. Три жанра — исторический, реалистический и фантастический — неизменно соотнесены с их живущим в точно определенное время и в точно определенных исторических условиях автором. Этот реально живущий человек проживает свою единственную жизнь в конкретном историческом времени, среди вполне конкретных людей. Здесь и сейчас, а не на каком-то выдуманном пленэре автор с восторгом, болью или глубоким безразличием наблюдает за прошлым, настоящим, будущим.

Окружающий мир велик, и человек, автор, писатель выбирает из этого мира лишь то, что его взволновало или насторожило. Как всякий человек, он привлекает к осмыслению действительности свое образование и жизненный опыт, ищет аналогий, рассуждает, сравнивает. Для того чтобы адекватно передать свои впечатления и выводы, он строит обстоятельства, воссоздает характеры и их реакцию на ситуацию, отыскивает в жизни, литературе, архиве дополнительный материал.

Он пытается сделать читателя свидетелем и соучастником того, о чем пишет. Цель писателя — отнюдь не поиск и разработка художественных приемов. Сами по себе они не важны и служат лишь для того, чтобы ясно выразить восторг, боль, сомнение, любовь, презрение и другие человеческие чувства. Все, что есть в книге, нужно лишь для того, чтобы читатель достиг того же, чего достиг автор, когда все понял и написал об этом или, напротив, ужаснулся своему непониманию и взялся за перо.

Причина, по которой Стругацкие взялись за перо в конце пятидесятых, была, вероятно, более прозаичной: публикуемые в то время произведения фантастического жанра были изначально заданными, грубо раскрашенными всего лишь двумя цветами — красным и черным. Красным был написан мир коммунистического завтра или послезавтра (о сегодняшнем дне фантасты тогда не писали), черным — все остальное. После 1956 года стало ясно, что двух цветов недостаточно, что есть оттенки, что знакомое по художественным фильмам счастье в многодетной городской семье или празднование небывалого урожая в семье сельской — не единственная форма художественной жизни, обладающая достоинствами, а достоинства этой формы, в свою очередь, нельзя некритически переносить в другие жанры. Стругацкие почувствовали, что жанр агитационно-разоблачительного плаката — не единственно возможный.

В отличие от плакатиста, художник твердо знает: качество созданного им образа не является произведением яркости красок на площадь холста. Ему хорошо известно, что прав не тот, чьи краски ярче или голос громче. Для того чтобы образ удовлетворял взыскательного художника, он должен быть правдоподобен и убедителен.

Творчество Аркадия и Бориса Стругацких начиналось с выбора красок, необходимых для создания убедительного образа будущего.

Краски были выбраны хорошо, книги читали.

Писатели были молоды и внимательны, они хорошо понимали, что только патетическими взвизгиваниями да панегирическими словоизвержениями (характерными не для одной лишь фантастики) подлинности и убедительности не добьешься. Они хорошо знали (даже тогда, когда это знание только препятствовало успеху), что повышенную значительность художественному тек-

сту придает деталь, наблюдение. Стругацкие пишут так, как будто ежедневно наблюдают будущее, и точно соотносят свои наблюдения с современностью при помощи сопоставлений, эпитетов, метафор. Текст насыщен реальными деталями, предметами, жестами. Язык персонажей приближен к языку современника. Писатели доказывают существование будущего тем, что хорошо в нем ориентируются, и тем, что они могут просто, без затей, назвать хорошо им известную вещь. Так два времени связываются, стягиваются художественными приемами.

А. и Б. Стругацких уже в ту пору не слишком занимают технические параметры достижений будущего, а их художественный метод хорошо описывается традиционной формулой «человек в обстоятельствах» и традиционным безразличием к декорациям, характерным для шекспировского театра. В течение 1958—1960 годов Стругацких печатали много и охотно: опубликованы их повести «Извне», «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею», рассказы «Спонтанный рефлекс», «Забытый эксперимент», «Шесть спичек», «Испытание СКР», «Ночь на Марсе», «Чрезвычайное происшествие», «Поражение». Читатель эпохи железного занавеса, изолированный от шедевров мировой фантастики, замученный непрерывающимся потоком успехов наших доблестных земле-, море- и прочих первопроходцев, детально изучивший (по одноименному произведению) устройство генератора чудес, решительно одобрил новизну, на которой были построены первые опыты Стругацких. На успех работала реалистическая манера описания, живые и подвижные персонажи, развитое чувство юмора, увлекательный (хоть и вполне обычный для фантастики) авантюрно-приключенческий сюжет. Опыты 1958—1960 годов повлияли, вероятно, на развитие жанра советской фантастики, но сколько-нибудь серьезного значения для становления жанра самих Стругацких не имели, а обнаружили лишь следующее:

1. Авторы несвободны от идеологических пут отходящей кровавой эпохи (небрежение человеческой жизнью в сравнении с делом, абсолютная необходимость подчинения, правота вышестоящего);

2. Авторы проявляют значительный интерес к людям будущего, их психологии, личным качествам не только в смысле взаимоотношений человека и его дела (или общего дела), но и в смысле межличностных взаи-

моотношений, что для отечественной фантастики не-
традиционно;

3. Изменившаяся внутриполитическая обстановка не препятствует публикации нетрадиционных (в указанном смысле) произведений, а активизировавшийся читатель замечает неполное соответствие повестей Стругацких шаблонам отечественного фантастического жанра и отличия их прозы от прозы Ю. Долгушина одобряет.

Образ будущего, созданный в ранних опусах А. и Б. Стругацких, неполон и фрагментарен. Авторы делают попытку создать целостную картину, [illegible] фрагменты. Опубликованные рассказы дополняются, перерабатываются и связываются общими персонажами и их личной историей. Рудименты эпохи творческой руки изгоняются из сюжета и стиля. В будущем (авторы определяют его как коммунистическое) люди свободны; а мера их несчастья задана объективными и достойными уважения причинами (чаще всего — собственными непреднамеренными ошибками). Такова повесть в рассказах «Возвращение. Полдень. XXII век», переиздававшаяся в различных вариантах с 1961 по 1975 год. (Примечателен тот факт, что повесть эта, вероятно наиболее бесконфликтная у Стругацких, издана большим суммарным тиражом, нежели другие, более значительные и проблемные их произведения, что, впрочем, характеризует не авторов, а издательскую политику.)

Вероятно, ранние произведения А. и Б. Стругацких сыграли в эволюции их творчества роль тщательно выполняемых авторами лабораторных работ. Стругацкие вырабатывали стиль, способ сюжетообразования, искали в большом море литературы свое собственное течение. Яркая индивидуальность Стругацких, их умение создать образ человека в будущем сделали их первые книги нужными не только им, но и читателю, находящему в них достойные внимания мысли и достойные уважения эмоции.

К 1962 году все лабораторные работы были Стругацкими выполнены и зачет читателям сдан. Тема человека-покорителя, человека-героя, человека-работника была исчерпана, и эта исчерпанность не была чисто литературной: становилось ясно, что преобразования общественной жизни, декларированные в 1956-м и развитые в 1961-м, не станут реальностью ранее 1980 года.

Завершая первый период своего творчества, Стругацкие пишут повесть «Стажеры» (1962). В этой повести они прощаются с хорошо знакомыми своему читателю героями: надежным и исполненным чувства долга Быковым, пытливым и осторожным Дауге, милым и обаятельным Крутиковым, умным и тонким Юрковским. Старые герои совершают прощальный рейс (закончившийся трагически) по ими освоенному Космосу и уступают место новым. Стругацкие отдали дань традиции, объединявшей фантастику и приключенческую литературу, и ясно осознали: к серьезным литературным достижениям приводят серьезные проблемы. Серьезные же проблемы порождаются обыкновенной человеческой жизнью, которая, по выражению Т. Уайлдера, «проживает нас» на Земле. Героизм, «приключения тела» и неизменно сопутствующий им (хотя и смягченный, гуманизированный у Стругацких) культ силы уходят в прошлое. Один из центральных персонажей «Стажеров», бортинженер Иван Жилин, говорит: «Главное всегда остается на Земле». Все произведения Стругацких, написанные после «Стажеров», связаны с земным бытием, земными людьми и их проблемами прямо, не метафорически. Стругацкие становятся профессиональными писателями, полностью определяющими назначение, смысл и формообразующие факторы своей прозы. Они осознают смысл слов «свобода творчества». Благодаря свободе творчества, фантастика становится уже не способом смотреть на мир, а литературным приемом, тропом, способом сказать.

Поскольку Стругацкие — писатели, то есть люди, пересоздающие материал своей личной истории в общезначимой модели мира, свобода творчества воспринимается ими как часть некоторой более общей свободы. Более общая свобода включает в себя свободу от внешнего идеологического давления. Возникают темы взаимоотношений личности с социальными структурами, долга, выбора, ответственности.

Осознанная перемена места действия требовала изменения художественной системы. Будущее, достоверно изображенное Стругацкими в ранних произведениях, было прекрасно. Люди — хорошими. Планета — благоустроенной. Человечество располагает огромными ресурсами. Идеал был достигнут, и не было никакого сомнения в том, что дальнейший путь людей — непрерывное и бесконечное его совершенствование. Основные

коллизии ранних произведений Стругацких — поиск персонажами своего места в прекрасном деле совершенствования идеала. Это было понятно и правильно, особенно с точки зрения читателя, желающего в надежде славы и добра смотреть без боязни на эволюцию общественной жизни. Но кое-что было не совсем понятно. Оставалась частность: *как* люди и их жизнь стали такими. Этот вопрос настойчиво требовал осмысления и, если возможно, ответа.

Начинается тяжелый, кропотливый, далеко не всегда приносящий удовлетворение поиск. В течение трех лет Стругацкие пишут шесть книг. Это «Попытка к бегству» (1962), «Далекая радуга» (1963), «Трудно быть богом» (1964), «Понедельник начинается в субботу» (1964), «Хищные вещи века» (1965), «Улитка на склоне» (1965). В это же время задумываются «Второе нашествие марсиан» и «Гадкие лебеди». Исключительно высокая активность Стругацких связана, несомненно, с общественными движениями конца 50-х и начала 60-х годов, когда казалось, что человеконенавистнические настроения предшествующей эпохи никогда больше не обретут правовую основу, когда люди надеялись слышать и говорить правду о страшном, когда считалось очевидным, что никакой фашизм никогда не повторится.

О фашизме Стругацкие пишут подробно, с хорошим знанием как истории проблемы, так и современного материала. Портрету феномена человеконенавистничества посвящены две повести этого периода: «Попытка к бегству» и «Трудно быть богом».

Серое небо и снег над планетой Саулой («Попытка к бегству»). В белом снегу остывают босые мертвецы в джутовых мешках вместо одежды. Живых людей, одетых в те же джутовые мешки, погоняют пинками сытые, укутанные мехом охранники. Охранники считают, что так будет вечно; охраняемые, разобщенные заботой о сохранении собственной индивидуальной жизни,— не возражают. Трое землян — двое из коммунистического (по Стругацким) будущего и один — из нашего XX века — всматриваются в страшную картину лагерного коммунизма (по Сталину). Люди будущего, избалованные этикой и эстетикой, не понимают, не могут понять происходящее на Сауле. Человек XX века (он попал в будущее по случайности) опознает фашизм мгновенно и пытается силой оружия разрушить главное: вечность и непреходящесть рабства. На Сауле это

сму не удается, и он возвращается в свой XX век, где погибает в схватке с эсэсовцами.

Действие повести «Трудно быть богом» также происходит не на Земле, и поэтому погода там такая же, как и на планете Саулс,— серая и нерадостная. Перевоплотившийся в преданного короной опале аристократа Румату, наблюдатель земного Института экспериментальной истории Антон собирает информацию о феодализме. Феодализм, как и любая другая человеконенавистническая формация, безжалостна к знанию (любому) и чести (кроме воинской), и Антону-Румате приходится попутно спасать оказавшихся в беде ученых, литераторов, врачей. Контраст между социально-психологическими реалиями Земли и Арканара здесь значительно более выражен, нежели в «Попытке», поскольку на Саулс земляне — визитеры, а здесь, в Арканаре,— резиденты. Отсюда — высокая плотность реалий фашизма, динамика феодальной интриги, подступы к психологии фашизма, сделавшие повесть столь популярной.

Антон-Румата в этом феодальном мире почти бог, он располагает огромными возможностями: знанием, энергетическими ресурсами, золотом. Он может изменить все, что ему требуется: от намерений главы шайки (подкупом) до полного изменения хода истории (массовое перевоспитание населения с помощью технических средств). Но человеческое оказывается сильнее божественного: когда убивают его возлюбленную, он берет в руки не какой-нибудь бластер или скорчер, а обыкновенный меч.

Мир и его обитатели, написанные Стругацкими в «Попытке» и «Трудно быть богом», достоверны и узнаваемы, как был достоверен и узнаваем их Космос и люди, осваивающие его. Взятое Стругацкими право не задумываться о способах перемещения космолетов (вообще) и данного космолета (в частности) ни к чему плохому не привело: яркость и выразительность (то есть собственно художественность) остались, а серьезность проблем и подходов к их решению заметно возросла.

Далеко не все писатели-фантасты разделяют их убеждения. Поток отечественной полутехнологической, полуприключенческой фантастики продолжается. Западная фантастика пробивается к советскому читателю тоненькой струйкой. Уже идут на убыль, но еще не иссякли споры между «физиками» и «лириками». Стру-

гацкие пытаются совместить свое представление о будущем с теми методами, которыми это будущее создается сегодня. В сказке «Понедельник начинается в субботу» они описывают сообщество людей, для которых работать интереснее, чем потреблять, и одновременно — людей, активно паразитирующих на созидателях: лжеученых, самодуров, невежд. В одной из глав повести Стругацкие остроумно пародируют розово-голубое представление о будущем. «Понедельник» на долгие годы становится одной из самых читаемых книг Стругацких, его персонажи (особенно осмеянные) легко узнаются в любом научном сообществе, а их имена (особенно повезло суперпотребителю и демагогу Выбегалле, прикрывающемуся псевдодемократичной патриотической фразой) становятся именами нарицательными.

К этому времени (1963—1965) окончательно складывается круг читателей Стругацких [1]. Это, как правило, образованные и умные люди и их дети. Они могут заниматься различной профессиональной деятельностью, но объединены преимущественно достаточно высокой квалификацией или мастерством. Читатели Стругацких любят думать, любят работать и любят своих друзей. В книгах Стругацких они более всего ценят нетривиальность и достоверность изображаемого мира. Некоторые обращают особое внимание на юмор Стругацких — точный и временами беспощадный. В сущности, читатели Стругацких очень похожи (с необходимыми по жанру изменениями) на персонажи их ранних и полных оптимизма книг и, так же как эти персонажи, не могут существовать без созидательной деятельности.

Противопоставление созидания и потребления, начатое в «Понедельнике», имеет серьезнейшие основания. Яркость отрицательных и некоторая размытость положительных персонажей сказки связывалась с ежедневной жизнью простой пропорцией. В 1965 году концепция быстрого построения коммунизма называется уже попросту волюнтаризмом. К власти в стране приходят Выбегаллы — невежественные люди, главная задача которых — хорошо прожить свой век. Эти люди не ошибаются, они знают все, они всегда правы. Пользуясь государственной машиной, как личным автомобилем,

[1] Данные о читателях книг Стругацких основаны на проведенном мною в 1974—1975 годах опросе. Хотя статистик вряд ли сочтет выборку репрезентативной, совпадение ответов на многие вопросы невольно обращает на себя внимание.

они приносят в жизнь общества свое (основанное на церковноприходском разумении) понимание людей, истории, мира.

Сохранение и совершенствование какого-то иного понимания требуют теперь серьезных усилий, противостояния власти. Стругацкие исследуют человека, историю, мир так же, как это делают все другие писатели. Они создают ситуацию и конфликт, в которых наилучшим образом выявляются интересующие их тенденции развития людей, истории, мира. Вот как это делается в повести «Хищные вещи века», героем которой становится персонаж «Стажеров» бортинженер Иван Жилин.

Занявшись земными делами, Жилин обнаруживает не совсем то, что хотелось бы видеть человеку коммунистического далека.

Конфликт героя и обстановки задан изначально, на первой же странице. Метафорой границы между различными мировоззрениями является таможенный барьер. Благоденствие по ту сторону барьера пишется подробно и тщательно. Таможенник обращает внимание приезжего на «наше солнце», «прекрасное утро». Жилин получает рекомендации гида: «Всегда делайте только то, что вам хочется, и у вас будет отличное пищеварение... А самое главное — ни о чем не думайте».

Прошлое страны (его Стругацкие дают лишь в воспоминаниях Жилина) не столь благополучно: «...лил дождь... догорающий лайнер... черная мокрая пустота, мигающая красными вспышками. Там трещало, бухало, раздирающе скрежетало». По прошествии сравнительно небольшого времени страна выглядит иначе: «Из всех солнечных городов, в которых мне довелось побывать, этот был, наверное, самым солнечным».

Однако противопоставление «солнце — ненастье» (от разработки которого можно было бы ожидать целой сюжетной линии) не развивается. Метафора обрывается сразу же короткой фразой Жилина: «Все-таки трудно привыкнуть к тому, что нищета может быть богатой». Стругацких не увлекают противопоставления «черный — белый» (белый — красный). Как и их герой, они намерены поработать, они намерены изучить социально-психологический спектр Страны Дураков детально.

С пересечением таможенного барьера Страны Дураков начинается действие, не выходящее поначалу за пределы приключенческого жанра. Герой остро конф-

ликтует с обстановкой, по другой обстановки и, следовательно, выбора у него нет. Его окружает одна только плохая обстановка: роскошные синтетические коньяки, отели, рестораны, игорный дом, Салон Хорошего Настроения и прочие аксессуары полного изобилия. Роскошный путеводитель (меловая бумага, золотой обрез) сообщает Жилину факты: на пятьдесят тысяч человек приходится пятнадцать тысяч легковых автомобилей и шестьдесят тысяч телевизоров. «Восемьдесят процентов населения было занято в сфере обслуживания... Полторы тысячи человек входили в семьсот один кружок...»

К сожалению, путеводители с золотым обрезом не всегда позволяют реконструировать социально-психологический портрет общества. Авторы и их герой внимательно присматриваются к людям общества изобилия и создают свой портрет этого общества. Выясняется, что при наступившем изобилии люди так же несчастливы, как и до его наступления.

Общество эпохи изобилия изнасиловано бездельем и, следовательно, ненужностью людей самим себе. Эта ненужность пропитывает все слои общества, кроме, пожалуй, университетской интеллигенции. Люди не понимают друг друга, не понимают сами себя, потому что еще не успели понять, что плодотворный труд является физиологической потребностью человеческого организма. Это важнейшее положение не было ни декларировано, ни (с помощью системы воспитания) распространено. Факт необходимости плодотворного труда еще не стал привычным, а полное удовлетворение постоянно растущих потребностей уже тут как тут. Каждый человек в этом обществе (включая туристов) проходит «двенадцать кругов рая» и, в конце концов, выбирает свой излюбленный круг. Социум не разделяется более на тружеников и трутней. Есть просто люди, вот только хобби у них разные.

Люди пьют. Люди сладострастно уничтожают произведения искусства. Люди разгоняют скуку, подвергаясь смертельной опасности. Люди вдумчиво и сосредоточенно углубляются в мир гастрономии. Молодые люди уходят от мира и его ежедневных забот с помощью грезогенератора, любовно называемого «дрожкой». И где-то за всем этим прячется непонятное, стыдное, захватывающее.

Изобретено «иллюзорное бытие, яркостью и неожиданностью своей значительно превышающее бытие ре-

альное». *Человек скучающий к этому изобретению абсолютно не готов, он неизбежно будет до полного истощения собственной психики (то есть буквально до смерти от нервного истощения) давить на кнопку, дающую ему радость бытия, хотя бы и иллюзорного.* Жилин понимает соблазнительность этой яркой искусственной жизни и понимает, что под угрозой — существование человечества вообще, ибо в сравнении с иллюзорной жизнью, даруемой слегом, еда, питье и размножение — тоскливая суета.

Невозможно помешать распространению иллюзорного бытия силой. И неизвестно, как помешать этому распространению умом.

Повесть «Хищные вещи века» была написана (уже в 1964 году) потому, что Стругацкие обнаружили ранние, почти еще незаметные в обществе симптомы девальвации мысли и труда. Они обнаружили, что техническое развитие общества, если только оно не сопровождается развитием личности, губительно, а «потребительский коммунизм» — отвратителен. Они обнаружили побочные продукты прогресса — «хищные вещи». Они обнаружили слабость и неподготовленность человека к тому, что ему предстоит в будущем. Стругацкие сделали все это более двадцати лет назад, и более двадцати лет их предупреждение не переиздавалось. Идеологические воззрения Людовика XV, получившие широкое распространение вслед за концепцией Людовика XIV [2], успешно защищали свои завоевания во всех областях общественной и экономической жизни страны, не исключая и издательскую политику. Становилось совершенно ясно, что ничего неправомерно хорошего в ближайшие годы не случится, что люди, находящиеся у власти, будут что есть силы ее использовать, не обращая внимания на прочих, которые, будучи предоставлены сами себе, разворуют, загадят и скомпрометируют

---

[2] Людовик XV Бурбон (1710—1774), король Франции (1715—1774). Его фраза «После нас — хоть потоп», хоть и не вошла в отечественные наставления по управлению государством и никогда не провозглашалась с высоких трибун, оказала серьезное воздействие на мышление и образ действий политических лидеров СССР периода 1964—1985 гг.

Людовик XIV Бурбон (1638—1715), король Франции (1643—1715). Ему принадлежит фраза: «Государство — это я». Эта концепция в отечественные наставления по управлению государством вошла.

все на много лет вперед, что художественной интеллигенции просто ничего другого не остается, как петь хвалу и славу.

Идеологическое давление начинает усиливаться, в коридорах власти набирает силу новый состав аппарата управления, экономические несообразности лишают силы и так слабые и непоследовательные демократические начинания. Настроение у Стругацких начинает портиться, и вслед за ним начинает портиться настроение людей в их книгах. Наилучшим образом процесс порчи настроения, безысходности, безнадежных попыток поиска выхода отражен в повести «Улитка на склоне»[3].

Действие повести происходит в двух местах: таинственном Лесу и в не менее таинственном Институте, который этот Лес изучает. В Лесу действует бывший сотрудник Института Кандид, оказавшийся здесь в результате какой-то аварии или катастрофы и частично утративший память. Он пытается восстановить свое прошлое, добраться до Города, уйти от обессмысленного существования обитателей Леса. В Городе с такой же тоской и надеждой Перец мечтает уйти в Лес. В Институте — бюрократическая интрига, в Лесу — загадочное Одержание — процесс преобразования бытия, не принимающий человека в расчет. Входа нет. Выхода нет.

Что привело Стругацких к столь блестяще написанному отчаянию?

В 1966—1967 годах окончательно оформилась перспектива новой эпохи — «эпохи развитого социализма». Начался печально знаменитый период нашей истории. Взрастала и крепла социальная безответственность, безнравственность, коррупция. Наблюдалось срастание целого ряда социальных институтов с аналогичными институтами сталинской эпохи. Возродилось и набрало силу преследование мысли. В такую эпоху жанр Стругацких процветать, разумеется, не мог, как не мог про-

---

[3] Повесть написана в 1965—1966 гг. Опубликовать ее целиком в те годы не удалось, и она была напечатана в виде двух отдельных частей: «Кандид» (в ленинградском сборнике «Эллинский секрет», 1966) и «Перец» (журнал «Байкал», № 1—2 за 1968 г.). В первозданном виде опубликована лишь в 1988 году журналом «Смена».

...делать никакой реалистический (то есть отражающий действительность) жанр. Для писателей, сохраняющих социальную ответственность, открытые глаза и ряд прочих общечеловеческих достоинств, возможность публикации стала проблематичной. Проблема самовыражения художника перестала быть проблемой художественной и стала проблемой взаимоотношений человека и социальной структуры, общества, государства. Поскольку прогноз на ближайшее десятилетие был однозначно пессимистическим, каждый писатель стоял перед выбором: писать правду и не печататься, писать полуправду и иногда печататься, либо писать, что нынче требуется, и печататься сколько влезет. Начинается тяжелое время советской литературы, время высот человеческого духа, хвалебных од и победных реляций.

В жанре победных реляций Стругацкие не выступали. Две темы занимают их: взаимоотношения художника с [illegible] государством и разделение [illegible] на конформистов, диссидентов и инсургентов [illegible] давлением внешних [illegible] с блеском (и безнаказанно) [illegible] в повести «Второе нашествие марсиан», 1968. Первой теме посвящен роман «[illegible]». История публикации этого романа [illegible] точно характеризует эпоху. Роман окончен в 1967-м. Стругацкие, не питая, впрочем, особых [illegible], предлагают его издателям. Объем внутренних рецензий сравним с объемом рецензируемого произведения, но дело не движется. Затем рукопись без ведома авторов попадает за рубеж и без их согласия публикуется во Франции и США, что вызвало горячий протест патриотически настроенных литераторов, и одновременно становится «широко известной в узких кругах» в СССР. После двадцатилетнего хождения в списках публикуется в СССР под названием «Время дождей» в журнале «Даугава» (1987). За три года до этого роман Стругацких «Гадкие лебеди» становится частью их нового романа «Хромая судьба» (1984).

«Хромая судьба» — книга о взаимоотношениях писателя с самодовольным и самодостаточным государством. Разные части этого романа написаны в разное время, и вся книга тем самым испытала влияние двух периодов — периода основания самодовольного государства и периода его кризиса. Испытав влияние разных

эпох, книга стала вместилищем разных, хотя и не противоречащих друг другу, моделей взаимоотношений писателя и самодостаточного государства.

Роман делится на две взаимопроникающие части: Феликс Сорокин, немолодой московский «писатель военно-патриотической темы», копается в своих замыслах, набросках, рукописях, одна из которых — неоконченная — лежит в Синей Папке. Герой неоконченной рукописи писатель Виктор Банев проживает в неизвестном исторически и территориально государстве и становится в нем свидетелем и участником окончания целой исторической эпохи. Два героя отличаются друг от друга тем же, чем отличаются Стругацкие начала 80-х от Стругацких середины 60-х годов. Стругацкие же 80-х отличаются от Стругацких 60-х не только возрастом, то есть увеличением опыта и уменьшением сил, но собственно отличием этих двух эпох.

Между двумя взаимопроникающими частями одного романа «Хромая судьба» Стругацкими были написаны десять произведений. О некоторых из них следует говорить долго и обстоятельно. Эти произведения отражают разные стороны нашей жизни, но более всего — отсутствие каких-то общих рецептов процветания человеческого общества. Стругацкие пишут о желании сдаться в сладкий и хорошо обеспеченный плен («Второе нашествие марсиан», 1967), пародируют захватившую власть глупость и алчность («Сказка о Тройке», 1967), строят действующую модель тоталитарного общества («Обитаемый остров», 1968). Стругацкие говорят о простоте (и труднодоступности) человеческого счастья («Пикник на обочине», 1971), о сложности понимания другого человека («Малыш», 1970), о безнадежном одиночестве человека перед выбором единственно верного поступка («За миллиард лет до конца света», 1974), о несчастливых людях и непрекращающихся трагедиях умного и гуманного мира («Жук в муравейнике», 1979). Общественно-политический кризис, продлившийся два десятилетия, оставивший тяжелейшее социально-психологическое наследие, находит точное, взвешенное выражение в лучших книгах этого периода. Население страны, не сделав ничего для настоящего и будущего, увязает в трясине высокой фразы, славословия, ругани, помыкания, угодничества, бесправия, вседозволенности. Портреты остаются молодыми и полными сил, люди стареют, теряют силы, отчаиваются.

Поэтому Виктор Банев вмешивается в происходящие вокруг него события, а Феликс Сорокин лишь описывает их в Синей Папке.

В жизнеописании Феликса Сорокина присутствуют обрывки текстов, неоконченные и неначатые сюжеты, воспоминания. Эти неоконченные сюжеты обрываются, сглаживаются. Обрывается история поэтишки Кости Куликова[4], обрывается тема инопланетян, превращается в шутку и исчезает история партитуры Труб Страшного Суда, пропадает преследователь в клетчатом пальто. Герой все время возвращается к своей Синей Папке — бесценной и лелеемой правде. Мимо проходят блестяще шаржированные более или менее преуспевающие представители словесности отечественной. И снова всплывает содержимое Синей Папки.

Феликс Сорокин — усталый человек, стыдящийся своих окололитературных регалий, литературной подельщины, это человек, прожививший нелегкую жизнь. Что заставляет его мучительно искать необходимые слова для своей Синей Папки, почему бы ему не отчаяться и не начать сочинять? Для этого необходимо обучиться достаточно простым вещам, а именно: поддерживать более или менее добропорядочные отношения с мерзавцами, игнорировать начальственный бред, проникаться общественно-политической (то есть, в рамках романа, государственно-политической конъюнктурой), кланяться, пресмыкаться и таить, из всех сил таить сокровенное, то есть человеческое, глубоко внутри, чтобы никто не заметил, не позавидовал прямой спине, не загубил. Всем этим сложным вещам Ф. Сорокин обучается, но как-то лениво, нехотя: с чиновниками окололитературными вежлив, но не льстив, равнодушием даже к мерзенькому Косте Куликову не проникся и в помощи ему не отказал, много, слишком много в нем человеческого достоинства, не стать ему первым учеником. Даже хлеб свой — военно-патриотические писания — полюбить не сумел.

И в жизни он не очень-то устроен, и заработки таковы, что радоваться приходится такой убогой для маститых сумме, как 196 рублей 11 копеек. Самым важным для него, признанного писателя военно-патриотической

---

[4] Этот оборвавшийся сюжет восстановлен Стругацкими в киноповести «Пять ложек эликсира», напечатанной в сборнике: Современная фантастика. М.: Книжная палата, 1988.

...емы, остается правда. Она остается в воображении, ...ображение переливается в Синюю Пашку. Весь текст «Хромой судьбы», посвященный Ф. Сорокину и написанный от его лица,— это история его маленькой личной правды, его измученной неканонической рукописи.

Для того чтобы читатель поверил Ф. Сорокину, Стругацкие отдают ему одну из лучших своих книг. (То же и, вероятно, по сходным причинам сделал в «Мастере и Маргарите» Михаил Булгаков.)

В этой книге — нескончаемый дождь (вот где полностью реализовалась метафора: «солнце — ненастье» из «Хищных вещей века»), непонятные мокрецы — больные люди, наделенные необычайной мощью интеллекта и другими необычайными свойствами, отчужденные от родителей дети, мокрецы в золотых рубашках, вечно пьяный художник. Человек с нормальным зрением не может в этом мире преуспеть принципиально, потому что успех обусловлен только потерей индивидуальности. Очевидно, в мире, где общество полностью съедено государством, можно преуспеть, только присоединившись к пожирающему общество государству.

Стругацкие убедительно и точно показывают, что происходит, когда художник присоединяется к власти: «Господин президент считает, что купил живописца Р. Квадригу. Это ошибка. Он купил халтурщика Р. Квадригу, а живописец протек у него между пальцами и умер».

Для того чтобы что-то собой представлять, художник должен быть исключительно на своей собственной стороне. Он должен просто писать, писать, по точному выражению Б. Окуджавы, «как он дышит». Вот как Виктор Банев описывает процедуру сочинения заказной статьи: «Берется последняя речь господина президента и переписывается целиком, причем слова «враги свободы» заменяются словами «так называемые мокрецы», или «пациенты кровавого доктора», или «вурдалаки из лепрозория»... так что мой мыслительный аппарат участвовать в этом деле не будет». Но на это есть возражение: «Это вам только кажется... Вы прочтете эту речь и прежде всего обнаружите, что она безобразна. Стилистически безобразна, я имею в виду. Вы начнете исправлять стиль, искать более точные выражения, заработает фантазия, замутит от затхлых слов, захочется сделать слова живыми, заменить казенное вранье живо-

трепещущими фактами, и вы сами не заметите, как начнете писать правду».

С разных сторон В. Баневу настойчиво предлагают: «Перестаньте брехать». Присяжные критики статьей в «Образцовом информаторе» доводят Ф. Сорокина, отошедшего на минуточку от своей военно-патриотической темы, до сердечного приступа. И оба писателя неотступно думают о ценности собственного труда. И вдруг оказывается, что эту ценность можно измерить.

На протяжении всей повести Ф. Сорокин идет и никак не может дойти до Института лингвистических исследований. То его отвлекают мелочи, куски жизни без продолжения, то опять он погружен в Синюю Папку. Но вот, наконец, он беседует с сотрудником института. Оказывается, существует программа для компьютера, которая может вычислить «наивероятнейшее количество читателей текста». Не уровень таланта, нет. Просто — число читателей. И вот, когда в Синей Папке дети ушли от родителей навсегда, когда мир заканчивается и в перспективе — Исход и окончание времен, наступает разрешение проблемы творчества, неотступно преследующей Ф. Сорокина. В писательском клубе он снова встречается с научным сотрудником Института лингвистических исследований.

«Вы, как и следовало ожидать, совершенно правильно догадались, что машина моя определяет не абсолютную художественную ценность произведения, а всего лишь судьбу его в исторически обозримом времени... Догадавшись, вы оказались перед вопросом: стоит ли рискнуть и передать мне на анализ вашу Синюю Папку». Да, кивает Сорокин. Он боится, что машина наградит его «жалкой цифрою, словно не труд всей своей жизни вы ей предложили, а какую-нибудь макулатурную рецензию, писанную с отвращением...» Он надеется, что «вознаградит вас моя машина шестизначным, а то и семизначным числом», и шедевр сам чудесными путями пробьется к читателю. И еще есть один вариант, унизительный, стыдный: «...как я мог представить себе, что проклятая машина на Банной может выбросить на свои экраны не семизначное признание моих, Сорокина, заслуг перед мировой культурой и не гордую одинокую троечку, свидетельствующую о том, что мировая культура еще не созрела, чтобы принять в свое лоно содержимое Синей Папки», а может это оказаться 90 тыс. экз., как для всей прочей макулатурной трухи.

А Михаил Афанасьевич (имя этого персонажа — не случайность. Ф. А. Сорокин, и не он один, действительно принимает научного сотрудника Института лингвистических исследований за М. А. Булгакова. «Хромая судьба» связана с Булгаковым многими нитями. Это и структура романа в романе, и многочисленные реминисценции, и дьявольщина, и, наконец, прямая ссылка) негромко продолжает: «Поймите меня правильно. Вот вы пришли ко мне за советом и сочувствием... И того вы не хотите понять, Феликс Александрович, что ничего этого не будет и не может быть, ни совета от меня, ни сочувствия. Не хотите вы понять, что вижу я сейчас перед собой только лишь потного и нездорово раскрасневшегося человека с вялым ртом и коронарами, сжавшимися до опасного предела, человека пожившего и потрепанного, не слишком умного и совсем не мудрого, отягченного стыдными [illegible] и тщательно подавляемым страхом [illegible] ничтожества. Ни сочувствия этот человек [illegible] ни желания давать ему советы. Да и [illegible] Поймите, Феликс Александрович, что [illegible] ни до ваших внутренних борений, [illegible] душевного смятения, ни до вашего [illegible] самолюбования. Единственное, что меня интересует, это ваша Синяя Папка, чтобы роман ваш был [illegible] и закончен. А как вы это сделаете, какой ценой ..— это, право же, мне не интересно...»

И наступает тишина. В этой тишине глуховатый голос Михаила Афанасьевича читает не написанный еще текст — окончание Синей Папки.

Там заканчивается дождь, там спасается бегством самодовольное чиновничество, бегут прочь от изменений трусы и обыватели, превращаются в родниковую воду спиртное и наркотики, рушатся бетонные соты и ржавеет оружие. В этот солнечный мир возвращаются дети. Новый мир принадлежит им и ими выстроен. Виктор Банев, писатель, видит все это. Он счастлив это видеть. Он должен досмотреть правду до конца. Но этот солнечный новый мир не им построен и не ему принадлежит. Он, писатель, должен вернуться и рассказать о нем.

Нет, не будет, не будет художнику «ни света, ни покоя». Он будет по клочкам собирать правду о мире, он будет создавать из нее полотна и строки, а если ему не позволят — он вставит правду между строк, подме-

шает ее в самые льстивые роскошные краски. Он будет мучиться и торжествовать, он будет считать себя гением и ничтожеством, «червем и богом». И так — до конца.

Но иногда, отложив только что законченную рукопись, отступив от мольберта, оторвав пальцы от клавиш, он все-таки будет счастлив. И счастлив будет его читатель, зритель, слушатель.

О. В. Шестопалов

Аркадий Натанович Стругацкий
Борис Натанович Стругацкий

ХРОМАЯ СУДЬБА
ХИЩНЫЕ ВЕЩИ ВЕКА

Фантастические повести

Редактор Э. Б. Кузьмина
Технический редактор Е. Н. Волкова
Корректор Л. В. Петрова

ИБ 1877

Сдано в набор 22.09.89. Подписано в печать 02.02.90. Формат 84×108/32. Бум. типографская. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,04. Уч.-изд. л. 28,32. Тираж 400 000 экз. (III завод 100001 — 150000). Изд. № 4989. Заказ 2721. Цена 2 руб. 10 коп.

Издательство «Книга» 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Областная ордена «Знак Почета» типография им. Смирнова Смоленского облуправления издательств, полиграфии и книжной торговли. 214000 г. Смоленск, пр. им. Ю. Гагарина, 2

Отпечатано в Рязанской областной типографии. 390023 г. Рязань, ул. Новая, 69/12.

Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.
С 87 Хромая судьба. Хищные вещи века. Фантаст. повести/Послесл. О. Шестопалова. — М.: Книга, 1990.— 492 с.

«Хромая судьба» — произведение двуплановое. Рассказ о странностях, преследующих ее героя, писателя Феликса Сорокина, причудливо перекликается с невероятными событиями, которые обрушились на героя его любимой повести-притчи Виктора Банева.

Другая повесть наших известнейших фантастов, «Хищные вещи века», написанная четверть века назад, звучит в наши дни с особой актуальностью. Она посвящена приключениям знакомого нам персонажа, космонавта Ивана Жилина, в стране изобилия и пресыщения, где воинствующий вещизм раздавил духовность и нравственность.

В послесловии очерчены основные этапы развития творчества Стругацких за тридцать лет.

Для самых широких кругов читателей.

С $\frac{4702010201\text{-}060}{002(01)\text{-}90}$ 28-90

ББК84Р7-4

С 1988 года издательство «Книга» выпускает новую серию «ВРЕМЯ И СУДЬБЫ»

Первые книги серии посвящены тому недавнему и трагическому времени, правду о котором мы с болью открываем только сейчас.

1988

РАПОПОРТ Я. Л. НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ: ДЕЛО ВРАЧЕЙ 1953 ГОДА

Воспоминания единственного уцелевшего из жертв «дела врачей».

1989

ЛЕВ РАЗГОН. НЕПРИДУМАННОЕ: ПОВЕСТЬ В РАССКАЗАХ

Писатель, проведший 17 лет в лагерях и ссылке, рисует галерею типов: и жертв (от жены М. И. Калинина до афганского принца), и тюремщиков, и тех, кто в самые тяжелые времена помогал невинно осужденным, как Е. П. Пешкова.

Я. ХАРОН. ЗЛЫЕ ПЕСНИ ГИЙОМА ДЮ ВЕНТРЕ: ПРОЗАИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ПОЭТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

В рассказ о годах, проведенных в лагере и ссылке, неожиданно вплетается литературная мистификация: автор вместе со своим другом по лагерю сочинил некоего французского поэта XVI века, сочинил его биографию и сто сонетов, обретающих особый драматизм на фоне тюремных будней.

Л. К. ЧУКОВСКАЯ. ЗАПИСКИ ОБ АННЕ АХМАТОВОЙ. КНИГА I. 1938—1941

Дневниковые записи встреч с Ахматовой воссоздают судьбу поэта и через нее — судьбу страны.

ВОСПОМИНАНИЯ КРЕСТЬЯН-ТОЛСТОВЦЕВ. 1910—1930-е годы

О трагичной судьбе толстовских коммун, уничтоженных в тридцатые годы, коммунаров, прошедших через тюрьмы и ссылки.

ЦЕНА МЕТАФОРЫ, ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ А. Д. СИНЯВСКОГО И Ю. М. ДАНИЭЛЯ

Книга включает произведения писателей, которые были «осуждены» уголовным судом в 1966 г., а также письма выдающихся деятелей культуры всего мира — в защиту осужденных и материалы советской прессы, обличающие их.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ. ВОСПОМИНАНИЯ

Горестный, страстный рассказ вдовы выдающегося русского поэта о его судьбе, истории его арестов и гибели в лагере, о страшной атмосфере жизни в эпоху сталинизма.

1990

АЛЕКСЕЙ КАПЛЕР. «Я» И «МЫ»: ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ РЫЦАРЯ ИСКУССТВА

Книга воскрешает обаятельный образ человека, чья жизнь десятилетиями связана с историей советского кино. В его мемуарных очерках встают годы становления молодого советского кино. Другие срезы истории — в его военных очерках, лагерных рассказах, писавшихся «в стол».

СЕМЕН ЛИПКИН. ЖИЗНЬ И СУДЬБА ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА. А. БЕРЗЕР. ПРОЩАНИЕ

О драматической судьбе Гроссмана рассказывают его близкий друг поэт Семен Липкин и редактор «Нового мира» А. С. Берзер. Ее воспоминания дополнены публикацией ценных документов эпохи, стенограмм обсуждения романа Гроссмана. Взволнованная интона-

ция воспоминаний, светлая человеческая личность писателя, богатство подлинных свидетельств времени привлекут внимание самых широких кругов читателей.

РАИСА ОРЛОВА, ЛЕВ КОПЕЛЕВ. МЫ ЖИЛИ В МОСКВЕ. 1956—1980

Раиса Орлова и Лев Копелев — друзья академика Сахарова, Генриха Бёлля, те, кого у нас десятилетиями именовали диссидентами, а теперь мы признаем их совестью русской интеллигенции. Книга освещает противостояние лучших людей страны засилью застоя, рисует нравственные процессы в стране начиная с «оттепели». Широкая картина жизни интеллигенции за четверть века дополнена главами-портретами Анны Ахматовой, К. И. Чуковского, Евгении Гинзбург, А. Д. Сахарова и других «героев и мучеников» Совести.

КОНСТ. СИМОНОВ. ГЛАЗАМИ ЧЕЛОВЕКА МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О И. В. СТАЛИНЕ

Раздумья известного писателя о сложностях и противоречиях своей эпохи, связанных с именем Сталина, оценка и переоценка нравственных процессов в обществе и в литературе. Особая тема книги—«Сталин и война». Размышления самого автора, его военный опыт дополнены подробными записями его бесед с маршалами Коневым и Василевским, адмиралом Исаковым, материалами к биографии маршала Жукова.

А. Л. ТОЛСТАЯ. ДОЧЬ

Многие годы судьба и самое имя младшей дочери Льва Толстого в нашей стране замалчивались. А между тем судьба ее поразительна. В первую мировую войну графиня Толстая добровольно идет на фронт сестрой милосердия. Затем она — хранитель Ясной Поляны. Затем — Лубянка. Ее лагерные записи — ценнейшее свидетельство очевидца. Вторая часть книги — рассказ о Японии, куда А. Л. Толстая выехала в 1929 г. с лекциями об отце. Третья часть посвящена Америке, где А. Л. Толстая жила с 1931 г. Немало в книге ярких зарисовок крупных государственных деятелей, с которыми скрещивались пути автора.

кой степени мне наплевать! Лечь бы на дно, как подводная лодка, чтоб не могли запеленговать. Он ритмично бил по струнам, и в этом ритме сначала стол, потом вся комната, а потом весь мир пошел притоптывать и поводить плечами. Все генералы и полковники, все мокрые люди с отваливающимися лицами, все департаменты безопасности, все президенты и Павор Сумман, которому выкручивали руки и били по морде... Сыт я по горло, до подбородка, даже от песен стал уставать... не стал уставать, уже устал, но «стал уставать»— это хорошо, а значит, это так и есть... лечь бы на дно, как подводная лодка, чтоб не могли запеленговать. Подводная лодка... горькая водка... а также молодка, а также наводка, а лагерь — не тетка, вот как, вот как...

В дверь уже давно стучали, все громче и громче, и Виктор, наконец, услышал, но не испугался, потому что это был не ТОТ стук. Обыкновенный радующий стук мирного человека, который злится, что ему не открывают. Виктор открыл дверь. Это был Голем.

— Веселитесь?— сказал он.— Павора арестовали.

— Знаю, знаю,— сказал Виктор весело.— Садитесь, слушайте...

Голем не сел, но Виктор все равно ударил по струнам и запел:

Сыт я по горло, до подбородка,
Даже от песен стал уставать.
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать...

— Дальше я еще не сочинил,— крикнул он.— Дальше будет водка... молодка... лагерь — не тетка... А потом — слушайте:

Не помогают ни девки, ни водка,
С водки — похмелье, а с девок — что взять?
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
И позывных не передавать...

Сыт я по горло, сыт я по глотку,
О-о-ох, надоело пить и играть!
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать...[1]

---

[1] Стихи В. Высоцкого.

Еремей Иудович Парнов

ЛАРЕЦ МАРИИ МЕДИЧИ

Роман

Редактор *Н. А. Еремина*

Технический редактор *Л. Ю. Кеда*
Корректор К. Н. Симон

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Эта книга подготовлена издательством „Русский язык" совместно с фирмой „Стимул". О книгах Еремея Парнова мечтает каждый, кто увлекается приключенческой литературой. Купив это издание, вы внесете посильный вклад в улучшение экологической обстановки в стране.

Совместные издание издательства „Русский язык" и фирмы „Стимул" печатаются на бумаге, изготовленной с использованием макулатуры и реализуются только в обмен на вторичное сырье.

„Русский язык"

„Стимул"

ИБ 9659

Подписано в печать 22.05.91. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура таймс. Печать офсетная (с готовых диапозитивов). Усл. печ. л. 25,2. Усл. кр.-отт. 25,2. Уч.-изд. л. 27,08. Доп. тираж 100 000 экз. Заказ № 691.

Издательство „Русский язык" Министерства печати и информации Российской Федерации. 103012 Москва, Старопанский пер., д. 1/5.

Отпечатано на Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 143200 Можайск, ул. Мира, 93.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роману Еремея Парнова «Ларец Марии Медичи» была уготована счастливая судьба. Похвальные рецензии, переводы во многих странах, постоянный интерес читателя. Достаточно сказать, что, несмотря на несколько переизданий, книга попала в список «бестселлеров» 1987 года.

Жизнь романа об удивительных приключениях оказалась, таким образом, в определённой связи с последующими странностями и чудесами, которые едва ли предвидел автор.

Магнетизм тайны обладает особыми свойствами.

«Игра не кончилась», — недаром столь обещающе звучала заключительная фраза романа.

В последнем издании I Парнов продолжил её несколькими примечательными строками:

«Летом 1980 года, когда на киностудии «Мосфильм» шли съёмки фильма по роману, автор получил редкостный подарок — букетик засушенных диких трав и несколько камешков из Монсегюра. К этому своеобразному посланию из дали времен был приложен примерный набросок тайных подземных галерей, которыми буквально пронизана неприступная скала. Нет, «игра не кончилась». Энтузиасты-археологи уверены, что основные сокровища катаров остались где-то здесь, в помеченном тайными знаками лабиринте».

Гностический змей вновь замкнул кольцо. Конец становится новым началом. Игра продолжается. И она действительно была продолжена в романах „Третий глаз Шивы" и „Мальтийский жезл", где действуют те же основные герои: Люсии и Березовский.

«Как я угадал!» — воскликнул Мастер.

Может быть, нам и удастся проникнуть когда-нибудь в магнетический круг Булгакова и Конрада, разгадать секреты «Рукописи, найденной в Сарагосе» Потоцкого и прочих «зашифрованных» романов. Но без предвосхищения будущего не было бы ни литературы, ни науки. Даже понять прошедшее мы едва ли сумеем во всей полноте без учёта этого редкого дара.

Писатель и публицист, учёный и путешественник, Еремей Парнов написал множество книг в самых разнообразных жанрах. Здесь и научная фантастика, и приключения, философские эссе и яркие описания дальних стран, политические романы, научно-художественные очерки. Но независимо от стиля и жанра, в центре повествования находилась загадка. И были открытия, были предвосхищения. Здесь и знаменитое предсказание нейтронной бомбы, и «прочтение» тайных знаков бронзовых барабанов Юго-Восточной Азии.

«Боги Лотоса» и «Трон Люцифера», «Звезда в тумане» и «Бронзовая улыбка» — вот далеко не полный перечень книг, где Е. Парнову удалось высветить волнующие загадки древности, связавшие

Восток и Запад. Как драгоценные блёстки, они встретятся нам и в цикле его исторических романов: «Секретный узник», «Посев бури», «Витязь чести», «Под ли́внем багря́ным».

Калейдоско́п стран и эпо́х. Но всегда́ в фо́кусе линзы бунта́рь, бросивший вызов миру и ве́ку. Поэ́т, философ, революционе́р, му́ченик...

Чита́телю предоставляется фантастическая возмо́жность самому заглянуть в глубокий коло́дец веков, где в кромешной тьме рде́ют костры́ нетерпимости. Разумеется, не всегда́ развязка бу́дет столь трагичной, как в эпопе́е защи́тников Монсегю́ра («Ларе́ц Мари́и Ме́дичи»). Костры́ и пытки образ скорее собира́тельный, симво́лический , не́жели буквальный, но именно поэтому — особенно точный в общеисторическом смы́сле. Джордано Бруно, писавшего об обитаемых мира́х во Вселе́нной, действи́тельно сожгли, но гениального Галиле́о Галиле́я, что называется, и па́льцем не тронули. Просто показа́ли ста́рому человеку через специа́льное окошечко пы́точную камеру... Да, у каждой искры во тьме прошедших веков своя судьба. Гипатию растерзала толпа обезу́мевших фана́тиков-христиан, Улугбе́ку отруби́л го́лову фанатик ислама. Века, существо «еретических» учений, идеологии и религии, коим э́ти учения противоречили, особого значения не имели. В пя́том веке и в восемнадцатом, в Европе и в Азии, у католиков и кальвини́стов — всюду, везде и всегда разыгрывалась одна и та́ же дра́ма. Вернее, поединок между ге́нием и мракобесием, ме́жду геро́ем и тирани́ческой иера́рхией, претендующей на монопольное пра́во истолкования истины. Еди́нство фа́булы, закономерное единство развязки: эшафот или тюремная камера, наёмный убийца или палач в красном капюшо́не. И путь в бессмертие, и конечная побе́да разума над фанатизмом. По сути одна и та же разы́грываемая на подмостках веков драма с вариациями. И это не игра случая, не курьёз, достигнутый кропотливым авторским отбором. Здесь явственно ощущаешь могучее дыхание самой истории, неумолимую логику её судьбоносных противостояний.

Ещё в колыбе́ли наука противостоя́ла слепо́й ве́ре, и́бо тре́бовала проверки сомнением, требовала доказательств. И в этом смысле чаша с отравой, которую поднесли Сократу, воистину впечатляющий символ. Мо́жно, пожалуй, сказать, что привкус едкой цикуты, которую бестрепетно испил великий мыслитель, явственно ощущается в длинной цепи времён. Её неотвязная горечь не позволяет читателю забы́ться. Он как бы изначально знает, что счастливых развязок не будет в калейдоскопе скорби и памяти, прозрения и обмана, благородства и подлости.

Именно в этом ключе следует рассматривать и чудесные исторические ретроспекции «Ларца Марии Медичи», где, кроме героев вымышленных, действуют знаменитые исторические фигуры: епископ д'Ан Марти, Симон де Монфор, кардинал Ришелье, Людовик XVI и Мария Антуанетта, Павел Первый, Наполеон.

Роман Е. Парнова является своего рода жанровой загадкой. Главы о нашей современности перемежаются миниатюрами из французской истории, лирика соседствует с юмором, наука с приключе́ниями. И лишь перед самой развязкой все эти линии стремительно соединяются. Формально «Ларец Марии Медичи» можно определить как детектив — в чистом, я бы сказал, классическом понимании этого термина. Ибо детектив строится на раскрытии загадки: уголовной, научной и т. п. Здесь все элементы налицо: и уголовный, и научный, точнее историко-научный. Но сказать о романе, что это детектив, значит обеднить его.

В самом деле, возьмём, к примеру, центральный образ — Люсина. Это обаятельный, полнокровный характер. Под стать ему и его коллеги: Светловидов, Данелия, Шуляк. Они все разные, у каждого свои достоинства и свои недостатки, привычки, симпатии. Действия их напоминают игру хорошо слаженного оркестра. Каждый инструмент в нём индивидуален, но мелодия рождается лишь в ансамбле. Люсина никак не назовёшь следователем-одиночкой. Он скорее руководитель, направляющий слаженные усилия коллектива. Люсин — вчерашний моряк, которому доверена охрана жизни и спокойствия наших людей. Он не поражает читателя невероятной интуицией и проницательностью. Порой ошибается, досадует на себя, иногда терпит неудачи. Но, право, мы не только готовы простить ему эти ошибки, мы вместе с ним тяжело переживаем их.

А почему? Да потому, что автор заставил нас увидеть, понять и полюбить этого человека. Мы не знаем, каким он был матросом, штурманом, как проявил себя на комсомольской работе в траловом флоте, но почему-то не сомневаемся в том, что везде он был на своём месте. И точно так же он очень на своём месте в качестве следователя. Мне нравится тонкий и весёлый юмор романа, реалистическая точность в деталях, свобода, с которой автор оперирует в столь разных сферах, от истории до криминалистики. Несомненно удались портреты Веры Фабиановны и Льва Минеевича, почеловечески понятна и трагична судьба Женевьевы и сбившегося с дороги Михайлова.

В детективном романе обычно редки любовные сцены. Такова уж традиция. Но роман есть роман. Нервная, напряжённая линия Марии и Гены Бурмина бросает на его страницы чистый и чуточку грустный отблеск.

В ткань романа вплетена прерывистая историческая линия. Она не очень велика по объёму, но роль её исключительно важна. Я уж не говорю, что взятые автором сцены французской истории очень интересны сами по себе. Широкий читатель мало что знает об альбигойцах, тамплиерах, таинственных самозванцах Сен-Жермене и Калиостро. Повторяю, исторические сцены могли бы быть интересны и сами по себе, но автор показал нам через них узловые моменты истории. Альбигойские войны впервые продемонстрировали банкротство католической идеологии, конец тамплиерского ордена охарактеризовал собой крах феодально-теократической системы вообще и средневековой морали в частности. Дело же об ожерелье послужило толчком, ускорившим французскую революцию. Оно полностью дискредитировало легитимную монархию, божественный принцип королевской власти.

Вырисовывается и третья, невидимая линия романа, его подтекст. Свиньин и Ванашный — убийцы и нацистские прихвостни, носители недавнего зла, выступают по сути как наследники реакционных сил прошлого, иезуитов, доминиканцев, мертвящей унии папской тиары с короной христианнейших королей. Это наглядный урок истории. И от того, что он даётся в непринуждённой художественной форме, он ещё более значим и поучителен.

И. Бестужев-Лада

Березовский кивнул, закусив губу.

— Тогда смотри!— Люсин боком пробрался мимо ларца к сейфу и торжественно распахнул его.

Всё было так, как он задумал. За одним только исключением. Ларец Марии Медичи следовало открыть не Березовскому. Но об этом сейчас лучше было не думать. И Люсин продолжал парад, который не удался с первой же минуты.

— Вот!— сказал он, бережно вынимая из сейфа тёмный обоюдоострый кинжал с крестообразной ручкой.— Смотри!

Березовский, как лунатик, протянул руки и взял кинжал.

— «Aut Caesar, aut nihil»,— чуть шевеля губами, прочёл он полустёртые и заплывшие буквы на рукоятке.

— «Или Цезарь, или ничто»,— тут же откликнулся Люсин.— «Или быть первым, или ничем»... Девиз Брута!

— «Капитолийская волчица хранит завязку всей игры...»— Березовский присел на краешек раскрытого сундука, так и не подняв лица от лежащего на ладонях кинжала.— Неужели ему тысячи лет?

— Кто знает...— сказал Люсин.— Теперь смотри, что ещё там было.

— Значит, ты открывал уже? — несколько запоздало спросил Березовский.

Люсин ничего не ответил и достал из сейфа почти чёрный от вековой патины, тяжёлый серебряный пятиугольник.

— «Звезда Флоренции»! — тут же воскликнул Березовский.— Именно такой я её и представлял себе... Значит, у нас есть всё, кроме алмаза и чётки?

— Всё, Юра. Чётка нам не нужна. Здесь тот же шифр, что и на подвязке. Погляди. — И он протянул Березовскому пятиугольник.— Тут объяснение и план того места, где, возможно, спрятано катарское сокровище. Всё уже расшифровано. Возьми-ка у меня на столе подстрочный перевод...

Литое сердце пентаграммы [1]
Навеки в сердце унеси.
Премудрость не на небеси

[1] Расшифрованная надпись даётся здесь в стихотворном переложении Ю. Березовского.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

АЛЕКСАНДР БЛОК

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АЛЕКСАНДР БЛОК

211
215
216
216
217
217
219
229
231
232
233
235
236
241
245
251

Блок А. А.

Б70 Избранные произведения: Стихотворения и поэмы. Для ст. школ. возраста / Сост., предисл. и коммент. В. Н. Орлова; Худож. Ю. А. Чеканюк.— К.: Веселка, 1985.— 262 с., ил.— (Школ. б-ка).

В сборник вошли лучшие стихотворения и поэмы выдающегося русского поэта А. Блока, с первых же дней Октября принявшего самое живое и деятельное участие в строительстве новой, социалистической культуры.

Б $\frac{4803010102—038}{M206(04)—85}$ 29. 85.

Р2

ПЕВУЧЕЕ СЕРДЦЕ

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан...

«Я НЕ ПЕРВЫЙ ВОИН, НЕ ПОСЛЕДНИЙ...»

Случаются в истории удивительные по своей знаменательности события, происшествия, сближения, переклички.

В одну из ноябрьских ночей 1880 года, в Петербурге, в старинном доме над Невой, старая женщина, когда-то тесно связанная с кругом ближайших друзей Пушкина, приняла на руки новорожденного младенца, которому суждено было стать последним из величайших поэтов старой России и одним из зачинателей новой, советской литературы.

Отсвет пушкинской эпохи блеснул над колыбелью Александра Блока.

Вот она — неразрывная связь времен и поколений, непрерывность, звено к звену, нашей национальной культуры, преемственность ее вечно живых традиций, преданий и заветов.

Вся великая русская литература во всем ее объеме была воспринята Блоком как кровное и драгоценное наследие. В зрелую пору жизни, в годы своего духовно-нравственного перелома и стремительного творческого взлета, он нашел прочную опору в благородных гуманистических и демократических идеалах русской литературной классики, в ее непобедимой вере в лучшее будущее.

«Великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой,— утверждал Блок,— погружались во мрак, но они же имели силы и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянье, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно *все будет по-новому,* потому что *жизнь прекрасна*».

Таким же великим художником, знавшим, что жизнь в существе своем, несмотря на все, что ее искажало и портило, прекрасна, и верившим в свет будущего, был и Александр Блок.

Он жил и творил в очень сложных и трудных исторических условиях, в обстановке резко обозначившегося

кризиса старого мира и заката его культуры, в эпоху подготовки и свершения самого грандиозного во всей истории человечества революционного перелома.

В. И. Ленин заметил, что всякий исторический кризис одних надламывает, других закаляет. Александра Блока кризис старого мира закалил. Именно поэтому ему и выпала особая судьба: художник, вышедший из самых глубин элитарной (обращенной к немногим избранным) культуры, убежденно и уверенно перешел на позиции общенародного искусства, оказался провидцем, провозвестником и вдохновенным певцом нового мира, рожденного Великой Октябрьской социалистической революцией.

Для этого нужны были большие духовные силы. Блок был наделен ими щедро.

В основе всего лежал, конечно, талант — громадное лирическое дарование. Это вечная юность души, неугасимый жар сердца, всепобеждающая страсть, неутолимая жажда жизни — все, без чего поэзия существовать не может.

Но Блок никогда не стал бы истинно великим, национальным поэтом, если бы не был наделен от природы по меньшей мере еще тремя драгоценными человеческими дарованиями: неподкупной совестью, беспощадной искренностью и бесстрашием правды, чувством гражданского долга. Причем все это было заострено в нем до крайней степени.

...Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

«При мысли о всяком поэте представляется больше или меньше личность его самого»,— сказал Гоголь. Нет искусства без художника, нет поэзии без личности поэта.

Трудно складывалась личная жизнь Александра Александровича Блока. Душа его не знала ни мира, ни покоя, ни простого человеческого счастья. Он уже не мог повторить вслед за Пушкиным: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Поэт нового века разуверился в «несбыточной мечте» не только о счастье, но и о покое: «Покоя нет... Покой нам только снится...» И житейская дорога вела его не к «чистым негам», о которых думал Пушкин, но в кровь и пыль «вечного боя».

За всем, что написал и о чем размышлял Александр Блок в ту пору, когда стал великим поэтом, сквозит образ человека и художника строгого, даже сурового, доброволь-

но взявшего на себя тяжелый крест *служения* своему делу, живущего «в огне и холоде тревог», презирающего всякого рода дешевые утехи и мишурные красивости, на которые столь падка была окружавшая его общественно-литературная среда.

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал дух,
Не для дружб я боролся с судьбой...

Но под строгим обличьем поэта-рыцаря сильно билось певучее сердце, горела молодая душа, открытая для всех восторгов мира. Из чудесного сочетания этой строгости и этого горения и родилось то, что мы называем поэзией Александра Блока.

Он жил, думая не о счастье, а о правде, все отдал творчеству, сделал собственную жизнь искусством, оставил нам свои стихи, поэмы и драмы — то есть, говоря словами выдающегося советского писателя Юрия Олеши, «превратил материал своей жизни в видение, доступное всем и всех волнующее».

У этого видения есть два лика — «самозабвение тоски» и «самозабвение восторга», «и отвращение от жизни и к ней безумная любовь». Это дивное, волшебное видение оборачивается к нам то одним, то другим ликом, прежде чем предстать в своей единосущной и нераздельной цельности.

С одной стороны:

Как часто плачем — вы и я
Над жалкой жизнию своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

С другой:

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Эти два знаменитейших стихотворения Блока были написаны почти одновременно. И они полярны — по смыслу, идее, настроению. Какое из них шире, глубже, вернее раскрывает совестливую и мятежную душу поэта? Вопрос праздный. На то и полюсы, чтобы их было два.

Весь опыт мирового искусства говорит о том, что если

художник верен действительной, а не придуманной жизни и сам живет по совести и правде, он не может, не в состоянии закрыть глаза на то темное и злое, что есть в жизни, но он должен, обязан верить, что в конечном счете победит светлое и доброе.

Жизнь трудна, в ней идет жестокая, неутихающая борьба, и жить достойно — значит, каждодневно быть готовым к подвигу и идти на подвиг. На этом пути человека подстерегают суровые испытания, может быть — гибель, но все равно: это единственный путь, достойный человека. А поэт, который говорит не только за себя, но и за всех, тот уж всегда обязан воспитывать в себе готовность к борьбе и к подвигу.

Блоку довелось жить и творить в одну из самых трагических эпох русской истории, и глубокая печать этого неблагополучного времени лежит на его творчестве. А как могло быть иначе? Трагизм блоковской поэзии исторически понятен и психологически объясним: в ней отразился личный опыт искреннего, мучительного переживания той трагедии, которую переживала вся Россия, придавленная царизмом и церковью, барами и чиновниками, толстосумами и мироедами.

Отчаянье, порою тучей наплывавшее на Блока, не вычеркнуть и не стереть. Без него он не был бы Блоком. Однако для верного исторического понимания личности, характера и судьбы поэта значение решающее имеет другое — его вера в будущее, в «неслыханные перемены» и в «новый век», и надежда на справедливый приговор потомства.

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

Таким Александр Блок и вошел в нашу жизнь — провозвестником добра, света и свободы, великим поэтом «страшных лет России» и уже проступавшей из мглы окружающего другой России — «вздернутой на дыбы, разгневанной и рвущей путы».

«Я И МОЛОД, И СВЕЖ, И ВЛЮБЛЕН...»

Для того чтобы прийти к свершению своего духовно-нравственного, гражданского и творческого подвига,

Александру Блоку предстояло одолеть множество препятствий не столько внешнего, сколько внутреннего порядка — отрешиться от пережитков «сентиментального воспитания», от усвоенных в ранней юности предрассудков, иллюзий и заблуждений, от соблазнительных ядов антинародного декадентства, воздействие которого он испытал. Все это сам Блок очень верно назвал способностью и уменьем «перерастать самого себя».

Из статей, дневника, писем, важнейших высказываний Блока о жизни, общественно-политических вопросах, культуре и искусстве отчетливо видно — куда, в каком направлении он шел.

Октябрем 1897 года помечено стихотворение, которым Блок счел уместным открыть полное рукописное собрание своей лирики. Это еще робкие, ученические стихи, напетые с чужого голоса. Но вскоре же поэтический талант Блока развернулся широко и во всей своей самобытной силе.

Как объяснить пробуждение поэта? Тайна сия велика есть. Вдруг, в один обычный день, человеком овладевает необоримая потребность сказать о том, что он чувствует, мерной речью, чаще всего с рифмами. В подавляющем большинстве случаев этим все и кончается. В редчайших — из смутного, безотчетного беспокойства, из «чудесной внутренней тревоги», из наплывающих звуковых волн и набегающих ритмов рождается *поэзия*.

Настоящий поэт начинается, как только в нем *встрепенется душа* и он обретет ту лирическую дерзость, которая позволит ему вырваться из плена запомнившихся чужих напевов и сотворить свою гармонию.

Из отголосков далекой речи,
С ночного неба, с полей дремотных
Все мнятся тайны грядущей встречи,
Свиданий ясных, но мимолетных...

Так в русской поэзии зазвучал новый голос — исполненный своей, ни на какую другую не похожей музыкой — голос Александра Блока...

Самые ранние свои стихи (1898—1900 годов) Блок назвал по-латыни: «Ante Lucem», что означает: «Перед Светом» или «До Света». Кончалась его предрассветная пора,— молодая душа горела надеждой и верой, ее окрыляла «необъятная сила».

Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом,

А в сердце, замирая, пел
Далекий голос песнь рассвета.

В лирике Блока с самого начала присутствует тема *призвания* поэта, его пророческой миссии. Поэт — не просто слагатель благозвучных песен, но искатель и провозвестник абсолютной и безусловной истины, и дело его понимается как служение во имя некоего высшего начала, долженствующего победить ложь неправильно устроенной жизни и проложить людям путь в прекрасное будущее.

Хоть все по-прежнему *певец*
Далеких жизни песен странных
Несет лирический венец
В стихах безвестных и туманных,—
Но к цели близится *поэт*,
Стремится, истиной влекомый,
И вдруг провидит новый свет
За далью, прежде незнакомой...

Это было сказано о себе. «Одиночество, мгла, тишина» — так сам Блок охарактеризовал ту атмосферу, в которой рождались его самые ранние туманные и, казалось бы, такие далекие от жизни песни. Однако какова же была та *истина*, к которой стремился поэт, и что это была за *цель*, которой он хотел достичь?

Юный Блок был охвачен настроениями мистическими («мистикос» — по-гречески «таинственный»). Он разделял фантастическую веру в возможность общения человека с потусторонним миром якобы «подлинной» и «высшей» реальности. В исповедании этой веры он был не одинок — подобные настроения охватили известную часть тогдашней молодежи, вышедшей из верхушечного слоя научно-художественной интеллигенции. Эти молодые люди с презрением отворачивались от жестокой и пошлой жизни, которую насаждали в России самодержавие и капитализм, но вместе с тем не нашли (да и не искали) путей ни к народу, ни к тем, кто вышел на сознательную борьбу за его освобождение.

Мистиками не становятся — мистиками рождаются. (Стать можно разве что мистическим шарлатаном.) Не возможно понять, почему именно этот человек начинает провидеть в окружающей его действительности нечто таинственное. Это лежит в самой природе его душевных переживаний, в особенностях его психики. Хотя, конечно, и общественные условия, складывающиеся в эпохи застоя,

реакции, мракобесия, сильно способствуют распространению подобных настроений.

Так и Александра Блока на заре его жизни тревожило неясное ощущение каких-то чудесных, не сводимых к обычным понятиям и не изъяснимых на обычном языке «знамений» и «предвестий», которыми, как ему казалось, «был насыщен воздух последних лет старого и первых лет нового века».

На это ощущение наслаивались воздействия книжные. Они шли от древней и новейшей идеалистической философии. Особенно глубокое воздействие оказал на юношу популярный в 1890-е годы религиозно-мистический философ, богослов, публицист и лирический поэт Владимир Соловьев. Собственно богословские идеи Соловьева нисколько не интересовали Блока, но его мистика и эсхатология (учение о «конце мира» и судьбах человечества) произвели впечатление громадное. Они как бы расшифровали для Блока владевшие им субъективные, безотчетно-тревожные переживания.

Соловьев провозгласил, что исторический мир со всеми своими нравственными установлениями изменил божественной правде, погряз в грехах и уже заканчивает круг своего существования. На смену ему идет предсказанная в священном писании новая эра, когда на земле воцарятся счастье, справедливость и истинно христианская любовь, которая позволит человеку раскрыть все богатство и всю красоту своего духа.

Именно эта сторона соловьевской проповеди особенно явственно сказалась в юношеской лирике Блока, овеянной атмосферой приоткрывшейся тайны и совершающегося чуда. На языке поэзии молодой Блок передавал «нездешние надежды» на явление Вечной Девы (она же — Великая Вечная Жена, Дева — Заря — Купина, Прекрасная Дама), в которой перевоплотилась соловьевская Мировая Душа (или Вечная Женственность) — некое всеединое, одухотворенное, божественное начало, призванное спасти земной мир, возродить человечество к идеально совершенной жизни.

Нельзя сказать, что душевная тревога и тоска по святой человеческой правде и в ту раннюю пору не находила у Блока прямого выражения. Знаменательно в этом смысле стихотворение «Гамаюн, птица вещая», где поэт уже пророчествовал о кровавых казнях и полыхающих пожарах, о силе злодеев и гибели правых — о том, что произойдет в царской, буржуазной России накануне ее исторического крушения.

Но если брать юношескую лирику Блока в целом, видно, как в сознании поэта, затуманенном мистикой, происходила подмена трезвого понимания реальных закономерностей общественно-исторического развития — утопическими надеждами на вселенское чудо.

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Даже свои житейские, вполне реальные впечатления и переживания юный Блок перетолковывал в духе мистической веры как нечто «сверхреальное». Так в «Стихах о Прекрасной Даме» (1901—1903) обожествлена, возведена в ранг Вечной Девы та «розовая девушка» (Л. Д. Менделеева), в которую поэт безоглядно влюбился и которая вскоре стала его женой.

Все это так. Однако настоящий поэт не может жить одними иллюзиями, утопиями и отвлеченными идеями. Юношеская лирика Блока не исчерпывается мистическими темами и мотивами. Живое человеческое чувство сопротивлялось метафизике и упрямо прорывалось сквозь мифологизированную псевдодействительность, в которой поэт пытался замкнуться «средь видений, сновидений, голосов миров иных».

В какую бы мифологию поэт ни облекал свое живое чувство, подчиняя «земное» «божественному», все равно само переживание, из которого рождалась поэзия, было жизненно-конкретным в своем человеческом содержании. Блок и сам понимал, что источником творчества могут служить не теории, абстракции и аллегории, но только «жизненная сила», «образ жизни» и личная «жизненная драма». Сущность стихов «всегда выпевается из сердца прямо непосредственно»; поэт, «когда дело дойдет до самого важного», обязательно «откроет сердце, а не ум» — и в этом корень творчества. «Теории отпадут, а останется один этот живой и гибкий корень»; «свой мистицизм я уже пережил, и во мне он неразделим с жизнью». (Все это Блок непрестанно и горячо доказывал своей невесте.)

Здесь предугадана вся творческая судьба Блока. Ложные теории спадали «ветхой чешуей» с вечно живого древа поэзии. Пусть юноша пел о *своем* и о *запредельном*, но песня-то была от души. Поэтому в лучших из юношеских стихов Блока мистическая окраска давно выцвела, а ос-

талось чистое, светлое чувство упоения жизнью, молодостью, свежестью, любовью.

«УЗНАЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ! ПРИНИМАЮ!»

Все еще было впереди — искания, прозрения, свершения, судьба. Но уже пробудилось тревожное ощущение чего-то нового, незнакомого, накапливавшегося в воздухе как грозовое электричество и не укладывавшегося в мистико-мифологические схемы.

Много лет спустя, уже пережив величайший социально-исторический переворот, Блок имел право и основание сказать, что о неблагополучии старого мира и о неизбежном его конце он «знал очень давно, знал еще перед первой революцией».

Общественный подъем, происходивший в России в начале века, не мог не захватить молодого поэта, жадно стремившегося к деятельной жизни, но еще не нашедшего прямого пути к ней. Он смотрел и учился видеть. Оголенная правда жизни, простой и трудной, невыдуманной жизни — голод голодных и сытость сытых — колола его внимательные глаза.

В конце 1903 года было написано стихотворение «Фабрика», которое можно рассматривать как точку поворота на творческом пути Блока. Здесь он внятно заговорил о несчастных, нищих, голодных людях, обездоленных, униженных и обманутых «сытыми». Подметил он и другое — появление на исторической сцене «новых людей», что «поднимались из тьмы погребов», чтобы взять в свои руки борьбу за лучшую жизнь.

Звонкую, ликующую песню радости и надежды запевает в стихах Блока скопившаяся над Россией революционная гроза:

Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что радость близка!
Туда, где моря запевают о чуде,
Туда направляется свет маяка!..

Смотрите, как ширятся полосы света,
Как радостен бег закипающих пен!
Как море ликует! Вы слышите — где-то —
За ночью, за бурей — взыванье сирен!

От прежних своих тем Блок отходит решительно. Теперь все больше привлекали его видения, возникавшие

на фоне пестрой, суетливой жизни большого капиталистического города, собственно — Петербурга. Свое понимание этой жизни он воплощал, как сам выразился, «в формах крика, безумий и часто мучительных диссонансов».

Петербург в тогдашнем восприятии и изображении Блока превращается в арену «странных и ужасных» происшествий. Это город «жуткий» и «демонический», населенный фантастическими персонажами — безмолвными «черными человечками», «пьяными красными карликами», хохочущими «невидимками». И даже такие строгие, пластические образы Петербурга, как Медный всадник или знаменитые конные группы на Аничковом мосту, предстают у Блока в том же фантасмагорическом освещении («зловонное кадило» в руках «веселого царя», «черная вода», «хрипящие звуки», «хаос», «бездна» и т. п.).

Однако за всей этой мрачной фантастикой стояло нечто реальное, а именно — ощущение капиталистического города со всеми его социальными и бытовыми контрастами как жестокого и опасного мира, в котором человеку жить трудно, неуютно, страшно.

Все чаще появляются в стихах Блока сцены неприкрытого человеческого горя, отчаянья, гибели («Из газет», «Последний день», «Повесть» и др.). Все громче слышится в них нота тревожного ожидания катастрофы. Багрово-красный цвет, которым, в представлении поэта, окрашен этот неблагополучный мир, воспринимается как символ народного мятежа:

И казался нам знаменем красным
Распластавшийся в небе язык...

Революционные события 1905 года сыграли в жизни и творчестве Блока поистине громадную, можно сказать — решающую роль.

Огонь, вихрь, оружие в крепкой руке — вот в каких образах пытался Блок выразить свое ощущение надвинувшейся бури — «важного» и «великого» времени первой русской революции.

Для характеристики хозяев и заправил пошатнувшегося старого мира он нашел такие бичующие, грубые слова, каких вообще не встречалось раньше в его поэтическом обиходе:

Так — негодует все, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:

Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Блок был не слишком искушен в политике, слабо разбирался в расстановке и борьбе классовых сил — тем более следует отдать должное, так сказать, стихийной остроте его ощущения происходящего и, вместе, его прозорливости. Как знаменательно, например, что царский манифест о «даровании незыблемых свобод», вызвавший шумные восторги в стане либералов, наш поэт сумел оценить как вынужденный и отвлекающий маневр самодержавия, имевший целью усыпить и обмануть надежды и чаяния народа. Об этом внятно говорят стихотворения «Вися над городом всемирным..» и «Еще прекрасно серое небо...».

Пробудившаяся энергия народа, его воля к обретению свободы властно заставляли думать о будущем, а это значило — постараться обнять и постичь мир всеобщего бытия. Блока захлестнуло чувство восторга от своей причастности к этому миру.

Мы все, как дети, слепнем от света,
И сердце встало в избытке счастья.
О, нет, не темница наша планета:
Она, как солнце, горит от страсти!
И Дева-Свобода в дали несказа́нной
Открылась всем — не одним пророкам!..

Под влиянием всего пережитого во время первой русской революции Блок вступил в свой «переходной (как он выразился) период, ознаменовавшийся в его творчестве противоборством резко противоположных тенденций.

С одной стороны, он вовлекается в сферу художественных воздействий современного декадентско-символистского искусства, приводившего к эстетизации действительности. С другой стороны, с такого рода воздействиями в поэзии Блока борется и вскоре одерживает решительную победу тяготение к правде жизни, к гражданственно-патриотическим темам, к гневно-сатирическому обличению нравов и порядков «страшного мира».

Блок полюбил сталкивать «высокое» и «низкое», создавать картины волшебных видений на фоне самой серой и скучной повседневности. Наглядный пример — знаменитая баллада «Незнакомка»: чем низменней и вульгарней окружающая поэта обстановка, тем выше и прекраснее его свободная мечта, тем безграничней его воображение. «В моей душе лежит сокровище, и ключ поручен только мне!»

Эстетизация действительности сопровождалась в поэзии Блока возобладанием музыкально-стихийного лирического начала. Нужно иметь в виду, что под *лирикой* Блок понимал не только поэтический жанр, но и определенного типа художественное мировоззрение. Лирика, в таком ее понимании, предусматривает полную анархо-индивидуалистическую свободу художника, следующего единственному закону: «Так я хочу!»

Но вместе с тем, отдаваясь «лирической стихии», Блок приходит к мысли, что такой подход к искусству не отвечает ни его существу, ни его задачам, что тонкие, заманчивые «лирические яды» грозят художнику «разложением».

В этом и состояло главное противоречие мировоззрения и творчества Блока в его переходный период — противоречие, которое он сумел разрешить с громадным художественным успехом.

Понятие «лирические яды» сопряжено у Блока с образом «ржавого болота». В этой связи приобретают особый, углубленный смысл стихи, в которых чередой проходят «болотные» мотивы, и поэма «Ночная Фиалка». Слагаясь в известную систему, образ болота знаменует темное, демоническое начало, затуманивающее сознание человека, ослабляющее его волю к жизни, разлагающее современную культуру.

Но недаром «болоту» в тогдашних стихах Блока всегда противостоит «высокое небо». В той же «Ночной Фиалке» в тяжелую, смутную «дрему» врываются могучие раскаты морского прибоя и речь заходит о приближении «больших кораблей», несущих весть о «новой земле», где человека ждет счастье.

Смысл своих творческих исканий Блок видел в необходимости найти выход «из болота — в жизнь, из лирики — к трагедии».

С этим связано обращение Блока к драматургии. Его первый опыт в этом роде — «Балаганчик» — сыграл крупную новаторскую роль в русской драматической литературе и в русском театре начала XX века.

Основную идею своих ранних драматических произведений (кроме «Балаганчика», «Короля на площади» и «Незнакомки») Блок определил как поиски «*жизни* прекрасной, свободной и светлой», которая одна только может свалить со слабых плеч «непосильное бремя *лирических* сомнений и противоречий». Поэт хотел показать разные стороны утратившей цельность, расколотой души совре-

менного человека, покалеченного неправильно устроенной жизнью, забывшего «вольные смертные муки и вольные живые радости».

Реализуя в «Балаганчике» такое творческое задание, Блок беспощадно, с жестокой иронией разоблачил собственную юношескую веру, показав всю иллюзорность отвлеченной мечты, которая, как всякая утопия, терпит крах при столкновении с реальной жизнью. Прежние друзья Блока — «соловьевцы» — с негодованием узнали себя в карикатурных мистиках «Балаганчика», трепетно ожидающих пришествия своего божества. «Балаганчик» сыграл решающую роль в окончательном расхождении Блока со спутниками его юности.

При всей настойчивости, с какою Блок пытался «сойти с шаткой, чисто лирической почвы», сделать это в 1906 году ему не удалось. Испробовав свои силы в драматургии, он снова погрузился в «лирическую стихию». Особенно ясно сказалось это в цикле «Снежная маска» с ее «темной музыкой», с пронизывающими ее мотивами трагической страсти, страдания, отчаянья, роковой обреченности и гибели.

Этим циклом, по-существу, завершается переходный период творчества Блока. Недаром здесь звучит предчувствие перемен:

И в новый мир вступая, знаю,
Что люди есть и есть дела...

Он и в самом деле уверенно вступал в мир людей и дел, обретая новую, рождавшуюся из самой жизни и истории, природу родной и близкой ему лирической стихии.

Знаменательно, что и раньше, до «Снежной маски», параллельно со стихами, эстетизирующими действительность, писались стихи совершенно другого плана и тона, в которых господствует оголенная проза жизни. Они написаны как бы от лица «маленького человека», затерянного в сутолоке столичного быта, замученного «земной заботой и нуждой» («Передвечернею порою...», «Холодный день», «В октябре», «Окна во двор», «Хожу, брожу понурый...», «На чердаке»).

Важнейшей вехой на творческом пути Блока явился великолепный лирико-эпический цикл «Вольные мысли», проникнутый громадной силой свободного, всепобеждающего человеческого чувства. Никогда еще не удавалось Блоку сказать так просто и отчетливо о том, что его тревожило, привлекало и отталкивало.

Чем дальше, тем все шире раскрывалась перед поэтом живая, земная жизнь — во всем своем богатстве и нищете, во всей своей изначальной ценности, непреходящей красоте и трагической сложности.

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!..

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

«НО МЕРЫ НЕТ СТРАДАНЬЮ ЧЕЛОВЕКА...»

Какой звонкий, ликующий голос! Однако это вовсе не было слепым, безразборчивым принятием жизни — такой, как она есть, в ее грубо искаженных формах. Существование в мире «сытых», где человек обречен на «голодную и больную неволю»,— это лишь жалкое подобие настоящей жизни, и это подобие можно только презирать, ненавидеть и проклинать. Иное дело — жизнь в мечте, такая, какой она должна быть.

В зрелой поэзии Блока и запечатлено два лика жизни: лживая, нарумяненная «жизнь» там, где царят мгла и лютая стужа, страдание и смерть, где упыри стерегут «гроба, наполненные гнилью», где «зреют темные дела»,— и другая, прозреваемая в свободной мечте чистая и прекрасная жизнь, где грохочет освежающая буря и раскрывается «осветленный простор». И, говоря об этой истинной жизни, поэт характеризует ее облик по преимуществу образами могущественных стихий либо человеческой борьбы и деяния: солнце, дотла выжигающее всяческую гниль, очистительная гроза, ветер, молния, молот, щит, копье, «священный меч», обнаженный для битвы за торжество правды и свободы.

В тяжелое время реакции, наступившее в России после поражения первой революции, тема человека, его места в мире, его судьбы, его «невольных мук», страдания и гибели, выдвигается в творчестве Блока на первый план. Беспокойная совесть, воинствующий гуманизм, стихийное демократическое чувство вдохнули в поэта страстное желание средствами своего искусства бороться за человека, за его будущее.

«Только влюбленный имеет право на звание человека...» Эти слова, которые так часто повторяют, если брать их в общем контексте поэзии Блока, говорят не только о влюбленности в женщину (но и об этом тоже), а о гораздо большем — о любви к жизни, к «земле и небу», к своей родине, к своему призванию и делу. И конечно — к людям, к «простым людям», даже в неволе, даже в унижении и страдании поражающим силой,величием и красотой своего духа.

Самые сильные, самые драматические стихи Блока с величайшим сочувствием и состраданием говорят о горестных, часто погибельных человеческих судьбах. Достаточно назвать такие его шедевры, как «Я помню длительные муки...», «За гробом», «Опустись, занавеска линялая...», «О доблестях, о подвигах, о славе...», «Двойник», «На железной дороге», «Поздней осенью из гавани...», «Унижение», «Авиатор», «О, нет! не расколдуешь сердца ты...», «Жизнь моего приятеля», «Женщина», «Перед судом».

Весь свой творческий путь, как отразился он в трех томах его лирики, Блок осмыслял как «трилогию вочеловечения», историю превращения поэта в «человека общественного», в «художника, мужественно глядящего в лицо миру». А это означало, что поэт обязан не бездейственно созерцать происходящее вокруг него, а уметь различить в действительности то, что растет, набирает силу и открывает путь в будущее.

Вот поистине верно найденное слово: *вочеловечение*. Блок пришел к твердому убеждению: человек есть главный предмет искусства, человечность — вернейший критерий ценности искусства, а сам художник при всей смелости («дерзости») своих творческих исканий должен «оставаться в жизни простым человеком». Этой своей выношенной вере Блок оставался бескомпромиссно верен до конца.

В лирике своего «третьего тома» (1908—1916 годы) Блок овладел высочайшим мастерством. Только гениальные поэты умеют так естественно совмещать в одном переживании бесконечно громадное с совсем малым, всемирно-историческое — с будничным, житейским. Песчинка, случайно найденная на карманном ноже, способна воскресить в воображении картину всего многоцветного, таинственного мира.

Как никто, умел Блок извлекать глубочайший смысл, эмоциональный заряд и художественное очарование из самых, казалось бы, обычных, уже стершихся в долгом обращении слов, понятий, образов, символов и метафор. Он хотел (и умел!) писать так, «чтобы от истины ходячей

всем стало больно и светло»: иными словами, поэт не должен изощряться в изобретении чего-то непременно нового и экстравагантного, но так повернуть «ходячую истину», чтобы она заиграла новым светом и, как электрическая искра, ударила в человеческое сердце. (Разумеется, это не означает, что поэт должен отказываться от задачи расширения, усовершенствования и обновления своего искусства.)

Блок считал, что от настоящей поэзии человеку бывает не только светло, но и больно. Да, поэзия учит человека разделять чужое страдание и обретать в этом сострадании радость приобщения к высокой, благородной цели. Гениально сказал Пушкин: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Невозможно жить высокими мыслями без того, чтобы не сострадать тому, кто терпит беду и обиду. Таков нравственный закон поэзии.

Замечательным творением, созданным в сознании правоты этого закона, была драма «Роза и Крест», которой Блок отдал много сил и времени.

Это вершина драматического творчества Блока. Здесь действуют уже не олицетворенные идеи и аллегории, как было это в ранних его драмах, но драматические характеры — живые, реальные, полнокровные люди, изображенные пластично и точно, с психологической верностью, поставленные в реально-жизненные связи и конфликты.

В «Розе и Кресте» Блок хотел как можно яснее сказать о том, что стало для него самым важным в искусстве,— о человеке. Бертран — «главное действующее лицо, мозг всего представления» — это «человек по преимуществу», человек «со всем житейским», но неудачник, лишенный «власти» над жизнью — и потому гонимый, униженный и покалеченный.

В душевной драме Бертрана раскрывается генеральная лирическая тема Блока — трагедия современного человека. (При всем том, что в драме во всей достоверности изображены люди, нравы, быт и события французского средневековья, Блок настойчиво указывал, что психология действующих лиц — «вечная», характерная для любой эпохи.)

«Неумолимо честный, трудно честный» Бертран любит графиню Изору вечной, безотказной и беззаветной любовью, и в этой неразделенной любви — вся сила и красота его простой человеческой души, сила и красота самопожертвования и самоотречения, самой гибели во имя чужого счастья.

Но в глубоком сочувствии Блока к униженному жизнью, страдающему человеку не было ничего от безвольного смирения, опускания рук. Смысл современной трагедии, как понимал ее Блок, в том, что единственное настоящее призвание человека — труд и борьба и что человек ни-когда, ни при каких условиях, не должен изменять жизни, сколь бы тяжела и сурова она ни была, ради своего уединенного, личного, маленького, отдельного счастья.

Этим убеждением проникнута поэма «Соловьиный сад» — одно из самых глубоких и совершенных созданий Блока. Если человек обладает волей и верен своему долгу, никакие сладостные «соловьиные песни» не могут заглушить для него грозный рокот волн житейского моря.

Романтическая мечта поэта неуклонно вела его в самую гущу жизни с ее бедами, горестями и несчастьями и заставляла чутко прислушиваться к биению ее сердца.

Да, так велит мне вдохновенье:
Моя свободная мечта
Все льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.
И я люблю сей мир ужасный:
За ним сквозит мне мир иной,
Обетованный и прекрасный,
И человечески-простой...

Блок вдохновенно мечтал о рождении «нового человека», которому суждено будет наладить жизнь по совести и правде. И он отчетливо понимал, что такой человек, способный «жадно жить и действовать», может возникнуть только в процессе коренного, революционного переустройства общества, при условии уничтожения «страшного мира». Задача поэзии — участвовать своими силами и средствами в этом всемирно-историческом деле.

Пусть день далек — у нас все те ж
Заветы юношам и девам:
Презренье созревает гневом;
А зрелость гнева есть мятеж...

«РУСЬ МОЯ, ЖИЗНЬ МОЯ, ВМЕСТЕ ЛЬ НАМ МАЯТЬСЯ?»

Источником веры в неотвратимость мятежа, призванного изменить облик мира, была для Блока Россия.

Лирическое чувство родины проснулось в нем рано, в самые юные годы. Безотчетный восторг, охватывающий душу от одной грустной прелести родной земли, узнал он в долгих блужданиях — пешком или на коне — по шахматовским лесам и полям, мимо «низких, нищих деревень». Родная глина, родные пески, битый камень вдоль прямого шоссе, мокрые долы, неоглядные дали... «Это и есть — Россия», священная земля отчич и дедич, которая одна может успокоить сжигаемую тоской и тревогой, истерзанную сомнениями душу...

Много нас — свободных, юных, статных —
Умирает, не любя...
Приюти ты в далях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Блок ощущал свою Россию как живое, одухотворенное существо. Она для него вечно прекрасная, не стареющая возлюбленная — Невеста, Светлая жена, которая все поймет и все простит, и впустит в свой приютный дом, и обнимет, и скажет: «Здравствуй!.. Где был, пропадал?..»

В дальнейшем тема Родины наполняется у Блока реально-историческим содержанием, сохраняя лирическую окраску и метафорический язык. Все больше тревожат поэта раздумья об исторических судьбах России — о том, что с нею было, что ее ждет.

Вершина патриотической лирики Блока — гениальный цикл «На поле Куликовом». Меньше всего хотелось ему просто воссоздать страницу отечественной истории, запечатлеть картину решающей схватки русских с Мамаевой ордой. Жившее в народной памяти знаменательное событие XIV века послужило поводом, чтобы сказать о нынешнем, о своем. Ведь бой идет *вечный,* ему не видно конца. И не к чему гадать, когда, где и куда несется вскачь степная кобылица — в тот ли далекий век или в завтрашний день России, чреватый новыми величайшими и решающими событиями.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал.— Молись!

В обстановке идейного разброда, ренегатских настроений, прямой измены заветам освободительного движения, охвативших широкие круги буржуазно-либеральной интеллигенции в годы реакции, Александр Блок занял особую, в высшей степени достойную позицию.

Подавление первой революции он прозорливо оценил как «случайную победу» самодержавия, которая уже не могла ни повернуть вспять, ни задержать надолго бурный и стремительный поток «проснувшейся жизни».

В том же 1908 году, когда было написано «На поле Куликовом», поэт во всеуслышание, с трибуны сказал: «Да, мы накануне «великого бунта»... и то, что не удалось один, другой и третий раз — удастся в четвертый».

Достаточно прочитать замечательные письма Блока к К. С. Станиславскому и В. В. Розанову, чтобы составить ясное представление о том, что значила для него Россия и в чем именно видел он ее будущее.

«Ведь здесь — жизнь или смерть, счастье или погибель». За всей непроглядной тьмой «страшного мира» влекущим видением вставала «живая, могучая и юная Россия», мужающая в «сердце русской революции», с которой «никакой громоотвод не сладит».

Россия Блока — надежда и утешение, залог и вера. Это страна громадной мощи и энергии, вот-вот готовой вырваться наружу. С нею «и невозможное возможно». Даже впадая иной раз в отчаянье от того, что окружало его в «страшном мире», Блок спрашивал: «Что ж, конец?» — и тут же отвечал словами, проникнутыми нежнейшей любовью к родине и беспредельной верой в нее:

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

В годы нового подъема революционного движения, накануне первой мировой войны, «роковая, родная страна» и все та же, что была, и уже не та. Она повернулась к поэту «новым ликом» — дымящими трубами фабрик, «многоярусным корпусом завода», городами из рабочих лачуг, неразведанными подземными богатствами — углем, рудой, солью. За всем этим угадывается мысль о трудовом народе, который только и ждет, чтобы приложить руки к большому, созидательному, историческому делу.

За два года до новой революции Блок представлял себе уже близкое будущее России как «великое возрождение под знаком мужественности и воли», как «сдвиг всех сил», как торжество «Великой Демократии», в условиях которой будет обеспечено свободное, всестороннее и гармоническое развитие человеческой личности.

Тема России в таком ее истолковании красной нитью проходит через поэзию, драматургию (пьеса «Песня Судьбы»), публицистику и мемуарно-дневниковую прозу Блока,— она наиболее ясно освещает путь поэта к нашей революции.

Лирическое творчество Блока величественно завершается монументальной революционно-патриотической одой «Скифы», написанной уже после Великого Октября. Это произведение громадной идейной глубины и поэтической силы. Созданное в дни смертельной опасности, нависшей над молодой Советской Республикой, оно прозвучало как боевая политическая декларация революционного поэта, высказанная от лица всего освободившегося русского народа: «Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы...»

В «Скифах» Блок снова обратился к так сильно волновавшему его вопросу об исторических судьбах и задачах России. Теперь он решал этот вопрос уже в свете происшедшей народной революции. Новая, октябрьская Россия предстает в историко-философском осмыслении Блока как оплот мира и братства народов и как средоточие всего лучшего, ценного, непреходящего, что накопило человечество за всю свою историю («Мы любим все...», «Мы помним все...», «Нам внятно все...»).

Есть глубокий исторический и социально-нравственный смысл в том, что русская поэзия устами Александра Блока от имени новой России, с верой в ее непобедимость и мировое назначение, обратилась одновременно и с грозным словом предупреждения к врагам русской революции («Попробуйте, сразитесь с нами!..») и со страстным призывом ко всем людям доброй воли прийти от «ужасов войны» — «на братский пир труда и мира».

«Скифы» явились последним словом, которое сказала русская поэзия дооктябрьской эры. И это было слово новой исторической правды, внесенной в мир Великим Октябрем — слово воинствующего революционного гуманизма и интернационализма.

«РЕВОЛЮЦЬОННЫЙ ДЕРЖИТЕ ШАГ!»

Александр Блок в числе очень немногих тогда русских интеллигентов встретил, приветствовал и принял Великую Октябрьскую социалистическую революцию восторженно и безоговорочно. Он увидел в ней свершение всех своих заветных, годами выношенных убеждений, надежд и предчувствий. Сердце гениального поэта, так чутко откликавшегося на «подземный шорох истории», с величайшей радостью и доверием ощутило «новый порыв мирового ветра».

Блок сразу же решил работать с большевиками. Он не отказывался ни от какого дела, в котором мог быть полезен. Вклад его в строительство новой, советской культуры весьма велик.

Но не только о практической работе на пользу революции и народу думал Блок. Свой долг художника видел он в том, чтобы постичь всемирно-исторический смысл происходящего, проникнуть в душу революции и сказать об этом людям, России, всему свету.

Революция, как понимал ее Блок, всемирна, всеобща и неостановима. Она воплотилась для него в образе «мирового пожара», который вспыхнул в России и будет разгораться все шире и шире, охватывая и Запад и Восток — до тех пор, «пока не запылает и не сгорит весь старый мир дотла».

В романтическом воодушевлении, впадая в свойственный ему максимализм, недостаточно считаясь с реальными обстоятельствами и возможностями, он готов был принять задуманное за уже свершившееся. Ему казалось, что мир не только «вступил в новую эру», но «уже перестроился». Даже если вдруг случится, что старый мир сумеет снова собрать силы, «это будет *ненадолго*», потому что новая, революционная Россия «заразила уже здоровьем человечество», и действенных средств против этой благодетельной «заразы» нет.

Из этого убеждения Блок, обращаясь к задачам искусства, делает три решающих вывода. Во-первых, художник должен знать, что России, которая была, нет и никогда не будет; во-вторых, художнику надлежит «пылать гневом» против всего, что пытается или будет пытаться оживить труп прошлого; в-третьих, художник должен готовиться к «еще более великим событиям» и суметь «склониться перед ними».

Только такой представлял он себе революцию, такой ее

увидел и принял, такой хотел видеть ее в дальнейшем ходе событий.

В статье «Интеллигенция и Революция», которою Блок заявил о своем принятии Октябрьской революции, он писал: «Дело художника, *обязанность* художника — видеть то, *что* задумано». А задумано было, как он понимал, «*переделать все*». «Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью». Статья заканчивалась вдохновенным призывом: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию».

Сам он весь превратился в слух — и услышал!

В январе 1918 года в едином, почти мгновенном порыве была создана великая, всемирно известная поэма «Двенадцать».

Блок сам считал, что «Двенадцать» — лучшее из всего, что он написал, потому что, создавая поэму, он всецело жил современностью. Никогда еще душа поэта не была столь восприимчива к бурям и грозам истории. Недаром, закончив «Двенадцать», Блок, при всей присущей ему сдержанности и скромности, сказал: «Сегодня я — гений».

В «Двенадцати» во всей полноте и цельности воплощено блоковское восприятие Октябрьской революции. В поэме с удивительной отчетливостью и верностью запечатлено множество примет того неповторимого времени, когда она была написана. И вместе с тем она подсказывает широчайшие философско-исторические и морально-этические обобщения и выводы — о том, что произошло с Россией и что ждет русский народ, о новом понимании гуманизма и нравственности, о новом типе человеческой личности, рождающемся в горниле пролетарской революции.

Как всякое великое произведение искусства, «Двенадцать» ведет мысль и воображение читателя вширь и вглубь. За сюжетом поэмы вырастает зарево «мирового пожара», за сценами петроградской улицы первой октябрьской зимы — вся Россия, сорвавшаяся с якорей, за двенадцатью красногвардейцами, идущими дозором по ночному городу,— весь народ, «державным шагом» двинувшийся к новой жизни.

«Двенадцать» — произведение резко новаторское. Здесь последовательно применен прием, основанный на эффекте контраста. Мелкое и жалкое совмещено с большим и ве-

личественным, грешное со святым, низменное с возвышенным, сатира с романтикой, гротеск с героикой, карикатурно очерченные тени старого мира с космическими вихрями, разухабистая частушка с торжественным маршем, «паршивый пес» с Иисусом Христом. Целостность поэмы — в нерасторжимом единстве этих пересекающихся планов. Ничего подобного в русской поэзии еще не бывало.

Не только своим содержанием, но и самой формой поэма одних восхитила, других возмутила. Ни одно литературное произведение того времени не вызвало столь бурного отклика в обществе — такой хулы и хвалы, таких восторгов и таких проклятий.

Для характеристики прогнившего старого мира с его буржуями, витиями, попами, барынями, проститутками и городовыми Блок нашел совершенно уникальный по силе вложенного в него презрения образ, невероятно смелый в своей новизне. Можно было в десятый или сотый раз изобразить старый мир чудовищем, Молохом, перемалывающим человеческие жизни, апокалиптическим Зверем, стоголовой Гидрой, еще каким-нибудь монстром. Блок сказал просто и убийственно: «паршивый пес» — жалкий, трусливый, «поджавший хвост».

Но Блоку было мало заклеймить и высмеять бесславно гибнущий старый мир. Он хотел показать также силу, сотворившую революцию.

Дело революционного почина и возмездия передано в «Двенадцати» в руки коллективного героя — парней из городских низов, из «рабочего народа», добровольно вступивших в Красную гвардию и готовых, в случае чего, «буйну голову сложить».

Это дети той народной стихии, о которой Блок думал всю жизнь как о могучей, необоримой силе, которая, вырвавшись на волю, учинит беспощадную, но праведную расправу над старым миром. Двенадцать охарактеризованы в поэме как бесшабашная «голытьба», готовая на разбой, поножовщину, всяческий разгул. Они не скупятся на безответственные выкрики: «Нынче будут грабежи!», «Выпью кровушку!» Но они же и твердят как клятву: «Товарищ, гляди в оба!», «Революцьонный держите шаг!», «Вперед, вперед, рабочий народ!»

В том-то и дело, что в душах двенадцати смешано то и другое — и глубоко засевшая забубенная удаль и только просыпающееся чувство революционного долга. Блок не погрешил против исторической правды: в Красную гвардию шел не только авангард рабочего класса, но и люди

еще темные, одержимые слепой злобой к прежним хозяевам жизни, находившие оправдание любой жестокости. Как правило, они просвещались и закалялись в ходе революционной борьбы.

Блок и хотел сказать — не декларативно, а на языке искусства, в столкновении живых человеческих страстей, как вырвавшаяся из-под гнета «буйная воля» обретает путь и цель, превращается, говоря его же словами, в «волевую музыкальную волну». Борьба за великую цель поднимает слепо ожесточенных людей на высоту нравственного и исторического подвига.

От этой общей идейно-художественной концепции «Двенадцати» неотделима драматическая история любви и преступления Петрухи, который ненароком убивает свою былую подружку Катю, изменившую ему с преуспевающим и отколовшимся от двенадцати «буржуем» Ванькой. История эта занимает в поэме слишком много места (шесть песен из двенадцати), чтобы можно было счесть ее чем-то случайным и посторонним.

В замысле Блока все сцены, мотивы и образы поэмы составляют нерасторжимое единство. Общий смысл поэмы убеждает в том, что личная драма Петрухи — его яростная, безоглядная любовь к Кате, овеянная духом блоковской трагической лирики, как и бессмысленная гибель его неверной подруги, этой простой, страстной и доброй «русской девки» (так характеризует ее Блок) — есть то, чем старый мир, уже схваченный предсмертными конвульсиями, мстит людям, что вышли на борьбу с ним, но чьи души еще отравлены его ядом.

Нечаянное убийство Кати и отчаянье Петрухи — глубокая психологическая драма, она вырастает на пути двенадцати как еще одна воздвигнутая старым миром преграда (или западня), которую нужно перешагнуть, отбросить.

Блок был убежден, что только революция способна создать условия и предпосылки для полного раскрепощения и духовно-нравственного возрождения человека. Но это дело будущего, более или менее отдаленного, а сейчас, в самый разгар борьбы за пересоздание жизни, остается в силе проблема соотношения личного и общего, и решается она, как понимал Блок, в том смысле, что личное должно уступить общему. Он утверждал, что человеку, которому выпало на долю быть свидетелем и участником таких грандиозных событий, нужно «как можно меньше помнить о личных слабостях и трагедиях».

Мысль о несоизмеримости «личных трагедий» с величием происходящего в мире и отозвалась в истории Петрухи. Поэт остро, болезненно чувствует драму Петрухи, сопереживает ее, но не ставит ее вровень с общим делом двенадцати.

Десятая и одиннадцатая песни — точка поворота в «Двенадцати». Здесь сюжет ломается: все личное, выдвинувшееся было на первый план, поглощается широкой, вольной и мощной музыкой революционного действия. В темпах и ритмах стремительного и неостановимого марша с нарастающей силой звучит тема несокрушимой силы восставшего народа, его «державного шага».

Много недоумений и споров вызвал в свое время символический образ Христа, который незримо и неведомо для красногвардейцев идет перед ними с красным флагом, как бы возглавляя их марш. Споры о блоковском Христе не утихают и доныне.

Финал поэмы смущал и самого Блока. Он говорил, что хотел бы, чтобы финал был иным, что вместо Христа должен бы идти кто-то «Другой» (кто именно — Блок сказать не мог). И вместе с тем он не думал отрекаться от «своего Христа», от содержания и смысла этого образа.

Блок настойчиво подчеркивал символическую условность Христа «Двенадцати», само имя его брал в кавычки («Исус Христос»). Но он не мог найти никакого другого образа такой же морально-этической емкости и равного исторического масштаба, который был бы способен символически выразить идею рождения нового мира.

Дело в том, что с образом Христа у Блока были связаны свои исторические представления, далекие от церковной легенды о боге-искупителе. Для Блока Христос был проповедником высоких нравственных истин, вождем горемычных, отверженных, голодных, темных и грешных — «голытьбы» первого века нашей эры. Это им, а не богатым, сытым, преуспевающим и довольным обещал он новую жизнь.

Поэтому первоначальное христианство явилось, в понимании Блока, великой религиозно-нравственной силой, которая нанесла сокрушительный, непоправимый удар изжившему себя старому языческому миру. А сам Христос был для Блока не только воплощением святости, чистоты, человечности, справедливости, но и образом, знаменующим стихийное, бунтарско-демократическое, освободительное начало и торжество новой всемирно-исторической идеи.

В таком истолковании образ Христа и присутствует в октябрьской поэме Блока. Он послужил (не первый раз в русской поэзии) идее обновления жизни во имя всего доброго, справедливого, честного, на что способен освободившийся человек. Для Блока это была как бы наивысшая санкция делу революции, какую поэт мог найти в том арсенале исторических и художественных образов, которым он владел.

«Двенадцатью» и «Скифами» открывается первая, заглавная страница русской *советской* поэзии. Неоценимая историческая заслуга Александра Блока состоит в том, что он не только гениально выразил дух своего трагического, переломного времени, но и накрепко связал прошлое с настоящим.

Поэтому он так понятен, дорог и близок нам. И с каждым годом, с каждым десятилетием становится все понятней, ближе и дороже. Поэтому таким высоким, поучительным и вдохновляющим примером служит для нас его личность, его творчество, его судьба.

Вл. Орлов

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

КОММЕНТАРИИ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В книгу вошли избранные стихотворения и поэмы Александра Блока.

Из неоконченной поэмы «Возмездие» в книгу вошло четыре извлечения («Когда ты загнан и забит...», «Народ и поэт», «Возмездие», «Два века»), которые были опубликованы Блоком отдельно, в качестве самостоятельных произведений.

Стихотворения и поэмы расположены в хронологической последовательности. В некоторых случаях они помечены двумя датами. Вторая дата в скобках обозначает время радикальной переработки или окончательного оформления первоначального текста. Двойные даты, поставленные через тире, принадлежат самому Блоку и означают, что в основу произведения был положен ранний черновой набросок. Неделимые стихотворные циклы размещены по дате первого стихотворения.

В некоторых случаях в тексте сохранены особенности орфографии и пунктуации Блока (как правило, связанные с особенностями его произношения), на строгом соблюдении которых он настаивал решительно. Так, например, он неизменно писал «троттуар», сохраняя двойное «т» французского оригинала данного слова и произнося его «по-французски» же — как двухсложное, благодаря чему ритмический строй в такой, например, строке, как «Блеснут витрины и троттуары», не нарушался. Кроме того, Блок намеренно применял различные написания одного и того же слова, вкладывая в него в том или ином случае особый смысловой оттенок (метели и мятели, желтый и жолтый). Нельзя не уважать волю поэта, который однажды написал редактору: «Всякая моя грамматическая оплошность в стихах не случайна, за ней скрывается то, чем я внутренне не могу пожертвовать; иначе говоря, мне так «поется».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА БЛОКА

1880, 16 (28 н. ст.) ноября. В «ректорском доме» Петербургского университета (Ленинград, Университетская набережная, 9) родился Александр Александрович Блок. Отец — Александр Львович Блок (1852—1909), юрист и философ, профессор Варшавского университета. Мать — Александра Андреевна Блок (1860—1923), урожденная Бекетова, во втором браке (с 1889 г.) Кублицкая-Пиоттух, переводчица и детская писательница. Первые девять лет своей жизни Блок провел в семье деда по матери — видного ученого-ботаника и общественного деятеля А. Н. Бекетова (1825—1902), профессора и ректора (в 1876—1883 гг.) Петербургского университета. Каждое лето Блок живет в подмосковной усадьбе Бекетовых Шахматово.

1887—1888. Первые дошедшие до нас детские произведения Блока в стихах и в прозе.

1889, сентябрь. Поселяется в доме отчима — Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттуха, офицера лейб-гвардии Гренадерского полка. В офицерском корпусе Гренадерских казарм (Петербургская набережная Большой Невки) Блок прожил 17 лет.

1891, 27 августа. Определен во II класс Введенской гимназии.

1894—1897. Сообща с родными выпускает рукописный журнал «Вестник».

1896, 1 июля. Первый любительский спектакль в Шахматове, устроенный Блоком.

1897, май — июль. Живет с матерью и теткой в Бад Наугейме (Германия).

31 октября. Дата первого стихотворения, внесенного Блоком в рукописное собрание его лирики.

1898, 30 мая. Кончает гимназию.

Июнь — июль. Начало увлечения Любовью Дмитриевной Менделеевой (1881—1939), дочерью знаменитого ученого-химика Д. И. Менделеева. Молодые люди встречаются в усадьбе Менделеевых Боблово (в 8 верстах от бекетовского Шахматова), участвуют в любительских спектаклях.

31 августа. Поступает на юридический факультет Петербургского университета.

1900, осень. Первая попытка напечатать стихи, не увенчавшаяся успехом.

1901, апрель — август. Знакомство с поэзией и философскими сочинениями Вл. Соловьева.

Сентябрь. Переходит на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета.

1902, 7 ноября. Решительное объяснение с Л. Д. Менделеевой.

1903, март. Стихи Блока напечатаны в журнале «Новый Путь». Следующие публикации (весной 1903 года) — в «Литературно-художественном сборнике» студентов Петербургского университета и в альманахе «Северные цветы».

29 мая — 1 июля. Живет с матерью в Бад Наугейме.

17 августа. Свадьба Блока с Л. Д. Менделеевой.

Сентябрь. Первая напечатанная проза Блока (рецензии в журнале «Новый Путь»).

1904, около 25 октября. Вышел в свет первый сборник лирики «Стихи о Прекрасной Даме» (в книгу вошло 93 стихотворения из почти 750, написанных к тому времени).

1905, 17 (?) октября. Участвует в Петербурге в революционной демонстрации, неся во главе ее красное знамя.

1906, 23 января. Написаны драматические сцены «Балаганчик» (опубликованы в апреле 1906 г.).

5 мая. Кончает университет.

6 мая. Закончена поэма «Ночная Фиалка» (опубликована в декабре 1906 г.).

10 октября. Закончена драма «Король на площади» (опубликована в апреле 1907 г.).

11 ноября. Закончена драма «Незнакомка» (опубликована в мае — июне 1907 г.).

Около 28 декабря. Вышел в свет второй сборник лирики «Нечаянная Радость».

30 декабря. Первое представление «Балаганчика» в театре В. Ф. Комиссаржевской.

1907, 8 апреля. Вышел в свет сборник стихов «Снежная маска».

Май. Начинает работать над обширным циклом литературно-критических и публицистических статей, печатавшихся в 1907—1909 гг. в московском журнале «Золотое руно» («О реалистах», «О лирике», «О драме», «Три вопроса», «О театре», «Солнце над Россией», «Письма о поэзии», «Вопросы, вопросы и вопросы» и др.).

1908, февраль. Вышел в свет сборник «Лирические драмы».

18 марта. Выступает с лекцией «О театре».

29 апреля. Закончена драма «Песня Судьбы» (в первой редакции).

23 июня. Закончена переработка драмы «Песня Судьбы» (опубликована осенью 1909 г.).

Июль. Вышел в свет третий сборник лирики «Земля в снегу».

13 ноября. Выступает с докладом «Россия и интеллигенция».

30 декабря. Выступает с докладом «Стихия и культура».

1909, 19 марта. Выступает с речью «Дитя Гоголя».

14 апреля — 21 июня. Путешествие по Северной и Средней Италии и по Германии.

1—18 декабря. Поездка в Варшаву на похороны отца.

1910, 7 марта. Выступает с речью памяти В. Ф. Комиссаржевской.

3 апреля. Выступает с речью на похоронах М. А. Врубеля.

8 апреля. Выступает с докладом «О современном состоянии русского символизма».

7 июня. Первые наброски поэмы «Возмездие».

14 декабря. Выступает с речью «Рыцарь-монах» (о Вл. Соловьеве).

1911, 2 января. Закончен первый вариант поэмы «Возмездие» (будущая III глава поэмы).

Май. Вышел в свет I том «Собрания стихотворений».

5 июля — 7 сентября. Заграничное путешествие: Париж, Аберврак (на бретонском побережье Атлантического океана), Кэмпер, Париж, Бельгия и Голландия, Берлин.

Октябрь. Вышел в свет четвертый сборник лирики «Ночные часы».

Декабрь. Вышел в свет II том «Собрания стихотворений».

1912, март. Вышел в свет III том «Собрания стихотворений».

1913, 19 января. Закончена драма «Роза и Крест» (опубликована в августе 1913 г.).

12 июня — 3 августа. Заграничное путешествие: Париж, Гетари (в Южной Франции, на берегу Бискайского залива), Париж.

1915, май. Вышел в свет сборник «Стихи о России».

23 октября. Закончена поэма «Соловьиный сад» (опубликована в декабре 1915 г.).

1916, апрель. Вышел в свет I том «Стихотворений» и сборник «Театр».

4 июня. Закончена I глава поэмы «Возмездие».

Июнь. Вышел в свет II том «Стихотворений».

7 июля. Призван в действующую армию и зачислен табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Всероссийского союза земств и городов.

26 июля. Выезжает в расположение дружины (ст. Лунинец, в районе Пинских болот).

Июль. Вышел в свет III том «Стихотворений».

1917, январь. Опубликованы Пролог и I глава поэмы «Возмездие».

19 марта. Возвращается с фронта в Петроград.

8 мая. Назначен редактором стенографического отчета Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством для расследования деятельности царских министров и сановников. В течение мая — октября присутствует на допросах привлеченных к следствию, происходящих в Зимнем дворце и в Петропавловской крепости.

Начало ноября. Участвует в совещании представителей петроградской литературно-художественной интеллигенции, созванном в Смольном по инициативе ВЦИКа. Участники совещания заявили о своей готовности сотрудничать с Советской властью.

1918, 8 января. Начинает писать поэму «Двенадцать».

9 января. Окончена статья «Интеллигенция и Революция».

12 января. Назначен членом правительственной комиссии по изданию классиков литературы.

28 января. Закончена поэма «Двенадцать».

30 января. Написано стихотворение «Скифы».

1 февраля[1]. Опубликована статья «Интеллигенция и Революция».

20 февраля. Опубликовано стихотворение «Скифы».

3 марта. Опубликована поэма «Двенадцать».

Конец марта. Назначен председателем Репертуарной секции Петроградского Театрального отдела Наркомпроса.

17 мая. Закончен очерк «Катилина».

3 июня. Вышло в свет первое отдельное издание «Двенадцати» и «Скифов».

19 июля. Вышла в свет отдельным изданием поэма «Соловьиный сад».

12 августа. Вышло в свет новое издание сборника «Театр».

18 сентября. Вышло в свет новое (четвертое) издание I тома «Стихотворений».

24 сентября. Приглашен участвовать в работе издательства «Всемирная литература», учрежденного М. Горьким (8 марта 1919 г. утвержден членом коллегии и главным редактором отдела немецкой литературы).

Октябрь. Вышел в свет сборник статей «Россия и интеллигенция».

1919, 8 января. Закончена переработка драмы «Песня Судьбы».

Февраль. Вышел в свет очерк «Катилина».

9 апреля. Выступает с докладом «Крушение гуманизма».

---

[1] С 1 февраля 1918 г. даты — по новому стилю.

17 апреля. Вышло в свет новое (третье) издание II тома «Стихотворений».

24 апреля. Назначен председателем управления Большого драматического театра.

10 июня. Вышла в свет драма «Песня Судьбы» (в новой редакции).

Август. Вышел в свет сборник гражданской лирики «Ямбы».

11 декабря. Назначен членом коллегии Литературного отдела Наркомпроса (Москва).

1920, март — апрель. Написана пьеса «Рамзес».

8—18 мая. Поездка в Москву. Выступления с чтением стихов в Политехническом музее и Дворце искусств.

27 июня. Избран председателем Петроградского отделения Союза поэтов.

Август. Вышел в свет сборник юношеских стихотворений «За гранью прошлых дней».

23 октября. Вышел в свет пятый сборник лирики «Седое утро».

1921, 11 февраля. Выступает с речью «О назначении поэта».

15 марта. Написано последнее законченное стихотворение.

Середина апреля. Первые симптомы предсмертной болезни.

25 апреля. Вечер поэзии Блока в Большом драматическом театре.

Апрель. Написана последняя статья («Без божества, без вдохновенья»).

2—10 мая. Поездка в Москву. Выступления с чтением стихов в Политехническом музее, Доме печати, Союзе писателей.

17 мая. Резкое обострение болезни.

Май — июль. Наброски продолжения II и III глав поэмы «Возмездие».

Июнь. Вышла в свет отдельным изданием пьеса «Рамзес».

28 июня. Вышло в свет новое (четвертое) издание поэмы «Двенадцать».

7 августа. В 10 час. 30 мин. утра А. А. Блок скончался в своей рабочей комнате (ул. Декабристов, 57, кв. 23).

10 августа. Похороны на Смоленском кладбище. (В сентябре 1944 г. прах поэта был перенесен на Литераторские мостки Волкова кладбища.)

ПРИМЕЧАНИЯ

«На небе зарево. Глухая ночь мертва...» (с. 38). По разъяснению Блока, в этом стихотворении отразилось одно из его впечатлений: деревья березовой рощи и облака, освещенные лучами заходящего солнца, показались ему видением средневекового города.

Ночь на Новый год (с. 44). Вариация на тему баллады В. А. Жуковского «Светлана».

«Мы встречались с тобой на закате...» (с. 47). *Вечерние свечи.*— Имеются в виду сосны, освещенные закатом.

«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...» (с. 53). В этом стихотворении биографически достоверно рассказано о встрече Блока с Л. Д. Менделеевой 7 ноября 1902 г. на балу, устроенном слушательницами Высших женских курсов в зале Дворянского собрания (ныне Ленинградская филармония), последовавшем в ту же ночь решительном их объяснении и следующей встрече — 9 ноября, в Казанском соборе.

Фабрика (с. 54). В 1904 г. это стихотворение было запрещено цензурой.

Из газет (с. 54). *Человек с оловянной бляхой на теплой шапке* — полицейский.

«Отдых напрасен. Дорога крута...» (с. 55). Это стихотворение открывало, под заглавием «Вступление», первый сборник лирики Блока «Стихи о Прекрасной Даме».

Петр (с. 56). Внушено памятником Петру I работы Э. Фальконе, установленным на Сенатской площади в Петербурге (пушкинский Медный всадник).

«Песня матросов» и «Голос в тучах» (с. 60). Два фрагмента неоконченной поэмы «Ее прибытие», которая, по замыслу Блока, была посвящена «несбывшимся надеждам», связанным с переживанием революционных событий 1904—1905 гг.

«Барка жизни встала...» и «Шли на приступ...» (с. 62 и 63). Номер газеты «Наша жизнь» от 26 ноября 1905 г., где появились эти стихи, был конфискован полицией. Второе стихотворение — отклик на события 9 января 1905 г. в Петербурге.

Балаганчик (с. 65). В связи с этим стихотворением возник замысел первого драматического произведения Блока «Балаганчик».

«Вися над городом всемирным...» и «Еще прекрасно серое небо...» (с. 70 и 71). Эти стихотворения были написаны в день опубликования

царского манифеста о введении в России конституции. Блок оценил это событие как вынужденный маневр царизма и обман революционных надежд народа: *«И если лик свободы явлен, То прежде явлен лик змеи»*. *Город всемирный* — Петербург. *Предок царственно-чугунный* — памятник Петру I (Медный всадник). Номер газеты «Наша жизнь» от 26 ноября 1905 г., где появилось первое стихотворение, был конфискован полицией.

Сытые (с. 72). Отклик на массовые забастовки, происходившие на заводах и предприятиях Петербурга в октябре 1905 г.; в частности, тогда забастовали рабочие и служащие столичной электростанции.

Со́львейг (с. 73). Блок указал, что драматической поэмой «Пер Гюнт» Г. Ибсена «навеяны и женственный образ Со́львейг и другие образы этого стихотворения». Женское имя *Со́львейг* в переводе с норвежского означает: «Солнечный путь».

Незнакомка (с. 74). *Крендель булочной.*— В дореволюционное время вывески булочных украшались позолоченным изображением кренделя.

«Там дамы щеголяют модами...» (с. 75). Вариант предыдущего стихотворения, обработанный в 1911 г.

Ангел-хранитель (с. 84). Обращено к Л. Д. Блок, жене поэта. В строке «За то, что хочу и не смею убить» цензура усмотрела «воспевание политического убийства» и «возбуждение к тяжким и преступным деяниям». Книжка журнала «Трудовой путь» (1907, № 6), где появилось это стихотворение, была конфискована.

Русь (с. 88). Блок пояснил, что «мутный взор колдуна, чаросанье злаков, ведьмы и черти в снеговых столбах на дороге, девушка, точащая под снегом лезвие ножа на изменившего милого,— все это подлинные образы наших поверий, заговоров и заклинаний».

«Я ухо приложил к земле...» (с. 105). В рукописи озаглавлено: «Рабочему». Это стихотворение, как и следующее («Тропами тайными, ночными...»), было написано в тот самый день, когда царским манифестом было объявлено о роспуске Государственной Думы, после чего правительство перешло к политике жестокого контрреволюционного террора.

Снежная Дева (с. 118). *Сфинкс* — один из двух древнеегипетских сфинксов, установленных в Петербурге на правом берегу Невы, возле здания Академии художеств.

«В голодной и больной неволе...» (с. 139). *Господне лето* — выражение из Евангелия («Лето господне благоприятно»), обозначающее доброе, счастливое время.

«Не спят, не помнят, не торгуют...» (с. 141). В рукописи озаглавлено: «Святая Пасха». Большие христианские праздники — рождество и пасха — вызывали у Блока резкие антицерковные настроения: «...как будто и в самом деле происходит что-то такое, чему я глубоко враждебен» (из письма к В. В. Розанову). *Ты* — Л. Д. Блок; *та ночь* — ночь с 7 на 8 ноября 1902 г., когда Л. Д. обещала Блоку стать его женой.

Девушка из Spoleto (с. 143). *Дай, как монаху, взойти на костер.*— Намек на судьбу проповедника и общественного реформатора Джироламо Саванаролы (1452—1498), объявленного еретиком и по приговору церковного суда повешенного, а затем и сожженного. *Лишь, как художник, смотрю за ограду...*— Художники эпохи Возрождения часто изображали самих себя на своих картинах в качестве свидетелей или участников происходящего.

«Окна ложные на́ небе черном...» (с. 146). *«Что мне спеть в этот вечер, синьора?..»* и т. д.— слова итальянской народной песни, которую Блок услышал во Флоренции и на мотив которой написал свое стихотворение.

«Искусство — ноша на плечах...» (с. 147). В Фолиньо Блок случайно увидел в кинематографе французский фильм, который уже смотрел за год до того в Петербурге.

На железной дороге (с. 160). *Молчали желтые и синие: В зеленых плакали и пели.*—В дореволюционное время в России пассажирские вагоны I класса окрашивали в синий цвет, II класса — в желтый, III класса — в зеленый.

«Когда мы встретились с тобой...» (с. 164). Обращено к единокровной сестре поэта (дочери А. Л. Блока от второго брака) Ангелине Александровне Блок (1898—1918), с которой он познакомился в декабре 1909 г. в Варшаве, на похоронах отца, а в дальнейшем поддерживал близкие, дружеские отношения.

«В огне и холоде тревог...» (с. 164). *Запомним оба...* и. т. д.— обращено к сестре Ангелине.

Народ и поэт (с. 166). Пролог поэмы «Возмездие». *Вот голову его на блюде...*— Имеется в виду библейская легенда о царевне Саломее (см. ниже, с. 249).

Возмездие (с. 168). Вступление во II главу поэмы «Возмездие». *Штык свéтил, плакали куранты...*— Имеются в виду шпиль собора в Петропавловской крепости и установленные на колокольне часы с музыкальным боем. *Востока страшная заря* — предвестие русско-японской войны 1904—1905 гг. *Царь огромный, водянистый* — Александр III. *Сфинкс* — см. выше, с. 242. *Державный Повелитель* — Петр I.

Авиатор (с. 174). В рукописи посвящено памяти русского летчика В. Ф. Смита, разбившегося на глазах у Блока 14 мая 1911 г.

«Благословляю всё, что было...» (с. 175). Заключение к Собранию стихотворений, третья (последняя) книга которого называлась «Снежная ночь».

Сны (с. 182). В стихотворении отразились мотивы «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина.

«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» (с. 194). Связано с воспоминанием о следующем эпизоде: в Аберврак (французский порт на бретонском побережье Атлантического океана, где Блок с женой жил летом 1911 г.) неожиданно вошла французская военная эскадра; полити-

ческое положение в Европе в то время было напряженным, и Блок истолковал это событие как предзнаменование близящейся мировой войны.

«Сердитый взор бесцветных глаз...» (с. 198). Воспоминание о том вечере, когда Л. А. Дельмас, на этот раз не участвуя в спектакле, находилась в зрительном зале.

«Рожденные в года глухие...» (с. 206). *Дни войны* и *дни свободы* — русско-японская война и революционные события 1904—1905 гг.

Двенадцать (с. 219). В 9-й песне первая строфа представляет собою вариацию начальных строк популярного народного романса «Не слышно шуму городского...», литературным источником которого послужило стихотворение Федора Глинки «Узник». *Невская башня.*— Имеется в виду башня б. Городской Думы на Невском проспекте. В 10-й и 11-й песнях стихи *«Вперед, вперед, вперед, Рабочий народ»* — вариация слов известной революционной песни 1890—1900 гг. «Варшавянка»).

З. Гиппиус (с. 231). В мае 1918 г. З. Н. Гиппиус прислала Блоку свою книжку «Последние стихи», проникнутую духом ненависти к Октябрьской революции. *У ирландских скал.*— В книжке Гиппиус упоминаются «Ирландия океанная» и «лезвия ее острых скал».

Пушкинскому Дому (с. 232). *Древний Сфинкс* — см. выше, с. 202. *Всадник бронзовый* — памятник Петру I (Медный всадник). *Тайная свобода* — слова А. С. Пушкина. *Площадь Сената* — ныне площадь Декабристов, с которой видно на противоположном берегу Невы «Главное здание» Академии наук, где в 1921 г. помещался Пушкинский Дом.

«Огромный тополь серебристый...» (с. 233). Из предсмертных набросков продолжения II главы поэмы «Возмездие». Описан первый приезд Бекетовых в усадьбу Шахматово.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Азраил — ангел смерти в восточной мифологии.

Антверпен — портовый город в Бельгии. Блок побывал в Антверпене в 1911 г.; осенью 1914 г., в начале первой мировой войны, Антверпен, как и вся Бельгия, стал ареной кровопролитных сражений.

Апокалипсис («Откровение св. Иоанна») — древнейшая из евангельских книг; содержит пророчества о грядущем «конце света» и наступлении новой эры в жизни человечества.

Арлекин, Пьеро и Коломбина — традиционные персонажи итальянской народной «комедии масок»; в обычных комедийных положениях Арлекин — злоязычный насмешник и пройдоха, Пьеро — его незадачливый товарищ, Коломбина — жена Пьеро и любовница Арлекина.

Артур — см. Порт-Артур.

Bad Nauheim — курортный городок в Германии.

Беато — Фра Джованни да Фьезоле (1387—1455), итальянский художник Раннего Возрождения, причисленный церковью к «лику блаженных» под именем Беато Фра Анжелико.

Бранд — герой одноименной драмы Генрика Ибсена.

Валентина — Щеголева Валентина Андреевна (1878—1931) — драматическая актриса.

«Варяг» — популярная в народе песня о подвиге русских моряков во время русско-японской войны 1904—1905 гг.

Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926) — известный живописец, разрабатывавший по преимуществу исторические и сказочные сюжеты.

Венера — богиня любви в римской мифологии.

Вифлеем — по евангельскому преданию, место рождения Иисуса Христа. Младенца пришли приветствовать три восточных царя, ведомые новой звездой, возвестившей пришествие в мир Мессии (см. с. 253).

Вольный остров — один из островов, расположенных в дельте Невы (ныне не существует).

Галиция — историческая область восточнее и северовосточнее Карпат (в основном на территории современной УССР и частью Польши). В 1772—1918 гг.— провинция Габсбургской империи. В 1914 г. здесь происходили кровопролитные сражения между русскими и австро-германскими войсками.

Галла или *Плакида* — Галла Плацидия Августа, жена восточного

вождя Атуальфа, а позже — римского императора Констанция; правила Западной Римской империей в середине V века, похоронена в Равенне.

Гамаюн — по древнерусским поверьям, сказочная птица-вещунья с человеческим лицом.

Гамлет — герой одноименной трагедии Шекспира; погибает жертвой интриги и вероломства, заколотый отравленной шпагой.

Гиганты — человеческие фигуры, отбивающие часы на башне на главной площади Венеции.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэт, прозаик и критик. Блок познакомился с З. Н. Гиппиус в 1902 г. и поддерживал с нею отношения (не всегда ровные) вплоть до Октябрьской революции, которую Гиппиус встретила с ненавистью. После появления поэмы «Двенадцать» она возглавила кампанию бойкота и травли Блока в контрреволюционной печати. В 1920 г. Гиппиус вместе с мужем Д. С. Мережковским бежала за границу.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт и беллетрист, с которым Блок поддерживал дружеские отношения (особенно близкие в 1904—1908 гг.).

Дант — Данте Алигьери (1256—1321), великий итальянский поэт, автор «Божественной Комедии» и «Новой жизни»; последние годы провел в Равенне и там же похоронен.

Девятое января (1905 года) — Кровавое воскресенье, когда в Петербурге было расстреляно мирное шествие рабочих, направлявшихся с петицией к царю.

Дедо́во — подмосковная усадьба А. Г. Коваленской, двоюродной бабки Блока.

Денни́ца — упомянутый в Библии падший ангел, он был свергнут с неба за гордыню и злость.

Дон-Жуан — по общеевропейской легенде, испанский дворянин, безбожник и распутник, обольстивший благочестивую дочь Командора Донну Анну и поплатившийся за это жизнью.

Дюны — у Блока: местность в окрестностях Петербурга, на границе с Финляндией.

Елагин мост и Елагин остров — в парковой части Петербурга.

Елисейские поля — античный рай (Элизиум).

Ермак (ум. в 1584 г.) — казачий атаман, сыгравший видную роль в освоении Сибири, герой народных песен и сказаний.

«Ермак» («Смерть Ермака») — народная песня (на слова поэта К. Ф. Рылеева).

Зигфрид — герой древнегерманского эпоса «Песнь о Нибелунгах», владевший волшебным мечом *Нотунг*. После того как Зигфрид заново сковал расколотый в бою Нотунг, злой карлик *Миме*, желавший завладеть мечом, пытался убить Зигфрида, но сам пал от его руки.

Зимний дворец — резиденция русских царей в Петербурге.

Зоргенфрей Вильгельм Александрович (1882—1938) — поэт и переводчик, друг Блока.

Ибсен Генрик (1828—1906) — норвежский писатель-драматург, оказавший мощное воздействие на все европейские литературы начала XX века.

Иванов Евгений Павлович (1879—1942) — литератор, с 1904 г. самый близкий, задушевный и верный друг Блока.

Иванова Мария Павловна (1874—1941) — врач, сестра Е. П. Иванова.

К. М. С.— Садовская Ксения Михайловна (1862—1925) — «первая любовь» Блока (они встретились в Бад Наугейме летом 1897 г.), оставившая глубокий след в его творчестве (стихи 1897—1903 гг., цикл «Через двенадцать лет» и др.).

Калита — Иван I Данилович, по прозванию Калита, великий князь Московский, первый собиратель Русской земли (княжил в 1328—1341 гг.).

Кармен (Карменсита), Цунига, Хозе, Эскамильо, Лиллас Пастья — действующие лица в опере Ж. Бизе «Кармен».

Кашины — парк во Флоренции, во времена Блока изобиловавший ирисами.

Квентин Массис (1466—1530) — крупнейший художник нидерландского Возрождения.

Кин Эдмонд (1787—1833) — английский драматический актер, прославившийся в ролях шекспировского репертуара.

Коломбина — см. Арлекин.

Комиссаржевская Вера Федоровна (1864—1910) — великая русская драматическая актриса.

Конго — государство в Африке, во времена Блока колония Бельгии.

Куликово поле — место в районе рек Дона и *Непрядвы*, где 8 сентября 1380 г. произошла битва между войском золотоордынского хана *Мамая* и ратью Московского великого князя Дмитрия Ивановича, прозванного впоследствии Донским. Битва закончилась решительной победой русских и сыграла важную роль в освобождении России от татарского ига. По убеждению Блока, Куликовская битва принадлежала к «символическим событиям русской истории»: «Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди». Символика Куликовской битвы заняла видное место в кругу размышлений Блока о судьбах России, о свержении «татарского ига» царизма, о приближающейся революции, о взаимоотношениях народа и интеллигенции.

Л. А. Д.— Дельмас Любовь Александровна (1879—1969), оперная актриса, исполнительница партии Кармен в одноименной опере Ж. Бизе. Бурное увлечение Л. А. Дельмас оставило глубокий след в творчестве Блока (цикл «Кармен» и ряд стихотворений 1914—1916 гг.).

Лагуна — залив Адриатического моря, на берегах которого расположена Венеция.

Лиллас Пастья — см. Кармен.

Лиссабон — столица Португалии; дважды, в XIV и XVII вв., была до основания разрушена землетрясениями.

Львиный столб — памятник на главной площади Венеции.

Люцифер — одно из библейских прозвищ дьявола.

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) — известный русский поэт.

«Макбет» — трагедия Шекспира. Стихи: *«Земля, как и вода, содержит газы, и это были пузыри земли»* — в 3-й сцене 1 действия.

Мамай — см. Куликово поле.

Марк — собор св. Марка в Венеции.

Меря — см. Чудь.

Мессина — южноитальянский город, в 1908 г. разрушенный сильнейшим землетрясением.

Миме — см. Зигфрид.

Н. Н. В.— Волохова Наталья Николаевна (1878—1966), драматическая актриса. Увлечение Блока Н. Н. Волоховой оставило глубокий след в его творчестве (лирика 1907—1908 гг., драматическая поэма «Песня Судьбы»).

Непрядва — см. Куликово поле.

Нотунг — см. Зигфрид.

Озерки — дачный поселок в окрестностях Петербурга.

Острова — парковый район Петербурга, расположенный на островах невской дельты.

Офелия — героиня трагедии Шекспира «Гамлет».

Паоло и Франческа — несчастные влюбленные, жившие в Италии в XII веке; об их трагической судьбе рассказано в «Божественной Комедии» Данте («Ад», песнь 5-я).

Перуджино (1446—1524) — итальянский художник эпохи Возрождения.

Перуджия — городок в Италии, в области Умбрия.

Пестум — греческая колония в Южной Италии, разгромленная в конце IX века сарацинами (арабами).

Плакида — см. Галла.

Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — обер-прокурор Синода (высшего церковного учреждения царской России), влиятельнейший сановник, идеолог самодержавия, вдохновитель реакционной политики царизма в 1880-е годы.

Порт-Артур — русская крепость на Дальнем Востоке, героически оборонявшаяся от натиска японцев (27 января (9 февраля) — 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.).

Пушкинский Дом — сперва мемориальный музей А. С. Пушкина, ныне — литературный научно-исследовательский институт Академии наук СССР.

Пьеро — см. Арлекин.

Пяст Владимир Алексеевич (1886—1940) — поэт, друг Блока, порвавший с ним после появления поэмы «Двенадцать».

Равенна — древняя столица Западной Римской империи, расположенная на побережье Адриатического моря (с древних времен море отступило от Равенны примерно на 7 км); впоследствии пришла в упадок и превратилась в захолустный итальянский городок.

Ревель — нынешний Таллин.

Рекамье Юлия-Аделаида (1777—1849) — прославленная французская красавица, хозяйка знаменитого салона.

Рогачевское шоссе — в окрестностях Шахматова.

Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — реакционный писатель, критик и публицист.

Роланд — отважный рыцарь, герой французского средневекового эпоса «Песнь о Роланде».

Садовской Борис Александрович (1881—1945) — поэт, беллетрист, критик и историк литературы, примыкавший к символистам.

Саломея — по библейской легенде, прекрасная царевна, потребовавшая у галилейского царя Ирода-Антипы, в награду за пляску, голову непокорного пророка Иоанна Крестителя.

Сената площадь — ныне площадь Декабристов в Ленинграде.

Сестрорецкий курорт — в окрестностях Петербурга, на берегу Финского залива.

Settignano (Сеттиньяно) — местечко в окрестностях Флоренции.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — философ, богослов, публицист и лирический поэт, идеалист и мистик, оказавший глубокое влияние на некоторых представителей молодого поколения русской интеллигенции начала XX века, в частности на младших символистов и в том числе на Блока.

Соловьев Сергей Михайлович (1885—1942) — поэт, племянник и горячий приверженец В. С. Соловьева, троюродный брат Блока и до 1905 г. один из ближайших его друзей.

Spoleto (Сполето) — городок в Средней Италии.

Сфинкс — см. Эдип.

Тамара — героиня поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон».

Текла — имя романтической героини в трагедиях Шиллера «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна».

Теодорих Великий (ок. 454—526) — король остготов, завоевавший Равенну и сделавший ее столицей своего государства; похоронен в Равенне.

Тоскана — область Средней Италии.

Умбрия — область Средней Италии.

Учредительное собрание — представительное учреждение от населения, которое готовилось в 1917 г. Временным правительством. Созванное 5 (18) января 1918 г. Учредительное собрание, в котором преобладали контрреволюционные партии, отказалось подтвердить важнейшие декреты Советской власти и было распущено ВЦИКом 7 (20) января 1918 г.

Foligno (Фолиньо) — городок в Средней Италии.

Франциск Ассизский (1182—1226) — итальянский монах, один из наиболее почитаемых «святых» католической церкви.

Франческа — см. Паоло.

Фьезоле — местечко в горных окрестностях Флоренции.

Хозе — см. Кармен.

Царьград — Константинополь, столица Византийской империи, впоследствии турецкий Стамбул.

Цунига — см. Кармен.

Цусима — морское сражение 14—15 мая 1905 г. в Цусимском проливе, когда японский флот истребил бóльшую часть русской Тихоокеанской эскадры.

Чудь и меря — племена, в древнее время населявшие северные области России.

Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — поэт, прозаик и критик, друживший с Блоком в 1904—1908 гг.

Шахматово — усадьба Бекетовых и Блока в Клинском уезде Московской губернии.

Шувалово — дачный поселок в окрестностях Петербурга; здесь, на берегу озера, на крутом склоне холма расположено кладбище.

Эдип — по древнегреческому сказанию, сын фиванского царя, сумевший разгадать загадку, загаданную злым чудовищем Сфинксом, и тем самым спасший Фивы от уничтожения.

Эскамильо — см. Кармен.

Эскó — французское название реки Шельды, на берегах которой расположен Антверпен.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И РЕДКИХ СЛОВ

Аи — марка шампанского.

Акция — ценная бумага, удостоверяющая право на долю в капитале торгово-промышленного или финансового предприятия.

Аналой — особой формы столик, принадлежность церковного обихода; перед аналоем, в частности, происходит обряд бракосочетания.

Базилики — у Блока: древние христианские храмы.

Бархатцы — цветы.

Бастыльник — сорная трава, бурьян.

Брань — война, вражда.

Бубновый туз — красный или желтый лоскут (в форме карточного туза бубен), который нашивали на спину одежды осужденного на каторгу.

Бунчук — конский хвост на древке, знак власти турецких пашей (также и украинских гетманов).

Варяги — норманнское племя, из среды которого, по летописному преданию, происходили первые русские князья.

Ведун — колдун, волшебник.

Вежды — глаза.

Венецейская — венецианская.

Веси — селения.

Вития — красноречивый оратор (с ироническим оттенком).

Ворожея — гадалка, знахарка.

Галльский — французский.

Геенна — ад.

Гондола — венецианская лодка.

Городовой — младший чин городской полиции.

Градирни — высокие деревянные клетки, набитые хворостом, который пропускает сквозь себя ветер и механически приводимую в движение соленую воду; назначение градирен — насыщать воздух солью в лечебных целях.

Гунны — тюркское кочевое племя, которое в IV веке прошло с огнем и мечом через причерноморские степи в Западную Европу; в переносном значении — варвары, безжалостно уничтожающие культурные ценности.

Демон — в христианской мифологии падший ангел, злой дух; в широком значении — искуситель, существо, обладающее таинственной и недоброй силой.

Дож — титул правителей Венецианской республики (697—1797).

Долу — вниз.

Дольнее (горе), *дольние* (страны) — у Блока в смысле: земное, житейское.

Дьякон — священнослужитель низшего чина.

Ектенья́ — один из разделов православного богослужения.

Жандарм — чин военной полиции.

Жокеи — у Блока: наездники, участвующие в скачках на ипподроме.

Журфи́кс — приемный день в светском доме.

Заутреня — ранняя церковная служба.

Зурна — восточный музыкальный инструмент, вроде гобоя.

Игумен — настоятель мужского монастыря.

Иере́й — священник.

Иеромонах — монах в сане священника.

Инок — монах.

Интенданты — военно-хозяйственные чиновники.

Кадило — металлический сосуд на цепочке, употребляемый при богослужении для курения (каждения) ладаном (см.).

Камень бел-горючий — волшебный образ русских народных поверий, сказок и песен.

Кампанилы (итал.) — колокольни.

Канцо́на (итал.) — песня.

Касатка — ласточка.

Керенки — распространенное пренебрежительное название (по фамилии министра Керенского) бумажных денежных знаков, выпущенных в 1917 г. Временным правительством.

Кильватерная колонна — походный строй военных кораблей, когда они следуют один за другим по линии курса.

«Князь» — в дореволюционной России распространенная кличка татарина-старьевщика, скупавшего подержанные вещи.

Кольчуга — защитная рубаха из металлических колец, в древности — снаряжение воина.

Кондовая — старинная, прочная, основательная.

Конек — деревянное украшение крыши, иногда вырезанное наподобие головы коня.

Котелок — мужская твердая шляпа особого фасона.

Крепь — укрепленное, неприступное место, крепость.

Кудель — волокнистая часть (очесы) льна или пеньки.

Купоны — отрезные талоны ценных бумаг (акций), дающие право на получение дохода в виде процентов с капитала.

Ладан — ароматическая смола, которую курят (кадят) при богослужении. *Росный ладан* — из коры южноазиатских деревьев.

Ландо́ — открытый экипаж.

Ланиты — щеки.

Летин — в народном языке: фантастический огненный змей, летучий дух.

Лихо — в народном языке: некое существо, воплощающее зло и злосчастье (тяжелую участь), также и самое зло.

Лицеист — воспитанник Александровского лицея, особо привилегированного учебного заведения в царской России; слово «лицеист» стало нарицательным, обозначая лощеного светского молодого человека.

Львица — в буржуазном просторечии: модная светская дама.

Магнаты — польская знать.

Месса — католическое богослужение.

Мессия — религиозный образ ожидаемого народом избавителя, спасителя.

На юру́ — на высоком открытом месте.

Наяда — в древне-греческой мифологии нимфы, богини, населяющие ручьи и озера. В славянской мифологии наядам соответствуют русалки.

Не́жить — в народном языке: всякого рода фантастические существа (ведьмы, лешие, домовые, русалки и пр.).

Нейрастения — старинная форма произношения слова «неврастения».

Обет — взятое на себя непреложное обязательство, обещание, зарок.

Обетованная земля — в библейских сказаниях Палестина; в широком значении — желанный край, духовная родина.

Облигации — у Блока: ценные бумаги, дающие право на получение процентов.

Овин — постройка, в которой когда-то крестьяне просушивали перед молотьбой снопы.

Огневица — лихорадка; жар.

Одр — постель, ложе.

Оклад — металлическое, серебряное или вызолоченное украшение на иконе.

Оплечь — на плечах.

Орарь — принадлежность церковного облачения дьякона (см.): длинная лента, перекинутая через плечо.

Осенницы — словообразование Блока: своего рода нимфы — спутницы Осени.

Отходная — молитва, которую священник читает над умирающим.

Панихида — всенощная церковная служба по умершему (в православии).

Панмонголизм — поддержанная поэтом и философом В. С. Соловье-

вым реакционная идея неотвратимого якобы столкновения европейского Запада с объединенными силами азиатского Востока, угрожающего самому существованию западной культуры. У Блока эта идея переосмыслена в плане противопоставления революционной Советской России старому миру буржуазно-капиталистического Запада.

Пергаментные (речи) — в переносном смысле: сухие, бесстрастные.

Плакун-трава — волшебный образ русских народных поверий, сказок и песен.

Погост — кладбище.

Половецкий (стан).— Половцы — тюркский народ, в XI—XII вв. неоднократно нападавший на Киевскую Русь.

Полость — покрывало (обычно меховое), прикрывавшее ноги сидящего в санях.

По́слушник — человек, живущий в монастыре и готовящийся принять монашество.

Притво́р — передняя часть церкви.

Размер — метрическая форма стихотворной речи.

Ренегат — отступник, изменник.

Рента — нетрудовой доход с денежного капитала или земли.

Розоперстая — с розовыми пальцами (применялось в поэзии по отношению к Эос — богине утренней зари в греческой мифологии).

Рок — судьба.

Сам-друг — вдвоем.

Саркофаг — каменная гробница.

Сегидилья — испанская песня и танец быстрого темпа.

Сенат — в царской России высшее судебно-административное учреждение.

Серафимы — в христианской мифологии ангелы высшего чина.

Сеча, сечь — битва, сражение.

Си́рины — в русском фольклоре и в древнерусской письменности сказочные райские птицы, символы радости и счастья.

Скит — уединенное жилище монаха-отшельника.

Склеп — заглубленное в землю помещение гробницы, предназначенное для захоронения умершего.

Скрижа́ли — в переносном значении: неколебимая основа, завет.

Сонм — сход, собранье, толпа народа.

Сотка — водочная бутылка в 1/100 часть ведра.

Сплин — тоска, хандра.

Спич — приветственная застольная речь.

Стезя — путь.

Стимер — морской торговый корабль.

Стяг — знамя.

Таль — оттепель.

Тальсры — женские костюмы.
Твердь — небо.
Треба — богослужение.
Тризна — поминки по умершему.
Трус — землетрясение.

Упыри — по народным поверьям, сказочные оборотни — мертвецы, сосущие кровь живых людей.

Фант — вещь, предмет, значок, которые отдает в залог участвующий в игре «в фанты».
Федерация — у Блока: объединение торгово-промышленных предприятий.
Фероньера — женское украшение для волос.
Феска — турецкая шапка ярко-красного цвета.
Фламандка — представительница фламандского народа, населяющего часть Бельгии.
Фьорды — узкие, извилистые и глубоко вдавшиеся в материк заливы (на Скандинавском полуострове).

Херувим — в христианской мифологии ангел высшего чина.
Хитон — широкая одежда, распространенная в древности.
Хохлушка — украинка.

Царские врата — в церкви: центральная дверь, ведущая в алтарь.

Чарая (лесть), *чарый* (сумрак) — прилагательное от слова «чары» (очарование).

Шелом — шлем.
Шишак — металлический шлем с острием, увенчанным шишечкой, снаряжение древнерусских воинов.
Шлея — часть конской упряжи.

Юдоль — на церковном языке земная жизнь с ее заботами и печалями; тяжкая доля.
Юнкерье — презрительная кличка юнкеров, в царской России — воспитанников военных юнкерских училищ; в 1917 г. юнкера служили опорой Временного правительства в его борьбе с большевиками.

Ямб — разностопный стихотворный размер, наиболее распространенный в русской поэзии.
Ярое (пламя) — чистое, сверкающее.

Содержание

Орлов Вл. Певучее сердце. (Вступительная статья) 5

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

«Полный месяц встал над лугом...» 33
«Я стремлюсь к роскошной воле...» 33
«В ночи, когда уснет тревога...» 34
Летний вечер 34
«Ночной туман застал меня в дороге...» 35
Гамаюн, птица вещая 35
«Я шел к блаженству. Путь блестел...» 35
«Сама судьба мне завещала...» 36
«Дышит утро в окошко твое...» 36
«Помнишь ли город тревожный...» 36
Servus — Reginae 37
«За краткий сон, что нынче снится...» 37
«Хоть все по-прежнему певец...» 38
«На небе зарево. Глухая ночь мертва...» 38
«Ветер принес издалёка...» 39
«Ты отходишь в сумрак алый...» 39
«Кто-то шепчет и смеется...» 39
«Они звучат, они ликуют...» 39
«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» . . . 40
«Внемля зову жизни смутной...» 41
«Я жду призыва, ищу ответа...» 41
«Не жди последнего ответа...» 42
«Сумерки, сумерки вешние...» 42
«Встану я в утро туманное...» 43
«Скрипнула дверь. Задрожала рука...» 43
«Ночью вьюга снежная...» 44
Ночь на Новый год 44
«Бегут неверные дневные тени...» 45
«Сны раздумий небывалых...» 45
«Мы живем в старинной келье...» 46
«Верю в Солнце Завета...» 47
«Мы встречались с тобой на закате...» 47
«Я и молод, и свеж, и влюблен...» 48
«Свет в окошке шатался...» 48

«Давно хожу я под окнами...» 49
«Вхожу я в темные храмы...» 49
«Стою у власти, душой одинок...» 50
«Мне снились веселые думы...» 50
«Отворяются двери — там мерцанья...» 51
«Я вырезал посох из дуба...» 51
«Просыпаюсь я — и в поле туманно...» 52
«Скрипка стонет под горой...» 52
«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...» 53
«Когда я уйду на покой от времен...» 53
Фабрика 54
Из газет 54
«Отдых напрасен. Дорога крута...» 55
Петр 56
«Сторожим у входа в терем...» 57
«На перекрестке...» 58
«Вечность бросила в город...» 58
«Поднимались из тьмы погребов...» 59
Песня матросов 60
Голос в тучах 60
«В кабаках, в переулках, в извивах...» 62
«Барка жизни встала...» 62
«Шли на приступ. Прямо в грудь...» 63
«Улица, улица...» 64
«Я вам поведал неземное...» 64
«На весеннем пути в теремок...» 65
Балаганчик 65
«Старость мертвая бродит вокруг...» 66
Осенняя воля 67
«Утихает светлый ветер...» 68
«Девушка пела в церковном хоре...» 68
Пляски осенние 69
«Вися над городом всемирным...» 70
«Еще прекрасно серое небо...» 71
«Прискакала дикой степью...» 71
Сытые 72
Со́львейг 73
Незнакомка 74
«Там дамы щеголяют модами...» 75
Ночная Фиалка 76
Ангел-хранитель 84
«Передвечернею порою...» 85
Холодный день 86
В октябре 87
Русь 88

«Ночь. Город угомонился...» 89
Тишина цветет 90
«Так окрыленно, так напевно...» 91
Окна во двор 91
Балаган 92
«Хожу, брожу понурый...» 93
Пожар 94
На чердаке 95
«Вот явилась. Заслонила...» 96

ИЗ ЦИКЛА «СНЕЖНАЯ МАСКА»

Снега

Снежное вино 98
Снежная вязь 98
Второе крещенье 99
Ее песни 100
Крылья 101

Маски

В углу дивана 102
Они читают стихи 103
Смятение 103
Нет исхода 104
На снежном костре 104
«Я ухо приложил к земле...» 105
«Тропами тайными, ночными...» 106

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

1. О смерти 107
2. Над озером 110
3. В северном море 112
4. В дюнах 114
«В густой траве пропадешь с головой...» 117
«Когда в листве сырой и ржавой...» 117
«Когда я создавал героя...» 118
Снежная Дева 118
О, весна без конца и без краю...» 119
«По улицам метель метет...» 120
«Работай, работай, работай...» 121
Инок 122
«Гармоника, гармоника...» 123
«Когда вы стоите на моем пути...» 123
«Она пришла с мороза...» 124
«Я помню длительные муки...» 125

«Свирель запела на мосту...» 125
«Май жестокий с белыми ночами...» 126

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

1. «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» . . . 127
2. «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...» . . . 128
3. «В ночь, когда Мамай залег с ордою...» 128
4. «Опять с вековою тоскою...» 129
5. «Опять над полем Куликовым...» 130

Друзьям 131
Поэты 132
«Она, как прежде, захотела...» 133
«Когда замрут отчаянье и злоба...» 134
«Твое лицо мне так знакомо...» 134
Россия 135
«Я пригвожден к трактирной стойке...» 136
«Ты из шепота слов родилась...» 136
«О доблестях, о подвигах, о славе...» 136
Осенний день 137
«Под шум и звон однообразный...» 138
«Так. Буря этих лет прошла...» 139
«В голодной и больной неволе...» 139
«Уж вечер светлой полосою...» 140
«Когда я прозревал впервые...» 140
«Не спят, не помнят, не торгуют...» 141

ИЗ «ИТАЛЬЯНСКИХ СТИХОВ»

Равенна 142
Девушка из Spoleto 143

Венеция

1. «С ней уходил я в море...» 143
2. «Холодный ветер от лагуны...» 144
3. «Слабеет жизни гул упорный...» 144

Перуджия 145
«Флоренция, ты ирис нежный...» 146
«Окна ложные на́ небе черном...» 146
Madonna da Settignano 146
Фьезоле 147
«Искусство — ноша на плечах...» 147

1. «Всё та же озерная гладь...» 148
2. «В темном парке под ольхой...» 148
3. «Когда мучительно восстали...» 149
4. «Синеокая, бог тебя создал такой...» 149
5. «Бывают тихие минуты...» 150
6. «В тихий вечер мы встречались...» 150
7. «Уже померкла ясность взора...» 151
8. «Всё, что память сберечь мне старается...» 151
Утро в Москве 152
«Всё это было, было, было...» 152
«Как прощались, страстно кля́лись...» 153
«Поздней осенью из гавани...» 153
На островах 154
Сусальный ангел 155
«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..» . . . 156
«Черный ворон в сумраке снежном...» 156
Голоса скрипок 157
На смерть Коммиссаржевской 157
В ресторане 159
Демон 159
«Как тяжело ходить среди людей...» 160
На железной дороге 160
«Там неба осветленный край...» 162
«О, как смеялись вы над нами...» 162
«Повеселясь на буйном пире...» 163
«Шар раскаленный, золотой...» 163
«Когда мы встретились с тобой...» 164
«В огне и холоде тревог...» 164
«Когда ты загнан и забит...» 165
Народ и поэт 166
Возмездие 168
Два века 170
«Да, так велит мне вдохновенье...» 173
«Земное сердце стынет вновь...» 173
Авиатор 174
«Благословляю всё, что было 175
Шаги Командора 176
«Как тяжко мертвецу среди людей...» 177
«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...» 178
«И вновь — порывы юных лет...» 179
«Миры летят. Года летят. Пустая...» 180
«Есть минуты, когда не тревожит...» 180
«Ночь, улица, фонарь, аптека...» 181

«Болотистым, пустынным лугом...» 181
«В небе — день, всех ночей суеверней...» 182
Сны 182
К Музе 183
«Мы забыты, одни на земле...» 187
«Милый друг, и в этом тихом доме...» 185
«Есть времена, есть дни, когда...» 186
Седое утро 186
Новая Америка 187
Художник 189
«Я вижу блеск, забытый мной...» 190
«Есть игра: осторожно войти...» 190
«Как свершилось, как случилось?..» 191
«О, я хочу безумно жить...» 193
«Я — Гамлет. Холодеет кровь...» 193
«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» 194
«Вновь богатый зол и рад...» 194
«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...» . . . 195
Голос из хора 196

КАРМЕН

1. «Как океан меняет цвет...» 197
2. «На небе — пра́зелень, и месяца осколок...» . . . 197
3. «Есть демон утра. Дымно-светел он...» 197
4. «Бушует снежная весна...» 198
5. «Среди поклонников Кармен...» 198
6. «Сердитый взор бесцветных глаз...» 198
7. «Вербы — это весенняя таль...» 199
8. «Ты — как отзвук забытого гимна...» 200
9. «О да, любовь вольна, как птица...» 200
10. «Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...» . . 201

Последнее напутствие 202
«Я помню нежность ваших плеч...» 203
«Грешить бесстыдно, непробудно...» 204
«Была ты всех ярче, верней и прелестней...» 205
«Петроградское небо мутилось дождем...» 205
«Рожденные в года глухие...» 206
Антверпен 206
«Он занесен — сей жезл железный...» 207
«Я не предал белое знамя...» 208
«Протекли за годами года...» 208
«За горами, лесами...» 209
«Пусть я и жил, не любя...» 209
Перед судом 210

Соловьиный сад 211
«На улице — дождик и слякоть...» 215
«Превратила всё в шутку сначала...» 216
«Дикий ветер...» 216
Коршун 217
«Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...» . . . 217

Двенадцать 219

Скифы 229

З. Гиппиус 231
Пушкинскому Дому 232
«Огромный тополь серебристый...» 233

КОММЕНТАРИИ

От составителя 235
Основные даты жизни и творчества Александра Блока 236
Примечания 241
Указатель имен и названий 245
Словарь устаревших и редких слов 251

Хоть и знаешь
Солнце выйдет из тум
Поле озарит,
И тогда пройдешь тропинкой,
Где под каждою былинкой
Жизнь кипит.

21 июля 1898
Шахматово

* * *

Там один и был цветок,
Ароматный, несравненный.

Жуковский

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.
Там цветут и клевер пышный,
И невинный василек,
Вечно шелест легкий слышно:

С(Груз)
Р89

Поэма
классика грузинской литературы
XII—XIII вв.

Текст печатается по изданию:
Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре.
М., «Детская литература», 1965.

Р 4803010102—068
М206(04)—85 168.85.

Мера́ни — крылатый конь, образ грузинской мифологии.
Амирба́р — полководец.
Аксами́т — старинная драгоценная ткань.
Му́кры (муллы) — священнослужители у мусульман; они же лекари.
Муллли́м — духовное лицо у мусульман, ученик и помощник муллы.
Ка́джи — человекоподобные существа, олицетворение злой силы.
Дэ́вы — сказочные чудовища.
Зуа́л — планета Сатурн.
Муштари́ — Юпитер, планета правосудия.
Мари́х — планета Марс.
Аспиро́з — планета Венера.
Отари́д — Меркурий, планета путешествий и торговли.
Имеется в виду созвездие Льва, то есть созвездие Зодиака.
Хро́нос — древнегреческий бог времени, отец богов.
Месх — уроженец Месхети, южной провинции Грузии.

Руставели Ш.

Р89 Витязь в тигровой шкуре : Поэма. Для сред. школ. возраста. / Пер. с груз. Н. А. Заболоцкого; Худож. С. С. Кобуладзе.— К.: Веселка, 1985.— с., ил. 158 — (Школ. б-ка).

Поэма классика грузинской литературы XII—XIII вв.

Р $\frac{4803010102-068}{М206(04)-85}$ 188.85. С(Груз)

ШОТА РУСТАВЕЛИ

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

ПОЭМА

Для среднего
школьного возраста

Перевод с грузинского
Николая Заболоцкого

Художник
Сергей Кобуладзе

КИЕВ «ВЕСЕЛКА» 1985

ББК 84. 7 США
К 92

Перевод с английского.

Текст печатается по изданию:
Зверобой, или Первая тропа войны. М. Изд-во «ОКО», 1992.

К $\frac{4703040100\text{-}001}{161(03)\text{-}94}$ 1-94

ISBN 5-7458-0528-5

ISBN 5-89981-006-8

© Синев Ю., худ. оформление, 1991.

которого у Джудит Хаттер, быть может, никогда и не будет. А меня больше интересует слабоумная сестра, чем твоя красавица. Нельзя остаться равнодушным, встречая ближнего, который хотя и по внешности напоминает самого обыкновенного смертного, но на деле совсем не таков, потому что ему не хватает разума. Это тяжело даже мужчине, но когда это случится с женщиной, с юным, обаятельным существом, то пробуждает самые жалостливые мысли, какие только могут появиться у тебя. Видит бог, Непоседа, эти бедные создания достаточно беззащитны даже в здравом уме. Какая же страшная судьба ожидает их, если этот великий покровитель и вожатый изменяет им!

— Слушай, Зверобой! Ты знаешь, что за народ траппери — охотники и торговцы пушниной. Их лучший друг не станет отрицать, что они упрямы и любят идти своей дорогой, не слишком считаясь с правами и чувствами других людей. И, однако, я не думаю, чтобы во всей здешней местности нашелся хотя бы один человек, способный обидеть Хетти Хаттер. Нет, даже индеец не решится на это.

— Наконец-то, друг Непоседа, ты начинаешь справедливо судить о делаварах и о других союзных их племенах. Рад слышать это. Однако солнце уже перевалило за полдень, и нам лучше снова тронуться в путь, чтобы поглядеть наконец на этих замечательных сестер.

Гарри Марч весело изъявил свое согласие, и с остатками завтрака скоро было покончено. Затем путники навьючили на себя котомки, взяли ружья, и, покинув залитую солнечным светом поляну, снова углубились в лесную тень.

Глава II

Ты бросаешь зеленый озерный край,
Охотничий дом над водой,
В этот месяц июнь, в этот летний рай,
Дитя, расстаешься со мной!

«Воспоминания женщины»[1]

Идти оставалось уже немного. Отыскав поляну с родником, Непоседа правильно определил направление и теперь подвигался вперед уверенной поступью человека, знающего, куда ведет дорога.

[1] Перевод Л. Рубинштейна.

ва, дикари прекратили стрельбу, поняв, что лишь зря тратят заряды. Хаттер вытащил из воды последний якорь. Течение здесь было тихое, и судно продолжало медленно плыть вперед, пока не очутилось в открытом озере, хотя настолько близко от берега, что пули представляли еще некоторую угрозу. Хаттер и Марч под прикрытием бревенчатых стен налегли на весла и вскоре отвели ковчег настолько далеко, что враги потеряли желание снова напасть на них.

Глава V

Пусть раненый олень ревет,
А уцелевший скачет.
Где спят, а где — ночной обход;
Кому что рок назначит.

Шекспир. «Гамлет»[1]

На носу баржи состоялось новое совещание, на котором присутствовали Джудит и Хетти. Враг уже не мог напасть неожиданно, но ощущение непосредственной опасности сменилось тягостным сознанием, что на берегу притаилось много индейцев, которые, конечно, не упустят возможности погубить обитателей ковчега. Понятно, что больше всех беспокоился Хаттер, а дочери, привыкшие во всем полагаться на отца, не отдавали себе ясного отчета в том, что им грозило. Старик Хаттер прекрасно сознавал, что два товарища могут покинуть его в любую минуту. Это обстоятельство, как легко мог заметить внимательный наблюдатель, тревожило его сильнее всего.

— У нас есть большое преимущество перед прокезами и всеми другими врагами, как бы они там ни назывались, — сказал он, — потому что мы наконец выбрались на чистую воду. На озере нет ни одной лодки, которой я бы не знал. Свою пирогу ты пригнал сюда, Непоседа, на берегу теперь осталось только две, и они так хорошо спрятаны в дуплах деревьев, что как бы индейцы ни старались, они едва ли их отыщут.

— Ну этого нельзя утверждать, — заметил Зверобой. — Уж если краснокожий задумал что-нибудь отыскать, то чутье у него становится лучше, чем у собаки. Если они вышли на охоту за скальпами и надеются по-

[1] Перевод Б. Пастернака.

Глава VII

Леман![1] Как сладок мир твой для поэта,
Изведавшего горечь бытия!
От мутных волн, от суетного света
К тебе пришел я, горная струя.
Неси ж меня, бесшумная ладья!
Душа отвергла сумрачное море
Для светлых вод, и, мнится, слышу
Сестра, твой голос в их согласном хо,
Вернись! Что ищешь ты в бушующем просторе?

Байрон. «Чайльд Гарольд»[2]

Уже совсем рассвело, когда молодой человек снова открыл глаза. Он тотчас же вскочил и огляделся по сторонам, понимая, как важно ему поскорее уяснить себе свое положение. Сон его был глубок и спокоен; он проснулся со свежей головой и ясными мыслями, что было необходимо при сложившихся обстоятельствах. Правда, солнце еще не взошло, но небесный свод отливал нежными красками, которые знаменуют начало и конец дня. В воздухе все звенело от птичьего щебета. Этот утренний гимн пернатого племени предупредил Зверобоя о грозившей ему опасности.

Легкий, едва заметный ветерок за ночь немного усилился, а так как пироги двигались на воде словно перышки, то и отплыли вдвое дальше, чем рассчитывал охотник. Совсем невдалеке виднелось подножие горы, круто вздымавшейся на восточном берегу, и Зверобой уже явственно слышал пение птиц. Но это было не самое худшее. Третья пирога дрейфовала в том же направлении и теперь медленно подплывала к мысу; еще немного — и она уткнулась бы носом в берег. Лишь внезапная перемена ветра или человеческая рука могли бы отогнать ее от берега. Кроме этого, не было ничего тревожного. «Замок» по прежнему возвышался на своих сваях приблизительно на одной линии с пирогами, и ковчег, пришвартованный к столбам, покачивался на воде там же, где его оставили несколько часов назад.

Понятно, что прежде всего Зверобой занялся передней пирогой, которая была уже почти у самого мыса. Взмахнув несколько раз веслом, охотник увидел, что судно коснется берега раньше, чем он сможет его нагнать. Как раз в эту минуту ветер совсем некстати вдруг посвежел, и легкая лодочка еще быстрее понеслась к

[1] Лéман — женевское озеро в Швейцарии.
[2] Перевод В. Левика

вил Джудит изменить свое решение. Обе девушки подошли к отцу, которого они не раз видели в положении, низводящем человека до уровня скота.

Он сидел, прислонившись спиной к стене, в углу комнатки, и голова его тяжело свешивалась на грудь.

Подчиняясь внезапному порыву, Джудит бросилась вперед и сдернула с отца колпак, нахлобученный на голову и закрывавший лицо почти до самых плеч.

Она увидела ободранное, трепещущее мясо, обнаженные вены и мышцы...

Хаттер был скальпирован, хотя все еще жив...

Глава XXI

Им легко издеваться, когда он убит,
Осквернять молчанье могил,
Но ему все равно: на холме он лежит,
Где британец его схоронил.

Неизвестный автор[1]

Читатель должен представить себе весь ужас, который испытали дочери, неожиданно увидя потрясающее зрелище, описанное в конце последней главы. Мы не станем распространяться об их чувствах, о проявлениях дочерней преданности и будем продолжать наш рассказ, пропуская наиболее отталкивающие подробности разыгравшейся здесь сцены. Изуродованная голова с ободранной кожей была перевязана, запекшаяся кровь стерта с лица страдальца, ему были оказаны другие услуги в том же роде, и лишь потом сестры задались вопросом, что же случилось с их отцом. Как ни просты были совершившиеся факты, они во всех своих подробностях стали известны лишь несколько лет спустя: мы, однако, изложим их теперь же в немногих словах. В борьбе с гуронами Хаттер получил удар ножом от того старого воина, который из предосторожности отобрал оружие у всех своих подчиненных, но оставил его у себя. Натолкнувшись на упорное сопротивление своего противника, гурон решил дело ударом ножа. Случилось это как раз в тот момент, когда дверь отворилась и Непоседа вырвался наружу. Вот почему ни старого индейца, ни его врага не было на платформе в то время, когда там шла борьба. Хаттер совершенно обессилел,

---

[1] Перевод Л. Рубинштейна.

Лондон, Джек

Л76 Мятеж на «Эльсиноре». Роман. Межзвездный скиталец. Роман. Пер. с англ. (сост. Л.Минца, вступ. ст. В.Гопмана). АО «Прибой», редакция журнала «Вокруг света», 1992. - 480 с. - (Библиотека «Вокруг света»).

ISBN 5-87260-006-2

В романе «Мятеж на «Эльсиноре» драматические события разворачиваются на парусном корабле, плывущем к мысу Горн. Взбунтовавшаяся команда и бушующая стихия заставляют главного героя романа выйти из состояния стороннего наблюдателя и просто пассажира и стать самим собой — личностью сильной и волевой.

Действие романа «Межзвездный скиталец» ограничено тюремной камерой, и тем не менее герой романа, или точнее его дух, совершает увлекательнейшие путешествия во времени и пространстве. Перед читателем романа проходит череда прежних воплощений героя: кавалер средневековой Франции, один из воинов Понтия Пилата, сын американского фермера и так далее. Это произведение о торжестве духа человека, мужественного и стойкого, способного бороться и побеждать.

В 1992—1993 гг. в Библиотеке «Вокруг света» выходят следующие книги:

МАЙН РИД — «Тропа войны», «Ползуны по скалам»

ЭМИЛИО САЛЬГАРИ — «На Дальнем Западе», «Охотница за скальпами», «Город прокаженного царя»

ДЖЕК ЛОНДОН — «Межзвездный скиталец», «Мятеж на «Эльсиноре»

ЛУИ БУССЕНАР — «Приключения в стране львов», «Приключения в стране тигров», «Приключения в стране бизонов», «За десятью миллионами к Рыжему Опоссуму», «Тайна доктора Синтеза»

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ — «Наулака», «Ким»

ПЬЕР БЕНУА — «Атлантида», «Кенигсмарк», «Прокаженный король»

ГЮСТАВ ЭМАР — «Сурике», «Карденио», «Мексиканская месть»

ЛУИ ЖАКОЛИО — «Сердар» («В трущобах Индии»)

МАКС ПЭМБЕРТОН — «Железный пират», «Подводный дом»

РАЙДЕР ХАГГАРД — «Ласточка», «Джесс»

КАРЛ МАЙ — «Через пустыню, через гарем».

ФРЕНСИС БРЕТ ГАРТ — «Крестовый поход «Эксцельсиора», «Степной найденыш», «Кларенс»

ПРИМЕЧАНИЯ

В книгу вошли два малоизвестных романа выдающегося американского писателя Джека Лондона. Может быть, причиной, по которой они не издавались долгое время, служат высказываемые в них взгляды писателя, не укладывающиеся в его «утвержденный стереотип»: романтик и критик буржуазного общества. Действительно, в романе «Мятеж на «Эльсиноре» заметно влияние англо-саксонского расизма, к которому Д.Лондон склонялся к концу жизни; в «Межзвездном скитальце» — мистики. Но мы сочли, что без знания и этих черт творчества Д.Лондона знакомство с одним из самых любимых у нас американских писателей было бы неполным. Тем более что авантюрный сюжет обоих романов безукоризнен, а образы героев — как нельзя более «лондоновские».

Роман «Мятеж на «Эльсиноре» («The Mutiny of the Elsinore») написан в 1914 году, «Межзвездный скиталец» («The Star Rover») — в 1915 г.

На русском языке появились в полном собрании сочинений Джека Лондона в 1924-1927 годах (издательство «Земля и фабрика»).

С тех пор «Мятеж на «Эльсиноре» у нас не издавался, а «Межзвездный скиталец» — в новом переводе «Смирительная рубашка» — опубликован в собрании сочинений Д.Лондона в 1961 году.

Мы решили сохранить в переиздании перевод 20-х годов — хороший, хотя и старомодный, и вот почему. Издание «З\Ф» было по существу, первым знакомством нашего читателя со всем творчеством Лондона, и именно стиль этого издания определил восприятие и любовь к прозе Лондона в России. (Устаревшее написание имен и географических названий мы, разумеется, выправили.)

СОДЕРЖАНИЕ

В.Гопман. ТОРЖЕСТВО ДУХА

5

МЯТЕЖ НА «ЭЛЬСИНОРЕ»
Пер. М.Шишмаревой

11

МЕЖЗВЕЗДНЫЙ СКИТАЛЕЦ
Пер. С.Займовского

265

Примечания

476

ТОРЖЕСТВО ДУХА

«Девяносто шесть дорог есть, чтоб песнь сложить ты мог, И любая правильна, поверь...» Эти строки — из стихотворения любимого Лондоном Киплинга. Стихотворения о творчестве, о том удивительном, рационально непостижимом явлении, когда из ниоткуда, из Бог весть какого «сора» рождается чудо: поэтические или прозаические образы.

Для Джека Лондона творчество всегда было осмыслением и повторным переживанием своего богатого жизненного опыта. Он был устричным пиратом и матросом, бродягой и грузчиком, работал на консервном заводе и в прачечной, искал золото на Аляске. Специальный корреспондент на русско-японской войне, всемирно известный прозаик, политик и публицист, президент Американского студенческого социалистического общества... Каждая из этих пережитых жизней давала материал для рассказов, повестей, романов.

Не исключение и «Мятеж на «Эльсиноре» и «Межзвездный скиталец».

В 1912 году Лондон на корабле «Дириго» обогнул мыс Горн. Разумеется, не только непосредственные впечатления от плавания легли в основу романа «Мятеж на «Эльсиноре» (вместе с Лондоном в путешествие отправились его жена Чармиан и слуга Наката, с которых писались Маргарет Уэст и Вада; на «Дириго» был также щенок фокстерьера Поссум), но и впечатления от других плаваний, начиная с самого первого, совершенного Лондоном к берегам Японии в 1893 году, в возрасте семнадцати лет.

А начал Лондон подростком ходить на веслах по заливу Сан-Франциско, и с тех пор море стало его любовью на всю жизнь. Не случайно Лондон делает героем романа «Мятеж на «Эльсиноре» Джона Патгерста, человека, который, разочаровавшись в жизни, стремится успокоить и очистить душу именно морским путешествием: человек остается один на один с самим собой, чтобы разобраться в себе — и испытать себя в борьбе с обстоятельствами. Такая завязка типична для многих вещей писателя. Но герой, которого на этот раз выбирает Лондон, не совсем типичен для него.

С определенного момента жизнь потеряла для Патгерста, по его словам, «свою прелесть» и «уехать было легче, чем остаться». «Я устал... терзаюсь сомнениями... мне хотелось уйти от всех переживаний, побыть наедине с самим собой и подумать, как жить дальше». Есть в такой интеллектуальной пресыщенности жизнью все же что-то искусственное, надуманное...

В таком расслабленном состоянии герой пребывает на протяжении почти всего романа, вплоть до центрального — в сюжетном отношении — эпизода мятежа. Ситуация как бы подстроена для Патгерста и позволяет ему в тяжелом плавании сохранить силы для победы в схватке с мятежным экипажем: все плавание он жил в комфортабельной каюте, превосходно питался, не нес каждый день тяжелую вахту, да и вообще не работал. Ко всему этому добавляется такой «козырь», как наличие у героя винтовки и умение ею владеть (упражнения Патгерста в стрельбе — поистине то самое «ружье», которое должно было выстрелить в последнем акте).

Но предопределило исход драматических событий на борту «Эльсиноры» другое обстоятельство: Патгерст — англосакс, он принадлежит к «расе победителей», так же как капитан Уэст, его дочь Маргарет и оба его помощника. С первых страниц романа подчеркивается контраст между верхней и нижней палубами. Жалки матросы, сравниваемые с животными, годными лишь для тяжелой и грубой работы («Глаза ее (Маргарет) остановились на матросах с тем самым выражением оценивающего скот промышленника, какое я подметил у мистера Пайка»). Они обречены быть всегда внизу, а наверху, по мнению Маргарет и Пайка (к ним присоединяется и герой), будут только «железные», те, кто умеет «видеть, хотеть и действовать». Показательно, что герой от жалости и сочувствия к больным и увечным людям переходит к презрению к ним, укрепляясь в убеждении, что его раса призвана повелевать миром и «недочеловеками».

К таким выводам Патгерст приходит в основном благодаря Маргарет Уэст. Примечательно, кстати, как развиваются их отношения и как ведет себя при этом герой. Патгерст скрупулезно отмечает, что Маргарет обладает «всеми атрибутами здоровой человеческой самки... всеми признаками нормальной женщины с крепким телом, в котором все процессы совершались автоматически, без всяких трений». Для благополучного разрешения любовного конфликта Патгерсту созданы все условия: героиня находится тут же, «под боком», не нужно отправляться в далекое путешествие и совершать подвиги ради прекрасной дамы. Вообще будущие любовные отношения с самого начала лишены романтической приподнятости — достаточно вспомнить, как Маргарет помогает Патгерсту избавиться от клопов; это предельно конкретная, вполне земная женщина, никогда не парившая в небесах: жена, хозяйка, мать.

Благодаря именно Маргарет Уэст он излечивается от своих интеллигентских комплексов, становится настоящим «арийцем». Во время бунта убивает человека, и это событие наполняет его гордостью. Черпая силу и уверенность в слабости и покорности матросов, Патгерст освобождается от прежних представлений о добре и зле: отныне хорошо лишь то, что полезно ему и его близким. Патгерст приходит к отрицанию книжной культуры, духовности, ибо не она, а сила, начинает считать он, правит миром. И когда Маргарет в конце романа лукаво спрашивает героя: «А что же книги?», он решительно отвечает: «А ну их к черту вместе со всеми больными мировой скорбью, глупыми головастиками, которые их написали...»

Пожалуй, впервые у Лондона так отчетливо формулируется: человечество делится на тех, кто рожден управлять, и тех, кто обязан повиноваться. До «Мятежа на «Эльсиноре» Лондон не раз писал о том, что белый человек выше индейца или полинезийца. Но ни разу писатель не стремился так настойчиво утвердить принцип расовой чистоты над порядочностью и здравым смыслом. Почему так произошло именно в этом романе Лондона, сказать трудно. Быть может, сказалось то обстоятельство, что Лондон начал разочаровываться в социализме (и в его призывах к борьбе за будущее общество без национальных и классовых границ), в абстрактных идеях спасения мира через установление всеобщего равенства и пришел к выводу, что только природные качества самого человека — решительность, сила, твердость — принесут ему свободу духа. Как бы то ни было, бесспорно одно: идеи Герберта Спенсера (одного их духовных отцов Лондона), переносившего учение Дарвина об эволюции и естественном отборе в область социальной жизни, звучат в «Мятеже на «Эльсиноре» сильнее, чем в какой-либо другой книге Лондона. Очевидно и другое: такое смещение идейного центра тяжести романа сказалось на его художественных достоинствах.

В первую очередь это видно на примере образов главных героев. Ненатурален главный герой, его развитие психологически умозрительно,

происходит благодаря не художественной логике, а по воле автора. Схематичен и ходулен капитан Уэст (характерно, что Лондон не дает его речь — в разговорах Уэст отделывается одной-двумя фразами, что и понятно : ведь иначе автору пришлось бы искать слова, адекватные его загадочному облику). Схематична и Маргарет Уэст — главная носительница «идеологии сильных» в романе.

Наш интерес прикован не к главным героям — нет сомнения, что рано или поздно Патгерст попадет под действие чар Маргарет, а она ответит взаимностью на чувства героя. Главная идея романа, не воплотившись в конкретном образе (точнее, как бы разделившись на четыре образа), ослабляет событийную сторону. В частности, центральный эпизод — мятеж — получился смазанным. Кстати, он не случайно протекает «не по правилам» долго, в отличие от «классических» мятежей в приключенческой литературе. Сделал это автор, очевидно, намеренно, чтобы герой мог наконец проявить себя и практикой проверить философию «сильных».

Но философия героев романа не есть взгляды самого Лондона — или, по крайней мере, лишь часть его взглядов. Человек, подобный Лондону, столько повидавший и переживший, сталкивавшийся в многочисленных скитаниях с самыми разными людьми, не мог не понимать, что сущность человека определяется не расовой или национальной принадлежностью, а его человеческими качествами. Да и как можно считать расистом человека, вскормленного негритянкой и чьи книги были запрещены в фашистских Германии и Италии.

И герой не равен автору, вовсе не тождествен ему. Патгерст, обитатель комфортабельной каюты, ни разу не испытавший тягот корабельной жизни, совсем не похож на Лондона, сполна испытавшего грязь и холод, голод и каждодневную многочасовую работу, изматывающую тело и отупляющую душу. Все это выпало на долю Лондона не только в его бытность матросом, но и тогда, когда он стал владельцем судна (в 1907 году, когда он совершал кругосветное плавание на «Снарке», Лондон оказался самым выносливым и наиболее приспособленным к длительному путешествию и выполнял обязанности чуть ли не каждого члена экипажа, когда они страдали морской болезнью).

Но главное в том, что герой «Мятежа...», чуть ли не впервые у Лондона, не противостоит обстоятельствам, не борется с ними, а как бы движется вместе с ними. Не борец, не деятель — вот каким предстает Патгерст, и в том-то, наверное, и причина, почему роман этот не похож на другие произведения писателя.

Слабость идеи, слабость образа главного героя — казалось бы, для любого другого писателя этого было бы достаточно, чтобы погубить роман. Но не для Лондона.

Думаю, что для нас, сегодняшних читателей, сила романа в том, что в нем звучит идея победы человека над морской стихией, над слепыми силами разрушения — и над собой. Картины бушующего океана, завораживающие своей красотой и мощью, не самоценны — человек в изображении Лондона становится равен этой стихии: крошечная песчинка в необозримом пространстве сохраняет себя, противостоит наперекор всему, наперекор тысячекратно превосходящей его силе — и побеждает. Человек, оказываясь один на один с ревущими стенами воды, становится самим собой, точнее, тем, кем он должен быть на самом деле, — и побеждает, становясь выше стихии.

Удивительны в романе описания природы: «...высокие облака, белые с золотым, щедро и беспорядочно разбросанные по западной половине неба, а на востоке горит другой закат — вероятно, отражение первого. ... вся восточная часть неба представляет собой сплошную гряду облаков бледных,

от которых во все стороны тянулись нежно-голубые и белые лучи, падавшие на голубовато-серое море...»

Именно в картинах шторма (а не в «батальных» сценах) мы ощущаем главное, быть может, в романе: полноту и красоту жизни, слитость человеческого бытия с окружающим миром: «...теперь мы могли любоваться могучей яростью моря. С наветренной стороны, из серой мглы бесконечной процессией, один за другим, выскакивали седобородые гребни валов футов в шестьдесят вышиной и набрасывались на «Эльсинору», то грозно вздымаясь над ее хрупким телом, то низвергая на ее палубу сотни тонн воды, то проносясь под ней и подкидывая ее вверх, и, пенясь и ворча, скрывались из виду в той же серой мгле с подветренной стороны. А над нами кружили альбатросы, бесстрашно бросаясь в самую гущу шторма, и, величественно повернув в обратную сторону, уносились прочь с такой быстротой, что никакой ветер не мог их догнать».

«Межзвездный скиталец» — одно из немногих произведений Лондона, в которых лишь отчасти отразилась его биография — лет за двадцать до написания романа Лондон провел около месяца в тюрьме за бродяжничество. Но содержался он в общей камере, а не в одиночке, как герой «Межзвездного скитальца», и не был приговорен к пожизненному заключению, а потом — к казни, и ни разу не испытал мучений смирительной рубашки...

«Тюремная часть» романа написана по рассказам хорошего знакомого Лондона, которого звали, как одного из героев романа, Эд Моррел, отсидевшего более пяти лет в одиночке тюрьмы Сан-Квентин.

Роман построен по иному принципу, чем «Мятеж на «Эльсиноре». Если в «Мятеже...» события разворачивались в замкнутом пространстве парусного корабля, перемещающегося в безбрежном пространстве океана, то в «Межзвездном скитальце» действие ограничено тюремной камерой. Кроме того, в «Мятеже» повествование линейное, сюжет определяет только увиденное и пережитое героем во время плавания, тогда как в «Межзвездном скитальце» герой вспоминает прошлое, отбирает из него наиболее характерное, показательное, запоминающееся, порой укрупняя и обобщая события.

Совсем другой герой предстает перед нами, нежели Джон Патгерст, — человек, испытывающий невыносимые мучения, страдающий безвинно, потому к нему испытываешь сочувствие с самого начала. Нескончаемые побои, унижения нравственные и физические, пытка смирительной рубашкой... Но Даррел Стэндинг не ожесточился, не озлобился на весь мир, а главное, не сломался. Он остался добрым и справедливым, честным и великодушным. Во многом благодаря дружбе с Джеком Оппенгеймером и Эдом Моррелом, научившим Стэндинга, как можно избежать страданий, даже находясь в смирительной рубашке. Выбранный Лондоном прием путешествий во времени, совершаемых духом героя, отделяющимся от его тела, позволяет построить серию новелл в духе исторической фантастики, вольных вариаций на исторические темы (из всех сюжетов только история о гибели переселенцев от рук мормонов и индейцев основана на исторических данных).

Раб и шут, монах и писец, солдат и владыка, кочевник, пират, наемный убийца. Нескончаема череда этих жизней, о которых сам герой сказал так: «...личность человека непрерывно растет и представляет собой сумму всех прежних существований, взятых в одно...» Это перекликается с теорией перевоплощения, изложенной, например, в книге Е.Бумбиерс «Перевоплощение и карма» (Нью-Йорк, 1971): «Свою эволюцию человек совершает через повторные рождения на Земле — «реинкарнацию». После смерти физического тела человек не исчезает, остается его душевное тело и духовное. ...Наша душа в высших невидимых мирах получает возможность

перерабатывать свои земные опыты и духовно обогащаться, подготовляться для новой земной жизни...»

В затхлом, промозглом каменном мешке, в котором Даррел Стэндинг провел шесть лет, не было ни вчера, ни завтра, а лишь бесконечно растянутое тусклое сегодня, поистине «единственной реальностью» которого, как говорит сам герой, был дух. В различных воплощениях неизменными оставались мужество Стэндинга, его стойкость, умение бороться и побеждать. Но главное в романе — не эти рассказы, а судьба самого Стэндинга, история его борьбы, но не столько с жестокими и тупыми тюремщиками, а сколько за себя, за свое достоинство, свое право умирать человеком, остающимся выше своих мучителей. Эти качества героя поистине «на все времена», они, как утверждает Лондон, и есть инварианты человеческого поведения, позволившие homo sapiens выстоять в кровавой мгле тысячелетий и сохранить себя.

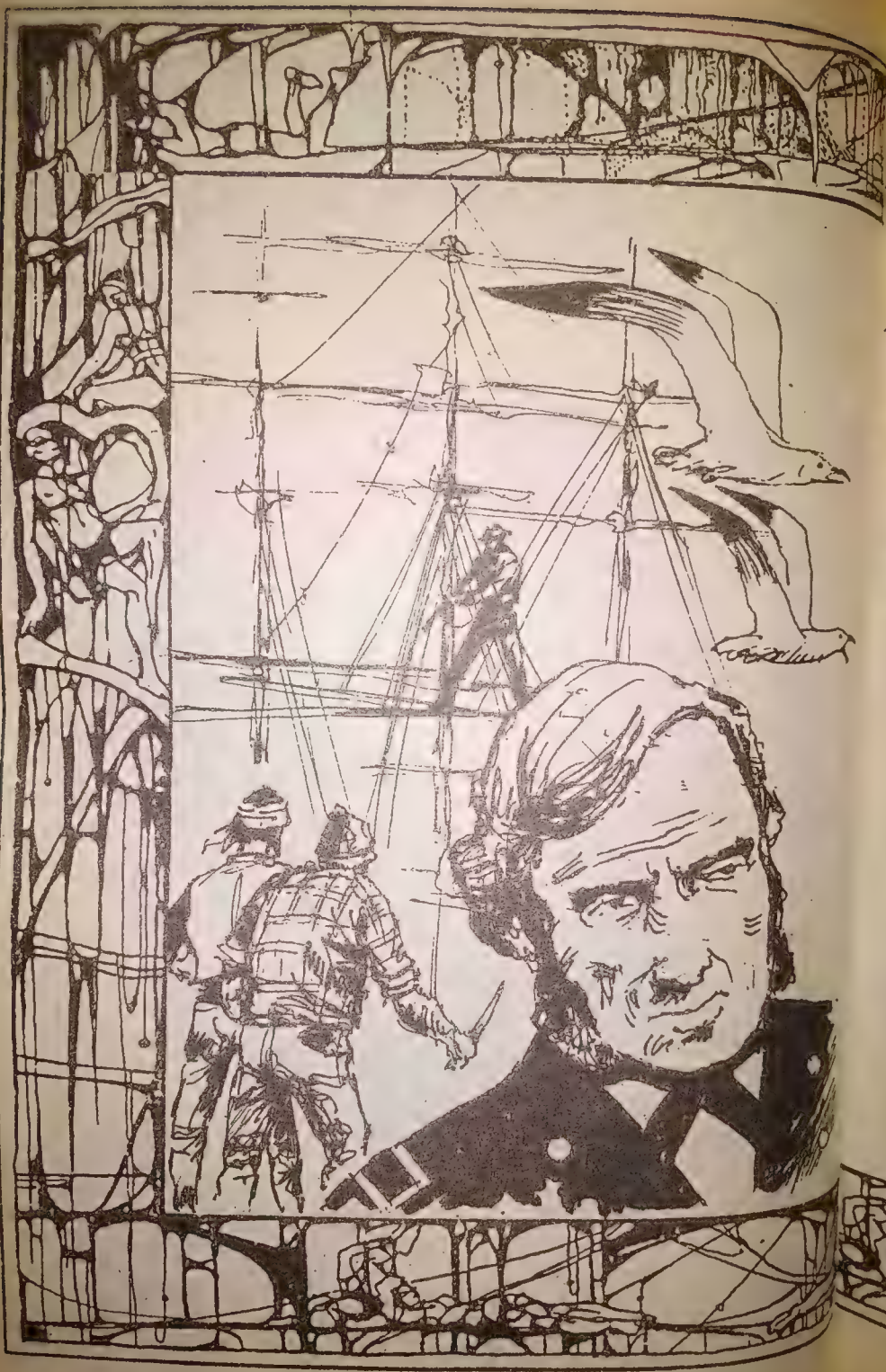
«Смерти нет! Жизнь — это дух, а дух не может умереть! Только плоть умирает и исчезает... Только дух остается и продолжает развиваться в процессе последовательных и бесконечных превращений, стремясь к свету». Вот к чему приходит герой, глубоко убежденный, что будет жить вечно. Если в «Мятеже на «Эльсиноре» мы видели, как торжествует человек, подавляя себе подобных, но более слабых физически (и предназначенных, по его мнению, для этого судьбой), то в «Межзвездном скитальце» мы видим иного человека, о котором исчерпывающе сказал автор: «Дух торжествует...»

Судьба романов «Мятеж на «Эльсиноре» и «Межзвездный скиталец» в Советском Союзе сложилась после их издания в 20-е годы несчастливо в отличие от других произведений писателя. Причина в том, что романы эти не очень соответствовали тем критериям «проходимости» книг западных авторов, которые установило марксистско-ленинское литературоведение. Практически все, кто писал о Лондоне, более всего подчеркивали наличие в его книгах критики капиталистических отношений. Например: «В лучших своих произведениях Лондон с большой художественной силой разоблачает антигуманистическую сущность американского капитализма. Он страстно ненавидит американскую буржуазию, самую алчную и деспотическую, равно как и всю буржуазную цивилизацию, основанную на рабстве и нищете трудящихся». Нет смысла приводить фамилию автора этого типового отзыва.

Распространено мнение, что Лондон — писатель для юношества. Думаю, что это не так. Книги Лондона нужны людям всех возрастов, ибо их тематическая многоголосица объединена убеждением автора: только дух, только воля движут нами и в самой тяжелой, безысходной ситуации мы должны продолжать — не имеем права перестать — бороться. И, конечно же, «на все времена» и для всех возрастов утверждаемые Лондоном простые и великие правила человеческого общежития: надо быть честным, храбрым и добрым.

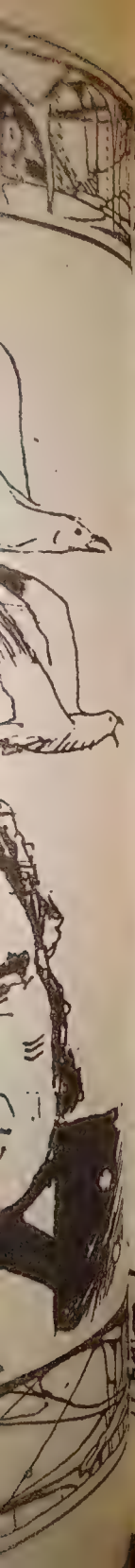
Джек Лондон скончался, не дожив немного до сорока одного года. Сделанное им за шестнадцать лет непрерывной, буквально каторжной работы (порой по восемнадцать часов в сутки!) поражает: после него осталось около пятидесяти книг. На вопрос, в чем секрет его успеха, он обычно отшучивался: «Упорство — вот тайна писательского мастерства, как и всего остального».

В.Гопман



Мятеж на «Эльсиноре»

РОМАН



ББК 84.34 (4 фр.)
Р 71

Joseph Posny ainé
La guerre du feu
1911

Le Félin — géant
1920

Главный редактор серии *С. Ф. Дмитренко*
Главный художник серии *А. И. Сухоруков*

Ж. Рони-Старший
Борьба за огонь. Пещерный лев. Пер. с фран-
Р 71 цузского А. Вейнрауб и И. Орловской. Рисунки Л. Дурасова. — М.: Издательский центр «Витязь», 1993. — 272 с., илл. (Серия «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ для детей и юношества»).

Исторические повествования известного французского писателя Жозефа Рони-Старшего (1856—1940) рассказывают о жизни первобытных людей. Грозные стихии природы, свирепые хищники, враждебные племена — всему этому противостоят мужество и разум, воля и пытливость героев книги, вместе с которыми читатель погрузится в тот мир, когда человек едва начал подниматься по ступенькам цивилизации.

ЗШ5 (03)
ISBN 5-87567-001-0

ББК 84.34 (4 фр.)

© Издательский центр «Витязь» (составление, предисловие, послесловие, серийное оформление, оригинал-макет), 1993 г.

Этим томом начинается выпуск книг серии «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ для детей и юношества» и ее спутника — серии, посвященной истории нашего родного Отечества. В ваших руках, уважаемые читатели, своего рода визитная карточка Издательского центра «Витязь».

Мы хотим, чтобы книги, рассказывающие о российской и мировой истории, провели вас по лабиринтам человеческой цивилизации, помогли услышать в себе то, что называется голосом предков, и разбудили вашу память. Ведь, согласимся, мало чего мы будем стоить, если предадим забвению все, что было до нас. Без прошлого не понять настоящего, будущее произрастает из корней прошлого. Так или примерно так говорили многие и многие великие люди, чей авторитет незыблем на протяжении веков. Поверим им!

Но человеческая Память хрупка, доступна ударам времени и судьбы. И новые события заслоняют былое. И очередные заботы чаще заставляют смотреть вперед, чем оглядываться назад.

Серии книг, которые мы начинаем издавать, не просто дополнят живыми образами и фактами сухие школьные учебники — такая задача была бы слишком легка. Мы

очень надеемся, что многих из вас они приведут к озарению: «Я — тоже часть человеческой истории!». И если свершится такое, значит в сердце и разум к вам обязательно придет потребность сохранить и приумножить все лучшее, что добыли люди за тысячелетия неустанных трудов и кровавых битв, мучительнейших поисков смысла жизни, попыток понять и преобразовать мир...

Ну а теперь предоставим слова писателям-историкам, летописцам человеческого бытия, в котором и сегодня сплавляются накрепко радостное и горестное, торжественное и трагическое, величественное и, к сожалению, низменное...

Верим, что эти исторические книги станут вашими добрыми друзьями и собеседниками..

Здравствуй, наш юный читатель!

И — до новых встреч!

Об авторе и его книгах

Книга, которую вы прочли, давным-давно вошла в круг классического детского чтения и часто воспринимается как прекрасная легенда, сложенная древними, как предание, шедшее от поколения к поколению из толщи веков к нам.

Между тем, автор романов «Борьба за огонь» и «Хищник-гигант» так же [illegible], как и его любимые герои, а его жизнь не менее занимательна, чем история поисков огня.

Жозеф Анри Старший [illegible] родился в 1856 в Брюсселе в семье [illegible] кровь бельгийцев, голландцев [illegible]. Тремя годами позже у него появился брат [illegible] Франсуа. Им было суждено войти в литературу [illegible] Рони — так называлась деревушка близ Парижа, [illegible] приглянувшаяся молодым сочинителям для псевдонима.

В [illegible] написали немало произведений, в том числе первый свой роман о доисторических временах — «Вамирэх» (1892 г.), но Жозеф жил в Париже, Жюстен вдали от него, на юго-западе Франции, близ Биаррица, и с конца 1900-х годов каждый работает самостоятельно.

Рони-Старший закончил роман «Борьба за огонь» в 1911 году. Тогда же сделанный по рукописи перевод его появился в России. Международный успех книги вдохновил писателя на ее своеобразное продолжение — роман «Хищник-гигант». Эта книга известна и под названием «Пещерный лев».

Как оказалось впоследствии, именно произведения о доисторических временах принесли Жозефу Рони подлинную славу и признание читателей всех возрастов в самых разных странах мира.

В своей психологической прозе он, осмысливая мотивы человеческих поступков, приходил к выводу, что личностью человека во многом управляют изначальные качества его природы, которой на протяжении веков люди как бы стыдились, но которая, по сути, и обеспечивает пока еще сохраняющееся единство всего живого на нашей маленькой планете.

Рони не просто делал попытку на основании научных знаний своего времени реконструировать быт наших отдаленных предков. Хотя, конечно, несложно установить, что время дей-

ствия романов «Борьба за огонь» и «Пещерный лев» отнесено к эпохе палеолита, древнего каменного века.

Куда важнее, что Рони, изображая пещерных людей, троглодитов, само наименование которых в новое время стало символом дикости, утверждает мысль о глубинности лучших человеческих качеств, их малой зависимости от образования, среды обитания и так далее. Он словно дает очень убедительные художественные иллюстрации к воззрению знаменитого этнолога XIX века, американца Льюиса Г. Моргана: «Мы имеем все основания не забывать, что нашими современными условиями жизни, с ее многочисленными средствами безопасности и благосостояния, мы обязаны борьбе, страданиям, героическим усилиям и упорному труду наших варварских и еще более отдаленных диких предков».

Не имея достаточных сведений о головокружительной древности, Рони нашел, пожалуй, единственно верный прием: он ввел в экзотический сюжет серьезнейшую моральную подоплеку, утверждая изначальную потребность человека в совершении добра, нравственных деяний во имя ближнего.

С другой стороны, романы Рони о наших пращурах органично объединяются с его научно-фантастическими произведениями. Как и Герберт Уэллс, Рони-Старший был не просто фантастом-фантазером, а фантастом-философом, высказавшим идеи, подхваченные писателями 2-й половины XX века (сам Рони-Старший скончался в 1940 г.). Так, проблема человеческого выживания, стоящая в центре многих его книг и едва ли не главная для него, соотносится в фантастике Рони с экологическими мотивами. По сути, из повестей и романов Рони составляется впечатляющая история человека в его противостоянии и в его воссоединенности с окружающим миром — от «Борьбы за огонь» до книги «Гибель Земли».

В своей долгой жизни Жозеф Рони успел многое. Человек огромной физической силы, любитель жизни во всех ее проявлениях, он оставил обширное литературное наследство, где, кроме вышеназванного, есть и романы об античности, и труды по физике и химии (их высоко оценил знаменитый Пьер Кюри). В частности, вскоре после открытий Эйнштейна, например он написал интереснейший очерк по истории теории относительности — «Пространство и время». В 1926 г. Рони-Старший был избран президентом Академии Гонкуров — сообщества писателей, присуждающих самую авторитетную литературную премию во Франции — Гонкуровскую...

И все же у миллионов читателей фамилия «Рони» навсегда связана с историей отважного Нао, принесшего людям своего племени огонь.

Сергей Дмитренко

Р2
Б43

Текст печатается по изданию:

Александр Беляев. Собр. соч. в 5 томах, т. 1, Ленинград, «Детская литература», 1983.

Беляев А. Р.

Б43 Остров Погибших Кораблей: Роман /Предисловие А. Балабухи и А. Бритикова. — Переиздание.— Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1986. — 144 с.
(«Школьная библиотека»)

Б $\frac{4803010102—19}{М\ 138(03)—1986}$ без объявл. Р2

© Алтайское книжное издательство, 1986.
Оформление.

ТРИ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА БЕЛЯЕВА
(Критико-биографический очерк)

1

При имени Александра Беляева у каждого, наверное, всплывает в памяти оседлавший дельфина юноша, радостно трубящий в свою раковину-рог, — фантастический морской наездник Ихтиандр... И юная прекрасная дочь повелителя Атлантиды царевна Сель... И наперекор всему: косной силе земного тяготения и злой человеческой воле — парящий в небе птицечеловек Ариэль... И профессор Доуэль — мудрый и благородный, преданный и погубленный — неподвижная голова на стекле лабораторного стола...

Правда, для подавляющего большинства читателей фантастика Александра Беляева — всего несколько наиболее известных книг: «Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия», «Последний человек из Атлантиды», «Остров Погибших Кораблей»... И мало кто знает, что творчество Беляева — это целая библиотека: более двадцати повестей и романов, несколько десятков рассказов, множество очерков, критических статей, рецензий, пьесы, сценарии, публицистика. Точное их количество сегодня еще неизвестно, и вряд ли сыщется человек, прочитавший все написанное Александром Беляевым.

Если Алексей Толстой был одним из зачинателей советской научно-фантастической литературы, то Александр Беляев — первый в нашей стране профессиональный писатель, для которого научная фантастика стала делом всей жизни. До него этот литературный жанр у нас не знал ни такой широты тем, ни такого разнообразия форм, ни такой разработанности литературных приемов. Он оставил след во всех его разновидностях и в смежных приключенческих жанрах; он создал чисто свои, беляевские, например цикл научно-фантастических сказок, полушутливых новелл об изобретениях профессора Вагнера.

И это при всем том, что обратился Александр Беляев к литературной работе довольно поздно, когда ему было уже под сорок. Все те тысячи страниц, что вышли из-под его пера, родились за каких-нибудь полтора десятка лет: первое научно-фантастическое произведение Александра Беляева, тогда еще рассказ «Голова профессора Доуэля», было опубликовано «Рабочей газетой» в 1925 году, а последнее — роман «Ариэль» — издано «Советским писателем» в 1941 году. Трудно вообразить себе фантастическую трудоспособность и беспримерное трудолюбие, которые потребовались для свершения этого литературного подвига.

А он находил в себе силы еще и для борьбы с тяжелой болезнью, поединком с которой стала вся вторая половина его жизни,

и для борьбы с непониманием со стороны литературной критики за достижение цели, которую он определил в заглавии одной из своих статей: «Создадим советскую научную фантастику». Беляев не принадлежал к числу тех счастливчиков, кто рано находит свое призвание. Жизнь успела немало покидать его из стороны в сторону, прежде чем он наконец стал писателем.

2

Александр Беляев родился 4 марта (по новому стилю 16 марта) 1884 года в Смоленске, в семье священника Романа Петровича Беляева.

В его детстве был один день, один момент — внешне самый обычный, но, если вдуматься, не менее удивительный, чем самые яркие страницы беляевских книг. Кто из нас хоть раз не летал во сне? А наяву? Не на самолете, а просто так, подобно птице? Эта мысль кажется нелепой, против нее восстает здравый смысл. И все же Сашу Беляева это не убеждало.

Он мечтал о полете, грезя им во сне и наяву. И потом, став постарше, как сам вспоминал впоследствии, непрестанно «мечтал о полетах. Бросался с крыши на большом раскрытом зонтике, на парашюте, сделанном из простыни, расплачиваясь изрядными ушибами. Позднее мастерил планер, летал на аэроплане одной из первых конструкций инж. Гаккеля, за границей — на гидроплане». Но это все — потом. А тогда Саша забрался на крышу сарая. Над ним раскинулось бездонное небо, и в это небо он решил взлететь. И — прыгнул. Он был уверен, что полетит.

Психолог сказал бы, что это произошло в один из моментов формирования личности. Поэт сказал бы, что это мгновение высветило всю дальнейшую жизнь Александра Беляева.

Конечно, он упал и больно расшибся. Но без этого мига не появился бы Ариэль — живое воплощение страстной мечты о безграничной свободе парения, которую пронес Беляев через всю свою жизнь. И люди потеряли бы какую-то долю созданной им красоты. Из чувства пьянящего полета и злой боли падения родился тогда в ничем не примечательном мальчишке тот Александр Беляев, которого знают сегодня миллионы людей на всей земле.

О том, какой силой обладала беляевская мечта, свидетельствует то, что в книгах его черпали силы и находили поддержку узники фашистских застенков. «Когда я был в концентрационном лагере Маутхаузен, пленные советские товарищи рассказывали мне многие романы этого автора, которые я так и не смог впоследствии достать, — вспоминал французский физик-ядерщик и писатель Жак Бержье. — Романы Беляева я нахожу просто замечательными. Научная мысль превосходна, рассказ ведется очень хорошо, и главные научно-фантастические темы отлично развиты. Лично я просто проглотил бы не прочитанные мной книги Беляева, если б нашел их. Беляев, безусловно, один из крупнейших научных фантастов. Как и произведения Жюля Верна и американца Роберта Хайнлайна, книги Беляева, мне кажется, совсем не устарели. А часто они оказываются пророческими, как, например, «Звезда КЭЦ». Эти слова были написаны спустя два десятилетия после смерти писателя.

А пока что жизнь только начиналась.

Рано приохотившись к чтению, Саша Беляев почти сразу же открыл для себя фантастику. Сила воздействия романов Жюля Верна была такова, что, как вспоминал он годы спустя, они «с братом

решили отправиться путешествовать к центру Земли. Сдвинули столы, стулья, кровати, накрыли их одеялами, простынями, запаслись маленьким масляным фонарем и углубились в таинственные недра Земли. И тотчас прозаические столы и стулья пропали. Мы видели только пещеры и пропасти, скалы и подземные водопады такими, какими их изображали чудесные картинки (иллюстрации в книге): жуткими и в то же время какими-то уютными. И сердце сжималось от сладкой жути. Позднее пришел Уэллс с кошмарами «Борьбы миров». В этом мире уже не было так уютно...».

Не очень уютной становилась и окружающая жизнь. Кончалось детство, наступало отрочество. Куда мог пойти учиться младший сын небогатого священнослужителя? Конечно же, по стопам отца. Ни малейшего призвания к духовной карьере Беляев-младший в себе не находил. Но выбора не было. Отец так решил, и мальчика определили в Смоленскую духовную семинарию...

Правда, надо отдать этому заведению должное: преподавали там отменно. И отнюдь не только закон божий. Первые основы той широкой образованности, того энциклопедизма, который отличает Беляева-писателя, закладывались именно здесь. И учился Саша охотно. Но...

Сам дух семинарии был ему глубоко чужд. Противно было множество ограничений. Они задевали как раз те стороны жизни, которые обладали особой привлекательностью. Так, решением Святейшего Синода (главной духовной властью России) семинаристам запрещалось чтение в библиотеках газет и журналов, чтение книг без особого письменного разрешения ректора семинарии, посещение театров (кроме императорских), а также любых других увеселительных собраний и зрелищ. Это Беляеву-то, влюбленному в чтение и музыку, живопись и театр! Хорошо хоть, были воскресенья, каникулы — рождественские, пасхальные и летние, когда можно было тайком нарушать запреты!

А соблазнов было немало. Губернский город Смоленск не был обойден вниманием российских и иностранных музыкантов, композиторов, писателей, актеров, певцов. Здесь гастролировал Александрийский театр; здесь звучали фортепианные сочинения Шопена в виртуозном исполнении Игнация Падеревского. Сцена смоленского Народного дома знала лирический тенор Леонида Собинова и могучий бас Федора Шаляпина. Здесь слушали затаив дыхание концерты Сергея Рахманинова. Читал свои «Песню о Соколе» и «Старуху Изергиль» Максим Горький.

Но не только театром, музыкой и литературой занят был ум Саши Беляева. Не меньше привлекала его и техника. Увлечение полетами — все эти самодельные парашюты, планер — сменилось не менее страстным увлечением фотографией. Ему мало было просто хорошо фотографировать, находить оригинальные сюжеты. Нужно было еще и создавать свое, новое. В год окончания семинарии он изобрел стереоскопический проекционный фонарь. Аппарат действовал отлично. Правда, лавры изобретателя Беляева не прельщали, и о его творении знали только друзья да близкие. Но двадцать лет спустя проектор аналогичной конструкции был изобретен и запатентован в Соединенных Штатах Америки...

3

Но вот семинария позади, Александру Беляеву исполнилось семнадцать. Что же дальше? Самое, казалось бы, логичное — во всяком случае, такой точки зрения придерживался Роман Петрович

Беляев — поступать в духовную академию, повторяя путь своего отца.

Но об этом Беляев-младший не мог и помыслить: он вынес из семинарии стойкий атеизм. Даже многие годы спустя ни одного из церковнослужителей — персонажей своих романов он не наделит ни единой мало-мальски положительной чертой... Так какой же путь избрать дальше?

Манил театр. Александр к тому времени уже мог говорить о себе как о подающем большие надежды актере. Правда, пока что выступал он лишь во время летних каникул в любительских и домашних спектаклях. Но ролей было сыграно немало: граф Любин в тургеневской «Провинциалке», Карандышев в «Бесприданнице» Островского, доктор Астров, Любим Торцов... Театр представлялся Беляеву во всей своей сложности, единым организмом, где четкое разделение функций вроде бы существует, но все слито в единое целое. И ограничиться только ролью исполнителя он не мог. Он пробовал себя в режиссуре, выступал как художник-оформитель, создавал театральные костюмы...

Театр не сулил, однако, надежного будущего. А главное, хотелось продолжить образование. Но ни в один университет России семинаристов не принимали... В конце концов подходящее учебное заведение все же сыскалось — Демидовский юридический лицей в Ярославле, существовавший на правах университета. Юриспруденция — область, несомненно, интересная. Здесь остро сталкиваются человеческие интересы и людские судьбы. Здесь ощущается вся боль жизни — то, что не может не интересовать человека, увлеченного театром и литературой и по-настоящему любящего людей. Для продолжения образования нужны были деньги. И эти деньги дала ему сцена. Беляев подписал контракт с театром смоленского Народного дома.

Роли сменяли одна другую с калейдоскопической пестротой. Два спектакля в неделю, репетиции, разучивание новых пьес... «Лес», «Трильби», «Ревизор», «Нищие духом», «Воровка детей», «Безумные ночи», «Бешеные деньги», «Преступление и наказание», «Два подростка», «Соколы и вороны», «Каргежник»... Театральные обозреватели смоленских газет отнеслись к Беляеву доброжелательно: «В роли капитана д'Альбоаза г-н Беляев был весьма недурен», — писал один. «Г-н Беляев выдавался из среды играющих по тонкому исполнению своей роли», — вторил другой.

И вот наконец Беляев — студент. Одновременно с занятиями в лицее он получает — там же в Ярославле — еще и музыкальное образование по классу скрипки. Как на все это хватало времени — оставалось загадкой не только для окружающих, но, кажется, и для него самого. А ведь приходилось и подрабатывать — образование стоило денег. Александр играл по временам в оркестре цирка Труцци.

«В 1905 году, — писал он впоследствии в автобиографии, — студентом строил баррикады на площадях Москвы. Вел дневник, записывая события вооруженного восстания. Уже во время адвокатуры выступал по политическим делам, подвергался обыскам. Дневник едва не сжег».

Дневник этот, уцелевший в начале века, в конце концов все-таки погиб — вместе со всем архивом писателя — в годы Великой Отечественной войны. Но даже из этой короткой записи ясно, как встретил будущий писатель события первой русской революции.

В 1906 году, окончив лицей, Беляев вернулся на родину, в

Смоленск. Теперь он уже вполне самостоятельный человек — помощник присяжного поверенного Александр Романович Беляев. И хоть поначалу осторожные смоленские обыватели поручают молодому адвокату лишь мелкие дела — важно, что он работает, приносит пользу людям. Правда, «адвокатура, — вспоминал он впоследствии, — формалистика и казуистика царского суда — не удовлетворяла». Требовалась какая-то отдушина, и ею стала журналистика. Занимаясь этим новым для себя делом, Беляев остался верен и прежней своей любви. В газете «Смоленский вестник» время от времени стали появляться подписанные разными псевдонимами его театральные рецензии, отчеты о концертах, литературных чтениях. Новое увлечение было не только интересно, но и давало приработок. А когда Александру Беляеву, уже присяжному поверенному, довелось в 1911 году удачно провести крупный — по смоленским масштабам, конечно, — судебный процесс, дело лесопромышленника Скундина, и получить первый в жизни значительный гонорар, он решил побывать в Европе. В автобиографии об этой поездке сказано скупо: «Изучал историю искусств, ездил в Италию изучать Ренессанс. Был в Швейцарии, Германии, Австрии, на юге Франции». И все. Но на самом деле поездка эта, пусть длившаяся не так уж долго, всего несколько месяцев, означала для Беляева очень много. Он впервые оказался за пределами привычного и знакомого мира провинциальных городов Российской империи.

И вот — Италия. Венеция, Рим, Болонья, Падуя, Неаполь, Флоренция, Генуя... За каждым названием — века и тысячелетия истории, от загадочных этрусков и гордых римлян до похода Гарибальди. Но молодой русский адвокат не из тех туристов, что толпами бродят по Форуму и развалинам Колизея или обнюхивают Троянову колонну с неизменным бедекеровским путеводителем в руках. Он должен заглянуть в кратер Везувия, побродить по раскопанным виллам и улицам Помпеи, проникнуться былым величием Рима, впитать в себя гармоническое изящество венецианских палаццо. Он хочет понять жизнь простых итальянцев — там, в злополучном римском квартале Сан-Лоренцо, который поставлял Вечному городу наибольшее количество преступников.

Свои непраздные впечатления от «жемчужины Средиземноморья» он впоследствии передаст героине «Острова Погибших Кораблей» Вивиане Кингман: «Венеция?.. Гондольер повез меня по главным каналам, желая показать товар лицом, все эти дворцы, статуи и прочие красоты, которые позеленели от сырости... Но я приказала, чтобы он вез меня на один из малых каналов, — не знаю, верно ли я сказала, но гондольер меня понял и после повторного приказания неохотно направил гондолу в узкий канал. Мне хотелось видеть, как живут сами венецианцы. Ведь это ужас. Каналы так узки, что можно подать руку соседу напротив. Вода в каналах пахнет плесенью, на поверхности плавают апельсиновые корки и всякий сор, который выбрасывают из окон. Солнце никогда не заглядывает в эти каменные ущелья. А дети, несчастные дети! Им негде порезвиться. Бледные, рахитичные, сидят они на подоконниках, рискуя упасть в грязный канал, и с недетской тоской смотрят на проезжающую гондолу. Я даже не уверена, умеют ли они ходить».

И снова — полет. На этот раз — настоящий. В те годы авиация была еще опасным искусством. Немногие рисковали подняться в небо на «этажерках» Фармана, Райта или Блерио, о которых писал Александр Блок:

Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...

Уж в вышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петь...

Как хрупки и ненадежны были эти сооружения из деревянных реек и перкаля! Но зато как чувствовался в них полет! Человек сидел в легком кресле, и стоило чуть повернуться или наклониться — и встречный ветер, обтекавший щиток, превращался во что-то упругое и тугое, в некую удивительную субстанцию двадцатого века.

Потом была Франция: Марсель с черной громадой встающего из моря замка Иф, где томился граф Монте-Кристо, мыс Антиб, Тулуза, Тулон, древняя Лютеция — Париж...

Швейцария — лодки на Женевском озере, пронзительная тишина лозаннских и бернских музеев, библиотек...

Беляев возвращался на родину без гроша в кармане, но с колоссальным запасом впечатлений. Эта поездка представлялась ему первой из множества. Он должен побывать в аргентинской пампе и австралийском буше, в бразильской сельве и мексиканских прериях, в африканских саваннах и на прекрасных островах Южных морей, воспетых на полотнах Гогена... Он еще не знал, что это путешествие было первым — и последним. Что в дальние страны отправятся лишь его герои.

Покачиваясь на подушках пульмановского вагона, он раздумывал о том, что пришла, пожалуй, пора распрощаться со Смоленском. Надо перебираться в Москву. Там — литература, там кипение страстей, течений, мнений; там — театр, по-прежнему манящий и любимый; наконец, там то и дело возникают громкие процессы, а значит, найдет свой заработок и Беляев-юрист. Впрочем, не пора ли кончать с адвокатурой? Пора уже выбирать свое настоящее дело. Театр. Или — литература?

Весной и летом 1914 года Беляев несколько раз ездил в Москву, и не как юрист, а как театральный режиссер, только что поставивший в Смоленске оперу Григорьева «Спящая царевна», как член Смоленского симфонического общества, Глинкинского музыкального кружка, Общества любителей изящных искусств.

В Москве он встречался с Константином Сергеевичем Станиславским, проходил у него актерские пробы. «Если вы решитесь посвятить себя искусству, — сказал на прощание Станиславский,— я вижу, что вы сделаете это с большим успехом». Станиславский не ошибся, хотя Беляев так и не стал профессиональным актером или режиссером. Он все больше склонялся к литературе.

В эти месяцы в детском журнале «Проталинка» появляется его первое художественное произведение — пьеса-сказка «Бабушка Мойра». Может быть, в самом деле пора уже переезжать в Москву?

Но в августе 1914 года разразилась первая мировая война. С переездом пришлось повременить. Пока что Беляев продолжал — теперь уже штатную — работу в «Смоленском вестнике». А в следующем, 1915 году стал его редактором.

И в этом же году на него впервые обрушилась болезнь.

Может быть, виной всему был тот давний ушиб, которым окончилась детская попытка взлететь в небесную глубину. Может быть, врач, который делал пункцию, когда Беляев болел плевритом, неосторожно задел иглой позвонок... Но в диагнозе сошлись все: костный туберкулез.

Беляев писал об этом с мужественным лаконизмом: «С 1916 по 1922 год тяжело болел костным туберкулезом позвонков».

Шесть лет будущий писатель провел в постели. Три года — скованный по рукам и ногам гипсом. Из этих лет и вынес он, наверное, весь пронзительный трагизм профессора Доуэля, лишенного тела, лишенного всего, кроме мимики, движения глаз, речи... Отсюда, вероятно, и ощущения Ихтиандра, который не может жить среди людей, как равный среди равных.

И ко всему этому — ощущение ненужности, брошенности. Врачи рекомендовали перемену климата, и мать увезла его в Ялту, где и прошли все эти тяжкие годы.

И какие годы! Февральская революция и Великий Октябрь, гражданская война... В Крыму кипели события, одна власть сменяла другую. Только после легендарной Перекопской операции окончательно наступил мир. А Беляев все это время лежал, прикованный к постели. Больного, практически безнадежного, бросает его жена. В 1919 году умирает мать, Надежда Васильевна Беляева. По своей или не по своей воле его, кажется, оставляют все. Кто знает, хватило бы сил, если бы не поддержка, дружба, преданность, любовь Маргариты Константиновны Магнушевской — будущей жены Беляева.

Все эти годы он много, очень много читал — всегда, пока был в состоянии. И немалое место в чтении этом занимала научная фантастика. В основном, конечно, переводная — своей, отечественной, было пока очень мало. Нет, он еще не решил заняться этой областью литературы. Это придет потом. Но тот прежний, детский интерес теперь возродился и окреп.

Только в 1922 году Беляев наконец смог возвратиться к активной жизни. Силы, правда, вернулись не полностью, болезнь еще не была побеждена (победить ее так и не удастся, в конце концов одолеет она...). Но недуг отступил, а это было уже немало.

И Беляев сразу же включается в жизнь. Он работает инспектором по делам несовершеннолетних в Ялтинском уголовном розыске, потом — воспитателем в расположенном неподалеку от Ялты детском доме.

А год спустя сбывается давняя его мечта: Беляев вместе со своей женой Маргаритой Константиновной переезжает в Москву.

На первых порах думать о литературной работе не приходится. О театре из-за болезни и вовсе надо было забыть. Он поступает в организацию, казалось бы, крайне далекую от обычных его интересов, — в Наркомпочтель, Народный комиссариат почт и телеграфа. Некоторое время спустя Беляев стал юрисконсультом в Наркомпросе — Народном комиссариате просвещения. Но чем бы ни занимался он по долгу службы, как бы честно и рьяно ни относился к своим обязанностям, оставались еще вечера в маленькой, сырой комнатке в Лялином переулке. И этими вечерами медленно рождался писатель-фантаст Александр Беляев.

Наступил 1925 год. В Москве стал выходить журнал «Всемир-

ный следопыт». На его страницах сразу же начали появляться любимые читателями самых разных возрастов и профессий приключенческие и научно-фантастические повести и рассказы. В одном из первых номеров журнала был опубликован рассказ Александра Беляева «Голова профессора Доуэля». Да-да, именно рассказ, а вовсе не тот всем нам сегодня известный роман. Это пока еще была проба пера, проба сил. Но проба удачная — рассказ читателям понравился. И Беляев стал развивать успех.

Уже в следующем году вышел первый сборник его научно-фантастических рассказов «Голова профессора Доуэля» (1926), куда вошли также и первые новеллы вагнеровского цикла: «Человек, который не спит» и «Гость из книжного шкапа».

Но не только фантастика привлекала в те поры Беляева. Его литературные интересы определились еще не до конца. В том же году увидела свет и другая его книга — «Современная почта за границей» (1926). Сегодня ее причислили бы к научно-художественному жанру. За ней последовал «Спутник письмоносца» (1927) — специальная инструктивная книга. В это же время печатаются в различных журналах реалистические рассказы Беляева: «В киргизских степях», «Среди одичавших коней», «Три портрета», «Страх».

И все-таки фантастика прежде всего. Одно за другим в том же «Всемирном следопыте» публикуются новые и новые произведения: «Ни жизнь, ни смерть» (1926), «Белый дикарь» (1926), «Идеофон» (1926), кинорассказ «Остров Погибших Кораблей» (1926).

Жизнь Александра Беляева наконец определилась. Он не меняет больше профессий, не путешествует... Зато много работает за письменным столом.

5

У Беляева было как бы три жизни. Первая — от рождения и до начала писательской работы. В той жизни были яркие события, поездки, действия, судебные процессы, роли в спектаклях, режиссура, журналистика, путешествия и увлечения...

Вторая — внешне не столь броская. Она протянулась на те шестнадцать с небольшим лет, что еще осталось ему прожить. И в ней была прежде всего работа — упорная, бесконечная, тяжкая, но очень благодарная работа над словом, над сюжетами, над идеями своих произведений. Были встречи с писателями, учеными, инженерами, просто читателями — интересными, удивительными людьми...

Эти две жизни словно уравновешивали одна другую. Во второй было больше динамики внутренней. Вынужденно ограниченную подвижность больного человека словно возмещали судьбы, путешествия, приключения его героев. Герои Беляева обошли все моря и материки и даже покидали родную планету.

И еще была третья жизнь. Но о ней разговор впереди.

Первые три года своей писательской деятельности Александр Беляев провел в Москве. Здесь были его журналы, — в первую очередь «Всемирный следопыт» и «Вокруг света». Но потом, в конце 1928 года переехал в Ленинград. Он вообще любил менять обстановку, менять места жительства. Он не только переезжал из города в город, но и в том же самом городе с удовольствием менял крышу над головой. Маргарита Константиновна Беляева вспоминала, как не раз, вернувшись домой, она вдруг слышала: «А мы скоро переезжаем. Я новую квартиру нашел...»

Порой эта охота к перемене мест оказывалась невольной. Так, в 1929 году из-за обострения болезни врачи снова посоветовали переменить климат. Беляевы всей семьей, вместе с четырехлетней дочерью Людмилой и родившейся в этом году Светланой переселились в Киев.

Писательская жизнь не стала проще. Возникли трудности с переводами на украинский язык, тиражи местных изданий были невелики, стало быть, уменьшились гонорары, а ведь надо было кормить семью... Правда, однажды украинский язык сохранил роман Беляева «Чудесное око». Впервые произведение было напечатано по-украински, и потом издавалось уже в переводе на русский, так как рукопись оказалась утраченной.

Выручали сохранившиеся связи с редакциями и издательствами Москвы и Ленинграда. Но все-таки это было довольно сложно. И как только здоровье позволило, в 1931 году Беляевы вернулись в Ленинград. На этот раз уже навсегда, если не считать последнего «микропереезда» в 1938 году под Ленинград, в Детское Село (ныне г. Пушкин). Здесь, в просторной квартире на Первомайской улице, прошли последние годы жизни писателя.

В те времена в Детском Селе образовалось нечто вроде литературной колонии. Тут подолгу жили Алексей Толстой, Ольга Форш, Вячеслав Шишков, Юрий Тынянов. Все они постоянно сотрудничали в местной газете «Большевистское слово». С первых же дней жизни в Пушкине Александр Беляев стал еженедельно печатать в «Большевистском слове» очерки, фельетоны, рассказы... Последняя его статья была опубликована в первые дни Великой Отечественной войны, 26 июня 1941 года.

Все эти годы Беляев тяжело болел. В 1940 году ему сделали операцию на почках — по тому времени тяжелую и трудную. По просьбе Беляева ему разрешили следить в зеркале за ходом операции: писателю было нужно видеть и знать все.

Откуда только черпал он силы? Силы не только для бесконечной своей работы, но и для того, чтобы отдавать их окружающим. Каждую неделю приходили пионеры: Беляев вел у них драматический кружок, помогал инсценировать «Голову профессора Доуэля»... На все и на всех хватало энергии у этого неистощимого человека! К нему наведывались друзья. Его посещали читатели и почитатели. К нему приходили коллеги. Одной из таких встреч ленинградский поэт Всеволод Азаров посвятил стихотворение, опубликованное много лет спустя газетой «Вперед» (так называется теперь «Большевистское слово»):

Мне эту встречу вспоминать не трудно,
Соединяя с нынешним сейчас,
А он, ведя корабль высокотрубный,
Какой ценой в грядущем видел нас?

И не легко жилось ему, пожалуй,
И одобренье редко слышал он,
Но никогда не доходил до жалоб,
В свои предначертания влюблен.

И называл себя он инженером,
Конструктором идей грядущих лет,
А свой талант ценил он скромной мерой
И признавался мне: «Я не поэт».

Но он поэтом был тогда и ныне,
Нам дорог звездный свет его дорог
И юноша, плывущий на дельфине,
Трубящий звонко в свой волшебный рог!

Но все-таки силы постепенно таяли. Из-за болезни Александра Романовича Беляевы не смогли эвакуироваться, когда стало уже ясно, что отстоять город не удастся. 6 января 1942 года в оккупированном фашистами Пушкине умер великий писатель-фантаст Александр Беляев.

6

Беляев ушел из жизни, может быть, не думая о том, что с его именем свяжут целую эпоху советской научной фантастики. Между тем дело обстояло именно так.

Ранние произведения Александра Беляева появились в середине двадцатых годов, почти одновременно с «Гиперболоидом инженера Гарина» Алексея Толстого; последний роман печатался уже во время Великой Отечественной войны. Порой его называют «советским Жюлем Верном». И не случайно: Беляева роднит с великим французом активный гуманизм и энциклопедическая разносторонность творчества, вещественность вымысла и дисциплинированное художественное воображение. Подобно Жюлю Верну, он умел на лету подхватить идею, едва зародившуюся на переднем крае знания. Даже его приключенческие книги нередко насыщены прозорливыми предвидениями. Например, в романе «Борьба в эфире» (1928) читатель получал представление о радиокомпасе и радиопеленгации, о передаче энергии без проводов и объемном телевидении, о лучевой болезни и акустическом оружии, об искусственном очищении организма от токсинов усталости и улучшении памяти, об экспериментальной разработке эстетических норм и многом другом. Иные из этих изобретений и открытий сегодня уже претворены в жизнь, другие лишь начинают обретать черты реальности, третьи не утратили свежести научно-фантастической идеи.

В шестидесятых годах известный американский физик Лео Сциллард опубликовал научно-фантастический рассказ «Фонд Марка Гейбла», удивительно напоминающий один из первых беляевских рассказов «Ни жизнь, ни смерть». Сциллард использовал ту же самую проблему — анабиоз и пришел к такой же, как у Беляева, парадоксальной коллизии: капиталистическое государство у него тоже замораживает «до лучших времен» резервную армию безработных. Беляев физиологически грамотно определил явление: ни жизнь, ни смерть — и угадал в нем главное — глубокое охлаждение организма. Академик В. Парин имел основания говорить, что прежде чем проблемой анабиоза занялись ученые, ее основательно разработали писатели-фантасты.

Тайна беляевского мастерства не только в поэтическом воплощении научной гипотезы, но и в том, что писатель тонко чувствует ее внутреннюю красоту и оттого с такой изящной убедительностью превращает в идею художественную. Он утвердил в молодом жанре советской литературы уважение к научной мысли, как плодотворному источнику искусства. Уже Жюль Верн старался сообщать научные сведения в таких эпизодах, где они легко увязывались бы с приключениями. Беляев делает следующий шаг. Он включает научный материал в размышления и переживания своих героев, превращает в мотивировку их намерений и поступков.

Когда доктор Сорокин в романе «Человек, потерявший свое лицо» объясняет Тонио Престо содружество гормональной и нервной систем как своего рода «рабочее самоуправление» организма, в противовес точке зрения о «самодержавии мозга» («Монархам вообще не повезло в двадцатом веке», — мимоходом замечает он), эта образная информация и психологически подготавливает пациента к необычному лечению, и предвосхищает бунт знаменитого комика против самодержавной американской демократии. Научно-фантастический домысел насчет превращения уродца карлика в красавца атлета сразу же делается пружиной и приключенческого сюжета, и человеческой драмы, и социальной борьбы, в которую неожиданно увлекло киноактера невинное желание понравиться ослепительной партнерше. Научно-фантастическая посылка у Беляева не просто отправная точка занимательной истории, но и первооснова художественной структуры, источник поэзии. Оттого лучшие романы Беляева столь цельны и закончены, оттого сохраняют они поэтическую свежесть и тогда, когда научная основа устаревает.

7

Неистребимый интерес Беляева к неведомому всегда искал опору в факте, в логике познания, приключения не служат, главным образом, занимательной канвой. Впрочем, и вымышленная фабула нередко отталкивается у него от факта. Толчком к созданию романа «Последний человек из Атлантиды» (1926) послужила, например, вырезка из французской газеты: «В Париже организовано общество по изучению и эксплуатации Атлантиды». Беляев заставил экспедицию разыскать в глубинах Атлантики останки этой легендарной цивилизации, восстановить историю предполагаемого материка. Материал писатель почерпнул из книги Р. Девиня «Атлантида, исчезнувший материк», русский перевод которой вышел в 1926 году. Беляева увлекла мысль французского автора: «Необходимо... найти священную землю, в которой спят общие предки древнейших наций Европы, Африки и Америки». Роман развертывается как фантастическое воплощение этой действительно большой и благородной задачи. Девинь очень живо реконструировал легендарную страну, спор о самом существовании которой не решен и по сей день. В известном смысле это была уже готовая научно-фантастическая обработка легенды, и Беляев воспользовался ее фрагментами. Он подверг текст литературной редактуре, а некоторые незаметные у Девиня частности развернул в целые образы. Девинь упоминал, например, что на языке древних племен Америки (предполагаемых потомков атлантов) Луна называлась Сель. У Беляева имя Сель носит прекрасная девушка.

Беляев сохранил стремление ученого-популяризатора не отрываться от научных источников. Девинь, например, связывал с Атлантидой легенду о золотых храмовых садах, по преданию, укрытых от опустошительного вторжения испанских конкистадоров в недоступные горные страны Южной Америки. Беляев поместил эти сады в свою Атлантиду. Была или не была Атлантида, были или не были сады, где листья вычеканены из золота, но достоверно известно, что высокая культура обработки металлов уходит в глубочайшую древность.

При всем том Беляев, писал известный атлантолог Н. Ф. Жиров, «ввел в роман много своего, особенно — использование в качестве скульптур горных массивов». В его романе столица атлантов

построена на гигантской ладони бога Солнца, изваянного в цельном горном кряже. По словам Жирова, Беляев тем самым «предвосхитил открытие» его «перуанского друга, д-ра Даниэля Руссо, открывшего в Перу гигантские скульптуры, напоминающие беляевские (конечно, меньших масштабов)». Это частность, конечно, хотя по-своему примечательная.

Существенней, что Беляев, в отличие от Девиня, нашел социальную пружину сюжета. У Девиня к веслам армады, которая покидает гибнущую Атлантиду, прикованы каторжники, у Беляева — рабы. Писатель-фантаст сдвинул события на тысячелетия вперед. Атлантида в его романе — сердце колоссальной империи вроде тех, что много позднее создавались завоеваниями Александра Македонского, римскими цезарями, Чингисханом. Но если Атлантида все-таки была, ее могущество не могло не опираться на рабовладельческий строй. Геологическая катастрофа развязывает в романе Беляева клубок противоречий, в центре которого восстание угнетенных. Приключения одного из вожаков восстания, царского раба Адиширны-Гуанча, гениального создателя золотых садов, любовь к царской дочери Сели, драматические картины гибели целого материка в морской пучине, приводят читателя к берегам Старого Света, куда прибило корабль с единственным уцелевшим атлантом.

Странный пришелец учил белокурых варваров добывать огонь, обрабатывать землю, рассказывал «чудесные истории о Золотом веке, когда люди жили... не зная забот и нужды». Может быть, легенда об Атлантиде — не только литературное сочинение древнегреческого писателя Платона, не только фантастическое украшение Платоновa проекта идеального государства? Может быть, мы — наследники еще неизвестных, неразгаданных працивилизаций, пусть и не Атлантической, а какой-то другой? Полусказочные приключения героев Беляева ведут читателя к этой мысли. Ее высказывал Валерий Брюсов, она увлекла Алексея Толстого (рассказы об Атлантиде в романе «Аэлита»). Она созвучна современным открытиям археологии и антропологии, которые отодвигают истоки современного человечества в гораздо более глубокое прошлое, чем казалось еще недавно.

Связь между «Последним человеком из Атлантиды» Беляева и книгой Девиня, когда одно произведение выступает как бы вариацией на тему другого, — прием, в литературе давно известный и широко распространенный. Достаточно вспомнить, что к нему едва ли не в каждом своем произведении прибегал Уильям Шекспир. Каждому с детства знакомы приключения забавного деревянного мальчишки Буратино, написанные Алексеем Толстым по мотивам «Приключений Пиноккио» Карло Коллоди. Беляев тоже пользовался таким приемом неоднократно, особенно в начале своего творческого пути, повторяя своих предшественников, но зачастую изменяя литературный источник до полной противоположности.

В рассказе «Белый дикарь» (1926), написанном под влиянием американца Эдгара Райса Берроуза, чьи романы о воспитанном обезьянами человеке Тарзане пользовались в двадцатые годы шумным успехом, Беляев приходит к совершенно иному финалу. Сталкивая своего «белого дикаря» с современным капиталистическим миром, его людьми и законами, он судит тем самым этот мир — мысль, которая не приходила Берроузу в голову.

Отправной точкой для романа «Остров Погибших Кораблей» послужил американский кинобоевик, название которого история нам не сохранила. В первом варианте произведение Беляева носило даже

подзаголовок «фантастический кинорассказ». Но использовал писатель только общую канву мелодраматического фильма с погонями, стрельбой, гангстерами и сыщиками. И по этой канве вывел узор собственного познавательного и романтического сюжета.

В начале двадцатых годов в русском переводе появился рассказ французского писателя Мориса Ренара «Новый зверь» (в оригинале он назывался «Доктор Лерн»). Речь в нем шла о пересадке человеческого мозга быку. Ситуация эта понадобилась автору только для того, чтобы «закрутить» приключенческий сюжет. Беляев подхватил идею Ренара. В рассказе «Хойти-Тойти» (1930) профессор Вагнер пересаживает слону мозг своего погибшего ассистента. Но Беляеву важны не только приключения слоночеловека (хотя их тоже хватает). Главное для писателя — гуманистическая идея о возможности продления человеческой жизни, пусть даже таким необычайным способом.

8

Использовал мотивы предшественников Беляев и в одном из наиболее известных своих романов «Человек-амфибия» (1926). На этот раз он шел по стопам французского писателя Жана де ля Ира. Вот как пересказывал сюжет его романа «Нктанэр и Монзетта» Валерий Брюсов. Юноша, которому легкие заменили пересаженные жабры акулы, «мог жить под водой. Целая организация была образована, чтобы с его помощью поработить мир. Помощники «человека-акулы» в разных частях земного шара сидели под водой в водолазных костюмах, соединенных телеграфом. Подводник... навел панику на весь мир. Благодаря помощи японцев человек-акула был захвачен в плен; врачи удалили у него из тела жабры акулы, он стал обыкновенным человеком, и грозная организация распалась».

Беляев полностью переосмыслил сюжет Жана де ля Ира, сохранив лишь Ихтиандра (Иктанэра) — юношу с жабрами акулы. В остальном же он написал совершенно новый роман. Ихтиандр — не угроза миру, не кандидат в мировые диктаторы. Наоборот, он жертва капиталистического общества, жертва церковников, и судьба его глубоко трагична.

В романе Беляева главное — это человеческая судьба Ихтиандра и человеческая цель экспериментов профессора Сальватора. Гениальный врач «искалечил» индейского мальчика не в сомнительных интересах чистой науки, как «поняли» в свое время Беляева некоторые критики. На вопрос прокурора, каким образом пришла ему мысль создать человека-рыбу, профессор отвечал: «Мысль все та же — человек не совершенен. Получив в процессе эволюционного развития большие преимущества по сравнению со своими животными предками, человек вместе с тем потерял многое из того, что имел на низших стадиях животного развития... Первая рыба среди людей и первый человек среди рыб, Ихтиандр не мог не чувствовать одиночества. Но если бы следом за ним и другие люди проникли в океан, жизнь стала бы совершенно иной».

Нельзя не сочувствовать Сальватору, как бы ни были спорны его идеи с точки зрения моральной и медико-биологической, как бы ни были утопичны они в мире классовой ненависти. Не следует, однако, смешивать позицию Сальватора с позицией автора, хотя и сам Сальватор, мечтая осчастливить человечество, знал цену миру, в котором живет. «Я не спешил попасть на скамью подсудимых, — объяснял он причину «засекреченности» своих опытов, — ... я опасался, что мое изобретение в условиях нашего общественного строя

принесет больше вреда, чем пользы. Вокруг Ихтиандра уже заня-
лась борьба... Ихтиандра отняли бы, чего доброго, генералы и
адмиралы, чтобы заставить человека-амфибию топить военные ко-
рабли. Нет, я не мог Ихтиандра и ихтиандров сделать общим до-
стоянием в стране, где борьба и алчность обращают высочайшие
открытия в зло, увеличивая сумму человеческого страдания».

Роман привлекает не только социальной остротой драмы Саль-
ватора и Ихтиандра. Сальватор близок нам и своей революционной
мыслью ученого. «Вы, кажется, приписываете себе качества всемо-
гущего божества?» — спросил его прокурор. Да, Сальватор «при-
своил» — не себе, науке! — божественную власть над природой.
И пусть в будущем человек поручит переделку себя, скорее всего,
не скальпелю хирурга, — важно само покушение Сальватора, вто-
рого отца Ихтиандра, на «божественное» естество своего сына. За-
слуга Беляева в том, что он выдвинул идею вмешательства в
«святая святых» — человеческую природу и зажег ее поэтическим вдох-
новением. Животное приспосабливается к среде. Человек приспо-
сабливает среду к себе. Но высшее развитие разума — усовершен-
ствование себя. Социальное и духовное развитие общества откроет
дверь и биологическому совершенствованию. Так читается сегодня
роман «Человек-амфибия».

Мысль о всемогуществе науки у Беляева неотделима от захва-
тывающих приключений, от поэтичных картин вольного полета Их-
тиандра в безмолвии океанских глубин. Продолжая жюль-верновс-
кую романтику освоения моря, Беляев приобщает нас к иному,
революционному мироотношению. Но и сама по себе эта фантасти-
ческая романтика имела художественно-эмоциональную и научную
ценность: скольких энтузиастов подвигнул роман Беляева на освое-
ние голубого континента!

Ныне разрабатывается сразу несколько программ проникновения человека в гидрокосмос. Еще недавно исследователи беляевского творчества писали, что нынешние «люди-амфибии» — аквалангисты — осуществили мечту о приходе человека в океан. Но это не совсем так.

В 1959 году профессор физиологии Лейденского университета Иоханнес Кильстра поставил серию опытов на мышах и собаках, заставляя их дышать перенасыщенной кислородом водой. Исследуются и другие пути «амфибизации» — предварительное насыщение кислородом не окружающей воды, как в опытах Кильстра, но самого организма; извлечение кислорода из окружающей воды посредством особых пленок-мембран. В 1962 году патриарх акванавтики Жак-Ив Кусто на Втором международном конгрессе по подводным исследованиям заявил, что, по его мнению, через полвека сформируются новые люди, приспособленные к жизни под водой. Это будет достигнуто с помощью союза инженера и врача. Акванавтам будут вживлены миниатюрные аппараты, вводящие кислород непосредственно в кровь и удаляющие из нее углекислый газ. Легкие и все полости костей будут заполнены нейтральной несжимаемой жидкостью, а дыхательные центры заторможены. «Я вижу новую расу Гомо Акватикус — грядущее поколение, рожденное в подводных поселках и окончательно приспособившееся к новой окружающей среде», — сказал Кусто. Один из первых подводных домов — прообразы грядущих поселков, о которых мечтает Кусто, были сооружены в крымской бухте Ласпи. Дома эти назывались «Ихтиандр-66», «Ихтиандр-67» и так далее. И сооружали их члены клуба аквалангистов «Ихтиандр». Символично, не правда ли?

Нельзя не вспомнить, что подводный поселок впервые был описан опять-таки в романе Александра Беляева. Только уже не в «Человеке амфибии», а в «Подводных земледельцах» (1930).

9

Мысль о несовершенстве человеческой природы волновала Беляева глубоко лично. С нее, как мы помним, и начиналось творчество писателя-фантаста. Сейчас журналисты чуть ли не с удивлением восклицают: «До Барнарда был... Доуэль!» (кейптаунский врач Кристиан Барнард первым осуществил в 1967 году пересадку сердца). А ведь в свое время Беляева обвиняли в отсталости! «Рассказ «Голова профессора Доуэля», — отвечал он на упреки литературной критики, — был написан мною, когда еще не существовало опытов не только С. С. Брюхоненко, но и его предшественников по оживлению изолированных органов. Сначала я написал рассказ, в котором фигурирует лишь оживленная голова. Только при переделке рассказа в роман я осмелился на создание двуединых людей (голова одного человека, привитая к туловищу другого. — *А. Б.*) ...И наиболее печальным я нахожу не то, что книга в виде романа издана теперь, а то, что она только теперь издана. В свое время она сыграла бы, конечно, большую роль...»

Беляев не преувеличивал. Хотя и у этого романа были литературные предшественники (новелла немецкого писателя Карла Грунерта «Голова мистера Стейля»), вдохновлялся фантаст экспериментами отечественных ученых. Роман «Голова профессора Доуэля» обсуждался в Первом ленинградском медицинском институте. Ценность его состояла, конечно, не в хирургических рекомендациях, да их там и нет, а в смелом задании науке, заключенном в этой метафоре: голова, которая продолжает жить; мозг, который не перестает мыслить, когда тело уже разрушилось. В трагическую историю профессора Доуэля Беляев вложил оптимистическую идею бессмертия человеческой мысли.

Фантастическая идея «Головы профессора Доуэля» и поныне используется в десятках научно-фантастических произведений, но уже на качественно новом уровне, подсказанном развитием кибернетики.

В новелле А. и Б. Стругацких «Свечи перед пультом» (1960) сознание умирающего ученого переносят в искусственный мозг. С последним вздохом человека заживет его индивидуальностью, его научным темпераментом биокибернетическая машина. Непривычно, страшновато и пока — сказочно.

Роман Беляева ценен не только тем, что привлек и продолжает привлекать внимание к волнующей научной задаче. Сегодня, может быть, еще важней, что Беляевым были хорошо разработаны социальные, психологические, нравственные, этические аспекты такого эксперимента. Академик Н. Амосов как-то сказал, что если бы не было иного выхода, он ради того, чтобы сохранить счастье мыслить, смирился бы с вечной неподвижностью изолированной головы. Задача создания двуединого организма порождает еще более сложные нравственные вопросы. Романы Беляева как бы заблаговременно ставили их на широкое обсуждение.

Внутренний мир человека тоже интересовал Беляева как объект научной фантастики. В романе «Властелин мира» (1926) Штирнер вторгается в этот внутренний мир с помощью своей внушающей

машины, заставляет женщину полюбить его, подчиняет своей воле людей в борьбе за власть. Фантастическое изобретение позволило писателю построить динамичный сюжет, создать захватывающие ситуации. Однако фабульная роль «внушающей машины» — не самая главная. Последняя часть романа — апофеоз мирного, гуманного применения внушения. Бывший кандидат в Наполеоны уснул, склонив голову на гриву льва: «Они мирно спали, даже не подозревая о тайниках их подсознательной жизни, куда сила человеческой мысли загнала все, что было в них страшного и опасного для окружающих». Этими строками завершается роман. «Нам не нужны теперь тюрьмы», — говорит советский инженер Качинский. Его прообразом послужил Б. Кажинский, проводивший вместе с известным дрессировщиком В. Дуровым (в романе Дугов) опыты по изменению психики животных. Раскаявшись, Штирлер с помощью своей машины внушил себе другую, неагрессивную индивидуальность, забыл преступное прошлое. Бывшие враги стали вместе работать над передачей мысли на расстояние, чтобы помогать рабочим объединять усилия, артистам и художникам — непосредственно сообщать образы зрителям и слушателям. Мысленепередача у Беляева — инструмент нравственного воспитания человека и совершенствования общества.

В романе «Человек, потерявший лицо» (1929) нарисована захватывающая перспектива искусственного воздействия на железы внутренней секреции. Но его герою, талантливому комику Тонио Престо, избавление от физической неполноценности приносит только несчастье. Красавицу кинозвезду, которую полюбил Тонио, интересовало лишь громкое имя уморительного карлика. Кинофирмам нужно было лишь его талантливое уродство. И когда Тонио обрел совершенное тело — он перестал быть капиталом. Его человеческая душа оказалась никому не нужна. Измененная внешность отняла у него даже права юридического лица: его не признают за Тонио Престо.

Правда, он сумел отомстить своим гонителям. Во главе разбойничьей шайки Тонио с помощью препаратов доктора Сорокина расправляется с прокурором, судьей, превращает губернатора штата в негра, чтобы заядлый расист на собственной шкуре испытал все прелести расовой дискриминации. Но такой финал, в духе истории о благородном разбойнике, не удовлетворял писателя.

Беляев переделал роман, возвысив Тонио до социальной борьбы. Актер становится режиссером, постановщиком разоблачительных фильмов, ведет борьбу с Голливудом. Новый роман — уже не о жертве общества, а о борьбе за справедливость — Беляев назвал «Человек, нашедший свое лицо» (1940).

В произведениях, которые условно (по существу, они глубже и шире) можно отнести к биологической фантастике, Беляев высказал, может быть, свои самые смелые и оригинальные идеи. Но и здесь он был связан научным правдоподобием. А в голове его теснились идеи и образы, не укладывавшиеся ни в какие возможности науки и техники. Не желая компрометировать молодой жанр научной фантастики, писатель замаскировал свою дерзость юмористическими ситуациями, шутливым тоном. Заголовки вроде «Ковер-самолет», «Творимые легенды и апокрифы», «Чертова мельница» как бы заранее отводили упрек в профанации науки. Небольшие новеллы избавляли от необходимости детально обосновывать те или иные гипотезы: сказочная фантастика просто не выдержала бы серьезного обоснования. Здесь велся вольный поиск, не ограничен-

...научно-фантастической традицией. В этих шутливых рассказах Беляев словно спорил с собой, испытывал сомнением саму науку, здесь начиналась та фантастика без берегов, с которой, вероятно, хорошо знаком современный читатель...

10

Все изобретения профессора Вагнера — волшебные. А сам Вагнер среди беляевских героев — личность особенная. Он наделен сказочной властью над природой. Он перестроил свой организм так, чтобы выводить токсины усталости и в бодрствующем состоянии, научился читать две книги одновременно, мыслить раздельно каждым полушарием головного мозга и так далее («Человек, который не спит»). Он пересадил слону мозг своего погибшего ассистента («Хойти-Тойти»), сделал проницаемыми материальные тела и сам теперь проходит сквозь стены («Гость из книжного шкапа»). И этот Мефистофель нашего времени пережил революцию и принял Советскую власть. «Никогда еще, — говорил Вагнер ее врагам, — столько научных экспедиций не бороздило вдоль и поперек великую страну... Никогда самая смелая мысль не встречала такого внимания и поддержки... А вы?..»

Из фантастических юморесок вырастает образ не менее значительный, чем гуманист Сальватор («Человек-амфибия») или антифашист Лео Цандер («Прыжок в ничто»). Немножко, может быть, автобиографичный и в то же время — сродни средневековому алхимику. В иных эпизодах профессор Вагнер выступает чуть ли не бароном Мюнхгаузеном. А другие настолько правдоподобны, что напоминают о вполне реальных энтузиастах-ученых тех трудных послереволюционных лет. И это, между прочим, помогает нам, современным читателям, слой за слоем снимать с вагнеровских чудес маскирующие вуали юмора и приключенчества. Сложный сплав сказки с научной фантазией дает нам почувствовать какую-то долю возможного в невозможном. Мол, не таится ли в такой вот научной сказке зародыш подлинного открытия? Фигура Вагнера возникла у Беляева, чтобы замаскировать и в то же время высказать эту мысль. Иначе трудно понять, почему Вагнер выступает героем целого цикла новелл, трудно подыскать другое объяснение тому, что автор добротных научно-фантастических произведений обратился вдруг к такой фантастике.

«Изобретения профессора Вагнера» были как бы штрихами новой картины знания, которая еще неотчетливо проглядывала за классическим профилем науки начала XX века. Фигура Вагнера запечатлела возвращение фантастической литературы — после жюльверновских ученых-чудаков и практичных ученых Уэллса — к каким-то чертам чародея чернокнижника. Таинственное его всемогущество сродни духу науки нашего века, замахнувшейся на «здравый смысл» минувшего столетия. Открывая относительность аксиом старого естествознания, современная наука развязывала поистине сказочные силы, равно способные вознести человека в рай и низвергнуть в ад. Беляев уловил, хотя вряд ли до конца осознавал, драматизм Вагнеров, обретших такое могущество.

В творчестве Беляева нашла продолжение традиция сатирической фантастики Алексея Толстого и, может быть, Маяковского. Автор «Прыжка в ничто» и «Продавца воздуха», «Острова Погибших Кораблей» и «Человека, потерявшего свое лицо», «Отворотного средства» и «Мистера Смеха» владел широким спектром смешного — от мягкой улыбки до ядовитой иронии. Писатель часто переосмыслял юмористические образы и коллизии в фантастические, фантастические — в сатирические и разоблачительные. Многие страницы его романов и рассказов запечатлели несомненное дарование сатирика, по природе близкое фантастике. Некоторые образы капиталистов близки персонажам памфлетов Горького, направленных против служителей Желтого Дьявола. Беляев внес свою лепту в формирование на русской национальной почве фантастического романа-памфлета. Л. Лагин в романе «Патент АВ» шел по следам биологической гипотезы, использованной Беляевым в двух романах о Тонио Престо. Однако в отличие от Лагина для Беляева фантастическая идея представляла самостоятельную ценность. Он и в сатирическом романе не удовлетворялся использованием научной фантастики в качестве простого «сюжетоносителя». В романе «Прыжок в ничто» сатира неотделимо переплелась с научной фантастикой. Капиталисты возвышенно говорят здесь о своем бегстве на другие планеты, как о спасении «чистых» от революционного потопа, нарекают свою ракету ковчегом .. Святой отец, отбирая лимитированный центнер багажа, отодвигает в сторону пищу духовную и набивает сундук гастрономическими соблазнами. Попытка «чистых» — финансовых воротил и светских бездельников, церковников и реакционного философа-романтика — основать на «обетованной» планете библейскую колонию потерпела позорный крах. Перед нами кучка дикарей, готовых вцепиться друг другу в глотку из-за горстки бесполезных здесь, на Венере, драгоценных камней.

Наконец, Беляев сделал саму природу смешного объектом научно-фантастического исследования. Герой рассказа «Мистер Смех» (1937) Спольдинг, изучающий перед зеркалом свои гримасы, — это отчасти и сам Беляев, каким он запечатлен на шутливых фотографиях из семейного альбома (эти фотографии опубликованы в восьмом томе Собрания сочинений, изданного в 1963—1965 гг. издательством «Молодая гвардия»).

Спольдинг научно разработал психологию смеха и добился мировой славы, но в конце концов сам оказался жертвой собственного искусства. «Я анализировал, машинизировал живой смех. И тем самым я убил его... И я, фабрикант смеха, сам больше уже никогда в жизни не буду смеяться». Впрочем, на самом деле драма сложнее: «Спольдинга убил дух американской машинизации», — заметил врач.

В этом рассказе Беляев выразил уверенность в возможности изучения эмоциональной жизни человека на самом сложном ее уровне. Размышляя об «аппарате, при помощи которого можно было бы механически фабриковать мелодии; ну, хоть бы так, как получается итоговая цифра на арифмометре», писатель в какой-то мере предугадал возможности современных электронных вычислительных машин (известно, что ЭВМ «сочиняют» музыку и стихи).

Художественный диапазон Беляева многообразен — от полусказочного цикла о волшебствах профессора Вагнера до серии ро-

манов, повестей, этюдов и очерков, популяризирующих крупные научные идеи. Может показаться, что в этой второй линии своего творчества Беляев был предтечей фантастики «ближнего прицела». Но он не прятался за науку официальную, признанную. Он популяризировал, например, космические проекты Циолковского, которые считались тогда несостоятельными, едва ли не сказочными. Циолковский на десятилетия опередил свое время, — и не столько технические возможности, сколько узкие представления о целесообразности, о необходимости для человечества того или иного изобретения. И вот это второе, человеческое, лицо его замыслов писатель-фантаст Беляев разглядел куда лучше иных специалистов.

Например, цельнометаллический дирижабль Циолковского — надежный, экономичный, долговечный — до сих пор бороздит воздушный океан лишь в романе Беляева. Правда, в последние годы интерес к дирижаблестроению вырос. В разных странах появились уже современные воздушные корабли, созданные с применением новейших синтетических материалов и оснащенные ЭВМ. Возможно, не за горами и тот день, когда в первый полет отправится цельнометаллический дирижабль, построенный по идеям Циолковского.

Роман «Воздушный корабль» начал печататься в журнале «Вокруг света» в конце 1934 года. Вскоре редакция получила письмо из Калуги: «Рассказ... остроумно написан и достаточно научен для фантазии. Позволю себе изъявить удовольствие тов. Беляеву и почтенной редакции журнала. Прошу тов. Беляева прислать мне наложенным платежом его другой фантастический рассказ, посвященный межпланетным скитаниям, который я нигде не мог достать. Надеюсь и в нем найти хорошее...».

Это был роман «Прыжок в ничто» (1933). В предисловии ко второму его изданию знаменитый ученый писал, что роман Беляева представляется ему «наиболее содержательным и научным» из всех известных тогда произведений о космических путешествиях. А обращаясь к Беляеву, добавлял (цитируем сохранившийся в архиве набросок письма): «Что касается до посвящения его мне, то я считаю это Вашей любезностью и честью для себя».

Поддержка окрылила Беляева. «Ваш теплый отзыв о моем романе, — отвечал он, — придает мне силы в нелегкой борьбе за создание научно-фантастических произведений». Циолковский консультировал второе издание «Прыжка в ничто», входил в детали. «Я уже исправил текст согласно Вашим замечаниям, — сообщал Беляев в другом письме. — Во втором издании редакция только несколько облегчает «научную нагрузку» — снимает «Дневник Ганса» и кое-какие длинноты в тексте, которые, по мнению читателей несколько тяжелы для беллетристического произведения». «Расширил и третью часть романа — на Венере, — введя несколько занимательных приключений, с целью сделать роман более интересным для широкого читателя». «При исправлении по Вашим замечаниям я сделал только одно маленькое отступление: Вы пишете: «Скорость туманностей около 10000 километров в сек.», — это я внес в текст, но дальше пишу, что есть туманности и с бо́льшими скоростями...»

Отступление, впрочем, было не только в этом. Беляев не принял совет Циолковского снять упоминание о теории относительности и вытекающем из нее парадоксе времени (когда время в ракете, несущейся со скоростью, близкой к скорости света, замедляется по отношению к земному).

Популяризируя, писатель, как видим, не исключал спорного и выдвигал свои, ни у кого не заимствованные, фантастические идеи. Известный популяризатор науки Перельман, например, осуждал Беляева за то, что в «Прыжке в ничто» ракету намереваются разогнать до субсветовой скорости при помощи чересчур «проблематической для технического пользования» внутриатомной энергии. Но Беляев смотрел в будущее: без столь мощной энергетической установки, как ядерный двигатель, невозможны дальние космические полеты. Современная наука настойчиво ищет в этом направлении, а что касается современной научной фантастики, то она давно уже оснастила ядерными установками свой звездный флот. Беляев оптимистичнее Циолковского оценил и сроки выхода человека в космос. Как он и предсказывал, первые орбитальные полеты были осуществлены младшими современниками Циолковского. Сам же ученый, до того как он нашел возможность обойтись без водородо-кислородного горючего, отодвигал это событие на несколько столетий.

В эпизодах на Венере мы найдем в романе Беляева не только приключения, но и довольно логичный — по тем временам — взгляд на формы внеземной жизни. «Кроты», горячим телом проплавляющие ходы в снеговой толще, шестирукие обезьянолюди в многоэтажных венерианских лесах и прочие диковинки — все это не буйная неуправляемая фантазия, а образы, навеянные научными представлениями того времени. Беляев знал, что природно-температурные контрасты на Венере более резки, чем на Земле, и, если в таких условиях вообще возможна жизнь, она должна была выработать какие-то более активные приспособительные признаки. Не обязательно, конечно, шесть рук, но это ведь, так сказать, биологическая метафора.

Беляева интересовали не только космические проекты. Он жаловался Циолковскому на то, что при переезде пропали книги: «Среди этих книг были между прочим о «переделке Земли», заселении экваториальных стран и проч. С этими Вашими идеями широкая публика менее знакома, мне хотелось бы популяризировать и эти идеи».

В середине 1935 года тяжело больной Беляев писал Циолковскому, что, не будучи в состоянии работать, обдумывает «новый роман — «Вторая Луна» — об искусственном спутнике Земли — постоянной стратосферной станции для научных наблюдений. Надеюсь, что Вы не откажете мне в Ваших дружеских и ценных указаниях и советах.

Простите, что пишу карандашом, — я лежу уже 4 месяца.

От души желаю Вам скорее поправиться, искренне любящий и уважающий Вас А. Беляев».

На оборотной стороне листка с трудом можно разобрать дрожащие строки, выведенные слабеющей рукой Циолковского:

«Дорогой Александр Романович.

Спасибо за обстоятельный ответ. Ваша болезнь, как и моя, результат напряженных трудов. Надо меньше работать. Относительно советов — прошу почитать мои книжки — там все научно (Цели, Вне Земли и проч.).

Обещать же, ввиду моей слабости, ничего не могу.

К. Циолковский».

Это было одно из последних писем ученого. «Вторая Луна» в память Константина Эдуардовича Циолковского названа была «Звезда КЭЦ».

12

В «Звезде КЭЦ» (1936), «Лаборатории Дубльвэ» (1938), «Под небом Арктики» (1938) Беляева занимала тема коммунистического будущего. В его раннем романе «Борьба в эфире» авантюрный сюжет заглушал незатейливые утопические наброски. Теперь он стремился создать роман о будущем на добротной научно-фантастической основе. Советская социальная фантастика пересекалась с научно-технической не только своей устремленностью в будущее, но и своим художественным методом. «Социальная часть советских научно-фантастических произведений, — писал Беляев, — должна иметь такое же научное основание, как и часть научно-техническая».

Беляев сознавал, что со временем уйдет в прошлое классовый антагонизм, исчезнет противоположность между физическим и умственным трудом и так далее. В романе о коммунизме, говорил он, писатель должен «предугадать конфликты положительных героев между собой, угадать хотя бы 2—3 черточки в характере человека будущего». В произведении о сравнительно близком завтра «может и должна быть использована для сюжета борьба с осколками класса эксплуататоров, с вредителями, шпионами, диверсантами. Но роман, описывающий бесклассовое общество эпохи коммунизма, должен уже иметь какие-то совершенно новые сюжетные основы».

Какие же? «С этим вопросом, — рассказывал Беляев, — я обращался к десяткам авторитетных людей, вплоть до покойного А. В. Луначарского, и в лучшем случае получал ответ в виде абстрактной формулы: «на борьбе старого с новым». Писателю же нужны были конкретные коллизии и обстоятельства, чтобы развернуть живое действие.

Он не чувствовал себя уверенно в психологической обрисовке своих героев: «Образы не всегда удаются, язык не всегда богат». Ленинградский писатель Лев Успенский вспоминал, как однажды они с Беляевым остановились в Русском музее перед полотном Ивана Айвазовского «Прощай, свободная стихия». Фигура Пушкина на этой картине принадлежит другому великому русскому художнику, Илье Репину. Беляев сокрушенно вздохнул: «Вот если бы в мои романы кто-то взялся бы так же вписывать живых людей!..» Хорошо знавший Беляева поэт Всеволод Азаров справедливо говорил: «Сюжет — вот над чем он ощущал свою власть». Беляев умело сплетал фабулу, искусно перебивал действие «на самом интересном месте», владел сотней других приемов приключенческого мастерства. Поэтому он невольно и в романе о будущем тянулся к привычному жанру, где, по его словам, «все держится на быстром развитии действия, на динамике, на стремительной смене эпизодов; здесь герои познаются главным образом не по их описательной характеристике, не по их переживаниям, а по внешним поступкам». Здесь он мог применить хорошо освоенные приемы.

Беляев понимал, что социальный роман о будущем должен включать более обширные, чем обычный научно-фантастический, размышления о морали, описания быта и так далее. А «при обилии описаний сюжет не может быть слишком острым, захватывающим,

ниле читатель начнет пропускать описания». Именно поэтому роман «Лаборатория Дубльвэ», говорил Беляев, «получился не очень занимательным по сюжету».

Беляев думал и о другом. Он сомневался: «Захватит ли герой будущего и его борьба читателя сегодняшнего дня, который не преодолел еще в собственном сознании пережитков капитализма и воспитан на более грубых — вилоть до физических — представлениях борьбы?» Увлекут ли такого читателя совсем иные конфликты? Не покажется ли ему человек будущего — «с огромным самообладанием, умением сдерживать себя — бесчувственным, бездушным, холодным, не вызывающим симпатий»? Сомнения эти были достаточно обоснованными. Когда двадцать лет спустя увидел свет роман Ивана Ефремова о коммунистическом будущем «Туманность Андромеды», многие укоряли его героев именно в этом.

Теоретически Беляев сознавал, что автор социального романа о коммунизме не должен приспосабливаться к потребителю приключенческой фантастики, но на деле он все же вернулся к «сюжетному» стандарту, правда, несколько измененному. В одном романе мы вместе с американским рабочим и сопровождающим его советским инженером совершаем путешествие по обжитому, механизированному Северу («Под небом Арктики»). В другом вместе с героями, которые ищут и никак не могут встретить друг друга, попадаем на внеземную орбитальную лабораторию («Звезда КЭЦ»). Мы видим удивительные технические достижения, а людей — деловито нажимающими кнопки, борющимися с природой и тому подобное. О чем они думают, о чем говорят, как относятся друг к другу? Какой вообще будет человеческая жизнь, когда в ней не станет гангстеров-бизнесменов («Продавец воздуха») и новоявленных рабовладельцев («Человек-амфибия»), претендентов на мировое господство («Властелин мира») и врачей-преступников («Голова профессора Доуэля»)? Неужели тогда останется только показывать успехи свободного труда да по случайности попадать в приключения?

Коммунистические отношения только-только начинали зарождаться, их нельзя было целиком предугадать. Беляев же надеялся построить модель будущего умозрительно («...автор, — писал он, — на свой страх и риск, принужден экстраполировать законы диалектического развития»). Для социально-фантастического романа такой путь был малопригоден. Живая действительность вносит в социальную теорию поправки куда более сложные и неожиданные, чем в естественнонаучную. С другой стороны, Беляев склонен был прямолинейно переносить в завтрашний день свои наблюдения над современностью. «В одном романе о будущем, — писал он, — я поставил целью показать многообразие вкусов человека будущего. Никаких стандартов в быту... одних героев я изображаю как любителей ультрадеморгизированной домашней обстановки — мебели и пр., других — любителями старинной мебели». Казалось бы, все верно: каждому по потребности. Но ведь расцвет высших потребностей, весьма возможно, поведет как раз к известной стандартизации низших...

Беляев не мельчил идеал. Это, говорил он, «социалистическое отношение к труду, государству и общественной собственности, любовь к родине, готовность к самопожертвованию во имя ее, героизм». Он крупным планом видел основу, на которой разовьется человек будущего, и у него были интересные соображения на этот счет.

В повести «Золотая гора» (1929) журналист-американец, наблюдая сотрудников научной лаборатории, «все больше удивлялся этим людям. Их психология казалась ему необычной. Быть может, это психология будущего человека? Эта глубина переживаний и вместе с тем умение быстро переключить свое внимание на другое, сосредоточить все свои душевные силы на одном предмете...».

Искания Беляева в этой области не получили полноценного художественного воплощения. Объясняя, почему в «Лаборатории Дубльвэ» он не решился «дать характеристики людей» и вместо того перенес внимание «на описание городов будущего», Беляев признавался, что у него оказалось «недостаточно материала». Вероятно, писатель хуже знал тех своих современников, кто шел в Завтра. Ведь в своих прежних сюжетах он привык к иному герою. Но дело было не только в его личных возможностях, а и в небольшом в то время историческом опыте советского образа жизни. Дальнейший шаг к человеку и обществу будущего советская литература сделает уже в наше время. Но мы будем помнить, что на этом пути Александр Беляев выступил первопроходцем.

13

Если первая жизнь Александра Беляева — с рождения до выхода в свет новенького, свежо и остро пахнущего типографской краской номера «Всемирного следопыта» с рассказом «Голова профессора Доуэля», если вторая его жизнь — с этого дня и до 6 января 1942 года, когда писателя не стало, то третья длится по сей день и будет продолжаться еще долго. Это жизнь его книг. Выйдя из-под пера Беляева и вроде бы до конца отделившись от автора, книги продолжают нести в себе частицу его души — его любви к людям и ненависти к любым угнетателям, будь то колонизаторы, фашисты, рабовладельцы, чем бы ни угрожали они окружающим: пушками или миллионами.

Враги платят ему взаимностью.

Когда оккупанты узнают, что в городе Пушкине живет известный писатель-фантаст Александр Беляев, сообщает его биограф О. Орлов, им «заинтересовывается гестапо. Исчезает папка с документами. Немцы роются в книгах и бумагах Беляева». Надо сказать, гитлеровцы вообще относились к писателям-фантастам с пристальным вниманием. Герберт Джордж Уэллс, например, был занесен в список тех англичан, которые должны быть уничтожены немедленно по завершении операции «Морской лев» — так назывался план оккупации вермахтом Британских островов.

Книги Беляева запрещала франкистская цензура в Испании.

В шестидесятые годы аргентинские таможенники сожгли сборник научно-фантастических произведений Беляева, что не слишком удивительно — ведь именно в Аргентине происходят события «Человека-амфибии»... Своими действиями все они подтверждали слова, написанные когда-то Назымом Хикметом Полю Робсону: «Если они не дают нам петь — значит, боятся нас!».

Книги Беляева идут по свету. Они переведены уже на множество языков: английский и немецкий, французский и польский, болгарский и финский, монгольский и итальянский, испанский и хинди... И каждый год то в одной, то в другой стране появляются новые переводы.

Только у нас в СССР за годы, прошедшие после смерти Александра Беляева, его книги были изданы общим тиражом в несколько миллионов экземпляров. Было выпущено первое, а теперь, к столетию со дня его рождения, выходит второе Собрание его сочинений.

В 1930 году, когда отмечался пятилетний юбилей «Всемирного следопыта», редакция опубликовала статью о работе журнала. В ней сообщалось, что на вопрос читательской анкеты: «Какие произведения понравились вам больше других?» — был получен единогласный ответ: «Человек-амфибия». И сегодня, когда в клубах любителей фантастики распространяются подобные анкеты, имя Беляева по-прежнему оказывается одним из первых, наряду с классиками мировой научной фантастики и сегодняшними ее мастерами.

Андрей Балабуха,
Анатолий Бритиков

КОММЕНТАРИИ

ОСТРОВ ПОГИБШИХ КОРАБЛЕЙ

Впервые опубликован в 1926 году в журнале «Всемирный следопыт» (№ 3 и 4). В [illegible] начинается фантастический кинорассказ, а в редакционном предисловии указывалось, что это «вольный перевод американского [illegible], его литературное переложение. [illegible] кинематографическому прообразу, [illegible] было очень кинематографичным, [illegible] эпизодов, обрывающихся на самых острых сюжетных моментах, быстрое развитие действия, детективная интрига.

[illegible] (по сравнению с фильмом) [illegible] познавательного материала. В [illegible] эту составляющую «Острова [illegible] продолжение, вторую [illegible] отношении. Она была опубликована [illegible] в 1927 году (№ 6). В том же году [illegible] романа в издательстве «ЗиФ» [illegible] человек из Атлантиды»).

Роман был переиздан в 1929 году, а в послевоенное время переиздавался неоднократно.

Стр. 29. *Франклин* Вениамин, правильнее — Бенджамен (1706—1790)—американский просветитель, государственный деятель, являвшийся одним из авторов Декларации независимости США и Конституции, а также ученый, основавший первую в США Филадельфийскую публичную библиотеку, Пенсильванский университет, Американское философское общество. Призывал к отмене рабства негров.

На трансатлантических лайнерах, построенных до 1924 года, существовало разделение на 1-й и 2-й (каютные) классы, пассажиры которых жили в отдельных каютах на 1—4 человека, и 3-й (так называемый эмигрантский) класс, пассажиры которого все время плавания спали вповалку на крытой палубе, не имея никакого определенного места.

Стр. 38. *Бэдэкер* (ныне принято написание Бедекер)—издатель популярных путеводителей по странам мира, выпускавшихся на нескольких европейских языках.

Хэс Пик (ныне принято написание Хэйс-Пик) — одна из вершин Аляскинского хребта (США, штат Аляска) высотой 4187 м. *Лонс Пик* (ныне принято написание Лонгс-Пик) — одна из вершин Передового хребта Скалистых гор (США, штат Колорадо) высотой 4345 м. *Аранхо Пик* — существование вершины с таким названием

...ло *Монт Эверест* (ныне принято написание *Эверест* ...ломолунгма) — высочайшая вершина мира, точная высота ее ... Все эти горы значительно превосходят итальянский вулкан ..., высота которого 1277 м.

Стр. 41. *Плезиозавры* — вымершие морские ящеры из отряда ...ерозавров. Обитатели в океанах триасового и вплоть до мело-вого периода (230—70 миллионов лет назад). Внешне несколько на-поминали современных тюленей, но имели длинную змееподобную ше...о. Наиболее крупные достигали 15 метров длины.

Современная наука не исключает категорически возможности существования небольших групп этих ящеров в наши дни.

Стр. 44. *Шпангоут* — поперечное ребро жесткости бортовой об-шивки судна или самолета.

Бриг — морское парусное двухмачтовое судно с прямым парус-ным вооружением, распространенное в XVIII - XIX веках.

Бульварк — в общеупотребительном значении это слово обозна-чает полузакрытое предмостное укрепление крепости; в данном слу-чае Беляев использовал редкое морское слово из английского Ко-ролевского флота в XVII—XIX вв., так называлась фальшборт, то есть часть борта судна, возвышающаяся над палубой и служащая ее ог-раждением.

Брашпиль — специальное ... для подъема якоря.

Стр. 46—47. Бе... судов.

Бар... — морское двух... трех-пятимач-товое с косыми парусами и ... и прямыми на ... мачтах.

Шхуна — парусное ... с корпусом от двух до ... мачт с косым парусным ...

Бе... — небольшое морское ... судно с косыми па-русами.

Фрегат — крупный парусный ... корабль, второй по зна-чению после линейных кораблей. Имел в ... вооружении до шестиде-сяти пушек.

Как правило фрегаты были трехмачтовыми с прямым парусным вооружением на всех мачтах.

Галера — один из самых древних типов военных кораблей, со-...ивший еще в 7 в. н. э. ...ельниками. Приводилась в движение ...есами, которых было от 16 до 25 пар, расположенных в один ярус. Позже на галерах появилось вспомогательное парусное воо-ружение.

Каравелла — парусное морское судно, имевшее высокие борта и высокие башнеподобные надстройки на носу и корме. Обычно несли 3—4 мачты с косыми и прямыми парусами. Были распрост-ранены на флотах европейских стран в XIII—XVII веках.

Линейный корабль — наиболее мощный парусный военный ко-рабль в XVII—XIX веках. Имел 3—4 мачты с прямым парусным во-оружением (иногда с косым на кормовой — бизань-мачте). Нес до 185 орудий, расположенных на 2—3 палубах (деках). Численность экипажа достигала 800 человек. Упомянутые «Генри» и «Суверен морей» — действительно существовавшие линейные корабли одного класса.

Стр. 60. Суда скандинавских викингов — *«драккары»* (драко-ны), называвшиеся так за изображавшие драконьи головы носовые

украшения, вовсе не были утлыми челнами. Наиболее крупные из них достигали 50 метров длины, превосходя каравеллы Колумба. На них викинги не только ходили вдоль побережья всей Европы — от Норвегии до Средиземноморья, — но также совершали океанские плавания, открыв Исландию, Гренландию и Винланд (побережье полуострова Лабрадор в Северной Америке). Найденные археологами и отреставрированные драккары демонстрируются в Музее викингов на острове Бюгой близ Осло (Норвегия).

Стр. 74. Радиотелеграфный сигнал бедствия «SOS» официально не является сокращением от английских слов «Save our souls» («Спасите наши души»); он был выбран из нескольких предложенных вариантов как наиболее краткий и легко читаемый (три точки, три тире, три точки). Кроме того, находясь под водой, послать радиосигнал практически невозможно: для этого лодка должна всплыть или поднять над поверхностью океана антенну.

Стр. 80. *«Вызывающий»*, по-английски — «Челленджер». Беляев здесь намекает на традиционное название ряда американских судов, выполнявших географические и океанографические исследования (подобно тому, как в русском флоте «кораблю науки» наследуют название «Витязь»).

Стр. 90. *Бригантина* — морское парусное двухмачтовое судно с прямым парусным вооружением на передней (фок) мачте и косым на задней (грот) мачте.

Стр. 117. *Латинские* (косые) паруса треугольной формы, в отличие от прямых — прямоугольных.

Стр. 123. *Коги* — морские торговые парусные трехмачтовые суда, строившиеся преимущественно в XII—XVI веках в городах Ганзейского союза и плававшие в основном на Балтике и в Северном море. Тихоходные и неповоротливые, они обладали, однако, значительной по тем временам вместимостью — до 300—400 тонн. Фок- и грот-мачты у них оснащались прямыми парусами, а бизань-мачта — косым.

Для защиты от пиратов вооружались пушками и имели на борту кроме экипажа отряд солдат.

Ахтерштевень — продолжение киля, образующее кормовую оконечность судна и служащее опорой для руля, а у первых одновинтовых паровых судов — и для винта.

На самом деле пароход *«Саванна»* был построен не в 30-х годах XIX века, а в 1818 году. Первоначально он должен был стать обычным парусником, но капитан М. Роджерс, командовавший перед тем первыми пароходами Р. Фултона, купив ее, установил на борту паровую машину и гребные колеса. В 1819 году «Саванна» пересекла Атлантический океан из Нью-Йорка в Ливерпуль, проделав часть пути под парами. Роджерс хотел выгодно продать свой пароход в Англии или России, которую он также посетил. Но там уже были свои пароходы. Тогда Роджерс на «Саванне» вернулся в США, снял с нее паровую машину, и «Саванна» два года совершала торговые рейсы вдоль побережья как парусник, пока не была выброшена на берег штормом.

СТЕФАН ЦВЕЙГ

ПИСЬМО НЕЗНАКОМКИ

СОДЕРЖАНИЕ

Летняя повелла. Перевод С. Фридлянд 3
Амок. Перевод Д. Горфинкеля 13
Страх. Перевод Н. Касаткиной 59
Фантастическая ночь. Перевод И. Мандельштама 97
Письмо незнакомки. Перевод Д. Горфинкеля 147
Улица в лунном свете. Перевод И. Мандельштама 180
Двадцать четыре часа из жизни женщины. Перевод.
Л. Вольфсон 195
Закат одного сердца. Перевод П. Бернштейн 246
Лепорелла. Перевод В. Топер 271
Мендель-букинист. Перевод П. Бернштейн 293
Неожиданное знакомство с новой профессией. Перевод
И. Татариновой 316
ПРИМЕЧАНИЯ Ю. Шейнина 348

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛЕТНЯЯ НОВЕЛЛА

Стр. 5. Баумбах Рудольф (1840—1905) — второстепенный немецкий поэт, произведения которого отличались слащавой сентиментальностью.

Стр. 10. Ариэль — добрый дух.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ НОЧЬ

Стр. 122. Чудо Тангейзера — Тангейзер — немецкий миннезингер XIII века. В одной из легенд рассказывается, что Тангейзер был завлечен богиней Венерой в ее грот, где пробыл семь лет. Получив свободу, он, во имя спасения души, совершил паломничество в Рим. Папа отказал ему в отпущении грехов, заявив, что скорее его папский посох даст побеги, нежели Тангейзер получит прощение. Опечаленный миннезингер вернулся к Венере. Между тем посох папы дал побеги, и папа узрев в этом знамение свыше, велел вернуть Тангейзера. Однако все поиски были тщетны: миннезингер остался в гроте Венеры до Страшного суда.

ПИСЬМО НЕЗНАКОМКИ

Стр. 170. Градо — курорт на Адриатическом море.

Терезианум — учебное заведение для детей австрийской аристократии, основанное императрицей Марией Терезой в 1746 г.

УЛИЦА В ЛУННОМ СВЕТЕ

Стр. 182. ...мелодию из «Вольного стрелка» — «Вольный стрелок» — популярная опера выдающегося немецкого композитора Карла Мария Вебера (1786—1826), написанная в 1820 г. Выразительные, легко запоминающиеся мелодии оперы получили широкое распространение и стали народными песнями.

МЕНДЕЛЬ-БУКИНИСТ

Стр. 296. Парацельс Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493—1541) — немецкий врач, естествоиспытатель и философ, один из видных предшественников научной медицины.

Месмер Франц Антон (1734—1815) — австрийский врач, основоположник учения о так называемом «животном магнетизме» и его применении в лечебных целях («месмеризм»).

Стр. 297. Гаснер Иоган Йозеф (1727—1779) — швейцарский гипнотизер и «заклинатель бесов».

Блаватская Елена Петровна, урожд. Ган (1831—1891) — путешественница и писательница. Основала и возглавила ряд теософских обществ в Нью-Йорке, Лондоне и других городах.

Стр. 299.— Меццофанти Джузеппе (1774—1849) — итальянский лингвист, первый кустос (хранитель) Ватиканской библиотеки, впоследствии — кардинал. Знал более пятидесяти языков.

Бузони Ферруччо Бенвенуто (1866—1924) — итальянский пианист и композитор, в 1890—1891 гг.— профессор Московской консерватории. Обладал исключительной музыкальной памятью.

Бюффон Жорж-Луи-Леклерк (1707—1788) — французский естествоиспытатель, автор многотомного труда «Естественная история».

Стр. 308. Тарнов — город в Южной Польше, входивший в состав Австро-Венгрии. Место битвы в 1915 г.

Конрад фон Гетцендорф Франц (1852—1925) — австрийский фельдмаршал. Во время первой мировой войны был начальником генерального штаба австро-венгерской армии.

НЕОЖИДАННОЕ ЗНАКОМСТВО С НОВОЙ ПРОФЕССИЕЙ

Стр. 316. Афродита — богиня любви и красоты у древних греков, по преданию, родилась из морской пены у острова Киферы (Анадиомена — «поднимающаяся из воды»).

Стр. 330. ...дочь Гея.— Гея, в древнегреческой мифологии,— богиня земли и подземного мира, олицетворявшая мощь и плодородие природы.

Стр. 337. Гудон Жан-Антуан (1741—1828) — выдающийся французский скульптор, прославившийся скульптурными портретами современных ему ученых и общественных деятелей.

Поль Валери (1871—1945) — французский поэт, публицист и критик.

Ю. ШЕЙНИН

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПАРНОВ Еремей Иудович

Третий глаз Шивы

Роман

Редактор Н. А. Еремина
Оформление художника Н. И. Терехова
Технический редактор И. В. Богачева
Корректор С. Б. Шапошникова

Уважаемый читатель!

Эта книга подготовлена издательством «Русский язык» совместно с фирмой «Стимул». О книгах Еремея Парнова мечтает каждый, кто увлекается приключенческой литературой. Купив это издание, вы внесете посильный вклад в улучшение экологической обстановки в стране.

Совместные издания издательства «Русский язык» и фирмы «Стимул» печатаются на бумаге, изготовленной с использованием макулатуры и реализуются только в обмен на вторичное сырье.

«Русский язык» «Стимул»

ИБ № 9684

Набрано в издательстве на композере. Подписано в печать 19.11.91. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура пресс-роман. Печать офсетная. Усл.печ.л. 27,72. Усл.кр.-отт 27,72. Уч.-изд.л. 28,73. Тираж 300 000 экз. Заказ № 2987. С-016

Издательство „Русский язык" Министерства печати и информации Российской Федерации. 103012 Москва, Старопанский пер., д. 1/5.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Министерства печати и информации Российской Федерации. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

Литературно-художественное издание

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Стихотворения

Редактор
Л. Сабурова

Художник
В. Иванов

Художественный редактор
В. Иванов

Технический редактор
Л. Борисова

Корректор
Т. Краснова

ИБ 1689

Сдано в набор 19.05.89. Подписано в печать 24.08.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,66. Уч.-изд. л. 8,115. Тираж 100 000. 1-й завод (00 001—25 000). Заказ 762. Цена 1 руб.

Приволжское книжное издательство.
Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома.
410730, Саратов, пр. Кирова, 27.

ПОЭТИЧЕСКИЙ СВЕТ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Давно уже признано: мировая поэзия подобна необъятному космосу; каждое национальное поэтическое сообщество — огромная, исторически сложная система, про которую словами «первоположника русского стиха» Ломоносова можно сказать, что она «звезд полна, звездам числа нет...».

Ни один в мире поэт, кто бы он ни был — прошедший испытание временем или только еще явивший себя, с дарованием обширнейшим или, по нашему разумению, достаточно скромным,— ни один истинный поэт не перечеркивает, не заменяет собою другого.

У каждого — свой свет, и свет этот, одолевая плотную толщу предрассудков и привычек, рано или драматически поздно, но достигает читательских сердец, находит *своего* читателя. «Поэта неведомый друг» благодарно откликается на голос художника.

Общекультурные ценности в истории человечества не отрицают друг друга, но, соприкасаясь, соседствуют на началах справедливости, заданной самими мастерами и понятой современниками и потомками.

Андрей Белый — звезда, чрезвычайно приметная в национальной русской стихотворной галактике.

Редкостно щедрым и многомерным был его дар прозаика, поэта, литературного критика, филолога, философа, признанного теоретика символизма, полемиста, импровизатора, оратора, наконец...

Андрей Белый, как известно,— псевдоним. Настоящее имя его — Борис Николаевич Бугаев.

Родился в 1880 году в Москве. В Москве же кончился его жизненный путь в самом начале 1934 года. Немногим более полувека отмерила ему судьба.

Полустолетие вместило в себя три революции, грандиозные перемены в традиционном укладе русской жизни, драмы и трагедии мирового масштаба.

Борис Бугаев вырос в профессорской семье. Отец—математик, рыцарски преданный своей науке. Мать любила посвящать досуг искусству музицирования. Родители были очень не схожи в характерах, темпераментах, в стойких увлечениях и пристрастиях. «Кабы не я—они, конечно, разъехались бы... Я был цепями, сковавшими их».— скажет позднее Андрей Белый.

В мемуарах «Начало века» (1933 год) Андрей Белый вспоминает, что в юности сильно колебался в выборе пути, в отгадке собственного предназначения: «...кто я? Композитор, философ, биолог, поэт, литератор или критик? Я в «критика», даже в «философа» больше верил, чем в «литератора»...» В 1903 году Андрей Белый оканчивает естественное отделение физико-математического факультета Московского университета.

Всю жизнь он пылко увлечен философией. Изучает Чарльза Дарвина, жадно внимает «вселенскому» мистическому учению Владимира Соловьева, его беспокойным и всеохватным нравственным исканиям и мечтаниям, с увлечением осваивает философию Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше, антропософские построения Рудольфа Штайнера и неокантианские идеи Генриха Риккерта, пристально вглядывается в «философию общего дела» Николая Федорова, создателя захватывающей дух универсальной утопии, ставящей целью единение живых и отживших, возрождение всех ушедших, воскрешение умерших... При этом Андрей Белый не дает себе соблазна оказаться навечно прикованным к цепям одной-единственной теоретической доктрины.

В его активную читательскую память с детства входят Тургенев и Диккенс, Гете и Гейне, Шекспир и Пушкин, Лермонтов и Достоевский Особая привязанность — Гоголь («первая моя любовь среди русских прозаиков; он, как громом, поразил меня яркостью метафоры и интонацией фразы; весь сезон 1890 года мать читала мне «Вечера» и «Миргород»; поразил напевный стиль «Бульбы»).

С юных лет и на всю жизнь Андрей Белый сохраняет первое и сильное впечатление от картин французских импрессионистов («нравились тем, что пестры и что краски приятно сбегались в глаза мне»), любил Третьяковку, работы Нестерова, Куинджи, Левитана, Врубеля, деятелей «Мира искусства».

Андрей Белый — современник Александра Блока и Владимира Маяковского, Николая Клюева и Велимира Хлебникова, Вячеслава Иванова и Валерия Брюсова, Константина Бальмонта и Игоря Северянина...

Начало XIX века в русской поэзии отмечено было удивительной гармонией художественной формы и художественного содержания. В середине и во второй половине века содержательно-идеологическое, гражданское, нравственно-философское начало стало обретать ощутимое первенство.

На рубеже XIX—XX столетий обнаружилось скрытое (а то и отчетливо декларируемое) неприятие, прежде всего символистским искусством, всех вариаций служебного, подчиненного «великим идеям» понимания поэзии. Андрей Белый вспоминал: «...в слагавшихся кадрах детей рубежа идеология имела не первенствующее

значение; стиль мироощущения доминировал над абстрактною догмою».

Андрей Белый стоит у истоков русского символизма, отвергавшего и любое проявление поэтической утилитарности, и самоцельную эстетическую замкнутость. Символизм искал новые художественные способы проникновения в тайны человеческого бытия, в стихию жизнесозидания, в неведомую логику душевных движений и превращений.

Путь символистов не был усеян розами. И на заре нашего века, и значительно позже много было в их адрес желчного негодования, яростной критики, азартной полемики. Рождались самоуверенные оценки, на долгие десятилетия определившие отношение нелюбознательных к символистам: чудаки! мистики! декаденты! Характерная судьба неуступчивых первооткрывателей, дерзающих отстаивать право на собственное видение мира...

Андрей Белый в стихах своих воссоздавал гротескный сплав естественной соразмерности и вызывающей дисгармонии, возвышенного и убогого, щедрого и скаредного, умиротворяющего и возмущающего душу.

Смеюсь — и мой смех серебрист,
и плачу сквозь смех поневоле.
Зачем этот воздух лучист?
Зачем светозарен... до боли?

1902 г.

И всё же в суетности бренной
Нас вещие смущают сны,
Когда стоим перед вселенной
Углублены, потрясены,—

И отверзается над нами
Недостижимый край родной
Открытою над облаками
Лазуревою глубиной.

1908 г.

В поэзии Андрея Белого соприкосновение разных эпох. В нем отчетливо ощутимо отзываются XIX и XVIII века русской поэзии. В нем — предчувствие и осуществление поэзии нашего драматического столетия. В нем явственные отзвуки бессмертного народного поэтического мира.

В стихах Андрея Белого различимы то торжественный рокот ломоносовских космогонических песнопений, то переливы державинского незамутненного, ярко цветного забавного русского слога, то грустно-меланхолическая музыкальность Жуковского, то пуш-

кинская свобода и светлое приятие чреды времен. Первое издание сборника Андрея Белого «Пепел» (1909 год) посвящено памяти Некрасова и снабжено красноречивым эпиграфом из некрасовского стихотворения «Что ни год — уменьшаются силы...». Кровная родственная связь с музой Некрасова в «Пепле» подчеркнуто демонстрируется.

Века нищеты и безволья.
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать...

«Отчаянье»

Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ...

«Родина»

В 1929 году Андрей Белый писал о себе и своих сверстниках: «Мы — дети того и другого века; мы — поколение рубежа». Предельно развит был в нем и воспитан с детства благодарно (и пристрастно!) памятливый вкус к былому, к переживаемому и пережитому, к воспринятому и узнанному («Я просвещенный, книжный человек»), нераздельный с острым чувством своей поры в этом мире, с естественным чувством достоинства и юмора.

О, незабвенные прогулки,
О, незабвенные мечты,
Москвы кривые переулки...
Промчалось всё: где, юность, ты!..
Перемелькали наши взлеты
На крыльях дружбы и вражды
В неотрывные миголёты,
В неотразимые судьбы,
Чтоб из сумятицы несвязной,
И из невнятиц бытия
В тиски подагры неотвязной
Склонился лысиною я.

Лирический герой Андрея Белого текуч, подвижен, разнолик и — вместе — внутренне целостен: он хрупок и одновременно стоек, изящен и тверд, нежен и мужествен, ироничен и открыто добр и светел, он остро ощущает и больно переживает драматизм бытия, и он — сквозь отчаянную горестность сущего — возвышается до приятия жизни в ее незыблемо-вечных первоосновах. Мир души поэта срастается с миром людей, с миром России.

Хорошо знавшие Андрея Белого современники нередко досадовали, что талант его так и не нашел себя вполне («сгоревший

талант»), что сам он ухитрился загубить недюжинный поэтический дар, во всяком случае, не реализовал вполне редкостно многосторонние и яркие художнические возможности. Современникам, конечно, виднее. Потомкам же оставлено иное право — право целостного объятия всего свершенного человеком, право подведения итогов.

В самом деле, безбрежная широта творческих замыслов Андрея Белого часто не осуществлялась или неузнаваемо преобразовывалась. Но верно и то, что энергия, излучаемая его поэзией, неиссякаемо действенна и по-настоящему неповторима.

Стих Андрея Белого то утонченно-чист, как легкое дыхание, то громоздок, массивен и грузен, как шум мощного водопада. Он порою рождается и живет на рискованной грани естественности и нарочитости, органичности и намеренности, соприродной гармоничности и отчетливо взвешенной рассудочности. Но еще чаще Андрей Белый тонко проникает в область невыразимого, в сферу ускользающих переживаний, бесценных душевных мгновений («миголётов»).

В его поэтический мир как бы сама собой входит и русская народно-песенная и народно-плясовая стихия, и нервная вибрация дневниково-лирических состояний, и грациозно-картинная, ностальгическая жеманность стилизаций под безвозвратно ушедшую дворянскую старину (в духе исканий художников, примыкавших к «Миру искусства»), и щедро колоритные жанровые зарисовки.

Самое выразительное из искусств, убежден был Андрей Белый,— музыка. С детства, вспоминал он, с ноктюрнов Шопена и сонат Бетховена, которые вечерами играла мать, «мир звуков был совершенно адекватен мне и я — ему; бытие и сознание были одно и то же, диалектически изливаясь друг в друга руладами...».

Поэт великолепно чувствовал границу между звуком, словом, цветом. Ощущение границы было дано ему для непрерывных и неожиданных ее преодолений и переходов, для сближения отдельных, автономно замкнувшихся искусств.

Андрей Белый оставил дерзкие образцы ритмической прозы (прежде всего вспомним его знаменитый роман «Петербург», изданный в 1913—1914 годах; переработанное издание вышло в 1922 году), поэтических симфоний в прозе, построенных по законам музыкальных произведений («Северная симфония», «Драматическая», «Возврат», «Кубок метелей» — 1900—1908 годы). Его стих насыщен цветом — белым, золотым, голубым, черным, красным...

Слово у Андрея Белого необычайно укрупнено: слово-крик, стон, боль. Слово-стих. Гипнотически властное слово, не ограниченное словарно закрепленным смыслом; оно и звук, и мелодия, и целая музыкальная пиеса.

Мои слова — жемчужный водомет,
средь лунных снов, бесцельный,
но вспененный,—
капризной птицы лёт,
туманом занесенный.

Марина Цветаева так передавала одно из сокровенных признаний Андрея Белого: «Стихи должны быть единственной возможностью выражения и постоянной насущной потребностью, человек должен быть на стихи обречен, как волк на вой. Тогда — поэт».

Современник Андрея Белого, поэт и литературный критик Иннокентий Анненский, сетовал на то, что «мы слишком привыкли смотреть на слово сверху вниз, как на нечто бесцветно-служилое, точно бы это была какая-нибудь стенография или эсперанто, а не эстетически ценное явление из области древнейшего и тончайшего из искусств... Музыка символов поднимает чуткость читателя: она делает его как бы вторым, отраженным поэтом. Но она будет казаться только бессмыслицей, если, читая нового поэта, мы захотим сохранить во что бы то ни стало привычное нам пассивное состояние, ждущее готовых наслаждений.

Словарь поэта, так считал Андрей Белый,— ключ к тайне души поэта. Андрей Белый настаивал на необходимости филологической подготовки и издания словарей слов Баратынского, Пушкина, Тютчева.

Из знаков речевого препинания он особенно пристрастен к двоеточию, как бы открывая перед своим читателем врата к углубленному постижению мира поэта и одновременно к свободному полету собственной поэтической мысли. Не случайно такое его признание: «Поэт, интерпретатор (критик) и слушатель — треугольник поэзии: в нем она процветает в великое социальное дело...»

Мучительно-постоянны в поэзии Андрея Белого мотивы отчаянного, тоскливого, неисцелимого одиночества («Один, один средь гор. Ищу Тебя»; «Я вновь один. Тоскую безнадежно»; «Я шел один своим путем...»; «И я, как прежде, одинок. Иду — бреду болотом топким»; «Гряду, гряду — один. И крут мой путь, и пуст»). Одиночество разомкнуто в беспредельность холодной и вольной шири, бесконечного туманного и темного простора («пространства неоглядной ночи»), в горбатые поля, в блеклую дымку холмов, в мглистые тучи. В самих названиях стихотворений Андрея Белого часты жизненные, бытийные абсолюты: «Жизнь», «Работа», «Любовь», «Совесть», «Судьба», «Смерть»...

Свои пронзительные до боли впечатления от встреч с Андреем Белым Марина Цветаева передавала так: «Ничего одиноче его вечной обступленности, обсмотренности, обслушанности я не знала.

На него смотрели, верней: его смотрели, как спектакль, сразу после занавеса бросая его одного, как огромный Императорский театр, где остаются одни мыши».

Вечная, горестная тема поэзии Андрея Белого — Россия. Андрей Белый верит в свою землю отчаянно и самозабвенно. Поражает драматический надрыв его стихотворений о Родине, переходящий в исступленно-магические заклинания. В них смятенность чувств русского интеллигента пред грозным ликом нового столетия, предвещавшего и принесшего с собой громадные перемены...

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия,—
Безумствуй, сжигая меня!

«Родине», август 1917 г.

«А вот что всерьез,— исповедовался Андрей Белый в 1907 году, будучи в Мюнхене,— это моя любовь к России и русскому народу, единственное, что во мне не разбито, единственная цельная нота моей души. И вера в будущность России особенно выросла здесь, за границей. Нет, не видел я ни в Париже, ни в Мюнхене рыдающего страдания, глубоко затаенного под улыбкой мягкой грусти...» (цитирую по статье Л. Долгополова «Неизведанные страницы. Заметки об Андрее Белом».— Вопросы литературы, 1982, № 3).

Ленинградский литературовед Л. К. Максимов в статье «О том, как я видел и слышал Андрея Белого» писал: «Андрей Белый был неповторимо-оригинальной индивидуальностью, замечательным писателем, человеком высокого духа, трагического миропереживания, сложной трагической судьбы. Он был человеком, наделенным большой силой и большой слабостью, «русским странником», безбытным, бездомным, кочующим, неприкаянным, таким, как Велимир Хлебников, Марина Цветаева и Владимир Соловьев» (Звезда, 1982, № 7).

В стихах Андрея Белого сравнительно скупы приметы бытового правдоподобия. В них смятенный и скорбный дух исканий поэта. Написанная в апреле 1918 года поэма «Христос воскрес» тому подтверждение. Здесь Революция — вне заземленной ее определенности, вне конкретно-зримой реальной достоверности, но как «пресущественный» в своей непостижимости, мучительный, трудный процесс возвышения, одухотворения человека и человечества, вызывающий у поэта ассоциации с легендой о Христе. Революция — это и грозный рок, и искупительное страдание, и великое очищение людское. Андрей Белый пишет, взывая к Вечности, он пишет Время «из вневремени»: «Современность — лишь внешний покров поэмы. Ее внутреннее ядро не знает времени».

Универсализм, космическая масштабность поэтической мысли, предельная обобщенность символических знаков, подчас обнаруживающая почти геометрический рационализм их создателя, и — рядом — ясно, безусловно осознаваемое земное начало, и — рядом — призрачная, неподвластная аналитическим притязаниям, недоступная конкретно-чувственному восприятию стихия — сплав этих начал, а подчас и их разновременное сосуществование доносят до нас свет поэтических мук, страданий и прозрений Андрея Белого.

Объединяя в малую стихотворную книгу то, что написал и сохранил для нас Андрей Белый, составитель неизбежно сталкивается с огромной, едва ли вообще со всех точек зрения одолимой проблемой отбора. Авторская воля Андрея Белого до чрезвычайности непостоянна и прихотлива. Хорошо известно, что Андрей Белый много раз переписывал свои стихотворения наново, перекомпоновывал свои поэтические сборники, вновь и вновь не удовлетворяясь найденными вариантами.

В настоящем издании стихи подбирались с таким расчетом, чтобы дать читателю более или менее полное (но отнюдь не исчерпывающее) представление о масштабах поэтического дара Андрея Белого, о диапазоне его стихотворных поисков и решений, о ритмическом, мелодическом, сюжетно-лирическом, наконец, графическом разнообразии его художественного мира. За скромными пределами этой книги осталась пронизанная автобиографическими мотивами поэма Андрея Белого «Первое свидание» (1921 год) — одна из несомненных вершин его поэтического искусства, требующая развернутого историко-культурного, реально-бытового комментария.

Все стихотворные тексты Андрея Белого воспроизводятся по изданию: Стихотворения и поэмы.— Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. М.—Л., 1966. Заново по изданию 1918 года перепроверен и уточнен текст поэмы «Христос воскрес».

В. ПРОЗОРОВ

ПРИМЕЧАНИЯ

В примечаниях к настоящему изданию использованы материалы, опубликованные в кн.: Андрей Белый. Стихотворения и поэмы.— Вступительная статья и составление Т. Ю. Хмельницкой. Подготовка текста и примечания Н. Б. Банк и Н. Г. Захаренко. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е.— М.—Л., 1966.

С. 13. «Золото в лазури» — первый сборник стихов Андрея Белого. Опубликован в 1904 г. (М. Изд. «Скорпион»). Позднее А. Белый назовет этот сборник «поэтическим дневником юноши» и с предельной к себе беспощадностью отметит в нем «нечеткость ритмов, безвкусие образов; натянутость рифм». «Между тем,— заключит поэт,— задание было оригинально; любители моих стихов этого периода поверили мне «в кредит», расслышав намерение сквозь тяжелые кляксы пера, его заляпавшие... Брюсов безмерно пощадил меня, назвав «Золото в лазури» рубищем с вкрапленными в него драгоценностями» (1931 г. Вместо предисловия. К неизданному тому стихов «Зовы времени»).

С. 16. *Метнер* Эмилий Карлович (1872—1936) — близкий друг А. Белого, музыковед, организатор издательства «Мусагет». А. Белый: «Метнер, общительный и любопытный, вошел очень быстро в круг наших друзей...» Об отношениях А. Белого и Метнера см.: Андрей Белый Между двух революций. Глава 5. Раздел «Метнер и я».— Л., 1934

Небольшая группа поэтов-символистов, примыкавшая к А. Белому, наречена была кружком «аргонавтов» (согласно древнему мифу, аргонавты — герои, совершившие трудное путешествие в Колхиду в поисках золотого руна волшебного овна)

С. 18. «Будем как солнце» — сборник стихов К. Д. Бальмонта, изданный в 1903 г. В том же году произошло личное знакомство А. Белого с Бальмонтом.

С. 21. *Мережковский* Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — один из видных теоретиков русского символизма, поэт, прозаик, литературный критик, философ автор трилогии «Христос и Антихрист».

С. 23. Во *временщике* предположительно угадывают Э.-И. Бирона, фаворита российской императрицы Анны Иоанновны.

В. Н. *Татищев*, П. И. *Шувалов*, А. П. *Бестужев* — государственные деятели России XVIII в.

С. 26. *Блок* Любовь Дмитриевна (1881—1939) — жена А. А. Блока, дочь Д. И. Менделеева Мучительно-сложные, неразделенные чувства испытал А. Белый к Л. Д. Блок. Об истории их отношений см.: В Орлов. Пути и судьбы.— М.—Л., 1963, с. 579—667

С. 27. *Батюшков* Павел Николаевич (1864 — ок. 1930) — тео-

...соф, один из «аргонавтов», внук выдающегося русского поэта К. Н. Батюшкова.

С. 31. В. Я. *Брюсов* (1873—1924) принадлежал к старшему поколению отечественных символистов. А. Белый высоко ценил его роль в литературном движении, в развитии символистской поэзии, его влияние на русскую читающую публику. А. Белый: «Брюсов, прекрасный литературовед, образованнейший историк, тонкий критик и старший из нас, соединял в себе знания, талант и практичность; только его мы могли провозгласить вождем; он этого хотел, имея и честолюбивые замыслы; мы их видели; но время не допускало колебаний; он был всем нужен; кроме того: честолюбие в личных делах сочеталось с большой скромностью...» Подробно об отношении А. Белого к Брюсову см. в кн.: Андрей Белый. Между двух революций. Глава 5. Раздел «Брюсов и я».— Л., 1934. В. Я. Брюсову посвящено также стихотворение А. Белого «Созидатель» и др.

С 35. *Соловьев* Владимир Сергеевич (1853—1900) — философ, поэт, публицист, литературный критик, оказавший огромное влияние на русских символистов.

Соловьев Михаил Сергеевич (1862—1903) — педагог, сын историка С. М. Соловьева, брат философа В. С. Соловьева.

А. Белый на всю жизнь сохранил благодарную память о доме Соловьевых в Москве, об искреннем и дружеском расположении к нему семейства Соловьевых: «Было что-то великолепное в тихом сидении скромно курящего М. С. Соловьева за чайным столом в итальянской накидке и в желтом теплом жилете под пиджаком; и разговор, к которому он лишь прислушивался, приобретал особенный, непередаваемый отпечаток, становясь тихим пиром, не чайный стол — заседание Флорентийской академии, вынашивающей культуру; все же было — проще простого, трезвее трезвого: никакой приподнятости; шутка, гостеприимно к столу допущенный Кузьма Прутков, вместе с тонким диккенсовским юмором Ольги Михайловны, разрешали к свободе...»; «Посещения Соловьевых (сперва не менее трех раз в неделю, потом — четырех, пяти, ежедневных и, наконец,— два раза в день) стали мне школой...» (Андрей Белый. На рубеже двух столетий. Изд. 2-е.— М.— Л., 1931, с. 368, 373).

Сын М. С. Соловьева *Сергей Михайлович* (1884—1943), поэт, переводчик, литературный критик, один из символистов «младшего» поколения, был ближайшим другом А. Белого («Считаю значение Сережи в моей интимной, а также общественной жизни незаменимым, огромным...» — Там же, с. 379).

«Пепел» — сборник 1909 г. (Пб. Изд. «Шиповник»). Эпиграф из Н. А. Некрасова:

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! Дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!
Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведренный день впереди;
Чтобы ветер родного селенья

Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

«Вместо предисловия» к сборнику «Пепел» А. Белый писал: «В предлагаемом сборнике собраны скромные, незатейливые стихи, объединенные в циклы; циклы, в свою очередь, связаны в одно целое: целое — беспредметное пространство, и в нем оскудевающий центр России. Капитализм еще не создал у нас таких центров в городах, как на Западе, но уже разлагает сельскую общину; и потому-то картина растущих оврагов с бурьянами, деревеньками — живой символ разрушения и смерти патриархального быта. Эта смерть и это разрушение широкой волной подмывают села, усадьбы; а в городах вырастает бред капиталистической культуры.

Лейтмотив сборника определяет невольный пессимизм, рождающийся из взгляда на современную Россию (пространство давит, беспредметность страшит — вырастают марева: горе-гореваньице, осинка, бурьян и т. д.). Спешу оговориться: преобладание мрачных тонов в предлагаемой книге над светлыми вовсе не свидетельствует о том, что автор — пессимист».

В мемуарах «Между двух революций» А. Белый писал: «...лирический субъект «Пепла» — люмпен-пролетарий, солипсист, убегающий от людей прятаться в кустах и оврагах, откуда он выволакиваем в тюрьму или в сумасшедший дом» (Л., 1934, с. 405).

С. 42. *Гиппиус* Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэтесса, жена Д. С. Мережковского. В разные периоды жизни А. Белый воспринимал ее по-разному, но почти всегда критически-сложно, подчас неприязненно. З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского А. Белый звал «головными резонёрами» (Между двух революций.— Л., 1934, с. 70).

С. 43 *Рачинский* Григорий Алексеевич (1853—1936) — философ и литератор, друг А. Белого, один из близких знакомых Соловьевых. См. о нем: Андрей Белый. На рубеже двух столетий. Изд. 2-е.— М.—Л., 1931, с. 242.

С. 44. *Философов* Дмитрий Владимирович (1872—1940) — публицист, литературный критик, один из руководителей Петербургского религиозно-философского общества, приятель Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус.

С. 45. *Муни* — псевдоним поэта С. В. Киссина (1885—1916). «Мрачная мудрость, соединенная с нежнейшим отзывчивым сердцем», «беспрокий правдивец» — так писал о нем А. Белый в кн. «Между двух революций» (Л., 1934, с. 249).

С. 46. *Эллис* — псевдоним Льва Львовича Кобылинского (1879—1947), поэта, литературного критика, переводчика, теоретика символизма, входившего в кружок «аргонавтов».

С. 46. *Величкин С. Н.*— знакомый А. Белого, друг С. М. Соловьева.

С. 50 *Гиппиус Т. Н* — художница, сестра З. Н. Гиппиус.

С. 51. *Русов* Николай Николаевич (род. в 1884) — писатель и публицист, руководитель Московского студенческого общества деятелей литературы (см. о нем: Андрей Белый. Между двух революций.— Л., 1934, с. 194).

С. 56. *Ремизов* Алексей Михайлович (1877—1957) — прозаик, драматург, мемуарист. А. Белый: «...с А. М. Ремизовым (с писателем) я нахожусь в каком-то преотдаленнейшем свойстве через прабабушку...» (На рубеже двух столетий. Изд 2-е — М.—Л., 1931, с 78).

65. *Свентицкий* Валентин Павлович (род в 1879) — религиозный философ, публицист, позднее — священник.

С. 77. *Безобразова* Елизавета Павловна — дочь профессора П. В. Безобразова, племянница В С. и М С Соловьевых.

С. 85. *Владимиров* Василий Васильевич (1880—1931) — художник, один из «аргонавтов», друг юности А. Белого. «Он понимал мои интересы к искусству, как и интерес к науке; и понимал проблему их примирения в мировоззрении», «...передо мной вставал очень большой человек, но который, увы,— не оставил следов для искусства; в нем жили, себя не нашедшие: Врубель, Сарьян или Водкин... Владимиров учил видеть: Серова, Коровина, Врубеля, Нестерова еще в дни, когда были юнцами...» (Андрей Белый. На рубеже двух столетий, с. 472; Между двух революций, с. 114).

С. 92. *Петровская* Нина Ивановна (1884—1928) — писательница, жена поэта С. А Соколова; входила в кружок «аргонавтов».

С. 97. *Иванов* Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, драматург, историк, филолог, философ, литературный критик, виднейший теоретик символизма.

С. 97 *Астров* Павел Иванович (род в 1866 г) — юрист, литературно-общественный деятель; писал по проблемам юридическим и религиозным, близок к кругу поэтов-символистов, на его московской квартире в 1904 г. собирались «аргонавты».

С. 101. *Сизов* Михаил Иванович (1884—1956) — литературный критик, переводчик, член кружка «Мусагет»

«Урна» — стихотворный сборник 1909 г. (М. Гриф) с посвящением Валерию Брюсову.

Эпиграф из Баратынского:

Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней...

«В «Урне»,— пишет А. Белый в 1909 г.,— я собрал стихотворения, объединенные общностью настроений; лейтмотив этой книги — раздумье о бренности человеческого естества с его страстями и порывами, и думаю, что не случайно все стихотворения этого цикла вылились в ямбах, этой наиболее удобной и разнообразной в ритмическом отношении форме». В книге «Между двух революций» А. Белый скажет, что стихи «Пепла» и «Урны» стали для него «эманацией душевного одиночества» (с. 296).

С. 117. *Волошин* Максимилиан Александрович (1878—1932) — поэт, художник, переводчик, автор статей по вопросам искусства, примыкал к символистам. А. Белого связывали с ним долгие и добрые отношения.

С. 133 *Сидоров* Юрий Ананьевич (1887—1909) — поэт, близкий к кругу А. Белого. Андрей Белый — автор вступительной ста-

тып к «Стихотворениям» Юрия Сидорова (М. Изд. «Альциона», 1910).

С. 133. В книге «На рубеже двух столетий» А. Белый отметит «оглушающее влияние» на него Л. Н. Толстого (с. 349).

«Королевна и рыцари» — сборник 1919 г. (Пб. Алконост). «Этот цикл стихов ... является для меня,— признавался А. Белый,— переходом от мрачного отчаянья «Урны» к сознательности «Звезды». Пробуждающемуся от бессознательности могилы к живой жизни эта жизнь звучит сказкою. И оттого стихи цикла суть сказки о прошлом».

«Звезда» — стихотворный сборник 1919 г.

Смысл заглавия сборника А. Белый определяет как *звезду самосознания*. Здесь «снова проходит тема России (тема «Пепла»), но не глухой России, а России, мучительно ищущей своего духовного самоопределения».

С. 146. *Ася* — Анна Алексеевна Тургенева — художница, первая жена А. Белого. Андрей Белый: «...нравились миндалевидные, безбровые глаза Аси; в ее улыбке слились Джиоконда с младенцем». Об отношении к ней А. Белого подробнее см. в кн.: «Между двух революций» (Глава 5, раздел «Ася»). «Я был по-новому притянут к России; путь первой спутницы жизни моей определился на Западе; и мы разошлись с одинаковым признаньем значения и ценности нашей встречи...» (Там же, с. 405).

«Христос воскрес» — поэма издана в 1918 г. (Пб. Алконост).

А. Белый: «Здесь «дни» и «часы» взяты не только в смысле «дней» и «часов» встречи переживающего бездны ужасов индивидуального «Я» или «Я» коллектива (души народа, души человечества) с роком, со стражем порога духовного мира; и этот порог — крест; и висящий на кресте; принятие распятия пресуществляет тему смерти в тему воскресения...»

Сопоставление поэмы А. Белого с «Двенадцатью» и «Скифами» А. Блока см. в статье Вл. Орлова «История одной «дружбы — вражды» — Александр Блок и Андрей Белый. Переписка.— Летописи Государственного Литературного музея, кн. 7.— М., 1940.

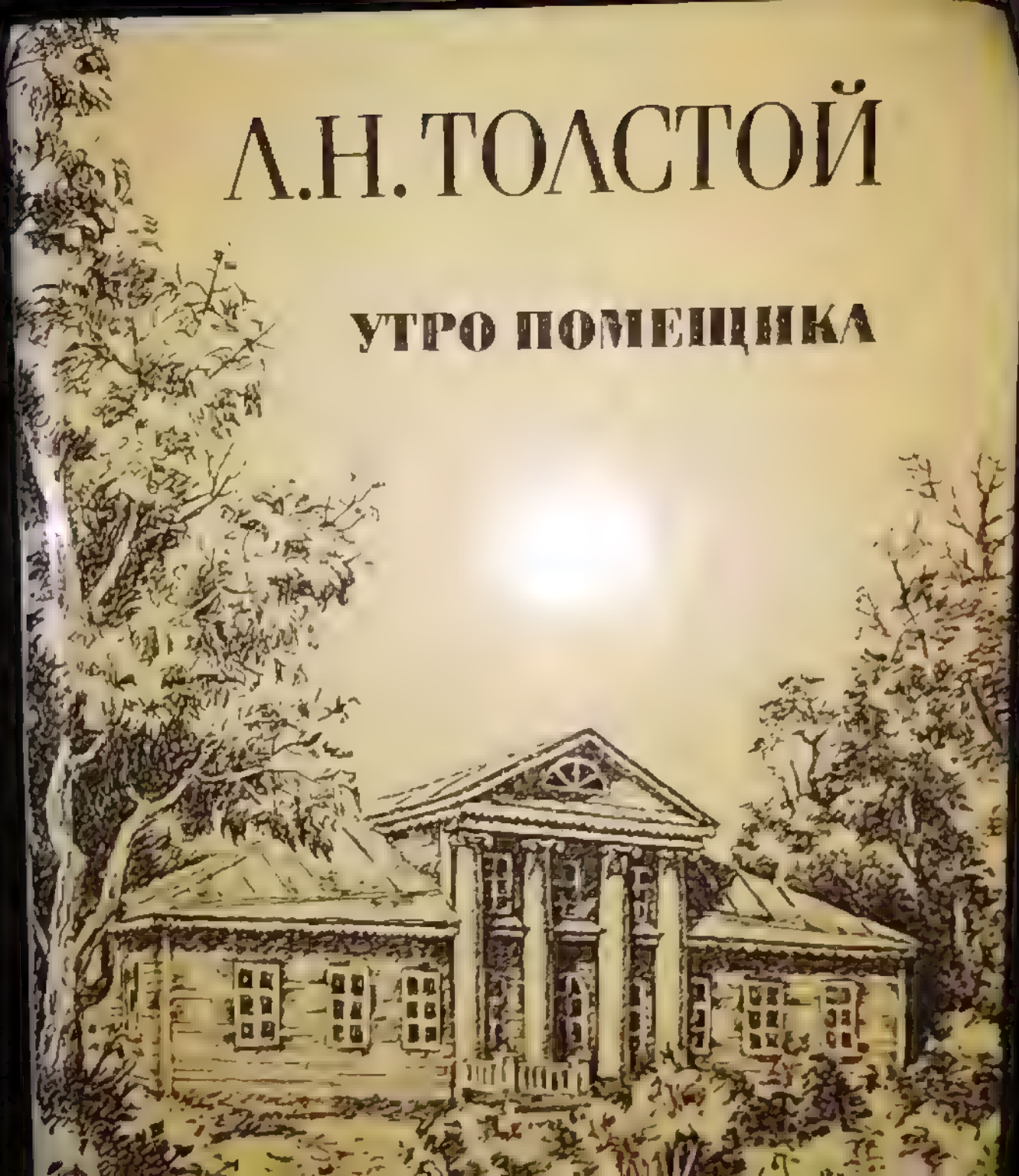
СОДЕРЖАНИЕ

Утро помещика 3
Два гусара 56
Семейное счастье 116
Холстомер 199
Смерть Ивана Ильича 237
Крейцерова соната 294
Дьявол 373
Отец Сергий 420
Фальшивый купон 465

Иллюстрации
Е. М. Марковича

Л.Н. ТОЛСТОЙ

УТРО ПОМЕЩИКА



СОДЕРЖАНИЕ

ТРОЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

Перевод М. Донского (гл. I—X) и Э. Линецкой (гл. XI—XIX). 5

РАССКАЗЫ

Трогательная история. *Перевод М. Колпакчи* . . . 189
Человек, который хотел руководить. *Перевод В. Тамохина* 200
Падение Томаса Генри. *Перевод Н. Рохм* 208
Сюрприз мистера Милберри. *Перевод Каянбера* . . 213
Должны ли мы говорить то, что думаем, и думать то, что говорим? *Перевод И. Бернштейн* . . . 224
Почему мы не любим иностранцев. *Перевод В. Хинкиса* 231
Миссис Корнер расплачивается. *Перевод В. Артемова* 239
Чего стоит оказать любезность. *Перевод И. Дынник-Будавей* 254
Лайковые перчатки. *Перевод Е. Семеновой* 264
Памяти Джона Ингерфилда и жены его Анны. *Перевод В. Хинкиса* 273
Человек, который не верил в счастье. *Перевод Р. Померанцевой* 300
О том, что не надо слушаться чужих советов. *Перевод В. Тамохина* 309
Дух маркизы Эплфорд. *Перевод И. Бернштейн* . . . 326
Как зародился журнал Питера Хоупа. *Перевод З. Журавской* 340

СОДЕРЖАНИЕ

ДОМИНО. *История одного черно-бурого лиса* 3

Часть первая. Золотое детство 3

I. Родной дом (3). II. Несчастье (6). III. Новый дом (8). IV. Новый наряд и новая жизнь (10). V. Красавец и чудовище (12). VI. Зимняя жизнь Домино (14). VII. Домино находит себе подругу (16).

Часть вторая. Вдвоем 18

VIII. Весна (18). IX. Событие (20). X. Старый враг (21). XI. Лань (22). XII. Приворотное зелье (24). XIII. Мед из львиного чрева (26). XIV. Лето и девочка (29). XV. Наследник Домино (31).

Часть третья. Испытание и торжество 33

XVI. Дикие гуси (33). XVII. Губитель овец (34). XVIII. Спаситель Белогрудки (35). XIX. Испытание мужества (37). XX. Река и ночь (40).

МУСТАНГ-ИНОХОДЕЦ 44

ПО СЛЕДАМ ОЛЕНЯ 62

БИНГО 79

ЛОБО 92

ВУЛЛИ 105

КРАСНОШЕЙКА 116

СЕРЕБРЯНОЕ ПЯТНЫШКО 137

ЖИЗНЬ СЕРОГО МЕДВЕДЯ 147

ВИННИПЕГСКИЙ ВОЛК 177

КОРОЛЕВСКАЯ АНАЛОСТАНКА 190

Жизнь первая (190). Жизнь вторая (199). Жизнь третья (209). Жизнь четвертая (213).

МАЛЬЧИК И РЫСЬ 217

I. Мальчик (217). II. Рысь (218). III. Дом рыси (221). IV. Гроза лесов (224). V. Дом мальчика (227).

СНАП. *История бультерьера* 231

ДЖЕК — БОЕВОЙ КОНЕК. *История кролика* 242

АРНО 263

УЛИЧНЫЙ ПЕВЕЦ 277

ТИТО 289

ОТЧЕГО СИНИЦЫ РАЗ В ГОДУ ТЕРЯЮТ РАССУДОК 317

Иностранная литература

БИБЛИОТЕКА TEEN-AGER ПОДРОСТКА

Э. СЕТОН – ТОМПСОН

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

ЛИТЕРАТУРНОЕ АГЕНТСТВО
ВАРЯГ

МОСКВА
1992

Как изменились все трое! Драма в Гландье очень тяжело отразилась на них. Но, странное дело, Матильда Станжерсон теперь казалась еще прекраснее. Правда, она не была уже той античной богиней, тем живым мрамором, той холодной красавицей, возбуждавшей шепот восхищения на официальных празднествах Третьей республики*, на которых Матильду обязывало появляться видное положение ее отца. Казалось, напротив, судьба, заставившая Матильду искупить неосторожность юности, ввергла ее на время в пропасть отчаяния и безумия лишь для того, чтобы сбросить каменную маску, за которой скрывалась чуткая и нежная душа. И ее душа сияла в этот день, мне казалось, нежным блеском на чистом овале ее лица, на гладком белом лбу, в глазах, исполненных счастливой грусти, в которых читалась любовь ко всему прекрасному и доброму.

Что касается ее туалета, то, к своему стыду, я должен сознаться, что не помню его и не сумею даже назвать цвет ее платья. Но зато я хорошо помню странное выражение, которое было на ее лице, пока она не увидела среди нас того, кого искала. Она совершенно успокоилась и овладела собой только тогда, когда увидела Рультабия за колонной. Она улыбнулась ему, а затем и нам.

— У нее все еще полубезумный взгляд!

Я порывисто обернулся, чтобы посмотреть, кто произнес эту недобрую фразу. За моей спиной стоял жалкий господин, которого Робер Дарзак,

* Третья республика — буржуазно-демократический режим во Франции в 1870–1940 годах, при нем главой государства являлся президент, а высшей законодательной властью обладал двухпалатный парламент, перед которым было ответственно правительство.

Книжная коллекция

Золотой Детектив

Гастон ЛЕРУ

Дама в черном

ELEOS

Московский МК комсомолец

Сдано в набор 5.02.93. Подписано в печать 5.05.93.
Формат 84x108 1/32. Бумага тип. Печать высокая. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 100 000. Цена договорная. Заказ № 6513

660001. г. Красноярск, ул. Копылова, 66.
Редакционно-издательский центр "Гротеск"

650059. г. Кемерово, ул. Ноградская,5.
Полиграфкомбинат."

ББК 84 Р 7
К 17

Калинин А. В.

К 17 Цыган: Роман. - Красноярск:
Редакционно-издательский центр "Гротеск". 480 с.

В центре известного романа Анатолия Калинина - образ цыгана Будулая, человека чистой и искренней души. Нелегкая судьба Будулая переплетается с судьбами других героев романа и получает неожиданный поворот в новой, заключительной части романа.

К $\frac{4702010201\text{-}10}{574(3)\text{-}93}$ без объявл.

ISBN 5-86426-049-5.

ББК 84 Р 7

© РИЦ "Гротеск", 1993 г.
© С. Лошаков, художественное оформление.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вверх по реке от Ростова до хутора Пухляковский, где живет Анатолий Вениаминович Калинин, два часа пути на "Ракете". Достаточно, чтобы прикоснуться взглядом к редкой живописи донских берегов, к вехам их истории.

Некогда звучали здесь голоса Разина и Пугачева, сюда приезжали Суворов и Пушкин, наведывался Суриков. Здесь прошло отрочество писателя.

Рано пришло к Калинину осознание своего признания. А начинал он традиционно - с работы литсотрудником в районной газете, прошел фронтовыми дорогами военным корреспондентом "Комсомольской правды", чтобы найти на берегах Тихого Дона свой дом и героев своих книг.

Анатолий Калинин - писатель сложный, многогранный. Его произведения часто ставили в тупик известных критиков и литературоведов. Некоторые из них в свое время не приняли его романы "Гремите колокола", "Возврата нет". Недоумевали, почему А. Калинин время от времени возвращается к "Цыгану"? Когда же писателя спрашивают, почему он продолжает "Цыгана", Анатолий Вениаминович отвечает: "Будулай постучал кнутовищем в мое окошко..."

В романе рассказано не просто о судьбе замечательного во всех отношениях героя, а более чем двадцатилетняя жизнь послевоенной Донщины! Судьба Будулая сама по себе поразительная, его непростые отношения с Клавдией, своими сородичами, даже несколько детективная сторона одной из частей романа - выявление и наказание Будулаем бывшего фашисткого прихвостня, - сюжет, вокруг которого разворачивается панорама послевоенной жизни донского хутора, донского колхоза...

В своем письме в редакционно-издательский центр "Гротеск" Анатолий Вениаминович пишет: "С 1946 года моя жизнь связана с Доном. Здесь "Цыган" и постучал ко мне (был такой в нашем хуторе кузнец Иван Васильевич Андреев. Его младшего брата звали Будулай). А все остальное на совести автора. Только что уехала из хутора и нашего района киногруппа, снявшая новый фильм по мотивам "Цыгана" и для телевидения, и для большого экрана".

Миллионы людей прочитали и оценили "Цыгана". Фильм, созданный Евгением Матвеевым, с большим успехом прошел в нашей стране. С интересом будут смотреть и новые части романа.

Дойл А. К.
Д62 Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Михей Кларк: Пер. с англ. /Н. Д. Облеухов.— М.: Софит, 1992.—496 с.: илл.
ISBN 5—86042—008—0

Во второй том вошел приключенческий роман «Михей Кларк» из истории Англии XVII века.

Д $\frac{4703010100—006}{474(02)—92}$ подписное

ББК 84.4 Вл

книгах описывают эти события, но очень уж у них это выходит скучно, а на самом-то деле в событиях, о которых я вам буду рассказывать, не было ничего скучного. Совершенно напротив: они захватывали дух, увлекали всего человека.

Посторонним людям мои рассказы, может быть, не понравятся. Они скажут, что это старческая болтовня и ничего более, но вы, мои милые детки, знаете меня. Я видел все, о чем буду вам говорить, вот этими самыми глазами, которыми гляжу теперь на вас. Эти руки, вот эти самые слабые старческие руки, защищали великое дело. Вы это знаете и поверите мне.

Помните, дети, что, проливая свою кровь, мы ее проливали не только за себя, но и за вас, наших потомков. Когда вы вырастете, вы будете свободными гражданами свободной страны. Вам никто не помешает думать и молиться так, как вы захотите. Благодарите Бога за это, дети, но скажите спасибо и нам, старикам. Много крови пролили, много страданий перенесли ваши отцы во времена Стюартов, и все для того, чтобы завоевать для вас эту желанную свободу.

Родился я в 1664 году в Хэванте. Это — богатое село, и находится оно в нескольких милях от Портсмута, недалеко от Лондонской большой дороги. В этом самом селе я и провел почти всю свою молодость.

Хэвант и теперь, как в старину, славится своими живописными окрестностями и здоровым климатом. Улица в селе одна, кривая, неровная, по обеим сторонам идут кирпичные домики. Перед каждым — садик, и то там, то здесь виднеются фруктовые деревья. В самой середине села — старинная церковь с четырехугольной колокольней, на сером, выцветшем фронтоне церкви — солнечные часы.

До указа о единообразии веры* пресвитериане имели свою часовню около Хэванта, но после указа их пастор, мастер Брэкинридж, был посажен в тюрьму, и все малое стадо рассеялось. А Брэкинридж был хороший проповедник. Бывало, его часовенка битком набита народом, а церковь пустует.

---

* Этот указ (Act of Uniformity) был издан Карлом II Стюартом. Пресвитериане (сектанты, не признававшие англиканских епископов) были лишены свободного исповедания веры. *(За исключением специально оговоренных случаев, примечания принадлежат переводчику издания 1911 года.— Ред.).*

Майн рид

КВАРТЕРОНКА

ГОРЬКИЙ
ВОЛГО-ВЯТСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

84.4В.1.
Р49

Перевод с английского
В. Курелла и Е. Шишмаревой

Художник
И. Ильинский

Печатается по изданию:
Майн Рид. Собрание сочинений. В 6-ти т. М.,
Детская литература, т. 1, 1956.

© Волго-Вятское книжное издательство, 1985. Оформление.

84.4Фр
З-81

Перевод
Н. Немчиновой

Художник
Б. Лавров

Золя Э.

З-81 Жерминаль: Роман / Пер. с фр. Н. Немчиновой; Худож. Б. Лавров.— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1984.— 400 с., ил.

Переиздание романа классика французской литературы. Автор развенчивает живую буржуазную теорию о классовой гармонии. Рабочий, как это показано в романе, не может не быть пленником нужды в обществе, где господствует власть денег.

84.4Фр

З $\frac{4703000000}{153(42)-84}$

© Приволжское книжное издательство, 1984.
© Издательство «Правда», 1981.

ПОСЛЕСЛОВИЕ*

Во французской литературе последней трети XIX века Золя, пожалуй, самая заметная фигура. Современник таких выдающихся писателей, как Флобер, Гонкуры, Мопассан, молодой Анатоль Франс, Золя сказал свое неповторимое слово в искусстве и был наиболее читаемым романистом у себя на родине и за ее пределами; в России не было более популярного французского писателя, чем автор «Ругон-Маккаров».

После Бальзака нельзя назвать во Франции художника, который создал бы такую же широкую и беспощадно правдивую картину действительности, как Эмиль Золя. После Виктора Гюго трудно назвать пример такой же благородной и непримиримой гражданской позиции писателя, такой бесстрашной и стойкой защиты идеалов гуманизма и демократии. Влияние личности и деятельности Золя на его поколение было огромно. Над могилой Золя Анатоль Франс определил его как «этап в сознании человечества» и заявил, выражая мнение многих современников, что «по тому размаху, которого достигло его творчество, Золя можно сравнить только с Толстым». Мопассан назвал Золя «революционером в литературе», восхищался его «добротным, понятным, могучим языком». Литературное наследие Золя не утратило своего значения и в наши дни потому, что, как выразился один из крупных прогрессивных писателей XX века Генрих Манн, Золя «не только создавал произведения, но и утверждал истины. Истина стала душой его творчества».

Как личность и писатель Эмиль Золя (1840—1902) принадлежал новому времени. Сын инженера, строителя одной из первых во Франции железных дорог, он ребенком был увезен из Парижа и провел детские и отроческие годы в живописном Провансе, в городке Эксе (впоследствии послужившем моделью для городка Плассана, где развертывается действие многих его романов). Рано лишившись отца, Золя восемнадцатилетним юношей вернулся в Париж без гроша в кармане, но полный решимости завоевать себе место под солнцем. Годы нищенского существования на столичных окраинах, невозможность получить образование в высшей школе, одиночество, унизительные поиски

---

* Послесловие дается в сокращении.

[illegible], никчемная служба в парижских доках — все многократно изображенные во французских романах XIX века мытарства молодого талантливого бедняка не сломили волю будущего писателя. В 1862 году, получив наконец скромную должность в отделе рекламы крупнейшей книготорговой фирмы Ашетт, он оказался причастным к литературной жизни Парижа, завязал знакомство с видными писателями и стал пробовать собственное перо. С этого времени для Золя началась жизнь профессионального литератора, журналиста, потом романиста, полная борьбы и полемики, потому что он прокладывал в искусстве новые пути. Убежденный демократ и республиканец, он вел в прессе борьбу против бонапартистского режима Второй империи, а затем обличал буржуазную реакцию периода Третьей республики. Главным делом его жизни было создание обширного цикла романов «Ругон-Маккары» (1871—1893), за которым последовали еще два цикла «Три города» (1894—1898) и незавершенное «Четвероевангелие» (1900—1902). К концу 1870-х годов Золя получил во Франции признание как романист. В 1890-е годы ему принесла славу мужественная борьба в защиту демократии против объединившихся реакционных сил монархистов, церковников и военщины. Открытое письмо Эмиля Золя президенту Франции по поводу «дела Дрейфуса», опубликованное под заглавием «Я обвиняю!», имело резонанс во всем мире, привело, с одной стороны, к судебному преследованию и травле Золя и завоевало ему уважение всех прогрессивных сил — с другой. Умер Золя от несчастного случая — отравления угарным газом.

Годы литературного ученичества Золя прошли в русле романтизма. Молодой писатель, резко отрицательно настроенный по отношению к реакционной Второй империи, естественно, искал опоры в мечтах о прекрасном мире любви и справедливости, в гуманистических идеалах, которые он находил у романтиков демократического крыла: у Виктора Гюго — тогда политического изгнанника, у Жорж Санд, а также в низовых, демократических жанрах романтизма, социально-приключенческом газетном «романе-фельетоне» (типа романов Эжена Сю и А. Дюма) и мелодраме. В таком духе написаны ранние произведения Золя. Однако его все больше привлекали новые веяния в литературе. В те годы во Франции завершался промышленный переворот, бурно развивалась техника, естественные науки, и это, казалось, открывало неожиданную перспективу перед искусством: опираясь на науку, глубже проникнуть в жизнь. Социально-исторический анализ бальзаковского типа теперь представлялся недостаточным. Исходя из философии позитивизма, новое искусство стало смотреть на человека как на часть биологического мира, стремилось объяснить его поступки и душевные движения физиологической организацией, влиянием внешней среды, раздражающей нервы, инстинктами, передающимися из поколения в поколение. Физиологическая сторона страстей интересовала уже

автора «Госпожи Бовари» (1857). А в 1864 году появилось программное произведение братьев Гонкур, роман «Жермини Ласерте», построенный главным образом на анализе «невроза», физиологического отклонения от нормы, которое составляет трагедию служанки Жермини и доводит ее до полной деградации и гибели. Книга Гонкуров, вызвавшая травлю авторов ханжеской буржуазной критикой, ободрила молодого Золя на том пути, на который влекло его собственное творческое развитие.

Именно в это время стала складываться литературная теория Золя, получившая наименование «натурализма», которая поставила его во главе школы и во многом определила характер его зрелого творчества. Пропаганду натурализма Золя считал своей высокой миссией и выполнял ее с большим упорством и темпераментом на протяжении многих лет. Его статьи по этому вопросу были объединены в сборники «Что мне ненавистно», «Экспериментальный роман», «Романисты-натуралисты», «Натурализм в театре» и другие, опубликованные в разные годы. Формированию теории Золя способствовало также личное его общение с выдающимися писателями реалистического направления — Флобером, Гонкурами, И. С. Тургеневым, подолгу жившим тогда в Париже[1], и близость к молодым художникам-импрессионистам — Полю Сезанну (который был другом детства Золя), Э. Мане, К. Моне, Дега и другим.

Натурализм для Золя — это искусство, отражающее объективную действительность, искусство жизненной правды, которую он отстаивал от всякого рода нереалистических течений, начиная с классицизма и романтизма и кончая декадентством, укреплявшимся в последней четверти XIX века (когда у импрессионистов стали проявляться декадентские черты, Золя порвал с ними). Искуство — по мысли Золя — должно быть поставлено на твердую научную основу; подобно науке, оно должно изучать только факты — ведь реальная действительность дает художнику неисчерпаемый материал и служит неиссякаемым источником вдохновения. Для художника нет запретных сфер, он имеет право вторгаться в любые стороны жизни, даже самые низменные, прежде считавшиеся «неэстетическими». В теории Золя содержался страстный призыв служить истине, вера в творческие

---

[1] Известно, какую большую роль сыграли в жизни Золя его отношения с Россией. Через Тургенева он связался с петербургским журналом «Вестник Европы», где начиная с 1875 года печатались переведенные прямо с рукописи или с корректуры многие его романы и статьи. Часто русские читатели знакомились с новыми произведениями Золя прежде, чем его соотечественники. Впоследствии в предисловии к «Экспериментальному роману» Золя выразил горячую благодарность «великому народу, благосклонно пожелавшему принять меня в число своих корреспондентов в ту пору, когда ни одна газета в Париже не печатала моих статей и не одобряла моих литературных битв. В один из переживаемых мною ужасных дней нужды и упадка духа Россия вернула мне веру в себя, всю мою силу, дав мне трибуну и публику, самую образованную, самую отзывчивую публику».

силы человека. Но, увлекшись философией позитивизма, он уподоблял человеческое общество неорганическому и животному миру и не различал особых закономерностей общественной жизни. «Те же законы управляют камнем на дороге и мозгом человека»,— утверждал он. В теории человек сводился для него к «общему механизму природы», становился рабом своей биологической сущности, например наследственности, и воздействующей на него «внешней среды»; в этом позитивистском понятии не расчленялись природная среда и среда социальная, чье решающее влияние на формирование человеческой личности с такой глубиной исследовал Бальзак. Научный пафос, пронизывающий литературную теорию Золя, терял свою научность при попытках объяснить жизнь общества биологическими законами в эпоху, когда уже были сделаны великие открытия марксизма.

С середины 70-х годов во Франции начинается подъем массового рабочего движения, которое после Коммуны некоторое время находилось в плену реформизма. Экономический кризис 1875 года, особенно усилившийся к 1878 году, привел к росту социалистических идей и вызвал волну стачек по всей стране. В 1880 году на Гаврском съезде было оформлено создание французской Рабочей партии, руководимой Жюлем Гедом и Полем Лафаргом, с марксистской, в основном, программой; в следующем, 1881 году произошел раскол Рабочей партии; полемика лидеров различных направлений – сторонников Геда, анархистов и «мнимых социалистов», поссибилистов — широко освещалась в прессе. Амнистия коммунарам, которой в 1880 году, после десятилетней борьбы, добилась прогрессивная общественность Франции, привлекла еще большее внимание к социализму. Золя, чутко откликавшийся на все новое в жизни, после «Западни» собирался написать еще один рабочий роман, «по преимуществу политический и революционный», отнесенный к маю 1871 года, с рабочим-коммунаром в качестве главного героя. Но тем временем в 1878 году произошла стачка в шахтах Анзена, в 1880 и 1884 годах — две стачки в копях Па-де-Кале, в 1882 году — стачка в Монсо-ле-Мин. И Золя, захваченный драматизмом пролетарской борьбы, изменил первоначальный замысел: вместо романа о коммунаре появился роман *об углекопах* – «Жерминаль». Окончательно это произведение оформилось во время пребывания Золя в Анзене, где он лично наблюдал забастовку двенадцати тысяч рабочих, продолжавшуюся пятьдесят шесть дней и окончившуюся поражением.

«Жерминаль» — уникальная книга в творчестве Золя и во всей французской литературе XIX века. В ней впервые с грозной художественной силой изображено столкновение труда и капитала как двух враждебных общественных классов, антагонизм этот конфликт, которому, по проницательному замечанию Золя, предстояло стать «главным вопросом XX века». С необычайной для его времени смелостью Золя положил в основу сюжета не семей-

ные коллизии или деловую карьеру героя, а эпизод классовой борьбы пролетариата — историю стачки. Роман рисует ее возникновение, перипетии, мужество и стойкость бастующих, их борьбу против штрейкбрехеров, наконец, кровавую бойню, устроенную брошенными против рабочих войсками, и горечь поражения. Открытие этой темы было величайшей заслугой Золя как писателя. В «Жерминале» он поднялся над своими натуралистическими схемами и, опередив литературных современников, создал эпическое полотно народной жизни и народного возмущения, исполненное высокой правды, гуманности и суровой поэзии.

Действие «Жерминаля» отнесено к 1865 году и основано, как всегда у Золя, на тщательном изучении документов. Но он не ставил себе задачу написать исторический роман. Как и в других книгах «Ругон-Маккаров», он проецировал прошлое на современность и обратно, выверял и освещал одно другим, жертвуя исторической точностью ради широты художественного обобщения. В «Жерминале» документы 1860-х годов соединены с фактами, относящимися к рабочему движению 1880-х годов, когда создавался роман, и это усиливало его актуальность.

С беспощадной правдивостью изображены в романе чудовищные условия жизни и труда французских пролетариев. Перед потрясенными читателями «Жерминаля» встали картины социальной трагедии, о которой они и не подозревали, — трагедии каждодневного существования рабочего класса, узаконенной, извечной, повторяющейся из года в год, из поколения в поколение.

Вот в предутренней мгле, дрожа от холода в своих лохмотьях, угрюмые вереницы рабочих стекаются к шахте — мужчины, старики, женщины, дети; людей, «как скот, грузят в клети»; забойщики, откатчицы задыхаются от жары в узких забоях, среди рудничного газа, потоков подземной воды, под постоянной угрозой гибели, измученные нечеловеческим трудом, доведенные до крайней степени унижения, полуголодные, голые, как животные, на всю жизнь прикованные к шахте, словно те лошади, которых поднимают на поверхность только после смерти. Золя откровенно рисует невежество и пороки, неизбежно бытующие в рабочей среде, но он неизмеримо поднимается над своим первым рабочим романом, потому что рисует героев «Жерминаля» как класс. Их объединяет не случайное соседство по дому, улице или мастерской, а общее положение наемных рабочих, определяющее их судьбу. Если в «Западне» прилежная и пьющая семья Гуже процветает, то в «Жерминале» такая же трезвая и работящая семья Маэ гибнет, как и все остальные: годы непосильного труда и лишений приводят их к физическому вырождению, целая рабочая династия, пять поколений этой семьи находят смерть под землей.

И тут никто лично не виноват: таково само общественное положение пролетария, он должен кормить Капитал — этого «тучного

...лола, восседающего в далеком капище», чей символический об-
...раз проходит через весь роман. В мире «Ругон-Маккаров»,
...как и в мире «Человеческой комедии», владычествует «всемогу-
...щая пятифранковая монета», но капитал уже не совпадает в
...сознании людей с личностью его владельца; во времена Золя капи-
...тализм дошел до стадии анонимных промышленных и банковских
...обществ, и вместо Гобсека или Нусингена действует таинствен-
...ная Биржа («Деньги») или столь же таинственная Компания,
...которой рабочие «Жерминаля» никогда в глаза не видали. Они
...имеют дело только со второстепенными лицами. Золя сознатель-
...но нарисовал персонажей из лагеря эксплуататоров не какими-то
...злодеями, а самыми обыкновенными людьми,— как деятельный
...и смелый инженер Негрель, изнемогающий в борьбе с копку-
...рентами мелкий шахтовладелец Денелен, директор шахты Энбо,
...затаивший в душе глубокую личную драму. Никто из них не
...хочет рабочим зла, но они помимо воли становятся орудием клас-
...сового угнетения, и рабочие с полным правом смотрят на них как
...на врагов. Многочисленные сцены романа, с плакатной наглядностью противопоставляют праздный класс классу тружеников. Таков изысканный завтрак у Энбо, составляющий контраст со скудным ужином в шахтерской семье Маэ, стоившим матери стольких трудов и унижений; таков «заурядный адюльтер» в доме директора шахты, который, по признанию Золя, понадобился ему, чтобы показать ничтожность страданий Энбо «на фоне грозного рева толпы, в котором рвется наружу боль целого класса»; прогулка дам к месту сбвала шахты, когда они восторгаются живописностью пейзажа, пока рабочие откапывают засыпанных товарищей. Обобщенное значение приобретает семья добродушных и по видимости таких безобидных Грегуаров, которые, проживая в совершенном безделье, вот уже целых сто лет кормятся одной-единственной акцией угольных копей и считают само собой разумеющимся, что «их добрые рабочие» обеспечивают им сытость и уют. И наконец, все эти противопоставления сводятся к символической сцене, в которой старый шахтер Бессмертный архитип рабочего класса — душит Сесиль Грегуар — эмбрион класса праздного.

Новаторство «Жерминаля» проявилось и в том, что впервые предметом художественного изображения стал труд. Рисуя пролетария, Золя не мог нарисовать его вне трудовой деятельности. Труд составляет в романе содержание жизни рабочего, определяет его личность, психологию, физический облик, его заботы и мечты, его отношение к окружающим — сама его человеческая сущность сводится к труду. Именно коллективный труд создает общность интересов, заставляющую рабочих объединиться против имущего класса, который тоже объединяется для защиты своих богатств. С большой убедительностью Золя показывает, что только в открытой борьбе против хозяев возникает новое явление — рабочая солидарность, чувство братства. Солидарность

поднимает рабочего до уровня человека, помогает преодолеть вековую покорность, учит ставить общее дело выше личных интересов. Супруги Маэ, не согласные с идеей стачки, присоединяются к бастующим только потому, что «нельзя же бросать товарищей!» Замечательна сцена робкого и трудного пробуждения человеческого достоинства в шахтере Маэ, который выступает перед директором как представитель забастовщиков: «Он поднял глаза и говорил, устремив взгляд на директора. Теперь уже его было не остановить». Даже в жестоком и грубом Шавале в трудную минуту пробуждается «благородное» желание помочь товарищу», а после катастрофы в шахте рабочие проявляют массовый героизм, ведя спасательные работы. Окунувшись в толщу трудящегося народа, Золя обнаружил там совсем новые для литературы характеры и отношения, какие он никогда не наблюдал в буржуазной среде. Это «отъявленная бунтовщица» Горелая, с ее седыми космами и орлиным носом, возглавляющая голодную толпу забастовщиков и гибнущая от солдатской пули; Бессмертный, у которого через полвека примерной работы внезапно прорывается подсознательная ненависть к угнетателям; робкая, забитая Катрин, сумевшая сохранить среди почти животного существования нежность и поэтическую женственность; простой рабочий парень Захарий, которому кажущаяся душевная примитивность не мешает пожертвовать собой ради спасения сестры. Наконец, самый значительный и жизненный образ «Жерминаля» — мать Маэ, душа и глава рабочей семьи, страдалица и труженица, у которой шахта постоянно отнимает детей и мужа. Выведенная стачкой из состояния безнадежной покорности, она «меняется на глазах», в ходе тяжелой борьбы становится одной из самых стойких, а после поражения сохраняет веру в завтрашний день. Эта величественная, полная долготерпения и мужества фигура женщины из народа приобретает символическое значение материнства, продолжения жизни, надежды на будущее и предвосхищает многие образы матери в прогрессивной литературе XX века.

С горячим сочувствием рисуя стачку шахтеров, Золя, однако, изобразил ее как слепой бунт темной массы, движимой скорее животным инстинктом голода, чем сознательным протестом против угнетателей. Даже для 1860-х годов он преувеличил стихийность рабочего движения, тем более для 1880-х годов, когда у рабочего класса Франции был уже опыт Парижской коммуны. В романе очень точно исследованы экономические причины стачки: промышленный кризис и снижение расценки на вагонетку угля, на которое пошла Компания шахтовладельцев, спасая за счет рабочих свои дивиденды. Но политическая сторона рабочего движения выглядит гораздо менее достоверно. Презрение к буржуазному политиканству, заклейменному во многих романах и статьях Золя, внушило ему недоверие к политике вообще, в том числе и к революционной политической борьбе народа. Убеж-

ленный сторонник демократии, с таким мужеством вставший на ее защиту в 90-е годы, не понял Парижской коммуны и опасался революционных потрясений будущего. В соответствии со своей позитивистской философией Золя понимал жизнь природы и общества как неудержимую эволюцию, независимо от воли людей ведущую к прогрессу. Здоровое начало жизни рано или поздно преодолеет порочный общественный строй, все социальные болезни и приведет человечество к победе разума и справедливости. Эта оптимистическая концепция бытия, ярко выразившаяся в таких романах, как «Радость жизни» (1884) или «Проступок аббата Муре» (1875), с его символическим образом «земного рая» — сада Параду, побуждала Золя даже идеализировать некоторые стороны буржуазного прогресса (например, в романах «Дамское счастье», «Деньги»).

Ко времени написания «Жерминаля» надежды на будущее окончательно связываются у Золя с народом, в котором он усматривает здоровую жизненную силу; исследуя общество, он, по собственному признанию, «каждый раз наталкивается на социализм», но воспринимает его сквозь туман мелкобуржуазных предрассудков и иллюзий. В «Жерминале» действуют представители главных направлений во французском рабочем движении: социалист Плюшар, проповедующий идеи Жюля Геда, анархист Суварин, которого Золя наделил внешностью Петра Кропоткина (находившегося в те годы в парижской эмиграции), и пессибилист Раснер. Однако их взгляды изложены крайне упрощенно, а ссылки на Маркса показывают, что Золя имел весьма приблизительное представление о научном социализме (он знакомился с марксизмом из вторых рук, по книгам буржуазных экономистов). Этьен Лантье, возглавляющий стачку, колеблется между различными идеями, которые по ходу романа обнаруживают свою несостоятельность. Обманутыми оказываются надежды рабочих на немедленное крушение капитализма в результате стачки, которое будто бы обещает посланец Социалистического интернационала Плюшар; действия анархиста Суварина приводят лишь к новой трагедии; Золя склонен думать, что ближе всех к истине поссибилизм, который устами Раснера утверждает, что «насилие никогда не приводило к добру» и что надо терпеливо ждать, пока в обществе созреет будущее, как зреют в свой срок брошенные в землю семена. По существу, в романе нет ни одного правдивого образа рабочего вожака. Этьен Лантье по мере своего умственного и политического развития все больше отдаляется от товарищей, попадает во власть честолюбия и обнаруживает признаки буржуазного перерождения.

Но пусть Золя неясно представлял себе истинные законы истории, пусть в его словаре во времена «Жерминаля» еще не было термина «классовая борьба» и для него оставалось закрытым действительное значение организованной политической борьбы пролетариата. На страницах «Жерминаля» встает «красный приз-

рак Революции», и весь эмоциональный строй романа подтверждает ее нравственную правоту. Стихийный бунт нескольких тысяч углекопов вырастает под могучей кистью Золя в некое предвестие апокалипсической катастрофы, которая «в жестокой схватке сметет старый мир». И рассказ о конкретном, документально подтвержденном событии выливается в экстатическую поэму народных страданий, борьбы и мщения, выраженную в простых и гигантских образах, достойных древнего эпоса. Грозное шествие голодной толпы через замерзшую равнину, увиденное дважды — сперва сочувственными глазами автора, потом расширенными глазами перепуганных буржуа,— описано торжественной ритмической прозой, звучащей, как гомеровский гекзаметр, и ритм этот подчеркивается трагическим рефреном: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!» Почти каждый образ, каждая сцена романа получают символическое значение: шахта, ненасытное чудовище, «поглощающее ежедневную порцию человеческого мяса»; черные клети Бессмертного, выхаркивающего уголь из съеденных легких; погибающая в затопленной шахте лошадь; разгром продовольственной лавки обезумевшими от голода людьми и издевательство над трупом лавочника — символ слепого кровавого бунта; и страшная, одна из первых в мировой литературе, сцена расстрела безоружных рабочих; и описание провала в бездну строений шахты, олицетворяющего грядущий конец преступного мира.

Но Золя не ограничивается социальной символикой; за жизнью общества для него всегда стоит вечная жизнь природы, и вера в ее непреложные законы внушает писателю надежду на будущее. Поэтому поэтические символы «Жерминаля» разрастаются в своего рода мифы, выражающие главные вопросы человеческого бытия: жизнь, любовь, смерть, обновление, которые по художественной логике Золя соответствуют круговороту природы.

Эта символика заложена в самом названии книги: жерминаль — весенний месяц по календарю французской революции, месяц прорастания посевов в предвидении будущей жатвы. И образ семени, брошенного в землю и поднимающегося из нее в виде ростка, образ зимы и весны, гибели и возрождения, прошлого и будущего настойчивым лейтмотивом проходит через весь роман, вплоть до его последней страницы. В «Жерминале» происходит встречное движение образов: вниз и вверх. Рабочие непрестанно спускаются вниз, под землю; под землей находят смерть целые поколения и многие персонажи романа; земля разверзается под рухнувшей шахтой. Но под землей расцветает любовь Катрин и Этьена; в земле, «подобно зерну пшеничному» прорастают «семена гражданского сознания», «из глубины шахт поднимается целая армия бойцов», в земле зарождается новая жизнь, зреет завтрашний день. После трагических картин страдания, смертей и катастрофы возникает светлая мелодия финала, и она разрастается в гимн весеннему обновлению природы и грядущему торжеству справедливости, которое Золя провидит за всеми бедствия-

ми, бурями и беспощадной социальной борьбой. «По всей равнине набухали брошенные в землю семена, и, пробивая ее корку, всходы тянулись вверх, к теплу и свету... К земле, залитой сверкающими лучами солнца, вернулась молодость... Из недр ее тянулись к свету люди — черная армия мстителей, медленно восходившая в ее бороздах и постепенно поднимавшаяся для жатвы будущего столетия, уже готовая ростками своими пробиться сквозь землю». По этим весенним полям, под которыми слышится неумолчный стук шахтерских обушков, Этьен Лантье уходит вдаль, навстречу новой борьбе и надежде.

Огромная художественная сила «Жерминаля» состояла в пророчестве и оправдании народной революции. Но сам Золя возражал против революционного истолкования этой книги; он уверял, что «в его намерения не входило поднять Францию на баррикады», а лишь призвать «к состраданию и справедливости» и, «пока не поздно, предупредить новую катастрофу» (письмо от декабря 1885 г.). Через несколько лет в романе «Труд» (1901) он нарисовал фурьеристскую утопию мирного врастания капитализма в социализм, достойную наивных романтических мечтаний первой половины XIX века. Его биологическая концепция истории на поверку оказывалась не меньшей иллюзией, чем концепция нравственного прогресса, которую до конца своих дней проповедовал Виктор Гюго. «Жерминаль» остался в творчестве Золя художественным прозрением, до какого он больше не поднялся ни в одной другой своей книге.

Чем дальше мы уходим от Золя, тем в более истинном свете вырисовывается его фигура. Для современников был ограничителен его натурализм, который затмевал другие грани его огромного дарования, и Золя, хоть и сам немало способствовал этому, огорчался, что критики «не замечают в нем поэта». И историческая дистанция помогает освободиться от предвзятости, от гипноза натуралистических формул, и сегодня Золя предстает как великий художник, вобравший в свое творчество традиции идейного, правдивого, гуманистического искусства своих предшественников и сделавший шаг навстречу новому [illegible]. Один из «бородатых богов» XIX века», обличитель и пост своего времени, он утратил многое из философского богатства классического реализма; но он смотрит на мир под своим особым углом зрения, открывающим искусству новые грани действительности, и предвосхитил черты реализма XX века. Современный западно-европейский и американский реалистический роман многим обязан Эмилю Золя.

Современный читатель воспринимает произведения Золя не как бесстрастное или нарочито грубое описание «человека-животного», порабощенного средой и наследственностью, а как патетическую, полную динамики и сочувствия к людям картину жизни его эпохи, в ее борьбе и устремленности к более справедливому будущему.

С. БРАХМАН

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I

В четыре часа утра луна зашла, настал непроглядный мрак. У Денеленов все еще спали; двери и окна были заперты, старый кирпичный дом, отделенный от шахты Жан-Барт большим запущенным садом, стоял немой и мрачный. Другой стороной он выходил на дорогу к Вандаму — большому селу, расположенному за лесом, километрах в трех.

Денелен, сильно уставший, так как вчера он почти не выходил из шахты, крепко спал, повернувшись лицом к степе. Вдруг ему приснилось, что его кто-то зовет. В конце концов он проснулся и, явяву услышав голос, окликавший его из сада, вскочил с постели и отворил окно. Он увидел одного из своих штейгеров.

— Что случилось? — спросил Денелен.

— Господин Денелен, рабочие взбунтовались. Половина смены отказалась работать и другим не дает спуститься в шахту.

Спросонок Денелен ничего не понял, в голове у него гудело. От промозглой сырости его стало знобить, словно от ледяного дуна.

— Заставьте их спуститься, черт побери! — зевая, пробормотал он.

— Они целый час буянят, — продолжал штейгер. - Вот мы и решили вас позвать. Может, вам удастся их образумить.

— Хорошо. Сейчас иду.

Он быстро оделся. Голова была теперь совершенно ясная. Тревога отогнала сон. Как уйти из дому? Ни кухарка, ни слуга не пошевелились, воры свободно могут забраться в дом. Но с другой стороны лестничной площадки послышалось испуганное перешептывание, и, когда он вышел из спальни, отворилась дверь из комнаты дочерей, и они обе появились в белых капотах

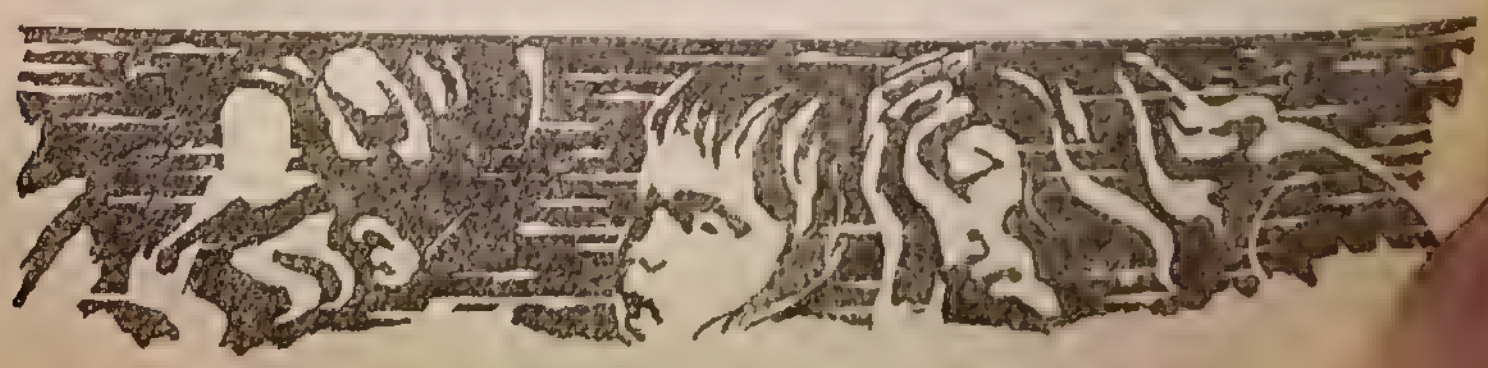
Люси, старшей дочери, высокой статной брюнетке, было двад-

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

I

Выстрелы, раздавшиеся в Монсу, докатились до Па... отозвались там грозным эхом. Четыре дня кряду все ... ные газеты возмущались, помещали на первой полосе ... сообщения об этом ужасном событии: двадцать пять ... нено, четырнадцать убито, из них двое детей и три ... несколько человек арестовано. Левак стал своего рода ... тостью: на допросе у следователя он будто бы дал ответ, ... ный величия античных героев. Империя, пораженная этим ... лями, попавшими в ее тучное тело, выказывала подчеркн... спокойствие всемогущей власти, не отдавая себе отчета в том, ... ее раны весьма опасны. Ах, оставьте, все так просто,— что-то расклеилось в далеком угольном краю Франции! Случай при... скорбный, но произошло это так далеко от Парижа, а ведь именно Париж создает общественное мнение. Все скоро забудется. К... пания получила официальное предписание замять дело и ... чить с затянувшейся забастовкой, ибо она становилась социаль... ной опасностью.

И вот в среду утром в Монсу прибыли три члена прав... Маленький городок, в котором обыватели до тех пор не ... радоваться недавней бойне и все хватались за сердце, вдруг вздох... пул с облегчением и возликовал, почувствовав себя спасенным. А тут как раз исправилась погода, засияло солнце. Н... лые дни, как оно и подобает в конце февраля. На кустах ... зазеленели почки. В обширном особняке, где помещалась ... Компании, отворились ставни, дом словно ожил, оттуда ... перь приятнейшие слухи — говорили, что приезжие ... вычайно огорчены прискорбной катастрофой и поспешили ... мощь заблудшему населению рабочих поселков. Теперь ...



НОВАЯ ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Уважаемый читатель!

«Новая школьная библиотека» — не плод издательской фантазии или дань конъюнктуре книжного рынка. Ее разработка базируется на глубоком анализе качества комплектования школьных библиотек прежде всего в Москве. К сожалению, поступление книг по литературе в школы за последние годы резко сократилось. В условиях изменяющихся программ вариативного обучения учащиеся и преподаватели испытывают серьезные затруднения даже с текстами классической отечественной и зарубежной литературы.

В учебных программах появились имена писателей, произведения которых в библиотеки практически не поступали.

Наш Издательский Дом с помощью специалистов, учителей, ученых разработал серию «Новая школьная библиотека» из 250 томов. Она состоит из нескольких разделов:

— литература для начальной школы;
— литература для средней школы;
— русская критика о русской литературе (адресовано учителю);
— литература для углубленного изучения и внеклассного чтения.

В ее состав вошли произведения, соответствующие прежде всего школьным программам, авторы серии отобрали из сокровищ отечественной и мировой литературы то, что необходимо для решения задач современного школьного образования и воспитания.

Каждый том будет иллюстрирован, сопровожден новой вступительной статьей ведущих специалистов — литературоведов, комментариями, библиографией, вариантами (при наличии) авторских текстов, что, как нам представляется, является необходимым условием подготовки книг для школы. В этом вы можете убедиться, полистав книгу, которая в ваших руках.

Мы хотим, чтобы наши читатели знали — «НШБ» одобрена Министерствами образования и культуры Российской Федерации, Отделением литературы и языка Российской Академии наук.

О чем хочется сказать еще? Очень символично, что книги первых тиражей поступят в школы столицы. Их издание начато нами совместно с Московским Департаментом образования. Издательский Дом глубоко признателен Департаменту за поддержку нашей инициативы и участие в подготовке и реализации столь необходимой для школ издательской программы.

И последнее. Мы убеждены, что книги «Новой школьной библиотеки» должны прийти во все школы России. А поэтому готовы сотрудничать со всеми, кому не безразлична судьба и воспитание будущих поколений.

Наш адрес: 109280, Москва, ул. Велозаводская, д. 8.
Международный Издательский Дом «Синергия».
Контактные телефоны:
275-01-29, 277-40-25 (Издательство)
324-21-83 (Фирменный магазин)
954-31-62 (Книжный склад)
Факс: 277-40-09 (с 10 ч. до 18 ч.)

Литературно-художественное издание

Иван Александрович Гончаров

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Роман в двух частях

Художественный редактор *Ю.П.Фролов*
Технический редактор *С.С.Басипова*
Корректор *Н.Д.Бучарова*

ИБ № Н/К

Подписано в печать 26.09.96. Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1. Гарнитура школьная. Усл. печ. л. 20,16. Тираж 22 000 экз. Цена договорная. ЛР № 070977 от 10.06.93. Заказ № 1985

Международный Издательский Дом «Синергия»
109280, Москва, ул. Велозаводская, д. 8.

Отпечатано с оригинал-макетов, подготовленных Издательством «Аллегро–Пресс»

Полиграфическая фирма «Красный Пролетарий»,
103473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16.

ГОНЧАРОВ И.А.

Г 65 Обыкновенная история: Роман в двух частях/ Вступ. ст. и коммент. доктора филологических наук В.И.Сахарова. —М.: МИД «Синергия», 1996. — 384 с., ил.

Гончаров был первым русским писателем, почувствовавшим проблемы, которые ставят перед человечеством городская культура, перенаселенность городов, ведущая к обезличиванию человека. Отметив прогрессивные черты новой культуры, он указал и на потери, возникающие при подчинении ее законам всех сфер жизни.

В «Обыкновенной истории» уже было то, что определило облик классического русского романа XIX века, — мощный заряд идейности, напряженное искание истины, устремленность к разрешению главных проблем человеческого существования.

Тексту романа предпослана вступительная статья, в которой анализируется столкновение юношеского романтизма с суровой действительностью.

Книга адресована учителям и учащимся, студентам гуманитарных вузов, а также широкому кругу читателей.

Г $\frac{4702010000-19}{ЛР\ 070977}$ Без объявления

ББК 74.200.5

ISBN 5-7368-0051-9

ББК 74.200.5
Г 65

Серия «Новая школьная библиотека»
одобрена Министерствами образования и культуры РФ,
Отделением литературы и языка РАН

Автор проекта и главный редактор серии
Эрнст Александрович Бессмертных, действительный член
Академии педагогических и социальных наук

Автор проекта и ведущий редактор серии
Лариса Александровна Черниченко

Вступительная статья и комментарии В. Сахарова

Художники серии
В.А.Крючков, Ю.П.Фролов

Иллюстрации художника В.П. Бухарева

Печатается по изданию:
Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т.1. М., 1977.

Г $\frac{4702010000—19}{ЛР070977}$ Без объявления ISBN 5—7368—0051—9

© В.И. Сахаров, вступительная статья, комментарии 1996
© МИД «Синергия», серия, оформление, 1996

ЕСЛИ БЫ МОЛОДОСТЬ ЗНАЛА...

О первом романе И. А. Гончарова

С первой книгой Ивана Александровича Гончарова (1812 — 1891) произошла обыкновенная история: роман молодого писателя, имевший при его появлении в некрасовском «Современнике» шумный успех и поставивший Гончарова рядом с Герценом, Достоевским и И. С. Тургеневым, был потом как бы забыт и недооценен критикой, заслонен великим «Обломовым» и нашумевшим поэтическим «Обрывом». Сам автор со свойственной ему скромностью видел в «Обыкновенной истории» лишь недостатки литературного дебюта.

Но взыскательный и благодарный российский читатель судил иначе: первый роман Гончарова остается в числе самых популярных книг, часто переиздается даже в наши трудные времена. И читает его в основном молодежь. А неплохой спектакль театра «Современник» по этой старой книге был заснят и постоянно повторялся телевидением. Значит, живая мысль автора продолжает волновать, встречает отклик, обращаясь к вечным темам русского бытия, к уму и сердцу сегодняшних читателей и зрителей. Так что можно понять его приятеля, писателя Д. В. Григоровича, с завистью говорившего: «Во всей русской литературе не найдется человека счастливее Гончарова». Написав всего три романа и книгу путешествий «Фрегат «Паллада», автор «Обыкновенной истории» навсегда вошел в историю отечественной и мировой литературы.

Если гончаровский Обломов — вечный образ русской души и истории, то «Обыкновенная история» — вечная книга о молодости, вступающей в жизнь, о поэзии и самообмане любви и дружбы, о непрекращающейся борьбе реализма и романтизма в мире и душе человека. Странно, что этот любовный роман о воспитании чувств написал флегматичный купеческий сын из Симбирска, типичный петербургский чиновник, убежденный старый холостяк. Ведь по глубине проникновения в диалектику юной души, верящей, любящей и разочаровывающейся, по доскональному знанию сложной женской натуры рассказанная Гон-

чаровым история не уступает своему французскому варианту — «Утраченным иллюзиям» кумира европейских дам и девушек Оноре де Бальзака, а в чем-то (например, в поэтичных и вместе с тем сатирических картинах патриархальной жизни русской провинции) превосходит знаменитый роман галантного и плодовитого автора-француза, и не догадывавшегося о мирной жизни Обломовки и ее неторопливых обитателей.

Между тем Иван Александрович Гончаров никогда не был угрюмым женоненавистником, ленивым увальнем и отшельником, и не надо видеть в авторе его героев — Обломова и Петра Адуева. Он с полным правом говорил: «Русских женщин я считаю лучшими из всех, и не по одному только патриотизму, а и по строгому, долговременному изучению». Писатель с юных лет пользовался успехом у женщин и даже в старости пережил мучительный закатный роман с неизвестной молодой особой, был всегда весел, остроумен, изящен и обходителен; занятия гимнастикой, долгие пешие прогулки, обливания и морские купания помогли Гончарову сохранять бодрость и живость ума и создавать свои шедевры в довольно утлом холостяцком углу и номерах европейских гостиниц (творческие чудеса он предпочитал создавать не в расхлябанной Обломовке, а в комфортном Мариенбаде).

Гончаров — великий труженик, прошедший в юности суровую школу жизни, голодавший, бедствовавший, но не отчаявшийся и потому всего добившийся в жизни сам. Стоит напомнить и свидетельство современника: «И. А. Гончаров был искренне и глубоко религиозен». Но и это ощутимо в глубине гончаровской прозы и самого авторского отношения к жизни и смерти, не выливается в фарисейские сентенции. Писатель этот чужд злобы, гнева, душевного мрака и терзаний людского «подполья», ненавидит поучения. Талант его ясен и гармоничен, полон доброжелательного внимания и любви к человеку, трезвого понимания его слабостей и неизбежных ошибок.

Может быть, именно поэтому скромный, ценивший скрытую поэзию обыденной жизни, ее повседневные радости Гончаров был всегда любим молодежью. Во влиятельных кругах литературной демократии авто-

ра «Обрыва» терпеть не могли за его работу в правительственной цензуре, близость к правящим верхам и императорскому дому, за «карикатурного» Марка Волохова, писали о нем оскорбительные памфлеты, действуя в критике тележной оглоблей, чего, увы, не избежал и дворянин М. Е. Салтыков (он же Н. Щедрин) в грубой статье «Уличная философия». А все же молодежь, и в том числе «революционно-демократическая», несмотря на весь свой начетнический «прогрессизм» и нигилизм, читала и любила гончаровскую прозу, и дружеское общение «консерватора» Гончарова в Берлине с одним таким «левым» кружком озорных юношей («банда» В. Бакста) говорит о многом. Здесь юное доброе сердце волей-неволей поправляло увлекающийся неопытный ум, и причины такого отношения следует прежде всего искать в «Обыкновенной истории», хотя светлая поэзия и умная доброта разлиты по всей прозе И. А. Гончарова.

Он предложил русской молодежи свой учебник жизни, но сумел избежать докучливых нравоучений и показал путь человека, воспитание чувств, диалектику зреющей и прозревающей души. Здесь практический мудрец Гончаров был согласен с дядюшкой Адуевым, говорившим: «С сердцем напрямик действовать нельзя». Реальной правды о себе человек, тем более молодой, не выдержит, да и не захочет знать. Но он может пройти все этапы познания жизни и себя самого вместе с героем гончаровского романа, понять его в каждый из моментов бытия и ему посочувствовать, согласиться с его прозрениями, понять механизм неизбежных ошибок и разочарований.

Гончаров нашел выход: он разделил жизнь человека на молодость и зрелость, умно столкнул их в лице племянника и дяди: «Молодость эгоистична и экспансивна, она любит делиться со всяким своим избытком чувств. Вступая в зрелую пору, она уже сдерживает себя, не расплывается, делается трезва и скупа на сентименты». Дядя все время дополняет и уточняет племянника, их монологи превращаются в разумный диалог, вечный спор о жизни и человеке. Читатель к ним прислушивается, соглашается то с одним, то с другим.

Неизбежная сатира, равно поражающая обоих героев романа, всегда смягчается добрым комизмом: «Шутка — моя стихия». Автор незло посмеивается над рядовым, дюжинным романтиком Александром Адуевым и именно этого уязвимого и комичного юношу делает зорким и глубоким критиком петербургской жизни, тогдашней литературы, науки, коммерции, любви, брака, семьи и многих других ценностей, к которым тогда все относились очень серьезно. Дядя ему помогает, вносит в эту юношески пылкую, бескорыстную критику недолжного, «деревянного» бытия неотразимо меткие перлы житейской мудрости типа «Делай все, как другие, — и судьба не обойдет тебя: найдешь свое». Его мысли о коммерческом направлении изящной словесности, о превращении писателя из романтического поэта-небожителя в состоятельного дельца, о том, что и самая идеальная любовь требует немалых денег — все это тоже реальная правда.

Философический дуэт дяди и племянника неотразим в своих доводах, хотя никто не увидит в этих с изрядной долей комизма описанных персонажах серьезных учителей жизни вроде героев Чернышевского или Горького. Привлекает и убеждает сама логика развития самобытных и в то же время типичных характеров, сквозь которую видно самодвижение живой жизни.

Рисунок повествования в «Обыкновенной истории» тонок и грациозен. Гончаров — мастер значимой, но ненавязчивой детали, красноречивых черт, точно характеризующих личность, пейзаж или ситуацию. «Главная черта его таланта — это искусная тушевка, уменье оттенять верно каждую подробность, давать ей значение, соответственное характеру всей картины», — верно заметил современник. Вы, читатель, верно, и не заметили, что очаровательная плутовка Наденька спит до одиннадцати часов, а ведь черточка эта и ее незримо соединяет с Обломовкой. А об обыденной трагедии в жизни Александра автор извещает одной, но страшной фразой: «Но мать вскоре избавила его от этого труда: она умерла». И таких деталей и черт разбросано по роману множество... И все это сливается в увлекательную историю, которую не скучно читать и сегодня: такой значимый жизненный

опыт выражен здесь в столь неожиданной художественной форме.

«Обыкновенная история» стала «учебником жизни» не сразу. Нужны были счастливое стечение обстоятельств и время для саморазвития авторского дара и творческой фантазии. Роман был задуман и начат в 1845 году, обсуждался по главам в литературном кружке Майковых, а в апреле 1846 года автор уже читал рукопись Белинскому. Само время появления «Обыкновенной истории» было замечательно, ибо завершалась одна великая эпоха и начиналась другая. В литературу пришли новые, молодые, не похожие на прежних ее деятелей люди и сразу стали всеми читаемы, знамениты: Гончаров, Тургенев, Герцен, Некрасов, Достоевский. На русской сцене появился А. Н. Островский. Десятилетием позже к ним присоединился молодой севастопольский артиллерист Лев Толстой.

Рождалась русская классика, составившая эпоху в мировой культуре. Но до этого новым писателям, и Гончарову в их числе, нужно было пройти серьезную школу. Так и называлось это возглавлявшееся Белинским молодое литературное направление — *«натуральная школа»*. Ее с самого начала связывали с именем Гоголя, бывшего тогда в расцвете своего гения и внимательно прочитавшего «Обыкновенную историю».

Имя автора «Мертвых душ» сразу соединилось с именем Гончарова. И еще в начале нашего столетия критика писала: «После «Мертвых душ» Гоголя — «Обломов» есть второй гигантский политический трактат о России, выраженный в неизъяснимо оригинальной форме, несравненно убедительный, несравненно доказательный, и который пронесся по стране печальным и страшным звоном» (В. В. Розанов).

Да, ленивый мудрец Обломов произошел от гоголевского лежебоки Тентетникова, и с его продавленного, засаленного дивана видна критическому писательскому оку вся Россия, по которой уже проехался Чичиков, в своей суматошливой, бесцельной и бесплодной активности напоминавший гончаровского Штольца. Замечательны поистине гоголевская трезвость и высота писательского взгляда на русскую

жизнь и русского человека, отличающие прозу Гончарова.

«Народ наш приходится больше жалеть, чем любить. В целом мире на всем пространстве истории трудно указать другой пример, где бы было больше расстояние между простым народом и культурными классами», — грустно заметил Гончаров. И видел в этом непреодолимом расстоянии главную причину знаменитой «обломовщины», то есть многовекового пассивного отпора созерцательной, бесформенной и изначально асоциальной русской души любым, еще со времен Ивана Грозного и Петра Первого начавшимся «силовым» попыткам навязать ей чуждую форму, идеалы и активность.

Да, таковы смысл и назначение «Обломова». Но о чем же тогда «Обыкновенная история», зачем она написана? Старый забытый критик Ю. Н. Говоруха-Отрок верно заметил: «Отношение к русской жизни, выраженное впоследствии словом «обломовщина», уже все заключено в «Обыкновенной истории». Да, но почему же первый роман Гончарова был так восторженно принят обломовцами-россиянами и продолжает читаться поныне? И что, собственно, находит в книге молодежь?

Молодой критик Б. Н. Майков, талантливый, рано погибший ученик и друг Гончарова, писал о времени появления «Обыкновенной истории»: «Истекший 1846 год носит на себе все признаки переходной эпохи». Эти признаки несет на себе и первый роман молодого Гончарова. Он написан уже в начинающееся время «натуральной школы», внимает урокам гоголевского реализма и социальной сатиры, прислушивается к мнениям Белинского, быстро становившимся литературными законами. «Я присматривался к взглядам, направлениям и т. д.», — вспоминал потом Гончаров в письме к великому князю и поэту Константину Константиновичу. Все русские литературные течения и кружки всегда отличались взаимной неприязнью и разными степенями ослепленности. Но сама диалектика художественных идей нового русского романа, одним из создателей которого стал Гончаров, требовала объективности. Во взгляде молодого писателя появился неизбежный критицизм, распрос-

транявшийся и на идеи вождя новой «школы» Белинского.

Во имя победы гоголевского реализма и своей «школы» великий критик решил окончательно развенчать и похоронить уходившую эпоху романтизма, его самого, кстати, породившую. При этом забывались величие, красота и несомненная правда романтической литературы, освободившей частного человека от гнета социальных и иных абстракций и сделавшей его своей главной ценностью и целью, раскрепостившей чувство и мысль, оправдавшей любовь, бесстрашную борьбу с любыми препятствиями и подвиг самопожертвования. Романтизм стал воплощенной молодостью, выразил пафос юности, жаждавшей свободы и всеобщего обновления[1]. Тогда, по меткому выражению Жуковского, жизнь и поэзия были одно.

Поэтому в антиромантических выпадах Белинского помимо меткой и справедливой критики надутых «гениев» и ложно-величавого пафоса содержались и обычные для него и той пылкой эпохи «преувеличения от увлечения», о чем сказал другой критик и поэт-романтик Аполлон Григорьев: «В пылу борьбы мы забыли многое, что романтизм нам дал: мы, как и сам выразитель нашего критического сознания, Белинский, — осудили самым строгим судом, предали анафеме *тридцатые* годы нашей литературы». А вместе с романтическими тридцатыми годами забывался или же недооценивался и их главный герой и деятель — Пушкин.

Молодой Гончаров увидел эту несправедливость, уязвимость новой «школы» и ее вождя Белинского, но, будучи художником, ответил не критической статьей, а романом, где наглядно развернулись диалектика и борьба романтизма и реализма, спор двух эпох в жизни единого человеческого духа: пылкой увлекающейся юности и трезвой, антипоэтической зрелости. И судьей, главным мерилом всех ценностей избрал великого Пушкина.

Это потом автор «Обломова» через головы нескольких поколений ответил Белинскому: «Почти все писатели новой школы: Лермонтов, Гоголь, Тургенев,

[1] См.: Сахаров В.И. Страницы русского романтизма. М., 1988.

Майков, Фет, Полонский, между прочим и я — все мы шли и идем по проложенному Пушкиным пути, следуя за ним и не сворачивая в сторону, ибо это есть единственный торный, законный классический путь искусства и художественного творчества». А при первом появлении «Обыкновенной истории» любому ее внимательному читателю становилось ясно, что книга молодого литератора написана вослед «Евгению Онегину», проникнута поистине пушкинской доброй иронией по отношению к обоим ее неидеальным «героям» — дяде и племяннику Адуевым, этому обычному русскому семейству, где случилась обыкновенная история: из двух борющихся полуправд под постоянным давлением действительности родилась реальная истина, верное понимание текущей жизни. Замечателен и подбор пушкинских поэтических цитат, пронизывающих прозаическую книгу Гончарова и придающих ей особую музыкальную тональность и лиризм.

И все же многое в «Обыкновенной истории» предопределено духом нового времени, уроками Гоголя и исканиями писателей «натуральной школы». Только после «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки», «Старосветских помещиков» и «Мертвых душ» могли возникнуть деревенские картины и персонажи романа Гончарова. Молодой автор вполне в духе «Носа» и «Шинели» характеризует петербургских жителей с помощью конкретной социальной среды, обстановки города, салона, кабинета, канцелярий и пригородных дач, умеет отыскивать и изображать интересные «типы» чиновников, врачей, светских людей, литераторов, женщин, слуг, и такое творческое осмысление опыта Гоголя сближает «Обыкновенную историю» с очерками и повестями писателей «натуральной школы».

Это факты бесспорные, лежащие, так сказать, на поверхности. Однако собирание и описание таких фактов не раскроет всей сложности замысла «Обыкновенной истории», ибо цель молодого романиста — не простое следование гоголевским традициям и не желание стать «первым среди равных» в лагере «натуральной школы». Писательская «сверхзадача» и самый метод Гончарова-художника в его первом романе куда интереснее и сложнее. Потому-то прони-

цательный литератор А. В. Никитенко говорил об «Обыкновенной истории»: «Оно (произведение. — *В. С.*) совершенно другого направления, чем все наши нынешние романы и повести».

Более того, обратившись к биографии автора «Обыкновенной истории», мы увидим, что отношение Гончарова к «натуральной школе» и Белинскому с самого начала было непростым, далеким от полного приятия и восхищения. Оно распространялось и на так называемое «гоголевское направление».

Прежде всего мы не можем без существенных оговорок назвать молодого писателя учеником и последователем Гоголя. Сам Гончаров был против такого упрощенного толкования: «Гоголь на меня повлиял гораздо позже и меньше; я уже писал сам, когда Гоголь еще не закончил своего поприща». К тому же из воспоминаний Некрасова мы знаем о принципиальном столкновении молодого писателя с автором «Мертвых душ»: «Гончаров обиделся отзывом его об «Обыкновенной истории».

Главным своим учителем, кумиром молодости Гончаров всегда считал Пушкина. Но не ограничивался этим великим именем, упоминал и своего знаменитого земляка Н. М. Карамзина как проповедника высоких истин в среде литературной молодежи, и его позднейшая книга «Фрегат «Паллада» сравнима в нашей прозе именно с карамзинскими «Письмами русского путешественника». Показателен и интерес молодого Гончарова к поэзии Гете и поздним французским романтикам, которые начинали уже писать «физиологические» очерки (Эжен Сю, Жюль Жанен, Виктор Гюго), а позднее и к Диккенсу. Дружба с поэтом-романтиком В. Г. Бенедиктовым тоже многое разъясняет в настроениях и вкусах автора «Обыкновенной истории».

Юность и первые литературные опыты Гончарова приходятся именно на тридцатые годы, совпадают с расцветом русского и западноевропейского романтизма. Из воспоминаний современников мы знаем, что этот внешне флегматичный, замкнутый, мнительный человек в молодости писал и переводил стихи, отличался восторженной мечтательностью, любил затейливого прозаика А. А. Бестужева-Марлинского и других тогдашних неистовых романтиков. Гоголь

тогда был автором романтических «Вечеров на хуторе близ Диканьки», а Белинский-критик начинал как ученик Николая Полевого.

Уроки прозаиков романтизма, и прежде всего взятая у Марлинского (см. его «морскую» повесть «Фрегат «Надежда») манера шутливой затейливой болтовни рассказчика с читателем, явственно ощутимы в ранних гончаровских повестях «Нимфодора Ивановна» (1836), «Лихая болесть» (1838) и «Счастливая ошибка» (1839), особенно в последней, где есть картина светского бала, неизбежная деталь романтической прозы, и где описание дамской комнаты перекликается с соответствующим эпизодом повести романтика В. Ф. Одоевского «Княжна Мими». Есть там и спор с хлесткой, резкой и вместе с тем витиеватой, фигурной прозой журналиста О. И. Сенковского, даровитого ученика Марлинского. Молодой Гончаров явно посмеивается и над устаревшей творческой манерой вдохновенных фразеров, и над измельчавшим романтизмом, и все же не выходит пока за его пределы, хотя есть в его первых опытах и поиски такого выхода, попытки найти новые слова и темы, иную точку зрения.

Впрочем, для творческой биографии «Обыкновенной истории» важны не эти переклички, а то обстоятельство, что в русской романтической прозе второй половины 1830-х годов появляются и накапливаются черты и особенности, предвосхищающие и «натуральную школу», и первый роман Гончарова, — это поздние повести Н. Ф. Павлова, проза А. Ф. Вельтмана, В. И. Даля и М. С. Жуковой, «Записки гробовщика» В. Ф. Одоевского, «История двух калош» В. А. Соллогуба и др. Сюда же можно присоединить ранние повести И. А. Гончарова, появившиеся впервые в рукописных сборниках позднеромантического кружка Майковых, ставшего серьезной литературной школой для молодого прозаика.

Более того, «Обыкновенная история» явственно перекликается с повестью А. Ф. Вельтмана «Приезжий из уезда, или Суматоха в столице» (1841), где есть уже и сатира на провинциального романтика-поэта, чьи стихи тоже пародия на эпигонские вирши, и писание послания домой в деревню под диктовку прозаического дельца-приятеля, и вкрапленные в иро-

ническое повествование миниатюрные «физиологические» очерки, и, самое главное, столь важная для первого романа Гончарова тема неизбежного разочарования и крушения молодого мечтателя в «низкой», деловой, бездушной реальности столицы.

Конечно, автор «Обыкновенной истории» идет в литературе своей дорогой, оставляя повесть Вельтмана, да и всю позднеромантическую прозу, позади. И все же можно утверждать: в «Приезжем из уезда» один из источников первого гончаровского романа, его интересно задуманного конфликта двух противоположностей — романтизма и реального практицизма, основанного на последовательном выявлении их силы и слабости, на развитии двух характеров, представляющих, по сути, две грани одной личности, ее простодушную молодость и разочарованную зрелость.

И наконец вспомним, что «Обыкновенная история» — роман, а это отнюдь не главный жанр «натуральной школы», предпочитавшей «физиологический» очерк и близкую к нему «жанровую» картинку — повесть. Опираясь только на творческие принципы «школы», написать роман было нельзя; вспомним, что это не удалось и Гоголю в «Мертвых душах». А вот писатели, так или иначе связанные с романтизмом, в это переходное время стремятся создать именно романы (см. «Русские ночи» В. Ф. Одоевского и «Героя нашего времени» Лермонтова). Их опыт также важен для автора «Обыкновенной истории».

Уже эти факты творческой истории романа показывают, что Гончаров сближается с «натуральной школой» и Белинским, будучи человеком достаточно зрелым (ему уже за тридцать), со сложившимися в позднеромантическом кружке Майковых литературными вкусами, с некоторым опытом творческой работы. На робкого восторженного ученика он похож мало. Конечно, уроки «гоголевского направления» и общение с Белинским не прошли для молодого писателя даром, о чем говорил хорошо его знавший критик А. В. Дружинин: «При всей самостоятельности г. Гончарова он все же был писателем и сыном своего времени».

Были идеи и формы времени, они тогда витали в воздухе, оказывали воздействие на писателей разных

поколений, определяя лицо эпохи 1840-х годов. Гончаров — не исключение, но его отношение к литературе тех лет особое, есть в нем неизбежная критичность, скептицизм и доля иронии. Гончаровский «физиологический» очерк «Иван Савич Поджабрин» (1842) подтверждает правоту Дружинина, хотя не надо забывать, что в этой комической «физиологии», как и в ранней «Нимфодоре Ивановне», есть и весьма ироническое авторское отношение к модному тогда жанру слезливого описания «петербургских углов», насмешка над поспешностью и поверхностностью демократических очеркистов. Скорее это пародия на «физиологический» очерк 40-х годов.

В прозе молодого Гончарова, начиная с иронически-пародийной «Нимфодоры Ивановны» и «Лихой болести» с ее «физиологическим» описанием петербургской харчевни и упоминанием имен мастеров «жанра» А. А. Орлова и Ф. В. Булгарина, несправедливо забытых «отцов» «натуральной школы», предвосхищена известная мысль Белинского о том, что «физиологические» очерки только раздвигают пределы повествования. Автор «Обыкновенной истории» с самого начала смотрит на очерк как на подсобный материал для романа. Это имел в виду Белинский, когда говорил, что в «Обыкновенной истории» автор сумел вместить столько содержания, «что другому стало бы на десять повестей».

Миниатюрные портреты «типов» вроде деревенского приживала Антона Ивановича, франта Суркова, петербургского мелкого чиновника Костякова и модного доктора понадобились автору романа для обогащения фигур второго плана, для фона, на котором лучше выделяются личность и судьба Александра Адуева. «Типы» помогают автору перейти от «физиологического» очерка и повести к роману, от одномерных «гуттаперчевых человечков» к полнокровным образам.

Но «физиологиями» и разоблачениями романтической мечтательности первый роман Гончарова отнюдь не исчерпывается, у автора есть своя «сверхзадача», в которой объективный художественный анализ мечтательной души и оправдание лучших сторон романтизма соединяются с весьма принципиальной и глубокой критикой «духа времени», пафоса

1840-х годов, присущего и писателям «школы» Белинского.

Об этом пафосе, его капитальных издержках и опасных иллюзиях, сменивших невинные мечтания Александра Адуева, Гончаров писал в «Необыкновенной истории»: «Анализ века внес реализм в духовную, моральную, интеллектуальную жизнь, повсюдную и неумолимую проверку явлений в натуре — вещей и людей — и силою ума и науки хочет восторжествовать над природой». Все это вроде бы хорошо и прогрессивно, но в этом пафосе кроется опасная идея насилия над человеком и природой. В «Обыкновенной истории» то же высказано яснее в суждении о Петербурге: «Там жизнь стараются подвести под известные условия, прояснить ее темные и загадочные места, не давая разгула чувствам, страстям и мечтам и тем лишая ее поэтической заманчивости, хотят издать для нее какую-то скучную, сухую, однообразную и тяжелую форму». И здесь автор явно на стороне романтического критика Александра Адуева.

Ибо ясно, что речь идет здесь не только о науке, ибо некоторые ее прогрессивные по тому времени идеи, описанные в первом гончаровском романе с явным неодобрением, распространялись тогда на сферу творчества, на литературу (достаточно вспомнить статьи Валериана Майкова). Ведь на стороне старшего Адуева была и тогдашняя «натуральная» литература. Не случайно именно сотрудник влиятельного журнала (имеются в виду, конечно, «Отечественные записки») обличал устарелый романтизм племянника как «фальшивый взгляд на жизнь» и бодро писал в своей директивной рецензии: «Наука, труд, практическое дело — вот что может отрезвить нашу праздную и больную молодежь».

Дух научности и анализа овладел литературой, не случайно именовавшей себя «натуральной» и «физиологической». Последовательное разоблачение духовной бедности и умственной сухощавости «практика» и «естественника» Петра Адуева стало, по сути дела, тонкой и убедительной критикой любимых идей 40-х годов. Да и простодушный чиновник Костяков, читающий разные медицинские книги, желая узнать, что в человеке есть, — разве это не насмешка над

«физиологическими» описаниями, не камешек в огород трезвых 40-х годов? Романтики и без медицинских пособий узнали и рассказали в своих сочинениях о сложной, мятущейся человеческой душе, таинственном мире чувств. Своим Александром Адуевым и вдохновенным описанием концерта гениального скрипача-романтика и его страстной, захватывающей музыки Гончаров напомнил об открытиях и победах романтизма.

Похоже, Гончаров уже тогда разделял крылатое мнение о том, что «натуральная школа» «разменивала литературный миллион Гоголя на литературные гривенники». Белинский был осведомлен об этом, ибо Гончаров своих мыслей не скрывал и спорил с критиком, смело ловя его на противоречиях. Отсюда эмоциональная, вполне пристрастная отрицательная характеристика личности писателя в письме Белинского В. П. Боткину от 4 марта 1847 года.

Только имея в виду все эти обстоятельства, можно понять и объяснить известный отзыв Белинского о Гончарове в обзоре литературы за 1847 год. Ведь здесь об авторе «Обыкновенной истории» говорится совсем иначе, нежели о близких критику писателях «натуральной школы». Белинский был не только теоретиком, но и деятельным вождем-«собирателем» литературного направления, и отсюда его понятное желание любой ценой сплотить, объединить очень разных писателей в «школу», иногда приводившее к преувеличениям и натяжкам в оценках их творчества. Это стремление критика быстро заметил умный идейный противник, славянофил Ю. Ф. Самарин: «В натуральной школе особенно хвалят не того или другого писателя, не то или другое произведение, а именно то, что есть целая школа, что пишут много и все в одном роде».

О Гончарове же Белинский пишет иное: «Из всех нынешних писателей он один, только он один приближается к идеалу чистого искусства, тогда как все другие отошли от него на неизмеримое пространство — и тем самым успевают». Ничего хорошего в столь запоздалом романтическом идеализме и «пушкинианстве» критик явно не видит. Похвалы его «отсталому» Гончарову и ушедшим от высоких идеалов передовым писателям «натуральной школы» одинаково

двусмысленны, не говоря уже о том, что автор «Обыкновенной истории» тем самым выводится за пределы «школы» и сознательно противопоставлен ей.

Здесь Белинский со всей ясностью показал, что пути непослушного Гончарова и писателей «натуральной школы» разошлись. Конечно, это вполне кружковая, необъективная оценка писателя и его первого романа, по сути, их скрытое осуждение. Это отзыв не о гордости «школы», не о соратнике и верном ученике, а о неблагодарном чужаке, не оправдавшем ожиданий критика и идущем своей дорогой.

В воспоминаниях о Белинском Гончаров кое-что разъяснил: «На меня он иногда как будто накидывался за то, что у меня не было злости, раздражения, субъективности». В свою очередь и у Гончарова возникли серьезные разногласия с критиком и его «школой»: «Все почти смотрели врозь, и если были тут друзья, то никак не друзья по литературе». Впоследствии он так объяснял свое появление в рядах «натуральной школы»: «Отрицательное направление до того охватило все общество и литературу (начиная с Белинского и Гоголя), что и я поддался этому направлению, вместо серьезной человеческой фигуры стал чертить частные типы, уловляя только уродливые и смешные стороны».

Конечно, Гончаров здесь наговаривает на себя лишнее. Воздействие идей «натуральной школы» он испытал, однако «Обыкновенная история» — вполне самобытная книга, очень далеко ушедшая от творческих принципов «школы», избравшая путь от отрицания к утверждению, от сатиры к объективному художественному анализу, от сентиментального «натурализма» к подлинному реализму. Об этом свидетельствует знаменитая статья Белинского о гончаровском романе. В этом отзыве понятно почти все: и то, что критик использует первый роман Гончарова в борьбе с еще живой и сопротивляющейся романтической традицией и ее новыми славянофильскими отголосками, и то, что Белинский вопреки замыслу автора трактует Александра Адуева как героя отрицательного, а дядю его считает героем положительным, «в полном смысле порядочным человеком».

И все же в отзыве Белинского об «Обыкновенной

истории» есть некая тайна. Загадочны слова критика о ложности и неестественности финала книги. Ведь любой внимательный читатель романа понимает, что вся история рассказана автором ради финала. Потому-то она названа обыкновенной.

Александр Адуев, при всей своей комичности персонаж автобиографический, говорил высокомерно: «Неужели мне изображать этих пошлых героев, которые встречаются на каждом шагу, мыслят и чувствуют, как толпа, делают, что все делают, — эти жалкие лица вседневных мелких трагедий и комедий, не отмеченные особой печатью». Романтик не желал делать того, чем уже занялась «натуральная школа». И тем не менее сам стал таким «пошлым героем», делающим то же, что и все, а жизнь его — обыкновенной историей, достойной пера одного из писателей-«натуралистов». Таков, повторяем, замысел Гончарова-романиста, реализованный с неожиданной в молодом писателе творческой смелостью.

Однако объясним и непонятный на первый взгляд вывод Белинского о неестественности развязки «Обыкновенной истории». Отзыв его написан с тем характерным чувством, которое Гончаров впоследствии метко назвал «драгоценным раздражением» и без которого настоящий критик немыслим. Кто вызвал это раздражение? Слишком самостоятельный автор романа, написавший свою первую книгу иначе, нежели критику хотелось бы? Да, в статье есть и это. Но только ли с Гончаровым и его романом спорит критик? Нам представляется, что в их спор вмешался третий, отнюдь не лишний участник.

Напомним, что для Белинского Гончаров был прежде всего участником литературного кружка Майковых, где поздний романтизм переходил в своего рода «неоклассицизм». Там писатель читал впервые главы романа и делал исправления по замечаниям своего ученика Валериана Майкова. Белинский видел в «Обыкновенной истории» выражение идей кружка, да так оно отчасти и было. А юный Валериан вскоре стал опасным соперником критика, ибо с успехом его заменил в «Отечественных записках».

«Обыкновенная история» завершена Гончаровым в 1846 году. В том же году в журнале «Отечественные записки» появилась большая статья Валериана Май-

кова о Кольцове. Однако посвящена она не столько поэту-прасолу, сколько Белинскому, Гоголю, «натуральной школе» и романтизму. И это принципиальный спор с Белинским по всем капитальным проблемам тогдашней литературы. Речь идет и о первом романе Гончарова, хотя имя автора не упомянуто.

Юный Майков методично и беспощадно наносит удары. Он смело пишет, что зрелый Гоголь так и не объяснен до конца критикой (то есть Белинским), что «так называемая» «натуральная школа» «не представляет собою никакого единства эстетических принципов». Майков напомнил, что во Франции есть схожие литературные явления, и проницательно заметил: «В бесконечном множестве новых французских романов и повестей чрезвычайно трудно указать на такое произведение, в котором натуральность не была бы перемешана с романтизмом». И назвал пример: роман Жорж Санд «Орас», сатиру на романтизм и романтиков.

Упоминая об «Орасе», В. Майков, как и Белинский, знает, что такой же роман, представляющий собой одновременно жестокую сатиру на крайности и ошибки романтизма и его же убедительную защиту, есть уже и в русской прозе. Он пишет: «Обыкновенная история живого человека очень печальна и жалка: вслед за ребяческою непосредственностью приходит период романтизма, период отчаянного отрешения мысли от действительности, а вслед за романтизмом — столь же отчаянное и нелепое разочарование, разрешающееся или односторонностью, или совершенною пошлостью».

В этой фразе содержится не только история рядового романтика Александра Адуева с ее закономерным финалом, но и приведено название первого романа Гончарова, известное и Белинскому. Так что многие пристрастные суждения последнего об «Обыкновенной истории» в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» являются отчасти ответом на полемическую статью В. Майкова.

Весь этот взволнованный разговор велся вокруг первого романа Гончарова, и автор «Обыкновенной истории» счел нужным принять участие в споре. Но опять-таки сделал это не сам, а поручил выступить публично главному своему персонажу — Илье Иль-

ичу Обломову. К нему пришел как-то в гости журналист Пенкин. Это весьма схожий, хотя и явно шаржированный портрет рядового литератора «натуральной школы», бездумного и болтливого рупора ее идей, понимающего эти идеи весьма упрощенно. Пенкин горой стоит за реальное направление в литературе, за верность изображения: «Нам нужна одна голая физиология общества». Характерно уже это *«нам»*. Пенкин говорит от имени «школы», он жаждет обличений в литературе и т. п.

Выслушав все это, Обломов неожиданно обнаруживает незаурядный литературный вкус и талант критика. Он побивает Пенкина и его «школу» тем же безотказным аргументом, каким потом поражал энергичного Штольца и других поборников жизненной активности. Обломов выступает вдохновенным защитником человека, любимый его вопрос: *«Где же тут человек?»* Здесь развиты многие заветные мысли Александра Адуева.

По мнению Обломова и Адуева, все эти отлично слаженные «машины» — «автоматическая» чиновничья служба, суетная столичная жизнь, штольцевская бездумная коммерция, брак и семья, даже любовь с ее неизбежными хлопотами, огорчениями и расходами, наконец, петербургская журналистика и литература — постепенно перемалывают и обезличивают реального конкретного человека, обедняют его, превращая из самобытной личности в плоский «тип». И сразу видно, что это выношенные, дорогие герою мысли, его сердечное убеждение. Они явно близки самому Гончарову, начавшему их развивать еще в «Обыкновенной истории».

Мысли эти не есть нигилистическое отрицание всякой деятельности, и в том числе современной Адуеву и Обломову литературы, хотя их так иногда и понимали. Любимые герои Гончарова говорят о другом — о неизбежных и трагических издержках этой деятельности, о том, что общество конкретного человека подавило своими социальными рамками и абстракциями, усреднило его, ловко подогнало под тот или иной «тип» (офицер, чиновник, петербургский шарманщик, литератор и т. п.), а часть писателей «натуральной школы» волей-неволей это грустное обстоятельство приняла и сделала предметом худо-

жественного изображения, низведя многосложный гоголевский реализм до расхожих приемов описания «петербургских углов» и их одномерных обитателей. Забывался при этом и высокий гуманизм Гоголя, увидевшего человека, брата и в ничтожном Башмачкине. Этот реализм сменился занимательной этнографией и призывами к благотворительности.

Об этом-то начал говорить Александр Адуев и напомнил всем Обломов, о котором Ю. Н. Говоруха-Отрок сказал: «Он глубоко понимает искусство, его задачи и значение». Такого понимания не хватало тогда многим профессиональным литераторам. Обломов указывает на реальную опасность изгнания живого человека из литературы, подмены его (пусть по самым прогрессивным соображениям) плоскими схемами, умозрительными конструкциями, описательными типажами и прочими «мертвыми душами». Испанский философ XX века Х. Ортега-и-Гассет, написавший знаменитую книгу «Дегуманизация искусства», и не догадывался, что в прошлом столетии у него был такой интересный единомышленник — Илья Ильич Обломов, увидевший опасность потери литературой человеческого ее смысла, когда эта капитальная, и ныне актуальная проблема лишь начинала оформляться. Но эти мысли Обломов унаследовал от старшего своего «брата» — романтика Александра Адуева.

Хлестаковствующий литератор Пенкин хотел в «голых физиологиях» обличить обычные для России безобразия городничего и смело описать все разряды падших женщин, на что Обломов остроумно ему ответил: «Изобрази... да и человека тут же не забудь». Внешним описанием типических черт и сатирическими разоблачениями не создать живой, движущийся портрет души, неповторимой личности, каковой Пенкин при всем его хроническом демократизме стать не сможет никогда.

Человек в понимании Обломова и Александра Адуева, а следственно, и Гончарова широк и глубок, внутренне «текуч», подвижен, и потому Обломов против попыток его сузить, низвести до «типа». Он призывал писателя увидеть за социальной маской «типа» живого многомерного человека и, главное, полюбить его, показать, что человек этот противоре-

чив, потерял правильную дорогу, заблудился в житейской суете, что у него нет душевного покоя и своего дела: «Нет, это не жизнь, а искажение нормы». Или, говоря словами Александра Адуева, «деревянная жизнь».

Задолго до Достоевского гончаровский Обломов нащупал его главную, любимую идею — при полном реализме найти в человеке человека. И надо сказать, что русская классическая литература пошла не за Пенкиным, а за Обломовым: подлинного, сложного, текучего человека, его скрытую «диалектику души» она искала и находила всюду: достаточно вспомнить солигаличского «антика»-городничего Рыжова из рассказа Н. С. Лескова «Однодум» или петербургских «камелий» Достоевского Сонечку Мармеладову и Настасью Филипповну и толстовскую Катюшу Маслову. Да и сам Гончаров придерживался в своих романах той же дороги: «Глубина дурного не превышает глубину хорошего в человеке». Именно таков его Обломов. Таков и Александр Адуев.

Поэтому когда Гончаров опубликовал в 1849 году гениальный «Сон Обломова», то эта реалистическая утопия воспринималась не как начало нового романа, а как недостающая глава «Обыкновенной истории». Ею автор поставил в своей первой книге последнюю точку. Ибо читатели увидели ту мифическую Обломовку (она же блаженное государство доброго царя Берендея из «Снегурочки» А. Н. Островского) и обломовщину, которые породили бездеятельного мечтателя-романтика Александра Адуева, уехавшего отсюда в сухощаво деловитый, бездушный Петербург на встречу с дельцом дядей и реальной жизнью. Родилась дилогия об Обломовке и ее обитателях, а третий роман уже пророчил грядущую гибель этого блаженного царства.

Адуев и Обломов — балованные дети Обломовки, птенцы одного гнезда, братья по жизни и литературе. Описывая в «Обыкновенной истории» сельскую грозу и деревенскую церковь, Гончаров передает всю поэтичность русского приволья, этих персонажей породившего. Имея в душе миф о блаженной Обломовке-Берендеевке, где царят патриархальная любовь, покой и бездеятельность, они становятся неотрази-

мыми критиками очень многих ценностей реальной России.

И аргументы их актуальны и весомы, ибо обломовский миф живет в народной душе, и его не выбить оттуда никакими репрессиями, перестройками и реформами. Даже железные немцы-оккупанты, пришедшие на смену Штольцу и большевикам, не смогли заставить романтика Обломова правильно работать и сдавать урожай в срок: он ушел в лес в партизаны и взялся за винтовку. Как сказал побежденный обломовщиной трезвый мыслитель и энергичный труженик Петр Адуев: «Все хотят золотого века!» И далее автор уточняет: «<Это> место покойно, где нет ни бумаг, ни чернил, ни странных лиц, ни вицмундиров, где царствует спокойствие, нега и прохлада». А в романе «Обрыв» циничный и деятельный нигилист Марк Волохов, презиравший Обломовку, назвал поэтичный дом бабушки «непочатым углом романтиков». А ведь это чеховский вишневый сад, символ вечно уходящей и остающейся с нами Обломовки, то есть России. Об этом писал Розанов: «Будущую Россию... Гончаров предсказал в своем спокойном, по внешности недвижном, а на самом деле и внутри гениально-деятельном уме».

Все это вовсе не означает, что дядюшка Петр Адуев — герой отрицательный и побежденный. Этот реалист нужен уже хотя бы для того, чтобы романтики Александр Адуев и Обломов не дремали и помнили о реальной жизни. Его критика романтизма и обломовщины племянника Александра также неотразима и содержит нестареющие истины.

Ведь сам Гончаров хотя и родился в Обломовке и прошел в юности дорогой романтического баловня Александра Адуева, но стал в петербургском своем периоде крупным чиновником, штатским генералом, «превосходительством», таким же суровым, даже жестоким дядюшкой, имел своего безалаберного племянника Александра и воевал с ним. А в одном его новонайденном письме высказана глубокая «дядюшкина» мысль: «Без эгоизма, в его разумных и натуральных границах, нет никаких умных дел, никаких подвигов мысли, сердца, прекрасных движений души — словом, нет жизни. Это один абстракт — жизнь без эгоизма, и длиться не может, как не мо-

жет человек делать других счастливыми, не испытывая по времени сам того, другого или третьего счастья, а иногда и всех трех, иначе бы он не знал ему цену и не мог бы давать другим». И этот же человек писал в «Обыкновенной истории»: «Страдания очищают душу... они одни делают человека сносным и себе и другим, возвышают его... Не быть причастным страданиям значит не быть причастным всей полноте жизни».

Этот одинокий, больной, полуслепой старик знал, что такое любовь и страдание. Но книги его написаны не прекраснодушным обломовцем, а великим художником-тружеником, умевшим добывать свою художественную правду[1]. В романах его живет богатая и добрая душа: «Я сажусь за перо и бумагу, как музыкант садится за фортепиано, птица за свое пение, и играю, пою, т. е. пишу все то, что в ту минуту во мне делается». Гончаров любил всех своих героев и своего читателя. Этот непреходящий урок трезвой любви и реальной жизни содержится в его первом романе «Обыкновенная история», вечно молодой и немного ироничной книге о молодости, ее вечно повторяющихся иллюзиях, ошибках и неизбежном прозрении. Примем же этот добрый урок русского писателя с благодарностью и пониманием.

Всеволод САХАРОВ,
доктор филологических наук

---

[1] См.: Сахаров В. И. «Добиваться своей художественной правды...» Путь И. А. Гончарова к реализму // Контекст-1991. М., 1991.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.Г. БЕЛИНСКИЙ

Взгляд на русскую литературу 1847 г.

Совершенную противоположность составляет в этом отношении автор «Обыкновенной истории». Он поэт, художник — и больше ничего. У него нет ни любви, ни вражды к создаваемым им лицам, они его не веселят, не сердят, он не дает никаких нравственных уроков ни им, ни читателю, он как будто думает: кто в беде, тот и в ответе, а мое дело сторона. Из всех нынешних писателей он один, только он один приближается к идеалу чистого искусства, тогда как все другие отошли от него на неизмеримое пространство, и тем самым успевают. Все нынешние писатели имеют еще нечто, кроме таланта, и это-то нечто важнее самого таланта и составляет его силу; у г. Гончарова нет ничего, кроме таланта; он больше, чем кто-нибудь теперь, поэт-художник. Талант его не первостепенный, но сильный, замечательный. К особенностям его таланта принадлежит необыкновенное мастерство рисовать женские характеры. Он никогда не повторяет себя, ни одна его женщина не напоминает собою другой, и все, как портреты, превосходны. Что общего между грубой и злой, но по-своему способной к нежным чувствам Аграфеной и между светской женщиной, мечтательной и с расстроенными нервами? И каждая из них в своем роде мастерское, художественное произведение. Мать молодого Адуева и мать Наденьки — обе старухи, обе очень добры, обе очень любят своих детей и обе равно вредны своим детям, наконец, обе глупы и пошлы. А между тем это два лица совершенно различные: одна барыня провинциальная старого века, ничего не читает и ничего не понимает, кроме мелочей хозяйства: словом, добрая внучка злой госпожи Простаковой; другая — барыня столичная, которая читает французские книжки, ничего не понимает, кроме мелочей хозяйства: словом, добрая правнучка злой госпожи Простаковой. В изображении таких плоских и пошлых лиц, лишенных всякой самостоятельности и оригинальности, иногда всего лучше высказывается талант, потому что всего труднее обозначить их чем-нибудь особенным. Что общего между этою живою, ветреною, своенравною и немножко лукавою Наденькою и тою спокойною по наружности, но пожираемою внутренним огнем Лизою? Тетка героя романа — лицо вводное, мимоходом очерченное, но какое прекрасное женское лицо! Как хороша она в сцене, оканчивающей первую часть

романа! Мы не будем распространяться насчет мастерства, с каким обрисованы мужские характеры: о женских мы не могли не заметить, потому что до сих пор они редко удавались у нас даже первостепенным талантам; у наших писателей женщина — или приторно сантиментальное существо, или семинарист в юбке, с книжными фразами. Женщины г. Гончарова — живые, верные действительности создания. Это новость в нашей литературе.

Обратимся к двум главным мужским лицам романа — молодому Адуеву и его дяде, Петру Иванычу: о последнем нельзя не сказать хотя несколько слов, говоря о первом, потому что он противоположностию своею еще более оттеняет героя романа. Говорят, тип молодого Адуева — устарелый, говорят, что такие характеры уже не существуют на Руси. Нет, не перевелись и не переведутся никогда такие характеры, потому что их производят не всегда обстоятельства жизни, но иногда сама природа. Родоначальник их на Руси — Владимир Ленский, по прямой линии происходящий от гётевского Вертера. Пушкин первый заметил существование в нашем обществе таких натур и указал на них. С течением времени они будут изменяться, но сущность их всегда будет та же самая... Молодой Адуев, приехав в Петербург, мечтает, с какой радостию обнимет своего обожаемого дядю и в каком восторге будет от него дядя. Он останавливается в трактире и боится, что дядя осердится на него, зачем он не приехал прямо к нему. Холодный прием дяди рассеивает его провинциальные мечты. До сих пор молодой Адуев является больше провинциалом, нежели романтиком. Он даже неприятно был поражен тем, что дядя назвал дураком Заезжалова и дурою деревенскую тетку, с ее желтым цветком, приславших к нему преглупейшие письма. Провинциалы часто бывают очень смешны в своих отношениях к своим родным и знакомым. В маленьких городках жизнь однообразна, узка, мелка, все друг друга знают и если не враждуют между собою, то непременно пребывают в нежнейшей дружбе: средних отношений почти нет. И вот из городка отправляется искать счастия в столицу молодой человек; все им интересуются, провожают его, желают ему всякого счастия, просят не забывать. Он уже сделался в столице пожилым человеком, родной городок его представляется ему каким-то смутным видением; под влиянием новых впечатлений, новых знакомств, отношений, интересов он давно перезабыл и имена и лица людей, которых так коротко знал в детстве, и помнит только о самых близких к нему, да и то они представля-

ются ему в том виде, как он их оставил, а ведь они с тех пор переменились же. По их письмам он видит, что у него с ними нет ничего общего; отвечая им, он подделывается под их тон, под их понятия; удивительно ли, что он пишет к ним реже и реже, а наконец, и совсем перестает писать. Мысль о приезде в столицу родственника или знакомого пугает его столько же, как жителей пограничного города во время войны пугает мысль, что неприятель пойдет их дорогою. В столице не понимают заочной любви; здесь думают, что любовь, дружба, приязнь, знакомство поддерживаются личными отношениями, а разлукой и отсутствием охлаждаются и уничтожаются. В провинции думают совсем наоборот; вследствие однообразия жизни там удивительно развита наклонность к любви и дружбе. Там рады всякому; мешать друг другу, не давать покою — там считается священнейшею обязанностию. Если кому-нибудь перестанут надоедать родственники и знакомые, он сочтет себя самым несчастным, наиболее обиженным человеком в мире. Когда к провинциалу, живущему в маленьком городке, вдруг наезжает орда родственников и обращает его маленький домик в бочонок, набитый сельдями, он, по наружности, не знает как и радоваться, с веселым лицом бегает, суетится, угощает всю эту толпу, а внутренно от всей души проклинает ее. А между тем попробуй-ка эти люди в другой раз остановиться не у него: он никогда им не простит этого. Такова уж патриархальная логика провинции! И с такой-то логикой приезжает иногда провинциал в столицу по делам со всем семейством своим. В столице у него есть родственник, который лет уж двадцать как выехал из своего местечка и давным-давно перезабыл всех своих родных и знакомых. Наш провинциал летит к нему с распростертыми объятиями, с милыми детьми, которых надо разместить по учебным заведениям, и обожаемою супругою, которая приехала полюбоваться на столичные магазины мод. Раздаются ахи, охи, крик, писк, визг. «А мы прямо к вам, мы не смели остановиться в трактире!» Столичный родственник бледнеет, не знает, что делать, что сказать; он похож на жителя города, взятого неприятелем, к которому в дом ворвалась толпа предавшихся грабежу неприятельских солдат. А между тем ему уже подробно изъяснено, как его любят, как его помнят, как о нем беспрестанно говорят и как на него надеются, как уверены, что он непременно поможет определить Костеньку, Петеньку, Феденьку, Митеньку по корпусам, а Машеньку, Сашеньку, Любочку и Танечку в институт. Столичный родственник видит, что от одной минуты

зависит его гибель или спасение, собирается с духом и с холодной вежливостию объявляет неприятельскому отряду, что он никак не может принять их к себе, что его квартира тесновата и для его собственного семейства, что в корпуса и в институты дети принимаются по экзамену и по узаконенному порядку, что тут не поможет никакая протекция, если нет вакантных мест или если дети старше или моложе приемных лет, или не выдержат экзамена, а тем более протекция такого незначительного человека, как он, который сверх того служит совсем по другому ведомству и незнаком ни с кем из начальников учебных заведений. Разочарованные провинциалы удаляются в бешенстве, вопиют против столичного эгоизма и развращения и говорят о своем родственнике как о чудовище. А между тем это, может быть, очень порядочный человек; вся вина его в том, что он не захотел обратить своей квартиры в безобразный табор, лишить себя всякого приюта в собственном доме, всякой возможности заниматься делами службы в тиши своего кабинета, принимать у себя по вечерам людей или близких ему, или полезных и необходимых ему по службе, и таким образом, стеснить себя, подвергнуть себя тяжким лишениям для людей, совершенно чуждых ему, с которыми бы он не захотел вести и обыкновенного знакомства. А между тем и эти провинциалы по-своему люди добрые и даже неглупые, вся вина их в том, что, отправляясь в столицу, они уверены найти в ней, за исключением огромности, великолепия и модных магазинов, свой городок, с теми же нравами, обычаями и понятиями. Они по-своему любят роскошь и великолепие, хотя и без вкусу, при средствах готовы всячески изукрасить свою залу и гостиную; о кабинете не имеют и понятия и не знают, зачем он; спальня и детская у них всегда самые грязные комнаты; им ничего не стоит потесниться и пожаться, — понятие о комфорте не существует для них, они привыкли к тесноте, любят ее по пословице: в тесноте люди живут, да и жилым крепче пахнет. Они всякому рады и, по словам Петра Иваныча, хоть ночью ужин состряпают. По замечанию его племянника, эта черта составляет добродетель русских, с чем Петр Иваныч решительно не согласен. «Какая тут добродетель, — говорит он. — От скуки там всякому мерзавцу рады; милости просим, кушай сколько хочешь, только займи как-нибудь нашу праздность, помоги убить время, да дай взглянуть на тебя: все-таки что-нибудь новое; а кушанья не пожалеем; это нам здесь ровно ничего не стоит... Препротивная добродетель». Петр Иваныч выразился немножко жестко, но не совсем не-

справедливо. Действительно радушие и гостеприимство провинциальное больше всего основываются на бездействии, праздности, скуке, привычке. Силу столичных людей они измеряют не местом, не связями, не влиянием, а чином и от души уверены, что если кто действительный статский советник, так уж непременно всемогущая особа, которой стоит только сказать слово, чтобы сейчас решили в вашу пользу процесс, тянувшийся пятьдесят лет, приняли ваших детей в учебное заведение, дали вам выгодное место, чин и орден. Откажите им в какой-нибудь просьбе, при всем вашем желании исполнить ее, но по невозможности выполнить, — и вот вы самый безнравственный человек в мире, вы зазнались, подняли нос, презираете провинциалами. А у них первая добродетель — ни перед кем не зазнаваться, не отказываться ни от чьего знакомства и быть готовым к услугам всех и каждого. Правда, нигде нет такого важничанья, ломанья, счета старшинством, чинами, званием; но этот порок, опасный для общего мира и согласия, смягчается там добродетельною готовностию съежиться в присутствии человека, который хотя одним чином выше, и в то же самое время не уронить своего достоинства перед тем, кто чином ниже. Впрочем, эта добродетель процветает и в столице, хотя и в более тонких формах. Но в провинции это делается с истинно аркадскою наивностию. «Э, братец (говорит богатый помещик или важный чиновник бедному помещику или чиновнику), ты меня вовсе забыл аль недоволен мной, или плохо кормлю; кажется, у меня для тебя всегда есть плошка за столом, шут ты гороховый!» Бедняк слегка конфузится, бормочет извинения, держась перед своим патроном в почтительной позе; но в глазах его сияет удовольствие: он знает, где гнев, тут и милость и что в иной брани больше любви, чем в ласке. «Ну, да хорошо, Бог тебя простит, теперь пойдем-ка хлеба-соли откушать, обед готов». И оба довольны: один, что выполнил в точности законы патриархального гостеприимства и обласкал бедного человека, другой, что хорошо принят и обласкан такою важною в его глазах персоною. И этот бедняк всегда предпочтет обществу совершенно равных ему людей не только общество аристократов его захолустья, но и общество низших его людей, потому что он тогда только и чувствует свое достоинство, когда унижается перед высшим и ломается перед низшим. Конечно, всё сказанное теперь отнюдь не может относиться ко всем провинциалам: везде есть люди образованные, умные и достойные, но они везде в меньшинстве, а мы говорим о большинстве. Непосредственное влия-

ние окружающей человека среды так на него сильно, что лучшие из провинциалов бывают не чужды провинциальных предрассудков и на первый раз теряются, приехавши в столицу. Тут всё дико им, всё не так, как у них. Там жизнь простая, нараспашку; ходят друг к другу во всякое время, без доклада. Приходит сосед к соседу; в прихожей или нет никого, или спит на грязном залавке небритый лакей, или оборванный мальчишка, а спит он потому, что ему нечего делать, хотя окружающая его грязь и вонь могли бы дать ему работы дня на два. И вот гость входит в залу — нет никого; в гостиную — тоже никого; он в спальню — и вдруг там раздается визгливое *ах!*; гость говорит в приятном замешательстве: извините-с, медленно пятится в гостиную, к нему кто-нибудь выбегает, изъявляет свой восторг от его посещения, и оба смеются над забавным приключением. А здесь, в столице, всё назаперти, везде колокольчики, везде неизбежное: как прикажете доложить? а потом то дома нет, то нездоров, то просят извинить — заняты, а когда примут, то, конечно, вежливо, но зато как равнодушно, холодно, никакого радушия, ни позавтракать, ни пообедать не пригласят...

Но обратимся к герою «Обыкновенной истории». В нем есть чувство деликатности и приличия; хотя он и был уверен, что дядя примет его с восторгом и поместит у себя в квартире, однако какое-то темное чувство заставило его остановиться в трактире. Если б он сделал хорошую привычку рассуждать о том, что всего ближе к нему, он поразмыслил бы о темном чувстве, которое заставило его въехать в трактир, а не прямо на квартиру дяди, и скоро понял бы, что нет никаких причин ожидать от дяди другого приема, кроме как разве равнодушно-ласкового, и что нет у него никаких прав на жительство у него в квартире. Но, к несчастию, он привык рассуждать только о любви, дружбе и других высоких и далеких предметах и потому явился к дяде провинциалом с ног до головы. Исполненные ума и здравого смысла слова дяди ничего не растолковали ему, а только произвели на него тяжелое, грустное, впечатление и заставили его романтически страдать. Он был трижды романтик — по натуре, по воспитанию и по обстоятельствам жизни, между тем как и одной из этих причин достаточно, чтоб сбить с толку порядочного человека и заставить его наделать тьму глупостей. Некоторые находят, что он с своими вещественными знаками невещественных отношений и другими чересчур ребяческими выходками не совсем вероятен, особенно в наше время. Не спорим, может быть, в этом замечании есть и доля правды: да дело-то в том, что полное

изображение характера молодого Адуева надо искать не здесь, а в его любовных похождениях. В них он весь, в них он представитель множества людей, похожих на него, как две капли воды, и действительно обретающихся в здешнем мире. Скажем несколько слов об этой не новой, но всё еще интересной породе, к которой принадлежит этот романтический зверек.

Эта порода людей, которых природа с избытком наделяет нервическою чувствительностию, часто доходящею до болезненной раздражительности (*susceptibilité*). Они рано обнаруживают тонкое понимание неопределенных ощущений и чувств, любят следить за ними, наблюдать их и называют это — наслаждаться внутреннею жизнию. Поэтому они очень мечтательны и любят или уединение, или круг избранных друзей, с которыми бы они могли говорить о своих ощущениях, чувствах и мыслях, хотя мыслей у них так же мало, как много ощущений и чувств. Вообще они богато одарены от природы душевными способностями, но деятельность их способностей чисто страдательная: иные из них много понимают, но ни один не способен что-нибудь делать, производить; он немножко музыкант, немножко живописец, немножко поэт, даже при нужде немножко критик и литератор, но все эти таланты у него таковы, что он не может ими приобрести не только славы или известности, но даже вырабатывать посредственное содержание. Изо всех умственных способностей в них сильно развиваются воображение и фантазия, но не та фантазия, посредством которой поэт творит, а та фантазия, которая заставляет человека наслаждение мечтами о благах жизни предпочитать наслаждению действительными благами жизни. Это они называют жить высшею жизнию, недоступною для презренной толпы, парить горé, тогда как презренная толпа пресмыкается долу. От природы они очень добры, симпатичны, способны к великодушным движениям; но как фантазия в них преобладает над рассудком и сердцем, то они скоро доходят до сознательного презрения к «пошлому здравому смыслу — этому, по их мнению, достоинству людей материальных, грубых и ничтожных, для которых не существует высокого и прекрасного»; сердце их, беспрестанно насилуемое в его инстинктах и стремлениях их волею, под управлением фантазии, скоро скудеет любовью, и они делаются ужасными эгоистами и деспотами, сами того не замечая, а напротив того, будучи добросовестно убеждены, что они самые любящие и самоотверженные люди. Так как в детстве они удивляли всех ранним и быстрым развитием своих способностей и оказывали, сколько своими достоинствами, столько и недостатками,

сильное влияние над своими сверстниками, из которых иные были гораздо выше их, — естественно, что они были захвачены с ранних лет и сами о себе возымели высокое понятие. Природа и без того отпустила им самолюбия гораздо больше, нежели сколько нужно его для экилибра человеческой жизни; удивительно ли, что легкие и мало заслуженные блестящие успехи усиливают у них самолюбие до невероятной степени? Но самолюбие в них бывает всегда так замаскировано, что они добросовестно не подозревают его в себе, искренно принимают его за гениальное стремление к славе, ко всему великому, высокому и прекрасному. Они долго бывают помешаны на трех заветных идеях: это — слава, дружба и любовь. Всё остальное для них не существует; это, по их мнению, достояние презренной толпы. Все роды славы для них равно обольстительны, и сначала они долго колеблются, какой избрать путь для достижения славы. Им и в голову не приходит, что кто считает себя равно способным ко всем поприщам славы, тот неспособен ни к какому, что самые великие люди узнавали о своей гениальности не прежде, как сделавши сперва что-нибудь великое и гениальное, и узнают это не по собственному сознанию, а по одобрительным и восторженным кликам толпы. И вот манит их военная слава, им очень бы хотелось в Наполеоны, но только не иначе, как на таком условии, чтоб им на первый случай дали под команду хоть небольшую, хоть стотысячную армию, чтоб они сейчас же могли начинать блестящий ряд побед своих. Манит их и гражданская слава, но не иначе, как на таком условии, чтоб им прямо махнуть в министры и сейчас же преобразовать государство (у них же всегда готовы в голове превосходные проекты для всякого рода реформ, стоит только присесть да написать). Но как зависть людей сделала невозможными такие гениальные скачки для таких гениальных людей и требует, чтоб всякий начинал свое поприще с начала, а не с конца, и на деле, а не на словах только доказал бы свою гениальность, то наши гении поневоле скоро обращаются к другим путям славы. Хватаются они иногда и за науку, но не надолго: сухая и скучная материя, надобно много учиться, много работать, и нет никакой пищи сердцу и фантазии. Остается искусство; но какое же избрать? Архитектура, скульптура, живопись и музыка никакому гению не даются без тяжкого и продолжительного труда, и, что всего хуже и обиднее для романтиков, сначала труда чисто материального и механического. Остается поэзия — и вот они бросаются к ней со всего размаху и, еще ничего не сделавши, в мечтах своих украшают себя

огненным ореолом поэтической славы. Главное их заблуждение состоит не в нелепом убеждении, что в поэзии нужен только талант и вдохновение, что кто родился поэтом, тому ничего не нужно учиться, ничего не нужно знать: у кого действительно есть большой талант, тот силою самого таланта скоро поймет нелепость этой мысли и начнет всё изучать, ко всему прислушиваться и приглядываться. Нет, главное и гибельное их заблуждение состоит в том, что они уверили себя в своем поэтическом призвании, как в непреложной истине, срослись с этою несчастною мыслию, так что разочароваться в ней — значит для них потерять всякую веру в себя и в жизнь и в цвете лет сделаться паралитическими стариками. И вот наш романтик принимается писать стихи и говорить в них о том, о чем давно прежде него было сказано и великими и малыми поэтами, и вовсе не поэтами. Он воспевает в них свои страдания, которых не испытал; говорит о своих темных надеждах, из которых видно только то, что он сам не знает, чего хочет; простирает к братьям-людям горячие объятия и хочет разом прижать к сердцу всё человечество или горько жалуется, что толпа холодно отвернулась от его братских объятий. Бедняк не понимает, что, сидя в кабинете, ничего не стоит вдруг возгореться самою неистовою любовью к человечеству, по крайней мере, гораздо легче, нежели провести без сна хотя одну ночь у постели трудного больного. Обыкновенно романтики придают страшную цену чувству, думают, что только они одни наделены сильными чувствами, а другие лишены их, потому что не кричат о своих чувствах. Чувство, конечно, важная сторона в натуре человека, но не все и не всегда поступают в жизни сообразно с своею способностью чувствовать глубоко и сильно. Случается и так, что иной, чем сильнее чувствует, тем бесчувственнее живет: рыдает от стихов, от музыки, от живого изображения человеческих бедствий в романе или повести — и равнодушно проходит мимо действительного страдания, которое у него перед глазами. Иной управляющий, из немцев, со слезами восторга на глазах читает своей Минхен какое-нибудь восторженное послание Шиллера к Лауре и, кончивши последний стих, с не меньшим удовольствием идет пороть мужиков за то, что они осмелились робко намекнуть своему милостивому барину, что они не совсем довольны отеческими попечениями управляющего о их благосостоянии, от которых только один он и жиреет, а они всё худеют. Стихи нашего романтика гладки, блестящи, не лишены даже поэтической обработки; хотя в них и довольно риторической водицы, однако в них местами проглядывает чувство, иногда даже блеснет

мысль (как отголосок чужой мысли), — словом, заметно что-то вроде таланта. Стихи его печатаются в журналах, многие их хвалят; а если он явится с ними в переходную эпоху литературы, он может приобрести даже значительную известность. Но переходные эпохи литературы особенно гибельны для таких поэтов: их известность, приобретенная в короткое время *кем-то*, и в короткое же время исчезает просто от *ничего*; сперва их стихи перестают хвалить, потом читать, а наконец, и печатать. Но молодому Адуеву не удалось насладиться хотя на мгновение даже ложною известностию: его не допустили до этого и время, в которое он вышел с своими стихами, и умный откровенный дядя. Его несчастие состояло не в том, что он был бездарен, а в том, что у него вместо таланта был полуталант, который в поэзии хуже бездарности, потому что увлекает человека ложными надеждами. Вы помните, чего ему стоило разочарование в своем поэтическом призвании...

Дружба также дорого обходится романтикам. Всякое чувство, чтоб быть истинным, должно быть прежде всего естественно и просто. Дружба иногда завязывается от сходства, а иногда от противоположности натур; но, во всяком случае, она чувство невольное, именно потому, что свободное; им управляет сердце, а не ум и воля. Друга нельзя искать, как подрядчика на работу, друга нельзя выбрать; друзьями делаются случайно и незаметно; привычка и обстоятельства жизни скрепляют дружбу. Истинные друзья не дают имени соединяющей их симпатии, не болтают о ней беспрестанно, ничего не требуют один от другого во имя дружбы, но делают друг для друга, что могут. Бывали примеры, что друг не выносил смерти своего друга и умирал вскоре после него; другой от потери своего друга из веселого человека делается на всю жизнь меланхоликом; а третий поскорбит, потужит, да и утешится, но если он навсегда сохранит воспоминание, и оно будет для него вместе и грустно и отрадно, он был истинным другом умершего, хотя не только не умер сам от его потери, не сошел с ума, не сделался меланхоликом, но еще нашел силу быть довольно счастливым в жизни и без друга. Степень и характер дружбы зависят от личности друзей; тут главное, чтоб не было в отношениях ничего натянутого, напряженного, восторженного, ничего похожего на долг и обязанность, а то иной готов и Бог знает на какие самопожертвования для своего друга, чтобы сказать самому себе, а иногда и другим: «Вот каков я в дружбе!» или: «Вот к какой дружбе я способен!» Этот-то

род дружбы обожают романтики. Они дружатся по программе, заранее составленной, где с точностию определены сущность, права и обязанности дружбы; они только не заключают контрактов с своими друзьями. Им дружба нужна, чтоб удивить мир и показать ему, как великие натуры в дружбе отличаются от обыкновенных людей, от толпы. Их тянет к дружбе не столько потребность симпатии, столь сильной в молодые лета, сколько потребность иметь при себе человека, которому бы они беспрестанно могли говорить о драгоценной своей особе. Выражаясь их высоким слогом, для них друг есть драгоценный сосуд для излияния самых святых и заветных чувств, мыслей, надежд, мечтаний и т. д., тогда как в самом-то деле в их глазах друг есть лохань, куда они выливают помои своего самолюбия. Зато они и не знают дружбы, потому что друзья их скоро оказываются неблагородными, вероломными, извергами, и они еще сильнее злобствуют на людей, которые не умели и не хотели понять и оценить их...

Любовь обходится им еще дороже, потому что это чувство само по себе живее и сильнее других. Обыкновенно любовь разделяют на многие роды и виды; все эти разделения большею частию нелепы, потому что наделаны людьми, которые способнее мечтать и рассуждать о любви, нежели любить. Прежде всего разделяют любовь на материальную, или чувственную, и платоническую, или идеальную, презирают первую и восторгаются второю... Действительно, есть люди столь грубые, что могут предаваться только животным наслаждениям любви, не хлопоча даже о красоте и молодости; но даже и эта любовь, как ни груба она, все же лучше платонической, потому что естественнее ее: последняя хороша только для хранителей восточных гаремов... Человек не зверь и не ангел; он должен любить не животно и не платонически, а человечески. Как бы ни идеализировали любовь, но как же не видеть, что природа одарила людей этим прекрасным чувством сколько для их счастия, столько и для размножения и поддержания рода человеческого. Родов любви так же много, как много на земле людей, потому что каждый любит сообразно с своим темпераментом, характером, понятиями и т. д. И всякая любовь истинна и прекрасна по-своему, лишь бы только она была в сердце, а не в голове. Но романтики особенно падки к головной любви. Сперва они сочиняют программу любви, потом ищут достойной себя женщины, а за неимением таковой любят пока какую-нибудь; им ничего не стóит велеть себе лю-

бить, ведь у них всё делает голова, а не сердце. Им любовь нужна не для счастия, не для наслаждения, а для оправдания на деле своей высокой теории любви. И они любят по тетрадке и больше всего боятся отступить хотя от одного параграфа своей программы. Главная их забота являться в любви великими и ни в чем не унизиться до сходства с обыкновенными людьми. И однако ж в любви молодого Адуева к Наденьке было столько истинного и живого чувства; природа заставила на время молчать его романтизм, но не победила его. Он бы мог быть счастлив надолго, но был только на минуту, потому что всё сам испортил. Наденька была умнее его, а главное попроще и естественнее. Капризное, избалованное дитя, она любила его сердцем, а не головою, без теорий и без претензий на гениальность; она видела в любви только ее светлую и веселую сторону и потому любила как будто шутя — шалила, кокетничала, дразнила Адуева своими капризами. Но он любил «горестно и трудно», весь задыхающийся, весь в пене, словно лошадь, которая тащит в гору тяжелый воз. Как романтик, он был и педант; легкость, шутка оскорбляли в его глазах святое и высокое чувство любви. Любя, он хотел быть театральным героем. Он скоро всё переболтал с Наденькой о своих чувствах, пришлось повторять старое, а Наденька хотела, чтоб он занимал не только ее сердце, но и ум, потому что она была пылка, впечатлительна, жаждала нового; всё привычное и однообразное скоро наскучало ей. Но к этому Адуев был человек самый неспособный в мире, потому что собственно его ум спал глубоким и непробудным сном; считая себя великим философом, он не мыслил, а мечтал, бредил наяву. При таких отношениях к предмету его любви ему был опасен всякий соперник,— пусть он был бы хуже его, лишь бы только не походил на него и мог бы иметь для Наденьки прелесть новости, а тут вдруг является граф, человек с блестящим светским образованием. Адуев, думая повести себя в отношении к нему истинным героем, через это самое повел себя, как глупый, дурно воспитанный мальчишка, и этим испортил всё дело. Дядя объяснил ему, но поздно и бесполезно для него, что во всей этой истории был виноват только один он. Как жалок этот несчастный мученик своей извращенной и ограниченной натуры в последнем его объяснении с Наденькой и потом в разговоре с дядею! Страдания его невыносимы; он не может не согласиться с доводами дяди и между тем все-таки не может понять дело в его настоящем свете. Как! ему унизиться до так называемых хитростей, ему, который затем и полюбил, чтоб удивить себя и мир своею гро-

мадною страстию, хотя мир и не думал заботиться ни о нем, ни о его любви! По его теории, судьба должна была послать ему такую же великую героиню, как он сам, и вместо этого послала легкомысленную девчонку, бездушную кокетку! Наденька, которая еще недавно была в глазах его выше всех женщин, теперь вдруг стала ниже всех их! Всё это было бы очень смешно, если б не было так грустно. Ложные причины производят такие же мучительные страдания, как и истинные. Но вот мало-помалу он перешел от мрачного отчаяния к холодному унынию и, как истинный романтик, начал щеголять и кокетничать «своею нарядною печалью». Прошел год, и он уже презирает Наденьку, говоря, что в ее любви не было нисколько героизма и самоотвержения. На вопрос тетки: какой любви потребовал бы он от женщины? он отвечал: «Я бы потребовал от нее первенства в ее сердце; любимая женщина не должна замечать, видеть других мужчин, кроме меня: все они должны казаться ей невыносимы; я один выше, прекраснее (тут он выпрямился), лучше, благороднее всех. Каждый миг, прожитый не со мной, для нее потерянный миг; в моих глазах, в моих разговорах должна она почерпать блаженство и не знать другого; для меня она должна жертвовать всем: презренными выгодами, расчетами, свергнуть с себя деспотическое иго матери, мужа, бежать, если нужно, на край света, сносить энергически все лишения, наконец, презреть самую смерть,— вот любовь!»

Как эта галиматья похожа на слова восточного деспота, который говорит своему главному евнуху: «Если одна из моих одалисок проговорит во сне мужское имя, которое будет не моим,— сейчас же в мешок и в море!» Бедный мечтатель уверен, что в его словах выразилась страсть, к которой способны только полубоги, а не простые смертные; и между тем тут выразились только самое необузданное самолюбие и самый отвратительный эгоизм. Ему нужно не любовницу, а рабу, которую он мог бы безнаказанно мучить капризами своего эгоизма и самолюбия. Прежде чем требовать такой любви от женщины, ему следовало бы спросить себя, способен ли сам заплатить такою же любовью; чувство уверяло его, что способен, тогда как в этом случае нельзя верить ни чувству, ни уму, а только опыту; но для романтиков чувство есть единственный непогрешительный авторитет в решении всех вопросов жизни. Но если бы он и был способен к такой любви, это бы должно было быть для него причиною бояться любви и бежать от нее, потому что это любовь не человеческая, а звериная, взаимное тер-

...ание друг друга. Любовь требует свободы; отдаваясь друг другу по временам, любящиеся по временам хотят принадлежать и самим себе. Адуев требует любви вечной, не понимая того, что чем любовь живее, страстнее, чем ближе подходит она под любимый идеал поэтов, тем кратковременнее, тем скорее охлаждается и переходит в равнодушие, а иногда и в отвращение. И, наоборот, чем любовь спокойнее и тише, т. е. чем прозаичнее, тем продолжительнее: привычка скрепляет ее на всю жизнь. Поэтическая, страстная любовь — это цвет нашей жизни, нашей молодости; ее испытывают редкие, и только один раз в жизни, хотя после иные любят и еще несколько раз, да уж не так, потому что, как сказал немецкий поэт, май жизни цветет только раз. Шекспир недаром заставил умереть Ромео и Юлию в конце своей трагедии: через это они остаются в памяти читателя героями любви, ее апофеозою; оставь же он их в живых, они представлялись бы вам счастливыми супругами, которые, сидя вместе, зевают, а иногда и ссорятся, в чем вовсе нет поэзии.

Но вот судьба послала нашему герою именно такую женщину, т. е. такую же, как он, испорченную, с вывороченным наизнанку сердцем и мозгом. Сначала он утопал в блаженстве, всё забыл, всё бросил, с утра до поздней ночи просиживал у ней каждый день. В чем же заключалось его блаженство? В разговорах о своей любви. И этот страстный молодой человек, сидя наедине с прекрасною молодою женщиною, которая его любит и которую он любит, не краснел, не бледнел, не замирал от томительных желаний; ему довольно было разговоров о взаимной их любви!.. Это, впрочем, понятно: сильная наклонность к идеализму и романтизму почти всегда свидетельствует об отсутствии темперамента; это люди бесполые, то же, что в царстве растений тайнобрачные грибы, например. Мы понимаем это трепетное, робкое обожание женщины, в которое не входит ни одно дерзкое желание, но это не платонизм: это первый момент первой свежей, девственной любви,— это не отсутствие страсти, а страсть, которая еще боится сказаться самой себе. С этого начинается первая любовь, но остановиться на этом так же смешно и глупо, как захотеть остаться на всю жизнь ребенком и ездить верхом на палочке. Любовь имеет свои законы развития, свои возрасты, как цветы, как жизнь человеческая. У ней есть своя роскошная весна, свое жаркое лето, наконец, осень, которая для одних бывает теплою, светлою и плодородною, для других — хо-

лодною, гнилою и бесплодною. Но наш герой не хотел знать законов сердца, природы, действительности, он сочинил для них свои собственные, он гордо признавал существующий мир призраком, а созданный его фантазиею призрак — действительно существующим миром. Назло возможности он упорно хотел оставаться в первом моменте любви на всю жизнь свою. Однако ж сердечные излияния с Тафаевой скоро начали утомлять его; он думал поправить дело предложением жениться. Коли так, то надо бы было поторопиться; но он только думал, что решился, а в самом-то деле ему только был нужен предмет для новых мечтаний. Между тем Тафаева начала смертельно надоедать ему своей привязчивой любовью; он начал тиранить ее самым грубым и отвратительным образом за то, что уже не любил ее. Еще прежде этого он уж начинал понимать, что свобода в любви вещь недурная, что приятно бывать у любимой женщины, но так же приятно быть вправе пройтись по Невскому, когда хочется, отобедать с знакомыми и друзьями, провести с ними вечер,— что, наконец, при любви можно не бросать и службы. Измучивши бедную женщину самым варварским образом, взваливши на нее всю вину в несчастии, в котором он был виноват гораздо больше ее,— он решился, наконец, сказать себе, что он ее не любит и что ему пора покончить с ней. Таким образом, его глупый идеал любви был вдребезги разбит опытом. Он сам увидел свою несостоятельность перед любовью, о которой мечтал всю жизнь свою. Он увидел ясно, что он вовсе не герой, а самый обыкновенный человек, хуже тех, кого презирал, что он самолюбив без достоинств, требователен без прав, заносчив без силы, горд и надут собою без заслуги, неблагодарен, эгоист. Это открытие словно громом пришибло его, но не заставило его искать примирения с жизнию, пойти настоящим путем. Он впал в мертвую апатию и решился отомстить за свое ничтожество природе и человечеству, связавшись с животным Костяковым и предавшись пустым удовольствиям, без всякой охоты к ним. Последняя его любовная история гадка. Он хотел погубить бедную страстную девушку, так, от скуки, и не мог бы в этом покушении оправдаться даже бешенством чувственных желаний, хотя и это плохое оправдание, особенно когда есть для этого путь более прямой и честный. Отец девушки дал ему урок, страшный для его самолюбия: он обещал поколотить его; герой наш хотел с отчаяния броситься в Неву, но струсил. Концерт, на который затащила его тетка, расшевелил в нем прежние мечтания и вызвал

...о на откровенное объяснение с теткою и дядею. Здесь он ...бинил дядю во всех своих несчастиях. Дядя по-своему ...йствительно кое в чем сильно ошибался, но он был тут ...им собою, не лгал, не притворялся, говорил по убежде-...ию, что думал и чувствовал; если слова его подействова-...и на племянника более вредно, нежели полезно,— в этом ...новата ограниченная, болезненная и поврежденная нату-...а нашего героя. Это один из тех людей, которые иногда и ...дят истину, но, рванувшись к ней, или не допрыгивают ...о нее, или перепрыгивают через нее, так что бывают только ...около нее, но никогда в ней. Выезжая из Петербурга в де-...евню, он расквитался с ним фразами и стихами и прочел ...стихотворение Пушкина: «Художник варвар кистью сон-...ной...» Эти господа ни на час без монологов и стихов — та-...кие болтуны!

Он приехал в деревню живым трупом; нравственная жизнь была в нем совершенно парализована; самая наружность его сильно изменилась, мать едва узнала его. С нею он обошелся почтительно, но холодно, ничего ей не открыл, не объяснил. Он, наконец, понял, что между ним и ею нет ничего общего, что если б он стал ей объяснять, куда девались его волоски, она поняла бы это так же, как Евсей и Аграфена. Ласки и угождения матери скоро стали ему в тягость. Места — свидетели его детства — расшевелили в нем прежние мечты, и он начал хныкать о их невозвратной потере, говоря, что счастие в обманах и призраках. Это общее убеждение всех дряблых, бессильных, недоконченных натур. Ведь, кажется, опыт достаточно показал ему, что все его несчастия произошли именно оттого, что он предавался обманам и мечтам: воображал, что у него огромный поэтический талант, тогда как у него не было никакого, что он создан для какой-то героической и самоотверженной дружбы и колоссальной любви, тогда как в нем ничего не было героического, самоотверженного. Это был человек обыкновенный, но вовсе не пошлый. Он был добр, любящ и неглуп, не лишен образования; все несчастия его произошли оттого, что, будучи обыкновенным человеком, он хотел разыграть роль необыкновенного. Кто в молодости не мечтал, не предавался обманам, не гонялся за призраками и кто не разочаровывался в них, и кому эти разочарования не стоили сердечных судорог, тоски, апатии, и кто потом не смеялся над ними от всей души? Но здоровым натурам полезна эта практическая логика жизни и опыта: они от нее развиваются и мужают нравственно; романтики гибнут от нее...

Когда мы в первый раз читали письмо нашего героя к тетке и дяде, писанное после смерти его матери и исполненное душевного спокойствия и здравого смысла, — это письмо подействовало на нас как-то странно; но мы объяснили его себе так, что автор хочет снова послать своего героя в Петербург затем, чтобы тот новыми глупостями достойно заключил свое донкихотское поприще. Письмом этим заключается вторая часть романа; эпилог начинается через четыре года после вторичного приезда нашего героя в Петербург. На сцене Петр Иваныч. Это лицо введено в роман не само для себя, а для того, чтобы своею противоположностию с героем романа лучше оттенить его. Это набросило на весь роман несколько дидактический оттенок, в чем многие не без основания упрекали автора. Но автор и тут умел показать себя человеком с необыкновенным талантом. Петр Иваныч — не абстрактная идея, живое лицо, фигура, нарисованная во весь рост кистью смелою, широкою и верною. О нем, как о человеке, судят или слишком хорошо, или слишком дурно, и в обоих случаях ошибочно. Одни хотят видеть в нем какой-то идеал, образец для подражания: это люди положительные и рассудительные. Другие видят в нем чуть не изверга: это мечтатели. Петр Иваныч по-своему человек очень хороший; он умен, очень умен, потому что хорошо понимает чувства и страсти, которых в нем нет и которые он презирает; существо вовсе не поэтическое, он понимает поэзию в тысячу раз лучше своего племянника, который из лучших произведений Пушкина как-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было бы набраться из сочинений фразеров и риторов. Петр Иваныч эгоист, холоден по натуре, неспособен к великодушным движениям, но вместе с этим он не только не зол, но положительно добр. Он честен, благороден, не лицемер, не притворщик, на него можно положиться, он не обещает, чего не может или не хочет сделать, а что обещает, то непременно сделает. Словом, это в полном смысле порядочный человек, каких, дай Бог, чтоб было больше. Он составил себе непреложные правила для жизни, сообразуясь с своею натурою и с здравым смыслом. Он ими не гордился и не хвастался, но считал их непогрешительно верными. Действительно, мантия его практической философии был сшита из прочной и крепкой материи, которая хорошо могла защитить его от невзгод жизни. Каковы же были его изумление и ужас, когда, дожив до боли в пояснице и до седых волос, он вдруг заметил в своей мантии прореху — правда, одну только, но зато какую широкую. Он не хлопотал о семейственном счастии,

но был уверен, что утвердил свое семейственное положение на прочном основании,— и вдруг увидел, что бедная жена его была жертвою его мудрости, что он заел ее век, задушил ее в холодной и тесной атмосфере.

Какой урок для людей положительных, представителей здравого смысла! Видно, человеку нужно и еще чего-нибудь немножко, кроме здравого смысла! Видно, на границах-то крайностей больше всего и стережет нас судьба. Видно, и страсти необходимы для полноты человеческой натуры, и не всегда можно безнаказанно навязывать другому то счастие, которое только нас может удовлетворить, но всякий человек может быть счастлив только сообразно с собственною натурою! Петр Иваныч хитро и тонко расчел, что ему надо овладеть понятиями, убеждениями, склонностями своей жены, не давая ей этого заметить, вести ее по дороге жизни, но так, чтоб она думала, что сама идет; но он сделал в этом расчете одну важную ошибку: при всем своем уме, он не сообразил, что для этого надо было выбрать жену, чуждую всякой страстности, всякой потребности любви и сочувствия, холодную, добрую, вялую, всего лучше пустую, даже немножко глупую. Но на такой он, может быть, не захотел бы жениться по самолюбию; в таком случае ему следовало вовсе не жениться.

Петр Иваныч выдержан от начала до конца с удивительною верностию; но героя романа мы не узнаем в эпилоге: это лицо вовсе фальшивое, неестественное. Такое перерождение для него было бы возможно только тогда, если б он был обыкновенный болтун и фразер, который повторяет чужие слова, не понимая их, наклепывает на себя чувства, восторги и страдания, которых никогда не испытывал; но молодой Адуев, к его несчастию, часто бывал слишком искренен в своих заблуждениях и нелепостях. Его романтизм был в его натуре; такие романтики никогда не делаются положительными людьми. Автор имел бы скорее право заставить своего героя заглохнуть в деревенской дичи апатии и лени, нежели заставить его выгодно служить в Петербурге и жениться на большом приданом. Еще бы лучше и естественнее было ему сделать его мистиком, фанатиком, сектантом; но всего лучше и естественнее было бы ему сделать его, например, славянофилом. Тут Адуев остался бы верным своей натуре, продолжал бы старую свою жизнь и между тем думал бы, что он и Бог знает как ушел вперед, тогда как, в сущности, он только бы перенес старые знамена своих мечтаний на новую почву. Прежде он мечтал о славе, о дружбе, о любви, а тут стал бы мечтать о народах и племенах, о том, что на долю славян досталась любовь, а на

долю тевтонов — вражда, о том, что во времена Гостомысла славяне имели высшую и образцовую для всего мира цивилизацию, что современная Россия быстро идет к этой цивилизации, что этого не видят только слепые и ожесточенные рассудком, а все зрячие и размягченные фантазиею давно это ясно видят. Тогда бы герой был вполне современным романтиком, и никому бы не вошло в голову, что люди такого закала теперь уже не существуют...

Придуманная автором развязка портит впечатление всего этого прекрасного произведения, потому что она неестественна и ложна. В эпилоге хороши только Петр Иваныч и Лизавета Александровна до самого конца; в отношении же к герою романа эпилог хоть не читать... Как такой сильный талант мог впасть в такую странную ошибку? Или он не совладал с своим предметом? Ничуть не бывало! Автор увлекся желанием попробовать свои силы на чуждой ему почве — на почве сознательной мысли — и перестал быть поэтом. Здесь всего яснее открывается различие его таланта с талантом Искандера: тот и в сфере чуждой для его таланта действительности умел выпутаться из своего положения силою мысли; автор «Обыкновенной истории» впал в важную ошибку именно оттого, что оставил на минуту руководство непосредственного таланта. У Искандера мысль всегда впереди, он вперед знает, что и для чего пишет; он изображает с поразительною верностию сцену действительности для того только, чтобы сказать о ней свое слово, произнести суд. Г-н Гончаров рисует свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностию рисовать; говорить и судить и извлекать из них нравственные следствия ему надо предоставить своим читателям. Картины Искандера отличаются не столько верностию рисунка и тонкостию кисти, сколько глубоким знанием изображаемой им действительности, они отличаются больше фактическою, нежели поэтическою истиною, увлекательны словом не столько поэтическим, сколько исполненным ума, мысли, юмора и остроумия, — всегда поражающими оригинальностию и новостию. Главная сила таланта г. Гончарова — всегда в изящности и тонкости кисти, верности рисунка; он неожиданно впадает в поэзию даже в изображении мелочных и посторонних обстоятельств, как, например, в поэтическом описании процесса горения в камине сочинений молодого Адуева. В таланте Искандера поэзия — агент второстепенный, а главный — мысль; в таланте г. Гончарова поэзия — агент

первый и единственный...

Несмотря на неудачный, или, лучше сказать, на испорченный, эпилог, роман г. Гончарова остается одним из замечательных произведений русской литературы. К особенным его достоинствам принадлежит, между прочим, язык чистый, правильный, легкий, свободный, льющийся. Рассказ г. Гончарова в этом отношении не печатная книга, а живая импровизация. Некоторые жаловались на длинноту и утомительность разговоров между дядею и племянником. Но для нас эти разговоры принадлежат к лучшим сторонам романа. В них нет ничего отвлеченного, не идущего к делу; это — не диспуты, а живые, страстные, драматические споры, где каждое действующее лицо высказывает себя, как человека и характер, отстаивает, так сказать, свое нравственное существование. Правда, в такого рода разговорах, особенно при легком, дидактическом колорите, наброшенном на роман, всего легче было споткнуться хоть какому таланту; но тем больше чести г. Гончарову, что он так счастливо решил трудную самое по себе задачу и остался поэтом там, где так легко было сбиться на тон резонера.

В. П. БОТКИН — В. Г. БЕЛИНСКОМУ

27 марта [1847 г. Москва]

Я писал уже тебе, что повесть Гончарова просто поразила меня своею свежестью и простотою. Я вообще на чтение всякой русской повести смотрю, как на большой труд; с таким же чувством принялся я за чтение повести Гонч[арова]. Как же велико было мое удивление, когда я не в силах был оставить книги и прочел ее, как будто в жаркий летний день съел мороженого, от которого внутри остается самая отрадная прохлада, а во рту аромат плода, из которого оно сделано.

Этой изящной легкости и мастерству рассказа я в русской литературе не знаю ничего подобного. И как все это ново, свежо, оригинально. Ты совершенно справедливо замечаешь, что особенное ее достоинство заключается в отсутствии (не одного только) семинарства, (а именно) литературщины и литераторства. И как это умно, и дельно, и тонко. Мне тяжко вспомнить вычурного Достоевского, хотя должно признаться, что у этого, при всей его тугости и смуте, есть глубокое чувство трагического. Но до него надо докапываться — сквозь целые

груды навоза. Гончаров, по мне, превосходный беллетрист, но не художник; именно эта очаровательная легкость, эта неотразимая читаемость суть признаки высокого беллетристического таланта. Процедура художника всегда труднее: он всюду втирается в глубь и сущность, от этого он читается не легко,— не легко потому, что он слишком много вдруг дает уму и фантазии,— ну, и прочее. Ты замечаешь, какой удар повесть Гончарова нанесет романтизму — и справедливо; а мне также кажется, что от нее и не очень поздоровится арифметическому здравому смыслу: словом, она бьет обе эти крайности. Я ничего не знаю умнее этого романа.

А.В.ДРУЖИНИН

Русские в Японии в конце 1853 г. и в начале 1854 г.

Всякому любителю русского искусства, без сомнения, вполне памятен успех двух беллетрических произведений нашего автора — романа «Обыкновенная история» и эпизода «Сон Обломова». Оба произведения, утвердив за г. Гончаровым известность замечательного писателя, получили от нашей критики множество похвал и несколько замечаний, как нам кажется, не вполне справедливых. Из заметок менее благосклонных стоит упомянуть об одной, недавно высказанной, в которой критик, нами уважаемый и, по временам, весьма проницательный, упрекает автора «Обыкновенной истории» в сухосатирическом направлении и пристрастии к излишнему отрицанию в жизненных воззрениях, что почти равносильно отсутствию всякого идеала в жизни, во взгляде на действительность. Отзыв этот, как кажется, тем более важен, что мы сами смотрим на дарование г. Гончарова с точки зрения диаметрально противоположной. Все, что есть в нашем авторе сатирического и отрицательного, кажется нам только частностью, временным и случайным видом его дарования, украшениями общего здания, но никак не капитальною его собственностью. Как живописец и член того общества, где сатира и отрицание имеют свое место, как русский человек, для которого красное слово всегда любезно, Гончаров любит юмор и воспроизводит его в своих сочинениях; но он не жертвует ему своими воззрениями и убеждениями, не доводит его до тех пределов, которые несовместны с его собственным, авторским взглядом на вещи. Напротив того, наш автор, не чуждый сатиры, даже иногда переходя на сторону лиц насмешливых и чрезмерно положительных, никогда не отклоняется от своей собствен-

ной дороги, смело и честно держась за все, что кажется ему милым, любезным, благородным и поэтическим. Взяв талант Гончарова не по частям, не по страничкам, а во всей массе его произведений, мы не обинуясь называем его талантом самостоятельным, положительным, в здравом смысле слова, высказывающим то, что́ надобно высказать, независимым в своих проявлениях, поэтическим в своей оригинальности. Мы признаем автора «Обыкновенной истории» поэтом настоящим, важным по своему направлению,— поэтом, еще не вполне высказавшимся, но истинно обильным надеждами. Подобные люди, если их явится достаточно, разъяснят нам всю поэзию русской жизни, украсят житейскую действительность светом чистого искусства и оставят по себе вечный след в потомстве. Мы никак не скажем, чтобы г. Гончаров проложил новые пути в искусстве: новых путей нам пока не надобно. Старые пути, проложенные Пушкиным и Гоголем, нуждаются еще в разработке, и какой разработке! Направление нашего автора в ином совпадает с направлением Пушкина; несмотря на разность дарований и изложения, ни один из романов, написанных по-русски, не подходит к «Евгению Онегину» ближе «Обыкновенной истории». В обоих произведениях видим мы ясную, тихую, светлую, но правдивую картину русского общества, в обоих русская природа изображена превосходно, в обоих действуют русские люди в их спокойном, повседневном состоянии, в обоих разлит один примирительно-отрадный колорит, в обоих нет ни лести, ни гнева, ни идиллий, ни преднамеренного свирепства, ни утопии, ни мрачных красок. Г. Гончаров воспитан на Пушкине и предан его памяти, как памяти отца и наставника. Но натура его, совершенно отличная от пушкинской натуры и замечательная сама по себе, обусловливает различие между поэзиею обоих писателей. Оттого в «Обыкновенной истории» и нет ничего заимствованного, придуманного, подражательного. Надо изучать «Сон Обломова» и «Обыкновенную историю», надо думать много о ходе нашей родной словесности, чтобы понять важность Гончарова как писателя, чтоб оценить духовную его энергию, от которой мы ждем многого и весьма многого. Из сочинений нашего автора мы извлекаем мысли такого рода. Я русский писатель, говорит нам г. Гончаров, и, сознавая себя лицом здраво-практическим, вменяю себе в обязанность действовать там, где судьба меня поставила. В простой, тихой, жизни, которую в моде называть пошлой и бесцветной жизнью, вижу я не одну пошлость и не одну бесцветность. Эта жизнь удовлетворяет меня, умного и даровитого человека,

значит, в ней есть поэзия, есть сторона положительно привлекательная и заслуживающая бесконечного изучения. Я вижу тонкие и милые черты там, где угрюмые умники ничего не видят. Природа северная, природа, над которой принято величаво смеяться, действует на меня отрадно, может быть, отраднее, нежели вид тех чудес природы, между которыми не я родился. В незначительных привычках городской тихой жизни способен я находить прелесть. Я умею привязываться к этим привычкам, значит, они не так незначительны, как о том думают многие. Иные предметы, милые многим нашим поэтам, вовсе мне не милы. Ни мизантропические умствования, ни карающий юмор, ни стремления к утопиям, ни хитрые обобщения, ни величавые воззрения, ни преклонение перед великосветским дендизмом меня нимало не трогают. Я не вполне верю в перл создания и говорю о том откровенно. Священная буря вдохновения, облекающая чело провозвестников будущего, мне кажется фразою, придуманною в момент раздражения нервов. Может быть, у меня недостает чутья относительно одной стороны искусства, но я чую жизнь, истину и поэзию там, где никто ничего не чует. Я прямо и простодушно передаю свету мои открытия, мои наблюдения: пусть свет решает, прав ли я, и хорошо ли я делаю, крепко держась за окружающую меня действительность. Если в том, что́ я высказываю моими сочинениями, нет поэзии, эти сочинения успеха иметь не будут. Если их прочли и оценили, значит, я не сбился с дороги и могу развивать свое направление с большею против прежнего смелостью. И я пойду впредь по своему пути и буду черпать вдохновение из источников, меня окружающих, и стану действовать в той среде, в которую я поставлен судьбою. Я намерен смотреть на русскую жизнь с той самой точки зрения, против которой неутомимо свирепствовали все любители отрицания. Я люблю прозу жизни оттого, что способен видеть в ней нечто большее, чем проза. Мне милы тихие картины чисто русской природы, и мои сочинения покажут, почему эти картины мне милы. Я понимаю поэзию жизни в простых, обыденных событиях, в нехитрых привычках, в страстях самых немногосложных. Меня пленяет то, что до сих пор не пленяло почти ни одного русского художника: я умею говорить от сердца о скромных интересах петербургского чиновника, о философии положительного мудреца Петра Ивановича, о первой любви никому не известной барышни, о крошечных драмах, совершающихся где-нибудь за чайным столом, или в палисаднике петербургской дачи, или за дверью такого-то департамента, или на темной лестнице

высокого каменного дома. И это еще не все: дайте мне времени и слушайте меня со вниманием, я сообщу вам нечто еще более новое. Я перенесу вас когда-нибудь в затишье маленьких русских городков, в запущенные сады одиноких помещичьих усадеб, в маленькие деревянные домики, наполненные самым прозаическим народом; я поведу вас гулять по сереньким русским полям, по маленьким холмикам и оврагам, по местности, которую даже первые наши поэты до сих пор вам обрисовывали как нечто не стоящее изображения, двумя, тремя небрежными штрихами. У меня не будет небрежных штрихов, я не признаю людей и пейзажа, не стоящих описания. Там, где живет и действует человек, одаренный силою таланта, все стоит описания, все располагает к жизненной поэзии!

А.В.ДРУЖИНИН

Обломов

В писателе, подарившем нашей словесности «Обыкновенную историю» и «Обломова», мы всегда видели и видим теперь одного из сильнейших современных русских художников — с таким суждением, без сомнения, согласится всякий человек, умеющий с толком читать по-русски. Об особенностях гончаровского дарования тоже больших споров быть не может. Автор «Обломова», вместе с другими первоклассными представителями родного искусства,— есть художник чистый и независимый, художник по призванию и по всей целости того, что им сделано. Он реалист, но его реализм постоянно согрет глубокой поэзиею; по своей наблюдательности и манере творчества он достоин быть представителем самой натуральной школы, между тем как его литературное воспитание и влияние поэзии Пушкина, любимейшего из его учителей, навеки отдаляют от г. Гончарова самую возможность *бесплодной* и сухой натуральности. В нашей рецензии, о которой упоминалось выше, мы проводили подробную параллель между талантом Гончарова и талантами первоклассных живописцев фламандской школы, параллель, как нам и теперь кажется, дает верный ключ к уразумению заслуг, достоинств и даже недостатков нашего автора. Подобно фламандцам, г. Гончаров национален, неотступен в раз принятой задаче и поэтичен в малейших подробностях создания. Подобно им, он крепко держится за окружающую его действительность, твердо веруя, что нет в мире предмета, который не мог бы быть

возведен в поэтическое представление силой труда и дарования. Как художник-фламандец, г. Гончаров не путается в системах и не рвется в области ему чуждые. Как Доу, Ван дер-Неер и Остад, он знает, что ему незачем ходить далеко за предметами творчества. Простой и даже как будто скупой на вымысел, подобно трем сейчас нами названным великим людям, г. Гончаров, подобно им, не выдает всей своей глубины поверхностному наблюдателю. Но, подобно им, он является глубже и глубже с каждым внимательным взглядом, подобно им, он ставит перед нашими глазами целую жизнь данной сферы, данной эпохи и данного общества,— для того, чтоб, подобно им же, навсегда остаться в истории искусства и освещать ярким светом моменты действительности, им уловленной.

А. ГРИГОРЬЕВ

И. А. Гончаров и его деятельность («Современник», 1859, № 1)

Яркие достоинства таланта г. Гончарова признаны были без исключения всеми при появлении его первого романа, «Обыкновенной истории». Рассказ его «Иван Савич Поджабрин», написанный, как говорят, прежде, но напечатанный после «Обыкновенной истории», многим показался недостойным писателя, так блестяще выступившего на литературное поприще — хотя, признаюсь откровенно, я никогда не разделял этого мнения. В «Поджабрине» точно так же, как и в «Обыкновенной истории», обнаруживались почти одинаково все данные таланта г. Гончарова, и как то, так и другое произведение страдали равными, хотя и противуположными недостатками. В «Обыкновенной истории» голый скелет психологической задачи слишком резко выдается из-за подробностей; в «Поджабрине» частные, внешние подробности совершенно поглощают и без того уже небогатое содержание: оттого-то оба эти произведения,— собственно, не художественные создания, а этюды, хотя, правда, этюды, блестящие ярким жизненным колоритом, выказывающие несомненный талант высокого художника, но художника, у которого анализ, и притом очень дешевый и поверхностный анализ, подъел все основы, все корни деятельности. Сухой догматизм постройки «Обыкновенной истории» кидается в глаза всякому. Достоинство «Обыкновенной истории» заключается в отдельных художественно обработанных частностях, а не в целом, которое всякому, даже самому пристрастному читателю представляется каким-то

натянутым развитием наперед заданной темы. Кому не явно, что Петр Иванович, с его беспощадным практическим взглядом, не лицо действительно существующее, а олицетворение известного взгляда на вещи, нечто вроде Стародумов, Здравомыслов и Правосудовых старинных комедий — с тем только различием, что Стародумы, Здравомыслы и Правосудовы, при всей нелепости их, были представителями убеждений гораздо более благородных и гуманных, нежели узкая практическая теория Петра Ивановича Адуева? Что, с другой стороны,— Александр Адуев слишком намеренно выставлен автором и слабее и мельче своего дядюшки,— что на дне всего лежит такая антипоэтическая тема, такая пошлая мысль, которых не выкупают блестящие подробности?.. Замечательно в высшей степени, что «Обыкновенная история» понравилась даже отжившему поколению, даже старичкам, даже, помнится... «Северной пчеле» (с позволения сказать!); это свидетельствовало не об особенном ее художественном достоинстве, а просто о том, что воззрение, под влиянием которого она написана, было не выше обычного уровня.

Ведь у нас их, действительностей, видимым образом,— две. Одна напоказ — официальная, другая под спудом — бытовая... Разъяснять этой мысли здесь нет необходимости. Протест поднимался тогда еще смутно, сам для себя неясный — на первый раз даже более за внешнюю, показную действительность.

В ответ на этот смутный, неопределенный протест явилось примечательно яркое,— но чисто внешнее дарование без глубокого содержания, без стремления к идеалу — дарование г. Гончарова. На требование оно ответило, как могло и как умело, «Обыкновенной историей», этой эпопеей чиновнического воззрения и азбучной мудрости, стоявшей совершенно в уровень с первыми, поверхностными началами протеста за действительность против романтической личности. Дарование г. Гончарова не пошло по новой дороге: оно вышло целиком из той же самой категории произведений и было только ее цветом. Примирение выразилось в «Обыкновенной истории» иронией какого-то отчаяния, смехом над протестом личности, с одной стороны, и апофеозою торжества сухой, безжизненной, безосно́вной практичности. Все было тут принесено в жертву этой иронии. Автор вывел две фигуры: одну — жиденькую, худенькую, слабенькую, с ярлыком на лбу: «романтизм quasi*— молодого поколения», и другую — крепкую, спокойную и определенную, как математика, с ярлыком на лбу: «практический ум»; сей последний, разумеется, торжествовал в

* псевдо-, мнимо- (*лат.*) — *Ред.*

своих расчетах, как добродетельная любовь в старинных романах и комедиях. Такова была мысль произведения г. Гончарова, мысль нимало не скрытая, а, напротив, просившаяся наружу, кричавшая в каждой фигуре романа. Много нужно было таланта для того, чтобы читатели забывали явно искусственную постройку произведения, — но, кроме силы таланта, мысль ответила на требование большинства, то есть морального и общественного мещанства. Роман — повторяю я — понравился всем так называемым практическим людям, которые всегда любят, когда бранят молодое поколение за разные *несообразные* и *неподобные* стремления, понравился даже тем господам, которые косо посматривали на «Мертвые души» или издевались над ними. В наивной радости своей — протест за внешнюю, показную действительность не замечал, что ирония романа пропадала задаром, что романтическое стремление не признавало, не признает и не признáет в жиденьком Александре Адуеве своего питомца.

И.А. ГОНЧАРОВ

«Лучше поздно, чем никогда»
(Критические заметки)

Я упомянул выше, что вижу *не три романа, а один*. Все они связаны одною общею нитью, одною последовательною идеею — перехода от одной эпохи русской жизни, которую я переживал, к другой — и отражением их явлений в моих изображениях, портретах, сценах, мелких явлениях и т. д.

Прежде всего надо вспомнить и уяснить себе следующее положение искусства: если образы типичны, они непременно отражают на себе — крупнее или мельче — и эпоху, в которой живут, оттого они и типичны. То есть на них отразятся, как в зеркале, и явления общественной жизни, и нравы, и быт. А если художник сам глубок, то в них проявляется и психологическая сторона. На глубину я не претендую, поспешаю заметить: и современная критика уже замечала печатно, что я неглубок.

Я сам и среда, в которой я родился, воспитывался, жил — всё это, помимо моего сознания, само собою отразилось силою рефлексии у меня в воображении, как отражается в зеркале пейзаж из окна, как отражается иногда в небольшом пруде громадная обстановка: и опрокинутое над прудом небо, с узором облаков, и деревья, и гора с какими-нибудь зданиями, и люди, и животные, и суета, и неподвижность — все в миниатюрных подобиях.

Так и надо мною и над моими романами совершался этот простой физический закон — почти незаметным для меня самого путем.

Когда я писал «Обыкновенную историю», я, конечно, имел в виду и себя и многих подобных мне учившихся дома или в университете, живших по затишьям, под крылом добрых матерей, и потом — отрывавшихся от неги, от домашнего очага, со слезами, с проводами (как в первых главах «Обыкновенной истории») и являвшихся на главную арену деятельности, в Петербург.

И здесь — в встрече мягкого, избалованного ленью и барством мечтателя племянника с практическим дядей — выразился намек на мотив, который едва только начал разыгрываться в самом бойком центре — в Петербурге. Мотив этот — слабое мерцание сознания, необходимости *труда*, настоящего, не рутинного, а *живого дела* в борьбе с всероссийским застоем.

Это отразилось в моем маленьком зеркале в среднем чиновничьем кругу. Без сомнения, то же — в таком же духе, тоне и характере, только в других размерах, разыгрывалось и в других, и высших и низших, сферах русской жизни.

Представитель этого мотива в обществе был дядя: он достиг значительного положения в службе, он директор, тайный советник, и, кроме того, он сделался и заводчиком. Тогда, от 20-х до 40-х годов — это была смелая новизна, чуть не *унижение* (я не говорю о заводчиках-барах, у которых заводы и фабрики входили в число родовых имений, были оброчные статьи и которыми они сами не занимались). Тайные советники мало репались на это. Чин не позволял, а звание купца не было лестно.

В борьбе дяди с племянником отразилась и тогдашняя, только что начинавшаяся ломка старых понятий и нравов — сентиментальности, карикатурного преувеличения чувств дружбы и любви, поэзия праздности, семейная и домашняя ложь напускных, в сущности небывалых чувств (например, любви с *желтыми цветами* старой девы-тетки и т. п.), пустая трата времени на визиты, на ненужное гостеприимство и т. д.

Словом, вся праздная, мечтательная и аффектационная сторона старых нравов с обычными порывами юности — к высокому, великому, изящному, к эффектам, с жаждою высказать это в трескучей прозе, всего более в стихах.

Все это — отживало, уходило; являлись слабые проблески новой зари, чего-то трезвого, делового, нужного.

Первое, то есть старое, исчерпалось в фигуре племянника — и оттого он вышел рельефнее, яснее.

Второе — то есть трезвое сознание необходимости дела, труда, знания — выразилось в дяде, но это сознание только народилось, показались первые симптомы, далеко было до полного развития — и понятно, что начало могло выразиться слабо, неполно, только кое-где, в отдельных лицах и маленьких группах, и фигура дяди вышла бледнее фигуры племянника.

Наденька, девушка, предмет любви Адуева, вышла также отражением своего времени. Она уже не безусловно покорная дочь перед волей каких бы ни было родителей. Мать ее слаба перед ней и едва в состоянии сохранять только decorum* авторитета матери, хотя и уверяет, что *она строга, даром что молчит* и что будто Наденька ни шагу *без нее не ступит*. Неправда, она сама чувствует, что слаба и слепа до того, что допускает отношения дочери и к Адуеву и к графу, не понимая, в чем дело.

Дочь несколькими шагами — впереди матери. Она *без спросу* полюбила Адуева и почти не скрывает этого от матери или молчит только для приличия, считая за собою право распоряжаться по-своему *своим внутренним миром* и самим Адуевым, которым, изучив его хорошо, овладела и командует. Это её послушный раб, нежный, бесхарактерно-добрый, что-то обещающий, но мелко самолюбивый, простой, обыкновенный юноша, каких везде — легион. И она приняла бы его, вышла бы замуж — и все пошло бы обычным ходом.

Но явилась фигура графа, сознательно-умная, ловкая, с блеском. Наденька увидала, что Адуев не выдерживает сравнения с ним ни в уме, ни в характере, ни в воспитании. Наденька в своем быту не приобрела сознания ни о каких идеалах мужского достоинства, силы, и какой силы?

Тогда их и не было, этих идеалов, как не было никакой русской, самостоятельной жизни. Онегины и подобные ему — вот кто были идеалы, то есть франты, львы, презиравшие мелкий труд и не знавшие, что с собой делать.

Ее достало разглядеть только, что молодой Адуев — не сила, что в нем повторяется все, что она видела тысячу раз во всех других юношах, с которыми танцевала, немного кокетничала. Она на минуту прислушалась к его стихам. Писание стихов было тогда дипломом на интеллигенцию. Она ждала, что сила, талант кроются там. Но оказалось, что он только пишет

---

* внешний вид (*лат.*).

сносные стихи, но о них никто не знает, да еще дуется про себя на графа за то, что этот прост, умен и держит себя с достоинством. Она перешла на сторону последнего: в этом пока и состоял *сознательный шаг русской девушки* — безмолвная эмансипация, протест против беспомощного для нее авторитета матери.

Но тут и кончилась эта эмансипация. Она *сознала*, но в *действие своего сознания не обратила*, остановилась *в неведении*, так как и самый момент эпохи был моментом неведения. Никто еще не знал, что с собой делать, куда идти, что начать? Онегин и подобные ему «идеалы» только тосковали в бездействии, не имея определенных целей и дела, а Татьяны не ведали.

«Что же из этого будет? — в страхе спрашивает Наденьку Адуев,— граф не женится?»

«Не знаю!» — отвечает она в тоске. И действительно, не знала русская девушка, как поступить сознательно и рационально в том или другом случае. Она чувствовала только смутно, что ей можно и пора протестовать против отдачи *ее замуж родителями*, и только могла, бессознательно конечно, как Наденька, заявить этот протест, забраковав одного и перейдя чувством к другому.

Тут я и оставил Наденьку. Мне она была больше не нужна как тип, а до нее, как до личности, мне не было дела.

И Белинский однажды заметил это. «Пока ему нужна она, до тех пор он с ней и возится! — сказал он кому-то при мне, — а там и бросит!»

А меня спрашивали многие, что же было с нею дальше? Почем я знаю? *Я рисовал не Наденьку, а русскую девушку известного круга той эпохи*, в известный момент. Сам я никакой одной Наденьки лично не знал или знал многих.

Мне скажут, что как ее, так и другие фигуры бледны — и типов собою не образуют: очень может быть — об этом я спорить не могу. Я только говорю, что сам под ними разумел.

В начале 40-х годов, когда задумывался и писался этот роман, я еще не мог вполне ясно глядеть в следующий период, который не наступал, но предчувствия которого жили уже во мне, потому что вскоре после напечатания, в 1847 году в «Современнике», «Обыкновенной истории» — у меня уже был готов план *Обломова*, а в 1848 году (или 1849 году — не помню) я поместил в «Иллюстрированном сборнике» при «Современнике» и «Сон Обломова» — эту увертюру всего романа, следовательно я переживал про себя в воображении и этот период и благодаря своей чуткости предчувство-

вал, что следует далее. Теперь могу отвечать, «что сталось с Наденькой?».

Смотрите в «Обломове» — *Ольга* есть превращенная *Наденька* следующей эпохи.

Адуев кончил, как большая часть тогда: послушался практической мудрости дяди, принялся работать в службе, писал и в журналах (но уже не стихами) и, пережив эпоху юношеских волнений, достиг положительных благ, как большинство, занял в службе прочное положение и выгодно женился, словом, обделал свои дела. В этом и заключается «Обыкновенная история».

Она — в моих книгах — *первая галерея*, служащая преддверием к следующим двум *галереям* или *периодам* русской жизни, уже тесно связанным между собой, то есть к «Обломову» и «Обрыву», или к «Сну» и к «Пробуждению».

КОММЕНТАРИИ

Роман «Обыкновенная история» был задуман молодым Гончаровым в 1844 году, писался в 1845 — 1846 годах, читался по главам и обсуждался в литературном кружке Майковых и у Белинского. Роман был опубликован в журнале Н. А. Некрасова «Современник» (1847, №3 — 4). В следующем году «Обыкновенная история» вышла отдельной книгой. Автор потом не раз возвращался к роману и правил текст. Рукопись «Обыкновенной истории» не сохранилась.

Стр. 29. Пафос — имеются в виду волнение и страсть, определяющие человеческий характер наряду с постоянными его чертами.

Стр. 42. Вечный жид — имеется в виду Агасфер, персонаж средневековой легенды, осужденный на вечную жизнь и скитания за то, что не позволил Иисусу Христу отдохнуть на пути к месту распятия.

Казакин — род мужской одежды, приталенный полукафтан со сборками, прямым воротником и без пуговиц, на крючках.

Стр. 49. Седелка — небольшое седло из дерева, войлока и железа с дужкой, к которому пристегивалась оглобельная упряжь.

Ассигнация — бумажный денежный знак для размена золотых и серебряных монет. Счет в то время велся на серебро и ассигнации.

Стр. 54. Бостончик — картежная игра «бостон».

Стр. 56. Загоскин Михаил Николаевич (1789 — 1852) — русский писатель, автор популярных исторических романов и драм.

Марлинский — псевдоним Бестужева Александра Александровича (1797 — 1837), декабриста, известного беллетриста эпохи романтизма.

Стр. 64. Адмиральский час — полдень, на флоте время выпить водки и закусить.

Медный всадник — памятник Петру I на Сенатской площади в Петербурге работы французского скульптора Э. М. Фальконе, торжественно открытый в 1782 году. *Евгений* — бедный молодой чиновник, персонаж поэмы Пушкина «Медный всадник» (1833).

Стр. 65. Бельэтаж — высокий первый этаж, где сдавались внаем самые удобные и дорогие квартиры.

Стр. 69. Антиподы — жители другого полушария.

Стр. 70. Пушкинский демон — имеется в виду герой стихотворения Пушкина «Демон» (1823).

Стр. 72. Без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви... — строки из стихотворения Пушкина «К ***» («Я помню чудное мгновенье...»).

Стр. 76. Фламандская школа — имеются в виду голландские и фламандские художники XVII века Д. Тенирс-Младший, А. ван Остаде, А. ван Неер, Ф. ван Мирис и др. С их жанровыми картинами не раз сравнивали реалистическую манеру Гончарова (см. статьи А. В. Дружинина).

Стр. 81. Ньютон Исаак (1643 — 1727) — английский философ и физик.

Гутенберг Иоганн (ок. 1399 — 1468) — немецкий типограф, изобретатель наборных шрифтов.

Ватт — Уатт Джеймс (1736 — 1819), английский инженер, изобретатель паровой машины.

Стр. 82. Автором цитируемого стихотворения (точнее, автопародии на него) «Тоска и радость» (1835) является сам Гончаров.

Шиллер Иоганн Фридрих (1759 — 1805) — немецкий поэт и драматург эпохи Просвещения, воспринимавшийся в России как романтик. Гончаров в юности переводил его произведения.

Стр. 85. Меркурий — древнеримский бог торговли, вестник Юпитера и других верховных божеств.

Стр. 96. Софокл (ок. 496 — 406 до н. э.) и *Эсхил* (ок. 525 — 456 до н. э.) — древнегреческие трагики.

Стр. 104. Среди полей и лесов дремучих... — «Песня цыган» из оперы композитора-романтика А. Н. Верстовского «Пан Твардовский», слова М. Н. Загоскина.

Стр. 113. Сильфида — балетная партия в одноименном балете Ж. Шнейцгоффера, в которой приобрела всемирную известность итальянская балерина М. Тальони, в 1837 — 1842 годах гастролировавшая в Петербурге.

Стр. 117. Сулье Фредерик (1800 — 1847) — французский писатель-романтик, автор многотомного романа-фельетона «Воспоминания беса».

Стр. 126. Веста — древнеримская богиня домашнего очага и огня.

Стр. 127. Зачем же мнения чужие только святы? — реплика Чацкого из третьего действия комедии Грибоедова «Горе от ума».

Стр. 128. Байрон Джордж (1788 — 1824) — английский поэт-романтик.

Гете Иоганн Вольфганг (1749 — 1832) — немецкий поэт.

Корсар — морской разбойник, герой одноименной «восточной» поэмы Байрона.

Стр. 136. «Шагреневая кожа» — роман французского писателя Оноре де Бальзака (1799 — 1850).

Стр. 139. Не попущу, чтоб развратитель... — неточная цитата из шестой главы «Евгения Онегина».

Стр. 145. Красненькая — ассигнация достоинством десять рублей.

Стр. 155. Жалкий род, достойный слез и смеха! — цитата из стихотворения Пушкина «Полководец» (1835).

Стр. 168. Аркадия — земной рай, счастливая страна с патриархальной простотой нравов.

Стр. 173. Иеремиады — слезные жалобы.

Стр. 174. С ней обрели б уста мои... — неточная цитата из первой главы «Евгения Онегина».

Петрарка Франческо (1304 — 1374) — итальянский поэт-лирик эпохи Возрождения.

Стр. 176. Будуар — дамский кабинет, красиво убранная комната, где светская женщина проводила день и принимала ближайших друзей и родственников.

Стр. 177. Я пережил свои страданья... — неточная цитата из стихотворения Пушкина «Я пережил свои мечтанья...» (1821).

Волнует, бесит... — цитата из третьего действия «Горя от ума» Грибоедова.

Стр. 180. Ломбардный билет — выпускался кредитными учреждениями — ломбардами в качестве свидетельства о вкладе денег и ходил наравне с кредитными билетами Государственного банка.

Стр. 184. Два новейшие французские романиста — Александр Адуев приводит цитаты из романов Эжена Сю «Атар-Гюль» (эту книгу переводил молодой Гончаров) и Гюстава Друино «Зеленая рукопись».

Стр. 185. Пилад и Орест — персонажи «Илиады» Гомера, чья дружба стала легендарной.

Стр. 187. Басни Крылова — любимая книга Гончарова.

Стр. 192. Еще одно, последнее сказанье... — цитата из трагедии Пушкина «Борис Годунов» (1825).

Стр. 193. Чем кумушек считать трудиться... — цитата из басни Крылова «Зеркало и Обезьяна».

Стр. 199. Элегия — лирическое стихотворение, проникнутое печалью, грустным раздумьем.

Стр. 203. Весны пора прекрасная минула... — из стихотворения И. А. Гончарова «Романс» (1835).

Струны вещие баянов... — цитата из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» (1820).

Стр. 204. Расширяся шумящими крылами... — цитата из басни Крылова «Орел и Пчела».

Стр. 213. Бержерка — кушетка.

Быть львом — в романтическую эпоху модно одевавшиеся, желавшие первенствовать в высшем обществе молодые мужчины назывались светскими львами.

Стр. 224. Эпитафия — надгробная надпись, чаще всего в стихах.

Стр. 226. Вольтер (наст. имя Мари Франсуа Аруэ, 1694 — 1778) — французский писатель, автор «Философского словаря».

Шатобриан Рене (1768 — 1848) — французский писатель-романтик, автор поэмы в прозе «Мученики».

Монтань — Монтень Мишель (1533 — 1592) — французский писатель и философ эпохи Возрождения, автор книги «Опыты».

Расин Жан (1639 — 1699) — французский драматург. Цитируется его трагедия «Федра».

Стр. 227. Вулкан — древнеримский бог огня и кузнечного ремесла.

Марс — бог войны.

Венера — богиня любви. Имеется в виду известный эпизод из «Одиссеи» Гомера, когда Вулкан сковал железные сети и поймал в них свою неверную жену Венеру и Марса.

Семела — дочь фиванского царя Кадма, возлюбленная Зевса (Юпитера).

«Зеленая рукопись» — роман Гюстава Друино.

«Семь смертных грехов» — роман Э. Сю.

«Мертвый осел» — имеется в виду роман французского

писателя Жюля Жанена (1804 — 1874) «Мертвый осел и обезглавленная женщина» (1829).

Стр. 228. Геснер Соломон (1730 — 1788) — швейцарский поэт.

«Готский календарь» — немецкий генеалогический и политический справочник.

«Юнговы ночи» — имеется в виду религиозно-дидактическая поэма английского писателя Эдуарда Юнга (1683 — 1765) «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии».

Вейсе Христиан-Феликс (1726 — 1800) — немецкий писатель.

Стр. 229. Кайданов Иван Кузьмич (1782 — 1845) — профессор Царскосельского лицея, автор учебников по истории.

Стр. 233. Боскет — зимний сад.

Стр. 241. Дюмэ — известный ресторан.

Стр. 245. Так пламенно, так нежно — неточная цитата из стихотворения Пушкина «Я вас любил...» (1829).

Стр. 254. Брось-ка кость... — неточная цитата из басни Крылова «Собачья дружба».

Стр. 260. Эдип — в античной мифологии ослепший царь Фив. *Антигона* — его дочь, всюду сопровождавшая отца.

Стр. 265. Прежних ран ничто не излечило... — из стихотворения Пушкина «Погасло дневное светило» (1820).

Стр. 266. «Чайльд-Гарольд» — романтическая поэма Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда», повлиявшая на роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин».

Стр. 268. Скотт Вальтер (1771 — 1832) — английский романист.

Купер Джеймс (1789 — 1851) — американский писатель, автор приключенческих романов.

Стр. 272. Крылова бесенок — персонаж басни «Напраслина».

Стр. 278. *Паганини* Никколо (1782 — 1840) — итальянский скрипач-виртуоз и композитор.

Стр. 280. Кто жил и мыслил... — цитата из первой главы «Евгения Онегина».

Стр. 292. Где я страдал... — из первой главы «Евгения Онегина».

Стр. 311. Сион — священная гора в Иерусалиме.

Стр. 311. В кучах, за оградой... — из поэмы Пушкина «Цыганы» (1824).

Стр. 314. Картина теньеровская — имеется в виду фламандский художник Давид Тенирс-Младший (1610 — 1690), мастер бытовых сцен.

Серенькое небо... трепак — образы из «Путешествия Онегина» («Евгений Онегин»).

Стр. 319. Действительный статский советник — гражданский чин четвертого класса (то есть первый «генеральский»), соответствовавший армейскому генерал-майору.

Стр. 322. Киссинген — немецкий курорт.

Стр. 324. Фидий (нач. 5 в. — ок. 431 до н. э.) и *Пракситель* (ок. 390 — ок. 330 до н. э.) — древнегреческие скульпторы.

Стр. 327. Рубини Джованни Баттиста (1794 — 1854) — итальянский певец, гастролировавший в России в 1843 — 1845 годах.

Стр. 328. Гальванизм — электричество.

Стр. 329. Тайный советник — гражданский чин третьего класса, соответствовавший армейскому чину генерал-лейтенанта.

Стр. 336. Коллежский советник — гражданский чин шестого класса, соответствовавший армейскому чину полковника.

В. И. САХАРОВ

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА И. А. ГОНЧАРОВА

1812, 6 июня * — В семье симбирского купца Александра Ивановича Гончарова и его супруги Авдотьи Матвеевны, урожденной Шахториной, родился сын Иван.

1819, 10 сентября — Смерть А. И. Гончарова.

1820 — 1822 — Иван Гончаров пребывает в частном пансионе священника Ф. С. Троицкого в заволжском селе Репьевка.

1822, 6 августа — Поступает в Московское коммерческое училище на Остоженке.

1831, 27 сентября — Согласно прошению матери уволен (без окончания курса учения) из Коммерческого училища.

1831 — 1834 — Учится на словесном отделении Московского университета.

1832, октябрь — В № 15 «Телескопа» печатается первый литературный опыт Гончарова — перевод фрагмента из романа Эжена Сю «Атар Гюль». *27 сентября* — А. С. Пушкин посещает Московский университет, и Гончаров становится свидетелем его спора с М. Т. Каченовским о подлинности «Слова о полку Игореве».

1834, июль — Возвращается из Москвы в Симбирск. *Осень.* — Служит секретарем канцелярии симбирского губернатора.

1835, май — Приезжает в Петербург. *18 мая* — Определен на службу в Департамент внешней торговли Министерства финансов в качестве переводчика. *Лето* — Получает приглашение от художника Н. А. Майкова быть домашним учителем его сыновей. В литературно-художественном салоне Майковых знакомится с широким кругом столичных писателей, журналистов.

1838, 2 апреля — В № 12 рукописного журнала «Подснежник» помещена повесть Гончарова «Лихая болесть».

1839, 4 июля — В рукописном альманахе «Лунные ночи» помещена повесть Гончарова «Счастливая ошибка».

1842 — Написал очерк «Иван Савич Поджабрин».

---

* Даты приводятся по старому стилю.

1844 — Прекращает работу над романом «Старики». Задумывает роман «Обыкновенная история».

1845, начало года — Читает в майковском кружке первую часть «Обыкновенной истории».

1846, март — Знакомство с В. Г. Белинским. *Сентябрь* — Редакция «Современника» приобретает рукопись «Обыкновенной истории».

1847, 2 или 3 марта — Вышел из печати №3 «Современника» с первой частью «Обыкновенной истории». *8 апреля* — Вышел четвертый номер журнала со второй частью романа.

1849, 28 марта — В «Литературном сборнике с иллюстрациями» опубликован отрывок «Сон Обломова». *Лето* — Поездка в Симбирск. Работа над «Обломовым». Задуман роман «Обрыв» («Художник»).

1851, 11 апреля — Скончалась мать писателя, А. М. Гончарова.

1852, 7 октября — Фрегат «Паллада», на котором Гончаров отправляется в кругосветное плавание, выходит из Кронштадта. *30 октября* — Фрегат приходит в Портсмут. *Ноябрь* — пребывание в Лондоне.

1853, 18 января — Посещение острова Мадера. *10 марта*— «Паллада» достигла мыса Доброй Надежды. *19 — 26 марта* — Поездка в глубь Капской колонии. *Весна, лето* — Индийский и Тихий океаны, посещение портов Анжер, Сингапур, Гонконг. *9 августа* — Русская эскадра прибыла в Нагасаки. *Ноябрь, декабрь* — Участвует в экспедиции в Китай.

1854, 24 января — Эскадра уходит из Нагасаки. *Январь — май* — Ликейские острова, Манила, остров Батая, стоянка в Пио-Квинто, остров Гамильтон, съемка берегов Кореи. *22 мая* — «Паллада» вошла в Императорскую гавань. *Август* — Гончаров сухопутным путем отправляется из Аяна в Якутск. *Сентябрь — октябрь* — Пребывание в Якутске. *31 декабря* — приехал в Иркутск.

1855, 26 февраля — Возвращение в Петербург. *Осень, декабрь* —Интенсивная переписка с Е. В. Толстой.

1856, 19 февраля — Определен на должность цензора Петербургского цензурного комитета.

1857, июль — август — В Мариенбаде работает над «Обломовым» и вчерне завершает роман.

1858 — Выходит из печати книга Гончарова «Фрегат «Паллада».

1859 — Журнал «Отечественные записки» в первых четырех книгах этого года печатает роман Гончарова «Обломов».

1860, 25 февраля — В № 2 «Современника» опубликован отрывок «Софья Николаевна Беловодова» из будущего «Обрыва».

1861, 21 января — В №1 «Отечественных записок» опубликован отрывок из «Обрыва» — «Бабушка». *24 февраля* — Вышел № 2 этого же журнала с отрывком «Портрет».

1862, 16 мая — Приезжает в Симбирск. Последняя встреча с няней Аннушкой. *29 сентября* — Назначен редактором газеты «Северная почта».

1868 — Пожалован в действительные статские советники. Сложил с себя редакторство «Северной почты»; назначен членом Совета министров по делам книгопечатания.

1865, лето — Во время очередного приезда в Мариенбад усиленно работает над романом «Обрыв».

1867, 29 декабря — Выходит в отставку.

1868, 7 ноября — Отдает М. М. Стасюлевичу рукопись первой части романа «Обрыв» для печатания в «Вестнике Европы».

1869, январь — март — В «Вестнике Европы» печатается «Обрыв».

1872, 1 марта — В № 3 «Вестника Европы» опубликована статья Гончарова «Мильон терзаний».

1873, 19 декабря — Гончаров избран в редакционно-издательский комитет сборника «Складчина».

1874, весна — Художник И. Н. Крамской работает над портретом Гончарова. *28 марта* — Вышел из печати сборник «Складчина». В этом году написаны статья об А. Н. Островском и статья «Христос в пустыне. Картина г. Крамского».

1878, июнь — Умер слуга Гончарова Карл Трейгут, после чего писатель принимает на себя попечение о его вдове и детях. *Август* — Закончил писать «Необыкновенную историю».

1879, 1 июня — В № 6 «Русской речи» опубликован очерк Гончарова «Лучше поздно, чем никогда».

1880, 1 января — В № 1 «Русской речи» напечатана повесть «Литературный вечер». *10 декабря* — Вышла из печати книга «Четыре очерка».

1881 — Дарит Карамзинской библиотеке в Симбирске свою личную библиотеку.

1882, 31 декабря — Чествование Гончарова по случаю 50-летия литературной деятельности.

1884 — В Петербурге вышло в свет первое Собрание сочинений Гончарова в восьми томах.

1887, 1 апреля — В № 4 «Вестника Европы» опубликован очерк «Из университетских воспоминаний».

1888 — В № 1 и 2 «Вестника Европы» — воспоминания «На родине». Очерки «Слуги» печатаются в нескольких номерах журнала «Нива».

1889, 1 марта — В № 3 «Вестника Европы» — статья «Нарушение воли».

1891, 19 января — В № 1 «Русского обозрения» — очерк «По Восточной Сибири. (В Якутске и в Иркутске)». *20 августа* — Окончен очерк «Превратность судьбы». *27 августа* — Заболел воспалением легких. *15 сентября* в 12-м часу дня И. А. Гончаров умер. *19 сентября* — Похороны на Новом Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Полное собрание сочинений И. А. Гончарова, т. I — VIII (подготовленное автором), издание И. И. Глазунова. Спб., 1884.

Полное собрание сочинений И. А. Гончарова, т. I — IX (подготовленное автором), издание И. И. Глазунова. Спб., 1886 — 1889.

Полное собрание сочинений И. А. Гончарова, т. I—XII, издание А.Ф. Маркса. Спб., 1899.

Собрание сочинений И. А. Гончарова, т. I—VIII. Библиотека «Огонек». М.: Правда, 1952.

Собрание сочинений И. А. Гончарова, т. I—VIII. М., 1952 — 1955.

И.А.Гончаров и И.С.Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского дома. С предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта. Пб.: Academia, 1923.

И.А. Гончаров. Необыкновенная история (Истинные события). — В кн.: Сборник Российской публичной библиотеки, т. II. Материалы и исследования. Пг., 1924.

И. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма. Редакция, вступ. статья и примеч. А. П. Рыбасова. Л., 1938.

В.Г. Белинский. Полн. собр. соч., М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. X (статья «Взгляд на русскую литературу 1847 года»).

Н.А. Добролюбов. Собрание сочинений. М.: Гослитиздат, 1952, т. 2 (статья «Что такое обломовщина»).

Аполлон Григорьев. Литературная критика. М.: Художественная литература, 1967 (статья «Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо»).

Евг. Ляцкий. Гончаров. Жизнь, личность, творчество. Критико-биографические очерки. Спб.: Кн-во «Огни», 1912.

В. Азбукин. И. А. Гончаров в русской критике. Орел, 1916

В. Е. Евгеньев-Максимов. И. А. Гончаров. Жизнь, личность, творчество. М.: Государственное издательство, 1925.

А.Г. Цейтлин. И. А. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

А. Рыбасов. И. А. Гончаров. М.: Молодая гвардия (ЖЗЛ), 1957.

И.А. Гончаров в русской критике. Сборник статей под редакцией А. П. Рыбасова. М.: Гослитиздат, 1958.

Описание материалов Пушкинского дома. Т. V. И.А.Гончаров. Ф. М. Достоевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

А. Д. Алексеев (составитель). И. А. Гончаров в портретах, иллюстрациях, документах. Пособие для учителей. Л.: Учпедгиз, 1960.

П. С. Бейсов. Гончаров и родной край. Куйбышев, 1960.

А. Д. Алексеев. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Н. И. Пруцков. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Материалы юбилейной Гончаровской конференции. Ульяновск, 1963.

О. М. Чемена. Создание двух романов. Гончаров и шестидесятница Е. П. Майкова. М.: Наука, 1966.

А. Д. Алексеев. Библиография И. А. Гончарова (1832—1964). Л.: Наука, 1968.

И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л.: Художественная литература, 1969.

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Петр Николаевич Краснов

ЦАРЕУБИЙЦЫ
(1-е марта 1881 года)

Роман

Редактор *К.Новикова*
Художественный редактор *В.Гордеев*
Технический редактор *Л.Никитина*
Корректор *С.Плисова*

Краснов П.Н.
К 78 Цареубийцы (1-е марта 1881 года): Роман / Посл. К. Новикова. — М.: Панорама, 1994. — 304 с.
ISBN 5-85220-396-3

Петр Николаевич Краснов (1869 — 1947) известен современному читателю прежде всего как один из лидеров Белого движения времен гражданской войны в России. Перу писателя принадлежат десятки книг, несколько исторических романов, среди которых «Цареубийцы» — один из наиболее удачных.

Рассказывая о попытках народовольцев устранить российского императора Александра II, П.Н.Краснов удачно изображает тип революционера, генеалогически близкого многим автором из «Бесов» Ф.М.Достоевского. В России роман прежде не публиковался. Печатается по парижскому изданию 1938 года.

ББК 84

К $\frac{4702010201\text{-}102}{088(02)\text{-}94}$

ЛР N 0102909 от 06.03.92 г. Подп. в печать 23.12.93. Формат 60x84 1/16. П. л. 19.
Усл. п. л. 17,67. Уч.-изд. л. 17,55. Усл. кр.-отт. 18,17. Изд. N 044500077. Тираж 50 000 экз.
С-102. Печать офсетная. Бумага офсетная. З. 1328. Издательство «Панорама».
123557,Москва, Б.Тишинский пер., 38.

Отпечатано в типографии издательства «Дом печати». 432601, Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Порфирия как бичом стегнуло, он и про сына забыл. Он вмешался в разговор:

— Excelenz! — сказал он, — wir müssen jetzt — vorwärts, vorwärts![1]

Вердер — он был выше ростом Порфирия — расставив ноги, снисходительно, сверху вниз, посмотрел через монокль на Порфирия.

— Ach, so? — сказал он. — Meinen Sie?[2]

— Aber natürlich[3].

— Es ist kaum glaubhaft, dass Sie als Stabs-offizier so sprechen.[4] — Vorwärts! Bis Konstantinopol! — восторженно прокричал Порфирий.

— Ach, so! Na, ja![5]

Вердер засмеялся и выпил вино.

— Viel Glück!..[6]

Порфирий торопливо схватил со стола стакан с вином и залпом осушил его.

— За успех Русского оружия! — крикнул он и пошел от Вердера устраивать дело Афанасия.

В открытые окна неслись солдатские песни, звуки музыки, барабанный бой и топот тысячи ног. Подольцы проходили за Систово, чтобы стать там биваками и выставить сторожевое охранение.

Когда Афанасий, получив нужные указания, вернулся к полку, он нашел его свернутым в резервную колонну. Ружья были составлены в козлы. Усталые, измученные, голодные солдаты лежали за ружьями и спали крепким сном.

Солнце спускалось за горы. Серебряным блеском в лощине горели купола систовских церквей. Там звучала музыка. Должно быть, туда входили только что переправившиеся части 9-й пехотной дивизии.

Молодая луна, светлая, бессильная и прозрачная, чуть проявилась на потемневшем небе. По шоссе трещали колеса. Длинным транспортом тянулись белые лазаретные фургоны и между ними тяжелые болгарские арбы. Свозили раненых и убитых.

Теплая ночь спускалась над Дунаем. Там теперь смело и неприятельски стучали топоры. Понтонеры и саперы строили мосты.

Где-то недалеко от Волынцев загорелся небольшой костер, стали видны в нем потревоженные лошади, казачьи пики. Два голоса оттуда согласно и стройно пели:

---

[1] Ваше превосходительство, мы теперь должны — вперед, вперед, вперед!.. (нем.)

[2] Ах, так? Вы думаете так?.. (нем.)

[3] Ну, конечно! (нем.)

[4] Вы офицер Генерального штаба и вы так говорите. Невероятно. (нем.)

[5] А так... Н-ну, да... (нем.)

[6] Же[illegible]частья. (нем.)

«ВСЯК КУЗНЕЦ...»

(О жизни и творчестве П.Н.Краснова)

О своих единоверцах и, стало быть, о себе самом Петр Николаевич Краснов однажды сказал: «Их убивали, но убить не могли, их избивали, мучили муками лютых пыток, но их не избили. Над ними издевались, но веру их не поколебали...» Имя тем людям — русские. Теперь-то мы знаем, что русский — не формализованный признак, вроде национальности, но — судьба, замешанная на горькой исторической памяти. Все это оказалось тщательно забыто. Когда-нибудь неспешный биограф, обложившись документами и материалами, напишет книгу о жизни одного из талантливых русских людей, храбром офицере и очень интересном писателе П.Н.Краснове. Увлекательная и грустная получится повесть — смеем читателя в том уверить. Пока же мы вкратце, беглым пером, очертим профиль, малознакомый для одних, вовсе незнакомый для других.

Родился Петр Николаевич Краснов в 1869 году в Петербурге. Отец его, генерал-лейтенант Н.И.Краснов, служил тогда в Главном управлении иррегулярных войск (под иррегулярными, по принятой терминологии, понимались казачьи формирования); получил Краснов-старший некоторую известность и как литератор: его перу принадлежат несколько художественных произведений и ряд фундаментальных исследований по истории казачества, из которых следовало бы назвать «Исторические очерки Дона», «Прошлое и настоящее донских казаков», «Терские казаки» (за последнюю он даже получил от Академии наук золотую медаль). Не без отцовского влияния в сравнительно раннем возрасте у Краснова определился интерес к военному делу и литературе: этим сферам деятельности он и посвятит жизнь. Много позже П.Н.Краснов вспоминал о своем начальном этапе увлечения литературой, когда двенадцатилетний мальчик решил издавать домашний журнал, выступая одновременно в качестве автора, редактора и издателя. То была, разумеется, лишь игра. Как бы то ни было, а затянулась она на несколько лет, обернувшись периодом ученичества.

Получив начальное образование у себя в семье, Краснов затем

пять лет проучился в 1-й Петербургской гимназии, заведении классического образца. По собственной инициативе сменил он гуманитарное учебное заведение на военное: перешел в Александровский кадетский корпус, после окончания которого поступил и в 1889 году блестяще окончил 1-е военное Павловское училище.

Жизнь профессионального военного в России представляла собой обязательную череду службы и учебы: интеллектуальная подготовка русского офицера не уступала подготовке сугубо практической.

Выйдя из Павловского училища, П.Н.Краснов три года прослужил в лейб-гвардии Атаманском полку, затем поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, откуда, впрочем, пришлось ему через год уйти: имеющиеся у нас материалы невразумительно говорят о конфликте с тогдашним академическим начальством.

Параллельно с военной карьерой происходил скрытый от стороннего наблюдателя процесс становления литератора. Первые его заметки появляются в газете «Русский инвалид» начиная с 1891 года; через два года после того отдельными изданиями начинают выходить художественные, публицистические, исторические сочинения. Логический синтез писательского ремесла и военного дела обозначился практически с первых же публикаций: неизменно главное место занимала военная тематика. Редко у кого из русских литераторов можно найти такое количество изображенных казаков, солдат, офицеров, столько описаний походов, сражений, — и сделано это вполне профессионально, с позиций человека, хорошо знающего свою тему.

Все имевшиеся военные отличия, как и литературные достижения, были обеспечены большим трудом. Он часто повторял: «Всяк кузнец...», — имея в виду известную русскую пословицу. А работоспособностью П.Н.Краснов отличался редкостной, при том что традиционно понимаемых как оптимальные для писательской работы (в набор входят уединение, кабинет, библиотека под рукой) условий не было. После сборника «На озере» (1893) практически каждый год появляются книги, зачастую весьма объемные. Эпизодическая, когда удавалось выкроить время, работа и скорость создания разножанровых произведений зачастую, правда, сказывались на качественной стороне, что самокритично признавал и сам автор. Часто на страницах его книг можно видеть сугубо литературную небрежность, — но тут же рядом, как бы во искупление, находим примеры острого писательского взгляда, точные и художественно правдивые, выразительные эпизоды. Хотя по так называемому большому счету талантливым стилистом Краснов не был тогда, не сделался таковым и в позднейшее время. Его сильные стороны относились к иной области.

Литературному взрослению способствовало и расширение буквальных горизонтов, накопление жизненного опыта. В 1897 г. он был командирован в Абиссинию (нынешнюю Эфиопию) начальником конвоя при дипломатической миссии: эту работу Краснов расценивал как первое серьезное испытание приобретенных навыков. Из поездки он привез и в 1898 году издал «дневники начальника конвоя». В том же 1898 году П.Н.Краснов объездил российские губернии, в наибольшей степени пострадавшие от неурожая. (Впрочем, в отличие от ситуации 1891 года, в 1898 положение было не столь трагично и широкое внимание печати к пострадавшим губерниям в первую очередь объясняется деятельным участием в помощи голодающим Льва Толстого.) По возвращении Краснов представил обстоятельный отчет об увиденном: офицер и литератор, опять-таки, идут рука об руку.

Когда в 1901 году на Дальнем Востоке была развязана Китайская война, Петр Николаевич отправился на фронт в качестве корреспондента «Русского инвалида». На следующий год он побывал на турецкой и персидской границах. Из всех посещаемых мест обязательно присылал в газету многочисленные корреспонденции. О популярности его материалов свидетельствуют и многочисленные приглашения к сотрудничеству в других изданиях: он печатал также материалы на страницах «Биржевых ведомостей», «Петербургского листка», «Петербургской газеты», «Нивы», «Отдыха», «Военного сборника».

Насыщенным событиями оказался для него период русско-японской войны. Не порывая с журналистикой, Краснов много времени проводил среди своих коллег и неоднократно участвовал в боевых действиях, за что был удостоен «Анны» 4-й степени, а также ордена Св.Равноапостольного князя Владимира с мечами и бантом.

Вновь продолжить образование П.Н.Краснов решает в 1907 г. На этот раз он направляется в престижную, считавшуюся лучшим учебным заведением для офицеров-конников, — Офицерскую кавалерийскую школу. После завершения курса он два года служил преподавателем этой академии. В 1910 году Краснов получает новое звание; в документах по этому поводу сказано: «За отличие по службе производится в полковники с зачислением по Донскому казачьему войску и назначается командиром 1-го Сибирского Ермака Тимофеева полка, оставаясь в прикомандировании к офицерской школе».

Уже в 1913 году ему дают под командование казачий полк, с которым было суждено принять участие в первой мировой. Настало время практически применить накопленные за многие годы учебы знания, — и Петр Николаевич Краснов продемонстрировал свой

военный интеллект, добиваясь конкретных результатов при минимальных потерях. Казака, солдата почитал он золотым запасом страны, их воинским достижениям искренне радовался. Боевые действия утвердили за Красновым славу одного из наиболее талантливых командиров русской армии. Не так к мужику, но именно к мужику в солдатской форме испытывал он особую симпатию. «Нам все тычут пьянством, развратом, грязью нашего народа, — писал он, — вбивают в голову, что мы никчемные люди, дикари, навоз для более культурных народов, выродки, которым одно осталось — умереть. За мной много лет жизни с этим народом, претворенным в солдата, казака... Горжусь, что я русский». За серию удачных военных операций при небольших потерях он получает в награду почетное Георгиевское оружие, именуемое «оружием храбрых»; за боевые отличия в ноябре 1914 года удостаивается производства в генерал-майоры, а полгода спустя, в мае 1915-го, П.Н.Краснов получает и Георгиевский крест.

Как ни много сил и времени отнимает война, главное на тот период дело генерала, но не оставляет Краснов и литературной работы. Только в 1915 году он сумел издать несколько книг художественной прозы, в том числе романы «Погром», «В житейском море». Подробнее о годах войны рассказано в книге воспоминаний «На внутреннем фронте», которую в 1922 году И.В.Гессен опубликовал в своем «Архиве русской революции».

В жизни Краснова фундаментальный перелом пришелся на конец 1917 года, который прочертил глубоко и несмываемо по миллионам русских судеб. У пришедших к власти большевиков оказалось множество противников, причем были среди них куда более сильные, нежели казачий генерал Краснов, но вот не многие оказались столь же непримиримы. Тут следует сделать существенную оговорку: большевиков-ленинцев Петр Краснов не считал в обиходном смысле врагами. Не враги они были для него, но представители иррационального начала, бесы, нечисть — не иначе. Ни о каких, сколь угодно малых, ограниченных, ничтожных поблажках или компромиссах с ними не могло быть и речи. С врагом еще можно пойти на компромисс, тогда как с ними — нет. Из такого рода помыслов П.Н.Краснов создал и отобразил в своих последующих книгах целую мировоззренческую систему. Для него немаловажную роль сыграл факт нахождения среди советских руководителей того времени большого числа нерусских, в первую очередь лиц еврейской национальности. К евреям Краснов относился, признаемся, без особого пиетета, а многовековое противоборство христиан и иудеев рассматривал как перенесение на бытовой уровень фундаментального противостояния Божественного и сатанинского начал. Отсюда и его концептуальный тезис о «бесовском

начале» новой власти, отсюда же — необходимость борьбы с ней. Фактически, начиная с 1917 года, все усилия Краснова направлены только на борьбу с большевизмом. Этим же задачам подчиняет он и свой литературный талант. Позднее он скажет: «Писал романы, испытывая жажду борьбы с Советской властью».

Поначалу он повел борьбу вооруженную. Ему выпала судьба оказаться среди самых первых оппонентов нового режима. Сразу после победы октябрьской революции в Петрограде П.Н.Краснов вместе с генералом Крымовым были направлены тогдашним премьером Временного правительства А.Ф.Керенским против частей, принявших сторону новой власти. Не столько разбиты, как именно распропагандированы специально засланными агитаторами оказались войска Краснова: казаки, подобно солдатам, также устали от войны, и долго уговаривать их не пришлось. Об этом с горечью писал Краснов: «Большевистская зараза только что тронула казаков, как уже были утеряны ими все понятия права и чести». Хотя, разумеется, не следует в данном случае ни склоняться к чрезмерным обобщениям, ни преуменьшать силы большевиков, направленные против П.Н.Краснова. Решающее военное столкновение произошло под Питером, возле Пулковских высот. Известно, что по инициативе Ленина туда был послан будущий генсек Сталин, который оказался настолько испуган натиском казачьих войск (пускай и уставших от многолетних боевых действий), что своего испуга не простил Краснову и через три десятилетия. В самом начале ноября, 2 числа, 1917 года Краснов попал в плен. Этот факт послужил причиной опосредованного его знакомства с вождем победителей В.И.Лениным.

Ведь ситуация сложилась отнюдь не ординарная. Буквально в первые же после захвата власти дни, разгоряченные удачей и еще не до конца поверившие в исторический фарт, революционеры сумели полонить одного из наиболее известных царских генералов. Тут не ошибиться — грех. А ведь практически все вожди новой власти — сплошь были гуманитарии, философы да альтруисты, за спиной практически каждого — бездна прекрасных слов и возвышенных обещаний. Спрашивается, что в подобной ситуации делать с пленником? Действительно — что?! И коллективное решение оказалось таким: ни больше, ни меньше — отпустить генерала при условии, если он пообещает больше не принимать активных действий против большевиков. Как впоследствии вспоминал Троцкий, этот гуманный жест встретил поддержку практически абсолютную. Одним жестом победители демонстрировали на всю страну свою политическую и человеческую добропорядочность. По словам того же Троцкого, один только Ленин был против решения своих

товарищей: искренне умолял их быть мудрыми, пересмотреть принятое в отношении Краснова решение и уничтожить пленника не мешкая. Не послушались товарищи вождя победителей, не вняли кровожадному Ленину, он же вынужден был сдаться, лишь пухлой маленькой рукой махнул.

Этот действительный или только пригрезившийся Троцкому годы спустя взмах рукой знаменателен, поскольку с него начинается новый этап в жизни П.Н.Краснова.

Генерал еще некоторое время повоевал. Перебравшись на Дон, был в 1918 году избран атаманом Всевеликого войска донского. Но теперь непостижимым образом военное счастье отвернулось, дела как-то враз не заладились. Свою роль сыграла и прогерманская ориентация, стремление опереться на поддержку немецкого командования (поскольку в немцах видел Краснов наиболее убежденных борцов с большевизмом). Но когда германская армия оказалась разгромленной, пришлось устанавливать контакты со странами Антанты, — поддержка ведь требовалась серьезная. Известный своими германофильскими взглядами, больших симпатий у английского и французского командования он не вызывал; те и другие в означенную пору делали ставку на генерала А.И.Деникина, с которым отношения у Краснова не сложились. В результате П.Н.Краснов ушел в отставку и покинул Войско донское. Была, правда, еще предпринята попытка воевать вместе с войсками Юденича, однако неудача постигла и на сей раз. В этот момент было принято решение эмигрировать. Завершилась большая полоса в жизни генерала, занятая преимущественно войной. «Семь лет войны, — писал он уже в эмиграции, — семь лет походов и подвигов, побед и поражений... сделали жизнь каким-то суматошным, тяжелым, но и ярким сном». Теперь-то, ретроспективно анализируя события, можно с большой долей уверенности сказать, что лучше этого сна у Петра Николаевича Краснова ничего в жизни не будет. При всех тяготах, при всем ужасе, неизбежном для гражданской войны...

В эмиграции жизнь сложилась не лучшим образом, — что не бросалось, однако, в глаза стороннему наблюдателю. Более того, со стороны как раз казалось, будто жизнь его протекает вполне благополучно. Приобретенная в России литературная известность (всего на родине было опубликовано более трех десятков его книг, тогда как публикации в периодических изданиях счету в настоящее время не поддаются и ждут своих исследователей), богатейший жизненный опыт, умение писать прозу в мало подходящих для творчества условиях и чудовищная работоспособность позволили

ему безбедно жить в Европе исключительно за счет литературных публикаций. Книги из-под его пера выходили одна за другой, не менее чем по одной в год, не считая переизданий и многочисленных переводов. Вот уж когда появилась возможность договорить и доспорить с оппонентами! То, что по каким-либо соображениям не влезало в ткань романов и повестей, Краснов печатал в издаваемом теперь журнале. И хотя политическая деятельность не перестала интересовать его, хотя определенную часть времени он посвящал работе среди соотечественников в Германии, а затем во Франции, — главным для него становится, на первый план выдвигается — художественная литература.

Именно в эмиграции он создал наиболее объемный свой роман «От двуглавого орла к красному знамени», который выдержал несколько изданий и был переведен на семнадцать иностранных языков; там же был создан и привлекший к себе большое читательское внимание антиутопический роман «За чертополохом». Несомненный интерес представляют и его исторические романы. Коммерческий успех некоторых произведений был солидным. Благодаря тому, что полтора десятка повестей и романов Краснова среди других языков были переведены на немецкий, в одной только Германии по весьма приблизительным оценкам было продано более 2 миллионов его книг.

Не сразу, не вдруг был предан забвению П.Н.Краснов в России. Так, в 1925 году одно из крупных издательств пиратским способом, без уведомления автора и, разумеется, без выплаты ему полагающегося гонорара, опубликовало мемуарную книгу «На внутреннем фронте», а через два года переиздало ее.

Если судить по разбросанным на страницах различных изданий высказываниям Краснова, с течением времени он все менее верил в то, что большевики будут отстранены от власти в России при жизни его поколения. Если подчас доказывал обратное, в словах не чувствовалось убежденности (хотя, быть может, мы в данном случае пристрастны). Как бы то ни было, общий пессимистический настрой приводил к тому, что все больше занимала П.Н.Краснова отечественная ретроспектива. «Жизнь, полная приключений, — говорил он, — идет не только в таинственно-прекрасных пампасах и льяносах Америки, на страницах романов Майна Рида, Гюстава Эмара и Джеймса Фенимора Купера». Его исторические романы получались вполне добротными, их охотно покупали соотечественники-эмигранты. В прошлом страны Краснов черпал вдохновение, но прошлое также представляло возможность проанализировать истоки настоящего положения вещей. По отношению к истории Краснов был ретроспективным, как мы бы сказали, оптимистом. Он писал: «Глядя в прошлое, не могу не верить, что будущее России

окажется прекрасным. Пройдут тяжелые годы лихолетья, как проходили и раньше, Россия воскреснет и станет еще краше, нежели была, потому что Русский народ полон героев».

Во время второй мировой П.Н.Краснов оказался среди той русской части эмиграции, которая сотрудничала с германскими войсками. Он сформулировал свою бескомпромиссную позицию вполне четко: «Хоть с чертом, но против большевиков». В 1945 году вместе с тысячами русских, от которых, под прикрытием Ялтинской декларации, пытались освободиться западные демократии, генерал П.Н.Краснов был выдан англичанами, которые таким же образом передали частям НКВД десятки тысяч казаков, 35-тысячный обоз «Казачий стан», множество отдельных эмигрантов. «Среди выданных генералов, — пишет в «Архипелаге» Солженицын, — большинство были эмигранты, союзники этих самых англичан по 1-й мировой войне. В гражданскую войну англичане не успели их отблагодарить, возвращали долг теперь...»

Вплоть до начала 1947 года следователи компоновали дело Краснова. Сталинским соколам, видимо, казалось, что таким образом проявляют они начатки цивилизованности: ведь запросто могли убить своего пленника сразу по прибытии, и даже в пути, и даже за границей — однако же не убили, а как и положено в современном мире, рассматривают, анализируют содеянное генералом. Только 17 января в газете «Правда» появилось сообщение: «Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению арестованных агентов германской разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей в период гражданской войны атамана Краснова П.Н., генерал-лейтенанта Белой армии Шкуро А.Г. (назван еще ряд фамилий — *К.Н.*) в том, что они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили против него шпионско-диверсионную и террористическую работу...» И форму-то какую отыскали судьи: «смертная казнь через повешение». Приговор привели в исполнение. Понадобилось после того почти полвека, чтобы дистанцированно, освободившись от ненужных в случае исторического прошлого эмоций, начать анализировать слова и дела Петра Краснова. И книги его, которые возвращаются к русскому читателю, будут, пожалуй, основным и лучшим источником информации. Из более чем полусотни томов не все книги его для нас равно интересны, но наиболее талантливые из них, без сомнения, заслуживают быть включенными в современный читательский обиход.

Работа над романом «Цареубийцы», — который оказался одним из лучших, а по мнению иных — так и самым лучшим историческим произведением П.Н.Краснова, — была начата в 1935 году.

Авторский подзаголовок «1-е марта 1881 года» не столько расширяет или конкретизирует тему, но служит формальным указанием на исторический ландшафт событий, изображенных в книге. Краснов вынужден был кроме прочего учитывать и позицию спорадического читателя, желающего сначала выяснить, «про что» написан роман. «Про убийство Александра II», — на титульном листе спешит ответить автор. До некоторой степени такой ответ правомочен: книга, действительно, рассказывает о покушении народовольцев на русского императора. Сам роман выстроен таким образом, что вполне может быть прочитан (если кому-то так захочется) только лишь на фабульном уровне, как повествование о нескольких русских семьях эпохи конца 70-х годов, о ключевых эпизодах русско-турецкой войны и некоторых актах политического терроризма.

Собственно, сюжет «Цареубийц» лежит в иной плоскости. Мы определили бы это произведение как книгу о фундаментальных правах человека: праве на честь и праве на бесчестье.

Истоки романа «Цареубийцы» логично было бы искать в творчестве Ф.М.Достоевского. До появления «Бесов» на представителей революционного мировоззрения (а мы в данном случае говорим о формальном вычленении из общественно-политического спектра приверженцев вполне определенных методов социального переустройства) русское общество склонно было смотреть через чернышевско-тургеневские описания различного рода «новых людей». Да и то сказать, ведь до последнего десятилетия XX века революционная практика в России носила, по существу, *детский*, неявно выраженный характер. Мало кто предвидел грядущие размеры социальных перемен. Прозорливость Достоевского в том и заключалась, что сумел он разглядеть явление в тот самый период, когда идеей мгновенного переустройства оказались заражены многие, но действия активного порядка (если только не преувеличивать) исчислялись единицами. В отличие от многих своих литературных предшественников Петр Николаевич Краснов узнал революционеров и плоды их деятельности буквально на себе. Его «Цареубийцы» — это обогащенное личным опытом обращение к бесовской тематике. В народовольцах 70 — 80-х годов Краснов видит буквальных исторических предшественников своих политических оппонентов. (А связь между 70-ми годами и началом XX века была весьма тесной.)

В «Цареубийцах» мы наблюдаем, как событийный ход истории России производит на свет немногочисленную и до поры затаившуюся генерацию провинциалов, пожелавших ни больше, ни меньше — страну переиначить. Новых людей поначалу объединяла мысль, вскоре сделавшаяся убеждением, что и вправду с некоторых пор Россия оказалась универсальным местом в мире, где все что

угодно, всякое беззаконие и разрушение могут произойти без серьезного общественного отпора. И, как показала история, были они в этом совершенно, безукоризненно правы. «Мы провозгласим разрушение... Надо косточки поразмять... Я таких охотников отыщу, что на всякий выстрел пойдут, да еще за честь благодарны останутся. И начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой мир еще не видал. Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...» Это — Верховенский из «Бесов», но это же — и смысловой конспект деятельности исторических прототипов «Цареубийц».

Для П.Н.Краснова принципиально важными оказываются главы, рассказывающие о приобретении права на честь: несколько растянутое описание событий русско-турецкой войны понадобилось именно для того, чтобы высказать авторский взгляд на проблему. Да, право на честь приобрести нелегко, кровавая и подчас грязная работа выпадает на долю русской армии, но — сама идея освобождения славян, но — дух, национальный порыв! Отношение к войне представителей различных слоев П.Н.Краснов идеализирует, но ему как раз и нужна подобная идеализация. Он и не пытается выступать бесстрастным хроникером, для него турецкая кампания исполнена символического смысла: славянское единение трактуется как укрепление Божественного начала. Отсюда и авторская расстановка акцентов.

Буквально рядом Краснов показывает генерацию революционеров, людей умных (бесспорно), деятельных, тщательно просчитывающих свои ходы. В том и сильная сторона романа, что при изображении революционеров автор не снисходит до гротеска. На страницах книги не сплошь изображены какие-то выродки, вроде Геси Гельфман, проститутки, закамуфлированной под революционерку, — но мыслители, психологи и неплохие организаторы. И десяти лет не прошло с момента опубликования «Бесов», а новые эти люди прочитали и поняли: действительно, правом на бесчестье легче всего за собой увлечь русского человека, которому честь — одно только лишнее бремя.

Показывая на страницах романа отдельных представителей «Народной воли», П.Н.Краснов использует хорошо отработанный литературный прием. Не плотскую героиню, но двумерную тень, своего рода зеркало, по имени Вера Ишимская, — тень невыразительную и бесполую, — проводит он мимо революционеров. Не отвлекаясь подолгу на Ишимскую, читатель с интересом рассматривает отображения революционных профилей. Занятная получается картина. Народовольцы в романе напоминают манекенов с туго взведенной пружиной (нечто подобное демонстрирует странный изобретатель в романе Набокова «Король, дама, валет»). На

протяжении всех страниц народовольцы движутся в направлении единожды выбранной цели: убийство превратилось для них в самодостаточную цель, за чертой которой остаются неопределенность и туман. Рассуждая о времени после убийства, революционеры обнаруживают не наличие сколь угодно утопической, но разработанной схемы действий, а лишь болезненное любопытство.

Видимо, и вправду была определенная прелесть в длительной подготовке террористических актов, — как принято было называть убийства, не отягощенные меркантильными соображениями. Эта смертельная прелесть притягивала многих неудачников. Отметим, например, особый интерес Краснова к личности Перовской, в которой писатель усматривал прообраз будущих косыночно-кожаных комиссарш, убивавших собственными руками, причем — из сугубо гедонистических мотивов. Многие современники Краснова отмечали, что не так страшны оказывались комиссары, как их боевые подруги, легко терявшие голову от крови и уничтожавшие всех потенциальных жертв с той механической тщательностью, с какой женщина-хозяйка выметает углы и закоулочки квартиры.

Очень знаменательно присутствующее в романе Краснова разделение пространства между борцами за честь и их антиподами. Солдаты и офицеры русской армии находятся все время под открытым небом, все их действия видны Господу, все они — как на ладони. Иначе испомещены террористы. Большую часть повествовательного времени проводят они по воле автора под землей, скрытые от взглядов. Под солнцем же они испытывают явное неудобство, и не шпионы Охранного отделения тому причиной. Просто всякий биологический вид наилучшим образом оказывается приспособлен к вполне определенной среде обитания: Краснов уловил эту органику.

Вылезая на поверхность, революционеры у Краснова много поют. Вот уж любопытно! Ранее Краснова, независимо от него, эту же подозрительную тягу к вокалу отметил Михаил Булгаков в «Собачьем сердце». В перерывах между трудами праведными песни помогают зарядиться, настроиться на волну ненависти.

Краснов не закончил свое повествование в момент совершения убийства императора, но позволил потрафить собственной слабости и разделался с народовольцами тут же, через несколько страниц после террористического акта. Эти последние, мало удачные эпизоды к проблематике романа отношения не имеют. Мы усматриваем здесь лишь авторское неумение вовремя поставить точку, оставить читателя наедине с почерпнутыми мыслями.

К.Новиков

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЙ НАКАЗ ВРАЧА

Опыт — вот учитель жизни вечной.
ГЁТЕ

Опыт врача подсказывает, что почти каждый больной человек стремится избавиться от недуга не только как можно скорее, но и с наименьшими собственными усилиями. Именно эта психологическая установка заставляет из предложенных лечебных комплексов „выдергивать“ лишь отдельные элементы. Та же установка вынуждает болеющего, как правило, длительно „перебирать“ различные лекарства с ориентировкой на самые последние образцы в надежде загнать поглубже так надоевший недуг. „Перебирают“ также врачей и лечебные учреждения. И только в последнюю очередь, уже почти ни на что не надеясь, обращаются к травознатцам, либо книгам-травникам. Но, к сожалению, и в этом случае те, кто верны своей давлеющей установке, не умеют соблюсти предписаний, даже если те оказались исчерпывающими, и не имеют для их реализации достаточного запаса терпения. Как раз умение терпеть необходимо для оздоровления, процесс которого всегда как бы раскручивается во времени, проходя свои характерные этапы, включая и кратковременные обострения, свидетельствующие об оживлении защитных сил, и извлечение на поверхность глубоко и скрыто сидящего недуга. Если этого удалось добиться, скажем, путем траволечения, то лечащиеся, испуганные остротой состояния, спешат расценить его отрицательно, как „аллергию“ на травы, и немедленно вновь рабски обращаются к хорошо знакомым химиопрепаратам, испытывая глубокое, часто окончательное разочарование, так и не дождавшись желаемого освобождения из круга страданий, не осмелившись испытать, что же последует за кризисом. Но ведь, как правило, только через кризис и возможно очищение! Пока же, однако, продолжает упорно сказываться действие слепой силы ставших привычными установок на пассивный допуск вмешательства со стороны с отказом от самоактивности, от собственного опыта.

Открывая ту или иную книгу из собрания лечебников, не надейтесь извлечь с ее страниц какую-либо панацею — ее нет ни в одной прописи. Залогом успеха является пусть медленное, но тщательное, бережливое соблюдение приведенных рекомендаций во всех тонкостях.

Нам на деле хорошо известна высокая эффективность такой, например, внешне простой процедуры, как влажное обертывание грудной клетки у детей и взрослых при затяжных бронхо-легочных заболеваниях, которые зачастую совершенно тщетно лечатся методами официальной медицины. То же можно было бы утверждать и в отношении многих других простых мер помощи, но при условии их правильного выполнения, без вольных упущений.

Обращайтесь прежде всего к мерам простым, доступным, опирающимся на подручные домашние средства, не забывая, однако, что простыми для вас они станут лишь после неоднократного применения с неукоснительным соблюдением выработанных правил. К одним из опорных домашних средств мы относим, конечно, и травы. Их в былые времена каждая хозяйка знала „в лицо“ не менее 20—30 наименований и пользовала ими свою семью во всех достаточно обычных случаях заболевания. Применяли их, и это даже в первую очередь, профилактически, в виде травных чаев, напаров, порошков. Считалось, например, что там, где регулярно употребляют землянику с черникой и чай из этих растений, врачу делать нечего.

Относительно проводимых аптечных прописей скажем лишь, что они, в основном, не соответствуют современным отечественным лекарственным формам, и поэтому не стоит обращаться с ними к врачу или в аптеку.

Не стремитесь воспользоваться теми рецептами, которые уж слишком просты и радикальны, как например, втирание соли для усиления роста волос (в лечебнике Курснова). И соль теперь не та, да и более эффективные и надежные средства имеются — те же травы (лопух, мать-и-мачеха, крапива, хмель, ивовая кора, календула, тысячелистник и другие). Правда, последние как раз требуют терпения, которого так порой не хватает, и не отличаются радикальностью действия.

Если же Вы все-таки решили лечиться радикально, то признайтесь себе, что ставите эксперимент, и в случае неудачи не пеняйте на авторов, не распространяйте отрицательного отношения на всю книгу.

Будьте внимательны, сосредоточены, терпеливы, соблюдайте последовательность, постепенность, систематич-

жить и наградой Вам будет успех, обретение собственного положительного опыта, которому нет цены в человеческом становлении.

В. П. Елькин. Врач, зам. директора по научной работе Западно-Сибирского научно-технического центра „ЭНИОН“.

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЙ НАКАЗ ЗНАХАРЯ

Наша жизнь сокращается невежеством

Г. СПЕНСЕР

Недостаточно овладеть премудростью, нужно уметь пользоваться ею.

ЦИЦЕРОН

Известный натуралист Кнейп больным простудой с высокой температурой рекомендует наполнить ванну холодно-ледяной водой, постоять в ней одну минуту. Ни больше, ни меньше. Затем, надев шерстяные чулки, беспрерывно быстро ходить по комнате в течение 15 минут, затем лечь спать.

Однажды больной пожаловался Кнейпу, что он чуть не умер после такого состояния. Кнейп в недоумении спросил: „Вы стояли в ледяной воде ровно одну минуту?“ „Не одну минуту, целых пять минут простоял“, — ответил жаловавшийся. На лице Кнейпа отразился ужас.

Один хороший знакомый автора, лечивший себя этим же способом, тоже чуть не умер. Имея высокую температуру, вызванную простудой, он налил ванну холодно-ледяной водой по щиколодку и простоял в ней ровно одну минуту, как полагалось. Однако он не стал утруждать себя хождением по комнате, а сразу лег в кровать.

Автор привел эти два примера, чтобы лишний раз подчеркнуть, к каким трагическим и непоправимым последствиям может привести даже малейшее отклонение от предписаний врача или легкомысленное отношение при изготовлении лекарств и пользования ими.

Некоторые подробности лечения многим покажутся пустячными, но в них-то и заключается главная суть лечения.

Для примера скажем, что если больной сделает обтирание не за два часа, а за несколько минут до выхода на воздух, или не выполнит какого-нибудь требования данного способа лечения, то встретится со смертью гораздо скорее, чем упомянутые здесь два злосчастных пациента натуралиста Кнейпа.

П. М. Куреннов. Русский потомственный знахарь, автор книги „Русский народный лечебник“.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Наставления старины глубокой о сохранении телесного здоровья из собрания целительных снадобий русского потомственного знахаря П. М. КУРЕННОВА

Народная медицина — это совокупность устных сведений о средствах и способах лечения, тысячелетний клинический эксперимент, сохраненный в народной традиции...

Конечно, очень хорошо, что современная поликлиника со штатом квалифицированных врачей вытеснила из жизни бабку-знахарку. Но нельзя не бить тревогу по поводу того, что со старой бабкой уходит в небытие и огромный народный опыт поколений пастухов и пахарей, перепробовавших „на зуб" все растения своих лесов, болот, лугов, степей и полупустынь, многовековой коллективный опыт, который входит в национальную культуру народа. Нужно подчеркнуть, что опыт этот неповторим. Невозможно снова и снова перепробовать все растения (а их только в нашей стране 17 000 видов!) на все болезни.

Крупицы народных знаний нужно собирать как можно скорее, пока они еще не исчезли навсегда.

А. ФЕДОРОВ, П. ГОНЧАРОВ,
Г. СМАГИН, А. ИВАНОВ,
А. БЕЗБОРОДОВ, А. ГАММЕРМАН,
В. ТОКИН, П. БУЛАТОВ,
А. ЯЦЕНКО-ХЕМЕЛЕВСКИЙ,
А. АЛЕКСАНДРОВ, С. ЗАВОДСКОЙ.

„Литературная газета", 10 марта 1966 г.

Размышления современного врача после прочтения НАРОДНОГО ЛЕЧЕБНИКА со старинными рецептами исцеления

Исследования показывают, что у нас здоровье занимает 7—8 место в ряду основных жизненных ценностей.

„Комсомольская правда“, 1988, сентябрь

По причине болезней, травм, ухода за хворающими малышами каждый день не выходят на работу 4 миллиона человек. Только на оплату больничных листов ежегодно расходуется около 7 миллиардов рублей. Но эти финансовые потери — ничто, по сравнению с ущербом, который мы наносим генетическому фонду.

„Правда“, 1988, март.

По данным специалистов, здоровье человека зависит:

на 50% —	*от условий и образа жизни;*
на 20—25% —	*от экологических факторов;*
на 20% —	*от генетических факторов;*
на 8—10% —	*И ТОЛЬКО от состояния здравоохранения.*

По материалам газет и журналов.

Потеря самоуважения и чувства собственного достоинства, перекладывание личной ответственности на профессиональных работников с тем, чтобы врачи, медицинские сестры и государство обеспечивали их всем необходимым, включая здоровье, привели к неблагополучному положению.

К человеку нельзя относиться как к вещи.

Люди должны быть активными участниками процесса исцеления, отвечать за собственное здоровье, но одновременно и иметь для этого возможности.

ЭРИК Р. РАМ.

Правильное руководство предполагает умение заинтересовать людей, предоставляя им возможности, а не возлагая на них обязанности. Таковы законы Природы. Жизнь — это возможность, а не обязанность.

„ДАО ПРАВЛЕНИЯ“, „ЛАО-ЦЗЫ“*

* Главный канонический трактат древней китайской философии и религии даосизма. V век до н. э. — Прим. ред.

Народный лечебник

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Рецепты исцеления
из
сокровищниц
народных лекарей,
наших современников,
ведающих, что делать
каждому из нас
для
охранения и улучшения
народного здравия

Современное толкование
речений
НАРОДНЫЙ ЛЕКАРЬ,
НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА.

Признаны
соответными
нашему
нынешнему миропониманию
участниками совещания
Всемирной
организации
здравоохранения
в
году
1976

Важно точно знать, в каком смысле разуметь каждое слово.

ПУБЛИЙ СИР

НАРОДНЫЙ ЛЕКАРЬ — это человек, который, по мнению своей общины, знает способы оказания медицинской помощи с использованием растений, веществ животного и минерального происхождения и некоторые другие методы, имеющие в своей основе социальные, культурные и религиозные истоки, а также знания, представления и верования, разделяемые членами этой общины и касающиеся физического и социального благополучия, причин болезни и немощи.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА — это сумма всех знаний практических методов как объяснимых, так и необъяснимых, которые применяются для диагностики, предотвращения и ликвидации нарушения физического, психического и социального равновесия и которые опираются исключительно на практический опыт и наблюдения, передаваемые из поколения в поколение как в устной, так и в письменной форме. НАРОДНУЮ МЕДИЦИНУ можно также рассматривать, как прочный сплав постоянно развивающихся лечебных приемов „ноу-хау“ и передаваемого по наследству опыта. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА... есть, кроме того, сумма практических приемов, мер, компонентов и методов любого рода, как материальных, так и нематериальных, которые с незапамятных времен помогали... противостоять болезням, облегчить свои страдания и лечить себя.

AFRO Technical Report Series, № 1, 1976.

Основные
принципы,
пути,
методы,
средства
улучшения и сохранения
здоровья,
кратко выраженные
в
специальных терминах,
понятиях
и
определениях

I. РУКОВОДЯЩИЕ ПРИНЦИПЫ, ПРИЗНАННЫЕ В УСТАВЕ ВОЗ В 1946 г. ОСНОВНЫМИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ УЛУЧШЕНИЯ И ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ВСЕХ НАРОДОВ

— Здоровье является состоянием полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствием болезни или физического или умственного недостатка.

— Обладание наивысшим уровнем здоровья составляет одно из основных прав каждого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения.

— Достижение каждого государства в улучшении и охране здоровья представляет ценность для всех.

— Здоровое развитие детей является фактором первостепенной важности; способность жить гармонично в постоянно изменяющейся окружающей среде является необходимым условием такого развития.

— Осведомленность и активное сотрудничество со стороны общественности крайне важны для улучшения здоровья народа.

— Правительства несут ответственность за здоровье своих народов, и эта ответственность требует принятия соответствующих мер в области здравоохранения и мероприятий социального характера.

II. ИЗ 22-х РЕКОМЕНДАЦИЙ АЛМА-АТИНСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ПЕРВИЧНОЙ МЕДИКО-САНИТАРНОЙ ПОМОЩИ

Сентябрь, 1978 г.

Содержание понятия „Первичная медико-санитарная помощь"

Конференция, подчеркивая необходимость ориентации первичной медико-санитарной помощи на основные мед... ко-санитарные проблемы населения общины и признавая что эти проблемы и пути их решения различны в разных странах и общинах, РЕКОМЕНДУЕТ, чтобы первичная медико-санитарная помощь включала как минимум про... свещение по наиболее важным проблемам здравоохранения и методам их выявления, предупреждения и решения; ... действие обеспечению снабжения продовольствием и рацио... онального питания, достаточное снабжение доброкачест...

Слова истины просты.

ЭСХИЛ

Истина — это то, что упрощает мир, а не то, что создает хаос, это язык, выделяющий из многообразия общее.

СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

Миллионам людей открыто явление, тысячи замечают его, но лишь десятки видят, и только единицы могут из увиденного сделать вывод.

М. ШАГИНЯН

Истина и путь к здоровью рядом с каждым человеком, они гораздо ближе больницы и аптеки.

В. Г. ЧЕРКАСОВ

Мало знать, надо и применять, мало хотеть, надо и делать.

ГЁТЕ

А ведь если бы люди раньше на полвека знали все это и умели бы практически применять, то на Пискаревском кладбище не лежало бы 600 тысяч умерших от голода ленинградцев.

Ю. А. АНДРЕЕВ

НАТУРОПАТ
А УЧ
СВОИХ ПА

(Выбранные места из бесс
ведущего американского с
с М. Дм
"Природа и чело

Больш
товят
дей, а
рая сл
лезни

В с
толь
его
дол
ям
пе
са
не
ил
в
п

Корреспонден
что такое натуро
С. Моррис: В
того простого фак

НАТУРОПАТ — НЕ ВРАЧ, А УЧИТЕЛЬ СВОИХ ПАЦИЕНТОВ

(Выбранные места из беседы доктора Стива Морриса, ведущего американского специалиста по натуропатии с М. Дмитруком.
"Природа и человек", № 4, 1989 г.)

Большинство медицинских школ мира готовят врачей не для охраны здоровья людей, а для медицинской практики, которая слепа ко всему, кроме проявлений болезни и технологии борьбы с ней.

Х. МАЛЕР. Генеральный директор ВОЗ. Медицина и врачи завтрашнего дня // Хроника ВОЗ, т. 31, 1977, № 6, с. 306.

В современном мире врач призван не только лечить. Сегодня и тем более завтра его работа по обслуживанию населения должна проводиться по трем направлениям: он должен быть клиницистом и терапевтом, а также консультантом по вопросам здоровья; кроме того, он должен принимать участие в работе общественных или частных учреждений, вносящих свой вклад в здравоохранение во всех его аспектах.

Работники здравоохранения, особенно врачи, в какой бы области они ни работали, должны влиять на знания, привычки и поведение людей, помогая им понять и вскрыть те проблемы, которые связаны с их здоровьем, и побуждая их к активному участию в разрешении этих проблем. Одним из разделов медицинского образования должно быть санитарное просвещение.

Подготовка общепрактикующих врачей. — Женева, ВОЗ, 1964.

Корреспондент: *Мистер Моррис, прежде всего о том, что такое натуропатия?*

С. Моррис: В основе натуропатии лежит понимание того простого факта, что болезни лечит не доктор, а паци-

взгляды и лечебные [illegible] как кровопуска-
ние, не явились сами собой, а [illegible] развиться под
влиянием того или другого [illegible] учения. Поэто-
му для историка этнографии медицины [illegible] не праздный
вопрос: откуда взялась русская [illegible] медицина,
как она распространялась и чем [illegible] Рукопис-
ные лечебники и на этот вопрос могут дать [illegible] Оказыва-
ется, что большая часть господствующих [illegible] медицин-
ских воззрений взяты из [illegible] источника.

Арабская медицина пустила свои корни в русском наро-
де, благодаря тому, что в свое время она была распростране-
на у нас путем многочисленных популярных [illegible] Зная
это, не покажется странным [illegible] в устах
простого русского народа приходится иногда слышать идеи
Галена, Цельза, Авиценны. Между прочим, это урок нашим
современным медикам. Составив себе ложное понятие о
недоступности научных истин для простого разума, они до
сих пор не сделали того, что было под силу духовенству и
подьячим XVI—XVII столетия. Обнародование лечебни-
ков может быть в этом отношении принесет пользу, по-
казав, как нужно просвещать народ в деле сохранения здо-
ровья, не тая от него истинной науки и не относясь с пре-
небрежением к его будто бы неразумению.

валась? Рукописные лечебники и на этот вопрос могут дать
ответ. Оказывается, что большая часть господствующих в
народе медицинских воззрений взяты из этого источника.

Арабская медицина пустила свои корни в русском на-
роде, благодаря тому, что в свое время она была распрост-
ранена у нас путем многочисленных популярных сочине-
ний. Зная это, не покажется странным [то, что] до сих пор
в устах простого народа приходится иногда слышать идеи
Галена, Авиценны, Цельза. Между прочим, это урок на-
шим современным медикам. Составив себе ложное понятие
о недоступности научных истин для простого разума, они
до сих пор не сделали того, что было под силу духовенству
и подьячим XVI—XVII столетия. Обнародование лечебни-
ков может быть и в этом отношении принесет пользу, по-
казав, как нужно просвещать народ в деле сохранения здо-
ровья, не тая от него истинной науки и не относясь с пре-
небрежением к его будто бы неразумению.

Будьте внимательны, сосредоточены, терпеливы, соблюдайте последовательность, постепенность, систематичность и наградой Вам будет успех, обретение собственного положительного опыта, которому нет цены в человеческом становлении.

В. П. ЕЛЬКИН
Врач, заместитель директора по научно-исследовательской работе Тюменского филиала научно-технического центра «ЭНИОН».

ность, и наградой Вам будет успех, обретение собственного положительного опыта, которому нет цены в человеческом становлении.

В. П. Елькин. Врач, зам. директора по научной работе Западно-Сибирского научно-технического центра „ЭНИОН“.

Г. А. КАПЮЖИН
М. П. ДЕРЮГИНА

ОТ КОЛЫБЕЛИ ДО ШКОЛЫ

Издание второе,
переработанное
и дополненное

МИНСК
«БЕЛАРУСЬ»
1984

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Успехи в охране здоровья подрастающего поколения в нашей стране несомненны. Постоянно улучшаются показатели физического развития и здоровья детей, систематически снижается детская смертность, уменьшается заболеваемость инфекционными болезнями, а некоторые из них ликвидированы полностью или находятся на грани ликвидации.

Все это радует и вызывает законную гордость, потому что только на основе высокого уровня здравоохранения и больших положительных социальных сдвигов, происшедших за 60 лет Советской власти, стали возможными та огромная работа по оздоровлению детей и те результаты, которые достигнуты в этом деле. Провозглашение 1979 года Международным годом ребенка свидетельствует об усилении внимания к детям во всем мире.

О том, что сделали и делают для детей наша социальная система и система здравоохранения, школа и семья, написано много. Даже, пожалуй, очень много. Однако, когда речь идет о достижениях в охране здоровья детей, обычно принято оперировать статистическими данными и в поле зрения возникает такой среднестатистический ребенок, у которого все благополучно. Как-то само собой получается, что и все мы, и система здравоохранения, и школа занимаемся детьми вообще, а не каждым конкретным ребенком.

А вот о том, что делать двоим — матери и ребенку, отцу и ребенку, когда они остаются лицом к лицу, хороших книг написано все-таки мало. А ведь именно в семье, в повседневном общении, должно делаться и делается главное, что формирует здорового человека и гражданина. Это не преувеличение роли семьи и не преуменьшение значения школы и других общественных институтов. Просто надо вернуть семье то, что ей надлежит и что за могучей стеной общественного воспитания детей начало в последнее время как-то гаснуть.

Книга покойного Г. А. Калюжина и М. П. Дерюгиной и написана о том, что и как должны делать мать и отец, чтобы с помощью врачей и работников дошкольных учреждений воспитать здорового ребенка и заложить основу будущего гражданина. В этом ее ценность и главное достоинство. Она, несомненно, станет настольной книгой многих тысяч матерей и отцов.

Министр здравоохранения БССР
академик АН БССР Н. Е. Савченко

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Общественное воспитание в нашей стране достигло больших успехов. Однако оно никогда не сможет полностью заменить воспитательную функцию семьи. Долг родителей — не только дать жизнь ребенку, но и вырастить его здоровым, гармонически развитым, что требует упорного и кропотливого труда. На этом длительном пути родителям постоянно, изо дня в день приходится решать все новые задачи, касающиеся как нормального развития ребенка на разных этапах детского возраста, так и воспитания будущего человека. Охрана здоровья ребенка и его воспитание - это две стороны одного и того же дела.

Как отмечал К. Д. Ушинский, для правильного воспитания детей кроме терпения, врожденных способностей и навыков необходимы еще и специальные знания. Их можно приобрести как в общественных родительских университетах, так и из научно-популярной литературы в помощь родителям, к которой относится и это издание.

В данное, второе издание книги включены новые разделы, а также внесены изменения и дополнения в свете последних достижений медицинской науки и практики. Мы выражаем надежду, что книга станет другом и советчиком каждой семьи, где растут маленькие дети.

М. П. Дерюгина

В. ВЛАДИСЛАВСКИЙ

Всё начинается с детства

говорах, какие бы неприятности участвовавшие в них стороны ни доставляли друг другу, совершалось все это при самых изысканных улыбках и безупречной вежливости. «Не знаю, — говорил товарищ, — что думал в некоторых случаях обо мне японец, но я порой едва сдерживался от желания бросить в него что-нибудь тяжелое. Однако и в эти моменты улыбались мы оба безукоризненно».

Вежливость, как утверждают специалисты, и была создана прежде всего для того, чтобы скрыть истинные чувства, точнее, чтобы истинные чувства не влияли на внешние проявления отношений. И поэтому когда детей приучают говорить вежливые «спасибо» и «пожалуйста», то делают это в первую очередь ради желания родителей хорошо выглядеть (о том, чтобы быть на самом деле, речь не идет) перед посторонними людьми, показать воспитанность сына или дочери. Дети же, не умея объяснить эту внутреннюю подоплеку, тем не менее отлично ее понимают.

Приучение к вежливости очень похоже на воспитание. На самом же деле между ними огромная разница. Подлинное воспитание возможно только тогда, когда на него тратятся душевные силы. При научении вежливости тратятся нервы. Воспитывать можно лишь любя ребенка, обучать вежливости — не только не любя, но даже ненавидя. Вежливым и внешне чутким можно сделать человека по принуждению (ставя в зависимость от чуткости зарплату продавца, удается достичь прекрасного результата), но развить сердечный слух, внутреннюю культуру таким методом нельзя.

Какие же ошибки допускают родители, воспитывая детей? Вот конкретная ситуация, описанная Соловейчиком.

«Мама учит сынишку важнейшему понятию — «нельзя». Он дотронулся до горячего, плачет. Мама поучает: «Видишь? Больно! Слушайся, когда мама говорит «нельзя». Иначе будет больно». И так на каждом шагу: «Нельзя, упадешь!», «Нельзя, разобьешься!», «Нельзя, простудишься!», «Нельзя, зубки будут болеть!»

А ведь истинное «нельзя» не тогда, когда тебе больно, а когда больно другому! Направленное на другого, чувство другого — вот первое условие развития сердечного слуха (...)

Чтобы ребенок научился чувствовать другого, надо и в нем этого другого признавать. Вот мама решила воспитывать трудолюбие. «Подай... Принеси... Помоги...» Учит любить: «Я так устала... Пожалей маму... Покажи, как ты любишь маму...» (...) Какой же пример

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РСФСР

КОДЕКС О БРАКЕ И СЕМЬЕ РСФСР

(с изменениями и дополнениями)

Москва
«Юридическая литература»
1986

свидетельства и выдаче [illegible] свидетельства с учетом внесенных в записи изменений (в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 декабря 1979 г.).

Статья 159. Регистрация смерти

Регистрация смерти производится в органах [illegible] актов гражданского состояния по месту, где [illegible] умерший, или по месту наступления смерти [illegible] медицинского учреждения.

Регистрация смерти по [illegible] об установлении факта смерти или об объявлении гражданина умершим производится в органах записи актов гражданского состояния по месту нахождения суда, вынесшего решение.

Заявление о смерти может быть сделано [illegible] кани умершего, его соседями, работниками [illegible] эксплуатационных организаций, а также администрацией учреждения, в котором последовала смерть, и другими лицами.

Заявление о смерти должно быть сделано не позднее трех суток с момента наступления смерти или обнаружения трупа.

Раздел V[1]

ПРИМЕНЕНИЕ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БРАКЕ И СЕМЬЕ К ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНАМ И ЛИЦАМ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА. ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНОВ О БРАКЕ И СЕМЬЕ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Статья 160. Права и обязанности иностранных граждан и лиц без гражданства в брачных и семейных отношениях

В соответствии с [illegible] СССР и союзных республик о браке и [illegible]

---

[1] Раздел V — в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 декабря 1979 г. — Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1979, № 49, ст. 1197.

Ю. М. КАРТАШОВ

сюрпризы оздоровительного бега

Ташкент
«Медицина» УзССР
1984

Юрий Михайлович Карташов

Сюрпризы оздоровительного бега

2-е издание, стереотипное

Наблюдающий за выпуском Б. В. Ман
Художник А. Васиханов
Художественный редактор Л. Ахмеджанов
Технический редактор В. Мещерякова
Корректоры А. Малюкова, Т. Ованесова

ИБ № 988

Сдано в набор 02.02.84. Подписано к печати 11.06.84. Формат бум. 84×108 1/32. Бумага № 2. Высокая печать. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 5,46. Усл. кр.-отт. 5,67. Учет.-изд. л. 5,48. Изд. № 230—83. Тираж 50000 экз. Заказ № 196. Цена 35 к.

Издательство «Медицина» УзССР, 700129, Ташкент, Навои, 30. Типография № 3 Ташкентского полиграфического производственного объединения «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ташкент, массив Юнус-Абад, квартал «Г», ул. Мурадова, 1.

Юхан Харменберг три дня в [illegible] кроссы, считая их весьма полезными [illegible]

Шашисты и шахматисты [illegible] в оздоровительном беге [illegible] Ветскому гроссмейстеру [illegible] и мира по стоклеточным [illegible] другим бег помогает [illegible] ясную голову в турнирах.

Особенно полезен оздоровительный бег для участников сложных и ответственных экспедиций. В июне 1979 года мы внимательно следили за продвижением отважной семерки к Северному полю. Покорить вершину земного шара нашим мужественным парням помогла серьезная предварительная подготовка, в которой оздоровительный бег был не на последнем месте. Будущие участники полярной экспедиции в течение многих месяцев 3 раза в неделю пробегали по 20 км!

Оздоровительный бег привел в большой спорт многих людей, которые раньше и думать не могли не только о рекордах, но и вообще о соревнованиях и разрядах. Так, киевлянин В. Ткачук, начав заниматься оздоровительным бегом, вскоре стал известным по всей стране сверхмарафонцем. И это в возрасте 30 лет!

Ленинградец В. Шупленов в 45 лет чувствовал себя стариком: бесконечные болезни, тучность, сильная одышка при подъеме по лестнице... Он решил заниматься оздоровительным бегом. Через 10 лет занятий Шуплецову было присвоено звание кандидата в мастера спорта, он принимал участие в эстафете олимпийского огня.

Бег дает человеку силы, о которых он и не подозревает. Однажды, после первых летних и осенних месяцев занятий бегом, я встал зимой на лыжи. Раньше я любил ходить на лыжах неторопливо, спокойно, [illegible] включая небольшое ускорение. Но теперь [illegible] прогулка не давала мне никакого удовлетворения, [illegible] нужна была скорость! Я мчался по лыжи [illegible] без остановки, без отдыха. Скорость опьяняла [illegible] ляла колоссальное удовлетворение. Самое [illegible] было то, что я не чувствовал никакой усталости. В конце зимы, проверяя свою скорость [illegible] метровой трассе, я с удивлением обнаружил [illegible] результат равен норме второго спортивного [illegible] ведь я никогда серьезно не занимался лыжи [illegible] С грустью подумалось мне, что лет двадцать [illegible] пять назад оздоровительный бег мог бы быть не только оздоровительным.

Домоводство

Київ
Головна
спеціалізована редакція
літератури мовами
національних меншин
України
1994

Домашний сыр

Домашний сыр лучше всего приготовить из только что отваренного обычным способом творога.

Первый способ. Творог откидывают на решете, выстланном куском чистой ткани, чтобы стекла сыворотка. Затем перекладывают его в посуду, посыпают мелкой солью (1 ст. ложка соли на 1 кг творога) и растирают до получения равномерно измельченной мягкой массы или 2–3 раза пропускают через мясорубку. Если творожная масса была приготовлена из нежирного молока, можно добавить к ней немного сметаны или сливок.

Для формирования сыра в полотняные (холщовые) мешочки конической формы плотно набивают 500–800 г хорошо растертой массы, после чего мешочки завязывают и ставят конусом вверх, прикрыв дощечками с грузом. Сыр прессуют в течение 5–10 ч, при этом следят, чтобы он не был пересушен.

Употребляют сыр свежим и выдержанным. Для выдерживания его обсушивают на сквозняке, а затем выносят в погреб и держат в течение 1–4 недель на полочке, время от времени поворачивая.

При появлении плесени сыр обмывают подсоленной водой и обсушивают на сквозняке.

Второй способ. Откинутый свежеотваренный творог пропускают вместе с солью два раза через мясорубку и оставляют на 5 дней в сухом помещении. Пожелтевший творог вновь перемешивают, перекладывают в смазанную маслом кастрюлю и варят на слабом огне, все время помешивая, пока не образуется жидкая однородная (без комков) масса.

Полученную массу разливают в маленькие кастрюли (или другую посуду). После того как она остынет и за[illegible], сыр готов к употреблению.

Третий способ. Для приготовления 1 кг [illegible] $8\frac{1}{2}$ стаканов обезжиренного творога, $2\frac{1}{2}$ [illegible] ного или топленого масла, 2 чайные [illegible] и 3 чайные ложки мелкой соли.

Откинутый творог пропускают [illegible] протирают через сито. В посуду [illegible] ленный творог. Половину требуем[illegible] номерно рассыпают по поверхн[illegible] пают медленно подогревать, [illegible] вянной лопаткой. Если в про[illegible] ти творога и у стенок посу[illegible] закрывают крышкой и снима[illegible]

этому второй вариант настроя на долголетие[1] написан так, чтобы к этой мысли люди начали привыкать.

Далее мы приводим ряд настроев, которые по своему содержанию и направленности соответствуют тематике настоящего издания. Настрои печатаются по текстам, вошедшим в книгу Г. Н. Сытина «Животворящая сила» (М., 1990).

Настрои — суть дух и жизнь.
Настрои сильней всесильной судьбы.
Настрои сильней всех стихий естества!

Г. Н. Сытин.

НА УСТОЙЧИВОСТЬ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ

(первый вариант)

Когда я развиваю свои способности, то это развитие продолжается все быстрей и энергичней, непрерывно днем и ночью и будет продолжаться в течение долгих десятилетий до ста лет и больше, в течение всего того будущего времени моей жизни, которое я способен представить. Сейчас я буду усиливать нервную систему. Я буду повышать устойчивость всей нервной системы. Этот процесс усиления нервной системы повышения устойчивости нервной системы будет продолжаться постоянно-непрерывно днем и ночью. С каждой секундой головной-спинной мозг будет накапливать все больше и больше молодой-юной энергии, будет с каждой секундой увеличивать свои энергетические ресурсы и с каждым мгновением будет повышаться устойчивость всей нервной системы. Этот процесс будет продолжаться постоянно-непрерывно. Сегодня к вечеру нервная система станет еще более устойчивой, чем она была сегодня утром, а завтра утром нервная система станет еще более устойчивой, чем она будет сегодня вечером. И так будет продолжаться постоянно-непрерывно. Головной-спинной мозг будет увеличивать свои энергетические ресурсы, и устойчивость нервной системы

[1] В нашей книге публикуются оба варианта — Ред.

чивает заказчику пеню в размере 1% стоимости работы, а по видам услуг, где стоимость работы отдельно не определяется, — 1% стоимости заказа за каждый день просрочки, но не более 50% стоимости работы или заказа (при ремонте транспортных средств — не более 50 руб.).

Кроме того, Правилами бытового обслуживания предусмотрены следующие санкции.

В случае **некачественного** исполнения заказа по вине предприятия оно уплачивает заказчику штраф в размере 20% стоимости работы, а по видам услуг, где стоимость работы отдельно не определяется, — 20% стоимости заказа.

В случае неполучения заказа (кроме транспортных средств) в течение 10 дней после срока исполнения заказа, указанного в договоре, предприятие взыскивает с заказчика пеню в размере 1% стоимости работы или стоимости заказа за каждый день хранения, но не более 50% стоимости работы или заказа.

Если в согласованный с заказчиком день работник предприятия **не явился для выполнения услуг** на дому, садовом участке, в гараже и т. д., предприятие по требованию заказчика выплачивает штраф в размере 10 руб. (п. 32 Правил).

В типовых договорах по отдельным видам услуг и работ может быть предусмотрена иная имущественная ответственность подрядчика. Например, п. 8 Типового договора на строительство жилого или нежилого помещения (утвержденного постановлением Совета Министров РСФСР от 1 ав. РСФСР [illegible] № 187) устанавливает, что в случае нарушения [illegible] срока окончания работ он уплачивает за [illegible] день просрочки пеню в размере 0,1% [illegible] ремонта, определенной сметой, а если раб[illegible] предприятие-изг[illegible] по истечении недели со дня пас[illegible] ремонта не устранят заказа, подрядчик уплачивает [illegible] обращения покупателя. 2% стоимости строительств[illegible] **[illegible]опроекторы, часы, пылесосы,** [illegible] и другие **электроприборы, бая-**толкование приведенной [illegible] обмениваться магазином, если пред-

Так, рассматривая [illegible] мастерская гарантийного ремонта [illegible] Управления по обс[illegible] течение 7 дней после обращения поку-горисполкома о взы[illegible] после одного ремонта товары вновь нуж[illegible] сроков строительст[illegible] взыскания [illegible] твертой группы — **мотоциклы, цветные телевизо-**[illegible] **[illegible]овые холодильники, лодочные моторы** — подлежат об-[illegible] если предприятие-изготовитель или гарантийная мастерская не приведут изделие в технически исправное состояние в 2-недельный срок после получения от покупателя заявки о необходимости ремонта, а также если после двух сложных ремонтов изделие вновь нуждается в ремонте.

Товары пятой группы — **мебель** — подлежат обмену, если магазин не устранит недостатки в недельный срок после заявки покупателя. Магазин обязан обменять мебель на изделие того же артикула, либо, с согласия покупателя, заменить мебель изделиями других артикулов, либо возвратить покупателю уплаченную им денежную сумму. При необходимости об-

ЮВ

Юридический всеобуч

Ю.И. МОЖАРЕНКО

Права потребителей

Лениздат

М74 Можаренко Ю. И.
Права потребителей. — Л.: Лениздат, 1990.— 32 с.— (Юридический всеобуч).
ISBN 5-289-01333-4

Немаловажную роль в деле защиты прав и интересов потребителей играет осведомленность самих граждан о правах и возможностях, предоставляемых и гарантируемых им законом, в отношениях с предприятиями сферы обслуживания. Эта брошюра и знакомит читателей с правами потребителей, возможностями их реализации и защиты.

М $\frac{1203020200-265}{М171(03)-90}$ без объявл.

ISBN 5-289-01333-4

65.9(2)241

© Ю. И. Можаренко, 1990

Можаренко Ю. И.
Права потребителей. — Л.: Лениздат, 1990.—
32 с.— (Юридический всеобуч).
ISBN 5-289-01333-4

Немаловажную роль в деле защиты прав и интересов потребителей играет осведомленность самих граждан о правах и возможностях, предоставляемых и гарантируемых им законом, в отношениях с предприятиями сферы обслуживания. Эта брошюра и знакомит читателей с правами потребителей, возможностями их реализации и защиты.

М $\frac{1203020200-265}{М171(03)-90}$ без объявл.

ISBN 5-289-01333-4

65.9(2)241

© Ю. И. Можаренко, 1990

ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
И ПРОЕКТНЫЙ ИНСТИТУТ ТРУДА
В СТРОИТЕЛЬСТВЕ
(ВНИПИ ТРУДА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ)
ГОССТРОЯ СССР

РЕКОМЕНДАЦИИ
ПО НОРМИРОВАНИЮ ТРУДА РАБОЧИХ НА ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Москва Стройиздат 1990

УДК 69.003 : 658.53

Рекомендованы к изданию секцией экономики и нормирования труда Ученого совета ВНИПИ труда в строительстве Госстроя СССР.

Рекомендации по нормированию труда рабочих на вспомогательных работах в строительстве/ВНИПИ труда в строительстве. — М.: Стройиздат, 1990. — 91 с

Содержат теоретические и основные [illegible] по проектированию норм и нормативов [illegible] рабочих-повременщиков на вспомогательных работах в строительстве, по определению их нормативной [illegible] монтажных работах, в управлениях механизации [illegible] производстве, обслуживающих и прочих [illegible], а также особенности выдачи нормированных [illegible] рабочих.

Для работников нормативно-исследовательских, проектных и строительно-монтажных организаций, занимающихся нормированием труда рабочих-повременщиков [illegible] их численности при переводе организации на работу по коллективному подряду и новым тарифным условиям.

Рекомендации подготовлены [illegible] совершенствования нормирования труда в строительстве [illegible] СССР (кандидаты экон. наук Е. Ф. Балова, Р. С. Бекерман). В подготовке приложений принимала участие инж. [illegible]

Замечания и предложения направлять по адресу: 107078, Москва, ул. Ново-Басманная, 23, ВНИПИ труда в строительстве Госстроя СССР

Р 3301010000-535
047(01)-90 Инструкт. нормат., 2 вып. — 11—89

© Стройиздат, 1990

СОДЕРЖАНИЕ

Немного о картофеле 3
Картофель по-голландски 8
Картофель по-белоусовски 19
Картофель на приусадебных участках 21
Картофель без химии 35
Опыт картофелеводов-любителей 36
Защита от вредителей и болезней 43
Полезные советы 51

ПРИЛОЖЕНИЕ 53

Блюда из картофеля 53
Картофель и лечит, и молодит 60
Литература 63

Научно-популярное издание

СКОРОЛУПОВ Николай Павлович
СКОРОЛУПОВА Тамара Петровна
КАРТОФЕЛЬ ГОЛЛАНДСКАЯ И ДРУГИЕ ТЕХНОЛОГИИ
(Для фермеров и владельцев приусадебных участков)

Редактор *Ш. К. Бакирова*
Мл редактор *С. С. Патрикеева*
Художник *Н. В Беляева*
Худож редактор *И. А. Емельянова*
Техн. редактор *Е. Б. Прудникова*
Корректор *В. В. Каночкина*

ИБ № 12139

Сдано в набор 20.02.92. Подписано к печати 21.04.92. Формат бумаги 84×108¹/₃₂ Бумага тип. № 2 Гарнитура литературная. Печать высокая Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт 3,78. Уч.-изд. л 3,30 Тираж 130 000 экз Заказ 478. С-106 Издательство «Знание» 101835, ГСП Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 927739
Типография Всесоюзного общества «Знание» Москва, Центр. Новая пл. д 3/4

ББК 74.1
Ч88

Рецензенты:
доктор психологических наук, профессор *И. А. Зимняя*,
кандидат филологических наук *Е. В. Клюев*

Чуковский К. И.
Ч88 От двух до пяти: Книга для родителей.— М.: Педагогика, 1990.—384 с.
ISBN 5-7155-0258-6

Корней Иванович Чуковский едва ли не первый применил психологические методы в изучении детского языка и мышления, детского поэтического творчества. Замечательный образец художественной литературы — книга «От двух до пяти», привычно воспринимаемая как сборник увлекательных рассказов и историй, рассматривается с точки зрения ее психолого-педагогического значения. Текст К. И. Чуковского заключается психологическим анализом.

Для родителей.

Ч $\frac{4312000000(0303050000)—019}{005(01)—90}$ 40—90 ББК 74.1

ISBN 5-7155-0258-6

© Издательство «Педагогика», 1990

«От двух до пяти» Корнея Ивановича Чуковского — это книга, которую будут читать и перечитывать, доколе существует на свете род человеческий. Доколе будут сменяться и чередоваться поколения. Доколе не разучатся глядеть друг на друга с вниманием и интересом.

Я отнюдь не преувеличиваю: «От двух до пяти» — это зеркало. В него вглядываются — кто пристально, а кто мимоходом, но все-таки вглядываются — сначала матери и отцы тех, кому от двух до пяти, а затем и подросшие герои книги, у которых появляются свои дети. Взгляды в это зеркало чередуются — сначала мы, а потом они. Сначала, вглядываясь, мы учимся понимать другой — детский — мир, а потом глядим, чтобы вспомнить и вспоминать о нем.

«От двух до пяти» — кусочки смальты из начинающейся жизненной мозаики, складывающиеся затем в такие узоры, о которых пытаются задумываться те, кому от двадцати до пятидесяти. Именно в этом главная притягательность книги К. И. Чуковского. В этом причина ее неумирания.

Иными словами, это книга о нашем возвращении к самим себе. Но не только: «От двух до пяти» — веселый и талантливый учебник детоведения. И пожалуй, единственный.

Я далек от мысли, что он может научить всему Но что может научить главному — это несомненно. Научить внимательному и бережному отношению к картинам, наплывающим из зазеркального мира детства. К его правилам и причудам. Непривычным и не схожим с нашими, взрослыми, правилами и причудами. К заинтересованности жителей этого мира во всех и всем. К неподобию их и нас. К тому неподобию, которое мы так быстро теряем и потом никогда не находим. И наверное, жалеем об этом. К той игре, в которой и вещи, и люди, и слова равноценны и в равной мере заменимы. В которой все может стать всем. И все живет, а если и умирает, то возвращается. В которой каждая минута — вечность, но разная, изменяющаяся. И ее хочется выспрашивать без конца. И быть с ней всегда. С ней и с теми, кто тоже соглашается играть в эту игру.

Но это также и слово о словах — слово о творчестве

в том мире, которому не перестаем удивляться, когда читаем «От двух до пяти». Творчестве словесном и в то же время миропостигающем. Стремящемся через игру понять себя, мир и других людей. И ту увлекательную игрушку, которая зовется языком. И который не в меньшей степени, чем люди, интересен и загадочен. Скрытен и непредсказуем. Щедр на сюрпризы и подарки. Не теряется и не надоедает. Всегда в тебе и вокруг тебя.

Рассказы Корнея Ивановича Чуковского о детском словотворчестве увлекательны не только из-за этого. Его слово о словах — одна из первых попыток разобраться в тайнах творчества, понять, когда и почему мы бываем талантливы и когда и почему перестаем такими быть. Понять: кто виноват в этом? И если не кто, то что? Найти отгадку вечного творчества и поделиться ею со всеми. Научить взрослых осторожному отношению к детскому бескорыстному удивлению перед словом и ненавязчиво (доверительно!) убедить их в ценности словесных игр от двух до пяти. И не только потому, что небрежение и невнимание губительны сами по себе: они еще и знаки, указывающие на невсамделишность словесного мира, в котором живут дети, и тех правил, которые они вывели из него, на неравноправность и второсортность — по сравнению со взрослыми — их, детских, интересов и занятий.

Когда дети привыкают к такому отношению взрослых — тогда и кончается любое творчество.

Но я думаю, что интерес Чуковского к лепым нелепицам и детским стихам был продиктован не только желанием убедить нас в уникальности словесных игр. Детский словотворческий и смыслотворческий мир не мог не интересовать его как поэта и переводчика. Он искал в нем,— может быть, и неосознанно — ответы на вопросы, мучающие нас до сих пор: в чем секрет поэзии? В чем ее сила? Как отличить стихи от поэзии? В чем различие между поэтом и стиходелом? Можно ли свой опыт передать другим?

На последний вопрос, как мы видим из 13 заповедей для детских поэтов, он отвечал утвердительно. И я готов тоже согласиться с ним, но лишь с одной маленькой поправкой: для того чтобы принять и учесть этот опыт, надо все-таки хоть немного быть Корнеем Ивановичем Чуковским...

И еще одно об его советах: заповеди — заповедями, но им могут следовать лишь те, кому удалось сохранить в себе тот взгляд — в прямом смысле этого слова! — на мир, о котором пишет Чуковский в своей книге. Но истина в них есть. Говоря в пятой заповеди о музыкальности поэтической речи (о недопустимости жестких звукосочетаний и желательности плавных), а в первой — о зрительном образе и звуке как органическом единстве, К. И. Чуковский предугадал то, что лишь недавно доказано экспериментально: звуки оцениваются нами как мягкие и холодные, острые и горячие, звуки соотнесены с цветовой гаммой (синий, темно-лиловый, густо-красный, белый, желто-зеленый), а звук, цвет и смысл составляют триединство, лежащее в основе поэтической (а может быть, и прозаической) речи.

Еще одним доказательством постоянных поисков ответов на эти вопросы может служить и другая книга К. И. Чуковского, не менее известная, чем «От двух до пяти», и переизданная в 1988 г.,— «Высокое искусство». Книга о переводчиках и для переводчиков. Об их «заповедях» и правилах, по которым строится удачная и неудачная «словесная игра». Рассказ о том, как она продолжается теми, кто пробовал ее начинать в возрасте от двух до пяти лет. И затем устоял в недоверительном мире и продолжил ее взрослым в иных, конечно, формах и ином качестве, но на той же, «игровой» основе.

У обеих книг Корнея Ивановича Чуковского — счастливая судьба. Хочется даже сказать, что они родились в рубашке. И наверное, иначе и быть не могло: они рассказывают о том, что не может быть безразличным человеку,— о детстве как творчестве и творчестве как «возвращении» к детству. И недаром они прочно вошли в наш научный и ненаучный обиход и стали одной — зачастую незамечаемой — ступенью в лестнице знаний, упорно удлиняемой людьми.

Перечитывая «От двух до пяти» Чуковского, я вспоминал и его собственные стихи, и стихи Даниила Хармса и Велимира Хлебникова. Стихи Дилана Томаса и Огдена Нэша. Это были голоса из того зазеркального мира, из той словесной — звукотворческой и смыслотворческой — игры, которой они столь многим обязаны. Прислушайтесь к ним.

ОСЬМИНОГ

Скажи мне, пожалуйста, осьминог-осьминогия,
эти штуки твои — руки иль ногия?
Я восхищаюсь тобой, осьминожие,
будь я тобой, себя величал бы «наши вельможия».

ФЕНИКС

Коль в евгенику
поглубже проник,
отыщется эта сказочная
птица Феникс.
Мудрейшая птица
из живших на свете белом
не в пример остальным
мамам и папам бедным
кладет лишь одно яйцо,
не десять или двенадцать,
чтоб, высидев,
самой из него появляться.

Это — Огден Нэш. Но это и кто-то из тех, кому от двух до пяти.

Книга Корнея Ивановича Чуковского — это книга о душе ребенка. О той деликатной материи, сутью и формой которой были озабочены еще древнеиндийские педагоги. Это — слово — и первое! — против авторитарной педагогики — педагогики уравнивания, выравнивания и муштровки — и за педагогику — доверительную: за равные права (мы с тобой из одной стаи!) взрослого и ребенка, за равноценность их сознаний, равноответственность взрослого и ребенка друг перед другом, за уникальность каждого из них.

Ю. А. Сорокин

А за ними блюдца, блюдца —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
Вдоль по улице несутся —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
На стаканы — дзынь! — натыкаются,
И стаканы — дзынь! — разбиваются.

Конечно, я нисколько не стремился к такой многообразной и переменчивой ритмике. Но как-то само собой вышло, что, чуть только передо мною пронеслась разная кухонная мелочь, четырехстопный хорей мгновенно преобразился в трехстопный:

А за нею вилки,
Рюмки да бутылки,
Чашки да ложки
Скачут по дорожке.

Не заботился я и о том, чтобы походка стола, неуклюже, вперевалку бегущего вместе с посудой, была передана другой вариацией ритма, совсем не похожей на ту, какая изображала движение прочих вещей:

Из окошка вывалился стол
И пошел, пошел, пошел, пошел, пошел..
А на нем, а на нем,
Как на лошади верхом,
Самоварище сидит
И товарищам кричит:

«Уходите, бегите, спасайтесь!»

Конечно, таких вариаций стихотворного ритма, изображающих каждый предмет в его музыкальной динамике, не добьешься никакими внешними ухищрениями техники. Но в те часы, когда переживаешь тот нервный подъем, который я пытался описать в очерке о «Мухе-Цокотухе», эта разнообразная звукопись, нарушающая утомительную монотонность поэтической речи, не стоит никакого труда: напротив, обойтись без нее было бы гораздо труднее.

Вся эта сюита о каскаде вещей была написана экспромтом, в какой-нибудь час или меньше. Зато продолжение «Федорина горя» далось мне ценою кропотливой и долгой работы, о которой не стану сейчас говорить, так как тороплюсь сделать вывод из того, что сказано раньше*.

* Статья не закончена.— *Примеч. ред.*

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Корней Иванович Чуковский работал над книгой «От двух до пяти» более полувека. Она впервые была опубликована под названием «Маленькие дети» в Ленинграде в 1928 г. Начиная с 3-го издания (1933) книга стала называться «От двух до пяти». Многие поколения советских читателей с любовью обращаются к ней как к неиссякаемому источнику доброго и жизнерадостного видения детства, оптимистического взгляда на детское речевое и художественное творчество, языковую одаренность. Читая о лепых нелепицах, невольно заражаешься доброй улыбкой и мягким юмором, свойственным Чуковскому, его доброй верой в неисчерпаемые творческие возможности детей.

К. И. Чуковский не соглашался с теми читателями, которые рассматривали книгу как сборник [illegible]зов, он настаивал на научной ценности сделан[illegible] обобщений и выводов. В послесловии к 21-му и[illegible] писал: «Правда, в книжке едва [illegible]ные, скучные страницы, но это от[illegible]одь не [illegible] она не научная. Это только значит, что нау[illegible] крайнему моему разумению) [illegible]ся с дремучими словесными [illegible]ождением умопомрачительных терми[illegible]

Книга уникальна и по материалу (документальные данные о речевом, познавательном и личностном развитии десятков поколений дошкольников нашей страны) и по манере изложения. Чуковскому удалось в заним[illegible]ной форме обобщить результаты его научных открытий, имеющих непреходящее значение и вошедших в золотой фонд детской психологии и дошкольной педагогики. Его идеи получили мировое признание, к его труду неоднократно обращались классики советской психологии Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин[2]

От двух до пяти. М., 1970. С. 411.

См. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1937. Психология [illegible] и деятельности дошкольников. Под ред. А. В. Запорожца, Д. Б. Эльконина. М., 1965. Ж[illegible] К. К. Мысль, слово, метафора. [illegible] в философском освещении. Киев, 1981. Spoken [illegible] Resources for Studying Linguistic Creativity. Ed. by B. Kirchner. Philadelphia, 1976.

Какие же это открытия? Анализируя огромный фактический материал, собираемый на протяжении всей жизни, К. И. Чуковский показал, что в дошкольном детстве ребенок обладает повышенной чувствительностью к языку, к смысловой и звуковой стороне речи. Эта чувствительность проявляется в легкости, с которой ребенок запоминает слова, их звучание и значение, осваивает нормы и правила грамматики, в тонкости анализа смысла и формы слова, а также в особом, лингвистическом (познавательном) отношении к языку, интересе к словам, звукам, рифмам. На основе экспериментальных данных психологи установили, что у ребенка в возрасте от двух до пяти возникает как бы поисковая доминанта, ориентировочная поисковая деятельность в сфере языка и речи. Малыш начинает так же играть со словом, как он это делает с предметами и игрушками.

Языковая игра — игра мыслями, словами, звуками, рифмами — гениальное открытие К. И. Чуковского. Яркие внешние проявления языковой игры, экспериментирование в сфере языка: феномены рифмотворчества (часто заумного, не наполненного смыслом), создание песенок-шумелок (*экикики*), переборы грамматических форм и словотворений (*сплим, сплям, сплюм; зажигатá, зажгина́, зажгена, пахлая, духлая*), перевертыши (обратная координация вещей) — собраны в этой книге.

К. И. Чуковский открыл и описал специфически детский способ ориентировки в языковой материи и духе языка. И он удивительно точно подмечал, что ребенок, который в дошкольном возрасте не создавал *ползуков, кружинок, тормозил, улиционеров*, никогда не станет подлинным хозяином своего языка. Дело в том, что в русском языке лишь около двух процентов слов не мотивированы, не производны, все остальные образованы друг от друга. Чтобы понять их и научиться активно использовать в речи, необходимо проникнуть в системные, родственные связи слов. Взрослый лингвист делает это при помощи словообразовательного анализа. А ребенок добывает аналогичные знания в процессе словотворчества.

Создавая новые слова и необычные словосочетания ребенок порою их не замечает (*нахмуренные брюки, голова босиком, лягавая лошадь, отмухиваться, откнопился* и т. п.). Но так бывает не всегда. Часто малыши в своих экспериментах как бы испытывают материал на

прочность. О том, что это не случайное, интуитивное образование, а произвольное действие, свидетельствует все поведение ребенка: лукавая улыбка, смех, интонация скандирования, а нередко приглашение к обсуждению полученного результата. Интеллектуальная (умственная) игра имеет двоякий результат, доставляя знания о языке и удовлетворяя естественную потребность в юморе, улыбке, радости. И Чуковский не уставал отстаивать право ребенка и на эксперимент в языке, и на радость, и на смех.

Был период, когда психологи рассматривали речевое развитие ребенка как репродуктивный, подражательный процесс. К. И. Чуковский присоединил свой голос к тем ученым, которые видели в детских вопросах о словах, в этимологиях проявление сознательного отношения к языку и речи. Дальнейшие исследования подтвердили, что элементарное осознание языковой действительности — обязательная предпосылка успешного, полноценного овладения языком и речью. Только осознает ребенок язык в специфически детских формах. А языковая игра становится специфически детским способом обследования и осознания слова, его строения и формально-семантических (смысловых, системных) связей с другими словами.

В самые тяжелые периоды жизни нашей страны, когда в системе народного образования искусственно насаждались репродуктивные формы мышления, репродуктивный тип личности, К. И. Чуковский отстаивал за ребенком право на творчество, он не переставал удивляться созидательным возможностям детей, сравнивая их достижения и сам способ словесного творчества с работой художников слова. Ребенок действует в рамках языка, не изобретая, а лишь заново открывая его для себя.

К. И. Чуковский очень точно подметил возраст (от двух до пяти), когда творчество ребенка особенно искрометно. Хотя и более старшие дети не чужды играм в сфере языка и речи, однако они никогда больше не бывают такими смелыми, непосредственными, а может быть, и уникальными.

Их творчество разворачивается на фоне недостаточной усвоенности существующих в области языка законов. Оно направлено прежде всего на познание, освоение, моделирование существенных связей и отношений в окружающем ребенка мире звуков, цветов, вещей

и людей. Причем, как показали исследования, именно недостаточная осведомленность малыша побуждает его к поиску вариантов, к созиданию нового.

К. И. Чуковский бережно и, можно сказать, восторженно относился к детским логическим ошибкам. Он приводит многочисленные примеры неверных умозаключений детей, отмечая титанический труд маленького человека по координации знаний, прослеживанию существенных связей и отношений в мире вещей и мире людей. Детские речения не могут не вызвать улыбки. Смешное и серьезное рядом. Психологи считают, что именно такие нечеткие, неясные, противоречивые знания, которые описаны К. И. Чуковским, побуждают ребенка к поиску, размышлению, дают развивающий эффект. Они создают как бы зону ближайшего развития, точнее — саморазвития.

Саморазвитие — это то последействие, которое возникает в результате самостоятельной мыслительной, поисковой, ориентировочной деятельности детей. Это тот результат, к которому должно стремиться обучение. Но саморазвитие возникает далеко не всегда. К сожалению, можно еще увидеть заплаканного ребенка, без дела сидящего на стульчике или бесцельно слоняющегося по комнате. В таком состоянии говорить о саморазвитии не приходится. Саморазвитие возникает, если ребенок занят интересным делом, если ему хорошо на душе, тепло и радостно, если он чувствует доброжелательное отношение к себе взрослых.

Долгое время вызывало споры положение К. И. Чуковского о том, что с возрастом ребенок теряет свою гениальную лингвистическую одаренность. Аргументом служили данные о поступательном развитии детской речевой деятельности: накоплении словарного запаса, формировании грамматической правильности речи, освоении видов монолога (описания, повествования, рассуждения), письменной речи — тех средств языка и форм речи, которые не доступны ребенку от двух до пяти. Признавая правильность этих аргументов, нельзя не отметить, что и в этом вопросе Чуковский был прав.

С возрастом притупляется природная чувствительность к языку, поэтому так трудно изучать иностранные языки взрослым. Нередко падает и собственно интерес к языку. Все это находится в прямой зависимости от условий жизни ребенка. Если взрослые находят адекват-

ные формы контактов с ребенком, расцвет его речевого и литературного творчества смещается к более старшим возрастам.

Следует отметить, что не только угасание, но и восприятие словесной игры начинается со слова взрослого, его настроения. Имеет значение не только кто, что и как говорит и читает ребенку, но и что и как делает. Возраст от двух до пяти характеризуется большой открытостью, доверчивостью ребенка. Малыш не боится впасть в ошибку. В старшем дошкольном возрасте происходят значительные изменения в личностном развитии. Ребенок теряет свою непосредственность. Формируется критическое отношение к себе, к своим возможностям. Языковая игра еще не исчезает, но начинает прятаться. Ребенок проделывает свои эксперименты про себя, часто отказывается от полученных результатов. В школьные годы осваиваются иные средства ориентировки в языке. Этап овладения сменяется этапом владения языком.

Педагогу горько читать страницы, на которых К. И. Чуковский рассказывает о своей трудной и долгой борьбе за детскую сказку. Сегодня даже странно думать, что все это могло быть. Отстаивая право детей на сказку, Чуковский, основываясь на конкретных фактах, доказывал способность ребенка к реалистическому пониманию образности сказки.

Классик детской психологии А. В. Запорожец вместе со своими сотрудниками посвятил специальное исследование реалистическому подходу ребенка к сказке и пришел к выводу: ребенок способен правильно относиться к сказке, адекватно реагировать на сказочную фантастику. Совместные усилия писателей, психологов и реалистически мыслящих педагогов, в первых рядах которых был К. И. Чуковский, помогли одолеть противников детской сказки и восстановить ее в законных правах.

Автор «От двух до пяти» дает советы родителям, как им относиться к детскому словотворчеству, к речевым ошибкам. Однако педагогика речевого развития — особая область знания, несводимая только к правильности речи. Ребенок должен дорасти до ошибок. К ним он приходит через колоссальный труд. И хотя ребенок совершает свои открытия самостоятельно, анализ выявляет в этом процессе участие взрослого.

Педагогика детского речевого развития интересовала К. И. Чуковского особенно в последние годы жизни. Слож-

ные взаимоотношения с педагогикой и педагогами в 1920—1930-е гг. не помешали ему причислить себя к педагогам и включить в книгу главы «Воспитание речи» и «О стиховом воспитании». Дошкольная лингводидактика (методика обучения языку и развития речи) представляет собой сейчас серьезную область научного знания. И эти знания в большой мере основываются на идеях К. И. Чуковского о творческой природе языка и речи, о больших потенциальных возможностях детей, их обостренном внимании к смыслу и звучанию слова, к грамматической форме. (Интересующихся отошлю к книге «Развитие речи детей дошкольного возраста» под ред. Ф. А. Сохина. М., 1984.) Основываясь на идеях К. И. Чуковского, педагоги-исследователи, методисты, воспитатели разработали замечательные игры по ознакомлению детей со звучащим словом, воспитывающие у них особое, лингвистическое отношение к языку и речи, языковое чутье.

Если Вы хотите, чтобы Ваши дети были такими же активными, интересными, одаренными, как герои «От двух до пяти», позаботьтесь прежде всего об их жизни, играх и занятиях, об их здоровье и эмоциональном благополучии. Природа снабдила ребенка обостренной чувствительностью к речи, способностью к ее анализу и обобщениям. Но один он не в силах реализовать все, отпущенное ему природой. Прислушайтесь к своим малышам, что и как они говорят. Поучитесь умению слушать и слышать у К. И. Чуковского. Вашему ребенку очень нужна Ваша поддержка, Ваша вера в него, Ваше внимание и Ваше время. И конечно же, сказка.

Своими наблюдениями Вы можете поделиться, написав письмо по адресу: 113184, Москва, Климентовский пер., 1. НИИ дошкольного воспитания АПН СССР. Лаборатория развития речи.

А. Г Арушанова

Главный редактор В. Бобков
Литературный редактор А. Юдин
Технический редактор П. Косяк
Корректор А. Иванова
Дизайн обложки И. Астапенко

ООО «Издательский дом «Вкусный мир»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 42
Рекламный отдел: (812) 944-02-07
E-mail: pr@p-c.ru
Отдел распространения: commerce@p-c.ru

© «Моя прекрасная дача» №1/С. Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационный номер ПИ № ФС77-31118 от 15.02.2008 г. Учредитель и издатель – ООО «Издательский дом «Вкусный мир»

Отпечатано в типографии «ООО «Типография ГМ-Принт», 188640, Ленобласть, г. Всеволожск, Всеволожский пр., 122. Подписано к печати 24.01.2012 Время подписания номера: по графику 23.00; фактически 23.00. Установочный тираж 20 000 экз. Заказ № 128. Юридическую поддержку издания осуществляет Адвокатский Кабинет «VIALEX» Все права защищены. Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции. Цена свободная.

Лицевые петли (рис. 109). Вязка

В творчестве Кастельбажака фигурируют символы. **Плюшевый мишка** — главный из них

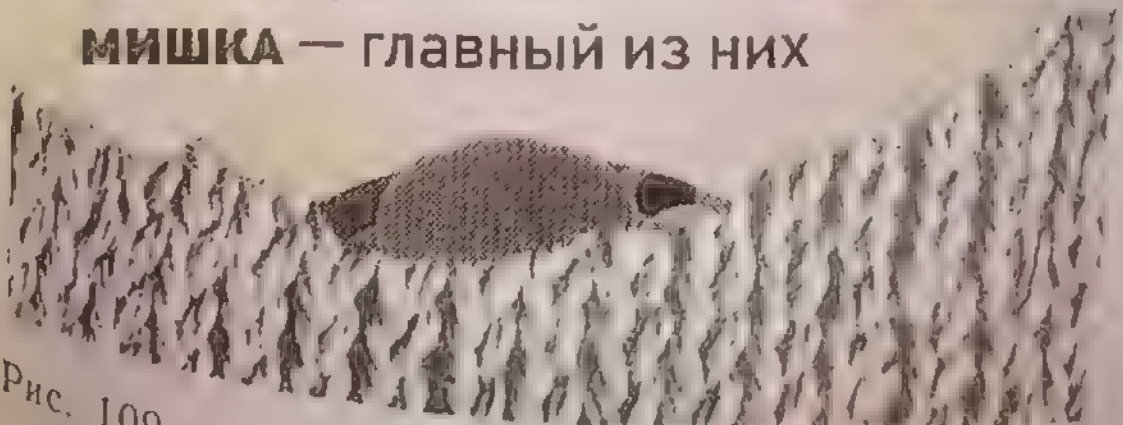


Рис. 109

Лицевые петли (рис. 109). Вязка односторонняя, из любых ниток. Напоминает полотно, выполненное на спицах вязкой. Рекомендуется для детских

акие группы вы подразделяете мужчин:
хорошие мужья, любовники?
делить мужчин на группы.
наш опыт общения
мужчи

Рис. 109

него тунисского
тикальны

1-й ряд
провяжи
2-й ряд
днюю н
те рабо
авьте ее
ередней
ика под
ика, захв
оставьте е
нюю петл
вертикальн
2-й ряд
Следите
столбиков.
3-й ряд в
щие ряды
Вертикаль
столбиков (

16

⊙ Восх. 6.02
Зах. 21.05
Долгота дня 15.03

○ Полнолуние 17 августа
Зах. 4.28
Восх. 20.55

−228 +137

АВГУСТ СРЕДА

Порой кажется, что детей фотографировать легко. В каком-то смысле это действительно так. Дети непосредственны, естественно ведут себя и скоро перестают обращать внимание на фотокамеру. Наблюдая за ними, можно сделать живые снимки, но это требует навыка, умения снимать репортажно. Основная трудность заключена в чрезвычайной подвижности ребят, в том, что их реакцию порой нелегко предусмотреть. Используйте те же способы построения кадра и приемы съемки, которые вы освоили в работе над портретом.

(Продолжение см. на обороте листка)

25 уроков фотографии

Позировать малыша не заставишь. Но если занять его каким-то делом в том месте, которое вы облюбовали по условиям освещения и по характеру фона, то несколько кадров вполне можно сделать. Только снимать надо [illegible], что дети нетерпеливы и [illegible] надоедает. Попробуйте [illegible] „игру в фотографию", и [illegible] включится в нее. У [illegible] ность поработать над [illegible] Постарайтесь уловить [illegible] кого персонажа: характ[illegible] выразительный жест, мимику. [illegible] не забудьте подумать о ф[illegible] помешает передать главное — взгляд, выражение лица, легкую у[illegible] обычно достаточно. В ясную [illegible] „Фото-65" при диафрагме [illegible] держкой $^1/_{60}$ — $^1/_{125}$ с.

При съемке в помещении лучше выбирать место с нейтральным фоном поближе к окну. В дополнение к дневному свету можно включить комнатное освещение. И конечно, неплохо зарядить в камеру пленку с высокой чувствительностью — „Фото-130" или „Фото-250". При слабом свете приходится снимать с открытой диафрагмой, значит, следует внимательнее отнестись к наводке на резкость.

В. Тимофеев

11

НОЯБРЬ

⊙ Восх. 7.58
Зах. 16.30
Долгота дня 8.32

○ Полнолуние 13 ноября
Зах. 5.14
Восх. 15.08

−315 +50

СУББОТА

Отправляясь на съемку спортивных состязаний, заряди камеру пленкой высокой чувствительности: „Фото-130" или „Фото-250". Чтобы изображение получилось резким, съемку производите с короткими выдержками. Примерно предполагая сюжеты возможных снимков, надо до начала съемки продумать, какими средствами лучше выразить ваш замысел.

Допустим, вы решили снять волейбол на дворовой площадке вашего дома. Можно попробовать сделать кадр из окна, с верхней точки. Общий план покажет двор, площадку с игроками, болельщиков вокруг.

(Продолжение см. на обороте листка)

Детали и подробности игры рассмотреть на таком снимке трудно. Для более крупных планов придется спуститься во двор и выбрать точку съемки рядом с площадкой, например у сетки. Там эффектнее всего выйдут кадры, запечатлевшие прыжки и удары волейболистов. Чтобы поймать такой момент, заранее определите границы кадра и по какой-нибудь отметке наведите на резкость, а затем ждите, не отрывая глаза от видоискателя, когда в кадре появятся фигуры. В этот момент снимайте.

Обратите внимание на направление света — от этого зависит выбор точки съемки. Скажем, вы хотите снять силуэты игроков на светлом фоне — тогда снимайте снизу, против света. Темные силуэты будут хорошо прочитываться.

Чтобы подчеркнуть быстроту движения, опытные любители снимают „с проводкой". Заранее установив выдержку в пределах $^1/_{60}$—$^1/_{250}$ с, наводят резкость на место, где появится спортсмен, и потом плавно ведут камеру вслед за ним. В нужный момент произведут съемку: фигура получится резкой, а фон размытым. Если вы снимаете прыгуна с расстояния 10 м, то установите выдержку $^1/_{250}$ с. Плавание, водное поло можно снимать при $^1/_{60}$ с.

В. Тимофеев

8

☉ Восх. 8.47
Зах. 15.57
Долгота дня 7.10

☽ Перв. четв. 6 декабря
Зах. 2.44
Восх. 13.14

−342 +23

ДЕКАБРЬ ПЯТНИЦА

Съемка животных требует навыка и терпения. Даже снимок домашней кошки сделать непросто (конечно, речь идет о выразительном кадре). Животных не заставишь позировать, приходится ловить благоприятный момент. Лучше загодя продумать композицию: что вы включаете в первый план, в какой части кадра предполагаете фиксировать фигуру животного. Определите границы снимка и сделайте примерную наводку на резкость. Обратите внимание на направление света и установите диафрагму и выдержку. Теперь вы готовы к съемке.

(Продолжение см. на обороте листка)

Гуляя в парке, можно встретить белку, которая привыкла к людям и подпустит вас близко. Попытайтесь снять зверька, когда он пробегает по дереву или остановился, чтобы взять из рук лакомство. В солнечную погоду пленка „Фото-130" позволит вам снимать при диафрагме 8–5,6 с выдержкой $^1/_{250} - ^1/_{125}$ с.

Точка съемки должна соответствовать положению тела и размерам животного, иначе ракурс даст искажение — например, при съемке кошки сверху лапы выйдут короткими, а туловище непропорционально большим. Снимайте на уровне глаз животного. В зоопарке вы ограничены в выборе точки съемки, к тому же в клетках часто мало света. Ищите подходящие сюжеты. Лебеди и пеликаны плавают в открытом водоеме, крупные звери содержатся в больших вольерах — это дает возможность найти выразительное решение.

Увлекательно фотографировать рыбок в домашнем аквариуме. Снимать лучше при боковом свете, прямой даст блики и отражения на стекле. Чтобы поймать рыбок в кадре, заранее определяют глубину резкости и затем, не отрывая глаза от видоискателя, перемещают камеру. Когда рыбки на мгновение остановятся, нажимают на спуск затвора.

В. Тимофеев

20

ОКТЯБРЬ

⊙ Восх. 7.11
Зах. 17.17
Долгота дня 10.06

☾ Посл. четв. 21 октября
Зах. 14.40
Восх. 20.55

−293 +72

ПЯТНИЦА

При съемке архитектурных памятников и исторических достопримечательностей вначале внимательно осмотрите сооружение, отметьте интересные детали, а главное, поищите точку, откуда открывается выразительный вид. Нередко любители снимают с центральной точки. В этом случае прямой свет сделает изображение плоским, то же получится при рассеянном освещении. Архитектурные формы рельефнее выявляются при боковой точке съемки. Выбирая место съемки, проверьте по видо-

(Продолжение см. на обороте листка)

искателю, насколько искажается линейная перспектива. Ведь для того чтобы объект попал в кадр целиком, приходится наклонять камеру, то есть снимать с ракурсом. Если на камере стоит штатный объектив (нормальный или „легкий" широкоугольник), то лучше отойти подальше и снимать издали, чтобы избежать ракурсных искажений.

Искажение перспективы иногда применяют как выразительный прием, но злоупотреблять им не следует. Да и не обязательно стремиться к тому, чтобы сооружение попало в кадр целиком. Нередко фрагменты, умело закомпонованные, оказываются не менее привлекательными. Старинная колоннада, торжественный портал, каменная кладка башни или парадный подъезд – такие детали красноречиво рассказывают об эпохе.

Столь же внимательно отнеситесь к съемке скульптуры. Осмотрительно выбирайте точку съемки, иначе неизбежно искажение пропорций у фигуры. Много значит характер освещения, ведь материал скульптуры однотонный, и объемность форм создается светотенью. И конечно, правильнее, если фон в снимке спокойный, нерезкий.

В. Тимофеев

Выбор объектива с тем или иным фокусным расстоянием определяется не только размерами объекта и расстоянием от него до точки

31

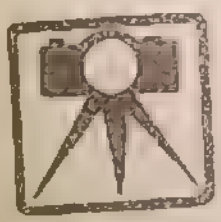
⊙ Восх. 5.32
Зах. 21.40
Долгота дня 16.08

● Новолуние
1 августа
Восх. 3.12
Зах. 21.28

−212 +153

ПОНЕДЕЛЬНИК

ИЮЛЬ



Условия освещения зависят от времени дня и года и, конечно, от погоды. Один и тот же пейзаж выглядит иначе, когда меняются направление и сила света. А он идет от солнца – это прямой солнечный свет, и от неба, рассеивающего солнечное освещение. Трудно снимать, когда солнце в зените – снимки получаются чересчур контрастными: светлые места – яркими, затененные – темными, деталей в тенях не видно. В пасмурную погоду рассеянный свет дает равномерное освещение, и выразительный снимок тоже сделать непросто. Приходится искать яркую деталь, чтобы оживить композицию.

(Продолжение см. на обороте листка)

...ры снабжаются

Лучше всего использовать боковой свет в начале дня или ближе к вечеру. Он хорошо выявляет фактуру деревьев, воды, облаков, делает изображение рельефным. Удлиненные тени помогают передать пространство пейзажа. Световые блики, играющие на предметах, создают сложный светотеневой рисунок.

Встречный свет (его еще называют контровым) хорошо передает фактуру луговой растительности, воды, подчеркивает силуэты деревьев, серебрит провода. Он дает богатство бликов и рефлексов. Когда солнце заходит за край облака, а часть лучей падает на воду, [illegible] солнечная рябь. Такой мотив [illegible] на снимок.

Эффектными [illegible] вечерние и ночные пейзажи. Для освещения тут характерен высокий контраст: яркие детали прорабатываются хорошо, а в темных едва заметен рисунок. Подобные снимки требуют продолжительных выдержек, поэтому снимать лучше со штатива. Если вы задумали снять освещенную улицу, следите за тем, чтобы во время экспозиции прямой свет от фонарей и автомобильных фар не попадал в объектив. Движение людей перед камерой при длительной выдержке съемке не мешает.

В. Тимофеев

5

ФЕВРАЛЬ 1990 ПОНЕДЕЛЬНИК

⊙ Восх. 8.18. Зах. 17.11. Долгота дня 8.53. ☽ Перв. четв. 2 февраля. Зах. 5.49. Восх. 11.25.

Линии снимка. Линии составляют основу композиции всякого снимка. Есть линии, которые мы непосредственно наблюдаем – они ограничивают форму предметов, дают представление об их строении. Например, горизонтали и вертикали здания, его окон и подъездов формируют зрительный образ жилого или производственного строения; плавные, округлые линии

крытого велотрека создают другое впечатление. Но есть линии иного рода — невидимые, воображаемые — например, взгляд человека, жест его руки, указывающий на предмет, направление движения машины. Воображаемые линии в кадре также важны, ибо по ним скользит взгляд зрителя, который рассматривает снимок.

Реальные и воображаемые линии связывают предметы и формы в единую композицию. Известно, что глаз останавливается на „длинной" линии в кадре и затем движется по ней. Вертикали уводят его вверх, рождая ощущение высоты, по горизонталям он движется в стороны. „Скошенная" линия способна увести его за пределы снимка. Важно использовать „сильную" линию так, чтобы она подводила зрительский взгляд к главному элементу композиции.

Свойство человеческого зрения таково, что оно придает линиям эмоциональное содержание. Линии, параллельные диагоналям кадра, придают изображению живость, вносят динамику. Изогнутые линии создают ощущение покоя или неторопливого движения, ломаные, напротив, вносят беспокойство. Вертикали нередко придают композиции величественный оттенок, горизонтали подчеркивают простор, протяженность.

В. Тимофеев

ББК 31.293—5
Н62
УДК 614.8

Никитин Ю. А.

Н62 Пожарная опасность бытовых ненагревательных электроприборов и электросетей.— М.: Росагропромиздат, 1990.—64 с.: ил.

ISBN 5—260—00483—3

В брошюре рассмотрена пожарная опасность внутридомовых электрических сетей, ненагревательных бытовых электрических приборов (телевизоров, кондиционеров, электрических звонков). Даны рекомендации по предупреждению возникновения загораний.

Рассчитана на технических работников, связанных с эксплуатацией и ремонтом электросетей и электроприборов, а также на домовладельцев и квартиросъемщиков.

Н $\frac{3701000000—099}{М104(03)—90}$ 84—90

ББК 31.293—5

Производственное издание

Никитин Юрий Антонович

ПОЖАРНАЯ ОПАСНОСТЬ
БЫТОВЫХ НЕНАГРЕВАТЕЛЬНЫХ
ЭЛЕКТРОПРИБОРОВ И ЭЛЕКТРОСЕТЕЙ

Зав. редакцией Г. Л. Бондарева. Редактор И. В. Ланина. Художник О. А. Смолина. Художественный редактор Г. Л. Шацкий. Технические редакторы Т. Н. Кайдан, И. Е. Курносенко. Корректор Г. Д. Кузнецова.

ИБ № 3082

Сдано в набор 02.02.90. Подписано в печать 20.07.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура журнально-рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,68. Уч.-изд. л. 3,74. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1121. Изд. № 1436. Цена 30 коп.

Росагропромиздат, 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 15, корп. 2

Книжная фабрика № 1 Госкомиздата РСФСР, 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

ISBN 5-260-00483-3

© Никитин Ю. А., 1990

ПАМЯТКА
ДОМОВЛАДЕЛЬЦА, КВАРТИРОСЪЕМЩИКА

Монтируйте и содержите исправной электрозащиту.
Не перегружайте электросеть.
Не заклеивайте открытую электропроводку.
Содержите исправными выключатели, вилку, розетки.
Не пользуйтесь электрическими утюгами, плитками, чайниками, паяльниками без специальных несгораемых подставок.
Не оставляйте без присмотра включенные электронагревательные приборы и телевизоры.
Не допускайте западания (залипания) кнопок электрозвонков.
Не используйте бумагу или ткань в качестве абажура электролампочек.
Уходя из дома, выключайте свет и электроприборы.
При загорании электропроводов или электроприборов необходимо:

немедленно обесточить электропровода, вывернув пробки, отключив рубильник или автомат защиты, выдернув вилку из розетки;

немедленно сообщить о случившемся в пожарную охрану по телефону «01»;

принять меры к тушению пожара, используя воду, одеяла и другие подручные средства;

закрыть щели в дверях и вентиляционные отверстия в квартире плотными полотенцами или постельными принадлежностями. Закрытые и хорошо уплотненные двери надолго защитят вас от высокой температуры и проникновения в квартиру дыма.

По возможности используйте для эвакуации наружные лестницы, установленные на балконах и лоджиях.

Если вам угрожает опасность, а коридоры и лестничные клетки сильно задымлены и покинуть квартиру невозможно, оставайтесь в комнате или на кухне, откройте окна.

С прибытием пожарных подразделений подойдите к окну и подайте знак об оказании вам помощи.

ББК 37.24 – 2

Б 68

УДК 687.016.5

Рецензент – *А.П. Рогова* (РосЗИТЛП)

Бланк А.Ф., Фомина З.М.

Б 68 Практическая книга по моделированию женской одежды: Учеб. пособие для проф. учеб. заведений. – 4-е изд. – М.: Легпромбытиздат, 1992. – 256 с.: ил. – ISBN 5–7088–0681–8.

В книге описан метод построения чертежей основ женской одежды по упрощенным расчетным формулам. Определен метод конструктивного моделирования и на его основе разработаны конструкции изделий сложного кроя без применения расчетных формул. Даны рекомендации силуэтных форм одежды для фигур разных полнотных групп одного размера. Специальный раздел посвящен особенностям прямого кроя русской народной одежды как источника конструктивного моделирования одежды.

Для учащихся профессиональных учебных заведений. Может быть использована при профессиональном обучении рабочих на производстве.

Б $\frac{3003000000-085}{044(01)-92}$ без объявл.

ББК 37.24 – 2

ISBN 5–7088–0681–8

© Издательство "Легкая индустрия", 1979
© Бланк А.Ф., Фомина З.М., 1991, с изменениями
© Бланк А.Ф., Фомина З.М., 1992

ВВЕДЕНИЕ

Конструирование, конструктивное моделирование, а затем и шитье изделия — комплексный, сложный процесс, объединяющий в себе решение художественных, технических и социальных задач. Этим объясняется необходимость в специальной литературе по шитью, крою и моделированию одежды. Задача авторов не только научить учащихся профессиональных учебных заведений умению строить чертежи основ и копировать рисунки моделей, но и пользоваться методом конструктивного моделирования одежды, предлагаемым в книге. Это поможет развитию вкуса, творческой инициативы, изобретательности, расширению понятий о культуре одежды.

Чтобы хорошо освоить методы конструирования и конструктивного моделирования, необходимо тщательно изучить материал настоящего учебного пособия, которое содержит:

предварительное, хотя и краткое, знакомство с ассортиментом и видами современной бытовой одежды, широкими возможностями создания различных комплектов;

анализ силуэтов женской одежды, сопровожденных чертежами;

рекомендации силуэтных форм одежды для женщин с фигурами разных полнотных групп одного размера;

построение чертежей основ женской одежды;

создание выкроек изделий, особенно сложного кроя, методом совмещения основных деталей чертежей в разных точках их касания;

развитие художественного видения образа нового изделия и фантазии в применении декоративных элементов при практической разработке разных видов одежды путем варьирования элементами кроя.

В книге помещено много чертежей и рисунков изделий разнообразного ассортимента. Значительная часть рисунков взята из журналов ВЦАМлегпрома, Общесоюзного Дома моделей одежды и других Домов моделей, а также из зарубежных журналов мод.

Отзывы и предложения по книге просим направлять по адресу: 113035, Москва, 1-й Кадашевский пер., д. 12, Легпромбытиздат.

615.99
К89

Почти все продукты пчеловодства — мед, маточное молочко, перга и другие — использовались медициной еще в древности.

Книга в доступной форме рассказывает о химическом составе продуктов медоносной пчелы и их действии на организм человека, о применении их с лечебной целью в научной и народной медицине.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

К $\frac{53-82}{170(02)-83}$ 136—81 4108000000

© Издательство Саратовского университета, 1984 г

Клавдия Алексеевна Кузьмина

Лечение пчелиным медом и ядом

Издание 9-е стереотипное

ИБ 1730

Редактор *Р. Ф. Носкова*
Художник *П. И. Карчевский*
Обложка художника *В. В. Шурыгина*
Художественный редактор *А. Г. Коновалов*
Технический редактор *И. И. Добровольская*
Корректор *Т. В. Мокроусова*

Сдано в набор 1.08.84 г. Подписано к печати 10.11.84 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,65(5). Уч.-изд. л. 5,1. Тираж 100 000 экз. Заказ 00768. Цена 70 коп.

Издательство Саратовского университета, 410601, Саратов, ул. Университетская, 42.
Республиканская типография Государственного комитета Удмуртской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3

САМОЗАЩИТА БЕЗ ОРУЖИЯ (ДЖИУ-ДЖИТСУ) И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ЦЕЛЯХ ОБОРОНЫ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИЕЙ УССР

Предисловие. *А. Буценко* 7
Введение. *И. Якимович* 9
Глава 1. ЧТО ТАКОЕ ДЖИУ-ДЖИТСУ? 11
Глава 2. КАК НУЖНО ИЗУЧАТЬ ДЖИУ-ДЖИТСУ? 17
Глава 3. ДЖИУ-ДЖИТСУ КАК СРЕДСТВО САМООБОРОНЫ МИЛИЦИОНЕРА 33
Глава 4. ДЖИУ-ДЖИТСУ И БОКС 104
Глава 5. СПОРТИВНАЯ БОРЬБА ДЖИУ-ДЖИТСУ И ЕЕ ПРАВИЛА 116
Приложение. Рисунки тренировочных упражнений 126

И. СОЛОНЕВИЧ

САМООБОРОНА И НАПАДЕНИЕ БЕЗ ОРУЖИЯ

От редактора. *И. Ф. Киселев* 141
ВВЕДЕНИЕ 144
УДАРЫ 148
ОТВЕТЫ 164
УДАРЫ НОГОЙ 171
ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ УДАРА 174
ТАКТИКА 178
ОБУЧЕНИЕ И ТРЕНИРОВКА 179
ТРЕНИРОВКА 182
ЗАХВАТЫ (ПРИЕМЫ БОРЬБЫ) 187
ЗАХВАТЫ ТУЛОВИЩА 188
ЗАХВАТЫ РУК 196
КЛЮЧИ 210
ЗАХВАТЫ ГОРЛА 219
ЗАХВАТЫ ШЕИ 221
ОБУЧЕНИЕ ЗАХВАТАМ 225
ОБЩИЙ ПОРЯДОК ЗАНЯТИЙ 228
ПРИМЕНЕНИЕ НА ПРАКТИКЕ 232

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В 1928 году Народный комиссариат внутренних дел выпустил два руководства (учебных пособия) по самозащите. Одна книга вышла на Украине под длинным названием «Самозащита без оружия (джиу-джитсу*) и ее применение в целях обороны рабоче-крестьянской милицией УССР». Другая — «Самооборона и нападение без оружия», хотя и была отпечатана в Тверской гостипографии имени Карла Маркса, распространялась среди «работников милиции и угрозыска» г. Москвы. Тиражи этих пособий были крайне незначительны – соответственно, 3000 и 4000 экземпляров, что делает их совместно с понятием «спецлитература», библиографической редкостью.

Первую упомянутую выше книгу предваряет предисловие А. Буценко и введение, написанное Н. Якимовичем. А само же содержание, сопровождаемое иллюстрациями, является переводом книги Эриха Рана.

«Одним из первых инструкторов дзюу-дзюцу в Германии после империалистической войны, исключая, конечно, японцев, считается Эрих Ран», — пишет в своей рукописи** преподаватель дзюу-до ГЦОЛИФКа В. С. Ощепков (1892—1937).

Отмечая огромную заслугу в деле популяризации дзюу-дзюцу (джиу-джитсу) в Германии и создании «немецкой системы дзюу-дзюцу», В. С. Ощепков писал, что «Эрих Ран, до прихода Гитлера к власти, был инструктором дзюу-дзюцу в рабочих спортивных организациях, но после фашистского переворота он открыл свою собственную школу в Берлине и перешел, конечно, в лагерь фашистов»***.

Было ли это причиной, или составители просто-напросто проигнорировали автора пособия — но тем не менее в книге нигде не упоминается имя и фамилия немецкого инструктора Э. Рана, хотя мы видим его на

---

* Джиу-джитсу, дзюу-дзюцу (jiu-jitsu, djiu-djitsu, ju-jitsu) — различные написания и транскрипции, употребляемые в 20—30-е годы прошлого столетия, как и дзюдо — дзюу-до, джи-удо, дзю-до.

** Рукопись В. С. Ощепкова «Дзюу-Дзюцу и Дзюу-До в странах Европы и в Америке» (три учебных тетради, дата написания ориентировочно 1936—1937 гг.) хранится в архиве Анатолия Аркадьевича Харлампиева. Полностью рукопись приведена в книге С. Иванова-Катанского «Каноны мастерства спортивного джиу-джитсу» («ФАИР-ПРЕСС», 2004).

*** Гитлер к власти пришел в 1933 году, а с 1921 года он возглавлял фашистскую национал-социалистическую партию в Германии.

иллюстрациях в качестве демонстрирующего проведение приемов (например, на рис. 12 слева).

«Ранее при одном лишь упоминании о дзюу-дзюцу — приводит В. С. Ощепков слова Эриха Рана, — у непосвященного пробегали мурашки по спине. Неправильное представление мгновенно создавало картину вывихнутых суставов и переломанных костей».

«Дзюу-дзюцу теперь означает «самозащита», — указывает далее Ощепков, — а сама система, по выражению Эриха Рана, настолько переработана в Германии, что, кроме названия, имеет очень мало общего с японской дзюу-дзюцу».

Автор введения И. Якимович отмечает: «Система джиу-джитсу резко выделяется среди других способов самозащиты без оружия тем, что она дает возможность человеку, даже физически более слабому, одержать верх над более сильным, заставить его подчиняться воле и желанию знающего приемы джиу-джитсу».

«Приемы этой системы верны и испытаны», — уверяет написавший предисловие А. Буценко. А в качестве доказательства, что джиу-джитсу может стать на службу Рабоче-крестьянской милиции говорит: «Мы должны дать в руки нашему милиционеру такое оружие, благодаря которому он имел бы возможность добиться успеха в затруднительных случаях своей тяжелой службы. С другой стороны, мы никак не можем допустить в нашей рабочей стране тех бесчеловечных методов защиты и нападения, которыми пользуется заграничная полиция. Там у них дело другое».

Что касается второй книги (автор И. Солоневич), приводимой в данном сборнике, то ее редактор начальник отдела милиции ЦАУ НКВД И. Киселев отмечает, что автор в своей работе объединяет английский и французский бокс, французскую и вольно-американскую борьбу, джиу-джитсу «или, вернее, отдельные приемы их в один комплекс, преследующий чисто практические цели и приспособленный к условиям милицейско-розыскной службы».

Автор руководства считает, что вопросы самообороны и нападения нужно решать на основе изучения ударов и захватов, которые «имеют вековой опыт и проверены вековой практикой». Поэтому И. Солоневич взял «от них почти целиком все те приемы, которые могут пригодиться в уличной схватке, не ограниченной условиями спортивной борьбы и спортивного бокса».

Автор книги подчеркивает, что «новым в руководстве является объединение этих систем в одно целое. Ответ ударом на захват и захватом на удар — вот сущность этого объединения».

Александр Харламов

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР

УПРАВЛЕНИЕ РАБ.-КР. МИЛИЦИИ РЕСПУБЛИКИ

САМОЗАЩИТА БЕЗ ОРУЖИЯ

(ДЖИУ-ДЖИТСУ)

И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ЦЕЛЯХ ОБОРОНЫ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИЕЙ УССР

Одобрена Высшим Советом Физкультуры УССР

Издание Управления Р.-Кр. Милиции УССР.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В газетах часто можно прочесть о том, что какой-то разбушевавшийся хулиган или просто подвыпивший гражданин избил милиционера. В тех же газетах в зарубежных сообщениях мы читаем описание того, как полицейские капиталистических правительств разогнали рабочую демонстрацию, забастовку или митинг, применяя при этом резиновые палки, винтовки, газы, пожарные шланги и тому подобное. Вот те две крайности, которые мы встречаем на столбцах наших газет; те две предпосылки, на основе которых мы должны определить, какими средствами должен пользоваться наш милиционер при борьбе с правонарушителями. С одной стороны, мы должны дать в руки нашему милиционеру такое оружие, благодаря которому он имел бы возможность добиться успеха в затруднительных случаях своей тяжелой службы.

С другой стороны, мы никак не можем допустить в нашей рабочей стране тех бесчеловечных методов защиты и нападения, которыми пользуется заграничная полиция. Там у них дело другое. Там, при столкновении с рабочим, полицейский защищает интересы другого класса, а так как для борьбы с рабочими буржуазные правительства считают все средства дозволенными, то понятны и полицейские меры. У нас же милиционер в первую очередь защищает интересы своего класса — пролетариата и выступает только против отдельных правонарушителей либо против ставленников капитала — врагов пролетарской революции. Поэтому средства самообороны милиционера должны соответствовать требованиям революционной законности и нашей политике социальной защиты. Таким оружием самообороны милиционера и является предлагаемая в настоящей книге система защиты и нападения без оружия — джиу-джитсу.

Приемы этой системы верны и испытаны. Владея ими в достаточной степени, милиционер всегда сумеет добиться успеха при столкновениях с правонарушителями. Поэтому наша милиция должна особое внимание уделить детальному изучению джиу-джитсу. Однако не следует забывать, что одного только знания приемов недостаточно. Для успешного применения приемов джиу-джитсу милиционер должен получить достаточную физическую подготовку. Таким образом, изучив джиу-джитсу и укрепив одновременно свое тело, наш милиционер сможет успешно противостоять всем нападениям.

А. Буценко

ВВЕДЕНИЕ

По роду своих обязанностей работникам Рабоче-Крестьянской милиции приходится встречаться с вооруженным грабителем и с невооруженным хулиганом, которые, во имя самоохраны, принимают против задерживающего работника милиции оружие, или, в лучшем случае, прибегают к системе насилия над ним, не говоря уже о неподчинении. И если против вооруженного грабителя в некоторых случаях милиция применяет для задержания и самоохраны оружие, то по отношению к хулигану, даже применяющему насилие над работником милиции, последний из чувства сознания не может применять оружие; кроме того, очень часто работник милиции находится в затруднительном положении, когда ему приходится задерживать дебоширствующего пьяного хулигана, не подчиняющегося законным требованиям, не идущего ни на какие уговоры, а наоборот, даже угрожающего насилием имеющему с ним дело работнику милиции, в большинстве случаев физически менее развитому. В этом отношении большую пользу может принести каждому работнику Рабоче-Крестьянской милиции изданная Управлением Рабоче-Крестьянской милиции Республики настоящая книга, которая излагает способ защиты без оружия по системе джиу-джитсу. Система джиу-джитсу резко выделяется среди других способов самозащиты без оружия тем, что она дает возможность человеку, даже физически более слабому, одержать вверх над более сильным, заставить его подчиняться воле и желанию знающего приемы джиу-джитсу.

Благодаря этому работник Рабоче-Крестьянской милиции, знающий систему джиу-джитсу, в тех случаях, когда ему будет грозить опасность, даже от человека, превосходящего его физической силой, всегда сумеет защитить себя без

применения оружия от опасности, и даже наоборот, сумеет подчинить противника своим желаниям, не причиняя ему повреждений или боли. Само собою разумеется, что работникам милиции может быть позволено применение приемов джиу-джитсу только в исключительных случаях, приравнивая эти случаи к случаям, законом предусмотренным — применения оружия; когда все другие средства, уговоры и прочее не дадут никаких результатов, а создавшееся положение неизбежно будет требовать применения репрессий. Однако работники милиции должны помнить о том, что, применяя систему джиу-джитсу, ни в коем случае не допускается причинять какие-либо увечья или другие повреждения. Настоящая книга рекомендуется как учебное пособие для прохождения во всех частях Украинской Рабоче-Крестьянской милиции, однако это не дает право применения указанной системы при исполнении служебных обязанностей, впредь до издания соответствующего приказа по Рабоче-Крестьянской милиции Республики*.

И. Якимович

* Читателю данной книги следует учитывать время ее первого издания (1928 г.) и особенности той эпохи. — *Прим. ред.*

шаль своего тела. Излишнего сотрясения он избегает тем, что в момент падения полностью задерживает дыхание и напрягает всю мускулатуру. Он совершенно не ищет опоры и падает всем телом (см. рис. 9 и 11).

УПРАЖНЕНИЕ «КАК ПАДАТЬ ВПЕРЕД ЧЕРЕЗ ГОЛОВУ»

Рис. 1. Левую ногу выставить слегка вперед, левую руку согнуть под прямым углом, ладонь ее обращена к земле (полу). Сгибая левое колено, наклониться как можно ниже и одновременно выбросить вверх правую ногу. Этот взмах переворачивает тело через голову.

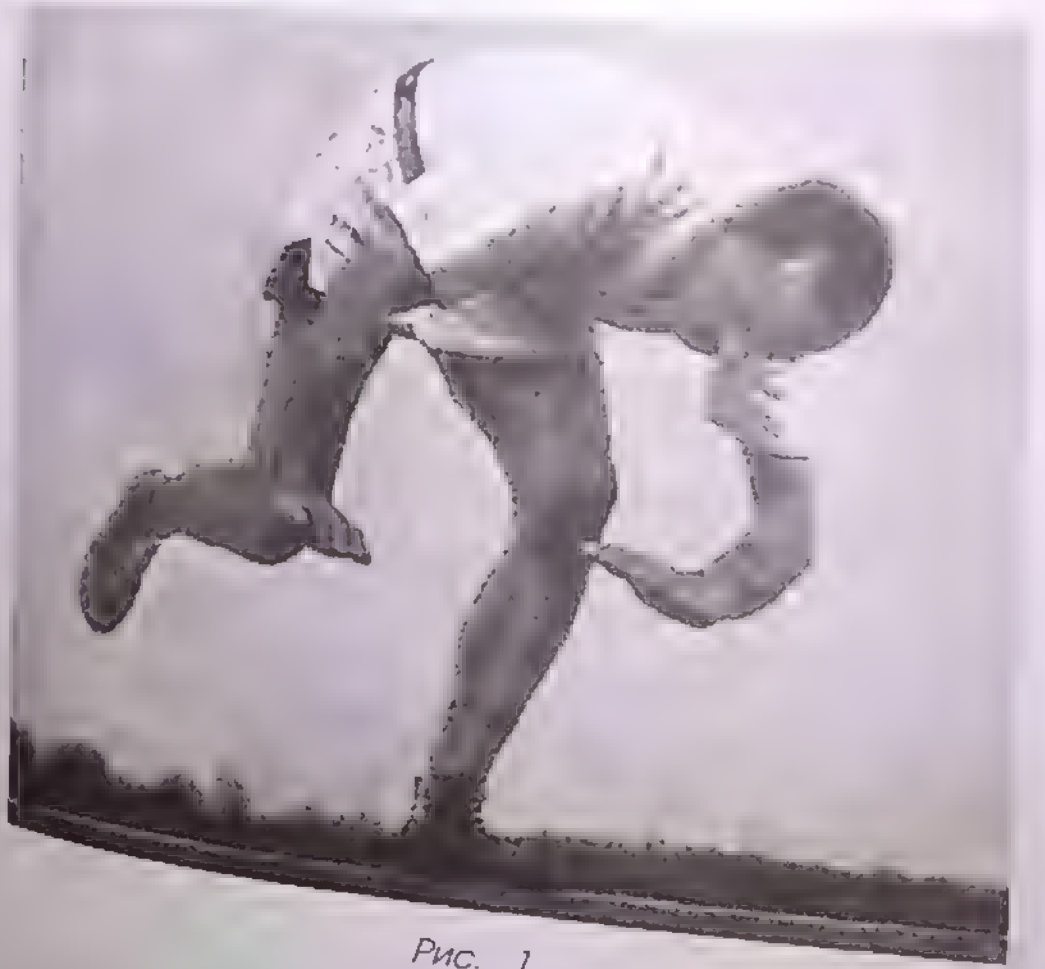


Рис. 1

БИБЛИОТЕКА РАБОТНИКА МИЛИЦИИ И УГРОЗЫСКА

И. СОЛОНЕВИЧ

САМООБОРОНА
И
НАПАДЕНИЕ БЕЗ ОРУЖИЯ

ЭЛЕМЕНТАРНОЕ РУКОВОДСТВО

Под редакцией Нач. Отд. милиции
ЦАУ НКВД И. Ф. КИСЕЛЕВА

ДОПУЩЕНА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ
КОМИТЕТОМ ПРИ ВСФК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РСФСР
МОСКВА — 1928

ОТ РЕДАКТОРА

Повседневно-практическая работа милиции и УгРо по борьбе с преступностью и по охране внутреннего порядка и спокойствия требует от работников Милиции и УгРо наличия таких качеств, как-то: мужества, настойчивости, быстроты в оценке положения и действия, с одной стороны, с другой — нередко ставит работника милиции и УгРо в такое положение, когда ему приходится противостоять сплошь и рядом более сильному физически противнику, имея в то же время своим заданием задержать в целях правосудия и охраны спокойствия своего противника, не прибегая, однако, к оружию. Поэтому-то каждый работник милиции должен по роду своей профессиональной работы владеть в совершенстве техникой защиты и нападения без оружия. Если он этим искусством не владеет, то к нему должны быть предъявлены эти требования. Бокс (английский и французский), борьба, отчасти джиу-джитсу (как способ обезвреживания) — вот тот комплекс, который каждый в отдельности в той или иной части разрешает вопрос нападения и защиты без оружия.

Безусловно, изучение всего этого комплекса крайне затруднительно и почти невозможно. Изучение и вместе с тем и применение одного, например, бокса или борьбы в практике обычной жизни бывает недостаточно. Между тем существующая литература по этим видам физкультуры имеет целью главным образом не чисто прикладной характер, а спортивный и рассматривает, например, бокс в чистом виде, вне всякой связи с борьбой или джиу-джитсу.

И. Солоневич в своей книге «Самооборона и нападение без оружия» из серии книг, издаваемых Отделом милиции по

производственному просвещению, делает первую попытку объединить бокс, борьбу, джиу-джитсу или, вернее, отдельные приемы их в один комплекс, преследующий чисто практические цели и приспособленный к условиям милицейско-розыскной службы. Данный труд т. Солоневича построен на чисто производственной базе, на анализе милицейской и розыскной службы и имеет своей целью нечто реальное, то есть привитие таких навыков, которые дали бы возможность физически слабому взять верх над более сильным.

Введение в книгу методических указаний по обучению, а также детальное рассмотрение вопросов тренировки и применение на практике различных приемов при различных обстоятельствах и условиях милицейско-розыскной службы делает труд т. Солоневича ценной работой, необходимым элементарным руководством и для проходящих эти виды физкультуры, и для руководителей. Данное руководство может быть применимо и в школах милиции, и на повторных занятиях. По простоте своего изложения, конкретности материала книга «Самооборона и нападение без оружия» т. Солоневича доступна пониманию рядового милицейского работника и УгРо, и поставленная в ней проблема, на основе проработки в школе милиции, т. Солоневичем более или менее удачно разрешена.

Необходимо сказать несколько слов и о возможности применения приемов, рекомендуемых т. Солоневичем (могущих вызвать боль, вывихи и увечье).

Все эти приемы допускаются к применению лишь в самых крайних случаях, когда исчерпаны все возможности обойтись без них.

Применение вышеуказанных приемов допускается также и в том случае, когда создается угроза жизни работников

милиции или когда противник оказывает вооруженное сопротивление.

Само собой разумеется, что применение этих приемов допустимо лишь в тех случаях, когда применяющие их в совершенстве владеют техникой применения; слабо усвоявшие приемы не должны прибегать к помощи их.

Применение приемов без достаточных к тому оснований или необходимости, а также и из простого бахвальства должно быть пресекаемо и наказуемо.

И. Ф. Киселев

ВВЕДЕНИЕ

В деле борьбы с преступностью на долю милиционера и агента УгРо выпадает ответственная и наиболее опасная роль. Они непосредственно, физически, сталкиваются с преступником, хулиганом или просто пьяницей и почти всегда встречают то или иное сопротивление, — невооруженное и вооруженное. Разумеется, размеры и характер этого сопротивления далеко неодинаковы. Бандит будет склонен «дорого отдать свою жизнь» и пустит в ход все, до огнестрельного оружия включительно. Хулиган или пьяный могут буянить, драться, а иногда могут прибегнуть и к ножу. Следовательно, опасность, которая угрожает милиционеру при исполнении его служебных обязанностей, колеблется от ушибов, ударов — до ранений и смерти. Это — одна сторона вопроса: самозащита милиционера и агента УгРо от нападения.

Другая сторона — физическая сноровка при задержании преступника. Если пьяный буянит на улице, его нужно задержать так, чтобы не причинить вреда ему и чтобы самому не подвергнуться опасности ударов или ранений. Это будет, так сказать, нападение.

В этих двух плоскостях можно рассматривать вопрос о милицейской самозащите без оружия. В очень многих случаях милицейской практики невооруженная защита и нападение имеют огромные преимущества перед вооруженной.

Прежде всего, применение оружия (главным образом огнестрельного) ограничено существующими правилами в очень узких рамках. Это понятно: выстрел из револьвера всегда несет смертельную опасность и тому, в кого он

направлен, и всем тем, в кого может попасть шальная пуля. Применение оружия — крайность, к которой можно прибегнуть лишь в том случае, когда все остальные средства исчерпаны. Искусство самообороны расширяет возможность применения этих «остальных средств» в чрезвычайной степени. Милиционер не имеет ни права, ни возможности пустить в ход револьвер против пьяного субъекта, который дерется или норовит драться — и в то же время милиционер не имеет почти никаких других средств воздействовать на этого субъекта — особенно если последний сильнее самого милиционера. Искусство самообороны дает возможность утихомирить такого субъекта безвредно и безболезненно и в чрезвычайно короткий срок.

Далее — даже в плоскости самозащиты — искусство самообороны без оружия иногда, и очень часто, действительнее, чем вооруженная защита. При всяком внезапном нападении револьвер почти бесполезен — за него не успеешь даже взяться. Удар кулаком или соответствующий захват здесь гораздо действеннее хотя бы по одному тому, что они требуют чрезвычайно короткого промежутка времени: удар кулаком — около одной десятой секунды. И в то же время правильно нанесенный удар кулаком может вывести человека из строя, не причинив ему никаких повреждений и никакого существенного вреда. Не следует думать, что для использования искусства самообороны без оружия достаточно по книжке познакомиться с некоторыми его приемами. Здесь нужна планомерная и более или менее длительная подготовка (тренировка). Всякий прием должен быть разучен так, чтобы применение его стало автоматическим — точно так же, как автоматически работают пальцы пианиста или машинистки, или даже более того. Не только каждый прием должен быть изучен

до полной его автоматичности, но и выбор приемов, оценка положения, в котором находятся борющиеся стороны, должны проводиться с молниеносной быстротой — без всякого раздумывания, «а что бы здесь удобнее применить».

Не следует также думать, что в мире существуют системы самообороны, которые дадут возможность путем только усвоения приемов справиться со значительно сильнейшим противником. Здесь, кроме технического знакомства с приемом, нужно одно из двух качеств — или сила, или быстрота. И сила, и быстрота приобретаются тренировкой, упражнением. Каждый прием облегчает победу над противником, выравнивает разницу в силе и ловкости. Если эта разница очень значительна — тогда не поможет никакая система и никакие приемы. Не существует таких приемов или систем, которые позволили бы человеку средней силы одолеть, например, Поддубного. Следовательно, параллельно с разучиванием приемов должна идти и непрерывная тренировка в направлении выработки силы и быстроты.

Предлагаемое руководство основано на двух основных приемах защиты и нападения: на ударах и захватах. В разработке ударов мы использовали технику английского и французского бокса. В разработке захватов — технику французской и вольно-американской борьбы и джиу-джитсу. Эта система — особенно бокс и борьба — имеют вековой опыт и проверены вековой практикой. Поэтому мы взяли от них почти целиком все те приемы, которые могут пригодиться в уличной схватке, не ограниченной условиями спортивной борьбы или спортивного бокса. Помимо этого, мы не касались тех приемов, применение которых требует очень большой специальной сноровки и

которые едва ли могут быть разучены рядовыми работниками милиции.

Таким образом, в основу руководства положен ряд не слишком сложных и достаточно действенных приемов существующих уже систем самообороны — спортивных (бокс и борьба) и неспортивных (джиу-джитсу). Новым в руководстве является объединение этих систем в одно целое. Ответ ударом на захват и захватом на удар — вот сущность этого объединения. Поскольку в литературе — и русской и иностранной — до сего времени не было сделано попытки связать удары и захваты в одну систему, данное руководство является первым опытом в этом направлении — со всеми трудностями и недостатками, неизбежно вытекающими из всякого первого опыта.

В целях удобства усвоения и изучения мы разделили книгу на ряд отдельных глав: удары руками, удары ногами, захваты туловища, захваты рук, захваты головы, шеи и т. д. Естественно, что техника ударов руками будет техникой английского бокса, техника ударов ногами — техникой французского бокса, техника захватов — будет техникой борьбы и т. д. Поэтому мы сохранили в изложении термины и методику изучения соответствующих видов спорта.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО УПРАВЛЕНИЮ КАЧЕСТВОМ ПРОДУКЦИИ И СТАНДАРТАМ

ОБЩЕСОЮЗНЫЙ КЛАССИФИКАТОР

ПРОФЕССИЙ РАБОЧИХ, ДОЛЖНОСТЕЙ СЛУЖАЩИХ И ТАРИФНЫХ РАЗРЯДОВ

1 Sc 916

Издание официальное

Второе издание, дополненное и переработанное

МОСКВА ЭКОНОМИКА 1991

Гульянц Э. К.

Г94 Учите детей мастерить: Пособие для воспитателя дет. сада.— 2-е изд., доп.— М.: Просвещение, 1984.— 159 с., ил.

В пособии дается методика формирования первоначальных умений и навыков работы детей по дереву в процессе изготовления игрушек

Второе издание дополнено новыми образцами поделок для изготовления их в домашних условиях.

Г $\frac{4305000000-328}{103(03)-84}$ —89—84

ББК 74.113
372

© Издательство «Просвещение», 1979 г.
© Издательство «Просвещение», 1984 г.

Составитель *Г. К. Солонец*

Рецензент кандидат сельскохозяйственных наук Н. С. Богданова

Справочник садовода/[В. В. Бродский, А. Г. Волузнев, Г. К. Солонец
С74 и др.]; Под ред. П. И. Хрипача.— 5-е изд., перераб. и доп.— Мн.: Ураджай, 1985.— 224 с., ил., 8 л. ил.

В пер.: 1 р. 20 к.

Дана биологическая и хозяйственная характеристика районированных в БССР и перспективных сортов плодовых и ягодных культур. Описаны основные агротехнические приемы закладки сада и ухода за плодовыми деревьями и кустарниками. Изложены меры борьбы с вредителями и болезнями плодово-ягодных культур. Приведены простейшие способы переработки и хранения плодов и ягод.

Издание дополнено описанием новых технологий по уходу за садом, новых средств по борьбе с вредителями и болезнями плодовых деревьев, а также другими справочными сведениями по садоводству.

Для руководителей хозяйств, агрономов-садоводов и садоводов-любителей.

3803030400—098

51—85 **ББК 42.3я2**

М 305(05)—85

Владимир Витальевич Бродский, Анатолий Григорьевич Волузнев, Георгий Константинович Солонец, Людмила Викторовна Бондарь, Александра Георгиевна Дущинская, Григорий Кондратьевич Коваленко, Эмма Петровна Сюбарова

СПРАВОЧНИК САДОВОДА

Издание пятое, исправленное и дополненное

Редактирующий редакцией *А. И. Макаревич* Редактор *И. Г. Кузьмин* Художественный редактор *П. Ф. Барздыко* Технический редактор *А. Н. Хейфец* Корректор *Т. Г. Ткаченко*

ИБ № 1206

Сдано в набор 26.02.85. Подписано к печати 19.09.85. АТ 18718. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 14,0+1,0 вкл. Усл. кр.-отт. 18,5. Уч.-изд. л. 17,0+0,97 вкл. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 1—100 000 экз.) Заказ 1213. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Ураджай» Государственного комитета Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600. Минск-4, проспект Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МГПО им. Я. Коласа. 220005, Минск.

ЯНВАРЬ. В солнечный не слишком морозный день прогулка в сад полезна и приятна. Заодно посмотрите, хорошо ли укрыта снегом плантация земляники, поставьте дополнительно несколько щитов, разбросайте хворост, уплотните рядами снег;

уплотните снег вокруг стволов яблонь, окучьте их снегом — это хорошо защитит их от мышей и морозов;

осмотрите кроны деревьев, снимите оставшиеся там гнезда златогузки и боярышницы;

составьте заявки на черенки для прививок.

ФЕВРАЛЬ. Каждое посещение сада не забудьте о накоплении снега в саду;

притените стволы с южной стороны досками, рубероидом — это защитит их от «солнечных ожогов»;

составьте план защитных мероприятий в саду на лето: вам может понадобиться по 200—300 г на каждое дерево энтобактерина или другого биологического средства против вредителей. На всякий случай заготовьте немного (по 60 г на дерево) хлорофоса и по 200 г медного купороса и негашеной извести;

позаботьтесь о заявке на феромонные ловушки против плодожорки;

о минеральных удобрениях не беспокойтесь: они вам не пригодятся. А вот о том, где взять 4—5 т навоза, подумайте.

МАРТ. Всеми мерами (затенение, окучивание снегом, повторная побелка) защищайте кору стволов от солнечных ожогов;

примите меры к задержанию талых вод: поделайте глубокие канавки поперек склона, полосами уплотните снег или замульчируйте;

в дни бурного таяния снега не допускайте размыва почвы талой водой;

в теплые дни можно приступить к обрезке. Начинайте с прореживания крупных ветвей, оставляйте в каждом дереве их не более пяти! Не допускайте роста выше 3—3,5 м своевременной вырезкой проводника ствола;

заготовьте черенки для прививки деревьев.

АПРЕЛЬ. Позаботьтесь о привлечении птиц в сад: развесьте скворечники;

оцените состояние деревьев после зимы. Разрежьте лезвием несколько почек: побуревшие точки — это погибшие завязи, которые после цветения осыпаются;

оцените силу солнечных ожогов коры, примите меры для лечения тех, где кора погибла до древесины, зачистите их, обмажьте нигроловой пастой (нигрол + зола), забинтуйте синтетической пленкой;

можно приступить к формированию крон молодых яблонь. Укорачивайте только побеги продолжения основных ветвей. Лишние боковые разветвления пригните;

осмотрите плантацию земляники, сгребите отмершие листья, сложите их в компостные кучи;

на малине подрежьте подмерзшие стебли, подвяжите их к шпалере;

неотложное дело в саду — рыхление почвы, как только она подсохнет. Это сохранит влагу, уничтожит проростки сорняков и зимовавших вредителей, будет меньше болезней;

все растительные остатки, мелкие ветки сложите в компостные кучи;

конец апреля — пора новых посадок;

если вы заметили на деревьях одну-две гусеницы вредителей, не спешите обрушить на них всю мощь современной химии. Подумайте о вреде для природы и о своем здоровье!

МАЙ. Если в саду нет пчел, урожая не будет;

период цветения — лучшее время для перепрививки деревьев. Перепрививать лучше сильно растущие основные ветви толщиной 2—3 см;

яблони обрабатывайте химикатами только в случае угрозы гибели всех листьев!

май — период интенсивного полива земляники;

в конце мая полейте все плодовые деревья по 3—4 ведра на 1 м 2;

запишите дату окончания цветения: через две недели придется провести первое опрыскивание против плодожорки!

ИЮНЬ. Продолжайте регулярно поливать земляничку. В жаркие дни неплохо по вечерам делать освежительные поливы по одному ведру на 2—3 м²;

полейте вторично малину;

регулярно, через 5—7 дней, опрыскивайте яблони настоями трав, заготовленных с осени. Это уменьшит численность вредителей, особенно плодожорки. В противном случае через 12 дней после цветения придется провести обработку пестицидами;

в конце месяца химическую обработку против плодожорки придется повторить.

Химические обработки можно заменить феромонными ловушками.

Ловчие пояса — тоже прекрасное средство против плодожорки. Периодически осматривайте их и уничтожайте куколок в них.

ИЮЛЬ. Это вершина лета и пора изобилия в саду. Главная забота — сбор ягод. Но не забудьте, что в июле закладываются основы урожая будущего года!

Полейте яблони и груши в третий раз, а косточковые воздержитесь: они требуют полива в июле только в засушливые годы;

продолжайте регулярно поливать землянику и малину, не реже одного раза в неделю!

прищипните побеги замещения малины, если они достигли высоты 80 см;

на старой плантации земляники можно скосить листья, а после этого плантацию замульчировать перегноем, компостом или опилками, лучше перепревшими. Удаляйте усы на молодой плантации;

продолжите формировку крон молодых деревьев: отклонение, подвязка всех боковых побегов избавит вас от сильной обрезки весной, обеспечит раннее плодоношение;

если вы хотите сильно уменьшить размеры старых деревьев, сделайте это сейчас — меньше образуется волчков;

июль — пора прививки саженцев. Их можно вырастить путем прививки поросли, образующейся возле деревьев;

проверьте ловчие пояса на штамбах яблони.

АВГУСТ. Это период уборки урожая вишни, ранней смородины, летних яблок и груш. В середине месяца поспевают и осенние сорта.

Сдерживайте влажной почву на ягодниках и деревьях. Не допускайте сильную засуху не забудьте и про плодовые деревья.

Время прекращения вишни, сливы и абрикоса. Это ограничит их подготовку к зиме! Небольшой дефицит влаги в этот период не повредит и может спасти вас яблоками в будущем году;

проверьте ловчие пояса на яблонях;

не оставляйте под деревьями червивых плодов;

вырежьте отплодоносившие стебли малины и сложите их про запас: зимой они пригодятся для снегозадержания на землянику;

рыхлите почву в саду и на ягодниках, подкашивайте траву в залуженных междурядьях.

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ. Созревают поздние сорта и зимние яблони. Лучший срок уборки их — начало побурения кожицы семян;

перекопайте приствольные круги и неудобренные междурядья;

сгребите опавшие листья, сложите их в кучу, в ноябре ими можно укрыть землянику;

обрежьте все 5—6-летние ветви смородины и крыжовника;

побелите стволы яблонь и груш. Не счищайте отмершую кору, оставьте ее до весны! Она защитит деревья от «солнечных ожогов».

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ. Замульчируйте землянику перепревшими опилками, опавшими листьями;

стебли малины снимите со шпалеры, свяжите в пучки и пригните их пониже, чтобы они раньше оказались укрытыми снегом;

после первого же снегопада уплотните снег возле стволов, окучьте им штамбы.

94

Инв. № 191/р.

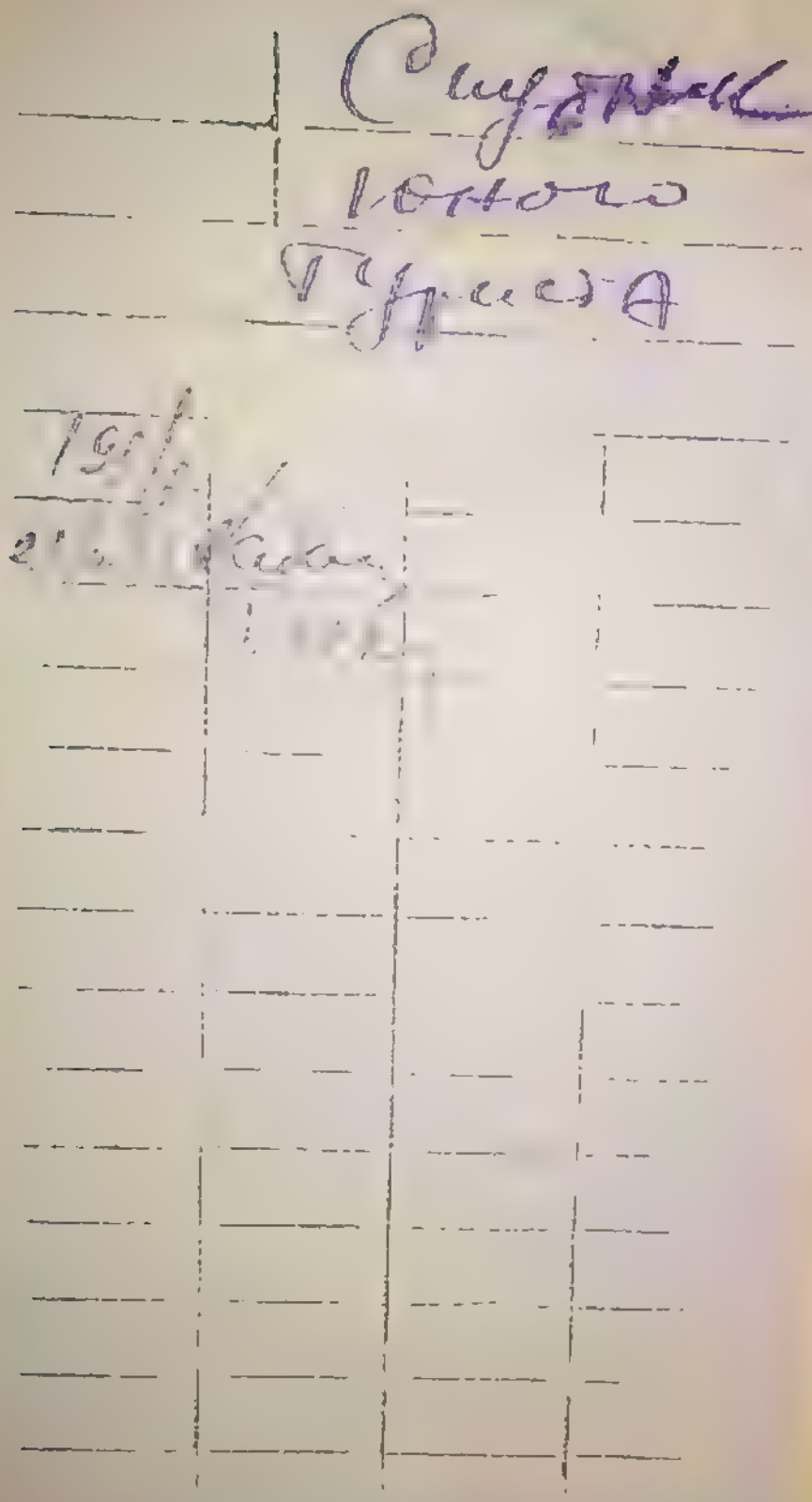
Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1948 Ленинград

СПУТНИК ЮНОГО ТУРИСТА

Составитель
О. АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Инв. № 191/р

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1948 Ленинград



ведения изуче
изуют детские
мощь юному пу

и профсоюзные
нятий и трениро
ртивные клубы
в, помогают пр
кение.
ить свою страну,
кет осуществить

ЛЕЧЕНИЕ ОВОЩАМИ, ФРУКТАМИ И СОКАМИ

К ЧИТАТЕЛЮ

Человечество делает изумительные открытия в науке, все глубже проникает в тайны микро- и макрокосмоса, но не знает, как надо питаться. Труд известного американского ученого Н. Валкера, значительно восполняющий этот пробел в знаниях, опрокидывает наши обычные представления о здоровье, еде, способе жизни и указывает естественный путь обновления бытия, питания, обретения и сохранения здоровья. Мы убеждены, что каждый прочитавший эту книжку, обогатится жизненно необходимыми знаниями, а для многих она станет настольной — постоянным мудрым советчиком

[illegible] но и для врача

Основанный на глубоких научных изысканиях, подтвержденных многолетним опытом, труд д-ра Валкера о рациональном питании, о лечебных свойствах овощей, фруктов, соков ежегодно издается массовыми тиражами в Америке и в немалой степени способствовало тому, что в США достигнут один из наиболее высоких уровней продолжительности жизни благодаря снижению за последние годы употребления американцами мясных и молочных продуктов, сахара, табака, алкоголя.

Важное значение приобретают в нашей стране советы д-ра Валкера о том, как оградить себя от всесущей и всепроникающей химизации. Особую ценность представляют приведенные здесь рецепты для безмедикаментозного лечения около 140 болезней.

Мы глубоко верим в том, что, руководствуясь содержащимися в этой книжке мудрыми советами, Вы, дорогой Читатель (особенно обращаемся к молодежи), будете здоровы и жизнерадостны, чего от всей души и желаем Вам.

Иосиф БРОЯК.

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ Д-РА ВАЛКЕРА

Стыдно признаться, что мы не знаем, как жить, и [illegible] затрудняем себя тем, чтобы научиться основным принципам восстановления своего организма. Едим самое себя и плодим преждевременно в могилу, угождая своим аппетитам. Однако многие убедились, что ради здоровья, бодрости и сил [illegible] пожертвовать пищей, которая более вкусна, чем питательна.

(Продолжение см. на 3—4 стр. обложки)

Мы установили, что концентрированные углеводы (хлеб, печенье, торты, пирожки, макароны, рис, всякая мучная пища, промышленный сахар, а также содержащая его еда,— конфеты, безалкогольные напитки, мороженое и т. д.) относятся к наиболее разрушительным продуктам питания нашего «цивилизованного» общества. Никогда природа не готовила пищеварительные органы человека к превращению этих продуктов в питание для клеток и тканей организма. От употребления их он вырождается, начинает отмирать почти сразу после того, как мы становимся взрослыми.

*

Овощные соки – идеальный строительный материал для организма, а фруктовые, кроме того, очищают его от продуктов распада — токсинов, обеспечивают все клетки тела питательными элементами в таком виде, в каком они наилучше усваиваются.

*

Свежие соки — ценнейшее дополнение к любой еде. Чем больше мы их выпьем, тем дольше проживем.

*

Фрукты, за небольшим исключением, нельзя сочетать с пищей, содержащей крахмал и сахар.

*

У людей, питающихся лишь свежей растительной пищей с добавлением сырых овощных и фруктовых соков, раковые заболевания не развиваются.

*

При первых признаках простуды следует очистить весь пищеварительный тракт, поголодать день-два, ограничившись лишь водой и соками. Если предупреждение организма игнорировать, то последствия могут быть очень серьезны. Они настолько известны, что составляют медицинскую энциклопедию.

*

Скоро все человечество убедится в том, что, очищая организм промыванием кишечника и употребляя сырую растительную пищу, свежие овощные и фруктовые соки, можно избавиться от самых тяжелых болезней.

*

Если достанется слишком много злого труда, как преодолеть и сохранить здоровье, то самое легкое – путь наименьшего сопротивления и надежда, что смерть не за горами.

Когда нас одолевает усталость, нервозность и т. д., то причина этого чаще всего в состоянии толстой кишки. На опыте нами установлено, что она не может функционировать нормально, если мы будем питаться [illegible] только вареной и обработанной пищей. [illegible] найти человека, у которого она была бы [illegible]. Если мы чувствуем [illegible] серию промываний [illegible] свежими овощными соками можно [illegible]

УДК 616.28 + 616.23 + 616.329]-083.98

Рецензент: проф. *И. И. Иванов.*

Павлищук А. В.

П 12 Неотложная помощь при заболеваниях и травмах уха, верхних дыхательных путей и пищевода. — 2-е изд., испр. и доп. — Л.: Медицина, 1990.— 104 с.: ил. — (Б-ка сред. мед. работника).

ISBN 5—225—01304—X

В книге освещены наиболее часто встречающиеся заболевания и травмы ЛОР-органов и пищевода, требующие неотложной помощи. Особое внимание уделено тактике среднего медработника при оказании доврачебной помощи.

Для фельдшеров скорой помощи, фельдшерско-акушерских пунктов и здравпунктов промышленных предприятий.

П $\frac{4108140000—135}{039\ (01)—90}$ 162—90 ББК 56.8

ISBN 5—225—01304—X

© Издательство «Медицина» Москва, 1984 г.
© А. В. Павлищук, 1990 г., с изменениями.

Атаян С. С.
92 Заготавливаем впрок. — 2-изд. — Кишинев: Тимпул, 1991.—
127 с.: ил.— (Сер. «Приусадебное хоз-во»)
ISBN 5—7790—0044—1

В книге рассказано о сборе и хранении фруктов, ягод, овощей и грибов применительно к домашним условиям, о способах их переработки (сушке, соления, квашения, маринования), даны рецепты приготовления фруктов и ягод в сахаре, джем, повидла, сока, грибных консервов. Часть материала посвящена различным полезным советам.
Рассчитана на широкий круг читателей.

94000000—112
753(10)—91 3—90

5—7790—0044—1

ББК 36.91
© С. С. Атаян, 1991

ЛОУЭЛЛ ТОМАС

КАК СТАТЬ БОГАТЫМ

ДЕЙЛ КАРНЕГИ И ЖИЗНЬ

МОСКВА

1991

ОТ АВТОРА

КАК ИЗВЛЕЧЬ МАКСИМАЛЬНУЮ ПОЛЬЗУ ОТ ЭТОЙ КНИГИ

1. Иметь искреннее и горячее желание овладеть принципами человеческих отношений.

2. Прочитать каждую главу дважды, прежде чем перейти к следующей главе.

3. В процессе чтения останавливаться и спрашивать себя, каким образом можно применить ту или иную рекомендацию на практике.

4. Подчеркивать наиболее важные мысли, изложенные в книге.

5. Ежемесячно просматривать эту книгу.

6. Применять изложенные в книге принципы при каждом удобном случае. Использовать книгу как справочник, помогающий разрешать повседневные проблемы.

7. В процессе овладения принципами организовать своего рода игру, т. е. предложить своим ближним вознаграждение за каждое замеченное ими нарушение одного из принципов.

8. Еженедельно отмечать достигнутый прогресс. Анализировать совершенные ошибки и делать соответствующие выводы на будущее.

В древности русская кухня отличалась большой простотой и даже однообразием. Прошли столетия, прежде чем она стала такой, какой известна всему миру.

Современная жизнь стремительна во всех отношениях. Буквально за последние несколько лет появились новые способы приготовления пищи, новые блюда.

И все-таки вашему вниманию предлагаются рецепты старинные.

Готовить старинные блюда не всегда просто. Зато они разнообразят стол, украшают праздники, помогают хозяйке совершенствовать поварское мастерство.

Больше того, опыт наших прабабушек может оказать существенное влияние и на стратегию приготовления пищи.

Вот лишь один пример. В старинной кулинарии на редкость широко и остроумно использовались хлеб, квас, пряности. Особенно популярны были лук, чеснок и шафран. (Лук и чеснок даже входили в состав жалованья, выдававшегося натурой многим московским чиновникам). А кроме них — гвоздика, тмин, бадьян, анис, базилик, кориза, имбирь, хрен, мускатный орех...

Теперь об этом почти забыли. А зря. Ведь хлеб и квас всегда под рукой. Многие пряности, правда, можно купить лишь на рынке и недешево. Но ведь и в старину они были дорогими. Однако наши предки не скупились, зная, что расход пряностей невелик, зато эффект от их применения переоценить нельзя. Так стоит ли пренебрегать этим ценным опытом?

Впрочем, все это слова, а кулинарные истины познаются на вкус. Так наденем поскорее фартуки - на радость гостям и домочадцам.

ЗАКУСКИ

ОВОЩНЫЕ ЗАКУСКИ

Редька

Редьку натереть, посолить, заправить ложкой растительного масла, добавить немного рубленого зеленого лука, растереть ложкой, влить 2 — 3 столовых ложки кислого кваса и посыпать зеленью укропа.

Бураки

Нашинковать 2 — 3 квашеных бурака (см. "Квашеные бураки" в главе "Заготовки"), добавить 3 — 4 измельченных белых гриба, 2 мелко порубленных луковицы, соли по вкусу. Перемешать, сложить в кастрюлю, сварить в небольшом количестве жидкости (бульона, овощного или грибного отвара, свекольного рассола, воды), остудить и подать с хреном.

Томаты с горчичным соусом

5 крупных томатов вымыть, вытереть насухо, нарезать круглыми ломтиками, сложить в салатник и за 10 минут до подачи на стол полить соусом. Для

ГАЛИНА ТИНЬКОВА

ПО РЕЦЕПТАМ ПРАБАБУШЕК

БЛЮДА СТАРИННОЙ КУХНИ

Знай и умей: Памятка для населения/Под ред.
3-70 В. М. Кожбахтеева. — 3-е изд. — М.: Воениздат,
1991. — 47 с.: ил. — (Гражданская оборона СССР).

ISBN 5—203—01101—X

В Памятке даны краткие рекомендации о правилах поведения и действиях населения при различных стихийных бедствиях, авариях на химически опасных предприятиях и атомных энергетических установках, рассмотрены способы оказания само- и взаимопомощи при отравлении сильнодействующими ядовитыми веществами и различных травмах.

Предназначается для самостоятельного изучения населением вопросов гражданской обороны.

1305060000—157
068(02)—91 Без объявл.

SBN 5—203—01101—X

© Коллектив авторов, 1991

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Кандидат медицинских наук *М. К. КОКИН*
Кандидат философских наук *Г. А. ГАБИНСКИЙ*

РЕЛИГИЯ И ПСИХИЧЕСКИЕ БОЛЕЗНИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЕДИЦИНА" МОСКВА — 1969

Кокин М. К., Габинский Г. А.
Религия и психические болезни. М., «Медицина», 1969.

Авторы рассказывают, как религиозные обряды, суеверия и обычаи угнетающе действуют на неустойчивую психику некоторых людей, вызывая тяжелые психические заболевания.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, пропагандистов, санитарный актив.

5-5
443-68

61
К 59

ВИТАМИНЫ КРУГЛЫЙ ГОД

(2-е ИЗДАНИЕ)

МОСКВА
РОССЕЛЬХОЗИЗДАТ
1985

В книге с кратким описанием витаминов выступает заведующий кафедрой гигиены питания 1-го Московского медицинского института имени И. М. Сеченова доктор медицинских наук К. С. Петровский, вопросы пищевой ценности овощей, фруктов и ягод, технологии переработки сырья, санитарных требований к готовой продукции, а также хранения ее обобщены членами Московского городского общества охраны природы: инженером-технологом Д. П. Белоусовым, председателем секции садоводства А. С. Беляевой и руководителем группы консервирования Н. Н. Смирновой.

Петровский К. С., Белоусов Д. П., Беляева А. С., Смирнова Н. Н.

В54 Витамины круглый год. — М.: Россельхозиздат, 1985. — 96 с.

В книге охарактеризованы овощи, фрукты и ягоды для переработки и консервирования, изложена краткая агротехника садовых и огородных культур.
Рассчитана на широкий круг читателей.

В $\frac{3801040000 - 149}{M104(03) - 85}$ без объявл.

ББК 36.91
633

© Россельхозиздат, 1985

П78 Прошлое в монетах. Памятные монеты. 1832–1991 гг./ Т.А. Аглинцева, Е.Н. Кукушкина, Г.М. Сухонос и др./Под. ред. А.В. Юрова.– М.: Финансы и статистика, 1994.– 288 с.: ил.
ISBN 5-279-01063-4.

Книга подготовлена коллективом банковских работников. Изображения на монетах позволяют читателю проследить тысячелетнюю историю нашего государства, узнать о жизни и деятельности выдающихся людей, приумножавших славу Отечества. Даются описание, виды, достоинство монет, указывается время их выпуска. Приводится большое количество иллюстраций.

Для широкого круга читателей.

0502000000 – 056
010(01) – 94 32–93

ББК63.221(2)[63.2]

Научно-популярное издание

Аглинцева Татьяна Андреевна, Кукушкина Елена Николаевна
Сухонос Галина Михайловна, Юрова Людмила Антоновна

ПРОШЛОЕ В МОНЕТАХ
Памятные монеты: 1832–1991 гг.

Редакторы *Е.А. Хмелинина, Л.И.Ларина*
Художественный редактор *Ю.И. Артюхов*
Технический редактор *Л.Г. Чельшева*
Корректоры *Н.П.Сперанская, Т.В.Рослякова*

Репродуцируемый оригинал-макет выполнен
в издательстве "Финансы и статистика"

Арова Э. В.
А84 Будьте добры: Молодой семье о культуре чувств и поведения. — 2-е изд. — Мн.: Полымя, 1985. — 160 с.
95 к.

Книга посвящена актуальным вопросам советского этикета, культуры чувств и проблемам молодой семьи. Кроме того, рассматриваются вопросы культуры быта, организации семейного бюджета, ведения домашнего хозяйства. Автор приводит общепринятые нормы и правила этикета, дает их историческое, классовое, национальное, нравственное и эстетическое толкование. В книге использованы многочисленные литературные источники, опыт выступлений автора на радио, телевидении, в разнообразных аудиториях слушателей.

Книга адресована широкому кругу читателей.

А 4403060000-213
М 306(05)-85 42-85

ББК 87.717.7
39

© Издательство «Полымя», 1985

ПЕТР МИЛАДИНОВ

Полезные советы и рецепты для всех

Перевод с болгарского
П. Р. Велчева

МОСКВА
ЛЕГПРОМБЫТИЗДАТ
1992

ББК 37.24я72
Т80

Рецензенты:
доцент МОПИ им. Н. К. Крупской,
кандидат педагогических наук *Л. В. Левицкая*,
учитель трудового обучения
московской средней школы № 808 *И. Б. Селедцова*

? — вопрос-задание

! — правила безопасного труда

Труханова А. Т. и др.

Т80 Основы швейного производства: Проб. учеб. пособие для учащихся 8—9 кл. сред. шк. / А. Т. Труханова, В. В. Исаев, Е. В. Рейнова.— М.: Просвещение, 1989.— 160 с.: ил.

ISBN 5-09-001441-8

Т $\frac{4306022000—522}{103(03)—89}$ инф. письмо 89, доп. № 1 ББК 37.24я72

ISBN 5-09-001441-8

© Издательство «Просвещение», 19[illegible]

Учебное издание

Труханова Антонина Тимофеевна,
Исаев Виолин Владимирович, Рейнова Елена Викторовна

ОСНОВЫ ШВЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Пробное учебное пособие для 8—9 классов средней школы

Зав. редакцией Т. С. Дагаева. Редактор *Е. С. Забалуева* Художник *В. А. Кир[illegible]* Младший редактор *Т. Н. Клюева* Художественный редактор *Ю. В. М[illegible]* Технический редактор *М. М. Широкова.* Корректор *М. Ю. Сергеева*

ИБ № 12079

Сдано в набор 18.01.89. Подписано к печати 28.04.89. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага кн.-журн. [illegible] Гарнит. литер. Печать высокая. Усл. печ. л. 10. Усл. кр.-отт. 10,75. Уч.-изд. л. 9,81. Тираж 851 [illegible] Заказ № 472. Цена 25 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного [illegible] РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й [illegible] ной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Госуд[illegible] комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 410004, Саратов, [illegible] ышевского, 69.

ВВЕДЕНИЕ

Швейная промышленность — это отрасль легкой промышленности, производящая одежду и другие швейные изделия бытового и технического назначения из тканей, трикотажных полотен, натуральных и искусственных кожи и меха, новых материалов. В СССР швейная промышленность — наиболее крупная индустриальная отрасль народного хозяйства по производству товаров народного потребления.

Современное швейное производство характеризуется возросшим уровнем техники, технологии и организации производства, наличием специализированных предприятий и производственных объединений. Постоянно совершенствуются процессы швейного и раскройного производства, увеличивается число используемых автоматов и полуавтоматов, специального оборудования, погрузочно-разгрузочных роботов, манипуляторов и др.

Внедрение передовой техники, современных автоматов, электронного оборудования не только позволяет повысить производительность труда, но и дает возможность коренным образом улучшить качество и ассортимент изделий. Эта задача определена как первоочередная в Комплексной программе развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986—2000 гг.

Однако техническое переоснащение предприятий и внедрение новой техники происходит еще недостаточно быстро и швейная промышленность до сих пор не удовлетворяет заказы торговых организаций по качеству и количеству выпускаемых изделий. В целях улучшения сложившегося положения на предприятиях отрасли происходит ускорение технического переоснащения, изучается и внедряется передовой опыт, вводится хозрасчет, совершенствуются конструкции и модели выпускаемой продукции, предъявляются высокие требования к подготовке кадров.

Электробезопасность. Любое швейное производство в настоящее время насыщено электрооборудованием, измерительной техникой и автоматикой. Воздействие электрического тока на организм может иметь серьезные последствия для человека.

Основными мероприятиями по предупреждению электротравматизма являются: изоляция токоведущих механизмов, установка ограждений для предотвращения доступа к токоведущим частям механизмов; применение предупредительной сигнализации и др., но ни одно из них не является универсальным. Самой главной и основной защитой человека от возможного поражения электрическим током является соблюдение правил электробезопасности при эксплуатации электроустановок.

Спасение жизни человека, попавшего под действие электрического тока, проводится в два этапа: освобождение пострадавшего от воздействия тока и оказание ему первой помощи.

Освободить пострадавшего от действия электрического тока можно несколькими способами. Наиболее простой способ — выключить соответствующую часть электроустановки, а если выключатель находится далеко, то можно перерезать провода, оттянуть пострадавшего от токоведущей части или отбросить лежащий на нем провод. Перерезать провода можно только инструментом с изолированными рукоятками, при этом следует перерезать каждый провод в отдельности. Для отбрасывания провода, которого касается пострадавший, можно воспользоваться сухой деревянной палкой, доской или другими не проводящими ток предметами. После освобождения пострадавшего от действия тока нужно немедленно оказать ему первую помощь. Если он находится в сознании, но до этого был в обмороке, ему необходимо обеспечить полный покой до прибытия врача; если быстрый приезд врача невозможен, то следует срочно доставить пострадавшего в лечебное учреждение. Если пострадавший потерял сознание, но у него сохранилось дыхание, нужно удобно уложить его на ровную мягкую подстилку, освободить от стесняющей одежды, обеспечить приток свежего воздуха, дать понюхать нашатырный спирт, обрызгать лицо водой, растереть и согреть тело. Если пострадавший дышит редко и судорожно, то следует начать массаж сердца и искусственное дыхание.

Пришедшего в сознание необходимо согреть, напоить теплым чаем, дать 15...20 капель настойки валерианы.

Во всех случаях поражения электрическим током независимо от состояния пострадавшего вызов врача является обязательным.

Безопасность труда на технологическом оборудовании. Швейное производство насыщено разнообразным оборудованием, при

работе на котором надо соблюдать специальные правила. Например, работая на швейных машинах следует помнить о том, что:

приступать к работе на стачивающих и специальных швейных машинах можно только после проведения первичного инструктажа на рабочем месте;

перед началом работы необходимо проверить исправность машины, а при обнаружении неисправности — вызвать механика;

при неправильном положении рук во время работы на машине можно проколоть пальцы иглой.

ЗАПРЕЩАЕТСЯ:

работать без резинового коврика на металлической педали промышленного стола машины;

чистить и смазывать машину, а также надевать ремень на шкив машины, не выключив электродвигатель;

работать на пуговичной машине без предохранительного щитка;

класть ножницы и другие инструменты около вращающихся частей машины;

вывертывать лампы местного освещения.

Правила для работающих с электроутюгами:

перед включением утюга в электросеть нужно проверить изоляцию шнура и положение утюга на подставке;

включение и выключение электроутюга производить путем захвата пальцами за корпус вилки, а не за электрошнур;

при работе с утюгами необходимо иметь под ногами резиновый коврик;

по окончании работы электропитание утюжильных столов должно быть отключено.

ЗАПРЕЩАЕТСЯ:

допускать падение утюга, перекручивание провода с образованием петель и узлов, перегрев утюга;

охлаждать перегретый утюг погружением его в воду или с помощью пульверизатора;

ставить утюг на электрошнур;

работать с неисправным утюгом и самостоятельно исправлять утюг и электропроводку;

проверять нагрев электроутюга пальцами.

В случае получения травм следует обращаться в медпункт.

Пожарная охрана. Цеха швейных предприятий относятся к пожароопасным производствам, так как обрабатываемые здесь материалы легко воспламеняются.

Основными причинами пожаров являются: неосторожное обращение с огнем; неудовлетворительное состояние электротехнических устройств и несоблюдение правил их эксплуатации; неис-

правность производственного оборудования и нарушение режимов технологических процессов; неисправность отопительных приборов и нарушение правил пожарной безопасности при их эксплуатации.

В задачи пожарной профилактики входят: оборудование цехов средствами тушения пожаров (огнетушители, пожарные краны и др.) и содержание их в постоянной готовности; освобождение коридоров, лестничных клеток от захламления; оперативное открывание дверей (пожарных выходов); наличие планов эвакуации людей при пожаре.

На всех швейных предприятиях создаются добровольные пожарные дружины (ДПД). Члены пожарных дружин должны уметь пользоваться средствами тушения пожара: пенными и сухими огнетушителями, а также песком.

В случае пожара необходимо все машины и аппараты остановить, выключить приточно-вытяжную вентиляцию, прекратить подачу электроэнергии в цех; о возникшем пожаре немедленно сообщить по городскому телефону 01 и по электронной пожарной сигнализации (ЭПС); принять все меры к недопущению распространения пожара до прибытия пожарной команды; вывести людей из загоревшегося помещения по плану эвакуации.

6. ОСНОВЫ ГИГИЕНЫ ТРУДА И ПРОМЫШЛЕННОЙ САНИТАРИИ

Человек находится в постоянной взаимосвязи с окружающей средой, отдельные факторы которой оказывают воздействие на организм. К этим факторам относятся воздух, вода, почва, лучистая энергия солнца, животный и растительный мир. Факторы природной среды в производственных условиях изменяются: воздух содержит различные газы и пыль, почва загрязняется различными химическими веществами и т. д. Кроме того, в условиях швейного производства на человека действуют шум и вибрация, возникающие при работе машин и механизмов, тепловое излучение, связанное с работой оборудования для влажно-тепловой обработки.

Изучением мер устранения или уменьшения неблагоприятного воздействия этих факторов на организм человека занимается наука, называемая гигиеной труда и производственной санитарией.

В настоящее время разработаны надежные средства защиты человека от действия перечисленных выше вредных факторов: в пошивочных цехах устанавливают обеззараживающие воздух экранированные бактерицидные лампы, создаются ингалятории, индивидуальные средства защиты работающих.

Все технологические процессы разрабатываются так, чтобы не возникало явлений, оказывающих вредные воздействия на организм. В ходе работы строго следят за соблюдением технологии.

Швейная промышленность относится к сравнительно безопасным с точки зрения возникновения травм. Для их исключения предусмотрены различные меры: все зубчатые, цепные и червячные передачи на швейном оборудовании ограждают глухими ограждениями; все отгибные ограждения (крышки, дверцы, заслонки) снабжают блокированными запорами, благодаря чему исключается возможность их открывания до полного останова машины. На машинных местах укрепляют предохранительные пластинки от прокола пальцев иглой; на пуговичных, закрепочных и петельных машинах устанавливают откидные пластинки из оргстекла для предохранения глаз рабочего.

Все рабочие раскройного цеха, работающие на раскройных и на настилочных машинах, обеспечиваются спецодеждой. Электромонтеры снабжаются резиновыми перчатками, галошами и ковриками, а также инструментом с изолирующими устройствами.

Для обеспечения нормальных условий работы большое значение имеет рациональная планировка рабочих мест и соблюдение режима труда и отдыха.

Основные требования к организации рабочих мест. Рациональная планировка рабочего места с учетом выполняемой операции должна обеспечивать:

размещение оборудования, инструментов и предметов труда в зонах досягаемости рук (ног), за счет оптимальных размеров пространства, необходимого для свободного движения рук (ног) при неподвижном и наклонном корпусе в положении работы «стоя» и «сидя»;

постоянные размещения инструмента, приспособлений, деталей, направление движений (справа размещается то, что берется правой рукой, слева — то, что берется левой рукой);

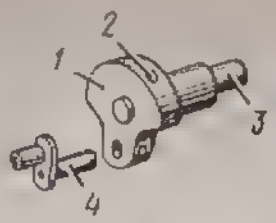
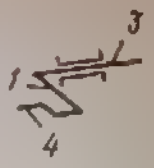
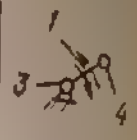
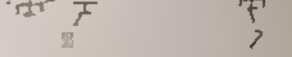
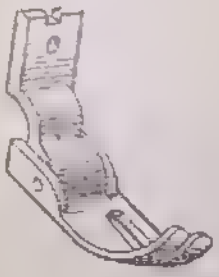
оптимальную зону обзора при неподвижном корпусе, наклонах и поворотах корпуса, свободный подход к рабочему месту.

Для создания оптимальной рабочей позы «сидя» требуется строго соблюдать соответствие высоты стола и стула.

Рост работающего, см	155...164	165...174	св. 175
Расстояние между рабочей поверхностью стола и сиденьем стула, см	28...29	30	31

Для уменьшения напряжения мышц ног рекомендуется использовать подставку для ног с бортиком по переднему краю (рис. 2, а).

Продолжение

Детали и соединения	Эскиз	Структурная схема	
		в пространстве	на плоскости
	Для преобразования движения		
Кривошип			
Шатун			
Коромысло			
Лапка			—
Рейка			—

Винты могут быть с головками и без них. Они имеют на своем стержне резьбу, а сверху на торце — шлиц для отвертки. Болты имеют шести- или четырехгранные головки под соответствующий гаечный ключ.

Широкое применение в швейных машинах находят винты с цапфами для шарнирных соединений, обеспечивающих перемещение одной детали относительно другой. Такие винты могут иметь цилиндрические или конусные шарниры.

Детали для передачи вращательного движения. Для установки в корпусе машины вращающихся валов или осей применяют подшипники скольжения и качения.

Для передачи вращения между параллельными валами, находящимися на большом расстоянии друг от друга, применяют

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. **Основные сведения о швейном производстве** 5
1. Ассортимент швейных изделий . . . . . —
2. Основные этапы изготовления швейных изделий на промышленном предприятии 7
3. Основные стадии изготовления одежды по индивидуальным заказам населения 9
4. Стандарты и контроль качества швейных изделий 10
5. Безопасность труда и пожарная безопасность на рабочих местах 13
6. Основы гигиены труда и промышленной санитарии 16

Глава 2. **Сведения о швейных материалах** 22
7. Классификация текстильных волокон. Способы получения швейных материалов . . . . . —
8. Технологические свойства материалов 23

Глава 3. Основы моделирования и художественного оформления одежды 27
9. Цель и задачи моделирования. Композиция костюма . . . . . —
10. Техническое моделирование 35

Глава 4. **Технология ручных работ** 44
11. Организация работы [illegible] приспособления . . . —
12. Стежки и строчки. Строчки прямых стежков 49
13. Строчки косых стежков, крестообразные стежки 53
14. Петельные и специальные стежки ручных работ 59
15. Технические условия на выполнение ручных работ 60

Глава 5. **Устройство и работа промышленной швейной машины** . . . 64
16. Рабочее место для машинных работ, классификация и основные рабочие органы швейных машин . . . . . —
17. Детали швейных машин их [illegible] соединение 68
18. Электропривод швейных машин 73
19. Техника безопасности при работе на швейной машине 76
20. Эксплуатация и ремонт швейных машин 78

Глава 6. **Технология машинных работ** 82
21. Виды строчек и область их применения . . . . . —
22. Виды швов. Соединительные швы 86
23. Краевые швы 97
24. Отделочные швы 107
25. Технические требования к выполнению машинных работ 113

Глава 7. **Технология обработки деталей и узлов швейных изделий** . . 117
26. Уточнение деталей . . . . . —
27. Обработка срезов 119
28. Обработка петель 120
29. Обработка прорезных карманов 124
30. Обработка карманов в швах изделия 128
31. Обработка накладных карманов 132
32. Обработка застежек 136

Глава 8. **Основы технического творчества, рационализация и изобретательство** 143
33. Передовая техника на швейном производстве. Основные направления технического творчества и рационализации . . . . . —
34. Последовательность проектирования и внедрения швейного оборудования 145

Приложения 147

ВИДЫ РУЧНЫХ СТЕЖКОВ И СТРОЧЕК

...ОНОВ, ПРАВИЛ.
ИГРА НАЧАЛЬНОГО УРОВНЯ.

...благополучие и благосостояние зависит от ваших собственных решений: ни один победитель не верит в случайность.

- От того, сколько вы получаете, зависит то, насколько вы богаты, а от того, сколько вы отдаете, – то, насколько вы счастливы.
- Вы должны понять, как стать богатым, созидая, а не соревнуясь.
- Алчность – это род близорукости.
- Вся бедность мира происходит от перетаскивания мертвых грузов.
- Ограниченность мышления – еще одна причина бедности.
- Богатство – это результат умелого пожимания не рук богачей, а рук нищих.
- Самое главное – это иметь не золото, а власть над теми, у кого оно есть.
- Иной и не ведает, насколько он богат, пока не узнает, какие богатые люди его обворовывают.
- Тайна богатства состоит в том, чтобы знать: другие еще трусливее нас.

Чем богаче внутренний мир человека, тем больше денег ему нужно.

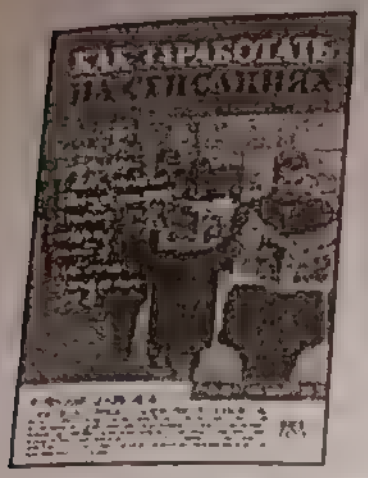
Тот, кто умножает богатство, умножает благодать.

Хочешь быть богатым? Будь БОГатым внутри!

По вог...
по...
издател...
о...
п...
Москва, ...
дом...
Тел. 615-...
6...

00299-9
2993

КАК ЗАРАБОТАТЬ НА СЕНСАЦИЯХ



Серия: «КАК ЗАРАБОТАТЬ»

Автор: Д. Лобков
Формат: 70x100 $^{1}/_{32}$
Объем: 160 с.

Вилли Токарев, певец:

«Не секрет, что когда я приехал в Россию после длительного заточения в США, я имел опыт в издательском деле – владел частью акций одной еженедельной газеты, которая писала хвалебные статьи обо мне чуть ли не в каждом номере. Наверное, это была моя ошибка – писать надо было о другом и по-другому, может быть, тогда не пришлось бы передавать свой бизнес. Просто в те годы, в конце 1990-х, не было этой книги, а жаль».

Валерий Сюткин, певец:

«От желтых газет никуда не деться – они существуют и будут существовать. Но как сделать так, чтобы эта газета пользовалась спросом у читателей? Как выпускать газету такой, чтобы артисты шли на контакт с ней, были готовы к сотрудничеству?! Мне кажется, ответы на эти вопросы и дает книга Дениса Лобкова, которую я рекомендую почитать и журналистам, и коллегам-артистам».

Марина Хлебникова, певица:

«Я обожаю бульварные газеты и знаете, почему? Многие так называемые «серьезные» издания, если публикуют компромат на известных людей, то обычно это настоящая грязь, мерзость, ложные обвинения в каких-то преступлениях. А желтые газеты об артистах пишут, любя. То придумают байку, что мне под дверь котенка подбросили, то – что я в лотерею выиграла. Ну, как, скажите, на это обижаться? Я прекрасно знаю Дениса Лобкова и хотела бы пожелать будущим издателям, чтобы они научились писать об артистах так, как это делал он, когда работал в «Желтой газете». Чтобы и у газеты рос тираж от таких публикаций, и артистам не было обидно что-то читать про себя».

Дима Билан, певец:

«У нас, артистов, и вас, издателей и редакторов, должна быть взаимная любовь. Иначе быть не может – если мы не будем поставлять информацию для вас, вам не о чем будет писать! Поэтому давайте дружить, а как подружиться – подскажет книга Дениса Лобкова. Прочитал ее с большим удовольствием и, признаться, даже сам загорелся идеей выпустить свою газетку.

Лекарственные растения

в научной и народной медицине

Издание 4-е стереотипное

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

1975 г

прямой неветвистый стебель и узкоколосовидные соцве-
. Жабник пашенный имеет стебли, ветв... на верхуш-
листья л...
Хи...
ящ...
ьни...
%)...
ин...
ини...
оид...
оны...
ве...
Экс...
овл...
вен...
ато...
ит...
ичес...
ие а...
ия, ...
ий ...
мени...
и ус...
и ки...
Согла...
люде...
еницы...
арат...
хоро...
лече...
ной ...
и две...
ки .

...учен. В на-
...ержит ду-
...%), смолы

Сушеница топяная

(Текст см. на обороте)

ИЮНЬ ПЯТНИЦА

14

☉	
Восх.	4.44
Зах.	22.17
Долгота дня	17.33
	—165

1917

Новолуние	
18	июня
Восх.	2.57
Зах.	17.55
	+200

1985

Рис. 9.

Масляные извлечения
сушеницы при местном применении усиливают регенера-
ные процессы, стимулируя грануляцию и эпителизацию
режденных тканей.

Лекарственные растения

По сырым местам растет сушеница топяная. Ее можно встретить на заболоченных лугах, на низких берегах рек, а также в посевах и на огородах, где сушеница растет в великом изобилии как сорняк. Это мелкая однолетняя травка с сильно ветвистым коротеньким стеблем, одетым многочисленными узкими листьями. Цветы, невзрачные и незаметные, собраны в многочисленные мелкие корзинки. Все растение густо покрыто шелковистым серебристо-белым опушением, отчего оно кажется седым. Цветет сушеница в течение всего лета и растет почти повсюду — в европейской части СССР, на Кавказе, в Сибири.

Сушеница — старинное народное средство: ее использовали как ранозаживляющее лекарство при застарелых язвах, при болях в животе, сердцебиении, «замороченни головы» и при язве желудка.

В настоящее время сушеницу используют против повышенного давления как мягко действующее средство, но главным образом при язвенной болезни и ожогах.

Собирают траву в период цветения, сушат, делают настойку или отвар: 1 столовую ложку измельченной травы заливают стаканом кипятка и настаивают 30 минут, процеживают и принимают по 1—2 столовых ложки три раза в день перед едой. При гипертонии кроме приема внутрь полезны ножные ванны сушеницы (500 *г* на ванну).

Г. Проскурякова,
кандидат биологических наук

Говорите правильно

Импорт — ввоз товаров или капиталов в страну из-за границы. Не следует смешивать это слово с противоположным по значению словом «экспорт». *Экспорт* — это вывоз товаров или капиталов за границу.

метилкетон, гликозид валерид, дубильные вещества, сахара, муравьиная, уксусная, яблочн овая и кислоты.

ЗЕЛЕНАЯ АПТЕКА

Раздел ведет доктор медицинских наук, профессор А. Д. ТУРОВА.

ВАЛЕРИАНА

Валериану можно встретить на лесных полянах и заливных лугах, по берегам рек и на склонах холмов, в степях и на осоковых болотах, на гарях и в сосновых борах. Это довольно высокое растение от 40 см до одного метра и выше. Стебель ребристый, внутри полый, ветвится в верхней части, заканчиваясь на концах полузонтичной трехразвилкой. Цветки мелкие, белые или чуть розоватые; плоды — семянки. Такой «портрет» валерианы слишком схематичен. А как быть во время сбора? Тут ведь нужно действовать наверняка. Сборщик должен в совершенстве знать все отличительные признаки растения и уметь его отличать от сходных видов. На валериану по внешнему виду походит, например, болиголов пятнистый — одно из самых ядовитых растений нашей флоры. Но на стебле валерианы отсутствуют краснова-тые пятна, характерные для болиголова, а цветки собраны в полузонтики, а не в зонтики. Лист болиголова, если его растереть в руках, весьма неприятно пахнет. Цветки валерианы источают приятный, чуть медовый аромат.

Лучшее время сбора корней валерианы — осень, когда отцветшие стебли побуреют и засохнут. На одном и том же месте сбор сырья можно проводить не раньше чем через 2—3 года. И выкапывать все растения подряд тоже нельзя: мелкие экземпляры не надо трогать — пусть разовьются. Обязательно оставьте 1—2 сильных растения на каждые 50—100 квадратных метров. Выкопав, стряхните в образовавшуюся ямку его семена.

Сырьем для препаратов служат корневище и корни растения.

Корни выкапывают садовыми вилами с плоскими зубцами или лопатой. Их тщательно отряхивают от земли, срезают надземную часть у самого основания стебля и аккуратно промывают. (Долго держать корни в воде нельзя — они теряют свои биологически активные вещества). После этого толстые корневища режут на несколько частей, а сырье раскладывают в проветриваемом помещении слоем в 10—15 сантиметров на 1—2 дня для подвяливания. Затем сушат при подогреве. Температура при тепловой сушке не должна превышать 35 градусов, так как сырье потеряет эфирные масла.

Валериана заслуженно входит во все фармакологии мира. Это одно из немногих растительных средств, способных успокаивать возбужденную нервную систему человека.

Препараты в форме настойки, экстракта, настоя или отвара применяют при функциональных расстройствах деятельности центральной нервной системы, при неврозах, бессоннице, мигрени, нарушениях кровообращения спазмах пищевода, заболеваниях печени и желчных путей, базедовой болезни, повышенной раздражительности. Надо иметь в виду, что валериана оказывает лечебное действие при систематическом и длительном применении, поэтому сроки и дозы назначает лечащий врач.

В домашних условиях готовят чаи и настои: 20 граммов (полторы столовой ложки) измельченных корней помещают в эмалированную посуду, заливают стаканом кипящей воды, закрывают крышкой и оставляют на 15 минут охлаждаться. Затем настой процеживают, доливают кипяченой водой до первоначального объема. Принимают по 2—3 столовые ложки через полчаса после еды.

В. СОТНИК, кандидат биологических наук.

...правленные на устранение недостатков в организации производства и реализации товаров для молодежи, сокращение сроков их промышленного освоения. Министерству торговли СССР, Государственному комитету СССР по ценам, Министерству финансов СССР рекомендовано подготовить предложения по расширению продажи на льготных условиях молодым семьям сложной бытовой техники, мебели, других товаров.

Заслушана информация об итогах XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

На заседании выступили председатель комиссии по проведению Международного года молодежи в СССР, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. М. Мишин. (ТАСС).

...деньги

«Новогодний аттракцион» передал в Фонд итальянский певец Джанни Моранди, заявив при этом: «У меня двое детей, и как отец я чувствую ответственность не только за их будущее, но и будущее всех юных граждан Земли».

На какие же цели расходуются средства Фонда? Он фи...

ПЛАНЕТЫ

Корреспонденты ТАСС передают

Расследование продолжится

БУЭНОС-АЙРЕС. По сообщению местных газет, судебные власти Аргентины намерены вновь вернуться к расследованию обстоятельств гибели в сентябре 1974 года в Буэнос-Айресе видного чилийского патриота-антифашиста генерала Карлоса Пратса и его супруги. После кровавого путча Пиночета К. Пратс, резко осудивший мятеж генералов-предателей, был депортирован из Чили в Аргентину, однако пиночетовская охранка и ЦРУ США вели за ним слежку и в конце концов организовали злодейское убийство.

Долгие годы пухлые тома с многочисленными показаниями свидетелей и другими документами пылились на архивных полках, хотя уже вскоре после начала расследования были выяснены главные организаторы и исполнители этой преступной акции. Среди них — гражданин США Майкл Таунли, известный своими связями с тайной полицией Пиночета и американских спецслужб.

Драконовские меры

БОНН. Вот уже три дня в одном из крупнейших про-

Пустырник

ОКТЯБРЬ СРЕДА

15

1917 1986

⊙
Восх. 7.00
Зах. 17.30
Долгота дня 10.30

—258

Полнолуние
17 октября
Зах. 3.33
Восх. 17.05

+77

Пустырник сердечный (семейство губоцветных) — довольно обычное растение европейской части СССР, Кавказа, северного Казахстана, а в последнее время и многих районов Сибири, куда он продвигается с запада как сорняк. Это многолетняя высокая (до 2 *м*) трава, седая от мелкого густого опушения. На четырехгранном стебле одна над другой сидят мутовки цветов. Мелкие, розовые и тоже пушистые, они малозаметны, однако пустырник — прекрасный медонос. Пустырник — обычный обитатель деревенских пустырей, но его можно встретить и в лесу на полянах. Растение редкой неприхотливости! Прекрасно идет из семян, если их посеять ранней весной.

Применяют экстракт и спиртовую (70% спирта) настойку, которые обладают седативным действием, в 2—3 раза превосходящим по силе действия препараты валерьяны. Пустырник незаменим при сердечно-сосудистых неврозах, гипертонии, стенокардии, пороках сердца. Собирают траву (только в сухую погоду!) в июне—июле, срезая верхушки побегов с листьями и цветками. Сушат в тени.

Г. Проскурякова,
кандидат биологических наук

Багульник болотный

ДЕКАБРЬ СУББОТА

6

☉
Восх. 8.44
Зах. 15.57
Долгота дня 7.13

—340

1917

☽
Перв. четв. 8 декабря
Восх. 13.09
Зах. 21.32

125

1986

продолговатая пятигнездная железистоопушенная

Багульник болотный

Лекарственные растения

Багульник болотный. Летом зацветает багульник (семейство вересковых). Он знаком каждому, кто бывал на торфяном, сфагновом болоте,— кустарник до метра высотою; молодые ветви его густо обросли рыжей мягкой шерстью, вечнозеленые жесткие листья с завернутыми вниз краями густо их одевают, а на конце побега летом распускаются яркой белой шапкой нежные пушистые цветки. Все части растения обладают сильнейшим скипидарным запахом.

Багульник очень широко распространен в нашей стране: растет в европейской части СССР, в Сибири, на Дальнем Востоке.

Багульник ядовит, даже мед его токсичен. Однако он настари используется как лекарственное средство: настой его применяется как отхаркивающее при острых и хронических бронхитах и туберкулезе. Масло багульника используется против гриппа.

Собирают однолетние побеги вместе с листьями после того, как растение отцветет и начнут созревать его плоды,— в августе или сентябре. Сушат в тени, быстро, не перегревая и постоянно переворачивая.

Г. Проскурякова,
кандидат биологических наук

Строители нового города
Художник М. Герасимов

1918 — Совнарком утвердил Положение о социальном обеспечении трудящихся.

ОКТЯБРЬ ЧЕТВЕРГ

⊙
Восх. 7.35
Зах. 16.52
Долгота дня 9.17

—30!

31

Полнолуние 28 октября
Зах. 10.46
Восх. 17.30

+16!

1917 1985

Юридическая справка

Охрана труда женщин. Советское законодательство, учитывая особенности женского организма, запрещает применение труда женщин на тяжелых работах и на работах с вредными условиями труда, а также на подземных работах, кроме некоторых подземных работ (нефизических работ или работ по санитарному и бытовому обслуживанию).

Женщинам запрещены переноска и передвижение тяжестей, превышающих установленные для них предельные нормы.

Не допускается применение труда женщин в ночное время, за исключением некоторых отраслей народного хозяйства, где привлечение женщин в ночное время вызывается острой необходимостью и разрешается как временная мера.

Беременных женщин и матерей, кормящих грудью, а также женщин, имеющих детей до одного года, не разрешается привлекать к работам в ночное время, к сверхурочным работам и работам в выходные дни и направлять в командировки.

Женщины, имеющие детей в возрасте от одного года до восьми лет, без их согласия не могут привлекаться к сверхурочным работам или направляться в командировки (ст. 160—162 КЗоТ РСФСР и соответствующие статьи КЗоТ союзных республик).

А. Фастыковский,
заслуженный юрист РСФСР

Работающим или обучающимся с отрывом от производства матерям по месту их работы или учебы за счет средств государственного социального страхования выплачивается государственное единовременное пособие в размере 50 руб. при рождении первого ребенка и 100 руб. при рождении второго и третьего ребенка.

ДУШИЦА ОБЫКНОВЕННАЯ

ЗЕЛЕНАЯ АПТЕКА

Раздел ведет доктор медицинских наук профессор А. Д. ТУРОВА

Душица обыкновенная — вегетативно-подвижное травянистое растение. Стебли высотой 30—60 сантиметров. Продолговатые листья длиной 2—5 и шириной 1—3 сантиметра, снизу светло-зеленые, с железками. Мелкие бледно-розовые, лилово-розовые или светло-пурпурные цветки собраны в продолговатые колоски, из которых составлено щитковидное метельчатое соцветие.

На территории нашей страны душица встречается в Западной и Средней Сибири, горных районах Средней Азии и Восточного Казахстана, европейской части в лесной и лесостепной зонах на суходольных и пойменных лугах, в разреженных хвойных и лиственных лесах, на вырубках, лесных полянах, в луговых степях. На Кавказе обычна в лесном поясе по долинам рек, реже в субальпийских лугах. В Сибири растет в березовых лесах с крупнотравьем, на лесных лугах, залежах, вырубках.

Заготавливают душицу в фазе цветения (июль — первая половина августа), срезая ножами, ножницами или секаторами облиственные цветущие верхушки длиной до 20 сантиметров. Нельзя выдергивать растение, так как это подрывает его естественные плантации.

Собирают сырье только в сухую погоду. Затем его складывают, не уплотняя, в мешки, корзины и другую подходящую тару. Сушат душицу на хорошо проветриваемых чердаках или под навесами, раскладывая тонким слоем, связывают в пучки и подвешивают на веревках.

Душица — популярное, старинное народное лекарственное средство. Используются только верхушки цветущих побегов. При хранении сырье через год теряет эфирные масла, а вместе с ними и свои целебные качества. Чай из душицы не уступает настоящему, даже превосходит его по аромату, которому растение обязано своим названием. Кроме эфирных масел, трава содержит и другие летучие и ароматические соединения, жирные масла, аскорбиновую кислоту и дубильные вещества.

Препараты душицы обладают противовоспалительными, антимикробными и болеутоляющими свойствами. Настой оказывает желчегонное, мочегонное, отхаркивающее и успокаивающее действие. Траву отдельно и в смеси с другими растениями — в виде сборов, чаев или комплексных препаратов назначают для повышения аппетита, улучшения пищеварения, при холециститах, энтероколитах. Используют траву и в качестве отхаркивающего средства при острых и хронических бронхитах. Она входит в состав грудного и потогонного чаев и в сбор для полоскания горла при лечении ангин, хронических тонзиллитов. Настой рекомендуется как успокаивающее и противосудорожное средство. Наружно траву используют в виде примочек, компрессов и лечебных ванн при заболеваниях кожи и диатезе.

В. СОТНИК,
кандидат
биологических наук.

...шей страной нависла смертельная угроза, Советский Союз поделился самым святым — доброй силой своих сыновей. Советские воины показали пример подлинного интернационализма. Вот оно, истинное братство.

Тысячи советских солдат, сотни танков и других боевых машин, идущих на север,— это жест доброй воли, конкретный пример нового политического мышления, реализации курса XXVII съезда КПСС.

Совсем недавно мы заинтересованно следили за встречей в Рейкьявике руководителей Советского Союза и США. Народы планеты объединила надежда на мир и разоружение. Человечество нельзя остановить в этом стремлении. Революционные народы не повернуть вспять. Победа сил мира и прогресса неизбежна и в Афганистане, и в нашем регионе, и на всей планете!

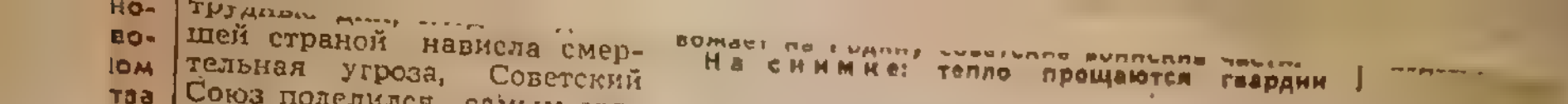
Сегодня наше государство продолжает вести суровую войну. Мы взяли в руки оружие, чтобы защищать мир, честь, свободу, национальное достоинство, территориальную целостность и суверенитет своей страны. Советские воины - интернационалисты передали нам свой боевой опыт. Возвращение к местам постоянной дислокации шести полков — знак нашей возросшей силы, подчеркнул афганский руководитель.

Мы говорим великое спасибо Ленину, чей гений озарил более шестидесяти лет назад дружбу наших народов. Мы говорим спасибо советскому руководству, которое развивает традиции этой дружбы. Мы говорим огромное спасибо всем советским людям за всестороннюю помощь, понимание наших трудностей, отеческую заботу о молодой революции. Мы говорим сердечное спасибо доблестным Вооруженным Силам СССР.

От имени ЦК НДПА и всего афганского народа Наджиб вручил личному составу полка Памятное знамя ЦК НДПА, Революционного совета и Совета Министров ДРА, а также скульптурную композицию «Боевое братство».

Участники митинга приветствовали совместное решение правительств СССР и ДРА, подчеркнув, что оно является убедительным свидетельством стремления ускорить политическое урегулирование в регионе.

Командир полка подполковник А. С. Ковалев оглашает рапорт воинов-интер-



На снимке: тепло прощаются гвардии

Пресс-конференция в

КАБУЛ, 20. (ТАСС). Возвращение на Родину шести советских полков — это шаг доброй воли, импульс для ускорения политического урегулирования положения вокруг Афганистана, в частности хода женевских перего-

ся лишь после того, как будет прекращена вооруженная интервенция извне, всякое иностранное вмешательство во внутренние дела Афганистана и надежно гарантировано его невозобновление, подчеркнул Наджиб.

стие самых широких слоев населения в строительстве нового общества. На этом пути уже много сделано — по всей стране прошли выборы в местные органы власти, в ходе которых избрано 14 тысяч народных представи-

Художник В. Тильман

АВГУСТ ВТОРНИК

☉
Восх. 5.59
Зах. 21.08
Долгота дня 15.09
—227

14

☽
Полнолуние 11 августа
Зах. 8.36
Восх. 22.25
+139

1917 1984

Термопсис. В 20—30-х гг. в Сибирь и Среднюю Азию отправлялись ботанические экспедиции. Они искали сырье для получения отечественных лекарственных препаратов, особенно отхаркивающего действия. До этого подобные лекарства готовились из заморских растений. И вот было найдено нужное растение — термопсис ланцетовидный, или мышатник. Сейчас траву термопсиса в порошках и таблетках или в виде настоек прописывают как отхаркивающее: это средство заменяет ипекакуану, которую ввозили прежде из Бразилии.

Термопсис — многолетняя трава, невысокая, с длинным ползучим корневищем. Листья тройчатые, с узкими дольками, снизу седые от густого опушения. Крупные желтые цветки собраны в верхушечную кисть, плод — плоский боб. Растет обычно по низким солонцеватым или песчаным местам, в степях, предгорьях и часто встречается как сорняк.

В народной медицине отваром термопсиса лечат бронхит, пневмонию, грипп. Однако применять термопсис следует только по назначению врача. Растение это и ядовито, особенно его семена.

Г. Проскурякова,
кандидат биологических наук

Зверобой продырявленный
(Текст см. на обороте)

ИЮЛЬ ПЯТНИЦА

5

⊙
Восх. 4.52
Зах. 22.17
Долгота дня 17.25

—186

1917

○
Полнолуние
2 июля
Восх. 0.13
Зах. 7.45

+179

1985

Лекарственные растения

ЗВЕРОБОЙ

В народе его справедливо называют «травой от девяноста девяти болезней». Это одно из древнейших лекарственных растений, применявшихся на Руси с незапамятных времен; из архивных документов известно, что в XVII в. им в России уже широко торговали купцы, привозившие его в ту пору из Сибири.

Зверобой продырявленный (семейство зверобойных) — многолетняя трава с ярко-желтыми цветками. Снизу лепестки точно обрызганы мелкими черными крапинами. Лист посмотреть на свет — он будто проколот весь (потому и «продырявленный»), усеян прозрачными железками.

Собирают зверобой во время цветения, в летние месяцы. После сушки (в тени) отделяют цветки и листья от грубых стеблей. Трава содержит много полезных веществ — эфирное масло, сапонины, глюкозиды, дубильные, смолистые вещества, холин, витамин С, каротин и обладает бактерицидным действием. Поэтому и применение ее очень разнообразно: как вяжущее, кровоостанавливающее и противовоспалительное средство. Зверобой повышает давление. Зверобойное масло (вываривают траву в масле) заживляет раны, а водная или спиртовая настойка — прекрасное средство для полоскания при заболевании полости рта. Зверобой лечит кишечно-желудочные заболевания, болезни печени, сердца, язвы, нарывы.

Зверобой — обычное растение большей части территории СССР. Но его популярность как лекарственного растения стала столь широкой, что в ряде районов его уже не увидишь. Берегите это ценное и такое полезное растение!

Г. Проскурякова,
кандидат биологических наук

БРУСНИКА

ЗЕЛЕНАЯ АПТЕКА

Раздел ведет доктор медицинских наук, профессор А. Д. ТУРОВА

Почти по всей территории нашей страны в хвойных, смешанных лесах, в горных и равнинных тундрах растет брусника — вечнозеленый кустарник высотой до 25 см с ползучим корнем.

В бруснике содержатся большое количество сахаров, аскорбиновая кислота и каротин, органические кислоты. Свежие, сушеные, вареные и моченые ягоды — хорошее мочегонное средство. Брусничный сок употребляют при легких формах гипертонической болезни, расстройстве кишечника.

Лекарственными свойствами обладают и листья брусники. Препараты из них применяются как мочегонное, желчегонное, антисептическое и вяжущее средство при заболеваниях почек. Отвары и чай — когда в организме нарушен минеральный обмен.

Листья собирают в апреле — начале мая, пока брусника не зацвела, и в сентябре—октябре одновременно со сбором ягод. Заготавливают листья вручную, одергивая их или срезая. Обрывать листья нельзя, так как при этом можно выдернуть часть корневищ, которые находятся близко к поверхности почвы. Повторные заготовки на одном и том же участке проводят только через 5—10 лет.

Сырье сушат в хорошо проветриваемых помещениях, тщательно избегая попадания прямых солнечных лучей. Рассыпают слоем в 3—5 см на бумаге или ткани и часто перемешивают. Хранят в течение трех лет.

Отвар из листьев брусники. Две столовые ложки листьев помещают в эмалированную посуду. Заливают стаканом горячей кипяченой воды, закрывают крышкой и нагревают в кипящей воде полчаса. Охлаждают при комнатной температуре в течение 10 минут, процеживают, отжимают. В полученный отвар добавляют кипяченой воды столько, чтобы весь объем отвара не превышал 200 мл. Хранят его в прохладном месте не более двух суток. Пьют по $\frac{1}{2}$—$\frac{1}{3}$ стакана два-три раза в день.

В. СОТНИК,
кандидат биологических наук.

ТЕЛЕФОНЫ:

Газета передана по фототелеграфу. Отпечатана в типографии

водством окружного комитета СЕПГ.

М. С. Горбачев вручил памятное Красное знамя Потсдамскому окружкому партии. Принимая его, первый секретарь окружкома Г. Ян сердечно поблагодарил Генерального секретаря ЦК КПСС. Он сказал, что это красное знамя очень дорого коммунистам округа, с ним они выйдут на первомайскую демонстрацию.

Затем делегация КПСС посетила дворец Цецилиенхоф, где летом победного 1945 года проходила историческая Потсдамская конференция глав государств и правительств

вия для мирного, свободного и демократического развития всех государств в Европе. Европу раскололо стремление Запада к военному превосходству, попытки возродить западногерманский милитаризм. Советский Союз, как и все социалистическое содружество, не ослабит своих усилий по преодолению этого раскола, по упрочению разрядки на основе дальнейшего развития общеевропейского процесса».

В поездке М. С. Горбачева, членов делегации КПСС сопровождал член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ Г. Миттаг.

связывает прежде всего с прочным союзом с советским народом.

Опыт последних лет с новой силой подтвердил, кто является подлинным и надежным другом Польши. В трудное для нашей страны время Советский Союз предоставил польскому народу братскую материальную и финансовую помощь, что позволило справиться с экономической блокадой со стороны западных капиталистических государств, установленной против Польши вопреки нормам международного права. Сейчас время диктует необходимость объединения усилий социалистических стран для ускорения своего социально - экономического развития. Что касается Польши, то огромный импульс развитию страны даст X съезд ПОРП, намеченный на середину этого года, кото-

между нашими стра свойственны отношения к кретности, взаимного дов рия и уважения.

Кроме того, определены около 100 крупных промышленных предприятий с каждой из сторон, организовавших прямые контакты м ду собой для плодотворн обмена опытом. Создаю совместные польско-сов ские предприятия, которы будут выпускать необходи мую продукцию для обе стран (например, грузовы автомашины).

В атмосфере интернацио нализма, искренней дружб и взаимопонимания действу ет Общество польско-совет ской дружбы (ОПСД). Сего дня наши ряды окрепли, что способствует дальнейшему упрочению братских отноше ний между нашими страна ми.

ая встреча

В севе
ным лесам
ской части
лесах, куст
Брусни
кустарниче
прямостояч
стые, блест
нюю сторон
ки белые и
колокольчат
мае—июне. Л
Лекарстве
(Herba et fru
до цветения и
созревания. С
Готовое сы
тые снизу — не
листьев более
мельченных час
ничских — более
Упаковывает
по 50 кг.
В листьях
(5—7%), флаван
колин, много дуб
говая, хинная и ви
Зрелые ягоды
щественно глюкоз
зойную кислоты, н
бильные вещества,
клетчатки, витамин
высоким содержани

Вахта

(Текст см. на обороте)

ИЮНЬ ПЯТНИЦА

⊙
Восх. 4.43
Зах. 22.20
Долгота дня 17.37
—171

20

1917

○
Полнолуние
22 июня
Зах. 2.47
Восх. 20.56
+191

1986

Калган

(Текст см. на обороте)

НОЯБРЬ СРЕДА

⊙
Восх. 8.02
Зах. 16.26
Долгота дня 8.24
—317

13

1917

●
Новолуние
12 ноября
Восх. 9.21
Зах. 16.29
+48

1985

Лекарственные растения

Калган. Это некрупное и незаметное растение имеет многоглавое шишковатое корневище, которое в сырых местах вырастает размером с кулак. Вот оно-то и ценится как прекрасное лечебное средство при желудочно-кишечных расстройствах, как вяжущее, бактерицидное и кровоостанавливающее лекарство.

Калган (семейство розоцветных) легко отличить от других лапчаток, потому что у него только четыре лепестка, а не пять, как у остальных видов этого рода. Цветки желтые с крохотным красным пятнышком при основании. Стебли тоненькие, невысокие, одеты «пятипальчатыми» листьями. Растет по сыроватым местам в хвойных или смешанных лесах, на полянах и по опушкам, на лугах, встречается по берегам речек. Растение это преимущественно европейское; в Сибири встречается только до Томска, а далее к востоку не растет.

Корневища калгана выкапывают поздней осенью, сушат, толкут (крупно). По мере надобности готовят отвар: 1 столовая ложка на 1 стакан кипятку. Принимать по столовой ложке 3—5 раз в день. Можно делать настойку на воде или спирте.

Г. Проскурякова,
кандидат биологических наук

Лекарственные растения

Вахта. Трилистник, трифоль или трехлистная вахта — обычное растение торфяных болот или открытых водоемов, где растение образует густые заросли вблизи берегов. Это многолетнее растение с ползучими корневищами и сизо-зелеными тройчатыми листьями. В мае — июне будто снег пал на воду — зацвела вахта. Соцветия белых или чуть розоватых мохнатых цветков стоят одно к другому. Вахта растет на территории почти всей нашей страны, исключая Среднюю Азию и Крайний Север; довольно высоко поднимается в горы при наличии подходящих условий.

Настой листьев вахты улучшает пищеварение, возбуждает аппетит, усиливает желудочную секрецию. Используют этот настой как желчегонное средство при заболеваниях печени. Собирают листья вместе с черешками, после того как растение отцветет. Сушить их нужно быстро, при высокой температуре (45—60°С) и хорошей вентиляции — лучше всего на чердаке под железной крышей или в открытой духовке при малом нагреве. Почерневшие при сушке листья не годятся.

Г. Проскурякова,
кандидат биологических наук

КАПУСТА

ЗЕЛЕНАЯ АПТЕКА

Раздел ведет доктор медицинских наук, профессор А. Д. ТУРОВ

Капуста—всем доступный и дешевый овощ. В ее листьях содержатся углеводы, белки, жиры и микроэлементы, необходимые в питании. Есть в ней и биологически ценные вещества с лечебными и профилактическими свойствами, регулирующими углеводный и жировой обмен, а также витамины.

Потребление капусты препятствует развитию атеросклероза, отложению холестерина в стенках сосудов. Содержащаяся в кочанах фолиевая кислота обеспечивает процесс кроветворения. Клетчатка и пектин ускоряют пищеварение, выводят из организма вредные соли тяжелых металлов.

В капусте содержится также противоязвенный витамин. Он был выделен в чистом виде, синтезирован по природному образцу и теперь применяется для лечения язвенных болезней желудка и 12-перстной кишки.

При применении свежего капустного сока у больных быстрее проходят боли и заживает язва, чем у тех, кто употребляет только лекарства. Капуста нормализует обменные процессы в стенках желудка, повышает их устойчивость к кислотам и ферментам, уменьшает воспалительные процессы.

Свежую капусту рекомендуют при атеросклерозе, ишемической болезни сердца, сахарном диабете.

Сок в домашних условиях приготовить просто. Капусту натирают на терке, лучше пластмассовой, и отжимают через марлю. Принимают по полстакана 2—3 раза в день, в теплом виде перед едой в течение месяца. Хранят в холодильнике не более двух суток. Если сок приобрел неприятный запах, значит испортился и потерял лечебные свойства.

В соке свежей капусты содержатся раздражающие вещества — ферменты и аллилгорчичное масло. Чтобы нейтрализовать их, сок прогревают на водяной бане в течение трех минут при температуре 90 градусов, не доводя до кипения и постоянно помешивая. В результате такой обработки разрушаются ферменты и испаряется летучее масло. Некоторые врачи назначают для лечения язвенной болезни большие дозы сока — до литра в день и продлевают курс лечения до 2—3 месяцев.

В зеленых листьях есть фолиевая кислота — кроветворный витамин. Это вещество разрушается при тепловой обработке, поэтому больным с малокровием рекомендуют сырую капусту или ее свежий сок.

Э. САПОЖНИКОВА,
врач.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Семейство пасленовых — Solan

Картофель — Solanum tuberosum L.

смотривает издание 408 названий только художественных произведений, а их средний тираж достигнет 420 тысяч экземпляров. Это сорок классиков отечественной дореволюционной литературы, сто — советских писателей, 69 — зарубежных плюс к тому 22 сборника и антологии. Миллионными тиражами вновь будут изданы сочинения А. Пушкина, Л. Толстого, А. Чехова и многих других замечательных писателей и поэтов.

По разделу энциклопедической, справочной и научно-популярной литературы намечено выпустить 82 работы тиражом 46,2 миллиона экземпляров. Это сверх того, что планируется издавать ежегодно по тематическим издательским планам.

Как видите, размах огромный. Ни одной другой стране не по плечу такие масштабы издательского дела. И все же проблем еще немало. В том числе и таких, как воспитание культуры чтения, читательских интересов и вкусов.

Вернемся еще раз к собиранию собственных библиотек. Наличие их не может не радовать. Но не само по себе, а тогда лишь, когда оно соотносится с морально-этическими принципами нашего общества.

Выше уже говорилось о

жими мыслями и написана страстным словом.

Должны мы покрывать дефицит и в научно-технической литературе. Этот вопрос тоже не решишь автоматическим увеличением тиражей. Необходим поиск новых путей. И мы ищем их, ищем оптимальную роль, которую должна играть книга в ускорении научно-технического прогресса. Нас справедливо критикуют за то, что научно-техническая книга делается сегодня долго, что информация, заложенная в ней, нередко устаревает до того, как издание увидит свет. Поэтому одна из наших целей — резко сократить сроки прохождения новой идеи от строки в тематическом плане до появления книги.

И перед издательствами, и перед книжной торговлей стоит задача добиться такого положения, чтобы нужная книга всегда находила своего читателя. Тут необходимо не только повышать количество и качество изданий, не только правильно распределять их в торговой сети, но и, повторяю еще раз, усилить борьбу с бездумным книжным накопительством как проявлением потребительской психологии и морали. Как конечную цель всех наших усилий мы должны видеть перед собой читателя.

На основе биотехнологии

Монгольские ученые предпринимают настойчивые усилия по развитию биотехнологии. При мясоконсервном комбинате в Улан-Баторе действует научно-исследовательский центр по энзимологии. В столичном институте животноводства разрабатываются некоторые виды вакцины и энзимов для использования в ветеринарном деле. Ведутся селекционные работы в области растениеводства и животноводства.

Эти усилия координируются в рамках СЭВ. Так, в содружестве с болгарскими специалистами монгольскими учеными была создана закваска для простокваши. Результаты исследований, проведенных в университете пищевой промышленности Пловдива (НРБ), внедрены в производство на предприятиях молочного животноводства МНР. Коллектив ученых координационного центра по улучшению пищевой ценности и созданию новых продуктов питания решил ряд задач по внедрению в производство некоторых мясных и молочных продуктов, используя при этом микроорганизмы. В разработке технологии пивоваренных дрожжей помог опыт советских и чехословацких друзей. В результате МНР отказалась от импорта этой продукции и полностью покрывает свои потребности из собственного производства. Эффективны плоды дружеских связей монгольских ученых со специалистами стран содружества и в молочном животноводстве. Братское взаимодействие с советскими и болгарскими коллегами привело к созданию нескольких видов творожного сыра, пользующихся большим спросом у населения.

Широкие перспективы откры-

Для тех, кто вяжет

Блузон (размер 48—50) Тонкий мохер: 330 г. Спицы № 2, 3, 4, 5. Вязанье чулочное (изнаночная гладь). Кокетка на переде и спинке связана «вафлями», низ модели и манжеты — резинкой 1 2 (1 лицевая, 2 изнаночные). Лицевую петлю в резинке вяжите только в лицевых рядах, в изнаночных — снимайте (нить перед петлей). Модель с подплечниками. На окате рукава по средней линии — складка.

Для образца узора «вафли» наберите 24 петли (число должно делиться на 6, кромочные входят в этот счет).

1-й ряд — 1 лицевая, 2 изнаночные и т. д.

2-й и все четные ряды — 1 изнаночная, 2 лицевые и т. д.

(Продолжение на обороте)

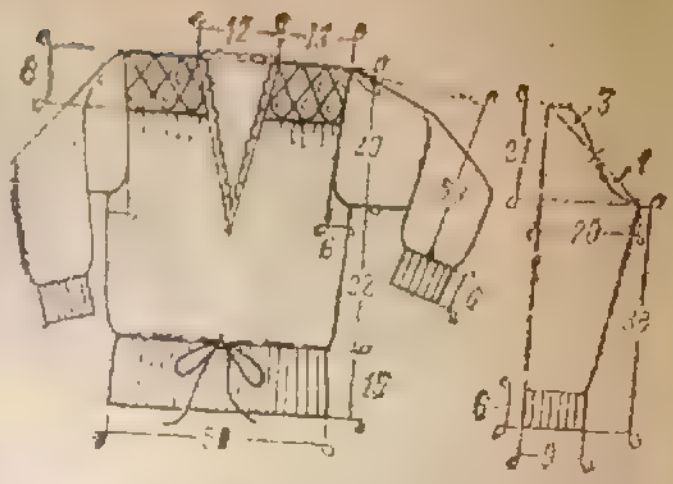
ОКТЯБРЬ СУББОТА

☉
Восх. 7.09
Зах. 17.20
Долгота дня 10.11
—292

19

☽
Перв. четв. 20 октября
Восх. 14.45
Зах. 20.07
+73

1917 1985



3-й ряд — обхватите 4 петли; для этого с лицевой стороны работы из промежутка (но не из протяжки) между 4-й и 5-й петлями (кромочную не считать) правой спицей вытяните на себя рабочую нить (обхватывающую петлю), затем, придерживая ее на спице указательным пальцем, провяжите 1-ю петлю лицевой за заднюю стенку, протяните ее в обхватывающую петлю и перенесите на правую спицу. Оставшиеся в обхвате 3 петли провяжите: 2 изнаночные, 1 лицевая. Дальше свяжите 2 изнаночные и т. д.

5-й ряд — 1 лицевая, 2 изнаночные*, обхватите и провяжите 1 петли, как в 3-м ряду, после этого 2 изнаночные. От * повторяйте до конца ряда. В конце ряда 2 изнаночные, 1 лицевая и кромочная.

7-й ряд — узор повторять с 1-го ряда.

Вязание спинки и полочек начинайте на спицах № 2 с резинки 1×2 и, провязав 1 *см*, поменяйте спицы на № 3, свяжите еще 11 *см* и, поменяв спицы на № 2, продолжайте резинку до талии. Теперь поменяйте спицы на № 5 и вяжите 10 *см* чулочной вязкой, далее до кокетки той же вязкой на спицах № 4. В последнем ряду перед кокеткой замените спицы на № 3, провяжите весь ряд по 2 петли вместе и затем свяжите кокетку узором «вафли».

Примечание. Смена спиц и узоров создает нужный силуэт модели без дополнительных приемов вязания (убавления или прибавления петель с краев и внутри полотна). Контрольный образец свяжите чулочной вязкой на спицах № 4.

обработки воротников вызывает необходимость унификации горловины по длине, авторы рекомендуют ширину горловины спинки и полочки определять в соответствии с величиной размерного признака полуобхвата шеи, установленного для сорочек,

$$A_1A_2 = 0{,}36C_{ш}I + П_{ш.\,г.\,с} = 7{,}4 + 1 = 8{,}4 \text{ см}.$$

Высоту горловины спинки определяют по формуле

$$A_2A_3 = 0{,}35A_1A_2 = 2{,}95 \text{ см}.$$

Отрезок A_2A_3 откладывают от точки A_2 вверх по вертикали.

Положение дополнительной точки A_{20}, лежащей на биссектрисе угла $A_1A_2A_3$, определяют исходя из формулы

$$A_2A_{20} = 0{,}75A_2A_3 = 2{,}2 \text{ см}.$$

Линию горловины спинки проводят через точки A_1, A_{20} и A_3.

Для образования прогиба на изделии в области ключицы от точки A_3 вниз откладывают отрезок $A_3A_{30} = 0{,}6$ см.

Высоту проймы спинки $Г_2П$ первым способом определяют в зависимости от размера дуги через высшую точку плечевого сустава $Д_{п}$ с учетом суммарной прибавки.

$$Г_2П = 0{,}5Д_{п} + П_{с.\,в.\,пр_1} = 17{,}95 + 4{,}95 = 22{,}9 \text{ см}.$$

Отрезок $Г_2П$ откладывают от точки $Г_2$ вверх по вертикали. На пересечении отрезка $Г_2П$ с горизонталью, проведенной через точку $У$, ставят точку $П_1$.

Вторым способом высоту проймы определяют по следующей расчетной формуле:

$$Г_2П = 0{,}2C_{г} + 0{,}05Р + П_{с.\,в.\,пр_2} = 10 + 8{,}8 + 4{,}1 = 22{,}9 \text{ см}.$$

Точку A_{30} соединяют прямой с точкой $П$ и продолжают линию вправо.

Длину линии плечевого шва спинки $A_3П_2$ первым способом определяют в соответствии с шириной плеча $Ш_{п}$. Однако размерный признак $Ш_{п}$ недостаточно отражает длину линии плечевого шва, так как линия плечевого шва в пиджаке не повторяет линии измерения ширины плеча на фигуре человека.

От плечевой точки линия плечевого шва отклоняется в сторону спинки, от точки основания шеи она отступает на величину наклона стойки воротника, что соответствует отрезку, равному $0{,}8\ П_{ш.\,г.\,с}$, или 0,8 см, и заходит за плечевую точку на 0,1 среднего диаметра плеча ($0{,}4\ d_{ш.\,с}$).

Практически разность в длине линии плечевого шва для смежных размеров составляет 0,4 см, а с учетом прибавки на посадку — 0,45 см.

$$A_3П_2 = Ш_{п} - 0{,}8П_{ш.\,г.\,с} + П_{ш.\,п_1} + П_{пос} = 15{,}6 - 0{,}8 + 0{,}3 + 1{,}2 = 16{,}3 \text{ см}.$$

Поиск повышения рентабельности конструктивно-силуэтной основы

Учитывая, что в швейных изделиях свыше 90% их стоимости составляет стоимость материалов, одним из важнейших факторов повышения эффективности производства является экономия ткани на единицу изделия, которая в свою очередь достигается за счет конструкции и экономичных раскладок.

На ленинградском объединении имени Володарского за последнее десятилетие была достигнута большая экономия тканей за счет конструкций.

Разработка экономичных конструкций проводилась коллективом конструкторов в тесном содружестве с установщиками норм. Это кропотливый и трудоемкий творческий процесс исследования раскладок, поиска новых вариантов раскладок и поиска новых, более удобных в раскладках линий деталей при условии сохранения модного силуэта. В результате постоянного поиска и создания экономичных конструкций расход ткани на единицу сравнимых изделий на ленинградском объединении имени Володарского был ниже в среднем на 0,1 м² по сравнению с передовыми родственными предприятиями страны.

В настоящее время изменились условия ценообразования, однако работы над экономичными конструкциями останутся всегда актуальными.

РАЗРАБОТКА МОДЕЛЕЙ НА КОНСТРУКТИВНО-СИЛУЭТНОЙ ОСНОВЕ

Наличие конструктивно-силуэтной основы облегчает работу художника при разработке новых моделей для промышленности, однако для создания жизненных моделей художнику недостаточно знать модные линии и детали. Он должен знать спрос населения на изделия, знать передовую технологию и наличие оборудования на предприятиях.

На рис. 91 показана конструктивно-силуэтная основа мужского пиджака, а на рис. 92 представлены пять различных моделей костюмов, разработанные на данной унифицированной конструктивно-силуэтной основе. Модели зрительно воспринимаются как совершенно разные, однако разница в них небольшая. Между моделями *а* и *б* (рис. 92) разница в лацканах и строчке, между моделями *а* и *в* — в количестве пуговиц, между моделями *б* и *г* — в строчке и только модель *д* отличается наличием накладных карманов и хлястика.

На рис. 93 построена конструктивно-силуэтная основа мужского демисезонного пальто полуприлегающего силуэта с отрезным бочко́м, а на рис. 94 изображены пять моделей демисезонных пальто, разработанных на унифицированной конструктивно-силуэтной основе. Для зрительного восприятия они

совершенно разные, а разница между ними также небольшая: в лацканах, строчке, карманах.

При разработке конструкций на унифицированной конструктивно-силуэтной основе сокращается трудоемкость конструктор-

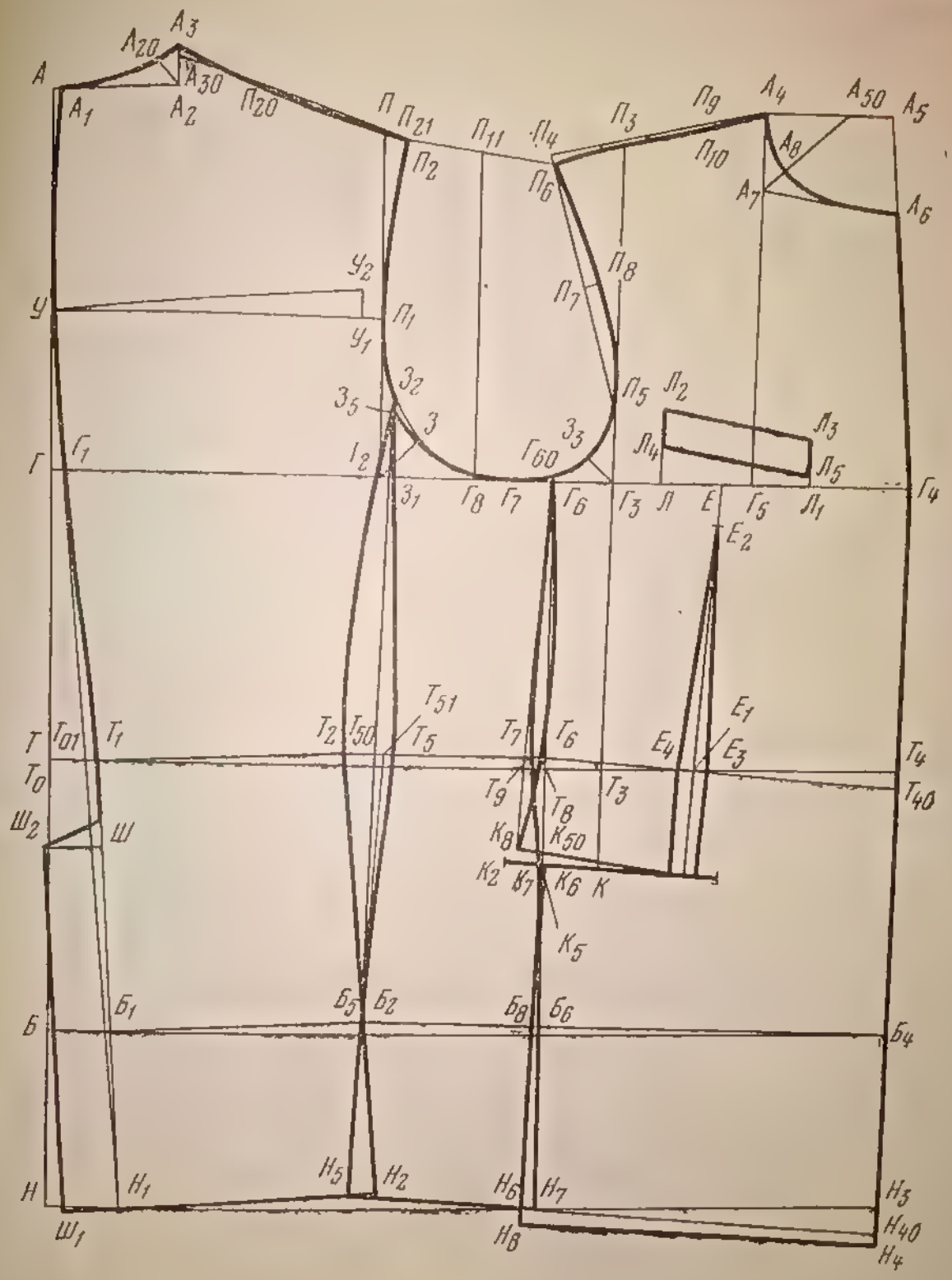


Рис. 91. Конструктивно-силуэтная основа мужского пиджака

ских работ от 30 до 50%, а также сокращается объем работы установщикам норм. Кроме того, при хорошей организации в лекальном хозяйстве можно сократить количество лекал, а следовательно, расход картона и трудовые затраты на изготовление лекал до 30—50%.

Исключительно большое значение имеет скорость прохождения модели от ее разработки до внедрения в производство.

37.248

А65

АНДРЕЕВА З. Ф., СОРОКИНА Л. М. Вяжем сами. 2-е изд.
К.: Рад. шк., 1985. 94 с. - 80 к. 200 000 экз.

В пособии [illegible] вязания коротким и длинным крючками, [illegible]. Представлено описание выполнения ра[illegible] шарфов, шапочек, варежек, носков, [illegible], манжет, косынок; свитеров, кофточек, безрукавок, [illegible], жилета 36—46 размеров; комбинированных моделей из вязаного полотна и ткани, а также салфеток. К моделям даны цветные рисунки. К каждому изделию прилагаются краткое описание техники его выполнения, чертеж выкройки, фото образца узора и рисунок схемы узора (условными обозначениями). В пособии содержится описание выполнения отделок к изделиям — пуговиц, цветов, поясов, вышивки, а также их фото. Оно поможет самостоятельно научиться вязать крючком. Рассчитано на массового читателя и использование на занятиях в школьных кружках.

Рецензенты: Т. В. Хилько — инспектор Министерства просвещения УССР

[illegible] легкий костюм
Женские платья
Женские домашние халаты
Женские рабочие халаты (фартуки)
Женское белье
Детская одежда
Одежда для девочек – подростков
Мужская одежда
Практические советы

ШЕЙТЕ САМИ

Руководство

Издание подготовлено [illegible] «Книга. Просвещение. Милосердие» пр[illegible] МП «Апрель» совместно с [illegible] «Лорис»

Подписано в печать 07.02.92. Формат 60×88 1/16. Бумага офсетная № 2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 23,34. Зак. 118.
Тираж 100 000 экз.
Московская типография 8
Министерства печати и информации РФ.
Хохловский пер., 7.

ISBN 5—86088—004—9

©Оформление Ассоциации «Кн[illegible]
Просвещение. Милосерд[illegible]
МП «Апрель», 19[illegible]

Людмила Николаевна Буллан

ВЯЗАНИЕ

Редактор В. Комарова

Корректор Л. Андреева

Техн. редактор [illegible]

Переплет художника В. Стойлова

Сдано в набор 27/VI [illegible] Подписано к печати 6/VIII 1969 г.
Формат 70×90[illegible] Объем 9 печ. л. 10,53 усл. п. л. Уч.-изд. л. 9,12
2-й [illegible] Тираж 200 001—400 000 экз.). Цена 36 коп.
Тираж 400 000. Зак. 121. Тем. план 1968 г. № 87. Бумага для глубокой печати.
Изд. № 159.

1-я типография Профиздата. Москва, Крутицкий вал, 18.

Белорусская кухня /[В. А. Бо-
Б43 лотникова, Л. М. Вапельник,
И. П. Корзун и др.] — 2-е изд.,
перераб. - Мн.: «Ураджай»,
1984.— 96 с., 8 л. ил.
1 р.

В книге представлена белорусская кухня с обширным ассортиментом национальных блюд. Приведены данные о составе продуктов, их биологической ценности, о превращениях пищевых веществ в организме. Описаны способы простейшей переработки и хранения фруктов, овощей и картофеля в домашних условиях.

Рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 36.992

3404000000—087
Б———————Доп—84
М 305(05)—84

Заведую
Ф
Офо
Цветные

Художестве
Техничес
Корректоры

Сдано в на
ти 27.06.84.
ная № 1. Гар
Усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 7,

Издательство
митета БССР
фии и книж
пр

Минский орде
полиграфкомби
Ми

©Издательс
Издательство
менениями.

Козлова В. Ф.

К59 Хранение и переработка овощей.—2-е изд., перераб. и доп.— М.: Россельхозиздат., 1985.—48 с., ил. (Б-чка овощевода-любителя).

В брошюре даны практические [illegible] анению и переработке овощей в домашних условиях. Рекомендованы сорта [illegible] ьтур, наиболее пригодные для длительного хранения, изложены приемы их агроте[illegible]нение которых способствует сохранности овощей и повышению их качества.

Во втором издании (первое вышло в [illegible] атериал обновлен и дополнен новыми приемами хранения, переработки овощей.

Рассчитана на овощеводов-любителей.

К $\frac{3801040000-034}{M104(03)-85}$ 102—85

ББК 42.34
635

© Россельхозиздат, 1981
© Россельхозиздат, 1985, с изменениями

Рецензент [illegible]
Министерства путей сообщения [illegible]

Э.И.ГОНИКМАН

КАК ВЫТАЩИТЬ СЕБЯ ИЗ СТРЕССА

ББК 38.78
П82
УДК 631.21.78.94

Проскурин Ю. В. Погреба для приусадебных
П82 участков.— 2-е изд., перераб. и доп.— М.: Росагропромиздат, 1991.— 96 с.: ил.
ISBN 5-260-00575-9

Даны практические советы по устройству различных погребов и небольших хранилищ, защите их от грунтовой сырости, поверхностных и фильтрационных вод. Рассказано, как устроить вентиляцию, поддерживать необходимый влажностный режим.

Второе издание (первое вышло в 1986 г.) дополнено рекомендациями по оборудованию простейших хранилищ как на приусадебном участке, так и на балконе или лоджии городской квартиры.

Рассчитано на владельцев приусадебных и садово-огородных участков.

П $\frac{3701000000-044}{M104(03)-91}$ 76—91

ББК 38.78

Издание для досуга

Проскурин Юрий Васильевич

ПОГРЕБА ДЛЯ ПРИУСАДЕБНЫХ УЧАСТКОВ

2-е изд., перераб. и доп.

Зав. редакцией Г. Л. Бондарева
Редактор О. Ч. Петровых
Младший редактор Д. М. Шишлякова
Художник Г. Л. Шацкий

ПИЦЦА

Очень просто!

Пицца – традиционное блюдо итальянской кухни, завоевавшее популярность во всем мире. Как следствие, появились французские, немецкие, американские и множество других «версий» пиццы. Неизменным остается главное: начинка может включать в себя самые неожиданные компоненты, но в целом обусловленный ею вкус пиццы должен быть пикантным.

В нашей книге собраны рецепты пиццы, которую можно приготовить, когда «гости уже на пороге», а также более сложные и трудоемкие варианты. Надеемся, что пицца станет одним из любимых вами блюд.

ISBN 5-04-088165-7

9 785040 881659 >

4 656:331:34

Щеголева Н. М., Кошман П. Г.

Щ32 Применение трудового законодательства на предприятиях связи (В вопросах и ответах). — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Радио и связь, 1983. — 160 с.

55 к.

Даются ответы на наиболее часто встречающиеся в практической работе вопросы о приеме и увольнении работников, ведении трудовых книжек, рабочем времени и времени отдыха, трудовой дисциплине и трудовых спорах, охране труда, труде женщин и несовершеннолетних, пенсионном обеспечении и льготах. Во 2-е издание внесены изменения в соответствии с новыми важными нормативными актами.

Для административных, профсоюзных и других работников связи, интересующихся вопросами трудового законодательства.

Щ $\frac{3701000000\text{-}027}{046(01)\text{-}83}$ 150-83

ББК 67.99(2)7

РЕЦЕНЗЕНТ К. С. БУДАЕВА

Редакция литературы по почтовой связи и экономике связи

Нина Михайловна Щеголева,
Павел Григорьевич Кошман

Применение трудового законодательства на предприятиях связи (В вопросах и ответах)

Редактор Р. П. Некундэ
Художник В. В. Дунько
Художественный редактор Г. Н. Коваков
Технический редактор З. П. Ратникова
Корректор Н. И. Коршунова

326

Дуллова Л.

Д79 Большая поваренная книга [Текст] : пер. Е. Бавыкиной, И. Богдановой, В. Степанова. — 2-е изд., испр. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб "Клуб семейного досуга"», 2008. — 368 с.

ISBN 978-966-343-904-4 (Украина).
ISBN 978-5-9910-0348-3 (Россия).
ISBN 978-80-7118-783-7 (слов.).

В ваших руках не просто поваренная книга, а огромная коллекция — более чем полтора тысяч кулинарных рецептов несложных в приготовлении повседневных и праздничных блюд.

Практические советы относительно того, как сделать питание сбалансированным и разнообразным, помогут в приготовлении вкусной, а главное — здоровой пищи

У ваших руках не просто куховарська книга, а величезна колекція — понад півтори тисячі кулінарних рецептів нескладних у приготуванні повсякденних і святкових страв Практичні поради щодо того, як зробити харчування збалансованим і різноманітним, допоможуть вам у приготуванні смачної, а головне — здорової їжі.

ные взаимоотношения с педагогикой и педагогами в 1920—1930-е гг. не помешали ему причислить себя к педагогам и включить в книгу главы «Воспитание речи» и «О стиховом воспитании». Дошкольная лингводидактика (методика обучения языку и развития речи) представляет собой сейчас серьезную область научного знания. И эти знания в большой мере основываются на идеях К. И. Чуковского о творческой природе языка и речи, о больших потенциальных возможностях детей, их обостренном внимании к смыслу и звучанию слова, к грамматической форме. (Интересующихся отошлю к книге «Развитие речи детей дошкольного возраста» под ред. Ф. А. Сохина. М., 1984.) Основываясь на идеях К. И. Чуковского, педагоги-исследователи, методисты, воспитатели разработали замечательные игры по ознакомлению детей со звучащим словом, воспитывающие у них особое, лингвистическое отношение к языку и речи — языковое чутье.

Если Вы хотите, чтобы Ваши дети были такими же активными, интересными, одаренными, как герои «От двух до пяти», позаботьтесь прежде всего об их жизни, играх и занятиях, об их здоровье и эмоциональном благополучии. Природа снабдила ребенка обостренной чувствительностью к речи, способностью к ее анализу и обобщениям. Но один он не в силах реализовать все, отпущенное ему природой. Прислушайтесь к своим малышам, что и как они говорят. Поучитесь умению слушать и слышать у К. И. Чуковского. Вашему ребенку очень нужна Ваша поддержка, Ваша вера в него, Ваше внимание и Ваше время. И конечно же, сказка.

Своими наблюдениями Вы можете поделиться, написав письмо по адресу: 113184, Москва, Климентовский пер., 1. НИИ дошкольного воспитания АПН СССР. Лаборатория развития речи.

А. Г. Арушанова

Глава I

КОТОРАЯ НАЧИНАЕТСЯ С ТОГО, ЧЕМ РОМАНЫ ОБЫКНОВЕННО КОНЧАЮТСЯ

Венчание Робера Дарзака и Матильды Станжерсон состоялось в Париже, в церкви Сен-Николя-дю-Шардонне, 6 апреля 1895 года, в камерной обстановке. Прошло немногим более двух лет со времени необычайных и драматических событий, происшедших в поместье профессора Станжерсона в Гландье*, — событий настолько сенсационных, что преждевременно было бы утверждать, будто нашумевшая в обществе тайна Желтой комнаты успела отойти в область воспоминаний.

Совершенное в уединенном местечке страшное и таинственное преступление было еще настолько живо в памяти людей, что если бы брачную церемонию не скрывали ото всех, то маленькую церковь, без сомнения, заполнили бы зеваки, жаждавшие поглазеть на героев нашумевшей драмы.

На венчание были приглашены лишь самые близкие друзья Дарзака и Станжерсона, на скромность которых можно было положиться. Я тоже оказался в их числе; приехал в церковь я довольно рано и первым делом постарался, конечно же, отыскать Жозефа Рультабия. Я был несколько обескуражен, не обнаружив его среди присутствующих, хотя имел основания

---

* Речь идет о событиях, описанных Гастоном Леру в романе «Тайна Желтой комнаты», а именно о покушении на жизнь Матильды Станжерсон. Обстоятельства этого покушения долгое время оставались невыясненными.

УИЛБУР СМИТ

В ПОИСКАХ ДРЕВНИХ КЛАДОВ

ВАГРИУС

МОСКВА

1996

1860 год

Африка припала к горизонту, как лев, затаившийся в засаде. Лучи утреннего солнца золотили ее рыжеватую гриву, тянуло холодом Бенгельского течения. Робин Баллантайн стояла у планшира и всматривалась вдаль. Она пришла сюда за час до зари, задолго до того, как впереди показалась земля. Африка уже близко, уже ощущается невидимое присутствие огромной загадочной земли, чувствуется, как ее дыхание, теплое и ароматное, пробивается сквозь холодные вздохи течения, влекущего их корабль.

Девушка заметила землю раньше впередсмотрящего на топе мачты. Услышав ее крик, капитан Манго Сент-Джон рванулся вверх по трапу из своей каюты на корме, а остальные члены команды стянулись к борту поглазеть и поболтать. Схватившись за тиковые поручни, Манго Сент-Джон лишь несколько секунд вглядывался в берег, а потом обернулся и отдал приказ. Голос у него был низкий, но зычный, казалось, он разносится по всему судну.

— Приготовиться к повороту оверштаг!

Типпу, помощник капитана, разогнал матросов по местам, пустив в ход линь и увесистые кулаки. Две недели дули ураганные ветры, сквозь низкие угрюмые тучи не пробивались ни луч солнца, ни свет луны, ни сияние какого-либо другого небесного светила, что помогло бы определить местонахождение. Судя по счислению, клипер должен был находиться на сотню морских миль западнее, далеко от этих диких пустынных берегов, грозящих не отмеченными на карте опасностями.

Капитан только что проснулся. Ветер развевал спутан-

ББК 84. 7 США
К 92

Перевод с английского.

Текст печатается по изданию:
Зверобой, или Первая тропа войны. М. Изд-во «ОКО», 1992.

К $\frac{4703040100\text{-}001}{161(03)\text{-}94}$ I-94

ISBN 5-7458 0528-5

ISBN 5-89981-006-8

© Синев Ю., худ. оформление, 1994.

Глава I

...Есть наслажденье в бездорожных чащах
Отрада есть на горной крутизне,
Мелодия — в прибое волн кипящих,
И голоса — в пустынной тишине.
Людей люблю — природа ближе мне,
И то, чем был, и то, к чему иду я,
Я забываю с ней наедине.
В своей душе весь мир огромный чуя,
Ни выразить, ни скрыть то чувство не могу я.

Байрон, «Чайльд Гарольд»[1]

События производят на воображение человека такое же действие, как время. Тому, кто много поездил и много повидал, кажется, будто он живет на свете давным-давно; чем богаче история народа важными происшествиями, тем скорее ложится на нее отпечаток древности. Иначе трудно объяснить, почему летописи Америки уже успели приобрести такой достопочтенный облик. Когда мы мысленно обращаемся к первым дням истории колонизации, период этот кажется далеким и туманным; тысячи перемен отодвигают в нашей памяти рождение наций к эпохе столь отдаленной, что она как бы теряется во мгле времен. А между тем четырех жизней средней продолжительности было бы достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий все, что цивилизованный человек совершил в пределах американской республики. Хотя в одном только штате Нью-Йорк жителей больше, чем в любом из четырех самых маленьких европейских королевств и во всей Швейцарской конфедерации, прошло всего лишь двести лет с тех пор, как голландцы, основав свои первые поселения, начали выводить этот край из состояния дикости. То, что кажется таким древним благодаря множеству перемен, становится знакомым

[1] Перевод В. Левика.

ББК 51.230
Л 64
УДК 615.83

Ведущий редактор *Смирнова М. В.*
Художественный редактор *Гриневский Р. И.*
Верстка *Капитоновой Е. А.*
Корректор *Шнитникова Е. Д.*

ЛР № 065210 от 6 июня 1997 г.
Подписано в печать 23.03.98. Гарнитура Antiqua.
Формат 84×108 1/32. Объем 8 п. л. Печать высокая.
Тираж 20 000 экз. Заказ № 1419.

Издательский Дом «Невский проспект».
190068, Санкт-Петербург, ул. Римского-Корсакова, д. 59.
Тел. (812) 114-47-36, 114-44-70.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГПП «Печатный Двор»
Государственного комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Л 64 **Литвина И. И.**
Три пользы: Основы раздельного питания. — СПб.: ИД «Невский проспект», 1998. — 251 с. — (Сер.: Истоки здоровья)

ISBN 5–89542–019–2

И. Литвина в увлекательной форме, просто и доступно рассказывает о системе раздельного питания, разработанной Г. Шелтоном.

Когда и сколько надо есть? Что надо включать в свой рацион каждый день, чтобы питание стало действительно полноценным? Как совместить возможности «семейного кошелька» с требованиями современной диетики? Как быстро готовить вкусную и полезную еду в праздники и будни? Ответы на все эти вопросы читатель найдет в книгах И. Литвиной.

ISBN 5–89542–019–2

© ИД «Невский проспект», 1998
© И. И. Литвина, 1994

ОТ РЕДАКЦИИ

«Невежество людей в области питания удивительно. Высокообразованный современный человек может быть виртуозом в технической специальности, науке или искусстве, но как мало он знает о том, как следует заботиться о своем теле! Я проработала 22 года врачом, была врачевателем многих недугов, и во всех случаях воздержание от пищи, потребление сырых фруктов и овощей помогало больному телу в его жизненно необходимых процессах.

"Мы суть то,что мы едим", — гласит древнее изречение. В пище заключено больше излечивающих средств, чем в самых сильных лекарствах» — так писала много лет назад американский врач Алиса Чейз, пропагандируя сознательное отношение к питанию.

Каждый из нас твердо уверен в том, что от качества пищи, которую мы употребляем, зависит физическое и духовное благополучие человека. Но, зная это, что мы делаем для того, чтобы питание стало по-настоящему полноценным, чтобы еда не только утоляла голод и доставляла удовольствие, но и заряжала энергией каждую клеточку организма?

«Сегодня полноценное питание слишком дорого, наш семейный бюджет не справится с этим!» — скажут одни.

«Правильное питание — это очень скучно и совсем невкусно!» — воскликнут другие.

«Заниматься приготовлением блюд по всем правилам здорового питания — это займет много времени и сил!» — усомнятся третьи.

И все они будут не правы! Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть книги И. И. Литвиной «Три пользы» и «Кулинария здоровья». На страницах этих книг — увлекательный рассказ о раздельном питании и удивительные рецепты блюд, приготовленных с учетом совместимости продуктов.

Теоретически целесообразность раздельного питания была обоснована еще великим русским физиологом И. Павловым. Но подлинное признание эта система получила после выхода в свет книг американца Г. Шелтона — раздельное питание пришло в тысячи семей во всех странах мира. К нам книги Шелтона пришли с некоторым опозданием — сначала в «самиздатовских» переводах и изданиях, доступных единицам, затем — тысячными тиражами. Трудность была лишь в одном — рассказывая о своем опыте, Г. Шелтон не предлагал конкретных рецептов. И возникал вполне резонный вопрос: а где же найти эти самые рецепты? Как приспособить американский вариант питания к российским условиям жизни, к национальным кулинарным предпочтениям? На помощь многим и многим хозяйкам, которые хотели бы готовить с учетом правил совместимости продуктов, пришли книги И. Литвиной.

Сама И. Литвина стала приверженцем раздельного питания по принципу: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Пережив тяжелое заболевание и не имея возможности поправить здоровье иными способами (врачи запретили ей заниматься физическими упражнениями), она «всего лишь» изменила систему питания — и... результаты были поразительны. Эта отважная женщина сумела победить свой недуг, к ней вернулись бодрость, ощущение молодости и радость существования. А это ли не лучшая награда! С тех самых пор и собирает И. Литвина уникальные рецепты блюд, учитывающие как довольно строгие законы сочетаемости продуктов, так и традиции русской кухни, а ее книги уже стали своеобразным учебником по правильному питанию для всех, кто неравнодушен к своему здоровью.

Когда и сколько надо есть? Когда пища, даже приготовленная с любовью, становится ядом? Как совместить возможности «семейного кошелька» с требованиями современной диетики? Как быстро готовить вкусную и полезную еду в праздники и будни? Какие продукты необходимо ввести в ежедневный рацион, чтобы питание было действительно полноценным? Ответы на все эти вопросы вы найдете в книгах И. Литвиной.

И, приходя на кухню, раздумывая, чем бы побаловать своих родных, помните слова П. Брэгга: *«Человек по своему неблагоразумию в еде, питье и невоздержанности умирает, не прожив и половины той жизни, которую мог бы прожить. Он потребляет самую трудноперевариваемую пищу, запивая ее ядовитыми напитками, и после этого поражается, почему не живет до ста лет».*

Приятного аппетита — и будьте здоровы!

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Человеческое тело само есть лекарь своих недугов.
Гиппократ

Пусть эта книга послужит «информацией к размышлению» для тех, кто уже понял, что далеко не всем людям здоровье дается просто так, «от Бога». За него надо боро... Ну вот, чуть было не написалось само собой это навязшее в зубах, потерявшее свой первоначальный смысл слово «бороться» — бороться за успеваемость, бороться за посещаемость, бороться за обслуживание, бороться, бороться... Нет, устали мы от этой бессмысленной бесконечной борьбы, особенно наше поколение, которое перенесло настоящую борьбу — кровопролитную и затяжную войну с фашизмом. Настало время человеку просто жить, быть счастливым, растить детей, спокойно и достойно выполнять свою работу. А «за здоровье бороться» — это пустые слова. Сохранить то, что дано от природы, или приобрести то, чего не дано, могут помочь только знания — знания да еще понимание в том глобальном, общечеловеческом смысле, который дает жизнь всему на свете.

Когда я с университетской скамьи пришла работать в издательство, то услышала, как мои коллеги, старые редакторы-асы, которые помнили еще Ильфа и Петрова по совместной работе в «Гудке», желая выразить к кому-нибудь глубокое уважение, говорили: «Он ПОНИМАЕТ». (Это слово так и произносилось — «прописными буквами» и озна-

Совместимость продуктов по Г. Шелтону и рекомендациям других диетологов

4 — хорошо 3 — допустимо 2 — плохо	Мясо, рыба, птица (постные)	Зернобобовые	Масло сливочное, сливки	Сметана	Масло растительное	Сахар, кондитерские изделия	Хлеб, крупы, картофель	Фрукты кислые, томаты	Фрукты сладкие, сухофрукты	Овощи зеленые и некрахмалистые	Овощи крахмалистые	Молоко	Творог, кисломолочные продукты	Сыр, брынза	Яйца	Орехи
Мясо, рыба, птица (постные)	●	2	2	2	2	2	2	2	2	4	3	2	2	2	2	2
Зернобобовые	2	●	3	4	4	2	3	2	2	4	4	2	2	2	2	3
Масло сливочное, сливки	2	3	●	3	2	2	4	4	2	4	4	3	2	3	2	2
Сметана	2	4	3	●	3	2	4	4	3	4	4	2	4	3	3	2
Масло растительное	2	4	2	3	●	2	4	4	3	4	4	2	2	2	2	4
Сахар, кондитерские изделия	2	2	2	2	2	●	2	2	2	4	2	2	2	2	2	2
Хлеб, крупы, картофель	2	3	4	4	4	2	●	2	2	4	4	2	2	3	2	3
Фрукты кислые, томаты	2	2	4	4	4	2	2	●	3	4	3	2	3	4	2	4
Фрукты сладкие, сухофрукты	2	2	2	3	3	2	2	3	●	4	3	3	4	2	2	3
Овощи зеленые и некрахмалистые	4	4	4	4	4	4	4	4	4	●	4	2	4	4	4	4
Овощи крахмалистые	3	4	4	4	4	2	4	3	3	4	●	3	4	4	3	4
Молоко	2	2	3	2	2	2	2	2	3	2	3	●	2	2	2	2
Творог, кисломолочные продукты	2	2	2	4	2	2	2	3	4	4	4	2	●	4	2	4
Сыр, брынза	2	2	3	3	2	2	3	4	2	4	4	2	4	●	2	3
Яйца	2	2	2	3	2	2	2	2	2	4	3	2	2	2	●	2
Орехи	2	3	2	2	4	2	3	4	3	4	4	2	4	3	2	●

Моему отцу

Глава

1

Гипотеза

С чего все началось. — Старик с острова Фату-Хива. — Ветер и течение. — Поиски Тики. — Кто заселил Полинезию? — Загадка Южных морей. — Теории и факты. — Легенда о Кон-Тики и белой расе. — Война

Иногда человек ловит себя на том, что оказался в совершенно необычной ситуации. Пусть ты шел к этому постепенно и естественно; когда уже возврата нет, ты вдруг удивляешься: как это я ухитрился попасть в такое положение?

Если ты, например, с пятью товарищами и одним попугаем вышел в море на плоту, рано или поздно наступит такое утро, когда ты, проснувшись среди океана, со свежей головой начнешь размышлять.

Вот в такое утро я сидел над отсыревшим от росы судовым журналом и записывал:

«17 мая. Сильное волнение. Ветер свежий. Сегодня мне кашеварить, я подобрал семь летучих рыб на палубе, одного спрута на крыше каюты и неизвестную рыбу в спальном мешке Торстейна...»

Тут карандаш остановился, и снова в глубине сознания зашевелилась мысль: а все-таки необычное 17 мая, в высшей степени необычная обстановка... море и небо... с чего же все это началось?

Повернешься налево — и открывается вид на могучий синий океан, на шипящие волны, которые одна за другой, одна за другой проносятся мимо в своем бесконечном беге к вечно отступающему горизонту. Повернешься направо — в хижине, в тени бородатый человек лежит на спине и читает Гёте, удобно воткнув пальцы босых ног между планками низкой бамбуковой крыши. Эта хрупкая мачтовая хижина — наш дом.

— Бенгт, — сказал я, отталкивая зеленого попугайчика,

Хейердал, Тур.

Х-35 Экспедиция «Кон-Тики»/Пер. с норв. Л. Л. Жданова.— Т.: Гл. ред. Узб. Сов. Энциклопедии, 1985.— 192 с.

ББК 26.89(9)
91(И)

© Оформление Главной редакции Узбекской Советской Энциклопедии

© Текст печатается с издания: Хейердал Тур, Экспедиция «Кон-Тики», М., «Мысль», 1977.

Т $\frac{4803000000}{358\ (01)\quad 85}$ 4 85—

Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
Н. М. Любимова

Составление
Н. М. Любимова,
Л. В. Тольмачева, М. С. Трескунова

Иллюстрации художника
А. Рябинина

© «Огонек»
Переводы. Иллю

Ожерелье королевы

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(Продолжение)

XIV

У КОРОЛЕВЫ

Выйдя из кабинета Людовика XVI, королева измерила всю глубину опасности, которой она подвергалась.

Она оценила ту деликатность и сдержанность, какие вложила Жанна в свои импровизированные свидетельские показания, равно как и поистине замечательный такт, с которым после своего успеха она осталась в тени.

И потому королева вместо того, чтобы принять предложение Жанны — засвидетельствовать ей свое почтение и удалиться, удержала ее любезной улыбкой.

— Поистине это счастье, графиня, что вы помешали мне вместе с принцессой де Ламбаль войти к Месмеру,— заговорила она.— Вы только подумайте, какая гнусность: меня видели то ли у дверей, то ли в прихожей, и этим воспользовались как предлогом, чтобы разазвонить, что я была в том месте, которое называют залом припадков!

— Однако,— заметила принцесса де Ламбаль,— как могло получиться, что агенты господина де Крона ошиблись, если присутствующие знали, что королева здесь? По-моему, тут какая-то тайна: ведь агенты лейтенанта полиции действительно утверждают, что королева была в зале припадков.

— Это верно,— задумчиво произнесла королева.— Для господина де Крона тут нет никакой выгоды; он человек порядочный и он меня любит, но вот агенты могли быть подкуплены, дорогая Ламбаль. Вы же видите: у меня есть враги! Этот слух должен иметь какие-то основания. Расскажите нам все подробности, графиня.

Жанна покраснела. Секрет был у нее в руках — секрет, одно слово о котором могло разрушить ее влияние на судьбу королевы.

Открыв секрет, Жанна теряла возможность быть полезной и необходимой ее величеству. Это разрушило бы ее будущее, и она, как и в первый раз, решила быть сдержанной.

Анж Питу

ГЛАВА I,

В КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ ЗНАКОМИТСЯ С ГЕРОЕМ НАШЕГО ПОВЕСТВОВАНИЯ И С КРАЕМ, ГДЕ ОН ПОЯВИЛСЯ НА СВЕТ

На границе Пикардии и Суассона, в центре той части французской земли, что под именем Иль-де-Франс входила в исконные владения наших королей, посреди гигантского полумесяца, образованного протянувшимся с севера на юг лесом площадью в пятьдесят тысяч арпанов, под сенью огромного парка, посаженного при Франциске I и Генрихе II, раскинулся городок Виллер-Котре, славный тем, что в его стенах появился на свет Шарль Альбер Демутье, который в пору, когда началась эта история, сочинял в родном городе, на радость тогдашним красавицам, «Письма к Эмилии о мифологии», пользовавшиеся бешеным успехом.

Дабы упрочить поэтическую репутацию городка, которому недоброжелатели, несмотря на королевский замок и две тысячи четыреста жителей, отказывают в звании города, добавим, что он находится в двух милях от Ла Ферте-Милона, где родился Расин, и в восьми милях от Шато-Тьерри, где родился Лафонтен, а мать автора «Британика» и «Гофолии» была родом из самого Виллер-Котре.

Вернемся к королевскому замку и двум тысячам четыремстам обитателям городка.

Замок этот, строительство которого было начато при Франциске I, чьи саламандры по сей день украшают его стены, и закончено при Генрихе II, чей вензель, сплетенный с вензелем Екатерины Медичи и окруженный тремя полумесяцами Дианы де Пуатье, и поныне венчает его двери, служил прибежищем королю-рыцарю в пору его любви к г-же д'Этамп и Луи Филиппу Орлеанскому в пору его любви к красавице г-же де Монтессон, однако после смерти этого последнего сделался почти необитаем, ибо сын его Филипп Орлеанский, получивший позднее прозвище Эгалите, превратил королевскую резиденцию в обычный охотничий приют

84.4Фр
М52

Мериме Проспер.
М52 Хроника царствования Карла IX: [Роман]; Новеллы/ Пер. с франц. Н. Любимова.— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1981.— 352 с.

70304
39-81

84.4Фр

Перевод *Н. Любимова*

Проспер Мериме

ХРОНИКА ЦАРСТВОВАНИЯ КАРЛА IX
НОВЕЛЛЫ

Редактор *Л. Полькина*
Художник *В. Митченко*
Художественный редактор *В. Иванов*
Технический редактор *Л. Андронова*
Корректор *Р. Богданова*

ИБ 657
Сдано в набор 16.04.1980 г. Подписано в печать 25.02.1981 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 22. Уч.-изд. л. 24,48. Тираж 250 000. Цена 2 руб. Заказ 2292.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

© Приволжское книжное издательство, 1981.

а последнее время я прочитал довольно много мемуаров и памфлетов, относящихся к концу XVI века. Мне захотелось сделать экстракт прочитанного, и я его сделал.

В истории я люблю только анекдоты, а из анекдотов предпочитаю такие, в которых, как мне подсказывает воображение, я нахожу правдивую картину нравов и характеров данной эпохи. Страсть к анекдотам нельзя назвать особенно благородной, но, к стыду своему, должен признаться, что я с удовольствием отдал бы Фукидида за подлинные мемуары Аспазии или Перикла раба, ибо только мемуары, представляющие собой непринужденную беседу автора с читателем, способны дать изображение *человека*, а меня это главным образом занимает и интересует. Не по Мезре, а по Монлюку, Брантому, д'Обинье, Тавану, Лану́ и др. составляем мы себе представление о *французе* XVI века. Слог этих авторов не менее характерен, чем самый их рассказ.

У Этуаля сказано мимоходом:

«Девица Шатонеф, одна из милашек короля до его отъезда в Польшу, увлеклась флорентинцем Антинотти, начальником галер в Марселе, выскочила за него замуж, а потом, обнаружив, что он внал в блуд, взяла да собственными руками его и убила».

При помощи этого анекдота и множества других — а у Брантома их полно — я мысленно воссоздаю характер, и передо мною оживает придворная дама времен Генриха III.

Мне представляется любопытным сравнить тогдашние нравы с нашими и обратить внимание на то обстоятельство, что сильные чувства выродились, зато жизнь стала спокойнее и, пожалуй, счастливее. Остается решить вопрос: лучше ли мы наших предков, а это не так легко, ибо взгляды на одни и те же поступки с течением времени резко изменились.

Так, например, в 1500 году убийство и отравление не внушали такого ужаса, как в наши дни. Дворянин предательски убивал своего недруга, ходатайствовал о помиловании и, испросив его, снова появлялся в обществе, причем никто и не думал от него отворачиваться. В иных случаях, если убийство совершалось из чувства правой мести, то об убийце говорили, как говорят теперь о по-

Незачем рассказывать, каким путем попали к нам в руки. Они показались нам любопытными, нравоучительными и назидательными. Мы их печатаем без всяких изменений, опуская лишь некоторые собственные имена и несколько мест, не имеющих отношения к случаю с аббатом Обеном.

I

Г-жа де П. к г-же де Ж.

Нуармутье, ... ноября 1844

Я обещала тебе писать, моя дорогая Софи, и держу слово; да это и лучше, чем я могла бы занять эти длинные вечера. Из моего последнего письма ты знаешь, как вдруг я убедилась одновременно, и что мне тридцать лет, и что я разорена. Первое из этих несчастий, увы, непоправимо. Со вторым мы миримся довольно плохо, но как-никак миримся. Чтобы привести в порядок наши дела, нам необходимо прожить по меньшей мере два года в этом мрачном замке, откуда я тебе пишу. Я была неподражаема. Как только мне стало известно положение наших финансов, я предложила Анри переселиться ради дешевизны в деревню, и через неделю мы были в Нуармутье. Я не стану тебе описывать наше путешествие. Уже много лет мне не приходилось бывать так долго наедине с мужем. Разумеется, оба мы были в довольно дурном расположении духа, но, так как я твердо решила ничем этого не обнаруживать, все обошлось хорошо. Ты знаешь мои «великие решения» и знаешь, умею ли я их выполнять. Вот мы и на новоселье. В отношении живописности Нуармутье не оставляет желать лучшего. Леса, скалы, море в четверти мили. У нас четыре толстые башни, со стенами в пятнадцать футов толщиной. В амбразуре одного из окон я устроила себе кабинет. Моя гостиная, длиной в шестьдесят футов, украшена ковром «с зверями»; она поистине великолепна, когда в ней горят восемь свечей: таково праздничное освещение. Я умираю от страха всякий раз, когда

ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ

РОМАН

Перевод М. Абкиной

ПРЕДИСЛОВИЕ

Художник — тот, кто создает прекрасное.

Раскрыть людям себя и скрыть художника — вот к чему стремится искусство.

Критик — это тот, кто способен в новой форме или новыми средствами передать свое впечатление от прекрасного.

Высшая, как и низшая, форма критики — один из видов автобиографии

Те, кто в прекрасном находят дурное, — люди испорченные, и притом испорченность не делает их привлекательными. Это большой грех.

Те, кто способны узреть в прекрасном его высокий смысл, — люди культурные. Они не безнадежны.

Но избранник — тот, кто в прекрасном видит лишь одно: Красоту.

Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо. Вот и все.

Ненависть девятнадцатого века к Реализму — это ярость Калибана, увидевшего себя в зеркале.

Ненависть девятнадцатого века к Романтизму — это ярость Калибана, не находящего в зеркале своего отражения.

Для художника нравственная жизнь человека — лишь одна из тем его творчества. Этика же искусства — в совершенном применении несовершенных средств.

Художник не стремится что-то доказывать. Доказать можно даже неоспоримые истины.

Художник не моралист. Подобная склонность художника рождает непростительную манерность стиля.

ОСКАР УАЙЛЬД

(1856—1900)

«Лондонский парижанин», «миссионер — декадент от литературы», знаменитейший парадоксалист, глава школы декадентски-эгетствующих литераторов, христианский социалист, наиболее последовательный представитель «дендизма», скандалист — как только не определяли самобытного, тонко чувствовавшего лицемерие и ханжество Великобритании конца века, художника.

Оскар Уайльд родился в Дублине, в семье известного врача и поэтессы, двоюродной внучки некогда знаменитого ирландского писателя Чарльза Роб рта Метьюрина Их дом пользовался славой изысканного салона, в котором встречались, обменивались мнениями, спорили видные литераторы, деятели искусства и науки. В этой атмосфере почитания красоты, оригинальных суждений, зачастую эпатирующих поступков прошли первые годы жизни Оскара.

В 1874 году юный Уайльд стал студентом Оксфордского университета. Однако занятия его вначале не интересовали, посещению нудных лекций молодой человек предпочитал «солнечный свет» древнегреческой литературы. Это увлечение началось с четырнадцати лет, когда он, изучив язык, стал читать трагедии Эсхила, Софокла, труды Геродота в оригинале. Правда, вскоре внимание нерадивого студента привлекли лекции по истории искусства профессора Рескина, крупнейшего английского эстетика XIX века. Джона Рескина, который утверждал идею первостепенного значения красоты для жизни человека, сменил его ученик — Уолтер Пейтер. Воздействие лекций Пейтера на студентов Оксфорда было необычайным, внимательную аудиторию прежде всего поражало глубокое чувство диалектики, которым постоянно оперировал талантливый ученый и писатель. Но если Рескин требовал, чтобы жизнь соединили с Красотой и спасли ее от уродливой буржуазной цивилизации, то Пейтер учил, что в этом мире все относительно, все подвижно и изменчиво, одному только искусству по силам выразить

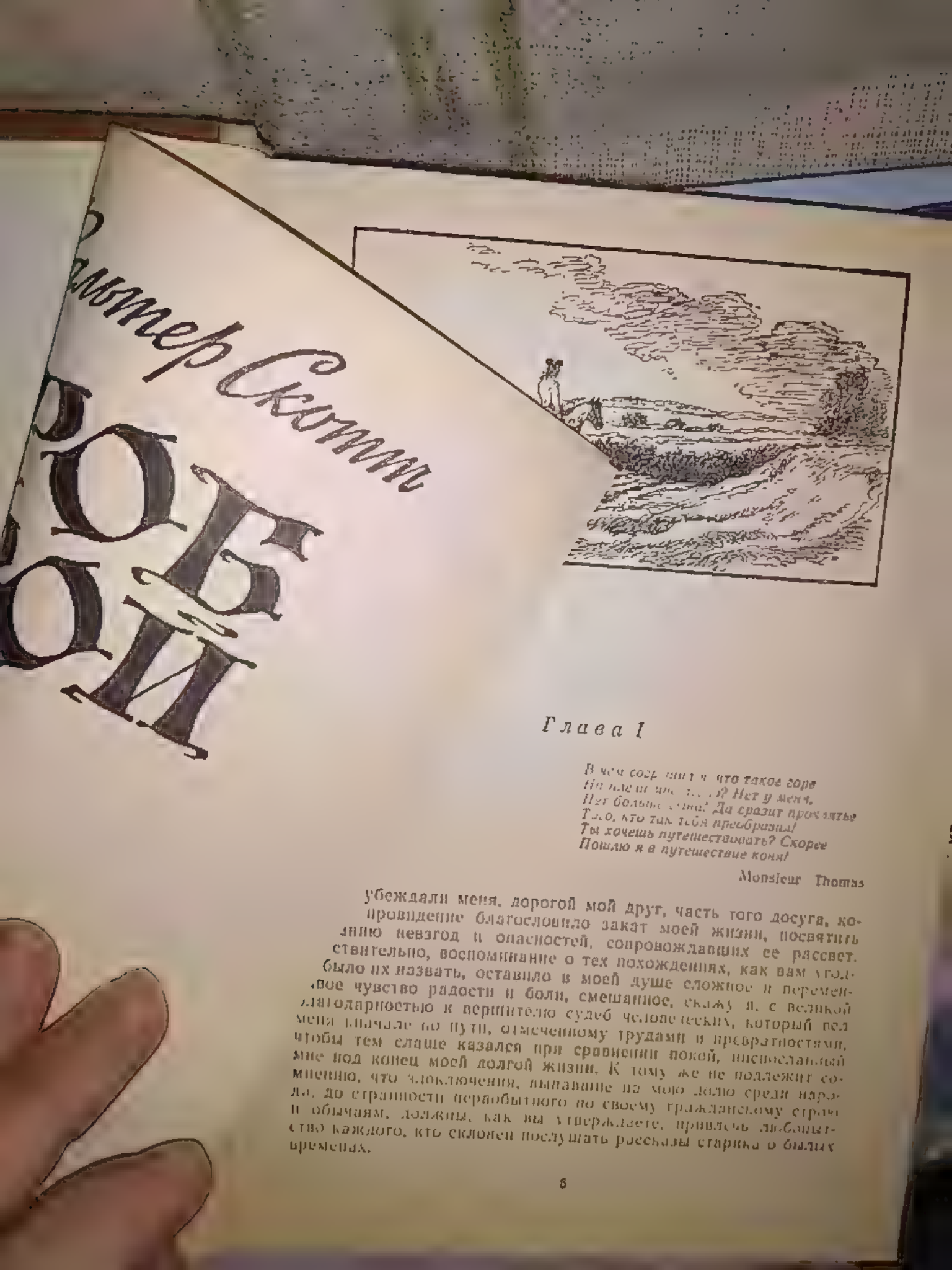
ИДЕАЛЬНЫЙ МУЖ

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ов

жской Богоматери: Ро-
раиц. Н. Коган. Примеч.
Куйбышев: Кн. изд-во,

по изданию: Гюго В. Собор
Богоматери.— М.: Худож.



Глава I

В чем согрешил я, что такое горе
На плечи мне [illegible]? Нет у меня,
Нет больше сына! Да сразит проклятье
Того, кто так тебя преобразил!
Ты хочешь путешествовать? Скорее
Пошлю я в путешествие коня!

Monsieur Thomas

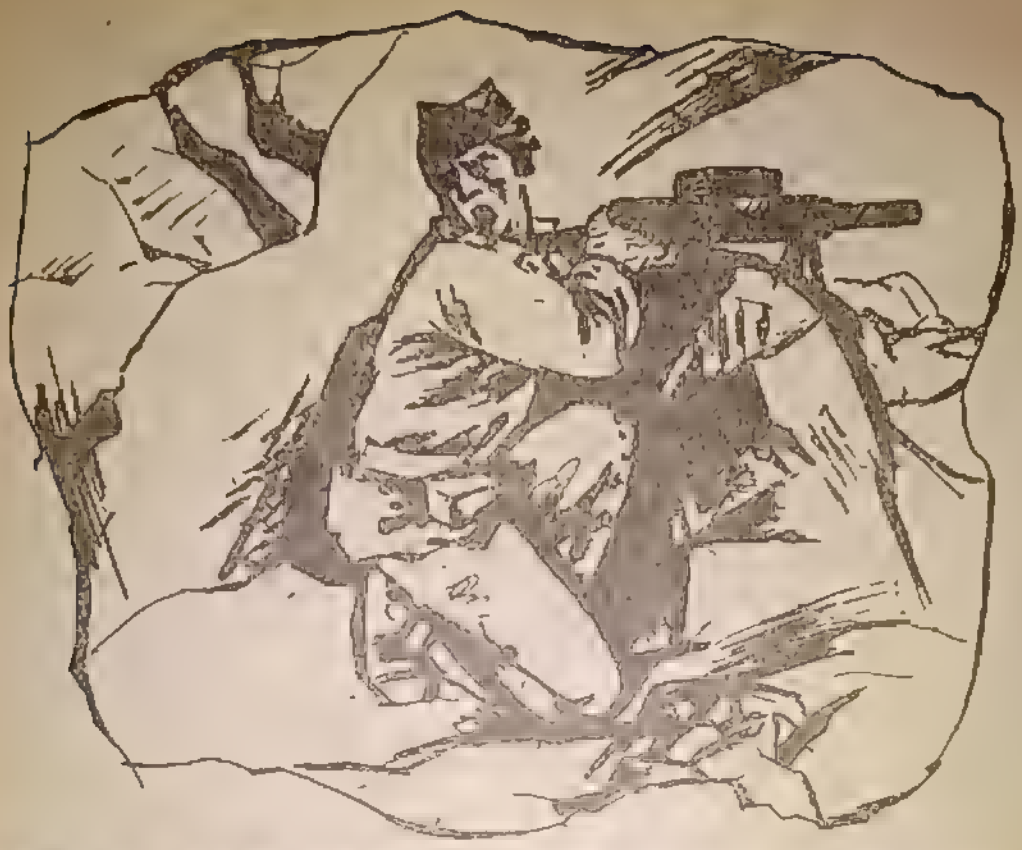
убеждали меня, дорогой мой друг, часть того досуга, ко-
провидение благословило закат моей жизни, посвятить
нию невзгод и опасностей, сопровождавших ее рассвет.
ствительно, воспоминание о тех похождениях, как вам угод-
было их назвать, оставило в моей душе сложное и перемен-
вое чувство радости и боли, смешанное, скажу я, с великой
благодарностью к вершителю судеб человеческих, который вел
меня вначале по пути, отмеченному трудами и превратностями,
чтобы тем слаще казался при сравнении покой, ниспосланный
мне под конец моей долгой жизни. К тому же не подлежит со-
мнению, что злоключения, выпавшие на мою долю среди наро-
да, до странности первобытного по своему гражданскому строю
и обычаям, должны, как вы утверждаете, привлечь любопыт-
ство каждого, кто склонен послушать рассказы старика о былых
временах.

СОДЕРЖАНИЕ

По ком звонит колокол
Роман
Перевод И. Волжиной и Е. Калашниковой 3

Рассказы

У нас в Мичигане. *Перевод* [illegible] 469
Непобежденная. *Перевод* [illegible] 474
Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера. *Перевод М. Лорие* . . 502
Снега Килиманджаро. *Перевод И. Волжиной* 534



ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

Роман

Нет человека, который был бы как Остров,
сам по себе: каждый человек есть часть
Материка, часть Суши; и если Волной
снесет в море береговой Утес, меньше
станет Европы, и также, если смоет край
Мыса или разрушит Замок твой или Друга
твоего; смерть каждого человека умаляет
и меня, ибо я един со всем Человечеством,
а потому не спрашивай никогда, по ком
звонит Колокол: он звонит по Тебе

Джон Донн

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он лежал на устланной сосновыми иглами бурой земле, уткнув подбородок в скрещенные руки, а ветер шевелил над ним верхушки высоких сосен. Склон в этом месте был некрутой, но дальше обрывался почти отвесно, и видно было, как черной полосой вьется по ущелью до-

РАССКАЗЫ

У НАС В МИЧИГАНЕ

Джим Гилмор приехал в Хортонс-Бей из Канады. Он купил кузницу у старика Хортона. Джим был невысокого роста, черноволосый, у него были большие руки и большие усы. Он хорошо ковал лошадей, но с виду был непохож на кузнеца, даже когда надевал кожаный фартук. Он жил в комнате над кузницей, а столовался у Д. Дж. Смита.

Лиз Коутс жила у Смитов в прислугах. Миссис Смит, очень крупная, чистоплотная женщина, говорила, что никогда не видела девушки опрятнее Лиз Коутс. У Лиз были красивые ноги, она всегда ходила в чистых передниках, и Джим заметил, что волосы у нее никогда не выбиваются из прически. Ему нравилось

— Джим,— сказала она.— Джим. Ну, пожалуйста, Джим.

Джим пошевелился и свернулся поудобнее. Лиз сняла пальто, нагнулась и укрыла им Джима. Она заботливо и аккуратно подоткнула пальто со всех сторон. Потом пошла через пристань и по крутой песчаной дороге домой, спать. С залива поднимался между деревьями холодный туман.

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

Мануэль Гарсиа поднялся по лестнице в контору дона Мигеля Ретаны. Он поставил свой чемодан на пол и постучал в дверь. Ответа не было. Но Мануэль, стоя в коридоре, чувствовал, что в комнате кто-то есть. Он чувствовал это через дверь.

— Ретана, - сказал он, прислушиваясь.

Ответа не было.

«А все-таки он здесь»,— подумал Мануэль.

— Ретана,— повторил он и громче постучал в дверь.

— Кто там? — раздался голос из конторы.

— Это я, Маноло,— сказал Мануэль.

— А что нужно? — спросил голос.

— Мне нужна работа,— сказал Мануэль.

В двери что-то несколько раз щелкнуло, и она распахнулась. Мануэль вошел, захватив свой чемодан.

За столом в глубине комнаты сидел маленький человечек. Над его головой висело чучело бычьей головы, сделанное в мадридской мастерской; стены были увешаны фотографиями в рамках и афишами боя быков.

Маленький человечек сидел и смотрел на Мануэля.

— Я думал, ты убит,— сказал он.

Мануэль быстро постучал костяшками пальцев по столу. Маленький человечек сидел и смотрел на него через стол.

— Сколько у тебя выходов за этот год? — спросил Ретана.

— Один,— ответил Мануэль.

— Только тот один? — спросил маленький человечек.

— Только.

— Я читал об этом в газетах,— сказал Ретана. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на Мануэля.

лежать на операционном столе. Он не умрет. Если бы он умирал, тут был бы священник.

Сурито что-то говорил ему, подняв ножницы.

Вот оно что! Они хотят отрезать его косичку. Они хотят отрезать его колету.

Он сел на операционном столе. Врач отступил назад, рассерженный. Мануэль почувствовал, что кто-то схватил его за плечи.

— Ты этого не сделаешь, Манос,— сказал Мануэль.

Он вдруг ясно услышал голос Сурито.

— Успокойся, - сказал Сурито.— Я пошутил.

— Я был в форме,— сказал Мануэль.— Мне просто не повезло. Вот и все.

Мануэль лег на спину. Что-то положили ему на лицо. Все это знакомо. Он глубоко вдыхал привычный запах. Он устал. Он очень, очень устал. Потом маску сняли с его лица.

— Я был в форме,— слабым голосом проговорил Мануэль.— Я был в блестящей форме.

Ретана посмотрел на Сурито и пошел к дверям.

— Я останусь с ним,— сказал Сурито.

Ретана пожал плечами.

Мануэль открыл глаза и посмотрел на Сурито.

— Скажи сам, разве я не был в форме, Манос? — спросил он, с надеждой глядя на Сурито.

— Еще бы,— сказал Сурито.— Ты был в блестящей форме.

Санитар положил маску на лицо Мануэля, и он глубоко вдыхал знакомый запах. Сурито неуклюже стоял возле стола, наблюдая.

НЕДОЛГОЕ СЧАСТЬЕ ФРЭНСИСА МАКОМБЕРА

Пора было завтракать, и они сидели все время вместе под двойным зеленым навесом обеденной палатки, делая вид, будто ничего не случилось.

— Вам лимонного соку или лимонаду? — спросил Макомбер.

— Мне коктейль,— ответил Роберт Уилсон.

— Мне тоже коктейль. Хочется чего-нибудь крепкого,— сказала жена Макомбера.

— Да, это, пожалуй, будет лучше всего,— согласился Макомбер.— Велите ему смешать три коктейля.

звали самолет, который заберет нас всех троих в Найроби. Почему вы его не отравили? В Англии это делается именно так.

— Перестаньте! Перестаньте! Перестаньте! — крикнула женщина.

Уилсон посмотрел на нее своими равнодушными голубыми глазами.

— Больше не буду,— сказал он.— Я немножко рассердился. Ваш муж только-только начинал мне нравиться.

— О, пожалуйста, перестаньте,— сказала она.— Пожалуйста, пожалуйста, перестаньте.

— Так-то лучше,— сказал Уилсон.— Пожалуйста — это много лучше. Теперь я перестану.

СНЕГА КИЛИМАНДЖАРО

Килиманджаро — покрытый вечными снегами горный массив высотой в 19 710 футов, как говорят, высшая точка Африки. Племя масаи называет его западный пик «Нгайэ-Нгайя», что значит «Дом бога». Почти у самой вершины западного пика лежит иссохший мерзлый труп леопарда. Что понадобилось леопарду на такой высоте, никто объяснить не может.

— Самое удивительное, что мне совсем не больно,— сказал он.— Только так и узнают, когда это начинается.

— Неужели совсем не больно?

— Нисколько. Правда, запах. Но ты уж прости. Тебе, должно быть, очень неприятно.

— Перестань. Пожалуйста, перестань.

— Посмотри на них,— сказал он.— Интересно, что их сюда влечет? Самое зрелище или запах?

Койка, на которой он лежал, стояла под тенистой кроной мимозы, и, глядя дальше, на залитую слепящим солнцем долину, он видел трех громадных птиц, раскоряченившихся на земле, а в небе парило еще несколько, отбрасывая вниз быстро скользящие тени.

— Они торчат здесь с того самого дня, как сломался наш грузовик,— сказал он.— Сегодня в первый раз сели на землю. Сначала я очень внимательно следил за ними на тот случай, если понадобится всунуть их в какой-нибудь рассказ. Но теперь даже думать об этом смешно.

Брейн Д.
Путь наверх: Роман/Пер. с англ. Т. Озерской, Кудрявцевой. — Саратов: ИИЦ АО «Заволжье», 93. — 264 с.
N 5—8280—0027—6

ББК 84.4Вл

© Перевод Т. Озерской и Т. Кудрявцевой, 1993
© Е. К. Мещеряков, оформление, 1993

1

Я приехал в Уорли пасмурным сентябрьским утром. Небо было серым, как гизлейский песчаник. Я сидел один в купе и, помнится, твердил про себя: «С зомби покончено, Джо. Никаких зомби больше».

В животе у меня урчало от голода, в голове стоял гул и звон, а во рту все еще был привкус содовой, я крепко выпил накануне. Однако в то утро эти [illegible]кие неприятности даже способствовали моему от[illegible]му настроению. Я чувствовал себя путешествующ[illegible]тилой, но кутилой вполне добропорядочны[illegible] приехав домой, примет горячую ванну [illegible] выпьет чашку черного кофе и слегка [illegible]ковом халате.

На мне был мой лучший праз[illegible]ло серый, цена — четырнадцат[illegible] галстук, скромные серые [illegible] Таких [illegible] ботинок [illegible] Их [illegible] горячевый [illegible] [illegible]ем, мой плащ и ш[illegible] [illegible]рнял резиной и б[illegible] [illegible]его три месяц[illegible]

Брэйн Д.
Жизнь наверху: Роман/Пер. с англ. Т. Куд-
рявцевой, Т. Озерской. — Саратов: ИИЦ АО «За-
волжье», 1993. — 264 с.
ISBN 5—8280—0063—2

В романе английского писателя Джона Брэйна «Жизнь наверху» (1957 г.), продолжившем его «Путь наверх» (1952 г.), препарируется общественная жизнь Англии послевоенных лет. Герои романа Джо Лэмптон, муниципальный служащий провинциального городка Уорли, работоспособностью и удачной женитьбой открыл себе путь в общество богатых и процветающих бизнесменов, очаровавших его своей опустошенностью, духом стяжательства и отсутствием высоких моральных качеств иноземцев.

703000000—66
Т52(03)—93

—8280—0063—2

ББК 84.4Вл

© Перевод Т. Кудрявцевой, Т. Озерской, 1993
© Е. К. Мещеряков. оформление, 1993

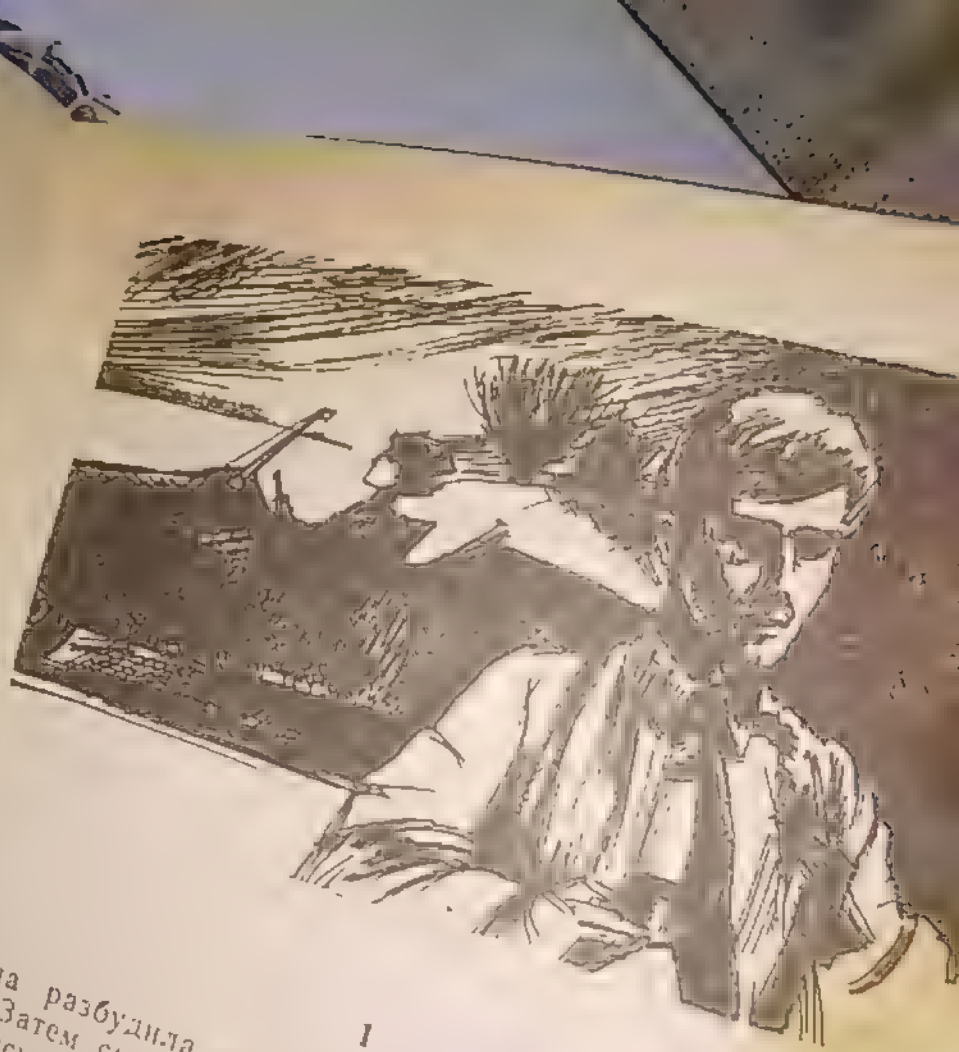
Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск В. Е. Г[illegible]
Художник Е. К. Мещеряков
Художественный редактор Т. Г. Р[illegible]
Технический редактор Л. Л. Ф[illegible]
Корректор И. А. [illegible]

ИБ № 65

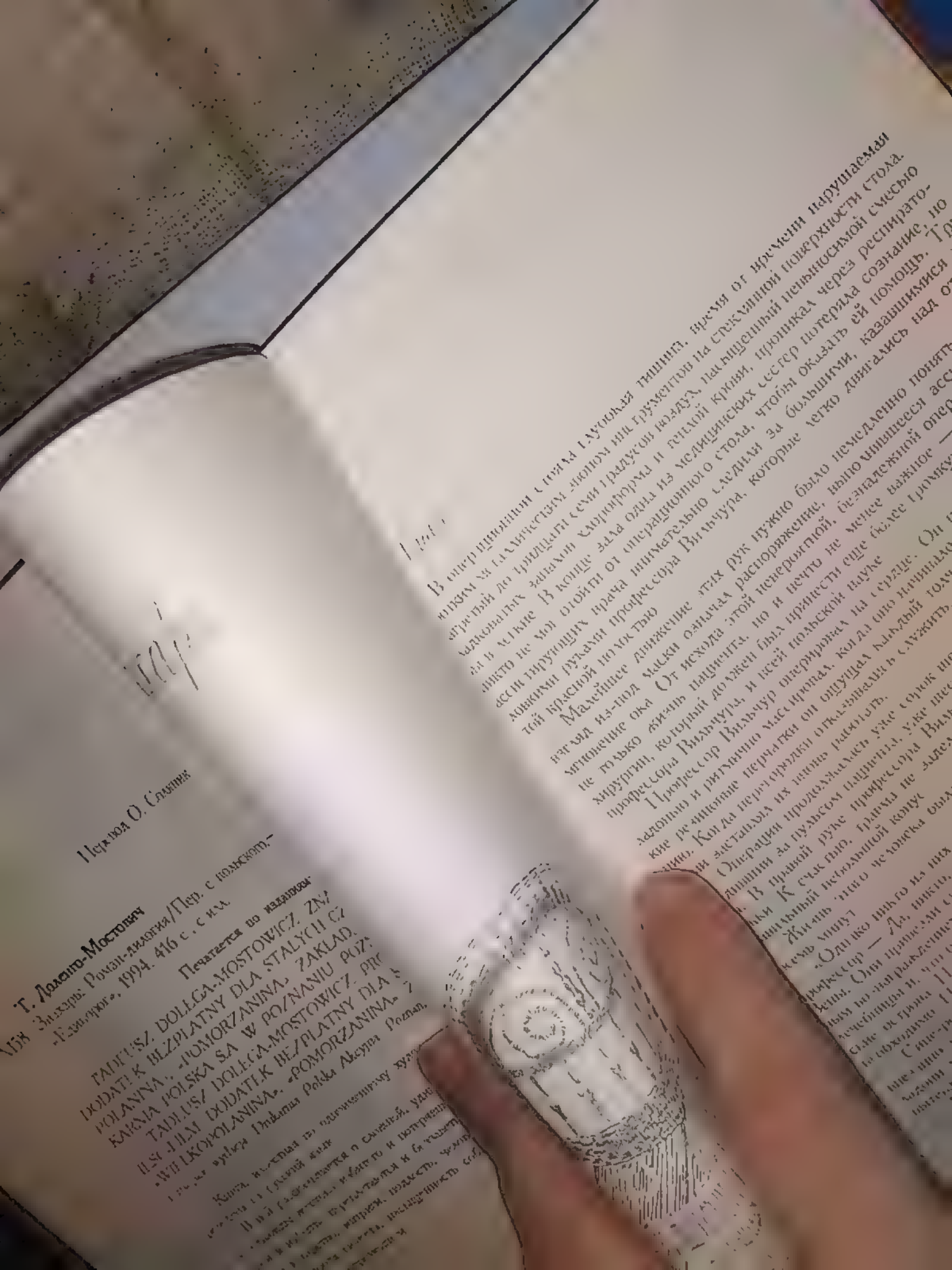
[illegible] 93 Подписано в печать [illegible]
Гарнитура Литературная. Печать высокая. [illegible]
Тираж 50 000 экз. Цена [illegible]

[illegible]ьский центр акционерного общества [illegible]



1

Она разбудила меня, приподняв мне пальчиками веки. Затем скользнула под одеяло и улеглась рядом, улыбаясь, обхватив мою шею руками. Ей не разрешалось залезать ко мне в постель, и она поспешила сделать это, пока не проснулась Сьюзен, я же никогда не возражал против ее появления, невзирая на все тирады Слока — Она была такая крошечная, такая прелестная — розовая-розовая мордашка и копна спутанных волос — и такая беззащитная, что казалось, с ней временно должно случиться что-то ужасное, если не для маленьких детей
Я поцеловал ее, стараясь отогнать
тела, искалеченного катастрофой
ко принял ее к себе. Злость
была в безопасности
ровали родительск
на только это
I. Бэтт


Перевод О. Соляник
Т. Доленго-Мостович
Печатается по изданию:
TADEUSZ DOLEGA-MOSTOWICZ. ZNA
DODATEK BEZPŁATNY DLA STAŁYCH CZ
POLANINA, «POMORZANINA», ZAKŁAD
KARMA POLSKA SA W POZNANIU POZ
TADEUSZ DOLEGA-MOSTOWICZ. PRO
ILSCHEM DODATEK BEZPŁATNY DLA S
«WIELKOPOLANINA», «POMORZANINA» Z
Drukarnia Polska Akcyjna Poznań,

Художник
Валерий СМИРНОВ

[illegible] Катенер де Мезон
[illegible] Пер. с фран. [illegible] РПА «Круг»
1992. 272 с. [illegible]
ISBN 5-7041-0068-6

Действие романа происходит в период массового террора, [illegible] якобинцами в 1793 году. В огне и крови [illegible] революции встречаются, любят и гибнут молодые [illegible]

[illegible] 005
[illegible]92 Без объявл

ББК 84 ФР

© АО «Прибой»
© РПА «Круг», 1992

I. ЗАВЕРБОВАННЫЕ

Был вечер 10 марта 1793 года.

Пробило десять [illegible] курантов, словно [illegible] гнезда своего — [illegible]

Тихая, но холодная [illegible]

Сам Париж [illegible] огней, которые отражаются [illegible] нешеходов, [illegible] дерзких смут [illegible] чем-то озабоченный. [illegible] в другую, торопливо скрывались [illegible] словно дикие звери, бросавшиеся [illegible]

Одним словом, это был, как мы уже отметили, Париж 10 [illegible]

Скажем несколько слов о неожиданных [illegible] изменивших облик столицы. Затем начнем [illegible] положивших начало этой истории.

Франция после казни короля Людовика [illegible] всю Европу. К трем врагам, с кем она [illegible] Пьемонту, — присоединились А[illegible] [illegible]веция и Дания хранили свой [illegible] [illegible]катерины II, уничтожавш[illegible]

ЭМИЛИО САЛЬГАРИ

На Дальнем Западе

Охотница за скальпами

Город прокаженного царя

Перевод

И.Первухина (1910 г.)

Сверка текста с оригиналом и новая редакция перевода О.В.Георгиевой (Охотница за скальпами, Город прокаженного царя), А.В.Михайлиной (На Дальнем Западе)

Составитель

Т.Колпакова

Вступительная статья

С.Изергиной

© Редакция журнала «Вокруг света», АО «Прибой» — [illegible]
1992 г.

Владимир [illegible]

РАЗВЕДЧИК ПРЕРИЙ

«Отыщите на карте край плоскогорий и высоких пиков, протянувшихся у северной границы Соединенных Штатов. Двигайтесь на запад, вдоль Северной Дакоты и Монтаны. Двигайтесь в сторону «ковша» Айдахо, к ровной сверху линии его «ручки», круто сверните на юго-восток близ главной гряды Скалистых гор, потом к Вайомингу. От гряды Абсарока берите на восток. Около восточной границы Южной Дакоты поверните к северу по новой дуг[illegible] а после вновь напрямик через Северную Дакоту до канадской грани[illegible] Район, который вы очертили, — это сердце горного пограничного к[illegible] огромными пространствами Монтаны, напоминающей по очертани[illegible] с ручкой «ковша» Айдахо и верхней частью Вайоминга; охватив об[illegible] он простирается на восток за широкую Миссури, где постепенн[illegible] в не столь высокие равнины, полого спускаясь до Миннесоты[illegible]

Эти названия значатся теперь на наших картах. Но тогд[illegible] не существовало. Край не был даже нанесен на первые [illegible] многие годы по неведению обозначался как часть Вели[illegible] пустыни. Сиу, которые впоследствии завладели бо[illegible] сделали своей последней твердыней, еще обитали [illegible] передвигаясь на своих двоих. Их миграции на [illegible] лишь первые разрозненные отряды принимали [illegible]

[illegible]

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Я был там совсем недавно, в моей памяти еще не изгладились характерные сцены повседневной жизни, и я хорошо помню лица встреченных мною людей, их голоса и жесты.

Я видел многочисленные линии железных дорог, по которым огромные локомотивы тащат длинные поезда с вагонами, полными пассажиров и грузов, направляющихся с Запада на Восток и обратно.

На станциях высятся элеваторы, куда окрестные фермеры привозят осенью, после жатвы, миллионы пудов отборной пшеницы. Целые стада великолепного породистого скота отправляются отсюда на знаменитые чикагские бойни.

Здесь и там разбросаны людские муравейники, названия которых никто не знал еще десять лет тому назад, а теперь это благоустроенные города с кипучей, чисто американской жизнью, с влиятельными газетами, с музеями и университетами, готовые соперничать со старейшими культурными центрами Европы.

Я видел огромные фабрики и заводы с могучими машинами и станками, приводимыми в действие паром или электричеством. Тонкие кирпичные трубы промышленных предприятий, пронзившие небо, извергают клубы рыжевато-черного дыма. Когда паровой молот весом в тысячи тонн кует железо, штампует сталь, на много миль вокруг заводских зданий дрожит земля. Воздух здесь насыщен угольной копотью, и едкая черная пыль лежит на зелени деревьев и травы.

По шоссейным дорогам, асфальтовой паутиной покрывшим землю, несутся блестящие автомобили, оставляя за собой голубоватые облака выхлопных газов и тучи пыли.

Над бурными потоками, над пропастями висят сплетенные из тонких металлических нитей мосты. Иногда в небе покажется гигантская игла с подвешенной под ней платформой. Это управляемый воздушный шар.

По ночам улицы городов и маленьких поселков залиты ярким светом. Это служит человеку покоренная им великая сила природы — электричество. Источником его стали водопады.

К 92

Купер Ф. Прерия.-Запорожье: Рахівська культура, 1992.— с. ил.

Роман «Прерия» пятая заключительная книга пятикнижия американского писателя-романтика Фенимора Купера (1789—1851) посвященного истории освоения Северной Америки англо-саксонскими колонистами. Действие романа происходит в прериях Среднего Запада США в 1804 году. Герои романа — охотники, следопыты, индейцы — ведут борьбу за выживание в суровых условиях дикой природы.

052

— полиграфическое

5—2

© Издательство «Прерия-Запорожье» Перевод 1991

1993 Сорин.

иллюстрации.

ВВЕДЕНИЕ

Геологическое строение той части Америки, что ныне известна между Аллеганами и Скалистыми горами, порождало немало остроумных теорий. В самом деле, обширный Прерийный край представляет собой плоскую равнину тысяч миль с востока на запад, и ни один горец, поднявшись на вершину Высокого хребта, не встретит ни одной возвышенности, которая могла бы нарушить однообразие открывающегося перед ним пейзажа. Одни ученые думают, что территория, включающая в себя страны к западу от Миссисипи, некогда лежала под водой. Другие, напротив, считают, что она принесена сюда плавучими льдами. Есть основания думать, что территория, включающая в себя страны к западу от Миссисипи, некогда лежала под водой. Другие, напротив, считают, что она принесена сюда плавучими льдами. Ни одна из этих теорий не может быть принята без возражений. Природа, которая в целом была столь щедра к этим землям, отказала им в одном: в достаточном количестве воды. Великие озера, настолько глубокие, что французы называют их морями, являются единственными водоемами, которые заслуживают этого названия. Вот почему в этих краях, где нет ни рек, ни ручьев, ни источников, путешественник, оказавшийся в открытой прерии, может умереть от жажды, если не будет знать, где найти воду. Когда же на смену равнинам приходят холмы, а затем и горы, положение меняется. Высокие хребты, которые тянутся с севера на юг, задерживают облака, несущие влагу с Тихого океана, и на всем протяжении от Скалистых гор до Миссисипи выпадают обильные дожди. Реки, берущие начало в горах, несут свои воды в Миссисипи, которая, в свою очередь, впадает в Мексиканский залив. Таким образом, вся территория, о которой идет речь, дренируется одной системой рек, и ни одна капля дождя, упавшая на эту землю, не теряется бесследно.

Однако, несмотря на обилие воды, прерии остаются в основном безлесными. Почему? Этот вопрос задавали себе многие поколения ученых, и ответы на него были самыми разными. Одни объясняют отсутствие деревьев тем, что почва здесь слишком бедна для их роста. Другие утверждают, что причина кроется в климате: слишком сухое лето не дает молодым побегам окрепнуть. Третьи винят в этом индейцев, которые, по их мнению, выжигали леса, чтобы расширить пастбища для своих стад. Каждая из этих гипотез имеет свои слабые стороны, и ни одна не может претендовать на полное объяснение. Скорее всего, причина кроется в сочетании всех этих факторов, действующих на протяжении столетий.

Для путешественника, впервые пересекающего прерии, самое трудное — это ориентироваться в пространстве. Здесь нет ни дорог, ни троп, ни каких-либо ориентиров, которые могли бы помочь человеку, привыкшему к лесам и горам. Солнце, звезды, направление ветра — вот все, что остается в его распоряжении. Опытные следопыты, такие как Натаниэль Бампо, читают по этим приметам, как по книге, но для новичка даже самый ясный день может обернуться ловушкой. Стоит ему потерять из виду свой отряд, и он рискует заблудиться навсегда.

Перевод с [illegible]
Р. М. Гальперин[illegible], [illegible] К. р[illegible]ной,
В. Н. К[illegible]
[illegible]

Купер Джеймс Фенимор
С[illegible]
[illegible]
ИСБН
[illegible] — М:
[illegible]

Глава I

[illegible] плоть.
[illegible] — храм, господь!
[illegible] сор.
[illegible] а с давних пор.
[illegible] Священные песни!

Кто не [illegible] величия исходит от необычайно[illegible] самые смелые мысли [illegible] увлекает в бездны неизмеримых [illegible] живостью ощущает [illegible] [illegible]ство. Не может оставаться бе[illegible] не зрит перед собой ширь [illegible] раскающего ночи находит наш [illegible] мощь которых в грандиозных [illegible] Нечто близкое не в силах [illegible] порождению восторгу и благоговению [illegible] раскинув[illegible] [illegible] четверо [illegible] открыть [illegible] [illegible] мужчин [illegible]

Содержание

КЛЕОПАТРА

(Повесть о крушении надежд и мести потомка египетских фараонов Гармахиса, написанная его собственной рукой)

Перевод Ю. Жуковой

Книга первая
ИСКУС ГАРМАХИСА
21

Книга вторая
ПАДЕНИЕ ГАРМАХИСА
77

Книга третья
МЕСТЬ ГАРМАХИСА
215

ВЛАДЫЧИЦА ЗАРИ

(История одной любви из времен Древнего Египта)

Перевод И. Архангельской
295

А. Темчин
РОМАН И ИСТОРИЯ
556

Комментарии
563

От автора

Многие историки, изучающие этот период античности, считают гибель Антония и Клеопатры одним из самых загадочных трагических эпизодов прошлого. Какие злые силы, чья тайная ненависть постоянно отравляли их благоденствие и ослепляли разум? Почему Клеопатра бежала во время битвы при мысе Акциум и почему Антоний кинулся за ней, бросив свой флот и войско, которое Октавиан разбил и уничтожил? Сколько вопросов, сколько загадок,— кто знает, быть может, в этом романе мне удалось хоть часть их разгадать.

Однако я прошу читателя не забывать, что повествование ведется не устами нашего с вами современника, а как бы от лица древнего египтянина, потомка фараонов, который пламенно любил свою отчизну и пережил крушение всех своих надежд; не простодушного невежды, который наивно обожествлял животных, но образованнейшего жреца, посвященного в сокровенные глубины тайных знаний, свято верившего, что боги Кемета воистину существуют, что человек может вступать с ними в общение и что мы живем вечно, переходя в загробное царство, где нас осуждают за содеянное зло или оправдывают, если мы его не совершали; ученым, для которого туманная и порой примитивная символика, связанная с культом Осириса, была всего лишь пеленой, специально сотканной, чтобы скрыть тайны Священной

Глава I

СОН РИМЫ

В Египте шла война. Египет разделился надвое. На севере, в Мемфисе, в Танисе, в плодородном краю Дельты, где Нил изливается в море великим множеством рукавов, бесчинно властвовало племя, чьи предки много поколений тому назад, подобно наводнению, хлынули на Египет, разрушили его храмы, низвергли богов и завладели всеми богатствами страны. На юге, в Фивах, наследники древних царей едва удерживали власть, вновь и вновь пытаясь изгнать жестоких азиатских или бедуинских властителей, прозванных гиксосами, чьи флаги развевались над стенами северных городов Египта.

В этом потомки фараонов Древнего Египта потерпели неудачу, потому что еще не обрели силу, час их решительной победы еще не наступил и не о том наше повествование.

Царевна Нефрет,— а имя это означает Прекрасная,— впоследствии известная как Объединительница страны, была единственным дитя фиванского властителя Антефа Хеперра́ и его супруги, царицы Римы, дочери царя вавилонского Дитаны, который выдал ее за Хеперра, дабы придать ему новые силы в давней борьбе с гиксосами, коих звали также аати, или носители бед. Нефрет суждено было стать первым и, увы, последним плодом этого союза, ибо вскоре после ее рождения фараон Хеперра, отец ее, со всем войском, что удалось собрать, двинулся вниз по Нилу, желая сразиться с аати, на-

...США
...-41

Stephen King
IT

Перевод с английского
С. А. Леднева

Глава 1

ПОСЛЕ НАВОДНЕНИЯ (1957)

1

Ужасные события, случившиеся двадцать восемь лет на-
зал, которым не видно было конца, да и кончились ли они,
ще неизвестно, — начались, насколько я знаю, с бумажно-
го корабли́ка, свернутого из газетного листа и пущенного по
по сточной канаве, где бурлили потоки дождя.

Кораблик подпрыгивал, кренился, замедлял ход, об-
ретя равновесие, снова летел стремглав и кормою вперед по
роты по Витчем-стрит, держа курс к светофору, что стоял
на перекрестке.

В тот день — это было осенью 1957 года — фонари со-
тофора не включались, дома тоже остались без света. Всю
прошедшую неделю шел дождь, а два дня тому назад
сильный ветер. В большинстве районов Дерри вышли из
строя электросеть, и к тому дню, о котором идет речь, с
ще не восстановили.

За бумажным корабликом бежал вдоль канавы мальчик
том непромокаемом плаще и красных галошах. Дождь
много стихал. Он глухо стучал по мостовой и
ись в ушах точно кашель, бьющие по крышам струи
ный звук, напевающий мысли об уюте. Мальчик в
плаще звали Джорджем Денбро. Его старшему
ельным (большинству ребят из местной начальной
лы и даже учителям он был известен под
и Заика, учителям он был известен под
но) сидел дома. У него
Накануне его буквально
ня, но теперь

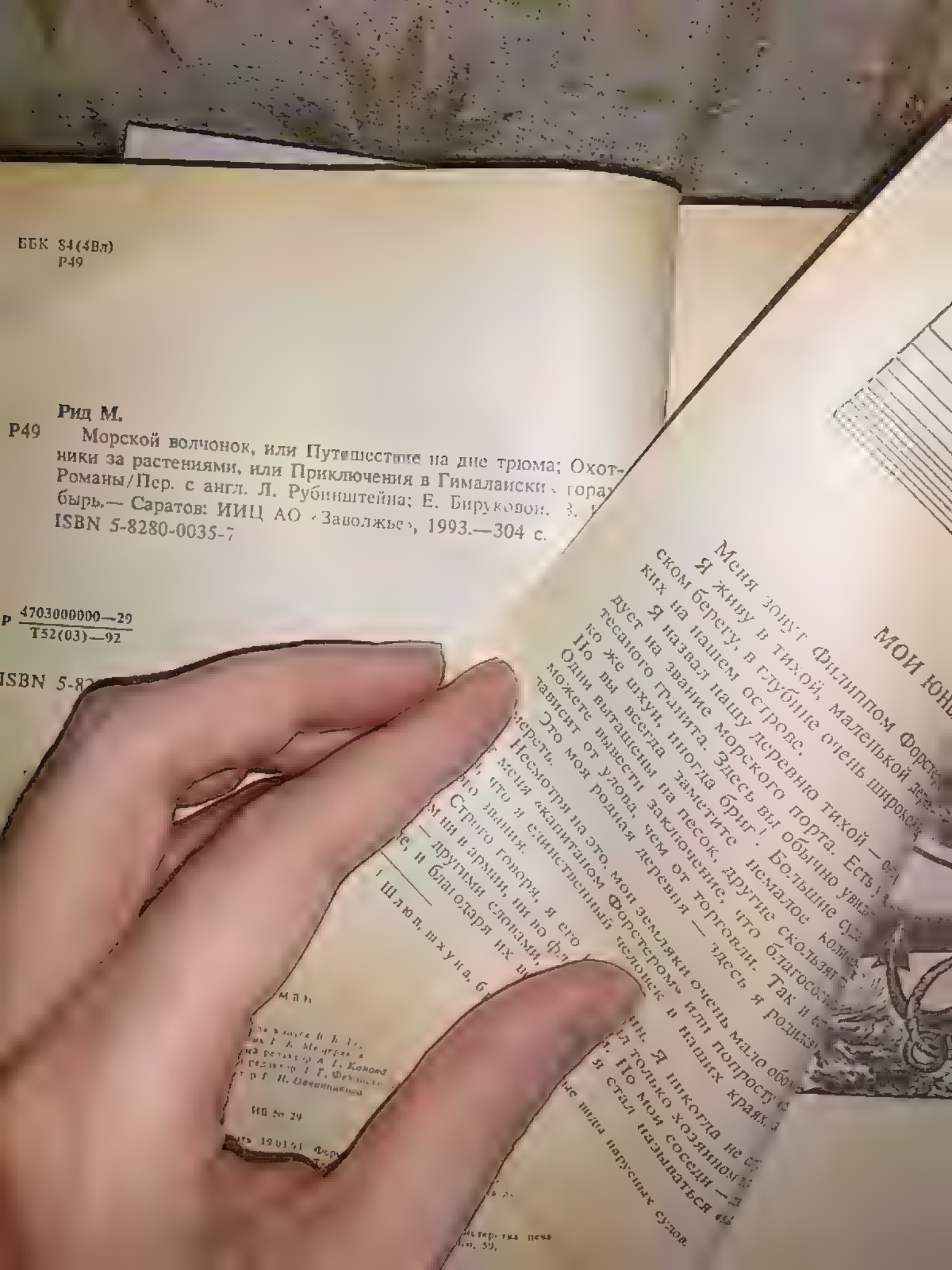
ББК 84(4Вл)
Р49

Рид М.

Р49 Морской волчонок, или Путешествие на дне трюма; Охотники за растениями, или Приключения в Гималаиских горах: Романы/Пер. с англ. Л. Рубинштейна; Е. Бирюковой. З. [illegible] быль.— Саратов: ИИЦ АО «Заволжье», 1993.—304 с.
ISBN 5-8280-0035-7

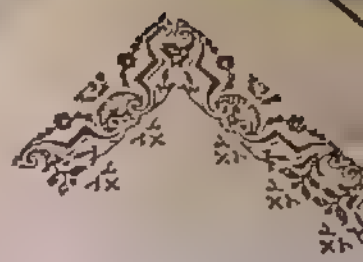
Р $\frac{4703000000-29}{Т52(03)-92}$

ISBN 5-82

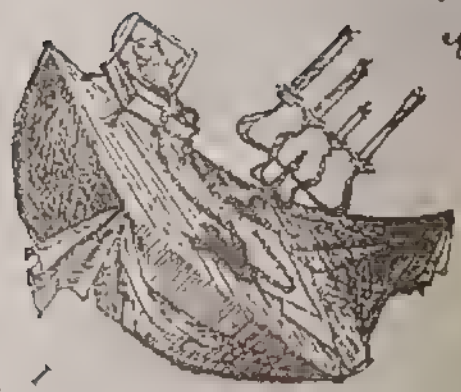


Печатается по изданию:
Дюма Александр Собрание сочинений: В 15 т.
М.: Правда, 1990 Т. 2

Издание осуществлено при участии
НОВОСИБИРСКОГО ОБЛАСТНОГО ПЕНСИОННОГО ФОНДА.
Часть прибыли будет использована
на благотворительные цели
и для поддержки новосибирских писателей фронтовиков.



Час
ВПОРО



I

НИЩИЙ ИЗ ЦЕРКВИ СВ. ЕВСТАФИЯ

Д'Артаньян нарочно не отправился с Коменжем прямо в Пале-Рояль, чтобы дать ему время сообщить кардиналу о выдающихся услугах, которые он, д'Артаньян, вместе со своим другом оказал партии королевы.

Кардинал принял их как нельзя более любезно. Наговорил им всевозможных учтивостей и намекнул, что оба находятся на полпути к тому, чего, то есть д'Артаньян — к чину капитана, титулу барона.

Д'Артаньян предпочел бы всему этому [illegible] знал, что Мазарини щедр на обещания [illegible] нение, и потому считал, что посулам [illegible]

© САВИН В. Н., офо[illegible]

Составитель Сагань И. К.

Гете И.-В.
Избранное: Пер. с нем. / Сост. И. К. Сагань.—
Донецк: Донбас, 1989.— 164 с.— (Шк. б-ка).
ISBN 5—7740—0129—6 (в пер.): 45 к., 50 000 экз.

Книга составляет роман «Страдания юного Вертера» и [illegible] лирика великого [illegible] поэта и писателя И.-В. Гете [illegible] в IX [illegible] по программе обзор. [illegible]

[illegible]0—037
[illegible]—89 76—89

И (Нем)

Печатается по изданию.
Гете И.-В. Собрание сочинений. В 10 т.
М.: Худож. лит., 1975—1980

СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕ

Я бережно собрал все, что удалось мне разузнать [illegible] бедного Вертера, предлагаю ее вашему вниманию и [illegible] ей будете мне за это признательны. Вы проникнетесь [illegible] и уважением к его уму и сердцу и прольете слезы над его [illegible]

А ты, бедняга, подпавший тому же искушению, [illegible] в его страданиях, и пусть эта книжка будет тебе другом, [illegible] воле судьбы или по собственной вине ты не найдешь себе [illegible] все близкого.

Книга первая

4 мая 1771 г.

Как счастлив я, что уехал! Бесценный друг, что такое сердце человеческое? Я так люблю тебя, мы были неразлучны, а теперь расстались, и я радуюсь! Я знаю, ты простишь мне это. Ведь все прочие мои привязанности словно нарочно были созданы для того, чтобы растревожить мне душу. Бедняжка Леонора! И все-таки я тут ни при чем! Моя ли вина, что страсть росла в сердце бедной девушки, пока меня развлекали своенравные прелести ее сестрицы! И все же — совсем неповинен? Разве не давал я пищи ее увлечению [illegible] были мне приятны столь искренние выражения [illegible] которыми мы частенько смеялись, хотя [illegible] не было, разве я... Ах, да смеет ли [illegible] постараюсь исправиться, обещаю [illegible] постараюсь и буду, по [illegible] из-за всякой мелкой [illegible] судьба; я буду [illegible] останется про[illegible] кто их зн[illegible] горазд[illegible] во[illegible]

СОДЕРЖАНИЕ

ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА 5
Перевод *Б. А. Грифцова*
I. Талисман 7
II. Женщина без сердца 57
III. Агония 133
Эпилог 199

ЕВГЕНИЯ ГРАНДЕ 201
Перевод *Ю. Верховского*

ГОБСЕК . . . . . [illegible]
Перевод *Н. Немчиновой*

Е. Петрова. О. Бальзак и его «Человеческая комедия» . . . . . [illegible]

Примечания *Н. Муравьевой, Я. Лесюка* . . . . . [illegible]

Оноре Бальзак

ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА
ЕВГЕНИЯ ГРАНДЕ
Романы

ГОБСЕК
Повесть

Редактор *В. Поганов*
Художник *О. Ра[illegible]*
Художественный редактор *В. Иванов*
Технический редактор *Л. Борисова*
Корректоры *Н. Попова, Н. Соколова, [illegible]*
ИБ № 10[illegible]

I

ТАЛИСМАН

В начале прошлого октября один [illegible]
Пале-Рояль, как раз к тому времени, [illegible]
ные дома — согласно закону, охра[illegible]
жащей обложению по само[illegible]
поднялся по лестнице [illegible]
— Не угодн[illegible]
[illegible]ртвенно-[illegible]
тени [illegible]

[illegible] я
[illegible] знь
[illegible] жаза-
[illegible] ался он
[illegible] существа,
[illegible] одоконником
[illegible] ми чертами ме-
[illegible] нного в верхней
[illegible] поднимается в гору
[illegible] олюдной, летом жарко,
[illegible] нем; примечательна она
[illegible] ого булыжника, постоянно
[illegible] о пути, тишиною своих домов,
[illegible] у, над которым высятся древние
[illegible] ковые эти постройки, хотя и де-
[illegible] ородный внешний вид их способству-
[illegible] щему к этой части Сомюра внимание лю-
[illegible] дей искусства. Трудно пройти мимо этих
[illegible] ться огромными дубовыми брусьями, концы
[illegible] ые причудливыми фигурами, увенчивают чер-
[illegible] ми нижний этаж большинства этих домов. Пе-
[illegible] лки покрыты шифером и вырисовываются синева-

[illegible] ее посвящении
[illegible], как вам, обязан я в
[illegible] Сделавшись предметом за-
[illegible], мой труд для меня самого
[illegible] единый авторитет. Примите
[illegible]сти; как бы велика она ни
[illegible] красноречия и

Гюстав Флобер.

Луи Буйле

I

Мы готовили уроки, [illegible] директор, а за ним новичок в [illegible] и служ[illegible], который нес большую парту. Задремавшие проснулись, и все вскочили, словно только что оторвались от работы.

Директор знаком велел нам сесть [illegible] воспитателю:

— Вот, господин Роже, рекомендую вам нового ученика. Он поступает в пятый класс, но, если заслужит своими [illegible] и поведением, перейдет в старшие, ка[illegible] ему [illegible].

[illegible]

Хотя он был [illegible] был еле [illegible] в кружок, [illegible] Из [illegible] груди [illegible] в церкви, не [illegible]

Содержание

Д. Крепостнов. «Герои вчерашних дней»? . . 3
Только для личного ознакомления. Пер. С. Петухова 8
«Risico». Пер. С. Петухова 42
Цена изумрудного шара. Пер. С. Катасонова 73
Грязная работа. Пер. С. Катасонова 92
Раритет Гильдебранда. Пер. С. Петухова 110
Вариант утешения. Пер. С. Петухова 142

© Составление, Б. М. Белкин, 1991
© Перевод, С. Петухов, 1991
© Перевод, С. Катасонова, 199
«For your eyes only»
Из сборника «For your eyes only»
© 1959, by Ian Fleming
«Risico»
Из сборника «For your eyes only»
© 1959, by Ian Fleming
«The property of the lady»
Из сборника «Octo
© 1961, by Ian F
«The living daylights»
Из сборника «Octo
© 1961, by
«The Hildebrand Rarity»
Из сборника «For
© 1
«The Quantum of Solace»
Из сборника
Художественн
издательств

«ГЕРОИ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ»?..

Если вам, у[illegible] разведывательную [illegible] у виска. Отпираться [illegible]

Вот вы, солидный [illegible] словоохотливой [illegible] настроение начальства [illegible] супруга ваша перемеж[illegible] кулинарные рецепты хитрыми [illegible] перемещения на кафедре. Сыно[illegible] ки соседке по парте, а в результате [illegible] задачу во время контрольной. Ну что, [illegible]

Но если говорить серьезно, то [illegible] информации — продукт естественной [illegible] добыванием информации занимаются [illegible] деятельность эта порой приобретает [illegible]

Разведка была всегда. Речь идет не о нас, [illegible] чтобы жить, а о профессионалах, живущих для того, чтобы [illegible] ку. Часто они платят за это жизнью. И не только своей [illegible]

Когда-нибудь обнародуют все-все-все тайны [illegible] служб мира, и человечество ахнет, неприятн[illegible] стью в который раз переписывать истори[illegible] щие рядом с нами, были вовсе не те [illegible] изображенная на карте, не та ст[illegible] календаре. Впрочем, карты в[illegible] данным классика, врут во[illegible]

История разведки [illegible] с изюмом, нашпи[illegible] чительного [illegible] ное — кр[illegible] на гл[illegible]

[illegible] дни день вед[illegible] [illegible] пальц[illegible] [illegible] флирт со[illegible] [illegible] бумагами. [illegible] сплетни и [illegible] очередные [illegible] резин[illegible] и ответ на [illegible]

ТОЛЬКО ДЛЯ ЛИЧНОГО ОЗНАКОМЛЕНИЯ

Самая красивая птица на Ямайке (а некоторые считают — в мире) — вымпелохвостка, или колибри-доктор. Самец колибри около девяти дюймов в длину, причем семь из них приходится на хвост — два длинных черных пера, фестончатых по внутреннему краю, которые, перекрещиваясь, похожи на раскрытые ножницы. Крылья темно-зеленые, голова с хохолком и доверчиво [illegible] глаза-бусинки — черные, а грудь и брюшко изумрудно [illegible] такого яркого цвета, что, когда видишь птаху на солнце [illegible] зеленее ничего в мире нет. На Ямайке особо любимым [illegible] прозвища. Trochilus polytmus* окрестили птицей-доктором из-за хвостовых перьев, напоминающих фалды длиннополых сюртуков, что носили врачи в прежние времена.

Баловнями миссис Хавлок были две семьи этих птичек, жизнь которых — полеты за цветочным нектаром, ссоры, любовь, устройство гнезд и воспитание птенцов — она впервые наблюдала еще лет тридцать назад, когда, выйдя замуж, приехала в «Усладу». Теперь ей было за пятьдесят, и, конечно, за минувшие годы сменилось много поколений тех первых двух пар, которые ее свекровь назвала Пирамом и Фисбой и Дафнисом и Хлоей. Но последующая череда их потомков сохраняла эти имена, и сейчас миссис Хавлок, сидя за чайным столиком на прохладной широкой веранде, наблюдала, как Пирам с негодующим писком пикировал на Дафниса, тишком собравшего весь нектар с чужой китайской розы и без спросу залезшего в соседский куст педилянтуса** — исконное владение Пирама. Два крошечных черно-зеленых метеора пронеслись над лужайкой, усыпанной куртинами великолепных мальв и бугенвиллей, и скрылись из виду в цитрусовой роще. Скоро драчуны вернутся как ни в чем не бывало. Постоянно воевали они понарошку, ведь в прекрасно ухоженном саду нектара хватало на всех.

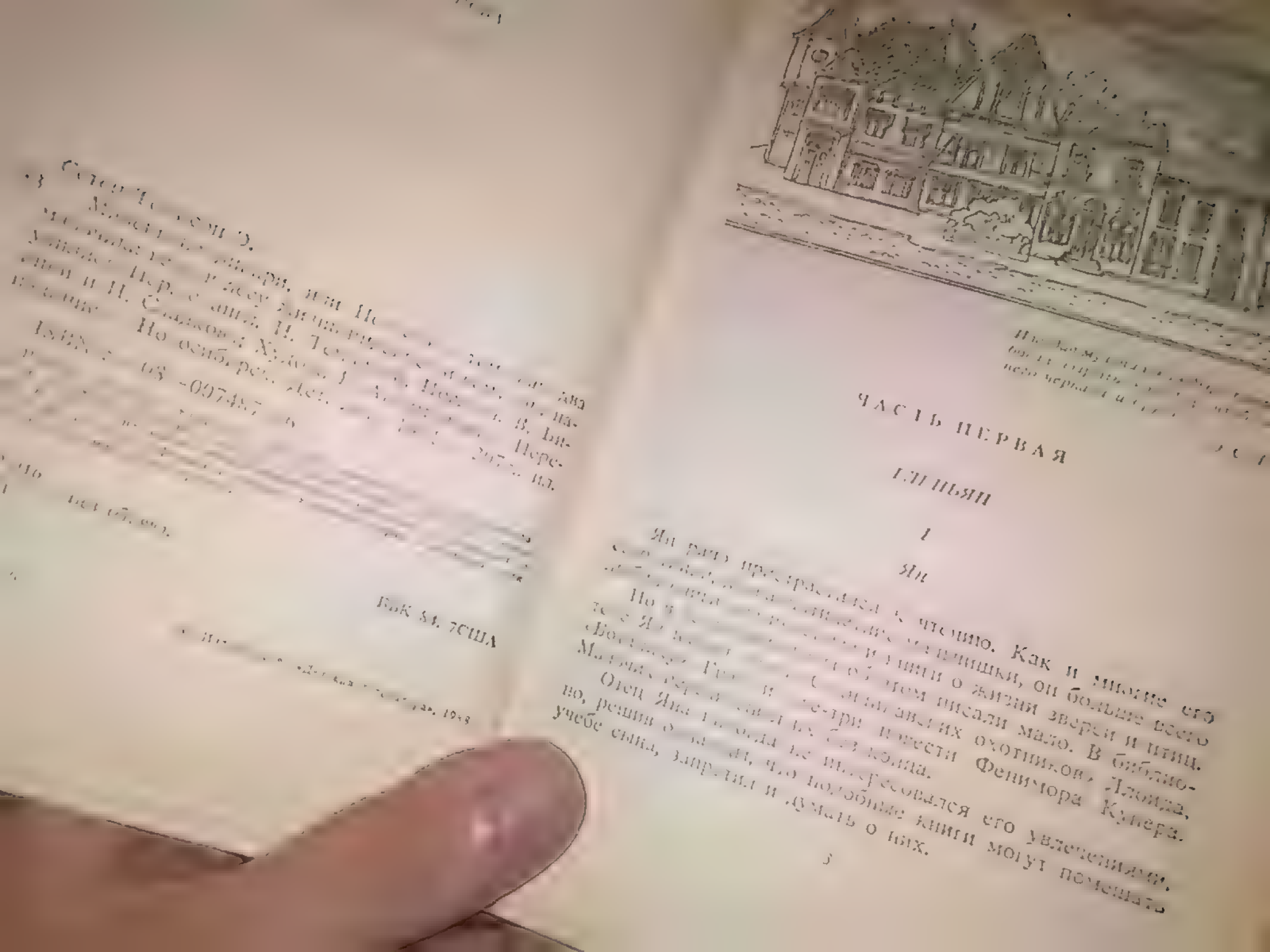
Поставив чайную чашку, миссис Хавлок сказала:

— Они и в самом деле невероятные притворы.

---

* Колибри вымпелохвостая (лат.) (Здесь и далее — прим. пер.)

** Тропическое растение



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЕЛЕНЬЯН

I

Ян

Ян рано пристрастился к чтению. Как и многие его [illegible] мальчишки, он больше всего [illegible] книги о жизни зверей и птиц. Но [illegible] об этом писали мало. В библиотеке Ян [illegible] Сандинавских охотников Ллойда, «Вот [illegible] Гиз» и [illegible] повести Фенимора Купера. Малыш [illegible] не [illegible] конца.

Отец Яна [illegible] не интересовался его увлечениями, но, решив о [illegible], что подобные книги могут помешать учебе сына, запретил и думать о них.

...ое издательство, 1980.

...ование Брюханова Д. А.

Т. 1. 11.

Чики из Коннектикута при дворе короля Артура: Роман/Пер с англ.— 304 с

...ка для детского ...
...М.: Дет. лит., ...
...ил. обл. ...

...4—006
...(03)—82 31.82.4703000000

И (Амер)

МАРК ТВЕН

...КОННЕКТИКУТА ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА

Редактор В. С. Петров
Художник Д. А. Брюханов
Художественный редактор Э. А. Лазаревич
Технический редактор Т. П. Рашина
...ректоры О. Н. Антюфеева, В. И. Пономарева

ИБ 1068

...Сор 12.08.81. Подписано в печать 26.10.81.
...08 32. Бум. тип. № 3. Гарнитура литературная.
...кая. Уч.-изд. л. 17,24 Усл.-печ. л. 15,96. Ти-
...(2-й ...завод — 75001—125000). Заказ 164. Цена

...нижное издательство. 344706. Ростов-на-Дону,
...ая. 23
...Калинина Ростовского управления изда-
...фии и книжной торговли. 344091. Ростов-на-
...ская 57.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Грубые за...ы и обычаи, о которых [illegible]
исторически вполне достоверны, и эпизоды, их
этому соответствуют тому, что нам рассказывают
...е берется утверждать, что все эти законы и обычаи
в Англии именно в шестом веке; нет, он только утверждает,
они существовали в Англии и в других странах в [illegible]
время, то можно предположить, не опасаясь стать ко...
что они существовали уже и в шестом веке. У нас есть, ...
...я считать, что если описанный здесь закон или обычай ...
...ел в те отдаленные времена, его с избытком заменил ...
той поры или обычай, еще более скверный.

Вопрос о том, существует ли в действительности такая ве...
...называют божественным правом королей, в этой книге м...
...тронут. Он оказался слишком сложным. Очевидно и бесспорно...
...главой исполнительной власти в государстве должен быть че...
...лек высокой души и выдающихся способностей; столь же очевид...
...но и бесспорно, что один только бог может, не опасаясь ошибить...
...ся, избрать такого человека; отсюда с очевидностью и бесспорно...
...го следует, что избрание его нужно предоставить богу; и это раз...
...мышление приводит к неизбежному выводу, что главу исполните...
...власти всегда избирает бог. Так, по крайней мере, казалось ...
...готору этой книги до тех пор, пока он не наткнулся на таких
...ставителей исполнительной власти, как мадам Помпадур, леди
Кастлмэн и прочие в том же роде; их до такой степени трудно
было отнести в разряд богом избранников, что автор решил эту
книгу (которая тогда еще не вышла в свет и осени) посвятить другим вопросам,
а потом, пожалуй, побольше опыта, приналечь и вопрос о наследст-
венной власти королей разрешить в следующей книге. Вопрос этот
должен быть разрешен, во что бы то ни стало, а значит мне, кстати,
делать будет нечего.

МАРК ТВЕН

Несколько пояснительных замечаний

С забавным незнакомцем, о котором я собира... рассказать, я
встретился в Варвикском замке*. Он мне поправился тем, ...
свойствами: покладистым простодушием, изумительно...

К славам, отмеченным звездочкой

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА

ПОВЕСТИ

Перевод с английского
Н. Дарузес

шка! Том,

комнату поверх
ату из-под очков.
озь очки на такую
е очки, ее гордость,
, и что-нибудь разгля-
как сквозь пару печных
потом сказала — не очень
могла ее слышать:
я добраться...
тала тыкать щеткой под кровать,
тычка. Она не извлекла оттуда

зни такого не видывала!
стежь двери, она остановилась на пороге
и огород — грядки помидоров, заросшие
ало и здесь. Тогда, возвысив голос, чтобы ее
ожно дальше, она крикнула:
де ты?
и послышался легкий шорох, и она оглянулась —
мя, чтобы ухватить за помочи мальчишку, прежде чем
гнул в дверь.
так и есть! Я и позабыла про чулан. Ты что там делал?

Глава I

[illegible]

[illegible]

СОДЕРЖАНИЕ

НУМА РУМЕСТАН. *Перевод Н. Рыковой* 3
ЕВАНГЕЛИСТКА. *Перевод М. Вахтеровой* 201
ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ. *Перевод О. Моисеенко* 355
Примечания 361

Над сколькими частными библиотеками можно было бы приклеить ярлык, как на аптечных склянках: «Для наружного употребления!»

О писателе, который работает регулярно изо дня в день, как ремесленник, — «бесшумная швейная машина».

Нашел у Сенеки прекрасную мысль:

«Честолюбцы подобны собакам, которым кидают куски мяса: они хватают их на лету и, разинув пасть, вытянув шею, вечно ждут следующего куска, а получив, проглатывают, не смакуя и даже не ощутив вкуса, — ненасытные».

Другая мысль Сенеки: «Слава всегда шагает с талантом (*virtus*) — она его тень».

Но, как и наша тень, она зависит от положения солнца: иногда она шагает впереди нас, а иногда идет позади.

Когда хотят, чтобы соловей хорошо пел, ему выкалывают глаза. Когда бог хочет создать великих поэтов, он выбирает двух или трех и посылает им великие страдания.

Человек выходит из драки с подбитыми глазами. Целятся всегда в глаза. Они наиболее живое, выразительное, дерзкое в человеческом лице. Глаз живет собственной жизнью, привлекает всех, вплоть до малышей, которым всегда хочется запустить в него пальцы.

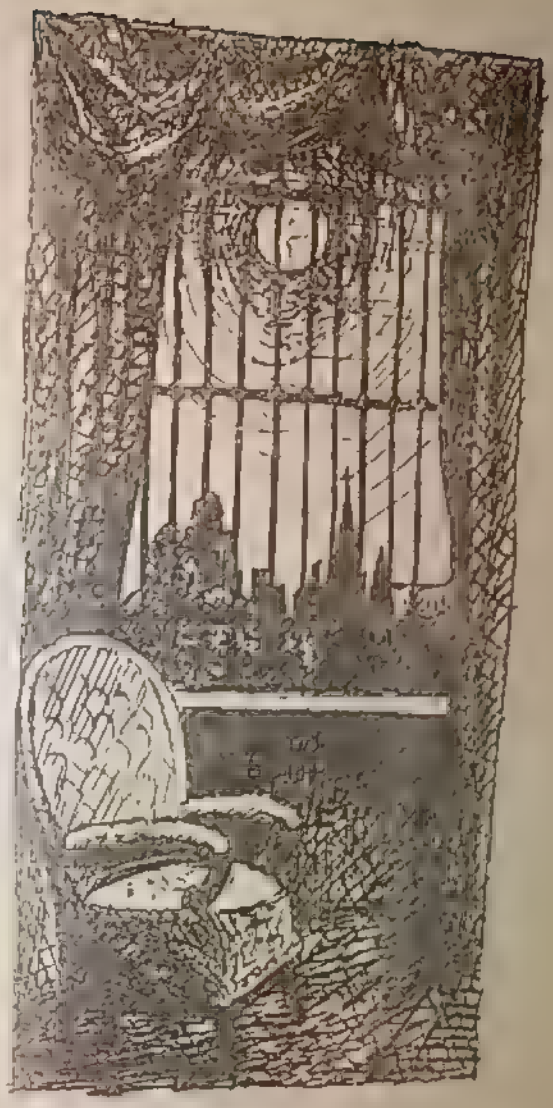
Если ты любим, то других забот тебе не надо.

Видел летним днем трогательную картину — бабочку, заблудившуюся в лучах солнца на площади Согласия. Жара, размягченный асфальт, и среди этой Сахары у самой мостовой порхала бабочка, ища прохладу в каплях воды, упавших из бочки при поливке улицы.

В своих описаниях природы Тургенев создает впечатление жаркой, пышущей зноем России, полнящейся жужжанием тяжелых, сытых пчел. Мне кажется, на протяжении всего его творчества снег выпадает только однажды.

Посвящаю это исследование блестящему ученому, профессору Ж. М. Шарко, врачу Сальпетриер.

А. Д.



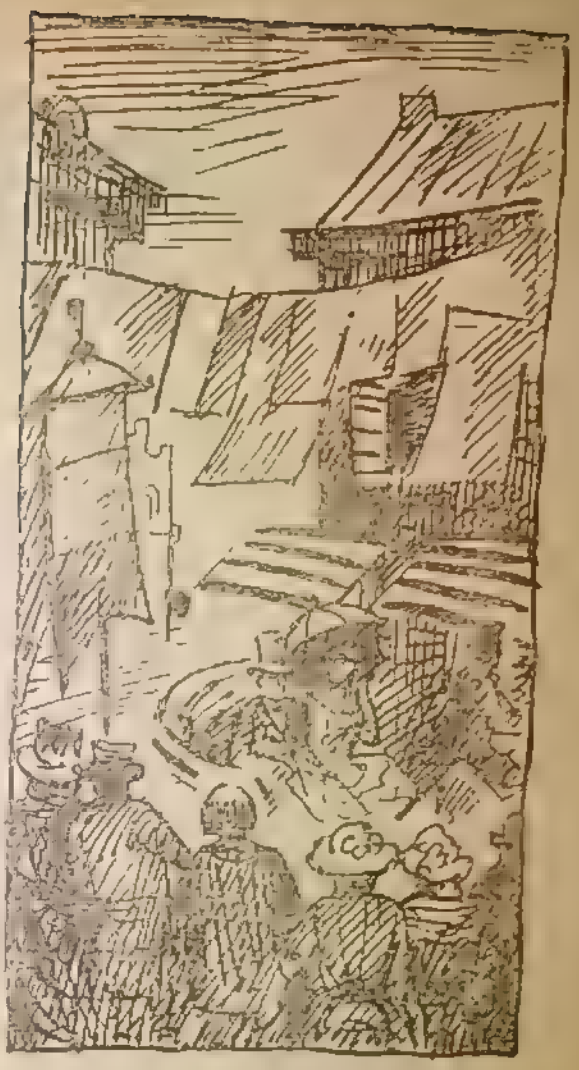
I

БАБУШКА

В сумерках они возвратились с кладбища в маленький домик на улице Валь-де-Грас. Бабушку только что похоронили, и, когда друзья разошлись, г-жа Эпсен с дочерью остались одни в тесной, опустевшей квартирке, где всякая мелочь напоминала об умершей; теперь им еще яснее представился весь ужас постигшего их несчастья. Даже там, на Монпарнасском кладбище, над раскрытой могилой, поглотившей родное существо, они не ощущали с такой остротой горечь непоправимой утраты, тоску вечной разлуки, как здесь, в уголке, у окна, перед пустым креслом. Теперь им казалось, будто бабушка умерла во второй раз.

Г-жа Эпсен, тяжело опустившись на стул, застыла неподвижно в своем траурном шерстяном платье, не в силах сбросить шаль и снять шляпку с густой креповой вуалью, обрамлявшей лестницами складками ее широкое, доброе, заплаканное лицо. Затем, шумно сморкаясь, вытирая распухшие от слез глаза, она начинает громко причитать и восхвалять доброту покойницы, ее веселый нрав, ее мужество, вспоминает разные случаи из своей жизни, из жизни дочери. Случайный прохожий мог бы узнать всю историю их семьи: он узнал бы, что двадцать лет назад г-н Эпсен, разорившийся на изобретениях датский инженер, приехал из Копенгагена в Париж хлопотать о патенте на электрические часы и что, потерпев неудачу, изобретатель внезапно умер, оставив в номере гостиницы беременную жену со старенькой матерью без всяких средств к жизни.

Ох, что бы сталось тогда с нею без бабушки, без ее вязального крючка! Старая датчанка неутомимо, днем и ночью вязала



I

НА АРЕНУ!

В это воскресенье, добела раскаленное июльское воскресенье, в городе Апсе, в Провансе, состоялось по случаю сельскохозяйственной выставки и спортивных состязаний большое дневное празднество в городском амфитеатре. Тут был весь город: ткачи с Новой Дороги, аристократия из квартала Калад и даже пришлые из Бокера.

«По меньшей мере пятьдесят тысяч человек!» — писала на следующий день хроника «Форума». Впрочем, здесь не обошлось без свойственного южанам преувеличения.

В сообщении все же была правда, ибо по всем ярусам старинного амфитеатра, на всех его разогретых солнцем каменных ступенях теснилась, как в блаженные времена Антонинов, огромная толпа народа, и надо сказать, что вся эта масса людей стеклась сюда отнюдь не ради местного празднества. Для того чтобы два часа простоять на пылающих плитах, под ослепляющим, убийственным солнцем, дышать жаром и пахнущей порохом пылью, сознавать, что вам грозит воспаление глаз, солнечный удар, злокачественная лихорадка, подвергаться всем опасностям, всем мукам того, что именуется на Юге дневным празднеством, — для всего этого отнюдь не достаточно было бега на ходулях, борьбы мужчин и подростков, игр в «души кота» и «прыг на бурдюк», соревнований флейтистов и тамбуринщиков — словом, всех местных зрелищ, обветшавших еще больше, чем стертый рыжеватый камень амфитеатра.

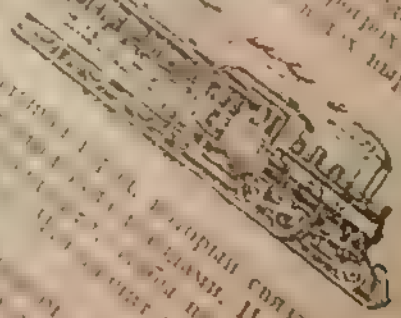
Больше всего привлекало зрителей присутствие Нумы Руместана.

Да, изречение «Нет пророка...» вполне справедливо, если говорить о людях искусства, поэтах, ибо земляки всегда последними

Перевод с английского
М. Волосова

Глава 1

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА МАГНИТА, И ВЛАСТИ СТИХИЙ



СОДЕРЖАНИЕ

Страница любви. Перевод М. Столярова

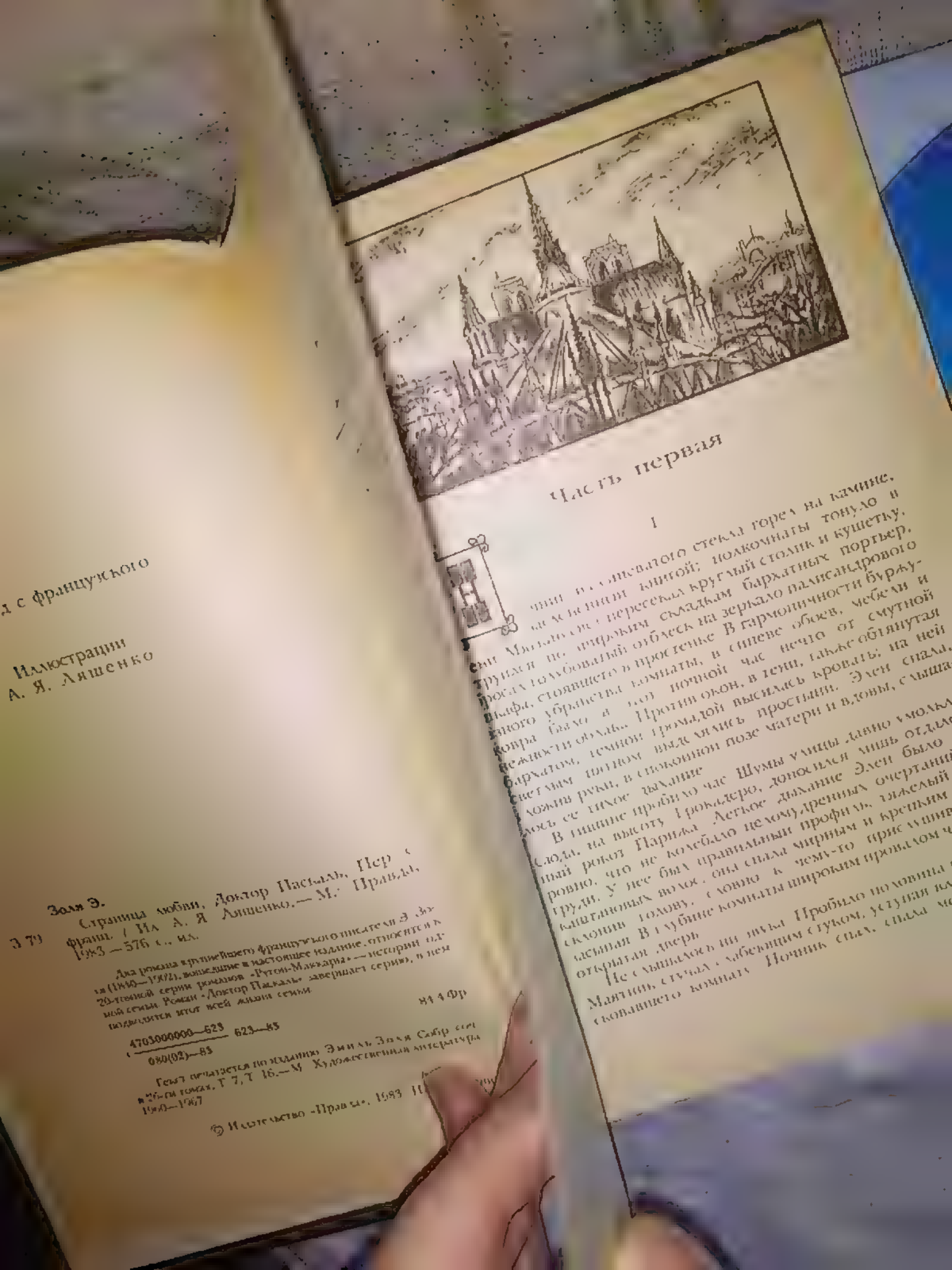
Доктор Паскаль. Перевод Г. Яхонтова

Эмиль Золя

СТРАНИЦА ЛЮБВИ

ДОКТОР ПАСКАЛЬ

Редактор И.



д с французского

Иллюстрации
А. Я. Ляшенко

Золя Э.
З 79 Страница любви, Доктор Паскаль, Пер. с франц. / Ил. А. Я. Ляшенко.— М.: Правда, 1983.— 576 с., ил.

Два романа крупнейшего французского писателя Э. Золя (1840—1902), вошедшие в настоящее издание, относятся к 20-томной серии романов «Ругон-Маккары» — истории одной семьи. Роман «Доктор Паскаль» завершает серию, в нем подводится итог всей жизни семьи.

4703000000—623 / 080(02)—85 623—85

84.4 Фр

Текст печатается по изданию Эмиль Золя. Собр. соч. в 26-ти томах. Т. 7, Т. 16.— М.: Художественная литература, 1960—1967.

© Издательство «Правда», 1983. И...

Часть первая

I

...чии и ...шеватого стекла горел на камине, ...ленной книгой; полкомнаты тонуло в ...ени. Мягкий свет пересекал круглый столик и кушетку, ...трудился по широким складкам бархатных портьер, ...росал голубоватый отблеск на зеркало палисандрового ...шкафа, стоявшего в простенке. В гармоничности буржуазного убранства комнаты, в синеве обоев, мебели и ковра было в этот ночной час нечто от смутной нежности облака. Против окон, в тени, также обтянутая бархатом, темной громадой высилась кровать; на ней светлым пятном выделялись простыни. Элен спала, ...ложив руки, в спокойной позе матери и вдовы, слыша...лось ее тихое дыхание.

В тишине пробило час. Шумы улицы давно умолкл... Сюда, на высоту Трокадеро, доносился лишь отдал... ный рокот Парижа. Легкое дыхание Элен было ...ровно, что не колебало целомудренных очертани... труди. У нее был правильный профиль, тяжелый ...каштановых волос, она спала мирным и крепким ...склонив голову, словно к чему-то прислушив... засыпая. В глубине комнаты широким провалом ч... открытая дверь.

Не слышалось ни звука. Пробило половина ... Маятник стучал слабеющим стуком, уступая ва... сковавшего комнату. Ночник спал, спала м...

Пшимановский Януш

П93 Четыре танкиста и собака. Повесть. Перевод с польского О. Ахметко и Л. Кашкуревича. «Мёбиус-Нова», Челябинск, 1993.

416 стр.

[illegible]

…6—012—Х
…007

© «Мёбиус-Нова», [illegible], оформление, 1993

Глава первая

ТИГРИНЫЕ УШИ

Второй раз за этот день они вышли на просеку. На влажной траве виднелись вмятины, оставленные [illegible] колес проехавшего здесь трактора. Следы были похожи на отпечатки длинных когтей какого-то мощного зверя. Муссон, душный с океана, утих. Дождь прекратился, но солнце было мутное и едва просвечивало сквозь тучи.

Старик остановился, с минуту осматривался, держа в руке штуцер, потом снова зашагал, свернув с просеки в лес. За стариком, опустив нос к земле, понуро плелась собака Мура. Янек замыкал шествие.

Сегодня им не везло. Правда, утром, [illegible] только они вышли из дому, Янеку удалось подстрелить двух фазанов, и теперь обе здоровенных птицы висели у него на поясе. Их длинные яркие хвосты почти доставали до [illegible]. Оба выстрела оказались меткими: [illegible] цель. Однако это была не та добыча, [illegible] зимой охотился на [illegible], чтобы потом можно было [illegible] мяса на несколько дней [illegible] подальше за Кедровую гору.

Просека осталась позади. Когда исчезли последние [illegible], старик стал забирать немного [illegible] вверх между деревьями. Внизу ро[illegible] бо, вверх по склону. Лес стоял стеной. [illegible] грабы со скрученными стволами и тесно [illegible] толстыми ветвями, выше зеленели [illegible] где больше воздуха и света, в низко[illegible] шинами корейские кедры.

Пробирались медленно, [illegible]. Прошло [illegible]. Они [illegible]

[illegible]

Широкоизвестный историко-приключенческий роман из эпохи Людовика XIII

Перевод с французского
В. С. ВАЛЬДМАН, Д. Г. ЛИВШИЦ
и К. А. КСАНИНОП

Послесловие
М. С. ТРЕСКУНОВА

Рисунки
И. С. КУСКОВА

Предисловие автора,

где устанавливается, что в героях повести, которую мы будем иметь честь рассказать нашим читателям, нет ничего мифологического, хотя имена их и оканчиваются на «ос» и «ис»

Примерно год тому назад, занимаясь в королевской библиотеке разысканиями для моей истории Людовика XIV, я случайно напал на «Воспоминания г-на д'Артаньяна», напечатанные — как большинство сочинений того времени, когда авторы, стремившиеся говорить правду, не хотели отправиться затем на более или менее длител... срок в Бастилию,— в Амстердаме, у Пьера Ру... вие соблазнило меня: я унес эти мемуары ... ся с позволения хранителя библиоте... набросился.

Я не собираюсь подроб... ное сочинение, а то... тем моим чита... шлого. О... рук...

Часть первая

[illegible] но мужчины вряд ли от- [illegible] близнецам Тарл- [illegible] уж причудливо [illegible] матери — местной [illegible] — и крупные, вы- [illegible] ирландца. [illegible] Скарлетт невольно при- [illegible] чуть раскосые, светло-зе- [illegible] как лепесток [illegible] женщины [illegible] и ми- [illegible] четкие [illegible] — от переносицы к

Широко [illegible] ковывало к [illegible] леные, про [illegible] магнолии, [illegible] тенками от жарк [illegible] линии бровей стремительно взлетали ко [illegible] вискам.

Словом, она являла вз[illegible] у очаров[illegible]льное зрел[illegible] [illegible] стве Стюарта и Брента Тарлтонов в прохладной те[illegible] просторного крыльца Тары—обширного поместья своего отца [illegible] 1861 год, ясный апрельский день клонился к вечеру. Новое зеленое в цветочек платье Скарлетт, на которое пошло двенадцать ярдов мус- лина, воздушными волнами лежало на обручах кринолина, находясь в полной гармонии с зелеными сафьяновыми туфельками без каблу- ков, только что привезенными ей отцом из Атланты. Лиф платья как нельзя более выгодно обтягивал безупречн[illegible] тонкую в трех графствах штата [illegible] шестнадцати лет бюст. Но ни [illegible] ность прически — [illegible] тугим [illegible] лос,— ни степенно сложенные на коленях [illegible] могли ввести в обман зеленые [illegible] сколько в них было своенравия и огн[illegible] [illegible]ветской сдержанностью манер [illegible] [illegible]туры. Манеры были результатом [illegible] суровых нахлобучек Мамушки [illegible] Но обе стороны от нее, небр[illegible] [illegible] скрещенные в лодыжках [illegible] ноги первоклас[illegible]

Митчелл М.
М67 [illegible] Роман. Т. 1 / Пер. с англ. [illegible] — М.: Художеств. лит., 1991. — 461 с.
ISBN 5-280-[illegible] (Т. 1)

ББК 84.7США

Часть первая

I

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Я был там, был с детства, так что в моей памяти еще не изгладились мелкие сцены обыденной жизни: я еще ясно помню лица встреченных там людей, их речи, их жесты.

Повсюду пролегают бесчисленные линии железных дорог, и огромные локомотивы мчат [illegible] с быстротой длинные поезда, вагоны которых [illegible] пассажирами и грузами, перевозимыми с запада на восток и обратно.

На станциях высятся элеваторы, куда фермеры из окрестностей свозят осенью после жатвы миллионы пудов золотой пшеницы, пригоняют отправляемый в Чикаго на тамошние бойни крупный, могучий, выхоленный, породистый скот.

Здесь и там — людские муравейники, имени которых никто не знал еще десять — двадцать лет назад; а теперь эти города своим благоустройством, своей кипучей, чисто американской жизнью, своими влиятельными газетами, своими музеями и университетами собираются перещеголять старейшие культурные центры Европы.

Я видел, как взрыты недра матери-земли, как тысячи и тысячи рудокопов копошатся там, добывая «черное золото» или «черные бриллианты», душу современной промышленности — каменный уголь, доставая драгоценную железную руду.

Я видел огромные фабрики и заводы с чудовищно

Настоящее издание печатается по тексту.
[illegible] по Сальгари «Ловцы трепанга»
[illegible] «Молодая гвардия», Москва — Ленинград, 1928.

Перевод с итальянского

Глава первая

У БЕРЕГОВ АВСТРАЛИИ

В первых числах апреля 18... года вдоль берегов земли Карпентарии, [illegible] нашего пункта Австралии на северо-востоке, медленно [illegible] один из тех причудливых кораблей, которые [illegible] называют тс-ао-ш-ван, а европейцы переименовали в «джонку». Джонки строятся грубо и выглядят тяжеловесными, нос их округлен, корма высоко поднята и расширена, а высокие мачты оснащены громадными парусами.

На борту джонки сустилось около тридцати низкорослых желтокожих, с раскосыми глазами и курчавыми волосами; одни из них были почти голы, другие — одеты в широкие блузы и штаны из красной холстины. Кто-то бегал по палубе, остальные выстроились вдоль бортов, готовые броситься к снастям для выполнения маневра.

На рубке стоял высокий человек лет сорока, одетый по-европейски. Его энергичное лицо было обветрено и опалено солнцем южных морей.

То был капитан джонки.

Он внимательно разглядывал в подзорную трубу австралийский берег.

Позади него стояли двое юношей: один — лет шестнадцати, другой — двадцати. Они, по-видимому, с нетерпением ожидали результатов наблюдений капитана.

— Ну что, дядя? — вырвалось вдруг у младшего.

— Я не вижу ни одного живого существа на берегу, — ответил капитан.

— А где же бухта?

— Прямо перед нами, приблизительно в двух лье.

— Ты уверен, что не ошибаешься?

— Моряк в таких случаях никогда не ошибается. Здесь я и ловил трепанга в прошлом году, я [illegible] помню местность.

Боккаччо Д.

Декамерон. Пер. с итал. Н. Любимова — Владикавказ. Ир, 1992 — 671 с.

ISBN 5—7534—0421—9

«Декамерон» (1350—1353) — произведение, которое ввело автора, итальянского писателя эпохи Раннего Возрождения Джованни Боккаччо (1313—1375), в пантеон величайших мастеров мировой литературы. В «Декамероне» Боккаччо изображает [illegible] картин жизни итальянского общества, осмеивает [illegible] и осмеивает средневековый аскетизм.

Б 4703010100—61 / М131(03)—92 123—92

84.ИНТ

Джованни Боккаччо

ДЕКАМЕРОН

Редактор *З. У. Дзуцева*
Художественный редактор *В. А. Биджелов*
Технический редактор *А. В. Ядыкина*

ИБ № 2475

Сдано в набор 05.02.92. Подписано к печати 16.06.92. Формат бумаги 84×108 32. Бум. офс. № 2. Гарн. шрифта «Таймс». Печать высокая. Усл. п. л. 35,28. Усл. кр.-отт. 35,53. Учетно-изд. листов 38,99. Тираж 100 000. Заказ № 0177. Цена С 61.

Издательство ИР Государственного комитета Северо-Осетинской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 362040, г. Владикавказ, проспект Мира, 25.

Издательско-полиграфическое и книготорговое производственное объединение «Адыгея» Комитета по печати и информации Республики Адыгея, 352700, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.

НАЧИНАЕТСЯ КНИГА, НАЗЫВАЕМАЯ ДЕКАМЕРОН, ПРОЗЫВАЕМАЯ ПРИНЦ ГАЛЕОТТО,

В КОЕЙ СОДЕРЖИТСЯ СТО ПОВЕСТЕЙ, РАССКАЗАННЫХ НА ПРОТЯЖЕНИИ ДЕСЯТИ ДНЕЙ СЕМЬЮ ДАМАМИ И ТРЕМЯ МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Сострадать страждущим — черта истинно человеческая, и хотя это должно быть свойственно каждому из нас, однако же в первую очередь мы вправе требовать участия от тех, кто сам его знал и в ком-либо его находил. Я как раз принадлежу к числу людей, испытывающих в нем потребность, к числу людей, кому оно дорого, кого оно радует. С юных лет и до последнего времени я пылал необычайною, возвышеннейшею и благородною любовью, на первый взгляд, пожалуй, не соответствовавшей низкой моей доле, и хотя умные люди, которым это было известно, хвалили меня и весьма одобряли, со всем тем мне довелось претерпеть лютейшую муку, и не из-за жестокости возлюбленной, а из-за моей же горячности, чрезмерность коей порождалась неутоленной страстью, которая своею безнадежностью причиняла мне боль нестерпимую. И вот, когда я так горевал, веселые речи и утешения друга принесли мне столь великую пользу, что, по крайнему моему разумению, я только благодаря этому и не умер. Однако по воле того, кто, будучи сам бесконечен, установил незыблемый закон, согласно которому все существующее на свете долженствует иметь конец, пламенная любовь моя, которую не в силах были угасить или хотя бы утешить ни мое стремление побороть ее, ни дружеские увещания, ни боязнь позора, ни грозившая мне опасность, с течением времени сама собой сошла на нет, и теперь в душе моей осталось от нее лишь то блаженное чувство, какое она обыкновенно вызывает у людей, особенно далеко

...атается по изданию:
...ые произведения в двух томах, т. I, 1
...жественная литература, 1958.

Перевод Н. Волжиной

Оформление художника В. Беспалько

В 65

Войнич Э. Л. Н. Волжиной. Оформл. худож.
Овод / Пер. Н. Волжиной. Оформл. худож.
В. Беспалько.— Т.: Укитувчи, 1984.—272 с.

ББК 11(Англ)

...Укитувчи, 1984 г.

...84

*„Оставь: что тебе
Иисус Назареянин?"*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Артур сидел в библиотеке духовной семинарии в Пи-
зе и просматривал стопку рукописных проповедей. Стоял
жаркий июньский вечер. Окна были распахнуты на-
стежь, ставни наполовину притворены. Отец ректор, ка-
ноник Монтанелли, перестал писать и с любовью взглянул
на черную голову, склонившуюся над листами бумаги.
— Не можешь найти, carino? Оставь. Придется
написать заново. Я, вероятно, сам разорвал эту стра-
ничку, и ты напрасно задержался здесь.
Голос у Монтанелли был тихий, но очень глубокий и
звучный. Серебристая чистота тона придавала его речи
особое обаяние. Это был голос прирожденного оратора,
гибкий, богатый оттенками, и в нем слышалась ласка
всякий раз, когда отец ректор обращался к Артуру.
— Нет, padre², я найду. Я уверен, что она здесь. Ес-
ли вы будете писать заново, вам никогда не удастся вос-
становить все, как было.
Монтанелли продолжал прерванную работу. Гл...
за окном однотонно жужжал майский жук, а с у...
доносился протяжный, заунывный крик торговца...
тами «Fragola! Fragola!»³
— «Об исцелении прокаженного»,— вот она...
Артур подошел к Монтанелли мягкими, ...
шагами, которые всегда так раздражали ...
Небольшого роста, хрупкий, он скорее н...
яица с портрета XVI века, чем на юно...
английской буржуазной семьи. Сл...
было изящно, словно выточено. Д...
тонкие губы, маленькие руки, но...
кой его можно было принять ...
переодетую в мужское платье...
он напоминал прирученную...

---

1. Дорогой (итал.)
...ей (итал.); у итал...
...ликка! (итал.)

МОЯ ПЕРВАЯ КНИГА «ОСТРОВ СОКРОВИЩ»

В сущности, это была не первая моя книга, ведь я пишу не только романы. Отлично понимаю, что мой казначей, его величество читатель, и все прочее, написанное мною, взирает равнодушно, чтоб не сказать презрительно. Он признает меня не иначе, как в моем единственном и незыблемом качестве; и когда меня просят рассказать о первой моей книге, совершенно очевидно, что подразумевается мой первый роман.

Рано или поздно мне суждено было написать роман. Почему? Праздный вопрос. Люди появляются на свет с различными странностями, — с юных лет моей страстью было придумывать и связывать воедино несуществующие события, едва я обучился писать, как стал верным другом тех, кто делает бумагу. Бессчетные кипы ушли, должно быть, на «Ратиллета», «Пентландское восстание»[1], «Королевскую амнистию» (иначе: «Парк Уайтхед»), «Эдварда Даррена», «Контрданс» и «Западную вендетту»; утешительно вспоминать, что все они ныне обратились в пепел и преданы матери-земле.

Я назвал только немногие из бессчетных своих опытов, а именно те, которые достигли солидного объема, прежде чем были отринуты, но даже и они заняли долгие годы. «Ратиллет» был начат, когда мне было пятнадцать, «Вендетта» — в двадцать девять, и неудачи тянулись непрерывной чередою, пока мне не исполнился тридцать один год. К этому времени я успел стать автором небольших книжечек, коротеньких эссе, рассказов меня похлопывали по плечу и платили, но слишком мало, чтоб на то прожить. Я составил себе имя. Я попал в разряд преуспевающих. Я проводил дни свои в трудах, тщетность которых порою заставляла меня краснеть, ибо я, взрослый мужчина, отдавал этому делу все силы и все-таки не мог заработать на жизнь и по-прежнему сияла предо мною неосуществленная мечта. Раз десять а то и больше принимался я за дело, притом весьма горячо, и все-таки еще не написал романа. Все-все они, мои красавчики, какое-то время подвигались вперед, а потом вдруг останавливались, неминуемо, как часы у школьника. Я походил на многоопытного игрока в крикет, который, однако же, ни разу не выиграл ни одной партии. Рассказ — я хочу сказать, плохой рассказ — может написать всякий, у кого есть усердие, бумага и досуг, но далеко не всякому дано написать роман, хотя бы и плохой. Размеры — вот что убивает. Признанный романист может позволить себе начать книгу, затем отложить ее, потратить на один день, впустую, написать и тотчас с легкой душой вымарать написанное. Иное дело новичок. У человеческой природы есть свои законы: чувство самосохранения не позволит человеку (если только его не об-

[1] Ne pas confondre. Не ту тоненькую брошюрку с именем Эмрю Элиота на титульном листе, которую (как я с изумлением нашел по книжным реестрам) английские господа почему-то согласны покупать по баснословной цене. — по предшественника ее, давно канувшую в забвение, роман без тени каких-либо достоинств, и давно канувший в небытие. (Прим. автора.)

СТАРЫЙ ПИРАТ

Глава I

Старый морской волк в трактире «Адмирал Бенбоу»

Сквайр Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены попросили меня написать все, что я знаю об Острове Сокровищ. Им хочется, чтобы я рассказал всю историю, с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова. Указывать, где лежит этот остров, в настоящее время еще невозможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которых мы не вывезли оттуда. И вот в нынешнем, 17.. году я берусь за перо и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда у моего отца был трактир «Адмирал Бенбоу» [1] и в этом трактире поселился старый загорелый моряк с сабельным шрамом на щеке.

Я помню, словно это было вчера, как, тяжело ступая, он дотащился до наших дверей, а его морской сундук везли за ним на тачке. Это был высокий, сильный, грузный мужчина со смуглым лицом. Просмоленная косичка торчала над воротом его засаленного синего кафтана. Руки у него были шершавые, в каких-то рубцах, ногти черные, поломанные, а сабельный шрам на щеке — грязновато-белого цвета, со свинцовым оттенком. Помню, как незнакомец, посвистывая, оглядел нашу бухту и вдруг загорланил старую матросскую песню, которую потом пел так часто:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Голос у него был стариковский, дребезжащий, визгливый, как скрипучая вымбовка.

И палка у него была, как гандшпуг. Он стукнул этой палкой в нашу дверь и, когда мой отец вышел на порог, грубо потребовал стакан рому.

Ром был ему подан, и он с видом знатока принялся не спеша смаковать каждый глоток. Пил и поглядывал то на скалы, то на трактирную вывеску.

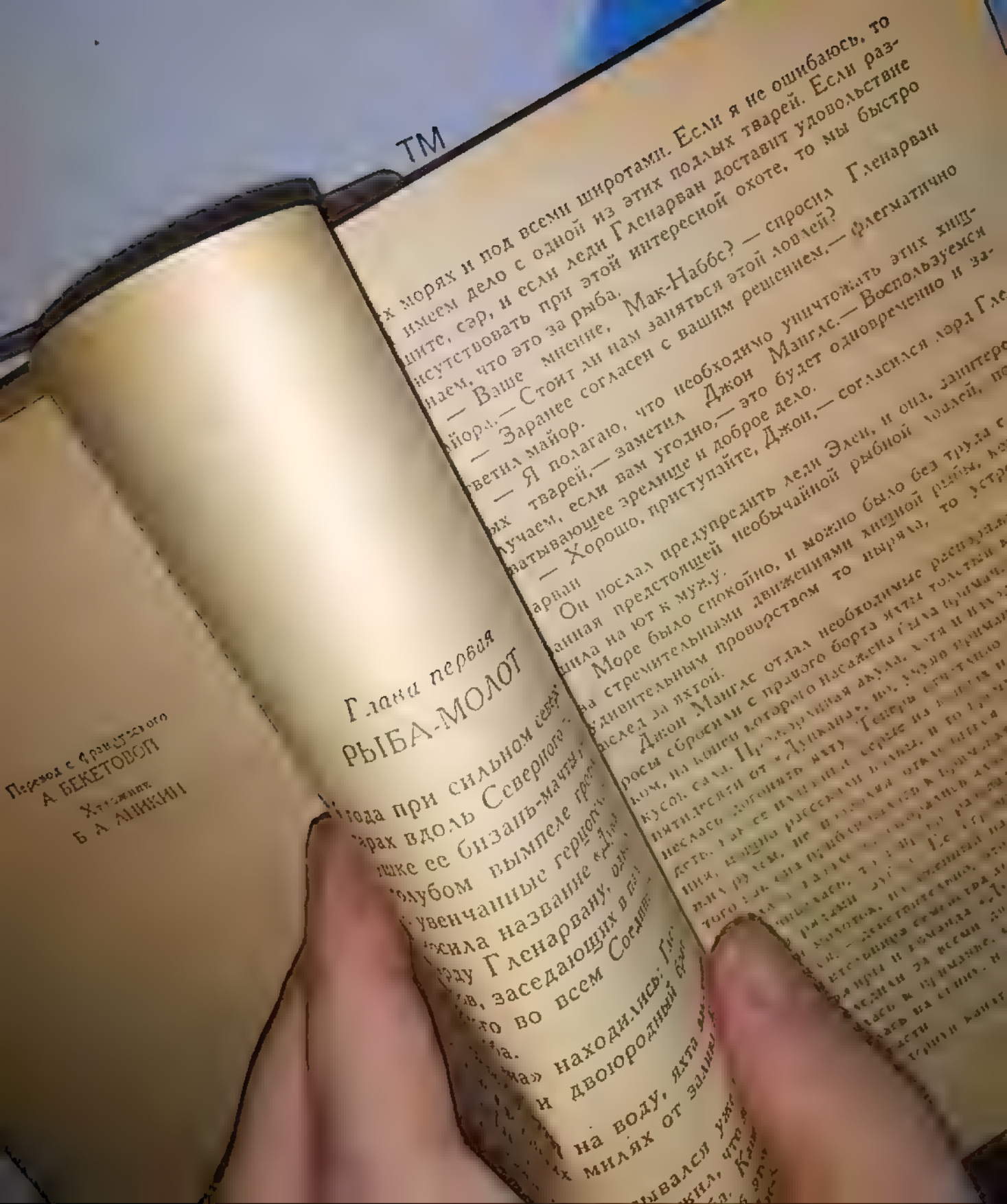
— Бухта удобная, — сказал он наконец. — Неплохое место для таверны. Много народу, приятель?

[1] Английский адмирал, живший в конце XVII века.

Н (Англ.)
С80

Текст печатается по изданию:
Стивенсон Р. Л. Остров сокровищ.
Черная стрела. — М.: Правда, 1981

4803020000—48
142(01)—85 —85 © Дальневосточное книжное издательство, оформл., 198!


ТМ
Перевод с французского
А. БЕКЕТОВОЙ
Художник
Б. А. ЛИЦКИЙ
Глава первая
РЫБА-МОЛОТ
х морях и под всеми широтами. Если я не ошибаюсь, то
имеем дело с одной из этих подлых тварей. Если раз-
шите, сэр, и если леди Гленарван доставит удовольствие
исутствовать при этой интересной охоте, то мы быстро
наем, что это за рыба.
— Ваше мнение, Мак-Наббс? — спросил Гленарван
йор.
— Стоит ли нам заняться этой ловлей?
— Заранее согласен с вашим решением,— флегматично
тветил майор.
— Я полагаю, что необходимо уничтожить этих хищ-
ых тварей,— заметил Джон Мангас.— Воспользуемся
лучаем, если вам угодно,— это будет одновременно и за-
атывающее зрелище и доброе дело.
— Хорошо, приступайте, Джон,— согласился лорд Гле
арван
Он послал предупредить леди Элси, и она, защитер
анная предстоящей необычайной рыбной ловлей, по
ила на ют к мужу.
Море было спокойно, и можно было без труда с
а стремительными движениями хищной рыбы, к
Джон Мангас отдал необходимые распоряже
сбросили с правого борта жгут толстых
, на конец которого насажена гигантская
кусок сала. Приманка, ныряя, вертелась
нтересовать акул. Хотя и ни
несколько минут. Теперь они
ть, как вдруг одна из них
ина, медленно рассекая
ла приближаться к
того как она почти

ЖЮЛЬ ВЕРН

ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА

Роман

Лениздат · 1985

1860 год

Африка припала к горизонту, как лев, затаившийся в засаде. Лучи утреннего солнца золотили ее рыжеватую гриву, тянуло холодом Бенгельского течения. Робин Баллантайн стояла у планшира и всматривалась вдаль. Она пришла сюда за час до зари, задолго до того, как впереди показалась земля. Африка уже близко, уже ощущается невидимое присутствие огромной загадочной земли, чувствуется, как ее дыхание, теплое и ароматное, пробивается сквозь холодные вздохи течения, влекущего их корабль.

Девушка заметила землю раньше впередсмотрящего на топе мачты. Услышав ее крик, капитан Манго Сент-Джон рванулся вверх по трапу из своей каюты на корме, а остальные члены команды стянулись к борту поглазеть и поболтать. Схватившись за тиковые поручни, Манго Сент-Джон лишь несколько секунд вглядывался в берег, а потом обернулся и отдал приказ. Голос у него был низкий, но зычный, казалось, он разносится по всему судну.

— Приготовиться к повороту оверштаг!

Типпу, помощник капитана, разогнал матросов по местам, пустив в ход линь и увесистые кулаки. Две недели дули ураганные ветры, сквозь низкие угрюмые тучи не пробивались ни луч солнца, ни свет луны, ни сияние какого-либо другого небесного светила, что помогло бы определить местонахождение. Судя по счислению, клипер должен был находиться на сотню морских миль западнее, далеко от этих диких пустынных берегов, грозящих не отмеченными на карте опасностями.

Капитан только что проснулся. Ветер развевал спутан-

УИЛБУР СМИТ

ВАГРИУС

В ПОИСКАХ ДРЕВНИХ КЛАДОВ

ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Перевод с английского
М. П. Богословской

Глава I

МАРИОН УЭД

...лесу женщину, одну, в глухой чаще! Такая встреча
...вает любопытство, будь это просто цыганка или
...девушка, собирающая хворост
...а незнакомка — златокудрая красавица, она пробуж-
...то лько любопытство, но изумление и восторг. Юное
...отополосое создание невольно пленяет ваш взор и
...дготовленное восхищение Марион Уэд бесспорно об-
...ми качествами, способными внушить такое чувство.
...релестная белокурая девушка, и она была одна-одине-
...есу.
...го она сидела на белой лошади, держала в руке сокола,
...кала ее собака, — не только не уменьшало интереса к ней,
...оборот. Ведь кругом не было ни души; лошадь, сокол
...ыли ее единственными спутниками.

Майн Рид

БЕЛАЯ ПЕРЧАТКА

ГОРЬКИЙ
ВОЛГО-ВЯТСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большая часть приключений, о которых рассказано в этой книге, взяты из жизни: одно-два пережиты мною самим, остальные мальчиками, учившимися вместе со мной в школе. Гек Финн списан с натуры. Том Сойер также, но не с одного оригинала — он представляет собой комбинацию черт, взятых у трех мальчиков, которых я знал, и потому принадлежит к смешанному архитектурному ордеру.

Дикие суеверия, описанные ниже, были распространены среди детей и негров Запада в те времена, то есть тридцать — сорок лет тому назад.

Хотя моя книга предназначена главным образом для развлечения мальчиков и девочек, я надеюсь, что ею не побрезгуют и взрослые мужчины и женщины, ибо в мои планы входило напомнить им, какими были они сами когда-то, что чувствовали, думали, как разговаривали и в какие странные авантюры иногда впязывались.

Автор

Хартфорд, 1876

— Том!

Ответа нет.

— Том!

Ответа нет.

— Удивительно, ку

где ты?

Ответа нет.

Тетя Полли спусти
очков, затем подняла
Она очень редко, поч
мелочь, как мальчиш
приобретенные для к
деть сквозь них ей
заслонок. На минут
громко, но так, что

— Ну погоди,

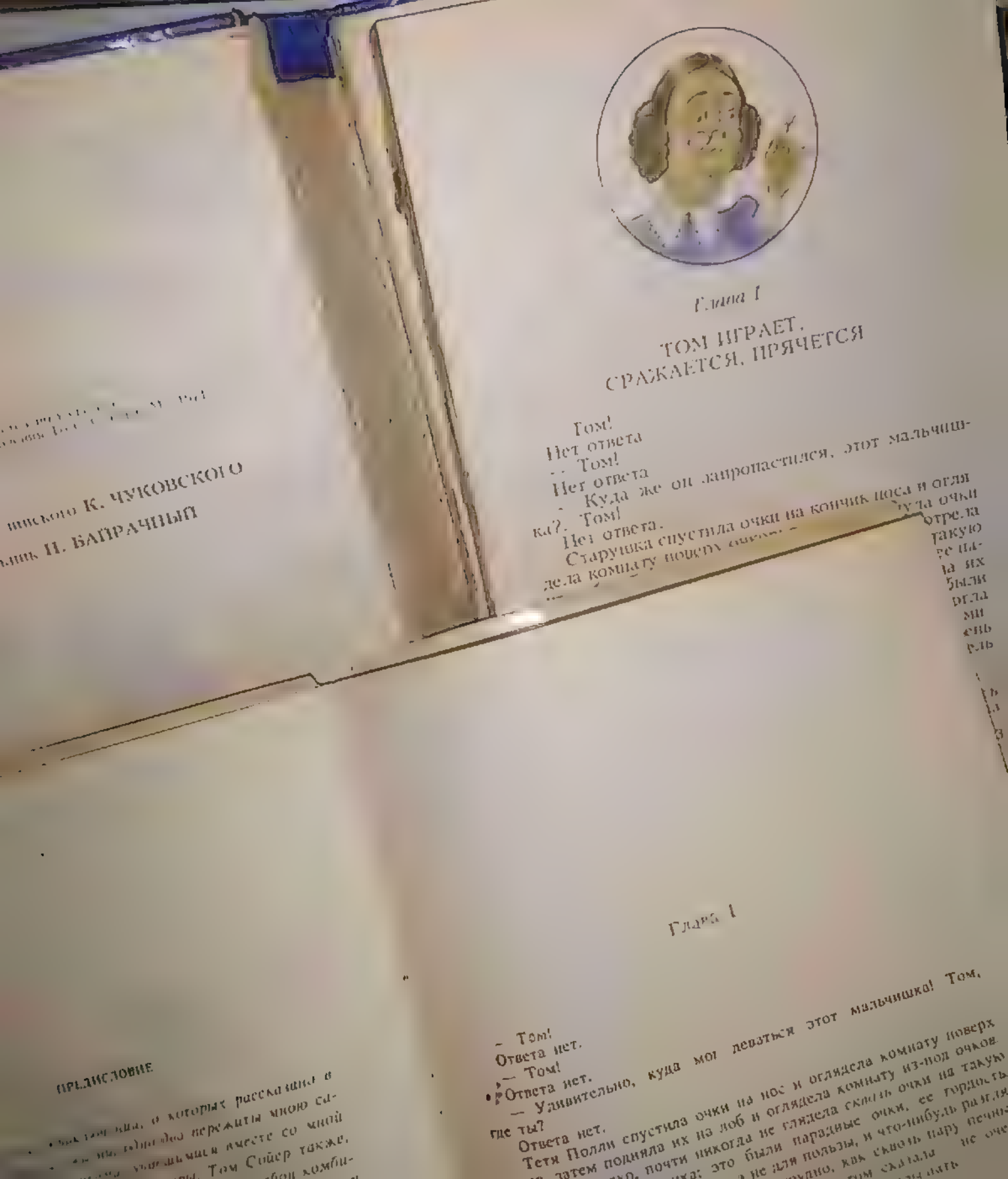
Не договорив, о
переводя дыхание
ничего, кроме ко

— Что за реб

Подойдя к отк
и обвела взгляд
дурманом. Тома
было слышно ка

— То-о-ом,

ее спино
вовреч
мыгну
у так



...шинского К. ЧУКОВСКОГО

...ник Н. БАЙРАЧНЫЙ

Глава I

ТОМ ИГРАЕТ,
СРАЖАЕТСЯ, ПРЯЧЕТСЯ

— Том!
Нет ответа.
— Том!
Нет ответа.
— Куда же он запропастился, этот мальчишка?.. Том!
Нет ответа.
Старушка спустила очки на кончик носа и огля...
дела комнату поверх ...

ПРЕДИСЛОВИЕ

...о которых рассказано в ... пережиты мною са... вместе со мной ... Том Сойер также, ...

Глава I

— Том!
Ответа нет.
— Том!
Ответа нет.
— Удивительно, куда мог деваться этот мальчишка! Том, где ты?
Ответа нет.
Тетя Полли спустила очки на нос и оглядела комнату поверх ... затем подняла их на лоб и оглядела комнату из-под очков. ... почти никогда не глядела сквозь очки на такую ... это были парадные очки, ее гордость ... не для пользы, и что-нибудь разгля... ...удно, как сквозь пару печных ... сказала ... не оче...

Т26 ТВЕН МАРК.
Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна: Повести. /Пер. с англ. Н. Дарузес.— Алма-Ата: Мектеп, 1985.—384 с., илл.

Повести «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна»— наиболее известные произведения выдающегося американского писателя Марка Твена (1835—1910).
С добротой и присущим ему юмором рассказывая о своих юных героях, автор знакомит читателя с жизнью Америки XIX века.

Т 4803020000—086
404(05)85 Без объявл.

84.7 США

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Лица, которые попытаются найти в этом повествовании мотив, будут отданы под суд; лица, которые попытаются найти в нем мораль, будут сосланы; лица, которые попытаются найти в нем сюжет, будут расстреляны.

По приказу автора,
Генерал-губернатор
Начальник артиллерийского управления

ОБЪЯСНЕНИЕ

В этой книге использовано несколько диалектов, а именно: негритянский диалект штата Миссури, самая резкая форма захолустного диалекта Пайк-Каунти, а также четыре несколько смягченных разновидности этого последнего. Оттенки говора выбирались не наудачу и не наугад, а, напротив, очень тщательно, под надежным руководством, подкрепленным моим личным знакомством со всеми этими формами речи.

Я даю это объяснение потому, что без него многие читатели предположили бы, что все мои персонажи стараются в говоре подражать один другому и это им не удается.

Автор

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА

Глава I

Вы про меня ничего не знаете, если не читали книжки под названием «Приключения Тома Сойера», но это не беда. Эту книжку написал мистер Марк Твен и, в общем, не очень наврал. Кое-что он присочинил, но, в общем, не так уж наврал. Это ничего, я еще не видел таких людей, чтобы совсем не врали, кроме тети Полли и вдовы, да разве еще Мэри. Про тетю Полли,— это Тому Сойеру она тетя,— про Мэри и про вдову Дуглас рассказывается в этой самой книжке, и там почти все правда, только кое-где приврано,— я уже про это говорил.

А кончается книжка вот чем: мы с Томом нашли деньги, зарытые грабителями в пещере, и разбогатели. Получили мы по шесть тысяч долларов на брата — и все золотом. Такая была куча деньжищ — смотреть страшно! Ну, судья Тэтчер все это взял и положил в банк, и каждый божий день мы стали получать по доллару прибыли, и так круглый год,— не знаю, кто может такую уйму истратить. Вдова Дуглас усыновила меня и пообещала, что будет меня воспитывать; только мне у нее в доме жилось неважно: уж очень она донимала всякими порядками и приличиями, просто невозможно было терпеть. В конце концов я взял да и удрал, надел опять свои старые лохмотья, залез опять в ту же бочку из-под сахара и сижу, радуюсь вольному житью. Однако Том Сойер меня отыскал и рассказал, что набирает шайку разбойников. Примет и меня тоже, если я вернусь к вдове и буду вести себя хорошо. Ну, я и вернулся.

Вдова поплакала надо мной, обозвала меня бедной заблудшей овечкой и всякими другими словами; но, разумеется, ничего обидного у нее на уме не было. Опять она одела меня во все новое, так что я только и знал, что потел, и целый день ходил как связанный. И опять все пошло по-старому. К ужину вдова звонила в колокол, и тут уж никак нельзя было опаздывать — непременно приходи вовремя. А сядешь за стол, никак нельзя

Артур Конан Дойл

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ II

МИХЕЙ КЛАРК

Перевод И. А. Образцова

МОСКВА
ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«СОФИТ»
1992

I

КИРАСИРСКИЙ КОРНЕТ ДЖОЗЕФ КЛАРК

Много раз я вам рассказывал, мои дорогие внучата, о разных событиях моей полной приключений жизни. Вашим родителям-то во всяком случае жизнь моя хорошо известна.

В последнее время, милые внуки, я замечаю, что начал стареть. Память у меня слабеет, да и соображаю я труднее, чем прежде. Вот я и решил поэтому, пока еще можно, рассказать вам историю моей жизни с начала до конца. Запомните же все, что я вам буду рассказывать в эти длинные зимние вечера, и передайте мои слова детям и внукам.

Слава Богу, теперь в нашей стране царит мир. Брауншвейгский дом прочно утвердился на престоле, всюду — тишина и порядок. Вам нелегко понять, как жилось людям во времена моей молодости. Ах, нехорошее это было время. Англичане поднимали оружие против англичан, брат убивал брата, а король, естественный защитник и покровитель своих подданных, теснил их, заставлял их делать то, что им было ненавистно. Мои рассказы заслуживают того, чтобы их запомнить как следует. Они будут назидательны для потомства. Такого человека, как я, не только в Хэмпширском графстве, но и во всей Англии теперь не найдешь. Все перемерли. Я, любезные внуки, сам участвовал во всех этих исторических событиях и играл в них немаловажную роль.

Я расскажу вам по порядку и толком все, что знаю. Я постараюсь воскресить для вашего назидания людей, которые давно умерли; я вызову из тумана прошлого события великой важности и значения. Ученые в своих

Перевод с английского
В. Курелла и Е. Шишмаревой

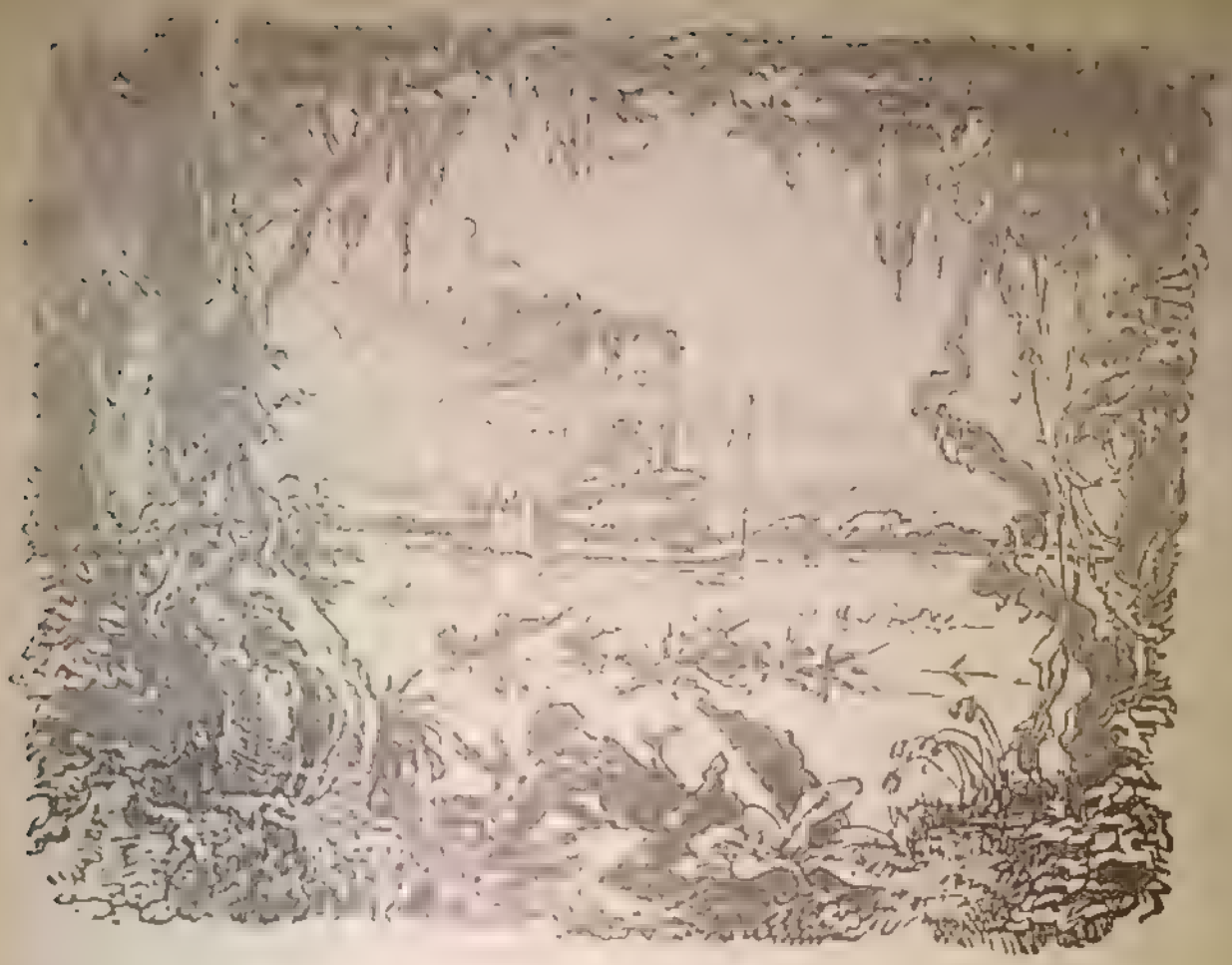
Печатается по изданию:
Майн Рид. Собрание сочинений. В 6-ти т. М.,
Детская литература, т. 1, 1956

© Волго-Вятское книжное издательство, 1985. Оформление

Майн Рид

КВАРТЕРОНКА

ГОРЬКИЙ
ВОЛГО-ВЯТСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985



ОТЕЦ ВОД

ОТЕЦ ВОД! Я [illegible] бег. Подобно индусу на берегах священной реки [illegible] я пред тобою колена и возношу тебе хвалу!

Но как несходны чувства, которые нас одушевляют! Индусу воды желтого Ганга внушают благоговейный трепет, олицетворяя для него неведомое и страшное грядущее, во мне же твои золотистые волны будят светлые воспоминания и связуют мое настоящее с прошлым, когда я изведал столько счастья. Да, великая река! Я славлю тебя за то, что ты дала мне в прошлом. И сердце замирает от радости, когда при мне произносят твое имя!

Отец вод, как хорошо я знаю тебя! У твоих истоков я шутя перескакивал через тоненькую струйку, ибо в стране тысячи озер, на вершине Plateau de terre, ты бежишь крохотным ручейком. На лоно вскормившего тебя голубого озерка спустил я берестяной челн и отдался на волю плавному течению, устремившему меня на юг.

Перевод
Н. Немчиновой

Художник
Б. Лавров

фр. Н. Немчиновой.
ж. кн. изд-во, 1987

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

[illegible] ночи по большаку, проложен-
[illegible] десяти километров
[illegible] одинокий путник.
[illegible] но он чувствовал,
[illegible] мартовский ветер гулял
[illegible] шквал в морских
[illegible] Ни единого
[illegible] холодном мраке
[illegible] шел широким
[illegible] куртке и в лисовых
[illegible] завязанными в
[illegible]

СОДЕРЖАНИЕ

ТРОЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

Перевод М. Донского (гл. I–X) и Э. Линецкой (гл. XI—XIX). 5

РАССКАЗЫ

Трогательная история. *Перевод М. Колпакчи* . . . 189
Человек, который хотел руководить. *Перевод В. Тамохина* 200
Падение Томаса Генри *Перевод И. Ромм* 208
Сюрприз мистера Милберри. *Перевод Каландера* . . 213
Должны ли мы говорить то, что думаем, и думать то, что говорим? *Перевод И. Бернштейн* . . . 224
Почему мы не любим иностранцев. *Перевод В. Хинкиса* 231
Миссис Корнер расплачивается. *Перевод В. Артемова* 239
Чего стоит оказать любезность. *Перевод И. Дынник-Будавей* 254
Лайковые перчатки. *Перевод Е. Семеновой* 264
Памяти Джона Ингерфилда и жены его Анны. *Перевод В. Хинкиса* 273
Человек, который не верил в счастье. *Перевод Р. Померанцевой* 300
О том, что не надо слушаться чужих советов. *Перевод В. Тамохина* 309
Дух маркизы Эллфорд. *Перевод И. Бернштейн* . . . 326
Как зародился журнал Питера Хоупа. *Перевод З. Журавской* 340

Предисловие автора

Главное достоинство нашей книги — это не ее литературный стиль и даже не изобилие содержащихся в ней разного рода полезных сведений, а ее правдивость. Страницы этой книги представляют собою беспристрастный отчет о действительно происходивших событиях. Работа автора свелась лишь к тому, чтобы несколько оживить повествование, но и за это он не требует себе особого вознаграждения. Джордж, Гаррис и Монморанси — отнюдь не поэтический идеал, но существа из плоти и крови; в особенности Джордж, который весит около 170 фунтов. Быть может, другие труды превосходят наш труд глубиною мысли и проникновением в природу человека; быть может, другие книги могут соперничать с нашей книгой оригинальностью и объемом. Но что касается безнадежной, закоренелой правдивости,— ни одно вышедшее в свет до сего дня печатное произведение не может сравниться с этой повестью. Мы не сомневаемся, что упомянутое качество более чем с избытком либо другое привлечет к нашему труду внимание серьезного читателя и повысит в его глазах ценность нашего поучительного рассказа.

Лондон. Август 1889 года

Глава I

Трое больных.— Немощи Джорджа и Гарриса.— Жертва ста семи смертельных недугов.— Спасительный рецепт.— Средство от болезни печени у детей.— Нам ясно, что мы переутомлены и нуждаемся в отдыхе.— Неделя в океанском просторе.— Джордж высказывается в пользу реки.— Монморанси выступает с протестом.— Предложение принято большинством трех против одного.

Нас было четверо: Джордж, Уильям Сэмюэль Гаррис, я и Монморанси. Мы сидели в моей комнате, курили и разговаривали о том, как плох каждый из нас,— плох, я, конечно, имею в виду, в медицинском смысле.

Все мы чувствовали себя неважно, и это нас очень тревожило. Гаррис сказал, что *у него* бывают страшные приступы головокружения, во время которых он просто ничего не соображает; и тогда Джордж сказал, что у него тоже бывают приступы головокружения и он тоже ничего не соображает. Что касается меня, то у меня была не в порядке печень. Я знал, что у меня не в порядке именно печень, потому что на днях прочел рекламу патентованных пилюль от болезни печени, где перечислялись признаки, по которым человек может определить, что у него не в порядке печень. Все они были у меня налицо.

Странное дело: стóит мне прочесть объявление о каком-нибудь патентованном средстве, как я прихожу к выводу, что страдаю той самой болезнью, о которой идет речь, причем в наиопаснейшей форме. Во всех случаях описываемые симптомы точно совпадают с моими ощущениями.

Как-то раз я зашел в библиотеку Британского музея, чтобы навести справку о средстве против пустячной болезни, которую я где-то подцепил, — кажется, сенной лихорадки. Я взял справочник и нашел там все

Иностранная литература

БИБЛИОТЕКА TEEN-AGER ПОДРОСТКА

Э. СЕТОН – ТОМПСОН

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

ЛИТЕРАТУРНОЕ АГЕНТСТВО
ВАРИАНТ

МОСКВА
1992

ДОМИНО

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЧЕРНО-БУРОГО ЛИСА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО

I. РОДНОЙ ДОМ

Солнце село за Голдерские горы, и мягкие сумерки, которые так любят все животные, разлились над морем холмов и равнин. Закат погас, а маленькие долинки были наполнены кротким сиянием, лишенным теней. Высоко на холме, невдалеке от реки Ц[illegible], зеленела сосновая роща. Хорошо и спокойно было здесь в сумерки. Посреди этой рощи на поляне жила семья лисиц.

Вход в нору скрывался на опушке. В этот час все семейство вышло на воздух перезимовать и наслаждалось вечерней прохладой.

Мать следила за игрой детей. Она самым усердным образом поддерживала общее веселье. Пушистые малыши резвились с беззаботностью только что начавших жить существ, для которых высшей силой является мать, и эта сила вся в их [illegible], а следовательно, весь мир для них — друг. Они играли и боролись с буйным весельем, гонялись друг за другом, [illegible] и жучками, смело принюхивались к толстым шмелям и [illegible] носились, стараясь поймать кончик материнского хвоста или отнять друг у друга какой-нибудь старый, давно [illegible] ный объедок.

Они играли ради игры и рады были всякому предлогу, чтобы поднять новую кутерьму.

В этот вечер игрушкой лисят было [illegible]. Десятки раз оно переходило от одного к другому. Наконец схватил самый бойкий лисенок, с черн[illegible] перек мордочки. Не уступая никому, он ст[illegible] гу со своей добычей, пока остальным не н[illegible] погоня и игра. Тогда он выпустил крыло, [illegible] ся в хвост матери и терзал его до тех пор, [illegible] иным прыжком не вырвал своего хвоста, [illegible] маленького забияку.

ЛЕТНЯЯ НОВЕЛЛА

Август прошлого года я провел в Каденаббии, одном из тех местечек на берегу озера Комо, что так укромно притаились среди белых вилл и темных деревьев. Даже в самые шумные весенние дни, когда толпы туристов из Белладжио и Менаджио наводняют узкую полоску берега, в городке царят мир и покой, а теперь, в августовский зной, это была сама тишина, солнечная и благоухающая. Отель был почти пуст,— немногочисленные обитатели его с недоумением взирали друг на друга, не понимая, как можно избрать местом летнего отдыха этот заброшенный уголок, и каждое утро, встречаясь за столом, изумлялись, почему никто до сих пор не уехал. Меня особенно удивлял один уже немолодой человек, чрезвычайно представительный и элегантный, нечто среднее между английским лордом и парижским щеголем. Он не занимался водным спортом и целые дни просиживал на одном месте, задумчиво провожая глазами струйку дыма своей сигареты или перелистывая книгу. Два несколько скучных, дождливых дня и явное дружелюбие этого господина быстро придали нашему знакомству оттенок сердечности, которой почти не мешала разница в годах. Лифляндец по рождению, воспитывающийся во Франции, а затем в Англии, человек, никогда не имевший определенных занятий и вот уже много лет — постоянного места жительства, он — в высоком смысле — не знал родины, как не знают ее все рыцари и пираты красоты, которые носятся по городам мира, алчно вбирая в себя все прекрасное, встретившееся на пути. По-дилетантски он был сведущ во всех искусствах, но сильнее любви к искусству было аристократическое нежелание служить ему; он взял у искусства тысячу счастливых часов, не дав ему взамен ни одной секунды творческого огня.

с нем.—

И(Авст)

Оформление

СОДЕРЖАНИЕ

Летняя повелла. Перевод С. Фридлянд 3
Амок. Перевод Д. Горфинкеля 13
Страх. Перевод Н. Касаткиной 59
Фантастическая ночь. Перевод О. Мандельштама 97
Письмо незнакомки. Перевод Д. Горфинкеля 147
Улица в лунном свете. Перевод О. Мандельштама 180
Двадцать четыре часа из жизни женщины. Перевод. Л. Вольфсон 195
Закат одного сердца. Перевод П. Бернштейн 246
Лепорелла. Перевод В. Топер 271
Мендель-букинист. Перевод П. Бернштейн 293
Неожиданное знакомство с новой профессией. Перевод О. Татариновой 316
ПРИМЕЧАНИЯ Ю. Шейнина 348

ДЖЕК ЛОНДОН

Мятеж на «Эльсиноре»
Межзвездный скиталец

Перевод с английского
М.Шишмаревой и С.Займовского
Составление
Л.Минца
Вступительная статья
В.Гопмана

ТОРЖЕСТВО ДУХА

«Дерзость шесть дорог есть, чтоб песнь
Сложить ты мог, И любая правильна,
Стихотворения о творчестве, о том удивительном, рационально непостижимом явлении, когда из ниоткуда, из бог весть какого «сора» рождается чудо: поэтические или прозаические образы переживанием своего богатого жизненного опыта. Он был устричным пиратом и матросом, бродягой и golddigger'ом, работал на консервном заводе в прачечной, искал золото на Аляске. Специальный корреспондент русско-японской войне, всемирно известный прозаик, политик и публицист, президент Американского государственного социалистического общества... Каждая из этих прожитых жизней давала материал для рассказов, повестей, романов.

Не исключение и «Мятеж на «Эльсиноре» и «Межзвездный скиталец». В 1912 году Лондон на корабле «Дирижо» обогнул мыс Горн. Разумеется, не только непосредственные впечатления от плавания легли в основу «Мятежа на «Эльсиноре» (вместе с Лондоном в путешествие отправилась жена Чармиан и слуга Наката, с которым писались Маргарет Хьюм, Мэйбл Эпплгарт и других плаваний, начиная с самого первого, совершенного в 1893 году, в возрасте семнадцати лет, на шхуне «Софи Сазерленд»). Но и берегам Японии в 1893 году, в возрасте семнадцати лет, на шхуне «Софи Сазерленд»). Но и с тех пор море стало его любовью на всю жизнь, стержнем романтики. А начал Лондон подростком ходить на веслах по Устричному заливу, делает героем романа «Мятеж на «Эльсиноре» — человека, который, разочаровавшись в жизни, стремится найти себя в море. Но истинным морским путешественником — человеком, который на этот раз выбирает тяжелый путь, чтобы разобраться в себе — Лондон станет позже, в 1907 году, когда, купив шхуну «Снарк», отправится в кругосветное плавание. Такая завязка типична для Лондона. Герой, оказавшись в трудном положении, стремится найти выход, и «чудесное» спасение, которого он ждет, приходит не извне, а изнутри, от самого себя. Сюжет «Мятежа на «Эльсиноре» строится на том, что герой, Уоррен Моррисон, сын богатого судовладельца, должен выбрать между любовью и деньгами. Выбор, который предстоит сделать Моррисону, — это выбор между двумя женщинами, между двумя образами жизни. Моррисон должен выбрать между Дороти Харниш, дочерью капитана, и Элизабет Дерри, дочерью судовладельца. Выбор, который предстоит сделать Моррисону, — это выбор между двумя женщинами, между двумя образами жизни. Моррисон должен выбрать между Дороти Харниш, дочерью капитана, и Элизабет Дерри, дочерью судовладельца.

ГЛАВА I

С самого начала путешествие не предвещало ничего доброго. Поднятый с постели в холодное мартовское утро (на дворе был лютый мороз), я вышел из отеля, проехал Балтимору и явился на пристань как раз вовремя. В девять часов катер должен был перевезти меня через бухту и доставить на борт «Эльсиноры», и я, промерзший насквозь, сидел в таксомоторе и с возрастающим раздражением ждал. На наружном сиденье ежились от холода шофер и мой Вада при температуре на полградуса, пожалуй, еще пониже, чем внутри. А катер все не показывался.

Поссум, щенок фокстерьер, легкомысленно навязанный мне Голбрэтом, скулил и дрожал под моим теплым пальто и меховым плащом и ни за что не хотел угомониться. Он, не умолкая, визжал и царапался, стараясь вырваться на свободу. Но стоило ему высунуть мордочку и почувствовать укусы мороза, как он снова и так же настойчиво принимался визжать и царапаться, заявляя о своем желании вернуться в тепло.

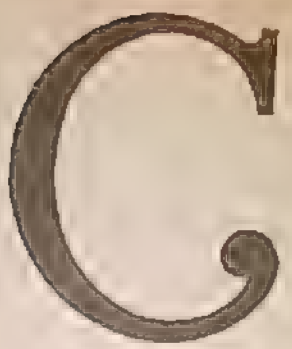
Этот непрекращающийся визг и беспокойная возня действовали отнюдь не успокоительно на мои натянутые нервы. Начать с того, что этот зверек нимало не был мне интересен. Я его не знал и не питал к нему нежных чувств. Несколько раз, утомленный ожиданием, я был уже готов отдать его шоферу. А один раз, когда мимо нас проходили две девочки (должно быть, дочки смотрителя пристани), я потянулся было к дверце мотора, чтобы подозвать их и презентовать им это несносное, скулящее существо.

Этот прощальный подарок Голбрэта привезен был из Нью-Йорка экспрессом и явился в мой отель сюрпризом накануне ночью. Обычная манера Голбрэта. Что стоило ему поступить прилично, как все люди, и прислать мне фруктов или... даже цветов. Так нет же: дружеские чувства его любящего сердца непременно должны были выразиться в образе визжащего, тявкающего двухмесячного щенка.

Черт бы побрал эту собаку! Черт бы побрал и Голбрэта! И, замерзая в моем моторе на этой проклятой пристани, открытой всем ветрам, я заодно проклинал и себя, и сумасбродную свою затею объехать на парусном судне вокруг мыса Горн.

Около десяти часов на пристань явился пешком неописуемого вида юноша с каким-то свертком в руках, который через несколько минут был передан мне смотрителем пристани. «Это для лоцмана», — сказал он и дал шоферу указания, как добраться до другой

ГЛАВА I



раннего детства во мне жило сознание бытия иных мест и времен. Я чувствовал присутствие в себе иных «я». И верьте мне, мой грядущий читатель, это бывало и с вами! Оглянитесь на свое детство — и ощущение инобытия, о котором я говорю, вспомнится вам как опыт вашего детства. Вы тогда еще не определялись, не выкристаллизовались, вы были пластичны, вы были — душа в движении, сознание и тождество в процессе формирования, — да, формирования и... забывания.

Вы многое забыли, читатель: но все же, читая эти строки, вы смутно припомните туманные перспективы иных времен и мест, в которые заглядывал ваш детский глаз. Теперь они вам кажутся грезами, снами. Но если это были сны, привидевшиеся вам в ту пору, — откуда, в таком случае, их вещественность? Наши грезы уродливо складываются из вещей, знакомых нам. Материал самых бесспорных наших снов — это материал нашего опыта. Ребенком, совсем крохотным ребенком, вы в грезах падали с громадных высот; вам снилось, что вы летаете по воздуху; вас пугали ползающие пауки и слизистые многоножки, вы слышали иные голоса, видели иные лица, ныне кошмарно знакомые вам, и любовались восходами и закатами солнц иных, чем известные вам ныне.

Так вот, эти детские грезы принадлежат иному миру, иной жизни, относятся к вещам, которых вы никогда не видели в нынешнем вашем мире и в нынешней вашей жизни? Но где же? В другой жизни? В других мирах? Когда вы прочтете все, что я здесь описываю, вы, может быть, получите ответ на недоуменные вопросы, которые я перед вами поставил и которые вы сами ставили себе еще до того, как читали эту книгу.

Вордсворт знал эту тайну. Он был не ясновидящий, не пророк, а самый обыкновенный человек, как вы, как всякий другой. То, что знал он, знаете вы, знает всякий. Но он необычайно талантливо выразил это в своей фразе, начинающейся словами: «Не в полной наготе, не в полноте забвенья...»

Поистине, тени тюрьмы окружают нас, новорожденных, и слишком скоро мы забываем! И все же, едва родившись, мы вспоминали иные времена и иные места. Беспомощными младенцами, на руках старших или ползая на четвереньках по полу, мы вновь переживали во мне свои воздушные полеты. Да, мы познавали муки и пытку кошмарного страха перед чем-то смутным, но чудовищным. Мы,

...eph Posny ainé
La guerre du feu
1911

Le Félin — géant
1920

Главный редактор серии С. Ф. Дмитренко
Главный художник серии А. И. Сухоруков

Ж. Рони-Старший
Р 71 Борьба за огонь. Пещерный лев. Пер. с французского А. Вейнштуб и И. Орловской. Рисунки Л. Дурасова. — М. Издательский центр «Витязь», 1993. — 272 с., илл. (Серия «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ для детей и юношества»).

Исторические повести [illegible] известного французского писателя Жозефа Рони-Старшего (1856—1940) рассказывают о жизни первобытных [illegible]. Грозные стихии природы, свирепые хищники, [illegible] племена — всему [illegible] противостоят мужество и разум, воля и пытливость [illegible] книги, вместе с которыми читатель погрузится в тот [illegible] когда человек едва начал и [illegible] по ступенькам [illegible]изации.

567-001-0

ББК 84.31 (4 фр.)

...льский центр «Витязь» (составление, пре... послесловие, серийное оформление, при...), 1993 г.

Этим томом начинается выпуск книг серии «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ для детей и юношества» и ее спутника — серии, посвященной истории нашего родного Отечества. В ваших руках, уважаемые читатели, своего рода визитная карточка Издательского центра «Витязь».

Мы хотим, чтобы книги, рассказывающие о российской и мировой истории, провели вас по лабиринтам человеческой цивилизации, помогли услышать в себе то, что называется голосом предков, и разбудили вашу память. Ведь, согласимся, мало чего мы будем стоить, если предадим забвению все, что было до нас. Без прошлого не понять настоящего, будущее про... стает из корней прошлого. Так ... мерно так говорили многие и ... кие люди, чей авторитет ... протяжении веков. Пов...

Но человеческая ... ступна ударам в... события засл... заботы ч... ред, че...

Этим томом начинается выпуск книг серии «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ для детей и юношества» и ее спутника — серии, посвященной истории нашего родного Отечества. В ваших руках, уважаемые читатели, своего рода визитная карточка Издательского центра «Витязь».

Мы хотим, чтобы книги, рассказывающие о российской и мировой истории, провели вас по лабиринтам человеческой цивилизации, помогли услышать в себе то, что называется голосом предков, и разбудили вашу память. Ведь, согласимся, мало чего мы будем стоить, если предадим забвению все, что было до нас. Без прошлого не понять настоящего, будущее произрастает из корней прошлого. Так или примерно так говорили многие и многие великие люди, чей авторитет незыблем на протяжении веков. Поверим им!

Но человеческая Память хрупка, доступна ударам времени и судьбы. И новые события заслоняют былое. И очередные заботы чаще заставляют смотреть вперед, чем оглядываться назад.

Серии книг, которые мы начинаем издавать, не просто дополнят живыми образами и фактами сухие школьные учебники — такая задача была бы слишком легка. Мы

очень надеемся, что многих из вас они приведут к озарению: «Я — тоже часть человеческой истории!». И если свершится такое, значит в сердце и разум к вам обязательно придет потребность сохранить и приумножить все лучшее, что добыли люди за тысячелетия неустанных трудов и кровавых битв, мучительнейших поисков смысла жизни, попыток понять и преобразовать мир...

Ну а теперь предоставим слова писателям-историкам, летописцам человеческого бытия, в котором и сегодня сплавляются накрепко радостное и горестное, торжественное и трагическое, величественное и, к сожалению, низменное...

Верим, что эти исторические книги станут вашими добрыми друзьями и собеседниками..

Здравствуй, наш юный читатель!

И — до новых встреч!

Часть первая

Глава I. СМЕРТЬ ОГНЯ

В непроглядную ночь бежали уламры, обезумев от страданий и усталости; все их усилия были тщетны перед постигшим их несчастьем: огонь был мертв! Они поддерживали его в трех клетках. По обычаю племени четыре женщины и два воина питали его день и ночь.

Даже в самые тяжелые времена поддерживали они в нем жизнь, охраняли его от непогоды и наводнений, переносили его через реки и болота; синеватый при свете дня и багровый ночью, он никогда не расставался с ними. Его могучее лицо обращало в бегство львов, пещерного и серого медведей, мамонта, тигра и леопарда. Его красные зубы защищали человека от обширного страшного мира; все радости жили только около него. Он извлекал из мяса вкусные запахи, делал твердыми концы рогатин, заставлял трескаться камни, он подбадривал людей в дремучих лесах, в бесконечной саванне, в глубине пещер. Это был отец, страж, спаситель; когда же он вырывался из клетки и пожирал деревья, он становился более жестоким и диким, чем мамонты.

И вот теперь он мертв! Враг разрушил две клетки; в третьей же, уцелевшей во время бегства, огонь ослабевал, бледнел и постепенно уменьшался. Он был так слаб, что не мог поедать даже болотные травы; он дрожал, как больное животное, обратившись в небольшое насекомое красноватого цвета, и каждое дуновение ветра грозило его погасить... потом он вовсе исчез...

Уламры бежали, осиротевшие, в осеннюю ночь. Звезд не было. Тяжелое небо опускалось над тяжелыми водами; растения протягивали над беглецами свои похолодевшие стебли, слышно было только, как шуршат пресмыкающиеся. Мужчины, женщины, дети поглощались тьмою. Прислушиваясь к голосам своих вожаков, они старались двигаться по сухой и твердой земле, переходя в брод встречавшиеся ручьи и болота. Три поколения

Часть первая

Глава I. УИ И ЗУР

Ему [illegible] бывать в подземных [illegible] слепых рыб и бесцветных [illegible] с Зуром, сыном Земли, последним [illegible] людей-без-плеч, уцелевшим при истреблении [illegible] ими карликами.

Целыми днями [illegible] Зур вдоль течения подземной [illegible] едва всего лишь узким каменным [illegible] удалось пробираться ползком по тесному коридору из порфира, гнейса, базальта. Зур [illegible] из ветвей скипидарного дерева, и [illegible] держалось в сверкающих кварцевых [illegible] текущих водах подземного потока. Стоя [illegible] над черной водой, они наблюдали за плавающими в ней бледными, бесцветными животными, затем шли дальше до того места, где дорогу преграждала глухая гранитная стена, из-под которой с шумом вырывалась подземная река. Подолгу простаивали Уи и Зур перед черной стеной. Как хотелось им преодолеть эту таинственную преграду, на которую натолкнулось племя уламров шесть лет назад, во время своего переселения с севера на юг.

Уи, сын Быка, принадлежал, согласно обычаю племени, брату матери. Но он отдавал предпочтение своему отцу Нао, сыну Леопарда, от которого унаследовал мощное сложение, неутомимые легкие и необычайную остроту чувств. Его волосы падали на плечи густыми жесткими прядями, словно грива дикого коня; глаза были цвета серой глины. Огромная физическая сила делала его опасным противником. Но еще больше, чем Нао, Уи склонен был к великодушию, если побежденный лежал перед ним, распростершись на земле. Поэтому уламры, отдавая должное силе и мужеству Уна, относились к нему с некоторым пренебрежением.

Он охотился всегда в одиночку или вместе с Зуром, которого уламры презирали за слабость, хотя никто не

Глава I

Есть наслажденье в безлюдных чащах
Отрада есть на горной крутизне,
Человек — в прибое волн кипящих,
И голоса — в пустынной тишине
Людей люблю — природа ближе мне,
И то, чем был, и то, к чему иду я,
Я забываю с ней наедине
В своей душе весь мир огромный чуя.
Ни выразить, ни скрыть то чувство не могу я.

Байрон. «Чайльд Гарольд»[1]

События производят на воображение человека такое же действие, как время. Тому, кто много поездил и много повидал, кажется, будто он живет на свете давным-давно; чем богаче история народа важными происшествиями, тем скорее ложится на нее отпечаток древности. Иначе трудно объяснить, почему летописи Америки уже успели приобрести такой достопочтенный облик. Когда мы мысленно обращаемся к первым дням истории колонизации, период этот кажется далеким и туманным; тысячи перемен отодвигают в нашей памяти рождение наций к эпохе столь отдаленной, что она как бы теряется во мгле времен. А между тем четырех жизней средней продолжительности было бы достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий все, что цивилизованный человек совершил в пределах американской республики. Хотя в одном только штате Нью-Йорк жителей больше, чем в любом из четырех самых маленьких европейских королевств и во всей Швейцарской конфедерации, прошло всего лишь двести лет с тех пор, как голландцы, основав свои первые поселения, начали выводить этот край из состояния дикости. То, что кажется таким древним благодаря множеству перемен, сталкивается знакомым

[1] Перевод В. Левика.

МАРКО НЕЗЕ

спрут-1

РОМАН

РОСТОВ-НА-ДОНУ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАРИЯ»
1992

1

ЧАСТЬ

КТО УБИЛ КОМИССАРА?

По окраинным улочкам Трапани на бешеной скорости с включенными сиренами неслись две полицейские «альфеты». Выскочив на берег моря, затормозили посреди широкой поляны.

[illegible] длинный силуэт [illegible] Вокруг автомобиля [illegible] с автоматами [illegible] сухая трава громко шуршала под ногами.

— Не [illegible] — прогремел голос росло- [illegible] здесь в штатском.

[illegible] невысокий толстяк [illegible] из экспертно-криминали- [illegible] луч карманного фонарика [illegible] передернулось, словно от удара [illegible]

— [illegible] проборматал он,— они убили [illegible] отдела.

По кучке сгрудившихся вокруг машины пробежал смутный ропот: «Мерзавцы... сволочи...»

Мужчина в штатском хранил бесстрастное спокойствие. Подойдя к эксперту, он сказал ему, что надо поработать как можно тщательнее, и отошел на край поляны.

Тьму прорезали фонари новых машин с полицейскими. Прибыл и большой автофургон с надписью на боку «Сини-ТВ». Из него поспешно выгрузилась съемочная группа телевизионщиков во главе со стройным, элегантно [illegible] господином — Нанни Сантамарией.

А. Эленеску

120 БЛЮД ИЗ КАРТОФЕЛЯ

Малое предприятие
«ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА»

Сдано в набор 16.01.91 г. Подписано к печати 12.03.91 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 1. Печать высокая. Усл. печ. л. 2. Тираж 500 000 экз. /I-й завод
250 000 экз./ Заказ № 662. Цена 1 руб. 80 коп. 191194, Ленинград, ул. Чайков-
ского, д. 30.

Отпечатано в тип. им. Волкова Лениздата, 191023, Ленинград, Фон-
танка, 57.

Об авторе этой книги

Семенова Надежда Алексеевна родилась в 1941 году в городе Шахты Ростовской области в семье пастуха восьмым ребенком. Профессия – инженер технолог пищевой промышленности, окончила в 1962 году институт пищевой промышленности в г. Краснодаре, в 1980 году Институт по стандартам и метрологии (пищевой промышленности) в г. Москве. С 1962 года по 1988 год работала в системе пищевой, рыбной и мясной промышленности. Совершенствуя профессиональные навыки прошла ряд специализаций, в том числе по радиологии пищевых продуктов в Дальрыбвтузе в г. Владивостоке.

В 1979 году в связи с резким ухудшением здоровья обследована в Клинике функциональной диагностики г. Ростов-на-Дону. Отказалась от оформления инвалидности. В поисках выхода из болезней сложилась система безлекарственного оздоровления, путем очищения тела и раздельного питания – «Система Семеновой».

В 1986 году «Система Семеновой» стала лауреатом Всесоюзного конкурса по экологии человека. В 1990 году получила среднее медицинское образование, специализацию в международной ассоциации «Аюрведа», в содружестве с которой и работает по сей день.

С 1990 года – директор частного предприятия Центр здоровья «Надежда» в г. Ростове-на-Дону.

Автор книг «Излечись сам!», «Исцелит тебя Надежда», «Все болезни от... нервов», «Счастье жить в чистом теле», «Внутренний свет», «Кухня раздельного питания» и многочисленных публикаций в периодической печати.

Сейчас живет и работает в г. Сочи. Школа здоровья «Надежда» принимает слушателей на обучение и оздоровление каждые 21 день.

Контактный телефон 8-(862-2)-45-12-20

ББК 53.51
С 30

Семенова Н. А.

Кухня раздельного питания. – СПб.: «ДЭС», 1998. – 320 с. – (Серия «Кухня раздельного питания»)

Все права защищены

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без разрешения владельцев авторских прав

Данная книга не является учебником по медицине

ISBN 5-89431-012-1 («СДС»)
ISBN 5-88503-013-8 («Диля»)

© Н. Семенова, 1998
© «СДС», 1998
© Оформление «Диля», 1998

около 5 *см*) фигурные гренки (крутоны). Гренки выпекают, охлаждают, смазывают маслом, кладут на них ломтики ветчины или сыра и ветчины по размеру гренок, а сверху украшают сеткой из масла. По краю гренок кладут бортик из масла, выпуская его из кондитерского мешка с трубочкой. Отпускают 4—5 шт. на порцию.

Таблица 112

Наименование продуктов	Бутерброды закрытые				Бутерброды открытые			
	с мясными продуктами или сыром (15, 16)		с рыбными продуктами (15,16)		с сыром и ветчиной (21)		с икрой, семгой и осетриной	
	нетто	брутто	нетто	брутто	нетто	брутто	нетто	брутто
Говядина	62	46						
Жир топленый[1]	0,35	0,35						
Колбаса вареная: чайная любительская, ветчинно-рубленая	31	30						
Колбаса полукопченая: киевская, украинская	31	30						
Окорок копчено-вареный (со шкурой): тамбовский, московский	39	30			17	15		
Осетрина отварная			65	36			22	12
Окунь морской жареный[2]			51	36				
Треска жареная[2]			47	36				
Мука пшеничная[3]			4	4				
Масло растительное[3]			4	4				
Семга малосольная			42	30			18	13
Икра кетовая			25	25				
Икра паюсная							12	13
Яйца					9	8	5	4
Лук зеленый								
Сыры: степной, костромской, брынза, плавленые	26	25						
или голландский, ярославский	27	25			15	14		
Масло сливочное	10	10	10	10	15	15	10	10
Хлеб пшеничный	100	100	100	100	45	30	[illegible]	20
Выход[4]		140/135		140/135		80		80

[1] Жир топленый для жаренья говядины.
[2] Окунь морской и треска в разделе «Холодные блюда» взяты крупные, без головы, полуошеные, филе с кожей без костей.
[3] Мука пшеничная для панировки и масло растительное для жаренья рыбы.
[4] Выход бутербродов закрытых с сырами и икрой кетовой — 135 *г*, остальных — 140 *г*.

Бутерброды с икрой, семгой и осетриной (23). Подготовленную полоску хлеба (см. выше) нарезают на маленькие кусочки, края их с верхней стороны бутерброда смазывают маслом и

Юрий Михайлович Карташов

Сюрпризы оздоровительного бега

2-е издание, стереотипное

Наблюдающий за выпуском Б. В. Ман
Художник А. Васиханов
Художественный редактор А. Ахмеджанов
Технический редактор В. Мещерякова
Корректоры Л. Малюкова, Т. Ованесова

ИБ № 988

Сдано в набор 02.02.84. Подписано к печати 11.06.84. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Высокая печать. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 5,46. Усл. кр.-отт. 5,67. Учет.-изд. л. 5,48. Изд. № 230—84. Тираж 50000 экз. Заказ № 196. Цена 35 к.

Издательство «Медицина» УзССР, 700129, Ташкент, Навои, 30.
Типография № 3 Ташкентского полиграфического производственного объединения «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ташкент, массив Юнус-Абад, квартал «Г», ул. Мурадова, 1.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ
СПРАВОЧНЫЕ ПОСОБИЯ К СНиП,
РАЗРАБОТАННЫЕ ЦНИИЭП им. Б. С. МЕЗЕНЦЕВА:

Проектирование театров
Проектирование клубов
Проектирование кинотеатров
Проектирование зданий управления, проектных и конструкторских организаций
Проектирование зданий банков
Проектирование бассейнов
Проектирование спортивных залов, помещений для физкультурно-оздоровительных занятий и крытых катков с искусственным льдом
Проектирование открытых плоскостных спортивных баз, тиров для пулевой стрельбы и гребных баз лыжных

Стройиздат объявляет подписку на четырехтомное издание

РУССКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО,

подготовленное коллективом авторов Всесоюзного научно-исследовательского института теории архитектуры и градостроительства Госкомархитектуры под общей редакцией доктора архитектуры, профессора Н. Ф. Гуляницкого. Помимо сотрудников института в подготовке издания принимали участие известные ученые, археологи и архитектуроведы (член-корр. АН СССР В. Л. Янин, доктор исторических наук П. Л. Раппопорт и др.).

Впервые столь зримо и масштабно, на широком историко-архитектурном материале показываются замечательные достижения русской градостроительной культуры, раскрываются основные этапы ее развития от X до второй половины XIX в.

Иллюстрации, занимающие около половины общего объема томов, дают наглядное представление о структуре и композиции городов, особенностях их застройки, архитектурных ансамблях. Широко привлечены архивные материалы, иконография, изображения городов современниками. Подготовлены многочисленные графические реконструкции городов и ансамблей, воссоздающих их виды и планировку на различных этапах исторического развития. Значительная часть иллюстраций дается в цветном изображении.

Первый и второй тома, объединенные темой «Древнерусское градостроительство», объемом по 50 л. каждый. Первый том посвящен в основном русскому градостроительству X—XV вв.; второй — градостроительству Московского государства (конец XV—XVII вв.).

Третий и четвертый тома посвящены «Русскому градостроительству Нового времени (XVIII — первая половина XIX вв.)», объемом около 45 л. каждый. Третий посвящен архитектурно-градостроительному развитию вновь основанной российской столицы — Петербурга и ряду других новых городов; четвертый — развитию и реконструкции древней столицы — Москвы, и многих ранее сложившихся русских городов, перепланированных во второй половине XVIII — первой половине XIX вв на регулярной основе.

В каждом томе сначала характеризуются общие принципы формирования городов, методы проектирования и особенности их застройки. Затем на примере различных и многочисленных городов центра России и периферии раскрывается многообразие структур и ансамблей, великое искусство градостроения, проявляющееся прежде всего в овладении мастерством пространственной композиции, в органической связи с местными условиями, традициями, природным ландшафтом, другими важнейшими градоформирующими факторами.

Подписку принимают книжные магазины подписных изданий, также книжные магазины — опорные пункты Стройиздата.

Приложение 5. Пример проектирования нормативов числен ности рабочих по видам их деятельности в целом по главку (министерству) при определении нормативной формулы врем ени 57

Приложение 6. Типовой бланк формы нормированного задания (НЗ) 76

Приложение 7. Пример установления общей нормативной численности рабочих-повременщиков (с расчетом нормативной формулы на ЭВМ) 58

Приложение 8 Пример определения профессионально-квалификационного состава рабочих-повременщиков в строительном управлении 60

Приложение 9. Пример нормированного задания слесарям строительным и электромонтерам на ежесменное техническое обслуживание средств механизации на строительных площадках 68 69

Приложение 10. Пример нормированного задания на эксплуатацию электросварочного агрегата при выполнении сварочных работ 70 71

Приложение 11. Пример нормированного задания на выполнение внутритранспортных работ по обслуживанию рабочих ОГМ 72 73

Приложение 12. Пример нормированной группы рабочих, занятых дежурным обслуживанием строительных машин 74–75

Приложение 13. Пример определения нормативной численности рабочих на ремонте и техническом обслуживании экскаваторов 76

Приложение 14. Пример определения профессионально-квалификационного состава рабочих, занятых на ремонте и техническом обслуживании строительных машин 76

Приложение 15. Нормированное задание слесарям-ремонтникам на текущий ремонт строительных машин . . . . . 78—79

Приложение 16. Журнал учета наработки часов строительными машинами 80

Приложение 17. Нормированное задание слесарям-ремонтникам на техническое обслуживание и текущий ремонт строительных машин по часам наработки . . . . . 80—81

Приложение 18. План-график выходов машин на линию 82

Приложение 19. Пример разработки укрупненных норм на одни машино-выход на слесарные работы 83

Приложение 20. Нормированное задание слесарям строительным на выполнение текущего ремонта и технического обслуживание машин по машино-выходам . . . . . 84—85

Приложение 21. Табель учета работы машин и механизмов 86

Приложение 22. Нормированное задание машинистам и такелажникам на выполнение погрузочно-разгрузочных работ . . . 83–89

СОДЕРЖАНИЕ

1. Основные положения 3

2. Создание нормативной базы для нормирования труда рабочих-повременщиков на вспомогательных работах . . . 6
   - Общие положения 6
   - Разработка норм затрат труда на обслуживание и норм обслуживания 12
   - Разработка нормативов численности 13
   - Проектирование параграфов норм и нормативов и оформление обосновывающих материалов 16

3. Оперативное нормирование труда рабочих-повременщиков . . . 17
   - Основные положения по определению и выдаче рабочим нормированных заданий 17
   - Порядок оформления, выдачи и учета выполнения нормированных заданий 20

4. Особенности нормирования труда рабочих-повременщиков на вспомогательных работах в основном производстве на строительно-монтажных работах 21
   - Исходные условия 21
   - Установление нормативной численности рабочих-повременщиков и их профессионально-квалификационного состава 22
   - Оперативное нормирование труда рабочих-повременщиков в основном производстве 30

5. Особенности нормирования труда рабочих-повременщиков в управлениях механизации 31
   - Исходные условия 32
   - Установление нормативной численности ремонтных рабочих 33
   - Оперативное нормирование труда рабочих-повременщиков в управлениях механизации 36

6. Особенности нормирования труда рабочих в подсобном производстве, обслуживающих хозяйствах
   - Исходные условия 37
   - Установление нормативной численности рабочих в [illegible] ном производстве и обслуживающих хозяйствах 38
   - Оперативное нормирование 39

Приложение 1. Классификация групп факторов влияния [illegible] тываемых при разработке норм и нормативов для рабо[illegible] повременщиков 41

Приложение 2. Примерные нормативы на [illegible] заключительную работу (ПЗ), отдых и личные [illegible] (ОТЛ), рекомендуемые при нормировании [illegible] нятых на вспомогательных работах в строите[illegible] 43

Приложение 3 Пример проектирования норм [illegible] обслуживание и норм обслуживания [illegible] 44

Приложение 4. Пример проектирования норм[illegible] сти рабочих в расчете на годовую программу [illegible] чета) 45

ВНИПИ труда в строительстве
Госстроя СССР

Рекомендации

по нормированию труда рабочих на вспомогательных работах в строительстве

Москва 1990

Э.И.ГОНИКМАН

КАК ВЫТАЩИТЬ СЕБЯ ИЗ СТРЕССА

Действие спасает от смерти, оно спасает и от страха, и от слабостей, даже от холода и болезни.

Антуан де Сент-Экзюпери

Существует множество факторов, способствующих нарушению равновесия в организме и возникновению болезни.

Среди ведущих врачи древности называли семь факторов психического порядка: гнев, беспокойство, печаль, безысходность, тоска, страх и ужас. Если все семь указанных разновидностей психологического состояния проявляются редко и не в сильной форме, они могут еще не вызывать заболевания. Но всякий раз, когда ваши отрицательные эмоции переходят через определенную грань, они влияют на все без исключения функции организма, вызывая их нарушение и заболевание.

В старинных книгах по древней медицине говорится: «От раздумий страдает селезенка, от тревог – легкие, от гнева – печень, от страха – почки, а чрезмерное веселье сказывается на сердце».

К общим симптомам болезней, вызванных факторами психического порядка, относятся: подавленное состояние, беспричинное раздражение, неустойчивость настроения, страх, нарушение сна, головные боли, стеснение в груди, тяжелые вздохи или стоны, а у женщин при длительном подавленном состоянии наблюдается также расстройство менструального цикла.

Уровень современной науки и знаний сегодня еще не в состоянии полностью оценить тот размер трагедии и ее

Таблица показателей состояния эрогенных зон
(по данным мужа) *

М	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22		
Ж	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	23	24	26	27

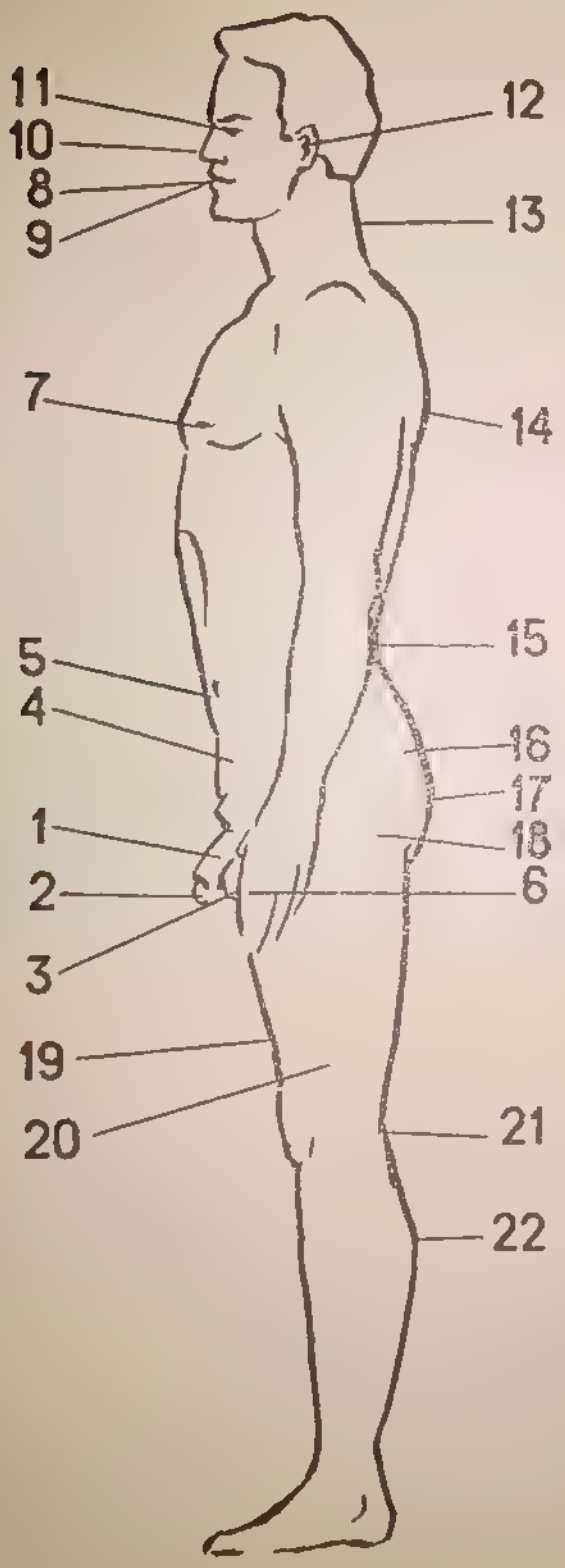


Рис. 8. Эрогенные зоны мужчины

1 — половой член; *2* — головка полового члена; *3* — мошонка; *4* — низ живота; *5* — пупок; *6* — пальцы и осязание; *7* — сосок; *8* — язык и вкус; *9* — рот; *10* — нос и обоняние; *11* — веки и зрение; *12* — ухо и слух; *13* — шея; *14* — «кошачье место», *15* — поясница; *16* — крестец; *17* — ягодицы; *18* — анус; *19* — внутренняя поверхность бедер; *20* — внешняя поверхность бедер; *21* — подколенная ямка; *22* — голень

В случае, если воздействие на ту или иную эрогенную зону вызывает приятные ощущения, но в то же время является психологически неприемлемым для Вас, следует обвести кружком ее порядковый номер.

* В числителе — порядковый номер эрогенной зоны, в знаменателе — ее оценка.

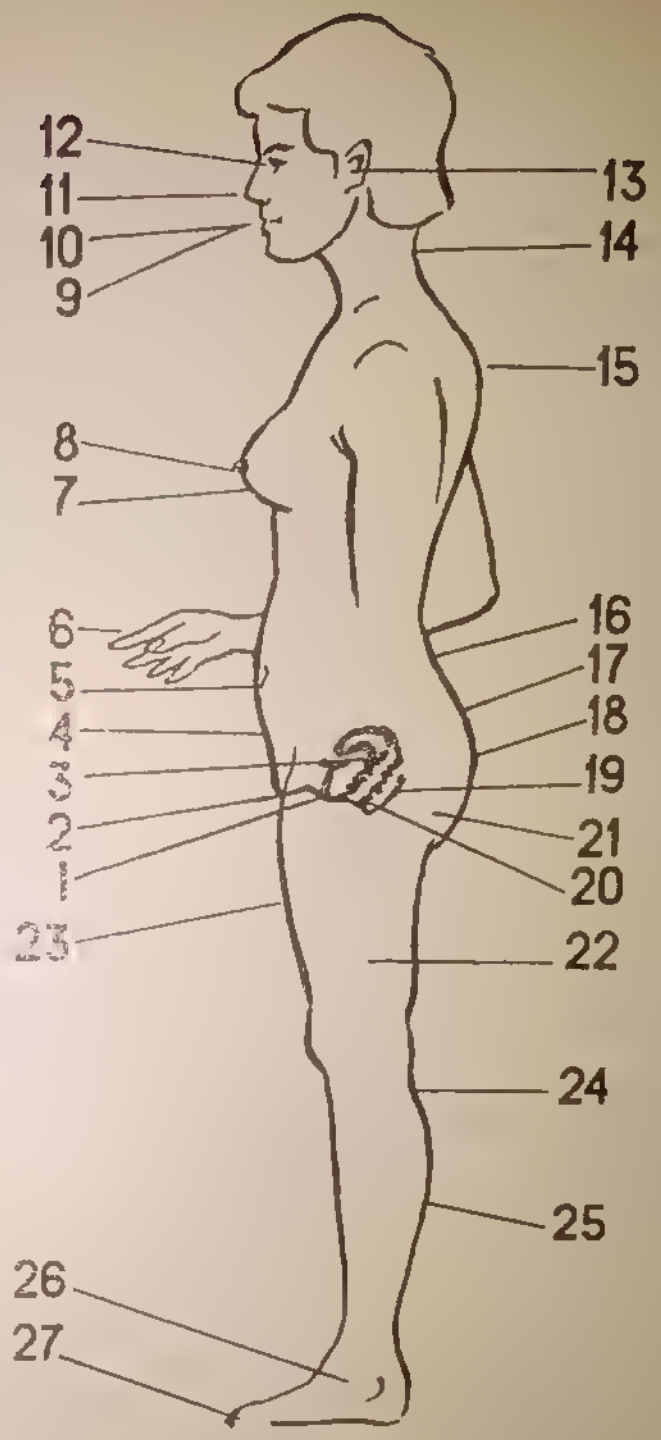


Рис. 7. Эрогенные зоны женщины

1 — клитор; *2* — —уретра; *3* — шейка матки; *4* — низ живота; *5* — пупок; *6* — пальцы и осязание; *7* — молочная железа; *8* — сосок; *9* — язык и вкус; *10* — рот; *11* — нос и обоняние; *12* — веки и зрение; *13* — ухо и слух; *14*— шея; *15* — «кошачье место»; *16* — поясница; *17* — крестец; *18* — ягодица; *19* — заний свод; *20* — интроитус; *21* — анус; *22* — внутренняя поверхность бедер; *23* — внешняя поверхность бедер; *24* — подколенная ямка; *25* — голень; *26* — стопа; *27* — пальцы ног

Для выявления функционального состояния эрогенных зон каждому из супругов в отдельности предлагается в соответствии со схемой эрогенных зон женщины и мужчины (рис. 7 и 8) сделать отметки на приведенных ниже таблицах о степени чувствительности собственных эрогенных зон и предполагаемой оценки чувствительности эрогенных зон своего супруга (и), пользуясь приведенной в карте шкалой оценок.

Шкала оценок: 0 — индифферентно; + 1 — приятно; + 2 — очень приятно, возбуждает; + 3 — очень возбуждает; ? — не знаю; — 1 — неприятно; — 2 — противно; — 3 — очень противно, отрицательные эмоции.

Таблица показателей состояния эрогенных зон (по данным жены)

Ж	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	26	27
М	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	

Анализ полученных данных дает возможность у... нить факторы, приведшие к развитию сексуальной ... гармонии супружеской пары, что является ценным ... спорьем для выбора наиболее рациональных мет... коррекции.

В целях наглядности результатов исследования ... гов по приведенной выше анкете (опроснику) и в... ности их сравнительного анализа полученные ... могут быть изображены графически (рис. 6).

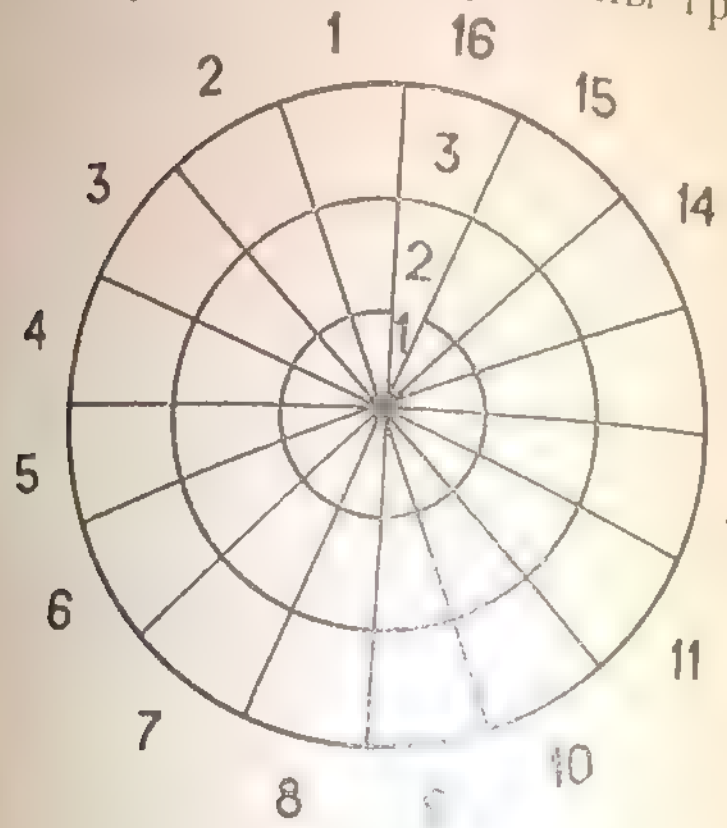


Рис.

На представ... рисунке каждому ... просу анкеты ... ствует определ... сектор площади ... разделенный тремя ... центрическими ... ностями. Точки ... чения окружности ... рон сектора делят ... симый к тому ... му вопросу сектор ... части, которые ... ствуют трем вар... ответа на каждый ... прос, приведенный ... кете. Первому варианту ответа на тот или иной ... соответствует точка, расположенная в центре части ... тора, заключенного между наружной и послед... окружностью. Второму варианту — соответствующая ... ка между второй и внутренней окружностью, тре... между внутренней окружностью и центром круга ... соединяющая полученные точки, образует рисунок ... фически отражающий состояние социально-психо... ской и сексуально-поведенческой адаптации супру... пары. Сопоставление двух рисунков, отражающ... ные, полученные у обоих супругов, дает наглядн... ставление о наличии и выраженности несоответ... характере и тенденциях супругов, которые пр... развитию супружеской дезадаптации.

Для квалификации характера сексуальной ... нии как формы нарушения психофизиологичес... ства сексуальной жизни супружеской пары не м... достаточным сексологическое обследование ли... из супругов. Необходимо столь же углубленное ...

циональных элементов, обеспечивающих физиологическое протекание полового цикла (рис. 5).

Г. С. Васильченко (1970) выделяет четыре составляющих копулятивного цикла.

Нейрогуморальная составляющая связана с деятельностью глубоких структур головного мозга и всей системы эндокринных желез. Она обеспечивает половое влечение и соответствующую возбудимость всех отделов нервной системы, регулирующих половую деятельность.

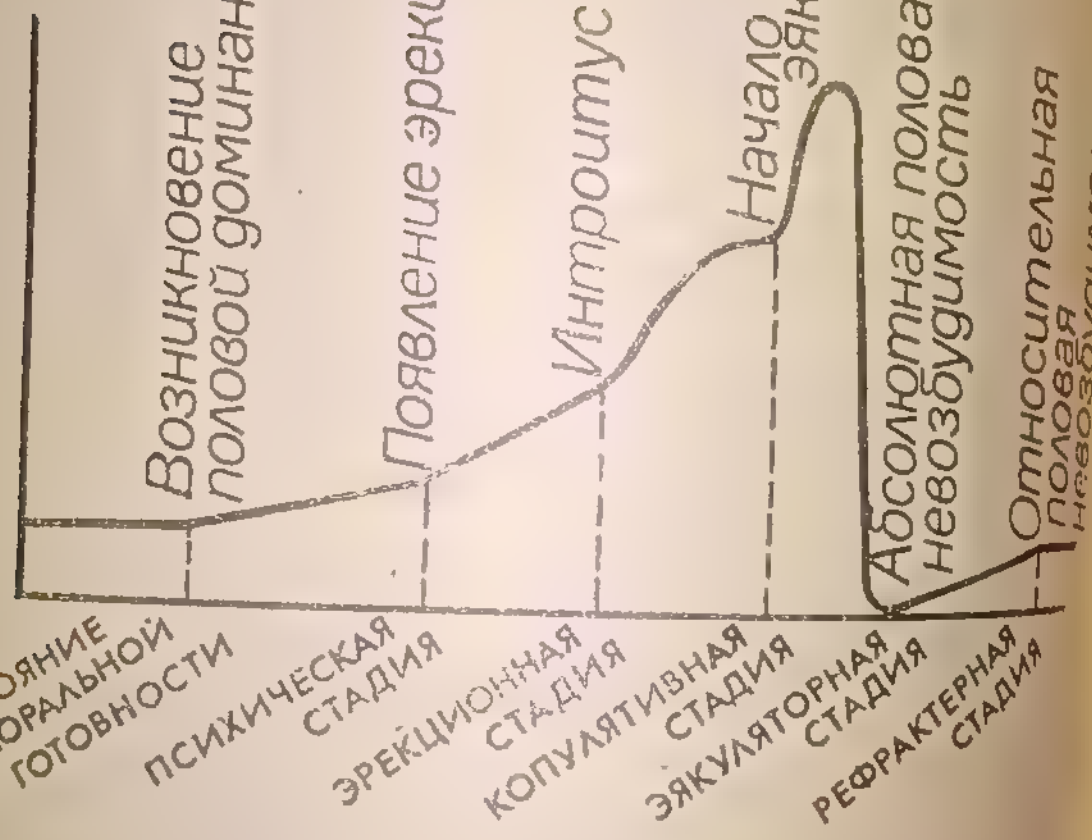


Рис. 5. Типовая кривая копулятивного цикла мужчины (по Г. С. Васильченко)

Психическая составляющая связана с деятельность коры головного мозга, определяет направленность полового влечения, облегчает возникновение эрекции до мента интроитуса и обеспечивает специфические человека формы проявления половой активности, в ности, соответствие поведенческих реакций конкрет условиям и морально-этическим требованиям.

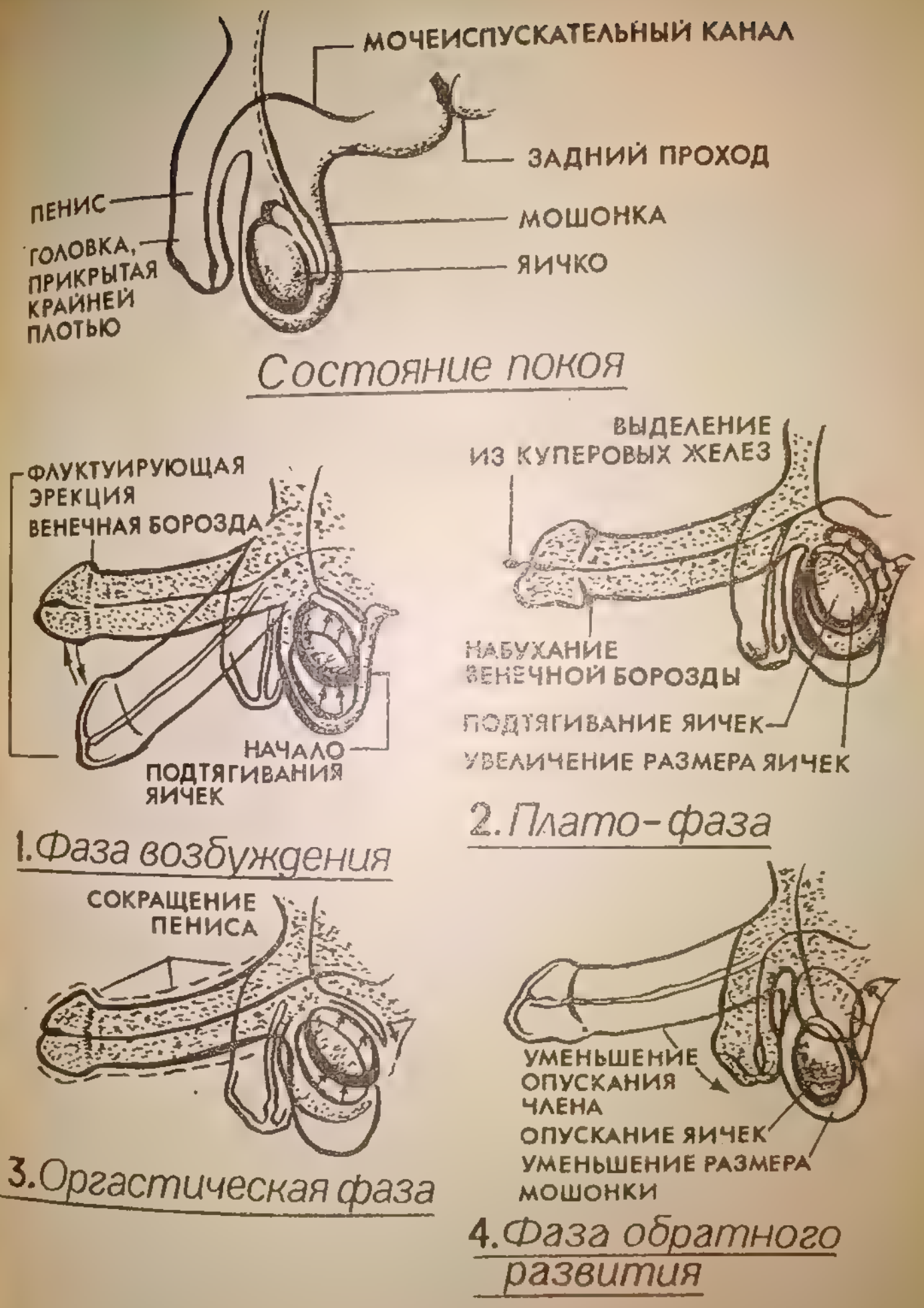


Рис. 4. Изменения в половых органах мужчины во время полового цикла

Г. С. Васильченко (1969) предложил разграничение стадий копулятивного цикла, в основу которого положена естественная последовательность включения всех функ-

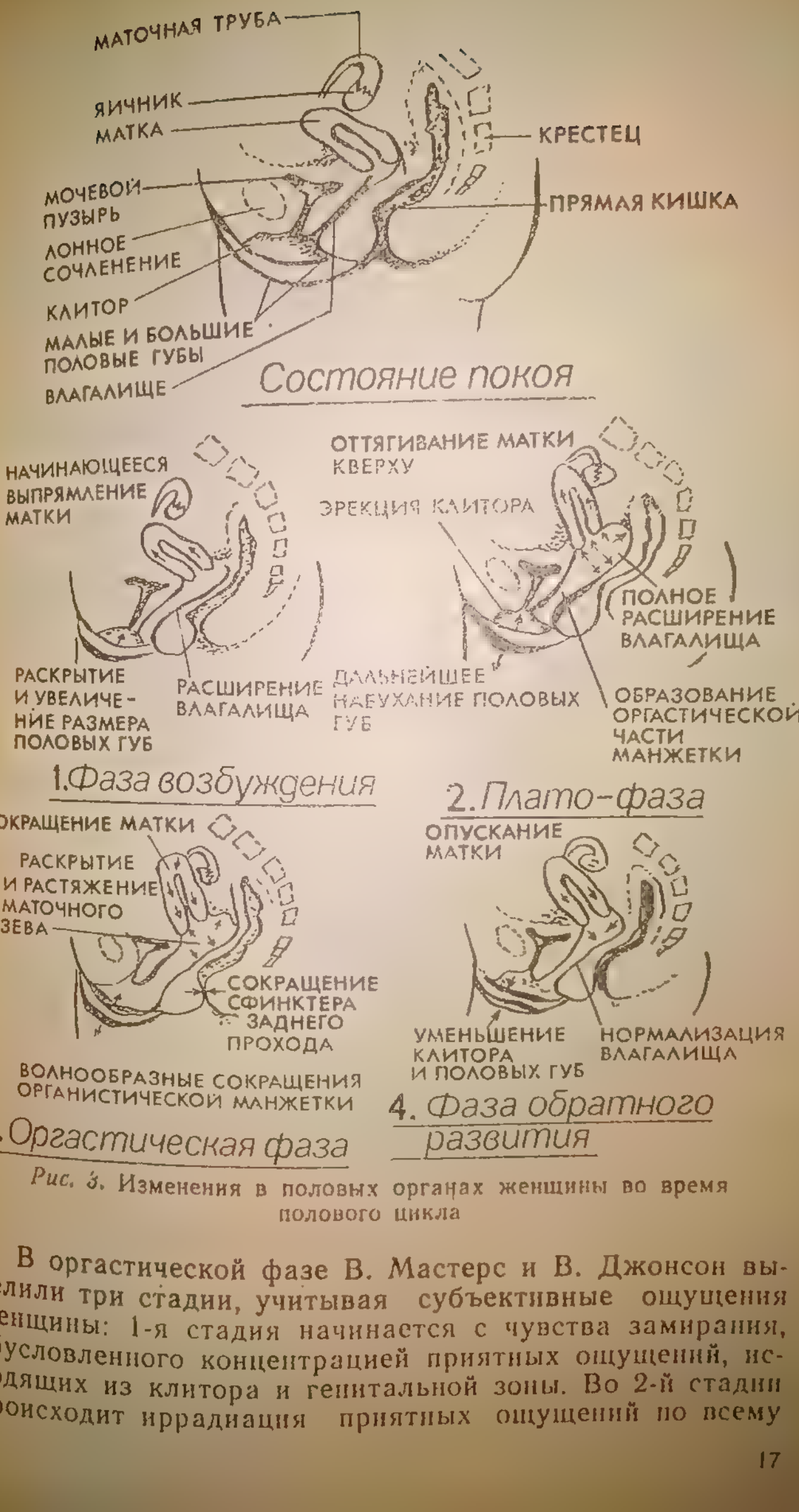
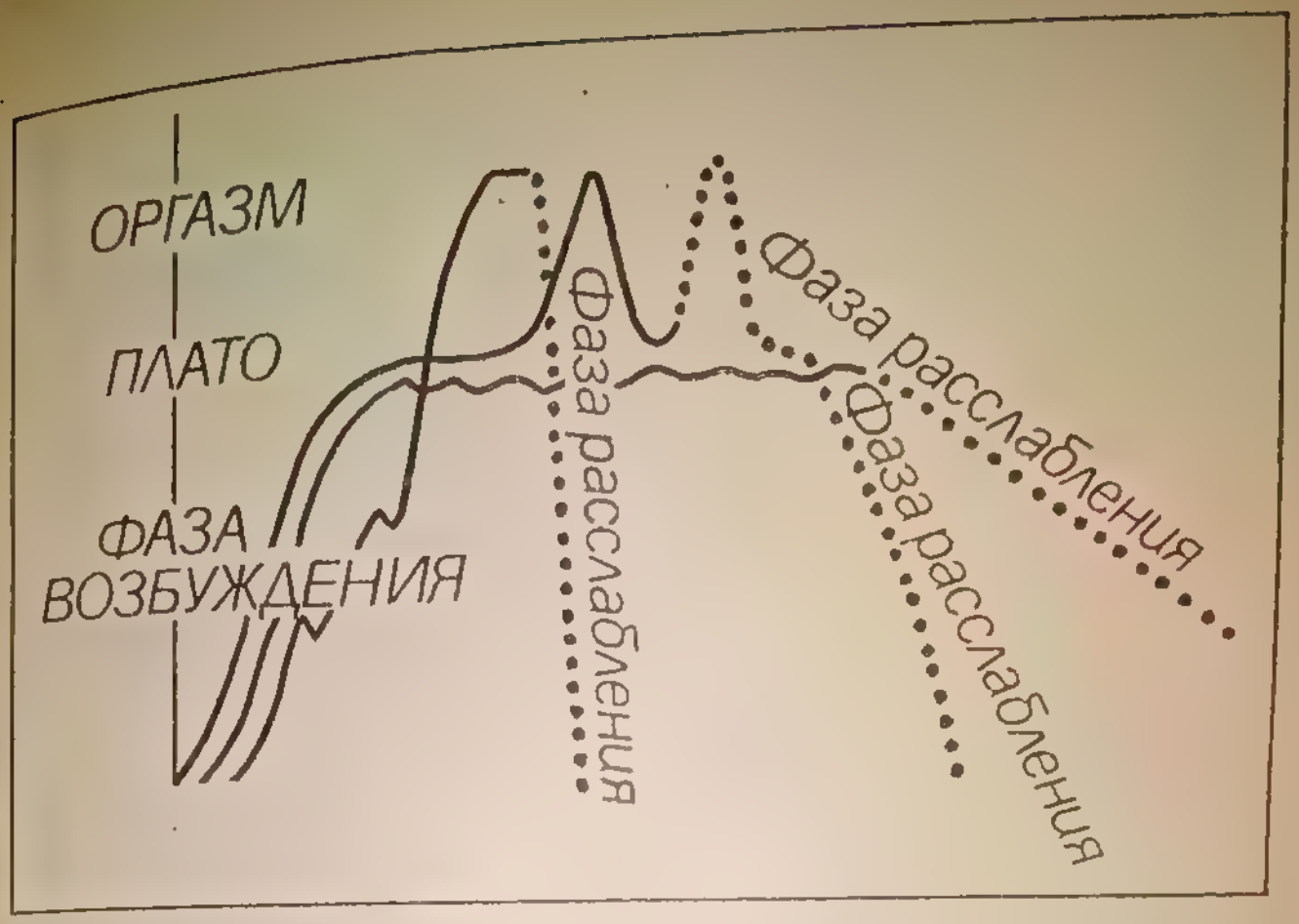
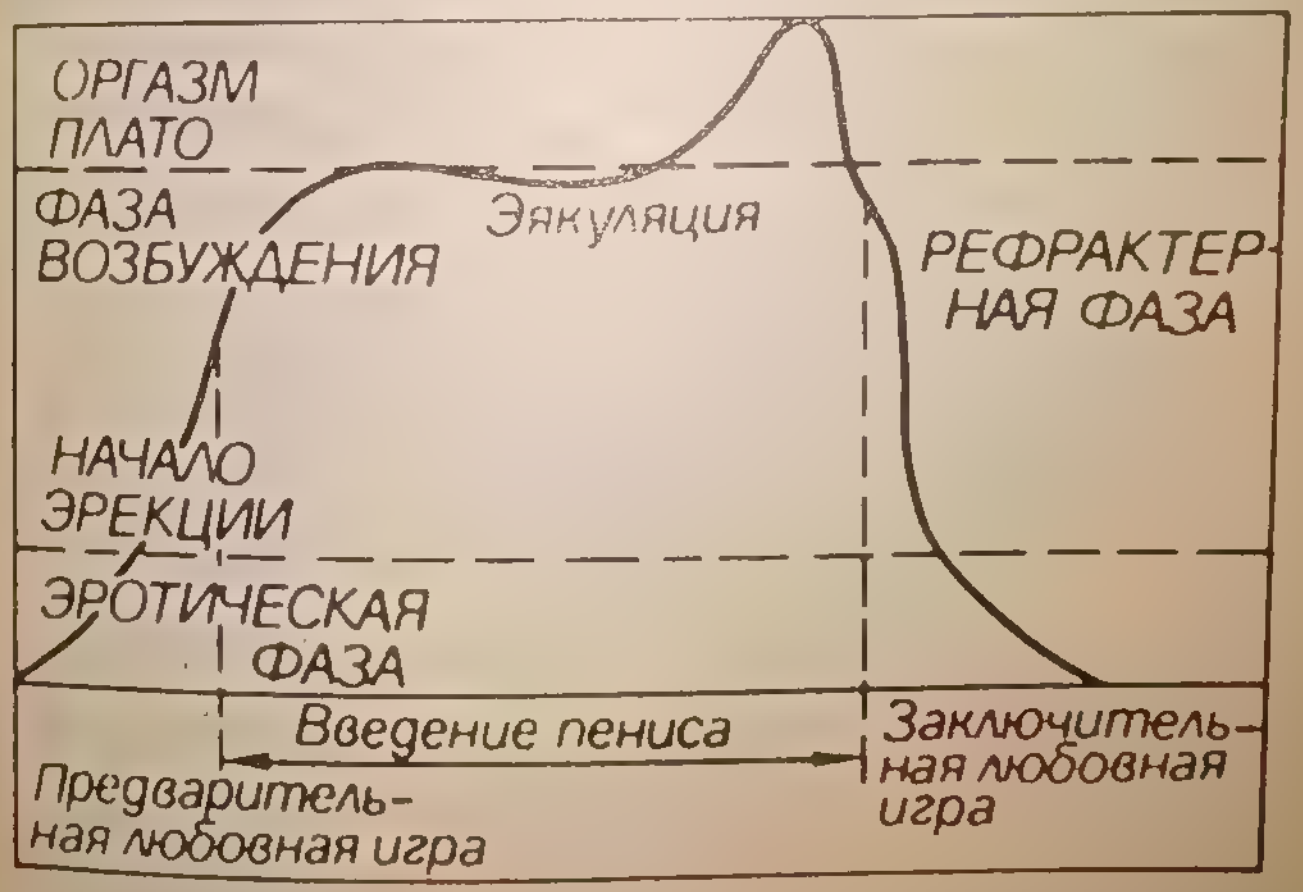


Рис. 3. Изменения в половых органах женщины во время полового цикла

В оргастической фазе В. Мастерс и В. Джонсон выделили три стадии, учитывая субъективные ощущения женщины: 1-я стадия начинается с чувства замирания, обусловленного концентрацией приятных ощущений, исходящих из клитора и генитальной зоны. Во 2-й стадии происходит иррадиация приятных ощущений по всему



а



б

Рис. 2. Сексуальные реакции (по W. H. Masters, V. E. Johnson). *а* — женщин, *б* — мужчин

ми компонентами механизма, определяющего половое поведение индивидуума.

Сложная цепь взаимосвязанных физиологических процессов, лежащих в основе сексуальной функции и, в

(1983) отмечают, что на каждом этапе психосексуального развития возможно влияние патогенных факторов, которые могут привести к соответствующим нарушениям: изменению темпов и сроков психосексуального развития (ретардации и преждевременному психосексуальному развитию), девиации психосексуального развития (нарушению полового самосознания, стереотипа полоролевого поведения, психосексуальной ориентации).

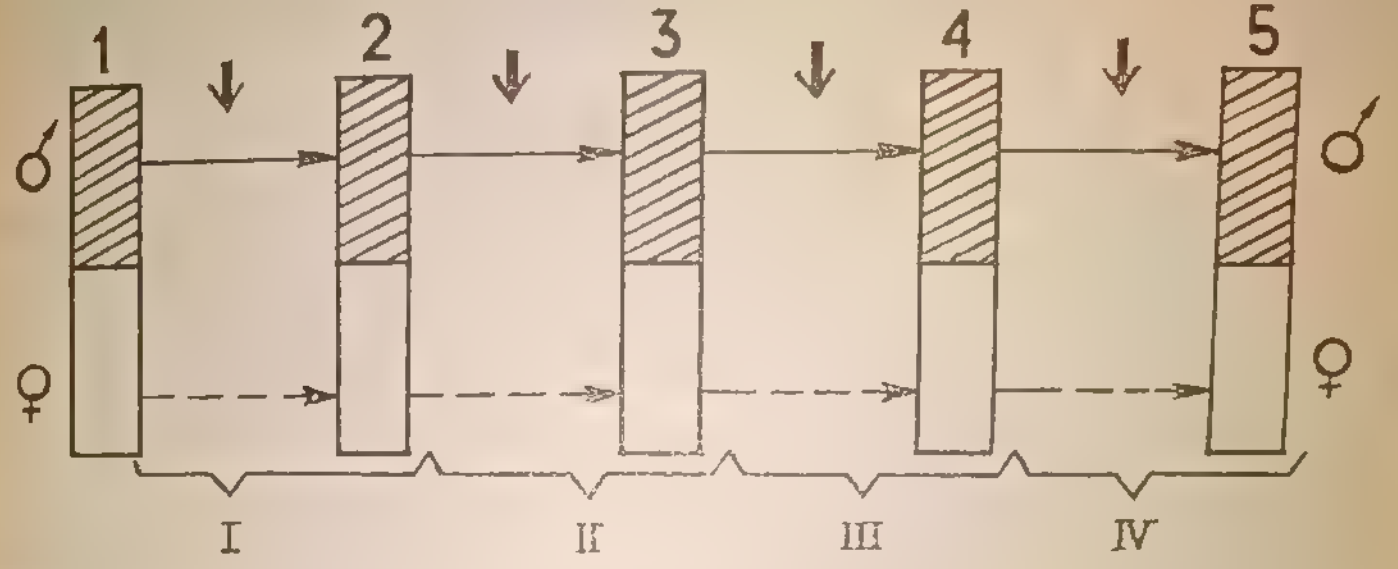


Рис. 1. Динамика психосексуального развития в норме у мужчин и женщин (по Маслову В. М., Ботневой Н. Л., Васильченко Г. С., 1983)
1 — гонадный пол, *2* — половая дифференцировка мозга, *3* — половое самосознание, *4* — половая роль, *5* — психосексуальные ориентации
I — пренатальный период половой дифференцировки мозга, II — этап формирования полового самосознания, III — этап формирования полоролевого поведения, IV — этап формирования психосексуальных ориентаций

Существуют определенные критические периоды сексуального развития: 6—32 недели внутриутробной жизни; 2—4 года, 7—8 лет, 12—15 лет, 16—24 года, 51—60 лет.

Если на первых двух этапах отклонение сексуального развития может возникнуть под влиянием эндогенных патогенных факторов (например, прием гормонов матерью), то на III—IV этапах действуют факторы экзогенные, в частности, социогенные (неправильное воспитание, нарушение внутрисемейных отношений и психогенные).

Формирование полового самосознания в большей степени детерминировано половой дифференцировкой мозга в пренатальном периоде, а в последующем индивидуальном развитии и микросоциальной средой.

Для полноценного процесса дифференцировки мозга у мужчин требуется определенная концентрация эмбрионального андрогена, период и длительность его воздейст-

Зеленые оазисы дома и на работе/В. Ф. Бибикова, Ю. А. Бибиков, Е. И. Годес, М. Ф. Капельян.— 2-е изд., перераб. и доп.— Мн.: Полымя, 1989.— 126 с., [16] л. ил.: ил.

ISBN 5-345-00043-3.

В книге цветоводы-любители найдут полезные советы по выращиванию комнатных растений, цветов для балкона и вьющихся растений, предназначенных для озеленения стен зданий. Даны рекомендации по правильному оформлению композиций из этих растений.

Адресуется массовому читателю.

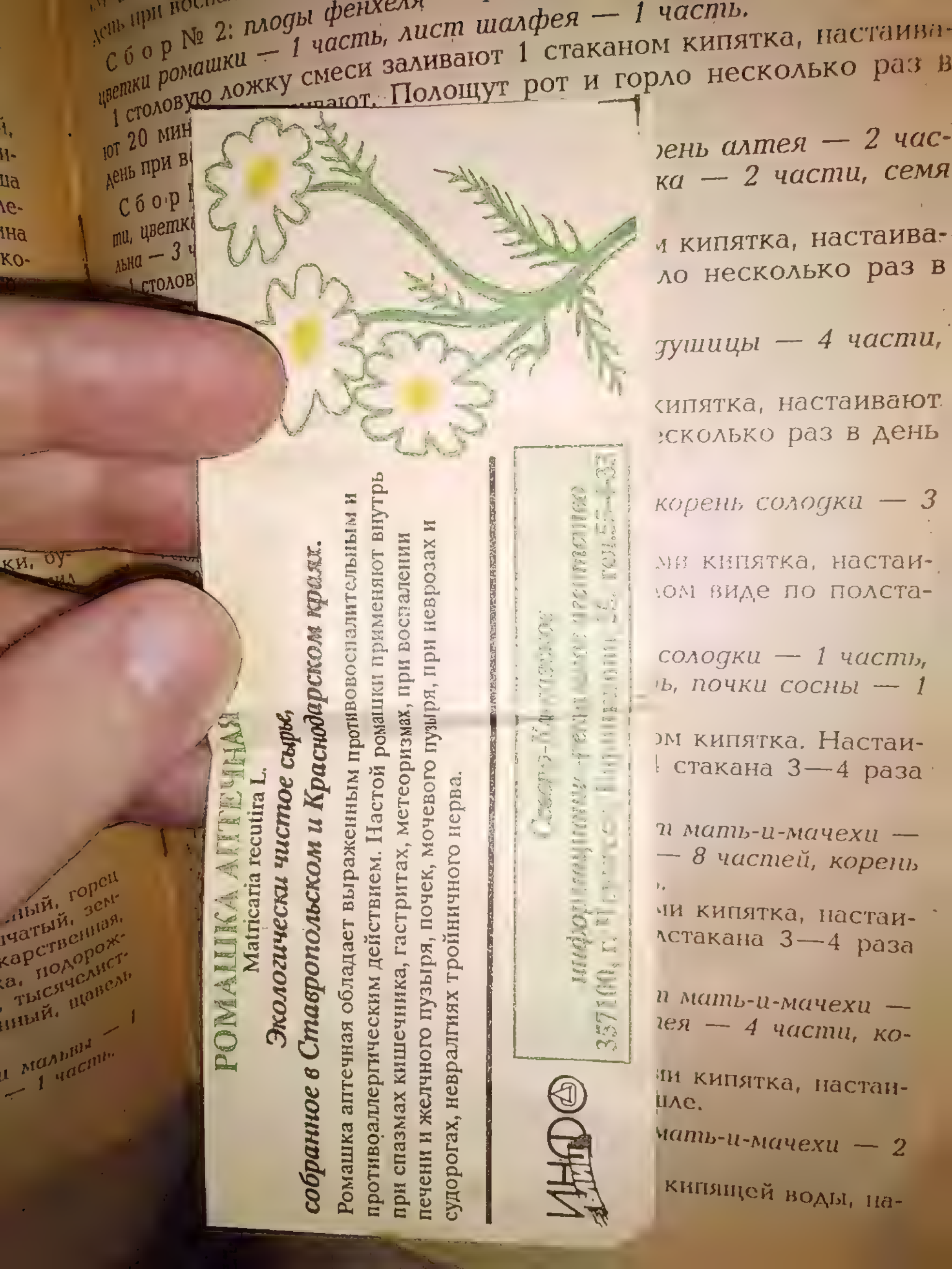
ББК 42.37

З 3704031000—134 / М306(03)—89 32—89

Г. И. МОЛЧАНОВ

ФИТОТЕРАПИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КАВКАЗСКАЯ ЗДРАВНИЦА»
МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ
1991


РОМАШКА АПТЕЧНАЯ
Matricaria recutira L.
Экологически чистое сырье,
собранное в Ставропольском и Краснодарском краях.
Ромашка аптечная обладает выраженным противовоспалительным и противоаллергическим действием. Настой ромашки применяют внутрь при спазмах кишечника, гастритах, метеоризмах, при воспалении печени и желчного пузыря, почек, мочевого пузыря, при неврозах и судорогах, невралгиях тройничного нерва.
ИНДО

СПОСОБ ПРИМЕНЕНИЯ:

Для приготовления отвара цветков ромашки 10 г (4 столовые ложки сырья) заливают 200 мл (1 стакан) горячей кипяченой воды. 30 минут нагревают на кипящей водяной бане, охлаждают при комнатной температуре, процеживают, оставшееся сырье отжимают.

Приготовленный отвар хранят в прохладном месте не более 2 суток.

Принимают по 1/2-1/3 стакана 2-3 раза в день после еды.

Цветки ромашки применяются и в сложных сборах при лечении многих заболеваний.

Северо-Кавказское
информационно-рекламное агентство
357100, г. Черкесск, Воронилова, 55, тел. 5-54-33

Цена	
Серия	08-91
Анализ	233-91
Вес	100 г
Годен до	08-92

Литературно-художественное издание

БУЛГАКОВ Михаил Афанасьевич

ИЗБРАННОЕ

Заведующий редакцией *В. П. Журавлев*
Редактор *Ю. Д. Тарасов*
Художественный редактор *Л. Ф. Малышева*
Технический редактор *М. М. Широкова*
Корректор *О. В. Ивашкина*

ИБ № 12466

Сдано в набор 05.02.90. Подписано в печать 10.10.90 Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага типограф. № 2 Гарнит. литер. Печать высокая. Усл. печ. л. 21 + 0,25 форзац. Усл. кр.-отт. 24,69. Уч.-изд. л. 27,03 + 0,42 форзац. Тираж 700 000 экз. Заказ № 748. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Министерства печати и массовой информации РСФСР. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Б90

Серия «Школьная библиотека» основана в 1969 году

Составитель, автор послесловия *М. О. Чудакова*

Художник *И. И. Бабаянц*

Тексты печатаются по изданиям:

Булгаков М. Мастер и Маргарита.— М.: Худ. лит., 1988.

Булгаков М. Сочинения.— Минск: Университетское, 1988.

Булгаков М. Письмо Правительству СССР. // Новый мир, 1987, № 8.

Для старшего школьного возраста

Булгаков М. А.

Б90 Избранное. Для ст. шк. возраста / Сост., авт. послесл. М. О. Чудакова; Худож. И. И. Бабаянц.— М.: Просвещение, 1991.— 384 с.: ил.— (Шк. б-ка).— ISBN 5-09-001931-2.

В сборник избранных произведений М. А. Булгакова — одного из крупнейших русских писателей советского времени — вошли роман «Мастер и Маргарита», рассказы 1920-х годов и публицистика. Издание дополняют послесловие доктора филологических наук М. О. Чудаковой, известного специалиста по изучению жизни и творческого наследия Булгакова.

Б $\frac{4300000000-575}{103(03)-91}$ инф. письмо — 90

ББК 84Р7-4

ISBN 5-09-001931-2

© Составление, послесловие Чудаковой М. О., 1991

Р1
Г65

Текст печатается по изданию:
И. А. Гончаров. Обломов. М., Изд-во «Художественная литература», 1967.

Иван Александрович Гончаров

ОБЛОМОВ

Школьная библиотека

Редактор *И. Григорьева*
Художник *А. Учаев*
Художественный редактор *В. Иванов*
Технический редактор *Л. Борисова*
Корректор *И. Любавина*

Сдано в набор 30/X 1972 г. Подписано в печать 3/I 1973 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Усл.-печ. л. 25. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 150 000. Цена 80 коп. Заказ № 1038.
Приволжское книжное издательство. 410 730, Саратов, пл. Революции, 15.
Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

0—7—6—3
52—73

И. Гончаров

роман в четырех частях

ОБЛОМОВ

ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1973

Р2
А16

Составитель Л. Крутикова-Абрамова

Текст печатается по изданиям:

Федор Абрамов. Повести. М.: Советская Россия, 1983 г.
Федор Абрамов. Жарким летом. Рассказы. Л.: Советский писатель, 1984 г.

Абрамов Ф. А.

А16 Повести и рассказы.— Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Вологодское отд-ние, 1985.— 368 с. — (Сер. «Рус. Север»).

Ф. А. Абрамов (1920—1983) — известный советский писатель, лауреат Государственной премии СССР. Все его творчество тесно связано с родной пинежской деревней. Однако произведения Федора Абрамова не только о северной деревне и ее людях, это — размышления о путях движения всего советского общества, дума о времени, о нашем будущем. В эту книгу вошли почти все повести Ф. Абрамова и цикл наиболее поздних рассказов.

А $\frac{4702010200}{М157(03)—85}$ Без объявления.

Р2
ББК84Р7

© Северо-Западное книжное издательство, 1985 г., составление, вступительная статья, примечания, оформление.

Мамошиха 204
. 252

Рассказы

Михей и Иринья 297
Валенки 306
Когда делаешь по совести 308
Золотые руки 310
Бабилей 312
Из колена Аввакумова 323
Сказание о великом коммунаре 334
Бревенчатые мавзолеи 340
Дорогами Суворова 341
Куст рукотворный 346
Как Лукеша свою Маньку замуж выдала 349
Жарким летом 351

Примечания 366

Серия «Русский Север»

Абрамов Федор Александрович

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Редактор *В. К. Лиханова*
Художник *Р. С. Климов*
Фотопортрет работы *Р. П. Кучерова*
Художественный редактор *А. С. Мазурин*
Технический редактор *Н. Б. Буйновская*
Корректоры *Г. В. Смагина, В. А. Фокина*

ИБ № 620

Сдано в набор 12.12.1984 года. Подписано в печать 22.04.1985 года. Форм. бум. 84×108/32 (бум. тип. № 2). Гарнитура «Литературная». Высокая печать. Усл. п. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,32. Уч.-изд. л. 20,28. Тираж 100 000 (2-й завод 50 001—100 000). Заказ 391. Цена 1 руб. 50 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, 160000, Вологда, ул. Урицкого, 2.
Областная типография, 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

3
18
116

ГРИБОЕДОВ
Александр Сергеевич

Горе от ума

Комедия

Комментарий С. А. Фомичева

Л. Р. № 062679 от 02.06.93

Сдано в набор 12.08.94. Подписано к печати 12.09.94. Формат 84×108¹/₃₂. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,54. Тираж 20 000 экз. Заказ № 705.

Гуманитарное агентство «Академический проект».
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Типография им. Володарского Лениздата, 191023,
Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

Грибоедов А. С.

Г 82 Горе от ума./Комментарий С. А. Фомичева.— СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994.—294 с. (Серия «Русская классика с комментариями»).

ISBN 5-7331-0025-7

Издание бессмертной комедии снабжено вступительной статьей и комментариями. Книга может служить прекрасным учебным пособием для всех, кто изучает русскую классику

ББК 83.3Р1

Т 53 Толстой Л. Н.
Повести и рассказы.— Алма-Ата: Жазушы, 1985.—368 с., ил., портр.

В настоящее издание вошли повести и рассказы Л. Н. Толстого (1828—1910) за период с 1852 по 1862 гг.: «Казаки», «Набег», «Рубка леса», «Севастопольские рассказы» и другие.

Т 4702010100—167
402(05)—85 211—85

84Р1—4

© Л. Н Толстой. Повести и рассказы Москва. «Художественная литература», 1978.
© Л. Н. Толстой. Казаки. Москва. «Художественная литература», 1981.
© Состав, оформление. «Жазушы», 1985.

Лев Николаевич Толстой

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Редактор А. Тимофеева
Художник А. Тленшиев
Художественный редактор Б. Табылдиев
Технический редактор Н. Галицкая
Корректоры Ж. Абдельдинова, Д. Аханькова

ИБ № 2993

Сдано в набор 25.12.84. Подписано к печати 10.09.85. Формат 60×90[illegible]. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 23,0. Усл. кр.-отт. 23,6. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 200 000 экз. (2-й завод 1—40 000 экз.). Заказ № 3894. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

Р2
Ф95

Текст печатается по изданию:
Д. Фурманов. «Чапаев. Красный десант. Мятеж».
Л., Лениздат, 1967.

Фурманов Д. А.
Ф95 Мятеж. Перепзд. Петрозаводск, «Карелия», 1977.
352 с.

Ф $\frac{70302—039}{М127(03)}$ 61—77

только больше опыта [illegible] руководящую работу делали вместе: Поздышев, Мамелюк, Шегабутдинов, Бочаров, Кравчук, Альтшуллер, мы с Беловым и все другие ребята,— словом, та самая горстка, которая и труд и опасности вынесла на своем горбу.

На этом можно кончить историю мятежа.

Дальше — долавливали непойманных. Петров и с ним еще два-три убежали. Петрова потом пристрелили где-то в деревне, когда кинулся двором к тыну от накрывших его агентов.

Приезжала во главе с Фонитейном сессия фронтового трибунала. Судила. Городскую организацию партии распустили — судили и ее. Человек двенадцать главарей расстреляли. Остальных — разбросали в заключенье или по другим губерниям и городам. Полки, которые было надо перебросить из Семиречья, перебросили. Кулачьё семиреченское притихло, убедившись, как трудно бороться с советской властью, как дорого обходятся попытки свалить ее с ног.

Москва, 4 ноября 1924 г.

Дмитрий Андреевич Фурманов
МЯТЕЖ
Роман
Для старшего школьного возраста
Редактор В. И. Чернецова. Художник М. К. Яковлев. Художественный редактор Р. С. Киселева. Технический редактор Э. С. Иванова. Корректор Э. Г. Растатурина
ИБ № 356
Сдано в набор 17 XII 1976 г. Подписано к печати 17/V 1977 г. Бумага 84×108¹/₃₂, № 3 18,48 усл. печ. л. 19,35 уч.-изд. л. Изд. № 172. Тираж 100 000 экз. Заказ 4. Цена 63 коп. Издательство „Карелия". Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1. Сортавальская книжная типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Карельской АССР. Сортавала, Карельская, 42.

Куприн А. И.
К92 Повесть и рассказы.— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1985.—384 с.

В книгу включены повесть «Поединок», а также наиболее известные рассказы писателя: «Гранатовый браслет», «Гамбринус», «Святая ложь», «К славе» и др.

К $\frac{4702010100}{153(39)-85}$ 84Р1

© Приволжское книжное издательство, 1985.

Александр Иванович Куприн

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

Редактор *В. Потапов*
Художник *Б. Лавров*
Художественный редактор *Е. Иванов*
Технический редактор *Л. Андронова*
Корректоры *Т. Краснова* и *Е. Феклистова*

ИБ № 1068

Сдано в набор 26.12.84. Подписано в печать 03.09.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 24. Усл. кр.-отт. 24,75. Уч.-изд. л. 27,283. Тираж 160 000. Цена 2 р. 30 коп. Заказ 1281.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Ч49 Чернышевский Н. Г.
Что делать?: Из рассказов о новых людях. — Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1985. — 368 с.

В основу издания положен текст, опубликованный в серии «Литературные памятники» (Л., Наука, 1975) с учетом дополнительных уточнений по изданию романа «Что делать?» (Л., Художественная литература, 1976).

В приложении дается вариант XVII раздела четвертой главы «Второе замужество», в свое время изъятый или цензурой, или самим автором по автоцензурным соображениям. Он был обнаружен после Октябрьской революции в первоначальной редакции романа в архиве Петропавловской крепости.

Ч 4702010100
153(41) — 85

84Р1

© Приволжское книжное издательство, 1985.

Николай Гаврилович
Чернышевский

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Из рассказов о новых людях

Редактор *В. Ю. Потапов*
Художник *А. И. Алешин*
Художественный редактор *В. К. Бутенко*
Технический редактор *Л. И. Борисова*
Корректор *Н. Н. Попова*

ИБ 1105

Сдано в набор 14.05.84. Подписано в печать 07.12.81. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 23. Усл. кр.-отт. 23,087. Уч.-изд. л. 24,695. Тираж 60 000. Цена 2 р. 20 к. Заказ 1526.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

84.4Фр
З 81

Перевод
И. Немчиновой

Художник
Б. Лавров

Золя Э.
З-81 Жерминаль: Роман / Пер. с фр. И. Немчиновой; Худож. Б. Лавров.— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1984.— 400 с., ил.

Переиздание романа классика французской литературы. Автор развенчивает жавую буржуазную теорию о классовой гармонии Рабочий, как это показано в романе, не может не быть пленником нужды в обществе, где господствует власть денег.

З 4703000000
153(42)—84

84.4Фр

© Приволжское книжное издательство, 1984.
© Издательство «Правда», 1981.

Эмиль Золя

ЖЕРМИНАЛЬ

РОМАН

Редактор
Л. САБУРОВА

Художник
Б. ЛАВРОВ

Художественный редактор
В. БУТЕНКО

Технический редактор
Л. АНДРОНОВА

Корректор
Н. ПОПОВА

ИБ 927

Сдано в набор 01.12.83. Подписано в печать 17.10.84 Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. типограф. № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 25. Усл. кр. отт 25.1875. Уч. изд. л 28.51. Тираж 140 000. Цена 2 руб. 40 к Заказ 3003

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавполиграфиздата Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Трое в одной лодке, не считая собаки

Перевод
М. Донского и Э. Линецкой

ИБ № 3922

Подписано к печати с матриц [illegible].10.85. Формат 84×[illegible]. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 19,3. Усл. кр.-отт. 19,6. Уч. изд. л. 19,3. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 1—100 000 экз.) Заказ № 3012. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Отпечатано с матриц издательства «Художественная литература», Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

Джером К. Джером
Д 40 Трое в одной лодке: Повесть, рассказы /Пер. с англ.— Алма-Ата: Жазушы, 1985.—368 с.

Джером К. Джером — известный английский писатель-юморист (1859—1927) Настоящий сборник включает одно из лучших произведений писателя — повесть «Трое в одной лодке, не считая собаки» и рассказы.

Д $\frac{4703000000—185}{402(05)—85}$ Без объявл.—85

84. 4Ил.

Печатается по изданию:
Стефан Цвейг. Новеллы.
М. «Художественная литература», 1975

Оформление художника
Л. ДАБИЖА

Цвейг С.
Ц 26 Письмо незнакомки: Новеллы/Пер. с нем.—
Т. :Ёш гвардия, 1985.—352 с.

И(Авст)

Ц $\frac{4703000000-56}{356\ (04)\ 85}$ без объявл. —85

© Издательство «Ёш гвардия». Оформление

Сдано в набор 28.03.85. Подписано в печать 18.04.85. Б-
мага типограф. № 2. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 11
Гарнитура «Обыкновенно-новая». Печать высокая. Уч
печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 19,75. Усл. кр. отт. 18,90. Т
раж 500000. (III завод 250001—400000). Заказ № 103. Ц
на 1 р. 80 к. Договор № 31—85.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Ёш гвардия»
700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Отпечатано в типографии № 2 Ташкентского полиграфи
ческого производственного объединения «Матбуот» Го
сударственного комитета УзССР по делам издательств
полиграфии и книжной торговли, г. Янгиюль, ул. Самар
кандская, 44.

Марк Твен

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА

Повести

Перевод с английского

Для детей среднего и старшего школьного возраста

Ответств. за выпуск *Ж. Турсунова*
Художник *М. Искаков*
Худ. редакторы *Н. Бубэ, В. Логинов*
Техн. редакторы *Н. Кушнарева, Н. Мельник*
Корректор *Н. Жолумбетова*

ИБ № 3674

Подписано в печать с диапозитивов 22.07.85.
Формат 60×90 1/16. Бумага офс. № 1. Гарнитура Тип Таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 24,0. Усл. п. л. 24,0. Уч.-изд. л. 28,7. Усл. кр.-отт. 64,248. Тираж 150 000 экз. Заказ 2677/219.
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Мектеп» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения
полиграфических предприятий «Кітап»
Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

ТВЕН МАРК.

Т26 Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна: Повести. /Пер. с англ. Н. Дарузес.— Алма-Ата: Мектеп, 1985.—384 с., илл.

Повести «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна»— наиболее известные произведения выдающегося американского писателя Марка Твена (1835—1910).

С добротой и присущим ему юмором рассказывая о своих юных героях, автор знакомит читателя с жизнью Америки XIX века.

4803020000—086
404(05)85 Без объявл.

84.7 США

ББК 84 Р 7
К 17

Калинин А. В.

К 17 Цыган: Роман. - Красноярск:
Редакционно-издательский центр "Гротеск". 480 с.

В центре известного романа Анатолия Калинина - образ цыгана Будулая, человека чистой и искренней души. Нелегкая судьба Будулая переплетается с судьбами других героев романа и получает неожиданный поворот в новой, заключительной части романа.

К $\frac{4702010201\text{-}10}{574(3)\text{-}93}$ без объявл.

ББК 84 Р 7

ISBN 5-86426-049-5.

© РИЦ "Гротеск", 1993 г.
© С. Лошаков, художественное оформление.

Сдано в набор 5.02.93. Подписано в печать 5.05.93.
Формат 84x108 1/32. Бумага тип. Печать высокая. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 100 000. Цена договорная. Заказ № 1513
660001. г. Красноярск, ул. Копылова, 66.
Редакционно-издательский центр "Гротеск"
650059. г. Кемерово, ул. Ноградская,5.
Полиграфкомбинат.

МИХЕЙ КЛАРК*

Исторический роман

* Печатается по изданию П. П. Сойкина 1911 года.

Литературно-художественное издание

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 2.

Редактор И. Беленький

Художественный [illegible]

Иллюстрации [illegible]

Технический [illegible]

Корректор Т. Винарская

Сдано в набор 23.10.91 [illegible] в печать 01.04.92. Формат 84×108 [illegible] Бумага тип. № 2 Гарнитура «Балтика» [illegible] Усл. печ. л. 25,04 Усл. кр.-отт. 25,04 Уч.-изд. л. 27,03. Тираж 500 000 экз. (1-й завод 1—100 000 экз.). Заказ [illegible].

Творческое объединение «Софит» Советского фонда милосердия и здоровья. 101141. Москва. Зеленый просп., 4/1.

Издательство «Известия». 103798. Москва. Пушкинская пл., 5.

Набрано и сматрицировано на комбинате печати издательства «Преса України». 252047. Киев-47. проспект Победы, 50.

Отпечатано на Киевской книжной фабрике. 252054. Киев-54. ул. Воровского, 24.

А62 Дойл А. К.
Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Михей Кларк: Пер. с англ. /Н. А. Облеухов.— М.: Софит. 1992.—496 с.: илл.
ISBN 5—86042—008—0

Во второй том вошел приключенческий роман «Михей Кларк» из истории Англии XVII века

Д 4703010100—006
471(02)—92 подписное

ББК 84.4 Вл

Для детей старшего
и среднего школьного возраста

Майн Рид

КВАРТЕРОНКА,
или
ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ЗАПАДЕ

Редактор *З. С. Колодина*
Оформление художника *В. И. Коломейцева*
Худож. редактор *В. В. Кременецкий*
Техн. редактор *М. И. Соколова*
Корректор *Е. Б. Носова*

ИБ № 1420

Сдано в набор 20.11.84. Подписано к печати 04.07.85. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 17,98. Усл. кр.-отт. 16,97. Тираж 160 000 экз. Заказ № 5087. Цена 70 коп.

Волго-Вятское книжное издательство. 603011, г. Горький, Кремль, 4-й корпус.
Типография издательства «Горьковская правда». 603006, г. Горький, ГСП-123, ул. Фишер, 32.

Рид Майн.

Р49 Квартеронка, или Приключения на Дальнем Западе: Роман. — Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1985. — 285 с., ил.

70 коп.

«Квартеронка» — одно из лучших [illegible] романов известного английского писателя Томаса Майн Рида [illegible] в 1856 году. Сила романа и его современное звучание [illegible] против расового гнета, в отстаивании высоких гуманистических идеалов

Р $\frac{4803020000-049}{М140(03)-85}$ 68—85

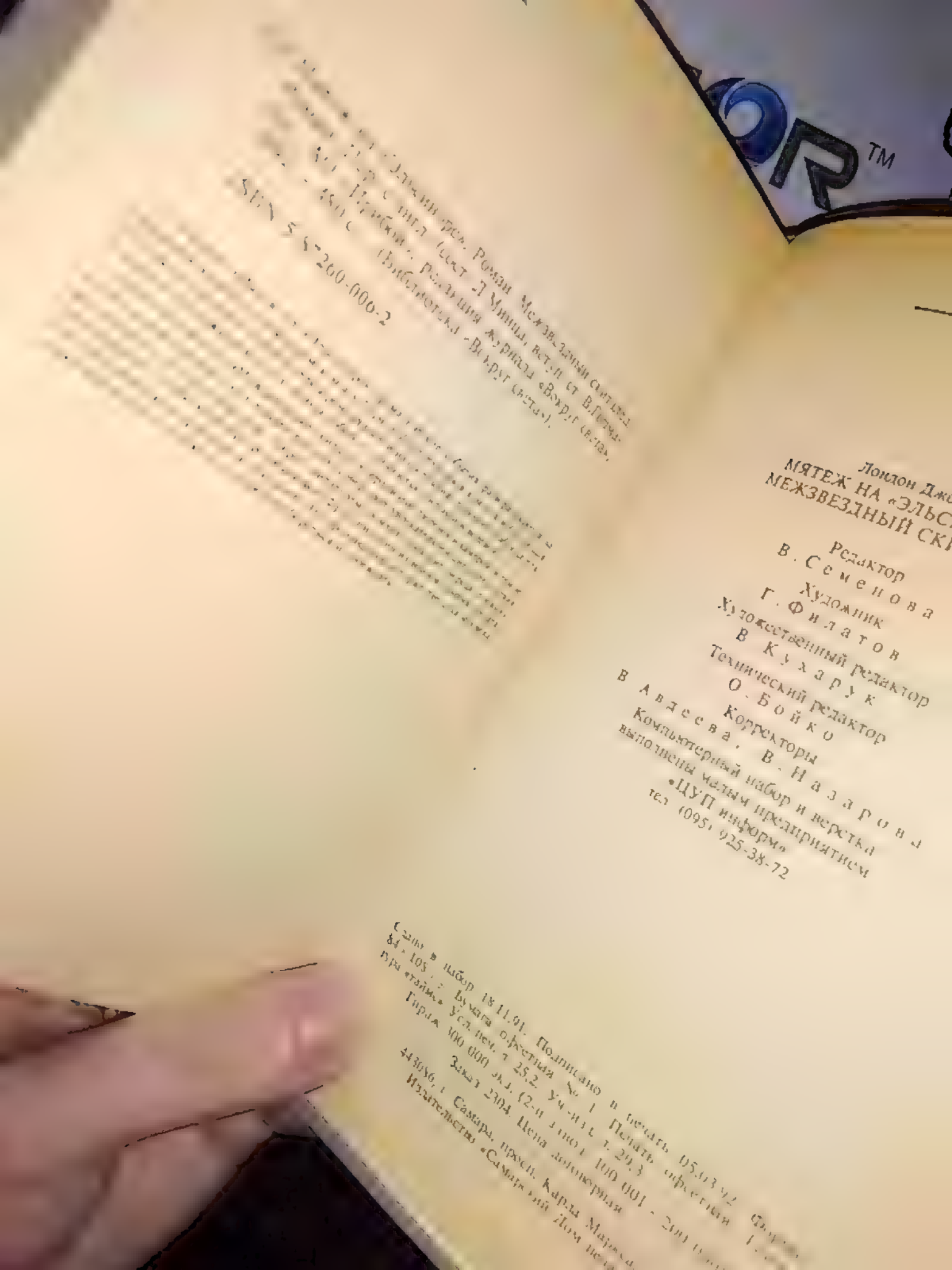
84.4Вл.

Перевод с английского
В. Курелла и Е. Шишмаревой

Художник
И. Ильинский

Печатается по изданию:
Майн Рид. Собрание сочинений. В 6-ти т. М.,
Детская литература, т. 1, 1956.

(С) Волго-Вятское книжное издательство, 1985. Оформление



Лондон Дж...
МЯТЕЖ НА «ЭЛЬС...
МЕЖЗВЕЗДНЫЙ СК...

Редактор
В. Семенова
Художник
Г. Филатов
Художественный редактор
В. Кухарук
Технический редактор
О. Бойко
Корректоры
В. Авдеева, В. Назарова
Компьютерный набор и верстка
выполнены малым предприятием
«ЦУП информ»
тел. (095) 925-38-72

Сдано в набор 18.11.91. Подписано в печать 05.03.92. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 29,3.
Тираж 300 000 экз. (2-й завод 100 001 - 200 000 экз.)
Заказ 2304. Цена договорная.
443086, г. Самара, просп. Карла Маркса, ...
Издательство «Самарский Дом печати»

Joseph Posny aîné
La guerre du feu
1911

Le Félin — géant
1920

Главный редактор серии *С. Ф. Дмитренко*
Главный художник серии *А. И. Сухоруков*

Ж. Рони-Старший
Борьба за огонь. Пещерный лев. Пер. с французского А. Вейнрауб и И. Орловской. Рисунки Л. Дурасова. — М.: Издательский центр «Витязь», 1993. — 272 с., илл. (Серия «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ для детей и юношества»).
Р 71

Исторические повествования известного французского писателя Жозефа Рони-Старшего (1856—1940) рассказывают о жизни первобытных людей. Грозные стихии природы, свирепые хищники, враждебные племена — всему этому противостоят мужество и разум, воля и пытливость героев книги, вместе с которыми читатель погрузится в тот мир, когда человек едва начал подниматься по ступенькам цивилизации.

ЗШ5 (03)
ISBN 5-87567-001-0

ББК 84.34 (4 Фр.)

© Издательский центр «Витязь» (составление, предисловие, послесловие, серийное оформление, оригинал-макет), 1993 г.

Жозеф Рони-Старший

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

ПЕЩЕРНЫЙ ЛЕВ

Тексты печатаются по изданиям:
Рони-Старший Ж. Борьба за огонь. М., 1958;
Рони-Старший Жозеф. Борьба за огонь. —
Пещерный лев. М., 1966.

Над книгой работали:
Л. Аурасов, Ю. Егорова, А. Немцева, Е. Першиков, Е. Серебряная,
А. Сухоруков, И. Клименко, Г. Шапошников,
А. и В. Ширяевы

Сдано в набор 01.10.93. Подписано к печати 22.10.93.
Формат 84×108 1/32. Печать высокая.
Гарнитура тип «Балтика». Уч.-изд. л. 18,85. Усл. печ. л. 14,28.
Тираж 100 000 экз. Зак. 533.

Издательский центр «Витязь»
141200, г. Пушкино Московской обл., Советская пл., 4/12—14.
Московское представительство:
127434, г. Москва, Ивановский пр., 18.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор».
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ББК 81. 7 США
К 92

Перевод с английского.

Текст печатается по изданию:
Зверобой, или Первая тропа войны. М. Изд-во «ОКО», 1992.

К $\frac{4703040100\text{-}001}{161(03)\ 94}$ 1-94

ISBN 5-7458 0528-5

ISBN 5-89981 006-8

© Спиев Ю., худ. оформление, 1994.

К92 **Купер Джеймс Фенимор**
Зверобой, или Первая тропа войны. — Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1994. — 464 с.
ISBN 5-7458-0528-5

Роман «Зверобой», или «Первая тропа войны» открывает знаменитую пенталогию великого американского писателя Джеймса Фенимора Купера (1789—1861), рассказывающую о долгой, полной опасностей и приключений жизни белого охотника Натаниэля Бампо среди индейцев. Первый роман цикла, действие в котором происходит в сороковые годы XVIII столетия, повествует о юности Кожаного Чулка, о его «первой тропе войны».

К 47030440100—001
М161(03)—94 —1—94

ББК 84.7 США

Литературно-художественное издание

Купер Джеймс Фенимор

ЗВЕРОБОЙ, ИЛИ ПЕРВАЯ ТРОПА ВОЙНЫ

ИБ № 2763

Редактор Ю. М. Кургузов

Художники Ю. А. Синев, Г. М. Ускова

Художественный редактор А. Б. Козлов

Технический редактор В. В. Баранникова

Корректор В. И. Рубанова

Сдано в набор 26.05.93. Подписано в печать 28.01.94. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 24,5. Тираж 10 000+31 000 экз. Заказ № 3286. 621: «С» 1:

Центрально-Черноземное книжное издательство, 394053, г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2. Предприятие «Вход», 394053, бульвар Победы, 9-144. Областная типография управления печати и массовой информации Воронежского облисполкома, 394071, г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.

МАРКО НЕЗЕ

СПРУТ-1

РОМАН

РОСТОВ-НА-ДОНУ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАРИЯ»
1992

Н/К

Сдано в набор 29/III-1992 г. Подписано в печать 25/IV.92 г. Формат 84х108/32. Бум тип. № 2. Гарнитура литературная. Фотонабор. Высокая печать. Усл. п. л. 15,12. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 200.000 экз. Заказ 52. Цена договорная.

Издательство «Мария», 314 019, г. Ростов н/Д, ул. Советская, 36. МАП «Книга», 344081, г. Ростов н/Д, ул. Советская, 57.

ВЛЕЧЕНИЕ К ОКЕАНУ

Тот день, когда я перестану беспокоиться и мучиться, искать и волноваться, будет самым тяжелым днем в моей жизни.

Ч. Айтматов

1

«Будь человеком, сын мой! Где бы ты ни был, будь человеком! Всегда оставайся человеком!»

Это последние слова, которые старая чабан Чодрон, герой одного из ранних рассказов Чингиза Айтматова «Свидание с сыном» (1959), успела простонать-прохрипеть сквозь сдерживаемую судорогу рыданий, провожая сына на войну.

Сказалось самое главное — то, для чего, вероятно, и предназначается напоследнее мгновение перед разлукой (возможно, навечно), когда забывается все остальное.

Но, будь у них время, отец сказал бы только это, ибо *такое* и так не дано сказать никому другому.

Тут — не просто слово. Тут — огонь пылающего сердца, полного самозабвенной и самоотверженной любви и скорби. Подлинная, сокровенная правда — невыразимая в обычном существовании, и вдруг, во всей полноте и проникновенности, явленная через слом неизбежности на высоком языке поэзии.

Но что значит — быть человеком?

Есть вещи, которые как будто сами собой разумеются, понятны... До тех пор, пока что-то не заставит задуматься о том, что в привычном, простом, казалось бы, предмете скрывается сложный, неведомый, волнующий смысл.

И в тот же миг обжигающей волной беспокойство охватывает все существо: как ты мог жить, не подозревая об этом — о вечном... Так, начав разглядывать которую, ты уже почувствовал, как какая-то могучая сила подхватила тебя и несет в необозримый океан новой жизни, где ожидают тебя необыкновенные приключения, суровые испытания и встречи с людьми, которые станут твоими верными друзьями?

Кто-то с удивлением признался, что, читая книгу, он хотел... не писателя, а нашел человека. Вдумайтесь, сколь парадоксальны эти слова! Не очевидно, куда легче представить, что они значили бы в устах отчаявшегося путника, бредущего среди бескрайней пустыни. А тут — читатель, если и помышляющий не мучим смертельной жаждой?

В том-то и дело, что нашедшая русло встреча с неизвестным доселе другом, с необходимым собеседником, которым всегда можно (и нужно) обменяться, чтобы слышать и откликаться (такова сила дружбы!), — и мы всем сердцем бескорыстно жаждем с ним общения. И происходит... незначительное чудо, ибо в этот момент случается самое великое событие на свете — открытие человека человеком.

Только, настаиваю, нужно именно *жаждать*, а не просто ждать у моря погоды, положившись на случай, если, мол, повезет... А — главное, надо самому идти навстречу!

ВЛЕЧЕНИЕ К ОКЕАНУ

> Тот день, когда я перестану беспокоиться и мучиться, искать и волноваться, будет самым тяжелым днем в моей жизни.
>
> *Ч. Айтматов*

I

«Будь человеком, сын мой! Где бы ты ни был, будь человеком! Всегда оставайся человеком!»

Это последние слова, которые старый чабан Чодрон, герой одного из ранних рассказов Чингиза Айтматова «Свидание с сыном» (1959), успел простонать-прохрипеть сквозь сдерживаемую судорогу рыданий, провожая сына на войну.

Сказалось самое главное — то, для чего, вероятно, и предназначается наипоследнее мгновение перед разлукой (возможно, навечно), когда забывается все остальное.

Но, будь у них время, отец сказал бы только э т о, ибо *такое* и *так* не дано сказать никому другому.

Тут — не просто слово. Тут — огонь пылающего сердца, полного самозабвенной и самоотверженной любви и скорби. Подлинная, сокровенная правда — неразрывная в обычном существовании, и вдруг, во всей полноте и пронзительности, явившаяся перед лицом неизбежности на высоком языке поэзии.

Но что значит — быть человеком?

Есть вещи, которые как будто сами собой разумеются, понятны, до тех пор, пока что-то не заставит задуматься о том, что в привычном, простом, казалось бы, предмете скрывается сложный, неведомый, волнующий смысл.

И в тот же миг обжигающей волной беспокойство охватывает все существо: как ты мог жить, не подозревая об этом, — о вечной загадке, начав разгадывать которую, ты уже почувствовал, как какая-то могучая сила подхватила тебя и несет в необозримый океан новой жизни, где ожидают тебя необыкновенные приключения, суровые испытания и встречи с людьми, которые станут твоими верными друзьями?

Кто-то с удивлением признался, что, читая книгу, он хотел найти писателя, а нашел человека. Вдумайтесь, сколь поразительны эти слова! Несомненно, куда легче представить, что они значили бы в устах отчаявшегося путника, бредущего среди бескрайней пустыни. А в устах читателя, если к тому же он не мучим смертельной жаждой?

В том-то и дело, что наивысшая радость — встреча с неведомым доселе другом, с необходимым собеседником, который всенепременно явится, чтобы слышать и откликаться (таков закон дружбы!), если мы всем сердцем бескорыстно жаждем с ним общения. И произойдет равнозначное чуду, ибо в этот момент случится самое великое событие на свете — открытие человека человеком.

Только, настаиваю, нужно именно ж а ж д а т ь, а не просто ждать у моря погоды, положившись на случай: если, мол, повезет... А — главное: надо самому идти навстречу!

Испокон веков жизнь сравнивали с океаном. Древний поэт Востока Рудаки восклицал:

Жизнь — это море!
Плыть желаешь?
Построй корабль из добрых дел...

Некоторые ученые утверждают, что мы, люди, вышли из моря. А есть и такая гипотеза (для поэтов — это истина): на заре своей праистории человек был птицей. Подтверждение тому, что и теперь он парит в снах детства — р а с т е т. Или в нас летает память предков? Разве это не удивительно? Мы растем, когда оказываемся способны взлететь.

На языке поэзии взлететь — значит преодолеть притяжение страха, разорвать путы косных предрассудков, познать неведомое, без чего человеческое существование уже теряет смысл и становится хуже каторги, без чего нет достоинства.

Достоинство, по словам Чингиза Айтматова,— это ум, окрыленный свободой.

Свобода... Ее гордый и [illegible] образ в порыве небывалых, не испытанных раньше человеческих чувств и мыслей являют герои, взрослые и юные, которых писатель [illegible] жизни, будь то «первый учитель» и Алтынай («Первый учитель»), Джамиля и Данияр («Джамиля»), Толгонай и Суванкул («Материнское поле»), Султанмурат и Мырзагуль («Ранние журавли»), безымянный мальчик, мечтающий превратиться в рыбу («Белый пароход»), и мальчик-пивх по имени Кириск из повести «Пегий пес, бегущий краем моря».

Что объединяет всех этих персонажей, делает их героями в полном смысле этого слова? Готовность перед лицом любой стихии отстаивать «право быть свободными людьми». Даже и ценой собственной жизни.

Герои Ч. Айтматова, как правило, молоды. И потому некоторых критиков (а все критики — взрослые люди) нередко одолевает смущение: а не слишком ли преувеличивает писатель силу и глубину изображаемых чувств героев? Способны ли они вообще переживать так? И, в-третьих, нужно ли потрясать читателя трагедией — ведь книги Ч. Айтматова читают и подростки?

Я же уверен, что юноша, не открывший этого писателя в самом чистом, отзывчивом, благородном возрасте, очень пожалеет, когда став взрослым, поймет, чего он себя лишил.

А как считает сам Чингиз Айтматов? На мой вопрос, как он представляет своего читателя, писатель ответил: «Предполагаю, что среди м о и х читателей большинство молодых людей. Почему я так думаю? Подросток или даже юноша — тот, кто искренне (но вовсе не простодушно-наивно) верит в идеальное, что может восприниматься как «сказочное»: любовь, дружбу, чистоту и благородство человеческих отношений. И он абсолютно прав».

«Какой герой по вашему мнению, наиболее интересен читателю и «взрослому» и «юному»?»

«Который преодолевает себя. Испытать себя, почувствовать свои внутренние силы — без этого невозможна полноценная жизнь. А что значит жить полноценно? Пережить те необыкновенные ощущения и впечатления, которые составляют сокровенную сущность духовной жизни XX века. Страстность этой мечты, ставшей смыслом жизни, делает обыкновенного человека равным тому, кто открывает звезды».

Но «открывать звезды» — не забава. Речь не о престижности профессии, а о престижности человечности. Все испытания — ради этого.

Человек, сколько бы лет ему ни было,— никогда не *маленький*,

...его душа полна живого трепета, удивления и участия к людям, к природе, не приемлет лжи и жестокости.

Страх инстинктивен. Он, как говорится, родился раньше нас. А бесстрашие? Оно — результат выбора, сделанного под влиянием благородного чувства.

Порой, не желая обидеть кого-то из тех, кто, промолчав, отошел в сторонку, хотя бы речь шла о защите чести и достоинства человека, мы вместо «предатель» готовы подыскать какое-нибудь слово помягче. (Скажем, «равнодушный». Но вот Л. Н. Толстой называл равнодушие душевной подлостью. Если мы согласны с этим, что тогда? Кто мы сами, если не хотим или боимся называть вещи своими именами? Еще и оправдать пытаемся: «Он же не знал!» Допускаю, не знал Толстого. Не то, что совершает низкий, гнусный поступок, знал.

И — самое главное — в этот момент состоялся его в ы б о р. Выбор судьбы. Непоступок — тоже поступок.

Другое: человек не знал, что совершает подвиг, на что идет и что с ним будет после, как не знала Алтынай, героиня «Первого учителя», что ей «суждено будет пронести эти слова».

Какие?

2

Хочу, прежде всего, обратить внимание читателя на то обстоятельство, что «произнести» слово для героя Чингиза Айтматова — огромный труд души, ибо слово в его устах — не пустой звук, какой можно забыть, или он забудется сам (мало ли чего не скажешь в запале?), но, вырвавшееся на волю, оно неотвратимо определяет его дальнейшую жизнь.

И то же — мысль.

«Я испугался собственных мыслей. Но желание было сильнее страха. Я нарисую их такими вот, счастливыми! Да, вот такими, какие они сейчас! Но смогу ли я? Дух захватывало от страха и радости. Я шел в сладко-пьяном забытьи. Я тоже был счастлив, потому что не знал еще, сколько трудностей доставит мне в будущем это дерзкое желание».

Чего же испугался Сеит, юный художник из «Джамили»?

Быть художником — значит не только уметь рисовать, но и иначе жить. Иначе, чем испокон веков жили предки; открывать в обыкновенном необыкновенное, чего никто почему-то не видит. Это значит восстать против закосневшего, обыденного, бескрылого, утверждая новый образ сущего мира в свете сказочной любви. И, не исключено, вызвать гнев того (пусть он даже родной брат), кто не хочет видеть и понимать по-новому.

Вот какую «трудность», о какой не знал еще, имеет в виду Сеит. А если бы и знал, разве отказался бы он от своего призвания? Никогда Ни за что. Страх и радость, захватывающие дух, оттого что состоялся выбор судьбы — «рассказать красками песню Данияра».

Думал ли Сеит, что он, как витязь на распутье, выбирает дорогу? Конечно, нет. Но выбрал единственно верную и ни на какую другую не согласился бы.

Когда кто-то гадает, кем быть: врачом, физиком, спортсменом или артистом,— зачастую это превращается в перебирание «модных» занятий или сулящих славу.

Пирогов не потому стал великим врачом-хирургом, что ему нравилось оперировать живое тело, а потому, что прежде он был одержим мечтой облегчить людям страдания. Когда прежде? В отрочестве

Вот и Сенту важнее всего в жизни поделиться со всеми людьми — и с теми, кто будет благодарен ему за это, и с теми, кто возненавидит его,— воссиявшей в его душе нетленной красотой.

Зачем бы иначе ей открыться, [illegible]ериться именно ему? Не затем же, чтобы он [illegible] ее в подземелье и [illegible] ней, упиваясь тайным сознанием, что один владеет [illegible] сокровищем. В таком случае человек невольно пр[illegible]щается в [illegible] сомнительной страсти и должен скрывать ее как [illegible]

Не тешь себя иллюзией, что ты свободен, если это скрыто от других, если [illegible] не [illegible] желание стать лучше, чего бы это ни стоило [illegible] Просто слова, которые [illegible] взрослым человеку, родились из детских, чистых [illegible] лений и чувств.

О чем это [illegible] приходящие [illegible] раммированы, в добром сердце [illegible]

Что же было суждено произнести Алты[illegible]

«Вставьте, [illegible] поруганных, [illegible] мученицы, пусть содрогнется черный [illegible] времен! Это говорю я, последняя из вас, перешагнувшая через [illegible]

Накал страсти Алтынай иному [illegible] покажется чрезмерным, неправдоподобным: мол, так в жизни не [illegible]!

В самом деле, представить такую картину наяву — волосы встанут дыбом.

Что же здесь все-таки [illegible], что неопровержимая правда? Ненависть и проклятье, сострадание и вера, [illegible] а в то, что отныне никто не посмеет глумиться над человеком.

Слившись воедино в небывалом чувстве, устами Алтынай кричит боль веков. Алтынай нельзя представить и понять вне Истории, вне Революции.

Как огонь на себя, вызывает она на очную ставку прошлое — рассчитаться сполна и до конца. Это ее право: она — «последняя», пережившая стыд поругания, позор рабства. И это же ее долг: она — первая, увидевшая красоту и правду будущего глазами свободного человека.

И все-таки, согласен, страшно!

Но разве не то же испытывал сам писатель, «даже задним числом мне было страшно представить, какой могла оказаться судьба кочевых казахов и киргизов, если бы не Октябрьская революция!

И потому только за одно это — за то, что Октябрьская революция родившись в России сокрушила имперский колониализм и тем самым спасла мои народы от физического и духовного прозябания, я готов славить революцию до конца дней своих и детям детей своих завещаю: считать началом дней наших — Октябрь!»

Герой Айтматова — новый человек нового мира. Вот в чем дело. И страх, в восторг, предшествующий рождению слова, потрясает и его, и нас, читателей.

Невольная тревога — не слишком ли много берет на себя? — из

...знакомого врачу: прозревший должен привыкать к яркому ...постепенно.

...нетати, тут повод поразмыслить, почему один человек берет на ...много — ему необходимо отвечать за все, что было до нас, есть ...нас и будет после нас, а другому — и пылинка в тягость? Что, ...зря думать обо всех, когда недосуг подумать о себе?

Некогда думать — значит некогда быть человеком. А может, здоровее и удобнее? Меньше спросу. Это дело совести. А совесть — мера человеческого в человеке. Она ...должна ...времена и пространства, делает их братьями по духу, ...справедливость и счастье всех.

«Более той... — ...вспоминала я. ...прошлое ...и та первая ночь, и наша любовь, и ...ность, и тот молчун хлебороб, о котором я грезила. Значит, все ...мечтали! Да, земля и вода стали нашими, мы ...свои ...— значит, исполнилось то, о чем ...мечтали. Конечно, не знали ...мы, что придут новые времена, что наступит новая жизнь, но земная мечта простого человека, ...времени, жаждущего добра и справедливости ...мечтами, я сидела не шелохнувшись...»

Чувство свободы вош... ...юной Толгонай, героини «Материнского поля», как ...любовь. Святая. Вечная. «И земля в ту сиреневую светлую ночь ...вместе с нами».

Любовь истинна, если ...благословила природа.

И вот что любопытно ...прежде всего доверяется человеку, в котором сильно чувство будущего.

Но если для героя «Белого парохода» естествен разговор с камнями, с деревьями, с Рогатой Матерью-оленихой (он сам дитя, еще не покинувшее ее лона), то взрослым, чтобы обратиться к Земле, как будто должен сделать некоторое усилие. У Толгонай, однако, это происходит совершенно свободно. Стало быть, детское мироощущение хранилось в ее душе как бы про запас...

К чему я говорю об этом? Мне хочется понять, почему я, читатель, безусловно верю в реальность такого диалога.

Все дело в том, чем является Земля для Толгонай. Это — ее судьба, ее труд, ее любовь, ее святая вера. Земля не может не ответить. Тем более, что заговорила-то Толгонай не ради себя, она хочет поведать внуку всю правду жизни.

Кто знает эту правду? И на ...чье ее можно выразить?

Кто-то из ученых сказал, что ...пространства — фонарь, освещающий недра земли. Почему время ...времени не может быть вулканом? Не спорю, такое ...несовершенно, но, учитывая относительность и условность его, уверен, что долго дремавшие, казалось бы, навсегда отошедшие в небытие мифы, легенды, предания ожили и заработали в человеческой памяти не случайно. Именно вопреки велению времени, научно-техническому прогрессу, а ...благодаря им.

Образ современного мира таков, каким его способен ...человек, ...потребность ...и ...природу и суть подлинно современного мышления. «Фантастика, — говорит Айтматов, — это метафора жизни, позволяющая увидеть ее под новым, неожиданным углом зрения. Мы ...обходными в наш век не только ...области научной фантастики научно-технических свершений, но, скорее потому, что фантастичен мир, в котором мы живем». А сам писатель ...«Искусство — это прежде всего раскрытие души. Чтобы о любом ...

ния, которое испытывает человек,—самое великое и прекрасное чувство, ибо оно рождено в результате борьбы всего человечества за высшие идеалы. В этом его историчность. Ее можно, стало быть, выразить в **слове**, которое вбирает в себя судьбы мира. И, конечно, говорить о слове — значит говорить о том, что удержала в себе память человечества, память искусства».

«В таком случае "память" неизбежно будет обозначать и "совесть"?»

«Вне всякого сомнения. Память — это значит и мужество остаться наедине с собственной совестью, не заглушая ее голоса, не пытаясь уйти от ответа на ее настойчивые и нередко беспощадные вопросы.

Человек, у которого нет или который добровольно отказался от памяти, от истории, от, в конечном счете, духовной биографии, обречен на душевную нищету и одиночество; он не готов к восприятию сложнейшей современной жизни».

Предупреждение суровое.

4

Любовь, как и дружба, у Чингиза Айтматова — обязательно великое чувство, которое потрясает его героев.

Другое же просто не про них — [illegible]. И не в том дело, что они сознательно не приемлют суррогаты, не могут удовольствоваться подобием какого-либо чувства, лишь бы быть как все,—например, влюбиться, что, вроде бы, положено по возрасту.

Такое не приходит им в голову. Потому что в сущности, человек любит всегда; он и рожден любить. Это [illegible] его состояние, естественное, как дыхание.

Отчего же немало людей, которые не умеют любить? Нельзя же думать, что природа еще до появления на свет лишила их этого счастливого дара. Может быть, нужно еще уметь его принять, быть его достойным и доказывать это всею своею жизнью.

Но как отличить настоящую любовь от ненастоящей? Может быть, по тому, какие неведомые до сих пор душевные порывы вызывает она?

Если ты забыл себя, охваченный пламенем, готов совершить подвиг ради того, кого любишь,— это любовь. Но самое трудное для тебя — впереди: сохранить и вырастить это чувство, как робкий росток, из которого должно распуститься вечнозеленое дерево.

Эти мысли мне «подсказал» Чингиз Айтматов, вернее, уже упоминавшийся его герой, юный художник Сеит. «Я впервые почувствовал тогда, как проснулось во мне что-то новое, чего я еще не умел назвать, но это было что-то неодолимое, это была потребность выразить себя, рассказать людям о красоте нашей земли так же вдохновенно, как умел это делать Данияр».

Красоту можно выразить мелодией. Значит, жизнь нужно создавать, как песню о любви. Любовь пробуждает художника.

«Тогда я только видел все это, но не понимал. Да и теперь я часто задаю себе вопрос: может быть, любовь — это такое же вдохновение, как вдохновение художника, поэта?»

И мальчик, пораженный красотой любви, нашел ответ на этот вопрос.

«Я смотрел на нее снизу вверх, на это лицо, полное смутной тревоги и тоски, и, казалось, узнавал в ней себя. Ее тоже что-то томило, что-то копилось, и созревало в ее душе, требуя выхода. И она страшилась этого. Она мучительно хотела и в то же время мучительно не хотела признаться себе, что влюблена, так же как и я желал и не желал, чтобы она любила Данияра».

Любовь Джамили и Данияра — истинно возвышенное облагораживающее и исполинское чувство. В нем — возможность иной, достойной жизни. Любовь — «заговор двоих против всех», по выражению поэта — становится вызовом, протестом против стремления унизить счастье, сбить птицу.

Свидетелем такой любви посчастливилось стать мальчику, который был обязан «стеречь» Джамилю.

«Изменник!» — обвинение старшего брата, как пощечина.

Но, значит, власть детства не мнима. Оно и в самом деле обладает чудодейственной силой. Оказывается, от «согласия» или «несогласия» ребенка зависела судьба взрослых людей.

Чингиз Айтматов верил — с такой пронзительностью — изобразил детство, чувствующее ответственность за нравственные устои всей жизни и, более того, отстаивающее свою веру, хотя бы и дорогой ценой — нелегко ведь перенести такое жестокое оскорбление — «изменник».

Став взрослым, Сеит находит оправдание своим тогдашним действиям: «Кому я изменил? Семье? Нашему роду? Но я не изменил правде, правде жизни, правде этих двух людей!»

Вся его жизнь стала опровержением, отрицанием всего того, что олицетворяет домостроевский кодекс чести, обрекающий на эгоизм, страх перед жизнью, перед ее случайностями и возможностями, которые открываются влюбленному человеку.

Любовь включает человека в историю человечества, дает ему возможность ощутить свою причастность ко всему миру.

Вот почему герои Айтматова прекрасны.

Он прекрасен, когда произносит гневный монолог (Алтынай); когда озарен таинственным, волшебным чувством — любовью (Джамиля и Данияр); когда обращается к матери-земле с просьбой дать правдивый ответ на вопрос: «Могут ли люди жить без войны?» (старая мать Толгонай); когда, завороженный, вытянув руки, как во сне, ступает навстречу Рогатой матери-оленихе (Мальчик, у которого нет имени).

Герои Айтматова, сами не замечая того, начинают говорить языком эпоса, языком высокой поэзии.

И никого это не удивляет, никто не смеется. Наоборот. Взрослые рады, что подросток обрел дар истинной речи.

5

А сейчас — об уроке моря.

«Теперь он понял разницу между сушей и морем. На земле не думаешь о земле. А находясь в море, неотступно думаешь о море, даже если мысли твои о другом. Это открытие настораживало мальчика...»

Он — мальчик-инок, по имени Кирюк, герой повести «Пегий пес, бегущий краем моря». Открытие случилось, казалось бы, вдруг. Но нечаянно ли? Сначала нужно войти в море

«Настороженность» героев Ч. Айтматова — не из страха за себя, не из-за инстинкта будущего «охотника». Вспомним, как замер под влиянием природы мальчик из «Белого парохода»: «Рогатая мать-оленица смотрела на мальчика пристально, спокойно, точно вспоминала, где она видела этого большеголового ушастого мальчишку...». Или открытие Кирюка: «В том, что море заставляло постоянно думать о себе, таилось нечто неведомое, настойчивое, властное...»

Человек и природа узнают друг друга. Всматриваются, чтобы «вспомнить», стремятся навстречу друг другу. У них общая задача,

общая цель существования (а не просто бежанного со-существования — разница принципиальная). Эта идея выявляет свою социально-историческую сущность в сфере сокровенного «осторожного» чувства, исключающего даже легкое касание, грубое вторжение.

Море — судьба Кирюка. Но море — и стихия, не зависящая от воли человека. Оно само по себе. Оно живет по своим законам, которые нельзя изменить, укротить, приспособить. А что же человек? Он — тоже стихия, но стихия, чувствующая. Он должен, должен обязан управлять своими страстями, иначе погибнет он сам, если свободен.

Урок моря — урок свободы.

Быть воистину свободным, как понимает писатель и его герои,— значит честно и бесстрашно [illegible] в глаза правде жизни, судьбе. Когда это происходит? Когда [illegible] от всякой быто[illegible] суеты [illegible], [illegible] с собой. И если он сильный [illegible], сдвинут[illegible]. Что открыл Кирюк? Свое призвание — быть человеком.

Можно ли представить себе большой праздник, чем выпавший мальчику [illegible] ет [illegible] ету? Забот[illegible] щении к охотничьему делу» необходимо.

Радость [illegible] се скрыть. Не [illegible] взрослая. [illegible] Кирюка. И они тоже счастливы. [illegible]

Тут [illegible] с [illegible] силы [illegible]. Но радо[illegible]ве не радует его наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы [illegible] существовать? Ребенок [illegible] собственный характер в его безыскусственной правде?»

Мальчик и взрослый [illegible] безыскусственны. И только [illegible]

Но не прежде [illegible]

Мальчик [illegible] за то старое и ре[illegible] Кирюку, [illegible] чтобы бояться [illegible] бывала либо [illegible] охота на море [illegible]

Что это [illegible] Нет. Вся душа [illegible] Чего же он [illegible] у будущего [illegible] ти [illegible] своих действий. Он [illegible] ко, привычку к опасности. Привычку — не затем, чтобы равнодушно [illegible] гибель, но затем, чтобы [illegible] поступить так, как того требует закон жизни, закон братства и товарищества, нерасторжимыми узами которого должны быть связаны люди, [illegible] печалью судьбе...

Но не может ли случиться так, что страх парализует волю мальчика и он не отважится снова выйти в море? Было бы так, люди никогда не отрывались бы от «берега», не поднимали глаз к звездам. Настороженность [illegible] дважды пережитая мальчиком, станет [illegible]

...понимать его, как всю жизнь влекла Органа легенда о ры...
...ьмице.

Это — извечное сердца.

И потому он ничего не «скрыл», как можно было предположить от Керима. Он посвящает его морю, жизни, своей мечте, все время думая об этом, но не произносит ни слова. Да слова и не нужны, они могут только отвлечь, расслабить сердце.

Урок Органа — урок сосредоточенности. Урок самопожертвования будет потом. Урок не только для мальчика, но и для нас, если, переживая вместе с героем Айтматова самое большое горе, мы снова захотим уйти в океан.

6

«Я учу детей. Я преподаю историю от древнейших времен до сегодняшних и всеми силами стараюсь, чтобы история человечества была для них уроком жизни, а не просто — когда, какие войны совершались. Я стараюсь вложить в их души понимание того, как и каким образом какая-либо эпоха исторической практики пришло человеческое общество к идее интернационального содружества народов, и что они именно — учителя мои, наследники великого опыта единственного способа обретения достойного свободных, равноправных людей».

Несомненно, что этот всепроникающим и всеобъемлющим чувством, идеей, которую выразил герой пьесы Чингиза Айтматова[1] «Восхождение на Фудзияму», учитель Чанбол, одухотворено и все его творчество.

Вот почему на повествовании Чингиза Айтматова — отблески далеких будто бы совсем не имеющих касательства к сегодня происходящей здесь жизни голосов, мыслей, образов.

На самом деле они выражают жажду одухотворенной жизни, которой проникнуто человечество и которую художники ощущают особенно остро: это и жажда дороги, труда, звезд, познания себя, словно неизведанной страны и поиски ответа на вопросы: зачем ты родился, какое слово принадлежит тебе или именно в твоих устах обретает свежесть первого впечатления и красоту первозданности.

Герои Чингиза Айтматова одухотворены и истомлены предчувствием необычного. Чудо таится в дороге. Это чудо встреч, способных определить судьбу. У нее может оказаться волшебное имя. Например, Ассель. Оно пахнет морем. Не описка ли тут,— может, Ассоль?

Перекличка через годы. Перекликаются народы, эпохи. Алые паруса в степи. Они — мираж. Как на картинах Павла Кузнецова, любившего киргизскую степь в любое время года. Но мираж — воспоминание природы, сон наяву. Природа помнит шторм, когда-то бушевавший здесь.

А миф о Ромуле и Реме, вскормленных волчицей? Киргизский вариант этой легенды возник, конечно, самостоятельно. Но не свидетельство ли он того, что пути добра, которые искало и ищет человечество, схожи и цели людей Земли едины?

Такая восприимчивость героев Айтматова, умеющих слышать далекие голоса и чувства, идет от их необычайного таланта сопереживания всему трагическому и прекрасному, что совершилось, совершается или когда-либо совершится в мире.

Говорит Айтматов:

---

[1] Пьеса написана в соавторстве с К. Мухамеджановым.

«Сегодня, как никогда, перед нами стоят острейшие социально-нравственные проблемы, в том числе и такая страшная, как угроза существованию самого человечества: быть или не быть? Сможем ли мы, мыслящие люди, победить эту стихию, не дрогнуть перед охватывающим все существо ужасом, бездонным отчаянием, отнимающим душевные силы и веру, не отречься от будущего ради «последних мгновений», чтобы прожить их с истерическим, самозабвенным весельем самоубийц? Что можно противопоставить этой философии отчаяния или равнодушия, что зависит и что требуется от человечества, от каждого человека, чтобы остановить эту угрозу?

От искусства, от литературы тут зависит очень много: тревожить, будить в человеке совесть, мужество, гуманизм, раскрывать перед ним весь мир, чтобы он не забыл, не смог и не смел забыть, что он — человек...»

Я убежден, что, прочтя эту книгу, ты, читатель, обретешь настоящих друзей на всю жизнь — тех, чью душу писатель воспламенил мечтой о прекрасной жизни.

Владимир **КОРКИН**

Для старшего школьного возраста

Чингиз Торекулович Айтматов

МАТЕРИНСКОЕ ПОЛЕ

Повести

Художник
Аурел Иванович Ололенко.

Редактор *Е. Рывкина*
Художественный редактор *Ю. Леу.*
Технические редакторы *В. Бужуля, Г. Андреева.*
Корректоры *А. Виковская, Л. Паша, А. Сосновская.*

НБ № 2357

Сдано в набор 13.05.85. Подписано к печати 02.10.85.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 31,50. Уч.-изд. л. 34,88. Усл. кр.-отт. 31,66.
Тираж 200.000 (1-й з-д 1—70.000). Заказ № 563. Цена на бум. № 1—1 р. 30 к. на бум. № 2—1 р. 20 к.

Издательство «Литература артистикэ»,
277004, Кишинев, пр. Ленина, 180.

Центральная типография, 277035, Кишинев, ул. Флорилор, 1. Государственный комитет Молдавской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Айтматов Чингиз Торекулович
А 36 Материнское поле: Повести. Для ст. школ. возраста. Худож. *Л. Ололенко.*— Кишинев: Лит. артистикэ, 1985.— 597 с. (Б-ка юношества).

В книгу входят широкоизвестные повести лауреата Ленинской и Государственной премий СССР писателя Ч. Айтматова.

Герои писателя — будь то старая Толгонай из «Материнского поля», безымянный мальчик из «Белого парохода» или юная Алтынай из повести «Первый учитель» — не приемлют лжи и жестокости, отстаивают свои нравственные принципы.

А $\frac{4803010200-203}{M756(12)-85}$ 135-85

84.8Ки7—4

818Ки7—1
А.31

Послесловие В. Коркина

Оформление А. Ололенко

Печатается по изданию:
Чингиз Айтматов.
Ранние журавли. М., «Известия», 1979

А $\frac{4[illegible]—203}{М[illegible](12)—85}$ 135—85

© Оформление. Издательство «Литература артистикэ», 1985.

Текст перепечатан
М Художественная литература, 1989

Художник Н. Мищуста

Б88 **Бронте Ш.**
Джен Эйр: Роман.— Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во; Вологда: ВПО, 1992.— 416 с., ил.

Английская писательница Шарлотта Бронте (1816—1855) в своем социально-психологическом романе «Джен Эйр» рассказывает о судьбе девушки из сиротского пансиона. Бронте смело обличает уродства буржуазного строя, описывает бесправное положение женщины в условиях викторианской Англии.

ISBN 5-85560-298-2

Б $\frac{4703010100}{M157(03)-92}$ без объявл.

ISBN 5-84402-002-8

© Северо-Западное книжное издательство, 1992

ББК 84Р6

© ВПО, 1992.
Оформление

Литературно-художественное издание

Шарлотта Бронте

ДЖЕН ЭЙР

Редактор Г. Елисеева
Технический редактор Н. Быкова
Корректор Л. Марина

НБ № 1087

Сдано в набор 12.05.92. Подписано в печать 05.06.92. Формат 60×84. Гарнитура академическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,17. Уч.-изд. л. 27,05. Заказ № 1555. Тираж 100 000 (50 000 — ЗКИ, 50 000 — ВПО). Цена свободная.

Северо-Западное книжное издательство
163061, г. Архангельск, пр. Н. Виноградова, 61

ВПО Областная типография
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

ИЗ СТАТЬИ В. Г. БЕЛИНСКОГО, ПОМЕЩЕННОЙ В «ПЕТЕРБУРГСКОМ СБОРНИКЕ» (1846 г.)

Слухи о «Бедных людях» и новом необыкновенном таланте, готовом появиться на арене русской литературы, задолго предупредили появление самой повести. Подобного обстоятельства никак нельзя назвать выгодным для автора. Для людей с положительным, развитым эстетическим вкусом, всё равно быть или не быть предубежденными в пользу или не в пользу автора: прочитав повесть, они увидят, что это такое; но истинных знатоков искусства немного на белом свете, а не знаток от всего заранее расхваленного ожидает какого-то чуда совершенства, т. е. фразистой мелодрамы во вкусе Марлинского,— и увидя, что это совсем не то, что всё так просто, естественно, истинно и верно, он разочаровывается и в досаде уже не видит в произведении и того, что более или менее ему доступно и что, наверное, понравилось бы ему, если б он не был заранее настроен искать тут каких-то волшебных фокус-покусов. Несмотря на то, успех «Бедных людей» был полный. Если б эту повесть приняли все с безусловными похвалами, с безусловным восторгом,— это служило бы неопровержимым доказательством, что в ней точно есть талант, но нет ничего необыкновенного. Такой дебют был бы жалок. Но вышло гораздо лучше: за исключением людей, решительно лишенных способности понимать поэзию, и за исключением, может быть, двух-трех *испугавшихся* за себя писак, все согласились бы, что в этой повести заметен не совсем обыкновенный талант. Для первого раза нечего больше и желать. Со временем та же повесть будет казаться иною многим из тех, которые сочли преувеличенными предшествовавшие ее появлению слухи

Д70 Достоевский Ф. М.
Бедные люди: Роман; Двойник: Петербургская поэма.— М.: Сов. Россия, 1985.— 272 с., ил.

В книгу вошли роман «Бедные люди» и петербургская поэма «Двойник»

Д $\frac{4803010101-252}{М-105(03)85}$ КБ-2-46-1985

Р1

Для детей старшего школьного возраста

Федор Михайлович Достоевский

БЕДНЫЕ ЛЮДИ
ДВОЙНИК

Редактор А. И. Стройло
Художественный редактор Б. Н. Юдкин
Технический редактор Г. О. Нефедова
Корректор И. В. Бокша

ИБ № 3633

Сдано в набор 12.11.84. Подп. в печать 28.03.85. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 14.28. Усл. кр.-отт. 14.70. Уч.-изд. л. 15.40. Тираж 1 100 000 (400 001—800 000) экз. Заказ 368. Цена 65 к. Изд. инд. ЛД-31

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Калининский орденa Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Сдано в набор 30.11.93. Подписано в печать 11.01.94.
Формат 84× 108/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Уч.-изд.л. 31.15. Усл.-печ. л. 28,56.
Тираж 50 000. Заказ 445.
Издательский дом «Дрофа».
105318, Москва, ул.Щербаковская, д.3.
Отпечатано в типографии ГИПП «Вятка».
610044, г.Киров, ул.Московская, 122.

ББК 83Р2
Н57

Н57 Неуловимые мстители: **Блохин П.** Красные дьяволята; **Козачинский А.** Зеленый фургон; **Белых Г., Пантелеев Л.** Республика Шкид: Повести. — М.: Дрофа. — 1993. — 544 с.

Н $\frac{\text{70803-153}}{\text{1Б2(03)—93}}$ Без объявл.

ББК 83Р2

ISBN 5-7107-0195-5

© Худож. оформление. Издательство «Дрофа», 1993.

Неуловимые мстители

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДРОФА»
1994

ИЗ СТАТЬИ В. Г. БЕЛИНСКОГО, ПОМЕЩЕННОЙ В «ПЕТЕРБУРГСКОМ СБОРНИКЕ» (1846 г.)

Слухи о «Бедных людях» и новом необыкновенном таланте, готовом появиться на [illegible]р не русской литературы, задолго предупредили появление самой повести. Подобного обстоятельства никак нельзя назвать выгодным для автора. Для людей с положительным развитым эстетическим вкусом, всё равно быть или не быть предубежденными в пользу или не в пользу автора: прочитав повесть, они увидят, что это такое; но истинных знатоков искусства немного на белом свете, а не знаток от всего заранее распаленного ожидает какого-то чуда совершенства, т. е. фразистой мелодрамы во вкусе Марлинского,— и увидя, что это совсем не то, что всё так просто, естественно, истинно и верно, он разочаровывается и в досаде уже не видит в произведении и того, что более или менее ему доступно и что, наверное, понравилось бы ему, если б он не был заранее настроен искать тут каких то волшебных фокус покусов. Несмотря на то, успех «Бедных людей» был полный. Если б эту повесть приняли все с безусловными похвалами, с безусловным восторгом,— это служило бы неопровержимым доказательством, что в ней точно есть талант, но нет ничего необыкновенного. Такой дебют был бы жалок. Но вышло гораздо лучше: за исключением людей, решительно лишенных способности понимать поэзию, и за исключением, может быть, двух трех *испугавшихся за себя писак*, все согласились бы, что в этой повести замечен не совсем обыкновенный талант. Для первого раза нечего больше и желать. Со временем та же повесть будет казаться иною многим из тех, которые сочли преувеличенными предшествовавшие ее появлению слухи

о высоком художественном ее достоинстве. Из всех критиков самый великий, самый гениальный, самый непогрешительный — время. Впрочем, не должно забывать, что роман г. Достоевского прочтен всеми только в Петербурге и что только Петербург обнаружил свое мнение о таланте нового поэта. В Москве еще только читают его «Бедных людей» и «Двойника» (помещенного в февральской книжке «Отечественных записок»), а в провинции еще и не читали их. Мы очень любим и уважаем Петербург во многих отношениях, но отнюдь не в климатическом и не в эстетическом: нигде в России так много не [illegible] в Петербурге, следовательно, нигде в России [illegible] многочисленной читающей публики, [illegible] малом пространстве, как в Петербурге, [illegible] (chaque [illegible] a sa bantaine[1]) [illegible] Москвы и [illegible] Петербурга. Мы никогда не говорим: «это сочинение так хорошо, что даже в провинции имело огромный успех», но, напротив, мы как-то особенно не расположены к сочинениям, которые только в Петербурге возбуждают общий восторг. Может быть, по этому самому нам не нравятся стихотворения г. Бенедиктова. «Сенсации [illegible]»[2] и все патриотические и патетические драмы, [illegible] такие оглушительные аплодисманы [illegible] театра. Может быть, в этом случае мы [illegible], но нам кажется, что жители Петербурга — уж чересчур занятые, чересчур деловые люди и потому едва ли могут блистать особенно развитым эстетическим вкусом. Им надо что-нибудь, во-первых, не слишком большое, а во-вторых, и это главное — что-нибудь полегче, что-нибудь не слишком требующее углубления мыслию, не слишком вызывающее на размышление, словом, такое, что было бы и коротко и ясно и не заставляло бы думать, как фельетонная статья в «Северной пчеле», как правописательная статейка г. Булгарина. И это понятно: в Петербурге все бедны временем: кто служит, кто спекулирует, кто играет в преферанс, а часто случается и так, что одно и то же лицо несет на себе эти три тягости разом. Когда тут читать с самоуглублением в читаемое, с размышлением о читаемом? Тут, дай бог, успеть только перелистывать часть того бедного количества печатных листов.

---

[1] У каждого [illegible] (*фр.*). — *Ред.*

[2] Имеются в виду [illegible] Кукольника [illegible] И. И. Мятлева. — *Ред.*

которое вырабатывают наши типографии. В Москве число читателей несравненно меньше, но в массе московских читателей есть довольно людей, для которых сколько-нибудь замечательная книга есть факт, есть «нечто», которые читают ее сами, читают другим или настоятельно рекомендуют другим читать ее, думают о ней, толкуют, спорят. Смешно было бы утверждать, что и в Петербурге нет таких читателей, но мы знаем достоверно, что в нем их очень мало в сравнении со всею читающею массою и что большая часть их состоит из такого молодого народа, который не успел еще ни поступить на службу, ни постичь полно прелестей парижа. Что касается до провинции, в ней, может быть, в сложности не менее, если не более истинно образованных и с эстетическим вкусом людей, нежели в обеих столицах наших; и если их кажется так мало в провинции, это потому, что они рассеяны на огромном пространстве и живут в таком друг от друга расстоянии, что от одного до другого иногда хоть месяц скачи на лихой тройке – не доедешь! Велика матушка Россия!..

По всему этому очень интересно узнать, какое впечатление талант г. Достоевского производит на Москву и на провинцию. Но, в ожидании этого, мы поспешим отдать отчет в собственных наших впечатлениях.

С первого взгляда видно, что талант г. Достоевского не сатирический, не описательный, но в высокой степени творческий и что преобладающий характер его таланта – юмор. Он не поражает тем знанием жизни и сердца человеческого, которое дается опытом и наблюдением: нет, он знает их и притом глубоко знает, но á priori[1], следовательно, чисто поэтически, творчески. Его знание есть талант, вдохновение. Мы не хотим его сравнивать ни с кем, потому что такие сравнения вообще отзываются детством и ни к чему не ведут, ничего не объясняют. Скажем только, что это талант необыкновенный и самобытный, который сразу, еще первым произведением своим, резко отделился от всей толпы наших писателей, более или менее обязанных Гоголю направлением и характером, а потому и успехом своего таланта. Что же касается до его отношений к Гоголю, то если его, как писателя с сильным и самостоятельным талантом, нельзя назвать подражателем Гоголя, то и нельзя не сказать, что он еще более обязан Гоголю, нежели сколько Лермон-

[1] независимо от опыта (лат.). – Ред.

тов обязан был Пушкину. Во многих частностях обоих романов г. Достоевского («Бедных людей» и «Двойника») видно сильное влияние Гоголя, даже в обороте фразы; но со всем тем, в таланте г. Достоевского так много самостоятельности, что это теперь очевидное влияние на него Гоголя, вероятно, не будет продолжительно и скоро исчезнет с другими, собственно ему принадлежащими недостатками, хотя тем не менее Гоголь навсегда останется, так сказать, его отцом по творчеству. Продолжая эту риторическую фигуру сравнения, прибавим, что тут нет никакого даже намека на подражательность: сын, давая своей собственную жизнию и мыслию, тем не менее все-таки обязан своим существованием отцу. Как бы ни было велико и ни роскошно развился впоследствии талант г. Достоевского, Гоголь навсегда останется Колумбом сей неизмеримой и неистощимой области творчества, в которой должен подвизаться г. Достоевский. Пока еще трудно определить решительно, в чем заключается особенность, самость, индивидуальность и личность таланта г. Достоевского, но что он имеет все это, в том нет никакого сомнения. Сказав о «Бедных людях», мы заключили было, что глубоко человечественный и патетический элемент, в слиянии с юмористическим, составляет особенную черту в характере его таланта; но, прочтя «Двойника», мы увидели, что подобное заключение было бы слишком поспешно. Правда, только нравственно слепые и глухие не могут не видеть и не слышать в «Двойнике» глубоко патетического, глубоко трагического колорита и тона, но, во первых, этот колорит и тон в «Двойнике» спрятались, так сказать, за юмор, замаскировались им, как в «Записках сумасшедшего» Гоголя. Вообще, талант г. Достоевского, при всей его огромности, еще так молод, что не может высказаться и выказаться определенно. Это естественно от писателя, которым весь высказывается первым своим произведением, многого ожидать нельзя. Как ни хорош «Герой нашего времени», но если б кто подумал, что Лермонтов впоследствии не мог бы написать чего-нибудь получше, тот этим показал бы, что он не слишком высокого мнения о таланте Лермонтова.

Мы сказали, что в обоих романах г. Достоевского имеет место сильное влияние Гоголя, и это должно относиться только к частностям, к оборотам фразы, но отнюдь не к концепции целого произведения и характеров действующих лиц. В последних двух отношениях талант г. Достоевского блестит яркою самостоятельностью. Если можно подумать, что

Макару Алексеевичу Девушкину, старику Покровскому и г-ну Голядкину-старшему г. Достоевского несколько сродни Попрыщин и Акакий Акакиевич Башмачкин Гоголя, то в то же время нельзя не видеть, что между лицами романов г. Достоевского и повестей Гоголя существует такая же разница, как и между Попрыщиным и Башмачкиным, хотя оба эти лица созданы одним и тем же автором. Мы даже думаем, что Гоголь только первый навел всех (и в этом его заслуга, которой подобной уже никому более не оказать) на эти забитые существования в нашей действительности, но что г. Достоевский сам собою взял их в той же самой действительности.

Нельзя не согласиться, что для первого дебюта «Бедные люди» и, непосредственно за ними, «Двойник» — произведения необыкновенного размера и что так еще никто не начинал из русских писателей. Конечно, это доказывает совсем не то, чтоб г. Достоевский по таланту был выше своих предшественников (мы далеки от подобной нелепой мысли), но только то, что он имел перед ними выгоду явиться после них; однако ж, со всем тем, подобный дебют ясно указывает на место, которое со временем займет г. Достоевский в русской литературе, и на то, что если б он и не стал рядом с своими предшественниками, как равный с равными, то долго еще ждать нам таланта, который бы стал к ним ближе его. Посмотрите, как проста завязка в «Бедных людях»: ведь и рассказать нечего! А между тем так много приходится рассказывать, если уже решишься на это! Бедный пожилой чиновник, недалекого ума, без всякого образования, но с бесконечно доброю душою и теплым сердцем, опираясь на право дальнего, чуть ли еще не придуманного им для благовидного предлога, родства, исхищает бедную девушку из рук гнусной торговки женскою добродетелью, девическою красотою. Автор не говорит нам, любовь ли заставила этого чиновника почувствовать сострадание, или сострадание родило в нем любовь к этой девушке, только мы видим, что его чувство к ней не просто отеческое и стариковское, не просто чувство одинокого старика, которому нужно кого нибудь любить, чтоб не возненавидеть жизни и не замереть от ее холода, и которому всего естественнее полюбить существо, обязанное ему, одолженное им, — существо, к которому он привык и которое привыкло к нему. Нет, в чувстве Макара Алексеевича к его «маточке, ангельчику и херувимчику Варенькѣ» есть что-то похожее на чувство любовника, — на чувство, которое он скрыл не

признавать в себе, но которое у него против воли по временам прорывается наружу и которое он не стал бы скрывать, если б заметил, что *она* смотрит на него не как на вовсе неуместное. Но бедняк видит, что этого нет, и с героическим самоотвержением остается при роли родственника-покровителя. Иногда он разнеживается, особенно в первом письме, насчет поднятого уголочка оконной занавески, хорошей весенней погоды, птичек небесных и говорит, что «всё в розовом цвете представляется». Получив в ответ намек на его лета, бедняк впадает в тоску, чувствуя, что его поймали на шалости, и досада его слегка [illegible] только в уверениях, что он еще вовсе не [illegible]. Эти отношения, это чувство, эта старческая страсть, в которой так чудно слились и доброта сердечная, и любовь [illegible], — все это развито автором с удивительным [illegible], с неподражаемым мастерством. Девушкин, [illegible] Варенька Доброселовой, забирает вперед жалованье, [illegible] в долги, терпит страшную нужду и, в лютые [illegible] как русский человек, ищет забвения [illegible]. Но как он деликатен по инстинкту! Благодетельствуя, он лишает себя всего, так сказать, обворовывает [illegible] себя, — до последней крайности обманывает [illegible] небывалым у него капиталом в ломбарде, и если проговаривается об истинном своем положении, то по стариковской болтливости и так простодушно! Ему не приходит в голову, что он приобрел право своими пожертвованиями требовать вознаграждения любовью за любовь, тогда как по тесноте и узкости его понятий он мог бы навязать себя Варенька в мужья уже по тому естественному и весьма справедливому убеждению, что никто, как он, не может так любить ее и всего себя принести ей на жертву, но от нее он не потребовал жертвы: он любил ее не для себя, а для ней самой, и жертвовать для ней всем — было для него счастием. Чем ограниченнее его ум, чем теснее и грубее его понятия, тем, кажется, шире, благороднее и деликатнее его сердце, можно сказать, что у него все умственные способности из головы перешли в сердце. Многие могут подумать, что в лице Девушкина автор хотел изобразить человека, у которого ум и способности придавлены, приплюснуты жизнью. Была бы большая ошибка думать так. Мысль автора гораздо глубже и гуманнее; он в лице Макара Алексеевича показал нам, как много прекрасного, благородного и святого лежит в самой ограниченной человеческой натуре. Конечно, не все бедняки такого рода похожи на Макара Алексеевича в его хороших

свойствах, и мы согласны, что такие люди редки, но в то же время нельзя не согласиться и с тем, что на таких людей мало обращают внимания, мало ими занимаются, мало их знают. Если богач, ежедневно проедающий сто, двести и больше рублей, бросит нищему двадцать пять рублей, все замечают это и, в чаянии получить от него больше, умиляются душою от его великодушного поступка. Но бедняк, отдающий такому же бедняку, как и он сам, свои последние двадцать копеек медью, как отдал их Девушкин Горшкову,— такой бедняк не всех тронет и в повести, мастерски написанной, а в действительности в его поступке не захотели бы увидеть ничего, кроме смешного. Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах и говорит о них обитателям раззолоченных палат: «Ведь это тоже люди, ваши братья!»

Обратите внимание на старика Покровского — и вы увидите ту же гуманную мысль [illegible]. Подставной муж обольщенной, обманутой женщины, потом угнетенный муж разлихой бой-бабы, шут и пьяница — и он *человек!* Вы можете смеяться над его любовью к своему мнимому сыну, напоминающею робкую любовь собаки к человеку; но если, смеясь над нею, вы в то же время глубоко ею не трогаетесь, если изображение Покровского, с книгами в кармане и под мышкою, без шапки на голове, в дождь и в холод бегущего, с видом помешанного, за гробом смешно любимого им сына, не производит на вас трагического впечатления,— не говорите об этом никому, чтоб какой-нибудь Покровский, шут и пьяница, не покраснел за вас, как за человека...

Вообще, трагический элемент глубоко проникает собою весь этот роман. И этот элемент тем поразительнее, что он передается читателю не только словами, но и понятиями Макара Алексеевича. Смешить и глубоко потрясать душу читателя в одно и то же время, заставить его улыбаться сквозь слезы, — какое уменье, какой талант! И никаких мелодраматических пружин, ничего похожего на театральные эффекты! Все так просто и обыкновенно, как та будничная, повседневная жизнь, которая кипит вокруг каждого из нас и пошлость которой нарушается только неожиданным появлением смерти то к тому, то к другому!.. Все лица обрисованы так полно, так ярко, не исключая ни лица господина Быкова, только на минуту появляющегося в романе собственною особою, ни лица Анны Федоровны, ни разу не появляю-

щейся в романе собственною особою. Отец и мать Доброселовой, старик и юноша Покровские, жалкий писака Разиев, ростовщик, — словом, каждое лицо даже из тех, которые или только вскользь показываются, или только заочно упоминаются в романе, так и стоит перед читателем, как будто давно коротко ему знакомое. Можно бы заметить, и не без основания, что лицо Вареньки как-то не совсем определенно и окончено; но, видно, уж такова участь русских женщин, что русская поэзия не ладит с ними, да и только! Не знаем, кто тут виноват, русские ли женщины или русская поэзия; но знаем, что только Пушкину удалось, в лице Татьяны, схватить несколько черт русской женщины, да и то ему необходимо было сделать ее светскою дамою, чтоб сообщить ее характеру определенность и самобытность. Журнал Вареньки прекрасен, но все таки, по мастерству изложения, его нельзя сравнить с письмами Девушкина. Заметно, что автор тут был не совсем, как говорится, у себя дома; но и тут он блистательно умел выйти из затруднительного положения. Воспоминания детства, переезд в Петербург, расстроенные дела Доброселовых, ученье в пансионе, особенно жизнь в доме Анны Федоровны, отношения Вареньки к Покровскому, их объяснение, портрет отца Покровского, подарок молодому Покровскому в день именин, смерть Покровского, — все это рассказано с изумительным мастерством. Доброселовой не выказывает ни одного пристрастного для нее обстоятельства, ни бесцельных видов на нее Анны Федоровны, ни своей любви к Покровскому, ни своего потом невольного падения, но читатель сам видит все так ясно, что ему и не нужно никаких объяснений.

Рассказывать содержание этого романа было бы излишне; делать большие выписки тоже. Но не мешает иным, может быть, забывчивым читателям напомнить их же собственные впечатления, их же самих призвать в свидетели справедливости и верности нашего мнения о высоком, художественном достоинстве «Бедных людей», и потому считаем необходимым выписать несколько мест из писем Макара Алексеевича. Это не даст большой работы вниманию читателей, — а между тем посреди их, вероятно, найдутся такие, которым эти выписанные нами места покажутся как будто новыми, в первый раз прочитанными, и это обстоятельство, может быть, заставит их вновь перечесть всю повесть и сознаться себе, что они только при этом втором чтении поняли ее... Такие произведения, как «Бедные люди»,

никому не даются с первого раза: они требуют не только чтения, но и изучения[1].

...Такая *страшная* сцена может не потрясти глубоко только душу такого человека, для которого человек, если он чиновник не выше 9-го класса, не стоит ни внимания, ни участия. Но всякое человеческое сердце, для которого в мире ничего нет выше и священнее человека, кто бы он ни был, всякое человеческое сердце судорожно и болезненно сожмется от этой — повторяем — *страшной*, глубоко патетической сцены... И сколько потрясающего душу действия заключается в выражении его благодарности, смешанной с чувством сознания своего падения и с чувством того самоунижения, которое бедность и ограниченность ума часто считают за добродетель!..[2]

...Что перед этою картиною, написанною такою широкою и мощною кистию, что перед нею мелодраматические ужасы в повестях модных французских фёльетонных романистов! Какая страшная простота и истина! И кто все это рассказывает? — ограниченный и смешной Макар Алексеевич Девушкин!..

Мы не будем больше указывать на превосходные частности этого романа: легче перечесть весь роман, нежели пересчитать всё, что в нем превосходного, потому что он весь, в целом,— превосходен. Упомянем только о последнем письме Девушкина к его Вареньке: это слезы, рыдание, вопль, раздирающие душу! Тут всё истинно, глубоко и велико, а между тем это пишет ограниченный, смешной Макар Алексеевич Девушкин! И читая его, вы сами готовы рыдать, и в то же время вы улыбаетесь... Сколько сокрушительной силы любви, горя и отчаяния в этих простодушных словах старика, теряющего всё, чем мила была ему жизнь: «Да вы знаете ли только, что там такое, куда вы едете-то, маточка? Вы, может быть, этого не знаете, так меня спросите! Там степь, родная моя, там степь, чистая, голая степь, вот как моя ладонь голая! Там ходит баба бесчувственная да мужик необразованный, пьяница ходит...»

---

[1] Здесь В. Г. Белинский дает отрывки из романа, которые мы в статье опускаем. См. стр. 15 со слов «Целая семья бедняков», стр. 91 со слов «Я к тому про шарманщика этого заговорил», стр. 96 со слов «Пишу вам вне себя».

[2] См. стр. 104 со слов «Сего чи за случилось у нас в квартире».

Иллюстрации
И. Кускова

Текст романа печатается по изданию:
Рид Майн. Собрание сочинений. В 6-ти т. М.,
Государственное издательство детской литературы, 1958, т. 5.

Р49 Рид Майн.
Белая перчатка: Роман.— Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1986.—317 с., ил.

80 коп.

Действие исторического романа известного английского писателя Томаса Майн Рида происходит в 1640—1641 годах, когда против английского короля Карла I Стюарта и его сторонников — крупных феодалов и руководителей англиканской церкви — выступили многочисленные и различные по своим устремлениям общественные силы.

Р $\frac{4803020000-022}{M140(03)-86}$ 61—86

84. 4Вл

© Волго-Вятское книжное издательство, 1986. Оформление.

ИБ № 1545

Сдано в набор 04.09.85. Подписано к печати 30.01.86. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнально-офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 20,44. Усл. кр.-отт. 20,46. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4548. Цена 80 коп.

Волго-Вятское книжное издательство, 603019, г. Горький, Кремль, 4-й корпус.
Типография издательства «Горьковская правда», 603006, г. Горький, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.

Аркадий Натанович Стругацкий
Борис Натанович Стругацкий

ХРОМАЯ СУДЬБА
ХИЩНЫЕ ВЕЩИ ВЕКА

Фантастические повести

Редактор Э. Б. Кузьмина
Технический редактор Е. Н. Волкова
Корректор Л. В. Петрова

НБ 1877

Сдано в набор 22.09.89. Подписано в печать 02.02.90. Формат 84×108/32. Бумага типографская. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,04. Уч.-изд. л. 28,32. Тираж 400 000 экз. (III завод 100001 — 150000 экз.) Изд. № 4989. Заказ 2721. Цена 2 руб. 10 коп.

Издательство «Книга» 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Областная ордена «Знак Почета» типография им. Смирнова Смоленского облуправления издательств, полиграфии и книжной торговли, 214000 г. Смоленск, пр. им. Ю. Гагарина, 2

Отпечатано в Рязанской областной типографии. 390023 г. Рязань, ул. Новая, 69/12.

С 87 Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.
Хромая судьба. Хищные вещи века. Фантаст. повести/Послесл. О. Шестопалова. — М.: Книга, 1990.— 492 с.

«Хромая судьба» — произведение двупланово. Рассказ о странностях, преследующих ее героя, писателя Феликса Сорокина, причудливо переплетается с невероятными событиями, которые обрушились на героя его любимой повести-притчи Виктора Банева.

Другая повесть наших известнейших фантастов, «Хищные вещи века», написанная четверть века назад, звучит в наши дни с особой актуальностью. Она посвящена приключениям знакомого нам по «Сонажа, космонавта Ивана Жилина, в стране изобилия и пресыщения, где царствующий вещизм раздавил духовность и нравственность.

В послесловии очерчены основные этапы развития творчества Стругацких за тридцать лет.

Для самых широких кругов читателей

С 4702010201-060
002(01)-90 28-90

ББК84Р7-4

Еремей Иудович Парнов

ЛАРЕЦ МАРИИ МЕДИЧИ

Роман

Редактор *Н. А. Еремина*

Технический редактор *Л. Ю. Кеда*
Корректор К. Н. Симон

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Эта книга подготовлена издательством „Русский язык" совместно с фирмой „Стимул". О книгах Еремея Парнова мечтает каждый, кто увлекается приключенческой литературой. Купив это издание, вы внесете посильный вклад в улучшение экологической обстановки в стране.

Совместные издание издательства „Русский язык" и фирмы „Стимул" печатаются на бумаге, изготовленной с использованием макулатуры и реализуются только в обмен на вторичное сырье.

„Русский язык"

„Стимул"

ИБ 9659

Подписано в печать 22.05.91. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура таймс. Печать офсетная (с готовых диапозитивов). Усл. печ. л. 25,2. Усл. кр.-отт. 25,2. Уч.-изд. л. 27,08. Доп. тираж 100 000 экз. Заказ № 691.

Издательство „Русский язык" Министерства печати и информации Российской Федерации. 103012 Москва, Старопанский пер., д. 1/5.

Отпечатано на Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 143200 Можайск, ул. Мира, 93.

Еремей Парнов

ЛАРЕЦ МАРИИ МЕДИЧИ

Москва
«РУССКИЙ ЯЗЫК»
1991

В сборник вошли лучшие стихотворения и поэмы выдающегося русского поэта А. Блока, с первых же дней Октября принявшего самое живое и деятельное участие в строительстве новой, социалистической культуры. Его лирика проникнута идеей правды, справедливости, общественного долга, пафосом революции, патриотизма и народности.

Редакционная коллегия:

Грищенко Н. С., Жулинский Н. Г.,
Костюченко В. А., Олейник Б. И.

Печатается по изданию:
Блок А. В огне и холоде тревог...
М., «Детская литература», 1980.

Б $\frac{4803010102-038}{М206(04)-85}$ 29. 85.

Блок А. А.
Б70 Избранные произведения: Стихотворения и поэмы. Для ст. школ. возраста / Сост., предисл. и коммент. В. Н. Орлова; Худож. Ю. А. Чеканюк.— К.: Веселка, 1985.— 262 с., ил.— (Школ. б-ка).

В сборник вошли лучшие стихотворения и поэмы выдающегося русского поэта А. Блока, с первых же дней Октября принявшего самое живое и деятельное участие в строительстве новой, социалистической культуры.

Б $\frac{4803010102-038}{M206(04)-85}$ 29. 85.

Р2

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Александр Александрович Блок

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Стихотворения и поэмы

Для старшего школьного возраста

Составление, предисловие и комментарии
Владимира Николаевича Орлова

Художник
Юрий Андреевич Чеканюк

Редактор *И. Т. Бойко*
Художественный редактор *В. Ю. Тернавский*
Технический редактор *Е. П. Дворская*
Корректоры *И. Е. Павлоцкая,*
З. И. Калиниченко

Информ. бланк № 2442

Сдано в набор 30.08.84.
Подписано к печати 12.11.84.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Бумага типогр. № 2.
Гарнитура школьная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 13,86+2 вкл. (021)=14,07.
Усл. кр.-отт. 14,00. Уч.-изд. л. 12,81+2 вкл. (0,20)=13,01.
Тираж 300 000 экз (1-й завод 100 000 экз). Цена 60 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Веселка».
252050, Киев-50, Мельникова, 63.

Головное предприятие республиканского
производственного объединения «Полиграфкнига».
252057, Киев-57, Довженко, 3.

С(Груз)
Р89

Поэма
классика грузинской литературы
XII—XIII вв.

[illegible] по изданию:
Ш[illegible] Руставели [illegible] тигровой шкуре.
М[illegible] [illegible]ура», 1965.

Р $\frac{4803010102-068}{М206(04)-85}$ 168.85.

Руставели Ш.
Р89 Витязь в тигровой шкуре : Поэма. Для сред. школ. возраста. Пер. с груз. Н. А. Заболоцкого; Худож. С. С. Кобуладзе.— К.: Веселка, 1985.— с., ил. 158 — (Школ. б-ка).
Поэма классика грузинской литературы XII—XIII вв.
Р 4803010102—068 / М206(04)—85 188.85.
С(Груз)

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Шота Руставели

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Поэма

Художник:
Редактор О. И. Жупанский
Художественный редактор К. Н. Сулима
Технический редактор Л. В. [illegible]
Корректоры Л. К. [illegible],
П. М. [illegible]

Информ. блок № 3216

Сдано на производство 21.09.84. Подписано к печати 03.01.85.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,40+0 вкл. (0,63)=9,03. Усл. кр.-отт. 9,87. Уч.-изд. л. 8,54+0 вкл. (0,59)=9,13. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1644-4. Цена 50 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Веселка», 252050, Киев-50, Мельникова, 63.

Львовская книжная фабрика «Атлас», 290005, Львов-5, Зеленая, 20.

84Р7
Б43

Предисловие, составление текстов и примечания
доктора филологических наук *В. В. Прозорова*

Б43 Белый А.
Стихотворения.— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1989.— 176 с.
ISBN 5—7633—0273—7

В сборник стихов известного русского поэта вошли произведения разных периодов его творчества.

Б $\frac{4702010202—50}{153(01)—89}$ без объявл.

ISBN 5—7633—0273—7

84Р7

© Приволжское книжное издательство, 1989 г.

Литературно-художественное издание

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Стихотворения

Редактор
Л. Сабурова

Художник
В. Иванов

Художественный редактор
В. Иванов

Технический редактор
Л. Борисова

Корректор
К. Краснова

ИБ 1689

Сдано в набор 19.05.89. Подписано в печать 24.08.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,66. Уч.-изд. л. 8,115. Тираж 100 000. 2-й завод (25 000—50 000). Заказ 762. Цена 1 руб.

Приволжское книжное издательство.
Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома.
410730, Саратов, пр. Кирова, 27.

УДК 82-31
ББК 84(4)
Л49

Главный редактор Мария Григорян

Леру, Гастон.

Дама в черном / Гастон Леру : [пер. с франц.]. М. ИК «Столица» (Изд. группа GELEOS Publishing Ho... АрхивКонсалт, 2012. — 320 с. — (*Книжная коллекция МК*).

ISBN 978-5-8189-1802-0

Агентство CIP РГБ

Французский писатель Гастон Леру – признанный м... детектива. Его произведения неоднократно издавались и ... пизировались. Среди его работ ... такие книги, как «Пр... оперы» и «Тайна Желтой комнаты», перевернувшие ... жанра.

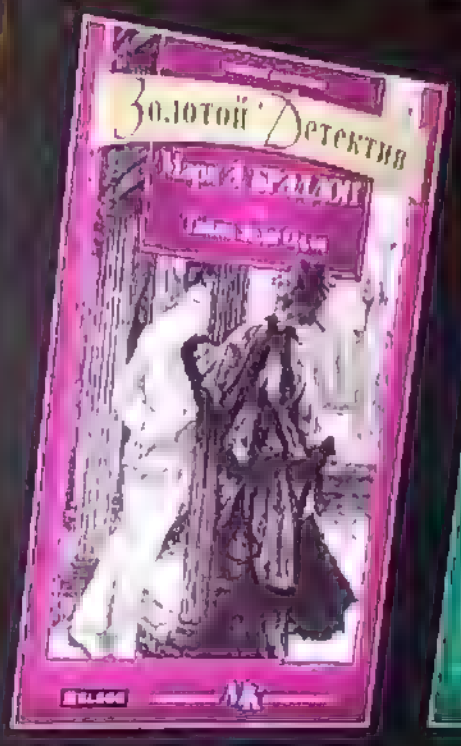
Один из любимых и самых ярких персонажей Г... Леру — журналист по прозвищу Рультабий, который ... своему невероятному чутью и блестящей логике ра... самые запутанные преступления.

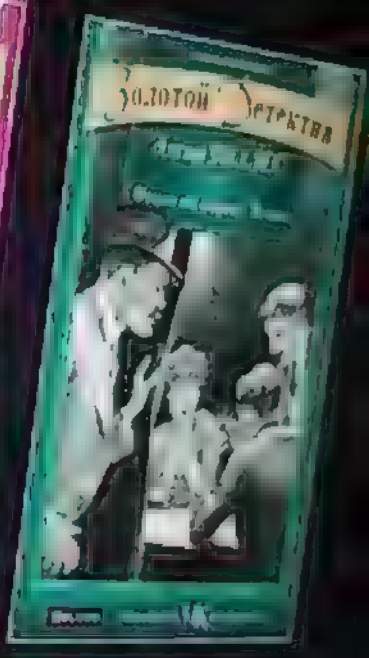
В книге «Дама в черном» Рультабий снимает ... ужасной семейной тайны и выходит на след преступни... торого все считали умершим. Мошенник способен прини... любые обличья и оставаться невидимым... Чей обр... нял на этот раз и какое злодеяние должно ... замке на забытом полуострове?..

ИК «...

ризнанных мастеров
ЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ СЕРИИ:





СОБЕРИ КНИЖНУЮ КОЛЛЕКЦИЮ МК

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

GELEOS

ISBN 978-5-8189-1802-0

Гастон Леру

Дама в черном

Ответственный редактор *А. Маркелова*
Редактор *А. Маркелова*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Дизайн обложки *С. Шумилина*
Верстка *Д. Ушакова*
Корректор *Н. Гареева*

Подписано в печать 20.03.12. Формат 84×108 1/32
Тираж 22 000 экз. Заказ №2260

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000 — книги, брошюры

GELEOS Publishing House Ltd
Chrysantou Mylona, 3, P.C. 3030 Limassol, Cyprus
www.geleos.ru

ИК «Столица»
117218, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 42.

ООО «АрхивКонсалт»
123995, г. Москва, ул. 1905 года, д. 7, стр. 1.
Тел. (495) 665-40-85

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Р2
Б43

Текст печатается по изданию:
Александр Беляев. Собр. соч. в 5 томах, т. 1.
Ленинград, «Детская литература», 1983.

Беляев А. Р.
Б43 Остров Погибших Кораблей: Роман /Предисловие А. Балабухи и А. Бритикова. — Переиздание.— Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1986. — 144 с.
(«Школьная библиотека»)

Б $\frac{4803010102—19}{М\ 138(03)—1986}$ без объявл.

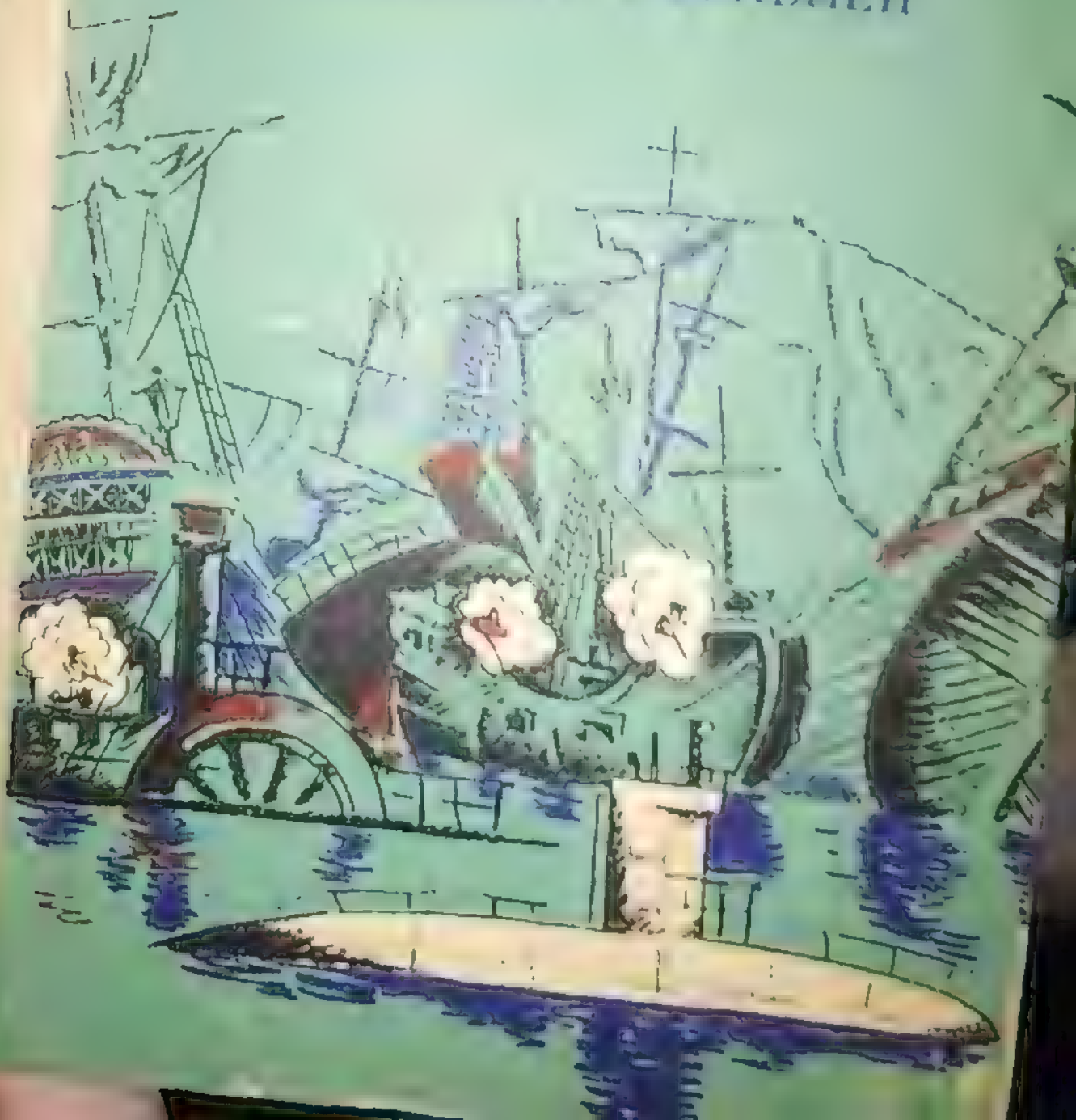
Р2

© Алтайское книжное издательство, 1986.
Оформление.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

ОСТРОВ ПОГИБШИХ КОРАБЛЕЙ



ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Александр Романович Беляев

ОСТРОВ ПОГИБШИХ КОРАБЛЕЙ

Роман

Редактор
И. Козловская
Художник
А. Курдюмов
Художественный редактор
В. Еранкин
Технический редактор
М. Сафонова
Корректоры
Н. Тырышкина, Г. Ульченко

ИБ № 1941

Сдано в набор 29. 1. 1986 г. Подписано к печати 10. 3. 1986 г. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,98. Уч.-изд. л. 8,536. Тираж 100000 экз. (2-й завод 30001—65000). Зак. № 265. Цена в обложке 25 коп., переплете — 45 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Ленина, 76.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Г. Титова, 3.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПАРНОВ Еремей Иудович

Третий глаз Шивы

Роман

Редактор Н. А. Еремина
Оформление художника Н. И. Терехова
Технический редактор И. В. Богачева
Корректор С. Б. Шапошникова

Уважаемый читатель!

Эта книга подготовлена издательством «Русский язык» совместно с фирмой «Стимул». О книгах Еремея Парнова мечтает каждый, кто увлекается приключенческой литературой. Купив это издание, вы внесете посильный вклад в улучшение экологической обстановки в стране.

Совместные издания издательства «Русский язык» и фирмы «Стимул» печатаются на бумаге, изготовленной с использованием макулатуры и реализуются только в обмен на вторичное сырье.

«Стимул»

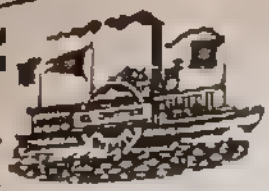
ИБ № 9684

Набрано в издательстве на композере. Подписано в печать 19.11.91. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура пресс-роман. Печать офсетная. Усл.печ.л. 27,72. Усл.кр.-отт. 27,72. Уч.-изд.л. 28,73. Тираж 300 000 экз. Заказ № 2085. С-040/6

Издательство „Русский язык" Министерства печати и информации Российской Федерации. 103012 Москва, Старопанский пер., д. 1/5.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Министерства печати и информации Российской Федерации. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5

ФАНТАСТИКА. ДЕТЕКТИВ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ.



ЕРЕМЕЙ ПАРНОВ

ТРЕТИЙ ГЛАЗ ШИВЫ

МОСКВА
«РУССКИЙ ЯЗЫК»
1992

Редакционная коллегия серии «Детектив. Фантастика. Приключения»: С. А. Абрамов (председатель), А. А. Безуглов, В. С. Власенко, В. С. Губарев, Б. Л. Данюшевский, Н. А. Еремина, С. Н. Плеханов, А. М. Разумихин, Ю. С. Семенов, И. Д. Успенская

П 4700000000-216 без объявления
015(01)-92

ISBN 5-200-02005-0

© «Русский язык», 1992 г., оформление

Т 53 **Толстой Л. Н.** Утро помещика. Повести.
М.: Правда, 1985.— 528 с.

В данный сборник великого русского писателя Л. Н. Толстого (1828—1910) вошли такие повести, как «Отец Сергий», «Крейцерова соната», «Хозяин и работник» и другие.

Т $\frac{4702010100-956}{080(02)-85}$ 956—85

Лев Николаевич Толстой

УТРО ПОМЕЩИКА

Повести

Редактор
И. Н. Ермолаева

Оформление художника
А. И. Неровного

Художественный редактор
Г. О. Барбашинова

Технический редактор
Л. Ф. Молотова

ИБ 953

Сдано в набор 26.03.85. Подписано в печать 20.05.85. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая. Гарнитура «Литературная». Усл. печ. л. 27,72. Усл. кр.-отт. 27,93. Уч.-изд. л. 27,31. Тираж 200 000 экз. (2-й завод: 100 001—200 000). Заказ № 4158. Цена 2 р. 40 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени Н. К. Крупской издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 21.

Отпечатано в типографии «Курская». 305007, г. Курск, ул.

ББК 84.4Р7
И 48

Оформление переплета
В.ЕГОРОВА
Иллюстрации
Е.ШУКАЕВА

Печатается по книге: Ильф И., Петров Е.
Двенадцать стульев. М., Правда. 1991

И 48 Ильф И., Петров Е.
Двенадцать стульев: Роман /Иллюстрации худож. Е.Шукаева; оформление переплета худож. В.Егорова

ISBN 5—7479—0574—0

В романе "Двенадцать стульев" авторы показывают жизнь обывателей и хапуг, которых легко обманывает "великий комбинатор", ловкий жулик и авантюрист Остап Бендер.

И $\frac{4702000000 - 008}{М\ 147(03) - 93}$ — 93 ББК 84.4Р7

ISBN 5—7479—0574—0

© Оформление переплета. Художник В.Егоров
© Красноярское книжное изд-во, 1993
© Иллюстрации. Художник Е.Шукаев. 1993

ИЛЬФ Илья Арнольдович
ПЕТРОВ Евгений Петрович

ДВЕНАДЦАТЬ
СТУЛЬЕВ

Редактор
В.И.Ермаков
Художественный редактор
Г.В.Соколова
Художники
В.Егоров, Е.Шукаев
Технический редактор
А.Г.Малышева
Корректор
В.И.Клюшина

ИБ № 2084

Сдано в набор 11.01.93. Подписано к печати 12.04.93
Формат 84x108 1/32 Бум. офс. №2 Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,00. Усл. кр.-отт. 21,75.
Уч.-изд.л. 20,85. Тираж 50 000 экз. Заказ № 76
"С" 008

Диапозитивы изготовлены НА "Востоке"

Красноярское книжное издательство.
660049, г.Красноярск, пр.Мира, 98
Отпечатано производственно-издательским комбинатом "Офсет".
660049, г.Красноярск, ул.Республики, 51

ГОНЧАРОВ И. А.

Г 65 Обыкновенная история. Роман в двух частях. Вступ. ст. и коммент. доктора филологических наук В.И.Сахарова. — М.: МИД «Синергия», 1996. — 384 с., ил.

Гончаров был первым русским писателем, почувствовавшим проблемы, которые ставит перед человечеством городская культура, перенаселенность городов, ведущая к обезличиванию человека. Отметив прогрессивные черты новой культуры, он указал и на потери, возникающие при подчинении ее законам всех сфер жизни.

В «Обыкновенной истории» уже было то, что определило облик классического русского романа XIX века, — мощный заряд идейности, напряженное искание истины, устремленность к разрешению главных проблем человеческого существования.

Тексту романа предпослана вступительная статья, в которой анализируется столкновение юношеского романтизма с суровой действительностью.

Книга адресована учителям и учащимся, студентам гуманитарных вузов, а также широкому кругу читателей.

ББК 74 200 5

Г $\frac{4702010000-19}{ЛР\ 070977}$ Без объявления

ISBN 5-7368-0051-9

ИБ № Н/К

Подписано в печать 26.09.96. Формат 84x108 32. Бумага офсетная №1. Гарнитура школьная. Усл. печ. л. 20,16. Тираж 22 000 экз. Цена договорная. ЛР № 070977 от 10.06.93. Заказ № 1985

Международный Издательский Дом «Синергия» 109280, Москва, ул. Велозаводская, д. 8.

Отпечатано с оригинал макетов, подготовленных Издательством «Аллегро-Пресс»

Полиграфическая фирма «Красный Пролетарий», 103473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16.

ГОНЧАРОВ И.А.

Г 65 Обыкновенная история: Роман в двух частях/ Вступ. ст. и коммент. доктора филологических наук В.И.Сахарова. —М.: МИД «Синергия», 1996. — 384 с., ил.

Гончаров был первым русским писателем, почувствовавшим проблемы, которые ставят перед человечеством городская культура, перенаселенность городов, ведущая к обезличиванию человека. Отметив прогрессивные черты новой культуры, он указал и на потери, возникающие при подчинении ее законам всех сфер жизни.

В «Обыкновенной истории» уже было то, что определило облик классического русского романа XIX века, — мощный заряд идейности, напряженное искание истины, устремленность к разрешению главных проблем человеческого существования.

Тексту романа предпослана вступительная статья, в которой анализируется столкновение юношеского романтизма с суровой действительностью.

Книга адресована учителям и учащимся, студентам гуманитарных вузов, а также широкому кругу читателей.

Г $\frac{4702010000-19}{ЛР\ 070977}$ Без объявления

ББК 74.200.5

ISBN 5-7368-0051-9

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Роман в двух частях

Художественный редактор *Ю.П.Фролов*
Технический редактор *С.С.Басипова*
Корректор *Н.Д.Бучарова*

ИБ № Н/К

Подписано в печать 26.09.96. Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1. Гарнитура школьная. Усл. печ. л. 20,16. Тираж 22 000 экз. Цена договорная. ЛР № 070977 от 10.06.93. Заказ № 1985

Международный Издательский Дом «Синергия»
109280, Москва, ул. Велозаводская, д. 8.

Отпечатано с оригинал-макетов, подготовленных Издательством «Аллегро-Пресс»

Полиграфическая фирма «Красный Пролетарий»,
103473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16.

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Петр Николаевич Краснов

ЦАРЕУБИЙЦЫ
(1-е марта 1881 года)

Роман

Редактор *К.Новиков*
Художественный редактор *В.Гордеев*
Технический редактор *Л.Никитина*
Корректор *С.Плисова*

Краснов П.Н.
К 78 Цареубийцы (1-е марта 1881 года): Роман / Посл. К. Новикова. — М.: Панорама, 1994. — 304 с.

ISBN 5-85220-396-3

Петр Николаевич Краснов (1869 — 1947) известен современному читателю прежде всего как один из лидеров Белого движения времен гражданской войны в России. Его перу принадлежат десятки книг, несколько исторических романов, среди которых «Цареубийцы» — один из наиболее удачных.

Рассказывая о попытках народовольцев устранить российского императора Александра II, П.Н.Краснов удачно изображает тип революционера, генеалогически выводимого автором из «Бесов» Ф.М.Достоевского. В России роман прежде не публиковался. Печатается по парижскому изданию 1938 года.

К $\frac{4702010201\text{-}102}{088(02)\text{-}94}$

ББК 84

ЛР N 0102909 от 06.03.92 г. Подп. в печать 23.12.93. Формат 60x84 1/16. П. л. 19. Усл. п. л. 17,67. Уч.-изд. л. 17,55. Усл. кр.-отт. 18,17. Изд. N 044500077. Тираж 50 000 экз. С-102. Печать офсетная. Бумага офсетная. З. 1328. Издательство «Панорама». 123557,Москва, Б.Тишинский пер., 38.
Отпечатано в типографии издательства «Дом печати». 432601, Ульяновск, ул. Гончарова, 14.

«ВСЯК КУЗНЕЦ...»

(О жизни и творчестве П.Н.Краснова)

О своих единоверцах и, стало быть, о себе самом Петр Николаевич Краснов однажды сказал: «Их убивали, но убить не могли, их избивали, мучили муками лютых пыток, но их не избили. Над ними издевались, но [illegible] их не сломили...» Имя тем людям — русские. Теперь [illegible] - неформализованный признак, вроде [illegible] судьба, замешанная на горькой историческ[illegible] то. Когда-нибудь [illegible] биограф, обложившись документами и материалами, напишет книгу о жизни одного из талантливых русских людей, храбром офицере и очень интересном писателе П.Н.Краснове. Увлекательная и грустная получится повесть — смеем читателя в том уверить. Пока же мы вкратце, беглым пером, очертим профиль, малознакомый для одних, вовсе незнакомый для других.

Родился Петр Николаевич Краснов в 1869 году в Петербурге. Отец его, генерал-лейтенант Н.И.Краснов, служил тогда в Главном управлении иррегулярных войск (под иррегулярными, по принятой терминологии, понимались казачьи формирования); получил Краснов-старший некоторую известность и как литератор, его перу принадлежат несколько художественных произведений и ряд фундаментальных исследований по истории казачества, из которых следовало бы назвать «Исторические очерки Дона», «Прошлое и настоящее донских казаков», «Терские казаки» (за последнюю он даже получил от Академии наук золотую медаль). Не без отцовского влияния в сравнительно раннем возрасте у Краснова определился интерес к военному делу и литературе: этим сферам деятельности он и посвятит жизнь. Много позже П.Н.Краснов вспоминал о своем начальном этапе увлечения литературой, когда двенадцатилетний мальчик решил издавать домашний журнал, выступая одновременно в качестве автора, редактора и издателя. То была, разумеется, лишь игра. Как бы то ни было, а затянулась она на несколько лет, обернувшись периодом ученичества.

Получив начальное образование у себя в семье, Краснов затем

пять лет проучился в 1-й Петербургской гимназии, заведении классического образца. По собственной инициативе сменил он гуманитарное учебное заведение на военное: перешел в Александровский кадетский корпус, после окончания которого поступил и в 1889 году блестяще окончил 1-е военное Павловское училище.

Жизнь профессионального военного в России представляла собой обязательную череду службы и учебы: интеллектуальная подготовка русского офицера не уступала подготовке сугубо практической.

Выйдя из Павловского училища, П.Н.Краснов три года прослужил в лейб-гвардии Атаманском полку, затем поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, откуда [illegible] прочем, пришлось ему через год уйти: имеющиеся у нас материалы невразумительно говорят о конфликте с тогдашним академическим начальством.

Параллельно с военной карьерой [illegible] скрытый от стороннего наблюдателя процесс [illegible] литератора. Первые его заметки появляются в газете «Русский [illegible]» начиная с 1891 года; через два года после того [illegible] выходить художественные, публицистические [illegible] исторические сочинения. Логический синтез писательского [illegible] и военного дела обозначился практически с первых [illegible] публикаций: неизменно главное место занимала военная тематика. Редко у кого из русских литераторов можно найти такое количество изображенных казаков, солдат, офицеров, столько описаний походов, сражений, — и сделано это вполне профессионально, с позиций человека, хорошо знающего свою тему.

Все имевшиеся военные отличия, как и литературные достижения, были обеспечены большим трудом. Он часто повторял: «Всяк кузнец...», — имея в виду известную русскую пословицу. А работоспособностью П.Н.Краснов отличался редкостной, при том что традиционно понимаемых как оптимальные для писательской работы (в набор входят уединение, кабинет, библиотека под рукой) условий не было. После сборника «На озере» (1893) практически каждый год появляются книги, зачастую весьма объемные. Эпическая, когда удавалось выкроить время, работа и скорость создания разножанровых произведений зачастую, правда, сказывались на качественной стороне, что самокритично признавал и сам автор. Часто на страницах его книг можно видеть сугубо литературную небрежность, — но тут же рядом, как бы во искупление, находим примеры острого писательского взгляда, точные и художественно правдивые, выразительные эпизоды. Хотя по так называемому большому счету талантливым стилистом Краснов не был тогда, не сделался таковым и в позднейшее время. Его сильные стороны относились к иной области.

Литературному взрослению способствовало и расширение буквальных горизонтов, накопление жизненного опыта. В 1897 г. он был командирован в Абиссинию (нынешнюю Эфиопию) начальником конвоя при дипломатической миссии: эту работу Краснов расценивал как первое серьезное испытание приобретенных навыков. Из поездки он привез и в 1898 году издал «дневники начальника конвоя». В том же 1898 году П.Н.Краснов объездил российские губернии, в наибольшей степени пострадавшие от неурожая. (Впрочем, в отличие от ситуации 1891 года, в 1898 положение было не столь трагично и широкое внимание печати к пострадавшим губерниям в первую очередь объясняется деятельным участием в помощи голодающим Льва Толстого.) По возвращении Краснов представил обстоятельный отчет об увиденном: офицер и литератор, опять-таки, идут рука об руку.

Когда в 1901 году на Дальнем Востоке была развязана Китайская война, Петр Николаевич отправился на фронт в качестве корреспондента «Русского инвалида». На следующий год он повторял на турецкой и персидской границах. Из всех поездок [illegible] обязательно присылал в газету многочисленные корреспонденции. О популярности его материалов свидетельствуют и многочисленные приглашения к сотрудничеству в других изданиях: он печатался также материалы на страницах «Биржевых ведомостей», «Петербургского листка», «Петербургской газеты», «Нивы», «Отдыха», «Военного сборника».

Насыщенным событиями оказался для него период русско-японской войны. Не порывая с журналистикой, Краснов много времени проводил среди своих коллег и неоднократно участвовал в боевых действиях, за что был удостоен «Анны» 4-й степени, а также ордена Св.Равноапостольного князя Владимира с мечами и бантом.

Вновь продолжить образование П.Н.Краснов решает в 1907 г. На этот раз он направляется в престижную, считавшуюся лучшим учебным заведением для офицеров-конников, – Офицерскую кавалерийскую школу. После завершения курса он два года служит в ней преподавателем этой академии. В 1910 году Краснов получает новое звание; в документах по этому поводу сказано: «За отличие по службе производится в полковники с зачислением по Донскому казачьему войску и назначается командиром 1-го Сибирского Ермака Тимофеева полка, оставаясь в прикомандировании к [illegible] школе».

Уже в 1913 году ему дают под командование казачий полк, с которым было суждено принять участие в первой мировой. Настало время практически применить накопленные за многие годы учения знания, – и Петр Николаевич Краснов продемонстрировал свой

военный интеллект, добиваясь конкретных результатов при минимальных потерях. Казака, солдата почитал он золотым запасом страны, их воинским достижениям искренне радовался. Боевые действия утвердили за Красновым славу одного из наиболее талантливых командиров русской армии. Не так к мужику, но именно к мужику в солдатской форме испытывал он особую симпатию. «Нам все тычут пьянством, развратом, грязью нашего народа, — писал он, — вбивают в голову, что мы никчемные люди, дикари, навоз для более культурных народов, [illegible] одно осталось — умереть. За мной много [illegible] в солдата, казака. [illegible] За серию удачных военных операций при [illegible] получает в награду почетное Георгиевское оружие, [illegible] храбрых»; за боевые отличия в ноябре 1914 [illegible] производства в генерал-майоры, а полгода [illegible] П.Н.Краснов получает и Георгиевский [illegible]

Как ни много сил и [illegible] главное на тот период дело генерала, [illegible] Краснов и литературной работы. Только в 1915 году он сумел [illegible] несколько книг художественной прозы, в том числе романы «[illegible]», «В житейском море». Подробнее о годах войны рассказано в книге воспоминаний «На внутреннем фронте», которую в 1922 году И.В.Гессен опубликовал в своем «Архиве русской революции».

В жизни Краснова фундаментальный перелом пришелся на конец 1917 года, который прочертил глубоко и несмываемо по миллионам русских судеб. У пришедших к власти большевиков оказалось множество противников, причем были среди них куда более сильные, нежели казачий генерал Краснов, но вот не многие оказались столь же непримиримы. Тут следует сделать существенную оговорку: большевиков-ленинцев Петр Краснов не считал в обиходном смысле врагами. Не враги они были для него, но представители иррационального начала, бесы, нечисть — не иначе. Ни о каких, сколь угодно малых, ограниченных, ничтожных поблажках или компромиссах с ними не могло быть и речи. С врагом еще можно пойти на компромисс, тогда как с ними — нет. Из такого рода помыслов П.Н.Краснов создал и отобразил в своих последующих книгах целую мировоззренческую систему. Для него немаловажную роль сыграл факт нахождения среди советских руководителей того времени большого числа нерусских, в первую очередь лиц еврейской национальности. К евреям Краснов относился, признаемся, без особого пиетета, а многовековое противоборство христиан и иудеев рассматривал как перенесение на бытовой уровень фундаментального противостояния Божественного и сатанинского начал. Отсюда и его концептуальный тезис о «бесовском

начале» новой власти, отсюда же — необходимость борьбы с ней. Фактически, начиная с 1917 года, все усилия Краснова направлены только на борьбу с большевизмом. Этим же задачам подчиняет он и свой литературный талант. Позднее он скажет: «Писал романы, испытывая жажду борьбы с Советской властью».

Поначалу он повел борьбу вооруженную. Ему выпала судьба оказаться среди самых первых оппонентов нового режима. Сразу после победы октябрьской революции в Петрограде П.Н.Краснов вместе с генералом Крымовым были направлены тогдашним премьером Временного правительства А.Ф.Керенским против частей, принявших сторону новой власти. Не столько разбиты, как именно распропагандированы специально [illegible] агитаторами оказались войска Краснова: казаки, подобно солдатам, также устали от войны, и долго уговаривать их не пришлось. Об этом с горечью писал Краснов: «Волна [illegible] зараза только что тронула казаков, как уже были утеряны ими все понятия права и чести». Хотя, разумеется, не следует в данном случае ни склоняться к чрезмерным обобщениям, ни преуменьшать силы большевиков, направленные против П.Н.Краснова. Решающее военное столкновение произошло под Питером, возле Пулковских высот. Известно, что по инициативе Ленина туда был послан будущий генсек Сталин, который оказался настолько испуган натиском казачьих войск (пускай и уставших от многолетних боевых действий), что своего испуга не простил Краснову и через три десятилетия. В самом начале ноября, 2 числа, 1917 года Краснов попал в плен. Этот факт послужил причиной опосредованного его знакомства с вождем победителей В.И.Лениным.

Ведь ситуация сложилась отнюдь не ординарная. Буквально в первые же после захвата власти дни, разгоряченные удачей и еще не до конца поверившие в исторический фарт, революционеры сумели полонить одного из наиболее известных царских генералов. Тут не ошибиться — грех. А ведь практически все вожди новой власти — сплошь были гуманитарии, философы да альтруисты, за спиной практически каждого — бездна прекрасных слов и возвышенных обещаний. Спрашивается, что в подобной ситуации делать с пленником? Действительно — что?! И коллективное решение оказалось таким: ни больше, ни меньше — отпустить генерала при условии, если он пообещает больше не принимать активных действий против большевиков. Как впоследствии вспоминал Троцкий, этот гуманный жест встретил поддержку практически абсолютную. Одним жестом победители демонстрировали на всю страну свою политическую и человеческую добропорядочность. По словам того же Троцкого, один только Ленин был против решения своих

товарищей: искренне умолял их быть мудрыми, пересмотреть принятое в отношении Краснова решение и уничтожить пленника не мешкая. Не послушались товарищи вождя победителей, не вняли кровожадному Ленину, он же вынужден был сдаться, лишь пухлой маленькой рукой махнул.

Этот действительный или только пригрезившийся Троцкому годы спустя взмах рукой знаменателен, поскольку с него начинается новый этап в жизни П.Н.Краснова.

Генерал еще некоторое время погостил. Перебравшись на Дон, был в 1918 году избран атаманом Всевеликого войска донского. Но теперь непостижимым образом [illegible] отвернулось, дела как-то враз не заладились. Свою роль сыграла и прогерманская ориентация, стремление опереться на поддержку немецкого командования (поскольку в немцах видел [illegible] убежденных борцов с большевизмом). Но [illegible] армия оказалась разгромленной, пришлось устанавливать контакты со странами Антанты, — поддержка ведь требовалась серьезная. Известный своими германофильскими взглядами, больших симпатий у английского и французского командования он не вызывал; те и другие в означенную пору делали ставку на генерала А.И.Деникина, с которым отношения у Краснова не сложились. В результате П.Н.Краснов ушел в отставку и покинул Войско донское. Была, правда, еще предпринята попытка воевать вместе с войсками Юденича, однако неудача постигла и на сей раз. В этот момент было принято решение эмигрировать. Завершилась большая полоса в жизни генерала, занятая преимущественно войной. «Семь лет войны, — писал он уже в эмиграции, — семь лет походов и подвигов, побед и поражений... сделали жизнь каким-то суматошным, тяжелым, но и ярким сном». Теперь-то, ретроспективно анализируя события, можно с большой долей уверенности сказать, что лучше этого сна у Петра Николаевича Краснова ничего в жизни не будет. При всех тяготах, при всем ужасе, неизбежном для гражданской войны...

В эмиграции жизнь сложилась не лучшим образом, что не бросалось, однако, в глаза стороннему наблюдателю. Более того, со стороны как раз казалось, будто жизнь его протекает вполне благополучно. Приобретенная в России литературная известность (всего на родине было опубликовано более трех десятков его книг, тогда как публикации в периодических изданиях счету в настоящее время не поддаются и ждут своих исследователей), богатейший жизненный опыт, умение писать прозу в мало подходящих для творчества условиях и чудовищная работоспособность позволили

ему безбедно жить в Европе исключительно за счет литературных публикаций. Книги из-под его пера выходили одна за другой, не менее чем по одной в год, не считая переизданий и многочисленных переводов. Вот уж когда появилась возможность договорить и доспорить с оппонентами! То, что по каким-либо соображениям не влезало в ткань романов и повестей, Краснов печатал в издаваемом теперь журнале. И хотя политическая деятельность не перестала интересовать его, хотя определенную часть времени он посвящал работе среди соотечественников в Германии, а затем во Франции, — главным для него становится, на первый план выдвигается — художественная литература.

Именно в эмиграции он создал наиболее объемный свой роман «От двуглавого орла к красному знамени», который выдержал несколько изданий и был переведен на семнадцать иностранных языков; там же был создан и привлекший к себе большое читательское внимание антиутопический роман «За чертополохом». Несомненный интерес представляют и его исторические романы. Коммерческий успех некоторых произведений был солидным. Благодаря тому, что полтора десятка повестей и романов Краснова среди других языков были переведены на немецкий, в одной только Германии по весьма приблизительным оценкам было продано более 2 миллионов его книг.

Не сразу, не вдруг был предан забвению П.Н.Краснов в России. Так, в 1925 году одно из крупных издательств пиратским способом, без уведомления автора и, разумеется, без выплаты ему полагающегося гонорара, опубликовало мемуарную книгу «На внутреннем фронте», а через два года переиздало ее.

Если судить по разбросанным на страницах различных изданий высказываниям Краснова, с течением времени он все менее верил в то, что большевики будут отстранены от власти в России при жизни его поколения. Если подчас доказывал обратное, в словах не чувствовалось убежденности (хотя, быть может, мы в данном случае пристрастны). Как бы то ни было, общий пессимистический настрой приводил к тому, что все больше занимала П.Н.Краснова отечественная ретроспектива. «Жизнь, полная приключений, — говорил он, — идет не только в таинственно-прекрасных пампасах и льяносах Америки, на страницах романов Майна Рида, Гюстава Эмара и Джеймса Фенимора Купера». Его исторические романы получались вполне добротными, их охотно покупали соотечественники-эмигранты. В прошлом страны Краснов черпал вдохновение, но прошлое также представляло возможность проанализировать истоки настоящего положения вещей. По отношению к истории Краснов был ретроспективным, как мы бы сказали, оптимистом. Он писал: «Глядя в прошлое, не могу не верить, что будущее России

окажется прекрасным. Пройдут тяжелые годы лихолетья, как проходили и раньше, Россия воскреснет и станет еще краше, нежели была, потому что Русский народ полон героев».

Во время второй мировой П.Н.Краснов оказался среди той русской части эмиграции, которая сотрудничала с германскими войсками. Он сформулировал свою бескомпромиссную позицию вполне четко: «Хоть с чертом, но против большевиков». В 1945 году вместе с тысячами русских, от которых, под прикрытием Ялтинской декларации, пытались [illegible] демократии, генерал П.Н.Краснов был выдан [illegible], которые таким же образом передали частям НКВД [illegible] казаков, 35-тысячный обоз «Казачий стан», [illegible] эмигрантов. «Среди выданных генералов, [illegible] Солженицын, — большинство были эмигранты [illegible] англичан по 1-й мировой войне. В [illegible] не успели их отблагодарить, возвращ[illegible]

Вплоть до начала 1947 [illegible] дело Краснова. Сталинским [illegible], что таким образом проявляют они начаты [illegible], ведь запросто могли убить своего пленника сразу по прибытии, и даже в пути, и даже за границей — однако же не убили, а как и положено в современном мире, рассматривают, анализируют содеянное генералом. Только 17 января в газете «Правда» появилось сообщение: «Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению арестованных агентов германской разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей в период гражданской войны атамана Краснова П.Н., генерал-лейтенанта Белой армии Шкуро А.Г. (назван еще ряд фамилий — *К.Н.*) в том, что они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили против него шпионско-диверсионную и террористическую работу ...» И форму-то какую отыскали судьи: «смертная казнь через повешение». Приговор привели в исполнение. Понадобилось после того почти полвека, чтобы дистанцированно, освободившись от ненужных в случае исторического прошлого эмоций, начать анализировать слова и дела Петра Краснова. И книги его, которые возвращаются к русскому читателю, будут, пожалуй, основным и лучшим источником информации. Из более чем полусотни томов не все книги его для нас равно интересны, но наиболее талантливые из них, без сомнения, заслуживают быть включенными в современный читательский обиход.

Работа над романом «Цареубийцы», который оказался одним из лучших, а по мнению иных — так и самым лучшим историческим произведением П.Н.Краснова, была начата в 1935 году.

Авторский подзаголовок «1-е марта 1881 года» не столько расширяет или конкретизирует тему, но служит формальным указанием на исторический ландшафт событий, изображенных в книге. Краснов вынужден был кроме прочего учитывать и позицию спорадического читателя, желающего сначала выяснить, «про что» написан роман. «Про убийство Александра II», — на титульном листе спешит ответить автор. До некоторой степени такой ответ правомочен: книга, действительно, рассказывает о покушении народовольцев на русского императора. Сам роман выстроен таким образом, что вполне может быть прочитан (если кому-то так захочется) только лишь на фабульном уровне, как повествование о нескольких русских семьях эпохи конца 70-х годов, о ключевых эпизодах русско-турецкой войны и некоторых актах политического терроризма.

Собственно, сюжет «Цареубийц» лежит в иной плоскости. Мы определили бы это произведение как книгу о фундаментальных правах человека: праве на честь и праве на бесчестье.

Истоки романа «Цареубийцы» логично было бы искать в творчестве Ф.М.Достоевского. До появления «Бесов» на представителей революционного мировоззрения (а мы в данном случае говорим о формальном вычленении из общественно-политического спектра приверженцев вполне определенных методов социального переустройства) русское общество склонно было смотреть через чернышевско-тургеневские описания различного рода «новых людей». Да и то сказать, ведь до последнего десятилетия XX века революционная практика в России носила, по существу, *детский*, неявно выраженный характер. Мало кто предвидел грядущие размеры социальных перемен. Прозорливость Достоевского в том и заключалась, что сумел он разглядеть явление в тот самый период, когда идеей мгновенного переустройства оказались заражены многие, но действия активного порядка (если только не преувеличивать) исчислялись единицами. В отличие от многих своих литературных предшественников Петр Николаевич Краснов узнал революционеров и плоды их деятельности буквально на себе. Его «Цареубийцы» — это обогащенное личным опытом обращение к бесовской тематике. В народовольцах 70 — 80-х годов Краснов видит буквальных исторических предшественников своих политических оппонентов. (А связь между 70-ми годами и началом XX века была весьма тесной.)

В «Цареубийцах» мы наблюдаем, как событийный ход истории России производит на свет немногочисленную и до поры затаившуюся генерацию провинциалов, пожелавших ни больше, ни меньше — страну переиначить. Новых людей поначалу объединила мысль, вскоре сделавшаяся убеждением, что и вправду с некоторых пор Россия оказалась универсальным местом в мире, где все что

угодно, всякое беззаконие и разрушение могут произойти без серьезного общественного отпора. И, как показала история, были они в этом совершенно, безукоризненно правы. «Мы провозгласим разрушение... Надо косточки поразмять... Я таких охотников отыщу, что на всякий выстрел пойдут, да еще за честь благодарны останутся. И начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой мир еще не видал. Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...» Это — Верховенский из «Бесов», но это же — и смысловой конспект деятельности исторических прототипов «Цареубийц».

Для П.Н.Краснова принципиально важными оказываются главы, рассказывающие о приобретении права на честь: несколько растянутое описание событий русско-турецкой войны понадобилось именно для того, чтобы выразить [illegible] взгляд на проблему. Да, право на честь приобретается кровью, кровавая и подчас грязная работа выпадает на долю [illegible] армии, но — сама идея освобождения славян, но — дух [illegible] порыв! Отношение к войне представителей различных [illegible] П.Н.Краснов идеализирует, но ему как раз и нужна подобная идеализация. Он и не пытается выступать бесстрастным хроникером, для него турецкая кампания исполнена символического смысла: славянское единение трактуется как укрепление Божественного начала. Отсюда и авторская расстановка акцентов.

Буквально рядом Краснов показывает генерацию революционеров, людей умных (бесспорно), деятельных, тщательно просчитывающих свои ходы. В том и сильная сторона романа, что при изображении революционеров автор не снисходит до гротеска. На страницах книги не сплошь изображены какие-то выродки, вроде Геси Гельфман, проститутки, закамуфлированной под революционерку, — но мыслители, психологи и неплохие организаторы. И десяти лет не прошло с момента опубликования «Бесов», а новые эти люди прочитали и поняли: действительно, правом на бесчестье легче всего за собой увлечь русского человека, которому честь — одно только лишнее бремя.

Показывая на страницах романа отдельных представителей «Народной воли», П.Н.Краснов использует хорошо отработанный литературный прием. Не плотскую героиню, но двумерную тень, своего рода зеркало, по имени Вера Ишимская, — тень невыразительную и бесполую, — проводит он мимо революционеров. Не отвлекаясь подолгу на Ишимскую, читатель с интересом рассматривает отображения революционных профилей. Занятная получается картина. Народовольцы в романе напоминают манекенов с туго заведенной пружиной (нечто подобное демонстрирует странный изобретатель в романе Набокова «Король, дама, валет»). Из

протяжении всех страниц народовольцы движутся в направлении единожды выбранной цели: убийство превратилось для них в самодостаточную цель, за чертой которой остаются неопределенность и туман. Рассуждая о времени после убийства, революционеры обнаруживают не наличие сколь угодно утопической, но разработанной схемы действий, а лишь болезненное любопытство.

Видимо, и вправду была определенная прелесть в длительной подготовке террористических актов, – как принято было называть убийства, не отягощенные меркантильными соображениями. Эта смертельная прелесть притягивала многих неудачников. Отметим, например, особый интерес Краснова к личности Перовской, в которой писатель усматривал прообраз будущих косыночно-кожаных комиссарш, убивавших собственными руками, причем — из сугубо гедонистических мотивов. Многие современники Краснова отмечали, что не так страшны оказывались комиссары, как их боевые подруги, легко терявшие голову от крови и уничтожавшие всех потенциальных жертв с той механической тщательностью, с какой женщина-хозяйка выметает углы и закоулочки квартиры.

Очень знаменательно присутствующее в романе Краснова разделение пространства между борцами за честь и их антиподами. Солдаты и офицеры русской армии находятся все время под открытым небом, все их действия видны Господу, все они — как на ладони. Иначе испомещены террористы. Большую часть повествовательного времени проводят они по воле автора под землей, скрытые от взглядов. Под солнцем же они испытывают явное неудобство, и не шпионы Охранного отделения тому причиной. Просто всякий биологический вид наилучшим образом оказывается приспособлен к вполне определенной среде обитания: Краснов уловил эту органику.

Вылезая на поверхность, революционеры у Краснова много поют. Вот уж любопытно! Ранее Краснова, независимо от него, эту же подозрительную тягу к вокалу отметил Михаил Булгаков в «Собачьем сердце». В перерывах между трудами праведными песни помогают зарядиться, настроиться на волну ненависти.

Краснов не закончил свое повествование в момент совершения убийства императора, но позволил потрафить собственной слабости и разделался с народовольцами тут же, через несколько страниц после террористического акта. Эти последние, мало удачные эпизоды к проблематике романа отношения не имеют. Мы усматриваем здесь лишь авторское неумение вовремя поставить точку, оставить читателя наедине с почерпнутыми мыслями.

К.Новик.

ББК 81.2Р–93
П 18

Редакционная коллегия серии «Детектив. Фантастика. Приключения»: С. А. Абрамов (председатель), А. А. Безуглов, В. С. Власенко, В. С. Губарев, Б. Л. Дашошенский, Н. А. Еремина, С. Н. Плеханов, А. М. Разумихин, Ю. С. Семенов, И. Д. Успенская

П $\frac{4700000000\text{-}216}{015(01)\text{-}92}$ без объявления

ISBN 5-200-02005-0

© «Русский язык», 1992 г., оформление

84Р7-4
7

Художник В. В. Ситников

С $\frac{4702010201-060}{002(01)-90}$ Без объявл.
ISBN 5-212-00171-4

© А. Стругацкий, 1990
© Б. Стругацкий, 1990
© О. Шестакова, 1990
послесловие, 1990
© В. Ситников, 1990
оформление, 1990

Еремей Парнов

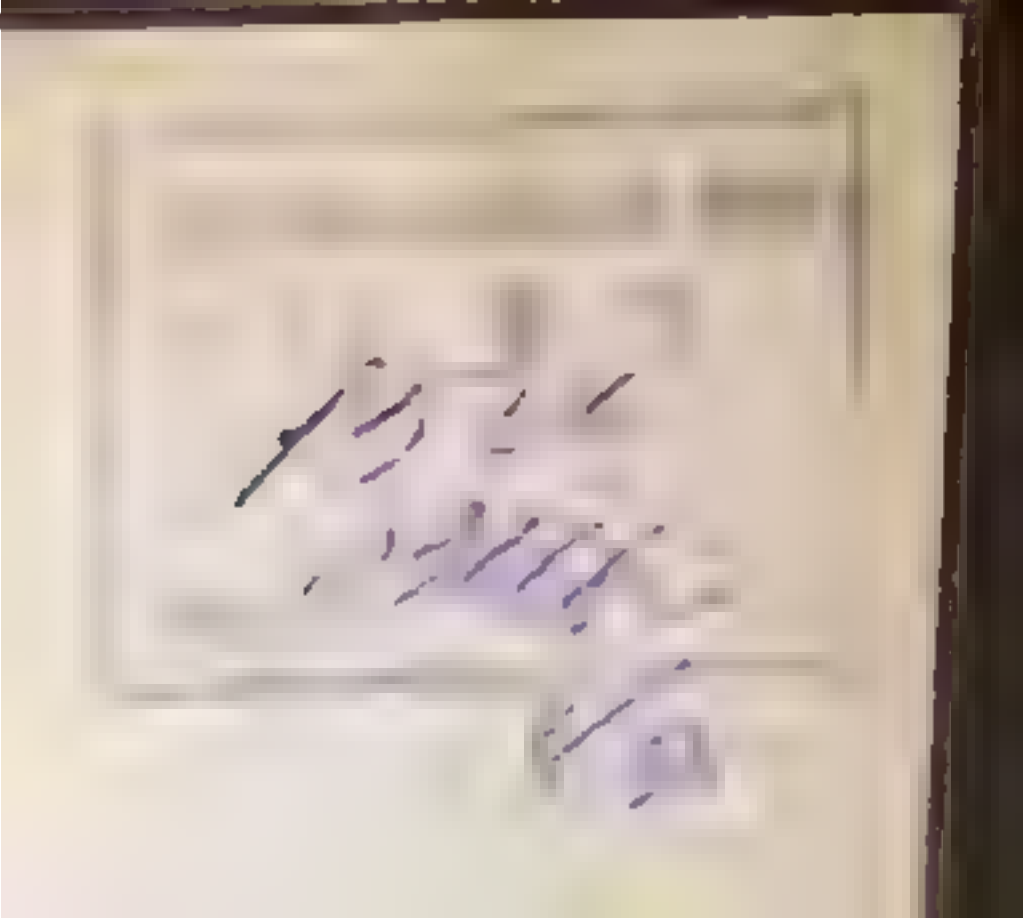
ЛАРЕЦ МАРИИ МЕДИЧИ

6
9
31
43
57
80
97
111
128
143
172
184
195
207
222
232
246
255
276
284
305
316
328
339
351
381
392
400
409
422
443
452

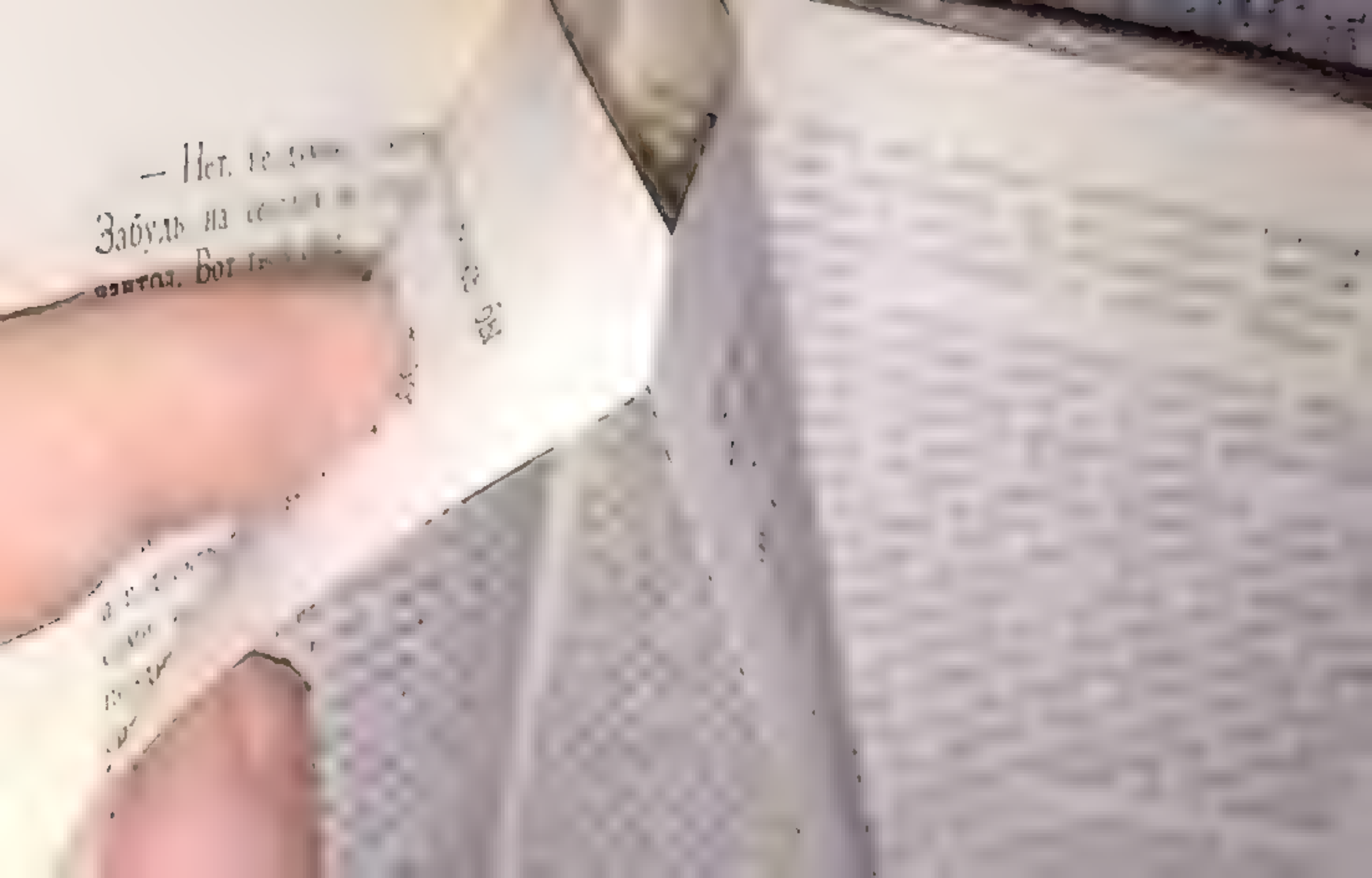
ISBN 5-200-01982-6

П 4702000000-18
015(01)-91

ЧАСТЬ



БОРЬБА ЗА ОГОНЬ
*
ПЕЩЕРНЫЙ ЛЕВ


— Нет.
Забудь на
Бог

Мне хотелось бы
[illegible] миссис (Фэнр-
[illegible] и мечтает
[illegible] так? Ну.
[illegible]ите мисс
[illegible] что

ББК 84Р1—44
Г20

«Детство Тёмы» — первая повесть из автобиографической тетралогии известного русского писателя-реалиста и демократа конца XIX — начала XX вв. Н. Г. Гарина-Михайловского (1852—1906), составившей, по словам А. М. Горького, «целую эпопею» русской жизни второй половины XIX века.

Рассказывая о детстве своего героя, писатель защищает личность ребенка от бездушия и казенщины.

Повесть замечательного советского писателя Алексея Николаевича Толстого (1883—1920) «Детство Никиты» принадлежит к числу самых талантливых книг, в которых раскрывается внутренний мир подростков.

Текст печатается по изданиям:
Н. Гарин-Михайловский.
Детство Тёмы. Гимназисты.— Л.:
Худож. лит., 1988.
Алексей Толстой.
Детство Никиты. — М.:
Совет. Россия, 1985.

Предисловие к повести Н. Г. Гарина-Михайловского
К. И. Чуковского

Предисловие к повести А. Н. Толстого
И. Л. Андроникова

Редактор З. И. Калиниченко

Г $\frac{4803010000—110}{М\ 206(04)—90}$ 31.90.

ISBN 5-301-00597-9

© Ольга Якутович. 1990.
иллюстрации

Г-20 Гарин-Михайловский Н. Г. Толстой А. Н. Повести: Для сред. шк. возраста / Худож. О. Г. Якутович.— К.: Вэсэлка, 1990.— 284 с.: ил.— (Шк. б-ка).— Содерж.: Гарин-Михайловский Н. Г. Детство Тёмы / Предисл. К. И. Чуковского; Толстой А. Н. Детство Никиты / Предисл. И. Л. Андроникова.
ISBN 5-301-00597-9

В книгу вошли широко известные произведения классиков русской литературы. «Детство Тёмы» Н. Гарина-Михайловского и «Детство Никиты» А. Толстого.

Г $\frac{4803010000-110}{M206(04)-90}$ 31.90. ББК 84Р1—44+84Р7—44

Литературно-художественное издание

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Основана в 1964 году

Гарин-Михайловский Николай Георгиевич
Толстой Алексей Николаевич

ПОВЕСТИ

Для среднего школьного возраста

Художник
Якутович Ольга Григорьевна

Художественный редактор К. И. Сулима
Технический редактор Л. В. Маслова
Корректоры О. Т. Супруненко, В. Д. Бондарь

ИВ № 5168

Сдано на производство 22.06.89. Подписано к печати 23.11.89. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12+вкл. (0,42)=15,54. Усл.-кр. отт. 17,22. Уч.-изд. л. 13,63+вкл. (0,48)=14,11. Тираж 300 000 (1-й завод 1—200 000 экз.). Заказ 9—2293. Цена 75 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Веселка». 252655. Киев, ГСП, Мельникова, 63.

Головное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига». 252057, Киев-57, Довженко, 3.

Кассиль Л. А.
К 28. Повести. Рассказы. М.; Правда, 1979, 464 с.
ИСБН

В данное издание вошли две самых популярных повести советского писателя Л. Кассиля: «Кондуит и Швамбрания» и «Дорогие мои мальчишки», а также цикл рассказов «Линия связи».

К $\frac{70302-228}{080(02)-79}$ 79 4702010200

© Издательство «Правда». Составление. 1979.

Лев Абрамович КАССИЛЬ

КОНДУИТ И ШВАМБРАНИЯ

ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ

ЛИНИЯ СВЯЗИ

Редактор
Н. Н. Ермолаева

Оформление художников
А. В. Озеревской, А. Т. Яковлева

Художественный редактор
Е. М. Борисова

Технический редактор
К. И. Заботина

Сдано в набор 16.11.78 Подписано к печати 02.01.79. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типдручная № 1. Гарнитура «Латинская». Печать высокая Усл. печ. л. 24,36. Уч.-изд. л. 23,76. Тираж 150 000 экз. Цена 1 р. 80 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Отпечатано на полиграфкомбинате имени Я. Коласа. г. Минск, ул. Красная, 23.
Заказ № 2211.

Художник
М. ЛОБЫРЕВ

Беляев А.Р.

Б 43 Гениальный безумец: Романы и повесть.
Новосибирск: «Детская литература». Сибирское отделение. 1993. - 416 с.: ил.

В книгу основоположника советской фантастической литературы А.Р.Беляева вошли его известные романы «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля» и повесть «Последний человек из Атлантиды».

Б $\frac{4803010201-106}{M101(03)-93}$ Без объявл.

ISBN 5-08-007571-6

© Лобырев М.А. художник, 1993

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Александр Беляев

ГЕНИАЛЬНЫЙ БЕЗУМЕЦ
Переиздание

Редактор А.У.Китайник
Художественный редактор В.Н.Савин
Технический редактор А.Н.Тобух

Подписано к печати с готовых диапозитивов 10.12.92.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 22,68.
Уч. изд. л. 22,31. Заказ № 1381. Тираж 100 000 экз.

Сибирское отделение издательства «Детская литература».
630132, Новосибирск, Красноярская, 112
Полиграфическое предприятие «Современник»
445043, Тольятти, Южное шоссе, 30.

Эмилио Сальгари

НА ДАЛЬНЕМ ЗАПАДЕ
ЛОВЦЫ ТРЕПАНГА

Ответственный за выпуск А. Рыбакова
Художественный редактор Н. Рудакова
Технический редактор М. Столярова

ИБ 67
Подписано в печать 22.10.92. Формат 84×108/32. Бумага книжно-журнальная.
Печать высокая. Усл. п. л. 21,84. Тираж 100 000 экз. Заказ 2089. С 16

Совместное предприятие «Бук Чембэр Интернэшнл»
119034, Москва, ул. Остоженка, 4

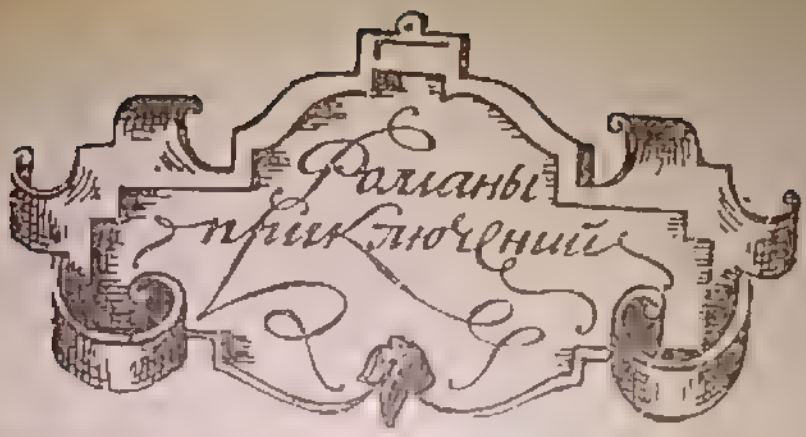
Книжная фабрика № 1 Министерства печати и информации РФ, 144003,
г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

Настоящее издание печатается по тексту:
Эмилио Сальгари «На Дальнем Западе».
Москва. 1910. Книгоиздательство т-ва И. Д. Сытина.

Перевод с итальянского

Настоящее издание печатается по тексту:
Эмилио Сальгари. «Ловцы трепанга».
Издательство «Молодая гвардия». Москва — Ленинград, 1928.

Перевод с итальянского



Эмилио Сальгари

На Дальнем Западе

РОМАН

*

Ловцы черепахи

РОМАН

МОСКВА,
1992

275
298

318

347

371

394
401
405
410

417

Русский охотничий рассказ/Сост., авт. предисл. и примеч. М. М. Одесская.— М.: Сов. Россия, 1991.— 432 с.

Р89

В сборник вошли рассказы русских писателей-классиков и писателей так называемого «второго ряда».

Охота — это живой образный фон рассказов, объединенных темой взаимоотношений человека и природы.

Внимание читателя привлекут мистические и драматические истории, рассказанные на привале, комические приключения горе-охотников, лирические и бытовые сцены.

Р 4702010000—105
М-105(03)91 85—90

ISBN 5—268—01020—6

84Р1

РУССКИЙ ОХОТНИЧИЙ РАССКАЗ

Редактор
Н. И. ПЕТЕСИНА
Художественный редактор
Л. Е. БЕЗРУЧЕНКОВ
Технический редактор
Л. А. ФИЛЕСОВА
Корректоры
Т. А. ЛЕБЕДЕВА, М. Е. КОЗЛОВА

ИБ № 7783

Сдано в набор 27.05.91. Подп. в печать 29.11.91. Формат 84×108/32. Бум. газетная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 23,10. Уч.-изд. л. 26,34. Тираж 100 000 экз. Зак. № 2152. Цена 4 р. 70 к. Изд. инд. ЛХ-360.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.
Книжная фабрика № 1 Министерства печати и массовой информации РСФСР. 144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

Иллюстрации Е. Шукаева

Оформление В. Синельщиковой

И48 Ильф И. А., Петров Е. П.
Золотой теленок: Роман.— М.: Сов. Россия, 1991.— 384 с.: ил.

Переиздание романа известных советских писателей-сатириков.

И $\frac{4702010201-001}{М-105(03)91}$ 106—90 Р2

ISBN 5-268-01053-0

Часть третья
ЧАСТНОЕ ЛИЦО

Глава XXVI. Пассажир литерного поезда 284
Глава XXVII. «Позвольте войти наемнику капитала» 295
Глава XXVIII. Потный вал вдохновенья 305
Глава XXIX. Гремящий Ключ 315
Глава XXX. Александр Иван-Иванович 326
Глава XXXI. Багдад 334
Глава XXXII. Врата великих возможностей 342
Глава XXXIII. Индийский гость 351
Глава XXXIV Дружба с юностью 355
Глава XXXV Его любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина — зубной техник
Глава XXXVI. Кавалер ордена Золотого Руна 375

Илья Арнольдович Ильф
Евгений Петрович Петров

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК

Редактор Г. Л. Стольникова. Художественный редактор Л. Е. Безрученков. Технический редактор Л. А. Фирсова. Корректоры М. Е. Апарцева, Л. В. Конкина, Э. З. Сергеева

ИБ № 5741

Подп. в печать с готовых диапозитивов 18.01.91. Формат 84×108/32. Бумага газетная. Гарнитура литерат. Печать высокая. Усл. п. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,16. Уч.-изд. л. 21,1. Доп. тираж 200 000 экз. Заказ 2026. Цена 10 р. Изд. инд. ЛХ-329.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и массовой информации РСФСР, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

Э. Л. Войнич. Избранные произведения в двух томах, т. I, М.,
Художественная литература, 1958.

Перевод Н. Волжиной

Оформление художника В. Беспалько

В 65

Войнич Э. Л.
Овод / Пер. Н. Волжиной; Оформл. худож.
В. Беспалько.— Т.: Уқитувчи, 1984.—272 с.

ББК 84(Англ)

© Издательство «Уқитувчи», 1984 г.

В $\frac{4700000000-70}{353(04)-84}$ 287-84

ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН ВОЙНИЧ

ОВОД

Роман

Ташкент „Ўқитувчи“ 1984

Ответственная за выпуск Л. В. Филиппова
Художественный редактор М. М. Соркин
Технический редактор Т. Е. Золотилова
Корректор Л. Т. Юлдашева

ИБ № 3060

Сдано в набор 10.10. 1983г. Подписано в печать 27. 12. 1983г. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 2. Кегль 10 б/шп. „Литерат,» гарн. Печать высокая. Усл. п/л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,28. Изд. л. 15,35. Тираж 350000. Зак. № 2628. Цена 1 р. 60 к.

Издательство „Ўқитувчи“. Ташкент, ул. Навои, 30. Договор 11-156-83.

Головное предприятие ТППО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ташкент, ул. Навои, 30. 1984 г.

Гайдар А. П.
Г14 Дальние страны: Повести и рассказы. [Для мл. шк. возраста/Худож. В. И. Сытченко].— Мн.: Юнацтва, 1985.— 366 с., ил.— (Б-ка отеч. и зарубеж. классики).
В пер.: 1 р.

В книгу включены повести «На графских развалинах», «Дальние страны», «Военная тайна», «Комендант снежной крепости», рассказы «Р. В. С.», «Четвёртый блиндаж», «Чук и Гек». В этих замечательных произведениях отображены становление и мужание характеров юных патриотов Родины, романтика их светлых помыслов и будничных дел.

ББК 84Р7
Р2

4803010102—073
Г ——————— 106—85
М307 (05)—85

. . . 4
. . . 61
. . . 122
. . . 225
. . . 231
. . . 319
. . . 359

Библиотека отечественной
и зарубежной классики

Аркадий Петрович Гайдар

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

Повести и рассказы

Для младшего школьного возраста

Заведующий редакцией *М. П. Позднякова*
Ответственный за выпуск *Г. В. Марцинко*
Младший редактор *М. А. Поддубская*
Художественный редактор *М. В. Чудников*
Технические редакторы *Н. П. Досаева, А. В. Русецкая*
Корректоры *Л. И. Савченко, А. К. Юшина, Л. С. Зиза*

ИБ № 589

Сдано в набор 21.06.84. Подп. к печати 20.09.85. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура школьная. Высокая печать с ФПФ. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,32. Уч.-изд. л. 19,55. Тираж 400 000 экз. (2-й завод 200 001—400 000 экз.). Зак. 1845. Цена 1 р.

Издательство «Юнацтва» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

С 28

Печатается по изданию
Читинское книжное издательство, 1963

Седых, Константин
С 28 Даурия: Роман. — Душанбе: Ирфон, 1986.
768 с.

С $\frac{70302-207}{М\ 501(13)-86}$—86

Константин Седых

ДАУРИЯ

Редакторы *С. Ховари, А. Руд·нко*
Художник *С. Вишнепольский*
Художественный редактор *В. Нелюбов*
Технический редактор *Е. Цынн*

ИБ № 712

Слано в набор 22.08.84. Подписано к печати 08.07.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бумаг графская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 44,64. У отт. 44,988. Уч.-изд. л. 46.63. Тираж 110000. Заказ Т-43. Цена 3 руб.

Издательство „Ирфон", 734063, Душанбе, Айни, 126.

Типография № 1 Государственного комитета Таджикской ССР по делам изда полиграфии и книжной торговли. 734025. Душанбе, пр. Ленина, 37.

Отпечатано с матриц на Полиграфическом комбинате им. К. Я тета Татарской АССР по делам изда

© Издательство „Ирфон"

Штильмарк Роберт Александрович.

Ш-91 Наследник из Калькутты: (Роман. Послесловие В. Макарова).— Душанбе: Адиб, 1990.— 832 с.

ISBN 5—8362—0228—1

В остросюжетном романе в яркой, художественной форме проявились все «приметы» приключенческого жанра: нераскрытые тайны, удивительные превращения, преследования, интриги и, наконец, торжество добра над злом.

Ш $\frac{4702010201—103}{M\ 503(12)—90}$ 137—90 ББК 84Р7—44

ISBN 5—8362—0228—1

© Издательство «Адиб», 1990.
Обложка, послесловие.

Переиздание по выпуску: Иркутское книжное издательство, 1958.

НБ № 512

Сдано в набор 07.09.89. Подписано в печать 15.03.90.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 43.68.
Усл. кр.-отт. 43.785. Уч.-изд. л. 44.663 Тираж 160000.
(1-й завод—40000 экз.) Заказ 3003. Цена 4 руб. 40 коп.

Издательство «Адиб». 734003, Душанбе, ул. Рудаки, 33.

Полиграфкомбинат Государственного комитета Таджикской ССР по печати.
734063, Душанбе, ул. Айни, 126.

р 6.000 г
кн. № 036660
V95г

ББК 84.Р7
А16

Печатается по изданию: Федор Абрамов. Братья и сестры. Кн. 3—4. М., «Современник», 1980.

Абрамов Ф. А.
А16 Пути-перепутья. Дом.— Романы. 3-я и 4-я книги тетралогии «Братья и сестры».— Серия «Сельская библиотека Нечерноземья».— Устинов: Удмуртия, 1985.—504 с.

Романы «Пути-перепутья» и «Дом», завершающие тетралогию «Братья и сестры» Федора Абрамова, рассказывают о дальнейшей судьбе семьи Пряслиных, об испытаниях, выпавших на их долю в нелегкие послевоенные годы. Первый и второй романы тетралогии («Братья и сестры», «Две зимы и три лета») вышли в свет в издательстве «Удмуртия» отдельными книгами в 1979 и 1982 годах.

А $\frac{4702010200\text{-}001}{М134(03)\text{-}85}$ 27-85

ББК 84 Р7

ИБ № 802

Сдано в набор 29.05.84. Подписано к печати 06.0[illegible]; ф[illegible]
84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарнитура «Литературная». П[illegible]
высокая. Усл. печ. л. 26,46. Усл. кр.-отт. 26,65 Уч.-изд. л. [illegible]
Заказ № 0659. Тираж 100 000 экз. Цена в бумажном [illegible]
в лелерине 2 руб 10 коп

Издательство «Удмуртия». Республиканская типография Государственного комитета Удмуртской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Адрес издательства и типографии:
426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

МУСА ДЖАЛИЛЬ

КРАСНАЯ РОМАШКА

ИЗБРАННОЕ

Перевод с татарского

Казань
Татарское книжное издательство
1981

ДЛЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Муса Джалиль

КРАСНАЯ РОМАШКА

Избранное

Переиздание

Редактор *Л. И. Жаркова*

Художник *В. Е. Булатов*

Художественный редактор *Г. Е. Трифонов*

Технический редактор *Л. М. Тила*

Корректоры *Н. С. Соловьева, Ф. М. Шакирова*

ИБ № 2440

Сдано в набор 6/XI-1980 г. Подписано в печать 15/I-1981 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура школьная. Печать высокая. Учетн.-изд. листов 27,7. Условно печатных листов 28,6. Условн. кр. отт 29,7. Заказ М-769. Тираж 200 000 (80 001—120 000) Цена 90 коп.

Татарское книжное издательство. Казань, ул. Баумана, 19.

Полиграфический комбинат им. Камиля Якуба Государственного комитета Татарской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Казань, ул. Баумана, 19.

Текст печатается по изданию:
Леонид Леонов. Собрание сочинений в десяти томах.
Т. 3. Вор. М.: Художественная литература, 1982.

Л47 Леонов Л. М.
Вор: Роман.— Устинов: Удмуртия, 1986.— 640 с.

В психологическом романе «Вор» автор воссоздает атмосферу нэпа, облик московской окраины 20-х годов. Повествуя о судьбе бывшего командира Дмитрия Векшина, писатель ставит многие важные проблемы пореволюционной русской жизни.

Л 4702010200-001
М134(03)-86 30-86

ББК 84 Р7

© Издательство «Удмуртия», оформление, 1986.

Леонов Леонид Максимович

ВОР

Роман

Редактор Т. А. Поздеева
Художественный редактор А. Р. Балтин
Художник И. В. Казаков
Технический редактор С. И. Зянкина
Корректоры Р. Г. Тимирзянова, В. С. Уразаева

ИБ № 884

Сдано в набор 08.07.85. Подписано к печати 01.11.85 П.
84×108 1/32. Бумага тип. № 3. Гарнитура Литературная
высокая. Усл. печ. л. 33,6 Усл. кр.-отт. 33,755. Уч.-изд.
Заказ № 0232. Тираж 100 000 экз. Цена в бумвинипле 2 руб.
в ледерине 2 руб. 60 коп.

Издательство «Удмуртия». Республиканская типография Госу
ственного комитета Удмуртской АССР по делам издательств
графии и книжной торговли. Адрес издательства и типо
426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

М15 **Макаренко А. С.**
Избранные произведения: В 3-х т./Редкол.: Н. Д. Ярмаченко (председатель) и др.— Изд. 2-е.— К.: Рад. шк., 1985 — (Пед. б-ка).
Т. 2. 1985, 574 с., В пер.: 4 р. 65 000 экз.

В том вошли произведения «Флаги на башнях», «Книга для родителей», а также авторские материалы, приложения, комментарии и примечания к названным произведениям.

М1 4702010200—289
М210(01)—85

74+Р2

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АНТОН СЕМЕНОВИЧ МАКАРЕНКО

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В трех томах

Том 2

ФЛАГИ НА БАШНЯХ. КНИГА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ. АВТОРСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, ПРИЛОЖЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ К ПОВЕСТИ «ФЛАГИ НА БАШНЯХ» И К «КНИГЕ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ»

Издание второе

Заведующий редакцией педагогики *М. И. Мухин.*
Редактор *И. Г. Несын.*
Художеств. редактор *Г. Е. Полищук.*
Художеств. оформление *С. А. Назарова, М. М. Вольпова.*
Технич. редактор *Л. Б. Ланцман.*
Корректоры *Л. И. Сергиенко, Е. И. Зубченко, Л. В. Шумянская.*

Информ. бланк № 5011.

Подписано к печати с матриц 27.12.81. Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Способ печати высокий. Усл. л. 30 + 1,05 вклейки + 0,25 форзац. Усл. кр.-отт. 38,56. Уч.-изд. л. 45,17 + 0,85 вклейки + 0,42 форзац. Тираж 65 000 экз. Изд. № 30171. Зак. 5-1102. Цена 4 р.

Издательство «Радянська школа». 252053, Киев, Ю. Коцюбинского, 5.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе, 310057, Харьков-57, Донец-Захаржевского, 6/8.

МАКАРЕНКО А. С. Избранные произведения: В 3 х т / Редкол.: Н. Д. Ярмаченко (председатель) и др. — Изд. 2-е, испр. и доп.— К.: Рад. шк., 1985 — (Пед. б-ка)
Т. 3 — [illegible] с. [illegible] р. 40 к. 65 000 экз.

В третий том [illegible] работы А. С. Макаренко по общим [illegible] педагогики, теории и методики коммунистического воспитания детей и подростков, лекции [illegible] по вопросам воспитания в семье, а также его переписка с А. М. Горьким, публицистические статьи, выступления.

Составитель, [illegible] комментариев и примечаний *Н. Д. Ярмаченко*, действительный член АПН СССР

4302000000—329
М210(04)—85 Б3—19—12—85

© Составление, художественное оформление, комментарии и примечания [illegible]

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АНТОН СЕМЕНОВИЧ МАКАРЕНКО

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В трех томах

Том третий

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ

Издание второе, исправленное и дополненное

Составитель, автор комментариев и примечаний
Н. Д. Ярмаченко, действительный член АПН СССР

Заведующий редакцией педагогики М. И. Мухин. Редактор В. П. Горлынюк.
Литредактор Г. В. Брезницкая. Художеств. редактор Г. Е. Полищук.
Обложка художника М. М. Вольпова. Технич. редактор Л. Б. Ланцман.
Корректоры О. И. Пискун, В. П. Пуха, Л. В. Шулинская.

Информ. бланк № 5067.

Сдано в набор 21.03.85. Подписано к печати 05.10.85. Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 2.
Гарнитура литературная. Способ печати высокий. Услови. лист. 37+1,06 вкл.+0,25 форзац.
Усл. кр.-отт. 39,66. Уч.-изд. лист 17,61+0,81 вкл.+0,41 форзац. Тираж 65 000 экз. Изд. № 30269.
Зак. 5-1140. Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Радянська школа». 252053, Киев, Ю. Коцюбинского, 5.
Книжная фабрика имени М. В. Фрунзе, 310057, Харьков-57, Донец-Захаржевского, 6/8.

Уилбур СМИТ
В ПОИСКАХ ДРЕВНИХ КЛАДОВ

Редактор Г.Р.Гутман
Художественный редактор Ю.В.Архангельский
Технолог М.С.Белоусова
Оператор компьютерной верстки А.В.Волков
Зав. корректорской А.Ю.Минаева
Зам. зав. корректорской Н.Ш.Галасбаева
Корректоры В.А.Жечков, С.Ф.Лисовский

Издательская лицензия № 061053 от 15 апреля 1992 года.
Подписано в печать 27.09.96. Формат 84 × 108/32.
Гарнитура Литературная. Печать офсетная.
Объем 20 печ. л. Доп. тираж 30 000 экз.
Изд. № 232. Заказ № 2991.

Издательство „ВАГРИУС"
103064, Москва, ул. Казакова, 18.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени
Московском предприятии
«Первая Образцовая типография»
Комитета Российской Федерации по печати.
113054, Москва, Валовая, 28.

По вопросам оптовых закупок обращаться
к эксклюзивному дистрибьютору
издательства в „Клуб 36,6" телефоны:
Офис: (095) 261-24-90, 265-86-84
тел./факс: (095) 265-13-05
только для московских абонентов: 265-81-93, 265-20-38
крупнооптовый склад: (095) 523-92-63, 523-11-10
мелкооптовая и розничная торговля
Книжная лавка „У Сытина": (095) 230-89-00

ББК 84.7 США
С 50

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.

С $\frac{4703040100}{С82(03)—96}$ Без объявл.

ББК 84.7 США

ISBN 5-7027-0231-X (рус.)

ISBN 0-7493-0609-2 (англ.)

Copyright © 1980 Wilbur Smith
© Издательство „ВАГРИУС", издание на русском языке, 1996
© Е.Токарева, перевод с английского, 1996
© „ДИЗАЙНБОКС", дизайн серии, 1996
© М.Матросов, художник, 1996

УИЛБУР СМИТ

В ПОИСКАХ ДРЕВНИХ КЛАДОВ

ВАГРИУС
МОСКВА
1996

МАКАРЕНКО А. С. Избранные произведения: В 3-х т. Редкол.: Н. Д. Ярмаченко (пред.) и др.— Изд. 2-е, испр.— К.: Рад. шк., 1985.— (Пед. б-ка).— Т. 1.— 496 с.— 3 р. 50 к.— 65 000 экз.

В первый том вошла «Педагогическая поэма». Здесь же помещена вступительная статья о жизни и деятельности А. С. Макаренко, о значении его педагогического наследия на современном этапе развития советской школы.

Автор вступительной статьи, примечаний и комментариев действительный член АПН СССР *Н. Д. Ярмаченко.*

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АНТОН СЕМЕНОВИЧ МАКАРЕНКО

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В трех томах

Том 1

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Издание второе, исправленное

Зав. редакцией педагогики *М. И. Мухин.* Редактор *И. Г. Песин.* Художеств. редактор *Г. Е. Полищук.* Художественное оформление *С. А. Никарова, М. М. Васильева.* Технич. редактор *Л. Б. Ланцман.* Корректор *И. Я. Совоник.*

Информ. бланк № 5010.

Сдано в набор 19.03.85. Подписано к печати 16.08.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Способ печати высокий. Усл. лист. 31+0,25 форзац+1,62 вкл. Усл. кр.-отт. 33,56. Уч.-изд. лист. 39,48+0,44 форзац+0,85 вкл. Тираж 65 000 экз. Изд. № 20170. Зак. № 5 1132. Цена 3 р. 50 к.

Издательство «Радянська школа», 252053, Киев, Ю. Коцюбинского, 5.

Книжная фабрика имени М. В. Фрунзе, 310057, Харьков-57, Донец-Захаржевского, 6/8.

4702010200—288

© Составление, вступительная статья,

84.34 Фр.
В35

Перевод с французского
А. БЕКЕТОВОЙ

Художник
Б. А. АНИКИН

Верн Ж.

В35 Дети капитана Гранта: Роман.— Л.: Лениздат, 1985.—575 с., ил.

Переиздание известного р[illegible] французского писателя-фантаста. Герои путе[illegible] потерпевшего кораблекрушение [illegible] океанам, разыскивая капитана Гранта. В произведении [illegible] природы и жизни людей в различных частях света.

В $\frac{4703000000-178}{М171(03)-85}$ без объявл.

84.34 Фр.

© Оформление, Лениздат, 1985

Жюль Верн

ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА

Роман

Заведующий редакцией *А. И. Белинский*
Редактор *В. М. Шевелева*
Художественный редактор *Б. Г. Смирнов*
Технический редактор *В. И. Демьяненко*
Корректор *З. А. Ривкина*

ИБ № 3675

Сдано в набор 26.03.84. Подписано к печати 01.10.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. академ. Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.-отт. 30,24 Уч.изд. л. 35,10. Тираж 2 500 000 экз. (2-й завод 600 001—1 300 000). Заказ 713. Цена 3 р 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Набрано и сматрицировано в ордена Трудового Красного Знамени типографии издательства ЦК КП Белоруссии, 220041, Минск, Ленинский проспект, 79.

Шишков В.

Ш 65 Повести. Рассказы/Сост., вступ. ст. и прим. В. Чалмаева; Ил. Е. Марковича,—М.: Правда, 1985. — 576 с., ил.

В настоящее издание повестей и рассказов известного советского писателя, автора романов «Угрюм-река» и «Емельян Пугачев» В. Я. Шишкова (1873—1945), вошли лучшие произведения писателя о предреволюционной Сибири, где он жил и работал до революции и которую считал своей второй родиной, а также повесть «Пейпус-озеро» и «Шутейные рассказы», написанные в послереволюционные годы на материале событий гражданской войны и социальных сдвигов в деревне (первая половина 20-х годов). Художник горьковской школы В. Я. Шишков и в «малой прозе» предстает как замечательный знаток глубинной народной жизни, мастер емкого и драматичного повествования, подлинный чародей русского языка.

Ш $\frac{4702010100-881}{080(02)-85}$ 881—85

84 Р1

Вячеслав Яковлевич Шишков

ПОВЕСТИ. РАССКАЗЫ

Редактор Г. Ф. Дыченкова

Оформление художника В. В. Еремина

Художественный редактор Г. О. Барбашинова

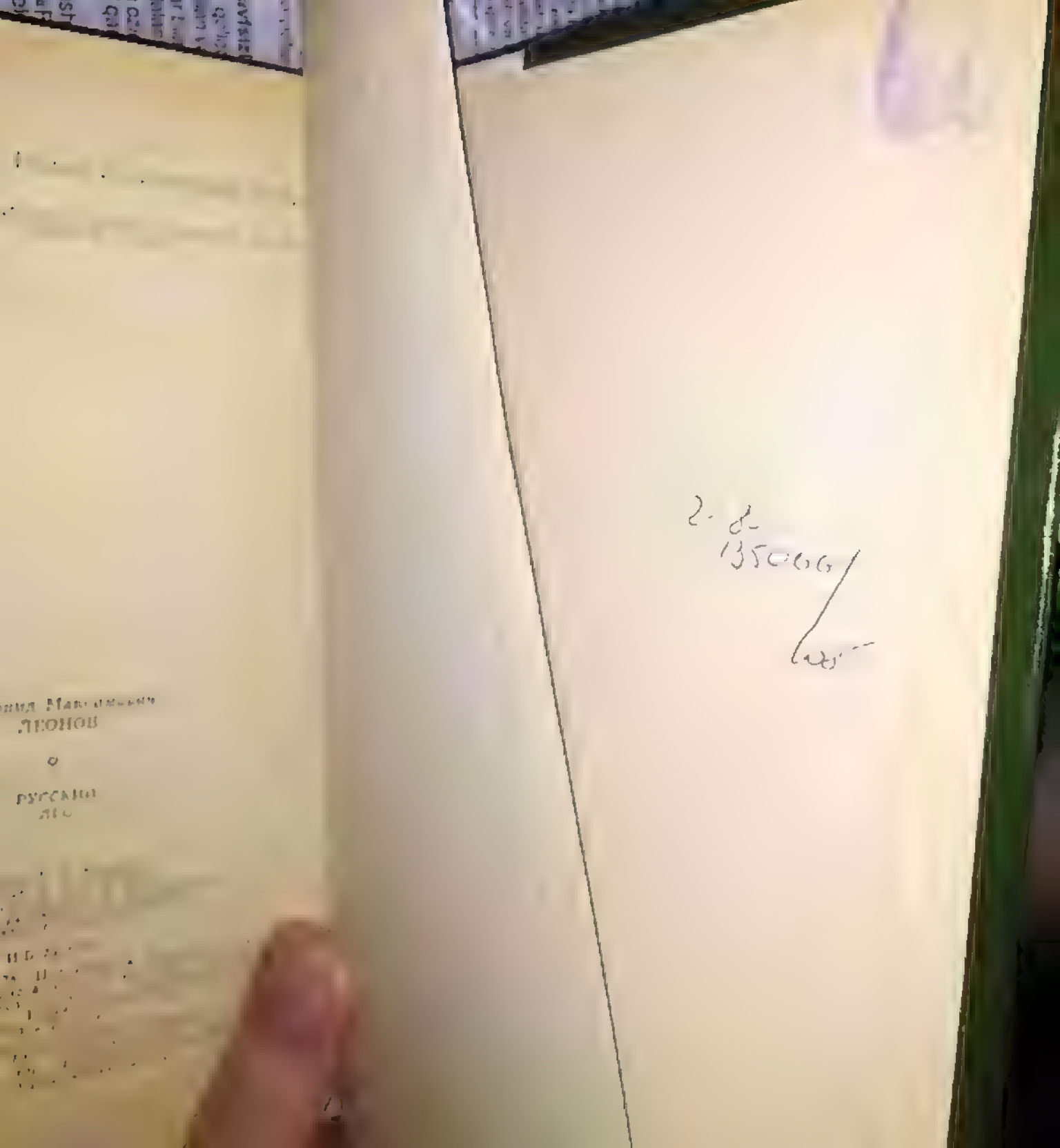
Технический редактор Л. Ф. Молотова

НВ 881

Сдано в набор 19.04.84. Подписано к печати 30.07.84.
Формат 84x108 1/32. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.-отт. 30,24. Уч.-изд. л. 29,04.
Тираж 500 000 экз. (2-й завод: 170 001—340 000)
Заказ 005. Цена 2 р. 80 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Кузбасс» Кемеровского обкома КПСС. 650066, г. Кемерово, Октябрьский пр., 21.



Л47 Леонов Л. М.
Русский лес. Роман. Л., Лениздат, 1978.
624 с.

Широко известный роман Леонида Леонова. За его создание писатель был удостоен Ленинской премии.

Л 70302—044
М171(03)—78 155—78

Леонид Максимович
ЛЕОНОВ

✡

РУССКИЙ
ЛЕС

Редактор А. Г. Казакова
Художник А. П. Гасников
Художественный редактор Н. З. Семенцов
Технический редактор Г. В. Преснова
Корректор С. А. Ватюто

ИБ № 815

Сдано в набор 13.02.78. Подписано к печати 15.09.78. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. шрифты. Печать высокая. Усл. печ. л. 32,76+0,11 вкл. Уч.-изд. л. 42,40+вкл. Тираж 100 000. Заказ № 317. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023. Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата. 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Книга первая

Содержание

Часть первая
Нет ничего тайного 4

Часть вторая
Превращения Бекаса 11

Часть третья
С открытыми картами 205

Книга вторая

Часть четвертая
Возвращение резидента 338

Олег Михайлович Шмелев
Владимир Владимирович Востоков

Ошибка резидента
Возвращение резидента

Подписано в печать 20.07.93 г. Формат 84x108 1/32. Бумага типографская. Гарнитура "Литературная". Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 36,2. Тираж 100000. Заказ 1930. Цена договорная.

ТОО "Мишель и К°". 127322, г. Москва, ул. Яблочкова, д. 35-1.

Отпечатано с диапозитивов, предоставленных ТОО "Мишель и К°", в ГИПП "Вятка". 610044, г. Киров, ул. Московская, 122.

Переиздание

Шмелев О.М., Востоков В.В.
Ошибка резидента. Возвращение резидента.
М.: ТОО "Мишель и К°", 1993.- 640 с., ил.

ISBN 5-85692-021-X

© О.Шмелев, В. Востоков, 1993
© ТОО "Мишель и К°" оформление, 1993

О. ШМЕЛЕВ
В. ВОСТОКОВ

Ошибка резидента

Возвращение резидента

"Мешель и К°"
Москва, 1993

Шолохов М. А.
Ш 78 Поднятая целина: Роман в двух книгах/Послесл. К. И. Приймы. Ил. И. А. Чарской.—Ростов н/д: Кн. изд-во, 1985.—672 с., ил. (Донская библиотека «Лазоревая степь»).

Роман выдающегося советского писателя М. А. Шолохова (1905—1984) посвящен важнейшему, переломному моменту в жизни советской деревни — коллективизации сельского хозяйства.

Ш $\frac{4702010200-047}{М\ 156(03)-85}$ 26—85.

Р2

Михаил Александрович ШОЛОХОВ

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

Роман в двух книгах

Редактор *В. В. Безбожный*
Оформление серии *В. М. Бакланова*
Художественный редактор *З. А. Лазаревич*
Технический редактор *Л. М. Криволапова*
Корректоры *В. И. Пономарева,*
О. И. Антюфеева, Е. Е. Агафонова

НБ № 1414

Сдано в набор 20.12.84. Подписано в печать 02.04.85. Формат 84x108¹/₃₂. Бум. кн.-журн. Гарнитура обыкн. новая. Фотонабор. Высокая печать. Усл. п. л. 35,28 + вкл. = 37,06. Уч.-изд. л. 39,94 + вкл. = 42,38. Тираж 100 000. Заказ 254. Цена 1 руб. 80 коп.

Ростовское книжное издательство. 344706, Ростов-на-Дону, Красноармейская, 23. Типография им. М. И. Калинина Ростовского управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 344081, Ростов-на-Дону, 1-я Советская, 57. Вклейки отпечатаны на фабрике цветной печати им. Ильича Ростовского управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 344040. Ростов-на-Дону, Эпгельса, 18.

Т 52

Толстой Алексей Николаевич

Т52 Петр Первый. Роман. Душанбе, «Ирфон», 1976.

676 с. Цена 1 р. 33 к.

Петровская эпоха, время преобразовательной ломки, по словам автора, была одной из трагических и творческих эпох, когда «завязывался русский характер». Роман является эпопеей о судьбах русской нации в один из переломных моментов ее развития, когда из старого рождалось новое. Изображение крепнущей мощи русского государства насыщено патриотической гордостью за свой народ.

Т $\frac{70302-522}{М-501(13)-78}$ —78

Текст печатается по изданию ...тельства «Кыргызстан», Фрун... 1972 г.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

ПЕТР ПЕРВЫЙ

Редактор
С. Ховари

Художник
В. Безушко

Художественный редактор
Т. Королёва

Технические редакторы
И. Сунчелеева, Р. Анисимова

Корректоры
Р. Файзиева, Г. Пищугин

Сдано в набор 11/IX-1974 г. Подписано к печати 9/I-1976 г. Бумага № 2. Формат 60×84¹/₁₆. Печатных листов 42,25 (39,29). Учетно-издательских листов 42,27. Тираж 125000. 3-й завод 40.000. Заказ 3421. Цена 1 р. 33 коп.

Издательство «Ирфон», г. Душанбе, Шевченко, 10.

Полиграфкомбинат Госкомитета Совета Министров Таджикской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

150
268875
1085

ОВ
дрович

ктор

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ
БЕЗОТЦОВЩИНА
РАССКАЗЫ

Сдано в набор 18/XI 1965 г. Подписано к печати 26/II 1966 г. Тип. буж. № 2 84×108 1/32 — 13,125 печ. л. = 22,05 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 21,603 + 1 вкл. = 21,646. Тираж 75 000 экз. Заказ 1946. Цена 82 к. Издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28. Ленинградская тип. № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Измайловский проспект, 29

ФЕДОР АБРАМОВ

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ

БЕЗОТЦОВЩИНА

РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва · Ленинград
1965

И (Англ.)
С80

4803020000—48
142(01)—65

Для среднего
и старшего школьного возраста

Роберт Луис Стивенсон

Остров сокровищ
Черная стрела
(Перевод
с английского)

Редактор
Р. Павлова

Младший редактор
В. Шамаева

Художник
М. Балабанов

Художественный редактор
Л. Литвишко

Технический редактор
В. Мошкина

Корректоры
Л. Кондратюк, Э. Вайнштейн

ИБ 1120.
Сдано в набор 21.05.85
Подписано к печати 02.07.85
Формат 84×108/32. Бум. тип. № 3
Усл. печ. л. 18,9. Усл. кр.-отт. 18,38.
Уч.-изд. л. 22,15. Гарнитура Литературная
Печать высокая. 50 000 экз. (доп. тираж).
Цена 85 коп. Заказ 7201.
Дальневосточное книжное издательство.
690601, Владивосток, Ленинская, 13.
Приморский полиграфкомбинат
690600 Владивосток, Океанский пр., 69

С 80 **Стивенсон Р. Л.**
Остров сокровищ. Черная стрела. — Пер. с англ. — Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1985. — 357 с.
В пер.: 85 коп. 50 000 экз.
Книга для детей среднего и старшего школьного возраста. В нее вошли два романа известного английского писателя Р. Л. Стивенсона — «Остров сокровищ» и «Черная стрела».
4803020000—48
М142(01)—85 —85
И (Англ.)

5

RD JEAD

ББК 83.3Р7
П32

Оформление *Б. Л. Рытмана*

Пикуль В.
П32 Честь имею: Роман.— М.: Просвещение, 1992.— 448 с.—
ISBN 5-09-004793-6.

Роман Валентина Пикуля «Честь имею» [illegible]
ческие события начала нашего века.
Главный герой его — офицер, разведчик российского Генштаба, впоследствии ставший генералом Красной Армии.

П $\frac{4306020000-266}{103(03)-92}$
ISBN 5-09-004793-6

ББК 83.3Р7

© Издательство «Современник», 1989
© Оформление. Рытман Б. Л., 1992

Литературно-художественное издание

Пикуль Валентин Саввич

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Зав. редакцией *В. П. [illegible]*
Редактор *Ю. Д. Тарасов*
Художественный редактор *Л. Ф. Малышева*
Технический редактор *С. С. [illegible]*
Корректоры *Н. С. Соболева, М. Ю. Сергеева*

ИБ № 14917

Подписано в печать с диапозитивов 19.12.91. Формат 60×90 1/16. Бумага газетная. Гарнит. литер. Печать высокая. Усл. печ. л. 28 + 0,25 форзац. [illegible] кр.-отт. 29,19. Уч.-изд. л. 35,28+0,42 форзац. Тираж 500 000 экз. Заказ [illegible]

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Минист[illegible] печати и массовой информации РСФСР. 129846, Москва, 3-й проезд Ма[illegible] рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический к[illegible] Министерства печати и массовой информации РСФСР. 410004, Са[illegible] ул. Чернышевского, 59.

Р1
К68

Текст печатается по изданию:
В. Г. Короленко. Собрание сочинений
в 5-ти томах. Т. 1.
М., Молодая гвардия, 1960—1961

Составление, вступительная статья и комментарии
М. Соколовой

Рисунки О. Рытман

© Составление, вступительная статья, комментарии, иллюстрации.
Издательство «Детская литература», 1981 г.

© Оформление.
Издательство «Детская литература», 1981 г.

К $\frac{4803010101-164}{М101(03)-84}$ 102-84

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Владимир Галактионович Короленко

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ

Ответственный редактор И. Е. Приймак.
Художественный редактор В. И. Дроздов
Технические редакторы Т. Д. Раткович
и Т. С. Тихомирова.
Корректоры Л. А. Бочкарёва и Е. С. Петрова.

ИБ № 7387

Сдано в набор 06.01.84. Подписано к печати 18.06.84. Формат 84×108¹/₃₂. Шрифт обыкновенный новый. Печать высокая. Бумага книжно-журнальная № 2. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр. отт. 13,86. Уч.-изд. л. 13,17. Тираж 300 000 экз. (2-й завод 150 001—300 000 экз.). Заказ № 3584. Цена 60 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Короленко В. Г.

К68 Повести, рассказы/ Сост., вступ. ст. и коммент. М. Соколовой; Рис. О. Рытман.— Перепд.— Л.: Дет. лит., 1984.— 255 с., ил. (Школьная б-ка.)

В пер.: 60 коп.

В книгу вошли «Чудная», «Сон Макара», «Слепой музыкант» и другие произведения. Комментированное издание.

К $\frac{4803010101-164}{M101(03)-84}$ 162—84

Р2
Ш78

Редколлегия серии

А. В. Калинин
П. В. Лебеденко
К. И. Приймы
И. Т. Демченко

[illegible]
[illegible]
[illegible] Н. С[illegible] соч. в 8 ч. т.
[illegible] Правда, 1980

[illegible]
К. И. Приймы

Иллюстрации
И. А. Чарской

© Иллюстрации, оформление.
Ростовское книжное
издательство, 1985

На Дальнем Западе

Роман

С $\frac{4703010100-067}{944(01)-91}$ Без объявл.

ISBN [illegible]

С Оформление серии А [illegible]

С Иллюстрации А [illegible]

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РАДУГА»

(До 1982 г.— «Прогресс»)

СЕРИЯ «МАСТЕРА СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ»

ВЫШЛИ В СВЕТ избранные произведения:

К. Х. СЕЛЫ *(Испания)*
М. ВАРГАСА ЛЬОСЫ *(Перу)*
Ф. МОРИАКА *(Франция)*
Я. КАВАБАТЫ *(Япония)*
С. ДЫГАТА *(Польша)*
М. ЛАУРИ *(Канада)*
В. КЁППЕНА *(ФРГ)*
В. ЭЛСХОТА *(Бельгия)*
К. ЧАНДАРА *(Индия)*
С. ВЕСТДЕЙКА *(Голландия)*
У. ФОЛКНЕРА *(США)*
Ч. ПАВЕЗЕ *(Италия)*
Э. КОША *(Югославия)*
В. ХАЙНЕСЕНА *(Дания)*
И. ВО *(Англия)*
К. ФУЭНТЕСА *(Мексика)*
А. ЗЕГЕРС *(ГДР)*
Р. К. НАРАЙЯНА *(Индия)*
М. ДЕЛИБЕСА *(Испания)*
О. КЕМАЛЯ *(Турция)*
М. ФРИША *(Швейцария)*
ТО ХОАЯ *(СРВ)*
Х. КОРТАСАРА *(Аргентина)*
Т. УАЙЛДЕРА *(США)*
НГУГИ ВА ТХИОНГО *(Кения)*
П. УАЙТА *(Австралия)*

А. МАРШАЛЛА *(Австралия)*
Х. ЛАКСНЕССА *(Исландия)*
М. А. АСТУРИАСА *(Гватемала)*
Р. ВАЙЯНА *(Франция)*
А. МОРАВИА *(Италия)*
Р. РАЙТА *(США)*
К. ОЭ *(Япония)*
Д. ИЙЕША *(Венгрия)*
Й. РАДИЧКОВА *(Болгария)*
Ч. АЧЕБЕ *(Нигерия)*
Ю. БОРГЕНА *(Норвегия)*
Г. ГАРСИА МАРКЕСА *(Колумбия)*
ДЖ. КЭРИ *(Англия)*
М. ЛАЛИЧА *(Югославия)*
П. ЛАГЕРКВИСТА *(Швеция)*
ЛАО ШЭ *(Китай)*
Э. СТАНЕВА *(Болгария)*
Х. ФОН ДОДЕРЕРА *(Австрия)*
М. ОТЕРО СИЛЬВЫ *(Венесуэла)*
Э. БАЗЕНА *(Франция)*
Л. НЕМЕТА *(Венгрия)*
Г. НОССАКА *(ФРГ)*
Т. ПАРНИЦКОГО *(Польша)*
К. АБЭ *(Япония)*
А. АЛВЕСА РЕДОЛА *(Португалия)*
Т. ВЕСОСА *(Норвегия)*

. с итал./Составл. и Предисл.
М.: Радуга, 1984.—496 с.—
ной прозы)

но знакомо имя одного из классиков современной
к вошла трилогия «Наши предки», «реалистическая
т к поэтике Ариосто, итальянского поэта эпохи
аны также роман «Тропа паучьих гнезд» и повесть
антифашистскими, демократическими идеями, остро
буржуазного общества

ББК 84.4 Ит
И (Итал)

шие в настоящий сборник, опубликова
до 27 мая 1973 г.

ание и перевод на русский язык, кроме
ми знаком *, издательство «Радуга», 1984

ИБ № 818

Редактор *И. М. Заславская*
Художник *Т. В. Толстая*
Художественный редактор *А. П. Купцов*
Технический редактор *И. К. Дерба*
Корректор *В. Ф. Пестова*

Сдано в набор 1.9.83. Подписано в печать 16.5.84. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 2. Гарнитура тайме. Печать офсетная. Услови. печ. л. 28,83. Усл. кр.-отт. 87,66. Уч.-изд. л. 34,32. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2279. Цена 3 р. 80 к. Изд. № 35269

Издательство «Радуга» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва. 119859 Зубовский бульвар, 17

Орден Октябрьской Революции и орден Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств полиграфии и книжной торговли. 113054 Москва Валовая 28

М. Ю. Лермонтов

Л [illegible] Сочинения в двух томах. Том первый / Сост. и [illegible] И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. [illegible] — М.: Правда, 1988. — 720 с.

В первый том «Сочинений» выдающегося русского поэта М. Ю. Лермонтова (1814—1841) вошли стихотворения 1828—1841 гг. и поэмы («[illegible]ский пленник», «Корсар», «Демон», «Мцыри» и др.)

Л $\frac{4702010100-1815}{080(02)\ 88}$ 1815—88 (Полписное)

81 р 1

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

СОЧИНЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

Том первый

Составитель
Ирина Сергеевна Чистова

Редакторы Е. М. Кострова, О. Н. Голуб

Оформление художника Н. Н. Камышского

Художественный редактор В. В. Масленников

Технический редактор К. Н. Заботина

ИБ 1815

Сдано в [illegible] р 28 11 87 Подписано к печати 17.01 88.
Формат 84×108 1/32 Бумага типографская № 1
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 37,80 Усл. кр.-отт. 38,22 Уч.-изд. л. 39,51
Тираж 14 000 000 экз. (24 й завод. 5 000 001—5 250 000 экз.).
Заказ №7208 Цена 3 р. 50 к.

Набрано и отматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Лермонтов М. Ю.
Л 49 Сочинения в двух томах. Том второй / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова.— М.: Правда, 1990.— 704 с., ил.

Во второй том «Сочинений» М. Ю. Лермонтова (1811—1841) включены его драматические («Маскарад», «Странный человек» и др.) и прозаические («Герой нашего времени», «Княгиня Лиговская» и др.) произведения.

Л $\frac{4702010100 - 1816}{080(02) - 90}$ 1516 — 90 (Подписное)

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

СОЧИНЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

Том второй

Составитель
Ирина Сергеевна Чистова

Редакторы Е. М. Кострова, О. Ю. Голуб

Оформление художника Н. Н. Каминского

Художественный редактор В. В. Мясников

Технический редактор К. Н. Заботина

ИБ 1816

Сдано в набор 04.07.88. Подписано к печати 21.[illegible] Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1 Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 36,96. Усл. кр.-отт. 37,80. Уч.-изд. л. [illegible]. Тираж 14 000 000 экз. (8-й завод 1 750 001—2 000 000) Заказ № 7451. Цена 3 р. 20 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» 125865 ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24

[illegible] Архангельского объединения

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Анджапаридзе Г. А.
Бем Ю. О.
Вацуро В. Э.
Дудин М. А.
Скатов Н. Н.
Чистова И. С.

Тексты и научный аппарат тома подготовлены издательством «Художественная литература» при участии Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Составление и комментарии И. С. Чистовой

Иллюстрации художника В. А. Носкова

Л $\frac{4702010100 - 1816}{60(02) - 90}$ 1816—90 (Подписное)

© Составление и комментарии.
Издательство «Художественная литература», 1990

© Оформление и иллюстрации.
Издательство «Правда», 1990

Есенин С. А.
Е82 Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. Стихотворения. Проза. Статьи. Письма/Сост. и коммент. Ю. Л. Прокушева.— М.: Сов. Россия: Современник, 1990.— 384 с.

В настоящий том включены стихотворения, не вошедшие в основное Собрание, проза поэта, его статьи и письма.

4702010202—284
М-105(03)90 изд. 90

Р2

ISBN 5—268—00099—3
ISBN 5—268—01153—7 (т. 2)

Сергей Александрович ЕСЕНИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 2

СТИХОТВОРЕНИЯ ПРОЗА. СТАТЬИ. ПИСЬМА

Редактор *А. А. Целищев*
Художественный редактор *И. Л. Викторова*
Технический редактор *Г. О. Нефедова*
Корректоры *Л. В. Гольцина, Л. М. Логунова, А. З. Лазуткина*

ИБ № 5893

Сдано в набор 01.11.89. Подп. в печать 21.03.90. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,16. Уч.-изд. л. 17,12. Тираж 7 000 000 экз. (16-й завод 2 700 001 – 3 000 000 экз.). Заказ № 132. Цена 1 р. 60 к. Изд. инд. IXII-142

Орденa «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Госкомиздата РСФСР. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Издательство «Современник» Госкомиздата РСФСР. 123007, Москва, Хорошевское шоссе, д. 62.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и массовой информации РСФСР. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

279
282
287
290
293
296
299
303
306
309
311
313
318
324

329
358
379
394
407
450

455

Есенин С. А.

Е82 Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы / Слово о поэте Ю. В. Бондарева; Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Л. Прокушева. — М.: Сов. Россия: Современник, 1990. — 480 с., портр.

В первый том настоящего издания вошло трехтомное Собрание стихотворений, подготовленное С. Есениным в 1925 г.

Е $\frac{4702010202-283}{М-105(03)90}$ подп. 90

ISBN 5—268—00099—3

ISBN 5—268—00100—0 (т. 1)

Р2

Сергей Александрович ЕСЕНИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1

Редактор *А. А. Целищев*
Художественный редактор *И. Д. Викторова*
Технический редактор *Л. А. Фирсова*
Корректоры *Л. М. Логунова, А. З. Лазуткина, С. В. Мироновская, Л. В. Конкина*

ИБ № 5893

Подписано к печати с готовых диапозитивов 27.03.90. Формат 84×108 ³²
Бумага типогр. № 1 Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая
Усл. п. л. 25,20. Усл. кр.-отт. 25,20. Уч.-изд. л. 19,88. Тираж 7 000 000 экз
(8-й завод 1 700 001—1 900 000 экз) Заказ 359. Цена 1 р 90 к Изд № 1
ЛХ — 141. Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия»
Госкомиздата РСФСР 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15
Издательство «Современник» Госкомиздата РСФСР 123007, Москва,
Хорошевское шоссе, 62.
Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР 17[illegible]
Калинин, проспект 50 летия Октября, 46.

ББК 84Р7
И20
УДК 882—31

Печатается по изданию:
Иванов А. С. Тени исчезают в полдень.
Петрозаводск, «Карелия», 1993.

Иванов А.
И20 Тени исчезают в полдень: Роман.— М.: ТКО «АСТ», 1993.— 608 с.
ISBN 5-88196-247-8.

«Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов» — роман-эпопея о жизни сибирского крестьянства, охватывающий большой период времени — с предреволюционных лет до наших дней. Широко известен одноименный телесериал.

И 4702010201

ББК 84Р7

ISBN 5-88196-247-8

Литературно-художественное издание

Иванов Анатолий Степанович

ТЕНИ ИСЧЕЗАЮТ В ПОЛДЕНЬ

Роман

Ответственный за выпуск *Ю. Г Хацкевич*

Сдано в набор 29.10.93. Подписано в печать 26.11.93. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура кудрящевская энциклопедическая. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 31.92. Усл. кр.-отт. 32.34. Тираж 100 000. Заказ 554

Творческое объединение «АСТ». Лицензия ЛР № 060519. 103006, Москва, Каретный ряд, 5/10.

Издание осуществлено при участии фирмы «Валев». 220746, Минск, пр. Машерова, 23-415.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Краспая, 23.

Марков Г. М.
М25 Строговы: Роман.— М.: Дрофа.— 1993.—544 с.
ISBN 5—7107—0126—2

Роман повествует о жизни сибирских крестьян в дореволюционное время, о событиях в период октябрьского переворота и гражданской войны.

М 4702010200—086 Без. объявл.
ИБ2(03)—93

ББК 84Р7

© Г. М. Марков, 1993 г.
© Худож. оформление.
Издательство «Дрофа», 1993

Роман

Оформление художника *И. Г. Салыниковой*
Технический редактор *Т. А. Скляревская*
Корректор *Т. В. Логинова*

Слано в набор 19.07.93. Подписано в печать 21.09.93. Формат
Их108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать высокая
с ФПФ. Усл.-печ. л. 28,56. Тираж 100000. Заказ 2000. Цена
договорная.

Издательский дом "Дрофа".
105318, Москва, ул. Щербаковская, д.3.

Отпечатано с диапозитивов, предоставленных издательским домом
"Дрофа", в ГИПП "Вятка". 610044, г. Киров, ул. Московская, 122.

Ч-48

Черкасов А. Т., Москвитина П. Д.
Ч-48 Конь Рыжий: Сказания о людях тайги. — М.: Дрофа, 1993. — 768 с.

ISBN 5-7107-0045-2

Вторая книга известной трилогии Алексея Черкасова и Полины Москвитиной рассказывает о событиях, происходящих во время гражданской войны в Красноярске и Енисейской губернии. В центре повествования — фигура Ион Лебедя-Коня Рыжего, — отразившего в своем социальном развитии стихийное народное самосознание в пору ломки старого общества.

Ч 4702010201—011
1 Б2(03)—93 Без объявл.

ББК 84Р7

© Оформление.
Издательство
«Дрофа», 1993 г.

Издательский дом «ДРОФА»

готовит к изданию роман

Ж. СЬЮЗЕН
«МАШИНА ЛЮБВИ»

Жаклин Сьюзен — легенда современной американской литературы. Красавица, умница, звезда телеэкрана, она написала три романа, побившие все рекорды популярности (и еще книжку про своего любимого пуделька). И вот, на самом взлете карьеры — жестокая, мучительная болезнь, которая за несколько месяцев свела ее в могилу.

«Машина любви» — второй, и, видимо, наилучший из романов писательницы. Это каскад событий из мира манекенщиц и фотографов, кинозвезд и миллионеров, супергангстеров и супершлюх.

И Вы, уважаемый читатель, как и миллионы Ваших предшественников во всех странах мира, будете захлестнуты этим водоворотом страстей — гордости, жадности, тщеславия, ревности, неутолимой похоти и гибельной жажды отмщения.

Но можно надеяться, что Вы, уважаемая читательница, не будете ослеплены этим великосветским фейерверком и сумеете распознать сокровенную идею романа. Она в том, что, где бы и когда ни жила женщина, ее всегда подстерегает смертельная опасность — если окажется, что человек, которому она отдаст свою душу и тело, — это не мужчина, а — машина любви...

МОСКВИТИНА Полина Дмитриевна

КОНЬ РЫЖИЙ

Сказания о людях тайги

3

13
51
86
118
141
175
208
235
279
315

375
424
470
511
556
595
664
702
740

Ответственный редактор *В. С. Шайдрова*
Оформление художника *И. Г. Сальниковой*
Технический редактор *О. И. Козак*
Корректор *С. А. Воинова*

Подписано в печать с готовых матриц. Формат 84×108/32. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 40,32. Уч.-изд. л. 40,61. Тираж 100000. Зак. 760.
Издательский дом «Дрофа». 109172, Москва, Новоспасский пер., д. 7.
Набрано и сматрицировано в типографии издательства «Красная звезда».
Отпечатано в ГИПП «Вятка». 610044, г. Киров, ул. Московская, 122.

Боккаччо Д.
Декамерон./Пер. с итал. Н. Любимова — Владикавказ. Ир, 1992 — 671 с.
ISBN 5—7534—0421—9

«Декамерон» (1350—1353) — произведение, которое ввело автора, итальянского писателя эпохи Раннего Возрождения Джованни Боккаччо (1313—1375), в пантеон величайших мастеров мировой литературы. В «Декамероне» Боккаччо изображает широкую картину жизни итальянского общества, обличает церковников и осмеивает средневековый аскетизм.

Б $\frac{4703010100—61}{M131(03)—92}$ 123—92

84.ИНТ

Джованни Боккаччо

ДЕКАМЕРОН

Редактор *З. У. Дзуцева*
Художественный редактор *В. А. Биджелов*
Технический редактор *А. В. Ядыкина*

ИБ № 2475

Сдано в набор 05.02.92. Подписано к печати 16.06.92. Формат бумаги 84×108 32. Бум. офс. № 2. Гарн. шрифта «Таймс». Печать высокая. Усл. п. л. 35,28. Усл. кр.-отт. 35,53. Учетно-изд. листов 38,99. Тираж 100 000. Заказ № 0177. Цена С 61.

Издательство ИР Государственного комитета Северо-Осетинской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 362040, г. Владикавказ, проспект Мира, 25.

Издательско-полиграфическое и книготорговое производственное объединение «Адыгея» Комитета по печати и информации Республики Адыгея, 352700, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.

Текст печатается по изданию
А. Н. Толстой. Собрание сочинений. В 10-ти т., т. 5. М.,
Художественная литература, 1983.

Оформление И. И. Пчелкова и Н. А. Абакумова

Толстой А. Н.

Т52 Хождение по мукам: Трилогия. В 2 т. Т. 1. Кн. 1 и 2. Сестры; Восемнадцатый год.— М.: Просвещение, 1985. 463 с., портр.

«Сестры» и «Восемнадцатый год» — первая и вторая книги трилогии А. Н. Толстого. Драматические судьбы героев, идейные и нравственные искания передовой русской интеллигенции развертываются на широком фоне исторических событий первой мировой войны, революционных событий 1917 года и гражданской войны.

Т $\frac{4800000000-629}{103(03)-85}$ без объявления

ББК 84Р7-4
Р2

© Оформление. Издательство «Просвещение», 1985 г.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

КНИГИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

СЕСТРЫ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Зав. редакцией Г. Н. Усков
Редактор Ю. Д. Тарасов
Младший редактор Г. И. Романова
Художники И. И. Пчелко и П. А. Абакумов
Художественный редактор Л. Ф. Малышева
Технический редактор С. Н. Терехова
Корректор Г. М. Махова

ИБ № 10361

Подписано к печати с диапозитивов 02.07.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типографская № 1. Гарнит. литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 29 + форз. 0,25. Усл. кр.-отт. 29,69. Уч.-изд. л. 32,78+форз. 0,44. Доп. тираж 900 000 экз. Заказ № 169. Цена в переплете № 5—2 руб. 90 коп. Цена в переплете № 7—3 руб. 10 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Текст печатается по изданию:
А. Н. Толстой. Собрание сочинений. В 10-ти т., т. 6.
М., Художественная литература, 1984.

Послесловие *Л. А. КОЛОБАЕВОЙ*

Оформление *И. И. ПЧЕЛКО* и *Н. А. АБАКУМОВА*

Толстой А. Н.

Т52 Хождение по мукам: Трилогия. В 2 т. Т. 2. Кн. 3. Хмурое утро / Послесл. Л. А. Колобаевой — М.: Просвещение, 1985.— 319 с.

«Хмурое утро» — заключительная книга трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». На первом плане повествования — рождение и возмужание молодой Советской России, становление вместе с революционным государством нового человека.

Т $\frac{4800000000-265}{103\ (03)-85}$ инф. п. 85

ББК 84Р7
Р2

© Послесловие. Издательство «Художественная литература», 1984
© Оформление. Издательство «Просвещение», 1985

СОДЕРЖАНИЕ

Хмурое утро 3
Л. А. Колобаева Трилогия А. Н. Толстого «Хождение по мукам» 299
Приложение. А. Н. Толстой. Статьи 311

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ХМУРОЕ УТРО

Зав. редакцией Г. Н. Усков
Редактор Ю. Л. Тарасов
Младший редактор Г. Н. Романова
Художник Н. И. Пчелко
Художественный редактор Л. Ф. Малышева
Технический редактор С. Н. Терехова
Корректоры Г. М. Махова, П. Т. Нигель

НБ № 9623

Подписано к печати с диапозитивов 21.08.85. Формат 60×90¹/16. Бумага тип. № 1. Гарнит. Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 20+форз. 0,25. Усл. кр.-отт. 20,69. Уч.-изд. л. 21,99+форз. 0,45. Тираж 900 000 экз. Заказ 175. Цена в переплёте № 5 — 2 руб. Цена в переплёте № 7 — 2 руб. 10 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59

Составитель *Т. Н. Волкова*

Сухотина-Толстая Т. Л.

С91 Дневник. Сост. и автор вступит. статьи Т. Н. Волкова.— М.: Современник, 1984.— 559 с.

В пер.: 2 руб.

Старшая дочь Л. Н. Толстого (1864—1950) начала дневник с четырнадцати лет и вела его всю жизнь. Своеобразная, интересная жизнь дома Толстых нашла отражение в дневнике Татьяны Львовны.

На русском языке он издается впервые.

С $\frac{4702010000—283}{М106(03)—84}$ без объявл. 8(069)

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННИК», 1979 г.

Т. Л. Сухотина-Толстая
ДНЕВНИК

Редактор *Л. Исаева*
Художник *С. Гераскевич*
Художественный редактор *О. Червецова*
Технический редактор *И. Децко*
Корректоры *М. Доценко, М. Стрига*

ИБ № 3929

Подписано к печати с матриц [illegible] Формат изд. 84×108¼. Бумага тип. № 1. [illegible] Печать высокая. Усл. печ. л. 29,4. [illegible] Уч.-изд. л. 28,7. Тираж 200 000 (1-й завод 1—100 000) экз. Заказ № 1345. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, д. 62

Отпечатано с матриц полиграфкомбината им. Я. Коласа Государственного комитета Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220005, Минск, ул. Красная, 23, на Книжной фабрике № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

Трофимов Ж. А.

Т 76 Великое начало.— М.: Мол. гвардия, 1990.— 333[3] с., ил.— (Молодогвардейская Лениниана).

ISBN 5-235-01029-9

Книга включает в себя документальную трилогию: «Великое начало», «Казанская сходка», «Самарские университеты», выходившую ранее отдельными изданиями. Автор с документальной точностью рассказывает о детстве и юности В. И. Ленина, о его семье, круге его знакомств, о начале его революционной деятельности. События, о которых идет речь в книге, охватывают период с 1870 по 1893 год. Книга рассчитана на массового читателя.

Т $\frac{0103020000-136}{078(02)-90}$ 003—90

ББК 13.50

ИБ № 6605

Жорес Александрович Трофимов
ВЕЛИКОЕ НАЧАЛО

Заведующий редакцией А. Житнухин
Редакторы М. Фырнин, И. Андреев, А. Карпов
Художественный редактор В. Шталько
Технический редактор Г. Романова
Корректоры Т. Контиевская, Е. Дмитриева, В. Назарова

Сдано в набор 15.06.89. Подписано в печать 28.03.90. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Банниковская». Печать офсетная. Условн. печ. л. 27,3. Условн. л. 27,4. Тираж 50 000

34С33
Н20
ББК 67.99(2Р37)116

Составители:
А. П. Дергачев, В. А. Кулаков, Н. С. Новоставский

Рецензент
доктор исторических наук, профессор *П. Я. Куценко*

Найти и обезвредить: Очерки и воспомина-
Н20 ния о чекистах Кубани /Сост. А. П. Дерга-
чев, В. А. Кулаков, Н. С. Новоставский.— 2-е
изд., доп.— Краснодар: Кн. изд-во, 1985.—
448 с., ил.

Н $\frac{1203030000\text{-}28}{\text{М146(03)-85}}$ без объявл.-85

34С33
ББК 67.99(2Р37)116

© Краснодарское книжное издательство, 1985

НАЙТИ И ОБЕЗВРЕДИТЬ

Редактор Н. М. Растрепин
Оформление художника В. М. Луканина
Художественный редактор Б. Д. Недоспасов
Технический редактор Е. П. Леонидова
Корректоры Г. А. Балышева, Т. И. Козедуб

ИБ № 1493

Сдано в набор 21.12.84. Подписано в печать 13.03.85. МА 02863. Формат бумаги 84 x 108/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура шрифта литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 24,25. Учетно-изд. л. 24,18. Тираж 30 000. Заказ 6372. Цена 95 коп. Краснодарское книжное издательство. 350063. Краснодар, улица имени Кирова, 3. Типография издательства «Советская Кубань». 350000. Краснодар, улица имени Шевченко, 106.

Редакция литературы по воспитанию, культуре и досугу

Рецензент — кандидат филологических наук,
писатель **В. Н. Муссалитин.**

Д89 **Дынин И. М.**
После Афганистана: «Афганцы» в письмах, документах, свидетельствах очевидцев. — М.: Профиздат, 1990. — 144 с.

1 р.

Эта книга будет интересна всем, кому не безразличны нелегкие судьбы «афганцев». В основу своего повествования о событиях, происходивших на многострадальной афганской земле, известный публицист Иван Михайлович Дынин положил документальные факты и письма, свидетельства воинов-интернационалистов, возвратившихся домой, а также собственные наблюдения, которые снова и снова заставляют задуматься над проблемами нравственного здоровья нашего общества.

Д $\frac{0301070000-118}{081(02)-90}$ — КБ—30—2—89

ББК 68.49(2)243

ISBN 5—255—00254—2

© И. М. Дынин, 1990

Иван Михайлович Дикин

ПОСЛЕ АФГАНИСТАНА:
«АФГАНЦЫ» В ПИСЬМАХ, ДОКУМЕНТАХ,
СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ОЧЕВИДЦЕВ

Редактор *В. И. Максимов*
Художник *В. И. Харламов*
Художественный редактор *В. М. Блинов*
Технический редактор *Л. И. Лялина*
Корректор *Г. С. Милютина*

ИБ 2829

Сдано в набор 22.02.90. Подп. в печать 13.08.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. кн.-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,98. Уч.-изд. л. 8,45. Тираж 40 000 экз. Заказ 289. Цена 1 р. Ордена Трудового Красного Знамени ППО ВЦСПС Профиздат. 101000. Москва, ул. Кирова, 13. Типография ИПО ВЦСПС Профиздат, 109011, Москва, Крутицкий вал, 18.

Хейердал; Тур.

Х-35 Экспедиция [illegible]. Пер. с норв. Л. Л. Жданова.— Т.: Гл. ред. Узб. Сов. Энциклопедии, 1985.— 192 с.

ББК 26.89(9)
91(И)

© Оформление Главной редакции Узбекской Советской Энциклопедии

© Текст печатается с издания: Хейердал Тур. Экспедиция «Кон-Тики». М., «Мысль», 1977.

[illegible] 1 85—
(11) 85

Сдано в набор 11 апреля 1981 г. Подписано в печать 25 июля 1984 г. Формат бумаги 81×103/32 № 2. Усл. печатных листов 10,08+0,61 вкл.+0,02 кр.-отт. Учетно-издат. листов 12,08 Тираж 360 000 экз. Заказ [illegible] 1 р. 00 к.

Главная редакция Узбекской Советской Энциклопедии, Ташкент 700060, ул. Жуковского, 52. Набрано и сматрицировано в типографии издательства «Таврида», г. Симферополь, 333700, ул. Генерала Васильева, 44. Отпечатана и выпущена ТПО «Матбуот» Госкомиздата УзССР, г. Ташкент, просп. Навои, 30.

ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

Кн. Е. Н. Трубецкой.

УМОЗРѢНІЕ ВЪ КРАСКАХЪ.

ВОПРОСЪ О СМЫСЛѢ ЖИЗНИ
ВЪ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ
РЕЛИГІОЗНОЙ ЖИВОПИСИ.

Публичная лекція.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1916.

84P1
T77

Т $\frac{4903010000-033}{942(01)-90}$ Без объявл.

ISBN 5-7100-0006-X

© Оформление. Центр научно-инженерных проблем (Москва), 1990

Подписано в печать 14.03.90 г. Формат 84 x 108/32. Бумага типографская № 2. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,52. Уч.-изд. л. 3,2. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 80 к. Изд. № 68. Заказ № 4597.

СП Интерпринт, 103001, Москва, Б. Садовая ул., 3.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

66.61(2)8
Е 58

Печатается по изданию:
Борис Ельцин. ИСПОВЕДЬ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ.— Свердловск. Средне-Уральское книжное издательство, 1990.

Оформление художника А. М. Гаранина

Заказное издание
Союза журналистов Коми АССР

Е 58 Ельцин Б. Н.
Исповедь на заданную тему.— Союз журналистов Коми АССР, 1990.— 192 с.
ISBN 5-7555-0294-3

Автор, Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин, открыто, прямо и честно рассказывает о своей работе в Свердловской области, в ЦК КПСС, в Московском горкоме партии, высказывает свои взгляды на сегодняшние проблемы перестройки, на политическую и экономическую ситуацию в стране, на борьбу идей.

В книге делаются личные оценки автора политическим деятелям, обстановке в «верхних эшелонах» власти. Сам автор вышел из КПСС.

66.61(2)8

Е $\frac{0803010000 — 074}{М\ 128(03) — 90}$ без объявл.— 90 м

ISBN 5-7555-0294-3

© Борис Николаевич Ельцин, 1990.
© Оформление. Гаранин А. М., 1990.

Борис Николаевич Ельцин

ИСПОВЕДЬ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Редактор В. А. Блинов.
Художник А. М. Гаранин.
Технический редактор А. Н. Вишиева.
Корректоры Е. М. Старцева, Г. В. Новоселова.

ИБ № 1661

Сдано в набор 25.09.90. Подписано в печать 25.10.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Гарнитура «Обыкновенная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,3. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 100 000 экз. Заказ № 7381. Цена 6 руб. Коми книжное издательство. 167610, г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, 229.

Головное предприятие Коми республиканского полиграфического объединения. 167610, Сыктывкар, ул. Первомайская, 70.

генерал-лейтенант
А. И. ЧЕРЕПАНОВ

В БОЯХ РОЖДЕННАЯ

ВОЕНИЗДАТ
МОСКВА • 1970

Цена 29 коп

НОВАЯ ЦЕ...
...руб. 29 ...
300417

В БОЯХ РОЖДЕННАЯ

Александр Иванович Черепанов

★

Редактор Г. П. Гончаров
Художник Селезнев
Художественный редактор Г. Л. Ушаков
Технический редактор Д. А. Стеганцева
Корректор Р. М. Рыкунина

★

Г-70350. Сдано в набор 12/XII-69 г.
Подписано к печати 17/X-70 г.
Формат 84×108½₃₂. Изд. № 3/5112
Тираж 100 000 экз. Цена 29 коп.
Ф. п. л. 6,5. Усл. п. л. 10,92. Уч. изд. л. 9,89.

★

Типография изд-ва «Омская правда», г. Омск,
пр. Маркса, 39. Заказ 256.

ББК 86.37
Р62

В настоящем репринтном издании
не воспроизводятся чистые страницы оригинала,
располагавшиеся под номерами III, IV, XII, 2, 26, 28,
206, 208

РОЗАНОВ В. В.

Р62 Люди лунного света. Метафизика христианства — М.: Дружба народов, 1990. — 304 с.
ISBN 5-285-00016-5

Вы держите в руках непривычную по содержанию, многие годы не переиздававшуюся книгу, вспоминаемую так же редко, как и имя ее автора — Василия Васильевича Розанова (1856—1919).

После долгих лет замалчивания, ложной стыдливости, некомпетентности вопросы пола привлекают сейчас пристальное внимание. Многое в книге воспримется частью читателей как откровение, для них поднимется завеса над «житейскими» по сути «таинствами» человеческого существования: о людях наивысшего полового напряжения, умеренных степенях полового влечения, о линии безразличия и самоотрицания в поле, о муже-девах и их учении, о случаях лунной аномалии.

Р 4702010104-007 Без объявл.
018 (01)-90

ББК 86.37

ISBN 5-285-00016-5

© Издательство «Дружба народов», 1990

Розанов Василий Васильевич

ЛЮДИ ЛУННОГО СВЕТА
МЕТАФИЗИКА ХРИСТИАНСТВА

Репринтное воспроизведение второго издания 1913 года

Заведующий редакцией А. Разумихин
Редактор А. Манахов
Художественный редактор А. Никулин
Технический редактор Г. Такташова
Корректор З. Тихонова

ИБ № 0016

Подписано в печать 26.09.90. Формат 84×108 1/32. Бумага кн.-журн. Усл. печ. л. 15,96. Печать высокая. Усл. кр.-отт. 15,96. Уч.-изд. л. 14,36. Тираж 200 000 экз. Заказ № 1480. Цена 6 руб.

Издательство «Дружба народов» Государственного комитета СССР по печати. 101409, Москва, К-6, ГСП, ул. Петровка, 26

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Госкомпечати СССР. 113054, Москва, ул. Валовая, 28

В. В Розановъ

ЛЮДИ ЛУННАГО СВѢТА

МЕТАФИЗИКА ХРИСТІАНСТВА

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

Андрей ВАНДЕНКО

Евгений ДОДОЛЕВ

Их Кремль

Виктор АЛКСНИС

Елена БОННЭР

Дмитрий ВАСИЛЬЕВ

Владимир ЖИРИНОВСКИЙ

Олег КАЛУГИН

Виталий КОРОТИЧ

Альберт МАКАШОВ

Александр НЕВЗОРОВ

Сажи УМАЛАТОВА

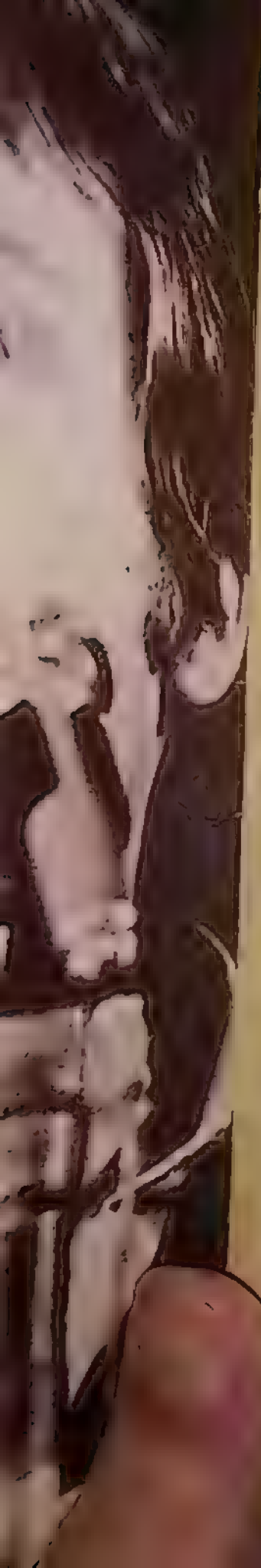
Издательский Дом «Новый Взгляд»
Издательство «Московская правда»
1992

Сдано в набор 5.10.92. Подписано в печать 16.11.92.
Формат 60x90 1/16. Бумага газетная. Гарнитура "Кэзлон".
Печать офсетная. Объем 7,0 п.л. Тираж 50.000 экз. Заказ №5637.
Цена договорная.

Оригинал-макет изготовлен
ТОО «Издательский Дом «Новый Взгляд».
г.Москва, Нижнекисловский пер., 6.
Телефоны: 259-40-19, 202-16-41.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
"Московская правда".
Москва, Д-22, ул. 1905 года, 7.

© «Издательский Дом «Новый Взгляд»
Издательство «Московская правда»



Владимир Высоцкий

130 ПЕСЕН ДЛЯ КИНО

Киноцентр

СОЮЗ КИНЕМАТОГРАФИСТОВ СССР
Всесоюзное творческо-производственное
объединение "Киноцентр"
Москва, 1991

Составление, текстологическая подготовка
и примечания *А. Крылова*

Запись рассказов Высоцкого о кино —
И. Рогового и А. Крылова

В работе над сборником принимали участие
Ю. Тырин и Л. Ушаков

Художник *А. Юркевич*

© Крылов А.Е., 1991 г., составление, примечания.
© Роговой И.И., Крылов А.Е., 1991 г., запись рассказов о кино.
© Юркевич А.И., 1991 г., оформление.

Белый вальс 258
"Так случилось — мужчины ушли..." 261
Песня о двух красивых автомобилях 264
Затяжной прыжок 266
НАШЕ ПРИЗВАНИЕ 267
Гимн школе 269
ЗЕЛЕНЫЙ ФУРГОН 273
"Проскакали всю страну..." 275
Примечания 293

Владимир Высоцкий

130 ПЕСЕН
ДЛЯ КИНО

Редакторы В. В. Забродин, Э. Н. Мендельсон
Художественный редактор Ю. П. Фролов
Технический редактор С. Н. Орлова
Корректор Е. В. Сулькина

Сдано в набор 14.03.91. Подписано в печать 07.06.91.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 9,95.
Тираж 100 000 экз. Цена 6 р. Заказ 157.

СОЮЗ КИНЕМАТОГРАФИСТОВ СССР
Всесоюзное творческо-производственное объединение
«Киноцентр»
123376, Москва, ул. Дружинниковская, 15

Отпечатано с оригинал-макета в типографии № 1.
220041, г. Минск, Ленинский пр., 79.

ББК 20.1
О 57

УДК 502.3

Рецензент — доктор биологических наук М. С. Дылёнов

Оформление В. П. Кускова

Фотографии автора

Омелюсик П. В.

О-57 Рябина у окна: Этюды о природе.— Мн.: Полымя, 1989.— 175 с.: ил.
ISBN 5-345-00061-1.

В этюдах живую природу, в привычном открывает
обычного: и кудрявую красавицу-рябину под ок-
голосый птичий базар, и неутомимого лесного
строкрылых бабочек, и черного аиста... Точно
и лирично описанные сюжеты не только ра-
остерегают: природа беззащитна и нуждается
ном к ней отношении.
ся широкому кругу читателей.

О $\frac{1502610000 \quad 024}{М306(03)-89}$ 16—89

ББК 20.1

ISBN 5-345-00061-1

© Издательство «Полымя», 1989

Научно-популярное
просветительское издание

Омелюсик Николай В[illegible]вич

РЯБИНА У ОК[illegible]

Этюды о природе

Заведующая редакцией Т. Г. Мицкевича
Редактор Л. И. Круглова
Художественный редактор Л. И. Бетанов
Технический редактор С. И. Староверова
Корректоры Л. А. Абамович, Т. Е. Медведева

ИБ № 399

Сдано в набор 08.08.88. Подписано в печать 06.02.89. АТ 15692. Формат 70×100 1/32. Бумага мелованная. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать. Усл. печ. л. 7,09. Усл. кр.-отт. 14,79. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 15 000 экз. Изд. № 3475. Зак. 1761. Цена 50 к.
Издательство «Полымя» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, пр Машерова, 11.
Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

33С5(С14)
П52

П52 Полтавец В. И.
Город Балаково. Саратов, Приволж. кн. изд., 1974.
93 с. с. ил. (Города Саратовской области).

0-2-8-4
56-74

33С5(С14)

© Приволжское книжное издательство, 1974

Полтавец Виктор Иванович

БАЛАКОВО

(«Города Саратовской области»)

Фото *И. С. Сидоренко*
Редактор *Н. П. Рыжков.*
Художник *В. К. Бутенко.*
Художественный редактор *В. К. Иванов.*
Технический редактор *Л. В. Андронова.*
Корректор *Г. С. Ялунина*

Сдано в набор 18/III 1974 г. Подп. к печ. 27/VI 1974 г. НГ03076. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Усл.-печ. л. 4,2 (3). Уч.-изд. л. 3,96. Тираж 20 000. Цена 13 коп. Заказ 242.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.
Производственное объединение «Полиграфист». Саратов, пр. Кирова, 27.

П88 Пульс: Военно-политический альманах. Третий выпуск./Сост. А. Б. Иванов. — М.: Воениздат, 1990. — 272 с.

ISBN 5—203—01060—9

Одной из важнейших примет современной общественной жизни является интерес к отечественной истории. Идя навстречу многочисленным пожеланиям читателей, редколлегия «Пульса» в основном посвящает третий выпуск альманаха проблемам военной истории, материалам, которые помогут ликвидировать некоторые белые пятна нашего прошлого, расскажут о героических делах наших предков.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

П $\frac{1305020000-172}{068(02)-90}$ 6—91

ББК 68.49(2)4

ISBN 5—203—01060—9

© Коллектив авторов, 1990

Батька Махно, или оборотень гражданской войны. *Анатолий Силий Голованов* 6
Шел под Красным знаменем... *Федор Терещенко, Юлий Сафонов* 86
«Одна неправда нам в убыток...» *Подполковник В. Забродин* 103
«Лесные братья». Кому они служили? *Полковник в отставке А. Дегтярев* 123
За три ночи до полной луны... *Капитан 1 ранга запаса Н. Черкашин* 150
Жаркие дни в стране пирамид. *Владимир Синютин* 185
Трагедия централизма. *Александр Проханов* 201
Главком Республики. *Леонид Крайний* 209
. 229
. 241

ПУЛЬС

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск третий

Художник *В. А. Колпачников*
Редактор (литературный) *В. В. Квятковская*
Художественный редактор *А. Н. Жданов*
Технический редактор *А. А. Перескокова*
Корректор *Н. И. Музалевская*

Н/К

Сдано в набор 19.02.90. Подписано в печать 17.04.90. Г-41584.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт: 14,7.
Уч.-изд. л. 16,11. Тираж 30 000 экз. Изд. № 1/5600. Зак. 37. Цена 80 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

А. А. Деревянченко

ВОЛЖСКИЙ ДИЗЕЛЬ

Из истории машиностроительного завода им. Ф. Э. Дзержинского

Издательство Саратовского университета
1986

Анатолий Александрович
Деревянченко

ВОЛЖСКИЙ ДИЗЕЛЬ

Из истории
машиностроительного завода
им. Ф. Э. Дзержинского

ИБ 2489

Редактор *В. И. Вилюмсон*
Художник *А. Цветков*
Художественный редактор *А. Г. Коновалов*
Технический редактор *Л. В. Агальцова*
Корректоры *Т. В. Мокроусова, И. А. Шеху*

Сдано в набор 2.08.84 Подписано к печати 10.09.86 НГ № 13323
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 9. Уч. изд. л. 9,3. Тираж 8000 экз. Заказ № 5242. Цена 60 к

Издательство Саратовского университета,
г. Саратов, 410601, Университетская, 42

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

В. Г. КОРОЛЕВ

СУРОВЫЕ ГОДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ МОСКВА — 1971

Дни и ...
Направление ... 63
К Черному морю 71
В степях Северной Таврии 91
Сиваш—Юшунь 109
Послесловие

Василий Георгиевич Коропев

Суровые годы

Литературная запись Н. Ф. Заборовского.

Редакторы Л. Г. Беляева, А. П. Барышников.

Художник И. В. Грюнталь.

Художественный редактор Г. Л. Ушаков.

Технический редактор Р. Б. Хазен.

Корректор В. В. Крылова

Г-82303. Сдано в набор 24.VII 1970 г. Подписано к печати 1.III 1971 г. Изд. № 3/5114. Формат 70×90 1/16. Бумага типографская № 2. Объем физ. печ. л. 7,0=8,19 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 7,36. Тираж 100 000 экз. Цена 23 коп.

Издательство ДОСААФ, Москва, Б-66, Ново-Рязанская ул., д. 26.

Типография издательства «Калининградская правда, Калининград обл., ул. Карла Маркса, 18. Зак. 1610.

ББК 81
Г68

Рецензенты — доктор филологических наук, профессор Н. И. Толстой и кандидат филологических наук Р. А. Агеева.

Г68

Горбаневский М. В.
В мире имен и названий.— М. : Знание, 1983.— 192 с.
35 к.

100 000 экз.

Ежедневно, в то и сжечасно мы произносим, читаем слышим, видим десятки и сотни различных названий, имен, наименований. Эти слова выполняют важную социальную функцию. Кроме того многие из них представляют собой не менее ценные памятники истории, культуры, языка, чем рукописные книги или произведения народного эпоса.

Каковы истоки имен, отчеств, фамилий, псевдонимов в русском языке? Какую информацию можно получить, анализируя географические названия? Что известно ученым об истории слова «Москва»? Как возникли наименования звезд, планет, созвездий? Это лишь часть вопросов, на которые дает ответы эта книга, рассчитанная на широкий круг читателей.

Г $\frac{4602000000-017}{073(02)-83}$ 6—83

ББК 81
4

© Издательство «Знание», 1983

ВЫ ЖИВЕТЕ? 11
Археология без лопаты 12
Тайна названия столицы 23
Листая страницы улиц 32
Топонимика на службе общества 39
Рожденные Октябрем 47
Названия-путешественники 55
Крутится-вертится шар голубой 63
С мала ключика студена началась река 68
По морям, по волнам 74
Коньяк, рокфор, феска и доллар 81
КАК ВАС ЗОВУТ? 89
Откуда ты, имя? 90
А по батюшке — Кузьмич 99
Была ли фамилия у Ивана Калиты? 106
Нужен словарь 111
Как вас теперь называть? 120
Судьбы имен, или Будьте осторожны! 126
Вторая жизнь имен 134
ПОЧЕМУ ТАК НАЗВАНО? 141
Звездное сито 142
Сколько имен у Венеры? 148
День рождения Джульбарса 153
Дед Мороз и другие 160
Филькина грамота и кое-что иное 166
На страницах любимых книг 173
Необычная экскурсия в Кремль 181
Вместо заключения 189

Михаил Викторович ГОРБАНЕВСКИЙ
В МИРЕ ИМЕН И НАЗВАНИЙ
Главный отраслевой редактор *В. П. Демьянов*
Редактор *Н. Ф. Яснопольский*
Мл. редактор *Н. А. Львова*
Художник *В. И. Пантелеев*
Худож. редактор *М. А. Гусева*
Техн. редактор *Н. В. Лбова*
Корректор *В. Е. Калинина*
ИБ № 5678

Сдано в набор 09.08.82. Подписано к печати 07.01.83. А 05543. Формат бумаги 81×108/32. Бумага тип № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,40. Уч.-изд. л. 10,51. Тираж 100 000 экз. Заказ 2—2084. Цена 35 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 837710.

Головное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига». 252057, Киев, ул. Довженко, 3.

Шомоди В. Э., Санько В. А.

Ш78 Разговор с природой: Нар. приметы. — Мн.: Полымя, 1990. — 126 с.: ил.

ISBN 5-345-00334-3.

Как по различным явлениям природы, поведению животных и реакции растений предсказать погоду, особенности того или иного времени года; как сориентироваться на местности без карты и компаса, определить время без часов; какие существуют приметы для грибников, любителей рыбной ловли, охотников — об этом и о другом рассказывается в книге.

Массовому читателю.

Ш $\frac{1502010000-107}{M\ 306(03)-90}$ 19—90

ББК 20.1

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

ШОМОДИ Виктор Эрнестович
САНЬКО Валерий Алексеевич

РАЗГОВОР С ПРИРОДОЙ
Народные приметы

Редактор М. Д. Батенкова
Оформление А. Г. Звонарева, В. М. Шмидова
Художественный редактор И. А. Демковский
Технический редактор Т. А. Тарасенко
Корректор А. В. Алешко

ИБ № 790

но в набор 27.02.90. Подписано в печать 18.09.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
ографская № 2. Гарнитура школьная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт.
7,04. Уч.-изд. л. 5,58. Тираж 50 000 экз. Изд. № 6282. Зак. 511. Цена 25 к.

ательство «Полымя» Государственного комитета БССР по печати. 220600 Минск,
пр. Машерова, 11.

Типография «Победа». 222310, Молодечно, В. Таллан, 11.

9 (с14) (07)
3-53

Земля саратовская. (Книга для внеклассно-
3-53 го чтения по истории и природоведению родного края. IV класс). Саратов, Приволж. кн. изд-во, 1975

111 с. с ил.

В конце книги авт.: Курбанов Л. Ф., Полубояринов Е. В., Гришанина А. Я., Козловский П. М.

Книга для внеклассного чтения по истории и природоведению родного края рассчитана прежде всего на то, чтобы дать учащимся доступно изложенный дополнительный материал к пособию «Эпизодические рассказы по истории СССР» (IV кл.) и углубить их интерес к изучению истории, воспитать чувство любви к родному краю, гордость за дела отцов и дедов — трудящихся нашей области, вместе со всем народом строящих коммунистическое общество.

Книга написана авторским коллективом в составе А. Я. Гришаниной, П. М. Козловского, Л. Ф. Курбанова и Е. В. Полубояринова.

9 (с14) (07)

Курбанов Леонид Федорович
Полубояринов Евгений Викторович
Гришанина Антонина Яковлевна
Козловский Петр Михайлович

ЗЕМЛЯ САРАТОВСКАЯ

Редактор И. Шульпин
Художник В. Евграфов
Художественный редактор В. Бутенко
Технический редактор Л. Борисова
Корректоры Р. Пономарева и Н. Попова

Сдано в набор 19 V 1975 г. Подписано в печать 1 IX 1975 г. НГ15339. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Усл.-печ. л. 5,88(3,5). Уч.-изд. л. 5,45. Тираж 100 000. Заказ 1217. Цена 6 коп.
Приволжское книжное издательство. Саратов, ул. Революции, 15. Производственное объединение «Полиграфист». Саратов, пр. Кирова, 27.

3
12
19
27
34
43
53
62
68
75
83
91
100
106
114
122
129
136
144
151
159
166
173
182

Бут В.

Б93 Маньяк.—М.:Изд-во „Новости", 1992 — 192 с.

Книга Владимира Бута, собственного корреспондента газеты „Известия," рассказывает о деле, которого не знала еще мировая криминальная практика. Ее главный „герой" — скромный ростовский служащий Андрей Чикатило шел к трагическому рекорду 8 лет, убив с особым садизмом более пятидесяти человек.

В книге показаны хронология и детали преступлений маньяка, ход и методы его поиска, приведены уникальные свидетельства сыщиков, следователей, участников „процесса века", родственников погибших.

ISBN 5—7020—0740—9

Б $\frac{1203021100}{067(02)—92}$ Без объявл. ББК 67.99(2)8

Владимир Григорьевич БУТ

МАНЬЯК

Заведующий редакцией *Л.Д.Соболев*
Редактор *Е.И.Бонч-Бруевич*
Младший редактор *Н.В.Потапуева*
Художественный редактор *А.И.Хисамитдинов*
Фоторедактор *И.Д.Георгиан*
Технический редактор *Е.А.Дронова*
Корректор *Т.А.Шабалина*
Технолог *В.И.Рудина*

ИБ № 10808

Подписано в печать 29.10.92 г. Формат издания 84×108/32.
Гарнитура Акцидентная Гротеск Усл. печ. л. 11,76.
Уч.-изд. л. 12,49. Тираж 50000 экз.
Заказ № 1238. Изд. № 9076.

Издательство „Новости"
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Типография Издательства „Новости"
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

З-10 Заяичковский И. Ф.
Животные, приметы и предрассудки.— М.: Знание, 1991.— 256 с.— (Нар. ун-т Естественнонаучный фак.).
ISBN 5-07-001303-3
100 000 экз.

Животные — извечные соседи и спутники человека. Люди издавна подмечали связь различных явлений в природе, подчас кажущихся необъяснимыми, с поведением животных. Так создавались народные приметы.

В книге рассказывается о различных суевериях и предрассудках, связанных с животными, о знахарстве и колдовстве и т. п. Дается научное объяснение различным явлениям, связанным с поведением животных.

Рассчитана на слушателей народных университетов естественнонаучных знаний и на широкий круг читателей.

3 1907000000—024 / 073(02)—91 29—91

ББК 28.6

ISBN 5-07-001303-3

© Заяичковский И. Ф., 1991

[illegible] и наговоры 1
[illegible] Татьяны Лариной 1
[illegible] и кот 1
[illegible] в дом ласточка 1
[illegible] Фиш и наук 1
[illegible] сдерживатели 1
[illegible] стреляйте в лешего 1
[illegible] и домовой 16
[illegible] в образе животных 17
[illegible] мнимые и настоящие 18
[illegible], конина, кумыс и свинина 19
[illegible] и авгуры 20
[illegible] и мышки 22
[illegible] насморка — хвост лисицы 234
[illegible] антихрист 250
Животные — синоптики . . . . . .

Научно-популярное издание

Иван Филиппович ЗАЯНЧКОВСКИЙ
ЖИВОТНЫЕ, ПРИМЕТЫ И ПРЕДРАССУДКИ

Главный отраслевой редактор А. Нелюбов. Редактор Н. Феоктистова. Мл. редактор Н. Карячкина. Художник Н. Беляева. Худож. редактор М. Бабичева. Техн. редактор А. Красавина. Корректор С. Ткаченко.

ИБ № 11437

Сдано в набор 04.12.90. Подписано в печать 10.04.91. Формат бумаги 81×108 1/32. Бумага кн.-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,11. Усл. кр.-отт. 13,76. Уч.-изд. л. 13,85. Тираж 100 000 экз. Заказ 0—617. Цена 1 р. 20 к. Издательство «Знание», 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 916708.
Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь». 254119, Киев, ул. Пархоменко, 38—44.

Высокий долг/[Сост. П. А. Киеня, В. А. Жур].— Мн.: Беларусь, 1985.— 399 с., 8 л. ил., 1 л. портр.
В пер.: 1 р. 20 к.

В сборнике публикуются очерки о чекистах, активно боровшихся против врагов Советской власти в довоенный и послевоенный период, а также против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии. Многие из них стали Героями Советского Союза.

В 93 В $\frac{1203030000-338}{M\ 301(05)-85}$ БЗ 206—85

ББК 67.99(2)116.2+
+ 63.3(2)722

ВЫСОКИЙ ДОЛГ

Составители:
Павел Артемович Киеня
Владимир Антонович Жур

Заведующий редакцией П. С. Щедров
Редактор С. Г. Козлюк
Художник Ф. М. Барановский
Художественный редактор И. Г. Славянин
Технический редактор Я. С. Шляшинская
Корректоры Ю. Ц. Карлович, О. П. Соболева

ИБ № 3371
Сдано в набор 13.09.85. Подп. в печ. 20.11.85. АТ 06866. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура школьная. Высокая печать. Усл. печ. л. 21,0+0,94 вкл. Усл. кр.-отт. 23,62. Уч.-изд. л. 20,65+0,75 вкл. Тираж 50 000 экз. Зак. 1823. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Беларусь» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600. Минск, проспект Машерова, 11.
Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат. Минск, Красная, 23.

«Золотой сад», сказки казаков-некрасовцев. М.: «Федерация», 2 п.л. ISBN 5-86167-005-6. Цона договорная. 100000 экз. 1993 год.

Книга состоит из трех сказок. В первой «Золотой сад» рассказывается о том, как царь выковал себе золотой сад, в который повадилась прилетать птичка. Не столько съест яблок, сколько напортит. У царя три сына, по очереди они хотят поймать птичку. Что из этого выходит – в книге.

В сказках «Иван Охотник» и «Орел и Карга» происходят удивительные истории с колдуном, волшебным цветком, говорящим конем...

«Кочеток и охотник» – сказки казаков-некрасовцев. М.: «Федерация», 2 п.л.ISBN 5-86167-002-1. Цена – договорная. 100000 экз. 1993 :оА

Главные действующие лица этой книги – звери. Здесь рассказывается о бурмистре леса Котофее Иваныче, который женился на Лисице. Медведь, бирюк и заяц хотят познакомиться с бурмистром... Чем заканчивается знакомство ребята узнают из книги.

В сказке «Кочеток и Охотник» – история охотника, который освободил змея, придавленного упавшим дубом. Змей дарит ему изумрудное зернышко, полизав которое, охотник начинает понимать язык птиц, деревьев, зверей...

В следующей сказке идет спор между Рыбаком и Змеей – чем платят за добро? Они спрашивают у быка, коня, ишака. Все отвечают, что им за добро платят злом. Что было дальше? Ответ – в книге.

Моро-Кристоф Л. М.
М 80 Мир мошенников: Анатомия, Физиология человека. Оформление Н. Малова. — М.: Федерация, 1993. — 160 с.

ISBN 5-86167-003-X

Автор, будучи инспектором французских тюрем, многое видел, изучил, поэтому по темпераменту, строению черепа, взгляду, рукам, по расположению бровей и так далее может определить вора или убийцу.

Терпеливый Моро-Кристоф тщательно изучил все части человеческого тела, поэтому, снял с мошенника шапку, он мог сказать: этот человек мошенник.

Книга рассчитана на массового читателя.

М $\frac{1910000000-004}{ЛР040561-93}$ Без объявл.

ББК 19.10

Мир мошенников

Соч. Л.М. Моро-Кристофа

Ответственный редактор
С. Паршиков
Художник Н. Малов
Корректор Н. Соломатина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.07.93.
Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4. Тираж 75 000 экз.
Цена договорная. Зак. 37313.

Набрано и сматрицировано в компьютерном центре издательства «Федерация».
Адрес издательства: 125883, Москва, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии АО «Молодая гвардия».
Адрес АО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-86167-003-X

МИР МОШЕННИКОВ

Физиология мира мошенников

Соч. А.М. Моро-Кристофа

Перевод
со второго французского издания
А. и Л.

Москва.
Типография С. Орлова.
Никитская ул., Д. Черневой.
1867.

Федерация
1993

ашего времени»
а) 3
ИЯ 25
. 287
Коневым 287
И. С. Иса- . . . 303
. 332
М. Васи- 353
. 389

Симонов К.

С 37 Глазами человека моего поколения. Сост. Л. И. Лазарев.— М.: «Правда», 1990. 432 с. (Библиотека журнала «Знамя»).

В основу сборника избранной публицистики Константина Симонова легли впервые опубликованная после смерти писателя в журнале «Знамя» книга воспоминаний «Глазами человека моего поколения», а также беседы писателя с советскими военачальниками И. С. Коневым, И. С. Исаковым и А. М. Василевским.

С $\frac{4702010200-2171}{080(02)-90}$ 2171—90

84 Р 7

ИБ 2171

Сдано в набор 05.06.89. Подписано к печати 26.07.89.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 23,10. Уч.-изд. л. 22,31.
Тираж 700 000 экз. (2-й завод: 100 001—200 000).
Заказ № 05441. Цена 95 коп.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типографии имени Б. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати
издательства «Радянська Україна».
252047, г. Киев-47, пр. Победы, 50.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»

ВЕХИ

ИЗ ГЛУБИНЫ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1991

ВЕХИ

Сборник статей о русской интеллигенции

ИЗ ГЛУБИНЫ

Сборник статей о русской революции

Редакторы
Е. В. Харитонова, Н. В. Россина

Оформление художника
С. Н. Оксмана

Художественный редактор
В. В. Масленников

Технический редактор
И. А. Синьковская

Сдано в набор 25.09.90. Подписано к печати 14.05.91.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 2.
Гарнитура "Литературная". Печать высокая.
Усл. печ. л. 31,92. Усл. кр.-отт. 31,92. Уч.-изд. л. 36,46.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 76. Цена 3 р. 70 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС "Правда". 125865, ГСП, Москва, А-137, улица "Правды", 24.

Отпечатано в типографии издательства "Кузбасс"

11.55
С23

Составители сборника
БОЖКО А. М., КИНКУЛЬКИН А. Т., МАКАЕВ В. В.,
МАКСИМЕНКО Е. Г., ОРЛОВ В. А., СМИРНОВ Б. В.

Ответственный за выпуск
ВОРОЖЕЙКИН И. Е.

Ленин В. И.

С23 Сборник произведений В. И. Ленина: Для учащихся сред. школ, ПТУ и сред. спец. учеб. заведений.— 5-е изд. /Акад. пед. наук СССР.— М.: Политиздат, 1979.— 447 с.

Сборник произведений В. И. Ленина предназначен для учащихся средних школ, средних профессионально-технических училищ и средних специальных учебных заведений. Он составлен в соответствии с учебными программами этих заведений. В него включены статьи, речи, письма, извлечения из статей, книг и выступлений. Сборник снабжен примечаниями и именным указателем.

С $\frac{10102(00601)-040}{079(02)-79}$ 179—79 0101020000 4306020700

11.55
3К23

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
В. И. ЛЕНИНА

Для учащихся средних школ,
средних профессионально-технических училищ
и средних специальных
учебных заведений

Заведующая редакцией Р. К. Медведева
Редактор В. Г. Голобоков
Младшие редакторы Ж. П. Крючкова,
Е. С. Молчанова
Художественный редактор В. А. Тогобицкий
Технический редактор Н. К. Калистина
ИБ № 2048

Подписано в печать с матриц 13.06.79. Формат
60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 29.
Учетно-изд. л. 31,62. Тираж 1 000 000 (900 001—
1 000 000) экз. Заказ 5257. Цена 85 коп.

Политиздат, 125811, ГСП.
Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Типография издательства «Горьковская правда».
г. Горький, ул. Фигнер, 32.

ББК 88.5
К 24

Карнеги Д.
К 24

Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ./Общ. ред. и предисл. Зинченко В. П. и Жукова Ю. М. — М.: Прогресс, 1989. — 288 с.

ISBN 5—01—001533—1

Впервые наиболее полно издаваемый в СССР перевод книги Дейла Карнеги (1888—1955) — известного американского специалиста в области ораторского искусства и человеческих взаимоотношений — «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей». Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

0303040000—168
1)—89 без объявлений

ББК 88.5

Дейл Карнеги

КАК ЗАВОЕВЫВАТЬ ДРУЗЕЙ
И ОКАЗЫВАТЬ ВЛИЯНИЕ НА ЛЮДЕЙ

Редактор *Семенов Ю. В.*

Художник *Денисов Ф. Б.*

Мл. научн. редактор *Ципенок Е. А.*

Технический редактор *Шупейко Л. Н.*

Корректоры *Шарганова Н. П., Локшина Г. А., Таги-заде М. А.*

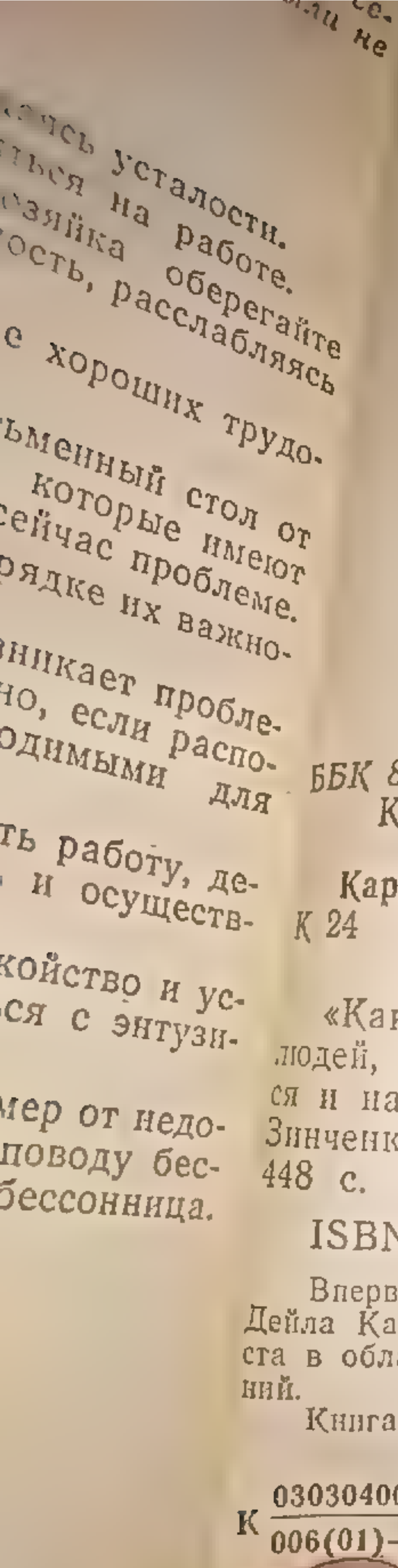
ИБ № 18017

Сдано в набор 06.01.1989 г. Подписано в печать 28.08.1989 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Услов. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,33. Уч.-изд. л. 16,28. Доп. тираж 82 000 экз. Зак. № 408 Цена 2 р. 30 к. Изд. № 46034

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по печати. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17

Владимирская типография Госкомитета СССР по печати.
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7

Кооператив «Праксителъ» МОСПО



ББК 88.5
К 24

Карнеги Д.
К 24

«Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично», «Как перестать беспокоиться и начать жить»: Пер. с англ./Общ. ред. и предисл. Зинченко В. П. и Жукова Ю. М. — М.: Прогресс, 1989.— 448 с.

ISBN 5—01—001533—1

Впервые наиболее полно издаваемый в СССР перевод книги Дейла Карнеги (1888—1955) — известного американского специалиста в области ораторского искусства и человеческих взаимоотношений.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

К $\frac{0303040000-168}{006(01)-89}$ без объявлений

ББК 88.5

Дейл Карнеги

КАК ВЫРАБАТЫВАТЬ УВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ
И ВЛИЯТЬ НА ЛЮДЕЙ, ВЫСТУПАЯ ПУБЛИЧНО
КАК ПЕРЕСТАТЬ БЕСПОКОИТЬСЯ И НАЧАТЬ ЖИТЬ

Редактор *Семенов Ю. В.*
Художник *Денисов Ф. Б.*
Мл. научн. редактор *Цыпенок Е. А.*
Технический редактор *Шупейко Л. Н.*
Корректоры *Шарапова П. П., Жукина Г. А., Таги-заде М. А.*

ИБ № 18017

Сдано в набор 06.01.1989 г. Подписано в печать 28.08.1989 г.
Формат 81×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,73. Уч.-изд. л. 27,61.
Доп. тир. 82000 экз. Зак. № 499. Цена 3 р. 10 к. Изд. № 46034

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по печати, 119817, ГСП, Москва,
Г-21, Зубовский бульвар, 17

Владимирская типография Госкомитета СССР по печати
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7

Кооператив «Праксител» МОСПО

УДК 389.14

Шабалин С.А. Измерения для всех. — М.: Изд-во стандартов, 1992. — с. 560, ил.

Каждый человек волей-неволей сталкивается с измерениями: будь то дома, в магазине, на приусадебном участке, на отдыхе и т.д. Данная книга призвана дать необходимые знания в области измерений. Она содержит практические советы, которые пригодятся Вам в домашнем хозяйстве при приготовлении пищи, ремонте квартиры, покупке одежды и обуви, при выполнении слесарных или плотницких работ, при пользовании электробытовыми приборами. Книга будет интересна людям, имеющим приусадебные хозяйства, фото-, авто- и радиолюбителям. Советы, приведенные в книге, пригодятся Вам и в туристическом походе и при занятиях спортом. Кроме того, Вы познакомитесь с историей метрологии (науки об измерениях), с историческими курьезами, связанными с ними.

Надеемся, что книга расширит Ваш кругозор и станет Вашей настольной книгой.

Для широкого круга читателей.

Табл. 54. Ил. 312. Библиогр.: 66 назв.

Рецензент инж. Б.А. Демьянович

Ш $\frac{2004010000\text{-}045}{085(02)\text{-}92}$ 36-91

ISBN 5-7050-0219-X

© С.А. Шабалин, 1992

Сдано в набор 14.03.91. Подписано в печать 21.06.91. Формат 60x90 1/16. Бумага газ. Гарнитура Сенчури. Печать офсетная. 35 усл. печ. л. 35,37 усл. кр.-отт. 32,05 уч.-изд. л. Тираж 126500. П-ой завод - 62000. Заказ N. 1182

Цена 7 р. 20 к. Изд. N. 09/7

Ордена "Знак Почета" Издательство стандартов", 123840, Москва, ГСП, Новопресненский пер., 3.
Набрано в Издательстве стандартов на НПУ

Вильнюсская типография Издательства стандартов
Вильнюс, ул. Даряус и Гирено, 39.

В 44 **Виленкин В. Я.**
В сто первом зеркале (Анна Ахматова).— М.: Советский писатель, 1990.— 336 с. Изд. 2-е, дополненное.

ISBN 5-265-01012-2

«В ста зеркалах» — так назвала Анна Ахматова альбом посвященных ей стихов. Книга В. Виленкина — это как бы сто первое зеркало, в котором отразились личность и грани творческого мира большого поэта. Автор делится своими воспоминаниями о встречах с А. Ахматовой и размышляет об истоках некоторых мотивах и характерных чертах ее поэзии

4603000000—429
В ——————КБ—15—25—89
083(02)—90

ББК 83.3Р7

НБ № 7815

Сдано в набор 28.03.89 [illegible] печати 20.10.89.
А 04291. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1.
Литературная гарнитура. Высокая печать.
Усл. печ. л. 17,64+2,5 вкл. Уч.-изд. л. 19,3.
Тираж 200 000 экз. Заказ № [illegible]. Цена в переплете 1 р. 90 к.,
в бумвинилe 1 р. 30 к.

Ордена Дружбы народов
издательство «Советский писатель»,
121069, Москва, ул. Воровского, 11

Тульская типография Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по печати,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

ББК 74.1
Ч88

Рецензенты:
доктор психологических наук, профессор *И. А. Зимняя*,
кандидат филологических наук *Е. В. Клюев*

Ч88 Чуковский К. И.
От двух до пяти: Книга для родителей.— М.: Педагогика, 1990.— 384 с.
ISBN 5-7155-0258-6

Корней Иванович Чуковский едва ли не первый применил психологические методы в изучении детского языка и мышления, детского поэтического творчества. Замечательный образец художественной литературы — книга «От двух до пяти», привычно воспринимаемая как сборник увлекательных рассказов и истории, рассматривается с точки зрения ее психолого-педагогического значения. Текст К. И. Чуковского заключается психологическим анализом.

Для родителей.

Ч $\frac{4312000000(0303050000)-019}{005(01)-90}$ 40—90 ББК 74.1
ISBN 5-7155-0258-6

© Издательство «Педагогика», 1990

Научно-популярное издание

КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ ЧУКОВСКИЙ

От двух до пяти

ктор
. ШТУТИНА
жественный редактор
. ГАВРИЛИН
ический редактор
ЖДАНОВА
ектор
РЕЙБЕКЕЛЬ

ИБ № 1496
Сдано в набор 13.07.89. Подписано в печать 27.02.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Печать офсет. Гарнитура тип таймс. № 2. Печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 19,86. Усл. кр.-отт. 20,63. Тираж 200 000 экз. 2-й завод (100 001—200 000 экз.) Заказ 2991. Цена 3 руб.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по печати.
Москва, 107847, Лефортовский пер., 8.

Фотонабор выполнен в республиканской ордена «Знак Почета» типографии им. Н. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
185630, Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Отпечатано в Сортавальской книжной типографии Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
186750, Сортавала, ул. Карельская, 42.

КОЖАНЫЙ ЧУЛОК НА СКЛОНЕ ЛЕТ

Когда в 1823 году вышел в свет роман «Пионеры», читатели впервые встретились с Кожаным Чулком, которому суждено было стать одним из самых популярных героев американской литературы. Выдающийся писатель Америки Фенимор Купер (1789—1851) этим романом начал свою знаменитую серию книг об охотнике, разведчике, следопыте Натаниэле Бампо. В «Пионерах» — это бездомный, одинокий и растерянный семидесятилетний старик. Но о всей его полной приключений и подвигов жизни читатели узнали из романов, написанных позднее «Пионеров». В книгах «Зверобой», «Последний из могикан», «Следопыт» рассказано о жизненном пути Натти Бампо, начиная с 1745 года, когда ему было лишь двадцать пять лет. Быть может, автору «Пионеров» захотелось вернуться к тем временам, когда его герой был еще в расцвете сил, а индейские племена могли бороться против колонистов — англичан, французов, голландцев, высадившихся в XVII веке на восточных берегах Америки; продвигаясь на запад, они захватывали земли, вырубали девственные леса, коварными и изощренными методами уничтожали индейцев, еще недавно гордых хозяев американских земель.

В «Зверобое» Натти Бампо, выросший и живущий в лесах, непревзойденный охотник, с тревогой наблюдает, как хищный дух приобретательства начинает торжествовать в поселках колонистов, как бесчеловечность и расовое высокомерие приносят страшные несчастья индейским друзьям Натти. И конечно же, почти неграмотный Зверобой (прозвище Натти) и многие из индейских вождей гораздо честнее, благороднее и нравственнее, чем некоторые «цивилизованные» жители поселков

и фортов колонистов. Но трагичность положения Натаниэля Бампо заключается в том, что, ненавидя жестокость и торгашеский дух цивилизации, он, по существу, помогает своим соотечественникам-англичанам в их борьбе за захват американских земель: он всегда их проводник по запутанным тропам еще девственных лесов, и опасные приключения Натти и других героев «Зверобоя» неотрывны от борьбы ожесточившихся индейских племен с колонистами, которых неоднократно спасает от мучительной смерти отважный охотник.

И хотя в романе «Зверобой» Натти в расцвете молодости, он уже полон беспокойства, ощущая опасность, которую несут колонисты его патриархальному существованию. Он не понимает, что законы исторического развития обрекают это существование на гибель.

Можно ли узнать в старом, спившемся индейце Джоне, которого мы встречаем на страницах романа «Пионеры», отважного и благородного Великого Змея, нарисованного такими романтическими красками в «Последнем из могикан»? События этого романа относятся к 1757 году, и Натти Бампо, или Соколиный Глаз, вместе со своими индейскими друзьями оказывает неоценимые услуги англичанам в их войне с французами, тоже претендовавшими на американские земли. Но в самом заглавии романа («*Последний* из могикан») заключена трагедия индейского народа. Гибель сына Великого Змея Уинкаса, который и был последним из могикан, становится символом обреченности исконных хозяев страны. В этом романе с наибольшей художественной силой показана жестокая реальность освоения земель Америки.

Мы вновь встречаем героя пенталогии Натаниэля Бампо в романе «Следопыт», когда он — разведчик английской армии — участвует в кровавых событиях, разыгравшихся в конце 50-х годов XVIII века на берегах озера Онтарио. Все еще идет война между англичанами и французами, в нее втянуты и индейские племена. Смертельная опасность постоянно подстерегает Натти-Следопыта, но он выдерживает и мучительную для него душевную борьбу: он пережил неразделенную любовь, горечь разбитых надежд, и мы прощаемся в «Следопыте» с Натти, когда он, одинокий и печальный, уходит в леса.

Через много лет после этого когда-то любимая им девушка услышит о знаменитом охотнике, «человеке редкой

душевной чистоты и большом оригинале», которого называют в этой стране, у берегов Мохока, Кожаным Чулком.

Под этим прозвищем Натти Бампо и живет на страницах «Пионеров», а все пять книг о нем известны как «романы о Кожаном Чулке».

Как мы уже знаем, пятикнижье начиналось с романа «Пионеры», и он сразу принес автору широкую известность. Однако при жизни Купера его книги не всегда доброжелательно встречались определенной частью читателей и критиков. Купер очень откровенно выражал свою тревогу по поводу власти доллара, которая становилась все более могущественной по мере того, как утверждался буржуазный строй в его стране. Да и то уважение к лучшим представителям индейских племен, которое окрашивает всю его эпопею, сочувствие гибнущему народу, картины жестокости цивилизации, победно шествующей по лесам и прериям,— все это отталкивало от писателя наиболее реакционные круги буржуазной Америки, расистов, пустивших в оборот бесчеловечную поговорку: «Хороший индеец — это мертвый индеец».

Фенимор Купер родился в семье судьи, в большом поместье неподалеку от озера Отсего. Как часто звучало название этого озера в романах писателя и как много трагических и радостных событий пережили его герои у берегов Отсего! И жизнь Темплтона, быт и нравы американских колонистов необычайно живы и достоверны в романе «Пионеры», потому что в основе творческого воображения автора были воспоминания о его детстве и юности, проведенных в поселке Куперстауне штата Нью-Йорк.

Купер глубоко проник в сущность тех больших перемен, которые произошли во всем укладе страны после окончания войны 1775—1783 гг., когда американские колонии Англии, восставшие против английской монархии, одержали победу и на их месте возникла буржуазно-демократическая республика Соединенные Штаты Америки. Все острые конфликты романа — отношения Темпла и Кожаного Чулка, Эффингемов и Темпла — неотрывны от «духа» эпохи, которую с такой ощутимостью воссоздал писатель. Напряженный интерес вызывает у читателя почти до конца остающаяся таинственной фигура Оливера, с его мучительными взаимоотношениями с судьей и Эли-

забег. Да, Фенимор Купер талантливый мастер захватывающего сюжета; но его мастерство сказывается и в умении связывать героев с большими историческими общественными явлениями. Ведь вся карьера судьи Темпла так характерна для духа предприимчивости и наживы крепнущей буржуазной страны. История отбросила в сторону Эффингемов — сторонников английской монархии. Их разорение стало началом обогащения судьи, купившего по дешевке конфискованные земли, в частности и те, которые принадлежали отцу и деду Оливера. И это основа казавшихся странными отношений Темпла и Оливера, как мы узнали под конец,— потомка Эффингемов.

И чем теснее художник связывает душевный конфликт своих героев с дыханием времени, тем живее наше ощущение исторического прошлого, тем ярче радость познания, которой мы обязаны умному таланту, глубокой мысли писателя.

А судьба индейца Джона, разве это только его личная судьба? Когда-то отважный и благородный вождь, а теперь спившийся старик, он доживает свой век вместе с Кожаным Чулком в жалкой хижине на земле, принадлежащей судье. Людей его племени систематически спаивали «огненной водой» белые завоеватели. Но даже в этом уже жалком старике писатель видит следы его былой величественности и хочет, чтобы мы, читатели, ощутили в нем прошлое его народа... Как поразили всех гордость, чувство собственного достоинства старого индейца, когда он появился в доме судьи с целебными травами, чтобы врачевать рану Оливера! Пусть художник в своей эпопее в какой-то мере романтически преувеличивает добродетели индейцев племени... Но надо было обладать достаточной смелостью, чтобы в двадцатые годы прошлого века, когда вышел в свет роман, так откровенно выражать свои симпатии к индейцам и так решительно разрушать легенду об «особом» мирном развитии Америки «без противоречий и насилий, присущих Европе».

Понимает ли Купер, что конец патриархального существования, о котором так тоскуют Натти и Джон Могиканин, неизбежен и что законы исторического развития делают необходимым утверждение нового, в то время прогрессивного, буржуазного общества? Конечно. Но жестокость, с которой цивилизация вторглась в жизнь индейских племен, так же, как и разгул собственнических

интересов и безудержная жажда обогащения, тревожит Купера. Сами законы, олицетворением которых был субъективно честный и достаточно гуманный судья (в нем бесспорно запечатлены черты отца писателя), защищая прежде всего частную собственность, вступали в противоречие с тем, что мы называем человечностью. Кожаный Чулок и стал жертвой этих законов. Печально звучат жалобы Натти, вместе с Джоном Могиканином вспоминающего о свободной охоте в невырубленных лесах, где он знал все дороги и тропинки... Старику непонятны совершающиеся перемены, он, никогда не терявшийся в дебрях лесов, заблудился «на кривых путях закона».

Как часто в молодости, да и в старости, бескорыстный Натти, рискуя жизнью, приходил на помощь людям... Мы знаем, что и судья и его дочь были не раз ему обязаны жизнью. Но чуждый и враждебный ему закон не считался с этим. Старик был разорен и унижен, как нарушитель законов охоты. Его рассуждения в разговоре с судьей звучат наивно, но они благородны и человечны.

Автор сумел вызвать наши теплые чувства не только к Натти, но и к гордому и стойкому Оливеру, к отважной, честной и умной Элизабет, с таким уважением относившимся к Кожаному Чулку и Джону Могиканину.

Мы оставляем одинокого Натти, собравшегося двинуться на запад, с грустью и жалостью к старику. Ведь его надежды напрасны. И там не найдет старый охотник желанной свободы: ненавистная ему цивилизация с роковой неизбежностью будет везде преследовать его под стук топора, опустошающего великолепные леса страны. В заключающем эпопею романе «Прерия» придет конец скитальческой жизни Натаниэля Бампо.

«Гениальный Купер» — писал о замечательном художнике наш великий критик Белинский. И нас радует, что наша живая симпатия к Натти, даже на склоне лет сохранившему независимость, бескорыстие, готовность помочь людям, находит поддержку в горьковской оценке героя эпопеи:

«Натти Бумпо всюду возбуждает симпатии читателей честной простотой своей мысли и мужеством деяний своих. Исследователь лесов и степей Нового Света, он проложил в них пути людей, которые потом осудили его как преступника за то, что он нарушил их корыстные

законы, непонятные его чувству свободы. Он всю жизнь служил великому делу географического распространения материальной культуры в стране диких людей и оказался неспособным жить в условиях этой культуры, тропинки для которой он впервые открыл. Такова часто судьба многих пионеров-разведчиков — людей, которые, изучая жизнь, заходят глубже и дальше своих современников. И с этой точки зрения безграмотный Бумпо является почти аллегорической фигурой, становясь в ряды тех истинных друзей человечества, чьи страдания и подвиги так богато украшают нашу жизнь».

Н. Эйшискина

СОДЕРЖАНИЕ

Пионеры, или У истоков Саскуиханны. Роман 5
Н. Эйшискина. Кожаный Чулок на склоне лет 441

Для среднего и старшего возраста

Джеймс Фенимор Купер

ПИОНЕРЫ,
ИЛИ У ИСТОКОВ САСКУИХАННЫ

ИБ № 6906

Ответственный редактор
С. К. Беркман

Художественный редактор
И. Г. Найденова

Технический редактор
Н. Ю. Крапоткина

Корректоры
Л. А. Рогова
и Е. И. Щербакова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.11.81. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. типогр. № 2. Шрифт обыкнов. Печать высокая. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,73. Уч.-изд. л. 24,66. Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Заказ № 4789. Цена 90 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

К Ч И Т А Т Е Л Я М

Издательство просит
отзывы об этой книге
присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Купер Д. Ф.

К92 Пионеры, или У истоков Саскуиханны: Роман/ Пер. с англ. И. Гуровой и Н. Дехтеревой; Послесл. Н. Эйшискиной; Рис. Г. Брока.— М.: Дет. лит., 1981.— 446 с., ил.

В пер.: 90 к.

Это четвертая книга пенталогии американского писателя-классика, посвященной приключениям охотника Натаниэля Бампо, по прозвищу Кожаный Чулок. Между приключениями, о которых рассказано в «Следопыте», и жестокими испытаниями, выпавшими на долю Кожаного Чулка в «Пионерах», прошло более тридцати лет. Другим сюжетным узлом романа являются взаимоотношения молодых людей — Элизабет Темпл, дочери судьи, и Оливера Эффингема, которым приходится преодолеть много препятствий на пути к счастью.

К $\frac{70803—548}{М101(03)81}$ **Без объявл.** И(Амер)

Достоевский Ф. М.
Д70 Идиот: Роман в 4-х ч.— Вильнюс: Vaga, 1985.— 591 с.

Роман, написанный в 1868 г., повествует о герое-правдоискателе, гибнущем в мире наживы, стяжательства и цинизма в России второй половины XIX в. Автор с глубоким психологизмом создает образ идеального добросердечного, но бессильного что-либо изменить князя Мышкина; тонко и достоверно отображен в романе и внутренний мир других героев.

А 4702010100—236
М852(08)—85 зак.—85

Фёдор Михайлович Достоевский. ИДИОТ. Роман в четырех частях

Редактор В. Коновалов. Художник И. Яцовскис. Худ. редактор С. Хлебинскас. Техн. редактор Р. Бертешкайте. Корректоры Ю. Мацкявичене и И. Юкнене

ИБ № 4586

Сдано в набор 19.02.85. Подписано к печати 12.06.85. Изд. № 11575. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книго-журнальная. Гарнитура «Балтика», 10 пунктов. Офсетная печать. 37 печ. л. 37,5 усл. кр.-отт. 37 усл. изд. л. Тираж 120 000 экз. Заказ № 545. Цена 3 руб. 10 коп. Издательство «Вага», 232600, Вильнюс, пр. Ленина 50. Отпечатано в типографии им. Мотеюса Шумаускаса, 232600, Вильнюс, ул. Страздялё 1

МИР В ОБРАЗАХ

В. В. КАНИВЕЦ

УЛЬЯНОВЫ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН

КИЕВ „РАДЯНСЬКА ШКОЛА" 1984

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Образ Ленина вошел в жизнь Владимира Васильевича Канивца (родился 5 октября 1923 г.) еще в годы обучения в начальной школе родного села Веселая Долина на Полтавщине. Стихи Н. Полетаева «Портретов Ленина не видно», В. И. Сосюры «Траурный марш», Е. П. Плужника «Он», П. Г. Тычины «Ленин» отозвались в сердце болью тяжелой утраты. Позже, когда, закончив восемь классов, работал оператором железнодорожной станции Харцызск, читал и перечитывал поэму «Владимир Ильич Ленин», задумывался над строками, в которых отразился нелегкий художественный поиск В. Маяковского:

Как бедна
у мира
слова мастерская!
Подходящее
откуда взять?

Время было напряженное, сложное... Восстановление народного хозяйства, коллективизация, первые пятилетки. Формировалась не только социалистическая экономика, советская государственность, но прежде всего советский человек — гражданин СССР. Эта «строительства высокая музыка» (Н. П. Бажан) не могла обойтись без литературы, которая с самого рождения поставила в центре образ Владимира Ильича, величайшего организатора масс, слово которого «всегда вызывало физическое ощущение непреодолимой правды» (А. М. Горький). Именно в 20—30-е годы были написаны воспоминания Н. К. Крупской, Д. И. Ульянова, М. И. Ульяновой, Г. М. Кржижановского, В. Д. Бончрассказами А. М. Горького, А. С. Серафимовича, Д. Бедного, А. И. Безыменского стали важной основой всей будущей литературы о Ленине. Эта, прежде всего мемуарная, литература была также серьезным источником раздумий, советов авторам, которые пробовали писать о Ленине,

Н. К. Крупская неоднократно подчеркивала, что Ильич был «простым, близким», советовала всем, кто создавал его образ, учитывать исторические обстоятельства, в которых рос и формировался будущий вождь пролетариата. А. В. Луначарский мечтал о том времени, когда «сама личность Владимира Ильича Ленина — человека станет предметом внимательного и любовного изучения». «Биографическое в нем, интимное в нем тоже имеет огромнейшую общечеловеческую ценность» [1],— подчеркивал А. В. Луначарский.

Проза больших жанровых форм долго была как бы на подступах к созданию многогранного, реалистически убедительного образа Ленина. Сначала в ней преобладали романтическая патетика («Конармия» И. Э. Бабеля, «Диво дивное» В. Я. Шишкова), народнопоэтический стиль («Письмо Ильичу» П. И. Замойского), пролеткультовское стремление видеть в Ленине не личность, а прежде всего символ нового мира. В основном романтико-реалистический подход, с попытками воссоздать детали портрета, быта, исторического фона был характерен для многих повестей и романов, где образу Ильича, как и прежде, посвящались только отдельные главы и эпизоды. («Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Хлеб» А. Н. Толстого, «Александр Пархоменко» П. И. Панча, «Бронепоезд 14—69» Вс. В. Иванова, «Одиночество» Н. Е. Вирты, «Строговы» Г. М. Маркова, «Восемнадцатилетние» Ю. К. Смолича, «Десну перешли батальоны» А. Десняка и др.). Еще с большими трудностями столкнулась драматургия, которая только с конца 30-х годов («Правда» А. Е. Корнейчука, «Человек с ружьем» Н. Ф. Погодина) достигла скромных успехов в овладении ленинской темой. Вместе с тем, начиная с произведений Н. М. Пришвина, М. М. Зощенко, К. А. Федина, К. Г. Паустовского, П. И. Панча, Ю. И. Яновского, Ленинниана прочно утверждается в жанре рассказа, а в период Великой Отечественной войны широко входит в публицистику.

В 1941 г., когда советские войска с боями оставляли Донбасс, в жизни В. Каннвца произошло событие, которое приблизило его к ленинскому образу. Случай свел будущего писателя, а тогда железнодорожного рабочего, со смертельно раненным бойцом, который в знак благодарности за помощь подарил ему книгу В. И. Ленина «Государство и революция». «Свое дело,— вспоминает В. Каннвец,— тот подарок сделал: я навек вобрал в сердце ту безмерно

[1] Каннвец В. История и личность: Из записной книжки писателя.— Радуга, 1982, № 11, с. 79.

чистую, особенную любовь к Владимиру Ильичу, из которой рождается непреодолимое желание: перелить ее в слова»[1].

Но юноше суждено было другое: весной 1942 г. он с оружием в руках стал в ряды защитников социалистического отечества; был ранен под Ржевом, отмечен правительственными наградами. Как и другим будущим писателям-фронтовикам, ему не давала покоя мысль: «Кончится война, напишу обо всем, что довелось пережить»[2]. Продолжая после войны работать, закончил вечернюю школу, потом учился на филологическом факультете (отделение журналистики) Латвийского государственного университета. Начались поиски своего литературного пути, который вначале и с немалым успехом прокладывался в драматических жанрах (пьесы на русском языке «Голубые горы», «После свадьбы», «Жених с орденом», «Затопленный остров»). Некоторые из них, в частности пьеса «После свадьбы», были поставлены на сцене, высоко оценены критикой. Потом поездка на строительство железной дороги Тайшет — Улан-Удэ, под впечатлением которой появился роман на русском языке «Костры в тайге» (1963 г.).

Но еще в 1953 г., оканчивая университет, В. Канивец успешно защищает дипломную работу на тему: «В. И. Ленин — редактор «Правды» в 1912—1914 гг.» Был собран огромнейший материал не только о Владимире Ильиче, но и о самых близких для него людях — матери, отце, братьях, сестрах, жене. Особенно поразила Канивца судьба старшего брата — Александра Ульянова, о котором у него еще со школы было романтическое представление.

Работа в архивах разных городов, изучение документов об одном из выдающихся народовольцев завершилась серьезным творческим достижением: в 1961 г. увидела свет биографическая повесть В. Канивца «Александр Ульянов» (в серии «Жизнь замечательных людей»). Несмотря на определенный успех книги (она была тогда же переведена на молдавский, туркменский, венгерский, болгарский языки), писатель остался недоволен: «Когда я держал в руках столь долгожданную книгу, то уже понимал, что тема решена далеко не полностью»[3].

---

[1] Володимир Канівець. Діалог. К., Рад. письменник, 1983, с. 37.

[2] Канівець В. Дарунок, що визначив долю.— Жовтень, 1975, № 4, с. 5.

[3] Канивец В. Вечный источник.— Дружба народов, 1970, № 3, с. 247.

В. Канивец понимал, что решение ленинской темы на каждом из этапов развития советской литературы имеет свои сложности.

Фактов из жизни В. И. Ленина, о которых бы никто не знал, почти не осталось. Закономерно, что многие из них параллельно используются разными авторами, освещаются по-своему, так как без документальной основы создать образ Ильича невозможно. Иное дело, если «из реки по имени факт» делаются новые художественные обобщения, возникают дополнительные ассоциации, то есть происходит нормальный творческий процесс. В этом случае возможны и значительные художественные открытия, какими стали, например, книги «Синяя тетрадь» Э. Г. Казакевича, «Большой зачин», «Возгорится пламя», «Точка опоры» А. Л. Коптелова, «Дипломаты» С. Дангулова, «Черные сухари» Е. А. Драбкиной, «Маленькая железная дверь в стене» В. П. Катаева и др.

Итак, факты, факты, факты... А уж потом их осмысление, но «без художественного вымысла — старая истина — воссоздать прошлое невозможно»,— пишет В. Канивец, вспоминая о своей работе над романом «Ульяновы». В середине 60-х годов эта проблема волновала не только его, ибо путь научно-художественного поиска, углубления в историю, в окружение Ленина, новое прочтение всего, казалось бы, известного о нем с помощью художественного чутья стало основной тенденцией Ленинианы.

Работая над романом «Ульяновы» (впервые опубликован в 1967 г.), В. Канивец воспользовался также опытом Мариэтты Шагинян. К ленинской теме писательница обратилась еще перед войной. Ее рассказ «Володя Ульянов» был справедливо раскритикован Н. К. Крупской («Получилось что-то искусственно сшитое из воспоминаний Кузнецова, Кашкадамовой, Анны Ильиничны»). Учитывая эти замечания, М. Шагинян начала тогда же писать роман «Семья Ульяновых». Создавая свою «Ленинниану», М. Шагинян отказалась от стилизации под исторические факты (быт, язык), к которой прибегали некоторые авторы историко-биографических романов, положила в основу работы свой принцип (и последовательно реализовала его), который состоит в том, чтобы «остро почувствовать своего героя именно в его отношении» к нашему сегодняшнему дню, открыть общечеловечность личной истории семьи Ульяновых [1].

---

[1] Шагинян М. Лениниана. М., Молодая гвардия, 1980, с. 778, 782.

Таким образом, документальность в творчестве М. Шагинян соединяется с философским осмыслением материала, бережным отношением к нему, а иногда и поэтическим перосмыслением. Таким же путем, оставаясь при этом индивидуально-неповторимым, идет в своем творчестве В. Каннвец.

В романе «Ульяновы» В. Канивца образ Владимира Ильича не является центральным. Так было задумано (и это обусловлено прежде всего исторически: действие романа обрывается 1887 г.), что на первом плане действуют Илья Николаевич, отец Ленина, известный русский педагог-просветитель, последователь Н. Г. Чернышевского и учитель Дм. Каракозова (часть I), и Александр Ульянов, старший брат, один из главных участников подготовки покушения на Александра III (часть II). Это не просто фон, на котором происходит сложный процесс формирования Володи Ульянова — человека и революционера, а тщательно выписанный мир взаимоотношений в семье. Именно задачу «воспроизвести ту особую атмосферу дружбы и взаимопонимания, которая царила в семье Ульяновых» [1], и ставил перед собой В. Каннвец.

Истоки этой особой атмосферы автор связывает с жизнью еще одного поколения — родителей Марии Александровны и Ильи Николаевича. Один из дедушек Володи был известный в то время врач-просветитель, последователь Н. И. Пирогова, другой, мещанин, в прошлом крепостной, до последних дней зарабатывал на хлеб портняжничеством. Выходцы из народа, Илья Николаевич и Мария Александровна считали себя неоплатными его должниками.

В тяжелые годы реакции, когда была разгромлена «Народная воля», а попытки протеста или непослушания властям жестоко преследовались, политическая деятельность прогрессивных элементов общества часто была ограничена узким семейным кругом, куда допускались лишь самые надежные. Члены семьи Ульяновых постоянно общались с единомышленниками и коллегами отца — преподавателями Мартыновым, Шапошниковым, Ауновским, Захаровым, Логиновым и др. Особенно близкими для них были представители «среднего» поколения: Яковлев, Охотников, Калашников, а также учительница Кашкадамова, которая оставила интересные воспоминания о Владимире Ильиче. Она увидела в умном, дисциплинированном, казалось бы,

---

[1] Каннвец В. Вечный источник.— Дружба народов, 1970, № 3, с. 247.

беззаботном, остром на слово гимназисте нечто большее, что проявилось в переломный момент жизни семьи Ульяновых, когда был арестован Саша. Веру Васильевну поразило то, что письмо об аресте Ани и Саши не испугало Володю, а, наоборот, вызвало конкретное решение самому рассказать об этом маме.

«Мама» — как много значит это слово для Ани, Саши, Володи! Это и высшая степень отношения их к семейной жизни, и непререкаемый, идеальный пример самопожертвования, а самое главное — высокий образец культуры, выдержки, воли. «Вы плохо знаете маму!», «я никогда не говорил маме неправду»,— повторяет Володя, подчеркивая этим то общее, что связывало Марию Александровну с детьми.

Особое внимание уделено показу отношения Володи к старшему брату. Сначала Саша для него был только авторитетом, и подражание ему становится в семье поводом для насмешек. Позже, когда Саша выехал в столицу, он стал для Володи, кроме всего, еще и источником информации («Мне необходимо просто обо многом разузнать»), своеобразным критерием оценки человека («Нет, не получится из Саши революционера. Революционер не может уделять столько времени изучению кольчатых червей»), наконец, единомышленником, на откровенность которого шестнадцатилетний юноша «взрывается» самым наболевшим: «За что ни возьмись, все нельзя! А что было бы, если я мог говорить все, что думаю? Революция? Да нет! Одними словами, как известно, революции никто не делал! Так чего же они боятся?»

Он с честью переносит презрительное отношение к себе некоторых учителей и учеников, когда брат был арестован, как и мать, не верит в милость самодержца, а главное — верит в правоту Саши («Значит, он должен был так сделать... Значит, он не мог иначе»), хотя, в конечном итоге, и сомневается в правильности избранного братом пути («Зачем только он пристал к террористам?»). Последняя сцена романа, когда Володя, оценивая смерть брата как героическую, все же осуждает тактику народничества («А что же это дало народу? Абсолютно ничего!»), заканчивается чрезвычайно убедительным и пророческим раздумьем. Отвечая Ане, что «не таким путем надо идти», Володя сознательно не высказывается до конца. Словами «вот об этом я сейчас и думаю» на этом этапе как бы замыкается круг его поисков преобразования мира.

Ознакомление с мемуарами и историческими материалами убедило В. Канивца в том, что Александр Ульянов во многом разделял взгляды марксистов, вел определенную работу среди петербургских пролетариев. Он имел огромное влияние на сестру Анну и на Володю, но никто из них не знал о его подпольной работе, о связи с террористами. «И как ни соблазнительно показать споры братьев Владимира и Александра, из которых младший был марксистом, а старший — народовольцем-террористом, но таких материалов история не сохранила. А если так, то я не считал возможным это делать» [1].

Как и М. Шагинян, В. Канивец решал нелегкую задачу: не преувеличить (но и не преуменьшить!) роль Ильи Николаевича в развитии школьного образования в России, в воспитании детей, раскрыть характерные черты просветителя XIX века.

Семья Ульяновых — это гармонично сложенный коллектив близких по родству и духу людей. Есть много общего, что объединяет родителей и детей. Это не только общие увлечения, не только общие знакомые-единомышленники, но и общие идейные авторитеты, какими были для них революционные демократы... Главное то, что Ульяновы жили общими интересами, ничего не утаивая друг от друга, сообща решали очень сложные проблемы. Много для объединения этой семьи в одно целое значили подвижническая работа отца, его школьное дело, которому он посвятил всю жизнь, а также подвиг Марии Александровны, воспринявшей, как свои личные, идеи и дела мужа и сыновей.

От начала до конца роман пронизывает тема цареубийства. Сюжетной линией Дм. Каракозова, повествованиями о преследовании прогрессивных преподавателей, о пребывании политических ссыльных в Симбирске, о претензиях властей к работе Ильи Николаевича автор как бы постоянно напоминает о самом главном вопросе жизни того времени — отношении к самодержавию. Эта сюжетная линия с самого начала романа преломляется в судьбе Саши, усиливается с каждой страницей, приближая читателя к страшной развязке. Мудрость писателя именно в том и проявилась, что трагедию Александра Ульянова он подал не как неожиданность, а как закономерный результат неравной борьбы с царизмом. Александр Ульянов и его друзья всей своей жизнью, историческими условиями были подго-

---

[1] Канівець В. Джерело натхнення.— Рад. літературознавство, 1974, № 1, с. 12.

товлены к такому решению вопроса о самодержавии. Сюжетная линия как бы углубляется, конкретизируется другими, параллельными, не менее выразительными. Это рассказы о покушениях на царей и их ближайших помощников, описания нескольких судебных процессов (над Каракозовым, Соловьевым, Засулич, Халтуриным, Желябовым, Перовской, Ульяновым). Семья Ульяновых живет в Симбирске в доме напротив тюрьмы, и этот атрибут самодержавия постоянно напоминает о себе звоном кандалов, решетчатыми окнами, измученными лицами арестантов. Еще более тяжелое впечатление на Аню и Сашу, а потом на Марию Александровну производит посещение Петропавловской крепости. Саша раздумывает: «И какой удивительный курьез истории: всех государей привозят хоронить на то же кладбище, где они хоронили в казематах врагов своих».

Широким фоном, на котором ярко раскрывается идейно-тематическая направленность произведения, является постоянное цитирование автором преимущественно подпольной поэзии того времени, прежде всего запрещенных произведений А. Пушкина, Т. Шевченко, Н. Некрасова, Г. Гейне, сатирической поэзии неизвестных авторов, а также образцов народного творчества. Конечно же, в семье Ульяновых такая литература становится не только достоянием старших, но и детей.

Идентична роль и кратких сюжетов-историй, многочисленных эпизодических образов, без которых картина семейной жизни Ульяновых была бы далеко не полной. Это, например, эпизод последней встречи Ильи Николаевича со своим учителем математики Лобачевским, воспоминания Марии Александровны о своем отце, психологически насыщенная информация о важном событии в жизни Саши — слушании им лекции Менделеева, исполненные драматизма своеобразные повествования о служебной командировке Ильи Николаевича по Симбирскому уезду, о съезде учителей, о поездке Марии Александровны к родителям мужа и др. Органически вплетены в сюжет и рассказ больного учителя о своей подвижнической жизни, и развернутые дискуссии Ильи Николаевича и Назарьева, и взволнованные отступления, публицистические репортажи (похороны И. С. Тургенева, посещение студентами могилы Н. Н. Добролюбова, встреча Саши и друзей с больным М. Е. Салтыковым-Щедриным и др.). Особенно сильное впечатление производят такие эпизоды, как последняя встреча Марии Александровны с сыном, выступление Александра на суде.

Нижний Новгород и Симбирск, где проживает семья Ульяновых,—.это далекая русская провинция, место ссылки политически неблагонадежных. Поэтому всероссийская ярмарка, организованная здесь, приезд какого-либо представителя царской фамилии были настоящим событием для обывателя. Информируя о них, цитируя различные газетные материалы, а также письма сановников, указы, распоряжения, рассказывая о дворцовых распрях, интригах, автор широко использует средства сатиры. Особенно ему удается портретная характеристика. Для принца Ольденбургского, например, характерными признаками являются узкий лоб, «большая волосатая бородавка» на щеке, «маленькие бесцветные глаза», гнусавость, а симбирский генерал-губернатор имел «маленькую неказистую фигуру, мелкие невыразительные черты лица, писклявый голосок и. т. д.

Документальные материалы (в том числе печатавшиеся в газетах корреспонденции Ильи Николаевича, письменные отзывы о нем, гимназическое сочинение Саши, письма Ани, мамы и др.) о семье Ульяновых не только служат важным свидетельством той высокой духовной атмосферы, в которой воспитывались Аня, Саша, Володя, но и отражают общественное мнение о ней. Такие материалы дают возможность проникнуть в истоки формирования мировоззрения детей Ульяновых. Анализируя термин «внешние обстоятельства», употребляемый в сочинении Саши в значении «самодержавие», директор гимназии Ф. Керенский делает вывод, что юношу воспитали «не столько книги, сколько семья».

Понятно, что все увиденное, вычитанное из книг, услышанное на улице, в гимназии, в школе определенным образом комментируется в семье, находит соответствующую оценку. Так, Саша с удовольствием рассказывает отцу о событии, которое потрясло гимназию,— о пощечине студента Подбельского министру просвещения Сабурову. При этом Саша убежден, что его отца «никто и никогда не посмеет ударить», что «так тому министру и надо...». Осуждая этот факт со стороны этической, отец приходит к выводу, что у Саши есть уже идеи, которые превращаются в убеждения.

Гордый и беззащитный старый бродяга-скрипач, рыбак Карпо, которому «свобода дороже жизни»; погребальный мотив, пронизывающий рассказы бедняков о своей горькой судьбе; листовки, чтение запрещенных книг; стихийные попытки отомстить ненавистным учителям-реакционерам; все более откровенные разговоры Саши с отцом; его страстное

увлечение наукой, которое сопровождается выработкой собственного идеала человека (то Базаров, то Долохов, то представитель «святого воинства свободы»); первое разочарование в любимом человеке — эти и многие другие люди и обстоятельства, окружающие и формирующие личность Саши, прямо или косвенно отражаются также на Ане и Володе. Саша, «тот, кто работал за весь класс», «загадочный», «странный», «не из прозрачных», с которым «поссориться просто невозможно», как говорят о нем товарищи, был для них не просто братом, а самым близким другом, единомышленником. Эстафету его жизни и подвига они понесли дальше.

Сколько бы места в романе-дилогии В. Канивца ни занимали такие сюжетные линии, как истории жизни Ильи Николаевича, Марии Александровны, Саши, Ани и других персонажей, они неизменно, косвенно или непосредственно, сразу или в перспективе «работают» на одну, самую главную линию — формирование будущего Ленина. Уже в группировании героев вокруг вопроса об отношении к реформе 1861 г. и ее последствиям, к проблемам народного просвещения, к народничеству, в воссоздании массовых сцен и закулисных разговоров, в цитировании приказов полиции, распоряжений министерств, дневника царя и т. д. читатель улавливает незримые нити, ассоциативные круги, которые сначала невидимо, пунктирно, а потом и прямо отражаются на формировании характера, на взаимоотношениях с людьми и обществом сначала ребенка, потом юноши Владимира Ульянова.

В. Канивец назвал свое произведение историческим романом. Строгое жанровое определение книге дать нелегко так же, как и нельзя отрицать, что она имет и явные признаки семейного романа, где в наличии и документальная основа, и хроникальность изложения, и, разумеется, история семьи, о которой теперь знает весь мир. Оценивая роман «Ульяновы» (в 1970 г. он был удостоен Государственной премии УССР им. Т. Г. Шевченко), А. Е. Корнейчук указывал, что эта книга является «первым в украинской прозе большим, многоплановым произведением, в котором так широко, исторически правдиво показаны жизнь семьи великого вождя, формирование его революционного мировоззрения» [1].

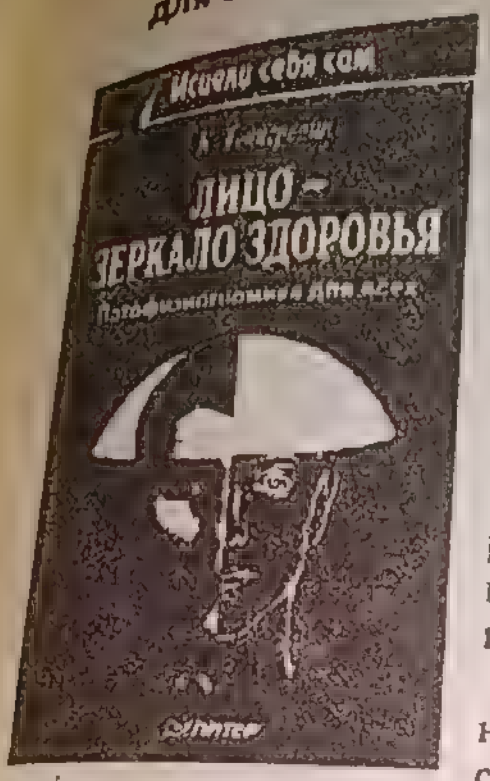
П. И. Орлик

---

[1] Літ. Україна, 1970, 10 берез.

К. Теппервайн

Лицо — зеркало здоровья (патофизиогномика для всех) *(перевод с немецкого)*



Оказывается, один критический взгляд в зеркало может сказать о состоянии нашего здоровья больше, чем многочасовые медицинские исследования. Об этом говорит врачебный опыт, накопленный еще со времен Гиппократа.

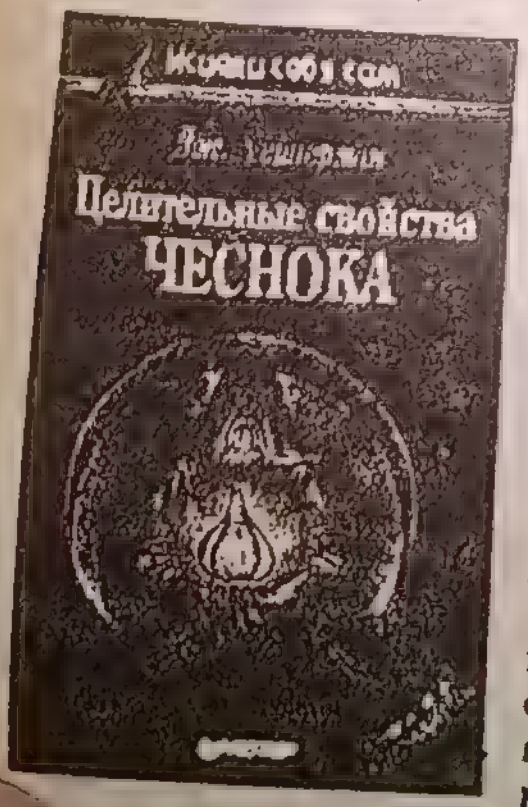
Прочтя эту книгу, вы узнаете, о каких тайных процессах внутри вашего организма могут рассказать глаза, губы, уши, шея, нос, язык, зубы... Немало ценной информации содержится на наших ладонях, в мимике и жестикуляции, в походке. О здоровье человека много «знают» волосы и кожа. Даже почерк изменяется при болезни.

Эта книга, написанная очень доступным языком, научит распознавать первые симптомы заболеваний, наследственную предрасположенность к тем или иным недугам. Кроме того, вы сможете заблаговременно узнавать о предстоящих «сбоях» внутри вашего организма и эффективно с ними бороться.

Объем — 160 стр. Выход в свет дополнительного тиража — сентябрь 1995 г.

Дж. Хейнерман

Целительные свойства чеснока *(2-е издание, перевод с английского)*



Предисловие к этой книге написала известная народная целительница Валентина Травинка. В ней рассказывается о хорошо известном всем нам растении — чесноке, которому еще со времен фараонов приписывался целый ряд чудодейственных качеств.

Автор книги, доктор наук Дж. Хейнерманн, издавший в США множество работ, посвященных лекарственным травам, обобщает известные на сегодняшний день данные о лечебных свойствах чеснока. Он предлагает доступные всем рецепты применения чеснока, помогающие при атеросклерозе, артрите, кровотечениях, диабете, гриппе и пр. Чеснок с успехом может применяться в косметических целях, облагораживая и омолаживая кожу лица. Это удивительное растение может помочь даже человеку, больному раком, способствует предотвращению некоторых онкологических заболеваний.

Объем — 192 стр. Выход в свет второго издания — октябрь 1995 г.

Исцели себя сам

Валентина ГРАВНИКА

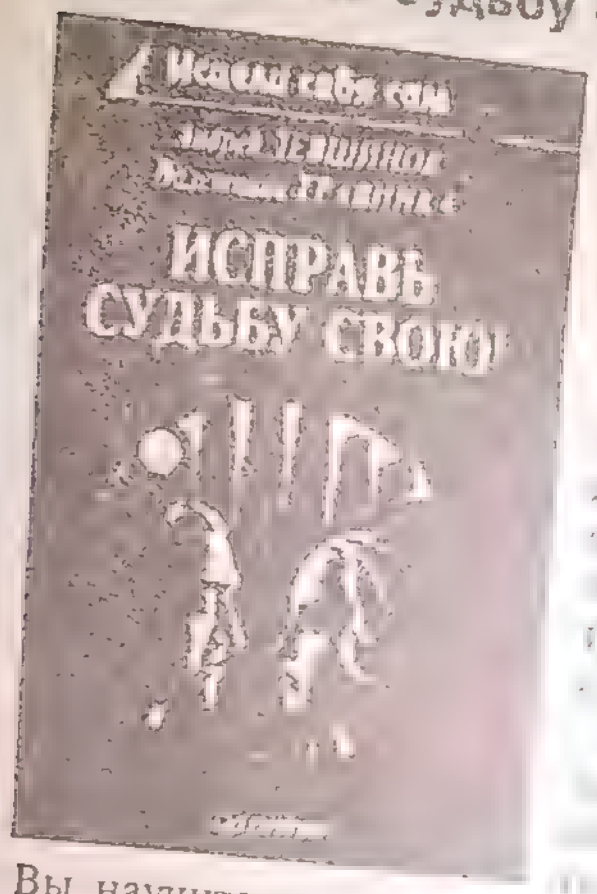
РАЗЫЩИ В СЕБЕ РАДОСТЬ

которые есть в каждом из нас. Нужно только заглянуть в себя и разыскать свою тропинку к здоровью...

Объем — 284 стр. Выход в свет 6-го тиража — октябрь 1995 г.

А. Левшинов, В. Травинка

Исправь судьбу свою! *(5-й тираж)*



Авторы этой книги хорошо знакомы тем, кто ценит мудрость народной медицины. Андрей Левшинов — биоэнерготерапевт, астролог, целитель, сумевший соединить опыт народного врачевательства с современными научными достижениями. Валентина Травинка — журналист, автор популярнейших книг «Разыщи в себе радость» и «Тропинка к здоровью». В своей совместной работе они предлагают читателю заглянуть внутрь себя, так как именно там кроются первопричины всех человеческих болезней.

В книге вы найдете простые и доступные рекомендации, которые помогут вам восстановить в себе то равновесие, которое Вы научитесь с легкостью [illegible] человеку как частице Вселенной. ваны на ладони. Вы [illegible] в линиях судьбы, что нарисо- сможете подключаться к [illegible] ритмам, которые очистят ваши энергетические каналы и разбудят душу. А молодые читатели ознакомятся с целым перечнем примет и методов, пользуясь которыми не ошибутся в выборе невесты (жениха).

Одним словом, в этой книге вы найдете для тела — способы оздоровления, для души — отдохновение, а для сердца — надежду.

Объем — 192 стр. Выход в свет 5-го тиража — октябрь 1995 г.

В. Травинка

Голубая волшебница глина

Тысячи читателей книг Валентины Травинки, пользуясь ее рекомендациями, смогли поправить свое здоровье, излечиться даже от тех хворей, перед которыми врачи давно опустили руки. Особенно много писем приходит писательнице от ее заочных пациентов, где они сообщают о поразительных результатах лечения глиной: «Представляете, у меня прошли шпоры!..», «Я ставила по Вашему совету аппликации на печень, и у меня прекратились высыпания на коже. Это же просто чудо!..», «Всего один сеанс и у меня перестал болеть зуб!..».

Накопив огромный практический опыт лечения глиной, Валентина Михайловна решила посвятить глинотерапии отдельную книгу. «Глине язва нипочем», «Изгоняющая шлаки», «Берегись — подагра», «Чтоб красивой быть, белолицею», «Псориаз сдается, ура!», — вот названия некоторых глав из новой книги, работу над которой заканчивает «бабушка» Травинка, ставшая для многих своих читателей лучшим доктором и сердечной подругой.

Объем — 220 стр. Срок выхода — январь 1996 г.

Литературный редактор — В. Усманов
Художественные редакторы — П. Алесов, З. Голубева
Художники — П. Кудряшов, С. Лебедев
Корректор — С. Корниенко, Л. Барсукова
Оригинал-макет подготовил — С. Минин, А. Денисов

Левшинов А., Травинка В.
Исправь судьбу свою!. — СПб: Питер Пресс, 1997. — 224 с. —
(Серия «Исцели себя сам»).
ISBN 5-88782-014-4

Авторы этой книги хорошо знакомы тем, кто ценит мудрость народной медицины. Андрей Левшинов — биоэнерготерапевт, астролог, целитель, сумевший соединить опыт народного врачевательства с современными научными достижениями. Валентина Травинка — журналист, автор популярнейших книг «Разыщи в себе радость» и «Тропинка к здоровью». В своей совместной работе они предлагают читателю заглянуть внутрь себя, так как именно там кроются первопричины всех человеческих хворей.

В книге вы найдете простые и доступные рецепты, которые помогут вам восстановить в себе то равновесие, которое положено человеку как частице Вселенной. А молодые читатели ознакомятся с целым перечнем примет и методов, пользуясь которыми не ошибутся в выборе невесты (жениха).

© Левшинов А., Травинка В., 1997
© Серия, оформление, издательство «Питер Пресс», 1997

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.
Данная книга не является учебником по медицине. Все рекомендации должны быть согласованы с лечащим врачом.

ISBN 5-88782-014-4

Издательство «Питер Пресс». 194044, С.-Петербург, Выборгская наб., 27.
Лицензия ЛР № 063798 от 26.12.94.
Подписано к печати 14.10.96. Формат 84×108 1/32. Усл. п. л. 11,76.
Доп. тираж 30 000 от 14.03.1997 г.
Заказ № 623.
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии им. Володарского Лениздата.
191023, С.-Петербург, наб. р. Фонтанки, 57.

БИБЛИОТЕКА
БАШКИРСКОГО
РОМАНА
„АГИДЕЛЬ"

СТЕПАН ЗЛОБИН

САЛАВАТ ЮЛАЕВ

ПЕРВЫЙ РОМАН СТЕПАНА ЗЛОБИНА

Лауреат Государственной премии СССР Степан Павлович Злобин (1903—1965) известен прежде всего как исторический романист. Его замечательные романы «Салават Юлаев», «Остров Буян», «Степан Разин», «Пропавшие без вести» и «По обрывистому пути», реалистически отразившие важнейшие вехи освободительной борьбы народов нашей страны с середины XVII века до Великой Отечественной войны, прочно вошли в сокровищницу советской литературы. Особенно же большой успех выпал на долю его первенца — «Салавата Юлаева», впервые изданного еще в 1929 году.

Благодаря этой книге имя национального героя башкирского народа Салавата Юлаева стало исключительно популярно и любимо в нашей стране. Как свидетельствуют многочисленные читательские отзывы, полученные автором, роман о Салавате вызвал большой интерес не только на родине легендарного батыра, но и в республиках Средней Азии, и на Дальнем Востоке, и в Прибалтике. Этому во многом способствовало романтически-восторженное описание юным писателем подвигов бесстрашного «пугачевского бригадира, певца и импровизатора». Со страниц книги С. Злобина Салават, действи-

тельно, предстал «Первым башкиром, превратившись в символ своей нации»[1].

Обращение писателя к образу Салавата Юлаева было не случайно: его жизнь и творчество тесно связаны с Башкирией. Еще в детстве он некоторое время жил в Уфе, учился в реальном училище. «Начало первой мировой войны застало нас в Уфе... — пишет С. Злобин. — Ясно помню первое свое ощущение: война — это большое горе». Вторично в Башкирию, и теперь уже надолго, он приехал через десять лет, после окончания Высшего литературно-художественного института имени В. Я. Брюсова. «По окончании института, летом 1924 года, — вспоминает писатель, — я оказался в Уфе, где преподавал литературу и русский язык. А к лету 1925 года новая вспышка туберкулеза (первая была в 1921 году. — М. Р.) вывела меня из строя, пришлось отказаться от преподавания и поступить статистиком в башкирский Госплан. Участвовал в экспедиции по горно-степному и горно-лесному районам Башкирии, много ездил верхом, ночевал на башкирских кочевьях, охотился, изучал башкирский язык, записывал песни, местные предания, пословицы, поговорки». Эти материалы легли в основу содержательных литературно-этнографических путевых заметок С. Злобина «По Башкирии» (1928). Тогда же совместно с А. Кийковым он написал для первого издания Большой Советской Энциклопедии статью «Башкирская АССР». В них писатель обнаружил хорошее знание истории, экономики и культуры края, особенностей быта башкирского народа.

В 1925—1927 годах С. Злобин написал повесть «Дороги». Она была принята в Москве отделением харьковского издательства «Пролетарий». Но повесть не была издана отдельной книгой, так как не удовлетворила требовательного к себе автора, и он «сам настоял рассыпать уже готовую верстку». Правда, некоторые отрывки в виде самостоятельных небольших рассказов были напечатаны в хрестоматии «Башкирский край», изданной в 1927 году в Уфе. Рукопись же повести хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

Главный герой повести — башкир Нур-Камиль. Он был кузнецом, певцом-куранистом, испытал на себе тя-

[1] Мустай Карим. Салават и его стихи. — «Дружба народов», 1972, № 11, стр. 235.

жесть самодержавного гнета, бунтовал, прошел школу жизни в царских застенках и вернулся в родные края перед Великим Октябрем закаленным профессиональным революционером. Через судьбы главного героя и лиц, с которыми он вступает во взаимоотношения, в повести отражаются важнейшие исторические события, происходившие с конца минувшего столетия до Октябрьской революции. Завершается она изображением некоторых эпизодов гражданской войны в Башкирии. Наряду с действительными событиями в ней много вымышленного, идущего от фольклора, отсюда и возвышенно-романтический тон, и мягкий лиризм, и переплетение реального со сказочным, т. е. все то, что часто встречалось в нашей краеведческой литературе 20-х годов. Именно подобная пестрота стиля и не удовлетворила С. Злобина.

Интерес к Башкирии, проявившийся в первых литературных опытах С. Злобина, естественно, привел пытливого юношу к углубленному изучению героической истории этого своеобразного края. «В двадцатых годах, — вспоминает писатель, — всюду велись работы по составлению первых промышленных планов. Должно быть, я проявил какие-то способности, потому что вдруг оказался экономистом башкирского Совнархоза. Я выкраивал время и для работы в исторических архивах Уфы. Нашел интересные материалы по башкирским восстаниям и задумал писать «Салавата»...

Правда, о Салавате он задумал писать не сразу. Сначала им овладела идея создания большого исследовательского труда об истории башкирских восстаний. Он пересмотрел множество исторических архивных материалов и башкирской краеведческой литературы. Материалы были очень интересными, но, уже взявшись за работу, он почувствовал, что больше склонен к художественному творчеству, чем к научной деятельности. Однако понимая, что художественное произведение нельзя писать сразу обо всех восстаниях, которых в течение двух столетий было множество, он стал выбирать — о каком же из восстаний писать, какое наиболее типично для Башкирии и башкирского народа? Наиболее значительным ему показалось восстание башкир, слившееся с Крестьянской войной, названной «пугачевщиной».

Крестьянской войне 1773—1775 годов под руководством Емельяна Пугачева, в которой активное участие приняли башкиры, русские советские писатели посвяти-

ли довольно много произведений различных жанров. Среди них романы «Емельян Пугачев» В. Шишкова и «Сотник Тимофей Подуров» В. Пистоленко, повести «Горный завод Петра Третьего (Пугачевцы на Урале)» Т. Богданович и «Хлопушин приисК» М. Зуева-Ордынца, пьесы «Пугачев» С. Есенина и «Пугачевщина» К. Тренева, поэмы «Дорога в Бикзян» А. Ромма, «Емельян Пугачев» В. Багрова, «Поэт и конник» А. Филиппова, сказ «Старых гор подарепье» П. Бажова и многие стихотворения.

«Салават Юлаев» С. Злобина—первый в русской литературе роман, довольно полно и правдиво изобразивший жизнь и боевой путь легендарного героя башкирского народа. В то же время это первое большое произведение писателя, давшее ему литературное имя. В годы работы над ним С. П. Злобин увлекался поэзией, и ему казалось, что романтический образ юноши Салавата, который был вместе поэтом и вожаком повстанцев, лучше всего передаст поэма. Размером был избран четырехстопный ямб.

Шайтан-Кудеев род богат,
Старик Юлай — отец Кудеев,
Но сын Юлая, Салават —
Сильнее льва, хитрее змея...

Так начал он свою поэму «Салават Юлаев». Однако вскоре понял, что огромное количество исторического материала о Салавате потребует целого тома. Но писателю казалось, что не каждый согласится читать историческую поэму величиной с «Одиссею» или «Илиаду». Ему же хотелось, чтобы имя Салавата Юлаева стало известно тысячам и тысячам людей. И он окончательно остановился на прозаическом жанре. Но вскоре убедился, что еще слабо знает материал: он перечитал много архивных бумаг, но не изучал башкирского языка, быта, одежды, утвари, оружия, не знал местной природы... Тогда он отложил работу над книгой и взялся за изучение языка. Сначала попробовал самоучитель — язык давался плохо, потом стал брать уроки — дело пошло успешней, но лучше всего он узнал язык во время упомянутой экспедиции 1924—1925 годов по горно-лесным районам Башкирии, где в те годы многие местные жители вовсе не говорили по-русски.

В экспедиции он столкнулся с бытом, который мало отличался от быта, современного Салавату, — бывал и жил на кочевках в войлочных «кошах», подобных тем, в которых жил и Салават, пил кумыс из деревянных чаш, из которых, быть может, пил и Салават. Он питался пресными лепешками, слушал чарующие мелодии курая, скакал по горам и степям, натягивал даже тетиву старинного лука и ездил на соколиную охоту; побывал на заводах, выстроенных на башкирских землях, интересовался их историей. Все это дало ему возможность широко ознакомиться с башкирским народом и его бытом, с историей края.

«Если бы эта книга была задумана на несколько лет позже, — говорит С. Злобин, — мне не удалось бы так глубоко ознакомиться с материалом: ведь коллективизация сельского хозяйства и индустриализация края изменили быт, изменили и людей, но я успел увидать этот тысячелетний быт кочевников, при котором жил Салават, — мне «повезло»... Кроме того, в поездках по Башкирии я записал много поверий, пословиц, поговорок, узнал национальные черты характера башкир, записал приметы, вслушался в стиль рассказов...»

После первых поездок он написал пролог к книге «Салават Юлаев», но дальше пролога дело не пошло: ему все еще казалось, что он плохо знает материал, хотя изучал его уже около трех лет. Тогда ему снова пришлось взяться за книги. Он читал старинные книги, журналы, листал пожелтевшие страницы архивных дел, выписывал из них целые абзацы, перечитал «Капитанскую дочку» и «Историю Пугачева» А. Пушкина. В богатом архиве писателя хранится большое количество материалов, относящихся как к истории Башкирии вообще, так к башкирским восстаниям в частности. Особый интерес представляют многочисленные выписки из дореволюционных работ о Салавате, в том числе из очерка писателя-народника Ф. Нефедова «Движение среди башкир перед пугачевским бунтом; Салават, башкирский батыр» (1880) и статьи краеведа Р. Игнатьева «Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор» (1893)..

С. Злобин читал книги по экономической географии Урала и Приуралья, по истории уральской промышленности, изучал старинные карты Урала и пришел к заключению, что всего этого мало, и решил хорошенько

изучить те места, где жил и сражался Салават Юлаев. Писателю помогла новая продолжительная экспедиция 1928 года. На четвертый год собирания материалов он поехал исследовать леса северной Башкирии. Маршруты экспедиции по счастливой случайности совпали с былыми путями Салавата. «Во время этой новой лесоэкономической экспедиции, — вспоминает писатель, — я побывал в деревне, где он родился и рос, в деревне, откуда была родом его жена, в деревнях и селах, где он набирал людей в свой отряд — в войска Пугачева, в тех местах, где он сражался с войсками Екатерины Второй. Здесь я ознакомился с природой мест, окружавших детство Салавата, и лучше мог себе представить его жизнь. Кроме того, в этих же местах люди рассказали мне нигде не записанные до того легенды и предания о Салавате, они пели песни, которые предание приписывает Салавату Юлаеву...»

Не только люди, даже урочища и камни рассказывали писателю о Салавате. Так, объясняя ему дорогу, один башкир сказал: «Проедешь Салаватов двор, повернешь направо». Сергей Павлович сразу же схватился за эту фразу. Когда же собеседник объяснил ему, что «Салаватов двор» — это камни, среди которых скрывался Салават в последние дни перед поимкой его екатерининскими войсками, он побывал в этих камнях. Поляны, ручьи, овраги, камни — вся окружающая природа рассказывала пытливому писателю-исследователю о Салавате. Вначале, по неопытности, писатель, по его собственным словам, вложил в книгу очень много этнографического материала, потом же, почувствовав, что от этого книга делается тяжелее, освободился от него. Он считает, что для своего произведения использовал приблизительно только одну пятую часть собранного материала, а это дало ему возможность свободнее писать, легче выбирать яркие характеры и образы.

В сборе материала С. Злобин не пренебрегал никакой мелочью. В связи с этим весьма интересна история возникновения эпилога романа. Автор был в затруднении, как писать заключение книги, ибо не имел исторических данных о том, что делал Салават Юлаев на вечной каторге в Рогервике, куда он был сослан. Писатель не знал, чем тогда жила каторга, хотя настойчиво искал эти сведения. И вот однажды в пакете, склеенном из какого-то старого журнала, он прочел историческую

справку о том, что в то время каторжники Балтийского порта строили Рогервикский мол, куда на галерах возили камень из Дерпта... Журнальная страничка, превращенная базарным торговцем в пакет, послужила материалом для концовки «Салавата Юлаева».

Замысел первого романа С. Злобина связан, следовательно, с жизнью автора в Башкирии и его интересом к истории этого края. Он стремился показать социальную сущность Крестьянской войны XVIII века, классовый характер «пугачевщины». Многолетнее общение с башкирским населением, широкое изучение прошлого Башкирии и народного быта позволили ему уловить дух изображаемой эпохи, почувствовать и передать национальный колорит. Поэтому книга убедительно воссоздает накаленную атмосферу грозной эпохи и читается как увлекательная художественная летопись о батыре Салавате.

Писатель любовно воспел легендарные подвиги башкирского богатыря, который, презрев национально-сословные предрассудки, плечом к плечу с русскими повстанцами геройски сражался за интересы угнетенных народных масс. В примечании к первому изданию повести автор писал: «Частично книга основана на исторических документах, отчасти — на краеведческой исторической литературе и в значительной части — на легендарном материале, собранном на родине Салавата... Автор не настаивает, что Салават был именно таков, как изображен повестью, однако глубоко убежден, что социальная историческая обстановка того времени могла создать отношения и характеры, сходные с представленными в книге; иными словами — автор надеется, что за прошедшим столетием сумел разглядеть лицо бунтарей — предшественников организованного революционного движения».

Собирая материалы для «Салавата Юлаева», С. Злобин не мог жить только историей позапрошлого столетия, а был участником социалистической стройки, работником советской промышленности и, естественно, интересы сегодняшнего дня были ему близки и дороги. В свободное от служебных дел время он уезжал в башкирские деревни, где слушал песни, предания, записывал пословицы и поговорки, а в занятые часы и дни общался с советскими служащими — с инженерами, лесоводами, статистиками, специалистами сплава, лесорубами, подрядчиками, землекопами. Запоминал их выражения,

мысли, внешний облик; записывал отдельные интересные эпизоды, слова. Эти люди, разумеется, не нашли воплощения в книге о Салавате, но их образы складывались в другую систему. Так у него одновременно скапливался материал для повести «Здесь дан старт», в которой рассказывается о социалистическом строительстве и перевоспитании людей. Здесь много внимания уделено лесам, их устройству и экономике, но писатель боялся перегрузить книгу научно-популярными сведениями. Работа же в лесной промышленности дала ему богатые сведения о лесах, и, чтобы рассказать об этом в занятной форме, он выбрал иной жанр — научно-популярный очерк. Так родилась другая книга — «Пробужденные дебри». Материалы к ней в основном также были собраны во время экспедиций по лесам Башкирской республики.

Незадолго до Великой Отечественной войны С. Злобин значительно переработал свое произведение о Салавате Юлаеве, объем его увеличился примерно в полтора раза, повесть переросла в исторический роман. Возвращение к любимому образу было связано с начавшейся в 1939 году экранизацией фильма «Салават Юлаев» (режиссер — Я. А. Протазанов). Не ограничиваясь созданием киносценария, писатель принимал деятельное участие и в съемочных работах. Это позволило ему познакомиться с ведущими деятелями башкирского искусства, исполнителями главных ролей в фильме — Арсланом Мубаряковым, Гималетдином Мингажевым, Амином Зубаировым, Римом Сыртлановым и другими.

К этому времени С. Злобин был известным профессиональным писателем, автором нескольких книг, и он по-иному взглянул на свое первое произведение. «Подоспевшая к этой поре работа над сценарием для фильма «Салават Юлаев», — пишет С. Злобин, — вынудила меня возвратиться к теме моей юности. Я снова поехал в Башкирию, чтобы встряхнуть старое вино и заставить его бродить. И тема «Салавата» вдруг «забродила». Я понял, до какой степени был наивен тот двадцатипятилетний автор детской повести о Салавате, как не сумел он справиться с раскрытием исторического процесса и до чего же необходимо все это сделать заново, совершенно иначе переосмысливая события Крестьянской войны XVIII века. Эту работу я делал параллельно с фильмом, появившимся на экране в 1941 году».

С большой требовательностью и взыскательностью относясь к своему труду, автор не только ввел в произведение ряд новых эпизодов, сюжетных линий и действующих лиц, способствующих более глубокому раскрытию центрального героя, но много поработал и над языком романа. Вторая редакция отличается от первой насыщенностью действия. С увеличением объема исторического материала раздвинулись и рамки произведения.

Во второй вариант своего романа писатель, по словам критика Г. М. Ленобля, привнес «прежде всего совершенно отсутствовавшее в издании 1929 года изображение противоречий в лагере пугачевцев, противоречий между казаками — с одной стороны, крестьянами, а также угнетенными нерусскими народностями — с другой стороны». С большой художественной силой рисует автор драматическое столкновение Пугачева с казачьими главарями, закончившееся расправой над Лысовым: раскрывает классовую, социальную обусловленность поступков своих героев. Интересна в этом отношении и фигура Бухаира — представителя самых реакционных кругов башкирской феодальной знати. «Бухаир олицетворяет в романе черную, неодолимую ненависть башкирских феодалов к России и русскому народу. Но это лишь одна сторона медали: оборотная ее сторона — презрение и ненависть ярого националиста Бухаира к своему родному народу».

Наряду с переработкой романа С. Злобин создал на его основе также исторический рассказ для детей «Салават», который до войны дважды был издан массовым тиражом. В ту же пору он работал над пьесой «Пугачев»: в архиве писателя хранится рукопись двух картин первого действия пьесы. Другое название этого неоконченного произведения — «Емельян Пугачев, народная драма в пяти актах».

Несколько послевоенных лет жизни и творчества писателя снова связаны с Башкирией: С. Злобин работал в Башкирском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории имени Мажита Гафури (ныне Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР). Тесно общаясь с деятелями башкирской литературы и культуры, он активно участвовал в работе Союза писателей Башкирии, выступал с обсуждениями рукописей книг, рецензировал их.

Такая творческая дружба, бесспорно, способствовала росту художественного мастерства молодых писателей.

Завершив начатые еще до войны романы «Остров Буян» (1947), посвященный восстанию городских «низов» Пскова в 1650 году, и «Степан Разин» (1951), С. Злобин вновь обратился к своему любимому герою — Салавату Юлаеву: писал о нем драму и вторично переработывал роман. Новые исследования советских историков о Салавате и других сподвижниках Пугачева позволили писателю уточнить, дополнить и расширить многие части произведения, и в 1953 году появилась третья, принципиально новая редакция романа «Салават Юлаев». Если в первой редакции основное внимание автора было сосредоточено на главном герое, то в последней образ Салавата Юлаева слит с эпохой, широко и многогранно обрисована его полководческая деятельность, существенным изменениям подвергся также образ Юлая; вновь отшлифован язык романа. «В издании 1953 года... — говорит С. Злобин, — эта книга опять-таки снова переработана в связи с накоплением вновь открытой документации, что повлекло за собою и некоторые сюжетные изменения в романе».

В третьей редакции «Салавата Юлаева» исторически верно воспроизведены типические черты и особенности стихийного народного движения крепостной эпохи, раскрыта могучая сила народных масс. Большое профессиональное мастерство позволило писателю умело сочетать историческую правду с тонким, художественным вымыслом. При этом автор широко использовал башкирский фольклор, что способствовало не только воссозданию местного колорита, но и глубокому раскрытию внутреннего мира героев.

В издании 1962 года С. Злобин вновь продолжил работу над текстом романа; некоторые сцены сократил, другие переписал заново, внес ряд фактических уточнений, подверг стилистической правке. Как видим, с образом Салавата писатель не расставался на протяжении почти сорока лет.

«В основе языковых особенностей произведения о Салавате лежат реалистические принципы подхода писателя к истории, — утверждает Е. И. Кудряшова. — В «Салавате Юлаеве» Злобин принципиально по-новому решает проблему языка исторического романа: писатель отказывается рабски следовать языку канцелярских до-

кументов, положив в основу произведения язык народных песен и преданий о Салавате. Отсюда — большая красочность и эмоциональность речи автора и героев»[1].

Итак, в центре исторического романа «Салават Юлаев» изображен народ — творец истории, поднявшийся против угнетателей. Образы вождей народного восстания Емельяна Пугачева, Салавата Юлаева и других правдивы и выразительны. Выступая продолжателем традиций Д. Мамина-Сибиряка, Ф. Нефедова, Р. Игнатьева, еще в прошлом веке воспевших подвиги «пугачевского бригадира, певца и импровизатора», С. Злобин во всей полноте раскрывает духовный мир своего героя, его богатую поэтическую натуру и выдающийся полководческий талант.

Творческие, деловые и дружеские связи С. Злобина с Башкирией продолжались в течение всей жизни, поэтому-то писатель любил наш край как свою родину. И отнюдь не случайно, что основные события в последнем романе С. Злобина «По обрывистому пути», посвященном становлению коммунистической партии России, происходят в уральском промышленном городке, прототипом которого послужила Уфа, хорошо знакомая автору с детских лет.

Роман «По обрывистому пути» — первая книга оставшейся незавершенной дилогии «Утро века» — был издан уже после смерти автора — в 1967 году. Размышляя о судьбах народов России и мира, волнуясь извечными проблемами свободы и счастья, С. Злобин колоритно рисует те обрывистые пути, по которым идут его уфимские герои — люди мужественные и смелые, самоотверженно борющиеся за утро Нового века, озаренного лучами ленинских идей.

Мурат Рахимкулов

---

[1] Е. Кудряшова. Степан Злобин как автор исторических романов. Критико-биографический очерк. Белгород, 1961, стр. 19.

Содержание

Пролог 5
Часть первая 29
Часть вторая 149
Часть третья 281
Часть четвертая 543

Первый роман Степана Злобина. Послесловие *М. Рахимкулова* 661

Степан Павлович Злобин

САЛАВАТ ЮЛАЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Оформление серии А. Королевского и А. Холопова

Ответственный редактор *А. А. Цитович*
Художественный редактор *М. В. Сяплин*
Художник *В. А. Рудаков*
Технический редактор *Н. Я. Зарипова*
Корректоры *Л. Г. Останина, Л. Н. Семенова*

ИБ № 796

Сдано в набор 2|III-1978 г. Подписано к печати 1|VI 1978 г. Формат 70×90¹|₃₂. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 24,57. Уч.-изд. л. 24,05. Тираж 100 000. Заказ № 99. Цена 1 р. 60 к.

Башкирское книжное издательство, Уфа-25, ул. Советская, 18,
Уфимский полиграфкомбинат Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров БАССР. Уфа-1, проспект Октября, 2.

Цена 1 руб. 60 коп.

— Мне долго жить надо. Может, еще и свидимся, я внуков твоих крестить... прилечу.— Слово сидело еще в нем и вырвалось: п р и л е ч у.

Катерина покачала головой, лицо ее от неловкого поворота покраснело, резче проступили белые брови.

— Почему нет?

— Тебе ли крестить: ты в бога не веришь.

— Нельзя сразу и в бога и в людей верить. Вот и нас не бог выручил, а ты.

— Он мне велел.— Катерина посмотрела на него с сожалением.— Эх ты, умной, умной, а это и тебе невдомек.

5

Окна кабинета смотрели на широкое ложе Ангары, за нею распластался другой берег, серый пригород и рельсовый путь, который стал и спасением и пыточной дыбой для графа Кутайсова. Изредка дорога обнаруживала себя крутым облачком паровозного пара или гудком, но и в часы, когда слободка Глазково лежала за рекой безгласно, генерал-губернатор поглядывал туда, будто и в тишине слышал неспокойное дыхание вокзала, депо и мастерских. Все, что оставалось за спиной Кутайсова и звалось собственно Иркутском: зимнее заснеженное скопище домов с соборами и монастырями, семинариями и военными училищами, мужскими и женскими гимназиями, лабазами и типографиями, присутственными местами, питейными заведениями, лавками, госпиталями и тюрьмой,— все это вкупе не доставляло Кутайсову и половины тех бед, что принесла ему в последний месяц железная дорога. Вольно было Муравьеву-Амурскому полвека назад распоряжаться из этого кабинета судьбами Восточной Сибири, снаряжать, не дожидаясь петербургских курьеров, походы и экспедиции, спускаться по Амуру с флотилией речных судов,

разведывать земли по его берегам. Вольно было ему без телеграфа, без железной дороги, без развращенных земством и судом присяжных чиновников. При малости средств — и денег, и войск, и промышленности — какая свобода и самодеятельность во всем, решительно во всем!

Теперь не то. Стрекочут телеграфные аппараты, отсчитывая не годы и месяцы, а часы, когда столице угодно будет припереть его к стенке очередной депешей, приказом, лисьим, уклончивым советом. Иная телеграмма — как пистолет, приставленный к виску, а не пожалуешься, виду не покажешь даже в узком кругу губернских сановников; генерал Ласточкин, начальник иркутского гарнизона, не предаст, он глуп и простодушен; не настрочит доноса и Драгомиров, этот нынешним летом еще и не чаял, что сделается исполняющим обязанности иркутского полицмейстера, а Гондатти честолюбив, хитер и со связями, этого берегись. Он учтив, но бывает и сух, и дерзко-рассеян, покушается торопить Кутайсова, да так, что не придерешься,— поторапливать жестом, устремленным наклоном долговязого, костлявого туловища, сокрушенным или опечаленным вздохом. Гондатти и надоумил его 19 октября послать царю злополучную телеграмму: *«Положение отчаянное; войск почти нет; бунт полный, всеобщий; сообщений ни с кем... Прошу разрешения объявить военное положение, дав мне лично самые обширные права телеграфом»*. Если бы спустя часы он погиб, растерзанный толпой, и власть захватили бунтовщики, его вопль к престолу навсегда остался бы гласом мужества и решимости: только гибель придала бы цену его словам. Но шли дни и недели, на телеграмму не ответили ни государь, ни граф Витте, ни министр внутренних дел Дурново: презрительное молчание Петербурга как поцечина ложилось на Кутайсова. Гондатти остался в стороне. Нельзя было посылать эту телеграмму через сутки после обнародования манифеста: еще не умолкли благодарственные песнопения,

еще звучал газетный благовест и ликовали благонамеренные граждане России, и вдруг из Иркутска донесся панический голос Кутайсова. Что толку просить о военном положении, если сам он пишет, что войск почти нет! Теперь, вспоминая тот несчастный день, 19 октября, себя — домашнего, в малиновом халате и мягких туфлях,— волооокого Гондатти, его сухой, темный профиль, вспоминая то неуверенное движение, каким Гондатти извлек из папки проект телеграммы царю, Кутайсов готов был стенать от ярости.

Сегодня положение воистину отчаянное, телеграф в руках бунтовщиков, они определяют, какой депеше должно быть сообщенной в дом генерал-губернатора, а какую надлежит напечатать в газете для посрамления властей. Железная дорога — как бикфордов шнур, готовый всякую секунду дотлеть, подняв в воздух Кутайсова, его карьеру и жизнь; за дубовой дверью, в приемной,— истерический угрюмый человек, которого зачем-то привел с собой Гондатти; Кутайсов мельком увидел его, когда в кабинет входили Ласточкин и Драгомиров, и заподозрил недоброе в плечистом, как на плацу расхаживавшем гвардейском подполковнике.

Теперь у Кутайсова всеобщая война: с телеграфистами и путейцами, со стачечным комитетом и с либеральными болтунами, с безоружными солдатами, дожидающимися денежного расчета и отправки в Россию, с уголовной сахалинской каторгой, наводнившей Сибирь, война с действительным статским советником Гондатти, смуглолицым лицемером, хладнокровным игроком, надменным, породистым. В его медлительном, подчиняющем взгляде — скрытое сожаление, что губерния не следует его советам, его разумному и решительному слову.

Прежде Кутайсов любил первый натиск сибирской зимы — каленый морозец, сухой, несмотря на курившую паром Ангару, диковатые таежные толчки ветра, шальной

разбег саней по первопутку, уютно опустившееся книзу небо; теперь он словно бы взаперти, даже адвокаты, банковские служащие, путейские инженеры кажутся ему поголовно смутьянами, карбонариями, изменниками престолу и отечеству. Едва ли не все дела перешли в дом на набережной Ангары, а вместе с делами здесь водворился и управляющий губернской канцелярией Гондатти — лучше иметь его под рукой, чем тревожиться, что он плетет за спиной интриги, пишет доносы безукоризненным почерком.

Сковало льдом Ушаковку, Иркут, но Ангара еще мчала в зимних берегах, не сдавалась — ее морозы впереди, она уступит только в лютую крещенскую стужу, придет час, и Ангара покорится льду, отмолчится под его толщей, под санными колеями и тропами, которые перехлестнут реку в десятках мест. А уймется ли то многолюдное, горластое, красное, ненавидящее, что бросает в озноб и лихорадку губернский город, ремесленные слободки, путейское заречье и сотни оголодавших сел вокруг?

— До чего дожили! — Гондатти протянул губернатору свежий номер газеты, он взял его по пути в типографии.— Сообщаемся с Петербургом посредством бунтовщиков.

Газета на видном месте напечатала распоряжение министра внутренних дел начальнику Иркутского почтово-телеграфного округа: крупные буквы, строки неровно посаженные вместо какого-то вынутого материала: *«Предлагаю вам немедленно уволить от службы всех забастовщиков. Все такие лица обязаны в семидневный срок очистить казенные квартиры. Всякое послабление или уступка мятежникам будет приписана бездействию властей. Дурново».* Вот до чего дошло: либеральная газета не только публикует краденую правительственную телеграмму, но и издевается над министром, над губернскими властями, над самой идеей закона и порядка, заявляя тут же, вслед за именем Дурново, что подобные запугивания «мо-

гут подействовать только на тупоумных». Да, время упущено, может быть, навсегда: начальник почтового округа бессилен, телеграфические аппараты не в его руках, не он решает судьбу депеш и шифровок. Спасти дело могли бы верные престолу войска и дозволение стрелять: об этом он опрометчиво и прозорливо просил в телеграмме, когда Петербургу еще угодно было забавляться фейерверками. И Дурново имеет наглость писать о бездействии властей! Стреножили, надели путы на ноги, принудили к косоротой лжи, к подлому заигрыванию с чернью, развратили не только инородцев, которыми с избытком и на казенный счет начинена Сибирь, но и благонамеренных чиновников, а теперь твердят о бездействии властей. Теперь во всем виноват он: он, не убоявшийся ударить в набат в час педальповидного торжества...

Газету, оставленную губернатором, взял Ласточкин, затем прочел Драгомиров, отодвинув газетный лист на всю длину руки; невозможность выполнить приказ Дурново была слишком очевидна. Кутайсов с раздражением смотрел на Ласточкина, и начальник гарнизона поворачивался вслед движениям быстрого, порывистого генерал-губернатора.

— Что каширцы? — спросил Кутайсов на высокой ноте и, не надеясь на добрые вести, выкрикнул: — Упорствуют?

— Так точно: упрямятся.

В начале ноября взбунтовались воинские команды, расквартированные в Александровском, под Иркутском. Бунт удалось подавить: батальон Софийского полка под командой князя Миселадзе обезоружил восставших; но не прошло и недели, как самому князю пришлось покинуть Александровское,— пришли в волнение и его солдаты, маньчжурские ветераны. С востока прибыл эшелон каширцев — отборный 144-й Каширский полк,— и, получив дозволение временно задержать каширцев в Иркутске, Кутайсов воспрял было духом:

— Они что же — штафирки?! Солдат, не исполняющий приказа,— бунтовщик, в карцер его, к стенке!

— Они не уклоняются от службы,— сказал Ласточкин.— Несут караулы, содержат оружие в...

— Что! Исправно чистят оружие? — не дал ему закончить губернатор.— Скоблят котелки, жрут, подушки не крадут?! А вы и рады: молодцы каширцы! Если они не уклоняются от службы — прикажите им занять почтовую контору!

— Солдаты отказались нести полицейскую службу.

— Оказывается, они вами гнушаются, господин Драгомиров! — воскликнул Кутайсов, будто это была новость для него.— Все в рай хотят безгрешными. А вы постращайте!

— После Маньчжурии,— сказал Ласточкин,— у нас нет достаточных средств, чтобы напугать их.

Гондатти поглядывал то за окно, то на потемневшее, с прихлынувшей кровью, лицо начальника гарнизона, то на дверь, за которой томился приезжий подполковник.

— Поразительно! — Кутайсов отступился от Ласточкина.— Легионы солдат проследовали в поездах на восток, казалось, они сокрушат все, что им встретится в Маньчжурии. И что же? Мы духа перевести не успели, а уж они — обратно, и не узнать людей — бунтовщики, наглецы, хамы!..

— Командующий Второй Маньчжурской армией генерал Бильдерлинг,— сказал быстро отходивший сердцем Ласточкин,— разумно предполагал, во имя спасения трона, возвращать солдат в Россию не Сибирью, а морем. Из Владивостока в Одессу.

— Долго.— Гондатти досадовал, что приходится толковать и о такой чепухе.— Дорого. Даже и японский флот не справился бы. Вместе с нашим.— Он сердил военных, ни во что не ставил их мундиры.— И нас без команд нельзя оставлять.

— Нет, позвольте! — настаивал Ласточкин.— Через

Сибирь двинуть только отборные, преданные престолу кадровые части.

— Мы слишком быстро развращаем их терпимостью: уж не знаю, как поточнее выразиться.

— Я не сделал для ублаготворения нижних чинов ничего сверх того, что было предписано Петербургом,— вспыхнул Ласточкин.— Командирам приказано обращаться к солдатам на «вы», не рукоприкладствовать, а лишь подтягивать...

— Это как еще — подтягивать? — фальшиво недоумевал Гондатти.— В петлю, что ли?

— Карцером. Угрозой суда. Совершенно в духе времени.

— Горе, когда армия начинает печься о духе времени. Ей приличествует определять этот дух.

В нарушение правил, в кабинет заглянул чиновник особых поручений, он передал Кутайсову бумаги приезжего.

— Вы говорили с ним? — спросил генерал-губернатор у Гондатти, едва взглянув на бумаги: из-за портьеры он видел, как они выпрыгнули из саней, разом рассмеялись чему-то и поспешили к крыльцу.

— Подполковник настаивает на разговоре с вами.

— Сегодня еще не было поездов. Он, что же, вчера прибыл?

— Эшелон подполковника Коршунова проследовал через Мысовую; подполковник спешил и прибыл в Иркутск на дрезине. Это эшелон георгиевских кавалеров, они хорошо вооружены, при пулеметах. Одно их появление на улицах Иркутска...

— И отлично! — воодушевился Кутайсов. Он повернулся к Ласточкину: — Зовите его ко мне, генерал. А вас, господа, попрошу подождать: мы не долго будем секретничать.

Коршунов шагнул в кабинет напористо, едва не задев

плечом Драгомирова, который выходил последним. Он был невысок и так развернут в плечах, что по силуэту в проеме двери темный гвардейский мундир можно было принять за крылатую кавказскую бурку. Он представлял собой тип человека собранного, знающего свою цель и идущего к ней решительно; Кутайсов ощутил это в том, как он представился, отбросив копившуюся в приемной пустячную обиду, как его взгляд замкнулся на хозяине кабинета, не уделив и малого внимания резному столу, темным книжным шкафам, охотничьим трофеям и картинам в золоченых рамах. Улыбаясь, он необычно щерился, раздвигал густые черные усы янычара — и два ряда здоровых, литых зубов на смуглом лице, и живой блеск оливково-коричневых глаз сообщали ему мужественную привлекательность.

У Коршунова оказался и секретный пакет, адресованный Кутайсову. Начальник тыла Маньчжурской армии генерал Надаров требовал незамедлительной отправки эшелона в Россию; офицерам и нижним чинам, следующим в нем, надлежало вместе с другими воинскими частями обеспечить охрану двора и правительственных учреждений.

Кутайсов дал волю досаде и огорчению: лучшие войска бегут мимо них, ему оставляют — на время, тоже на время! — полуголодных запасных мужиков, вчерашних мастеровых, обпаглевших в маньчжурских баталиях, ждущих денежного расчета.

— Жаль Сибири! — Кутайсов спохватился, что жалуется пришлому человеку, которому нет до них дела, хотя живое, меняющееся лицо Коршунова и создавало впечатление, что он полон сочувствия.— Никому до нас нет дела, мы — великий, горестный, обременительный транзит. Тысячи постылых верст!.. Мы, надо полагать, даже и досаду вызываем, эка далеко как тащиться через нас к военному театру и обратно. Лежим на дороге болотом, гатью нескончаемой, дорогой в тартарары...

— У Сибири будущее, ваше сиятельство,— заметил Коршунов.

— Разумеется, б у д у щ е е! — зло отозвался Кутайсов.— Будущее! Грядущее! А мы-то с вами в настоящем обретаемся, у нас что ни день, то сегодняшний. Мне предписывают меры: арестуйте, запрещайте митинги, а ведь это вразрез с манифестом, да и запрещать на бумаге легче, чем не допускать на деле.

— Кто пыпче о манифесте думает! — сказал Коршунов легко, с оттенком шутливости, будто нащупывал собеседника.— Позвольте мне закурить? — спросил небрежно, словно об отказе или недовольстве хозяина не могло быть и речи.

— Курите, располагайтесь: небось устали с дороги.

— Я больше в приемных устаю.— Он дружески улыбнулся и взял из портсигара папиросу.

Теперь они сидели: губернатор — в кресле, потирая ноги от коленей к паху и обратно, и Коршунов — на обитом тисненой кожей диване.

— Манифест ничего не изменил,— вернулся Коршунов к своей мысли, на этот раз серьезно.— Разве что очевиднее сделалось многое такое, неудобное, скажем, от чего на Руси принято отворачиваться: авось минет. Виновата война.— Он кивнул на дверь, за стены этого дома, будто проигранная война издыхала где-то поблизости, будто он сам не ехал от нее долгие дни через Маньчжурию и Забайкалье.— Несчастная война и жизнь наша... диковинная, без решимости действовать, ваше сиятельство.

Он говорил твердо, открыто и безбоязненно смотрел в глаза графу Кутайсову, будто заранее предполагал в нем человека умного, широкого и не робкого десятка.

— И Восточная Сибирь — лучшее тому доказательство,— оживился Кутайсов.— В одно десятилетие развратили девственный край — и все переменилось! Особенно же вдоль железной дороги; она привлекла сюда пришлый

Н. А. Некрасов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва
«Художественная литература»
1985

СОДЕРЖАНИЕ

В дороге 3
Колыбельная песня *(Подражание Лермонтову)* 6
Современная ода 8
Перед дождем 9
Огородник 9
«Я за то глубоко презираю себя...» 12
Тройка 13
Родина 15
(Подражание Лермонтову) («В неведомой глуши, в деревне полудикой...») 17
Нравственный человек 18
«Еду ли ночью по улице темной...» 20
Вино 22
«Поражена потерей невозвратной...» 24
«Вчерашний день, часу в шестом...» 25
«Я не люблю иронии твоей...» 25
На улице 26
1. Вор 26
2. Проводы 27

3. Гробок . . . . . .
4. Ванька 28
«Мы с тобой бестолковые люди...» 28
Новый год 29
«Блажен незлобивый поэт...» 29
Муза 31
Из Гейне («Ах, были счастливые годы!..») 32
За городом 34
«О письма женщины, нам милой!» 35
Филантроп 36
Памяти Белинского 37
Отрывки из путевых [illegible] Гаранского 43
В деревне 44
Несжатая полоса 48
Маша 51
«Я сегодня так [illegible] 53
Свадьба 55
«Давно отверженный [illegible] 55
Извозчик 57
Влас 58
Секрет *(Опыт современной баллады)* 61
«Праздник жизни — молодости годы...» 65
«Безвестен я. Я вами не стяжал...» 68
«Тяжелый крест достался ей на долю...» 69
Последние элегии 69
1. «Душа мрачна, мечты мои унылы...» 71
2. «Я рано встал, недолги были сборы...» 71
3. «Пышна в разливе гордая река...» 72
На родине 73
Гадающей невесте 74
Забытая деревня 74
«Замолкни, Муза мести и печали!..» 75
Поэт и гражданин 77
«Внимая ужасам войны...» 77
«Тяжелый год — сломил меня недуг...» 87
88

Княгиня
Прости
«Как ты кротка, как ты послушна...»
«Я посетил твое кладбище...»
Школьник
Убогая и нарядная
«Стихи мои! Свидетели живые...»
«В столицах шум, гремят витии...»
Размышления у парадного подъезда
(Отрывок) («Ночь. Успели мы всем насладиться...»)
Песня Еремушке
Плач детей
На Волге *(Детство Валежникова)*
«Что ты, сердце мое, расходилося?..»
«...одинокий, потерянный...»
На смерть Шевченко
Похороны
Крестьянские дети
Дума
20 ноября 1861
«Что ни год — умеьшаются силы...»
Свобода
Рыцарь на час
«Литература с трескучими фразами...»
«В полном разгаре страда деревенская...»
Зеленый Шум
Что думает старуха, когда ей не спится
Калистрат
«Надрывается сердце от муки...»
«Благодарение господу богу...»
Орина, мать солдатская
Возвращение
Железная дорога
Памяти Добролюбова
О погоде

Часть первая

I. Утренняя прогулка 165
II. До сумерек 170
III. Сумерки 177

Часть вторая

I. Крещенские морозы 180
II. Кому холодно, кому жарко 185
«Ликует враг, молчит в недоуменье...» 190
«Умру я скоро. Жалкое наследство...» 191
Еще тройка 193
Генерал Топтыгин 195
Выбор 199
Эй, Иван! *(Тип недавнего прошлого)* 201
«Не рыдай так безумно над ним...» 205
Мать («Она была исполнена печали...») 206
«Душно! без счастья и воли...» 207
Дедушка Мазай и зайцы 208
Утро 214
Страшный год 215
«Смолкли честные, доблестно павшие...» 217
Три элегии *(А. Н. Плещееву)* 217
Уныние 220
Путешественник 228
Отъезжающему 229
Горе старого Наума 230
Элегия *(А. Н. Еракову)* 242
Пророк 244
Поэту *(Памяти Шиллера)* 245
Как празднуют трусу 246
Зине («Ты еще на жизнь имеешь право...») 247
«Скоро стану добычею тленья...» 247
«Угомонись, моя Муза задорная...» 248
Зине («Двести уж дней...») 249
Сеятелям 250
Молебен 250

Друзьям 251
Музе 252
Вступление к песням 1876—77 годов 252
Т〈ургене〉ву 253
Отрывок («...Я сбросила мертвящие оковы...») 255
Старость 256
Приговор 256
«Дни идут... всё так же воздух душен...» 257
«Есть и Руси чем гордиться...» 257
Посвящение («Вам, мой труд ценившим и любившим...») . . . 258
Горящие письма 258
Зине («Пододвинь перо, бумагу, книги!..») 259
Поэту («Любовь и Труд — под грудами развалин!..») 259
Баюшки-баю 260
«Черный день! как нищий просит хлеба...» 261
Ты не забыта 262
Осень 263
Сон 264
«Великое чувство! у каждых дверей...» 264
«О Муза! я у двери гроба!..» 265

В.В.Маяковский

СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва
«Художественная литература»
1980

ЧИТАЯ МАЯКОВСКОГО

Немало лет прошло с того дня, когда в трагическое утро 14 апреля 1930 года перестало биться сердце «агитатора, горлана-главаря», сердце великого поэта революции — Владимира Маяковского.

С первых своих шагов в поэзии Маяковский жадно, настойчиво, непрерывно искал контакта своего стиха с сердцем «человека улицы», большого, массового читателя своего времени.

С первых своих шагов в литературе он боролся за этого читателя, проходя сквозь строй открытых атак и кулуарных интриг, сопровождавшихся улюлюкающими выкриками и записками: «Маяковский, для кого вы пишете?», «Маяковский, вас не понимает и не принимает массовый читатель».

В шумном хоре голосов отрицателей смешались и возмущенное шипенье снобов-эстетов, и громыхающая «словесность» псевдолевых вульгаризаторов.

Но, вопреки всему этому, еще при жизни Маяковский проторил себе дорогу к тому читателю, о котором он мечтал в своей поэтической юности, во имя которого он ушел «из барских садоводств поэзии — бабы капризной».

К ним, этим своим современным и будущим читателям, поэт обращался в своем последнем, завещательном произведении «Во весь голос», считая себя обязанным рассказать «о времени и о себе».

Десятилетия, отделяющие нас от времени создания последних поэтических строк Маяковского, — достаточно большой срок для

проверки временем силы читательского внимания к поэту и силы его влияния на поэзию его времени и последующих десятилетий.

За эти десятилетия сошли с литературных подмостков и канули в Лету многие из тех, кто пророчил этот удел Маяковскому. За эти десятилетия, полные невиданных социальных катаклизмов, потрясавших человечество, ни победный гул великого строительства, ни разрушительный грохот войн и классовых битв не помешали читателю слышать голос поэта-новатора, поэта-революционера. Наоборот, чем больше мужало в борьбе и труде молодое советское общество, чем шире развертывалась ленинская культурная революция, тем больше и больше понимание стиха Маяковского становилось, по его выражению, «выше довоенной нормы».

Когда-то сам поэт мечтал о том, чтобы его стихи расходились по стране «летучим дождем брошюр». Эта его мечта, так же как и мечта о разговоре с читателем на волне радио, исполнилась. Прорвавшись через «громаду лет», поэт вошел в каждый дом своих соотечественников, звуча и в оригинале, и в поэтических переводах на всех языках народов, объединенных в братстве Союза Советских Социалистических Республик.

За эти десятилетия не проходило ни одной дискуссии, посвященной судьбам советской поэзии, в которой бы ее участники не отправлялись от новаторского наследия, оставленного нам Маяковским. И это не удивительно. Ведь кроме того, что за минувшие годы в поэзии звучали голоса поэтов, прямо ориентирующихся на поэтическую манеру и интонацию Маяковского, ни один из советских поэтов, как бы его манера, его интонация, его стиль ни разнились с интонационно-трибунным стихом Маяковского, не избежал благотворного воздействия его смелого новаторского опыта в расширении языковых, тематических, интонационных возможностей русского стиха.

Еще при жизни Маяковского установились его связи с наиболее прогрессивными поэтами за рубежом, уже были проложены первые тропинки к сердцу зарубежного читателя стиха.

Ныне, обозревая обширные дали современной мировой поэзии, без труда можно установить для себя, что стих Маяков-

ского «через головы поэтов и правительств» из года в год завоевывает за рубежом — и среди наших друзей, строящих социализм, и в капиталистических странах — сердца миллионов читателей и почитателей стиха.

Самоотверженная работа лучших, прогрессивных поэтов за рубежом приблизила Маяковского к сердцу зарубежного читателя, несмотря на все трудности перевода его стихов на другие языки.

Отечественная «маяковиана» получила подкрепление многими фундаментальными исследованиями и популяризаторскими работами, посвященными творчеству Маяковского, его стиху, его драматургии, его новаторским поискам, созданными во Франции и в Италии, в Англии и США, в странах Латинской Америки и Азии, во всех братских странах народной демократии.

И когда внимательно вчитываешься в стихи лучших, прогрессивных поэтов современного мира, без труда угадываешь их кровное родство с Маяковским. Это не эпигонство, не подражание учеников манере мастера, не «школа Маяковского». Это духовное родство товарищей по оружию, родство людей, стоящих в одном ряду в борьбе за будущее человечества и за будущее поэзии. Это боевое братство «хороших и разных» мастеров поэзии, объединенных общей исторической целью, часто общностью судьбы и общностью пути в поэзии от разных исходных «измов» («футуризм», «дадаизм», «сюррсализм», «экспрессионизм» и т. д.) к боевой поэзии человечества, пробивающего путь к справедливому будущему.

Такой поистине величественный итог жизни, трагически оборвавшейся на своем высоком взлете, — производное от большого и сложного пути поэта, его жизненной и литературной биографии, его заблуждений и открытий, его неутомимого новаторского поиска, вечной «езды в незнаемое», и постоянного ощущения себя «заводом, вырабатывающим счастье», его неистощимого гуманизма.

Владимир Маяковский пришел в русскую поэзию в те годы когда она, после поражения революции 1905 года, отражая духов-

ный кризис русской буржуазной интеллигенции, переживала глубокий упадок. Это остро и болезненно чувствовал самый талантливый и исторически чуткий из символистов — Александр Блок. Но другие представители этой группы, от Мережковского до Сологуба, а также все младшие символисты и эпигоны символизма окончательно выхолостили из русской поэзии, богатой славными традициями XIX века, живую мысль и живое чувство, обесплотили и обескровили русский поэтический язык. К десятым годам, когда со своими первыми стихами и декларациями выступили акмеисты и футуристы, когда зазвучали на страницах «Звезды» и «Правды» первые, пускай еще негромкие, строки пролетарских революционных поэтов, все признаки предвещали близость освежающей очистительной бури, обусловленной назреванием накануне первой мировой войны нового революционного кризиса. Должны были появиться поэты, способные вернуть русскому стиху славную традицию гражданственности, вывести его из заточения в «башне из слоновой кости» на улицу, в мир социальных страстей.

Эта великая задача была явно не по плечу поэтам группы акмеистов, выразителей тех же социальных сил, что и их духовные предшественники. Не под силу была эта задача и футуристам, в рядах и под знаменем которых пришел в поэзию молодой Маяковский.

Футуристы вошли в поэзию шумно, с рассчитанной скандальностью. Они эпатировали читателя и слушателя максимализмом своих литературных манифестов, необычностью названий своих программных сборников («Пощечина общественному вкусу», «Взял» и т. д.), и «желтыми кофтами фата», и разрисованными лицами, и нарочитой скандальностью публичных выступлений.

Владимир Маяковский, как и другие его товарищи по группе, также эпатировал буржуа и желтой кофтой, и эстрадными саркастическими, и броскими стихами.

Как и у других его сотоварищей по группе, у Маяковского тех лет было повышенное чувство личности, продиктовавшее ему и трагедию «Владимир Маяковский», и такие лирические стихи, как

«Себе, любимому, посвящает эти строки автор». В первых стихах Маяковского, напечатанных в программных футуристических сборниках, так же много бравады и декларативного преувеличения личности поэта, как и в других стихах этих сборников.

И при всем этом уже с первых шагов Маяковского в поэзии есть нечто отчетливо выделяющее его из шумной и разношерстной футуристической компании. Да, он вместе с другими футуристами сочинял и подписывал хартии «самовитого слова», утверждающие примат формы над содержанием. Да, он искренне ставил свою подпись под призывом «сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого с парохода современности». Да, в его стихах было выделено и подчеркнуто авторское «я»:

Я знаю —
гвоздь у меня в сапоге
кошмарней, чем фантазия у Гете!

Да, в молодых стихах и поэмах Маяковского было много строк и образов нарочито, подчеркнуто огрубленных, натуралистических, рассчитанных на то, чтобы резко противопоставить их выхолощенному, бесплотному стиху поэтов старшего поколения и эпигонов. Да, в молодых стихах и поэмах Маяковского, в известной мере и в последующем советском периоде его творчества, гиперболизм образов достигал поистине космических масштабов:

Если б был я
маленький,
как Великий океан, —
на цыпочки б воли встал,
приливом ласкался к луне бы.

Но при всем этом, повторяю, уже в самых ранних, дореволюционных стихах Маяковского своеобразно и сильно зазвучали ноты социального протеста. Это определялось и характером его таланта, и особенностями его биографии, и впечатлениями революции 1905 года на Кавказе, и кратковременным, но активным его участием в работе московской большевистской партийной

организации, и феноменально ранним развитием его политического сознания, наложившими неизгладимый отпечаток на всю жизнь поэта.

Острое ощущение себя во всем живом, человеком среди людей, подсказало Маяковскому в глухое, но уже чреватое грядущей революцией время строки, ярко подчеркивающие особый характер его «индивидуализма»:

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

А я у вас — его предтеча;
я — где боль, везде;
на каждой капле слезовой течи
распял себя на кресте.

Разделяя теоретические заблуждения и дореволюционного и послеоктябрьского футуризма, Маяковский — поэт революционных предчувствий, — как огромный одинокий утес над цепью холмов, возвышался над духовной средой своих единомышленников. И не случайно, что его именем обозначена вся плодотворная новаторская работа по обогащению содержательных, формотворческих и языковых возможностей русского стиха в предшествующие Октябрьской революции и послеоктябрьские годы.

Маяковский предреволюционных лет не был, конечно, пролетарским революционером большевистского склада. В его поэзии различимы и мессианская жертвенность, и анархическое, нигилистическое, огульное отрицание культуры прошлого, и утопичность идеала (финал поэмы «Война и мир»), и ультрагиперболизм, и подчеркнутый натурализм образов и языка.

Сложные вопросы, поставленные действительностью, чреватой надвигающейся революционной бурей, не находят ясных ответов в душе поэта, оторванного от революционного авангарда народных масс. Это и определяет нарастание трагического начала в поэмах «Флейта-позвоночник» и «Человек». Но и в них, однако,

все усиливаясь, продолжает звучать тот же мотив неиссякаемой любви к людям.

Если в предреволюционных стихах Маяковского все больше и больше усиливались трагические ноты, то после октябрьской победы рабочего класса начинает звучать боевое, призывное, мажорное начало, с особой силой выраженное в знаменитом стихотворении «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче». Заключительные строки этого стихотворения ложатся эпиграфом ко всему послеоктябрьскому творчеству поэта.

Новая боевая тональность звучит в кованых ритмах «Нашего марша» и «Левого марша». Солнечный свет гуманизма пронизывает лирическое стихотворение «Хорошее отношение к лошадям». Неистребимой верой в победоносное шествие революции насыщены и «ростинские» агитки Маяковского, и созданная им первая политическая советская пьеса «Мистерия-буфф».

Сказав революции:

Тебе обывательское
— о, будь ты проклята трижды! —
и мое,
поэтово
— о, четырежды славься, благословенная! —

Маяковский отдает Октябрю, рабочему классу, народу «всю свою звонкую силу поэта». О себе и своих соратниках он пишет в стихотворении «С товарищеским приветом, Маяковский»:

Пусть
хотя б по капле,
по́ две
ваши души в мир вольются
и растят
рабочий подвиг,
именуемый
«Революция».

Под влиянием огромных событий революционных лет изменилась не только тональность стихов Маяковского. Появилась

острая потребность говорить со вчера еще «безъязыкой улицей» новым, но обязательно понятным ей языком. Не теряя замечатель ных поэтических достижений предреволюционных лет, Маяков ский настойчиво ищет новые формы, новые жанры, новые те матические пласты в революционной действительности. Для него работа над агитплакатами РОСТА становится не только его формой участия в революционном подвиге народа, но и лабо раторией, в которой он, по собственному выражению, освобожда стих «от поэтической шелухи на темах, не допускающих много словия». И хотя впоследствии Маяковский справедливо пред остерегал пролетарских поэтов от того, чтобы не возводили в поэтический сан «плоскость раешников и ерунду частушек», сам он, в поисках доходчивости до тогдашнего массового читателя, не гнушался и этими формами, неизменно поднимая их до уровня большой прозы.

Послеоктябрьское поэтическое наследие Маяковского — это яркий, отмеченный печатью его новаторской гениальности лири ческий дневник подвигов и дел революционного народа, победив шего в Октябре, разметавшего своим героизмом всех вооружен ных врагов революции, победившего разруху и голод и первой пятилеткой сделавшего решительный шаг в социализм.

Как неутомимый «чернорабочий революции», Маяковский широко раздвигает рамки своих поэтических возможностей. Любая тема, на которой остановится его взгляд, превращается в лирическую тему поэта. Во всех формах и жанрах: в беспощадной, бичующей сатире, в лирико-эпическом строе своих поэм, в своей все пронизывающей лирике — Маяковский остается самим собой, от года к году освобождаясь от чрезмерностей своего футуристи ческого вчера, настойчиво и последовательно двигаясь к новой, найденной в новом материале революционной жизни, простоте своего стиха, своего поэтического образа.

Зародившаяся еще в самых первых произведениях Маяков ского любовь к человеку, скованная в дореволюционные годы отчаянием перед уродствами жизни, прорвала шлюзы и забуше вала весенним половодьем в послеоктябрьских стихах поэта.

Маяковский
чувствовал пульс
щее. Этого он тр
полные новатор
берет — опишет
чтоб брюки треш

Всю свою ж
ясь на нехожено
его поэтические
о себе: «Говорят
ся, что именно п
назвать преемни

Но дело не в
подражать поэт
жать с того мест
вперед. И при в
вого советского
влияние Маяков

Не все эсте
современный чи
смелого поэта-
освободившийся
Несмотря на то
опрокинуты взг
и в некоторых з
стихах, обращен
звучат старые п
литаризма, резк
ству Маяковско
ности властно
тяготело к «эк
большую и бол
инструментария

Сколько бы
пушкинского я

Маяковский, как никто другой из поэтов, его современников, чувствовал пульс своего времени, энергию устремленности в будущее. Этого он требовал и от других советских поэтов, когда писал полные новаторской энергии строки: «У нас поэт событья берет — опишет вчерашний гул, а надо рваться в завтра, вперед, чтоб брюки трещали в шагу».

Всю свою жизнь в поэзии Маяковский искал, иногда оступаясь на нехоженой целине новаторства, но как поражают новизной его поэтические находки, его поразительные открытия. Он писал о себе: «Говорят — я темой индивидуален». И некоторым кажется, что именно поэтому после смерти Маяковского никого нельзя назвать преемником его поэтического опыта.

Но дело не в том, что «темой индивидуален», а в том, что легко подражать поэтической поступи Маяковского, но трудно продолжать с того места, где он остановился, самостоятельное движение вперед. И при всем этом нет ни одного мало-мальски талантливого советского поэта, который не испытал бы на себе косвенное влияние Маяковского.

Не все эстетические положения Маяковского может принять современный читатель и современный поэт. Иногда Маяковского, смелого поэта-новатора, оттеснял доктринер, не окончательно освободившийся от пережитков футуристического нигилизма. Несмотря на то что такими стихами, как «Юбилейное», во многом опрокинуты взгляды футуристов на классическое наследие, все же и в некоторых заграничных стихах, и в некоторых декларативных стихах, обращенных к современному искусству, нет-нет да и прозвучат старые погудки футуризма, лефовского рассудочного утилитаризма, резко контрастные всему послеоктябрьскому творчеству Маяковского. Новый материал революционной действительности властно устранял из творчества поэта-новатора все, что тяготело к «эксперименту ради эксперимента», и вызывал все большую и большую простоту и ясность словесного и образного инструментария Маяковского.

Сколько было поломано копий в борьбе против «картавого» пушкинского ямба! А разве не торжественная медь ямбов пуш-

кинского «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» звучит в поступи, в музыке гениального завещания потомкам «Во весь голос»?

В этом стихотворении, задуманном как пролог к ненаписанной поэме о пятилетке, но ставшем эстетической и гражданской исповедью и завещанием поэта-революционера, Маяковский с предельной лаконичностью поведал своим современникам и людям коммунистического будущего «о времени и о себе». Повелим подвига поэта и гражданина. «Во весь голос», задуманное как трамплин для прыжка в новую полосу творчества, предвещало новые гениальные находки, новые прозрения и новые широкие картины созидательного труда народа на лесах первой пятилетки. Предвестием этой ненаписанной поэмы были вынесенные поэтом впечатления от поездок по стране, черновыми набросками которых были такие стихи, как «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру», «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», «Марш ударных бригад» и некоторые другие. В них звучала созидательная тональность великого трудового подвига народа на поднимаемой им непаханой целине нового этапа истории человечества.

Трудно в короткой статье раскрыть все то особенное и неповторимое в содержании, в тематике, в проблематике, в строе стиха Маяковского, что переломило скепсис читателей и опрокинуло все предсказания критических горе-пророков.

Несомненно, что ростом популярности своей поэзии Маяковский отчасти обязан той культурной революции, которая совершалась и продолжает совершаться в нашей стране.

За послеоктябрьские годы неизмеримо расширился культурный кругозор и обогатился внутренний мир советского читателя. Но есть и другой фактор.

Многие читатели двадцатых годов еще только осваивали азбуку революции. Смелые не только по форме, но и по содержанию стихи Маяковского, нацеленные в наше социалистическое и коммунистическое завтра, казались, может быть, утопическими,

По мере того как революционное развитие нашего общества из года в год подтверждало органическую реальность содержательного и эмоционального наполнения стихов поэта, они, естественно, начинали все больше и больше волновать сердца строителей социализма и коммунизма.

Есть и еще один секрет в стихах Маяковского, без понимания которого трудно объяснить непреходящую популярность его поэзии.

Многие поверхностно знакомые со стихами Маяковского, отпугнутые от них непривычной «лесенкой» построения, обостренной, иногда гиперболической образностью, преобладанием ораторской, трибунной интонации, отворачивались от него как от чересчур «громкого» поэта. С ростом общей культуры читателя и культуры чтения стиха, мне кажется, все большее и большее число людей стало понимать такую особенность стиха Маяковского, как органическое, слитное сочетание в них грубого баса поэта-трибуна с глубоко интимной доверительностью «тихих» интонаций лирика.

Это сочетание отмечает все самые сильные и самые «маяковские» стихи поэта. Приведу только два примера в обоснование своей догадки.

Пусть читатель вспомнит стихотворение «Сергею Есенину». Оно начинается в привычных для Маяковского иронических интонациях:

Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.

Пустота...
Летите,
в звезды врезываясь.

Ни тебе аванса,
ни пивной.

Трезвость.

И сразу же вслед за этими строчками — лирическое признание, обращенное и ко всем, и к каждому в отдельности:

Нет, Есенин,
это
не насмешка.
В горле
горе комом —
не смешок.
Вижу —
взрезанной рукой помешкав,
собственных
костей
качаете мешок.

Из этого сочетания трибунной и лирически доверительной интонации и рождается тот сердечный контакт с читателем, который каждое открытое и откровенно гражданское по проблематике и тематике стихотворение поэта делает лирическим признанием. И происходит это потому, что Маяковский, вопреки его же строкам «я себя смирял, становясь на горло собственной песне», начиная издали, от первых своих стихов, от своей поэмы «Облако в штанах», никогда не разделял свою лирику на гражданскую и личную. Личное входило в его гражданский стих, и нота гражданская органически звучала в самых интимных его стихах.

В подтверждение этой же мысли я хочу напомнить читателю заключительные строки «Во весь голос».

После широких завещательных слов «товарищам потомкам» о своем стихе, о своем пути в революции и позиции в поэзии Маяковский, как бы выбрав среди несчетных миллионов потомков одного-единственного, уже не как оратор-трибун народу, а как человеку человек говорит:

Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
И кроме
не слали мебель на́ дом.
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.

И сразу же за этим интимным, человеческим признанием трубные слова обращены ко всем читателям, к миру, к истории:

Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

Таким Маяковский раскрылся мне с того времени, когда я, преодолев предубеждения многих моих современников, научился читать его стихи, заглянул сквозь все необычное и непривычное в глубину души этого величайшего из поэтов нашего революционного времени и сумел отделить плевелы футуристических пережитков от золотых зерен души неповторимого революционного новатора.

Ал. Сурков

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А все-таки — 26.
А вы могли бы? — 19.
Адище города — 24.
Атлантический океан — 126.

Блек энд уайт — 133.
Бродвей — 137.
Бруклинский мост — 147.

Вам! — 34.
Владимир Ильич! — 72.
Внимательное отношение к взяточникам — 39.
Во весь голос — 245.
Военно-морская любовь — 37.
Война объявлена — 27.
Вызов — 144.

Гейнеобразное — 79.
Гимн обеду — 38.
Гимн судье — 35.

«Ешь ананасы, рябчиков жуй...» — 58.

Ко всему — 41.
Комсомольская — 107.
К ответу! — 57.

Левый марш — 69.
Лучший стих — 192.

Мама и убитый немцами вечер — 28.
Марш ударных бригад — 241.
Мелкая философия на глубоких местах — 131.
Молодая гвардия — 105.
Моя речь на Генуэзской конференции — 96.
Мы идем — 70.
Мы не верим! — 104.

Надоело — 45.
Нате! — 24.
Наш марш — 58.
Нашему юношеству — 186.
Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче — 75.
Не юбилейте! — 182.

Общее руководство для начинающих подхалим — 194.
Ода революции — 62.
О дряни — 80.
От усталости — 23.

Париж — 99.
Парижанка — 227.
Передовая передового — 167.
Письмо к любимой Молчанова, брошенной им... — 199.
Письмо Татьяне Яковлевой — 220.
Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви — 215.
Подлиза — 211.
Порядочный гражданин — 140.
Послание пролетарским поэтам — 171.
Последняя страничка гражданской войны — 79.
Послушайте! — 25.
Поэт рабочий — 65.
Приказ № 2 армии искусств — 85.
Приказ по армии искусства — 63.
Прозаседавшиеся — 88.
Прощанье — 122.
Птичка божия — 234.

Разговор на одесском рейде десантных судов: «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия» — 180.
Разговор с товарищем Лениным — 224.
Разговор с фининспектором о поэзии — 158.
Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру — 203.
Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка — 238.
Революция — 49.

Сволочи — 90.
Себе, любимому, посвящает эти строки автор — 47.
Секрет молодости — 207.
Сергею Есенину — 152.
Скрипка и немножко нервно — 30.
Стихи о советском паспорте — 230.
Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе — 83.
Столп — 208.

Товарищу Нетте — пароходу и человеку — 177.
Той стороне — 66.

Хорошее отношение к лошадям — 60.

6 монахинь — 123.

Юбилейное — 112.

Я — 19.
Я и Наполеон — 31.

СОДЕРЖАНИЕ

Ал. Сурков. Читая Маяковского . . . . . .
А вы могли бы? . . . . . .
Я 5
От усталости 19
Адище города 19
Нате! 23
Послушайте! 24
А все-таки 24
Война объявлена 25
Мама и убитый немцами вечер 26
Скрипка и немножко нервно 27
Я и Наполеон 28
Вам! 30
Гимн судье 31
Военно-морская любовь 34
Гимн обеду 35
Внимательное отношение к взяточникам 37
Ко всему 38
Надоело 39
Себе, любимому, посвящает эти строки автор 41
Революция 45
К ответу! 47
«Ешь ананасы, рябчиков жуй...» 49
Наш марш 57
Хорошее отношение к лошадям 58
Ода революции 58
Приказ по армии искусства 60
Поэт рабочий 62
Той стороне 63
Левый марш 65
Мы идем 66
Владимир Ильич! 69
Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче 70
Гейнеобразное 72
Последняя страничка гражданской войны 75
О дряни 79
Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе 79
Приказ № 2 армии искусств 80
Прозаседавшиеся 83
. 85
. 88

Сволочи 5
Моя речь на Генуэзской конференции 19
Париж (Разговорчики с Эйфелевой башней) 19
Мы не верим! 23
Молодая гвардия 24
Комсомольская 24
Юбилейное 25
Прощанье 26
6 монахинь 27
Атлантический океан 28
Мелкая философия на глубоких местах 30
Блек энд уайт 31
Бродвей 34
Порядочный гражданин 35
Вызов 37
Бруклинский мост 38
Сергею Есенину 39
Разговор с фининспектором о поэзии 41
Передовая передового 45
Послание пролетарским поэтам 47
Товарищу Нетте — пароходу и человеку 49
Разговор на одесском рейде десантных судов: «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия» 57
Не юбилейте! 58
Нашему юношеству 58
Лучший стих 60
Общее руководство для начинающих подхалим 62
Письмо к любимой Молчанова, брошенной им... 63
Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру 65
Секрет молодости 66
Столп 69
Подлиза 70
Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви 72
Письмо Татьяне Яковлевой 75
Разговор с товарищем Лениным 79
Парижанка 79
Стихи о советском паспорте 80
Птичка божия 83
Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка . . .85
Марш ударных бригад 88
Во весь голос . . . . . .
Алфавитный указатель произведений 252

ПРИМЕЧАНИЯ

Валтасар (с. 5) — Сюжет баллады заимствован из Ветхого завета.

«На севере диком стоит одиноко...» (с. 14) — одна из многих поэтических вещей гейневской «Книги песен». Широко известный перевод М. Ю. Лермонтова является по сути дела самостоятельным стихотворением.

«Не знаю, что сталось со мною... (с. 21) — один из наиболее значительных шедевров в наследии Гейне. Среди многих поэтических обработок старинной рейнской легенды только стихотворение Гейне стало популярной народной песней. Текст ее печатался во многих немецких антологиях: в годы фашизма стихотворение публиковалось без имени автора.

Стр. 46. *Песни-заклятья из Эдды* . — Старшая Эдда — исландское собрание саг о древнегерманских богах и героях, восходящее к рукописи XIII в

Посейдон (с. 48). — В пору работы над стихотворениями «Северного моря» Гейне увлекся чтением Гомера, особенно он любил и знал «Одиссею». Он писал об этом друзьям в 1825—1826 гг. Наиболее непосредственный отклик это нашло в данном стихотворении, вторая часть которого перечисляет все приключения Одиссея.

Стр. 48 ...*Где царицы пурпур прядут...* — У феакийцев, куда попадает Одиссей, царица Арета крутит веретено с окрашенной в пурпур шерстью.

...И в киммерийскую ночь... — Среди своих странствий Одиссей попадает к киммерийцам, жившим у входа в преисподнюю в царстве вечной ночи.

Ночью в каюте (с. 51). — Многое в этом стихотворении относится к младшей кузине поэта Терезе.

Стр. 54. *Мать красоты, рожденной из пены!..* — Согласно греческим мифам, богиня любви и красоты Афродита возникла из морской пены.

Морской призрак (с. 55). — Город, опустившийся на дно моря, — мотив, нередко встречающийся в произведениях романтиков. Гейне высоко ценил разработку этого мотива в стихотворении В. Мюллера «Винета». К этому же мотиву обращался и Э.-Т.-А. Гофман («Золотой горшок»).

Слава морю (с. 59). — Эти стихи связаны с эпизодом из произведения греческого писателя V—IV вв. до н. э. Ксенофонта «Анабасис». Ксенофонт рассказывает, как более 10-ти тысяч греческих солдат под руководством Кира Младшего предприняли поход против персидского царя Артаксеркса и, потерпев в этом походе поражение, преодолевая невероятные тяготы и препятствия, возвращались на родину. Увидев наконец с горных вершин море, греки стали радостно восклицать: «Та́ласса! Та́ласса!» («Море! Море!»)

Стр. 61. *...На челе Кронион.* — Кронион (то есть сын Кроноса) — второе имя Зевса, верховного бога греческого Олимпа.

Эрихтон (греч. миф.) — сын царя Дардана, обладатель драгоценных коней. Двенадцать жеребцов рождены кобылицами Эрихтона от Борея — бога ветра (см.: «Илиада», XX, 228—229).

Кастор и *Полидевк* (греч. миф.) — герои-близнецы, сыновья Зевса, покровители моряков. Две последние строки точно соответствуют тексту Гомера («Илиада», XI, 300).

Песнь океанид (с. 65). — Океаниды (греч. миф.) — морские богини, дочери бога Океана.

Стр. 67. *...Среброногой супруги Пелея...* — греческая бо-

...дня моря Фетида, супруга фессалийского царя Пелея и мать героя Ахилла.

Ниоба (Ниобея; греч. миф.) — супруга царя Фив, имевшая шесть сыновей и шесть дочерей. Гордясь своими детьми, она осмелилась превозноситься над богиней Лето, родившей только двоих. Аполлон и Артемида — дети Лето, — в отмщение за оскорбление, нанесенное их матери, поразили всех двенадцать детей Ниобеи, а саму ее превратили в окаменевшую статую; с той поры она не перестает проливать слезы.

Высокий титан — имеется в виду Прометей, принесший людям огонь и прикованный к скале по приказанию Зевса.

Стр. 69. *...Эти боги Эллады, // Что когда-то радостно правили миром...* — В греческой мифологии боги борются за власть, младшие боги отнимают владычество у старших.

...Блистающий Пантеон... — Пантеон — у древних римлян храм, посвященный всем богам.

Jupiter Parricida (Юпитер Отцеубийца; лат.). — Юпитер (римское название Зевса) убил своего отца Кроноса и стал властвовать вместо него. Гейне постоянно называет античных богов то их греческими, то римскими именами.

Юнона — верховная римская богиня, супруга Юпитера.

...Другая жезлом завладеть сумела... — Имеется в виду пресвятая дева Мария, мать Христа.

Стр. 70. Venus Libitina (Венера Либитина; лат.). — Либитина, первоначально римская богиня погребения; была отождествлена с Любентиной, богиней сладострастия, а затем — с Венерой.

Стр. 74. *...Ганс и Гегель, турок и грек...* — Эдуард Ганс, приятель Гейне, известный философ-гегельянец и правовед, читал в Берлинском университете курс лекций «История последних пяти десятилетий», на которые был наложен полицейский запрет.

...Но той, что цветет в городе Бремен, // В ратушном погребке! — Этот погребок, все его бочки и его хозяин были опи-

саны в известной повести Гауфа «Фантасмагории в Бременском винном погребке», вышедшей в том же 1827 г.

Стр. 76. *...Нос мирового духа...* — Иронический намек на понятие абсолютного духа в философских концепциях Шеллинга и Гегеля.

Психее (с. 110). — В романе римского писателя Апулея «Золотой осел» содержится сказка «Амур и Психея», согласно которой Психея не должна была видеть своего возлюбленного Амура. Когда она все же нарушила этот запрет, Амур ее покинул.

Стр. 111. *...Что ее зовут Лаурой...* — Лаура — возлюбленная итальянского поэта Петрарки, воспетая им в его «Сонетах» (1327—1348).

Фрау Метта (с. 112). — В этом стихотворении Гейне воспроизводит сюжет баллады «Золотой рожок», переведенной с датского Вильгельмом Гриммом и опубликованной им в сборнике датских народных песен.

Стр. 120. *Пришел, увидел, победил* / / *Прелестных иноземок.* — Ироническое переосмысление ставших крылатыми слов Юлия Цезаря, которые он якобы произнес после победы в битве при Зеле (47 г. до н. э.).

...Пока наконец из высоких кругов... — После поражения Наполеона в России прусский король Фридрих-Вильгельм III весной 1813 г. призвал немцев подняться на борьбу против наполеоновской оккупации.

...И Кёрнера песни запели. — Теодор Кёрнер (1791—1813) — известный немецкий поэт и драматург; в качестве добровольца вступил в корпус стрелков майора Лютцова и погиб от французской пули. В отряде Лютцова им были написаны лучшие его песни, в которых он звал на борьбу против французских захватчиков и которые его сделали наиболее ярким поэтом Освободительной войны. Отрицая в целом положительное значение антинаполеоновского движения в Германии, Гейне не принял и поэзии Освободительной войны, поэтому Кёрнер упоминается здесь в ироническом контексте.

Стр. 144. *Валькирии* — в скандинавской мифологии богини войны, летящие над полями сражений.

Поле битвы при Гастингсе (с. 145). — В 1066 г. норманнский герцог Вильгельм (стал историками именоваться Вильгельм Завоеватель) разбил наголову при Гастингсе армию короля англосаксов Гарольда II и, покорив Англию, занял королевский престол.

Карл I (с. 150). — В стихотворении осмысляется одно из крупнейших исторических событий — английская буржуазная революция XVII в., в ходе которой в 1649 г. был казнен король Карл I и провозглашена республика. Как и в следующем стихотворении, здесь отражается острый интерес Гейне к проблеме революционного насилия, его твердая уверенность в неизбежности свержения монархических режимов народными массами.

Стр. 151. *Мария-Антуанетта* — французская королева, дочь императрицы Марии-Терезии, с 1740 г. правившей «Священной Римской империей»; в 1793 г., в кульминационный период Великой французской революции, Мария-Антуанетта была гильотинирована по приговору Конвента.

Стр. 152. *Жан-Жак Руссо* (1712—1778), *Вольтер* (1694—1778) — выдающиеся французские писатели и мыслители эпохи Просвещения, чьи идеи подготовили французскую революцию конца XVIII в.

Помарэ (с. 154). — Помарэ I — королева острова Таити (1827—1877), ее именем называли знаменитую парижскую танцовщицу из увеселительного заведения «Сад Мабиль», рано умершую от туберкулеза. За остров Таити шла длительная борьба между французскими и английскими миссионерами, на которую намекает Гейне во второй строфе и в результате которой в 1843 г. Франция установила свой протекторат над островом.

Стр. 155. *Так перед Иродом-царем...* — Согласно евангельской легенде, Иоанн Креститель за публичное обвинение

в безнравственности жены царя Ирода Иродиады был брошен в тюрьму. Дочь Иродиады Саломея за свою пляску перед Иродом на празднестве получила от него обещание выполнить ее любое желание. По ее требованию ей была принесена голова Иоанна Крестителя на блюде.

Стр. 156. *Роз-Помпон* — известная парижская танцовщица.

Бог Аполлон (с. 157) — В стихотворении выражено горькое разочарование Гейне опошлением высоких идеалов эллинства буржуазной действительностью.

Стр. 158. *У ног красавца — девять жен...* — Античного бога света и поэзии Аполлона сопровождали девять муз, богинь искусств и наук (греч. миф.).

Парнас — священная гора, обиталище Аполлона и муз (греч. миф.) *Монпарнас* (фр., букв. — «Гора Парнас») — парижский квартал, населенный художниками, писателями.

Стр. 159. *Вылил я струи Кастали...* — Кастальский ключ, источник поэтического вдохновения, бивший у подножия Парнаса.

...Сквозь лавры Дафна на меня. — Нимфа Дафна бежала от преследовавшего ее Аполлона, за что была превращена в вечнозеленый лавр (греч. миф.)

Стр. 160. *В одеянье беглнок...* — Бегинки — монахини средневековых женских монашеских общин, получивших название по имени их основателя, Ламберта ле Бега (XII в.).

Стр. 161. *Грахт* — соединительный канал между портом и складами, верфями и т. д.

Тарок и *ломбер* — карточные игры.

Стр. 162. *Пикельхеринг* (букв. — «копченая селедка») — комический персонаж народного балагана типа Петрушки.

Олоферн, Давид — библейские персонажи; часто фигурировали в ярмарочных представлениях.

Золотой телец (с. 162). — Стихотворение написано по мотивам библейской легенды, согласно которой древние

...ели вопреки учению Моисея отлили золотого тельца и возвели его в религиозный культ.

Король Ричард (с. 163). — Ричард Львиное Сердце, король Англии (1189—1199), возвращаясь из крестового похода переодетый пилигримом, был узнан и заключен своим врагом Леопольдом VI Австрийским в замок Дюрренштейн, где и находился с 1192 по 1194 г.

Пфальцграфиня Лотта (с. 165). — Стихотворение написано по мотивам народной песни, опубликованной в сборнике Арнима и Брентано «Волшебный рог мальчика».

Мавританский король (с. 166). — Фердинанд II, король Арагона, в 1469 г. женился на Изабелле, королеве Кастилии. В 1492 г. объединившиеся королевства, захватив Гранаду, изгнали мавров из Испании. Именно об этом эпизоде и повествует стихотворение Гейне. *Боабдил* (Абу Абдалла эль-Шакир) — последний король Гранады. *Альпухара* — гористая местность под Гранадой. *Дуэро* — река на юге Испании.

Над Альгамброй с сверкающей... — Альгамбра — дворец мавританских королей близ Гранады, один из шедевров арабского зодчества XIII—XIV вв.

Стр. 171. *Фирдуси* (Фирдоуси; 960—1030) — великий ирано-таджикский поэт, автор монументального эпоса «Шах-наме» («Книга царей»; 1010), посвященного истории Ирана.

Стр. 172. *Фарсистан* — древний Иран.

...Первозданный свет Ирана... — Намек на содержащуюся в «Шах-наме» полемику с официальной религией Корана, которая вытеснила древнеперсидский культ бога Аня. Коран интерпретируется у Гейне как мрачный символ порабощения Ирана арабами в 636—651 гг.

Стр. 173. *Газна* — древний город на северо-востоке Афганистана.

Стр. 174. *...Царь от головы до ног.* — Скрытая цитата из трагедии Шекспира «Король Лир» (IV, 6).

Стр. 175. *Анвари* — придворный поэт шаха Магомета.

Тус — город, близ которого родился Фирдоуси.

Стр. 177. «Ля-иль-ля иль алла!» — «Нет бога кроме бога!» (а р а б.), формула Корана.

И с п а н с к и е А т р и д ы (с. 184). — Стихотворение написано по мотивам эпизода из средневековой истории Испании. Атриды — потомки Атрея, над которым тяготело проклятие богов (г р е ч. м и ф.). История Атридов полна кровавых событий.

В лето тысяча и триста // Восемьдесят три... — Гейне ошибочно указывает дату; Энрике II умер в 1379 г.

Локуста — легендарная изготовительница ядов в Древнем Риме.

Стр. 185. *Диего Альбукерке* — воспитатель короля Педро, затем его министр.

Калатрава — рыцарский орден, основанный в 1158 г. в Испании для обороны замка Калатрава от мавров.

Донна Фама. — Гейне шутливо вводит в повествование римскую богиню молвы, сплетен, пересудов.

Стр. 190. *Валтасаров пир* — См. также стихотворение «Валтасар» (с. 5 наст. изд.).

Стр. 193. *Церера* — древнеримская богиня плодородия. *Прозерпиночка* — дочь Цереры Прозерпина.

Стр. 194. *Сенешаль* (ф р.) — управитель королевского двора.

Стр. 199. *Как Геллерт...* — Принц Генрих Прусский в 1768 г. подарил заболевшему поэту Кристиану Геллерту (1715—1769) коня для верховых прогулок.

Стр. 206. *...не все умны, как Флакк...* — Римский поэт Гораций Флакк, участвовавший в битве при Филиппах (42 г. до н. э.), бежал с поля боя.

Стр. 207. *Не в честь ли Гёте пир?* — В 1849 г. широко праздновалось столетие со дня рождения Гете.

Зонтаг Генриетта — известная певица; после двадцатилетнего перерыва вернулась в 1849 г. на сцену.

А Лист? — Известный венгерский композитор и пианист

Ференц (Франц) Лист (1811—1886) в конце 40-х гг. перешел в католичество.

...царской или кроатской пикой. — Венгерская революция была подавлена казачьими частями русской царской армии и кроатскими реакционерами.

...И шпагу он не вынет из комода. — Во время триумфальных гастролей в Венгрии Листу была торжественно вручена драгоценная шпага.

Стр. 208. *С быком вступил в союз медведь...* — Под быком Гейне имеет в виду Австро-Венгрию, под медведем — Россию.

Диспут (с. 211) — Стихотворение демонстрирует иронически-отрицательное отношение Гейне к любым религиозным вероисповеданиям. В средневековой Европе было принято проводить диспуты, подобные описанному.

Стр. 214. *Бланш Бурбон (донья Бланка), Педро Жестокий.* — См. стихотворение «Испанские Атриды» (с. 184).

Стр. 222. *Левиафан* — по библейской легенде, гигантская рыба, мясом которой в день Страшного суда насытятся праведники.

Стр. 223. *«Мишна»* — часть Талмуда.

Стр. 224. *«Таусфес-Иомтоф»* — комментарий к «Мишне».

Корей (точнее: Кора) — по библейской легенде, возглавил заговор против Моисея, за что и был поглощен землей.

Стр. 225. *Буду я, как Мириам...* — Мириам (Мариам) — в Библии сестра Моисея, от радости плясала после чудесного перехода евреев через Красное море.

Стр. 228. *...И с ними гений Джакомо...* — Имеется в виду Джакомо Мейербер (1791—1864) — известный композитор, служивший для Гейне мишенью частых и несправедливых нападок.

Невольничий корабль (с. 231). — На близкий сюжет написаны стихотворение Беранже «Негры и марионетки» и новелла Мериме «Таманго».

Суперкарго — уполномоченное лицо, сопровождающее коммерческий груз на корабле и ответственное за его доставку.

Стр. 236. ...*Сказал поэт Альбиона.* — Альбион — Англия. Цитируется драма Шекспира «Венецианский купец» (V, 1).

А ф р о н т е н б у р г (с. 236). — Заглавие — словообразование Гейне; в переводе на русский язык — «Замок оскорблений». Имеется в виду загородная вилла близ Гамбурга, принадлежавшая дяде поэта, крупному банкиру Соломону Гейне, где в молодости на долю поэта выпало немало горьких унижений.

Стр. 237. ...*От старого брюзги Борея.* — Борей — бог северного ветра (г р е ч. м и ф.); здесь имеется в виду Соломон Гейне.

Стр. 244 *Нетшер* Каспар (1639—1684) — голландский художник.

Стр. 246 ...*Иокаста сын и Лайя* — имеется в виду царь Эдип, который разгадал загадку сфинкса, после чего чудовище рухнуло со скалы и погибло (г р е ч. м и ф.).

Стр. 252. *Ксантипа* — намеренное шутливое искажение имени Ксантипы, жены древнегреческого философа Сократа, известной своей сварливостью.

Стр. 253. *Малибран* — знаменитая французская певица.

Рубини, Марио, Тамбурини — итальянские певцы.

Стр. 255. *Авалун* — остров фей в скандинавской мифологии.

1 6 4 9 — 1 7 9 3 — ? ? ? ? (с. 260). — Резкость, с которой здесь Гейне высказывает мысль о неизбежности уничтожения монархического строя, еще раз свидетельствует о политическом радикализме поэта даже в последние годы его жизни. *1649 г.* — год казни Карла I (см. примеч. к с. 150). *Луи Капет* — король Франции (Людовик XVI), был казнен в 1793 г. *Мария-Антуанетта* — его жена.

О с л ы - и з б и р а т е л и (с. 261). — Сатира на Франк-

...ртское национальное собрание, избравшее в 1848 г. импер-...кого правителя и тем самым предавшее революцию 1848 г.

Стр. 269. *Тантал* — царь фригийцев (г р е ч. м и ф.). За то, что выдал тайны богов, был осужден в царстве мертвых на вечные муки голода и жажды: стоя по горло в воде, он не мог напиться и не мог достать плоды, свисающие над водой.

Стр. 270. *Голубой цветок.* — В романе немецкого романтика Новалиса «Генрих фон Офтердинген» символизирует познание всех тайн бытия; вскоре после публикации романа (1802) на длительное время стал универсальным романтическим символом стремления к бесконечному, к непознанному; Гейне прибегает к этому символу в ироническом смысле.

Стр. 273. *Зигфрид* — герой древнегерманского эпоса «Песнь о Нибелунгах»; выкупавшись в крови убитого им дракона, стал неуязвим. Но во время купания у него между лопатками прилип листок липы, и в это незащищенное место ему нанес предательский смертельный удар Хаген.

А. Дмитриев

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕСЕН

ЮНОШЕСКИЕ СТРАДАНИЯ

«Колыбель моих страданий...» *Перевод В. Левика* 3
Гренадеры. *Перевод М. Михайлова* 4
Валтасар. *Перевод М. Михайлова* 5
«Разубранному в золото чурбану...» *Перевод В. Левика* . . 7

ЛИРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

«Чудесным светлым майским днем...» *Перевод В. Зоргенфрея* 8
«Я в чашу лилии белой...» *Перевод В. Зоргенфрея* 8
На крыльях песни, подруга... *Перевод В. Левика* 9
«Поднявшись над зеркалом Рейна...» *Перевод В. Левика* . 10
«На глазки возлюбленной моей...» *Перевод В. Коломийцева* 10
«Ангел мой, я жду ответа... *Перевод В. Левика* 11
«Как из пены волн рожденная...» *Перевод М. Михайлова* 12
«Я не сержусь: простить достало сил...» *Перевод И. Анненского* 12
«Рокочут трубы оркестра...» *Перевод С. Маршака* 12
«Отчего весенние розы бледны...» *Перевод В. Левика* . . . 13
«Они наплели немало...» *Перевод В. Коломийцева* 13
«И розы на щечках у милой моей...» *Перевод М. Михайлова* 14
«На севере диком стоит одиноко...» *Перевод М. Лермонтова* 14
«Из муки моей нестерпимой...» *Перевод В. Зоргенфрея* . . 15
«Надев сюртучки побогаче...» *Перевод Ал. Дейча* 15
«Юноша девушку любит...» *Перевод Л. Гинзбурга* 16
«Из старых сказок мадет...» *Перевод В. Левика* 16
«Они меня истерзали...» *Перевод Ан. Григорьева* 17
«На щечках твоих румянец...» *Перевод В. Левика* 18

«Двое перед разлукой...» *Перевод С. Маршака* 18
«За столиком чайным в гостиной...» *Перевод С. Маршака* 19
«Мне сон старинный приснился опять...» *Перевод В. Зоргенфрея* 19
«Во сне я горько плакал...» *Перевод В. Зоргенфрея* 20

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

«Не знаю, что стало со мною...» *Перевод В. Левика* 21
«Печаль, печаль в моем сердце...» *Перевод В. Левика* . . . 22
«По роще брожу я, рыдая...» *Перевод А. Ревича* 23
«Когда мне семью моей [illegible]» *Перевод В. Левика* . . . 23
«Красавица рыбачка...» *Перевод В. Левика* 24
«Когда твоим переулком...» *Перевод В. Левика* 25
«На пасмурном горизонте...» *Перевод В. Левика* 25
«Город уснул, я брожу одиноко...» *Перевод В. Левика* . . . 26
«Сменяются поколенья...» *Перевод В. Левика* 26
«Что нужно слезе одинокой?..» *Перевод В. Левика* 27
«Любовь, толкуют люди...» *Перевод В. Левика* 27
«Неужели ты ни разу...» *Перевод П. Вейнберга* 28
«Пока изливал я вам скорбь и печали...» *Перевод В. Левика* 28
«Не подтрунивай над чертом...» *Перевод С. Маршака* 29
«Мы были совсем еще дети...» *Перевод Р. Дубровкина* . . . 29
«Я как-то грустно-беспокоен...» *Перевод Т. Сильман* . . . 30
«Как из тучи светит месяц...» *Перевод В. Левика* 31
«Довольно! Пора мне забыть этот вздор!..» *Перевод А. К. Толстого* 32
«Хотелось, чтоб вместе мы были...» *Перевод П. Карпа* . . . 32
«У вас вечеринка сегодня...» *Перевод Ал. Дейча* 33
«Хотел бы в единое слово...» *Перевод Л. Мея* 34
«Кто впервые в жизни любит...» *Перевод В. Левика* 34
«С тобою в ночном дилижансе...» *Перевод А. Ревича* 35
«И если ты станешь моей женой...» *Перевод В. Левика* . . 35
«К плечу белоснежному милой...» *Перевод С. Маршака* . 35
«Трубят голубые гусары...» *Перевод С. Маршака* 36
«Я и сам в былые годы...» *Перевод Л. Мея* 36
«Ах, опять тот взор, что прежде...» *Перевод В. Левика* . . . 37
«Кричат, негодуя, кастраты...» *Перевод С. Маршака* 37
«Я с первых же слов, по улыбке, по взглядам...» *Перевод В. Левика* 38

«Вечереет. Поздним летом...» *Перевод В. Левика* 38
«В сердце боль, устали ноги...» *Перевод В. Левика* 39
«Где, скажи мне, та, чью прелесть...» *Перевод В. Левика* . 39

ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ГАРЦУ»

1824

Пролог. *Перевод Ал. Дейча* 40

СЕВЕРНОЕ МОРЕ

1825—1826

Цикл первый

Венчание. *Перевод Г. Ратгауза* 41
Сумерки. *Перевод П. Вейнберга* 42
Закат солнца *Перевод М. Михайлова* 43
Ночь на побережье. *Перевод С. Ошерова* 45
Посейдон. *Перевод М. Михайлова* 48
Признание. *Перевод М. Михайлова* 49
Ночью в каюте. *Перевод В. Разумовского* 51
Буря. *Перевод В. Левика* 53
Морская тишь. *Перевод М. Михайлова* 55
Морской призрак. *Перевод М. Михайлова* 55
Очищение. *Перевод П. Карпа* 58

Цикл второй

Слава морю. *Перевод В. Левика* 59
Гроза. *Перевод М. Михайлова* 61
Кораблекрушение. *Перевод Ф. Тютчева* 62
Закат солнца. *Перевод Г. Ратгауза* 63
Песнь океанид. *Перевод М. Михайлова* 65
Боги Греции. *Перевод С. Ошерова* 68
Вопросы. *Перевод Ю. Очиченко* 72
Феникс. *Перевод М. Михайлова* 72
В гавани. *Перевод С. Ошерова* 74
Эпилог. *Перевод П. Карпа* 76

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

НОВАЯ ВЕСНА

Белый сад выходишь утром...» *Перевод В. Левика* 77
Счастьем девственным томимы...» *Перевод В. Левика* . . 78
Зазвучали все деревья...» *Перевод В. Левика* 78
Эта истома, и звон колокольный...» *Перевод В. Левика* . 79
Весны синеют очи...» *Перевод Т. Сильман* 79
В глазах твоих синих-синих...» *Перевод Т. Сильман* . . . 80
Снова в сердце жар невольный...» *Перевод В. Левика* . . 80
Как гвоздики знойно пышат!..» *Перевод А. Мушниковой* . 81
Сон ли прежний я лелею...» *Перевод В. Левика* 82
Поцелуй, что взят во мраке...» *Перевод М. Павловой* . . 82
Жил-был король суровый...» *Перевод Е. Книпович* . . . 83
Прошедшего смутный облик...» *Перевод Р. Дубровкина* . . 83
Видел я, как в чаще леса...» *Перевод М. Павловой* 84
Утром шлю тебе фиалки... *Перевод В. Коломийцева* . . . 85
Вы, право, не убили...» *Перевод В. Левика* 85
О, не бойся, что пред всеми...» *Перевод В. Левика* 85
Ночь ли, день ли — все ликует...» *Перевод В. Левика* . . . 86
Бродят звезды-златоножки...» *Перевод В. Левика* 87
Весна грустит; глядят с кручиной...» *Перевод А. Шкаффа* 87
Я вновь мучительно оторван...» *Перевод В. Левика* 88
Надежды расцветают...» *Перевод В. Левика* 88
Небо старцем красноглазым...» *Перевод А. Шкаффа* . . 89
Влачусь по свету желчно и уныло...» *Перевод В. Левика* 89
Осень. Пал туман на долы...» *Перевод В. Левика* . . . 90

РАЗНЫЕ

Серафина 90
«Поздно вечером брожу я...» *Перевод В. Левика* 91
«На пустынный берег моря...» *Перевод В. Левика* 91
«С каким любопытством чайка...» *Перевод В. Левика* . . . 92
«Она, как серна, от меня...» *Перевод В. Левика* 93
«Блещут маленькие звезды...» *Перевод В. Левика* 94
«Тени, тени — всё для тлена...» *Перевод В. Левика* 95
«Девица у причала...» *Перевод В. Левика* 95
«На черных ветрилах летит мой корабль...» *Перевод В. Левика* 96

Анжелика

«Взыскан я улыбкой бога...» *Перевод В. Коломийцева* . . . 95
«Ты быстро шла, но предо мною...» *Перевод А. Майкова* . . 96
«Закрыв глаза ей, алый рот...» *Перевод В. Коломийцева* . . 96
«В час, когда любовниц милых...» *Перевод М. Фромана* . . 97
«Не отвергай! Пусть жар погас...» *Перевод В. Левика* . . . 97
«Эта масленица страсти...» *Перевод А. Мейснера* 98

Гортензия

«Был когда-то я уверен...» *Перевод Н. Григорьевой* . . . 99
«Зреет яблоко на древе...» *Перевод Н. Григорьевой* 99
«Недолгим счастьем, милый друг...» *Перевод Н. Григорьевой* 100

Кларисса

«Ты не внемлешь пылким клятвам...» *Перевод Е. Акселърод* 100
«Все слишком поздно — вздох твой встречный...» *Перевод Е. Акселърод* 101

Иоланта и Мария

«Эти дамы понимают...» *Перевод В. Левика* 101
«Юность кончена. Приходит...» *Перевод В. Левика* 102
«Тенью мрачною, густою...» *Перевод Д. Горфинкеля* . . . 102

На чужбине

«Из края в край твой путь лежит...» *Перевод М. Михайлова* 103
«Был у меня когда-то край родной...» *Перевод В. Разумовского* 104

РОМАНСЫ

Anno 1829. *Перевод В. Левика* 104
Anno 1839. *Перевод М. Лозинского* 105
Рыцарь Олаф. *Перевод Е. Книпович* 107

Психея. *Перевод С. Маршака* 110
Незнакомка. *Перевод П. Карпа* 110
Фрау Метта. *Перевод В. Левика* 112

OLLEA

Странствуй! *Перевод С. Маршака* 114
Старинная песня у камина. *Перевод Л. Гинзбурга* 115
Напрасное томление. *Перевод Т. Сильман* 116
Ангелы. *Перевод А. Ревича* 117

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Доктрина. *Перевод Ю. Тынянова* 118
Предостереженье. *Перевод З. Морозкиной* 118
Тайна. *Перевод В. Левика* 119
Тамбурмажор. *Перевод А. Мушниковой* 119
Жизненный путь. *Перевод В. Левика* 122
Вот погодите! *Перевод Ал. Дейча* 122
Ночные мысли *Перевод М. Михайлова* 123

ДОПОЛНЕНИЯ

1812—1831

Любовная жалоба *Перевод В. Зоргенфрея* 125
Урок. *Перевод В. Зоргенфрея* 127
«Не верую я в небо...» *Перевод Ю. Тынянова* 127
«Цветы к лучезарному солнцу...» *Перевод А. Ревича* 128
Исходя печалью нежной...» *Перевод А. Ревича* . . . 128
Кто память у сердца отнимет... *Перевод П. Карпа* . . . 129
«Узы дружбы, пыл сердечный... *Перевод В. Зоргенфрея* . 129
«Весь день о ней я тосковал... *Перевод В. Зоргенфрея* . 130
«Ты губы в кровь искусала мне...» *Перевод В. Зоргенфрея* 131
«Когда ты раскрыла объятья — о боги!.. *Перевод В. Левика* 131
«Меня ты, крошка, не конфузь...» *Перевод В. Зоргенфрея* 131
«Ты красива, ты богата...» *Перевод В. Левика* 131
«Поля и леса зеленеют...» *Перевод В. Зоргенфрея* . . 132
«Пробудись, мечта былая...» *Перевод А. Ревича* . . . 133

«В серый плащ укрылись боги...» *Перевод В. Левика* . . . 134
«На небе полная луна...» *Перевод А. Мейснера* 135
«Был месяц март, когда любовь...» *Перевод В. Зоргенфрея* 135
«Я много творю песнопений...» *Перевод В. Левика* 135
«Когда с любимой мы вдвоем...» *Перевод В. Левика* . . . 136
«Моим бы песням нежным...» *Перевод В. Зоргенфрея* . . 136
«Когда подступает волшебный миг...» *Перевод В. Зоргенфрея* 137
«Если ты связан интимно с дамой...» *Перевод М. Фроманна* 137
«Вновь с истерзанной душою...» *Перевод А. Энгельке* . . 138
«Храни вас господа забота...» *Перевод П. Вейнберга* . . . 138
«Весь день я в усладах небесных провел...» *Перевод В. Левика* 139
Пригрезившееся счастье. *Перевод В. Левика* 139
Уходящее лето *Перевод В. Левика* 140
К Дженни. *Перевод Л. Гинзбурга* 140
«Что за роскошь, соразмерность...» *Перевод П. Быкова* . 141
«Звезды глаз в красе смертельной...» *Перевод Д. Щедровицкого* 142
«Зазвенело в песне звонкой...» *Перевод М. Фромана* . . . 143

РОМАНСЕРО

Валькирии. *Перевод Л. Гинзбурга* 144
Поле битвы при Гастингсе. *Перевод А. Блока и Е. Книпович* 145
Карл I. *Перевод З. Морозкиной* 150
Мария-Антуанетта. *Перевод Л. Гинзбурга* 151
Помарэ. *Перевод М. Павловой* 154
Бог Аполлон. *Перевод В. Левика* 157
Золотой телец. *Перевод Л. Пеньковского* 162
Король Ричард. *Перевод З. Морозкиной* 163
Азр. *Перевод М. Павловой* 164
Пфальцграфиня Ютта. *Перевод М. Замаховской* 165
Мавританский царь. *Перевод В. Левика* 166
Жоффруа Рюдель и Мелисанда Триполи. *Перевод В. Левика* 168
. 171
. 178
Поэт Фирдуси. *Перевод В. Левика* 184
Лесное уединение. *Перевод В. Ещина* 184
Испанские атриды. *Перевод В. Левика* 184

Семейное счастье. *Перевод Л. Гинзбурга* 317
Теперь куда? *Перевод Л. Гинзбурга* 195
Гарантия. *Перевод А. Опошкович-Яцыны* 195
Старая роза. *Перевод В. Левика* 196
Аутодафе. *Перевод В. Костомарова* 197
Лазарь
Ход жизни. *Перевод В. Левика* 198
Оглядка. *Перевод Л. Гинзбурга* 199
Воскресение из мертвых. *Перевод В. Левика* 199
Охладелый. *Перевод В. Левика* 200
Погибшие надежды. *Перевод В. Левика* 201
День поминовения. *Перевод Н. Зиминой* 202
Свидание. *Перевод В. Левика* 203
Госпожа Забота. *Перевод Р. Дубровкина* 204
В октябре 1849. *Перевод В. Левика* 205
Дурной сон. *Перевод Р. Дубровкина* 206
Она погасла. *Перевод И. Елина* 208
Enfant perdu. *Перевод В. Левика* 209
Диспут. *Перевод Л. Дейча* 210
. 211

СТИХОТВОРЕНИЯ 1853 И 1854 ГОДОВ

Алкая покоя. *Перевод Ю. Тынянова* 227
Тело и душа. *Перевод Е. Дмитриевского* 228
Красные туфли. *Перевод Ю. Тынянова* 229
Невольничий корабль. *Перевод В. Левика* 231
Афронтенбург. *Перевод В. Левика* 236
К Лазарю
I. «Брось свои иносказанья...» *Перевод М. Михайлова* 239
II. «Висок мой вся в черном госпожа...» *Перевод М. Тарловского* 240
III. «Как медлит время, как ползет...» *Перевод В. Левика* 241
IV. «Цветами цвел мой путь весенний...» *Перевод В. Левика* 241
V. «Я знал их в радости и в горе...» *Перевод В. Левика* 242
VI. «Ты девушкой была изящной, стройной...» *Перевод Л. Гинзбурга* 243
VII. «Да, ты оправдана судом...» *Перевод В. Левика* 244

VIII. «Был молнией, блеснувшей в небе...» *Перевод М. Замаховской* 245
IX. «Образ сфинкса наделен...» *Перевод О. Чюминой* . 245
X. «Три пряхи сидят у распутья...» *Перевод М. Тарловского* 245
XI. «Меня не тянет в рай небесный...» *Перевод В. Левика* 246
Стрекоза. *Перевод Р. Дубровкина* 247
Вознесение. *Перевод Л. Пеньковского* 248
Рожденные друг для друга. *Перевод Е. Дмитриевского* . . 250
Капризы влюбленных. *Перевод В. Левицкого* 254
. 255

ДОПОЛНЕНИЯ

1848—1856

Михель после Марта. *Перевод В. Левика* 258
1649—1793—???? *Перевод В. Левика* 260
Ослы-избиратели. *Перевод И. Миримского* 261
Бродячие крысы. *Перевод В. Левика* 264
Песнь Песней. *Перевод В. Левика* 266
Цитрония. *Перевод В. Левика* 267
Крик сердца. *Перевод В. Левика* 271
Где? *Перевод И. Елина* 271
«Да не будет он помянут!..» *Перевод Ю. Тынянова* 272
«В диком бешенстве ночами...» *Перевод Л. Руст* 273
«Мой день был ясен, ночь моя светла...» *Перевод В. Левика* 274
«Вечность, ох, как ты долга!..» *Перевод М. Тарловского* . . 274
«Час за часом, дни и годы...» *Перевод Л. Руст* 275
«В мозгу моем пляшут, бегут и шумят...» *Перевод В. Левика* 275
«Землю губит злой недуг...» *Перевод В. Левика* 278
«Завидовать жизни любимцев судьбы...» *Перевод В. Левика* 279
Аллилуйя. *Перевод А. Мушниковой* 281
Целимена. *Перевод В. Левика* 284
«Ни увереньями, ни лестью...» *Перевод М. Тарловского* 284
«В часах песочная струя...» *Перевод В. Левика* 285
Прощание. *Перевод Д. Минаева* 285

«Цветы, что Матильда в лесу нарвала...» *Перевод В. Левика* 286
«Как твой пастух, немалый срок...» *Перевод В. Левика* . 287
«Приходит смерть. Теперь скажу я...» *Перевод Ал. Вознесенского* 288
«Я разум твой приворожил...» *Перевод Р. Дубровкина* . . 289
Лотос. *Перевод В. Левика* 290
«Вместо дел — засилье слова!..» *Перевод М. Тарловского* . 290
«Пытай меня, избей бичами...» *Перевод В. Левика* 291
Мушке. *Перевод В. Левика* 292

Примечания *А. Дмитриева* 299

Гейне Г.
Г 29 Стихотворения: Пер с нем./Сост. и примеч. А. Дмитриева. — М.: Худож. лит., 1985. — 319 с. (Классики и современники. Поэтич. б-ка)

В книгу вошли избранные стихотворения крупнейшего немецкого поэта XIX века Генриха Гейне (1797—1856).

Г 4703000000-185
028(01)-85 149-85

ББК 84. 4Г
И (Нем)

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННИКИ

Поэтическая библиотека

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Стихотворения

Редактор М. Вакс махер

Художественный редактор

В Серебряков

Технический редактор

Л. Вецкувене

Корректоры

Н. Гришина, Е. Ивасюк

ИБ № 3707.

Сдано в набор 20.07.84. Подписано в печать 20.04.85. Формат 70×100 1/32. Бумага офсет № 2. Гарнитура «Эксцельсиор». Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,96. Усл. кр.-отт. 26,24. Уч.-изд. л. 12,07. Тираж 500 000 экз. (2-й завод 250 001—500 000). Изд. № 1-1718. Заказ 966. Цена 1 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.
Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Калинин, пр. Ленина, 5

P2
E82

Классики и современники

Поэтическая библиотека

Тексты печатаются по изданию:

С. А. Есенин. Собр. соч. в 6-ти томах, тт. I—IV. М., «Художественная литература», 1977—1978

Составление и вступительная статья
А. Козловского

На обложке портрет Сергея Есенина
работы художника
А. И. Кравченко

Художник
Н. Калита

© Вступительная статья, составление, оформление. Издательство «Художественная литература», 1982 г.

Е 4702010200-375
028(01)-85 КБ-14-26-85

О ПОЭТЕ

В статье «Интеллигенция и революция» А. Блок писал: «Великие художники русские... погружались во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянье, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно *все будет по-новому*, потому что *жизнь прекрасна*».

А. Блок говорил в данном случае о Пушкине, Гоголе, Достоевском, Толстом. Но в не меньшей степени эти слова приложимы к самому Блоку и к Есенину.

Вера в свет, в красоту жизни, в человека, одушевляющий гуманистический пафос — главное в творчестве Есенина. В «Анне Снегиной» — самом крупном произведении последних лет жизни — он писал:

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.

В жизни Есенина были периоды тяжелых потрясений, глубоких душевных кризисов, когда жизненные противоречия казались ему неразрешимыми. Он писал тогда о «черной жути», которая бродит по холмам и как бы охватывает своей тенью всю жизнь, «каменных руках», сдавливающих шею деревни, о голосе, превращающемся в предсмертный хрип. Но даже в самых мрачных стихах мечта о счастье не покидает поэта. За самой тяжелой строкой у него неизменно ощущается нечто высо-

кое и прекрасное. Это и создает остроту трагических контрастов. Есенин никогда не превращает описание ужаса и грязи в их поэтизацию, никогда не любуется дурным, но всегда его мучительно переживает. «Красота тлена», «смертельное манит» — все эти расхожие модернистские штампы были глубоко чужды мировосприятию Есенина.

М. Горький рассказал о встрече с Есениным в 1922 году, когда тот переживал тяжелый кризис, когда под его пером рождались, пожалуй, самые мрачные произведения «Москвы кабацкой». О впечатлении, которое произвел на него тогда Есенин, М. Горький писал: «...Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое более всего иного — заслужено человеком». Милосердие, сочувствие и любовь ко всему живому, человечность, замеченные и подчеркнутые М. Горьким, ясно видны в стихах и поэмах всех периодов творческого пути Есенина. Они составляли суть, глубинную основу его поэзии.

Детство и юность Есенин провел в родном рязанском селе Константинове. Ему было 17 лет, когда он перебрался в Москву. Он воочию видел и нищету деревенской жизни, и непосильные тяготы сельского труда. О том, что Есенин хорошо осознавал кричащие социальные противоречия деревни, что он болел этой вековой болью русской крестьянской жизни, свидетельствуют такие стихи, как «Заглушила засуха засевки...», «Черная, потом пропахшая выть!..», «Край ты мой заброшенный...», и другие. Однако подобные вещи относительно редки в его раннем творчестве. Пахота и жатва — основные, веками размеренные вехи крестьянского труда, но этих картин по сути дела в стихах Есенина нет. Чаще — сенокос, выпас лошадей в ночном и т. п. Но больше всего в его ранних стихах деревенских праздников и гуляний, картин сельского приволья. Свое понимание трагических коллизий жизни, свой гуманистический идеал Есенин раскрывал в ранних произведениях по преимуще-

ству не путем прямого показа социальных контрастов, а иными способами.

Ранние стихи Есенина полны звуков, запахов, красок. Звенит девичий смех, раздается «белый перезвон» берез, вызванивают ивы, звенят удила, «со звонами» плачут глухари, заливаются бубенцы, слышится «дремная песня» рыбаков, шумят тростники, играет то тальянка, то ливенка. Спас пахнет яблоками и медом, ели льют запах ладана. Кругом — мягкая зелень полей, алый свет зари, голубеет небесный песок, кадит черемуховый дым. У его героинь «красной рюшкою по белу сарафан на подоле́»,. синие или украшенные шитьем платки, а герой — в белой свитке и алом кушаке. Полыхают зори, рощи кроют синим мраком, впрочем, мрак может быть и алым, на воде — желтые поводья месяца. Синее, голубое, алое, зеленое, рыжее, золотое — брызжет и переливается в стихах поэта.

Простая крестьянская изба, родные приокские просторы обретают почти сказочную красочность:

Полыхают зори, курятся туманы,
Над резным окошком занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повети.
Где-то мышь скребется в затворенной клети...

Любуясь особенностями деревенской жизни, картинами природы, Есенин стремится не просто донести до читателя свою радость от их ви́дения, а передать, заразить его ощущением полноты и красоты жизни. Светлый и радостный колорит кажется преобладающим.

Однако за бросающейся в глаза красочностью и многозвучностью в его ранних стихах всегда ощущается нечто грустное и печальное. За радостным настроением, за чувством ликования и полного приятия земного бытия чуть сквозит, чуть брезжит, но обязательно присутствует некая тайна — тайна краткости, конечности человеческой жизни, *хрупкости человеческого счастья.*

В самых, казалось бы, радостных стихах где-то глубоко внутри затаивается боль. А это в свою очередь обостряет восприятие красоты жизни, высочайшей, непреходящей ценности человеческого счастья. У Есенина нередки картины разлук, панихид, похорон («мимо окон тебя понесли хоронить», «звонки ветры панихидную поют», «похороним вместе молодость мою» и т. п.). Часто его героям судьба не дает возможности соединить свои жизни. Вариации подобных мотивов широки. Но во всех этих стихах даже самая смерть (скажем, в «Хороша была Танюша...», «Зашумели над затоном тростники...», «Под венком лесной ромашки...» и других) выступает не как реальная кончина, гибель, а как поэтическая метафора несбывшихся желаний, сожалений о возможном, но утраченном или недоступном счастье.

Есенин ищет то, что даст ему возможность «и в счастье ближнего поверить». Этим мерит и оценивает он жизнь. И тем самым наполняет стихи высоким гуманистическим смыслом.

Мечта о человеческом счастье, боль от его отдаленности, недостижимости и хрупкости, сочувствие человеку — это коренные свойства поэзии Есенина, возникшие в его ранних стихах, развитые и пронесенные через все творчество.

И еще одна главнейшая, определяющая черта поэзии Есенина — полная слитность с народной жизнью. И дело здесь не в происхождении и обстоятельствах жизни самого поэта, дело не просто в знании реальных условий, тягот и лишений крестьянской судьбы, хотя, конечно, кровная связь с крестьянской жизнью обогатила Есенина ее органическим, природным, некнижным знанием.

Родная земля дала ему большее — народный взгляд на жизнь, наделила народной мудростью, теми представлениями о добре и зле, о правде и кривде, о счастье и несчастье, которые вырабатывались народом в течение столетий. Ему не надо было искать путей к душе народа — он сам по праву ощущал себя одним из ее носителей. Она сызмальства жила в нем, была впитана со всем крестьянским обиходом родного села, с теми

песнями, поверьями, частушками, сказаниями, которые он слышал с детства и которые были главным родником его творчества. Владел этим неоценимым богатством он свободно и непринужденно. Он говорил и пел теми словами, которыми поет народ. И его собственные стихи стали этой песней, песней нежной и ласковой, грустной и раздольной, вобравшей в себя все многообразие чувств и переживаний народа.

Только одно из ранних стихотворений назвал Есенин «Подражанье песне» («Ты пошла коня из горстей в поводу...»), одно из последних — «Песня» («Есть одна хорошая песня у соловушки...»), да еще «Песнь о собаке» и «Песнь о хлебе». Но, по справедливости, подобные заголовки он мог бы дать еще многим и многим другим своим стихам. И дело здесь не в том, что у него встречаются реминисценции народных песен (их не так уж много), не в том, что во многих его стихах слышна мелодика народной песни, частушки. Он брал саму поэтику народного песенного творчества, ту первозданную красоту народного взгляда на жизнь, который с такой полнотой выразился в песне.

О песенном складе его стихов говорит даже название его первого стихотворного сборника — «Радуница». Нередко в критике это название связывалось с церковным праздником поминовения усопших. Но гораздо правильнее связать его с циклом весенних народных песен, которые так и назывались радовицкими или радоницкими веснянками. Да и в самом сборнике вовсе нет никакого поминовения усопших, а брызжет через край весенняя озорная радость молодой пробуждающейся жизни.

Хотя до Октябрьской революции Есенин выпустил всего один этот сборник, к 1917—1918 годам он выдвинулся в число ведущих русских поэтов. Его стихи широко публикуются в журналах и газетах, его имя все чаще упоминается в ряду наиболее значительных писателей того времени.

В событиях революции Есенин увидел осуществление своих надежд и мечтаний о высшей справедливости, путь к утвержде-

нию заветных народных дум. Размах революционных преобразований, борьба народа за свое освобождение захватывают поэта. Мажорная интонация, радостный, ликующий настрой главенствуют в его лирике того времени. Поэта переполняет чувство освобождения и светлых ожиданий. «О, верю, верю, счастье есть!..», «В сердце ландыши вспыхнувших сил...» — подобные строки всего характернее для него в то время.

«В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном», — свидетельствовал он в автобиографии. «Маленькие поэмы» 1917—1918 годов — «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Инония» — рисуют ту народную утопию о мужицком рае, которая жила в воображении Есенина.

«Взмахнувшая крылами», «отчалившая» Русь должна обернуться некоей сказочной страной, стать иной землей — Иониссей, где народ и обретет подлинное счастье. Картины жизни, которые Есенин рисует в «Инонии» или «Октоихе», конечно, нельзя рассматривать как раскрытие действительных представлений поэта о будущем, это лишь сказка, утопия. Но для понимания последующих коллизий его творческого пути важно отметить, что эта иная земля — прежде всего земля *крестьянская* с некими патриархальными установлениями.

Суровые годы гражданской войны, годы разрухи не поколебали веры Есенина в те идеалы, которые были рождены надеждой народа на справедливое мироустройство. Но становление новой жизни было трудным. Страна и народ проходили через тяжелые испытания. Есенин передавал их без прикрас, так, как он сам все это понимал, ощущал, видел.

Пафос первых послереволюционных стихотворений был вызван глубоким патриотическим чувством, и оно же диктовало Есенину горькие строки о разрухе, о бедах родной страны. Осложнялось все это тем, что реальные пути переустройства крестьянской жизни стали ясными для поэта не сразу. Закономерные противоречия эпохи воспринимались им как гибель

деревни. Ему казалось, что город ведет наступление на деревню, что уходят не ее вековечная темнота и забитость, а живые, жизненные основы бытия.

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.

Эти же чувства породили и знаменитые строки в «Сорокоусте» — о жеребенке. В их основу лег реальный случай. Есенин писал: «Видим, за паровозом что есть силы скачет маленький жеребенок. Так скачет, что нам сразу стало ясно, что он почему-то вздумал обогнать его. Бежал он очень долго, но под конец стал уставать, и на какой-то станции его поймали. Эпизод для кого-нибудь незначительный, а для меня он говорит очень много. Конь стальной победил коня живого. И этот маленький жеребенок был для меня наглядным дорогим вымирающим образом деревни...» Итак, мечты о мужицком рае, об утопической земле всеобщего благоденствия, «где дряхлое время, бродя по лугам, все русское племя сзывает к столам», остались лишь мечтами.

Время властно ставило перед Есениным вопрос: в чем же суть размаха народной стихии, в чем существо ее движения? Глубокий интерес к борьбе крестьянства, к его судьбам связан был с тем, что именно здесь виделся Есенину ответ на самый главный, больше всего волновавший вопрос – «куда несет нас рок событий».

Это стало центральной темой в его крупнейшей вещи тех лет — драматической поэме «Пугачев». В этом произведении история не была для Есенина самоцелью, он не стремился воссоздавливать в деталях и обстоятельствах реальности крестьянской войны. За строками поэмы в гораздо большей мере читается современная Есенину действительность, нежели времена Екатерины II. Романтический свет, которым окрашены фигуры Пугачева и его сподвижников, несет в себе отблеск революционных событий двадцатого века.

В «Пугачеве» мощно звучит тема справедливости борьбы народа за свое освобождение, правоты народного гнева. Патетика монологов Пугачева и Хлопуши, мечта и стремление восставших «новой жизнью жить»— все это не оставляет сомнений в том, чью сторону принимает автор. Однако Пугачев в поэме явно и подчеркнуто одинок. Один из восставших в критическую минуту бросает характерные слова:

Как же смерть?
Разве мысль эта в сердце поместится,
Когда в Пензенской губернии у меня есть свой дом?

Последний вопрос — возглас — выкрик Пугачева: «Неужель под душой так же падаешь, как под ношей?»— говорит не только о крушении мечты, но и о том, что то, чем жило его сердце, что вело его на борьбу, не завладело столь же безраздельно его соратниками. Данная в поэме трактовка трагического конца героя и предательства сподвижников показывает, что Есенину становится чужда идеализация крестьянства. Он начинает видеть и его слабости, понимать, что стихия крестьянского бунта несет в себе не только замечательные примеры самоотверженности и самопожертвования, не только страсть и мощь народного гнева, но, оставаясь замкнутой в самой себе, таит в себе же семена собственной гибели.

Внимательного читателя «Пугачева» остановят некоторые особенности стиля этой вещи. В таких строках, как «Ржет дорога в жуткое пространство». «Пучились в сердце жабьи глаза // Грустящей в закат деревни», и во многих других отразилось переживавшееся тогда Есениным увлечение имажинизмом. Это сказывалось в прихотливости образной системы, нарочитом соединении разнородных лексических слоев, вычурности метафор, повышенной эмоциональности, почти «крикливости» стиха.

Больше года (с мая 1922 до августа 1923 года) провел Есенин в зарубежной поездке. Он побывал в Германии, Франции,

Италии, США, других странах. За эти долгие месяцы им было написано, как никогда, мало: только несколько стихотворений, объединявшихся в то время под заголовком «Москва кабацкая».

Оторванный от родной страны, от тех живительных соков, которые давала ему реальная русская действительность, Есенин как бы замыкается внутри самого себя. Усиливаются мрачные и скорбные мысли о распаде подлинно человеческих нравственных устоев жизни. Именно в этот период возникает у него замысел «Черного человека» — наиболее трагической вещи в его поэтическом наследии. Трагизм «Москвы кабацкой», «Черного человека» — это трагизм человека, лишенного связей с миром, отданного во власть сил зла и не находящего в окружающем опоры для борьбы с этим злом. Это трагедия одиночества в людском море. Свою среду он называет «сворой собачьей». «Мне теперь не уйти назад» — вот что порождает неизбывную тоску и ужас. Но за этим «не уйти» скрывается и убежденность, что есть в жизни нечто высокое и прекрасное, то, к чему *надо* уйти, недоступность чего, отъединенность от чего и рождает горечь и трагедию.

«После заграницы я смотрел на страну свою и события по-другому», — писал он после возвращения на родину. То новое, чем встретила его страна, убедило Есенина в главном — путь, на который встал народ, ведет к возрождению жизни. И эта новизна широко и радостно входит в его стихи. «Русь советская», «Песнь о великом походе», «Ленин», «Анна Снегина» — наглядное тому доказательство. Два последние года жизни — подлинный расцвет творчества Есенина. Они были наиболее плодотворными, на них приходится наиболее значительная часть его творческого наследия.

Стремительность развития таланта Есенина, то, что в короткие десять лет уместился путь от «Чую радуницу божью...» до «Через каменное и стальное вижу мощь я родной страны...», не раз ставило в тупик критиков тех лет. То, что от стихов «Москвы кабацкой» Есенин так решительно и быстро перешел

к «Стансам», «Весне», «Песни о великом походе», рождало недоверие, даже скепсис. При этом не замечалось глубокое внутреннее единство, которое роднило все лучшее в творчестве Есенина.

В произведениях 1924—1925 годов гуманистический пафос, идеи человеколюбия и милосердия раскрылись со всей полнотой и обрели новую, еще более глубокую основу. Если в стихах первых лет это было связано с сочувствием, сопереживанием человеку, с мечтой о «счастье ближнего», реальные очертания которой не всегда можно четко представить и обрисовать, если в стихах 1919—1922 годов этот пафос нередко переливался в скорбь, в ощущение утраты и конца, в ощущение личной потерянности и потерянности всеобщей, то в последних стихах — совсем иное. Окружающее предстает не «сворой собачьей», а, напротив,— юным, растущим, обретающим новую жизнь, ликующим и счастливым. Сердце поэта переполняет радость от встречи с этим новым, полным свежих сил, молодости, бьющей через край полноты жизни. «Новый свет», которым осветила жизнь его судьбу, одаряет поэта драгоценными достижениями. Представление о враждебности окружающей жизни сменяется прямо противоположными признаниями: «И земля милей мне с каждым днем», «Эту жизнь за все благодарю», «Оттого и дороги мне люди...» и т. п. В одном из последних стихотворений:

Мне все равно эта жизнь полюбилась,
Так полюбилась, как будто вначале.

В прямой связи с этими мыслями находятся и строки «Анны Снегиной», которые были приведены ранее.

В чистые и нежные тона окрашивается любовная лирика поэта. Именно в эти годы создаются «Вечер черные брови насопил...», «Заметался пожар голубой...», «Листья падают, листья падают...», «Персидские мотивы» и многие другие стихи, прочно занявшие место среди лучших страниц русской лирики. Чув-

ство любви
дение всего
себя блестя
термином, «
шие детали
строки:

или:

И в каждой из
ная поэтичнос
Но вместе
ощутима груст
нит в каждом,
зано, в частнос
том, о долге н

Всего себя о
дар приносит с
продана»,— и эт
ние своего высш
служил.

«Вопрос о С
прос о форме, во
внедрялся в тот
плезень, а толь
но, привлекут мно
нина. Это и своео

ство любви воспринимается им как возрождение, как пробуждение всего самого прекрасного в человеке. Есенин показывает себя блестящим мастером раскрытия, пользуясь пушкинским термином, «физического движения страстей». Через мельчайшие детали он рисует сложную гамму чувств. Только две строки:

Все равно — глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем,

или:

Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

И в каждой из них — неповторимость чувства, полнота и истинная поэтичность переживаний, великая красота любви.

Но вместе с тем в стихах и этого периода столь же ясно ощутима грустная, печальная нота. Она как бы неотступно звенит в каждом, даже самом радостном, стихе. Это чувство связано, в частности, с раздумьями о прошедшей жизни, о пережитом, о долге поэта.

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Всего себя отдает поэт людям. Всю свою жизнь, весь свой дар приносит служению им. «Пусть вся жизнь моя за песню продана»,— и это не поэтическая поза, не фраза. Это признание своего высшего долга, которому он неизменно и праведно служил.

«Вопрос о С. Есенине,— замечал В. Маяковский,— это вопрос о форме, вопрос о подходе к деланию стиха, так чтобы он внедрялся в тот участок мозга, сердца, куда иным путем не влезешь, а только поэзией». Внимательного читателя, конечно, привлекут многие особенности художественной системы Есенина. Это и своеобразная многоступенчатость, сложность мета-

форических построений, когда утренняя заря предстает «красным теленком», а небо — «коровой», хлебные колосья обретают живую плоть, осеннее золото становится признаком и увядания природы, и осени человеческой жизни, и конца чувства к женщине и т. п. Это и цветовая символика, когда, скажем, «голубой» превращается из обозначения цвета в символ душевного состояния, передает отношение поэта к тому или иному событию, явлению, понятию.

Но самое важное и существенное — это умение Есенина найти теснейший сердечный контакт с читателем, взволновать его, пробудить самые светлые чувства. Поразительна широта читательской аудитории поэта. Его стихи находят живейший отклик у людей и самых разных возрастов, и самого разного мировосприятия. Как никого не может оставить равнодушным народная песня, так никого не минует обаяние стихов Есенина. И связано это с особой многозначностью образного строя его лирики, с тем, что каждый человек может найти в ней нечто близкое и созвучное своей душе.

В стихах Есенина немало своего рода сквозных образов, которые, обогащаясь и видоизменяясь, проходят через всю его поэзию. Это, конечно, прежде всего образы родной природы, которые так глубоко передавали его убеждения о коренной слитности человека с природой, неотделенности человека от всего живого. Читая «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...», нельзя не вспомнить о «кленеточке маленьком» из самых первых стихов. В одном из последних стихотворений у Есенина есть строки:

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.

В этой березе, возникшей под самый конец жизни, отчетливо читается и та береза, которая появилась в его первом опубликованном стихотворении («Белая береза под моим окном...»),

и многие другие обращения его к этому образу. Есенина влекла возможность создать строки, за внешней простотой и безыскусственностью которых стояло исключительно глубокое эмоционально-образное содержание. Поэтому и береза в приведенных выше строках — это и она сама, и олицетворившаяся в ней вся русская природа, и женщина, возлюбленная, и сама родина.

Есенин любил и не раз использовал такое построение строфы, когда первая строка повторяется как завершающая, последняя строка. Это давало возможность только в перемене интонации раскрыть особую душевную наполненность, строй своей поэтической мысли.

Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.
. . . . . .
Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям.

Строка становится похожа на морскую волну. Она набегает, бьет в берег, отходит, и вот на смену ей стремится уже другая, такая же, как бы неотличимая от первой, но уже наполненная другим смыслом, другими чувствами. Иногда даже контрастными первым. Какой должна быть первая строка «Тихо розы бегут по полям» — задумчивая? веселая? грустная? тихая? Поэт не дает ответа. Здесь нет единственного и категорического решения. Есенин как бы оставляет читателю возможность досочинить, дофантазировать. Он как бы приглашает его к сотворчеству, дает простор читательской воле и интуиции, простор чувству человека, разрешая ему придать строке стихотворения тональность, созвучную его душевному состоянию и настрою.

Время не властно над поэзией Есенина. Давно ушли в прошлое многие события, волновавшие поэта, изменилась реальность, питавшая его стихи. Но каждое новое поколение открывает для себя в Есенине нечто близкое и дорогое, потому что его поэзия рождена любовью к человеку, сочувствием к нему, высокими гуманистическими идеалами.

А. Козловский

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«Алый мрак в небесной черни...» — 63.
Анна Снегина — 434.
«Ах, как много на свете кошек...» — 330.
«Ах, метель такая, просто черт возьми!..» — 339.

Баллада о двадцати шести — 234.
Батум — 274.
«Белая свитка и алый кушак...» — 69.
Береза — 29.
«Быть поэтом — это значит то же...» — 288.

«В зеленой церкви за горой...» — 88.
«В лунном кружеве украдкой...» — 64.
«В том краю, где желтая крапива...» — 71.
В хате — 38.
«В Хороссане есть такие двери...» — 286.
«В этом мире я только прохожий...» — 332.
Весна — 272.
«Весна на радость не похожа...» — 81.
«Ветры, ветры, о снежные ветры...» — 179.
«Вечер, как сажа...» — 77.
«Вечер черные брови насопил...» — 212.
«Вечером синим, вечером лунным...» — 337.
«Видно, так заведено навеки...» — 319.
«Вижу сон. Дорога черная...» — 317.
Возвращение на родину — 219.
«Воздух прозрачный и синий...» — 284.
Воспоминание — 296.
«Вот оно, глупое счастье...» — 163.
«Вот уж вечер. Роса...» — 19.

«Все живое особой метой...» — 192.
«Выткался на озере алый свет зари...» — 22.

«Гаснут красные крылья заката...» — 82.
«Где ты, где ты, отчий дом...» — 140.
«Глупое сердце, не бейся!..» — 291.
«Гляну в поле, гляну в небо...» — 122.
«Годы молодые с забубенной славой...» 213.
«Гой ты, Русь, моя родная...» — 40.
«Голубая да веселая страна...» — 292.
«Голубая кофта. Синие глаза...» — 336.
«Голубая родина Фирдуси...» 287.
Голубень — 105.
«Гори, звезда моя, не падай...» — 324
«Грубым дается радость...» — 200.

«Да! Теперь решено. Без возврата...» — 195.
«Даль подернулась туманом...» — 89.
Дед — 69.
«День ушел, убавилась черта...» — 91.
«До свиданья, друг мой, до свиданья...» — 356.
«Дорогая, сядем рядом...» — 209.
«Душа грустит о небесах...» — 174.
«Дымом половодье...» — 22.

«Еще не высох дождь вчерашний...» — 82.

«Жизнь — обман с чарующей тоскою...» — 325.

«За горами, за желтыми долами...» — 84.
«За рекой горят огни...» — 78.
«За темной прядью перелесиц...» — 89.
«Заглушила засуха засевки...» — 46.
«Задымился вечер, дремлет кот на брусе...» — 28.
«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» — 27.
«Закружилась листва золотая...» — 165.
«Закружилась пряжа снежистого льна...» — 80.
«Заметает пурга...» — 146.
«Заметался пожар голубой...» — 205.
«Занеслися залетною пташкой...» — 65.
«Запели тесаные дроги...» — 85.
«Заря окликает другую...» — 312.
«Зашумели над затоном тростники...» — 33.
«Зеленая прическа...» — 160.
«Золото холодное лупы...» — 285.

«И небо и земля все те же...» — 159.
«Издатель славный! В этой книге...» — 218.
Индия — 148.
Иордапская голубица — 156.
Исповедь хулигана — 184.

«Каждый труд благослови, удача!..» — 318.
«Какая ночь! Я не могу...» — 351.
Калики — 24.
Кантата — 163.
Капитан земли — 293.
«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» — 350.
Кобыльи корабли — 174.
Колдунья — 66.
«Колокол дремавший...» 31.
«Колокольчик среброзвонный...» — 110.
Корова — 73.
«Край любимый! Сердцу снятся...» — 34.
«Край ты мой заброшенный...» — 45.
«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» — 355.
Кузнец — 31.

Ленин (*Отрывок из поэмы «Гиляй-поле»*) — 395.
Лисица — 76.
«Листья падают, листья падают...» — 327.

Марфа Посадница — 53.
«Матушка в Купальницу по лесу ходила...» — 28.
«Мелколесье. Степь и дали...» — 340.
«Месяц рогом облако бодает...» — 86.
Метель — 268.
Мечта — 93.
Микола — 49.
«Мир таинственный, мир мой древний...» — 188.
«Мне грустно на тебя смотреть...» — 210.
«Мне осталась одна забава...» — 204.
«Может, поздно, может, слишком рано...» — 354.
Мой путь — 297.
Молотьба — 79.
«Море голосов воробьиных...» — 323.
«Мы теперь уходим понемногу...» — 216.

На Кавказе — 231.
«На лазоревые ткани...» — 62.
«На плетнях висят баранки...» — 67.

«Над окошком месяц. Под окошком ветер...» — 328.
«Наша вера не погасла...» — 70.
«Не бродить, не мять в кустах багряных...» 96.
«Не в моего ты бога верила...» 80.
«Не вернусь я в отчий дом...» — 313.
«Не ветры осыпают пущи...» — 37.
«Не гляди на меня с упреком...» 352.
«Не жалею, не зову, не плачу...» — 191.
«Не криви улыбку, руки теребя...» 338.
«Не напрасно дули ветры...» — 123.
«Не ругайтесь. Такое дело!..» — 193.
Небесный барабанщик — 167
«Небо ли такое белое...» — 128
«Несказанное, синее, нежное...» — 305
«Неуютная жидкая лунность...» — 315.
«Нивы сжаты, рощи голы...» — 141.
«Низкий дом с голубыми ставнями...» 227.
«Никогда я не был на Босфоре...» 282.
«Ночь и поле, и крик петухов. 108.
«Ну, целуй меня, целуй...» 307

«О боже, боже, эта глубь...» — 170.
«О, верю, верю, счастье есть!..» 143.
«О край дождей и непогоды...» — 126.
«О красном вечере задумалась дорога...» — 98.
«О матерь божья...» — 139.
«О муза, друг мой гибкий...» — 143.
«О, пашни, пашни, пашни...» — 161.
«О Русь, взмахни крылами...» — 116.
«О товарищах веселых...» — 98.
«Опять раскинулся узорно...» — 92.
Осень — 36.
Ответ — 261.
«Отвори мне, страж заоблачный...» — 162.
«Отговорила роща золотая...» — 230.
Отчарь — 118.
«Отчего лупа так светит тускло...» — 290.

Памяти Брюсова — 239.
Пантократор — 171.
1 Мая — 308.
«Песни, песни, о чем вы кричите?..» — 145.
Песнь о великом походе — 399.
Песнь о собаке — 75.

Песнь о хлебе — 187.
Песня — 306.
Письмо деду — 264.
Письмо к женщине — 251.
Письмо к сестре — 309.
Письмо матери — 215.
Письмо от матери — 258.
«Плачет метель, как цыганская скрипка...» — 338.
«По дороге идут богомолки...» — 44.
«По селу тропинкой кривенькой...» — 39.
«Под венком лесной ромашки...» — 25.
«Под красным вязом крыльцо и двор...» — 124.
Подражанье песне — 21.
«Поет зима, аукает...» — 20.
«Пой же, пой. На проклятой гитаре...» — 199.
«Пойду в скуфье смиренным иноком...» — 35.
«Покраснела рябина...» — 100.
«По-осеннему кычет сова ...» — 181.
Поминки — 68.
Пороша — 30.
Поэма о 36 — 418.
Поэтам Грузии — 255.
Преображение — 135.
Пришествие — 130.
Пропавший месяц — 125.
«Проплясал, пролакал дождь весенний...» — 127.
«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» — 316.
«Прощай, родная пуща...» — 99.
«Прячет месяц за овинами...» — 78.
Пугачев — 359.
«Пускай ты выпита другим...» — 207.
«Пушистый звон и руга...» — 146.
Пушкину — 217.

«Разбуди меня завтра рано...» — 110.
«Руки милой — пара лебедей...» — 289.
Русь — 57.
Русь бесприютная — 248.
Русь советская — 223.
Русь уходящая — 244.

«Свет вечерний шафранного края...» — 283.
«Свищет ветер под крутым забором...» — 129.
«Свищет ветер, серебряный ветер...» — 339.

«Серебристая дорога...» — 162.
«Синее небо, цветная дуга...» — 97.
«Синий май. Заревая теплынь...» — 314.
«Синий туман. Снеговое раздолье...» — 335.
Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве — 343.
«Слушай, поганое сердце...» — 90.
«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» — 336.
«Снег, словно мед поздреватый...» — 109.
«Снежная замять дробится и колется...» — 334.
«Снежная замять крутит бойко...» — 337.
«Снежная равнина, белая луна...» — 339.
«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» — 196.
Собаке Качалова — 304.
Сорокоуст — 181.
«Сохнет старшая глина...» — 43.
«Сочинитель бедный, это ты ли...» — 338.
«Спит ковыль. Равнина дорогая...» 321.
Стансы — 241.
«Сторона ль моя, сторонка...» — 42.
«Сторона ль ты моя, сторона!..» — 190.
Сукин сын — 228.
«Сыплет черемуха снегом...» — 23.
«Сыпь, гармоника. Скука... Скука...» — 197.
«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..» — 328.

Табун — 74.
«Там, где вечно дремлет тайна...» — 102.
«Там, где капустные грядки...» — 20.
«Твой глас незримый, как дым в избе...» — 101.
«Тебе одной плету венок...» — 65.
«Темна поченька, не спится...» — 26.
«Теперь любовь моя не та...» — 165.
«То не тучи бродят за овином...» — 104.
Товарищ — 111.
«Топи да болота...» — 49.
«Троицыно утро, утренний канон...» — 33.
«Туча кружево в роще связала...» — 66.
«Тучи с ожерёба...» — 103.
«Ты запой мне ту песню, что прежде...» — 331.
«Ты меня не любишь, не жалеешь...» — 353.
«Ты прохладой меня не мучай...» — 211.
«Ты сказала, что Саади...» — 281.
«Ты такая ж простая, как все...» — 206.

«Улеглась моя былая рана...» — 278.
«Устал я жить в родном краю...» — 83.

«Хороша была Танюша, краше не было в селе...» — 26.
«Хорошо под осеннюю свежесть...» — 166.
Хулиган — 178.

«Цветы мне говорят — пропадай...» — 342.

Черемуха — 61.
«Черная, потом пропахшая вязь!..» — 48.
Черный человек — 460.
«Чую радуницу божью...» — 43.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» — 280.
«Шел господь пытать людей в любови...» — 36.

«Эта улица мне знакома...» — 201.
«Этой грусти теперь не рассыпать...» — 226.
«Эх вы, сани! А кони, кони!..» — 333.

«Я иду долиной. На затылке кепи...» — 320.
«Я красивых таких не видел...» — 329.
«Я обманывать себя не стану...» — 194.
«Я пастух, мои палаты...» — 41.
«Я по первому снегу бреду...» — 142.
«Я покинул родимый дом...» — 164.
«Я помню, любимая, помню...» — 322.
«Я последний поэт деревни...» — 180.
«Я снова здесь, в семье родной...» — 87.
«Я спросил сегодня у менялы...» — 279.
«Я усталым таким еще не был...» — 203.

26.

СОДЕРЖАНИЕ

Козловский. О поэте 3

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Вот уж вечер: Роса...» 19
«Там, где капустные грядки...» 20
«Поет зима — аукает...» 20
Подражанье песне 21
«Выткался на озере алый свет зари...» 22
«Дымом половодье...» 22
«Сыплет черемуха снегом...» 23
Калики 24
«Под венком лесной ромашки...» 25
«Темна ноченька, не спится...» 26
«Хороша была Танюша, краше не было в селе...» 26
«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» 27
«Матушка в Купальницу по лесу ходила...» 28
«Задымился вечер, дремлет кот на брусе...» 28
Береза 29
Пороша 30
«Колокол дремавший...» 31
Кузнец 31
«Зашумели над затоном тростники...» 33
«Троицыно утро, утренний канон...» 33
«Край любимый! Сердцу снятся...» 34
«Пойду в скуфье смиренным иноком...» 35
«Шел господь пытать людей в любови...» 36
Осень 36
«Не ветры осыпают пущи...» 37
В хате 38

«По селу тропинкой кривенькой...» . . . 39
«Гой ты, Русь, моя родная...» . . . 40
«Я пастух, мои палаты...» . . . 41
«Сторона ль моя, сторонка...» . . . 42
«Сохнет стаявшая глина...» . . . 43
«Чую радуницу божью...» . . . 43
«По дороге идут богомолки...» . . . 44
«Край ты мой заброшенный...» . . . 45
«Заглушила засуха засевки...» . . . 46
«Черная, потом пропахшая вытью!..» . . . 48
«Топи да болота...» . . . 49
Микола . . . 49
Марфа Посадница . . . 53
Русь . . . 57
Черемуха . . . 61
«На лазоревые ткани...» . . . 62
«Алый мрак в небесной черни...» . . . 63
«В лунном кружеве украдкой...» . . . 64
«Тебе одной плету венок...» . . . 65
«Занеслися залетною пташкой...» . . . 65
Колдунья . . . 66
«Туча кружево в роще связала...» . . . 66
«На плетнях висят баранки...» . . . 67
Поминки . . . 68
Дед . . . 69
«Белая свитка и алый кушак...» . . . 69
«Наша вера не погасла...» . . . 70
«В том краю, где желтая крапива...» . . . 71
Корова . . . 73
Табун . . . 74
Песнь о собаке . . . 75
Лисица . . . 76
«Вечер, как сажа...» . . . 77
«Прячет месяц за овинами...» . . . 78
«За рекой горят огни...» . . . 78
Молотьба . . . 79
«Не в моего ты бога верила...» . . . 80
«Закружилась пряжа снежистого льна...» . . . 80
«Весна на радость не похожа...» . . . 81
«Еще не высох дождь вчерашний...» . . . 82
«Гаснут красные крылья заката...» . . . 82
«Устал я жить в родном краю...» . . . 83
«За горами, за желтыми долами...» . . . 84
Запели тесаные дроги...» . . . 85

«Месяц рогом облако бодает...» 86
«Я снова здесь, в семье родной...» 87
«В зелёной церкви за горой...» 88
«Даль подернулась туманом...» 89
«За темной прядью перелесиц...» 89
«Слушай, поганое сердце...» 90
«День ушел, убавилась черта...» 91
«Опять раскинулся узорно...» 92
Мечта 93
«Не бродить, не мять в кустах багряных...» 96
«Синее небо, цветная дуга...» 97
«О красном вечере задумалась дорога...» 98
«О товарищах веселых...» 98
«Прощай, родная пуща...» 99
«Покраснела рябина...» 100
«Твой глас незримый, как дым в избе...» 101
«Там, где вечно дремлет тайна...» 102
«Тучи с ожерёба...» 103
«То не тучи бродят за овином...» 104
Голубень 105
«Ночь и поле, и крик петухов...» 108
«Снег, словно мед ноздреватый...» 109
«Колокольчик среброзвонный...» 110
«Разбуди меня завтра рано...» 110
Товарищ 111
«О Русь, взмахни крылами...» 116
Отчарь 118
«Гляну в поле, гляну в небо...» 122
«Не напрасно дули ветры...» 123
«Под красным вязом крыльцо и двор...» 124
Пропавший месяц 125
«О край дождей и непогоды...» 126
«Проплясал, проплакал дождь весенний...» 127
«Небо ли такое белое...» 128
«Свищет ветер под крутым забором...» 129
Пришествие 130
Преображение 135
«О матерь божья...» 139
«Где ты, где ты, отчий дом...» 140
«Нивы сжаты, рощи голы...» 141
«Я по первому снегу бреду...» 142
«О, верю, верю, счастье есть...» 143
«О муза, друг мой гибкий...» 143
«Песни, песни, о чем вы кричите?..» 145

«Пушистый звон и руга...» 146
«Заметает пурга...» 146
Инония 148
Иорданская голубица 156
«И небо и земля все те же...» 159
«Зеленая прическа...» 160
«О, пашни, пашни, пашни...» 161
«Серебристая дорога...» 162
«Отвори мне, страж заоблачный...» 162
«Вот оно, глупое счастье...» 163
Кантата 163
«Я покинул родимый дом...» 164
«Закружилась листва золотая...» 165
«Теперь любовь моя не та...» 165
«Хорошо под осеннюю свежесть...» 166
Небесный барабанщик 167
«О боже, боже, эта глубь...» 170
Пантократор 171
«Душа грустит о небесах...» 174
Кобыльи корабли 174
Хулиган 178
«Ветры, ветры, о снежные ветры...» 179
«Я последний поэт деревни...» 180
«По-осеннему кычет сова...» 181
Сорокоуст 181
Исповедь хулигана 184
Песнь о хлебе 187
«Мир таинственный, мир мой древний...» 188
«Сторона ль ты моя, сторона!..» 190
«Не жалею, не зову, не плачу...» 191
«Все живое особой метой...» 192
«Не ругайтесь. Такое дело!..» 193
«Я обманывать себя не стану...» 194
«Да! Теперь решено. Без возврата...» 195
«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» 196
«Сыпь, гармоника. Скука... Скука...» 197
«Пой же, пой. На проклятой гитаре...» 199
«Грубым дается радость...» 200
«Эта улица мне знакома...» 201
«Я усталым таким еще не был...» 203
«Мне осталась одна забава...» 204
«Заметался пожар голубой...» 205
«Ты такая ж простая, как все...» 206
«Пускай ты выпита другим...» 207

«Дорогая, сядем рядом...» 209
«Мне грустно на тебя смотреть...» 210
«Ты прохладой меня не мучай...» 211
«Вечер черные брови насопил...» 212
«Годы молодые с забубенной славой...» 213
Письмо матери 215
«Мы теперь уходим понемногу...» 216
Пушкину 217
«Издатель славный! В этой книге...» 218
Возвращение на родину 219
Русь советская 223
«Этой грусти теперь не рассыпать...» 226
«Низкий дом с голубыми ставнями...» 227
Сукин сын 228
«Отговорила роща золотая...» 230
На Кавказе 231
Баллада о двадцати шести 234
Памяти Брюсова 239
Стансы 241
Русь уходящая 244
Русь бесприютная 248
Письмо к женщине 251
Поэтам Грузии 255
Письмо от матери 258
Ответ 261
Письмо деду 264
Метель 268
Весна 272
Батум 274
Персидские мотивы
«Улеглась моя былая рана...» 278
«Я спросил сегодня у менялы...» 279
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» 280
«Ты сказала, что Саади...» 281
«Никогда я не был на Босфоре...» 282
«Свет вечерний шафранного края...» 283
«Воздух прозрачный и синий...» 284
«Золото холодное луны...» 285
«В Хороссане есть такие двери...» 286
«Голубая родина Фирдуси...» 287
«Быть поэтом — это значит то же...» 288
«Руки милой — пара лебедей...» 289
«Отчего луна так светит тускло...» 290

«Глупое сердце, не бейся...»
«Голубая да веселая страна...» 291
Капитан земли 292
Воспоминание 293
Мой путь 296
Собаке Качалова 297
«Несказанное, синее, нежное...» 304
Песня 305
«Ну, целуй меня, целуй...» 306
1 Мая 307
Письмо к сестре 308
«Заря окликает другую...» 309
«Не вернусь я в отчий дом...» 312
«Синий май. Заревая теплынь...» 313
«Неуютная жидкая лунность...» 314
«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» 315
«Вижу сон. Дорога черная...» 316
«Каждый труд благослови, удача!..» 317
«Видно, так заведено навеки...» 318
«Я иду долиной. На затылке кепи...» 319
«Спит ковыль. Равнина дорогая...» 320
«Я помню, любимая, помню...» 321
«Море голосов воробьиных...» 322
«Гори, звезда моя, не падай...» 323
«Жизнь — обман с чарующей тоскою...» 324
«Листья падают, листья падают...» 325
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...» 327
«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..» 328
«Я красивых таких не видел...» 328
«Ах, как много на свете кошек...» 329
«Ты запой мне ту песню, что прежде...» 330
«В этом мире я только прохожий...» 331
«Эх вы, сани! А кони, кони!..» 332
«Снежная замять дробится и колется...» 333
«Синий туман. Снеговое раздолье...» 334
«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» 335
«Голубая кофта. Синие глаза...» 336
«Снежная замять крутит бойко...» 336
«Вечером синим, вечером лунным...» 337
«Не криви улыбку, руки теребя...» 337
«Сочинитель бедный, это ты ли...» 338
«Плачет метель, как цыганская скрипка...» 338
«Ах, метель такая, просто черт возьми!..» 338
«Снежная равнина, белая луна...» 339
339

«Свищет ветер, серебряный ветер...» 339
«Мелколесье. Степь и дали...» 340
«Цветы мне говорят — прощай...» 342
Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве 343
«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» 350
«Какая ночь! Я не могу...» 351
«Не гляди на меня с упреком...» 352
«Ты меня не любишь, не жалеешь...» 353
«Может, поздно, может, слишком рано...» 354
«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» 355
«До свиданья, друг мой, до свиданья...» 356

ПОЭМЫ

Пугачев 359
Ленин (*Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»*) 395
Песнь о великом походе 399
Поэма о 36 418
Анна Снегина 434
Черный человек 460

Алфавитный указатель произведений 466

ПРИМЕЧАНИЯ

Порченая (Стр. 3). — Баллада — наиболее раннее из дошедших до нас произведений Т. Шевченко. В «Автобиографии» поэт указал, что, еще будучи крепостным, начал он делать этюды в стихотворном искусстве; из многочисленных попыток он впоследствии напечатал только одну балладу «Причинна» («Порченая»).

Не китайкой ему очи... — По обычаю, казаков при погребении накрывали красной шелковой материей — китайкой.

Вечной памяти Котляревского (Стр. 12). — Стихотворение является откликом на смерть Ивана Петровича Котляревского (1769—1838) — поэта, драматурга, одного из зачинателей новой украинской литературы.

Катерина (Стр. 16). — Поэма создана вскоре после освобождения Шевченко из крепостной неволи. На допросе в III Отделении он заявил: «Первое мое стихотворение под названием «Катерина» посвящено Жуковскому, которое возбудило энтузиазм в малороссиянах, и я стал продолжать писать стихи, не оставляя живописи». Это посвящение вызвано участием поэта В. А. Жуковского (1783—1852) и художника К. П. Брюллова (1799—1852) в выкупе Шевченко у помещика (22 апреля 1838 года). *Москали* — солдаты, военные; в данном случае — офицеры. *Чумаки* — украинские крестьяне, возившие зерно на продажу в Одессу или Гданьск и привозившие с Черного моря (Перекопа) соль и рыбу. *Пугача в лесу*

«жном//Громко распевают. — Имеется в виду народная песня *Ой сів пугач на могилі». Пугач* — сыч. *Бровары* — город, расположенный недалеко от Киева, на противоположном берегу Днепра, через который проходила дорога на Москву. *А тем временем Иисуса//Кобзарь напевает.* — Речь идет об одной из кобзарьских *псальм»* (песен).

Тарасова ночь (Стр. 38). — В основе поэмы лежит подлинное историческое событие: разгром восставшими казаками во главе с Тарасом Федоро́вичем (Тарасом Трясилом, как называют его источники, которыми пользовался Шевченко) 25 мая 1630 года под Переяславом польско-шляхетского войска коронного гетмана С. Конецпольского. Это событие получило в народе название «Тарасова ночь». *Униаты* — приверженцы унии (объединения православной и католической церквей), провозглашенной в 1596 году Брестским церковным собором, усилившей национальные и религиозные притеснения украинского и белорусского населения Речи Посполитой и вызвавшей решительный протест народных масс. *Поднимался Наливайко...* — Северин Наливайко (?—1597) — руководитель антифеодального крестьянско-казацкого восстания на Украине и Белоруссии в 1594—1596 годах; был выдан верхушкой казацкой старшины польско-шляхетскому войску и после жестоких пыток казнен в Варшаве. *Поднялся казак Павлюга...*— Павлюга (или Павлюк) — П. М. Бут (?—1638) — один из вождей крестьянско-казацкого противошляхетского восстания 1637 года, после поражения которого казнен в Варшаве.

«Думы мои, думы мои...» (Стр. 43). — Стихотворение написано в конце 1839 — начале 1840 года и является поэтическим вступлением к первому сборнику произведений Шевченко — «Кобзарю» (18 марта 1840), все прижизненные издания которого (1840, 1844, 1860) открывались этим стихотворением.

Гамалия (Стр. 47). — Поэма написана осенью 1842 года во время путешествия Шевченко в Ревель (ныне — Таллин). Она воспроизводит исторически верную картину морского похода запорожцев на Стамбул, близкую тем, о которых упоминают казацкие летописи, народные предания, думы и исторические песни.

Герой поэмы — не историческое лицо, а собирательный образ предводителя казацкого войска. *Луг Великий* — низменность на берегу Днепра; владение Запорожской Сечи. *...чтоб Монах...* — Имеется в виду гетман П. Конашевич-Сагайдачный (? — 1622), осуществивший ряд успешных морских походов на татарские и турецкие города-крепости. Однако он не был монахом, как утверждали народные предания. *Галата* — предместье Стамбула.

«Чигрине, Чигрине...» (Стр. 52). — Стихотворение навеяно впечатлениями от поездки на Украину (май 1843 — февраль 1844). В 1648—1657 годах Чигирин был резиденцией гетмана Богдана Хмельницкого (1595—1657), а на протяжении нескольких последующих столетий — резиденцией его преемников. Во время крестьянско-казацкого восстания — Колиивщины (1768) — один из очагов гайдамацкого движения. Эти обстоятельства дали повод поэту ассоциировать с Чигирином героические страницы истории Украины.

Сон («У всякого свои думы...») (Стр. 57). — Написанная сразу же после возвращения поэта в Петербург из поездки на Украину, поэма является одним из самых значительных произведений Шевченко. Созданные в ней остросатирические портреты царя и царицы привлекли пристальное внимание III Отделения и стали едва ли не главным основанием для ссылки Шевченко в Отдельный Оренбургский корпус рядовым с запрещением писать и рисовать, исходящим лично от Николая I. *Крепость с колокольней...* — Петропавловская крепость и Петропавловский собор в Петербурге. *Всадник — в свитке и не в свитке, //Без седла, как влитый...* — Памятник Петру I на Сенатской площади в Петербурге, поставленный Екатериной II, с надписью, упоминаемой в поэме, на русском и латинском языках: *«Первому — вторая». Этот — первый, расписал он//Нашу Украину.* — После измены гетмана И. Мазепы (1644—1709) Петр I стал особенно щедро раздавать своим приближенным украинские земли. По требованию царя казаки были направлены на строительство Петербурга, где многие из них, не выдержав тяжелых условий, погибли. *А вторая доконала //Вдову-сиротину.* — Екатерина II закрепостила крестьянство на

Украине (3 мая 1783 года), «одним росчерком пера... превратила в крепостных четыре или пять миллионов сравнительно свободных крестьян во вновь приобретенных западных и южных областях» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, с. 692). В 1775 году императрица ликвидировала Запорожскую Сечь. *Полки выступали //С заступами на линию...* — т. е. на работы по укреплению южной границы русского государства — «линии». *Наказным назвали//Гетманом меня в столицу...* — Повествование здесь ведется от лица черниговского полковника Павла Полуботка, назначенного в 1722 году наказным (временным) гетманом. Выражая интересы старшинской верхушки, он настойчиво добивался у Петра I расширения гетманских прав и был заточен в Петропавловскую крепость, где и умер (1724 г.). После смерти Полуботка о нем сложили легенду как о замученном борце за народные права. На эту легенду и намекает Шевченко.

Гоголю («За думою дума летит, вылетает...») (Стр. 72).— Н. В. Гоголь (1809—1852), к которому обращено стихотворение, был одним из любимейших писателей Шевченко. В письме к В. Н. Репниной от 7 марта 1850 года поэт писал: «Перед Гоголем должно благоговеть как перед человеком, одаренным самым глубоким умом и самою нежною любовью к людям!.. Самый мудрый философ и самый возвышенный поэт должен благоговеть перед ним как перед человеколюбцем! Я никогда не перестану жалеть, что мне не удалось познакомиться лично с Гоголем».

Еретик (Стр. 73).— Поэма посвящена Павлу Иосифу Шафарику (1795—1861), чешскому и словацкому филологу и историку, видному деятелю национального возрождения. *Сосчитал ты до едина//Сосчитал лишь трупы...* — В книге «Славянские древности» Шафарик привел различные сведения о славянских народах, в том числе и о тех, которые прекратили свое существование в результате германской экспансии. В 1837—1838 годах эта книга была издана в Москве в переводе О. М. Бодянского (1808—1877). *...Констанцский — //Муж великий, правый!* — Имеется в виду Ян Гус (1371—1415), призванный в 1411 году в г. Констанцу на церковный собор для оправдания от обвинений в ереси, но не отрек-

шийся от проповедуемых им взглядов. 6 июля 1415 года он был сожжен. Его казнь вызвала всеобщее возмущение в Чехии, приведшее к возникновению гуситских войн — вооруженной борьбы крестьян и городской бедноты против католической церкви, феодальной эксплуатации, немецкого засилья на чешских землях. *Вифлиемская каплица* — небольшая церковь в Праге, в которой проповедовал Гус. *Зашептались антипапы...* — В XIV—XV вв. на папском престоле порой оказывалось несколько пап — ставленников разных церковных и светских кругов и группировок, враждовавших между собой. Впоследствии лишь один из них был признан законным, другие же объявлены антипапами. *Уж гогочут гуси...* — т. е. поднимаются сторонники Гуса, народные массы на борьбу с императором и церковными феодалами. *И кесаря, и Вячеслава...* — Имеется в виду немецкий император Сигизмунд (1368—1437) и его брат чешский король Вячеслав (1376—1419). Te Deum — начальные слова католической молитвы («Тебя, господи (хвалим). *Старый Жижка из Табора...* — Ян Жижка (1360—1424) — чешский национальный герой, один из главных деятелей гуситского движения.

Слепой (Стр. 85). — В поэме отразилось стремление Шевченко осмыслить исторические судьбы запорожского казачества и народных масс во второй половине XVIII века. Эпизоды из жизни казацкой семьи даны на фоне реальных событий — разорения Запорожской Сечи (1775 г.), закрепощения украинского крестьянства (1773 г.), раздаривания Екатериной II украинских земель, угодничества перед царицей последнего гетмана К. Разумовского (1728—1803) и казацкой верхушки. Картина отъезда героя поэмы на Сечь создана под впечатлением повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». *...иным, чем в Братстве.* — Имеется в виду школа, основанная в 1615 году Киевским братством — национально-религиозной общественной организацией, созданной на средства казачества, городских ремесленников. Братства существовали в ряде городов Украины, Белоруссии, части Литвы и вели борьбу против национального угнетения и насильственного окатоличивания русских, украинцев и белоруссов. На протяжении XVII—XVIII веков шко-

ля Киевского братства и Киевская академия были основными рассадниками грамотности и просвещения на Украине. *Чтоб за Тендер прогуляться...* — Тендер — некогда остров на Черном море, ныне коса к югу от Днепровско-Бугского лимана. *Чайки, челны...*— Чайки — большие боевые челны запорожских казаков. *Новой Сечью стали.* — После разрушения Запорожской Сечи часть запорожцев основала в турецких владениях в Добрудже Задунайскую Сечь (1775—1828). В 1828 году казаки во главе с кошевым атаманом О. Гладким (1789—1866) возвратились в Россию. *Как царица по Киеву // С Нечосом гуляла...*— Царица — Екатерина II, останавливавшаяся в Киеве во время своего путешествия в Крым в 1787 году. Нечос — Г. А. Потемкин (1739—1791); это прозвище он получил у запорожцев потому, что носил парик. *Теперь будто Головатый...*— войсковой писарь А. Головатый (1744—1797). Спустя десять лет после уничтожения Екатериной II Запорожской Сечи он добился образования Черноморского казачьего войска (1788 г.), а затем и передислокации его на Кубань (1792 г.).

К а в к а з (Стр. 124).— Поэма посвящена другу Шевченко Якову Петровичу де Бальмену (1813—1845), служившему на Кавказе и в 1845 году погибшему в бою. *...царь свиней когда-то пас,// С женой приятеля спознался...*— Имеется в виду библейская история «святого» царя Давида, пославшего на верную смерть своего военачальника Урию, чтобы завладеть его красавицей женой Вирсавией.

И м е р т в ы м, и ж и в ы м, и н е р о ж д е н н ы м з е м л я к а м м о и м... (Стр. 130).— Послание, датированное в автографе 14 декабря 1845 года, направлено против определенных групп и течений в среде современной поэту дворянской интеллигенции: с одной стороны — потомков казацких старшин, идеализировавших прошлое, с другой — либеральной интеллигенции новой формации, увлекавшейся идеями то славянофильства, то национального нигилизма и космополитизма. Все они, по мнению поэта, находятся в полном разрыве с «меньшим братом» — народом, хотя и пытаются выступать от его имени. Главная проблема послания — отношение дворянской интеллигенции к народу, что в эпоху Шев-

ченко было неразрывно связано с задачами борьбы против социального и национального угнетения. *Изучаете Коллара...// И Шафарика, и Ганку.*— Ян Коллар (1793—1852) — чешский поэт и филолог; Вацлав Ганка (1791—1861) — чешский и словацкий поэт, филолог, историк — видные деятели национально-освободительного движения, выражавшего идеи дружбы и культурно-политического сближения славянских народов. *Те Коклесы, Бруты...*— Имеются в виду Публий Гораций Коклес, легендарный римский герой, который, по преданию, один оборонял мост через Тибр от нападения этрусков; и республиканец Марк Юний Брут (82—45 до н. э.), убивший римского диктатора Гая Юлия Цезаря (102 или 100—44 до н. э.), несмотря на некогда дружеские отношения с ним.

Завещание («Как умру, похороните...») (Стр. 138). — В автографе это стихотворение не имеет заглавия. В первом посмертном издании «Кобзаря» (СПб., 1867) оно получило заглавие «Заповіт» («Завещание»), ставшее традиционным.

В каземате (Стр. 155).— Цикл стихотворений написан в каземате (внутренней тюрьме) III Отделения во время следствия над членами Кирилло-Мефодиевского общества — антимонархической и антикрепостнической политической организации, раскрытой в марте 1847 года в Киеве. Стихотворение «Припомним, братия моя...», открывающее цикл, написано в ссылке. *А его забудьте, други...* — Имеется в виду А. М. Петров (1827—1883), студент Киевского университета, выдавший Кирилло-Мефодиевское общество. *Н. Костомарову.* — Николай Иванович Костомаров (1817—1885), украинский и русский буржуазно-либеральный историк и писатель, один из организаторов Кирилло-Мефодиевского общества, идеолог его правого крыла.

«Думы мои, думы мои, самые родные...» (Стр. 167). — *С киргизами убогими.*— Имеются в виду казахи. В те времена киргизами называли все племена, кочевавшие в Закаспийских степях.

Сон («Горы мои высокие...») (Стр. 169).— *И гетманщина вся кругом.* — Гетманщиной назывались в XVII—XVIII вв. укра-

дские земли на левом берегу Днепра, входившие в состав Российского государства.

Чернец (Стр. 175). — В поэме воспет Семен Палий (настоящая фамилия Гурко; 1640-е гг.— 1710) — белоцерковский полковник, один из руководителей освободительного движения на Правобережной Украине против гнета польско-шляхетских захватчиков в конце XVII — начале XVIII столетия. В основу произведения легли народные предания о Палие, отождествлявшие его с престарелым запорожцем, уходящим в монастырь «спасаться». Исторический Палий не был монахом, а лишь похоронен в Межигорском монастыре близ Киева.

А. О. Козачковскому (Стр. 179).— Андрей Осипович Козачковский (1812—1889) — переяславский врач, близкий приятель Шевченко. *Перепишу Сковороду.*— Имеются в виду песни («псальмы») известного украинского поэта и философа Г. С. Сковороды (1722—1794). *А то и «Трех царей с дарами»* — народная колядка, рассказывавшая о поклонении волхвов младенцу Иисусу. *К царю Николе угодила...*— намек на арест поэта и его ссылку по приговору Николая I.

«Готово! Парус распустили...» (Стр. 199).— Стихотворение связано с завершением в сентябре 1849 года последнего плавания по Аральскому морю ученой экспедиции, возглавляемой А. И. Бутаковым (1816—1869), в составе которой находился Шевченко.

Юродивый (Стр. 204). — Незаконченное произведение, по-видимому, вступление к поэме, о замысле которой Шевченко сделал запись в дневнике 19 июля 1857 года: «В ожидании утра я... построил каркас поэмы вроде «Анджело» Пушкина... И назвал ее «Сатрап и Дервиш». При лучших обстоятельствах я непременно исполню этот удачно проектированный план. Жаль, что я плохо владею русским стихом, а эту оригинальную поэму нужно непременно написать по-русски». 18 декабря 1857 года, по дороге из ссылки, Шевченко записал: «Сегодня же принимаюсь за «Сатрапа и Дервиша»... Мне хочется написать «Сатрапа» в форме эпопеи. Эта форма для меня совершенно новая. Не знаю,

как я с нею слажу?» Сохранившийся незаконченный отрывок написан, по-видимому, вскоре после этой записи: в конце декабря 1857 года. *Во дни фельдфебеля-царя...*— т. е. во время царствования Николая I, который далее именуется также — *«Бывый фельдфебель ваш, Сарданапал». Капрал Гавриловичь Безрукий...*— киевский, подольский и волынский генерал-губернатор Д. Г. Бибиков (1792—1870), потерявший руку во время Бородинского сражения. *...унтер пьяный Долгорукий...*— черниговский, полтавский и харьковский генерал-губернатор Н. А. Долгоруков (1792—1847). *...с ефрейтором своим...*— т. е. с правителем канцелярии генерал-губернатора Н. А. Писаревым, принимавшим участие в следствии по делу Кирилло-Мефодиевского общества и названным в дневнике Шевченко «гениальным взяточником и ренегатом».

Доля. Муза. Слава (Стр. 207—209).— Эти стихотворения, составляющие лирический цикл-триптих, по собственному выражению поэта, единое его «чадо» «в трех лицах» (письмо к С. Т. Аксакову от 16 февраля 1858 г.). *...С вором, может быть, в Версале...*— Имеется в виду Наполеон III Бонапарт (1808—1873), ликвидировавший республиканский строй во Франции и объявивший себя императором. *...с Николаем, //В Крыму...*— Намек на военные неудачи царских войск под Севастополем в Крымскую войну 1853—1856 гг.

Сестре (Стр. 212). Стихотворение обращено к сестре поэта Ирине (Ярине) Григорьевне Бойко (1816—1865). Написано под впечатлением встречи с ней — после многолетней разлуки — летом 1859 года, во время кратковременной поездки Шевченко из Петербурга на Украину.

Подражание Иезекиилю. Глава 19 (Стр. 213).— *Иезекииль* — библейский пророк; приписываемые ему пророчества составили одну из книг Библии.

Осии. Глава 14. Подражание (Стр. 215).— *Осия* — библейский пророк, которому приписывается одна из книг Библии.

Плач Ярославны (Стр. 218).— Один из двух фрагментов шевченковского перевода из «Слова о полку Игореве».

Второй — «С рассвета до вечера», перевод отрывка, известного под названием «Битва на Каяле». О намерении перевести «Слово» «на наш прекрасный украинский язык» Шевченко писал своим друзьям еще весной 1854 года, однако приступить к осуществлению замысла смог только в июне — сентябре 1860 года.

Л. («Поставлю хату — не палаты...») (Стр. 220). — Стихотворение вызвано разрывом Шевченко со своей невестой — Гликерией (Лукерой) Полусмаковой; ее имя обозначено в заглавии буквой «Л».

«Хотя лежачего не бьют...» (Стр. 221).— Стихотворение написано в связи с известием о смерти императрицы Александры Федоровны, жены Николая I, сатирический портрет которой дан в поэме «Сон».

«Сраженья были, распри — все бывало...» (Стр. 222). — *Галаганы, и Киселі, и Кочубеи-Ногаи...*— Имеются в виду старинные роды украинских старшин-помещиков. Очевидно, поэт подразумевает А. Г. Киселя (1580—1653) — браславского воеводу, магната, предавшего украинский народ в его борьбе против польско-шляхетского господства на Украине и перешедшего на службу к польскому королю.

Н. Т. («Великомученица-дева!..») (Стр. 223).— Стихотворение обращено к Н. В. Тарновской, сестре помещика и буржуазного общественного деятеля В. В. Тарновского. В 1845 году, во время пребывания Шевченко в имении Тарновских, поэт и Н. В. Тарновская «покумились» — крестили ребенка у дьяка. Знакомство возобновилось после возвращения Шевченко из ссылки.

«Что ж, не пора ли понемногу...» (Стр. 225).— Последнее стихотворение Т. Шевченко, написанное им за десять дней до смерти.

В. Бородин

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Порченая. *Перевод М. Исаковского* 3
Думка («Тяжко, тяжко жить на свете...»). *Перевод А. Твардовского* 10
Думка («На что черные мне брови...»). *Перевод В. Звягинцевой* 11
Вечной памяти Котляревского. *Перевод А. Тарковского* . . . 12
Катерина. *Перевод М. Исаковского* 16
Тарасова ночь. *Перевод Б. Тургенова* 38
«Думы мои, думы мои...» *Перевод А. Суркова* 43
Гамалия. *Перевод Н. Асеева* 47
«Чигрине, Чигрине...» *Перевод Л. Длигача* 52
Девичьи ночи. *Перевод И. Ушакова* 55
Сон («У всякого своя доля...»). *Перевод В. Державина* . . . 57
Гоголю («За думою дума летит, вылетает...»). *Перевод М. Исаковского* 72
Еретик. *Перевод П. Карабана* 73
Слепой. *Перевод Н. Асеева* 85
Наймичка. *Перевод Т. Волгиной* 107
Кавказ. *Перевод П. Антокольского* 124
И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание. *Перевод В. Державина* 130
Завещание («Как умру, похороните...»). *Перевод А. Твардовского* 138
Ведьма. *Перевод П. Антокольского* 139
В каземате
«Припомним, братия моя...» *Перевод А. Чачикова* . . . 155
I. «Ой, одна я, одна...» *Перевод А. Колтоновского* . . . 156
II. «За оврагом овраг...» *Перевод Е. Благининой* 156
III. «Мне, право, все равно, я буду...» *Перевод В. Звягинцевой* 157
IV. «Мать не бросай!.. — тебе сказали...» *Перевод Р. Миникус* 158

V. «Зачем ты ходишь на могилу...» *Перевод М. Комиссаровой* 159
VI. «Ой, как вместе три широких...» *Перевод М. Исаковского* 161
VII. Н. Костомарову («Играя, солнышко скрывалось...»). *Перевод В. Звягинцевой* 162
VIII. «Вишневый садик возле хаты...» *Перевод Н. Ушакова* 163
IX. «Рано встали, выступали...» *Перевод Н. Ушакова* . . 164
X. «В неволе тяжко — хоть и воли...» *Перевод Л. Вышеславского* 165
XI. Косарь. *Перевод Г. Владимирского* 165
XII. «Сойдемся ли мы с вами снова?..» *Перевод Н. Панова* 166
«Думы мои, думы мои, самые родные!..» *Перевод А.Суркова* 167
N. N. («Тогда мне лет тринадцать было...»). *Перевод А. Твардовского* 168
Сон («Горы мои высокие!..»). *Перевод А. Суркова* 169
Чернец. *Перевод Н. Асеева* 175
«Сам удивляюсь. Кто ответит...» *Перевод Н. Ушакова* . . . 178
А. О. Козачковскому («В дни детства памятные, в школе...»). *Перевод Б. Пастернака* 179
«А ну-ка, вновь стихи писать!..» *Перевод Н. Брауна* 184
«Как за подушным, правый боже...» *Перевод Н. Ушакова* . . 185
Пророк. *Перевод Н. Брауна* 186
«И вырос я в краю чужом...» *Перевод М. Комиссаровой* . . . 187
«Не для людей и не для славы...» *Перевод Н. Ушакова* . . 189
«И богата я...» *Перевод А. Прокофьева* 190
«То пасхальное воскресенье...» *Перевод А. Тарковского* . . . 190
«В огороде, возле брода...» *Перевод А. Суркова* 193
«Не хочу я обручаться...» *Перевод И. Сельвинского* . . . 194
«В неволе я один скучаю...» *Перевод Л. Озерова* 195
«И в самых радостных краях...» *Перевод А. Твардовского* . . 196
«Готово! Парус распустили...» *Перевод Н. Ушакова* 199
«Мне кажется, — но сам не знаю...» *Перевод Е. Долматовского* 199
«Когда б вы знали, барчуки...» *Перевод Ал. Дейча* 201
Юродивый. *Перевод А. Суркова* 204
Доля. *Перевод М. Комиссаровой* 207
Муза. *Перевод М. Рыльского* 207
Слава. *Перевод М. Голодного* 209
Сон («Она на барском поле жала...»). *Перевод А. Плещеева* . . 210
«Я, чтоб не сглазить, не хвораю...» *Перевод Н. Ушакова* . . . 210

Подражание 11 псалму. *Перевод М. Голодного* 211
Сестре. *Перевод В. Саянова* 212
Подражание Иезекиилю (глава 19). *Перевод А. Безыменского* 213
Осии (Глава 14). Подражание. *Перевод М. Зенкевича* 215
Молитва. *Перевод П. Карабана* 217
Плач Ярославны. *Перевод А. Тарковского* 218
Л. («Поставлю хату — не палаты...»). *Перевод В. Звягинцевой* 220
«Нет, бога я не упрекаю...» *Перевод Л. Озерова* 220
«Хотя лежачего не бьют...» *Перевод А. Суркова* 221
«Сраженья были, распри — все бывало...» *Перевод Л. Вышеславского* 222
Н. Т. («Великомученица-дева!..»). *Перевод А. Безыменского* . 223
«И встретились, и обвенчались...» *Перевод В. Инбер* . . . 224
«Что ж, не пора ли понемногу...» *Перевод К. Симонова* . . . 225
Примечания *В. Бородина* 228

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННИКИ

Поэтическая библиотека

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО

Кобзарь

Редактор *Ю. Розенблюм*

Художественный редактор *В. Серебряков*

Технические редакторы *В. Кулагина и Е. Полонская*

Корректоры *С. Свиридов, Г. Верхогляд*

ИБ № 3631

Сдано в набор 26.05.83. Подписано в печать 04.01.84. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетн. № 2. Гарнитура «Тип. таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,72. Усл. кр.-отт. 19,76. Уч.-изд. л. 11,2. Изд. № 1-1417. Тираж 500 000 экз. Заказ 2361. Цена 95 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Платонов А.

П 37 Живя главной жизнью / Сост., послесл. и прим. В. В. Васильева; Ил. Н. Г. Раковской.— М.: Пр... 1989.— 448 с., ил.

В предлагаемом вниманию читателей сборнике представлено творчество замечательного русского советского писателя Андрея Платонова (1899—1951), оставившего заметный след в нашей литературе. В книгу включены повести «Котлован» и «Сокровенный человек», пьеса «14 Красных Избушек», сказки, письма, отрывки из записных книжек.

И $\frac{4702010200-1918}{080(02)-89}$ 1918—89

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Сокровенный человек . . . 5
Котлован . . . 70

РАССКАЗЫ

Родина электричества . . . 175
Усомнившийся Макар . . . [illegible]
Фро . . . [illegible]
Третий сын . . . 220
В прекрасном и яростном мире . . . 232
Одухотворенные люди . . . 244
Возвращение . . . 274
Афродита . . . 295

ПЬЕСА

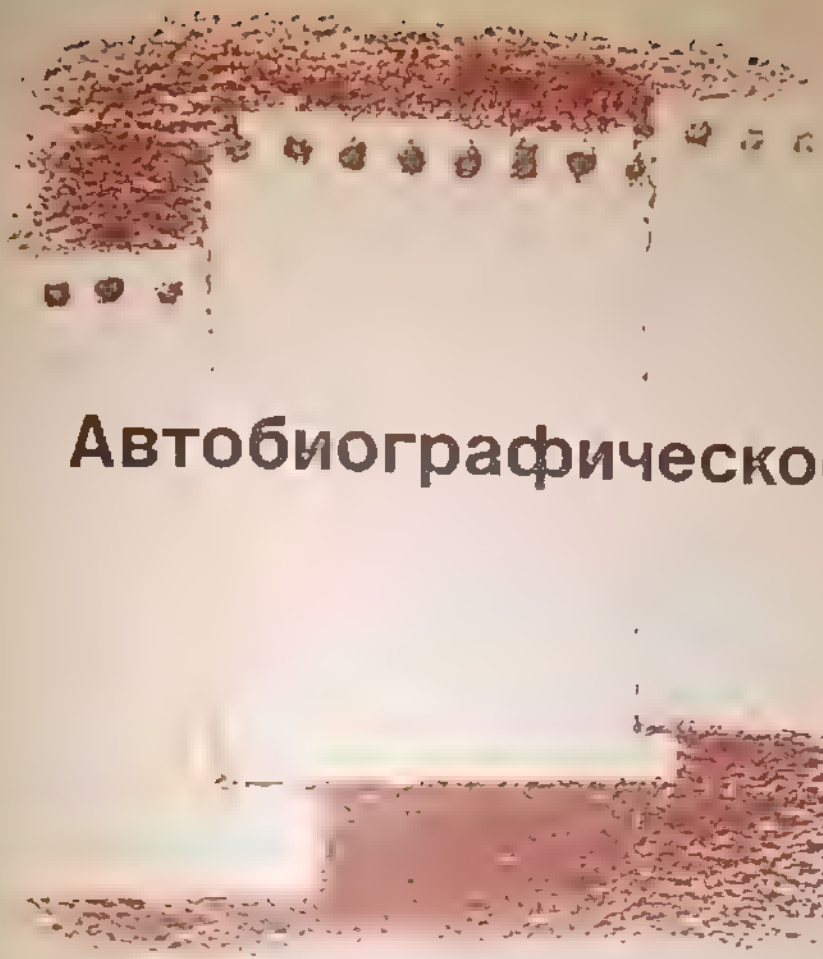
14 Красных Избушек, или «Герой нашего времени» . . . 311

СКАЗКИ

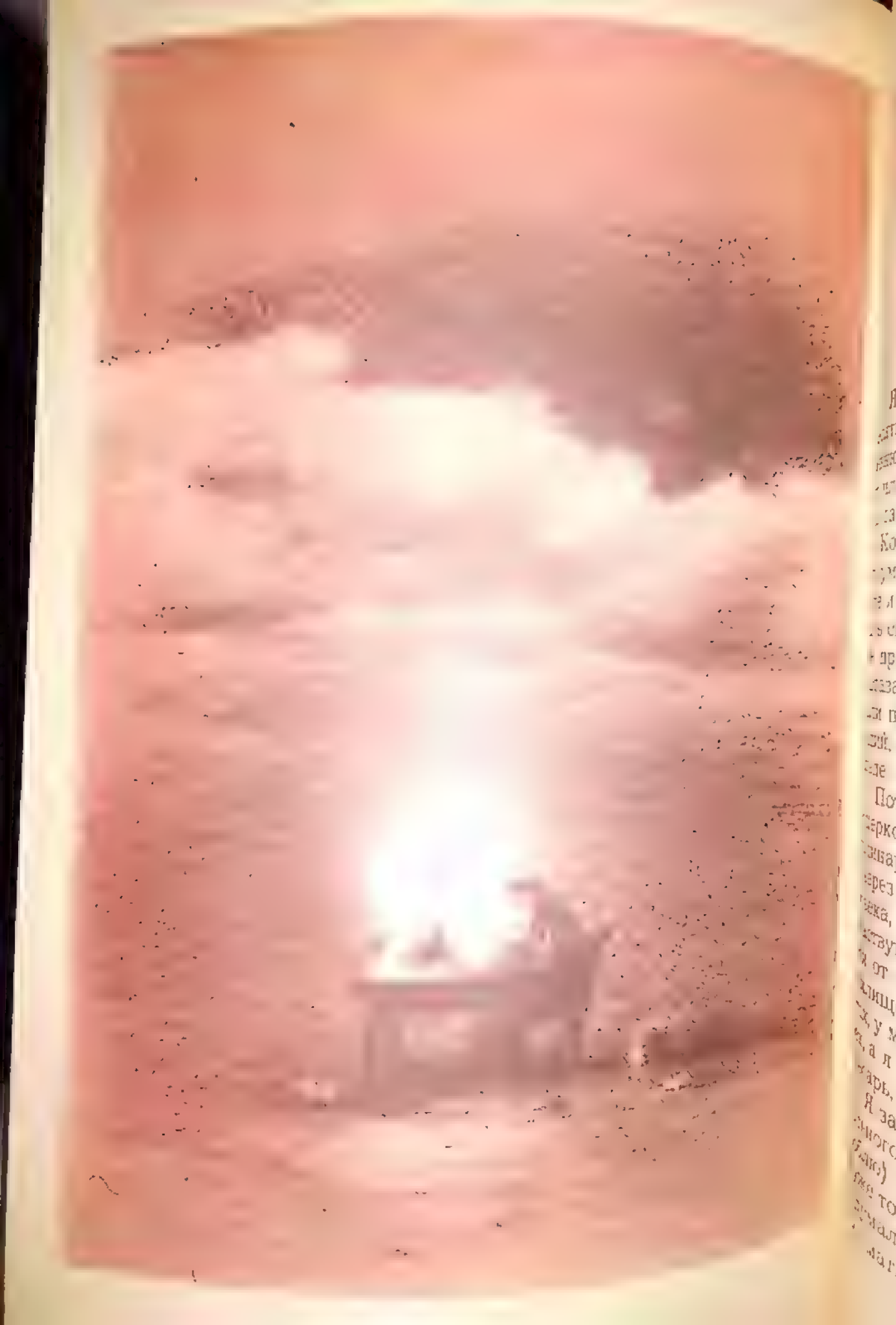
Волшебное кольцо . . . [illegible]
Умная внучка . . . [illegible]

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

В Краснодарское книжное издательство . . . 377
Ответ на критическое выступление газеты «Трудовая Армия» . . . [illegible]
«Живя главной жизнью...» (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках) . . . [illegible]
«Труд есть совесть». Из записных книжек разных лет . . . 403
В. Васильев. Платонов — наш современник . . . 417
Примечания . . . 435



Автобиографическое



В КРАСНОДАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Я родился в слободе Ямской, при самом Воронеже. Уже десять лет тому назад Ямская чуть отличалась от деревни. Деревню же я до слез любил, не видя ее до 12 лет. В Ямской были плетни, огороды, лопуховые пустыри, не дома, а хаты, куры, сапожники и много мужиков на Задонской большой дороге. Колокол «Чугунной» церкви был всею музыкой слободы, его умилительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я. А по праздникам (мало-мальски большим) устраивались свирепые драки Ямской с Чижевкой или Троицкой (тоже пригородные слободы). Бились до смерти, до буйного экстаза, только орали «за дух!» Это значит, кому-нибудь дали под сердце, в [illegible], и он трепетал, белый и умирающий, и вкруг него [illegible], чтобы дать ход ветру и прохладе. И опять шла [illegible] кромешное месиво мяса.

Потом наступило для меня время ученья — отдали меня в церковноприходскую школу. Была там учительница — Аполинария Николаевна, я ее никогда не забуду, потому что я через нее узнал, что есть пропетая сердцем сказка про Человека, родимого «всякому дыханию», траве и зверю, а не властвующего бога, чуждого буйной зеленой земле, отделенной от неба бесконечностью... Потом я учился в городском училище. Потом началась работа. Работал я во многих местах, у многих хозяев. У нас семья была одно время в 10 человек, а я старший сын — один работник, кроме отца. Отец же, слесарь, не мог кормить такую орду.

Я забыл сказать, что кроме поля, деревни, матери и колокольного звона я любил еще (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машину, ноющий гудок и потную работу. Я уже тогда понял, что все делается, а не само родится, и долго думал, что и детей-то где-то делают под большим гудком, а не мать из живота вынимает.

Между лопухом, побирушкой, полевою песней и электричеством, паровозом и гудком, содрогающим землю,— есть связь, родство, на тех и других одно родимое пятно. Какое — не знаю до сих пор, но знаю, жалостный пахарь завтра же сядет на пятиосный паровоз и будет так орудовать регулятором, таким хозяином стоять, что его не узнать. Рост травы и вихрь пара требуют равных механиков.

И теперь исполняется моя долгая упорная детская мечта — стать самому таким человеком, от мысли и руки которого волнуется и работает весь мир ради меня и ради всех людей, и из всех людей — я каждого знаю, с каждым спаяно мое сердце.

Теперь исполняется эта мечта. Человек каменный, еле зеленеющий мир превращает в чудо и свободу. Мир становится призраком, а человек постоянством и твердою ценностью...

ОТВЕТ НА КРИТИЧЕСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ГАЗЕТЫ «ТРУДОВАЯ АРМИЯ»

...Вы говорите о великой целомудренной красоте и ее чистых сынах, которые знают, видят и возносят ее.

Меня вы ставите в шайку ее хулителей и поносителей, людей недостойных и не могущих ее видеть, а потому я должен отойти от дома красоты — искусства, не лапать ее белые одежды. Не место мне, грязному, там.

Ладно. Я двадцать лет проходил по земле и не встретил того, о чем вы говорите,— Красоты.

Должно быть, по тому самому, что она живет вне земли, и ее видели немногие — лучшие и, конечно, не я.

Я думаю не так: это оттого я никогда не встретил Красоты, что ее отдельной, самой по себе — нет.

Она — имущество всех, и мое; Красота — все дни и все вещи, а не одна надземная и недоступная, гордая. Это оттого я не встретил и никогда не подумал о Красоте, что я к ней привык, как к матери, о которой я хорошо вспомню, когда она умрет, а сейчас я все забываю о ней, потому что стоит она всегда в душе моей.

Я живу, не думая, а вы, рассуждая, не живете,— и ничего не видите, даже Красоту, которая неразлучна и верна человеку, как сестра, как невеста.

Вы мало любите и мало видите.

Я человек. Я родился на прекрасной живой земле. О чем вы меня спрашиваете? О какой красоте? О ней спросить может дохлый: для живого нет безобразия.

Я знаю, что я один из самых ничтожных. Это вы верно заметили, но я знаю еще: чем ничтожней существо, тем оно больше радо жизни, потому что менее всех достойно ее. Самый маленький комарик — самая счастливая душа.

Этого вы не могли подметить. Вы люди законные и достойные, я человеком только хочу быть. Для вас быть человеком привычка, для меня редкость и праздник...

Я уверен, что приход пролетарского искусства будет безобразен. Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и все, что есть на земле, есть и на нас.

Но не бойтесь, мы очистимся; мы ненавидим свое убожество, мы упорно идем из грязи. В этом наш смысл. Из нашего уродства вырастет душа мира.

Вы видите только наши заблуждения, а не можете понять, что не блуждаем мы, а ищем.

Человек вышел из червя. Гений рождается из дурачка. Все было грязно и темно, и становится ясным.

Мы идем снизу, помогите нам, верхние,— в этом мой ответ.

Не казаться большим, а быть,— каким есть,— очень важная, никем не ценимая вещь.

Жить, а не мечтать, видеть, а не воображать — искусство не по силе людей, но зато и единственно истинное искусство.

«ЖИВЯ ГЛАВНОЙ ЖИЗНЬЮ...»

(А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках)

В течение нескольких последних лет ко мне часто обращаются люди — знакомые и незнакомые — со странной просьбой: покажите или опубликуйте письма вашего мужа к вам. Откуда они о них знают, почему их это интересует — нелегко ответить. Думаю, не из праздного любопытства и литературной моды. Вероятно, люди всегда тоскуют по большой, настоящей любви. Слишком легко и разменно проходит порой это высокое чувство, дающее силу жить, работать, переносить разлуку и великие трудности.

Одухотворенные, сердечные отношения не всегда выдерживают проверку сложными жизненными и житейскими обстоятельствами и тогда либо мельчают и разрушаются, либо ограничиваются благодушным и тесным мирком личных.

А. Платонов даже в трудное военное время никогда не замыкался в кругу семьи и не сосредоточивался на себе — он по натуре своей был глубоко неравнодушным и, в подлинном значении этого слова, общественным человеком. Однако, помимо неизменной социальной уверенности, его оптимизм, жизнестойкость и писательскую работоспособность питало, как он сам выразился, «ощущение счастья вблизи родного существа, ибо любовь есть соединение любимого человека со своими основными и искреннейшими идеями — осуществление через него (любимого, любимую) своего смысла жизни».

Писем ко мне А. Платонова сохранилось не очень много.

Я подготовила отдельные фрагменты из них, в которых, на мой взгляд, личное перестает быть только личным и может тронуть читателя глубиной мысли, чистотой и ясностью чувств.

Что же касается других материалов, публикуемых в подборке,— очерка, извлечений из записных книжек, официального документа,— о них в своем месте.

М. Платонова

I. ВОРОНЕЖ, 1922—1926 гг.

1922 г., осень

(В напоминание, в вечное сердечное чувство деревеньки Волошино, школы в ней и мельницы напротив)

Я шел по глубокому логу. Ночь, бесконечные пространства, далекие темные деревни и одни звезды над головой в мутной смертельной мгле. Нельзя поверить, что можно выйти отсюда, что есть города, музыка, что завтра будет полдень, а через полгода весна. В этот миг сердце полно любовью и жалостью, но некого тут любить. Все мертво и тихо, все далеко. Если вглядишься в звезду, ужас войдет в душу, можно зарыдать от безнадежности и невыразимой муки — так далека, далека эта звезда. Можно думать о бесконечности — это легко, а тут я вижу, я достаю ее и слышу ее молчание. Мне кажется, что я лечу, и только светится недостижимое дно колодца и стены пропасти не движутся от полета. От вздоха в таком просторе разрывается сердце, от взгляда в провал между звезд становишься бессмертным.

А кругом поле, овраги, волки и деревни. И все невыразимо, и можно вытерпеть всю вечность с великой неимоверной любовью в сердце...

Сердце навсегда может быть поражено покосившейся избенкой на краю деревни, и ты не забудешь, не разлюбишь ее никогда, каким бы ты мудрым и бессмертным ни стал, куда бы ты ни ушел!

Я и на Солнце и на Сатурне не забуду этого лога, этой ночи и смертной тишины...

Всякий человек имеет в мире невесту, и только потому он способен жить. У одного ее имя Мария, у другого приснившийся тайный образ во сне, у третьего весенний тоскующий ветер.

Я знал человека, который заглушал свою нестерпимую любовь хождением по земле и плачем.

Он любил невозможное и неизъяснимое, что всегда рвется в мир и не может никогда родиться...

Сейчас я вспоминаю о скучной новохоперской степи, эти воспоминания во мне связаны с тоской по матери — в тот год я в первый раз надолго покинул ее[2].

Июль 1919 года был жарок и тревожен. Я не чувствовал безопасности в маленьких домиках города Новохоперска, боялся уединения в своей комнате и сидел больше во дворе. В моей комнате висели иконы хозяина, стоял старый комод — ровесник учредителям города, а дверь в любой момент могла наглухо закрыть жилище большевика: через окно тоже не было спасения: под ним лежал ворох колючей проволоки.

Я жил и томился, потому что жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека, лишая юности. До революции я был мальчиком, а после нее уже некогда быть юношей, некогда расти, надо сразу нахмуриться и биться.. Недоучившись в технической школе, я спешно был посажен на паровоз помогать машинисту[3]. Фраза о том, что революция — паровоз истории, превратилась во мне в странное и хорошее чувство: вспоминая ее, я очень усердно работал на паровозе. Были во мне тогда и другие — такие же слова (из детского чтения):

В селе за рекою
Погух огонек..[4]

Эти стихи, Мария, сразу объяснили мне уют, скромность и теплоту моей родины — я [illegible] больше любил уже любимое. Позже слова о революции и паровозе превратили для меня паровоз в ощущение революции.

Чтобы что-нибудь полюбить, я всегда должен сначала найти какой-то темный путь для сердца, к влекущему меня явлению, а мысль шла уже вслед.

...Иногда я ходил в клуб рабочей молодежи — комсомол в Новохоперске еще не образовался[5],— мне странно было читать в доме, из окон которого виднелась душная бедная степь призывы к завоеванию земного шара, к субботникам и изображения Красной Армии в полной славе. А кругом города, в траве и оврагах, ютились белые сотни, делая степь непроходимой и опасной. В городе стояли какие-то небольшие молодые части красноармейцев, сутками спавших от больших походов.

Я уже два раза писал в губернскую газету, которая командировала меня сюда, что в Новохоперске положение неважное[6]. Но редактор был одновременно комендантом укрепленного района, и от занятости он не отвечал мне. Он мне в напутствие цитировал на память Глеба Успенского, советуя хорошенько провариться на самом дне, на огневой линии пролетарской революции и помочь там неграмотным преданным

людям, которых губит не белая сила, а собственное невежество.

Конец военного и политического руководства этого человека достигал Новохоперских дробных фронтов, и я увидел здесь, что это руководство никуда не годно, оно ведет нас к быстрому и сплошному поражению. Я вспомнил статьи редактора и коменданта — о прелести зеленого губернского города, куда он приехал из Москвы, об общественно-политической постановке воспитания в детских домах, о культуре загнивающей буржуазии и философии Шпенглера. Подписывались статьи надуманной, выдающейся фамилией: Сталеметный. Официальные и боевые приказы подписывались той же фамилией, с прибавлением первой буквы имени: Ф. Очевидно, это был псевдоним, но давний и присохший к своему изобретателю...

Мне были ненавистны и странны такие претензии человека — на славу даже о своей фамилии.

Когда я прочел в конце боевого приказа, подписанного Ф. Сталеметным, фразу: «Красные бойцы, вечные славные трупы с Пер-Лашез ожидают смертельной мести общему врагу за свою гибель»,— я понял, что Сталеметный не серьезный революционер, не практический человек, а простой журналист, которому важен не действительный успех, а лишь бы его сочинения напечатали.

Он не знал, что непонятное не возбуждает мужества в тех отчаянных, самозабвенных людях, в которых революция стала почти телесным чувством. Красногвардейцам нужнее всего в те времена были патроны и штаны, а комендант укрепрайона писал рецензии на имажинистские книжки... А красногвардейцы воевали просто: бились насмерть с казаками с одним патроном в винтовке и двумя жилами в теле; один хутор — Мравые Лохани, казаки заняли прочно, и главный хутор был в семи верстах от города: хутор был окружен вязкими болотами и мочажинами,— тогда отряд учителя Нехворайко обул своих лошадей в лапти, чтобы они не тонули на трясинах, и в одну ночь вышиб казаков в болото, где они все и остались, потому что их лошади были босые...

Я понимал, что белых вышибить легко: казаки приехали в Россию, как в колонию,— награбить и поскорее уехать домой. Это хорошо знали и все крестьяне. От этого же в партизанах была крепкая уверенность в победе — они чувствовали во враге не мужественного противника, а случайного и трусливого вора...

...Я люблю больше мудрость, чем философию, и больше знание, чем науку. Надо любить ту вселенную, которая может быть, а не ту, которая есть. Невозможное — невеста человека.

чества, и к невозможному летят наши души... Невозможное — граница нашего мира с другим. Все научные теории, атомы, ионы, электроны, гипотезы,— всякие законы — вовсе не реальные вещи, а отношения человеческого организма ко вселенной в момент познающей деятельности...

1923 г.

...В Ямской слободе, при самом Воронеже, где я родился, были плетни, огороды, лопуховые пустыри... Не дома, а хаты, сапожники и много, много мужиков на Задонской большой дороге.

Всею музыкой слободы был колокол «Чугунной» церкви его умилительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я... И еще больше я любил (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машину... Я тогда уже понял, что все делается этими простыми людьми и что между лопухом, побирушкой, полевой песней и электричеством, паровозом и гудком, содрогающим землю, есть связь, родство... И я знаю что жалостный пахарь завтра же сядет на пятиосный паровоз и так будет орудовать рычагатором, что его не узнаешь...

Рост травы и вихрь [illegible] требуют равных механиков... Теперь исполняется моя мечта — человек каменный, еле зеленеющий мир превращает в чудо и свободу...

Копия

Н.К.З.
Воронеж. Губ. Зем. УПР.
Подотд. С. Х. Мелиорац.
Мая 11 дня 1926 г.
№ 2451 Л.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано предъявителю сего Платонову Андрею Платоновичу в том, что он состоял на службе в Воронежском Губ[illegible] управлении в должностях Губернского Мелиоратора (с [illegible] 1923 г. по 15 мая 1926 г.) и Заведывающего работами по [illegible] трификации с. х. (с 12 сентября 1923 г. по 15 мая 1926 г.).

За это время под его непосредственным административно-техническим руководством исполнены в Воронежской губернии следующие работы:

построено 763 пруда, из них 22% с каменными и деревянными водосливами и деревянными водоспусками;

построено 315 шахтных колодцев (бетонных, каменных и деревянных);
построено 16 трубчатых колодцев;
осушено 7600 десятин;
орошено (правильным орошением) 30 дес.;
исполнены дорожные работы (мосты, шоссе, дамбы, грунтовые дороги) — и построены 3 сельские электрические силовые установки.

Кроме того, под руководством А. П. Платонова спроектирован и начат постройкой плавучий понтонный экскаватор для механизации регулировочно-осушительных работ.

Тов. Платоновым с 1 августа 1924 г. по 1 апреля 1926 г. проведена кампания общественно-мелиоративных работ в строительной и организационной частях, с объемом работ на сумму около 2 миллионов руб. Под непосредственным же его руководством проведена организация 240 мелиоративных товариществ и организационная подготовка работ по мелиорации и сельскому огнестойкому строительству за счет Правительственных ассигнований и банковых ссуд на восстановление с. х. Воронежской губернии.

А. П. Платонов как общественник и организатор проявил себя с лучшей стороны.

Печать: Главное Управление Землеустройства и мелиорации г. Воронежа.

С подлинным верно: Секретарь Отдела Мелиорации

(Н. Бавыкин)[1]

[1] По прошествии многих лет нам с Андреем Платоновичем стало ясно, что вызов его на работу в Москву, в наркомзем, был инспирирован самим Рамзиным* с целью удалить с работы Платонова, лишить поддержки его планы и начинания, утвержденные комиссией ГОЭЛРО. Все было рассчитано на то, чтобы сорвать работы в Воронеже. Многие инженеры и профессора, работающие у Платонова или приезжающие для инспектирования его работ, оказались позднее замешаны в делах Промпартии. Но молодого специалиста и энтузиаста поддерживали в губернии такие люди, как Михайлов — секретарь губкома, Божко — секретарь губисполкома и газета «Воронежская коммуна», в которой Платонов печатал свои статьи о мелиорации и улучшении положения крестьян губернии путем оплаты работ продуктами питания.

Платоновым была развернута широкая деятельность по осушению болот под посевы на огромном пространстве Воронежской губернии, по очищению рек Черная Калитва и Тихая Сосна. По его инициативе было организовано множество мелиоративных товариществ, что давало крестьянам возможность строить колодцы, рыть пруды, ставить плотины, электростанции, чинить дороги, то есть восстанавливать сельское хозяйство области после гражданской войны. До перевода в Москву Платонов пробыл четыре года на посту главного губернского инженера-мелиоратора (см. выше копию документа, который сохранился в моем архиве). В это же время все работники, поддержи-

* А. Платонов

шие мероприятия Платонова, оказались отозванными на работу — кто в Ро-
стов, кто в Краснодар и т. д. Платонову становилось все труднее защищать
свои проекты, и он согласился ехать в Москву, откуда его перебросили на «же-
лый прорыв» в Тамбов[9].

Что представлял собою в ту пору Тамбов, населенный «божьими ста-
ками» и техническим персоналом, еще носившим на своих техн[ических]
ражках старые николаевские значки, можно узнать из многих сохра-
ся ко мне писем. Позднее у Платонова возникло желание дать ху-
ное изображение увиденного и пережитого в Тамбове — так роди-
знакомая читателям повесть «Город Градов».

II. ТАМБОВ, 1926—1927 гг.

1926 г.

...С утра, как приехал, до вечера познакомился с тамбов-
ским начальством. Был на конференции специалистов, и в
чером на сессии губисполкома. Обстановка для работ ком
марная. Склока и интриги страшные. Я увидел совершенно
неслыханные вещи. Меня тут уже ждали и великолепно зна-
ют и начинают немножко коверять. (Получает-де «огромную»
ставку, московская «знаменитость»!) На это один местный ком
мунист заявил, что советская власть ничего не пожалеет для
хорошей головы...

Я не преувеличиваю. Те, кто меня здесь поддерживают
и знают, собираются уезжать из Тамбова (зав. Г. З. У. и зав.
Губмелиоземом). Мелиоративный штат распущен, есть фор-
менные кретины и доносчики. Хорошие специалисты бесп
мощны и задерганы. От меня ждут чудес!

Попробую поставить работу на здоровые ясные ос
ния, поведу все каменной рукой и без всякой пощады.

Возможно, что меня слопают... Город живет старушеч
жизнью, шепчется, неприветлив и т. д.

Зав. Губмелиоземом уезжает в Сталинград (Цар
и зовет меня с собой. Я стараюсь быть пока нейтр

Ночевал у Барабанова[10]... Все утро ходил с комис
шей и женой Барабанова осматривать комнаты. Н
руб., с необходимой мебелью, с отоплением и двумя с
ми. Сегодня после занятий переезжаю туда.

Был у Тихомирова (в редакции): сами предложил
тать... В Тамбове (как говорят в редакции) нет ни о
эта, ни одного беллетриста! Удивительный город!

...Уверен, что долго не проживу, чудовищно нерв
становка... Как Тотик[11], не скучает по мне? Я уже
Очень мне тут тяжело. Толкай мои литературные дел
луйста...

...Работать (по мелиорации) почти невозможно. Тысячи препятствий самого нелепого характера. Не знаю, что у меня выйдет...

В газете сидят чиновники. Ничего не понимают в литературе. Но постараюсь к ним подобраться, буду писать специальные статьи: стихи и рассказы они не признают...

С 15-го начинается большое совещание специалистов, продлится около 15 дней...

Дорогая Маша!

Пишу тебе третье или четвертое письмо из своего изгнания. Грусть моя по тебе растет вместе с днями, которые все больше разделяют нас.

Вот Пушкин по памяти:

Я помню милый нежный взгляд
И красоту твою земную;
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...

И я плачу от этих стихов и еще от чего-то. Я уехал, и как будто захлопнулась за мной тяжелая дверь... Как сон прошла совместная жизнь, или я сейчас уснул и мой кошмар — Тамбов... Видишь, как трудно мне. А как тебе — не вижу и не слышу. Думаю о том, что ты сейчас там делаешь с Тоткой. Как он? Мне стало как-то все чуждым, далеким и ненужным. Только ты живешь во мне — как причина моей тоски, как живое мучение и недостижимое утешение...

Еще Тотка — настолько дорогой, что страдаешь от одного подозрения его утратить. Слишком любимое и драгоценное мне страшно — я боюсь потерять его...

...Работаю над «Епифанами». Тебе посылаю «Антисексус»[1]. Про «Антисексус» допустимо еще одно предисловие — сливочное масло издательства,— лишь бы прошел в сборник. Об этом необходимо убедительно просить Молотова[2].

...Мария и Тотик!

Когда это письмо придет к вам, будет уже Новый год. С Новым годом, родимые мои! С новыми надеждами, с новой любовью к старому мужу, с новой и крепкой радостью...

Я его встречал за окончанием «Эфирного тракта»!

Приехал сегодня утром с осмотра работ. Сейчас 5 час. вечера. Вновь охватила меня моя прочная тоска, вновь я в «Тамбове», который в будущем станет для меня каким-нибудь символом, как тяжкий сон в глухую тамбовскую ночь, развеянный утром надеждою на свидание с тобой...

Начал проводить годовой план работ через местные органы. Сопротивление моей системе работ огромное (я требую больших сумм на техперсонал). Если мой план принят не будет — я поставлю вопрос о своем уходе. Работать без техперсонала нельзя, отвечать я не буду за то, что обречено заранее на провал, раз не принимают трезвого плана...

Передай поскорее Молотову (Директор издат. «Молодая гвардия») посылаемое... Почему мою вещь «Эфирный тракт» передают 3-ему рецензенту?[14] Пошли их к черту! Пусть принимают или возвращают.

Мне некогда умирать в Тамбове:

Здесь музу резвую
Заспишь, забудешь!

(Пушкин)

Кончаю, меня ждет работа о волгодонском канале Петра[15]. Очень мало исторического материала, опять придется лечь на свою «музу»: она одна еще мне не изменяет.

...Полтораста страниц насиловал я свою музу в «Эфирном тракте». Пока во мне сердце, мозг и эта темная воля творчества — «муза» мне не изменит. С ней мы действительно — одно. Она — это мой пол в душе. Пиши, пожалуйста, твои письма это настоящая ценность — ведь это голос твой и моего Тотки...

...Заключила ли ты договора с Молодой Гвардией? Как вышло у тебя с Поповым[16]? Стихи я начал подбирать[17]... Мешает работе сильная головная боль, которой у меня никогда не было. Наверно, я простудил голову или перенатужился в работе.

...«Епифанские шлюзы» написаны, не веришь? Но негде напечатать, т. к. на службе печатать постороннюю работу теперь не разрешают... Петр казнит строителя шлюзов Перри в пыточной башне в странных условиях. Палач — гомосексуалист. Тебе это не понравится. Но так нужно.

Нравятся тебе такие стихи:

Любовь души, заброшенной и страстной,
Залог души, любимой божеством

Спутал, забыл. Очень старо, но хорошо. Это писал Перри, когда был женихом Мери Карборунд. Потом она стала женой другого. Потом прислала в Епифань из Нью-Кестля неизвестное письмо, его положил за икону к паукам епифанский воевода, а Перри умер в Москве. Шлюзы не действовали. Народ

...шел на работы или бежал в скиты и жил ветхопещерни-
...ом в глухих местах. Вот тебе Епифанские шлюзы. Я написал
...х в необычном стиле, отчасти славянской вязью — тягучим
...логом. Это может многим не понравиться. Мне тоже не нра-
...тся — как-то вышло...

...Я с трудом нашел себе новое жилище (там старуха не
...дила совсем), несмотря на то, что квартир и комнат в Тамбо-
...е много. Принимают за большевика и чего-то боятся. Город
...обывательский, типичная провинция, полная божьих стару-
...ек.

Мне очень скучно. Единственное утешение для ме-
...я — это писать тебе письма и снова дорабатывать «Эфирный
...ракт»...

В Г. З. У. отвратительно. Вот когда я оставлен наедине
...с собственной душой и старыми мучительными мыслями. Но
...я знаю, что есть хорошего и бесценного (литература, любовь,
...оскрешняя идея), все это вырастает на основании страдания
...и одиночества. Поэтому я не ропщу на свою комнату — тюрем-
...ую камеру — и на душевную безотрадность...

Иногда мне кажется, что у меня нет общественного буду-
...щего, а есть будущее, ценное только для меня одного. И все
...же бессмысленно тяжело — нет никаких горизонтов, одна су-
...хая трудная работа, длинный и глухой «Тамбов».

...Помнишь эти годы? Какой мукой, грязью и нежностью
...они были наполнены?..

Неужели так вся жизнь?

...Я не ною, Мария, не подумай, а облегчаю себя посред-
...ством этого письма. Что же мне делать?

...Да, Тамбов обманул; жить нам стало хуже. Но остаться
...в Тамбове или уехать обратно, зависит не только от меня.
В Тамбове за меня держатся крепко, и что бы я ни сделал
...охорошего, меня не прогонят, чего бы я хотел...

...Высшая администрация меня «обожает»: вот, говорят, на-
...стоящий хирург, какой нам нужен был. Но я это отмечаю, т. к.
...знаю цену ласки начальства.

...Время нас разделяет, снег идет кучами. Милая, что ты
...делаешь сейчас? Неужели так и кончится все? Неужели чело-
...век — животное и моя антропоморфная выдумка одно безу-
...мие? Мне тяжело, как замурованному в стене. Слушай, Ма-
...рия, подбери стихи, как сумеешь. Когда я приеду, чтобы сразу
...проверить, отобрать и сдать Молотову... Я знаю, он невыноси-
...мый капительщик.

...Мария, хочу побеседовать с тобой...

Прежде всего — Кирпичников — это не я[1]. И вот почему. Мои идеалы *однообразны и постоянны*. Я не буду литератором, если буду излагать только свои неизменные идеи. Меня не станут читать. Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получились приемлемые произведения. Именно — опошлять! А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать. Теперь тебе ясно, почему. Кирпичников влюбился в мещанку Руфь в Риверсайде. Кирпичников носит мои черты только отчасти.

Смешивать меня с моими сочинениями — явное помешательство. Истинного себя я еще никогда и никому не показывал, и едва ли когда покажу. Этому есть много серьезных причин, а главная — что я никому не нужен по-настоящему. Ты права, что М. А. Кирпичникова ценнее своего мужа, как жена и человек. Я нарочно рисовал ее скромными редкими чертами...

«Епифанские шлюзы» печатаются, но медленно. Кому послать, тебе или Молотову?

1927 г.

Дорогая Муся!..

Посылаю «Епифанские шлюзы». Они проверены. Передай их немедленно кому следует. Обрати внимание Молотова и Рубановского на необходимость *точного сохранения* моего *языка*. Пусть не спутают...

Как-то ты живешь и чего ешь с Тоткой?

Я такую пропасть пишу, что у меня сейчас трясется рука. Я хотел бы отдохнуть с тобой хоть недельку, хоть три дня. Но денег нет, а то бы я приехал нелегально в Москву на день.

Быть может, на днях пошлют в командировку в К... и тогда я прикачу домой на один день. Только трудно... знаешь, как сейчас берегут деньги, и хоть в Козлов мне... резу нужно съездить, чтобы наладить дело, но дадут... дня 2 и денег рублей 15 (от Тамбова до Козлова 60 коп...

А все-таки постараюсь пробиться в Москву на день. О... я соскучился, до форменных кошмаров...

...Любовь — мера одаренности жизнью людей, но сама... преки всему, в очень малой степени сексуальность. Любовь страшно проницательна, и любящие насквозь видят друг друга со всеми пороками и не жалуют один другого обожанием

Любовь совсем не собственничество. Быть может, брак — это социальное приложение любви — и есть собственничество и результат известных материальных отношений людей — это верно. Но любовь, как всякую природную стихию, можно приложить и иначе. Как электричеством, ею можно убивать, светить над головою и греть человечество...

...По-моему, ты не имеешь права зачеркивать посвящения, написанные не тобою. Когда книга выйдет с посвящением, ты имеешь возможность и право выступить в ежедневной или журнальной прессе с заявлением, что ты отводишь от себя авторское посвящение...[19] Я думаю, уверен, что тебя обидел Молотов, я верю, что что-то задело тебя, он давно мудрит. Как тяжко, что я далеко. Наверно, в Москве зима хороша! Я делаю все возможное, чтобы вырваться к тебе до выхода сборника. Я тебе благодарен за то, что прислала верстку.

Я вспомнил сейчас стихи, которые спутал в прошлом письме:

...Возможность страсти, горестной и трудной,—
Залог души, любимой божеством...

Это из «Епифанских шлюзов». Думаю теперь засесть за небольшую автобиографическую повесть (детство, 5—12 лет, примерно)[20]. Может быть, напишу небольшой фантастический рассказ на тему «как началась и когда кончится история». Название, конечно, будет иное[21].

Моя жизнь застыла, я только думаю, курю и пишу...

...Письма к тебе — для меня большая отрада. Действительно, они заменяют беседу. Жду твоих писем...

Тотику — поцелуй, объятие и катание верхом в далекой перспективе. Ну, прощай, моя далекая невеста, и береги нашего первого и единственного сына.

...Окруженный недобрыми людьми (но работая среди них, ты снимаешь меня!), я одичал и наслаждаюсь одними своими отвлеченными мыслями. Поездка моя по уездам была тяжела... Жизнь тяжелее, чем можно выдумать, теплая крошка моя. Скитаясь по захолустьям, я увидел такие грустные вещи, что не верил, что где-то существует роскошная Москва, искусство и проза. Но мне кажется — настоящее искусство, настоящая мысль только и могут рождаться в таком захолустье. Но все-таки здесь грустная жизнь, тут стыдно даже маленькое счастье... Оставим это...

...Любимой женщине судьбою я поручен
И буду век с ней сердцем неразлучен...

...Какая жестокая и бессмысленная судьба — на неопределенно долгое время оторвать меня от любимой. Утешение мое, что я живу и для ребенка и, кажется, способен пережить ради вас самую свирепую муку...

...Препровождаю при сем 40 стихотворений, прошу тебя буквально с ними поступить нижеследующим образом:

1) Передай все Молотову и проси выпустить отдельной книжкой;

2) Стихотворений я отобрал немного, но зато они, по-моему, доброкачественны;

3) Если ты или Молотов найдете необходимым дополнить эти стихотворения другими какими-либо (из моего сборника), то вы можете это сделать по своему усмотрению;

4) Книжку можно назвать просто, напр., «Стихи» или еще как-нибудь;

5) Книжке может быть предпослано чье-нибудь предисловие или нет — пусть будет так, как ты это согласуешь с Молотовым;

6) Книжку следует издать с наивозможной быстротой,— все недоумения и неясности решите сами, без меня — дабы не упускать зря времени. Я заранее согласен на все (п. ч. верю тебе).

Все. Действуй быстро, энергично, не обращай внимания на мелочи и не волнуйся. Поступай самостоятельно (в смысле принятия решений) и стремись к главному — к наибыстрейшему изданию книжки...

...Я окончательно и скоро навсегда уезжаю из Тамбова...

...Здесь дошло до того, что мне делают прямые угрозы. Я не люблю тебе об этом писать и пишу коротко. У нас с тобой есть более важные вещи, чем тамбовские дела, о которых не стоит говорить. Но все же скажу, что служить здесь никак нельзя. Правда на моей стороне, но я один, а моих противников — легион, и все они меж собой кумовья (Тамбов — гоголевская провинция). И это чепуха, но я просто не хочу попусту тратить силы. Я и так их здесь потратил много...

Меня, конечно, отсюда Г. З. У. пускать не будет. И К З будет всячески протестовать и гнать меня обратно. Но я у решился. Здесь просто опасно служить. Воспользуются каким-нибудь моим случайным техническим промахом и

дут против меня такую кампанию, что погубят меня. Просто задавят грубым количеством...

...Сегодня было у меня огромное сражение с противниками дела и здравого смысла. И я, знаешь, услышал такую фразу, обращенную ко мне: «Платонов, тебе это даром не пройдет...»

Оставим эту скуку, милая невеста, вечное счастье мое! Два дня назад я пережил большой ужас. Проснувшись ночью (у меня неудобная жесткая кровать) — ночь слабо светилась поздней луной,— я увидел за столом у печки, где обычно сижу я, самого себя. Это не ужас, Маша, а нечто более серьезное. Лежа в постели, я увидел, как за столом сидел тоже я и, полуулыбаясь, быстро писал. Причем то я, которое писало, ни разу не подняло головы и я не увидел у него своих глаз. Когда я хотел вскочить или крикнуть, то ничего во мне не послушалось. Я перевел глаза в окно, но увидел там обычное смутное ночное небо. Глянув на прежнее место, себя я там не заметил.

До сих пор я не могу отделаться от этого видения, и жуткое предчувствие не оставляет меня. Есть много поразительного на свете. Но это — больше всякого чуда. Не помню, где — в Москве или в Тамбове — я тоже видел сон, что говорю с Михаилом Кирпичниковым (я тогда писал «Эфирный тракт»), и через день я умертвил его. Каждый день я долго сижу и работаю, чтобы сразу свалиться и уснуть...

III. ТУРКМЕНИЯ, 1933—1936 гг.

30/III—34 г."

...Кругом пустыня, жарко, растет саксаул, много верблюдов с милыми мордами — Тотик сразу бы их полюбил. И вот в жарких песках море, рабочий поселок, мачты рыбачьих кораблей... Я смотрю жадно на все, незнакомое мне. Всю ночь светила луна над пустыней — какое здесь одиночество, подчеркнутое ночными людьми в вагоне... На станциях продают рыбу киргизы и их дети, много рыбы. Если бы ты видела эту великую скудность пустыни! Мне нравится люди на станциях — киргизы. Изредка видны глиняные жилища вдалеке с неподвижным верблюдом. Я никогда не понял бы пустыни, если бы не увидел ее — книг таких нет. Завтра вечером я в Ташкенте и еду дальше...

2/IV—34 г.

...Сегодня в 4 часа дня я приехал в Ашхабад. На горизонте горы, покрытые снегом. Ашхабад несколько напоминает Сочи. Недавно первый раз обедал, кормят так обильно, что стыдно есть. Но мне не нравится так праздно пребывать, и я что-нибудь придумаю... Кроме того, публика не по мне — я люблю смотреть все один, тогда лучше вижу, точнее думаю... Сильно мучает меня скука по тебе и по Тотику, все время напрягаешься в борьбе с собственным сердцем.

4/IV—34 г.

Вагон, вечер.

Здравствуйте, елдаши (товарищи)!

Только три неполных дня и пробыл в Ашхабаде. Я еду в Красноводск... Все остальные писатели остались в Ашхабаде, сидят в ваннах и пьют прохладительные напитки. Я один оторвался от всех. Из Красноводска мы уедем далее на Нефтедаг (я не знаю, где это точно). В Красноводск приехал академик Губкин; с ним состоится встреча на нефтяных промыслах. Из Нефтедага мы поедем еще куда-то, так что в Ашхабад я вернусь дней через шесть.

...Красноводск на берегу Каспийского моря со стороны Азии, туда пресную воду привозят на пароходах из Баку. Все это интересно видеть, только я очень переутомился и потому плохо себя чувствую...

...Выучился нескольким словам по-туркменски:

Ты моя хелей муххабат! — любимая жена.

Ты моя курбаша! — жаба. А Тотик — мой хелей балам, т. е. жигит, любимый ребенок, юноша.

Моя шан, дпрэк (душа и сердце) тоскуют по вас.

Это я уже второе письмо пишу вам сегодня. Не знаю, его сумею отправить. Сильное беспокойство охватывает за вас. Ведь я очень далеко...

Ну, хашлашма (прощай!), моя хелей, мой балам!

5/IV—34 г.

Я в Красноводске. Вижу зеленое, взволнованное Каспийское море. На берегу жалкий город в песчано-глинистых горах. Завтра уеду отсюда обратно в Ашхабад. Море соленое, похоже на Черное, оно более ядовитое, пена белей и гуще, ней. Я пишу это, сидя на камне на берегу, и другой камень служит мне столом. На другом берегу Кавказ. Сколько я узнал тебе нового, сколько я узнал!

Целую вас.

...За несколько минут до отъезда в пустыню пишу эту записку...

Я несколько волнуюсь и не скрываю этого. Мне предстоит трехсуточная езда в Центральные Кара-Кумы (второй раз). А ведь Кара-Кумы не менее Сахары. Трое суток на грузовике в глубь Сахары! Говорят, европеец обязательно по условиям климата покрывается фурункулами. Так что я буду первую неделю ходить в нарывах. Куда я еду, там нет ничего, кроме редких мутных колодцев, гадов-рептилий, неба и порожнего песка...

...Ночь еще очень долга, и у меня к тому же бессонница, несмотря на утомление...

...Я здесь стараюсь спешить работать, в том смысле, чтобы найти, открыть что-либо стоящее, годное, как косвенное сырье для пьесы. Но всегда надо больше рассчитывать на себя, чем на внешний материал.

Пока ничего ясного еще не нашел, но это ведь всегда бывает так у меня: я нахожу нужное неожиданно и часто не тогда, когда ищу. Я очень бы хотел увидеть, хоть на минуту, как вы там живете с Тоткой, как он учится и ведет себя без меня. Мне кажется, что без меня он должен вести себя солидно.

Тотик!

Я ездил далеко в пустыню, где идет вечный песчаный ураган, где люди ходят всегда в особых очках. Я был без очков, и у меня глаза сильно разболелись. Видел страшную змею и фалангу.

В песчаной пустыне...

...Завтра, 16-го, я уезжаю на 10 дней в Центральные Кара-Кумы. Вернусь в Ашхабад дней через 10—11. Сегодня перевел тебе ко дню рождения 400 рублей. (А раньше перевел 300.) Получила ли ты все?..

Еду в пустыню один с автомобилем-грузовиком, который везет рабочий на серные рудники где-то в Дарвазе. Путь будет идти по пескам, по линии колодцев (через каждые 50—70 км колодезь: яма с остатком весенней воды). Что увижу — напишу. Вчера был вместе с тремя писателями и археологами в ауле Багир (30 км от Ашхабада). Там есть развалины древнейших городов: Нессы-Александрийской и мусульманского города. Древность этих городов 2000—3000 лет. Нашел несколько маленьких осколков посуды того времени с расцветкой, привезу их в Москву.

...Развалины очень красивы. Они лежат у подножья гор Копет-Дага; за этими персидский Хороссан (область), а лицом и укреплениями эти крепости-города обращены в пустыню Кара-Кумов. Мы долго смотрели на пустыню с высот развалин Александра Македонского. Развалины (стены) глиняные но страшно прочные. Вся Азия ведь глиняная, бедная и пустая.

Мы были до первых звезд. Пустыня под звездами произвела на меня огромное впечатление. Я кое-что понял, чего раньше не понимал.

Несколько раз мы пили кок-чай (зеленый чай без сахара) в чай-ханах аулов. Сидели на коврах среди стариков и беседовали. Здесь довольно много персов и курдов.

...Напиши, мне трудно решить, оставаться мне еще или нет. Правда, мы очень бедные, но у нас кроме бедности есть еще и сердце, которое может сильно тосковать...

...Я нашел, правда, в еле уловимой форме фольклорную тему. Так же, как когда-то Апулей нашел где-то в Азии тему Амура и Психеи. Не знаю, что у меня выйдет,— это сказка о Джальме[21].

Сильно стосковался о тебе... Дни идут все более тягостно и долго. Стоит тягостная жара, от писателей изжога и т. п. Однако это к Азии не относится, она велика и интересна. Если бы ты с Тотиком могла хорошо пережить жару и пустыню мы бы легко могли здесь устроиться на 2—3 месяца все вместе. Для тебя это много бы дало...

1936 г.

...Я только приехал 2 часа назад. Поезд опоздал на 18 часов из-за мороза и снегов. Я сижу в номере гостиницы. И окна вижу горы Копет-Дага, на них снег, над ними почти свет луны, серебрящиеся облака. Опять я все это вижу, как месяцев назад, как будто я сам участник «Такыра».

«Такыр» они очень одобряют, но, по-моему, не вполне (леко не вполне) понимают его. Сказывается просто отсутствие квалификации. Но это мне все равно. Встретили меня очень тельно и приветливо, но довольно сдержанно. Но ведь я очень избалован такими вещами, это пустяки.

В конце концов я здесь совершенно одинок. Абсолютно Глубокая грусть, подобная здешней тишине гор и пустыни, охватывает меня. Сказывается, конечно, и дорога, которая шатала меня. Но ты почему-то кажешься такой далекой, как будто я обратно тебя никогда не достигну. И действительно

я очень далеко нахожусь, здесь медленно тянется время. Стараюсь занимать себя работой, и в вагоне сколько возможно занимался ею. Но беспокойство за вас обоих никогда не оставляет меня, и неподвижность, в которой нахожусь всего несколько часов, уже тяжко гнетет. В Ашхабаде пробуду 5—6 дней, после чего тронусь в путешествие, а потом, после путешествия, поеду в Воронеж или Ленинград, не знаю сам как решить...

А. Платонова поразил «песчаный» океан. Долгое время писатель находился под впечатлениями песчаных пространств Чарджоу, Ташауза и Куня-Ургенча. Будучи профессиональным художником, он оставался в душе инженером-мелиоратором — предвидел большое будущее «такырных», безводных и мертвых земель, верил, что туркменский народ, затерявшийся в песках и живущий отдельно от Центральной России и европейской цивилизации, в новых социальных условиях не только овладеет безжизненными пространствами «такыров», но превратит огромные мертвые пространства в каналы и саксауловые рощи. Этой мыслью проникнуты рассказ «Такыр» и библейская повесть «Джан», написанные в результате изучения А. Платоновым Туркменистана.

ГОРЯЧАЯ АРКТИКА

Туркменский народ далеко еще не овладел своей родиной: он живет лишь по «берегам» песчаного океана. Южный берег — это прикопетдагская полоса Ахалтекинского оазиса, Тедженский оазис, Мервский культурный район и Чарджоу. Затем культурная линия земель спускается вниз по Аму-Дарье, в направлении Ташауза и Куня-Ургенча: это восточный «берег» пустыни.

Таким образом, лишь южный и восточный «берега» Туркмении заняты людьми. На остальном пространстве великой страны, за редкими исключениями, лежит взволнованное ветром море безлюдных песков. Блуждающие русла рек Памира, Парапамиза и Копет-Дага, их беспокойные дельты, оставившие перемытые минеральные остатки от некогда девственных плодоносных земель, плюс смертельное влияние походов Тимура и Александра Македонского,— все это помогло образоваться Кара-Кумам, и потоки воды надолго умолкли на параллели Копет-Дага, Терджена, Мерва, Чарджуя, в узкой долине Аму-Дарьи, предоставив сухое пространство ветрам и векам.

Искусственные холмы Тимура, древнеазиатские и греческие городища все еще покрывают обитаемые места Туркмении. Поэтому нынешняя Туркмения представляет собою клад-

бище догуркменских народов. Эти кладбища городов напоминают не только о поражении, но и о героизме, о торжестве культур, теперь поникших в глиняных развалинах.

Мы сегодня не претендуем на то, чтобы унаследовать эти глиняные развалины, хотя и не отказываем им в своем уважении.

Задача социалистической туркменской культуры заключается, однако, не в уважении к глиняным развалинам древнего мощного мира и не в изучении их — хотя эта задача также занимает наше внимание,— наша задача заключается в полном промышленном и сельскохозяйственном освоении Кара-Кумов, в создании великого туркменистанского оазиса на одном из самых печальных мест нашей планеты.

Возможно ли это? Нет ли здесь утопической задачи, скрывающей в себе лишь ложно-героическое пустословие и обещание сделать сегодня то, что возможно лишь завтра?

Нет, это не ложная [illegible] задача. Другая советская республика — РСФСР, обращенная лицом к не менее пустой и [illegible] пустыне — к Арктическому океану,— сумела воодушевить, вооружить и поднять на дело овладения Арктикой тысячи своих наиболее мужественных и одаренных людей [illegible] деятельности запечатлены теперь навсегда в [illegible] героической летописи советских народов.

Разве дело овладения Кара-Кумами менее почетное, менее важное и более [illegible] освоение Арктики? Нет, не менее важное и не [illegible]. Ни одна пустыня до социализма еще не была [illegible] человеческое обитание. Разве Кара-Кумы менее [illegible] полезны, чем Ледовитый океан, или не хватает в Туркмении и в Советском Союзе мужества и техники для [illegible] пустыни? Нет, Кара-Кумы столь же мучительны и опасны, как самые гибельные пространства земли, они наверняка способны погубить сотни пионеров и прокормить, обогатить, поднять на высоту социалистического достоинства десять — двадцать миллионов трудящихся, а мужества, техники и работоспособности хватит в Туркмении, а чего не достанет, тем поможет Советский Союз.

Кара-Кумы для Туркмении — это даже больше, чем Арктика для Советского Союза. В Кара-Кумах лежит будущее туркменского размноженного народа,— они станут местом социализма и дальнейшего исторического развития.

Чрезвычайно важно мобилизовать волю и воодушевление всего туркменского народа — особенно молодежи — на завоевание Кара-Кумов, чтобы пустыня стала героической школой социалистического творчества, подобно тому, как Арктика служит такой же школой для русских и северных народов

Сейчас Кара-Кумы нуждаются в своих челюскинцах, и среди туркмен найдутся свои Шмидты и Воронины, способные подготовить пустыню для счастливого существования новых поколений. Кара-Кумы — это не только географическое пространство, это гигантское поприще для энтузиазма молодого Туркменистана, это сборник тем для туркменской литературы и искусства. Ведь покорение среднеазиатской «горячей Арктики» потребует не только большой техники и большого труда, но и «большой души». Пусть подумают над этим туркменские и русские писатели — инженеры социалистического чувства сознания.

Можно подумать, что такое «чрезвычайное» отношение к Кара-Кумам потребует особого финансирования работ по завоеванию пустыни. Это неверно. Работы по завоеванию пустыни уже идут, уже финансируются, но смысл этих работ далеко не всеми понимается. Не создано подъема, ответственности, радости и напряжения вокруг этой деятельности, не дано обобщающей ясной идеи. Разве хорошо, героически, как следует ведется дело на Серных Буграх, в Нефтедаге, в Эрбенте или на других аванпостах пустыни? Разве это рядовые операции?

Далее того. Почему нет заботы о таких простых, относительно дешевых, доступных вещах, как восстановление старых такырных колодцев, постройка новых, организация государственной службы технического надзора за ними? Колодцы ведь не только базы животноводства, они создают пунктирные трассы путей для проникновения в пустыню.

Но колодцы такырного стока или грунтового питания пользуются лишь пресной водой. Основные же запасы кара-кумской воды засолены. Однако и минерализованную воду можно включать в хозяйственный оборот.

Ташкентским изобретателем К. Г. Трофимовым уже предложены дешевые, портативные опреснители, работающие на лучистой энергии солнца; им же создана конструкция насоса, работающего на небольшой разности температур; кроме того, мировая техника располагает водоподъемниками, подходящими для наших целей (например, «Бессонэ-фавор» и др.). Почему бы не испытать широко эти механизмы и не пустить их затем в эксплуатацию взамен ветхого снаряжения из блока, веревки и кожаного мешка. Мы иногда тратим лишние деньги на очень далекие перспективы, забывая овладеть близкими.

Работы т. Федосеева по искусственному дождю также должны отнести к самым ближайшим перспективам. Работы М. П. Петрова и его сотрудников на Репетекской песчаной станции хлопководов из института в Байрам-Али и многих

других доказывают, во-первых, что в Туркмении уже есть кадры «челюскинцев пустыни», во-вторых, что пустыни может и не быть, она не обязательна при социализме. Нам приходилось ходить в саксауловых рощах Репетека на сыпучих барханах, где пустыни уже не чувствуется вовсе.

Маленький Репетек одним из первых отрядов перешел в активное наступление на Кара-Кумы, потому что современная техника растениеводства, умноженная на творческое искусство советских работников, позволяет зарастить пески, создать на них мощную кормовую базу для животноводства, широко поставить дело лесного саксаульного хозяйства и организовать химическую промышленность из растительного сырья.

Древняя поверхность пустыни вполне пригодна для культурного, высокорентабельного социалистического хозяйства. И вот — всячески поддерживая и вдохновляя наступление на пустыню по ее, так сказать, поверхностям, мы, однако, решаемся заявить, что ключ к полному завоеванию «жаркой Арктики» лежит в ее недрах.

Теперь ведь ясно, что Кара-Кумы (по крайней мере на своих окраинах) — это [illegible] нефтью, ящики с углем, мешки с серой и так [illegible]. Природа противоречива: под убогой наружностью пустыни [illegible] наше будущее достояние, более драгоценное, [illegible] если бы на ней росли буковые рощи. И нам кажется, [illegible] можно преодолеть, лишь углубившись под их [illegible]. Нефть, газы, сера, уголь, минералы, химические [illegible] заставит покрыть мертвое пространство Кара-Кумов [illegible] промышленностью и возвысить труд, культуру, благосостояние и душу туркменского народа до такого уровня, на каком не была ни одна культура древности.

Могучие средства промышленности поведут за собою хлопок, животноводство, транспорт, водоснабжение, сельское хозяйство в таких темпах, каких эти отрасли еще не знали. Машина обеспечит другую скорость роста и другую падежность плодоношения растению и животному в пустыне. Прекрасные внутренние качества туркменского народа — пронизательный, иронический ум, способность к точному математическому знанию, страстная преданность социалистической Родине — лучше всего могут развиваться в наиболее совершенной форме труда — в промышленности. Однако трудно будет начать широкое завоевание Кара-Кумов промышленностью, если вперед не будет достигнуто резких успехов по хлопку, овцеводству, по кормовым и хлебным культурам. Именно отсюда главным образом должны начать свой поход «челюскинцы песков», чтобы повысить наступательную силу

народного хозяйства Туркмении. Пустыня достаточно обильна и позволяет произвести ее завоевание на самоокупаемости и саморасчете.

Мы желаем, чтобы сегодня весь социалистический Туркменистан понял «Черные пески» как будущую страну своих детей и чтобы это сознание проникло в его волю и сердце.

Весь Советский Союз поможет Туркмении в ее всемирной работе по превращению Кара-Кумов в сплошной цветущий оазис социализма. Советский Союз уже научился одолевать льды Северного океана, и он сумеет справиться с пустынями.

Пусть идея завоевания Кара-Кумов — героическая, простая и хозяйственно-необходимая — станет воодушевляющей генеральной мыслью туркменского народа и всех, кто этот народ любит. Осуществление этой идеи даст Туркмении богатство и всемирную славу и выведет бывших кочевников в строй передовых народов Союза, в культурный авангард человечества.

Худая пустыня, давно рассыпавшая свои кости в прах и прах истратившая на ветер, исчезнет и забудется навечно. По Ледовитому океану пойдут рейсовые корабли, а на месте кара-кумских барханов будет находиться высшая человеческая цивилизация — социализм.

Сделаем так, чтобы эти события случились одновременно.

Из писем в Ленинград, 1934 г.

...Как хорошо не только любить, но и верить в тебя как в Бога (с большой буквы), но и иметь в тебе личную, свою религию. Любовь, перейдя в религию, только сохранит себя от гибели и от времени.

Как хорошо в этом Боге не сомневаться, имея личность Божества всегда перед собою.

Любовь — есть собственность, ревность, пакость и прочее.

Религия — не собственность, и она молит об одном — о возможности молиться, о целости и жизни Божества своего.

Мое спасение — в переходе моей любви к тебе в религию.

И всех людей в этом спасение.

Это я знаю вернее всего, и за это буду воевать.

Как хорошо и спокойно мне, Мария.

Я счастливее первых дней любви к тебе.

Я от тебя ничего не требую теперь. В боготворении любимой — есть высшая и самая прочная любовь.

...Наука родилась не для понимания мира, а для завоевания его человеком, для того, чтобы влить мир в человека. Понимание мира — предпосылка к покорению его...

...Наука родилась в тот момент, когда человек почувствовал себя отделенным от вселенной, когда природа извергла из себя это существо и человек захотел снова слиться с ней для своего спасения.

...Все научные теории, атомы, ионы, электроны, гипотезы, всякие законы — вовсе не реальные вещи, а отношения человеческого организма ко вселенной в момент познающей деятельности...

Из писем в Крым, 1936 г.

...Наверно, в Крыму тебе понравится. Главное мое беспокойство — землетрясения. Никто не знает, будут они или нет. Главное — во время землетрясения не быть в здании или у скалы в море. Скала может деформироваться и задавить человека, море «вздохнет» [illegible] так, что погребет под собой людей и т. д.

Смотри, Мария! [illegible] ревожно или землетрясение повторится — выезжай [illegible]. Что Тот ужасен (капризничает, ты пишешь), [illegible] с дороги. Но что он вспомнил в Симферополе [illegible] дворике — это знаменито!

...Я живу плохо... [illegible] мне. Жизнь моя свелась совсем к примитиву: [illegible] дома. Был у Новикова..."

Но одиночество мне [illegible] — так я привык бессознательно иметь рядом с собой тебя. Я говорю искренне. Я увижу тебя очень нескоро. Мне предстоит переплыть океаны трудностей. Ты ведь знаешь, как трудно в Москве все дается. Самое тяжелое — без тебя мне плохо работается...

...Я работаю. Иногда меня питает энергия остервенения, чтобы выбраться на чистую, независимую воду жизни.

...Пишу о нашей любви". Это сверхъестественно тяжело. Я же просто отдираю корки с сердца и разглядываю его, чтобы записать, как оно мучается. Вообще писатель — это жертва и экспериментатор в одном лице. Но не нарочно это делается, а само собой так получается. Но — это ничуть не облегчает личной судьбы писателя — он неминуемо исходит кровью. Как все это грустно, однако, Мария!

...В Совкино мне говорят, что на мои вещи нельзя писать рецензий, а надо писать целые исследования и т. д., до того они, дескать, хороши. Отчасти это преувеличено, но все же

каждому должно быть лестно. (Но ведь не ставят Айну, испортили совсем!)...[28]

Сейчас читал свои стихи. Предлагаю издать их не в Мол. Гвардии, хотя Молотов просил дать их через неделю.

Помнишь ты такой отрывок:

...Помню я, в тоске воспоминанья,
Свежесть влажной, девственной земли
И небес дремучее молчанье,
И всю прелесть милую вдали...

Но чем жизнь страстней благоухала,
Чем нежней на свете красота,
Тем жаднее смерть ее искала
И смыкала певшие уста...

Меня это тронуло нынче больше, чем когда я писал эти стихи.

Вот что самое страшное в человеке — когда его люди не интересуют и не веселят и когда природа его не успокаивает, т. е. когда он погружен весь в свою томящуюся душу. Так обстоит у меня. Сегодня воскресенье, ездил с Петей [27] к аэродрому, должны быть мотоциклетные гонки, но не состоялись. Я пешком дошел почти до Серебряного бора. И ничто меня не тронуло, не успокоило и не обрадовало.

...Природа отстала от меня. Легко понять — почему, но говорить неохота... Смерть, любовь и душа — явления совершенно тождественные. Это ты знаешь и без меня хорошо...

Кончим об этом. Я не сумел сделать просто из жизни то, о чем мечтал в ранние годы...

...Опиши мне Крым. У тебя очень хороший стиль в письме из Симферополя, несмотря на то, что ты писала его наспех. Вот так и пиши. Какое ощущение оставило море, какие горы, небо, воздух и весь инвентарь тамошней природы. Я отсюда ничего себе не могу вообразить. Что вы едите? Как Тотик встретил море? Как ты (я спрашиваю это, чтобы вообразить тебя в Крыму)?

И все остальное. Мне все будет любопытно. Ты знаешь, я нечаянно открыл принцип беспроводной передачи энергии. Но только принцип. До осуществления — далеко. Будет время — напишу статью в научный журнал. Маша, это захватывающая задача,— страсть к научной истине не только не умерла во мне, а усилилась за счет художественного созерцания.

...Я негармоничен и уродлив — но так и дойду до гроба, без всякой измены себе. Завтра ответ в Совкино о службе...

Пиши мне все, Машенька. На деле я никогда не был и не буду твоим врагом. А был только на словах.

Муза! Если там плохо, приезжай немедленно, не беспокойся ни о чем... Валя сказала, что там плохо, что ты не получаешь моих писем.

Как бы я тоже хотел уехать из этой пустой квартиры. У меня окончательно разошлось сердце, и по ночам льется изможданный пот. Сегодня я выясню, в чем дело. Я не беспокоюсь, только мне некогда болеть. Думаю, что врач скажет о покое, отдыхе и проч. Они же умеют лечить лишь понос...

Но трудно работать без тебя, трудно писателю быть без Музы. Я уже привык к твоему новому имени, которое я сам дал тебе, и говорю с тобой в воображении, называя только так. Еще ни разу я не говорил тебе его в лицо... Вот пишу, пишу и не могу оторваться. Как будто я вблизи с тобой. Скажи сыну (ведь он уже большой, десять лет), что я его люблю, что я по нем соскучился и часто смотрю на все его игрушки, на столик, которые теперь имеют и ждут его.

...Я еду к вам! Получил деньги, пока соберусь, письмо уже придет до меня.

IV. ВОЙНА. «НЕПОБЕДИМАЯ АРМИЯ»

Андрей Платонович [illegible] понимание литературы времени Отечественной войны — быть [illegible] нашем народе, сберегшем мир от фашизма и уничтожившем [illegible] ческого рода.

В его понятие «вечная память» входит и понятие вечной славы. Слово «вечный» не будет произнесено всуе, если образы людей военного времени будут запечатлены в произведениях, полных истинной действительности, одухотворенных оживляющим мастерством писателя».

«...Искусство должно, преодолев недостаток человеческого сердца, склонного к забвению, восстановить справедливость».

И еще несколько высказываний о войне, оставшихся в письмах и записных книжках:

«...После войны, когда на нашей земле будет построен храм вечной славы воинам, то против него... следует соорудить храм вечной памяти мученикам нашего народа. На стенах этого храма мертвых будут начертаны имена ветхих стариков, женщин, грудных детей. Они равно приняли смерть от рук палачей человечества...

...А кладбище убитых на войне! И встанет к жизни то, что должно быть, но не свершено: творчество, работа, подвиги, любовь — вся картина жизни несбывшейся. И что было бы, если бы она сбылась? Изобразить то, что в сущности убито — не одни тела. Великая картина жизни и погибших душ, возможностей. Дается мир, каков бы он был при деятельности погибших,— лучший мир, чем действительный: вот что погибает на войне — убита возможность прогресса... (1944 г., письмо с фронта).

...Немцы хотят убить «синюю птицу» человечества. Пока что они убивают всех нижних воробьев, а птица возвышается и улетает от своего врага... (1943 г.)

...Помнишь о тех, которые, обвязав себя гранатами, бросились под танки врага? Это, по-моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено («Красной Звездой») сделать из него достойное памяти этих моряков произведение.

...Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне. У меня получается нечто вроде реквиема в прозе. И это произведение, если оно удастся мне, Мария, самого меня хоть отдаленно приблизит к душам погибших героев... Мне кажется... что мне кое-что удается, потому что мною руководит воодушевление их подвигом... (1942 г.)[29]

...Русский солдат для меня святыня, и здесь я вижу его непосредственно. Только позже, если буду жив, я опишу его...»

Июль, 1942 г.

...Я только что вернулся с материалами в «Красную Звезду», был на фронте...

...Я видел грозную, прекрасную картину боя современной войны.

В небе гром наших эскадрилий, под ними гул и свист потоков артиллерийских снарядов, в стороне хриплое тявканье минометов. Я был так поражен зрелищем, что забыл испугаться, а потом уже привык и чувствовал себя хорошо. Наша авиация действует мощно и сокрушительно, она вздымает тучи земли над врагом, а артиллерия перепахивает все в прах! Наши бойцы действуют изумительно. Велик, добр и отважен наш народ!

...Представь себе, в земле укрыты тысячи людей, тысячи пар глаз глядят вперед, тысячи сердец бьются, вслушиваясь в канонаду огня, и поток чувства проходит в твоей груди, и ты

сам не замечаешь, что вдруг слезы страшного восторга и ярости текут по твоим щекам. Я, ты ведь знаешь, привык к машинам, а в современной войне сплошь машины, и от этого я на войне чувствую себя как в огромной мастерской среди любимых машин.

...Ночью я видел пылающий в небе самолет врага. От скорости полета и ветра огонь распускался за ним, как косы у ведьмы...

...Я уже знал раньше от П. Трошкина, что твой отец скончался в Ленинграде. Сожалею и сочувствую тебе. Ты знаешь, я любил Александра Семеновича и был ему товарищем, особенно в последние годы. Я вспоминаю, как мы были с ним в Луге, нанимали лошадей, как он приезжал к нам в Москву. Теперь его нет. Может быть, еще узнаешь что-то из блокадного Ленинграда, напиши мне, пожалуйста...

6/VI—1943 г.

Дорогая моя жена М[illegible] под Курском. Наблюдаю и переживаю сильнейшие [illegible] бои. Однажды попал в приключение. На [illegible] немцы совершили налет. Все выпили из зенитки. [illegible] все легли. Я не успел и смотрел стоя на [illegible] ракеты. Потом я лечь не успел, меня ударило [illegible] сильно, но голова уцелела. Два дня болела [illegible] у меня никогда не болит и шла сильно кровь из [illegible] теперь все это прошло; взрывная волна была слаба для [illegible]. Меня убьет только прямое попадание по башне. Как [illegible] ты там живешь, одинокая моя? Я так по тебе соскучился, так много есть что рассказать, так много есть чего писать. А главное, я так тоскую о холмике земли на армянском кладбище. Когда-то я еще буду там я сам не знаю. Что у вас там нового? Я тут редко что слышу, п. ч. бываю в дальних местах. Задумал одну вещь, очень важную... Но где тут писать!

...Я сделал здесь на войне столь важные выводы из его смерти, о которых ты узнаешь позже, и это тебя немного утешит в твоем горе...

...Недавно я сказал как бы маленькую речь, где вспомнил такой факт из фронтовой действительности: один наш командир поднимал своих бойцов в атаку, был сильный огонь про-

...ника, у командира оторвало миной левую руку; тогда он ...ял свою оторванную руку в правую, поднял свою окровав...енную руку над своей головой, как меч и как знамя, вос...кликнул: «Вперед!», и бойцы яростно пошли за ним в атаку. И первый мой тост был за здоровье, за победу великого рус...ского солдата.

Этот факт с рукой я описал в рассказе «Реквием» (памяти пяти моряков-севастопольцев)[31].

...Я видел на фронте храбрейших людей, которые, однако, не могут ни слушать музыку, ни видеть цветы — плакали...

...Она (Красная Армия) приняла на свою грудь, на свое оружие ураганное давление германской армии, затомила на себе силу немцев и затем перешла в сокрушающее упорное наступление, уничтожая вросшую в землю оборону против...ника...

...Пишу о войне, а душа покоя просит. Тихая ночь войны, проникнутая взорами людей, таких, как я, бодрствующих в окружающем мраке, льется по земле. Невнятные звуки воз...никают во тьме, около нашей землянки, а потом снова безмол...вие. Иногда во мраке светятся ракеты, висят они мучительно долго, освещая все зеленым, иногда синим светом, но потом все-таки гаснут.

И странно тебе покажется, но мне в такие ночи не так грустно. Мне кажется, что мой сын где-то там, в этом сине-зе...леном мраке...[32]

«ТРУД ЕСТЬ СОВЕСТЬ»

Из записных книжек разных лет

Блокноты, тетради, записные книжки — это, вероятно, лишь огромное название уже давно существующего и все еще нового, то есть формально не узаконенного, литературного жанра. Этот жанр существует для небольших произведений, которые всего удобнее и полезнее излагать именно способом «записной книжки».

Если же блокноты и записные книжки являются складочно-заготовительными пунктами литературного сырья, то было бы странно опубликовывать что-либо «из записной книжки», потому что питать читателя сырьем нельзя, это есть признак неуважения к читателю и доказательство собственного высокомерия.

1931—1933

Искусство должно умереть — в том смысле, что его должно заменить нечто обыкновенное, человеческое; человек может хорошо петь и без голоса, если в нем есть особый, сущий энтузиазм жизни.

Писать надо не талантом, а «человечностью» — прямым чувством жизни.

Преодолеть, простить недостатки друг друга нельзя, не имея чувства родственности.

Сквозь череду горя, труда и бедствия — к молодости, к вере и радости...

Напряжение нежности.

И новые силы, новые кадры могут погибнуть, не дождавшись еще социализма, но их «кусочки», их горе, их поток чувства войдут в мир будущего. Прелестные молодые лица большевиков,— вы еще не победите; победят ваши младенцы. Революция раскатится д а л ь ш е вас! Привет верующим и умирающим в перенапряжении!

Как непохожа жизнь на литературу (мальчик в Мелекесе): скука, отчаяние. А в литературе — «благородство», легкость чувства и т. д. Большая ложь — слабость литературы. Даже у Пушкина и Толстого — мучительное лишь «очаровательно».

Оставляй для судьбы широкие проходы.

Ночное пение аэродинамических труб во всех крупных городах мира — вот мелодия времени, истории.

Крестьянин имеет переменную душу от погоды, от ветров.

1936—1938

Человечество — без облагораживания его животными и растениями — погибнет, оскудеет, впадет в злобу отчаяния, как одинокий в одиночестве.

Надо относиться к людям по-отцовски.

Это и есть новая любовь между людьми — сквозь души других.

Трагедия оттертости, трагедия «отставленного», ненужного, когда строится блестящий мир, трагедия «пенсионера» — великая мука.

Критика, в сущности, есть дальнейшая разработка богатства темы, найденной первым, «основным» автором. Она есть «довыработка» недр, дальнейшее совершенствование мыслей автора. Критика может быть многократной.

Первый автор обычно лишь намечает, оконтуривает недра и лишь частично их выбирает, а критик (идеальный) доделывает начисто несовершенное автором.

Иногда, демонстративная доброта бывает компенсацией тайного зла. Мне нужен рассказ об этом.

У многих людей ум заменяется наглостью, иронией, насмешкой — «вы интеллигенты»... Но за этим — невежество хулигана. Эгоизм жулика.

Назначение литературы нашего времени, времени Отечественной войны, это быть вечной памятью о поколениях нашего народа, сберегших мир от фашизма и уничтоживших врагов человеческого рода.

В понятие вечной памяти входит и понятие вечной славы. Вероятно, этим назначением литературы она сама полностью не определяется, но сейчас именно в этом направлении лежит ее главная служба.

Слово «вечный» не будет преувеличением, если образы людей нашего времени будут запечатлены в произведениях, полных истины действительности, одухотворенных оживляющим мастерством писателя.

Остающиеся жить обязаны вечной памятью по ушедшим из жизни героям, потому что живые сохранены подвигами тех, кто погиб. Но нельзя от следующих за ними поколений требовать столь многого: человеческому сердцу свойственны не только совесть, долг и память, но также и забвение. Задачей искусства и является создание незабвенного из того, что преходяще, забвению, что погибло или может погибнуть, по чему мы, живые, обязаны жизнью и спасением,— в такой же мере обязаны, как матери; искусство должно здесь, преодолев недостаток человеческого сердца, склонного к забвению, восстановить справедливость.

Но дело не только в такой эпической необходимости, дело здесь и в практической пользе: если живая и, так сказать, частная конкретность Отечественной войны сгущается когда-либо в будущем силой забвения, то как люди могут увидеть для себя поучение из великого, но уже минувшего события... Здесь важна именно частная конкретность, потому что литература имеет дело с отдельным человеком, с его личной судьбой, а не с потоками безымянных существ. Мы должны сберечь в памяти и в образе каждого человека в отдельности, тогда будут сохранены и все во множестве и каждый будет прекрасен, необходим и полезен теперь и в будущем, продолжая через память действовать в живых и помогая их существованию.

Если бы наша литература исполнила эту свою службу,

...ома бы, между прочим, оберегла многих людей, в том числе и тех, которым еще только надлежит жить, от соскальзывания их в подлость. Но эта польза — дополнительная, а не главный результат...

Война с чрезвычайной быстротой образует новые характеры людей и ускоряет процесс жизни. Один красноармеец сказал: бой есть жизнь на большой скорости. Это верно. Жизнь на большой скорости означает, что формируется великое множество людей, причем складываются и такие характеры, которые не могли сложиться прежде и которые, возможно, никогда более не повторятся в качестве подобия в другом человеке. Служба литературы, как служба вечной славы и вечной памяти всех мертвых и всех живых, увеличивается этим обстоятельством в своем значении и делается еще более незаменимой ничем.

Мне рассказывали о младшем сержанте, который вместе с другим своим товарищем заколол трупом немца огневое сопротивление немецкого дзота, и никто толком не мог сообщить о человеческих свойствах этого редкого героя.

Однако, зная [illegible] нашего народа и армии, можно все-таки понять и представить себе этого человека, если иметь к нему сердечную заинтересованность. Писатель должен уметь решать уравнения со многими неизвестными. В этом случае важно знать одну вещь. Если искреннее серьезное человеческое чувство всегда таит в себе и предчувствие, то есть как бы дальнейшее расширение или увеличение чувства за пределы первоначального ощущения, — и тогда делается понятным то, что не было видимо в характере или судьбе его. Например, распространенное чувство любви между мужчиной и женщиной, по убеждению самих любящих, вечно, но если эта любовь достаточно глубока, то она же бывает и трусится, потому что в ней же самой находится предчувствие ее окончания — хотя бы путем смерти любящих.

В нашей литературе еще мало предчувствия, подобного научному знанию. Если вспомнить военные произведения предвоенных лет, то в них верно только убеждение в непобедимости и побеждающей мощи нашего народа, но драмы войны в них нет.

Рождается ребенок лишь однажды, но оберегать его от врага и от смерти нужно постоянно. Поэтому в нашем народе понятие матери и воина родственны; воин несет службу матери, храня ее ребенка от гибели. И сам ребенок, вырастая сберегаемым, превращается затем в воина.

Не так давно я видел одно семейство. В опаленном бурьяне была зола от сгоревшего жилища, и там лежало обугленное

ное мертвое дерево. Возле дерева сидела утомленная женщина, с тем лицом, на котором отчаяние от своей долговременности уже выглядело как кротость. Она выкладывала из мешка домашние вещи — все свое добро, без чего нельзя жить. Ее сын, мальчик лет восьми-девяти, ходил по теплой золе сгоревшей избы, в которой он родился и жил. Немцы были здесь еще третьего дня. Мальчик был одет в одну рубашку и босой, живот его вздулся от травяной бесхлебной пищи; он тщательно и усердно рассматривал какие-то предметы в золе, а потом клал их обратно или показывал и дарил их матери. Его ученическая озабоченность, серьезность и терпеливая печаль не уменьшая прелести его детского лица, выражали собою ту простую и откровенную тайну жизни, которую я сам от себя словно скрывал.

Это лицо ребенка возбуждало во мне совесть и страх. Как сознание своей вины за его обездоленную судьбу.

— Мама, а это нам нужно такое? — спросил мальчик.

Мать поглядела, ребенок показал ей гирю от часов-ходиков.

— Такое не нужно — такое не годится! — сказала мать. — Другое ищи.

Ребенок усиленно [illegible] горелую землю, желая поскорее найти знакомые [illegible] вещи и обрадовать ими мать; это был маленький [illegible] Родины и будущий воин ее. Он нашел [illegible] птицу, протянул ее матери и спросил:

— Мама, а какие немцы?

Он уже знал — какие немцы, но спросил для верности или от удивления, что [illegible] непонятное. Он посмотрел кругом себя — на пустырь, на хромого солдата, идущего с войны с вещевым мешком, на скучное поле вдали, безлюдное без [illegible] ров.

— Немцы, — сказала мать, — они пустодушные, [illegible] Ступай, щепок собери, я тебе картошек испеку, потом [illegible] будем пить...

— А ты зачем отцовы валенки на картошку [illegible] ла? — спросил сын у матери. — Ты хлеб теперь задаром [illegible] кте получаешь, нам картошек не надо, мы обойдемся [illegible] и так немцы убили, ему плохо теперь, а ты рубаху [illegible] меняла и валенки...

Мать промолчала, стерпев укоризну сына.

— А мертвые из земли бывают жить?

— Нет, сынок, они не бывают.

Мальчик умолк, неудовлетворенный. Неосуществимая [illegible] или неосуществимая истина была в словах ребенка [illegible]

жила еще первоначальная непорочность человечества, упа-
следованная из родника его предков. Для него непонятны бы-
ли забвения и его сердцу несвойственная вечная разлука.

Позже я часто вспоминал этого ребенка, временно живу-
щего в земляной щели... Враждебные, смертельно-угрожа-
ющие силы сделали его жизнь при немцах похожей на рост
слабой ветви, зачавшейся в камне,— где-нибудь на скале над
пустым и темным морем. Ее рвал ветер, и ее смывали штормо-
вые волны, но ветвь должна была противостоять гибели
и одновременно разрушать камень своими живыми, еще не-
окрепшими корнями, чтобы питаться из самой его скудости,
расти и усиливаться — другого спасения ей нет. Эта слабая
ветвь должна вытерпеть и преодолеть и ветер, и волны, и ка-
мень: она — единственное живое, а все остальное — мертвое,
и когда-нибудь ее обильные, разросшиеся листья наполнят
шумом опустошенный войной воздух и буря в них станет пес-
ней.

На войне у людей ландшафт воспринимается иначе, оце-
нивается каждый естественный предмет, потому что вой-
на — это зона между их жизнью и смертью, где жизнь добыва-
ется в тяжелом труде через смерть врага,— война вместе с тем
место, где надолго решается судьба человечества. Например,
русское серое обычное поле является великим многозначи-
тельным образом, а супряга, когда тринадцать-четырнадцать
детей и старух впряжены в общую лямку, тянут однолемеш-
ный плуг, с и м в о л о м непобедимой России...

...Одно из самых опасных для народа последствий вой-
ны — разрушение семьи. Где найти нравственную силу, кото-
рая сможет противостоять губительным страстям людей, и где
находятся источники их истинной любви, которыми люди об-
мениваются в знак верности и взаимного чувства на всю
жизнь...

Сарай в дер. Малый Тростенец. На месте сожженного са-
рая — огромное количество пепла, обугленных костей, обуг-
ленных трупов. Среди трупов масса немецких зажигательных
бомб — для усиления температуры. Люди предварительно рас-
стреляны. Характер некоторых ранений указывает на то, что
в отдельных случаях смерть наступила не моментально,
а ж и в ы е е щ е л ю д и подвергались сожжению вместе с тру-
пами (около 5—6 тысяч).

Еще много могил не вскрыты: Тучинки, Кальварийское
кладбище, на Раковой улице, в Парке культуры и др.

По данным комиссии, в местах истребления только в области уничтожено 300 тысяч человек, не считая сотен тысяч сожженных в кремац. печах. Из них военнослужащих — 1[illegible] тысяч...

Ребенок долго учится жить; он учится самоучкой, но его помогают и старшие люди, которые уже приучились жить [illegible]ществовать. Наблюдать за развитием сознания в ребенке [illegible] осведомленностью его в окружающей неизвестной действительности составляет для нас радость.

...Если бы мои брат Митя или Надя — через 21 год после своей смерти вышли из могилы подростками, как они умерли и посмотрели б на меня, что со мною сталось? — Я стал [illegible]дом, изувеченным и внешне и внутренне.— «Андрюшка [illegible] это ты?» — «Это я — я прожил жизнь».

Мать, рождая сына, всегда думает: не ты ли — тот?

Женщина — путь и средство, сын ее — цель и смысл пути.

Драма великой и [illegible] жизни: в бедной квартире вокруг пустого деревянного стола ходит ребенок лет 2—3 [illegible] и плачет — он тоскует об отце, а отец его лежит в земле, в траншее, под огнем [illegible] тоски стоят у него в глазах, он скребет землю [illegible] горя по сыну, который далеко [illegible] него, который плачет [illegible] в серый день, босой, полу[illegible]ный, брошенный.

Рабочий человек должен глубоко понимать, что ведер и паровозов можно наделать сколько угодно, а песня и волнение сделать нельзя. Песня дороже вещей: она человека к человеку приближает. А это трудней и нужнее всего...

Солдат,— тайна солдата в том, что он, в его характере, в его природе и замысле «стушеваться», предоставить высшую волю другим, себе оставить исполнение, существование в тени, в безымянности...

Офицер есть образ Родины для солдат на поле боя. Никого иного нет ближе для солдата в час битвы, в час его во[illegible]ной смерти.

Деятельность офицера должна доказывать [illegible]чества к солдату. В этом залог победы войск.

Искусство, как потение живому телу, как движение ветру,— органически присуще жизни.

Если я замечу, что человек говорит те же слова, что и я, или у него интонация в голосе похожа на мою, у меня начинается тошнота...

Любовь одного человека может вызвать к жизни талант в другом человеке или, по крайней мере, пробудить его к действию. Это чудо мне известно.

...Смысл жизни не может быть большим или маленьким — он непременно сочетается с вселенским и всемирным процессом и изменяет его в свою особую сторону,— вот это изменение и есть смысл жизни.

...Любовь честное доверие, потому что даже обманутый влюбленный заслуживает не сожаления, а удивления и уважения.

Любовь никогда не выглядит глупостью, а доверие — всегда, если оно не соединено с любовью.

...Любовь есть соединение любимого человека со своими основными и искренними идеями — осуществление через него (любимого — любимую) своего смысла жизни.

Любить женщину легко — это значит любить себя.

Сознание женщины — сама мать.

Жизнь есть упускаемая и упущенная возможность.

Сторонник и проповедник «красивой жизни»,— для него эта жизнь — истина и вся философия.

Поймы рек Оскола, Валуя, Уразво, Погудани, Девицы — это целые заболоченные страны.

Электротехника должна быть самостоятельной наукой, объединяющей всю практику (собственно электротехнику) и теорию электричества — электрику.

Электротехника, хотя и кровное дитя физики, должна откорпаться от своей матери и жить отдельно, самостоятельно.

Искусство не терпит пустоты,— оно должно быть заполнено жизнью и людьми, как поле травой.

Нельзя социалистический реализм подменить вульгарным сентиментализмом.

Искусство заключается в том, чтобы посредством наипростейших средств выразить наисложнейшее. Оно — высшая форма экономии.

...Зависимость и ответственность художника от общей исторической жизни народа.

Настоящий художник не может принять натурализм как руководство к творчеству (указание Энгельса). В действительности указание Энгельса, разработанное самим Энгельсом очень детально, есть не что иное, как обоснование социалистического реализма искусства наших дней...

«Пагубный пример [illegible] с Запада (Герцен). Все тогда ссылались на Запад, [illegible] на СССР. СССР стал центром мировоззрения мира.

Труд есть совесть.

Все возможно — и удается все, но главное — сеять души в людях.

ПЛАТОНОВ — НАШ СОВРЕМЕННИК

Судьба, кажется, не без тайного умысла распорядилась жизнью А. Платонова (1899—1951): она почти с хронометрической точностью отмерила ему первую половину нашего столетия — самое сложное время в истории страны, словно гарантировала эпохе крупных социальных потрясений и перемен нового, не похожего ни на одного из известных ей летописцев.

Ровесник текущего века А. Платонов вместе со своим народом пережил две опустошительные мировые войны, Великую Октябрьскую социалистическую революцию и гражданскую войну, нэп, индустриализацию страны и коллективизацию деревни, породившие невиданные свершения, надежды и взлеты человеческого духа и неслыханные людские страдания, страхи и сомнения. Будучи не всегда в согласии с современниками, господствующими взглядами на события, происходившие в родной стране, А. Платонов вместе с тем унаследовал от взрастившей его ум и душу эпохи то ее скрытое энергетическое и судьбоносное качество, которое в наибольшей степени выражает гуманистический пафос и духовную сущность революции и заключается в творческом познании и преобразовании мира, в постижении природы человека и глубинных основ народного бытия.

Признавая жизнь коренной, универсальной и высшей ценностью, А. Платонов не считал, однако, всякую жизнь достойной человека, а ее гарантии — хлеб насущный, свободу, труд, познание и т. п., если они теряют исторический смысл и угрожают существованию людского рода, безусловным благом. Центральные вопросы, которые мучили художника, не сводились им в ответе к оправданию какой бы то ни было жизни и к осуждению смертоносных для нее сил, а сосредоточивались в том, как жить, чтобы печальных и небескорыстных подозрений в целесообразности пребывания человека на земле не возникало.

Вопросы по преимуществу нашего больного столетия. В новейшей литературе эти вопросы ни один из художников не ставил, может быть, с такою остротой, обнаженностью и постоянством, с какими ставил их А. Платонов. И если каждый подлинный писатель

наделен «лица необщим выраженьем», то представляется вполне естественным, что при имени Андрей Платонов в нашем сознании невольно возникает образ странника, с «обнаженным сердцем» идущего дорогою людских несчастий и бедствий встречь ветру — этому «вестнику бесконечной вселенной», и открывающейся впереди дали, исполненной «живого исторического смысла».

В творчестве А. Платонова, равно как и в его — выходца из народных низов — биографии, нашла яркое отражение история социально-нравственных исканий русского человека первой половины XX века, свидетельствующая не только о духовной мощи, талантливости, трудовом подвижничестве и жизнестойкости народа, но и о его утопических заблуждениях и трагических состояниях, последствия которых до сих пор сказываются на нашей многотрудной судьбе.

Уроженец воронежской окраины, сын слесаря железнодорожных мастерских, А. Платонов в неполные четырнадцать лет начал трудовую деятельность, [illegible] к октябрю 1917 года несколько чернорабочих профессий, [illegible] участвовал в гражданской войне и восстановлении [illegible]. Все эти «университеты» питали его знанием [illegible] характера и миросозерцания низовой, народной России [illegible] Христа ради, нищего и бродяги, мужика и полупр[illegible], ремесленника, и другого мастерового люда.

Воронежская губерн[illegible] исход словесному искусству А. Платонова, отлича[illegible] [illegible]щенностью и заброшенностью. Еще царское пра[illegible] [illegible]ленное судьбой центральных черноземов, нео[illegible] [illegible] вопрос о ее бытовом, хозяйственном и культур[illegible], но последовавшие вскоре события оставили реш[illegible] вопроса открытым, и империалистическая война, затем [illegible] и война гражданская довели край до полного разора и упадка.

Перенаселенная, с кустарными зачатками промышленности и отсталыми формами сельского хозяйства, губерния в 1918 году пережила оккупацию немецких войск и партизанскую борьбу с ними, в 1919-м Деникина; в 1920 и 1921-м — последствия гражданской войны и неуправляемой революционной стихии — разбой и бандитизм, подогреваемые страшным голодом, поразившим восточные районы края и повторившимся в 1924 году. Область до самого конца [illegible] дов выделялась в европейской России самой высокой смертностью, особенно детской, и свирепостью болезней, принимавших характер средневековых эпидемий,— тифа, малярии, туберкулеза, сифилиса и цинги.

Подобно Радищеву, А. Платонов мог бы сказать о своем [illegible] России: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала». И именно с той поры, с четырнадцати лет, когда он пошел «в люди», перебиваясь случайным заработком, в Платонове начало пробуждаться поэтическое отношение к действительности как компенсация и духовное преодоление страданий

и нищеты, как наикратчайший путь к открытию человеческого счастья и облегчению участи родного народа. «Все материальное, серое и обыкновенное,— писал А. Платонов о себе позднее,— он принял столь близко к сердцу, что оно стало для него духовным... он своими руками делал тогда это превращение материального в духовное...» И в конце концов из «серых», «бросовых» и «подручных» материалов, на которых духовно держалась глубинная народная жизнь, с неиссякаемой надеждой и верой устремленная к раю на земле и идеальному человеку на ней в сказках, житиях святых, утопических легендах, пророческих откровениях юродивых и странников и т. п., он «своими руками» создал свой, особенный, «самодельный» язык. На нем заговорила платоновская «природная» Россия, вырвавшаяся в октябре 1917 года из «мертвого мучения долготы истории» на социальный простор и вступившая в сложный и драматический диалог с марксизмом, зачастую не понимая его научного языка и, как выразился один из персонажей «Чевенгура», «дуром приспособляя социализм к порожним местам равнины и оврагов».

Работа народного сознания и нравственного чувства по переоценке ценностей в эпоху ломки традиционного жизненного уклада и миросозерцания и стала главным предметом прозы А. Платонова.

Характеризуя народное мировоззрение как «правду и смысл жизни», А. Платонов считал, и этим обстоятельством многое объясняется в исторической судьбе нашей революции, что «традиционное русское историческое правдоискательство соединилось в Октябрьской революции с большевизмом — для реального осуществления народной правды на земле». Это «соединение», однако, протекало без анестезии и не обошлось без активного обоюдного и болезненного отторжения «тел».

Автор известных повестей «Ямская слобода» (1927), «Сокровенный человек» (1927), «Происхождение мастера» (1928; первая часть романа «Чевенгур»), А. Платонов нашел народ в том состоянии, в каком его оставила отечественная классика XIX века, в частности Гоголь, написавший, по Платонову, «всего лишь большое введение к ... теме мертвых душ человечества», Щедрин, изобразивший «убитый горем» народ, который ничуть не лучше одичалых и фантастических чиновников, Достоевский, предельно надавивший «на фатальное несчастье, тщетность» и «бессилие человека».

Оценки не случайные, ими А. Платонов обозначил связь с великой гуманистической традицией и, присягнув ей на верность, пошел дальше. По существу, А. Платонов начал с того, на чем классическая литература остановилась. Со взыскания погибших, по его же собственному выражению. С момента, когда революция сняла с истории тяжелый угнетающий покров, под которым известный классике «маленький человек» мог задохнуться навеки, и он, этот «маленький человек», замордованный до равнодушия к самому себе, до полного бесправия, существовавший дотоле, как и время, породившее его, «в убогом виде, разрозненности и без общего ясного смысла», вышел из «темноты далеких родин» на свет жизни. Влекомый революцией

и гражданской войной, сокровенный человек А. Платонова, неизвестный самому себе, не знающий подлинной ценности ни своей, ни чужой жизни, начинает словно оттаивать и умом и сердцем, в нем просыпается душа, чувство родства и общности судьбы с себе подобными, но все это пока еще зыбко, непрочно, текуче и неуловимо, как и самый исторический рельеф революционной действительности с его многоязычием, борьбой идей и интересов. И все же главное направление («революция — как раз лучшая судьба для людей, верней ничего не придумаешь») в развитии платоновского человека просматривается — как интуиция, догадка или внезапное озарение, идущие словно из глубины природы. И если герои «Ямской слободы» и «Происхождения мастера» оставлены А. Платоновым на пороге в революцию, то Фома Пухов («Сокровенный человек»), пообтершийся на дорогах гражданской войны, «догадывался о самом важном и мучительном. Он даже остановился, опустив глаза,— нечаянное в душе возвратилось к нему. Отчаянная природа перешла в людей и в смелость революции. Вот где таилось для него сомнение».

Было бы наивным думать, что герои А. Платонова вышли из революции и гражданской войны сформировавшимися социалистами и строителями нового общества.

В романе «Чевенгур» [illegible] значительном произведении А. Платонова, подлинно и [illegible] более, ярко отразившей многоукладность России в пер[illegible] от «военного коммунизма» к новой экономической [illegible] писателем показаны в зародыше и попытках, по существу, в [illegible] крестьянского социализма, испытываемые живой, непосредственной практикой народа в пору недолгого стихийного социального творчества самых широких масс — от социализма [illegible] до социализма казарменного бюрократического, об опасности [illegible] художник предупреждал еще в повести «Город Градов» (1926) очерках «Че-Че-О» (1928), рассказах «Государственный житель» и «Усомнившийся Макар» (1929).

Роман создавался А. Платоновым в 1928—1929 гг., и хотя его историческое содержание, если не брать во внимание «Происхождение мастера», ограничивается периодом 1921—1922 годов, в нем дает себя знать и последующее время. На исходе 20-х годов А. Платонову становились все яснее перспективы социалистического строительства в стране, в особенности те тенденции общественного развития, которые вызывали у писателя серьезные опасения за судьбы народа, нового общества и его культуры.

Первое, что выносишь из чтения романа,— ощущение огромности России, ее немереных просторов, донельзя запущенных и разоренных войной, с редкими, словно скрывающими по балкам свою откровенную нищету и ветхость деревнями. Дванов «заглядется в бедный ландшафт впереди. И земля, и небо были до утомления несчастны: здесь люди жили отдельно и не действовали, как паспут дрова, не сложенные в костер. «Вот оно — сырье для социализма!— изучал Дванов страну.— Ни одного сооружения — только тоска природы-сироты!»

Кажется, Дванов плутает по степи меж случайно уцелевшими островами жизни — будто по земле прошел мор страшной силы и многих унес в могилу, а те, кто выжил, еще не оправились от изнурительной болезни и едва начинают двигаться, научаясь ходить заново. Состояние России, перетаскивающей полуживое крестьянское тело из-под тяжких завалов «военного коммунизма» к новой экономической политике. Уже мало-помалу отодвигаются в прошлое стихийные крестьянские волнения, прокатившиеся по Украине, Юго-Востоку, Сибири, Поволжью и центральным российским губерниям, позади недавние забастовки питерских и московских беспартийных пролетариев, грозный кронштадтский мятеж, но еще шастают по степи вокруг Чевенгура остатки банд и неприкаянные бродяги, одержимые синдромом гражданской войны и гонимые разрухой, голодом и общей неразберихой и неустроенностью, еще спущенный сверху нэп «пешком» добирается до глухих российских уездов, еще лежат порожними и невозделанными поля и в большом сомнении чешет мужик затылок, опасаясь грабежа среди белого дня в виде продразверстки и разорительной для хозяйской стабильности гужевой повинности.

Переход страны к нэпу совпал с резким изменением тактики Коминтерна и коммунистических партий в международной политике, которая в 1919 — 1920 годах строилась на скорейшем осуществлении социалистической революции в ряде стран. Многим тогдашним коммунистам, в особенности в России, казалось: революция набирает силу столь стремительно, что понадобится совсем небольшой срок, и навсегда будет покончено с капитализмом и эксплуатацией в Европе. «...Мы и начали наше дело,— писал В.И.Ленин,— исключительно в расчете на мировую революцию»[1] и попытались почти сразу же ввести коммунистические отношения в обществе, допустив «ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы развертаем его по заводам и фабрикам,— и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»[2].

Новая экономическая политика остановила развитие гражданской войны в России, поворот Коминтерна и коммунистических партий вправо от левацко-сектантских устремлений и настроений спас мировую революцию от занесенного над нею меча. Энергия заблуждения, нетерпения и неистовства, связанная с ожиданием близкого мирового «пожара», будто наткнулась на неожиданное препятствие, и вся ее инерционная мощь трагикомической судорогой отозвалась на измученной семилетней войной России, находя исход в героях наподобие Степана Копенкина, рыцаря Мировой Революции, без страха и сомнения поспешающего в будущее через «одни подвиги вооруженной руки».

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 1.
[2] Там же. Т. 44. С. 157.

Возможно, слово *чевенгур* означает *могила лаптей* (от *чева* — лаповище, обносок лаптя; *гур* — могила, гробница, склеп) — символ конца исконному русскому правдоискательству, ибо в Чевенгуре, по мнению его новых устроителей, настала тишина и конец истории, пора всеобщего счастья и благоденствия.

Дабы неимущим не погибнуть на переходных «этапах» к социализму, в Чевенгуре извели мелкую буржуазию, дважды расстреляв ее: сначала уничтожили ее тела, потом — души, ликвидировав тем самым не только «плоть нетрудовых элементов», но и «запасы накопленной вековой душевности». Солнце было объявлено всемирным пролетарием, труд упразднен, как пережиток жадности и эксплуатации, по редким субботникам жители города, не создавая никаких материальных ценностей, занимались добровольной порчей мелкобуржуазного наследства.

Для усиления очевидности коммунизма («когда пролетариат живет себе один, то коммунизм у него сам выходит») в Чевенгуре собрали самых нищих и нестоятельных людей, износивших себя до полуживого состояния,— расположенных пролетариев, названных А. Платоновым «прочие». Кто же такие эти «прочие»? По мнению Прошки Дванова, они «хуже пролетариата», «не русские, не армяне не татары, а — никто», «безотцовщина», «они нигде не жили, они бредут». Согласно характеристике [illegible] люди (собранные в Чевенгуре.— *В. В.*) были [illegible] костям из рассыпавшегося скелета чьей-то огромной [illegible] жизни». Метафора, по плотности упаковки напоминающая семечко, в котором содержится будущее дерево с его корнями [illegible], заключает в себе картину и вместе мысль о трагедии нации, выбитой до основания,— остались одни «прочие», «никто», [illegible], памяти и Отечества, люмпены, голь перекатная, бескни, [illegible] проститутки, бродяги... (В повести «Джан», к примеру,— женщины, изменявшие мужьям, христопродавцы, насмешники над миром.) Это было тяжкое наследие семи лет беспрерывной борьбы и войны — с 1914 по 1920 год, а также результаты политики «военного коммунизма», весьма преуспевшей в раскрестьянивании деревни и денационализации и пролетаризации народа. Процесс, несколько приостановленный нэпом и с новой силой возобладавший со второй половины 20-х годов, когда ленинское понятие «смычки» между городом и деревней было замещено феодальной «данью», а провозглашенный ранее лозунг о союзе с середняком сместился к опоре на бедноту и батрачество в их борьбе с зажиточным крестьянством.

Посвятив несколько страниц нэпу, А. Платонов не показал, однако, новой экономической политики как блага, реализованного в действительности, а целиком сосредоточился мыслью на истории чевенгурской коммуны, стремясь понять — и в этом заключается пророческая сила романа,— каким будет социализм, возводимый в историческом одиночестве и руками самых последних и обездоленных пролетариев.

Характеризуя «прочих», А. Платонов следующим образом определяет социально-нравственную основу их внутреннего уклада: «Кажущаяся немощь прочих была равнодушием их силы». Равнодушная сила, свободная от собственности, общенациональных интересов, отчественной истории, моральных народных традиций и устоев, не обладает свободой исторической воли и нуждается в организации и направлении, являясь готовой почвой для волюнтаристских экспериментов с исторической реальностью, она подразумевает и порождает вождя (Чепурный) и даже закулисного инквизитора (Прохор Дванов), выступающего в качестве некоей непознанной закономерности жизни.

На исходе 20-х годов, когда усиление и углубление классовой борьбы в стране было поставлено в прямую связь с ростом успехов в социалистическом строительстве (иначе сказать: чем яростнее междоусобица, тем больше социализма, и наоборот), «прочие» выдвинулись в идеальные «герои» эпохи, наилучшим образом отвечающие «злобе дня», ибо, по Платонову, они несли в себе надежду, «уверенную и удачную, но грустную как утрата. Эта надежда имела свою точность в том, что если главное — сделаться живым и целым — удалось, то удастся все остальное, любое, хотя бы потребовалось довести весь мир до его последней могилы» (разрядка моя.— *В.В.*). Надежда, претворенная в реальность в Чевенгуре и ставшая девизом и символом «коммунистического» уезда: «...Лучше будет разрушить весь благоустроенный мир но зато приобрести в голом виде друг друга, а потом, пролетарии всех стран, соединяйтесь скорее всего!»

Крах Чевенгура, несколько туманно и загадочно мотивированный А.Платоновым,— прежде всего неприятие художником социализма, который начинается с нуля как фундамента, с голого человека на голой земле, с самонадеянной мысли о том, будто «прочие» и есть первые настоящие и полноценные люди на белом свете и до них не было ни истории, ни культуры, ни традиций...

С упразднением чевенгурского «счастья» А.Платонов прощался с наивным романтизмом юности и шел навстречу живой исторической действительности, видя свою задачу в открытии всего реального и в подавлении всего иллюзорного, могущего привести человеческое общество к катастрофе. С чевенгурцами уходили в прошлое представления молодого Платонова о революции как способе окончательного развязывания всех и всяческих узлов и о коммунизме как о состоянии и готовом идеале, выведенном априори из головы (остается только приспособить, приладить и подогнать к нему все богатство живой развивающейся жизни); подвергались переоценке ранние платоновские мысли о том, что социализм есть общество мужчин и мысли, а не женщин и эмоций... Короче говоря, некоторые статьи, стихи и рассказы раннего Платонова давали большие основания для того, чтобы зрелый Платонов отнес эти сочинения к произведениям, пополнившим фонд юмористической литературы, а их автора, одинокого изобретателя всеобщего счастья, к кандидатам в тираны.

Заблуждения молодого Платонова, однако,— не заблуждения отвлеченного ума, оторванного от действительности, а иллюзии, разделяемые многими людьми того времени, утопия, возжелавшая стать единственной исторической реальностью на исходе 20-х годов. Не без активной и агрессивной помощи, если иметь в виду литературу, программных установок и широковещательных лозунгов пролеткультов, «кузнецов», лефов, конструктивистов и других «неистовых ревнителей» строгого и чистого пролетарского социализма и классовой однородности общества, внесших немалый вклад в раздувание пожара междоусобной борьбы и насильственное раскрестьянивание деревни как ненужного светлому будущему балласта и оплота мелкобуржуазной стихии, патриархальных пережитков, «замшелых» традиций и «дремучих» национальных устоев.

Завершая роман «Чевенгур» в 1929 году, А. Платонов уже держал в замысле повесть «Котлован» или корректировал одно произведение другим. Во всяком случае вопрос, прозвучавший в «Котловане»,— с кем останемся? с «прочими»? — стал суровой реальностью в утопическом Чевенгуре, а проблема трагической участи России, народа, национальной культуры — основным содержанием произведения.

Некогда считавший, подобно Дванову, невежество «чистым полем, где еще может вырасти растение всякого знания», а культуру «заросшим полем, где сол[illegible] яты растением и где ничего больше не вырастет», зрелый [illegible] глубоко усомнился в благородстве невежества и в том [illegible] же выдержит долго и разродится произвольно чем-нибудь [illegible] и драгоценным». Усомнился в «вакуумной» культ[illegible] пролетарских рук», культуре взращенной вне и вопреки [illegible] истории и традиции.

Животворящее знач[illegible] в судьбе народа равновелико по Платонову, значению [illegible] питающей ребенка природными силами и материнскими чувствами, и отца, выводящего ребенка за руку в большой социальный мир. И если мать, по мысли Платонова, связывает дитя с природой и органичностью, то отец является проводником сына в страну исторического Отечества. Мать, в предельном обобщении А. Платонова, воплощает душу истории, отец — ее разум, и задача жизни — в укреплении этих двух начал в естественно-историческом развитии действительности, а не в их отторжении или преодолении одного другим. Природа (мать) дает человеку душу; история (отец) делает ее разумной. Беда «прочих» в романе «Чевенгур» в том, что, обладая природным чувством, они не обладают разумом истории: «Жизнь прочих была безотцовщиной — она продолжалась на пустой земле без того первого товарища, который ин вел бы их за руку к людям, чтобы после своей смерти оставить лю дей детям в наследство — для замены себя». Именно поэтому и в романе «Чевенгур», и в повести «Котлован» умирают дети — будущие нового общества. Ревзаповедник, учрежденный в Чевенгуре,— не лучшее наследство для пореволюционных поколений. Девочке Ну сте в повести «Котлован» Вощев собирает в наследство «вещество

...ые остатки потерянных людей, живших, подобно ему, без истины», ...что также обрекало наследницу на безотцовщину и социальную не-...прикаянность, на элементарное воспроизводство унаследованного ...«добра», которое некому предъявить к отмщению. «Автор,— писал ...сти,— мог ошибиться, изобразив в виде смерти девочки гибель соци-...алистического поколения, но эта ошибка произошла лишь от излиш-...ней тревоги за нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению ...не только всего прошлого, но и будущего».

Чевенгурский «коммунизм», в нетерпении выкраденный его ...основателями с дороги истории, оказался бесплодным и выпавшим ...из культурного обихода человечества «чистым полем», которое в ко-...нечном итоге заросло самосевным и не нуждающимся в уходе бурья-...ном, забившим и задушившим редкие и нежные культурные расте-...ния; котлован, отрываемый под строительство общепролетарского ...дома, обернулся глухой каменной могилой для прошлых мук и буду-...щих надежд человека, превратив настоящее и в трагедию, и в фарс ...одновременно.

Со свертыванием новой экономической политики во второй по-...ловине 20-х годов революция, «пущенная вперед самотеком», пере-...шла, по Платонову, в тяжелые усилия аппаратов и учреждений, точ-...но госаппарат на самом деле есть машина для постройки социализ-...ма». И «сад истории» (по Платонову, образ полнокровной национальной жизни), не успев вызреть и принести плодов, был выкорчеван ...нетерпеливой рукой засомневавшихся новых садовников и засеян ...мелким злаком бюрократизма: сад требует заботы и долгого ожида-...ния плодов, а злак поспевает враз и на его рощение не нужно ни ...труда, ни затраты души на терпение. И после снесенного сада рево-...люции его поляны были отданы под сплошной саморастущий злак, ...чтобы кормиться всем без мучения труда... И так будет идти долго, ...пока злак не съест всю почву и люди не останутся на глине и на ...камне или пока отдохнувшие садовники не разведут снова прохлад-...ного сада на оскудевшей, иссушенной безлюдным ветром земле».

В произведениях, последовавших за «Чевенгуром»,— повестях «Котлован» (1929—1930) и «Ювенильное море» (1934), пьесе «14 Крас-...ных Избушек, или «Герой нашего времени» (1933) и других, А. Плато-...нов показал исторический процесс конца 20-х — первой половины ...30-х годов как истощение почвы, на которой вырастает культура ...жизни — культ жизни и ее абсолютная ценность, как проживание ка-...питала, накопленного предшествующими поколениями людей, ...и утрату смысла человеческого существования. Этот процесс нашел ...конкретное художественное воплощение в картинах раскрестьянива-...ния деревни — уничтожения столетиями складывавшегося класса ...крестьян и его культуры в России (Платонов считал Россию мужи-...ком в отличие от Германии, мастерового слесаря), насильственной ...денационализации и пролетаризации народа («Котлован», пьеса ...«14 Красных Избушек...») и, как следствие, обюрокрачивания и огосу-

ларствления жизни и человека, лишенных национальных и истори-
ческих корней («Государственный житель», «Ювенильное море»).
Жуть, страх, психоз, порождаемые словно автоматически и неза-
висимо от воли героев,— основной эмоциональный колорит пьесы.
Источник его постоянно самоподдерживается на некоем критично-
ском уровне, непрерывно питаясь трагическим отчуждением между
людьми и их «вычитанием» из действительности, разрывом между
словом и делом, целью и средствами ее достижения, что равно утра-
те смысла жизни. Вощеву в повести «Котлован» без истины «стыдно
жить», а социалисту Сафронову страшно о ней даже подумать: «...не
есть ли истина лишь классовый враг? Ведь он теперь даже в форме
сна или воображения может представать». Это уже предвосхищение
психоза в пьесе: «Классовый враг необходим: превратим его в дру-
га, а друга во врага — лишь бы игра не кончалась».

А. Платонов вскрывал трагическую логику подмены истины
страхом и жутью и выходил на тему власти и народа, тему постоян-
ных своих раздумий с конца 10-х годов, которая, однако, решалась
прозаиком в начале его творческого пути несколько отвлеченно
и умозрительно. Известно, что [illegible] революция, тем абстрактнее
представления о несомненном [illegible] действительности, тем острее встреча с повседневной
реальностью, поскольку [illegible] понимание коммунизма стоит
«в обратном отношении [illegible] историческому развитию»[1].

Вот герои, близкие [illegible] к 1929 году,— во всяком слу-
чае все симпатии, сомнения [illegible] связаны у художника с этим
героем, усомнившимся [illegible] начального рассказа, увидев-
шим во сне гору, [illegible] человека: «Лицо ученейшего
человека было освещено [illegible] жизни, что расстилалась
под ним вдалеке, [illegible] и мертвы от нахождения на
высоте и слишком дол[illegible] Научный молчал, а Макар лежал
во сне и тосковал. Что мне [illegible] жизни, чтоб я себе и другим
был нужен?» — спросил Макар [illegible] от ужаса. Научный человек
молчал по-прежнему без ответа, и миллионы живых жизней отража-
лись в его мертвых очах».

В повести «Котлован» «ученейший человек» предстанет в виде
главного в городе, дающего профсоюзному деятелю Пашкину указа-
ние увеличить котлован вчетверо, ибо первоначальный «масштаб до
ма узок». В пьесе «14 Красных Избушек...» «научный человек» примет
облик чучела, воздвигнутого посреди сельхозартели,— оно похоже
на «сурового человека», но «больше человека и страшней», а рука его
поднята в «неопределенной угрозе».

Тема «Усомнившегося Макара» (общие масштабы и судьбы част-
ных людей), «Котлована» (строительство пролетарского дома для
«нового» человека, со смертью которого будущее утратило реаль-
ность «детского чувства и убежденного впечатления»), «14 Красных
Избушек...» (незримое разлагающее действие мертвого чучела на
окружающее) — своего рода тема пушкинского «Медного всадника».

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 456.

...котором, по Платонову, Петр и Евгений являют собою равновеликие фигуры, в одинаковой степени призванные к «исторической работе»: Петр — направление «в обширный, деятельный мир, где, однако, тоже нельзя существовать без... Евгения, чтобы не получилась одна «бронза», чтобы Адмиралтейская игла не превратилась в подсвечник у гроба умершей (или погубленной) поэтической человеческой души».

И в «Котловане», и в «Избушках» народ, массы, «пни капитализма» представлены или скопом и безмолвно, как в повести, где изнуряюще-смертельный и бессмысленный труд является и умом, и речью рабочих и мужиков одновременно, или находятся за сценой, как в пьесе. На поверхности действует «мелкое начальство», несколько отличающееся от своих ближних и чувствующее некоторую свою особенность по отношению к ним. Но дело не в этом, а в том, что и названное «мелкое начальство» неизлечимо заражено «ученостью», и эпидемия утилитаризации жизни принимает всепроникающий характер. Как заметил А. Платонов в повести «Город Градов»: «Бюрократия имеет заслуги перед революцией: она склеила расползающиеся части народа, приучила их волей к порядку и приучила к однообразному пониманию обычных вещей».

Между властью и народом, в понимании А. Платонова, непроходимой пропасти нет: и организация и сила власти, воплощенные художником в образах ученого человека в «Усомнившемся Макаре», главного в «Котловане», чуть ли не в «Избушках», стоят в обратном порядке к разуму, чувствам и состоянию народа. Укрепляясь за счет народа и ничего не давая народу взамен, власть парализует народ, разлагает, томит и губит его. Последняя треть «Котлована» все гуще окрашивается в чахоточно-желтые тона — цвет разлуки, тоски и печали, а «Избушки» завершаются словно бы последней энергически мощной предсмертной судорогой человека.

Отрыв революционной мысли о жизни от самой жизни пагубно сказывался на действительности; эманация «чистого разума» обедняла реальность, сводя ее к логическим элементарным представлениям, взятым из головы, и разъедала и умерщвляла ее живые ткани. И Платонов имел все основания беспокоиться, как бы в социализм не пришел «один главный человек», ибо по теории социалиста Сафронова, вещающего «верховным голосом могущества» вместо замолкнувшего радио, выходило: «Поставим вопрос: откуда взялся русский народ? И ответим: из буржуазной мелочи! Он бы и еще откуда-нибудь родился, да больше места не было. А потому мы должны бросить каждого в рассол социализма, чтобы с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел бы энтузиазм!..»

Кажется, в «Котловане» и «Избушках» А. Платонов, глубоко критически относясь к революционным преобразованиям первой половины 30-х годов, противопоставляет им эволюционное развитие жизни. В отличие от сельского активиста, героя «Котлована», не терпящего никакой неясности в действительности («У нас стихии сейчас

нет ни капли, деться никому некуда!»). Вощев собирал «всякую не-
счастную мелочь природы, как документы бесплановой создания
мира, как факты меланхолии любого живущего дыхания». Но что то-
гда делать со страданиями самого Вощева, который не может жить
без истины, а следовательно, и без цели? Где же правда? В револю-
ции или эволюции, во власти или свободе, в плане и порядке или
стихии и анархии?

Столь резко, предпочитая одно другому, А. Платонов вопроса
не ставил, он думал о мостах между эволюцией и революцией, пору-
шенных во второй половине 20-х годов, о том смутном состоянии
«безостановочного ума», которое один из героев «Ювенильного мо-
ря» — инженер и музыкант Вермо, «воображал себе в виде низкой
комнаты, полной табачного дыма, где дрались оборвавшиеся от борь-
бы диалектические сущности техники и природы», организации
и стихии, революции и эволюции. «Оборвавшиеся от борьбы», эти
сущности уже дрались, не представляя из себя, каждая по отдельно-
сти, никакой творческой, созидательной силы, разрушая и дробя це-
лое и истину и плодя «пролетарское младенчество и чистое сирот-
ство».

Написанная в одно время с «Двумя мужиками», повесть «Ювенильное
море» как бы отвечает на [illegible] прос пьесы, сформулированный
Суенитой и обращенный к Хозяину: «Выдумай нам пищу поскорей. Ты
знаешь вещество всего мира, ведь пустяки, ты сам говорил».
Инженер Вермо также [illegible] всего мира» (на пути в мясо-
совхоз «Родительские Дворики» [illegible] управился.. открыть первую при-
чину землетрясений, [illegible] кового переустройства земного
шара») и придумывает [illegible] кает и придумывает иначе, чем
Хоз, ведь он представитель новой формации. Если Хоз, «придумывая
пищу», попросту удушает [illegible] ими руками одну только Интергом,
склонную — в зависимости от вещей — «любить» и капиталистов и со-
циалистов одновременно, то Вермо ликвидирует (или упраздняет)
уже целый класс зажиточных мужиков и баб, тоже мечущихся меж-
ду капитализмом и социализмом.

Что же несет с собою новый хозяин, заменивший эволюциониста и оппортуниста Умрищева,— музыкант и инженер Вермо? Он снес деревню Родительские Дворики, оставшуюся в наследство от Умрищева, а на месте развороченной земли соорудил башню, где будут сохраняться «электрический силос» для скота, сам скот, а также совхозные жители; восстал против естественного устройства природы и потворства этому оппортунистическому устройству со стороны администрации совхоза; решил использовать свет, идущий из глаз человека, с народнохозяйственной целью; предложил прожигать землю вольтовой дугой, с тем чтобы добраться до ювенильной, девственной, животворящей воды и выпустить ее наружу для облагораживания степи и создания пастбищ; продумал вопрос о рационализации отдыха и счастья трудящихся; наконец, предложил собрать весь белый свет в одну точку и превратить его в электрическую энергию, а на всем пространстве земли установить «технический большевизм»

И вообще повелел всем жить постоянным «творчеством изобретений», чтобы человеку некогда было опомниться. В этом своем качестве, особенно в стремлении к «творчеству изобретений», Вермо напоминает Антона Концова из пьесы «14 Красных Избушек...», который тоже не мог жить без изобретений и постоянно что-нибудь да придумывал, питая слабость к опытам с электричеством,— последнее крупное его изобретение сводилось к обнесению колхозной тюрьмы проволокой и пропуску по проволоке электрического тока.

Художник глубоко народный, по необходимости прибегнувший в повести к сложному шифру, завуалированному расхожей схоластикой вульгарного социологизма и так называемого экономического материализма — что само по себе составляет отдельную тему «Ювенильного моря», тему мышления человека 20 — 30-х годов,— А. Платонов думал о судьбе народа и его будущем. Сколь ни изощрен в изобретательстве Вермо, но и его охватывает «настроение своей незначительности» после чтения «Вопросов ленинизма» Сталина, откуда он вынес, однако, уверенность, что находится на правильном пути, «беря первичное вещество» для воплощения в жизнь плана, сочиненного им в соавторстве с руководителями «Родительских Двориков», «из своего тела», то есть и из света человеческих глаз, превращаемого в электрическую энергию. Напоследок, уже в эпилоге повести, Вермо, как крупный специалист в области трансформации дневного света в электричество, плывет на корабле из Ленинграда в некогда вольный город Гамбург. Уж не на поклон ли своему идолу из рассказа «Мусорный ветер», написанного А. Платоновым также в 1934 году, идолу, который «первый понял, что на спине машины, на утрюмом бедном горбу точной науки надо строить не свободу, а упрямую деспотию»?..

В лице Вермо нам предложена новая модификация ученого человека. Только теперь ученый человек предстал перед нами в развернутом, что ли, виде, в действии ума и рук. Нельзя сказать, что А. Платонов относится к Вермо уничижительно, художник его прежде всего понимает. Больше того: в Вермо А. Платоновым вложено многое из того, чем сам писатель переболел в конце 10-х — начале 20-х годов и о чем мы уже говорили. Восприняв революцию как наступление эпохи «чистого разума» и действующего на все коренным образом сознания, как освобождение человека от «балласта» прошлого (истории, культуры, нравственности, общественных и природных законов), автор «Ювенильного моря», столкнувшись с реальной действительностью, весьма «быстро опомнился» и понял, сколь глубоко заблуждался и куда может завести человека умозрительный идеал общественного устроения жизни, основанный на отвлеченных принципах «голого ума». Леденящая душу бездна, открывшаяся А. Платонову в этом «идеале», настолько потрясла писателя, что оставила в его духовном укладе отметину на всю жизнь. Это был такой груз молодых высоких надежд и стремлений и поздних глубоких разочарований, который и тяготит в жизненном пути и вместе облегчает долгую дорогу. Тяготит — как заблуждение ума; облегча-

ет — мудростью опыта, приобретенного через заблуждение, и пони-
манием сложности, глубины и тайны жизни, не поддающихся ника-
кому математическому исчислению и не переводимых ни на какой
унифицированный язык для их машинного воспроизведения и по-
одушевления.

Лишенный возможности опубликовать свои главные произведе-
ния конца 20-х — первой половины 30-х годов, А. Платонов, обратив-
шись перед войною к опыту отечественной классической литерату-
ры в статьях «Пушкин — наш товарищ», «Пушкин и Горький» и дру-
гих, продолжал задаваться вопросами о власти и народе и их отно-
шении друг к другу. Писатель склонялся к мысли о том, что народ
живет самостоятельной жизнью и связан с «высшими» кругами
«лишь цепью своей неволи»: «В народе своя политика, своя поэзия,
свое утешение и свое больное горе», постигнуть и выразить которые
и призван художник, дабы облегчить участь отдельного человека
и вывести его к подлинным жизненным ценностям. «Одному челове-
ку,— писал А. Платонов,— нельзя понять смысла и цели своего суще-
ствования. Когда же он приникает к народу, родившему его, и через
него к природе и миру, к прошлому времени и будущей надежде,—
тогда для души его открывается [illegible] сокровенный источник, из кото-
рого должен питаться человек, чтобы иметь неистощимую силу для
своего деяния и крепость веры в необходимость своей жизни».

В годы Великой Отечественной войны, поставившей народ в ги-
бельное положение, А. Платонов много думает о духовной сущности
русского человека и истории, о корнях его характера, неизменно
всматриваясь во внутренний мир, прежде всего крестьянина: в дере-
венской избе произошло «[illegible] всего русского народа», от простой
русской печки началось великое землепроходство за Волгу и Урал,
через таежные дебри Сибири на Дальний Восток и к Великому оке-
ану. «Конечно,— замечает А. Платонов в рассказе «О советском сол-
дате»,— здесь руководил народом экономический интерес, но эконо-
мический интерес, разрешаемый такими средствами, предполагает
и зарождает в народе психологическое соответствие его хозяйствен-
ной цели...»

Наряду с трудным освоением жизни, вырабатывающим в людях
терпение, чувство сообщества и родства, чадолюбие, уверенность во
всепобеждающей силе труда, житейский талант, глубокое понима-
ние природы и т. п., в русском человеке, по Платонову, уживается
странная и неразумная любовь к убыточным стихиям — пожарам, на-
воднениям, бурям, грозам. Притягательную силу этих стихий для че-
ловека писатель объясняет тайной надеждой людей на перемену
в жизни, их стремлением к свободе и разнообразию, к полному ду-
ховному самовыражению: «Россия обильна людьми, а не числом их-
разнообразием и своеобразием каждого человека...» Многообразие
характеров, составляющих нацию, воспитывает в народе, по Плато-
нову, отношение к отдельному человеку как к тайне и чуду жизни,
отношение терпеливое, понимающее, незлобивое, умеющее прощать,
уживаться с непохожим, обращать эту непохожесть в строительный

материал для собственной души. К прелести человека, как и к тайне природной стихии, свободной в своем движении, нельзя привыкнуть или стать равнодушным, а живое чувство сопричастности действительности всегда сопровождается созиданием человеческого в человеке: «К войне, раз уж она случилась, русский человек относится не со страхом, а тоже со страстным чувством заинтересованности, стремясь обратить ее катастрофическую силу в творческую энергию для преобразования своей мучительной судьбы...»

Народный характер Отечественной войны определяется в прозе А. Платонова главным образом естественным восстанием всей русской истории против фашизма — в великой битве с врагом защищалось от уничтожения и идеалы Октября, и исконное русское правдоискательство, традиционный национальный дух, имеющий «интегральное значение», потому что он «объединяет каждого человека с его народом напрямую, объединяет с живыми и умершими поколениями его Родины» («Размышления офицера»).

А. Платонов стремился материализовать в художественных образах саму метафизику духовного обмена между поколениями и генетическое движение истории; и то, и другое входило в его понимание народа как постоянно самосохраняющейся и саморазвивающейся целостности, скрепленной кровным родством и общностью идеалов через матерей, отцов, дедов, детей, внуков, правнуков... И то обстоятельство, что девятилетний карапуз из рассказа «Дед-солдат» легкой железной тяпкой разрушает могучую плотину водоема, чтобы преградить путь вражеским танкам, а его дед в это время, зайдя с тыла, «пополам перешибает немца», является для А. Платонова высшей гарантией ненапрасности и осмысленности исторического существования народа. В «Обороне Семидворья» шестеро погибших солдат, не преданных земле, стоят в полный рост в узкой траншее вместе с живыми воинами и «продолжают бой» с противником. Прошлое и будущее, «живое» и «мертвое» активно участвуют в жизненном процессе, образуя через самовосстановление обрываемых войной связей напряженное силовое поле истории. А. Платонов необычайно чутко чувствует спад или временную утрату этой напряженности, момент равностояния между жизнью и смертью, «ничейную территорию» будущего, на которой должен решиться вопрос: чему существовать на земле — смыслу и счастью или хаосу и отчаянию.

Смерти, если ею окуплено правое историческое дело, — в высшем понимании и последнем выводе — не существует. Она есть необходимое творчество жизни, самая жизнь в ее естественно полном стремлении, такая же неизбежная, как возрожденческое падение достигнувшего абсолютной зрелости плода или отмирание зерна в почве, «почувствовавшего способность» дальнейшей жизни. «Смерть победима, — писал А. Платонов, — потому что живое существо, защищаясь, само становится смертью для той враждебной силы, которая несет ему гибель. И это высшее мгновение жизни, когда она соединяется со смертью, чтобы преодолеть ее, обычно не запоминается, хотя этот миг является чистой, одухотворенной радостью».

Предельно экономя на слове, А. Платонов достигал необычайной глубины в мыслях, питая сознание и душу поющего народа древними, простыми и великими истинами: наше дело правое — к нему взывает грядущее и взыскует прошедшее; жизнь — закон, и смерть его только подтверждает; дух вечен, и бренность тела доказывает; зло бессильно, ибо ему приходится прибегать к уничтожению добра; народ непобедим, если во имя него погибают люди.

Думая о тайне бессмертия народа, А. Платонов придавал ключительное значение воспитанию человека в семье, коллективе и обществе, считая, что в добром взаимодействии этих трех [illegible] скрыта сила непобедимости народа и «его устойчивости против сил ти, против зла и разложения». В семье, «начальном очаге национальной культуры», ребенок, через мать — отца, научается любви и верности, а через вещи, оставшиеся в наследство от предков, проникается священным чувством причастности к истории своего рода. Далее человек входит в более широкий круг жизни — начинает работать в коллективе: семейная школа любви и верности обогащается в труде чувствами чести и долга. И, наконец, третье звено — общественные связи человека — семейные, производственные, дружеские, основанные на интересе к будущему народа, на любви к науке и культуре и т. п. За обществом, по Платонову, простирается «океан народа общее отцовство, понятие которого для нас священно, потому что отсюда начинается наше служение». Отношение не себе, не семейству, не группе людей, а всему народу, исторической истине, которую знает ум, сердце любит, а рука [illegible] в жизнь.

А. Платонов воспринял революцию как начало великого странствия народа в будущее, осуществление «сокровенной души в мире», как идеальную силу, [illegible] человечество в добре, правде, истине и красоте. «Солнце с высоты звало всех к себе, и из тьмы земли поднялись к нему в гости растения и твари — они были все разноцветные, каждый иной и не похожий ни на кого; кто как мог, тот так и сложился и ожил в земле, лишь бы выйти наружу, и, спеша и торжествуя, и быть свой срок на всеобщем свидании всего существующего...» («Афродита»).

Писатель оценил смысл и значение Октября с двух предельно как бы исчерпывающих гуманистическое содержание 1917 года: изнутри эволюции жизни, включая сюда и человеческую историю, и с точки зрения вечных социально-нравственных [illegible]. Он понял революцию как творческое усилие самой природы [illegible] человека познать и перечувствовать самое себя и выйти [illegible] всеобъемлющего познания и перечувствования уже в новом — творенном — качестве, качестве единого, цельного самосознающегося и саморазвивающегося мирового человеческого [illegible].

* * *

Читая А. Платонова, замечаешь, что он — в отличие от [illegible] писателей — никого не оправдывает, не защищает и не [illegible] ничьей стороны. Он охватывает весь воссозданный им [illegible]

чивый мир прежде всего своим пониманием, и в этом всепроникающем понимании заключается универсальная и мудрая человечность художника. В силу названного обстоятельства создается впечатление, что исторический процесс в его искусстве носит фатальный характер, однако это ошибочное, иллюзорное представление — на примере проанализированных произведений мы видели, сколь велика роль человека в текущих делах действительности.

Другой вопрос: история в прозе А. Платонова — процесс необратимый. И здесь автор, как бы он ни был заинтересован в торжестве одних сил и в затенении и уничижении других, ничего поделать не может и не пытается, он остается мужественным и верным исторической правде и реализму и отдает должное тому раскладу сил в жизни, который в наибольшей степени соответствует их иерархии, значению и месту в исторической реальности. Но (и в этом принципиальная особенность А. Платонова как художника и мыслителя) писатель считает, что исторический прогресс обеспечивается не чиновничьими указаниями, а свободным движением и глубинными изменениями в самой народной жизни. Новое общество, начинающееся с нуля как фундамент голого человека на голой земле,— не прогресс, а возвращение человека вспять, к его исходному историческому рубежу.

Наше привилегированное положение на исторической «лестнице» обязывает нас быть умнее и дальновиднее предшественников, но не дает нам никаких преимуществ перед ними, а тем более права на скверное отношение к тому, на чем мы стоим и благодаря чему держимся, ибо мы сами — всего лишь мгновение в историческом процессе, определяющим моментом которого является не подчинение человека экономике, как это было, допустим, в эпоху коллективизации, а «производство и воспроизводство действительной жизни». Последнее — величина постоянная в истории, то единственно ценное и существенное, что нас связывает с предками, а не разъединяет с ними, то животворящее, что нас ведет в будущее, а не отбрасывает назад.

В подлинном прогрессе, если он действительно подлинный и именно прогресс, рано или поздно, считал А. Платонов, возродится все жизнеспособное, но не дожившее своего срока, все несправедливо погубленное, поруганное и деформированное. Как, скажем, ныне возрождается к жизни, решается и приобретает фундаментальное значение для страны деформированный в пору коллективизации деревни крестьянский вопрос.

Истинный прогресс созидает душу человеку и народу, а первая потребность души — память и справедливость. Этой глубокой потреб-

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394.

ности человеческого сердца служат и недавно прочитанные нами, не издававшиеся ранее произведения великого А. Платонова, художника, обратившегося к нам — после всех народных жертв и страданий — с мужественным призывом «суметь жить... той высшей жизнью, которую нам безмолвно завещали мертвые; и тогда, ради их вечной памяти, надо исполнить все их надежды на земле, чтобы их воля осуществилась и сердце их, перестав дышать, не было обмануто. Мертвым некому довериться, кроме живых,— и нам надо так жить теперь, чтобы смерть наших людей была оправдана счастливой и свободной судьбой нашего народа и тем была взыскана их гибель».

Владимир Васильев

ПРИМЕЧАНИЯ

В однотомнике представлены произведения А. П. Платонова, в которых нашли наиболее прямое и полное выражение взгляды художника на узловые и принципиальные моменты отечественной истории — революцию и гражданскую войну, восстановление народного хозяйства, индустриализацию страны и коллективизацию деревни, войну Великую Отечественную. Художественная часть книги усилена хронологически сопутствующими ей материалами автобиографического характера (письмами писателя и извлечениями из его записных книжек). По сравнению с известными однотомниками прозаика типа «Избранного» настоящее издание впервые знакомит широкого читателя с драматургией и сказками А. Платонова.

Произведения объединены в разделы по жанрам; в порядке их следования друг за другом внутри разделов выдержан хронологический принцип. Исключение сделано составителем для рассказа «Афродита», написанного раньше «Возвращения» и тем не менее заключающего раздел рассказов. Отступление от хронологии объясняется в данном случае тем обстоятельством, что рассказ «Афродита» занимает в творчестве А. Платонова особое место. Созданный прозаиком за несколько лет до его кончины, он в некотором роде подытоживает размышления писателя о судьбе человека его поколения в связи с историей страны — от революции до окончания Великой Отечественной войны, и является своеобразным художественным обобщением жизненного пути многих из героев А. Платонова.

Тексты произведений, за исключением особо оговоренных в конкретных примечаниях, печатаются по изданиям: Платонов А. П. Собрание сочинений в 3-х тт.— М.: Сов. Россия, 1984—1985; Платонов А. П. Государственный житель: Проза, ранние сочинения, письма.— М.: Советский писатель, 1988.

ПОВЕСТИ

Сокровенный человек (с. 5). Впервые в сб.: Платонов А. Сокровенный человек.— М.: Молодая гвардия, 1928.

Повесть охватывает по времени конец гражданской войны и переход страны к миру и восстановлению народного хозяйства. В ней в частности отражены военные события начала 1920 года, связанные с обеспечением успешного наступления Южного и Юго-Восточного фронтов против Деникина, и ноября 1920 года — неудачный морской десант в тыл Врангеля в ходе Перекопско-Чонгарской операции (7—17 ноября).

Котлован (с. 70). Впервые в ж. «Новый мир», 1987, № 6; затем в кн.: Платонов Андрей. Котлован. Ювенильное море (Море юности). Повести.— М.: Художественная литература, 1987

Работа А. Платонова над повестью протекала в течение декабря 1929 — апреля 1930 года и является собою образец редкой синхронной связи ее автора с реальными историческими событиями

Впервые о политике ликвидации кулачества как класса было заявлено на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 году. В декабре того же года в речи на научной конференции аграрников-марксистов Сталин объявил о переходе к ликвидации кулачества как об уже свершившемся факте. 11 [illegible] 1930 года в передовой статье «Правды» прозвучал призыв [illegible] войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце [illegible] его с лица земли» (см. «Коллективизация: как это было», «Правда», 1988, 16 сент.).

Приступив к [illegible] с некоторым опережением известного постановления [illegible] 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации [illegible] хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором [illegible] конкретные формы и методы борьбы с [illegible]. Платонов уже обладал законченным взглядом на события рубежа 1929—1930 годов и их последствия, но свидетельствуют о наличии [illegible] истинно поэтического творческого дара.

С 119 *Где раньше стол был яств, Теперь там гроб стоит!* Коллов — Нарочито модернизированные строки из стихотворения Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского».

С. 120. *Ну хорошо, ну прекрасно, но у вас кооператив, как говорится, рочдэлльского вида а не советского!* — Имеется в виду [illegible] вое рабочее кооперативное потребительское «Общество справедливых пионеров» на хозрасчетных началах, организованное в 1844 [illegible] группой ткачей в английском городе Рочдейле

РАССКАЗЫ

Родина электричества (с. 175). Впервые в ж. «[illegible] социализма», 1939, № 6, затем в сб. Рассказы — М.: Гослитиздат 1962. Написан в 1926 году.

Усомнившийся Макар (с. 189). Впервые в ж. «Ок[illegible] 1929, № 9; затем в кн. Платонов А. П. Государственный жи[illegible] Проза, ранние сочинения, письма.— М.: Советский писатель, [illegible]

Фро (с. 205). Впервые в ж. «Литературный критик», 1936, №

...ны в сб. рассказов: Платонов А. Река Потудань.— М.: Советский писатель. 1937.

Третий сын (с. 226). Впервые в ж. «Красная новь», 1936, № 1; затем в сб. рассказов: Платонов А. Река Потудань.— М.: Советский писатель. 1937.

В прекрасном и яростном мире (Машинист Мальцев) (с. 232). Впервые в сокращении и под названием «Александр Мальцев» в ж. «30 дней», 1941, № 2; затем в кн.: Платонов А. Избранные рассказы.— М.: Советский писатель, 1958.

Одухотворенные люди (с. 244). Впервые под названием «Одушевленные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем» в ж. «Знамя», 1942, № 11; затем отдельным изданием под названием «Бессмертный подвиг моряков. Фильченко. Одинцов. Паршин. Цибулько. Красносельский».— М.: Воениздат, 1943.— (Моряки—Герои Советского Союза).

Возвращение (с. 274). Впервые под названием «Семья Иванова» в ж. «Новый мир», 1946. № 10—11; затем в сб.: Платонов А. Рассказы.— М.: Гослитиздат, 1962.

Афродита (с. 295). Впервые в ж. «Сельская молодежь», 1962. № 2; затем в кн.: Платонов А. В прекрасном и яростном мире: Повести и рассказы.— М.: Художественная литература, 1965.

Рассказ связан с поездкой А. Платонова в родной Воронеж в 1943 году, по освобождении города от фашистских захватчиков, написан не позднее 1944 года.

ПЬЕСА

14 Красных Избушек, или «Герой нашего времени» (с. 311). Впервые в ж. «Волга», 1988, № 1 (публикация М. А. Платоновой, послесловие В. Васильева).

Пьеса предположительно написана в 1932 или 1933 году — сам писатель относит события, происходящие в произведении, к 1932 году.

На Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 года, посвященном итогам первой пятилетки, И. В. Сталин, в частности, говорил: «...Располагая тракторами и сельхозмашинами, с одной стороны, и пользуясь отсутствием частной собственности на землю (национализация земли!), с другой стороны, партия имела все возможности форсировать коллективизацию сельского хозяйства. И она действительно добилась в этой области величайшего успеха, ибо перевыполнила программу пятилетки по коллективизации втрое. <...> Теперь вопрос стоит не об ускоренных темпах коллективизации, и тем более не о том — быть или не быть колхозам,— этот вопрос уже решен положительно. <...> Теперь задача состоит в том, чтобы укрепить колхозы организационно, вышибить оттуда вредительские элементы,

подобрать настоящие, проверенные большевистские кадры для колхозов и сделать колхозы действительно большевистскими» (Сталин И. В., Сочинения, т. 13. М., Госполитиздат, 1953, с. 195—196).

В платоновском колхозе борьба с «вредительскими элементами» отрывается от своей социально-экономической природы, становится самодовлеющей и всепроникающей — самый человек, уже независимо от его общественного или имущественного положения, превращается, по выражению Хоза, в психующий пустяк, в случайное химическое соединение веществ и заблуждение истории.

Рецензируя в 1940 году рассказы В. Козина, А. Платонов с горечью писал о враждебных жизни силах, нуждающихся, «хотя бы для внешней видимости, в моральном разрешении ударить человека» и заинтересованных «во всяком доказательстве — «художественном» или «научном»,— что человек есть «животное ничтожество», легко и во множестве вновь воспроизводимое, либо что человек есть «машина» (другое название «животного»), либо что в нем, человеческом существе, вообще «ничего нет особенного»,— один какой-то химизм веществ,— и тому подобное» (см. А. Фирсов. О рассказах В. Козина.— «Литературный критик», 1940, N. 2, с. 111—112, А. Фирсов — один из псевдо[illegible] [illegible]нова).

В пьесе, в ее пер[illegible] [illegible] нашли отражение взгляды писателя на современную [illegible]ратуру, а также его отношение к отдельным художник[illegible] [illegible]стности к Б. А. Пильняку (1894—1937), угадыв[illegible] [illegible]милией Уборняка по авторству слегка переиначен[illegible] [illegible] произведений: романа «Голый год», повести «Крас[illegible] [illegible] Фушенко, представляющийся Суените как член кул[illegible] [illegible] поехать в Среднюю Азию,— прямой намек на проза[illegible] [illegible] Павленко (1899—1951), по инициативе которого групп[illegible] [illegible] дважды выезжала в Туркмению — в 1930 и 1933 годах ([illegible] второй поездке принимал участие и А. Платонов). П. Павленк[illegible] [illegible]р сборников прозы «Азиатские рассказы», «Стамбул и Турция», «Анатолия», исторического романа о Парижской коммуне «Баррикады» (1932); железнодорожный сторож лукаво сравнивает Фушенко с русским историческим романистом Д. Л. Мордовцевым (1830—1905) и автором эпопеи «Камо грядеши» поляком Г. Сенкевичем (1846—1916).

Помимо названных прозаиков и их произведений, в «Избушках» в ироническом контексте упоминается также пьеса Н. Погодина (1900—1962) «Поэма о топоре», посвященная индустриализации страны и впервые поставленная на сцене в 1931 году. Хоз, [illegible] [illegible] додни колхозникам, говорит с восторгом, исполненным внутре[illegible] платоновского сарказма: «Антону этому — Антошка» — тебе [illegible] центнер: ешь говядину! Ты траву сеял посредством ветра, два [illegible] ца вырыл — оба сухие стоят, ты море меришь для Академии [illegible] спектакль поставил о топоре и добился уяснения хозрасчета [illegible] колхозниками...» Вообще многие оценки современной А. Платонову литературы переданы драматургом Эдварду-Иоганну-Луи-Хозу, герою, олицетворяющему историю европейского капитализма

«Мне нужна действительность, а не литература»; «Не притворяйтесь серьезными, господа. Вам хочется смеяться в своей стране, а вы стараетесь мыслить»; «Пишите рассказы. Играйте в свою славу» и т. п.

СКАЗКИ

Волшебное кольцо (с. 359). Умная внучка (с. 370). Впервые в кн.: Волшебное кольцо. Русские сказки. Пересказал А. Платонов. Под общей ред. М. Шолохова.— М.-Л.: Детгиз, 1950.

После демобилизации из армии в 1946 году А. Платонов, по свидетельству вдовы художника, М. А. Платоновой, «все последние годы своей жизни ... работал над сказками и народным эпосом» (см. письмо М. А. Платоновой В. Гроссману, хранящееся в ЦГАЛИ, ф. 1710, ед. хр. 126, оп. 1, л. 24).

Народное творчество, по Платонову, «будучи работой миллионов, имеет жизненный опыт безграничный... потому что народ охватывает всю действительность не только в ежедневном труде, в борьбе и пространстве, но и в памяти своих поколений и во времени — народ бессмертен. Отдельные гениальные художники отлично знали это свойство, присущее лишь народу, – создавать совершенные художественные произведения,— свойство, обусловленное массовым опытом народа и способностью его копить в себе сокровища своей души» (ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 106, л. 29, 30). Обработку народных сказок крупным писателем А. Платонов, однако, считал делом исключительно важным — подлинный художник, пересказывая произведение фольклора, воссоздает и утверждает тем самым в народном сознании наилучший вариант из всех имеющихся версий определенного сюжета. «...Писатели дополнительно обогащают и оформляют народную сказку силою своего творчества и придают ей то окончательное, идеальное сочетание смысла и формы, в котором сказка остается пребывать надолго или навсегда» (Платонов А. Сказки русского народа.— «Огонек», 1947, № 26, июнь, с. 24).

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

Из двух писем (с. 377, 378). Первое («Я родился в Ямской слободе...») адресовано А. Платоновым в Краснодарское издательство «Буревестник»; второе («...Вы говорите о великой целомудренной красоте...») представляет собой ответ писателя на критическое выступление газеты «Трудовая Армия» по поводу его рассказа «Чульдик и Епишка», опубликованного «Красной деревней», Воронеж, 10 авг. 1920 г. (см.: «Красная деревня», 1920, 22 авг. Сообщено литературоведом В. А. Вериным). Письма (в извлечениях) впервые процитированы в предисловии, подписанном инициалами М. Ю., к книге стихотворений А. Платонова «Голубая глубина» (Краснодар, изд-во «Буревестник», 1922).

М. Ю.— Молотов Юрий, Г. З. Литвин-Молотов (1898—1972), партийный работник, редактор воронежских газет «Красная деревня»

и «Воронежская коммуна», с которым А. Платонов познакомился весной 1919 года. С этих пор между ними установились дружеские отношения. В 1921 году Г. З. Литвин-Молотов возглавил издательство «Буревестник» в Краснодаре, где выпустил сборник стихов А. Платонова. О роли Г. З. Литвина-Молотова в творческой судьбе писателя свидетельствует следующая дарственная надпись А. Платонова на одной из его книг: «...человеку, которому я обязан своим лучшим и чистым прошлым и, может быть, буду обязан будущим. С глубокой любовью, которую ничто не встревожит,— Андрей Платонов. 11/VII—27 г. Москва».

«Живя главной жизнью...» (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках) (с. 380). Впервые в ж. «Волга», 1975, № 9 (публикация и вступление главки М. А. Платоновой, комментарий В. Васильева); в сокращении материал воспроизведен в кн.: Платонов А. П. Повести. Рассказы. Из писем.— Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1982.

[1] *Волошино.*— В деревне Волошино (близ Воронежа) учительствовала будущая жена писателя Мария Александровна Кашинцева, выехавшая туда по [illegible] Воронежского университета по набору Воронежского наробраза [illegible] ликвидацию неграмотности». По ее воспоминаниям, через [illegible] — двенадцать дней Платонов приходил в деревню. [illegible] в ледяных сосульках. Было страшно за него. В селе [illegible] не всегда давали лошадей, хотя у него был корреспондентский [illegible] газеты Воронежская коммуна», и ему приходилось [illegible] по степи, а кругом ходили волки» (из письма, хран[illegible] составителей).

[2] *...в первый раз [illegible] ск.*— После VI Воронежского съезда Советов (20—23 [illegible] было направить в уезды ответственных партийных и [illegible] работников для оказания помощи в мобилизации населения на борьбу с Деникиным на местах. А. Платонов командируется в г. Новохоперск в качестве корреспондента газеты «Известия Совета обороны Воронежского укрепленного района».

[3] *...был посажен на паровоз помогать машинисту.*— До революции А. Платонов учился в сельской приходской и четырехклассной городской школах, трудовую деятельность начал в неполных четырнадцать лет: мальчиком в страховом обществе «Россия», литейщиком на трубном заводе, помощником машиниста на локомобиле в имении Усть помещика Я. Г. Бек-Мармарчена, в различных мастерских (Государственный архив Воронежской обл., ф. 19 оп. 22, ед. хр. л. 260—260 об.). Говоря о технической школе, А. Платонов имеет в виду железнодорожный политехникум, специальное учебное заведение для повышения квалификации рабочих и служащих железных дорожников (см. заметку, подписанную *Л. Пл.*, «Рабочий железнодорожный политехникум» в газ. «Воронежская коммуна» от 3 сентября 1922 года). А. Платонов окончил электротехническое отделение политехникума, проучившись в нем четыре года, с 1918 по 1921 год.

[4] *В селе за рекою Потух огонек...*— Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Вишня».

[5] *...комсомол... еще не образовался...* — А. Платонов в данном случае исходит из личных наблюдений — Новохоперская городская организация комсомола была создана 14 мая 1919 года («Молодежь Воронежской губернии в революционном движении 1903—1920 гг.» Сборник документов и материалов.— Воронеж. кн. изд-во, 1958, с. 213), но с приближением армии Деникина все ее 15 членов уходят на фронт («Дни грозовые. Воронежская организация КПСС в годы гражданской войны 1918—1920 гг. Документы и материалы».— Воронеж. кн. изд-во, 1960, с. 154).

[6] *...положение неважное.* — Положение Новохоперска в июле 1919 года, то есть во время пребывания здесь А. Платонова, действительно было сложным. В результате июньского наступления Добровольческая армия заняла полностью шесть уездов Воронежской губернии, в том числе и Новохоперский. Линия фронта, сложившаяся на конец июня, в течение июля и первой половины августа оставалась, по существу, неизменной. Царицын — Балашов — Борисоглебск — Острогожск — Новохоперск, таким образом, постоянно оказывался во фронтовой полосе, являясь местом ожесточенных схваток. За это время город переходил из рук в руки шесть раз (см.: «История гражданской войны в СССР», в 5 тт., т. IV, М., Госполитиздат, 1959, с. 203). В уезде была почти полностью разрушена партийная организация. Как явствует из Отчета Воронежского губернского комитета РКП(б) Центральному Комитету РКП(б) о работе с 23 июня по 1 августа 1919 года, многие коммунисты мобилизовались на фронт, а оставшиеся перестали считать себя членами партии. На оккупированной врагами территории усилился бандитизм, подогреваемый бывшими царскими урядниками, торговцами, дезертирами и уголовниками («Очерки истории Воронежской области», т. 2. Воронеж, Изд-во ВГУ, 1967, с. 83). К. С. Еремеев, комендант Воронежского укрепленного района, реально оценивая обстановку летней кампании 1919 года, писал в своих воспоминаниях: «Воронежская губерния пережила период Октябрьской революции, через год после Октября Военные события, немцы, гайдамаки, петлюровцы, казаки, наша партизанщина, наконец, и все это оставило свой след» (цит. по кн.: Кремлев И. В литературном строю. Воспоминания — М., Московский рабочий, 1968, с. 129).

[7] В «*Удостоверении*», выданном писателю по увольнении и связи с его отзывом в Москву, ошибочно датируются начало и окончание работы А. Платонова в Воронежском губземуправлении. Постановлением губисполкома А. Платонов зачисляется в штат работников земельного управления 5 февраля 1922 года, где в течение четырех лет (по 10 мая 1926 года) занимает различные должности, непосредственно связанные с мелиорацией и электрификацией сельского хозяйства: председателя комиссии по гидрофикации, управляющего губернским мелиоративным бюро, заведующего отделением гидрофикации и подотделом сельскохозяйственной мелиорации, а также работами по электрификации сельского хозяйства, председателя комиссии по постройке гидроэлектростанции на Дону и др.

В автобиографии 1924 года А. Платонов следующим образом объясняет свой переход на практическую народнохозяйственную работу: «Засуха 1921 г. произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление, и, будучи техником, я не мог уже заниматься созерцательным делом — литературой» (Государственный архив Воронежской обл., ф. 19, оп. 22, ед. хр. 6, л. 260 об.).

[8] *Рамзин* Л. К. (1887—1948) — советский теплотехник, участник разработки плана ГОЭЛРО. В 1930 году осуждался по так называемому делу промпартии. Досрочно реабилитирован. Автор конструкции промышленного прямоточного котла, известного под названием «котел Рамзина». Лауреат Государственной премии СССР (1943).

[9] В 1926—1927 годах А. Платонов возглавляет подотдел мелиорации в Тамбовском губернском земельном управлении.

[10] *Барабанов* — главный инженер-мелиоратор Тамбовского губернского землеуправления.

[11] *Тотик* — речь идет о сыне А. П. и М. А. Платоновых.

[12] *«Епифань* — известная повесть «Епифанские шлюзы», давшая название первому сборнику прозы писателя, впервые опубликована в журнале «Молодая гвардия» 1927, № 6.

«Антисексус» — неопубликованный рассказ А. Платонова.

[13] *...просить Молотова* — речь идет о Г. З. Литвин-Молотове члене правления Госиздата, заместителе председателя правления и главный редакторе издательства «Молодая гвардия». Именно в это время А. Платонов ведет переговоры о выпуске сборника повестей и рассказов «Епифанские шлюзы».

Подробнее о Г. З. Литвин-Молотове см. примечание к письмам (с. 439—440).

[14] Повесть *«Эфирный тракт»* при жизни А. Платонова не была опубликована. Впервые — в сб. «Фантастика-1967» (М., «Молодая гвардия», 1968), вошла также в однотомник писателя «Потомки солнца» (М., Советский писатель, 1974).

[15] *...работа о волгодонском канале Петра.* — Речь идет о работе над повестью «Епифанские шлюзы», в основу которой положены исторические события из эпохи Петра I, связанные с неудачной попыткой строительства канала между Волгой и Окой в конце XVII — начале XVIII века.

[16] *Попов* А. — работник кинофабрики «Мосфильм».

[17] *Стихи я начал подбирать* — Здесь и в последующих письмах речь идет о договоре на книгу стихов А. Платонова, которая не была издана.

[18] *Кирпичников* — герой повести «Эфирный тракт».

[19] *...авторское посвящение.* — Повесть «Епифанские шлюзы» посвящена М. А. Кашинцевой.

[20] *...автобиографическую повесть...* — Рассказ «Семен». Впервые опубликован в журнале «Красная новь» (1930, № 11).

[21] *...название... будет иное...* — Неосуществленный замысел А. Платонова.

[22] *Туркмения, 30/III—34 г.*— Основной целью бригады оргкомитета ССП СССР в Туркмении (1933—1934 гг.) было создание литературно-художественного сборника, приуроченного к десятилетию Туркменистана. «Каждый из участников бригады взял себе определенную тему и, направившись в район, собрал нужный ему материал... Наряду со своей основной творческой работой бригада приняла энергичное участие в подготовке к I Всетуркменскому съезду писателей» («Литературная газета», 1934, 20 мая).

[23] *Фольклорная тема*, о которой пишет А. Платонов, впоследствии реализована писателем в рассказе «Таир», [illegible] в альманах к десятилетию Туркменистана «[illegible]» ([illegible] Юбилейной комиссии ЦИК ТССР, М., 1934).

[24] *Новиков* А. Н. (1889—1941) — русский советский писатель, автор сб. повестей и рассказов «Барский двор» (1928), романа «Ратные подвиги простаков» (1930), книги очерков о коллективизации деревни «Гоночное поле» (1930) и др. произведений.

[25] *Пишу о нашей любви.*— А. Платонов в это время пишет рассказ «Фро» (см. текст произведения в книге).

[26] *...испортили совсем!*— Речь идет о фильме по сценарию А. Платонова, появившемся на экранах в довоенное время.

[27] *Петя* — Трошкин П. А., свояк А. Платонова.

[28] *Действующая армия.*— С октября 1942 года А. Платонов находился в Действующей армии в качестве специального корреспондента газеты «Красная звезда».

За годы войны А. Платоновым написано большое количество очерков, корреспонденций и рассказов, которые печатались в газетах «Красная звезда» и «Труд», в журналах «Краснофлотец», «Октябрь», «Новый мир», «Знамя» и других, а также составили сборники прозы писателя: «Под небесами Родины» (Уфа, 1942), «Рассказы о Родине» (М., Гослитиздат, 1943); «Броня» (М., Воениориздат, 1943); «В сторону заката солнца» (М., Советский писатель, 1945).

В ноябре 1944 года А. Платонов прибыл с фронта больным человеком, с тяжелой формой туберкулеза легких. Демобилизован в феврале 1946 года по болезни.

[29] *...воодушевление их подвигом.*— Здесь: о работе над рассказом «Одухотворенные люди» (см. текст произведения в книге), в основу которого был положен героический подвиг морских пехотинцев В. Цибулько, И. Красносельского, Ю. Паршина, Д. Одинцова и Н. Фильченкова под Севастополем летом 1942 года. «Морские пехотинцы... стояли против двадцати фашистских танков. Гранаты на исходе. Ни одной нельзя промахнуться. Иначе танки пройдут. А промахнуться в таком бою — дело нехитрое. И пробил час Фильченкова (у А. Платонова: Фильченко.— *В. В.*). Он привязал гранаты к поясу и бросился с ними под танк. Чтоб наверняка. Все последовали его примеру» (подполковник В. Филатов. «Золотое созвездие». «Правда», 1974, 16 апреля).

[30] *...о холмике земли на армянском кладбище.*— Здесь и ниже — о сыне А. П. и М. А. Платоновых.

» *...факт с рукой ...памяти пяти моряков-севастопольцев.*— Описанный героический поступок художественно воспроизведен А. Платоновым в рассказе «Одухотворенные люди».

» Приведенная цитата из письма была впоследствии использована А. Платоновым в рассказе «Челюсть дракона (Один бой)»: «Тихая ночь войны, проникнутая взорами тысяч бодрствующих людей, медленно лилась на земле. Мгновенные невнятные звуки изредка возникали во тьме и снова утихали в безмолвии. Время от времени в дальнем мраке, рассеивая напряжение, светилась ракета, и она гасла...» (Цит. по кн.: Платонов Андрей. Смерти нет! Рассказы.— М. Советский писатель, 1970, с. 66).

«Труд есть совесть». Из записных книжек разных лет (с. 408). Впервые в альманахе «Кубань», 1967, № 11, и газ. «Литературная Россия», 1962, 1 января (публикация М. А. Платоновой, вступ. заметка Г. Елина). Печатается по изданию: Платонов А. П. Государственный житель. Проза, ранние сочинения, письма.— М.: Советский писатель, 1988.

С. 411—412. Размышления А. Платонова о трагической судьбе обездоленного ребенка возбуждающего во взрослых «сознание своей вины», нашли впоследствии художественное оформление в рассказе писателя «Пустодушие». Ср., например, следующие строки из рассказа с соответствующими им строками из записной книжки — об исторической ответственности отцов и взрослых за судьбы детей: «Его хозяйственная озабоченность,— пишет А. Платонов о мальчике в рассказе,— серьезность и терпеливая печаль, не уменьшая прелести его детского лица, выражали собою ту простую и откровенную тайну жизни, которую мы сами от себя скрывали, а теперь, видя отражение ее на лице ребенка, нам делалось совестно и страшно. Эти совесть и страх имеют основание существовать, потому что в них есть сознание вины за судьбу обездоленного ребенка, которого мы не могли сберечь вовремя от руки врага» (Цит по кн.: Платонов Андрей. Смерти нет! Рассказы.— М.: Советский писатель, 1970, с. 344) Тема, заявленная автором в записной книжке и воплощенная в «Пустодушии», с полной художественной силой и глубиной прозвучала в знаменитом платоновском рассказе «Возвращение» (см. текст произведения в книге). Разрушение семьи А. Платонов считал самым опасным для народа последствием войны, ибо сиротство детей, по Платонову, равноценно обездушиванию жизни и обессердечиванию исторического процесса.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Г. Елизаветина. В поисках ответов 3
Кто виноват? *Роман в двух частях* 15
Сорока-воровка 235
Доктор Крупов 259
Долг прежде всего. *Повесть* 290
Поврежденный 352
Трагедия за стаканом грога 376
Скуки ради 384
Доктор, умирающий и мертвые 430
Примечания 467

Герцен А. И.

Г 41 Кто виноват? Повести /Сост., вступ. ст. и прим. Г. Г. Елизаветиной; Ил. Ю. М. Игнатьева.— М.: Правда, 1985.— 480 с., ил.

В книгу вошли роман и повести знаменитого русского писателя, философа, революционера, издателя «Колокола» А. И. Герцена. Его произведения принадлежат к замечательным художественным достижениям литературы критического реализма. В течение многих десятилетий они будят мысль и волнуют чувства читателей.

Г $\frac{4702010100-042}{080(02)-85}$ 042—85 84 Р1

Александр Иванович ГЕРЦЕН

КТО ВИНОВАТ?

ПОВЕСТИ

Составитель Г. Г. Елизаветина

Редактор Г. Ф. Дыченкова
Оформление художника Д. Б. Шмидлиса
Художественный редактор Е. М. Борисова
Технический редактор Т. С. Трошина

ИБ 942

Сдано в набор 07.01.85. Подписано к печати 06.04.85
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 25,20. Усл. кр.-отт. 25,62. Уч.-изд. л. 25,19.
Доп. тираж 100 000 экз.
Заказ № 00141. Цена 2 руб.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП Москва, А-137, улица «Правды», 24

Отпечатано в типографии издательства Удмуртского обкома КПСС. 426000, г. Устинов, Воткинское шоссе, 10-й км

В ПОИСКАХ ОТВЕТОВ

(А. И. Герцен — беллетрист)

Одно из первых литературных произведений, созданных Александром Ивановичем Герценом и принесших молодому еще тогда писателю широкую известность, носило не совсем обычное название «Кто виноват?». Будущее показало: форма вопроса как отражение внутреннего пафоса произведения была для Герцена не случайной. Она наиболее полно соответствовала тому, что всегда определяло его творчество: проблемность, искания мысли, никогда не знающей покоя, высочайший интеллектуальный уровень, общественная значимость. В свои беллетристические произведения Герцен привносил ту же высокую философскую культуру, которая отличала его циклы «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», тот же блистательный ум, восхищение которым заставило В. Г. Белинского шутливо по-видимому, но с глубочайшим уважением по существу, восклицать, что ему непонятно, зачем одному человеку — Герцену — столько ума!

Вопросы, которые ставились Герценом, всегда оказывались крупномасштабными. На часть из них ответы были ему известны, и он подводил к ним читателя всей логикой своего творения, порой в таких случаях не только не стремясь, но скорее даже избегая четких, прямолинейных определений, которые только упрощали бы ответ. На другие же вопросы решения он лишь искал... Почти всегда они принадлежат к таким, которые и сейчас остаются вопросами, которые и сейчас вряд ли можно назвать исчерпанными. Но в том-то и заключается сила Герцена, художника и мыслителя, что он сумел осознать существование этих вопросов, понял необходимость задать их, чтобы понудить людей думать над ответами, ибо сам процесс поисков Герцен считал плодотворным и облагораживающим, а в достижениях мысли видел необходимое условие движения человека и общества вперед.

Родившись в 1812-м, годину Отечественной войны, Герцен пережил пожар Москвы. Ярчайшее и наиболее глубокое по влиянию на его личность событие — восстание декабристов — пришлось на годы отрочества. Он оказался очевидцем революционных событий в Европе 1848—1849 годов, современником освобождения крепостных крестьян в России и умер в 1870 году во Франции, незадолго до знаменитой Парижской Коммуны.

Эпохальные события в России и странах Западной Европы нуждались в осмыслении. Но не только — они взывали к человеку, требуя от него деяния. И Герцен был одним из самых активных деятелей своего времени. Революционер, художник, философ, он организует за рубежом Вольную русскую типографию, издает «Колокол» и «Полярную звезду». Неотъемлемым и важнейшим оружием революционной борьбы становятся все его произведения, будь то гигантское мемуарное полотно «Былого и дум», яркая и страстная публицистика, его роман «Кто виноват?» и повести.

Призвание к творчеству Герцен осознал рано. Уже в юношеские годы берется он за перо и пишет не только прозой, но и создает драму в стихах. Никто, однако, не был таким суровым критиком Герцена, как он сам. Признав неудовлетворительными большинство первых своих беллетристических опытов, он тем не менее не оставляет их, но продолжает искать те формы, которые наиболее соответствовали бы специфике именно его дарования.

Не сразу — и все же сравнительно рано — Герцен обращается к жанрам, где особенно отчетливо проявляется начало автобиографическое, личностное. В не дошедшей до нас повести «О себе», в «Записках одного молодого человека» он делает первые шаги по направлению к «Былому и думам», главному своему произведению. Белинский поддерживает поиски писателя в этом направлении, с гениальной чуткостью угадывая, что именно здесь полностью раскроются все особенности таланта Герцена. Не дожив до «Былого и дум», Белинский фактически провидел возможность их создания.

Но если в «Былом и думах» — итоге жизни Герцена — слились, были реализованы и все его творческие возможности, то в романе «Кто виноват?» и в повестях он ставил несколько сознательно выбранных проблем, анализировал их, прослеживал, как преломляются они в конкретных человеческих судьбах, самой избирательностью рельефнее выделяя, заставляя задуматься над теми сторонами жизни общества, которые представлялись ему заслуживающими анализа. Чаще для того, чтобы легче было изжить их, иногда — чтобы выявить по существу парадоксальный характер того, что казалось привычным, а потому и обычным, и всегда — чтобы попытаться понять глубинный смысл происходящего. Великая традиция европейского философского романа и повести, традиция Вольтера, Дидро, Руссо была Герценом усвоена, органически претворившись в его творчестве в замечательные произведения русского критического реализма.

* * *

Роман «Кто виноват?», отдельное издание которого появилось в 1847 году, стал заметной вехой как на творческом пути самого Герцена, так и в литературном процессе эпохи. Несколько лет продолжалась авторская работа над романом. Герцен начал его в 1841 году, в новгородской ссылке, а завершил лишь к середине 40-х годов, уже вернувшись в Москву. Менялось название произведения: от нейтрального, в чем-то традиционного — «Похождения одного учителя» — к острому, взывающему к размышлению «Кто виноват?».

Что же имелось в виду под этим вопросом? Виновников какого несчастья вместе с читателем искал автор романа? И почему если поиск этот он считал необходимым, то в эпиграфе заранее указывал на то, что искать бесполезно: «А случай сей за неоткрытием виновных предать воле божией, дело же, почислив решенным, сдать в архив». Действительно ли автор и читатель должны считать «дело» решенным?

Кстати сказать, были и такие мнения. Высказывалось убеждение, что иначе как «перстом судьбы» не объяснить неудавшиеся жизни Владимира Бельтова, Любови и Дмитрия Круциферских. Думается, однако, что сам Герцен понимал причины их крушения иначе, и прежде чем искать ответ на вопрос, кто виноват, он ставит немало других вопросов, от ответа — или невозможности ответа на которые — зависит взгляд на центральную проблему романа. И прежде всего: а что такое удавшаяся жизнь? зачем, собственно говоря, живут люди; всякую ли, с точки зрения обывательской, «неудавшуюся» жизнь можно действительно счесть таковой, и, напротив, каждую ли «благополучную» можно назвать «удавшейся»?

Супруги Негровы существуют в полнейшем материальном довольстве, не знают они и душевных терзаний. Но это именно «житье-бытье», Герцен так и озаглавит соответствующую главу. «Странное дело,— заметит он,— в доме Негрова ничего не было ни разительного, ни особенного, но свежему человеку, юноше, как-то неловко, трудно было дышать в нем. Пустота всесовершеннейшая, самая многосторонняя царила в почтенном семействе Алексея Абрамовича. Зачем эти люди вставали с постелей, зачем двигались, для чего жили — трудно было бы отвечать на эти вопросы». Впрочем, Герцен все же отвечает: «жили потому, что родились». Не задумываясь ни о чем, пользовались всем тем, что предоставляло им сословное происхождение. Негровы — помещики, владельцы крепостных душ и, кроме того, душ пусть формально и не крепостных, но находящихся от них в полной материальной зависимости.

Возможно, у Негрова и были задатки благородства, великодушия, доброты, но они заглохли в той среде, где он жил. Могли ли не заглохнуть? Может ли вообще человек подняться над обстоятельствами? Не только может, но и должен, отвечает Герцен, хотя никто из его героев не оказался на это способен.

Автор «Кто виноват?» отнюдь не фаталист. «Судьба», заявляет он, «слово, не имеющее смысла», им можно, конечно, утешаться, но списывать на нее свое безволие и бездеятельность нельзя. Владимир Бельтов — одно из самых привлекательных лиц романа, и Герцен, бесспорно, симпатизирует ему. Но в то же время он к нему и беспощаден. Воссоздавая коллизии, в которых оказывается Бельтов, его «встречи с действительностью», Герцен констатирует, что его герой снова и снова «струсил перед ней». Объяснить это можно, оправдать трудно. Герцен не безоговорочный сторонник мнения, что все понять — значит все простить. Иногда напротив.

Многое, казалось бы, есть у Бельтова для содержательной, плодотворной деятельности: ум, образование, социальное положение. Но в конце концов он оказывается человеком «лишним» и с трагической отчетливостью сознает это. Главную причину видит

Герцен в особом воспитании героя: оно отдалило его от реальной жизни, сделало чужим в той среде, где ему предстояло действовать. Наконец, при развитом уме, данное Бельтову воспитание не сформировало его характер. Герцен указывает на своеобразный инфантилизм Бельтова. Он, пишет автор романа, «был лишен совершеннолетия — несмотря на возмужалость своей мысли». Качество, которое, вообще говоря, может показаться даже и привлекательным, но на деле оно чаще всего оборачивается безответственностью и за свою жизнь и, что еще важнее, за жизнь других. Герцен останавливается на обеих сторонах проблемы.

Неумение и нежелание «делать карьеру», то, что Бельтов 14 лет и 6 месяцев не дослужился до пряжки, даваемой за беспорочную службу,— это такие вины, которые, по замечанию Герцена, «лучше всякой правоты». Еще важнее, что само существование Бельтова — «протест, какое-то обличение», «возражение на весь порядок» той жизни, которой живут Негровы и им подобные. Но возможности и силы личности Бельтова пропали втуне, способность его к сильным чувствам приводит лишь к драме и гибели женщины; и как бы умно ни отвечал Бельтов на упрек доктора Крупова, что он разрушил счастье семьи Круциферских, нравственная безответственность его в данном случае не становится меньшей.

Герцен уже после создания романа, в спорах о «лишнем человеке», разгоревшихся в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века, объяснял людей типа Бельтова и во многом оправдывал их силой обстоятельств, но в романе он, в сущности, выносит Бельтову суровый приговор, когда сравнивает его, человека, уже «за тридцать лет от роду», с «шестнадцатилетним мальчиком». Уподобляя жизнь бою гладиаторов, Герцен пишет, что Бельтов стремительно приближался не к той «двери», через которую выходят на бой, а к той, «в которую выносят» тела побежденных. А в случае с Бельтовым — побежденных почти без боя. «...Вы, как все богатые люди, не привыкли к труду,— говорит Бельтову Крупов.— Дай вам судьба определенное занятие да отними она у вас Белое Поле, вы бы стали работать, положим, для себя, из хлеба, а польза-то вышла бы для других...»

Жизненный путь Бельтова потому и трагичен, что потенции этого сломленного, в сущности, человека были велики. Не уступает ему по масштабу личности и Любовь Александровна Круциферская, женщина, которую Бельтов любит. Как никто в романе, Любонька поднята над своей средой, и автор вынужден даже вступить с читателями в объяснение, могло ли так быть в действительности. Дневники Любоньки, с их умными и тонкими замечаниями, ее развитие, энергия, казалось бы, вряд ли естественны в доме Негровых. Но Любонька лишь отчасти связана с окружением. Дочь крестьянки, оскорбляемая в доме отца, она формируется сопротивлением обстоятельствам и уже этим становится выше и сильнее их. Была у Герцена и еще одна, пожалуй, самая убедительная причина уверять читателей в возможности существования в русском обществе своего времени таких женщин, как Любовь Александровна,— это Наталья Александровна Герцен, жена писателя. Многое от ее судьбы, ее личности, даже ее внешности дал Герцен своей героине. Поэтому и роман посвятил он жене.

Во многом образ Любоньки Круциферской оказался новым для русской литературы. Пожалуй, впервые женщина проявляла себя так сильно и самостоятельно в сфере личной жизни. Недаром старый скептик доктор Крупов предупреждает ее жениха, Дмитрия Круциферского, что брак вряд ли окажется удачным: ведь сила характера, сила воли в нем — на стороне женщины, а разность натур явная.

Касаясь проблем брака, любви, семейного счастья, Герцен менее всего намерен предлагать какие-то строго определенные, раз и навсегда правильные решения. Эпоха, национальные традиции, неповторимые индивидуальные особенности людей — все это определяет отношения между ними. Лишь на одном Герцен настаивает без оговорок и компромиссов: отношения эти должны быть действительно человечными, гуманными.

Семья Круциферских оказалась разрушенной. Но не только потому, что Любовь Александровна полюбила другого. Брак Круциферских нес в себе возможность краха изначально, из-за духовного неравенства жены и мужа. Позднее, пройдя через ряд тяжелейших личных испытаний, Герцен осознает, что и равенство не гарантия любви и счастья. В «Былом и думах» подход Герцена к вопросам любви и брака станет еще более глубоким, чем в романе «Кто виноват?», где Дмитрий Круциферский оказывается повинным в том, что полюбил женщину, во всех отношениях его превосходящую.

Роль Круциферского всегда и во всем страдательна. «Натура нежная и любящая до высшей степени», по характеристике автора, он так же далек от реальности, как и Бельтов, но в отличие от последнего вынужден «служить», других средств к жизни, кроме того, что он может заработать, у него нет. Подобно опять-таки тому же Бельтову, «он и не думал вступить в борьбу с действительностью, он отступал от ее напора». Почему же в таком случае Бельтов — «лишний человек», то есть явление в своем роде масштабное, а Круциферский ближе всего к типу «маленького человека», которого с таким сочувствием и жалостью разглядела и изобразила русская литература?

С точки зрения Герцена, потому прежде всего, что Бельтов способен осознать свое положение, его трагичность, а Круциферский это сделать не в состоянии. Он верит «в идеалы, витающие над землей», и вместе с тем вполне согласен удовлетвориться семейным счастьем, жизнью в узком кругу, тихой, незаметной, лишенной каких-либо значительных интересов. Бельтов не мог бы успокоиться на этом. «...Всего более мешали ему,— пишет Герцен,— прежние мечты о службе, о гражданской деятельности. Ничто в мире не заманчиво так для пламенной натуры, как участие в текущих делах, в этой вечно совершающейся истории...» Способность увлекаться мечтами, жить ими до какого-то момента предохраняет Круциферского от необходимости увидеть реальность. И Крупов справедливо предупреждает его, что столкновение с действительностью может оказаться для Круциферского гибельным. Не случайно спор на эту тему непосредственно предшествует появлению Бельтова в семье Круциферских.

Один из любимых приемов Герцена-беллетриста можно было бы условно назвать: «Что было бы, если бы...» Он неоднократно

используется им в романе. Что было бы, спрашивает автор, если бы Любонька воспитывалась в людской, а не в «гостиной» помещичьего дома Негровых? Что было бы, если бы не попал в этот дом Дмитрий Круциферский? И что, наконец, было бы, «если б Бельтов не приезжал» в город, где Круциферские жили? Существует ли какая-то закономерность, определяющая судьбы? Герцен, естественно, не дает исчерпывающего ответа. Огромна роль среды, полученного человеком воспитания, его натуры, характера, целей, стремлений, способности и желания добиваться осуществления их и много чего еще...

Герцен неоднократно утверждал, что «не умеет писать повести». Мнение несправедливое, так как для того, что собирался он поведать читателю, он находил — и роман «Кто виноват?» исключением не был — наиболее соответствующие средства художественной выразительности. Биографии героев, взятые в их совокупности, создают реалистическую картину русской жизни начала XIX века. Часто звучащий голос автора помогает нам понять происходящее. Его ирония, каламбуры позволяют верно расставить акценты даже там, где, по цензурным условиям, автор воздерживался от прямого суждения и осуждения. Финал романа, а Герцен завершает его изображением «группы умирающей красоты с прекрасной старостью», нравственной гибелью одного из героев и, видимо, долгой, если не вечной, разлукой с другим, снова возвращает читателя к началу, к названию «Кто виноват?», что так произошло, в чем искать причины трагедии?

Появление романа в печати вызвало целый шквал отзывов, как восторженных, так и возмущенных [1]. Идейные враги Герцена немедленно почувствовали, какую угрозу им несет в себе роман и поиск ответов на вопрос, вынесенный в заглавие. Небезызвестный своими «охранительными» идеями Ф. В. Булгарин писал о романе Герцена: «Дворяне изображены подлецами и скотами, а учитель, сын лекаря, и прижитая дочь с крепостной девкой — образцы добродетели». И подчеркивает: «Чтобы дворянство, поставленное в тень, было мрачнее, в книге набросаны социальные идеи» [2].

Горячо приветствовали роман единомышленники автора, а также многочисленные рядовые читатели, ибо произведение Герцена, писал Белинский, «отличается верностию действительности, мастерством изложения, которые выше всяких похвал» [3].

В сущности, тот же вопрос — кто виноват? — звучит и в отрывке «Мимоездом», написанном в 1846 году. Он же мог бы служить названием и небольшой повести Герцена «Сорока-воровка».

Трагическая судьба крепостной актрисы — а в основу повести положен подлинный случай, рассказанный Герцену великим

---

[1] См. об этом: Г. Г. Елизаветина. «Кто виноват?» Герцена в восприятии русских читателей и критики XIX в.» — В кн.: «Литературные произведения в движении эпох». М., «Наука», 1979, с. 41—74.

[2] М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. 2-е изд. СПб., 1909, с. 305.

[3] В. Г. Белинский. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 8. М., «Художественная литература», 1982, с. 380—381.

русским актером М. С. Щепкиным,— предстает не как что-то случайное, единичное. Жизнь Анеты, ее гибель — это гибель тысяч крепостных людей, чьи таланты не находили выхода, а чувство собственного достоинства безжалостно подавлялось.

Спор, которым начинается повесть, сразу же указывает на глубину и важность проблем, затрагиваемых Герценом. Речь идет о путях развития русской культуры, русского искусства в условиях, когда личность скована и не имеет возможности самоутверждения и самораскрытия. Неотъемлемой частью этой проблематики становится вопрос о положении русской женщины. В «потрясающей истории крепостной актрисы, затравленной и замученной барином», писал М. Горький, Герцен «первый в 40-х годах... смело высказался против крепостного права»[1]. И неудивительно, что сделано это было на материале женской судьбы, самой тяжелой и безысходной в ту эпоху. Конфликт Анеты и крепостника-помещика, владельца крепостного театра, наиболее обнаженно воспроизводит суть отношений, где царит ничем не ограниченный произвол с одной стороны и полное бесправие — с другой. Разве можно не считать безумным мир, где такое допускается?

Тема «безумного мира» проходит через многие произведения Герцена. Уже в ранней своей повести «Записки одного молодого человека», говоря о жителях города Малинова, он замечает, что «больные в доме умалишенных меньше бессмысленны», чем эти самодовольные обыватели. Та же тема звучит в романе «Кто виноват?» в разговоре Крупова с Круциферскими о «моральных эпидемиях», в повести «Сорока-воровка», где судьи, приговорившие невинную служанку к смерти, названы «сумасшедшими, хотя и выглядят, и считаются всеми «нормальными». Тема «всеобщего безумия» становится главной в повести «Доктор Крупов».

Повесть эта — одно из самых блистательных созданий Герцена-беллетриста, и нельзя не согласиться с мнением историка Т. Н. Грановского, назвавшего ее «гениальной»[2]. Ум, ирония, сарказм, своеобразный и выразительный язык, парадоксы, которые одновременно смешат и заставляют размышлять, наконец, самое главное — убедительная демонстрация социальной основы безумия — все это обеспечивает повести выдающееся место в русской литературе вообще и в ряду романов и повестей философского характера и содержания в особенности. В этом произведении Герцен, по словам Белинского, «ни одною чертою, ни одним словом не вышел из сферы своего таланта, и оттого здесь его талант в большей определенности, нежели в других его сочинениях»[3].

Повествование ведется от лица самого доктора Крупова. Мы уже встречались с ним в романе «Кто виноват?». Это пожилой человек, спокойный и добродушный на вид, немало переживший

---

[1] М. Горький. История русской литературы. М., Гослитиздат, 1939, с. 183, 206.

[2] «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II. М., 1897, с. 445.

[3] В. Г. Белинский. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 8, с. 381.

и еще более передумавший. Весьма скептически взирает он на все окружающее, резко высказывается обо всем «идеальном» и «мечтательном», предлагает вылечить героя от любви с помощью глауберовой соли — и при всем том Крупов сердечен, деятельно добр и умен. Прежде всего — умен. «Я много видел на своем веку людей,— признается он,— и ни одного не пропускал, чтоб не рассмотреть его на обе корки». С результатами его размышлений и знакомит нас повесть «Доктор Крупов».

История человечества, полагает Крупов,— «одно всемирное хроническое сумасшествие». Исключений он не находит. «Разверните какую хотите историю,— предлагает Крупов,— везде вас поразит, что вместо действительных интересов всем заправляют мнимые, фантастические интересы; вглядитесь, из-за чего льется кровь, из-за чего несут крайность, что восхваляют, что порицают,— и вы ясно убедитесь в печальной на первый взгляд истине — и истине, полной утешения на второй взгляд, что все это следствие расстройства умственных способностей». Каких бы сфер жизни ни касался пытливый взгляд, всюду он наблюдает повальное безумие. Наиболее явственно оно, по мысли Крупова (и его создателя Герцена), проявляется в социальных отношениях, в том строе общества, при котором люди, работающие «денно и нощно», «не вырабатывали ничего, а те, которые ничего не делали, беспрерывно вырабатывали, и очень много». Имея такое основание, оказываются зараженными безумием семейная жизнь, воспитание детей, сама любовь к ним. Среди всеобщего безумия Крупов приходит к парадоксальному заключению, что те, кого принято считать сумасшедшими, «в сущности и не глупее и не поврежденнее всех остальных, но только самобытнее, сосредоточеннее, независимее, оригинальнее, даже, можно сказать, гениальнее тех». Деревенский дурачок Левка — добр, чутко воспринимает природу, способен на безграничную преданность, хотя и не может связно выразить свои чувства. Во многом он оказывается выше окружающих его «нормальных» людей, однако все третируют и шпыняют его, кроме — и Герцен подчеркивает это — деревенских женщин, которые и сами так «задавлены» и угнетены, что невольно сочувствуют бедняге. В создании этой странной фигуры Герцен проявляет большое мастерство. Оно, замечает Белинский, сделало бы «честь любому художнику» [1].

В сущности, Левка становится центральным персонажем, если не героем повести. Постоянно его вспоминая, на него оглядываясь, судит Крупов других людей. Левка не развит умственно, но ведь жестокость, злоба, ничем не объяснимые поступки окружающих его «нормальных» людей тоже не об «уме» свидетельствуют.

В «Докторе Крупове», как и в романе «Кто виноват?», Герцен снова и снова ставит вопрос: зачем живут люди? И можно ли жить так, как они живут? «Где же польза их существования?» — спрашивает себя Крупов. Ведь для большинства «жизнь — пошлый обряд, тупое одно и то же, ни к чему не ведущее». Вся разница, саркастически замечает Крупов, что большинство «безумно» одинаково, а Левка «на свой особенный салтык».

---

[1] В. Г. Белинский. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 8, с. 381.

Есть ли лекарства от всеобщего безумия? Крупов называет их: «Во-первых, истина, во-вторых, точка зрения, в-третьих, я далеко не все сказал, а намекнул, означил, слегка указал только». Герцен имел право надеяться, что читатель поймет то, что цензурные препоны не позволяли автору и его герою сказать прямо... Один эпизод простодушного удивления Левки, что сильный, здоровый крестьянин Захар терпит, когда его бьют, очевидно, по приказу помещика, и не возмущается этим, «его бьют — а он ничего», был достаточно ясен.

Пессимизм, скептицизм Крупова не представлялись, таким образом, Герцену безвыходными. В то же время созданный им образ оказался настолько содержательным, а тема безумия мира настолько многогранной, что писатель обращался к ним и в последующем своем творчестве: в публицистике, в очерках и повестях («Поврежденный», «Скуки ради», «Aphorismata», где с Круповым спорит его «ученик» Тит Левиафанский, «Доктор, умирающий и мертвые»). Причем порой писатель «соглашался» с Круповым, порой «полемизировал» с ним, порой Крупов «говорил» как бы от его имени. Но полной идентичности: автор — это и есть Крупов — нет никогда. Герцен вообще не может быть сведен ни к одному из своих персонажей, ни к одному из героев своих произведений, кроме, конечно, героя «Былого и дум», но и здесь не до конца. Он как творец вмещает в себя всех их.

* * *

Уехав из России в 1847 году, Герцен свою деятельность за рубежом полностью посвящает Родине. Относится это и к беллетристическим произведениям, в тот период создававшимся. Заметное место среди них принадлежит незавершенной повести «Долг прежде всего». Вероятно, работа над ней была начата еще до отъезда. Проблематика повести целиком связана с русской действительностью. История рода дворян Столыгиных прослеживается на протяжении нескольких поколений. Европейская литература XIX века, в том числе и литература русская, дала немало превосходных образцов жанра «семейной хроники», и, несомненно, жаль, что замысел Герцена не был доведен им до конца. Правда, из наметок самого автора легко можно представить, как должны были бы развиваться события далее.

Во многом парадоксален подход Герцена к понятию о долге. Казалось бы, ясно: исполнение того, что должно, ничего, кроме уважения, не заслуживает. Но Герцен не был бы Герценом, если бы не взглянул на привычное, на общепринятое с неожиданной точки зрения. Иронией пронизан уже эпиграф к повести, где «священным долгом» названо поздравление начальства с праздником. Анатоль Столыгин, «человек, полный сил, энергии, способностей, жизнь которого тягостна, пуста, ложна и безотрадна от постоянного противуречия между его стремлениями и его долгом», становится главным героем повести.

Так что же, не надо разве следовать долгу? Нет, отвечает своим произведением Герцен, не надо, если долг навязан человеку извне, если он находится в непримиримом противоречии с тем, что подсказывают хорошему, благородному человеку его собст-

венные чувства и представления. Анатоль подавляет их — и утрачивает смысл жизни и вкус к ней. «Он совершает героические акты самоотвержения и преданности, тушит страсти, жертвует влечениями и всем этим достигает того вялого, бесцветного состояния, в котором находится всякая посредственная и бездарная натура».

Портретная галерея родных Анатоля, помещиков Столыгиных, не только служит в повести целям лучшего понимания ее главного героя. Первые главы, где изображены «дядюшка Лев Степанович», его «нежный братец» «буколико-эротический помещик» Степан Степанович и, наконец, отец Анатоля, Михаил Степанович, имеют огромную самостоятельную ценность. Герцен воссоздает типы людей, закосневших в бессмысленной, растительной жизни, убежденных крепостников, бессердечных по отношению не только к крестьянам, но и к родным и близким. В строго реалистической манере описывает Герцен их быт в селе Липовке, где от человеческого осталось лишь умение играть в карты. «Войны раздирали Европу, миры заключались, троны падали; в Липовке все шло нынче, как вчера,— пишет Герцен,— вечером игра в дурачки, утром сельские работы, та же жирная буженина подавалась за обедом... и никто не только не говорил, но и не знал и не желал знать всемирных событий, наполнявших собою весь свет». Эта среда и породила Анатоля, не сумевшего противостоять ей, бесцельно и безрадостно отдавшего ей в жертву свою личность.

Хотя повесть Герцена не завершена, то, что он успел сделать, позволяет судить о проявленном им здесь художественном мастерстве. Особенно в первых главах. «Ничего подобного нет в русской литературе»,— заметил, прочитав их, Л. Н. Толстой [1].

Повесть «Долг прежде всего» вошла в изданный Герценом в 1854 году сборник «Прерванные рассказы Искандера». Там же было опубликовано и еще одно незавершенное герценовское произведение: «Поврежденный».

Поражение революции 1848—1849 годов, тягостные личные переживания снова, на этот раз до драматической остроты, довели раздумья Герцена о судьбах человека и человечества Получив полное и глубокое отражение в книге «С того берега», они в несколько иной, беллетристической форме затронуты и в повести «Поврежденный». Ее герой, Евгений Николаевич, «поврежденный», и сопровождающий его врач представляют собой две крайности подхода к «общим», мировоззренческим проблемам. Врача они не интересуют вообще. Он никогда не задумывался «ни над одним вопросом, который не был разрешен другими». Его вполне удовлетворяет сфера практической деятельности, он умеет радоваться жизни и обладает даром ее приятия. Евгений же Николаевич и болен потому, что мысль его мучительно бьется над проблемами, сама необходимость постановки которых вызвана трагическими противоречиями его жизни и жизни общества. Бессмысленно рушится его любовь к талантливой крепостной певице Ульяне — это в частной жизни. Не виден ему внутренний смысл человеческой истории — это уже в плане общем. И все вместе — частное и об-

[1] Н. Н. Гусев. Герцен и Толстой.— «Литературное наследство», т. 41—42. М., Изд-во АН СССР, 1941, с. 511.

щее — хаос. Земля — «неудавшаяся планета», говорит «поврежденный», она «мечется из стороны в сторону». Бороться за что-то лучшее бессмысленно. «...Полно строить и перестроивать вавилонскую башню общественного устройства,— с горечью заявляет Евгений Николаевич,— оставить ее — да и кончено, полно домогаться невозможных вещей». Разумнее всего искать покоя: в природе, в отсутствии желаний, в отдалении от людей...

Разделяя критицизм «поврежденного» по отношению к современному обществу, Герцен (в повести автор — собеседник Евгения Николаевича) не может согласиться с отказом от борьбы. Он продолжает спор, но уже не в повести, а в цикле «Концы и начала», где снова описывается встреча с «поврежденным» (письмо седьмое). Евгений Николаевич сохранил свой безнадежный взгляд, и Герцен осуждает его за то, что он готов навсегда «проститься с лучшими мечтами, с святейшими стремлениями» во имя личного, в сущности эгоистического покоя.

После издания сборника «Прерванные рассказы» Герцен долго, почти десять лет, не создает новых беллетристических произведений. Он всецело уходит в создание «Былого и дум», в деятельность Вольной русской типографии. Лишь в 1864 году публикует он «Трагедию за стаканом грога», историю обнищавшего слуги, ставшего одной из многочисленных жертв буржуазного строя. Герой — «маленький человек», и его несчастья по сравнению с грозными общественными катаклизмами — это «буря в стакане воды», но скольких людей такие бури привели к гибели!

Герцен — внимательный наблюдатель жизни Западной Европы. В 1868—1869 годах он публикует в петербургской газете «Неделя» очерки «Скуки ради». Его заметки, казалось бы, случайные, в ресторане, в омнибусе, в железнодорожном вагоне, сложенные вместе, дают представление об ограниченном, самодовольном типе французского буржуа, все идеалы и мечты которого сводятся к тугому кошельку. Нелегко рядом с ним остаться человеком. Судьба тех, кто, несмотря ни на что, сумел это сделать, занимает Герцена в его последнем беллетристическом произведении — повести «Доктор, умирающий и мертвые», оконченной всего лишь за несколько месяцев до смерти писателя.

Бывший якобинец, старый Ральер сохраняет убеждения молодости, и ничто не может заставить его «отречься от прежней жизни своей». В третьем письме цикла «Концы и начала» Герцен изложит свою концепцию этого типа: «*Дон-Кихот революции* не идет у меня из головы. Суровый, трагический тип этот исчезает,— исчезает, как беловежский зубр, как краснокожие индейцы, и нет художника, который бы пометил его черты старые, резкие, носящие на себе следы всех скорбей, всех печалей, идущих из *общих* начал и из веры в человечество и разум. Скоро черты эти замрут, не сдавшись, с выражением гордого и укоряющего презрения, потом сотрутся, и человеческая память утратит один из высших, предельных типов своих». Этот тип Герцен и воспроизводит в повести. Но не только ушедшее, пусть возвышенное и прекрасное, занимает писателя. Умирающий Ральер, изверившийся скептик доктор, «мертвые» душой сын и невестка Ральера — есть ли в мире силы, способные противостоять реакции и застою, сменить старого якобинца? На этот вопрос в своей последней повести, последней ее фразой Герцен отвечает утвердительно: «Явились но-

вые силы и люди». Надеждой на новый революционный подъем в Европе завершается, таким образом, творчество Герцена-беллетриста.

* * *

Беллетристические произведения составляют лишь часть огромного творческого наследия Герцена. Конечно, велика и самостоятельная их ценность И все же для того, чтобы вполне постичь величие Герцена — художника и мыслителя, необходимо знать книгу «С того берега» и трактат «О развитии революционных идей в России», его статьи, очерки, письма и, конечно, «Былое и думы». Везде остается Герцен самим собой — и всюду он новый, неожиданный, удивляющий блеском ума, точностью найденного слова, неугасимым стремлением к познанию жизни.

Г. Г. Елизаветина

ДОКТОР КРУПОВ

О ДУШЕВНЫХ БОЛЕЗНЯХ ВООБЩЕ И ОБ ЭПИДЕМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ОНЫХ В ОСОБЕННОСТИ

Сочинение доктора Крупова[1]

Много и много лет прошло уже с тех пор, как я постоянно посвящаю время, от лечения больных и исполнения обязанностей остающееся, на изложение *сравнительной психиатрии* с точки зрения совершенно новой. Но недоверие к силам, скромность и осторожность доселе воспрещали мне всякое обнародование моей теории. Ныне делаю первый опыт сообщить благосклонной публике часть моих наблюдений. Делаю оное, побуждаемый предчувствием скорого перехода в минерально-химическое царство, коего главное неудобство — отсутствие сознания. Полагаю, что на мне лежит обязанность узнанное мною закрепить, так сказать, вне себя добросовестным рассказом для пользы и соображения сотоварищам по науке; мне кажется, что я не имею права допустить мысль мою бесследно исчезнуть при новых, предстоящих большим полушариям мозга моего, химических сочетаниях и разложениях.

Узнав случайно о вашем сборнике, я решился послать в него отрывок из введения, потому именно, что

---

[1] Этот небольшой отрывок был помещен в «Современнике» 1847 года с значительными пропусками, сделанными цензурой. Мы его печатаем теперь в настоящем виде. *(Прим. автора.)*

ПРИМЕЧАНИЯ

КТО ВИНОВАТ?

Впервые опубликовано: главы с 1 по 4— «Отечественные записки», 1845, № 12, с подписью *И —.*; главы 5—7— «Отечественные записки», 1846, № 4, с подписью *И — р.* Полностью — отдельное издание, СПб, 1847.

Стр. 17. *Наталья Александровна Герцен* (1817—1852) — жена писателя.

...одна ...не написана...— повесть «Елена» («Там»). *...другая — не повесть.*— «Записки одного молодого человека».

...один женский образ...— Речь идет о П. П. Медведевой. О ней см. «Былое и думы», часть III, глава XXI.

Стр. 18. *...брусничный сок Лариных мог повредить Онегину.*— См. А. С. Пушкин «Евгений Онегин», глава 3, строфа IV.

Белинский... писал ко мне...— Герцен не совсем точно цитирует письмо от 6 февраля 1846 года.

Стр. 26. *Муций Сцевола* — легендарный римский герой, который, попав в плен, положил руку на раскаленную жаровню, чтобы доказать силу духа римлян. См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Попликола, 17.

...со всех сторон медведем...—Изображение медведя в гербе Ярославля.

Стр. 27. *Гуфланд* (Гуфеланд), Кристоф Вильгельм (1762—1836) — немецкий врач, автор книги «Искусство продления человеческой жизни».

Стр. 32. *«Квас нужен, как воздух»* — не совсем точная цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (глава 2, строфа XXXV).

Стр. 42. *...номадной жизни...*— То есть кочевой; номады — греч. кочевники.

...Авраам...изгонял Агарь с Измаилом...— По библейской легенде, Авраам, по требованию жены Сарры, изгнал свою наложницу Агарь с их сыном Измаилом.

Стр. 54. *...чужие лестницы были для нее не круты, чужой хлеб не горек.*— Реминисценция стихов из «Божественной комедии» Данте («Рай», песнь XVII): «Ты будешь знать, как горестен Чужой ломоть, как трудно на чужбине// Сходить и восходить по ступеням» (Перевод М. Лозинского).

Стр. 55. *Лафатер*, Иоанн Каспар (1741—1801) — швейцарский писатель, создатель физиогномики, «науки», якобы позволяющей по чертам лица судить о внутренних качествах человека.

Стр. 65. *...от поцелуя к трагической развязке.*— Эпизод из «Божественной комедии» Данте («Ад», песнь V).

Стр. 70. *...бегства своего Иосифа...*— По библейской легенде, Иосиф спасся бегством от влюбленной в него жены хозяина. *Дидона* — героиня поэмы Вергилия «Энеида», покинутая своим возлюбленным.

Стр. 72. *Парки* — в римской мифологии богини, прявшие нити человеческих судеб. Обрезанная нить означала смерть.

...Гейне... прав...— Герцен имеет в виду стихотворение 10 из цикла Г. Гейне «Новые стихотворения» («Разные»).

Стр. 79. *«Новая Элоиза»* — роман Ж.-Ж. Руссо (1761). *«Фоблаз»* — роман французского писателя Ж.-Б. Луве де Кувре «Любовные похождения кавалера де Фоблаза» (1787—1790).

Стр. 86. *«Образцовые сочинения»* — Речь идет о сборниках, выходивших в 1816—1817 годах «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе».

Стр. 89. *Масильон*, Жан Батист (1663—1743) — французский богослов и проповедник.

Стр. 90. *«Душенька»* (1755) — поэма И. Ф. Богдановича.

Стр. 94. *«Paul et Virginie»* — роман французского писателя Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Виргиния» (1787).

Стр. 95. *Вобан*, Себастьян Ле Претр де (1633—1707) — французский маршал, военный инженер, создатель системы осады крепостей. *Апроши* — узкие траншеи, которые рыли осаждавшие крепость войска, чтобы безопасно подойти к ней.

Стр. 96. *...о кислоте винограда...*— Герцен вспоминает последние строки басни И. А. Крылова «Лисица и виноград».

Стр. 97. *Лютер*, Мартин (1483—1546) — реформатор церкви в Германии. Его перевод Библии является классическим.

Стр. 104. *...Кребильоновых романов...*— Кребильон (Кребийон), Клод Проспер Жолио (1707—1777) — французский писатель, автор фривольных романов.

Стр. 105. *Боннет* (Бонне), Шарль (1720—1793) — швейцарский естествоиспытатель и философ. *...толкуя о его процессах...*— Французский писатель П.-О. Карон де Бомарше (1732—1799) судился с графом Лаблашем. Процесс получил громкую известность. *Шлецер*, Август Людвиг (1735—1809) — немецкий историк, издатель газеты «Государственные известия» (1783—1793). *Эрменонвиль* — имение, где скончался Руссо. *Ферней* — замок в Швейцарии, в котором Вольтер жил с 1758 по 1778 год.

«Эмиль» — роман Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762). *Песталоцци*, Иоганн Генрих (1746—1827) — швейцарский педагог. *Базедов*, Иоганн Бернгард (1724—1790) — немецкий педагог. *Николаи*, Генрих Людвиг (1738—1820) — немецкий педагог.

Плутарх (ок. 46—ок. 120) — древнегреческий историк. *Мальт-Брен* (Мальтбрен), Конрад (1775—1826) — французский географ. *Паоли*, Паскаль (1726—1807) — корсиканский политический деятель, боролся за национальную независимость Корсики.

Стр. 106. *...историю Левека...*— Речь идет об «Истории России» французского историка П.-Ш. Левека (1737—1812). *...прочел Воль-*

герова «Петра I» — «Историю Российской империи в царствование Петра Великого» (1759—1763) Вольтера.

Стр. 109. *Каспар Гаузер* (ум. в 1833) — юноша неизвестного происхождения, воспитанный по чьему-то злому умыслу в изоляции от других людей. Появился в Нюрнберге в 1828 году. Его история, до сих пор полностью не разгаданная, произвела большое впечатление на современников.

Гейм, Иван Андреевич (1758—1821) — профессор Московского университета.

Пандекты — труды древнеримских юристов по вопросам частного права. *Глоссы* — толкование темных мест в текстах законов.

Стр. 113 *...праздника при федерализации...* — Празднование в Париже 14 июля 1790 года, при участии представителей провинций, годовщины взятия Бастилии.

Стр. 116. *Азаис*, Пьер Гиацинт (1766—1845) — французский философ-моралист.

Стр. 117. *Фемида* — богиня правосудия в древнегреческой мифологии; изображалась с завязанными глазами в знак ее беспристрастия.

Стр. 118. *«Сын отечества»* (1812—1844, 1847—1852) — журнал реакционного направления.

Стр. 122 *...встречу Бирона... с Минихом...* — Речь идет о встрече Б.-К. Миниха (1683—1767), в свое время арестовавшего Э.-И. Бирона (1690—1772), во время его возвращения из ссылки в Сибирь, куда теперь был сослан сам Миних.

Стр. 127. *«Третье марта...»* — Герцен вспоминает о свидании с Н. А. Захарьиной 3 марта 1838 года, когда он тайно приезжал в Москву из Владимира. См. «Былое и думы», часть III, глава XXIII.

Стр. 129. *Терамена рассказ* — монолог Терамена из трагедии Ж.-Б. Расина «Федра» (1677). *Офрен*, Жан Риваль (1720—1806) — французский актер, живший с 1785 года в России.

Стр. 133. *Ваши* — дорожные сундуки, которые ставились на крышу кареты.

Стр. 145. *...взаимных ланкастерских гонений...* — Имеется в виду система взаимного обучения, созданная английским педагогом Д. Ланкастером (1778—1838).

Стр. 171 *Адам Смит* (1723—1790) — английский экономист.

Стр. 175. *Байрон очень справедливо сказал...* — В стихотворном романе «Дон Жуан» (песня 12).

Стр. 176. *...лионские работники, которые умирают голодной смертью...* — Герцен напоминает о восстании в Лионе 1831 и 1834 годов.

Стр. 180. *...поклясться... в вечной любви здесь и там.* — В стихотворении Ф. Шиллера «Пилигрим» есть строка: «И то, что *Там* — никогда не бывает *здесь!*»

Стр. 182. *Таков ли был я, расцветая?* — Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина («Путешествие Онегина»).

Стр. 191. *«Лодоиска»* (1791) — опера французского композитора Р. Крейцера (1766—1831) *«Калиф Багдадский»* (1801) — опера французского композитора Ф.-А. Буальдье (1775—1834). *...времена греческого освобождения...* — двадцатые годы XIX века. *«Московский телеграф»* (1825—1834) — литературно-критический журнал, издававшийся Н. А. Полевым.

...погибнуть от львов, как в Даниловой пещере...— По библейской легенде, вавилонский мудрец Даниил за неподчинение царю был брошен в ров со львами и спасся чудом.

Стр. 192. *«Есть боги,— а земля злодеям предана».*— Цитата из трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах» (1804; д. III, явл. 4).

Виардо, Гарсиа Мишель Полина (1821—1910) — французская певица. *Рубини*, Джованни Батиста (1795—1854) — итальянский певец.

Стр. 199. *...бочке, в которой карфагеняне прокатили Регула...*— По преданию, жители Карфагена, взяв в плен римского полководца Регула, скатили его с горы в бочке, утыканной изнутри гвоздями.

Стр. 211—212. *...не хуже венецианского мавра...*— Отелло, героя одноименной трагедии В. Шекспира.

Стр. 213. *Медуза* — в древнегреческой мифологии женщина, у которой вместо волос были змеи; взглянув в глаза Медузе, человек превращался в камень.

Стр. 215. *Влияние Цицерона было бы заметно каждому...*— Имеется в виду фраза из знаменитой речи Цицерона: «Доколе, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим терпением?»

...«обошелся посредством» руки...— Намек на манерную речь дам города NN в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (т. I, глава VIII).

...Евтропиевой краткой истории...— Речь идет о «Краткой истории Рима» римского историка Евтропия (IV век).

Стр. 221. *Видала ль ты...*— из трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах» (д. II, явл. 1 (араб.).

Ради рома и арака...— Неточная цитата из стихотворения Д. В. Давыдова «Бурцову» (1804). У Давыдова: «Ради бога и арака...»

СОРОКА-ВОРОВКА

Впервые опубликовано в журнале «Современник», 1848, № 2, с подписью *Искандер.*

Стр. 235. *Твой дом, украшенный богато...*— отрывок из эклоги «Графу С. М. Каменскому» Ст. Богдановича. *Терпсихора*, *Эрато*, *Талия* — в древнегреческой мифологии музы танца, любовной поэзии и комедии.

Семенова, Екатерина Семеновна (1787—1849) — великая русская трагическая актриса.

Стр. 236. *Здесь натиск пламенный...*— Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «К вельможе» (1830).

Стр. 238. *...нельзя сказать, чтоб нравы ее сохранились совершенно чистыми.*— Римский император Август (63 до н. э.— 14 н. э.) издал ряд законов, укрепляющих семью. Его дочь Юлия воспитывалась в строго патриархальных традициях, однако впоследствии отличалась безнравственным поведением.

Стр. 239. *«Opium et champagne»* — французский водевиль. Шел на русской сцене в переводе Д. В. Григоровича и В. Р. Зотова под названием «Шампанское и опиум, или Война с Китаем».

Стр. 240. *Марс* (Анна Буте) (1779—1847); *Рашель*, Элиза (1821—1858); *Аллан*, Луиза (1809—1856); *Плесси-Арну*, Жанна Сильвани (1819—1897) — французские актрисы.

Стр. 241. *«Сорока-воровка»* — драма Л.-Ш. Кенье и Добиньи (Ж.-М.-Т. Бодуэна) «Сорока-воровка, или Палезосская служанка» (1815). Шла на русской сцене в переводе Н. И. Вальберха.

Стр. 242. *Последний бедный лепт, бывало...* — Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (глава 4, строфа XLV).

Стр. 245. *...по россиниевской опере...* — Опера Дж. Россини «Сорока-воровка» (1817).

Стр. 251. *Канова*, Антонио (1757—1822) — итальянский скульптор. *Торвальдсен*, Бертель (1770—1844) — датский скульптор.

Стр. 252. *Тальма*, Франсуа Жозеф (1763—1826) — французский актер.

Стр. 253. *«Коварство и любовь»* (1784) — драма Ф. Шиллера

ДОКТОР КРУПОВ

Впервые опубликовано в журнале «Современник», 1847, № 9 под названием «Из сочинения доктора Крупова» и с подписью *Искандер*. Под названием «Доктор Крупов» — в сборнике «Прерванные рассказы Искандера», Лондон, 1854.

Стр. 260. *...удаленном ...от резиденции...* — От Москвы, сохранявшей, несмотря на то, что столицей был Петербург, значение административного и культурного центра страны.

Стр. 267. *Нил Сорский* (1433—1503) — религиозный писатель, аскет.

Стр. 271. *...знал Вольфиеву философию...* — Вероятно, имеется в виду учение немецкого философа Х. Вольфа (1679—1754) о бессмертии души.

Стр. 276. *Иппократ* (Гиппократ) (ок. 460—377 до н. э.) — древнегреческий врач. *Боергав* (Бургав), Герман (1668—1738) — голландский врач. *Гуфланд* — см. примечание к с. 27.

Ганеманово учение — то есть учение о гомеопатии немецкого врача С. Ганемана (1755—1843). Он утверждал, что лечить надо малыми дозами тех лекарств, большие дозы которых вызывают симптомы данной болезни.

Стр. 277. *Марсомания* — психическое заболевание, от имени Марса — бога войны в римской мифологии.

Стр. 284 *Тит Ливий* (59 до н. э.— 17 н. э.) — римский историк. *Муратори*, Лодовико Антонио (1672—1750) — итальянский историк и философ. *Тацит* (ок. 58— ок. 117) — римский историк. *Гиббон*, Эдуард (1737—1794) — английский историк.

Стр. 285. *Курций* — легендарный римский воин, воплощение духа римской доблести и отваги.

...отец приносит дочь на жертву... — По древнегреческой легенде, царь Агамемнон принес в жертву свою дочь Ифигению, чтобы боги послали попутный ветер его кораблям.

...персидский царь гонял море сквозь строй. — Персидский царь Ксеркс (ум. 465 до н. э.), по легенде, приказал высечь море, буря на котором помешала его войскам переправиться в Грецию.

...цикутой хотели лечить от разума и сознания. — По приговору суда, чашу с ядовитой цикутой выпил великий древнегреческий философ Сократ (470/469—399 до н. э.).

Селлюлярный — ошибочный.

Стр. 286. *Дюмон д'Юрвиль* (Дюмон-Дюрвиль), Жюль Себастьен Сезар (1790—1842) — французский путешественник.

Вишну — индуистское божество.

Пауперизм — массовая нищета.

Стр. 287. *Аристотель называл Анаксагора...* — В «Метафизике» (книга I, глава 3). *Анаксагор* (ок. 500—428 до н. э.); *Спиноза*, Барух (1632—1677), *Бентам*, Иеремия (1748—1832) — философы.

ДОЛГ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Впервые опубликовано в сборнике «Прерванные рассказы Искандера», Лондон, 1854.

Стр. 290. *...успел в две недели три раза присягнуть...* — Речь идет о так называемом «смутном времени» в русской истории (начало XVII века). *Владислав* (1595—1648) — польский королевич, в 1610 году претендовал на российский престол. *Тушинский вор* — Лжедмитрий II (ум. 1610).

Стр. 295. *Волюта* — верхнее скульптурное украшение колонны.

Стр. 297. *...аннинскую кавалерию...* — орден св. Анны.

Стр. 301. *Кислые щи* — шипучий напиток вроде кваса.

Стр. 303. *...князю Григорию Григорьевичу...* — Орлову (1734—1783), фавориту Екатерины II.

Стр. 305. *«Московские ведомости»* — газета, выходившая с 1756 по 1917 год.

Стр. 311. *Брунегильда* (Брунгильда) — героиня немецкого эпоса.

Стр. 314. *Шувалов*, Иван Иванович (1727—1797) — русский государственный деятель.

Буало, Никола (1636—1711) — французский поэт и теоретик классицизма. *Энциклопедисты* — прогрессивные французские философы, писатели, ученые, объединившиеся вокруг издания «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (35 томов, 1751—1780).

«Георгики» — поэма Вергилия. *«Фарсалы»* («Фарсалия, или О Гражданской войне») — поэма римского поэта Лукана (39—65).

Вовенарг, Люк Клапье (1715—1747) — французский писатель-моралист. *Гельвеций*, Клод Адриан (1715—1771) — французский философ. *Жан-Жак* — Руссо.

Стр. 316. *«Кандид»* (1759), *«Орлеанская девственница»* (1735) — произведения Вольтера. *«Жак Фаталист»* (1773) — роман Д. Дидро.

...императрица изволила писать пьесу... — Речь идет о пьесе Екатерины II «Начальное управление Олега. Подражание Шакеспиру, без сохранения феатральных обыкновенных правил» (1786).

...знали еще благодаря Вольтеру... подробности о царствовании Петра I. — См. примечание к с. 106.

Стефан Яворский (1658—1722) — русский церковный деятель, писатель.

Стр. 317. *Охтенки* — жительницы пригорода Петербуга Охты.

Стр. 318. *Неккер*, Жак (1732—1804) — французский политический деятель, министр финансов при Людовике XVI.

Сезострис — легендарный царь Древнего Египта.

Стр. 320. *Тизана* — настойка из трав.

Тит Ливий — см. примечание к с. 284. *Тарквиний Старший.*— Речь идет о царе Тарквинии Гордом, после изгнания которого в 509 году до н. э. в Риме была установлена республика. Тит Ливий сообщает об этом в «Римской истории от основания города».

Стр. 321. *...подражание Цезаревым солдатам в Фарсальской битве...*—Во время этого сражения Цезарь приказал «разить железом лицо» врага (Лукан. «Фарсалия», книга 7).

Стр. 322. *...под Чесмой...*— Здесь в морском бою (1770) русский флот одержал блистательную победу над турецким.

Стр. 326. *Элфингстон,* Джон (1722—1785) — английский моряк, с 1768 года контр-адмирал русского флота.

Адонис — в древнефиникийской мифологии бог плодородия.

Стр. 327. *Сандарак* — смола, которой натирали подчищенные места в канцелярских бумагах.

Стр. 331. *Калган* — лекарственное растение. *Сабур* — сок алоэ.

Стр. 338. *Номоканон* — сборник церковных правил и законов.

...задушевная переписка с друзьями о выгодах крепостного состояния, телесных наказаний и рекрутских наборов.— Имеется в виду книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

Аудиториат — одна из военно-судебных инстанций в России.

Стр. 339 *Ярем он барщины старинной...*— Не совсем точная цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (глава 2, строфа IV).

...библейское общество...— «Российское библейское общество» занималось изданием и распространением Библии. Тесно было связано с «Британским и иностранным библейским обществом».

Стр. 340. à la Titus — как у римского императора Тита, то есть волосы были подстрижены коротко сзади и спереди.

Стр. 341. *С 1725 и до 1762 года...*— В это время в России было несколько дворцовых переворотов.

Ангальт-Цербстская принцесса...— Екатерина II.

Стр. 342. *Эспонтон* — род пики.

Стр. 343. *Казимодо* (Квазимодо) — персонаж романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери» (1831). Был необычайно уродлив.

Стр. 344. *Милорадович,* Михаил Андреевич (1771—1825) — русский государственный деятель, с 1818 года генерал-губернатор Петербурга, был смертельно ранен 14 декабря 1825 года декабристом П. Г. Каховским.

Арендт, Николай Федорович (1786—1859) — лейб-медик Николая I.

Стр. 345. *Ермолов,* Алексей Петрович (1772—1861) — русский генерал, соратник Суворова и Кутузова. Был подозреваем в связях с декабристами и в 1827 году смещен с поста командующего войсками на Кавказе.

...Рогнедой, плачущей на гробе Анастасии...— Герцен сравнивает Аракчеева, оплакивающего любовницу, с княжной Рогнедой, дочерью полоцкого князя. Ее против воли взял в жены великий князь Владимир.

...«усердие все превозмогает»...—девиз на гербе графа И. А. Клейнмихеля.

Стр. 350. *...накожного обращения униатов...*— Насильственное соединение униатов с православной церковью в 1839 году. *Униаты* — сторонники объединенной греко-католической церкви.

Муравьев, Андрей Николаевич (1806—1874) — автор «Путешествия к святым местам» (1830).

...духовного прозрения Гоголя... — Имеются в виду религиозно-мистические взгляды Гоголя в последние годы жизни.

Языков, Николай Михайлович (1803—1846/47) — русский поэт, в молодости друг А. С. Пушкина. *Ирмос* и *кондак* — виды церковных песнопений.

Стр. 351. *Ротган* (1785—1853) — католический священник-иезуит, живший в России, затем из нее изгнанный.

ПОВРЕЖДЕННЫЙ

Впервые опубликовано в сборнике «Прерванные рассказы Искандера», Лондон, 1854.

Стр. 353. *Погоди немного, //Отдохнешь и ты!* — Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Из Гете» («Горные вершины», 1840).

Стр. 355. *«...Ноздрев и Мижуев... едущие не в Заманиловку, а в Сан-Ремо».* — У Гоголя в «Мертвых душах» в Маниловку едет Чичиков, а не Ноздрев с Мижуевым.

Стр. 357. *...к Леонтию Васильевичу...* — Дубельту, управлявшему Третьим отделением.

Стр. 358 *Излер*, Иван Иванович (1811—1877) — владелец кондитерской в Петербурге. *«Пресса»* — парижская радикальная газета, выходившая с 1836 по 1866 год. *«Санкт-Петербургские ведомости»* — официальная газета, выходившая с 1728 по 1917 год

Стр. 361. *Кювье*, Жорж (1769—1832) — французский зоолог. *Гумбольдт*, Александр Фридрих Вильгельм (1769—1859) — немецкий ученый и путешественник.

Стр. 363 *Пелазги* — народ, когда-то живший на территории Греции.

Стр. 365. *Ост-индская компания* — торговая компания (1602—1798), имевшая монопольное право торговли в Юго-Восточной Азии. Была мощным орудием колонизаторской политики.

...«кавказско-городская»... — Герцен с юмором говорит о предложенной немецким ученым И.-Ф. Блуменбахом (1752—1840) классификации населения Земли. Среди называемых им рас была и «кавказская».

Стр. 366. *...Кондорсе... с своей книжкой...* — Имеется в виду труд Ж.-А Кондорсе (1743—1794) «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794).

Стр. 367. *Вертер* и *Шарлотта* — герои романа Гете «Страдания молодого Вертера» (1774).

Стр. 371. *...во Вторую адмиралтейскую.* — В полицейских частях, по просьбе помещиков, секли их крепостных.

ТРАГЕДИЯ ЗА СТАКАНОМ ГРОКА

Впервые опубликовано в газете «La Cloche», 1864, № 46 на французском языке, с подписью *Iskander*.

Стр. 376. *Тата* — старшая дочь писателя Наталья Александровна Герцен (1844—1936).

Стр. 378. *...при немецких задних дворах.*— Имеются в виду мелкие государства, существовавшие на территории Германии в середине XIX века.

...с видом Каратыгина в «Кориолане»...— Знаменитому русскому актеру В. А. Каратыгину (1802—1853) была присуща величественная осанка, особенно в таких ролях, как роль полководца Кориолана в одноименной трагедии Шекспира.

Стр. 379. *19 февраля 1861 года* — дата издания Указа об освобождении крестьян.

Стр. 380. *Кипсек* — роскошно изданный альбом рисунков, гравюр и т. д.

Джинватер — разбавленная водка. *Пиво draft* — мутное пиво. *Гафанаф* — смесь двух напитков, обычно портера и эля.

Стр. 380—381. *...о типперарском банкротстве...*— Имеется в виду крах банка в ирландском городе Типперери в 1855 году.

Стр. 382. *Людвиг-Филипп* (Луи-Филипп, 1773—1850) — король Франции, после революции 1848 года бежавший в Англию.

Стр. 383. *...я помню только двух: Езопа и Ж. Ж. Руссо...*— Эзоп, по преданию, был рабом; Руссо в молодости служил лакеем.

Маколей, Томас Бабингтон (1800—1859) — английский историк и государственный деятель.

Лингард, Джон (1769—1851) — английский историк.

СКУКИ РАДИ

Впервые опубликовано: главы I—XI в петербургской газете «Неделя», 1868, № 48; 1869, №№ 10 и 16, с подписью *И. Иноский.* Глава XII — в Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена под редакцией М. К. Лемке, т. XIV, Пб., 1920 и «Литературном наследстве», т. 61, М., Изд-во АН СССР, 1953.

Стр. 385. *Фан-Муйден* (1818—1898) — швейцарский художник.

Стр. 386. *Лонже*, Франсуа-Ахилл (1811—1871) — французский физиолог.

Стр. 388. *Прим*, Хуан (1814—1870) — испанский государственный деятель.

Ламорисьер, Луи-Кристоф (1806—1865) — французский военный министр. *Шангарнье*, Никола (1793—1877) — французский генерал. *Шаррас*, Жан-Батист-Адольф (1810—1865) — французский полковник.

Пелисье, Жан-Жак (1794—1864) — французский маршал.

Эскуриал — дворец испанских королей и их усыпальница.

Стр. 389. *...конгресс мира в Берне...*— Речь идет о втором конгрессе «Лиги мира и свободы», происходившем в 1868 году в Берне.

Стр. 391. *Споржен*, Чарльз (1834—1892) — английский протестантский проповедник.

Юмопатия — слово произведено от имени английского писателя Д. Юма.

Стр. 394. *...корнелевское «qu'il mourût»* («Пусть он умер!») — слова Горация-отца из трагедии Корнеля «Горации» (д. III, сцена 6).

Бюжо, Тома-Робер (1784—1849) — французский маршал.

Стр. 396 *Вефур* — владелец ресторана в Париже.

...в романе Альфреда де Виньи...— Речь идет о романе «Стелло, или Голубые бесы» (1832).

Стр. 397. *Трела*, Улис (1795—1879) — французский хирург и политический деятель.

Корменей (Кормене), Лун Мари де ла Гэ (1788—1868) — французский юрист и политический деятель.

В декабрьские дни 1851...— В это время состоялся ряд революционных выступлений, вызванных государственным переворотом Лун Бонапарта.

Стр. 398. *...«Рододендрон-Рододендрон»...*— Из стихотворения А. А. Фета «Рододендрон».

Стр. 399. *«Башмаков не успела она износить»...*— Слова Гамлета в одноименной трагедии Шекспира (д. 1, сцена 2).

Стр. 400. *Всякий может сделаться нравственным Митридатом и выносить яды жизни...*— Понтийский царь Митридат (132—63 до н. э.) принимал каждый день небольшие дозы ядов, чтобы приучить себя к ним.

Стр. 401. *Бульябес* — острое блюдо.

...cordon bleu!..— Игра слов: по-французски это означает и «важная персона» и «отличный повар».

Стр. 402. *Атрократия* — господство врачей. Слово придумано самим Герценом. *Франсия*, Хосе Гаспар Родригес (1766—1840) — президент Парагвайской республики в 1814—1840 годах.

Стр. 403. Au boeuf à la mode — ресторан в Париже.

Ларре, Доминик-Жан (1766—1842) — французский военный хирург.

Корвизар, Жан Никола (1755—1821) — лейб-медик Наполеона I.

Стр. 404. *...отомстить за 1814 и 1815 годы.*— Время крушения империи Наполеона I.

...отступившему полку под Лейпцигом...— В 1813 году войска России, Англии, Пруссии, Австрии, Швеции нанесли поражение войскам Наполеона.

Стр. 408. *Отель Дье* — главный госпиталь Парижа.

Ван-Дик (Ван-Дейк), Антонис (1599—1641) — фламандский художник.

Сарто, Андреа дель (1486—1530 или 1531) — итальянский художник.

Стр. 415. *Каподистрия*, Иоанн (1776 -1831) — греческий политический деятель. *Кабардинская* (кабаргинская) *струя* — мускус.

Стр. 416. *Кальвин*, Жан (1509—1561) — деятель церковной реформации в Швейцарии.

Стр. 419. *.. в «Фосте» Гуно...*— Герцен дает название оперы «Фауст» во французском произношении.

Стр. 420. *Свиццеры* — папские наемные войска, состоявшие из уроженцев Швейцарии.

...стрелявшие по народу...— Швейцарские войска защищали власть Людовика XVI.

«Père Duchesne» и «Друг народа» — революционные газеты периода Французской революции XVIII века.

Сервет, Мигель (1509 или 1511—1553) — испанский врач и философ, был сожжен за критику христианской церкви.

Первый консул — Наполеон Бонапарт.

Sambre et Meuse — один из департаментов Франции времен республики и Первой империи.

Стр. 421. *Талейран-Перигор*, Шарль Морис (1754—1838) — французский дипломат и политический деятель.

Вильгельм Телль — легендарный борец за освобождение Швейцарии от австрийского ига.

Штейн, Генрих-Фридрих (1757—1831) — прусский политический деятель и дипломат. *Каннинг* (Каннинг), Джордж (1770—1827) — английский политический деятель.

Меттерних, Клеменс (1773—1859) — австрийский государственный деятель.

Сталь, Анна Луиза Жермена (1766—1817) — французская писательница.

Кандоль, Огюстен Пирам (1778—1841) — швейцарский ботаник. *Росси*, Пеллегрино Луиджи Одоардо (1787—1848) — итальянский экономист.

Pont des Bergues — мост в Женеве.

Стр. 422. *...кулмский герой...*— А. И. Остерман-Толстой. Отряд под его командой отразил у чешского селения Кулмы (1813) попытку французских войск прорваться в долину.

Фази, Джемс (Жан Жак) (1794—1878) — швейцарский политический деятель и публицист.

Стр. 424. *...гарпагонов...*— Гарпагон, герой комедии Мольера «Скупой» (1668). Его имя стало нарицательным.

Галер, Альберт (1816—1851) — швейцарский политический деятель.

Стр. 425. *...гоголевскому «съездить под никитки»...*— См. «Мертвые души», том I, глава IX

Стр. 427. *О Селифан, Селифан... ты не сказал об этом!* — См. «Мертвые души», том I, глава XI.

Стр. 428. *«Фо батье»... и готов сдуру вести au poste...*—Искаженное французское выражение: «Vos papiers» («Ваши документы»), au poste — в полицейский участок.

ДОКТОР, УМИРАЮЩИЙ И МЕРТВЫЕ

Впервые опубликовано в «Сборнике посмертных статей Александра Ивановича Герцена», Женева, 1870.

Стр. 430. *Гиперборец* — по древнегреческим легендам, житель Севера; здесь — русский.

...с 2 декабря не бывало.— 2 декабря 1851 года Луи Бонапарт произвел государственный переворот.

Монтескье, Шарль Луи барон де Секонда (1689—1755) — французский философ, писатель.

...le grand tzar hyperboréen — Петр I.

...туранцами...— Имеется в виду лженаучная теория о туранском (от Туранского нагорья в Средней Азии) происхождении русских.

Стр. 431. *...пошли в какую-то Самарканду...*— Русские войска вошли в Самарканд в мае 1868 года.

...«gratiez un Russe»...— Начало фразы, приписываемой фран-

цузской писательнице Ж. де Сталь: «Поскребите русского и вы найдете татарина».

Стр. 432. *...понтийские болота...*— находятся в Италии.

...книгу Кетле...— Речь идет о труде «Исследование склонности к преступлениям» бельгийского ученого А. Кетле (1796—1874).

Ламартин, Альфонс (1791—1869) — французский писатель, историк, политический деятель.

...Возвратились... к вашим баранам.— «Вернемся к нашим баранам», то есть к предмету разговора. Фраза из комедии неизвестного автора «Адвокат Патлен» (XV век).

Стр. 433. *Иродиада* — дочь царя Ирода (I век до н. э.) сравнивается со знаменитой куртизанкой Нинон Ланкло (1620—1705).

Стр. 434. *Малибран*, Мария Фелиция (1808—1836) — французская певица.

«Figaro si, Figaro là» — ария Фигаро из оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник» (1816).

...кодекс, писанный Камбасересом...— Ж.-Ж.-Р. Камбасерес (1753—1844) участвовал, по поручению Конвента, в составлении проекта гражданского кодекса; позже участвовал в составлении Кодекса Наполеона.

Бруссе, Франсуа-Жозеф-Виктор (1772—1838) — французский врач.

...при короле-гражданине...—При Луи-Филиппе.

Стр. 436. *Мирабо*, Оноре Габриель Рикетти (1749—1791); *Дантон*, Жорж Жак (1759—1794); *Мара* — Марат, Жан-Поль (1743—1793); *Гош*, Лазар (1768—1794); *Марсо*, Франсуа-Северен (1769—1796) — деятели Французской революции конца XVIII века

Блан, Луи (1811—1882) — французский социалист, политический деятель.

Стр. 437. *...«падшего ангела»...*— Речь идет о поэме Ламартина «Падение ангела» (1838).

Гарнье-Пажес, Этьен-Жозеф-Людовик (1801—1841) — французский политический деятель.

...Каваньяк не Годефруа...— то есть не Годефруа Каваньяк, участник революции 1830 года, а его брат Эжен, генерал, подавивший восстание в Париже в июне 1848 года.

«Буржский процесс» — судебный процесс 1849 года в городе Бурже над участниками революционной демонстрации 1848 года в Париже.

Бошар, Александр Кентен (1809—1887) — французский политический деятель.

Стр. 438. *Hôtel Dieu* — см. примечание к с. 408.

Прудон, Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский публицист, социолог, экономист.

Стр. 440. *...по делу «последних римлян».*— Речь идет о деле якобинцев Ш.-Ж. Ромма, Ж.-М. Гужона и др. (1795).

Кабарюс (Кабаррюс), Тереза (1773—1835) — хозяйка политического салона; *Баррас*, Поль (1775—1829) — французский политический деятель; они сыграли значительную роль в контрреволюционном перевороте 9 термидора, так же как и *Тальен*, Жан-Ламберт (1769—1820).

«Наполеон больше и больше просвечивал сквозь Бонапарта»...— Цитата из стихотворения В. Гюго «Этому веку было два года...».

...какого-то нивоза ап VIII или IX... — По французскому революционному календарю (1793), нивоз — четвертый месяц VIII или IX года республики.

Стр. 442. *...Павел оставил этот город...* — 12 марта 1801 года Павел I был задушен заговорщиками.

Монтаньяры — представители левых политических групп в Конвенте.

Стр. 443. *...дело Барбеса и Бланки...* — Восстание 12 мая 1839 года в защиту республики, организованное Л. О. Бланки и А. Барбесом.

Mont Saint Michel — крепость, служившая тюрьмой.

Мария-Амелия (1782—1866) — жена Луи-Филиппа.

Стр. 444. *...meringue russe* — сорт пирожных.

Стр. 446. *«Монитер»* (1789—1869) — французская правительственная газета.

Стр. 448. *Принц Беневентский* — Талейран, см. примечание к с. 421. *Конкордат* — здесь речь идет о договоре 1801 года, который обеспечивал привилегии католической церкви во Франции.

Давид, Жак Луи (1748—1825) — французский художник; одно время настроенный революционно, впоследствии стал придворным художником Наполеона I.

Стр. 449. *...великого мученика...* — Иисуса Христа.

Лойола, Игнатий (1491—1556) — основатель ордена иезуитов.

Стр. 450. *...дело банкета...* — Запрещение правительством банкетов, так как на них часто звучали антиправительственные выступления, стало одним из поводов начала восстания 1848 года во Франции.

Бертран и *Робер Макер* — персонажи комедии «Робер Макер» (1834) Б. Антье и Ф. Леметра.

Стр. 452. *Аффр*, Дени-Август (1793—1848) — архиепископ парижский.

Стр. 453. *В 49 году 13 июня...* — В этот день в Париже состоялась демонстрация протеста против нарушения конституции 1848 года.

Стр. 455. *Вандемьер* — первый месяц французского революционного календаря. *Корсиканец* — здесь: Наполеон I, в вандемьере 1795 года подавивший восстание французских монархистов.

...залп на бульваре. — Расстрел народной демонстрации 23 февраля 1848 года.

Стр. 456. *«Лукреция Борджиа»* — героиня одноименной драмы Гюго. Историческая Лукреция, дочь папы Александра VI, отличалась вероломством и безнравственностью.

Марраст, Арман (1801—1852) — французский политический деятель.

Стр. 458. *«Насиональ»* (1830—1851) — французская газета.

Стр. 459. *Косидьер* (Коссидьер), Марк (1809—1861) — французский политический деятель, участник революции 1848 года.

Стр. 460. *Паньер*, Лоран Антуан (1805—1854) — издатель, участник революции 1848 года во Франции.

Стр. 465. *Барро* (Баро), Одиллон (1791—1873) — французский государственный деятель; возглавил правительство после разгрома революции 1848 года.

Г. Г. Елизаветина

Б. Н. ПОЛЕВОЙ

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

ТАШКЕНТ «УЗБЕКИСТАН» 1985

Р2
П49

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая 3
Часть вторая 76
Часть третья 162
Часть четвертая 233
Послесловие 280

Борис Полевой

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Перепечатано с издания издательства «Художественная литература», М., 1952

Редактор Л. Белов.

Ответственный за выпуск Д. Г. Остроумова

Художник Ш. Булгаков
Художественный редактор Б. Хайбуллин
Технический редактор С. Сабирова
Корректор Г. Волкова

ИБ № 3396

Сдано в набор 22.10.84. Подписано в печать 29.05.85. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская №2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 15,12. Усл. кр. отт. 15,75. Уч.-изд. л. 16,25. Тираж 250000. Заказ №722. Цена 1 руб. 20 коп.

Издательство «Узбекистан»

вальцем походкой он уже входил ко мне. Четыре военных года почти не изменили его.

— ...Я вчера сижу дома, читаю, радио включено, но я увлекся и не слушаю, что там передают. Вдруг подходит взволнованная мама, показывает на приемник и говорит: «Послушай, сынок, это же про тебя». Прислушался — верно, про меня: передают о том, что со мной было. Я удивился: кто это мог написать? Ведь я вроде никому не рассказывал об этом. И вдруг вспомнилась наша встреча под Орлом и как я вам в землянке всю ночь не давал спать своими рассказами... Думаю: как же так, это же было давно, почти пять лет назад. Но зачитали отрывок, назвали автора, и вот решил я вас разыскать...

Все это он пояснил залпом, улыбаясь своей широкой, чуть-чуть застенчивой, прежней маресьевской улыбкой.

Как всегда бывает при встрече двух давно не видевших друг друга военных, заговорили о боях, об общих знакомых офицерах, добрым словом помянули тех, кто не дожил до победы. О себе Алексей Петрович рассказывал по-прежнему неохотно, и выяснил я, что он еще много и удачно повоевал. Вместе со своим гвардейским полком проделал он боевую кампанию 1943—1945 годов. После нашей встречи он сбил под Орлом три самолета, а потом, участвуя в сражениях за Прибалтику, увеличил свой боевой счет еще на две машины. Словом, он щедро расквитался с немцами за свои утраченные в бою ноги. Правительство присвоило ему звание Героя Советского Союза.

Рассказал Алексей Петрович и о своих домашних делах, и я рад, и в этом отношении могу дописать к повести счастливый конец.

Закончив войну, он женился на любимой девушке, и у них родился сын Виктор. Из Камышина к Маресьевым приехала его старушка мать, которая сейчас живет с ними, радуясь на счастье своих детей и нянчая маленького Маресьева.

Так сама жизнь продолжила сейчас эту написанную мной на чужбине повесть об Алексее Маресьеве — Настоящем Советском Человеке.

Нюрнберг — Москва. 1964 г.

мной случилось восемнадцать месяцев назад и что, каюсь, и очень каюсь, я скрывал от тебя. А вот сегодня, наконец, решил...»

Алексей задумался. За досками, которыми была обшита землянка, осыпая сухой песок, попискивали мыши. В незакрытый ходок вместе со свежим и влажным запахом берез и цветущих трав доносились чуть приглушенные неистовые соловьиные трели. Где-то невдалеке, за оврагом, наверное у палаток офицерской столовой, мужской и женский голоса согласно и задумчиво пели «Рябину». Смягченная расстоянием мелодия ее обретала в ночи особую, нежную прелесть, будила в душе радостную грусть — грусть ожидания, грусть надежды...

Отдаленные, глухие громы канонады, теперь уже едва-едва долетавшие до полевого аэродрома, сразу очутившегося в глубоком тылу, не заглушали ни этой мелодии, ни соловьиных трелей, ни тихого, дремотного шелеста ночного леса.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В дни, когда Орловская битва близилась к своему победному концу и передовые полки, наступавшие с севера, уже сообщали, что они видят с Красногорской возвышенности горящий город, в штаб Брянского фронта поступило сообщение, что летчики гвардейского истребительного полка, действовавшего в том районе, за девять последних дней сбили сорок семь самолетов противника. Потеряли они при этом пять машин и только трех человек, так как двое из сбитых выбросились на парашютах и пешком добрались до своего полка. Даже для тех дней бурного наступления Красной Армии такая победа была необычной. На связном самолете я вылетел в этот полк, намереваясь написать в «Правду» о подвигах летчиков-гвардейцев.

Аэродром полка оказался расположенным на обычном крестьянском выгоне, с которого кое-как были срезаны кочки и кротовые кучи. Как глухариный выводок, самолеты прятались на опушке молодого березового леска. Словом, это был обычный полевой аэродром тех бурных военных дней.

Мы приземлились на нем под вечер, когда полк заканчивал большой страдный день. У Орла немцы особенно «активничали» в воздухе. Истребителям пришлось совершить в этот день семь боевых вылетов. Уже на закате последние звенья возвращались из восьмого. Командир полка, маленький, туго перепоясанный ремнем, загорелый, быстрый человек в новеньком синем комбинезоне, с идеальным пробором, честно признался, что ничего связного рассказать мне сегодня не в состоянии, что он с шести часов утра на аэродроме, сам трижды поднимался в воздух и теперь сдва стоит от усталости. Да и остальным командирам в этот день было не до газетных интервью. Я понял, что придется повременить до завтра, да и возвращаться было все равно поздно. Солнце уже легло на вершины берез, облив их расплавленным золотом своих лучей.

Садились последние машины. Не выключая моторов, с ходу подруливали они прямо к леску... Механики на руках развертывали их. Только когда самолет уже стоял в зеленой, обложенной дерном земляной подковке капонира, из кабины медленно вылезали бледные, усталые летчики.

Последним прилетел самолет командира третьей эскадрильи. Открылся прозрачный колпак кабины. Сна-

чала оттуда вылетела и упала на траву большая, черного дерева палка, облепленная золотыми монограммами. За тем загорелый широколицый черноволосый человек быстро поднялся на крепких руках, ловко перенес свое тело через борт, опустил на крыло и потом тяжело слез на землю. Кто-то сказал мне, что это лучший летчик полка. Чтобы не терять попусту вечера, я решил сейчас же поговорить с ним. Отлично помню, как, весело глядя мне прямо в лицо живыми черными, цыганскими глазами, в которых непогашенный мальчишеский задор странно сочетался с усталой мудростью бывалого, много пережившего человека, он сказал, улыбаясь:

— Помилосердствуйте! Честное слово, с ног валюсь. В ушах гудит. Вы кушали? Нет? Ну и отлично! Пойдемте в столовку, поужинаем вместе. У нас за сбитый самолет к ужину двести граммов водки подают. Мне сегодня причитается четыреста. Как раз на двоих хватит. Ну что же, пошли? За столом и потолкуем, если вам не терпится.

Я согласился. Уж очень мне понравился этот открытый, веселый человек. Мы двинулись по тропке, протоптанной летчиками, напрямик, через лес. Новый знакомый шел быстро, порой нагибался, чтобы сорвать на ходу черничину или поймать в горсть гроздь бело-розовых ягод брусники, которую он тут же бросал в рот. Должно быть, он очень устал сегодня, так как ступал тяжело. Но на странную палку свою он не опирался. Она висела у него на локте, и лишь изредка он брал ее в руку, чтобы сшибить мухомор или ударить по розовым султанчикам иван-чая. Когда мы, переходя овраг, поднимались на крутой, скользкий, глинистый склон, летчик взбирался медленно, помогая себе тем, что подтягивался руками за кусты. Но на палку так и не оперся.

Впрочем, в столовой усталость с него, как ветром, сдуло. Он сел у окна, в котором виднелся холодный красный закат, по приметам летчиков предвещавший на завтра ветер; жадно, с шумом выпил большую кружку воды, пошутил с хорошенькой кудрявой официанткой о каком-то своем, находящемся в госпитале приятеле, из-за которого та будто бы пересаливала всем супы. Ел он с аппетитом, много, крепкими зубами с хрустом обгладывал кости бараньего бока. Перешучивался через стол с товарищами, выспрашивал у меня московские новости, интересовался новинками литературы и постановками в московских театрах, где он, по его словам, ни разу, увы, не бывал. Когда

мы досли третье — черничный кисель, называвшийся здесь «грозовые облака»,— он спросил:

— Вы, собственно, где ночуете? Нигде? Ну и отлично, ночуйте в моей землянке! — Он на минуту нахмурился и, помолчав, глухо пояснил: — Сосед мой сегодня... не вернулся с задания... Стало быть, лежак свободен. Свежее белье найдется, идемте.

Он был, видимо, из тех, кто любит людей, кого неудержимо тянет поболтать со свежим человеком и обязательно выспросить у него все, что тот знает.

Я согласился. Мы пришли в овраг, по обоим скатам которого в пахнущих прелым листом и грибной сыростью дебрях малинника, медуницы, иван-чая были нарыты землянки.

Когда полоска копотного пламени разгорелась в самодельной лампе-«сталинградке» и осветила землянку, помещение оказалось довольно просторным, уютно обжитым. В нишах глиняных стен, на матрацах, сделанных из набитых свежим душистым сеном плащ-палаток, были две аккуратные постели. Молодые березки с не завядшей еще листвой стояли по углам, как объяснил летчик, «для духу». Над постелями в земле были вырыты ровные уступы; там, на подстилках из газет, лежали стопки книг, умывальные, бритвенные принадлежности. У изголовья одной постели смутно виднелись две фотографии в самодельных затейливых рамках из прозрачного плексигласа. Такие рамки в дни затишья во множестве вытачивали от скуки из обломков вражеских самолетов разные полковые умельцы. На столе стоял прикрытый лопушком солдатский котелок, полный лесной малины. От малины, от свежих березок, от сена, от еловых веток, которыми был застлан пол, шел такой веселый, густой, жизнерадостный запах, а в землянке царила такая славная влажная прохлада, так убаюкивающе звенели в овраге кузнечики, что, сразу почувствовав во всем теле приятную усталость, мы с хозяином решили отложить до утра и разговоры и малину, за которую было принялись.

Летчик вышел наружу, и было слышно, как он шумно чистит зубы, обливается холодной водой, крякая, фыркая на весь лес. Он вернулся веселый и свежий, с каплями воды на бровях и волосах, опустил фитиль в лампе и стал раздеваться. Что-то тяжело грохнуло об пол. Я оглянулся и увидел такое, чему сам не поверил. Он оставил на полу свои ноги. Безногий летчик! Летчик-истребитель! Летчик, только сегодня совершивший семь боевых вылетов

и сбивший три самолета! Это казалось совершенно невероятным.

Но ноги его, точнее говоря — протезы, ловко обутые в ботинки военного образца, валялись на полу. Нижние концы их торчали из-под койки и были похожи на ноги прячущегося там человека. Должно быть, взгляд у меня в эту минуту был очень озадаченный, так как хозяин, посмотрев на меня, спросил с хитрой, довольной улыбкой:

— Неужели вы раньше не заметили?

— Даже в голову не пришло.

— Вот хорошо! Вот спасибо! Удивляюсь только, как вам никто не рассказал. У нас в полку столько же асов, сколько и звонарей. Как это они нового человека, да еще из «Правды», прозевали и не похвалились такой диковинкой? Это потому, что сегодня вымотались все так...

— Но ведь это небывалое дело. Это же черт знает какой подвиг: без ног сражаться на истребителе! История авиации ничего подобного еще не знает.

Летчик весело свистнул:

— Ну, история авиации!.. Она много чего не знала, да узнала от советских летчиков в эту войну. Да и что тут хорошего? Можете поверить, что я с большим бы удовольствием летал с настоящими, а не с этими вот ногами. Но что поделаешь? Так сложились обстоятельства.— Летчик вздохнул.— Впрочем, если быть точным, подобные примеры история авиации все-таки знает.

Порывшись в планшете, он вынул оттуда вырезку из какого-то журнала, совершенно истертую, расползавшуюся на сгибах и бережно подклеенную к листу целлофана. В ней говорилось о летчике, который летал без ступни.

— Но ведь у него одна нога все-таки была здоровой? Потом, он не истребитель, он же летал на допотопном «фармане».

— Зато я советский летчик. Только не подумайте, что я хвастаюсь, это не мои слова. Их сказал мне однажды один хороший, настоящий,— он особенно подчеркнул слово «настоящий»,— человек... Он теперь умер.

На широком энергичном лице летчика появилось выражение ласковой, хорошей грусти, глаза засветились тепло и ясно, лицо помолодело сразу лет на десять, стало почти юношеским, и я с удивлением убедился, что хозяину моему, казавшемуся минуту назад человеком средних лет, едва ли было двадцать два-двадцать три года.

— Я не перевариваю, когда начинают спрашивать что, да когда, да как... А вот сейчас все вдруг вспомнилось...

Вы тут человек посторонний, завтра попрощаемся и больше не встретимся, наверное... Хотите, я расскажу вам историю с моими ногами?

Он сел на койке, натянул до подбородка одеяло и стал рассказывать. Он словно думал вслух, совершенно забыв о собеседнике, но говорил интересно, образно. Чувствовались в нем тонкий ум, острая память и большое, хорошее сердце. Сразу поняв, что услышу что-то очень значительное, небывалое, чего потом больше уже никогда и не узнаешь, я схватил лежавшую на столе ученическую тетрадку с надписью «Дневник боевых полетов третьей эскадрильи» и стал записывать его рассказ.

Ночь незаметно ползла над лесом. Потрескивала, сипела на столе коптилка. Уже много неосторожных ночных бабочек, опаливших серые крылышки, валялось вокруг нее. Сначала ночной ветерок доносил до нас пиликанье гармошки. Потом гармошка смолкла, и только шумы ночного леса — резкие вопли выпи, далекий стон филина, надсадная лягушечья колготня на соседнем болотце да пиликанье кузнечиков — сопровождали мерный звук хрипловатого задумчивого голоса.

Удивительная повесть этого человека так захватила меня, что я старался записывать ее как можно подробнее. Исписал одну тетрадку, нашел на полочке вторую, исписал ее и не заметил, как побледнело небо в узкой прорези земляного ходка. Алексей Мересьев довел свой рассказ до того дня, когда, сбив три немецких самолета из воздушной дивизии «Рихтгофен», он снова ощутил себя полноправным и полноценным летчиком.

— Эх, проболтали мы с вами, а мне завтра с утра летать,— перебил он себя на полуфразе.— Заговорил я вас? Извините. А теперь — спать.

— Ну, а как же Оля? Что она вам ответила? — спросил я и тут же спохватился: — Впрочем, может быть, этот вопрос вам неприятен, тогда не отвечайте, пожалуйста.

— Нет, отчего же! — усмехнулся он.— Мы с ней оба большие чудаки. Видите ли, оказалось, что она все знала. Приятель мой, Андрей Дегтяренко, сразу же написал ей — сначала о катастрофе, а потом, что мне ноги отняли. Но она, видя, что я почему-то скрываю, решила, что мне тяжело говорить, и все время делала вид, будто ничего не знает. И вышло — обманывали мы друг друга невесть зачем. Хотите на нее взглянуть?

Он прибавил в коптилке фитиля и поднес ее к фотографиям в затейливых рамках из плексигласа, висевшим

у его изголовья. На одной, любительской, почти совсем выгоревшей и затертой, можно было с трудом разобрать девушку, беззаботно улыбавшуюся в цветах летнего луга. С другой — строго смотрело худое, сосредоточенное, умное лицо той же девушки в форме младшего техника-лейтенанта. Была она такая миленькая, что в военной форме напоминала хорошенького мальчика-подростка, только у подростка этого были усталые, не по-юношески проницательные глаза.

— Вам она нравится?.. И мне тоже,— добродушно усмехнулся он.

— Ну, а Стручков, где он теперь?

— Не знаю. Последнее письмо от него получил зимой из-под Великих Лук. Тогда воевал...

— А танкист этот... как его?..

— Гриша Гвоздев? Он теперь майор. Участвовал в знаменитом сражении у Прохоровки, а потом в танковом прорыве тут на Курской дуге. Рядом воюем и не встретились. Танковым полком командует. Сейчас что-то замолчал. Ну ничего, найдется, живы будем. А что нам не жить?.. Ну спать, спать: уже утро.

Он дунул на пламя коптилки. Наступила полутьма, уже разжиженная белесым хмурым рассветом, зазвенели комары, которые составляли, пожалуй, единственное неудобство этого славного лесного жилья.

— Мне бы очень хотелось написать о вас в «Правду».

— Что же, напишите,— без особого энтузиазма согласился летчик и минуту спустя уже сонным голосом добавил: — А может, не стоит? Попадет Геббельсу, раздует кадило: дескать у русских безногие воюют, то-се... Фашисты на это мастера.

Через мгновение он уже сочно похрапывал. А я спать не мог. Неожиданная исповедь потрясла меня своей простотой и величием. Все это могло бы показаться хорошей сказкой, если бы сам герой ее не спал тут вот рядом и протезы его не валялись на полу, запотевшие от росы, четко видные в белесом свете начинавшегося дня...

...С тех пор я не встречал Алексея Маресьева, но повсюду, куда не бросала меня военная судьба, возил я с собой две ученические тетрадки, на которых еще под Орлом записал необыкновенную одиссею этого летчика. Сколько раз во время войны, в дни затишья и после, скитаясь по странам освобожденной Европы, принимался я за очерк о нем и каждый раз откладывал работу, потому

что все, что удавалось написать, казалось лишь бледной тенью его жизни!

Но вот в Нюрнберге присутствовал я на заседании Международного военного трибунала. Шел к концу допрос Германа Геринга. Дрогнув под тяжестью документальных улик, прижатый к стене вопросами советского обвинителя, «второй нации Германии» неохотно, сквозь зубы, рассказал суду о том, как в битвах на необъятных просторах моей Родины под ударами Красной Армии таяла и разваливалась гигантская армия фашизма, до тех пор не знавшая поражений. Оправдываясь, Геринг поднял к небу тусклые белесые глаза: «Такова была воля провидения».

— Признаете ли вы, что предательски напав на Советский Союз, вследствие чего Германия оказалась разгромленной, вы совершили величайшее преступление? — спросил Геринга советский обвинитель Роман Руденко.

— Это не преступление, это роковая ошибка,— глухо ответил Геринг, хмуро опуская глаза.— Я могу признать только, что мы поступили опрометчиво, потому что, как выяснилось в ходе войны, мы многого не знали, а о многом не могли и подозревать. Главное, мы не знали и не поняли советских русских. Они были и останутся загадкой. Никакая самая хорошая агентура не может раскрыть истинного военного потенциала Советов. Я говорю не о числе пушек, самолетов и танков. Это мы приблизительно знали. Я говорю не о мощи и мобильности промышленности. Я говорю о людях, а русский человек всегда был загадкой для иностранца. Наполеон тоже его не понял. Мы лишь повторили ошибку Наполеона.

Мы с гордостью услышали вынужденное «откровение» о «загадочном русском человеке», о «неведомом военном потенциале» нашей Родины. Можно было верить, что советский человек, способности, таланты, самоотверженность и мужество которого так поразили весь мир в дни войны, для всех этих герингов действительно был и остался роковой загадкой. Да и где было им, изобретателям жалкой «теории» о немецкой «расе господ», понять душу и мощь человека, выросшего в социалистической стране! И мне вдруг вспомнился Алексей Маресьев. Подлузабытый образ его ярко и неотвязно вставал передо мной тут, в этом строгом, облицованном дубом зале. И захотелось здесь же, в Нюрнберге, в городе, который был колыбелью нацизма, рассказать об одном из миллионов простых советских людей, разбивших армии Кейтеля,

воздушный флот Геринга, хоронивших на дне морском корабли Редера и своими могучими ударами разрушивших разбойничье государство Гитлера.

Ученические тетрадки в желтых обложках, на одной из которых маресьевским почерком было выведено: «Дневник боевых полетов третьей эскадрильи», прибыли со мной и в Нюрнберг. Вернувшись с заседания трибунала, я принялся разбирать старые записи и снова засел за работу, пытаясь правдиво рассказать об Алексее Маресьеве все, что знал с его слов.

Многое в свое время я не успел записать, многое за четыре года потерялось в памяти. Многое, по скромности своей, умолчал тогда Алексей Маресьев. Пришлось додумывать, дополнять. Стерлись в памяти портреты его друзей, о которых тепло и ярко рассказывал он в ту ночь. Их пришлось создавать заново. Не имея здесь возможности строго придерживаться фактов, я слегка изменил фамилию героя и дал новые имена тем, кто сопутствовал ему, кто помогал ему в трудном пути его подвига. Пусть не обидятся они на меня, если узнают себя в этом повествовании.

Я назвал книгу «Повесть о настоящем человеке», потому что Алексей Маресьев и есть настоящий советский человек, которого никогда не понимал, да так и не понял до самой своей позорной смерти Герман Геринг, которого не понимают до сих пор и все те, кто склонен забывать уроки истории, кто и теперь еще втайне мечтает пойти по пути Наполеона и Гитлера.

Так возникла эта «Повесть о настоящем человеке».

После того как книга эта была написана и приготовлена к печати, мне захотелось перед публикацией познакомить с ней ее главного героя. Но он бесследно затерялся для меня в путанице бесконечных фронтовых дорог, и ни наши общие друзья-летчики, ни официальные источники, к которым я обращался, не смогли мне помочь отыскать Алексея Петровича Маресьева.

Повесть уже печаталась в журнале, ее читали по радио, когда однажды утром у меня позвонил телефон.

— Мне бы хотелось с вами встретиться,— зазвучал в трубке хрипловатый, мужественный, как будто знакомый, но уже позабытый голос.

— А с кем я разговариваю?

— С гвардии майором Алексеем Маресьевым.

А через несколько часов, быстрый, веселый, все такой же деятельный, своей медвежеватой, чуть-чуть с раз-

вальцем походкой он уже входил ко мне. Четыре военных года почти не изменили его.

— ...Я вчера сижу дома, читаю, радио включено, но я увлекся и не слушаю, что там передают. Вдруг подходит взволнованная мама, показывает на приемник и говорит: «Послушай, сынок, это же про тебя». Прислушался — верно, про меня: передают о том, что со мной было. Я удивился: кто это мог написать? Ведь я вроде никому не рассказывал об этом. И вдруг вспомнилась наша встреча под Орлом и как я вам в землянке всю ночь не давал спать своими рассказами... Думаю: как же так, это же было давно, почти пять лет назад. Но зачитали отрывок, назвали автора, и вот решил я вас разыскать...

Все это он пояснил залпом, улыбаясь своей широкой, чуть-чуть застенчивой, прежней маресьевской улыбкой.

Как всегда бывает при встрече двух давно не видевших друг друга военных, заговорили о боях, об общих знакомых офицерах, добрым словом помянули тех, кто не дожил до победы. О себе Алексей Петрович рассказывал по-прежнему неохотно, и выяснил я, что он еще много и удачно повоевал. Вместе со своим гвардейским полком проделал он боевую кампанию 1943—1945 годов. После нашей встречи он сбил под Орлом три самолета, а потом, участвуя в сражениях за Прибалтику, увеличил свой боевой счет еще на две машины. Словом, он щедро расквитался с немцами за свои утраченные в бою ноги. Правительство присвоило ему звание Героя Советского Союза.

Рассказал Алексей Петрович и о своих домашних делах, и я рад, и в этом отношении могу дописать к повести счастливый конец.

Закончив войну, он женился на любимой девушке, и у них родился сын Виктор. Из Камышина к Маресьевым приехала его старушка мать, которая сейчас живет с ними, радуясь на счастье своих детей и нянчая маленького Маресьева.

Так сама жизнь продолжила сейчас эту написанную мной на чужбине повесть об Алексее Маресьеве — Настоящем Советском Человеке.

Нюрнберг — Москва. 1964 г.

Литературно-художественное издание

ГАЙДАР АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ

ВОЕННАЯ ТАЙНА

Составитель
Гайдар Тимур Аркадьевич

Редактор
Н. А. Преснова

Оформление художника
Е. В. Шворака

Художественный редактор
Н. Н. Каминская

Технический редактор
К. И. Заботина

ИБ 2198

Сдано в набор 23.06.89. Подписано к печати 11.09.89.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 24,78. Уч.-изд. л. 25,40.
Тираж 500 000 экз. (2-й завод: 250 001—500 000).
Заказ № 9-1964. Цена 2 руб.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии изд-ва «Социалистична Харьковщина», Харьковского обкома Компартии Украины.
310037, Харьков, ГСП, Московский проспект, дом 247.

Тимур ГАЙДАР

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Трофейная самоходная баржа отчалила от пристани Киева вечером. Предвидя холодную ночь, пассажиры заняли места в трюме. Разговоры постепенно стихли. Лишь тарахтел дизель, и шлепала по черному железному борту волна. Переступая через поклажу и спящих, я бродил от кормы к носу и обратно.

— Эй, морячок! Старшина! — окликнули с мостика.— Давай сюда.

В рубке было тепло и накурено.

— В отпуск? — спросил капитан.

— Хоронить отца.

— В Черкассы?

— Нет, в Канев.

— Опаздываешь? К утру дотопаем.

Может он прибавил обороты или стоянки оказались короче, но каменные быки взорванного моста прогляну-ли еще до рассвета. «Прямой и узкий, как лезвие штыка...» — писал о нем в своем фронтовом очерке Аркадий Гайдар.

Теперь, лишенные железной сбруи рельсов и ферм, опоры моста брели через Днепр нестройно, как стадо. Когда баржа пересекала их створ, я попытался прикинуть, где в августе — сентябре сорок первого года окопался батальон пехоты, где стояла зенитная батарея.

«Луга — пехота — молчат и напряженно наблюдают за боем.

Но гора — зенитчики — в гневе. Гора защищает мост всей мощью и силой своего огневого шквала...»

Попрощавшись с капитаном, я пошел к той горе, к розоватым на рассвете мазанкам Канева.

Стоял сентябрь сорок седьмого года, и я не сказал капитану, что опоздал почти на шесть лет.

* * *

Данила Голиков, крепостной князей Голицыных, двадцати годов был отдан в рекруты, в сорок пять стал вольным человеком, получил надел, начал крестьянствовать. Как ни тяжела была служба, вспоминал и хорошее: друзей, удачные стрельбы, костры на бивуаках... Слова «солдат», «солдатское» произносились в доме с уважением.

Сын Данилы — Исидор научился столярничать. Женившись, перебрался в ближний от родного села городок Щигры. Мастер был отменный.

Насколько известно, первым из рода пошел в школу, а затем решил учиться дальше сын Исидора Даниловича и Натальи Осиповны Голиковых — Петр.

В 1899 году окончив семинарию, Петр Голиков, приезжает в город Льгов в начальное училище при сахарном заводе. Вместе с ним — жена Наталья Аркадьевна, в девичестве Салькова.

Сальковы не были ни знатны, ни богаты. Но род старый, служивый. Первым в древних документах значится Захарий Салькoв — в 1613 году воевода в городе Парфентьеве. Затем упоминаются многие Сальковы, главным образом офицеры в армии и на флоте.

Корни этого рода — в северных областях России, неподалеку от Галича. Там Сальковы и породнились с Лермонтовыми, после того как Георг Лермонт перешел в 1613 году с отрядом рейтаров на русскую службу. Прапрадед Михаила Юрьевича Лермонтова был родным братом пра-пра-прадеда Аркадия Салькова.

Согласия на брак своей дочери Натальи с «простолюдином» Петром Голиковым поручик Аркадий Гениадиевич Салькoв не дал. Но тут, как говорится, нашла коса на камень. Наталья Аркадьевна пошла под венец без родительского благословения.

Правда, четыре года спустя попытку помириться с отцом она сделала. Когда 9 (22) января 1904 года у супругов Голиковых родился первенец, его в честь деда нарекли Аркадием. Но штабс-капитан свою непослушную дочь не простил, на внука взглянуть не пожелал.

В поселке сахарного завода Голиковы прожили восемь лет. Здесь у Аркадия появились сестры, в 1905-м Наташа, три года спустя — Ольга. В семье это время вспоминалось счастливой порой.

Жили небогато, но в любви и дружбе. Много работали, много читали. Книг в доме всегда было в достатке. Характер у Петра Исидоровича был ровный, спокойный, он любил шутку, умел сочинять к случаю веселые стишки. Наталья Аркадьевна вела хозяйство, помогала мужу изучать французский язык, который сама знала с детства. Если Петр Исидорович отправлялся в окрестные деревни: в Орловку, в Красовку, в Нижние Грунки,— Наталья Аркадьевна заменяла его в классах. Иногда вечерами Петр Исидорович, вспоминая отцовское ремесло, становился за верстак.

«Когда позднее мы с братом старались восстановить в памяти что-нибудь из льговской жизни,— рассказывала впоследствии Наталья Петровна,— то Аркадий ясно помнил этот верстак, домик с пчелами, и еще отчетливо помнил небольшие, двигавшиеся под потолком огромного здания вагончики, и как каждый вагончик, дойдя до определенного места, опрокидывался, а внизу в этом месте росла огромная куча жома — выжатой сахарной свеклы».

12 октября 1905 года вагончики остановились.

Нет, не все было таким уж ясным и безоблачным в заводском поселке. Как, впрочем, и по всей России.

Обратимся в курский архив к фонду канцелярии губернатора.

«На станции Льгов и на сахарном заводе мастера и рабочие предъявили требования об увеличении платы»,— телеграмма уездного исправника от 13 октября 1905 года.

А вот что написано в воспоминаниях Е. И. Тихоновой, члена РСДРП с 1903 года:

«...Я встретилась с Петром Исидоровичем... когда было съездить в Киев за нелегальной литературой. выполняла задание Курского комитета РСДРП. Надо Часть ее было решено спрятать у Голиковых...»

В 1908 году, когда особенно усилились репрессии, в уезд прибыли казаки, начались аресты, супруги Голиковы с Аркадием, Наташей и совсем еще крошечной Ольгой без особых сборов покинули обжитой дом и уехали далеко, на Волгу, в Вариху — поселок при нефтеперегонном заводе.

25 октября 1908 года «не имеющий чина» П. И. Голиков был зачислен на службу в ведомство Нижегородского акцизного управления. Уже в следующем году Голиковы поселились в Нижнем Новгороде. Родилась

младшая дочка — Катя. И хотя Петр Исидорович был теперь уже «старшим контролером управления», свести концы с концами стало нелегко. Отчасти поэтому, но во многом оттого, что характер Натальи Аркадьевны не позволял ей целиком удовлетвориться только семьей и домашним хозяйством, а «акцизное управление» не школа, там мужу не поможешь, она поступила учиться на частные акушерские курсы доктора Микашевского.

Экзамены на диплом фельдшера-акушерки сдавала на медицинском факультете Казанского университета. Место для работы предложили в больнице Арзамаса. Петр Исидорович попросил на службе перевод, и в апреле 1912 года Голиковы обосновались в этом городе, который и стал для Аркадия страной его детства.

Ему было тогда 8 лет. Дом, друзья, улицы, сады с вишнями-скороспелками, пруды, где шли «морские сражения», опоясывавшая городок речка Теша — все это навсегда вошло в его сердце и вылилось в его книгах.

Учеником АРУ — арзамасского реального училища — Аркадий стал 1 сентября 1914 года. Уже месяц далеко от Арзамаса грохотала первая мировая война. Уже отправился туда с маршевой ротой его отец рядовой Петр Исидорович Голиков.

Наталья Аркадьевна осталась с четырьмя ребятишками на руках. Работы в больнице прибавилось: в Арзамас стали прибывать раненые. На десятилетнего Аркадия легла дополнительная ответственность за порядок в доме, за сестренок. Интересно, что потом в письмах к отцу он всегда называл их не иначе, как «детишки».

Учился Аркадий нельзя сказать чтобы очень прилежно. Правда, чаще других получал пятерки по литературе, которую в их классе вел Николай Николаевич Соколов, его любимый учитель, выведенный им под прозвищем «Галка» на страницах «Школы».

Тосковал об отце, попытался убежать к нему на фронт. Через четыре дня первоклассник Голиков был найден на станции Кульма возле Нижнего Новгорода и водворен домой. Когда в классе товарищи начали расспрашивать о побеге — хотя и поймали, но ведь на фронт бежал, не куда-нибудь! — Аркадий отмалчивался. Уже вырабатывался характер: добр, открыт, но самолюбив, и если уж решил что-то, не переменишь.

К Пстру Исидоровичу в 11-й сибирский полк на рижский участок русско-германского фронта идут письма. В них много сыновней нежности, любви.

«Мне сейчас ужасно хочется куда-нибудь ехать далеко-далеко, чтобы поезд уносил меня подальше, туда, за тобой, по той же линии, где ехал ты, с того же вокзала, где я так горько плакал...»

Есть и немного наивная детская «литературность»: «А поезд уходил все дальше и дальше, мерно стукал он по рельсам, и отрывалось от души что-то и уносилось вдаль за поездом к нему, милому и дорогому». Закончив фразу, Аркадий добавляет: «Это один отрывок из дневника моей души. Пиши, дорогой!»

Ушло письмо из Арзамаса в 1917-м. Точной даты нет. Однако ясно, что была весна:

«Цветет черемуха, так хорошо, хорошо. И мне невольно вспоминаются наши прогулки...»

Милое детское письмо. Такое мог бы написать любимому отцу любой грамотный и душевный мальчик. Но вот следующее, отправленное Аркадием не позднее чем через три месяца.

«Милый, дорогой папочка!

Пиши мне, пожалуйста, ответы на вопросы:

1. Что думают солдаты о войне? Правда ли, говорят они так, что будут наступать лишь только в том случае, если сначала выставят на передний фронт тыловую буржуазию и когда им объяснят, за что они воюют?

2. Не подорвана ли у вас дисциплина?

3. Какое у вас, у солдат, отношение к большевикам и Ленину? Меня ужасно интересуют эти вопросы...

4. Что солдаты, не хотят ли они сепаратного мира?

5. Среди состава ваших офицеров какая партия преобладает? И как вообще они смотрят на текущие события?.. Неужели — «Война до победного конца», как кричат буржуи, или «Мир без аннексий и контрибуций?»..

Пиши мне на все ответы, как взрослому, а не как малютке».

После Февральской революции прапорщик П. И. Голиков избран солдатами 11-го сибирского полка комиссаром, и исполком Совета солдатских депутатов 12-й армии утвердил их решение. Потом П. И. Голиков становится командиром полка. Затем — комиссаром штаба дивизии. Всю гражданскую войну Петр Исидорович провел на ее фронтах.

Взгляды отца, традиции семьи, безусловно, оказали немалое влияние на формирование мировоззрения Аркадия.

Кроме того, он был не по возрасту начитан. В 1917 году на вопрос анкеты «твое любимое занятие?» ответил коротко и исчерпывающе: «книга». В списке любимых писателей на первом месте его кумир — Гоголь. И еще — Пушкин, Толстой, Гончаров, Писарев, Достоевский, Шекспир, Марк Твен...

Но Аркадий вовсе не тихий и «книжный» мальчик. Он высокий, сильный, широкоплечий. Полон жажды деятельности, решителен, смел, привык к самостоятельности, пользуется авторитетом у товарищей, уважением лучших преподавателей.

В сентябре 1917 года на первых выборах классного комитета получает наибольшее — 20 из 34 — число голосов.

«Нас теперь не оставляют «без обеда»...— с гордостью сообщает он отцу.— Постараемся, чтобы нам удалось провести в этом году, чтобы один представитель от нашего четвертого класса присутствовал на родительском совете, хотя бы с правом совещательного голоса... Ведь о учениках же решают, как же ученикам не знать того, что о них решают?»

Сетует:

«...у нас в училище все учителя — кадеты, ну и столкуйся с ними».

С должной солидностью добавляет:

«Пишу я тебе об этом, надеясь, что тебе интересно знать, каковы наши первые организации».

Вырывается на страницы заветное: «Ведь у вас полковые комитеты не диво: там все взрослые, между тем как у нас все еще только ученики IV класса».

Аркадию уже тесно там, где «все еще только ученики IV класса». Он рвется в большой, бурлящий мир. Он внутренне готов к этому. И время идет ему навстречу.

Может быть, если бы революция застала Аркадия в большом городе, жизнь его сложилась бы как-то иначе. Но в Арзамасе каждый грамотный, дельный, стремящийся оказать посильную помощь человек, пусть он даже еще очень молод, для арзамасских большевиков полезен.

Партийная организация не велика, а работы много. Через Арзамас идут военные эшелоны, на вокзале ми-

тинги, в бараках под городом австрийцы — военнопленные. А вокруг волнуются, бурлят села. Там активно действуют эсеры.

Аркадий выполняет поручения.

«Стал у нас вроде связного и разведчика,— вспоминает активная участница революционных событий в Арзамасе Н. И. Николаева: — ходил по городу, узнавал, где какой митинг. Потом... вызвался патрулировать улицы».

В школьном дневнике Аркадия появляется номер винтовки: 302939.

Интереснейший это дневник! «Я играю гусара Глова из комедии Гоголя «Игроки». Аресты кадетов», «Бил Варнава. Большевики преданы анафеме», «В городе стрельба. 5 раненых с нашей стороны», «Мы с Березиным ходим патрулем. Осадное положение», «Мы отрезаны от Мурома, Нижнего, Ардатова, Лукьянова. Все вооружены. Чувырин идет с отрядом», «Дежурил в Совете, ночью ходил на вокзал к начальнику интернациональной дружины Кану, ночевал на вокзале», «Засада около Всех Святых. Пулемет. 35—40 человек скрылись...»

В августе 1918 года Аркадий подает заявление: «В комитет партии коммунистов. Прошу принять меня в Арзамасскую организацию РКП. Ручаются за меня тов. Гоппиус, Вавилов». Решение Арзамасского комитета РКП(б) от 29 августа 1918 года: «Принять А. Голикова в партию с правом совещательного голоса по молодости и впредь до законченности партийного воспитания».

В августе 1918 года Арзамас становится одним из важнейших военных центров революции. Здесь дислоцирован штаб Восточного фронта.

Аркадий Голиков записывает:

«Жизнь в Арзамасе очень оживилась, совсем не та атмосфера. Военное обучение понемногу налажи... ся. Прошли рассыпной строй — скоро к стрельбе...

В декабре 1918-го Аркадий Голиков уходит в К... ную Армию, чтобы «бороться за светлое царство с... лизма».

Так потом он напишет в «Школе».

В штабе командующего обороной и охраной желез... ных дорог Республики Аркадий прослужил по март 1919 года. Сначала адъютантом, затем начальник... команды связи. С апреля того же года он курсант 2-...

роты 6-х советских пехотных Киевских курсов красных командиров.

По приказу командующего киевским боевым участком П. Павлова курсантам приходится то и дело прерывать учебу и вступать в схватку с врагом.

«16-го сего мая боевой отряд особого назначения, выделенный из состава вверенных мне курсов, отбыл к месту назначения»,— докладывает Павлову начальник курсов.

В списке 2-й роты отряда под № 161 значится Голиков Аркадий.

Полтора месяца отряд ведет бои против банд атамана Григорьева под Крюковом, Кременчугом и Александринском. Затем возвращается продолжать учебу.

Секретарь комячейки курсов Аркадий Голиков сообщает в политотдел: «Настроение курсантов приподнятое, взаимоотношения между командным составом и курсантами удовлетворительные, дисциплина хорошая... случаев неисполнения приказов нет».

Обстановка усложняется. Войска генерала Деникина наступают на Москву, петлюровцы рвутся к Киеву.

23 августа. На 6-х курсах — досрочный выпуск. Новых краскомов не распределяют по частям. Из них здесь же формируется Ударная бригада, которая сразу выступает на оборону Киева. Командирами полурот и взводов назначены лучшие выпускники. Командирами рот и батальонов — преподаватели.

27 августа в бою под Бояркой взводный Аркадий Голиков заменяет убитого полуротного Якова Оксюза...

31 августа части Красной Армии оставляют Киев.

«Прошел 300 верст в составе арьергарда, прикрывавшего... отступление наших войск, и вышел к Гомелю с ротой курсантов в семнадцать человек из ста восьмидесяти».

Начало крутое.

Позднее эти огненные полгода: учеба, бои, гибель товарищей, пылающая Украина - легли в основу первой повести Аркадия Голикова «В дни поражений и побед».

После шрапнельного ранения в ногу, полученного в декабре 1919 года уже на Польском фронте, где он командовал взводом в 468-м стрелковом полку, Аркадий Голиков приехал на побывку домой.

Наталья Аркадьевна по-прежнему много работает. Как раз накануне приезда сына подала заявление о пе-

реводе ее из сочувствующих в члены РКП(б). Петр Исидорович находится на Восточном фронте. Там добивают Колчака.

«В общем, я собой доволен,— пишет из дома отцу Аркадий.— Немножко устал, но это пустяки».

Все же устал он, видимо, крепко. В Арзамасе заболел — тиф. К счастью, в легкой форме. В марте 1920 года наголо остриженный, похудевший приезжает в Москву за новым назначением.

...Может быть, те, кому довелось бывать на Кавказском побережье Черного моря и ехать от Сочи на юг, помнят небольшую речку Псоу. Она пересекает шоссе за Адлером. У моста — стеклянная коробка поста ГАИ. По реке проходит граница между РСФСР и Грузией.

Весной и летом 1920 года здесь стояла 4-я рота 2-го батальона 303-го полка. Командовал ротой Аркадий Голиков.

Сторожевая служба. Смена караулов, дозоров, занятия с красноармейцами. Изредка учебные стрельбы. Патроны приказано беречь.

Из аттестации:

«...Хотя ко времени прибытия тов. Голикова в наш полк фронт был уже ликвидирован и потому судить в чисто боевом отношении мне нельзя, но судя по его сознательному отношению к делу, ясным и толковым распоряжениям, благодаря которым у него создались правильные отношения с красноармейцами, как товарища, так и командира, можно думать, что он при всякой обстановке сохранит за собой эти качества...

В моем же батальоне он является пока только одним, удовлетворяющим требованиям командования на высшие курсы».

Командир батальона подписал аттестацию 29 июня 1920 года. Вскоре весь 303-й полк, поднятый по тревоге, погрузился на станции Дагомыс в теплушки. Пункт назначения — станица Белореченская. Снова пылала Кубань.

«...Я живу по-волчьи, командую ротой, деремся с бандитами вовсю»,— сообщал Аркадий Голиков в Арзамас своему товарищу Александру Плеско.

Сохранилась фотография тех лет. Из-под папахи строго смотрит молодой командир с ремнями на широких, слегка покатых плечах и кавалерийской шашкой

с пояса. Таким в октябре 1920 года Аркадий Голиков предстал в Москве перед членами мандатной комиссии Высшей стрелковой школы «Выстрел».

Еще нет семнадцати, но не мальчик: боевой опыт, три фронта, ранение, две контузии. Последняя — в атаке, когда батальон занимал Тубинский перевал. Жизненный путь выбран — кадровый командир Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Учится судя по всему хорошо. Принятый на младшее отделение командиров рот, он оканчивает «Выстрел» по старшему, тактическому, отделению. Во время учебы проходит короткую стажировку в должностях комбата и комполка.

17 февраля 1921 года в Политическом управлении РККА ему вручено удостоверение № 10294. «Дано сие Голикову А. П. (комбату), окончившему «Выстрел», в том, что он командируется в распоряжение Центрального Комитета РКП».

Заведующий отделом ЦК РКП(б) А. К. Александров назначен командующим военным округом, в который входят Тамбовская, Орловская, Воронежская и Курская губернии. Выезжая в Воронеж, в штаб округа, он берет с собой шесть выпускников «Выстрела».

«Пишу тебе из Воронежа, с Юго-Восточного вокзала, на запасном пути которого стоит наш вагон...— сообщает отцу Аркадий Голиков,— размышляю над той работой, какая предстоит с завтрашнего дня мне, вступающему в командование 23-м запасным полком, насчитывающим около 4-х тысяч штыков. Работа большая и трудная, тем более что много из высшего комсостава арестовано за связь с бандами, оперирующими в нашем районе, во всяком случае, при первой же возможности постараюсь взять немного ниже...»

Из письма видно, что назначением Аркадий Голиков взволнован и озабочен.

Полк — организация особая. Роты, батальоны — его подразделения. Из нескольких полков создаются соединения — дивизии. Полк же именуется частью, он основа.

Задача запасного полка — обучение красноармейцев, подготовка пополнения для действующих частей.

В июне 1921 года командующий войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский подписал приказ о назначении Аркадия Голикова командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом.

30 июня 1921 года Аркадий Голиков докладывал в штаб, из Моршанска, что в командование 58-м полком вступил. Ему было 17 лет и 5 месяцев. В списках полка значилось 2879 человек.

Полистаем боевые приказы и донесения.

«Конная разведка 58-го полка в с. Байловка встретилась с бандой Дегтева в числе 70 человек. Благодаря крутым, а местами болотистым берегам реки Кошмы догнать бандитов в конном строю было невозможно. Разведкой захвачена 21 лошадь с седлами. Преследование продолжается...»

«По сведениям войсковой разведки в районе села Хмелино оперирует банда Коробова — Попова численностью до 300 всадников... В случае обнаружения банды, не дожидаясь особых приказаний, немедленно атаковать ее и уничтожить».

«В районе Хмелино — столкновение с бандой Попова — Коробова в числе около ста конных...»

Из приказа № 74 по 5-му боевому участку:

«В целях оказания помощи советским хозяйствам в своевременной уборке урожая приказываю: командиру 1 роты 58 полка и комвзвода 8 роты того же полка оказывать полное содействие зав. совхозами № 3, 4 и 8... При выделении вооруженных команд командирам частей строго учитывать обстановку на вверенных вам участках, отнюдь не ослабляя боеспособности в частях, дабы не было ущерба в выполнении возложенных на вас оперативных заданий...

Врио комвойсками 5-го участка *Голиков*»

...После ликвидации антоновщины Аркадий Голиков воевал еще долго. Сначала в Тамьян-Катайском кантоне в Башкирии, потом в Сибири, в Хакасии. Здесь, на границе с Тувой, начальник 2-го боерайона Голиков боролся с крупной бандой Соловьева, который грабил крестьян, совершал налеты на золотые прииски.

2-й боевой район включал шесть нынешних районов юга Красноярского края: Ужурский, Шарыповский, Орджоникидзевский, Шарынский, Боградский и часть Усть-Абаканского. Всхолмленная степь, горы, местами тайга. Соловьев из местных. Его поддерживают здешние богатеи, он знает все ходы и выходы.

Порой Аркадий Голиков и его бойцы сутками не оставляли седла. Но все же Аркадию Голикову удалось

раздобыть книги, учебники: он собирался поступать в военную академию. Еще из Моршанска сообщал об этом отцу, делясь опасениями, что не выдержит вступительных экзаменов по общеобразовательным предметам: «ведь что и знал, то позабыл все».

Урывками, главным образом по ночам, начал он готовиться к экзаменам.

Но подкралась беда. Ударила неожиданно и крепко.

Рассказала мне об этом Аграфена Александровна Кожухова, в избе которой в селе Форпост (Форпос — называли его крестьяне) стоял на квартире Аркадий Голиков.

— Веселый был,— сказала Аграфена Александровна.— И ласковый. А потом что-то с ним сделалось. Случилось что-то...

Случилась болезнь. В Сибири, в селе Форпост, догнало Аркадия Голикова эхо его прежних, еще на кавказском фронте и антоновщине, контузий.

«Тут я начал заболевать (не сразу, а рывками, периодами),— написал впоследствии об этом Аркадий Гайдар.— Все что-то шумело в висках, гудело и губы неприятно дергались».

Его долго лечили. В Красноярске, Томске, Москве. Приступы травматического невроза накатывали реже, были не так остры. Но заключение врачей перечеркивало мечту об академии.

...Осенним утром 1923 года в Москве, в Лефортове, из ворот старинной военной больницы вышел человек в длинной кавалерийской шинели. Листья в садике напротив госпиталя уже пожелтели, ветер срывал их с деревьев. Поправив на плече небольшой вещевой мешок, человек зашагал по улице вниз к Яузе.

В кармане его гимнастерки лежал аттестат № 10079.

«Дан сей от 1-го Красноармейского Коммунистического военного госпиталя б. комполка 58-го отд. полка по борьбе с бандитизмом Голикову Аркадию в том, что он при сем госпитале удовлетворен провиантским, приварочным, чайным, табачным, мыльным довольствием...»

В тот же день он получил в Генштабе копию приказа, разрешающего ему по состоянию здоровья шестимесячный отпуск с сохранением содержания.

В сущности, это было начало прощания с Красной Армией.

Есть основания предполагать, что в тот день в вещевом мешке Аркадия Голикова вместе со сменой белья, мылом и табаком находилась толстая в линейку тетрадь. На синей ее обложке в правом верхнем углу нарисована красная звездочка. Ее лучи наискосок, через страницу падают на слова: «В дни поражений и побед».

Отныне так будет всю жизнь.

Аркадий Голиков станет Аркадием Гайдаром, снова, как в гражданскую, исколесит страну, будет веселым и грустным, испытает поражения, одержит победы... И на каждой его рукописи, большой или маленькой, неизменно в правом верхнем углу первой страницы засветится красноармейская звездочка, освещая и согревая своими лучами его слова.

Бережно и заботливо относилась Красная Армия к попавшему в беду командиру полка. Отпуск продлевали. Потом Аркадий Голиков был зачислен в резерв. И наконец появились в приказе слова: «в бессрочный отпуск».

По последнему командирскому литеру осенью 1924 года Аркадий Голиков едет в Крым навестить свою больную мать.

Наталья Аркадьевна покинула Арзамас в 1920-м, вскоре после того, как стала членом РКП(б).

Она заведовала уездным отделом здравоохранения в Пржевальске, была членом уездно-городского ревкома. В Иссык-Кульской долине действовали басмачи. «Ее подпись — вместе с подписью предревкома — стоит под многими решениями и постановлениями того горячего и сурового времени»,— пишет Борис Осыков, автор интересной книги об Аркадии Гайдаре, просматривавший архивы Киргизской ССР.

У меня на руках несколько ее писем, картонные прямоугольники мандатов. Они относятся к 1922—1924 годам, когда Наталья Аркадьевна заболела и переехала в Новороссийск, где заведовала облздравотделом. На красных мандатах тоже отблеск времени:

«Предъявитель сего тов. Голикова Н. А. является делегатом окружного съезда Советов рабочих, казачьих, красноармейских и флотских депутатов...»

Письма адресованы старшей дочери. Почерк неровный. Чувствуется, что Наталье Аркадьевне трудно держать карандаш. У нее последняя стадия туберкулеза.

«Милая Талочка! Все-таки умирать я подожду, пока твои экзамены не кончатся. Так что не беспокойся...»

Иногда прорывается боль:

«Ночами я не сплю и часто плачу оттого, что не увижу больше ни тебя, ни Аркадия...»

Но сын успел, приехал.

В гимнастерке с нашивками комполка на рукавах он сидит у постели матери, положив руку на ее плечо. На этой фотографии он выглядит даже старше Натальи Аркадьевны. Она коротко подстрижена, девичьим стало исхудавшее лицо, огромными глаза, в которых застыл недоуменный и по-детски беспомощный вопрос: почему?..

Константин Федин вспоминает:

«В 1925 году в редакцию ленинградского альманаха «Ковш» пришел высокий и очень складный молодой человек, светловолосый, светлоглазый...

Он положил на стол несколько исписанных тетрадок и сказал:

— Я Аркадий Голиков. Это мой роман. Я хочу, чтобы вы его напечатали...

На вопрос, писал ли Голиков что-нибудь прежде, он ответил:

— Нет. Это мой первый роман. Я решил стать писателем.

— А кем вы были раньше и кто вы теперь?

— Теперь я демобилизованный из Красной Армии по контузии. А был комполка».

Раньше был комполка — понятно. Решил стать писателем — тоже понятно. Но кем же он был вот тогда, когда появился в редакции альманаха в гимнастерке и армейской фуражке, на выгоревшем околыше которой темнел след недавно снятой красной звездочки?

Отвечает на этот вопрос учетный листок № 12371 Московского горвоенкомата, составленный на Голикова А. П. в 1925 году. В графе «Состоит ли на службе и где?» ответ «б/раб.».

Значит пока что официально — безработный.

Принести в альманах рукопись своего первого произведения было для начинающего литератора довольно смелым поступком. В «Ковше» печатались Алексей Толстой, Леонид Леонов, Борис Лавренев, Михаил Зощенко, Вениамин Каверин... Из поэтов: Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Павел Антокольский, Николай Асе-

ев. А. М. Горький считал «Ковш» одним из лучших литературных периодических изданий того времени.

Первым в редакции рукопись Аркадия Голикова прочитал Сергей Семенов. Передавая ее другим членам редколлегии, сказал:

« — Это, конечно, не роман, а повесть... Но это здорово... По-моему, из него может получиться писатель. Почитайте!»

Мнение члена редколлегии Константина Федина записано в автобиографии Аркадия Гайдара:

«Писать вы не умеете, но писать вы можете и писать будете».

Началась работа над текстом повести. Аркадий Гайдар вспоминает:

«Учили меня: Константин Федин, Михаил Слонимский и особенно много Сергей Семенов, который буквально строчка по строчке разбирал вместе со мною все написанное...»

И все же напечатанная в «Ковше» повесть «В дни поражений и побед» успеха Аркадию Голикову не принесла. Нельзя сказать, что ее не заметила критика. Заметила, да еще как! Известный в ту пору литературный критик Михаил Левидов, выступивший с обзором альманахов «Ковш», «Недра», «Перевал» — двадцать два автора упомянуты,— даже начал с нее свою статью: «Нас интересует вопрос, на каком основании ожидал Аркадий Голиков, что его произведение понравится какому бы то ни было читателю. Сюжет? Вместо него банальный эпизод. Действующие лица не живут. Языка нет, так, серая пыль...»

Отрицательные рецензии появились в журналах «Звезда», «Книгоноша», и только «Октябрь» отметил, что «произведение А. Голикова отходит некоторым образом от шаблона...».

Теперь, когда минуло шесть десятилетий и мы знаем все книги Аркадия Гайдара, можно спокойно, с высоты нашего знания, перечитать эти рецензии. Можно признать, что кое в чем критики были правы. Хотя, конечно, и это сейчас особенно ясно видно, не заметили они, как даже в первой повести от страницы к странице постепенно становится крепче и звонче голос молодого писателя. А главное, не разглядели его искренности и чистоты, которую сразу почувствовали Константин Федин и Сергей Семенов.

Но как пережил тогда этот удар сам Аркадий Голиков? Что делал, чувствовал он, когда грянул гром и сверкнули молнии?

Он работал. За полгода им было сделано немало. Крепко поработав над «Днями поражений и побед», написал несколько глав «Последних туч». Правда, это отложил. Зато опубликован рассказ «Патроны». И вот на столе законченная повесть «Р. В. С.»... Что дальше?

Последнее время снова все чаще гудело в висках. Видимо, устал. Да и что там ни говори, разгромные статьи в журналах о первой повести тоже не прошли даром...

Весной 1925 года Аркадий Голиков уезжает из Ленинграда.

Куда? Главное тронуться в путь. Там будет видно...

Он любил дорогу. Она лечила, возвращала уверенность, вливала силы. «Нигде я не сплю так крепко, как на жесткой полке качающегося вагона, и никогда не бываю так спокоен, как у распахнутого окна вагонной площадки...» — написал он.

Влюбленность в движение и пространство осталась до конца жизни. Может быть, потому так и не удалось ему создать прочное, оседлое, уютное жилье с хорошим письменным столом и любовно подобранной библиотекой.

В одном из последних дневников, уже перед началом Великой Отечественной, он записал:

«Путник и дорога как целое — при одних обстоятельствах, а при других — дорога его не касается, он касается ее только подошвами».

У Аркадия Гайдара дороги проходили через сердце.

Возвратившись из странствий в Москву, Аркадий встретил своего давнего товарища Александра Плеско. Была осень 1925 года, как раз шел призыв в армию молодежи 1903 года рождения, и Александра Плеско, который работал в Перми заместителем ответственного редактора газеты окружкома партии «Звезда», тоже переводили в военную печать.

Александр Плеско посоветовал Аркадию ехать в Пермь. Газета хорошая, коллектив молодой, дружный, кроме того, в «Звезде» сотрудничает Николай Кондратьев, их общий друг по Арзамасу.

Пермь — так Пермь!

Аркадий Голиков приехал в Пермь в самый канун 8-й годовщины Октябрьской революции. Через несколь-

ко дней в праздничном номере «Звезды» появился его материал.

« — На перекрестки! — задыхаясь, крикнул командир отряда.— Всю линию от Жандармской до Покровки... Сдыхайте, но продержитесь три часа.

И вот...»

Так энергично начинался его рассказ «Угловой дом».

Под газетным подвалом стояла надпись — Гайдар.

Принято считать, что именно 7 ноября 1925 года в литературе и в журналистике впервые появилось это имя. Так ли?

На размышления наводит письмо, которое Аркадий послал отцу из Красноярска в 1923 году. Он сообщал, что пишет и даже «зарабатывает небольшой корреспонденцией». Кроме того, есть запись в дневнике Аркадия Гайдара за 1940 год, в которой он вспоминает свои юношеские стихи:

«17 лет тому назад

. . . . . .

Все прошло. Но дымят пожарища,
Слышны рокоты бурь вдали.
Все ушли от Гайдара товарищи.
Дальше, дальше вперед ушли».

Получается, что стихи написаны в 1923 году. И уже тогда прозвучало — Гайдар. Может, если полистать подшивки газет, выходивших в Красноярске в 1923 году, вдруг и обнаружится это имя на их страницах.

Но почему в таком случае и над повестью «В дни поражений и побед» и над первой публикацией «Р. В. С.» он поставил — Арк. Голиков?

И откуда возникло слово Гайдар, звонкое и раскатистое?

Аркадий Гайдар на такой вопрос не отвечал. Если приставали, отделывался шуткой.

Уже после его гибели стали возникать догадки. Автором версии, получившей широкое распространение, стал писатель Борис Емельянов. От него и пошло: «По-монгольски «гайдар» — всадник, скачущий впереди».

Есть в ней, по-видимому, какая-то доля истины. Ну хотя бы то, что Аркадий Голиков действительно бывал в Башкирии, потом в Хакасии, а имена Гайдар, Гейдар, Хайдар на Востоке распространены.

Но чего бы вздумалось девятнадцатилетнему Аркадию Голикову брать инородческое, хотя и звучное имя?

Думаю, не потому, что означает это слово — «всадник, скачущий впереди». Во-первых, в монгольском языке слова «гайдар» в подобном значении не существует. А во-вторых, не был Аркадий хвастлив и нескромен. Зато всегда, с детства, был большой выдумщик. В реальном училище пользовался шифром собственного изобретения.

Разгадать загадку, которую задал нам писатель, удалось его школьному товарищу А. М. Гольдину.

Вспомним сначала, что в детстве Аркадий учил французский язык. Всегда любил ввернуть при случае французское словечко. «Сережа! Завтра — 22 января — мне стукнет ровно без шести лет сорок. Молодость — «э пердю! Ке фер?» — написал он С. Розанову.

Напомним еще, что во французском языке приставка «д» указывает на принадлежность или происхождение, скажем, д'Артаньян — из Артаньяна.

Итак: 1923 год, Аркадий Голиков ранен, контужен, болен. Путь кадрового командира РККА, начатый так уверенно, заволокли тучи. Что делать дальше? Как жить? Созревает решение — литература.

Тогда и придуман, найден литературный псевдоним: «Г» — первая буква фамилии Голиков; «АЙ» — первая и последняя буквы имени; «Д» — по-французски— «из»; «АР» — первые буквы названия родного города.

Г-АЙ-Д-АР: Голиков Аркадий из Арзамаса.

Кстати, поначалу он и подписывался — Гайдар, без имени и даже без инициала. Ведь имя уже входило частичкой в псевдоним.

Лишь когда псевдоним стал фамилией, на книгах появилось: Аркадий Гайдар.

Перелистывая подшивку пермской «Звезды» с ноября 1925 по январь 1927 года, когда он сотрудничал в газете, невольно поражаешься объему проделанной им работы: за год с небольшим им опубликованы 13 рассказов, 12 очерков, 4 повести — они печатались с продолжением почти в 70 номерах. Но главный жанр — фельетон: 115 фельетонов подписаны — Гайдар.

Темы разнообразны, их не перечислишь. Некоторые фельетоны содержат в себе, как говорится, «непреходящие приметы времени», некоторые, к сожалению, не потеряли актуальности до сих пор.

«Неуместная наивность», «Остров вакханалии», «Тихая обитель» — это о тех, кто, занимая ответственные

посты, использует свое служебное положение для безудержного приобретения личных благ. «История о неуловимом билете», «Буква закона», «Простая истина», «Купленный человек» — в защиту трудового человека от бюрократов. «Кизеловская щедрость», «Осиновые дела», «Госторговские яйца», «История одной смерти» — о неумелых, нерадивых хозяйственниках, наносящих огромные убытки государству.

От газеты к газете увереннее звучит голос фельетониста.

В конце июня 1926 года опубликован его «Фельетон без визы», в котором цитируется распоряжение директора Лысьвенского металлургического завода:

«По соображениям политико-экономического характера предлагаю всем корреспондирующим как в газеты, так и в другие периодические издания, все корреспонденции, освещающие внутреннюю жизнь завода, представлять на санкцию мне и лишь после моей визы могут быть отправлены по назначению».

Затем следует комментарий — декларация Аркадия Гайдара:

«Тов. директора, администраторы и пр. ответственные и безответственные товарищи вышеприведенного образа мысли, нашу страну, нашу революцию мы, те, кто пишет в газеты, и те, кто еще не пишет, но будут писать, когда научатся и поймут всю роль и все значение советской печати,— любим не меньше вас.

И наша любовь глубже, потому что мы приемлем революцию со всеми ее хорошими и неизбежно отрицательными сторонами, мы не закрываем глаз ни на что... а потому бросьте курить фимиамом напыщенных фраз о тайных политико-экономических причинах, ибо никаких «тайн» тут нет и угодливого молчания нет и не будет до тех пор, пока будет существовать рабочая печать...»

Пермь Гайдар вспоминал с любовью. Сберегал дружбу, переписывался со многими «звездницами», в частности с Борисом Никандровичем Назаровским.

«Здравствуй, Борис!

...За эти два года — что мы не видались — постарел я также ровно на два года... Много за это время я ездил по Северу, а теперь вот уже полгода, как живу

в Москве. Не работаю пока в газете нигде, но скоро буду работать — потому что долго без газеты скучно. За это время в ГИЗе у меня вышла повесть «Школа»...

Лиля жива и здорова, работает редактором радиопионерской газеты. Тимур — нигде не работает — все больше бегает, загорает и задает вопросы приблизительно такого рода: «Что такое батарея?» — «А это вот одна пушка, да еще другая пушка, да еще пушка, вот тебе и батарея».— «А почему лес — не деревья, а лес?» — «А это одно дерево—значит дерево, а другое дерево, да третье дерево, да еще деревья — вот тебе и лес». (Пауза.) «А если батареи с лесом сложить (???), что тогда получится?»

Боренька! У меня к тебе опромная просьба исключительной важности... Здесь одно очень почтенное издательство должно в срочном порядке издать мою повесть («Лбовщина» переработанная вместе с «Давыдовщиной»). Но вот вся беда — у меня нет ни рукописи, ни одного экземпляра «Лбовщины» («Давыдовщина» есть). Может быть, ты достанешь в Перми и пришлешь мне эту книжку. Может быть, у тебя остался экземпляр...

Если бы я не знал, что ты добр, как Христос и Магомет вместе взятые, я был бы уверен, что, прочтя сии строки, ты злорадно сказал бы: «Ага, сукин кот, то не писал, не писал, а то как понадобилась книга, сразу нашел время... Так вот, пусть...»

Но остерегись, Борис, так поступать. Ибо, как ты человек, изучавший диалектику и философию, должен помнить слова св. Нафанаила-постника, который писал о царе Егудиле: «Всуе сей человек к Господу возводит очи, моля — Господи даждь мне — ибо очерствело сердце его (Егудиила) многажды проклинаемое всяк день всуе просящими его».

Под письмом дата: 1/IX 1930».

В письме нужно пояснить некоторые места.

«Много... ездил по Северу»: с декабря 1928-го по февраль 1930-го Аркадий Гайдар работал в архангельской газете «Волна» («Правда Севера»).

Разговор об артиллерийской батарее не случаен. Полигон находился в Кунцеве, неподалеку от дома, где мы снимали комнату. Миновав лесок, перебравшись за овраги, можно было наблюдать с пригорка из-за цепей охранения за учебными стрельбами. Напомню, что именно в Кунцеве Аркадий Гайдар написал рассказ

«Четвертый блиндаж» о попавших случайно под артиллерийский обстрел ребятишках.

Книга, о которой идет речь, пришла из Перми незамедлительно — тоненькая, очень похожая и форматом и зеленоватой бумажной обложкой на школьную тетрадь. Называется она «Жизнь ни во что», а «Лбовщина» стоит как подзаголовок. Отдельным изданием повесть вышла в Перми тиражом 8 тысяч, мгновенно была раскуплена, но Б. Назаровский все же достал книжечку для автора.

Самое важное, однако, что «одно очень почтенное издательство», собиравшееся, как писал Аркадий Гайдар, «в срочном порядке издать» «Лбовщину», переработанную вместе с «Давыдовщиной», свое намерение так и не осуществило. По той простейшей причине, что рукопись от автора не поступила.

Почему Аркадий Гайдар не представил ее в издательство? Попробуем догадаться.

«Эта повесть — памяти Александра Лбова, человека, не знающего дороги в новое, но ненавидящего старое, недисциплинированного, невыдержанного, но смелого и гордого бунтовщика, вложившего всю ненависть в холодное дуло своего бессменного маузера, перед которым в течение долгого времени трепетали сторожевые собаки самодержавия...» — такие слова предпослал автор началу повести «Жизнь ни во что». Он писал ее быстро, каждая законченная глава сразу уходила в набор и номер за номером появлялась на страницах «Звезды».

Страстность вступительных слов, напряжение, с которым Аркадий Гайдар работал, показывают, что тема его увлекла, захватила. Даже что-то глубоко личное чувствуется в этой увлеченности.

Может, всплыли в памяти рассказы родителей о 1905 годе?

Может, сближали автора с героем повести какие-то черты характера? Вспомним автобиографию: «Частенько я оступался, срывался, бывало даже своевольничал...»

Когда повесть вышла, журнал «Книгоноша» отозвался о ней одобрительно:

«Гайдар-Голиков обнаружил достаточно умения и революционного пафоса... Читается вещь легко и увлекательно... Язык повести образен, интересен... После «В дни поражений и побед» «Жизнь ни во что» большая победа Гайдара-Голикова».

Победа? Так ли это?

Творческий путь многих состоявшихся писателей — тяжелый, от книги к книге — подъем. Встретятся скальные обрывы, глубокие расщелины — может загрохотать камнями обвал. Одному удается в начале пути, еще у подножия, наметить трассу, которая, если упорно работать, не сдаваться, не трусить, приведет в конце концов вопреки всем препятствиям к той горной вершине, что назначена ему судьбой и талантом. Другой не сразу найдет такой маршрут.

Чтобы понять путь Аркадия Голикова к Аркадию Гайдару, нужно вернуться к его первой повести, которую так единодушно, и если убрать грубость, вроде справедливо разругала критика. Листаешь рукопись «В дни поражений и побед», особенно первые тетради, и даже по почерку видишь, как спешит перо, как рука не поспевает за памятью. И очень редко поиск слова притормозит руку.

Все, что составляет содержание первой части повести — осажденный белыми Киев, курсы краскомов, бои с бандами на подступах к городу,— все это с Аркадием Голиковым было и написано «как было». Но без силы литературы и без убедительности мемуаров. Однако сейчас, когда знакома и различима его интонация, не так уж трудно увидеть и на страницах первой повести проблески будущего гайдаровского мастерства. Они прорываются редко, фразой, абзацем, даже словечком, как вспышки маячного огня, который подсказывает кораблю место, помогает проложить курс. Чем дальше листаешь страницы, тем проблески чаще.

Вроде бы и не логично. Когда червонные казаки Примакова, пластуны Павлова, латышские стрелки выбили деникинцев из Харькова, автор повести лечился после ранения в Арзамасе. Когда войска командарма Уборевича освобождали Новороссийск, поезд, на котором Аркадий Голиков ехал на Кавказский фронт, находился еще в пути. Свидетелем событий, описанных во второй, «приключенческой» части повести «В дни поражений и побед», автор не был. Но именно в ней начинает звучать его гайдаровская интонация, и впервые обретают плоть и кровь нарисованные им люди: командир партизанского отряда матрос Сошников, рабочий человек Егор, крестьянин Силантий, Яшка, который «где только не шатался»...

Попал в засаду к белым, разоружен этот маленький отряд.

«Партизан отвели на несколько сот шагов как раз к самому берегу моря.

— Прощайте, ребята! — сказал Егор.

И должно быть впервые разгладились морщины на его хмуром лице, и он улыбнулся.

— Прощайте! Знали мы, что делали, знаем, за что и отвечаем.

Треснул залп. Крикнуло эхо. Испуганные взметнулись чайки. Упали люди.

— Готовы!

— Следующие...

По щекам у Яшки катились слезы. Его старая чиновничья фуражка с выцветшим околышем и кривобокой звездой съехала набок. Рубаха была разорвана. Он хотел что-то сказать, но не мог.

Остальные замерли как-то безучастно. Только Силантий, сняв шапку, стоял спокойно, уставившись куда-то мимо прицеливающихся в него солдат, и тихо молился.

— Господи! — шептал он.— Пошли на землю спокойствие... и чтоб во всех краях, какие только ни есть, товарищева сила была... И не оставь Нюрку!»

Обратим внимание — появились любимые писателем имена. Они воскреснут в других его книгах.

Но имена — это деталь. Важнее звучание прозы, ритмика фраз. Их простота и скупость. Ни особых эпитетов. Ни ярких сравнений. Только треск выстрелов и крики испуганных чаек...

Путь Аркадия Голикова к Аркадию Гайдару и путь Аркадия Гайдара к его горным вершинам лежал не через одобренную критикой «Жизнь ни во что». Он проходил по страницам «В дни поражений и побед», по страничкам синеньких тетрадочек, так до сих пор и не расшифрованных «Последних туч», выводя к «Р. В. С.», с которой, собственно говоря, вошел в литературу и в ней остался писатель Аркадий Гайдар.

Не случайно тогда, в Ленинграде, весной 1925 года они лежали на столе рядом: стопочка книг «Ковша», тетрадки с незаконченными «Последними тучами», рукопись маленькой повести «Р. В. С.», в которой Аркадий Гайдар только что дописал последнее слово.

Может быть, раскурив трубку, чтобы сбить неизбежное возбуждение, он еще раз перелистал «Ковш», где рядом с окончанием «В дни поражений и побед» были напечатаны стихи Пастернака:

Пространство спит, влюбленное в пространство,
И город грезит, по уши в воде,
И море просьб, забывшихся и страстных,
Спросонья плещет, неизвестно где...

Впрочем, может, такого и не было. Слишком уж литературно звучит предположение. Но, во всяком случае, тогда он, разом, рывком уехал из Ленинграда, где, судя по письмам к сестре, собирался обосноваться надолго.

И дело, наверное, не только в том, что был он влюблен в пространство. Он словно почувствовал, что, хотя за плечами уже немало, предстоит еще пройти много дорог, грустить и радоваться, побеждать и терпеть поражения, отчаянно работать, чтобы потом легли на бумагу такие простые, ясные и тихие строчки: «Городок наш Арзамас был тихий, весь в садах, огороженных ветхими заборами...»

Когда в 1930 году в Кунцево из Перми пришла от Б. Назаровского книжка «Жизнь ни во что», Аркадий Гайдар, автор «Школы», не стал перерабатывать ее вместе с «Давыдовщиной». Все это было уже позади и далеко.

Мне кажется, что отца я увидел сразу, ясно и отчетливо, увидел и запомнил всего, от сапог до папахи, именно таким, каким он и остался для меня на всю жизнь.

Высокий, сильный, добрый, улыбчивый, справедливый, смелый.

Вокруг него всегда возникала радостная атмосфера игры, сказки, приключения. Она захватывала и меня, и ребят со двора, и всю ребятню по соседству.

В дождливый день он уводил ребят в ближний лесок. «Кто сумеет правильно разложить костер и разжечь его с одной спички?»

Своим маленьким друзьям он делал иногда настоящие мужские подарки, вещи, которые с удовольствием покупал и для себя: компас со светящимся циферблатом, перочинный нож с несколькими лезвиями.

Учил обращаться с оружием. Не мог равнодушно пройти мимо тира. Отлично стрелял сам и насыпал ребятишкам свинцовые пульки для духового ружья, после которых ладони оставались восхитительно черными.

Но все это не значит, что Аркадий Гайдар был с детьми неизменно добр, неизменно щедр и ласков. Он

мог быть строгим, суровым и даже, что было еще хуже, уничтожительно-насмешливым. Терпеть не мог трусов, хвастунов, ябед.

Он проверял на смелость. Мог сказать на прогулке, когда уже темнело: «Иди, пожалуйста, до конца оврага один. Не боишься? Ну вот, и хорошо. Я подойду через семнадцать минут».

Никогда не торопился отказать в какой-нибудь мальчишеской просьбе. Подумает, прикинет. «Да, можно». Но если уж «нет», значит, излишни и просто невозможны какие-то разговоры. Было у нас Слово. Не «честное слово», не «честное-пречестное», а просто — Слово. Свои обещания он выполнял свято, но и ты попробуй не выполни...

Александр Фадеев отмечал демократизм Аркадия Гайдара, указывая, что герои его книг — дети солдата, стрелочника, крестьянина... Так оно и есть, конечно. Но думаю, что его демократизм состоял еще и в неподдельном уважении достоинства каждого человека, взрослый он или маленький.

Из дневников: «Пятилетний Анатолий Федорович очень со мной дружит», «Запомнился пионер Колесников — угловатые плечи, жест — рукой к земле. Говорил крепко и хорошо». Рядом: «Неважное выступление красного командира».

В поведении Аркадия Гайдара была та свобода, раскованность и нестандартность поступков, которые нередко ставили людей в тупик.

Хорошим весенним днем он шел по московскому бульвару, опять при деньгах и в отличном настроении. Увидел продавца воздушных шаров, купил сначала один шарик, а потом, подумав, всю связку: «Ребят во дворе много, пустят наперегонки, то-то будет праздник».

Но если по бульвару идет человек с пестрой кучей воздушных шариков, за кого его примут прохожие?

— Почем шарики?

— Не продаются.

— Мне голубой, пожалуйста.

— Не продаются.

— Шары почем, граждане?

Долго так, естественно, продолжаться не могло. Симпатичным покупателям Аркадий Гайдар начал раздавать шары бесплатно. Несимпатичным отказывал.

Позвали милиционера...

Милым лукавством пронизано письмо, отправленное Аркадием Гайдаром в редакцию журнала «Красная новь».

«Дорогой т. Ермилов. Я вчера написал письмо т. Вармуту с просьбой одиннадцатого февраля прислать еще денег, а ночью увидел очень плохой сон, будто бы 11-го не прислали, а потому, пожалуйста, посоветуй ему 11-го не присылать, а прислать лучше 6-го февраля.

И если вы пришлете 6-го февраля, то я даю Тимуровское слово, что как только устроюсь, сейчас же допишу рассказ на один печатный лист... и пришлю вам.

Рассказ будет, по-моему, очень славный — я уже его читал кое-кому еще в Москве.

Если же не пришлете, то рассказ, вероятно, хорошим не получится, потому что по замыслу он должен быть очень простой и светлый. А у меня с горя в голове будет все время вертеться разное... и рассказ получится какой-то...

Жизнь здесь, вероятно, у меня будет очень хорошая. Но пока печники разломали печку, плотники развороти стену — всем нужны деньги. А тут еще моя дочка Светланка по прозванию Рыжик-Фижик наелась снега и во время болезни разбила мой новый фотоаппарат. Но все это, конечно, мелочи жизни, а сама жизнь, куда как везде прекрасна. И Нюра вчера мне на обед сготовила в русской печке такой пирог с гречневой кашей, с луком и печенкой, что если бы его поставили перед тобою, ты тотчас же востребовал бы целый литр. Я же обошелся и половинкой.

Дорогой т. Ермилов! Как только получишь это письмо, так сейчас же постучи в стенку или высунься и позови т. Вармута. Когда он войдет, ты попроси его, чтобы он сел. Сначала скажи ему что-нибудь приятное. Ну например: «Эх, и молодец ты у меня Вармут», или еще что-нибудь такое,— а когда он подобреет, ты тогда осторожно приступи к разговору насчет 6 февраля.

Если он сразу согласится, то ты его похвали, и скажи, что ничего другого от него и не ожидал. А если же он сразу начнет матом — то ты не пугайся, а выслушай до конца. А потом кротко загляни ему в глаза и проникновенно спроси: «Есть ли у него совесть?»

От такого неожиданного вопроса кто хочешь смутится. А ты дальше, больше, продолжай, продолжай, и все

этак диалектически, диалектически, и тогда он раскается и, схватившись за голову, стремительно помчится в бухгалтерию.

Пока всем вам всего хорошего. Очень только прошу не понять, якобы я только пошутил. Деньги мне в самом деле нужны, так крепко, как никогда...»

Наверное, некоторый особый отблеск бросает на это веселое, озорное письмо то обстоятельство, что рассказ, о котором идет в нем речь,— «Голубая чашка».

К деньгам Аркадий Гайдар относился своеобразно. «Этак диалектически, диалектически».

Как все люди, радовался, если они есть, огорчался, когда их не хватало. Любил, чтобы сапоги были крепкие, белье чистым, гимнастерка сшита из коверкота. Чувствовал себя веселее и увереннее, когда знал, что может отправиться на вокзал и купить билет до самого дальнего города.

Вопросы о мебели, даче, каких-либо других «солидных приобретениях» не возникали. Но деньги, едва появившись, начинали, как Аркадий Гайдар однажды выразился, «бунтовать в его кармане». Они требовали немедленных действий. Не мог пройти мимо инструментальных, хозяйственных лавок. Покупал сверла, стамески, усовершенствованные мясорубки и хлеборезки. Все это ему нравилось, но не требовалось. Покупки отправлялись друзьям в подарок.

Легко ссужал приятелей деньгами, никогда не напоминал о возврате. Любил угостить друзей, а то и незнакомых.

Много ездил, однако по-настоящему хорошо себя чувствовал в родных местах.

«...Скучаю уже я по России. Где мой пруд? Где мой луг? «Гей вы, цветики мои, цветики степные!» Всех я хороших людей люблю на всем свете. Восхищаюсь чужими долинами, цветущими садами, синими морями, горами, скалами и утесами.

Но на вершине Казбека мне делать нечего — залез, посмотрел, ахнул, преклонился, и потянуло опять к себе, в нижегородскую или рязанскую».

Любил хорошие песни. Помню, разбудил меня ночью, чтобы спеть новую, только что услышанную:

По военной дороге
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год...

Часто пел «Гори, гори, моя звезда...», и мне всегда казалось, что думает он о красноармейской звездочке.

Был по привычкам солдат, но, как все люди, тянулся к теплому человеческому житью.

«В сущности, у меня есть только — три пары белья, вещевой мешок, полевая сумка. Полушубок — папаха — и больше ничего и никого, ни дома, ни места, ни друзей.

И это в то время, когда я вовсе не бедный, и вовсе уже никак не отверженный и никому не нужный.

Просто — как-то так выходит».

И не подумайте, пожалуйста, что был он несчастлив, таил в себе какую-то беду или обиду. Несчастливые люди не пишут такие книги, какие написал он, и уж, конечно, не совершают веселые и даже озорные поступки.

Как многие физически и духовно сильные люди, он был добр. Как почти все добрые — легко раним. Не боялся боли, холода, жажды. Но совершенно не мог выносить грубость, хамство. Тогда — срывался. Тогда темнели глаза, начинал подергиваться левой уголок губы. Тогда он мог быть даже опасен.

Это теперь звучит красиво, романтично: в пятнадцать командовал взводом, в семнадцать стал командиром полка. Но стоит задуматься, какая тяжесть ложилась на плечи такого командира.

Когда Аркадий Гайдар стал командиром, за ним, отдающим приказ, посылающим людей в бой, может быть, и на гибель, стоял еще зачастую не суровый Дисциплинарный устав, а лишь личный авторитет. Каково завоевать и удержать такой авторитет командиру, если многие из бойцов годятся ему в отцы?

Он хорошо знал войну, ее кровь, ее пот, ее жестокость. Но это была война за правое дело, и он любил свою боевую молодость, «очень дымное, тревожно-счастливое время».

Летом 1931 года Аркадий Гайдар закончил в Крыму в Артеке повесть «Дальние страны». Потом уехал в Хабаровск в газету «Тихоокеанская звезда».

Снова увлечен журналистской работой: очерки, фельетоны, корреспонденции... Побывал на Имане, на границе с Маньчжурией, на заледеневшем озере Ханка. Выходил на судне «Совет» в Японское море. Поднимался пешком на перевал Сихотэ-Алинь.

Уже через три месяца после приезда на Дальний Восток задумал новую повесть. Дневник Аркадия Гайдара помогает проследить, как она создавалась.

«Надо собраться и написать для «Молодой гвардии» книгу. Крым, Владивосток. Тимур, Лиля — все это связать в один узел, все это перечувствовать еще раз, но книгу написать совсем о другом».

«...Только сегодня начинаю писать эту книгу. Она вся у меня в голове, и через месяц я ее окончу... Это будет повесть. А назову я ее «Мальчиш-Кибальчиш».

«...Было написано 25 страниц, и все шло хорошо... А когда перечитал, то зачеркнул все, сел и снова написал всего 9 страниц — стало гораздо лучше. Но сначала зачеркивать было жаль, и зачеркивал, скрепя сердце».

«Стоят светлые солнечные дни. Может быть, оттого, что именно в эти дни — ровно год тому назад — я был в Крыму, мне легко писать эту теплую и хорошую повесть.

Но никто не знает, как мне жаль Альку. Как мне до боли жаль, что он в конце книги погибнет. И я ничего не могу изменить...»

«...Неожиданно, но совершенно ясно понял, что повесть моя должна называться не «Мальчиш-Кибальчиш», а «Военная тайна». Мальчиш — остается мальчишем — но упор надо делать не на него, а на «Военную тайну»,— которая вовсе не тайна».

В дальневосточных дневниках Аркадия Гайдара слышатся удары сердца, то учащенные, то спокойные, когда, занимаясь писательским делом, он все завязывал в один узел, все перечувствовал заново и писал совсем о другом.

Это — в большом и в малом.

В дневнике: «За последние дни в Хабаровске спокойнее. Немного улеглись толки о возможности войны. А все-таки тревожно... С Японией — напряженно — но то ли привыкли — никто не ахает».

В повести «Военная тайна»: «В ту светлую осень крепко пахло грозами, войнами и цементом новостроек... Газет не хватало. Пропуская привычные сводки и цифры, отчеты, внимательно вчитывались в те строки, где говорилось о тяжелых военных тучах, о раскатах орудийных взрывов, которые слышались все яснее и яснее у одной из далеких-далеких границ».

В дневнике: «На днях умер один из лучших и храбрейших командиров Красной Армии комкор Ст. Вострецов».

Появилась на страницах «Военной тайны» пионерка Катюша Вострецова...

Снова перечитав повесть, думаю, что все-таки напрасно Аркадий Гайдар согласился напечатать «Сказку о Мальчише-Кибальчише» отдельно, еще задолго до того, как была закончена «Военная тайна».

В повесть сказка входит органично. Она — ее песня. Ее балладный стиль подготовлен всем, что сказано раньше, и бросает свой отсвет на все, что случилось позднее.

...Недавно я вновь поднялся на скалу над Артеком. Лежавший под ногами пионерский лагерь был тих и безлюден. Летние смены закончились, ребята из первой зимней еще не приехали. Трава пожелтела, проникла к каменистой земле. Ветер, который внизу едва рябил море, здесь на вершине дул резко, порывисто.

Тревожно и печально было мне стоять на том самом месте, где слепящим солнечным днем полсотни с лишним лет назад любовались мы с отцом морем, такие дружные и веселые. На этой скале, как сказано в «Военной тайне», вырвали остатками динамита крепкую Алькину могилу.

Многоэтажные здания теснились под Аю-Дагом. Бетонная горизонталь новой главной костровой площадки придавила холм. Поблескивали стеклянные здания огромного плавательного бассейна. Но по-прежнему пил воду из Моря Аю-Даг, и можно было различить убегавшие к берегу извилистые тропинки. Артек был рядом и далеко — вот так, наверное, видел Аркадий Гайдар его из Хабаровска, когда писал «Военную тайну».

Страницы повести, детские полустершиеся воспоминания, старые тропинки, и то, что было прожито и пережито после,— все это странно переплеталось в единое целое.

Со скалы виден белый нарядный дом. Теперь в нем методическая библиотека лагеря, музей, зал для совещаний. А когда-то был дом отдыха ВЦИК, и на пионерский костер — это в повести — пришли шефы Артека, старые большевики

Прежняя костровая площадка со скалы не просматривается. Зато с вершины десятилетий можно было увидеть судьбу героев повести. И самых старших и самых

маленьких. Всех, кто присутствовал на том пионерском костре.

Нетрудно прикинуть: малышам октябрятам по восемь-девять лет. Значит, к июню 1941-го им стало по вóсемнадцать — девятнадцать. А ветераны партии погибнут раньше, в кровавой волне сталинских репрессий, обрушившихся в 1937—1938 годах.

Стоя на скале, вспомнил я и то письмо, которое Аркадий Гайдар послал из Кунцева в Пермь Борису Назаровскому. И только тут сообразил, что вопрос был не так уж прост, потому что «если батарен с лесом сложить», то как раз и получится закрытая артиллерийская позиция.

Может, на такой позиции стояли орудия полка резерва главного командования, которые прикрывали огнем в августе 1941 года отход батальона Прудникова за речку Ирпень...

Весной 1939 года Аркадий Гайдар жил в Доме творчества писателей в Ялте.

Он тогда был весел и спокоен. Пришла телеграмма, что его повесть «Судьба барабанщика» все же пошла в печать. Ее первые главы начали публиковаться еще в ноябре 1938 года в «Пионерской правде». Но однажды, хотя внизу, как обычно, стояло «продолжение следует», повесть исчезла с газетных страниц и больше в «Пионерской правде» не появлялась. Приостановил работу над изданием книги и Детгиз.

Теперь, после Указа о награждении группы писателей орденами, в котором стояла и фамилия Гайдара, «Судьба барабанщика» готовилась к печати в журнале «Красная новь».

Аркадий Гайдар начал писать «Судьбу барабанщика», повесть как он сам сказал, «не о войне, но о делах суровых и опасных — не меньше, чем сама война», весной 1937 года. Закончивал в январе 1938 года в деревне Головково, примерно в сотне километров от Москвы, в избушке, хозяйку которой звали тетя Таня.

Домик был маленький, вышагивать по нему было трудно, и, накинув шинель, Гайдар ходил по заледеневшему шоссе, вдоль которого протянулась деревня. За огородами лежало белое поле, и чернел вдалеке лес.

Приближаться к Аркадию Гайдару в такое время не следовало. Но издали было видно, что он сначала хму-

рился, потом улыбался. Быстрым, решительным шагом возвращался в избушку, садился за стол. Впрочем, слу-чалось, что он не выходил из дома подолгу, часами си-дел, склонившись над рукописью.

Вечерами, иногда, читал вслух законченную главу. Читал, как правило, на память, лишь изредка загляды-вая в тетрадку, да и то, чтобы вычеркнуть неудачное или лишнее слово.

Читал Аркадий Гайдар хорошо. Не декламировал. Не старался подчеркнуть голосом удачное место. Шутка ли в тексте, или вдруг вспыхнут пронизывающие душу серьезные и веские слова,— голос чуть-чуть глуховатый оставался ровным, вроде даже отстраненным. Лишь ед-ва заметно менялась его окраска.

У многих в памяти отрывок из «Судьбы барабанщи-ка», не раз в статьях о творчестве Аркадия Гайдара ци-тировавшийся, и все же, если мы размышляем об этом человеке, нужно еще раз вернуться к тому месту в по-вести, где сын просит отца, бывшего командира Крас-ной Армии, спеть солдатскую песню.

...Отец поет «Горные вершины» на слова Лермон-това.

« — Папа! — сказал я, когда последний отзвук его голоса тихо замер над прекрасной рекой Истрой.— Это хорошая песня, но ведь это же не солдатская.

Он нахмурился:

— Как не солдатская? Ну, вот: это горы. Сумерки. Идет отряд. Он устал, идти трудно. За плечами вы-кладка шестьдесят фунтов... винтовка, патроны. А на перевале белые. «Погодите,— говорит командир,— еще немного, дойдем, собьем... тогда отдохнем... Кто до ут-ра, а кто и навеки...» Как не солдатская? Очень даже солдатская!»

Похоже, что, когда Аркадий Гайдар писал эти слова, перед глазами его вновь поднялась островерхая скала у станицы Ширванская. Мимо скалы шагали в горы красноармейцы 2-го батальона 302-го стрелкового пол-ка. Они должны были подняться к Тубинскому перева-лу, сбить вражеский заслон и удерживать перевал до подхода подкреплений...

Год спустя, в июле 1940-го, он написал Фраерману: «Дорогой Рувчик — мне исполнилось 36 (5 месяцев). Из чего они складываются?

1. Рожденье.

2. Воспитанье.

3. Воеванье.
4. Писанье.

Раздели 36 на 4, и жизнь моя будет перед тобою как на ладони, за исключением того темного времени, когда я задолжал тебе 250 рублей денег».

«Воеванье», как мы знаем, Аркадию Гайдару вскоре предстояло продолжить. Что же касается «писанья», то нет у него ни одной повести, ни одного рассказа, в которых не появились бы командир, красноармеец. Те, что еще в строю, или которые уже свое отслужили, отвоевали. И всегда, хотя бы эхом грома дальних батарей, военным эшелоном, промчавшимся мимо окон пассажирского поезда, или часовым на посту, но всегда и непременно присутствует в его книгах Красная Армия. И «нет для него ничего святей знамен Красной Армии, и поэтому все, что ни есть на свете хорошего, это у него — солдатское».

Новый, 1940 год Аркадий Гайдар встречал с преподавателями и студентами Московского библиотечного института.

Праздник уже пошел на убыль. Уже и посидели за столами, и танцевали, и пели, и читали стихи. Выбегали во двор смотреть, как светится небо над Москвой. Играли в снежки. Отогревались в аудитории.

— Скажите, Аркадий Петрович, как воспитывать у ребят ненависть к врагам? — спросил кто-то из преподавателей.— Дети и... ненависть. Ведь это не просто.

— Совсем не просто,— согласился Гайдар.— А зачем вам воспитывать ненависть? Воспитывайте любовь к родине. Пусть она будет большой, настоящей, искренней. И тогда, если кто-нибудь посягнет на родину, родится у человека великая и праведная ненависть. Такая вот, по-моему; диалектика...

Ненависть к врагам у Аркадия Гайдара была велика, потому что любовь к людям, к жизни, к Советской стране переполняла его сердце, прорываясь порой, как в письме к Б. Ивантеру, почти мальчишеским ликованием: «Да здравствуют всякие земли, народы, планеты, звезды, реки и вся наша интересная судьба».

Но к тому времени, когда мы так весело встречали новый, 1940 год, в его дневниках и письмах все отчетливее звучала иная нота.

«Тревожно на свете, и добром дело, видать, не кончится».

«Нервы и руки. Не распускаться. Смеяться. Работать».

«Сегодня начал «Дункан», повесть.

Война гремит по земле. Нет больше Норвегии, Голландии, Дании, Люксембурга, Бельгии. Германцы наступают на Париж. Италия на днях вступила в войну».

Дункан — так поначалу назвал он главного героя повести «Тимур и его команда». Почему он вскоре переменил это имя, сказать трудно.

Тимур Гараев — образ собирательный. Можно сказать, что в нем соединились черты героев предыдущих гайдаровских книг в их развитии.

Весной 1941 года в доме кинорежиссера Л. В. Кулешова были гости. Хозяин придумал игру: каждый должен был назвать несколько своих пристрастий или увлечений, ответить на вопрос: «Что ты любишь больше всего?» На листочке бумаги Аркадий Гайдар написал:

«Путешествовать вдвоем.

Чтобы считали командиром.

Быстро передвигаться.

Острить с людьми без вреда для них.

Тайную любовь к женщине (свою, чтобы объект не знал).

Не люблю быть один (не — одиночество)».

Вспомним повесть «Тимур и его команда». Заседание штаба, приказы Тимура, его отношение к Жене, мотоцикл, который мчится через ночь, чтобы Женя могла увидеть своего приехавшего на несколько часов с фронта отца... Почти на каждую строчку перечня привязанностей Аркадия Гайдара повесть откликается эхом, то прямым, то отраженным.

Ну, конечно же, герой повести «Тимур и его команда» — прежде всего сам Аркадий Гайдар.

На второй день войны Аркадий Гайдар получил задание: написать киносценарий «Клятва Тимура». Срок — 15 дней.

Никогда, даже в Перми, он не работал так быстро. Страница за страницей шел чистый текст, и режиссер Кулешов сразу же набрасывал режиссерский план фильма.

« — Я клянусь тебе своей честью старого и седого командира, что еще тогда, когда ты была совсем крошкой, этого врага мы уже знали, к смертному бою с ним готовились. Дали слово победить. И теперь свое слово мы выполним»,— говорит в сценарии полковник Александров своей дочери Жене, отправляясь на фронт.

В 1941 году Аркадию Гайдару исполнилось 37 лет. В светлых легких волосах даже не угадывалась седина. Но за каждым словом полковника Александрова, придавая им убедительность, стоят жизнь, опыт, думы, тревоги Аркадия Гайдара.

Как писатель Аркадий Гайдар ощущал приближение военной грозы с особой силой. Он знал, что война предстоит долгая, кровавая, и чувствовал личную ответственность за то, чтобы наша молодежь была готова к грядущим испытаниям.

Вместо 15 дней, как просил Комитет по делам кинематографии, Аркадий Гайдар написал «Клятву Тимура» за 12 дней. Помимо срочности заказа, его торопило желание скорее уехать на фронт. 2 июля из Болшева отправил телеграмму в Союз писателей Александру Фадееву:

«Закончив оборонный сценарий, вернусь в Москву шестого. Не забудьте о моем письме, оставленном в секретариате».

Напоминание оказалось не лишним, и 14 июля Союз писателей обратился в Красногвардейский райвоенкомат Москвы:

«Тов. Гайдар (Голиков) Аркадий Петрович — орденоносец, талантливый писатель, участник гражданской войны, бывший командир полка, освобожденный от военного учета по болезни, в настоящее время чувствует себя вполне здоровым и хочет быть использованным в действующей армии.

Партбюро и оборонная комиссия Союза советских писателей поддерживает просьбу т. Гайдара (Голикова) о направлении его в медицинскую комиссию на переосвидетельствование».

К этому письму и своему заявлению Аркадий Гайдар приложил сохранившиеся у него документы времен гражданской войны. Но медкомиссия в призыве на действительную военную службу отказала. Однако Аркадий Гайдар, предчувствуя такой поворот дела, уже подготовил запасной вариант. Он знал, что все равно, любыми путями должен быть на фронте.

Сразу после возвращения из Болшева отправился в редакцию газеты «Комсомольская правда». Борис Сергеевич Бурков, бывший тогда заместителем редактора этой газеты, рассказывал потом, что Гайдар пришел озабоченным, признался, что опасается отрицательного заключения медкомиссии. Просил помочь отправиться в действующую армию.

« — Мы обрадовались, решив, что он будет очень нужен газете в качестве военного корреспондента. Договорились, что редакция через ЦК комсомола обратится в ГлавПур РККА. Уехал от нас Гайдар в хорошем настроении».

18 июля он получил пропуск Генштаба РККА в действующую армию.

19 июля «Пионерская правда» начала печатать «Клятву Тимура».

Через день Аркадий Гайдар уехал на Юго-Западный фронт в качестве корреспондента «Комсомольской правды». В военной форме, но с пластмассовыми пуговичками на гимнастерке. Штатским.

Судьба сделала круг. Или, точнее, виток спирали.

Он ехал в город, где в 1919 году стал командиром, под стенами которого получил боевое крещение.

Утром 23 июля Аркадий Гайдар снова смотрел из окна пробитого осколками вагона на приближающийся Киев. Так же, как прежде, шумела листвой Владимирская горка. Неторопливо проступали из зелени белые здания. У мостов через Днепр стояли зенитные батареи. На левом берегу на прибрежном песке среди кустарников валялись обломки двух «Юнкерсов».

Линия обороны города проходила в 20—30 километрах западнее Киева по речке Ирпень, где части Киевского УР — укрепленного района — остановили мотомеханизированные соединения врага.

Весь Юго-Западный фронт простирался примерно на 300 километров. По «маршруту Ч — Ч» выезжали из Киева военные журналисты в полки и дивизии Юго-Западного фронта, занимавшего позиции от Чернигова до Черкасс.

Как большинство находившихся в городе корреспондентов центральной печати, Аркадий Гайдар поселился в гостинице «Континенталь». Богатая гостиница в центре города, где раньше останавливались все приезжие знаменитости, была полупуста. Из обслуживающего персонала остались несколько человек. Но работает

коммутатор. Журналисты занимают номера на третьем этаже.

Каждый день, на рассвете, в комнатах третьего этажа раздаются настойчивые звонки: «Пора!» Дежурная телефонистка, выполняя наказ, будит корреспондентов. Вскоре камуфлированные «эмки» одна за другой отъезжают от круто взбирающейся в гору улицы Карла Маркса. Бригада «Комсомолки» отправлялась на фронт в грузовой полуторке.

В Киев возвращались вечером. Материал в Москву передавали по телефону около полуночи. Принимали душ. И, конечно же, сразу заснуть не могли.

...В высокой комнате с зеркалом, с бархатным пыльным диваном и креслами, окна которой прикрыты тяжелыми шторами, пропела и смолкла гитарная струна. Потом прозвучал первый аккорд...

Вчера на рассвете в предместьях Берлина
Последний взорвался снаряд.
Знакомыми тропами, мимо овина,
С войны возвращался солдат...

Поет Александр Гуторович, корреспондент «Советской Украины». Песня о последнем дне войны написана им.

Поют Гайдар, Котов, Лясковский. Закончив диктовать материал, заходят корреспонденты других газет. Окрепла песня. Влились голоса Бориса Лапина и Захара Хацревина. Они большие друзья, соавторы многих книг, знатоки восточных языков. Оба — корреспонденты «Красной звезды».

Пришла еще одна неразлучная пара «краснозвездинцев»: капитан Сергей Сапего и политрук Александр Шуэр. Тихо вошел в комнату корреспондент Всесоюзного радио Евгений Барский.

Евгений Барский погибнет 11 августа 1941 года в танковой атаке неподалеку от Канева. Он — первым. Потом из журналистов, которые в июле — сентябре 1941 года жили в «Континентале», погибнут многие.

Захар Хацревин будет лежать на охапке сена возле дороги, по которой отступают наши войска, и, стирая с лица кровь, уговаривать Бориса Лапина оставить его одного. «Не говорите, пожалуйста, глупости»,— ответит Лапин, держа в руке револьвер и прислушиваясь к приближавшимся очередям немецких автоматчиков.

Александр Шуэр погибнет 22 сентября 1941 года восточнее Борисполя, пытаясь пробиться с другими журналистами и работниками политотдела 37-й армии из окружения.

О том, как это произошло, сообщит в письме в «Красную звезду» капитан Сергей Сапиго. А сам, раненый, проберется по тылам фашистских войск в свою родную Полтаву, станет одним из организаторов комсомольской подпольной группы и 26 мая 1942 года его расстреляют фашисты. Письмо его в «Красную звезду» дойдет только через двадцать с лишним лет...

Засыпали поздно. А на рассвете — снова настойчивые телефонные звонки. И рычат у подъезда «Континенталя» автомобильные моторы.

Однажды ночью журналистов разбудили не телефонные звонки, а разрывы артиллерийских снарядов. Фашистские орудия вели огонь по Киеву с высот возле Голосеевского леса.

М. Котов и В. Лясковский вспоминают:

«Осколком снаряда отбило кусок вывески над самым входом в гостиницу... Гайдар наклонился, поднял с земли стекляшку с золотистой буквой «т» и в этой напряженной, предутренней тишине вдруг произнес:

Немаловажная деталь —
Снаряд попал в «Континенталь».
Попал в гостиницу со свистом,
Куда податься журналистам?»

В эти дни штурма «Комсомольская правда» опубликовала первый фронтовой очерк Аркадия Гайдара «У переправы».

Конечно, сейчас, с картами и схемами, с книгами, посвященными Киевской оборонительной операции 1941 года, читаешь очерки Аркадия Гайдара иначе, чем той осенью, когда газета была как письмо с фронта.

Адрес первого фронтового очерка угадывать не приходится. Он указан в газете: 306-й Краснознаменный полк.

Этот полк входил в 62-ю стрелковую дивизию, сражавшуюся в составе 5-й армии в Коростеньском укрепленном районе. Армия держала активную оборону, нанося контрудары во фланг вражеских войск, прорвавшихся к речке Ирпень.

Один из героев очерка, комбат Иван Николаевич Прудников, потом рассказывал, как в полк приехала

бригада корреспондентов «Комсомольской правды», двое остались на КП командира полка, а Аркадий Гайдар пришел к нему во 2-й батальон. В атаку пошел с 6-й ротой. Добыл в бою трофейный автомат. Очень этим гордился.

Газета посвятила тогда 306-му полку целую полосу. Полк тогда наступал. И очерк Гайдара начинается с того, что батальон старшего лейтенанта Прудникова занял село. Но заканчивается отходом за речку Ирша.

Аркадий Гайдар предпочел не обрывать правду на факте. Он рисовал правду ситуации.

Очерк Аркадия Гайдара с южного фланга обороны Киева называется «У переднего края».

Оборону здесь держала наша 284-я дивизия. Шла артиллерийская и минометная дуэль

«Грубые, скрепленные железными скобами бревна потолочного наката вздрагивают. Через щели на плечи, за воротник сыплется сухая земля. Телефонист поспешно накрывает каской миску с пречневой кашей, не переставая громко кричать:

— Правей, ноль двадцать пятью снарядами!»

Позже, когда очерк появился в газете, кто-то из коллег засомневался:

— Аркадий! Ну при чем тут гречневая каша? Разве об этом сейчас нужно писать?

— Почему же не об этом? Если прикрыл миску, значит, после боя собирается пообедать. Значит — солдат! — ответил Гайдар.

В начале августа появился в Киеве еще один «известинец», Михаил Сувинский. Он поселился в одной комнате с Виктором Полторацким. Сразу включился в работу, передавал информации, но мечтал о большом очерке. Однажды, когда, вернувшись с фронта, журналисты снова собрались вместе, Виктор Полторацкий прочитал стихи:

Сувинский промолвил: ребята,
Нам дан очень маленький срок.
Пойду сквозь огонь автоматов,
Добуду четыреста строк.
В атаку ходил я немало.
С Гайдаром под Каневым был.
Но нету и нету подвала,
Без этого свет мне не мил...

Судя по воспоминаниям товарищей, Аркадий Гайдар побывал в Каневе несколько раз. Из первой поезд-

ки привез очерк «Мост». Части 26-й армии отражали тогда врага на дальних подступах к городу, по каневскому мосту выдвигался навстречу противнику бронепоезд «56», спешили на западный берег пополнения, шли на восток беженцы...

Последний очерк — «Ракеты и гранаты» — Аркадий Гайдар написал, сходив в ночной поиск с разведчиками 11-й дивизии на правый берег реки Остёр.

Положение Киева резко осложнилось Прорвавшиеся через Днепр вражеские части стремились с рубежа реки Остёр выйти в тыл защитникам города. В глубоком тылу всех армий Юго-Западного фронта, замыкая их в кольцо, двигались навстречу друг другу крупные танковые группы Гудериана и Клейста.

В ночь на 18 сентября 1941 года был получен приказ: оставить Киев. Вместе с другими корреспондентами и работниками политотдела 37-й армии Аркадий Гайдар перешел на правый берег Днепра. Остаток ночи провели в Дарницком лесу. Утром двинулись за Борисполь.

Виктор Полторацкий видел, как после одной из бомбежек Аркадий Гайдар прыгнул в кузов штабной полуторки...

В октябре 1944-го меня вызвали к начальнику политотдела Высшего Военно-Морского училища имени Фрунзе, в котором я учился. Капитан I ранга Бельский поднялся из-за стола, протянул несколько листков.

— Садись, читай.

Отошел к высоким, обращенным к Неве окнам кабинета.

«Справка о гибели военного корреспондента «Комсомольской правды» Аркадия Петровича Гайдара» занимала половину странички. К ней приложено донесение военного журналиста капитана А. Башкирова:

«По заданию редколлегии я разыскал в Полтавской области могилу погибшего в 1941 году военного корреспондента «Комсомольской правды» Аркадия Петровича Гайдара».

В селе Лепляво хорошо помнят Аркадия Гайдара семьи погибших партизан Степанец и Касича. В селе Михайловском Каневского района Киевской области (в 18 километрах от Лепляво) я встретил жену лесника Швайко, сын которой был кучером и ординарцем у партизана Гайдара.

ки привез очерк «Мост». Части 26-й армии отражали тогда врага на дальних подступах к городу, по каневскому мосту выдвигался навстречу противнику бронепоезд «56», спешили на западный берег пополнения, шли на восток беженцы...

Последний очерк — «Ракеты и гранаты» — Аркадий Гайдар написал, сходив в ночной поиск с разведчиками 11-й дивизии на правый берег реки Остёр.

Положение Киева резко осложнилось Прорвавшиеся через Днепр вражеские части стремились с рубежа реки Остёр выйти в тыл защитникам города. В глубоком тылу всех армий Юго-Западного фронта, замыкая их в кольцо, двигались навстречу друг другу крупные танковые группы Гудериана и Клейста.

В ночь на 18 сентября 1941 года был получен приказ: оставить Киев. Вместе с другими корреспондентами и работниками политотдела 37-й армии Аркадий Гайдар перешел на правый берег Днепра. Остаток ночи провели в Дарницком лесу. Утром двинулись за Борисполь.

Виктор Полторацкий видел, как после одной из бомбежек Аркадий Гайдар прыгнул в кузов штабной полуторки...

В октябре 1944-го меня вызвали к начальнику политотдела Высшего Военно-Морского училища имени Фрунзе, в котором я учился. Капитан I ранга Бельский поднялся из-за стола, протянул несколько листков.

— Садись, читай.

Отошел к высоким, обращенным к Неве окнам кабинета.

«Справка о гибели военного корреспондента «Комсомольской правды» Аркадия Петровича Гайдара» занимала половину странички. К ней приложено донесение военного журналиста капитана А. Башкирова:

«По заданию редколлегии я разыскал в Полтавской области могилу погибшего в 1941 году военного корреспондента «Комсомольской правды» Аркадия Петровича Гайдара».

В селе Лепляво хорошо помнят Аркадия Гайдара семьи погибших партизан Степанец и Касича. В селе Михайловском Каневского района Киевской области (в 18 километрах от Лепляво) я встретил жену лесника Швайко, сын которой был кучером и ординарцем у партизана Гайдара.

Из рассказов знавших Аркадия Гайдара колхозников и партизана Бутенко мне удалось установить следующее:

1. В партизанский отряд Горелова Аркадий Гайдар попал в сентябре 1941 года вместе с группой полковника Орлова (бывшего начальника штаба Каневской истребительной авиадивизии ПВО).

2. Полковник Орлов со своей группой пошел на выход из окружения, звал с собой Гайдара, но Гайдар категорически отказался покинуть партизанский отряд...

3. Гайдар в партизанском отряде с первого же дня зарекомендовал себя отважным пулеметчиком и особенно отличился в бою на территории лесопильного завода, когда он и еще два пулеметчика успешно отразили натиск большой группы немцев.

4. Гайдар вел дневник партизанского отряда, написал несколько... произведений в форме писем к сыну, жене, читал их партизанам. Но автор всегда носил их с собой, и они попали в руки немцев.

5. Гайдар погиб 26 октября 1941 года в результате стычки с немецкой засадой. Как утверждает Бутенко, в этот день Гайдар и еще четыре партизана пошли на продбазу отряда. Там на них напали немцы. Гайдар поднялся и крикнул: «В атаку!» Его сразила пулеметная очередь. (Остальные четверо спаслись.) Немцы тут же сняли с погибшего партизана его орден, верхнее обмундирование, забрали тетради, блокноты. Тело Гайдара захоронил путевой обходчик...»

Ранним утром 21 сентября 1947 года мы двинулись от лесной поляны возле села Лепляво к Днепру. Низенькая двухосная платформа (такие используют рабочие-путейщики) катилась, поскрипывая, по ржавым рельсам. Шпалы мешали почетному караулу держать шаг. Штыки поблескивали на солнце.

День занимался ветреный, но безоблачный.

На поляне, откуда мы начали свой путь, пряно пахли осенние травы. Поляна была высокая и сухая. С одной стороны ее перерезает железнодорожная насыпь, с другой — подступает невысокий сосновый лес.

Вчера саперы перекопали эту поляну вдоль и поперек.

— Здесь,— сказал, наконец, один из солдат, отложил лопатку и начал разгребать песок руками.

Тело Аркадия Гайдара нашли метрах в десяти от холмика, который 26 октября 1941 года насыпал путевой обходчик Сорокопуд. Видимо, он сделал так, чтобы скрыть настоящую могилу от немцев и полицаев, если бы они задумали к ней вернуться.

— Одна пуля,— определила женщина военврач.— Прямо в сердце.

Узкие дощатые челны ждали нас на берегу. Они были украшены зелеными ветками, срезанными в прибрежном кустарнике.

Гроб с телом Гайдара сняли с платформы, перенесли в челн. Рядом встали солдаты, секретарь Каневского райкома КПУ Ткач, секретарь райкома комсомола Пащенко, еще несколько человек. В других челнах белели платочки учительниц из Канева и Лепляво.

Рассеченный оврагами берег поплыл нам навстречу. Вздымалась громада Тарасовой горы, карабкались на кручу мазанки Канева.

Вода возле тяжелых каменных быков взорванного моста пенилась, брызги летели в лица солдат, зеленые прутики трепетали под ветром. Казалось, дождавшись своего часа, Аркадий Гайдар форсирует Днепр с первым броском десанта.

Стрекотали подвесные моторы, но мне слышался голос отца, его песня о незакатной звезде, и звучали памятные с детства обернувшиеся пророчеством слова: «Похоронили Мальчиша на зеленом бугре возле Синей реки...»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЁК»

УИЛКИ КОЛЛИНЗ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ
1

МОСКВА. ОГИЗ. 1993.

НЕЗНАКОМЫЙ ЗНАКОМЕЦ

...Однажды лунной ночью в начале 1859 года в окрестностях Риджент-парка прогуливались трое молодых людей. Внезапно из-за решетки сада, окружавшего одну из вилл, донесся душераздирающий женский крик. Чугунные ворота распахнулись, и женщина — молодая, необычайной красоты, в белых, сиявших под луною одеждах — выбежала оттуда: казалось, она реет над землей, будто призрак. Увидев перед собой мужчин, она помедлила, с выражением ужаса и замешательства на лице, потом, словно опомнившись, пустилась прочь и скрылась в глубокой тени. «Как она прекрасна»,— проговорил один из приятелей. «Я должен узнать, кто она такая и что ей угрожает!» — воскликнул другой и устремился за ней...

«К чему пересказывать начало «Женщины в белом»?» — спросите вы. Однако это не из романа; это из реальной жизни. Так (или примерно так) повествует биограф первого из говоривших, художника Дж. Э. Миллея. Вторым же, отважно побежавшим вдогонку, был не кто иной, как Уилки Коллинз. Встреча с «женщиной в белом», Каролиной Грейвз, оказалась очень важной не только в его человеческой судьбе — Каролина стала подругой Уилки,— но и в его писательской судьбе. Как раз в это время Коллинз замышлял роман, сюжетную линию которого почерпнул из документальной книги М. Межана «Знаменитые судебные процессы». Алчный родственник богатой и знатной француженки, дабы завладеть наследством, поместил ее, предварительно усыпив сильнодействующим средством, под чужим именем в сумасшедший дом; конец истории печален — маркиза, выбравшись на свободу, не сумела доказать свою тождественность в суде, так как была прежде объявлена покойной. Неудивительно, что рассказ об этом деле привлек внимание Коллинза, провозгласившего себя приверженцем «старомодного взгляда, согласно которому главная цель художественного произведения — увлекательное повествование». Но Коллинз задумал изобразить не только «похищение» у героини личности, но и «возвращение» ей личности — провести читателя через сложный лабиринт к счастливому концу. Встреча с Каролиной, спасение ее

от преследователя и послужили, очевидно, тем романтическим разрядом, что как молния озарил темное до этого пространство вымысла...

История создания романа символична — в ней просматривается присущее всему творчеству Уилки Коллинза (1824–1889) взаимодействие двух начал, двух сил. Одна сила — тяготение к действительности, ее злободневным проблемам и фактам, вторая — тяготение к иррационально-романтическому, к мрачной тайне, не постигаемой разумом, но составляющей, по мнению Коллинза, истинную подоплеку действительности (отсюда интерес писателя к подсознательному, снам, психологическим и психическим аномальным состояниям, предвосхищающий некоторые изыскания прозы XX века). «Вряд ли на десять тысяч человек сыщется один, который, находясь в гуще действительности, способен также постичь, что он пребывает в гуще таинственного и романтического»,— писал У. Коллинз. Себя, безусловно, он считал избранным, способным к этому, и видел свое писательское призвание в том, чтобы делиться своим важным открытием с читателем, делиться неустанно.

И в самом деле, этот человек, ведший довольно странную, сомнительную по викторианским понятиям жизнь, имевший одновременно две семьи (одну — с приемным ребенком, другую — с тремя своими), ни в том, ни в другом случае не зарегистрировавший брака, официально объявивший себя холостяком, любивший хорошие вина, путешествия в Париж и красивые галстуки, принимавший опий для утоления сильнейших ревматических болей,— этот человек не знал устали в литературном труде. Тридцать томов составляют его сочинения: более двадцати романов, многочисленные повести и рассказы.

Можно, вероятно, говорить о трех основных периодах в творчестве Коллинза.

Первый (1850–1858) характеризуется поисками оригинальной остросюжетной манеры и первыми находками; в эту пору, помимо нескольких романов, создаются и публикуются в журнале Ч. Диккенса «Семейное чтение» рассказы, составившие затем книги «После сумерек» и «Червовая дама».

Следующий период, около 10 лет — с публикации в ноябре 1859 г. первых глав «Женщины в белом» и до смерти Диккенса в 1870 г.,— наиболее плодотворный в писательской биографии Коллинза. Именно в эти годы он создает свои лучшие романы: «Женщина в белом» (1860); «Без имени» (1863) — о злоключениях двух юных сестер, оставшихся из-за нелепости и косности законов без имени и наследства; «Армадейл» (1866 — о влиянии «роковых» обстоятельств прошлого и «роковой» женщины на судьбу молодых

людей; «Лунный камень» (1868), «Муж и жена» (1870) – о последствиях пелепых брачных законов. Совершенствуя уже обретенную остросюжетную манеру, он подкрепляет ее более глубокой, чем прежде, психологической характеристикой героев – здесь сказывается влияние Ч. Диккенса, с которым его связывала дружба.

В последний период Коллинз не без влияния другого известного современника, Ч. Рида, обращается к актуальным морально-правовым проблемам своего времени и романы его становятся немного схематичными. Впрочем, эти произведения (например, «Бедная мисс Финч», 1872) удачно продолжают достижения второго периода. Новая интересная линия возникает в романе «Сердце и наука» (1883), сочетающем легкую, местами юмористическую манеру письма с рассмотрением, возможно впервые в истории литературы, этических проблем современной науки, в частности, связанных с вивисекцией.

Художественный мир У. Коллинза, по определению его знаменитого наставника, друга и соперника Ч. Диккенса,– «домашний и вместе дикий»: за фасадом повседневности в его произведениях скрыто преступление, если не совершенное, то зреющее. И в цивилизованном обществе, опирающемся на отношения собственности, неминуемы межличностные конфликты, борьба интересов, попираются законы как писаные, так и моральные. Коллинз, имевший юридическое образование, разглядел пружины этих конфликтов и использовал их для завязки в своих увлекательных романах. Вместе с тем писатель остро чувствовал ответственность перед обществом и старался нести читателю моральную истину, создавая в занимательной форме произведения высокой литературы. Поэт Т. С. Элиот – большой знаток и поклонник У. Коллинза – отмечал, что в романах Коллинза вкупе присутствуют те элементы, те поджанры, на которые форма романа впоследствии раскололась (это «высокий роман» и «роман-боевик»).

В современном западном литературоведении сложилось представление о Коллинзе как о писателе, внесшем серьезный вклад в развитие романа. Главное достижение Коллинза, пожалуй, в искусстве построения сюжета, интриги; новаторство его в реализации этих аспектов повествования через динамичные драматические ситуации.

Наконец, Коллинза можно считать одним из предтеч современного детектива. В «Лунном камне», самом первом, самом длинном и самом лучшем детективном романе в английской литературе (Т. С. Элиот), Уилки Коллинз изобретает художественные модели, образы и ситуации, которым суждено бесконечно тиражироваться. Лучший сыщик обладает невзрачной, маловпечатляющей наружностью, но выдающимися умственными способностями; сыщик-лю-

ответь превосходит сыщика из полиции; местная полиция неспособна разгадать преступление; сюжет строится не вокруг поимки преступника, а вокруг научной реконструкции преступления; малосущественные на первый взгляд детали оказываются самыми важными; подозрения сыщиков, а значит, и читателя, постоянно переходят от одного лица к другому, причем ключ к разгадке дан, но сознательно замаскирован... Если добавить к этому перечню модели, созданные Коллинзом в ранних рассказах (обезвреживание шантажиста, опровержение ложной версии о самоубийстве в пользу версии об убийстве и т. д.), то становится ясно, кому обязаны в своем творчестве Г. К. Честертон, А. К. Дойль, Д. Сейерс, А. Кристи и другие короли и королевы детектива.

Уилки Коллинз издавна знаком читателям России. В конце прошлого столетия переводились и издавались многие его произведения. В наше время были опубликованы в новом переводе его романы «Женщина в белом», «Лунный камень», «Муж и жена». Настоящее собрание еще шире приоткрывает дверцу к неосвоенному нами наследию замечательного английского писателя, этого незнакомого знакомца, который свои отношения с читающей публикой определял словами: «Пусть плачут, пусть смеются, пусть ждут с нетерпением!»

Дмитрий Псурцев

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ЗАГОСКИН

РОСЛАВЛЕВ, ИЛИ РУССКИЕ В 1812 ГОДУ

Роман

Ответственный за выпуск *Г. А. Зарицкая*
Художник *А. И. Царев*
Художественные редакторы *Е. М. Малышева, А. И. Царев*
Технический редактор *Г. П. Гарасевич*
Корректор *Т. Н. Соболева*

ИБ № 2971
Сдано в набор 04.11.87. Подп. к печати 12.10.87. Формат 60×90. Бумага кн. журн. Гарнитура тип Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 19,00. Усл. кр.-отт. 26,50. Уч.-изд. л. 21,90. Тираж 500 000 экз. (3-й завод 300 001 - 500 000 экз.). Зак. 1010. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Мастацкая литература» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11. Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Колас. 220005, Минск, Красная, 23.

Фотонабор и верстка выполнены с использованием автоматизированной системы переработки текстов информации АККОРД, разработанной в УННИИ[illegible] г. Львов.

«ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Летом 1852 года С. Т. Аксаков писал: «Недаром считают високосные года тяжелыми годами. Ужасен настоящий високос для русской литературы! 21 февраля потеряли мы Гоголя, 12 апреля — Жуковского и, наконец, 23 июня — Загоскина... В четыре месяца угасли у нас три славы, три знаменитости, три последних писателя, которые продолжали писать, которых талант был всем известен, всеми признан» [1].

Упоминание Загоскина в одном ряду с Гоголем и Жуковским может сегодня показаться парадоксальным. Нужно, однако, помнить, что в 1852 году ни Гоголь, ни Жуковский не попали еще в разряд «классиков», а Загоскин — в число писателей «второго ряда». Впрочем, преувеличивать значение творчества Загоскина тоже, очевидно, не стоит. При жизни его всеобщую высокую оценку снискало только одно произведение — роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», достоинства которого признавали сторонники самых разных литературных взглядов. Последующие исторические романы Загоскина: «Рославлев, или Русские в 1812 году», «Аскольдова могила, повесть из времен Владимира I», «Кузьма Петрович Мирошев, русская быль времен Екатерины II», «Брынский лес. Эпизод из первых годов царствования Петра Великого», «Русские в начале осьмнадцатого столетия. Рассказ времен единодержавия Петра I»— подобной популярности не имели. Хотя были у писателя и поклонники и недоброжелатели. Первые ценили его за русское, патриотическое направление, за достижения в области исторического романа, за изображение народного быта. Вторые называли патриотизм Загоскина «квасным», считали его народность фальшивой и не терпели склонности писателя к отстаиванию официальной идеологии. Идеи Загоскина резко критиковались и после смерти писателя. Так, Аполлон Григорьев писал в начале 1860-х годов: «Любовь к застою и умиление перед застоем... взгляд на всякий протест как на злодеяние и преступление, vae victis (горе побежденным!), проведенное повсюду, признание заслуги в одной покорности, оправдание возмутительнейших явлений старого быта, какое-то тупо-добродушное спокойствие и достолюбезность в изображении этих явлений...— вот существенные черты загоскинского общественного взгляда» [2].

К концу века полемический азарт при оценке творчества Загоскина утих, а «достолюбезность» патриотизма и народности перестали возмущать за удаленностью во времени. Появились спокойные очерки его жизни, переиздания собраний сочинений.

За писателем в истории литературы закрепилась репутация прежде всего одного из первооткрывателей русского исторического романа.

---

[1] Аксаков С. Т. Воспоминание о Михаиле Николаевиче Загоскине. // Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М.: Правда., 1966. С. 143.

[2] Григорьев А. А. Эстетика и критика. М., 1980. С. 213.

Загоскин был, безусловно, незаурядным писателем: популярным комедиографом в 1820-е годы, одним из лучших, с точки зрения современников, исторических романистов в 1830-е годы, писателем, любившим и умевшим изображать быт, делать сюжет увлекательным, диалог естественным, описание «натуральным». Он был человеком, в котором, по словам С. Т. Аксакова, «соединялось столько простоты душевной, доброты сердечной и ясной, неистощимой веселости, происходившей от спокойной, безупречной чистоты сокровенных помышлений и от полного преобладания доброты над всеми другими качествами» [1], и все это непосредственно сказалось в его произведениях. Однако в глубины философского, нравственного или социально-политического смысла тех или иных проблем он не вдавался, решая их с позиций «общих», с точки зрения «среднего» человека. Поэтому многие его идейные и художественные решения кажутся сегодня наивными, косными, прямолинейными. Но нужно помнить, что Загоскин был человеком своего времени, и было бы неисторично упрекать его за недостаточную широту мировоззрения или за литературные просчеты.

Михаил Николаевич Загоскин родился 14 июля по старому стилю 1789 года под Пензой. До 1802 года воспитывался он в деревне, много читал, пытался сочинять сам, а в четырнадцать лет был отправлен в Петербург и определен служить канцеляристом. Десять лет служил Загоскин в разных департаментах, но карьеры себе не сделал. В начале войны 1812 года он записался в петербургское ополчение, направленное на защиту подступов к Петербургу. Под Полоцком был ранен, получил орден за храбрость, участвовал в осаде Данцига. После роспуска ополчения Загоскин отправился в отцовское имение. Жил там полтора года, попробовал всерьез заняться литературой — написал комедию «Проказники» и, вернувшись в Петербург, отдал ее на суд популярнейшему комедиографу А. А. Шаховскому. Комедия была принята, поставлена в театре, а Загоскин, познакомившись с Шаховским ближе, становится ревностным его почитателем и последователем и начинает сам писать комедию за комедией. При этом Загоскин не перестает служить: после Горного департамента — в репертуарной части дирекции императорских театров, затем — в Публичной библиотеке. В 1820 году Загоскин переехал в Москву, определился «по театральному отделению» и, переходя из чина в чин, через одиннадцать лет стал директором московских театров. Впоследствии, в 1843 году, он занял другое директорское место — в московской Оружейной палате.

В 1829 году Загоскин, крупный уже чиновник и известный комедиограф, пьесы которого ставятся на московской и петербургской сценах, публикует свой первый исторический роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Только при жизни автора роман переиздавался восемь раз и был переведен на французский, немецкий, английский, итальянский, голландский, чешский языки.

Успех «Юрия Милославского» объяснялся прежде всего тем, что это был роман — жанр, составлявший, по определению Н. И. Надеждина, «не прихоть, а потребность современного возраста творческой деятельности» [2]. Русского читателя первой трети XIX века привлекали романы самой различной направленности и приключенческие, и авантюрные, и на современные, и на исторические темы, и романы о вмешательстве дьявола в человеческую жизнь, и романы, объясняющие все иррациональное самыми реалистическими причинами, романы в письмах и романы остросюжетные. Роман в понимании людей конца 1820-х годов — это и «разложение души, история сердца» [3], «любовь и описание семейственной

---

[1] Аксаков С. Т. Собр. соч. Т. 4. С. 144.

[2] Надеждин Н. И. «Рославлев, или Русские в 1812 году» (Сочинения ...). Телескоп. 1831. № 13. С. 77.

[3] Бестужев (Марлинский) А. А. О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем». // Московский телеграф. 1833. Ч. 52, № 15. С. 419.

ной жизни» [1], но также, по словам А. С. Пушкина, и «историческая эпоха, развитая в вымышленном повествовании» [2]. «Это роман»,— говорят обыкновенно о происшествиях, сколько-нибудь пробивающихся за тесные рамки ежедневности... В действиях признается *романическое*, когда они основываются не на холодных расчетах благоразумия, а повинуются безотчетно внушениям сердца; и потому каждое происшествие, совершающееся под влиянием любви, сей верховной царицы чувств, считается в высшей степени *романическим*» [3]. Одно из непременных условий достоинства романа состояло в том, чтобы о «неежедневных» событиях, совершающихся под влиянием «верховной царицы чувств», было увлекательно читать и чтобы они давали пищу для ума. Еще в 1802 году Н. М. Карамзин писал, что чтение романов «имеет влияние на разум, без которого ни сердце не чувствует, ни воображение не представляет» [4]. Выражения типа «приятное с полезным», «полезное увеселение» употребляемы были в русской литературе еще в XVIII веке, в то время, когда она открыто ориентировалась на исправление нравов и главной своей целью почитала моральную пользу, приносимую литературным произведением. Но в конце XVIII — первой трети XIX века ударение в этих выражениях решительно переносится на «приятность», «изящность», «увлекательность» написанного. Особенное внимание уделяется «слогу». Даже в баснях ценится уже не столько «нравственный урок», сколько изящество слога и вымысла. «Пища для ума», поданная через увлекательный вымышленный сюжет, быстро вытесняет из романа назидательность. «Я не мог себя никогда принудить продолжать чтение такого романа,— писал в 1830 году В. А. Жуковский,— в котором нет занимательности для *любопытства*, то есть хорошо запутанных и хорошо распутанных происшествий, и занимательности для *ума*, то есть истины и простоты с нею неразлучной... Вот почему я прочитал раза по четыре некоторые романы Вальтера Скотта и не мог дочитать новой Элоизы (<«Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо.— *А. П.*>), в которой все, что не роман, так превосходно» [5].

Разумеется, при этом были попытки, и не одна, определять значение литературных произведений степенью их полезности. Так, Ф. В. Булгарин (сам автор нескольких романов) не уставал, несмотря на насмешки, подчеркивать назидательные цели своих книг, «основная идея» которых, с его точки зрения, определяется тем, «что вы хотели доказать своим сочинением, какая цель его, какие правила политические, философские или нравственные хотели изложить в форме романа» [6].

Впрочем, русского романа, который бы мог конкурировать у читателей с европейским, в начале XIX века еще не было. Появился он в конце 1820-х годов, и сразу же определилось особенное его направление — историческое. «Историческую эпоху в вымышленном повествовании» воссоздают А. С. Пушкин («Арап Петра Великого», «Капитанская дочка»), И. И. Лажечников («Последний Новик», «Ледяной дом»), Ф. В. Булгарин («Димитрий Самозванец», «Петр Выжигин»), Н. А. Полевой («Клятва при гробе господнем»), Н. В. Гоголь («Гетман», «Тарас Бульба»).

Историко-реальный *фон* повествования в исторических романах конца 1820-х годов, в отличие от произведений, созданных до этого времени, выдвинут на одно из главных мест. Старинный быт предков интересует романистов теперь «сам по

---

[1] Титов В. П. О романе как представителе образа жизни новейших европейцев. // Московский вестник, 1828. Ч. 7. № 1. С. 171.

[2] Пушкин А. С. «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Полн. собр. соч. В 10 т. 4-е изд. Т. 7. Л., 1978. С. 72.

[3] Надеждин Н. И. «Рославлев, или Русские в 1812 году». // Телескоп, 1831. № 13. С. 78.

[4] Карамзин Н. М. О книжной торговле и любви ко чтению в России. // Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М.— Л., 1964. С. 179.

[5] Письмо В. А. Жуковского к М. П. Погодину от 12 января 1830 г. // Раут. Исторический и литературный сборник. Кн. 3. М. 1854. С. 302.

[6] Ф. Б<улгарин>. Петербургские записки.//Северная пчела. 1831. № 286.

себе», как своеобразная археологическая ценность. Минувшие лета — это *чужое*, неведомое для современников писателя время, и узнать его своеобычность, увидеть его неповторимые этнографические особенности, одновременно сопоставляя со *своим* временем,— непременная задача авторов отечественных романов.

Интерес к *чужому времени* проявился в России именно в первую треть XIX века, вслед за интересом к образу жизни других народов, к *чужому пространству*. И так же, как осмыслению чужого пространства служил жанр путешествия (начиная с «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, появившихся в 1790-х годах, до «Хроники русского» А. И. Тургенева, печатавшейся в русских журналах между 1827—1845 годами), потребовался жанр «путешествия в чужое время», роль которого в области литературы стал играть исторический роман.

Сопоставление века минувшего с веком нынешним помогало увидеть корни современного образа жизни, открывать в нем «те же самые стихии, те же страсти, те же предрассудки и заблуждения, которые под другими именами, в других формах волновали прошедшее» [1]. Кроме того, романисты стремились воссоздать исторический «колорит» давнего времени, изобразить жизнь людей прошлого в том виде, какова она была «на самом деле», показать специфические для века минувшего привычки, рассказать о занятиях предков, об устройстве их домашнего быта, о том, во что одевались, что ели. Впрочем, историческим «колоритом» чаще всего и ограничивалось воссоздание индивидуального лица другой эпохи, а чувства, образ мыслей, речи героев звучали вполне современно, без проникновения в психологию и особенности мышления людей прошлого. Такое ограничение было свойственно и самому «влиятельному» в России 1820-х годов историческому романисту Вальтеру Скотту: «Вальтер Скотт описывал только свою собственную эпоху и облек в старинные костюмы своих современников»,— писал Генрих Гейне в 1830 году [2]. Однако в России 20-х годов в сочинениях Скотта усматривают как раз умение воссоздать «характеристическую историю человечества в известный момент бытия его» (Н. И. Надеждин) [3], вместить в область романа «целые народы», «целые столетия» (С. П. Шевырев) [4].

Романы Вальтера Скотта переводятся в эти годы один за другим, с жадностью читаются, слава его в России растет [5], а вместе с ней усиливается и потребность в отечественном историческом романе. В 1829 году выходит «Юрий Милославский» Загоскина: остросюжетный, занимательный и *для любопытства* и *для ума* роман был принят большинством читающей публики почти с восхищением. Современникам казалась вполне адекватной передача исторического «колорита» XVII века. «Г-н Загоскин точно переносит нас в 1612 год. Добрый наш народ, бояре, козаки, монахи, буйные шиши — все это угадано, все это действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына»,— писал А. С. Пушкин в рецензии на роман [6]. Заслугу Загоскина видели в том, что «Юрий Милославский» имеет народную физиономию: характеры, обычаи, нравы, костюмы, язык» [7]. Позднее В. Г. Белинский отмечал, что Загоскин сделал «первую попытку

---

[1] Надеждин Н. И. С чего должно начинать историю? // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» на 1837 г. № 14.

[2] Гейне Г. Путевые картины. // Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1957. С. 379.

[3] Телескоп. 1831. Ч. 4, № 13. С. 90.

[4] Московский вестник. 1827, № 30. С. 413.

[5] О популярности В. Скотта в России см.: Левин Ю. Д., Прижизненная слава Вальтера Скотта в России.— В кн.: «Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы». Л.: 1975, с. 5—67.

[6] Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 7. С. 73.

[7] Аксаков С. Т. «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (рецензия).//Московский вестник, 1830, № 1. С. 75.

заставить в русском романе говорить русских людей по-русски», дал «опыт русской народности и простого, натурального изображения людей всех сословий» [1].

Однако помимо «адекватного» изображения истории и «народности» успех «Юрия Милославского» можно объяснить еще и тем, что он принес в отечественную словесность ощущение новизны жанра, явившись весьма удачным подражанием романам Вальтера Скотта. Слово *подражание* применительно к литературе в начале XIX века не имело презрительного оттенка. *Подражательность* была одним из принципов русской литературы XVIII — первой трети XIX столетия. Подражание и вольный перевод, использование «готовых» сюжетов и чужих сюжетных ситуаций, традиционных конфликтов, общих литературных «формул», заимствование персонажей и «переложение» их на русские нравы пересоздавали на русской почве достижения европейской литературы. «Подражатель, не будучи изобретателем в целом, должен им быть непременно *по частям*... Находить у себя в воображении такие красоты, которые бы могли служить *заменою*, следовательно, производить *собственное*, равно и превосходное; не значит ли это быть творцом? И не потребно ли для того иметь дарование писателя оригинального?» [2] «Подражатель» представлялся своего рода соперником того, кому он подражал. Не случайно один из рецензентов Загоскина был убежден, что романы русского писателя «сам Вальтер Скотт» прочитает с наслаждением.

Загоскин подражал не только и не столько в характерах героев, в расстановке их, в отдельных сюжетных ходах, сколько в общем подходе к изображению исторического прошлого своей страны. Главные герои его — так же как у Вальтера Скотта — вымышленные лица, а лица и события исторические даны на втором плане, лишь в связи с действиями главных персонажей. Огромное значение имеет у Загоскина «местная декорация нравов и обычаев» [3], именно местный исторический «колорит» сыграл важную жанрообразующую роль в создании русского исторического романа «вальтерскоттовского» типа.

Восхищение «Юрием Милославским» было столь велико в русской публике, что второй роман Загоскина на историческую тему был напечатан в огромном для того времени количестве — 4800 экземпляров («событие, неслыханное в летописях книжной русской торговли» [4],— восклицал впоследствии С. Т. Аксаков). Этот новый роман —«Рославлев, или Русские в 1812 году» был встречен, однако, весьма сдержанно.

За полгода до его выхода В. А. Жуковский предупреждал Загоскина: «...Боюсь великих предстоящих вам трудностей. Исторические лица 1612 года были в вашей власти, вы могли выставлять их по произволу, исторические лица 1812 года вам не дадутся! С первыми вы легко могли познакомить воображение читателя, и он благодаря вашему таланту уверен с вами, что они точно были такими, какими ваше воображение их представило ему; с последними этого сделать нельзя: мы знаем их; мы слишком к ним близки; мы уже предупреждены на счет их, и существенность для нас загородит вымысл» [5]. На это Загоскин живо возражал: «Исторические романы можно разделять на два рода: *одни* имеют предметом своим исторические лица, которые автор заставляет действовать в своем романе и на поприще общественной жизни, и в домашнем быту; *другие* имеют основанием какую-нибудь известную эпоху в истории; в них автор не выводит на сцену именно то или другое лицо, но старается ха-

---

[1] Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 13. М., 1948. С. 225.
[2] Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова.// Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.; Л., 1960. С. 410.
[3] Полевой Н. А. О романе Виктора Гюго и вообще о новейших романах. Московский телеграф. 1832. Ч. 43, № 2. С. 233.
[4] Аксаков С. Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина.//Собр. соч. Т. 4. С. 176.
[5] Письмо В. А. Жуковского к М. Н. Загоскину от 12 января 1830 г. // Раут. Исторический и литературный сборник. Кн. 3. М., 1854. С. 302–303.

рактеризовать целый народ, его дух, обычаи и нравы в эпоху, взятую им в основание его романа. К сему последнему разряду принадлежат «Юрий Милославский» и роман, которым я теперь занимаюсь»[1]. Однако слова Жуковского о том, что «существенность», действительные события 1812 года для читателей «загородит вымысл», в основном оправдались. Многими роман и был прочитан именно со стороны его «существенности». С. Т. Аксаков, например, считал, что история героини романа, будучи основана на реальном случае, но потеряв значение «голого факта», не имела и «достоинства вымысла», ибо все ее знали, а изображать Отечественную войну, это «современное, величайшее в мире событие» по прошествии неполных двадцати лет,— «мысль необдуманно смелая. Еще все актеры, кончивши великую драму, полные ею, стояли в каком-то неясном волнении, смотря с изумлением на опустевшую сцену их действий, как вдруг начинают им представлять их самих, многим из них это показалось кукольной комедией»[2]. Впрочем, за «вымысл» Загоскину тоже досталось. Н. Полевой, например, считал, что в «Рославлеве» происходит «замена истинного романизма, изображения характеров и эстетического развития действий сказочными случайностями, театральными нечаянностями, запутанностью интриги»[3].

Следует, однако, оговориться: не всеми роман был встречен в штыки. Так, Н. И. Надеждин посвятил ему хвалебную статью, а газета «Русский инвалид» откликнулась рецензией, прямо противоположной «Московскому телеграфу». «Рассказ жив, горяч и остроумен, сцены искусно приготовлены, эпизоды естественно связаны с главным предметом; любовь к отечеству, различным образом действовавшая в разных сословиях Российской империи, в годину опасности, описана с чувством и истиною»[4].

Своеобразный ответ Загоскину стал готовить Пушкин: он начал писать своего «Рославлева» с тем же составом героев, живущих в ту же эпоху 1812 года. Если у Загоскина соприкосновение с европейской культурой приводит героиню к предательству, то пушкинская Полина не только неспособна на предательство, но и не мыслит о личном счастье, когда отечество в опасности.

Исторические события оказались слишком близкими: современник «не может быть беспристрастным судиею», ибо «деяния современные взвешиваются потомством»[5]. Однако сам Загоскин предупреждал, что его «роман — не история, а выдумка, основанная на истинном происшествии», поэтому-то и судить о «Рославлеве» следует не со стороны исторической достоверности, а с учетом в первую очередь его «романности».

В «Рославлеве» Загоскин избрал тот же «вальтерскоттовский» прием, что и в первом романе: изображение жизни частных лиц — вымышленных героев — «на фоне» исторических событий и воздействие исторических событий на жизнь этих героев; «упомянул в рассказе и даже показал на втором плане» — нескольких действительных участников Отечественной войны (А. С. Фигнера, Д. В. Давыдова, М. А. Милорадовича), не назвав их, впрочем, по именам; сюжетной основой сделал события частной жизни, пружиной действия — любовь вымышленных персонажей. Но в отличие от «Юрия Милославского», где первичными были исторические «колорит» и «увлекательность» повествования, организующим фактором «исторического романа нашего времени» явилась патриотическая *идея*. Загоскин показывает в романе тот патрио-

---

[1] Письмо М. Н. Загоскина к В. А. Жуковскому от 20 января 1832 г. // Русская старина. Т. 115. 1903, № 8. С. 451.

[2] Аксаков С. Т. Биография Михаила Николаевича Загоскина. // Собр. сов. Т. 4. С. 177.

[3] Московский телеграф. 1831, № 8. С. 543.

[4] Русский инвалид. 1831, № 147—148, 13 июня.

[5] Глинка Ф. Н. О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года. // Декабристы. Проза. Литературная критика. Т. 2. Л., 1975. С. [illegible]

[6] Письмо М. Н. Загоскина к В. А. Жуковскому от 20 января 1830 г. // Русская старина. Т. 115. 1903, № 8. С. 451.

тический подъем, который захватил все слои русского общества в период Отечественной войны 1812 года. «Русская» идея владеет всем ходом повествования: от имени главного героя (Рославлев —«росс» и слава) до изображения сражений, любовных сцен и частных бесед. «Увлекательность» нередко вытесняется «нравственным уроком», который и сосредоточивается в идее, пронизывающей каждую сцену. В разговорах все положительные герои — истинно русские люди — выказывают истинную любовь к отечеству: и ямщики на постоялом дворе, и купец, наружность которого составляет «все отдельные черты национального характера» («радушие, природный ум, досужество, сметливость и русский толк»), и солдаты из передовой цепи, и резонер Сурской, и молчаливый артиллерийский офицер, и сам Рославлев, и даже французоман (но русский в душе!) Зарецкой. То же проявляется и в поступках героев: Рославлев подавляет любовь к Полине во имя любви к отечеству, смелый купец, подобно Ивану Сусанину, заводит Наполеона и его маршалов в самое пекло московского пожара, он же обличает шпиона в Москве, русские крестьяне истребляют французских мародеров.

Конфликт романа тоже задан главной идеей: мечтательница Полина, воспитанная в Париже на «французский манер», помолвлена с Рославлевым, но любит на самом деле француза Сеникура. В то время,когда Рославлев сражается в рядах русской армии, Полина встречается с Сеникуром, попавшим в плен, и венчается с ним в критический для всех русских момент — в день Бородинского сражения. В Москве она теряет и мужа и родившегося сына, а судьба забрасывает ее в осажденный Данциг, где и сталкивает с попавшим туда же Рославлевым. В предсмертной исповеди она говорит: «Итак, в молитвах моих я должна была говорить перед творцом: «Боже! спаси моего супруга и погуби Россию!» Загоскин формулирует свое понимание соотношения долга и личного чувства словами Сурского: «...всякая частная любовь должна умолкнуть перед этой общей и священной любовью к отечеству». Такой конфликт в известной мере восходит к излюбленному авторами классицистических трагедий столкновению в человеке двух чувств — долга и страсти. Именно выбор перед отечеством во имя личной страсти лежит, например, в основе трагедии М. М. Хераскова «Освобожденная Москва», где действие происходит накануне решающего сражения русских с поляками в 1612 году, а героиня — сестра Пожарского София, спасая своего возлюбленного — сына польского гетмана Вишневецкого, — убеждает Пожарского заключить с поляками мир.

Характеристика действий русских и французов, оценка деятельности Наполеона, подход к пониманию народного характера в романе, общая нравственная позиция Загоскина обусловлены не только особенностями мировосприятия романиста, но прежде всего — общественным осмыслением событий 1812 года, отразившимся в литературе этого времени.

Ориентация высшего сословия в России на французскую культуру дошла к 1812 году до абсурда. Отечественная война доказала пагубные последствия такой ориентации.

В Руси должна быть только Русь, а французское воспитание, французские моды, французская литература, французский язык извращают русское начало в дворянах, и это извращение начинает проникать даже в среду купечества и крестьянства (хотя эти два слоя как раз «самые русские» в России) — подобные мысли были присущи не одному Загоскину.

В своей трактовке народного характера Загоскин следовал общественной точке зрения, выработавшейся еще в 1810-е годы, которая широко толковала официальное понимание причин народной войны и народного характера и которую впоследствии развил и переосмыслил Л. Н. Толстой в «Войне и мире». В основе ее лежала мысль о проявлении в русском человеке «настоящей» жизни, о единении русских людей в момент опасности, нависшей над всеми ними. Именно любовь русского человека к отечеству способствовала выявлению его лучших нравственных качеств. Так,

Н. И. Надеждин писал: «...В жизни русского народа были также моменты, когда внутренняя полнота его, почивающая в безмятежной тишине, воздымалась, потрясенная чудною силою... Сила, производящая в нем сии чудные потрясения, достойна великого народа: это любовь к отечеству!.. У других наций сии достопримечательные эпохи всеобщего движения бывают обыкновенно следствиями внутреннего разъединения...— Не так бывает с народом русским. ...Русский человек... может потрясаться только общим колебанием сферы, к коей принадлежит, может жить полною жизнью только в единстве жизни отечества» [1].

Мысль о подлинно «полной жизни в единстве жизни отечества» имеет для Загоскина значение прежде всего как мысль о единении всех сословий в борьбе с врагом. В романе показательна в этом плане сцена боя крестьян с французами: бок о бок сражаются дворянин Рославлев, студент риторики и старик крепостной. Все чувства людей разных социальных слоев совпадают в одном — отбить врага, защитить отечество. Но если для автора «Рославлева» единение сословий в общей борьбе совершенно не предполагало никаких изменений в общественном переустройстве, то многие, даже далекие от декабристских настроений люди, предугадывали в таком естественном человеческом единстве неизбежность нравственных и социальных перемен. «Мы предполагали,— писал С. Н. Глинка,— во-первых, что сближение дворян с крестьянами к взаимной обороне Отечества сблизит их и на поприще жизни нравственной и что, не посвящая их в философы, они, по крайней мере, уступят им чреду людей. Во-вторых, мы думали, что владельцы тысячей душ, брося прихоти мод столичных и городских, заживут в поместьях своих, чтобы от *различных управлений* не гибли имущества и не страдали наши почтенные питатели рода человеческого и Отечества,— то есть: земледельцы. *Наконец*, мы воображали, что уничтожение всепожирающих мод и перемена безжизненного воспитания сроднят души всех сословий и вдохнут в них новое бытие! Утопия! утопия! мечта! мечта!» [2]

Единение русских людей в Отечественную войну и победа над наполеоновской армией воспринимались в обществе как победа *порядка* жизни над *хаосом*. Порядок этот осмысливается автором «Рославлева» согласно официальной доктрине: в «нерушимой верности к престолу, привязанности к вере предков и любви к родимой стороне».

Главное, с его точки зрения, в народной жизни — это послушание «старшим» по социальной лестнице и беспрекословное выполнение их приказаний. «Мы покорны судьям да господам; они — губернатору, губернатор — царю, так испокон веку ведется... как некого будет слушаться, так и дело-то делать никто не станет»,— разъясняет такую позицию старый ямщик. Временами доходящий до смешного капитан Зарядьев на самом деле в апологии всеобщей дисциплины весьма емко выражает ту же мысль Загоскина, когда утверждает, что неукоснительное выполнение строевой службы — залог всеобщего порядка.

Но проблема *порядка* в жизни русского общества содержит и более глубокий смысл. Тот вопрос, которым будут мучиться герои «Войны и мира»,— существует ли в мире определенная упорядоченность, взаимосвязанность, целесообразность явлений, или жизнь людская представляет собою сцену для столкновения индивидуальных волеизъявлений, разнонаправленных частных интересов, одно из которых способно превратить всю эту жизнь в хаос, привести в беспорядок,— этот вопрос действительно был актуальным, и попытки ответа на него появились уже в первых опытах осмысления войны 1812 года. Ответ сводился к тому, что ничья личная воля не может поколебать миропорядка, смысл же частной человеческой жизни определяется соотнесенностью ее с жизнью всех людей, и в первую очередь с жизнью нации. Именно такое ощущение русскими людьми своей правоты в защите порядка жизни

---

[1] Телескоп, 1831. № 14. С. 219.
[2] Глинка С. Н. Записки о 1812 годе. СПб, 1836. С. 91—92.

от внесения хаоса, целостности своего рода от раздробленности, от наполеоновской «вольницы», как скажет солдат в романе Загоскина, и было основным в рассуждениях писавших об Отечественной войне в первые послевоенные годы. Русские люди дали «целому свету великий и редкий пример мужества, добродетели и устойчивости» [1]. Сознание этой устойчивости вырабатывалось при сопоставлении русских с врагами. Так, описывая Бородинское сражение, Ф. Н. Глинка не случайно говорит: «Французы метались с диким остервенением; русские стояли с неподвижностью твердейших стен... Дрогнули поля, но сердца были покойны» [2]. Русской устойчивости противополагалась суетливость французов; покою, порядку — метание, беспорядок; правоте народной войны — дерзость властолюбивых и корыстных расчетов; общему чувству русских — личная воля Наполеона.

В утверждении *порядка* участвуют все сословия русских людей, объединенные чувством любви к отечеству. Врагов же России объединяет только воля Наполеона. В авторских рассуждениях и речах героев «Рославлева» проступает тот образ французского императора, который создался в сознании русского общества 1810-х годов. Акцент в то время делался на дерзостности помыслов Наполеона: ослепленный жаждой власти, он возмечтал, что он — частный человек — способен управлять миром. «Как жестоко обманулся честолюбивейший из полководцев в дерзостных мечтаниях своих! Ему казалось, что он все предусмотрел и все предуготовил к успеху исполинского предприятия своего» [3]. «Наполеон, привыкший считать себя видимою судьбой народов»,— скажет про него Загоскин в 1831 году, вторя общей точке зрения 1810-х годов, когда Наполеона воспринимали как человека, ослепленного индивидуализмом: «Узидя во власти своей всю Европу, кроме Севера, Наполеон обезумел в гордости и зверстве. Прежде говорили: «Человек располагает, бог совершает»; Наполеон возгласил: «Бог располагает, я совершаю» [4]. В таком контексте не случайной была интерпретация образа французского полководца как Антихриста, как дьявола в человеческом облике, как «исчадия ада» и т. п. (у Загоскина о Наполеоне-Антихристе вспоминают ямщики на постоялом дворе). Эта точка зрения, выраженная в «Рославлеве», достаточно однозначна: того, кто объявляет свою волю волей других людей (тем более — целой Европы), того, кто восстает против миропорядка, непременно ждет гибель:

Се тот, кто чтил своим весь мир!
Се муж, презорлив, сам в позоре,
Бежит... О горе, горе
Тому, кто сам себе кумир! [5]

«Могучий, непобедимый,— будет вторить Загоскин,— он ступил на землю русскую — и уже могила его была назначена на уединенной скале безбрежного океана!» Есть в этих словах и оттенок нового, распространившегося в 1820-е годы осмысления судьбы Наполеона. После смерти бывшего императора (1821 г.) в русском общественном сознании стал создаваться иной его образ, проявился интерес к Наполеону уже не как к полководцу-врагу, но и к его личности, к трагической судьбе, к загадке того, как мог один человек всколыхнуть всю Европу. В 1875 году, вспоминая 20—30-е годы, П. А. Вяземский писал: «Наше тогдашнее поколение было более или менее под наполеоновским обаянием... Мы забывали преступления его против

---

[1] Глас московского жителя в октябре месяце 1812 года, вечной славы России. М., 1812. С. 13.
[2] Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1815. Ч. 4.
[3] Там же. С. 213.
[4] Русский вестник. 1813, № 1. С. 62.
[5] Кокошкин Ф. На бегство Наполеона с остатком войск его.//Собр. стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 1 С. 146.

мира и благоденствия Европы... Пред нами был один страдалец, опоэтизированный судьбою и карою, на которую был осужден он местью победителей своих» [1].

Подспудной антитезой Наполеону — «видимой судьбе народов», Наполеону — «колоссу, который желал весь мир иметь своим подножием, которому душно было в целой Европе», выступает в романе образ Наполеона-волка, пришедший к Загоскину из литературы военных и первых послевоенных лет. Так, в стихотворении Ф. Н. Глинки «На соединение армий под стенами Смоленска 1812, 22 июля» повествуется от том, как «текут стада *волков* России грудь терзать»[2]. В. И. Штейнгейль описывает бегство Наполеона с помощью аналогичной метафоры: «Он устремился вспять, аки голодный *волк*, не смея даже несытым оком своим озираться на предмет своей алчности»[3]. И в басне Крылова «Волк на псарне» волк тоже Наполеон. Образ Наполеона — хищного зверя, Наполеона-волка переходит в роман Загоскина как неотъемлемый компонент «русской» идеи. Молчаливый офицер говорит про французов, вошедших в Москву: «Они начнут рыскать вокруг Москвы, как голодные волки, а мы станем охотиться». Ополченный помещик Буркин восклицает, узнав, что Москва оставлена: «Москва-то приманка. Светлейший хочет заманить в нее Наполеона, как волка в западню». Характеризуя переговоры Мюрата с русским генералом, Рославлев говорит: «А ведь это хорошая примета, когда волки становятся лисицами?» Волка, забредшего в овчарню, вспоминает и один из загоскинских купцов, причем рассказывает при этом целую басню в прозе: «Если, например, в овчарне растворят ворота и дворовые собаки станут выть по-волчьи, так дивиться нечему, когда волк забредет в овчарню. Конечно, собаки его задавят и хозяин дубиною пришибет; а все-таки может статься, он успеет много овец перерезать. Так не лучше ли бы, сударь, и ворота держать на запоре, и собакам-та не прикидываться волками; волк бы жил да жил у себя в лесу, а овцы были бы целы!» Аллегория эта в контексте остальных суждений купца прозрачна: собаки, воющие по-волчьи,— это «офранцузившееся» дворянство, волк — Наполеон, который «не затеял бы к нам идти, если б не думал, что его примут с хлебом да с солью».

Как бы два Наполеона сосуществуют в романе — Наполеон-герой с «орлиным взглядом» и Наполеон-волк, по-басенному снижающий образ высокого героя.

Как писатель, представляющий «русскую» идею в максимальной ее полноте, Загоскин много внимания уделяет таким качествам своих героев, как великодушие и человеколюбие. Рославлев и Зарецкой, с одной стороны, Сеникур и Шамбюр — с другой, несмотря на то, что являются врагами, имеют одну общую черту, во многом определяющую их характеры,— благородство. Зарецкой спасает Сеникура от смерти, восхищаясь, как тот сражается, Сеникур спасает Зарецкого в Москве, занятой французами, Шамбюр бережно обращается с пленным Рославлевым в Данциге. Они — враги, но только в открытом бою, во всех иных обстоятельствах человеколюбие берет верх, утверждает Загоскин. Благородством персонажей Загоскин подчеркивает широту своего взгляда: не все враги России — исключительно варвары, мародеры и грабители, как это утверждалось патриотами первых послевоенных лет. И среди них есть много людей «чувствительных», в лучшем понимании этого слова. Но Загоскин метит своим романом в тех, кто выражал во Франции мнение о России как о стране варваров. Загоскин подчеркнуто противопоставляет такому мнению благородство и чувствительность настоящих русских. Показательна в этом отношении сцена, в которой начальник партизанского отряда возвращает пленному французу его «любовные записочки»: «Примите, милостивый государь, вещи, которые

---

[1] Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 2. СПб, 1879. С. 256.

[2] Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. Ч. 4. С. 24 (здесь и в следующей цитате курсив мой.— *А. П.*). Ч. 1.

[3] Штейнгейль В. И. Записки касательно составления и самого похода санкт-петербургского ополчения. Ч. 1. СПб., 1814. С. 16.

для вас столь дороги,— говорит он,— пусть они, напоминая вам о предмете любви вашей, послужат доказательством, что храбрость и несчастие уважаются в России точно так же, как и в других странах». Авторскую позицию обьясняет «теоретически» Сурской в разговоре с Рославлевым, собирающимся на войну: «Как русской, ты станешь драться до последней капли крови с врагами нашего отечества, как верноподданный — умрешь, защищая своего государя: но если безоружный неприятель будет иметь нужду в твоей помощи, то кто бы он ни был, он, верно, найдет в тебе человека, для которого сострадание никогда не было чуждой добродетелью. Простой народ почти везде одинаков, но французы называют нас *всех* варварами. Постараемся же доказать им не фразами — на словах они нас загоняют,— а на самом деле, что они ошибаются».

Настойчивое подчеркивание Загоскиным своей патриотической позиции можно проследить и в его характеристиках простого народа, и в нарочитой демонстрации народной речи, и в изображении народной психологии и народных обычаев. Так, раскрывая особенности народной психологии, Загоскин, в частности, замечает: «У нас в России почти каждая деревня имеет свои изустные предания о колдунах, мертвецах и привидениях... Русской крестьянин, надев солдатскую суму, встречает беззаботно смерть на неприятельской батарее... но добровольно никак не решится пройти ночью мимо кладбищенской церкви...» А повествуя о прощании Рославлева со спасшим его купцом, Загоскин не забывает отметить, что «молчание, наблюдаемое в подобных случаях всеми присутствующими, придает что-то торжественное и важное этому древнему обычаю, и доныне сохраняемому большею частию русских».

Сознание того, что роман о 1812 годе, несмотря на близость событий, — прежде всего роман *исторический*, видимо, настолько захватило Загоскина, что, не имея возможности показывать современникам чужое время — жизнь предков — с присущим ему «колоритом», он переводил в плоскость собственно *исторического* изображения жизнь простонародья. В первую треть XIX века считалось, что быт и нравы народов на протяжении многих веков оставались неизменными. Поэтому, например, жизнь народа в XVII веке представлялась такой же, как в XIX. Недаром в рецензии на «Юрия Милославского» С. Т. Аксаков писал, что читатель, не знающий своего отечества, «вместе с иностранцами познакомится с жизнию наших предков и нашим нынешним бытом простого народа»[1]. Последние слова можно отнести и к «Рославлеву». Именно народный быт и народное мироощущение оказались в романе тем, что подлежало изображению как предмет исторического романа. Это мироощущение выявляется Загоскиным прежде всего в разговорах простых людей. Опыт комедиографа и бытописателя весьма пригодился ему для передачи разговорной речи своих героев. Недаром многие читатели и критики отмечали достоинства одной из наиболее важных в идейном плане сцен романа — беседу ямщиков на постоялом дворе. Белинский, например, писал о ней: «Мне очень нравится в «Рославлеве» сцена на постоялом дворе, но это потому, что в ней удачно обрисован характер одного из сынов нашего народа, проявляющийся в решительную минуту отечества»[2].

Конечно, последовательное утверждение Загоскиным своей идеи во многом ослабило его роман: по сравнению с «Юрием Милославским» ослабла сюжетная интрига, появились больший схематизм, стремление вместить одну и ту же мысль во все «уголки» повествования. Но идея же помогла Загоскину выразить и «особливую теплоту чувства» (В. Г. Белинский), передать ту атмосферу, те настроения, которыми жило русское общество в 1812 году, воссоздать особенное восприятие Отечественной войны ее современниками. В «Рославлеве» отразилось общее отношение к великим событиям представителей разных социально-политических воззрений: и будущих декабристов Ф. Н. Глинки и В. Н. Штейнгейля, и фанатика всего

---

[1] Аксаков С. Т. Собр. соч. Т. 4. С. 90.
[2] Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 1. С. 93.

русского «истого» С. Н. Глинки, и безвестных сочинителей патриотических брошюр 1812—1813 годов.

Умение Загоскина организовать сюжет не позволило роману стать скучным. Недаром Пушкин, выступавший против загоскинских идей, положительно отмечал именно романные достоинства «Рославлева»: «*...положения, хотя и натянутые, занимательны... разговоры, хотя и ложные, живы... все можно прочесть с удовольствием*»[1].

Впоследствии русский исторический роман развил заложенные Загоскиным на отечественной почве основы жанра. Изображение на первом плане вымышленных героев и осмысление их судьбы в связи с судьбой страны, изображение жизни людей в критический для всей нации момент, «народный» поворот исторической темы, «личное» знание писателем той эпохи, которую он показывает, опора не столько на документ, сколько на общественное мнение — эти и другие компоненты загоскинского романа сыграли значительную роль как в развитии русского исторического романа «на современную тему», так и вообще романа исторического.

А. Песков

---

[1] Письмо А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому от 3 сентября 1831 г. // *Собр. соч.* Т. 10. С. 295.

КОММЕНТАРИИ

С. 16. *Не требовать от меня отчета, почему я описываю именно то, а не то происшествие...*— Завершая работу над «Рославлевым», Загоскин писал: «...кровавый пот капает с чела моего. За трудное дело я взялся,— с современниками ладить не легко — того и гляди, что кого-нибудь обидишь — а судей-то будет, судей! — что читатель, что критик — «зачем он описал то-то, а не то-то» — «вывел того-то, а не этого»,— «я сам это видел — я сам тут был... следовательно, видел все и лучше и вернее автора и проч. и проч.» — как подумаю — мороз по коже подирает» (Исторический вестник, 1880. № 8. С. 700).

Тем, которые в русском молчаливом офицере узнают историческое лицо тогдашнего времени...— Имеется в виду Фигнер Александр Самойлович (1787—1813) — организатор одного из партизанских отрядов во время Отечественной войны 1812 г., «столь же хитрый, сколько и храбрый, был один из тех русских офицеров, кои наиболее причиняли вреда французской армии» (газ. «Русский инвалид», 1834, № 207). Фигнер был отправлен секретным распоряжением М. И. Кутузова в осажденный Данциг, куда проник под видом итальянского купца и добыл важные для русского командования сведения. Не называя имени прототипа своего героя, Загоскин тем не менее наряду с вымышленными использует реальные факты его биографии, тем самым создавая нужную для романа иллюзию достоверности *всего* происходящего.

Интрига моего романа основана на истинном происшествии ...когда проклятия оскорбленных россиян гремели над главою несчастной...— История любви героини романа к французу Сеникуру восходит к реальным эпизодам такого же рода: «Достоверные свидетели сказывали нам, что в разных губернских городах, где пленные находятся, не токмо они в пище, платье и в прочем нужном содержании ни малейшего недостатка не имеют, как то несомненно и должно быть согласно человеколюбивым християнским правилам, которые в сих случаях русскими весьма твердо наблюдаются; но сии свидетели сверх того утверждают: что не бывает ни одного собрания, ни одного бала, куда бы французы преимущественно приглашены не были, что они имеют вход во все домы, что некоторые русские дворяне с ними о России рассуждают, слушают их, любуются их красноречию и даже берут их в учителя к детям своим и уверяют, и без ужаса повторить сего не можно!.. что несколько благородных девиц сбираются вытти за них замуж; что, забыв честь, долг родства и любви к отечеству, не погнушались они руку свою предложить — кому? Тем, у которых кровь свойственников или ближних, несчастным сим девицам принадлежавших, не успела еще на руках обсохнуть! тем, от которых, может быть, вкусили тяжкую смерть отцы, братья, сродники их, друзья, не говоря уже о соотечественниках, ибо для мудрых космополиток, или обитательниц вселенной, ни сего звания, ни сей связи не существует. Говорят, даже утвердительно, называя и по имени, что две из сих несчастных

уже вступили в таковый отвратительный союз... И после содеяния нынешними злыми в отечестве нашем неслыханных святотатств и насилий русские благородные девицы не постыдятя вступать в супружество с участниками сих злодейств? О горе! О вечный стыд и срам!» (Сын отечества. 1813. Ч. 6, № 26. С. 301—304).

В поэтической форме об этом же писал С. Т. Аксаков:

И вот прелестные российские девицы,
Руками обхватясь, уставя томны лицы
На разорителей отеческой страны
(Достойных сих друзей, питомцев сатаны),
Вертятся вихрями, себя позабывают,
Французов — языком французским восхищают.
Иль брата иль отца на ком дымится кровь —
Тот дочке иль сестре болтает про любовь!..

(«А. И. Казначееву», 1814.)

С. 17. *...красноречивый сочинитель «Писем русского офицера...»* — Имеются в виду «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода Россиян противу Французов в 1805 и 1806, а также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год, с присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии». - Сочинение Федора Николаевича Глинки (1786—1880), поэта, участника войны 1812 г., будущего декабриста (части 1—8. М., 1815—1816). Цитата, с которой начинается роман Загоскина, является началом IV части «Писем...», посвященной военным событиям 1812 г.

...несмотря на турецкую войну...— речь идет о русско-турецкой войне 1806—1812 гг.

С. 18. *...на Петербургской стороне или в Измайловском полку...*— Район Петербурга, где дислоцировался Измайловский полк (ныне район Измайловского проспекта).

Известный роман «Матильда, или Крестовые походы»...— «Матильда, или Записки, взятые из истории крестовых походов» — роман французской писательницы Коттен (Софи Ристо) (1773—1807), изданный в 1805 г. Герой романа Малек-Адель — молодой предводитель мусульманских войск.

С. 19. *Здравствуй, Рославлев!..*— Фамилии большинства героев Загоскина, как и у многих его современников, литературны по своему происхождению. Так, фамилию *Рославлев* носит герой одноактной комедии А. С. Грибоедова и А. А. Жандра «Притворная неверность» (шла на сценах Петербурга и Москвы с 1818 по 1825 г.) Загоскин использовал эту фамилию в своей комедии «Добрый малый» (ставилась в Петербурге в 1819—20 гг., в Москве — в 1820—25 гг.). Братья Рославлевы — действующие лица водевиля А. С. Грибоедова и П. А. Вяземского «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (поставлен в обеих столицах в 1824 г.). Другие действующие лица романа: *Радугины, Ладушкин, Зарецкой, Блесткин, Сурской* — являются однофамильцами персонажей комедий Загоскина: «Вечеринка ученых», «Богатонов в деревне», «Деревенский философ», «Провинциал в столице», «День первого представления новой пьесы». Такие фамилии, как Ленской, Зарецкой, Радугин, встречаются в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина, у А. С. Грибоедова, в комедиях А. А. Шаховского, не говоря уже о забытых ныне «журнальных» повестях. Аналогии эти обычно не пре-

следовали полемических целей. В ходу были также фамилии, происходящие от названий рек (Двинской, Онегин, Печорин), озер (Ильменев), городов (Ижорской), женских имен (Лидин, Ольгин).

С. 21. *«Отчаянье Жокриса»?..*— Водевиль французского драматурга Л.-А. Дорвиньи (1734—1812). *Жокрис* — тип простака в старинных французских фарсах.

С. 22. *Сандарак* — смола, применяемая для изготовления лаков.

С. 23. *...что-то дикое, бесчувственное и даже нечеловеческое изображалось в серых глазах его.*— Товарищ Фигнера по партизанскому отряду Н. В. Неведомский оставил следующий его портрет: «...Бесстрастное лицо его походило на стертый временем, ничего не показывающий часовой циферблат: ни взглядом, ни движением не давал знать, что это презрение и к своей и к чужой жизни стоит ему какого-либо усилия над самим собою» (Современник, 1838. Т. 9. С. 21).

С. 25. *Когда под Кагулом он разбил визиря...*— В сражении при реке Кагул во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. русская армия под командованием П. А. Румянцева (1725—1796) одержала победу над войсками турецкого визиря.

С. 27. *...Веллингтону удалось взять обманом Бадаюс?* — Герцог Артур Уэлсли Уэллингтон (1769—1852) английский полководец, командовавший в 1808—1813 гг. союзными войсками на Пиренейском полуострове против Наполеона. При поддержке испанских повстанцев его войска освободили город Бадахос.

...не дороже того, что заплатили французы, когда брали Сарагоссу...— Осада Сарагосы длилась почти год (1808—1809).

С. 28. *Сен-Клу* — городок под Парижем; замок Сен-Клу, роскошно отделанный Наполеоном, служил ему резиденцией.

...по милости бунтовщиков англичан у вас не осталось ни одной лодки.— В октябре 1805 г. в битве при мысе Трафальгар (южное побережье Испании) английская эскадра разбила франко-испанский флот.

...при первом появлении французских орлов на берегах Гангеса...— Ганг — самая крупная река Индии. Завоевание Индии — неосуществленная мечта Наполеона.

С. 29. *Половина Испании покрыта пеплом...* — Наполеон рассчитывал завоевать Испанию так же легко, как и другие европейские страны, однако испанцы организовали отчаянное сопротивление, и благодаря действиям испанских партизан французские войска в Испании вплоть до падения Наполеона несли огромные потери.

С. 31. *...называли ее Коринною...*— Коринна — героиня романа французской писательницы Жермены де Сталь (1766—1817) «Коринна, или Италия» (1807). Имя Коринны, поэтессы и импровизатора, порою прилагалось (с оттенком пренебрежения или иронии) к пишущим дамам. Так называли, к примеру, княгиню Зинаиду Волконскую, которая славилась как певица и музыкантша, сочинительница пьес и стихов.

...которая и в древни времена...— Цитата из стихотворной сказки И. И. Дмитриева (1760—1837) «Причудница» (1794).

С. 33. *«Торжество Траяна»* — опера Ж.-Ф. Лесюэра (1760—1837), поставленная в Париже в октябре 1807 г. в честь возвращения Наполеона из победного похода в Пруссию. *Траян* (53—117 гг.) — римский император; полководец. Под торжеством Траяна здесь подразумевалось торжество Наполеона.

Рейнский союз (1806—1813) — объединение ряда германских государств (Бавария, Лихтенштейн, Вюртемберг, Баден и др.) под протекторатом Наполеона; эти государства вступали в военный союз с Францией, становясь фактически ее вассалами.

С. 34. *Это вид Аустерлица.*— Аустерлиц — деревня в Моравии (Чехословакия). Под Аустерлицем союзные русские и австрийские войска в декабре 1805 г. проиграли сражение Наполеону.

...с видом Прейсиш-Ейлау или Нови.— Под Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г. произошло кровопролитное сражение между русской и французской армиями, в котором Наполеон не сумел одержать победу. Нови — город в Северной Италии, где в августе 1799 г. русско-австрийская армия под командованием Суворова разгромила армию французов.

С. 36. *...принятая всей Европою континентальная система...*— Континентальная блокада, запрещающая торговые отношения с Великобританией, была навязана Наполеоном России в 1807 г. Ее целью было защитить французскую экономику от торговой конкуренции с более развитой Великобританией.

С. 38. *...прическу* à la Titus...— Прическа римского императора Тита Флавия Веспасиана (39—81 гг.): завитые и зачесанные на лоб волосы.

С. 41. *Оленька добра, простодушна, приветлива, почти всегда весела... Но сестра ее... все, что сближает землю с небесами, все высокое, прекрасное доступно до этой чистой, пламенной души!* — Один из наиболее вероятных ближайших источников противопоставления двух сестер — «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Полина с ее «задумчивостью и всегдашним унынием», с «живым цветущим воображением» и «чистой, пламенной душой» напоминает Татьяну, для которой:

Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Теченье сельского досуга
Мечтами украшала ей.

А характеристика Ольги у Загоскина соотносится с изображением Ольги в романе Пушкина.

Всегда *скромна*, всегда послушна,
Всегда как утро *весела*,
Как жизнь поэта *простодушна*...
(Подчеркнуто нами.— *А. П.*)

Вторая глава «Евгения Онегина», откуда приведены эти строки, была напечатана дважды до появления «Рославлева» — в 1825 и 1830 гг. Загоскин переакцентирует пушкинскую ситуацию в соответствии со своей идеей. Оленька оказывается «русская душою», а Полина (не случайно и имя у нее, в отличие от славянского имени младшей сестры, вполне «космополитическое») — способной к предательству.

С. 42. *Казалось, она завидовала жребию Матильды...*— Матильда — героиня одноименного романа Коттен. История трагической любви мусульманского полководца Малек-Аделя и английской принцессы Матильды нарочито проецируется

Загоскиным на любовный конфликт его романа. Но трагизм ситуации усиливается в связи с тем, что Полина не только, подобно Матильде, преступает законы веры (она — православная, Сеникур — католик), но и предает любовь к отечеству, связав свою жизнь с врагом России — французом.

И ты, рыцарь Амадис...— Имеется в виду герой одного из самых популярных в XIV—XVI вв. испанских рыцарских романов «Амадис Гальский», совершающий многочисленные рыцарские подвиги и сохраняющий пылкую любовь к своей единственной избраннице.

С. 49. *...прибитые по стенам почтового двора — и Шемякин суд, и Илью Муромца, и взятие Очакова...*— Речь идет о лубочных картинках, популярных в народной среде. Упоминание лубков — стереотипный компонент описания почтовых станций и постоялых дворов в русской литературе 1820-х гг.

С. 58. *«Мысли вслух на Красном крыльце Силы Андреевича Богатырева».*— Имеется в виду «антифранцузская» брошюра «Мысли вслух на Красном крыльце с приложением письма Силы Андреевича Богатырева к одному приятелю в Москве», сочиненная губернатором Москвы Ф. В. Ростопчиным (вышла в свет в 1807 г.).

...их-де отечество на Кузнецком мосту...— Кузнецкий мост в Москве с его многочисленными магазинами был средоточием французской моды и в этом смысле являлся объектом критики французомании в литературе. Характерно осмысление моды как кумира, заменившего духовные ценности. Ср. с рассуждением Ф. Н. Глинки. «Вопрос: что́ есть мода? Ответ: мода есть нечто... трудно объяснить что, и что такое... Обитель ее — все большие города, ее храмы – близ Кузнецкого моста, жрицы ее — модные торговки» (Декабристы. Антология в 2 т. Т. 2. Л., 1975. С. 34).

С. 59. *Одер* — изнуренная лошадь.

С. 62. *...и пришла ли роговая музыка...*— Оркестры, составленные из охотничьих рогов, возникли в России в середине XVIII в. и просуществовали около ста лет; каждый из рогов мог извлекать только один звук.

С. 67. *...«Дианина древа»!* — Здесь речь идет о комической опере «Диянино древо, или Торжествующая любовь» (текст Л. да Понте; переделка с итальянского И. А. Дмитревского; музыка В. Мартина-и-Сoлера). После первой постановки в 1789 г. неоднократно шла в Петербурге и Москве.

С. 71. *Чтоб совесть ваша была спокойна, я постаралась бы пережить эту потерю.*— Самоубийство влюбленного героя, не получившего взаимности, или героини, обманутой возлюбленным,— одно из «общих мест» в западноевропейской и русской литературе конца XVIII — начала XIX в. (см., например, Гете И.-В. Страдания молодого Вертера, Карамзин Н. М. Бедная Лиза).

С. 76. *Бельведер* — надстройка над домом в виде башенки.

Этрурские вазы (или этрусские) — вазы, изготовленные в Этрурии (северо-западная часть древней Италии) из черной глины или по́крытые черным лаком с богатым орнаментом.

С. 77. *Бюффон* Жорж Луи Леклерк (1707—1788) — французский ученый-натуралист, автор «Естественной истории», сыгравшей значительную роль в естествознании XVIII в. В России начала XIX в. Бюффон особенно ценился за красноречивый слог.

С. 83. *Елисейские поля* — в античной мифологии место загробного пребывания «блаженных», избранных душ.

С. 84. *...у знаменитой певицы Мары...*—Г.-Э. Мара (1749—1833) — немецкая певица, в начале XIX в. гастролировала в Петербурге и Москве.

С. 85. *...«выду я на реченьку»...*— русская народная песня.

...«гром победы раздавайся!» — полонез для оркестра и хора (слова Г. Р. Державина, музыка О. А. Козловского); написан для праздника, данного Потемкиным в 1791 г. в честь взятия Измаила; позднее выполнял роль русского национального гимна.

С. 96. *Я помню милицию...* — В конце 1806 г., в период кампании против Наполеона, в связи с нападением Наполеона на Пруссию в России было сформировано временное ополчение — милиция. 1805 — 1807 гг. в России была сформирована милиция — ополчение в составе более 600 тысяч человек, которое вскоре было распущено.

С. 97. *...южный ветер лелеял русских орлов на берегах Дуная...*— Здесь речь идет о русско-турецких войнах 1768—1774 и 1787—1791 гг.

...наши волжские песни раздавались в древней Скандинавии...— Имеются в виду войны России со Швецией 1741—1743, 1788—1790 гг.

...среди цветущих полей Италии и на вершинах Сен-Готарда...— В период войны России (в коалиции с Англией, Австрией, Турцией и Неаполитанским королевством) против республиканской Франции Суворов совершил свой победоносный итальянский поход 1799 г. и знаменитый переход из Северной Италии в Швейцарию через Альпы. *Сен-Готард* — перевал в Альпах.

С. 98. *«Так! французы в России!..»* — Слова из манифеста Александра I, объявленного в начале Отечественной войны 1812 г.

«...в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном — Палицына, в каждом гражданине — Минина...» — Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642) возглавил в 1612 г. русское войско в борьбе с польско-шведскими интервентами. Минин Козьма (Кузьма Минич Захарьев-Сухорук; ум. в 1616 г.) — организатор народного ополчения в 1612 г. Палицын Авраамий (Аверкий Иванович; ум. в 1626 г.) — келарь Троице-Сергиева монастыря, в 1612 г. способствовал организации ополчения, участвовал в освобождении Москвы от поляков. Имена князя Пожарского, земского старосты Минина и монаха Палицына были в период войны 1812 г. символами единения сословий во имя борьбы с общим врагом.

...и уже могила его была назначена на уединенной скале безбрежного океана! – Имеется в виду остров Святой Елены в Атлантическом океане — место последней ссылки Наполеона.

...Витгенштейн Петр Христианович (1768—1843) - фельдмаршал, в период Отечественной войны 1812 г. командовал корпусом, прикрывавшим подступы к Петербургу, успешно противостоял корпусу наполеоновского маршала Ш.-Н. *Удино* (1767—1847). Удино был ранен под Полоцком.

С. 100. *Корпия* — нащипанные из тряпок нитки; использовалась раньше как перевязочный материал вместо ваты и марли.

С. 111. *Фланкеры* — солдаты фланговых отрядов.

С. 119. *Торока́* — ремешки позади седла для пристежки, привязывания чего-нибудь (ср. торочить, приторочить).

С. 124. *Рославлев вынул часы, подавил репетицию...*— механизм для боя в карманных часах.

С. 127. Ситуация явления жениха на пороге церкви, где его невеста венчается с другим, восходит в русской литературе к повести Н. М. Карамзина «Сиерра-Морена» (1792). У Карамзина жених закалывается на пороге церкви, а его невеста, за мгновение до этого готовая обвенчаться с новым возлюбленным, в знак памяти к первому избраннику отказывается от брака и уходит в монастырь.

С. 136. *К Иверской, православные!* — Иверская икона божьей матери названа по имени Иверского монастыря на Афоне. В 1648 г. в Москву была доставлена ее копия и хранилась в часовне (у Воскресенских ворот Китай-города). Икона, считавшаяся чудотворной, незадолго перед вступлением французов в Москву в 1812 г. была увезена во Владимир.

С. 137. *...а в сегодняшней афишке напечатано...*— Афиши военного губернатора Москвы Ф. В. Ростопчина (1763 — 1826) распространялись среди «простого народа» в июле — августе 1812 г.; язык их был стилизован под речь простонародья; некоторые из них представляли собой лубочные картинки с пространными подписями.

Мамаево побоище, или Куликовская битва — сражение русских под предводительством Дмитрия Донского (1350—1389) с монголо-татарскими войсками, во главе с ханом Мамаем. Битва произошла 8 сентября 1380 г. и закончилась полной победой русских. Отечественная война 1812 г. в сознании людей этого времени нередко ассоциировалась с нашествием монголо-татар. Так, М. И. Кутузов на предложения наполеоновского маршала Лористона прекратить «варварскую» партизанскую войну, ведущуюся не «по военным правилам», отвечал, что «сие относится не к армии, а к жителям нашим» и «что, ежели бы я и желал переменить образ мыслей сей в народе, то не мог бы успеть для того, что они войну сию почитают, равно как бы нашествие татар, и я не в состоянии переменить их воспитание» (Донесение М. И. Кутузова Александру I о мирных предложениях Наполеона от 23 сентября 1812 г.— Кутузов М. И. Сборник документов. Ч. 1. Т. 4. М., 1954. С. 368). Характерны в этой связи сравнения Наполеона с Чингисханом, Мамаем, Батыем. Например, в «Эпитафии завоевателю» Г. Р. Державина:

Под камнем сим лежит Батый-Наполеон,
Величье было их — ужасный сон!

(Сын отечества. Ч. 1. 1812, № 4. С. 270)

С. 138. *...молодцы из Каретного ряда...*— Не исключено, что эти сведения почерпнуты романистом из книги Ростопчина «Правда о пожаре Москвы»: «...В Москве есть целая улица с каретными лавками, и в которой живут одни только каретники. Когда армия Наполеона вошла в город, то многие генералы и офицеры бросились в этот квартал и, обошедши все заведения оного, выбрали себе кареты и заметили их своими именами. Хозяева, по общему между собою согласию, не желая снабдить каретами неприятеля, зажгли все свои лавки» (Ростопчин Ф. В. Правда о пожаре Москвы. М., 1823. С. 21).

С. 140. *Это шпион, изменник!..*— Реальной основой для этого романного эпизода послужили события, связанные с распространением «Письма Наполеона к прусскому королю» и «Речи Наполеона к князьям Рейнского союза в Дрездене». В официальной версии Ростопчина по этому поводу сообщалось: «...в Москве показалась дерзкая бумага, где между прочим вздором сказано, что французский импе-

ратор Наполеон обещается через шесть месяцев быть в обеих Российских столицах. В 14 часов полиция отыскала и сочинителя, от коего вышла бумага. Он есть сын московского второй гильдии купца Верещагина, воспитанный иностранным и развращенный трактирною беседою... Верещагин же сочинитель и губериский секретарь Мешков переписчик, по признанию их, преданы суду и получат должное наказание за их преступление». (Ростопчинские афиши. СПб., 1904. С. 12).

С. 143. *...на твоем наследственном объяринном канапе.*— Диванчик, обшитый шелковой материей.

С. 146. *«...Ну, прошу после этого быть всемирным гражданином!»* — Понятие «гражданин мира», или космополит, было выдвинуто в XVIII в. философами-просветителями, проводившими мысль об общности интересов и нравственных ценностей всего человечества, о единой природе всех людей независимо от их национальности. Здесь в ироническом контексте.

С. 147. *...Наполеон, сей новый Аттила...*— Аттила (ум. в 453 г.) — предводитель гуннов (кочевого народа Центральной Азии), совершавших опустошительные набеги на Восточную Римскую империю. Сопоставление французов-завоевателей с дикими ордами, а Наполеона - с вождем гуннов характерно для эпохи. При этом подчеркивалось, что дикие и бесчеловечные поступки совершались в 1812 г. одним из просвещеннейших народов Европы: «Орда диких более возымела бы чувства, нежели сии образованные и просвещенные французы» (Житель Москвы к своим соотечественникам в октябре 1812». СПб., 1812. С. 5); «Французы показали себя гнуснее всех диких и непросвещенных народов» (Наполеон и французы в Москве, с подробным описанием всех достопамятных и незабываемых для России происшествий нынешней войны... М., 1813. С. 108).

...хоть светлейший смотрит и не в оба, а ведь он... себе на уме! — Светлейший князь, главнокомандующий русской армии М. И. Кутузов, в одном из сражений был ранен и потерял глаз.

Но вместе с тем высказывание студента риторики отражает следы размолвок Кутузова с Ростопчиным в августе 1812 г., когда он тщетно добивался от Ростопчина подкрепления. Ростопчин в афише от 31 августа 1812 г., за три дня до оставления Москвы, призывал жителей готовиться к сражению (хотя и знал, что никакого сражения под Москвой не будет) и писал в заключение: «И я теперь здоров; у меня болел глаз, а теперь смотрю в оба». («Ростопчинские афиши», с. 58). Ростопчин имел в виду здесь не столько свою болезнь, сколько метил в Кутузова, который не мог «смотреть в оба» и потому «проглядел» Москву. Позиция Ростопчина была следствием недовольства царского двора Кутузовым, так и не давшим генерального сражения под Москвой.

С. 148. *Гвериласы* — испанские партизаны, развернувшие освободительную борьбу против наполеоновских войск.

Цезарь (Кесарь) Гай Юлий (100—44 гг. до н. э.) — римский полководец, государственный деятель и историк. Его военно-исторические мемуары «Записки о галльской войне» посвящены покорению римлянами Галлии. Галлия — территория, включающая нынешнюю Францию, Швейцарию, Северную Италию и Бельгию, была населена в древности галльскими племенами. Галлами в начале XIX в. нередко называли французов.

...не Александром ли вас зовут... Намек на Александра Македонского (356—

323 гг. до н. э.), царя Македонии, знаменитого полководца древнего мира, который, завоевав Персидскую державу, создал огромное государство, после его смерти распавшееся.

Македонская фаланга — ядро македонского войска; тяжело вооруженная пехота из крестьян, организованная македонским царем Филиппом II (ок. 382—336 гг. до н. э.). Была предназначена для атаки наступающего противника.

Рекреации — здесь: перемена в школе.

С. 149. *..сантиментальный путешественник...*— В русской литературе конца XVIII — первой трети XIX в. был необыкновенно популярен жанр «сентиментального путешествия». Он представлял собою, как правило, дневник путешествия, в котором особое внимание уделялось чувствам и размышлениям автора-рассказчика в связи со всем увиденным. Начало русским сентиментальным путешествиям положил Н. М. Карамзин «Письмами русского путешественника» (1791 — 1792).

С. 150. *Пале-Рояль* — дворец с садом, окруженный арками, под которыми помещались рестораны и магазины,— излюбленное место прогулок парижан.

С. 154. *...я привез с собой афишку...*— Далее цитируется афиша Ф. В. Ростопчина от 31 августа 1812 г. С. Н. Глинка рассказывал об этой афише следующее: «Граф присел к столику и летучим пером написал *воззвание на три горы*. Подавая мне его для напечатания в типографии Семена Аникеевича Селивановского, граф прибавил: «У нас на *трех горах* ничего не будет; но это вразумит наших крестьян, что им делать, когда неприятель займет Москву» (Глинка С. Н. Записки о 1812 годе. СПб., 1836, С. 55). Три горы — Трехгорная застава в Москве.

С. 163. *...смешаться с толпою своих неприятелей, ходить вместе с ними...*— «Почти каждый день, каждую ночь Фигнер переодевался то крестьянином, то городским жителем... брал толстую палку, которую надобно было долго рассматривать, чтобы догадаться, что она духовое ружье, и отправлялся за передовые цепи своего отряда» (Неведомский Н. Последнее сражение Фигнера. Современник. 1838. Т. 9. С. 220).

С. 164. *...ни одной трубы в городе не осталось.*— Накануне вступления французов в Москву оттуда были вывезены все пожарные трубы и эвакуирована пожарная команда.

С. 165. *...покинул своих французов в Египте...*— Во время неудачной экспедиции французских войск в Египет (1798—1801) Наполеон тайно покинул армию, находившуюся в бедственном положении, и вернулся в Париж.

Герцог Ангиенский — Энгиенский Луи-Антуан де Бурбон-Конде (1772—1804) — принц французского королевского дома. По приказу Наполеона был тайно вывезен с территории пограничного Франции Бадена и расстрелян по приговору военного суда. Казнь герцога Энгиенского вызвала возмущение во всей Европе.

С. 171. *Сегюр* Филипп Поль (1780 -1873) — французский генерал, находившийся в 1812 г. в составе свиты Наполеона; впоследствии написал воспоминания о походе Наполеона на Москву.

С. 173. *...сказал Наполеонов мамелюк Рустан...*— Телохранитель Наполеона, вывезенный им из Египта. Мамлюки — гвардейцы египетской конницы, рабы Наполеоном.

Делор (Дюлор) Жак Антуан (1755—1835) — французский политический деятель и писатель.

С. 174. *... взыскательность некоторых критиков...*— Намек на Н. А. Полевого (1796 — 1846, писателя, историка, издателя журнала «Московский телеграф» (1825 — 1834). В рецензии на «Юрия Милославского» Полевой писал, что в основе загоскинского романа лежит «несколько частных, не из целого развивающихся событий, но случайностей, и вдали великие события 1612 года, о которых автор говорит более, не представляя оных в живых картинах, не рисуя и героев, в них действовавших» (Московский телеграф. 1829. Ч. 30, № 24. С. 465). Отношения Загоскина и Полевого в начале 1830-х гг. были весьма недружественны. Полевой критиковал не только романы Загоскина: когда А. А. Шаховской поставил на московской сцене «романтическое представление... взятое из романа... «Рославлев», Полевой напечатал критический отзыв о спектакле (Московский телеграф. 1832, № 13. С. 118 — 129). Загоскин, бывший в ту пору директором московских театров, оскорбился и сочинил антикритику, но московская цензура ее не пропустила. Тогда Загоскин жаловался министру просвещения Ливену в письме от 20 ноября 1832 г. Министр, отвечая Загоскину 16 декабря 1832 г., отклонял его жалобу как необоснованную, объясняя появление критики Полевого недоразумением, нарушающим официальный запрет печатать хулу на спектакли императорских театров (Русская старина. 1902, т. III. С. 623). Особенная «взыскательность» Полевого была обусловлена его собственными историческими интересами: в конце 1820-х — начале 1830-х гг. он писал «Историю русского народа» в шести томах (1829 — 1833) и историческую «быль» «Клятва при гробе Господнем» (1832).

Нет! мы не уступим никому чести московского пожара...— В 1810—1820-е гг. выдвигалось несколько причин московского пожара. «По свежим следам» — в конце 1812 и 1813 гг. виновниками пожара русские объявили французов и Наполеона: «...неистовые солдаты его, офицеры и даже генералы пошли по домам грабить. К дополнению сего злодейства назначили дни и часы, в которые зажигать улицы и предместья московские» (Наполеон и французы в Москве, с подробным описанием всех достопамятных и незабвенных для России происшествий нынешней войны... М., 1813. С. 110; см. также: Глас истины. СПб., 1812, прим. и др.). Французы, в свою очередь, обвиняли в сожжении Москвы русских «поджигателей» и военного губернатора Москвы Ростопчина: «Показания полицейских солдат, признания полицейского офицера, которого задержали в день нашего вступления в Москву,— все доказывало, что пожар был подготовлен и осуществлен по приказу графа Ростопчина» (К о л е н к у р д е А р м а н. Поход Наполеона в Россию. М.-Л., 1943. С. 151). Ростопчин отрицал свою причастность к пожару, выпустив даже в 1823 г. специальную книгу, посвященную московскому пожару. Но он и не отрицал того, что жители Москвы зажигали свои дома, подтверждая это тем, что «главная черта русского характера есть некорыстолюбие и готовность скорее уничтожить, чем уступить, оканчивая ссору сими словами: *не доставайся же никому*» (Р о с т о п ч и н Ф. В. Правда о пожаре Москвы. М., 1823. С. 20). К концу 1820-х гг. версия о сожжении Москвы русскими утверждалась уже с гордостью: *«пожар Московский произведен был русскими*. И будем ли мы отрекаться от того, что составляет нашу славу и что, как сам Наполеон после признавался, всего более способствовало к его погибели?» («Историческое известие о пожаре Московском 1812 года».— Московский телеграф, часть XXIV, 1828, № 24. С. 388). Этой точки зрения придерживается и Загоскин. Вместе с тем уже в конце 10-х гг. высказывалось мнение о самозарождении пожара в Москве: «Вообще пожары суть зло, которое и без особых больших причин, если не всегда, то весьма часто нераздельно сопряжено с

войною» (Ахшарумов Дм. Описание войны 1812 года. СПб., 1819, С. 140).

С. 175. *...Наполеон подписывал в Кремле новые постановления для парижских театров...*— Этот факт, действительно имевший место, использовался современниками (в ряду других) для ниспровержения мысли о гениальности Наполеона. Так, С. Н. Глинка писал: «...в России он был не *полководцем-Бонапартом*, а *Наполеоном — человеком суда божьего*... Что делал в Москве умный законодатель, политик, дипломат, что делал в Москве преобразователь царств? Он рассматривал в стенах Кремля и подписал новый устав французского театра. И когда же? Тогда, когда по определению судеб провидения он сходил с того исполинского театра, на который обращены были взоры вселенной» (Глинка С. Н. Записки о 1812 годе. СПб., 1836. С. 168).

С. 176. *Лористон* Александр Жак Бернар (1768—1828) — французский маршал, был адъютантом Наполеона, выполнял дипломатические поручения; во время отступления из России командовал арьергардом французской армии. В конце сентября 1812 г. был направлен Наполеоном к Кутузову с предложением заключить мир. Предложение было отклонено. Кутузов отвечал Лористону, что «сам он подвергнулся бы проклятию потомства, если б сочли его первым виновником какого бы то ни было примирения» (цит. по кн.: Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. СПб., 1838. Ч. 2. С. 11).

С. 178. *...где нам таскать с собою пленных.*— В основу данного эпизода Загоскин положил реальный случай из жизни Фигнера, о котором рассказал ему Д. В. Давыдов в письме от 6 марта 1829 года (см.: «Библиографические записки», 1861. № 18).

С. 179. *Гильемино* Арман Шарль (1774—1840) — французский генерал, в 1812 г.— начальник одного из корпусных штабов французской армии.

С. 192. *Радклиф* Анна (1764—1823) — английская писательница. Ее романы, популярные в России начала XIX в., изобиловали, по словам А. С. Пушкина, «таинственными ужасами».

Там был не Гименей — Мегера там была...— Цитата из трагедии В. А. Озерова (1769—1816) «Эдип в Афинах» (1804). Противоестественность соединения Полины и Сеникура приравнивается данной цитатой к кровосмесительному союзу у Озерова слова «Там не был Гименей — Мегера там была...» произносит герой-
щий царь Эдип, вспоминая об убитом им отце и о том, как он венчался с собствен-
ной матерью. *Гименей (греч. миф)* — бог брака. *Мегера (греч. миф)* — одна
из богинь мести и гнева (эвмениды, эринии), карающих человека.

Фурии — богини мести в римской мифологии (то же, что эвмениды в грече-
ской); Зарецкой ошибочно сравнивает сумасшедшую Федору с греческой фурией.

С. 199. *Вот как мы с батюшкой, графом Суворовым, штурмовали Ис-*
Во время русско-турецкой войны в 1790 г. русские войска под командованием Су-
ворова штурмом взяли турецкую крепость Измаил, считавшуюся неприступ-

С. 201. *...Егорей с гвоздем да Никола с мостом...*— Имеются в виду церковные
праздники Георгия Победоносца (26 ноября по старому стилю) и Николая Чу-
творца (6 декабря).

Притоманный — истинный, настоящий.

С. 207. *...в фанагорийцы бы тебя!..*—Фанагорийский гренадерский полк, образованный в 1790 г., участвовал в штурме Измаила.

С. 208. *...начальник отряда, окруженный офицерами...*—Денис Васильевич Давыдов (1784—1839) — поэт; в 1812 г. подполковник; организатор систематической партизанской войны с французами.

...певец любви, вина и славы...— Из стихотворения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812):

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы.

Последние две строки были широко известны. Ср. начало «Послания к Д. В. Давыдову» (1819) А. Ф. Воейкова:

Давыдов, витязь и певец
Вина, любви и славы.

...ангел-истребитель...— Образ, восходящий к Библии. — Ср. в «Певце во стане русских воинов» В. А. Жуковского:

Уж ангел истребленья
Горé подъял ужасну длань,
И близок час отмщенья.

Скальды — древнескандинавские поэты; их основной жанр — хвалебная военная песнь.

Цевница — изначально: свирель; символ поэзии.

...Славил Марса и Темиру... — Строки из послания А. С. Пушкина «В. Л. Пушкину» (1817):

Счастлив, кто мил и страшен миру,
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру...

Марс — бог войны *(римск. миф.)*. *Темира* — условное имя возлюбленной в русской поэзии XVIII — начала XIX в.

С. 210. *Рапп* Жан (1772—1821) — французский генерал; в 1807—1809 гг.— губернатор Данцига. При отступлении французской армии был вновь направлен Наполеоном в Данциг, где сосредоточились остатки отступающей армии. В течение года крепость была осаждена русскими войсками и в январе 1814 г. сдана.

С. 213. *Вспомним, братцы, россов славу...*— Первый куплет песни Ф. Глинки (Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1815. Ч. 4. С. 21. «Сидя у полевых огней, я написал солдатскую песню, которую в некоторых полках пели»).

...наш удалой авангардный начальник!..— Прототипом этого героя, по всей вероятности, является генерал Михаил Андреевич Милорадович (1771—1825), участник итальянского и швейцарского походов русских войск под командованием Суворова («ученик и сослуживец Суворова»,— так ниже охарактеризует авангардного начальника Зарецкой). В сентябре 1812 г. он командовал арьергардом, прикрывавшим тарутинский маневр русской армии (у Загоскина — авангард), во время

наступления русских войск был во главе передовых частей. Милорадович отличался, по свидетельствам современников, отменной храбростью. Ф. Н. Глинка рассказывал об одном из «моционов» Милорадовича. «Отличаясь от всех шляпою с длинным султаном и сопровождаемый своими офицерами, заехал он очень далеко вперед и тотчас обратил на себя внимание неприятеля. Множество стрелков, засев в кустах, начали метить в него. Едва успел выговорить адъютант его Паскевич: «в вас целят, ваше превосходительство!» — и пули засвистели у нас мимо ушей. Подивись, что ни одна никого не зацепила. Генерал, хладнокровно простояв там еще несколько времени, спокойно поворотил лошадь и тихо поехал к своим колоннам, сопровождаемым пулями» (Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1815. Ч. 5. С. 114).

Мюрат Иоахим (1771—1815) — французский генерал, выдвинувшийся во время итальянского похода Наполеона в 1796 г.; впоследствии маршал империи; участвовал во всех военных походах Наполеона; был пожалован короной неаполитанского короля.

С. 214. *«Придите вси труждающие, и аз успокою вас».*— Евангелие от Матфея, гл. 11, ст. 28.

С. 216. *Баярд* Пьер дю Терайль (1476–1524) — французский полководец, отличавшийся необыкновенной храбростью.

С. 218. *Карл Двенадцатый заходил еще далее...*— Карл XII (1682–1718) — шведский король, вел в начале XVIII в. войну против России, дошел до Украины, но потерпел поражение под Полтавой (1709).

С. 219. *Лафонтень рассказывает об одной бесхвостой лисице...* - Жан Лафонтен (1621—1695) — французский баснописец. Имеется в виду басня «Лис с оторванным хвостом», лис, попав в ловушку, спасся, но лишился хвоста и затем стал убеждать всех, что без хвоста удобнее, чем с хвостом.

С. 220. *...ниема глебонши попоиско рюскоф* - Автоцитата Загоскина из его раннего произведения «Путешественник» (1820), герой которого, приехав в Париж, попадает на представление комедии в театр. Его сосед француз, узнав, что он русский, говорит: «В этой комедии выходит на сцену русский офицер... постойте, он сейчас заговорит, слушайте: *Ниема глебонши попоиско рюскоф...* Скажите, что значит по-французски?» Герой Загоскина отвечает: «Это, я думаю, ни на каком языке ничего не значит... Что не по-русски — в этом могу я вас уверить». Сосед француз страшно удивляется и уверяет: «*попоиско глебонши* — настоящие русские слова, я сам тысячу раз слышал от казаков, когда русские были в Париже» (Загоскин М. Н. Полн. собр. соч: в 2т. Т. 2. СПб., 1814. С. 1484—1485).

С. 221. *...гениальные причины, побудившие императора французов к сему безумному и детскому мщению...* - Впоследствии в «Войне и мире» Л. Н. Толстой даст свою интерпретацию «детского мщения» Наполеона: «Подведение мин под Кремлем только содействовало исполнению желания императора при выходе из Москвы, чтобы Кремль был взорван, то есть чтобы был побит тот пол, о [illegible] убился ребенок... Наполеон во все это время своей деятельности был подобен ребенку, который, держась за тесемочки, привязанные внутри кареты, воображает, что он правит» (т. 4. Ч. 2, гл. 10).

С. 222. *Ней* Мишель (1769—1815) - французский маршал, командовавший арьергардом при отступлении Наполеона из Москвы.

С. 224. *...мы здесь на пище святого Антония.*— Св. Антоний — основатель монашества в Египте (ок. 250 — ок. 356 гг.); во время своей монашеской жизни питался, по преданию, только хлебом и водой.

Успенский пост — пост перед праздником успения богородицы с 1 по 15 августа старого стиля.

С. 225. *Стихарь* — облачение духовных лиц; платье прямое, длинное, с широкими рукавами, обычно парчовое.

Рунд — военный караул.

С. 234. *«Удольфские таинства»* (1805) - роман Анны Радклиф (см. коммент. к с. 192 наст. изд.) бывший наряду с другими ее романами весьма популярным в России начала XIX в. Загоскин в нижеследующей новелле Двинского использует один из главных приемов поэтики Радклиф: все загадочные приключения героев и таинственная атмосфера, их окружающая, находят в конце рациональное объяснение.

С. 237. *...Пруссия ожидает к себе одного великого гостя.*— Имеется в виду Александр I.

Фридрих Вильгельм III (1770—1840) — прусский король.

С. 240. *...Адам Фишер природный пруссак, а не выходец из Баварии...*— Бавария входила в Рейнский союз и помогала Наполеону в его походе 1812 г. на Москву.

С. 241. *Сократ* (ок. 469—399 гг. до н. э.) — греческий философ.

Цицерон (106—43 гг. до н. э.) — римский политический деятель, оратор и писатель.

Демокрит (ок. 460—370 гг. до н. э.) — греческий философ.

С. 243. *Парадер* (от *фр.* parader) — гарцевать.

Ведет — ближайший к неприятелю конный караул.

С. 246. *Ночлег в лесу.*— Рассказ Ленского о мнимых разбойниках перекликается с эпизодом из повести Антония Погорельского «Монастырка», первая часть которой вышла в 1830 г. Герой повести «Монастырка» Блистовский, блуждая по лесу, случайно подслушивает разговор незнакомых людей об убийстве какого-то Васьки. Блистовский принимает их за разбойников. На него, так же как на Ленского, нападают собаки этих «разбойников», и он ждет расправы. В результате выясняется, что перед ним — совершенно мирные цыгане, а Васька - зарезанный для уплаты подати козел.

В сражении под Чашниками...— Бой у Чашников (местечко в Витебской губернии) в октябре 1812 г., закончившийся победой русских войск.

С. 259. *...московского Екзерцир-гауза!* — Экзерцир-гауз — здание, в котором проходило обучение солдат (ныне Центральный выставочный зал на проспекте Маркса).

С. 260. *...ехать в луну?* — Дословный перевод французского фразеологизма aller dans une lune, чему соответствует русское: *уноситься в заоблачные дали, не видеть земель.*

...после проклятого сражения под Лейпцигом... - Битва под Лейпцигом произошла 16—19 октября 1813 г. и закончилась разгромом наполеоновских войск.

С. 278. *Выражение одного русского поэта.*- Вероятно, Загоскин имеет в виду

слова П. А. Вяземского о журналисте и историке 1810—1820-х гг. М. Т. Каченовском, который выступил в 1819 г. с критикой «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, чем Вяземский и возмутился:

Всегда он ближнего довольством недоволен
И вольный мученик, чужим здоровьем болен.

(«Послание к М. Т. Каченовскому»).

С. 279. *...если капитуляция подписана, то вы свободны и найдете меня в своем лагере.*— История с переходом капитана «адской роты» Шамбюра после решения Раппа о капитуляции — факт достоверный.

С. 280. *Гласис* — земляной вал перед укреплениями.

Он описан весьма подробно в книге под названием «Записки касательно похода С.-П.бургского ополчения».— Речь идет о сочинении будущего декабриста, участника Отечественной войны 1812 г. и заграничной кампании 1813—1814 гг. В. И. Штейнгейля (1783—1862): «Записки касательно составления и самого похода санкт-петербугского ополчения против врагов отечества в 1812 и 1813 годах, с кратким обозрением всех происшествий, во время бедствия и спасения нашего отечества случившихся, и с подробным описанием осады и взятия Данцига» (СПб., 1814).

ББК 84.4
К82

Перевод Н. ЕМЕЛЬЯННИКОВОЙ, И. КОЛТАШЕВОЙ,
В. СЕЛИВАНОВОЙ
Редакторы С. БЕЛОВ и Л. ЕРМИЛОВА

К82 Агата Кристи. Пять поросят. Иоанна Хмелевская. Проклятое наследство: Романы. Пер. с разн. яз. – М.: Радуга, 1990. – 400 с.

В настоящий том включен не переводившийся ранее на русский язык роман законодательницы детективного жанра Агаты Кристи "Пять поросят", а также один из романов польской писательницы Иоанны Хмелевской, известной своими ироничными, остросюжетными детективами. В приложении публикуются своды правил, по которым строится классический детектив, разработанные С. С. Ван Дайном (США) и Р.Ноксом (Англия), а также "Присяга Детективного Клуба", основанного английскими мастерами детектива в 1928 г.

К 4703000000 – 431
030 (01) 90 без объявления

ББК 84.4

ISBN 5-05-002708-X

©Перевод на русский язык и издательство "Радуга", 1990

ПРИЛОЖЕНИЕ

С. С. ВАН ДАЙН

ДВАДЦАТЬ ПРАВИЛ ДЛЯ ПИСАНИЯ ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНОВ

Детективный роман — это своего рода интеллектуальная игра. Больше того, это спортивное соревнование. И создаются детективные романы по строго определенным законам — пускай неписаным, но тем не менее обязательным. Каждый уважаемый и уважающий себя сочинитель детективов неукоснительно соблюдает их. Итак, ниже сформулировано своего рода кредо детективщика, основанное отчасти на практическом опыте всех больших мастеров детективного жанра, а отчасти на подсказках голоса совести честного писателя. Вот оно.

1. Читатель должен иметь равные с сыщиком возможности для разгадки тайны преступления. Все ключи к разгадке должны быть ясно обозначены и описаны.

2. Читателя нельзя умышленно обманывать или вводить в заблуждение, кроме как в тех случаях, когда его вместе с сыщиком по всем правилам честной игры обманывает преступник.

3. В романе не должно быть любовной линии. Речь ведь идет о том, чтобы отдать преступника в руки правосудия, а не о том, чтобы соединить узами Гименея тоскующих влюбленных.

4. Ни сам сыщик, ни кто-либо из официальных расследователей не должен оказаться преступником. Это равносильно откровенному обману — все равно как если бы нам подсунули блестящую медяшку вместо золотой монеты. Мошенничество есть мошенничество.

5. Преступник должен быть обнаружен дедуктивным путем — с помощью логических умозаключений, а не благодаря случайности, совпадению или немотивированному признанию. Ведь, избирая этот последний способ разгадки тайны преступления, автор вполне сознательно направляет читателя по заведомо ложному следу, а когда тот возвращается с пустыми руками, преспокойно сообщает ему, что разгадка все время лежала у него, автора, в кармане. Такой автор ничем не лучше любителя примитивных розыгрышей.

6. В детективном романе должен быть детектив, а детектив только тогда детектив, когда он выслеживает и рассле-

дует. Его задача состоит в том, чтобы собрать улики, которые послужат ключом к разгадке и в конечном счете укажут на того, кто совершил это низкое преступление в первой главе. Детектив строит цепь своих умозаключений на основе анализа собранных улик, а иначе он уподобляется нерадивому школьнику, который, не решив задачу, списывает ответ из конца задачника.

7. Без трупа в детективном романе просто не обойтись, и чем натуралистичней этот труп, тем лучше. Только убийство делает роман достаточно интересным. Кто бы стал с волнением читать три сотни страниц, если бы речь шла о преступлении менее серьезном! В конце концов, читатель должен быть вознагражден за беспокойство и потраченную энергию.

8. Тайна преступления должна быть раскрыта сугубо материалистическим путем. Совершенно недопустимы такие способы установления истины, как ворожба, спиритические сеансы, чтение чужих мыслей, гадание с помощью "магического кристалла" и т. д. и т. п. У читателя есть какой-то шанс не уступить в сообразительности детективу, рассуждающему рационалистически, но, если он вынужден состязаться с духами потустороннего мира и гоняться за преступником в четвертом измерении, он обречен на поражение ab initio*.

9. Должен быть только один детектив, то бишь только один главный герой дедукции, лишь один deus ex machina**. Мобилизовать для разгадки тайны преступления умы троих, четверых, а то и целого отряда сыщиков — значит не только рассеять читательское внимание и порвать прямую логическую нить, но и несправедливо поставить читателя в невыгодное положение. При наличии более чем одного детектива читатель не знает, с которым из них он состязается по части дедуктивных умозаключений. Это все равно что заставить читателя бежать наперегонки с эстафетной командой.

10. Преступником должен оказаться персонаж, игравший в романе более или менее заметную роль, то есть такой персонаж, который знаком и интересен читателю.

11. Автор не должен делать убийцей слугу. Это слишком легкое решение, избрать его — значит уклониться от трудностей. Преступник должен быть человеком с определенным достоинством — таким, который обычно не навлекает на себя подозрений.

12. Сколько бы ни совершалось в романе убийств, преступник должен быть только один. Конечно, преступник

*С самого начала (*лат.*).

**бог из машины (*лат.*), то есть неожиданно появляющееся в античных драмах божество, распутывающее положение, казавшееся безнадежным.

может иметь помощника или соучастника, оказывающего ему кое-какие услуги, но все бремя вины должно лежать на плечах одного человека. Надо предоставить читателю возможность сосредоточить весь пыл своего негодования на одной-единственной черной натуре.

13. В детективном романе неуместны тайные бандитские общества, всякие там каморры и мафии. Ведь захватывающее и по-настоящему красивое убийство будет непоправимо испорчено, если окажется, что вина ложится на целую преступную компанию. Разумеется, убийце в детективном романе не следует дать надежду на спасение, но позволить ему прибегнуть к помощи тайного общества – это уже слишком. Ни один первоклассный, уважающий себя убийца не нуждается в подобном преимуществе.

14. Способ убийства и средства раскрытия преступления должны отвечать критериям рациональности и научности. Иначе говоря, в детективный роман нельзя вводить псевдонаучные, гипотетические и чисто фантастические приспособления. Как только автор воспаряет на манер Жюля Верна в фантастические выси, он оказывается за пределами детективного жанра и резвится на неизведанных просторах жанра приключенческого.

15. В любой момент разгадка должна быть очевидной – при условии, что читателю хватит проницательности разгадать ее. Под этим я подразумеваю следующее: если читатель, добравшись до объяснения того, как было совершено преступление, перечитает книгу, он увидит, что разгадка, так сказать, лежала на поверхности, то есть все улики в действительности указывали на виновника, и, будь он, читатель, так же сообразителен, как детектив, он сумел бы раскрыть тайну самостоятельно задолго до последней главы. Нечего и говорить, что сообразительный читатель частенько именно так и раскрывает ее.

16. В детективном романе неуместны длинные описания, литературные отступления на побочные темы, изощренно тонкий анализ характеров и воссоздание "атмосферы". Все эти вещи несущественны для повествования о преступлении и логическом его раскрытии. Они лишь задерживают действие и привносят элементы, не имеющие никакого отношения к главной цели, которая состоит в том, чтобы изложить задачу, проанализировать ее и довести до успешного решения. Разумеется, в роман следует ввести достаточно описаний и четко очерченных характеров, чтобы придать ему достоверность.

17. Вина за совершение преступления никогда не должна взваливаться в детективном романе на преступника-профессионала. Преступления, совершенные взломщиками или бандитами, расследуются управлениями полиции, а не лица-

телями-детективщиками и блестящими сыщиками-любителями. По-настоящему захватывающее преступление – это преступление, совершенное столпом церкви или старой девой, известной благотворительницей.

18. Преступление в детективном романе не должно оказаться на поверку несчастным случаем или самоубийством. Завершить одиссею выслеживания подобным спадом напряжения – значит одурачить доверчивого и доброго читателя.

19. Все преступления в детективных романах должны совершаться по личным мотивам. Международные заговоры и военная политика являются достоянием совершенно другого литературного жанра – скажем, романов о секретных разведывательных службах. А детективный роман про убийство должен оставаться, как бы это выразиться, в уютных, "домашних" рамках. Он должен отражать повседневные переживания читателя и в известном смысле давать выход его собственным подавленным желаниям и эмоциям.

20. И наконец, еще один пункт для ровного счета: перечень некоторых приемов, которыми теперь не воспользуется ни один уважающий себя автор детективных романов. Они использовались слишком часто и хорошо известны всем истинным любителям литературных преступлений. Прибегнуть к ним – значит расписаться в своей писательской несостоятельности и в отсутствии оригинальности.

а) Опознание преступника по окурку, оставленному на месте преступления.

б) Устройство мнимого спиритического сеанса с целью напугать преступника и заставить его выдать себя.

в) Подделка отпечатков пальцев.

г) Мнимое алиби, обеспечиваемое при помощи манекена.

д) Собака, которая не лает и позволяет сделать в силу этого вывод, что вторгшийся человек не был незнакомцем.

е) Возложение под занавес вины за преступление на брата-близнеца или другого родственника, как две капли воды похожего на подозреваемого, но ни в чем не повинного человека.

ж) Шприц для подкожных инъекций и наркотик, подмешанный в вино.

з) Совершение убийства в запертой комнате уже после того, как в нее вломились полицейские.

и) Установление вины с помощью психологического теста на называние слов по свободной ассоциации.

к) Тайна кода или зашифрованного письма, в конце концов разгаданная сыщиком.

1928

РОНАЛЬД НОКС

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА

I. *Преступником должен быть кто-то, упомянутый в начале романа, но им не должен оказаться человек, за ходом чьих мыслей читателю было позволено следить.*

Таинственный незнакомец, который явился неизвестно откуда, например сошел, как это часто бывает, с борта корабля, и о существовании которого читатель никак бы не мог догадаться с самого начала, портит все дело. Вторую половину этой заповеди труднее сформулировать в точных выражениях, особенно в свете некоторых замечательных находок Агаты Кристи. Пожалуй, вернее будет сказать так: автор не должен допускать при изображении персонажа, который окажется преступником, даже намека на мистификацию читателя.

II. *Как нечто само собой разумеющееся исключается действие сверхъестественных или потусторонних сил.*

Разгадать детективную тайну при помощи подобных средств — это все равно что выиграть гребную гонку на реке с помощью спрятанного мотора. И в этой связи я позволю себе высказать мнение, что рассказам Честертона об отце Брауне присущ один общий недостаток. Автор почти всегда пытается направить читателя по ложному следу, внушая ему мысль, что преступление, должно быть, совершено каким-то магическим способом, но мы-то знаем, что он неизменно верен правилам честной игры и никогда не опустится до подобной разгадки. Поэтому, хотя нам редко удается угадать настоящего преступника, мы обычно лишены возможности пощекотать себе нервы, подозревая не того, кто совершил преступление.

III. *Не допускается использование более чем одного потайного помещения или тайного хода.*

Я бы добавил к этому, что автору вообще не следует вводить в повествование потайную дверь, если только действие не происходит в таком домс, в каком можно предположить существование подобных вещей. Когда мне случилось прибегнуть в одной книжке к тайному ходу, я позаботился о том, чтобы заранее сообщить читателю, что дом принадлежал католикам в эпоху гонений на них. Потайной ход в "Загадке Редхауза" Милна вряд ли отвечает правилам честной игры: если бы в доме современной постройки был сделан потайной ход — невероятно дорогое, между прочим, удовольствие, — об этом наверняка знала бы вся округа.

IV. *Недопустимо использовать доселе неизвестные яды, а также устройства, требующие длинного научного объяснения в конце книги.*

Может быть, и существуют неизвестные яды, оказываю-

шие совершенно неожиданное действие на человеческий организм, но пока-то они еще не обнаружены, и, покуда они не будут открыты, нельзя использовать их в произведениях литературы – это не по правилам! Почти все вещи Остина Фримена, написанные как отчеты о делах, раскрытых доктором Торндайком, имеют небольшой изъян по части медицины: для того чтобы оценить, до чего хитроумной была разгаданная загадка, нам приходится выслушать под занавес длинную научную лекцию.

V. *В произведении не должен фигурировать китаец.*

Чем вызван этот запрет, я не знаю; наверное, причину надо искать в привычном для Запада представлении о жителе Небесной империи как о существе чересчур умном и недостаточно нравственном. Могу лишь поделиться собственным опытом: если вы, перелистывая книгу, натолкнетесь на упоминание о "глазах-щелочках китайца Лу", лучше сразу отложите ее в сторону это плохая вещь. Единственное исключение, которое приходит мне на ум, – возможно, есть и другие – это "Четыре трагедии Мемуорта" лорда Эрнеста Гамильтона.

VI. *Детективу никогда не должен помогать счастливый случай; он не должен также руководствоваться безотчетной, но верной интуицией.*

Может быть, это слишком сильно сказано; детективу позволительно испытывать озарения, строить догадки по наитию, но, прежде чем начать действовать, он обязан проверить их в ходе подлинного расследования. И опять-таки вполне естественно, что у него будут моменты прозрения, когда ему внезапно откроется смысл предшествовавших наблюдений. Но недопустимо, например, чтобы он обнаружил пропавшее завещание в механизме высоких стоячих часов, поскольку-де необъяснимый инстинкт подсказал ему, что искать нужно именно там. Он должен заглянуть в часы потому, что именно там спрятал бы завещание он сам на месте преступника. И вообще, необходимо проследить за тем, чтобы не только общий ход рассуждений детектива, но и каждое частное умозаключение были добросовестно выверены, когда дело дойдет до объяснения в конце.

VII. *Детектив не должен сам оказаться преступником.*

Это правило применимо только в том случае, если автор лично засвидетельствует, что его детектив – действительно детектив; преступник может на законном основании выдать себя за детектива, как это случилось в "Тайне дымовых труб", и ввести в заблуждение других персонажей, подсунув им ложную информацию.

VIII. *Натолкнувшись на тот или иной ключ к разгадке, детектив обязан немедленно представить его для изу-*

чения читателю.

Любой писатель способен набросить на повествование покров таинственности, поведав нам, что в этот самый миг великий Пиклок Холс вдруг нагнулся и поднял с земли предмет, который не пожелал показать сопровождавшему его другу. Он лишь прошептал: "Ага!" – и лицо у него стало серьезным. Все это – неправомерный способ разгадывания детективной тайны. Мастерство писателя-детективщика состоит в том, чтобы суметь выставить свои ключи к разгадке напоказ и с вызовом сунуть их нам прямо под нос. "Вот, смотрите! – говорит он. – Что, по-вашему, из этого следует?" А мы только глазами хлопаем.

IX. *Глуповатый друг детектива, Уотсон в том или ином облике, не должен скрывать ни одного из соображений, приходящих ему в голову; по своим умственным способностям он должен немного уступать – но только совсем чуть-чуть – среднему читателю.*

Это правило адресовано тем, кто хочет совершенствоваться; вообще-то, в детективном романе вполне можно обойтись без Уотсона. Но если уж он там есть, то существует он для того, чтобы дать читателю возможность помериться интеллектуальными силами со спарринг-партнером. "Может быть, я рассуждал и не очень умно, – говорит он себе, закрывая книгу, – но по крайней мере я не был таким слабоумным тупицей, как бедный старина Уотсон".

X. *Неразличимые братья-близнецы и вообще двойники не могут появляться в романе, если читатель должным образом не подготовлен к этому.*

Это слишком простой прием, и основан он на слишком маловероятном предположении. Добавлю в заключение, что никакому преступнику не следует приписывать исключительные способности по части изменения своего внешнего вида, если только автор честно не предупредит нас, что этот человек, будь то мужчина или женщина, привык гримироваться для сцены. Как восхитительно, например, упомянуто об этом в "Последнем деле Трента"!

1929

ПРИСЯГА ДЕТЕКТИВНОГО КЛУБА

Председательствующий обращается к Кандидату:

Имярек, есть ли у вас твердое желание стать членом Детективного Клуба?

Кандидат громким голосом отвечает:

Да, у меня есть такое желание.

Председательствующий:

Обещаете ли вы, что ваши детективы будут старательно и честно расследовать преступления, которые вы предложите им раскрыть, используя ту сообразительность, какою вам заблагорассудится их наделить, и не полагаясь на божественное откровение, женскую интуицию, колдовство, действие тайных сил, совпадение или провидение?

Кандидат:

Обещаю.

Председательствующий:

Клянетесь ли вы никогда не скрывать от читателя важного ключа к разгадке?

Кандидат:

Клянусь.

Председательствующий:

Обещаете ли вы соблюдать приличествующую сдержанность и не слишком увлекаться бандами, преступными сговорами, лучами смерти, призраками, гипнозом, люками-ловушками, китайцами, архипреступниками и сумасшедшими, а также никогда и ни при каких обстоятельствах не прибегать к загадочным ядам, неизвестным науке?

Кандидат:

Обещаю.

Председательствующий:

Будете ли вы блюсти нормы правильного литературного английского языка?

Кандидат:

Да.

Далее Председательствующий спрашивает:

Имярек, есть у вас нечто такое, что вы чтите как святыню? *После того как Кандидат назовет ту вещь, которую он считает для себя особо священной, Председательствующий спрашивает у него:*

Имярек, клянетесь ли вы тем-то *(здесь Председательствующий называет вещь, которую Кандидат объявил особо для него священной)*, что станете добросовестно соблюдать все эти обещания, которые вы дали, покуда являетесь Членом Клуба? *Если же Кандидат не сможет назвать вещь, которую он чтит как святыню, Председательствующий предлагает ему поклясться следующим образом:*

Имярек, клянетесь ли вы надеждой на повышение поступлений от продажи ваших книг, что станете добросовестно соблюдать все эти обещания, которые вы дали, покуда являетесь Членом Клуба?

На что Кандидат отвечает так:

Торжественно клянусь. И, кроме того, обещаю и обязуюсь, храня верность Клубу, не красть и не разглашать ни-

каких сюжетов или секретов, сообщенных мне до публикации кем-либо из Членов, будь то под влиянием спиртного или по какой-либо другой причине.

Тогда Председательствующий обращается к Собранию:

Если кто-либо из присутствующих Членов возражает против Предложения о принятии, пусть он или она заявит об этом. *В случае, если возражение будет высказано, Председательствующий назначает время и место для подобающего обсуждения данного вопроса и объявляет Кандидату и Собранию:*

Поскольку мы проголодались и дабы избежать неподобающе ожесточенных споров между нами, я приглашаю вас, Имярек, быть сегодня нашим Гостем и напоминаю вам о вашем торжественном обещании касательно кражи или разглашения сюжетов и секретов.

Если же возражений высказано не будет, Председательствующий говорит, обращаясь к Членам:

Итак, провозглашаете вы Имярека Членом нашего Клуба? *Тогда под руководством Церемониймейстера Собрания или Члена, назначенного Секретарем исполнять церемониймейстерские обязанности, собравшиеся выражают единодушное одобрение громкими возгласами в полную меру своих способностей и возможностей. После того как клики прекращаются, будь то из-за необходимости перевести дух или по какой-либо другой причине, Председательствующий делает следующее объявление:*

Имярек, вы по всем правилам приняты в Члены Детективного Клуба, и если вы нарушите данное вами обещание, то пусть другие писатели раньше вас используют ваши сюжеты, пусть ваши издатели околпачат вас при заключении договоров, пусть незнакомые люди притянут вас к суду за клевету, пусть страницы ваших книг будут кишеть опечатками и пусть тиражи ваших книг станут неуклонно сокращаться. Аминь.

Кандидат, а вслед за ним и все присутствующие Члены произносят:

Аминь.

П (Фр)
Г 99

Перевод с французского И. Жарковой

Печатается по изданию:
Гюго В. Девяносто третий год.—
Мн.: Беларусь, 1977.— 352 с.

Г $\frac{4703000000-135}{М\ 302\ (05)-85}$ Б384—85

© Оформление. Издательство «Мастацкая литература», 1985.

Стр. 4. *Сантерр* Антуан-Жозеф (1752—1809) — деятель французской революции, якобинец; пользовался большой популярностью в Сент-Антуанском предместье; принимал активное участие в борьбе против вандейских мятежников.

Жемап — город в Бельгии. В битве при Жемапе 6 ноября 1792 года французские республиканские войска одержали блестящую победу над австрийскими войсками, следствием чего явилось занятие французскими войсками всей Бельгии.

Вальми — село во Франции. В битве при Вальми 20 сентября 1792 года австро-прусские войска и отряды французских эмигрантов, шедшие на Париж с целью задушить революцию, были отброшены французскими революционными войсками и вынуждены были начать отступление. Эта битва означала перелом в войне между революционной Францией и коалицией европейских монархов. Французские революционные войска перешли в наступление и вскоре очистили Францию от интервентов.

Гойе Луп-Жером (1746—1830) — французский политический деятель и адвокат, член Законодательного собрания, член правительства Директории.

Бушотт Жан-Батист-Ноэль (1754—1840) — деятель французской революции, якобинец, военный министр в 1793—1794 годах. Проявил большую энергию в организации дела снабжения революционных войск продовольствием и боеприпасами.

Клебер Жан-Батист (1753—1800) — французский генерал, участник войн конца XVIII века; участвовал в борьбе с вандейцами. Был убит в Египте во время переговоров об эвакуации оттуда французских войск.

Стр. 11. *Вестерман* Франсуа-Жозеф (1751—1794) — французский генерал; участвовал в восстании 10 августа 1792 года, а затем в войне против вандейских мятежников, одержал над ними ряд блестящих побед. За связь с дантонистами был казнен по приговору Революционного трибунала.

Стр. 18. *Граф д'Артуа* (1757—1836) — французский принц династии Бурбонов, брат Людовика XVI. В самом начале революции

[illegible] за границу; возглавлял контрреволюционную эмиграцию, действовавшую в союзе с антифранцузской коалицией европейских монархий. В 1814 году, после свержения наполеоновской [illegible] возвратился во Францию. В 1824 году стал королем Франции под именем Карла X. Июльская революция 1830 года свергла Карла X.

Герцог Йоркский (1763—1827) — второй сын английского короля Георга III. Во время войны европейской коалиции против революционной Франции командовал английскими войсками в Голландии, потерпел поражение и в 1794 году отплыл обратно в Англию. Неудачей окончились и действия английских войск под его командованием в 1799 году.

Приер (из департамента Марны) Пьер-Луи (1756—1827) — деятель французской революции, якобинец; был членом Учредительного собрания, членом Конвента и Комитета общественного спасения; в качестве комиссара Конвента проявил большую энергию в борьбе с вандейскими мятежниками.

Стр. 21. *Тремуйль* Антуан-Филипп, князь де Тальмон — французский генерал, выходец из старинного дворянского рода; в начале революции эмигрировал, затем возвратился во Францию и присоединился к вандейцам; был взят в плен и казнен.

Роганы — старинный французский дворянский род, владевший огромными поместьями в Бретани. Представители фамилии Роганов носили княжеский титул и находились в родстве с французской королевской династией Бурбонов.

Д'Эльбе, князь, *Лекюр*, маркиз, до *Боншан* Шарль де, *Ларошжакелен* Анри де, маркиз — крупные помещики дворяне, предводители вандейских мятежников.

Стр. 22. *Кателино, Стоффле, Шаретт* де ла Контри, граф *Гастон* — предводители вандейских мятежников.

Паш Жан-Никола (1746—1823) — деятель французской революции, жирондист, а позже якобинец, одно время был военным министром, затем мэром Парижа; сыграл видную роль в установлении якобинской диктатуры.

Брут Марк-Юний (85—42 гг. до н. э.) — древнеримский политический деятель, защитник интересов земельной аристократии, один из вождей республиканской партии; руководил заговором против Юлия Цезаря и его убийством (в 44 г.).

Стр. 23. *Санкюлоты* — термин, служивший для обозначения активных участников французской революции конца XVIII века, выходцев из простого народа. Слово «санкюлот» происходит от французских слов sans (без) и culotte (короткие бархатные штаны, которые носили только дворяне и богачи; бедняки носили длинные панталоны из грубой материи).

Герцог Шартрский Луи-Филипп (1773—1850) — старший сын

герцога Филиппа Орлеанского, родственника короля Людовика XVI; в первые годы Французской революции прикидывался из честолюбивых побуждений сторонником революции, отрекся от своего титула и принял (так же как и его отец) фамилию Эгалите (то есть «равенство»), участвовал в сражениях французской республиканской армии против войск европейской коалиции. В 1793 году принял участие в контрреволюционном заговоре генерала-изменника Дюмурье; после разоблачения этого заговора бежал за границу; в 1814 году возвратился во Францию. После июльской революции 1830 года стал королем под именем Луи-Филиппа. Февральская революция 1848 года свергла его с престола.

Филипп Эгалите (1747—1793) — герцог Филипп Орлеанский, принявший фамилию Эгалита, вступивший в Якобинский клуб и ставший членом Конвента. Прикидывался убежденным якобинцем, голосовал за казнь Людовика XVI. Впоследствии истинное лицо Филиппа Эгалите и его честолюбивые замыслы были разоблачены, и он был казнен по приговору Революционного трибунала.

Стр. 24. *Ларуари*, маркиз, де, *дю Дрене*, *Кюси*, епископ, *Бонзаль Сент-Олэр*, епископ, епископ *Мерси*, епископ *Гийо де Фольмарь* — предводители вандейских мятежников.

Стр. 25. «*Монитер*» — так называлась французская правительственная газета, издававшаяся с 1789 по 1868 год. Позже она была переименована в «Журналь офисьель».

Уиндхэм Уильям (1750—1810) — английский политический деятель, принадлежал к партии вигов. В дальнейшем перешел в лагерь крайней реакции, был военным министром в кабинете Питта-младшего, ярого врага революционной Франции.

Худ Самюэль (1724—1816) — английский адмирал, с 1786 года лорд адмиралтейства; во время войны с революционной Францией командовал английским флотом в Средиземном море, захватил Тулон, а затем Корсику.

Стр. 29. *Ассигнаты* — бумажные деньги, выпускавшиеся во время французской революции (обеспечением для них служили «национальные имущества» — земли духовенства и дворян-эмигрантов, конфискованные и поступившие в продажу).

Стр. 58. *Фротте* Луп, граф, де (1755—1800) — французский помещик-монархист, один из главных вожаков контрреволюционных мятежников в Нормандии; был взят в плен и расстрелян республиканскими войсками.

Рошкотт Фортюне-Гийом, граф, де (1769—1798) — французский помещик-монархист, командовал одним из отрядов вандейских мятежников; был взят в плен и казнен республиканцами.

Стр. 59. *Карно* Лазар (1753—1823) — видный деятель французской революции; был членом Законодательного собрания, членом

К[illegible]нта и Комитета общественного спасения. Проявил огромную активность в деле обороны революционной Франции от войск интервентов (современники прозвали его «организатором победы»).

Стр. 88. *«Закон о подозрительных»* — был принят Конвентом 17 сентября 1793 года. Этот закон предписывал местным органам власти следить за действиями людей, ненадежных в политическом отношении, заключать их в тюрьму и предавать суду Революционного трибунала. Закон этот, изданный по требованию народных масс, сыграл большую роль в борьбе против контрреволюционных элементов.

Пор[illegible] — деревушка на окраине Парижа; в XVIII веке излюбленное место прогулок и развлечений светского общества. Там находился известный кабачок, владельцем которого был Рамбоно.

Стр. 89. *Франклин* Вениамин (1706—1790) — видный американский публицист, философ, политический деятель и ученый (физик); принимал активное участие в войне за независимость в Северной Америке (1775—1783); был дипломатическим представителем США в Париже и добился заключения союза между Францией и США против Англии.

Руссо Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель и философ, один из виднейших просветителей XVIII века, идеолог мелкой буржуазии, выдвигавший в своих трудах («Об общественном договоре» и др.) идею народовластия. Демократическая теория Руссо сыграла крупную роль в идейной подготовке французской революции XVIII века.

Марат Жан-Поль (1743—1793) — видный деятель французской революции, член Конвента, один из руководителей Якобинского клуба, редактор газеты «Друг народа»; пользовался огромной популярностью в народных массах. 13 июля 1793 года был злодейски убит контрреволюционными заговорщиками.

Малуэ Пьер-Виктор (1740—1814) — французский политический деятель умеренно-либерального направления; был членом Учредительного собрания, в 1790 году основал «Клуб беспристрастных», который пытался сплотить конституционных монархистов и вел борьбу против революционных демократов. После восстания 10 августа 1792 года эмигрировал в Англию.

Байи Жан-Сильвен (1736—1793) — французский политический деятель умеренно-либерального направления, мэр Парижа в 1789—1791 годах; боролся против республиканского движения. Во время якобинской диктатуры был казнен по приговору Революционного трибунала.

Кайе де Жервиль Бон-Клод (1752—1796) — французский

...ческий деятель, конституционный монархист. В 1789—
...годах был заместителем прокурора Парижского судебного
округа.

Питу Луи-Анж (1769—1828) — французский писатель-монархист, автор песенок контрреволюционного содержания; не раз подвергался аресту и ссылке.

Стр. 90. *Дюпле* Морис (1728—1820) — владелец крупной столярной мастерской в Париже, на улице Сент-Оноре, член Якобинского клуба, горячий сторонник Робеспьера, который жил в доме Дюпле во время революции и был помолвлен с его дочерью Элеонорой. С семейством Дюпле были тесно связаны Леба, Сен-Жюст и некоторые другие руководящие деятели якобинской диктатуры. После контрреволюционного переворота 9 термидора Дюпле был арестован и предан суду.

Вуллан Жан-Анри (1751—1801) — деятель французской революции, адвокат; был членом Учредительного собрания и членом Конвента; явился одним из организаторов контрреволюционного переворота 9 термидора.

Менфлобер, маркиз, де — французский политический деятель конца XVIII века, прикидывавшийся убежденным республиканцем и присвоивший себе прозвище «Десятое августа» (день свержения монархии во Франции в результате народного восстания).

Фрерон Станислав-Луи-Мари (1754—1802) — французский политический деятель и публицист, член Конвента; будучи комиссаром в Тулоне, отличался своей жестокостью; нажил большое состояние взятками и хищениями; опасаясь разоблачения, способствовал свержению якобинской диктатуры; позже был одним из вожаков термидорианской реакции.

Мюскадены — прозвище, данное контрреволюционно настроенной буржуазно-дворянской молодежи в период термидорианской реакции. Банды мюскаденов расправлялись с революционерами, разгромили здание Якобинского клуба в Париже, участвовали в подавлении народного восстания в мае 1795 года. Название происходит от мускусных духов, которыми душилась эта «золотая молодежь».

Фукье-Тенвиль (1747—1794) — деятель французской революции, якобинец; общественный обвинитель при Революционном трибунале в Париже; после переворота 9 термидора был арестован, а затем казнен.

Шансене (1750—1794) — французский публицист монархического направления; был арестован и казнен в 1794 году.

Дюбуа-Кранс (1747—1814) — деятель французской революции, был членом Учредительного собрания и членом Конвента; в качестве комиссара Конвента проявил большую энергию в борьбе с

[illegible] с тайными мятежниками и иностранными интервента[illegible] редактировал газету «Согласие».

Стр. 91. *Максимум* — закон о твердых ценах на все продукты и предметы широкого потребления, а также о ставках заработной платы, принятый в период якобинской диктатуры — 29 сентября 1793 года.

Стр. 92. *Давид* Жак-Луи (1748—1825) — знаменитый французский художник, участник революции конца XVIII века, одно время близко стоявший к якобинцам. Широкую известность получила его картина, изображающая Марата, убитого в ванне Шарлоттой Корде.

Мерсье Луи-Себастьян (1740—1814) — французский писатель, публицист и драматург буржуазно-демократического направления; незадолго до революции опубликовал «Картины Парижа» (в 12-ти томах), в которых ярко изобразил быт и нравы парижского общества, нищету трудящихся масс.

Сен Жюст Луи-Антуан Флорель, де (1767—1794) — один из виднейших деятелей французской революции; был членом Конвента и Комитета общественного спасения; якобинец, друг Робеспьера; после контрреволюционного переворота 9 термидора был казнен.

Тальен Жан Ламбер (1767—1820) — деятель французской революции, член Конвента; будучи комиссаром в Бордо, нажил огромное состояние взятками и хищениями; был одним из организаторов контрреволюционного переворота 9 термидора.

Регентство — период управления Францией герцогом Филиппом Орлеанским (1715—1723), который был регентом после смерти короля Людовика XIV (до совершеннолетия Людовика XV). Расточительность и расточительность двора, а также неудачные банковские операции привели к полному расстройству государственных финансов и совершенно дискредитировали регента, а вместе с ним и всю династию Бурбонов.

Директория — правительство французской республики, заменившее Конвент после его роспуска; состояло из 5 членов (директоров) и существовало с ноября 1795 по ноябрь 1799 года; выражало интересы крупной буржуазии («новых богачей», биржевых дельцов). Директория вела реакционную внутреннюю и захватническую внешнюю политику. Государственный переворот 18 брюмера покончил с режимом Директории и установил режим бонапартистской военной диктатуры.

Стр. 93. *Тримальхион* — главный персонаж сатирического произведения древнеримского писателя Петрония «Сатирикон», тип богатого выскочки, обжоры и циника.

«Старый Кордельер» — газета, которую издавал Камилл Демулен, представитель правого крыла якобинцев (дантонистов);

...казни Демулена и других дантонистов газета была закрыта.

Жокрис — литературный персонаж, тип глупца, выведенный в французских комедиях конца XVIII и начала XIX века.

Мирабо Оноре-Габриэль, граф (1749–1791) — знаменитый французский политический деятель и публицист, выдающийся оратор, один из вожаков «третьего сословия» в Генеральных штатах 1789 года. Впоследствии был подкуплен королевским двором.

Бобеш — французский уличный актер и певец начала XIX века.

Стр. 94. *Варле Жак* (родился в 1764 году, год смерти неизвестен) — деятель французской революции, один из руководителей группы «бешеных», выражавшей интересы трудящихся, бедноты; принимал активное участие в борьбе против жирондистов, критиковал политику якобинцев, проповедовал эгалитарные (уравнительные) идеи.

Гоффруа Арман-Бенуа-Жозеф (1742—1801) — французский политический деятель и публицист демократического направления, член Конвента.

Стр. 97. *Латюд* Жан-Анри, Мазюр. де (1725—1805) — знаменитый узник Бастилии. Был заключен в нее по ложному обвинению в подготовке покушения на жизнь маркизы Помпадур — фаворитки короля Людовика XV; содержался в ужасных условиях. Несколько раз пытался бежать из Бастилии, но снова попадал в руки полиции. Освобожден из тюрьмы в 1784 году.

Стр 98. *Конвент* — заседал с 21 сентября 1792 года по 26 октября 1795 года. Сначала руководящую роль играли в нем жирондисты. Со 2 июня 1793 до 27 июля 1794 года он являлся центральным органом якобинской диктатуры. Конвент создал ряд постоянных комитетов: военный, продовольственный, дипломатический и т. д. Самым влиятельным из них был Комитет общественного спасения, являвшийся фактически высшим правительственным органом (он назначал министров, генералов, послов, направлял комиссаров на фронт и в провинцию); большую роль играл и Комитет общественной безопасности, руководивший борьбой с контрреволюцией и деятельностью революционных трибуналов. После крушения якобинской диктатуры Конвент превратился в орган буржуазной контрреволюции.

Коммуна 1793—1794 годов — являлась органом революционного самоуправления Парижа и играла крупную роль в системе якобинской диктатуры. Сначала во главе Коммуны стояли левые якобинцы Шомет и Эбер, а позже сторонники Робеспьера. После контрреволюционного переворота 9 термидора Коммуна была упразднена.

Епископат — организация левых якобинцев, тесно связанная

[illegible] массами Парижа; помещалась в бывшем здании парижского епископства.

Гара Доминик-Жозеф (1749—1833) — французский политический деятель, адвокат и публицист умеренно-либерального направления. Был членом Учредительного собрания и членом Конвента, министром юстиции, а затем министром внутренних дел. Во время якобинской диктатуры был дважды арестован за содействие жирондистам. Впоследствии был сенатором наполеоновской империи.

Герцог Брауншвейгский (1771—1815) — немецкий владетельный князь и одновременно генерал прусской армии. В 1792 году был главнокомандующим австро-прусских войск, вторгшихся во Францию с целью восстановления в ней дореволюционных порядков. В битве при Вальми (20 сентября) интервенты были разбиты и отброшены.

Жиронда — партия буржуазных республиканцев во время французской революции, выражавшая интересы крупной торгово-промышленной буржуазии; название ее объясняется тем, что наиболее видные представители этой партии были выбраны в Законодательное собрание, а затем в Конвент от департамента Жиронды.

Жирондисты занимали господствующее положение в Конвенте до народного выступления 31 мая — 2 июня 1793 года, которое привело к власти якобинцев.

Инар Анри-Максимен (1758—1825) — деятель французской революции, член Законодательного собрания и член Конвента, жирондист.

Стр. 99. *Гонтон* Антуан — французский генерал, участвовавший в борьбе против вандейских мятежников; умер в 1794 году.

Фурнье Клод, по прозвищу «Фурнье-американец» (1745—1823) — деятель французской революции, якобинец.

Анрио Франсуа (1761—1794) — деятель французской революции, якобинец; был начальником парижской Национальной гвардии; принимал активное участие в борьбе против жирондистов. После переворота 9 термидора был казнен вместе с Робеспьером.

«Отец Дюшен» («Пэр Дюшен») — название одной из самых популярных демократических газет, издававшихся в Париже во время французской революции. Газета выходила с 1790 по 1794 год под редакцией левого якобинца Эбера (всего вышло 385 номеров).

Шнейдер Эйлож (1756—1794) — деятель французской революции, родом из Германии, епископ, снявший с себя сан. На посту общественного обвинителя при Революционном трибунале депар-

тамента Нижнего Рейна проявлял крайнюю жестокость, за что был смещен, арестован и казнен.

Ламбаль Мария-Терезия-Луиза, принцесса, де (1749—1792) — родственница французской королевской семьи, приближенная королевы Марии-Антуанетты; после свержения монархии была арестована за участие в контрреволюционных заговорах и связь с иностранными дворами и казнена революционным народом.

Бернонвиль Пьер, маркиз, де (1752—1821) — французский генерал; в 1793 году был военным министром.

Моморо Антуан-Франсуа (1756—1794) — деятель французской революции, книготорговец и типограф, член клуба Кордельеров; примыкал к левому крылу якобинцев (эбертисты); был казнен по приговору Революционного трибунала.

Гусман (1752—1794) — деятель французской революции, испанец по происхождению; играл видную роль в борьбе с жирондистами; был казнен вместе с Дантоном и дантонистами.

Стр. 100. *Эбер* Жак-Рене (1757—1794) — деятель французской революции, левый якобинец; добивался усиления революционного террора, более решительной борьбы со спекулянтами, закрытия всех церквей. Именно такую политику проводила Парижская коммуна в тот период, когда ею руководили Шомет (в качестве прокурора) и Эбер (в качестве заместителя прокурора). Против Эбера, Шомета и их сторонников выступали робеспьеристы и дантонисты. 24 марта 1794 года Эбер и некоторые другие левые якобинцы были казнены по обвинению в заговоре против революционного правительства.

Стр. 103. *„Горы и Жиронда обменялись знаменитым поцелуем.*— На заседании Конвента 23 октября 1792 года депутаты двух враждующих партий — Горы и Жиронды — заявили о своей готовности прекратить взаимную борьбу, а некоторые даже обменялись братским поцелуем. Это происходило через месяц после открытия Конвента, когда противоречия между жирондистами и якобинцами еще не обострились в такой мере, как позже. Якобинцы, заседавшие в Конвенте, назывались монтаньярами, то есть горцами, так как сидели в зале на верхних скамьях.

Клавьер Этьенн (1735—1793) — французский политический деятель; был членом Конвента и одно время министром, примыкал к жирондистам. Когда власть перешла в руки якобинцев, был арестован и 8 декабря 1793 года в тюрьме покончил жизнь самоубийством.

Стр. 104. *Робеспьер* Максимилиан (1758—1794) — один из самых выдающихся деятелей французской революции, адвокат и публицист. Был членом Учредительного собрания, Конвента и Комитета общественного спасения. Фактически возглавлял правительство якобинской диктатуры. Проявил огромную энергию в борьбе с вра-

[illegible]. Однако буржуазная ограниченность якобинцев, их борьба против требований трудящихся масс привели к сужению [illegible] базы якобинской диктатуры. Против них ополчились [illegible] «новые богачи». 9 термидора (27 июля 1794 года) якобинская диктатура была свергнута, Робеспьер и его сторонники были казнены.

Дантон Жорж-Жак (1759—1794) — один из виднейших деятелей французской революции, талантливый оратор; сыграл выдающуюся роль в 1792 году в борьбе против нашествия австро-прусских интервентов; был членом Конвента. Впоследствии возглавил правое крыло якобинцев, выражавшее интересы «новых богачей». Казнен по приговору Революционного трибунала.

Шарлотта Корде (1768—1793) (баронесса де Корде д'Армаи) — французская дворянка из Нормандии, связанная с жирондистами и подосланная ими в Париж для убийства Марата. Проникнув с помощью обмана в дом Марата, она заколола его ножом. Была казнена по приговору Революционного трибунала.

Стр. 108 *Серрюк* Жозеф (1741—1808) — французский генерал и политический деятель; в начале революции был одно время военным министром; после перехода власти в руки якобинцев был арестован и заключен в тюрьму за близость к жирондистам. Впоследствии был восстановлен в звании генерала и занимал ряд видных постов в военном ведомстве.

Дюмурье Шарль-Франсуа (17[illegible]—1823) — французский генерал, участник Семилетней войны; в 1792 году командовал центральной армией, действовавшей против войск коалиции, и одержал ряд побед. Но в апреле 1793 года составил заговор с целью восстановления монархии. Заговор был раскрыт, после чего Дюмурье, изменив родине, бежал в Австрию, а оттуда в Англию, где и поселился, живя на средства английского правительства.

Нервинд — село в Бельгии, близ которого французские войска под начальством Дюмурье были разбиты австрийскими войсками 18 марта 1793 года. Это поражение имело тяжелые последствия для революционной Франции.

Рабо Сент-Этьен Жан-Поль (1743—1793) — французский политический деятель, публицист, священник (протестантский пастор в Ниме); был членом Учредительного собрания и членом Конвента; жирондист; казнен по приговору Революционного трибунала.

Монтескью, герцог, де (1756—1832) — французский политический деятель, конституционный монархист; был членом Учредительного собрания, затем эмигрировал.

Вюрмсер Дагоберт-Сигизмунд (1724—1797) — австрийский генерал; сначала служил во французской армии, потом перешел на службу Австрии. Участвовал в Семилетней войне; в 1793—1796 го-

...ал участвовал в войнах против Франции. Потерпел сокрушительное поражение в Италии в 1796 году в боях против французских войск, которыми командовал Наполеон.

Вилле Сирюс-Мари-Александр, де (1757—1822) — французский генерал, участвовал в войне революционной Франции против европейской коалиции, но в 1793 году эмигрировал. Возвратившись во Францию в 1800 году, принял участие во многих наполеоновских походах.

Стр. 109. *Стенкель* Анри — французский генерал, родом из Баварии (родился около 1745 г.), участник войн конца XVIII века, принимал участие в борьбе против вандейских мятежников; был убит в сражении при Мондови в Италии (1796).

Лану Репе-Жозеф, де (1740—1793) — французский генерал, участник войн конца XVIII века. Был казнен по приговору Революционного трибунала по обвинению в измене (в связи с поражением, которое нанесли его войска в боях с войсками коалиции).

Мену Жак-Франсуа, де (1750—1810) — французский генерал и политический деятель, участник войн против Вандеи; подавил народное восстание в Париже в мае 1795 года; участвовал в египетском походе Наполеона. В период империи был французским наместником в Пьемонте, а затем и Венеции.

Диллон Артюр, граф (1750—1794) — французский генерал, участник войн конца XVIII века, монархист; был казнен Революционным трибуналом по подозрению в измене.

Кюстин Адам-Филипп, маркиз, де (1740—1793) — французский генерал и политический деятель; был членом Учредительного собрания. В 1792 году командовал французскими войсками на Рейне и занял ряд городов, в том числе Майнц. В 1793 году под натиском прусских войск оставил Майнц (а также Франкфурт-на-Майне). Был казнен за это по приговору Революционного трибунала.

Маркграф Бранденбургский.— Имеется в виду прусский король Фридрих-Вильгельм II (1786—1797), участвовавший в военной интервенции против революционной Франции.

Бриссо Жан-Пьер (1754—1793) — деятель французской революции, один из вождей партии жирондистов, издавал газету «Французский патриот», член Законодательного собрания и член Конвента. Боролся против якобинцев, добивался роспуска Парижской коммуны, отвергал требования масс о борьбе против спекуляции. Казнен по приговору Революционного трибунала.

Дидро Дени (1713—1784) — крупнейший французский философ-материалист, писатель и теоретик искусства, просветитель, глава энциклопедистов.

Стр. 110. *Шазо* Жан-Франсуа-Симон (1747—1818) — деятель

[illegible] революции, член Законодательного собрания и член Конвента.

Инар Жером (1750—1794) — деятель французской революции, член Учредительного собрания и член Конвента, один из вождей партии жирондистов; после событий 31 мая — 2 июня 1793 года был исключен из состава Конвента, бежал в провинцию и там покончил жизнь самоубийством.

Керсэн Арман-Гюи-Симон, граф, де (1742—1793) — французский политический деятель и морской офицер, был членом Законодательного собрания и членом Конвента; арестован и казнен по обвинению в тайных связях с королевским двором.

Мортон Жак-Луи де Мортон-Шабрийян (1750—1793) — французский генерал, участник войны за независимость в Северной Америке и войны революционной Франции против коалиции европейских монархов, умер на посту коменданта крепости Дуэ.

Дюбрюи Валлэ Шарль (1751—1793) — деятель французской революции, член Конвента, жирондист; был приговорен к смертной казни Революционным трибуналом, покончил жизнь самоубийством.

Бансель — французский генерал, участник войн конца XVIII века, обвиненный в измене, был казнен по приговору Революционного трибунала (1794).

Жансенэ Арман (1755—1793) — деятель французской революции, член Законодательного собрания и член Конвента, жирондист; был арестован и казнен по приговору Революционного трибунала.

Лидон Бернар-Франсуа (1752—1793) — деятель французской революции, член Конвента, близкий к жирондистам; был арестован и покончил жизнь самоубийством.

Шамбон Антуан-Бенуа (1757—1793) — деятель французской революции, член Конвента; был близок к жирондистам; после перехода власти в руки якобинцев бежал из Парижа; был арестован и убит якобинцами.

Ленде Жан-Батист Робер (1749—1825) — деятель французской революции, член Законодательного собрания и Конвента, якобинец; был членом Комитета общественного спасения, комиссаром Конвента в ряде департаментов. За участие в заговоре Бабефа был арестован, предан суду, но оправдан.

Нарбонн (точнее Нарбонн-Лара) Луи, граф, де (1755—1813) — французский генерал и политический деятель; в начале революции был некоторое время военным министром. После свержения монархии эмигрировал в Англию.

Кобург — Имеется в виду австрийский фельдмаршал, герцог Фридрих Кобургский (1737—1815), командовавший в 1793—1794 го-

...ми европейской коалиции, которые действовали против революционной Франции.

Стр. 111. *Клермон Тоннер* Станислав, граф, де (1747—1792) — французский политический деятель, член Учредительного собрания, конституционный монархист; выступал против демократического движения; в день свержения монархии (10 августа 1792 г.) был убит.

Клод Фоше (1744—1793) — деятель французской революции, демократический публицист, один из руководителей «Социального трибуна», член Конвента; впоследствии сблизился с жирондистами и был казнен по приговору Революционного трибунала.

Прюдом Луи-Мари (1752—1830) — французский журналист буржуазно-демократического направления, автор многочисленных политических памфлетов и брошюр, редактор влиятельной газеты «Парижские революции».

Тренк Фридрих, барон (1726—1794) — прусский офицер. В 1793 году был арестован в Париже по подозрению в шпионаже (в пользу Пруссии) и в 1794 году казнен.

Стр. 112. *Шенье* Андре (1762—1794) — французский поэт и публицист; был казнен по приговору Революционного трибунала за контрреволюционную деятельность (за прославление Шарлотты Корде, убийцы Марата, и за связь с монархистами).

Шабан Клод-Франсуа (1760—1794) — деятель французской революции, якобинец. В 1794 году был «национальным агентом» (то есть представителем правительства) при Парижской коммуне. После крушения якобинской диктатуры был казнен.

Кофиналь Жан-Батист (1755—1794) — деятель французской революции, якобинец, заместитель председателя Революционного трибунала; после крушения якобинской диктатуры был казнен.

Кутон Жорж-Огюст (1755—1794) — деятель французской революции, член Законодательного собрания, член Конвента и Комитета общественного спасения, якобинец; после переворота 9 термидора был казнен.

Барбару Шарль-Жак (1767—1794) — деятель французской революции, член Конвента, жирондист; после событий 31 мая — 2 июня 1793 года бежал из Парижа в провинцию, где пытался поднять контрреволюционный мятеж; был схвачен и казнен.

Стр. 113. *Тридцать первое мая.* — Имеется в виду выступление народных масс Парижа 31 мая — 2 июня 1793 года, окруживших здание Конвента и потребовавших исключения и ареста министров и депутатов-жирондистов. Под давлением вооруженного народа Конвент принял соответствующие решения. С этого момента власть перешла в руки якобинцев.

Лакруа Жан-Мишель (1751—1820) — деятель французской ре-

[illegible], член Конвента, близкий к жирондистам; был арестован [illegible] против событий 31 мая — 2 июня 1793 года; после 9 термидора был освобожден и возвращен в Конвент.

Мари Жан-Сифрен (1746—1817) — французский политический деятель, ярый реакционер, аббат и депутат от духовенства в Генеральных штатах 1789 года; в 1791 году эмигрировал; в 1794 году получил от папы звание кардинала. Впоследствии примкнул к Наполеону.

Клавлес Жак-Антуан-Мари, де (1753—1805) — французский политический деятель, ярый монархист, член Учредительного собрания; в 1791 году эмигрировал, служил в английском флоте; впоследствии возвратился во Францию.

Сийес Эммануэль-Жозеф (1748—1836) — французский политический деятель, член Учредительного собрания, играл видную роль в начале революции и был одним из вождей «третьего сословия». Впоследствии был членом реакционного правительства Директории, позже способствовал перевороту 18 брюмера.

Стр. 114. *Ролан* Жан-Мари (1734—1793) — член Конвента, жирондист, один из главарей [illegible] партии; после событий 31 мая — 2 июня 1793 года бежал из Парижа и покончил жизнь самоубийством.

...шестьсот пик, пущенных в дело четырнадцатого июля... — 14 июля 1789 года — день народного восстания в Париже, завершившегося взятием Бастилии и положившего начало французской революции.

Силлери Шарль-Алексис, маркиз, де (1737—1793) — французский генерал и политический деятель, член Учредительного собрания и член Конвента; был арестован и казнен за связь с герцогом Орлеанским (Эгалитэ) и другими контрреволюционными заговорщиками.

Бюзо Франсуа-Никола Леонар (1760—1794) — деятель французской революции, член Учредительного собрания и член Конвента, жирондист; после перехода власти в руки якобинцев бежал из Парижа, поднял контрреволюционный мятеж в департаменте Эр; после подавления мятежа покончил жизнь самоубийством.

Салаван Жан-Батист-Мишель (умер в 1813 г.) — деятель французской революции, адвокат и судья, член Законодательного собрания и член Конвента; был арестован во время якобинской диктатуры, но после переворота 9 термидора освобожден.

Лакруа Марк-Давид (1763—1793) — деятель французской революции, член Законодательного собрания и член Конвента, жирондист; казнен по приговору Революционного трибунала.

Леба Филипп-Франсуа-Жозеф (1764—1794) — деятель революции, якобинец, член Конвента, комиссар, близкий друг Сен-Жюста; покончил с собой после переворота 9 термидора.

...Робер-Франсуа (1715—1757) — покушался на короля Людовика XV, желая отомстить ему за бедственное положение народных масс. Был подвергнут жестоким пыткам и казнен.

...Лун (1752—1797) — деятель французской революции, член Конвента, якобинец; впоследствии был одним из вожаков термидорианской контрреволюции.

Стр. 115. *Четвертое августа.*— Имеется в виду ночное заседание Учредительного собрания 4 августа 1789 года, на котором было принято решение о ликвидации феодальных повинностей; решение это было принято с целью остановить дальнейшее развитие крестьянских восстаний; на деле тогда были отменены только личные повинности крестьян, а так называемые реальные повинности, наиболее тяжелые, подлежали выкупу (на крайне невыгодных для крестьян условиях). Полностью, и притом безвозмездно, феодальные повинности были отменены лишь якобинским Конвентом (по закону 17 июля 1793 г.).

Десятое августа.— Имеется в виду народное восстание в Париже 10 августа 1792 года, приведшее к свержению монархии и провозглашению Республики.

Сентябрьские события.— Имеется в виду казнь нескольких тысяч заключенных в тюрьмах контрреволюционеров (преимущественно дворян и священников), совершенная в начале сентября 1792 года народными массами с целью расстроить заговор контрреволюционеров, рассчитывавших на помощь австро-прусских войск, которые приближались в то время к Парижу.

Стр. 116. *Двадцать первое января.*— Имеется в виду день 21 января 1793 года, когда по приговору Конвента был казнен свергнутый и уличенный в измене король Людовик XVI.

Стр. 117. *Монморен* Арман-Марк, граф, де (1746—1792) — французский политический деятель; был министром иностранных дел в 1789—1791 годах, ярый враг революции; в 1792 году был арестован и казнен.

Шестое октября.— Имеется в виду народное выступление 6 октября 1789 года, вылившееся в поход на Версаль, расстроившее планы контрреволюции и заставившее королевский двор перебраться в Париж.

Двадцатое июня.— Имеется в виду народная демонстрация 20 июня 1792 года в Париже, задуманная с целью оказать давление на короля и заставить его изменить свою политику.

Стр. 119. *Анахарсис* Клоотс (1755—1794) — деятель французской революции, философ и публицист, выходец из Германии; в Конвенте примыкал к левому крылу якобинцев; выдвигал авантюристский по существу план продолжения войны до полной победы республиканских принципов во всей Европе. Был предан суду

Революционного трибунала по подозрению в связях с агентами иностранных держав и казнен.

Стр. 120. *Бабеф* Гракх (1760—1797) — видный деятель французской революции, организатор и теоретик «Заговора равных», ставившего своей целью свержение реакционного правительства Директории и создание революционного правительства, которое должно было осуществить переход к новому общественному строю — коммунизму. Коммунизм Бабефа и его сторонников (бабувистов) был утопическим, Бабеф не понимал ведущей роли рабочего класса в социальной революции и уделял главное внимание аграрному вопросу. Заговор не получил поддержки широких масс, и Бабеф был казнен.

Дону Пьер-Клод-Франсуа (1761—1840) — деятель французской революции, член Конвента; был арестован за протест против исключения жирондистов; после переворота 9 термидора был освобожден и возвращен в Конвент. Публицист и историк.

Лекуа Робер-Гома (1743—[illegible]) — деятель французской революции, епископ, член Учредительного собрания и член Конвента, якобинец; в 1793 году публично сложил с себя епископский сан.

Масье Жан-Батист (1743—1810) — деятель французской революции, епископ, член Учредительного собрания и член Конвента; в 1793 году сложил с себя духовный сан; был комиссаром Конвента в ряде департаментов.

Бессуа — деятель французской революции, выходец из духовенства (старший викарий парижского архиепископа); был членом революционного комитета, руководившего восстанием 10 августа 1792 года.

Шабо Франсуа (1756—1794) — деятель французской революции, бывший монах, член Законодательного собрания и член Конвента, якобинец; был казнен по обвинению в финансовых спекуляциях.

Жерль (иначе Дом Жерль) Кристоф-Антуан (1740—1805) — французский политический деятель, монах; был депутатом Генеральных штатов 1789 года; впоследствии возглавлял одну религиозную секту.

Зал для игры в мяч — в здании манежа в Версале. Здесь 17 июня 1789 года депутаты Генеральных штатов, принадлежавшие к «третьему сословию», провозгласили себя Национальным собранием и постановили не расходиться до тех пор, пока не выработают конституции.

Стр. 121. *Одран* Ив-Мари (1741—1800) — деятель французской революции, аббат; был членом Законодательного собрания и членом Конвента; убит бандой роялистов.

Гутт Жан-Луи (1740—1794) — французский политический деятель и епископ, депутат Генеральных штатов; был казнен в не-

[illegible] якобинской диктатуры за контрреволюционную пропаганду.

Грегуар Анри (1750—1831) — французский политический деятель, священник, а позже епископ. В Конвенте одним из первых внес предложение о провозглашении Республики.

Колло д'Эрбуа Жан-Мари (1749—1796) — деятель французской революции, актер и драматург, член Конвента, якобинец; был комиссаром в ряде департаментов. Содействовал перевороту 9 термидора, но во время термидорианской реакции был арестован и сослан; умер в ссылке.

Бирон Арман-Луи де Гонто, герцог, де (1747—1793) — французский генерал, член Учредительного собрания, участник войны против коалиции в 1792—1793 годах; был казнен Революционным трибуналом по подозрению в измене.

Ришелье Луи-Франсуа Арман, герцог, де (1696—1788) — французский генерал, участник ряда войн, в частности войны между Францией и Англией (так называемой Ганноверской войны).

Дюссо Жан-Жозеф (1769—1824) — французский публицист и историк либерально-буржуазного направления.

Стр. 123. *Карл Гесс* — немецкий князь (из рода герцогов Гессенских); одно время поселился в Париже и разыгрывал из себя якобинца.

Монто Луи-Мари-Бон, маркиз, де (1754—1824) — деятель французской революции, член Законодательного собрания и член Конвента, якобинец; во время термидорианской реакции подвергся преследованиям.

Вилат Иоахим (1763—1795) — деятель французской революции, якобинец, член Революционного трибунала; после переворота 9 термидора был казнен.

Антоннель Пьер-Антуан, маркиз (1747—1817) — французский политический деятель, публицист буржуазно-демократического направления, член Законодательного собрания и Революционного трибунала; участвовал в заговоре Бабефа, был судим, но оправдан.

Дампьер Огюст-Анри-Мари, маркиз, де (1756—1793) — французский генерал, участник войн революционной Франции против коалиции европейских монархов; был убит в бою.

Борепэр Никола-Жозеф (1740—1792) — французский генерал, участник войн между Францией и европейской коалицией, застрелившийся при сдаче крепости Верден прусским войскам в 1792 году.

Кондорсе Марк-Жан-Антуан-Никола, маркиз, де (1743—1794) — деятель французской революции, видный ученый (математик), философ-просветитель и публицист, член Законодательного собрания и член Конвента, жирондист; после прихо-

[illegible] и был арестован и покончил жизнь само-
[illegible]

Гракхи Тиберий (163—132 гг. до н. э.) и Гай (153—121 гг. [illegible]) — политические деятели Древнего Рима; пытались провести аграрную реформу с целью наделения мелких крестьян государственной землей. Законопроект, составленный в этом духе Тиберием Гракхом, встретил ожесточенное сопротивление со стороны аристократической партии; группа сенаторов убила Тиберия. [illegible] младший брат Гай Гракх провел некоторые демократические реформы и пытался сах городских и сельских плебеев. Во время восстания гракханцев, [illegible] противниками реформ, Гай [illegible]. При [illegible] возмущений братьев Гракхов их [illegible] реформы имели [illegible] значение.

Стр. 122. [illegible] — [illegible]; участвовал в войне против вандейских мятежников, [illegible] ряд побед над ними; [illegible] был [illegible] и умер в тюрьме.

Стр. 127. *Рей*: Ж[illegible]р (1731—1775) — французский философ-[illegible] и политический деятель; одно время жил в России в качестве [illegible] графа П. А. Строганова; член Законодательного собрания и Конвента; после подавления народного восстания и Парижа 1795 года был приговорен к смертной казни и покончил [illegible] ножа.

Филипо Пьер-Никола (17[illegible]—17[illegible]) — деятель французской революции; был членом Конвента и его комиссаром в ряде департаментов; казнен вместе с Дантоном.

Симонна Эвраг — молодая парижская работница, подруга Марата, деятельно помогавшая ему в издании и распространении его газеты «Друг народа». В период бонапартистского режима подвергалась полицейским преследованиям.

Стр. 129. *21 сентября.*— Имеется в виду 21 сентября 1792 года — день провозглашения Республики Национальным Конвентом.

Возвращение короля из Варенна.— Имеется в виду задержание Людовика XVI и его семьи, бежавших из Парижа 21 июня 1791 года с целью возглавить контрреволюционные войска и отряды эмигрантов и повести их на Париж для восстановления дореволюционных порядков. Заговор потерпел неудачу вследствие бдительности народных масс. В Варенне (недалеко от границы) король был узнан и задержан, а затем возвращен в Париж.

Стр. 131. *Совет старейшин* — верхняя палата Законодательного корпуса во Франции в период Директории (1795—1799); название объясняется тем, что членом Совета старейшин мог быть только человек, достигший сорока лет. Нижняя палата называлась Советом пятисот (он насчитывал 500 членов).

18 брюмера.— Имеется в виду государственный переворот

18 брюмера (9 ноября 1799 г.), положивший конец правительству Директории и приведший к установлению режима военно-буржуазной диктатуры Наполеона. Переворот был организован крупной буржуазией, стремившейся к установлению твердой власти, и совершен войсками, участвовавшими в захватнических походах в Италию.

Персье — французский архитектор конца XVIII века.

Лепеллетье де Сен-Фаржо Луи-Мишель (1760—1793) — деятель французской революции, член Учредительного собрания и член Конвента, якобинец; был убит 20 января 1793 года роялистом Парі за то, что голосовал за казнь Людовика XVI.

«Декларация прав человека» — один из важнейших документов французской революции; была принята Учредительным собранием 27 августа 1789 года. Декларация провозглашала, что каждый человек имеет право на свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. Буржуазно-демократические принципы Декларации были нарушены Учредительным собранием, которое выработало в 1791 году конституцию, лишавшую широкие слои населения избирательных прав.

Ликторский пучок — эмблема ликторов, служителей высших должностных лиц в Древнем Риме; когда ликторы сопровождали должностное лицо, они несли пучки прутьев и топор.

Стр. 132. *Ликург* — легендарный царь и законодатель, которому древние писатели приписывают реформы, определившие общественно-политический строй Спарты.

Солон (ок. 638 — ок. 559 гг. до н. э.) — древнегреческий политический деятель, реформатор. В 595 году до н. э. провел важнейшие реформы, видоизменившие общественно-политический строй Афин (уничтожение долговых обязательств, кодификация гражданского права, разделение граждан на четыре класса и т. д.). Реформы Солона были направлены против засилья древних аристократических родов.

Платон (ок. 427 — ок. 347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, живший в Афинах в период крушения рабовладельческой демократии, автор одной из первых социальных утопий.

Вадье Марк-Гильом-Алексис (1736—1828) — деятель французской революции; был членом Законодательного собрания, членом Конвента и Комитета общественной безопасности; принял участие в перевороте 9 термидора; после второй реставрации Бурбонов был изгнан из Франции.

Стр. 133. *Каррье* Жан-Батист (1756—1794) — деятель французской революции, член Конвента, якобинец; исполнял обязанности комиссара в ряде департаментов; за чрезмерную жестокость, проявленную в расправе с контрреволюционными элементами, был

[illegible] правительством; впоследствии был комиссаром Конвента в Бресте, принимал участие в борьбе против вандейцев, после переворота 9 термидора был арестован, а затем казнен.

Стр. 134. *Леньело* Жозеф-Франсуа (1752—1829) — деятель французской революции, член Конвента, якобинец; был комиссаром в Бресте, принимал участие в борьбе против вандейцев; после переворота 9 термидора был арестован, но затем освобожден.

Стр. 135. *Гюаде* Маргерит-Эли (1755—1794) — деятель французской революции, член Законодательного собрания и член Конвента, жирондист; 2 июня 1793 года бежал из Парижа; в 1794 году был арестован и казнен.

Сальи Жан-Батист (1759—1794) — деятель французской революции, член Учредительного собрания и член Конвента, жирондист; 2 июня 1793 года бежал из Парижа в Бретань, а затем в Бордо; в 1794 году был арестован и казнен.

Кинет Пиерро-Мари (1762—1821) — деятель французской революции, член Конвента, один из пяти комиссаров, посланных на фронт, чтобы [illegible] генерала Дюмурье, но, сам арестованный генералом Дюмурье, был выдан австрийскому командованию и заточен в одну из австрийских тюрем, где он провел несколько лет; после освобождения из тюрьмы вернулся во Францию.

Кюнэс Ан-ен-Гастон (1740—1804) — деятель французской революции, член Учредительного собрания и член Конвента; был арестован изменником генералом Дюмурье, выдан австрийским властям и заключен в тюрьму; позже был членом Совета пятисот; отказался присягнуть наполеоновскому режиму.

Стр. 136. *Парис* Франсуа, де (1690—1727) — французский церковный деятель, известный своей благотворительностью; ему приписывались всевозможные «чудеса».

Камилл Демулен (1760—1794) — деятель французской революции, активный участник штурма Бастилии, член Конвента, дантонист; требовал ослабления революционного террора; был казнен вместе с Дантоном.

Дюпон Жак-Луи, по прозвищу Жакоб (1755—1823) — деятель французской революции, священник и преподаватель; был членом Законодательного собрания и членом Конвента; вышел в отставку в 1794 году по болезни. Сенатор первой империи.

Ланжюинэ Жан-Дени (1755—1827) — французский политический деятель, член Учредительного собрания и член Конвента, жирондист; в период якобинской диктатуры скрывался; впоследствии был возвращен в Конвент.

Ребекки Франсуа-Трофим (1744—1794) — деятель французской революции, член Конвента, жирондист; после перехода власти в

[illegible] якобинцев бежал в Марсель и там покончил жизнь самоубийством.

Барото Жан-Бонавантюр-Блэз-Иларион (1758—1793) — деятель французской революции, член Конвента, жирондист; был арестован 2 июня 1793 года, но бежал; в Бордо присоединился к контрреволюционному мятежу, снова был арестован и казнен.

Луве Жан-Батист (Луве де Куврэ; 1760—1797) — французский писатель и политический деятель, автор авантюрного романа «Похождения кавалера Фоблаза». Во время революции был членом Конвента, примыкал к жирондистам. В последние годы своей жизни открыл книжную лавку, где ему помогала его возлюбленная Лолойска.

Карра Жан-Луи (1743—1793) — публицист, деятель французской революции, член Конвента; примыкал к жирондистам, был казнен по приговору Революционного трибунала.

Гораций (65—8 гг. до н. э.) — знаменитый древнеримский поэт, автор многочисленных од и сатир.

Понтекулан Луи-Гюстав, де (1764—1853) — французский политический деятель, член Конвента; примыкал к жирондистам. Префект и сенатор первой империи.

Стр. 137. *Буало* Жак, *Бертран* Антуан, *Лестер-Бове* Бенуа, *Лесаж* Дени-Туссе, *Гомер* Жан-Эме, *Гардьен* Жан-Франсуа-Мартен, *Мэнвьель* Пьер, *Дюкларьон* Жак-Поль, *Лаказ* Жак, *Антибуль* Шарль-Луи — члены Конвента, принадлежавшие к партии жирондистов или близко стоявшие к ней (большая часть из них была казнена по приговору Революционного трибунала).

Верньо Пьер-Викторньен (1753—1793) — деятель французской революции, член Законодательного собрания и член Конвента, жирондист; был казнен по приговору Революционного трибунала. Гюго называет Верньо «вторым Барнавом», видимо, потому, что, подобно Барнаву, одному из вождей фельянов в Учредительном собрании, резко выступавшему в 1791 году против республиканского движения народных масс, жирондист Верньо в Конвенте 1793 года являлся одним из самых ярых противников революционно-демократического движения, возглавлявшегося якобинцами.

Мерлен из Тионвиля Антуан-Кристоф (1762—1833) — деятель французской революции; был членом Законодательного собрания и членом Конвента, якобинец; исполнял обязанности комиссара в борьбе с войсками коалиции и с вандейскими мятежниками. Впоследствии примкнул к заговору против якобинской диктатуры.

Мерлен из Дуэ Филипп-Антуан (1754—1838) — французский политический деятель; был членом Учредительного собрания и членом Конвента, одно время входил в состав Комитета обществен-

[illegible]. После второй реставрации Бурбонов (1815) был изгнан из Франции как бывший депутат Конвента, голосовавший за казнь Людовика XVI. После июльской революции (1830) возвратился во Францию.

Субрани Пьер-Амабль, де (1752—1795) — деятель французской революции, член Законодательного собрания и член Конвента, левый якобинец; после подавления народного восстания в Париже в мае 1795 года был приговорен к смертной казни и покончил жизнь самоубийством.

Лебон Гюисман-Франсуа-Жозеф (1765—1795) — деятель французской революции, член Конвента и его комиссар, якобинец; после крушения якобинской диктатуры был казнен.

Билло-Варенн Жак-Никола (1756—1819) — деятель французской революции, член Конвента, якобинец; после переворота 9 термидора был сослан в Кайенну; умер в изгнании.

Фабр д'Эглантин Филипп Франсуа-Назар (1755—1794) — французский поэт, драматург, политический деятель, член Конвента, якобинец; автор нового республиканского календаря, введенного в октябре 1793 года; примыкал к группе дантонистов; был казнен вместе с Дантоном.

Руже де Лиль Клод-Жозеф (1760—1836) — французский офицер и поэт, создатель патриотического гимна «Марсельеза» (1792) и множества других революционных песен.

Ланюэль Луи-Пьер (1751—1793) — деятель французской революции; был прокурором Парижской коммуны, а затем членом Конвента, из которого вышел в знак протеста против казни бывшего короля. Казнен по приговору Революционного трибунала.

Гусон Жан-Мари-Клод-Александр (1766—1795) — деятель французской революции, член Конвента и его комиссар, якобинец; после подавления народного восстания в Париже в мае 1795 года был арестован и приговорен к смертной казни; покончил жизнь самоубийством.

Рюль Филипп-Жак (1737—1795) — деятель французской революции, член Законодательного собрания и член Конвента, якобинец; во время термидорианской реакции был арестован и покончил жизнь самоубийством.

Фуше Жозеф (1759—1820) — французский политический деятель, беспринципный и аморальный карьерист. Был членом Конвента и его комиссаром в ряде департаментов, где проявил крайнюю жестокость, за что был отозван и исключен из Якобинского клуба. Принял участие в подготовке переворота 9 термидора. Будучи министром полиции при Директории, продал это правительство и содействовал установлению бонапартистской диктатуры. Получил от Наполеона звание сенатора, титул герцога Отрантского

в пост министра полиции. Изменил Наполеону и способствовал реставрации Бурбонов. Умер в изгнании.

Гильотен Жозеф-Ипьяс (1738—1814) — французский политический деятель и врач, член Учредительного собрания и член Конвента, якобинец; изобрел гильотину.

Клуб Фельянов — один из политических клубов времен французской революции; заседал в здании бывшего монастыря ордена фельянов, или фельянтинцев (отсюда его название). Клуб этот был создан в 1791 году и являлся организацией умеренно-либеральной буржуазии.

Жако Грегуар-Марп (1750—1838) — деятель французской революции, член Законодательного собрания и член Конвента, якобинец; во время Директории был арестован, но затем освобожден.

Жавоз Клод (1759—1796) — деятель французской революции, член Конвента, левый якобинец; был комиссаром в ряде департаментов. Контрреволюционеры обвиняли его в том, что он руководил уничтожением гробниц французских королей в аббатстве Сен-Дени, близ Парижа. После раскрытия заговора Бабефа, с которым он поддерживал связь, был арестован и казнен.

Осселен Шарль-Никола (1754—1794) — деятель французской революции, член Конвента; примыкал к якобинцам. В 1794 году был арестован и казнен по обвинению в укрывательстве контрреволюционеров.

Робер Пьер-Франсуа-Жозеф (1762—1826) — деятель французской революции, публицист, член клуба Кордельеров; был членом Конвента; умер в изгнании.

Кералио Луиза-Фелисите (1758—1821) — французская писательница либерального направления, жена Робера.

Стр. 138. *Амар* Жан-Пьер-Андре (1755—1816) — деятель французской революции, якобинец, член Конвента, комиссар Конвента в ряде департаментов, член Комитета общественной безопасности; во время термидорианской реакции был арестован, но затем освобожден; арестованный позже по делу Бабефа, был оправдан.

Шенье Марп-Жозеф (1764—1811) — деятель французской революции, автор ряда революционных песен, поэт и драматург, член Конвента, якобинец; после переворота 9 термидора перешел на сторону реакции.

Шарантон — больница для умалишенных близ Парижа.

Прайд — деятель английской революции XVII века, полковник английской армии, руководил по приказу Кромвеля чисткой Долгого парламента (8 декабря 1648 г.) от реакционно-монархических элементов.

Шалье Мари-Жозеф (1747—1793) — деятель французской рево-

[illegible] вождь рабочих и бедноты Лиона; был убит [illegible] подавлении мятежа в Лионе.

Леонар Бурдон (1754—1807) — деятель Французской революции; играл видную роль в восстании 10 августа 1792 года; член Конвента, якобинец, комиссар Конвента в Орлеане; участвовал в перевороте 9 термидора; после переворота был арестован, но затем освобожден.

Гупильо (Жан-Франсуа Гупильо де Фонтень; 1753—1823) — деятель Французской революции, член Законодательного собрания и член Конвента; был комиссаром Конвента в Вандее.

Лоран Лекуантр (1742—1805) — деятель Французской революции, член Законодательного собрания и член Конвента; был одним из организаторов переворота 9 термидора; позже был арестован, но затем освобожден.

Дюбем Пьер-Жозеф (1758—1807) — деятель Французской революции, врач, член Законодательного собрания и член Конвента, якобинец; был комиссаром Конвента в ряде департаментов и членом Комитета общественной безопасности; содействовал перевороту 9 термидора, но затем подвергся преследованиям.

Сергей Антуан Франсуа (1751—1847) — деятель Французской революции, скульптор; был членом Конвента и членом его Комитета народного просвещения.

Лекуантр Пюиравё Мишель-Матье (1764—1827) — деятель Французской революции, член Законодательного собрания и член Конвента; был комиссаром Конвента в Вандее и в некоторых других департаментах; после второй реставрации Бурбонов был изгнан из Франции.

Томас Пэйн (1737—1809) — английский публицист и политический деятель буржуазно-радикального направления. В 1776 году опубликовал брошюру «Здравый смысл», которая сыграла большую роль в войне за независимость США. В 1791—1792 годах издал книгу «Права человека», в которой восхвалял идеи французской революции. Переехал во Францию, где был избран членом Конвента. Впоследствии возвратился в Англию.

Ровер Жозеф (1748—1798) — деятель французской революции, человек беспринципный и неустойчивый; член Законодательного собрания, затем член Конвента и Комитета общественной безопасности. Будучи комиссаром Конвента в провинции, занимался хищениями; участвовал в подготовке переворота 9 термидора; был арестован за связь с роялистами, позднее входил в Совет пятисот.

Стр. 139. *Термидорианец* — участник контрреволюционного переворота 9 термидора (27 июля 1794 года), положившего конец существованию революционной диктатуры якобинцев.

Камбасерес Жан-Жак-Режи (1753—1824) — французский поли-

...ский деятель, член Конвента; впоследствии был вторым консулом, а затем архиканцлером и князем наполеоновской империи.

Бурбон из Ланы Франсуа-Луп (1758—1798) — деятель французской революции, член Конвента, якобинец; позже примкнул к противникам якобинской диктатуры и был одним из вожаков переворота 9 термидора (современники обвиняли его в том, что он извлек большое состояние на спекуляциях). В 1797 году был арестован за контрреволюционную деятельность и сослан.

Ребель Жан-Батист (1747—1807) — деятель французской революции; был членом Учредительного собрания, членом Конвента, а позже членом Директории и членом Совета пятисот. В период наполеоновского господства подвергался преследованиям за свои республиканские убеждения.

Бурбот Пьер (1763—1795) — деятель французской революции, член Конвента, левый якобинец; исполнял обязанности комиссара в Вандее. После подавления народного восстания в мае 1795 года был казнен.

Лекарпантье Жан-Батист (1759—1829) — деятель французской революции, член Конвента, якобинец; в качестве комиссара Конвента принимал активное участие в борьбе против вандейского мятежа. После крушения якобинской диктатуры был арестован, но позже освобожден. В 1819 году правительство Реставрации заключило его в тюрьму, где он и умер.

Рабержо Клод (1753—1799) — французский политический деятель, был членом Конвента, затем членом Совета пятисот и послом Французской республики в Гамбурге. Во время конгресса в Раштадте, созванного для переговоров о мире между Францией и Австрией, был вероломно убит (вместе с другим французским делегатом — Бонье) австрийскими солдатами.

Левассер (из департамента Сарты) Рене (1747—1834) — деятель французской революции, член Конвента, якобинец. Оставил исторические мемуары, которые были изданы в эмиграции (в Бельгии). Эти мемуары использовал К. Маркс в статье «Борьба якобинцев с жирондистами». После июльской революции 1830 года Левассер возвратился во Францию.

Ревершон Жак (1746—1828) — деятель французской революции; был членом Законодательного собрания и членом Конвента, одно время председателем Якобинского клуба и секретарем Комитета общественной безопасности. После крушения якобинской диктатуры примкнул к термидорианцам.

Мар (1761—1795) — деятель французской революции, член Конвента, якобинец; исполнял обязанности комиссара в Шампани; после подавления народного восстания в мае 1795 года покончил с собой.

Лекинио Марп-Жозеф (1755—1814) — деятель французской революции, член Конвента, якобинец; проявил большую энергию на посту комиссара в Вандее; после контрреволюционного переворота 9 термидора был арестован, но затем освобожден.

Стр. 140. *«Болото»*.— Так именовали современники ту фракцию Конвента, которая составляла его большинство и поддерживала сначала жирондистов, потом якобинцев; фракция эта выражала интересы средних слоев буржуазии и зажиточного крестьянства; название «Болото» укрепилось за этой фракцией потому, что члены ее сидели на нижних скамьях зала заседаний.

Стр. 141. *Дебри* Жан-Антуан-Жозеф (1760—1834) — деятель французской революции, член Законодательного собрания, а затем член Конвента; одно время был близок к якобинцам. После крушения якобинской диктатуры примкнул к термидорианцам. Был префектом империи; после Реставрации изгнан из Франции.

Лаканаль Жозеф (1762—1845) — деятель французской революции, член Конвента и председатель его Комитета народного просвещения. После второй реставрации Бурбонов был изгнан из Франции; вернулся на родину в 1832 году.

Ревельер-Лепо Луи-Мари (1753—1824) — французский политический деятель и ученый (ботаник); был членом Учредительного собрания и членом Конвента, примыкал к жирондистам; одно время был членом правительства Директории.

Гюитон-Морво Луи-Бернар (1737—1816) — видный французский ученый (химик) и политический деятель; был членом Законодательного собрания, а затем членом Конвента и Комитета общественного спасения; содействовал своими научными трудами укреплению обороноспособности революционной Франции в ее борьбе против европейской коалиции.

Жан-Бон-Сент-Андре (1749—1813) — деятель французской революции, член Конвента, якобинец; руководил в Комитете общественного спасения реорганизацией флота.

Шапп — французский инженер, разработавший проект [illegible] зования привязных аэростатов для целей военной разведки.

Стр. 142. *Огюстен-Бон-Жозеф Робеспьер* (1763—1794) — младший брат знаменитого вождя якобинцев, член Конвента; после переворота 9 термидора был казнен.

Лавиконтри Луи-Тома (1746—1809) — деятель французской революции, член Конвента, якобинец; одно время был членом Комитета общественной безопасности; после переворота 9 термидора отошел от политической деятельности.

Стр. 143. *Карл I* — английский король из династии Стюартов; во время буржуазной революции XVII века был свергнут и казнен (30 января 1649 г.).

Кромвель Оливер (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции XVII века; выдвинулся как генерал во время гражданской войны; в декабре 1653 года был провозглашен лордом-протектором Англии и с этого времени правил фактически как диктатор; выражал интересы крупной буржуазии и нового дворянства; сурово подавлял революционные выступления народных масс.

Стр. 146. *Базир* Клод (1761—1794) — деятель французской революции, член Законодательного собрания и член Конвента; примыкал к правому крылу якобинцев, возглавлявшемуся Дантоном, и был казнен вместе с ним (по обвинению в связях с крупными спекулянтами).

Ардонвиль Жан-Батист (1750—1808) — деятель французской революции, член Конвента (единственный рабочий среди его членов), якобинец. После свержения якобинской диктатуры вернулся к своей профессии ткача.

Ламуретт Адриан (1742—1794) — деятель французской революции, конституционный монархист, епископ, добивавшийся на заседании Законодательного собрания 7 июля 1792 года примирения враждующих партий на основе взаимного всепрощения и братания («Ламуреттов поцелуй»). Впоследствии был казнен за участие в контрреволюционном мятеже в Лионе.

Барер Бертран (1755—1841) — деятель французской революции, член Конвента, якобинец.

Оратория — французский монашеский орден; в 1792 году был упразднен Конвентом; церковь этого ордена служила местом народных собраний.

Стр. 147. *Лакло.* — Имеется в виду французский писатель, публицист и политический деятель времен французской революции Шодерло де Лакло (1741—1803), автор нашумевшего в свое время сатирического романа «Опасные связи» (1782), направленного против феодальной аристократии. Во время революции был арестован как бывший секретарь герцога Орлеанского и его сторонник; после переворота 9 термидора освобожден.

Эро де Сешель Мари-Жан (1759—1794) — деятель французской революции, член Законодательного собрания, член Конвента и Комитета общественного спасения, автор конституции 1793 года. Примыкал к правому крылу якобинцев, возглавлявшемуся Дантоном, и был казнен вместе с ним.

Гобель Жан-Батист-Жозеф (1727—1794) — деятель французской революции, член Учредительного собрания; был близок к якобинцам; в конце 1793 года публично снял с себя сан епископа; был казнен по приговору Революционного трибунала за принадлежность к оппозиционной фракции эбертистов-шометистов.

Феро Жан-Бертран (1759—1795) — деятель французской ре-

...нии, член Конвента, комиссар в ряде департаментов; был при-
нят за Фрерона и убит во время народного восстания в мае
1795 года.

Буасси д'Англа Франсуа-Антуан (1756—1826) — французский политический деятель, адвокат и литератор, член Учредительного собрания и член Конвента, в котором примыкал к «Болоту». Был одним из вожаков термидорианской контрреволюции. Председательствовал в Конвенте во время народного восстания в мае 1795 года.

Дюпра Жан (1760—1793) — деятель французской революции, член Конвента, жирондист; был арестован и казнен; его брат, Луи Дюпра, поссорился с ним и обвинил Жана в покушении на его жизнь.

Стр. 148. *Буонарроти* Филипп (1761—1837) — французский революционер, уроженец Корсики; в 1792 году переселился во Францию; якобинец, активный участник заговора Бабефа и его историк (в 1828 году он опубликовал книгу «История заговора равных»).

Стр. 149. *Модерантисты* (умеренные).— Так называли во время французской революции жирондистов и других представителей правых партий.

Террористы — Так контрреволюционеры называли якобинцев.

Стр. 151. *Тибодо* Антуан-Клер (1765—1854) — французский политический деятель, член Конвента; примыкал к «Болоту».

Стр. 154. *Сенека* Луций Анней (родился ок. 3 г. до н. э.— умер в 65 г. н. э.) — знаменитый древнеримский философ, историк и литератор; по приказу императора Нерона, заподозрившего его в заговоре против правительства, покончил с собой (вскрыл себе вены в ванне).

Стр. 153. *Дюмэз* Жозеф, граф, де (1755—1827) — французский офицер-монархист, один из главных руководителей вандейского мятежа; оставил мемуары.

Стр. 160. *Камбиз* — царь Древней Персии (Ирана) (530—522 гг. до н. э.), сын и соправитель Кира; покорил Египет С дикой жестокостью расправлялся со своими врагами. Покончил жизнь самоубийством.

Тевтат — бог войны у древних кельтов.

Пьер Моклерк — герцог бретонский (1213—1237), неоднократно восставший против королевской власти ради сохранения политической автономии Бретани. Потерпев поражение в этой борьбе, вынужден был передать управление Бретанью своему сыну. Участвовал в крестовом походе Людовика IX и был вместе с ним взят в плен. Умер в 1250 году.

Блуа — древний французский графский род, владевший боль-

земли в Бретани; впоследствии территория графства Блуа была присоединена к землям французской короны.

Монфор Симон, де (1206—1265) — английский политический деятель; в 1263—1265 годах правил Англией в качестве протектора. При нем впервые в Англии был создан парламент, в который были допущены и представители городов.

Стр. 161. *Рене II, виконт де Розан* (1550—1586) — французский аристократ, участник гражданских войн XVI века; командовал войсками гугенотов в крепости Ла-Рошель.

Стр. 167. *Мелине* Франсуа (1738—1793) — французский политический деятель и драматург; был членом Конвента, в котором примыкал к жирондистам; одно время был комиссаром в Вандее.

Стр. 168. *Дюгесклен* Бертран (1314—1380) — видный французский военачальник, выходец из бретонского дворянства; проявил большую храбрость во время Столетней войны между Францией и Англией.

Стр. 169. *Вимпфен* Фрейн, Барон, де (1745—1814) — французский генерал и политический деятель, участник войн второй половины XVIII века. Во время гражданской войны 1793—1794 годов командовал армией, созданной жирондистами для борьбы против якобинской диктатуры.

Стр. 170. *Федералисты.*— Так якобинцы называли жирондистов за то, что они стремились ослабить политическую централизацию Франции и противопоставляли Парижу, центру революции, провинциальные города (особенно Южной и Западной Франции), на которые они стремились опереться в борьбе против якобинской диктатуры.

Горса Антуан-Жозеф (1752—1793) — деятель французской революции, публицист; был членом Конвента, примыкал к жирондистам; вел ожесточенную борьбу против Марата; пытался поднять Нормандию и Бретань против якобинской диктатуры; был казнен по приговору Революционного трибунала.

Стр. 171. *Вильгельм Телль* — согласно народной легенде начала XIV века, швейцарский крестьянин, отказавшийся поклониться шляпе австрийского эрцгерцога, повешенной на площади города Альторфа. В наказание за это императорский наместник Геслер приказал ему стрелять в яблоко, положенное на голову его сына; Вильгельм Телль сбил яблоко, не задев головы сына. Заключенный в тюрьму, он бежал из нее, подстерег Геслера и убил его. Вильгельм Телль вошел в историю как борец за национальную независимость своего народа.

Стр. 173. *Никола Ранэн* (1540—1608) — французский поэт и политический деятель; одно время был правителем провинции Бретань и отстаивал ее самостоятельность.

Франсуа де Лану (1531—1591) — французский военачальник и политический деятель, один из руководителей партии гугенотов, участник гражданских войн XVI века, выходец из Бретани; пользовался большим влиянием в этой провинции.

Стр. 196. *Россиньоль* Жан-Антуан (1759—1802) — французский политический деятель и генерал. Участвовал во взятии Бастилии; командовал одной из армий Конвента в Вандее. В 1795 году был арестован, но затем освобожден. Участвовал в заговоре Бабефа. По ложному обвинению в покушении на Наполеона был отправлен в ссылку, где вскоре умер.

Ронсен Шарль-Филипп (1752—1794) — французский драматург, политический и военный деятель. Участвовал в борьбе против вандейских мятежников; примыкал к левым якобинцам. Был казнен по приговору Революционного трибунала.

А. Молок

КОММЕНТАРИИ К РОМАНУ «НОВЬ».

ЧАСТЬ I

*1 *Офицерская улица* — ныне улица Декабристов.

*2 *...человек один подвернулся ненадежный~и вовсе устранить.*— Намек на С. Г. Нечаева и его методы руководства революционной работой, которыми предусматривалась беспощадная расправа с недостаточно послушными единомышленниками, вплоть до убийства.

*3 *Титулярный советник* — по табели о рангах, введенной Петром I, чиновник 9 класса.

*4 *«Трусоват был Паклин бедный...»* — Шутливо видоизмененная первая строка стихотворения Пушкина «Вурдалак» (цикл «Песни западных славян», 1833—1834).

*5 *...в греческой кухмистерской...*— Кухмистерская — небольшой ресторанчик, столовая.

*6 *...ищешь кондиции...*— Кондиция — временное место домашнего учителя, репетитора в отъезд. Об употреблении этого слова в произведениях Тургенева см. заметку Т. А. Никоновой: Т сб, вып. 3, с. 175.

*7 *Пол-России с голоду помирает...*— Речь идет о голоде 1868 г., охватившем многие губернии России. Подробное описание этого голода см. в письме Тургенева к П. С. Тургеневу от 16(28) июля 1868 г.

*8 *...«Московские ведомости» торжествуют...*— Газета «Московские ведомости» издавалась при Московском университете с 1756 по 1917 год. В 1863—1887 годы ее редактором и издателем был М. Н. Катков — до 1873 года совместно с П. М. Леонтьевым. К этой газете и ее редактору М. Н. Каткову Тургенев с конца 1860-х годов относился с брезгливым негодованием.

*9 *И пишет он мне в своем прощальном письме~оскорбить почтенную даму, севши к ней спиной!..*— Этот эпизод романа воспроизводит некоторые факты из истории отношений Тургенева с А. А. Фетом незадолго до их разрыва в 1875 г. А. А. Фет пишет в своих воспоминаниях: «Однажды в Петербурге я передал Тургеневу, что премилая жена племянника Егора Петровича Ковалевского просит меня привести его к ней на вечерний чай. Раскланявшись с хозяйкой, Тургенев, поставив шляпу под стул, сел спиною к хозяйке дома и, проговоривши с кем-то все время помимо хозяйки (...) раскланялся и уехал». (*Фет*, ч. 2, с. 305; см. также: Иванов Ив. И. С. Тургенев СПб., 1896, с. 347). Фет напоминал об этом Тургеневу также в прощальном письме к нему, написанном 12(24) января 1875 г.: «Вы, в последний раз во Мценске (...) при Петруш(е) Борисове дозволили себе отвернуться от моей неоконченной речи и обратиться в сторону, что изумило мальчика, воспитанного в законах приличия. Мальчик не изумился бы, если бы знал, что это у Вас в обычае, что Вы когда-то просидели целый вечер спиной к его матери, а затем к Ковалевской...»

И далее о Н. Н. Тургеневе, который, будучи управляющим в имении Спасское, чуть не разорил писателя, пользуясь его имуществом, как своим собственным: «Вы могли бы прогнать старика дядю, не обижая его» (*Т сб (Бродский)*, с. 42).

*10 *Превредный для молодых людей индивидуй!* — И это мнение Паклина о Скоропихине, под которым подразумевается В. В. Стасов, вполне разделяется самим Тургеневым. К числу молодых людей, испытавших вредное влияние Стасова, нередко по-нигилистически воспринимавшего западноевропейское классическое наследие в области живописи и музыки, Тургенев относил прежде всего художников И. Е. Репина и В. М. Максимова и, по видимому, композитора П. В. Щербачева. См. письма Тургенева: к В. В. Стасову от 3(15) апреля и от 11(23) июля 1875 г., к П. В. Жуковскому от 10(22) мая 1875 г.

*11 *...не считаете же вы Эйлера, Лаплаза, Гаусса за отживших пошляков?* — Эйлер (Euler) Леонард (1707—1783), Лаплас (Laplace) Пьер Симон (1749—1827), Гаусс (Gauss) Карл Фридрих (1777—1855) — крупнейшие ученые, сделавшие важные открытия в области математики, физики и астрономии.

*12 *«Колокол» уже не существовал...* — Очевидно, речь идет о прекращении издания газеты «Колокол» на русском языке (около 20 июля (1 августа) 1867 г.), так как после почти полугодового перерыва Герцен продолжил издание «Колокола» на французском языке с русскими прибавлениями (1-й номер вышел 1 января, последний — 1 декабря н. ст. 1868 г., см.: Герцен, т. 19, с. 488). Нелегальная доставка герценовских революционных изданий в Россию была сопряжена с большим риском.

*13 *По случаю приезда Садовского...* — Садовский Пров Михайлович (1818—1872) — артист московского Малого театра; почти ежегодно гастролировал в Петербурге.

*14 *Александринский театр* — ныне Ленинградский гос. академический театр драмы им. А. С. Пушкина.

*15 *...не мог одобрить в ней явное желание унизить цивилизацию в карикатурном лице Вихорева.* — Намек на славянофильскую тенденцию пьесы Островского (см. письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 14, 15(26, 27) марта 1853 г. и примечания к нему).

*16 *...серебряный с чернью портфельчик...* — В данном случае — бумажник (от франц. portefeuille).

*17 *...камергер...* — Придворное звание. В России введено при Екатерине II. С 1809 г. звание стало почетным. С 1836 г. к званию камергера представлялись в России только дворяне, состоявшие на государственной службе и имевшие чин не ниже действительного статского советника. Камергеру полагалась регалия — золотой ключ на голубой ленте.

*18 Wer den Dichter will versteh'n... — Цитата из «Западно-Восточного дивана» Гёте (см. эпиграф авторского прозаического комментария к этому циклу стихотворений).

*19 *...поляки уходили «до лясу»...* - Речь идет о польском восстании 1863 г. (а не 1862, как ошибочно пишет Тургенев), которое велось со стороны поляков в значительной степени методами партизанской войны в лесах Польши и Литвы.

*20 *Индийцы бросаются под колесницу Джаггернаута ~ Давить-то он нас давит, но блаженства не доставляет.* — Джаггернаут — скульптурное изображение бога Вишну. Во время празднеств в честь Джаггернаута устраивалось шествие с его изображением на колеснице. Впадающие в припадке фанатической преданности божеству бросались под

колесницу и гибли. Образ «колесницы Джаггернаута» встречается также, почти в тех же словах, в одном из писем Тургенева к А. Ф. Отто-Онегину — прототипу Нежданова. «И в самом деле,— писал ему Тургенев 9(21) октября 1872 г.,— что за охота подражать индийским факирам, которые бросаются под колеса Джаггернаутовой колесницы? Те, по крайней мере, полагают, что, будучи раздавлены, попадают прямо в божественную „пирвану"; но мы, не разделяющие подобного образа мнения, будем просто раздавлены — и баста!»

*21 *Увидишь этих львиц, этих женщин с бархатным телом на стальных пружинах, как сказано в «Письмах об Испании»* — Паклин неточно цитирует слова Боткина: «Это гибкое, как шелк, тело лежит на стальных мускулах...» Там же, говоря о движениях испанок во время танцев, Боткин характеризует их как «прыжки раздраженного тигра» (Письма об Испании. СПб, 1857, с. 355).

*22 *...«амбрэ», о котором мечтала городничиха в «Ревизоре»!* — См. действие V, явл. 1.

*23 *...«дантистом».*— Слово «дантист» в смысле «зубодробитель» впервые употреблено Гоголем в «Мертвых душах» (см. т. I, гл. 10); часто встречается в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. См. также изображение «...дантиста „прежней школы"» в главе XXVIII романа Тургенева «Дым».

*24 *...кретонных обоев и драпри...*— Кретон (фр. cretonne) — плотная жесткая хлопчатобумажная ткань из окрашенной пряжи: драпри (фр. draperie) — занавеска, драпировка на двери.

*25 *...облик Сикстинской Мадонны...* — Сикстинская Мадонна — самое совершенное произведение Рафаэля, отличающееся особенно нежной красотой линий и тонов (1515—1519). Хранится в картинной галерее Дрездена.

*26 «Revue des Deux Mondes»...— Журнал, издающийся в Париже с 1831 г. Один из наиболее известных и распространенных французских литературно-политических журналов.

*27 *...Михаил, знаете... сербский князь... Обренович.* Обреновичи — сербская княжеская, а затем королевская династия. Михаил III Обренович был князем Сербии с 1860 по 1868 г.

*28 *Это земство!* — Подразумеваются органы местного самоуправления, созданные в ряде губерний европейской России по земской реформе 1864 г.

*29 *Но не его прошедшее...* Глухой намек на один из компрометирующих эпизодов в жизни Ladislas'a — Б. М. Маркевича.

*30 *...села на маленькое патэ...*— Патэ — кушетка.

*31 *...его немножко обошли на Святой.*— Сипягин не получил ожидаемой им награды к празднику Пасхи, когда обычно награждались чиновники.

*32 *...о выкупных сделках...*— После крестьянской реформы 1861 года крестьяне и помещики должны были договариваться (с помощью мировых посредников) об условиях и сроках «выкупа» земли, отходившей к крестьянам. Сделки затягивались надолго и к концу 1860-х годов были не везде закончены.

*33 *...о только что входившем в силу лицее г-на Каткова...*— Официальное название этого учебного заведения, открытого в 1868 г.,— «Лицей в память цесаревича Николая». Несмотря на то, что М. Н. Катков не занимал в нем никакого официального поста, лицей был полнейшим осуществлением его программы высшего и среднего гуманитарного образования. Преподавание в лицее велось на классической

основе; очень много времени отводилось на изучение греческого и латинского языков.

*34 *...о войне 66-го года...* — Имеется в виду австро-прусская война 1866 года.

*35 *...о Наполеоне III, которого Калломейцев величал молодцом.* — Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) — французский император с 1852 по 1870 г. На всем протяжении правления Наполеона III отношение Тургенева к нему было неизменно отрицательным. С особой силой оно проявлялось в ходе франко-прусской войны. Так, в письме к П. В. Анненкову от 27 июля (8 августа) 1870 г. Тургенев писал: «...в одном бесповоротном падении наполеоновской империи вижу спасение цивилизации, возможность свободного развития свободных учреждений в Европе: оно было немыслимо, пока *это* безобразие не получило достойной кары».

*36 *Рёдерер* — распространенный сорт шампанского.

*37 *...одну настоящую регалию...* — *Регалия* («царская») — высший сорт сигар.

*38 *Шатобриан* (Chateaubriand) Франсуа Рене (1768—1848) — французский писатель, занимавший в эпоху Реставрации пост министра иностранных дел.

*39 *...несколько «песен без слов» Мендельсона.* — «Песни без слов» (1832—1845) — сорок восемь небольших лирических сочинений для фортепьяно немецкого композитора Мендельсона (Mendelssohn-Bartholdy) Якоба Людвига Феликса (1809—1847).

*40 *Весь спрятан в галстук, фрак до пят... Увы, дискант — и мутный взгляд.* — Цитата из поэмы Лермонтова «Тамбовская казначейша» (1838), строфа XLIV.

*41 *...предпочитает Кукольника Пушкину...* - Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) — поэт, прозаик и драматург, автор ходульно-патриотических трагедий. Подробнее о нем см.: *Т. Сочинения*, т. 1, с. 272—297, 572—573.

*42 *...с поднизями на лбах...* — *Поднизи* — украшения из нитей бисера.

*43 *...красными ластовицами...* — *Ластовицы* — цветные вставки под мышками мужской рубахи.

*44 *...тропарь* (греч. troparion) – церковная песнь в честь какого-нибудь праздника или святого.

*45 *Благочинный* — священник, наблюдавший за несколькими приходами.

*46 *...Сипягин достиг наконец истинного красноречия...* — Речь Сипягина и ряд других его черт: наружность и манеры напоминают изображение министра в сатире А. К. Толстого «Сон Попова», которая очень нравилась Тургеневу. В ноябре 1874 г. А. К. Толстой писал жене о Тургеневе: «...он мне говорил с большой хвалой о моем *Каnуте* и о *Попове*, которого Фет (...) ему *прочел наизусть* с большой maestria — так он говорит» (*ВЕ*, 1897, № 7, с. 120). А в гл. XXIV речь Сипягина выдержана «в характерно щедринских тонах» (см.: Бялый Г. Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962, с. 232).

*47 *Пиль* (Peel) *Роберт* (1788—1850) - английский государственный деятель, лидер консерваторов.

*48 *Читал ли ты в «Вестнике Европы» статью о последних самозванцах в Оренбургской губернии? ~вещь интересная и может навести на мысли...* — Подразумевается статья Н. А. Середы «Позднейшие волнения в Оренбургском крае». Тургенев допускает ошибку в хронологии событий, описанных в этой статье; в действительности они

[illegible] не в 1834 г., как говорится в романе, а в 1843—1845 гг.

*49 *Строфокамил* (греч.) — страус. Более правильное написание этого слова — строфокамиль (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. III, с. 561).

*50 *...привел стих Хемницера: «И пифик слабоум, списатель зверских лиц!»* — Этот стих принадлежит не И. И. Хемницеру (1745—1784), а Д. И. Фонвизину (1744—1792),— цитата из басни «Лисица-кознодей». Пифик (греч.) — обезьяна.

*51 *Смит* (Smith) Адам (1723—1790) — шотландский экономист и философ, один из основоположников классической буржуазной политической экономии.

*52 *...прочтите это. От Василия Николаевича...*— Под именем Василия Николаевича Тургенев разумеет С. Г. Нечаева, что подтверждается записью во второй редакции конспекта «Нови»: «Удивление Нежданова, когда вечером М(аркелов) приходит к нему — и знакомится с ним и передает ему письмо от Х (т. е. Нечаева)» (с. 415).

*53 *...китайчатой рубахой...*— Рубахой из китайки — гладкой хлопчатобумажной ткани, первоначально привозившейся из Китая.

*54 *...на свой салтык...*— На свой лад (от тюрк. salt — повадка, обычай).

*55 *«Была яма глубока... а теперь и дна не видать...»* — Этими же словами антагонизм между помещиками и крестьянами охарактеризован в повести «Степной король Лир».

*56 *Мухояровый...* — То же, что муаровый — сшитый из муара. Муар (арабск. muhajjar) — плотная рубчатая шелковая ткань, отливающая на свету.

*57 *Милый друг, когда я буду...*— Это стихотворение полностью перепечатано в хрестоматии П. Ф. Якубовича «Русская муза». Собрание лучших оригинальных и переводных стихотворений русских поэтов XIX века. СПб., 1904.

*58 *...обшитые рюшами рукава...*— Рюш (фр. ruche) — полоска сборчатой легкой ткани, идущей на обшивку более тяжелой («обшитые рюшами рукава»...)

*59 *...«Темна вода во облацех».*— Выражение возникло из библейского текста (Псалтырь, 17, 12) (см.: Ашукин Н. С. и Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1960, с. 599), Вопросно-ответная схоластическая система обучения «закону божию» была издавна введена в семинариях, но особенно прочно вошла в школьный обиход после издания известного «Катехизиса» митрополита Филарета московского.

*60 *Ринальдо Ринальдини* — «благородный» разбойник, герой одноименного романа Христиана Августа Вульпиуса (1762—1827).

*61 *...Михаила~убили в Белграде!* — Михаил Обренович (см. выше, с. 546) был убит сторонниками Карагеоргиевичей 10 июня 1868 г. в Топчидерском парке близ Белграда.

*62 *Карагеоргиевичи* — княжеская династия в Сербии, основанная национальным героем Сербии, борцом против турецкого ига Кара-Гергием (Георгий Петрович Черный, 1752—1817). Борьба за власть между Карагеоргиевичами и Обреновичами с переменным успехом продолжалась в течение многих десятилетий (до 1903 года).

*63 *...упомянул он о великих московских публицистах...*— Иронический намек на редакторов «Московских ведомостей» и «Русского вестника» М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева.

*64 *Клеврет* — приспешник, приверженец в каком-нибудь дурном деле.

*65 *Тремоло* (итал. tremolo) — очень быстрое повторение, чередование одного или нескольких звуков, производящее впечатление дрожания.

*66 *...вергилиевское:* Quos ego! *(Я вас)...* — Угроза бога морей Нептуна ветрам (см. поэму Вергилия «Энеида», I, ст. 135).

*67 *Первый по Москве алтынник. Буржуй — одно слово!* — Слово буржуазия и его производные в их современном терминологическом значении окончательно утвердились в русском литературном языке в последней четверти XIX века, вместе с развитием и победой капиталистических отношений. См. об этом: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.; Л., 1965, с. 89—90. Автор названной работы ссылается на П. Д. Боборыкина, который употребил слово «буржуй» в своем романе «Василий Теркин». Роман «Новь» свидетельствует о том, что Тургенев знал и весьма кстати употреблял это слово задолго до Боборыкина («Василий Теркин» впервые опубликован в журнале «Вестник Европы», 1892, № 1—6). См. также об этом заметку Т. А. Никоновой: *Т сб*, вып. 3, с. 172—173.

*68 *Фактотум* — доверенное лицо, выполняющее всякие поручения (от лат. fac totum — делай все).

*69 *Ищите и обрящете.* — Цитата из Евангелия (Матф., гл. VII, ст. 7).

*70 *...упомянул об антагонизме Гейне и Бёрне...* — В 1840 г. Генрих Гейне (1797—1856) выпустил книгу «Генрих Гейне о Людвиге Бёрне», в которой подверг критике политические и эстетические концепции немецкого публициста Бёрне (Börne) Карла Людвига (1786—1837) и беспощадно высмеял псевдореволюционное фразерство его последователей. В этой полемике на стороне Гейне был Карл Маркс, писавший ему в начале апреля 1846 г. по поводу его книги о Бёрне: «Вряд ли в какой-либо период истории литературы какая-нибудь книга встречала более тупоумный прием, чем тот, какой оказали Вашей книге христианско-германские ослы» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1962. Т. 27, с. 393). Об антагонизме Гейне и Бёрне Нежданов упоминает, очевидно, под свежим впечатлением от статьи Д. И. Писарева «Генрих Гейне» (1867), значительная часть которой была посвящена именно этому вопросу.

*71 *...о реализме в искусстве...* — Возможно, это еще один намек на полемику между реалистами и идеалистами в искусстве, вспыхнувшую после опубликования в третьем номере еженедельного журнала «Пчела» за 1875 г. статьи В. В. Стасова «Илья Ефимович Репин», в которой были преданы гласности некоторые письма Репина, содержавшие весьма резкие суждения о Рафаэле. Стасов отвечал оппонентам Репина уже после выхода в свет «Нови» — в статье «Прискорбные эстетики» (Новое время, 1877, № 3113, 8 января). Возмущение суждениями Репина и Стасова о Рафаэле Тургенев выразил не только в романе, но и в ряде своих писем (см. выше, с. 510 и 545).

*72 *Прозелит* (греч. prosēlitos — пришелец) — человек, принявший новую веру. Новый и горячий приверженец чего-нибудь.

*73 *Мнемоника* (греч. mnēmonikē) — совокупность правил и приемов, имеющих целью облегчить запоминание возможно большего числа сведений, фактов.

*74 *...дополнил теорию страстей Фурье...* — В основе этой теории социалиста-утописта Шарля Фурье ( ) (1772—1837) лежало убеждение, что общество должно быть построено с учетом природы человека, его страстей, гармоническое удовлетворение которых принесет счастье всему человечеству. Фурье полагал, что такое удовлетворение

всех человеческих «страстей» возможно в обществе, разделенном на классы.

*75 *...«не пройдет над миром бесо всякого следа».*— Неточная цитата из стихотворения Лермонтова «Дума» (1838). У Лермонтова: «Над миром мы пройдем без шума и следа...»

*76 *Люби не меня — но идею!* — Название стихотворения студента медика В. Г. Дехтерева.

*77 *...мускательным товаром...*— Мускатель (от перс. musk — мускус) — разные химические вещества (краски, клей, масло и др.) как предмет торговли.

*78 *...из староверов-федосеевцев.*— Федосеевцы — одна из разновидностей старообрядчества, возникшая в начале XVIII века на северо-западе России. Основателем первой общины федосеевцев был новгородский дьячок Феодосий Васильев. Федосеевцы не признавали молитвы за царя, налога за принадлежность к расколу, введенного Петром I, и т. п. Обычно во главе общин федосеевцев, центром которых с 1771 г. стала московская община под названием «Преображенское кладбище», стояли крупные купцы-предприниматели.

*79 *...«Поцелуй» Моллера...*— Моллер Федор Антонович (1812—1874) — русский художник, автор картин на исторические и жанровые сюжеты, портретист, ученик К. П. Брюллова. За картину «Поцелуй» получил звание академика.

*80 *Макончик* — макон, французское (бургонское) красное вино.

*81 *...блансесого цвету...* Телесного цвета (от франц. blanche — белый).

*81 *...сделай какой нибудь фармазонский знак...*— Фармазонами назывались в просторечии конца XVIII - начала XIX в. члены масонских обществ (франкмасоны), узнававшие друг друга по условным знакам.

*83 *...ни дать ни взять Иоанн Предтеча, наевшийся акрид... одних акрид, без меда!* — По евангельскому преданию, Иоанн Предтеча, или Креститель, суровый обличитель пороков своего времени, жил в пустыне, питаясь только акридами (вид саранчи) и медом.

*84 *...всякие новости ~ белых арапов...*— Упоминания о «белых арапах» и «Белой Арапии» встречаются также в «Сценах и типах на сельской ярмарке» А. Левитова (см.: Левитов А. Собр. соч. М., 1884, Т. 1, с. 16) и в пьесах А. Н. Островского «Праздничный сон до обеда» (д. II, явл. 3) и «Тяжелые дни» (д. I, явл. 1). См. статью В. И. Чернышева «Темные слова в русском языке».— Сб. «Академия наук СССР. XLV, академику Н. Я. Марру». М.; Л., 1935, с. 396. В заметке Н. А. Крылова «Откуда пошли белые араны» содержится следующее свидетельство: «Полвека назад среди отставных матросов черноморского флота много еще было в живых, которые помнили *поход под белого арапа.* Так матросы и пехотный десант с полевыми артиллеристами называли помощь императора Николая Павловича, которую в 1833 г. он оказал турецкому султану против взбунтовавшегося египетского хедива. Белоарапия и белые араны еще и до сих пор популярны среди жителей наших южных губерний (ИВ, 1906, № 5, с. 694 — 695).

*85 *...голубцы на точеных столбиках...*— Голубец или голбец — деревянная приделка к печи, с лазом на полати, со сходом в подполье или в подпечек.

*86 *вытканы в Утрехте или Лионе еще во времена императрицы Елизаветы!* — Утрехт (Нидерланды) и Лион (Франция) славились своими бархатами и шелковыми материями. Времена Елизаветы — 1741—1761 годы.

*87 *...пропитанный запахом ворвани...* — Ворвань — жир, вытопленный из морских животных (кита, тюленя).

*88 *...читали из «Приятного препровождения времени», «Зеркала света» или «Аонид»...* - Издания конца XVIII века. «Приятное и полезное препровождение времени», орган карамзинистов; выходил с 1794 по 1798 г. в качестве приложения к газете «Московские ведомости» (редакторы В. С. Подшивалов и П. А. Сохацкий), «Зеркало света» — еженедельный петербургский журнал; выходил с 1786 по 1787 г. «Аониды» — альманах Н. М. Карамзина; в течение 1796—1799 гг. вышло три книги этого альманаха.

*89 *Квестор* (лат. quaestor) — В древнем Риме – финансовый уполномоченный, казначей.

*90 *...в кребс, в ламуш или даже в бостон сампрандер!* — Об этих старинных карточных играх см. заметку Т. А. Никоновой: *Т сб*, вып. 3, с. 176—177.

*91 *...черными силуэтками...* Силуэтка - то же, что силуэт. В словарях русского языка эта форма не приведена. Тургенев мог заимствовать ее из мемуаров П. А. Вяземского «Из старой записной книжки», где оно употреблено впервые (см.: *Рус Арх*, 1874, № 1, с. 185 -186: «Подъехав к себе и выходя из кареты, увидел он, через окно, *силуэтку Балашева, которая рисовалась на стене кабинета его:* подлинные слова, сказанные Магницким, который, вероятно, передавал их из письма к нему Сперанского»).

*92 *...анекдотом о городничем, проникнувшем в набитую битком церковь, и о пироге, который оказался тем же городничим...* — См. «Мертвые души» Н. В. Гоголя, т. II, гл. III (Чичиков у П. П. Петуха).

*93 *...курпей себе зашиб.* — *Курпей* - ягнячья овчина, смушка, мерлушка (от татарск. курпячь — овца). Фомушка, очевидно, подразумевал ушиб головы, на которой была «барашья шапка».

*94 *Ножан-Цент-Лорран.* — Ножан-Сен-Лоран (Nogent-Saint-Laurens, 1814—1871) — французский адвокат и политический деятель в эпоху Наполеона III.

*95 *Наполеон* — Наполеон III, император Франции с 1852 по 1870

*96 *...сохранялся рукописный «Кандид»...* — Русский перевод повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759).

*97 *...фосс-паркэ!~старое парламентское выражение...* - Слова «фосс-паркэ», употребляемого Тургеневым также в пьесе «Холостяк», в словарях французского языка нет. См.: Алексеев М. П. «Фосс-паркэ» в текстах Тургенева.— *Т сб*, вып. 3, с. 185—187.

*98 *На то ль, чтобы печали...* — Источник не установлен.

*99 *Прогимназия.* — Учебное заведение, учрежденное в 1864 году в местностях, не имеющих гимназий. Сначала прогимназии состояли только из четырех низших гимназических классов (в обычной гимназии было шестилетнее обучение).

*100 *...мужики двоят поднятый пар.* — Перепахивают вторично (в середине лета, до уборки) пары, «поднятые» (т. е. вспаханные) с осени, приготовляя их для посева озимых.

*101 *Навуходоносор* (VI век до н. э.) — вавилонский царь. Здесь в смысле: нечто очень далекое от нас.

*1 ...non bis in idem! — Выражение римского права, в значении: дважды судить за одно и то же.

*2 ...*произнес длинную, обстоятельную речь.* — Речь Синягина напоминает речи героев Салтыкова Щедрина (см., например, «Помпадуры и помпадурши» и «Господа ташкентцы»), а также речь министра в «Сне Попова» А. К. Толстого.

*3 ...*к Егорью* — к 23 апреля ст. ст.

*4 ...*на Казанской* — 8 июля ст. ст.

*5 *«Знай кулик свой шесток! или: «Красна изба угламн!»* — Пословицы в передаче Синягина грубо искажены. Нужно: «Всяк сверчок знай свой шесток!» и «Не красна изба углами, а красна пирогами». Тургенев делает это, чтобы резче подчеркнуть хвастливо показной и барский, крайне поверхностный характер знакомства Синягина с «сутью народной жизни».

*6 *...благодаря князю Коврижкину...* — Здесь подразумевается князь П. А. Вяземский, который впервые под фамилией Коврижкин задет Тургеневым в повести «Вешние воды».

*7 *«Патаклес»* (pata-pes) — искажение слов в устной речи (из анекдота: je ne sais pas-t à qu'est ce вместо pas à qui est-ce).

*8 *Tu l'as voulu, Georges Dandin!* — Цитата из комедии Мольера «Жорж Данден, или Одураченный муж» (д. I, явл. IX). Здесь в смысле: ты сама подготовила то, что случилось.

*9 *Стифенсон* — (Stephenson) Джордж (1781—1848) — английский изобретатель, положивший начало развитию парового железнодорожного транспорта.

*10 *Retournons à nos moutons*, точнее: Revenons à vos moutons.— Фраза из комедии Брюэса (Bruĉys) и Палапра (Palaprat) «L'avocat Patelin» («Адвокат Патлэн», 1706), почерпнутой из анонимного фарса XV века. См.: *Т, ПСС* и *П, Письма*, т. II, с. 240, 542.

*11 *...раздушенный иланг-илангом батистовый платок...* — *Иланг-иланг* — ilang-ilang, или ylang-ylang,— духи, добываемые из растения того же названия, растущего на Молуккских островах (Индонезия).

*12 *...говорят, даже Рашели в «Баязете» Расина не удавалось это* «Sortez!»...— Речь идет об исполнении французской трагической актрисой Элизой Рашель (Rachel, 1820—1858) роли султанши Роксаны в трагедии Расина «Баязет», написанной в 1672 г. Надменное «прочь», «уходи», «сокройся» встречается в «Баязете» очень часто (см., например, д. V, явл. 2 и 4). Тургенев не раз видел Рашель в трагедиях классического и современного репертуара (см.: *Т, ПСС* и *П, Письма*, т. I, по именному указателю). Он относился критически к ее игре, видя в ней лишь превосходно разработанную технику, не одушевленную подлинным чувством.

*13 *...сено на дне было волжко...* — То есть сыро, влажно.

*14 *...из коричневого драдедама...* — Драдедам (drap de dames) — тонкое (дамское) сукно.

*15 *...кволенькие...* — Слабенькие.

*16 *...в куролеску сажать!* — Куролеска — в данном случае место заключения, тюрьма (по аналогии с просторечными словами кутузка, сибирка и т. п.). Первоначальное значение этого слова раскрыто в тургеневском очерке «О соловьях» (1854), написанном «со слов одного старого и опытного охотника из дворовых людей»: «Как поймаешь соловья, тотчас свяжи ему кончики крылышек, чтобы не бился и сажай его скорее в куролеску — такой ящик делается низенький, сверху и снизу

холстом обтянут». Слово «куролеска», не зафиксированное в словарях XIX века, было хорошо известно и М. Е. Салтыкову-Щедрину (см.: Дряхлушин А. М. Субстантивная синонимически сближенная лексика в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина.— Уч. зап. Саратовского гос. пед. ин-та, т. 43, 1965, с. 228—229).

*17 *Соч. Д-ва, т. IV, с. 615.*— Четвертый том собрания сочинений Н. А. Добролюбова, на который сделана ссылка Тургенева, вышел в свет в 1861 г. под редакцией Н. Г. Чернышевского.

*18 *Выростковые сапоги* — сапоги, сшитые из телячьей кожи.

*19 *«Сказка о четырех братьях»* (точное название — «Четыре странника, или Правда и кривда», 1868) — народническая пропагандистская брошюра, в которой резко критиковался социально-экономический и политический уклад в России. Вместо этой брошюры Тургенев упоминает в черновом автографе «Нови» другую народническую брошюру «Хитрая механика» (полное название: «Хитрая механика. Правдивый рассказ, откуда и куда идут мужицкие денежки»). Позднее он должен был от этого отказаться в связи с замечанием А. Ф. Кони, отметившего анахронизм: брошюра вышла в свет в середине семидесятых годов, между тем как действие в романе приурочено к 1868 г. (см.: *Стасюлевич*, т. 3, с. 105). В «Хитрой механике» разоблачался сам царь в качестве первого и самого жадного в России помещика, указывалось на причины огромных государственных долгов, критиковалась грабительская система налогов и т. д. По свидетельству народника С. Ф. Ковалика (1846—1926), эти брошюры пользовались «наибольшим успехом в народе» (Былое, 1906, декабрь, с. 60). Автором «Сказки о четырех братьях» был революционер-народник Л. А. Тихомиров (1852—1923), впоследствии отрекшийся от своих революционных убеждений и перешедший в лагерь реакции, а автором «Хитрой механики» — известный статистик и экономист В. Е. Варзар (1851—1940).

*20 *Окопировался* — испорченное экипировался, от франц. équipement — обмундирование, снаряжение.

*21 *Все это было бы смешно, Когда бы не было так грустно...*— Заключительные строки из стихотворения Лермонтова, посвященного А. О. Смирновой («Без вас хочу сказать вам много...», 1840).

*22 *«...все, решительно все люди, с которыми я разговаривал,— недовольны; и никому не хочется даже знать, как пособить этому недовольству!* — Это наблюдение тургеневского героя подтверждается современниками. Почти теми же словами переданы впечатления о настроениях крестьянства и в воспоминаниях народницы-пропагандистки Е. К. Брешковской (1844—1934). Народ,— отмечала она,— «буквально везде, где мне приходилось говорить с ним, жаловался на увеличивающуюся бедность и дороговизну, на непосильные поборы, на самое нахальное притеснение со стороны начальства. Начальство и господа виновны в бедственном положении народа, в этом каждый мужик уверен непоколебимо, но как избавиться от этих бичей, даже возможно ли избавиться,— вопросы не только не решенные, но почти нигде не поднятые» (см.: Кутищев Ф. Некоторые комментарии к роману И. С. Тургенева «Новь».— Русская литература, 1964, № 1, с. 163).

*23 *Шалопут* — то же, что шалопай, то есть бездельник, повеса. См. заметку Т. А. Никоповой: *Т сб*, вып. 5, с. 333—334.

*24 *Целовальник* — Продавец вина в питейных домах, кабаках.

*25 *Вальяжно* — от просторечного глагола вальяжиться, т. е. чваниться, важничать, величаться.

*26 *Вроде гоголевского «моветона» — помнишь, в «Ревизоре».*—

...в виду строка из письма Хлестакова: «Судья Ляпкин-Тяпкин в самой высшей степени моветон» (д. V, явл. 8).

*27 *...предложила ему читать вслух из Шпильгагена.* — Речь идет о романе немецкого писателя Ф. Шпильгагена (1829—1911) «Один в поле не воин» («In Reih und Glied»), который привлекал русского демократического читателя изображением крестьянского восстания. В статье Г. В. Прохорова «Из цензурной истории перевода на русский язык романа Шпильгагена «Один в поле не воин» и предисловия к нему» отмечается: «Русский перевод этого романа сделал известным имя Шпильгагена и в России; роман имел у нас большой успех; сначала он печатался в журнале «Дело» (1866—1867 гг.), тогда же появилось и отдельное издание романа; вскоре вышло второе издание, в 1871 г. — третье, в 1873 г. — четвертое...» (Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1941, т. XLI, с. 354). В журнале «Дело» роман Шпильгагена печатался с большими пропусками под названием «Семейство лесничего» (см. там же, с. 355).

*28 *Да ведь книжек и без того уже довольно. И таких, что говорят: «Перекрестись да возьми топор», и таких, что говорят: «Возьми топор просто».* — Речь идет о народнической подпольной литературе, призывавшей крестьян к восстанию против царя и помещиков. Выражения «Перекрестись да возьми топор», «Возьми топор просто» восходят к напечатанному в «Колоколе» анонимному «Письму из провинции», заканчивавшемуся обращением к Герцену: «К топору зовите Русь...» (Колокол, 1860, лист 64, 1 марта, с. 535).

*29 *Повести из народного быта с начинкой сочинять?* — В черновом автографе этой фразе соответствует вариант: «Повести из народного быта сочинять вроде братьев Успенских и иных?» В окончательном тексте романа Тургенев устранил выпад против «Успенских и иных», так как в семидесятые годы его критическое отношение к творчеству этих писателей значительно смягчилось (см.: *Т, ПСС* и *П, Письма*, т. VII, с. 455).

*30 *...он начал окликать, останавливать проходивших мужиков — не обращая внимания на его возгласы...* — Об известной типичности таких наивных форм пропаганды свидетельствуют воспоминания П. А. Кропоткина, который писал, например, о С. М. Степняке-Кравчинском (1851—1895): «Он был лет на десять моложе меня и, быть может, не вполне еще отдавал себе отчет, какую упорную борьбу вызовет предстоящая революция. Впоследствии он с большим юмором рассказывал эпизод из своего раннего хождения в народ. «Раз, — рассказывал он, — идем мы с товарищем по дороге. Нагоняет нас мужик на дровнях. Я стал толковать ему, что податей платить не следует, что чиновники грабят народ и что по Писанию выходит, что надо бунтовать. Мужик стегнул коня, но и мы прибавили шагу. Он погнал лошадь трусцой; но и мы побежали вслед, и все время я продолжал ему втолковывать насчет податей и бунта. Наконец мужик пустил коня вскачь; но лошаденка была дрянная, так что мы не отставали от саней и пропагандировали крестьянина, покуда совсем перехватило дыханье» (Кропоткин П. Записки революционера. Лондон — СПб., (1906) с. 268; ср.: Кутищев Ф. Некоторые комментарии к роману И. С. Тургенева «Новь».— Русская литература, 1964, № 1, с. 163).

*31 *Какому Молоху собиралась она принести себя в жертву?* — Молох — семитическое божество, поклоняясь которому, верующие приносили человеческие жертвы. Самой угодной жертвой считались дети знатных фамилий. Появление образа именно Молоха в переживаниях

и размышлениях Марианны обусловлено, по-видимому, и тем, что она — тоже отпрыск знатной фамилии, дочь генерала.

*32 *...жертвует в гимназию портрет митрополита Филарета...* — Митрополит московский Филарет (Василий Михайлович Дроздов, 1783—1867) — ярый реакционер, автор «Катехизиса православной веры», изучавшегося в школах.

*33 *...римлянка времен Катона. Утического Катона!* — Катон Марк Порций Младший (Marcus Porcius Cato Minor), или Утический (95—46 до н. э.), — республиканец, враг Юлия Цезаря, отличавшийся мужеством и твердостью характера. Покончил с собой в Утике после победы Цезаря над своими противниками при Тапсе; отсюда его прозвание Утический, в отличие от его предка Катона Старшего (Цензора).

*34 *Паклин — Конопатин.* — Аналогичный прием искажения фамилии см. в «Дневнике лишнего человека» (Чулкатурин — Штукатурин).

*35 J'en mettrais ma main au feu.— Поговорка, связанная со средневековым обычаем давать клятву на огне в доказательство истинности своих слов.

*36 *...в камлотовой шинели...* — Камлот (фр. camelot) — грубая бумажная ткань полотняного переплетения, из крученой двухцветной пряжи.

*37 *...«в чепце, в ночном платочке»...* — Неточная цитата из поэмы Пушкина «Граф Нулин» (1825). У Пушкина: «В ночном чепце, в одном платочке».

*38 *Тьер* (Thiers) Адольф (1797—1877) — французский историк и государственный деятель, глава правительства в эпоху июльской монархии и после свержения Наполеона III, президент Франции в 1871—1873 гг.

*39 *Русского мужика даже в бунт можно вовлечь не иначе, как пользуясь его преданностью высшей власти, царскому роду.* — Эта мысль была не чуждой самим народникам, стремившимся в отдельных случаях положить ее в основу своей деятельности. Так, в 1877 г., после неудачных попыток вызвать восстание, народник Я. В. Стефанович (1853—1915) распространял среди крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии якобы самим царем написанную «Высочайшую тайную грамоту», в которой крестьяне призывались к расправе над помещиками. Прибегая к такой тактике, Стефанович организовал «тайную дружину» из крестьян; однако заговор был раскрыт и жестоко подавлен.

*40 *Должно выдумать какую-нибудь легенду — вспомните Лжедимитрия ~ царские знаки на груди...* — Об идеях самозванства, имевших распространение в народнической среде, см. в примечании* 48 ч. I. «Царские знаки», напоминавшие двуглавого орла, показывал на своей груди казакам Е. И. Пугачев. Последний самозванец Оренбургского края, о котором шла речь в статье Н. А. Середы, упоминаемой в гл. VIII «Нови», в подтверждение своего «царского» происхождения показывал мужикам «грудь, заросшую волосами в виде правильного креста ⟨...⟩ — Такая грудь только у царских детей бывает, ребята! — Знамо дело! — согласились крестьяне» (*ВЕ*, 1868, № 8, с. 635).

*41 *...быть «пастырями народов»...* — «Пастырь народов» — наименование Агамемнона (Атрида), неоднократно употребляемое Гомером (ср. «Илиаду» в переводе Н. И. Гнедича, песнь 1, ст. 7).

*42 *Рамификации* — ответвления (от франц. ramification).

*43 *Конфуций* или Кун-фу-цзы (551—479 до н. э.) — китайский философ.

*44 *Тит Ливий* (Titus Livius — 59 до н. э.— 17 н. э.) — Древнеримский историк.

*45 Pas trop de zèle...— Поговорка, приписываемая знаменитому французскому дипломату Талейрану Перигору Шарлю Морису (1754—1838) (см. письмо Тургенева к П. П. Борисову от 12(24) февраля 1869 г. и примеч. к нему).

*46 *До зобачення!* — До свидания (польск.).

*47 *...говорят и, пожалуй, напишут: некто г-н Паклин все рассказал, выдал их...— своих друзей выдал врагам!* — Намек на зарубежные пародические издания, в которых со второй половины семидесятых годов стали появляться заметки и сообщения о предателях. Так, например, в январско-февральской книжке журнала «Набат» за 1876 г. была напечатана заметка «Смерть предателям!», заканчивавшаяся призывом к мести (см.: Кутищев Ф. Некоторые комментарии к роману И. С. Тургенева «Новь».— Русская литература, 1964, № 1, с. 162).

*48 *...«плакася горько»...*— Цитата из Евангелия (Матф., гл. XXVI ст. 75).

*49 *...описание смерти Ленского.*— «Евгений Онегин», гл. VI, строфы XXXI и XXXII.

*50 *...снабдили паспортом, выданным на имя некоей графини Роккиди Санто Фиоре ~ ни слова не понимала по-итальянски и имела лицо самое русское.* Отвечая на критические замечания по поводу этого эпизода «Нови», Тургенев 8(20) февраля 1877 г. писал А. В. Головинину: «Что касается итальянского паспорта Машуриной — Вы совершенно правы: это была с моей стороны шалость, которую не следовало допускать в серьезном произведении».

*51 *Потому ведь мы, русские, какой народ?~рви зуб!!* Ср. «Дым», гл. V, слова Потугина (наст. изд., т. 7, с. 271).

*52 *...«запускать брандер»...*— Брандер — судно, нагруженное горючими и взрывчатыми веществами. В эпоху парусного флота применялось для поджога неприятельских кораблей. В данном случае выражение намекает, по-видимому, на склонность Паклина к увлечениям, приводящим к искажению истины.

*53 *Услышите народного певца Агремантского...*— Намек на певца и дирижера Д. А. Агренева-Славянского (1834—1908).

*54 *Аристарх* (170—98 до н. э.) — александрийский грамматик, истолкователь и критик греческих поэтов. Считался великим учителем критики.

*55 *...это даже не те «герои труда», о которых какой-то чудак — американец или англичанин — написал книгу для назидания нас, убогих...*— Речь идет об английском писателе Семюэле Смайлсе (р. 1816) и его сочинениях на морально-философские темы, первые русские переводы которых начали появляться с конца 1860-х годов. Книга Смайлса, которую имеет в виду Паклин, в русском переводе имела название: «Герои труда. История четырех английских работников». СПб, 1870. Критик народнического направления П. П. Ткачев (1844—1885), отметивший сходство Соломина с Суровцовым из романа Е. Л. Маркова «Черноземные поля» (1876—1877) и с Волгиным из романа Летнева (А. А. Лачиновой) «Бешеная лощина» (1877), высказывал мысль, что все эти литературные герои, противоречащие «всем нашим установившимся представлениям о характере «русского человека», в равной степени напоминают героев Смайлса».

*56 *...знавал же я одну барыню, Хавронью Прыщову~имя Генриха V-го...*— Иронический намек на писательницу графиню Е. В. Салиас де Турнемир (псевдоним — Евгения Тур, 1815—1892). 13(25) ав-

густа 1872 г. Тургенев писал П. В. Анненкову: «Но не курьезнейшее ли дело, что графиня Сальяс, урожденная *Кобылина*, сделалась ярой *легитимисткой*, поклонницей Генриха V-го? Псевдокатоличкой и ультрамонтанкой она уже стала давно. Экое тесто — это так называемая русская натура. Кобылина — и Monseigneur le comte de Chambord!!!» После отречения Карла X (1830) его внук, граф Шамбор, стал претендентом на французский престол. Легитимисты, мечтавшие о восстановлении монархии, именовали его Генрихом V (см. там же). По свидетельству Б. Н. Чичерина, А. П. Плещеева и Е. М. Феоктистова, некоторые черты Салиас де Турнемир нашли отражение также в «Дыме» — в карикатурном образе Матрены Суханчиковой. См. об этом статью Н. Ф. Бурдановой: *Т сб*, вып. 3, с. 153—159.

*57 *...Германия собирается уничтожить Францию....* — Речь идет о приближении франко-прусской войны 1870—1871 годов, закончившейся разгромом Франции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 3
ЧАСТЬ ВТОРАЯ 139
КОММЕНТАРИИ К РОМАНУ «НОВЬ» 258

Иван Сергеевич
Тургенев

НОВЬ

Роман в двух частях

Заведующий редакцией *М. Ф. Давыдик*
Ответственные за выпуск *Р. Я. Лифшиц, И. В. Благодарова.*
Обложка художника *С. В. Кузмичёва.*
Художественный редактор *С. В. Стрельский.*
Технический редактор *А. Н. Хейфец.*
Корректор *Е. А. Бутько.*

ИБ № 1769

Сдано в набор 12.06.84. Подписано к печати 16.01.85. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типогр. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать с ФПФ. Ус. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,28. Уч.-изд. л. 16,67. Тираж 300 000 экз. (1-й завод 1—200 000 экз.). Заказ 482. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Ураджай» Государственного комитета Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск-4, проспект Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

МУСОРНЫЙ ВЕТЕР

Повести
Рассказы
Публицистика

ТАЛЛИНН
«ЭЭСТИ РААМАТ»

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Сейчас приходит время Платонова», — сказал двадцать лет назад Борис Слуцкий, и был безусловно прав в этом своего рода прогнозировании общественной и литературной ситуации. Вряд ли только он предполагал, что прогноз этот окажется столь отодвинутым во времени. Еще совсем недавно о творчестве Платонова можно было сказать словами из чеховского «Человека в футляре»: «не запрещенное циркулярно, но и не разрешенное вполне». Но вот, наконец, увидели свет на родине писателя роман «Чевенгур», повести «Котлован» и «Ювенильное море», переизданы «опальные» произведения конца двадцатых — начала тридцатых годов — «Усомнившийся Макар», «Впрок», «Че-Че-О».

Эти публикации — огромное событие и факт нашей культуры, они дали возможность убедиться: перед нами художник, вникнувший в самые главные проблемы XX века.

Но дело не только в том, что восстановлен еще один пробел в истории литературы, последние годы показательны необыкновенной актуализацией творчества именно этого писателя. Читая книги Платонова, мы не только познаем «ту» эпоху, но вступаем с ней в идеологическое общение, открывая «там», у истоков, смыслы и значения, близкие и внятные нам сегодня. Уважение и исключительное доверие вызывает сама личность писателя, который не шел на компромиссы со злом и неправдой, притягивает к себе его сложный («прекрасный и яростный») мир. Этот мир — многолюден, наполнен тревогами времени, исполнен самобытных мыслей и пророческих предвидений.

Признавая за Платоновым дар социальной и исторической прозорливости, критика и читатели до совсем недавнего времени, за исключением немногих, наиболее глубоких и смелых исследователей, вряд ли понимали, да что там — вряд ли знали, что эта прозорливость — не порождение стихийной интуиции художника, но плод гигантской аналитической работы мыслителя. Произведения, вошедшие в книгу, полноценно представляют нам Платонова как художника, продолжающего в новейшей русской литературе традицию прошлого века и отмеченную именами Салтыкова-Щедрина и Гоголя, Лескова и Глеба Успенского, Короленко и Ф. Решетникова...

Строгая мысль Платонова — свидетеля и участника переломных событий в жизни страны — работает на большой глубине. Критики — в точном значении этого слова — не избегает ничто: от лозунгов и деклараций революционных и послереволюционных лет до юношески-утопических воззрений самого Платонова в ранние годы его деятельности; от речей и докладов партийных и советских вождей до мечтаний и настроений «душевных бедняков», крестьян, совслужащих, пролетариев. Любую истину (и то, что выдает себя за нее) Платонов проверяет, не оставляя без внимания (во тьме) ни ее происхождение, ни пройденные ею пути.

Итог этих размышлений часто неутешителен, но он и не ставил себе такой цели. Писатель «посетил сей мир в его минуты роковые» и оставил нам свое бесценное свидетельство.

Данная книга не претендует на роль «Избранного». Большинство произведений, вошедших в сборник, или впервые увидели свет в последние два-три года («Котлован», «Ювенильное море») или много лет не перепечатывались, были обречены на горестное забвение во тьме истлевающих журнальных и газетных страниц. К счастью, этого не случилось.

Возвращение Андрея Платонова в нашу духовную жизнь не только вызывает радость и удивление, но и взывает к осмыслению: трудному, но безусловно необходимому.

Елена Шубина

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты настоящего сборника даны по следующим источникам:
«Город Градов», «Мусорный ветер», «Возвращение» — по изданию: Избр. произв. в 2 т. М.: Худож. лит., 1978;
«Котлован» и «Ювенильное море» — по книге: Котлован; Ювенильное море; М.: Худож. лит., 1987;
остальные произведения — по первым прижизненным изданиям (с восстановленной купюрой в рассказе «Усомнившийся Макар» — см. прим., с. 390).
Библиография в конце каждого примечания не претендует на полноту. Указаны лишь основные (с точки зрения составителя) работы.

ПОВЕСТИ

«ГОРОД ГРАДОВ». — Впервые в сб. «Епифанские шлюзы». М.: Мол. гвардия, 1927. Другая редакция — в приложении к журналу «Красная панорама» (1928, сентябрь-октябрь). Она вошла в сборник «Происхождение мастера» (М., Федерация, 1929) и стала канонической для дальнейших изданий. Вторая редакция повести отличается от первой существенным усилением сатирической направленности.

Выход сборника «Епифанские шлюзы» был столичным дебютом Платонова, и дебютом — удачным. Книгу заметил М. Горький: «...но, — должен сказать, что русских «молодых» читаю более охотно, даже — с жадностью. Удивительное разнообразие типов у нас, и хорошая дерзость. Понравились мне за этот год — Андрей Платонов, Заяицкий, Фадеев и Олеша». (Архив А. М. Горького. Т. 10. М. Горький и советская печать. Кн. 1. М., 1964. С. 43). «Хорошая дерзость» — эти слова можно отнести прежде всего к сатирической повести «Город Градов». Советское литературоведение рассматривает обычно повесть в рамках антибюрократической сатиры двадцатых годов (В. Маяковский, М. Зощенко, М. Булгаков, М. Кольцов, А. Новиков). Автор многих работ о творчестве Платонова — Л. Шубин включает повесть в иной контекст (условно говоря, щедринский), ставит ее в ряд произведений, объектом которых является всегда некая идеологема. В «Городе Градове» — по его мысли — предпринята попытка сатирически осмыслить зарождение новой философии становящегося государства с героем (антигероем) — носителем этой философии. Многие реалии и мотивы повести навеяны деятельностью Платонова — губернского инженера-мелиоратора в Воронеже и Тамбове. Обширный материал по истории создания «Города Градова» дает опубликованная в середине семидесятых годов переписка с женой «...Живя главной жизнью» (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках) / Публ. М. А. Платоновой // Волга. 1975. № 9).

Лит.: Л. Е. Кройчик. Особенности сатиры А. Платонова («Город Градов») // Творчество Платонова. Воронеж, 1970. С. 117—128; В. А. Варин. Сатирический дебют Андрея Платонова // Филол. науки. 1979. № 4 (112). С. 11—16; Л. Шубин. Градовская школа философии // Лит. обозрение. 1989. № 9. С. 21—26.

«КОТЛОВАН». — Впервые в СССР в журнале «Новый мир» (1987, №6). Публикация и примечания М. А. Платоновой. Даты написания, помеченные на рукописи, — декабрь 1929 — апрель 1930, — в известном смысле «руководят» сюжетом «Котлована». Реальный и одновременно фантастический мир повести опирается на вполне конкретные исторические факты, имеет точные временные координаты. 27 декабря 1929 года Сталин объявил о переходе к политике «ликвидации кулачества как класса», 2 марта 1930 года появилась его же статья «Головокружение от успехов», очень ненадолго несколько притормозившая коллективизацию. Повесть — своего рода отклик на «год великого перелома». Многие исследователи определяют ее как социальную антиутопию, но платоновское мышление сложнее, в нем постоянно борются утверждение и отрицание, пафос и аналитичность. Существенно то, что множество мотивов, пронизывающих целостный мир платоновской прозы, получает здесь свое дальнейшее развитие и воплощение: проекты осуществления социалистической утопии, намеченные еще в «Городе Градове»; строительство «единого общепролетарского дома», с которым мы сталкиваемся в рассказе «Усомнившийся Макар» («Что здесь строят? — спросил [illegible] — Вечный дом из железа, бетона и светлого стекла — ответил [illegible] ( ) Видно, что дом строился, хотя неизвестно для кого. [illegible] — Е. Ш.); истребление «буржуев» в «Чевенгуре» и «ликвидация как класса» крестьян, отказавшихся вступать в колхоз и т. д. Отметим также своеобразную полемическую перекличку имен двух героев [illegible] и Щоев (пьеса «Шарманка», первый вариант которой датирован 1929 годом, — «Театр. 1988. №1). Вощев не верит, что «счастье произойдет от материализма», он хочет сам «выдумать что-нибудь вроде счастья, а от душевного смысла улучшилась бы производительность». Щоев жаждет все заорганизовать и не мыслит существования без четкой «линии под собой».

Повесть более пятидесяти лет не издавалась на родине писателя, и советское литературоведение находится лишь в самом начале ее осмысления. За рубежом «Котлован» отдельным изданием вышел в 1973 году (в издательстве «Ardis» с предисловием И. Бродского), и это сразу же вызвало к жизни ряд интересных работ западных исследователей.

Лит.: С. Бочаров. Вещество существования // Проблемы художественной формы социалистического реализма. Т. 2. М., 1971; Е. Толстая-Сегал. Натурфилософские темы в творчестве Платонова 20—30-х годов // Slavica Hierosolymitana. Vol. 4, Jerusalem, 1979, Э. Маркштейн. Дом и котлован, или Мнимая реализация утопии // Россия—Russia. Torino, 4, 1980.

«ВПРОК» («Бедняцкая хроника»). — Впервые в журнале «Красная новь» (1931, №3). Переиздано с сокращениями в журнале «Дон» (1987, №12). Публикация М. А. Платоновой.

Повесть навеяна реальными впечатлениями писателя, совершившего весной 1930 года поездку по Воронежской губернии. Написанная сразу после «Котлована» (из письма М. Горькому 24. VII. 1931 г.: «"Впрок" я писал более года назад — в течение 10—12 дней». (Вопр. лит. 1988. № 9. С. 171).

«бедняцкая хроника» существует рядом с ним в весьма знаменательном контрапункте. Плотное, пронизанное ирреальными, символическими образами письмо «Котлована» и — почти «деловая» стилистика с героем-хроникером, который путешествует по «глубинке», чтобы собственными глазами увидеть реалии «великого перелома». Если вспомнить, что к этому времени очерк «Че-Че-О» и сатирический рассказ «Усомнившийся Макар» подверглись разносной критике, роман «Чевенгур» был отвергнут издательствами, то возможна версия, согласно которой писатель предпринял еще одну попытку разобраться с мучающими его сомнениями, так сказать, «на местах», а не в тиши кабинета. Повесть вызвала шквал уничтожающей критики и политических обвинений, инспирированных во многом резким отзывом Сталина. По меткому замечанию западного исследователя М. Геллера «положительная программа Платонова ощущается писателем как утопия, описания реальной действительности выглядят как острейшая антиутопия. Объединение в одном тексте антиутопии и утопии создает иронически двусмысленность, вызвавшую громы и молнии в 30-е годы, позволяющую сегодня вырывать из контекста цитаты, которые должны свидетельствовать о благонадежности писателя». (М. Геллер. Андрей Платонов в поисках счастья. Paris, 1982. С. 293).

Издание «Впрок» стало переломным в судьбе Платонова, после этого его три года совершенно не печатают (из письма М. Горькому 23 IX 34 г.: «Прошу Вас, как председателя Оргкомитета писателей Советского Союза, помочь мне, чтобы я мог заниматься литературой. Меня не печатают 2,5 года. Все это время я, однако, усиленно писал. Но мои рукописи отклонялись и отклоняются...» — «Вопросы литературы» (1988, №9).

Лит.: А. Селивановский. В чем «сомневается» Андрей Платонов. Лит. газета. 1931. 10 июня; А. Фадеев. Об одной кулацкой хронике. Известия. 1931. 3 июля; И. Макаров. Клевета: («Впрок»). На лит. посту. 1931. № 18; В. Васильев. Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества. М., 1982. С. 132—135, Н. Корниенко. Андрей Платонов «Не отказываться от своего разума» // Дружба народов. 1989. № 11.

«ЮВЕНИЛЬНОЕ МОРЕ». — Впервые в СССР в журнале «Знамя» (1986, №6). Публикация М. А. Платоновой.

Отвечая в 1934 году на анкету «Московского товарищества писателей», Платонов писал: «Литературное направление, в котором я работаю, оценивается как сатирическое. Субъективно же я не чувствую, что я сатирик и в будущей работе не сохраню сатирических черт. В последние годы мне удалось выбраться из тяготения тех ошибочных произведений, которые я создал». К 1934 году «Ювенильное море» уже было написано, и — надо думать — именно эту повесть имел в виду прежде всего Платонов как альтернативу «ошибочным произведениям». «Ювенильное море» — не просто очередное художественное произведение, но яркий психологическим документ, характеризующий драматическое состояние писателя, его внутреннюю раздвоенность, его желание быть «с гурьбой и гуртом». После издательских неудач с «Чевенгуром», «Котлованом», пьесой «Высокое напряжение», писатель предпринял попытку написать произведение «проходимое», близкое принятым тогда жанровым канонам — производственный роман на темы героических свершений первой пятилетки. Усеченное положение писателя «неблагополучного по части идеологии» заставляло искать пути и возможности, возвращающие в общий ряды. Все необходимые «правила» сочинений такого рода в повести соблюдены — вплоть до

неизбежного клише — разоблачения «тайного врага» советской власти. Но замысел и конструкция — это еще не все. Художественный строй повести сопротивляется рациональной установке, и рядом с гимном преобразовательным планам эпохи, лирическими фантазиями на тему собственной юности живут проницательная сатира, язвительный гротеск, выводящие повесть на просторы все той же социальной антиутопии.

Лит.: И. Борисова. На семи ветрах // Новый мир. 1987. №1.

РАССКАЗЫ

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЖИТЕЛЬ». — Впервые в журнале «Октябрь» (1929, №6). К восьмидесятилетию писателя переиздан в журнале «Подъем» (1979, № 4 (июль-август).

Полемичность названия-формулы и многозначность содержания побудила многих критиков по-разному, порой полярно интерпретировать отношение писателя к своему герою. Нелепостью представляются попытки увидеть в мыслях и высказываниях Веретенникова выражение позиции автора. Сатирический «антигерой» рассказа разоблачается развитием событий, логикой эпизодов. Не вызывают сомнения явная близость рассказа, перекличка его с повестью «Город Градов». Шмаков, как мы помним, писал «Записки государственного человека», Петр Евсеевич — «государственный житель». Можно увидеть здесь пародию на амбиции уволенного со службы бюрократа Шмакова, дальнейшее ироническое снижение этого образа. Более плодотворной представляется мысль о дальнейшем углублении разрабатываемого писателем образа-символа — новоявленного философа, идеолога, одержимого идеей «автоматического государственного счастья». По справедливому замечанию В. Свительского, рассказ по своему жанру скорее близок «к социально-философскому памфлету, но не к сатирическому бытописанию».

Современной писателю критикой рассказ был почти незамечен и при его жизни не переиздавался.

Лит.: В. Свительский. Конкретное и отвлеченное в мышлении А. Платонова-художника. // Творчество А. Платонова. Воронеж, 1970; Л. Шубин. Поиски смысла отдельного и общего существования. М., 1987. С. 189—191

«УСОМНИВШИЙСЯ МАКАР». — Впервые в журнале «Октябрь» (1929, №9). Перепечатан в еженедельнике «Книжное обозрение» (1987, №22, 29 мая), а также в журнале «Литературная учеба» (1987, № 4) по авторской рукописи, хранящейся в семейном архиве. Публикация М. А. Платоновой.

А. Фадеев (в то время ответственный редактор журнала «Октябрь») писал Р. С. Землячке: «Я прозевал недавно идеологически двусмысленный рассказ Платонова «Усомнившийся Макар», за что мне поделом попало от Сталина — рассказ анархистский». (А. Фадеев. Собр. соч. В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 304). Рассказ был опубликован в сентябре, а уже в октябрьской книжке «На литературном посту» появилась статья (более напоминавшая политический приговор) лидера рапповцев Л. Авербаха «О целостных масштабах и частных Макарах». Столь же быстро она была перепечатана в «провинившемся» «Октябре» в сопровождении покаянного письма членов редколлегии журнала (А. Исбах, А. Караваева, Г. Корабельников, Ф. Панферов, М. Светлов, А. Серафимович, А. Фадеев, М. Шолохов). Л. Авербах и авторы последующих разносных статей «правильно» вычленили главное «сомнение» Платонова — все более явственно обнажающееся противостояние «целостных государственных

масштабов и частных Макаров», «официальных революционеров» и народа (см. также фельетон «Душа человека — неприличное животное»).

Смысловой кульминацией выглядит сон Макара о «научном человеке»: этот гротесковый образ воплощает страшное начало доктринерского мышления, оторванного от нужд конкретных людей, стоящего над ними. Рассказ не переиздавался в СССР вплоть до 1987 года. В публикации журнала «Литературная учеба» внесено по авторской рукописи существенное уточнение: Макар, добравшись до Москвы, «тронулся в направлении башен, церквей и грозных сооружений — в город чудес науки и техники, чтобы добывать себе жизнь под золотыми головами храмов и вождей» (подчеркнуты слова, не вошедшие в прижизненное издание. — Е. Ш.).

Лит.: Л. Авербах. О целостных масштабах и частных Макарах // На лит. посту. 1929. Кн. 21—22; То же: Октябрь. 1929. №11; М Майзель. Ошибки мастера // Звезда. 1930. №4; Л Шубин. Сказка пр'о усомнившегося Макара // Лит. обозрение. 1987. №8.

«МУСОРНЫЙ ВЕТЕР». — Впервые в книге: Избранное. М., «Московский рабочий», 1966. Один из вариантов названия «В 1933 году» (Повесть о судьбе одного западного человека) — ЦГАЛИ, ф.2124, оп. 1, ед.хр. 73.

Одно из первых в советской литературе произведений о «коричневой чуме» фашизма (тоталитаризма), попытка исследовать его социальные и психологические корни. Несколько позднее, в 1938 году, Платонов вновь обратился к этой теме в рассказе «По небу полуночи». Н. Полтавцевой, автору книги «Философская проза Платонова», принадлежит подробный анализ рассказа (она называет его философской новеллой) в контексте мировой философской мысли и всего творчества Платонова. В ее работе заявлена интересная параллель между «Мусорным ветром» и «Усомнившимся Макаром», которая зиждется на мотиве памятника, важном сюжетообразующем звене обоих произведений.

При жизни автора рассказ не печатали. В марте 1934 года Платонов посылал «Мусорный ветер» М Горькому, но поддержки и понимания не получил: «Рассказ ваш я прочитал, и — он ошеломил меня. Пишете вы крепко, ярко, но этим еще более — в данном случае — подчеркивается и обнажается ирреальность содержания рассказа, а содержание граничит с мрачным бредом. Я думаю, что этот ваш рассказ едва ли может быть напечатан где-либо.» Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Лит. наследство. Т. 70. М., 1962. С. 315).

Лит.: Н. Полтавцева. Философская проза Андрея Платонова Ростов, 1981. С. 52—63. Л. Аннинский. Откровение и сокровение // Лит. обозрение. 1989. № 9. С. 12—13.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ». — Впервые в журнале «Новый мир» (1946, №10—11) под названием «Семья Иванова».

В годы войны Платонов был на фронте корреспондентом газеты «Красная звезда». Его очерки и рассказы часто печатались в «Красной звезде», журналах «Октябрь», «Знамя», выходили отдельными изданиями. Наиболее полно военная проза Платонова представлена в книге Андрей Платонов Одухотворенные люди. Рассказы о войне / Сост. и вступ ст В. М. Акимова М., Правда. 1986. Рассказ «Возвращение» — своего рода итог темы войны, и посвящен он не смерти и разрушению, но — любви и созиданию. Этим произведением писатель вместе со своим народом как бы возвращался к нормальной жизни после принесших множество потерь и травм роковых сороковых, и на менее роковых-тридцатых. Мысль этого рассказа человечна

«добра». Однако в первом же номере «Литературной газеты» наступившего 1947 года (главным редактором ее был тогда А. Фадеев) была напечатана статья В. Ермилова «Клеветнический рассказ А. Платонова» («Семья Ивановых»). Критик объявил рассказ «враждебным», писатель обвинялся в том, что «клеветнически стремится представить семью Ивановых как типичную советскую семью». С аналогичными откликами выступили в печати А. Фадеев, Е. Книпович, З. Кедрина, Б. Бялик и другие. Обстановку, в которой сработала инерция прежнего отношения к писателю со стороны официальной критики, воспроизвел в своих воспоминаниях К. Симонов (К. Симонов. Глазами человека моего поколения // Знамя (1988, №3. С. 53—54).

После расправы над «Семьей Иванова» Платонов, которому суждено прожить всего пять лет, публикует лишь несколько маленьких рассказов в журнале «Огонек» и сказку в «Пионерской правде» (1948. 6 января), на которую мгновенно отреагировала фельетоном газета «Правда» (1948. 9 января).

Лит. Н. Корниенко, Е. Шубина. О живых и мертвых // Лит. обозрение. 1989, № 9.

ПУБЛИЦИСТИКА

«ДУША ЧЕЛОВЕКА — НЕПРИЛИЧНОЕ ЖИВОТНОЕ». (Фельетон о стервецах). — Впервые в газете «Огни» (Воронеж) 1921. 4 июля. Подпись — Тютень.

Одно из самых острых сатирических произведений раннего Платонова. Связь его с позднейшими вещами — «Государственным жителем», «Усомнившимся Макаром», «Че-Че-О» — очевидна. Л. Шубин, внимательно изучив воронежскую печать этого периода, дал обширный комментарий к фельетону, воспроизвел реальный контекст его написания. Именно в это время (лето 1921 — засуха и голод в Поволжье) в партийной организации города проходила дискуссия о привилегированном положении коммунистов, которую частично отразили и воронежские газеты. Дискуссия эта, по предположению исследователя, была одним из побудительных мотивов к появлению фельетона. Л. Шубин отмечает также, что уже здесь «возникает столь характерное для зрелого Платонова взаимопроникновение иронии и патетики... складываются структурные особенности его художественного видения».

Лит.: Л. Шубин. Поиски смысла отдельного и общего существования. С. 111—114; Т. Лангерак. Андрей Платонов в Воронеже. // Russian Literature. XXIII. (1988). С. 451—452. В обширном приложении к данной статье переиздан и этот фельетон.

«ЧЕ-ЧЕ-О». Областные организационно-философские очерки. (Совместно с бор. Пильняком). — Впервые в журнале «Новый мир» (1928, №12). Перепечатано в журнале «Сельская молодежь» (1987, №9), а также в журнале «Литературное обозрение» (1987, №10). Послесловие В. Свительского. Вариант текста очерков опубликован в журнале «Молодой коммунист» (1988, №3). Публикация М. А. Платоновой.

Осенью 1928 года Платонов едет в Воронеж как корреспондент журнала «Новый мир» «на предмет изучения бюрократизма ЦЧО (только что созданная Центрально-Черноземная область, которая объединила несколько

губерний. — Е. Ш.) и ознакомления с массами». Некий род социологического исследования, как сейчас бы сказали. Сразу решив изучать не учреждения («дабы не быть оглушенными гулом мероприятий»), а людей (множественность голосов и мнений придает очерку отчетливый театрализованный характер), писатель очень скоро убедился, что город, стремясь изобразить столицу мифической страны Че-Че-О, захвачен «организационной стихией». В очерке содержится ряд емких определений-формул бюрократизма как социальной болезни, изложены сокровенные мысли Платонова о коммунизме.

Степень участия Б. Пильняка в написании «очерков» до сих пор не вполне ясна. Широко принята версия, что в Воронеж писатели ездили вместе, но документально это ни в одной работе не подтверждено. В 1929 году в статье «Против халтурных судей» Платонов писал: «Относительно «Че-Че-О». Заявляю следующее. Б. А. Пильняк «Че-Че-О» не писал. Написан он единолично мною. Б. Пильняк лишь перемонтировал и выправил очерк по рукописи». Очерк вызвал острую критику (см., например: «выступление А. Платонова и Б. Пильняка... является несомненным выпадом против хозяйственной и политической линии, проводимой партией и советской властью» (На лит. посту. 1929. №1), и до недавнего времени процитированное заявление Платонова зачастую объяснялось желанием писателя хоть немного оградить от обвинений Пильняка (лето 1929 года — начало кампании против Б. Пильняка и Е. Замятина, поводом для которой послужили издания за рубежом романов «Красное дерево» и «Мы»). Публикация варианта очерка в журнале «Молодой коммунист» несколько проливает свет на историю текста «Че-Че-О» и позволяет предположить, что, действительно, Б. Пильняк «лишь перемонтировал и выправил очерк по рукописи». Л. Шубин называет «очерки» своеобразным художественным комментарием к прежде созданным произведениям обоих писателей. «И Платонову, и Пильняку возражала критика... Писатели объяснялись очерками, уточняли свои позиции...»

Сотрудничество А. Платонова и Бор. Пильняка, судя по всему, было недолгим. Известно, что ими также была написана пьеса «Дураки на периферии», текст которой пока не разыскан, но сохранились отклики на ее публичное чтение в тогдашней печати (см.: Русские советские писатели-прозаики. Биобиблиографический указатель. Т. 7. Ч. 2. М., Книга., 1972. С. 43).

Лит.: М. Бойков. Не сдавайте классовых позиций // Молодой большевик. 1929. №20; В. Стрельникова. «Разоблачители» социализма. О подпильнячниках // Вечерняя Москва. 1929, 28 сентября; А. Платонов. Против халтурных судей. (Ответ В. Стрельниковой) // Лит. газета. 1929, 14 октября; Л. Шубин. Поиски смысла отдельного и общего существования. С. 164—172: Е. Толстая-Сегал. Стихийные силы. Платонов и Пильняк // Slavica Hierosolymitana. Vol. 3. 1978; Т. Лангерак. Андрей Платонов во второй половине двадцатых годов. Ч. 1. // Russian Literature XXI (1987). С. 169—172.

Александр Дюма

ЖЕНСКАЯ ВОЙНА

РОМАН

РИГА «РАКСТНИЕКС» 1991

ББК 84.4Фр
Д96

Перевод С. Антик
Предисловие С. Белозерова

Книга подготовлена совместно с коммерческим издательством РУССЛИТ

Александр Дюма—сын

Д96 Дама с камелиями: Роман (Пер. с фр.).— М.: Восхождение, 1991.— 192 с.
ISBN 5—85846—006—2

Роман «Дама с камелиями» (1848) — самое известное произведение Александра Дюма — сына (1824—1895). Сделав героиней его куртизанку, автор тем не менее поставил перед собой и блестяще разрешил сложную задачу — показать, как из порока и разврата воскресает к любви бескорыстной и возвышенной души женщины.

А $\frac{4703010100—006}{974(02)—91}$ Без объявл.

ББК 84.4Фр

Редактор Н. Стаценко
Художник М. Белоусова
Художественный редактор А. Мишустин
Технический редактор В. Пилкова
Корректор Г. Трибунская.

Сдано в набор 23.04.91. Подписано в печать 07.05.91.
Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура Балтика.
Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,5. Уч.-изд. л. 10,21.
Тираж 300 000 экз. Заказ № 1728. Цена 3 руб.
(За пределами г. Москвы — договорная)

Издательство «Восхождение», 117334, Москва, Ленинский пр-т, 36.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
«Известий Советов народных депутатов СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова
103798, Москва, К-6, Пушкинская пл., 5.

ISBN 5—85846—006—2

© Оформление, предисловие. «Восхождение», 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Дама с камелиями» — по-своему редкостное явление в истории мировой литературы.

Случалось, и довольно часто, что будущие корифеи пера заявляли о своих притязаниях на принадлежность к литературной элите крепкими полновесными книгами — сразу и всерьез. Но чтобы их судьбу в литературе и жизни в наибольшей степени символизировала одна из самых первых проб пера — тут, пожалуй, младший Дюма не знает себе равных. И это при том, что на склоне лет ему довелось удостоиться всех возможных в его положении почестей и свидетельств признания и без видимых проволочек пройти в члены Академии — быть причисленным к сонму «бессмертных» в свое время не удалось даже его прославленному отцу.

Занятно разбираться в том сложном и во многом случайном совпадении жизненных обстоятельств, вызвавшем на свет появление романа, в котором автор поставил перед собой и успешно разрешил крайне непростую задачу — показать, как из грязи бесстыдства и порока, из низменного разврата пробуждается к любви чистой и возвышенной, к жертвенности и самоотречению душа женщины.

Читатель наших дней вправе снисходительно усмехнуться кажущимся уже безнадежной архаикой «родимым пятном» романтизма на теле «Дамы с камелиями»: бьющей через край мелодраматичности многих сцен, когда температура эмоций героев не знает промежуточных значений и в качестве материала при конструировании причинно-следственных связей в романе автором слишком часто используются белые нитки.

Вряд ли возможно приписать необыкновенную популярность, которой пользовался по выходе /1848/ и продолжает пользоваться доныне небезызъянный роман и вышедшая за ним через четыре года одноимен-

ная пьеса, какой-то оригинальности сюжета или темы — их многократно «избивали» как предшественники Дюма-сына — аббат Прево, например /«История кавалера де Грие и Манон Леско» — как увидит читатель, она совсем показательно присутствует и в «Даме с камелиями»/, так и его современники и последователи — Гюго /«Марион Делорм»/, Бальзак /«Блеск и нищета куртизанок»/, Гонкур /«Девка Элоиза»/, Золя /«Западня»/, в каком-то смысле Мопассан /«Милый друг»/, Флобер /«Мадам Бовари»/ — и так далее вплоть до Куприна /«Яма»/ и Кунина /«Интердевочка»/.

Пожалуй, требует пояснений — и мы их дадим — вскользь оброненная нами оговорка о «случайном совпадении жизненных обстоятельств», ибо именно в нем, в помножении его на писательский дар будущего академика все дело. Своеволию судьбы было угодно повернуть развитие событий таким образом, что осенью 1844 года двадцатилетнему Александру Дюма на пути встретился прототип будущей героини «Дамы с камелиями». Отправившись как-то вместе со своим приятелем Эженом Дежазе, кстати, сыном известной театральной примы, в Варьете, в одной из лож он увидел в обществе бывшего русского посланника графа Штакельберга прелестную молодую особу. Это и была та самая Мари Дюплесси /правильнее — Альфонсина Плесси, но «дворянский» предлог, само собой, имел отдельный смысл/, которой позже, после ее смерти, Дюма-сын подарил вечную жизнь под именем Маргариты Готье. Психологический портрет одной из самых обольстительных красавиц Парижа того времени дан в очерке современника обоих знаменитых Дюма Жюля Жанена, предваряющем в нашей книге текст самого романа. Другие подробности ее биографии можно найти в книге Андре Моруа «Три Дюма». Для нас здесь важнее всего указания на автобиографичность событийной интриги «Дамы с камелиями» для писателя. Арманом Дювалем оказался сам Александр Дюма-младший. Граф Штакельберг под его пером преобразился в старого герцога, Эжен Дежазе — в Гастона Р., реальный бульвар Мадлен стал улицей д'Антэн. История донесла до нас даже настоящее имя Прюданс — Клеманс Пр... Совпали также очень многие детали действительного и романного бытия «дамы с камелиями» — вплоть до ранней смерти и распродажи вещей и обстановки умер-

шей, на которой Дюма-сын купил, правда, не томик Прево, а золотую цепочку. Моруа сообщает нам, что на распродаже присутствовали в числе прочих даже Чарльз Диккенс и Эжен Сю.

Что же касается вымысла, то в романе он возникает главным образом на стыке перенесенных на его страницы реальных событий с требованиями романтизированной мелодрамы. В отношениях Мари Дюплесси и Александра Дюма-сына не было трагического участия отца героя, как не присутствовали и Буживаль, тайная продажа Маргаритой Готье драгоценностей и лошадей, жертвенный порыв куртизанки, ее надрывные письма, эпизод «олимпийской» мести героя и многое другое. В жизни все сложилось гораздо проще. Разрыв Дюма-сына с Мари Дюплесси не стал таким драматичным, как в романе. Начинающий писатель, скорее всего, даже не рассматривал всерьез резервы добродетели и благонамеренности своей временной подруги и, для вида повздорив с ней, с легким сердцем взял себе другую любовницу, а потом и вовсе укатил с отцом в Испанию, где недурно провел время.

Конечно, столь ранняя и скоропостижная смерть молодой и прелестной женщины, недавней царицы балов, блестящей ветреницы, всегда окруженной поклонниками, не могла не потрясти ее бывшего любовника. Побудительный импульс подспудной мыслительной работе над будущим романом был дан. Потребовалась лишь малая толика ностальгических воспоминаний, чтобы писательский зуд довершил дело.

Само собой, Дюма не упустил случая сыграть на контрасте цветущей молодости и преждевременной кончины, добиться сильнейшего эмоционального отклика среди читателей своей книги. Заметим, что подобными же приемами грешили и писатели позднего, более сдержанного и экономного в проявлениях чувств времени, которых трудно заподозрить в пристрастии к мелодраматическим эффектам — вспомним Патрицию Хольман, Кэтрин Баркли, Жоан Маду и других героинь и героев Ремарка, Хэмингуэя, да и Олдингтона, кстати. Зато Дюма, которому подобные предпочтения были свойственны, не упрекнешь в неискренности, неправдивости, позе лицемерного сострадания или пошловатого резонерства, на которое он нет-нет да и сбивался в своих следующих пьесах.

И здесь, пожалуй, сыграл свою роль пусть и невеликий /в тот момент, когда он стал автором «Дамы...», ему до двадцати лет не хватало еще двух месяцев/, но вполне определенный жизненный опыт писателя — нашла выход прежде так тщательно таимая обида на судьбу бастарда, которая досталась ему в удел по воле отца. Мало того, что сам он оказался незаконным сыном старшего Дюма, но и его мать тоже познала тяготы положения внебрачного ребенка — такую двойную язву, усугубленную впоследствии двумя неудачными «русскими» любовными историями, самолюбие писателя не смогло зарубцевать до самой смерти в 1895 году. Всегда вынужденный чувствовать свой ущерб на фоне благополучных сверстников и не виноватый в нем, замкнутый, привыкший уходить в себя, уползать в свою раковину юноша увидел вдруг возможность поквитаться с невольным сознанием собственной неполноценности, оправдать его, а заодно с ним себя, свое воспитание и свою мать. Нет, Катрин Лабе никогда не пробавлялась продажной любовью и была в высшей степени примерной «матерью-одиночкой». Сходство было в том, что в глазах общественного мнения она всегда оставалась отверженной. Расхожая мораль ставила однажды согрешившую женщину на одну доску с развратницами, сделавшими любовь ремеслом. Моралист по складу характера, Дюма пошел обратным путем: выдал героине-куртизанке мандат на светлое, очищающее и возвышающее ее чувство, на способность любить и ради любимого человека жертвовать собой. Впоследствии он не не раз бичевал «цветы зла»: адюльтер и «полусвет»[1], но в тот момент неподдельное сочувственное отношение к падшей половине прекрасного пола не могло не расстрогать последнюю до глубины души.

Так роман утверждал за женщинами, несмотря на все их слабости и прегрешения, способность к целомудренной и самоотверженной любви.

И в этом с ним трудно спорить.

Сергей БЕЛОЗЕРОВ

---

[1] Вспомним, помимо его пьес, и то, например, что он удостоился от импрессионистов нареканий за свою нелюбовь к Густаву Курбе, а ведь тот как раз в 1844 году написал одну из своих самых известных картин — «Счастливые влюбленные» (! — С. Б.)

ПРИМЕЧАНИЯ

РЕВИЗОР

Комедия написана в конце 1835 г. Начало работы Гоголя над «Ревизором» определяется его письмом Пушкину от 7 октября 1835 г. с просьбой дать «какой-нибудь сюжет»: «Духом будет комедия из пяти актов и, клянусь, будет смешнее черта». Пушкин подсказал Гоголю сюжет мнимого ревизора (проезжего чиновника ошибочно принимают за ревизора, генерал-губернатора и т. д.), который имел в ту пору широкую литературную популярность и которым Пушкин намеревался воспользоваться сам. В бумагах Пушкина сохранился набросок сюжета, развивающего ситуацию ревизора: [Свиньин] Криспин приезжает в Губернию NB на ярмонку — его принимают за <прзб.>... Губерн[атор] честной дурак — губ[ернаторша] с ним кокетничает — Криспин сватается за дочь» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VIII, кн. 1. М., Изд-во АН СССР, 1948, с. 431).

В начале декабря «Ревизор» был уже написан, но Гоголь продолжал вносить в него исправления и поправки почти до самой премьеры (19 апреля 1836 г.) и выхода комедии из печати (цензр. разр. 1-го изд.— 13 марта 1836 г.).

В 1838 г. Гоголь высказывает пожелание переиздать «Ревизора» — «исправленного и совершенного» (письмо М. Погодину от 1 декабря). Однако намеченные исправления и дополнения Гоголь сделал лишь к началу 1841 г. Летом этого года второе издание «Ревизора» вышло в свет. Самое существенное из содержащихся в нем исправлений — переделка первых явлений четвертого действия.

В опубликованном в том же издании «Отрывке из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору», Гоголь подробно разъяснил причину этой переделки. «Во время представления я заметил, что начало четвертого акта холодно; кажется, как будто течение пьесы, дотоле плавное, здесь прервалось или влечется лениво.»

Чтобы создать непрерывность действия и усилить его темп, Гоголь начинает IV акт не монологом Хлестакова, а сценой совещания чиновников, решающих, как [illegible] «подсунуть» взятку. При этом Гоголь учитывал и [illegible] одного «сведущего и опытного актера» о том, что Хлестаков не должен «первый просить денег взаймы».

Окончательная редакция «Ревизора» была приготовлена Гоголем для издания: Сочинения Николая Гоголя, т. IV. СПб., 1842. (В связи с подготовкой IV тома Гоголем был определен и порядок расположения его пьес, который сохраняется и в современных изданиях).

В 1851 г. Гоголь, [illegible] второго издания четвертого тома, вновь сделал [illegible] стилистических исправлений в тексте комедии. Так, [illegible] Хлестакова в шестом явлении третьего действия: «Отличный лабардан! отличный лабардан!» — получила окончательный вид: «(с декламацией) Лабардан! лабардан!».

Первое представление «Ревизора», состоявшееся 19 апреля 1836 г. в Петербурге в Александринском театре, стало выдающимся общественным событием, возбудило широкий интерес публики и прессы. Но спектакль не [illegible] цельностью. Наряду с реалистической манерой игры Сосницкого (Городничий), Афанасьева (Осип) широко применялись избитые водевильные штампы. В водевильной манере исполнял роль Хлестакова актер Дюр. Гоголь остался глубоко неудовлетворенным премьерой и отказался принимать участие в подготовке спектакля в Москве. Премьера «Ревизора» в Москве состоялась 25 мая 1836 г. и во многом повторила достоинства и недостатки петербургского спектакля. С большим успехом сыграл роль городничего Щ[illegible], в то же время многие актеры (в том числе игравший Хлестакова Д. Ленский) склонялись к водевильной манере исполнения.

«Ревизор» вызвал многочисленные отклики в печати. Бу[illegible]рин в «Северной пчеле» и Сенковский в «Библиотеке для чтения» обрушили на Гоголя обвинения в отсутствии «правдоподобия», «невероятности» фабулы и т. д. Еще более резкими были [illegible]торые устные и эпистолярные отзывы о комедии. Так, [illegible] Ф. Ф. Вигель называл ее (в письме М. Н. Загоскину от 31 [illegible]

1836 г.) «клеветой в пяти действиях, а о самом Гоголе заметил: «...это юная Россия во всей ее наглости и цинизме» («Русская старина», 1902, июль — август — сентябрь, с. 100—101). В. В. Стасов вспоминал, что ему и другим молодым почитателям Гоголя приходилось вести с литературными староверами упорные бои — «в особенности за «Ревизора», за «Невский проспект», за всю его «вечную грязь и непристойность» (сб. «Гоголь в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1952, с. 400).

В критике в защиту «Ревизора» выступили П. Вяземский («Современник», 1836, т. 2) и В. Андросов («Московский наблюдатель», 1836, ч. VII, кн. 1), которые дали первые, во многом не утратившие своего значения до сих пор, разборы комедии.

Вяземский в своей статье отвел от Гоголя обвинения в преувеличении и карикатурности, подчеркнул типичность ситуации ревизора. В то же время он указал и на новизну типа Хлестакова как ненадувающего плута, подчеркнул характерность комического у Гоголя. В статье Андросова была отмечена новизна жанра «Ревизора»: «Да, ревизор смешон, говорят, это преуморительный фарс! Нет, господа, найдите, потрудитесь изобрести другое выражение. Чтобы точно характеризовать комедию с таким содержанием, как «Ревизор», для этого традиции вашей пиитики не сыщут приличного прилагательного. Если правила пишутся с произведений, а произведения выражают общества,— то наше общество другое, нежели то, когда эти Риторики и эти Пиитики составлялись» (с. 125).

Из первых откликов на «Ревизор» выделялась опубликованная в «Молве» (1836, № 9) статья, в которой подчеркивалось демократическое содержание комедии: «Ошибаются те, которые думают, что эта комедия смешна, и только. Да, она смешна, так сказать, снаружи; но внутри это горе-гореваньице, лыком подпоясано, мочалами испутано. И та публика, которая была на «Ревизоре» (речь идет о «богатой, чиновной» публике — *Ю. М.*), могла ли, должна ли была видеть эту подкладку, эту внутреннюю сторону комедии?» (Статья подписана — А.Б.В. О принадлежности этой статьи редактору «Телескопа» и «Молвы» критику и журналисту Н. Надеждину см.: С. Осовцов. «А.Б.В. и другие.— «Русская литература», 1962, № 3. Статья перепечатана в книге: Н. И. Надеждин. Литературная критика. Эстетика. М., «Художественная литература», 1972, с. 471—478; публикация Ю. Манна).

Глубокий анализ «Ревизора» был дан Белинским в статье «Горе от ума» (1840). Критик разобрал главнейшие образы комедии, проследил логику развития ее действия и ту роль, которую

играет в ней мотив призрачности, случайности. «Не грозная действительность, а призрак, фантом, или лучше сказать, тень от страха виновной совести должны были наказать *человека призраков* (В. Г. Белинский, т. III, с. 454). Особое внимание уделил критик цельности «Ревизора»: «Да, в этой комедии нет ни одного слова, строгой и непреложной необходимости которого нельзя б было доказать из самой сущности идеи и действительности характеров» (там же, с. 459).

Еще при жизни Гоголя «Ревизор» получил известность за рубежом. Существуют многочисленные переводы комедии на славянские, западноевропейские, восточные и другие языки. Известны постановки «Ревизора» во многих странах. Популярность комедии возросла в наши дни. Как свидетельствовал в 1952 г. западногерманский литературовед, «Ревизор» завоевал место в лучшем репертуаре мирового театра» (Heinz Kindermann Meister der Komödie Von Aristophanes bis G. B. Schaw Wien — München, 1952, S. [illegible]). По мотивам «Ревизора» поставлен итальянский фильм [illegible] (авторы сценария Сердио Амидеи, Эттор[illegible], режиссер Луиджи Дзампа). В январе 1966 г. [illegible] состоялась премьера «Ревизора» на сцене [illegible] Шекспировского театра в Лондоне (постановка [illegible] Хлестакова исполнял Пол Скофилд). «Ревизор» [illegible] также в варшавском театре «Народовы», в будапештском Национальном театре, в дакарском Национальном театре (Сенегал), в Италии в театральном коллективе «Творчество», в английском театре «Крусибл» (г. Шеффилд), в Швеции в сценическом коллективе «Рикс-театерн», в берлинском Театре им. Максима Горького (ГДР), в Словацком национальном театре и т. д.

Стр. 14. *Штандарт* — знамя, флаг; здесь — носитель флага, знамени.

Стр. 17. *«Деяния Иоанна Масона»* — английская масонская книга, «Иоанна Масона А. М. Познание самого себя», издан на русском языке в конце XVIII в.

Стр. 18. *Габерсуп* — овсяный суп.

Стр. 23. *Щукин* — Щукин двор, петербургский рынок.

Стр. 26. *«Роберт»* — опера Мейербера «Роберт Дьявол».

Стр. 42. *Лабардан* — свежепросоленная треска.

Стр. 46. *«Женитьба Фигаро»* — опера Моцарта на сюжет одноименной комедии Бомарше.

«Норма» — опера итальянского композитора Беллини.

Барон Брамбеус — один из псевдонимов О. И. Сенковского, редактора журнала «Библиотека для чтения».

«Фрегат «Надежда» — повесть А. А. Бестужева-Марлинского.

«Московский телеграф» — журнал, издававшийся Н. А. Полевым.

Смирдин А. Ф. — петербургский книгопродавец и издатель.

Стр. 62. *Приказ общественного призрения* — учреждение по делам благотворительности; занималось также денежными операциями.

Стр. 71. *«О ти, что в горести...»* — первые строки стихотворения М. Ломоносова «Ода, выбранная из Иова».

Стр. 73. *«Законы осуждают»* — Из стихотворения в повести Н. Карамзина «Остров Борнгольм» («Законы осуждают предмет моей любви...»).

Стр. 79. *Кавалерия* — орденская лента. Голубая лента давалась при высших орденах.

ЖЕНИТЬБА

Гоголь начал работу над комедией в 1833 г. Первоначально комедия носила название «Женихи», ее действие происходило в деревне и определялось главным образом соперничеством нескольких женихов. Затем комедия неоднократно перерабатывалась.

Впервые опубликована в 1842 г. в Сочинениях Николая Гоголя, т. IV.

Первым критическим откликом на комедию явилась заметка М. Погодина, опубликованная в 1835 г. Сообщая о чтении Гоголем отрывков из двух комедий, из которых первая, по-видимому, была «Владимир 3-ей степени», а вторая — одна из ранних редакций «Женитьбы» («Провинциальный жених»), Погодин писал: «Что за веселость, что за смешное! Какая истина, остроумие! Какие чиновники на сцене, какие канцелярские служители, помещики, барыни! Талант первоклассный» («Московский наблюдатель», 1835, кн. II, март, с. 445).

Споры о комедии разгорелись в критике после премьер в петербургском Александринском театре (9 декабря 1842 г.) и в Большом театре в Москве (5 февраля 1843 г.). В Петербурге комедия не была понята большинством актеров, и спектакль прошел неудачно. Присутствовавший на премьере Белинский писал Боткину: «Женитьба» пала и опикана. Играна была гнусно и

подло, Сосницкий (игравший Кочкарева.—*Ю. М.*) не знал даже роли. Превосходно играла Сосницкая (невесту), и очень, очень был недурен Мартынов (Подколесин); остальное всё — верх гнусности. Теперь враги Гоголя пируют» (В. Г. Белинский, т. XII, с. 125). Как и после премьеры «Ревизора», «пировали» и злорадствовали «Северная пчела», «Библиотека для чтения», поместившие ряд бранчливых откликов на «Женитьбу»; к ним присоединился и «Репертуар и Пантеон» (но позднее, в кн. 6 за 1843 г. здесь была помещена хвалебная статья о драматурги Гоголя).

Камнем преткновения послужило прежде всего новаторское построение пьесы, в которой отсутствовала традиционная комедийная интрига с счастливой развязки — соединением любящих. «...Сцены эти, набросанные кое как, без достаточной завязки и развязки, невозможно назвать *комедией*».—писал рецензент «Репертуара и Пантеона» (1842, кн. XXIV, разд. III, с. 16). Историк петербургских театров А. Вольф, говоря о том, что «Женитьба» была принята как «пьеска не стоющая никакого внимания» пояснял: «Публика того времени, привыкшая к пьесам правильной конструкции, с завязкою интригою и развязкою, была сильно озадачена отсутствием *сюжета* в «Женитьбе» и с недоверчивостью и сдержанностью относилась к ряду живых и высоко-комичных личностей... Большинству пьеса казалась делом не конченным, так как Подколесин не женится, а только выскакивает из окна, и при падении занавеса в первое представление раздалось даже легкое шиканье» (А. П. Вольф Хроника петербургских театров, ч. I. СПб., 1877, с. 100).

Московская премьера прошла более удачно, чем петербургская, хотя исполнители главных ролей — Щепкин (Подколесин) и Живокини (Кочкарев) играли не лучшим образом Принимавший большое участие в спектакле С. Аксаков считал, что главные роли распределены неудачно: Щепкин не может играть вялого и нерешительного творенья; а Живокини, играя живой характер, не может удерживаться от привычных своих фарсов и движений...» («История моего знакомства с Гоголем». М., Изд-во АН СССР, 1960, с. 91—93). Вскоре оба актера поменялись ролями, но спектакль все же не получил своего совершенного воплощения. Глубина гоголевского замысла, новаторство комедии, объединявшей тонкость психологического рисунка с остротой положения, а подчас и с нарочитой замедленностью действия, были раскрыты на сцене.

Глубокий анализ образов «Женитьбы» был дан в рецензии Белинского, предостерегавшего от карикатурности и утрировки

«Если актер, выполняющий роль Кочкарева, услышав о намерении Подколесина жениться, сделает значительную мину, как человек, у которого есть какая-то цель,— то он испортит всю роль с самого начала». Кочкарев действует без цели; это «добрый и пустой малый, пахал и разбитная голова... Горе тому, кто удостоится его дружбы!» «Сколько юмора, какой язык, какие характеры, какая типическая верность натуре!» — заключал Белинский рецензию (Белинский, т. VI, с. 574, 576).

Стр. 136. *Мыслéте* — старинное название буквы «М»; писать мыслете — писать вензеля (здесь — в переносном смысле — выделывать ногами вензеля).

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ И ОТДЕЛЬНЫЕ СЦЕНЫ

ИГРОКИ

Комедия впервые опубликована в четвертом томе Сочинений Николая Гоголя (1842). Гоголь начал работу над «Игроками» еще в Петербурге, до июня 1836 г. Дописана пьеса в 1842 г.

Премьера «Игроков» состоялась в Москве 5 февраля 1843 г. (в один спектакль с «Женитьбой»), в бенефис Щепкина, который играл Утешительного. В роли Замухрышкина с успехом выступил Пров Садовский.

По свидетельству С. Аксакова, спектакль вызвал одобрение «рядовой» публики. Благожелательная рецензия на спектакль появилась в «Московских ведомостях» (от 11 февраля 1843 г.), где отмечалось, что интрига «ведена с удивительной естественностью», что обрисовка характеров свидетельствует о «могучем таланте» Гоголя.

26 апреля 1843 г. пьеса впервые была поставлена в Петербурге. Главные исполнители: Сосницкий (Утешительный), Мартынов (Ихарев), П. Каратыгин (Замухрышкин), Самойлов (Швохнев). Пьеса была принята холодно. Критика объяснила этот факт неразвитостью вкуса публики — постоянных посетителей Александринского театра.

«Это произведение,— писал Белинский,— по своей глубокой истине, по творческой концепции, художественной отделке характеров, по выдержанности в целом и в подробностях, не могло иметь никакого смысла и интереса для большей части публики Александринского театра...» (Белинский, т. VII, с. 85—86). Сходной точки зрения придерживался и рецензент «Репертуара

и Пантеона»: «С каким мастерством ведена тут *басня*, как до самого конца пьесы зритель не угадывает развязки! В этом сознаются самые отчаянные присяжные русские театралы. Что за мастерская отделка характеров! Не знаем, имел ли сам автор намерение разыграть пьесу на сцене. Если имел, то ошибался, и потому что «Игроки» не во вкусе нашей публики, и потому что слишком трудны для актеров, привыкших к легким для исполнения ролям, какими наделяют их обыкновенные сочинители сцен.» (Репертуар и Пантеон, 1843, кн. 6, Критика, с. 97).

Как и прежде, с резко отрицательным отзывом на новую комедию Гоголя выступила «Северная пчела».

Стр. 156. *Выжига* — золото или серебро, добываемое выжиганием из галунов, эполет и т. д.

Стр. 165. *Асикурировать* — поручиться.

Стр. 170. *Астрея* — в греческой мифологии — богиня справедливости. *Век Астреи* — золотой век.

Стр. 173. *Опекунский совет* — управление благотворительных учреждений; принимало на хранение деньги за проценты.

Стр. 181. *«Бурцов иора, забияка»* — цитата из стихотворения Д. Давыдова «Бурцову»; А. П. Бурцев — гусарский офицер.

УТРО ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Эта пьеса, как и «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок», переделана из неоконченной комедии «Владимир 3-ей степени». По-видимому, она относится к первому действию комедии; Иван Петрович Барсуков был главным героем незавершенной пьесы, помешавшимся на ордене.

Впервые «Утро делового человека» опубликовано в 1836 г. в журнале Пушкина «Современник» (т. I) с подзаголовком «Петербургские сцены» (в т. IV Сочинений Николая Гоголя под заголовок был снят). В письме Пушкину от 2 марта 1836 г. Гоголь назвал пьесу «Утро чиновника».

Вскоре после напечатания пьесы Белинский отметил, что она «представляет собою нечто целое, отличающееся необыкновенною оригинальностью и удивительною верностию» («Несколько слов о «Современнике».— Белинский, т. II, с. 180).

При жизни Гоголя пьеса не ставилась. Премьера состоялась в Александринском театре 8 января 1871 г.

Стр. 197. *Мейс* — солистка итальянской оперной труппы, гастролировавшей в Петербурге.

ТЯЖБА

Напечатана впервые в т. IV Сочинений Николая Гоголя (1842). Написана к осени 1839 г. В октябре 1839 г. Гоголь читал комедию у Аксаковых.

В основе пьесы лежит одна из сцен комедии «Владимир 3-ей степени». Павел Петрович Бурдюков соответствует Ивану Петровичу Барсукову из «Утра делового человека» (и из «Владимира 3-ей степени»).

Критические отзывы на «Тяжбу» при жизни Гоголя были немногочисленны. Белинский в 1843 г. писал, что «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывок» — это «живые картины разных слоев и сфер русского общества» (Белинский, т. VI, с 663).

Премьера комедии состоялась в Александринском театре 27 сентября 1841 г. с участием Щепкина (Христофор Бурдюков) и Мартынова (Прохоров).

ЛАКЕЙСКАЯ

Опубликована впервые в т. IV Сочинений Николая Гоголя (1842).

Написана, по-видимому, в 1839—1840 гг. Из комедии «Владимир 3-ей степени» Гоголь заимствовал сцену беседы Лаврентия (дворецкого) с Анушкой. Действие происходит в передней Федора Федоровича (соответствующего Ивану Петровичу Барсукову из «Утра делового человека»).

Принятое мнение, будто бы «из всех отрывков только «Тяжба» была при жизни Гоголя поставлена в театре»,— ошибочно (см., например, примечание в кн.: Гоголь. Собрание художественных произведений, т. IV. М., Изд-во АН СССР, 1959, с. 465). Премьера «Лакейской» состоялась в Одесском театре 11 февраля 1851 г. во время пребывания в Одессе Гоголя. В «Одесском вестнике» (1851, № 12) помещена театральная афиша о представлении «Сцены из комедии Н. В. Гоголя». Как выясняется из воспоминаний актера А. Толченова, этой «сценой» была «Лакейская» («Гоголь в воспоминаниях современников», М., Гослитиздат, 1952, с. 421).

Стр. 211. *...или там какой-нибудь от инфантерии* — генерал от инфантерии (пехоты).

Стр. 212. *Бакун* — табак низшего сорта.

ОТРЫВОК

Опубликован впервые в т. IV Сочинений Николая Гоголя (1842).

Написан около 1840 г. на основе одной из сцен «Владимира 3-ей степени». Во «Владимире 3-ей степени» Марья Петровна (прообраз Марии Александровны) — сестра главного героя Ивана Петровича Барсукова

Гоголь назвал первоначально пьесу «Сценами из светской жизни», но затем принял название «Отрывок», предложенное П. Прокоповичем.

Пьеса, под названием «Собачкин», была впервые поставлена в Александринском театре 21 апреля 1860 г.

Стр. 218. *Фурьер* — чиновник по снабжению.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОЙ КОМЕДИИ

Пьеса впервые опубликована в конце т. IV Сочинений Николая Гоголя (1842). Первые наброски сделаны около мая 1836 г., вскоре после премьеры «Ревизора», дорабатывалась пьеса в 1842 г.

В работе над пьесой Гоголь широко использовал печатные и устные отзывы о «Ревизоре»; так, он пародировал высказывания Булгарина и Сенковского, упрекавших Гоголя в неправдоподобии интриги, преувеличении и т. д. Реплика «Литератора»: «Все несообразности; ни завязки, ни действия, ни соображения никакого»,— перекликается с замечанием Ф. Булгарина: «Надобны противоположности и завязка, нужны правдоподобие, натура, а ничего этого нет в «Ревизоре» («Северная пчела», 1836, № 98, 1 мая). Реплика другого персонажа: «Этакое происшествие могло только разве случиться на Чукотском острову»,— пародирует восклицание того же Булгарина: «Ну, точь-в-точь на Сандвичевых островах у капитана Кука!»

Осмысливая уроки «Ревизора», Гоголь придавал «Театральному разъезду...» значение программного эстетического документа 27/15 июля 1842 г. он писал Прокоповичу, что пьесу «нужно сделать несколько идеальней, т. е. чтобы ее применить можно было ко всякой пьесе, задирающей общественные злоупотребления, а потому я прошу тебя не намекать и не выдавать ее как написанную по случаю «Ревизора». Именно в таком, обобщенном

жении восприняла «Театральный разъезд...» передовая критика. «В этой пьесе, поражающей мастерством изложения,— писал Белинский,— Гоголь является столько же мыслителем-эстетиком, глубоко постигающим законы искусства... сколько поэтом и социальным писателем» (Белинский, т. VI, с. 663). Н. Некрасов, упоминая о «Театральном разъезде...», содержащем «чудные лирические страницы», также приходил к выводу, что Гоголь «был не только художник, но и проницательный, строгий критик своих произведений» (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX. М., Гослитиздат, 1950, с. 341, 313).

Очень высоко ценил пьесу С. Т. Аксаков. В письме к Гоголю от 8 февраля 1843 года он говорил: «...Лично я остаюсь... при мнении, что «Разъезд», по обширному своему объему, по сжатости и множеству глубоких мыслей, по разумности цели пьесы, *по языку*, по благородству и высокости цели, по важности своего действия на общество — точно выше других пьес. Не говорю о других красотах его, которые он разделяет со всеми вашими сочинениями такого рода или содержания».

«Театральный разъезд...» не предназначался Гоголем для сцены. Тем не менее известна постановка пьесы: она была осуществлена к пятидесятилетию со дня смерти Гоголя 20 апреля 1902 г. в Мариинском театре в Петербурге. Роль «автора пьесы» исполнял П. В. Самойлов.

Стр. 230. *Коцебу* Август Фридрих (1761—1819) — немецкий драматург, автор множества сентиментальных и мелодраматических пьес.

Ю. Манн

СОДЕРЖАНИЕ

Ревизор 5
Женитьба 93

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ И ОТДЕЛЬНЫЕ СЦЕНЫ

Игроки 153
Утро делового человека 191
Тяжба 199
Лакейская 206
Отрывок 213
Театральный разъезд после представления новой комедии . 226

Примечания *Ю. В. Манна* 261

Николай Васильевич Гоголь

ПЬЕСЫ

Редактор Н. А. Галахова

Оформление художника С. В. Кузякова

Художественный редактор Л. И. Королева

Технический редактор К. И. Заботкина

ИБ 496

Сдано в набор 12.06.82. Подписано к печати 03.08.82.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 13,03.
Тираж 500 000 экз. Цена 1 р. 10 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии ордена Ленина комбината печати издательства «Радянська Україна». 252047. Киев-47, Брест-Литовский проспект, 64.
Заказ № 01086.

КОММЕНТАРИИ К «ГАМЛЕТУ»

Стр. 5. *Эльсинор* — город в Дании, расположенный на берегу пролива, отделяющего Данию от Скандинавского полуострова.

Стр. 10. *Кусок его* — шуточное выражение, вроде нашего «Я за него».

Стр. 11. *На штурм твоих ушей, для нашего рассказа неприступных.* — Образованный Горацио — скептик, не верящий в рассказы о духах.

Стр. 11. *Ты книжник; обратись к нему, Горацио.* — Горацио знает латынь, а заклинания духов произносились по-латыни.

Стр. 11. *Он ждет вопроса.*— Согласно древнему поверью, призраки не могли заговорить первыми.

Стр. 12. *Норвежец* — норвежский король, так же как дальше Датчанин — датский король, Британец — английский, и т. д.

Стр. 14. Римский император Юлий Цезарь был убит заговорщиками во главе с Брутом и Кассием в 44 году до н. э.

Стр. 14. *Влажная звезда* — луна, по старинному представлению управляющая приливами и отливами.

Стр. 14. *Нептун* — бог моря. Нептунова держава — морские воды.

Стр. 14. *Я порчи не боюсь.* — Считалось, что человеку грозит «порча», если он ступит на то место, где являлся призрак.

Стр. 14. *Протазан* — алебарда, бердыш, широкое копье.

Стр. 19. *Виттенберг.* — Виттенбергский университет один из самых старых университетов Германии, где обучались иностранные студенты, в том числе и датчане.

Стр. 21. *Пусть то взаимно будет* — то есть относитесь и вы ко мне, как к доброму другу.

Стр. 37. *Лазарь* — прокаженный нищий, о котором упоминается в Евангелии.

Стр. 38. *Илло, хо-хо!*— клич сокольничих.

Стр. 55. *Он вне твоей звезды* — то есть находится вне влияния той звезды, которая управляет твоей судьбой (он тебе не пара).

Стр. 58. *Уйти из этого воздуха, принц?* — то есть из душной галереи, где они находятся.

Стр. 63. *Но там имеется выводок детей.* — Во времена Шекспира в Лондоне существовала детская актерская труппа, которая состояла главным образом из певчих королевской капеллы и исполняла те же пьесы, что и взрослые труппы. Детский театр пользовался таким шумным ус-

пехом, что взрослым актерам, в том числе, по-видимому, и шекспировской труппе, приходилось в поисках зрителей совершать поездки в провинцию.

Стр. 63. Геркулеса вместе с его ношей. — У входа в театр «Глобус», где игрались шекспировские пьесы, был изображен Геркулес, держащий на плечах небесную сферу.

Стр. 65. Квинт Росций Галл — знаменитый римский актер I века до н. э.

Стр. 65. Сенека — римский философ и писатель I века н. э., автор трагедий, очень ценившихся во времена Шекспира.

Стр. 65. Плавт — римский писатель III и II веков до н. э., автор комедий, часто ставившихся во времена Шекспира и оказавших большое влияние на английские комедии.

Стр. 65. О Иеффай, судия израильский.— По библейскому преданию, Иеффай, судья израильский, дал обет в случае победы израильтян над врагами принести в жертву богу первое живое существо, которое он увидит. Вернувшись с поля битвы, он прежде всего увидел свою дочь, и ему пришлось принести ее в жертву. Это предание легло в основу английской народной баллады, которую цитирует Гамлет.

Стр. 66. Моя молодая госпожа.— Во времена Шекспира женские роли исполнялись мужчинами, обычно молодыми, которые могли еще подрасти.

Стр. 66. Для большинства это была икра. — Привозная русская икра была в то время изысканным лакомством, мало кому доступным.

Стр. 67. Косматый Пирр. — Пирр, сын Ахилла, один из греческих вождей, проникших в Трою в деревянном коне. Косматый — с украшающим шлем конским хвостом.

Стр. 67. Гирканский зверь — тигр. Гиркания — область на севере древней Персии, изобиловавшая свирепыми тиграми.

Стр. 67. Финифть и червлень — термины, взятые из геральдики. Первое слово означает эмаль, употребляемую при изображении гербов, второе — алый фон герба.

Стр. 82. Термагант — в средневековых песнях и пьесах жестокое сарацинское божество.

Стр. 82. Готовы Ирода перещеголять.— В старых мистериях Ирод изображался необыкновенно жестоким тираном.

Стр. 85. Эти слова не мои — то есть это не вытекает из моих слов, не имеет отношения к чему-либо сказанному мною.

Стр. 86. Брутально — грубо, жестоко.

Стр. 87. Конек-скакунок — одна из фигур площадного театра, конская кукла, укреплявшаяся на туловище актера, который таким образом превращался во всадника. Под влиянием пуританской проповеди она вышла из обихода, на что и жалуется баллада, которую цитирует Гамлет.

Стр. 87. Малечо (malhecho) — испанское слово, перевод которого Гамлет дает тут же.

Стр. 88. Что это: пролог или стихи для перстня?— Существовал обычай вырезать на перстнях изречения в стихах.

Стр. 88. Се тридцать раз — то есть прошло тридцать лет, тридцать раз по двенадцать месяцев.

Стр. 91. Вы отличный хор, мой принц. — Хором в старинном театре было лицо, поясняющее действие.

Стр. 91. Я бы мог служить толкователем — В кукольном театре такое лицо называлось толкователем.

Стр. 93. Мой милый Дамон — вероятно, отрывок из несохранившейся баллады или пьесы.

Стр. 93. Горацио ожидал, что Гамлет скажет: «Здесь царствует осел».

Стр. 95. Клянусь этими ворами и грабителями... — Гамлет так в шутку называет свои руки.

Стр. 96. Пока трава растет..:— Пословица гласит: «Пока трава растет, хилая лошадь околеть может».

Стр. 98. Душа Нерона в эту грудь не внидет..:— Римский император Нерон (I век н. э.), известный своей жестокостью, убил родную мать

Стр. 105. Король из пестрых тряпок..:— Гамлет называет Клавдия шутом. Шуты носили костюмы, сшитые из разноцветных лоскутьев

Стр. 106. О, не смотри..:— Эти слова и следующие строки обращены к Призраку.

Стр. 108. Когда возжаждете благословенья, я к вам за ним приду — то есть когда ваша душа очистится, я сам приду к вам просить чтобы вы благословили меня.

Стр. 109. Вот кто теперь ускорит наши сборы. - Эти и следующие слова относятся к трупу Полония.

Стр. 116. Беги, лиса, и все за ней — слова из детской игры

Стр. 123. Перловица по тулье.— Пилигримы, отправляющиеся за море, украшали свои шляпы раковинами.

Стр. 124. Говорят, у совы отец был хлебник.— В голове у Офелии смешиваются обрывки различных песен и поверий. Существовала легенда о дочери хлебника, которую Христос за ее скупость превратил в сову

Стр. 124. Валентинов день — справлялся 14 февраля, когда молодые люди и девушки гадали и бросали жребий, чтобы найти себе «Валентину» или «Валентина» (суженую или суженого). Иногда «Валентиной» считалась первая девушка, увиденная в утро этого дня.

Стр. 127. Что причиной, Лаэрт что ты мятежен, как гигант?— Намек на миф о титанах, восставших против олимпийских богов.

Стр. 128. И, жизнью жертвуя, как пеликан, отдам им кровь свою. - Существовало поверье, что пеликан питает птенцов собственным телом и кровью.

Стр. 128. Пока не дрогнет чаша — то есть пока твое безумие не будет уравновешено достойной местью.

Стр. 133. Его оковы обратит в узор — то есть толпа, которая любит Гамлета, «оставит без внимания его вину, и те оковы, которые я на него наложил бы, послужат ему в его глазах только украшением»

Стр. 136. Он о тебе признался — то есть, «говоря о тебе, признал твое превосходство в искусстве фехтования».

Стр. 137. Да, для убийства нет святой защиты — то есть святость места не может служить защитой убийце (Гамлету)

Стр. 143. Эрго (ergo) — латинское слово, означающее «следовательно».

Стр. 144. Они продолжают ремесло Адама.— Адам, согласно библейской легенде, первый человек, созданный богом. Изгнанный из рая Адам должен был обрабатывать землю, чтобы добывать себе пропитание

Стр. 144. Если ты ответишь невпопад, то покайся.— Дальше следует: «и пусть тебя повесят.

Стр. 150. Гамлет говорит об Александре Македонском, знаменитом полководце-завоевателе (IV век до н. э.).

Стр. 153. Пелион, Олимп — высокие горы в Греции

Стр. 154. Напиться уксусу? Съесть крокодила? - Шекспир смеется над аффектацией чувств. Влюбленные щеголи пили уксус, чтобы быть бледными, или, чтобы доказать свою любовь, приносили обет съесть одного из тех крокодилов, которыми были украшены окна аптекарских лавок.

Стр. 154. Осса — высокая гора в Греции.

Стр. 154. Здесь мы живое водрузим надгробье.- Выражение это мы

жет быть понимаемо двояко: прочное надгробие, сопротивляющееся времени, и надгробие не из камней, а из тела убитого Гамлета.

Стр. 157. Стал меж избраньем и моей надеждой — то есть разрушил мою надежду быть избранным на престол.

Стр. 162. Побежала пигалица со скорлупкой на макушке. — Горацио насмехается над юным Озриком, корчащим из себя настоящего царедворца. Считалось, что пигалица начинает бегать, едва вылупившись из яйца. Скорлупка — большая шляпа Озрика.

Стр. 164. Моя неловкость вам послужит фольгой. — *Фольга* —слой металла, который подкладывают под драгоценный камень, чтобы придать ему больший блеск. Гамлет хочет сказать, что на фоне его неловкости еще больше оттенится искусство Лаэрта.

Стр. 168. В свою же сеть кулик попался, Озрик.— Ученый кулик, служащий птицеловам для приманки, может иногда сам попасть в силок.

Стр. 168. Вот тебе твой жемчуг!— Король вместо жемчужины бросил в кубок яд.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Емельяников. Предисловие 3

Творчество. Перевод Т. Ивановой (главы I—VIII) и Е. Яхниной (главы IX—XII) 9

Эмиль Золя

ТВОРЧЕСТВО

роман

Ответственные за выпуск *С. Масгутова, С. Кадырова*
Художник *О. Тлеулиев, Б. Машрапов*
Художественный редактор *Б. Аканаев*
Технические редакторы *К. Турымбетова, Г. Сагинова*
Корректор *А. Курмангожина*

ИБ № 4163

Подписано в печать с матриц 2.12.86 г. Формат 84×108 1/32. Усл. п. л. 20,2. Уч.-изд. л. 21,7. Тираж 150 000 экз. (I з-д — 1—65 000 экз.) Бумага № 2. Гарнитура школьная. Печать высокая. Заказ № 1484. Цена 1 р. 80 к.

Отпечатано с матриц издательства «Өнер» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эмиль Золя, сын француженки Эмили Обер и венецианца Франсуа Золя, родился 2 апреля 1840 года в Париже. Детство и отрочество его прошли в провансальском городке Эксе. Окончив местный коллеж, он в 1858 году возвращается в Париж, чтобы продолжить образование в лицее св. Людовика. Неприветливо встретила столица провинциала, но нужда и лишения, которые ему пришлось испытать, не подорвали его увлеченности литературой.

Окончив лицей, начинающий писатель, чтобы заработать на жизнь, поступил на службу в управление парижских доков. Там он отсиживал положенное время, а настоящая жизнь, работа начиналась для него после выхода за ворота конторы. «Я выхожу из конторы...— писал он Полю Сезанну,— и тогда я живу. В моей голове происходят огромные поэмы, драмы, романы». В самом деле, замыслы его были один грандиознее другого: «Любовная комедия»— цикл из трех поэм, затем «Цепь бытия»— произведение, охватывающее «генезис вселенной».

В начале 1862 года по протекции одного из друзей семьи Эмиль Золя поступил на работу в издательство Ашетт. Здесь он знакомится с писателями Эдмоном и Жюлем Гонкур, с известным критиком Ипполитом Тэном, с учеными-филологами Эмилем Литтре и Эрнестом Ренаном, с поэтом Альфонсом Ламартином.

В ноябре 1865 года выходит в свет его первый роман «Исповедь Клода», который он посвятил своим друзьям Полю Сезанну и Батистену Байлю.

Приехавший в Париж из Экса Сезанн вводит Золя в круг живописцев, вместе они посещают мастерские Камилла Писсарро, Эдгара Дега, встречаются с Эдуардом Мане и другими художниками. Эмиль Золя энергично включился в борьбу талантливых мастеров, оригинальное творчество которых бросало вызов традиционной академической школе. Двадцатишестилетний писатель не думал о том, что он войдет в историю искусства, когда начал кампанию в парижской газете «Эвенман» в защиту новаторских полотен молодых художников, в том числе и картин Эдуарда Мане. Золя первый из современников почувствовал и оценил неповторимое своеобразие и выразительность живописи Мане, по-новому воспроизводившего людей и окружающий мир, смело использовавшего возможности цвета, текучесть и вибрацию света. «Когда-нибудь поймут наконец,— писал Золя,— какое место Эдуард Мане не занимает в той переходной эпохе, которую переживает сейчас французская школа живописи. Он останется в ней как характерное и наиболее острое, наиболее индивидуальное явление».

К концу 60-х годов Золя обрел зрелость и мастерство, которые позволили ему приступить к работе над своим главным произведением — двадцатитомной серией «Ругон-Маккары. Естественная и социальная история одной семьи во времена Второй империи».

«Творчество»— четырнадцатый роман серии — Золя начал писать в мае 1885 года и закончил через девять месяцев. 23 февраля 1886 года он сообщает своему другу Сеару: «Мой дорогой

Сезар, лишь сегодня утром разделался с «Творчеством». Это книга, в которой я запечатлел свои воспоминания и выплеснул душу...» В течение 1886 года роман был напечатан дважды, сначала в газете, а затем отдельной книгой в издательстве Жоржа Шарпантье.

Тема — «роман об искусстве» — присутствует во всех трех сохранившихся планах «Ругон-Маккаров». Рамки «Творчества», как определил это Золя в плане, составленном в 1869 году,— «художественный мир; герой — Клод Дюваль (Лантье), второе дитя рабочей четы. Причудливое действие наследственности». По мысли Золя, гениальность и вместе с тем ущербность героя предопределены психическим складом, физиологическими особенностями его родителей.

Коллизия, запечатленная в романе, была обрисована писателем еще в январе 1867 года, в очерке об Эдуарде Мане: «Молодой художник весьма наивно осмелился довериться своим собственным главам и наблюдениям, принялся писать, не следуя священным школьным правилам. Картины, написанные им, отличались смелой сочностью и силой, оскорблявшей глаза зрителей, привыкших к другим приемам. И вот люди, не пробуя уяснить себе, что именно задевало их глаз, принялись оскорблять молодого художника, проклиная и его талант, и правдивость и пытаясь изобразить его грубым пальцем на веревочке, который показывает публике язык. Не правда ли, что подобное гонение представляет собой поучительный для изучения факт!»

В основу сюжета «Творчества», как мы видим, легли некоторые реальные события и факты из жизни писателя и друзей его юности — Сезанна и Байля, а также Эдуарда Мане, Клода Моне и других. Содержание романа связано с той полемикой, которую в 60-х годах писатель вел в защиту группы молодых живописцев. В 1866 году, в канун открытия Салона — традиционной выставки изобразительного искусства,— в печати появились две нашумевшие статьи тогда еще мало кому известного критика Эмиля Золя. В этих статьях он упрекал жюри, отбиравшее картины для выставки, в том, что оно не пожелало дать публике возможность увидеть «смелые, полнокровные картины и этюды, взятые из самой действительности». В Салоне, указывал Золя, полотна талантливых живописцев не представлены только потому, что их творчество отрицает окостеневшие традиции академической школы и тем самым подрывает престиж влиятельной касты.

Редактор газеты «Эвенман» Вильмессан, заинтересовавшийся идеями, высказанными Эмилем Золя, предложил ему написать несколько статей о Салоне. Золя охотно принял предложение. В обзорах, отмеченных убедительной профессиональной аргументацией и глубиной анализа материала, он еще более определенно изложил свое отношение к новому направлению в живописи, и прежде всего к творчеству Эдуарда Мане и его последователей. Золя заявил, что картины Мане рано или поздно займут место в Лувре.

Эти обзоры взбудоражили общественное мнение, вызвали протесты сторонников академической школы, которых раздражала «бесцеремонность» Золя. Они требовали, чтобы Вильмессан пресек «издевательства» над читателями и не допускал «сумасбродства» Золя на страницы газеты. Но оскорбления и нападки не устрашили критика. Он объединил свои статьи о живописи в

сборнике «Мой Салон» и издал отдельной книгой с посвящением Сезанну. «Я чувствую вокруг себя такую ненависть,— писал он,— что силы часто покидают меня и перо готово выпасть из моих рук».

Но Золя не падает духом и продолжает защищать молодых художников — в январе 1867 года он поместил в «Обозрении XIX века» очерк о творчестве Эдуарда Мане, а в 1872 году принял предложение И. С. Тургенева и стал печататься в русском журнале «Вестник Европы», где наряду с другими статьями опубликовал и несколько очерков об искусстве, которые на его родине изданы не были. В 1875 году В. В. Стасов писал И. С. Тургеневу о Золя: «Еще в прошлом году я рассказывал Вам, как высоко ставлю его книжечку этюдов под заглавием «Mon Salon» и его брошюру о Мане, даром что кое с чем там и не согласен, а теперь, после его великолепного письма в «Вестнике Европы» (речь идет о статье Золя «Выставка картин в Париже»), я еще более убедился, что он просто лучший художественный критик последнего времени...»

Выступления Эмиля Золя создали ему авторитет в среде художников-батиньольцев, названных так потому, что кафе, в котором они часто собирались, помещалось в квартале Батиньоль в Париже. Постоянными участниками этих встреч были Эдуард Мане, Теодор Фантен-Латур. Марселин Дебутен, Камилл Писсарро, Пьер-Огюст Ренуар, Альфред Сислей, а также литераторы — Леон Кладель, Эдмон Дюранти и другие. Несколько позже к ним примкнули Поль Сезанн и Клод Моне. (Многие члены этой группы запечатлены на известной картине Фантен-Латура «Ателье в Батиньоле».)

Художники-батиньольцы, и прежде всего Клод Моне и Эдуард Мане, осуждали отжившие традиции в живописи, искусство вчерашнего дня. Поборники нового направления решительно отказались от мифологических и исторических сюжетов, от их шаблонной интерпретации, от традиционного рисунка. Они обратились к сюжетам из повседневной жизни и быта своих современников. Живописцы-новаторы, стремясь добиться совершенного отображения натуры, точной фиксации оптических впечатлений, раскрепостили цвета и краски, расширили возможности художника. Свои творческие искания — выбор сюжета, его трактовку, композицию — они подчинили стремлению достичь совершенного единства формы и цвета, которое соответствовало бы индивидуальному видению живописца. Последняя выставка импрессионистов состоялась в 1886 году, в год выхода «Творчества».

Таков реальный подтекст романа.

Работая над «Творчеством», Золя мысленно вновь пережил те годы, о которых он рассказывал в романе. 27 марта 1886 года Э. Гонкур записал в своем дневнике: «Обед у Золя. За кофе Золя и Доде говорят о нужде, которую они терпели в молодости. Золя вспоминает о том времени, когда брюки и пальто его частенько оказывались в ломбарде, а он сидел дома в одной рубашке... Он едва замечал «аварию» в своей жизни, увлеченный грандиозной поэмой «Рождение мира, человечество, будущее», циклической и эпической историей нашей планеты до появления человечества, в долгие годы его существования и после его исчезновения». В романе «Творчество» писатель Сандоз поглощен осуществлением давней мечты создать «грандиозное произведение, охватывающее

генезис вселенной в трех фазах: сотворение мира, воссозданное при помощи науки; история человечества, пришедшего в свой час сыграть предназначенную ему роль в цепи других живых существ; будущее, в котором живые существа непрерывно сменяют один других, осуществляя завершающую мироздание неустанную работу жизни».

Одаренный художник Клод Ланье, с которым Золя впервые познакомил читателей в романе «Чрево Парижа», захвачен стремлением выразить свое собственное видение мира. Его воодушевляет идея запечатлеть на полотнах вселенную «во всем неповторимом многообразии ее проявлений и красок, в движении и времени, на плоскости выразить жизнь, ее течение, воссоздать природу, и все это подать с неповторимой оригинальностью и свежестью». Клод восхищается эмоциональной живописью романтика Делакруа, но отвергает ее, полагая, что она себя изжила; он не приемлет и самобытное творчество выдающегося реалиста Курбе, которое хотя и приблизилось к жизни современников, но все еще скковано традициями. Развитие науки и техники, глубокие изменения в общественной жизни, в сознании людей, происходившие во второй половине прошлого века и очевидцами которых были Клод, Сандоз и их друзья, свидетельствовали о том, что XIX столетие подводит итоги большой полосе исторического развития человечества. Клоду кажется, что именно ему дано внедрить «новую форму, которая пойдет дальше, неся в живопись солнечный свет, как ясную зарю, встающую в новых картинах, написанных под влиянием восходящей школы пленэра». Он мечтает создать лучезарные фрески, запечатлеть на них «жизнь бедняков и богачей: на рынках, на скачках, на бульварах, в глубине переулков, населенных простым людом; все ремесла, включенные в один хоровод». Он мечтает о новой архитектуре, о прекрасных, полных света и воздуха зданиях, удобных и красивых жилищах. Клод не одинок в своем стремлении, его идеи разделяет целая группа друзей-единомышленников.

День за днем, год за годом прослеживает писатель жизнь художника, его жестокую борьбу с непокорной натурой. Проходило время — и сжигавшая Клода жажда творчества снова влекла его к ненаписанному холсту и он снова «начинал свой путь в неведомое». Годы борьбы не приносят ему успеха: его картины отвергает Салон. Неудачи, холодное равнодушие толпы, не приемлющей его новаторства, а порой и открытое издевательство порождают у Клода сомнение в полноценности своего таланта. Собственные работы кажутся ему теперь слабыми, незавершенными. Друзья, которые прежде видели в нем главу школы, отрекаются от него. Утратив веру в свои возможности, окруженный стеной молчания, он особенно остро ощущает одиночество в этом враждебном ему мире. Ненависть людей, привязанности и вкусы которых он подверг сомнению, злоба завистников сломили его волю: Клод кончает жизнь самоубийством перед своей незавершенной картиной.

Прежний союз даровитых художников и литераторов, вдохновленный борьбой за новые пути в искусстве, союз, который скрепляла чистая юношеская дружба, распался. Клод Лантье, надломленный жизненными невзгодами и творческими неудачами, пришел к отрицанию своих же формул, Фажероль, Жори, Дюжен, Магудо попали под влияние морали собственников, превратились

в заурядных буржуа. Глядя на это, писатель Сандоз начинает понимать, к каким результатам пришла когда-то свежая, эмоциональная живопись, к каким извращениям привели ее эпигоны.

Отношение Золя к импрессионизму как к новому направлению в искусстве не было раз и навсегда установившимся и одинаковым; оно менялось в связи с изменением творческих устремлений его представителей, а также в связи с эволюцией эстетических взглядов самого Золя. В 60—70-е годы он горячо и страстно поддерживал художников-импрессионистов, идеи которых были близки его собственным эстетическим взглядам; и Золя и художники-импрессионисты в своем творчестве исходили из аналогичных установок: пристальное наблюдение природы, людей и событий, беспристрастный и объективный показ фактов, почерпнутых из общего потока жизни. Однако в дальнейшем пути импрессионистов и создателя «Ругон-Маккаров» разошлись. Эпигоны импрессионизма, движимые стремлением запечатлеть неуловимый «облик ощущения», увлеклись формальной стороной живописи, демонстрацией своего виртуозного мастерства в передаче цвета и света. Но, как отмечает Арагон, «не импрессионисты обеднили живопись, а те, кто поверхностно усвоили их творческий метод, не улавливая за их полотнами открывающиеся пути развития искусства, и остановились на бесплодном повторении уже достигнутого». Ухватившись за творческий прием, найденный предшественниками, живописцами самобытными и оригинальными, они выхолостили их идею, пошли по пути повторения, приспосабливая импрессионизм к салонным вкусам. Победу торжествовала «поверхностная и элегантная живопись» фальсификатора Фажероля.

Иначе развивалось творчество Эмиля Золя. Преодолевая сковывавшие его талант нормы натуралистической эстетики, через глубокий реалистический анализ социальной действительности своего времени он пришел к созданию «Ругон-Маккаров»,— правдивой хроники общественных нравов эпохи Второй империи. Обозревая пройденный путь, по-новому осмысляя происходящее, Золя в 1893 году в статье «Живопись» недвусмысленно оценил то, к чему пришли эпигоны импрессионизма: «Я видел, как были брошены в землю семена, теперь я наблюдаю всходы, осязаю чудовищные плоды...»

В своем романе Золя поднял также важную эстетическую проблему, проблему отношения искусства к действительности. Полемически роман «Творчество» направлен против критиков, которые, оспаривая за литературой и искусством функцию познания действительности, порождали легенду о несовместимости искусства с живой жизнью. Искусство, утверждали они, откровенно, оно вне зависит от жизни и по своей природе враждебно ей, оно равнодушно к фактам и является продуктом фантазии художника, оно выражает чувства, навеянные субъективным восприятием действительности.

Золя выступил в защиту искусства жизненной правды. На трагическом примере судьбы художника Клода Лантье он показал, что «только творцы жизни торжествуют в искусстве, только их гений — плодотворен...». Этот вывод писателя утверждает несостоятельность субъективно-идеалистического взгляда на искусство.

Книга Золя затрагивала вопросы, актуальные не только для Второй империи, поэтому роман «Творчество» сразу же после вы-

ника и свет вызвал споры, о нем было напечатано несколько статей в газетах и журналах самых различных направлений. Прогрессивная критика увидела в книге правдивый рассказ о судьбе искусства в мире собственников, о жалкой участи художников, о чудовищной эксплуатации их таланта. Мопассан в очерке «Жизнь пейзажиста», опубликованном в 1886 году, писал: «Золя в своем изумительном романе «Творчество» рассказывает о страшной битве, о нескончаемой борьбе между человеком и мыслью, о величественном жестоком поединке художника с его идеей, со смутно провиденной и неуловимой картиной. Я вижу эту борьбу, я переживаю все это так же, как и Клод, я, жалкий, бессильный, но, как и он, терзаемый еле различимыми тонами, неуловимыми их сочетаниями, которых, быть может, не видит и не отмечает никто, кроме меня; и в течение долгих мучительных дней я смотрю на тень, отброшенную тумбой на белую дорогу, и говорю себе, что я не в состоянии ее написать».

Однако реакционная печать усмотрела исключительную актуальность «Творчества» в том, что в нем якобы показана бесплодность попыток художника искать источник вдохновения в вечном потоке жизни: «Самоубийство — вот последнее слово философии...»

Много велось споров по поводу прототипов основных персонажей «Творчества». Утверждали, что Сандоз — это портрет самого Золя (в рукописных заметках к «Творчеству» Золя указывал, что «Сандоз введен для того, чтобы осветить мои идеи об искусстве»); в Фажероле видели воплощение одновременно Поля Бурже и Гисме, в критике Жори — портрет Поля Алексиса, в образе Бонграна находили многое от Мане, но еще больше от Флобера. Что касается Клода Лантье, то в своих рукописных заметках к «Творчеству» Золя пишет: «Клод, покончивший с собой перед своим незавершенным творением, это Мане, Сезанн, но больше Сезанн».

Было бы ошибочным, однако, рассматривать «Творчество» как историю импрессионизма, а именно так некоторые пытались оценивать эту книгу. Для обрисовки героев романа Золя действительно использовал некоторые черты характеров своих друзей, однако он сумел создать обобщенные и оригинальные образы. Один из критиков, современников Золя, в этой связи справедливо отметил: «Все, кто окружают Клода Лантье,— это живые люди, мы всех их знаем. Какое значение имеют их имена? Они молоды и бедны, они охвачены страстной любовью к искусству... они хозяева земли... Отсюда их презрение к деньгам, ко всему, что не связано с искусством. Слово «буржуа» для них — ругательство».

На русском языке роман Золя впервые был напечатан под названием «В мире художников» газетой «Биржевые ведомости» в 1886 году. В июне того же года В. В. Стасов опубликовал статью, посвященную «Творчеству», в которой писал, что еще ни в одном произведении о художниках «ни художник, ни художественные дела не выступали с такою правдою и глубиною, как в новом романе Золя». Несмотря на некоторые недостатки, присущие книге, русский критик назвал «Творчество» «великой художественной картиной» и «великим поучением».

Со времени издания книги Золя прошло почти сто лет, но она продолжает волновать читателей, потому что каждое новое поколение находит в ней новые истины.

С. Емельяников

моста Луи-Фил
шись, останови
махивая на ход
газовые фонари
жается в непрог
Повернув на
Лун, Клод был
молний освещал
прямой линией п
в высоких окна
ли из мрака то п
то балюстраду, т
Мастерская худо
лу улицы Фам-са
особняка Мартуа

Гаршин В. М.

Избранное / Сост. и прим. И. И. Подольской; Вступ. ст. Г. А. Бялого; Ил. О. М. Абрамовой.— М.: Правда, 1984.— 416 с., ил.

В. М. Гаршин (1855—1888)—выдающийся представитель русского критического реализма конца XIX века. Для рассказов, включенных в данный сборник, характерны обостренное чувство социальной несправедливости, идея служения народу. Раздел «Дополнения» объединяет материалы, наиболее ярко освещающие творческий и человеческий облик писателя.

Г $\frac{4702010100—721}{080(02)—84}$ 721—84

84Р1

Всеволод Михайлович Гаршин

ИЗБРАННОЕ

Редактор Т. В. Лодяная

Оформление художника И. А. Гусевой

Художественный редактор Е. М. Борисова

Технический редактор В. С. Пашкова

ИБ 721

Подписано к печати с готовых фотоформ 07.06.84. Формат 60×84¹/₁₆
Бумага газетная Гарнитура «Эксельсиор». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,18 Усл. кр.-отт. 24,41. Уч.-изд. л. 23,64
Доп. Тираж 250 000 экз. (1-й завод: 1—250 000)
Цена 1 р. 70 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865 ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24

Отпечатано в типографии Издательства ЦК Компартии Латвии 226081, Рига, ул. Баласта дамбис, 3
Заказ № 875

Доп. Тираж 250 000 экз. (2-й завод 250 001—500 000)

СОДЕРЖАНИЕ

Г. А. Бялый. В. М. Гаршин .....

РАССКАЗЫ

Четыре дня .....
Происшествие .....
Очень коротенький роман .....
Трус .....
Встреча .....
Художники .....
Attalea princeps .....
Ночь .....
Денщик и офицер .....
То, чего не было .....
Из воспоминаний рядового Иванова .....
Красный цветок .....
Медведи .....
Сказка о жабе и розе .....
Надежда Николаевна .....
Сказание о гордом Аггее .....
Сигнал .....
Лягушка-путешественница .....

ДОПОЛНЕНИЯ

(Автобиография) .....
Из писем В. М. Гаршина
1. Е. С. Гаршиной. 19.II.1875 г. .....
2. А. Я. Герду. (Лето 1875 г.) .....
3. Р. В. Александровой. 30.X.1875 г. .....
4. Е. С. Гаршиной. 6.XI.1875 г. .....
5. Е. С. Гаршиной. 21.XI.1875 г. .....
6. Р. В. Александровой. 27.XI.1875 г. .....
7. Е. С. Гаршиной. (28.XI.1875 г.) .....
8. Е. С. Гаршиной. (9.XII.1875 г.) .....
9. Р. В. Александровой. (Ок. 15.II.1876 г.) .....
10. Р. В. Александровой. 22.II.1876 г. .....
11. Е. С. Гаршиной. 5.III.1876 г. .....
12. Р. В. Александровой. 26.III.1876 г .....
13. Е. С. Гаршиной. (9—10.IV.1876 г.) .....
14. Н. С. Дрентельну. (2.VI.1876 г.) .....
15. Р. В. Александровой. (Ок. 29.VIII.1876 г.) .....

16. Е. С. Гаршиной. (30.III.1877 г.) 327
17. Е. С. Гаршиной. (12—13.IV.1877 г.) 327
18. Е. С. Гаршиной. 13.V.1877 г. 327
19. Е. С. Гаршиной. 26.V.1877 г. 327
20. Е. С. Гаршиной. 29.VII.1877 г. 328
21. Е. С. Гаршиной. 13.VIII.1877 г. 328
22. Н. С. Дрентельну. 25.IX.1877 г. 328
23. В. Н. Афанасьеву. (Ок. 17—20.I.1878 г.) 329
24. Е. С. Гаршиной. (Ок. 10.II.1878 г.) 329
25. Е. С. Гаршиной. 16.II.1878 г. 329
26. Е. С. Гаршиной. 19.II.1878 г. 330
27. В. Н. Афанасьеву. 21.II.1878 г. 330
28. Н. С. Дрентельну. 18.V.1878 г. 330
29. Е. С. Гаршиной. 16.I.1879 г. 330
30. Е. С. Гаршиной. 29.I.1879 г. 331
31. А. Я. Герду. 25.IV.1879 г. 331
32. Е. С. Гаршиной. 12.VII.1879 г 331
33. Е. С. Гаршиной. 18.XII.1879 г. 331
34. Е. С. Гаршиной. 7.I.1880 г. 332
35. Е. С. Гаршиной. 10.II.1880 г. 332
36. Е. С. Гаршиной. 13.II.1880 г. 332
37. А. Я. Герду. 13.III.1880 г. 332
38. В. Н. Афанасьеву. 31.XII.1881 г. 333
39. В. А. Фаусеку. (Октябрь, 1883 г.) 333
40. В. М. Латкину. 30.I.1884 г. 333
41. В. М. Латкину. 10.VIII.1884 г. 334
42. Е. С. Гаршиной. 6.X.1884 г. 334
43. В. М. Латкину. 20.II.1885 г. 335
44. В. М. Латкину. 1.V.1885 г. 335
45. С. Я. Надсону. (20.XII.1886 г.) 336

Из воспоминаний современников о В. М. Гаршине

В. А. Фаусек. Памяти Всеволода Михайловича Гаршина 337
М. Е. Малышев. О Всеволоде Гаршине 348
А. В. де-Лазари. (Воспоминания о В. М. Гаршине) 350
Н. С. Русанов. Из литературных воспоминаний 356
В. П. Сахаров. Воспоминания о В. М. Гаршине 359
А. И. Эртель. О Всеволоде Гаршине 360
Н. Минский. Несколько слов о Гаршине по поводу десятилетия его смерти 367
Ф. Ф. Фидлер. Всеволод Михайлович Гаршин 370
Е. М. Гаршин. Литературные беседы 371
Ф. Д. Батюшков. Памяти Гаршина 374
В. Г. Чертков. (Воспоминания о Гаршине) 376
П. В. Быков. Писатель-мученик, человеколюбец. (Несколько слов о Е. М. Гаршине) 378
В. И. Бибиков. Всеволод Гаршин 381
А. И. Леман Статья о Гаршине 384
И. Е. Репин. В. М. Гаршин 386
Н. А. Демчинский. В. М. Гаршин перед картиной И. Е. Репина 388

Примечания *И. И. Подольской* 389

В. М. ГАРШИН

Творчество В. М. Гаршина складывалось и развивалось в условиях пореформенного строя 70—80-х годов. Жизнь казалась тогда относительно спокойной, не было мировых войн, не было больших революционных потрясений. В действительности же «эта эпоха была не «миром», а гнетом, мучением, ужасом, который был, пожалуй, тем ужаснее, что казался «ужасом без конца»[1]. После реформы 1861 года крестьянство разорялось и голодало, труд фабричных рабочих был неимоверно тяжел и плохо оплачивался. «Хождение в народ» закончилось неудачей, а убийство Александра II, совершенное народниками 1 марта 1881 года, привело к неожиданным результатам. Самая большая победа революционных народников обернулась для них самым большим поражением. Установилась жестокая политическая реакция.

Ей противостояла большая русская литература. Именно в 80-х годах Лев Толстой, пережив идейный кризис, подверг беспощадной критике весь современный общественный порядок, основанный на денежном могуществе и на произволе государственной власти. М. Е. Салтыков-Щедрин, применяя метод сатирического гротеска, вскрывал природу общественно-политической реакции, ее единую сущность и ее бесконечно разнообразные формы, от самых диких и злобных до самых «мирных» и цивилизованных. В произведениях Гл. Успенского, проникнутых скорбью и болью за современного человека, наряду с фигурами людей из народа возникал образ человека тревожной мысли и «больной совести», живущего в условиях «власти капитала». В конце 70-х — начале 80-х годов в русской литературе зазвучали молодые голоса А. П. Чехова и В. Г. Короленко.

К этой блестящей плеяде писателей конца XIX века принадлежал и Всеволод Михайлович Гаршин.

В. М. Гаршин родился 2 февраля 1855 года в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, в дворянской семье скромного достатка. Первые детские впечатления Гаршина связаны с военным бытом, с полковой обстановкой:

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 94.

его отец был офицером кирасирского полка. Сослуживцы отца, участники недавно закончившейся Крымской кампании, нередко вспоминали в доме Гаршиных эпизоды героической обороны Севастополя, и будущий писатель внимательно прислушивался к волнующим рассказам о войне.

Воспитателем Гаршина был П. В. Завадский, участник тайного общества, поддерживавшего связи с Герценом. Под влиянием своего домашнего учителя Гаршин уже с детских лет вошел в круг интересов передовых демократических кругов. Даже читать он выучился по старой книжке «Современника». В автобиографии Гаршин отметил, что восьми лет от роду он читал «Что делать?».

В 1864 году Гаршина определили в одну из петербургских реальных гимназий. В эти годы он много читал, живо интересовался социальными вопросами. Любимым занятием Гаршина-подростка были наблюдения над природой, над растительным и животным миром. Интерес к естествознанию он сохранил на всю жизнь.

О Гаршине-гимназисте современники вспоминали как о живом, любознательном и вдумчивом юноше, у которого очень рано появились смутные стремления к борьбе с «мировым злом». Один из товарищей Гаршина по гимназии впоследствии так писал об этом: «Нередко бывало, что этот веселый на вид, беззаботный гимназист вдруг присмиреет, смолкнет, будто недоволен собой и окружающим, будто горько ему, что кругом недостаточно умного и хорошего. Иногда при этом с уст его срывались замечания о том, что необходимо бороться со злом, и высказывались подчас очень странные взгляды, как устроить счастье всего человечества»[1]. Тягостные впечатления общественной жизни обостряли душевную болезнь, которой Гаршин страдал смолоду. Приступы ее были нечасты, в обычном же состоянии он был деятельным и жизнерадостным человеком.

В 1874 году Гаршин окончил гимназию. Он мечтал поступить в университет, но воспитанников реальных гимназий туда не принимали, и он вынужден был поступить в Горный институт, хотя инженерная карьера нисколько не привлекала его.

Учение в институте было прервано военными событиями. В апреле 1877 года началась война с Турцией за освобождение балканских славян. В. М. Гаршин сразу же решил пойти добровольцем в действующую армию. О своем решении он написал матери: «Я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули. Благословите меня». И получил в ответ короткую телеграмму: «С богом, милый». В Кишиневе Гаршин был зачислен рядовым в один из пехотных полков. Вместе с простыми солдатами, полюбившими молодого студента-добровольца, он проделал тяжелый поход по Дунаю и 11 августа, в сражении

---

[1] Налимов А. Гаршин-гимназист.— «Задушевное слово (для старшего возраста)», 1908, № 16, с. 249.

при Аясларе, был ранен в ногу. По окончании войны Гаршин был произведен в офицеры, но меньше чем через год вышел в отставку и целиком отдался литературному творчеству, став постоянным сотрудником «Отечественных записок».

Печататься Гаршин начал еще в студенческие годы. В 1876 году он опубликовал свой первый газетный очерк «Подлинная история энского земского собрания», который отличается значительной социальной остротой. Гаршин поднял здесь жгучие вопросы времени: о голоде в деревне и о полном равнодушии к голоду земских деятелей, далеких от народа и чуждых ему. Эта сатира на земские учреждения была создана в то самое время, когда многие превозносили земство как основу народного самоуправления, как одно из главных завоеваний эпохи «великих реформ». Гаршин же обнаружил к реформам более чем скептическое отношение. Характерно стихотворение, написанное им 19 февраля 1876 года к 15-летию освобождения крестьян. «Ржавые оковы» крепостничества упали на землю, говорит поэт, но народу от этого не стало легче.

...Бесстыдная толпа
Не дремлет; скоро вьются сети
Опутано израненное тело,
И прежние мученья начались!..

В 1877 году на страницах «Отечественных записок» появился рассказ «Четыре дня», написанный под свежим впечатлением военных событий. К борьбе балканских славян за свободу и независимость, развернувшейся в 70-е годы, Гаршин относился с глубоким сочувствием, как и многие передовые люди России. В сербскую армию, сражавшуюся с турецкими поработителями, направилось значительное число русских добровольцев. В стихотворении, посвященном проводам добровольцев, Гаршин писал:

Мы не идем по прихоти владыки
Страдать и умирать;
Свободны наши боевые клики,
Могуча наша рать...

Гаршина привлекал именно освободительный характер войны. Его радовало, что участники войны идут в бой не «по прихоти владыки».

Многие демократически настроенные люди понимали, что правящие круги стремятся использовать дело славянского освобождения в своих целях. Это порождало у них мучительные колебания и внутренний разлад между стремлением помочь славянам и нежеланием помогать «внутренним туркам», как еще в 50-х годах Н. А. Добролюбов назвал угнетателей русского народа.

Сложным отношением к войне отличается и рассказ Гаршина «Четыре дня». Герой его, родственный по настроениям самому писателю, пошел воевать, вдохновленный освободительной идеей. В рассказе он появляется уже в тот момент, когда в его душе зародились тяжкие сомнения. «Передо мною лежит убитый мною человек. За что я его убил?» — думает герой Гаршина, и на этот мучительный вопрос он не может найти ответа. В самом деле, убитый — феллах, египетский крестьянин, призванный в турецкую армию. Он — «работник и кормилец». Он виновен не больше, чем убивший его русский доброволец. Не виноваты оба. И оба они — жертвы войны. Кто истинные ее виновники — об этом Гаршин не говорит. Для него дело не сводится к вопросу о личной ответственности тех или иных людей. Гаршину ясно одно: война противоестественна и враждебна человеку.

И тем не менее, знай герой Гаршина заранее, что ему предстоит пережить, он все равно пошел бы воевать. Он не в состоянии понять и объяснить природу и сущность войны, но не может противиться естественному чувству справедливости, которое заставило его бросить книги и взять в руки винтовку. Он презирает низменный эгоизм интеллигентных обывателей, которые произносят лицемерные слова о геройстве и любви к родине, а про людей, подобных добровольцу Иванову, говорят: «Ну, юродивый! Лезет, сам не зная чего!» Гаршин предпочитает таких «юродивых», которые идут на войну, повинуясь непосредственному чувству долга.

К «Четырем дням» тесно примыкают два других произведения Гаршина: очерк «Аясларское дело» и маленький рассказик под названием «Очень коротенький роман». В «Аясларском деле» продолжается тема военных бедствий и страданий, так сильно звучавшая в «Четырех днях», но драмы осознания войны здесь нет, и в этом характерная особенность очерка. Его тон подчеркнуто объективен, рассказчик сдержан и даже суховат, он почти ничего не говорит о себе, о своих мыслях и переживаниях, и в этой сдержанности есть особая сила: факты должны говорить за себя.

С простотой и скромностью, ничего не подчеркивая, без патетики и умиления, как о чем-то само собой разумеющемся, говорит автор о героизме простых солдат, не произнося, разумеется, самого слова «героизм» и приводя, как и всюду в этом очерке, одни только факты. Автор, показывая картину боя, не рисуется своим мужеством, даже не замечает его, он не стесняется говорить и о своей радости при мысли о том, что теперь, после ранения, война кончена для него; эта деталь придает особую психологическую убедительность и достоверность всему, о чем он рассказал.

Очерк этот автобиографичен, рассказчик — сам Гаршин, он был ранен в Аясларском сражении и, как и герой очерка, в скором времени увидел родных и друзей.

Сложнее было положение героя «Четырех дней», ему суждено было вернуться домой без ноги. Как сложилась его судьба? Об этом рассказывает

«Очень коротенький роман» (1878). Его герой — «молодой человек на деревянной ноге» — совсем не похож на трагического героя «Четырех дней», хотя биографически к нему близок, это почти одно и то же лицо: он ушел на войну добровольно, был ранен, лишился ноги, его избранницу зовут Машей. Приметы сходятся, но психологически это другой человек. Иванов из «Четырех дней» был в состоянии лихорадочной работы мысли, новый герой — не выходит из апатии, привычной и гнетущей. Он бродит по городу, иногда целыми ночами, почти не зная сна, и думает о себе с горькой иронией, граничащей с презрением. В своих собственных глазах он — человек конченый, даже не человек, а «дырявый, нештопаный чулок».

Что же так изменило его? В «Четырех днях» герой Гаршина встретился с трагедией войны, здесь — с трагикомедией человеческого обмана: невеста, требовавшая от него подвигов военного героизма, вышла замуж за другого. Узнав о своем несчастье — измене невесты, — он проявил не меньшее мужество, чем на войне: он «не захотел становиться поперек их счастья», он даже был шафером на свадьбе и «гордо исполнял свои обязанности». Слово «гордо» полно здесь большого значения. В умении отойти в сторону и не просить жалости к себе была именно гордость. Гордость заставила его увидеть в бывшей своей невесте и ее нынешнем женихе людей совсем не плохих, просто людей с их обычными слабостями и недостатками.

Гаршин не включил «Очень коротенький роман» в свои сборники. Главным героем его военных рассказов остался человек горестной мысли, потрясенный сознанием неисчислимых бедствий, которые война приносит людям. С человеком этого типа мы вновь встречаемся в рассказе «Трус» (1879). Как и в «Четырех днях», от его имени ведется рассказ, и начинается он словами повествователя: «Война решительно не дает мне покоя». Война не дает ему покоя не по каким-нибудь теоретическим соображениям, а опять-таки в силу непосредственного чувства, которое не может примириться с законностью сознательно организованного кровопролития.

«...Я не рассуждаю о войне и отношусь к ней непосредственным чувством, возмущаемым массою пролитой крови», — говорит он. Он не может понять, например, почему война воспринимается как нечто нормальное, в то время как гибель от несчастного случая считают бедствием и катастрофой. При этом он вовсе не непротивленец. Напротив, он считает своим долгом пойти на войну, уклониться от участия в ней он счел бы бесчестьем для себя. Оставаясь при всех своих недоумениях, мучительных и неразрешимых, герой Гаршина с полным сочувствием относится к словам Марьи Петровны: «Война есть общее горе, общее страдание, и уклоняться от нее, может быть, и позволительно, но мне это не нравится». Не нравится это и герою-рассказчику «Труса», не нравится это и Гаршину.

Гаршинский «трус» погибает от шальной пули, даже не побывав в деле, то есть как будто бы совершенно бессмысленно. Однако это не так: он гибнет как герой долга и пробудившейся мысли.

В конце 70-х годов Гаршин задумал написать цикл рассказов под заглавием «Люди и война» (замысел не осуществился). В 1880 году было опубликовано начало цикла, перепечатанное затем как отдельный рассказ под названием «Денщик и офицер». Судя по этому рассказу, можно думать, что Гаршин намеревался показать в своем цикле простой народ и его отношение к войне.

Герой рассказа Гаршина — денщик Никита — «низенький человек, с несоразмерно большим животом, унаследованным от десятков поколений предков, не евших чистого хлеба, с длинными, вялыми руками, снабженными огромными черными и заскорузлыми кистями». Он хорошо знаком с бедами и невзгодами деревенской жизни, с лютой бедностью, голодом, непосильным трудом. Вернувшись домой из армии, Никита неизбежно столкнется с непоправимой бедой, с полным разорением родного гнезда.

Свой отрыв от семьи и хозяйства Никита должен переносить ради того, чтобы облегчить бездельную жизнь молодого офицерика, пустенького и пошловатого. Офицерик этот, незначительный сам по себе, становится особенно ничтожен в сопоставлении с Никитой, в котором автор видит человека с душой и сердцем, способного, если понадобится, к подвигу и самопожертвованию. На бессмысленном ученье «словесности» Никита не может объяснить, что такое знамя и что такое солдат. И вместе с тем «Никита очень хорошо знает, что такое знамя и что такое солдат; он готов со всевозможным усердием исполнять свои солдатские обязанности и, вероятно, отдал бы жизнь, защищая знамя».

В последнем военном рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова» Гаршин вновь возвращается к вопросу о взаимоотношении интеллигенции и народа.

Как всегда, люди из народа, простые солдаты вызывают восхищение автора своей нравственной силой, горячим патриотизмом, верностью воинскому долгу — качествами, которые и определяют все их поведение. В готовности «не щадя живота» нести все опасности и тяжести военного похода объединяются и простые солдаты, и люди образованные, живущие умственной жизнью, стремящиеся к тесному и полному сближению с народом.

Герой рассказа, рядовой Иванов, и дорог автору тем, что чувство близости с народом составляет главную черту его характера. Он не «опрощается», не проповедует, не учит; он живет с солдатами одной жизнью, становится для них своим человеком и в этом находит внутреннее удовлетворение. Другое дело офицер Венцель. Разобщение с народом доводит его, человека с хорошими задатками, до презрения к народу, до холодной жестокости и бессердечного мучительства. Венцель не злодей по натуре, в нем есть даже добрые чувства, и вместе с тем в глазах автора он виновен перед народом страшной виной.

В рассказах, посвященных мирной жизни, Гаршин берет социальные противоречия в их привычных формах, в их будничном обличье, но в его изображении эти противоречия особенно страшны: трагедии войны видны всем, трагедии будней не видны почти никому, они настолько примелькались, что стали незаметны для обычного взгляда. Чтобы увидеть их, нужно внезапно ужаснуться, пережить душевное потрясение, которое выведет человека из пассивного участия в этом повседневном зле: или заставит его уйти из жизни, или поставит во враждебные отношения ко всему укладу современной жизни. Герой Гаршина внезапно сталкивается с фактом общественной неправды, этот факт будит его мысль и совесть, заставляет мучительно задуматься над своим положением. Героиня рассказа «Происшествие» (1878), Надежда Николаевна, интеллигентная девушка, которую жизненные обстоятельства толкнули на страшный путь проституции, начинает размышлять над своей судьбой. Этим открывается рассказ. «Как случилось, что я, почти два года ни о чем не думавшая, начала думать,— не могу понять» — такое начало как нельзя более характерно для гаршинского рассказа: герой начинает думать, разбираться в своем личном положении и в общественном устройстве.

Надежда Николаевна считает свое положение безвыходным, безнадежным, потому что видит в нем не просто случайность личной судьбы, а закономерность современной жизни, в условиях которой ее профессия «нужна, необходима». У нее свой «пост», своя должность, узаконенная современным обществом и оправдываемая его апологетами — социологами и философами. В самом тоне речи Надежды Николаевны, в ее словах, возгласах, интонациях Гаршин передает сложную совокупность чувств «презираемого и презренного существа»: здесь и горечь, и холодная ненависть ко всем прямым и косвенным виновникам ее позора и несчастья, и недоверие к людям, и сквозь этот мрак робко и несмело пробивающаяся жажда жизни.

Такова, по Гаршину, одна сторона социальной трагедии — физические и нравственные страдания безвинно обреченных существ. Другая сторона трагедии состоит в том, что эти страдания лишают душевного спокойствия и возможности жить мыслящих и чувствующих людей, не принадлежащих к числу обреченных. Так, в «Происшествии» Никитин, бескорыстно любящий Надежду Николаевну и потрясенный сознанием невозможности спасти ее, погибает сам, кончив жизнь самоубийством. Он гибнет оттого, что «должность» Надежды Николаевны убила в ней веру в возможность собственного возрождения и в чистоту намерений других людей. «Должна ли я думать, что есть хорошие люди, когда из десятков, которых я знаю, нет ни одного, которого я могла бы не ненавидеть?» — говорит Надежда Николаевна, и эти слова звучат как приговор и ей самой и полюбившему ее человеку.

По сюжету с «Происшествием» тесно связана повесть «Надежда Николаевна» (1885), работа над которой была начата за несколько лет до «Происше-

ствия». В повести завершается история героини, и Гаршин подчеркивает связь обоих произведений. Надежда Николаевна вспоминает Никитина (из «Происшествия»), чувствуя свою вину перед ним. Герой новой повести художник Лопатин говорит о Никитине: «Он хотел спасти ее, но не мог. Его слабые руки не в силах были удержать ее на краю пропасти, и не удержав ее, он кинулся в пропасть сам». Теперь Надежду Николаевну пытается спасти Лопатин, но его добрая воля сталкивается со злой волей и злой страстью журналиста Бессонова, от руки которого Надежда Николаевна гибнет. Лопатин же, пытаясь спасти ее, убивает Бессонова. Лопатина не судили, было признано, что он убил, защищаясь, но он осудил себя сам: «...для человеческой совести нет писаных законов, нет учения о невменяемости, и я несу за свое преступление казнь».

Аналогичный этический вопрос — о границах нравственно дозволенного в борьбе со злом ставит и другой персонаж повести — художник Гельфрейх. Он увлечен замыслом картины об Илье Муромце с необычным сюжетом: старый казак задумался над страницей из Священного писания. «Если ударят в правую щеку, подставить левую? Как же это так, господи? Хорошо, если ударят меня, а если женщину обидят, или ребенка тронут, или наедет поганый да начнет убивать и грабить твоих, господи, слуг? Не трогать? Оставить, чтобы грабил и убивал?» Лопатин опасается, что краски не выразят этого, но Гельфрейх стоит на своем: «Если и не выразят всего, то вопрос поставят...»

Гаршин так и поступал: он не предлагал готовых решений, он ставил «проклятые вопросы», хотя и знал, что далеко не все способны откликнуться на них, что в мире немало людей равнодушных и благоденствующих.

Учитель Василий Петрович в рассказе «Встреча» (1879) полон самых благородных чувств, в его голове шевелятся «красивые и приятные мысли». Его внутренний монолог пестрит высокими словами: «искра божия», «сбросить с себя иго тьмы» и т.д. и т. п., но это все шаблонные фразы, шаблонные формы мысли, это все вычитано в книгах и не стало внутренним убеждением. Циничный казнокрад Кудряшов прав, когда говорит своему собеседнику и гостю: «Не возмущаю я тебя, да и все», «вражды ко мне ты никакой чувствовать не можешь». В этом и заключается осуждение людей, подобных Василию Петровичу: в них нет активной вражды ко злу, они косвенно поддерживают его. Откровенный циник-делец и человек без чувства личной ответственности за общественную неправду, принимающий за убеждения и принципы жалкие обрывки на веру принятых фраз,— для Гаршина оба в одной цене.

В этом рассказе нет гаршинского героя, человека потрясенной совести и огорченной мысли. А только эти люди способны, по Гаршину, противопоставить себя миру насилия и искать достойный человека выход из тяжелых тупиков жизни. Среди таких людей едва ли не главную роль Гаршин отводит людям искусства. Именно искусство призвано будить мысль и совесть человека, выводить его из состояния пассивности и обывательского равно-

душия. Заставить человека увидеть зло и несправедливость, ужаснуться, почувствовать невозможность жить в мире вопиющей неправды — вот истинная цель искусства, как понимал его Гаршин. «Ударь их в сердце, лиши их сна, стань перед их глазами призраком. Убей их спокойствие, как ты убил мое...» — с этими словами обращается гаршинский художник Рябинин («Художники», 1879) к изображенному на полотне, замученному каторжным трудом рабочему-котельщику. Но искусство, даже убивающее спокойствие людей, показалось Рябинину малодейственным, неспособным перевернуть жизнь. Он бросает живопись и отправляется в учительскую семинарию, чтобы стать народным учителем. В народ, к народу — вот куда ведет путь людей, подобных Рябинину. В решении героя бросить искусство была очевидная ошибка, но и в ошибке этой, по мысли Гаршина, был подвиг — подвиг нравственной бескомпромиссности.

В отличие от Рябинина сторонник «чистого» искусства Дедов — при всей показной возвышенности своих взглядов на искусство — не более чем делец. Он с восторгом и завистью говорит о художниках, зарабатывающих большие деньги и выгодно продающих плоды «чистого» творчества. С легкостью и непринужденностью переходит он от высокой поэзии к языку самой грубой прозы.

Противоположность между Дедовым и Рябининым тонко показана Гаршиным в диалоге о рабочем-котельщике — «глухаре». О «глухарях» читатель узнает сначала от Дедова, который рассказывает об их мучениях обстоятельно и правдиво, даже сочувственно, но внутренне бесстрастно. Вслед за этим о том же говорит Рябинин; он записывает в дневник всего лишь несколько фраз, как будто спокойных, но фраза звучит как крик боли: «Он сидел, согнувшись в комок, в углу котла и подставлял свою грудь под удары молота. Я смотрел на него полчаса; в эти полчаса молот поднялся и опустился сотни раз. Глухарь корчился». И последняя фраза — как клятва: «Я его напишу».

В рассказе «Ночь», как и в «Художниках», Гаршин приводит героя к сознанию неизбежности ухода «туда, в это горе», настоящее, невыдуманное. Однако решение начать новую жизнь пришло к герою рассказа слишком поздно, силы его исчерпаны, он не может выдержать душевного потрясения и умирает от разрыва сердца. Гаршин дал ему радость прозрения и — убрал со сцены: это человек мысли и совести, но не деятель и не борец. Гаршина же восхищали люди, бесстрашно вступающие на путь борьбы за счастье мира, даже если она не приводит к победе. Об этом говорят «Attalea princeps» и «Красный цветок». В аллегорической сказке «Attalea princeps» мятежная пальма гибнет в одинокой борьбе, но гибнет героически: ей удается пробить потолок стеклянной тюрьмы и хоть ненадолго выйти на свободу. Правда, за пределами темницы все печально, тоскливо и сумрачно. Горьким восклицанием: «Только-то?» — встретила пальма серый и унылый мир, открывшийся за решетками ее тюрьмы. В то время, когда рассказ появился в

свет, тоскливый возглас Attalea был воспринят многими как выражение безысходного пессимизма. Однако ноты трагизма и безнадежности далеко не исчерпывают содержание гаршинской сказки. Пусть подвиг свободолюбия не принес плодов,—в глазах автора он все же возвышен и свят. В «Attalea princeps» сказалось и понимание обреченности борьбы одиночек, и восхищение их мужеством, и стремление к полному, ничем не омраченному счастью родного края.

К «Attalea princeps» близок по духу и смыслу знаменитый «Красный цветок». Герой рассказа — безумец, томящийся в темнице — сумасшедшем доме. Идея этого «безумца» полна высокого значения. Он стремится к окончательному уничтожению мирового зла. Он мечтает о тех временах, когда «распадутся железные решетки... и весь мир содрогнется, сбросит с себя ветхую оболочку и явится в новой, чудной красоте». Вступивший в борьбу со всем злом мира гаршинский безумец достигает лишь призрачной победы, но он находит высшее счастье в том, что умирает «как честный боец и как первый боец человечества». «Attalea princeps» и «Красный цветок» — это отклик Гаршина на борьбу революционного поколения семидесятых годов, это гаршинский гимн «безумству храбрых».

О героизме и самопожертвовании пишет Гаршин и в рассказе «Сигнал». Железнодорожный сторож Семен совершает подвиг ради спасения людей. Чтобы предотвратить крушение поезда, он поднимает красный флаг, смоченный собственной кровью. Но характерно, что Семен показан сторонником смирения и противопоставлен человеку, страстно ненавидящему хозяев современной жизни. При этом сторонник борьбы совершает тяжкое преступление, а проповедник смирения — подвиг самопожертвования. Здесь чувствуются отголоски толстовской теории «непротивления злу насилием», оказавшей, как мы видим, на Гаршина некоторое влияние.

Несколько раньше «Сигнала» толстовские идеи появились в «Сказании о гордом Аггее». Гаршин переработал старинную легенду в духе толстовской морали «самоусовершенствования». В старинной легенде царь, наказанный богом за гордость и жестокость, лишается престола. Претерпев тяжкие бедствия, он возвращается на царство и начинает править кротко и милостливо. У Гаршина же Аггей вовсе отказывается от власти и уходит из своего дворца поводырем нищих слепцов. Смиренно служить сирым и убогим, стать слугой нищих — вот высший идеал человека, как он вырисовывается в гаршинском «Сказании». Это очень близко к учению Л. Толстого о том, что спасение мира не в формах правления, не в политических переменах, а в нравственном возрождении каждого человека.

Приближение Гаршина к Толстому имеет свое историческое объяснение. Неудача народнического движения, неясность путей борьбы за изменение жизни заставляли не одного Гаршина прислушиваться к проповеди Льва Толстого. И все-таки толстовство далеко не удовлетворяло Гаршина. Многое смущало его в учении автора «Исповеди», и прежде всего — философия

непротивления. Его письма последних лет пересыпаны гневными возгласами против этой теории. Идея активной борьбы со злом была дорога Гаршину до конца его жизни.

В историю русской литературы Гаршин вошел как мастер социально-психологического рассказа. Герой его рассказов — «смирный, добродушный молодой человек, знавший до сих пор только свои книги, да аудиторию, да семью... думавший через год-два начать иную работу, труд любви и правды»,— внезапно сталкивается с каким-либо вопиющим фактом, полным глубокого трагизма. Это столкновение порождает тяжкий нравственный кризис, который разрешается либо самоубийством («Происшествие»), либо уходом «туда, в это горе» («Художники»). Такова схема рассказа Гаршина. Будничное в рассказе перестает быть будничным; оно входит в поле зрения автора и читателя только тогда, когда теряет свои будничные очертания и внезапно приобретает характер давящего кошмара. Каждая встреча, любое происшествие перерастает свои бытовые рамки и становится под пером Гаршина трагедией всечеловеческого значения. Для него не существует единичных выражений жизненной неправды; в каждом конкретном образе зла он видит «всю невинно пролитую кровь... все слезы, всю желчь человечества» («Красный цветок»). Поэтому образы Гаршина часто приобретают характер аллегорий и символов, рядом с психологическим рассказом у него появляется аллегорическая сказка, а шедевр — «Красный цветок» — представляет собой как бы скрещение этих жанров. Обе повествовательные линии объединены стремлением показать социальное зло во всей его наготе, без каких бы то ни было смягчающих обстоятельств, не отвлекая внимания читателя в какую-либо другую область, с тем чтобы все время поддерживать в нем напряженную работу мысли, чтобы «убить его спокойствие».

В стремлении убивать спокойствие людей, лишать их сна, тревожить их совесть Гаршин был не одинок. Современный литератор, считал Гл. Успенский, «преподносит нам целый воз, тяжело нагруженный камнями горя человеческого, и неопровержимо доказывает, что нам надобно сдвинуть с места этот непосильный, тяжелый груз» («Волей-неволей»). Ради того, чтобы этот воз был наконец сдвинут с места, Успенский и решался каждым своим рассказом «омрачать душу», «терзать и мучить читателя». Это стремление «терзать и мучить» читателей характерно для русского реализма пореформенной поры, когда мучения самых широких масс становились с каждым годом все более и более невыносимыми, а исторические пути выхода из страшного тупика были ясны еще очень немногим. Суровый Салтыков-Щедрин так чувствовал и рассуждал в то время: «Я всё письма получаю с упреками, зачем стал мрачно писать. Это меня радует, что начинают чувствовать... Настоящее бы теперь время такую трагедию написать, чтобы после первого акта у зрителей аневризм сделался, а по окончании пьесы все

сердца бы лопнули. Истинно вам говорю: несчастные люди мы, дожившие до этой страшной эпохи» (из письма А. Н. Островскому от 22 октября 1880 г.).

В своем беспокойном и трагическом искусстве Гаршин был принципиально злободневен. Он никогда не уводил читателей в область отвлеченных вопросов, напротив, он приковывал внимание к тревогам сегодняшней жизни. Эту характерную гаршинскую черту отметил В. Г. Короленко, сопоставляя Гаршина с Львом Толстым («Всеволод Михайлович Гаршин. Литературный портрет», 1910): «Князь Андрей (в «Войне и мире»), раненный на поле битвы, также смотрит на синее небо и тоже предается размышлениям (как и герой «Четырех дней».— *Г. Б.*). Но даже поверхностного взгляда достаточно, чтобы заметить совершенную самостоятельность гаршинского настроения. Князь Андрей весь уходит в созерцание таинственной синевы, далекой и непроницаемой. Земля для него исчезает, он весь поглощен тайною этой спокойной бесконечности... Во всяком случае, эта тайна так бесконечно далека от тревог жизни, что в ней нет уже места вопросам о людских отношениях. Герой Гаршина тоже смотрит на небо, но строй его мыслей совершенно другой. Небо для него только явление природы, синева, мелькающая меж ветвей и листьев, а вся мучительная работа его мысли вращается в пределах доступного ему мирка, в центре которого лежит и разлагается убитый им человек. Вместо того чтобы стремиться к бесконечным тайнам, он мучительно разбирается в своем положении: я убил его? за что?».

Не только в «Четырех днях», но и во многих других рассказах Гаршина его герой, чаще всего единомышленник автора, потрясенный страшной испорченностью жизни, «мучительно разбирается в своем положении», наедине с собой решает вопрос о своем поведении, о своем общественном долге. Рассказ Гаршина часто приобретает поэтому как бы монологический характер, характер раздумий, размышлений о самых острых, волнующих вопросах общественной жизни.

В середине 80-х годов в творчестве Гаршина начинаются поиски новых путей. Писателя перестает удовлетворять разработанный им ранее тип психологического рассказа. В этом рассказе все внимание автора сосредоточено было на духовной драме героя, а окружающий его внешний мир оставался в тени.

«Я чувствую, что мне надо переучиваться сначала,— писал Гаршин в 1885 году.— Для меня прошло время страшных, отрывочных воплей, каких-то «стихов в прозе», которыми я до сих пор занимался: материалу у меня довольно, и нужно изображать не свое «я», а большой внешний мир». В этом стремлении изображать «большой внешний мир» Гаршина поддерживал И. С. Тургенев, с вниманием и сочувствием следивший за деятельностью своего младшего современника. В 1880 году Тургенев писал Гаршину: «Каждый стареющий писатель, искренне любящий свое дело, радуется, когда он открывает себе наследников: Вы из их числа». Гаршин действительно во многом наследовал Тургеневу. С Тургеневым Гаршина роднит прежде всего

тот принцип изображения человека, который характерен для тургеневского романа. Главные герои романов Тургенева, при всей индивидуальной самобытности каждого из них, образовали в сознании читателей России и всего мира тип русского человека, который сознает свою личную судьбу в неразрывной связи с судьбами своей страны и находится в разладе с современной ему действительностью. Гаршин продолжил эту традицию; его герои воспринимают больные общественные вопросы современности как самое важное и насущное дело их личной жизни. В романах Тургенева идейные стремления героев всегда изображались на широком социально-культурном и бытовом фоне. В последние годы творчества Гаршин также почувствовал потребность выйти на простор широкого эпического повествования. При этом он вовсе не думал отказываться от коренных принципов своего беспокойного искусства. Задача заключалась в том, чтобы соединить изображение внутреннего мира людей, остро чувствующих личную ответственность за господствующую в обществе неправду, с широкими картинами обыденной жизни «большого внешнего мира». В этом направлении Гаршин сумел сделать лишь первые шаги. Такие рассказы, как «Надежда Николаевна» или «Из воспоминаний рядового Иванова»,—это только начальные попытки творчества в новой манере. Законченности и совершенства в новом стиле Гаршин не достиг. Смерть оборвала его искания.

В 1888 году здоровье Гаршина сильно пошатнулось. Как указал Гл. Успенский, близко знавший Гаршина, болезнь его «питали впечатления действительной жизни». А впечатления 80-х годов были мучительны и для здоровых людей, тем более непереносимы они оказались для больных нервов Гаршина. Гл. Успенский в статье «Смерть В. М. Гаршина» так характеризует эти «впечатления» реакционной эпохи, сгубившие автора «Красного цветка»: «Один и тот же ежедневный «слух» — и всегда мрачный и тревожный; один и тот же удар по одному и тому же больному месту, и непременно притом по больному, и непременно по такому месту, которому надобно «зажить», поправиться, отдохнуть от страдания; удар по сердцу, которое просит доброго ощущения, удар по мысли, жаждущей права жить, удар по совести, которая хочет ощущать себя...— вот что дала Гаршину жизнь, после того, как он уже жгуче перестрадал ее горе». Со всеми этими ударами Гаршин не совладал. 19 марта 1888 года, накануне предполагавшегося отъезда на Кавказ, он в состоянии тяжелой тоски бросился в пролет лестницы. 24 марта Гаршин скончался.

А. П. Чехов в рассказе «Припадок», навеянном личностью Гаршина, так сказал о человеке гаршинского склада: «Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант — человеческий. Он обладает тонким, великолепным чутьем к боли вообще». Вот почему на многих произведениях Гаршина лежит отпечаток глубокой скорби. Его тяготила несправедливость современной жизни, скорбный тон его творчества был формой протеста против социального уклада, основанного на бездушии и

насилии. При всем том жизнь в ее сущности, в ее высоком значении не теряла для Гаршина своего обаяния. «Для него мир был полон прекрасного,— писал о нем его друг, известный зоолог В. А. Фаусек.— Он не думал, что «жизнь мира есть грех и зло»; он тем более ненавидел зло, что оно было, на его взгляд, чудовищным контрастом с той радостью и красотой, которую он видел в мире». Характерно, что закончил Гаршин свой недолгий путь в литературе веселой сказкой для детей «Лягушка-путешественница». Ее сюжет восходит к назидательной сказке из старинного индийского сборника «Панчатантра». В России сказка была известна с XV века. Этот же сюжет разработал в одной из своих басен знаменитый Лафонтен. У него, как и в других вариантах сюжета, вместо лягушки — черепаха, и всюду сходный финал: «путешественница» хочет начать разговор, падает и разбивается насмерть. Гаршин отказался от жестокого конца, его героиня остается жива, автор добрее своих предшественников. Ему весело писать о лягушке и утках, создавать их очеловеченные «портреты», весело играть созвучиями («нужно только, чтобы вы не крякали, а я не квакала»), насыщать сказочный сюжет тихим и тонким юмором.

Знаменательно, что последние слова Гаршина были обращены к детям и что последнее его произведение светло и беспечально. На фоне других произведений Гаршина, грустных и тревожных, эта сказка как бы живое свидетельство того, что радость жизни не исчезает никогда, что «свет во тьме светит».

Г. БЯЛЫЙ

Дополнения

«Автобиография»

Род Гаршиных — старый дворянский род. По семейному преданию, наш родоначальник мурза Горша или Гарша вышел из Золотой Орды при Иване III и крестился; ему или его потомкам были даны земли в нынешней Воронежской губернии, где Гаршины благополучно дожили до нынешних времен и даже остались помещиками в лице моих двоюродных братьев, из которых я видел только одного, да и то в детстве. О Гаршиных много сказать не могу. Дед мой Егор Архипович был человек крутой, жестокий и властный: порол мужиков, пользовался правом primae noctis[1] и *выливал кипятком* фруктовые деревья непокорных однодворцев. Он судился всю жизнь с соседями из-за каких-то подтопов мельниц и к концу жизни сильно расстроил свое крупное состояние, так что отцу моему, одному из четверых сыновей и одиннадцати или двенадцати детей, досталось только семьдесят душ в Старобельском уезде. Странным образом, отец мой был совершенною противоположностью деду: служа в кирасирах (в Глуховском полку) в николаевское время, он никогда не бил солдат; разве уж когда очень рассердится, то ударит фуражкой. Он кончил курс в 1 Московской гимназии и пробыл года два в Моск(овском) университете на юридическом факультете, но потом, как он сам говорил, «увлекся военной службой» и поступил в кирасирскую дивизию. Квартируя с полком на Донце и ездя с офицерами по помещикам, он познакомился с моею матерью, Е(катериной) С(тепановной), тогда еще Акимовою, и в (18)48 г. женился.

[1] первой ночи *(фр.)*.

Ее отец, помещик Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, отставной морской офицер, был человек очень образованный и редко хороший. Отношения его к своим крестьянам были так необыкновенны в то время, что окрестные помещики прославили его опасным вольнодумцем, а потом и помешанным. Помешательство его состояло, между прочим, в том, что в голод 1843 года, когда в тех местах чуть не полнаселения вымерло от голодного тифа и цинги, он заложил имение, занял денег и сам привез «из России» большое количество хлеба, которое и раздал даром голодавшим мужикам, своим и чужим. К сожалению, он умер очень рано, оставив пятерых детей; старшая, моя мать, была еще девочкой, но его заботы о воспитании ее принесли плоды — и после его смерти по-прежнему выписывались учителя и книги, так что ко времени выхода замуж моя мать сделалась хорошо образованной девушкой по тогдашнему времени, а для глухих мест Екатеринославской губ(ернии), даже редко образованной.

Я родился третьим (в имении бабушки, в Бахмутском уезде), 2 февраля 1855 г., за две недели до смерти Николая Павловича. Как сквозь сон помню полковую обстановку, огромных рыжих коней и огромных людей в латах, белых с голубым колетах и волосатых касках. Вместе с полком мы часто переезжали с места на место; много смутных воспоминаний сохранилось в моей памяти из этого времени, но рассказать я ничего не могу, боясь ошибиться в фактах. В 1858 г. отец, получив наследство от умершего деда, вышел в отставку, купил дом в Старобельске, в 12 в(ерстах) от которого было наше именье, и мы стали жить там. Во время освобождения крестьян отец участвовал в харьковском комитете членом от Староб(ельского) уезда. Я в это время выучился читать; выучил меня по старой книжке «Современника» (статьи не помню) наш домашний учитель П. В. Зарвадский, впоследствии сосланный за беспорядки в Харьков(ском) унив(ерситете) в Петрозаводск и теперь уже давно умерший.

Пятый год моей жизни был очень бурный. Меня возили из С(таробельска) в Харьков, из Х(арькова) в Одессу, оттуда в Х(арьков) и назад в С(таробельск) (все это на почтовых зимою, летом и осенью); некоторые сцены остались во мне неизгладимое воспоминание и, б(ыть) м(ожет), следы на характере. Преобладающее на моей физиономии печальное выражение, вероятно, получило свое начало в эту эпоху

Старших братьев отправили в Петербург; матушка поехала с ними, а я остался с отцом. Жили мы с ним то в деревне, в степи, то в городе, то у одного из моих дядей в С(тародубском) же уезде. Никогда, кажется, я не перечитал такой массы книг, как в три года жизни с отцом, от пяти до восьмилетнего возраста. Кроме разных детских книг (из которых особенно памятен мне превосходный «Мир божий» Разина), я перечитал все, что мог едва понимать из «Современника», «Времени» и других журналов за несколько лет. Сильно на меня подействовала Бичер-Стоу («Хижина д(яди) Тома» и «Жизнь негров»). До какой степени свободен был я в чтении, может показать факт, что я прочел «Собор Парижской Богоматери» Гюго в семь лет (и перечитав его в 25, не нашел ничего нового), а «Что делать» читал по книжкам в то самое *время, когда Чернышевский сидел в крепости.* Это раннее чтение было, без сомнения, очень вредно. Тогда же я читал Пушкина, Лермонтова («Герой нашего времени» остался совершенно непонятым, кроме Бэлы, об которой я горько плакал), Гоголя и Жуковского. В 1863 г. матушка приехала за мною из Петербурга и увезла с собою. 15 августа мы въехали в него после путешествия из Старобельска до Москвы на перекладных и от М(осквы) по жел(езной) дороге; помню, что Нева привела меня в неописанный восторг (мы жили на В(асильевском) О(строве)), и я начал даже с извозчика сочинять к ней стихи, с рифмами «широка» и «глубока».

С тех пор я петербургский житель, хотя часто уезжал в разные места. Два лета провел у П. В. Завадского в Петрозаводске; потом одно на даче около Петербурга; потом жил в Сольце Псковской губ(ернии) около полугода; несколько лет езжал по летам в Старобельске, в Николаеве, в Харькове, в Орловской губернии, на Шексне (в Кирилловском уезде). Последний мой отъезд из Петербурга был очень продолжителен: я прожил около $1^1/_2$ лет в деревне у одного из своих дядей, В. С. Акимова, в Херсонском уезде, на берегу Бугского лимана.

В 1864 г. меня отдали в 7 СПб гимназию в 12 л(иний) В(асильевского) О(строва). Учился я вообще довольно плохо, хотя не отличался особою леностью: много времени уходило на постороннее чтение. Во время курса я два раза болел и раз остался в классе по лености, так что семилетний курс для меня превратился в десятилетний, что, впрочем, не составило для меня большой беды, т(ак) к(ак) я поступил в гимназию 9 лет. Хорошие отметки я получал только за русские «сочинения» и по естественным наукам, к которым чувствовал

сильную любовь, не умершую и до сих пор, но не нашедшую себе приложения. Математику искренно ненавидел, хотя трудна она мне не была, и старался по возможности избегать занятий ею. Наша гимназия в 1866 г. была преобразована в реальную гимназию и долго служила образцовым заведением для всей России. (Теперь она — 1 реальное училище) Мне редко случалось видеть воспитанников, которые сохранили бы добрую память о своем учебном заведении; что касается до седьмой гимназии, то она оставила во мне самые дружелюбные воспоминания. К В. Ф. Эвальду (директор в мое время директор и теперь) я навсегда, кажется, сохраню хорошие чувства. Из учителей я с благодарностью вспоминаю В. П. Гевнинга (словесность) и М. М. Федорова (ест(ественная истор(ия)); последний был превосходный человек и превосходный учитель, к сожалению, погубленный рюмочкой. Он умер несколько лет тому назад.

Начиная с 4 класса я начал принимать участие (количественно, впрочем, весьма слабое) в гимназической литературе, которая одно время у нас пышно цвела. Одно из изданий «Вечерняя газета» выходило еженедельно, аккуратно в течение целого года. Сколько помню, фельетоны мои (за подписью «Агасфер») пользовались успехом. Тогда же под влиянием «Илиады» я сочинил поэму (гекзаметром) в несколько сот стихов, в которой описывался наш гимназический быт преимущественно драки.

Будучи гимназистом, я только первые три года жил в своей семье. Затем мы со старшими братьями жили на отдельной квартире (им тогда было 16 и 17 лет); следующий год прожил у своих дальних родственников; потом был пансионером в гимназии; два года жил в семье знакомых петербургских чиновников и, наконец, был принят на казенный счет.

Перед концом курса я выдержал тяжелую болезнь, от которой едва спасся после полугодового леченья. В это же время застрелился мой второй брат...

Не имея возможности поступить в университет, я думал сделаться доктором. Многие из моих товарищей (предыдущих выпусков) попали в Медицинскую академию и теперь доктора. Но как раз ко времени моего окончания курса Делянов подал записку покойному государю, что вот, мол, реалисты поступают в Мед(ицинскую) акад(емию), а потом проникают из академии в университет. Тогда было приказано реалистов в доктора не пускать... Пришлось выбирать какое-нибудь из технических заведений: я выбрал то, где поменьше математи-

ки, Горный институт. Я поступил в него в 1874 г. В 1876 хотел уйти в Сербию, но, к счастью, меня не пустили, т(ак) к(ак) я был призывного возраста. 12 апреля (18)77 г. я с товарищем (Афанасьевым) готовился к экзамену по химии; принесли манифест о войне. Наши записки так и остались открытыми: мы подали прошение об увольнении из института и уехали в Кишинев. В кампании я был до 11 августа, когда был ранен. В это время, в походе, я написал свою первую, напечатанную в «О(течественных) з(аписках)» вещь «Четыре дня». Поводом к этому послужил действительный случай с одним из солдат нашего полка (скажу кстати, что сам я ничего подобного никогда не испытал, так как после раны был сейчас же вынесен из огня).

Вернувшись с войны, я был произведен в офицеры, с большим трудом вышел в отставку (теперь меня зачислили в запас). Некоторое время ($^1/_2$ г.) слушал лекции в Университете (по историко-филологич(ескому) факультету). В 1880 заболел и по этому-то случаю и прожил долго в деревне у дяди. В 1882 г. вернулся в Петербург; в 1883 женился на Н. М. Золотиловой, в том же году поступил на службу секретарем в железнодорожный съезд.

Из писем В. М. Гаршина

1. Е. С. ГАРШИНОЙ

19.II.1875 г.

У меня самый мрачный взгляд на современное положение дел; мы, мне кажется, живем в ужаснейшее время. Карлос, Франция, Бисмарк, католицизм, решительно поднявший голову, побиение стачек рабочих в Англии, неизбежная, висящая, как гроза в воздухе, война, и какая война!

2. А. Я. ГЕРДУ

Лето 1875 г. Старобельск

То, что я пишу, очень интересует меня, и, будучи близко моему сердцу, доставляет хорошие минуты... Мои литературные замыслы очень широки, и я часто сомневаюсь в том, смогу ли исполнить поставленную задачу. То, что написано, по-моему, удачно; само собою разумеется, что я не могу быть пристрастным, несмотря на самое строгое и недоверчивое отношение к своим силам... Но если я буду иметь успех. Дело в том (я это чувствую), что только на этом вопросе я буду работать изо всех сил, стало быть успех — вопрос моих способностях и вопрос, имеющий для меня значение вопроса жизни и смерти. Вернуться я уже не могу. Как вечному жиду голос какой-то говорит: «Иди, иди», так и мне что-то суетное в руки и говорит: «Пиши и пиши».

3. Р. В. АЛЕКСАНДРОВОЙ

30.X.1875 г. Петербург

Говорила ли Вам матушка, что я, вероятно, буду сотрудничать в «Пет(ербургском) листке»? По случаю этого обстоятельства после 11 ч(асов) я сижу еще часа по два-три и пишу. Задался мыслью изобразить, хотя отчасти, уездную жизнь в маленьких очерках; один уже готов («Земское собрание») и на этой неделе понесется в редакцию.

Само собою, что материал беру отчасти из жизни нашего милого С(таробельска).

4. Е. С. ГАРШИНОЙ

6.XI. 1875 г. СПб

Мой первый маленький очерк я кончил; надо только переписать. Он так превзошел мои и некоторых немногих ожидания, что я решительно не хочу тащить его в «Листок»; понесу на суд к А. С. Суворину. Страшно, мама, очень страшно! Кто знает, что из этого выйдет!

5. Е. С. ГАРШИНОЙ

21.XI.1875 г. СПб

К Суворину не ходил: произведение моего пера еще не переписано, за долблением химии. Да и боюсь я ужасно.

6. Р. В. АЛЕКСАНДРОВОЙ

27.XI.1875 г. СПб

Связываться с «Петерб(ургским) листком» я не решился, а сегодня снес свое маленькое произведение к А. С. Суворину (Незнакомец). Принял он меня так хорошо и тепло, что я от него в восторге; мой очерк оставил для прочтения. Во вторник пойду на страшный суд. Что-то он скажет? Я не думаю покуда нигде печататься; с меня будет довольно только Суворинского одобрения; писать начать всегда успеешь, был бы талант. (...)

Сегодня четверг; до вторника осталось пять дней. Как только получу благоприятный ответ — сейчас же извещу Вас и матушку. Ну, а если вдруг неблагоприятный?..

Не скрою от Вас, что он был бы для меня жестоким ударом.

7. Е. С. ГАРШИНОЙ

(28.XI.1875 г. СПб)

...вчера, наконец, был у Суворина и оставил у него свою работу. Принял он меня так ласково и тепло, что я еще больше полюбил его. (...) Во вторник пойду за решением участи. Сердце и теперь бьется. (...)

...то, что я снес к Суворину, относительно слога не страдает, в этом-то я уверен. Суворин говорит: «отчего вы полагаетесь на мое субъективное мнение?» Очень он хороший человек, простой, нисколько не генерал.

8. Е. С. ГАРШИНОЙ

(9.XII.1875 г. СПб)

Был я у Суворина. Начинания мои он похвалил, сказал, что написано «литературно», живо и интересно. Советует снести в «Неделю»; там, мол, наверное, напечатают. Теперь я думаю: нести или нет?

9. Р. В. АЛЕКСАНДРОВОЙ

(Ок. 15.II.1876 г. СПб)

Зачем Вы хотите рисоваться письмами перед кем бы то ни было: пишите, что пишется, посылайте, что написалось. А если Вы будете стараться писать только умные вещи, что из этого выйдет? Что может быть хуже, чем то, что человек «притворяется умным», как говорил мой покойный батюшка. (...) ...не старайтесь писать мне только то, что Вам кажется умным: ведь я знаю уж Вас немного, и об Вашем уме составил некоторое приблизительное понятие, которое Ваши письма, будь они умны или глупы, изменить не могут. Человек не письмами сказывается.

10. Р. В. АЛЕКСАНДРОВОЙ

22.II.1876 г. СПб

За последнее время я что-то сильно расписался. И для чего? Господь ведает! Сидишь целый час и пишешь и пишешь; рифмованные и нерифмованные стихи *ложатся* в огромном количестве на бумагу, а потом вместе с бумагой *кладутся* в печь; стихи горят: через два дня операция повторяется.

11. Е. С. ГАРШИНОЙ

5.III.1876 г. СПб

Сейчас только Ольга Васильевна, моя сервантка, подала мне письмо от А. Жемчужникова, редактора «Молвы», письмо, где он пишет, что мой маленький очерк будет помещен в «Молве». Ликованию моему несть пределов. Очерк крохотный, микроскопический (я после ношения к Сув(орину) сократил его), но ведь это первая напечатанная работа. Я чувствую то же, что чувствовал мой любимый герой, мастер Деви Копперфильд, когда его статья была принята.

Теперь уже некогда, а летом завалю «Молву» очерками Старобельской жизни. Быть может, Вы или Женя раньше увидите № «Молвы» с моим произведением, чем я вышлю вам его; вот вам его приметы. Название — «Подлинная история N. Земского собрания». Подпись — Р. А.

Летом напишу «Историю прогимназии», «Повесть о том, как поссорились Ст. Дм. с А. А.», «Интенсивная культура» (Кончаловский), «История N. обители». План для этих очерков у меня составлен. Старобельск даст обильный материал.

12. Р. В. АЛЕКСАНДРОВОЙ

26.III.1876 г. СПб

На поприще скромного писаки я уже выступил. Я послал одну из моих писулек в «Молву» и получил известие от редактора, что писульку напечатают в одном из следующих номеров газеты. Вот уже три воскресенья прошло, а статья, подписанная буквами Р. А., все еще не появляется. Впрочем, не беда и подождать немного; я счастлив тем уже, что мои первые литературные опыты были одобрены таким хорошим

ценителем, как А. С. Суворин, и не отвергнуты порядочным журналом.

Я надеюсь, что Вы не будете в претензии на меня за то, что я украл у Вас начальные буквы Вашего имени для подписи. Быть может, они принесут мне счастье.

13. Е. С. ГАРШИНОЙ

(9—10.IV.1876 г. СПб

Если я, паче чаяния, не перейду на II курс (...), поеду в Герцеговину драться. Говорю Вам это совершенно серьезно. Пристроюсь к какой-нибудь газетке, хоть к той же «Молве», и за небольшие деньги буду сообщать корреспонденцию «с поля битвы». А то скучно стало. Скверно вокруг, невыносимо скверно. (...) ...Герцеговинцы еще выше подняли свое знамя, бог им на помочь! Зачем не могу я делать, что хочу, не могу быть там, где я сознавал бы, что приношу хоть каплю пользы, хоть кровью своею. А что здесь?

Хочется бросить им в глаза

Железный стих,
Облитый горечью и желчью!

Да стих-то у меня вовсе не железный.

14. Н. С. ДРЕНТЕЛЬНУ

(2.VI.1876 г. Харьков)

Пишу я теперь с отчаяньем; вчера исписал несколько листов бумаги. Работа удовольствия не доставляет, скорее какое-то злобное, желчное чувство. Если это так пойдет всегда, то незавидная предстоит мне участь. А не писать не могу, да и что со мной будет без этого...

15. Р. В. АЛЕКСАНДРОВОЙ

(Ок. 29.VIII.1876 г

Если Вы видели мою матушку, то она наверно сказала Вам, как я хотел уехать в Сербию и как меня не пустили. Здесь, где у меня много знакомых и очень влиятельных, я, вероятно, добьюсь своего.

Если меня пустят, прощайте, моя дорогая; живой я, должно быть, не вернусь. Не поминайте дурным человека, который любил Вас больше всего на свете, кроме, разве, одной правды.

16. Е. С. ГАРШИНОЙ

(30.III.1877 г.)

Вы пишете, что я не довольно «смел» в своих литературных начинаниях. Я не жалею об этом, потому что робость избавляет меня от щелчков моему самолюбию. Покуда я отдал напечатать 3 маленькие статейки — и все 3 были напечатаны. А я видел, как действуют неудачи... (...)

Чтобы писать, как много надо учиться! И главное-то, учиться трудно, потому что учиться приходится самому у себя, у своего собственного суда.

17. Е. С. ГАРШИНОЙ

(12—13.IV.1877 г.)

Мамочка, я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули. Благословите меня.

18. Е. С. ГАРШИНОЙ

13.V.1877 г. Фальчи (на Пруте)

Если бог приведет вернуться, напишу целую книгу. Русский солдат — нечто совершенно необыкновенное. Совершенные дети.

19. Е. С. ГАРШИНОЙ

26.V.1877 г. Альбешты (в Валахии)

Идти вообще довольно трудно, особенно когда большие переходы. А у нас были подряд два перехода: 45 и 40 верст. Впрочем, физические трудности мне не кажутся трудностями; внутренние мучения, как оказывается, гораздо мучительнее.

Никогда мне не приходит в голову мысль раскаяться в том, что я пошел в поход. Это такая хорошая школа, особенно для меня, которому нужно воспитание характера. Как я и ожидал, материалов для наблюдения оказалась бездна. Если бог вынесет, я буду знать, что делать. В том, что я сумею писать и буду иметь успех, я почти не сомневаюсь.

20. Е. С. ГАРШИНОЙ

29.VII.1877 г. Ковачица

Не желая терять времени даром, я понемногу пописываю. Писать, жаль, не часто приходится, а все дело в *механическом* писании, потому что в голове так много приготовлено за длинные переходы. Идешь и думаешь, думаешь.

Если бы образование было совместимо с физическим трудом, оно было бы гораздо плодотворнее. Лучшее время для размышления — когда тело занято трудом. От этого, быть может — нравственное и умственное превосходство (в большинстве случаев) простого народа над малограмотными писарями, лакеями, швейцарами и т. п.

21. Е. С. ГАРШИНОЙ

13.VIII.1877 г.

35-й дивизионный лазарет в Водице

Дорогая мама, я *легко ранен* при Аясляре, 11 августа. Рана пулей в ногу повыше колена, по поперечному диаметру. Пуля прошла так счастливо между костью и артерией, что не задела ни той, ни другой. Опасности нет никакой, даже для ноги.

Сегодня едем в Белу, оттуда в Систово и т. д. до России.

22. Н. С. ДРЕНТЕЛЬНУ

25.IX. 1877 г. (Харьков)

Мне дали Георгия. Несмотря на такое поощрение моей храбрости, я вовсе не желаю (отхотел) снова идти в огонь. Постараюсь вывернуться: взять отпуск для совершенного выздоровления на многие месяцы. Если дадут на продолжительный срок, то в январе увидимся, ибо я явлюсь в Петербург. Примусь за работу снова и на этот раз уж совсем по-своему.

23. В. Н. АФАНАСЬЕВУ

⟨Ок. 17—20.I.1878 г.⟩

Литературные дела мои находятся в блестящем положении, если брать «потенциал». Только пиши, а брать везде будут. В некоторые журналы («Слово», «Пчела») я уже приглашен самими редакциями. Но печататься теперь я буду только в крайнем случае. Пишу, правда, я довольно много, но все это для меня этюды и этюды; выставлять же их я не желаю, хотя уверен, что они шли бы не без успеха. Буду печатать столько, чтобы только просуществовать...

24. Е. С. ГАРШИНОЙ

⟨Ок. 10.II.1878 г.⟩

По поводу Вашего мнения о том, что мне не следует молчать, чтобы публика не забыла, скажу Вам, что если я стою того, чтобы меня не забыли, то если и забудут, то тотчас же вспомнят при первом моем появлении. Если же нет, то тогда зачем же и подогревать сочувствие публики? А что какой-нибудь дурак Скабичевский скажет, то до этого мне решительно дела нет.

25. Е. С. ГАРШИНОЙ

16.II.1878 г. СПб

Петербург мне надоел ужасно. ⟨...⟩ Все-таки не уеду отсюда, пока не кончу своей маленькой (немного больше «4 дней») вещицы.

Думаю, что «О⟨течественные⟩ з⟨аписки⟩» не поместят ее. Им ведь все надо «умного», чтобы читатель всегда помнил, что мужик страдает, а он, читатель,— подлец. Все это хорошо, но ведь есть и другие темы...

Отрывок мой до войны, до социальных, политических и иных вопросов вовсе не коснется. Просто мученья двух изломанных душ.

26. Е. С. ГАРШИНОЙ

19.II. 1878 г. СПб

Петербург надоел мне смертельно. Уеду, как только кончу одну вещицу для «О(течественных) з(аписок)». Да не знаю, право, напечатают или нет. Они все «умного» требуют, а мое вовсе не умное, а скорее «безумное». Нечто из достоевщины. Оказывается, я склонен и способен разрабатывать его (Д(остоевского)) путь.

27. В. Н. АФАНАСЬЕВУ

21.II.1878 г. (СПб)

К своей литературе я стал относиться строже. Художественные рецензии писать бросил, ибо ведь собственно это было с моей стороны шарлатанство. Буду работать побольше, вылезать поменьше, авось что-нибудь и выйдет?..

28. Н. С. ДРЕНТЕЛЬНУ

18.V.1878 г. (Харьков)

Вопрос «зачем» до такой степени овладел моим существом, что ни за что, не дающее непосредственных результатов, я не рискну взяться. Писательство имеет результаты непосредственные — изящное (насколько изящное — это другой вопрос) произведение, шевелящее если не мозги, то чувства (в моем случае, беря меня) людей. Вот почему я писать не брошу. Учиться (т. е. читать разные умные книжки) я не брошу до смерти, но взяться за какой-нибудь «курс» не ради себя, своего любопытства, я никогда не возьмусь. «Что он делает?» Учится! До каких же пор я буду учиться, до каких пор с меня не будет ни шерсти, ни молока?

29. Е. С. ГАРШИНОЙ

16.I.1879 г. СПб

Время проходит удивительно бестолково, кажется, никуда не ходишь и никого не видишь, а между тем делаешь очень мало. Пишется туго; сидишь, сидишь перед бумагой и вымучиваешь

чишь несколько строк. (...) «Встреча», отданная Салтыкову, до сих пор обретается в неизвестном положении. Хоть бы выставки поскорее начинались: по крайней мере написал бы несколько фельетонов в «Р(усскую) правду».

30. Е. С. ГАРШИНОЙ

29.I.1879 г. СПб

Рассказ мой «Встреча» принят и будет помещен в марте. Щ(едрин), когда я сказал ему, что боялся за этот рассказ, выбранил меня.

31. А. Я. ГЕРДУ

25.IV.1879 г. (Харьков)

Работа понемножку продвигается вперед. Двигалась бы, конечно, и не понемногу, если бы, работая, приходилось думать о том, *что писать*, а не о том, *чего не писать*. Иногда просто в мрачность приходишь при мысли: что если так придется всю жизнь?

32. Е. С. ГАРШИНОЙ

12.VII.1879 г. Мураевка

Чтобы написать Вам это письмо, должен был прервать работу: ужасно рьяно принялся за новый рассказ, который будет больше всех. Ничего, идет. Опять война. На этот раз без анализа, просто типы, в которых я чувствую себя вообще слабым. Надо поработать.

33. Е. С. ГАРШИНОЙ

18.XII. 1879 г. СПб

Вот несколько дней, как я ожил и хожу занятый новою вещью. Чувствую, что сяду писать, может быть, сегодня же или завтра. (...) Писать я хочу уже года полтора назад продуманную, а теперь дополняющуюся и изменяющуюся (пока в моей голове, конечно) историю. Не написал я ее в свое время — хотя начинал — не из чего иного, как из какого-то

рабства. Дело в том, что «направления» какого бы то ни было в рассказе совсем нет. Совершенно личная история с любовными делами и с очень кровавою развязкой.

34. Е. С. ГАРШИНОЙ

7.I.1880 г. СПб

Писанье рассказа у меня идет очень медленно, главным образом потому, что в нем я вижу большую фальшь. Не знаю, выберусь ли я из нее.

35. Е. С. ГАРШИНОЙ

10.II. 1880 г. СПб

Теперь ушел в воспоминания и хочу написать несколько эпизодов из войны. Это будет настоящая проба пера, а то до сих пор все описывал, собственно говоря, собственную персону, суя ее в разные звания, от художника до публичной женщины.

36. Е. С. ГАРШИНОЙ

13.II.1880 г. СПб

Рассказ мой Салтыков принял и даже написал, что находит его «весьма хорошим» (напечатают его в 3 книжке). Не знаю, право, точно ли он «весьма» хорош. Быть довольным своим рассказом мне в глубине души пока еще не удавалось. Знаешь, что хотел сделать, а это *что* никогда не выходит *так*, как думалось во время писанья.

37. А. Я. ГЕРДУ

13.III.1880 г. Тула

Не знаю, Вам, может быть, не приходилось в минуту отчаянья найти правду, к которой я стремился, что было сил, всегда, как только начал сознавать и понимать; Вам, может быть, не приходилось надевать себе петлю на шею и потом,— что всего страшнее,— снимать ее. Я не знаю, доходили ли Вы в острые периоды развития до таких минут, но я *верю*,

да, пожалуй, даже *чувствую*, пожалуй, и *знаю*, что не легко далось Вам то *сравнительное* душевное спокойствие, каким Вы обладали всегда, когда я знал Вас. ⟨...⟩ Господи! да поймут ли, наконец, люди, что *все* болезни происходят от одной и той же причины, которая будет существовать всегда, пока существует невежество! Причина эта — неудовлетворенная потребность. Потребность умственной работы, потребность чувства, физической любви, потребность претерпеть, потребность спать, пить, есть и так далее.

38. В. Н. АФАНАСЬЕВУ

31. XII. 1881 г. (Ефимовка)

Писать я не могу (должно быть), а если и могу, то не хочу. Ты знаешь, что я писал, и можешь иметь понятие, как доставалось мне это писание. Хорошо или не хорошо выходило написанное, это вопрос посторонний; но что я писал в самом деле одними своими несчастными нервами и что каждая буква стоила мне капли крови, то это, право, не будет преувеличением.

39. В. А. ФАУСЕКУ

⟨Октябрь, 1883 г. СПб⟩

Я очень благополучен, дорогой мой друг, даже в сущности счастлив, внешне и лично, разумеется, ибо благородство души моей столь велико, что уловляя себя на минуту на мысли, что жить вообще хорошо, сейчас же подыскиваешь какую-нибудь пакость для приведения себя в должное состояние страдальца по Достоевскому и К°...

40. В. М. ЛАТКИНУ

30.I.1884 г. ⟨СПб⟩

Попытки писать удаются не особенно хорошо. В ночь на 1-е января написал сказку для Павленковского сборника, да на том и покончил. Теперь пытаюсь писать «большое» и из жизни, с бытописанием, но жизнь до такой степени переплелась с нецензурными явлениями, что постоянно натыкаешься на них и разбиваешь себе лоб. Просто хоть брось. Нужно брать такие исключительные сюжеты, какие я брал до сих пор, чтобы не испытывать этого неудобства.

Читаю довольно много. Купил себе Шлоссера (XVIII в.) и все его читаю. Думаю понемножку научиться истории, а потом, потом — написать что-нибудь историческое. Очень бы мне этого хотелось, да только не знаю, когда я буду знать достаточно для того, чтобы написать историческую повесть или роман.

41. В. М. ЛАТКИНУ

10.VIII. 1884 г. СПб

Очень я сошелся с Репиным. Как человек он мне нравится не меньше, чем как художник. Такое милое, простое, доброе и умное создание божие этот Илья Ефимыч, и к этому еще, насколько я мог оценить, сильный характер, при видимой мягкости и даже нежности. Не говорю о том, как привлекателен уже самый талант его. Я, кажется, писал тебе, что он начал мой портрет. Скоро он будет кончен...

Ты спрашиваешь, что я пишу. Приступаю только к написанию той самой старинной штуки о художнике, его аманте и злодее-убийце, которую ты, помнится, одобрял. Выйдет что-то листа в четыре, а может быть и больше — по моим привычкам вещь огромная, над которой придется сидеть месяца 2—3. Нет, я не настоящий писатель! Все пишется так медленно, туго, да еще хорошо, если пишется, а то ведь со времени сказки о жабе и розе я не написал двух страниц.

42. Е. С. ГАРШИНОЙ

6.X.1884 г. СПб

Третьего дня мы проводили бедного нашего Надсона за границу. У него одного легкого нет совсем и есть уже на ноге туберкулезная язва. Но бывают ведь чудеса. Мне не хочется верить, что он умрет. Как нарочно, вечером у Давыдовых после его проводов, Антон Григорьевич играл, и так играл, как я никогда не слышал. Нарочно ли он это сделал или нет (он очень огорчался судьбою Надсона), но только он выбрал все траурные вещи и между прочим знаменитую Шопеновскую сонату B-mol с Marche funèbre[1]. У всех на глазах были слезы. Играл он как бог.

[1] Траурный марш *(фр.)*.

43. В. М. ЛАТКИНУ

20.II.1885 г. СПб

В «Русской мысли» напечатана первая половина рассказа «Надежда Николаевна»... Напиши мне откровенно, что это такое. Сам я рассказом недоволен. Знаю, что будут ругать меня жестоко, и не за те недостатки, которые вижу я, а за вещи посторонние: за отсутствие политики, за занятие любовями и ревностями в наше время, когда... и пр.

Ездил в Москву; повидаться с Львом Николаевичем Толстым не удалось. Толстой уехал в деревню...

Я чувствую настоятельную потребность говорить с ним. Мне кажется, что у меня есть сказать ему кое-что. Его последняя вещь ужасна. Страшно и жалко становится человека, который до всего доходит «собственным умом»... (...)

В каком бы восторге был ты теперь, увидев «Ивана Грозного» Репина. Да, такой картины у нас еще не было, ни у Репина, ни у кого другого — и я желал бы осмотреть все европейские галереи для того только, чтобы сказать то же и про Европу... Представь себе Грозного, с которого соскочил царь, соскочил Грозный, тиран, владыка,— ничего этого нет; перед тобой только выбитый из седла зверь, который под влиянием страшного удара на минуту стал человеком. Я рад, что живу, когда живет Илья Ефимович Репин. У меня нет похвалы для этой картины, которая была бы ее достойна.

44. В. М. ЛАТКИНУ

1.V.1885 г. СПб

Ты прочел, должно быть, мою «Надежду Николаевну», которую я послал тебе тотчас же по получении оттисков из Москвы. Напиши мне о ней что-нибудь, не стесняясь. Я чувствую, что заслужил за нее многие и многие упреки. Конечно, не с той стороны, с которой выругала критика. А это было целое гонение. Я рад только, что успел притерпеться и разные слова, вроде «чепухи» и т. п., изрыгаемые Скабичевским и К°, меня очень мало задевают.

Ты сам свой высший суд...

Но дело в том, что на этом-то суде я не могу сказать «доволен». Я чувствую, что мне надо переучиваться сначала. Для меня прошло время страшных отрывочных воплей,

каких-то «стихов в прозе», какими я до сих пор занимался: материалу у меня довольно и нужно изображать не свое я, а большой внешний мир. Но старая манера навязла в перо, и оттого-то первая вещь с некоторым действием и *попыткою* ввести в дело нескольких лиц решительно не удалась. Что вещь вышла не «реальная», о том я не забочусь. Бог с ним, с этим реализмом, натурализмом, протоколизмом и проч. Это теперь в расцвете или вернее в зрелости и плод внутри уже начинает гнить. Я ни в каком случае не хочу дожевывать жвачку последних пятидесяти — сорока лет, и пусть лучше разобью себе лоб в попытках создать себе что-нибудь новое, чем идти в хвосте школы, которая из всех школ, по моему мнению, имела меньше всего вероятия утвердиться на долгие годы. Ибо она-то и представляет чистое «искусство для искусства» не в философском смысле этого слова, а в скверном. Для нее нет ни правды (в смысле справедливости), ни добра, ни красоты, для нее есть только интересное и неинтересное, «заковыристое и незаковыристое».

45. С. Я. НАДСОНУ

(20.XII.1886 г.) СПб

Читали Вы Короленка? Напишите мне о нем что-нибудь. Я ставлю его ужасно высоко и люблю нежно его творчество. Это — еще одна розовая полоска на небе; взойдет солнце, еще нам неизвестное, и всякие натурализмы, боборыкизмы и прочая чепуха сгинет.

Из воспоминаний современников о В. М. Гаршине

В. А. Фаусек

ПАМЯТИ ВСЕВОЛОДА МИХАЙЛОВИЧА ГАРШИНА

I

Первое знакомство мое с Всев(олодом) Мих(айловичем) Гаршиным относится к весне 1876 года. Ему было тогда лет двадцать, он был студентом первого курса Горного института. Я был почти мальчик и учился в гимназии, в Харькове, вместе с его братом г. Евгением Гаршиным. (...) ...общий наш интерес к ботанике и вообще к естественным наукам и послужил первой, исходной точкой завязавшегося между нами знакомства. (...)

Главным и коренным умственным интересом была и тогда для него, конечно, художественная литература; беседы о литературе были преобладающей, почти исключительной темой в доме Гаршиных. Кружок юношей, собиравшихся у них, платил тогда особую дань поклонения и удивления Диккенсу, и Всев(олод) Мих(айлович) всецело разделял наши чувства; Диккенс всегда оставался одним из его любимых писателей.

Пришел 1877-й год, и весной была объявлена война. Всеволод был в это время в Петербурге. Через несколько дней после манифеста 12-го апреля родные его получили от него письмо, где он извещал, что оставляет Горный институт и идет на войну вольноопределяющимся. Для его матери это было большое горе, а для его молоденьких харьковских приятелей — смелый и великодушный поступок; с этих пор с именем изящного и симпатичного петербургского студента был соединен какой-то особенный ореол душевного благородства, ореол, не покидавший его до самой смерти и приобретавший все новых и новых друзей его имени. (...)

Через три месяца он уже вернулся. Чуть ли не в первом деле, в котором он участвовал, в деле под Аясларом, 11 августа он был ранен, и война для него кончилась. Он был отправлен в Харьков к родным на поправление. (...)

С этим временем совпадает и начало настоящей литературной деятельности В(севолода) М(ихайловича)... Не помню, в Харькове ли он написал «Четыре дня», или еще раньше, в Болгарии, в лазарете, но помню, как однажды он показал мне с волнением запечатанный довольно толстый конверт и сказал, что это рукопись его рассказа и что он решается послать ее «прямо в «Отечественные записки»». Кажется, ее отвез и передал в редакцию журнала Вл(адимир) Мих(айлович) Латкин.

(...) «Четыре дня» были напечатаны и имели большой успех; Гаршин сделался писателем. (...)

В течение первых трех лет нашего знакомства, (18)76—(18)79, В(севолод) М(ихайлович) пользовался полным душевным здоровьем. Меланхолическое угнетение, которое так преследовало его в последние годы его жизни, в этом периоде не появлялось ни разу (...) Я помню его постоянно живым, бодрым, чрезвычайно оживленным; он легко возбуждался и приходил в волнение в разговоре о предметах, его интересовавших. Он охотно спорил, гораздо охотнее, чем впоследствии, когда порой безучастно выслушивал совершенно ему враждебные мнения, отвечая на них молчанием... (...)

II

Он был всегда оживлен и весел, но никогда он не был так полон кипучим весельем, такой жизненностью, такой суетливой энергией, как весной 1879 года. Он напечатал уже несколько рассказов, и талант его был всеми признан; в голове его кипели планы и литературные замыслы. В Петербурге он свел знакомства в литературном мире и всюду был принят с участием, уважением и с большими надеждами на его талант. Все это придавало ему бодрости и веселья, и он приехал в мае в Харьков в самом счастливом настроении духа. (...)

В это время он писал «Художников»; впоследствии меня удивлял контраст между грустным тоном рассказа, между мрачными картинами, занимавшими тогда воображение автора, и тем состоянием его духа, настроением безудержной веселости, в котором он находился все время. Этот контраст

...жду мрачной работой воображения и веселым и спокойным ...чным состоянием духа я замечал у Гаршина и позднее... (...)

Но недолго длилось у Вс(еволода) М(ихайловича) в этом году его веселое, жизнерадостное настроение. Теперь я думаю даже, что и не к добру оно было, что то состояние крайней энергии духа и неистощимого веселья, в котором я его помню весной 1879 года, уже было, может быть, предвестником приближающейся реакции — упадка душевных сил и душевной болезни. После летних каникул я увиделся с ним снова в октябре месяце; на этот раз он приехал в Харьков таким, каким я его еще никогда не видал. У него развивалась меланхолия. Он находился в том состоянии неопределенной и мучительной тоски, которое впоследствии находило на него каждое лето и свело его, наконец, в могилу. Делать он ничего не мог; он чувствовал страшную апатию и упадок сил (...). Всякое, самое простое действие требовало от него напряжения душевных сил, совершенно непропорционального значению действия и физической работе, с ним сопряженной. Душу его угнетала постоянная тоска. Он изменился и физически; осунулся, голос стал слабым и болезненным, походка вялая; он шел, понуря голову, и, казалось, даже идти было для него неприятным и болезненным трудом. (...) Ничто не могло доставить ему удовольствия или обрадовать его. Самое ощущение удовольствия стало для него недоступно; все душевные проявления были для него болезненны.

(...) Помню, как однажды он прочитал мне наизусть — наизусть он знал множество стихов — любимое свое лермонтовское стихотворение: «Не смейся над моей пророческой тоскою, я знал: удар судьбы меня не обойдет»... Он стоял передо мной, неподвижно вперив в меня взгляд, и в его печальных, серьезных глазах, в его глухом, взволнованном голосе было столько тоски, столько глубокого убеждения, столько уверенности в пророческой правде тех слов, которые он произносил. «Но я без страха жду довременный конец,— давно пора мне мир увидеть новый»,— читал он, и я слышал в этих словах и в его тоне выражение его задушевной мысли, безнадежной, тяжелой уверенности в своей гибели. (...)

Он пробыл в Харькове около полутора месяцев, и состояние его не улучшалось нисколько, скорее все ухудшалось. В половине ноября он уехал в Петербург, одержимый тоской и смутными, мрачными опасениями. (...)

(...) в марте 1880 г. я получил печальную и поразившую меня весть, что Гаршин сошел с ума.

Он уехал из Петербурга, направляясь куда-то, в Саратовскую, кажется, губернию, но сперва хотел заехать в Харьков. (...)

Я поехал в Харьков, мне хотелось его увидеть. (...)

Я пробыл в Харькове два или три дня и каждый день подолгу проводил с ним время. Он был в состоянии крайнего возбуждения; лихорадочная деятельность его, разговор без умолку не прекращались ни на минуту. От его осенней тоски не осталось и следа. Он имел теперь вид человека уверенного в себе, гордого, довольного, совершенно счастливого. Он вовсе не производил страшного или неприятного впечатления; он был так же мягок в обращении, ласков и любезен, как всегда. По крайней мере, я его видел таким. Мне рассказывали, что иногда он приходил в состояние крайнего раздражения и вспыльчивости. При мне этого не случалось, и в нем не было ничего, внушающего беспокойство. Но его чрезвычайное нервное напряжение невольно передавалось и его собеседнику, и присутствие его волновало; разговор с ним, поневоле осторожный и неискренний, был тяжел. (...)

«Скажите мне,— спросил он вдруг,— какая, по-вашему, самая лучшая, первая книга на свете?» Я, конечно, затруднился ответить ему. Самая лучшая книга — это «Робинзон Крузо». Эта книга учит, что человек вполне может довольствоваться самим собою, может все делать для себя сам». Он стал много и горячо говорить в пользу этой мысли и доказывать, что если каждый человек будет все сам для себя делать и не заставлять работать на себя других, не будет зависеть от других людей, то жить будет лучше, и масса всякого рода зла исчезнет со света. (...)

Напомню, что он говорил это в 1880 году, когда еще вопрос о том, что «человек должен все для себя делать сам», не поднимался еще у нас в литературе и в обществе, учение о нравственности Л. Н. Толстого не проникало еще в публику, да и сам автор «В чем моя вера» стоял еще на той точке зрения, о которой он рассказал нам в «Исповеди». Следовательно, Всев(олод) Мих(айлович) в это время сам по себе, вполне самостоятельно, хотя и больной духом, пришел к тем взглядам, которые высказывал позднее Л. Н. Толстой.

В этом разговоре Гаршин не касался литературных достоинств «Робинзона Крузо», а говорил только о его тенденции; и тенденция эта казалась ему весьма высокою, настолько высокою, что он называл его «лучшею книгою на свете». Позднее (в 1886 году) мне случалось несколько раз говорить с

...м об этой же книге, и его взгляд был совсем другой. ⟨...⟩ По его словам, описание жизни Робинзона в одиночестве и сораль рассказа: «человек может вполне обойтись без других ...дей» — проникнуты эгоистическим, себялюбивым духом, и весь рассказ есть «апофеоз индивидуализма». ⟨...⟩

III

В 1883 году он женился и получил место в Петербурге, и с этого времени в его жизни до самого конца ее почти не было внешних перемен. Он жил в Петербурге почти безвыездно, и с 1884 по 1888 год я вновь видался с ним постоянно. ⟨...⟩

Ему часто приходилось слышать замечания и сожаления в печати, и в частных разговорах, что он мало пишет, и эти замечания огорчали его. В дурные минуты он часто с сокрушением говорил, что, видно, литературная карьера его подходит к концу, и он никогда не напишет ничего значительного; его знакомые говорили обыкновенно, что служба и рассеянная жизнь мешают ему работать. Хотя это было до известной степени и справедливо, но я все-таки думаю, что главная причина его незначительной продуктивности была другая, более глубокая, внутренняя причина. Литературная работа слишком утомляла его, слишком напрягала его нервы, чтобы он мог постоянно или часто заниматься ею. Он не мог писать спокойно и не волнуясь, его маленькие рассказы требовали от него сильного напряжения всех душевных сил, и создания его воображения глубоко его волновали. Писал он свои рассказы недолго, обыкновенно даже очень быстро, исписывая мелким почерком маленькие, беспорядочные клочки бумаги; но когда он садился писать, обыкновенно весь рассказ был уже готов у него в голове.

Он обдумывал его на улице, во время своих продолжительных прогулок, или дома, работая за переплетным станком; он говорил мне как-то, что главное удовольствие, доставляемое ему переплетением книг, состоит в том, что за этим занятием так хорошо думать.

Переплетным мастерством он занимался с большой любовью и посвящал ему обыкновенно каждый день предобеденные и послеобеденные часы. Он был вообще большой любитель всяких физических упражнений и особенно разных ручных работ; постоянный житель города, он имел мало случаев удовлетворять своим наклонностям, но был очень способен на всякую физическую и механическую работу. ⟨...⟩

Вообще, Гаршин был человек в высшей степени разносторонний и интересовался всем, чем только интересуются люди. Начитанность его была обширна и разнообразна, а превосходная память помогала ему сохранять в голове обширный запас сведений. Он был очень образованный человек, хотя, как это часто бывает, сам был невысокого мнения и о своих познаниях, и о своих способностях. (...) Об чем бы вы ни заговорили с ним, он всегда удивлял своими неожиданными, казалось бы, совершенно ему излишними и мало интересными для него сведениями. Его ясный аналитический ум помогал ему из каждой книги, слегка даже им просмотренной, извлечь все ценное и значительное и откинуть все ненужное или второстепенное.

На первом плане, конечно, стояла для него русская литература, и он знал ее очень хорошо. У него был тонкий вкус и отличное критическое понимание. Суждения его были метки и оригинальны, и отзывы его были всегда вполне искренни и самостоятельны: все, что он говорил, было всегда его собственное, продуманное; он был в высшей степени самостоятелен и независим в своих мнениях. (...).

За современным движением литературы он следил внимательно, и всякое проявление нового таланта его сердечно радовало. Покойного Надсона он близко знал и любил и считал его очень талантливым. (...)

С величайшею симпатией встретил он появление рассказов г-на Короленко и позднее г-на Чехова, в его сердце не было никогда ни тени зависти к чужому успеху.

Он любил изучать старую русскую литературу, и некоторые старинные произведения были его любимыми книгами, которые он знал почти наизусть. К числу таковых принадлежало, например, житие протопопа Аввакума. Он знал также много наизусть из старых поэтов, из Ломоносова и Державина, любил цитировать Державина и указывать на его поэтические достоинства. Пушкина и Лермонтова он перечитывал из года в год. Он говорил мне как-то, что Пушкина надо каждый год перечитывать, потому что с каждым годом жизни открываешь в нем все новые черты. Я застал его как-то за «Евгением Онегиным»; он сказал мне, что сейчас плакал, читая, плакал не потому, что был тронут какими-нибудь местами самой поэмы, а плакал от умиления и восторга при мысли, что у нас был такой поэт. (...)

Но настоящим властителем его дум был Лев Толстой. Его произведения были для него настольною книгой, несравнен-

...ким образцом художественного творчества. Человеческая ...жизнь, изображенная в романах Толстого, была для него как ...ы еще более реальной, еще более действительной, чем ...стоящая жизнь. С субъективным отношением Толстого, с ...его оценкой жизни и жизненных явлений (в его романах) он не ...всегда соглашался, но художественный материал, но поэзия ...ро — были для него предметом безусловного поклонения. ...Говоря о каком-нибудь общественном явлении или о душев...ной жизни человека, он ссылался на примеры из романов ...Толстого, как на нечто вполне реальное, как на неоспоримые ...аргументы. Он перечитывал его десятки раз и помнил всякую ...подробность. О героях и об разных событиях из романов ...Толстого он часто в разговоре упоминал таким тоном, как ...будто это был не вымысел, а действительные люди, истинные ...происшествия. ⟨...⟩

С европейскими литературами Гаршин не был знаком с такою же подробностью: ему мешало плохое знание языков, так как только на французском языке он мог читать свободно. ⟨...⟩

Тем не менее классиков европейских, равно как кое-что из классической литературы древности (в переводах, разумеется), он знал хорошо. Два европейских писателя пользовались его особенною любовью — это Диккенс и Андерсен. Слогу диккенсовских героев он любил подражать в шутку в своих письмах. Влияние андерсеновских сказок отразилось на его собственной литературной деятельности. Он сказал мне как-то, что ему хотелось бы издать когда-нибудь все свои сказки отдельной книжечкой с общим посвящением «великому учителю своему Гансу Христиану Андерсену». ⟨...⟩

Он очень любил живопись и, насколько я знаю, и в этой области искусства обладал хорошим вкусом и пониманием; всякая художественная выставка привлекала надолго его внимание. Смолоду, еще в студенческие годы, он много вращался в среде молодых художников, и с некоторыми из них, например, с М. Е. Малышевым, остался дружен на всю жизнь. Позднéе его знакомства в художественном мире еще более расширились, особенно среди членов товарищества передвижных выставок; он был в дружеских отношениях с И. Е. Репиным и Н. А. Ярошенко. Члены товарищества приглашали его на свои обычные обеды перед началом выставки, где в качестве званого гостя, кроме Гаршина, бывал еще Д. И. Менделеев.

Ко всей области естественных наук у него был всегда живой интерес, и к науке он относился с глубоким уважением. ⟨...⟩

При такой разносторонности интересов В. М. Гаршин был одарен сильным умом и умом в высшей степени свободным и самостоятельным. Никогда, несмотря на крайнюю мягкость своего характера, не поддавался он влиянию чужих мнений, никогда не боялся беспристрастно и искренне высказать свой взгляд, как бы он ни шел вразрез с мыслями и чувствами его собеседника; и когда вы говорили с ним, вы чувствовали невольно, что этот человек действительно серьезно передумал то, что говорит, и искренность его не подлежит никакому сомнению... ⟨...⟩

Ко всем явлениям жизни он относился критически, и его наклонность к анализу и строгая честность еще в юношестве делали для него невозможным увлечение многими иллюзиями, несмотря на его жажду общеполезного дела, на болезненное ощущение злых сторон жизни, на порывы самопожертвования. По вопросам общественной жизни он не принадлежал, строго говоря, ни к одному из наших направлений; свободный от увлечений, он беспристрастно и терпимо относился к чужим теоретическим взглядам, которых сам нисколько не разделял. Но это вовсе не был индифферентизм к вопросам политики и общественной жизни; его независимость и беспристрастие не мешали ему к некоторым направлениям русской жизни и к некоторым литературным лагерям относиться безусловно враждебно. ⟨...⟩

Я с трудом решаюсь говорить здесь о характере Всеволода Михайловича; я знаю, что не сумею достаточно ясно рассказать про глубокое благородство его души, про его доброту и сердечность, не сумею передать тот оттенок трогательной грусти и поэзии, которыми веяло от всей его личности. Его чрезвычайная нежность и мягкость, благородное изящество всего его душевного облика делали его обаятельным человеком. Я знал его 12 лет; я любил его ясный ум, любил его занимательный оживленный разговор, ценил его изящный, всеми признанный литературный талант. Но для меня, как вероятно и для всех, кто его лично знал, его ум и его талант как-то бледнели и отходили на второй план перед необыкновенною прелестью его личного характера. В этом отношении он был действительно человек необыкновенный в полном смысле этого слова. Я часто думал, что если можно представить себе такое состояние мира, когда в человечестве наступит

...ли бы полная гармония, то это было бы тогда, если бы у всех ...людей был такой характер, как у Всеволода Михайловича. ⟨...⟩

Он не был способен ни на какое дурное движение душев-...ное. Основная черта его была — необыкновенное уважение к ...правам и чувствам других людей, необыкновенное признание ...человеческого достоинства во всяком человеке, не рассудоч-...ное, не вытекающее из выработанных убеждений, а бессозна-...тельное, инстинктивно свойственное его натуре. Чувство ...человеческого равенства было ему присуще в высшей степе-...ни; всегда, со всеми людьми без исключения, держался он ...одинаково. ⟨...⟩

Добр и мягок он был подчас до забавного... ⟨...⟩

Когда он узнавал о каком-нибудь злом деле, дурном поступке, мне кажется, в нем сильнее пробуждалось чувство участия к пострадавшему, чем негодования против обидчика. А все-таки иногда он бывал вспыльчив, и если на его глазах случалась какая-нибудь гадкая, злая обида, он мог выходить из себя и без малейшего колебания и раздумья становился на защиту обижаемого, не стесняясь в выражениях вражды.— Теория непротивления злу и казалась ему особенно несимпатичною своею холодною рассудочностью. ⟨...⟩

Несмотря на свою затаенную грусть, он был человек в высшей степени жизнерадостный (как это ни покажется парадоксально).

У него была огромная способность понимать и чувствовать счастье жизни. Его разностороннюю, впечатлительную, богато одаренную натуру была крайне чутка ко всему доброму и хорошему в мире; все источники радости и наслаждения в человеческой жизни были ему доступны и понятны. ⟨...⟩

IV

После двухлетнего периода здоровья, с 1884 года его душевная болезнь вступила в новый фазис, довольно странный и очень мучительный. Каждую весну, в апреле — мае, он заболевал меланхолией. Заболевание обыкновенно происходило в течение нескольких дней. Он начинал немножко скучать, чувствовать упадок сил и духа, и через несколько дней он делался таким же мрачным, расстроенным, не способным ни на какой труд, каким он был осенью 1879 года. Упадок сил, страшная, беспричинная тоска, не покидающая его ни на минуту, бессонница — вот общие черты его болезни. ⟨...⟩

Так он прожил, с чередующимися состояниями здоровья и меланхолии, до 1887 года.

V

Зимой 1886—1887 года он стал готовиться к работе, мысль о которой давно его занимала,— он мечтал написать роман из эпохи Петра Великого. Он стал изучать литературу об этом времени и читал все, что знал, что мог достать или купить по истории Петра и XVII—XVIII веков. Чтение это все больше и больше увлекало его; но из самого романа, кажется, не было у него написано ни строчки. Был, кажется, набросан план; мало-помалу выяснялись для него фабула и содержание романа; кажется, центральной частью должна была быть судьба царевича Алексея Петровича (он любил картину Ге и говорил, что, по его мнению, Ге удалось верно схватить и передать тип царевича). (...)

Его отличное расположение духа вселяло и в меня надежду, что на этот раз, может быть, он останется здоровым и на лето. И действительно, его болезнь долго не приходила. (...)

Однажды, в первых числах марта (1888 г.—*И. П.*), утром, в неурочное время, часов в 8, он вдруг явился ко мне. Вид у него был веселый, глаза его блестели. Он сказал, что не спал всю ночь и рано утром вышел из дому погулять и зашел ко мне, думая, что я уже встал. Он показался мне в крайне возбужденном состоянии... (...) Он сел и обратился ко мне с некоторой торжественностью: «Я пришел сообщить тебе замечательную новость». Я подумал, что это что-нибудь новое в его отношениях к своим родным. «Нет,— сказал он,— это вовсе ни меня, ни наших не касается. Новость вот какая: в России появился новый первоклассный писатель». Он говорил про «Степь», рассказ г-на Чехова, только что появившийся в «Сев(ерном) вестнике».

Он познакомился с рассказами г-на Чехова с тех пор, как они стали появляться в «Новом времени», и высоко оценил его талант. «Степь» он прочитал накануне, и она произвела на него чрезвычайное впечатление. (...) Чехов как будто воскресил его: «У меня точно нарыв прорвался,— говорил он,— и я чувствую себя хорошо, как давно не чувствовал».

О рассказах г-на Чехова мне не раз приходилось уже говорить с ним, и я знал его высокое о них мнение. Но его восторг, его пламенные глаза меня смущали и беспокоили. (...)

У него стали, как кажется, проскальзывать безумные идеи — так как в последние дни у него вырывались замечания

и слова, непонятные для слушателей, он чувствовал, вероятно, приближение безумия, не выдержал страшного ожидания и, накануне назначенного отъезда, когда все уже было готово и вещи уложены, после мучительной бессонной ночи, в припадке безумной тоски, он вышел из своей квартиры, спустился несколько вниз и бросился с лестницы.

Он не убился до смерти; его подняли разбитого, с переломленной ногой и перенесли в квартиру. Те несколько часов, которые он еще пробыл в сознании, он глубоко страдал нравственно, он не переставал упрекать себя за свой поступок; в близости конца он, кажется, был вполне уверен. «Неужели? Неужели?» — сказал он, глядя на свои изувеченные ноги: была ли это радость, что прекратятся его страдания, или ужас при мысли, что для него все кончено? — Это осталось непонятным. Доктору, который успокаивал его, что через месяц он встанет, он ответил усмешкой. Когда А. Я. Герд приехал к нему, он застал В(севолода) М(ихайловича) лежащим на кровати и целующим руки жены. На вопрос, больно ли ему, страдает ли он, он ответил А. Я. Герду: «Что значит эта боль в сравнении с тем, что здесь!» — и указал на сердце. Когда физическое страдание усиливалось, В(севолод) М(ихайлович) говорил: «Так мне и нужно, так мне и нужно».

Я увидел его уже в больнице, в бессознательном состоянии. Около него сидели жена его и В. М. Латкин. Он казался спящим крепким и спокойным сном здорового, но очень утомленного человека. Дыхание его было сильное и громкое. Он не шевелил ни рукой, ни ногой, и жена его от времени до времени переменяла положение его головы и тела, чтобы не отекали члены. К голове его прикладывали лед. Красивый южный тип его смуглого лица, его густые черные волосы как-то особенно резко выделялись на белой подушке, белом одеяле и белом платке, прикрывающем голову. Выражение лица было спокойно и не обнаруживало страдания.

Он не выходил из этого состояния глубокого сна до самой смерти.

Жена его была при нем безотлучно, и я навещал ее каждый день; доктора объявили, что нет никакой надежды.

В четверг, 24 марта, подходя к больнице, я увидел идущего мне навстречу седого старика; это был А. Н. Плещеев, приехавший навестить В(севолода) М(ихайловича) и выходивший из больницы. Я подошел к нему; на мой немой вопрос он ответил мне одним словом: «умер» — и заплакал.

М. Е. Малышев

О ВСЕВОЛОДЕ ГАРШИНЕ

Всеволода Михайловича Гаршина я помню с 1865 г., когда я поступил во второй класс бывшей С.-Петербургской 7-й гимназии, ныне 1-го реального училища. Гаршин только что перешел из первого класса во второй, и тут мы с ним познакомились и сошлись. Он был мальчик необыкновенно скромный, но веселый, уживчивый и чудесный товарищ... (...)

Из всех знавших покойного Гаршина вряд ли найдется кто, могущий сказать дурное об этом глубоко честном, милом и хорошем человеке.

Все воспоминания о нем - панегирик ему, и панегирик этот слышал я и в Болгарии от солдатиков-сослуживцев покойного, и в Петербурге от его друзей и знакомых, а знакомых у него было чрезвычайно много. Его симпатичность, мягкий, уживчивый и общительный характер невольно с первого раза располагали к нему всякого, а образование делало беседу с ним интересною и увлекательною.

Читал он необычайно много и обладал замечательною памятью. Кончив гимназию и поступив в Горный институт, В(севолод) М(ихайлович) сблизился с кружком молодых художников и стал непременным членом их сборищ. На этих собраниях, «пятницах», читались впервые некоторые из произведений его, обсуждались и комментировались, и так как тесная дружба царила между членами кружка, то и мнения, иногда, правда, нелепые, бывали всегда искренни. Споры об искусстве не умолкали, и В(севолод) М(ихайлович) горячо, горячее многих художников, ратовал за искусство как служение высшим идеалам добра и правды и этому искусству оставался верен всю свою жизнь. Дружбу и симпатию к некоторым членам этого кружка он сохранил до самой своей смерти, и воспоминание о «пятницах» всегда было одним из лучших его юношеских воспоминаний.

С этих «пятниц» началась и укрепилась его близость с художниками, продолжавшаяся всю его недолгую жизнь. Симпатии к Гаршину в мире художников очень велики, чему лучшим доказательством служит та готовность, с которою русские художники откликнулись на призыв поработать для издания, посвященного его памяти.

Когда в 1877 г. была объявлена война Турции, Гаршин с одним из своих друзей, В. Н. Афанасьевым, бросили Горный

ститут, где они были студентами, и отправились в действующую армию. Приехав в Кишинев, они зачислились в Болховский полк и на другой же день выступили в поход. (...)

Живой по натуре, непоседа, в высшей степени общительный, простой и ласковый, Гаршин очень полюбился солдатам, привыкшим видеть в вольноопределяющемся кандидата на офицера, а не своего товарища. Он близко сошелся с ними, учил их грамоте, писал письма, читал газеты и по целым часам беседовал с ними; беседы эти долго еще спустя, когда Гаршин, раненый, уже уехал в Россию, вспоминались солдатами.

«Все-то он знал, все-то рассказать мог, и сколько он нам историй разных порассказал на походе! Изморимся, язык высунем, еле ноги волочим,— рассказывали мне,— а ему и горюшка мало, снует промеж нас, с тем покалякает, с другим. На привал придем — только бы ткнуться куда, а он соберет котелки да за водой. Чудной такой, живой! Славный барин, душа!» Несмотря на свою кажущуюся физическую слабость, Гаршин выносил тяготы похода несравненно легче большинства.

Когда он был здоров — не было собеседника приятнее его. Развитой и остроумный, он был, что называется, «душа общества», но нервность его натуры сказывалась во всем: не было стола, этажерки, на которых бы он не перетрогал всех вещей; зачастую случалось, что, отыскивая «душу» предмета, он его ломал окончательно. Придя домой, с уверенностью можно было сказать, заходил Всеволод Михайлович или нет. Но эта кажущаяся неряшливость не мешала Гаршину на деле быть чрезвычайно чистоплотным и нравственно, и физически. Убеждениям своим и долгу Всеволод Михайлович не изменял никогда. (...)

Тяжкий недуг, которым по временам страдал Гаршин, после его женитьбы заметно смягчился, характер заболевания не имел уже той острой формы, как прежде, но за последние годы почти каждую весну, месяца на два, хандра и апатия ко всему овладевали им; осенью же и зимой он опять был совершенно нормален, полнел, молодел и чувствовал себя отлично. Лето 1885 г. я жил на даче в Мурине, и Гаршин приехал ко мне погостить. Состояние духа его было особенно угнетенное, он высказывал полное неверие в свои силы, в свой талант и даже в свое призвание, жаловался, что талант, «если только он был», он не развивал, а зарыл, что он ничего не знает, что должен всему учиться с азбуки, что он в тягость

всем людям и напрасно только коптит небо, но о *самоубийстве ни разу* не проронил ни слова. Временами он как будто делался бодрее, и мы опять видели милого, умного и веселого Гаршина. Начало лета 1887 г. (май и июнь) он был здоров и бодр и, приехав ко мне на дачу, он, рассказывая мне об одном чрезвычайно неприятном семейном деле, радовался, что оно, несмотря на всю свою серьезность, не вызывало прежних припадков хандры, тогда как раньше малейшего пустого повода было достаточно, чтобы вызвать полный упадок духа. «Обыкновенный срок моего заболевания уже прошел и, несмотря на это ужасное, отвратительное письмо и на прочие гадости, я здоров. Слава богу, значит на этот год я останусь цел. Ты не поверишь, Мишуной (так часто называл меня Всеволод Михайлович), как я рад этому»,— говорил Гаршин.

Этим надеждам, к несчастью, не суждено было оправдаться и в июле он заболел, а в апреле его не стало. (...)

Смерть Гаршина — потеря и большая потеря для русской литературы, но мы, близко знавшие его друзья, потеряли в нем, кроме честного, талантливого писателя, еще и чудеснейшего человека и верного друга.

А. В. де-Лазари

⟨ВОСПОМИНАНИЯ О В. М. ГАРШИНЕ⟩

Около сорока лет назад семья В. М. Гаршина проживала в Харьковской губернии, в небольшом уездном городе Старобельске. Городок был чистенький, повитый зеленью, с хорошей небольшой рекой, с купаньем и садами. В то время отец Гаршина еще был в живых, но видали мы его, мы, молодежь и дети, очень редко, так как он появлялся среди нас большею частью внезапно,— порывисто войдет и уходит, поселяя в детских душах наших смущение, тревогу и любопытство. Несмотря на то, что наши семьи были связаны крепкой старинной дружбой, об отце В⟨севолода⟩ М⟨ихайловича⟩ мы знали мало. Знали только, что он был душевно неуравновешен, был занят манией постройки воздушной железной дороги, и я, тогда двенадцатилетняя девочка, ярко запомнила эти висевшие по комнатам веревочки, по которым прокатывались маленькие вагонетки. Характерное и больное лицо его тоже врезалось в моей памяти: худое, со втянутыми щеками, с седоватыми бачками и нервно и беспокойно блуждающими

глазами. Боялась я его,— но не подолгу он оставался с нами: убежит, посмотрит, редко что скажет — и порывисто уходит прочь.

Насколько мы, дети, боялись отца В(севолода) Михайловича),— настолько крепко и радостно были привязаны к матери Гаршина — Екатерине Степановне. Бледное одухотворенное лицо ее с яркими, умными, проницательными глазами стоит и теперь передо мною как живое. Говорили про нее, что была она из «красных», будто бы в свое время пострадала за убеждения, но мало мы в те детские ранние времена разбирались в этом и, конечно, не за это любили ее... Рассказывали еще про нее, что была она духовно близка с Чернышевским,— но так ли это, удостоверить не могу.

Детей у Гаршиных было четверо. Старший — Георгий, второй — Виктор, окончивший жизнь самоубийством; Всеволод Михайлович был предпоследним. Младшим был Евгений Михайлович, ныне здравствующий директор реального училища в Таганроге.

Жили мы с Гаршиными в Старобельске почти рядом. Всеволод Михайлович учился тогда в Петербурге, был студентом Горного института и каждое лето приезжал на каникулы к матери.

Веселый, жизнерадостный, исполненный какой-то священной бесконечной доброты, исполненный трогательной ласки и внимания — вот каким мне представляется теперь Гаршин-студент. Умиляла меня тогда его необычайная любовь к детям. Была еще в нем, в характере его, особенная черточка. Кроме детей, он как-то чисто и мило обожал беременных женщин. Все лицо его озарялось, когда он видел такую женщину.

— Я не знаю, отчего это,— но мне так хочется подойти к ней, помочь ей перейти через улицу, подняться по лестнице, чем-нибудь услужить, успокоить и обрадовать,— смущенно и ласково улыбаясь, говорил он.

Какое в то время было у него лицо? — Матовое, смуглое, с ощутимо пробивавшимся трепетным румянцем. Глаза его были прекрасны, застенчивы и порою восторженны и грустны. Ни тени грядущей болезни я не могла тогда прочесть в них. Было В(севолоду) М(ихайловичу) тогда лет 20, не больше. Волосы были черные и вились; узкая, черная, тоже вьющаяся бородка заметно удлиняла лицо, юношески пушистые бачки оттеняли щеки. Улыбался он часто, сердечно и необыкновенно привлекательно; роста был выше среднего, худощав,

держался несколько сутуловато, и это мы, молодежь, тогда ставили ему на вид. Обыкновенно носил он блузу, но летом часто показывался и в русской вышитой рубашке. Между прочим, Всеволод Михайлович сам умел вышивать по канве крестиками и любил вышивать,— а особенно выдергивать после вышивки канву. Мы это знали и часто, желая сделать Всеволоду Михайловичу приятное, оставляли канву наших рукоделий для выдергивания.

В семье нашей все его обожали, но, разумеется, больше всего любили Всеволода Михайловича мы, молодежь, ближайшие соучастники его жизни. Свет живой и немеркнущей радости приносил в наше «женское царство» его приход. Наша семья почти исключительно состояла из женщин: кроме нас, трех девушек и матери, с нами жила еще тетка, Прасковья Николаевна Н. и воспитанница Сашенька,— и мягкий, женственно-чистый Гаршин очень любил бывать у нас. Он ухаживал за моею старшей сестрою Р(аисой); в то время она была худенькой, красиво сложенной девушкой, с мягкими каштановыми волосами; глаза ее были очень выразительны и вся она казалась привлекательной и нежной. К тому же сестра была очень хорошей музыкантшей,— она по зимам училась в Харькове, в тогдашнем Музыкальном обществе, а потом даже перебралась — и, кажется, не без влияния В(севолода) М(ихайловича),— в Консерваторию, в Москву.

Несколько раз мы ставили, по инициативе В(севолода) М(ихайловича), благотворительные спектакли. Помню, раз мы играли в каком-то летнем клубе «Женитьбу» Гоголя, и Гаршин был душою этого вечера. Он выступал в ней как актер в роли Жевакина и, кроме того, помнится, что-то строгал, и клеил, и прибивал, устраивая декорации. Сестра Р(аиса) в том спектакле играла Агафью Тихоновну, мать Гаршина, Екатерина Степановна,— сваху,— притом необыкновенно хорошо; я же, тогда подросток, выступала в роли горничной Насти. Спектакль собрал массу публики, вышел очень интересным, и Гаршин радовался, как ребенок.

Года через два наша семья переехала из Старобельска в Харьков. Гаршины жили уже там, да и сестра Р(аиса) к тому времени перебралась на зиму в Харьков, занимаясь в Музыкальном обществе и проживая у тетки.

Сначала, впрочем, переехала в Харьков не вся наша семья, а только я да сестра Р(аиса). Мне следовало поступать в гимназию, и это-то и явилось главной причиной нашего переезда.

Помню, мы приехали прямо к Гаршиным, на их квартиру, и прожили в семье В(севолода) М(ихайловича) три месяца. Всеволод Михайлович в это время был уже на войне,— писал он, что ранен и едет в Харьков, но что-то долго не приезжал и прибыл в Харьков вместе с воинским поездом лишь в августе или в начале сентября.

Привезли его прямо в лазарет; едва получилось об этом известие, как сейчас же к нему в госпиталь поехала Екатерина Степановна и с нею я. Помнится, я взглянула на него,— каков он? Война на нем словно и не отразилась: В(севолод) М(ихайлович) лишь немного похудел и побледнел, но остался таким же жизнерадостным. Когда мы вошли,— он сидел в своем бараке в кресле и улыбался мягко и застенчиво. Нога его была прострелена в колене, в сквозную рану был вставлен дренаж. Глазами он искал сестру, но ее случайно в то время не было в городе. Она приехала через несколько дней, и тогда мы, конечно, прежде всего поехали повидать Гаршина.

Увидя сестру, В(севолод) М(ихайлович) разрыдался от волнения и радости, была растрогана и сестра, все мы плакали, и я, тогда четырнадцатилетняя, помню, очень гордилась, чувствуя себя покровительницей этой юной и чистой любви.

Вскоре же Гаршина начальство отпустило из лазарета на дом. В(севолода) М(ихайловича) перевезли на квартиру Гаршиных на Ново-Мало-Сумскую улицу, и здесь-то, в этой квартире, отныне сделался сборный пункт и центр нашего юного «Гаршинского общества». С этой же поры более явственно стало определяться увлечение В(севолода) М(ихайловича) сестрой Р(аисой). Уже говорили о них как о женихе и невесте, но, ввиду болезненной наследственности в семье Гаршиных, как мать В(севолода) М(ихайловича), так и мать моя, старались, по возможности мягко, отвлечь молодых людей от мысли сочетаться браком. Зачатки грозной болезни, унесшей талант и душу Гаршина, уже начинали сквозить в его жизни отдаленными зарницами. Порою В(севолод) М(ихайлович) делался мрачен, порою отстранялся от всех, и только мы, наш юный, беспечно и радостно настроенный кружок, еще отвлекал его от тяжелых мыслей и душевной тоски. (...)

Сохранилось у меня в памяти и житье наше на так называемой «Сбитневой даче».

Здесь мы жили с одной близкой нам семьею в громадном старом заброшенном помещичьем доме. В семье этой было

пять человек молодежи, в том числе две девушки,— наша компания таким образом еще более увеличилась, и старый покинутый дом необычно оживился после долгих лет тишины.

При доме был небольшой фруктовый сад и старинный парк с чудесной аллеей вековечных лип, сень которых была так густа, что под листву их никогда не проникал дождь. На даче было три входа, и любопытно было видеть, как каждый вечер, точно тараканы, со всех сторон ползла молодежь в общую залу наших собраний. Студенты, офицеры, художники, учителя и еще совсем уже зеленая молодежь, собирались на наши журфиксы, и с искренним, ласковым приветом встречала входивших мать, очень благожелательно относившаяся к молодежи.

К вечеру обыкновенно приезжал отец, и так мне запомнилась его линейка, нагруженная живностью и всякого рода провизией для угощения собравшихся.

Тут же на поляне перед домом разводили костер, и в громадном котле варилась на все сборище так называемая «полевая каша» — куриный суп с крупою — и все тут же ели ее, не входя в дом, на траве. Таран, редиска и огурцы завершали наше нехитрое угощение,— но как же было благостно-весело теми светлыми летними вечерами!

Серьезные беседы внезапно сменялись беганьем взапуски, игрою в горелки, возней в стогах сена... Все были влюблены, это у нас называлось «быть в переплете»,— все ухаживали друг за другом, но как все это было чисто, невинно-чисто и трогательно, и наивно, и одухотворенно! Кристальная душа Всеволода Михайловича реяла над нами, озаряя, точно сиянием, наши забавы и радости. Но бывал он здесь реже и вскоре уехал.

Была у нас там и лодка, и теплыми вечерами мы неустанно катались по реке, причем Всеволод Михайлович порою дирижировал нашим хором. У всех нас были матросские костюмы,— даже у мужчин,— и, уж конечно, нашего собственного изготовления... В то время о таланте Гаршина было уже широко известно; уже вышли в печати его главнейшие произведения,— но как он был по-прежнему пленительно-скромен, как не любил, избегал говорить о себе и как застенчиво прятался от похвал и поклонения!

Осенью Гаршин уехал в Петербург, а весною прибыл уже больной, удрученный и мрачный.

Мне было тогда 16 лет, я училась в седьмом классе гимназии и, когда узнала о приезде Всеволода Михайловича, сейчас же отправилась к Гаршиным на квартиру.

И впервые не вышел ко мне Гаршин. Он сидел в своей комнате запершись и никому не показывался.

Екатерина Степановна, мать Гаршина, казалась внезапно состарившейся. Она сказала мне, что у Всеволода припадок меланхолии.

— Гаршин болен!

Каждый день я приходила к Екатерине Степановне. Меня встречали по-прежнему, как родную,— больше, чем как родную,— но печать тоски, горя и жуткого ожидания висела над домом. Чувствовалось, как что-то злое, жестокое, бессмысленное неотвратимо распростерлось над семьею. Ужасный лик неизлечимой душевной болезни точно дышал над нами, отравляя, уничтожая прежде все исполнявшую радость.

Однажды, в какой-то день, когда я, придя к Гаршиным, сидела с его матерью, внезапно вошел Гаршин.

С невыразимым смущением, исполненная боли, я поднялась и смотрела Гаршину в лицо. Глаза его глядели угрюмо, почти жестко. Болезненно-жестко и жалко. Я готова была разрыдаться, я сдерживалась изо всех сил. Все дрожало во мне.

Гаршин постоял около меня, молча повернулся и ушел. Еще более сутулым мне показался он. Жутко было, жутко и жалостно — до слез. Чувствовалось,— без слов, без объяснений, что все кончено, все и навсегда.

В тот же свой приезд раз утром Гаршин пришел к нам на Молочную улицу и, не показавшись никому, прошел к отцу и попросил у него лошадь.

— Скучно мне,— тоска. Хочу покататься верхом,— сказал он.

Несмотря на то, что у Всеволода Михайловича был какой-то странный вид, отец не мог ему отказать в просьбе, и Гаршин тотчас же уехал верхом на лошади со двора, не повидавшись с нами.

Вечером Екатерина Степановна прислала к нам спросить, не у нас ли Всеволод Михайлович. Его не было и утром, и на другой день, и на третий, и только через неделю матерью Гаршина получилось известие, что на нашей лошади Всеволод Михайлович уехал в Орловскую губернию к родственникам. Рассказывали потом, что Всеволод Михайлович всю

дорогу старался променять эту лошадь, и вообще вел себя уже явно ненормально. Привезли его обратно к матери уже в смирительной рубашке, так как болезнь его приняла острый и тяжелый характер.

Уже нельзя было Гаршина держать дома,— после долгих колебаний мать решила поместить Всеволода Михайловича в дом душевнобольных, на Сабуровскую дачу. Сад этой дачи соприкасался с садом нашей дачи, и мне было очень тяжело наблюдать разительную перемену во внешности нашего Всеволода.

Навещала я его вместе с Екатериной Степановной, и часы эти были так удручающи, что я не могу о них долго распространяться даже теперь. Ужасно было видеть это тонкое, изящное, одухотворенное лицо во власти жестокой болезни. Находили на него порою минуты просветления,— в такое время он жаловался на то, что ему все льют по капле на голову холодную воду.

Томительное и тяжкое было для нас это лето. Одно сознание, что за стеною сидит в ужасном недуге наш Гаршин,— отравляло все дни. Весной я уехала из Харькова и о дальнейшем не могу сказать ничего. Знаю только, что Всеволод Михайлович выписался из больницы и уехал в Петербург.

Н. С. Русанов

ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

〈...〉 Когда мне говорят о тенденциозных писателях и противопоставляют их чистым художникам, мне всегда припоминается Гаршин: уж кто, как не Гаршин, обращал внимание на изящество форм, кто, как не он, дорожил способом выражения, стало быть, чистым искусством, и кто в то же время, как не он, был более тенденциозен в том смысле, что во всякой его вещице была идея, глубокое чувство к людям, отзвук на их страдания? Но вся его тенденциозность заключалась в его чуткой, туго натянутой душе, звучащей, не скажу в унисон, а в сложный аккорд с явлениями жизни, аккорд, не исключавший порой мучительного диссонанса. Его волновали вопросы, которые волновали лучших людей его времени, и, потрясенный ими, он не мог не звучать в ответ, и звучал, все

звучал, пока не порвалась его тонкая организация... Борьба русских социалистов с правительством производила на него страшное впечатление; прекрасные и в художественном смысле фигуры революционеров глубоко потрясали его, а бессмысленная реакция, которая скосила целое поколение лучших русских людей, опрокинула и без того неустойчивое душевное равновесие Гаршина. С этой стороны Гаршина мало знают; я на это и обращу как раз внимание.

Покушение за покушением, исходившие от народовольческой организации, создали такую атмосферу, что люди, и не имевшие никакого касательства к партии, били тоже в эту точку. Так, Млодецкий стрелял в Лорис-Меликова. Весть о покушении глубоко взволновала весь Петербург. За два дня до казни Млодецкого мне пришлось случайно ночевать у Гаршина. Он жил в то время по Садовой, в огромном доме Яковлева, нанимая меблированную комнату вместе с художником Малышевым... (...)

Мы уже давно улеглись с художником, а Гаршин все еще был на ногах, нервно бегал по комнате, что-то писал — и рвал и опять писал, пил воду стакан за стаканом, ломал в отчаянии руки, сдерживая рыдания, наконец, наскоро накинул пальто и шапку и выбежал... Мы заснули... Часов в 9 утра вбегает к нам, как сумасшедшая, коридорная женщина и просит нас встать, так как к нам идут частный пристав с околоточным... Спросонья мы не могли ничего понять. «Здесь квартирует г. Гаршин-с?» — осведомился просунувший свой нос в дверь пристав.— «Здесь... А что?» — «Я прислан справиться, точно ли здесь квартира г-на подпоручика Гаршина и жил ли он здесь до последнего времени?» — «Не только жил, а живет и вышел несколько часов тому назад и, может быть, сейчас же вернется». Нам показалось, что на последние наши слова полицейский нос улыбнулся, зная, очевидно, об этом больше нашего. (...)

Вот что, оказалось, сделал внезапно уехавший от нас ночью Гаршин. Когда он узнал, что Млодецкий послезавтра должен быть повешен, он решил сначала написать к Лорис-Меликову письмо, прося в нем помиловать Млодецкого. Но ему все казалось, что у него выходит недостаточно красноречиво, и он порвал лист за листом. Наконец он предпочел пойти к Лорису, чтобы при личном свидании объяснить тому всю необходимость простить стрелявшего. Он, действительно, явился

в 6 часов утра и настойчиво просил дежурного офицера передать его, гаршинскую, визитную карточку спавшему еще в то время всемогущему диктатору. Лорис-Меликов, который любил прикидываться человеком образованным и даже следящим за отечественной литературой, вспомнил, что действительно есть такой себе на свете писатель Гаршин, и припомнил, кроме того, что он знал этого Гаршина еще раньше как добровольца во время русско-турецкой войны: Гаршин был даже ранен там и получил, кажется, чин подпоручика за храбрость. Лорис был заинтересован ранним посещением неожиданного просителя и принял его не в урочный час.

Сначала Гаршин пытался горячо доказывать диктатору, как было бы гуманно, тактично и даже полезно в общественном смысле с его стороны помиловать Млодецкого, тем более, что этот покушался именно на Лорис-Меликова, да и покушение не удалось. Но Лорис и тут показал себя тем, чем всегда был: дряннным честолюбцем и пикурным человеком, разыгрывавшим роль самоотверженного государственного деятеля. Он стал прятаться за высшие принципы, за необходимость неукоснительного подавления преступлений, говорил, что будто бы прощение Млодецкого зависит не от него, а от государя. Взволнованный до глубины души, Гаршин вздумал прибегнуть к военной хитрости: Граф,— крикнул он,— а что вы скажете, если я брошусь на вас и оцарапаю: у меня под каждым ногтем маленький пузырек смертельного яда, малейший укол — и вы мертвы» Конечно, граф отлично видел своего страшного врага, этого симпатичного, едва державшегося на ногах от волнения юношу, и отлично понимал наивность угрозы. Но все-таки не приминул разыграть (роль) великого храбреца: «Гаршин, вы были солдатом, а я и теперь, по воле монарха, солдат на посту; как же вам пришло в голову пугать меня смертью; сколько раз мы смотрели ей с вами в глаза». Обескураженный Гаршин и не заметил всего комизма этого актерства, был даже тронут ответом Лориса и вдруг, зарыдав, снова стал умолять азиата-царедворца помиловать Млодецкого, дошел чуть не до обморока; наконец добился от Меликова обещания хоть на время отложить казнь и снова рассмотреть дело... Как и следовало ожидать, обещание не было исполнено, и Млодецкого вздернули в заранее назначенный срок. (...)

В. П. Сахаров

ВОСПОМИНАНИЯ О В. М. ГАРШИНЕ

Первая встреча и знакомство мое с В. М. Гаршиным состоялись в апреле 1877 года в г. Кишиневе, в квартире моего ротного командира поручика Ивана Назаровича Афанасьева. (...)

Через два дня я увидел Гаршина уже рядовым солдатом, одетым в шинель, с ранцем за плечами и с винтовкой в руках. Он шел в строю вместе с полком, выступившим из Кишинева на театр военных действий. (...) Всеволод Михайлович, несмотря на хрупкость и слабость своего сложения, несмотря на непривычку к походу в полном боевом снаряжении, ни разу не отстал от части. Между тем первые походы от Кишинева до Рымнии без походных палаток, под дождем, при размокшей глинистой местности, а потом под палящими лучами солнца, при отсутствии воды (50-верстный переход до Рымника) были страшно трудны и утомительны. Процент отставших нижних чинов был очень значителен. Бывало, как только полк остановится на привал, Всеволод Михайлович идет усталой походкой с котелком за водой к ручью или колодцу. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы он воспользовался в подобных случаях услугами солдат, хотя впоследствии они хорошо узнали Всеволода Михайловича и наперебой старались услужить ему. Добрый, отзывчивый к горю и нуждам окружающих, всегда готовый так или иначе идти на помощь, Гаршин стал общим любимцем в роте. (...)

Гаршин жил вместе с солдатами в солдатской палатке. По просьбе нас, офицеров, ротный командир приглашал В(севолода) М(ихайловича) поселиться в нашей палатке, там, где было и просторнее, и удобнее в смысле продовольствия, и можно было пользоваться услугами денщиков, но он категорически отказывался перейти, мотивируя тем, что он, как рядовой солдат, должен жить в условиях солдатской жизни. (...)

Познакомившись с В. М. Гаршиным поближе, я в свободное время приглашал его на прогулки в окрестностях бивуаков. (...)

Говоря откровенно, близкое знакомство с Гаршиным оказало на меня большое нравственное влияние. Однажды, рассердившись за что-то на денщика, вероятно, за какой-нибудь пустяковый проступок, я побил его. Рукоприкладство

в то время и не поощрялось, но и не преследовалось. Это произошло в присутствии Гаршина. На другой день, подойдя к В(севолоду) М(ихайловичу) на бивуаке с целью пригласить его на прогулку, я сразу заметил большую перемену в своем любимом собеседнике. Глаза его, всегда задумчивые, теперь смотрели на меня совсем грустно. Он казался смущенным и вместе с тем так укоризненно смотрел на меня, что я сразу понял причину перемены в его настроении.

На этот раз прогулка была невеселая и разговор как-то плохо вязался. Оба мы чувствовали себя неловко... В конце концов я должен был сознаться, что мое поведение в отношении к денщику было преступное и позорное. И сразу изменилось выражение лица В(севолода) М(ихайловича). Он добрыми, благодарными глазами посмотрел на меня, а я в душе дал слово никогда, ни при каких обстоятельствах не доходить в своем раздражении до кулачной расправы. И должен сказать, что слово сдержал... (...)

А. И. Эртель

О ВСЕВОЛОДЕ ГАРШИНЕ

Бывают люди, которые с первой же встречи овладевают вами, ярко отпечатлеваются в вашей памяти с их лицом, с выражением их взгляда, с звуком их голоса. Слова их имеют какую-то особенную способность проникать в ваше сердце; мысли, быть может, даже несогласные с вашими, странно и почти неотразимо пленяют вас своей глубокой сосредоточенностью и оригинальным складом. И когда встреча с такими людьми переходит в знакомство, когда знакомство достигает известной степени близости, их нравственный облик оставляет в вашей душе неизгладимый след, воспоминание о них делается неумирающим. (...)

Одним из таких «пленительных» людей несомненно был и Всеволод Гаршин. При первом же знакомстве вас необыкновенно влекло к нему. Печальный и задумчивый взгляд его больших «лучистых» глаз, детская улыбка на губах, то застенчивая, то ясная и добродушная, «искренний» звук голоса, я не умею подобрать другого выражения, что-то необыкновенно простое и милое в движениях — все в нем прельщало... И за всем тем, все, что он ни говорил, все, что он ни думал, не становилось в противоречие с его внешними

особенностями, не вносило диссонанса в эту удивительно гармоническую натуру. Трудно было найти бо́льшую скромность, бо́льшую простоту, бо́льшую искренность; в малейших оттенках мысли, как и в малейшем жесте, можно было заметить ту же присущую ему мягкость и правдивость. Мягкость эта, однако же, не была признаком бесхарактерности или беспринципности. Коренясь в органических свойствах его натуры до такой даже степени, что выражалась в движениях, в манере говорить, в манере общаться с людьми, она затем получала свое утверждение в том особенном понимании жизни, которое выразилось в известных словах г-жи Сталь: «tout comprendre — tout pardonner»[1]. И вот такие-то поистине чарующие свойства своего характера и своего ума, такое-то понимание жизни Гаршин имел средства широко распространять вокруг себя благодаря своему литературному таланту.

Имел средства распространять, но не имел времени, чтобы во всей-то глубине воспользоваться этими средствами. Он умер 33-х лет... Исчез характер столь высокий, талант, так много обещавший, и притом так рано, так насильственно и жестоко исчез, что тут, конечно, самое законное место горячим и сильным сожалениям...

Я знал Гаршина с 1879 г. Наше знакомство не было очень близким; случалось, что мы не видали друг друга по целым годам. Но, когда встречались, отсутствие большой близости не мешало ему относиться ко мне с трогательной доверчивостью, вести со мною задушевные разговоры,— черта, свойственная, мне кажется, особенно хорошим людям, которые не нуждаются в дружбе, чтоб иметь возможность быть искренними и откровенными, и не ищут приятелей, чтобы было на кого излить потребность любви и доброжелательства. Мы встречались очень часто до весны 1880 г., затем еще две-три зимы в Петербурге, и, наконец, в июне 1884 г. я говорил с ним последний раз, простившись, как оказалось, навсегда, в Козлове до которого ему случилось ехать вместе со мною от самой Москвы. Не было между нами и постоянной переписки; за девять лет мы обменялись только несколькими письмами. Тем не менее это была до того открытая, до того *прозрачная* натура, если мне будет позволено так выразиться, что узнать ее было легко и при отрывочном наблюдении и так же легко было испытывать ее чарующее влияние.

[1] Все понять — все простить *(фр)*.

В 1879 г. Гаршин уже пользовался довольно широкой литературной известностью. Его читали нарасхват; его любили; на него возлагали большие надежды; в «Отечественных записках» уже год как были напечатаны его «Четыре дня». Отвращение к неистовой «поэзии войны», смею думать, особенно присущее русскому народу и уже засвидетельствованное таким великим мастером, как граф Лев Толстой, и таким крупным художником, как В. В. Верещагин, нашло нового и оригинального выразителя в молодом писателе. Впоследствии, в «Воспоминаниях рядового Иванова», он еще ярче и еще убедительнее, чем в своем первом рассказе, развенчал эту поистине звериную поэзию», во многих местах указав и на то, в каких инстинктах и в каких стихийных состояниях души она берет свое начало.

Это и не могло быть иначе. Напрасно тут некоторые видят подражательность и заимствование. Все его существо являло из себя протест насилию и той фальшивой красоте, которая так часто сопровождает зло. Вместе с тем это органическое отрицание зла и неправды делало из него глубоко несчастного и страдающего человека. Относясь ко всему поруганному и обиженному с чувством страстной и, я решаюсь сказать, почти болезненной жалости, с жгучей болью воспринимая впечатления от злых и жестоких дел, он не мог успокаивать эти впечатления и эту жалость взрывами злобы и негодования или чувством удовлетворяемой мести; ибо ни на «взрывы», ни на «чувство мести» не был способен. Вдумываясь в причины зла, он приходил только к тому, что «месть» не излечит его, злоба не обезоружит, и жестокие впечатления глубоко, незаживающими ранами, залегали в его душе, служа источниками той неизъяснимой печали, которая неизменным колоритом окрашивает его произведения и которая придавала его лицу столь характерное и трогательное выражение.

Понятно, что при таких условиях его талант налагал на него тяжкое и мучительное бремя. Я не могу без трепета даже мысленно проследить те душевные истязания, которые он, несомненно, должен был испытывать, когда оживлял и пересматривал свои впечатления, чтобы написать такие вещи, как «Четыре дня», «Воспоминания рядового Иванова», «Красный цветок», «Надежда Николаевна»! Обстоятельства же как нарочно складывались так, что по преимуществу те, а не иные впечатления давала ему жизнь. В самую цветущую и жизнерадостную пору жизни он познакомился с ужасами самого дикого и бессмысленного дела, которое только свойственно людям; затем, до самой смерти, с незначительными перерывами жил в Петербурге. Я не могу, конечно, сказать,

...но преобладающий тон петербургской жизни, в свою очередь, напоминает что-либо дикое и бессмысленное... во всяком случае, это горнило всяких новостей, событий, слухов,— мало радостных, если припомнить годы, в которые жил там Гаршин,— день ото дня, год от года вливало в него свой яд, не давая взамен почти никакого удовлетворения, никаких надежд.

Вспоминаю одно из таких «нерадостных» событий... Это было в начале 1880 г., в первые дни назначения графа Лорис-Меликова. Всеволод Михайлович все время страшно волновался по поводу «события», изменился до неузнаваемости, часто плакал и, наконец, обратился с умоляющей просьбою к лицам, еще могущим отвратить «событие». После, когда все кончилось, когда, к довершению ужаса, ему самому, глазами своими пришлось увидеть частичку «события», он торопливо, с каким-то трепетным чувством испуга и отчаяния, в каком-то нервическом и болезненном беспокойстве покинул Петербург... Хотел посетить Кишинев и театр бывшей войны для предполагаемой большой работы «Люди и война», прожить часть лета у своих родных в Харьковской губернии. Еще от 15 апреля 1880 г. я получил от него письмо из Харькова, подтверждающее эти намерения; в письме решительно не было никаких зловещих признаков, а между тем, кажется, в конце того же месяца он уже окончательно заболел и переживал тот характерный и многозначительный процесс душевного расстройства, который впоследствии с такою силой изобразил в «Красном цветке».

Не могу не упомянуть здесь, что Всеволод Михайлович, рассказывая мне долго спустя о том состоянии, которое предшествовало его болезни, о тех ощущениях и мыслях, с которыми он уезжал из Петербурга, о тех переменах мрака и света, которыми волновалась его измученная и обеспокоенная душа, с чувством живейшего умиления вспоминал о том, как с дороги из Тулы пошел он пешком в Ясную Поляну к не знакомому ему в то время графу Л. Н. Толстому, о разговоре с ним, длившемся всю ночь, и о том, что считает эту ночь «лучшей и счастливейшей» в своей жизни. Это, я думаю, поясняет некоторую черточку в характере и настроении покойного писателя.

Потом, три года спустя, я его встретил в Петербурге опять совершенно здоровым и опять с неизменным выражением грусти и задумчивости на лице. С внешней стороны его положение и тогда, и в особенности после, казалось совсем

хорошим. Он женился на девушке, которую давно знал и любил, имел достаточный заработок и притом, помимо литературного труда, имел многочисленных друзей, признанный талант, почитателей, одним словом — все, что так великолепно удовлетворяет среднего человека. И однако я читаю в письме его от 17-го июля 1884 г.: «Вернулся в Петербург, живу очень благополучно, что, как сами знаете, рифмует со словом «скучно». Знавшие Гаршина отнюдь не скажут, что это только фраза, да он и не был способен говорить или писать фразы. Не знавшие его склонны объяснять такое состояние души опять-таки болезнью, на которую столь часто ссылаются, потому что если не болезнь, рассуждают они, то чего бы еще нужно человеку?

Но дело-то в том, что такие люди, как Гаршин, не живут в одиночку, не радуются и не страдают один на один. Им недостаточно того, что создает мечту среднего человека. Подобно тому, как герой одного из его рассказов, Гаршин «не мог жить за свой собственный страх и счет; ему непременно нужно было связать себя с общей жизнью: мучиться и радоваться, ненавидеть и любить не ради своего я, все пожирающего и ничего взамен не дающего, а ради общей людям правды». Он и связал себя с этой общей жизнью, никогда, однако, не решаясь «ненавидеть» и постоянно отравляя «радости» «мучением». Понятно, что такая невыгодная «связь» не далась ему даром... Личное благополучие, может быть, заставляло его страдать тем более: уж слишком, по его мнению, оно шло вразрез с «неблагополучием», царящим в мире.

И подобно тому, как *это* шло вразрез с *тем*, раздвояли и смущали его душу те настроения, которые он сам с неподражаемой простотою и правдою изобразил в лице «художников» — Дедова и Рябинина. Из впечатлений личного моего знакомства с ним, из его произведений, из многих его вкусов и склонностей для меня как нельзя более ясно, что в нем самом жили эти Дедов и Рябинин. Как первый, он чувствовал прелесть красок, красоту солнечного заката, красоту горячих тонов кумача, освещенного заходящим солнцем, мирную и свежую поэзию «майского утра», когда «чуть колышется вода в пруде, ивы склонили на него свои ветви; восток загорается, мелкие перистые облачка окрасились в розовый цвет; женская фигурка идет с крутого берега за водой, спугивая стаю уток»... И с другой стороны, это Рябинин, истерзанный видом и воспроизведением своего «глухаря», — человека, «си-

дящего, согнувшись в комок, в углу котла и подставляющего свою грудь под удары молота». Чтобы уяснить всю силу противоречия, жившего в душе писателя, вспомните поразительное обращение Рябинина к его картине.

«Смотришь и не можешь оторваться, чувствуешь за эту измученную фигуру... Иногда мне даже слышатся удары молота... Я от него сойду с ума. Кто позвал тебя? Я, я сам создал тебя здесь. Я вызвал тебя из душного, темного котла, чтобы ты ужаснул своим видом эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу. Приди, силою моей власти прикованный к полотну, смотри с него на эти фраки и трэны, крикни им: я — язва растущая! Ударь их в сердце, лиши их сна, стань перед их глазами призраком! Убей их спокойствие, как ты убил мое»...

В конце рассказа Дедов едет с весьма благополучными мыслями за границу, а Рябинин бросает живопись и идет в учителя, где, впрочем, тоже «не преуспевает». Кто же из них прав? Кто из них «мучился и радовался, ненавидел и любил» ради общей людям правды? — Рябинин только «мучился», Дедов — только радовался. «Радость» Дедова привела его к тому, что он вне себя от того, что пансионер Академии, что получил золотую медаль, что его расхвалил критик Л. «Муки» Рябинина разрешились тем, что он с злобой и с презрением зарыл свой большой талант и ушел на то поприще, где у него, может быть, и простого умения не оказалось. Кто же виноват в этом расколе, в этой невозможности примирения, в этих односторонних и враждебных друг другу настроениях? Мы не видим в произведениях Гаршина, чтобы виноватый был найден; мы видим только печаль и сострадание, там разлитые, и ощущаем тоскливое чувство неудовлетворенности. Так и в самой душе писателя никогда не угасала эта печаль и никогда не замирали «проклятые вопросы», на которые жизнь не давала ему ответа. Вот, по-моему, еще один из источников той «скуки», на которую он жаловался, несмотря на свое внешнее благополучие.

Автор одного из некрологов, появившихся после смерти Гаршина, назвал его «человеком не от мира сего». Да, он действительно был не от того жестокого, воинствующего и борющегося за свое существование мира, в котором ему пришлось жить и действовать. Он был от мира правды, добра и красоты, и вечная ему память среди нас, что он своими произведениями, своею чистотою и отзывчивостью, своей глубоко неудавшейся жизнью лишний раз напомнил нам, что только там возможно доступное человеку счастье, где радость

и горе идут, правильно чередуясь друг с другом, где нет ненужной жестокости, ненужной злобы и ненужного поругания,— где, одним словом, поэтическое «майское утро» не возмущает нравственного чувства своим диким контрастом с человеком, «сидящим, согнувшись в комок, в углу котла и подставляющим свою грудь под удары молота».

Я сказал уже вначале, что преждевременная смерть Гаршина — законный и убедительный повод для самых горячих и глубоких сожалений. И, однако, есть соображение, заставляющее нас сосредоточиться не на этих сожалениях, а на другой стороне дела. Я хочу сказать, что нам не дано спорить с тем, что люди умирают, что «нет Патрокла», а «жив презрительный Терсит», что «земля есть и в землю отыдоша». Перед фактом смерти все-таки в конце концов приходится преклониться, ибо он факт... Не в молитвенном смысле преклониться, а в самом обыкновенном, в том смысле, что «неизбежность» так же неуклонно совершает свой путь, как совершает его камень, пущенный с верху горы. Вспомните, что говорит «Природа» в одном из безотраднейших «стихотворений в прозе» Тургенева: «...Добро, разум, справедливость — это человеческие слова. Я не ведаю ни добра, ни зла. Разум мне не закон — и что такое справедливость? Я дала человеку жизнь — я ее отниму и дам другим, червям или людям... мне все равно». И вот мы видим, что, точно осуществляя эту логику «неизбежности», человек, от того, что у него закружилась голова — или, по другой версии, от того, что у него уже начиналась душевная болезнь,— упал с высоты четвертого этажа, мозг его вследствие этого падения наводнился кровью, кости переломались, мускулы разорвались — и все это по неизбежнейшим законам «необходимости»,— в организме совершился такой-то и такой-то неизбежный процесс, и затем — сердце перестало биться. Какое отсутствие произвола! Как все логично, все вытекает одно из другого! Как праздно и бессильно звучат при этом наши сожаления и наши сетования на судьбу!

А между тем та же неумолимо последовательная Природа и нас, собравшихся почтить память Гаршина, наделила теми чувствами, во имя которых мы собрались здесь. Мы ведь собрались здесь не потому только, что горестно кончилась жизнь одного молодого человека, а потому, что этот молодой человек был писатель, Всеволод Гаршин. Будем же логичны в наших чувствах. Писатель старался пробуждать их — поможем ему в этой благородной работе, внесем их в нашу жизнь, в наши поступки. Пусть так же, как и в нем самом, сострадание

...зывает в нас жалость к людям, и жалость-любовь, и любовь-стремление к добру и правде. Последуем этой логике, столь же убедительной и законной, как и логика смерти. В наших слезах и в наших сожалениях он больше не нуждается... Продлим же его память тем, что воспользуемся ясным и определенным в его произведениях, постараемся угадать его намеки и наброски, вынесем поучение из того, чем он мучился и жил. Мне думается, что именно таким образом всего лучше и всего достойнее поминать такого человека. Мне думается, наконец, что только *так*, что только таким путем нам, людям, возможно бороться со смертью и во славу грядущего побеждать ее.

Н. Минский

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ГАРШИНЕ ПО ПОВОДУ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЕГО СМЕРТИ

(...) Справедливость требует признать, что Гаршин, при всей своей талантливости, не был писателем мировым. Он не опускался до тех глубин, где рождается неизменно стихийное, и не поднимался до тех высот, где царит неизменно божественное. Умом и сердцем он находился в средних слоях жизни, в области случайных надежд и тревог, притом жил в одну из самых тревожных эпох. Но, отдавшись тревогам и противоречиям своего времени, он воплотил их с такою страстною искренностью, как никто из нас, и сделался центральною, героическою личностью своего поколения. Мне кажется, что среди писателей каждого поколения существует такая центральная личность, такой герой своего времени, и отличается он от других своих собратьев, помимо талантливости, еще главным образом тем, что литературная деятельность и личная жизнь такого писателя удивительно совпадают между собою, как две стороны одного и того же явления. (...)

По внешним своим способностям Гаршин был прирожденным эпиком, по силе внутреннего чувства — вдохновенным лириком, и этою довольно редкою двойственностью темперамента объясняется как особая обаятельность всего им написанного, так равно и краткость его повестей, больше похожих на поэмы в прозе, чем на повествовательные произведения, отсутствие в них эпического спокойствия, неумение писателя рисовать большие объективные картины и отчасти ранее

оскудение его таланта. Гаршин обладал большим даром наблюдать и запоминать и в этом отношении может быть поставлен наряду с лучшими нашими писателями. Неудивительно, что он так рано пристрастился ко всему, что требует точности в наблюдении и изображении,— к естественным наукам, к живописи. Помню, по приезде из Болгарии Гаршин говаривал что мог бы один, без проводника, найти все пройденные в походе дороги и дорожки, которые он запомнил — употребляю его выражение — «до последнего камня на перекрестке». Прочтите любую страницу из его походных воспоминаний — и вы ему поверите. Но зато Гаршин с детства чуждался всякой деятельности, требующей рефлексии и напряжения рассудка. ⟨...⟩

...я не могу не остановиться на беспримерной доброте и скромности этого хрустально чистого человека, составлявших такой резкий контраст с самоуверенной бойкостью и «злобой» наших интеллигентных главарей и кружковских царьков. Что-то солнечно теплое и нежное сквозило во всех словах и движениях Гаршина, и я не был удивлен, когда однажды, рассказывая о своем детстве, он сказал, что первое воспоминание жизни, сохранившееся у него в душе,— это ощущение тепла на руках кормилицы. Можно сказать, что скромность Гаршина, его особая манера держаться в тени и ходить вдоль стен, цепляясь за мебель, мешала многим сразу оценить его как следует. По крайней мере мне лично его скромность долго мешала разглядеть его большую физическую красоту, и я только тогда понял, как Гаршин красив, когда в первый раз увидел его фотографическую карточку. О своем геройском поведении на войне он избегал говорить даже с ближайшими друзьями, и уж не знаю, какой случайности я обязан тем, что однажды во время дружеской беседы он почти неожиданно для себя самого тихим, извиняющимся голосом рассказал мне об одном своем «подвиге». Дело было в начале Аясларского боя, где Гаршин был ранен в ногу. Он лежал за кустами, невдалеке от большого дерева, росшего среди открытой площадки. У ствола этого дерева прикорнуло около тридцати наших солдат, искавших прикрытия от пуль. Но благодаря открытой местности турецкая батарея заметила их и стала по ним стрелять. Первая граната разорвалась, перелетев через дерево, и, должно быть, неприятель заметил свою оплошность и изменил прицел, потому что второй снаряд разорвался, не долетев до дерева на несколько шагов. Солдаты замерли от страха и не двигались. Напрасно Гаршин кричал им изо всей мочи, чтобы они скорее покинули опасное прикрытие, ста-

...ное мишенью: за шумом битвы его голоса не было слышно. Тогда он оставляет кусты, бежит под пулями через открытую площадку и уводит растерявшихся солдат. И только что они добежали до кустов, как третья граната упала у самого дерева, вырыла кругом глубокую яму и обнажила корни. Кажется, именно за этот поступок солдаты хотели присудить Гаршину ротного Георгия, но командир уверил их, что его и без того наградят. Помню, как после рассказа Гаршин, пристыженный, умолк и как его смущение сообщилось и мне. Кончилось тем, что я, смеясь, торжественно поклялся ему никому об этом «гранатовом дереве» не говорить ни слова. Но удивительно, что он из скромности, кажется, преувеличенной, не поместил этого эпизода даже в «Записках рядового», которые ведутся от имени вымышленного Иванова.

Мне кажется, что одной из причин, рано обесплодивших замечательный талант Гаршина, была его душевная доброта, которая мешала ему видеть зло жизни. Как лирик, он стремился в своих произведениях отразить себя самого, свои сомнения, свои искания. Все почти повести рассказаны от первого лица, многим придан вид дневников (...). Все это — лирические излияния, развязки ненаписанных драм, последние монологи перед последним ударом. Весь же предшествовавший катастрофе долгий путь колебаний и падений, все то, что составляет силу эпоса, Гаршина почти не интересовало. И когда он создал с десяток таких финальных сцен, из которых в каждой он распинал свое собственное сердце на кресте жалости, любви, отчаяния, Гаршин почти весь высказался и должен был замолкнуть. Взяться за спокойные изображения жанровых картин, тянуть канитель разных любовных коллизий или интеллигентных разговоров, изображать разных негодяев или полунегодяев Гаршин не мог. Не к тому лежало его сердце, да и читатель не того ждал от Гаршина. Зло уродливо и преходяще — зачем его изображать? В повестях Гаршина почти нет злых людей. (...)

Он не мог ни отвернуться от тех, кого тогда в стихах принято было называть «борцами», ни пристать к ним, и вот мы видим, что еще юношей он спасся от мучившего многих вопроса, найдя лазейку в военной службе. Отправляясь добровольцем на войну, он не изменял любви к народу, потому что шел делить с ним невзгоды, снимал с себя в собственных глазах упрек в трусости и, что важнее всего, на время освобождался от ответственности в своих поступках, подчиняя свою расслабленную волю какой-то безымянной и непреклонной воле, ведущей народы на войну.

Но недолго длилось у Гаршина это отрадное чувство свободы. На поле битвы он вскоре должен был убедиться, что любовь к людям привела его к необходимости ненавидеть и убивать людей. В рассказе «Четыре дня», первом, с которым Гаршин выступил в литературе, это давившее всех нас противоречие выражено во всей его непримиримости. С тех пор вся деятельность Гаршина была постоянным повторением одного и того же вопля... (...)

Ф. Ф. Фидлер

ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ ГАРШИН

(...) 1-го декабря (18)83 г. я спросил его (Гаршина.— *И. П.*), не послужило ли ему для героя его «Красного цветка» прототипом живое лицо. «Я сам был объектом моих психиатрических наблюдений»,— ответил он мрачно и продолжал, опустив голову: «Когда мне было 18 и 25 лет, я страдал расстройством нервной системы, но меня оба раза вылечили. (...) Однажды разыгралась страшная гроза. Мне казалось, что буря снесет весь дом, в котором я тогда жил. И вот, чтобы этому воспрепятствовать, я открыл окно,— моя комната находилась в верхнем этаже,— взял палку и приложил один ее конец к крыше, а другой — к своей груди, чтобы мое тело образовало громоотвод и, таким образом, спасло все здание со всеми его обитателями от гибели».

Он застенчиво-скорбно улыбнулся и сел в угол большого дивана, подтянув под себя ноги...(...)

Всегда он был приветлив и мягок и всегда уравновешен. Я, по крайней мере, никогда не слышал его смеха, всегда видел только улыбку: ему чужды были порывы радости и горя, восклицания удивления, негодования и восторга и всякого рода резкие движения. Повторяю: по крайней мере при мне он ничего подобного не проявлял. (...)

Никогда я не слышал от него ни единого слова самохвальства. Всякая реклама, исходящая от самого автора или от его друзей, коробила его. Он был воплощенная скромность, чуждый, однако, того самоуничижения, которое пуще гордости. 10 апреля (18)87 г., днем, я сидел на империале конки, направлявшейся к Главному Штабу. На углу Невского и Литейного поднялся Гаршин, только что вернувшийся из Крыма, загорелый, дышащий здоровьем. В руке у него было

что-то завернутое в бумагу. «Это — ветка с пушкинского дерева в Гурзуфе. Сегодня вечером, во время чествования Якова Петровича (Полонского.— *И. П.*), я скажу ему в стихах, что мне явилась тень Пушкина и велела ему передать этот веночек»... Вечером мы встретились на юбилее (50-летие литературной деятельности Полонского). Тост следовал за тостом, речь за речью,— Гаршин не приступил к своему приветствию.— «Что же вы?!» — спросил я.— «Нет, я ничего не скажу... Ведь это же самомнение... Это же дерзость: Пушкин явился *мне!*» Мои разубеждения ни к чему не привели,— приветствие осталось несказанным.

Надсона он высоко ценил как поэта и человека, признавал талант Минского и смеялся над вычурной формой стихов Случевского... ⟨...⟩ В восторге он был от «Искушения св. Антония» Флобера, мечтая перевести это произведение. Восходящую звезду Антона Чехова он приветствовал с умилением. Так, С. С. Караскевич-Ющенко мне рассказывала следующее: приблизительно за неделю до смерти Гаршина она была на вечеринке у художника Ярошенко. Были гости. Н. К. Михайловский не разделял общего восторга по поводу только что появившейся в печати «Степи», и Гаршин обратился к нему со словами:

— Вот вы, Николай Константинович, возлагали на меня большие надежды. Я их не оправдал, и все же могу спокойно умереть, так как их вполне оправдывает другой — Антон Чехов! ⟨...⟩

Е. М. Гаршин

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ

⟨...⟩ Покойный И. С. Тургенев в письме на имя брата Всеволода назвал его своим литературным наследником, и в этом была глубокая правда: сжатость и сила изложения, проникнутого вместе с тем изяществом формы, безупречной со стороны слога и образов,— вот те свойства тургеневской прозы, которые мой покойный брат считал неизбежно обязательными для истинного беллетриста. Несомненно, брат написал бы много больше, если бы он, по примеру других, не был к себе столь требователен в вышесказанном отношении. Прежде чем взяться за перо, он вынашивал каждое из своих произведений, пока оно не вырастало в его сознании до мельчайших деталей, во всей пропорциональности своих

частей, образуя одно стройное целое. Нечего говорить о том, до чего это рискованный и вместе с тем мучительный прием творчества. В такие минуты, когда в голове живо слагались образы и картины, готовые вылиться на бумагу, он любил бродить где-нибудь в отдаленных частях города, вполне сосредоточиваясь на себе. А дает ли всегда заедающая проза жизни освежающую возможность сосредоточиться в самом себе? К тому же органическое расположение к душевному недугу, в резкой форме обнаружившееся впервые уже на семнадцатом году жизни (в 1872 г.) постоянно давало себя знать. Найдет беспредметная тоска, расшатаются нервы, и вдруг целая повесть, так пластично сложившаяся в поэтическом воображении, улетает из головы, не оставляя никакого следа. А сознание продолжает работать, раскрывая весь ужас несбывшегося замысла. Я говорю «весь ужас», потому что брат в каждое свое произведение вносил слишком много субъективного, выстраданного своей душой, разрешающегося лишь посредством выражения в слове. ⟨...⟩

Всех увлекало необычайное в наше время изящество формы, но вместе с тем каждый мыслящий человек чувствовал в этом молодом писателе плоть от плоти, кровь от крови своего несчастного поколения. В рассказах Всеволода Гаршина действуют последние идеалисты, и в этом отношении мой покойный брат заключает собою очень большой историко-литературный период, начавшийся на заре настоящего столетия в неясных и, как принято говорить, несбыточных стремлениях романтизма в туманную даль возвышенного и прекрасного. У Всеволода Гаршина последний идеалист умирает, сжимая в руке сорванный им красный цветок, в котором его больная фантазия олицетворяет все зло мира. ⟨...⟩

Что мой брат был идеалист по существу, это определяется всей его литературной карьерой. Замечательно, однако, что первый его литературный опыт был чисто реалистическим, обличительным произведением. Брату только что пошел 21-й год, когда он написал свой первый рассказ для печати. Это была «Подлинная история Энского земского собрания», напечатанная в № 15 еженедельной газеты «Молва» за 1876 год. У нас на родине, в глухом уездном городишке, из которого, по выражению гоголевского городничего, хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь, и куда все-таки покойный брат ежегодно, бывало, наезжал из Петербурга, где он учился, он имел случай наблюдать тот грустный процесс, как новое вино вливалось в старые меха; благородные принципы реформ старого царствования прививались на почве, бедной

людьми, которые были бы способны на искреннее служение делу земской культуры и просвещения. С реформой, правда сказать, откуда-то пришли к нам в глушь и какие-то новые люди, которые говорили довольно громко и, пожалуй, хорошо и благородно, но вскоре затем они сживались с исконными формами жизнедеятельности уездных обывателей, и благородство идей и слов отлетало, как дым, в отдаленное прошлое. Как чуткий наблюдатель, брат предвидел это по первым же выходам на арену таких героев и живо изобразил в своем рассказе.

Бережно относясь к своему первому произведению, брат Всеволод не удовлетворился мыслью пристроить его на какие бы то ни было печатные страницы и считал необходимым прежде всего услышать суждение компетентного литератора, который бы определил по первому опыту, есть ли проблески в нем такого дарования, над которым стоит работать. Выбор брата пал на одного литератора, который 12 лет тому назад пользовался общими симпатиями известной части общества и в том числе хорошей молодежи за свою честность и неподкупность убеждений, выражавшихся в талантливых еженедельных статьях на страницах большой влиятельной газеты, тогда же безвременно погибшей... (...) Литератор, к которому обратился брат, не будучи с ним лично знаком (...), отнесся к нему с большой симпатией, оценил дарование покойного и направил его в редакцию вышесказанной газеты «Молва», прочитав юному автору предварительно пространные наставления о тщете литературного труда, при самых даже благоприятных условиях, и усиленно рекомендуя опираться на какую-нибудь более прозаическую профессию. (...)

Увлеченный удачей первого опыта, он имел в виду разработку провинциальной жизни (...), называл даже заглавия своих будущих повестей, имевших задачей обличить целый ряд типов непривлекательного характера, но прикрытых личиной фразерства. Ни одна из этих повестей не была даже и начата. Эстетика преобладала в изящной натуре Всеволода Гаршина. После первого опыта в беллетристике он целый год ничего не производит в этом роде, но зато пишет замечательные по своей искренности, задушевности и художественному чутью статьи (в «Новостях») о современном искусстве, в которых скрывается прежде всего поэт. Сильные впечатления войны возвращают брата к творчеству в собственном смысле этого слова, и, начиная с «Четырех дней», через все его рассказы до «Красного цветка» проходит образ рефлектирующего молодого человека, томимого стремлением к познанию

общего смысла жизни, чтобы в нем потопить свои личные страдания и сомнения. В сказке «То, чего не было», и «Записках рядового Иванова», успев до появления этих произведений так много перестрадать, брат проявляет блестящие задатки нового начала в своем творчестве и, проникшись духом объективности, вносит в свое изложение чисто эпическое спокойствие и простоту. ⟨...⟩

Самая беллетристическая форма рассказов моего брата, удовлетворяя всем законным традициям его предшественников, вместе с тем отличается оригинальностью и свободою в расположении содержания, отвечающими духу времени. ⟨...⟩

Ф. Д. Батюшков

ПАМЯТИ ГАРШИНА

⟨...⟩ ...Гаршин, заинтересовавшись старинной легендой об Аггее и пересказав ее по-своему, пожелал прочесть свое переложение в одном научном обществе (Неофилологическое) при Петербургском университете. Он изменил конец легенды: в подлиннике Аггей наказан за гордость и должен в течение трех лет вести образ жизни нищего, пока ангел, принявший его облик, правит за него страной. Потом Аггей прощен богом, возвращается на царство и становится добрым царем, познав настоящую жизнь и настоящее горе; страданиями он очистился, приобрел мудрость и научился творить добро — таков смысл старинного сказания. У Гаршина, как известно, царь отказывается вернуться на престол. Он говорит ангелу, что «прилепился душою к нищим и убогим. Прости ты меня и отпусти в мир к людям ⟨...⟩». И ангел отвечает ему: «Иди с миром!», и вернулся Аггей к слепым, которым служил поводырем, и «работал всю жизнь на них и на других бедных, слабых и угнетенных».

Гаршин, прочитав свое переложение легенды, не принимал участия в прениях по поводу допустимости или уместности такого изменения сюжета. Но, выходя из собрания, он сказал мне: «Я не знаю, как у меня сложился другой конец. Это делается бессознательно. Сюжет мне запал в голову, я переложил его и не мог закончить иначе. Просто мне кажется, что это выше». Выше — отказаться от индивидуальной жизни, слиться с жизнью масс, взять на себя долю общего горя, идти со всеми, быть если не нищим, то слугою нищих. Эта мысль владела Гаршиным неустанно. Обособившаяся от

других растений Attalea princeps, пробив отверстие в крыше оранжереи, попадает вершиной в холодную и сырую атмосферу; под снег и ветер; она рада была бы вернуться назад, под крышу, но уже не может: индивидуалистический порыв не приносит счастья. (...) Художник Рябинин, написав рабочего-плотника за тяжелым и изнурительным трудом, отказывается от искусства вообще, он идет в сельские учителя, как Аггей стал поводырем слепых. Этот мотив — отказ от личности, чтобы служить другим, эта великодушная мечта отдать всего себя ближнему — характерная черта данного исторического момента, когда Гаршин начал свою литературную деятельность, т(о) е(сть) во второй половине 70-х годов. Это был разгар народничества. Но народником Гаршин не стал. (...)

Гаршин не реагировал на зло в его корне, а хотел лишь страдать со всеми. В нем была потребность жертвы — потребность отдать себя другим, и только в безумном бреде о красном цветке — представился ему символ мирового зла, которое можно уничтожить за счет собственной жизни. Эта жертва уже действенная, а не только из сострадания. Но это порыв безумного в слишком явно утопической форме. (...)

...Гаршин представляется таким человеком, который, с одной стороны, стремясь быть выше и лучше других, с другой, тяготился своими преимуществами: ему всю жизнь было «стыдно быть хорошим», т(о) е(сть) образованным, интеллектуально и эстетически развитым человеком... (...)

...у Гаршина отказ от личности внушен не умом, а сердцем. Гаршин — великое сердце, и его оценка людей и явлений жизни вся вытекает из чувства широкой любви ко всему живому. (...)

У Гаршина был свой бог, свое «во имя»... (...) Пусть это «во имя», этот идеал безличного существования с другими и в других нас больше не удовлетворяет. Мы должны все же помнить, что человек немыслим вне человечества, что мое я существует, лишь поскольку существуют другие я, которые его поддерживают и контролируют, отчасти ограничивают, отчасти восполняют и расширяют: индивидуальное сознание находит точку опоры в общем сознании; индивидуальная жизнь, сильная инстинктами личности, протекает среди других жизней и без них свелась бы на нет. Другие мне нужны, ибо я не могу жить без других. Не «скверный божок» мое я, но это один из тех, чьи имена суть мнози, это домашний пенат, по сравнению с тем, что над всеми я, должно быть всем присуще, при общем всех стремлении познать тайну истины, которая, в конце концов, должна быть для всех.

В. Г. Чертков

⟨ВОСПОМИНАНИЯ О ГАРШИНЕ⟩

Несмотря на то, что со Всеволодом Михайловичем мое знакомство было весьма непродолжительно (я познакомился с ним всего за несколько лет до его смерти), тем не менее мы успели сойтись душа в душу, и мало с кем в течение всей моей жизни у меня устанавливались такие сердечные и тесные отношения, как с ним. Мы сразу почувствовали себя, как старые друзья, которые понимают друг друга с полуслова. С ним это было особенно легко вследствие его замечательной чуткости и отзывчивости. Он на все хорошее сразу откликался. Все низкое и жестокое его возмущало до глубины души, доводя иногда почти до потери равновесия. Но в его возмущении резко выступало одно свойство, редко у кого встречающееся: к самим лицам, совершающим эти низости и жестокости, он относился с неподдельной и глубокой жалостью, считая, что они в своем заблуждении самые несчастные из всех людей и больше всего заслуживают сострадания. В личных отношениях Всеволод Михайлович был удивительно осторожен, деликатен и нежен. О самом себе он не любил распространяться, но проявлял живой интерес ко всему происходившему вокруг него. В своих стремлениях Всеволод Михайлович был не только искренен, но и необыкновенно горяч. Он чувствовал иногда потребность приводить в немедленное действие те побуждения, которые внезапно вспыхивали в его душе, ярким проявлением чего могут служить такие поступки, как, например, его посещение министра внутренних дел Лорис-Меликова накануне казни Млодецкого, покушавшегося на жизнь последнего. Подобные импульсивные поступки часто им совершались, вызываемые его мучительной болью за всех страдающих.

Познакомились мы с ним во время самой весны моей духовной жизни. Я был тогда особенно экспансивен, и Всеволод Михайлович, очевидно, считал, что общение со мной послужит благотворным возбуждением для сознания спящего непробудным сном кружка писателей и интеллигентов, среди которых он вращался. Одно время он меня часто брал с собою к тому или другому своему знакомому, у которого собирались приятели, и мне приходилось играть роль выразителя и защитника от самых разнообразных нападений того жизнепонимания, которое получило название «толстовства». Я тогда

очень любил этого рода беседы, и споры наши принимали характер самый воодушевленный. Всеволод Михайлович обыкновенно сначала молча наблюдал, прислушиваясь к ходу беседы, но когда спорившие со мной особенно несправедливо нападали на те взгляды, которые я высказывал, им овладевало внутреннее возмущение, и он, становясь на мою сторону, разражался вдохновенным и поражающим своей силой обращением к собравшимся, иногда довольно продолжительным. Все присутствующие внимательно слушали, ни словом не перебивали его речь, которая оставляла сильнейшее впечатление. (...)

Всеволод Михайлович один из первых отозвался на призыв Толстого к литераторам и художникам принять участие в общедоступных изданиях для народа и специально для этой цели написал два рассказа: «Сигнал» и «Медведи», а также принимал участие в составлении текста для лубочных картин «Посредника». Он был горячим сторонником упрощения интеллигентной речи и считал, что даже большие произведения общечеловеческого содержания вполне можно писать слогом, понятным даже полуграмотному читателю, и таким именно слогом он готовился писать задуманное им сочинение о Петре Первом.

Мы часто беседовали о преимуществах жизни в упрощенной обстановке физического труда и вообще безвыездного пребывания в деревне. К этим вопросам он относился точно так же, как и я. Его мечтой было переселиться куда-нибудь в деревенскую глушь и общаться там с крестьянами за совместной с ними работой. Чувство это в нем неотступно усиливалось и под конец дошло до степени тоски, тем более, что в Петербурге он вынужден был жить в условиях самого нудного труда в железнодорожном правлении и в свободное время общаться лишь с людьми своего же интеллигентного, мало самобытного и очень безжизненного круга. Во время моего последнего свидания с ним мы почти сговорились, что в следующий мой приезд он поедет из города вместе со мною и остановится у меня, пока не найдет себе подходящего места жительства. Я как раз незадолго до его смерти получил от него очень откровенное и трогательное письмо все о тех же своих внутренних муках в связи с городской жизнью, на которое я собирался ответить лично, так как должен был вскоре ехать в Петербург. Но перед этим ожидаемым свиданием с ним я внезапно был ошеломлен газетным известием о его самоубийстве. Видно, весь столичный образ жизни так нестерпимо

угнетал его душу, что наступила минута, в которую Всеволод Михайлович не в силах был удержаться от своего рокового поступка. Но перед самой смертью он в этом поступке глубоко каялся. Я не могу освободиться от убеждения в том, что если бы успело состояться его переселение в деревню, в более простую обстановку, он справился бы с своими временными припадками душевного заболевания, как вообще бывает с подобными больными, когда они живут в нормальной обстановке, занимаются ручным трудом и общаются с уравновешенным и здоровым крестьянским населением. (...)

П. В. Быков

ПИСАТЕЛЬ-МУЧЕНИК, ЧЕЛОВЕКОЛЮБЕЦ (НЕСКОЛЬКО СЛОВ О В. М. ГАРШИНЕ)

Хорошо помню, что было это в один из теплых июньских дней. Я шел в редакцию журнала «Стрекоза», помещавшуюся на Лиговке, неподалеку от Николаевского вокзала, торопясь к приему, так как исполнял тогда обязанности редактора Ипполита Федоровича Василевского («Буква»), временно отлучавшегося.

Чуть не на пороге конторы редакции меня встретил Герман Карлович Корнфельд издатель упомянутого журнала, и не без волнения в голосе стал торопить меня, говоря:

— Пожалуйста, идите поскорее... Он мне ужасно надоел.

— Кто он? — спросил я.

— Ну, ето же Гаршин... Ето Всеволод Гаршин... Хватает гонорарную книгу «Стрекозы» и все делает какие-то выписки.

— Здравствуйте... А, и вы здесь? — рассеянно и вместе с тем деловито сказал мне Гаршин, неожиданно и быстро приближаясь ко мне.

У него было бледное, измученное лицо, точно после перенесенного тяжелого недуга. Забрасывая меня разнообразными вопросами, он вдруг обратился ко мне со словами:

— А какая из моих повестушек вам больше всего пришлась по сердцу?

То, что я рассказываю сейчас, относится к тому времени, когда писатель, будучи на высоте своей славы, проявлял признаки сильного нервного расстройства, уже повторявшегося не раз; было это за целое десятилетие до его смерти.

— Я чувствую, что попал в точку, понял свое призвание и этим я обязан не кому другому, как матери, которая как-то

особенно умела влиять на развитие моего творчества... Да, да, никто, кроме нее... Она как будто толкала меня на это,— с жаром прибавил он.

Сделав нужные распоряжения в редакции, по окончании приема я направился к выходу. Вслед за мною стал выходить и Гаршин, а Корнфельд украдкой начал благодарить меня за то, что я, хотя и невольно, увлекаю его за собой.

Провожая меня, Всеволод Михайлович стремительно следовал за мной на большое расстояние, очень нервничая дорогой, то обнимая меня за талию, то теребя путовицу моего пальто. Он все время предавался излияниям, говорил, что пробует писать стихи. Временами походка его делалась нервной, он начинал спотыкаться, так как смотрел вверх, говоря:

— Как мне хотелось бы, чтоб у меня выросли крылья, чтобы я мог с высоты птичьего полета обозреть землю, чтоб она была у меня вся, как на ладони, и я мог бы заглянуть во все ее углы. Но, увы, я знаю, что это только мечта, и потому не считаю себя счастливым... Я должен соприкасаться с гнетущей действительностью, и потом меня еще как-то давят недобрые предчувствия... Точно около меня проходят разнообразные тяжелые сны и болезненно задевают меня. То я вижу себя утопающим, то яростно вызываю кого-то на поединок, то попадаю в зверинец, вижу, как тигр разламывает клетку и бросается на меня, я лежу окровавленным, привлекая толпу праздных зрителей, выражающих мне ненужное сочувствие и любопытство. Вы можете поэтому судить, какой силой обладает мое воображение; меня лихорадит от этих кошмаров, от этих проходящих теней, снующих мимо меня. Это — тени жизни, тени ее бремени, которое нести мне подчас не под силу. И я знаю, что так страдают и другие. Поэтому главная цель моя — вызвать сочувствие к людям, возбудить к ним любовь... Я не хочу утомлять читателя длинными рассказами, потому и пишу кратко... Только бы зажечь искру... Одну только искру...

И действительно, Гаршин достиг своей цели. Творчество его, освещенное неутомимым огнем мученического горения, которым было охвачено с самых ранних лет его необъятное и нежное сердце, проникало в душу современного читателя самых широких кругов, создавая писателю ореол духовной красоты, идущей из глубины самой его природы, которою было отведено столько обширного места любви к человеку, отчего и создавалась эта тесная, непосредственная связь с ним, связь самого художника с его героями.

Гаршина я помню именно таким в его лучшие, светлые промежутки, и в моменты болезни, когда он был близок к отчаянию. Помню его темно-синие, необычайно проникновенные и кроткие глаза и всю его прекрасную внешность, находившуюся в редкой гармонии с его духовным обликом. Следует отметить еще то, что не только по идеологии своего творчества, но и в жизни, на деле, он, как никто из писателей, был постоянным защитником «униженных и оскорбленных», выступая их «рыцарем без страха и упрека», с оружием в руках, которым наделяла его безграничная отзывчивость к чужому горю.

Это хорошо понимали его лучшие друзья, собратья по перу, достойно оценившие при появлении его в литературе исключительность этой чуткой души, которой чужды были какие бы то ни было сделки с совестью. Всем известна дружба его с Чеховым, Короленко, Надсоном и, наконец, с Глебом Успенским, болезненная природа которого была так сродни гаршинской. Оба они слишком реагировали на впечатления скорбной действительности, делая ее еще более невыносимой под влиянием болезненно чуткого восприятия жизни.

Хорошо всем известна история героического ухода Всеволода Михайловича на войну, когда он, студент Горного института, видя, как вокруг проливается кровь, идет добровольно подставлять грудь под пули, следуя за народом, готовый и сам встретить смерть, если понадобится, совершенно неспособный сам принести людям смерть.

Проводя в жизнь свои принципы, бывшие в полной гармонии с его творчеством, Гаршин органически не мог отказаться от своего постоянного активного вмешательства, когда дело касалось возможности как-нибудь и чем-нибудь помочь другим, в особенности, когда речь шла о трагически важных вопросах. Таково было его вмешательство в дело революционера Млодецкого, когда Всеволод Михайлович ночью ворвался к Лорис-Меликову с целью остановить неизбежную казнь, что, как известно, к сожалению, ему не удалось. Последствия этой неудачи были крайне тягостны для писателя, вызвав у него длительное нервное расстройство. Далее он выступает с протестом против великого общественного зла — проституции, придя в присутствие к московскому обер-полицмейстеру и стараясь убедить его в ужасе и ненормальности этого явления, а потом, спустя некоторое время, заступается на улице за проститутку, издевательски преследуемую рьяным блюстителем порядка — городовым.

Такова физиономия этого тонкого психолога и человеколюбца-страдальца, с которым мне посчастливилось встре-

ться не раз и в дни его славы, и в пору его угнетенного душевного состояния.

Лучшей характеристикой Всеволода Михайловича являются его предсмертные слова, произнесенные им в момент катастрофы, когда в припадке душевной тоски он, бросившись в пролет лестницы вниз, расшибается насмерть. Слова эти были: «Что значит моя боль в сравнении с тем, что вот здесь!» — писатель указал на сердце.

Мне приходилось слышать мнение некоторых, что Гаршина принято теперь считать писателем упадочным, поскольку творчество его является болезненным, исходя из его больной души, выросшей на нездоровой почве реакционного безвременья восьмидесятых годов. Мнение это мне кажется не совсем правильным. Гаршину должно быть отведено достаточно почетное место в литературе не только в силу художественности его умышленно сжатых рассказов, из которых многие могут быть справедливо названы истинной поэзией в прозе, но и благодаря огромной связи с человечеством вообще, так как гаршинская боль есть боль общечеловеческая, что навсегда, думается мне, закрепляет за ним связь с потомством.

В. И. Бибиков

ВСЕВОЛОД ГАРШИН

⟨...⟩ ...весной 1886 года Литературный фонд дал вечер, и я отправился послушать, как читают литераторы. Посещая часто театр, я привык к овациям, которые устраиваются актерам и актрисам; я видел, как встречали Сару Бернар,— но все это бледнеет перед встречей публикой Гаршина в тот памятный для меня вечер. Когда он вышел на сцену, рукоплескания, начавшиеся еще до ⟨его⟩ появления, усилились до невероятных размеров: встали многие и в партере, и в ложах, стучали стульями, дамы — веерами, и минут двадцать не смолкали плески и крики. Наконец, Гаршин сел за стол, раскрыл книгу.— «Красный цветок»,— прочитал он заглавие рассказа, и опять затрещали аплодисменты в галерее, их тотчас подхватил партер, поднялась новая буря рукоплесканий; Гаршин должен был встать, и долго восторженная толпа не позволяла ему начать чтение. То же повторилось и по окончании чтения; Гаршина вызывали бесчисленное число раз, и я как теперь вижу его, счастливого и гордого своим

успехом: он проходит по сцене к своему стулу и, не кланяясь, смотрит на протянутые к нему руки, белые платки галереи и слушает этот слитный долгий крик тысячной толпы, повторяющей на разные лады его звучную фамилию. ⟨...⟩

...популярность Всеволода Михайловича в Петербурге вообще поражала своими размерами, учащаяся молодежь перенесла на него симпатии, которые возбуждали прежде Тургенев и Достоевский, и успех разделял с ним разве только что А. Н. Плещеев. После каждого студенческого вечера, если присутствовал В⟨севолод⟩ М⟨ихайлович⟩, его неизбежно качали на руках; когда он появлялся в театре, на публичной лекции в качестве зрителя, одобрительный шепот встречал его появление... ⟨...⟩

В начале 1887 года я часто еженедельно, а иногда и несколько раз в неделю видался с Гаршиным.

Можно сказать, что время это до летних месяцев 1887 г. было последним счастливым временем в жизни В⟨севолода⟩ М⟨ихайловича⟩.

Увлеченный деятельностью общества «Посредник», издания которого на первых порах расходились в массе экземпляров, Гаршин хотел видеть в этом деле то настоящее живое дело, которое бы захватило всего его и которого он так жадно искал всю свою жизнь. Он издал несколько рассказов в этой фирме и даже написал для нее особый рассказ «Сигнал», пропагандировал это общество в литературных кружках, и для него было личной обидой, если кто-нибудь выражал сомнение в полезности этого предприятия. ⟨...⟩

Мы часто спорили о задачах искусства, о писателях, делились впечатлениями о прочитанных новых книгах, произведениях, выходивших в журналах.

У Гаршина был свой взгляд на деятельность писателя: он говорил: «Если прочитанная книга возбудила во мне, помимо признания таланта, еще и любовь к автору, такую любовь, что мне хочется с ним познакомиться, значит, автор достиг цели, разумеется, по отношению ко мне. Хотя,—прибавлял он,—мне кажется, что это общий закон».

Он отрицал отстаиваемую мной формулу «искусство для искусства», и когда я в свою защиту приводил между прочими доводами слова Пушкина, что «цель поэзии—поэзия», Гаршин возражал, утверждая, что говорить так мог только один Пушкин, цельная художественная натура которого ни в одном из стремлений своих не могла сделать ошибки, а когда я ссылался на любимцев Гаршина Флобера и Мериме (роман Мериме «Коломба» был переведен В⟨севолодом⟩ М⟨ихай-

ловичем)), то он всегда отвечал мне пушкинским стихом из его первого послания к цензору: «Что нужно Лондону, то рано для Москвы» — и заключал спор убеждением, что в России может иметь успех и право на существование писатель-учитель, вечно стремящийся к идеалам правды добра и красоты и будящий то же чувство в своих читателях.

Споры оканчивались обоюдным соглашением, потому что если я противоречил Гаршину в теории, то представляемые им писатели как примеры: Лев Толстой, Диккенс, Тургенев и Флобер — побуждали меня согласиться. ⟨...⟩

Весною на передвижной выставке Репин выставил портрет Гаршина, приобретенный недавно киевским сахарозаводчиком и владельцем галереи картин русской школы Терещенко.

В газетах тогда же появились отзывы об этом портрете, в которых рецензенты говорили, что Репин написал Гаршина сумасшедшим и не сумел уловить доброе выражение глаз Гаршина, составляющее характерное отличие его лица.

А портрет был написан четыре года тому назад, в эпоху «Красного цветка», и у Гаршина были именно такие глаза, как на картине Репина, что подтверждают и фотографические портреты того времени.

Эти отзывы и статьи о других картинах крепко раздражали В⟨севолода⟩ М⟨ихайловича⟩, и он решился написать ряд статей, где ему хотелось провести те взгляды на искусство, какие он считал справедливыми, показать, как надо писать такие статьи, и в особенности, как он говорил мне, ему хотелось уяснить читателям истинное значение Репина в русской живописи.

Он любил этого художника, преклонялся перед его могучим дарованием и находил, что две последние картины Репина «Не ждали» и «Грозный» не имеют себе равных во всей русской живописи.

Он служил Репину натурщиком для его картины «Иван Грозный», с него написан царевич Иван, и у художника сохранился этюд масляными красками для этой картины с Гаршина, являющийся лучшим портретом покойного В⟨севолода⟩ М⟨ихайловича⟩.

Но Гаршину не удалось осуществить своего намерения. Ряда статей не появилось, а появилась одна статья о двух картинах Сурикова и Поленова в мартовской книжке «Северного вестника» за 1887 год, статья, написанная чудесным языком, где Гаршин высказал свой взгляд на значение художника вообще и которая может служить образцом для статей подобного рода. ⟨...⟩

В жизни я не встречал и вряд ли встречу человека с такой душевной чистотой, каким был покойный В(севолод) М(ихайлович). Его искренность доходила до того, что он старался избегать человека, с которым он не мог быть откровенным, а других отношений между людьми он не признавал.

Его окружало всеобщее уважение, он возбуждал единодушную любовь у всех, кто видел его хоть однажды. (...)

А. И. Леман

СТАТЬЯ О ГАРШИНЕ

(...) Гаршин был среднего роста, плечист, слегка сутуловат и грудь имел почти впалую. Голова у него была большая, темноволосая, с широким затылком, крепкой шеей, с острым книзу лицом, окаймленным редкой бородой,— татарская голова. И действительно, кажется, в семье Гаршиных есть татарская кровь. Цвет лица был бледно-смуглый, румянец красноватый, а не розовый. Глаза у Гаршина были продолговатые, темные, правильно очерченные, восточного типа; густые брови красиво оттеняли их. Тонкий, длинный, почти прямой красивый нос, небольшой подбородок, полные, хорошего рисунка губы дополняли его наружность.

При взгляде на него чувствовалось, что он хорошо сложен, крепок, силен, полон жизни... (...) Чувствовалось в нем страдание от болезни, от недуга, хотя от недуга душевного. Жалость, сожаление должен был ощутить всякий искренний и говорящий себе правду человек при взгляде на яркие, лихорадочным блеском сверкающие глаза Гаршина, на его утомленное лицо, усталые руки, усталую грудь.

— Ему трудно жить,— вот что ясно формулировалось после этого осмотра. Глубокий и опытный исследователь, привыкший подмечать психологические тонкости, мог бы сделать тут много наблюдений.

Его удивила бы та мягкость, под покровом вежливости и даже приветливости, та задушевность, почти нежность, с какой обращался Гаршин ко всякому. Сразу чувствовалось, что он задушевный, крайне добрый человек. Даже болезнь не могла ожесточить его. Он страдал, но страдал один, не делая участниками в своих страданиях тех, с кем приходил в соприкосновение,— черта, редкая в людях. В Гаршине вообще было много редкого. Сюда надо отнести его чистоту помыслов,

...его нравственную честность (о гражданской, «физической» честности не может быть и речи), его глубокое уважение ко всему справедливому, благородному, прекрасному. ⟨...⟩

...у брата В⟨севолода⟩ М⟨ихайловича⟩ устроились литературные среды, и я стал бывать там. Всеволод Гаршин не всегда посещал их. На одном из этих вечеров он произнес горячую речь в защиту драмы Толстого. Евгений Гаршин не разделял взглядов брата, не разделяли их и многие. Гаршин огорчался этим. Он любил Толстого не только как великолепного писателя и человека, он видел в нем наставника, учителя. Характер творчества Толстого, его основная точка зрения на искусство как нельзя более соответствовали взглядам и убеждениям Гаршина. Здесь заключается главная причина преклонения его перед Толстым. Гаршин никогда не мог возвыситься до сознательной критики над Толстым. Великий поэт-мыслитель так оковал силой своего гения слабого, впечатлительного, чуткого Гаршина, что он навсегда остался под его обаянием. И нет тут ничего удивительного, если взять в соображение восприимчивость Гаршина и мощь Толстого. А 1887 г. был, по-моему, апогеем житейской славы Толстого, если ⟨можно⟩ так выразиться. Перед тем только что прогремела «Смерть Ивана Ильича» в полном собрании сочинений Толстого, разошедшемся с необычайной быстротой, а затем явилась «Власть тьмы». Глубоко пораженный этими двумя великими произведениями, Гаршин перестал почти работать над чисто художественными, беллетристическими вещами, которые создавал вообще трудно, долго обдумывая, вынашивая их. К этому присоединилось чувство некоторого разочарования в своих силах, разочарования, никогда не покидавшего Гаршина. ⟨...⟩

...Гаршин страдал потому, что был рожден для страдания: нежное, чуткое сердце, пламенная чистая душа, глубокое понимание ужасов жизни, вера в человека и беспрерывные каждодневные оскорбления этой веры, желание очеловечить людей и сознание слабости своих сил, неполнота семейной жизни, скорбь о детях, наконец, материальная необеспеченность были для него источником постоянных обильных, мучительных терзаний. Болезнь только придавала разные оттенки его страданиям.

Гаршин видел и понимал многое. Уже одно это не могло сообщить ему светлых взглядов на жизнь. Житейская грязь, людское недоброжелательство, зависть, эгоизм, разнузданность страстей поражали его на каждом шагу. И он напрягал все усилия, чтобы смягчить людей для людей же. (...)

И. Е. Репин

В. М. ГАРШИН

С первого же знакомства моего с В. М. Гаршиным,— кажется, в зале Павловой, где его сопровождало несколько человек молодежи, курсисток и студентов,— я затлелся особенною нежностью к нему. Мне хотелось его и усадить поудобнее, чтобы он не зашибся, и чтобы его как-нибудь не задели. Гаршин был симпатичен и красив, как милая, добрая девица-красавица.

Почти с первого же взгляда на Гаршина мне захотелось писать с него портрет, но осуществилось это намерение позже. Я жил у Калинкина моста, а Гаршин — у родственников своей жены в Сухопутной таможне на Петергофском проспекте, в прекрасном казенном помещении.

На пароходике по Фонтанке Гаршин проезжал огромные пространства в какое-то учреждение на Песках, где чем-то служил, чтобы отвлекать себя от творческой работы, которая его — он этого боялся — истощала до того, что он не на шутку опасался психического расстройства. Об этом он говорил как человек, поглотивший множество медицинских книг, разыскивая в них описания болезней, похожих на его собственную.

Когда Гаршин входил ко мне, я чувствовал это всегда еще до его звонка. А входил он бесшумно и всегда вносил с собою тихий восторг, словно бесплотный ангел.

Гаршинские глаза, особенной красоты, полные серьезной стыдливости, часто заволакивались таинственною слезою. Иногда Гаршин вздыхал и спешил сейчас же отвлечь ваше внимание, рассказывая какой-нибудь ничтожный случай или припоминая чье-нибудь смешное выражение. И это выходило у него так выразительно смешно, что, даже оставшись один на другой или на третий день и вспоминая его рассказ, я долго смеялся.

Во время сеансов, когда не требовалось особенно строгого сидения неподвижно, я часто просил Всеволода Михайловича читать вслух. Книги он всегда имел при себе: долгие пути на финляндских пароходиках приучили его употреблять время с пользою. Читал Гаршин массу, поглощая все, и с такою быстротою произносил слова, что я первое время, пока не привык, не мог уловить мелькавших, как обильные пушинки снега, страниц его тихого чтения. Но читал он охотно и кротко перечитывал непонятное место вновь.

— Всеволод Михайлович,— сказал я однажды фразу, ко-горая тогда не сходила с языка каждого интеллигента и скрипела на бумаге у писавших о прелестных гаршинских рассказах,— Всеволод Михайлович, отчего вы не напишете большого романа, чтобы составить себе славу крупного писателя?

Я сейчас же почувствовал грубость своего вопроса и пожалел, что некому было дернуть меня за полу вовремя, но Гаршин не обиделся.

— Видите ли, Илья Ефимович,— сказал ангельски кротко Гаршин,— есть в Библии «Книга пророка Агтея». Эта книга занимает всего вот этакую страничку! И это есть *книга!* А есть многочисленные томы, написанные опытными писателями, которые не могут носить почтенного названия «книги», и имена их быстро забываются, даже несмотря на их успех при появлении на свет. Мой идеал—Аггей... И если бы вы только видели, какой огромный ворох макулатуры я вычеркиваю из своих сочинений! Самая огромная работа у меня — удалить то, что не нужно. И я проделываю это над каждой своей вещью по нескольку раз, пока, наконец, покажется она мне без ненужного балласта, мешающего художественному впечатлению...

Летом 1884 года я оставался для большой работы в городе. После сеанса я провожал Гаршина через Калинкин мост до его квартиры и заходил на минутку к родным его жены. Там, в уютной обстановке, за зелеными трельяжами, все играли в винт. Большие окна казенной квартиры были открыты настежь. Стояли теплые белые ночи. Гаршин шел провожать меня до Калинкина моста, но я долго не мог расстаться с ним, увлеченный каким-то спором. Мы проходили Петергофский проспект по нескольку раз туда и назад.

Я забыл теперь, в чьей квартире, кажется, у какого-то художника, мы частенько встречались со Всеволодом Михайловичем. Там он читал нам вслух только что появившуюся тогда, я сказал бы «сюиту» Чехова «Степь». Чехов был еще совсем неизвестное, новое явление в литературе. Большинство слушателей — и я в том числе — нападали на Чехова и на его новую тогда манеру писать «бессюжетные» и «бессодержательные» вещи... Тогда еще тургеневскими канонами жили наши литераторы.

— Что это: ни цельности, ни идеи во всем этом!— говорили мы, критикуя Чехова.

Гаршин со слезами в своем симпатичном голосе отстаивал красоты Чехова, говорил, что таких перлов языка, жизни,

непосредственности еще не было в русской литературе. Надо было видеть, как он восхищался техникой, красотой и особенно поэзией этого восходящего тогда нового светила русской литературы. Как он смаковал и перечитывал все чеховские коротенькие рассказы!

В. М. Гаршин был необыкновенно правдив. Я не слыхал от него даже невинной лжи. (...)

В последний раз я встретил Гаршина за неделю до катастрофы в Гостином дворе. Мне захотелось побродить с ним. Он был особенно грустен, убит и расстроен. Чтобы отвлечь мой упорный взгляд, обращенный на него, Гаршин сначала пытался шутить, затем стал вздыхать, и страдание, глубокое страдание изобразилось на его красивом, но сильно потемневшем за это время лице.

(...) Бродили мы часа два, все больше молча. Потом Гаршин вспомнил, что ему очень необходимо поспешить по делу, и мы расстались... навеки...

«Без него нам стыдно жить!» — заключил Минский свое стихотворение на свежей могиле В. М. Гаршина.

Н. А. Демчинский

В. М. ГАРШИН ПЕРЕД КАРТИНОЙ И. Е. РЕПИНА

На передвижной выставке была впервые выставлена картина Репина «Иоанн Грозный». Мы отправились вместе с Гаршиным на эту выставку, помещавшуюся на Невском проспекте, дом №88. Целая анфилада маленьких комнат заканчивалась большим залом, в котором и находилась самая картина.

По собравшейся там толпе мы догадались, что там и есть картина Репина, и направились туда. Пока картина была видна через головы толпы, она не производила такого сильного впечатления, но по мере того, как толпа расходилась и мы приближались к картине, нижняя часть ее становилась все более и более видна. Когда, наконец, мы увидали лужу крови, Гаршин, как бы испугавшись, весь затрясся и, схватив меня под руку, дрожащим от волнения голосом проговорил:

— Зачем, зачем столько крови?..

Я его тотчас увел в другие комнаты. По его словам, он не спал всю последующую ночь. Но, видимо, что-то особое влекло его к этой крови, и он почти каждый день, идя на службу, заходил на несколько минут на выставку. (...)

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Впервые опубликовано: «Отечественные записки», 1877, № 10, с. 461—474 (подзаголовок: «Один из эпизодов войны». В конце рассказа пометка: «Бела, август, 1877 г.»). Гаршин начал писать рассказ в городе Бела, где находился в госпитале после ранения, а закончил его в Харькове. Сюжет основан на подлинном событии, о котором Гаршин писал матери (21.VII.1877): «...мы (...) нашли раненого. Пять суток лежал он в кустах с перебитой ногой. Несколько раз турки ездили мимо него, но не замечали. Наконец 19 июля, через пять дней после боя, наша 6 рота набрела на несчастного» (Гаршин В. М., Полн. собр. соч., т. 3, Письма, М.-Л., 1934, с. 131. Далее: Письма). Этот же эпизод изложен в официальной «Краткой истории 138-го Болховского полка» (Рязань, 1892, с. 32). Рассказ «Четыре дня» имел исключительный успех и сразу принес Гаршину известность. Критику С. А. Андреевскому принадлежит одно из самых точных определений внутреннего смысла рассказа: «Эти два ярких образа — уродливый мертвец и его полуживой убийца — освещают собою затаенную идею первого рассказа Гаршина — идею выстраданного сомнения в необходимости войны» (Андреевский С. А., Литературные очерки. СПб., 1913, с. 108).

Стр. 30. *Башибузуки* — название отрядов нерегулярной турецкой пехоты, вербуемых из наиболее воинственных племен Турции. Оружие башибузуков состояло из длинной пики, сабли, нескольких пистолетов и кинжала. Чтобы положить конец мародерству, жестокости и насилию башибузуков, которые они чинили над мирными жителями, регулярные войска не раз были вынуждены обезоруживать их.

ПРОИСШЕСТВИЕ

Впервые опубликовано: «Отечественные записки», 1878, № 3, с. 129—144. К моменту создания «Происшествия» относится эпизод, рассказанный И. Павловским со слов «г-жи Д.», ученицы Мариинской повивальной школы: «Гаршин пришел к ней однажды, когда она готовилась к экзамену. Как

товарищ, которого достаточно уважаешь, чтобы не стесняться с ним, она сказала ему, что занята и не может с ним болтать.— Ничего, работайте, я попишу,— ответил Гаршин. Дама продолжала заниматься, а Гаршин, вынувши записную книжку, стал что-то записывать. Прошло некоторое время, г-жа Д., углубленная в занятие, была вдруг пробуждена рыданиями. Плакал Гаршин, описывая страдания Надежды Николаевны» (Павловский И., Дебюты В. М. Гаршина.— Красный цветок. Литературный сборник. СПб., 1889, с. 20).

ОЧЕНЬ КОРОТЕНЬКИЙ РОМАН

Впервые опубликовано: «Стрекоза», 1878, № 10, с. 7, № 11, с. 8. (Подпись: «L'homme qui pleure» — «Человек, который плачет»). В этом рассказе нашел отражение последний период отношений Гаршина с Р. В. Александровой (о ней см. прим. к письму № 3). 17.II.1879 Гаршин писал матери: «...наши отношения с Р. порвались. ⟨...⟩ Пока скажу, что мне невыносимо стало мое положение в качестве человека, которому позволяют любить, но которого не любят» (Письма, с. 177).

Стр. 49. *«Our common friend»*.— Точное название романа Ч. Диккенса «Our mutual friend» (в русском переводе «Наш общий друг»).

Стр. 51. *...самого большого пожара, положим, Фейгинской мельницы...*— Пожар Фейгинской мельницы произошел в феврале 1875 г. Он был подстроен ее арендатором, миллионером-заводчиком С. Т. Овсянниковым.

ТРУС

Впервые опубликовано: «Отечественные записки», 1879, № 3, с. 144—164. В основе рассказа факт биографии одного из друзей Гаршина, Семена Кузьмича Квитка, с которым писатель учился в Горном институте. 12.III.1876 Гаршин писал матери: «У нас очень большое горе: один из товарищей, Квитка, умирает. У него сделался простой нарыв на щеке, очень большой, так что перекосило на сторону. В субботу Каррик, который лечил его, приехал резать нарыв; взглянув на него, он смутился и поехал за оператором. Привез Эбермана; тот порезал. Смутился Каррик от того, что у бедного Семена пониже нарыва (между шеей и левым соском) показалось черное пятно: это была гангрена. ⟨...⟩ Утром вырезали кусок, открылась рана, черная, как уголь... ⟨...⟩ Мы дежурили при нем по двое день и ночь» (Письма, с. 72). Через несколько дней Гаршин сообщил матери: «Совершилось чудо: Квитка выздоравливает!» (Письма, с. 74). К. Арсеньев писал о герое рассказа: «Когда заболевает его приятель Кузьма, он измеряет этой болезнью зло, причиняемое войною» (К. Арсеньев, В. М. Гаршин и его творчество.— «Вестник Европы», 1888, № 5, с. 245).

Стр. 57. *Скобелев* Михаил Дмитриевич (1843—1882) — генерал-адъютант, прославившийся во время русско-турецкой войны (1877—1878) за бои под Ловчей, Плевной и Шейново.

ВСТРЕЧА

Впервые опубликовано: «Отечественные записки», 1879, № 4, с. 555—572 (подзаголовок: «Отрывок»). Критик К. К. Арсеньев писал по поводу «Встречи», что этот рассказ «...резко отличается от всех остальных. Он доказывает, что Гаршину было под силу и объективное воспроизведение действительности. В Кудряшове, благоденствующем инженере, нет ни одной симпатичной черты,—но автор изобразил его без употребления преувеличенно-мрачных красок, изобразил его вовсе не для того, чтобы возбудить негодование или отвращение читателей. Кудряшовых вырабатывает современная жизнь, и Гаршину просто хотелось показать уголок этой работы. Откровенный цинизм Кудряшова возможен только благодаря множеству точек опоры, находимых им во всем окружающем...» (Арсеньев К. К., В. М. Гаршин и его творчество.— «Вестник Европы», 1888, № 5, с. 256).

ХУДОЖНИКИ

Впервые опубликовано: «Отечественные записки», 1879, № 9, с. 103—118. Рассказ написан под впечатлением от картины Н. А. Ярошенко «Кочегар» (1878), а также очерка Н. А. Благовещенского «На заводе» («Отечественные записки», 1873, № 4), где подробно описана работа глухаря-заклепщика (см. об этом подробнее: Дурылин С. Н., Гаршин и Репин. Из истории живописи и литературы, М., 1926, с. 39—41, 75). По свидетельству В. Микулич, Гаршин сам наблюдал за работой глухаря (см.: Микулич В., Всеволод Гаршин.— «Исторический вестник», 1914, № 1, с. 126).

Стр. 96. *Тэн* Ипполит Адольф (1828—1893) — французский философ, эстетик, писатель. Автор книг «Лекции о искусстве» (в русском переводе, СПб., 1866), «Философия искусства» (1865—1869) и др.

Куглер Франц-Теодор (1808—1858) — немецкий историк изящных искусств и поэт.

Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — французский публицист и экономист. Автор трактата «Искусство, его основания и общественное назначение» (1865).

ATTALEA PRINCEPS

Впервые опубликовано (с подзаголовком «Сказка»): «Русское богатство», 1880, № 1, с. 142—150. В основу сказки лег сюжет стихотворения Гаршина "Пленница» («Прекрасная пальма высокой вершиной в стеклянную крышу стучит...»), написанного в 1876 г.

НОЧЬ

Впервые опубликовано: «Отечественные записки», 1880, № 6, с. 397—412. И. С. Тургенев указал Гаршину на некоторую неопределенность концовки рассказа: «Зачем у Вас в конце «Ночи» сказано: лежал «человеческий *труп*»? Ведь он себя не убил — да и не видно, чтобы он умер от других причин. Эта неясность производит в читателе впечатление недоумения, что особенно следует избегать» (Тургенев И. С., Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. XIII, кн. 2, Л., 1968, с. 27). Концовка рассказа и в самом деле привела к неверным ее истолкованиям. Так, Н. К. Михайловский писал: «Передавая содержание этого маленького рассказа («Северный вестник», 1885, № 12,— *И. П.*), я писал, что герой, решившийся на самоубийство, но остановленный на некоторое время напором жизнерадостных чувств, в конце концов, однако, все-таки застрелился. В. М. Гаршин пояснил мне, что я ошибся: Алексей Петрович (герой «Ночи») не застрелился; он умер от бурного прилива нового чувства, физически выразившегося разрывом сердца. Разница, конечно, большая. Я думаю, однако, что не один я ошибался на этот счет и потому вдвойне спешу поправить свою ошибку» (Читатель ⟨Н. К. Михайловский⟩, Дневник читателя.— «Северный вестник», 1886, № 2, с. 289).

Стр. 130. *Каин* (библейское) — имя старшего сына Адама и Евы. Каин был угрюм и злобен, из зависти он убил своего кроткого брата Авеля. За это убийство Каин был проклят богом.

...история Иосифа... — Как любимый сын отца (патриарха Иакова), Иосиф был ненавистен своим старшим братьям, которые хотели убить его, но вместо этого продали в рабство. Иосиф попал в Египет и после тяжких испытаний стал верховным министром страны, которую он спас от бедствий голода своей мудрой предусмотрительностью. Когда братья его прибыли в Египет за хлебом, Иосиф открылся им и переселил весь свой род в Египет.

Как во́роны носили хлеб пророку Илии. — Имеется в виду библейская легенда о том, как бог повелел пророку Илии пойти и скрыться у потока Хорафа. «Из этого потока,— сказал бог,— ты будешь пить воду, а во́ронам я повелел кормить тебя там» (Третья книга Царств, гл. 17).

...звезды, вертеп, ясли. — Религиозные символы христианства: Вифлеемская звезда, которая зажглась, когда родился Иисус Христос; ясли, где лежал новорожденный младенец; вертеп — убежище, пещера.

Стр. 133. *«Если не обратитесь и не будете как дети...»* — Евангелие от Марка, гл. 10, ст. 15; Евангелие от Луки, гл. 18, ст. 17.

ДЕНЩИК И ОФИЦЕР

Впервые опубликовано: «Русское богатство», 1880, № 3, с. 109—125, под названием «Люди и война» (глава первая). Во «Второй книжке рассказов» (СПб., 1885) этот же рассказ впервые появился под названием «Денщик

и офицер». Заглавие «Люди и война» должно было, по замыслу Гаршина, объединить цикл рассказов, которые он предполагал написать, но замысел писателя не был осуществлен. 22.II.1880 г. Гаршин писал матери: «Мой рассказ на тему «Денщик Никита» пойдет. Там цензура не должна, кажется, ничего вырезать: даже гимн играют и солдаты *чувствуют* его. Чего ж им лучше? Ведь они всегда обращают внимание *только на форму*, а ведь самая-то суть, если она не «революция», всегда может ускользнуть чуть ли не по желанию цензора» (Письма, с. 208). Очень высоко оценил рассказ И. С. Тургенев, который писал Гаршину: «...Ваше последнее произведение (к сожалению, неоконченное) «Война и люди» окончательно утвердило за Вами, в моем мнении, первое место между начинающими молодыми писателями. Это же мнение разделяет и гр. Л. Н. Толстой, которому я давал прочесть «Войну и людей» (Тургенев И. С., Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. XII, кн. 2, с. 273—274).

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО

Впервые опубликовано (с датой: 6 февраля 1882 г.): «Устои», 1882, № 3—4, с. 266—270. Свой протест против аллегорической интерпретации сказки Гаршин выразил в письме к В. А. Фаусеку от 26.II. 1882 г.: «Господи! вот где истинные мизантропы, сэр! Экий, подумаешь, нюх! Где и нет ничего—и там слышится им запах. Клянусь моим свиданьем с Вами: мне и в голову не приходило, что за этими Антонами и мухами можно угадывать что-нибудь кроме мух и Антонов. Как хорошо прежде было: сиди себе и бряцай «рукой рассеянной», а теперь только начнешь бряцать—думаешь: просто струну невинную зацепил, ан, оказывается, что NN за нос задел...» (Письма, с. 249—250). В письме к брату Е. М. Гаршину от 24.II. 1882 г. Гаршин выражает свою мысль еще категоричнее: «Никакого правительства, никакого народа, а просто-напросто *Антон*, вот вам и сказ. И никаких там *«типов»*, а просто-напросто жук, ящерица, муха, самая настоящая муха, своей персоной, с лапами и крыльями. Клянусь всем, чем я могу клясться, что до получения твоего письма мне и в голову не приходило, что эта сказка может сказать что-нибудь об конституциях, дворниках, урядниках, социалистах, мужиках, т. е. вообще о предметах нынешних разговоров...» (Письма, с. 247). Однако современники ясно угадывали широкий аллегорический смысл сказки, что и дало повод В. Г. Короленко назвать ее «квинтэссенцией пессимизма» (Короленко В. Г., Собр. соч. в 10 тт., т. 8, М., 1955, с. 239).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ РЯДОВОГО ИВАНОВА

Впервые опубликовано: «Отечественные записки», 1883, № 1, с. 135—176. Об истории создания рассказа см. в очерке Е. М. Гаршина «Как писался рядовой Иванов» («Солнце России», 1913, № 13).

Стр. 152. ...*крынковская винтовка.*— В 1869 г. была введена на вооружение армии 6-линейная винтовка В. Крнка, заряжаемая с казны и стрелявшая металлическим патроном.

Стр. 161. *«Декабрьская ночь»* — лирическая поэма Альфреда де Мюссе (1810—1857), проникнутая ощущением скорби и одиночества.

КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

Впервые опубликовано: «Отечественные записки», 1883, № 10, с. 297—310. В известной мере рассказ носит автобиографический характер. (См. об этом, в частности, в воспоминаниях Ф. Ф. Фидлера, с. 370.) Известный психиатр И. А. Сикорский отмечал, что «Красный цветок» — это «картина болезненного самочувствия, освещенная тонким проницательным анализом художественного таланта» (Сикорский И., Красный цветок. Рассказ В. Гаршина.— В сб. «Памяти В. М. Гаршина», 1889, с. 208—209). Писатель К. С. Баранцевич, хорошо знакомый с Гаршиным, отмечал: «Все зло мира, символизированное в «Красном цветке»,— сорвать и спрятать на своей груди, идея героя гаршинского рассказа, была и его задушевная, втайне лелеянная идея...» (Баранцевич К., В. М. Гаршин.— «Путь», 1913, № 3, с. 33). Интересное истолкование «Красного цветка» предложил К. К. Арсеньев: рассказ Гаршина — это «история идеи, зародившейся в умственно здоровом человеке и продолжающей жить в безумце. Душевное расстройство обнаруживается только в выборе средств для осуществления идеи; беззаветная преданность ей, ни перед чем не отступающая решимость, готовность пожертвовать собою — все это унаследовано больным от прежнего, нормального периода его жизни. Отсюда глубокое впечатление, производимое рассказом; отсюда трагический контраст между светом, к которому тянется воля больного, и тьмой, в которую погружен его рассудок» (Арсеньев К., В. М. Гаршин и его творчество.— «Вестник Европы», 1888, № 5, с. 252—253).

МЕДВЕДИ

Впервые опубликовано: «Отечественные записки», 1883, № 11, с. 199—213. По свидетельству В. П. Соколова, Гаршин указывал на скрытый смысл этого рассказа: «...мне не позволяют писать о том, как вешают людей, я буду им писать, как расстреливают медведей!..» (Соколов В. П., Гаршины.— «Исторический вестник», 1916, № 4, с. 150). Этот внутренний смысл рассказа не был понят читателем, даже таким искушенным, как критик Н. К. Михайловский, который с неудовольствием отметил: «Рассказ так хорош в художественном отношении, и так много вложено в него автором добрых чувств, что увлеченный читатель может, пожалуй, забыть, что ученые медведи представляли грубейшую и жестокую забаву и что в сей юдоли плача есть вещи, несравненно более достойные слез, чем расстреляние медведей» (Читатель ⟨Н. К. Михайловский⟩, Дневник читателя.— «Северный вестник», 1885, № 4, с. 277).

СКАЗКА О ЖАБЕ И РОЗЕ

Впервые опубликовано: «Сборник общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», СПб., 1884, с. 471—478 (подзаголовок: «Для детей»). В. А. Фаусек рассказывал о происхождении этой сказки: «Это было на вечере у Я. П. Полонского; играл А. Г. Рубинштейн, а прямо против Рубинштейна уселся и пристально смотрел на него весьма несимпатичный Гаршину (...), неприятного вида чиновный старик. Гаршин смотрел на них обоих, и, как антитеза к Рубинштейну и его противному слушателю, у него мелькнула мысль о жабе и розе; под звуки музыки Рубинштейна у него складывалась в голове незатейливая фабула и трогательные слова его маленькой сказки» (Фаусек В. А., Памяти В. М. Гаршина. — Сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПб., 1889, с. 104).

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА

Впервые опубликовано: «Русская мысль», 1885, №2, с. 342—369; №3, с. 224—261. Работать над повестью «Надежда Николаевна» Гаршин начал до того, как написал «Происшествие», в 1878 г., но работа прерывалась, и повесть была закончена только в начале 1885 г. Современники Гаршина обратили внимание на то, что герой его повести явно идеализирует контрреволюционную террористку Шарлотту Корде (1768—1793), убившую Марата, одного из вождей французской революции. П. Кропоткин высказал в связи с этим предположение: «Не поставлено ли было имя французской жирондистки — орудия реакции — на место какого-нибудь другого, русского имени» (Кропоткин П., Идеалы и действительность в русской литературе, СПб., 1907, с. 338). А. Ф. Кони также писал о том, что «были восторженные люди, видевшие в Засулич новую русскую Шарлотту Корде...» (Кони А. Ф., Воспоминания о деле Веры Засулич, М., 1933, с. 65). У массового читателя повесть имела большой успех, но критика высказывала по поводу «Надежды Николаевны» ряд замечаний, среди которых «мелодраматический конец, плохо мотивированный для положительного Бессонова, и недорисованность фигуры главной героини» (Короленко В. Г., В. М. Гаршин. Литературный портрет. — Короленко В. Г., Собр. соч., т. 8, М., 1955, с. 232).

Стр. 236. *...в одной сентиментальной и, может быть, лживой книге, у Ламартина...* — Ламартин Альфонс Мари Луи де (1790—1869) — французский поэт-романтик, публицист, политический деятель. Гаршин имеет в виду его книгу «Жирондисты», где Ш. Корде посвящена отдельная глава.

Стр. 238. *Лафатер* Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский писатель. В философском трактате «Физиологические фрагменты для поощрения человеческих знаний и любви» (1775—1778) Лафатер пытался установить связь между духовным обликом человека и строением его черепа и лица.

Стр. 241. ...*«жар души, растраченный в пустыне»*...— Строка из стихотворения Лермонтова «Благодарность».

Стр. 242. ...*обращение жены Лота в соляной столп.*— Библейская легенда, рассказанная в Книге Бытия, гл. 19.

...*от аргусовских очей*...— Аргус в древнегреческой мифологии — многоглазый сторож-великан. Во время сна его глаза поочередно бодрствовали.

Стр. 243. *Гун* Карл Федорович (1830—1877) — живописец. Автор исторических полотен; портретист, жанрист.

Стр. 246. *Эрнст* Генрих-Вильгельм (1814—1868) — немецкий скрипач. Автор множества сочинений для скрипки.

СКАЗАНИЕ О ГОРДОМ АГГЕЕ

Впервые опубликовано: «Русская мысль», 1886, № 4, с. 225—233. Литературный первоисточник «Сказания...» — «Повесть душеполезна о царе Аггее, како пострада гордости ради» (вошла в сборник А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды», М., 1860). Гаршин изменил конец легенды, в которой царь, получив прощение, возвращается на царство и правит мудро и милосердно. (См. о «Сказании...» воспоминания Ф. Д. Батюшкова, с. 374.)

СИГНАЛ

Впервые опубликовано: «Северный вестник», 1887, № 1, с. 1—9. «Сказание о гордом Аггее» и «Сигнал» составляют дань тому настроению, которое в 80-х годах было вызвано рядом маленьких толстовских рассказов. В них современные искания смиренно направлялись к старинным сказаниям и прологам, почерпая из этих источников простую, элементарную мораль. На этих мотивах можно было порой отдохнуть от сложных и мучительных поисков, но они не задевали самых характерных и болезненных сторон современной жизни» (Короленко В. Г., т. 8, с. 245—246).

ЛЯГУШКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Впервые опубликовано: «Родник», 1887, кн. 7, с. 575—581.

ДОПОЛНЕНИЯ

Раздел «Дополнения» объединяет материалы, наиболее ярко освещающие творческий и человеческий облик Гаршина. Из писем выбраны отрывки, непосредственно связанные с творчеством Гаршина или имеющие непреходящую ценность «человеческого документа». Все письма печатаются по изданию: В. М. Гаршин. Полн. собр. соч. в 3 тт., т. 3, М.-Л., 1934.

Весьма обширная и разнородная мемуарная литература о Гаршине представлена в настоящем издании, как правило, в отрывках, отобранных в соответствии с их биографической значимостью, а также по степени их занимательности для широкой читательской аудитории. Сокращения в текстах (от фраз и абзацев до нескольких страниц) обозначены знаком (...). Подбирая отрывки из воспоминаний, составитель преследовал цель — хотя бы отчасти избежать повторений одних и тех же эпизодов и биографических фактов, рассказанных в той или иной связи разными мемуаристами. Выпущено из воспоминаний также все не вполне достоверное, более или менее случайное, малохарактерное, слишком субъективное или не имеющее непосредственного отношения к Гаршину, в том числе автохарактеристики мемуаристов.

⟨АВТОБИОГРАФИЯ⟩

Впервые опубликовано: «Красный цветок. Литературный сборник в память В. М. Гаршина», СПб., 1889, с. 60—65, под названием «Сообщение С. А. Венгерова». В предисловии к публикации Венгеров писал: «В конце 1884 г. я приступил к составлению «Истории новейшей русской литературы»... ⟨...⟩. Для нее-то Всеволод Михайлович, по моей просьбе, и написал небольшую автобиографию, сущность которой здесь приводится» (с. 60). Печатается по книге: Гаршин. Письма, с. 11—15.

Стр. 318. *Колет* — короткий мундир из белого сукна в кирасирских полках некоторых армий.

Завадский Петр Васильевич — член тайного общества, основанного в Харькове в 1855 г. Был воспитателем старших братьев Гаршина. В начале января 1860 г. Е. С. Гаршина бежала из дома с Завадским. 21.I.1860 г. он был арестован и выслан в июне в Олонецкую губернию, куда вскоре отправилась и Е. С. Гаршина, оставив пятилетнего Всеволода у отца.

Стр. 319. *...«Мир божий» Разина...* — очень популярная естественнонаучная книга для детей.

Акимов Владимир Степанович — дядя Гаршина по матери; мировой судья. Жил в селе Ефимовке, где с конца 1880 г. до середины 1882 г. гостил у него Гаршин. Акимов — автор мемуарного очерка «Всеволод Гаршин и его пребывание в Ефимовке. 1880—1882», опубликованного в сб. «Красный цветок», СПб., 1889.

Стр. 320. *Эвальд* Владимир Федорович — директор 1-го петербургского реального училища.

Гепнинг Василий Петрович — преподаватель русского языка в 1-м петербургском реальном училище в 70-е гг.

Федоров Михаил Михайлович — преподаватель естественной истории 1-го петербургского реального училища.

...застрелился мой второй брат... — Виктор Михайлович Гаршин застрелился 30.XII.1873 г.

Делянов Иван Давыдович — министр народного просвещения с марта 1882 г.; один из столпов дворянской крепостнической реакции 80—90-х гг.

Стр. 321. *Афанасьев* Василий Назарович — товарищ Гаршина по реальному училищу и Горному институту.

...принесли манифест о войне. — 12 апреля 1877 г. Александр II подписал манифест о начале войны с Турцией.

...действительный случай... — См. примечания к рассказу «Четыре дня», с. 389.

Золотилова Надежда Михайловна — слушательница Надеждинских акушерских курсов и врачебных курсов при Николаевском военном госпитале; впоследствии врач.

ИЗ ПИСЕМ В. М. ГАРШИНА

1. Е. С. Гаршиной

Гаршина Екатерина Степановна, урожденная Акимова (1828—1897) — мать В. М. Гаршина. «Малого роста, полная, плотная, с тяжелым взглядом, Екатерина Степановна к воспитанию детей прилагала большие старания, и в чем другом, а в хороших книгах никогда не было у детей недостатка. Она много читала, хорошо знала русскую легкую литературу, писала занимательные письма, могла переводить с французского, шить на машинке и делать всякое домашнее дело; но главная ее отрада была говорить, рассказывать кому-нибудь о прочитанном, о литераторах, о своих знакомых, о каких-нибудь литературных или житейских курьезах. У ней каждый день гости и неумолкаемые литературно-житейские разговоры, и вместе с тем какой-то нервный гнет, так что никому из гостей не приходит охоты весело, от души рассмеяться. То и дело новые знакомые; участливое любопытство к мало знакомым даже людям, возня с ними, хлопоты о них... Гости таяли иногда от незаслуженных похвал, от комплиментов; но вместе с тем при них же раздавались слова негодования, горячего осуждения и насмешки по адресу отсутствующих, бывших знакомых, относительно которых наступило у Екатерины Степановны полное разочарование» (Соколов В. П. Гаршины.— Исторический вестник, 1916, № 4, с. 131).

2. А. Я. Герду

Герд Александр Яковлевич (1841—1888) — педагог-натуралист, общественный деятель либерального лагеря. С Гердом и его семьей Гаршин был дружен до конца своей жизни.

3. Р. В. Александровой

Александрова Раиса Всеволодовна — дочь старобельских знакомых Гаршиных. В 1875 г., когда В. М. Гаршин был в Старобельске, между ним и Р. В. Александровой завязался роман. В течение нескольких лет Александрова считалась невестой Гаршина. См. об этом в воспоминаниях Н. В. де-Лазари и в примечаниях к рассказу «Очень коротенький роман», с. 390.

Стр. 323. ...*в «Пет(ербургском) листке»?* — Гаршин предполагал поместить там свой первый очерк «Подлинная история Энского земского собрания». См. об этом также письмо № 4 и очерк Е. М. Гаршина «Литературные беседы», с. 372—373.

4. Е. С. Гаршиной

Стр. 323. *Суворин* Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист и публицист. В 1860—70-х гг. придерживался умеренно-либерального направления, сотрудничал в «Петербургских ведомостях» и «Биржевых ведомостях». В конце 70-х гг. примкнул к реакционному лагерю. С 1876 — издатель официозно-консервативной газеты «Новое время». О визите Гаршина к Суворину см. «Литературные беседы» Е. М. Гаршина, с. 373.

5. Е. С. Гаршиной

Стр. 323. ...*за долблением химии.* — Гаршин был в это время студентом Горного института.

6. Р. В. Александровой

Стр. 323. *Незнакомец* — один из псевдонимов А. С. Суворина.

8. Е. С. Гаршиной

Стр. 324. *«Неделя»* — еженедельная политическая и литературная газета. Издавалась в Петербурге в 1866—1901 гг. Примыкала к либеральному направлению в русской журналистике.

11. Е. С. Гаршиной

Стр. 325. *Жемчужников* Аполлон Александрович (1839—1891) — журналист. В 1876 г. издавал еженедельную газету «Молва», в которой был опубликован первый очерк Гаршина «Подлинная история Энского земского собрания» (1876, 11 апреля, № 15).

Женя — Гаршин Евгений Михайлович, младший брат Гаршина.
Подпись — Р. А. — Свой первый очерк Гаршин подписал инициалами Р. В. Александровой, однако в «Молве» по ошибке наборщика была напечатана подпись «Р. Л.»
Кончаловский Петр Петрович (1843—1904) — мировой судья Купянского уезда Харьковской губернии. В июне 1879 г. был арестован за пропаганду среди крестьян и выслан в Архангельскую губернию. Впоследствии известный московский переводчик и издатель.
План для этих очерков у меня составлен. — Замыслы Гаршина не осуществились.

13. Е. С. Гаршиной

Стр. 326. *...поеду в Герцеговину драться.* — 18 июля 1876 г. Сербия объявила войну Турции, получив отказ очистить от турецких войск Боснию и Герцеговину. Речь идет о восстании Герцеговины весной 1876 г.
...Железный стих... — Неточная цитата из стихотворения Лермонтова «Как часто пестрою толпою окружен...».

14. Н. С. Дрентельну

Дрентельн Николай Сергеевич — знакомый Гаршина, преподаватель земской учительской школы в Петербурге.

15. Р. В. Александровой

Стр. 326. *...уехать в Сербию...* — Е. С. Гаршина вспоминала: «Еще летом 1876 г., во время Герцеговинского, а затем и Сербского восстания, Всеволод хотел непременно ехать добровольцем. Но тогдашний Харьковский губернатор Д. П. Крапоткин не согласился выдать ему (как подлежавшему воинской повинности) паспорта, говоря: «Подождите, вот скоро своя война будет» («Русское обозрение», 1895, кн. II, с. 878).

16. Е. С. Гаршиной

Стр. 327. *...и все 3 были напечатаны.* — Речь идет об очерке «Подлинная история Энского земского собрания» и статьях «Вторая выставка «Общества выставок художественных произведений» («Новости», 1877, № 68), «Новая картина Семирадского «Светочи христианства» («Новости», 1877, № 72).

19. Е. С. Гаршиной

Стр. 327. *А у нас были подряд два перехода...* — Подробнее об этом см. в воспоминаниях В. П. Сахарова, с. 359—360.

22. Н. С. Дрентельну

Стр. 328. Мне дали Георгия.— Георгиевским крестом Гаршина не наградили. В. Н. Афанасьев писал Е. С. Гаршиной 31.VIII.1877 г.: «Всеволод в роте вообще пользовался большим уважением и любовью, но теперь после бою его просто боготворят, и не проходит дня, чтобы меня не спрашивали о нем. Все жалеют его, и как только зашла речь о наградах, так вся рота решила, что барин Гаршин первый стоит креста» (Цит. по кн.: Гаршин В. М. Письма, с. 464).

23. В. Н. Афанасьеву

Афанасьев Василий Назарович вместе с Гаршиным поступил вольноопределяющимся в 138-й Болховский полк. См. о нем также примечание к (Автобиографии), с. 398.

Стр. 329. *«Слово»* — ежемесячный научный, литературный и политический журнал. Издавался в Петербурге в 1878—1881 гг.

«Пчела» — еженедельный журнал искусства, литературы, политики и общественной жизни. Выходил в Петербурге в 1875—1878 гг.

24. Е. С. Гаршиной

Стр. 329. *Скабичевский* Александр Михайлович (1838—1910) — критик, историк литературы, публицист, принадлежавший к лагерю либерального народничества. Широко известны его ошибочные оценки творчества Чехова, Гаршина, М. Горького.

25. Е. С. Гаршиной

Стр. 329. *...маленькой... вещицы.*— Речь идет о рассказе «Происшествие».

27. В. Н. Афанасьеву

Стр. 330. *Художественные рецензии писать бросил...*— В 1877 г. Гаршин опубликовал в «Новостях» четыре статьи о живописи: «Вторая выставка «Общества выставок художественных произведений», «Новая картина Семирадского «Светочи христианства», «Конкурс на постоянной выставке художественных произведений», «Императорская Академия художеств за 1876—1877 учебный год». В 1880—1887 гг. Гаршин написал еще три статьи о живописи.

29. Е. С. Гаршиной

Стр. 331. *«Русская правда»* — политическая, общественная и литературная газета. Издавалась в Петербурге в 1878—1880 гг.

31. А. Я. Герду

Стр. 331. *Работа понемножку продвигается вперед.*—По-видимому, речь идет о рассказе «Художники».

32. Е. С. Гаршиной

Стр. 331. *...новый рассказ...*—«Денщик и офицер».

33. Е. С. Гаршиной

Стр. 331. *...занятый новой вещью.*—Речь идет о повести «Надежда Николаевна».

34. Е. С. Гаршиной

Стр. 332. *Писанье рассказа...*—В это время Гаршин работал над повестью «Надежда Николаевна».

35. Е. С. Гаршиной

Стр. 332. *...несколько эпизодов из войны.*—Речь идет о задуманной Гаршиным хронике «Люди и война», началом которой был рассказ «Денщик и офицер».

36. Е. С. Гаршиной

Стр. 332. *Рассказ мой...*—«Ночь».

39. В. А. Фаусеку

Фаусек Виктор Андреевич (1861—1910)—один из ближайших друзей Гаршина, ученый-зоолог. С 1897—профессор зоологии, позднее—директор Высших женских курсов в Петербурге.

40. В. М. Латкину

Латкин Владимир Михайлович—товарищ Гаршина по реальному училищу и Горному институту. Горный инженер, позднее научный сотрудник Палаты мер и весов.

Стр. 333. *...написал сказку...*—«Сказка о жабе и розе».

...пытаюсь писать «большое»...—По-видимому, речь идет о задуманной Гаршиным повести о Раисе Родионовне Радонежской, народнице, сельской учительнице. «Вследствие служебных столкновений и личных неприятностей, при повышенной нервной чувствительности, покончила

с собой, бросившись в колодец»,—писал о ней Е. М. Гаршин. (Цитирую по кн. Гаршин. Письма, с. 493). План повести остался неосуществленным.

Стр. 334. Шлоссер Фридрих-Христофор (1776—1861)—немецкий историк.

41. В. М. Латкину

Стр. 334. ...он начал мой портрет.—Первый портрет Гаршина был написан Репиным как этюд для картины «Иван Грозный». Большой портрет Гаршина Репин написал летом 1884 г. и выставил его на 15-й передвижной выставке 1887 г.

Приступаю только к написанию той самой старинной штуки...—Речь идет о повести «Надежда Николаевна».

42. Е. С. Гаршиной

Стр. 334. *Надсон* Семен Яковлевич (1862—1887)—поэт. Гаршин принимал деятельное участие в судьбе больного Надсона.

...у Давыдовых...—Давыдовы: Карл Юльевич (1838—1889)—виолончелист, композитор и педагог. В 1876—1887 гг.—директор Петербургской консерватории; Александра Аркадьевна (1848—1902), его жена, секретарь журнала «Северный вестник», хозяйка петербургского литературно-художественного салона. Позднее основательница и издательница журнала «Мир божий».

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1894)—композитор и пианист.

43. В. М. Латкину

Стр. 335. *«Русская мысль»*—научный, литературный и политический журнал. Издавался в Москве в 1880—1918 гг.

Его последняя вещь ужасна.—«В чем моя вера?» Л. Толстого широко обсуждалась в 1884—1885 гг.

...такой картины у нас еще не было...—См. об этом очерк Н. А. Демчинского, с. 388.

44. В. М. Латкину

Стр. 335. *...разные слова, изрыгаемые Скабичевским и К°...*—Речь идет о статье А. М. Скабичевского «Наши новые беллетристические силы», опубликованной в газете «Новости» (1885, 28.III, № 84). Автор статьи, дав резкий разбор повести «Надежда Николаевна», обвинял Гаршина в «возрождении некоторых свойств давно уже отжившего ⟨...⟩ романтизма», называл повесть «романтической и мелодраматической чепухой».

Ты сам свой высший суд...—Гаршин цитирует стихотворение Пушкина «Поэту».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННИКОВ О В. М. ГАРШИНЕ

В. А. Фаусек

Памяти Всеволода Михайловича Гаршина

Печатается с большими сокращениями по тексту сборника «Памяти В. М. Гаршина», СПб., 1889, с 77—123.

О Викторе Андреевиче Фаусеке см. примечание к письму № 39, с. 402. После смерти Гаршина В. А. Фаусек писал брату: «У меня на душе тяжелое горе — трагическая смерть милого, дорогого, любимого друга моего Всеволода Михайловича, этой жемчужины между людьми. Потеря эта очень для меня тяжела, и я не могу помириться с ней. Я знаю много умных и талантливых людей; у меня есть приятели, которых я люблю и приязнь которых мне дорога и приятна, хотя в Петербурге-то, пожалуй, у меня и мало таких. Но Всеволод был единственным в своем роде, ты это хорошо знаешь. Такой чистой души, такого благородного и милого характера, такой необыкновенной изящности и привлекательности не найдешь больше. Я с ним похоронил мою молодость, лучшее чувство, лучшее воспоминание моей жизни. Может быть, я еще долго проживу, но сколько бы лет я ни прожил — навсегда он останется для меня печальным, прекрасным, незаменимым воспоминанием; я пишу и плачу» (Цит. по очерку Вяч. А. Фаусека «Из воспоминаний о В. М. Гаршине». — «Современный мир», 1913, № 3, с. 64).

Стр. 337. *Гаршин Евгений* Михайлович. — См. о нем примеч. к письму № 11, а также к воспоминаниям Е. М. Гаршина.

...после манифеста 12-го апреля... — См. примеч. к ‹Автобиографии›, с. 398.

...родные его получили от него письмо... — См. письмо № 17 к Е. С. Гаршиной, с. 327.

Стр. 338. *Не помню, в Харькове ли он написал «Четыре дня»...* — См. примеч. к рассказу, с. 389.

Латкин Владимир Михайлович. — См. о нем примеч. к письму № 40, с. 402.

Он напечатал уже несколько рассказов... — «Происшествие», «Трус», «Встреча».

Стр. 340. *...стоял еще на той точке зрения, о которой он рассказал нам в «Исповеди».* — Публицистические произведения «Исповедь» (1879—1880, опубликована в 1884) и «В чем моя вера?» (1882—1884) отразили новые взгляды и социальные выводы Л. Толстого, вынесенные писателем из пережитого им идейного перелома. В этих сочинениях Толстой пришел к мысли о том, что существование высших слоев общества построено на ложных основах, и высказал ряд положений о необходимости собственного

труда, действительно близких к тем представлениям Гаршина, о которых рассказывает В. А. Фаусек.

Стр. 341. *...он женился...* — См. примеч. к ⟨Автобиографии⟩, с. 398.

Стр. 342. *...появление рассказов г-на Короленко...* — См. письмо к С. Я. Надсону (№ 45), с. 398.

...житие протопопа Аввакума. — Аввакум Петрович (1620—1682) — протопоп, основатель русского старообрядчества, возглавлявший церковный раскол. Его книга «Житие протопопа Аввакума» (1672—1675) — первый в русской литературе опыт пространной автобиографии. Аввакум был сожжен по указу царя Федора Алексеевича.

Стр. 343. *Малышев* Михаил Егорович. — См. примеч. к очерку М. Е. Малышева «О Всеволоде Гаршине», с. 405.

Ярошенко Николай Александрович (1846—1898) — живописец-передвижник. Автор «Кочегара» (1878), вдохновившего Гаршина на создание рассказа «Художники».

Стр. 346. *...он любил картину Ге...* — Картина Н. Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе» (1871).

...только что появившийся в «Сев⟨ерном⟩ вестнике». — «Степь» была опубликована в № 3 за 1888 г.

...с тех пор, как они стали появляться в «Новом времени»... — т. е. с 1886 г.

Стр. 347. *...накануне назначенного отъезда...* — Гаршин собирался уехать в Кисловодск.

Герд Александр Яковлевич. — См. о нем примеч. к письму № 2.

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт, беллетрист, переводчик. Был в дружеских отношениях с Гаршиным.

М. Е. Малышев

О Всеволоде Гаршине

Печатается с небольшими сокращениями по тексту сб.: «Памяти В. М. Гаршина», СПб., 1889, с. 124—129.

Малышев Михаил Егорович (1852—1912) — живописец, иллюстратор. Один из самых близких знакомых Гаршина. Первый иллюстратор его рассказов. Был участником «пятниц» — кружка молодых художников, — куда ввел и Гаршина. В кружке завязались связи писателя с живописцами, близкими к «передвижникам».

Стр. 348. *...для издания, посвященного его памяти.* — Малышев имеет в виду сб. «Памяти В. М. Гаршина».

Афанасьев Василий Назарович. — См. о нем примеч. к письму № 23, с. 401.

А. В. де-Лазари

⟨Воспоминания о В. М. Гаршине⟩

Воспоминания впервые опубликованы Н. А. Крашенинниковым в журнале «Русская мысль», 1917, № 1, с. 44—65, в рубрике «Материалы по истории русской литературы и культуры», под названием «К биографии В. М. Гаршина. В. М. Гаршин по воспоминаниям Н. В. де-Л.». В предисловии к публикации Н. А. Крашенинников писал: «В прошлом году (то есть в 1916.— *И. П.*) в Ессентуках, во время лечения, мне довелось познакомиться с проживавшей там г-жой Н. В. де-Л⟨азари⟩, хорошо знавшей не только В. М. Гаршина, но и всю его семью. Связанные общей близкой дружбой, семьи Гаршина и Н. В. де-Л⟨азари⟩ несколько лет жили в Харькове, а перед этим в уездном городе Старобельске. и воспоминания г-жи де-Л⟨азари⟩, бывшей, кстати сказать, родной сестрой г-жи Р⟨аисы Всеволодовны Александровой⟩, имя которой не раз упоминается в опубликованных письмах Гаршина к матери,— мне представилось небезынтересным присоединить к необширным биографическим сведениям о Гаршине. Привожу я эпизоды из этих воспоминаний, вероятно, с неточностями,— особенно в хронологических датах,— стремясь с наибольшим вниманием записать все, относящееся к человечески милому и трогательному облику этой «кристальной души» (с. 44).

Н. А. Крашенинников допустил неточность, называя инициалы мемуаристки. Автором воспоминаний о Гаршине была не Н. В. (то есть Надежда Всеволодовна Александрова), а ее сестра Антонина Всеволодовна де-Лазари (урожденная Александрова). Н. В. Александрова покончила с собой в Харькове весной 1883 г.

Стр. 351. *Говорили про нее, что была она из «красных»...*— В связи с делом П. В. Завадского (см. о нем примеч. к ⟨Автобиографии⟩, с. 397) в октябре 1862 г. у Е. С. Гаршиной был произведен обыск. С января 1863 г. Е. С. Гаршина была под тайным надзором полиции. В 1866 г. у Е. С. Гаршиной был второй обыск в связи с розыском сообщников Д. В. Каракозова.

Стр. 352. *...ухаживал за моею старшей сестрою Р⟨аисой⟩...*— Подробнее об отношениях Гаршина с Р. В. Александровой см. примеч. к рассказу «Очень коротенький роман», с. 390.

Н. С. Русанов

Из литературных воспоминаний

Печатается с сокращениями по тексту, опубликованному в журнале «Былое», 1906, кн. XII, с. 49—53.

Русанов Николай Сергеевич (псевдоним: Н. Кудрин) — публицист-народник, член организации «Земля и воля». Познакомился с Гаршиным в конце 70-х гг.

Стр. 357. *Млодецкий* Ипполит Осипович — политический ссыльный; стрелял 20.II.1880 г. в начальника верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликова. По приказу Военно-окружного суда Млодецкий был повешен 22. II. 1880 г.

В. П. Сахаров

Воспоминания о В. М. Гаршине

Печатается с сокращениями по тексту сб.: Современники о Гаршине, Саратов, 1977, с. 47—51.

Сахаров Василий Платонович — подпоручик 138-го Болховского полка, в котором служил Гаршин. Впоследствии генерал-майор. Гаршин писал матери 29.VII.1877 г., что Сахаров «...кончил курс семинарии и променял орарь иподьякона на сабельку армейского офицера» (Гаршин. Письма, с. 135).

Стр. 359. *Афанасьев Иван Назарович* — брат В. Н. Афанасьева, командир 5-й роты 138-го Болховского полка.

А. И. Эртель

О Всеволоде Гаршине

Печатается по кн.: Красный цветок. Литературный сборник в память В. М. Гаршина. СПб., 1889, с. 45—53.

Эртель Александр Иванович (1855—1908) — писатель-демократ. В 1884 г. был арестован за связь с революционерами, заключен сначала в Петропавловскую крепость, а затем сослан в Тверь, где находился с 1885 до 1888 г. В последние годы жизни Гаршина Эртель не имел с ним личных контактов.

Стр. 361. *Сталь* (фамилия по мужу — Сталь-Гольштейн) Анна Луиза Жермена де (1766—1817) — французская писательница, теоретик литературы. Источник цитаты, имеющей широкое хождение, не обнаружен.

...в Козлове... — Гаршин был в служебной командировке в Козлове в начале июля 1884 г. В письме от 3.VII.1884 г. к жене Гаршин сообщал ей о встрече в Козлове с Эртелем (Гаршин. Письма, с. 328—329).

...за девять лет мы обменялись только несколькими письмами. — Три письма Гаршина к Эртелю опубликованы в кн.: Гаршин. Письма, с. 213—214, 307—308, 330—331. Первое из них датировано 15.IV.1880 г., последнее — (17.VII.1884 г.).

Стр. 363. *...волновался по поводу «события»...*—Имеется в виду покушение И. О. Млодецкого на М. Т. Лорис-Меликова и попытка Гаршина отвратить смертную казнь террориста. Подробнее об этом см. в воспоминаниях Н. С. Русанова, с. 356—358.

...я получил от него письмо из Харькова...—В письме к Эртелю от 15.IV.1880 г. Гаршин сообщал, что вышлет «Русскому богатству» через две недели продолжение хроники «Люди и война». Гаршин добавлял: «...в том случае, если мне удастся после Х(арькова) съездить в Кишинев, без чего писать невозможно» (Гаршин. Письма, с. 213).

...к ...графу Л. Н. Толстому...—О визите Гаршина к Л. Толстому рассказал в своих воспоминаниях И. Л. Толстой. См.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. I, М., 1955, с. 192—193.

Стр. 364. *...«не мог жить за свой собственный страх и счет... общей людям правды».*—Неточная цитата из рассказа Гаршина «Ночь»; см. с. 133.

...«чуть колышется вода в пруде... спугивая стаю уток»...—Не совсем точная цитата из рассказа «Художники». См. с. 101.

Стр. 364—365. *...«сидящего, согнувшись в комок... под удары молота».*—Неточная цитата из рассказа «Художники». См. с. 101.

Стр. 365. *«Смотришь и не можешь оторваться... как ты убил мое»...*—Неточная цитата из рассказа «Художники». См. с. 102.

Автор одного из некрологов... назвал его «человеком не от мира сего».—Источник цитаты не обнаружен.

Стр. 366. *...«нет Патрокла»...* —Эртель имеет в виду строки из стихотворения Жуковского «Торжество победителей»: «Нет великого Патрокла; /Жив презрительный Терсит».

...«земля есть и в землю отыдоша».—Близкие по смыслу изречения содержатся в Первой книге Бытия (гл. 3, ст. 19); в Книге Екклесиаста (гл. 12, ст. 7) и в Псалтири (Пс. 145, ст. 4).

Вспомните, что говорит «Природа»...—Далее следует неточная цитата из стихотворения в прозе Тургенева «Природа».

Н. Минский

Несколько слов о Гаршине по поводу десятилетия его смерти

Печатается с сокращениями по тексту газеты «Новости», 1898, № 96, 9 апреля.

Н. Минский (настоящее имя—Виленкин Николай Максимович; 1855—1937)—поэт, публицист, переводчик.

Ф. Ф. Фидлер

Всеволод Михайлович Гаршин

Печатается с сокращениями по тексту: «Новое слово», кн. 1, с. 68—73.

Фидлер Федор Федорович (1859—1917) — писатель, педагог, переводчик русских писателей на немецкий язык. Познакомился с Гаршиным в октябре 1883 г.

Стр. 371. *Случевский* Константин Константинович (1837—1904) — поэт и прозаик.

Караскевич-Ющенко С. С. — неустановленное лицо.

Н. К. Михайловский не разделял общего восторга... — Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — публицист, литературный критик, социолог. Теоретик народничества. Отношение к Чехову отразилось в статьях и рецензиях Михайловского, упрекавшего писателя в «незаконченности» его рассказов, в отсутствии определенной позиции по отношению к изображаемому.

Е. М. Гаршин

Литературные беседы

Печатается с сокращениями по тексту, опубликованному в газете «Биржевые ведомости», 1888, № 91, 1 апреля.

Гаршин Евгений Михайлович (1861—1931) — младший брат В. М. Гаршина; критик, писатель, педагог, мемуарист. В 1884 г. закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, преподавал русскую словесность в гимназиях.

Стр. 371. *...назвал его своим литературным наследником...* — 14. VI. 1880 г. Тургенев писал Гаршину: «Каждый стареющий писатель, искренне любящий свое дело, радуется, когда он открывает себе наследников: Вы из их числа» (Тургенев И. С. Полн. собр., соч. и писем в 28-ми тт. Письма, т. XII, кн. 2, Л., 1967, с. 273—274.).

Стр. 372. *...в глухом уездном городишке...* — Старобельске.

...по выражению гоголевского городничего... — См.: «Ревизор», действие I, явление 1.

Стр. 373. *...на одного литератора...* — А. С. Суворина. См. об этом в письмах Гаршина №№ 4, 5, 6, 7, 8, а также в примеч. к ним.

...большой влиятельной газеты... — В конце 1875 г. Суворин писал воскресные фельетоны для газеты «Биржевые ведомости», которая была закрыта в 1879 г.

...называл даже заглавия своих будущих повестей... — См. письмо №11, с. 325.
...статьи... о современном искусстве... — Имеются в виду статьи Гаршина о живописи.

Ф. Д. Батюшков

Памяти Гаршина

Печатается с сокращениями по тексту, опубликованному в журнале «Современный мир», 1908, кн. 4, с. 99—102.

Батюшков Федор Дмитриевич (1857—1920) — историк литературы, критик, лингвист. В 80—90-е гг. — преподаватель Петербургского университета и Высших женских курсов. Батюшков рассказывает о заседании Неофилологического общества, состоявшемся в начале апреля 1886 г.

В. Г. Чертков

(Воспоминания о Гаршине)

Печатается по тексту, опубликованному в сб. «Звенья», т. V, М.-Л., 1935, с. 677—679.

Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — издатель, публицист. В 1883 г. познакомился с Л. Толстым и стал его ближайшим сотрудником. Гаршин писал Е. М. Гаршину 4. VI. 1887 г.: «Очень любя Черткова, я в теоретических рассуждениях ни в чем с ним и с Т⟨олстым⟩ не схожусь. Многое в их речах мне прямо ненавистно (отношение к науке, напр⟨имер⟩): если ты этого не знал, можешь спросить у Ч⟨ерткова⟩ при случае: он скажет тебе, что меня «ихним» считать невозможно» (Гаршин. Письма, с. 391). Чертков познакомился с Гаршиным в 1885 г.

Стр. 377. *...для этой цели написал два рассказа...* — См. примеч. к воспоминаниям В. И. Бибикова, с. 411.

П. В. Быков

Писатель-мученик, человеколюбец
(Несколько слов о В. М. Гаршине)

Печатается с небольшими сокращениями по тексту, опубликованному в кн.: Быков П. В. Силуэты далекого прошлого, М.-Л., 1930, с. 200—203.

Быков Петр Васильевич (1843—1930) — писатель и библиограф. Участвовал в редактировании журнала «Русское богатство» (1881—1900). Его знакомство с Гаршиным состоялось, по-видимому, в начале 1880-х гг.

Стр. 378. *Василевский* Ипполит Федорович (псевд.— Буква); настоящее имя — Ипполит-Петр Фердинандович (1849 — умер после 1918) — фельетонист, публицист. С 1875 (официально с 1879) до 1905 г. редактировал журнал «Стрекоза».

Стр. 380. *...дружба его с Чеховым, Короленко, Надсоном и, наконец, с Глебом Успенским...* — С Надсоном и Г. Успенским Гаршин действительно был в дружеских отношениях. Личного знакомства с Чеховым у него не было, но оба писателя испытывали друг к другу большую симпатию. Чехов пытался познакомиться с Гаршиным. 31. III. 1888 г. он писал А. Н. Плещееву: «Два раза был я у Гаршина и в оба раза не застал» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30 тт. Письма, т. 2, М., 1975, с. 227). Об отношении Гаршина к творчеству Чехова см. подробнее в воспоминаниях В. А. Фаусека, с.346. Короленко писал С.Н. Дурылину 10.I.1910 г.: «Гаршина видел только три раза в жизни, на очень короткое время и никаких сколько-нибудь значительных разговоров с ним не вел. Писем от него тоже не получал» (Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 тт., т. 10, М., 1956, с. 443).

В. И. Бибиков

Всеволод Гаршин

Печатается с большими сокращениями по тексту, опубликованному в кн.: Бибиков В.И. Рассказы, СПб., 1888, с. 347—381.

Бибиков Виктор Иванович (1863—1892) — писатель, литературный критик. Познакомился с Гаршиным в 1884 г.

Стр. 381. *Сара Бернар* (1844—1923) — французская актриса.

Стр. 382. *А. Н. Плещеев.* — См. примеч. к воспоминаниям В. А. Фаусека, с. 405.

«Посредник» — книжное издательство просветительского характера. Создано в 1884 г. по инициативе Л. Толстого. Руководство издательством на первых порах осуществлял В. Г. Чертков. Цель издательства — выпускать доступные для народа книги нравственного и художественного содержания взамен лубочной литературы. В этом издательстве вышли рассказы Гаршина «Четыре дня», «Медведи», «Сигнал».

...«цель поэзии — поэзия»... — Фраза из письма Пушкина к Жуковскому (апрель 1825 г.). См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 тт., т. 10, Л., 1979, с. 112.

Стр. 382—383. *...роман Мериме «Коломба» был переведен В(севолодом) М(ихайловичем)...* — Перевод Гаршина был опубликован в журнале «Изящная литература» (1883, № 10).

Стр. 383. *«Что нужно Лондону, то рано для Москвы»...* — Строка из стихотворения Пушкина «Послание цензору».

...выставил портрет Гаршина... — См. примеч. к воспоминаниям Репина, с. 413.

...одна статья о двух картинах Сурикова и Поленова... — Статья «Заметки о художественных выставках» (1887 г.).

А. И. Леман

Статья о Гаршине

Печатается с большими сокращениями по тексту, опубликованному в кн.: Леман А. И. Рассказы, СПб., 1888, с. 25—133.

Леман Анатолий Иванович (1859—1913) — писатель и публицист. Познакомился с Гаршиным в 1886 г.

Стр. 484. *...в семье Гаршиных есть татарская кровь.* — См. (Автобиографию) Гаршина, с. 317.

Стр. 385. *...драмы Толстого...* — «Власть тьмы».

...до сознательной критики над Толстым. — Ср. с воспоминаниями В. А. Фаусека, с. 342—343. Это наблюдение Лемана носит субъективный характер. См. также примеч. к воспоминаниям В. Г. Черткова, с. 410.

...скорбь о детях... — Брак Гаршина был бездетным, о чем писатель не раз сокрушался.

И. Е. Репин

В. М. Гаршин

Печатается с небольшими сокращениями по тексту книги: Репин И. Е. Далекое близкое, М., 1964, с. 360—363.

Стр. 386. *С первого же знакомства моего с В. М. Гаршиным...* — Репин познакомился с Гаршиным в 1882 г. Об их отношениях см. кн.: Дурылин С. Н. Репин и Гаршин. (Из истории русской живописи и литературы), М., 1926.

...в зале Павловой... — В Концертно-театральном зале на бывшей Троицкой улице в Петербурге (ныне улица Антона Рубинштейна).

...но осуществилось это намерение позже. — В 1883 г. Гаршин позировал Репину для этюда к картине «Иван Грозный и сын его Иван. 16 ноября 1581 г.». В 1884 г. Репин написал большой портрет Гаршина (писатель изображен сидящим за столом с книгами и рукописями).

ПРИМЕЧАНИЯ

БЕДНАЯ ЛИЗА

Стр. 3. *Си...нова* — Симонова.

Струги — речные суда, ходившие на веслах и под парусами.

Стр. 4. *Гроб* — здесь: надмогильный памятник.

Все сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества... — Симонов монастырь, расположенный приблизительно в шести километрах на юго-восток от Кремля, построен в XIV веке. Окруженный каменными стенами, как и все подмосковные монастыри, он был одной из крепостей, защищавших от нападения врагов подступы к столице. В 1591 году Симонов монастырь осадили орды крымского хана Казы-Гирея, но взять его не смогли. В 1612 году войска польско-литовских интервентов (Карамзин называет их *литовцами*) после жестокого сражения заняли монастырь и разграбили его. Об этих событиях и вспоминает Карамзин.

Стр. 5. *Окончина* (устар.) — оконное стекло.

Стр. 7. *Геба* — по древнегреческой мифологии, богиня вечной юности, подносящая богам во время пиров напиток бессмертия — нектар.

Стр. 8. *Эраст.* — Имя Эраст образовано от греческого слова «эрос» — «любовь» и означает «любящий».

Идиллия — чувствительное стихотворение, изображающее в приукрашенном виде жизнь простых людей.

Натура (фр.) — природа.

Стр. 11. *Зефир* (греч.) — ветерок.

Цинтия — здесь: луна. По древнеримской мифологии, имя богини луны.

Стр. 16. *Помолвил* — здесь: обещал

Стр. 17. *Империал* — дореволюционная русская золотая монета достоинством в десять рублей.

НАТАЛЬЯ, БОЯРСКАЯ ДОЧЬ

Стр. 19. *Подкапок* — старинный легкий головной убор, подлевавшийся под шапку или под шлем

Галло-албионский (устар.) — французско-английский

Осьмой-надесять (устар.) — восемнадцатый

Парки — в древнеримской мифологии богини судьбы. Древние римляне представляли их себе в виде трех старух, из которых две прядут нить человеческой жизни, а третья, обрезая эту нить, обрекает человека на смерть.

Стр. 20. *Х[illegible]* (устар.) — неумелое повествование.

Неудобна (устар.) — здесь: неспособна

Морфей — [illegible] мифологии, бог сна.

Стр. 21. *Двана[illegible]* (устар.) — двенадцатый. Дванадесятые праздники — [illegible] религиозные праздники христианской церкви, которых в году насчитывается двенадцать

Стр. 22. *Ки[illegible] любви* — то есть печаль об умершем супруге. Кипарис у древних греков считался символом траура и печали по умершим

Зефироза любовника (устар.) — возлюбленная ветерка. Обычный для поэзии XVIII века условный образ розы

Магазин (фр.) — склад, хранилище.

Пиитический (устар.) — поэтический

Стр. 23. *Сократ* (469—399 гг. до н. э.) — греческий философ, сын скульптора и сам обучавшийся в молодости ваянию.

Локк Джон (1632—1701) — английский философ-материалист, уделявший большое внимание вопросам воспитания и обучения, автор труда «Мысли о воспитании» и других педагогических сочинений.

«Эмиль» — философский роман великого французского философа-просветителя и писателя Жан Жака Руссо (1712—1778), в котором он изложил свои педагогические взгляды.

Камчатная — сшитая из *камки* — шелковой или полотняной ткани узорной выделки.

Стр. 24 *Благовест* — колокольный звон, возвещающий начало церковной службы.

Стр. 25. *В уголке трапезы...* — Трапеза (устар.) — еда, угощение; в монастырской церкви так называлось помещение, служившее монахам не только местом богослужения, но и общей столовой.

Клоб (устар.) — клуб.

Ясмин (устар.) — жасмин.

Красные ворота с трубящею Славою — парадная арка, воздвигнутая в 1742 году по проекту архитектора Д. Ухтомского в Москве на месте нынешней Пермогеевской площади по случаю коронации императрицы Елизаветы Петровны. Арка имела аллегорическое изображение Славы в виде прекрасной девушки, трубящей в фанфару.

Часы прохлады (устар.) — часы отдыха.

Владимир (ум. 1015) — князь Киевский, герой многих русских былин.

Стр. 26. *Дриады* — по древнегреческой мифологии, обитавшие в лесах божества — покровительницы деревьев, изображавшиеся в виде юных прекрасных девушек.

Купидон — по древнеримской мифологии, бог любви.

Стр. 28 *Дафна, Хлоя* — условные литературные имена, широко употреблявшиеся в поэзии XVIII века. Дафна по-гречески значит «лавр». Хлоя — зеленая.

Мирт — вечнозеленый кустарник; в Древней Греции считался символом любви и наслаждений.

Стерн Лоренс (1713—1768) — английский писатель-сентименталист, романы которого «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» и «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» оказали большое влияние на развитие сентиментализма в европейских литературах, в том числе в русской. В романах Стерна повествование

часто прерывается рассказами и рассуждениями, не имеющими отношения к развитию сюжета.

Стр. 29. *Велемудрая* (устар.) — очень мудрая, мудрейшая.

Крылос, или *клирос*, — небольшие возвышения: площадки в церкви по обеим сторонам алтаря, на которых на время службы размещается церковный хор.

Замешанных — здесь: неясных, запутанных.

Стр. 30. *Темно* — здесь: смутно, неясно.

Стр. 31. *Вольтеровские кресла* — глубокие, с высокой спинкой кресла, широко распространенные в конце XVIII — начале XIX века.

Стр. 39. *Грядите* (устар.) — идите.

Стр. 40. *Язык Оссиана* — Оссиан (III в.) — легендарный шотландский поэт, ему приписываются поэмы, написанные вычурным стилем, полным самых замысловатых сравнений. Поэмы Оссиана были очень популярны в конце XVIII — начале XIX века, многие русские поэты писали подражания Оссиану.

Стр. 42. *Странноприимные* (устар.) — гостеприимные.

Стр. 52. *Сонм* (устар.) — множество.

Перевод с французского

Подготовка текста
В. Н. Пронина

Комментарии
А. Е. Бочарева

В издании использованы иллюстрации Гаварни к книге Э. Сю «Вечный жид», 1845 г.

© Пронин В. Н. Подготовка текста. 1993.
© Бочарев А. Е. Комментарии. 1993.

С 4703010100 — 2819 / 050(02)—93 2819—93

ISBN 5—253—00646—X

Холера

XXVII

Свидание

На другой день после посещения Дюпона Джальма быстрыми, нетерпеливыми шагами ходил по индийской гостиной своего дома. Мы знаем, что она сообщалась с оранжереей, где он в первый раз увидал Адриенну. В память этого дня он был одет так же, как тогда,— в белую кашемировую тунику, перетянутую пунцовым поясом, и в чалму того же цвета. Его алые бархатные штиблеты, вышитые золотом, превосходно обрисовывали форму стройных ног, обутых, кроме того, в маленькие туфли из белого сафьяна с красным каблуком.

Счастье оказывает быстрое и, если можно сказать, материальное воздействие на молодые, пылкие и живучие натуры, так что Джальма, вчера еще убитый, отчаявшийся и угрюмый, был сегодня неузнаваем. Бледный, золотистый цвет его прозрачной кожи больше не имел мертвенного оттенка; его громадные зрачки, недавно подернутые как бы облаком печали, подобно черным бриллиантам, покрытым легким налетом, нежно блестели теперь на перламутре белков; побледневшие было губы снова могли поспорить окраской с самыми яркими бархатистыми пурпурными цветами его родины. Время от времени он останавливался, вынимал небольшую тщательно сложенную бумажку, лежавшую у него на груди, и подносил ее к губам в безумном опьянении. Он не в состоянии был в эти минуты сдерживать порывы счастья, и радостный крик, звонкий и мужественный, вырывался из его груди. Одним прыжком принц очутился у зеркального стекла, отделявшего гостиную от оранжереи, где в первый раз увидел он мадемуазель де Кардовилль. Есть странная мощь в воспоминании; ум, которым овладела страстная, постоянная, упорная мысль, бывает иногда подвластен отрадной

КОММЕНТАРИИ

С. 6. *Бедуин (араб.)* — кочевой араб-скотовод Аравийского полуострова и Северной Африки; в данном случае — наименование одежды по принципу метонимической общности.

Бурнус (араб.) — широкий плащ с капюшоном.

С. 14. *Лебрен* Шарль (1619—1690) — французский художник, один из создателей так называемого «большого стиля» эпохи расцвета французского абсолютизма, стиля Людовика XIV. Его приверженность к пышным аксессуарам, аллегории и героике как нельзя лучше соответствовала амбициям самого пышного в Европе королевского двора. Под руководством Лебрена осуществлялась, в частности, роспись большой галереи Версальского дворца, главной королевской резиденции близ Парижа.

Аполлон — сын Зевса и Лето, олимпийский бог в греческой мифологии, покровительствовал музыкантам, обладал даром прорицания, умением врачевать и т. п. Подобно Дионису являлся выразителем буйства и экстаза. Почитался также и как бог солнечного света, в чем уподоблялся богу солнца Гелиосу. Известны многочисленные его имена: Простат (заступник), Алексикакос (отвратитель зла), Пеон (разрешитель болезней), Пифий (убивший дракона Пифона), Мусагет (водитель муз), Дафний (любящий Дафну, превращенную в лавровое дерево), Акесий (целитель), Эпикурий (попечитель), Номий (пастух). Среди живописных сюжетов встречаются, в частности, Аполлон, сражающийся с Пифоном (Э. Делакруа), Аполлон в окружении муз (Н. Пуссен, К. Лоррен), Аполлон с возлюбленной Дафной (Дж. Б. Тьеполо), Аполлон на солнечной колеснице (Дж. Б. Тьеполо), Аполлон и Артемида (Кранах Старший) и т. д.

С. 24. *...ad majorem Dei gloriam... (лат.)* — «К вящей славе Господней», девиз ордена иезуитов. Инициалы A.M.D.G. служили эпиграфом многих книг, издаваемых Обществом Иисуса.

С. 26. *...Коса Кроноса...* — Наряду с песочными часами коса или серп становятся характерным атрибутом одного из титанов в греческой мифологии — Кроноса, сына Урана и Геи, оскопившего серпом Урана и воцарившегося вместо отца. По предсказанию Геи, его должен был лишить власти собственный сын, потому он и поедал своих детей вскоре после рождения. Спасенный хитростью Геи Зевс сумел освободить из чрева отца своих сестер и братьев, вместе с которыми победил титанов. Имя Кроноса ассоциируется с образом всепожирающего неумолимого времени (ср. производные от имени титана однокоренные слова «хронология», «хроника» и т. п.). В римской мифологии Кронос известен под именем Сатурна. Упомянутые в романе часы с аллегорической фигурой крылатого Кроноса-Сатурна с косой, нередко обви-

васмой змеей,— распространенный образец каминных часов в декоративно-прикладном искусстве Западной Европы XVII—XVIII вв., преимущественно эпохи барокко. Кроме фигуры Кроноса, часовой механизм украшался и другими аллегорическими образами быстротечности времени, власти времени над красотой и здоровьем, раскаяния и т. д. Характерными были в этой связи часы — урна, часы — распятие, часы — голгофа, часы — зеркало, часы с фигурой Ночи — женщины, опирающейся на небесную сферу.

«Подражание Христу» — средневековое религиозно-дидактическое сочинение на латинском языке (De Imitatione Christi), авторство которого приписывается либо немецкому монаху-августинцу Фоме Кемпийскому (1380—1471), либо французу Жаку Жерсону (1363—1429), доктору теологии. Впервые под именем Фомы Кемпийского книга издана в 1600 г. С тех пор выдержала свыше тысячи переизданий. Переводилась на многие языки, в том числе и на французский. Известен стихотворный перевод П. Корнеля.

Альков (фр.) — углубление или ниша в стене обычно для спальни.

Максима (от *лат.* maxima — основное) — высказывание нравственно-этического или логического характера, выраженное в краткой формуле; афоризм, сентенция. Как литературный жанр максимы становятся популярными во Франции в 60—80 гг. XVII в., в значительной степени под влиянием известных «Максим» (1665) французского писателя-моралиста Франсуа де Ларошфуко (1613—1680).

С. 27. *...перевод и предисловие досточтимого отца Гоннелье.*— Французский перевод «Подражания Христу» выполнили также Мишель де Мариллак (1[illegible]), Л-Исаак Леметр, прозванный де Саси (1613—1684), Ф[illegible] Ламенне (1782—1854), Жорж Дарбуа (1813—1871), А.-Эмен Жену[illegible] (1792—1849).

С. 32. *Конфуций* (55[illegible] до н. э.), называемый Кун-цзы — учитель Кун, древнекитайский философ из сословия «ученых книжников», основатель конфуцианства, уделявшего особое внимание этической стороне человеческого бытия. Категории «жэнь» — гуманности, человечности, любви к людям, справедливости, верности, искренности, а также категории «сяо» — сыновней почтительности, уважению к старшим и т. д.

Моисей — в преданиях иудаизма и христианства первый пророк бога Яхве и основатель его религии, наставник и вождь еврейских племен в исходе евреев из Египта в Ханаан (Палестину). Передал своему народу заповеди Яхве, так называемые скрижали завета — повеления, регулирующие поведение человека перед Богом.

Ликург (IX—VIII вв. до н. э.) — легендарный законодатель Спарты, создавший политические институты по велению дельфийского оракула. Ему воздавались божественные почести. Известно жизнеописание Ликурга, составленное Плутархом.

С. 33. *Макиавеллизм* — от ставшего нарицательным имени Никколо Макиавелли (1469—1527), политического деятеля и мыслителя Флоренции, автора сочинения «Государь», оправдывавшего любые средства в достижении поставленных целей, примат сильной государственной власти над общечеловеческими нормами морали. В расширительном значении макиавеллизм ассоциируется с коварством, вероломством, культом грубой силы.

С. 56. *...монахов-аскетов на тех мрачных картинах испанской школы...* — Подразумевается испанская школа живописи XVII в. с ее характерным интересом к религиозным сюжетам, теме аскетизма и

мученичества. Показательны в этой связи произведения Франсиско Сурбарана (1598—1664) — например, известное полотно из мюнхенской Пинакотеки «Экстаз св. Франциска», на котором основатель нищенствующего монашеского ордена изображен аскетом с черепом в руках. Особым драматизмом проникнуты работы Хусепе де Риберы (1591—1652) на тему мученичества св. Себастьяна, св. Варфоломея, св. Лаврентия.

С. 57. *Стигмат*, или стигма (от *лат.* stigma, stigmata — метка, укол) — в древности унизительное клеймо, выжженное на теле раба или преступника.

С. 67. *Эфир* (от *греч.* aither) — по мнению древних греков, местопребывание богов, а также заполняющая небо субстанция, один из основных элементов мироздания, наряду с огнем и водой. По представлениям физиков XVIII—XIX вв., мировой эфир — среда, заполняющая мировое пространство. В поэтическом языке XVIII—XIX вв. эфир обозначает небесную сферу.

С. 79. *Рансе* — Арман де Бутейе, аббат де Рансе (1627—1700), крестник кардинала Ришелье. Несмотря на монашеское звание, вел светский образ жизни, от которого отказался вскоре после смерти возлюбленной — г-жи де Монбазон. Уединился в аббатстве де ла Трапп (1663 г.). Провел радикальную реформу ордена траппистов, или цистерцианцев, превратив его в один из самых строгих монашеских орденов. Монахи-трапписты хранили обет молчания. В пищу принимали хлеб и овощи, сваренные на воде. Образ смерти сопровождал их повсюду: с этой целью они созерцали свежевырытую могилу, готовую принять каждого из них в любой момент. Из основных сочинений Рансе известны «Устав аббатства де ла Трапп» (1671), «О святости и обязанностях монастырской жизни» (1685) и др.

С. 85. *Св. Тереза* (1515—1582) — испанская монахиня, преобразовательница ордена кармелиток. Канонизирована римско-католической церковью в 1621 г. Праздник 15 октября. Сочинения св. Терезы «Путь к совершенству», «Мысли о божественной любви» проникнуты религиозным мистицизмом. Известно скульптурное изображение св. Терезы работы Лоренцо Бернини (1598—1680) — «Экстаз св. Терезы» в итальянской церкви Санта Мария делла Виттория. Оно воспроизводит мистическое видение Терезы. Явившийся во сне ангел пронзает золотой стрелой сердце монахини, отчего она испытывает «сладостную муку».

Фимиам — ароматическое вещество, сжигаемое для благовония при религиозных обрядах.

С. 86. *Серафимы* — в иудаистской и христианской мифологиях ангелы, приближенные к престолу Бога и Его прославляющие. В ветхозаветной книге Исайи написано: «Вокруг Его стояли серафимы; у каждого из них по шести крыл; двумя закрывал каждый лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они друг к другу, и говорили свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его» (6, 2—3).

С. 89. *Улица Трех Братьев* — небольшая парижская улица в квартале Монмартр, возле площади дю Тертр.

С. 93. *Жокрис* — персонаж французской комедии, имя которого стало нарицательным. Тип доверчивого простака, наивность которого делает его игрушкой окружающих.

С. 100. *Орлеан* — город во Франции на реке Луара. Из архитектурных памятников известны готический собор Сент-Круа (нач. XIII в.), ренессансные и барочные дворцы.

Этамп — город во Франции на реке Жюин, на полпути от Парижа до Орлеана.

С. 102. *Каре* (от *фр.* carré — квадрат) — тактический прием построения пехоты четырехугольником для отражения атак кавалерии в европейских армиях в XVII—XIX вв.

С. 109. *Шеффер Ари* (1795—1858) — ныне малоизвестный французский художник исторического жанра. Исполнил ряд картин для Версальского дворца. В живописных работах конца 20-х — начала 30-х гг., отмеченных чертами романтизма, воспроизводил сюжеты из произведений Данте, Гете, Байрона.

С. 129. *Терм* — бог пограничных межей у римлян. Служение Терму введено правителем Рима Нумой Помпилием (715—673/672 гг. до н. э.). Изображался в виде четырехгранного столба с человеческой головой на вершине. В феврале в его честь праздновались так называемые терминалии, во время которых все вехи украшались цветочными гирляндами и окроплялись кровью и молоком жертвенных овец. По аналогии с функцией и характером изображения Терма образован французский фразеологический оборот «ne pas remuer plus qu'un terme» (стоять столбом, врасти в землю).

С. 137. *Терновый венец* — традиционный символ мученичества Иисуса Христа. Олицетворял собой корону в шутовском обряде, которому подвергли Иисуса глумившиеся над ним римские легионеры. «И, раздевши Его, надели на Него багряницу; И сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, [illegible]мехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» (Матфей [illegible], 28—29).

С. 138. *Первородный* [illegible] [illegible]падение Адама и Евы, поддавшихся искушению змея и [illegible] запретного плода в райском саду, за что они были изг[illegible] Эдемского и обречены на тяготы повседневной жизни ([illegible]—19). В католической и православной традициях считае[illegible] [illegible]вородный грех исказил исконную природу человека, созданного [illegible] невинным и безгрешным. Спасение от его последствий вид[illegible] [illegible]ряде крещения, в результате которого устанавливается при[illegible] крещеного к Иисусу Христу («новому Адаму»), искупи[illegible] первородный грех своей крестной смертью.

С. 139. *...in articulo mortis...* (*лат.*) — при смерти, на смертном одре.

С. 140. *Св. Иоанн Златоуст* (ок. 350—407) — выдающийся византийский церковный деятель, епископ Константинополя с 398 г., известный своим красноречием. Идеал проповедника. Французские переводы произведений Иоанна Златоуста изданы в 13-ти томах в Париже в 1718—1734 гг., переизданы в 1834—1840 гг.

С. 145. *...идолопоклонство перед презренным узурпатором.* — Подразумевается Наполеон I, являвшийся, по мнению легитимистов, узурпатором французского престола, «по праву» принадлежавшего старшей ветви династии Бурбонов.

С. 177. *...безбрачие?* — Аллюзия на обет безбрачия католических священников.

С. 178. *Св. Иоанн* — под этим именем известны св. Иоанн Креститель, св. Иоанн Богослов, св. Иоанн Златоуст, св. Иоанн Дамаскин и некоторые другие христианские святые.

Пантеисты — последователи пантеизма, религиозно-философского учения, отождествлявшего бога с природой и рассматривавшего при-

роду как воплощение божества. В XVI—XVII вв. с пантеизмом связаны некоторые материалистические и атеистические воззрения.

С. 208. *Набоб* — титул правителей индийских провинций; в Англии и Франции в XVIII в.— человек, разбогатевший в колониях, главным образом в Индии.

С. 221. *...для вящей славы Господней...* — известные слова девиза ордена иезуитов.

Мессия (*др.-евр.*) — в иудаизме и христианстве «помазанник», спаситель, посредник между Богом и людьми.

С. 226. *Лобзания Иуды* — знак Иуды Искариота, предавшего Иисуса Христа за тридцать сребреников первосвященникам. «Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. И тотчас подошед к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его» (Матфей 26, 48—49).

С. 228. *...кривые бывают королями только в царстве слепых...* — известная французская пословица «Au royaume des aveugles, les borgnes sont rois», означающая, что посредственность царит лишь среди глупцов.

...со времени вступления союзников в Париж... — Армии антинаполеоновской коалиции вошли в Париж в 1814 г., затем после так называемого периода «Ста дней» в 1815 г

С. 229. *Люцифер* (от *лат.* Lucifer — утренняя звезда) — одно из обозначений Сатаны в христианской традиции, согласно которой восставший против Бога ангел был низвергнут с небес в преисподнюю. «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: «взойду на небо. выше звезд Божиих вознесу престол мой, и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; Взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Исайя, 14, 12—15).

Неофитка (*греч.*) — новообращенная в какую-либо веру или учение.

...старый серый попугай. — Попугаи вошли в моду во Франции в эпоху рококо как экзотическая деталь интерьера; при этом они противопоставлялись «безродным» канарейкам, служившим характерной приметой быта третьего сословия.

С. 231. *...скромное имя Барнабе.* — Попугай назван именем св. Барнабе, апостола, ученика и сподвижника св. Павла.

...оранжевый тюрбан... — После почти полного исчезновения тюрбана в европейской моде XVII—XVIII вв. данный предмет женского туалета появляется вновь в начале XIX в. во время похода Наполеона в Египет. Он остается популярным и в эпоху бидермейера, преимущественно как возможное дополнение вечернего платья из муара. В 1832 г. французский журнал «Ла Мод» предлагает вниманию своих читательниц тюрбаны, украшенные перьями райских птиц.

Ферньера, или ферньерка — женское украшение времен Ренессанса в виде лобной повязки с драгоценным камнем посредине. Название происходит от названия картины Леонардо да Винчи «Прекрасная Ферроньер» (Лувр, Париж). На ней изображена с аналогичным украшением предполагаемая любовница Франциска I, история которой излагается, в частности, в «Гептамероне» (1559) Маргариты Наваррской и в «Жизнеописаниях знаменитых и галантных дам» (1666) Пьера де Брантома.

Биби — наряду с обозначением женской шляпки и банта на шее, фамильярное обращение — «деточка», «крошка» и т. п.

С. 248. *Старец Горы*, или Шейх-уль-Джебал, глава тайного мусульманского общества убийц, основанного в 1090 г. Гассаном, фанатиком-шиитом из Хорассана, и утвердившегося в гористой местности Персии и Сирии. Тайный союз состоял из шести степеней. При переходе из низшей во вторую степень совершался особый обряд с применением наркотических средств, вызывавших определенный поток галлюцинаций. Новообращенный оказывался, например, в райском саду, где прелестные черноокие девы прислуживали ему, предлагая чудесные фрукты и дивное вино. Уверовавшие в обещанное блаженство братья второй степени, так называемые федави, становились слепым орудием в руках «Старца Горы». Из них состоял отряд телохранителей, беспрекословно выполнявших все приказания.

С. 251. *...знаменитая история с ожерельем.* — Подразумевается скандальная история, случившаяся в 1785 г. при французском дворе Ловкая авантюристка графиня Ла Мотт сумела убедить кардинала Луи-Рене Роана в том, что тот может рассчитывать на благосклонность королевы Марии-Антуанетты, если преподнесет ей бриллиантовое ожерелье стоимостью 1 600 000 франков. Вызвавшись устроить тайное свидание кардинала и королевы, Жанна Ла Мотт завладела ожерельем и подставила вместо Марии-Антуанетты парижскую проститутку Оливу. Обман раскрылся. Ла Мотт, успевшая продать бриллианты, была схвачена и приговорена к порке и тюремному заключению. Два года спустя она бежала в Англию.

С. 260. *...брачное и [illegible] смертное ложе.* — Распространенный мотив западноевропейской литературы и искусства XVI—XIX вв., в котором сплетаются [illegible] агонии и сладострастия, Танатос и Эрос, смерть и [illegible] указывает не только известный эпизод трагедии Ш[illegible]бан Ромео и Джульетты, но и многочисленные любовны[illegible]туры барокко и романтизма, происходящие на фоне [illegible] ландшафта, популярный мотив «черного романа XVIII [illegible] монахе, проводящем ночь возле тела умершей девушки [illegible] Бернини «Экстаз св. Терезы», картина Бальдунга Г[illegible]ть и девушка» и т. п.

С. 261. *...султан [illegible]!* — На протяжении средних веков янычары представляли значительную политическую силу в различного рода государственных переворотах. Султан Махмуд II одержал над ними окончательную победу в 1826 г., при этом убитыми насчитывалось около пятнадцати тысяч, изгнанными — свыше двадцати тысяч янычар.

С. 268. *Карреле* (*фр.*) — трех- или четырехгранный клинок колющего оружия, так называемого меча-кончара. В Западной Европе появился в конце XV в.

«Взявший меч... от меча да погибнет». — Слова Иисуса Христа (Матфей 26, 52).

С. 269. *Собор св. Петра в Риме* построен в 1546—1593 гг. по проекту Микеланджело.

С. 271. *...perinde ac cadaver!* (*лат.*) — «точно труп»; ранее упомянутые слова Игнатия Лойолы, вошедшие в устав ордена иезуитов как воплощение правила о беспрекословном подчинении.

С. 279.. *Лаваль* — административный центр департамента Майен в 210 км от Парижа. Из исторических памятников известны церковь Троицы (XII в.), средневековый замок (XI—XVI вв.) и др.

А. БОЧКАРЕВ

Часть шестнадц

ЭПИЛОГ

Комментарии

КОММЕНТАРИИ

С. 5. *Улица Хлодвига.* Названа именем Хлодвига I, сына короля Хильдерика II из рода Меровингов, короля франков с 481 по 511 г., покорившего Галлию и основавшего Франкское королевство. После крещения в Реймсе (496 г.) способствовал распространению христианства на территории королевства. Его жизнеописание излагается, в частности, в «Истории франков» св. Григория Турского, епископа из Тура, называющего Хлодвига «великим и могучим воином». Известно изображение Хлодвига в сцене крещения на западном фасаде Реймского собора XIII в.

Остеология — раздел анатомии, изучающий строение и форму костей в связи с их функцией.

Латинский квартал — студенческий квартал в Париже на левом берегу Сены, известный своим Университетом, основанным Робером де Сорбоном (1201—1274) в середине XIII в. Получил соответствующее наименование, поскольку обучение в средние века велось на латинском языке. Со времен основания отличался особым оживлением и юмором, царившим среди школяров и студентов.

С. 6. *...разражался дифирамбическими монологами...* — Т. е. преувеличенно восторженными и хвалебными речами. От дифирамба — драматизированного песнопения в честь древнегреческого бога Диониса.

Френология — учение о связи характера и умственных способностей человека с формой черепа. Основатель теории Франсуа-Жозеф Галл (1758—1828) связывал морально-этические качества и умственные способности человека с определенными участками головного мозга. Со строением темени ассоциировались моральные качества, с лобной частью — интеллектуальные способности, с затылком — животные инстинкты и низменные наклонности. Основной труд Ф.-Ж. Галла «Анатомия и физиология нервной системы в целом и мозга в частности в сопровождении с замечаниями по распознанию моральных и интеллектуальных способностей человека по строению черепа» опубликован во Франции в 1810—1820 гг. и в 1822—1825 гг. Наряду с многочисленными сторонниками теория Галла имела и ярых противников среди теологов, обвинявших Галла в фатализме и материализме. Скептическое отношение Э. Сю к френологии звучит, в частности, в комичном заявлении Филемона, оправдывающего многочисленные свои долги «роковой особенностью организма» — чрезвычайно развитой «шишкой долгов».

Прямо на рубашку... — Как отмечают историки моды, в повседневной носке ночные рубашки появляются только в первой трети

XIX в., при этом они одинаковые у мужчин и у женщин. Изготавливаются преимущественно из полотна или батиста.

Капот — женское домашнее платье свободного покроя, служившее вместо халата.

...туго натянутый белый чулок... — роль чулка в женской моде возрастает в той мере, в какой укорачивается юбка. В 30-е гг. XIX в. предпочтение отдается белым чулкам, хотя встречаются и чулки светло-пастельных тонов. Особое внимание к ношению данного предмета туалета проявляется, в частности, в одной из гравюр Ф. Гойи с характерным пояснением: «Чулок должен быть туго натянут».

...бедрами, достойными священного восторга современного Фидия... — Сравнение прелестей юной гризетки со скульптурными образами древнегреческого ваятеля Фидия (498—438 гг. до н. э.), хотя и вписывается в систему общих мест массовой литературы нового времени, не может тем не менее не вызвать и определенного комического эффекта. Этому способствует во многом внутреннее противоречие образа Пышной Розы и модели Фидия — древнегреческой богини мудрости и справедливой войны Афины (Афина Промахос, Афина Парфенос, Афина Лемния), известной целомудрием и защитой общественного порядка.

С. 7. *...о самый розовый из всех розовых бутонов...* — Уподобление девушки цветущей розе становится общим местом не только анакреонтической поэзии, но и повседневного речевого обихода. Примечателен разговор, услышанный в парижской Опере в конце XVIII в.: «Я имел удовольствие найти в учтивой даме белокурую молодую красавицу... букет роз алел на лилеях груди...

Кавалер Св. Лудовика. Я только теперь приметил, что у вас на груди розы: вы их любите?

Незнакомка. Как не любить? оне служат эмблемой нашего пола». (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника.— Л.: Наука, 1987.— С. 265—266).

...амур украсил свой колчан! — Характерным изображением бога любви Амура становится в эпоху эллинизма (III—I вв. до н. э.) дерзкий крылатый мальчишка с луком и колчаном. К данному образу обращается также и эпоха рококо. В этой связи примечательна скульптура грозящего Амура Э. М. Фальконе (1716—1791).

С. 10. *Порт-Сен-Мартен* — театр в Париже, известный с конца XVIII в. В XIX в. на сцене театра поставлены инсценировки романов Э. Сю «Матильда» и «Парижские тайны», имевшие определенный успех у парижан. На литографии О. Домье «В театре Порт-Сен-Мартен» (1846) зритель заднего ряда, аппетитно жующий жареный картофель, восклицает: «Черт побери... вот здорово... вот это да!»

С. 11. *...змейка, кусающая себя за хвост...* — В древнеегипетской символике образ вечности, постоянно восстанавливающегося мирового порядка, уподобленного солнцевороту. В своем эмблематическом значении совпадает с символикой круга.

Мантилья — кружевная женская накидка, вошедшая в моду в 30—50-е гг. XIX в. Заимствована из национального костюма испанок, прикрывающих шелковой мантильей голову и плечи.

С. 14. *Шляпка-биби* — просторечное наименование, возникшее в начале 30-х гг. XIX в. для обозначения женских шляпок маленьких размеров. Шляпка-биби иногда украшалась перьями.

...оставляя открытой белую шею и затылок, где начинались шелковистые корни густого шиньона... — Характерная женская прическа 30-х гг. XIX в.— эпохи так называемого «бидермейера», когда волосы,

[illegible] по бокам, спускались на виски, а остальные высоко начесывались и закреплялись пучком на темени при помощи самых различных декоративных шпилек и гребней. Для придания прическе причудливых форм широко использовались искусственные накладные волосы.

С. 15. *Кашемировая шаль* — в 30-е гг. XIX в. шали по-прежнему остаются модными, при этом различаются индийская, турецкая и кашемировая шали. Последняя становится особо модным дополнением женского платья в начале 10-х гг. XIX в., в эпоху так называемого «ампира». Поступает во Францию из Египта. Кашемир — ткань кепрового переплетения из тонкой и длинной шерсти кашмирских коз.

С. 16. *Кариатида* — скульптурное изображение задрапированной женской фигуры, используемое в качестве колонны или другой вертикальной опоры в зданиях древнегреческой архитектуры. В западноевропейском искусстве кариатида становится излюбленным декоративным элементом мебели в эпоху Ренессанса, барокко и классицизма.

Веленевая бумага — бумага высокого качества, сходная с пергаментом.

Веласкес Диего (1599—1660) — испанский живописец, один из представителей реализма в испанской школе живописи XVII в. В своем творчестве обращался к разнообразным сюжетам: религиозным, мифологическим и исторический («Вакх», «Сдача Бреды», «Венера с зеркалом», «Поклонение волхвов»). Наряду со сценами придворной жизни («Менины») работы художника отражают также и быт третьего сословия («Завтрак», «Старая кухарка», «Пряхи»). Портреты Веласкеса отличаются глубоким психологизмом («Портрет папы Иннокентия X», «Портрет графа Оливареса», «Конный портрет принца Бальтасара Карлоса»). Основное наследие Веласкеса находится в художественном музее Прадо в Мадриде.

Испанский кружевной воротничок, туго накрахмаленный, доходил до подбородка и подхватывался на шее розовой лентой.— Высокий воротник по моде испанского двора в XVI—XVII вв., изображение которого встречается, в частности, на картинах упомянутого Д. Веласкеса.

...passiflores quadrangulatae... (от лат. passio — страсти и flos, floris — цветок) — пассифлора, диземма, или страстоцвет, растение тропической Америки и Азии с цветком, напоминающим орудие Страстей Христовых (терновый венец, гвозди, молоток).

Жардиньерка (фр.) — подставка, этажерка или корзинка для растений, выращиваемых в комнате или на балконе.

С. 17. *...эмаль тех фарфоровых цветов, которые присылает нам Саксония.*— Подразумевается излюбленный мотив фарфоровых изделий 50—80-х гг. XVIII в. из Мейссена—так называемые «немецкие цветы» эпохи рококо. Они не только украшали роспись по фарфору, но и встречались, наряду с дельфинами, лебедями и прочими фигурами, в виде накладных пластических украшений столового сервиза. Кроме того, мейсенская мануфактура производила фарфоровые цветы и даже букеты цветов.

С. 19. *...триумф индийского Бахуса.*— Индийская отливка бронзового изображения божества объясняется как многовековыми связями Индии с античным миром, так, впрочем, и мифологическими преданиями о воспитании юного Бахуса нимфами горы Ниса в Индии. Повзрослев, Бахус покорил Индию. Он шествовал со своей верной свитой во главе многотысячного ополчения следовавших за ним мужчин и женщин, имевших вместо оружия увитые плющом тирсы и тимпаны. Всюду, где проходило его войско, люди обучались виноделию. В три-

мфальном шествии Бахуса изображали на колеснице, запряженной двумя тиграми. Индуистским аналогом греко-римского божества мо-жет считаться в известной мере верховный бог Шива (др.-инд. «бла-гостный», «приносящий счастье»), олицетворяющий в индуистской мифологии производительные силы природы. Общим символом соз-дательной функции Шивы и Бахуса является фаллос (лингам). Его изображения в виде каменной колонны, покоящейся на женской ипо-стаси йони, распространены по всей Индии. В индийском эпическом сказании «Махабхарата» говорится, что лингам и йони — основной знак творения, а Шива — верховный бог и творец мира. Космическая энергия Шивы воплощается в танце «тандава», напоминающем вакха-налии в честь Бахуса.

Тирс — жезл, увитый плющом, листьями винограда и увенчанный сосновой шишкой; постоянный атрибут Вакха-Диониса и его спутни-ков, высекающих с его помощью мед и молоко из земли во время вак-ханалий.

С. 22. *Директория* (Исполнительная Директория) — правительст-во Французской республики из пяти директоров с октября 1795 г. (5 брюмера IV года) по ноябрь 1799 г. (18 брюмера VIII года). Свергнуто Наполеоном Бонапартом.

Консульство — высшая власть Французской республики после го-сударственного переворота 9 ноября 1799 г. (18 брюмера VIII г.) до провозглашения Наполеона Бонапарта 18 мая 1804 г. императором. Но-минально власть принадлежала трем консулам, избранным на десять лет, а с августа 1802 г. пожизненно, фактически — 1-му консулу Бо-напарту.

С. 25. *...мы союзники... Вроде того, как республиканцы — союз-ники легитимистов...* — Подобно легитимистам-роялистам, сторонники республиканской формы правления находились в оппозиции к прави-тельству Луи-Филиппа в период так называемой Июльской монархии (1830—1848). Нередко случай сводил их во внутреннем дворе пари-жской тюрьмы Сент-Пелажи в час молитвы. Сторонники свергнутого Карла X — карлисты — прогуливались в зеленых колпаках, тогда как республиканцы, распевавшие куплеты Марсельезы, в красных. Одним из признанных лидеров республиканской оппозиции был генерал ре-волюции и Первой империи Максимилиан Ламарк (1772—1832), умер-ший от холеры. Его триумфальные похороны вызвали большие бес-порядки в Париже 5—6 июня 1832 г.

Митра — головной убор высшего духовенства католической церк-ви при полном облачении во время службы.

...добивалась роли богини Разума... — Подразумевается так назы-ваемая «религия разума» с поклонением богине Разума, официальный культ которой введен во Французской республике в ноябре 1793 г. Самой известной исполнительницей роли богини на торжественных церемониях в соборе Парижской Богоматери была танцовщица Маль-яр, выступавшая в одеянии, напоминавшем хитон античных богинь,— легком муслиновом платье без рукавов, собранном в складки и застег-нутом на плече булавкой или камеей. Посредством такого рода «шмиз» (фр. *рубашка*) французские дамы выражали лояльность и патриотиче-ский дух в эпоху Революции. Увлечение «нагой» модой, называемой иногда «дикой» (à la sauvage), было предметом постоянных обсуждений, а иногда и насмешек. Французский журнал мод предостерегал в 1802 г. своих читательниц, предлагая посетить Монмартрское кладбище, чтобы убедиться в количестве жертв «нагой» моды, умерших от простуды. Фривольность «нагой» моды поражала настолько, что один иностран-

ный путешественник отметил в своих воспоминаниях, что подобные туалеты были недопустимы ранее не только для светских дам, но и девиц легкого поведения.

Разве она не прожила уже первую часть жизни св. Магдалины? — Аллюзия на свободные нравы княгини де Сен-Дизье в молодости по аналогии с греховной жизнью Марии-Магдалины до ее исцеления Иисусом Христом от одержимости семью бесами (Лука 8, 2). После исцеления Мария-Магдалина следовала за Христом до его кончины на Голгофе. Вела аскетический образ жизни.

С. 27. *...в этом супружеском метемпсихозе...* — По аналогии с одноименным учением о переселении душ, встречающемся в различных религиях мира. В индуизме, например, считается, что душа усопшего переселяется в тело того животного, нрав которого схож с характером покойного. Душа весельчака переселяется в обезьяну, душа кроткого — в овцу, трудолюбивого — в пчелу, муравья или вола.

С. 34. *...мнемонический способ усваивания географических имен!* — Производное от мнемоники (греч. mnêmonikon — искусство запоминания) или мнемотехники, совокупности приемов, облегающих процессы запоминания главным образом за счет возникающих ассоциативных связей.

С. 35. *Стоицизм* — школа древнегреческой философии, получившая название от портика в Афинах, где была основана Зеноном из Китиона около 200 г. до н. э. Ведущее место в стоицизме занимает этика с идеальным образом философа-мудреца, достигшего добродетели и научившегося бесстрастно относиться к внешним, от него не зависящим обстоятельствам. В расширительном значении стоицизм — стойкость и мужество в различных жизненных испытаниях.

С. 37. *...согласно индусскому учению о кастах...* — Разделение общества на касты связываются в индуистской мифологии с космогоническими мифами творения различных элементов вселенной из тела космического гиганта Пуруши, разымаемого на части: его рот стал жрецом (брахманом), руки превратились в воинов (раджанья), бедра стали земледельцами (вайшья), из ног родились рабы (шудра). В XIX в. в Индии насчитывалось свыше трех тысяч каст и подкаст со сложной иерархической системой взаимоотношений. Высшими были касты брахманов, воинов, крупных землевладельцев, низшей — каста «неприкасаемых».

С. 38. Я не могу ведь решиться взглянуть на мое солнце прямо... — Метафорическое отождествление возлюбленного с солнцем, характерное для мифологических и фольклорных текстов, является в романе Сю не только приметой прециозного стиля, но и дальнейшим развитием образа Джальмы — «индийского Бахуса» — в контексте солярного божества.

...до завтра я переживу целое столетие. ...я желала бы, чтобы какая-нибудь благодетельная фея... погрузила в сон до завтрашнего дня! — Подразумевается распространенный сказочный мотив спящей красавицы, известный, в частности, по одноименной сказке французского писателя Ш. Перро (1628—1703) о принцессе, погруженной в сон на сто лет и разбуженной поцелуем прекрасного принца.

...в Итальянской опере... — подразумевается Национальная комическая опера (1792), объединившая в 1762 г. труппы Итальянского театра, или Итальянской комедии, и Комической оперы. Несмотря на свое итальянское происхождение, театр состоял в основном из французских актеров. Специализировался на комической опере и музыкальной мелодраме.

...в Булонском лесу будет масса публики... — Булонский лес становится излюбленным местом прогулок в середине XVIII в., особенно в Страстную неделю, когда слышны колокола вечерней службы близлежащего аббатства Лоншан. Набожность не исключает и светского парада мод, богатых выездов и знатных фамилий. Прогулки входят в привычку и сохраняются даже тогда, когда закрывается аббатство. В апреле 1790 г. Н. М. Карамзин пишет: «В Четверток, в Пятницу и в Субботу на Страстной неделе бывало здесь славное гулянье в аллеях Булонского леса; бывало: потому что нынешнее, мною виденное, совсем не могло войти в сравнение с прежними, для которых богачи и щеголи нарочно заказывали новые экипажи, и где четыре, пять тысяч карет, одна другой лучше, блистательнее, моднее, являлись глазам зрителей... карета за каретой, от Елисейских полей до монастыря Longchamp. Народ стоял в два ряда подле дороги, шумел, кричал и смеялся непристойным образом над гуляющими. Например: «Смотрите! вот едет торговка из рыбного ряда с своею соседкою, башмачницей! Вот красный нос, самый длинный во всем Париже! Вот молодая кокетка в 70 лет: влюбляйтесь!.. Молодые франты прыгали на Английских конях, заглядывали в каждую карету и дразнили чернь... Другие бродили пешком, с длинными деревянными саблями вместо тростей... Прежде более всего отличались тут славныя жрицы Венерины; оне выезжали в самых лучших экипажах...» (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника.— Л.: Наука, 1987.— С.230—231.)

С. 49. *Елисейские Поля* — улица в Париже, ведущая от площади Согласия к площади Звезды (ныне пл. Шарля де Голля), излюбленный прогулочный маршрут парижан с конца XVIII в.

С. 50. *...лошади запряжены были à la d'Aumont...* — Запряжка из четырех лошадей, запрягаемых попарно, без пристяжных и управляемых двумя форейторами. Введена в моду в период Июльской монархии герцогом д'Омоном.

С. 51. *...изящные франты в их шляпах, коротеньких сюртучках и больших галстуках...* — по свидетельству историков, мода эпохи бидермейера приобретает мещанский характер, становясь доступной для самых широких слоев общества. При сохранении фрака в моду входит слегка приталенный сюртук, застегнутый у горла, из легкой шерстяной ткани — так называемый твид. Сравнительно узкие светлые брюки дополняются цветной или клетчатой жилеткой. Модной становится мягкая фетровая шляпа, хотя традиционный цилиндр по-прежнему сохраняется. Особое значение отводится галстуку — черному днем, белому вечером. Ему посвящаются специальные учебные пособия, авторы которых предупреждают мужчин: заурядная личность распознается по галстуку без фантазии.

С. 59. *Алкид* — родовое имя Геракла, сына Зевса и смертной женщины Алкмены, до прибытия героя в Дельфы, где оракул повелел ему носить имя Геракла и идти в услужение к сводному брату Эврисфею, царю Тиринфа и Микен.

С. 63. *«Гофолия»* — трагедия Жана Расина (1639—1699) на библейский сюжет. Впервые поставлена 5 января 1691 г. воспитанницами пансиона благородных девиц в Сен-Сире, близ Версаля. На большой сцене с начала XVIII в.

С. 65. *Гофман* Эрнест Теодор Амадей (1776—1822) — немецкий писатель-романтик, композитор и художник. Автор романов и сказок, сочетающих философскую иронию и сатиру на филистеров-мещан с причудливой фантазией, доходящей до мистического гротеска: «Эликсир дьявола», «Золотой горшок», «Крошка Цахес», «Повелитель

олох», «Житейские воззрения Кота Мурра», «Фантазии в манере Калло» и др. «Избранные произведения» Гофмана в 10 томах изданы в 1827—1828 гг. в Берлине и в 1840 г. в Париже. Ранее во французском переводе выходили «Произведения Гофмана» (1829—1833), «Сказки» (1830), «Полное собрание произведений» (1830—1833).

...массивный, как у щелкунчика, подбородок...— Подразумевается главный персонаж фантастической повести Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король».

Джига, или жига,— быстрый и динамичный народный танец кельтского происхождения с музыкальным размером $^{6}/_{8}$, $^{9}/_{8}$, $^{12}/_{8}$. На его основе в XVII—XVIII вв. возник одноименный салонный парный танец с музыкальным размером $^{6}/_{8}$.

...фраком с металлическими пуговицами... — Как важная деталь мужского туалета пуговицы распространяются в эпоху рококо.

...из белого пике... — плотная хлопчатобумажная или шелковая ткань в рубчик, иногда с выпуклым узором. Так называемый английский жилет из белого пике с пуговицами нередко из дорогих камней вошел в моду в 70-е гг. XVIII в. В 20—40-е гг. XIX в. предпочтение отдавалось материалу с рисунком в цветочек, полоску или клетку, из которого шились женские платья. Наряду с галстуком жилет оставался самой яркой деталью мужского туалета.

С. 66. *...платье с брошью из дивного восточного жемчуга...* — Женские украшения в виде ожерелья, декоративного гребня, браслета или диадемы остаются модными на протяжении всей эпохи бидермейера. Особой популярностью пользуются броши с полудрагоценными камнями, предпочтительно жемчугом, которые прикрепляются обычно возле декольте. При этом в Европе ценится белый жемчуг, на Востоке — желтоватый.

С. 83. *Монмартр*—возвышенность в черте города с 1860 г., с которой виден весь Париж. По одной из версий, название происходит от ранее находившегося здесь храма в честь бога Марса (ср. Mons Martis). По другой — оно связывается с мученической смертью св. Дени (ср. Mons Martyrum). В 30-е гг. XIX в. у подножия Монмартра находилось одно из парижских кладбищ.

С. 86. *Богочеловек* — каноническое обозначение Иисуса Христа, указывающее одновременно на божественное происхождение (Сын Божий) и принадлежность к роду человеческому (Сын Человеческий). При этом божественное естество раскрывается в имени «Христос», что значит «Помазанник», или «Мессия», тогда как человеческое — в имени «Иисус».

С. 88. *В 1346 году...* — по свидетельству Жана де Венетт (1307—1369), автора «Латинской хроники», основная вспышка чумы во Франции была зарегистрирована в 1348 г. и последующем 1349 г. Своеобразным знамением чудовищной эпидемии стала гигантская комета, появившаяся на ночном небосводе Парижа в августе 1348 г. Начавшись в «странах неверных», чума молниеносно проникла в Италию, пересекла Альпы, достигла пределов Франции и Испании, а затем и Германии, в которой свирепствовала, однако, с меньшей силой. Помеченные знаком чумы умирали к исходу второго или третьего дня. Смертность была настолько большой, что живые не успевали хоронить мертвых. По приблизительной оценке, эпидемия унесла треть населения Европы. Начиная с середины XIV в. Европа жила в постоянном страхе перед чумой, возвращавшейся с интервалом в десять лет. Уповали не столько на врачей, сколько на особо чтимых святых — Себастьяна и Роха.

С. 89. *Перигорские трюфеля* — по названию старинного графства, присоединенного Генрихом IV в 1607 г. к королевским владениям и входящего в настоящее время в департамент реки Дордонь на юго-западе Франции. Перигорские трюфеля, земляные грибы с клубневидным съедобным плодовым телом, издавна славились своим ароматом. Их разыскивали при помощи свиней, в последнее время предпочтение отдается специально тренированным собакам.

Маренские устрицы — по названию французского портового города Марен, близ Ла-Рошели, на берегу Бискайского залива. Славится своими зелеными устрицами, а также чечевицей, горохом и бобами.

...придавало этой трапезе необыкновенно апостолический и римский характер... — По аналогии с традиционным наименованием римско-католической апостольской церкви; при этом прилагательное «римская» указывает на географическое местонахождение Святого престола и папы, «католическая» (от др.-греч. katholicos — универсальный, всемирный) обусловливается вселенским характером распространения христианской веры, «апостольская» подразумевает приверженность делу апостолов, учеников Иисуса Христа. Данные эпитеты приобретают сатирическое звучание в сочетании с нижеследующими «благочестивыми лакомствами» — «голгофами из абрикосового теста», «епископскими жезлами из марципана», «кардинальской шапкой из вишневого леденца».

...со времени бесстыдного фокуса с туникой в Трев... — Подразумевается так называемая «туника Христа», выставленная на обозрение верующих в соборе св. Петра в немецком городе Трир (по-французски — Трев) на правом берегу реки Мозель. С 1794 г. Трев включается в состав Французской республики, в 1815 г. возвращен Пруссии, ныне на территории ФРГ.

...до нахальной проделки с ракой в Аржантей... — Подразумеваются события, связанные с монастырем во французском городке Аржантей, близ Парижа, где в течение нескольких веков хранилась рака с туникой, принадлежавшей, по преданию, Иисусу Христу. Рассказы о судьбе туники были настолько запутанны, что не могли не вызвать скептического к ним отношения Э. Сю и некоторых современников. После чудесного нахождения туники в Константинополе в 632 г. она неоднократно исчезала и возвращалась, была расчленена на части в Революцию, воссоединена в 1804 г., при этом отдельные ее лоскуты циркулировали за пределами Франции. Вокруг одного из таких лоскутов; принадлежавших папе Пию IX, открылась ожесточенная полемика в прессе.

С. 94. *...галликанец хуже язычника!* — Имеются в виду сторонники галликанства, религиозно-политического движения во Франции, стремившегося к автономии французской католической церкви от папского престола.

Янсенист — сторонник янсенизма, религиозно-философского течения в католицизме, начало которому положил голландский богослов Корнелиус Янсений (1585—1638). Получил распространение главным образом во Франции с центром в монастыре Пор-Руаяль в Париже. Резко критиковал иезуитов. Осужден римско-католической церковью. В основном сочинении Янсения «Августин» (1640) главное место отводится догмату о предопределении, согласно которому не существует свободы воли — спасется лишь тот, кто предопределен к спасению. Подобное заключение исключало посредничество церкви, открывало возможность примирения с различными веяниями в науке, философии и литературе.

С. 95. *...против строгой ферулы учителя...* — Ферула (лат.) — линейка, которой били по ладоням провинившегося ученика.

С. 97. *Викарий* (от лат. vicarius — заместитель) — помощник епископа по управлению епархией. В данном случае священник в отдельном приходе.

Лютер Мартин (1483—1546) — идеолог Реформации в Германии, основатель лютеранства, одного из направлений протестантизма. В 1517 г. выступил в Виттенберге с девяносто пятью тезисами против индульгенций, распространяемых римско-католической церковью.

С. 98. *...Господь Бог родился в яслях.*— О рождении Иисуса в хлеву сказано в Евангелии от Луки: «И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях» (Лука, 2, 10—12).

...наглый протест против украшения храмов! — Католицизм всегда отличался особым тяготением к роскоши церковного убранства, против чего неоднократно высказывались различные нищенствующие монашеские ордена и реформаторские движения, лютеранство и кальвинизм в том числе.

С. 99. *...весь смысл католической религии: вне церкви нет спасения.*— Подразумевается один из основных тезисов Тридентского собора (1545—1563), предавшего анафеме протестантов и безоговорочно подтвердившего исключительное право римско-католической церкви, а в ее лице — папы римского, выражать интересы Бога на земле.

С. 101. *Анахорет (греч.)* — отшельник, пустынник.

С. 102. *...должен быть в Сен-Сюльписе.*— Имеется в виду церковь Сен-Сюльпис (1665—1745), возведенная на месте часовни св. Петра (XII в.) архитекторами Л. Лево (1612—1670) и Ж. Н. Сервандони (1695—1766), или находящаяся подле духовная семинария одноименной конгрегации, основанной настоятелем церкви Сен-Сюльпис аббатом Ж.-Ж. Олье (1608—1657).

С. 109. *Сократ* (ок. 470—399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, учение которого известно в изложении учеников, главным образом по так называемым «сократическим сочинениям» Платона и Ксенофонта. В сознании последующих поколений ассоциируется с образом кристально честного человека, независимого философа-мудреца, для которого поиски истины выше любых других побуждений.

Платон (427—347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, основатель платонизма. Основным методом познания действительности избрал диалог, в ходе которого собеседники стремятся не столько доказать свою правоту, сколько постигнуть истину совместными усилиями.

Марк Аврелий (121—180) — римский философ-стоик, император с 161 г., автор сочинения «К самому себе», содержащего рассуждения по вопросам мироустройства и этики. Все происходящее в мире рассматривается как проявление промысла природы, отождествляемой с богом — активным и разумным началом, пронизывающим весь мир. Личное религиозное отношение к миру как к богу сочетается с требованием активного сотрудничества каждого человека с мировыми силами.

...называя Его Иисусом, божественным философом? — Основанием сравнения является категория истины: в ее поисках пребывают философы, ранее упомянутые Платон, Сократ и Марк-Аврелий; о ней же свидетельствует Иисус Христос. В Евангелии от Иоанна гово-

рится: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (18, 37).

...индусу из секты браминов? — Подразумевается одно из религиозно-философских течений индуизма с тройственным образом бога (тримурти) — Брахмой, Вишну и Шивой, мыслимых в онтологическом и функциональном единстве.

С. 111. *Как алхимик, склонившийся над тиглем...* — наряду с колбами и горелкой, тигель, огнеупорный сосуд для плавки или нагрева различных материалов, был непременной частью инструментария алхимиков для поисков «философского камня» и «трансмутаций металлов» — превращений простых металлов в драгоценные, золото в том числе. В рецепте английского алхимика XV в. Дж. Рипли сказано: «Чтобы приготовить эликсир мудрецов, или философский камень, возьми, сын мой, философской ртути и накаливай, пока она не превратится в зеленого льва. После этого прокаливай сильнее, и она превратится в красного льва. Дигерируй этого красного льва на песчаной бане с кислым виноградным спиртом, выпари жидкость, и ртуть превратится в камедеобразное вещество, которое можно резать ножом...» и т. д. В результате подобных опытов Иоганн Фридрих Бёттер открыл в Мейсене, вместо золота, секрет производства твердого фарфора.

С. 112. *...из рода Борджиа...* — Известный аристократический род в Риме, история которого стала нарицательной по части разгула страстей и преступлений. Папа Александр VI Борджиа (1492—1503) известен не только тем, что торговал должностями и индульгенциями, но и ночными оргиями, собиравшими до пятидесяти римских куртизанок. Будучи кардиналом, имел четырех внебрачных детей от римлянки Ваноцци, которую впоследствии выдал замуж, вступив в возрасте шестидесяти лет в сожительство с семнадцатилетней Джулией Фарнезе. Состоял в кровосмесительной связи с дочерью Лукрецией, бывшей также любовницей своего брата Цезаря Борджиа. Преступления Цезаря Борджиа отличались особым злодейством. В 1497 г. он убил своего брата — герцога Гандия, отравил за ужином кузена — кардинала Джованни Борджиа, повелел обезглавить посреди улицы Жуана де Червильоне исключительно потому, что тот отказался уступить ему свою жену. Каждую ночь в Риме находили до четырехпяти человек, преимущественно прелатов и епископов, убитых по распоряжению Цезаря Борджиа. Совместными усилиями Цезаря и его отца — папы Александра VI — были отравлены кардиналы Орсини, Феррари и Микаэль, пятеро других избежали смерти по чистой случайности. Предназначенное для них отравленное вино выпили по ошибке отец и сын. Александр VI скончался, Цезарь Борджиа выжил.

С. 115. *Площадь перед собором Парижской Богоматери.* — Собор Парижской Богоматери (1163—1245), расположенный на острове Сите — «колыбели Парижа», оставался со средних веков основным топографическим центром, непосредственно связанным с важнейшими драматическими событиями в жизни города. Он не утратил своей символической функции и в XVIII—XIX вв., несмотря на возросшее социально-политическое и культурное значение камерных пространственно-временных структур — литературных салонов и кафе с их функцией политического клуба. Многолюдные толпы стекались сюда в часы праздничной службы или театрализованной «мистерии». На близлежащих площадях проходили карнавалы и «праздники дураков». Здесь же собирались и в страшные дни нашествия ходоки.

С. 117. *Сите* — старый город на острове Сите на Сене, расположенный на месте бывшего галльского поселения Лютеция, один из главных кварталов средневекового Парижа, наряду с Университетом, или Латинским кварталом, на левом берегу Сены и собственно Городом — на правом. Кроме собора Парижской Богоматери, здесь находятся также Дворец Правосудия, Префектура, Сент-Шапель и старинный парижский госпиталь Отель Дье, куда во время действия романа направляли заболевших холерой.

С. 118. *Вместо улицы Арколь...* — Названа в память об историческом эпизоде, имевшем место 17 ноября 1796 г. в итальянском местечке Арколь: увлекая за собой солдат, генерал Бонапарт ворвался со знаменем в руках на Аркольский мост и отбросил наступавших австрийцев. Известна картина работы Антуана Гро (1771—1835) «Битва при Арколе». Она настолько понравилась императору, что он попросил сделать с нее гравюру.

С. 124. *...хуже, чем на Монфокон!* — Место близ Парижа, между предместьями Тампль и Сен-Мартен, известное своими виселицами, возведенными в XIII—XIV вв. и уничтоженными во время Революции. Трупы казненных преступников подолгу оставались висеть, отпугивая горожан.

С. 125. *...провансальской кухней.* — По названию исторической провинции Прованс на юго-востоке Франции — в Альпах и у Средиземного моря. Провансальская кухня славится своими рыбными блюдами, самое известное из которых — «буйабес» (прованс. bouiabasso) готовится из нескольких сортов рыбы, сваренной в воде или белом вине и приправленной оливковым маслом, помидорами, чесноком и шафраном.

С. 126. *Квадрига* (от лат. quadriga) — у древних греков и римлян двухколесная колесница, запряженная четырьмя лошадьми в один ряд. Первоначально применялась как боевая колесница, с VII в. до н. э. стала использоваться для спортивных состязаний. Квадриги неоднократно изображались на римских монетах императорской эпохи.

Амазонка — в греческой мифологии женщины-воительницы в Малой Азии, терпевшие мужчин исключительно ради продления рода. В новое время амазонками стали называть всех всадниц. В XIX в. костюм амазонки включал мужские брюки, видневшиеся из-под длинной юбки, высокие сапоги и приталенный корсаж. Модным дополнением был цилиндр с вуалью.

Плерезы (от фр. pleureuses — плакальщицы) — траурные нашивки на платьях. Их изготовление из розового, а не черного крепа подчеркивает травестийно-шутовской характер шествия.

Провиденциальное назначение — от лат. providentia — провидение. Избавление от холеры связывалось участниками шествия с волей провидения.

Кассандра — в греческих сказаниях дочь троянского царя Приама и Гекубы. Влюбленный в нее Аполлон наградил Кассандру даром прорицания, однако был отвергнут и сделал так, что никто не верил ее предсказаниям. Никто не воспринял всерьез и пророчества Кассандры о падении Трои.

С. 128. *Жеронт* (от греч. gerôn — старик) — тип смешного старика-простака, обманываемого детьми и прислугой, в классической комедии.

...из черного кастора. — В данном случае сорт плотного сукна.

...одетый бубновым королем... — Наряду с очевидным карнавально-травестийным значением, перевоплощение Морока вызывает и оп-

...разделенные ассоциативные параллели, связанные с образом бубнового короля в системе европейской культуры начала XIX в. Кроме того что бубновый король, изображаемый в виде Карла Великого (ср. папаша Шарлемань), образует фразеологический оборот «faire charlemagne» (выходить из игры после выигрыша), он подразумевает также и значение «карточного короля», «картонного короля», безвольного никчемного человека, игрушки в руках других. Символика бубновой масти характеризуется и устойчивым выражением «бубновый валет», обозначающим во французском разговорном обиходе начиная с XVII в. мошенника, пройдоху, презренного человека.

Фригийский колпак — головной убор из сукна, закрывающий затылок и имеющий коническую форму с заостренной, откинутой вперед, верхушкой. Первоначально его носили фригийцы, жители Фригии в центральной части Малой Азии, затем такие и греки. В новое время фригийский колпак, дополненный кисточкой, стал важной деталью одежды якобинцев, как, впрочем, и каторжников, для которых служил символом свободы во время Французской революции.

Модеста — говорящее» имя молоденькой натурщицы, изображавшей шаловливого бога любви Амура, в переводе с французского — скромница.

С. 131. *...недалеко от древнего собора и зловещей больницы...* — Подразумеваются собор Парижской Богоматери и старинный парижский госпиталь Отель Дье.

С. 133. *Шушу* (фр.). — фамильярное обращение к возлюбленной; крошка, дорогуша и т. п.

...художник романтической школы, в костюме римлянина школы Давида. — Ироническое отношение Э. Сю к «известному художнику» сказывается в одновременном сочетании взаимоисключающих понятий — принадлежности к романтической школе живописи и римского одеяния в духе неоклассической школы в искусстве. Художественное направление, известное под именем «неоклассицизма», возникло во Франции в конце XVIII в. — начале XIX в. Оно основывалось на классических традициях античности и вдохновлялось высокими примерами гражданского служения, большей частью из истории Древнего Рима. Признанным лидером направления стал Ж.-Л. Давид (1748—1825) («Клятва Горациев», 1784; «Смерть Марата», 1793; «Сабинянки», 1799). Падение империи сопровождалось также и разрывом в искусстве между последователями строгого и холодного классицизма Давида и их противниками, сторонниками молодой романтической школы, возглавляемой Т. Жерико (1791—1824) и Э. Делакруа (1798—1863). Программными произведениями романтиков стали картина Жерико «Плот Медузы», выставленная в Салоне 1819 г., работы Делакруа «Резня на о. Хиос» и «Смерть Сарданапала», показанные в Салонах 1824 г. и 1828 г.

...изучала противного Якобуса, короля живописцев классической школы... — Подразумевается Жак-Луи Давид. Вместо фамилии художника в тексте дается латинизированная форма имени Жак.

Микеланджело Буонарроти (1475—1564), итальянский скульптор, живописец и архитектор Высокого Возрождения. Пластическое решение человеческого тела, единственно важная тема произведений Микеланджело, свидетельствует о прекрасном знании анатомии (скульптура «Давид», 1501—1504; роспись сводов Сикстинской капеллы, 1508—1512; статуя «Моисей», 1515—1516). Асканио Кондиви писал в «Жизнеописании Микельаньоло Буонарроти» (1553): «Микельаньоло перестал заниматься анатомией, так как долговременное препари-

...ков до такой степени испортило ему аппетит, что он не мог ни есть, ни пить. Правда, он почерпнул из своих занятий такой богатый запас сведений, что не раз думал для пользы тех, кто хочет отдаться изучению скульптуры или живописи, издать книгу, трактующую о всех движениях человеческого тела, с приложением теории, которую он извлек из долговременной практики» (Мастера искусства об искусстве.— М.: Искусство, 1966.— Т. 2.— С. 200).

«Пейте, друзья, проматывайте деньги, обнимайте жену ближнего...» — Аллюзия на сочинение Ж.-Б. Боссюэ «Трактат о похотливой природе человека. .

...Силен-ортодокс...— Нини-Мельница придерживается ортодоксальных взглядов в том смысле, в каком остается верным «учению» Диониса — Бахуса, преданного сподвижника которого он изображает.

Рубенс Питер Пауэл (1577—1640) — фламандский живописец, яркий представитель барокко в живописи. Работам художника присущи широкая свободная манера, могучая пластическая лепка, богатый колорит, свойственная барокко патетика. Живопись Рубенса как нельзя лучше отражает мироощущение эпохи с ее непреодолимым стремлением к полноте жизни, накалу чувств и страстей. В ней полногласно звучит торжество материального начала, упоение чувственными радостями бытия («Похищение дочерей Левкиппа», «Похищение сабинянок», «Воспитание Марии Медичи», «Вакханалия», «Пьяный Силен»).

С. 134. *Филантропка* — производно от филантропии (гр. philantropia — человеколюбие); человек, склонный к благотворительности.

С. 135. *...играть в мир наизнанку...*— аллюзия на известный мотив «мира навыворот», или «страны Кокань», описание которой встречается во многих средневековых романах и фаблио. В стране Кокань текут реки отменного вина, можно поесть и выпить чего душе угодно: вдоволь вина и винограда, хлеба и мяса. Там процветает свободная любовь, причем инициатива в любовных делах принадлежит женщинам. В одном из фаблио читаем: «И если вдруг так случится, что какой-либо даме приглянется какой-нибудь мужчина, она вольна его остановить и удовлетворить свои желания». Известно живописное изображение страны Кокань, или Кокейн, работы нидерландского художника Питера Брейгеля (между 1525 и 1530—1569). Там живут по непременному правилу: «кто больше всех спит, больше всех и имеет».

С. 136. *Сатурналии* — у римлян праздник Сатурна, бога земледелия и урожая, воспринимавшийся как своеобразное воспоминание о золотом веке изобилия. Во время сатурналий избирался шуточный царь, господа и слуги менялись местами, люди обменивались подарками, воцарялось безудержное веселье карнавального типа.

С. 138. *Crescendo* (ит.) — муз. усиление звука, постепенный переход от тихого звучания к громкому.

С. 161. *Пилястр* — архитект. вертикальный выступ в стене в виде части встроенного в нее четырехгранного столба, обработанного в форме колонны.

С. 164. *...как в архиепископский дворец!* — На следующий день после разгрома церкви Сен-Жермен л'Оксерруа, т. е. 15 февраля 1831 г., разъяренная толпа ворвалась во дворец архиепископа Парижа с криками «долой иезуитов», разрушила всю обстановку и уничтожила книги и бумаги.

Сен-Жермен л'Оксерруа — церковь в Париже, расположенная напротив колоннады Луврского дворца, бывшей королевской резиденции

...ился с 1791 г. Сожженная норманнами и восстановленная в XII—XIV вв., она была разорена во время народного бунта 14 февраля 1831 г. Поводом к восстанию послужила организованная легитимистами панихида по казненному Людовику XVI. Чрезвычайное раздражение народных масс вызвала многочисленная атрибутика династии Бурбонов, выставленная в помещении церкви, в том числе коронованное изображение Генриха V, наследника свергнутого Карла X. Как пишет французский историк Грегуар, «картины, статуи, престол — все было сброшено на землю и разрушено; кое-кто из народа облачился в церковные одежды и стал расхаживать в них по улицам города; крест, возвышавшийся на куполе церкви, был снят по распоряжению мэра города».

С. 166. *...арки гигантского нефа...* — элементы архитектурной конструкции собора. Неф (от лат. navis — корабль) образует продольную часть храма, расчлененного аркадой или колоннадой на главный, более широкий и высокий, неф и боковые нефы.

Тем хуже для тонзуры! — Метонимическое обозначение католического священника, в данном случае Габриеля, по выстриженному месту на макушке (от лат. tonsura — стрижка).

С. 172. *Греческая шапочка* — круглая маленькая шапочка, прикрывающая самую маковку головы. Пользовалась особой популярностью в демократических слоях населения в связи с симпатиями к национальному движению греческого народа против турецкого владычества. Подобного рода вышитый чепец носил в домашней обстановке фр. писатель-романтик Альфред де Мюссе (1810—1857).

С. 173. *...услужливому гамену.* (от фр. gamin — мальчишка) — в первоначальном значении помощник стекольщика (Энциклопедия или Толковый словарь наук, искусств и ремесел, 1765). В первой трети XIX в. слово «гамен» обретает дополнительное и основное значение, ассоциируясь с уличным мальчишкой, сорванцом, свидетелем и участником бурных событий в жизни города. В данном значении встречается в произведениях Гюго, Бальзака, Э. Сю, А. Монье. Образ вездесущего парижского гамена отображен в литографиях Э. Форе и О. Домье, а также картине Э. Делакруа «Свобода, ведущая народ».

С. 175. *Улица Вожирар* (от лат. Vallis Girardi — долина Жирара) — бывшая римская дорога, ведущая из Парижа в Шартр; одна из самых длинных улиц города, свыше 4 км. Известно одноименное поселение близ Парижа, включенное в состав города с 1860 г. Название производно от имени аббата Жирара дю Мон, основавшего здесь в середине XIII в. приют для немощных монахов.

С. 178. *...три патера...* (от лат. pater — отец) — священник, а также и монах у католиков.

С. 180. *Вельзевул* — распространенное имя Сатаны в народной христианской традиции, производное от искаженной латинской формы дьявола (zabulus) и имени западносемитского бога Ваала, или Баала.

С. 183. *Месяц Девы Марии.* — Имеется в виду май, посвященный Богоматери в католической литургии. В майские дни алтарь церкви обычно украшается белыми цветами — лилией, боярышником и т. п., символизирующими непорочность и чистоту девы Марии.

...нашей бессмертной республики. — Подразумевается Первая французская республика, провозглашенная 21 сентября 1792 г. и просуществовавшая до 28 мая 1804 г.

С. 184. *Венера Каллипига* — скульптурное изображение богини, обнажающей в изящном повороте свои прекрасные ягодицы. Извест-

на римская мраморная копия Венеры Каллипиги из Национального музея в Неаполе

Робеспьер Франсуа-Жозеф-Максимилиан (1759—1794), один из главных лидеров якобинцев в период Французской революции, вдохновитель террора. Казнен термидорианцами вместе с двадцатью двумя своими соратниками 10 термидора, или 27 июля 1794 г.

...ящичек для румян времен Регентства из великолепного коромандельского лака... — Подразумевается изделие из лака с росписью китайского производства из разряда шкатулок для духов, косметики и письменных принадлежностей. Искусство лака, издавна известное в Китае, требовало кропотливой работы и потому чрезвычайно высоко ценилось. Изделие покрывалось до тридцати и более слоев лака, каждый из которых сушился в течение нескольких дней. При этом существовали лаки различных цветов — черного из сажи, красного из киновари, розового, желтого, зеленого, синего и серо-голубого. Нередко изделия из лака украшались не только росписью, но и резьбой, инкрустировались перламутром. Лучшие образцы отличались легкостью и особой устойчивостью к воде и даже кислотам. Коромандельский лак обязан своим названием главному экспорту лаковых изделий на Коромандельское побережье Бенгальского залива в Индии, откуда расписные коробочки, ларцы, ширмы и т. п. поступали в XVII—XVIII вв. в Европу, в частности во Францию. Упомянутое в тексте изделие датируется концом XVIII в.— периодом правления во Франции Филиппа Орлеанского, регента при несовершеннолетнем Людовике XV (1715—1723).

С. 185. *Бириби* (от ит. biribisso) — итальянская азартная игра в лото.

Дароносица — металлический ковчежец, нередко в виде храма или гробницы, в котором помещаются Святые Дары. В отличие от римско-католической церкви, православие не признает поклонения Святым Дарам, которые даются не для созерцания, а для причастия.

Лазаристы — французская духовная конгрегация, основанная в 1625 г. св. Венсаном де Поль (1576—1660) и утвержденная папой Урбаном VIII в. 1632 г. Занималась миссионерской деятельностью, распространением христианства в «странах неверных». Конгрегация получила соответствующее наименование по дому, принадлежавшему ранее госпитальерам св. Лазаря, монахам странноприимного ордена, основанного крестоносцами в Иерусалиме в 1119 г.

С. 186. *Плащ цвета пюс* (от. фр. puce — блоха) — коричневого, «блошиного» цвета.

С. 190. *Per Baccо* (лат.) — ради Вакха; распространенная формула божбы. Образована по аналогии с устойчивым оборотом «per deos» (ради богов), включавшим наряду с Вакхом и других верховных богов греко-римского пантеона—например, Юпитера: «Per Jovem» (лат.). Обретает пародийно-комическое звучание в устах папского кардинала, тем более при учете характера поклонения языческому богу вина и веселья.

С. 196. *Борджиа* — имеется в виду римский папа Александр VI Борджиа (1492—1503), известный своими чудовищными преступлениями, взяточничеством и распутством. К роду Борджиа принадлежал также папа Каликст III (1455—1458).

Юлий II (1441—1513) — папа римский с 1503 г., племянник папы Сикста IV. Не останавливался ни перед чем в достижении своих целей. Современники говорили, что Юлий II, опоясанный мечом,

бросил в Тибр первосвященнические ключи со словами: «Пусть меч нас защитит, раз ключи св. Петра оказываются бессильными». В этот период к папскому государству были присоединены Парма, Пьяченца и Реджио. Самый воинствующий из римских первосвященников покровительствовал при этом искусствам. При нем началась постройка знаменитого собора св. Петра, Рафаэль расписывал потолок Сикстинской капеллы и залы Ватиканского дворца. Изображение папы Юлия II известно по фреске Рафаэля в Ватиканском музее.

Викарий Христа (от лат. vicarius — заместитель) — традиционное наименование папы римского, наместника Бога на земле.

С. 209. *Люксембургский сад* расположен на улице Вожирар напротив Люксембургского дворца, построенного архитектором Ж. Деброссом в 1615—1620 гг. для вдовы Генриха IV Марии Медичи на месте ранее находившегося здесь владения герцога Люксембургского. В конце XVIII в. Карамзин писал: «Сад Люксанбургской был некогда любимым гульбищем Французских Авторов, которые в густых и темных его аллеях обдумывали планы своих творений». (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника.—Л.: Наука, 1987.— С. 248).

С. 210. *Дворец Правосудия* — бывшая резиденция французских королей (IX—XV вв.), неоднократно перестраивавшаяся, последний раз в 1787 г. Во время правления Карла VII (1422—1461) здание передается парламенту, позднее становится Дворцом Правосудия.

С. 214. *...не хуже истории с Лазарем!* — Имеется в виду св. Лазарь из Вифании, умерший вскоре после обращения и воскрешенный Иисусом Христом четыре дня спустя после смерти. В Евангелии от Иоанна говорится: «Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу. То была пещера, и камень лежал на ней... Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет». Праздник св. Лазаря приходится на 2 сентября и 17 декабря.

С. 216. *Сомнамбулизм* (от лат. somnus — сон и ambulare — ходить) — состояние, характеризующееся внешне упорядоченными, но бессознательными движениями во время сна — хождением, перекладыванием предметов и т. п.

С. 223. *Бювар* (фр.) — настольная папка с конвертами, писчей и промокательной бумагой.

С. 241. *Пер-Лашез* — кладбище в восточной части Парижа, одно из немногих сохранившихся в черте города. Основано в 1804 г. в непосредственной близости с загородным домом Франсуа д'Экс де Ла-Шез (1624—1709), прозванного Отцом Ла-Шезом (фр. Père La-Chaise), иезуита и духовника французских королей Генриха IV и Людовика XIII. Кладбище носит его имя с момента основания.

Как там красиво: деревья... цветы... мрамор... — восторженные слова девушки свидетельствуют о внедрении в массовое сознание романтического мотива восхищения красотой смерти, получившего развитие, в частности, в произведениях французского писателя-романтика Альфонса Ламартина (1790—1869) («Поэтические раздумья», 1820). Кроме того, они характеризуют принципиальную переориентацию обыденного сознания первой трети XIX в. в отношении культа мертвых. В рационалистический Век Просвещения смерть утрачивает мистический характер, подчиняясь соображениям гигиенического порядка. В 1763 г. Парламент выносит на обсуждение вопрос о состоянии па-

...ских кладбищ, о безотлагательном их перенесении за пределы города. Для генерального прокурора кладбище становится не столько местом благочестия, сколько рассадником инфекционных заболеваний, представляющим особую опасность для общественного здоровья. Страх перед чумой оказывается настолько сильным, что появляется особый эпитет для обозначения тлетворного кладбищенского духа — «pestilentiel» (от фр. peste — чума). В 1785—1787 гг. парижане с безразличием взирают на уничтожение старинного кладбища Невинных (фр. Les Innocents), существовавшего около восьми-девяти столетий. Подобное становится невозможным в XIX в. Отношение к культу мертвых меняется настолько, что в середине XIX в. префект Парижа Османн не решается снести кладбище Пер-Лашез в интересах реконструкции города, а только ставит вопрос о его закрытии. Многочисленные противники говорят, что префект хочет отменить культ мертвых, что Париж без кладбища не город и т. п. Рационалистическая концепция Века Просвещения «нет городу с кладбищем» уступает перед диаметрально противоположной «нет городу без кладбища».

С. 269. *...студенток...* — Подразумеваются гризетки, вечные спутницы студенческой богемы, предпочитавшие бедного красивого малого старому толстосуму, чем отличались от содержанок. По словам Поля де Кока, гризетки склонны более к порывам страсти нежели к холодному расчету.

С. 272. *Спиритуалисты* (от лат. spiritualis — духовный, spiritus — дух, душа) — сторонники спиритуализма, рассматривавшие дух в качестве первоосновы действительности, как особую субстанцию, существующую вне материи и независимо от нее. Под этим именем известны направления, преимущественно во французской и итальянской философии XIX—XX вв. Идеями спиритуализма проникнуты, в частности, известные Э. Сю философские труды итальянского теолога, философа и церковного деятеля А. Розмини-Сербати (1797—1855) «Антропология», «Физиология», «Теодицея», «Очерки о Провидении» и т. п.

С. 275. *...точно я пришла сму пожаловаться на зубную боль...* — Травестийно-комическое переосмысление этикетного сравнения любви с зубной болью, ставшего общим местом многих средневековых романов.

С. 277. *...всю прелесть и изящество ее груди нимфы.* — Уподобление девицы лесному божеству свидетельствует не только о следовании литературной традиции общих мест (талия нимфы, ножка нимфы и т. п.), но, несомненно, и о развитии лексического значения на протяжении XV—XIX вв. Во французском языке конца XVI в. нимфой называют невесту или молодую супругу, с конца XVII в.— очаровательную девушку, красотку, в дальнейшем — девицу легкого поведения. Не случайно, что производным от данного слова является нимфомания, зарегистрированная во французском речевом обиходе в 1732 г. словарем, изданным при содействии иезуитов. Близким с французским оказывается и русское словоупотребление. При описании Пале-Рояля Карамзин отмечает: «тут богатые иностранцы нанимают себе комнаты; тут живут блестящия первоклассныя Нимфы; тут гнездятся и самые презрительныя». (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника — Л.: Наука, 1987.— С. 249—250).

С. 278. *Орнитологические подражания* — от орнитологии (ornis, orinthos — птица и logos — учение), раздела зоологии, изучающего птиц.

С. 280 *Фламбар* (фр.) — весельчак, бахвал.

Монмончик — ласкательное имя Филемона, образованное от притяжательного местоимения «мой» (фр. mon) и конечного слога — мон.

...белый берет басков.— Речь идет о баскской шапочке, небольшом мягком круглом головном уборе, неотъемлемой части национального костюма басков — народа, проживающего во Франции и Испании, преимущественно в районе Пиренейских гор. В качестве модного атрибута туалета берет получает известность в начале XIX в., причем исключительно в среде художественной и студенческой богемы, представители которой не желали «походить на нотариусов».

Густая черная борода...— Очередное проявление нонконформизма во внешнем виде, стремления отличаться от обывателей. В первой трети XIX в. бороды, усы и бакенбарды практически не встречаются, в крайнем случае носят маленькие усики над верхней губой — так называемые мушки. Неслыханное дело — встретить клерка с бородой.

...Светло-голубой жилет à la Робеспьер...— Свидетельство возникновения культа Робеспьера, прозванного Неподкупным, в демократически настроенных слоях интеллигенции в период после Июльской революции. На торжественных праздниках лидер якобинцев обычно появлялся в жилете небесно-голубого цвета.

...широчайшие панталоны в огромную клетку...— неслыханная романтическая деталь мужского туалета, позволительная только в домашней обстановке. В эпоху бидермейера были приняты длинные, сравнительно узкие брюки светлых тонов, имеющие внизу дугообразный вырез, чтобы ткань брюк не собиралась в складки на ботинке.

Арго (фр.) — особый язык ограниченной профессиональной или социальной группы. Парижскому арго посвящены некоторые страницы романа В. Гюго «Отверженные» (1862).

С. 281. *...толстый сатир...*—Верный спутник Вакха; аллюзия на богемный, зачастую вакхический образ жизни Филемона.

С. 290. *...до заставы Бланш...*— Одна из пятидесяти парижских застав, построенных по проекту архитектора Клода-Никола Леду (1736—1806) в 1784—1791 гг. Ныне одноименная площадь в районе Монмартра.

С. 291. *...поспеть на бульвары к выходу из театров...*— Наряду с известными Варьете, Французской комедией и Оперой в Париже начала XIX в. было много и небольших театров со скромным репертуаром и малочисленной труппой актеров. Они располагались на бульварах, опоясывающих город большим зеленым кольцом. Театры были сосредоточены в основном на Бульваре Тампль. Здесь размещались Театр Гэте (Веселья), называвшийся до 1790 г. Театром великих танцоров короля, Театр Божоле, переехавший из Пале-Рояля, Театр Товарищества на Бульваре Тампль и многие другие. Их залы не пустовали, что весьма удивило Карамзина, посетившего Париж в конце XVIII в.: «...самые бедные ремесленники, Савояры, разнощики, почитают за необходимость быть в Театре два или три раза в неделю; плачут, смеются, хлопают, свищут и решают судьбу пиес... Англичанин торжествует в Парламенте и на бирже, Немец в ученом кабинете, Француз в Театре» (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника... С. 241). Театрам на Бульварах посвящена графическая сюита О. Домье. На литографии «Литературная дискуссия на втором ярусе» (1864) зрители перешли от словесных перепалок к рукопашной схват-

ке. На другой рассерженная пожилая дама стыдит супруга: «Г-н Колимар, если вы не прекратите так неприлично лорнировать танцовщиц, я уведу вас домой до окончания спектакля» (1864).

С. 293. *Автомедон* — возница Ахилла, одного из храбрейших греческих героев, осаждавших Трою (Гомер «Иллиада»). В нарицательном значении — искусный кучер.

С. 297. *От чаши до губ еще далеко.*— В наиболее частом своем употреблении приведенная французская пословица («il y a loin de la coupe aux lèvres») совпадает с близкими по смыслу «видит око, да зуб неймет» или «близок локоток, да не укусишь». Она обретает, однако, принципиально иной смысл при символическом истолковании образа чаши как искупительной жертвы или жертвенной смерти — в данном случае гибели последних представителей рода Ренпепонов. (Ср. слова Иисуса в Гефсиманском саду накануне казни: «Отче мой! если возможно, да минует Меня чаша сия».—Матфей 26, 39).

КОММЕНТАРИИ

С. 5. *Квартал горы св. Женевьевы* назван именем св. Женевьевы (422—502), покровительницы Парижа, или бывш. Лютеции, уверившей жителей в том, что им нечего бояться Аттилы, предводителя гуннов, вторгнувшихся на территорию Восточной Римской империи (443, 447—448) и Галлии (451). По ее просьбе на горе была заложена церковь в честь святых Петра и Павла, получившая в дальнейшем имя св. Женевьевы. В дальнейшем здесь располагалось старинное аббатство, здание которого передано в 1802 г. под лицей Генриха IV. Праздник св. Женевьевы приходится на 3 января, день ее смерти.

Чичисбей (от *ит.* cicisbeo) — постоянный спутник состоятельной замужней женщины, сопровождавший ее на прогулках и увеселениях.

Ортодокс — человек, придерживающийся ортодоксальных взглядов, т. е. последовательно и неукоснительно следующий основным концептам какого-либо учения, или религиозного направления, в данном случае догматам католической церкви.

С. 8. *Папаша Ша[illegible]* — [illegible] Э. Сю назвал «говорящей» фамилией, указывающей [illegible] на франкского короля из династии Каролингов К[illegible] (742—814), с другой, на бубнового короля из колоды [illegible] изображением. В нач. XIX в. во французском языке появи[illegible] фразеологический оборот «делать шарлеманя» (*фр.* faire charl[illegible]) в смысле выходить из игры после выигрыша.

С. 10. *«Запретный плод»* — [illegible] одной из фигур канкана по ассоциации со сценой искушения Адама Евой, вкусившей от запретного плода древа жизни по наущению Змея.

С. 12. *...Крестьяне из Сен-Валери.* — Имеются два местечка на северо-востоке Франции с аналогичным названием: Сен-Валери-сюр-Сом на реке Сомма в департаменте Соммы и Сен-Валери-ан-Ко в департаменте Приморской Сены.

Сент-Антуанское предместье получило название по находившемуся здесь аббатству Сент-Антуан де Шан. Возникло в XV в. во время правления Людовика XI (1461—1483), покровительствовавшего ремеслам и раздававшего здесь земли людям разных профессий и национальностей. Включено в состав Парижа с 1702 г. В конце XVIII в.— начале XIX в. типичный рабочий квартал Парижа, известный производством тканей, фаянса, зеркал. Здесь был основан, в частности, первый французский завод зеркального стекла в 1665 г.

С. 13. *Бас* — музыкальный инструмент низкого регистра.

Корнет-а-пистон (фр.) — медный духовой музыкальный инструмент типа трубы с поршневым вентильным механизмом, изогнутой кольцеобразно и имеющей воронкообразный раструб. Тембр инструмента мягкий, бархатистый.

С. 15. *...жгла, кусала, рвала, перемалывала и убивала до смерти!* — в очередной раз Э. Сю прибегает к градации, излюбленной стилистической фигуре Ф. Рабле в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль», карнавальный, фамильярно-площадной дух которого он стремится воссоздать на страницах своего произведения.

«Первый сбор» и *«шипучее первого сорта»* — речь идет о сортах (марках) виноградных вин.

Ж.-Б. *Боссюэ* (1627—1704) — французский писатель, епископ, известный своей религиозной нетерпимостью и обративший в католицизм многих протестантов благодаря своему красноречию.

Орел из Мо — имя, данное Боссюэ по аналогии с названием местечка на реке Марна близ Парижа, где Боссюэ был епископом. Здесь же написан Катехизис, получивший известность как «Катехизис из Мо».

...одного простить не могу,— зависти к Мольеру.— Подразумевается книга Боссюэ «Максимы и размышления о комедии» (1694), в которой театр подвергался суровой критике и безоговорочному осуждению, в частности, осуждались комедии Мольера.

С. 16. *...пузатый мой апостол...*— в данном случае проповедник не столько христианской веры, сколько чувственных наслаждений в вакхических празднествах. Недаром Э. Сю сравнивает своего героя с пузатым Силеном, извечным спутником Вакха в его увеселениях.

...про волка речь, а волк навстречь...— Иначе «волк в басне» (от лат. lupus in fabula), или легок на помине. Данный фразеологический оборот встречается, в частности, в комедии «Братья» древнеримского драматурга Теренция (ок. 195—159 до н. э.). Восходит к поверью о том, что о волке лучше не упоминать, иначе он может неожиданно появиться.

С. 19. *...печка из сероватого фаянса...*— Печь, покрытая изразцами из фаянса, особого сорта обожженной глины с гипсом и другими добавками, среднего качества. К концу XVIII — нач. XIX вв. изделия из фаянса, посуда в том числе, продолжают пользоваться спросом, особенно среди населения со средним достатком. Однако в целом, если не считать производства тонкого фаянса, французское фаянсовое производство начинает клониться к закату. Наиболее известными центрами по изготовлению изразцов оставались голландские города Дельфт и Роттердам.

...истрескавшаяся, словно японский фарфор...— Общеизвестно, что японские фарфоровые изделия, появившиеся в Европе в XVII—XVIII вв., уступали аналогичным китайским образцам по качеству черепка.

С. 20. *Орден Почетного легиона* — французский национальный орден, учрежденный в 1802 г. Наполеоном Бонапартом. Орденом награждались за военные и гражданские заслуги. Орденская ленточка красного цвета.

С. 22. *...атрибутами папской власти...*— Формульными атрибутами папы римского являются золотой и серебряный ключи, так называемые ключи св. Петра, дающие ему символическое право «замыкать» и «размыкать», а также тройная тиара (папская корона), символизирующая тройную власть — главы Церкви, Римского епископа и государя Римской области.

Сикст V (1520—1590) — римский папа с 1585 г., по легенде был в юности свинопасом, вследствие чего был назван Пастухом из Монтальте (откуда был родом). Продолжал реформаторскую деятельность в церкви в духе Тридентского собора, имевшего большое значение для

и умов. Активно вмешивался в религиозные распри во Франции, осо-
бенно в момент вступления на престол Генриха IV.

С. 24. *Литания* — молитва католиков, которая поется или читает-
ся во время торжественных религиозных процессий.

С. 26. *Еретическая Россия душит католическую Польшу.*— Речь
идет о подавлении польского восстания 1830—31 гг. русскими войска-
ми, во многом изменившего политическую ситуацию в Европе. В фев-
рале 1832 г. была отменена Учредительная хартия 1815 г., предостав-
лявшая Царству Польскому особое политическое устройство с нацио-
нальным сеймом и собственной армией. Царство Польское вошло в со-
став Российской империи наравне с другими областями. Были закры-
ты Варшавский и Виленский университеты, отличавшиеся особым
польско-католическим духом.

С. 27. *...мщение царя...*— имеется в виду император Николай I,
царствование которого приходится на период с 1825 по 1855 г. Для
подавления польского восстания Николай I направил в Польшу сто-
тысячную армию.

Ламенне Фелисите-Робер (1782—1854) — французский священ-
ник, автор многочисленных полемических работ по вопросам религии
в современном мире, в которых он критикует монархический строй
и современное состояние римско-католической церкви («Слова
верующего», 1834; «Римские дела», 1836; «Книга народа», 1837;
«Современное рабство», 1839 и др.). Его религиозные и политические
взгляды были осуждены папой римским в 1832 г.

...кровавое укрощение патриотов Романьи.— Римско-католическая
церковь связывала большие надежды с Россией в деле подавления ра-
стущего национально-освободительного движения в принадлежавших
ей областях, в частности в итальянской провинции Романья, утрачен-
ной после Великой французской революции (1796), вновь возвращен-
ной в 1804 г. и удерживаемой исключительно присутствием австрий-
ских войск. В 1830 г. в Романье, Модене и Парме вспыхивают восста-
ния под предводительством молодых патриотов из тайного общества
карбонариев.

Кардинал Албани из известной итальянской семьи родом из
Албании, вытесненной турками и обосновавшейся в итальянских го-
родах Бергамо и Урбино. Самый известный в семье Албани —
Ж. Ф. Албани, римский папа с 1700 г., под именем Климента XI. Его
племянники Александр и Аннибал (1692—1779, 1682—1750) стано-
вятся кардиналами. В первую треть XIX в. получает известность Жо-
зеф А. Албани (1750—1834), поверенный в делах Рима в Вене в
1796 г., папский легат в Болонье в 1814 г. и, наконец, апостолический
комиссар четырех легатств Папской области — Болоньи, Урбино, Ро-
маньи и Феррары при папе Григории XVI в 1831 г. Последнее, наи-
более ответственное и высокое, назначение совпадает с довольно труд-
ным для папской курии периодом — дальнейшим ростом национальн-
но-освободительного движения на территории всей Папской области,
на вверенной Албани в том числе.

«Не может быть! Не верю в гнев небесный!»—песня П. Ж. Беран-
же «Бог добрых людей» (перевод Н. Ф. Тхоржевского).

С. 29. *Слабый человек...*— Подразумевается папа Григорий XVI
(1831—1846), вынужденный пойти на некоторые либеральные рефор-
мы в ответ на меморандум ряда европейских держав после подавления
восстаний 1830—31 гг. на территории Папской области. Принятые
полумеры не увенчались успехом, а лишь вызвали новые восстания
в январе 1832 г., жестоко подавленные призванными для этой цели
наемниками, так называемыми папистами.

Санфедисты — члены тайного союза священной унии, основанного кардиналом Консальви (1757—1824) для защиты светских прав папы на владение Папской областью. Направлен против тайной и явной деятельности карбонариев на территории Италии. Санфедисты отличались особой жестокостью в репрессиях против либералов в Папской области в 1830—31 гг.

...о бунте в Болонье, — восстание произошло в 1831 г., однако участь города оказалась счастливей. Открыв ворота папистам и австрийцам, Болонья спаслась от погрома, причем сказалась также и дисциплина австрийских войск.

Форли — город в Северной Италии, административный центр одноименного легатства Папской области. Восстание в Форли произошло в 1831 г.

Герцог Моденский — Франциск IV Австрийский (1779—1846), прозванный Франциском д'Эсте, герцог Моденский с 1815 г. Отличался особо реакционными взглядами. Для подавления восстания 1830 г. обращался за помощью к австрийским войскам.

Апостолическая конгрегация — одна из комиссий святого престола, ведающая вопросами вероучения и управления церковью.

Индульгенция — грамота об отпущении содеянных грехов, выдаваемая римско-католической церковью за определенную сумму денег или в качестве награды за особые заслуги перед церковью. Впервые массовое отпущение грехов производилась в 1095 г. участникам первого крестового похода в Святую землю (Палестину). Специальные «налоги на грехи» вводятся позднее — к исходу третьего похода (1189—1192). Учение об индульгенции оформляется в более или менее законченном виде в официальном документе святой апостольской канцелярии, известном под названием «Такса», в котором излагается стоимость отпущения самых различных грехов — убийства близких и дальних родственников, кровосмесительной связи, скотоложства, греха, «совершенного клириками с монахинями, в монастыре или вне его, с родственницами, свойственницами, духовной дочерью или какой-либо другой женщиной» и т. п. Наряду с анонимными индульгенциями продаются и именные. Вселенский собор Тридцати (1545—1563) осудил злоупотребления с индульгенциями, хотя и признал их необходимость. Резкой критике индульгенции подвергались в Реформацию, особенно со стороны Лютера.

...резня, как в Чезене. — 20 января 1832 г. близ итальянского города Чезена произошли кровопролитные бои между восставшей гражданской гвардией и папскими войсками. Город был взят и подвергнут грабежу и насилию.

С. 30. *Янычары* — привилегированные воинские подразделения в султанской Турции до 1826 г., выполнявшие полицейские и карательные функции.

Преторианцы — императорская гвардия в Древнем Риме, обладавшая большой политической силой и игравшая главенствующую роль в различных дворцовых переворотах.

Климент XIV — римский папа с 1769 по 1774 г., сменивший Климента XIII. Принадлежал к ордену францисканцев. Его деятельность отличается миротворческим характером. Под давлением общественного мнения запретил в 1773 г. орден иезуитов, год спустя скончался.

«Что мне король? О, нищий глупый» — песня П. Ж. Беранже «Добрый папа» (перевод Л. Остроумова).

С. 32 *Герцог Рейхштадтский* — с 1818 г. титул Жозефа-Франсуа-Шарля Бонапарта (1811—1832), сына Наполеона I и Марии-Луизы Австрийской, воспитывавшегося при австрийском дворе в период царствования своего деда (по материнской линии) Франца I (1768—1835). Умер от туберкулеза 22 июня 1832 г.

С. 38. *Св. Суаффар* (от *фр.* soif — жажда) — «выпивоха», пьяница в сниженном разговорном стиле. Впервые появляется в литературных произведениях Бальзака и Э. Сю в 1844 г.

Св. Шикар (от *фр.* chic — шик) — «пижон» в сниженном разговорном стиле.

С. 78. *Кювье Жорж* (1769—1832) — французский зоолог и естествоиспытатель, член Французской Академии, иностранный почетный член Петербургской Академии наук (1802), прозванный Аристотелем XIX в. Ввел понятие «типа» в зоологии, установил принцип «корреляции органов», на основании которого реконструировал строение многих вымерших животных. Его основной труд «Уроки сравнительной анатомии» в 5-ти томах вышел в Париже в 1800—1805 гг.

С. 97. *Красная лента* — лента ордена Почетного легиона.

С. 98. *Серебряная звезда* — орден Почетного легиона представляет собой пятиконечную звезду, лучи которой покрыты белой эмалью. На лицевой стороне в центре — изображение Наполеона I в окружении венка из лавровых и дубовых листьев с надписью: «Наполеон, император французов». На оборотной стороне — орел, держащий молнию, с надписью: «Честь и Родина». Орден крепится на муаровую ленту красного цвета. Имеет официальное название — крест Почетного легиона.

С. 125. *Арабески* — сложный геометризированный орнамент, включающий иногда стилизованные растительные мотивы. Получил распространение в [illegible] под влиянием средневекового искусства арабского [illegible], известного прекрасными декоративно-орнаментальными образцами.

Порфир — общее название для изверженных горных пород — например, кварцевый порфир, гранит-порфир и т. п. Применяется как декоративный отделочный камень.

Кальян — прибор для курения, в котором табачный дым очищается, проходя через сосуд с водой.

С. 129. *Сардоническая улыбка* — злобная, насмешливая, язвительная. Происходит от фразеологического оборота «сардонический смех» (от лат. risus sardonicus), восходящего к поверью древних о том, что смех, напоминающий судорожную гримасу, вызывается отравлением ядовитой травой с острова Сардиния.

С. 135. *Купе* — как правило, двухместная карета.

С. 136. *Шталмейстер* — конюший.

Дилижанс — многоместный крытый экипаж.

С. 138—139. *Инкрустация* — техника украшения деревянной или металлической поверхности изделия вставками из металла, ценных пород дерева, черепахи, слоновой кости, драгоценных и полудрагоценных камней. Известна еще в античности прежде всего в украшении стен и в Византии, а также в Италии эпохи Ренессанса. Получила распространение в декоративном оформлении мебели в XVIII в.

С. 139. *Камин из пентеликонского мрамора* — по названию горы в Аттике (Греция), славившейся своим белоснежным мрамором.

...камин... с двумя очаровательными... кариатидами и фризом — камин выполнен с использованием характерных элементов античной

архитектурной конструкции, сохранявших орнаментальное значение в декоративно-прикладном искусстве Западной Европы на протяжении XVI—XIX вв. Нередко камин, шкаф или горка обрамлялись скульптурными изображениями кариатид, стилизованными женскими фигурами, поддерживавшими завершавший изделие богато декорированный фриз.

Муслин — легкая прозрачная шелковая или шерстяная ткань индийского происхождения. В Западной Европе была в особой моде в первой четверти XIX в.

Саше — ароматическая подушечка, как правило, из шелковой ткани, наполненная душистыми специями и травами. Кладется для благовония в постельное белье.

С. 139—140. *...спускавшихся в виде широких и густых бандо по обеим сторонам лица...* — в 30—40 гг. XIX в., или в эпоху так называемого бидермейера, популярной становится прическа из гладко зачесанных волос на прямой пробор, а также с пучками или узлами из волос по бокам.

С. 140. *...поднятые потом греческим узлом...* — Древнегреческие женщины поднимали свободно ниспадающие локоны вверх с помощью ленты, при этом прямые неуложенные волосы означали траур.

Античная прическа. — Мода на античную прическу вошла после Французской революции, преимущественно в эпоху «ампир» (от *фр.* empire — империя). При этом она сильно укоротилась и упростилась по сравнению с концом XVIII в. Прическа Адриенны сходна со скульптурным изображением головы молодой римлянки из Романского национального музея в Риме, волосы которой разделены на прямой пробор, завиты по бокам, свободно ниспадая локонами по плечам. Как и в античности, в нач. XIX в. предпочтение отдается светлым волосам.

С. 145. *...хрустальная ванна в форме удлиненной раковины.* — Мотив морской раковины в сочетании с образом дельфина обретает особое значение для характеристики Адриенны, поскольку отсылает к ранее намеченному отождествлению девушки с Венерой-Афродитой, рожденной из пены морской. В сцене рождения Венеры на известной картине С. Боттичелли юная богиня любви изображается стоящей на морской раковине. В связи с «афродизийным» мотивом становится уместным и чувственность в описании прелестей пробудившейся ото сна Адриенны, равно как и ее любовные грезы.

Кордуанская кожа — по названию испанского города в Андалусии Кордова, известного качественной выделкой кожи.

С. 147. *Белый отложной воротничок* подчеркивает скромность одеяния девушки. В некоторых случаях, однако, он сочетался и с сильно увеличенным декольте, обнажавшим особо модные в 30-е гг. XIX в. покатые плечи.

...газовый чепчик с серыми лентами... — В начале 30-х гг. XIX в. в женской моде соперничали традиционный чепец и шляпа, при этом в конце концов победила шляпа, хотя во многом и близкая по форме чепцу. Украшалась цветами, лентами и воланами.

...перчатками... — В начале XIX в. существовали самые разные виды перчаток: короткие и длинные до локтя, половинчатые с неприкрытыми кончиками пальцев и полные с пальцами.

С. 153. *Фиакр* — наемный экипаж.

С. 179. *Вуаль* — после долгого почти полного отсутствия вуали в женском туалете XVI—XVIII вв. мода на данный аксессуар возобновляется во времена Французской революции, особенно на высокие

вуаль продолжает украшать дамские шляпки и в 30—40 гг. XIX в. К началу века появляются тюлевые вуали.

С. 185. *Нимфы* — в античной мифологии божественные существа, олицетворяющие живительные и плодоносные силы природы. Как правило, изображаются обнаженными или полуобнаженными юными девами прекрасного телосложения. Их красота нередко привлекает любвеобильного Зевса, Вакха и его спутников — Силена и сатиров. В зависимости от того, где находятся их святилища, различаются нимфы рек, морей и источников. Приводимое Э. Сю сравнение девушки с нимфой, равно как и с лилией, является общим местом в литературе не только нового времени, но и средних веков.

С. 196. *...моих именин...* — Именины Горбуньи приходятся на 22 июля, праздник Мадлены, или св. Магдалины (Марии-Магдалины), большой грешницы, исцеленной Иисусом от одержимости семью бесами (Лука 8, 2) и следовавшей за ним вплоть до его кончины на Голгофе. Она возвестила о воскресении Христа апостолам (Иоанн, 20, 14—18).

С. 197. *...настоящий розовый бутон...* — Очередное формульное сравнение девушки с цветком.

С. 200. *Площадь Тампль* названа по ранее находившемуся здесь монастырю тамплиеров-храмовников, или «бедных братьев во Христе и поборников Иерусалимского храма», основанного в 1119 г. рыцарями, отличи[illegible] в крестовом походе. Самое значительное [illegible]ния храма, возведенная в 1212 г., была разрушена в 1811 г. Здесь с 11 августа 1792 г. по 21 января 1793 г. находился в заключении свергнутый король Людовик XVI. В первой трети XIX [illegible] построек были рынок и парк.

С. 201. *...торговка из Тампля...* — Имеется в виду рынок, сооруженный на [illegible] к монастыря тамплиеров.

С. 202. *Канал св. Мартена* соединяет Сену с водным бассейном Ла Виллетт. Свы[illegible] км.

С. 203. *Чистилище* — в католическом вероучении промежуточное место загробного мира между раем и адом, где души умерших горят в очищающем огне. При полном искуплении грехов они получают доступ в рай. Догмат о чистилище введен католической церковью в 1439 г., подтвержден в 1562 г. Представления о чистилище получили воплощение в известной поэме Данте «Божественная комедия» (1307—1321), состоящей из трех частей: «Ад», «Чистилище», «Рай».

С. 213. *Компаньонаж* — тайное объединение подмастерьев в средневековой Франции, имевшее целью организацию взаимопомощи, а в более поздние времена и борьбу с мастерами за лучшие условия труда и быта. В зависимости от принадлежности к тому или иному цеху ремесленники делились на ордена — девуары с собственным уставом, или статутом. Цеховая разобщенность, а порой и междоусобица обострачивались нередко крупными столкновениями, доходившими до кровавых побоищ. Подобное произошло в 1833 г. в Лионе между девуарами кожевенников и плотников по причине нарушения некоторых этикетных правил представителями одного из девуаров.

Пердигье Агриколь (1805—1875) — французский политический деятель, автор сочинений «Компаньонаж» (1839), «Мемуары подмастерья» (1854), драмы «Пожиратели и товарищи» и др. Был прозван авиньонцем Ла Вертю (от *фр.* la vertu — добродетель), поскольку родился во французском городе Авиньон и принадлежал к девуару «Добродетели». В своей деятельности стремился к братскому объединению рабочих, хотя и не признавал революционных методов борьбы.

не принял Парижской Коммуны 1871 г. Предполагается, что его образ нашел отражение в романе Жорж Санд «Французский подмастерье», а также в романе Э. Сю в облике Агриколя Бодуэна. Песни Агриколя Перлигье («Песенник путешествия по Франции», 1835) пользовались популярностью среди рабочих и ремесленников.

С. 215. *Тюрьма Сент-Пелажи* — старая парижская тюрьма, расположенная на улице Пюи де л'Эрмит в здании бывшего женского монастыря Сент-Пелажи, основанного в 1662 г. Сюда помещали согрешивших девушек, а также, по специальному королевскому указу, и проституток. В 1790 г. монастырь превращен в тюрьму, где, в частности, были заключены в период Французской революции поэт Андре Шенье, известная своим литературным салоном мадам Ролан, падчерица императрицы Жозефины Мари-Франсуаза Богарне. В период первой Империи с 1811 г. здесь находилась департаментская тюрьма для политических заключенных и несостоятельных должников. Среди известных узников тюрьмы были памфлетист Поль-Луи Курье, социалист Огюст Бланки, химик Распайль, график Оноре Домье, осужденный за свои шаржи против Луи-Филиппа и его министров. До 1834 г. здесь содержались и юные правонарушители. Тюрьма Сент-Пелажи никогда не пустовала и была хорошо известна парижанам в XIX в. Снесена в 1895 г.

С. 217. *«Идем, идем сквозь пушек гром!»* — припев песни французского поэта Казимира Делавиня (1793—1843), автора трагедий и патриотических элегий, члена Французской академии. Этой песней, бывшей некоторое время революционным гимном восставшей Франции, поэт откликнулся на Июльскую революцию:

«Народ отважных, о французы,
Нас вольность вновь зовет с собой.
Сказали нам: вот рабства узы.
Сказали мы: солдаты в бой!
Париж душою величавой
Внезапно вспомнил голос славы!
Идем, идем
Сквозь пушек гром!
Сквозь их штыки, под их огнем
идем
К победе в бой кровавый!»

(Перев. Вс. Рождественского)

С. 224. *...собака, которая только и знает, что вертеть вертел...* — французский фразеологический оборот, восходящий к старинному обычаю приспосабливать собаку для верчения вертела. Собаку помещали в барабан, который она вращала, а вместе с ним и прикрепленный к барабану вертел.

С. 225. *Соломон* — третий царь Израильско-Иудейского государства (965—928 до н. э.), изображаемый в ветхозаветных книгах величайшим мудрецом всех времен. Соломон наделяется мудростью, сказочным богатством и славой: «Подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе; и то, чего ты не просил, Я даю тебе, и богатство и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои...» (Третья книга Царств, 3, 12—13).

С. 227. *Эспаньолка* — короткая остроконечная бородка, остриженная клинышком, в постоянном сочетании с усиками над верхней гу-

[illegible] Впервые входит в моду в подражание французскому королю Генриху IV, первому правителю из династии Бурбонов (1589—1610), иначе называется бородкой «а-ля Генрих IV». После почти полного исчезновения бород и усов мода на усы возобновляется при Реставрации, причем связывается преимущественно с возрождением аристократических традиций французской армии. В широких демократических слоях населения борода и усы считаются на протяжении XIX в. признаком мужественности и силы, а иногда и определенных свободолюбивых политических воззрений.

С. 229. *Дортуар* — общая спальня для учащихся, как правило, в закрытом учебном заведении.

С. 236. *...на свадьбе Гамаша...* — Устойчивое выражение, отсылающее к эпизоду романа «Дон Кихот» испанского писателя Сервантеса (1547—1616) об обильном, вошедшем в поговорку, угощении на свадебном пиру крестьянина Гамаша.

С. 238. *Орфеон* — по аналогии с именем фракийского певца Орфея, сына музы Каллиопы и речного бога Эагра (по другой версии — Аполлона). Орфей славился как певец и музыкант, умеющий не только очаровывать людей и [illegible], но и укрощать дикие силы природы. Магическая сила его [illegible] была настолько велика, что сумела укротить злого пса Цербера, охраняющего царство мертвых, куда Орфей спустился в поисках жены Эвридики.

Вилем — [illegible] композитора Гийома-Луи Букийона (1781—1842), [illegible] многочисленных народных школ пения, автора теоретических работ по музыкальному воспитанию, а также музыки к песням Беранже. Беранже посвятил композитору песню «Орфеон».

С. 250. *Ф[illegible]дения* — благотворительные общества.

С. 251. *М[illegible]* — древнее государство народов Банту (нач. II тыс. — XVII [illegible]) в южной Африке, в междуречье Замбези и Лимпопо. Впервые обследована и частично колонизирована португальцами в XVI в. Отдельные сохранившиеся развалины свидетельствуют о древней цивилизации. Э. Сю приводит Мономотапу в качестве примера занятий серьезных людей не без некоторой иронии. Комическому эффекту способствует не только мало что говорящее название, но и чрезвычайно экзотическое его звуковое оформление.

...если б богатые знали!! — по аналогии с французским устойчивым оборотом, восходящим к XVI в.: «если б молодость знала, если б старость могла» (*фр.* si (la) jeunesse savait, si (la) viellesse pouvait).

«Демокраси пасифик» («Мирная демократия») — ежедневная газета последователей французского утопического социалиста Шарля Фурье (1772—1837), разработавшего проект будущего общества, в котором получат развитие все человеческие способности, сотрутся противоречия между умственным и физическим трудом, труд станет потребностью и удовольствием. Газета выходила с 1 августа 1843 г. по 13 июня 1849 г. под редакцией В. Кондерсана. Главным лозунгом был тезис Фурье: «социальный прогресс без революций», — тогда как основными темами — экономические и финансовые вопросы.

С. 252. *Институт* — имеется в виду так называемый Французский Институт (*фр.* Institut de France), включающий Французскую академию, Академию надписей и литературы, Академию наук, Академию изящных искусств и Академию политических и моральных наук.

С. 266. *Туаз* — единица длины во Франции, равна 1,949 м.

А. Бочкарев

КОММЕНТАРИИ

С. 5. *Площадь Шатле* находится в Париже на правом берегу Сены близ улицы Св. Дени на месте прежнего замка Шатле, служившего в свое время тюрьмой и разрушенного в 1802 г.

Масленичная неделя — неделя, предшествующая великому посту, совпадает в Западной Европе с карнавалом и сопутствующими ему уличными шествиями, танцами, театрализованными представлениями, играми, маскарадом и т. п. Празднества карнавального типа, равно как и связанные с ними обряды ряженых и масок, всякого рода «праздники дураков» и «праздники осла», занимали большое место в жизни не только средневекового человека, но и в более позднее время. Они сопровождали официальные церковные праздники, обычные гражданские церемониалы, многие сельскохозяйственные праздники.

...в квартале Ратуши... — в районе городского муниципалитета, расположенного на площади того же названия. Строительство начато в 1533 г. при Франциске I и закончено в 1623 г. В дни Июльской революции здесь был объявлен королем Франции Луи-Филипп.

Ваде Жан-Жозеф (1719—1757) — французский поэт и песенник так называемого «низкого» жанра, острослов, весельчак и жизнелюб, завсегдатай кабаре и модных литературных салонов. Приобрел известность как автор «простонародных песенок». Особо популярной была его «эпико-траги-базарно-героико-комическая поэма» «Сломанная трубка». Произведения Ваде опубликованы в Париже в 4-х томах в 1758 г.

С. 7. *Шомьер, Прадо, Колизей* — излюбленные увеселительные места среднего класса в период Июльской монархии 1830—1848 гг. Шомьер, или «Хижина», старинный танцевальный зал, основан в Париже в 1787 г., закрыт в 1855 г. вследствие конкуренции со стороны аналогичного заведения под названием «Клозри де Лила». Танцевальный зал «Прадо» создан в 1807 г. и закрыт в 1855 г. в связи с перепланировкой ряда парижских улиц, предпринятой бароном Ж. Османном, префектом департамента Сены. Бальный зал «Колизей» (1770—1780) назван в память старинного парижского Колизея, являвшегося местом концертов и маскарадов.

Гризетка — молоденькая девушка из среднего сословия (швея или мастерица) кокетливого нрава и не очень строгих правил. Как неологизм слово введено во французский язык в XVII в. (от фр. «gris» — «серый», т. к. гризетки носили, как правило, платья из ткани серого цвета). Французский писатель Шарль-Поль де Кок (1794—1871) посвятил гризеткам новеллу в «Парижских нравах» (1837).

Пьерро и Пьерретта — традиционные персонажи французского народного театра. Одеты в белое платье. У Пьерро лицо в муке.

Дюбардер — персонаж на карнавале, одетый, как рабочий-грузчик. Костюм состоял из широких бархатных штанов, открывавших лодыжку, короткой холщовой блузы, заправленной в штаны, красного пояса с развевающимися концами, небольшой фуражки набекрень, из-под которой на спину спускались волосы парика. Вошел в моду после 1830 г., приобретя особую известность благодаря рисункам французского графика Гаварни.

Головокружительный, погубительный, ошеломительный, оглушительный, ослепительный — этот каскад эпитетов оценочного значения соответствует стилистическому приему романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», являвшегося для Э. Сю своеобразным образцом для подражания, особенно в описании эпизода карнавального празднества.

Баядерка — имя, данное европейцами индийским танцовщицам и певицам, служительницам религиозного культа при храмах. Кроме танцев и пения в обязанность баядерки входила священная проституция. В расширительном значении баядерка — всякая танцовщица и певица, выступающая за плату в ресторане или частном доме.

С. 10. *Канкан* — эксцентрический танец, вошедший в моду в начале тридцатых годов XIX в. в танцевальных залах Парижа. Особенно увлекались канканом артистическая богема и студенческая молодежь. Он был настолько популярным, что французский график О. Домье отобразил его в литографии «Теща предупредила, что ее дочка лунатик, но умолчала, что она пляшет канкан» (1842).

Нини-Мельница — по аналогии с фамилией персонажа (Дюмулен), производной от французского слова «moulin» — «мельница».

С. 14. *Гаварни* Поль (1804—1866) — известный французский график, автор популярных серийных альбомов литографий на темы из повседневной жизни буржуа, городской бедноты, артистической богемы и полусвета. С 1836 г. по 1850 г. сотрудничал с сатирическим журналом Шаривари, публиковавшим его выразительные, живые карикатуры с краткими пояснениями анекдотического характера. Иллюстрировал роман Э. Сю «Вечный жид», сказки Гофмана и др. Избранные произведения Гаварни в 4-х томах в сопровождении текста Ж. Жанена, Бальзака и Т. Готье появились в Париже в 1845 г. Братья Гонкуры написали о Гаварни, его жизни и творчестве, критический очерк (1871).

Хогарт Уильям (1697—1764) — английский живописец, график и теоретик искусства, мастер сатирического бытового жанра, обличающего порока общества. Многие живописные серии художника («Карьера проститутки», «Карьера мота», «Выборы») получили широкую известность в Зап. Европе, поскольку, исполненные автором в технике резцовой гравюры, тиражировались и распространялись по подписке. Самое полное издание работ Хогарта опубликовано в 2-х томах в Лондоне в 1802 г. с пояснениями Стивенса и Николса.

Силен — в греческой мифологии демон плодородия. Вместе с сатирами входит в свиту Диониса-Вакха. Славится задиристым нравом, страстью к вину и нимфам. Изображается, как правило, курносым, уродливым, с глазами навыкате и толстыми губами, с лошадиным хвостом, копытами и толстым брюхом. Встречаются изображения Силена в буйном танце, сидящем на осле или пьющим вино из меха. В расширительном смысле Силен — веселый обжора и пьяница.

Ультрамонтанство (от лат. ultra montes—за горами, т. е. в Риме)— с XV в. наиболее последовательное направление в католицизме, отстаивавшее идею неограниченной верховной власти римского папы, его исключительное право вмешиваться в светские дела любого государ-

ства, равно как и дела любой национальной церкви. Активными поборниками ультрамонтанства с XVI в. стали иезуиты. Предельную активность ультрамонтанство приобрело в период Реставрации (1814—1830). Его идеи получили яркое воплощение в сочинении Жозефа де Местра «О папе» (1819), в котором предлагалось поставить папу римского во главе всего общества, как в Средние века. В период Июльской монархии (1830—1848) ультрамонтанство вызвало резкую критику со стороны оппозиции.

С. 17. ...*позолоченная диадема с гремящими бубенчиками*...—характерная примета празднеств карнавального типа, равно как и связанных с ними ритуальных обрядов избрания и чествования короля и королевы. Свойственная карнавальному мироощущению пародийная травестия официальных учреждений и церемоний проявляется здесь не только в избрании королевы, но и в сознательном ее снижении шутовскими бубенцами. Королева Вакханок уподобляется в некотором роде королеве на «празднике дураков».

С. 27. *Наполеондор* (в переводе с французского — золотой Наполеон) — французская золотая монета достоинством в 20 франков эпохи Наполеона I. Чеканилась во Франции с 1803 г.

С. 29. ...*да будет шум, гром, гам, землетрясение, буря, шторм!* — Очередная аллюзия на стилистические особенности книги Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», стилистическую фигуру — градацию, основанную на нагнетающем развертывании оценочных имен существительных.

С. 30. *Пантагрюэль* — главный персонаж известного романа Ф. Рабле (1494—1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1-е изд. 1532 г), шедевра эпохи французского Возрождения, отвергающего средневековый аскетизм, ханжество и предрассудки. Пиршественные образы романа Рабле, многочисленные сцены пития и еды, пожирания гигантских окороков, колбас и сыров отвечают известному народному стремлению к изобилию, жизнелюбию и смеху. Они отражают, по мнению исследователей, непосредственную связь произведения с богатой народно-праздничной смеховой культурой. В гротескных образах героев Рабле утверждаются гуманистические идеалы эпохи.

С. 31. *Антраша* (фр.) — прыжок в классическом балете, во время которого вытянутые ноги танцовщика скрещиваются в воздухе несколько раз.

...*анакреонтическую позу* — аллюзия на любовную лирику древнегреческого поэта Анакреонта (ок. 570—478 г. до н. э.) и его последователей в эпоху поздней античности, Возрождения и Просвещения. Так называемая «анакреонтическая поэзия» культивирует наслаждение чувственными радостями, любовь к природе и красоте, страх перед старостью и смертью. Ярким примером анакреонтической поэзии во Франции становится лирика поэтов «Плеяды» — Ронсара (1524—85), Дю Белле (1522—60), Баифа (1532—89) и др.

Боссюэ Жак-Бенинь (1627—1704) — французский духовный писатель, епископ. Известен редким даром красноречия. Ярким примером ораторского искусства Боссюэ служат его проповеди «О смерти», «О выдающемся достоинстве бедняков» и др. Отстаивал идею божественного происхождения абсолютной власти монарха. Идеолог галликанства, религиозно-политического движения во Франции, сторонники которого отстаивали с XIII в. автономию французской католической церкви от папского престола в Ватикане.

Свадьба в Кане Галилейской, или «чудо в Кане Галилейской» — свадьба в Кане (сев. Палестина), в разгар которой недоставало вина,

...Иисус Христос по просьбе матери претворил воду в вино, чем положил начало чудесам своим. (Евангелие от Иоанна, 2, 1—11).

С. 32. *Это нечто вроде кринолина...* — По аналогии с широкой присборенной куполообразной юбкой, форма которой поддерживалась многочисленными нижними юбками, подушкой, деревянной или проволочной конструкцией, китовым усом, бамбуковыми кольцами или наполненными воздухом резиновыми шлангами. Подобная юбка появляется в Англии в 1829 г., хотя становится особенно модной только в 1850—70 гг.

Апостол Павел (2—66 г. н. э.) — один из двенадцати апостолов, учеников Иисуса Христа. Первоначально один из ярых преследователей христианства, затем в результате «видения в Дамаске» принимает крещение и начинает проповедовать христианство в Аравии, Киликии, на Кипре, в Галатии, Македонии, Афинах, Коринфе, Эфесе, Испании. Нередко его встречают враждебно: побивают камнями, избивают палками, бросают в темницу. Творит чудеса: исцеляет хромого, насылает слепоту на «волхва-лжепророка», воскрешает умершего. Принял мученическую смерть в 66 г. в Риме вместе со св. Петром. Павлу приписывается авторство 14 посланий, входящих в Новый Завет.

«Трактат о похотливости» — в противоположность травестийно-комической его интерпретации героями Э. Сю данное произведение Ж.-Б. Боссюэ, написанное в 1684 г. и опубликованное в 1731 г., является глубоким и одновременно грустным размышлением о мире, погрязшем в разврате.

С. 34. *Ливр* — денежная единица Франции до введения в 1799 г. франка. Некоторое время слово «ливр» употреблялось по отношению к франку, особенно когда речь шла о годовых доходах или ренте.

...в костюме пастушки... — Аллюзия на модный в XVIII в. мотив пасторали, идеализированной сельской сценки с прелестными пастушками в окружении мирно пасущихся коз или овец. Особую известность в жанре пасторалей получили картины Ф. Буше (1703—1770), например, его живописная работа «Гнездышко» и др., на которых юные селянки очаровывают зрителя своим наивным видом и вместе с тем изнеженностью и сладострастной негой. Их платье призвано как можно выгоднее обыграть полуприкрытые прелести. Декольте увеличивается для того, чтобы показать шелковую рубашку с искусной вышивкой или кружевной оторочкой. Нижняя юбка, обильно украшенная лентами, воланами и кружевами, обретает особый смысл при движении. Типичным дополнением костюма рококо становится грим, прежде всего разнообразные мушки в виде кружка, карточной масти или цветочка, помещаемые на самых неожиданных местах исключительно для того, чтобы подчеркнуть красивый лоб, глубокое декольте или стройную шею. Необходимым атрибутом костюма пастушки становится и украшенная лентами трость.

...пью за здоровье холеры! — Аллюзия на известный мотив западноевропейской культуры — «пир во время чумы», воплотившийся, в частности, в драматической поэме английского поэта Джона Вильсона (1785—1854) «Город чумы (1816) и известной поэме А. С. Пушкина «Пир во время чумы» (1832).

С. 35. *...я назову его Голышом!* — По аналогии с именем героя, нареченным в честь первого человека Адама: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их... И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились». (Бытие, 1, 27, 2, 25.)

С. 36. *«Тысяча и одна ночь»* — сборник волшебных арабских сказок персидского происхождения, сложившихся в XV в. Первое французское издание сказок в переводе Галлана вышло в 1704—17 гг.

...Валтасаров пир... — Согласно иудаистической и христианской легендам последний вавилонский царь Валтасар устроил в ночь взятия Вавилона персами роскошный пир, где настольными чашами служили драгоценные сосуды, захваченные в иерусалимском храме. В разгар пира таинственная рука начертала на стене непонятные скова: «МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН», истолкованные как предсказание гибели Валтасара и раздела вавилонского царства между персами и мидянами. Предание о царе Валтасаре и его пире нашло отражение в Библии — в Книге пророка Даниила (5,1—31), а также у древнегреческих авторов Геродота и Ксенофонта.

...вертоград Господень... — Подразумевается райский сад, из которого были изгнаны согрешившие Адам и Ева.

С. 39. *...событий в Лионе.* — Подразумевается восстание лионских ткачей в ноябре 1831 г., добивавшихся установления обязательного «минимального тарифа поштучной оплаты». Приведенная Э. Сю фраза приписывается одному из лионских фабрикантов.

С. 41. *Песенка «Студенты»* — вероятно, «Песня студентов», написанная в 40-е годы Ж. Шу и Ватрипоном, имевшая подзаголовок «Старый Латинский квартал».

Кадриль — танец, вошедший в моду в конце XVIII в.; исполняется четырьмя парами танцующих.

С. 58. *...общество св. Марии.* — Имеется в виду одна из многих религиозных общин, связанных с именем девы Марии,— марианисты, или общество св. Марии, основанное в 1817 г. в г. Бордо и получившее официальное признание в 1825 г. с центром в Париже. Марианисты занимались благотворительной деятельностью, обучением детей в системе начального и среднего образования, ведением домашнего хозяйства и т. п. Общество состояло как из священников, так и светских лиц, носивших платье каштанового цвета.

С. 61. *Кармелитки* — монашеский орден, возникший во Франции в 1452 г. Следует правилам кармелитов, нищенствующего католического ордена, основанного во 2-й половине XII в. в Палестине и названного по имени палестинской горы Кармель. Кармелитки носят коричневое платье из толстой шерстяной материи, черную вуаль, длинный белый плащ.

С. 62. *Лоретка* — молодая прелестная особа свободных нравов. Данный неологизм введен в речевой обиход в конце 40-х гг. XIX в. французским литератором и журналистом Л.-В. Нестором Рокпланом (1804—1870) по аналогии с названием парижского квартала Нотр Дам де Лоретт. Образ лоретки был настолько популярным, что нашел отражение в альбоме литографий Гаварни.

С. 69. *...член Палаты...* — В период правления Луи-Филиппа (1830—1848) Палата депутатов заседала раз в год, при этом король мог перенести заседание или, более того, распустить депутатов. В последнем случае он должен был сформировать новую Палату в течение 3-х месяцев. С 1832 по 1840 г. Президентом Палаты депутатов был Андре-Мари Дюпен-старший (1783—1865), личный советник Луи-Филиппа, во многом способствовавший его провозглашению королем Франции. Известна карикатура на него от 14 июня 1832 г. работы французского графика О. Домье. При избрании депутатов возрастной ценз ограничивался 30-ю годами, налог — 500-ми франками. Получили широкую известность литографии О. Домье, в которых он

яростно атакует Палату депутатов — опору нового режима («Там еще хватает работы» от 17 сентября 1830 г., «Маски 1831 года» от 8 марта 1832 г., «Шарль Ламет» от 26 апреля 1832 г. и др.).

С. 71. *Святой Бернар* (1091—1153) — средневековый проповедник, основатель католического монашеского ордена бернардинцев, или цистерцианцев, вдохновитель второго крестового похода, автор теологических трактатов и проповедей, написанных страстным языком. Основал свыше 70 монастырей в различных уголках Европы. Канонизирован папой Александром III в 1174 г.

Его преосвященство — титул католических епископов и кардиналов.

С. 84. *...рафаэлевских рук...* — Подразумеваются тонкие, изысканные руки мадонн с картин Рафаэля.

С. 109. *Лотарингия* — историческая провинция на востоке Франции в бассейне реки Мозель. В составе Франции с 1766 г., отторгнута Германией в 1870 г., возвращена Франции в 1919 г.

С. 125. *...до Реставрации служил в России...* — Ранее Э. Сю отмечает, что герой его романа маркиз д'Эгриньи был полковником на русской военной службе и адъютантом у фельдмаршала Моро.

...в 1815 годи Бурбоны дали ему полк... — д'Эгриньи получил полк после вторичного свержения и отречения Наполеона I в так называемый второй период Реставрации монархии Бурбонов.

С. 126. *...мучился в плену в Лейпциге...* — После поражения французской армии под Лейпцигом в так называемой «битве народов».

С. 143. *Жак де Корбьер*, граф (1767—1853) — французский политический деятель. С 1815 г. в Палате депутатов от партии ультрароялистов, самых последовательных приверженцев династии Бурбонов. Известен ярыми нападками на Революцию и либералов. Министр народного просвещения в 1820 г., затем министр внутренних дел (1821—27). После 1830 г. отошел от политической жизни. Пэр Франции.

Нормальная Школа — высшее учебное заведение в Париже для подготовки специалистов в области народного образования. Основана в 1795 г. В настоящее время находится на улице Ульм.

С. 144. *...конгрегация Св. Духа.* — После закрытия ордена иезуитов римским папой Клементом XIV, решившим произвести расследование тайной деятельности иезуитов, в 1773 г. общество Иисуса насчитывает свыше 30 тысяч членов и продолжает тем не менее существовать под самыми различными именами — Братьев Креста, пакканарийцев и т. п. Несмотря на восстановление ордена иезуитов в его правах специальной буллой папы Пия VII от 7 августа 1814 г., многие общины иезуитского толка сохраняют прежние свои имена. Среди них, вероятно, и община св. Духа.

...до самой Июльской революции... — До июля 1830 г.

С. 145. *Ним* — город на юге Франции, известен своими античными постройками: арка Августа (1 в. до н. э.), храм Мезон Карре (кон. 1 в. до н. э.— нач. 1 в. н. э.). Незадолго до событий романа Э. Сю, а именно в 1791 г. и в 1815 г., Ним — место кровавых стычек католиков и протестантов.

Авиньон — город на юге Франции. Известен своими античными и средневековыми памятниками: авиньонский мост (XII в.), дворец пап (XIV в.). С 1309 по 1377 г. местопребывание римских пап. Принадлежал до 1791 г. Святому престолу в Риме. Место кровавых стычек во время Великой французской революции и в 1815 г.

Лион — город на юго-востоке Франции, на слиянии двух рек — Роны и Соны. Административный центр деп. Рона. Известен своими

античными и средневековыми памятниками. На время действия романа приходится восстание ткачей 1831 г.

Бретань — историческая провинция на северо-западе Франции. Главный город Ренн.

С. 146. *Бурж* — город в центральной части Франции. Известен готическим собором XIII в. с резными порталами и витражами.

Сент-Ашель — предместье французского города Амьен на реке Сомма, в Пикардии. В период Реставрации иезуиты под именем Отцов веры имели там свой коллеж.

Льесс, или Нотр-Дам-де-Льесс — местечко на севере Франции. Известно статуей девы Марии, привезенной, по легенде, из Палестины и размещенной в местной церкви, перестроенной в XIV—XV вв. Место паломничества.

Нант — город и порт во Франции в устье реки Луара, административный центр департамента Атлантическая Луара. Известен готическим собором св. Петра (XV—XIX вв.), средневековым замком (IX—XVI вв.).

Кеннер — бывшая столица графства Корнуэлльского, административный центр деп. Финистер. Известен готическим собором XIII—XVI вв., иезуитским коллежем XVII в.

Лаваль — город на северо-западе Франции на реке Майен. Административный центр деп. Майен. Известен готическим собором Троицы XII в., старым замком графов Лавалей XI—XVI вв.

Ренн — город во Франции, бывшая столица французской исторической провинции Бретань. Известен многочисленными историческими памятниками, среди которых готический собор Богоматери (XI—XIV вв.), церковь Всех святых (XVII в.), бывшая часовня иезуитов.

Ван — город во Франции в устье реки того же названия, административный центр деп. Морбиан. Историческая резиденция герцогов Бургундских.

Мец — город во Франции в Лотарингии на реке Мозель. Административный центр деп. Мозель. Среди исторических памятников отмечаются собор св. Этьена XIV—XVI вв., церковь св. Клемента XVI—XVII вв., находившаяся в распоряжении коллежа иезуитов, церковь св. Мартена XV в.

Страсбург — город во Франции на реке Иль, близ Рейна. Административный центр деп. Нижний Рейн. Известен многочисленными средневековыми памятниками.

Руан — город и порт во Франции в 100 км от устья Сены. Административный центр деп. Нижняя Сена. Среди исторических памятников отмечаются готический собор XIII—XIV вв., церковь Сен-Маклу XV в., бывший коллеж иезуитов XVII в.

...Реформированной религии... — Реформация — религиозно-общественное движение XVI—XVII вв. в Западной и Центральной Европе против католической церкви, всякого рода злоупотреблений духовенства, индульгенций, чрезмерного развития обрядности, земельной собственности, обожествления папы и т. п. В основу ставится личная ответственность человека перед Богом. Церковь не только не способна приблизить человека к Богу, но также и не должна стремиться опосредовать эти отношения. Реформация связывается с именами Ж. Кальвина (1509—1564) во Франции, М. Лютера (1483—1546) в Германии. Она положила начало протестантизму, противопоставляющему себя католицизму и объединяющему различные самостоятельные церкви: лютеранство, кальвинизм, англиканскую церковь, методистов, баптистов.

С. 147. *Каждая доска...* — Имеется в виду техника ксилографии, или гравюра на дереве, когда в качестве основы для печатного оттиска служит доска, как правило, мягкой породы дерева. В зависимости от используемого среза различаются продольная и торцовая гравюры, возникшие в Западной Европе соответственно на рубеже XIV—XV вв. и XVIII—XIX вв. Самый характер гравирования на продольной доске значительно более сложный, чем на торцовой, приводит к обобщенно-лапидарным формам изображения. В отличие от других видов графики, гравюра на дереве выдерживает значительный тираж, доходящий до нескольких тысяч или десятков тысяч оттисков.

С. 148. *Людовик XIV* (1638—1715), прозванный Людовиком Великим, объявлен королем Франции в 1643 г. в возрасте 5 лет при регентстве матери — королевы Анны Австрийской и кардинала Мазарини. На время его правления приходится апогей французского абсолютизма. В 1685 г. отменил Нантский эдикт 1598 года, чем вызвал дальнейшую значительную утечку капиталов многочисленных протестантских семей, бежавших из страны в поисках убежища в Нидерландах, Англии, Швейцарии и других европейских странах.

Туринский ливр — монета, чеканившаяся в итальянском городе Турин и имевшая обращение во всей Западной Европе. Турин, столица Савойского герцогства (1563—1720) и Сардинского королевства (1720—1860), неоднократно брался штурмом французскими войсками (1640, 1796, 1798, 1800).

С. 149 *...семь Соединенных провинций.*— Подразумевается семь северных провинций Нидерландов, боровшихся против испанского владычества и за свободу вероисповедания (1566—1609). В нач. XVII в. обрели национальную независимость с республиканской формой правления. Стали называться Соединенными провинциями, иногда Голландской республикой или Голландией. Просуществовали до 1795 г.

...fas aut nefas... (лат.) — дозволенное (богами) или недозволенное, благочестивое и нечестивое.

С. 153. *Тулуза* — город и порт во Франции на реке Гаронна, бывшая столица Лангедока, административный центр деп. Верхняя Гаронна.

С. 155. *Ницца* — курортный город во Франции на берегу Средиземного моря. По причине мягкого климата один из самых посещаемых европейских городов в зимний период. В первой половине XIX в. известен своими пляжами, комфортабельными отелями, ресторанами.

С. 171. *Контрфорс* — архитектурный термин, обозначающий поперечную стенку или вертикальный выступ, укрепляющий основную несущую конструкцию, главным образом наружную стену.

Улица св. Франциска.— Улица носит имя христианского святого Франциска Ассизского (1182—1226), итальянского проповедника, основателя ордена францисканцев, автора мистических религиозных сочинений. Канонизирован римским папой Григорием IX. Праздник св. Франциска приходится на 4 октября, день смерти святого.

Улица св. Жерве.— Улица названа именем христианского святого Жерве, принявшего мученическую смерть со своим братом в 1 в. до н. э. Их праздник приходится на 19 июня, день перенесения мощей. В парижском квартале Отель-де-Виль имеется церковь св. Жерве, основанная в VI в., перестроенная в XIII и XVII вв.

С. 172. *Бельведер* — (от ит. «belvedere» — прекрасный вид) — надстройка над зданием, обычно круглая в основании, с которой открывается красивый вид на окрестности.

...по семи маленьких отверстий в форме креста.— Очередной намек на символическое значение числа «7» в романе.

С. 174. *...замечательный механизм замка флорентийской работы шестнадцатого века...*— В отличие от замков так называемой готической эпохи, замковые механизмы XVI в. испытали в Западной Европе существенные изменения. Они приобрели тщательно сделанные хитроумные зубчатые блокады, надежно охраняющие дверь или ларь от взлома. Сложный сундучный замок со множеством гнезд занимал порой всю внутреннюю полость крышки, скрываясь под искусно гравированными металлическими пластинами с богатым растительным или животным орнаментом. Замочная скважина нередко маскировалась, тогда как приделанная на ложном месте накладка со скважиной должна была запутать вора. Особенно ценилась работа мастеров из Флоренции, одного из центров итальянского Возрождения.

С. 175. *Рака* — ларец самых различных размеров в форме саркофага или церкви для хранения мощей христианских святых.

С. 176. *...сын наш, наш Авель...*— Назван именем библейского персонажа, сына Адама и Евы, убитого братом своим Каином из зависти.

...присудило его к ужасной пытке кнутом...— Многие французские дипломаты и путешественники, посетившие Россию в конце XVIII—начале XIX вв., были настолько поражены системой судопроизводства, особенно наказанием палкой и кнутом, что не могли не остановиться на мельчайших подробностях экзекуции в своих воспоминаниях. Граф де Сегюр (1753—1830), французский посол в России во времена правления Екатерины II, вспоминает с возмущением случай, когда по «собственному» распоряжению графа Брюса, губернатора Санкт-Петербурга, высекли повара-француза вместо бежавшего крепостного кухонного мужика. Французский дипломат и путешественник Фредерик Лакруа, автор книги «Тайны России» (1845), сравнивает кнут с гильотиной, поскольку в умелых руках палача он приводит нередко к смертельному исходу.

Что такое еврей?.. Существо, стоящее еще ниже крепостного...— По свидетельству Ф. Лакруа, автора книги «Тайны России» (1845), преследованию в России подвергались евреи и католики, в чем французскому путешественнику виделось полное нарушение свободы личности, свободы вероисповедания. По словам Лакруа, за неимением возможности обратить иноверцев в православие, Николай I помещал еврейских детей в подготовительные школы, где они крестились и воспитывались в «греческой вере».

С. 178. *...подземные ходы... до самой Сены и до катакомб...*— Речь идет об обширных катакомбах, бывших карьерах, сохранившихся в пределах городской черты Парижа до наших дней. «Для постройки Парижа приходилось брать камень в его окрестностях, а требовалось его немало... по мере роста города его предместья стали строиться на местах прежних каменоломен... дома стоят над пустотами. Не требуется особенно сильного толчка для того, чтобы все эти камни, с таким трудом извлеченные из недр на поверхность, снова очутились на прежнем месте... Все предместье Сен-Жак, улица Арфы и даже улица Турнон расположены над бывшими каменоломнями...» (Л.-С. Мерсье. Картины Парижа.— М.-Л.: Academia, 1935.— С. 30). В конце XVIII в. туда переносят захоронения старого парижского кладбища Невинных, а также многих парижских церквей. Подобного рода подземелья описаны Э. Сю в его романе «Парижские тайны».

С. 181. *Святейшая инквизиция* (от лат. inquisitio — розыск) — судебно-следственный орган католической церкви в XIII—XIX вв. для борьбы с ересью. Несмотря на то, что первоначально предполагалось использовать лишь средства так называемого «духовного» воздействия, трибуналы инквизиции прибегали тем не менее к разного рода изощренным пыткам водой и огнем в ходе тайного судопроизводства. Репрессии против иноверцев — евреев, мавров и подозрительных новообращенных — усилились к концу XV в., преимущественно в испанском городе Севилье, а затем и Арагонском королевстве. Широкое распространение получили аутодафе — публичные сожжения еретиков на костре. Инквизиция структурно оформилась в постоянно действующие трибуналы на местах и Верховный совет под предводительством Великого инквизитора. Деятельность святейшей инквизиции, ее сыска и судопроизводства, распространилась не только на европейские страны, но дошла и до пределов Индии и Африки, приобретая наиболее чудовищные формы в Испании и Португалии. Велико значение инквизиции в контрреформации XVI—XVII вв.

С. 184. *Рента* — регулярно получаемый доход с капитала, имущества или земли, не требующий от получателя предпринимательской деятельности. Исчисляется в процентах.

Куртаж — вознаграждение маклеру за посредничество в совершении сделки.

С. 187. *...удара молотка в ворота...* — История молотка на дверях или воротах церковных или светских строений, своеобразного праобраза современного звонка, уходит в раннее средневековье. Тем не менее молоток встречается на двери старинных особняков и церквей вплоть до середины XIX в. Наряду с классическим образцом в виде звериной маски с массивным кольцом в пасти распространение получил и «ренессансный» тип молотка с пластическими мотивами лиры, дельфинов, морской раковины, рога изобилия или растительного орнамента. Среди прочих романов XIX в., где еще встречается данный предмет житейского обихода, можно отметить «Записки Пиквикского клуба» Диккенса.

С. 200. ...дивные слова Спасителя: «Любите друг друга»... — Отсылка к Нагорной проповеди Иисуса: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матф. 5, 43—44).

С. 202. *...по закону...* — по аналогии с латинским оборотом jure divino — по божественному праву или jure humano — по человеческому закону.

С. 203. *...готовятся к великому апостольскому делу...* — По аналогии с деятельностью апостолов, учеников Иисуса Христа, страстных проповедников христианства, составивших ядро первохристианской общины.

С. 204. *...но всего важнее изучить букву христианского учения...* — находится в прямом противоречии со словами апостола Павла из Второго Послания к коринфянам: «Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» (3, 6).

С. 205. *Теология* (греч. theos — бог + logos — учение) — систематизированное изложение вероучения. Включает догматику, экзегетику, апологетику, гомилетику.

...религиозных битв... — подразумеваются крестовые походы (1096—1270) на Ближний Восток против «неверных» с целью освобождения «гроба Господня» и «святой земли» (Палестины), равно как и религиозные войны во Франции (1562—1594) между католиками и протестантами.

С. 207. *Compendium* (лат.) — сжатое суммарное изложение основных положений какого-либо учения.

С. 211. *Казуисты* — богословы, занимающиеся истолкованием общих догматических положений в схоластическом богословии применительно к частным случаям — так называемым казусам (от лат. «casus»). Применительно к этическим проблемам богословия казуистика является законченным формализованным учением о пределах и мере греха в самых различных ситуациях. Казуистика получила преимущественное развитие в католицизме в XVII—XIX вв., в том числе среди иезуитов.

Монах-картезианец — член католического монашеского ордена, получившего название по своему первому монастырю, основанному в 1084 г. близ Гренобля в местности Шартрез (лат. Cartusia). Орден отличается особо строгим уставом с отказом от мясной пищи и т. п.

С. 212. *...читай Санше...* — имеется в виду Тома Санше (1550—1610), иезуит, директор школы послушников в испанском городе Гранада, известный казуист, автор трактата «О браке» (De matrimonio), изданного в семи томах в Венеции в 1740 г.

Пострижение — христианский обряд обрезания волос при принятии монашества или посвящения в священнослужители.

С. 217. *...с падением законного короля...* — Речь идет о Карле X, брате казненного в Революцию Людовика XVI, правившего во Франции с 1824 по 1830 г. Свергнут Июльской революцией 1830 г.

С. 223. *Закон не признает нашего ордена...* — Иезуиты, действовавшие в период Реставрации 1814—1830 гг. под именем Отцов веры, были формально запрещены во Франции в нач. 30-х гг., тогда как процветавшие иезуитские коллежи в Монруже и Сент-Ашеле закрыты в 1828 г. как противоречившие существующему закону.

С. 226. *...братья штукатурной лопатки.* — Ироническое уподобление каменщиков членам тайного масонского общества, считавших себя братьями и помогавших друг другу независимо от социальной принадлежности и национальности. Общество масонов, или франкмасонов (в переводе с фр.— вольных каменщиков), возникло в Англии в нач. XVIII в., получив в дальнейшем широкое распространение в Европе, в том числе во Франции с 1732 г. Вся деятельность масонов подчинялась символике строительного дела, именно поэтому наиболее характерными эмблематическими изображениями стали мастерок, циркуль, наугольник, фартук. Несмотря на то, что основные понятия франкмасонства — «истина, нравственность, любовь к человечеству» — так или иначе совпадают с нравственными представлениями христианства, известная булла папы римского Климента XII от 28 апреля 1738 г. предала франкмасонов анафеме, хотя и не оказала никакого действия во Франции.

С. 228. *...штофная обивка...* — Обивка стен штофом, плотной одноцветной тканью с крупным растительным узором, получила распространение в Западной Европе в XVI—XVII вв. К нач. XVI в. первенство в художественном ткачестве переходит к Франции. Этому во многом способствует деятельность большого мастера текстиля из Лиона Клода Дангона, создателя станка, позволившего получить крупный и многоцветный узор, и основателя мануфактуры, вытеснившей привозимые ткани.

...*турецкий ковер*...— Турецкими, или анатолийскими, коврами называют обычно ковры из Малой Азии, традиция производства которых восходит к XIII—XIV вв. Среди основных центров ковроткачества отмечают такие города, как Смирна, Мелас, Ладик, Гиордес, Кула и др. Из малоазиатских, турецких, ковров особо выделяются ковры-антики, производство которых осуществлялось из шерсти и шелка для высшей знати и двора. Они были настолько мягкими — подчас более мягкими, чем персидские,— что использовались довольно часто в качестве покрывал и портьер.

...*кресла в строгом стиле Людовика XIV*...— в стиле барокко времен правления Людовика XIV с 1643 по 1715 г., характерной приметой которого становятся массивность форм, отказ от частностей в декоре, крупные обобщенные линии рисунка. Несмотря на различное исполнение кресел эпохи Людовика XIV, наибольшее распространение получает широкое величественное кресло с точеными конусообразными ножками, соединенными крестовиной, и широкой обитой спинкой, завершенной в виде полукружия. Наряду с орехом, используются также и экзотические древесные породы. Широко применяется золочение.

Шкаф-буль — характерный предмет мебели эпохи Людовика XIV, названный именем прославленного французского мастера Андре-Шарля Буля (1642—1732), оказавшего большое влияние на формирование стиля в области художественной мебели. В декорировке шкафа или комода Буль заменяет рельефный орнамент инкрустациями из довольно крупных пластинок панциря черепахи, олова и меди. Кроме того, используются также бронзовые чеканные накладки в виде человеческой маски или раковины с лучеобразными веточками.

С. 229. ...*канделябры... того же стиля*...— Канделябры, большие многорожковые подсвечники, изготовлялись в эпоху Людовика XIV, как правило, из золоченой бронзы, причем ведущая роль в европейском бронзовом литье XVII—XVIII вв. принадлежала Франции. Настольные и переносные канделябры украшались как растительным декором, так и фигуративными элементами, скульптурными изображениями мифологических божеств, героев древности и т. п.

...*часы того же стиля*...— На протяжении XVII в. изготовлялись круглые и угольные настольные часы, причем парадные часы исполнялись в золоченой бронзе, украшенной арабесками, изображениями планетарных богов, дельфинов, побегов растений и т. п.

...*венецианском зеркале*.— Венецианские зеркала, изготовленные из цельного хрустального стекла, получили известность в нач. XVI в. по прекрасным образцам братьев Андреа и Доменико с острова Мурано (близ Венеции), издавна славившегося производством роскошного стекла. Во второй половине XVII в. венецианские зеркала продолжают высоко цениться, хотя и начинают испытывать конкуренцию со стороны французских зеркальных заводов. Зеркало продолжает оставаться предметом роскоши. Это проявляется и в выборе соответствующей рамы. Для рассматриваемой эпохи характерна так называемая «рама Людовика XIV», богато украшенная цветочным орнаментом преимущественно по углам, а в случае больших рам и по середине. Особую известность получили рамы А.-Ш. Буля со знакомой системой инкрустации слоновой костью и черепахой.

...*в черную шагреневую кожу*...— Мягкая шероховатая кожа, выделываемая из козьих или овечьих шкур, с особым рисунком.

...*с медным замком*...— средневековая традиция оснащения книги замком продолжается еще и в XVII в.

С. 231. *Мадам де Севинье* (1626—1696) — автор известных «Писем» к дочери, впервые опубликованных в 1726 г. и выдержавших с тех пор свыше ста переизданий. Письма мадам де Севинье расцениваются в качестве прекрасного образца эпистолярной литературы эпохи французского классицизма. Более того, они представляют интерес и для истории нравов эпохи, являются свидетельством многочисленных событий при дворе Людовика XIV в Версале.

С. 238. *...за месяц до убиения Генриха IV.*— Генрих IV, король Франции с 1589 по 1610 г., убит 14 мая 1610 г. религиозным фанатиком — католиком Равальяком.

Равальяк Франсуа (1578—1610), убийца Генриха IV, был клерком, камердинером, школьным учителем, затем монахом-фельяном в Париже. Считал Генриха IV злостным врагом католической церкви, желавшим пойти походом против папы римского. Задержан на месте преступления. Четвертован 27 мая 1610 г.

Шатель Жан (1575—1594), сын парижского суконщика, пытавшийся убить Генриха IV в его покоях в 1594 г. Ударом ножа ранил короля в губу. Задержан на месте преступления и приговорен к четвертованию. Иезуиты, заподозренные в причастности к покушению, изгнаны из Франции решением парламента, хотя и возвращены вскоре повелением короля. Небезынтересно отметить, что в листовках, распространяемых сторонниками Лиги, Ж. Шатель выставлялся мучеником веры.

С. 249. *Венсан де Поль* (1576—1660) — французский священник, известный своим благочестием и благотворительной деятельностью, заботой о больных, сиротах и каторжниках. Неоднократно отказывался от продвижения в церковной иерархии. Канонизирован католической церковью. Праздник святого приходится на 19 июля. В Париже известна церковь св. Венсана, построенная в 1824—1844 гг. В 1833 г. в Париже создано общество Венсана, католическая благотворительная ассоциация, состоящая из светских лиц.

С. 284. *...восстановить легитимных государей...*— т. е. старшую ветвь династии Бурбонов, свергнутую Июльской революцией.

С. 288. *Холера.*— С марта по октябрь 1832 г. в Париже умерло от холеры свыше 18 тысяч человек. Холера свирепствовала по всей Европе, в том числе и в России. В письмах А. С. Пушкина из Болдина читаем: «Проклятая холера! Ну, как не сказать, что это злая шутка судьбы? Несмотря на все усилия, я не могу попасть в Москву; я окружен целою цепью карантинов, и притом со всех сторон, так как Нижегородская губерния — самый центр заразы». (А. С. Пушкин. Собр. соч. в десяти томах.— М.: Художественная литература, 1977. Т. 9. С. 345).

А. Бочкарев

и передано за несколько дней до его смерти в руки доносивших на него почтенных отцов-иезуитов. Укрывшись в потаенном месте, где он и покончил с жизнью, господин де Реннепон тайно призвал туда Самюэля и поручил ему крохи, оставшиеся от всех богатств: пятьдесят тысяч экю. Верный слуга должен был сохранить эту сумму и увеличивать ее, наращивая проценты; если у него родится сын — передать эту обязанность ему, а за неимением сына разыскать какого-нибудь честного родственника, который мог бы продолжать управление капиталом за приличное вознаграждение; таким образом, это дело должно было передаваться от родственника к родственнику до истечения полутораста лет. Кроме того, Исааку и его потомкам предоставлялось бесплатное жилье в доме на улице св. Франциска с обязательством охранять неприкосновенность особняка.

Если бы даже у Самюэля не было детей, то могущественный дух солидарности, часто объединяющий некоторые еврейские семьи, все равно позволил бы ему выполнить последнюю волю де Реннепона: родные Исаака разделили бы его чувство признательности к благодетелю, и они сами, так же как и их последующие поколения, самоотверженно исполняли бы долг, лежащий на одном из них. Но через несколько лет после смерти господина де Реннепона у Исаака родился сын. У этого сына, Леви Самюэля, увидевшего свет в 1689 году, от первой жены детей не было, но, будучи уже шестидесятилетним стариком, он женился во второй раз, и в 1750 году у него родился сын Давид Самюэль, теперешний хранитель дома на улице св. Франциска. В момент нашего повествования, в 1832 году, ему было уже восемьдесят два года, и, казалось, он доживет, по примеру своего отца, до девяноста трех лет. Закончим тем, что Авель Самюэль, которого так горько оплакивала Вифзафея, родившийся в 1790 году, умер под ударами русского кнута в возрасте 26 лет [1].

Установив скромную генеалогию, легко понять, что преемственное долголетие трех членов семьи Самюэля, оказавшихся вековыми хранителями замурованного дома и связавших век XIX с XVII, значительно упростило и облегчило выполнение последней воли господина де Реннепона.

---

[1] Немного выше (гл. I одиннадцатой части) Сю указывает в качестве даты смерти Авеля 19 октября 1826 года. Таким образом, если Авель родился в 1790 г., то в момент смерти ему должно было быть не 26, а 36 лет. Эта несообразность присутствует во всех изданиях «Агасфера», начиная с первого.

ББК 84Р7
К89

Редактор Е.С.Аверин
Художник В.В.Паршин

В.Кузьменко — кандидат медицинских наук, доцент кафедры патфизиологии и заведующий лабораторией нейробионики Львовского мединститута. У него более [illegible] научных работ и сорок изобретений в области сложных самоорганизующихся систем, т.е. искусственных нейронных сетей и систем искусственного интеллекта.

«Древо жизни» — первая [illegible] художественная публикация В.Кузьменко. Роман большой, состоит из [illegible] книг, каждая из которых может существовать самостоятельно, [illegible] тем они, конечно же, единое логическое целое. Автор исходит из того, что наша цивилизация — только одна из ветвей бесконечного Древа Вселенной, и знакомит нас, читателей, с другими побегами... И с нами самими... через 300—400 лет. Искусственный интеллект. — Сверхсложная Система — делает человека «бессмертным». Но и в этом он остается самим собой. И Разум — выше Сверхразума. Вечные темы Добра и Зла, Любви и Ненависти, Жизни и Смерти — главные герои романа. Написанный в форме приключенческой фантастики, он читается легко и приятно.

ISBN 5-85255-039-6

© Издательский центр «ТЕРРА», 1991
© «КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ», 1991

«И сказал Господь Бог: вот, Адам стал один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно»

(Первая книга Моисея «БЫТИЕ», стих 22)

Предисловие автора

Все живое смертно! Это истина, с которой не может примириться разум. Именно разум! Ибо разум познал бесконечность времени и, познав его, содрогается от ужаса перед бесконечным Ничто, которое ожидает его в его кратковременном пути, с которого он не может свернуть, зная при этом, что каждый шаг приближает его к этому всепоглощающему Ничто и ничто не может отвратить его встречу с ним. Как бы нас не отвлекали [illegible] заботы, волнения, радости, — мысль о смерти, она неизбежно снова и снова приходит к нам, к каждому из нас по разному: одним — неся неудовлетворение от несделанного, несовершенного, к другим — с острым чувством утраченного, к третьим — с щемящим животным страхом, от которого хочется куда-то спрятаться, подобно тому, как ребенок прячется на груди матери. Но всех, даже самоубийц, решивших покончить счеты с жизнью, чтобы уйти от Реальности; героев, сознательно жертвующих ею во имя идеалов, — всех без исключения посещает великий Страх перед небытием. Только одни побеждают его отчаянием, другие — душевным порывом самопожертвования.

Как только человек стал достаточно разумным, чтобы познать странность нашего мира и ожидающего его Ничто, он, чтобы сохранить свою психику от вечного страха перед ним, изобрел религию и мир потусторонней вечной жизни. Не буду утверждать, что только один страх перед неизбежным породил религию, но все-таки он играл, да и играет по сей день основную роль в создании человеком Всемогущего Защитника и Спасителя. Чем в данном случае человек отличается от малолетнего ребенка, для которого этим защитником является мать?

Бессмертие. Если оно и возможно, то оно не даруется, а создается! Человек должен сказать себе: я человек, я одинок в этом мире, и моя судьба зависит только от меня! Я хочу жить, хочу бессмертия не только роду человеческому, но и себе лично. Но я смогу, может

быть, добиться бессмертия, если мое бессмертие будет целесообразно. В том случае оно будет целесообразно, если мое бессмертие будет так же необходимо всему тому, что меня окружает, как и мне самому. Следовательно, надо искать такого бессмертия, которое не только даст мне все блага вечной жизни, блага нещемленные, но полноценные, с удовлетворением всех моих человеческих потребностей, как духовных, так и чисто биологических, но не только не принесет неудобства и вреда окружающему меня миру, а станет ему столь же необходимым, как и мне самому. Возможно ли это? Что я могу взамен предложить природе и Космосу? Только свой разум. Но если эта сделка еще не совершается, значит, товар мой еще не настолько качественный! Вот в чем суть вопроса. Не лежит ли ответ на него в самом разуме, в его развитии? Но каком? Развивается ли разум поступательно, как же он должен проходить стадии, каждая из которых отличается от всех предыдущих? Стоп! Стадии... Нет ли здесь коварства [illegible]? Ведь я, человек, даже в обмен на бессмертие не хочу терять [illegible] человеческого: ни своих эмоций, ни радости, ни доброты, ни жестокости, ни гнева, ни любви, ни страдания, ни наслаждения. Пусть [illegible] остается со мною! Я хочу жить вечно и не устающим от [illegible], не терять желаний. Только в этом случае я останусь человеком. Как это все соединить? Как достичь бессмертия, отдавая, но ничего не теряя?

Человечество в своем развитии идет по запутанному лабиринту. Впереди его ждет неизвестное. Тупик или выход? Можно ли сейчас понять, куда мы идем? Ведь выход один, а тупиков великое множество! Какой же путь предпочесть? Вновь вспыливает слово целесообразность. Если человечество живет только для себя, целесообразно ли оно? Мы существуем в Великой Самоорганизующейся Системе, именуемой Космосом. Космос в переводе обозначает порядок. Но порядок не создается сразу. Он возникает из Хаоса, и, раз он существует, следовательно, он развивается. Кто мы, носители разума, в этой огромной системе? Никому ненужные паразиты, живущие только для себя, или же этап и часть развития этой системы? Если мы сможем когда-нибудь ответить на этот вопрос, то мы ответим и на вопрос — целесообразно ли будет наше бессмертие в этой большой системе.

Р 2
М 39

Тексты печатаются по изданию:
В. Маяковский,
Полное собрание сочинений в тринадцати томах, тома 6,
Гослитиздат, М. 1957, 1958

Вступительная статья
Л. АРУТЮНОВА

Иллюстрации художников
Д. Моора, А. Герасимова

Смерть Ленина по
ными рядами рабоч
несколько раз прохо
вместе со всем наро
ого в истории пр
розные ночи у костр
ак бы заново просм
еспублики, создан
аргин.

Пролетарская ре
ленника и участника
е остывшая в лег
даемая революцион
рца, мыслителя, тво
во всех прошедших
го до последнего в
ье человечества, — в
астно входит в е
920) — первое стихот
ра веру славлю и в
эт. «Не верим в белы
л он в 1923 году, едва
ним!»).

Под непосредствен
лась поэма «Владимир
олненная скорби и м
вшая в себе и реквием
люции, и гимн будуще
себе».

7—1—2
34—66

6, 8,

ЭПОС РЕВОЛЮЦИИ

Смерть Ленина потрясла Маяковского. Вместе со скорбными рядами рабочих и солдат, крестьян и студентов несколько раз проходил он перед гробом вождя, пережил вместе со всем народом трагически великие дни небывалого в истории прощания. В эти бессонные, люто морозные ночи у костров возле Дома Союзов Маяковский как бы заново просматривал свою жизнь и жизнь своей республики, созданной гением и волей ленинской партии.

Пролетарская революция для Маяковского — современника и участника великих событий — огнедышащая, не остывшая в легендах история, небывалая новь, созидаемая революционным народом. И образ Ленина — борца, мыслителя, творца истории, образ «самого земного изо всех прошедших по земле людей», вся жизнь которого до последнего вздоха была отдана борьбе за счастье человечества, — всецело захватывает Маяковского, властно входит в его поэзию. «Владимир Ильич!» (1920) — первое стихотворение о Ленине: «Я в Ленине мира веру славлю и веру мою»,— провозглашал в нем поэт. «Не верим в белый бюллетень!» — страстно восклицал он в 1923 году, едва узнав о болезни Ленина («Мы не верим!»).

Под непосредственным воздействием жизни рождалась поэма «Владимир Ильич Ленин» (1924). Поэма, исполненная скорби и мужества, трагизма и счастья, обнявшая в себе и реквием о павшем вожде, и эпос всей революции, и гимн будущему. Поэма «о Ленине, о времени и о себе».

Она вместила в себя всю бурю чувств, переживаемых народом и планетой. Строфы ее вступления кажутся поэту «громоздкими», как необтесанные глыбы гранита, завезенные в мастерскую скульптора, который вновь и вновь представляет себе план монумента, прежде чем взяться за резец.

«Люди — лодки». Река жизни облепляет их бока «ракушками» и «водорослями» обыденного. Но есть люди как солнце, которое освещает все. Ленин — это солнце. Это и водитель человечества, и идеал человека: «Я себя под Лениным чищу, чтоб плыть в революцию дальше...»

Но у поэта сразу возникает страх сусального преувеличения, которое может только унизить великое: «Я боюсь, чтоб шествия и мавзолеи, поклонений установленный статут не залили б приторным елеем ленинскую простоту».

Люди привыкают к словам-«скорлупкам»: «эпоха», «пророк», «гений», «дар божий», «эра»... «Как же Ленина таким аршином мерить! — не соглашается Маяковский,— ведь глазами видел каждый всяк — «эра» эта проходила в двери, даже головой не задевая о косяк».

Маяковский явно полемизирует здесь с В. Брюсовым, создавшим, можно сказать, космический, лишенный реальных примет лик вождя.

Кто был он? — Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен...

«Эры», «эпохи», «волны времен» в своем вечном движении, беспрестанно сменяя друг друга, рушат и вновь созидают цивилизации, империи... Они-то, по мысли Брюсова, неотвратимо и закономерно рождают титанов исторического прогресса:

Мир прежний сякнет, слаб и тленен,
Мир новый — общий океан,—
Растет из бурь октябрьских Ленин
На рубеже, как великан.

Как видим, историзм Брюсова здесь чересчур абстрактен, чтобы раскрыть живые черты современности и ее героев.

Маяковский «распатывает» все прежние представления о «героической личности», которые оказываются несостоятельными в применении к Ленину. Поэт выступает против обывательских штампов-концепций, основанных

на противопос
Простой челове
маленькое и н
ственный вид»
которому долж
представления
ни меру истори

Но Маяковс
раза своего вел

«Застенчивы
С. Есенин в по
точные приметы
оказались слиш
крыть всю слож
кратизма. И Ес

...
Я
Сум

Ленин социм
изо всех проще
тех, кто глазом
тывая разом,—

«Он прост к
революции тру
стьян.

Я з

Не

Но

И с

Великий и
нин — солнце» н
искусстве воссоз
их в гармониче
исторической л

Маяковский
ется над сегодня
зиции времени,

---

[1] М. Горький
дат, М. 1952, стр.

на противопоставлении безликих масс и бого-вождя. Простой человек превращается в этом случае в нечто маленькое и незначительное, герой же обретает «царственный вид» и становится внечеловеческим идолом, которому должны поклоняться людские толпы. Такие представления не дают понять ни меру человеческого, ни меру исторического в великом человеке.

Но Маяковский и решительно против упрощения образа своего великого современника.

«Застенчивый, простой и милый...» — пишет о Ленине С. Есенин в поэме «Гуляй-поле». Казалось бы, он нашел точные приметы ленинской простоты. Но эти определения оказались слишком частными, будничными, чтобы раскрыть всю сложность, «универсальность» ленинского демократизма. И Есенин признается:

... Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?

Ленин соизмерим с простым человеком, «самый земной изо всех прошедших по земле людей», но вовсе «не из тех, кто глазом упирается в свое корыто. Землю всю охватывая разом,— видел то, что временем закрыто».

«Он прост как правда»[1]. Поэтому он и стал вождем революции трудящихся масс — рабочих, бедняков, крестьян.

Я знал рабочего.
Он был безграмотный.
Не разжевал
даже азбуки соль.
Но он слышал,
как говорил Ленин,
И он
знал — всё.

Великий и земной. Мудрый и обыкновенный. «Ленин — солнце» и ленинская простота. Как в поэтическом искусстве воссоздать эти разные грани облика, соединить их в гармоническом, но сложном единстве конкретной исторической личности?

Маяковский находит решение. Он словно бы поднимается над сегодняшним днем и с позиции будущего, с позиции времени, осмысливает судьбу, значение Ленина.

---

[1] М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 17, Гослитиздат, М. 1952, стр. 15.

История в своем трагически-противоречивом развитии в своем стремлении к гармонии рождает гениальных людей, познающих ее законы, видящих то, что «временем закрыто», умеющих «направлять потоки явлений». Но этой «волшебной» мощью наделяются лишь те ее «избранники», которые не только предвидят движение времени, но и движимы любовью к человеку, к массам, творящим эту историю.

Шагом *человеческим*,
рабочими руками,
собственною головой
прошел он
этот путь...—

путь вождя революции.

Простота и демократичность — неотъемлемые черты натуры истинно гениальной,— утверждает в своей поэме Маяковский.

Ленин не над массами, он — их мысль, разум, воля, надежда и учитель одновременно. Он частица великого народа — поэтому он прост и человечен. И народ чтит его как своего вождя и *любит*, как своего родного, близкого человека. И горе утраты — это личное горе каждого, оно тоже помогает воссоздать облик Ленина как вождя и земного человека.

Начав поэму «от себя», от своих личных переживаний, «слившись с горем и мужеством масс», поэт переходит к эпическому повествованию о «долгой жизни товарища Ленина»: «Далеко давным, годов за двести, первые про Ленина восходят вести».

Как на широком экране, развертываются монументальные кадры истории современного человечества. Революции, войны, Парижская коммуна...

Маяковский рисует гротескный образ «разбухшего и обдрябшего» капитализма, легшего «у истории на пути». Капитал «ежом противоречий рос вовсю», обнажая себя, свою античеловеческую природу. Но время «часы капитала крáло». Время «родило брата Карла», время родило Ленина. Кадры поэмы переносят нас в Россию. Народники, Александр Ульянов, первые рабочие кружки, стачки, демонстрации, революция 1905 года...

Чем ближе к современности, тем энергичнее ритм и эмоциональная насыщенность эпического повествования. Вместе с раскатами русской революционной бури вс

более укрупняется и в то же время становится конкретно-личным и образ Ленина. «Он персонификация и один из главных двигателей этого гигантского переворота, равного которому история не знала»[1],— сказал А. В. Луначарский.

Человек и вождь, мыслитель и практик — образ «наращивается» от быта к символу. От «незаметного Ленина», которого еще не знают по портретам, к вождю мирового революционного движения, создателю Советского государства. «Чернорабочий ежедневный подвиг» выливается в скупые, великие слова бессмертных ленинских декретов, потрясших мир. Встает как «простое делаемое дело недосягаемое слово — «социализм».

Вот на какое-то мгновение Маяковский показывает Ленина вблизи, выхватывая отдельные штрихи, характернейшие детали его облика. Глаз поэта-художника улавливает черточки обыкновенного в Ленине. Но тут же повествование переводится в иную плоскость: отдельные факты вырастают в гигантские обобщения, бытовые детали переключаются в исторический план. Обыкновенное, соотнесенное с временем, с эпохой, становится необыкновенным, исторически значимым, весомым. Со страниц поэмы встает мощная фигура «исторического» Ленина — вождя революции.

Коридор Смольного. Ленин «в какого-то парня в обмотках, лохматого уставил без промаха бьющий глаз»:

как будто
сердце
с-под слов выматывал,
как будто
душу
тащил из-под фраз.

В будничном, как будто даже «частном» разговоре Ильич угадывает то, что волнует всю Россию: «все раскрыто и понято... и крик крестьянский, и вопли фронта, и воля нобельца, и воля путиловца»

И еще. Эпическая картина России после Февральской революции 1917 года сменяется эпизодом знаменитой встречи Ленина на Финляндском вокзале. И сквозь тысячеголосый гул мы вдруг явственно слышим живого Ленина, его голос, его интонации. «Товарищи! — и над головами первых сотен вперед ведущую руку выста-

[1] А. В. Луначарский, Силуэты, М. 1965, стр. 47.

вил.— Сбросим эсдечества обветшалые лохмотья. Долой власть соглашателей и капиталистов!» Призыв к социалистической революции здесь равно принадлежит и Ленину и истории.

А. Безыменский в своей поэме «Владимир Ильич Ульянов» тоже подметил характернейшие детали облика Ленина: «он ростом вовсе не громаден, напротив — ростом даже мал», «любил детей», «с восторгом дулся в городки». Эти же весьма выразительные сами по себе детали, переведенные Маяковским в исторический контекст, как бы меняют самый масштаб изображения. «Цвел в битвах шахматной доски»,— пишет Безыменский о Ленине. Стратегом и тактиком революционной борьбы предстает Ленин-шахматист в поэме Маяковского: «...в люди выведя вчерашних пешек строй, становил рабочей — человечьей диктатурой над тюремной капиталовой турой».

Таким образом, все характеристики у Маяковского динамичны, «синтетичны». Ленин показан в его сложных взаимосвязях с массами, с партией, с классом. Так «про Ленина рассказ» вылился в биографию века, в биографию партии, биографию класса.

Внезапно апофеоз Ленина, партии, революции обрывается «стопудовой вестью» — с Ильичем удар... Эпос истории сменяется потрясающей по пронзительной силе чувства картиной прощания с вождем. Поэт вновь выступает от собственного лица, раскрывая в самом себе, в своих переживаниях, слитых с горем масс, идею ленинской гениальности и человечности. Он показывает любовь народа к Ленину, и тем самым любовь Ленина к людям. «Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным,— вспоминала Н. К. Крупская.— Никогда этого не говорил он сам...»[1]

Суровое начало реквиема — о несгибаемых «железных большевиках» — переходит к размерам похоронных маршей и революционных песен, к ритмам народных плачей. Каждая строчка пронизана — почти до физического ощущения — нестерпимой болью, страданием, пришедшим на смену первым слезам. Стонут от горя не только люди — «железные большевики», мужичонка, растерший на скуле слезу, рабочий у станка, но и улицы, и города, и камни, и все на земле.

---

1 «Правда», 27 января 1924 г.

Как и в прологе поэмы, возникает надежда на чудо, — «чтоб нам умереть, и его разбудят». Но нету чудес — «он был человек до конца человечьего — пел и казнись тоской человечьей».

И все же чудо свершается! Люди объединяются ради жизни и будущего, к которому взывал и взывает бессмертный Ленин. Еще гроб его красный плыл «на спинах рыданий и маршей» к Дому Союзов, «еще в караул вставала в почетный суровая гвардия ленинской выправки», а тысячи людей «впечатаны во всю длину и Тверской и Димитровки». И это не просто прощание — это демонстрация солидарности и братства трудящихся перед лицом всеобщей утраты и горя.

Накал страдания достигает предела, трагедия разрешается возвышением, очищением, просветлением личности, чувствующей себя частицей передового человечества, знаменем которого навсегда стал Ленин.

Я счастлив,
что я
этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз.
Сильнее
и чище
нельзя причаститься
великому чувству
по имени —
класс!

Мощная стихия лиризма, захватывающая финал поэмы, делает читателей духовными соучастниками «величайшей эпопеи», одновременно трагической и оптимистической. В горе и скорби лирического героя поэмы отлились чувства миллионных масс, воплотивших в себе человечность революции и ее вождя. Так через личное начало утверждается величие Ленина.

Ленин раскрывается в поэме не только в своей глубокой и сложной сущности, как человек и герои новой эпохи, но и как идеал человечности и гражданственности. Смерть вождя становится его последним декретом, призывающим к мужеству, единству, стойкости и любви, а сам реквием превращается в грандиозный хорал революции, бессмертию ленинского дела и Ленина, растворившегося в миллионах.

Уже
над трубами
чудовищной рощи,
руки
миллионов
сложив в древко,
красным знаменем
Красная площадь
вверх
вздымается
страшным рывком.
С этого знамени,
с каждой складки
снова
живой
взывает Ленин:
— Пролетарии,
стройтесь
к последней схватке!
Рабы,
разгибайте
спины и колени!

Поэзия первых лет революции показывала героический характер эпохи преимущественно в плакатно-обобщенном образе абстрактных «масс» и «множеств», как бы вне конкретной личности, вне индивидуального человеческого характера. Ярким примером тому может служить поэма Маяковского «150 000 000», в которой былинный богатырь Иван олицетворяет весь многомиллионный русский народ.

В произведениях 20-х годов («Чапаев» Д. Фурманова, «Железный поток» А. Серафимовича и др.) новая социалистическая эпоха раскрывает свое содержание в образе конкретной человеческой личности. В поэме «Владимир Ильич Ленин» живой человеческий характер дан через лиро-эпическое восприятие исторического процесса. В единстве поэтического образа совмещено земное и идеальное, историческое и человеческое. Лирическое начало, воплощенное в личности поэта, служит более глубокому воссозданию великой эпохи. Лирическое «я» организует эпическое повествование, соединяя в единстве образы истории, вождя, поэта.

Лирическая тенденция становится доминирующей в другой поэме о революции — в «Хорошо!», главным героем которой становится сам поэт.

«Живым итогом *ленинской* жизни», его идей и свершений прозвучала эта поэма, написанная к десятилетию

Октябрьской рев
только поэма «Ле
История пока
а жизнь лириче
в жизнь истории
и о себе».
Это поэма о че
творящем заново
поэмы как бы во
используемым в
мир и человека
дня творения: «
План всему
ление — Маяково
бранного им жа
первый принцип
ального опыта с
лирического геро
ми, равнозначны
им творимом, дв
Пафос «факта
но-протокольной
права поэта «пр
свой личный опы
ма, взволнован
сопричастности
эпосов, ни эпо
же переходит в
подобно радиом
Это
это
Это
или
Построение
почти кинемато

[1] В. Шклов

Октябрьской революции. В этом смысле «Ленин это не только поэма «Ленин». Это и поэма «Хорошо!»[1].

История показана в ней сквозь личные ощущения, а жизнь лирического героя на равных правах входит в жизнь истории. Лирический эпос говорит «о времени и о себе».

Это поэма о человеке, в радостном единстве с народом творящем заново себя и свое новое отечество. Название поэмы как бы восходит к библейским образам, широко используемым в поэзии первых лет революции: создавая мир и человека, Саваоф восклицал в конце каждого дня творения: «И это было хорошо!»

План всему произведению дает первая главка-вступление — Маяковский определяет границы и характер избранного им жанра повествования. Опора на факт — его первый принцип. Но все факты исходят из индивидуального опыта самого поэта. Судьба революции и судьба лирического героя потому становятся одинаково важными, равнозначными. Судьба героя — это и судьба эпохи, им творимой, движущейся вместе с ним.

Пафос «факта» не есть защита Маяковским равнодушно-протокольной фактографичности. Это провозглашение права поэта «пропускать» эпоху через свое сердце, через свой личный опыт. Факт рождает мощную стихию лиризма, взволнованную стихию эмоционального соучастия, сопричастности ко всему. Полемическое — «ни былин, ни эпосов, ни эпопей. Телеграммой лети, строфа!» — здесь же переходит в программу сердца, вбирающего в себя подобно радиомачте все волны и позывные времени.

Это время гудит
телеграфной струной,
это
сердце
с правдой вдвоем.
Это было
с бойцами,
или страной,
или
в сердце
было
в моем.

Построение сюжета, смена планов и кадров в поэме почти кинематографические, в них есть сценическая

[1] В. Шкловский, Жили-были, М. 1966, стр. 397.

лированность. Впрочем, это и не удивительно: она ведь и создавалась для театра.

Всё в поэме — и люди и события — имеет свой собственный, личный голос. В этом смысле поэма чрезвычайно многоголоса. Каждый герой непосредственно себя проявляет, раскрывает свою сущность. Конечно, поэт «помогает» своим героям «раскрыться», внося саркастические, иронические или, наоборот, героико-патетические интонации в их «характеристики». Поэт — главный герой поэмы, это его голос «ведет» все повествование.

С первых страниц поэмы Маяковский вводит читателя в атмосферу предоктябрьских событий. Все отчетливее и громче звучат голоса недовольных Февральской революцией народных масс, на историческом распутье ищущих дорогу к подлинной социальной справедливости. Это гул великого народного океана, в котором зреет бунт, из которого «выплупляются» голоса, мысли, слова протеста и обновления. Это почва грядущей революции, сотрясаемой подземными толчками истории, это стихия, которую нельзя унять, обуздать, преодолеть, ее можно только возглавить и повести вперед.

И как контраст этой нерасторжимой стихии — ложные, хотя и официальные герои эпохи: министры и сам лидер Временного правительства, политиканы буржуазных и мелкобуржуазных партий, белое офицерье, мечтающее задушить народ, восстановить «единую и неделимую Россию».

Третья глава, посвященная Керенскому, построена на открытой и прямой иронии, местами даже снисходительной — слишком уж балаганной представляется Маяковскому марионетка истории на фоне надвигающейся великой революции. К чему тратить на нее заряды гневного сарказма, когда достаточны шпильки насмешливой иронии. Так, претензии Керенского на роль Наполеона, к которой он явно, хоть и безуспешно, тянется, осмеиваются с помощью пародийного сопоставления с известным стихотворением Лермонтова «Воздушный корабль». Маяковский все-таки оставляет своему герою «аплодисментный плеск»: «... и дамы, и дети-пузанчики кидают цветы и розáнчики». Но здесь иронизирует уже сама рифма. За «огнесловой лавой» словоохотливого калифа на час, считающего себя революционером, поэт видит и вскрывает его антинародную политическую сущность. Вождь социалистов-революционеров смыка
вещательных п
В сатирическ
ница правой с
ковский народ
вора Татьяны
нянь» — Милю
ной партии, ст
хической Росс
ковой (Татьяно
и радость по
ренскому) рас
союз, основа
их корыстное
Николае и пр
Авторское
в непосредств
самого поэта,
ках, завершаю
«передоверяет
Разговор оф
возвращении
ческом преуве
враги. Поэт
прямое высту
пролетариата
Маяковски
емкого и уни
характер, обр
в нескольких
образ Ленина
зодах, а чита
ствие вождя,

ционеров смыкается с реакцией и буржуазией. От широковещательных программ остаются одни клочки бумаги.

В сатирической манере показана и представительница правой социал-демократии «мадам Кускова». Маяковский пародийно переосмыслил сцену ночного разговора Татьяны с няней из «Евгения Онегина». «Усастый нянь» — Милюков, лидер кадетов, либерально-буржуазной партии, стремящейся сохранить все порядки монархической России. Трогательное единение его с мадам Кусковой (Татьяной), которая олицетворяет «левые» партии, и радость по поводу любви «старушки» к Сашке (Керенскому) раскрывает их тройственный беспринципный союз, основанный на ненависти к народным массам, их корыстное единение со всеми силами реакции. При Николае и при Саше мы сохраним доходы наши.

Авторское отношение к героям выявляется не только в непосредственных репликах, иронических интонациях самого поэта, его голос прорывается в итоговых концовках, завершающих каждую главку. Иной раз Маяковский «переговоряет» эту личную интонацию самим героям. Разговор офицеров, мечтающих о твердой власти и возвращении прежних порядков, не нуждается в сатирическом преувеличении. Все и без того ясно. Они открытые враги. Поэт противопоставляет им такое же открытое и прямое выступление представителей боевого питерского пролетариата.

Маяковский достигает в поэме вершин чрезвычайно емкого и универсального лаконизма, когда человеческий характер, образ или историческое явление раскрываются в нескольких очень точных характернейших деталях. Так, образ Ленина нарисован в поэме всего в нескольких эпизодах, а читатель словно бы физически ощущает присутствие вождя, реально представляет его роль в революции.

Сам
приехал,
в пальтишке рваном,—
ходит,
никем не опознан.
Сегодня,
говорит,
подымаяться рано.
А послезавтра —
поздно.

Наступает последняя ночь перед штурмом. В «экспозиции» поэмы дана картина предреволюционной России, изображение здесь скачкообразно «движется» по многим плоскостям, выхватывая, подобно лучу прожектора, самые разные эпизоды исторических событий, чтобы, собрав их все в фокусе, переключить, сосредоточить на главном — приступе Зимнего дворца. Кадры поэтохроники быстро сменяют друг друга. В каждом из них свой ритм и интонация. Вот задорная поступь марша-частушки, под которую идут кронштадтцы, вот опять комический Керенский — «тихий, вроде упакованной трубы»,— он улепетывает в автомобиле, вот «надвигаются кексгольмцы», вот в Смольном «Ильич гримированный мечет шажки».

Отряды дошли до Зимнего. Возникает обобщенный символ — «руки сошлись на горле холеном горле дворца». Два мира встали «лоб в лоб». Наступило молчанье перед взрывом. Размеренный лад движущихся к Смольному красных отрядов, шепоток перегрусивших министров, исполненный в насмешливо-фельетонной манере, взрывается по сигналу-выстрелу «Авроры». Начинается штурм — неистовая буря вздымает строки поэмы, и каждый — и поэт, и матросы, и читатель — становится его участником.

Долой!
На приступ!
Вперед!
На приступ! —
Ворва́лись.
На ковры!
Под раззолоченный кров!
Каждой лестницы
каждый выступ
брали,
перешагивая
через юнкеров.

И эту героико-патетическую панораму людской лавины, неудержимо несущейся по ступеням и анфиладам дворца, Маяковский вдруг перебивает крупным планом — возникает кадр с путиловцем, который «нежней папаши» отбирает у какого-то «смущенного сукина сына» ворованные часы,— «часы теперича наши!». Перед нами не только живой характер, но и целая программа жизнедеятельности, новой морали, основанной на правде и чести. И сразу после этого поэтическая «кинокамера» переносится

в зал, куда забились насмерть перепуганные министры Временного правительства, «тринадцать визгов: — сдаваться! Сдаваться!»

А в двери —
бушлаты,
шинели,
тулупы...
И в эту
тишину
раскатившийся всласть
бас,
окрепший
над реями рея:
«Которые тут временные?
Слазь!
Кончилось ваше время».

Их время кончилось, наступило настоящее время, и поэт выходит на авансцену сам — потому что это и его время.

Ритм и интонация стихов, воссоздающих эту первую ночь после напряжения невиданной схватки, полную ощущения усталости и покоя, надежд и раздумий, подготавливает эпизод встречи поэта с Блоком.

Огонь
пулеметный
площадь остриг.
Набережные —
пусты.
И лишь
хорохорятся
костры
в сумерках
густых.

Глядя на костры, Блок говорит: «Очень хорошо»,— и добавляет смущенно: «Сожгли... у меня... библиотеку в усадьбе». Маяковский не принимает мотива сожаления о прошлом. Раздвоение нетерпимо в революции. Он принимает революцию всю — какая она есть,— с железным ритмом поступи рабочих отрядов, с анархической вольницей крестьян, равняющихся на Стеньку Разина и Пугачева, ибо знает — «этот вихрь, от мысли до курка, и постройку и пожара дым» партия направит и построит в ряды сознательных борцов. Партия действует на массы силой собственного примера, примером новых человече-

ских отношений. И поэт воспевает коммунистические субботники — первые ростки коммунизма, воспевает новое отношение к отечеству. Оружию, жестокости контрреволюции противопоставляются человечность, братство, нежность, правда. Они оказываются сильнее дредноутов, танков, штыков, всей машины мировой реакции. Маяковский превращается в страстного публициста-обличителя — «Будьте вы прокляты, прогнившие королевства и демократии,со своими подмоченными «фратэрнитэ» и «эгалитэ»». Воссоздавая картину защиты социалистического отечества, поэт, наоборот, прибегает к самым интимным интонациям. Революцию отстаивает любовь и сплоченность. Перед нами трудный быт героической эпохи, проведенный сквозь личный опыт поэта. Повествование наполнено лиризмом, добродушным юмором и проникнуто любовью, человеческой добротой, душевной стойкостью.

Вот обычный московский дом слушает с «копейками в окне» песню о Трансваале. Эпизод как будто бытовой, но полон проникновенного лиризма, близкого светловскому «Гренаде»: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать».

Маяковский тонко использует добродушную иронию в описании уже прошедших, преодоленных трудностей: «Мне легше, чем всем,— я Маяковский. Снижу и ем кусок конский»; «Вхожу с бревном в обнимку»,— значит, его друзья будут в тепле.

Общие трудности не только сближают людей, не только делают их добрее и чище. Ведь они переносятся во имя победы революции. И рождаются патетические строки, полные высокой, нежной любви к родине и людям:

Я
землю
эту
люблю.
Можно
забыть,
где и когда
пузы растил
и зобы,
но землю,
с которой
вдвоем голодал,—
нельзя
никогда
забыть!

Любимая забо
на теплота, нужн

Ставшие знам
просто факт личн
ях. Две морковн
ради которого она
не мыслит себя. В
блюдца, смотрят

Любовь и ре
переходят друг
вновь себя обрет

Поэтому-то вся
ниях, победах, в
как личное и гр

Поэма кончает
«земле молодости
кипучей буче» ко

«Я» поэта ста
«Моя революц
ковского наибол
поэта и мира. Не
дата и творца; н
открытость всем
се грозовые раз

В политическ
один цвет — «цве
которому мерил
вождение.

Любимая заболевает от голода. Врач сказал: «Нужна теплота, нужна зелень».

Не домой,
не на суп,
а к любимой
в гости.
две
морковники
несу
за зеленый хвостик.

Ставшие знаменитыми «две морковники» — это не просто факт личной биографии, это факт биографии эпохи. Две морковники возвращают революции человека, ради которого она свершилась и без счастья которого она не мыслит себя. Выхоженные ими глаза любимой — «больше блюдца, смотрят революцию».

Любовь и революция становятся равнозначны, они переходят друг в друга, друг в друге растворяются и вновь себя обретают.

Поэтому-то вся новая жизнь, в ее трудах, боях, поражениях, победах, воспринимается и превозносится поэтом как личное и гражданское счастье.

Поэма кончается гимном социалистическому отечеству, «земле молодости», юной республике Советов, «в боевой, кипучей буче» которой жизнь прекрасна и удивительна:

И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!

«Я» поэта становится голосом миллионов.

«Моя революция!» — эта замечательная формула Маяковского наиболее полно раскрывает взаимоотношения поэта и мира. Не бесстрастность летописца, но ярость солдата и творца; не замкнутость жреческой келейности, но открытость всем бурям эпохи, концентрирующая в себе ее грозовые разряды.

В политическом спектре эпохи Маяковский избрал один цвет — «цвет моих республик», цвет революции, по которому мерил и «стихов сорта», и самого себя, и все мироздание.

Через стихию лиризма, через глубоко личное, через саму любовь происходит у Маяковского утверждение Октябрьской революции, социалистического отечества, нового человека.

«Это Октябрьская революция, отлитая в бронзу» — так сказал А. В. Луначарский о поэме «Хорошо!».[1] И это о всей поэзии Маяковского.

Л. Арутюнов

ВЛА

[1] «Литературное наследство», т. 65, М. 1958, стр. 322.

ББК 84.4
К 42

Составитель
Ю. И. Кагарлицкий

Рецензент
канд. филол. наук Е. Ю. Гениева

Тексты рассказов, стихов и сказок Р. Киплинга печатаются по изданиям:

1. ⟨Редьярд⟩ Киплинг. Рассказы. Academia, 1936.
2. Оскар Уайльд. Стихотворения. Портрет Дориана Грея. Тюремная исповедь. Редьярд Киплинг. Стихотворения. Рассказы. БВЛ. Т. 118. М., 1976.
3. Редьярд Киплинг. Избранное. Л., 1980.
4. Почти как в жизни. Английская сказочная повесть и литературная сказка. М., 1987.

Редьярд Киплинг

К 42 Рассказы. Стихи. Сказки / Сост., предисл., коммент. Ю. И. Кагарлицкого.— М.: Высш. шк., 1989.—383 с.
ISBN 5-06-000856-8

В сборник замечательного английского писателя конца XIX — начала XX века Редьярда Киплинга включены наиболее значительные рассказы, стихи, сказки, написанные им в разные годы.

Издание снабжено предисловием, комментарием, а также словарем восточных слов, встречающихся в произведениях Р. Киплинга.

К $\frac{4306020400 - 308}{001\ (01) - 89}$ Без объявления. 1989.

ББК 84.4
8И

ISBN 5-06-000856-8

© Составление, вступ. статья, комментарий, словарь вост. слов, оформление. Издательство «Высшая школа», 1989

СОДЕРЖАНИЕ

Редьярд Киплинг. *Вступительная статья Ю. И. Кагарлицкого* 3

Рассказы

«Ворота Ста Печалей». *Пер. М. Клягиной-Кондратьевой* 55
Санс мисс Юэл. *Пер. М. Клягиной-Кондратьевой* 60
Лиспет. *Пер. М. Клягиной-Кондратьевой* 65
Арест лейтенанта Голайтли. *Пер. М. Клягиной-Кондратьевой* 69
Поправка Тодда. *Пер. В. Паперно* 73
Бегство Белых Гусар. *Пер. М. Клягиной-Кондратьевой* 78
Дело о разводе супругов Бронкхорст. *Пер. М. Клягиной-Кондратьевой* . . 86
Дочь полка. *Пер. Э. Линецкой* 91
Свиньи. *Пер. М. Клягиной-Кондратьевой* 95
Хранить как доказательство. *Пер. И. Разумовской и С. Самостреловой* . . 101
Безумие рядового Ортериса. *Пер. Н. Рахмановой* 107
Суд Дангары. *Пер. М. Клягиной-Кондратьевой* 113
В наводнение. *Пер. Н. Лебедевой* 120
На городской стене. *Пер. М. Клягиной-Кондратьевой* 127
Город Страшной Ночи. *Пер. М. Клягиной-Кондратьевой* 146
И вырыли яму. *Пер. И. Брусянина* 151
Путешествие Новобрачной. *Пер. М. Клягиной-Кондратьевой* 154
Без благословения церкви. *Пер. П. Комаровой* 160
Ночные часы. *Пер. М. Клягиной-Кондратьевой* 180
Один из взглядов на вопрос. *Пер. М. Клягиной-Кондратьевой* 185
Великая перепись. *Пер. М. Клягиной-Кондратьевой* 198
«Они». *Пер. В. Хинкиса* 201

Стихи

Моральный кодекс. *Пер. Я. Берлина* 225
«Серые глаза — рассвет...» *Пер. К. Симонова* 226
Моя соперница. *Пер. Г. Симановича* 227
«Мэри Глостер». *Пер. А. Оношкович-Яцыны и Г. Фиша* 228
Дурак. *Пер. К. Симонова* 233
Дамбы. *Пер. И. Гринольца* 234
Томлинсон. *Пер. А. Эппеля.* 235
Денни Дивер. *Пер. И. Гринольца* 241
Томми. *Пер. И. Гринольца* 242
Бремя белого человека. *Пер. А. Сергеева* 243
Последняя песня Честного Томаса. *Пер. Арк. Штейнберга* 244

Секрет машин. *Пер. А. Эппеля* 248
Ныль. *Пер. А. Оношкович-Яцыны* 250
Если... *Пер. С. Маршака* 251
Сассекс. *Пер. В. Потаповой* 251
«Гомер все на свете легенды знал...» *Пер. А. Щербакова* 254
Баллада о Востоке и Западе. *Пер. Е. Полонской* 254
Мандалай. *Пер. И. Грингольца* 258
Просьба. *Пер. Вяч. Вс. Иванова* 260
Легенда о зле. *Пер. А. Оношкович-Яцыны* 260
Дворец. *Пер. А. Оношкович-Яцыны* 261

Сказки

Из «Книг джунглей» 265
Рикки-Тикки-Тави. *Пер. К. Чуковского, стихи в пер. С. Маршака* 265
Чудо Пуран Бхагата. *Пер. Г. Островской* 278
Закон джунглей. *Пер. В. Топорова* 289
Дорожная песня Бандар-Логов. *Пер. В. Лунина* 291
Сборник «Просто сказки» 293
Откуда у кита такая глотка. *Пер. К. Чуковского, стихи в пер. С. Маршака* . 293
Отчего у верблюда горб. *Пер. К. Чуковского, стихи в пер. С. Маршака* . . 298
Откуда у носорога такая шкура *Пер. К. Чуковского, стихи в пер. С. Маршака* 301
Как леопард стал пятнистым. *Пер. Р. Померанцевой* 303
Слоненок. *Пер. К. Чуковского, стихи в пер. С. Маршака* 308
Сказание о старом кенгуру. *Пер. Р. Померанцевой* 316
Откуда взялись броненосцы *Пер. К. Чуковского, стихи в пер. С. Маршака* . 319
Как было написано первое письмо. *Пер. К. Чуковского, стихи в пер. С. Маршака* 325
Как был придуман алфавит. *Пер. Р. Померанцевой* 332
Краб, который играл с морем. *Пер. Р. Померанцевой* 341
Кошка, гулявшая сама по себе. *Пер. К. Чуковского, стихи в пер. С. Маршака* 349
Мотылек, который топнул ногой. *Пер. К. Чуковского* 358

Словарь слов из восточных языков, встречающихся в произведениях Р. Киплинга 367

Комментарий 373

СОДЕРЖАНИЕ

СБОРНИК «РАССКАЗЫ» 1845

Золотой жук. *Перевод А. Старцева* 7
Черный кот. *Перевод В. Хинкиса* 40
Месмерическое откровение *Перевод В. Неделина* . . . 49
Низвержение в Мальстрем. *Перевод М. Богословской* . . 60
Беседа Моноса и Уны. *Перевод В. Гогова* . . . 76
Убийства на улице Морг *Перевод Р. Гальпериной* . . . 85
Тайна Мари Роже *Перевод И. Гуровой* 116
Похищенное письмо. *Перевод И. Гуровой* . . . 163
Человек толпы *Перевод М. Беккер* 182

ПОВЕСТЬ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ АРТУРА ГОРДОНА ПИМА. *Перевод Г. Злобина* 193

Комментарии 347

По Эдгар Аллан

П 41 Собр. соч. в [illegible] Т. 3. Проза: Перев. с англ. [illegible]. Оф. Ю. Бажанова.— М.: Пресса, 19[illegible]
ISBN 5—253[illegible]

В третий том Собрания сочинений Эдгара Аллана По вошли произведения, представляющие [illegible] цикл «Рассказов» (1845), такие, как «Тайна Мари [illegible] письмо», и относящиеся к последнему периоду [illegible].

Сборник [illegible] романтической прозой — «Повестью о приключениях Артура Гордона Пима», фантастической историей путешествий в Южные моря

П $\frac{4703040100—2661}{080(02)—93}$ 2661—91 84.7 США

Литературно-художественное издание

ПО ЭДГАР АЛЛАН

Собрание сочинений в четырех томах

Том 3

ПРОЗА

Редактор Г. Ф. Фролова
Художественный редактор И. С. Захаров
Технический редактор К. И. Заботина

ИБ 2661

Сдано в набор 08.12.92. Подписано в печать 29.03.93. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 19,11. Уч.-изд. л. 20,32. Тираж 500 000 экз. Заказ 2268. Цена 10 руб.

Набрано и отпечатано в типографии издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ЗОЛОТОЙ ЖУК

Впервые опубликовано в газете «The Dollar Newspaper» (Филадельфия) 21 и 28 июня 1843 г.

На русском языке впервые в «Новой библиотеке для воспитания», изд. П. Редкиным, кн. 1. Москва, 1847 (цензурное разрешение 16 ноября 1846 г.).

С. 7. *«Все не правы»* — комедия английского драматурга Артура Мерфи (1727—1805), премьера которой состоялась в Дрюрилейнском театре (Лондон) 15 июня 1761 г. Согласно старому поверью укус тарантула вызывает болезнь тарантизм, характеризующуюся беспрерывным и безумным танцем. Однако приведенные в эпиграфе слова отсутствуют в печатном тексте комедии А. Мерфи и, вероятно, записаны По по памяти на основе спектакля, который он видел в Нью-Йорке.

Форт Моултри — в этом форте По провел более года во время своей службы в армии США (с 18 ноября 1827 г. до 11 декабря 1828 г.).

С. 8. *Сваммердам* Ян (1637—1680) — голландский естествоиспытатель, известный своими исследованиями насекомых. Его «Всеобщая история насекомых» (1663) была переведена с латинского на английский язык в 1758 г.

С. 10. *Жук — человеческая голова.* — Считается, что По придумал своего золотого жука, похожего на череп, рассматривая один из номеров журнала «Сэтерди Мэгезин» (25 августа 1832 г.), где был изображен жук, напоминающий череп. Американские энтомологи, специально занявшиеся этим вопросом, полагают, что По соединил в своем описании приметы двух различных видов жуков, обитающих на Юге США.

С. 29. *Цафра* — голубой пигмент, используемый для рисунков на стекле и фарфоре.

С. 30. *Кидд* Вильям (ок. 1650—1701) — капитан британского флота, ставший пиратом. Арестован в Бостоне и повешен в Лондоне. По преданию, он зарыл в разных местах американского побережья, особенно в устье Гудзона, награбленные сокровища. Этой теме посвящены рассказы В. Ирвинга о кладоискателях в его книге «Рассказы путешественника» (1824).

С. 31. *Голконда* — город в Индии, вблизи Хайдарабада, знаменитый драгоценными камнями.

С. 32. *Испанские моря* — район Карибского моря, место наибольшей активности морских пиратов.

ЧЕРНЫЙ КОТ

Впервые опубликовано в журнале «Saturday Evening Post» (Филадельфия, в 1843—1845 гг. выходил под названием «The United States Saturday Post») 19 августа 1843 г. Последнее прижизненное издание в книге рассказов По 1845 г. Перепечатано в журнале «The Pictorial National Library» (Бостон) в ноябре 1848 г.

На русском языке впервые в журнале «Время», январь 1861 г.

МЕСМЕРИЧЕСКОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Впервые опубликовано в журнале «The Columbian Lady's and Gentleman's Magazine» (Нью-Йорк) в августе 1844 г.

На русском языке впервые в 1-м томе собрания сочинений По в переводах М. А. Энгельгардта. СПб., 1896.

С. 49. *Месмеризм* — см. примеч. к с. 162, Т. 4.

С. 50. *Кузен* Виктор (1792—1867) — французский философ-идеалист, эклектик, автор восьмитомного «Курса истории философии» (1815—1829). Утверждал, что любая философская система может быть создана из «истин», содержащихся в различных учениях.

Браунсон Орест (1803—1876) — американский писатель и философ, участник кружка трансценденталистов, автор автобиографической книги «Чарлз Элвуд, или Обращенный вероотступник» (1840). Один из разделов статьи По «Автографы» (1841) посвящен Браунсону.

Тринкуло — шут в «Буре» В. Шекспира (III, 2). Говоря о Тринкуло, По допускает неточность, ибо у Шекспира речь идет о королевстве Стефана.

С. 59. *Азраил* — см. примеч. к с. 116, Т. 2.

НИЗВЕРЖЕНИЕ В МАЛЬСТРЕМ

Впервые опубликовано в журнале «Graham's Lady's and Gentleman's Magazine» (Филадельфия) в мае 1841 г. 26 мая 1849 г. в журнале «Boston Museum» появилась неавторизованная перепечатка рассказа.

На русском языке впервые в журнале «Библиотека для чтения», октябрь 1856 г., под названием «Спуск в Мельстром».

С. 60. *Мальстрем* — водоворот у северо-западного побережья Норвегии. По использовал сведения из Британской энциклопедии, позднейшие издания которой ссылались уже на По при описании водоворотов.

...Демокритова колодца. — См. примеч. к с. 113, Т. 2.

Гленвилл — см. примеч. Цитата взята из книги Дж. Гленвилла «Эссе о некоторых важных вопросах философии и религии» (Лондон, 1676, с. 15). В первой публикации рассказа эпиграф отсутствовал.

С. 61. *...в суровом краю Лофодена.* — Скалистые и безлесные Лофоденские (или Лофотенские) острова расположены у северо-западного побережья Норвегии.

...в описании нубийского географа. — Как поясняет По в своей поэме в прозе «Эврика», имеется в виду александрийский математик, астроном и географ Птолемей (I в.), автор «Географии» в восьми книгах (издана в 1533 г.), представляющей собой свод географических знаний древности. «Морем мрака» на древних картах обозначался Атлантический океан.

С. 63. *Рамус Ионас* (1649—1718) — норвежский историк. Его описание водоворота заимствовано По из Британской энциклопедии.

С. 64. *Вербное воскресенье* — по церковному календарю, за две недели перед великим постом.

Флегетон — в греческой мифологии огненная река, окружающая подземное царство.

С. 65. *Кирхер* Афанасий (1601—1680) — немецкий археолог, согласно теории которого Земля представляет собой твердое тело с пустотами внутри, наполненными огнем, водой и воздухом. В его трактатах рядом с точными сведениями сообщаются басни без малейшего критического к ним отношения.

С. 68. *Планширь* — деревянный или стальной брус по обводу корпуса корабля для придания жесткости и прочности, а также для укрепления такелажа.

Рым — металлическое кольцо, вбиваемое на судне для закрепления за него снастей.

БЕСЕДА МОНОСА И УНЫ

Впервые опубликовано в журнале «Graham's Lady's and Gentleman's Magazine» (Филадельфия) в августе 1841 г.

На русском языке впервые в газете «Русское дело» 16 и 21 декабря 1886 г. под названием «Разговор между Моносом и Уной».

С. 76. *То в будущем* — С о ф о к л. «Антигона», 1331.

«Новое рождение» — предвосхищая многие идеи, развитые им позднее в книге «Эврика», По обращается здесь к платоновской идее о перевоплощении душ

«Доселе и не далее!» — слова из пьесы английского драматурга Аарона Хилла (1685—1750) «Этелуолд» (1709), д. V, сцена «Сад».

С. 77—78. *Утилитаристы* — последователи буржуазной этической теории, получившей распространение в Англии конца XVII — начала XIX века Основатель утилитаризма И. Бентам определял его основной критерий как «обеспечение наибольшего счастья наибольшего числа людей» путем удовлетворения их частных интересов. При этом предполагалось, что нравственность поступка может быть математически исчислена как баланс удовольствий и страданий, полученных в его результате.

С. 78. *Великое «движение»* — обычно так именовался американский трансцендентализм. См. примеч. к с. 116, Т. 2.

С. 79. *«Государство»* — П л а т о н. «Государство», кн. 2, 376; кн. 3, 403.

Паскаль Блез (1623—1662) — французский философ и ученый. Его основной

философский труд «Мысли» был издан посмертно в 1669 г. Приводимые По слова содержатся в главе IX, раздел 4.

С. 81. *Ретина* — сетчатая оболочка глаза, воспринимающая световые раздражения.

УБИЙСТВА НА УЛИЦЕ МОРГ

Впервые опубликовано в журнале «Graham's Lady's and Gentleman's Magazine» (Филадельфия) в апреле 1841 г.

На русском языке впервые в журнале «Сын отечества» 17 и 24 марта 1857 г. под названием «Загадочное убийство».

С. 85. *Браун Томас* (1605—1682) — английский врач и писатель. Трактат «Захоронения в урнах» (1658), из пятой главы которого взят эпиграф, написан в связи с находкой в Норфолке нескольких древних могильных урн. В первой публикации рассказа эпиграф отсутствует.

Шахматист... — В апреле 1836 г. По напечатал в журнале «Сатерн литерери мессенджер» статью «Шахматный автомат Мелцела», в которой, вскрыв обман с автоматом для игры в шахматы, которым управлял человек, развивает те же мысли о шахматной игре, что и в этом рассказе.

С. 87. *Хойл* Эдмонд (1672—1769) — автор книги «Краткий трактат об игре в вист» (1742). Правила Хойла при игре в вист применялись до 1864 г.

Френолог — сторонник френологии, антинаучного учения о связи психических свойств человека со строением поверхности его черепа. Основателем френологии был немецкий медик Франц Иосиф Галль (1758—1828). В марте 1836 г. в журнале «Сатерн литерери мессенджер» По рецензировал книгу некой Л. Майлс «Френология».

С. 88. *...потомок знатного и даже прославленного рода...* — В 1840 г. главой палаты депутатов во Франции был избран Андре Мари Жан Жак Дюпен (1783—1865), автор трудов по уголовному праву. Его брат Шарль Дюпен (1784—1873), математик и политический деятель, был морским министром (1833). Третий брат — Филипп Дюпен (1795—1846) был известным адвокатом.

Сен-Жерменское предместье — аристократический район Парижа на южном берегу Сены.

С. 89. *...старинное учение о двойственности души...* — философское учение, считающее началом бытия две субстанции — материальную и идеальную.

С. 90. *Пале-Рояль* — дворец с садом в Париже, построенный для кардинала Ришелье в 1629—1634 гг.

Театр «Варьете» — парижский театр водевиля, основанный в 1807 г.

Кребийон Проспер Жолио (1674—1762) — французский драматург. Его трагедия «Ксеркс» (1714) памятна своим шумным провалом.

С. 91. *Николь* Томас Лоу (1815—1901) — американский врач, писатель и общественный деятель. В книге «Сорок лет американской жизни, 1821—1861» (1864) рассказывает о своих встречах с По.

Ламартин Альфонс де (1791—1869) — французский поэт-романтик, историк и политический деятель.

С. 92. *Утратила былое звучание первая буква* — О в и д и й. «Фасты», V, 536.

С. 94. *Дюбур* — По нередко использовал фамилии известных ему лиц в своих рассказах. Так, для первой свидетельницы, прачки Дюбур, он взял фамилию хозяйки лондонского пансиона, в котором учился с 1816 по 1817 г.

С. 98. *Журден* — герой комедии Мольера (1622—1673) «Мещанин во дворянстве» (1670). Журден надевает халат, чтобы удобнее было слушать музыку (I, 2).

Видок Франсуа Эжен (1775—1857) — французский сыщик. Его «Мемуары» появились в 1829 г., а в 1838 г. (сентябрь — декабрь) журнал «Бертонс джентлменс мэгезин», который По редактировал в 1839—1840 гг., напечатал «Неопубликованные отрывки из жизни Видока, начальника парижской полиции».

Истина... обитает на дне колодца. — См. примеч. к с. 113, Т. 2.

С. 109. *Кювье* Жорж (1769—1832) — французский ученый, известный трудами в области сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных, описание которых содержится в его книге «Царство животных» (1817).

С. 111. *Невшатель* — город на севере Франции.

С. 115. *Лаверна* — римская богиня прибыли, покровительница воров и мошенников.

«отрицать то, что есть, и распространяться о том, чего не существует» — Ж.-Ж. Руссо. «Новая Элоиза», второе предисловие (1761).

ТАЙНА МАРИ РОЖЕ
Продолжение «Убийств на улице Морг»

Впервые опубликовано в журнале «The Ladie's Companion» (Нью-Йорк) в ноябре — декабре 1842 г. и феврале 1843 г. Замысел рассказа относится к июню 1842 г.

На русском языке впервые в книге: Э. По. Необыкновенные рассказы, кн. I. СПб., 1885, под названием «Таинственное убийство».

С. 116. *Новалис* (Фридрих фон Гарденберг, 1772—1801) — немецкий писатель-романтик. «Нравственные воззрения» — название третьей части второго тома «Сочинений» Новалиса, изданного Ф. Шлегелем и Л. Тиком (1802 и ряд последующих переизданий).

С. 118. *Нассау-стрит* — здесь и далее По дает в сносках реальные имена и названия, связанные с убийством в июле 1841 г. продавщицы одного из нью-йоркских табачных магазинов, Мэри Сесил Роджерс.

С. 123. *Уэлд* Хорацио Хастингс — американский журналист, издавал в Нью-Йорке журнал «Бразер Джонатан» (1842—1843). В своей статье «Автографы», опубликованной в «Грэхемс мэгезин» в декабре 1841 г., По посвятил Уэлду раздел.

С. 127. *Питерсон* Чарлз Джекоб (1819—1887) — американский журналист и писатель. Был влиятельной фигурой в литературной жизни Филадельфии, редактировал несколько журналов и газет, в том числе «Сэтерди ивнинг пост». Вместе с По в 1841—1842 гг. входил в редколлегию журнала «Грэхемс ледиз энд джентлменс мэгезин».

С. 129. *Мирмидоняне* — так называлось племя, жившее во владениях Ахиллеса, во главе которого он [illegible] Троянскую войну.

С. 132. *Стоун* Уильям Л[illegible]44) — американский журналист и писатель. С 1821 г. издавал журнал [illegible]к коммершиел эдвертайзер». Известен также судебным процессом [illegible]м Фенимором Купером, обвинившим Стоуна в клевете. В своей [illegible]графы» один из разделов По отвел Стоуну.

С. 139. *Лендор* Уолтер ([illegible] — 1864) — английский писатель, автор книги «Воображаемые разговоры [illegible]4—1829). Источник цитаты не установлен.

С. 144. *Лотарио* — неверный [illegible] в трагедии «Прекрасная грешница» (1703) английского драматурга Николаса Роу (1674—1718).

С. 152. *Сассафрас* — североамериканское «укропное дерево» из семейства лавровых; из корня добывается [illegible]ое масло.

С. 157. *Пироги и пиво* — В. Шекспир. «Двенадцатая ночь», II, 3.

ПОХИЩЕННОЕ ПИСЬМО

Впервые опубликовано в новогоднем сборнике «Подарок» (The Gift). Филадельфия, 1845 (издан осенью 1844 г.).

На русском языке впервые в журнале «Сын отечества» 31 августа 1857 г. под названием «Украденное письмо».

С. 163. *Сенека* Луций Анней (6—3 до н. э. — 65 н. э.) — римский философ, политический деятель и писатель, автор философско-этических «Писем к Луцилию», откуда и взята приводимая По цитата. В 1-м издании эпиграф отсутствовал.

С. 170. *Абернети* Джон (1764—1831) — английский хирург. Был известен необычностью и резкостью в обращении с пациентами.

С. 173. *Ларошфуко* Франсуа (1613—1680) — французский писатель-моралист.
Лабрюйер — см. примеч. к с. 236, Т. 2.
Макиавелли, Кампанелла — см. примеч. к с. 57, Т. 2.

С. 174. *Нераспределение среднего* — в формальной логике одно из правил построения силлогизма.

С. 175. *Шамфор* Себастьян (1741—1794) — французский писатель, секретарь Якобинского клуба, покончил самоубийством во время якобинского террора, автор посмертно опубликованных афоризмов («Максимы и мысли», 1795), откуда и взята цитата (Шамфор. Максимы и мысли. Характеры и анекдоты. М.—Л., «Наука», 1966, с. 28).

С. 176. *Брайант* Джейкоб (1715—1804) — английский писатель, автор книги «Новая система, или Анализ античной мифологии» (1774—1776).

С. 181. *Легок спуск в Авери* — Вергилий. «Энеида», VI, 126.
Каталани — см. примеч. к с. 229, Т. 2.

Отвратительное чудовище — Вергилий. «Энеида», III, 658.
«Атрей и Фиест» (1707) — трагедия французского драматурга П. Кребийона-старшего (1674—1762). Герои пьесы — братья, жестоко мстящие один другому: микенский царь Атрей убивает детей Фиеста, Фиест соблазняет жену Атрея и проклинает его дом.

ЧЕЛОВЕК ТОЛПЫ

Впервые опубликовано одновременно в двух филадельфийских журналах «The Casket» и «Burton's Gentleman's Magazine» в декабре 1840 г., которые слились в это время и с января 1841 г. выходили под названием «Graham's Lady's and Gentleman's Magazine».

На русском языке впервые в журнале «Библиотека для чтения», март 1857.

С. 182. *...не иметь возможности остаться наедине с самим собой* — См. примеч. к с. 236, Т. 2.
Горгий — см. примеч. к с. 142, Т. 2.
С. 183. *Евпатриды* — родовая знать в древних Афинах, аристократы.
С. 185. *Лукиан* (ок. 117 — ок. 190) — древнегреческий писатель-сатирик. Имеется в виду диалог Лукиана «Изображения», 11.
С. 186. *Тертуллиан* — см. примеч. к с. 249, Т. 2.
Ретц Мориц (1779—1857) — немецкий художник, автор иллюстраций к «Фаусту» Гете.
С. 190. *«Садик души с прибавлением некоторых маленьких речей»* — книга, написанная в 1500 г. страсбургским типографом Иоганном Грюнингером (1450—1530). Книга не содержит ничего «гнусного» и была известна По из вторых рук.

ПОВЕСТЬ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ АРТУРА ГОРДОНА ПИМА

Впервые опубликована в журнале «Сатерн литерери мессенджер» в январе—феврале 1837 г. (первые три с половиной главы).

На русском языке впервые в журнале «Время», март 1861 г., под названием «Похождение Артура Пэйма».

С. 194. *Томас Уиллис Уайт* (1788—1843) — ричмондский печатник, в типографии которого с августа 1834 г. печатался журнал «Сатерн литерери мессенджер», редактировавшийся в 1835—1837 гг. Эдгаром По.
С. 285. *Кергелен* Тремарек Ив (1745—1797) — французский мореплаватель.
С. 287. *Кук* Джеймс (1728—1779) — английский мореплаватель, совершивший три кругосветных путешествия. Пытаясь найти Южный материк, Кук проплыл вокруг Южной полярной области.
С. 292. *Пэттен, Колкхун, Джеффри, Гласс* — первые мореплаватели, посетившие острова Тристан-да Кунья, сведения о которых почерпнуты Э. По из Британской энциклопедии.
С. 293. *Джеймс Уэддел* (1787—1834) — английский мореплаватель, совершивший в 1819—1824 гг. ряд путешествий в Южные моря, открывший несколько островов, автор книги «Путешествие к Южному полюсу в 1822—1824 гг.».
С. 294. *Моррел* Бенджамин (1795—1839) — американский мореплаватель, в 1822—1824 гг. на шхуне «Оса» совершил плавание в Южные моря.
С. 296. *Рейнольдс Джереми* (1799—1858) — американский полярный исследователь. По неоднократно писал о нем в своих критических статьях в связи с путешествиями в Южные моря.
Крузенштерн Иван Федорович (1770—1846) — русский мореплаватель, адмирал. Руководитель первого русского кругосветного плавания (1803—1806), во время которого были открыты многие острова. Экспедиция состояла из двух кораблей. Капитаном второго был Юрий Федорович *Лисянский* (1773—1837).
С. 298. *Биско* Джон — английский мореплаватель, совершивший плавание в Южные моря в 1830—1831 гг.
С. 315. *Кювье* Жорж (1769—1832) — французский естествоиспытатель. Имеется в виду его книга «Записки об истории и анатомии моллюсков» (1817).
С. 341. *...разверзается бездна:.* — По следует здесь теории Джона Симмса (см. примеч. к с. 79, Т. 2)

А. Николюкин

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ ЭДГАРА ПО

в переводе Константина Бальмонта

К. Бальмонт. Гений открытия . . 7
Очерк жизни Эдгара По 10

Фейная страна 75
К Елене (О, Елена, твоя красота...) 76
Израфель 77
Город на море 78
Спящая 79
Долина тревоги 81
К одной из тех, которая в Раю . 81
Колизей 82
«Один прохожу я свой путь бе-
зутешный...» 83
«Я не скорблю, что мой земной
удел...» 84
Занте 84
Червь-победитель 84
Заколдованный замок 85
Молчание 86
Линор 87
Страна снов 88
Ворон 89
Лелли 91
«Недавно тот, кто пишет эти стро-
ки...» 92
«Из всех, кому тебя увидеть—
утро...» 93
Улялюм 93
К Елене (Тебя я видел раз...) . . 95
К моей матери 97
К Анни 97
Аннабель-Ли 100
Колокольчики и колокола . . . 101
Сон во сне 103
Эльдорадо 104

Приложение
Аль Аарааф. *Юношеская поэма Эдгара По* 105
Напев. *Юношеское стихотворение Эдгара По* 118

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ ЭДГАРА ПО

в переводе Валерия Брюсова

В. Брюсов. Предисловие переводчика 121
Эдгар По. Биографический очерк 123

ЛИРИКА
1821—1849

1821—1827

Озеро 131
Вечерняя звезда 132
Сон 132
Гимн Гармодию и Аристогетону. Подражание греческому . . 133
Имитация 133
Духи смерти 134
Песня 134
Счастливейший день 135

1828—1829

Введение 135
Сонет к Науке 135
«Прежняя жизнь предо мной...» 137
Мечты 137
«Мне в юности знаком был некто...» 138
Страна фей 139

АЛЬБОМНЫЕ СТИХИ

К ручью 140
К*** 142
К*** 142

1830—1831

К Елене 143
Долина Ниса 143
Страна фей 143
Осужденный город 144
Айрина 145
Пэан 147

1833

Колисей 148

1835

Одной в Раю 150
Гимн 151
К Марии [*К. Ф.*] 152
В альбом 152

1836

Израфели 152

1837

К Занте 153
Свадебная баллада 154

1838

Непокойный замок 155
Червь-победитель 155

1840

Молчание 157

1842

Линор 158

1844

Страна снов 158
Ворон 159

1845

Спящая 159
Юлэлей 160
Город на море 163
Беспокойная долина 164

1846

Валентина 165

1847

Юлалюм 166
Энигма 167
К Марии-Луизе (Шю) 170

1848

Звон 170
Елене 173
Марии-Луизе (Шю) 175

1849

Аннабель Ли 176
Моей матери 177
К Энни 177
Эль-Дорадо 179

ПОСМЕРТНЫЕ

Сон во сне 180
Леонени 181

ПОЭМЫ

1829

Тамерлан 181
Аль-Аарааф 186

Объяснения переводчика . . 198

ЛИРИКА ЭДГАРА ПО

в переводах русских поэтов

Тамерлан. *Перевод И. Озеровой* . . . 213
Песня. *Перевод Н. Вольпин* 218
Мечты. *Перевод Ю. Корнеева* . . . 219
Духи мертвых. *Перевод В. Топорова* . 219
Вечерняя звезда. *Перевод В. Бетаки* . 220
Вечерняя звезда. *Перевод Ю. Корнеева* 221
Мечта во сне. *Перевод В. Федорова* . 221
Сновидение в сновидении. *Перевод М. Квятковской* 222
Стансы. *Перевод Ю. Корнеева* . . . 223
Греза. *Перевод Эллиса* 224
Сон. *Перевод Г. Кружкова* 224
Счастливейший день. *Перевод Е. Зета* 225
«Счастливейший день! Счастливейший час!..». *Перевод Т. Гнедич* . 225
Озеро. *Перевод Г. Бена* 226
Озеро. *Перевод Ю. Корнеева* . . . 226
Сонет к Науке. *Перевод В. Васильева* 227
Аль-Аарааф. *Перевод В. Топорова* . . 227
Романс. *Перевод Ю. Корнеева* . . . 236
К***. *Перевод М. Квятковской* . . . 237
К***. *Перевод Э. Шустера* 237
Страна фей. *Перевод З. Морозкиной* . 237
Страна фей. *Перевод М. Квятковской* 238
Волшебная страна. *Перевод Р. Дубровкина* 239
Стансы к Елене. *Перевод А. Салтыкова* 240
К Елене. *Перевод Б. Томашевского* . 241
К Елене. *Перевод Г. Кружкова* . . . 241
К Елене. *Перевод Р. Дубровкина* . . 242
Израфел. *Перевод В. Бетаки* . . . 242
Израфил. *Перевод В. Топорова* . . . 243
Уснувшая. *Перевод Н. Г-ского* . . . 245
Спящая. *Перевод А. Эппеля* 246
Спящая. *Перевод Г. Кружкова* . . . 247
Долина тревоги. *Перевод Г. Кружкова* 248
Город среди моря. *Перевод Н. Вольпин* 249
Город среди моря. *Перевод Ю. Корнеева* 250
Той, которая в Раю. *Перевод В. Рогова* 251
К той, что в Раю. *Перевод Ю. Корнеева* 252
Гимн. *Перевод Ал. Ал. Щербакова* . 253
Серенада. *Перевод В. Топорова* . . . 253
Колизей. *Перевод Э. Гольдернесса* . . 254
Колизей. *Перевод В. Бетаки* 255
Колизей. *Перевод А. Архипова* . . . 256
Колизей. *Перевод Р. Дубровкина* . . 257
В альбом Фрэнсис С. Осгуд. *Перевод Э. Гольдернесса* 258
К Ф—с О—д. *Перевод Ю. Корнеева* . 259
К Ф***. *Перевод Б. Томашевского* . . 259
Подвенечная баллада. *Перевод Ю. Корнеева* 259
К Занте. *Перевод Н. Новича* 260
Сонет к острову Занте. *Перевод В. Рогова* 260
Сонет к Занте. *Перевод В. Васильева* . 261
Призрачный замок. *Перевод Н. Вольпин* 261
Молчание. *Перевод В. Бетаки* . . . 262
Червь-победитель. *Перевод В. Рогова* 263
Линор. *Перевод Н. Вольпин* 264
Линор. *Перевод Г. Усовой* 264
Страна снов. *Перевод С. Андреевского* 265
Страна сновидений. *Перевод Н. Вольпин* 267
Нелли. *Перевод Н. Новича* 268
Евлалия. *Перевод В. Рогова* 269
Евлалия — песня. *Перевод В. Васильева* 269
Ворон. *Перевод С. Андреевского* . . . 270
Ворон. *Перевод Л. Пальмина* . . . 275
Ворон. *Переводчик неизвестен* . . . 278
Ворон. *Перевод Д. Мережковского* . . 280
Ворон. *Перевод Altalena [В. Жаботинского]* 285
Ворон. *Перевод В. Федорова* 288
Ворон. *Перевод М. Зенкевича* . . . 292
Ворон. *Перевод В. Бетаки* 294
Ворон. *Перевод В. Василенко* . . . 297
Ворон. *Перевод М. Донского* 300
Ворон. *Перевод Ник. Голя* 302
Ворон. *Перевод В. Топорова* 305
Признание. *Перевод В. Федорова* . . 308
Возлюбленной в Валентинов день. *Перевод Г. Бена* 308
Другу сердца в день Святого Валентина. *Перевод Ал. Ал. Щербаковой* 309
То M. L. S. *Перевод В. Федорова* . . 309
Марии Луизе Шйю. *Перевод В. Федорова* 310
К М. Л. Ш. *Перевод В. Топорова* . . 310
ULALUME. *Перевод А. Курсинского* . 311
ULALUME. *Перевод М. Трубецкой* . 313
Улялюм. *Перевод В. Федорова* . . . 315
Улялюм. *Перевод Н. Чуковского* . . 317
Улялюм. *Перевод В. Бетаки* . . . 319
Улялюм. *Перевод В. Топорова* . . . 321
Загадка. *Перевод В. Федорова* . . . 324
Загадка. *Перевод Г. Бена* 324
Загадочный сонет. *Перевод Ал. Ал. Щербакова* 325
Звон. *Перевод В. Федорова* 325
Колокола. *Перевод А. Оленича-Гненко* 328

Колокола. *Перевод В. Бетаки* . . . 330
Звон. *Перевод М. Донского* 333
Елене. *Перевод В. Федорова* 335
К Елене. *Перевод В. Рогова* 337
К Елене. *Перевод А. Архипова* . . . 338
For Annie. *Перевод М. Трубецкой* . . 340
Анни. *Перевод В. Федорова* 342
К Анни. *Перевод М. Зенкевича* . . . 344
Анни. *Перевод А. Сергеева* 347
Эльдорадо. *Перевод В. Федорова* . . 349
Эльдорадо. *Перевод В. Васильева* . . 350
Эльдорадо. *Перевод Э. Гольдернесса* . 350
Эльдорадо. *Перевод Н. Вольпин* . . 351
Эльдорадо. *Перевод В. Рогова* . . . 351
Сонет к моей матери. *Перевод В. Топорова* 352
Аннабель-Ли. *Перевод Д. Садовникова* 352
Аннабель Ли. *Перевод В. Федорова* . 353
Аннабель Ли. *Перевод А. Оленича-Гненко* 355
Эннабел Ли. *Перевод В. Рогова* . . 356
О, Tempora! O, Mores! *Перевод Р. Дубровкина* 357
Маргарет. *Перевод Р. Дубровкина* . . 357
Октавии. *Перевод Р. Дубровкина* . . 359
Один. *Перевод Р. Дубровкина* . . . 359
Айзеку Ли. *Перевод Р. Дубровкина* . . 359
Элизабет Р. Херринг. *Перевод Ю. Корнеева* 359
Акростих. *Перевод Р. Дубровкина* . . 359
Строки Джозефу Локку. *Перевод Р. Дубровкина* 360
Вступление. *Перевод В. Топорова* . . 361
К***. *Перевод Р. Дубровкина* . . . 361
«Нет королей господней властью...» *Перевод Р. Дубровкина* 362
Стансы. *Перевод Р. Дубровкина* . . 363
Мисс Луизе Оливии Хантер. *Перевод Р. Дубровкина* 363
Строки в честь эля. *Перевод Р. Дубровкина* 364
Комментарии 364
. 367

По Эдгар Аллан
П 41 Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Поэзия: Перев. с англ. / Сост., коммент. С. И. Бэлзы; Оф. Ю. Бажанова.— М.: Пресса, 1993.— 384 с.
ISBN 5—253—00767—9

В первый том сочинений Эдгара По входит его поэзия. Основу книги составили переводы прославленных поэтов «Серебрянного века» — Константина Бальмонта и Валерия Брюсова. Особенностью настоящего издания является то, что здесь в наиболее полном объеме собраны русские переводы лирики Эдгара По, создававшиеся на протяжении более чем ста лет. В итоге читатель получит возможность составить себе максимально близкое к подлиннику представление о «Вороне» и других шедеврах великого американского романтика, а также проследить различные этапы освоения его поэтического творчества в России.

84.7 США

П $\frac{4703040100—2948}{080(02)—93}$ 2948—93

Литературно-художественное издание

ПО ЭДГАР АЛЛАН

Собрание сочинений в четырех томах

Том 1

ПОЭЗИЯ

Составитель
Бэлза Святослав Игоревич

Редактор Г. Ф. Фролова
Художественный редактор И. С. Захаров
Технический редактор К. И. Заботина

ИБ 2948

Сдано в набор 28.04.93. Подписано в печать 30.06.93. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,58. Уч.-изд. л. 24,99. Тираж 500 000 экз. Заказ 383. Цена 10 руб.

Набрано и отпечатано в типографии издательства «Пресса». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Исаак Эммануилович Бабель

РАССКАЗЫ

Редактор П. М. Столповский. Художественный редактор. В. Б. Осипов. Технический редактор А. Н. Вишнева. Корректоры Н. Ф. Габова, А. А. Надуткина.

ИБ № 1547

Сдано в набор 04.12.89. Подписано к печати 05.05.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,33. Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 70 000+10 000 доп. Заказ № 3772. Цена 1 р. 50 к. Коми книжное издательство. 167610, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, 229.

Головное предприятие Коми республиканского полиграфического производственного объединения. 167610, г. Сыктывкар, ул. Первомайская. 70.

84Р7-4
Б 12

Печатается по изданию:
И. Бабель. Избранное. Кемеровское книжное издательство, 1966
Оформление художника
С. И. Семенова

Бабель И. Э.
Б 12 Рассказы.— Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1990.— 288 с.

ISBN 5-7555-0231-5

Автор знаменитой «Конармии» и «Одесских рассказов» был арестован в 1939 году с нелегкой руки Буденного и вскоре погиб в сталинских застенках. Имя этого выдающегося советского писателя стало опасно произносить вслух. После XX съезда партии. И. Э. Бабель реабилитирован. Но не в литературном отношении — его произведения все еще «отбывали срок». За что? За то, что Бабель весьма «вреден» для затуманенного сознания советского читателя.

Наступили новые времена. Бабель возвращается к нам. Будем надеяться, навсегда.

В этом сборнике рассказы писателя представлены более полно, чем во всех, выходивших ранее в нашей стране.

Б $\frac{4702010201-013}{М\ 128(03)-90}$ — 23—90 м

Б 12

ISBN 5-7555-0231-5

© Оформление. Семенов С. И. 1990

Измена 100
Чесники 103
После боя 107
Песня 110
Сын Рабби 112
Аргамак 114
Поцелуй 118

ОДЕССКИЕ РАССКАЗЫ

Король 124
Как это делалось в Одессе 129
Отец 137
Любка Казак 145
История моей голубятни 150
Первая любовь 160
Ты проморгал, капитан! 166
Конец богадельни 167
Карл-Янкель 175
В подвале 182
Пробуждение 189
Ди Грассо 195
Фроим Грач 199

РАССКАЗЫ

Эдья Исаакович и Маргарита Прокофьевна . . . 206
Мама, Римма и Алла 209
Вдохновение 217
Шабос-нахму 220
«Камо» и «Шаумян» 225
Вечер у императрицы 228
Иисусов грех 232
Конец св. Ипатия 234
Линия и цвет 236
Старательная женщина 238
Дорога 240
Гюи де Мопассан 246
Нефть 253
Улица Данте 257
Суд 262
Справка 264
«Иван-да-Марья» 267
Гапа Гужва 277
Сулак 283

СОДЕРЖАНИЕ

И. Э. БАБЕЛЬ. ПРЕДИСЛОВИЕ ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА . . . 3
АВТОБИОГРАФИЯ 12

КОНАРМИЯ

Переход через Збруч 14
Костел в Новограде 15
Письмо 18
Начальник конзапаса 21
Пан Апполек 23
Солнце Италии 30
Гедали 32
Мой первый гусь 35
Рабби 38
Путь в Броды 40
Учение о тачанке 42
Смерть Долгушова 44
Комбриг два 47
Сашка Христос 48
Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионовича . 53
Кладбище в Козине 57
Прищепа 58
История одной лошади 59
Конкин 62
Берестечко 65
Соль 67
Вечер 70
Афонька Бида 72
У святого Валентина 77
Эскадронный Трунов 81
Иваны 87
Продолжение истории одной лошади 92
Вдова 93
Замостье 97

И. Э. БАБЕЛЬ

Летом 1926 года в Москве стояло жаркое; многие из моих друзей жили на дачах или были в отъезде.

Один из очень душных предгрозовых дней принес мне нечаянную радоость: я познакомился с человеком, который стал моим самым близким и верным другом, с писателем, на которого я смотрел как подмастерье на мастера,— с Исааком Эммануиловичем Бабелем.

Он пришел ко мне неожиданно, и я запомнил его первые слова: «Вот вы какой...» А я его разглядывал с еще большим любопытством — вот человек, который написал «Конармию», «Одесские рассказы», «Историю моей голубятни»! Несколько раз в жизни меня представляли писателям, к книгам которых я относился с благоговением: Максиму Горькому, Томасу Манну, Бунину, Андрею Белому, Генриху Манну, Мачадо, Джойсу; они были много старше меня; их почитали все, и я глядел на них, как на далекие вершины гор. Но дважды я волновался, как заочно влюбленный, встретивший наконец предмет своей любви — так было с Бабелем, а десять лет спустя с Хемингуэем.

Бабель сразу повел меня в пивную. Войдя в темную, набитую людьми комнату, я обомлел. Здесь собирались мелкие спекулянты, воры-рецидивисты, извозчики, подмосковные огородники, опустившиеся представители старой интеллигенции. Кто-то кричал, что изобрели эликсир «вечной жизни» и это свинство, потому что он стоит баснословно дорого, значит, всех пересидят подлецы. Сначала на крикуна не обращали внимания, потом сосед ударил его бутылкой по голове. В другом углу началась драка из-за девушки. По лицу кудрявого парня текла кровь. Девушка орала: «Можешь не стараться, Гарри Пиль — вот кто мне нравится!..» Двух напившихся до бесчувствия выволокли за ноги. К нашему столику подсел старичок, чрезвычайно вежливый; он рассказывал Бабелю, как его зять вчера хотел прирезать жену, «а Верочка, знаете, и не сморгнула, только говорит: «Поворачивай, пожалуйста, оглобли»,— она у меня, знаете, деликатная...» Я не выдержал: «Пойдем?» Бабель удивился: «Но ведь здесь очень интересно...»

Внешне он меньше всего походил на писателя. Он рассказал в

очерке «Начало», как, приехав впервые в Петербург (ему тогда было двадцать два года), снял комнату в квартире инженера. Поглядев внимательно на нового жильца, инженер приказал запереть на ключ дверь из комнаты Бабеля в столовую, а из передней убрать пальто и галоши. Двадцать лет спустя Бабель поселился в квартире старой француженки в парижском предместье Нейи; хозяйка запирала его на ночь — боялась, что он ее зарежет. А ничего страшного в облике Исаака Эммануиловича не было; просто он многих озадачивал; бог его знает, что за человек и чем он занимается...

Майкл Голд, который познакомился с Бабелем в Париже в 1935 году, писал: «Он не похож на литератора или на бывшего кавалериста, а скорее напоминает заведующего сельской школой». Вероятно, главную роль в создании такого образа играли очки, которые в «Конармии» приняли угрожающие размеры («Шлют вас, не спросясь, а тут режут за очки», «Жалеете вы, очкастые, нашего брата, как кошка мышку». «Аннулировал ты коня, четырехглазый...»). Он был невысокого роста, коренастый. В одном из рассказов «Конармии», говоря о галицейских евреях, он противопоставляет им одесситов, «жовиальных, пузатых, пузырящихся, как дешевое вино», грузчиков, биндюжников, балагул, налетчиков вроде знаменитого Мишки Япончика — прототипа Бени Крика. (Эпитет «жовиальный» — галлицизм, по-русски говорят: веселый или жизнерадостный). Исаак Эммануилович, несмотря на очки, напоминал скорее жовиального одессита, хлебнувшего в жизни горя, чем сельского учителя. Очки не могли скрыть его необычайно выразительных глаз, то лукавых, то печальных. Большую роль играл и нос — неутомимо любопытный. Бабелю хотелось все знать: что переживал его однополчанин, кубанский казак, когда пил два дня без просыпу и в тоске сжег свою хату; почему Машенька из издательства «Земля и фабрика», наставив мужу рога, начала заниматься биомеханикой; какие стихи писал убийца французского президента белогвардеец Горгулов, как умер старик бухгалтер, которого он видел один раз в окошке издательства «Правды»; что в сумочке парижанки, сидящей в кафе за соседним столиком; продолжает ли фанфаронить Муссолини, оставаясь с глазу на глаз с Чиано,— словом, мельчайшие детали жизни.

Все ему было интересно, и он не понимал, как могут быть писатели, лишенные аппетита к жизни. Он говорил мне о романах Пруста: «Большой писатель. А скучно... Может быть, ему самому было скучно описывать это?..» Отмечая способности начинающего эмигрантского писателя Набокова-Сирина, Бабель говорил: «Писать умеет, только писать ему не о чем».

Он любил поэзию и дружил с поэтами, никак на него не похожими: с Багрицким, Есениным, Маяковским. А литературной среды не выносил: «Когда нужно пойти на собрание писателей, у меня такое чувство, что сейчас предстоит дегустация меда с касторкой». У него были друзья различных профессий — инженеры, наездники, кавалеристы,

архитекторы, пчеловоды, цимбалисты. Он мог часами слушать рассказы о чужой любви, счастливой или несчастной. Он как-то располагал собеседника к исповеди; вероятно, люди чувствовали, что Бабель не просто слушает, а сопереживает. Некоторые его вещи — рассказы от первого лица, хотя в них чужие жизни (например, «Мой первый гонорар»); другие, напротив, под маской повествования о вымышленных героях раскрывают страницы биографии автора («Нефть»).

В коротенькой автобиографии Бабель рассказывал, что в 1916 году А. М. Горький «отправил его в люди». Исаак Эммануилович продолжал: «И я на семь лет — с 1917 по 1924 — ушел в люди. За это время я был солдатом на румынском фронте, потом служил в Чека, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 года, в Северной армии против Юденича, в Первой Конной армии, в Одесском губкоме, был выпускающим в 7-й советской типографии в Одессе, был репортером в Петербурге и в Тифлисе и проч.».

Действительно, семь лет, о которых упоминает Бабель, дали ему многое, но он был «в людях» и до 1916 года, оставался «в людях» и после того, как стал известным писателем: вне людей существовать он не мог. «История моей голубятни» была пережита мальчиком и уже много позднее рассказана зрелым мастером. В годы отрочества, ранней юности Бабель встречал героев своих одесских рассказов — налетчиков и барышников, близоруких мечтателей и романтических жуликов.

Куда бы он ни попадал, он сразу чувствовал себя дома, входил в чужую жизнь. Он пробыл недолго в Марселе; но когда он рассказывал о марсельской жизни, это не было впечатлением туриста,— говорил о гангстерах, о муниципальных выборах, о забастовке в порту, о какой-то стареющей женщине, кажется, прачке, которая, получив неожиданно большое наследство, отравилась газом.

Однако даже в любимой им Франции он тосковал о родине. Он писал в октябре 1927 года из Марселя: «Духовная жизнь в России благородней. Я отравлен Россией, скучаю по ней, только о России и думаю». В другом письме старому своему другу И. Л. Лифшицу он писал из Парижа: «Жить здесь в смысле индивидуальной свободы превосходно, но мы — из России — тоскуем по ветру больших мыслей и больших страстей».

В двадцатые годы у нас в газетах часто можно было увидеть термин «ножницы»; речь шла не о портновском инструменте, а о растущем расхождении между ценой хлеба и ценой ситца или сапог. Я сейчас думаю о других «ножницах»; о расхождении между жизнью и значением искусства; с этими «ножницами» я прожил жизнь. Мы часто об этом говорили с Бабелем. Любя страстно жизнь, ежеминутно в ней участвуя, Исаак Эммануилович был с детских лет предан искусству.

Бывает так: человек пережил нечто значительное, захотел об этом

рассказать, у него оказался талант, и вот рождается новый писатель. Фадеев мне говорил, что в годы гражданской войны он и не думал, что увлечется литературой; «Разгром» был для него самого негаданным результатом пережитого. А Бабель и воюя знал, что должен будет претворить действительность в произведение искусства.

Рукописи неопубликованных произведений Бабеля исчезли. Записки С. Г. Гехта напоминали мне о замечательном рассказе Исаака Эммануиловича «У Троицы». Бабель мне его прочитал весной 1918 года; это история гибели многих иллюзий, история горькая и мудрая. Пропали рукописи рассказов, пропали и главы начатого романа. Тщетно искала их вдова Исаака Эммануиловича Антонина Николаевна. Чудом сохранился дневник Бабеля, который он вел в 1920 году, находясь в рядах Первой Конной; одна киевлянка сберегла толстую тетрадь с неразборчивыми записями. Дневник очень интересен — он не только показывает, как работал Бабель, но и помогает разобраться в психологии творчества.

Как явствует из дневника, Бабель жил жизнью своих боевых товарищей — победами и поражениями, отношением бойцов к населению и населения к бойцам, его потрясали великодушие, насилие, боевая выручка, погромы, смерти. Однако через весь дневник, проходят настойчивые напоминания: «Описать Матяжа, Мишу», «Описать людей, воздух», «За этот день — главное описать красноармейцев и воздух», «Запомнить — фигура, лицо, радость Апанасенки, его любовь к лошадям, как проводит лошадей, выбирает для Бахтурова», «Обязательно описать прихрамывающего Губанова, грозу полка, отчаянного рубаку», «Не забыть бы священника в Лошкове, плохо выбритый, добрый, образованный, м. б. корыстолюбивый, какое там корыстолюбие — курица, утка», «Описать воздушную атаку, отдаленный и как будто медленный стук пулемета», «Описать леса — Кривиха, разоренные чехи, сдобная баба...»

Бабель был поэтом; ни натурализм описываемых им бытовых деталей, ни круглые очки на круглом лице не могут скрыть его поэтическую настроенность. Он загорался от стихотворной строки, от холста, от цвета неба, от зрелища человеческой красоты. Его дневник не относится к тем дневникам, которые рассчитаны на опубликование,— Бабель откровенно беседовал с собой. Вот почему, говоря о поэтичности Бабеля, я начну с записей в дневнике.

«Вырубленные опушки, остатки войны, проволока, окопы. Величественные зеленые дубы, грабы, много сосны, верба — величественное и кроткое дерево, дождь в лесу, размытые дороги, ясень».

«Боратин — крепкое солнечное село. Хмель, смеющаяся дочка, молчаливый богатый крестьянин, яичница на масле, молоко, белый хлеб, чревоугодие, солнце, чистота».

«Великолепная итальянская живопись, розовые патеры, качающие младенца Христа, великолепный темный Христос, Рембрандт, Мадонна

под Мурильо, а м. б. Мурильо, святые упитанные иезуиты, бородатый еврейчик, лавочка, сломанная рука, фигура св. Валента».

«Вспоминаю разломанные рамы, тысячи пчел, жужжащих и бьющихся у разрушенного улья».

«Графский, старинный польский дом, наверное б. 100 лет, рога, старинная светлая плафонная живопись, маленькие комнаты для дворецких, плиты, переходы, экскременты на полу, еврейские мальчишки, рояль Стейнвей, диваны вскрыты до пружин, припомнить белые легкие и дубовые двери, французские письма 1820 г.».

О своем отношении к искусству Бабель рассказал в новелле «Ди Грассо». В Одессу приезжает актер из Сицилии. Он играет условно, может быть, чрезмерно, но сила искусства такова, что злые становятся добрыми; жена барышника, выходя из театра, упрекает пристыженного мужа: «Босяк, теперь ты видишь, что такое любовь...»

Я помню появление «Конармии». Все были потрясены силой фантазии: говорили даже о фантастике. А между тем Бабель описал то, что видел. Об этом свидетельствует тетрадка, побывавшая в походе и пережившая автора.

Вот рассказ «Начальник конзапаса». «На огненном англо-арабе подскакал к крыльцу Дьяков, бывший цирковой атлет, а ныне начальник конского запаса — краснорожий, седоусый, в черном плаще с серебряными лампасами вдоль красных шаровар». Далее Дьяков говорит крестьянину, что за коня он получит пятнадцать тысяч, а если бы конь был повеселее, то двадцать: «Ежели конь упал и подымается, то это — конь; ежели он, обратно сказать, не подымается, тогда это не конь».

А вот запись в дневнике 13 июля 1920 года: «Начальник конского запаса Дьяков — феерическая картина, кр(асные) штаны, с серебр(яными) лампасами, пояс с насечкой, ставрополец, фигура Аполлона, корот(кие) седые усы, сорок пять лет был атлетом... о лошадях». 16 июля: «Приезжает Дьяков. Разговор короток: за такую-то лошадь можешь получить 15 т., за такую-то — 20 т. Ежели поднимется, значит, это лошадь».

Рассказ «Гедали»; в нем автор встречает строго еврея-старьевщика, который печально излагает свою философию: «Но поляк стрелял, мой ласковый пан, потому что он — контрреволюция. Вы стреляете потому, что вы — революция. А революция — это же удовольствие. И удовольствие не любит в доме сирот. Хорошие дела делает хороший человек... И я хочу Интернационала добрых людей, я хочу, чтобы каждую душу взяли на учет и дали бы ей паек по первой категории». Лавка Гедали описана так: «Диккенс, где была в тот вечер твоя тень? Ты увидел бы в этой лавке древностей золоченые туфли и корабельные канаты, старинный компас и чучело орла, охотничий винчестер с выгравированной датой «1810» и сломанную кастрюлю».

Запись в дневнике 3 июля 1920 года: «Маленький еврей — философ.

Невообразимая лавка — Диккенс, метлы и золотые туфли. Его философия: все говорят, что они воюют за правду, и все грабят».

В дневнике есть и Прищепа, и городок Берестечко, и найденное там французское письмо, и убийство пленных, и «пешка» в боях за Лешнюв, и речь комдива о Втором конгрессе Коминтерна, и «бешеный холуй Левка», и дом ксендза Тузинкевича, и много других персонажей, эпизодов, картин, перешедших потом в «Конармию». Но рассказы не похожи на дневник. В тетрадке Бабель описывал все как было. Это опись событий: наступление, отступление, разоренные, перепуганные жители городов и сел, переходящих из рук в руки, расстрелы, вытоптанные поля, жестокость войны. Бабель в дневнике спрашивал себя: «Почему у меня непроходящая тоска?» И отвечал: «Разлетается жизнь, я на большой непрекращающейся панихиде».

А книга не такова: в ней, несмотря на ужасы войны, на свирепый климат тех лет,— вера в революцию и вера в человека. Правда, некоторые говорили, что Бабель оклеветал красных кавалеристов. Горький заступился за «Конармию» и написал, что Бабель «украсил» казаков Первой Конной «лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев». Слово «украсить», вырванное мною из текста, да и сравнение с «Тарасом Бульбой» могут сбить с толку. Притом язык «Конармии» цветист, гиперболичен. (Еще в 1915 году, едва приступив к работе писателя, Бабель говорил, что ищет в литературе солнце, полных красок, восхищался рассказами Гоголя и жалел, что «Петербург победил Полтавщину. Акакий Акакиевич скромненько, но с ужасающей властностью затер Грицка...»).

Бабель, однако, не «украсил» героев «Конармии», он раскрыл их внутренний мир. Он оставил в стороне не только будни армии, но и многие поступки, доводившие его в свое время до отчаяния; он как бы осветил прожектором один час, одну минуту, когда человек раскрывается. Именно поэтому я всегда считал Исаака Эммануиловича поэтом.

«Конармия» пришлась по душе самым различным писателям: Горькому и Томасу Манну, Барбюсу и Мартен дю Гару, Маяковскому и Есенину, Андрею Белому и Фурманову, Ромену Роллану и Брехту.

В 1930 году «Новый мир» напечатал ряд писем зарубежных писателей, главным образом немецких,— ответы на анкету о советской литературе. В большинстве писем на первом месте стояло имя Бабеля.

Работал он медленно, мучительно, всегда был недоволен собой. При первом знакомстве он сказал мне: «Человек живет для удовольствия, чтобы спать с женщиной, есть с в жаркий день мороженое». Я как-то пришел к нему, он сидел голый: был очень жаркий день. Он не ел мороженое, он писал. Приехав в Париж, он и там работал с утра до ночи: «Я тружусь здесь, как вдохновенный вол, света божьего не вижу (а в свете этом Париж — не Кременчуг)...» Потом он поселился в деревне, неподалеку от Москвы, снял комнату в избе, сидел и

писал. Повсюду он находил для работы никому не ведомые нормы. Этот на редкость «жовиальный» человек трудился, как монах-отшельник.

Когда в конце 1932 года — в начале 1933 года я писал «День второй», Бабель чуть ли не каждый день приходил ко мне. Я читал написанные главы, он одобрял или возражал — моя книга его заинтересовала, а другом он был верным.

Он любил прятаться, не говорил, куда идет; его дни напоминали ходы крота. В 1936 году я писал об Исааке Эммануиловиче: «Его собственная судьба похожа на одну из написанных им книг: он сам не может ее распутать. Как-то он шел ко мне. Его маленькая дочка спросила: «Куда ты идешь?» Ему пришлось ответить; тогда он передумал и не пошел ко мне... Осьминог, спасаясь, выпускает чернила: его все же ловят и едят — любимое блюдо испанцев «осьминог в своих чернилах». (Я написал это в Париже в самом начале 1936 года, и мне страшно переписывать теперь эти строки: мог ли я себе представить, как они будут звучать несколько лет спустя?..)

По совету Горького Бабель не печатал своих произведений в течение семи лет: с 1916 по 1923. Потом одна за другой появилась «Конармия», «Одесские рассказы», «История моей голубятни», пьеса «Закат». И снова Бабель почти замолк, редко публикуя маленькие (правда, замечательные) рассказы. Одной из излюбленных тем критиков стало «молчание Бабеля». На Первом съезде советских писателей я выступил против такого рода нападок и сказал, что слониха вынашивает детей дольше, чем крольчиха; с крольчихой я сравнил себя, со слонихой — Бабеля. Писатели смеялись. А Исаак Эммануилович в своей речи, подтрунивая над собой, сказал, что он преуспевает в новом жанре — молчании.

Ему, однако, было невесело. С каждым днем он становился все требовательнее к себе. «В третий раз принялся переписывать сочиненные мною рассказы и с ужасом увидел, что потребуется еще одна переделка — четвертая...». В одном письме он признавался: «Главная беда моей жизни — отвратительная работоспособность».

Я не кривил душой, говоря о крольчихе и слонихе: я высоко ценил талант Бабеля и знал его взыскательность к себе. Я гордился его дружбой. Хотя он был на три года моложе меня, я часто обращался к нему за советом и шутя называл его «мудрым ребе».

Я всего два раза разговаривал с А. М. Горьким о литературе, и оба раза он с нежностью, с доверием говорил о работе Бабеля; мне это было приятно, как будто он похвалил меня... Я радовался, что Ромен Роллан в письме о «Дне втором» восторженно отозвался о «Конармии». Я любил Исаака Эммануиловича, любил и люблю книги Бабеля...

Еще о человеке. Бабель не только внешностью мало напоминал писателя, он и жил иначе: не было у него ни мебели из красного дерева, ни книжных шкафов, ни секретаря. Он обходился даже без пись-

менного стола, писал на кухонном, а в Молоденове, где он снимал комнату в домике деревенского сапожника Ивана Карповича,— на верстаке.

Первая жена Бабеля, Евгения Борисовна, выросла в буржуазной семье, ей нелегко было привыкнуть к причудам Исаака Эммануиловича. Он, например, приводил в комнату, где они жили, бывших однополчан и объявлял: «Женя, они будут ночевать у нас...»

Он умел быть естественным с разными людьми, помогали ему в этом и такт художника и культура. Я видел, как он разговаривал с парижскими снобами, ставя их на место, с русскими крестьянами, с Генрихом Манном или с Барбюсом.

В 1935 году в Париже собрался Конгресс писателей в защиту культуры. Приехала советская делегация; среди них не оказалось Бабеля. Французские писатели, инициаторы Конгресса, обратились в наше посольство с просьбой включить автора «Конармии» в состав советской делегации. Бабель приехал с опозданием — кажется, на второй или на третий день. Он должен был сразу выступить. Усмехаясь, он успокоил меня: «Что-нибудь скажу». Вот как я описал в «Известиях» выступление Исаака Эммануиловича: «Бабель не читал своей речи, он говорил по-французски, весело и мастерски, в течение пятнадцати минут он веселил аудиторию несколькими ненаписанными рассказами. Люди смеялись и в то же время они понимали, что под видом веселых историй идет речь о сущности наших людей и нашей культуры: у этого колхозника уже есть хлеб, у него есть дом, у него есть даже орден. Но ему этого мало. Он хочет теперь, чтобы про него писали стихи...».

Много раз он говорил мне, что главное — это счастье людей. Любил животных, особенно лошадей; писал о своем боевом друге Хлебникове: «Нас потрясали одинаковые страсти. Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони».

Жизнь для него оказалась не майской лужайкой... Однако до конца он сохранил верность идеалам справедливости, интернационализма, человечности. Революцию он понял и принял как залог будущего счастья. Один из лучших рассказов тридцатых годов — «Карл-Янкель» — кончается словами: «Я вырос на этих улицах, теперь наступил черед Карла-Янкеля, но за меня не дрались так, как дерутся за него, мало кому было дела до меня. «Не может быть,— шептал я себе,— чтобы ты не был счастлив, Карл-Янкель... Не может быть, чтобы ты не был счастливее меня...»

А Бабель был одним из тех, кто оплатил своей борьбой, своими мечтами, своими книгами, а потом и своей смертью счастье будущих поколений.

В конце 1937 года я приехал из Испании, прямо из-под Теруэля, в Москву. «Мудрого ребе» я нашел печальным, но его не покидали

ни мужество, ни юмор, ни дар рассказчика. Он мне рассказал однажды, как был на фабрике, где изъятые книги шли на изготовление бумаги; это была очень смешная и очень страшная история. В другой раз он рассказал мне о детдомах, куда попадают сироты живых родителей. Невыразимо грустным было наше расставание в мае 1938 года...

Бабель всегда с нежностью говорил о родной Одессе. После смерти Багрицкого, в 1936 году, Исаак Эммануилович писал: «Я вспоминаю последний наш разговор. Пора бросить чужие города, согласились мы с ним, пора вернуться домой, в Одессу, снять домик на Ближних Мельницах, сочинять там истории, стариться... Мы видели себя стариками, лукавыми, жирными стариками, греющимися на одесском солнце, у моря — на бульваре, и провожающих женщин долгим взглядом... Желания наши не осуществились. Багрицкий умер в 38 лет, не сделав и малой части того, что мог. В государстве нашем основан ВИЭМ — Институт экспериментальной медицины. Пусть добьется он того, чтобы эти бессмысленные преступления природы не повторялись больше».

Природу мы порой в сердцах называем слепой. Бывают слепыми и люди...

Незадолго до ареста он писал своей приятельнице, которая сняла для него домик в Одессе: «Сей числящийся за мной флигелек очень поднял мой дух. Достоевский говорил когда-то: «Всякий человек должен иметь место, куда бы он мог уйти»,— и от сознания, что такое место у меня появилось, я чувствую себя много увереннее на этой, как известно, вращающейся земле».

Бабеля арестовали весной 1939 года. Узнал я об этом с опозданием — был во Франции. Шли мобилизованные, дамы гуляли с противогазами, окна оклеивали бумажками. А я думал о том, что потерял человека, который помогал мне шагать не по майскому лугу, а по очень трудной дороге жизни.

Нас роднило понимание долга писателя, восприятие века: мы хотели, чтобы в новом мире нашлось место и для некоторых очень старых вещей — для любви, для красоты, для искусства.

В конце 1954 года, может быть, в тот самый час, когда человек со смешным именем Карл-Янкель и его сверстники — Иваны, Петры, Николаи, Ованесы, Абдуллы — веселой ватагой выходили из университетских аудиторий, прокурор сообщил мне о посмертной реабилитации Исаака Эммануиловича. Вспоминая рассказы Бабеля, я смутно подумал: не может быть, чтобы они не были счастливее нас!..

И. ЭРЕНБУРГ

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1894 г. в Одессе, на Молдаванке, сын торговца-еврея. По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, библию, талмуд. Дома жилось трудно, потому что с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе. Школа моя называлась Одесское коммерческое имени императора Николая I училище. Там обучались сыновья иностранных купцов, дети еврейских маклеров, сановитые поляки, старообрядцы и много великовозрастных биллиардистов. На переменах мы уходили, бывало, в порт на эстакаду или в греческие кофейни играть на биллиарде, или на Молдаванку пить в погребах дешевое бессарабское вино. Школа эта незабываема для меня еще и потому, что учителем французского языка был там m-r Вадон. Он был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Он обучил меня своему языку, я затвердил с ним французских классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке. Я писал их два года, но потом бросил; пейзане и всякие авторские размышления выходили у меня бесцветно, только диалог удавался мне.

Потом, после окончания училища, я очутился в Киеве и в 1915 г. в Петербурге. В Петербурге мне пришлось ужасно худо, у меня не было правожительства, я избегал полиции и квартировал в погребе на Пушкинской улице у одного растерзанного, пьяного официанта. Тогда в 1915 г. я начал разносить мои сочинения по редакциям, но меня отовсюду гнали, все редакторы (покойный Измайлов, Поссе и др.) убеждали меня поступить куда-нибудь в лавку, но я не послушался их и в конце 1916 г. попал к Горькому. И вот — я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением. Он напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке «Летописи» за 1916 г. (я был привлечен за эти рассказы к уголовной ответственности по 1001 ст.), он научил меня необыкновенно важным вещам, и потом, когда выяснилось, что два-три сносных моих юношеских опыта были всего только случайной удачей и что с литературой у меня ничего не выходит и что я пишу удивительно плохо,— Алексей Максимович отправил меня в люди.

И я на семь лет — с 1917 по 1924 — ушел в люди. За это время я был солдатом на румынском фронте, потом служил в Чека, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 г., в Северной армии против Юденича, в Первой Конной армии, в Одесском губкоме, был выпускающим в 7-й советской типографии в Одессе, был репортером в Петербурге и в Тифлисе и проч. И только в 1923 г. я научился выражать мои мысли ясно. Тогда я вновь принялся сочинять.

Начало литературной моей работы я отношу поэтому к началу 1924 г., когда в 4-й книге журнала «Леф» появились мои рассказы «Соль», «Письмо», «Смерть Долгушова», «Король» и др.

И. БАБЕЛЬ

Н. В. ГОГОЛЬ

МЕРТВЫЕ ДУШИ

ПОЭМА

Москва
«Художественная литература»
1979

Г1
Г 58

Текст печатается по изданию:
Н. В. Гоголь. Собрание сочинений в семи томах, том пятый. М., «Художественная литература», 1967.

Вступительная статья
П. Г. Антокольского

Художник
С. СОКОЛОВ

Р $\frac{70301\text{-}323}{028\,(01)\text{-}79}$ 46—79

Мертвые души

ПОЭМА

1

Почти полтораста лет тому назад, летом 1842 года, Огарев привез Герцену в его новгородскую ссылку подарок. Это была книжная новинка — только что вышедший в Москве первый том «Мертвых душ». Герцен тут же записал у себя в дневнике: «Удивительная книга, горький упрек современной Руси, но не безнадежный. Там, где взгляд может проникнуть сквозь туман нечистых, навозных испарений, там он видит удалую, полную сил национальность... Грустно в мире Чичиковых, так, как грустно нам в самом деле, и там и тут одно утешение в вере и упования на будущее».

Так начиналось бессмертие *удивительной книги*. В сознании многих читательских поколений сталкивались и спорили между собою и впечатления разные, и чувства противоположные. «Горький упрек современной Руси» противостоял «удалой, полной сил национальности». Та и другая формулировка принадлежит Герцену, но они повторялись в разных вариантах, в разных оттенках, начиная со спора по поводу книги между славянофилами, видевшими в основном только *полную сил национальность*, и западниками, защищавшими *горький упрек*.

Эти разноречия заложены в самих «Мертвых душах». На протяжении длительного времени они не теряли остроты и силы внутри поэмы.

Если представить себе историю русской культуры и самосознания протяженной в пространство, спроецированной наподобие географической карты, то «Мертвые души» окажутся на ней чем-то вроде людной узловой станции, недалеко от ярмарки, в скрещении многих железнодорожных и других путей, связанных и с прошлым и с будущим русской культуры. Прошлое — великая книга Радищева, будущее — «У! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!».

Вот почему силовое поле «Мертвых душ» намного превышает несколько сот страниц книжного текста. Оно пронизывает весь русский девятнадцатый век токами высокого напряжения.

Относительно «Мертвых душ» известно, что Пушкин (тут уже во второй раз, после «Ревизора») сыграл важную, решающую роль в жизни Гоголя. Первый раз он подсказал Гоголю нехитрый и увлекательный для сатирика сюжет. Во второй раз дело было сложнее. Внешняя завязка была в устах Пушкина столь же бесхитростна. Однако, по словам Гоголя, Пушкин привел ему пример Сервантеса и «Дон Кихота», иначе говоря, поставил перед младшим другом задачу обширного повествования: эпоса, вмещающего в себя картину целой эпохи.

Не однажды перед романистами девятнадцатого века вставал Рыцарь Печального Образа и его автор. Диккенс в начале работы над первым своим большим романом, задумывая фигуру мистера Никвика, вспоминал смешные и горестные приключения героя великой книги. Достоевский ставил в прямую связь князя Мышкина с Рыцарем Бедным, с потрясающим воздействием на читателей сервантесовского героя.

Гоголь впоследствии признавался: «На этот раз я сам уже задумался серьезно». Что означала его серьезная дума? Она была связана опять с Пушкиным, с тем, как определял Пушкин свойство гоголевского дарования: «Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та *мелочь*, которая ускользает от глаз, мелькнула бы *крупно* в глаза всем».

Так подчеркнуто противопоставление *мелочного — крупному*. Постепенно, на протяжении длительной работы, укрупнялся в глазах Гоголя замысел «Мертвых душ». Незатейливая история мошенничества при закупке крепостных рабов приобретала в глазах автора смысл, обобщающий весь социальный строй николаевской России. Этот смысл оставался подспудным, подразумеваемым в подтексте и за текстом, и в то же время он с неожиданной силой проступал наружу, просвечивал в лирических отступлениях.

Гоголь назвал свое произведение *поэмой*. В этом была его новаторская смелость. Привлекая его собственные мысли о литературных жанрах, можно понять, чем Гоголь руководствовался. По словам Гоголя, «роман не берет всю жизнь, но значительное происшествие в жизни». Роман сближается с драмой, где «пролетающие мимо явления» не находят себе места, где все действующие лица обязательно вовлечены в общий для них конфликт и, стало быть, связаны с главным героем. Иное дело в представлении Гоголя — *эпопея*. Она «объемлет не некоторые черты, но всю эпоху времени, среди которого действовал герой с образом мыслей, верований и даже признаний, какие сделало в то время человечество». Гоголь

прибавляет: «Такие явления от времени до времени появлялись у многих народов. Многие из них хотя и писаны в прозе, но тем не менее могут быть причислены к созданиям поэтическим».

Мысль эта высказана Гоголем применительно к таким произведениям, которые он определяет, как «меньшие роды эпопей». Это уточнение еще больше приближается к замыслу «Мертвых душ». Гоголь усматривает в «меньших родах» — «земную, почти статистически схваченную картину недостатков, злоупотреблений, пороков...». Здесь Гоголь ссылается все на того же Сервантеса, который «посмеялся над охотой к приключениям, оставшейся, после рококо, в некоторых людях в то время, когда уже самый век вокруг них переменился».

Это написано значительно позже выхода в свет первого тома «Мертвых душ», когда Гоголь был в разгаре работы над вторым. Значит, его теоретические рассуждения сформировались на основе собственного художнического опыта.

Таким образом, понятие «поэтического» в «Мертвых душах» не ограничено непосредственным лиризмом и вмешательством автора в повествование. Гоголь указывает на большее — на обширность и объемность замысла в целом, на его *универсализм*.

И тут мы сталкиваемся с одной важной особенностью поэмы, которая при современном, свежем чтении «Мертвых душ» поражает читателя!

Гоголь задумал «Мертвые души» как поэму *историческую*. С большой последовательностью он отнес время действия первого тома, по меньшей мере, лет на двадцать назад, к середине царствования Александра Первого, к эпохе после Отечественной войны 1812 года.

Гоголь прямо заявляет: «*Впрочем, нужно помнить, что все это происходило вскоре после достославного изгнания французов*». Вот почему в представлениях чиновников и обывателей губернского города Наполеон еще жив (он умер в 1821 г.) и может угрожать высадкой с острова Святой Елены. Вот почему быль или сказка о несчастном одноруком и одноногом ветеране — капитане победоносной русской армии, бравшей Париж в 1814 году, так живо действует на слушателей почтмейстера. Вот почему один из героев второго тома (над которым Гоголь, как уже сказано, работал значительно позже), генерал Бетрищев, целиком вышел из эпопеи двенадцатого года и полон воспоминаний о ней. И если Чичиков выдумал за Тентетникова какую-то мифическую историю генералов двенадцатого года, то и это обстоятельство льет воду на историческую мельницу Гоголя.

Есть и другие показатели историзма Гоголя. Он скрупулезно очерчивает круг чтения губернских чиновников. «Председатель на-

лать знал наизусть «Людмилу» Жуковского, которая еще была тогда непростывшею новостию». А ведь «Людмила» была написана и напечатана в 1808 году! Почтмейстер — не кто иной, как рассказчик «Повести о капитане Копейкине»,— «сдался более в философию и читал весьма прилежно... Юговы «Ночи» и «Ключ к таинствам природы» Эккартегаузена, на которых делал весьма длинные выписки». Ни дать ни взять, был почтмейстер масоном-мартинистом на манер самого царя Александра Павловича! Да и «прочие тоже были более или менее люди просвещенные: кто читал Карамзина, кто «Московские ведомости». Даже в анонимном любовном послании к Чичикову приведено четырехстишие:

Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах.
Воркуя томно, скажут,
Что она умерла во слезах.

И Гоголь прибавляет: «письмо было написано *в духе тогдашнего времени*».

Так тщательно и многообразно окружал Гоголь свой рассказ приметами иной эпохи.

Между тем в других своих произведениях Гоголь умел быть откровенно злободневным. Хлестаков хвалится тем, что состоит «на дружеской ноге с Пушкиным», объявляет себя автором «Юрия Милославского», написанного за семь лет до «Ревизора», он выдает себя за Марлинского, Загоскина, Брамбеуса. Даже бедный безумец Поприщин осведомлен в текущей европейской политике, упоминает «бестию Полиньяка» и «странные дела в Испании» — предмет величайшего беспокойства Поприщина,— недаром он примеряет на себя корону испанского короля! Все это сценами 1833 года, а уже в 1834 году были написаны «Записки сумасшедшего».

Отодвигая события «Мертвых душ» назад во времени, Гоголь был последователен и принципиален.

Было бы наивным предполагать, что историзм понадобился автору во избежание придирок со стороны цензуры, тем более что как раз явный признак минувшей эпохи — «Повесть о капитане Копейкине» только одна и вызвала придирку цензоров. В какой-то степени это можно было предвидеть: в 1842 году исполнилось тридцать лет со времен Отечественной войны и круглая дата нашла отражение в официальной пропаганде.

Так же наивно предполагать, будто бы близость к двенадцатому году понадобилась только ради того, чтобы усилить правдоподобие версии о Наполеоне.

Основания гоголевского историзма глубже. О них приходится гадать.

Задумав широкое эпическое полотно, долженствующее охватить целую эпоху, Гоголь предполагал, что ему понадобятся два или три тома. Точно так же, как в небольшой сравнительно повести, в «Портрете», он отнес время действия второй части еще дальше назад, в конец восемнадцатого века, чтобы показать длительность существования самого портрета, приведшего к трагической развязке, так и в «Мертвых душах» он отнес завязку действия на двадцать лет назад, чтобы в следующих томах приблизить героев к текущей современности.

Но Гоголем руководило и другое чувство, свойственное ему в высочайшей степени. Он постоянно стремился увидеть родину со стороны, из чужбины, из «прекрасного далека». Он и писал первый том в Риме. Такая же отдаленность ему представилась нужной и во времени, не только в пространстве. Здесь сказалось присущее Гоголю чутье историка.

Для многих русских писателей первой половины девятнадцатого века эпоха Наполеона, ее уроки и ее историческое значение оставались точкой отправления, совпадавшей для одних с их детством, для других — с злостью. Писатели обращались к недавнему прошлому в поисках объяснения своей современности, чтобы определить ее истоки и корни.

В тридцатых годах Пушкин обратился к той же эпохе — в набросках первых прозаических глав романа, задуманного как возражение загоскинскому «Рославлеву». Пушкин решительно опровергает шовинистически-чубочные тенденции Загоскина. Пушкинская полемика своевременна для тридцатых годов, она направлена против угодливой неразборчивости светской черни по отношению к любым иностранцам и против ура-барабанного патриотизма.

В грибоедовской комедии тоже найдется резкое и острое изображение Москвы после пожара 1812 года, который, по словам Скалозуба, «способствовал ей много к украшенью». Многозначительный расчет с современниками, провозглашенный Лермонтовым в «Бородине»: «Да, были люди в наше время, могучее, лихое племя: богатыри — не вы»,— стоит в том же ряду новой оглядки на историю, новой ее оценки. Это были не единственные, не одинокие случаи. За тремя великими писателями теснится массовая, не оригинальная литература, тот же Загоскин, ничтожный Булгарин.

Само обращение Гоголя к фигуре Наполеона, к его личности было не случайным и не одиноким в сороковых годах века.

Если мрачный пушкинский Германн, по словам его светского приятеля, «лицо истинно романическое; у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля»; если в страшную ночь гибели старой гра-

фии, находясь в комнате Лизы, Германн «сидел на окошке, сложа руки и грозно нахмурясь. В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона»,— если так обстояло дело с героем загадочным и романтическим, то недаром в раннем рассказе Достоевского на загнанного петербургского чиновника, родного брата гоголевского Поприщина, сосед по квартире обрушивается такой тирадой: «Что, вы один, что ли, на свете? Для вас свет, что ли, сделан? Наполеон вы, что ли, какой? что вы? кто вы? Наполеон вы, а? Наполеон или нет? Говорите же, сударь, Наполеон или нет?»

Так мысль о Наполеоне ютится рядом с величайшим человеческим унижением и убожеством, в обнимку с самым растоптанным самолюбием. Пройдет еще считанное число лет, и та же мысль с гипнотической силой возродится в воспаленном мозгу Раскольникова.

Отклик Гоголя на недавнюю эпоху был и неожиданным и своеобразным. И война двенадцатого года, и Наполеон вплетены в ткань сюжета «Мертвых душ» как безусловное *неправдоподобие*, как устная молва, перешедшая сначала в фольклор, а потом в обывательскую и в чиновничью сплетню.

Гоголь подхватил одну из ведущих тем русской истории — тему самозванства. Павел Иванович Чичиков невзначай оказался где-то в компании и с Дмитрием Самозванцем, и с самим Емельяном Пугачевым.

Гоголь остался верен коренным свойствам своего гения, склонного к гиперболе, к сращению реальной, низкой правды — с чудовищной фантасмагорией.

Но слишком глубоко и органично коренился замысел «Мертвых душ» в живой современности, плотно и неотвратимо окружавшей Гоголя! Вот почему *эпопея все же не стала исторической*.

2

На протяжении решительно всех страниц «Мертвых душ» то здесь, то там, как полосатые верстовые столбы, вырастают черты николаевской России: повсеместное обеднение широких кругов дворянства, не только мелкопоместного, но и крупного, практика заклада недвижимости в банк, еще усиливающая дворянскую задолженность и разруху, всеобщее хождение бумажных кредитных билетов, сильно отличавшихся по курсу от золотых денег. К 1833 году были заложены в различных кредитных учреждениях около четырех миллионов крепостных душ. Так дворянство раздобывало деньги в условиях их растущего обесценения и растущей нужды. Все это — фон, сказывающийся в мелочах повседневного быта, порою только подразумеваемый в гоголевской поэме.

Гораздо важнее другая черта времени, решающая для эпохи Николая Первого.

Французский путешественник, автор знаменитой книги «Россия в 1839 году» (то есть за три года до выхода «Мертвых душ»), маркиз де Кюстин писал: «Россией управляет класс чиновников, прямо со школьной скамьи занимающих административные должности... каждый из этих господ становится дворянином, получив крестик в петлицу... Выскочки в кругу власть имущих, они и пользуются своей властью, как подобает выскочкам».

Сам царь с недоумением признавался, что не он, самодержец всероссийский, управляет своей империей, но им же поставленный столоначальник. Губернский город «Мертвых душ» заселен такими столоначальниками сплошь. Гоголь так говорит о составе его обывателей: «Все были гражданские чиновники, но зато один другому старался напакостить, где было можно».

Николай Первый был не склонен ни к каким решительным реформам. Он слепо верил в усовершенствованную административную систему и если улучшал ее, то учреждением множества новых комитетов, комиссий, коллегий, что, в свою очередь, приводило к усилению самой бюрократии, к увеличению ее численности. Если в начале царствования Николай пришел в ужас, узнав, что только по ведомству юстиции заведено две тысячи восемьсот дел, то в 1842 году по тому же ведомству нерассмотренных дел оказалось тридцать три миллиона.

Содержание непрерывно растущего бюрократического аппарата стоило казне очень дорого. Помимо крупных должностных окладов, выслужившиеся чиновники особо награждались землей, как в аренду, так и в полную собственность. До 1844 года было роздано свыше миллиона десятин. Так нарождался новый землевладельческий класс, всеми своими интересами смыкающийся с родовитым дворянством. Не заслужив награды по службе, изгнанный оттуда с позором, сюда же, в эту среду, намеревался войти и Чичиков.

В громоздком и непрерывно растущем бюрократическом аппарате творились чудовищные беззакония и безобразия. В начале тридцатых годов было возбуждено дело о некоем откупщике; его вели пятнадцать специально назначенных секретарей и еще большее число писцов. Дело разрослось. Один его экстракт, для доклада в высшие инстанции, был изложен на пятнадцати тысячах листов. Чтобы переправить эту бумажную махину в Петербург, были снаряжены десятки подвод. Однако, при отправке их в столицу, дело исчезло без следа, все до последнего листа. Исчезли и подводы, и сами возчики. Отсюда рукой подать до грозных гипербол Гоголя.

Чиновники, выведенные в «Мертвых душах», сильны своей круговой порукой. Они чувствуют общность своих интересов и необходимость при случае защищаться сообща. Им присущи черты особого класса в сословном обществе. Они та *третья сила*, средне-недействующая, среднее статистическое большинство, которое, и по мнению царя, фактически управляет страной. Чтобы окончательно и с наибольшей достоверностью закрепить характеристику николаевского чиновничества, привожу несколько строк из замечательной статьи Герцена «О развитии революционных идей в России». Они впрямую относятся к теме настоящего очерка.

Герцен писал: «Между дворянством и народом стоял чиновный сброд из личных дворян — продажный и лишенный всякого человеческого достоинства класс. Воры, мучители, доносчики, пьяницы и картежники, они были и являются еще и теперь самым явным воплощением рабовластия в империи... Совершенно свободные от предрассудков, чиновники извращали законы, каждый по-своему. Это величайшие мастера кляузы в мире; они имеют в виду только личную свою ответственность: если им ничто не угрожает, для них нет недозволенного; и крестьянин, как и чиновник, не верит в законы. Первый повинуется их из страха, второй видит в них свою кормилицу-поилицу».

Сурово взвешенные слова Герцена как нельзя больше соответствуют всей атмосфере гоголевского творения. Герцен сам хлебнул в юности достаточно беды, служа в различных губернских канцеляриях, когда был сослан Николаем, но ведь не исключается и такая возможность, что «Мертвые души» Гоголя во многом напомнили ему его личный опыт и помогли его обобщить.

Наибольшее значение для раскрытия бюрократического характера эпохи принадлежит фигуре главного героя «Мертвых душ».

В нашем литературоведении, в школьном преподавании утвердилась трактовка Чичикова как «предпринимателя», потенциального капиталиста в эпоху первоначального накопления. Эта трактовка неверна, хотя она будто бы и основывается на соответствующем заявлении самого Гоголя о Чичикове: «хозяин, приобретатель».

Хорошо известно, как Гоголь изображал современное ему русское купечество. Прежде всего, это «тузы-аршинники» «Ревизора» — безликая и безымянная масса, предмет наиболее усиленного и наиболее безнаказанного грабежа со стороны чиновников — масса, еще не знающая своей силы, целиком вышедшая из крестьянской среды и принадлежащая к ней по нравам, по языку, по одежде. Образы других «капиталистов» — во втором томе «Мертвых душ» — совсем не удались Гоголю. Неправдиво и схематично выглядит и набожный откупщик Муразов, и удачливый зем-

левладелец, радетельный хозяин и предприниматель Костанжогло.

Но как бы ни были неудачны Муразов и Костанжогло, они кажутся Чичикову недосягаемым идеалом и недаром ему противопоставлены.

В самом замысле этих двух персонажей сказалась до некоторой степени смелость Гоголя. С его стороны, это был запрос или заказ, адресованный будущему,— будущему русского капитала, сельского и промышленного в лице Костанжогло, финансового в лице Муразова.

Здесь Гоголь не ошибся. Через два десятилетия такие буржуазные деятели действительно появились в России. Они совсем не были похожи на иконописных праведников гоголевской поэмы, они перещеголяли своим хищническим аппетитом и волчьей хваткой всех прежних казнокрадов, но предпринимательский размах и удачливость Костанжогло были им тоже свойственны, равно как и благостное замаливание грехов Муразова. Этих удачливых дельцов разглядел в русском обществе Гончаров, противопоставив Обломову деловитого Штольца, разглядел и Островский (Беркутов в «Волках и овцах»).

Ошибка Гоголя была, конечно, не только в благодушной идеализации темных дельцов. Он был достаточно проницателен в разглядывании любой неправды окружающей русской жизни. Об этом свидетельствует прежде всего сама поэма, включая и второй ее том. Ошибка была глубже, трагичнее, она коренилась в той перемене, которая произошла с Гоголем в сороковых годах. Но о ней — позже.

Чичиков немыслим как производитель каких бы то ни было ценностей, ни материальных, ни духовных. У него нет и в помине этого первого признака буржуа как представителя поднимающегося класса. Рядом с Муразовым и Костанжогло он выглядит недоброжелателем, старшим братом Хлестакова, но, в противоположность последнему, он изрядно научился на государственной службе обманывать государство. Это бюрократ-хищник, правдой и неправдой втирающийся в землевладельческий класс, то есть в дворянство.

До «Мертвых душ» чиновник был нелюбимым героем Гоголя. Это был чиновник мелкий, мельчайший винт бюрократической машины, которая перемалывала его своими шестернями. Это слабое и жалкое существо, смиренный до полной потери лица и души Акакий Акакиевич Башмачкин; спившийся Поприщин; коллежский асессор Ковалев, с лица которого так нагло соскочил его собственный нос в страшной петербургской фантасмагории, характерной и для первых двух героев этого ряда, для Акакия Акакиевича и Поприщина.

В этом же ряду — прославленный на всех сценах России и далеко за рубежом, наиболее истолкованный не только критиками и литературоведами, но и самим Гоголем,— Хлестаков. Только он один вырвался невредим и цел из гениальной комедии. Призрачно легкого, почти невесомого Хлестакова вымчала со сцены, театральной и жизненной, та самая «тройка быстрых, как ветер, коней», о которой тщетно мечтал и молил бога Поприщин и обладателем которой оказался в конце концов Чичиков.

Появлением этого экипажа начинается первый том «Мертвых душ»: «Довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки». Бричка характеризована как общее достояние неизвестно какого рода людей: в такой бричке обыкновенно разъезжают «все те, которых называют *господами средней руки*». И действительно, в бричке сидит *господин средней руки*: «не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод». Тут же из-за угла губернской улицы появляется другой персонаж; он сразу заинтересовывает читателя внешним обликом: «В белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из-под которого видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою с бронзовым пистолетом». Обрисованный так выпукло провинциальный франт, видно, затем и понадобился, чтобы, как в детективе, отвлечь внимание от загадочного приезжего. Кстати, он тут же навсегда исчезает из книги.

Всестороннее стушевывание главного героя продолжается. Единственная реальность о нем, доведенная до сведения читателей, есть официальная справка, адресованная в полицию: «Коллежский советник Павел Иванович Чичиков, помещик, по своим надобностям»,— однако в эту бумажонку вкралась знаменательная ложь: Чичиков никакой не помещик.

Можно предположить, что автор задумал особый эффект и скрывает от нас важные обстоятельства жизни Павла Ивановича, стараясь особо заинтересовать читателя. Но дело обстоит проще! Чичиков действительно есть полная безликость. Когда на второй день пребывания в городе он делает визиты «сильным мира сего», то о себе говорит как-то вскользь... Пускает в ход «несколько книжные обороты: что он незначащий червь мира сего». В таком дебюте Чичикова — сущая правда. Книга называется «Мертвые души». Первая из этих *мертвых душ* есть сам Чичиков.

«Незначащий червь» начинает действовать с поразительной энергией. На протяжении первых двух третей первого тома Чичикову сопутствует неизменная удача, обольщение ближних происходит легко и ловко — вплоть до появления на губернском балу пьяного Ноздрева, вплоть до еще более опасного для героя приезда

в город Коробочки. Тут его деятельность приостановлена, и он вынужден скрыться из города.

А между тем уже показано, как именно, каким нехитрым манером осуществляет Чичиков свою гигантскую аферу.

3

«— Как-с? извините... я несколько туг на ухо, мне послышалось престранное слово...

— Я полагаю приобресть мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые, — сказал Чичиков».

Манилов не только несколько глуховат, но и тому же отстал от окружающей жизни. Иначе он не удивился бы «страннему» сочетанию двух понятий: *душа* и *мертвая*.

Смелость Гоголя в том, с какой прямотой противопоставлены два исключающих друг друга толкования термина *мертвые души*. С одной стороны, «мертвые души» так же общепринятый в обиходном просторечии и канцелярском жаргоне, как *подушная подать* или *имение в тысячу душ*. С другой стороны, «мертвые души» неизбежно поражают, возмущают, отвращают нормально чувствующего человека, кем бы он ни был, даже таким олухом царя небесного, как Манилов. Они вносят смуту в язык, в мысль, в совесть.

Русским людям двадцатого века сразу этого и не ощутить! Здесь приходится передвинуть внутри себя какую-то стрелку на столетие — полтора назад, развернуть пожелтевшую газетную полосу с объявлениями о продаже мужиков, баб и девок, а то побывать на съезжей, когда там секут розгами несчастных крепостных художников или музыкантов...

Остальных контрагентов Чичикова самый термин «мертвые души» не оцарапывает — даже в такой малой степени, как Манилова. Каждый из них воспринимает «мертвые души» как технический термин. Диалог Чичикова со всеми этими мелкими и крупными помещиками происходит примерно одинаково — от Поздрева вплоть до генерала Бетрищева, до Хлобуева и, наконец, последнего из них — «законника и дельца» Леницына, остающегося загадкой для читателей, ибо, лишь мелькнув в первой и четвертой главах второго тома, Леницын так и не решил, «какое имя дать этому действию,— правое ли оно или неправое».

Успех Чичикова обусловлен тем, что сами помещики охотно уступают ему свой товар по любой цене, которую Чичиков предлагает, ибо этот товар вообще не имеет цены,— мертвые крепостные рабы — какая же в них нужда в помещичьем хозяйстве!

Успех Чичикова подкреплен двусмысленностью закона. В двусмысленности закона — центральный узел сюжета «Мертвых душ». «Мы напишем, что они живы». Он действительно вправе так написать, поскольку новой ревизии еще не было и, стало быть, мертвые «числятся живыми». Отсюда привычное для Чичикова лицемерие: «Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов. Я немею перед законом». Вернее — закон немеет перед крючком!

Обстоятельства дела не требуют от Чичикова ни особой ловкости, ни сверхъестественной изворотливости. Чичиков остается неопределенностью в главах читателей, алгебраическим знаком, под которым можно разуметь и нулевое значение — значение мертвеца.

Нулю противопоставлены другие персонажи поэмы во всей их плотной, трехмерной, [illegible] Каждый из них по-своему искажает природу человека. Манилов нелеп, вял, глуп сентиментален. Ноздрев — народный [illegible] самодура-помещика екатерининских времен, дебошир, транжира, картежник, врун и бескорыстный клеветник. Собакевичу легко и можно сравнить с таким медведем, «который уже побывал в руках, умеет и перевертываться, и делать разные штуки». Коробочка — [illegible] и прижимистая старуха, которую Чичикову пришлось и прищучить.

Самый странный урод в этой галерее — Плюшкин, при создании которого Гоголь достигает по линии наибольшего сопротивления,— у него были [illegible] предшественники в изображении скупца: Мольер, Пушкин, Бальзак. Плюшкин гаже и страшнее всех скупцов на свете, потому что в нем [illegible] заведомо мертвая. Показав полный распад личности, ее обеднение и омертвение до физической смерти, Гоголь рассказывает о прошлом Плюшкина, трагически противоположном его плачевной старости. Было время, был и он хозяином рачительным, и семьянином счастливым. Была у него «приветливая и говорливая» жена, были две милые дочки и сын. Жена умерла, старшая дочь убежала с кавалерийским офицером, вторая дочь умерла, сын, служа в полку, проигрался в карты. В дальнейшем Гоголь сжато и сухо рассказывает о постепенном превращении живого в мумию.

Эти пятеро — первые в ряду, за ними теснятся: обжора Петух, самовлюбленный генерал Бетрищев; первый набросок Обломова — Тентетников; сумасброд, отравленный до одури канцелярщиной,— Коняркарев, и еще, и еще дураки, подлецы, человеческий сор и хлам. Все они не однажды были предметом острого любопытства исследователей и предметом их разностороннего анализа. Это давнее достояние школы и театра, массового издания и великолепных иллюстраций Агина, Боклевского, Петра Соколова и фарфоровых карикатур...

В черновых заметках к «Мертвым душам» Гоголь определял свое творческое задание такими словами: «Весь город со всем вихрем сплетней — преобразование бездельности (то есть пошлости) жизни всего человечества в массе... Как низвести все мира безделья во всех родах до сходства с городским бездельем? и как городское безделье возвести до преобразования безделья мира?»

Здесь произнесено слово, завещанное Гоголю Пушкиным,— пошлость. Она включает в себя, по мысли Гоголя, прежде всего безделье, в результате которого возникают сплетни, становится возможным всеобщее надувательство, воцаряется легковерие по отношению к любому обману, гипнотически действующему на поколения мира сего,— «когда все нам кажется не тем, чем оно есть на самом деле...».

В рассказе о переполохе, охватившем город при первых же странных известиях о Чичикове, пошлость показана как массовое сумасшествие. Гоголь с виртуозной простотой или, по выражению Пушкина, «с диким совершенством» выполняет собственное задание. Если Герцен в своем дневнике назвал первый том «Мертвых душ» адом, то последний, девятый круг этого ада — в девятой главе первого тома.

«Как вихорь взметнулся дотоле, казалось, дремавший город! Вылезли на пор все тревоги и гайдаки, которые позалеживались в халатах по нескольку лет кряду. В гостиных заторчал какой-то длинный, длиннее, с простертою рукою, такого высокого роста, какого даже и не видано было.» Этому небывалому великану предстоит еще расти и расти в дальнейшей фантасмагории!

Гоголь тщательно анализирует поведение общества. Здесь «совсем не было... порядка.. все у них было как-то черство, неотесано, неладно, негоже, нестройно, нехорошо, в голове кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность в мыслях».

Молниеносно сменяют друг друга все более вздорные догадки. Чичиков — похититель губернаторской дочки! Он же — разбойник Ринальдо Ринальдини! Он же — фальшивомонетчик! Он же ветеран Отечественной войны двенадцатого года, к тому же однорукий и одноногий, к тому же атаман разбойничьей шайки! Наконец, нелепость вымысла превосходит самое себя, и Чичиков превращается в Наполеона, вышедшего инкогнито из Святой Елены!

Этот Наполеон такой же призрак, как Поприщин — испанский король, как Акакий Акакиевич, рыщущий посмертно по петербургским окраинам и грабящий генеральские шинели, как Нос, сбежавший от владельца и разгуливающий по Невскому в треуголке с плюмажем.

Все это в одном музыкальном ключе, так свойственном Гоголю. Вот какой ад вычитан в поэме Герценом!

Скандал выходит за пределы избранного дворянского и чиновничьего общества. Приезжие купцы ушлись и разодрались между собою до смертоубийства. Главные виновники учиненного безобразия откупились от следствия большими кушами. Их жертвы сочтены умершими от угара.

Бедствие продолжает расти. Городские обыватели перепуганы волнениями казенных крестьян в пригородных селах, в Боровках, в Задирайлове тож и во Вшивой-Спеси. Крестьяне прикапчивают земского полицейского, заслужившего такую кару своей блудливостью, приравненной к кошачьей. Убийцы и тут не разысканы.

В смятенных умах чиновников эти происшествия связываются с загадкой Чичикова: «Такой ли человек, которого нужно задержать и схватить, как неблагонамеренного, или же он такой человек, который может сам схватить и задержать их всех, как неблагонамеренных».

После того как почтмейстер предложил вниманию общества свою версию о капитане Копейкине, возникает последняя догадка о Наполеоне, которая чуть было не приостановила выход в свет книги.

Известно, каким образом Гоголь [illegible] свое творение, на какую уступку цензорам он пошел. Он убрал из повести о капитане крамольный оттенок и собственную авторскую крамолу приписал самому злосчастному капитану. Одна вводная тирада рассказчика стоит того, чтобы ее привести целиком: «Копейкин мой, можете вообразить себе, и в ус не дует. Слова ему эти как горох к стене. Шум поднял такой, всех распушил! Всех там этих секретарей, всех начал откалывать и гвоздить: да вы, говорит, то, говорит! Да вы, говорит, это, говорит! Да вы, говорит, обязанностей своих не знаете! Да вы, говорит, законопродавцы, говорит! Всех отшлепал...»

Мятежный дух произведения вошел внутрь одного из второстепенных персонажей, а книга была спасена.

Рассказав про капитана, почтмейстер добавляет: «Но, позвольте, господа, вот тут-то и начинается, можно сказать, нить, завязка романа». Почтмейстер по-своему прав. Если бы Гоголь был романистом, он воспользовался бы романической завязкой. Но он не был романистом и только пародирует ненужный ему эффект. Задача у автора эпопеи противоположная.

В результате переполоха, изображенного в девятой главе, сама поэма вырывается на простор русских дорог, проселочных и почтовых, верстовых... Перед Гоголем тоже возникает простор еще более обширный: раздумья о своем труде и призвании, оглядка на пройденный путь, сожаления, надежды... «Грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразись во глубине моей...»

Так встречается читатель с лирикой Гоголя и с его живой диалектикой: в смене разных и разноречивых, ничем не сдержанных чувств и мыслей.

Только что прозвучал вопль неистового восторга: «У, какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!» — и вот заволокло сверкание дали, Гоголь отказывается и от восторга и от лиризма. Он ставит ребром вопрос о выборе героя: «Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателям». И тут же объяснение, почему не взят в герои «добродетельный человек». «Потому что пора, наконец, дать отдых бедному добродетельному человеку, потому что праздно вращается на устах слово «добродетельный человек»; потому что обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом, и всем чем ни попало...»

Эта важнейшая для Гоголя тирада кончается соответственно: «Нет, пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца!»

Иначе говоря, пора раскрыть паспорт Чичикова, показать его в трех измерениях, а то и в четвертом — во времени.

4

«Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло-неприятно, сквозь какое-то мутное, заплеванное снегом окошко...»

Точно так же могла бы «при начале» взглянуть жизнь и на Акакия Акакиевича, и на Поприщина, и еще на скольких других несчастливцев и горемык в русской классике!

Чичиков вышел из неблагополучия, тоски, безобразия, бедности. Отец его был болен «вечный шарк и шлепанье по комнате хлопанцев»,— в самой инструментовке согласных — шрк... шлп... хлп...— звучит некрасивая музыка этого детства.

С самых ранних лет Чичиков обнаруживает необыкновенную гибкость камуфляжа, почти зоологического. Все, что на протяжении предыдущих глав было недосказано, было истолковано как безликость, серость, срединность ни тонкого ни толстого, ни молодого ни старого,— разъясняется как урок и «сточанного жизненного опыта, как стойкость и упорство, терпение и обходительность.

Первая его служба — повыть, или повытье,— наследие допетровских приказных разделов. Повытный раздел — самый «бумажный», самый канцелярский: здесь производится опись заведенных дел, здесь они распределяются по другим приказам, по другим департаментам. Начальник повытья — повытчик - существо «какой-то каменной бесчувственности и непотрясаемости...», «что-то

страшное являлось в сем отсутствии всего». Повытчик самой природой предназначен для несения бессмысленной службы, бессмысленной циркуляции входящих-исходящих. В нем мерещится тот самый столоначальник, который, по выражению царя Николая, заменил его самого и ныне является самодержцем на Руси.

Чичиков с трудом, но переступает свой первый «самый трудный порог». Ему удается расположить к себе каменного повытчика, приволокнувшись за его дочерью. Заслужив доверие начальника и вслед за тем желанное повышение, Чичиков с полным самообладанием покидает и дочь и отца. «Тут только и теперь только стал Чичиков понемногу выпутываться из-под суровых законов воздержанья».

История Чичикова рассказана подробно и занимательно.

Жизненные его аппетиты не чрезмерны, они такие же «средние», как он сам. Чичиков на первых порах желает достичь и действительно достигает «среднего достатка»: рубашки тонкого голландского полотна, фрак излюбленного им цвета наваринского дыма с искрою, несколько кусков ароматического заграничного мыла, такой же одеколон, да еще бричка — та самая, с которой начинается книга. Вот и вся чичиковская движимость. О какой-либо недвижимости пока не может быть и речи. Мысль о ней гнездится где-то в подсознании героя. Она связана с самым затаенным его стремлением, которое так или иначе свойственно всей мужской половине рода человеческого, но у Чичикова приобретает характер чуть ли не мании.

Чичиков не Хлестаков,— наоборот, он положителен и солиден, по крайней мере, в представлениях о самом себе, о своем будущем. Но, как карамазовский черт у Достоевского, Чичиков одержим сознанием своей неполноценности, недовоплощенности в жизни, в обществе, в быту. Отсюда вечная, часто испытываемая им потребность: мечта о любимой женщине и реальная мечта о детях.

Ему грезится «свежая, белолицая бабенка... и молодое поколение, долженствовавшее увековечить фамилию Чичиковых: резвунчик-мальчишка и красавица дочка или даже два мальчугана, дво и даже три девчонки, чтобы было всем известно, что он действительно жил и существовал, а не то что прошел по земле какой-нибудь тенью или призраком...».

Тенью по земле могут пройти и действительно проходят и Акакий Акакиевич, и Поприщин, а заодно с ними и бедняга художник Пискарев, трагически влюбившийся в падшую женщину. Призрачнее всех — не кто иной, как сам Иван Александрович Хлестаков. Чичиков боится такой участи пуще огня.

Как уже сказано, он немыслим и непредставим в каком-либо производительном труде, ни на каком поприще, кроме канцеляр-

ской волокиты и связанных с нею выгод. Из него не выйдет ни художник, ни врач-исцелитель, ни инженер-строитель. Все это чуждо мошеннику. Еще более чужд ему физический труд печника, столяра, штукатура, портного, сапожника... Чичиков — бюрократ в чистейшем варианте этой социальной разновидности. Единственно возможное для него производство есть воспроизводство самого себя. Это потребность биологическая — потребность муравья в муравейнике, пчелы в улье. Вот почему Чичиков сравнивает свою будущую брачную жизнь с выполнением долга перед государством — долга, общего для всех «благонамеренных граждан». При мысли о браке нечистый на руку делец выпрямляется, как при команде «смирно». Он почти набожен в почитании будущего, чаемого потомства, так же как первобытный человек набожен в почитании предков. Это набожность элементарная, по своему даже дикарская, потому она так сильна у Чичикова.

Дальнейшая карьера Чичикова драматична. В ней несколько срывов и падений, при которых иной сломал бы себе шею. Этому ваньке-встаньке везде и всюду удается выпрямиться, оправиться, подняться еще выше.

В результате последнего падения Чичиков выгнан со службы на таможне, где очень крупно нажился и еще больше проворовался. Он становится частным поверенным, ходатаем по всякого рода кляузным делам. Тут ему и книги в руки — законнику, знающему ходы и выходы судебных и прочих присутствий. Чичиков хлопочет, между прочим, «о заложении в опекунский совет нескольких сот крестьян». Он разъясняет в соответственном случаю месте, «что вот какое, между прочим, обстоятельство: половина крестьян вымерла, так чтобы не было... привязок». Так впервые осторожно возникает намерение обойти стороной закон!

«— Да ведь они по ревизской сказке числятся? — сказал секретарь.

— Числятся,— отвечал Чичиков.

— Ну, так чего же вы опасаетесь? — сказал секретарь,— один умер, другой родится, а все в дело годится».

Чичиков сразу понял рифмованный ответ: «Героя нашего осенила вдохновеннейшая мысль, какая когда либо приходила в человеческую голову. «Эх я Аким простота... ищу рукавиц, а обе за поясом!»

За этим следует ряд здравых мыслей Чичикова о том, как построить свое благополучие на скупке мертвых. Эти мысли рисуют великолепные возможности любой аферы со стороны всесильного чиновничества. Гоголь добавляет язвительно: «Что ни говори, но приди в голову Чичикову эта мысль, не явилась бы на свет сия поэма».

Тут и начинается пространное рассуждение о выборе героя, о его сущности: «Кто же он? Стало быть, подлец? Почему ж подлец, зачем же быть так строгу к другим?»

Последний десяток страниц беглой и в то же время тщательной косой скорописи Гоголя. Первый том так дорого давшейся ему поэмы будет закончен, вместе с этим закончится блаженное житье в Риме. Гоголь вернется в Россию...

Последние страницы — убийственная полемика с возможными критиками, которые действительно оказались тут как тут после появления долгожданной книги. Гоголь предвидит их доводы, их тактику, их близорукость. Речь все о том же — о выборе героя. Гоголь прав, утверждая, что читатели могли бы с легкостью принять Чичикова, не загляни автор «поглубже ему в душу». «По окончании чтения душа не встревожена ничем, и можно обратиться вновь к карточному столу, тешащему всю Россию».

Это — речь на самую острую для современников Гоголя тему. Удар Гоголя направлен на казенный, квасной патриотизм.

Для того чтобы окончательно выправировать свою точку зрения в сознании читателей Гоголь рассказывает уморительную притчу о том, как «жили в одном отдаленном уголке России два обитателя...». Отец, Кифа Мокиевич, добрый человек, умозрительный (по нашей терминологии — отвлеченный) философ. Гоголь приводит образец этой самодеятельной философии: «Зверь родится нагишом. Почему же именно нагишом? Почему не так, как птица, почему не вылупливается из яйца?..» Сын философа, Мокий Кифович,— другого характера: «Был он то, что называют на Руси богатырь... Ни за что не умел он взяться слегка: все или рука у кого-нибудь затрещит, или волдырь вскочит на чьем-нибудь носу». Нет житья от сына ни дворовой девке, ни дворовой собаке. Отец слышит постоянные жалобы на него, однако больше всего на свете боится, как бы кто-нибудь не узнал об этом: «Гласность-то — вот беда! Город узнает, назовет его совсем собакой...»

Кончив притчу, Гоголь раскрывает скобки и втолковывает читателю и без того прозрачную мораль: «Так проводили жизнь два обитателя мирного уголка, которые нежданно, как из окошка, выглянули в конце нашей поэмы, выглянули для того, чтобы отвечать скромно на обвиненье со стороны некоторых горячих патриотов».

Вся полемика Гоголя, все его негодование направлены в этот адрес, в сторону обличения «горячих патриотов», для которых важна не столько правда о родине, сколько суждение о ней где-нибудь на стороне, за рубежом. Они больше всего заботятся не выносить сора из избы и уподобления Кифе Мокиевичу.

Гоголь был первым из русских писателей, который смело вы-

ступил с разоблачением такого патриотизма, с разоблачением консерваторов, охранителей порядка и благопристойности, благонамеренности, по тогдашней терминологии.

Гоголь предвидел, откуда именно будет звучать критика по адресу «Мертвых душ» и по его собственному адресу. Он знал своих главных врагов, многочисленных официальных и полуофициальных мракобесов всех мастей и оттенков, крупных чиновников, еще не позабывших успеха на сцене «Ревизора», а рядом с ними и придворные круги: «Еще восстанут против меня новые сословия». «Новые сословия» — это николаевская бюрократия, а также все те, кто прислуживает ей, рептильные журналисты, агенты Бенкендорфа и Дубельта.

В той или иной степени близости к таким людям, как Булгарин и Греч, были и Барон Брамбеус — Сенковский, и Н. Полевой, и Масальский.

Полевой, исходя из своей якобы эстетической требовательности, обвинял Гоголя в тенденциозном подборе темных, мрачных и некрасивых сторон жизни. То же самое, но еще откровеннее и глупее, делал Масальский, утверждая, что Гоголь стремится возбуждать смех «блохами, щепками, сварями, казненными на ногте, грубыми площадными выражениями, ободранными котами, посторонними каплями, попадающими в суп, и прочее...». Греч усмотрел такую же «грязь» в упоминании о незаконнорожденном ребенке от дворовой девки Капитолины. И Греч и Сенковский ставили Гоголя ниже Поль де Кока. Сенковский, в обычном для него жанре издевательского шутовства, обвинял Гоголя в незнании русской грамматики.

Это была критика мелочная, поверхностная, злобная. Едва ли не сознательно она обходила главное в разбираемом произведении. Оценки «Мертвых душ» по существу не было и в помине.

К этому же ряду, но с проявлением еще более откровенной злобы, относится устный отзыв Ф. Толстого, который требовал ссылки Гоголя в Сибирь, на каторжные работы. Это был тот самый знаменитый Толстой-Американец, которого Грибоедов устами Репетилова за двадцать лет перед тем характеризовал следующим образом:

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку нечист...—

а Пушкин в те же времена заклеймил эпиграммой:

...Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он загладил свой позор,

И теперь он — слава богу —
Только что картежный вор.

Престарелый герой этих отзывов мог узнать себя в Ноздреве, но причина его ярости была глубже всякой личной обиды. Он был рупором многочисленной придворной клики. За его спиной стояла тупоголовая и чванная светская чернь.

Совсем иной была оценка «Мертвых душ» со стороны общественности славянофильской и западнической.

Гоголь не задержался на своей притче о Кифе Мокиевиче и его сыне. Он вернулся в конце тома к Чичикову и к лейтмотиву всей завершающей части поэмы — к образу дороги. И снова звучит дифирамб России. Сколько раз на протяжении более чем века был он цитирован, читан про себя и вслух, со сцены, с трибуны, с кафедры, в школе, дома... Сколько русских людей потрясал он: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка...» Но даже неловко напоминать читателям эти [illegible] ими с детства строки!

5

В знаменитом обращении к «птице-тройке» Гоголь не забыл и мастера, которому тройка обязана своим существованием: «Не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро, живьем, с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик».

Есть еще один герой в поэме о мошенниках и тунеядцах, владельцах живых и мертвых душ. И если эти персонажи изгадили лицо родной земли, то живут на земле и «расторопные мужики», которые непрестанно украшают ее делами своих рук. Неназванный герой Гоголя — это трудовой народ России, крепостные рабы.

В «Мертвых душах» Гоголь сложил такой дифирамб русскому крепостному люду, с такой прямой наглядностью противопоставил его помещикам и чиновникам, что это не может остаться незамеченным, не может не броситься в глаза читателю.

Вернувшись после удачных сделок с пятью первыми помещиками — продавцами мертвых душ, Чичиков, по словам Гоголя, пребывает «в самом веселом расположении духа». На следующее утро, едва проснувшись, он сразу же принялся за дело, и «сам решился он сочинить крепости, написать и переписать, чтоб не платить ничего подьячим»... «В два часа готово было все».

И вот Гоголь передоверяет одно из лирических отступлений не кому другому, как Чичикову, казалось бы, менее всего расположенному к какой бы то ни было лирике.

Речь идет о скупленных Чичиковым крепостных, о мертвецах,

зарытых в сырую землю, которые отслужили срок своей неволи, отбыли с помещичьего двора, с помещичьей пашни.

С Чичиковым, по словам Гоголя, происходит нечто необычное. «Когда взглянул он потом на эти листики, на мужиков, которые точно были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали бар, а может быть, и просто были хорошими мужиками, то какое-то странное, непонятное ему самому чувство овладело им...»

Даже Чичиковым овладело оно! Даже он, трезвейший из трезвых и, стоит прибавить, самый мертвый из всех бесчисленных мертвецов поэмы, даже Чичиков внезапно превращается в свою противоположность — в художника, в поэта, импровизирует воображаемые биографии купленных им рабов.

Достаточно процитировать хотя бы одну из таких «импровизаций», чтобы понять, куда гнет Гоголь.

«Пробка Степан, плотник, трезвости примерной. А! вот он, Степан Пробка, вот тот богатырь, что в гвардию годился бы! Чай, все губернии исходил с топором за поясом и сапогами на плечах, съедал на грош хлеба да на два сушеной рыбы, а в мошне, чай, притаскивал всякий раз домой целковиков по сту, а может, и государственную зашивал в холстяные штаны или затыкал в сапог,— где тебя прибрало? Взмостился ли ты для большего прибытку под церковный купол, а может быть, и на крест потащился и, поскользнувшись, оттуда, с перекладины, шлепнулся оземь, и только какой-нибудь стоявший возле тебя дядя Михей, почесав рукою в затылке, примолвил: «Эх, Ваня, угораздило тебя...»

Сразу вслед за этой биографией идет еще одна — сапожника Максима Телятникова, научившегося ремеслу у немца, но прогоревшего на заведомо гнилом сырье и погибшего от запоя...

И еще и еще воскресают в разыгравшемся воображении Чичикова молодые, здоровые, работящие, одаренные люди, похищенные из жизни в разгар труда и во цвете лет. Все это разительно, даже демонстративно отличается от остального повествования Гоголя — так широко, с такой волей к обобщению выражается сочувствие автора к героям чичиковского мартиролога, да и не только сочувствие, но любование ими.

Впервые в поэме встают во весь человеческий рост самые живые люди, и, как на грех, они-то и мертвые! Мертвые поменялись местами с живыми.

Многообъемность и глубина гоголевского замысла обнаруживается с полной наглядностью.

Сила этого массового воскрешения мертвых увеличена тем, что в чичиковском списке рядом с мертвецами проставлены также и беглые. При встрече с именами и прозвищами беглых Чичиков до-

ходит до ликующего исступления. И если до сей поры он уже показал себя настоящим поэтом, то здесь он вырастает как поэт эпический:

«И в самом деле, где теперь Фыров? Гуляет шумно и весело на хлебной пристани, порядившись с купцами. Цветы и ленты на шляпе, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь с любовницами и женами, высокими, стройными, в монистах и лентах; хороводы, песни, кипит вся площадь, а носильщики между тем при криках, бранях и понуканьях, нацепляя крючком до девяти пудов себе на спину, с шумом сыплют горох и пшеницу в глубокие суда, валят кули с овсом и крупой, и далече видеют по всей площади кучи наваленных в пирамиду, как ядра, мешков, и громадно выглядывает весь хлебный арсенал, пока не перегрузится весь в глубокие суда-суряки и не понесется гусем вместе с весенними льдами бесконечный флот. Там-то вы наработаетесь, бурлаки! и дружно, как прежде гуляли и бесились, приметесь за труд и пот, таща лямку под одну бесконечную, как Русь, песню...»

Вот где увидел Герцен в «Мертвых душах» — «удалую, полную сил национальность», вот откуда вычитал он «утешение в вере и упование на будущее».

Так проявляется гоголевский стихийный демократизм.

Чем бы ни руководствовался Гоголь, подарив свое слово и свое одушевление Чичикову и этим безмерно и не по заслугам обогатив его духовный облик, — во всяком случае, дело это сделано на славу! Гоголя можно и попять! Недаром он предвидит еще в первом томе возможность возрождения своего героя. И если во втором томе этот рост в Чичикове не осуществляется, если читатель расстается с Чичиковым, не узнав его с другой стороны, то внезапный проблеск в описанной здесь сцене все же остается в силе, хотя бы как несбывшаяся возможность, несбывшееся обещание.

Уже было сказано,— в поэме бьет сильными токами высокого напряжения живая диалектика Гоголя, его непрестанная потребность противопоставлять смерти — жизнь, мертвым пошлякам — глубоко спрятанное в них живое начало. Только что было показано, как в самом ничтожном из пошляков, в «незначащем черве», согласно чичиковской автохарактеристике, Гоголь обнаружил целебный источник одушевления и стольких других возможностей, вплоть до художнического дара импровизации.

Так происходит воскрешение заведомого мертвеца. Этому в дальнейшем противопоставлена самая что ни на есть обыкновенная смерть — кончина губернского обывателя завершает городской переполох по поводу Чичикова. Городской прокурор, «пришедши домой, стал думать, думать и вдруг, как говорится, ни с того ни с другого умер... увидели, что прокурор был уже одно без-

душное тело. Тогда только с соболезнованием узнали, что у покойника была, точно, душа».

Еще один пример волновой энергии, бьющей в поэме. Она движется и нарастает, казалось бы, незаметно, где-то под землею, и внезапно дает знать о себе резкими толчками неблагополучия, сдвигами земной коры, которых не предусмотрели никакие сейсмографы, трещинами в самом сознании человека, превращением какого-нибудь бедняги прокурора в «бездушное тело».

Такие сдвиги и трещины ждут читателя и во втором томе «Мертвых душ». Там они особенно заметны – как раз потому, что том остался недовершенным и существует в глазах поколений русских читателей как таинственная развалина, населенная, будто у романтиков, чуть ли не призраками. Но все эта развалина глухонемая, но большей частью страстно красноречивая — даже в своем запирании, даже в умолчаниях.

6

Последнее десятилетие в жизни Гоголя было трагическим не только потому, что он ушел из жизни безвременно рано, на сорок втором году жизни, что его смерть осталась загадочной и для современников, и для ближайших друзей, и даже для врачей, лечивших больного и пытавшихся его спасти. Это десятилетие (1842—1852 гг.) было трагическим в силу неожиданного перелома и надлома во всей душевной, духовной и творческой природе гениального человека. Перелом отшатнул от него большинство современников, исказил его образ в памяти нескольких следующих поколений.

Внешним выражением перелома осталась печально знаменитая книга Гоголя — «Выбранные места из переписки с друзьями». Гоголь отрекся в ней от всего им написанного, отрекся и от художественного творчества. В злосчастной книге звучало оправдание самых ужасных сторон тогдашней русской жизни, вплоть до крепостного права, до семейного уклада, восходящего к «Домострою», до апологии народной неграмотности. Звучала в книге также фанатическая набожность и соответственно — восхваление самодержавия.

От этого неприглядного периода в жизни самого Гоголя и по сей день веет загадочной темнотой, удушьем, распадом личности. С наибольшей силой свидетельствует об этом периоде рыдающее негодование Белинского в его знаменитом письме (15 июля 1847 г.). Оно неизбежно присутствует в каждом рассказе о конце Гоголя.

Если значение письма Белинского к Гоголю так велико в развитии русской революционной мысли, то в жизни самого Гоголя

оно представляло собою последний трагический акт в большой драме, охватывающей отношения двух писателей на протяжении длительного времени. Белинский был первым из критиков, безоговорочно признавший талант Гоголя и его высокое значение. Белинский проницательно угадал сущность гоголевского юмора, остроту его сатиры. Белинский воинственно утверждал, что «комедия Гоголя «Ревизор» стоит всякой трагедии». Недаром в письме к Гоголю в 1842 году Белинский признавался: «Вы у нас теперь один — и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связана с вашей судьбою: не будь вас — и прощай для меня настоящее и будущее в художественной жизни моего отечества». Это признание было глубоко искренне и глубоко выношено Белинским. Тем с большей, с более сокрушительной силой обрушился на Гоголя удар, нанесенный ему последним письмом Белинского.

В таких тяжелых, [illegible] и не разгаданных позднейшими исследователями [illegible] десятилетняя работа Гоголя над вторым томом «Мертвых душ».

При чтении его первых четырех глав, сохранившихся полностью, обращает на себя внимание иная, нежели в первом томе, новая для Гоголя манера. Она [illegible] легче, задушевнее по отношению к предмету повествования. Применяя современный термин, Гоголь сделался «объективным наблюдателем» героев своих и окружающей среды. Острота сатиры либо смягчена и затушевана, либо отсутствует. Даже обжора Петрушевич симпатичен в своей мании безудержного гостеприимства. Даже старающий и молодящийся на старости лет, тщеславный и взбалмошный генерал Ветрищев отнюдь не карикатурен в изображении Гоголя.

Та же объективная, раздумчивая благожелательность видна и в изображении Тентетникова, открывающего собою целую вереницу знаменитых «лишних людей сороковых годов». Именно таких современников подразумевал Некрасов:

Суждены нам благие порывы,
Но свершить ничего не дано.

С благодушным юмором рассказывает Гоголь о благом порыве Тентетникова, о его беспомощности перед задуманным сочинением неизвестно на какую обширную тему, о ничегонеделании богача — владельца сотен крепостных. Сталкивая Тентетникова с Чичиковым, Гоголь в этом последнем обнаруживает неожиданное сходство с Фигаро, когда Чичиков берет на себя деликатное поручение по улаживанию личных дел нового приятеля. Правда, и здесь он не упускает своей выгоды, но рвение и ловкость Чичикова в чутком деле говорят сами за себя; в первом томе ничего такого не могло бы приключиться.

Если еще раз вспомнить о первоначальном замысле Гоголя, об отнесении времени действия поэмы назад, тогда причастность Тентетникова к тайному обществу должна быть связана с декабристским движением, а суждение Гоголя по этому поводу приобретает особый интерес: «Какие-то философы из гусар, да недоучившийся студент, да промотавшийся игрок затеяли какое-то филантропическое общество, под верховным распоряжением старого плута, и масона, и карточного игрока, пьяницы и красноречивейшего человека. Общество было устроено с целью доставить прочное счастье всему человечеству от берегов Темзы до Камчатки».

Был ли Гоголь действительно мало осведомлен о декабристском движении или он нарочно внес в свою характеристику искажающие черты,— во всяком случае, здесь речь идет об эпохе, предшествующей Гоголю: это двадцатые годы, канун декабризма,— отсюда и гусары-философы, и масон — заправила кружка, и филантропические задачи, направленные на «счастье всего человечества».

Однако характеристика этого тайного общества остается у Гоголя путаной, она вмещает в себя черты разных эпох в развитии русской революционной мысли. Конечная цель, рисующаяся членам общества,— «доставить прочное счастье всему человечеству от берегов Темзы до Камчатки»,— говорит об их знакомстве с идеями утопических социалистов, переносит нас в среду петрашевцев, в сороковые годы.

Современники рассказывают в своих воспоминаниях, что в дальнейшем следовали главы, в которых Тентетников был арестован и сослан в Сибирь, а дочь Бетрищева, Улинька, следовала за ним в ссылку. И это снова вяжется в один — декабристский — узел и лишний раз подтверждает прочность и обдуманное отнесение действия поэмы в двадцатые годы века.

Между тем приключения Чичикова идут своим чередом. До сей поры читатель движется за героем без помех и остановок, по ровной и утоптанной дороге: посещения помещиков — выгодные сделки с ними продолжаются. Эти главы полностью дописаны Гоголем, а если и не полностью, то все же пробелы в них не прерывают непрерывного течения времени. В дальнейшем читателю предстоят ухабы, рытвины, крутые спуски или провалы в полную неизвестность. Порою и сам рассказчик как бы впадает в беспамятство и тщетно стремится сориентироваться в окружающем. Тогда-то и вырастают рядом с живыми, полнокровными образами такие безжизненные тени и схемы, как Муразов и Костанжогло, тот и другой — продукты гоголевского духовного надлома в середине сороковых годов, тот и другой — носители голой тенденции. Муразов — набожный откупщик,— уж не по части ли казенных

питий? — радеющий о построении новых храмов, а Костанжогло — идеальный землевладелец, которому решительно все на свете удается, как в сказке,— десятки тысяч сами собою так и текут к нему, только подставляй мошну! Это чужеродные гости в гоголевском творчестве. На месте высокого холма, который, по мысли Гоголя, должен показать другую Россию, не мертвую, а живую,— образовалась рытвина.

Но мы снова на гребне убедительного повествования о мертвецах, управляющих обществом, когда вместе с Чичиковым попадаем в имение, разоренное самим сумасшедшим хозяином, полковником в отставке, Кошкаревым. Говоря словами Полония о Гамлете, Кошкарев действительно безумен, «но в его безумии есть своя система» — да еще какая, можно прибавить, настолько дурацкая и противоречащая здравому смыслу, что все комиссии, учрежденные Кошкаревым, на деле остаются фикциями, а назначенные работать в них дворовые люди разбегаются сломя голову, кто куда. Так завершается картина бюрократии, сросшейся при Николае с землевладельческим классом.

Рывками, с трагическими пропусками, со ссылками на обстоятельства, остающиеся загадкой для читателя, вроде подделки Чичиковым какого-то завещания, со все большим числом белых пятен, поэма стремительно движется к завершению.

Как ни трагична сама по себе история с ночным сожжением рукописи второго тома Гоголем за десять дней до своей смерти,— все равно кажется, что зола сгоревшей бумаги живет и продолжает свой рассказ о некогда существовавшем целом. Даже в невнятице такого рассказа есть сила, напоминающая последние страницы «Записок сумасшедшего», а то и «Страшную месть»: «Хочет подняться выросший в земле великий, великий мертвец и трясет землю».

Старания Чичикова избежать настигающей его кары изображены с потрясающей силой, свойственной романтической молодости Гоголя. Речь идет вообще о жалком человеке, о его жалкой борьбе за существование.

Внезапно вызванный к князю — генерал губернатору, еще и не войдя к нему в кабинет, Чичиков знает, что погиб. С первых же слов он слышит об обстоятельствах, неизвестных читателям, но в их глазах они вырастают в грозную улику.

«— Женщина,— произнес князь, подступая несколько ближе и смотря прямо в глаза Чичикову,— женщина, которая подписывала по вашей диктовке завещание, схвачена и станет с вами на очную ставку...»

Попытка жалкой самозащиты Чичикова передана с точностью стенограммы:

«Что за бедственные стечения обстоятельств! Кровью, ваше сиятельство, кровью нужно было добывать насущное существование... Вся жизнь была — точно вихорь буйный...» И последний вопль: «Я — человек, ваше сиятельство!»

Чичиков падает на колени. Он «обхватил обеими руками сапог князя» и продолжает вопить, «не выпуская сапог князя и проехавшись, вместе с ногой, по полу в фраке наваринского пламени и дыма».

Чичиков в остроге. Все, казалось бы, кончено для него, все ясно для читателей. Да не тут-то было!

Дописав эти страницы и на нескольких следующих изобразив Чичикова в еще более плачевном состоянии, доведя его чуть ли не до раскаяния при помощи добродетельного Муразова, Гоголь как будто спохватывается!

Но кому же Гоголь дает деликатное поручение вызволить героя из немилучей беды, кто помогает Чичикову и на этот раз улизнуть от следствия, суда и наказания?

На этом повом, внезапно возникшем на последних гоголевских страницах персонаже стоит остановиться!

«Одностворчатая дверь его печального чулана растворилась, вошла чиновная особа — Самосвистов, эпикуреец, собой лихач, отличный товарищ, кутила и продувная бестия, как выражались о нем сами товарищи. В военное время человек этот наделал бы чудес: его бы послать куда нибудь пробраться сквозь непроходимые, опасные места, украсть перед носом у самого неприятеля пушку,— это его бы дело. Но за неимением военного поприща, на котором бы, может быть, он был честным человеком, он пакостил и гадил...»

В дальнейшем энергичные меры, предпринятые Самосвистовым, изображены в духе приключенческого романа, но при этом вполне соответствуют жизненному и житейскому правдоподобию. В нужный момент «продувная бестия» преображается в жандарма с бакенбардами и усами, вытворяет и другие чудеса, а в результате темное дело, в котором столькие замешаны, становится еще темнее и наконец внезапно улетучивается само, как дым,— и концы в воду.

И вот что удивительно! Гоголь любуется этим оборотнем, как не любовался ни одним из действующих лиц «Мертвых душ». Намек на то, что Самосвистов мог бы оказаться на войне героем, брошен как бы вскользь, но брошен не зря!

Не ради контраста, а скорее наоборот,— чтобы показать общность в судьбах совершенно разных, резко различных людей того времени,— вот признание одного из современников Гоголя и чужого героя:

«...Пробегаю... все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А верно, она существова-

ла, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные, но я не угадал этого назначения...»

Куда бедняге Самосвистову до Печорина! Да и не задумывался он о каких-нибудь высоких материях, вроде своего назначения или цели жизни. В нем все проще, грубее, да и грязнее. Но в исторической, более чем вековой, перспективе на том и другом обнаруживается печать одинакового безвременья. Оба они,- каждый по-своему, «герои эпохи»,— хотя бы тем, что оба не «благонамеренны», не «благонадежны», не «добродетельны», если пользоваться ходкой в те времена терминологией.

В лепке образа Самосвистова и в дальнейшем описании хода событий Гоголь не изменяет своему дару гиперболы. Он возводит жизненные обстоятельства в квадрат и куб невероятицы, бредового кавардака и шабаша. То самое, что в девятой главе первого тома напоминало девятый круг Дантова ада, здесь, на последних написанных Гоголем страницах, становится чудовищной вакханалией бюрократии, которой в бюрократическом государстве все позволено и все сходит с рук.

Здесь Гоголь дает генеральное сражение своей эпохе.

Многие страницы и [illegible] второго тома были сожжены Гоголем. По свидетельству [illegible], то были лучшие главы. Многого недостает в связности повествования. И это навсегда утрачено для поколений русских читателей. И все же надо признать: того, что осталось, достаточно, чтобы судить о замысле, оценить его грандиозный размах.

Чичиков спасен, и все для него может начаться сначала. Возникает круговая порука чиновников в ее звериной неизбежности: «Завязалось дело размера беспредельного в судах и палатах. Работали перья писцов и, конюхивая табак, трудились казусные головы, любуясь, как художники, крючковатой строкой... Путаница увеличилась...»

Механика этой грандиозной путаницы объясняется просто: «Донос сел верхом на доносе, и пошли открываться такие дела, которых и солнце не видало, и даже такие, которых и не было. Все пошло в работу и в дело: и кто незаконнорожденный сын, и какого рода и званья у кого любовница, и чья жена за кем волочится». Вот еще один пример гоголевского дара «выставлять так ярко пошлость жизни, очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаза, мелькнула бы крупно в глаза всем».

Сам князь теряет голову, ничего не понимая в предъявляемых ему бумагах, и в конце концов дает предписание:

«Скажите этому Чичикову, чтобы он убирался отсюда как можно поскорей, и чем дальше, тем лучше».

Князь собирает у себя всех своих подчиненных, сначала угрожает им военным судом, но тут же заявляет, что вынужден отказаться от дальнейшего расследования: «Все будет позабыто, изглажено, прощено...» Следует откровенное признание в невозможности искоренить неправду и преступление. У генерал-губернатора, управляющего целой губернией, снабженного широчайшими и чрезвычайными полномочиями, осталось напоследок одно только средство воздействия: «сделать клич хотя к тем, у которых еще есть в груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово «благородство».

К этой речи вымышленного Гоголем крупного администратора можно присовокупить вместо комментария речь самого Николая Первого, произнесенную им как раз в 1842 году, за несколько месяцев до выхода первого тома поэмы, при обсуждении вопроса о крепостном праве в Государственном совете. Царь отлично знал, что его слушают злейшие противники реформы, самые крупные землевладельцы империи. Царь говорил о том, что крепостное право «в нынешнем положении» его есть, конечно, зло, «но прикасаться к оному теперь было бы злом еще более гибельным», что «всякий помысел о сем был бы лишь преступным посягательством на общественное спокойствие и благо государства» и что сам он, самодержец всероссийский, «никогда на сие не решится».

На этом можно и расстаться с «Мертвыми душами», с мощным замыслом Гоголя, с мощным по внутреннему трагизму его воплощения.

Речь князя и вместе с нею вся поэма кончаются на полуслове: «...потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва...»

Рукопись оборвалась именно здесь, и это, разумеется, случайность. Она могла оборваться на любом другом полуслове.

Но если проницательнее и строже оглядеться вокруг себя, то ведь каждый день и час исторического бытия общества поколений обрываются точно так же, на полуслове: «Нам всем темно представляется, и мы едва...»

Ан нет, не так уж и темно. На то и существуют на белом свете великие книги.

Великие книги потому и живут долгий срок, а то и просто бессмертны, что они непрерывно требуют перечитывания, нового прочтения. Происходит это не только в силу душевной потребности помнить добром дорогих ушедших, но и в силу гражданского долга, в силу присущего людям стремления быть участниками и творцами истории, сознавать себя звеном в цепи поколений.

Память и заботливость по отношению к прошлому равносильны тревоге за будущее и вере в него.

П. Антокольский

Николай Васильевич
Гоголь
МЕРТВЫЕ ДУШИ

Редактор
Ю. Козловский
Художественный редактор
А. Виноградов
Технический редактор
Г. Лысенкова
Корректоры *Т. Бардина* и
Н. Замятина

ИБ № 1188

Подписано в печать с матриц 04.12.79. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная». Печать высокая. 21,0 усл. печ. л. 22,631 уч.-изд. л. Доп. тираж 100 000 экз. Заказ № 583. Цена 2 р.

Издательство «Художественная литература», Б-78, Ново-Басманная, 19.

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

Отпечатано на Киевской книжной фабрике республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Киев, Воровского, 24.

СОДЕРЖАНИЕ

П. Антокольский. «Мертвые души». *Поэма* . . 3

ТОМ ПЕРВЫЙ

Глава первая 35
Глава вторая 46
Глава третья 65
Глава четвертая 85
Глава пятая 111
Глава шестая 131
Глава седьмая 153
Глава восьмая 173
Глава девятая 195
Глава десятая 214
Глава одиннадцатая 232

ТОМ ВТОРОЙ

Глава первая 267
Глава вторая 297
Глава третья 307
Глава четвертая 341
<Одна из последних глав> 359

Приложение
к первому тому «Мертвых душ»
Повесть о капитане Копейкине (редакция, разрешенная цензурой) 393

Глава первая [1]

Зачем же выставлять напоказ бедность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства? Что ж делать, если такого свойства сочинитель, и так уже заболел он сам собственным несовершенством, и так уже устроен талант его, чтобы изображать ему бедность нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства! И вот опять попали мы в глушь, опять наткнулись на закоулок.

Зато какая глушь и какой закоулок!

На тысячу с лишком верст неслись, извиваясь, горные возвышения. Точно как бы исполинский вал какой-то бесконечной крепости, возвышались они над равнинами то желтоватым отломом, в виде степы, с промоинами и рытвинами, то зеленой кругловидной выпуклиной, покрытой, как мерлушками, молодым кустарником, подымавшимся от срубленных деров, то наконец темным лесом, еще уцелевшим от топора. Река, то верпая своим высоким берегам, давала вместе с ними углы и колена по всему пространству, то иногда уходила от них прочь, в луга, затем, чтобы, извившись там в несколько извивов, блеснуть, как огонь, перед солнцем, скрыться в рощи берез, осин и ольх и выбежать оттуда в торжестве, в сопровожденье мостов, мельниц и плотин, как бы гонявшихся за нею на всяком повороте.

---

[1] В данном издании печатается текст ранней редакции второго тома «Мертвых душ», как наиболее полной. Отсутствующие в рукописи, но необходимые по смыслу слова введены в угловых скобках.

ниях государственной службы и частных занятий. Все огорченья и преграды, какие только воздвигаются человеку на пути его, все искушенья и соблазны, ему предстоящие, собирал он перед ними во всей наготе, не скрывая ничего. Все было ему известно, точно как бы перебыл он сам во всех званьях и должностях. Словом, чертил он перед ними вовсе не радужную будущность. Странное дело! оттого ли, что честолюбие уже так сильно было в них возбуждено; оттого ли, что в самых глазах необыкновенного наставника было что-то говорящее юноше: вперед! — это слово, производящее такие чудеса над русским человеком,— то ли, другое ли, но юноша с самого начала искал только трудностей, алча действовать только там, где трудно, где нужно было показать бо́льшую силу души. Было что-то трезвое в их жизни. Александр Петрович делал с ними всякие опыты и пробы, наносил им <то> сам чувствительные оскорбления, то посредством их же товарищей, но, проникнувши это, они становились еще осторожней. Из этого курса вышло немного, но эти немногие были крепыши, были обкуренные порохом люди. В службе они удержались на самых шатких местах, тогда как многие, гораздо их умнейшие, не вытерпев, бросили службу из-за мелочных личных неприятностей, бросили вовсе или же, не ведая ничего, очутились в руках взяточников и плутов. Но воспитанные Александ<ром Петровичем> не только не попятились, но, умудренные познаньем человека и души, возымели высокое нравственное влиянье даже на взяточников и дурных людей.

Но этого ученья не удалось попробовать бедному Андрею Ивановичу. Только что он был удостоен перевода в этот высший курс как один из самых лучших,— вдруг несчастие: необыкновенный наставник, которого одно одобрительное слово уже бросало его в сладкий трепет, скоропостижно умер. Все переменилось в училище: на место Александра Петровича поступил какой-то Федор Иванович, человек добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. В свободной развязности детей первого курса почудилось ему что-то необузданное. Начал он заводить между ними какие-то внешние порядки, требовал, чтобы молодой народ пребывал в какой-то безмолвной тишине, чтобы ни в каком случае иначе все не ходили, как попарно. Начал даже сам аршином размерять расстоянье от пары до пары. За столом, для лучшего вида, рассадил всех по росту, а по

верст десять? Мне бы хотелось проститься с сестрой и зятем.

— С большим удовольствием,— сказал Чичиков.

— От этого вы не будете внакладе: зять мой — весьма замечательный человек.

— По какой части? — спросил Чичиков.

— Это первый хозяин, какой когда-либо бывал на Руси. Он в десять лет с небольшим, купивши расстроенное имение, едва дававшее двадцать тысяч, возвел его до того, что теперь он получает двести тысяч.

— А, почтенный человек! Вот этакого человека жизнь стоит того, чтобы быть переданной в поученья людям! Очень, очень будет приятно познакомиться. А как по фамилии?

— Костанжогло [1].

— А имя и отчество?

— Константин Федорович.

— Константин Федорович Костанжогло. Очень приятно познакомиться. Поучительно узнать этакого человека.— И Чичиков пустился в расспросы о Костанжогле, и все, что он узнал о нем от Платонова, было, точно, изумительно.

— Вот смотрите, в этом месте уже начинаются его земли,— говорил Платонов, указывая на поля.— Вы увидите тотчас отличье от других. Кучер, здесь возьмешь дорогу налево. Видите ли этот молодник-лес? Это — сеяный. У другого в пятнадцать лет не поднялся <бы> так, а у него в восемь вырос. Смотрите, вот лес и кончился. Начались уже хлеба; а через пятьдесят десятин опять будет лес, тоже сеяный, а там опять. Смотрите на хлеба, во сколько раз они гуще, чем у другого.

— Вижу. Да как же он это делает?

— Ну, расспросите у него, вы увидите, что... [2] Это всезнай, такой всезнай, какого вы нигде не найдете. Он мало того что знает, какую почву что любит, знает, какое соседство для кого нужно, поблизости какого леса нужно сеять какой хлеб. У нас у всех земля трескается от засух, а у него нет. Он рассчитает, насколько нужно влаж-

---

[1] В ранней редакции — Скудронжогло, иногда — Гоброжогло, Попонжогло. В дальнейшем Гоголь изменил эту фамилию на Костанжогло. Так печаталось во всех изданиях второго тома «Мертвых душ». Это написание сохраняется и в настоящем издании.

[2] В рукописи четыре слова не разобрано.

БИБЛИОТЕКА "ДРУЖБЫ НАРОДОВ"

МИХАИЛ
АЛЕКСЕЕВ

ИВУШКА НЕПЛАКУЧАЯ

РОМАН

"ИЗВЕСТИЯ"

МОСКВА © 1983

2-35
135009/
1085

САД НА ОГНЕННОМ ВЕТРУ

Когда книги, созданные хорошим писателем за многие годы, собираются его руками в общий продуманный ряд, особенно наглядно выступает их кровное родство. Живой мир, вызванный силой воображения, жаром сердца, богатством трудно обретенного опыта, раскрывается во всей широте, в многоцветье, в единстве, а токи, незримо питающие его, становятся явными для внимательного глаза. И во всем этом отчетливо прорисовывается в самых выразительных и главных своих чертах духовный и творческий облик самого художника. Он предстает одновременно и в нынешней зрелой завершенности, и в процессе становления — от одной книги к другой, и в каждой из них все ясней проступает его связь с почвой, его породившей, и временем, которое его сформировало.

Михаил Николаевич Алексеев родился и вырос в селе. Называлось оно Монастырским и лежало юго-западнее Саратова — в сторону Баланды и Аткарска. В отличие от степных, по преимуществу саратовских волостей, родное село будущего писателя окружали леса, овраги, болота. В полуверсте от Монастырского находился омут, прозванный Вишневым. Вокруг разбросались помещичьи вотчины — чаадаевская, салтыковская, шереметевская.

Но предки алексеевских земляков не знали тягот "крепости" даже в самые лихие времена. Жили они, как видно по названию села, на монастырской земле, в глухом и дальнем лесном углу и власть монашескую над собой не больно признавали. О божьих слугах вспоминали раз в году, по осени, когда приходила пора отправлять в монастырь очередной обоз с годовым оброком. В остальное время жили своим порядком, помаленьку крепили хозяйства и многие успели выкупиться на волю еще до реформы.

Прадед писателя — николаевский солдат, тянувший лямку все положенные по тем временам четверть века и прихвативший под конец службы Крымскую кампанию, — вернулся в Монастырское с молоденькой женой. Буквально выкрал он семнадцатилетнюю дворовую девчонку (разумеется, с ее согласия) у какой-то не то полтавской, не то харьковской помещицы. В приданое мужу-москалю принесла Настя на его родину звонкие украинские песни, умение стряпать невиданные в этих местах галушки и еще любовь к садам, к буйному весеннему вишенному кипению, к тяжелой румяной сласти наливных яблок. С легкой ее руки всех монастырцев захватило повальное увле-

чение садами. За то "по-уличному" прозвали Алексеевых Хохловыми, или попросту "Хохлами". И, наверное, не случайно в повествовательной манере автора "Вишневого омута", "Карюхи", "Ивушки неплакучей" то и дело слышатся песенные, романтические интонации, характерные для традиционной украинской прозы. И отсюда же скорее всего — истоки алексеевского юмора.

Душу мальчика питали две волны.

Одна поднималась от самой земли, от привычного крестьянского быта, труда, обихода. Михаил Алексеев застал последние дни старой единоличной деревни, пережил злобные срывы отца, приходившего в отчаяние от вечной нужды, успел впитать в душу горечь безысходности, тяготевшей над мужиком. Отсюда, к слову, драматизм "Карюхи" да и других алексеевских сочинений, обращенных к сельской жизни предреволюционной и предколхозной поры.

Но из тех же родников пробивались иные, светлые струи. Они несли дыхание жизни, приобщали к радости и красоте крестьянского труда. Будущего писателя еще малышом ввел в этот мир дед-садовник. Его добрые руки умели пестовать яблони и ласкать ребятишек, он знал поименно каждую птаху и травинку.

От дедовых уроков, от птичьей щебетни, звеневшей в его саду, вошло во все книги Михаила Алексеева, и прежде всего в "деревенские" его сюжеты, проникновенное чувство приобщенности к природе. Органичность этого чувства уловил еще Николай Асеев — один из самых первых читателей и ценителей "Вишневого омута", откликнувшийся на выход этой книги. И все это, вместе взятое — суровая проза крестьянской жизни и ее поэзия, неотделимая от всего огромного, вечно живого мира, — и есть та первая, вспоившая будущего писателя волна.

А вторая волна нахлынула извне. Алексеев родился в тысяча девятьсот восемнадцатом году, первое осознанное воспоминание связано у него с трехлетним возрастом, то есть с 1921 годом. И не удивительно, что это воспоминание — о голоде. В "Вишневом омуте", на тех его страницах, где изображаются первые шаги маленького Мишатки в большой мир, мы найдем множество обстоятельных "кулинарных" рецептов на предмет употребления в пищу слезок, косматок, щавеля, дягиля, столбунцов, чернобыла и прочего "подножного корма", спасавшего едва дождавшихся весны ребятишек от голодной смерти в том лютом для Поволжья году. И смерть Ленина запомнил шестилетний Михаил, и вступление семьи в колхоз — было это в тридцатом. Старую Карюху отец отводил на общественный двор ночью, чтобы не слышала мать; она все-таки услышала и всполошила ребят истошным воплем. А через несколько дней двенадцатилетний мальчишка шел по крестьянским дворам: школьная комсомольская ячейка разослала учащихся агитаторами за колхоз.

Подробней об этом первом своем общественном поручении Алексеев поведает уже в наши дни, в романе "Драчуны". И здесь же с присущим ему юмором расскажет, как почти сразу же оно сорвалось, поскольку "агитатор", как и другие его приятели, не вышел ни ростом, ни годами, и растревоженные сомнениями

мужики не могли принять всерьез убеждения и доводы неопе-
рившихся мальцов.

Однако надобно тут же сказать, что сами-то мальцы были настроены по-боевому. Что сознавали они себя юной сменой коммунаров-большевиков, творцами новой небывалой жизни не только в Монастырском, но и на всей планете. В тех же "Драчу-нах" повествуется о том, как вдохновенно звенели над селом разученные ими песни о реющем над миром и зовущем на борь-бу рдяно-горящем знамени, о красных кавалеристах — тех, кто в ночи ясные и в дни ненастные готов гордо и смело мчаться в бой за "братишкой Буденным" сквозь громы и пожары...

Будущий писатель и его друзья тоже готовились с беззавет-ной стойкостью встретить любые испытания, и эта готовность пригодилась им очень скоро, когда новой страшной голодовкой обрушился на село тысяча девятьсот тридцать третий год... А на следующий год разом умерли отец и мать. Братья разлетелись кто куда, и шестнадцатилетний Михаил остался единственным хозяином пятистенной избы. Перемучившись вдосталь, налов-чился за лето добыть корову и печь хлеб на зависть иным сосед-кам. Но зимой ей пришлось совсем туго, когда б не предприим-чивый дружок-сверстник Васька Ступкин, потерявший в трид-цать третьем перемершую от голода семью. Вдвоем кое-как одолели нужду, зимние тяготы и даже учение, хотя было у при-ятелей на двоих пара старых подшитых валенок, да латаный пид-жачишко, да корова Лысенка, на которой возили в район на ба-зар пиленые на дрова кладбищенские кресты... Впрочем, лучше всего прочитать "Дружков" и новеллу "Астрономы" в повести "Хлеб — имя существительное": почти все произведения Ми-хаила Алексеева построены на прочных автобиографических устоях, а всего, что пришлось ему пережить, с лихвой хватит на добрый десяток его героев и, наверное, останется в запасе еще на столько же, если не более.

Но самым важным актом приобщения Алексеева к народ-ной судьбе стала Великая Отечественная война. Он встретил ее, находясь на действительной службе в должности политрука парковой батареи Харьковского артучилища. Несколько меся-цев сражался на Юго-Западном фронте. А в июле сорок второго его часть с ходу вступила в бой на донских берегах близ хутора Нижне-Яблонского. То было начало битвы за Сталинград — Алексеев участвовал в ней с первых до последних дней. И здесь же, под станцией Абганерово, был принят в партию...

"Солдаты" — первый роман Михаила Алексеева, который был написан сразу после войны — в 1946—1947 годах. С этого рубежа началась его деятельность в большой советской литера-туре.

"Солдаты" — совсем неплохой роман для писателя-дебю-танта, для того времени, когда военная тема только начала ос-ваиваться в эпическом масштабе советской литературой. Его герои — это прежде всего работники, оторванные вражеским нашествием от главного жизненного дела. И во имя этого дела, ради его защиты и торжества они и на фронте вершат правед-ный, тяжелый, смертный труд, загоняя, как зверя, войну.

Однако самому Алексееву из всех его военных книг не зря особенно дорога "Дивизионка" (1957—1960). Вспышка лирической прозы, которая произошла в эти годы в нашей литературе, историческое и психологическое углубление военной темы, успешно начатое только что пополнившей писательские ряды плеядой литераторов-фронтовиков, сама атмосфера времени, не говоря уже о накопленном профессиональном опыте, — все это сообщило новаторскую направленность алексеевскому поиску. Писатель впервые вступает на равных в круг своих героев, лично свидетельствуя достоверность изображаемого, демонстративно отказываясь от вымысла и фабульной канвы, беря на вооружение приемы очерка, репортажа, фельетона.

Это не снизило художественных достоинств произведения. Всякий эпизод фронтового быта, любая черточка в облике друзей-побратимов согреты и освещены в "Дивизионке" любовной и лукавой усмешкой. Она сообщает авторскому повествованию особую доверительность и свободу. Задушевность и юмор становятся для Алексеева своего рода универсальным стилистическим ключом. С одной стороны, это дает ему возможность "обыгрывать" по ходу повествования всевозможные житейские мелочи и передряги, самые неожиданные "чудинки" в привычках людей, добиваясь живой убедительности изображения. С другой стороны, веселая простота с особенной силой помогает понять, что каждый из проходящих перед нами в "Дивизионке" рядовых участников войны ежечасно творит подвиг самоотверженной верности Родине.

Пожалуй, именно [illegible] поверив наконец самому себе, полностью освободившись от гипнотического воздействия неписаных "правил", порождающих безликую гладкопись, Алексеев обрел индивидуальную, безошибочно угадываемую среди многих манеру письма. И еще, как надо понимать, ощутил многообразие возможностей для применения осознанной силы. Не потому ли так неожиданно для читателей и в какой-то мере для самого себя шагнул он от документально-лирической, насквозь военной "Дивизионки" к "Вишневому омуту" — роману, сочетающему строгую простоту бытовой основы со сказовой образностью, символикой, населенному фигурами эпическими и комедийными, построенному на драматичнейших столкновениях добрых и злых сил, на проникновенных раздумьях о жизни, правде и красоте, а главное, уводящему читателя далеко от фронтовых дорог — в многоструйное течение крестьянского бытия. То был выход на главную, ключевую для писателя тему, закономерно завершивший этап "самоопределения", наметившийся в "Дивизионке".

Но уже отсюда, из очевидной внутренней преемственности, сблизившей "военную" повесть и "деревенский" роман, можно лишний раз убедиться, что между основными направлениями алексеевского творческого поиска существует постоянная и органичнейшая связь. Сам писатель определяет ее единством образной некрасовской характеристики, напоминая, что великий поэт назвал в свою пору русского мужика "сеятелем и хранителем" родной земли. И действительно, коль скоро заходит речь

о воплощении духовной силы и красоты народного характера, исторической его основы, нельзя забывать об этом единстве. Без этого невозможно понять и показать высоту солдатского повседневного подвига, без этого не раскроешь силу крестьянской души, для которой и мирный труд на земле то и дело оборачивается борьбой.

Народ для Алексеева — всегда победитель, какие бы страшные беды и грозы ни обрушивало на него время. Он побеждает по праву хозяина и творца жизни. В том правда и смысл его существования на земле, правда его труда и характера, закрепленных в народном сознании в песенном и сказочном поэтическом творчестве, исполненном огромной жизнеутверждающей силы.

На этой основе, собственно, и построены идея и сюжет "Вишневого омута"(1958—1961), где развернута хроника крестьянской семьи, охватывающая десятилетия конца прошлого — начала нынешнего века. Жизнь и судьбы изображенных здесь героев чем дальше, тем ощутимей испытывают воздействие потрясающих страну событий: русско-японская война, революция 1905 года, столыпинщина... Автобиографическая канва проступает с развитием действия все более осязаемо. Писатель, по его признанию, даже реальные имена не решается заменить выдуманными, настолько слит с именем в его внутреннем видении облик и характер "списанного с натуры" человека.

Однако эта на первый взгляд натуралистическая тенденция в данном конкретном случае оказалась целиком подчиненной силе художественного обобщения и внесла свою долю участия в раскрытие центральной идеи романа.

Есть у "Вишневого омута" одна примечательная особенность, которая [illegible] лишь теперь, когда родились и увидели свет другие произведения Алексеева, посвященные деревне — вплоть до недавно вышедших "Драчунов". Дело в том, что книги эти словно бы вырастают из "Вишневого омута", как молодые могучие побеги из плодоносного яблоневого ствола. Корни ствола уходят в земную глубину — в прошлое родного писателю села, к истокам зарождения семейства Харламовых-Алексеевых. Но вершина романа — это события Великой Отечественной войны: тяжкие испытания, выпавшие на долю женщин-солдаток, ребятишек, стариков, встают перед нашими глазами. Эпилог приходится на весну Победы. Другими словами, время, охваченное действием "Вишневого омута", вбирает в себя целиком события, вошедшие и в ткань "Карюхи", "Драчунов", "Ивушки неплакучей" и — в значительной степени — повести "Хлеб — имя существительное" (часть составляющих ее новелл приходится на 50-е годы). Но важнее всего то, что события эти, как и взятые в целом сюжеты названных книг, представляют собой при ближайшем рассмотрении очередные эпизоды знакомой нам по "Вишневому омуту" семейной либо сельской хроники.

"Хлеб — имя существительное" (1961—1963) — это все тот же поиск активного духовного начала, определившего облик советского села, его стойкость в самых суровых испытаниях. Эта стойкость увиделась писателю как некое слагаемое, составленное из множества неприметных на первый взгляд душевных

усилий и подвигов. "Маленькие люди", выступившие носителями этих качеств, предстали перед нами как личности незаурядные, неповторимые.

Чудаковатый неунывающий Никифор Удальцов, по прозвищу Капля... Непутевый Самонька — хвастун, лодырь и горелопас... "Почтмейстер" Зуля, простодушно полагающий, что предварительное ознакомление с корреспонденцией односельчан входит в число прямых служебных его обязанностей... Так словно бы шутливо открывает здесь Алексеев свою очередную "сельскую галерею". Открывает, опять-таки как и в "Дивизионке", самолично вступая в книгу с первой страницы щедрым хозяином, предлагающим спутнику-читателю увлекательные и веселые деревенские знакомства и встречи.

В ряду многих героев повести особенно выделяются и противостоят друг другу Василий Куприянович Маркелов и Марфуша Журавушка.

Маркелов — порождение издержек, связанных с колхозным строительством 30-х годов, с трудностями послевоенного десятилетия. Это фигура волюнтариста и "лжеактивиста", нарисованная точно, скупо и зло. Алексеев сумел убедительно показать социально-психологические корни этого типа. Перед нами носитель собственнической мелкоурядной психологии, "хозяйственный мужичок", расчетливый, цепкий, эгоистичный, умеющий использовать любую конъюнктуру и, приспособляясь ко всему, служить, по собственному его выражению, и "богу и черту". Жажда накопления материальных благ соединилась в душе Маркелова с такой же неуемной жаждой власти и почета.

В прежние времена он был бы кулак, у которого на десятерых бы хватило остервенелой энергии накопительства. Да, собственно, и на председательском месте Маркелов действует в том же духе, прикрываясь демагогическими рассуждениями и спекулируя на лозунгах дня. Он злоупотребляет властью, выслуживается перед районным начальством такого же волюнтаристского склада, пока наконец не оказывается выброшенным на "Председателевку" — улицу, приютившую на краю села, на самом отшибе, уже не одного незадачливого участника преславутой председательской "чехарды".

Безнравственность и, в конечном счете, бессилие Маркелова и ему подобных лишь сильнее подчеркивают душевную красоту Зули, Маркелова, Стыцного, "вечного депутата" Акимушки Акимова и других героев повести. Но Журавушка стоит среди них на первом месте. Обаятельный и драматический этот характер становится идейным и эмоциональным стержнем "Хлеба". Не случайно она в том или ином качестве появляется почти в каждой из составляющих эту повесть глав-новелл и служит писателю верным моральным критерием при оценке изображаемых персонажей.

Мы часто встречаем в "Хлебе" ее имя, слышим пересуды о ней, стоемся вместе с дедом Каплей над Самонькой, заработавшим от ее руки заслуженный синяк, переживаем за нее, читая о грубых домогательствах Маркелова, позыменного начальственные виды на броскую и манящую ее красоту. Наконец, в по-

велле "Астрономы" — одной из поэтичнейших в повести — мы узнаем о ней главное: как стала она Журавушкой, как расцвела первая и последняя ее любовь, как обрушила на нее война раннее вдовство.

Но в полную силу разгорается поэтический этот свет в заключительной, недаром венчающей повесть, новелле. Женственный, страстный, гордый, целомудренный, самоотверженный, очень русский и крестьянский характер алексеевской героини раскрывается у нас на глазах от эпизода к эпизоду. И каждый из них любовно и точно отобран писателем и до поры, до "черного воскресенья", открывающего военную страду, исполнен всепоглощающей радости, жаркого порыва к счастью. Недаром же она — Журавушка, она воистину создана для счастья, как птица для полета. Любовь властвует здесь с самой первой запевной строки, с проникновенно-лирического гимна ночи, в таинственном лунном свечении которой раскрываются лепестки цветов и рвущиеся навстречу друг другу человеческие сердца. Журавушка, ее [illegible] стремления, воссозданные на этих страницах, [illegible] человеческая во всей ее торжествующей [illegible] уже — этот огромный и светлый праздник [illegible] оборваться, уже отмечен ему срок в книге Журавушкиной судьбы...

И [illegible] — нигде Журавушка не выступает у А[illegible] бедой. Любовь и верность, страстная [illegible] которой она является, помо[illegible] дни, одолеть и горечь невосполнимой потери, и [illegible], и выматывающую тяжесть крестьян[illegible] поры.

Журавушка — самая большая поэтическая удача Михаила Але[illegible].

А [illegible], из числа вышедших за эти годы из-под его [illegible] взгляд, "Карюха" (1967).

Ни [illegible] Алексеева не отличается такой завершенностью и [illegible] композиции, таким органическим единством формы и содержания. То, что наметилось уже в "Вишневом омуте" и получило развитие в лучших новеллах, повести "Хлеб — имя существительное" (если брать в целом, то они все-таки далеко не равноценны, эти новеллы), выступило в "Карюхе" победоносно.

Можно даже сказать об этой повести как о произведении этапном, обозначившем новое качество алексеевской прозы. Ее появление совпало по времени с выходом целого созвездия отличных книг о нашей деревне. В эту пору, во второй половине шестидесятых годов, читатель-современник получает повесть Сергея Залыгина "На Иртыше" и его же роман "Соленая Падь". Тогда же начинают свое уверенное восхождение Василий Белов и Валентин Распутин — первый публикует "Привычное дело", "Плотницкие рассказы", "Под извоз", второй — "Деньги для Марии" и "Последний срок". Тогда же Федор Абрамов выступает с повестью "Пелагея" и с ключевым романом своей тетралогии о Пряслиных "Две зимы и три лета", Борис Можаев — с повестью "Живой", Виктор Астафьев — с наиболее впечатляющими

главами-повестями "Последнего поклона" — собственно, это и стало актом рождения названной книги. И в те же годы стремительно восходит звезда Василия Шукшина. То был несомненный и очевидный акт творческого подъема для целой плеяды писателей, в том числе и для Алексеева, о чем и свидетельствовала его "Карюха".

Можно говорить о внутренней музыкальности этой повести: в ней, словно в симфонии, звучат, перекликаясь, переплетаясь между собой, несколько ведущих тем. Буквально каждый эпизод, самый что ни на есть рядовой, прозаичный, вдруг получает глубину, обретает символическое звучание, включаясь в раскрытие ведущей идеи. Случайных, проходных сцен, характеров, даже деталей, здесь вообще нет, в полную нагрузку работает каждая строка.

Повесть Алексеева, действие которой происходит во второй половине 20-х годов, в канун коллективизации, является собой значительный вклад в нынешние писательские размышления о прошлом нашей деревни, о путях, которые она выбирала в ту пору. Это убедительный ответ на попытки своеобразно идеализировать задним числом "хозяйское" начало в "крепком" крестьянине [illegible]лет, выдвигая на первый план поэзию мужицкой рачительности, труда на земле, духовной связи с природой без всякого учета необратимой и необоримой силы социально-психологических закономерностей, диктующих собственнику-индивидуалисту, намеренному жить и выбиваться "в люди" среди себе подобных, линию неизбежного подчинения волчьим требованиям, определяющим условия существования такого "свободного" сообщества...

Сюжеты "деревенских" книг Алексеева, накладываясь друг на друга, образуют своего рода летописное лиро-эпическое сказание, где каждая страница отражает очередной этап народной судьбы.

Война здесь — один из таких этапов. Но это этап особый, грозный, ключевой — незабываемое и трагическое испытание, в котором раскрылась непобедимость жизненных сил, заключенных в народных глубинах, восторжествовали мировоззренческие, социальные и нравственные идеалы нашего строя, рожденного Октябрем. Добавив к этому пережитое за фронтовые годы самим художником, нетрудно понять, почему именно войной и всем, что связано с нею, образовано в его мироощущении некое силовое поле, воздействие которого Алексеев, о чем бы он ни писал, испытывает постоянно.

Роман "Ивушка неплакучая" (1966—1974), как уже говорилось, — это очередной мощный побег, взявшийся от тех же корней, что вспоили и подняли "Вишневый омут" — главное родовое древо взращенного писателем сада. Не случайно именно здесь, в первом "деревенском" своем романе, наметил он сюжетные узлы и драматические ситуации, которые породила, выражаясь его словами, "удивительная эра", пришедшая на село вместе с войной, — "эра стариков, женщин и подростков, где женщины были основной силой — новейший и своеобразный матриархат"... В повести "Хлеб — имя существительное", в главах,

посвященных Журавушке и ее подругам, тема эта получила новое развитие. Здесь уже отчетливо определились две качественно разные фазы "матриархата" — собственно военная, осиротившая и обезмужичившая село и сплотившая солдаток в едином общем горе и труде, и послевоенная, когда воротились домой немногие уцелевшие фронтовики и счастливые их жены поспешили воздвигнуть вокруг семейных очагов крепостные стены ревности и недоверчивого страха. "...Как-то никому не приходило в голову, что не все узлы обязательно развяжутся, что иные из них затянутся еще туже, рядом со старыми образуются новые... что в тяжкой и горькой работе по разматыванию тех клубков придется участвовать не одному поколению хватит этой работы и детям и внукам, останется, может быть, еще и для правнуков", - характеризовал эту пору сам писатель, открывая вторую книгу "Ивушки", где и развернул во всей широте тему, не оставляющую его в покое...

В его глазах то был еще один очень важный этап битвы за победу, которая, как говорит в романе пожилой секретарь райкома Федор Знобин, должна стать "победой для каждого советского человека". Вот почему такое большое, можно сказать, ведущее место отведено в романе изображению трудового и нравственного народного подвига, которым обернулась жизнь колхозного села как в годы войны, так и в трудную пору послевоенного становления. Складываясь из множества каждодневных [illegible], этот подвиг совершается в нарастающем драматизме [illegible] самыми обыкновенными, а подчас и просто [illegible], даже не подозревающими всей меры того, что делается их руками. Такими, к примеру, проходят через роман Меня Соловьева, пользующийся ее женской слабостью Тишка, не упускающий своего лесник Архип Колымага. Но и в каждом из них Алексеев успевает увидеть дорогой ему проблеск того душевного огня, которым в полную силу светится образ центральной героини.

В ней, Фене Угрюмовой, по мере нашего знакомства с нею, между прочим, то и дело начинают проступать черты, знакомые нам по Журавушке. Сам Алексеев предвидел возможность подобных ассоциаций. Выступая перед читателями, он не однажды подчеркивал, что "Ивушка" — не повторение открытий, сделанных в "Вишневом омуте" и "Хлебе". Просто сходные ситуации, житейские и психологические, приводят порою к сходным художественным решениям.

Соглашаясь с писателем, скажем больше — образ Фени не только несет печаль самобытности, уже тем самым достойно пополняя созданную писателем галерею женских крестьянских натур. Он продолжает эту галерею, которая, как бы вырастая из глубин десятилетий и открываясь трагической и жалкой фигурой Ульяны в "Вишневом омуте", отражает перемены, вносимые ходом истории в сознание и духовный облик русской крестьянки. Этот путь восхождения долог и мучительно труден. Алексеев ни разу не поступился правдой, показывая раскрепощение женской души от жестоких, унизительных пут патриархальщины, а также новые испытания, выпавшие во времена Ве-

ликой Отечественной на долю тех же крестьянок, что пережили солдатками и первую мировую, и гражданскую войны и вдосталь натерпелись тревог и сомнений в коллективизацию. В том же "Вишневом омуте" особенно обстоятельно прослежена в этом смысле жизненная тропа Фроси Вишенки. Именно в ней можно видеть прямую предшественницу и Журавушки, и в особенности Фени Угрюмовой в "Ивушке". Словно родные дочери наследуют у нее они неизбывное трудолюбие, упорство, душевную стойкость и чистоту, сознание своего достоинства и права на счастье, безоглядность любовного порыва, животворную силу материнского чувства. Но все эти свойства выступают в Фене крупнее, резче, последовательнее.

Читая "Ивушку", отдаешь должное и той обстоятельности, с которой течет повествование, и выразительности движущих его характеров. С другой стороны, примечательно, что иные из ведущих эпизодов романа обнаруживают очевидную тенденцию к сюжетной автономии, читаются как своего рода "новеллы" — прием, знакомый нам по "Хлебу". Так стягиваются в самостоятельный рассказ эпизоды, изображающие учебу Фени и ее подружек, приобщающихся к нелегкой механизаторской работе. В этой сюжетной цепи и стычки с Тишкой, и сцена отчаянной переправы через поднятую половодьем реку, и ночная ловля рыбы на лесном озере... Самостоятельными новеллами выглядят история материнской трагедии Степаниды Луговой и показанная с доброй усмешкой попытка побега на фронт, предпринятая Павликом — младшим братишкой Фени.

Сказанное наводит на мысль, что Алексеев гораздо увереннее чувствует себя, работая над рассказом или повестью. Однако центробежные силы, то и дело дающие себя знать в этом романе, неизменно нейтрализуются темой и главной идеей, захватившей писателя, а также жизнью его героев. Их судьбы сплетены временем в многоликий образ народной судьбы. И он, этот образ, неотступно влечет писателя, требуя все больших масштабов художественного обобщения, все большего ухода в глубины, где совершается великое таинство неостановимого взаимодействия социальных и нравственных процессов, определяющих, в конечном счете, движение самой истории. Познание Времени и притом конкретного, "своего", переживаемого лично художником и его поколением и вообще всеми людьми, которые одновременно с ним проходят по земле срок, отпущенный им судьбой, познание этого времени в движении, в закономерности зарождения и смены тех или иных его качеств — таково стремление, обуревающее Алексеева. И потому ему малы, тесны уже границы малых эпических жанров, как бы ни лежала к ним душа, но вновь и вновь нужен роман, который, в свою очередь, воспринимается им как очередной фрагмент развернутого на годы повествования. Сам писатель скромно назвал это повествование "автобиографическим циклом". Но это все-таки нечто гораздо большее, о чем, между прочим, свидетельствует недавно вышедший роман "Драчуны" (1977—1981).

Он словно вобрал, вплавил в себя многие сюжетные линии, судьбы, события, знакомые нам по прежним "деревенским"

произведениям Алексеева. Не случайно автор не однажды ссылается на них, как на нечто хорошо знакомое своему давнему другу-читателю, который вновь оказался в селе Монастырском, повстречал и узнал немало прежних знакомцев, прошелся по улицам, заглянул в избы, где уже не раз доводилось ему бывать, и конечно же навестил старого деда Михайлу в его полном чудес саду, взращенном добрыми, не знающими устали дедовыми руками.

Но, наверное, важнее всего, что первым из всех монастырцев, с кем довелось увидеться нам опять, оказался главный герой и рассказчик, десятилетний Мишанька — отчаянный, неугомонный, с широко распахнутыми глазами и сердцем. Приобщение к огромному миру с его радостями и бедами, красотой и уродством началось для него давно — с того же "Вишневого омута". Именно тогда впервые открыл для себя Алексеев прием, испытанный многими мастерами-предшественниками, — обращение к памяти [illegible] к самым сильным и ярким впечатлениям от столкновения с жизнью, которые не только потрясают, но и формируют [illegible] душу, ибо как никогда податлива и чиста она [illegible] и доверчиво-жадно готова принять в себя все, что [illegible] и дарят природа, люди, время, чем обжигают [illegible] что навязывают порой.

Другое [illegible] в этом нежном возрасте еще опережает и [illegible], что понимание всего, что происходит [illegible] на маленького человека, а также умение [illegible] в своих собственных переживаниях и поступках [illegible] формируется и не набрало зрелой глубины, не обогатилось опытом. Но на этот случай рядом с малолетним [illegible] неотступно и незримо следует сам автор, у которого более чем в достатке этого самого, так дорого оплаченного "богатства".

Известно, что организм наш на протяжении жизни обновляется полностью и неоднократно и, ставши взрослыми, мы уже по-другому воспринимаем и солнечное тепло, и бег времени. И когда погружаемся в глубины памяти и встречаем самих себя в давно минувшем детском обличье, то воспринимаем его словно со стороны и едва ли не по-отцовски. И улыбаемся то печально, то иронически, то с откровенной завистью. Порою хочется сдержать некий порыв или не допустить поступка, последствия коего так горьки для нас теперь. Порою вспыхивает в сердце, казалось бы, совсем забытая радость или, наоборот, с воскресшей силой обжигает стыд за нечто давным давно свершенное... Словом, такой "диалог" может продолжаться бесконечно. Не потому ли представляется ныне поистине неисчерпаемым источник, к которому вновь и вновь обращается Алексеев? И при этом очень интересно и важно, он всякий раз забирает все глубже и шире. И его воспоминания о деревенском детстве становятся солнечней и драматичней, и малолетний его герой все увереннее выступает как свидетель и участник событий, историческая суть и социально-нравственная значимость которых видны автору все отчетливей. И потому обобщающая мысль, зало-

женная в подтекст, в ощутимые глубины романа, обретает масштаб и характер воистину философский.

Примечательна в этом смысле завязка "Драчунов". Она даже не возникает, а вспыхивает как всякая нелепая житейская случайность, как мимолетный эпизод повседневной жизни маленькой сельской школы — с любовной усмешкой изображает писатель этот беспокойный, шумный мирок, где кипят и сталкиваются ребячьи страсти, привязанности, антипатии. Закадычная дружба главного героя и его одноклетки Ваньки Жукова, такая, казалось бы, по-мальчишески беззаветная и верная, переходящая во взаимную влюбленность, при которой приятели и часу не мыслят прожить врозь, внезапно обрывается жестокой дракой и переходит во взаимную вражду. Роковая стычка между друзьями подстроена глупым и злопамятным великовозрастным балбесом, по сути, это недоразумение чистой воды — ни Мишка, ни Ванька неповинны в том, в чем каждый убежденно винит другого. Но слишком чудовищной несправедливостью, доподлинным и нежданным вероломством и коварством выглядит в глазах каждого эта несуществующая вина. И вот в который уже раз оправдывается поговорка насчет одного-единственного шага, отделяющего любовь от ненависти. И вчерашняя дружба оборачивается вражд[illegible], столь же самозабвенной и страстной.

И сразу тускнеет, утрачивает великое множество былых радостей Мишаткина и Ванькина жизнь. Тем паче, что от злого костерка их нелепой драки сразу же занялось пламя небывалого по ожесточению всешкольного побоища. И хотя оно с великим трудом было погашено, от него рассыпались по всему селу жгучие искры неприязни, обиды, подозрений. Очаги возникают и разгораются то здесь, то там, каждодневно подогреваясь действиями вчерашних приятелей. А тут еще втягиваются в "кампанию" старшие братья и родители, ополчаются друг против друга целые семьи и кланы. И вот уже угрюмая атмосфера взаимного недоброжелательства и недоверия охватывает все село...

Разумеется, ни о каких прямых аналогиях речи быть не может. Но, право же, многое из прочитанного обращает наши мысли к нынешним неладам между людьми и даже между народами. И почти убежден, что повод для подобных подсознательных ассоциаций писатель дал совершенно намеренно и даже самый сюжет романа обдумывал, живя тревогами наших дней. И вот, строжайше соблюдая верность жизненной правде, прибегнув к испытанному лирико-философскому "ключу" и не менее испытанному автобиографическому сельскому материалу, он построил собственную модель "холодной войны" — не политическую и даже, пожалуй, не социальную, а скорее нравственно-психологическую, обстоятельно исследовав соответствующий ее "механизм".

Исследование это тем более убедительно, что Алексеев развертывает его как цепь мучительных переживаний своего маленького героя в связи с постигшими его утратами. Горечь их всякий раз подчеркивается поэтичнейшими воспоминаниями об увлекательных, нередко рискованных похождениях и приклю-

чениях двух приятелей в те дни, когда они и помыслить не могли о возможности разрыва. Взятые сами по себе, эти воспоминания образуют живописную движущуюся панораму. И, пожалуй, со времен "Бежина луга" и некрасовских "Крестьянских детей" не появлялось еще в нашей литературе столь впечатляющего и, я бы даже сказал, "энциклопедического" повествования о житье-бытье, развлечениях, играх и трудах деревенских ребятишек. Тем паче, что все это показано не со стороны, а от лица непосредственного участника и не в мимолетных эпизодах, а в образе неостановимого повседневного бытия на протяжении всех четырех времен года, каждое из которых, огромное как целая жизнь, приносило Мишанькам, Ванькам и Гринькам множество совершенно удивительных радостей и открытий, а вместе с ними очередное обновление, всегда присущее, по словам писателя, открытой детской душе.

Важно сказать и о том, что Алексеев на всем протяжении романа неизменно акцентирует точные исторические ориентиры изображаемых событий. Они ему необходимы потому, что он рассказывает не просто о своем крестьянском детстве, но вглядывается в начало пути целого поколения, судьба которого на многие годы определила судьбу всей страны и, в свою очередь, сама определилась ею. Ребята, представшие перед нами в "Драчунах", ровесники Октября и живут-подрастают, учатся и познают жизнь в советской деревне. Это деревня первого послереволюционного [illegible], где еще свежа память о гражданской войне и упованиях, связанных с "батюшкой-нэпом", где вовсю идут толки о [illegible] коллективизации и сама она вскоре докатывается до Монастырского в грохоте первых на селе тракторов, вызывая бурю мужских переживаний, споров, междоусобных стычек, втягивая в этот водоворот и малолетних героев.

Очень интересно, что тогда же появляется в Монастырском и только что вышедший томик "Поднятой целины" — ребята увлеченно слушают учительницу, которая читает им эту необыкновенную книгу, где изображены люди и события, до того похожие на происходящее вокруг, что Мише с Ванькой, уже помирившимся к той поре, подумалось невольно, что автор "списал" своих героев прямо с их земляков-односельчан.

Однако Алексеев ведет далее борозду, проложенную Шолоховым, вздымая, вслед за современниками-собратьями по перу, пласты, едва лишь тронутые в свою пору писателями первопроходцами тридцатых годов. И картина раскулачивания, изображенная в "Драчунах", носит иной, нежели у Шолохова, характер. Потому что этот процесс возглавляют в Монастырском отнюдь не Давыдов и даже не Нагульнов, но лица, равнодушные ко всему, кроме собственного благополучия и карьеры, чуждые деревне и судящие о ее жителях и тружениках, что называется, с кондачка, то и дело попадая впросак. Но каждая из подобных ошибок оборачивается драмой для очередной крестьянской семьи, неизбежным ее разорением, изгнанием, а то и просто тайным бегством-уходом в иные отдаленные края. И все больше пустеет село... А на пороге уже стоит горько-памятный 1933 год, что обрушился на земляков героя, на окрестные деревни и села,

на многие губернии лютым голодом, от которого вымирали целые семьи...

Об этих страшных неделях и месяцах Алексеев вспоминал еще в повести "Хлеб — имя существительное". В "Драчунах" он снова вернулся к ним, воссоздавая на сей раз происходившее во всех холодящих душу подробностях, выявляя силу душевной стойкости и благородства в людях, встречающих беду. Чувство долга перед погибшими земляками, в том числе и перед памятью малолетних сверстников своих, движет сердцем и пером художника, а также стремление понять меру нравственного и гражданского мужества людей, которые, говоря словами писателя, совершили подвиг "уже одним тем, что в самую трудную годину, до самого своего смертного часа не разуверились в Советской власти, не предали ее анафеме, не прокляли, завещая эту святую веру всем, кому суждено было жить, бороться, побеждать и исполнять свои обязанности на крутых поворотах истории..."

Собственно говоря, Минька, Ванька, Колька Поляков и все прочие "драчуны", с коими знакомит нас писатель, и представляют собой, как уже было сказано, то самое поколение, которое принимает эту эстафету и заветы, проходя через трагические испытания в свои детские годы и не представляя еще, что предстоит ему в самом недалеком будущем, спустя каких-нибудь 8 лет, если считать от того же 33 года. В этом смысле характеры ребятишек, их судьбы и дела, изображенные в романе, должны восприниматься по-особому. Перед нами завтрашние герои Брестской крепости, защитники Севастополя и Сталинграда, солдаты-победители. Особенно важно помнить об этом, имея в виду, что Алексеев уже в полную силу работает над романом о Сталинграде, где ему довелось сражаться от первого до последнего дня великой и памятной битвы. И "Драчуны" в этом плане — своего рода "экспозиция" к будущей книге.

Немало наших писателей успело рассказать о своей военной молодости, крещенной огнем на рубежах великих сражений. И всякий находил для этого собственный ключ и поворот. Что сделает, что откроет нам Алексеев, замыкая очередной круг творческого поиска, заранее предполагать, разумеется, нельзя, да и не нужно. Но во втором томе собрания его сочинений, в одной из новелл, составляющих повесть "Биография моего блокнота", рассказывается о дикой яблоньке, растущей в некоей безымянной приволжской балке. Когда-то давным-давно, в самый разгар Сталинградского сражения, у самых ее корней вырыли блиндаж три старших лейтенанта. Яблонька, как могла, укрывала их от пуль и осколков, подбрасывала ветки для костра, утоляла своими терпкими плодами жажду и голод. Отсюда молодые офицеры поднялись в наступление. А много лет спустя один из них, уже известный писатель, вернулся, чтобы отыскать безвестную балочку и дорогое сердцу деревце. Яблоня была крепка, и плоды ее — обильны и сладки...

Думается, что эта яблонька, выстоявшая на огненном ветру войны и времени, — самый верный и постоянный образ-пароль ко всем алексеевским книгам...

Всеволод СУРГАНОВ

СОДЕРЖАНИЕ

А. Г. Лысов. Последняя страничка гражданской войны. (О повестях Вс. Иванова, А. Малышкина и романе В. Кина) 3

Вс. Иванов. Бронепоезд 14-69 13

А. Малышкин. Падение Дайра 75

В. Кин. По ту сторону 103

А. Г. Лысов. Комментарии 239

Приложение. Из автобиографических материалов и воспоминаний современников 245

СЛУЖУ РЕВОЛЮЦИИ

Составитель, автор предисловия и комментариев
Александр Григорьевич Лысов

Зав. редакцией *Г. Н. Усков*
Редактор *Ю. Д. Тарасов*
Художник *Н. А. Абакумов*
Художественный редактор *Л. Ф. Малышева*
Технический редактор *Г. Е. Петровская*
Корректор *Л. С. Вайтман*

ИБ № 11079

Сдано в набор. 06.08.86. Подписано к печати 06.03.87. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. кн.-журн. отеч. Гарнит. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 16+0,25 форз. Усл. кр.-отт. 16,75. Уч.-изд. л. 17,92+0,36 форз. Тираж 470000 экз. Заказ 390 Цена 75 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЧКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(О повестях Вс. Иванова, А. Малышкина и романе В. Кина)

> Двадцатый пришел как-то сразу, вдруг. Еще вчера белые сжимали Орел и Тулу, еще вчера в Петрограде дрожали стекла от пушек Юденича, и Колчак гнал чешские эшелоны на Москву. И вдруг, почти внезапно, рванулась армия. И красноармейцы уже в Крыму ели... терпкий виноград... уже под Варшавой на стенах польских фольварков писали мелом — «не трудящийся, да не ест», а в Иркутске ветер трепал расклеенные объявления о расстреле адмирала. Это он, двадцатый, выдумал веселое слово — «даешь!»
>
> *В. Кин* («Старый товарищ»)

Непросто и по-разному создавались эти книги...

Одну из них — героическую песнь о штурме Перекопа — писатель творил на «еще не остывшей от боев земле», в только что освобожденном Крыму, где все еще было неспокойно и нередко приходилось обрывать рукопись на полуслове и «стрелять в форточку из нагана, чтобы отпугнуть бандитскую шпану».

Другая — повесть об обреченном бронепоезде — писалась в голодном, пообносившемся, почти обезлюдевшем Петрограде первого послевоенного года. Черновиком для пробных набросков служила порядком изношенная классная доска, на которую крупными буквами наносил, правил, стирал и вновь выводил на шероховатом глянце свои «рабочие пробы» неутомимый автор. «Перебелялся» же текст на оборотную сторону географических карт, вырванных из Британской Энциклопедии. Все это, по шутливому свидетельству современников, предопределило и мировой размах, и энергичный прерывистый стиль в будущем прославленного цикла «Партизанских повестей».

Третья книга была создана много позже, в Москве. Столицу, едва оправившуюся от бедствий и лишений военных лет, со всех сторон обступал уродливый быт нэпа с его самодовольной сытостью и вызывающей роскошью, кощунственной на фоне общей все еще тяжелой, неустоявшейся, аскетической жизни.

Жил писатель в безбытной комнатенке на Гоголевском бульваре, «работал над книгой преимущественно вечерами, много курил и, чтобы никому не мешать, уходил курить и писать на кухню», едва дождавшись, когда покинут ее «сумерничающие» обитатели. Порой озорная, порой лирически-строгая, а то и трагедийная сила вымысла влекла молодого писателя «по ту сторону» от мещанского быта и «по ту сторону» фронта, в тыл врага, по знакомым ему с юности, занесенным снегом путям, вслед за «кулацкими розвальнями», уносящими двух отважных комсомольцев в тот далекий и яростный мир, в котором были и «штурмовые ночи Спасска», и «с бою взятое Приморье», где все еще билось неистовое сердце Виталия Бонивура, и героический китаец Син Бин-у останавливал своим телом бронепоезд под номером 14-69.

«Мы входили в литературу волна за волной, нас было много».

«Падение Даира» А. Малышкина, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «По ту сторону» В. Кина... Что роднит, повивает одной суровой нитью эти три книги, три итога духовных биографий, а по существу, три писательские судьбы? Стоящие в едином ряду с лучшим, что создавалось тогда молодой советской литературой, все они объединены пафосом личной сопричастности к героическим свершениям своего времени. «Чапаев» Д. Фурманова, «Железный поток»

А. Серафимовича, лирический триптих повестей Б. Лавренева («Ветер», «Сорок первый», «Рассказ о простой вещи»), «Барсуки» Л. Леонова, «Донские рассказы» М. Шолохова, «Разгром» А. Фадеева — на всех, названных и неназванных, будет лежать та же печать духовного богатырства, будет ощущаться тот же эпический размах, который обрела в революции каждая индивидуальная писательская судьба. Органическая целостность всей советской литературы определялась прежде всего тем, что она была рождена людьми нового исторического склада, людьми иного измерения, «пронизанного ветром Октября» (В. Луговской). И не «варварская лира», а простой походный карандаш, годный и для разметки маршрута на штабной карте, и для короткой строчки приказа, служил орудием поэтического воплощения эпохи.

Гуманизм революции заключается в том, что всей своей мощью она вошла в самые сокровенные глубины человека, принявшего ее и слившегося с ней.

Так 17-й год застает на «задворках» бывшей Российской империи Всеволода Иванова, будущего писателя, а пока странствующего факира, сочинителя коротеньких «антре» для клоунов, а затем типографского рабочего, книжника и мечтателя, проходящего свои жизненные «университеты». А вот — 21-й год. Петроград. Промерзшая аудитория Литературной студии Пролеткульта. Кряжистый, обросший бородой солдат в куцей шинелишке и «обгорелых обмотках», отогревая в руках замерзающие чернила и близоруко щурясь, слушает глуховатый голос Блока, читающего лекцию..

Такое же выпрямление в полный рост человека происходит и у севастопольских пирсов, где вахтенным офицером на минном тральщике служит бывший филолог, автор десятка элегических рассказов из жизни русского захолустья — Александр Малышкин. Но и здесь начинается «время, о котором,— как пишет создатель «Даира»,— не рассказать простым перечнем фактов. Время ломки биографий, время неожиданных негаданных профессий, время, когда многим приходилось рождаться сызнова...» «Пятилетняя кочевая жизнь с Красной Армией», жизнь на пределе человеческих возможностей. Кременчуг, Каховка, Перекоп, Севастополь — реальные вехи биографии. Личный итог этого общего легендарного движения — обретенная писателем художническая зрелость, увенчавшаяся созданием «Падения Даира».

«Семнадцатый буйный год, с серыми броневиками, с шелухой семечек на тротуарах, с наскоро сделанными бантиками на пиджаках и кепках Красной Гвардии. Он въехал в широкие российские просторы на подножках и крышах вагонов, на паровозном тендере, разбивая по дороге винные склады и стирая с дощатых уездных заборов номера списков Учредительного собрания...»[1]. В воронежской недвижной глухомани встречает дату своего второго рождения озорной пятнадцатилетний гимназист — Виктор Суровикин. Что ждало его в жизни!? Повторение участи отца — «жертвы и материала статистики», «с обычной статистической судьбой среднего рабочего», «с жизнью средней продолжительности», которая «была обречена течь по кривому руслу уездной улицы»[2].

Но и здесь революция оказалась сродни молодости: Виктор Суровикин, отбросив в своей фамилии ее «суровую» часть и придав обновленному имени стремительность клинка, как и его сверстники — Аркадий Голиков (Гайдар), Александр Фадеев, Николай Островский, «семимильными шагами врастал в коммунизм». Борисоглебский комсомолец «первого призыва», пулеметчик на польском фронте, боец ЧОНа, преследовавший остатки антоновских банд на Тамбовщине, крупный политработник, организатор комсомолии в «веселой Дальневосточной республике», революционер-подпольщик в Приморье, двадцатилетний редактор уральской газеты, а чуть позже известный журналист и знаменитый писатель. И опять — перед нами — все те же ступени, где личная биография становится Историей. Из этих распахнувшихся невероятных возможностей революции и следует в дальнейшем любимое присловье Кина о том, что «человек средних способностей может все!». В этом также

[1] Кин В. Избранное.— М., 1965.— С. 363.
[2] Там же.— С. 327—328.

была революция, которая вырвала человека из провинциального забвения и уездного эгоизма, востребовала личность во всем ее объеме, пробудила лучшее, что заложено в человеке и, обобщив самые разнообразные судьбы, придала каждому из принявших ее — смысл, цель и огромное счастье приобщения к великому Целому народа.

И в книгах о «последних страницах гражданской войны» есть все то, что позволяет, раскрыв первую страницу, сказать — это Книги Революции!

«И на Тихом океане свой закончили поход».

Всеволод Иванов вошел в литературу отрывистыми и частыми, но точно вымеренными шагами путешественника, закаленного в странствиях пешком. Его переполнял по-горьковски грандиозный опыт и знание жизни. И первый же дом, гостеприимно распахнувший двери перед путником и первопроходцем (будь то студия Пролеткульта, «узкий кабинет Горького» на Кронверкском проспекте или тесный кружок «серапионов-братьев»), наполнялся его неторопливыми, наплывающими один на другой, сильными правдой и страстью очевидца рассказами, принесенными вместе со свежими «цветными ветрами» сибирских дорог. И весь он, как есть, в потрепанной шинели солдата, которую в первую же ледяную петроградскую зиму сменил на сшитую крупными, суровыми стежками лохматую и неуклюжую шубу (из бог весть где добытой шкуры белого медведя), плечистый, близоруко и лукаво щурящийся, неловкий той особой нерастраченной силой, которой живут его почти сказочные герои, он сам напоминал собою тех «былинных людей», о ком повел в советской литературе свои неиссякаемые и захватывающие рассказы.

Именно поэтому его «последняя страничка гражданской войны» открыла не только потаенные таежные тропы, по которым пробирались партизаны Сучана и Приморья, и не только «заповедный край», «обойденный», по словам Горького, вниманием [illegible] литературы». Она вывела на широкую магистраль советского литературного развития, на ту тревожную, полную опасностей и раздумий дорогу, по которой пойдут герои В. Кина, «угольное племя» фадеевского «Разгрома», вехами ее станут «Сердце Бонивура» Д. Нагишкина, «Даурия» К. Седых, «Красные и белые» и «На краю земли» А. Алдан-Семенова, вплоть до недавних — «Сибири» Г. Маркова, «Вечного зова» Анат. Иванова, «Комиссии» С. Залыгина.

Кто герои ивановского цикла «Партизанских повестей» («Партизаны», «Бронепоезд 14-69», «Цветные ветра»)? Это потомки тех измученных бесконечными переходами никем не меренных российских пространств крестьян-переселенцев, которые пришли в Сибирь и Приамурье, влекомые мечтой об изобильных краях. Передвигаясь дорогами Ермака и продолжая этим мирное расселение России, они принесли в необжитые места опыт ее общинного и артельного труда, ее нравственные устои, прочно обосновались на этой щедрой и требующей хозяйской руки земле, с ее нескончаемой охотничьей зимой и коротким страдным летом землепашца. Так утвердилась и осела в дремучей вековой неподвижности уткнувшаяся в самый берег Великого Океана «бегствующая» в поисках счастья крестьянская держава.

Так и застал ее Октябрь. Поэтому «врастающие в революцию» из этой суровой предыстории герои Иванова — прежде всего «земляные люди»; они могут быть крестьянами, «артельщиками», «ребятами из приисковых», но всех их надежно держит вспоенная мужицким потом почва. Они «пахнут землей», их натруженные руки оттягивает та былинная «торбочка с тягой земной», с которой не справились Святогор-богатырь и Вольга с дружиною, но которую легко отрывает от земли могучий пахарь Микула Селянинович.

В этом Иванов, разрабатывавший одновременно с Малышкиным художественную концепцию революции как процесса величайшего исторического и духовного синтеза, несколько расходится в традициях героики с автором «Даира». Истоки ивановского лирико-героического повествования уже не в богатырском эпосе Киевской Руси, не в древнерусской воинской повести. Это эпос крестьянства, героизировавшего труд, испытывавшего своих ратников-богатырей, «допрежь послать их» к заставам отечества, будничной работой по выкорчевке леса, пахотой, всем укладом «привычного дела».

Поэтому Вершинин Никита Егорыч, «рыбак больших поколений» и «мужицкий

Руслан, суеверно и по праву выбранный крестьянами за свое «вершининское счастье» и удачливость в работе председателем ревштаба, рвется от моря к «земле, пахоте». И сама восставшая волость, прежде чем взяться за «длинноствольное прадедовское ружье», подумывает, как «набить брюхо японцу землей — и в море».

Однако «земля» в повести — это не только держащая крестьянина пашня, нуждающаяся в защите. Образ ее — это и непрестанно вершащийся труд общей жизни, который, ни в чем и нигде не обрываясь, непосредственно вышел к перевалу, за которым дымились еще свежие, отринутые плугом пласты прежней российской действительности и откуда начиналась глубинная перепашка застойной ее истории. Это органическое вырастание стихии борьбы из естественных буден крестьянского труда осознается буквально в каждой строке ивановского повествования. Недаром мужики выстраиваются перед митингом, «как на покосе», «патроны рассыпаются, как зерно», машиниста вражеского бронепоезда «отстреливают» (в одной из редакций повести) обычным для промыслового человека выстрелом, «как белку — в глаз». И жизнь, оскорбленную сапогом интервента и бесчинствами «атаманцев», приходится «тесать, как избу» и не так, как прадеды. И наконец,— центральный эпизод ивановского героического сказа — остановка изрыгающего огонь и смерть «бронепоезда» — это не только подвиг интернационалиста Син Бин-у, повторенный тысячекратно на этих же рельсах вершининскими партизанами, но и тот же, повседневно-привычный для таежных людей труд лесорубов, упорно укладывающих на шестиверстный отрезок пути бревно к бревну, могучий поваленный лес, ограничивающий свободу передвижения бронированного чудовища.

Для Вс. Иванова чрезвычайно важно, что революция вырастает из исторической толщи народной жизни, из ее исконных родовых начал, трудовой организации, нравственного уклада и даже эстетического чувства. В определении Пеклеванова, большевика и организатора восстания как «предыдущего человека», звучат и традиция и новизна. Его интеллигентность, застенчивость, способность краснеть за чужую трусость, сам факт, как он уходит на восстание через окно, страдая от слез жены,— все это кажется Знобову ненужным для вождя. И другой смысл: «впереди идущий» — это те качества борца, которые рождали в народе легендарный ореол вокруг его имени.

Если для Малышкина революция — это концентрированная воля истории, ринутая на приступ «прекрасных времен», то для Иванова — это «процесс природы» (термин Л. Леонова; ср. у А. Блока: «революция сродни природе»), вырастающий из всего объема движущейся и совершенствующейся жизни, из по-есенински «живой завязи ее».

Ивановскому лиризму, так же как и малышкинскому, присуще значение всеобщности. Поэтому и неважно, кто вершит этот вольный поэтический полет: Вершинин ли, сам ли автор, силой лирического причастия открывающий свою сокровенную связь с происшедшим, или славный его «мильен» партизанского Приморья, или это голос самой природы, отбросившей, подобно людям, «последнюю пыль и последний деготь» прежнего существования. Нет здесь концов и начал: одно переходит в другое, и не вырвать никого и ничто из этой живой, неразрешимым узлом схваченной, неизбывной естественно-исторической связи. Звучат голоса в преображенном (бурей ли? битвой ли?), новом великом мире, всем существом осязается каждая клеточка бытия, идущая в «навсегда» к согласию, любви, вселенскому единству.

Это «процесс природы». Истории. Это Революция.

«Мы миру путь укажем новый!»

Властная правда «последнего и решительного боя» гражданской войны вела точный карандаш (Малышкин писал карандашом) одного из первых историков революции, ее солдата, ее сурового и страстного певца.

Реальная канва сюжета в «Падении Даира» строится на особо организованной, но точной событийной основе. В ней — истина, ядро авторской позиции; она — исторически конкретна, документирована, деловито-строга. Это «Республика, кричащая в аппараты» и требующая уничтожения «последних». Это истерзанные голодом, но клокочущие жизнью города севера России, по-

сылающие на юг эшелон за эшелоном, чтобы «телами пробить гранитную скалу, за которой страна Даир». Это средоточие схватки: сам Перекоп, легендарный перешеек, укрепленный и с севера и с юга линиями глубоко эшелонированной обороны, образующий неприступную железную террасу, которая и преграждает путь красным армиям. Это «лампы, полыхающие в полночь», «бессонница штабов», где разрабатывается невиданная доселе стратегия, основанная на «законе масс», возведенных в ранг активного творца собственной истории; «каменный, торжественный командарм N», готовящий свой знаменитый удар, лапидарные строки приказов, расцвеченные флажками штабные карты и — четкая цель: «бросить массы за террасу», «ворваться на плечах противника в Даир» и опрокинуть сопротивляющихся «последних» в море.

И все-все, включающее и военный совет в Тагинке, и четкое решение о «молниеносном маневре» в обход террасы «по осушенным ветром глубинам» Сиваша, и разнузданная вольница, и «целый день идущие войска», и наплывающие кадры с бесплотными тенями и «мертвецами» белого Даира,— вплоть до чеканной поступи парада, военного смотра армии «бездомных, суровых людей, национальностей, лохмотьев, из которых ковались победоносные полки...» с их торжественной и святой клятвой «Служ...ба ре-во-лю-ции»,— все это, доходящее до срединной точки повествования, еще только историческая экспозиция, расстановка сил, героический план, полагающий и героическую развертку военных событий.

Стратегический первотолчок пяти начальных глав во второй части «Падения Даира» облекается в реальные эпизоды борьбы. И во всех них обнаруживает «естество и плоть» коммунизма.

Повести присущ классический прием зеркальной композиции, как бы перегибающий эту «последнюю страницу гражданской войны» пополам. И здесь на самом сгибе событий, от малейшего неверного замысла командования до полного и точного его победоносного воплощения,— на этом переходе Мечты и Плана в зеркально повторенную практику исторического Дела, звучат адресованные всему миру пламенные строки «Интернационала», возникает символическая картина смертельной схватки Красного и Черного Всадников.

Еще ничего не решено, и «стоит желтый день на рубеже времен». Еще неясен исход боя, впереди — пятнадцатиградусный мороз, ледяные и соленые воды Сиваша и Чонгара, жажда, кровь, гибель, свинцовый ливень Даирской скалы. Еще мерно и четко идут в парадном строю земляки Малышкина — пензенцы («Не солдаты, а босая команда!»), проходят части Железной дивизии, «обмундированные с причудливым многообразием», еще силен за террасой белый Даир и томится в резерве «свежий, нерастраченный» корпус «мертвецов генерала Оборовича». Все еще накануне, и все уже решено. Ибо в революции —«конец эпохам, основанным на крови», в ней —«мировое, правда». И притихает железная поступь идущих последним парадом дивизий, «чудесным становится вечер, или чудесным переход фанфар, будто уже нет тех, кому надо завтра умереть, будто прошли века, прошумели все бури и стерлись все письмена, и в успокоительных прекрасных временах поют чудесные песни о них, полузабытых тенях...».

С одной стороны, реальный сюжет взятия Перекопа лишен неуместной патетики и бьющего через край пафоса. Это Дело, конкретный труд исторического возмездия «старому и страшному миру» (А. Блок). К месту и вовремя звучат торжественные строки «Интернационала». Косноязычен в изъяснении своей мечты солдат и романтик Юзеф. По складам читает песенную строку плаката «мы — миру — путь — укажем — новый!» по-крестьянски обстоятельный и «добычливый» Микешин, смутно догадывающийся, что и его судьба находится на стрелке нового исторического времени. Нескладна и бесхитростна, но зато «от души», то ли песня, то ли частушка, завершающая последним аккордом музыкальную стихию «Даира» («Бей буржуазию! Товарищи, ура!»).

С другой стороны, перед этой реальной, суровой пядью перекопской земли, начиненной бетоном, железом, свинцом, порохом и «мстительным упорством последних», не только застыли в яростном ожидании красные

полки, но «с облаками бурь, с гулом движущихся где-то масс затихли и стали времена в вещем напряжении». Откуда-то из глубины седых веков доносятся отголоски былинного эпоса, прорывается глуховатый голос автора «Слова о полку...», призывавшего некогда Русь к единению. Ибо нет в минувшем равного вершащемуся.

И Даир — это уже не просто последний форпост обреченной белой гвардии. Это мечта, которая издревле срывала с обжитых земель целые полчища крестьянских переселенцев и двигала их на восток, в поисках страны Беловодья, Муравии, «стороны Опоньской».

На самой окраине материка концентрируется воля Истории, собирается в единый фокус революционного устремления вся досель блуждавшая в потемках «смутных эпох» оптимистическая энергия народа и, более того,— всего рода людского. Поэтому так органично, в эпизоде у костра, с наивной крестьянской мечтой о Даире как об изобильной стране («Там лето круглый год, по два раза яровое сеют... А богачества!») сочетаются еще неловкие и корявые, но глубоко прочувствованные слова разогнувшегося в мировую жизнь человека — солдатского философа Юзефа («У бедных дому нема. Една семья, една хата — интернационал»).

Так складывается малышкинская концепция революции как мирового процесса, впитавшего в себя все формы народного единства: от патриотического единения, «по набату» поднимавшего народы на борьбу с посягателем, до крестьянских общин, всем «миром» влекшихся за воспалившей их мечтой, все, вплоть до простых проявлений боевого товарищества, столь трогательно выраженных обычно угрюмым Микешиным («Давай за друг дружку держатца, братишка»).

Говоря о революции как о «величайшем организаторе мировых сил», Малышкин запечатлевает особое величие свершающегося революционного братства, новый уровень связи воспрянувших к исторической жизни людей и те процессы «восчеловечивания», которые повели каждого из «множеств» к подвигу борьбы и самопожертвования.

Вся масса армии как бы заключена писателем в духовный промежуток между земным и практическим Микешиным и выросшим до осознания мирового интернационального долга — мечтателем Юзефом. И все эти, часто колоритные фигуры, выхватываемые из «стотысячного» то отсветом костра, то беспристрастным светом дня, то тревожными вспышками боя, представляют собой разные ступени одухотворения и прозрения в борьбе, то есть все то многообразие целей, интересов, волений, которые в новом единстве переплавлялись в «железный поток» революции. Безгубный солдат, прогулявший шинель, но знающий «механизму»; рябая девица, лихо стреляющая из пулемета; «черноусый» щегольской вестовой Петухов, неожиданно обнаруживающий почти богатырскую удаль; «гололобый матрос» и др.

Входя в художественный мир «Падения Даира», мы попадаем в напряженную, драматически нагнетаемую атмосферу лирико-героического повествования, родственного «Слову о полку...» и рылеевским «Думам», пушкинской «Полтаве» и гоголевскому «Тарасу Бульбе». Однако это не переживание отделенной от событий историческим пространством личности повествователя и не печалящийся авторский голос, влекущийся за фатальной неизбежностью происходящего.

Лиризм Малышкина — всеобщий, высвечивает драматизм ярких духовных процессов, происходящих в эмоциональном мире всех и каждого из участников штурма перекопской твердыни.

Красота нового человека, в ком «работа высшего освобождения» «началась не с «я», но с «мы» (М. Горький), особенно хорошо видна на фоне обреченного белого Даира, распавшегося на отдельные, безликие людские атомы. Здесь исчезает мускульное напряжение эпопеи, никнет сказочная мечта, разрушается упругий строй речи, дробится целостный и полный мир.

Энергический строй и лирическая стихия глав, посвященных «множествам», как бы выталкивают, вытесняют художественно чуждое, аморфное вещество обрывков повествования о белом Даире. Ведь лиризм Малышкина — это прежде всего сосредоточенная сила причастности к Целому, он, изображая, выражает, передает в жгучем ритме, тяготеющем к стиху, в яркой звукописи,

и сквозных развивающихся метафорах новую тревожную Красоту мира, коллективистскую устремленность и подвижническую волю людей «новой исторической породы» (А. Фадеев).

Таким образом, даже самой формой повествования Малышкин противостоял всем тем ложным воззрениям на революцию, которые пытались представить ее как уравнительно-обезличивающий процесс, превращающий человека из самоценной величины всего лишь в цифру, в «единицу в миллионе».

Созданием «эпоса причастности», основанного на лирических оценках и психологическом высвечивании героического содержания жизни, Малышкин высказал свою горячую «любовь к новому миру как своему», положив совместно с Серафимовичем «Железного потока» и Ивановым «Партизанских повестей» начало той неиссякаемой традиции, которая в иных исторических обстоятельствах вспоила живой водой героики и лиризма «Василия Теркина» А. Твардовского и «Молодую гвардию» А. Фадеева, «Звезду» Э. Казакевича, «Дневные звезды» О. Берггольц, «Берег» Ю. Бондарева.

«Учусь революции!»

Мог ли знать Виктор Кин, отправляясь, подобно своим будущим героям Безайсу и Матвееву, «догонять» незабываемый 19-й год, трясясь в теплушке агитвагона «заикающегося» на всех полустанках поезда,— догадывался ли, получая опасное задание и подпольное имя (Михаил Корнев) в Чите, в веселом двухэтажном доме, бывшем комсомольским сердцем Дальневосточного края,— что во всем этом было не только продолжение биографии революционера, но и истоки подвига писателя-борца.

Не знал, не мог предположить; хотя с удивительным постоянством вел дневниковые записи, быстрым росчерком схватывая невероятные по трудности «заключительные [illegible] гражданской войны» в Приморье. Не запылились тетради, не остались проходными статьями-однодневками лирические фельетоны Кина, чуть ли не через день появлявшиеся на первой газетной полосе (внизу или в центре) «Комсомольской правды». Время затребовало и героический опыт бойца революции, и блестящий талант журналиста, и любовь к новому миру, чтобы все это — в ином, благородном сплаве — перешло в целомудренные, задорные и щемяще-трагические строки его мужественного романа «По ту сторону».

Литература 20-х годов, опираясь на сложные искания современности, видела смысл «великой учебы у революции» в том, чтобы воспитать человека, в ком не утратилось бы мужество, добытое в огне борьбы, и одновременно воплотились бы те идеалы, во имя утверждения которых и вспыхнул Октябрьский огонь.

Так же понимал уроки революции и Виктор Кин, измеряя все, рожденное ею, по самому крупному счету: «Я учусь большему и лучшему, что мне может дать современность — революции!» Писатель на основе воссозданной им героической действительности возложил на своих героев, «этих мальчиков с веснушками на похудевших по-взрослому лицах», труд выверения жизнью тех ценностей бытия, «вековечных забот мира», миновать которые не могла революция.

Кин не задавал смягченных вопросов строящемуся миру. Он, начав с оптимистических итогов литературы «лирического отчаяния», вызванной нелепыми «контрастами нэпа» («Гадюка» А. Толстого, «Вор» Л. Леонова, лирика Э. Багрицкого, М. Светлова середины 20-х годов), устремился вслед «за молодыми трубачами», «за блеском штыка, промелькнувшего в тучах, за песней трубы, утонувшей в лесах».

Так из «железного потока» книг о революции стала отливаться в чеканные формы характеров новая литература. Ей был присущ интерес к содержанию отдельной личности, но это не означало распада на одинокие составляющие героев. Логика революции, лирические формулы причастности к «делу класса» обнаруживали себя и во внешней целостности характера, и в самых сокровенных глубинах человека.

Восстановление в художественном полотне романа «По ту сторону» героической преемственной связи поколений, адресованное к современникам 1928 года, проходит у Кина непростым маршрутом. Роман напоминает собой многоколейный железнодорожный разъезд мировых, культурных, реально-жизненных путей,

на которых подзадержалась со сломанной рессорой «романтическая теплушка» героев и где на одной из «веток» формируется «состав» новых качеств растущегося в грядущее человека.

«Всего лишь мальчики», «лобастые мальчики невиданной революции», как скажут о них поэты. «Молодость бродит в них как зеленый сок», они катаются кубарем в веселой дружеской возне, «краснеют от удовольствия», когда им дарят заветный нож, могут до отвала объедаться орехами, но могут и честно сказать о друге, который должен выйти из строя: «Пусть лучше умрет». Все оживает под их ясным взглядом: у револьвера оказывается «простая и честная душа», «карта наполняется трепетной, смутной жизнью». Время, «облагородившее людей» и «давшее новый цвет вещам», определило их место в жизни; их сжигает «великий и невыносимый огонь» самопожертвования, ведет стремительная мечта и презрение к старому миру.

Они очень разные, Безайс и Матвеев. Поэтому каждому из них принадлежит своя духовная работа, свое измерение судеб людей и мира тем героическим содержанием, которое они заключили в себе. Неугомонный, экспансивный, видящий все «в пятнах смешного», Безайс — живее, непосредственнее рыцарственного Матвеева; его реакции на события простодушны, более чутки, по-мальчишески искренни и благородны. В нем — «очарование человека» и свободное от предрассудков пламенное сердце. На Безайса писатель может положиться как на самого себя, ибо это и есть он сам — только восемнадцатилетний — Виктор Кин. Этой автобиографичностью в известном смысле и определяется лирическая струя романа, продолжающего славную традицию лирико-героических повествований.

«Живая жизнь» нравственного отношения героев к событиям и сложным духовным положениям уточняется, «правится», как острие клинка, общим содержанием революции и причастностью к целому. Оставленные один на один с Историей, они вынуждены соизмерять мир естественных человеческих эмоций с запросами времени и необходимости, не поступаясь ни в чем человеческой правдой. Собственно говоря, герои, оказавшись «по ту сторону» фронта, отделенные от «большой земли» огненной стеной, постоянно ощущают живую связь с нею; предоставленные себе, они являют островок революционного братства, взаимно дополняя друг друга и непосредственностью нравственного содержания, и суровостью революционного долга (сцены с Майбой и Варей, за которую вступается Безайс; эпизод с вынесением приговора Жуканову, в которого Безайс, недавно смеявшийся над Раскольниковым, смятенно отказывается стрелять).

Роман как бы разорван надвое шальной казацкой пулей, прошившей влетающие в Хабаровск розвальни и искалечившей Матвеева. Суровый, мужественный, предельно сдержанный Матвеев, по существу, воплощает в романе аскетическую идею революции. Искренна и даже педантична его преданность общему делу, честна и прямодушна позиция категорического отвержения всего, что связано с традиционным строем человеческих чувств. Его насмешки над «уездной любовью», со слезами и локонами на память, иронические выпады против «провинциальных» и «скучных историй» понятны; от всей бульварщины и пошлости прежней жизни его и Безайса освободила революция. Куда сложнее его недооценка той горячей привязанности, которой дарит его пробудившаяся к новой жизни Варя, а заодно и равнодушие к добросердечию приютившего его «тихого семейства». Все это уже итог поблескивающей в его душе стали, железности человека, не «жалеющего себя» и имеющего право «не задумываться о других».

Но сталь стали — рознь. Она бывает «усталой», «спокойной» или той, что надо «переливать». Но есть молодая сталь. Она должна закаляться, чтобы стать богатырским булатом или звенящим на взмахе клинком. Горячо любя своего героя, Кин не прощает ему взгляд на человека лишь как на «материал истории» («Людей надо считать взводами, ротами и думать не об одном человеке, а о массе»), но дает возможность в трагичнейшем положении убедиться в глубоко человечной сущности революции.

Матвеев, как и покалеченная дорогами «теплушка» героев, «отцеплен» от общего состава и загнан в жизненный тупик. Останавливается стремительность

исторического времени, но не прекращается, а получает еще большую интенсивность неиссякаемая работа нравственной мысли. Все, что ни произносилось героем в начальной части повествования, ложится нравственным балластом на его плечи во второй. Прежде всего следует жестокое возмездие за небрежение любовью, взаимно оскорбленной (и Лизой и Матвеевым), за ложно понятую свободу и презрение ко всему, что составляет глубоко человеческий смысл любви. Подобно Базарову, наказанному автором в 18-й главе «Отцов и детей», Матвеев любит глубоко и страстно, всей чистой силой нетронутого юношеского сердца, но вынужден тоном опытного ловеласа произносить черствые и жестоко ранящие его слова о «расхожей паре чувств», не отломившемся куске и пр.

Стремительно сменяют друг друга эпизоды болезни, бреда, раздумий перед преданным дулом револьвера; то вспыхивает надежда, когда слышит Матвеев «простые отточенные слова бойцов», то гаснет, чтобы вновь воспалить его мечтой и «безумством храбрых» при виде одной лишь строки подпольной листовки. Все это высокие и нелегкие ступени духовного восхождения героя к вершинам новой человечности. Перемерены все маски, отложены все «представления», сожжена недописанная (как у Онегина) повесть. Герой Кина нов, новы и пути его. Энергия завершенной нравственной работы, зажатая болью морального перелома, распрямляется в открытый, почти титанический рывок «по ту сторону» железной власти обстоятельств.

Матвеев не ищет смерти. Он [illegible] к жизни широко и свободно, тем шагом, к которому приучила его революция, возвращая собственное уважение к себе, право на высокое человеческое достоинство, равное достоинству революции.

В последней неравной схватке [illegible] сусально-рождественская картина уездного городка, [illegible] от силы изуродованного, безоружного человека лица солдат, [illegible], над которыми так потешались друзья, текущие теперь молодой мстительной злостью по «одеревенелому лицу» одного из них, и конь, [illegible] матвеевских сновидений, с «белой, похожей на сердце отметиной», и «тщеславие»... «последнее тщеславие». Идет и длится бой, и [illegible] смерти героя. «Он получил все то, что ему причиталось. Снова он [illegible] в строю и смотрел на людей как равный и шел со всеми напролом, через жизнь и смерть...»

И вот — строка о «последнем тщеславии». В ней звучит уже не слабеющий голос борца, а почти богатырская бравада сотрясенного происшедшим самого молодого писателя, едва сдерживающего и боль свою, и те «торжественные и высокие слова», которых избегал в разговорах его «безнадежно нормальный», «немного педантичный» Матвеев. Да разве выразили бы слова то «изумительное и невозможное», ту «великолепную», но уже истекающую минуту, которая, вмещая всю жизнь, «встает над всем и горит ярким огнем»?!

...Нет, не мог знать восемнадцатилетний коммунист Виктор Кин, совершая свое опасное «путешествие в 200 верст, партизанскими тропами по дикой Уссурийской тайге»[1], в Приморье, что этот его полный «благородной мальчишеской отваги» романтический порыв, обретя художественную плоть, станет отправной точкой того главного для советской литературы процесса, в котором будет закаляться духовная сталь новых людей.

Роман Кина открывал славный путь «рожденных бурей», таких, как бессмертный Павел Корчагин, и тех, кто в годы войны и в послевоенный период подхватывали эту героическую эстафету. Среди них — герои-краснодонцы А. Фадеева, мужественно поднявшиеся над страшной волей обстоятельств, Алексей Мересьев Б. Полевого и герой автобиографической повести В. Титова «Всем смертям назло».

Войдем в тревожный мир этих, испытанных признанием и любовью многих поколений, правдивых и искренних книг. Задумаемся еще раз над их страницами о том, на каких высоких образцах людей создано все то, что мы сегодня называем — «советская литература».

Л. Г. Лысова

---

[1] Иващенко Л. Виктор Кин на Дальнем Востоке // Литературный Владивосток, 1982.— С. 219.

Бронепоезд 14-69

Повесть стала «книгой жизни» Вс. Иванова, он долгие годы продолжал работу над ее совершенствованием; им были созданы три редакции и множество вариантов со стилевыми и жанровыми уточнениями повествования. Текст настоящего издания соответствует третьей редакции повести (1934), которая была утверждена как наиболее точный, полный и адекватный замыслу вариант Комиссией по литературному наследию Вс. Иванова.

Повесть основана на типическом для гражданской войны эпизоде захвата или нападения на вражеский бронепоезд партизан.

Типичны не только события повести, но реальную подоплеку имеют и некоторые персонажи. Так, например, прототипом Пеклеванова отчасти послужил, по собственному признанию писателя, «товарищ Афанасий» — А. А. Наумов (Назаров), большевик, по сути бывший одним из руководителей омского подполья, к деятельности которого имел прямое отношение Вс. Иванов.

«Бронепоезд 14-69» издавался отдельно, но чаще всего (с 1923 года) включался Ивановым в цикл «Партизанских повестей», в состав которого входили «Партизаны» (1920—1921) и «Цветные ветра» (октябрь 1921). Появление этого цикла получило самый широкий резонанс и в критике, и в писательской среде, и в массовой читательской аудитории. После выхода «Бронепоезда 14-69» А. Воронский писал В. И. Ленину: «Я задался целью дать и вывести в свет целую группу молодых беллетристов — наших или близких к нам... Дал Всеволода Иванова — это уже целое литературное событие, ибо он крупный талант и наш...» (Новый мир.— 1964.— № 12.— с. 216). «Мы уже привыкли получать от Вс. Иванова одну прекрасную вещь за другой: «Бронепоезд 14-69» — одно из лучших его творений.» (Фурманов Дм. Собр. соч.— М., 1961.— Т. 3.— С. 350).

С таким же энтузиазмом восприняла критика и открытия, сделанные Ивановым в области формы: красочный словарь, сказовую манеру повествования, особый ритм, живое лирическое мироощущение, жизнеутверждающий пафос. «Про вещи Вс. Иванова первой поры можно сказать, что они не построены, а вытканы как ковер» (Лежнев А. Всеволод Иванов // Литературные будни.— М., 1929.— с. 271).

Не обошлось и без ожесточенных полемик. Вс. Иванова обвиняли в возвеличивании стихийного элемента в революции, в «незнании истинных пружин партизанского движения» и др. Против подобных нареканий, в защиту точной исторической правды, воссозданной и в творчестве Иванова,

и в других произведениях 20-х годов, выступила Л. Рейснер: «Кто смеет утверждать, что крестьянство, а отчасти пролетариат вступили в революцию... такими же сознательными и организованными, как, например, в ленинский набор... тот хочет лишить революцию ее заслуги. Потому-то и изумительна история этих лет... что русский мужик и рабочий шли в революцию, отдирая свои ноги из вековой, застарелой грязи...» (Рейснер Л. Против литературного бандитизма // Журналист.— 1926.— № 1.— с. 27).

Эта проблема стихийности и сегодня широко комментируется в науке о творчестве Иванова, однако расценивается как проявление «закономерного этапа развития революции», вовлекавшей в свои ряды широчайшие демократические массы.

На основе повести к десятилетию Октября Иванов создал одноименную пьесу, прочно вошедшую в число лучших произведений советской драматургии, принесшую Вс. Иванову мировую известность. Режиссером Ю. Чулюкиным, использовавшим [illegible] «Партизанских повестей», в 1973 г. был поставлен фильм «И на Тихом океане...», в 1956 г. в Большом театре шла опера Д. Кабалевского «Никита Вершинин».

Падение Данра

Повесть построена на [illegible] документальной основе. Автор в период Перекопско-Чонгарской операции, послужившей историческим материалом для создания «Падения Данра», [illegible] должность начальника Информационно-исторического отделения при [illegible] Шестой армии Южного фронта, находившегося под командованием М. В. Фрунзе. Параллельно с повестью Малышкиным был создан [illegible] исторический труд «Описание боевых действий 6-й армии по овладению Крымом», заслуживший одобрение военного командования, а позднее и [illegible] очерк «Перекоп» (1924), говорящие о доскональном и точном знании писателем всех событий, связанных с беспримерным подвигом красноармейцев при переходе Сиваша и штурме перекопской твердыни, завершившимся ликвидацией последнего крупного организованного фронта Гражданской войны» (БСЭ.— 3-е изд. — Т. 19.— С. 93).

О верности «Падения Данра» историческим фактам говорит многое: это и описание перекопских укреплений, «почти дословно совпадающее с описанием врангелевской обороны, сделанным М. В. Фрунзе в статье «Памяти Перекопа и Чонгара», и тот факт, «что приказ командующего фронтом, приведенный в тексте «Падения Данра», в значительной степени повторяет в сжатом, концентрированном виде исторические указания... М. В. Фрунзе, данные им перед штурмом Перекопа, и мн. др.» (Вольпе Л. Примечания//Малышкин А. Соч.— М., 1965.— Т. 1.— С. 535—536).

Перекопско-Чонгарская операция, названная В. И. Лениным «одной из самых блестящих страниц Красной Армии» (ПСС. – Т. 42.— С. 130), длилась 10 дней (7—17 ноября 1920 г.). Писатель «втрое» уплотнил историческое время, представил события в сжатом виде. Так, центральный эпизод повести — смотр войск (гл. V), состоявшийся несколькими неделями раньше, на Каховском плацдарме, перенесен Малышкиным на 6 ноября, за день до трехлетней Октябрьской годовщины, за сутки до начала легендарного перехода Сиваша. Из десяти дней победоносных боевых действий Красной Армии против Врангеля Малышкин сосредоточивает пристальное внимание лишь на событиях трех дней — с 7 по 9 ноября, от сивашской эпопеи до взятия Турецкого вала 51-й дивизией под командованием В. К. Блюхера. Останавливаясь более подробно на штурме Юшуньских позиций, «очень бегло Малышкин говорит о штурме Чонгарского перешейка... (не называя его своим именем), а в последней главе повести, не соблюдая хронологических рамок... о преследовании белых войск, окончательном их разгроме, вступлении Красной Армии» в Севастополь (15 ноября) и города Крыма.

Особое место в повести отведено деятельности штабов, командования и стратегическим разработкам плана операции М. В. Фрунзе (в повести — «командарм N»). Практически вся экспозиция «Падения Данра» посвящена

[illegible] знаменитого удара командарма N», основанного на «молниеносном маневре», в «обход террасы» с востока, через Сиваш и Чонгар, в тыл врагу, к Юшуньским позициям, с одновременным прорывом глубокой обороны Турецкого вала силами 6-й и др. армий.

Образу Фрунзе, которого Малышкин хорошо знал, посвящена не включенная в основной текст одна из глав «Падения Даира» (глав было 9), где воссоздавался более детальный портрет командарма, подчеркивались его образованность и демократизм, анализировались военно-теоретические и исторические воззрения. Но эта подробная аналитическая и психологическая развертка образа вступила в известное противоречие с законами героического жанра, тяготеющими к обобщенности и идеализации характера. Поэтому Малышкин, следуя им, «монументализировал» образ героя, представил его как тип, концентрирующий в себе героическую волю масс.

Исторически достоверны и картины, связанные с жизнью белого Даира. Это не только точное воспроизведение всей системы укреплений, но и скрытое от войск врангелевским командованием предложение Фрунзе о капитуляции с соответствующей гарантией амнистии всему личному составу белой армии; это и тайный план эвакуации, который был реализован лишь при помощи «отчаянной контратаки на наступавшие красные дивизии находившегося в резерве белых конного корпуса генерала Барбовича (в повести Оборовича)». Это позволило белогвардейцам в ночь на 12 ноября начать отступление к портам и оторваться на 1—2 перехода от преследовавших их красных дивизий.

Однако и здесь автор не только летописец событий, но и тонкий художник. С одной стороны, «писатель создает серию зарисовок бывших аристократов, спекулянтов, завсегдатаев кафе», передает «нервозность, тревогу, страх, чувства обреченности, злорадства, лютой ненависти к народу».

С другой стороны, «это мир, населенный людьми, и их чувства и настроения побуждали художника искать пути его непосредственного самовыражения в роковые минуты... Так возник образ Даира, отмеченный печатью красоты и обреченности, образ, в котором едва-едва уловимо присутствие и авторской эмоции... связанной, вероятно, с мыслями и тревогами о судьбе культуры в обстоятельствах революционных потрясений». Между тем нет оснований «серьезно говорить о том, что элегичностью и эстетизацией отмечена картина Даира, если вспомнить, что мотивы отчаяния и смятенности, любовного упоения и страха... свою художественную кульминацию получают в апоплексической смерти «тучного», в пейзаже ночного города, волнующем и зловещем...» (Хватов А. И. Александр Малышкин.— Л., 1985.— С. 44).

Исполненный в тонах и мотивах декадентской и модернистской литературы начала XX века, образ белого Даира предвосхищает собой знаменитые строки поэмы В. Маяковского «Хорошо»:

Кругом
тонула,
Россия Блока...
Незнакомки,
дымки севера,
Шли
на дно,
как идут
обломки...

Появление в печати повести было горячо встречено демократическим читателем и критикой. «Падение Даира» стало «достоянием всех красноармейских клубов и библиотек, как книга, запечатлевшая славные традиции первого героического поколения Красной Армии». (Красная звезда.— 1926.— № 22(622).— 4 февраля).

В первых же откликах были даны высокие оценки художественности и исторической достоверности повести. «Повесть написана какой-то особой натянутостью нервов, а вместе с тем автор сумел придать ей характер эпоса, отчего памятные дни уже уходят в седую даль прошлого, героического,

уже окутанного дымкой легенд, саг и сказаний» (Воронский А. Падение Дайра А. Малышкина.— Цит. по кн.: Воронский А. Литературно-критические статьи.— М., 1963.—С. 180). Это «повесть реалистическая, порою почти протокольная», в ней «подслушан... ход истории, топот ее железных шагов — это дано немногим художникам... главное в повести — слияние реализма и героической романтики... Это какой-то особый род живописного изображения, здесь намечены пути к подлинно нужной сейчас поэзии масс» (Горбачев Г. Художественная проза революции // Звезда.— 1924.—№ 1).

В рецензиях на «Падение Дайра» были сделаны и первые попытки определить жанрово-видовую специфику повести: «Это род лиро-эпической героической поэмы»... «Автор рассказывает о днях борьбы... не как сторонний наблюдатель, а как участник, как солдат революции — потому в его голосе то дрожание живой страсти, то пафос, которые воссоздать не в состоянии самое изощренное мастерство...» «Это романтика гражданской войны». (Лежнев А.// Красная новь. - 1926 - № 3.— С. 261).

Стр. 75. *...громадный ромб полуострова...*— Крымский полуостров, называемый в тексте Дайром.

...связан с материком узким перешейком . — Перекопский перешеек, укрепленный с северной стороны мощными, оборонительными сооружениями Турецкого вала (Дайрской скалы), с южной — линиями менее прочной обороны Юшуньских (Эншуньских) высот.

... еще одна тонкая нить суши . прерванная проливом посередине ... — по всей вероятности, речь идет о Чонгаре и Арбатской стрелке.

Стр. 76. *Заволжская армия* — Четвертая армия, которая действительно до переброски ее на Южный фронт действовала в степях Заволжья, а в дальнейшем совместно с 3-м Конным корпусом нанесла вспомогательный удар на Чонгар.

... громадой взорванного моста ... — имеется в виду взорванный белыми Чонгарский мост.

«Антарский пролив» — по-видимому, Чонгарский пролив.

Счастливый, роковой ветер дул . . — образ, продолжающий символику блоковского «ветра революции».

Стр. 79. *В селе Тазинка* . — в действительности — село Чаплинка.

Железная и Пензенская дивизии — 15-я и 52-я дивизии, в тяжелых погодных условиях форсировавшие Сиваш в ночь на 8 ноября 1920 г.

... захватила восемь танков...— имеются в виду события на Каховском плацдарме, где 51-я, 52-я и др дивизии держали упорную оборону, против которой Врангель применил новый тогда вид оружия — танки. Многие из них и на Каховском рубеже и при наступательных действиях Красной Армии в Северной Таврии стали военными трофеями.

Стр. 80. *... становье орд*, как и дальше,— *«тьмы тем», «кочевья»*,— очевидная перекличка со «Скифами» и предреволюционными циклами поэзии А. Блока («На поле Куликовом»).

Стр. 83. *... шли, шли, шли....* как и дальше,— *«великим походом шли города»*,— перекличка со «150 000 000» В. Маяковского.

Стр. 86. *«Гаврило, крути!»* — художественный акцент на близкую ситуацию известного стихотворения Э. Багрицкого «Отъезд»:

Крути, Гаврила, и Гаврила
Накручивает. И уже не поезд,
А яростный летит благовеститель,—
Архангел Гавриил...

Стр. 87. *Эгретка* — пучок перьев, украшающих женскую прическу или головной убор.

Пластрон — туго накрахмаленная грудь мужской сорочки, одеваемой под жилет или смокинг.

Стр. 89. *Баядера* — название, данное европейцами индийским танцовщицам служительницам религиозного культа, а также — индийским танцовщицам, выступающим в ресторанах за плату.

Коломбина — одна из масок итальянской комедии, веселая предприимчивая крестьянская девушка. Одновременно это и персонаж лирической пьесы А. Блока «Балаганчик».

Стр. 94. *...перед террасой с севера лежали полки...* — 51-я дивизия В. К. Блюхера, начавшая на рассвете 8 ноября атаки на Турецкий вал; захватила его приступом только 9 ноября.

С частями за заливом связи нет... и далее... *в море шли резервы...* — с 7 на 8 ноября 15-я и 52-я дивизии форсировали Сиваш и 8-го — овладели Литовским полуостровом. Однако ветер переменился, и вода стала прибывать. Это создало угрозу дивизиям быть отрезанными от резервов. Малышкин верно подчеркивает, что это была самая критическая точка всей Перекопско-Чонгарской операции. Жители прибрежных деревень были брошены на укрепление затапливаемых бродов. Через Сиваш были двинуты, в результате этих мер, новые войска, отвлекшие и оттянувшие силы противника от Турецкого вала.

Дефиле — узкий проход между препятствиями (озера, горы, болота), используемый для задержания противника обороняющимися войсками.

По ту сторону

Единственное из завершенных произведений писателя. Получило высокую оценку Горького, Маяковского, Багрицкого и др.

Роман неоднократно инсценировался (напр., С. Карташев, «Наша молодость», премьера спектакля весной 1930 г. во МХАТе) для театра и кино (фильм реж. Ф. Филиппова «По ту сторону», по сценарию В. Симукова и Ц. Кин).

Роман основан на автобиографическом материале. В. Кин начал писать роман о журналистах, который должен был завершить дилогию, объединенную образом Безайса, приехавшего в Москву и ставшего сотрудником газеты. Сохранившиеся отрывки произведения опубликованы в кн.: Кин В. Избранное.— М., 1965. Образ Матвеева — собирательный. В нем запечатлены многие черты друзей Кина по Дальнему Востоку — Константина Антонова, с которым он познакомился в поезде, следующем в ДВР, и Виктора Шнейдера, с кем сдружился во время совместной работы в подполье.

Роман вместил в себя все созданное В. Кином в период работы журналистом в 1923—1927 гг. Здесь и отзвуки его «лирико-романтических фельетонов» («Старый товарищ», «Годовщина» — о подвиге Виталия Баневура), и реализация его литературной программы, выраженной в статье «Литература идеалов», в которой утверждался принцип создания не идеализированного, а найденного в жизни, «общественно нужного человека эпохи». «...Литература идеалов имеет воспитательное значение, т. к. она увлекает, заставляет подражать...» (Цит. по кн.: Гладков А. Виктор Кин.— М., 1981.— с. 34). Многое в роман было привнесено из записных книжек, писем, дневниковых заметок, отрывков автобиографии и др. Вошли в него и отзвуки полемик, проходивших на страницах «Комсомольской правды». Участвуя в них, писатель боролся с неуместными проявлениями «новых разновидностей базаровского нигилизма», «наложившего свой знак на суровый быт молодежи в годы военного коммунизма», что было оправдано временем ломки государственных устоев прежнего мира, но что утратило необходимость в новых, созидающих человека обстоятельствах жизни. «Тургенев забыт, и молодежь, сокрушая предрассудки... изгоняя из любви нежность, постоянство, «черемуху» и прочий прекрасный любовный реквизит, даже и не подозревала, насколько это неново...» («Литература идеалов».— Цит. по указ. соч.: Гладков А.— с. 33). Выступая против «опошления» Базарова богемными принципами «все дозволено» и вообще против аскетического нигилизма и бытовой распущенности, В. Кин пишет: «Время ломки, борьбы, разрушения кончилось. Страна входит в период строительства... Нужен новый человек... аккуратный, опрятный, культурный» («О типе комсомольца».— Указ. соч.: Гладков А.— с. 14). Все это объясняет концепцию книги, адресованную к современности, утверждающую живой смысл революции в каждодневных буднях по пере-

созданию мира и человека: «... Подвиг у человека бывает один раз в жизни, а черная работа — каждый день».

Особый интерес представляет проблема взаимосвязей романа «По ту сторону» с «Как закалялась сталь» Н. Островского. Кин по личной просьбе Островского был первым редактором «Рожденных бурей», обоих писателей в последний год их жизни связывала дружба и увлеченная совместная работа. Островский писал в одном из писем, что он знает и любит книгу Кина, «хотя с концом ее не согласен». Это, по-видимому, и предопределило и близость, и расхождение финальных сцен обоих романов (раздумья о самоубийстве в условиях, когда «жизнь становится непереносимой», решение написать книгу, не удавшуюся у Матвеева и доведенную до конца Корчагиным, и др.). Все это нередко приводило к противопоставлению образа Матвеева образу Корчагина. «Характер Корчагина с большим запасом прочности...» «Он не на миг, а на годы. Матвеев возвращается в жизнь через смерть. Корчагин прорывает смертельное кольцо блокады». В действительности же все это говорит о развитии и углублении героического характера в советской литературе.

Стр. 110. ДВР — Дальневосточная республика.

Стр 141. *Довольно жить законом, данным Адамом и Евой...*— строки из стихотворения «Левый марш» В. Маяковского.

Стр. 147 ... *лежали лестовки* — лéстовки — кожаные четки у старообрядцев.

Стр. 179 ... *с песнями прошел отряд ЧОНа...* — ЧОН — части особого назначения, военно-партийные отряды, с 1919 г. создававшиеся на заводах и учреждениях для оказания помощи Советской власти по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННИКОВ

Вс. В. ИВАНОВ

Всеволод Вячеславович Иванов (12 (24) февраля 1895 г., пос. Лебяжье, ныне Павлодарской области — 15 августа 1963 г., г. Москва) — выдающийся советский писатель, автор знаменитых «Партизанских повестей» (1922) и других произведений о гражданской войне: «Голубые пески» (1922), «Возвращение Будды» (1923), «Гибель Железной» (1928), книги «Тайное тайных» (1927), романа «Пархоменко» (1939). Его перу также принадлежит автобиографический роман «Похождения факира», циклы «экзотических рассказов», книга воспоминаний «История моих книг»...

Человек яркой и самобытной судьбы, он по-горьковски рано оказался «в людях», также, мечтая об Омском университете, был вынужден пройти свои суровые «университеты» жизни. С малых лет его потянул к себе «буйный, безмерно отважный мир». Он исходил вдоль и поперек Сибирь, Урал, Северный Казахстан, мечтал добраться, «если не до Петербурга, то хотя бы до залихватской и бесшабашной Волги», «прошел пешком через нынешние целинные земли, через пески и дебри Семиречья»; от станции Арысь «зайцем» добрался в поезде до Ташкента, а оттуда в Бухару. После неудавшегося «паломничества в Индию» (будущий писатель пытался пристать к каравану, идущему в Кабул) Всеволод Иванов опять оказывается на Урале, в Екатеринбурге, затем в начале 1915 года добирается до Кургана. Революцию встречает уже в Омске. В Кургане им были написаны, а затем опубликованы в газете «Прииртышье» его первые рассказы, один из которых («На Иртыше») был одобрен М. Горьким и напечатан во «Втором сборнике пролетарских писателей» в 1918 году.

За годы странствий будущий автор «Бронепоезда 14-69» переменил множество занятий и профессий: был приказчиком в мелочной лавке, матросом на пароходе, служащим цирка, странствующим факиром, сортировщиком на изумрудных копях, добровольцем омской Красной гвардии, драматургом и постановщиком собственных пьес, редактором литературной газеты «Согры» (название, означающее «поросль на болоте», которое насмешники расшифровывали зло, как «союз омских графоманов») и, наконец, автором первой безгонорарной книжки рассказов «Рогульки», которую писатель набрал сам в типографии и «издал» тиражом в... тридцать экземпляров.

Но главным во всей этой молодой одиссее Всеволода Иванова было знакомство с разными людьми, с их простыми, а нередко и легендарными судьбами, живые впечатления и глубокое знание жизни предреволюционной и «вздыбленной революцией» России. Все это легло впоследствии в основание многих и многих его книг.

В 1921 году, обнадеженный перепиской с М. Горьким, окрыленный его поддержкой, «прижимая локтем зашитые под подкладкой пальто два его письма» и уцелевшие «четыре книжки «Рогулек», Иванов добирается до Петрограда.

Публикуемый ниже отрывок из автобиографической повести Вс. Иванова «История моих книг» живо воспроизводит духовную атмосферу тех романтических лет, литературные искания молодого писателя, завершившиеся созданием повести «Бронепоезд 14-69».

УЧИТЕЛЯ МУЖЕСТВА[1]

Читатели, а чаще всего начинающие прозаики, которым хочется иметь хорошего и верного учителя, иногда спрашивают: «Кто были ваши учителя? У кого вы учились?»

Я с удовольствием отвечаю на этот вопрос. Дело в том, что сам я и поныне нуждаюсь в учителях. Во-первых, учение — бесконечно, потому что бесконечно знание. Во-вторых, жизнь не упрощается, а усложняется, и только знание поможет вам понять законы этого усложнения. И, наконец, третье,— если вы не чувствуете себя учеником, а всегда только учителем, вы неизбежно заразитесь пороком самомнения. ⟨...⟩

— Кто же, однако, ваши учителя?

— Я уже писал о них, но я с радостью повторю их имена: Горький, Чехов, Флобер, Бальзак, Л. Толстой, А. Блок. Я много раз читал и переписывал их. Переписываю и сейчас.

Эти учителя гибкого и грозного мужества, которое так необходимо художнику, научили и учат меня главному — умению видеть жизнь в ее наиболее героических, стойких и гуманистических проявлениях, видеть прежде всего человека, не только с большой буквы, но написанного вообще очень большими, заглавными и даже цветными буквами. ⟨...⟩

...В самом начале 1921 года я вышел через Миллионную на Мойку против Придворных конюшен. Настала оттепель, дул влажный ветер, и Мойка и камни мостовой были покрыты ржаво-желтым налетом. Устав, я положил связку книг — ею наградил меня Горький, считавший, не без основания, что мои знания очень малы,— на каменную тумбу и задумался.

Меня всегда, и каждый раз по-разному, удивлял Горький. Сегодня он очень болен, это заметно даже и моему совсем неопытному взгляду. Лицо у него удлинилось, нос заострился, и бровные дуги приподняты как-то странно и тревожно.

Но вот он коснулся рукой папки, где лежат рассказы молодых писателей,— и болезни словно не было. Перебирая одну за другой, стал он вспоминать, как начинали современники его, писатели, ныне известные всему миру:

— Да вы поймите же, что они начинали гораздо слабее! — воскликнул он радостно.— Вы все начали удивительно. И еще более удивительные дела ждут вас дальше,— и поэтов, и писателей, и ученых, и самых обыкновенных крестьян и рабочих.

А как он пытливо глядел на каждую нашу рукопись, огорчался каждой

[1] Глава из книги Вс. Иванова «История моих книг». Печатается по изданию: Иванов Вс. В. Собр. соч.— М., 1958.— Т. 1.— С. 117—126.

нашей ошибкой, и какой грациозной представлялась ему композиция любого нашего рассказа, который, быть может, не имел ничего грациозного.

— Вы вошли в эпоху плодотворнейшего труда, помните это! Вы будете не только писателями, а и учеными,— в своей области. И каждый, не только писатель,— каждый рабочий,— будет ученым. Большие времена вы отвоевали себе! Ученые времена. Да, ученые...

Грудь его высоко поднималась. Охваченный еще большим возбуждением, пронзительно глядя через окно на бледные и крылатые деревья сада, окружающие Народный дом, Горький повел речь об ученых. Казалось, он знает каждую работу, каждого ученого. Он помнил их всех: и тех, кто бывает в Доме ученых, и тех, кто по болезни или старости не в состоянии бывать в этом большом, теплом и очень гостеприимном Доме. Ах, как дорого стоит государству гостеприимство в эти голодные, суровые дни! Но именно это-то гостеприимство даст в свое время великие плоды!

Глаза его сверкали. Радостно было наблюдать за всеми порывами этого пленительного ума, величавого сердца и безмерного трудолюбия. ⟨...⟩

— Иванов?

Высокий человек с резким голосом, раскинув длинные руки, подошел ко мне. Я был тогда секретарем литературной студии и хорошо знал этого человека в коричневом пальто, барашковой шапке и синем шарфе с белой бахромой. Это был К. И. Чуковский.

Указывая на своего спутника, он спросил:

— Не знакомы? Блок.

Блок изредка читал в нашей студии лекции, но по разным причинам я не мог бывать на этих лекциях и видел его впервые.

— Вот здесь, напротив, живет некто Белицкий,— сказал, смеясь, Корней Иванович.— Он работает в Петрокоммуне. У него бывает серый хлеб, а иногда даже белый. Так как вы оба голодны, и я тоже голоден, и так как вы оба не умеете говорить, а значит, будете мне мешать, я пойду к Белицкому и достану хлеба.

И он скрылся в доме.

Блок стоял молча, не говоря ни слова. Он, по-видимому, думал о своем. Он работал и вряд ли видел меня. Я понимал это. Мне нисколько не было обидно, я не только не возмущался, а чувствовал восхищение. Вот стоит рядом величайший поэт России и работает! И то, что вы не лезете к нему со словами восхищения, не пытаетесь его «выпрямлять», как это часто делают другие, а просто тихо дышите, вы до какой-то степени помогаете ему. Глубокое молчание царило между нами.

Смею думать, мы оба наслаждались этим молчанием. ⟨...⟩ Послышался резкий голос Чуковского.

— Достал!

Сняв небрежно мои книги, Корней Иванович положил на каменную тумбу буханку хлеба, вынул перочинный нож и разрезал ее пополам.

— Половину за то, что достал, получу я,— смеясь, сказал он. И затем, отрезав от второй половины буханки небольшой кусочек, Корней Иванович с царственной щедростью протянул мне: — Вам, как начинающему писателю.

Остальное он отдал Блоку. Блок взял хлеб восковой желтой рукой, вряд ли понимая, что он берет. Держа хлеб чуть на отлете, он уходил рядом с Корнеем Ивановичем вдоль Мойки, в сторону Дворцовой площади и Дома Искусств. ⟨...⟩

...В Литературной студии, как я уже писал, читают лекции многие знаменитые читатели и критики города Петрограда. В последнее время, после того как поэты-пролеткультовцы несколько раз внушали слушателям, какой редкий случай выпал им на долю, слушатели стали исправно посещать лекции. Но два дня назад, когда начался Кронштадтский мятеж, число слушателей заметно уменьшилось. Сегодня в студию, кроме меня, никто не пришел.

Я уныло бродил по серой, промозглой комнате. Тоскливо глядеть на высокие стулья, аккуратно расставленные вдоль обширного стола. Кожа со стульев давно ободрана, торчат пружинки, мочала, клочки холста. Зеленое сукно со стола тоже содрано, и стол такой, словно на него брошена большая ветхая промокашка, вся в зеленых чернилах.

На столе ведомость для лекторов. Среди них — А. Блок.

В дни, когда по расписанию Блок должен читать лекцию, я повторяю его стихи, которые давно знаю наизусть. Меня считают недурным «декламатором». Ах, если бы удалось продекламировать ему какое-либо, хоть самое крошечное стихотворение! Но где там! Не хватает смелости. И к тому же Блок стал появляться редко: говорят, прихварывает.

Невысокий человек медленно идет по коридору. В руках у него тонкое пальто, с плеча свисает кашне. Я мгновенно узнаю его: по шаткому биению своего сердца. Блок! Кажется по выражению его сухого, темного и несколько надменного лица, что его терзает большая скрытая мысль, которую ему хочется высказать именно сегодня. «Какая жалость, нет слушателей!» — думаю я.

— Никого? — говорит Блок, оглядывая комнату.

— Восстание,— отвечаю я извиняюще.

— А вы?

— Я секретарь студии.

— И слушатель?

Он глядит на меня задумчиво, и взор его говорит: «Это хорошо, что вы остались на посту поэзии. Поэзия, дорогой мой, не менее важна, чем склады с порохом, например».

И он вдруг спрашивает:

— Разрешите прочесть лекцию вам?

Я важно сажусь на другой конец стола; пространство между нами, кажется мне, еще более увеличивает силу того события, которое происходит.

Блок раскрывает записки и читает медленно, не спеша, постепенно разгораясь. Он читает о французских романтиках, и каждое слово его говорит: «Они были прекрасны, несомненно, но разве мы с вами, мой молодой слушатель, менее прекрасны? Мы, вот здесь сидящие, в холодной сырой комнате, за тусклыми, несколько лет немытыми стеклами?»

Я киваю головой каждому его слову и про себя говорю: «Мы с вами достойны звания людей!» Он мне возражает: «Но разве мы одни? Нас множество, мой молодой друг!» И я покорно ему отвечаю: «Да, нас множество. Мы трудимся».— «И ведь правда, какой у нас отличный, прозрачно прекрасный труд! И как я люблю его. А вы?»

По расписанию Блок должен был читать час.

Через сорок минут после начала он позволил себе немножко передохнуть. Отодвинув в сторону записки, он, поеживаясь, поднялся.

— Однако у вас тут холодновато.

— И сыро.

Он читал еще сорок пять минут. Я заметил, что чернила в нашей чернильнице замерзли. Как же будет расписываться Блок? Взяв чернильницу в руки, я отогрел чернила. Блок расписался в ведомости, и я был очень доволен, что чернил на его перо собралось достаточно. Блок, молча пожав мою руку, медленным шагом покинул комнату. ⟨...⟩

...Блок, Горький, Есенин...— какие учителя и спутники гибкого и грозного мужества наших дней!

А. Г. МАЛЫШКИН

Автобиография[1]

Родился в уездном городе Мокшане (Пензенской губернии)[2], бывшей столице мордовского княжества. Корни рода — из безземельных крестьян, бывших дворовых помещика Нарышкина, отпущенных на волю без надела. Ростки этого рода многообразны: одни шли в уезд, в мальчики, в приказчики, другие брали на откуп кабаки, третьи уходили на заработок в большие города — «на каменку» (строить церкви, дома), четвертые батрачили у богатых мужиков, пятые — орудовали на базарах и ярмарках с крапленой колодой и рулеткой. В такой обстановке прошло детство.

Почувствовать, полюбить литературу мне помогла Лермонтовская библиотека в Пензе, где я учился в гимназии. Блока и Пшибышевского, без преувеличения, пережил своим пятнадцатилетним уездным мозгом как личную трагедию, как тиф. Впоследствии так же глубоко перечувствовать пришлось заволжские рассказы А. Н. Толстого, «Петербург» Белого и «Слово о Полку Игореве», над которым я год работал в просеминарии профессора Каринского в Петербургском университете. Первая вещь,— конечно, стихи («В каземате») — была напечатана в «Правде» в 1912 году. Студентом вступил в литературный кружок В. Л. Львова-Рогачевского, с которым связано незабываемое воспоминание о первых встречах с «настоящими писателями» и о первом напечатанном рассказе (ж. «Современный мир»).

По окончании университета началась кочевая жизнь: революция, война, Черноморский флот, где я служил младшим офицером на тральщике, гражданская война, во время которой пришлось увидеть много мест и много людей. Все это было, конечно, сильнее литературы. «... С 1919 г.— Красная Армия. Оперативная работа на Восточном, Туркестанском, Южном фронтах. В 1920 г. входил в состав оперативной ячейки 6-й Красной Армии, проделавшей известный маневр у Перекопа: Кременчуг, Борислав, Каховский плацдарм — Перекоп — Симферополь...»[3].

Затем, после семилетнего перерыва, начал опять писать («Падение Даира»). Это было в 1921 году, в Таврии. В те дни, во время писания, приходилось еще иногда, по ночам, стрелять в форточку из нагана, чтобы отпугнуть бандитскую шпану.

С 1923 года началась Москва.

---

[1] Текст печатается по кн.: Советские писатели. Автобиографии.— М., 1959.— Т. 2.— С. 25—26.

[2] Александр Георгиевич Малышкин родился 21 марта 1892 г. в селе Богородское Мокшанского уезда Пензенской губернии.

[3] Отрывок из автобиографии, приведенный в кавычках, цитируется по кн.: Малышкин А. Г. Рассказы.— М., 1931.— С. 100.

МАЛЫШКИН[1]

В. Лидин

В литературу Малышкин вошел темпераментно, особенный. На его гимнастерке еще как бы сохранились следы гражданской войны. В упрямых черных волосах не было серебряных нитей, которые преждевременно тронули голову Малышкина, когда ему едва минуло сорок лет. Все, чем жила лучшая, передовая молодежь в годы, предшествовавшие революции, все это Малышкин принес с собой и сохранил в душе. Она так и осталась на всю жизнь студенческой, молодой, отзывчивой, поборницей справедливости, необычайно скромной, когда дело касалось Малышкина, напористой, когда дело касалось кого-либо обойденного или несправедливо обиженного. Участник перекопских боев, обожженный гражданской войной, он был женственно нежен, любил Блока и музыку, пугался успеха, который сразу сопутствовал ему в литературе, ощущая литературу как дело ответственное, требующее огромных сил и труда.

Я вспоминаю первое свое знакомство с Малышкиным, тесную квартирку на Плющихе, безбытность его еще неустроенной жизни, свежесть ритмического нагнетения в «Падении Дайра» и самого Малышкина — милого, смешливого, трогательно-косноязычного, с ореховым отливом в темных глазах, только что готового развернуться, чтобы написать две замечательные взволнованные книги — «Севастополь» и «Люди из захолустья»...

Малышкин музицирует. Он ученически старателен, играя на пианино старинные вальсы или этюды Шопена: он так и требует студенческого окружения или тесной морской семьи где-нибудь в кают-компании. В его герое Шелехове много автобиографических черт — все порывы и несвершения самого Малышкина. Он наигрывает то мечтательно, то бравурно, оглядываясь на собравшихся, любитель дружбы, тесноты и веселья. Он отзывчив на любую шутку, будет оживленно говорить обо всем, но только не о литературе. Тут Малышкин становится сразу серьезен, в его глазах появляется мучительное беспокойство. Утром, наедине, когда он сядет за рабочий стол, начнется трудная борьба с фразой, ответственная работа писателя, смешком здесь не отделаешься.

Он работает трудно, скупо, перечеркивает целые страницы, недоволен собой. Он безжалостно расправляется со всем, что привнесено, неорганично, подсказано литературщиной. К литературе в ее настоящем значении у Малышкина благоговение. Его не пугает старомодность этого определения. Он сам вырос на лучших образцах литературы и понимает, что значит слово писателя.

— Как, Сашенька, работали сегодня?

— Черт знает что... черт знает что,— путаясь в косноязычной скороговорке, он как бы отмахивается от самого себя.— Никуда не годится. Все надо сначала.

Не слишком ли строго? Нет, не слишком строго. Именно так, как может и должен Малышкин. Успех в литературе — это выданный вексель. Надо по нему платить. Позорнее всего оказаться неоплатным должником перед читателем.

— Особенно советская литература! — Малышкин поднимает указательный палец.— Ведь по ней будут изучать нашу эпоху. Попробуй ошибись, хе-хе!

Но смешок нарочитый, невеселый.

---

[1] Воспоминания о А. Г. Малышкине печатаются по кн.: Лидин В. Люди и встречи.— М., 1961.— С. 49—58.

Малышкин застенчив до робости. Если надо пойти куда-нибудь на людное собрание, на какой-нибудь официальный прием — голос Малышкина по телефону: шумный, сразу тысяча слов, словесный ливень, к которому надо привыкнуть, чтобы разобраться:

— Знаете, я за вами зайду... а то окажусь вдруг один, кругом незнакомые, куда себя девать... хе-хе!

И вот в коричневом пиджачке, аккуратный, смущенный, предпочитая десять раз стушеваться, чем обратить на себя внимание, Малышкин жмется в многолюдстве где-нибудь в углу — милый, застенчивый студент с такой стеснительной душой. Но в себя не так-то легко он пускает. Мало побыть с ним в доброй компании, мало: пожалуйста, хохоток, историйки, тосты, шумный пробег по клавишам рояля, можно и потанцевать — отчего же? Но душа Малышкина замкнута. В душу к себе можно пустить только проверенного человека, мало с ним выпить, с ним нужно съесть пуд соли. Взыскующий писатель: как мыслишь? Как относишься к трудному и всенародному делу писательства. На любителей литературной поживы Малышкин набрасывается с яростью поистине клокочущего темперамента.

— Ведь это же дрянь, дрянь! Извините-с, прямо так и скажу в лицо, что дрянь! — Он носится по комнате и словно отталкивается от стены к стене. Он не переносит фальши, конъюнктурных оценок, групповых делишек.— Речь идет о литературе, о ли-те-ра-ту-ре! — скандирует он, замедляя свою обычную скороговорку.— Народ будет читать наши книги, народ.— Он становится грустным и машет рукой.— Не то мы пишем. Не так. И я не так пишу.

Его писательская комната тоже походит на студенческую. Ничего лишнего. Никаких украшений. Пианино, книжки стопками; книжки в дешевом мосдеревском шкафчике, но, извините, уж книжечка к книжечке: плохих авторов Малышкин в свой книжный шкаф не пустит.

Взыскательный мастер, Малышкин ищет вместе с тем все живое, настоящее, неутомимо правит рукописи молодых, ободряет, проталкивает. Он радуется чужому успеху. Успех, приобретенный талантом, трудом, вызывает в нем сочувствие, уважение... ⟨...⟩

Но чужую удачу он воспринимает и как укор самому себе. Утром снова полетят перечеркнутые страницы, опять будет крошиться карандаш — он пишет карандашом,— еще одна продольная морщина ляжет на лбу, еще одна седая нить протянется преждевременно в его волосах. Его честолюбие — честолюбие писателя, для которого литература не только профессия, но и цель, смысл жизни. Написанная ложь тебя же и оболжет. ⟨...⟩ Читатель — огромный, новый, жадный, требовательный, чуткий к правде. Его не обманешь. Очередная работа Малышкина мучительно, на годы, затягивается. Не потому, что он мало работает, а потому, что он строг к себе. Я помню Малышкина над фолиантами газетных подшивок: он должен был целиком войти в жизнь, быт, труд людей в первой пятилетке,— он писал «Людей из захолустья».

Литературное отрочество эпохи «Падения Даира» давно кончилось. Пришла зрелость. Но насколько Малышкин собран был в себе, в творческом своем осознании, настолько он был неорганизован, несобран в быту. Не удавались ему обычные дела. То он насадит вокруг своей дачи цветы: у всех цветы как цветы, а у Малышкина какие-то редкие перышки, но ничего, он рад и им, похваливает, даже соберет букетик — галантный кавалер — для какой-нибудь дачной посети-

тельницы. ⟨...⟩ То привяжется к нему какая-нибудь чистокровная дворняга, которую он примет за чистокровную овчарку.

— Ну что же,— скажет он не огорченно.— Собака как собака... зато чертовски умна. ⟨...⟩

Тысячи полюбивших Малышкина читателей следили, книга за книгой, за его растущим, все более строгим и взыскательным к себе писательским талантом. Только книг этих было немного. Не успел Малышкин написать главного. Он был весь в будущем, в точном смысле этих слов: в будущем. Ему дано было писательское зрение и та внутренняя совестливость, которая определяет истинный талант. Малышкин был большой надеждой нашей литературы. Он выполнил в полной мере назначение писателя, оставив книги, к которым еще не раз обратятся в будущем, когда захотят прочесть честные и правдивые страницы об эпохе великих, трудных дел и великой и прекрасной борьбы.

Незадолго до смерти Малышкина посланный принес мне на дачу огромный конверт, в каком пересылают обычно рукописи; в самой его глубине лежала маленькая записочка Малышкина: «Не выберете ли Вы до 9 час. свободной минутки — навестить подыхающего Малышкина...»

Это было в июне 1938 года. В августе его не стало.

В. П. КИН

Автобиография[1]

Чтобы разом покончить с анкетными вопросами, сообщу коротко, что я родился в 1903 году[2], в семье рабочего-железнодорожника. Мои родители решили дать мне тщательное воспитание, и с этой целью меня секли не реже 3—4 раз в год. Довольно о детстве,— все это не интересно не только для большинства читателей, но и для меня лично.

Интересное в моей жизни начинается с 1918 года, когда я с группой товарищей организовал в г. Борисоглебске ячейку комсомола. Мы устраивали митинги, бегали по собраниям, писали статьи в местную газету, которая их упорно не печатала; я имел даже наглость выступить с публичным докладом на тему «есть ли бог» и около часа испытывал терпение взрослых людей, туманно и высокопарно доказывая, что его нет. Это было ясно само собой: если б он был, он не вынес бы болтовни пятнадцатилетнего мальчишки и испепелил бы его на месте.

В город пришли казаки и искрошили 300 человек наших. Казаков выгнали. Наступил голод, меня послали в уезд собирать хлеб. Летом опять пришли казаки, и я вступил в отряд Красной молодежи. Через две недели мы с треском выставили казаков из города, а еще через месяц они опять нас выставили. На этот раз я остался в городе и попробовал вести среди белых пропаганду. Но в красноречии мне не везло никогда: комендант города отдал приказ о моем аресте, пришлось скрываться и прятаться.

Потом их выгнали опять.

Весной 1920 года я отправился добровольцем на польский фронт и был назначен политруком роты. Здесь я увидел настоящую войну, по сравнению с которой наши домашние делишки с казаками показались мне детской забавой. Не-

---

[1] Текст печатается по кн.: Кин В. П. Избранное.— М., 1965.— С. 325—326.

[2] Виктор Павлович Кин родился 14 января 1903 г. на станции Новохоперск Воронежской губернии.

которое время я пытался разобраться в своих впечатлениях и решить, что ужаснее: сидеть в окопах под артиллерийским обстрелом, или бежать, согнувшись, по голому полю навстречу пулеметному огню, или отстреливаться от кавалерийской атаки. Я отдал предпочтение пулемету. Эта холодная, расчетливая, методически жестокая машина осталась самым сильным воспоминанием моей семнадцатилетней жизни.

После фронта я вернулся в свой город. Там был новый фронт — бандиты.

До 24-го года я был на партийно-комсомольской работе, побывал на Дальнем Востоке, на Урале. В 24 году я приехал в Москву и поступил в одно высшее учебное заведение, называть которое я не буду.

Веселое это было место — мое учебное заведение. В нем нас обучали люди, которые никогда не были профессорами, наукам, которых никогда не было на свете. Они выходили на кафедру и импровизировали свою науку. Мы, студенты, относились к ним добродушно и не мешали их игре. ⟨...⟩

Нас торжественно, с речами и музыкой, выпустили из этого вуза. ⟨...⟩

О ВИКТОРЕ КИНЕ[1]

Виктор Шнейдер

...Герои романа «По ту сторону» не из тех якобы положительных героев, которых никаким прессом хвалебных рецензий не загонишь в душу читателя. Они были слеплены из живой плоти. Теплая кровь простых смертных, полная страстей, слабостей и противоречий, бежала в их жилах. Они спотыкались, падали, но шли к цели. Они мечтали, спорили, заблуждались и находили истину. В романе есть борьба, любовь, дружба, смерть, жизнь — все это настоящее, с большой буквы. Ветер эпохи рвался с его страниц, и «октябрьское, руганое и пропетое, пробитое пулями знамя» плескалось на этом ветру и звало вперед.

Роман вышел несколькими изданиями. Его инсценировали для театра и кино. Им зачитывались рабочие и студенты, юные «фабзайцы» и седоусые ветераны подполья. Комсомольцы тридцатых годов, уезжая на стройки первых пятилеток, укладывали его в дорожные чемоданчики со своим нехитрым скарбом. Безайс и Матвеев видели шахты Кузбасса и домны Магнитки. Они слышали тарахтение первых тракторов на колхозных полях и треск пулеметной стрельбы на маньчжурской границе. ⟨...⟩

...Безайс и Матвеев снова в пути, и только того, кто вдохнул в них жизнь, нет сегодня с нами. «Воплотиться в строчки» дано далеко не каждому избравшему труд литератора своей профессией. Автору романа «По ту сторону» это было дано. В страницах романа, полных страстной веры в торжество своего дела, полных любви к людям и тонкого юмора, живет и будет жить Виктор Павлович Кин, настоящий коммунист и большой писатель.

Он сказал достаточно для того, чтобы, как говорили Ильф и Петров, «остаться». Он не сказал и десятой доли того, что мог сказать. При всей яркости созданных им образов в них трепещет лишь частица светлой души художника. Сам он был во сто крат шире и глубже своих героев — человечней обаятельного

---

[1] Автор воспоминаний Виктор Адольфович Шнейдер был близким другом и соратником Кина по комсомольской работе и подполью на Дальнем Востоке; по свидетельству современников, он являлся одним из прототипов образа Матвеева. Текст печатается в сокращении по кн.: Всегда по эту сторону: Воспоминания о Викторе Кине.— М., 1966.— С. 19—25.

Бесайса, мужественнее сурового Матвеева. Он не терпел пышных метафор в книге и обывательской мишуры в жизни. Он не искал ни славы, ни почестей, ни чинов. Он рос в рядах, а не из рядов. Он был из породы тех, кто считал, по Горькому, что высшая должность на земле — быть человеком. ⟨...⟩

Борисоглебская комсомолия. Кин стал ее организатором и вожаком. Бурные месяцы демонстраций и голода, диспутов и разрухи, реквизиций и субботников. Кипение страстей, в котором сталь накаляется добела.

Приходит пора проверить ее на прочность, испытать ее ледяным ветерком смерти.

И вот — угрюмые леса Тамбовщины. Антоновский мятеж. Посвист первых пуль, посланных из бандитских обрезов. Первые встречи с глазу на глаз со смертью. Первый, обыкновенный человеческий страх и то чувство, с которого начинается подлинная отвага,— боязнь быть заподозренным в страхе. Кин выдерживает экзамен. На польском фронте он уже политрук роты. Весна 1922 года застает его на Дальнем Востоке.

Партия послала его сюда на укрепление кадров подполья. С группой комсомольцев нехожеными таежными тропами пробирается он в истекающее кровью Приморье.

...Штаб партизанских отрядов, знаменитое урочище Анучино, неприступная крепость, о которую не раз ломали зубы японские интервенты и белогвардейские полчища... Худощавый, бледный юноша, с виду совсем еще мальчик, входит, пригибаясь, в курную баню, где заседал Приморский обком комсомола. Худые плечи обтянуты брезентовой курткой. На обветренном лице горят веселые, чуть-чуть лукавые глаза. Их лучистая голубизна светится стальной волей, неукротимой смелостью и мягким юмором.

Таким запечатлелся облик Кина в памяти друга, впервые встретившего его там и прошедшего с ним рука об руку весь остальной его жизненный путь.

Период подполья, пожалуй, самый захватывающий период в биографии Кина. Он полон осязаемой романтики. Он до предела насыщен борьбой. Враг стоит на последних своих рубежах, он сопротивляется с ожесточением обреченности. Борьба разгорается с каждым часом, она идет днем и ночью, она становится будничным делом, формы ее многолики. Дерзкие партизанские налеты сменяются ювелирной работой конспираторов, отсидка в белогвардейских тюрьмах — отчаянными схватками врукопашную во мгле.

Виктор Кин в первых рядах бойцов, в самой гуще водоворота. И может быть, он один видит то, чего не замечают другие,— всю героику этих дней, так прочно вошедшую в быт. Истрепанные тетрадки в клеенчатых обложках лихорадочно заполняются записями — пейзажные зарисовки и заседания подпольного обкома, бои и походы, провалы и бои, друзья, лица, события, имена, даты. Еще неумелая рука торопится. Ибо второе призвание Виктора Кина — творчество.

Это и определяет его судьбу после гражданской войны. Партия берет его на вооружение. Он редактирует комсомольскую газету в Свердловске. Кончает институт журналистики и литературное отделение Института красной профессуры. В «Комсомольской правде» и в «Правде» печатаются его фельетоны. В журналах появляются его первые чудесные маленькие рассказы. В 1928 году выходит в свет его роман «По ту сторону».

В 1931—1936 годах Кин — корреспондент ТАСС в Италии и во Франции.

В 1937 году он редактор «Журналь де Моску». В эти годы он начинает новый большой роман из современной жизни, темой которого была партия и ее борьба. Но закончить роман Виктору Кину не удалось. Смерть нанесла ему предательский удар из-за угла. Он умер в расцвете жизненных сил, унеся с собой всю глубину своих творческих замыслов[1]. ⟨...⟩

...Он был преданным другом, одним из тех друзей, которые никогда не подведут. И неизменно он был предан тому знамени, за которым шел с детских лет, знамени, на котором начертано бессмертное имя — Ленин.

Виктор Павлович Кин жил и умер коммунистом. И сердце его, бившееся и под изношенной красноармейской гимнастеркой, и под официальным смокингом в бытность за границей, было всегда сердцем революционера.

---

[1] В последние годы жизни работал над антивоенным романом «Лиль» и романом о журналистах, где в качестве главного героя действует Безайс. Замыслы остались нереализованными; сохранившиеся отрывки опубликованы в кн.: Кин В. П. Избранное.— М., 1965.

Составитель и автор вступительной статьи
Г. Горышин

Художник А. В. Денисов

Курочкин В. А.
К93 Избранное: Повести и рассказы/Сост. и вступ. ст. Г. Горышина.— М.: Сов. Россия, 1985.— 456 с., 1 портр.

В этой книге представлены избранные произведения писателя-фронтовика, мастера остропсихологической, яркосамобытной прозы. Все, что успел написать Виктор Курочкин за свою короткую жизнь, основано на богатом жизненном опыте писателя — участника боев на Курской дуге, взятия Берлина, в послевоенные годы — корреспондента областной газеты, народного судьи в сельской глубинке. Повести и рассказы В. Курочкина согреты любовью к родной земле, людям, пронизаны чувством гражданской ответственности за судьбы Отечества.

К 4702010200—194
М-105(03)85 98—1985 г.

© Издательство «Советская Россия», 1985 г., составление, вступительная статья.

«ВОЙНА ВЗЯЛА ИХ В ЧАС ВЕЛИКИЙ...»

Однажды я ехал в автобусе в праздничный вечер. В салоне, как говорится в таких случаях, «царило оживление». Вдруг раздался усиленный динамиком прочитный голос водителя: «Еще Аристотель сказал: «Пьянство — добровольное сумасшествие». Все улыбнулись. А я обрадовался этой фразе, как голосу приятеля: это из повести Виктора Курочкина «На войне как на войне». Прочитал человек — и вот уже что-то зацепило сознание, откликнулось...

Творческая судьба каждого настоящего писателя продолжается после его смерти. Запечатленные в художественных сочинениях талант, судьба, голос остаются с нами как некое живое духовное существо.

Прежде чем сесть писать о Викторе Курочкине, пошел пройтись. Был майский вечер, в вершинах елей пробовали голоса дрозды. Курились подожженные кучи еловой хвои, напрессованной за зиму, и этот кадильный дымок, смешанный с запахами отволглой земли, свежих березовых листьев, смолы, был сладок и горек... И передо мною всплыл тот озябший день похорон, то особое чувство потери, которое охватило, сомкнуло, сдвинуло вместе всех нас, кто пришел проводить товарища в последний — без времени — путь. Это чувство у самого Виктора Курочкина, в повести «На войне как на войне», описано так: «Когда экипаж опустил своего командира на сырой глиняный пол могилы, подошел комбат, снял шапку и долго смотрел на маленького, пухлогубого, притихшего навеки младшего лейтенанта Саню Маленькина».

...В минуты прощания с Виктором Курочкиным в ленинградском Доме писателя стоял на треноге портрет молоденького, пухлогубого,

улыбающегося, с распахнутыми, полными азартного, отчаянного любопытства к жизни глазами, с иконостасом орденов и медалей на не слишком-то широкой груди, с гвардейским значком лейтенанта-танкиста...

Чтобы лучше понять характер, первооснову личности и судьбы, а также и некоторые особенности героев повестей и рассказов этого писателя, стоит вглядеться в портрет юного лейтенанта, может быть, только что вернувшегося из танковой атаки...

Курочкин попал на войну в то время, когда поле каждого боя, большого и малого, выигранного и неудачного, озарялось проблеском пусть еще не близкой, но непременной нашей Победы. Военные повести Виктора Курочкина пронизаны этим озарением.

Он увидел войну из люка самоходки — командовал самоходной установкой СУ-85. Из личного опыта писателя родилась — спустя двадцать лет после окончания войны — его первая военная повесть «На войне как на войне». Повесть эта соткана из живых деталей, подробностей, эпизодов военной повседневности. Она несет в себе запахи, звуки, слова, интонации времени. Это нельзя придумать, сочинить. Это нужно пережить и сохранить в памяти сердца. Однако в повести Курочкина нет военного бытописательства, мемуарной сводки сведений, так называемой «окопной правды». Повесть «На войне как на войне» явилась результатом синтеза юношеского военного опыта с житейской мудростью и, главное, художественной зрелостью писателя. За двадцать лет после войны Курочкин окончил юридическую школу, поработал народным судьей в Уторгошском районе Новгородской области, закончил Литературный институт, написал повести «Заколоченный дом», «Последняя весна», «Наденька из Апалёва», «Урод», десяток рассказов. Его пьесу «Сердце девичье затуманилось» поставили в Московском театре имени Пушкина. По его сценарию был снят фильм на колхозную тему «Ссора в Лукашах».

Повесть «На войне как на войне» читается в один присест: нельзя оторваться — настолько слажен, соразмерен, гармоничен ее строй. Даже не строй, а лад. Повесть Курочкина музыкальна. Сюжет в ней незаметен. Начинается повествование неторопливо, в темпе адажио, затем — аллегро, крещендо. Заключительные страницы звучат патетически, как реквием по командиру самоходки Малешкину...

Всего два дня провоевал Саня Малешкин на своей самоходке. До этого ему «не везло»: случайный снаряд разорвался рядом, осколком перерубило ствол пушки, и самоходку отправили в ремонт. А когда наконец «повезло» и младшему лейтенанту довелось повоевать и отличиться в бою, случайный осколок залетел в люк, и Саши Малешкина не стало.

На войне как на войне.

Успех больших битв предопределяется волей и талантом командо-

вания, высшей стратегией, выучкой, мужеством и дисциплиной солдат, то есть опять же способностью их исполнить эту высшую волю. Однако война состоит также из миллионов маленьких схваток, случайностей, когда каждому из ее участников надлежит командовать самим собой, принимать мгновенные решения и мгновенно их исполнять. Курочкина интересуют именно такие ситуации. Герой его — совсем молодой, необстрелянный, он еще не притерся, не обкатался в механизме войны. К тому же он несколько рассеянный, непутевый, нескладный парнишка. В военное училище попал из сельской школы. Ему еще предстоит научиться действовать согласно общему плану, стратегии и воле. Пока что он руководствуется непосредственным душевным импульсом, юношеским нравственным кодексом.

Сане Малешкину хочется поступать хорошо, то есть бить фашистов. Как можно скорее, больнее их бить. И еще ему хочется, чтобы в порядке была самоходка и чтобы доволен был экипаж. Собственную персону он не принимает в расчет. Он еще не знает цены своей жизни.

...Вот разбило снарядом ведущий танк, и самоходка оказалась неприкрытой под прицельным огнем вражеских батарей. Водитель Щербак испугался, у него не хватило самообладания ехать навстречу смерти, самоходка остановилась. Тогда командир ее Саня Малешкин выскочил из люка и, пятясь спиной к врагу, стал манить за собой свою машину. Водитель очухался. Самоходка вновь ожила... и подбила трех «тигров».

После этого боя командир представил младшего лейтенанта Малешкина к званию Героя, а экипаж к орденам...

В фильме «На войне как на войне», снятом по повести Курочкина, младший лейтенант Малешкин остается жить. Авторы фильма не решились нарушить жизнеутверждающее звучание картины трагической нотой: зрителям жалко, обидно будет безвременно проститься с таким хорошим парнем...

И Виктору Курочкину, автору повести, жаль своего героя.

Но — на войне как на войне.

Курочкин не чурался трагедии, темы смерти — так было всегда в настоящей литературе. Но скорбь его светла. Он обладал счастливым для писателя даром — увидеть смешное даже в драматической сцене, облегчить душу улыбкой.

Вспомним хотя бы эпизод размолвки Малешкина со своим экипажем накануне боя. Экипаж разместился в прифронтовой деревне, в избе у милой хозяйки. Хозяйка поставила на стол бутылку самогону. Но тут в избу пришел замполит Овсянников. Он посидел немного за столом, потом позвал с собой на улицу младшего лейтенанта и сказал: «Вообще водка гадость, а пить ее с подчиненными вдвойне гадость... Если хочешь быть настоящим офицером, прекрати. С сегодняш-

него дня прекрати... Еще Аристотель сказал: «Пьянство — добровольное сумасшествие». Знаешь, кто такой Аристотель?»

Этого Малешкин не знал. Однако пообещал не пить не только с экипажем, но и вообще. Вернувшись в избу, он взял оставленную ему кружку с самогоном и выплеснул. И тут разверзлась пропасть между экипажем и его командиром. Хозяйка обиженно поджала губы. И так плохо, так одиноко сделалось Сане, что хуже и не бывает. «Малешкин походил по хате, остановился у окна. Стекла промерзли насквозь и заплыли льдом. Саня лизнул и сплюнул. Лед показался ему соленым. Он совершенно не знал, что делать».

Пришлось Сане нарушить зарок, данный замполиту. На войне как на войне.

Читать эту сцену нельзя без улыбки. Смотреть ее на экране вдвойне смешно. Между тем до гибели Сани Малешкина остается менее суток...

Повесть «На войне как на войне» можно счесть наиболее зрелым и завершенным произведением Виктора Курочкина — по ясности мысли, определенности авторского взгляда на жизнь, художественной цельности образов, выделке стиля и деталей, своеобычаю письма. Но все эти качества и особенности дарования в достаточной мере сказались и в написанной десятью годами ранее, первой увидевшей свет повести «Заколоченный дом». Вообще, перечитывая подряд все, что написал Курочкин в разное время за двадцать лет работы в литературе, дивишься цельности творческого наследия этого писателя. Он словно и не бывал никогда «начинающим».

В повести «Заколоченный дом» поставлены многие из проблем, которые через двадцать лет окажутся в центре внимания нашей «деревенской» прозы. Повесть эта сегодня нимало не устарела, наоборот, чуть брезжившая в ту пору, когда Курочкин обдумывал и писал ее, тема заколоченных домов в русских селеньях нынче служит предметом исследования и тревоги в творчестве наиболее чутких к процессам народного, национального бытия писателей.

Тут стоит вспомнить о том, что Виктор Александрович Курочкин родился и вырос в крестьянской семье, в самой что ни на есть российской лесной глубинке, в деревне Кушниково Калининской области. В послевоенные годы, с удостоверением корреспондента районной, потом областной газеты, колесил по проселкам елового, осинового, ольхового края. Курочкин знал деревню, был связан с нею узами сыновнего родства, болел ее болезнями, говорил ее языком и провидел будущее колхозной деревни, как говорится, на несколько ходов вперед. — Виктор Александрович Курочкин был изрядным шахматистом. Аналитический склад ума, надо думать, подвигнул его на юридическую стезю, а впоследствии, в годы литературных трудов, уберег от каких бы то ни было обольщений, от умиления патриархальностью сельщины. Не-

преходящее значение творческого наследия Виктора Курочкина обусловлено не только своеобычием его художественной манеры, но прежде всего объективной верностью социально-психологического анализа, точно соотнесенного с местом и временем.

На роль главного героя своей повести «Заколоченный дом» Виктор Курочкин выбрал личность заурядную, усредненную, как половица в затертом подошвами полу старого дома. Именно так он и аттестует своего героя в первых же строках повествования: «В паспортном столе городской милиции значится, что гражданин Овсов Василий Ильич появился в П. в тридцатых годах, что он происхождения из крестьян-середняков, семейный и служит в артели «Разнопром». Другие данные о нем пока милицию не интересовали, да и незачем: Овсов не пьет, квартплату вносит аккуратно, с жильцами не судится. Наоборот, в доме, где он проживает почти двадцать лет, не только не причинил никому зла, но даже не сделал ничего такого, в чем бы можно было его упрекнуть.

— Золото Овсов! Сколько живем здесь — и ничего плохого от него не видели. Незаметный он человек, — говорили про Василия Ильича».

Вы слышите в авторской интонации эту скрытую курочкинскую усмешку, вроде бы и без едкости, без сарказма, пожалуй, даже сочувственную, во всяком случае исполненную глубокого житейского многознания? Интонация эта тотчас наводит читателя на мысль о том, что и сам автор тоже тертый калач, стреляный воробей, которого не проведешь на мякине. Тут к месту припомнить, что первую свою повесть тридцатилетний Курочкин писал и печатал в то время, когда на страницы журналов выхлестнулась так называемая «молодежная» проза, проникнутая духом беспочвенного и самообольщающего отрицания «прозы жизни». С другой стороны, о сельских жителях если тогда и писали, то с оглядкой на эталоны-монументы, получившие впоследствии справедливый упрек в лакировке действительности. Глубинная, исконная, нечерноземная, суглинистая, подзолистая, болотная русская деревня пока что помалкивала о себе. Ее будущие художники слова, историографы, истолкователи еще только проходили свои жизненные университеты.

Берясь за перо, протаптывая собственный первопуток в литературу, Курочкин, должно быть, ощущал это одиночество, а может быть, и не думал об этом, следуя зову художнического чутья. Он выбрал в герои своей повести (слово герой в данном случае надо бы взять в кавычки, но Курочкин не любил кавычек) малозаметного Василия Овсова, понимая, что эта малозаметность и усредненность представляют собой оболочку, характернейший признак живучей социальной категории, определенной обывательской среды. Множество овсовых выдуло из деревни ветром коллективизации. Чего искали они, где и как прилепились в новой жизни? А вот, пожалуйста, жизненное кредо Ва-

силия Ильича Овсова: «Все, что было связано с производством,—машины, железо, соревнование, — вызывало у Василия Ильича болезненное раздражение. «Зачем все это? Разве нельзя жить без машин, соревнований, без собраний? — спрашивал он себя и сам же отвечал: — Можно... Надо жить тихо, спокойно».

Приют этой тихой, спокойной жизни, исключительно для себя и своих домочадцев, Овсов находит на городской окраине, где есть свободная земля под клубничные гряды. Описание этого «приюта» хочется привести целиком: оно выполнено Курочкиным-художником со свойственной ему свободой мазка, некоторой причудливостью рисунка, со сдержанной усмешкой, несущей в себе разящую социальную характеристику.

«Жил Овсов во «дворце полей», — так назывался в П. один из самых старых домов на окраине по соседству с кирпичным заводом и кладбищем...

Если бы автору дали право все перекраивать на свой лад, то он бы «дворец полей» переименовал во «дворец сторожей». И не без основания. Почти весь дом был заселен сторожами. Лучшую квартиру занимал сторож универмага. Он выгодно отличался от других сторожей высоким ростом, хриплым басом и добротным тулупом; кроме того, ежегодно запахивал двадцать соток земли. Сторож фуражного магазина круглый год ходил в валенках с резиновыми галошами и под старую офицерскую шинель поддевал жилет на заячьем меху. Сторожа булочных мало чем отличались друг от друга: брились они по праздникам, постоянно возились с молочными бидонами и пили горькую. Называли их парашютистами. Эта кличка была безобидной и носила чисто профессиональный характер. Дело в том, что сторожа, отправляясь на рынок с молоком, брали сразу два бидона и вешали их на себя, как парашют: один на грудь, другой на спину...»

Привыкший держать нос по ветру, Овсов первым заметил, что меняются времена, приходит конец тихой спокойной жизни. Что было делать? Вот здесь он и вспомнил о своем заколоченном доме в деревне Лукаши на Псковщине. К тому же крестьянская жилка, наследственная тяга к земле исподволь подтачивали обретенный покой. Вернулся Овсов в Лукаши. И что же?.. Тут писателю представлялась возможность. наставить своего героя на правильный путь. Он даже и глазу, в которой герой принимает похвальное решение вернуться в колхоз, назвал чисто по-курочкински, с подспудной иронией: «Молодчина». В родной деревне Овсов отправляется с колхозной бригадой на покос, и, кажется, в нем оживает лучшее, человеческое, исконно крестьянское. «Коса нырнула с легким свистом, и словно сбитая легла трава, а пятка косы отбросила ее в сторону. Еще взмах, еще взмах, еще, еще. Василий Ильич оглянулся — за ним вытягивался ровный желтоватый прокос. Овсов глубоко вздохнул и почувствовал, как легко

дышится и как что-то давно забытое, волнующее просыпается в нем...»

Но Курочкин слишком хорошо знает своего героя. Проза Курочкина по самой сути своей — психологическая, а значит, верная жизненной правде; утешительных, легких концовок в ней не бывает. Болезнь собственничества, эгоцентризма, изъязвившая душу Овсова и многих ему подобных, туго поддается лечению, даже такими сильными средствами, как артельная косьба на росном лугу.

Всласть наработавшись за день, ночью Овсов заскучал. «Вот я решил остаться здесь, — размышлял Василий Ильич. — Все надо вновь заводить. Дом старый, ремонт, хлопоты... А зачем? Разве нельзя приезжать в Лукаши на дачу?»

Лукашинские мужики прозвали Овсова дачником, интерес к нему пропадает даже и у самого автора. Главным действующим лицом повести становится Петр Трофимов, молодой председатель колхоза, отвоевавший, вернувшийся — вся грудь в орденах — в отчий дом не по принуждению, а по чувству долга перед разоренной захватчиками родной землей, перед своими односельчанами, а стало быть, перед всем народом.

Петр Трофимов ведет себя на председательском посту несколько по-фронтовому, как на войне, в бою, когда нет техники, поредел боевой порядок и нужно хоть умереть, но взять высоту. Высота эта представляется Петру полновесно оплаченным трудоднем. Не только поднять, зажечь, заставить людей работать, но и по достоинству вознаградить их труд, нимало не заботясь при этом о собственной персоне, — такова цель председателя, таковы его стратегия и тактика.

Чем-то похож Петр Трофимов на Саню Маленкина, возмужавшего, повзрослевшего, вернувшегося живым с войны Саню.

Читая «Заколоченный дом», вы побываете на поле одного из тысяч сражений местного и в то же время всенародного значения, какие велись в пятидесятые годы в нашей деревне, будь то Лукаши или Пеньшино, за хлеб насущный, за души людей, за будущее всякой русской земли.

Вспомним, что Курочкин был тут первым, время написания повести «Заколоченный дом» помечено 1951 годом. Вне следствия это время будет изображено на эпических полотнах романов.

Вскоре после дебюта в жанре повести Курочкин написал сценарий фильма «Ссора в Лукашах». Фильм получился злободневным, имел успех у зрителей. А еще раньше был рассказ «Дарья», на основе его — пьеса «Козыриха», шедшая на сценах нескольких областных театров, и комедия «Сердце девичье затуманилось», поставленная Московским драматическим театром. С самых первых шагов в литературе Виктору Курочкину в общем все удавалось: повесть, пьеса, сценарий. Что ему помогало (разумеется, прежде всего талант), — так это зна-

ние самых законов дела, за которое он принимался, врожденная крестьянская основательность, профессиональная мастеровитость. Чему он учился, науку усваивал крепко: год за годом приходил на занятия литкружка при Ленинградском отделении издательства «Советский писатель», окончил Литинститут. Как говорится, и я там был, не только мед и пиво пивал вместе с Виктором Курочкиным, но и выслушивал горькую правду о своих первых литературных опытах. Как известно, успех любого литературного кружка зависит не только от педагогического таланта его руководителя, но и от уровня представленных на обсуждение сочинений. Может быть, даже в первую очередь от этого уровня. Уровень обсуждения в нашем кружке и определялся такими вещами, как повести Курочкина «Заколоченный дом», «Записки народного судьи Семена Бузыкина»; рассказы «Дарья», «Мачеха», «Цыган Бенко», «Лесоруб», «Яба».

...Действие пьесы «Козыриха» тоже происходит в деревне, в лесной курочкинской деревне. Сюжет ее, с высоты достижений нашей литературы последних лет, может показаться упрощенным, облегченным, романтизированным, даже наивным: знатная свинарка Татьяна влюблена в красавца лесника Антона, в него же влюблена и мужняя жена Дарья. У этой Дарьи сильный характер, и страсть ее — роковая. Она дает мужу отставку, поступает на свиноферму и обгоняет Татьяну по показателям привеса. Сюжетец, скажем так, бодренький, в духе того времени. Но прочтите заново рассказ «Дарья», пьесу «Козыриха», послушайте, как говорят герои и героини, какие частушки они поют, сколько в их речах воистину народного острословия, остроумия, как свободно, всякая на свой лад, изливаются в речах души!

Но не ищите в рассказах, пьесе, повестях Курочкина какой-либо сугубо местной диалектной особливости. Нет ее и в пейзаже, обрисовке быта. Как будто писатель выбрал себе наблюдательный пункт, откуда видна и слышна ему вся российская черноземная глубинка, все ее Лукаши, Ковши, Глазуны, Закуты. Именно в чувстве меры, в способности отбора художественных деталей, языковых средств, в обобщенном, укрупненном — в духе литературных традиций — изображении действительности состоят сильные стороны дарования Виктора Курочкина.

Обратившись в первую пору писательства за жизненным материалом к деревне, Курочкин впоследствии еще не раз вернется в близкие сердцу, родные места. Но испробованные однажды ситуации, конфликты, характеры, даже самые атмосфера, дух, настроение ни разу не повторятся в его произведениях.

Теперь, когда завершен обидно короткий творческий и жизненный путь писателя, можно попробовать уловить внутреннюю, может быть подсознательную, связь сочинений Курочкина с сюжетом его судьбы.

Ведь может же не только гений, не только Пушкин, но и наш современник, если он настоящий художник, провидеть свою судьбу, поставленные ему пределы и сроки.

Находясь в расцвете всех сил, обласканный хотя и скромным, но настоящим успехом в литературе, театре, кино (критические отзывы на произведения Курочкина не бывали однозначными, Курочкин ну никак не подходил под общую мерку), деля свое время меж рабочим столом, рыбачеством, которому он предавался со всею страстностью натуры, встречами с друзьями, Виктор Курочкин написал «Последнюю весну» — повесть о старике Анастасе, брошенном уехавшими в город детьми на попечение соседей в деревне. Печаль этой повести навеяна чуткой, отзывчивой душе автора самой пронзительной горестью, исходящей из сотен и тысяч окон стариковских сиротских избушек в сдвинутой с места деревянной России. Внимание писателя приковано к явлению общественному, общезначимому, но трагедия деда Анастаса, последний год его жизни за печкой в чужом доме, провалы и возвращения памяти, горячечная работа больного сознания, чересполосица реальности и бреда, самая смерть написаны не только с потрясающей глубиной проникновения, личностной индивидуализации, но еще и с клинической объективностью истории болезни.

В этой связи мне вспоминается случай. Дело было после похорон Виктора Курочкина, в его доме. Из-за стола поднялся человек в штатском, но с выправкой кадрового военного, в прошлом однополчанин Курочкина, и рассказал такую историю. Госэкзамены в танковой академии принимает седой генерал. Молодой лейтенант ответил все правильно по билету. Но генерал ему задал вопрос: «Что делать, если, использовав все ваши знания механики, электроники, систем современного танка, вы не можете запустить мотор в боевой обстановке, зимой?..» «Читайте повесть Виктора Курочкина «На войне как на войне», — заключил однополчанин. — Там экипаж самоходной пушки роет яму под пушкой и греет ей брюхо горящим соляром. Варварский способ, но не надо о нем забывать».

С таким же основанием можно посоветовать молодому специалисту по высшей нервной деятельности прочесть повесть Курочкина «Последняя весна». Курочкин писал ее так, будто предвидел, что не через годы даже, а через месяцы кровоизлияние в мозг повергнет его в безъязычие, в немоту, что целые восемь лет он не напишет и не скажет ни слова и никто не узнает, какие мысли, думы, крики о помощи теснятся в его голове, и конец этой муке принесет одна только смерть. Будто о нем написал в эту пору одно из лучших своих стихотворений Глеб Горбовский: «Что в голове его творится? Болото там? Иль море там? Так беспокойна эта птица... А на земле, как говорится, — все на местах. Все по местам».

В первое время болезни у его постели дежурили поочередно его

друзья, те, что вместе с ним ходили в литературное объединение, любили его за талант, прораставший сызнова в каждом новом его произведении, воистину многогранный: и веселый — и грустный, и насмешливый — и чувствительный, и раздумчивый — и безудержно страстный.

Писал, да и жил Виктор Курочкин согласно какому-то внутреннему барометру. То он вдруг исчезал из поля зрения, где-то уединялся, работал, работал... Впрочем, рабочие эти периоды длились сравнительно недолго, да и сами повести Курочкина коротки, книги не толсты. Стоило Курочкину закончить очередную работу, отнести написанное в журнал или издательство — и он расслаблялся. В этой расслабленности его проглядывала подступавшая к горлу депрессия. В такие моменты он любил декламировать стихотворение Блока «Поэты»:

За городом вырос пустынный квартал,
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой...

От льнувших к нему в такие периоды «друзей» («друзья» хорошо описаны В. Курочкиным в повести «Урод») он избавлялся на рыбалке. К этому делу, как и вообще ко всякому делу, он относился свято. Два лета мы жили с ним вместе на лесной реке Куйвасарь близ Ладожского озера, в каютах пустующего в летнее время дебаркадера, — осенью и весной здесь останавливались охотники. В окно каюты мне было видно, как Курочкин пишет. Писал он от руки. Почерк у него неразборчивый. Написанное сам и перепечатывал на машинке. Так мы жили: накопаем червей, поудим окуней и язей, сходим в лес, посидим на причале — и принимаемся за писание.

Курочкин обладал незаурядным даром лицедейства, перевоплощения (надо думать, это свойственно вообще писательскому призванию), легко входил и вживался в роль, ну, скажем, в роль кулинара или в роль рыбака. Жизнь предоставила ему возможность исполнить множество разных, в том числе и весьма серьезных, ролей. Такую жизнь он сам себе выбрал.

...Рассказывают, однажды в зимнюю пору Курочкин возвращался с подледного лова, в валенках с галошами, в ватных штанах, в шубейке и малахае, с ящиком на особом, собственного изготовления, полозе, которым он чрезвычайно гордился и хвастался в гораздо большей степени, чем своим творчеством. В центре города, может быть, даже на Невском проспекте, он вдруг увидел афишу только что вышедшего на экраны фильма «Ссора в Лукашах». Курочкин остановился, внимательно ее прочел. Затем присел на свой ящик, задумался, что-то такое вспомнил и заплакал в три ручья. Понятно, не прошли

мимо плачущего в неположенном месте. Курочкин пытался объяснить, что он, именно он является автором этого фильма. Никто ему не поверил, конечно. И что особенно удивительно, хотя вполне характерно для Курочкина: казалось, и сам он не очень-то верит в такую возможность, во всяком случае потрясен, увидев свою фамилию на афише...

Вообще Курочкина интересовала природа актерского ремесла. Опыт сотрудничества с кино и театром дал писателю возможность подглядеть в этом мире нечто такое, чего никто другой не увидел, и написать повесть-фантасмагорию «Урод». В ней с блеском проявился дар Курочкина-комедиографа. Обращаясь мысленно к творчеству Курочкина в целом, нельзя упустить из виду эту повесть, хотя она стоит несколько особняком в ряду других его сочинений. Повесть написана в гоголевской традиции, с лукавой усмешкой над странностями человеческой природы. Образы в ней обрисованы крупно, отчетливо. Оставаясь верным реалистической манере, Курочкин мастерски, с точным соблюдением меры пользуется приемом гротеска.

Сюжет повести построен на перипетиях судьбы в общем неплохого, но бесталанного человека из городского предместья. Особенная телесная «фактурность» Отелкова сыграла с ним в молодости плохую шутку: он стал актером. И за это удостоился уважения обывателей городской окраины, но делать Отелкову в мире искусства решительно нечего, и сам он, человек по природе простой и честный, понимает свою бездарность, живет в трагическом раздвоении, а обрести заново цельность не в силах: слаб человек. В этот, казалось бы, вполне заурядный, даже банальный сюжет искусно вкраплены причудливые, полуфантастические сцены из жизни отелковской собаки-боксера по кличке Урод.

Курочкин не то чтобы осуждает своего героя, он вроде даже сочувствует ему, но главное не в этом, авторское присутствие незаметно в повести. Силой таланта писатель преобразует жизненный материал, поднимается над ним, достигая той высоты художественного обобщения, какая известна нам по настоящей литературе.

По-художнически зорко Виктор Курочкин подмечал в людях, да и в себе самом тоже, вот это несовпадение «фактуры» с внутренним содержанием исполняемой роли. В роль профессионального литератора, кинодраматурга — не в творческом, а в житейском смысле — войти ему так и не пришлось. Он постоянно сознавал в себе это несоответствие, в тех его произведениях, где рассказ ведется от первого лица, фигура писателя-рассказчика обрисована непременно уничижительно, местами напоминает шарж. Перелистаем хотя бы «Паденьку из Апалёва», написанную примерно в одно время с «Последней весной», в середине шестидесятых. Вот, пожалуйста... «Я до того обленился в Апалеве, что даже мух от себя не гоняю. Второй месяц на

исходе — у меня ни строчки. Чистый лист на письменном столе пожелтел и сморщился. День за днем бью баклуши, а по выражению Наденьки, «изучаю жизнь». Она старается вовсю: таскает меня по полям, бригадам... Люди на меня смотрят по-разному, но больше с насмешливым любопытством. Только, пожалуй, в глазах Наденьки я — фигура, а в глазах остальных — нечто среднее между уполномоченным из района и колхозным лодырем Аркадием Молотковым...»

Несколькими годами ранее «Наденьки из Апалёва» был напечатан рассказ Юрия Казакова «Некрасивая» — художественно-рельефный, талантливый и, как бы сказать, «беспощадный» рассказ о сельской учительке, которой выпал несчастливый билет в лотерее естественного отбора: она некрасива, а стало быть, и несчастна. Она живет, оплакивая себя, умывая душу слезами, постоянно готовая к унижению, милостыне. Я не знаю, читал ли Виктор Александрович рассказ Юрия Казакова, и не собираюсь взвешивать художественные ценности двух произведений, написанных на сходную тему. Я только хочу сказать, что свою «Наденьку» Виктор Курочкин написал как будто из потребности оспорить каноническую трактовку «проклятой» темы. Со свойственной ему страстностью он полемизирует с автором «Некрасивой» или с кем-то еще, защищая, жалея и даже воспевая свою Наденьку, киномеханика из села Апалёва, некрасивую, нескладную, махнувшую на себя рукой, преклоняясь перед силой ее духа, перед жертвенной ее готовностью послужить людям, перед ее зовущую обескураживающей добротой. Некрасивая Соня у Казакова не может подняться над властью инстинкта, изобразительная сила рассказа лишь усугубляет это. От некрасивой Наденьки из Апалёва исходит постоянный, ровный свет одухотворенности, ума, бескорыстия. Наденька тоже вначале страдает от невнимания к ней первого апалевского парня шофера Околошеева, но характер у нее покрепче околошеевского, и уж если кто полюбит ее, то обретет он — сокровище. Но надо еще суметь сокровище разглядеть. Не всякому это дано, вот в чем дело.

Конечно, встречаются в жизни несчастные до неприличия, некрасивые и неумные Сони и прелестные, хотя тоже некрасивые Наденьки. Сопоставляя сходные по теме вещи двух писателей одного литературного поколения, я хотел обратить внимание на главное, пожалуй, оставшееся неизменным на протяжении всего творческого пути качество таланта Виктора Курочкина — его особенную человечность.

Впрочем, каждое произведение Виктора Курочкина обладает известной автономией и по жизненному материалу, и по теме, и даже по настроению, авторской манере. В сравнительно небольшом его творческом наследии каждое произведение самоценно и соответственно в очерке творчества достойно отдельной страницы, иначе очерк будет неполным.

Ну вот, к примеру, повесть «Записки народного судьи Семена Бузыкина». У этого, самого любимого Курочкиным детища, и, может статься, самого главного его произведения, особая судьба.

Впервые Курочкин прочел «Записки» в уже упомянавшемся литобъединении, потом повесть долго лежала в столе. Выходили в свет другие вещи, «Семен Бузыкин» дожидался своего часа. И вот в журнале «Аврора» № 6 за 1974 год впервые появились главы из «Записок». Публикация сопровождалась сноской: «Журнальный вариант».

Сам автор не участвовал в подготовке «Записок» к печати. Он только приходил в редакцию, садился против меня (я тогда заведовал прозой в «Авроре») и смотрел мне в глаза. Губы его шевелились, он силился что-то сказать и не мог. Писать он тоже не мог. Выдерживать взгляд Виктора было невыносимо. Я говорил ему что-то такое бодрое, он слушал меня. Глаза его наполнялись слезами. Он махал рукой, как выпавший из гнезда галчонок машет коротким для полета крылом, и уходил.

Исследователи творчества, биографы Виктора Курочкина — они еще будут: в истории нашей литературы судьба и книги этого писателя оставили след, с годами он обозначится в полной мере, — обратятся к «Запискам судьи Семена Бузыкина» не только как к литературному явлению. Конечно, не нужно отождествлять судью Семена Бузыкина, известного в районе под прозвищем Буза, с судьей Виктором Курочкиным. И все же... Бузыкин чем-то напоминает Петра Трофимова из «Заколоченного дома», а Петр Трофимов, пусть самую малость, смахивает на командира самоходки Саню Маленькина. Что роднит этих в общем-то очень разных людей? Выбор места в сражении, будь то танковая атака, возрождение к жизни разоренного села в послевоенное лихолетье, судебный процесс, где на карту ставится доброе имя и будущее не только подсудимого, но и судьи. Во всех этих ситуациях любимые герои Курочкина оказываются на острие атаки, берут на себя всю ответственность за исход сражения, кампании, дела, руководствуясь при этом, может быть даже безотчетно, неотъемлемым, органическим сознанием нравственного долга перед отечеством и людьми. Семену Бузыкину надо было держать в туго сжатом кулаке и честь воли закон и совесть, сострадание и беспристрастность, эмоции и холодный расчет ума. И это позволило ему в конце концов сделать свой вывод: «...И когда мне преподносят человека, как идеальный пример, я этому так же не верю, как не верю, когда мне говорят о человеке, как о кладезе зла и пороков».

Из сохранившихся документов того времени явствует, что деятельность автора «Записок судьи Бузыкина» в роли служителя Фемиды не увенчалась лаврами. Вспомним, однако, эти годы — 1949—1951 — и попробуем понять, как разрывалась душа молодого судьи между пра-

выми и виноватыми, истцами и ответчиками, а хотелось ей, этой самой душе, гармонии, цельности...

Как личность и как художник Курочкин сформировался на войне и в годы своего судейства в сельской глубинке. Оба эти периода одинаково важны. Сам жизненный материал, почерпнутый на фронте и в зале заседаний районного суда, впоследствии примерно поровну распределился в художественных произведениях писателя. Творчество его опиралось на мощный плодоносный слой опыта, памяти. Как много он знал и мог бы еще написать. Мог!.. В его личном деле есть справка о тяжелом ранении при форсировании Одера, свидетельства о награждении орденами Отечественной войны первой и второй степени, орденом Красной Звезды, медалями «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги». Курочкин все-таки скрытный был человек. Чего он не любил, так это рассказывать о себе. Дневников не вел. Автобиографических книг не писал. Об отрочестве его, ранней юности известно лишь, со слов жены, что перед войной семья Курочкиных жила в Павловске под Ленинградом. Когда в Павловск ворвались немцы, Виктор с отцом, под пулями, пешком ушли в Ленинград. В зиму 1941/42 года они работали на одном заводе, станки их стояли рядом. В блокадном Ленинграде Виктор освоил профессию шлифовщика, он шлифовал головки зенитных снарядов. Когда умерли от голода отец и бабушка, он остался совсем один. К весне сам плохо стоял на ногах, его увезли из Ленинграда по озеру, в Ярославле лечили от дистрофии. Потом уже было танковое училище в Ульяновске...

В повестях Курочкина — военных или из мирного времени — немало грустных страниц. Но вчитайтесь в его судьбу, отразившуюся сквозь призму художественного видения жизни, и вы поймете, чем заслужил он право на эту грусть. Основой, опорой жизни и подлинного писательского мужества служила ему всегда вера в духовную силу, в нравственное здоровье и стойкость русского человека. Тут источник доблести на войне, тут черпал он силы в житейских невзгодах.

Свою последнюю повесть — «Двенадцать подвигов солдата» — Виктор Курочкин не закончил, первая ее часть — «Железный дождь». У героя этой повести Богдана Сократилина двенадцать наград за войну, из них девять медалей «За отвагу». Повесть складывается из бесед автора со своим героем. Автора интересует природа доблести русского солдата. Солдат не похваляется, он только вспоминает, как это было. В рассказах этих трагическое перемежается с курьезным, частное — с общезначимым, эпическим. Те же самые пропорции, распределение света и тени, что и во всем творчестве Виктора Курочкина.

Курочкин писал принципиально «обычную» жизнь, «как везде»,

Из этой обычной жизни попал на войну Саня Малешкин и стал героем, не ведая за собой никаких героических качеств. В крохотный городишко С. возвратился с войны, совершив двенадцать солдатских подвигов, Богдан Сократилин.

Язык в повестях Курочкина свободен от какой-либо стилизации, влияний и поветрий. Это — образный, емкий, экономный, местами намеренно скупой на художественные средства и в то же время подвижный, необычайно живой, близкий к бытующей разговорной речи, народный в самой своей основе и взыскательно выверенный литературный язык. Если говорить о языковой традиции, которой следовал Курочкин, то это чеховская традиция.

В нашей критике принято числить писателей списками: вот, к примеру, военные писатели, вот «деревенщики», а это — лирическая проза. Курочкина не помнили ни в одном таком списке. Дело здесь, мне думается, не в определении доли участия в общем литературном процессе. Просто Курочкин — сам по себе. Он одновременно и баталист, и «деревенщик», и лирик. Он прежде всего, по самой сути своей, — художник. Талант его дерзкий, насмешливый. И грустный, мягкий, лирический. Голос Курочкина не расслышать в многоголосом хоре нельзя, это — особенный голос.

...Когда мы прощались с Виктором Курочкиным в Доме писателя, вышел Глеб Горбовский и прочел специально написанное им ночью стихотворение «Виктору Курочкину». Я хочу привести его здесь, не разделяя на строки и строфы, — в первый раз Горбовский и прочел его, как слово прощания:

«Остановился танк. На пашне... Железный гроб. Молчит броня. Открылся люк. С вершины башни мальчишка смотрит на меня. Белоголовый. Гимнастерка великовата... А глаза глядят измученно и зорко на мир, где корчилась гроза! Еще гремела в отдаленье, лучились молний острия... Но все же бойню одолели; включай, природа, соловья. Слагайся гимн во имя мертвых! Эй, лейтенант, домой ступай!.. Но пальцы к поручням примерзли: не оторвать, хоть — отрубай! Не отпускает сталь солдата. Броня крепка! Прошу учесть. Он понял: дергаться не надо, его удел — остаться здесь... Он в танк вернулся. Люк задраил. И вновь — враскачку — вдоль страны... Мы от инфарктов умираем, а лейтенанты — от войны. Еще их носит ветер лютый по обескровленным полям, но приглядись, они оттуда, с войны... Их государство — там... Смотри, как жалкие подранки, в священном гневе и тоске блуждают призрачные танки по Курской огненной дуге... Война взяла их в час великий, любовь и разум ослепя. И до последнего их крика не отпустила от себя!»

Еще мне запомнились слова, сказанные тогда Федором Абрамовым: «...Виктор Курочкин сумел донести до человеческих душ то самое важное, что думал, чем мучился, чем жил. Он сумел пробить-

ся к человеческим душам... И в этом великое достоинство, мне-
ния — и настоящее счастье художника! Это немного кому уда-
ется...»

Когда я стоял над могилой Виктора Курочкина, под елями, я ду-
мал еще и о том, что из всех деревьев русского леса Виктор Алек-
сандрович выделял своим особым родственным вниманием елку. Да
ведь и правда, печальное, строгое на закате, сверкающее, даром даю-
щее каждому счастье в Новый год, вечнозеленое, вечное, это де-
рево сопутствует русскому человеку в жизни и осеняет его после
смерти.

Г. Горышин

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Сергей Дмитриевич Мстиславский (настоящая его фамилия была Масловский) создал немало увлекательных книг. Но и жизнь самого автора этих книг походила на роман.

Он родился в 1876 году. Отец его, профессор истории военного искусства, преподавал в Петербургской военной академии. Закончив гимназию, Сергей Дмитриевич поступил в столичный университет, занялся естествознанием, будучи студентом совершил нелегкую экспедицию в пески Средней Азии и на Памир. Языком беллетриста путешественник заговорил [illegible] в цикле очерков, опубликованных в 1900 году. С этого времени и началась, собственно, литературная работа Сергея Дмитриевича. В то же время он не бросает антропологию, увлекается библиотековедением, составляет биографию Суворова.

Однако мало кто знал, что книжные хранилища и архивы не поглощали все его время. «Приличный человек, принятый в обществе» тянулся к дымным пригородным окраинам, к «низам», туда, где исподволь зрела революция. И когда грянул девятьсот пятый, Мстиславский не укрылся в кабинетной тиши: он был на улицах, он был с восставшими.

Ему удалось избегнуть немедленной кары. Больше того, ему удалось устроиться в Академию Генерального штаба. Но вот в мае 1910 года царская охранка установила подпольные связи Мстиславского. Его арестовали. Обвинение гласило: подготовка восстания войск Финляндского военного округа. Приговор гласил: два года тюремного заключения. Писатель и ученый увидел казематы Петропавловской крепости.

Февраль 1917 года сокрушил романовский трон. Сергей Дмитриевич, чрезвычайный комиссар Совета рабочих и солдатских депутатов, появляется с вооруженным отрядом в Царском Селе и сажает под караул «помазанника божьего», бывшее «его величество».

В Октябрьские дни Мстиславский формирует отряды Красной гвардии. Его избирают членом президиума II Всероссийского съезда Советов, провозгласившего Советскую власть.

В годы гражданской войны Сергей Дмитриевич участвует в создании партизанских отрядов, занимает ответственные посты в первом Украинском рабоче-крестьянском правительстве, участвует в боях против деникинцев и белополяков.

Отгремели военные грозы, начала налаживаться мирная жизнь. Сергей Дмитриевич вернулся к науке, к литературе. Он редактирует научные издания, пишет исследования по истории рабочего движения.

В 1925 году вышел его первый роман «Крыша мира», рассказывающий о людях далекой горной окраины бывшей Российской империи. Двенадцать лет спустя увидел свет роман «Грач — птица весенняя», роман, знакомый поколениям наших читателей.

Сергей Дмитриевич мечтал создать трилогию о революции 1917 года. Он успел издать ее первую часть — «Накануне», посвященную свержению царизма.

Умер Сергей Дмитриевич Мстиславский в 1943 году.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ 207

Сергей Дмитриевич Мстиславский

ГРАЧ — ПТИЦА ВЕСЕННЯЯ

Повесть

Для среднего и старшего школьного возраста

Заведующий редакцией М. П. Поздняков. Ответственный за выпуск М. А. Зеленкова. Младший редактор В. М. Мозго. Художник Н. Д. Рыжий. Художественный редактор В. М. Жук. Технический редактор В. А. Коледа. Корректоры М. А. Поддубская, Л. С. Зиза.

ИБ № 597

Сдано в набор 14.09.84. Подп. к печати 26.09.85. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 3. Гарнитура школьная. Высокая печать с ФПФ. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,53. Уч.-изд. л. 19,63. Тираж 400 000 экз. (2-й завод 200 001—400 000 экз.) Зак. 722. Цена 80 к.

Издательство «Юнацтва» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

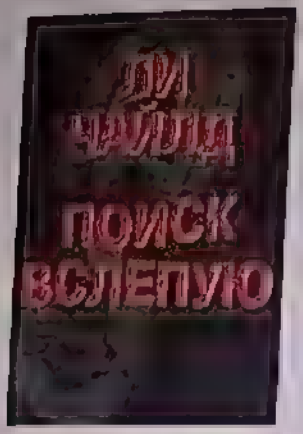
«Поиск вслепую», перевод с английского «Running Blind»,
автор Ли Чайлд.
Полное издание на английском языке опубликовано
в издательстве G. P. Putnam's Sons, a member of Penguin Putnam Inc
© 2000 by Lee Child
Иллюстрации на с. 6–8: PhotoDisc
Фото на с. 61: © Ruth Grant

«Страна мечты», перевод с английского «Dream Country»,
автор Луанн Райс.
Полное издание на английском языке опубликовано
в издательстве Bantam Books, a division of Random House, Inc.
© 2001 by Luanne Rice
Иллюстрации на с. 162–164: Bud Kemper
Фото на с. 311: © Teresa Dowman

«Прощаясь навсегда», перевод с английского «Before I Say Good-Bye»,
автор Мэри Хиггинс Кларк.
Полное издание на английском языке опубликовано
в издательстве Simon & Schuster, Inc.
© 2000 by Mary Higgins Clark
Иллюстрации на с. 312–314: Steve Johnson/Lou Fancher
Фото на с. 433: © Bernhard Vidal

«Дитя льдов», перевод с английского «The Ice Child»,
автор Элизабет Макгрегор.
Полное издание на английском языке опубликовано
в издательстве Dutton, a member of Penguin Putnam Inc.
© 2001 by Elizabeth McGregor
Иллюстрации на с. 434–437: Joel Peter Johnson
Фото на с. 575: © Steve Pallant

0212



Поиск вслепую 7
Ли Чайлд

Страна мечты 163
Луанн Райс

Прощаясь навсегда 313
Мэри Хиггинс Кларк

Дитя льдов 435
Элизабет Макгрегор

Пролог

Лето 2000 года

Метет арктическая вьюга. Огромная белая медведица вскинула морду, щурясь от летящего в глаза снега, потом оглянулась на медвежонка, который семенил следом за ней.

Отовсюду слышится треск. Это стонут льды пролива Виктория, гонимые через пролив Мелвилл к Северо-Западному проходу.

Лютый мороз. Человек не выжил бы на таком холоде. Но медведица, согреваемая десятисантиметровым слоем подкожного жира и густым мехом, не замечает стужи. Она в своей стихии.

Греки дали этому краю название Арктикос — Земля белых медведей. С ноября по февраль здесь царит безмолвие ночи, но весной начинается оживление.

ПРОЛОГ

Пятнадцатилетняя Нелл Макдермот развернулась и поплыла к берегу. Она осмотрелась вокруг, вбирая в себя ослепительный солнечный свет, безоблачное небо, свежий бриз, соленые пенящиеся волны, и ее захлестнул молодой восторг. Она пробыла на острове Мауи не больше часа, однако уже пришла к выводу, что здесь ей нравится больше, чем на Карибах, где дед ежегодно собирал семью на рождественские каникулы.

Впрочем, называть это «семьей» было некоторым преувеличением. Уже четвертый год их семья состояла из деда и ее самой. Пять лет назад Корнелиус Макдермот, легендарный конгрессмен от штата Нью-Йорк, был вызван с заседания Палаты представителей, чтобы услышать сообщение о том, что его сын с невесткой, оба антропологи, работавшие в бразильских джунглях, разбились на арендованном самолете.

Корнелиус Макдермот немедленно вылетел в Нью-Йорк забрать Нелл из школы. Эту новость он должен был сообщить ей сам. Он нашел плачущую внучку в кабинете медсестры.

— Утром, когда мы пришли с перемены, я вдруг почувствовала, что папа с мамой здесь, рядом, что они пришли проститься, — сказала Нелл, когда он ее обнял. — На самом деле я их не видела, но почувствовала, что мама поцеловала меня, а папа провел рукой по волосам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Улестницы Дейзи Такер остановилась, поднесла белье к лицу, вдохнула его свежий запах. Она встала сегодня на час раньше, чтобы успеть выстирать одежду дочери.

Поднимаясь по ступеням, Дейзи с удивлением почувствовала, как вдруг забилось сердце. Она переживала так, словно шла не будить свою шестнадцатилетнюю дочь, а устраиваться на новую работу.

Они жили вдвоем, и вчера ночью никто не слышал, как орала Дейзи, не видел, как Сейдж сидела в кресле, отстраненно глядя из-под спутанной челки на разъяренную мать, как ее напускное спокойствие улетучилось под градом обвинений.

На ней тогда была та самая одежда, которую сейчас держала в руках Дейзи, только насквозь мокрая и заляпанная грязью. Сейдж ушла гулять с Беном Дэвисом и вернулась за полночь, хотя обещала быть дома к девяти. Они катались на лодке и перевернулись. Стоял конец октября, погода была почти по-зимнему холодная, и при мысли о том, что они запросто могли утонуть, Дейзи едва не сходила с ума.

Зазвонил телефон. Она взяла трубку у себя в спальне.

— Алло!

ГЛАВА 1

Говорят, что знание — сила. Чем больше знаешь, тем сильнее становишься. Предположим, тебе известны выигрышные номера лотереи. Не угаданы, не приснились, а именно известны. Что ты предпримешь? Кинешься в киоск, отметишь эти номера на билете — и выиграешь.

То же самое с биржей. Предположим, ты знаешь, какие акции пойдут в гору. Ты основываешься не на интуиции, не на чьих-то словах и не на общей тенденции, а на конкретной, реальной информации. Представь, что она у тебя в руках. Что ты предпримешь? Позвонишь своему брокеру, купишь акции, потом продашь их и разбогатеешь.

То же самое и с убийством.

Предположим, ты хочешь убить. Одни способы убить человека лучше, другие хуже. Большинство имеет недостатки. Используя свои знания, ты изобретаешь собственный. Идеальный способ убийства.

Джек Ричер сидел за столиком ресторана в нью-йоркском районе Трибека и, глядя на спины двоих парней, прикидывал, достаточно ли просто предупредить или придется переломать им руки.

Тут все решал стихийный закон. Стихийный закон большого города предполагал, что в новый итальянский ресторан вроде

Содержание

История двух приемышей. Е. Путилова 5

Леди Джен, или Голубая цапля. *Повесть* 13

Приемыш черной Туанетты. *Повесть* 167

Литературно-художественное издание

Для детей среднего возраста

Сесилия Джемисон

Леди Джен, или Голубая цапля

Приемыш черной Туанетты

Редактор Л. Д. Микитич
Художественный редактор В. Г. Траугот
Корректор Л. А. Быстрова
Технический редактор Т. С. Харитонова

Сдано в набор 21.11.91. Подписано в печать 12.03.92. Печать высокая. Гарнитура литературная. Заказ 227. Объем 18,48 усл. печ. листов. 19,60 уч.-изд. л. Тираж 70 000 экз. Диапозитивы изготовлены в ПО-3 (191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 55)

«ЛИРА», 199004, Санкт-Петербург, 8-я линия, 37-7. Отпечатано с диапозитивов в ГПП «Печатный Двор». 197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Джемисон С.

Д 40 Леди Джен, или Голубая цапля. Приемыш черной Туанетты / Повести.— Пер. с англ. Рис. и оформл. Н. Камышовой.— СПб: ЛИРА, 1993.— 352 с. с илл.

ISBN 5—85490—051—3

Две английские повести, ставшие классическими произведениями для детей. Первое издание после 1917 года.

И (англ.)

ИСТОРИЯ ДВУХ ПРИЕМЫШЕЙ

Есть что-то общее в судьбе героев повестей «Леди Джен, или Голубая цапля» («Lady Jane», 1889) и «Приемыш черной Туанетты» («Toinette's Philip», 1894). И Джен, и Филипп — приемыши, их происхождение, их семейные связи окружены глубокой тайной.

Правда, читателю «Леди Джен» хорошо известна печальная предыстория, объясняющая, почему девочка оказалась в руках чужой женщины. Но хотя Джен в дни скитаний постоянно помнит и о своей маме, и об отце, и об их общей счастливой жизни в прериях, ничего из этого она никому не может объяснить: очнувшись после тяжелой болезни в чужом доме, Джен уже была одна, и от нее скрыли смерть мамы.

О Филиппе читатель не знает совсем ничего: все, что связано с его рождением, долгое время остается тайной. Известно лишь одно: он приемыш черной Туанетты, но как и почему он попал к ней, ни он сам, никто другой не знают. Внезапная смерть «мамочки», как нежно называл Туанетту Филипп, надолго отнимает у него надежду что-либо узнать о себе.

Брошенные или потерянные дети, дети, не знающие своих родителей, их порой удивительные судьбы — популярнейшая тема мировой литературы.

Если мы заглянем в глубь веков, то вспомним легенду об основании Рима, связанную с историей брошенных на погибель двух близнецов Ромула и Рема, которые, в конце концов, выполняя волю богов, создают основу величайшего из государств. Теме потерянных детей отдала дань драма-

...рия, начиная с Софокла («Царь Эдип») и Еврипида («Ион»); от Еврипида протягивается линия к новоаттической комедии, полной мотивов либо о подброшенных, либо когда-то потерянных, а затем обретенных детях; а от нее, через посредство римской комедии, идет ниточка к пьесам Мольера, с многочисленными веселыми и счастливыми узнаваниями в финалах.

Та же тема была подхвачена античным романом («Дафнис и Хлоя»), а от него перешла в литературу нового времени, все более приобретая в сюжетике элементы детективности и повышенного драматизма.

В ряду произведений «нового» времени стоит и знаменитый роман английской литературы «История Тома Джонса, найденыша» Г. Филдинга (1749), и более поздние книги — «Парижские тайны» Эжена Сю (1842), «Петербургские трущобы» Вс. Крестовского (1864).

Стоит заметить, что раскручивая пружину вокруг «тайны» своих героев и обнаруживая разгадку буквально в самом конце повествования, авторы этих известнейших книг меньше всего интересуются первоначальным периодом в жизни ребенка, историей детских лет и испытаний, выпавших на его долю в первые годы жизни. Если об этом и говорится, то, чаще всего, ретроспективно, в виде воспоминаний. В этих эпопеях авторов гораздо больше интересует или увлекательная интрига, или попытка представить широкую картину нравов общества.

Первой книгой, где писателя по-настоящему глубоко заинтересовала именно судьба ребенка, буквально с первых лет его жизни, был роман Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» (1838). Именно он положил начало серии книг подобного рода.

Здесь можно назвать и «Без семьи» Г. Мало (1879), и «Прекрасную нивернезку» А. Доде (1886), и повести Сесилии Джемисон, и «Рыжика» А. Свирского (1901), и «Сибирочку» (1908), и «Лесовичку» (1912) Л. Чарской. Эти книги составили целый пласт литературы, главная цель которой была представить историю жизни обездоленного ребенка.

Объединяют их подчас сюжетные мотивы и, в первую очередь, наличие обязательной тайны, важной для всей коллизии, окутывающей происхождение ребенка, его появление в чьем-то доме, в приюте, на улице. С этой тайной так же обязательно связываются какие-то вещи: медальон, монограмма на одежде, письменные свидетельства. Последние, по условиям

сюжета, долгое время оказываются спрятанными, а то и украденными, проданными.

В сюжетах названных книг как бы прорисовываются два варианта того рокового поворота в судьбе ребенка, когда он теряет связь с родными.

В основе первого лежит невероятное стечение обстоятельств: например, в «Сибирочке» Л. Чарской отец, спасая малютку-дочь от нападения волков в зимнем ночном лесу, успевает привязать ее в своей шубе к дереву, сам он едва не погибает, и жизнь разлучит их на долгие годы. Ребенок может быть похищен, как случилось с Виктором («Прекрасная нивернезка» А. Доде).

При другом варианте роковыми оказываются уже не стихийные обстоятельства, а злая воля человека, действующего в самых низменных и корыстных целях. Так, чтобы завладеть долей Оливера из завещания отца, плетет страшную интригу его сводный брат, мистер Моикс, и он делает все, чтобы даже следы происхождения Оливера были навсегда похоронены. По той же злой воле своего дяди, Джеймса Миллигана, заинтересованного в получении наследства, теряет мать и становится приемышем Реми («Без семьи» Г. Мало).

Немало общего в этих книгах и в распутывании тайных узлов интриги. Необычайную, удивительную роль играет здесь сходство маленьких героев с их родителями или родными и какая-то таинственная, всплывающая в один прекрасный момент связь между людьми, находящимися в родстве, хотя и не знающими об этом.

Так, мистера Браунлоу поражает лицо приведенного в суд Оливера, оно напоминает ему чье-то другое лицо, дорогое и близкое. И лишь потом выясняется, что мистер Браунлоу был другом отца Оливера.

В свою очередь, Оливер не может оторвать взгляд от портрета незнакомой ему женщины, при виде этого прекрасного лица его охватывает ощущение особого покоя, особого благорасположения. Конечно, ему и в голову не может прийти, что изображена на портрете его мать. При виде гордой и неприступной миледи Дедлок у никогда не видевшей ее бедной сироты Эстер («Холодный дом» Ч. Диккенса) возникают какие-то ей самой неясные смутные воспоминания, перед глазами встает как бы она сама, и какая-то непонятная сила вызывает из прошлого что-то, связанное с лицом и голосом этой холодной красавицы: действительно, миледи Дедлок оказывается матерью Эстер, и расстались они буквально в тот момент, когда девочка появилась на свет

Потерявшая своего сына при рождении госпожа Милли испытывает какое-то особенное чувство к Реми; господину Можондорму, встретившему Виктора, когда тот уже был подростком, почему-то все время чудится, что это его сын...

Есть много общего и в драматических, а порой и трагических приключениях детей в годы их скитаний. Страшна жизнь Оливера и в приюте, и в воровской шайке Феджина; приемный отец Реми продает мальчика бродячему актеру, а потеряв и его, Реми не один раз испытывает ужас одиночества, непосильного труда, голода.

Беспредельная человеческая жестокость, тюрьма, жизнь в притоне — вот что выпадает на долю хрупкой и нежной Певуньи («Парижские тайны» Эжена Сю). Из рук в руки, от одного хозяина к другому, вынуждена попадать Сибирочка. Эти дети знают, что такое унижение, беспомощность перед грубой силой, голод, вынужденное попрошайничество, ругань, побои.

Но есть в этих книгах и то, что делает их непреходящими, вечно интересными для нас. Это история того, как, оставшись наедине с враждебным миром, брошенный на произвол судьбы, ребенок преодолевает выпавшие на его долю несчастья, проходит самую беспощадную, какую только можно вообразить, проверку на человеческие качества. Герои названных книг выдерживают этот экзамен. Их трудно заставить совершить дурной поступок; сами обездоленные, они готовы отдать последнее другому; они бескорыстны, в высшей степени им свойственно чувство благодарности. В конечном счете, именно их душевная красота, их обаяние помогают выстоять, не погибнуть под прессом тяжелых испытаний.

Кончая роман «Приключения Оливера Твиста», Ч. Диккенс обозначает, может быть, самую драгоценную суть своей книги: она не только о приключениях Оливера, но — и это, вероятно, гораздо важнее — еще и о том, «как двое сирот (второй персонаж — молодая тетушка Оливера.— *Е. П.*), испытав превратности судьбы, сохранили в памяти ее уроки, не забывая о милосердии к людям, о взаимной любви и о пылкой благодарности к тому, кто защитил и сохранил их».

Эта прекрасная мысль будет сопровождать нас и когда мы будем читать обе повести американской писательницы Сесилии Джемисон.

В них, кстати, тайна вокруг происхождения ребенка получает еще одну разгадку. Изначальной причиной, роковым образом

влияющей на дальнейшую жизнь ребенка, становится здесь неравный брак родителей: в одном случае матери леди Джен, в другом — отца Филиппа. Испытывает на себе последствия неравного брака отца, женившегося вопреки воле семьи на гувернантке, и маленькая Дея, подруга Филиппа.

Сесилия Джемисон не задерживается на истории этой тайны: читатели узнают ее разгадку чуть ли не в конце повествования, когда в судьбе героев наступает уже счастливый перелом. Главное содержание книг сосредоточено на жизни детей в самую трудную для них пору.

Сюжеты этих двух повестей не повторяются: свои приключения у Джен, свои — у Филиппа. Но, сталкиваясь с большим и разнообразным миром, и Джен, и Филипп, и Дея должны самостоятельно в нем утверждаться. У них нет того, на что другие дети опираются — авторитета или защиты родителей: они должны во всем рассчитывать только на самих себя. Они сами должны суметь завоевать расположение, симпатии, доверие окружающих людей, сами должны справляться с теми тяготами, которые выпадают на их долю.

Читатель потому и следит с таким волнением за разворачивающимся на книжных страницах поединком: силы, казалось бы, уж слишком неравны — на одной стороне власть кулака, жестокость, положение хозяина, на другой — лишь одно оружие: доброта, чистое сердце, благородство, приветливость. Именно эти качества и привлекают к маленькой Джен стольких людей, вызывают глубокую привязанность к ней, сочувствие, восхищение. Может быть, потому с Филиппом и дружат и птицы, и цветы, что сам он бесконечно добр и справедлив во всем. Когда кто-то спрашивает у Филиппа, брат ли он Дее, он отвечает:

«О, нет, сударь, мы не родственники. Она только мой друг. Она маленькая, и я забочусь о ней и стараюсь помочь, чем могу». У Филиппа есть свой жизненный кодекс: помочь слабому, взять на руки ребенка или поднести тяжелую корзину женщине; накормить голодную кошку, заступиться за обиженного малыша и вообще сделать то, что подсказывает мальчику сердце.

Есть у этих обездоленных детей — у Джен, у Филиппа, у Деи — те редкие качества, которые, быть может, именно сегодня должны в нас особенно отозваться.

Этим детям в высшей степени присуще чувство долга. Как бы ни хотелось Дее пойти к Филиппу поиграть, поразвлечься — ее зовет взятая на себя обязанность: следить, ухаживать за

больным отцом. Сама еще малое дитя, она вынуждена вести скудное хозяйство, считать каждую копейку. Она полностью выполняет миссию взрослого, проявляя в отношении к страдающему отцу неслыханное терпение, нежность, стремясь утешить и успокоить его.

Этим детям свойственно чувство сострадания, милосердия, доброжелательства, они умеют искренне и горячо радоваться, но не раз мы видим их горько плачущими. И горе, и радость выражают они открыто, не стесняясь.

Душевное богатство, присущее и Джен, и Филиппу, и Дее, придают этим детям особое обаяние, вызывают к ним самую горячую симпатию.

Есть у повестей С. Джемисон еще одна примечательная сторона: в пору своих скитаний маленькая Джен убеждается, что мир состоит далеко не только из таких жестоких и алчных людей, как ее названая «тетенька» мадам Жозеп и ее сын Эдраст. Жизнь сводит ее с людьми, о существовании которых она, быть может, никогда бы и не узнала, находись она в прежних своих условиях. Оказывается, у скромных, как бы и незаметных вовсе людей есть своя судьба, свои радости и горести, свое достоинство. На пути Джен встречаются люди, к которым, узнав их поближе, она привязывается всей душой. Это и убогонькая больная девочка Пенси, и продавщица сладостей, ее мать, и смешной владелец мелочной лавочки, бывший профессор танцев, мистер Жерар, и обедневшие аристократы д'Отрев, и дружная семья простых фермеров Пешу

Совсем другие открытия выпадают на долю Филиппа. Оказывается, те самые свойства, которые так радовали всех, знавших мальчика,— правдивость, естественность, прямота,— выглядят дурными и компрометирующими в богатой семье, куда он попал, став еще раз приемышем. Каждое слово Филиппа, которое выглядело так естественно, когда он был с Туанеттой, с Деей, с продавщицей Селиной, приобретает совсем другое звучание в доме аристократов. Рассказ Филлипа, взятого на великосветский бал, о том, как он продавал цветы, выращенные «мамочкой» Туанеттой, и как радовался каждой вырученной монете, вызывает неожиданную для него реакцию: этим рассказом он не только «опозорил» приютившую его семью, но и шокировал присутствующих на балу. Так Филипп проходит свою жизненную школу

Характерно звучат в книгах Джемисон знакомые по другим повестям мотивы. Филипп становится приемным сыном семьи богатого художника, потому что напоминает и художнику, и его жене их умершего сына, и лишь потом выясняется, что Филипп,

действительно, племянник художника, сын его умершего брата. В доме, где теперь живет Филипп, висит портрет, возле которого мальчик стоит не однажды. Однако невзлюбившая Филиппа старая леди, хозяйка дома, словно нарочно не слышит своего сердца, словно нарочно не чувствует, что изображенный на портрете ее сын и стоящий рядом мальчик кровно связаны между собой и, значит, Филипп ее внук.

Суровые испытания, которые выпадают на долю Джен и Филиппа, не проходят даром. Обретя в конце концов своих близких: Джен — дедушку, а Филипп — бабушку, они не забывают прежних уроков жизни. Особенно мы видим это на примере Джен. Новое положение богатейшей наследницы нисколько не изменило ее; напротив, став богатой, она щедро помогает всем тем, кто в этом нуждается, ибо она теперь хорошо знает, что такое нужда.

Идут годы, но ее благодарное сердце не забывает тех, кто утешал и любил ее, когда она была никому неведомым маленьким приемышем. И для ее друзей она тоже навсегда остается неизменно доброй и милой леди Джен.

Кто же изменился из тех, кого мы встретили на страницах этих книг? Два человека — дедушка Джен и бабушка Филиппа. Можем ли мы поверить, что упорные, тщеславные и не в меру гордые люди могли сломать свою гордыню и обрести совсем другие душевные качества? Да, можем.

Вспомним мистера Домби из романа Ч. Диккенса «Домби и сын», этого черствого и холодного человека, никогда не замечавшего Флоренс, с ее готовностью любить его всем сердцем: верность и преданность дочери заставили, наконец, дрогнуть это каменное сердце и зажечь в нем бесконечную любовь. Таких примеров можно привести еще множество. Ведь отталкивая из-за тщеславия или из-за гордыни не угодивших им своих близких, люди эти обкрадывали и себя, хотя и не признавались в этом. Но их сердца оказались способными к раскаянию, к признанию своей неправоты, оказались готовы троекратно возместить утраченное, и живительное чувство самоотверженной любви снова заполнило их существование.

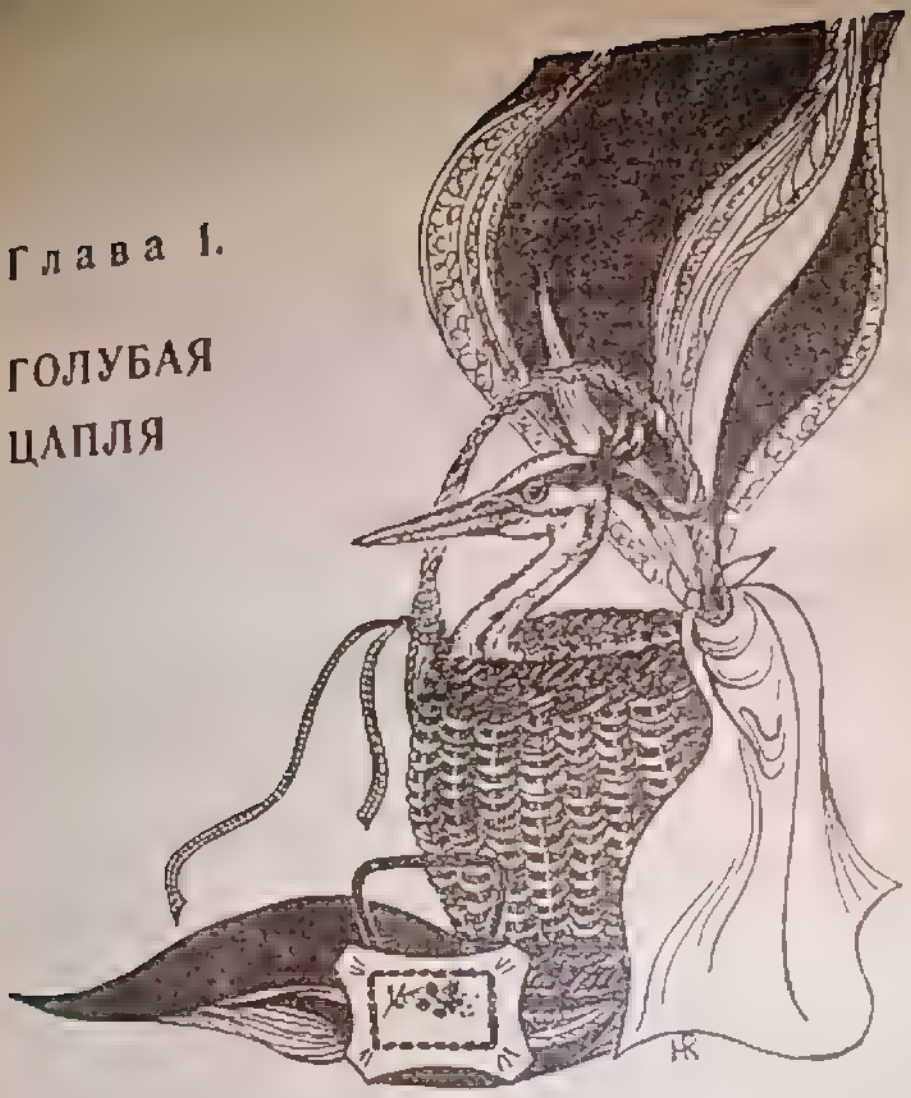
Книги о Джен и Филиппе, как и те, о которых мы говорили прежде, горячо убеждают нас: всякое сердце, если оно не изъедено пороками жадности, злобы, жестокости, всякий человек, если что-то теплится в его душе, способен к покаянию, к обновлению, к возвращению в нем живой способности любить и творить добро.

Две книги американской писательницы Сесилии Джемисон (1848—1909) в начале века были переведены на русский язык и входили в состав «Золотой библиотеки» М. О. Вольфа. Их знали тысячи юных читателей, пока они не были сняты с полок библиотек и книжных магазинов: кому-то показалось, что новому пролетарскому читателю эти книги уже не нужны. То, что это было, мягко говоря, ошибкой, вы убедитесь сами. Книги повторяют судьбу своих героев: пройдя через годы испытаний и забвения, они вновь входят в период «узнавания». Ну, а в том, что они не потеряли ни своей способности убеждать, ни вызывать сопереживание и душевное волнение, вы убедитесь сами.

Е. Путилова

Глава I.

ГОЛУБАЯ ЦАПЛЯ



В вагоне скорого поезда, пересекавшего живописнейшую местность Соединенных Штатов — Техас, сидели две пассажирки: молодая женщина в трауре и девочка лет пяти, очевидно, ее дочь. Малютка была в белом платьице с широким черным поясом и в широкополой соломенной шляпке. Длинные черные чулки плотно облегали ее стройные ножки, обутые в лакированные туфли с бантиками. Кожа лица девочки была необыкновенно нежна; темно-синие глаза оттеняли длинные черные ресницы, а густые волосы, золотистые, как спелая рожь, падали волнами на плечи.

Глава 1.

ФИЛИПП, ДЕА И ГОМО

В одно прекрасное солнечное утро, в начале марта, по Королевской улице французского квартала города Новый Орлеан, в Америке, тихо брели двое детей, мальчик и девочка, в сопровождении большой лохматой собаки. Мальчику было на вид лет девять, а девочке — не больше восьми. Что касается собаки, никто не мог бы определить даже приблизительно ее возраста, но она была далеко не молода. По седой шерсти на ее морде и худым, впалым бокам видно было, что она прожила немало и видела не один черный день. Она была из породы волкодавов: свисавший хвост, унылая походка; грубая, щетинистая шерсть покрывала худое туловище; длинный нос и тонкие подвижные уши придавали морде умное, пытливое выражение. Не глядя по сторонам, собака шла по пятам за детьми, временами обнюхивая мешок, который мальчик нес на спине. Когда дети замедляли шаг, чтобы заглянуть в окно магазина или уступить дорогу прохожему, останавливалась и собака; она не спускала жадных глаз с мешка, и по временам из раскрытой пасти на тротуар капала слюна. Мальчик время от времени

ББК 84Р7
Ф 34

Рецензент: *И. Шульпин*,
член Союза писателей СССР.

Федулов Ф. М.

Ф34 «Шквал»: Повесть. — Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1988. — 264 с. — (Для сред. и ст. шк. возраста).

В конце 20-х годов в Хвалынске по инициативе Ф. Э. Дзержинского была создана детская колония имени Джона Рида, одним из ее воспитанников и был автор книги.

В центре остросюжетной повести — поиски верного жизненного пути героями, вчерашними беспризорниками, становление характеров настоящих граждан своей страны.

ББК 84Р7

Ф $\frac{4803010102-60}{153(01)-88}$ 52—88

ISBN 5—7633—0048—3

© Приволжское книжное издательство, 1988.

Моим детям и внукам посвящаю.

АВТОР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Андрея Рассветова у ворот родительского дома никто не встретил, да никто уж и не ждал.

Дом, в котором он родился, о котором знал все до мельчайших подробностей, начиная с окон, крыльца, скрипа половиц и до загадочного сучка в потолке, когда-то казавшегося ему сказочным живым существом, стоял теперь с заколоченными ставнями, будто хотел сказать: «Опоздал ты, солдат!»

Еще не сознавая, что в родной дом пришла беда, и только сердцем почуяв неладное, Рассветов недоуменно остановился, и первая поразившая его мысль была подкупающе проста: ошибся проулком!.. Ну конечно же: какой-то старый, осевший на правый угол домишко с позеленевшей от времени крышей вовсе не тот дом, оставленный им восемь лет назад... Когда же он тревожным взглядом окинул проулок и увидел старую и кривую, с детства знакомую ветлу, стоявшую на краю оврага, лицо его побледнело. Нет, не ошибся он ни домом, ни проулком, он просто не мог поверить в ту жестокую несправедливость, какую ему преподнесла судьба. Всего месяц назад получил он теплое материнское письмо, написанное волнующими словами, какие способна сказать сыну только мать, и допустить страшную мысль, что матери больше нет, Андрей Рассветов не мог.

Не видя перед собой ничего, кроме слепых окон, Рассветов подошел к воротам, толкнул узким плечом калитку, оказавшуюся незапертой, с тяжелым предчувствием ступил на родительский двор. Остановившись у крыльца и растерянно глядя на дверь с ржавым висячим замком, он машинально снял с плеча вещевой мешок, тяжело опустился на ступеньку.

Августовское полуденное солнце немилосердно жгло

ОТ АВТОРА

Автор «Шквала» рассказал на страницах этой книги то, что видел и пережил сам вместе с теми мальчишками и девчонками, которые описаны в повести, что слышал от своих товарищей-колонистов и учителей-воспитателей.

Он старался рассказать о колонии и трудных днях ее становления не просто правду, а попытался понять своих героев, разгадать их характеры, стремления и поступки, мечты и реальную возможность их осуществления.

И если вы, мои читатели, прочитав повесть, зримо представили ее героев, почувствовали душу автора — значит, он достиг своей цели и написал правду.

Многие имена героев «Шквала» подлинные, некоторые из этих людей живут и сейчас, в меру своих сил и возможностей работают, приносят пользу и государству, и окружающим их людям.

Так, один из первых коммунаров Семен Бухонин живет в том же селе Алексеевка на Волге, где находилась колония.

Упоминаются в повести имена колонистов Павла Лаврухина, Алексея Горячева, Андрея Скоробогатова, тракториста Александра Кострюкова, машиниста паровой мельницы Ивана Ломако – все они проходят под собственными именами и фамилиями, всех их автор хорошо знал. Другие имена героев — вымышленные.

Прообразом главного героя повести Андрея Ивановича Рассветова послужил ныне живущий в городе Саратове участник Великой Отечественной войны и ветеран труда, имеющий одиннадцать правительственных наград, Аркадий Иванович Романов — тот самый заведующий колонией имени Джона Рида, который принял в то далекое время двенадцатилетнего мальчишку, сейчас уже тоже ветерана труда, автора этой повести.

Люди, пришедшие на работу в детские дома и колонии, в невероятно трудных условиях становления молодой Советской республики делали все от них зависящее для спасения и воспитания детей и подростков, потерявших своих родителей и оказавшихся на улице. Этих людей мы всегда будем вспоминать добрым словом за их поистине благородный и героический труд!

В процессе работы над книгой автор понимал свою ответственность перед самым любопытным, самым требовательным и самым любознательным читателем, ради которого решился написать эту книгу. Если учесть, что автор не профессиональный писатель, то ответственность, которую он взял на себя, возрастает во много раз.

По сравнению с писателем у автора есть, пожалуй, совсем незначительное преимущество: он окончил педагогический институт (естественный факультет) и более тридцати лет преподавал в школе химию, биологию и другие науки, испытал роль завуча, тяжелейшую должность директора школы — и ребят наблюдал предостаточно! Но вот что самое интересное: прожив тяжелую и долгую жизнь, автору порой казалось, что отдельные эпизоды, которые действительно были в жизни, — они вроде бы придуманы им, а то, чего не было,— кажется былью! Не зря же, видимо, говорят в народе: «Случилось такое, что и нарочно не придумаешь!» Это говорит о том, что жизнь сложна, иногда очень сурова, но интересна.

И все же, пожалуй, надо сказать своим глубокоуважаемым читателям: взяв эту книгу, они имеют в руках не документальное повествование, а художественное произведение, и авторский домысел не может не присутствовать в повести.

Литературно-художественное издание

Бентсон Франс

ДРАКОНЫ МОРЯ

Зав. редакцией Е. Е. Узлова
Художник Фокин М. В.
Технический редактор Т. А. Кулагина

Сдано в набор 03.09.93. Подписано в печать 27.10.93. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 21. Усл. кр. отт. 21,4. Тираж 100 000 экз. Заказ 863.

АО «Крон-Пресс».
103030, Москва, Сущевская, 21, а/я 54

Отпечатано с готовых диапозитивов на Саратовском ордена Трудового Красного Знамени полиграфическом комбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

ISBN 5-8317-0039-9

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

События, происходящие в романе, относятся приблизительно к 980—1010 гг. В те времена южные провинции Швеции принадлежали Дании; поэтому Орм, родившийся и выросший в Сконе, считал себя датчанином *.

В течение 200 лет, с конца VIII до начала XI столетия, викинги опустошали страны Северной и Западной Европы. Большинство набегов на Западную Европу были совершены датчанами и норвежцами. На долю шведов выпали походы на территории Балтики и на недавно основанные города славянского северо-востока, а потом и на Киевские земли, которые существовали независимо 300 лет, вплоть до татаро-монгольского нашествия. И любленной западной областью, на которую викинги совершали свои грабительские набеги, была Ирландия. Так продолжалось до 838 года, когда (сорок лет спустя после первого нападения на Ирландию) викинги принялись за Англию. Последующие шестьдесят лет они (особенно великий Рагнар Кожаные Штаны со своими легендарными сыновьями) безжалостно опустошали страну до тех пор, пока не встретили противостояния со стороны короля Альфреда Великого, который вынудил их пойти на мирное соглашение. Затем, с 8[illegible] года по 979-й, для Англии наступает восьмидесятилетний, но на [illegible] разу не нарушавшийся период спокойного существования. Во Франции набеги норманнов вызывали такой ужас, что в 911 году Карл Простоватый уступил им часть своего королевства, известную сегодня как Нормандия, страна норманнов. Викинги заселили Исландию в 860 году, а Гренландию в 986-м. Некоторое время спустя от берегов Гренландии отошел корабль викингов и, взяв курс на запад, вскоре достиг Америки. Поскольку там были найдены прекрасные виноградные плантации, страна была названа «Виноградной Страной». В последующие двадцать лет еще несколько кораблей викингов дошли до берегов Америки.

Битва у Хорундарфьорда, столь часто упоминающаяся в романе, была одной из самых известных битв на севере в эпоху викингов. Сражение происходило между норвежцами и йомсвикингами. Йомсвикинги (согласно профессору Турвилль-Петеру) были «замкнутым обществом, живущим по своим собственным законам и обычаям. Никто из них не мог быть моложе восемнадцати лет, и никто из них не мог быть старше пятидесяти. Они не должны

* Дания также претендовала на феодальную власть над Норвегией, но норвежцы считали себя независимыми.

были ссориться друг с другом, и каждый должен был мстить за другого как за своего брата». Ни одна женщина не допускалась в их крепость Йомсборг, которая находилась на южном берегу Балтийского моря. Согласно исландским источникам, отец Кнута Могучего, Свейн Вилобородый, пригласил йомсвикингов на пир. Когда пиво потекло рекой, король Свейн дал клятву вторгнуться в Англию и убить Этельреда Неразумного или хотя бы изгнать его из страны. Предводитель йомсвикингов Сигвальд поклялся, в свою очередь, что он поплывет в Норвегию и убьет мятежного ярла Хакона или хотя бы изгонит его из страны. Все йомсвикинги, включая двух вождей из Скопе, Буи Толстого и Вагна Акиссона, дали клятву следовать за ним. Они поплыли в Норвегию на шестидесяти кораблях, но до Хакона дошли слухи о цели их похода. Поэтому, когда они наконец вошли в Хорундарфьорд, он уже поджидал их с флотилией, состоящей не меньше чем из 180 кораблей. Несмотря на то, что противник превосходил их числом, сперва йомсвикинги одерживали верх, но погода обернулась против них, и после ожесточенной схватки они были разгромлены и истреблены все до единого.

Это было в 989 году. В следующую весну другая жестокая битва произошла в Швеции, на Полях Фюри, рядом с Упсалой. Там грозный Стирбьерн, изгнанный племянник шведского короля Эрика, попытался завоевать королевство своего дяди, но был убит случайным копьем в первые минуты сражения. Отголоски именно этих двух битв слышатся уже в начале романа.

Как коротковолосые люди приехали в Сканию во времена короля Харальда Синезубого

Многие из отчаянных воинов поплыли на север из Скопе вместе с Буи и Вагиом, где их постигла неудача в Хорундарфьорде; другие отправились с Стирбьерном в Уппсалу, где и погибли вместе с ним. Когда весть о том, что немногие смогут вернуться, достигла родных берегов, сложилось множество поминальных и хвалебных песен, после чего благоразумные люди согласились между собой, что случившееся было к лучшему и теперь можно надеяться на более мирные времена. Наступили времена изобилия и достатка, когда собирался такой прекрасный урожай ржи, а улов сельди был настолько велик, что большинство людей легко могли прокормить себя. Но были некоторые, которые все же думали, что жатва идет слишком медленно, и они отправились в поход в Ирландию и Англию, где судьба благоволила им, и многие там осели надолго.

Примерно в это время в Скопе стали приезжать коротковолосые люди из страны Саксов и из Англии, дабы проповедовать христианскую веру. Они поведали много странных сказаний, и поэтому люди сперва отнеслись к ним с любопытством и слушали их охотно. Особенно женщинам нравилось принимать крещение от этих чужеземцев, которые одаривали их за это белыми платьями. Однако вскоре все изменилось, жители устали от проповедей, которые показались им скучными, а их суть сомнительной, тем более, что они говорили на неблагозвучном диалекте, который они выучили в Хедебю или где-то на Фризских островах, что делало их речь нелепой и неприятной для слуха.

Итак, были причины, препятствующие обращению людей в другую веру. Поэтому коротковолосые, которые непрерывно говорили о мире и в то же время так неистово низвергали прежних богов, были один за другим схвачены и повешены на священном ясене или же поражены из лука и принесены в жертву птицам Одина. Оставшиеся в живых утекли в леса Геннга на север, где люди не были настолько нетерпимы. Там их тепло приняли, связали и отправили на торги в Смоланде, где они были обменены на волов и бобровый мех. Некоторые

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Сушёный день 4
Строгие сны 138

РАССКАЗЫ

Мелочи жизни 200
Апелляция 226
Душа болит 240
Жалейка 254
Осенний караван 265
Капитан ледокола «Ермак» 281
Жизнь человеческая 302
Приц 320
Спортсмен 331
Два берега 342
Аквамарин 362

Литературно-художественное издание

Баймухаметов
Сергей Темирбулатович

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Повести и рассказы

Редактор *М. И. Вострышев*
Художник *В. Е. Тё*
Художественный редактор *О. Г. Червецова*
Технический редактор *О. Г. Червецова*
Корректоры *Т. Г. Люборец, И. С. Рудакова*

ку, что струилась из-под моста, распадаясь на несколько рукавов. Осветило высокий травянистый берег, и он вспыхнул, засверкал разноцветными лучами, отраженными в каплях крупной осенней росы. И многоярусный лес, вздымающийся над берегом, осветился и стал разноцветным в причудливом сплетенье желтых берез, зеленых еще дубов, оранжевых кленов, темно-синих елей и багровых полыхающих рябин. А над ним, над лесом, парил в небе купол истоминской церкви, почти невидимый, только угадываемый, белый и легкий, как маленькие белые облачка на синем окоеме.

И когда открывается такое человеческому взору, вдруг сильно и больно сжимается сердце: господи, как прекрасна эта земля! Знать бы только, кто мы и что мы и для чего мы на ней?

1985—1988 гг.

Содержание

БОРИС ЛАВРЕНЕВ

ВЕТЕР. *Повесть* 4

РАССКАЗЫ 73

Сорок первый 73
Рассказ о простой вещи 119
Срочный фрахт 167

АЛЕКСАНДР МАЛЫШКИН

ПАДЕНИЕ ДАНПА. *Повесть* 194

РАССКАЗЫ 225

Ночь под Кривым Рогом 225
Случай с комиссаром 233
Эпизод у высоты 210 247
Поезд на юг 254

Текст печатается по изданиям:
Лавренев Б. Собрание сочинений: В 6-ти т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1;
Малышкин А. Избранные произведения: В 2-х т. М.: Худож. лит., 1978.

Лавренев Б. А.
Л13 Ветер. Малышкин А. Г. Поезд на юг: Повести и рассказы. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1987. — 271 с.

В пер.: 1 р. 40 к. 165000 экз.

Эту книгу составляют рассказы и повести известных советских писателей Бориса Лавренева и Александра Малышкина, посвященные в основном гражданской войне.

Героическая эпоха, героические характеры, проявляющиеся в борьбе за Советскую власть — завоевание Великой народной революции, показаны в этих произведениях, остросюжетных по форме, насыщенных действием.

4702010200—013
М139—(03)—87 33—87 Р2

© Верхне-Волжское книжное издательство, 1987, состав, оформление.

Грин Г.
Г85 Комедианты: Роман.— Л.: Лениздат, 1985.— 288 с.— (Б-ка молодого рабочего).

Остросюжетный роман известного английского писателя обличает политические нравы Гаити времени правления диктатора Дювалье и рисует картины растущего движения за освобождение страны от антинародного режима, стоящего у власти.

Г $\frac{4703000000-042}{M171(03)-85}$ 227—85 84.34(4Вл)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л. А. Фурсенко. <Обращение к читателю> 3
Часть первая 5
Часть вторая 150
Часть третья 202
Л. М. Зверев. Лица сквозь маски 283

Грэм Грин

КОМЕДИАНТЫ

Перевод с английского Е. Голышевой и Б. Изакова

Зав. редакцией А. П. Белинский. Редактор М. Е. Устинов. Мл. редактор В. М. Шевелева. Художник М. Л. Шретер. Оформители серии В. П. Бокония и Л. А. Бюргановский. Художественный редактор Б. Г. Смирнов. Технический редактор М. А. Хомич. Корректор Т. В. Мельникова.

ИБ № 3275
Сдано в набор 28.09.84. Подписано к печати 16.01.85. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарн. литерн. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,54. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 250 000 экз. Заказ № 661. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191024, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57

© Обращение к читателю, послесловие, оформление. Лениздат, 1985

Двадцать лет назад, когда писались «Комедианты», кому-то, может быть, и трудно было поверить, что кровавый кошмар Гаити — реальность. Но сегодня зверства палачей Сальвадора затмили самые черные преступления гаитянского диктатора и его сподручных. Сальвадорские конкассеры побили рекорд кровавых расправ, превратив охоту на людей в своего рода промысел. Если жертвами Дювалье стали двадцать тысяч человек, то на счету сальвадорских «эскадронов смерти» более сорока тысяч мирных жителей. Произвол властей безграничен, народ лишен элементарных конституционных прав. Смертью карается любое проявление недовольства. Свирепая, бесчеловечная власть опирается на поддержку империализма США.

В Вашингтоне любят поговорить о защите «прав человека». Но на земном шаре трудно найти другое место, где бы эти права попирались так грубо и бесцеремонно, как в странах Центральной Америки. Их диктаторские режимы держатся силой американского оружия и находятся на содержании США.

Соединенные Штаты всегда действовали единым фронтом с реакционными режимами. А если между ними возникали «ссоры», то они быстро проходили. На примере Гаити Грин показывает, что разногласия между центральноамериканскими диктатурами и «демократией» США являются своего рода политической инсценировкой. Это подтвердилось затем в Сальвадоре. На первый взгляд казалось, что Соединенные Штаты осуждают зверства «эскадронов смерти», но их предводителю д'Обюссону оказывались гостеприимные встречи в Вашингтоне и его безотказно снабжали американским оружием.

Когда-то США провозгласили политику «доброго соседа» в странах Западного полушария, которая ставила целью поддержание марионеточных режимов. Таким образом империализм янки рассчитывал удержать страны Латинской Америки в положении полуколоний — сателлитов США. Органической частью политики «доброго соседа» являлась «большая дубинка», предназначавшаяся для борьбы с непокорными, с любым проявлением революционного движения. Ею никогда не пользовались в отношениях с гаитянским палачом Дювалье, сальвадорской военной хунтой, кровавым правителем Никарагуа Сомосой и кубинским диктатором Батистой. Соединенным Штатам не за что было их наказывать. Другое дело, когда на Кубе и в Никарагуа победила революция. Народ сбросил ненавистных диктаторов, и США не замедлили пустить в ход «большую дубинку». Более двух с половиной десятилетий продолжаются заговоры, диверсии и попытки интервенции против острова Свободы. Куба подвергается непрекращающемуся давлению и угрозам. То же самое — в отношении Никарагуа. За долгие годы правления Сомосы страна превратилась в форменный застенок. Тысячи ни в чем не повинных людей были замучены. Народ грабили ради личного обогащения диктатора и его приспешников. Соединенные Штаты это не беспокоило, а вот свержение Сомосы и установление революционной власти повергло Вашингтон в уныние. Против Никарагуа была начата необъявленная война с целью восстановления в стране проамериканского порядка.

Грин показывает, что расправами с недовольными и силами сопротивления в Гаити, убийством сторонников демократических взглядов Дювалье стремился заслужить расположение США. Разве это не укладывается в ту же самую политическую схему?

Обличая в «Комедиантах» террористический режим Гаити, писатель вскрывает его кровное родство с североамериканским соседом. Сальвадор и Никарагуа показали, что это полностью применимо к другим реакционным диктатурам Центральной Америки.

Персонажи «Комедиантов» — лица вымышленные. За исключением диктатора Гаити Дювалье, никто из них реально не существовал. Вместе с тем каждое действующее лицо — образ, наделенный непридуманными чертами. Чинящие кровавый разбой конкассеры в темных очках и мародеры-полицейские с челюстями, усыпанными золотыми коронками, — все это взято из жизни. Также реальны и силы сопротивления. В образе коммуниста доктора Мажио воплощены черты благородного, мужественного человека — борца, поплатившегося жизнью за свои убеждения. Потому роман Грэма Грина продолжает оставаться актуальным и сегодня. Он проникнут ненавистью к злодеяниям палачей и звучит обвинением их американским покровителям.

Доктор исторических наук
А. А. Фурсенко

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Когда я перебираю в памяти серые монументы, воздвигнутые в Лондоне полузабытым героям былых колониальных войн,— генералам на конях и политическим деятелям во фраках, которых и подавно никто не помнит, мне не кажется смешным скромный камень, увековечивший Джонса по ту сторону Международного шоссе, которое ему так и не удалось перейти, в далекой от его родины стране,— впрочем, я и по сей день не знаю, где была его родина. Но он жизнью заплатил за этот памятник — пусть и против своей воли,— а вот генералы обычно возвращаются домой невредимыми, и если платят за свои памятники, то лишь кровью своих солдат; что же до политиков — кого интересуют мертвые политики, кто помнит, за что они ратовали при жизни? Свобода торговли меньше интересует людей, чем война с племенем ашанти, правда, лондонские голуби не разбираются в таких тонкостях. Exegi monumentum [1]. И когда мое своеобразное ремесло приводит меня на север, к Монте-Кристи, я, проезжая мимо этого камня, горжусь тем, что его воздвигли не без моего участия.

[1] Воздвиг я памятник (*лат.*).

Буквально с первых же эпизодов этого романа повествование заполняется атмосферой фарса — несдержанного и все более пугающего по мере развертывания событий. «Я подозревал, что некий полноправный шутник завладел всеми нами, кто едет на этом пароходе... и теперь влечет всех нас к кульминационной точке комедии», — мысль эта неспроста приходит в голову рассказчику, когда судно с греческим названием и голландским флагом на мачте приближается к берегам Республики Ганти. Рассказчику, которого зовут Браун, хорошо известно, что ждет пассажиров, едва они ступят на пирс столицы Ганти Порт-о-Пренса. Ведь «в этой стране только кошмары и реальны». В ней признается только один закон — насилие и расправа над каждым, кто внушит хоть малейшее подозрение насчет своей лояльности диктаторскому режиму Папы Дока, тогдашнего президента Ганти Франсуа Дювалье, который захватил власть в 1957 г., опираясь на щедрую помощь американцев. В ней, этой республике на тропическом острове, превращенной в тюрьму, царят бесправие и страх, торжествуют порядки, ничем не отличающиеся от фашистских.

Браун, получивший нежданное наследство, которое позволило ему купить туристический отель «Трианон», где теперь почти не бывает туристов, прожил на острове уже немало лет. Он как-то притерпелся ко всем здешним уродствам. Но для его спутников — Смита и Джонса — все это будет внове: и торчащие на всех перекрестках джипы тонтон-макутов, подразделений политической полиции, преследующей действительных и мнимых оппозиционеров, и автоматные очереди ночью, за которыми следуют сообщения о «несчастных случаях» и «самоубийствах» в утренних газетах, и комендантский час, и вечно неработающие телефоны, и чудовищная нищета, властвующая в зловонных кварталах неподалеку от президентского дворца, и шепотом, с оглядкой, рассказываемые истории о пытках, которым диктатор любит лично подвергать свои жертвы...

Впрочем, и непосредственно столкнувшись с этой реальностью, которая издалека кажется каким-то скверным сном, ни Смит, ни Джонс заметно не переменятся, как — почти до самого

конца — не изменялся по своей человеческой сущности и Браун, пусть он постиг местные «правила игры» давно и безошибочно. Для Грина все трое — «комедианты», те, кто, движимые разными побуждениями, но с роднящим их всех упорством стремятся всевозможными способами избежать прямой причастности к большим социальным драмам, происходящим в нашем мире. Любая иллюзия, любая философия, оправдывающая эту безучастность перед лицом зла, и даже откровенно своекорыстный расчет всем им предпочтительнее, чем необходимость назвать вещи своими именами, заняв достойную позицию в том противоборстве полярно размежеванных сил, которое на Гаити открывается во всей обнаженности.

Разумеется, своего рода позицией может стать и то ощущение «транзитности», которое Браун, исповедуясь перед собой, назовет определяющим для собственной жизни. В нескончаемом странствии, которое роднит всех трех центральных персонажей, жизнь мелькает лишь внешними своими обликами, схожими до неразличимости и в Бирме, и в Африке, и на Гаити, — не возникает сознания неповторимости каждой человеческой судьбы, мир кажется хаосом, заведомо лишенным логики и смысла. Достаточно признать «транзитность» пусть противоестественным, но неизбежным уделом современного человека, и уже не возникнет желания задуматься ни о пережитом, ни о предстоящем, не пробудится нравственное чувство, без которого все существование лишь [illegible] бы поражено мертвенностью.

Читателям Грина хорошо [illegible] тип персонажа. Одни и те же мотивы обозначаются в его произведениях раз за разом, и давно уже вошло в обиход слове [illegible] «Гринландия» — созданная воображением Грина особая страна, [illegible]бая литературная «территория», которую за полвека писа[illegible] работы он, кажется, исследовал до самых потаенных [illegible].

Но при схожести [illegible] Грина менее всего оставляют впечатление авторско[illegible]. И дело прежде всего в том, что все новое и н[illegible] вносит в эти перекликающиеся друг с другом [illegible] действительность. Привлекающие Грина конфликты всегда [illegible] образом связаны с событиями, составляющими политическую хронику современности. Грину вовсе не безразлично место действия. А это всегда одна из самых горячих точек земного шара. Это Индокитай, сражающийся против французских колонизаторов и помогающих им «тихих американцев». Это сегодняшняя Латинская Америка, где к столкновению сил диктатуры и сил начинающейся революции оказывается впрямую причастен даже спивающийся, порабощенный своим исковерканным бытом «почетный консул» Великобритании в богом забытом городке. Это Южная Африка в одном из последних романов Грина «Фактор человеческий», это Куба за несколько лет до падения режима Батисты, когда вольготно себя чувствовали наводнившие остров «наши люди» из ЦРУ, это Гаити под пятой Дювалье, разъезжающего по столице на броневике и смертельно боящегося партизан, ушедших в неприступные горы.

Неизменно Грин прикасается к проблематике обжигающе актуальной, и каждый свой персонаж он заставляет так или иначе осмыслить для себя эти проблемы, от которых никому не дано уйти. И тогда за масками «комедиантов» открываются истинные лица — кончается фарс и вступает в свои права трагедия.

В «Комедиантах» (1966) такая ситуация предчувствуется задолго до того, как в безводном ущелье на границе с Санто-Доминго разыграется кровавая заключительная сцена романа. Герои актер-

ствуют — каждый на свой лад, — и смерть ходит за ними по пятам. Она напомнит о своем присутствии то исчезновением скромного лавочника-сирийца, чей труп нашли в сточной канаве, то похищением тела бывшего министра социального благосостояния, которое Браун обнаружил в пересохшем бассейне своей гостиницы. Она является всем персонажам в облике охранников, прячущихся за зеркальными стеклами очков. Она отравляет своим дыханием даже самые интимные минуты существования героев, и не от ревности мужа, а от всевидящего взгляда капитана Конкассёра скрывают свою любовь Марта и Браун, назначающие свидания под сенью статуи Колумба, наверное зря открывшего этот несчастный остров.

Все происходящее на Гаити как будто никак не согласуется с представлениями о комедии. И все же перед нами оказывается комедия, точнее — трагикомедия, сюжет которой создан раздвоением персонажей: есть человек и есть роль, что он для себя принял, есть маска, подчас точно бы приросшая к лицу, но есть и доподлинная человеческая суть. Не Грином открыт, но, пожалуй, именно Грином с особой настойчивостью воссоздан и исследован феномен отчуждения личности и от истории, совершающейся без ее участия, и от собственной природы: разумной, сострадающей, гуманной. Этот феномен, который приобрел зловещую реальность для буржуазного сознания в наше время, Грин стремится понять всесторонне, не поддаваясь настроениям обреченности, но и не игнорируя тех опустошительных последствий, к которым приводит признание своего бессилия что бы то ни было изменить в окружающем мире.

«Давайте играть комедию все вместе», — призывает муж Марты. Сам он, безусловно, «комедиант», и не только в роли обманутого супруга, еще больше — в роли дипломатического представителя, своим присутствием на Гаити помогающего придать тирании видимость законности. Но разве не такими же — или даже большими — «комедиантами» предстают и те, кто собирается на его приемы? Тот же Джонс, скрывающий свой облик прожженного авантюриста маской боевого офицера, тот же Смит с его проповедью вегетарианства и высокопарными речами о прогрессе, который обеспечит правильная система питания, — разве не кажутся они карнавальными шутами на фоне трагической повседневности этой «убогой страны террора», куда их забросила судьба?

Браун хотя бы наедине с собой честнее, проницательнее их всех. Он завидует доктору Мажио, у которого стоит на полке «Капитал», — убеждения, пусть не разделяемые, всегда привлекательнее, чем цинизм. Он завидует даже любовнику своей матери, повесившемуся на люстре после ее смерти, — чувство, пусть экзальтированное, всегда привлекательнее, чем грубая физиология. И матери, чья биография явно не сгодилась бы в назидание девицам, он тоже завидует: когда Францию оккупировали немцы, она ушла в Сопротивление, значит, было у нее что-то настоящее.

А что есть у него самого? Только роль постороннего, избранная, чтобы защититься от тонтонов, и как-то незаметно сделавшаяся для Брауна второй натурой. Только чувство «транзитности», зародившееся в ту еще пору, когда иезуиты тщетно пытались его приобщить к своим фанатическим воззрениям, а потом усиливавшееся год от года и обнаружившее некоторые притягательные стороны: оно ведь ни к чему не обязывает, оно так удобно оправдывает бездеятельность, когда требуется поступок. У Брауна есть только сознание абсурдности всего мира и единственная вера, какую оно могло создать: «Наше место в мире комедии, а не трагедии».

На протяжении романа несостоятельность подобной веры обна-

[illegible] в суровых испытаниях, когда отступает все наносное [illegible] является перед нами таким, каков он есть.

В «Комедиантах» время и место событий переданы с безупречной достоверностью, которая приобретается только личным опытом. Все книги Грина выросли из пережитого им самим. Готовясь к «Комедиантам», он своими глазами наблюдал «работу» тонтон-макутов и придворный церемониал Дювалье, хотя иной писатель довольствовался бы чужими свидетельствами. Его роман мог бы послужить документальным обвинением, да местами его и трудно воспринять по-другому.

Но есть в этой книге и второй, обобщенный план. Джонс, Смит и Браун — самые распространенные фамилии в странах английского языка, и, давая их своим персонажам, Грин стремился показать, насколько массовый характер приняло «комедиантство» во всех его внешне многоликих, а по существу схожих проявлениях. Нельзя представить себе «Комедиантов» вне той конкретной социальной реальности, которая в них отображена. И все-таки это не роман-репортаж, а скорее роман-размышление над проблемами, обладающими особой сл[illegible] и [illegible] для нашего века: личность и история, возможности противодействия злу, которыми располагают и [illegible] и все вместе, отчуждение и [illegible] на пути к социальной активности [illegible] императив, заставляющий преод[illegible]

Размышление — слово наиболее здесь точное, потому что Грин не при[illegible] бы они ни исходили, и сам никогда не стремится [illegible] идеям вид бесспорности. Такие персонажи, как Конкассер, у него редки и не особенно ему интересны. В [illegible] противоречия, они слишком цельны и [illegible] Грина человек — это почти [illegible] трудно примиряются одно с другим: столкновение импульсов, едва ли друг друга не исключающих, [illegible] борьба противоположностей, [illegible] И его герои-«комедианты» наделены той же сл[illegible] все заметнее, когда силою обстоятельств они [illegible] совершить свой выбор. Когда за маской начинают проступать черты [illegible]

Неудачливый кандидат в президенты США Смит, который и на Гаити носится со своей идеей вегетарианского центра, словно не отдавая себе отчета, до чего он нелеп, поначалу вызывает ассоциации с Пайлом, тем самым «тихим американцем», чью совесть не тяготят тысячи погибающих вьетнамских крестьян, поскольку он всего лишь добросовестно выполняет порученное ему дело. Даже и беспредельной политической наивностью невозможно объяснить слепоту Смита, пребывающего в неведении относительно того, о чем в Порт-о-Пренсе знают все: режим держится только поддержкой из Вашингтона, нынешний разрыв отношений — не более чем маскарад, ибо, как выразился Мажио, для американцев главное, что «здесь не будет ни Кубы, ни залива Свиней», где в свое время не удалась попытка контрреволюции.

Смит старательно не замечает того, чего замечать не хочет, — ведь иначе пустым прожектерством, если не фиговым листком, начнут выглядеть все его затеи с целью выведения из организма кислот, «чтобы освободилось место для совести». Чего стоит хотя бы его статья, воздающая Папе Доку должное за то, что он «оставил след в антропологии» (Браун откликнется немедленно: переломанная тонтонами нога Жозефа — лучшее подтверждение этого

вывода). А в Дювальевиле, недостроенной образцовой столице образцового латиноамериканского государства, Смит будет горевать по поводу пропажи шнурков, которые с него стащили нищие, и, швырнув калеке денежную подачку, отвернется, чтобы не видеть, как ее тут же отберут стражи порядка.

Он кажется вполне однозначным, этот непрошеный американский визитер с его кичливым сумасбродством, заглушившим элементарный здравый смысл. Но вот случается то, что рано или поздно не могло не случиться, — стычка с тонтонами, прямой поединок с Конкассёром. И выясняется, что не понапрасну в самом начале знакомства Смит говорил Джонсу: «Мы не всегда выдерживаем нами же установленные нормы поведения». Потому что и следа не осталось от непротивленца и проповедника ореховых котлеток.

За фарсовой маской, которой он доверился безраздельно, до самозабвения, вдруг высветлился облик человека чудаковатого, как многие персонажи Грина, но не растратившего ни дара отзывчивости, ни принципов порядочности, ни представлений о чести — пусть старомодных, зато непоколебимых. Это лишь мгновенная вспышка, а потом, в Санто-Доминго, у Смита все пойдет на старый лад, но невольно задумаешься, какой же ущерб нанесла этому запоздалому донкихоту роль «комедианта», которую он прилежно играет.

Джонс на первый взгляд еще проще и понятнее, чем оба его спутника по плаванию на «Медее». Классический проходимец и искатель легкой удачи, он вынужден тщательно скрывать свое темное прошлое, и «комедиант[illegible]» для него житейская необходимость — надо замести след. В [illegible] уже напала британская полиция. Он и на Гаити [illegible] привычные перепады: сначала тюрьма, затем распахнутые [illegible] дворцовых кабинетов, а в результате очередная [illegible] и ненадежное убежище в посольстве, с которого не сводят [illegible] Конкассёра. Случай играет им, как волна щепкой, а он лишь отдается течению, стараясь обойти водовороты.

Однако гибель ждет именно его. И здесь случайности уже нет, хотя при желании такую развязку и можно отнести за счет невезения, преследующего Джонса на всех меридианах. Конечно, рок избирателен, но смерть Джонса не назовешь просто капризом судьбы. Он вошел в свою роль увлеченнее других, он создал целый миф о себе, имеющий лишь самое приблизительное соответствие реальности, — вот поэтому-то ему и предстоит со всей несомненностью узнать, что фарс в любую минуту способен прорасти трагедией. В мире Грина эти два понятия всегда находятся в тесном соседстве. Но разве не сближены они в самой действительности, где террор почитается нормой отношений, а убийцы возведены в ранг благодетелей наций?

Перед самой смертью что-то человечное и доброе проглянуло и в Джонсе, чья подлинная суть так долго была заслонена, задавлена маской ландскнехта без страха и упрека. Грин не раз повторял, что долг писателя, как он его понимает, — выразить сострадание любому человеческому существу, каким бы оно ни показалось отталкивающим. С этой мыслью спорят страницы его собственных книг: не могут пробудить сострадания ни Конкассёр, ни его подручные, ни Папа Док с его министрами. И все же незачем ловить писателя на противоречии. Крайности остаются крайностями, а в поле зрения Грина, как правило, попадают обычные люди, вовсе не герои и чаще всего — те, чьи слабости и самообманы на виду.

Можно было бы ограничиться выявлением этих слабостей, оборачивающихся тяжелыми последствиями для гриновских персона-

жей, а потом и не для них одних, еще и для людей, с которыми их свела жизнь. Но Грину этого мало. Он и в душах самых непрезентабельных своих героев, которых «комедиантство» поглотило, кажется, без остатка, ищет огонек настоящего добра, неподдельного и чистого чувства. Его никак не отнести к легковерным оптимистам, но гуманизм Грина выдерживает любую проверку.

Есть, однако, и другой счет вещам. Есть те — оказавшиеся напрасными — жертвы, которые были принесены ради того, чтобы доставить Джонса к партизанам, ожидавшим его нетерпеливо и, как выяснилось, зря. Есть те — оказавшиеся обманутыми — надежды, которые оппозиция связывала с честными американцами наподобие Смита, один из них работал в посольстве США, помогая группе Сопротивления, но сведения о группе поступили в ЦРУ, а оттуда прямиком к Папе Доку. Есть жестокий парадокс, снова и снова предстающий читателю Грина, когда духовное пробуждение его героев, приоткрывающее их настоящее лицо, обязательно влечет за собой страдания, а то и гибель тех, кому «комедиантство» чуждо, потому что свою нравственную обязанность они сознают ясно.

В романе Грина эти люди — Гамит, и Жозеф, и доктор Мажио — почти все время находятся как бы в тени, но для центрального конфликта «Комедиантов» их участие в действии необходимо. И дело не только в том, что [illegible] писателем картина должна быть полной. По сюжету [illegible] скромная роль, но глубоко знаменательна [illegible] завершается его письмом, полученным [illegible] уже нет в живых. А в этом письме содержатся [illegible] Грина неоспоримые: «Мы с вами гуманисты, и вы, и я... если вы отвергли одну веру, не отвергайте веры вообще. [illegible] веру взамен той, которую мы теряем. А может, это все та же вера в другом обличье?»

Так и приобретает [illegible] та важнейшая коллизия, которая отчетливо прочитывается [illegible] всеми перипетиями действия: способен ли человек, [illegible] в искаженных Грином непереносимых условиях, стать [illegible] участником истории, а не пассивной ее жертвой, способен ли он разомкнуть круг отчужденности? Мучимый сомнениями и страхами, в которых так несложно распознать типичнейшие духовные противоречия современного западного интеллигента, Браун постоянно возвращается к этой проблеме. И все зигзаги его пути, несозданные в романе, в конечном счете определены попытками ее разрешить.

Обретение новой позиции дается герою крайне трудно. Да иначе и не могло быть. Слишком долго все убеждения героя сводились к одному: «Жизнь — это комедия». Слишком легко было укрепиться в таком умонастроении, день за днем сталкиваясь с гнусной комедией, разыгрываемой в государстве Папы Дока. Да и парадоксальная развязка событий при всем трагизме заключала в себе элемент иронии, если учесть несовпадение цели и результата, которое сопутствует у Грина самым драматическим кульминациям и лишает их однозначности, какой они обычно лишены и в самой жизни.

А все-таки перемена произошла. В монологе Брауна промелькнет признание знаменательное. «Смерть — доказательство искренности». Отправляясь с Джонсом в горы, он был готов предоставить такое доказательство, если бы оно потребовалось от него самого. Это еще не преодоление чувства обреченности, прикрытого «комедиантством», это лишь первый шаг, — но он сделан, и здесь важнейший итог истории, которую рассказал нам Грэм Грин.

А. М. Зверев

Содержание

А. *Кубатиев.* Одноразовый час мистера Роберта Шекли . . . 3
Рыболовный сезон. *Пер. Б. Белкина* 8
Чумной район. *Пер. В. Буки* 20
Застывший мир. *Пер. В. Буки* 25
Тело. *Пер. В. Буки* 32
Прогулка. *Пер. В. Баканова* 36
Верный вопрос. *Пер. И. Авдакова* 43
Стандартный кошмар. *Пер. Б. Белкина* 51
Записки о Лангранаке. *Пер. И. Грегубенко* 64
Город — мечта, да ноги из плоти. *Пер. В. Баканова* . . 68
Па-де-труа шеф-повара, официанта, клиента. *Пер. В. Баканова* 82
Заметки по восприятию воображаемых различий. *Пер. В. Баканова* 93
Хождение Джоэниса. *Пер. В. Бабенко и В. Баканова* . 98

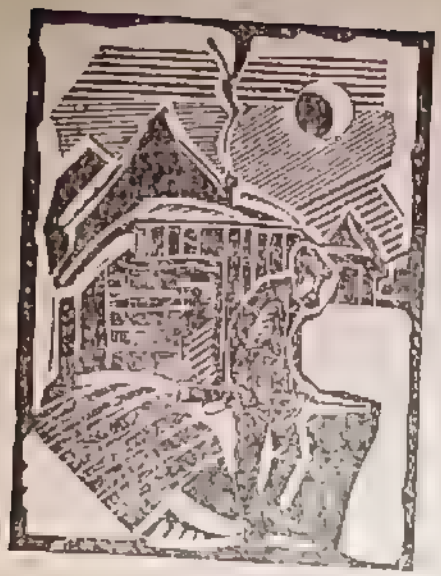
ТОНЕ СВЕТИНА

ВОЛЧАТА

РОМАН

Сокращенный перевод
со словенского
Г. ПОЛЕГАЕВА и Н. ТРАВИНОЙ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985



1

Гребень горы, окутанный сиреневой дымкой, издалека напоминал выгнутую спину громадного животного. У подножия горы, возвышавшейся над равниной, где в туманном мареве неторопливо катила свои воды река, вдоль лесов простирались луга и нивы, а среди них тут и там виднелись села и хутора.

Друг за другом забирались они все выше в горы, пока последние хуторки не отступили перед густым, почти непроходимым лесом, что рос до самых горных вершин.

Заметенные снегом селения были едва заметны среди высоких деревьев, чьи могучие стволы терялись во мраке.

Местность казалась вымершей, и лишь струйки дыма над крышами домов да тусклый свет в окнах свидетельствовали о том, что жизнь здесь не угасла, она только затаилась и дремлет, ожидая, когда же кончится зимний сон.

Ночь, царившую над этим горным краем, внезапно встревожили странные звуки — то были редкие и печальные крики ночных птиц, одинокий выстрел из охотничьего ружья и лай собак.

С высоты, где в серой мгле лиственные деревья мешались с хвойными, где начинался склон горы, спускавшийся к селам, донесся заунывный волчий вой, нарушая тишину звездной ночи.

Вожак стаи, крупный и сильный самец, так крепко уперся передними лапами в край ледяного наста, что он затрещал под его острыми когтями. Подняв морду, зверь уставился на сияющий в небе серп луны. Голодные глаза волка отливали холодным металлическим блеском. Он громко и протяжно завыл, сначала низко, а потом все выше и выше. Эта тоскливая рулада поднялась над заснеженной землей и затерялась где-то в вышине, в прозрачной синеве неба.

Между деревьями замелькали серые тени. Волки окружили своего вожака. Позади стаи беспокойно топтались волчата.

Перевод с английского
В. Бекетовой

Вступительная статья
Р. Самарина

Примечания
А. Бельского

Иллюстрации
В. Роганова

С $\frac{4703000000}{080(02)}$ $\frac{1834}{89}$ 1834 89

Текст печатается по:
Вальтер Скотт. Айвенго
М.: Правда, 1980

© Издательство «Правда», 1989
Иллюстрации

ПРЕДИСЛОВИЕ

До сих пор автор «Уэверли» неизменно пользовался успехом у читателей и в избранном им области литературы мог по праву считаться баловнем судьбы. Однако было ясно, что, слишком часто появляясь в печати, он в конце концов должен был исчерпать благосклонность публики, если бы не изобрел способа придать видимость новизны своим последующим произведениям. Прежде для оживления повествования автор обращался к шотландским нравам, шотландскому говору и шотландским характерам, которые были ему ближе всего знакомы. Но такая односторонность, несомненно, должна была привести его к некоторому однообразию и повторениям и заставила бы наконец читателя заговорить языком Эдвина из «Повести» Парнелла:

Кричит он: «Прекрати рассказ!
Уже довольно! Хватит с нас!
Брось фокусы свои!»

Нет ничего опаснее для репутации профессора изящных искусств (если только в его возможностях избежать этого), чем приклеенный к нему ярлык художника-маньериста и то предположение, что он способен успешно творить лишь в одном и весьма узком плане. Публика вообще склонна считать, что художник, заслуживший ее симпатии за какую-нибудь одну своеобразную композицию, именно благодаря своему дарованию не способен взяться за другие темы. Публика недоброжелательно относится к тем, кто ее развлекает, когда они пробуют разнообразить используемые ими средства, это проявляется в отрицательных суждениях, высказываемых обычно по поводу актеров или художников, которые осмелились испробовать свои силы в новой области, для того чтобы расширить возможности своего искусства.

В этом мнении есть доля правды, как и во всех общепринятых суждениях. В театре часто бывает, что актер, обладающий всеми внешними данными, необходимыми для совершенного исполнения комедийных ролей, пишет из-за этого возможности надеяться на успех в трагедии. Равным образом и в живописи, и в литературе художник или поэт часто владе-

ВАЛЬТЕР СКОТТ
И ЕГО РОМАН «АЙВЕНГО»

I

Замечательный английский писатель Вальтер Скотт (1771—1832) родился в Шотландии, в Эдинбурге, в семье бедного дворянина, занимавшего небольшую судейскую должность. Окончив университет, В. Скотт занялся адвокатурой. Но гораздо больше увлекала его история родного края, его обычаи и предания. Шотландия, сравнительно недавно присоединенная к Англии, еще хранила многие пережитки не только феодального строя, но даже строя родового, долго удерживавшегося в диких горных местностях страны. Бывая в самых дальних и тихих уголках родной Шотландии, В. Скотт любовно собирал предания, наблюдал и изучал старые обычаи и памятники старинной шотландской культуры.

Молодой юрист стал выдающимся краеведом, знатоком истории, экономики и культуры Шотландии. С [illegible] его интересы расширились. В. Скотт деятельно взялся за изучение истории Англии. Вместе с тем развивались и его интересы в области художественной литературы. Сначала он выступил как одаренный переводчик. Затем он приобрел известность как собиратель и издатель шотландских и английских народных баллад. В 1802—1803 годах он опубликовал свое собрание баллад под названием «Песни шотландской границы»[1].

Собрание и изучение народной поэзии стало для В. Скотта серьезной школой поэтического мастерства. Под влиянием народного творчества, под влиянием изучения истории Шотландии и Англии окреп его художественный талант. Он написал несколько поэм, посвященных историческому прошлому Шотландии, борьбе ее народа за национальную независимость. Поэмы В. Скотта имели самый восторженный отклик у широких кругов английских и шотландских читателей.

Однако, будучи в зените поэтической славы, писатель обратился от поэмы к роману. Начиная с 1814 года он становится по преимуществу прозаиком, автором исторических романов, которые принесли ему еще большую известность, чем его поэмы. Чем же можно объяснить этот поворот в развитии писателя? Прежде всего общественными событиями, которые сильнейшим образом повлияли на развитие Скотта-художника.

---

[1] Имелась в виду старая пограничная область, отделявшая Шотландию от Англии,— место постоянных столкновений и стычек между англичанами и шотландцами. О них и рассказывают баллады, собранные В. Скоттом.

Вальтер Скотт жил в бурную, драматическую эпоху, богатую значительными историческими событиями: буржуазная революция во Франции, долголетние войны Наполеона, стремившегося расширить влияние буржуазной Франции на всю Европу, ожесточенная классовая борьба, обострившаяся на рубеже XVIII—XIX веков во всех странах Европы, в том числе и в Англии, национальные движения, направленные и против военного деспотизма Наполеона и против Священного Союза[1],— во всех этих событиях сказывалась обреченность погибавшего феодального строя и закономерность победы новых, буржуазных общественных отношений. Однако уже тогда все более ясным становилось и то обстоятельство, что буржуазный строй — тяжелое иго, ложащееся на плечи народных масс, не раз уже в то время выступавших против господства буржуазии.

Одно из таких выступлений имело место в Англии в 1811—1812 годах. Это было так называемое «луддитское движение». Английские рабочие, участвовавшие в нем, требовали работы и хлеба, разрушали фабрики и мастерские, оборудованные новыми машинами, так как применение этой новой, усовершенствованной техники лишило заработка тысячи рабочих.

Движение «разрушителей машин» — луддитов — было жестоко подавлено. Но и само движение и беспощадная расправа с ним, вызвавшая резкий протест Байрона, свидетельствовали о том, как обострялись общественные противоречия страны. В ближайшие годы, несмотря на самые решительные меры реакции, общественное движение в Англии развернулось особенно широко под лозунгом борьбы против реакционной избирательной системы, которая давала огромные выгоды английским помещикам и банкирам. Наряду с обострением классовой борьбы росла и борьба национально-освободительная. Английские колонизаторы не смогли подавить мощное движение за свободу Ирландии, начавшееся еще в конце XVIII века и продолжавшееся в начале XIX столетия. Борьба ирландского народа против английского ига находила себе поддержку у лучших представителей английского народа.

Во всех этих исторических событиях особенно очевидно обрисовалась решающая роль народных масс, которые были основной ударной силой освободительных движений и патриотических выступлений. Все эти события бурной современной политической жизни и поставили перед В. Скоттом вопрос о широком освещении совершающегося исторического процесса. В. Скотт стремился постичь причины великих исторических потрясений, происходивших в его эпоху, он вглядывался в прошлое, чтобы лучше понять настоящее и представить себе пути развития истории в будущем. Жанр поэмы был слишком тесен и узок для новых огромных исторических полотен, замыслы которых возникли перед В. Скоттом. Это потребовала создания такого жанра исторического повествования, который мог бы широко и разносторонне охватить изображаемую эпоху, раскрыть ее как можно полнее.

Первый исторический роман В. Скотта — «Уэверли, или Шестьдесят лет тому назад» — вышел в 1814 году. За ним последовали на протяжении ближайших лет другие романы: «Гай Маннеринг» (1815), «Антикварий» (1816), «Ро

[1] Священный Союз — союз реакционных правительств Европы, основанный в 1815 году для борьбы против освободительных движений.

Рой» (1816), сборник «Повести моего хозяина» (1816). Одна из них, известная в русском переводе под названием «Пуритане», была высоко оценена К. Марксом.

Упорная работа над созданием все новых и новых романов продолжалась в течение всей жизни В. Скотта. Деньги, неожиданно в большом количестве пришедшие к писателю, человеку со вкусами ученого, ушли на постройку усадьбы «Эбботсфорд», которая быстро превратилась в музей шотландской старины. Затем пришло неожиданно разорение: издательская фирма, компаньоном которой был В. Скотт, обанкротилась, ее руководитель умер, оставив писателю огромные долги.

Выход в свет новых романов (среди них «Вудсток», 1826) помог писателю начать выплату долга, но денежные затруднения преследовали его до самой смерти.

В течение всей своей жизни В. Скотт был приверженцем консервативных политических воззрений. Он подчеркивал свою преданность королевскому дому, по основным политическим вопросам современности выступал как тори — сторонник партии крупных землевладельцев, непримиримых врагов революционного движения. В. Скотт не раз заявлял себя сторонником медленных и постепенных изменений общества; коренная ломка, пример которой он видел в революционной Франции, пугала его.

И все же знакомство с лучшими произведениями В. Скотта убеждает нас в том, что они правдиво свидетельствуют о многих преступлениях правящих классов Англии, о мужестве и благородстве народных масс.

Взятые в целом, романы В. Скотта дают удивительно широкую картину истории Англии и Шотландии.

Английское и шотландское средневековье, начиная от эпохи крестовых походов и кончая периодом борьбы за централизованное феодальное государство, отражено в романах «Айвенго», «Талисман», «Пертская красавица», «Монастырь», «Аббат», «Кенильвортский замок». Последний роман, действие которого разыгрывается в эпоху королевы Елизаветы (конец XVI века), как бы [illegible] варяет новую серию романов и повестей, рассказывающую об эпохе [illegible] ской буржуазной революции: «Пуритане», «Монтроз», «Вудсток».

В целом ряде романов В. Скотта — и это лучшие его романы — [illegible] Шотландия XVIII века, страна, в которой доживал свои последние [illegible] шающийся родовой строй, уступающий власти буржуазных отношений. [illegible] процесс в различных своих проявлениях отражен в романах «Роб Рой» [illegible] бургская темница», «Уэверли».

Если к списку романов В. Скотта прибавить его многотомную [illegible] Наполеона», то становится ясно, что в той или иной [illegible] свое повествование об истории Англии вплоть до [illegible] лия и ее интересы в этой книге В. Скотта занимают едва [illegible] чем сам Наполеон.

Белинский писал: «Читая Шекспира и Вальтера [illegible] кие поэты могли явиться только в стране, которая [illegible] странных политических бурь, и еще более внутренних [illegible]

[1] Белинский В. Г. Собр. соч. в 3-х томах, [illegible]

«Внутренние» политические бури, мучительно развертывающийся процесс исторического развития составляют важнейшую сторону содержания романов В. Скотта. Изображая «страшные политические бури», он постоянно останавливается в своих романах на участии народных масс в этих решающих исторических событиях, показывает судьбы народа, страдающего и борющегося.

Народ штурмует и сжигает замок феодала Фрон де Бефа в романе «Айвенго». Народ поднимается с оружием в руках против английской королевской власти в романе «Уэверли». Народ стоит за спиной Кромвеля, полководца английской буржуазной революции, противопоставленного в романе «Вудсток» легкомысленному принцу Карлу Стюарту. Важно отметить, что Пушкин особенно подчеркнул реализм этого романа.

Оценка народа у В. Скотта противоречива в силу ограниченности его мировоззрения, писатель не смог показать людей из народа, которые возглавляли большие народные движения в истории Англии, как и в других странах Европы. Народ в романах В. Скотта слишком охотно признает власть вожаков, которые преследуют интересы своего класса, а не интересы народа. Но народ у В. Скотта выступает не самостоятельно, а как сила, содействующая то королевской власти, то буржуазной революции.

Глубже, разностороннее, сложнее показан народ в произведениях русских реалистов, появившихся еще при жизни В. Скотта,— в первую очередь у А. С. Пушкина, который создал в образе Пугачева реалистический портрет вожака восставших народных масс, одаренного организаторским и полководческим талантом.

Но каковы бы ни были черты мировоззрения В. Скотта, ограничившие возможность правдивого изображения роли народных масс в истории, надо помнить, что В. Скотт писал о народе с замечательной силой и художественной убедительностью. В его романах отразились впечатления писателя от героизма народов, поднимавшихся против старого режима в Европе, боровшихся против военного деспотизма Наполеона, выступавших против [illegible] щиков и капиталистов в Англии и Шотландии.

Образ Роб Роя, с оружием в руках восстающего против [illegible] раз Локсли — Робин Гуда, возглавляющего смелую ватагу вольных стрелков, борющихся против английских феодалов, фигуры [illegible] волюционеров в «Пуританах», противопоставленные [illegible] — [illegible] верхаузу и его карателям, убеждают читателя в том, что [illegible] героический образ народа дан ярко и сочувственно.

Невзирая на консервативную ограниченность В. Скотта [illegible] во многих чертах его творчества, и прежде всего в [illegible] нархического строя и служилого дворянства, верного своему монарху, [illegible] В. Скотта открывали европейскому читателю правдивую общую картину развития Западной Европы.

Не об этом ли думал Белинский, когда писал о В. Скотте: «...дать историческое направление искусству XIX века — значило гениально угадать [illegible] временной жизни»[1]. «Тайна современной жизни», все шире открывавшаяся в произведениях писателей-реалистов XIX века, заключалась в разладке проти-

[1] Белинский В. Г. Собр. соч. в 3-х томах. 1948, Т. II, с. 354.

воречий исторического развития: с каждым годом становилось все яснее, что буржуазия, свергнув при помощи народа иго феодализма, стремится подчинить себе народные массы и закабалить народ. В борьбе за лучшее будущее народу оставалось надеяться только на свои силы.

Не отдавая себе отчета в этом процессе выявления антинародных черт буржуазии, В. Скотт отразил его в своих романах хотя бы тем, что показал, как на смену своекорыстному феодальному строю приходит еще более жестокий строй — буржуазный.

Результаты этой смены правящих классов в Западной Европе [illegible] лись уже повсеместно: этим и объясняется исключительная [illegible] В. Скотта в широких читательских кругах. Его [illegible] отразили новый исторический опыт, приобретенный в начале XIX века миллионными массами. В силу этого обстоятельства творч[illegible] В. [illegible] такое большое место в истории развивавшегося реалис[illegible] в литературе Западной Европы.

В мировоззрении и творчестве В. Скотта немало черт [illegible] бенно определенно они сказываются, как выше было отмечено, в [illegible] ской идеализации дворянской монархии, в представлении [illegible] ществовать некий идеальный монархический [illegible] ресы широких народных масс [illegible] ков и капиталистов. К [illegible] пришел вследствие того, [illegible] его глазах все более [illegible] консерватор В. Ск[illegible] оградить себя от [illegible]

Стремление [illegible] В. Скотт положите[illegible]

В каждом [illegible] линными историческими соб[illegible] тиями плетется [illegible] ется путь героя. Обычно это похожие друг [illegible] данные слуги своих королей, об[illegible] ми человечески ми качествами. Нетрудно за[illegible] тих положительных персон[illegible] в которых В. Скотт карает пороки правящих классов [illegible] людей из народа.

Однако слабые стороны творчества В. Скотта отступают на задний план в сравнении с замечательными качествами е[illegible]

В отличие от многочисленных реакционных писателей его времени, которые постоянно нарушали самую элементарную историческую правду, грубо искажали прошлое народа, писали без достаточных фактических знаний, В. Скотт стремился в своих романах отразить действительно решающие события из истории народа, показать их сложность и противоречивость, [illegible] это было ему доступно по состоянию исторической науки его времени.

Опираясь на материальные факты из истории экономических отн[illegible] данной эпохи, В. Скотт строил стройное здание своего историче[illegible] богатого проверенными историческими фактами, имеющего бол[illegible] тельное значение.

Но самое главное в романах В. Скотта — это не точное описание обычаев и памятников материальной культуры, не прекрасные картины природы, которые так оживляют его произведения. Наиболее яркое выражение мастерства В. Скотта заключается в том, что писатель трезво и жизненно показывает общественные и человеческие отношения, вскрывает «пружины истории», как сказал Белинский.

«В эпоху величайшего торжества своего,— писал Белинский,— великий шотландский романист был, разумеется, не понят. Все думали, что вся тайна чрезвычайного их (романов В. Скотта — *Р. С.*) успеха заключается в исторической верности нравов и костюмов,— тогда как все дело заключалось прежде всего в верности действительности, в живой и правдоподобной обрисовке лиц, умении все основать на пересечении интересов и взаимных отношений характеров»[1].

Эта характеристика, данная великим русским революционером-демократом, раскрывает реалистическую сторону творчества В. Скотта.

Среди романов В. Скотта, которые привлекали особое внимание Белинского, был и роман «Айвенго». Белинский не раз упоминал о нем как об одном из лучших произведений писателя. Характеристика дана в незаконченной работе «О разделении поэзии на роды и виды».

Роман «Айвенго» (1819) относится к числу наиболее значительных произведений В. Скотта. Писатель во многом правдиво показал английскую действительность XII века. В истории Англии резко сказались и классовые противоречия и противоречия между несливающимися в одну нацию. В XII веке остро ощущалась рознь между нормандцами (или норманнами) — завоевателями Англии, завладевшими ею в конце XI века, и англосаксами, которые владели Англией в течение нескольких веков и дали ей новое название (до англосаксонского завоевания Англия называлась Британией — по кельтскому племени бриттов).

Однако к концу XII века борьба между англосаксами и нормандцами затихла. Она заслонялась другими противоречиями, которые выдвигались на первый план: прежде всего противоречиями между порабощенным крепостным крестьянством и феодалами как англосаксонского, так и нормандского происхождения, а кроме того, и раздорами в самом феодальном лагере.

Король, самый крупный феодал в Англии, уже стремился к тому, чтобы подчинить себе всех остальных феодалов, более мелких, но составляющих в целом большую силу. В течение всей второй половины XII века английские короли упорно боролись со своими подданными — баронами, графами, епископами, создавая централизованную английскую феодальную монархию. Королевская власть преследовала в этой борьбе свои корыстные интересы, но все-таки в целом процесс централизации Англии был исторически прогрессивным

[1] Белинский В. Г. Полное собрание сочинений под редакцией и с примечаниями проф. С. А. Венгерова. 1914, т. X, с. 412—413.

двигал страну вперед, подготовлял предпосылки для создания английской на
ции, а без этого невозможно было бы и дальнейшее развитие Англии

Английское крестьянство в этой борьбе короля против феодальной анар
хии поддерживало королевскую власть. В толще народа, конечно, еще в пол
ной мере жили распространенные в средние века иллюзии относительно спра
ведливости королевской власти, крестьяне восставали против отдельных фео
далов, но еще не дерзали поднять оружие против короля.

Английские города XII века, еще слабые, но уже быстро развивавшиеся
всецело были на стороне королевской власти. Они нуждались в покровите
купца и промышленника, обеспечивали им свободу передвижения по стране
национальный рынок внутри страны могли помочь создать [illegible]
ограждала купца, ремесленника и промышленника от произвола феодаль
дальных банд, признававших только право кулака.

Именно показывает [illegible] Англии [illegible]
из страны разрозненных и враждующих между собой феодальных [illegible]
в монолитное королевство в стране [illegible]
ленно вливалась с [illegible]
сы, а англичане. В. Скотт [illegible] в целом правдивую картину опи
сываемого момента в истории Англии. В этом — [illegible]
венгов», в этом — сила романа В. [illegible]

Читатель видит [illegible] и де Браси и представители [illegible] Седрик и Ательстан
одинаково отстали в своем р[illegible]ах от задач, стоявших перед
английским народом. Они [illegible] спор о сравнитель
ных достоинствах победителей и побежденных. Их распри ведут к тому, что
Англии постоянно грозит междоусобица, [illegible] жизнь страны, тяжким
бременем ложа[illegible]

Особенно ре[illegible] Скотт о нормандских феодалах. Рыцарь-раз
бойник Фрон де [illegible] хотя как яркое, правдивое изображение кровавого своеволия, кулачного феодального права, как реалистическая картина средневековых фео[illegible] господствующая, а не идеализирующая средневековый строй.

Типичен среди прочих рыцарей-разбойников, грабящих английских [illegible]
[illegible] ордена Храма — тамплиер[1]

Рыцари [illegible] для прирыльных путей в
Христианских [illegible] Иерусалим [illegible] с мечом в корой
ливой [illegible] и [illegible] по всей [illegible] в войску иноземных и вассальных
[illegible], действовавших [illegible] Латинской Палестины
свои пушечные [illegible] немецким «псам-рыцарям» нападать на средневековую Русь с запада и
своих братьев-рыцарей проводниками и советниками [illegible] Батыя
вавшего тяжелый удар, который обрушился на Русь с востока.

Будучи [illegible] феодалов Европы, орден [illegible]
ние неразвитости городской власти [illegible]
[illegible] самой чер[illegible]

---

[1] От французского слова [illegible]

Все [illegible] черты деятельности тамплиеров отражены в большей или меньшей степени в типичном живописном образе Буагильбера, хищника и насильника. В лице Буагильбера В. Скотт не только заклеймил разбойничью сущность феодализма, но и показал органическую связь между феодализмом светским и феодализмом церковным, оба грабят народ, деятельно помогая друг другу, а иногда цинично прикрывая грабеж орденскими знаками, крестом «воинства Христова».

Феодальная церковь представлена в романе не только экзотическим Буагильбером, но и аббатом Эймером, чревоугодником и сребролюбцем, распутником в рясе, таким же хищным и мятежным феодалом-самодуром, как и те его друзья и собутыльники, которые отличаются от него своими рыцарскими золотыми шпорами.

Свора феодалов, хозяйничающая в Англии, вызывающая ненависть английского народа, поставлена принцем Джоном, братом короля Ричарда I, захватившим в его отсутствие власть в стране. В. Скотт, искажая историческую правду и называя принца Джона бесхарактерным и жалкой фигурой, орудием в руках феодальных князьков, рассматривающих Англию как свою добычу. По общей точке зрения В. Скотта, не прибегая к его сторонников в основном правильна. Та сила художественного [illegible], которой умеет В. Скотт показать феодальное своекорыстие принца Джона, напоминает мастерство, с которым в исторических хрониках Шекспир показывает мятежные бароны XIV – XV веков, пытающиеся расчленить [illegible] и феодальной анархии.

Правдиво и [illegible] показывает писатель силы, — баронам, графам, аббатам, которые [illegible] Англию, В. Скотт противопоставил те силы английского общества, [illegible] надежду на лучшее будущее Англии, залог победы над [illegible] страну на куски. Он показывает эти силы в королевском [illegible] Ричарде Львиное Сердце, — поддерживаемой служилым двор[illegible]щимся от короля, и прежде всего в народе, который [illegible] власть в ее стремлении обуздать и подавить феодальную вольницу.

Лучшие страницы романа — они и сейчас читаются с захватывающим интересом — посвящены [illegible] борьбе народа против феодального произвола. В английских [illegible] — Робин Гуд и его стрелки — играет решающую роль. Народные [illegible] обычно собираются в целую группу решительных и смелых людей, называющихся в образе непобедимой дружины Робин Гуда, штурмовщиной [illegible] Фрон де Бефа. Перед натиском могучей волны народного гнева не устоять ни челяди Фрон де Бефа, трусливой и подлой, ни ветеранам крестоносцам вроде де Браси и Буагильбера. Патетическая картина гибели старого феодального гнезда, притона убийств и насилий, разрушенного народом, является не только самым сильным местом в «Айвенго», но и одним из лучших выражений мастерства В. Скотта в целом, его народности.

Кого только нет в толпе, ликующей по поводу гибели феодальной твердыни, ловчего благодаря героизму Локсли и его стрелков! Здесь не только они, ставшие вожаками многолетней народной войны против феодального гнета, но и друзья Гурта и Вамбы, почувствовавшие себя людьми в минуту восстания против [illegible] и крестьяне из деревень, томившиеся под игом Фрон де Бефа, [illegible] и веселый брат Тук, близкий к тем демократическим слоям

средневекового духовенства, из которых выходили еретики и расстриги, возглавлявшие порою революционные выступления народных масс, вроде монаха Джона Болла, участника великой английской крестьянской войны 1381 года, соратника Уота Тайлера[1].

Но, конечно, более всего привлекает внимание читателя смелый Локсли — Робин Гуд, герой многочисленных английских народных преданий, к которым обратился писатель, чтобы создать живую и запоминающуюся фигуру.

Баллады о Робин Гуде, о «добром Робине», относятся к числу лучших памятников английского народного творчества. Они замечательны тем, что в них отразился вековой народный протест — ненависть английского крестьянства к его угнетателям, воплотившаяся в мечте о смелом защитнике попранных интересов народа, в мечте о мстителе за его растоптанные права — в образе Робин Гуда.

Робин Гуд — обобщенный народным творчеством образ свободного земледельца, с оружием в руках поднявшегося против несправедливостей феодального строя. Возможно, что в основе этого образа лежат воспоминания об исторически существовавших вождях восставших крестьян, скрывавшихся в дремучем Шервудском лесу от преследований своих господ.

Робин Гуд был любимым национальным героем Англии в течение долгих веков. Баллады, сложенные о нем, народные игры, инсценировавшие отдельные эпизоды преданий о Робин Гуде, пользовались широкой популярностью и в средние века и в эпоху Возрождения. Великие писатели Англии Чосер, Ленгленд и Шекспир не раз вспоминают о Робине и его товарищах, используют баллады об этом народном герое. А. М. Горький, посвятивший балладам о Робин Гуде [illegible] предисловие к их русскому переводу, писал о нем: «...народные баллады рисуют [illegible] неутомимым врагом угнетателей-норманнов, любимцем восставших [illegible] бедняков, человеком, близким всякому, кто нуждался в его помощи».

Авенго [illegible] романе В. Скотта, дает основание для того, чтобы говорить об огромном влиянии народного творчества на развитие таланта В. Скотта. Но особенно ярко здесь обнаруживается вся плодотворность обращения писателя к истокам народного творчества в тех сценах романа, где выступает народ. Здесь писатель сказался не только глубоким знатоком баллад о Робин Гуде, но и ценителем «Видения Питера-Пахаря» — бессмертной английской поэмы XIV века, в которой образ крестьянина-труженика противопоставлен своре захребетников — помещикам и купцам, ростовщикам и придворным.

Однако как раз в изображении сил, борющихся против феодальной анархии, дает себя знать и ограниченность писателя, его консервативные тенденции. Несомненно далек от исторической истины образ Ричарда Львиное Сердце, который в романе В. Скотта выглядит как обаятельно простой и мудрый воин, пекущийся об интересах своего народа, искренне любящий своих подданных. В тех чертах, какими охарактеризовали Ричард I в романе В. Скотта, чувствуется зависимость от одного из образов, созданных Шекспиром: Ричард Львиное Сердце напоминает Генриха V из одноименной исторической хроники Шекспира. Но то, что у Шекспира еще не могло выглядеть как сознательное

[1] Уот Тайлер — вождь крестьянского восстания 1381 года в Англии.

ное искажение прошлого Англии, у В. Скотта, знатока истории, выглядит как очень существенное отклонение от правды, говорит о противоречиях писателя.

В историческом, подлинном Ричарде I черты придворной, внешней феодальной воспитанности переплетались с отталкивающей жестокостью и алчностью феодала-разбойника, ни в чем не уступавшей алчности какого-нибудь Фрон де Бефа. История войн и набегов Ричарда полна [illegible] фактов, которые решительно противоречат привлекательному образу, созданному В. Скоттом.

Маркс, изучая историю средневековой Англии, счел нужным сделать такую выписку о Ричарде Львиное Сердце: «Предусмотрительность и проницательность сочетались в нем [Ричарде] *с грубой жестокостью и полным безразличием к вопросам чести*»[1].

По подсчету историков, он и был-то в Англии за все время своего царствования всего несколько месяцев. Остальное время ушло на бесконечные военные авантюры, которыми было заполнено его бурное правление (1189—1199).

Подлинный Ричард Львинове Сердце не был близок к простым людям Англии, не [illegible] феодальных [illegible] и мудро. Английский народ освободился от феодальных [illegible] ством королей, а против их воли. Через [illegible] в «Айвенго», во время английской буржуазной революции XVII ве[illegible] английский народ действительно покончил с феодализмом. В борьбе [illegible] ного строя он не пощадил и короля. Король Ан[illegible] воевать против восставшего народа, был ра[illegible]

Но консерватору В. Скотту казалось, что у монархического строя немало достоинств, что его надо сохранить [illegible] этому В. Скотт показал короля в своем романе во главе крестьян, разрушающих замок феодала, будто без короля народ не был способен на это!

Однако, даже приукрасив исторического Ричарда I, В. Скотт описал его так, что читатель представляет себе эту фигуру, верит в [illegible] до тех пор, пока не обнаруживается, что странствующий [illegible] Ричард. А вот одно из главных действующих лиц романа, са[illegible] го, верный слуга Ричарда и [illegible] янно хвалу замыслам и делам Ричар[illegible] Как идеализирован образ Ричарда [illegible] разам романа, так идеализирован [illegible] щенный в рыцаря без страха и упрека [illegible] стью, неубедительностью среди других образов романа, таких живых, правдивых, таких «типических», по определению Белинского.

В романе «Айвенго» широко отразилось замечательное мастерство В. Скотта — рассказчика, знатока и ценителя [illegible] языка.

Языку исторического романа В. Скотт уделял особое внимание. В предисловии к «Айвенго», имеющем поэтому большой интерес, он изложил свой взгляд на то, как должен исполнять автор исторического романа сопровождающую [illegible] речи.

---

[1] Архив Маркса и Энгельса. 1946, Т. VIII, с. 334.

В. Скотт считал, что писатель в данном случае стоит перед решением двух задач: он должен найти подходящую манеру повествования для изложения событий, которое ведется в третьем лице, и выработать язык действующих лиц, создать обдуманные речевые портреты.

В обоих случаях писатель может иногда обращаться к языку изображаемой им эпохи, но В. Скотт считал, что именно здесь надо проявить особенно много такта, большое искусство выбора.

В. Скотт вводит в речь действующих лиц и в свое повествование различные старинные выражения, но делает это осторожно, отнюдь не засоряя и не затрудняя язык произведения в целом. Не злоупотребляя ими, писатель стремился к тому, чтобы язык его романов в целом соответствовал основному словарному фонду современного английского языка. Он использовал эти возможности во всем их живом богатстве.

В хорошо выполненных русских переводах романов В. Скотта эта усиленная забота о языке передается почти полностью. Читатель улавливает богатство словаря В. Скотта и в описательных главах романов и в своеобразии речи действующих лиц.

Живая пестрота речи персонажей «Айвенго», пускающих в ход английские, французские, латинские выражения, не обременяет читателя. Не надоедая ему и не озадачивая его непонятными словами, В. Скотт уверенно использует все свое языковое богатство для характеристики эпохи.

Действие романа «Айвенго» разыгрывается в XII веке, но в нем звучат отголоски того бурного времени, когда он был написан. Ощущение начинающегося переворота в жизни старой Англии, проходящее через многие страницы романа, несомненно, подсказано [illegible] ощущением исторического развития, движения вперед [illegible] наполнена его эпоха.

В английском обществе нач[illegible] XIX [illegible]а многие пережитки феодализма еще имели место, но они уже исчезли под усиливающимся натиском новых социальных отношений.

Жестокость, кор[illegible] и [illegible]ловечность Фрон де Бефа и других феодалов воспринимались английским читателем начала XIX века как правдивое изображение пороков [illegible]ствующих классов современной Англии, а не только седой старины. Растущая власть денег, погоня за ними, изображенные В. Скоттом как характерные черты развивающегося английского общества, [illegible] же были не только чертами английской жизни конца XII века, но отражены впечатления В. Скотта от современности.

Наконец, могучие сцены народного гнева, сила изображения масс, [illegible] мающихся против угнетателей и разбойников из феодального лагеря, были прямым отражением тех впечатлений от подвигов народа, о которых В. Скотт знал по истории Французской революции, по истории наполеоновских [illegible] по истории Англии XIX века с ее [illegible] с ее солдатскими и [illegible] восстаниями, с новым подъемом политического движения, [illegible] в 1817—1818 годах. Попутно важно подчеркнуть, что не [illegible] внимания писателя и длительное восстание ирландского народа в [illegible] годах, сопровождавшееся кровавой гражданской войной.

Конечно, образ Локсли — Робин Гуда подсказан В. Скотту [illegible] народной английской балладой. Но следует помнить и о том, что [illegible] тировали некоторые свои документы характерным [illegible]

Неда Лудда в Шервудском лесу», то есть именно там, где некогда скрывался со своей ватагой Робин Гуд.

Не в Шервудском лесу собирались тайные комитеты луддитов, смелых ноттингемских ткачей, застрельщиков рабочего движения в Англии, но, выступая против капиталистической эксплуатации, луддиты чувствовали себя как бы продолжателями того многовекового дела борьбы за интересы народа, героем которой был и Робин Гуд.

Роман, помимо воли автора, убеждал читателя в огромной силе народа, в его благородстве и человечности, в его героизме. Эти черты В. Скотт смог изобразить с такой правдивостью только потому, что он жил в пору, когда народ Англии уже втягивался в новый этап борьбы против правящих классов — в борьбу против буржуазной эксплуатации.

В силу консервативных сторон своего мировоззрения, о которых уже была речь, В. Скотт не мог полностью понять смысл событий, развертывавшихся перед ним. Он не только не звал английский народ на борьбу против правящих классов Англии, но, видимо, надеялся, что монархии еще удастся обуздать нарастающий гнев и расправить его так, чтобы ей самой при этом не пострадать. А события 1819 года — года выхода в свет романа «Айвенго» — с особой ясностью показывали, что реакция готова занимаясь всеми средствами, которые есть в ее распоряжении. Именно в этом году многолюдный мирный митинг около Манчестера, собравшийся для обсуждения требований народа к правительству, был разогнан [illegible] не щадивших во время расправы ни стариков, ни детей.

Байрон и Шелли, великие английские революционные поэты, современники В. Скотта, отозвались на события 1819 года [illegible]мно и с возмущением. Они призывали английский народ энергично б[illegible] свои права, они клеймили правящие классы Англии и королевское правительство, посылавшее свои войска против мирных тружеников Англии. А В. Скотт, даже показывая огромные силы, таящиеся в народных массах, все-таки советовал верить в «добрых» и «справедливых» королей, которые будто бы сумеют навести порядок в Англии.

Что же перевешивает в романе «Айвенго»? Те его недостатки, в которых сказалась ограниченность Скотта-консерватора, или значительные художественные достоинства, степень приближения писателя к исторической истине?

Молодой советский читатель, разобравшись в слабых сторонах романа, отдаст должное его достоинствам. Они и сегодня сохраняют свою художественную убедительность и силу, делают роман В. Скотта выдающимся произведением повествовательного искусства, не утратившим своего познавательного значения.

Р. Самарин

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 19. *Ричард I* Львиное Сердце — английский король (1189—1199), участник третьего крестового похода. Во времена его правления в Англии продолжались феодальные смуты и междоусобная борьба.

Логан Джон (1748—1788) — шотландский поэт, автор религиозных гимнов, поэм и трагедии «Руннемед».

С. 20. *Иаков V* — король Шотландии (1513—1542). Вел борьбу с феодалами, опираясь на католическую церковь.

...повелитель верующих... — Имеется в виду основатель мусульманской религии Мухаммед (Магомет).

Перси Томас (1729—1811) — английский ученый и поэт. В 1765 году опубликовал сборник старинных английских баллад, куда вошли и баллады о Робине Гуде.

С. 21 *Эдуард IV* — английский король (1461—1483). Занимал престол в период феодальной междоусобной войны Алой и Белой Розы, длившейся с перерывами с 1455 до 1485 года. Пытался проводить самостоятельную, независимую от парламента политику, укрепляя королевскую власть.

С. 23. *Фальстаф* — персонаж из хроники Шекспира «Генрих IV» (1597) и комедии «Виндзорские насмешницы» (1598). Вальтер Скотт имеет в виду слова Фальстафа, обращенные к принцу: «Видит бог, хотел бы я раздобыть себе доброе имя, да не знаю, где продается такой товар» («Генрих IV», ч. 1, акт I, сц. 2).

Черный принц — Эдуард, принц Уэльский (1330—1376), сын английского короля Эдуарда III. Командовал отрядами английских войск в первый период так называемой Столетней войны между Англией и Францией, длившейся с 1337 по 1453 год.

С. 24 *«Пороховой заговор»* — неудачное покушение католиков на жизнь английского короля Иакова I в 1605 году.

Стр. 25. *Поп Александр* (1688—1744) — английский поэт, перевел «Илиаду» и «Одиссею» Гомера.

Стефан — английский король (1135—1154). Вел длительную междоусобную борьбу за власть с королевой Матильдой.

Генрих II Плантагенет — английский король (1154—1189). Провел ряд реформ с целью укрепления королевской власти и ограничения феодальных междоусобиц.

С. 26. *Нормандский герцог Вильгельм* (1066—1087) — первый английский король из среды завоевателей-норманнов, прозванный Вильгельмом Завоевателем.

Битва при Гастингсе. — 14 октября 1066 года в сражении при Гастингсе высадившиеся в Англии нормандские войска герцога Вильгельма разгромили англосаксонское войско короля Гарольда. С этого времени в Англии установилось господство норманнов.

С. 27. *Вильгельм II Рыжий* — английский король (1087—1100), правление которого отличалось деспотизмом.

Эдуард III — английский король (1327—1377); в царствование Эдуарда III началась Столетняя война.

Друиды — жрецы у древних кельтов, населявших территорию Британии до англосаксонского завоевания (V в.).

С. 30. *Один язык.* — Завоеватели-нормандцы принесли с собой нормандско-французский язык. Англосаксонское население Британии говорило на своем родном языке. Впоследствии английский язык сложился на англосаксонской основе, но с большим количеством французского языка. Из последнего в английский язык вошло немало слов.

Слово *свинья* англосаксонского происхождения, оно сохранилось в современном языке в значении «свинья» (*swine* произносится «суайн»). Слово *свинина* — нормандско-французского,— *свинина* (*porc* произносится «порк»). Вильгельм Завоеватель хотел этим примером показать, как произошло разделение двух слов, показывая на их примере социальное расслоение англосаксов и норманнов.

Олдермен — правитель графства, позднее — член городского управления. В данном случае этому слову придан шутливый оттенок.

Ox, Calf, Beef — слова англосаксонского происхождения (*ox* произносится «окс», *calf* (кааф) означают соответственно «бык» и «теленок»). Слово нормандско-французского происхождения *beef* (биф) и означает «говядина» и «телятина».

С. 31. *Оберон* — сказочный король лесных духов.

Одиссей — один из персонажей поэмы Гомера «Одиссея», раб-свинопас, верный своему хозяину.

С. 37. *Орден Храма* (или орден тамплиеров) возник в 1119 году. Ордена не только значительными земельными владениями, но и большим политическим влиянием.

С. 38. *Один* — верховный бог в древнескандинавской мифологии.

С. 39. *Херевард* — один из вождей англосаксонского народного движения против нормандских завоевателей.

Семицарствие — В конце VI — начале VII в. в центральной и южной частях современной Англии было расположено семь англосаксонских королевств: Кент, Уэссекс, Сассекс, Эссекс, Нортумбрия, Восточная Англия, Мерсия. В 829 году все они объединились в единое государство — Англию.

С. 42. *Томас Грей* (1700—1748) — представитель раннего сентиментализма в английской поэзии XVIII в., автор дидактической поэмы «Времена года».

С. 46. *Сигнальный колокол* — Завоеватели-норманны ввели в обиход, согласно которому по звуку сигнального колокола во всех домах должны были гаситься огни.

С. 48. *Прямой пиемент* — название вина, приготовленного особым образом, с добавлением меда

Альфред — король англосаксонского королевства Уэссекс (871—900). Сыграл видную роль в становлении англосаксонской государственности в эпоху раннего средневековья

С. 51—52. *Великая лесная хартия* — Завоевав Англию, норманны установили жестокие охотничьи законы, получившие название Великой лесной хартии. Обширные леса были объявлены королевскими заповедниками, где запрещалась охота. Эти законы вызывали возмущение англосаксонского населения

С. 54. *Саладин* (Салах-ад-дин) — султан Сирии и Египта (1171—1193), выдающийся полководец, воевавший против европейских крестоносцев на Ближнем Востоке. Попытка последних воспрепятствовать успешным действиям Саладина вылилась в третий крестовый поход (1189—1192)

С. 55. В эпиграфе цитата из «Венецианского купца» Шекспира

С. 56. *Поклонники Магомета и Термагента* — мусульмане

С. 58. *Сэр Тристрам* — герой средневековых рыцарских романов

Норталлертон — местность в Англии, где в 1138 году произошло сражение между шотландцами и норманнами. В этой битве на стороне шотландцев сражались саксы

С. 59. *Иоанниты* (госпитальеры) — члены духовно-рыцарского ордена, созданного крестоносцами в Палестине в 1118 году. Впоследствии орден иоаннитов был преобразован в мальтийский орден с резиденцией на острове Мальта

Сен-Жан д'Акр — крепость в Сирии, из-за которой шли бои между крестоносцами и сарацинами во время третьего крестового похода

С. 66. В эпиграфе цитата из «Венецианского купца» Шекспира (акт I, сц. 3).

С. 72. *Итака* — один из Ионических островов. В «Илиаде» и «Одиссее» Гомера — родина Одиссея

С. 74. *Джон* (Иоанн Безземельный) — английский король (1199—1216), вступивший на престол после смерти своего брата Ричарда I. Проводил жестокую политику притеснения народа, попирал феодальные привилегии дворянства, права горожан и рыцарей. В романе «Айвенго» выведен как принц Джон, брат еще правившего в то время Ричарда I Львиное Сердце

С. 75. *Да сокрушатся колеса их колесниц подобно тому, как сокрушились они у колесниц фараоновых!* — Исаак имеет в виду библейскую легенду, согласно которой египетский фараон, преследуя евреев, которых Моисей вывел из Египта, был остановлен богом. Бог лишил у колесниц фараона колес и тем замедлил движение.

С. 78. *Драйден Джон* (1631—1700) — английский поэт, драматург и литературный критик, представитель [illegible]. В эпиграфе цитата из поэмы Драйдена «Паламон и Арсит».

Французский король Филипп — Имеется в виду Филипп II Август (1165—1223), стремившийся укрепить королевскую власть и расширить [illegible] ния французского королевства.

С. 79. *Реал* — старинная испанская серебряная монета.

С. 80. *Лорд-сенешаль* — должностное лицо, ведавшее внутренним [illegible] ком при дворе

С. 81 *Маршал.* — В средние века так назывался придворный, следивший за королевскими конюшнями, а также за порядком на турнирах.

С. 84. *Симарра* — верхнее женское платье у евреев

С. 86. *Уот Тиррел.* — Народное предание приписывает ему убийство короля Вильгельма II Рыжего во время охоты.

С. 104. *Филистимляне* — древний народ, живший в Палестине; вели войны с иудеями. Исаак употребляет слово «филистимлянин» для обозначения человека, враждебного его племени.

С. 108 В эпиграфе цитата из трагедии английского драматурга Кристофера Марло (1564—1593) «Мальтийский еврей».

С. 109. *Цехин* — старинная венецианская золотая монета.

С. 111 *...праведные правители всех двенадцати колен нашего племени!* — В Библии говорится, что древние евреи разделялись на двенадцать колен (племен), согласно двенадцати сыновьям Иакова, внука Авраама, от которых они якобы вели свое происхождение.

С. 115. *Голиаф* — библейский персонаж, великан.

С. 117. В эпиграфе цитата из «Двух веронцев» Шекспира.

С. 120 *...ведь мы в пустыне... только и можем, как та вода, которую ее предки пили из камня...* — Имеется в виду странствование евреев в пустыне после описанного в Библии исхода их из Египта. Страдая в пустыне от жажды, евреи упрекнули Господа и Моисея, и Господь, в ответ, который избрал своим орудием пророка Моисея. После этого, ударом жезла добыл воду из камня.

С. 122 *Тауэр* — средневековый замок в Лондоне, в течение многих столетий являвшийся государственной тюрьмой.

С. 127. *Босеан* — священное знамя ордена тамплиеров.

С. 133 *Ленные поместья* — земли, которые крупные феодалы раздавали своим сторонникам и вассалам за службу на войне.

С. 134 *Бекет Томас* (ок. 1118—1170) — деятель английской католической церкви. С 1162 года занимал пост архиепископа Кентерберийского. Был убит тайными агентами короля Генриха II.

С. 138 *Круглый стол короля Артура* — В средневековых рыцарских романах (XII—XIII вв.) рассказывалось о короле Артуре и его рыцарях, пировавших за круглым столом, где все сидели на равных местах.

С. 140 *Уортон Томас* (1728—1790) — английский поэт, в произведениях которого воспевалось средневековье.

С. 141 *Карл Великий* — король франкского государства (768—814), с 800 г. — император. В состав империи Карла Великого входили территории современной Франции, Северной и Средней Италии, Западной и Южной Германии и др.

Дом Анжу — Королевская династия Плантагенетов в Англии, к которой принадлежали Ричард Львиное Сердце и принц Джон, происходили от нормандских графов из рода Анжу.

С. 147 *Они уже видели на стене начертанные письмена* — Одна из библейских легенд рассказывает, что во время пира у вавилонского царя Валтасара на стене появились непонятные письмена, внушившие ужас всем присутствующим

Пророк Даниил, разгадав их смысл, объяснил, что письмена предвещают скорую гибель Валтасара.

С. 152. *Канцлер* — одно из высших должностных лиц в средневековой Англии. Канцлер ведал оформлением королевских актов и государственной печатью.

С. 162. *Сирвента* — жанровая форма поэзии провансальских трубадуров (XII в.). Сирвенты писались на политические и военные темы.

Ок — язык, распространенный в средневековом Провансе, где в XII веке получила большое развитие поэзия.

Виреле — старофранцузская стихотворная форма, состоящая из трех трехстиший.

С. 166. *Ариосто Лодовико* (1474—1533) — итальянский поэт позднего Возрождения, автор поэмы «Неистовый Роланд».

С. 170. *Эдуард Исповедник* (1035—1066) — англосаксонский король. Покровительствовал норманнскому дворянству и церкви. Впоследствии был объявлен святым.

С. 172. *Хотспер* — персонаж из исторической хроники Шекспира «Генрих IV», отличающийся горячим и неукротимым нравом.

С. 175. *Гора Синай.* — Согласно Ветхому завету, на горе Синай в Палестине пророку Моисею даны были богом скрижали, на которых были начертаны десять заповедей.

С. 176. *Белый Дракон* — боевой клич англосаксов.

С. 187. *Гроссмейстер* — глава духовно-рыцарского ордена.

С. 189. *Король-исповедник.* — Имеется в виду англосаксонский король Эдуард Исповедник.

Гарольд (ок. 1022—1066) — последний англосаксонский король, погибший в битве при Гастингсе.

Тости — претендент на англосаксонский престол, которого поддерживала Норвегия (XI в.). Гарольд, правивший в то время Англией, нанес поражение войскам Тости, но затем сам был разбит Вильгельмом Завоевателем.

С. 193. В эпиграфе цитата из «Венецианского купца» Шекспира.

С. 206. *Матильда* — английская королева (1141—1153). Во время ее правления в Англии царила длительная феодальная анархия.

С. 207. В эпиграфе цитата из «Двух веронцев» Шекспира.

Дуглас Гэвин (1474—1522) — шотландский поэт. Перевел на английский язык поэму Вергилия «Энеида».

С. 211. *Эндорская волшебница* — по библейской легенде, предсказала еврейскому царю Саулу гибель в сражении с филистимлянами.

С. 213. *Мудрейший из ваших царей и даже отец его...* — Буагильбер имеет в виду древнееврейского царя Соломона и его отца Давида. Соломон, [illegible] блии, имел семьсот жен и триста наложниц.

С. 220. Эпиграф взят из пьесы английского писателя О. Голдсмита (1728—1774).

Святая Ниоба (или Ниобея) — в греческой мифологии [illegible] царь, у которой Аполлон и Артемида умертвили детей в [illegible] Ниобея оскорбила их мать Латону. Имя Ниобеи стало символом [illegible]

страдания. Буагильбер, незнакомый с античной мифологией, принимает Ниобею за христианскую святую.

С. 232. *Тор* — древнегерманский бог грома и молнии.

С. 233. *Крабб Джордж* (1754—1832) — английский поэт. В своих поэмах изображал жизнь английской деревни на рубеже XVIII — XIX веков.

С. 251. *Идумейский лев.* — Идумея — древняя страна к югу от Палестины.

С. 257. *Ювенал* Децим Юний (ок. 60-х — после 127 г.) — выдающийся римский сатирик эпохи Империи.

С. 268. *Молох* — бог Солнца в Финикии, Карфагене и Иудее. Молоху приносились человеческие жертвы.

С. 270. *Гедеон и Маккавей* — полководцы древнего Израиля и Иудеи.

С. 280. Хенгист и Хорса — легендарные герои англосаксов.

С. 282. В эпиграфе цитата из «Короля Генриха V» Шекспира.

С. 292. *Прецептория* — местный орган управления делами ордена тамплиеров.

Скальды — древние скандинавские певцы и слагатели песен.

Валгалла — в древнескандинавской мифологии — местопребывание душ воинов, павших в сражении. Девы в шлемах (валькирии), исполняя волю верховного бога Одина, должны были решать судьбу сражающихся воинов.

С. 305. В эпиграфе цитата из «Кориолана» Шекспира.

С. 307. *Мамона* — символ богатства. В данном случае слова «мамона беззакония» в устах Тука имеют иронический оттенок.

С. 309. *выкупить из ассирийского плена [illegible] израильских* — В 722 году до н. э. северное Израильское царство было [illegible] ассирийцами, а значительная часть населения уведена в Вавилон. В 597 и 586 годах до н. э. такая же участь постигла Иудейское царство и его столицу Иерусалим. Эти исторические события получили отображение в Библии, на которую ссылается в данном случае приор Эймер.

С. 315. *Вульгата* — латинский перевод Священного писания.

С. 317. В эпиграфе цитата из «Короля Иоанна» Шекспира.

С. 320. *Сэр Гай* — герой английских баллад.

Сэр Бевис — легендарный англосаксонский герой XI века.

С. 321. *Королева мать* — Элеонора Пуату (1122—1204), жена английского короля Генриха II, мать Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного.

С. 324. *дядя наш Роберт* — норманнский герцог Роберт VI, который был заключен в тюрьму своим братом.

Ланселот де Лак — герой средневековых рыцарских романов. С образом Ланселота была связана тема любви к замужней даме, широко распространенная в рыцарской литературе XII—XIII веков.

С. 330. *Когда же будет конец пленению Израиля?* — Упоминание об ассировавилонском пленении (см. прим. к стр. 339) имеет здесь иносказательный смысл. Натан скорбит по поводу тех гонений, которым подвергались евреи в средние века.

ибо мудрость помогла Даниилу — Даниил — библейский пророк, деятельность которого приурочена ко времени вавилонского пленения. В Библии рассказывается, что, получив широкую известность своей ученостью, Даниил был сделан одним из ближайших соправителей персидского царя Дария. Но враги

обвинили Даниила в несоблюдении царского указа. Тогда он был брошен в ров, где находились львы, которые, однако, его не тронули.

Уставы — Имеются в виду строгие правила монашеских орденов, установленные в результате деятельности Бернарда Клервоского.

С. 333. *Финеас* — легендарный библейский персонаж, ревнитель веры

С. 348. *Святой Бернард* — Бернард Клервоский (1091—1153), средневековый мистик, известный своими преследованиями еретиков, один из инициаторов второго крестового похода.

С. 353. *...) богатого раввина Натана Бен-Самуэля* — Натан Бен-Самуэль и Натан Бен-Израиль — одно и то же лицо.

С. 357. В эпиграфе цитата из «Ричарда II» Шекспира.

С. 363. *Тыква Ионы*. По библейской легенде, бог вырастил за одну ночь тыкву для пророка Ионы.

С. 370 *Конрад, маркиз де Монферрат* — правитель монсерратского маркграфства в Италии (XII в.), участник третьего крестового похода.

С. 371. *Гора Кармель* расположена в Палестине. На ней был сооружен храм монашеского ордена кармелитов, основанного в 1156 году

С. 421 *Саддукейские мудрецы* — Учение саддукеев получило распространение в древней Иудее во II—I веках до н. э. и выражало идеологию иудейской знати и высшего духовенства. Саддукеи, в частности, отрицали бессмертие души.

С. 422. *Греческий огонь* — легковоспламеняющаяся зажигательная смесь. Широко применялась в военных действиях на море и суше

С. 432. *Уэбстер Джон* (1580?—1625?) — английский драматург, современник Шекспира. Автор трагедии «Белый дьявол», «Герцогиня Мальфи», а также нескольких комедий.

С. 437. *Лиможе* — город в центральной Франции; в XII веке находился во владениях, принадлежавших английским королям из династии Плантагенетов

Доктор Джонсон — Имеется в виду английский писатель и языковед Сэмюэл Джонсон (1709—1784).

А. Белецкий

ПЕРЕЖИТОЕ

Родился я и провел детство в глухом уезде Пензенской губернии. Уезд — черноземный, крестьянский. Базары, ярмарки, церкви, сплетни, кабаки, урядники. Об этом в юности написал рассказ «Полевой праздник», напечатанный в 1914 году в журнале «Новый мир».

Отец мой — бывший дворовый человек помещиков Нарышкиных.

Самое яркое, что осталось в памяти от уездной жизни,— канун ильина дня 1914 года (19 июля). Мобилизация на германскую войну. Вечером по базарной площади бежали тысячи босых и лаптяных ног за иконой на молебствие. Бежали почти в полном беззвучии. Гофмейстер Арапов, предводитель дворянства, окруженный стражниками, провозглашал здравицу за «обожаемого государя». Горели факелы, сверкали ризы Тысячи телег, бредущих по проселку на веселое подторжье, с воем сворачивали назад обряжать сыновей и отцов на войну. Эта ярмарочная толпа спустя два-три месяца почти целиком полегла под Гумбиненом. А через четыре года жгли араповскую экономию и делили араповские земли.

И нарышкинские земли.

В 1916 году я окончил Петербургский университет. На панелях преобладала серая шинель. Студенты ловчились от войны, нарочно проваливаясь на зачетах, чтобы еще на год остаться на последнем курсе. Разрешалось оставаться два года подряд... Но война длилась и длилась — конца не виделось пасмурной и голодной ее дали... В том же 1916 году я был зачислен в школу прапорщиков, а весной 1917 года уже служил на корабле Черноморского флота, в качестве вахтенного офицера «первого революционного выпуска».

На тральщике ходил в боевые операции.

Меньше чем через год опять надел матросскую робу. Наш демобилизованный эшелон «братишек» счастливо проскочил мимо немцев, оккупировавших в то время Украину, на север. Начиналось время, о котором не рассказать простым перечнем фактов. Время ломки биографий, время неожиданных, негаданных профессий, время, когда многим приходилось рождаться сызнова... Я был

фельетонистом губернских «Известий», писал раешники, рассказы и стихи в пензенской «Бедноте», организовывал уездную газету, работал секретарем коллегии пленбежа, писал авантюрный роман, преподавал в реальном училище и в женской гимназии, читал лекции по истории философии и преподавал грамоту в красноармейской казарме. Кончил командиром взвода бомбометчиков и гренадер в мае 1919 года. Начиналась пятилетняя кочевая жизнь с Красной Армией.

В Красной Армии я встретил приятеля — мы когда-то еще в детстве вместе обдирали деревья уездного сквера — Анатолия Дементьева, начдива 1-й Туркестанской стрелковой. В те сухие и нищие годы многое было полусумасшествие и мечта. Красная Армия только что ворвалась в Туркестан. Мы с Анатолием думали, что наша дивизия сможет пробиться в Индию... Составили даже заранее приказ: «Братья индусы! Советская дивизия прошла через ущелья Пешавера. Передовые отряды насильников бегут...» Полковник генерального штаба, фанатически ненавидевший Англию, заразившись этой мыслью, делал маршрутные выкладки... То были дни голодной блокады, когда 14 государств во главе с Англией стягивали петлю вокруг молодой республики. И надо было взорвать в каком-то самом уязвимом месте это удушающее кольцо...

Анатолий погиб на южном фронте — нечаянно и жестоко. На каком-то полтавском хуторе его захватили бандиты. Обнаружив в его кармане партийный билет, бывшего начдива привязали к двум лошадям и размыкали по полю.

В 1921 году в Таврии, на не остывшей еще от боев земле, я опять принялся за писание. Время было веселое: по ночам приходилось стрелять через форточку, отпугивая бандитов. Написал «Падение Даира».

С 1922 года — Москва.

Недавно с большой скорбью провожал гроб В. Л. Львова-Рогачевского,— в Петербурге в юности очень сердечно поддержавшего мои первые литературные начинания.

Александр Малышкин

Печ. по кн.: Никитина Е. Ф. В мастерской современной художественной прозы. Александр Малышкин, А. С. Новиков-Прибой, Александр Яковлев, Артем Веселый. М., 1931, т. 2.

АЛЕКСАНДР МАЛЫШКИН И ЕГО РОМАН «ЛЮДИ ИЗ ЗАХОЛУСТЬЯ»

Итак, роман «Люди из захолустья» прочитан.

Написанный в тридцатые годы, что называется, по горячим следам, он воссоздает полувоенный облик изображаемого времени. Страна переходит из первого послереволюционного десятилетия во второе. Празднично украшенная Москва и огни красногорской новостройки. Публицистически сухое упоминание про «нахмуренные, предостерегающие международные передовицы» и социологическая достоверность газетных заголовков: «Требование рабочих об увеличении 3-го займа индустриализации удовлетворено», «Заводские активы Москвы и Ленинграда бурно и единодушно клеймят правых отщепенцев».

Это — общий план, взгляд с некоей вершины авторского «всезнания». Но есть и крупный план, максимально приближенный к читателю через восприятие, через психологическую точку зрения главных действующих лиц. Здесь — та же социологическая достоверность деталей, характеризующих время. Автомобилестроители показывают отходящей ко сну столице «... свою суточную продукцию»: рабочие и работницы завода АМО (в будущем — имени Лихачева) едут на только что изготовленных грузовиках с зажженными факелами. Рядом видим и другое: «...запустенье магазинных витрин в Москве, нищенские их выставочки...» А в уездном Мшанске — заколоченные магазины, опустевшие торговые ряды. В далеком Красногорске рядом с новостройкой — шумный базар с его законной и незаконной торговлей. И исполненная неясной тревоги, затаенного драматизма задержка с выдачей заработной платы строителям в том же Красногорске.

Читатель не пройдет мимо и такого эпизода.

Один из главных героев романа, журналист Николай Соустин, приезжает по заданию редакции «Производственной газеты» к себе на родину — в уездный Мшанск: «По улице тесно валили мужики в зипунах. По сторонам и сзади шли красноармейцы со штыками, бабы.

— Кто это такие?— забеспокоившись, спросил Соустин у пожилого бородатого зеваки.

Тот осмотрел его с глумливой пристальностью.

— Наши своих повели,— буркнул он и тут же отвернулся.

Сестра боязливо припала к уху:

— Кулаки это, Коленька, в суд их ведут...»

Не менее достоверны и неустроенный барачный быт на новостройке, и подъездные пути, смотря по погоде — то заносимые снегом, то окруженные океаном весенней распутицы. И, конечно, поезда, полу-

станки, станции, вокзалы. И — толпы: бесконечные очереди у железнодорожных касс за билетом, беспорядочная — по праву сильного — посадка в вагоны, и вагоны, доверху заполненные людьми, которые едут в будущее...

Движение сквозь пространство — движение через время.

На этих пролегающих через историю маршрутах вырисовываются города. Тут и вымышленные: Красногорск и Мшанск, тут и реальные: Москва, Пенза, Сызрань, Самара. В Самаре слезают случайные попутчики трех главных героев, едущих на красногорскую стройку,— Ивана Журкина, Петра Соустина, Тишки. В ресторане станции Самара Петр Соустин и Тишка утоляют голод — доедают с оставленных тарелок недоеденное...

Самара — проходной эпизод в романе «Люди из захолустья». Между тем город сыграл важную роль в становлении А. Малышкина как писателя.

Но теперь — по порядку.

Александр Георгиевич Малышкин родился в 1892 году. Место рождения — село Богородское, Мокшанский уезд, Пензенская губерния. Отец писателя —«...бывший дворовый человек помещиков Нарышкиных». (см. публикуемую в книге автобиографическую заметку «Пережитое»). Отец стал приказчиком, перевез семью в город Мокшан. Мальчик рос, учился в Пензенской гимназии, закончил с серебряной медалью, поступил в 1910 году на словесное отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. Будучи гимназистом, начал печататься в «Пензенских ведомостях»; ставши столичным студентом, публикует стихи в газете «Правда», в журнале «Студенческие годы», а первые рассказы в журналах «Современный мир», «За семь дней», «Свободный журнал», «Наша заря».

1916 год. Университет окончен. Молодого филолога призывают в армию. Он проходит курс в «школе прапорщиков по адмиралтейству при Ораниенбаумской морской учебно-стрелковой команде». Затем — назначение на Черноморский флот. Официальное наименование должности: младший офицер-ревизор, транспорт «Кача», служба траления. В 1918 году А. Малышкин демобилизуется, сначала едет в Мокшан, а потом — в Саранск. Здесь преподает литературу в средней школе, публикует ряд материалов в газетах Саранска и Пензы. В конце июля 1919 года его призывают в Красную Армию. Эшелон направляется на Восточный фронт. Путь лежит через Самару. И вот тут в судьбе начальника команды разведчиков (на эту должность попал писатель, став командиром Красной Армии) происходит резкая перемена.

Предоставим слово самому А. Малышкину. 3 августа 1919 года он посылает открытку в Саранск жене Н. Н. Малышкиной-Кузовковой, где сообщает: «Сегодня, наконец, доехали. Где будем стоять —

[illegible] В вагоне — жара...»[1]. Три дня спустя, 6 августа, из Самары в Саранск отправляется большое письмо, где содержатся жалобы на вагонную грязь: «На нарах — на полвершка грязи...», «...ночью в этом грязном пекле то и дело сметаешь горстями клопов с подушки»[2]. И рядом с этой информацией — другая, не менее важная: «Неожиданная встреча совершенно иначе устроила мою судьбу — и, кажется, к лучшему. (...) Я как-то отправился в город и встретил совершенно неожиданно одного приятеля — из Мокшана, которого потерял из виду лет 5 назад; оказывается, он занимает видный пост — состоит уполномоченным для поручений при Главнокомандующем (М. В. Фрунзе.— В. С.). Он ухватился за меня и сказал, что им требуется очень срочно историк-специалист, не историк ли я? Я ответил, что да. Тогда он начал хлопоты — я получил аудиенцию, а через день предписание к моему командиру полка с приказанием откомандировать в распоряжение начальника штаба Командующего Южной группой для занятия должности в военно-историческом отделе. Прощай, значит, гренадеры и разведчики. Сейчас утро — пишу в комнате моего приятеля, где я ночевал в лучшей гостинице города. Сегодня буду искать квартиру, а завтра уже явлюсь на службу. Ты, наверное, не знаешь и удивишься — зачем историк. Всегда во время войны пишутся истории главных армий — это материал для военной науки и увековечения славы. Мне эта работа, конечно, интереснее, чем всякая другая, и, несомненно, приложу все усилия, чтобы оправдать рекомендацию моего приятеля»[3].

Работа в роли военного историка увлекает. В письме из Самары от 17 августа 1919 года А. Малышкин с живостью рассказывает о новом для него деле и о непривычной штабной обстановке: «А я — ввиду того, что знакомых нет и город чужой — погрузился в свою работу — и с интересом. Работаю с 9—4 ч[асов], а потом с 7 до 10. Да иначе и нельзя, работа серьезная и нечто вроде испытания моих сил — если удастся она, положение мое улучшится еще более. Надеюсь закончить ее месяца через 2—2½, а там начнется текущая работа — просто по подбиранию материалов для будущих историков. Работу будут читать генералы (ген. штаба) — вообще, у нас кругом лица и фамилии громкие как в научном мире, так и военном. Благоговейная тишина, дисциплина, цепь адъютантов, «без доклада не входить» и т. д. Я, живя раньше в тылу и в таком захолустье, как Саранск, не мог и представить, что здесь все так»[4].

---

[1] Центральный государственный архив литературы и искусства (в дальнейшем: ЦГАЛИ), ф. 1258, оп. 1, д. 4, л. 27.

[2] Там же, л. 28.

[3] Цит. по вступительной статье Л. М. Вольпе к публикации: Кузнецова Л. Н. Александр Малышкин. Из незаконченной повести о гражданской войне. — Литературное наследство, т. 93, с. 162.

[4] ЦГАЛИ, ф. 1258, оп. 1, д. 4, л. 34.

«Работа серьезная», «нечто вроде испытания» — речь идет об историческом исследовании: «Бугурусланско-Уфимская операция южной группы 11 апреля — 19 июня 1919 г.»[5]. Штабные обязанности, однако, не мешают А. Малышкину активно интересоваться жизнью по тем временам большого провинциального города. Он бывает на Волге, заходит в Струковский сад, посещает рынки, магазины, рассказывает в письмах к жене о городской публике, о товарах, о рыночных ценах. Содержатся там сообщения и другого ряда — о театрах, концертах, домашних музыкальных вечерах.

Интересуется он и деятельностью Самарского университета, открытого в 1918 году: «...есть, между прочим на филологическом некоторые из наших Петерб[ургских] профессоров, напр., наша былая гроза проф. Перетц. Т[ак] к[ак] лекции читаются по вечерам, то я не теряю надежды еще быть слушателем (...) очень, очень хотелось бы послушать лекции нашего — теперь так назыв[аемого] «общественного» факультета.

На днях преодолею свою лень и пойду» (письмо от 8 октября 1919 года)[6].

11 сентября 1919 года А. Малышкин сообщает о том, что начал читать лекции в одном из культурно-просветительных клубов, «...которых здесь, как грибов». По-видимому, в связи именно с лекторской деятельностью он просит жену выслать ему в Самару университетский значок[8]. Писатель не стоит в стороне от собственно литературных интересов. 26 июня 1920 года он сообщает жене: «Здесь открылся Дом Печати — клуб литераторов (здесь Скиталец, Нв. Вольный, Окунев) — мечтаю когда-нибудь пойти туда и слушать обсуждение новых произведений»[9].

В письмах А. Малышкина к жене из Самары бытовые заботы, дела, связанные с литературой и искусством, соседствуют с информацией другого рода. В связи с успешным продвижением Красной Армии в туркестанском направлении среди сотрудников штаба М. В. Фрунзе обсуждается план возможного прорыва на Индостан. 31 декабря 1919 года А. Малышкин сообщает: «...у меня есть один товарищ — фантаст, который говорит, что успокоится только тогда, когда приобретет удобную комнату в Калькутте, в Доме Советов, на углу улиц 3-го Интернационала и Мировой революции, куда он прибудет по маршруту Самара — Ташкент — Индостан!

---

[5] Машинопись этой работы, до сих пор не опубликованной, хранится в Рукописном отделе Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (фонд А. Г. Малышкина).

[6] ЦГАЛИ, ф. 1258, оп. 1, л. 59–60.

[7] Там же, л. 39.

[8] Там же, л. 52.

[9] Там же, л. 23.

Жизнь становится полной чудес — по крайней мере в проектах».

«Проекты» оставили резкий след в памяти писателя. В 1923—1925 гг. А. Малышкин работает над повестью о гражданской войне (осталась незаконченной). Действие ее происходит в волжском городе «...на сквозном пути в Ташкент, Персию и Бухару»[11]. Упоминается и штабная гостиница «Красная Армия» (в гостинице под таким названием жил в Самаре А. Малышкин). В сохранившихся фрагментах повести есть разговор командира дивизии Семена Клемина с командующим. Обсуждается вопрос о движении на Индию. Командующий произносит: «Поход возможен. Я как раз хотел добавить, чтобы вы производили формирование и снабжение применительно к этому плану. Антанта не снимет блокады и не прекратит вмешательства, пока не раздавит революцию. Нам нужно, не дожидаясь, бить самим...»[12].

В самом начале 30-х годов А. Малышкин, вспоминая 1919—1920 гг., писал: «Красная Армия только что ворвалась в Туркестан. Мы с Анатолием (А. [illegible]) [illegible] Туркестанской стрелковой дивизии — В. С. [illegible] Самарканде и в Индию. Составлялась [illegible] армия прошла через ущелья [illegible] Полчища генерала [illegible] Англию заразившись [illegible] Англии пал голодный бо[illegible]кады [illegible] вокруг Москвы [illegible] в самом уязвимом месте это удушающее кольцо...» (см.: «Пережитое»).

В [illegible] переместился на Средний Восток [illegible] рабочих была переброшена [illegible] Туркестан и А. Малышкин [illegible] 1919 года он говорит об [illegible] в нашей стране, где всегда можно [illegible] просит прислать белый костюм и «если можно — хины»[13].

В контексте [illegible] событий, имеющий характерных для армии, которая [illegible] штабных разговоров планы освобождения Индии от колониального господства с помощью Красной Армии выглядели социально назревшими и в военном отношении осуществимыми.

Между тем работа над монографией об Ферганской Бугульминской операции шла своим чередом. 22 ноября 1919 года А. Малышкин сообщает жене: «Что касается моей работы, то первая часть ее была отпечатана на машинке и представлена «по начальству». Результаты

---

[11] ЦГАЛИ, ф. 1258, оп. 1, д. 4, л. 51—52.
[12] Литературное наследство, т. 93, с. 168.
[13] Там же, с. 171.
ЦГАЛИ, ф. 1258, оп. 1, д. 4, л. 48.

самые лестные. Отделение получило благодарность, на работе наложена резолюция — «Обстоятельная и серьезная работа». В смысле здоровья она мне действительно стоила немало. (...) Когда закончу и остальную половину, нарисую схемы и планы,— тогда подам рапорт об отпечатании ее в нашей типографии. Говорят, что это осуществимо, если к тому времени бумажный кризис не превратится в полное безбумажье»[14].

Время идет — штаб Южной группы войск Восточного фронта расформировывается. Однако А. Малышкин по-прежнему в Самаре, по-прежнему на штабной работе, получает повышение по службе. 26 июня 1920 года в его письме к жене говорится о том, что он теперь начальник информационно-исторического отделения штаба Заволжского военного округа: «Оклад — 1800 руб. (по должности — командир полка)»[15]. Работа над монографией об Уфимско-Бугульминской операции подходит к концу[16].

Подходит к концу и пребывание А. Малышкина в Самаре: 6 сентября 1920 года он в качестве начальника информационно-исторического отделения оперативного управления штаба 6-й армии отправляется на юг[17]. Там он участвует в штурме Перекопа и пишет еще одну военно-историческую работу «Описание боевых действий 6-й армии по овладению Крымом»[18]. После окончания гражданской войны демобилизуется, но связь с вооруженными силами не прерывает — работает в газете Народного комиссариата по военным и морским делам «Красная звезда».

Двадцатые – тридцатые годы — время активной творческой работы А. Малышкина. Выходят широко известные его повести «Падение Даира» и «Вокзалы», романы «Севастополь» и «Люди из захолустья». Память о пребывании писателя в составе войск Южной группы Восточного фронта отчетливо заявляет о себе в черновых набросках тех произведений, герои которых действуют на западных окраинах нашей страны, в Петрограде, на юге и недалеко от Воронежа, под Новохоперском.

В черновых записях к повести «Вокзалы» (1923) читаем: «А ребята были у Чапаева — чапаевцы: знали Василия Иваны[ча] ни пуля, ни шашка не берет»[19]. Толька, персонаж «Вокзалов», участвует в боях против Колчака под Бузулуком. Подготовительные записи к роману «Севастополь» позволяют видеть, что А. Малышкин обдумывал продолже-

---

[14] Литературное наследство, т. 93, с. 162 (цит. по ст. Л. М. Вольпе).

[15] ЦГАЛИ, ф. 1258, оп. 1, д. 4, л. 23.

[16] На титульном листе машинописи этой работы читаем: «Составил А. Малышкин в 1920 г.» (Рукописный отдел ИМЛИ, ф. 44, оп. 1, д. 120).

[17] См.: ЦГАЛИ, ф. 1258, оп. 1, д. 4, л. 26.

[18] См.: Крамов И. Александр Малышкин. Очерк творчества. М., 1961, с. 41.

[19] Рукописный отдел ИМЛИ, ф. 44, оп. 1, д. 19, л. 4.

ние романа на самарском материале. Главный герой этой книги, Шелехов, должен был оказаться в штабе армии, громящей Колчака: «Передовые отряды Красной Армии соединились с Туркестаном. Фронт, боровшийся против Колчака на южном участке, нацелен теперь на Среднюю Азию. (...) Огромная фронтовая гостиница-общежитие «Красная Армия». Раньше - - международный отель на мировой дороге из Европы в Среднюю Азию, Персию. Сверху донизу населен работниками штаба фронта и их семьями... (...) Шелехов — один из адъютантов командующего фронтом»[20]. Как видим, и здесь самарские впечатления дают о себе знать.

Между тем вряд ли имело бы смысл подробно говорить о самарских впечатлениях писателя, сводись дело только к тем или иным воспоминаниям эмпирического ряда. 11 сентября 1919 года А. Малышкин сообщает жене: «Работой очень увлекаюсь (. .) Сижу кропотливо над картами, роюсь в архивах. Много, много интересного, действительно ценного «исторически» — в будущем!..»[21].

Цены на парфюмерию и театральные впечатления, бытовая обстановка гостиницы-общежития «Красная Армия» и штабные разговоры, работа над документами совсем недавнего времени, становящимися архивным достоянием, и чтение лекций в одном из культурно-просветительных клубов по ведомству Самарского отдела народного образования - все это сливалось в единонаправленном движении, пронизывалось живым дыханием истории. Оно ощущалось в большом и в малом. Панорама переходного времени открывалась писателю из штабных помещений, в обстановке тылового быта, обеспечивая драгоценным материалом на сегодня, на завтра и впрок...

Все эти впечатления наслаивались на острое ощущение расщепленности российской действительности переходного времени. С одной стороны — обстановка высокой штабной культуры, гостиница общежитие «Красная Армия», бывший «международный отель на мировой дороге из Европы в Среднюю Азию, Персию», номер в этом отеле « комната ужасно изящна со своими тяжелыми бархатными портьерами и стильной мебелью. .»[22]. С другой стороны, память о «малой родине», о родных и близких, живущих в Пензенской губернии, мечты о возвращении в Саранск на должность преподавателя литературы в средней школе, ощущение кровного родства с уездной «глубинкой»: «Я бы согласился и сейчас опять, как прошлой осенью, перенестись и это «захолустье»... (письмо к жене от 17 августа 1919 года)[23].

Таким образом, еще в годы гражданской войны отчетливо напоминает о себе тот мотив, который станет одним из ведущих в романе

[20] Рукописный отдел ИМЛИ, ф. 44, оп. 1, д. 19, л. 4
[21] Рукописный отдел ИМЛИ, ф. 44, оп. 1, № 41, л. 1
[21] ЦГАЛИ, ф. 1258, оп. 1, д. 4, л. 39
[22] Там же, л. 40
[23] Там же, л. 31

«Люди из захолустья». Жизнь уездно-деревенская и жизнь городская. Как они встречаются? Как соотносятся? Найдут ли общий язык? На эти вопросы отвечает книга А. Малышкина (ей суждено было стать последней: писатель умер в 1938 году). Промышленный Красногорск и сельский Мшанск — это крайние пространственные точки, внешне обозначенные, фабульно мотивированные пределы романного действия. Показательно, однако, то, что и в Красногорске, и в Мшанске, и в столичной Москве, в каждом из сюжетных центров романа есть свое «захолустье», есть и силы, его отрицающие.

Роман начинается часто цитируемой фразой: «Прости, прощай, Мшанск!». Ее цитируют не зря. Она и в самом деле емкая, многозначительная: уезжают из Мшанска Иван Журкин и Петр Соустин, еще раньше покинул Мшанск брат Петра московский журналист Николай Соустин; из близкого к мшанским местам Лунинского района едет на стройку Тишка. Исконное захолустье оставляют за спиной главные герои романа. Как нечто безнадежно вымороченное предстает Мшанск в восприятии близкого к автору повествователя. Свадьба здесь — «гошное веселье». От метельных порывов ветра телеграфные столбы «... ныли по-нищему...», и «...погибали в метелице окраинные бани и ветлы».

Как и в «Падении Даира», в «Вокзалах», в «Севастополе», опять ветра, перроны железнодорожных станций, новая полоса социальных катаклизмов. Опять блоковский «ветер, ветер на всем божьем свете». Блоковская метафора — ветер истории — присутствует в романе А. Малышкина на правах замаскированной цитаты. Ветер заносит мшанское «захолустье». Он же гонит главных героев через завихренную снежную муть туда, где мерещится «...большое, ужасающее человеческое скопище, все в огнях». Это, конечно, всего лишь ближайшая к Мшанску станция. Но — не только она, а и все государство, охваченное стремлением рывком преодолеть вековую отсталость. Рядом с метафорическим образом ветра встает метонимический образ залитой светом железнодорожной станции: по отдельной части мы воссоздаем целое.

В сюжетно-композиционном движении романа оба эти образа получают поддержку и развитие. «Вся Россия с корнями пошла», — замечает в общем вагонном разговоре Петр Соустин. Мшанский корень — это, конечно, тоже метонимия, получающая движение на уровнях как фабулы, так и сюжета. За судьбами Журкиных и Соустиных угадывается вся уездная Россия. При этом развертывании в фабульно-сюжетных отношениях метонимический образ получает откровенно «приватное» романное воплощение. Если в «Падении Даира» отдельные персонажи выступают как полномочные представители «множеств» и этим они в первую очередь интересны и значительны, то в «Людях из захолустья» положение совершенно иное. Конечно, в романе есть массовые сцены, им уделено немалое внимание художника. Однако главный акцент бога А. Малышкина в том, чтобы показать, как история прорастает

через человеческие души, заявляя о себе в сугубо личных, по-романному «частных» интересах.

В первой половине 30-х годов в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» А. Малышкин говорил о том, что он хотел бы показать «...переделку мировоззрения бывших городских кустарей (саложников, стекольщиков и т. д.) и сезонников, которые, придя на ваши новостройки, становятся сознательными индустриальными рабочими»: «Меня интересовала главным образом психология бывших «уездных людей» (герои Глеба Успенского), у которых на производстве, у станка исчезает мелкособственнический и шкурный подход к работе»[21]. Все это, конечно, есть в романе: судьбы Тишки и Ивана Журкина — наглядное тому подтверждение. Об этом много писали, и вряд ли есть смысл говорить об этом в подробностях. Важнее сосредоточиться на другом

Для писателя существенно, что и Тишка и Иван Журкин в процессе движения сюжета постепенно преодолевают ощущение своей малости. Характерный эпизод. Журкин и Тишка, возвращаясь с работы, не забывают поглядеть, как идет строительство плотины, видят ее «бетонные бычки»: «Внизу постояли, под слоновыми ногами чудища. «Как мурашки народ-то,— сказал Журкин, подавленный собственной и Тишкиной малостью,— а смотри, чего нагрохали!» Оба персонажа здесь схвачены в момент восхождения В романе их ждет, к ним приходит время, когда они ощутят свою внутреннюю самостоятельность, свою личностную романную «самость» и вместе с тем свою органическую близость к тем, которые с одной стороны, «как мурашки», а с другой стороны, способны содеять великое.

Тишке, командированному по инициативе партийца Подопригоры на шоферские курсы, снится сон, «тихий и чистый»: «Может быть, чуялась ему та же земля, лежавшая тут, за бараками, исхоженная его ногами, обмыкания всякими волнениями, но чуялась она во сне молодой и предпраздничной, какой и была на самом деле, ведь что бы пока ни случалось, а все же ему, Тишке, принадлежала она. » В сущности, сказанное о Тишке легко применяется к Ивану Журкину, который тоже идет к своему празднику — к тому, чтобы ощутить свою личную ответственность за общее дело, свою личную хозяйскую причастность ко всему происходящему, ближнему и дальнему Показательно, что Журкин снимает с себя зарок – растягивает свою гармонь лишь после того, как он и Тишка делом доказали свою причастность к общему, свое органическое внутри этого общего существование Здесь-то и кончается — к романному финалу — долго преследовавшая обоих «придавленность собственной... малостью».

Тот метельный вихрь, который на первых страницах романа, как

---

[21] Цит. по примечаниям Л Вольпе в кн: Малышкин А. Соч В 2-х т. М., 1965, т. 2, с 487

мы помним, глушил все живое, леденил, вызывал у Ивана Журкина тревогу, теперь дует в паруса Ивана Журкина. Ветер истории вырвал Журкина из тепла мшанской ницеты. Метафорический образ ветра, заданный, как уже сказано, на первых страницах романа, получает продолжение в сюжетах героев и в сюжете повествователя. В Красногорске ждут весенних ветров — кто с опаской, а кто и со злорадством: говорят о том, что со стремительными весенними ветрами неминуемо придут пожары — незадолго до революции огонь уничтожил здесь начавшееся было строительство. Разговоры о неминуемости красногорских пожаров перекликаются с воспоминаниями Ивана Журкина о сызранском пожаре, уничтожившем в начале столетия город и разрушившем мечты старшего Журкина и тогда еще молодого Ивана о спокойном, исполненном самоуважения и уверенности в завтрашнем дне существовании.

Память, мечта о «городе-заре» Сызрани возрождается, как феникс, для Ивана Журкина, когда он, столяр-краснодеревщик, создает добровольную пожарную дружину на предприятии, чтобы противостоять слепой случайности или злой воле, чтобы стать хозяином добытого, творцом судьбы личной и общей. Ветру разрушающей стихии противостоит разумное созидательное начало Ивана Журкина и таких, как Журкин,— всех тех, кто осознает себя хозяевами земли, созидателями жизни и, значит, творцами истории.

Рисуя процессы массового сознания на рубеже 20—30-х годов, писатель рассматривает эти процессы в борьбе противоречий. Творческой активности Ивана Журкина, его ощущению личной причастности к великим свершениям времени противостоит готовность его двоюродного брата Петра Соустина, вчерашнего мелкого лавочника, почувствовать себя «винтиком» и быть таковым. Показательно, что те самые сооружения, которые пробуждают у Ивана Журкина чувство гордости за так называемых простых людей («Как мурашки народ-то... а смотри чего нагрохали!»), вызывают у Петра противоположные чувства. Если для Журкина «слоновые ноги чудища» свидетельствуют прежде всего о разумной воле коллективного созидания, коллективной мудрости, то для Петра Соустина «бегонные бычки плотины ступали вперед, как ноги, согнутые для шага»: «...могли надстроить над этими ногами и чудовищного, неодушевленно чугунного человека, в высоту надстроить так, что взглянуть на него и затрястись. Все-таки Петр в душе был мшанский, уездный».

И он не одинок. Рядом с ним оказывается его сестра Настя, которая «...к большим должностям относилась с завистливым почтением, а слово «комиссар» произносила с благоговейным шепотом». Да и их брат, московский журналист, участник гражданской войны Николай Соустин, нет-нет да и ощутит в себе «...унаследованное от Мшанска дедовское, мужицкое низкопоклонство...»

А Малышкину враждебно это низкопоклонство, и начальная го-

товность к подчинению людей, воспитанных мшанским (и не только мшанским!) «захолустьем». Соответственно не приемлет он и дух голого командования. Сочувствуя несчастной судьбе мшанского активиста-бедняка Кузьмы Федоровича, он вместе с тем не соглашается с его словами, обращенными столько же к Насте, сколько и к Николаю Соустину: «И я должен вам говорить, а вы должны слушать». Это писательское несогласие реализуется в системе связей между характерами и обстоятельствами, в том числе и в непрямом, но вместе с тем достаточно определенном соотнесении и противопоставлении двух принципов руководства, олицетворенных в образах Зыбина, с одной стороны, и Подопригоры, с другой. Зыбин резонерствует, поучает, тогда как Подопригора — весь в делах и заботах красногорской стройки. Справедливо замечено, что «...Зыбин только клянется правдой, а пытается упрятать ее подальше от глаз», между тем как для Подопригоры характерна «...цельность, исключающая какое бы то ни было различие между словом и делом,— одна из самых привлекательных черт характера, воспитанного революцией и гражданской войной»: «Рождение новой человечности, озабоченной судьбами миллионов Журкиных и Тишек, невозможно без таких людей, как Подопригора. Это нужные люди на нужном месте. Они попадают в жилу общественной потребности. Время с горячими упованиями смотрит на них»[25].

Писатель успел создать лишь первую книгу романа. От второй остались лишь первоначальные заготовки, наброски. Нет нужды гадать о том, как сложились бы судьбы героев во второй книге. Важно, что они сложились и определились в первой по законам романного сюжета, развертывающего судьбы «приватных» героев в незавершенное — открытое — будущее.

Перед нами — сложившийся романный мир. Герои в нем, с одной стороны, захвачены, как мы уже видели, «хозяйствующей в одно направленной силой». С другой стороны (и в этом — отличие от «Падения Дайра» и «Вокзалов»), каждый из персонажей ищет свою, единственную в мире, только ему принадлежавшую дорогу, и большинство из них стремится преодолеть свое «захолустье» — материальное и духовное. Судьба истории и приватные судьбы предстают в диалектической взаимосвязи и взаимосоотнесенности.

Николай Соустин, приехав в родной Мшанск с редакционным заданием из Москвы, читает в местной библиотеке памятку, где отмечены важнейшие, по мнению составителей, даты истории города. Перечень открывается временем создания русского поселения на месте древнемордонского, включая в себя сообщения о приходе разинцев и пугачевцев, отмечает год ногайского набега, а завершается 7 ноября

---

[25] К р а м о в И. Александр Малышкин. Очерк творчества. М., 1965, с. 200, 203, 204.

1928 года — в этот день «над Мшанском пролетел первый аэроплан». В финале над Красногорском тоже пролетает самолет. Повторяющаяся деталь символична: время движется вперед, и мир неотвратно меняется.

Но в этом исторически подвижном мире заявляет о себе некая прочность неотменяемых основ человеческого бытия — утверждается диалектика подвижности и устойчивости. Метонимическим выражением этой устойчивости вновь выступает повторяющаяся эпическая деталь. Покидая Мшанск, Журкин видит: «...какая-то дура-баба в необъятном тулупе стала перевертывать около Журкина, на холоду, на буфете ребенка...» На ту же станцию приезжает Николай Соустин, и опять какая-то «баба стояла, мотала в руках ребенка, баюкая». Один уехал, другой приехал, а станционная дверь все так же дребезжит плохо закрепленным стеклом, и словно бы все та же баба на том же месте возится все с тем же ребенком. Повторяющаяся деталь становится символическим воплощением природной прочности жизни, ее глубинных первооснов.

И еще одна символическая деталь. На той же железнодорожной станции Иван Журкин и Николай Соустин замечают один и тот же рекламный плакат. Журкин видит на этом плакате «...красивую, веселого вида пассажирку, которая облокотилась на автомобиль, в играющей по ветру вуалетке», за спиной пассажирки «белые дворцы», «синее, как жар-птица, море». Николай Соустин видит «крымский берег», красивую даму, и ее вуалетка развевается «...над пальмами, над дворцами, над морем павлиньего цвета...»

Рекламное курортное видéние, прилепившееся к стене провинциального вокзала, связано с глубоко затаенными мучительными переживаниями обоих. Для Николая — это память о теплом море, о юге, где началась его любовь с Ольгой Зыбиной; но это еще и параллельная память о том, как он с женой Катей и друзьями «...все вместе мечтали вслух, как они подкопят денег к лету и закатятся на юг, будут валяться голышом на море, которое видали только на открытках». Для Журкина здесь свой отсчет. Незадолго до финала влюбленный Журкин вместе с кастеляншей Полей в блаженной полутьме кинозала смотрит фильм, и в нем — знакомые подробности: море, волны, «...среди незнакомых деревьев, в ветер сбегала стриженая стройная девушка, за нею далеко вился шарф». Для простодушной Поли тут все ясно. Она повторяет слова Подопригоры: «...когда стройку кончим, обязательно всех нас на курорт пошлют». Эта мечта сродни надеждам Кати и друзей Николая Соустина: оказаться у моря, «которое видали только на открытках», или, как Поля, в кино.

Между тем А. Малышкин не склонен к парадной остановленности эпического действия в финале. Да, Иван Журкин снял с себя зарок — именно в конце книги он растягивает меха своей заветной гармони

И он, и Тишка успели определиться социально, однако мало что решено в их по-романному приватных судьбах. Читатель прощается с главными действующими лицами, когда душа Журкина разрывается между женой Полей, оставшейся с детьми в Мшанске, и кастелянцей Полей, когда Николая Соустина терзает метания между благодарной любовью к жене Кате и мучительной страстью к Ольге, которая к тому же замужем [illegible] неустроенным бескорыстным [illegible] двоих сыновей, [illegible] Петр Соустин ходит и ходит кругами [illegible] пока что неприступной для него Дуси.

Писатель, как видим, ставит точку на том, что главным героям романа не [illegible] шенность таит в себе возможности продолжающейся жизни, и «Люди из захолустья» не исключение. Последнее слово здесь и сказано и не сказано, ибо люди здесь — в ожидании, и все — впереди.

Правда, современный читатель наверняка заметит, что А. М[illegible]кин подчас торопит романное время [illegible] романн[illegible] [illegible]тает их психологической «самостью», частной жизнью души. Наиболее заметна эта слабость [illegible] настоящей судьбы»,— говорит она Николаю. А «настоящая судьба» — это место в общем строю. «Самое мучительное для меня, Коля, это неслитность»,— это Ольгино самопризнание с полным основанием можно отнести и к ее соб[illegible]

Дело, однако, в том, что выход обоих к преодолению своей неслитности объяснен скорее публицистически, нежели художественно. «О[illegible] притягивал мысли,— может быть, потому что он сейчас торжествовал, потому что он как тема главенствовал в ежедневных разговорах, в газетных телеграммах, в статьях, в научных и художественных книгах, потому что все, что делалось им, повелевало и этими улицами, и городами, и государственной политикой, и даже искусством»; «Да, он верил в [illegible] чия, темноты...» Перед нами, по сути дела, выполненный публицистическими [illegible] так и оставшихся ненаписанными. Разумеется, писатель стремится заполнить пустоты, и тогда возникают эпизоды, в которых показано, как Ольга поступает на курсы трактористов, а Николай едет по заданию редакции в Мшанск.

Журналистская командировка Николая и тракторные курсы Ольги должны оказаться в одном ряду с тракторными курсами в Мшанске и с шоферскими курсами в Красногорске, где обучается Тишка, с тем чтобы стать эпически наглядным воплощением «в одно направленной силы». Но эта сюжетная наглядность оборачивается схематизмом, тенденциозным подталкиванием героев к тому, чтобы они поскорее преодолели свою неслитность вопреки логике романного мышления, логике конфликтов в реальной жизни и в литературе. И положение здесь не меняют ни сцена, в которой Ольга делает попытку самоубийства, ни мшанский эпизод, в котором представители местной власти устанавливают, что Николай - родной брат пайно уехавшего Петра Соустина Схематизм здесь так и остается непреодоленным.

Словом, недостатки романа «Люди из захолустья» читателю 80-х годов очевидны. Но не менее очевидны и бесспорные достоинства книги. Главное — писателю удалось показать историческую противоречивость социального бытия, опрокинутого в отдельные человеческие судьбы. Сложность переходного времени предстает прежде всего как сложность ищущей свою дорогу человеческой души. Это и есть объединяющая человека и историю «высокая болезнь» перемен, о которой Б. Пастернак в 20-е годы писал:

Гощу.— Гостит во всех мирах
Высокая болезнь.
Всю жизнь я быть хотел, как все,
Но век в своей красе
Сильнее моего нытья
И хочет быть, как я.

Сложность человека у Малышкина по-своему равновелика сложности исторического процесса Незавершенность индивидуальных судеб столько же определяется открытостью романной композиции, сколько и художественным соответствием судеб героев переломному времени, на путях-перепутьях которого оказались герои романа «Люди из захолустья».

В. Скобелев

РАЗЛУКА

Прости, прощай, Мшанск!

Мимо всегдашней росстани, мимо старинного кирпичного флигеля (где за железными створнями зарезали когда-то бакалейщика с большими деньгами) сани свернули в гумна, в сугробную ночь. Во флигеле жгли поздний огонь,— наверно, играли свадьбу; прохожий народ валился к окнам, глазел на тощее веселье. На задах, по берегу Мши, погибали в метелице окраинные бани и ветлы.

В розвальнях сидели двое. У крайнего омета оторвался от темноты еще один человек, выбрел им навстречу. Был он сгорблен от котомки за спиной, опасливо озирался.

— Петяша? - негромко и уважительно окликнул извозчик.— Это мы, мы... Садись, замерз ждамши-то!..

Седок с готовностью подался в санях, подвигая для нового ворох соломы погуще, крякнул:

— Эх, Петра, по правилам бы винца сейчас по хорошему стакану да на гармонье расстанную... — Но осекся: человек, завалившись в сани, тотчас схватил себя обеими руками за малахай и задергался непереносно, навзрыд. И седок не выдержал, тоже длинно вздохнул.

— Это в самделе тоже каково? Из собственного из своего угла, да еще почком, потихоньку, чисто ты вор какой!..

И с яростью огрел лошадь по хребту.

Скоком прошли мимо заколоченных магазеев, выбросились за порубежный овражек, в котором с восемнадцатого года закопаны расстрелянные за контрреволюцию — два офицера и четыре торговца. От овражка начинался тракт — на полустанок и дальше, на Пензу, обступали снеговые пади, обступала волчья глубь, дорожное забытье. Искорчато-сине сверкала метелица, и сразу начало мерещиться за ней большое человечье скопище, все в огнях. Налетала дикая сила ветра, шумя в ушах, на обочинах пыли по-нищему телеграфные столбы. Эх, бывало, и гикнет же тут ямщик!.. Стало пробирать холодом, гребовалось завалиться спиной к ветру. Петр, просморкавшись, немножко оживел, полез в нутряной карман за махоркой.

— Ну, ничего... — сказал, будто посулил кому.

Содержание

СТЕЙГА М. [illegible]
Перевод с латышского [illegible] . . 5

ЦИРУЛИС Г. «[illegible]
Перевод с латышского В. Ми[illegible] . . 1[illegible]

КОЛБЕРГС А. Ничего не случилось . .
Перевод с латышского С. Суворовой . 31[illegible]

I

В этот поздний час пассажиров в электричке было мало. Сезон кончился, ездили теперь только местные — и, пожалуй, еще те, кого звали совсем уж неотложные дела.

Сидя у окна, Ольга [illegible] пыталась вязать, тщательно подсчитывая [illegible] сложного узора; так она надеялась унять волнение. [illegible] петли путались, узор нарушался. В [illegible] вязанье и подняла глаза.

Сидевшая [illegible] женщина читала, хотя при тусклом свете [illegible] невозможным. Ольга следила за [illegible] испытывающих страницы. Хотелось [illegible] ему, может быть, даже попросить [illegible] неудобным беспокоить чужого человека.

Отвернувшись, [illegible] в окно. Там была ночь; [illegible] и бессильно стекали, [illegible] из всех щелей. По телу [illegible] ехать? Сойти на первой [illegible] Ригу? И в самом деле, зачем она едет

Она [illegible] Ради Ромуальда она готова [illegible] Пиекрастес, но хоть на край света . . . Интересно, [illegible] сейчас? Занимается, наверное, [illegible] Милая девушка, но слишком уж легкомысленна. Отвлекает его от учебы . . .

Скоро Пиекрастес. С ним связаны и другие воспоминания: печально улыбавшееся лицо в окне вагона. Последняя встреча . . .

— Не грустите, [illegible] она.— Мужчины того не стоят. — На Ольгу глядели понимающие, темные глаза.— Кажется, мы знакомы?

Где-то Ольга уже встречала эту женщину. Да, много лет назад. Четвертая палата. Эта лежала у стены. Тогда она была совсем молоденькой . . . Нить мыслей оборвалась.

Г. ЦИРУЛИС

„Магнолия" в весеннюю метель

Ироническая детективная повесть

ДЕБЮТ

Дом дышал множеством распахнутых окон. Утро было солнечным, и столбики термометров изрядно вытянулись в длину. Избалованные обитатели верхних этажей наконец-то обрели возможность безбоязненно выпустить из комнат столь необходимое для хорошего самочувствия тепло, до сей поры оберегавшееся ими как символ их привилегий. Отдыхающие, что располагались поближе к земле, получили возможность надеяться, что сол[illegible]ный свет принесет им ощущение уюта. И лишь обитатели [illegible]еднего звена вели себя как обычно — проветривали к[illegible] заменяя застоявшийся за ночь воздух другим, [illegible]ным дыханием моря и сосновым озоном.

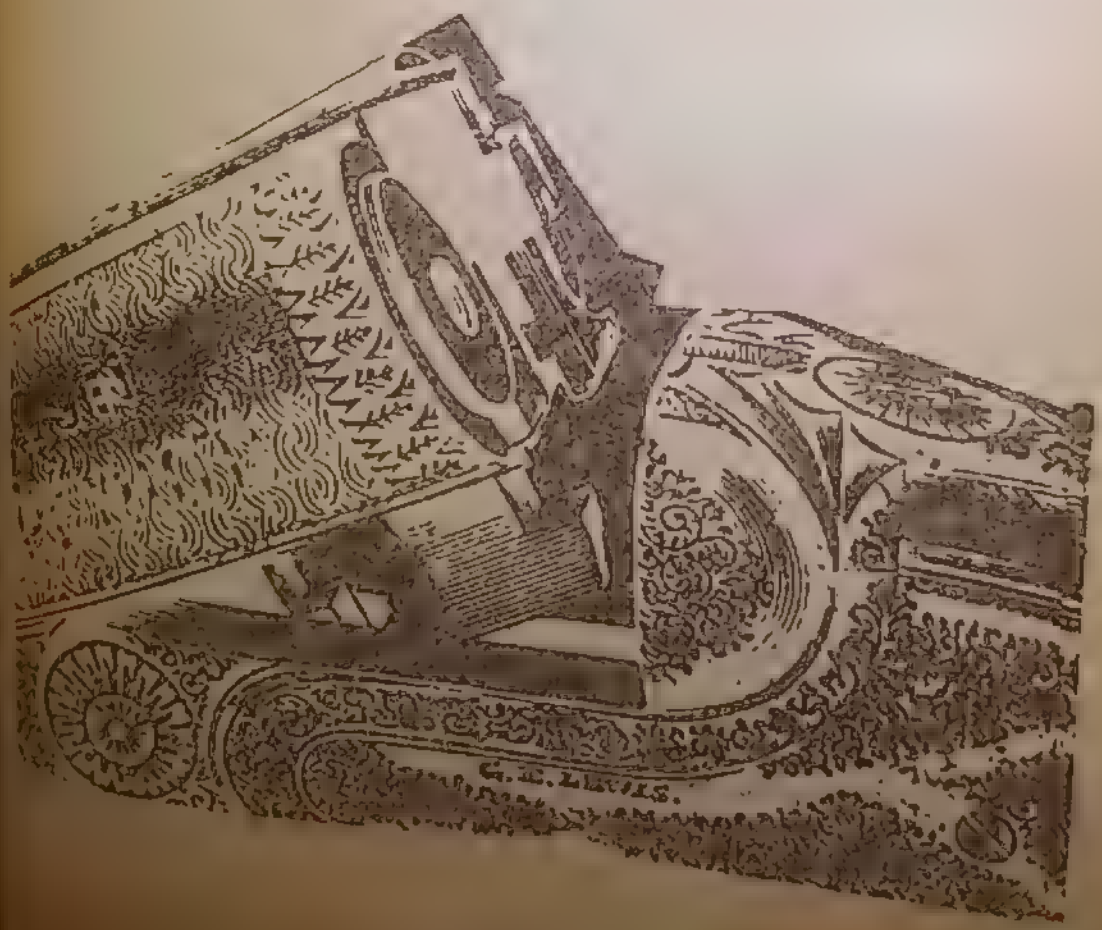
Весна подоспела как раз к первому [illegible]я, и никто не думал о том, что [illegible] обманчивым. В дни отпуска веришь в свою удачу, а не в календарь.

«Магнолия» [illegible] щихся дверей, так что [illegible] летними лагерями труда и отдыха для школьников, носившими обычно название «Лотос», можно [illegible] что сюда, в курземский рыбачий поселок, [illegible] приехали не только ради отдыха, но и для [illegible] работы. Все прочее даже в этот солнечный день оставалось окутанным мглой. Высеченный на камне маленькими буквами пояснительный текст, к сожалению, никакой ясности не вносил, так что работающие здесь местные женщины называли свое место работы попросту «инкубатором». И это было близко к истине. Инкубатор идей, открытий, свершений — какими только аргументами не пользовались авторы проекта, чтобы выжать из Всесоюзной Академии наук средства для строительства двенадцатиэтажного дома. И вовсе не случайно они избрали местом строительства отнюдь не Юрмалу, но отдаленный Приежциеме, где захудалой лавчонки и той не было, не говоря уже о кафе или столовой . . . Но возможности дальше от искушений, которые могли бы

а. колбергс

ничего не случилось...

Роман



Автор не пользовался какой-нибудь конкретной историей болезни, поэтому всякие совпадения следует считать случайными

Позже, на следствии, шофер такси сказал:

— Она и одета была точно так же!

Вряд ли необходимо упоминать имя и фамилию шофера, ибо имен и фамилий в этой истории будет немало. В описываемых событиях, по правде сказать, особой роли этот коренастый пятидесятилетний мужчина, полный надменного самодовольства, не сыграл. «У меня квартира — первый сорт! Зарабатываю я классно! Мой сын заканчивает техникум — он самый умный на своем курсе! В Саулкрасти я сбацал колоссальную дачу, можете приехать посмотреть — такой ни у кого нет!»

Сидел он напротив следователя развалившись, уверенный в том, что совершил трудное и важное дело. Достойное если уж не медали, то во всяком случае большой похвалы.

— Я ехал по вызову . . . машину заказали по телефону . . . Восемнадцать «б» . . . Кручу головой как турист недотепа — не разобрать, где дом — то ли во дворе, то ли нет . . . Там на углу растет дерево, из-за него номер как следует не виден . . . И вдруг . . . Как гром средь ясного неба! Я сразу сообразил: что-то не так! Наверху закричала женщина. Потом послышались другие взволнованные голоса . . . Тут открывается дверь парадного и выходит о н а . . . И идет себе преспокойненько по улице . . . Одета точно так же, как т о г д а . . .

— Что значит — тогда?

— Ну тогда . . . Год, может, полтора назад . . . Была или очень ранняя весна или очень поздняя осень . . . Да, и одета она была точно так же и спокойненько себе идет . . . Вдруг заметила, что у нее с пальца правой руки капает кровь — смотрю, палец в рот сунула. Тут я опомнился и так гаркнул, что сзади только черные полосы от шин остались! На мое счастье, шли эти два милиционера! . . Я их в машину и быстренько запихнулся! . .

[illegible] посылкой он уже входил ко мне. Четыре военных [illegible] не изменили его.

— А вчера сижу дома, читаю, радио включено, но [illegible] и не слушаю, что там передают. Вдруг подымает [illegible] мама, показывает на приемник и говорит: «Послушай, сынок, это же про тебя». Прислушался — верно, про меня: передают о том, что со мной было. Я удивился: кто это мог написать? Ведь я вроде никому не рассказывал об этом. И вдруг вспомнилась наша встреча под Орлом и как я вам в землянке всю ночь не давал спать своими рассказами... Думаю: как же так, это же было давно, почти пять лет назад. Но зачитали отрывок, назвали автора, и вот решил я вас разыскать...

Все это он пояснил залпом, улыбаясь своей широкой, чуть-чуть застенчивой, прежней маресьевской улыбкой.

Как всегда бывает при встрече двух давно не видевших друг друга военных, заговорили о боях, об общих знакомых офицерах, добрым словом помянули тех, кто не дожил до победы. О себе Алексей Петрович рассказывал по-прежнему неохотно, и выяснил я, что он еще много и удачно повоевал. Вместе со своим гвардейским полком прошел он боевую кампанию 1943—1945 годов. После нашей встречи он сбил под Орлом три самолета, а потом, участвуя в сражениях за Прибалтику, увеличил свой боевой счет еще на две машины. Словом, он щедро расквитался с немцами за свои утраченные в бою ноги. Правительство присвоило ему звание Героя Советского Союза.

Рассказал Алексей Петрович и о своих домашних делах, и я рад, и в этом отношении могу дописать к повести счастливый конец.

Закончив войну, он женился на любимой девушке, и у них родился сын Виктор. Из Камышина к Маресьевым приехала его старушка мать, которая сейчас живет с ними, радуясь на счастье своих детей и нянчая маленького Маресьева.

Так сама жизнь продолжила сейчас эту написанную мной на чужбине повесть об Алексее Маресьеве — Советском Человеке.

[illegible] — Москва. 1964 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Р В С . . . [illegible]

В [illegible] . . . [illegible]

Голубая [illegible] . . . [illegible]

Судьба барабанщика . . . [illegible]

Чук и Гек . . . [illegible]

Тимур и его команда . . . 3[illegible]

Комендант с [illegible] . . . [illegible]

Клятва Тимура . . . [illegible]

Т. Гайдар. Слово об отце . . . [illegible]

[illegible] / Сост. [illegible]

[illegible] яева.— М : [illegible]

[illegible]

[illegible] задании

Гараев — образ собирателя [illegible]

бачев из «Судьбы барабанщика» [illegible]

дарских книг.

84 Р 7

Г $\frac{4702010200-2198}{080(02)-90}$ 2198—90

Андрей ПЛАТОНОВ

Живя главной жизнью

Повести
Рассказы
Пьеса
Сказки
Автобиографическое

Москва
Издательство „Правда" 1989

В КРАСНОДАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Я родился в слободе Ямской, при самом Воронеже. Уже десять лет тому назад Ямская чуть отличалась от деревни. Деревню же я до слез любил, не видя ее до 12 лет. В Ямской были плетни, огороды, лопуховые пустыри, не дома, а хаты, куры, сапожники и много мужиков на Задонской большой дороге. Колокол «Чу[illegible]» церкви был всею музыкой слободы, его умилительно [illegible] в тихие летние вечера старухи, нищие и я. А по пр[illegible] мальски большим) устраивались свирепые [illegible] Чижевкой или Троицкой (тоже пригород[illegible] до смерти, до буйного экстаза, толь[illegible] духу!» Это значит, кому-нибудь дали под сердц[illegible] печ[illegible] трепетал, белый и умирающий, и вкруг [illegible], чтобы дать ход ветру и прохладе. И опять [illegible] жмокающее месиво мяса.

Потом наступило для меня время ученья — отдали меня в церковноприходскую школу. Была там учительница — Аполинария Николаевна, я ее никогда не забуду, потому что я через нее узнал, что есть пропетая сердцем сказка про Человека, родимого «всякому дыханию», траве и зверю, а не властвующего бога, чуждого буйной зеленой земле, отделенной от неба бесконечностью... Потом я учился в городском училище. Потом началась работа. Работал я во многих местах, у многих хозяев. У нас семья была одно время в 10 человек, а я старший сын — один работник, кроме отца. Отец же, слесарь, не мог кормить такую орду.

Я забыл сказать, что кроме поля, деревни, матери и колокольного звона я любил еще (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машину, ноющий гудок и потную работу. Я уже тогда понял, что все делается, а не само родится, и долго думал, что и детей-то где-то делают под большим гудком, а не мать из живота вынимает.

Между лопухом, побирушкой, полевою песней и электричеством, паровозом и гудком, содрогающим землю,— есть связь, родство, на тех и других одно родимое пятно. Какое — не знаю до сих пор, но знаю, жалостный пахарь завтра же сядет на пятиосный паровоз и будет так орудовать регулятором, таким хозяином стоять, что его не узнать. Рост травы и вихрь пара требуют равных механиков.

И теперь исполняется моя долгая упорная детская мечта — стать самому таким человеком, от мысли и руки которого волнуется и работает весь мир ради меня и ради всех людей, и из всех людей — я каждого знаю, с каждым спаяно мое сердце.

Теперь исполнится эта мечта. Человек каменный, еле зеленеющий мир превращает в чудо и свободу. Мир становится призраком, а человек постоянством и твердою ценностью...

ОТВЕТ НА КРИТИЧЕСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ГАЗЕТЫ «ТРУДОВАЯ АРМИЯ»

...Вы говорите о великой целомудренной красоте и ее чистых сынах, которые знают, видят и возносят ее.

Меня вы ставите в шайку ее хулителей и поносителей, людей недостойных и не [illegible] ее видеть, а потому я должен отойти от дома красоты — искусства, не лапать ее белые одежды. Не место мне, грязному, там.

Ладно. Я двадцать лет проходил по земле и не встретил того, о чем вы говорите,— Красоты.

Должно быть, по тому самому, что она живет вне земли, и ее видели немногие — лучшие и, конечно, не я.

Я думаю не так: это оттого я никогда не встретил Красоты, что ее отдельной, самой по себе — нет.

Она — имущество всех, и мое; Красота — все дни и все вещи, а не одна надземная и недоступная, гордая. Это оттого я не встретил и никогда не подумал о Красоте, что я к ней привык, как к матери, о которой я хорошо вспомню, когда она умрет, а сейчас я все забываю о ней, потому что стоит она всегда в душе моей.

Я живу, не думал, а вы, рассуждая, не живете,— и ничего не видите, даже Красоту, которая неразлучна и верна человеку, как сестра, как невеста.

Вы мало любите и мало видите.

Я человек. Я родился на прекрасной живой земле. О чем вы меня спрашиваете? О какой красоте? О ней спросить может дохлый: для живого нет безобразия.

Я знаю, что я один из самых ничтожных. Это вы верно заметили, но я знаю еще: чем ничтожней существо, тем оно больше радо жизни, потому что менее всех достойно ее. Самый маленький комарик — самая счастливая душа.

Этого вы не могли подметить. Вы люди законные и достойные, я человеком только хочу быть. Для вас быть человеком привычка, для меня редкость и праздник...

Я уверен, что приход пролетарского искусства будет безобразен. Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и все, что есть на земле, есть и на нас.

Но не бойтесь, мы очистимся; мы ненавидим свое убожество, мы упорно идем из грязи. В этом наш смысл. Из нашего уродства вырастет душа мира.

Вы видите только наши заблуждения, а не можете понять, что не блуждаем мы, а ищем.

Человек вышел из червя. Гений рождается из дурачка. Все было грязно и темно, и становится ясным.

Мы идем сильные, помогите нам, верхние,— в этом мой ответ.

Не казаться большим, а быть,— каким есть,— очень важная, никем не ценимая вещь.

Жить, а не мечтать, видеть, а не воображать — искусство не по силе людей, но зато и единственно истинное искусство.

«ЖИВЯ ГЛАВНОЙ ЖИЗНЬЮ...»

(А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках)

В течение нескольких последних лет ко мне часто обращаются люди — знакомые и незнакомые — со странной просьбой: покажите или опубликуйте письма вашего мужа к вам. Откуда они о них знают, почему их это интересует — нелегко ответить. Думаю, не из праздного любопытства и литературной моды. Вероятно, люди всегда тоскуют по большой, настоящей любви. Слишком легко и разменно проходит порой это высокое чувство, дающее силу жить, работать, переносить [illegible] великие трудности.

Одухотворенные [illegible] отношения не всегда выдерживают проверку [illegible] и житейскими обстоятельствами и тогда либо [illegible] разрушаются, либо ограничиваются благодушным и [illegible] [illegible]ющих.

А. Платонов даже в трудные для него времена никогда не замыкался в кругу [illegible] и не сосредоточивался на себе — он по натуре своей был глубоко неравнодушным и, в подлинном значении этого слова, общественным человеком. Однако, помимо неизменной социальной уверенности, его оптимизм, жизнестойкость и писательскую работоспособность питало, как он сам выразился, «ощущение счастья вблизи родного существа, ибо любовь есть соединение любимого человека со своими основными и искреннейшими идеями — осуществление через него (любимого, любимую) своего смысла жизни».

Писем ко мне А. Платонова сохранилось не очень много.

Я подготовила отдельные фрагменты из них, в которых, на мой взгляд, личное перестает быть только личным и может тронуть читателя глубиной мысли, чистотой и ясностью чувств.

Что же касается других материалов, публикуемых в подборке, — очерка, извлечений из записных книжек, официального документа, — о них в своем месте.

М. Платонова

I. ВОРОНЕЖ, 1922—1926 гг.

1922 г., осень

(В напоминание, в вечное сердечное чувство деревеньки Волошино, школы в ней и мельницы напротив)

Я шел по глубокому логу. Ночь, бесконечные пространства, далекие темные деревни и одни звезды над головой в мутной смертельной мгле. Нельзя поверить, что можно выйти отсюда, что есть города, музыка, что завтра будет полдень, а через полгода весна. В этот миг сердце полно любовью и жалостью, но некого тут любить. Все мертво и тихо, все далеко. Если вглядишься в [illegible], ужас войдет в душу, можно зарыдать от безнадежности и невыразимой муки — так далека, далека эта звезда. [illegible] о бесконечности — это легко, а тут я вижу, я [illegible] слышу ее молчание. Мне кажется, что я лечу, и [illegible] недостижимое дно колодца и стены пронзительно [illegible] от полета. От вздоха в таком просторе разрывается сердце, от взгляда в провал между звезд становишься бессмертным.

А кругом поле, овраги, волки и деревни. И все невыразимо, и можно вынести всю вечность с великой неизмеримой любовью в сердце...

Сердце навсегда может быть поражено покосившейся избенкой на краю деревни, и ты не забудешь, не разлюбишь ее никогда, каким бы ты мудрым и бессмертным ни стал, куда бы ни ушел!

Я и на Солнце и на Сатурне не забуду этого лога, этой ночи и смертной тишины...

Всякий человек имеет в мире невесту, и только потому он способен жить. У одного ее имя Мария, у другого приснившийся тайный образ во сне, у третьего весенний тоскующий ветер.

Я знал человека, который заглушал свою нестерпимую любовь хождением по земле и плачем.

Он любил невозможное и неизъяснимое, что всегда рвется в мир и не может никогда родиться...

Сейчас я вспоминаю о скучной новохоперской степи, эти воспоминания во мне связаны с тоской по матери — в тот год я в первый раз надолго покинул ее[3].

Июль 1919 года был жарок и тревожен. Я не чувствовал безопасности в маленьких домиках города Новохоперска, боялся уединения в своей комнате и сидел больше во дворе. В моей комнате висели иконы хозяина, стоял старый комод — ровесник учредителям города, а дверь в любой момент могла наглухо закрыть жилище большевика: через окно тоже не было спасения: под ним лежал ворох колючей проволоки.

Я жил и томился, потому что жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека, лишая юности. До революции я был мальчиком, а после нее уже некогда быть юношей, некогда расти, надо сразу нахмуриться и биться.. Недоучившись в технической школе, я спешно был посажен на паровоз помогать машинисту[4]. Фраза о том, что революция — паровоз истории, превратилась во мне в странное и хорошее чувство: вспоминая ее, я очень усердно работал на паровозе. Были во мне тогда и другие — такие же слова (из детского чтения):

В селе за рекою
Погух огонек...[5]

Эти стихи, Мари[illegible] объяснили мне уют, скромность и теплоту моей родины — и от них я больше любил уже любимое. Позже слова о революционном паровозе превратили для меня паровоз в ощущение революции.

Чтобы что-нибудь полюбить, я всегда должен сначала найти какой-то темный ход для сердца, к влекущему меня явлению, а мысль шла уже вслед.

...Иногда я ходил в клуб рабочей молодежи — комсомол в Новохоперске еще не образовался[6],— мне странно было читать в доме, из окон которого виднелась душная бедная степь призывы к завоеванию земного шара, к субботникам и изображения Красной Армии в полной славе. А кругом города, в траве и оврагах, ютились белые сотни, делая степь непроходимой и опасной. В городе стояли какие-то небольшие части красноармейцев, сутками спавших от больших переходов.

Я уже два раза писал в губернскую газету, которая командировала меня сюда, что в Новохоперске положение не важное[7]. Но редактор был одновременно комендантом уездного района, и от занятости он не отвечал мне. Он мог в напутствие цитировал на память Глеба Успенского, советуя хорошенько провариться на самом дне, на огневой линии пролетарской революции и помочь там неграмотным предлинным

...ом, которых губит не белая сила, а собственное невеже-
...

Конец военного и политического руководства этого чело-
...ка достигал Новохоперских дробных фронтов, и я увидел
...десь, что это руководство никуда не годно, оно ведет нас
к быстрому и сплошному поражению. Я вспомнил статьи ре-
...ктора и коменданта — о прелести зеленого губернского го-
...рода, куда он приехал из Москвы, об общественно-политиче-
...ской постановке воспитания в детских домах, о культуре за-
...ливающей буржуазии и философии Шпенглера. Подписыва-
...лись статьи надуманной, выдающейся фамилией: Сталемет-
...ный. Официальные и боевые приказы подписывались той же
...фамилией, с прибавлением первой буквы имени: Ф. Очевид-
...но это был псевдоним, но давний и присохший к своему изоб-
...ретателю...

Мне были ненавистны и странны такие претензии чело-
...века — на славу даже о своей фамилии.

Когда я прочел в конце боевого приказа, подписанного
...Ф. Сталеметным, фразу: Красные бойцы, вечные славные
...трупы с Пер-Лашез [illegible] смертельной мести общему вра-
...гу за свою гибель,— я [illegible], что Сталеметный не серьезный
...революционер, не пр[illegible]ший человек, а простой журна-
...лист, которому важен [illegible] ельный успех, а лишь бы
...его сочинения напеч[illegible]

Он не знал, что [illegible]ное не возбуждает мужества в тех
...пламенных, самозаб[illegible] людях, в которых революция ста-
...ла почти телесным чувс[illegible]ом. Красногвардейцам нужнее всего
...те времена были п[illegible]ны и штаны, а комендант укрепрай-
...она писал рецензии на [illegible]лмажницистские книжки... А красно-
...гвардейцы воевали просто: бились насмерть с казаками
...одним патроном в винтовке и двумя жилами в теле; один ху-
...тор — Мравые Лохани, казаки заняли прочно, и главный ху-
...тор был в семи верстах от города: хутор был окружен вязкими
...болотами и мочажинами,— тогда отряд учителя Нехворайко
...гнал своих лошадей в лапти, чтобы они не тонули на трясу-
...нах, и в одну ночь вышиб казаков в болото, где они все и оста-
...лись, потому что их лошади были босые...

Я понимал, что белых вышибить легко: казаки приехали
...в Россию, как в колонию,— награбить и поскорее уехать до-
...мой. Это хорошо знали и все крестьяне. От этого же в партиза-
...нах была крепкая уверенность в победе — они чувствовали во
...враге не мужественного противника, а случайного и трусливо-
...го вора...

Я люблю больше мудрость, чем философию, и больше
...знание, чем науку. Надо любить ту вселенную, которая может
...быть, а не ту, которая есть. Невозможное — невеста челове-
...

честна, и к невозможному летят наши души... Невозможное — граница нашего мира с другим. Все научные теории, атомы, ионы, электроны, гипотезы,— всякие законы — вовсе не реальные вещи, а отношения человеческого организма ко вселенной в момент познающей деятельности...

1923 г.

...В Ямской слободе, при самом Воронеже, где я родился, были плетни, огороды, лопуховые пустыри... Не дома, а хаты, сапожники и много, много мужиков на Задонской большой дороге.

Всею музыкой слободы был колокол «Чугунной» церкви; его умилительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я... И еще больше я любил (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машину... Я тогда уже понял, что все делается этими простыми людьми и что между лопухом, побирушкой, полевой песней и электричеством, паровозом и гудком, содрогающим землю, есть связь, родство... И я знаю, что жалостный пахарь завтра же сядет на пятиосный паровоз и так будет орудовать регулятором, что его не узнаешь...

Рост травы и вихрь пара требуют равных механиков... Теперь исполняется моя мечта — человек каменный, еле зеленеющий мир превращает в труд и свободу...

Копия

Н.К.З.
Воронеж. Губ. Зем. УПР.
Подотд. С. Х. Мелиорац.
Мая 11 дня 1926 г.
№ 2451 Л.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано предъявителю сего Платонову Андрею Платоновичу в том, что он состоял на службе в Воронежском Губземуправлении в должностях Губернского Мелиоратора (с 10 мая 1923 г. по 15 мая 1926 г.) и Заведывающего работами по электрификации с. х. (с 12 сентября 1923 г. по 15 мая 1926 г.)

За это время под его непосредственным административно-техническим руководством исполнены в Воронежской губернии следующие работы:

построено 763 пруда, из них 22% с каменными и деревянными водосливами и деревянными водоспусками;

построено 315 шахтных колодцев (бетонных, каменных и деревянных);
построено 16 трубчатых колодцев;
осушено 7600 десятин;
орошено (правильным орошением) 30 дес.;
исполнены дорожные работы (мосты, шоссе, дамбы, грунтовые дороги) — и построены 3 сельские электрические силовые установки.

Кроме того, под руководством А. П. Платонова спроектирован и начат постройкой плавучий понтонный экскаватор для механизации регулировочно-осушительных работ.

Тов. Платоновым с 1 августа 1924 г. по 1 апреля 1926 г. проведена кампания общественно-мелиоративных работ в строительной и организационной частях, с объемом работ на сумму около 2 миллионов руб. Под непосредственным же его руководством проведена организация 240 мелиоративных товариществ и организационная подготовка работ по мелиорации и сельскому огнестойкому строительству за счет Правительственных ассигнований и банковых ссуд на восстановление с. х. Воронежской губернии.

А. П. Платонов как общественник и организатор проявил себя с лучшей стороны.

Печать: Главное Управление Землеустройства и мелиорации г. Воронежа.

С подлинным верно: Секретарь Отдела Мелиорации

(Н. Бавыкин)[1]

По прошествии многих лет нам с Андреем Платоновичем стало ясно, что вызов его на работу в Москву, в наркомзем, был инспирирован самим Рязиным[2] с целью удалить с работы Платонова, лишить поддержки его планы и начинания, утвержденные комиссией ГОЭЛРО. Все было рассчитано на то, чтобы сорвать работы в Воронеже. Многие инженеры и профессора, работающие у Платонова или приезжающие для инспектирования его работ, были позднее замешаны в делах Промпартии. Но молодого специалиста и энтузиаста поддерживали в губернии такие люди, как Михайлов — секретарь крайкома, Божко — секретарь губисполкома и газета «Воронежская коммуна», в которой Платонов печатал свои статьи о мелиорации и улучшении положения крестьян губернии путем оплаты работ продуктами питания.

Платоновым была развернута широкая деятельность по осушению болот под посевы на огромном пространстве Воронежской губернии, по очищению рек Черная Калитва и Тихая Сосна. По его инициативе было организовано множество мелиоративных товариществ, что давало крестьянам возможность строить колодцы, рыть пруды, ставить плотины, электростанции, чинить дороги, то есть восстанавливать сельское хозяйство области после гражданской войны. До переезда в Москву Платонов пробыл четыре года на посту главного губернского инженера-мелиоратора (см. выше копию документа, который сохранился в моем архиве). В это же время все работники, поддержан-

...ские мероприятия Платонова, оказались отозванными на работу — кто в Ростов, кто в Краснодар и т. д. Платонову становилось все труднее защищать свои проекты, и он согласился ехать в Москву, откуда его перебросили на «ликвидный прорыв» в Тамбов*.

Что представлял собою в ту пору Тамбов, населенный «божьими старушками» и техническим персоналом, еще носившим на своих технических фуражках старые николаевские значки, можно узнать из многих сохранившихся ко мне писем. Позднее у Платонова возникло желание дать художественное изображение увиденного и пережитого в Тамбове — так родилась давно знакомая читателям повесть «Город Градов».

II. ТАМБОВ, 1926—1927 гг.

1926 г.

...С утра, как приехал, до вечера познакомился с тамбовским начальством. Был на конференции специалистов, а вечером на сессии губисполкома. Обстановка для работ кошмарная. Склока и интриги страшные. Я увидел совершенно неслыханные вещи. Меня тут уже ждали и великолепно знают и начинают немножко ковырять. (Получает-де «огромную» ставку, московская «знаменитость»!) На это один местный коммунист заявил, что советская власть ничего не пожалеет для хорошей головы...

Я не преувеличиваю. Те, кто меня здесь поддерживают и знают, собираются уезжать из Тамбова (зав. Г. З. У. и зав Губмелиоземом). Мелиоративный штат распущен, есть форменные кретины и доносчики. Хорошие специалисты беспомощны и задерганы. От меня ждут чудес!

Попробую поставить работу на здоровые ясные основания, поведу все каменной рукой и без всякой пощады

Возможно, что меня слопают... Город живет старушечьей жизнью, шепчется, неприветлив и т. д.

Зав. Губмелиоземом уезжает в Сталинград (Царицын) и зовет меня с собой. Я стараюсь быть пока нейтральным.

Ночевал у Барабанова[10]... Все утро ходил с комиссионершей и женой Барабанова осматривать комнаты. Нашел за 15 руб., с необходимой мебелью, с отоплением и двумя самоплями. Сегодня после занятий переезжаю туда.

Был у Тихомирова (в редакции): сами предложили работать... В Тамбове (как говорят в редакции) нет ни одного поэта, ни одного беллетриста! Удивительный город!

...Уверен, что долго не проживу, чудовищно зверская обстановка... Как Тотик[11], не скучает по мне? Я уже заскучал. Очень мне тут тяжело. Толкай мои литературные дела, пожалуйста...

Работать (по мелиорации) почти невозможно. Тысячи ...ятствий самого нелепого характера. Не знаю, что у меня ...идет...

В газете сидят чиновники. Ничего не понимают в литера...ре. Но постараюсь к ним подобраться, буду писать специ...альные статьи: стихи и рассказы они не признают...

С 15-го начинается большое совещание специалистов, ...одлится около 15 дней...

Дорогая Маша!

Пишу тебе третье или четвертое письмо из своего изгна...ия. Грусть моя по тебе растет вместе с днями, которые все ...льше разделяют нас.

Вот Пушкин по памяти:

Я помню милый нежный взгляд
И красоту твою земную
Все [illegible] мы сердца с тобой летят,
Об [illegible] в изгнании тоскую...

И я плачу от этих стихов и еще от чего-то. Я уехал, и как будто захлопнулась [illegible] и тяжелая дверь... Как сон прошла ...вместная жизнь, или и сейчас успел и мой кошмар — Там...ов... Видишь, как трудно мне. А как тебе — не вижу и не слы...шу. Думаю о том, что [illegible] сейчас там делаешь с Тоткой. Как он? Мне стало как-то [illegible] чужим, далеким и ненужным. Только ты живешь во [illegible] как причина моей тоски, как жи...вое мучение и недостижимое утешение...

Еще Тотка — настолько дорогой, что страдаешь от одного подозрения его утратить. Слишком любимое и драгоценное мне страшно — я боюсь потерять его...

...Работаю над «Епифанами». Тебе посылаю «Антисексус» [1]. Про «Антисексус» допустимо еще одно предисловие — сливочное масло издательства, — лишь бы прошел в сборник. Об этом необходимо убедительно просить Молотова [2].

...Мария и Тотик!

Когда это письмо придет к вам, будет уже Новый год. С Новым годом, родимые мои! С новыми надеждами, с новой любовью к старому мужу, с новой и крепкой радостью... Я его встречал за окончанием «Эфирного тракта»!

Приехал сегодня утром с осмотра работ. Сейчас 5 час. ве...чера. Вновь охватила меня моя прочная тоска, вновь я в «Там...бове», который в будущем станет для меня каким-нибудь сим...волом, как тяжкий сон в глухую тамбовскую ночь, развева...ется утром надеждою на свидание с тобой...

Начал проводить годовой план работ через местные органы. Сопротивление моей системе работ огромное (я требую больших сумм на техперсонал). Если мой план принят не будет — я поставлю вопрос о своем уходе. Работать без техперсонала нельзя, отвечать я не буду за то, что обречено заранее на провал, раз не принимают трезвого плана...

Передай поскорее Молотову (Директор издат. «Молодая гвардия») посылаемое... Почему мою вещь «Эфирный тракт» передают 3-ему рецензенту?[14] Пошли их к черту! Пусть принимают или возвращают.

Мне некогда умирать в Тамбове:

Здесь музу резвую
Заспишь, забудешь!
(Пушкин)

Кончаю, меня ждет работа о волгодонском канале Петра[15]. Очень мало исторического материала, опять придется лечь на свою «музу»: она одна еще мне не изменяет.

...Полтораста страниц насиловал я свою музу в «Эфирном тракте». Пока во мне сердце, мозг и эта темная воля творчества — «муза» мне не изменит. С ней мы действительно — одно. Она — это мой пол в душе. Пиши, пожалуйста, твои письма это настоящая ценность — ведь это голос твой и моего Тотки...

...Заключила ли ты договора с Молодой Гвардией? Как вышло у тебя с Поповым[16]? Стихи я начал подбирать[17]... Мешает работе сильная головная боль, которой у меня никогда не было. Наверно, я простудил голову или перенатужился в работе.

...«Епифанские шлюзы» написаны, не веришь? Но негде напечатать, т. к. на службе печатать постороннюю работу теперь не разрешают... Петр казнит строителя шлюзов Перри в пыточной башне в странных условиях. Палач — гомосексуалист. Тебе это не понравится. Но так нужно.

Нравятся тебе такие стихи:

Любовь души, заброшенной и страстной,
Залог души, любимой божеством...

Спутал, забыл. Очень старо, но хорошо. Это писал Перри, когда был женихом Мери Карборунд. Потом она стала женой другого. Потом прислала в Епифань из Нью-Кестля неизвестное письмо, его положил за икону к паукам епифанский поевода, а Перри умер в Москве. Шлюзы не действовали. Народ

...шел на работы или бежал в скиты и жил ветхопещерни-
...м в глухих местах. Вот тебе Епифанские шлюзы. Я написал
...х в необычном стиле, отчасти славянской вязью — тягучим
...огом. Это может многим не понравиться. Мне тоже не нра-
...ся — как-то вышло...

...Я с трудом нашел себе новое жилище (там старуха не
...ила совсем), несмотря на то, что квартир и комнат в Тамбо-
...е много. Принимают за большевика и чего-то боятся. Город
...бывательский, типичная провинция, полная божьих стару-
...ек.

Мне очень скучно. Единственное утешение для ме-
...— это писать тебе письма и снова дорабатывать «Эфирный
...ракт»...

В Г. З. У. отвратительно. Вот когда я оставлен наедине
собственной душой и старыми мучительными мыслями. Но
...знаю, что есть хорошего и бесценного (литература, любовь,
...скренняя идея), все это вырастает на основании страдания
...одиночества. Поэтому я не ропщу на свою комнату — тюрем-
...ую камеру — и на душевную безотрадность...

Иногда мне кажется, что у меня нет общественного буду-
...щего, а есть будущее, ценное только для меня одного. И все
...е бессмысленно тяжело — нет никаких горизонтов, одна су-
...ая трудная работа, длинный и глухой «Тамбов».

...Помнишь эти годы? Какой мукой, грязью и нежностью
...и были наполнены?

Неужели так вся жизнь?

...Я не ною, Мария, не подумай, а облегчаю себя посред-
...ством этого письма. Что же мне делать?

...Да, Тамбов обманул; жить нам стало хуже. Но остаться
...Тамбове или уехать обратно, зависит не только от меня.
...Тамбове за меня держатся крепко, и что бы я ни сделал
...урного, меня не прогонят, чего бы я хотел...

...Высшая администрация меня «обожает»: вот, говорят, на-
...оящий хирург, какой нам нужен был. Но я это отметаю, т. к.
...наю цену ласки начальства.

...Время нас разделяет, снег идет кучами. Милая, что ты
...лаешь сейчас? Неужели так и кончится все? Неужели чело-
...ек — животное и моя антропоморфная выдумка одно безу-
...ие? Мне тяжело, как замурованному в стене. Слушай, Ма-
...ия, подбери стихи, как сумеешь. Когда я приеду, чтобы сразу
...роверить, отобрать и сдать Молотову... Я знаю, он невыноси-
...ый канительщик.

...Мария, хочу побеседовать с тобой...

Прежде всего — Кирпичников — это не я[18]. И вот почему. Мои идеалы *однообразны* и *постоянны*. Я не буду литератором, если буду излагать только свои неизменные идеи. Меня не станут читать. Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получились приемлемые произведения. Именно — опошлять! А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать. Теперь тебе ясно, почему. Кирпичников влюбился в мещаночку Руфь в Риверсайде. Кирпичников носит мои черты только отчасти.

Смешивать меня с моими сочинениями — явное помешательство. Истинного себя я еще никогда и никому не показывал, и едва ли когда покажу. Этому есть много серьезных причин, а главная — что я никому не нужен по-настоящему. Ты права, что М. А. Кирпичникова ценнее своего мужа, как жена и человек. Я нарочно рисовал ее скромными редкими чертами...

«Епифанские шлюзы» печатаются, но медленно. Кому их послать, тебе или Молотову?

1927 г.

Дорогая Муся!..

Посылаю «Епифанские шлюзы». Они проверены. Передай их немедленно кому следует. Обрати внимание Молотова и Рубановского на необходимость *точного сохранения моего языка*. Пусть не спутают...

Как-то ты живешь и чего ешь с Тоткой?

Я такую пропасть пишу, что у меня сейчас трясется рука. Я хотел бы отдохнуть с тобой хоть недельку, хоть три дня. Денег нет, а то бы я приехал нелегально в Москву на день-два

Быть может, на днях пошлют в командировку в Козлов, и тогда я прикачу домой на один день. Только трудно; ты не знаешь, как сейчас берегут деньги, и хоть в Козлов мне до зарезу нужно съездить, чтобы наладить дело, но дадут срок дня 2 и денег рублей 15 (от Тамбова до Козлова 60 верст)

А все-таки постараюсь пробиться в Москву на день. Очень я соскучился, до форменных кошмаров...

...Любовь — мера одаренности жизнью людей, но она, в преки всему, в очень малой степени сексуальность. Любовь страшно проницательна, и любящие насквозь видят друг да со всеми пороками и не жалуют один другого обожанием

...Любовь совсем не собственничество. Быть может, брак — это социальное приложение любви — и есть собственничество и результат известных материальных отношений людей — это верно. Но любовь, как всякую природную стихию, можно приложить и иначе. Как электричеством, ею можно убивать, светить над головою и греть человечество...

...По-моему, ты не имеешь права зачеркивать посвящения, написанные не тобою. Когда книга выйдет с посвящением, ты имеешь возможность и право выступить в ежедневной или журнальной прессе с заявлением, что ты отводишь от себя авторское посвящение...[1] Я думаю, уверен, что тебя обидел Мотов, я верю, что что-то задело тебя, он давно мудрит. Как тяжко, что я далеко. Наверно, в Москве зима хороша! Я делаю все возможное, чтобы вырваться к тебе до выхода сборника. Я тебе благодарен за то, что прислала верстку.

Я вспомнил сейчас стихи, которые спутал в прошлом письме:

...Возможность страсти, горестной и трудной,—
Залог души, любимой божеством...

Это из «Епифанских шлюзов». Думаю теперь засесть за небольшую автобиографическую повесть (детство, 5—12 лет, примерно)[2]. Может быть, и напишу небольшой фантастический рассказ на тему «как кончится мир и когда кончится история». Название, конечно, будет иное[2].

Моя жизнь застыла — только думаю, курю и пишу...

...Письма к тебе — для меня большая отрада. Действительно, они заменяют беседу. Жду твоих писем...

Тотику — поцелуи, объятие и катание верхом в далекой перспективе. Ну, прощай, моя далекая невеста, и береги нашего первого и единственного сына.

...Окруженный недобрыми людьми (но работая среди них, понимаешь меня!), я одичал и наслаждаюсь одними своими увлеченными мыслями. Поездка моя по уездам была тяжела... Жизнь тяжелее, чем можно выдумать, теплая крошка моя. Скитаясь по захолустьям, я увидел такие грустные вещи, что не верил, что где-то существует роскошная Москва, искусство и проза. Но мне кажется — настоящее искусство, настоящая мысль только и могут рождаться в таком захолустье. Но все-таки здесь грустная жизнь, тут стыдно даже маленькое счастье... Оставим это...

...Любимой женщине судьбою я поручен
И буду век с ней сердцем неразлучен...

...Какая жестокая и бессмысленная судьба — на неопределенно долгое время оторвать меня от любимой. Утешение мое, что я живу и для ребенка и, кажется, способен пережить ради вас самую свирепую муку...

...Препровождаю при сем 40 стихотворений, прошу тебя буквально с ними поступить нижеследующим образом:

1) Передай все Молотову и проси выпустить отдельной книжкой;

2) Стихотворений я отобрал немного, но зато они, по-моему, доброкачественны;

3) Если ты или Молотов найдете необходимым дополнить эти стихотворения другими какими-либо (из моего сборника), то вы можете это сделать по своему усмотрению;

4) Книжку можно назвать просто, напр., «Стихи» или еще как-нибудь;

5) Книжке может быть предпослано чье-нибудь предисловие или нет — пусть будет так, как ты это согласуешь с Молотовым;

6) Книжку следует издать с наивозможной быстротой,— все недоумения и неясности решите сами, без меня — дабы не упускать зря времени. Я заранее согласен на все (п. ч. верю тебе).

Все. Действуй быстро, энергично, не обращай внимания на мелочи и не волнуйся. Поступай самостоятельно (в смысле принятия решений) и стремись к главному — к наибыстрейшему изданию книжки...

...Я окончательно и скоро навсегда уезжаю из Тамбова...

...Здесь дошло до того, что мне делают прямые угрозы. Я не люблю тебе об этом писать и пишу коротко. У нас с тобой есть более важные вещи, чем тамбовские дела, о которых не стоит говорить. Но все же скажу, что служить здесь никак нельзя. Правда на моей стороне, но я один, а моих противников — легион, и все они меж собой кумовья (Тамбов — гоголевская провинция). И это чепуха, но я просто не хочу попусту тратить силы. Я и так их здесь потратил много...

Меня, конечно, отсюда Г. З. У. пускать не будет. Н. К. З будет всячески протестовать и гнать меня обратно. Но я уже решился. Здесь просто опасно служить. Воспользуются каким-нибудь моим случайным техническим промахом и пок-

...т против меня такую кампанию, что погубят меня. Просто ...давят грубым количеством...

...Сегодня было у меня огромное сражение с противника- ...ми дела и здравого смысла. И я, знаешь, услышал такую фра- ...д, обращенную ко мне: «Платонов, тебе это даром не прой- ...дет...»

Оставим эту скуку, милая невеста, вечное счастье мое! ...ва дня назад я пережил большой ужас. Проснувшись ночью ...у меня неудобная жесткая кровать) — ночь слабо светилась ...поздней луной,— я увидел за столом у печки, где обычно си- ...жу я, самого себя. Это не ужас, Маша, а нечто более серьез- ...ное. Лежа в постели, я увидел, как за столом сидел тоже я и, ...полуулыбаясь, быстро писал. Причем то я, которое писало, ни ...разу не подняло головы и я не увидел у него своих глаз. Ко- ...гда я хотел вскочить или крикнуть, то ничего во мне не послу- ...палось. Я перевел глаза в окно, но увидел там обычное смут- ...ное ночное небо. Глянув на прежнее место, себя я там не ...заметил.

До сих пор я не ...гу отделаться от этого видения, и жут- ...кое предчувствие не оставляет меня. Есть много поразитель- ...ного на свете. Но это — больше всякого чуда. Не помню, ...где — в Москве или в Тамбове — я тоже видел сон, что говорю ...с Михаилом Кирпичниковым (я тогда писал «Эфирный ...тракт»), и через день я умертвил его. Каждый день я долго си- ...жу и работаю, чтобы сразу свалиться и уснуть...

III. ТУРКМЕНИЯ. 1933—1936 гг.

30/III—34 г.

...Кругом пустыня, жарко, растет саксаул, много верблю- ...дов с милыми мордами — Тотик сразу бы их полюбил. И вот ...в жарких песках море, рабочий поселок, мачты рыбачьих ко- ...раблей... Я смотрю жадно на все, незнакомое мне. Всю ночь ...светила луна над пустыней — какое здесь одиночество, под- ...черкнутое ночными людьми в вагоне... На станциях продают ...рыбу киргизы и их дети, много рыбы. Если бы ты видела эту ...великую скудность пустыни! Мне нравятся люди на станци- ...ях — киргизы. Изредка видны глиняные жилища вдалеке ...— неподвижным верблюдом. Я никогда не понял бы пустыни, ...если бы не увидел ее — книг таких нет. Завтра вечером ...в Ташкенте и еду дальше...

...Сегодня в 4 часа дня я приехал в Ашхабад. На горизонте горы, покрытые снегом. Ашхабад несколько напоминает Сочи. Недавно первый раз обедал, кормят так обильно, что стыдно есть. Но мне не нравится так праздно пребывать, и я что-нибудь придумаю... Кроме того, публика не по мне,— я люблю смотреть все один, тогда лучше вижу, точнее думаю... Сильно мучает меня скука по тебе и по Тотику, все время напрягаешься в борьбе с собственным сердцем...

2/IV—34 г.

Вагон, вечер.

Здравствуйте, елдаши (товарищи)!

Только три неполных дня и пробыл в Ашхабаде... Я еду в Красноводск... Все остальные писатели остались в Ашхабаде, сидят в ваннах и пьют прохладительные напитки. Я уже оторвался от всех. Из Красноводска мы уедем далее на Нефтедаг (я не знаю, где это точно). В Красноводск приехал академик Губкин; с ним состоится встреча на нефтяных промыслах. Из Нефтедага мы поедем еще куда-то, так что в Ашхабад я вернусь дней через шесть.

4/IV—34 г.

...Красноводск на берегу Каспийского моря со стороны Азии, туда пресную воду привозят на пароходах из Баку. Все это интересно видеть, только я очень переутомился и поэтому плохо себя чувствую...

...Выучился нескольким словам по-туркменски:

Ты моя хелей муххабат! — любимая жена.

Ты моя курбана! — жаба. А Тотик — мой хелей балала, т. е. жигит, любимый ребенок, юноша.

Моя шан, дирэк (душа и сердце) тоскуют по вас.

Это я уже второе письмо пишу вам сегодня. Не знаю, где его сумею отправить. Сильное беспокойство охватывает меня за вас. Ведь я очень далеко...

Ну, хашлашма (прощай!), моя хелей, мой балала!

5/IV—34 г.

Я в Красноводске. Вижу зеленое, взволнованное Каспийское море. На берегу жалкий город в песчано-глинистых горах. Завтра уеду отсюда обратно в Ашхабад. Море совсем не похоже на Черное, оно более ядовитое, пена белей и ярче ней. Я пишу это, сидя на камне на берегу, и другой камень служит мне столом. На другом берегу Кавказ. Сколько я вижу тебе нового, сколько я узнал!

Целую вас.

За несколько минут до отъезда в пустыню пишу эту за-
...ску...

Я несколько волнуюсь и не скрываю этого. Мне предсто-
...трехсуточная езда в Центральные Кара-Кумы (второй раз).
...ледь Кара-Кумы не менее Сахары. Трое суток на грузовике
...глубь Сахары! Говорят, европеец обязательно по условиям
...лимата покрывается фурункулами. Так что я буду первую
...делю ходить в нарывах. Куда я еду, там нет ничего, кроме
...редких мутных колодцев, гадов-рептилий, неба и порожнего
...ска...

...Ночь еще очень долга, и у меня к тому же бессонница,
...несмотря на утомление...

...Я здесь стараюсь спешить работать, в том смысле, чтобы
...айти, открыть что-либо стоящее, годное, как косвенное сырье
...ля пьесы. Но всегда надо больше рассчитывать на себя, чем
...на внешний материал.

Пока ничего ясного еще не нашел, но это ведь всегда бы-
...вает так у меня: я нахожу нужное неожиданно и часто не то-
...гда, когда ищу. Я очень бы хотел увидеть, хоть на минуту, как
...вы там живете с Тотом, как он учится и ведет себя без меня.
...Мне кажется, что без меня он должен вести себя солидно.

Тотик!

Я ездил далеко в пустыню, где идет вечный песчаный
...ураган, где люди ходят всегда в особых очках. Я был без
...очков, и у меня глаза сильно разболелись. Видел страшную
...змею и фалангу.

В песчаной пустыне...

...Завтра, 16-го, я уезжаю на 10 дней в Центральные Ка-
...ра-Кумы. Вернусь в Ашхабад дней через 10—11. Сегодня пе-
...ревел тебе ко дню рождения 400 рублей. (А раньше перевел
...300.) Получила ли ты все?..

Еду в пустыню один с автомобилем-грузовиком, который
...ведет рабочий на серные рудники где-то в Дарвазе. Путь бу-
...дет идти по пескам, по линии колодцев (через каждые 50—70
...км колодезь: яма с остатком весенней воды). Что увижу — на-
...пишу. Вчера был вместе с тремя писателями и археологами
...в ауле Багир (30 км от Ашхабада). Там есть развалины древ-
...нейших городов: Нессы-Александрийской и мусульманского
...города. Древность этих городов 2000—3000 лет. Нашел не-
...сколько маленьких осколков посуды того времени с расцвет-
...кой, привезу их в Москву.

Развалины очень красивы. Они лежат у подножья гор Копет-Дага; за этими персидский Хороссан (область), а лицом и укреплениями эти крепости-города обращены в пустыню Кара-Кумов. Мы долго смотрели на пустыню с высот развалин Александра Македонского. Развалины (стены) глиняные, но страшно прочные. Вся Азия ведь глиняная, бедная и пустая.

Мы были до первых звезд. Пустыня под звездами произвела на меня огромное впечатление. Я кое-что понял, чего раньше не понимал.

Несколько раз мы пили кок-чай (зеленый чай без сахара) в чай-ханах аулов. Сидели на коврах среди стариков и бесе-довали. Здесь довольно много персов и курдов.

...Напиши, мне трудно решить, оставаться мне еще или нет. Правда, мы очень бедные, но у нас кроме бедности есть еще и сердце, которое может сильно тосковать...

...Я нашел, правда, в еле уловимой форме фольклорную тему. Так же, как когда-то Апулей нашел где-то в Азии тему Амура и Психеи. Не знаю, что у меня выйдет,— это сказка о Джальме[23].

Сильно стосковался о тебе... Дни идут все более тягостно и долго. Стоит тягостная жара, от писателей изжога и т. п. Однако это к Азии не относится, она велика и интересна. Если бы ты с Тотиком могла хорошо пережить жару и пустыню, мы бы легко могли здесь устроиться на 2—3 месяца все вместе. Для тебя это много бы дало...

1936 г.

...Я только приехал 2 часа назад. Поезд опоздал на 18 часов из-за мороза и снегов. Я сижу в номере гостиницы. Из окна вижу горы Копет-Дага, на них снег, над ними ночной свет луны, серебрящиеся облака. Опять я все это вижу, как 10 месяцев назад, как будто я сам участник «Такыра».

«Такыр» они очень одобряют, но, по-моему, не вполне (далеко не вполне) понимают его. Сказывается просто отсутствие квалификации. Но это мне все равно. Встретили меня внимательно и приветливо, но довольно сдержанно... Но ведь я не очень избалован такими вещами, это пустяки.

В конце концов я здесь совершенно одинок. Абсолютно. Глубокая грусть, подобная здешней тишине гор и пустыни, охватывает меня. Сказывается, конечно, и дорога, которая измотала меня. Но ты почему-то кажешься такой далекой, как будто я обратно тебя никогда не достигну. И действительно,

...очень далеко нахожусь, здесь медленно тянется время. Стараюсь занимать себя работой, и в вагоне сколько возможно занимался ею. Но беспокойство за вас обоих никогда не оставляет меня, и неподвижность, в которой нахожусь всего несколько часов, уже тяжко гнетет. В Ашхабаде пробуду 5—6 дней, после чего тронусь в путешествие, а потом, после путешествия, поеду в Воронеж или Ленинград, не знаю сам как решить...

А. Платонова поразил «песчаный» океан. Долгое время писатель находился под впечатлениями песчаных пространств Чарджоу, Ташауза и Кунья-Ургенча. Будучи профессиональным художником, он оставался в душе и инженером-мелиоратором — предвидел большое будущее «такырных», безводных и мертвых земель, верил, что туркменский народ, затерявшийся в песках и живущий отдельно от Центральной России и европейской цивилизации, в новых социальных условиях не только овладеет безжизненными пространствами «такыров», но превратит огромные мертвые пространства в каналы и саксауловые рощи. Этой мыслью проникнуты рассказ «Такыр» и библейская повесть «Джан», написанные в результате изучения А. Платоновым Туркменистана.

ГОРЯЧАЯ АРКТИКА

Туркменский народ далеко еще не овладел своей родиной: он живет лишь на «берегах» песчаного океана. Южный берег — это приколетдагская полоса Ахалтекинского оазиса, Теджженский оазис, Мервский культурный район и Чарджоу. Затем культурная линия земель спускается вниз по Аму-Дарье, в направлении Ташауза и Куня-Ургенча: это восточный «берег» пустыни.

Таким образом, лишь южный и восточный «берега» Туркмении заняты людьми. На остальном пространстве великой страны, за редкими исключениями, лежит взволнованное ветром море безлюдных песков. Блуждающие русла рек Памира, Парапамиза и Копет-Дага, их беспокойные дельты, оставившие перемытые минеральные остатки от некогда девственных плодоносных земель, плюс смертельное влияние походов Тимура и Александра Македонского,— все это помогло образоваться Кара-Кумам, и потоки воды надолго умолкли на параллели Копет-Дага, Терджена, Мерва, Чарджуя, в узкой долине Аму-Дарьи, предоставив сухое пространство ветрам и векам.

Искусственные холмы Тимура, древнеазиатские и греческие городища все еще покрывают обитаемые места Туркмении. Поэтому нынешняя Туркмения представляет собою клад-

нище дотуркменских народов. Эти кладбища городов напоми-
нают не только о поражении, но и о героизме, о торжестве
культур, теперь поникших в глиняных развалинах.

Мы сегодня не претендуем на то, чтобы унаследовать эти
глиняные развалины, хотя и не отказываем им в своем уважe-
нии.

Задача социалистической туркменской культуры заклю-
чается, однако, не в уважении к глиняным развалинам древ-
него мощного мира и не в изучении их — хотя эта задача так-
же занимает наше внимание,— наша задача заключается
в полном промышленном и сельскохозяйственном освоении
Кара-Кумов, в создании великого туркменистанского оазиса
на одном из самых печальных мест нашей планеты.

Возможно ли это? Нет ли здесь утопической задачи,
скрывающей в себе лишь ложно-героическое пустословие
и обещание сделать сегодня то, что возможно лишь завтра?

Нет, это не ложная, не завтрашняя, не непосильная зада-
ча. Другая советская республика — РСФСР, обращенная ли-
цом к не менее пустой и тяжкой пустыне — к Арктическому
океану,— сумела воодушевить, вооружить и поднять на дело
овладения Арктикой тысячи своих наиболее мужественных
и одаренных людей, и образцы их деятельности запечатлены
теперь навсегда в памяти всех людей советских народов.

Разве дело овладения Кара-Кумами менее почетное, ме-
нее важное и более трудное, чем завоевание Арктики? Нет, не
менее важное и не более трудное. Ни одна пустыня до соци-
ализма еще не была освоена под человеческое обитание. Раз-
ве Кара-Кумы менее опасны, менее полезны, чем Ледовитый
океан, или не хватает в Туркмении и в Советском Союзе му-
жества и техники для ликвидации пустыни? Нет, Кара-Кумы
столь же мучительны и опасны, как самые гибельные про-
странства земли, они наверняка способны погубить сотни пио-
неров и прокормить, обогатить, поднять на высоту социалисти-
ческого достоинства десять — двадцать миллионов трудящих-
ся, а мужества, техники и работоспособности хватит в Туркме-
нии, а чего не достанет, тем поможет Советский Союз.

Кара-Кумы для Туркмении — это даже больше, чем Арк-
тика для Советского Союза. В Кара-Кумах лежит будущее
туркменского размноженного народа,— они станут местом со-
циализма и дальнейшего исторического развития.

Чрезвычайно важно мобилизовать волю и воодушевление
всего туркменского народа — особенно молодежи — на завое-
вание Кара-Кумов, чтобы пустыня стала героической шко-
лой социалистического творчества, подобно тому, как Аркти-
ка служит такой же школой для русских и северных народов

Сейчас Кара-Кумы нуждаются в своих челюскинцах, среди туркмен найдутся свои Шмидты и Воронины, способные подготовить пустыню для счастливого существования новых поколений. Кара-Кумы — это не только географическое пространство, это гигантское поприще для энтузиазма молодого Туркменистана, это сборник тем для туркменской литературы и искусства. Ведь покорение среднеазиатской «горячей Арктики» потребует не только большой техники и большого труда, но и «большой души». Пусть подумают над этим туркменские и русские писатели — инженеры социалистического чувства сознания.

Можно подумать, что такое «чрезвычайное» отношение к Кара-Кумам потребует особого финансирования работ по завоеванию пустыни. Это неверно. Работы по завоеванию пустыни уже идут, уже финансируются, но смысл этих работ далеко не всеми понимается. Не создано подъема, ответственности, радости и напряжения вокруг этой деятельности, не дано обобщающей ясной идеи. Разве хорошо, героически, как следует ведется дело на Серных Буграх, в Нефтедаге, в Эрбенте или на других аванпостах пустыни? Разве это рядовые операции?

Далее того. Почему мы заботы о таких простых, относительно дешевых, [illegible] вещах, как восстановление старых такырных колодцев, постройка новых, организация государственной службы [illegible] надзора за ними? Колодцы ведь не только [illegible] животноводства, они создают пунктирные трассы путей для проникновения в пустыню.

Но колодцы [illegible] стока или грунтового питания пользуются лишь пресной водой. Основные же запасы кара-кумской воды засолены. Однако и минерализованную воду можно включать в хозяйственный оборот.

Ташкентским изобретателем К. Г. Трофимовым уже предложены дешевые, портативные опреснители, работающие на лучистой энергии солнца; им же создана конструкция насоса, работающего на небольшой разности температур; кроме того, мировая техника располагает водоподъемниками, подходящими для наших целей (например, «Бессоно-фавор» и др.). Почему бы не испытать широко эти механизмы и не пустить их затем в эксплуатацию взамен ветхого снаряжения из блока, веревки и кожаного мешка. Мы иногда тратим лишние деньги на очень далекие перспективы, забывая овладеть близкими.

Работы т. Федосеева по искусственному дождю также должны отнести к самым ближайшим перспективам. Работы М. П. Петрова и его сотрудников на Репетекской песчаной станции хлопководов из института в Байрам-Али и многих

других доказывают, во-первых, что в Туркмении уже есть кадры «челюскинцев пустыни», во-вторых, что пустыни может и не быть, она не обязательна при социализме. Нам приходилось ходить в саксауловых рощах Репетека на сыпучих барханах, где пустыни уже не чувствуется вовсе.

Маленький Репетек одним из первых отрядов перешел в активное наступление на Кара-Кумы, потому что современная техника растениеводства, умноженная на творческое искусство советских работников, позволяет зарастить пески, создать на них мощную кормовую базу для животноводства, широко поставить дело лесного саксаульного хозяйства и организовать химическую промышленность из растительного сырья.

Древняя поверхность пустыни вполне пригодна для культурного, высокорентабельного социалистического хозяйства. И вот — всячески поддерживая и вдохновляя наступление на пустыню по ее, так сказать, поверхностям, мы, однако, решаемся заявить, что ключ к полному завоеванию «жаркой Арктики» лежит в ее недрах.

Теперь ведь ясно, что Кара-Кумы (по крайней мере на своих окраинах) — это цистерны с нефтью, ящики с углем, мешки с серой и так далее. Природа противоречива: под убогой наружностью пустыни она скрывает наше будущее достояние, более драгоценное, чем если бы на ней росли буковые рощи. И нам кажется, что пески можно преодолеть, лишь углубившись под их залегание. Нефть, газы, сера, уголь, минералы, химические руды заставят покрыть мертвое пространство Кара-Кумов живой промышленностью и возвысить труд, культуру, благосостояние и душу туркменского народа до такого уровня, на каком не была ни одна культура древности.

Могучие средства промышленности поведут за собою хлопок, животноводство, транспорт, водоснабжение, сельское хозяйство в таких темпах, каких эти отрасли еще не знали. Машина обеспечит другую скорость роста и другую надежность плодоношения растению и животному в пустыне. Прекрасные внутренние качества туркменского народа — пронзительный, иронический ум, способность к точному математическому знанию, страстная преданность социалистической Родине — лучше всего могут развиваться в наиболее совершенной форме труда — в промышленности. Однако трудно будет начать широкое завоевание Кара-Кумов промышленностью, если вперед не будет достигнуто резких успехов по хлопку, овцеводству, по кормовым и хлебным культурам. Именно отсюда главным образом должны начать свой поход «челюскинцы песков», чтобы повысить наступательную силу

народного хозяйства Туркмении. Пустыня достаточно обильна и позволяет произвести ее завоевание на самоокупаемости и саморасчете.

Мы желаем, чтобы сегодня весь социалистический Туркменистан понял «Черные пески» как будущую страну своих детей и чтобы это сознание проникло в его волю и сердце. Весь Советский Союз поможет Туркмении в ее всемирной работе по превращению Кара-Кумов в сплошной цветущий оазис социализма. Советский Союз уже научился одолевать льды Северного океана, и он сумеет справиться с пустынями.

Пусть идея завоевания Кара-Кумов — героическая, простая и хозяйственно-необходимая — станет воодушевляющей генеральной мыслью туркменского народа и всех, кто этот народ любит. Осуществление этой идеи даст Туркмении богатство и всемирную славу и выведет бывших кочевников в строй передовых народов Союза, в культурный авангард человечества.

Худая пустыня, давно рассыпавшая свои кости в прах и прах истратившая на ветер, исчезнет и забудется навечно. По Ледовитому океану пойдут рисовые корабли, а на месте кара-кумских барханов будет находиться высшая человеческая цивилизация — социализм.

Сделаем так, чтобы эти события случились одновременно.

Из писем в Ленинград, 1934 г.

...Как хорошо не только любить, но и верить в тебя как в Бога (с большой буквы), но и иметь в тебе личную, свою религию. Любовь, перейдя в религию, только сохранит себя от гибели и от времени.

Как хорошо в этом Боге не сомневаться, имея личность Божества всегда перед собою.

Любовь — есть собственность, ревность, пакость и прочее.

Религия — не собственность, и она молит об одном — о возможности молиться, о целости и жизни Божества своего.

Мое спасение — в переходе моей любви к тебе в религию.

И всех людей в этом спасение.

Это я знаю вернее всего, и за это буду воевать.

Как хорошо и спокойно мне, Марил.

Я счастливее первых дней любви к тебе.

Я от тебя ничего не требую теперь. В боготворении любимой — есть высшая и самая прочная любовь.

Наука родилась не для понимания мира, а для завоевания его человеком, для того, чтобы влить мир в человека. Понимание мира — предпосылка к покорению его...

...Наука родилась в тот момент, когда человек почувствовал себя отделенным от вселенной, когда природа извергла из себя это существо и человек захотел снова слиться с ней для своего спасения.

...Все научные теории, атомы, ионы, электроны, гипотезы, всякие законы — вовсе не реальные вещи, а отношения человеческого организма ко вселенной в момент познающей деятельности...

Из писем в Крым, 1936 г.

...Наверно, в Крыму тебе понравится. Главное мое беспокойство — землетрясения. Никто не знает, будут они или нет. Главное — во время землетрясения не быть в здании или у скалы в море. Скала может деформироваться и задавить человека, море «вздохнет» на берег так, что погребет под собой людей и т. д.

Смотри, Мария! Если будет тревожно или землетрясение повторится — выезжай в Москву... Что Тот ужасен (капризничает, ты пишешь), понятно, он устал с дороги. Но что он вспомнил в Симферополе о нашем дворике — это знаменито!

...Я живу плохо... скучно и дурно мне. Жизнь моя свелась совсем к примитиву: служба и дома. Был у Новикова..."

Но одиночество мне страшно — так я привык бессознательно иметь рядом с собой тебя. Я говорю искренне. Я увижу тебя очень нескоро. Мне предстоит переплыть океаны трудностей. Ты ведь знаешь, как трудно в Москве все дается. Самое тяжелое — без тебя мне плохо работается...

...Я работаю. Иногда меня питает энергия остервенения, чтобы выбраться на чистую, независимую воду жизни.

...Пишу о нашей любви[25]. Это сверхъестественно тяжело. Я же просто отдираю корки с сердца и разглядываю его, чтобы записать, как оно мучается. Вообще писатель — это жертва и экспериментатор в одном лице. Но не нарочно это делается, а само собой так получается. Но — это ничуть не облегчает личной судьбы писателя — он неминуемо исходит кровью. Как все это грустно, однако, Мария!

...В Совкино мне говорят, что на мои вещи нельзя писать рецензий, а надо писать целые исследования и т. д. до того они, дескать, хороши. Отчасти это преувеличено, но все же

кому должно быть лестно. (Но ведь не ставят Айну, испор-
ли совсем!)..."[20]

Сейчас читал свои стихи. Предлагаю издать их не в Мол.
Гвардии, хотя Молотов просил дать их через неделю.

Помнишь ты такой отрывок:

...Помню я, в тоске воспоминанья,
Свежесть влажной, девственной земли
И небес дремучее молчанье,
И всю прелесть милую вдали...

Но чем жизнь страстней благоухала,
Чем нежней на свете красота,
Тем жадней смерть ее искала
И смыкала певшие уста...

Меня это тронуло нынче больше, чем когда я писал эти стихи.

Вот что самое страшное в человеке — когда его люди не интересуют и не веселят и когда природа его не успокаивает, т. е. когда он погружен весь в свою томящуюся душу. Так обстоит у меня. Сегодня воскресенье, ездил с Петей [21] к аэродрому, должны были мотоциклетные гонки, но не состоялись. Я пешком дошел почти до Серебряного бора. И ничто меня не тронуло, не успокоило и не обрадовало.

...Природа отстала от меня. Легко понять — почему, но говорить неохота... Смерть, любовь и душа — явления совершенно тождественные. Это ты знаешь и без меня хорошо...

Кончим об этом. Я не сумел сделать просто из жизни то, о чем мечтал в ранние годы...

...Опиши мне Крым. У тебя очень хороший стиль в письме из Симферополя, несмотря на то, что ты писала его наспех. Вот так и пиши. Какое ощущение оставило море, какие горы, небо, воздух и весь инвентарь тамошней природы. Я отсюда ничего себе не могу вообразить. Что вы едите? Как Тотик встретил море? Как ты (я спрашиваю это, чтобы вообразить тебя в Крыму)?

И все остальное. Мне все будет любопытно. Ты знаешь, я нечаянно открыл принцип беспроводной передачи энергии. Но только принцип. До осуществления — далеко. Будет время — напишу статью в научный журнал. Маша, это захватывающая задача,— страсть к научной истине не только не умерла во мне, а усилилась за счет художественного созерцания.

...Я негармоничен и уродлив — но так и дойду до гроба, без всякой измены себе. Завтра ответ в Совкино о службе...

Пиши мне все, Машенька. На деле я никогда не был и не буду тебе врагом. А был только на словах.

Муза! Если там плохо, приезжай немедленно, не беспокойся ни о чем... Валя сказала, что там плохо, что ты не получаешь моих писем.

Как бы я тоже хотел уехать из этой пустой квартиры. У меня окончательно разошлось сердце, и по ночам льется изможденный пот. Сегодня я выясню, в чем дело. Я не беспокоюсь, только мне некогда болеть. Думаю, что врач скажет о покое, отдыхе и проч. Они же умеют лечить лишь понос...

Но трудно работать без тебя, трудно писателю быть без Музы. Я уже привык к твоему новому имени, которое я сам дал тебе, и говорю с тобой в воображении, называя только так. Еще ни разу я не говорил тебе его в лицо... Вот пишу, пишу и не могу оторваться. Как будто я вблизи с тобой. Скажи сыну (ведь он уже большой, десять лет), что я его люблю, что я по нем соскучился и часто смотрю на все его игрушки, на столик, которые теперь пусты и ждут его.

...Я еду к вам! Получил деньги, пока соберусь, письмо уже придет до меня.

IV. ВОЙНА. "ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ"

Андрей Платонович [illegible] что назначение литературы времени Отечественной войны — быть [illegible] нашем народе, сберегшем мир от фашизма и уничтожившем [illegible] человеческого рода.

В его понятие «вечной памяти» входит и понятие вечной славы. Слово «вечный» не будет преувеличением, если образы людей военного времени будут запечатлены в произведениях, полных «истинной действительности, облагороженных оживляющим мастерством писателя...».

«...Искусство должно, преодолев недостаток человеческого сердца, склонного к забвению, восстановить справедливость».

И еще несколько высказываний о войне, оставшихся в письмах и записных книжках:

«...После войны, когда на нашей земле будет построен храм вечной славы воинам, то против него... следует соорудить храм вечной памяти мученикам нашего народа. На стенах этого храма мертвых будут начертаны имена ветхих стариков, женщин, грудных детей. Они равно приняли смерть от рук палачей человечества...

...А кладбище убитых на войне! И встанет к жизни то, что должно быть, но не свершено: творчество, работа, подвиги, любовь — вся картина жизни несбывшейся. И что было бы, если бы она сбылась? Изобразить то, что в сущности убито — не одни тела. Великая картина жизни и погибших душ, возможностей. Дается мир, каков бы он был при деятельности погибших,— лучший мир, чем действительный: вот что погибает на войне — убита возможность прогресса... (1944 г., письмо с фронта).

...Немцы хотят убить «синюю птицу» человечества. Пока что они убивают всех нижних воробьев, а птица возвышается и улетает от своего врага... (1943 г.)

...Помнишь о тех, которые, обвязав себя гранатами, бросились под танки врага? Это, по-моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено («Красной Звездой») сделать из него достойное памяти этих моряков произведение.

...Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне. У меня получается нечто вроде реквиема в прозе. И это произведение, если оно удастся мне, Мария, самого меня хоть отдаленно приблизит к душам погибших героев... Мне кажется... что мне кое-что удается, потому что мною руководит воодушевление их подвигом... (1942 г.)[20]

...Русский солдат для меня святыня, и здесь я вижу его непосредственно. Только позже, если буду жив, я опишу его...»

Июль, 1942 г.

...Я только что вернулся с материалами в «Красную Звезду», был на фронте...

...Я видел грозную, прекрасную картину боя современной войны.

В небе гром наших эскадрилий, под ними гул и свист потоков артиллерийских снарядов, в стороне хриплое тявканье минометов. Я был так поражен зрелищем, что забыл испугаться сл, а потом уже привык и чувствовал себя хорошо. Наша авиация действует мощно и сокрушительно, она вздымает тучи земли над врагом, а артиллерия перепахивает все в прах! Наши бойцы действуют изумительно. Велик, добр и отважен наш народ!

...Представь себе, в земле укрыты тысячи людей, тысячи пар глаз глядят вперед, тысячи сердец бьются, вслушиваясь в канонаду огня, и поток чувства проходит в твоей груди, и ты

[illegible] не замечаешь, что вдруг слезы странного восторга и яро-
сти текут по твоим щекам. Я, ты ведь знаешь, привык к маши-
нам, а в современной войне сплошь машины, и от этого я на
войне чувствую себя как в огромной мастерской среди люби-
мых машин.

...Ночью я видел пылающий в небе самолет врага. От ско-
рости полета и ветра огонь распускался за ним, как космы
у ведьмы...

...Я уже знал раньше от П. Трошкина, что твой отец скон-
чался в Ленинграде. Сожалею и сочувствую тебе. Ты знаешь,
я любил Александра Семеновича и был ему товарищем, осо-
бенно в последние годы. Я вспоминаю, как мы были с ним
в Луге, нанимали лошадей, как он приезжал к нам в Москву.
Теперь его нет. Может быть, еще узнаешь что-то из блокадно-
го Ленинграда, напиши мне, пожалуйста...

6/VI—1943 г.

Дорогая моя жена Маша. Я под Курском. Наблюдаю
и переживаю сильнейшие воздушные бои. Однажды попал
в приключение. На одну станцию немцы совершили налет.
Все вышли из эшелона. Я тоже. Почти все легли. Я не успел
и смотрел стоя на [illegible] ракеты. Потом я лечь не
успел, меня ударило [illegible] о дерево, но голова уцелела...
Два дня болела [illegible] у меня никогда не болит,
и шла сильно кровь и [illegible]. Теперь все это прошло; взрывная
волна была слаба [illegible]. Меня убьет только прямое
попадание по башне. Как-то ты там живешь, одинокая моя?
Я так по тебе соскучился, так много есть что рассказать, так
много есть чего писать. А главное, я так тоскую о холмике
земли на армянском кладбище[10]. Когда-то я еще буду там,
я сам не знаю. Что у вас там нового? Я тут редко что слышу,
п. ч. бываю в дальних местах. Задумал одну вещь, очень важ-
ную... Но где тут писать!

...Я сделал здесь на войне столь важные выводы из его
смерти, о которых ты узнаешь позже, и это тебя немного уте-
шит в твоем горе...

...Недавно я сказал как бы маленькую речь, где вспомнил
такой факт из фронтовой действительности: один наш коман-
дир поднимал своих бойцов в атаку, был сильный огонь про-

...ника, у командира оторвало миной левую руку; тогда он ...л свою оторванную руку в правую, поднял свою окровав- ...нную руку над своей головой, как меч и как знамя, вос- ...ликнул: «Вперед!», и бойцы яростно пошли за ним в атаку. И первый мой тост был за здоровье, за победу великого рус- ского солдата.

Этот факт с рукой я описал в рассказе «Реквием» (памяти пяти моряков-севастопольцев)[31].

...Я видел на фронте храбрейших людей, которые, однако, не могут ни слушать музыку, ни видеть цветы — плакали...

...Она (Красная Армия) приняла на свою грудь, на свое ...ружие ураганное давление германской армии, затомила на ...себе силу немцев и затем перешла в сокрушающее упорное наступление, уничтожая вросшую в землю оборону против- ника...

...Пишу о войне, а душа покоя просит. Тихая ночь войны, проникнутая взорами людей, таких, как я, бодрствующих в окружающем мраке, ползет по земле. Невнятные звуки воз- никают во тьме, около нашей землянки, а потом снова безмол- вие. Иногда во мраке светятся ракеты, висят они мучительно долго, освещая все зеленым, иногда синим светом, но потом все-таки гаснут

И странно тебе покажется, но мне в такие ночи не так грустно. Мне кажется, что мой сын где-то там, в этом сине-зе- леном мраке...[32]

«ТРУД ЕСТЬ СОВЕСТЬ»

Из записных книжек разных лет

Блокноты, тетради, записные книжки — это, вероятно, лишь огромное название уже давно существующего и все еще нового, то есть формально не узаконенного, литературного жанра. Этот жанр существует для небольших произведений, которые всего удобнее и полезнее излагать именно способом «записной книжки».

Если же блокноты и записные книжки являются складочно-заготовительными пунктами литературного сырья, то было бы странно опубликовывать что-либо «из записной книжки», потому что питать читателя сырьем нельзя, это есть признак неуважения к читателю и доказательство собственного высокомерия.

1931—1933

Искусство должно умереть — в том смысле, что его должно заменить нечто обыкновенное, человеческое; человек может хорошо петь и без голоса, если в нем есть особый, сущий энтузиазм жизни.

Писать надо не талантом, а «человечностью» — прямым чувством жизни.

Преодолеть, простить недостатки друг друга нельзя, не имея чувства родственности.

Сквозь череду горя, труда и бедствия — к молодости, к вере и радости...

Напряжение нежности.

И новые силы, новые кадры могут погибнуть, не дождавшись еще социализма, но их «кусочки», их горе, их поток чувства войдут в мир будущего. Прелестные молодые лица большевиков,— вы еще не победите; победят ваши младенцы. Революция раскатится дальше вас! Привет верующим и умирающим в перенапряжении!

Как непохожа жизнь на литературу (мальчик в Мелекесе): скука, отчаяние. А в литературе — «благородство», легкость чувства и т. д. Большая ложь — слабость литературы. Даже у Пушкина и Толстого — мучительное лишь «очаровательно».

Оставляй для судьбы широкие проходы.

Ночное пение аэродинамических труб во всех крупных городах мира — вот мелодия времени, истории.

Крестьянин имеет переменную душу от погоды, от ветров.

1936—1938

Человечество — без облагораживания его животными и растениями — погибнет, оскудеет, впадет в злобу отчаяния, как одинокий в одиночестве.

Надо относиться к людям по-отцовски.

Это и есть новая любовь между людьми — сквозь души других.

Трагедия оттертости, трагедия «отставленного», ненужного, когда строится блестящий мир, трагедия «пенсионера» — великая мука.

Критика, в сущности, есть дальнейшая разработка богатства темы, найденной первым, «основным» автором. Она есть «довыработка» недр, дальнейшее совершенствование мыслей автора. Критика может быть многократной.

Первый автор обычно лишь намечает, оконтуривает недра и лишь частично их выбирает, а критик (идеальный) дорабатывает начисто несовершенное автором.

Иная, демонстративная доброта бывает компенсацией главного зла. Мне нужен рассказ об этом.

У многих людей ум заменяется наглостью, иронией, насмешкой — «вы интеллигенты»... Но за этим — нищенство хулигана. Эгоизм жулика.

Назначение литературы нашего времени, времени Отечественной войны, это быть вечной памятью о поколениях нашего народа, сберегших мир от фашизма и уничтоживших врагов человеческого рода.

В понятие вечной памяти входит и понятие вечной славы. Вероятно, этим назначением литературы она сама полностью не определяется, но сейчас именно в этом направлении лежит ее главная служба.

Слово «вечный» не будет преувеличением, если образы людей нашего времени будут запечатлены в произведениях, полных истины действительности, одухотворенных оживляющим мастерством писателя.

Остающиеся жить обязаны вечной памятью по ушедшим из жизни героям, потому что живые сохранены подвигами тех, кто погиб. Но нельзя от следующих за ними поколений требовать столь многого: человеческому сердцу свойственны не только совесть, долг и память, но также и забвение. Задачей искусства и является сохранение незабвенного из того, что преходяще, забвению, что погибло или может погибнуть, по чему мы, живые, обязаны жизнью и спасением,— в такой же мере обязаны, как матери. Искусство должно здесь, преодолев недостаток человеческого сердца, склонного к забвению, восстановить справедливость.

Но дело не только в такой эпической необходимости, дело здесь и в практической пользе: если живая и, так сказать, частная конкретность Отечественной войны ступчется когда-либо в будущем силой забвения, то как люди могут увидеть для себя поучение из великого, но уже минувшего события... Здесь важна именно частная конкретность, потому что литература имеет дело с отдельным человеком, с его личной судьбой, а не с потоками безымянных существ. Мы должны сберечь в памяти и в образе каждого человека в отдельности, тогда будут сохранены и все во множестве и каждый будет прекрасен, необходим и полезен теперь и в будущем, продолжая через память действовать в живых и помогая их существованию.

Если бы наша литература исполнила эту свою службу,

...ла бы, между прочим, оберегла многих людей, в том числе и тех, которым еще только надлежит жить, от соскальзывания их в подлость. Но эта польза — дополнительная, а не главный результат...

Война с чрезвычайной быстротой образует новые характеры людей и ускоряет процесс жизни. Один красноармеец сказал: бой есть жизнь на большой скорости. Это верно. Жизнь на большой скорости означает, что формируется великое множество людей, причем складываются и такие характеры, которые не могли сложиться прежде и которые, возможно, никогда более не повторятся в качестве подобия в другом человеке. Служба литературы, как служба вечной славы и вечной памяти всех мертвых и всех живых, увеличивается этим обстоятельством в своем значении и делается еще более незаменимой ничем.

Мне рассказывали о младшем сержанте, который вместе с другим своим товарищем завалил трупом немца огневое сечение немецкого дзота, и никто толком не мог сообщить о человеческих свойствах этого редкого героя.

Однако, зная свойства нашего народа и армии, можно все-таки понять и [illegible] об этом человеке, если иметь к нему сердечную [illegible]. Писатель должен уметь решать уравнения [illegible] неизвестными. В этой связи важно знать одн[illegible]. Всякое искреннее серьезное человеческое чувство всегда [illegible] в себе и предчувствие, то есть как бы дальнейшее [illegible] или увеличение чувства за пределы первоначального ощущения — и тогда делается ясным то, что не было видимо в характере или судьбе его. Например, распространенное чувство любви между мужчиной и женщиной, по убеждению самих любящих «вечно», но если эта любовь достаточно глубока, то она же бывает и «грустна», потому что в ней же самой находится предчувствие ее окончания, хотя бы путем смерти любящих.

В нашей литературе еще мало предчувствия, подобного точному знанию. Если вспомнить военные произведения предвоенных лет, то в них верно только убеждение в непобедимости и побеждающей мощи нашего народа, но драмы войны в них нет.

Рождается ребенок лишь однажды, но оберегать его от врага и от смерти нужно постоянно. Поэтому в нашем народе понятие матери и воина родственны; воин несет службу матери, храня ее ребенка от гибели. И сам ребенок, вырастая сбереженным, превращается затем в воина.

Не так давно я видел одно семейство. В опаленном бурьяне была зола от сгоревшего жилища, и там лежало обуглен-

лое мертвое дерево. Возле дерева сидела утомленная женщина, с тем лицом, на котором отчаяние от своей долговременности уже выглядело как кротость. Она выкладывала из мешка домашние вещи — все свое добро, без чего нельзя жить. Ее сын, мальчик лет восьми-девяти, ходил по теплой золе сгоревшей избы, в которой он родился и жил. Немцы были здесь еще третьего дня. Мальчик был одет в одну рубашку и босой, живот его вздулся от травяной бесхлебной пищи; он тщательно и усердно рассматривал какие-то предметы в золе, а потом клал их обратно или показывал и дарил их матери. Его хозяйственная озабоченность, серьезность и терпеливая печаль, не уменьшая прелести его детского лица, выражали собою ту простую и откровенную тайну жизни, которую я сам от себя словно скрывал.

Это лицо ребенка возбуждало во мне совесть и страх. Как сознание своей вины за его обездоленную судьбу.

— Мама, а это нам нужно такое? — спросил мальчик.

Мать поглядела, ребенок показал ей гирю от часов-ходиков.

— Такое не нужно — куда оно годится! — сказала мать.— Другое ищи.

Ребенок усиленно разрывал горелую землю, желая поскорее найти знакомые, привычные вещи и обрадовать ими мать; это был маленький строитель Родины и будущий воин ее. Он нашел спекшуюся пуговицу, протянул ее матери и спросил:

— Мама, а какие немцы?

Он уже знал — какие немцы, но спросил для верности или от удивления, что бывает непонятное. Он посмотрел вокруг себя — на пустырь, на хромого солдата, идущего с войны с вещевым мешком, на скучное поле вдали, безлюдное без коров.

— Немцы,— сказала мать,— они пустодушные, сынок. Ступай, щепок собери, я тебе картошек испеку, потом кипяток будем пить...

— А ты зачем отцовы валенки на картошку сменяла? — спросил сын у матери.— Ты хлеб теперь задаром на пункте получаешь, нам картошек не надо, мы обойдемся... Отца и так немцы убили, ему плохо теперь, а ты рубашку его променяла и валенки...

Мать промолчала, стерпев укоризну сына.

— А мертвые из земли бывают жить?

— Нет, сынок, они не бывают.

Мальчик умолк, неудовлетворенный. Неосуществленная или неосуществимая истина была в словах ребенка. В нем

...ла еще первоначальная непорочность человечества, унаследованная из родника его предков. Для него непонятны были забвения и его сердцу несвойственная вечная разлука.

Позже я часто вспоминал этого ребенка, временно живущего в земляной щели... Враждебные, смертельно-угрожающие силы сделали его жизнь при немцах похожей на рост слабой ветви, зачавшейся в камне,— где-нибудь на скале над пустым и темным морем. Ее рвал ветер, и ее смывали штормовые волны, но ветвь должна была противостоять гибели и одновременно разрушать камень своими живыми, еще неокрепшими корнями, чтобы питаться из самой его скудости, расти и усиливаться — другого спасения ей нет. Эта слабая ветвь должна вытерпеть и преодолеть и ветер, и волны, и камень: она — единственное живое, а все остальное — мертвое, и когда-нибудь ее обильные, разросшиеся листья наполнят шумом опустошенный войной воздух и буря в них станет песней.

На войне у людей ландшафт воспринимается иначе, оценивается каждый естественный предмет, потому что война — это зона между их жизнью и смертью, где жизнь добывается в тяжелом труде через смерть врага,— война вместе с тем место, где надолго решается судьба человечества. Например, русское серое обычное поле является великим многозначительным образом, а старая, когда тринадцать-четырнадцать детей и старух впряжены в общую лямку, тянут однолемешный плуг, **символом** непобедимой России...

...Одно из самых опасных для народа последствий войны — разрушение семьи. Где найти нравственную силу, которая сможет противостоять губительным страстям людей, и где находятся источники их истинной любви, которыми люди обмениваются в знак верности и взаимного чувства на всю жизнь...

Сарай в дер. Малый Тростенец. На месте сожженного сарая — огромное количество пепла, обугленных костей, обугленных трупов. Среди трупов масса немецких зажигательных бомб — для усиления температуры. Люди предварительно расстреляны. Характер некоторых ранений указывает на то, что в отдельных случаях смерть наступила не моментально, а **живые еще люди** подвергались сожжению вместе с трупами (около 5—6 тысяч).

Еще много могил не вскрыты: Тучинки, Кальварийское кладбище, на Раковой улице, в Парке культуры и др.

По данным комиссии, в местах истребления только в области уничтожено 300 тысяч человек, не считая сотен тысяч, сожженных в кремац. печах. Из них военнослужащих — 150 тысяч...

Ребенок долго учится жить; он учится самоучкой, но ему помогают и старшие люди, которые уже приучились жить, существовать. Наблюдать за развитием сознания в ребенке и за осведомленностью его в окружающей неизвестной действительности составляет для нас радость.

...Если бы мой брат Митя или Надя — через 21 год после своей смерти вышли из могилы подростками, как они умерли, и посмотрели б на меня, что со мною сталось? — Я стал уродом, изувеченным и внешне и внутренне. — «Андрюшка, разве это ты?» — «Это я — я прожил жизнь».

Мать, рождая сына, всегда думает: не ты ли — тот?

Женщина — путь и средство, сын ее — цель и смысл пути

Драма великой и простой жизни: в бедной квартире вокруг пустого деревянного стола ходит ребенок лет 2—3-х и плачет — он тоскует об отце, а отец его лежит в земле, в траншее, под огнем, и слезы тоски стоят у него в глазах; он скребет землю ногтями от горя по сыну, который далеко от него, который плачет по нем в серый день, босой, полуголодный, брошенный.

Рабочий человек должен глубоко понимать, что ведер и паровозов можно наделать сколько угодно, а песню и волнение сделать нельзя. Песня дороже вещей, она человека к человеку приближает. А это трудней и нужнее всего...

Солдат,— тайна солдата в том, что он, в его характере, в его природе и замысле «стушеваться», предоставить высшую волю другим, себе оставить исполнение, существование в тени, в безымянности...

Офицер есть образ Родины для солдат на поле боя. Никого иного нет ближе для солдата в час битвы, в час его возможной смерти.

Деятельность офицера должна доказывать любовь отечества к солдату. В этом залог победы войск.

Искусство, как потение живому телу, как движение ветви — органически присуще жизни.

Если я замечу, что человек говорит те же слова, что и я, если у него интонация в голосе похожа на мою, у меня начинается тошнота...

Любовь одного человека может вызвать к жизни талант в другом человеке или, по крайней мере, пробудить его к действию. Это чудо мне известно.

...Смысл жизни не может быть большим или маленьким — он непременно сочетается с вселенским и всемирным процессом и изменяет его в свою особую сторону,— вот это изменение и есть смысл жизни.

...Любовь честнее доверия, потому что даже обманутый любленный заслуживает не сожаления, а удивления и уважения.

Любовь никогда не выглядит глупостью, а доверие — всегда, если оно не соединено с любовью.

...Любовь есть [illegible] любимого человека со своими основными и непреложными идеями — осуществление через него (любимого — [illegible]) своего смысла жизни.

Любить женщин[illegible] это значит любить себя.

Сознание женщины — сама мать.

Жизнь есть упускаемая и упущенная возможность.

Сторонник и проповедник «красивой жизни»,— для него эта жизнь — истина и вся философия.

Поймы рек Оскола, Валуя, Уразво, Потудани, Девица — это целые заболоченные страны.

Электротехника должна быть самостоятельной наукой, объединяющей всю практику (собственно электротехнику) и теорию электричества — электрику.

Электротехника, хотя и кровное дитя физики, должна оторваться от своей матери и жить отдельно, самостоятельно.

Искусство не терпит пустоты,— оно должно быть заполнено жизнью и людьми, как поле травой.

Нельзя социалистический реализм подменить вульгарным сентиментализмом.

Искусство заключается в том, чтобы посредством наипростейших средств выразить наисложнейшее. Оно — высшая форма экономии.

...Зависимость и ответственность художника от общей исторической жизни народа.

Настоящий художник не может принять натурализм как руководство к творчеству (указание Энгельса). В действительности указание Энгельса, разработанное самим Энгельсом очень детально, есть не что иное, как обоснование социалистического реализма искусства наших дней...

«Пагубный пример» — все с Запада (Герцен). Все тогда ссылались на Запад, теперь на СССР, СССР стал центром мировоззрения мира.

Труд есть совесть.

Все возможно — и удается все, но главное — сеять души в людях.

ПЛАТОНОВ — НАШ СОВРЕМЕННИК

Судьба, кажется, не без тайного умысла распорядилась жизнью А. Платонова (1899—1951): она почти с хронометрической точностью отмерила ему первую половину нашего столетия — самое сложное время в истории страны, словно гарантировала эпохе крупных социальных потрясений и перемен нового, не похожего ни на одного из известных ей летописцев.

Ровесник текущего века, А. Платонов вместе со своим народом пережил две опустошительные мировые войны, Великую Октябрьскую социалистическую революцию и войну гражданскую, нэп, индустриализацию страны и коллективизацию деревни, породившие невиданные свершения и [illegible] взлеты человеческого духа и небывалые людские [illegible] муки и сомнения. Будучи не всегда в согласии с [illegible] господствующими взглядами на события, происходившие в стране, А. Платонов вместе с тем унаследовал от [illegible] ум и душу эпохи то ее скрытое энергетическое и [illegible] качество, которое в наибольшей степени выражает [illegible] пафос и духовную сущность революции и заключается в [illegible] познании и преобразовании мира и постижении природы человека и глубинных основ народного бытия.

Признавая жизнь [illegible] ценностью, А. Платонов не считал, однако, всякую жизнь достойной человека, а ее гарантии — хлеб насущный, свободу, труд, познание и т. п., если они теряют исторический смысл и угрожают существованию подобного рода, безусловным благом. Центральные вопросы, которые мучили художника, не сводились им в ответе к оправданию какой бы то ни было жизни и к осуждению смертоносных для нее сил, а сводились в том, как жить, чтобы печальных и небескорыстных подозрений в целесообразности пребывания человека на земле не возникало.

Вопросы по преимуществу нашего больного столетия. В новейшей литературе эти вопросы ни один из художников не ставил, может быть, с такою остротой, обнаженностью и постоянством, с какими ставил их А. Платонов. И если каждый подлинный писатель [illegible]

[illegible] «лица необщим выраженьем», то представляется вполне естественным, что при имени Андрей Платонов в нашем сознании невольно возникает образ странника, с «обнаженным сердцем» идущего дорогою людских несчастий и бедствий встречь ветру — этому «вестнику бесконечной вселенной», и открывающейся впереди дали, исполненной «живого исторического смысла».

В творчестве А. Платонова, равно как и в его — выходца из народных низов — биографии, нашла яркое отражение история социально-нравственных исканий русского человека первой половины XX века, свидетельствующая не только о духовной мощи, талантливости, трудовом подвижничестве и жизнестойкости народа, но и о его утопических заблуждениях и трагических состояниях, последствия которых до сих пор сказываются на нашей многотрудной судьбе.

Уроженец воронежской окраины, сын слесаря железнодорожных мастерских, А. Платонов в неполные четырнадцать лет начал трудовую деятельность, переменив к октябрю 1917 года несколько чернорабочих профессий, потом учился, участвовал в гражданской войне и восстановлении народного хозяйства. Все эти «университеты» питали его знанием и пониманием характера и миросозерцания низовой, народной России — странника Христа ради, нищего и бродяги, мужика и полупролетария — кустаря, ремесленника, и другого мастерового люда.

Воронежская губерния, давшая исход словесному искусству А. Платонова, отличалась крайней запущенностью и заброшенностью. Еще царское правительство, обеспокоенное судьбой центральных черноземов, неоднократно поднимало вопрос о ее бытовом, хозяйственном и культурном возрождении, но последовавшие вскоре события оставили решение этого вопроса открытым; и империалистическая война, затем революция и война гражданская довели край до полного разора и [illegible].

Перенаселенная, с кустарными зачатками промышленности и отсталыми формами сельского хозяйства, губерния в 1918 году пережила оккупацию немецких войск и партизанскую борьбу с ними; в 1919-м Деникина; в 1920 и 1921-м — последствия гражданской войны и неуправляемой революционной стихии — разбой и бандитизм, подогреваемые страшным голодом, поразившим восточные районы края и повторившимся в 1924 году. Область до самого конца 20-х годов выделялась в европейской России самой высокой смертностью, особенно детской, и свирепостью болезней, принимавших характер средневековых эпидемий, — тифа, малярии, туберкулеза, сифилиса и цинги.

Подобно Радищеву, А. Платонов мог бы сказать о своем чувстве России: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала». И именно с той поры, с четырнадцати лет, когда он пошел «в люди», перебиваясь случайным заработком, в Платонове начало пробуждаться поэтическое отношение к действительности как компенсация и духовное преодоление страданий

...ности, как кратчайший путь к открытию человеческого сча-
...ья и облегчению участи родного народа. «Все материальное, серое
...и обыкновенное,— писал А. Платонов о себе позднее,— он принял
...лишь близко к сердцу, что оно стало для него духовным... он своими
...сказками делал тогда это превращение материального в духовное...»
...И в конце концов из «серых», «бросовых» и «подручных» материалов,
...на которых духовно держалась глубинная народная жизнь, с неисся-
...каемой надеждой и верой устремленная к раю на земле и идеально-
...му человеку на ней в сказках, житиях святых, утопических легендах,
...пророческих откровениях юродивых и странников и т. п., он «своими
...руками» создал свой, особенный, «самодельный» язык. На нем заго-
...ворила платоновская «природная» Россия, вырвавшаяся в октябре
...1917 года из «мертвого мучения долготы истории» на социальный
...простор и вступившая в сложный и драматический диалог с мар-
...ксизмом, зачастую не понимая его научного языка и, как выразился
...один из персонажей «Чевенгура», «дуром приспособляя социализм
...к порожним местам равнины и оврагов».

Работа народного сознания и нравственного чувства по переоценке ценностей в эпоху ломки традиционного жизненного уклада и мировоззрении и стала главным предметом прозы А. Платонова.

Характеризуя [illegible] мировоззрение как «правду и смысл жизни», А. Платонов [illegible] и [illegible] обстоятельством многое объясняется в исторической [illegible] нашей революции, что «традиционное русское историческое [illegible] доискательство соединилось в Октябрьской революции с боль[illegible]ми — для реального осуществления народной правды на [illegible] соединение», однако, протекало без известии и не сбо[illegible] [illegible] ...ного обоюдного и болезненного отторжения «тел».

Автор известных [illegible]ей «Ямская слобода» (1927), «Сокровенный человек» (1927), «[illegible]ческое житие мастера» (1928; первая часть романа «Чевенгур»), А. [illegible]онов нашел народ в том состоянии, в каком его оставила отечественная классика XIX века, в частности Гоголь, написавший, по Платонову, всего лишь большое введение к ... теме мертвых душ человечества», Щедрин, изобразивший «убитый горем» народ, который ничуть не лучше одичалых и фантастических чиновников, Достоевский, предельно надавивший «на фатальное несчастье, тщетность и бессилие человека».

Оценки не случайные, ими А. Платонов обозначил связь с великой гуманистической традицией и, присягнув ей на верность, пошел дальше. По существу А. Платонов начал с того, на чем классическая литература остановилась. Со взыскания погибших, по его же собственному выражению. С момента, когда революция сняла с истории тяжелый угнетающий покров, под которым известный классике «маленький человек» мог задохнуться навеки, и он, этот «маленький человек», замордованный до равнодушия к самому себе, до полного [illegible]памятства, существовавший дотоле, как и время, породившее его, [illegible] убогом виде, разрозненности и без общего ясного смысла», вышел [illegible] далеких родин» на свет жизни. Влекомый революцией

и гражданской войной, сокровенный человек А. Платонова, неизвестный самому себе, не знающий подлинной ценности ни своей, ни чужой жизни, начинает словно оттаивать и умом и сердцем, в нем просыпается душа, чувство родства и общности судьбы с себе подобными, но все это пока еще зыбко, непрочно, текуче и неуловимо, как и самый исторический рельеф революционной действительности с его многоязычием, борьбой идей и интересов. И все же главное направление («революция — как раз лучшая судьба для людей, верней ничего не придумаешь») в развитии платоновского человека просматривается — как интуиция, догадка или внезапное озарение, идущие словно из глубины природы. И если герои «Ямской слободы» и «Происхождения мастера» оставлены А. Платоновым на пороге в революцию, то Фома Пухов («Сокровенный человек»), пообтершийся на дорогах гражданской войны, «догадывался о самом важном и мучительном. Он даже остановился, опустив глаза,— нечаянное в душе возвратилось к нему. Отчаянная природа перешла в людей и в смелость революции. Вот где таилось для него сомнение».

Было бы наивным думать, что герои А. Платонова вышли из революции и гражданской войны сформировавшимися социалистами и строителями нового общества.

В романе «Чевенгур» — самом значительном произведении А. Платонова, подлинной народной эпопее, ярко отразившей многоукладность России в период перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике, писателем показаны в зародыше и попытках, по существу, те модели крестьянского социализма, испытываемые живой, исторической практикой народа в пору недолгого стихийного социального творчества самых широких масс — от социализма анархического до социализма казарменного, бюрократического, об опасности которого художник предупреждал еще в повести «Город Градов» (1926), очерках «Че-Че-О» (1928), рассказах «Государственный житель» и «Усомнившийся Макар» (1929).

Роман создавался А. Платоновым в 1926—1929 гг., и хотя его историческое содержание, если не брать во внимание «Происхождение мастера», ограничивается периодом 1921—1922 годов, в нем дает себя знать и последующее время. На исходе 20-х годов А. Платонову становились все яснее перспективы социалистического строительства в стране, в особенности те тенденции общественного развития, которые вызывали у писателя серьезные опасения за судьбы народа, подлинного общества и его культуры.

Первое, что выносишь из чтения романа,— ощущение огромности России, ее немереных просторов, донельзя запущенных и разоренных войной, с редкими, словно скрывающимися по балкам сыро откровенную нищету и ветхость деревнями. Дванов «заглядался в бедный ландшафт впереди. И земли, и небо были до утомления несчастны: здесь люди жили отдельно и не действовали, как гнезда, не сложенные в костер. «Вот оно — сырье для социализма!» — изучал Дванов страну.— Ни одного сооружения — только гнезда-сироты!»

Качается. Дванов плутает по степи меж случайно уцелевшими с голодом жизни — будто по земле прошел мор страшной силы многих унес в могилу, а те, кто выжил, еще не оправились от изнурительной болезни и едва начинают двигаться, научаясь ходить заново. Состояние России, перетаскивающей полуживое крестьянское тело из-под тяжких завалов «военного коммунизма» к новой экономической политике. Уже мало-помалу отодвигаются в прошлое стихийные крестьянские волнения, прокатившиеся по Украине, Юго-Востоку, Сибири, Поволжью и центральным российским губерниям, позади недавние забастовки питерских и московских беспартийных пролетариев, грозный кронштадтский мятеж, но еще шастают по степи вокруг Чевенгура остатки банд и неприкаянные бродяги, одержимые синдромом гражданской войны и гонимые разрухой, голодом и общей неразберихой и неустроенностью, еще спущенный сверху нэп «пешком» добирается до глухих российских уездов, еще стережат порожними и невозделанными поля и в большом сомнении чешет мужик затылок, опасаясь грабежа среди белого дня в виде продразверстки и разорительной для хозяйской стабильности гужевой повинности.

Переход страны к нэпу совпал с резким изменением тактики Коминтерна и коммунистических партий в международной политике, которая в 1919—1[illegible] строилась на скорейшем осуществлении социалистической [illegible] в ряде стран. Многим тогдашним коммунистам, в [illegible] России казалось: революция набирает силу столь стремите[illegible] потребуется совсем небольшой срок, и навсегда будет по[illegible] эксплуатацией в Европе. «Мы и нача[illegible] писал В.И Ленин,— исключительно в расчете на мир[illegible] и попытались почти сразу же ввести коммунистическ[illegible] отношении в обществе, допустив эту ошибку, что решили прои[illegible] непосредственный переход к коммунистическому производству и р[illegible] распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нам[illegible] количество хлеба, а мы развернем его по заводам и фабрикам,— и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»[1].

Новая экономическая политика остановила развитие гражданской войны в России, поворот Коминтерна и коммунистических партий вправо от левацко-сектантских устремлений и настроений спас мировую революцию от занесенного над нею меча. Энергия заблуждения, нетерпения и неистовства, связанная с ожидание[illegible] мирового «пожара», будто наткнулась на неожиданное препятствие, и вся ее инерционная мощь трагикомической судорогой отозвалась на измученной семилетней войной России, находя исход в героях, наподобие Степана Копенкина, рыцаря Мировой Революции, без страха и сомнения поспешающего в будущее через «одни подвиги вдохновенной руки».

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 1
[2] Там же. Т. 44. С. 157

Возможно, слово *чевенгур* означает *могила лаптей* (от че- [illegible] лаповище, обносок лаптя; *гур* — могила, гробница, склеп) — сим- вол конца исконному русскому правдоискательству, ибо в Чевенгуре, по мнению его новых устроителей, настала тишина и конец истории, пора всеобщего счастья и благоденствия.

Дабы неимущим не погибнуть на переходных «этапах» к соци- ализму, в Чевенгуре извели мелкую буржуазию, дважды расстреляв ее: сначала уничтожили ее тела, потом — души, ликвидировав тем самым не только «плоть нетрудовых элементов», но и «запасы накоп- ленной вековой душевности». Солнце было объявлено всемирным пролетарием, труд упразднен, как пережиток жадности и эксплуата- ции, по редким субботникам жители города, не создавая никаких ма- териальных ценностей, занимались добровольной порчей мелкобур- жуазного наследства.

Для усиления очевидности коммунизма («когда пролетариат живет себе один, то коммунизм у него сам выходит») в Чевенгуре со- брали самых нищих и несчастных людей, износивших себя до полу- живого состояния,— распоследних пролетариев, названных А.Плато- новым «прочие». Кто же такие эти «прочие»? По мнению Прошки Дванова, они «хуже пролетариата», «не русские, не армяне, не тата- ры, а — никто», «безотцовщина», «они нигде не жили, они бредут». Согласно характеристике автора, «люди (собранные в Чевенгу- ре.— *В В.*) были подобны [illegible] ветхим костям из рассыпавшегося скелета чьей-то огромной и [illegible] жизни». Метафора, по плотно- сти упаковки напоминающая [illegible]ечко, в котором содержится буду- щее дерево с его кор[illegible], заключает в себе картину и вме- сте мысль о траге[illegible] до основания,— остались одни «прочие», «никто», [illegible], памяти и Отечества, люмпены, голь перекатная, [illegible], проститутки, бродяги... (В повести «Джан», к примеру, [illegible] изменявшие мужьям, христопродав- цы, насмешники над ми[illegible].) Это было тяжкое наследие семи лет беспрерывной борьбы и [illegible] — с 1914 по 1920 год, а также ре- зультаты политики «военного коммунизма», весьма преуспевшей в раскрестьянивании деревни и денационализации и пролетариза- ции народа. Процесс, несколько приостановленный нэпом и с новой силой возобладавший со второй половины 20-х годов, когда ленин- ское понятие «смычки» между городом и деревней было замещено феодальной «данью», а провозглашенный ранее лозунг о союзе с се- редняком сместился к опоре на бедноту и батрачество в их борьбе с зажиточным крестьянством.

Посвятив несколько страниц нэпу, А.Платонов не показал, однако, новой экономической политики как блага, реализованного в действительности, а целиком сосредоточился мыслью на истории чевенгурской коммуны, стремясь понять — и в этом заключается про- роческая сила романа,— каким будет социализм, возводимый в исто- рическом одиночестве и руками самых последних и обездоленных пролетариев.

Характеризуя «прочих», А. Платонов следующим образом опре-[illegible]ет социально-нравственную основу их внутреннего уклада: «Ка-[illegible]дая немощь прочих была равнодушием их силы». Равнодушная [illegible], свободная от собственности, общенациональных интересов, оте-[illegible]ственной истории, моральных народных традиции и устоев, не об-[illegible]дает свободой исторической воли и нуждается в организации [illegible] направлении, являясь готовой почвой для волюнтаристских экспе-[illegible]ментов с исторической реальностью, она подразумевает и поро-[illegible]дает вождя (Чепурный) и даже закулисного инквизитора (Прохор [illegible]анов), выступающего в качестве некоей непознанной закономер-[illegible]сти жизни.

На исходе 20-х годов, когда усиление и углубление классовой [illegible]рьбы в стране было поставлено в прямую связь с ростом успехов [illegible] социалистическом строительстве (иначе сказать: чем яростнее ме-[illegible]доусобица, тем больше социализма, и наоборот), «прочие» выдвину-[illegible]сь в идеальные [illegible] эпохи, наилучшим образом отвечающие [illegible]обе дня», ибо, по Платонову, они несли в себе надежду, «уверен-[illegible]ую и удачную, по [illegible] Эта надежда имела свою [illegible]чность в том [illegible] сделаться живым и целым — уда-[illegible] то удастся все [illegible] хотя бы потребовалось дове-[illegible] весь мир [illegible] могилы» (разрядка [illegible] — *В. В.*). Надеж[illegible] в реальности в Чевенгуре [illegible]ставшая девизом [illegible] «коммунистического» уезда: «...Лучше будет разрушить [illegible] мир, но зато приобрести в го-[illegible]ом виде друг [illegible] старки всех стран соединяйтесь скорее всего!»

Крах Чевен[illegible] и загадочно мотивирован-[illegible] А. Платонов[illegible] неприятие художником соци-[illegible]ализма, который [illegible] как фундамента, с голого чело-[illegible]ека на голой зем[illegible] мысли о том, будто «прочие» [illegible] есть первые [illegible] доноценные люди на белом свете и до [illegible]их не было ни [illegible] ни традиции.

С упразднением [illegible] счастья А. Платонов прощался [illegible] наивным романтизмом юности и шел навстречу живой историче-[illegible]ской действительности, видя свою задачу в открытии всего реально-[illegible]го и в подавлении всего иллюзорного, могущего привести человече-[illegible]ское общество к катастрофе. С чевенгурцами уходили в прошлое представления молодого Платонова о революции как способе окон-[illegible]чательного развязывания всех и всяческих узлов и о коммунизме как [illegible] состоянии и готовом идеале, выведенном априори из головы (оста-[illegible]ся только приспособить, приладить и подогнать к нему все богат-[illegible]во живой развивающейся жизни); подвергались переоценке ран-[illegible]е платоновские мысли о том, что социализм есть общество мужчин [illegible] мысли, а не женщин и эмоций... Короче говоря, некоторые статьи, [illegible] и рассказы раннего Платонова давали большие основания для [illegible], чтобы зрелый Платонов отнес эти сочинения к произведениям, [illegible] фонд юмористической литературы, а их автора, оди-[illegible] изобретателя всеобщего счастья, к кандидатам в тираны.

Заблуждения молодого Платонова, однако,— не заблуждения отвлеченного ума, оторванного от действительности, а иллюзии, разделяемые многими людьми того времени, утопия, возжелавшая стать единственной исторической реальностью на исходе 20-х годов. Не без активной и агрессивной помощи, если иметь в виду литературу программных установок и широковещательных лозунгов пролеткультов, «кузнецов», лефов, конструктивистов и других «неистовых ревнителей» строгого и чистого пролетарского социализма и классовой однородности общества, внесших немалый вклад в раздувание пожара междоусобной борьбы и насильственное раскрестьянивание деревни как ненужного светлому будущему балласта и оплота мелкобуржуазной стихии, патриархальных пережитков, «замшелых» традиций и «дремучих» национальных устоев.

Завершая роман «Чевенгур» в 1929 году, А. Платонов уже держал в замысле повесть «Котлован» или корректировал одно произведение другим. Во всяком случае вопрос, прозвучавший в «Котловане»,— с кем останемся? с «прочими»?— стал суровой реальностью в утопическом Чевенгуре, а проблема трагической участи России, народа, национальной культуры — основным содержанием произведения.

Некогда считавший, подобно Дванову, невежество «чистым полем, где еще может вырасти растение всякого знания», а культуру «заросшим полем, где соли [illegible] взяты растением и где ничего больше не вырастет», зрелый А. Платонов глубоко усомнился в благородстве невежества и в том, что оно не выдержит долго и разродится произвольно чем-нибудь [illegible] и драгоценным». Усомнился в «вакуумной» культуре [illegible] ых пролетарских рук», культуре, взращенной вне и вопреки [illegible] истории и традиции.

Животворящее значение [illegible] в судьбе народа равновелико, по Платонову, значению матери, [illegible] ребенка природными силами и материнскими [illegible] и отца, выводящего ребенка за руку в большой социальный мир. И если мать, по мысли Платонова, связывает дитя с природой и нравственностью, то отец является проводником сына в страну исторического Отечества. Мать, в предельном обобщении А. Платонова, воплощает душу истории, отец — ее разум, и задача жизни — в укреплении этих двух начал в естественноисторическом развитии действительности, а не в их отторжении или преодолении одного другим. Природа (мать) дает человеку душу; история (отец) делает ее разумной. Беда «прочих» в романе «Чевенгур» в том, что, обладая природным чувством, они не обладают разумом истории: «Жизнь прочих была безотцовщиной — она продолжалась на пустой земле без того первого товарища, который вывел бы их за руку к людям, чтобы после своей смерти оставить людей детям в наследство — для замены себя». Именно поэтому и в романе «Чевенгур», и в повести «Котлован» умирают дети — будущее нового общества. Ревзаповедник, учрежденный в Чевенгуре,— не лучшее наследство для пореволюционных поколений Девочке Насте в повести «Котлован» Вощев собирает в наследство «вещественн

...остатки потерянных людей, живших, подобно ему, без истины», ...также обрекало наследницу на безотцовщину и социальную не-...риканность, на элементарное воспроизводство унаследованного ...зора», которое некому предъявить к отмщению. «Автор,— писал ... Платонов в одном из оставшихся в архиве вариантов пове-...ли,— мог ошибиться, изобразив в виде смерти девочки гибель соци-...листического поколения, но эта ошибка произошла лишь от излиш-...ней тревоги за нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению ...не только всего прошлого, но и будущего».

Чевенгурский «коммунизм», в нетерпении выкраденный его ...основателями с дороги истории, оказался бесплодным и выпавшим ...из культурного обихода человечества «чистым полем», которое в ко-...нечном итоге заросло самосевным и неухаживающимся в уходе бурья-...ком, забивающим и ... растения; котлован, ... строительства общепролетарского ...дома обернулся ... пустой или прошлых мук и буду-...щих надежд ... и в трагедию, и в фарс одновременно.

Со смерт... политики во второй по-...ловине 20-х годов ... пущенная вперед самотеком», пере-...шла, по Н... ...в и учреждений, точ-...но госаппа... ...для постройки социализ-...ма. И са... ...родинокровной национальной жизни ... ...народов, был выкорчеван четверти... ...ах садовников и засеян мелким ... ...работы и долгого ожида-...ния плод... ...ое рощение не нужно ни труда ни ... ...ремени. И после снесенного сада рево-...люции ет... ...сплошной саморастущий злак, побы кор... ...живого труда. И так будет идти долго, пока злак не ... почву и люди не останутся на глине и на камне или пок... ...сохранившие садовники не разведут снова прохлад-...ного сада на ...оскудевшей, иссушенной безлюдным ветром земле».

В произведениях, последовавших за «Чевенгуром»,— повестях «Котлован» (1929—1930) и «Ювенильное море» (1934), пьесе «14 Крас-ных Изб...шек, или Герои нашего времени» (1933) и других, А. Плато-нов показал исторический процесс конца 20-х — первой половины 30-х годов как истощение почвы, на которой вырастает культура жизни — культ жизни и ее абсолютная ценность, как проживание ка-питала, накопленного предшествующими поколениями людей, и утрату смысла человеческого существования. Этот процесс нашел конкретное художественное воплощение в картинах раскрестьянива-ния деревни — уничтожения столетиями складывавшегося класса крестьян и его культуры в России (Платонов считал Россию мужи-ком в отличие от Германии, мастерового слесаря), насильственной денационализации и пролетаризации народа («Котлован», пьеса «14 Красных Избушек...») и, как следствие, обюрокрачивания и огосу-

отчуждении жизни и человека, лишенных национальных и исторических корней («Государственный житель», «Ювенильное море»).

Жуть, страх, психоз, порождаемые словно автоматически и независимо от воли героев,— основной эмоциональный колорит пьесы. Источник его постоянно самоподдерживается на некоем критическом уровне, непрерывно питаясь трагическим отчуждением между людьми и их «вычитанием» из действительности, разрывом между словом и делом, целью и средствами ее достижения, что равно утрате смысла жизни. Вощеву в повести «Котлован» без истины «стыдно жить», а социалисту Сафронову страшно о ней даже подумать: «...не есть ли истина лишь классовый враг? Ведь он теперь даже в форме сна или воображения может предстать». Это уже предвосхищение психоза в пьесе: «Классовый враг необходим: превратим его в друга, а друга во врага — лишь бы игра не кончалась».

А. Платонов вскрывал политическую логику подмены истины страхом и жутью и выходил на тему власти и народа, тему постоянных своих раздумий с конца 10 х годов, которая, однако, решалась прозаиком в начале его творческого пути несколько отвлеченно и умозрительно. Известно, чем круче революция, тем абстрактнее представления о несомых ею благах и горше встреча с повседневной реальностью, поскольку утопическое понимание коммунизма стоит «в обратном отношении к историческому развитию»[1].

Вот герой, близкий А. Платонову в 1929 году,— во всяком случае все симпатии, сомнения и [illegible] связаны у художника с этим героем, усомнившимся Макаром одноименного рассказа, увидевшим во сне гору, а на ней [illegible] человека: «Лицо ученейшего человека было освещено [illegible] дальней жизни, что расстилалась под ним вдалеке, а глаза были [illegible] ршины и мертвы от нахождения на высоте и слишком далеко [illegible] Научный молчал, а Макар лежал во сне и тосковал: «Что [illegible] жизни, чтоб я себе и другим был нужен?» — спросил Макар [illegible] ких от ужаса. Научный человек молчал по-прежнему без ответа, и миллионы живых жизней отражались в его мертвых очах».

В повести «Котлован» «ученейший человек» предстанет в виде главного в городе, дающего профсоюзному деятелю Пашкину указание увеличить котлован вчетверо, ибо первоначальный «масштаб дома узок». В пьесе «14 Красных Избушек...» «научный человек» примет облик чучела, воздвигнутого посреди сельхозартели,— оно похоже на «сурового человека», но «больше человека и страшней», а рука его поднята в «неопределенной угрозе».

Тема «Усомнившегося Макара» (общие масштабы и судьбы частных людей), «Котлована» (строительство пролетарского дома для «нового» человека, со смертью которого будущее утратило реальность «детского чувства и убежденного впечатления»), «14 Красных Избушек...» (незримое разлагающее действие мертвого чучела на окружающее) — своего рода тема пушкинского «Медного всадника»,

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 456.

...рем, по Платонову, Петр и Евгений являют собою равновеликие фигуры, в одинаковой степени призванные к «исторической ра... Петр — направление «в обширный, деятельный мир, где, однако, тоже нельзя существовать без... Евгения, чтобы не получилась лишь «бронза», чтобы Адмиралтейская игла не превратилась в подсвечник у гроба умершей (или погубленной) поэтической человеческой души».

И в «Котловане», и в «Избушках» народ, массы, «щи капитализма» представлены или скопом и безмолвно, как в повести, где изнуряюще-смертельный и бессмысленный труд является и умом, и религией рабочих и мужиков одновременно, или находится за сценой, как в пьесе. На поверхности действует «мелкое начальство», несколько отличающееся от своих ближних и чувствующее некоторую свою особенность по отношению к ним. Но дело не в этом, а в том, что названное «мелкое начальство» неизлечимо заражено «ученостью», эпидемия [illegible] жизни принимает всепроникающий характер. Как заметил А. Платонов в повести «Город Градов»: «Бюрократия имеет [illegible] революцией: она склеила расползающиеся части [illegible] к порядку и приучила к однообразию [illegible] вещей».

Между [illegible] А. Платонова, непроходимой пр[illegible] власти, воплощенные художником [illegible] «Усомнившемся Макаре», главного в «Котловане», [illegible] в «Избушках», стоят в обратном порядке к разуму, чувству и совести народа. Укрепляясь за счет народа и ничего [illegible] деморализует народ, разлагает, томит [illegible] «Котлована» все гуще окрашивается [illegible] разлуки, тоски и печали, а «Избушки» завершаются [illegible] последней энергически мощной предсмертной судорогой человека.

Отрыв революционной мысли о жизни от самой жизни пагубно сказывался [illegible], эманация «чистого разума» обедняла реальность, сводя ее к логическим элементарным представлениям, взятым из головы, и разъедала и умерщвляла ее живые ткани. И Платонов имел все основания беспокоиться, как бы в социализм не пришел «один главный человек», ибо по теории социалиста Сафронова, вещающего «верховным голосом могущества» вместо замолкнувшего радио, выходило: «Поставим вопрос: откуда взялся русский народ? И ответим: из буржуазной мелочи! Он бы и еще откуда-нибудь родился, да больше места не было. А потому мы должны бросить каждого в рассол социализма, чтобы с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел бы энтузиазм!..»

Кажется, в «Котловане» и «Избушках» А. Платонов, глубоко скептически относясь к революционным преобразованиям первой половины 30-х годов, противопоставляет им эволюционное развитие [illegible]. В отличие от сельского активиста, героя «Котлована», не терпящего никакой неясности в действительности («У нас стихии сейчас

ни капли, деться никому некуда!»), Вощев собирал «всякую не-
счастную мелочь природы, как документы бесплановой создания
мира, как факты меланхолии любого живущего дыхания». Но что то-
гда делать со страданиями самого Вощева, который не может жить
без истины, а следовательно, и без цели? Где же правда? В револю-
ции или эволюции, во власти или свободе, в плане и порядке или
стихии и анархии?

Столь резко, предпочитая одно другому, А. Платонов вопроса
не ставил, он думал о мостах между эволюцией и революцией, пору-
шенных во второй половине 20-х годов, о том смутном состоянии
«безостановочного ума», которое один из героев «Ювенильного мо-
ря» — инженер и музыкант Вермо, «воображал себе в виде низкой
комнаты, полной табачного дыма, где дрались оборвавшиеся от борь-
бы диалектические сущности техники и природы», организации
и стихии, революции и эволюции. «Оборвавшиеся от борьбы», эти
сущности уже дрались, не представляя из себя, каждая по отдельно-
сти, никакой творческой, созидательной силы, разрушая и дробя це-
лое и истину и плодя «пролетарское младенчество и чистое сирот-
ство».

Написанная в одно время с «Ямбушками», повесть «Ювенильное
море» как бы отвечает на главный вопрос пьесы, сформулированный
Суенитой и обращенный к Хозу: «Выдумай нам пищу поскорей. Ты
знаешь вещество всего мира — оно ведь пустяки, ты сам говорил».
Инженер Вермо также знает «вещество всего мира» (на пути в мясо-
совхоз «Родительские Дворики» он «управился... открыть первую при-
чину землетрясений, вулканов и всякого переустройства земного
шара») и придумывает пищу, [illegible] и придумывает иначе, чем
Хоз, ведь он представитель иной формации. Если Хоз, «придумывая
пищу», попросту удушает голыми руками одну только Интергом,
склонную — в зависимости от выгод — любить» и капиталистов и со-
циалистов одновременно, то Вермо ликвидирует (или упраздняет)
уже целый класс зажиточных мужиков и баб, тоже мечущихся меж-
ду капитализмом и социализмом.

Что же несет с собою новый хозяин, заменивший эволюциониста
и оппортуниста Умрищева, — музыкант и инженер Вермо? Он
снес деревню Родительские Дворики, оставшуюся в наследство от
Умрищева, а на месте развороченной земли соорудил башню, где бу-
дут сохраняться «электрический силос» для скота, сам скот, а также
совхозные жители; восстал против естественного устройства приро-
ды и потворства этому оппортунистическому устройству со стороны
администрации совхоза; решил использовать свет, идущий из глаз
человека, с народнохозяйственной целью; предложил прожигать зе-
млю вольтовой дугой, с тем чтобы добраться до ювенильной, девст-
венной, животворящей воды и выпустить ее наружу для облагорожи-
вания степи и создания пастбищ; продумал вопрос о рационализа-
ции отдыха и счастья трудящихся; наконец, предложил собрать весь
белый свет в одну точку и превратить его в электрическую энергию,
а на всем пространстве земли установить «технический большевизм».

И вообще повелел всем жить постоянным «творчеством изобретений», чтобы человеку некогда было опомниться. В этом своем качестве, особенно в стремлении к «творчеству изобретений», Вермо напоминает Антона Концова из пьесы «14 Красных Избушек...», который тоже не мог жить без изобретений и постоянно что-нибудь да придумывал, питая слабость к опытам с электричеством,— последнее крупное его изобретение сводилось к обнесению колхозной тюрьмы проволокой и пропуску по проволоке электрического тока.

Художник глубоко народный, по необходимости прибегнувший в повести к сложному шифру, завуалированному расхожей схоластикой вульгарного социологизма и так называемого экономического материализма — что само по себе составляет отдельную тему «Ювенильного моря», тему мышления человека 20 – 30-х годов,— А. Платонов думал о судьбе народа и его будущем. Сколь ни изощрен в изобретательстве Вермо, но и его охватывает настроение своей незначительности [illegible] «Вопросов ленинизма» Сталина, откуда он вынес, одна[illegible] уверенность, что находится на правильном пути, «беря первичн[illegible] в жизнь плана, сочиненного им в [illegible] Родительских Двориков», «из своего [illegible] человеческих глаз, превращаемого в элект[illegible] уже в эпилоге повести, Вермо ка[illegible] трансформации дневного света в [illegible] из Ленинграда в некогда во[illegible] ли своему идолу из расска[illegible] А. Платоновым также в 1934 г[illegible] на спине машины, на угрюм[illegible] строить не свободу, а упрямую деспотию»?..

В [illegible] модификация ученого человека. [illegible] предстал перед нами в развернутом [illegible] ума и рук. Нельзя сказать, что А. Платонов [illegible] Вермо уничижительно, художник его прежде всего понимает. Больше того: в Вермо А. Платоновым вложено многое из того, чем сам писатель переболел в конце 10-х — начале 20-х годов и о чем мы уже говорили. Восприняв революцию как наступление эпохи «чистого разума» и действующего на все коренным образом сознания, как освобождение человека от «балласта» прошлого (истории, культуры, нравственности, общественных и природных законов), автор «Ювенильного моря», столкнувшись с реальной действительностью, весьма быстро опомнился и понял, сколь глубоко заблуждался и куда может завести человека умозрительный идеал общественного устроения жизни, основанный на отвлеченных принципах «голого ума». Леденящая душу бездна, открывшаяся А. Платонову в этом «идеале», настолько потрясла писателя, что оставила в его духовном укладе отметину на всю жизнь. Это был такой груз молодых высоких надежд и стремлений и поздних глубоких разочарований, который и тяготит в жизненном пути и вместе облегчает долгую дорогу. Тяготит — как заблуждение ума; облегча-

[illegible] мудростью опыта, приобретенного через заблуждение, и пони-
манием сложности, глубины и тайны жизни, не поддающихся ника-
кому математическому исчислению и не переводимых ни на какой
унифицированный язык для их машинного воспроизведения и во-
одушевления.

Лишенный возможности опубликовать свои главные произведе-
ния конца 20-х — первой половины 30-х годов, А. Платонов, обратив-
шись перед войною к опыту отечественной классической литерату-
ры в статьях «Пушкин — наш товарищ», «Пушкин и Горький» и дру-
гих, продолжал задаваться вопросами о власти и народе и их отно-
шении друг к другу. Писатель склонялся к мысли о том, что народ
живет самостоятельной жизнью и связан с «высшими» кругами
«лишь цепью своей неволи»: «В народе свой политика, своя поэзия,
свое утешение и свое большое горе», постигнуть и выразить которые
и призван художник, дабы облегчить участь отдельного человека
и вывести его к подлинным жизненным ценностям. «Одному челове-
ку,— писал А. Платонов,— нельзя понять смысла и цели своего суще-
ствования. Когда же он приникает к народу, родившему его, и через
него к природе и миру, к прошлому времени и будущей надежде,—
тогда для души его открывается тот сокровенный источник, из кото-
рого должен питаться человек, чтобы иметь неистощимую силу для
своего деяния и крепость веры в необходимость своей жизни».

В годы Великой Отечественной войны, поставившей народ в ги-
бельное положение, А. Платонов много думает о духовной сущности
русского человека и исторических истоках его характера, неизменно
всматриваясь во внутренний мир прежде всего крестьянина: в дере-
венской избе произошло [illegible] русского народа», от простой
русской печки началось великое землепроходство за Волгу и Урал,
через таежные дебри Сибири на Дальний Восток и к Великому оке-
ану. «Конечно,— замечает А. Платонов в рассказе «О советском сол-
дате»,— здесь руководил народом экономический интерес, но эконо-
мический интерес, разрешаемый такими средствами, предполагает
и зарождает в народе психологическое соответствие его хозяйствен-
ной цели...»

Наряду с трудным освоением жизни, вырабатывающим в людях
терпение, чувство сообщества и родства, чадолюбие, уверенность во
всепобеждающей силе труда, житейский талант, глубокое понима-
ние природы и т. п., в русском человеке, по Платонову, уживается
странная и неразумная любовь к убыточным стихиям — пожарам, на-
воднениям, бурям, грозам. Притягательную силу этих стихий для че-
ловека писатель объясняет тайной надеждой людей на перемену
в жизни, их стремлением к свободе и разнообразию, к полному ду-
ховному самовыражению: «Россия обильна людьми, а не числом их...
разнообразием и своеобразием каждого человека...» Многообразие
характеров, составляющих нацию, воспитывает в народе, по Плато-
нову, отношение к отдельному человеку как к тайне и чуду жизни,
отношение терпеливое, понимающее, незлобивое, умеющее прощать,
уживаться с непохожим, обращать эту непохожесть в строительный

материал для собственной души. К прелести человека, как и к тайне природной стихии, свободной в своем движении, нельзя привыкнуть или стать равнодушным, а живое чувство сопричастности действительности всегда сопровождается созиданием человеческого в человеке: «К войне, раз уж она случилась, русский человек относится не со страхом, а тоже со страстным чувством заинтересованности, стремясь обратить ее катастрофическую силу в творческую энергию для преобразования своей мучительной судьбы..»

Народный характер Отечественной войны определяется в прозе А. Платонова главным образом естественным восстанием всей русской истории против фашизма — в великой битве с врагом защищались от уничтожения и идеалы Октября и исконное русское правдоискательство, традиционный национальный дух, имеющий «интегральное значение», потому что он «объединяет каждого человека с его народом напрямую, объединяет с живыми и умершими поколениями его Родины» («Размышления офицера»).

А. Платонов стремился материализовать в художественных образах саму метафи[illegible] обмена между поколениями и генетическое [illegible] и другое входило в его понимание народа [illegible] и саморазвивающейся целости [illegible] и общностью идеалов через матер[illegible] правнуков.. И то обстоятельство, [illegible] рассказа «Дед-солдат» легкой жел[illegible] плотину водоема, чтобы преградит[illegible] в это время, зайдя с тыла, «попо[illegible] для А. Платонова высшей гарантии [illegible] исторического существования [illegible] шестеро погибших солдат, не пре[illegible] в узкой траншее вместе с живыми [illegible] с противником. Прошлое и будущее, [illegible] участвуют в жизненном процессе, обра[illegible] через [illegible] обрываемых войной связей напряженное силовое поле истории. А. Платонов необычайно чутко чувствует спад или временную утрату этой напряженности, момент равностояния между жизнью и смертью, «ничейную территорию» будущего, на которой должен решиться вопрос: чему существовать на земле — смыслу и счастью или хаосу и отчаянию.

Смерти, если ею окуплено правое историческое дело,— в высшем понимании и последнем выводе — не существует. Она есть необходимое творчество жизни, самая жизнь в ее естественно понятом стремлении, такая же неизбежная, как возрожденческое падение достигнувшего абсолютной зрелости плода или отмирание зерна в почве, «почувствовавшего способность» дальнейшей жизни. «Смерть победима,— писал А. Платонов,— потому что живое существо, защищаясь, само становится смертью для той враждебной силы, которая несет ему гибель. И это высшее мгновение жизни, когда она соединяется со смертью, чтобы преодолеть ее, обычно не запоминается, хотя этот миг является чистой, одухотворенной радостью».

Предельно экономя на слове, А. Платонов достигал необычайной глубины в мыслях, питая сознание и душу воюющего народа древними, простыми и великими истинами: наше дело правое — к нему взывает грядущее и взыскует прошедшее; жизнь — закон, и смерть его только подтверждает; дух вечен, и бренность тела это доказывает; зло бессильно, ибо ему приходится прибегать к уничтожению добра; народ непобедим, если во имя него погибают люди...

Думая о тайне бессмертия народа, А. Платонов придавал исключительное значение воспитанию человека в семье, коллективе и обществе, считая, что в добром взаимодействии этих трех звеньев скрыта сила непобедимости народа и «его устойчивости против смерти, против зла и разложения». В семье, «начальном очаге национальной культуры», ребенок, через мать — отца, научается любви и верности, а через вещи, оставшиеся в наследство от предков, проникается священным чувством причастности к истории своего рода. Далее человек входит в более широкий круг жизни — начинает работать в коллективе: семейная школа любви и верности обогащается в труде чувствами чести и долга. И, наконец, третье звено — общество, все связи человека — семейные, производственные, дружеские, основанные на интересе к будущему народа, на любви к науке и культуре и т. п. За обществом, по Платонову, простирается «океан народа, общее отцовство, понятие которого для нас священно, потому что отсюда начинается наше служение». Служение не себе, не семейству, не группе людей, а всему народу и исторической истине, которую знает ум, сердце любит, а рука [illegible] в жизнь.

А. Платонов воспринял революцию как начало великого странствия народа в будущее и осуществление «сокровенной души в мире», как идеальную силу, [illegible]ющую человечество в добре, правде, истине и красоте: «...Солнце с высоты звало всех к себе, и из тьмы земли поднялись к нему в гости растения и твари — они были все разноцветные, каждый иной и не похожий ни на кого: кто как мог, тот так и сложился и ожил в земле, лишь бы выйти наружу, дыша и торжествуя, и быть свой срок на всеобщем свидании всего существующего...» («Афродита»)

Писатель оценил смысл и значение Октября с двух предельных, как бы исчерпывающих гуманистическое содержание 1917 года сторон: изнутри эволюции жизни, включая сюда и человеческую историю, и с точки зрения вечных социально-нравственных ценностей. Он понял революцию как творческое усилие самой природы в лице человека познать и перечувствовать самоё себя и выйти из такого всеобъемлющего познания и перечувствования уже в новом — одухотворенном — качестве, качестве единого, цельного, самонастраивающегося и саморазвивающегося мирового человеческого «организма».

* * *

Читая А. Платонова, замечаешь, что он — в отличие от других писателей — никого не оправдывает, не защищает и не принимает ничьей стороны. Он охватывает весь воссоздаваемый им противоре-

...ный мир прежде всего своим пониманием, и в этом всепроника-
...щем понимании заключается универсальная и мудрая человеч-
...ность художника. В силу названного обстоятельства создается впе-
...чатление, что исторический процесс в его искусстве носит фаталь-
...ный характер, однако это ошибочное, иллюзорное представ-
...ление — на примере проанализированных произведений мы ви-
...дели, сколь велика роль человека в текущих делах действитель-
...ности.

Другой вопрос: история в прозе А. Платонова — процесс необра-
...тимый. И здесь автор, как бы он ни был заинтересован в торжестве
...одних сил и в затенении и уничижении других, ничего поделать не
...может и не пытается, он остается мужественным и верным историче-
...ской правде и реализму и отдает должное тому раскладу сил в жиз-
...ни, который в наибольшей степени соответствует их иерархии, значе-
...нию и месту в исторической реальности. Но (и в этом принципиаль-
...ная особенность А. Платонова как художника и мыслителя) писа-
...тель считает, что исторический прогресс обеспечивается не чиновни-
...чьими указаниями и стихийным движением и глубинными измене-
...ниями в самой народной жизни. Новое общество, начинающееся
...с нуля как фронтовая встреча с голого человека на голой земле, — не про-
...гресс, а возвращение человека вспять, к его исходному историческо-
...му рубежу.

Наше [illegible] положение на исторической «лестни-
...це» обязывает [illegible] быть умнее и дальновиднее предшественников, но
...не дает нам никаких преимуществ перед ними, а тем более права на
...скверное отношение к тому, на чем мы стоим и благодаря чему дер-
...жимся, ибо мы сами — всего лишь мгновение в историческом процес-
...се, определяющим моментом которого является не подчинение чело
...века экономике, как это было, допустим, в эпоху коллективизации,
...а «производство и воспроизводство действительной жизни»[1]. Послед-
...нее — величина постоянная в истории, то единственно ценное и су-
...щественное, что нас связывает с предками, а не разъединяет с ними,
...то животворящее, что нас ведет в будущее, а не отбрасывает
...назад.

В подлинном прогрессе, если он действительно подлинный
...и именно прогресс, рано или поздно, считал А. Платонов, возродится
...все жизнеспособное, но не дожившее своего срока, все несправедли-
...во погубленное, поруганное и деформированное. Как, скажем, ныне
...возрождается к жизни, решается и приобретает фундаментальное
...значение для страны деформированный в пору коллективизации де-
...ревни крестьянский вопрос.

Истинный прогресс созидает душу человеку и народу, а первая
...потребность души — память и справедливость. Этой глубокой потреб

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 391.

ности человеческого сердца служат и недавно прочитанные нами, не издававшиеся ранее произведения великого А. Платонова, художника, обратившегося к нам — после всех народных жертв и страданий — с мужественным призывом «суметь жить... той высшей жизнью, которую нам безмолвно завещали мертвые; и тогда, ради их вечной памяти, надо исполнить все их надежды на земле, чтобы их воля осуществилась и сердце их, перестав дышать, не было обмануто. Мертвым некому довериться, кроме живых,— и нам надо так жить теперь, чтобы смерть наших людей была оправдана счастливой и свободной судьбой нашего народа и тем была взыскана их гибель».

Владимир Васильев

ПРИМЕЧАНИЯ

В однотомнике представлены произведения А. П. Платонова, в которых нашли наиболее прямое и полное выражение взгляды художника на узловые и принципиальные моменты отечественной истории — революцию и гражданскую войну, восстановление народного хозяйства, индустриализацию страны и коллективизацию деревни, войну Великую Отечественную. Художественная часть книги усилена хронологическими [illegible] материалами автобиографического характера [illegible] и извлечениями из его записных книжек [illegible] однотомниками прозаика типа «Избранное» [illegible] впервые знакомит широкого читателя с [illegible] А. Платонова.

Произведения [illegible] по жанрам; в порядке их следования друг за другом внутри разделов выдержан хронологический принцип. Исключение сделано составителем для рассказа «Афродита», написанного раньше «Возвращения» и тем не менее заключающего раздел рассказов. Отступление от хронологии объясняется в данном случае тем обстоятельством, что рассказ «Афродита» занимает в творчестве А. Платонова особое место. Созданный прозаиком за несколько лет до его кончины, он в некотором роде подытоживает размышления писателя о судьбе человека его поколения в связи с историей страны — от революции до окончания Великой Отечественной войны, и является своеобразным художественным обобщением жизненного пути многих из героев А. Платонова.

Тексты произведений, за исключением особо оговоренных в конкретных примечаниях, печатаются по изданиям: Платонов А. П. Собрание сочинений в 3-х тт.— М.: Сов. Россия, 1984 - 1985; Платонов А. П. Государственный житель: Проза, ранние сочинения, письма.— М.: Советский писатель, 1988.

ПОВЕСТИ

Сокровенный человек (с. 5). Впервые в сб.: Платонов А. Сокровенный человек.— М.: Молодая гвардия, 1928.

Повесть охватывает по времени конец гражданской войны и переход страны к миру и восстановлению народного хозяйства. В ней в частности отражены военные события начала 1920 года, связанные с обеспечением успешного наступления Южного и Юго-Восточного фронтов против Деникина, и ноября 1920 года — неудачный морской десант в тыл Врангеля в ходе Перекопско-Чонгарской операции (7—17 ноября).

Котлован (с. 70). Впервые в ж. «Новый мир», 1987, № 6; затем в кн.: Платонов Андрей. Котлован. Ювенильное море (Море юности). Повести.— М.: Художественная литература, 1987.

Работа А. Платонова над повестью протекала в течение декабря 1929 — апреля 1930 года и являет собою образец редкой синхронной связи ее автора с реальными историческими событиями.

Впервые о политике ликвидации кулачества как класса было заявлено на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 году. В декабре того же года в речи на научной конференции аграрников-марксистов Сталин объявил о переходе к ликвидации кулачества как об уже свершившемся факте. 11 января 1930 года в передовой статье «Правды» прозвучал призыв «объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов смести его с лица земли» (см.: «Коллективизация: как это [illegible] Правда», 1988, 16 сент.).

Приступая к [illegible] «Котлована» с некоторым опережением известного постано[illegible] ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях [illegible] хозяйств в районах сплошной коллективизации», [illegible] оговаривались конкретные формы и методы борьбы с [illegible]. Платонов уже обладал законченным взглядом на события [illegible] 1929—1930 годов и их последствия, что свидетельствует о [illegible] художника истинно поэтического, пророческого дара.

С. 119. *Где раньше стол был яств. Теперь там гроб стоит! Козлов.*— Нарочито модернизированные строки из стихотворения Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского».

С. 120. *Ну хорошо, ну прекрасно, но у вас кооператив, как говорится, рочдэльского вида, а не советского!*— Имеется в виду первое рабочее кооперативное потребительское «Общество справедливых пионеров» на хозрасчетных началах, организованное в 1844 году группой ткачей в английском городе Рочдейле.

РАССКАЗЫ

Родина электричества (с. 175). Впервые в ж. «Индустрия социализма», 1939, № 6, затем в сб.: Рассказы.— М.: Гослитиздат, 1962. Написан в 1926 году.

Усомнившийся Макар (с. 189). Впервые в ж. «Октябрь», 1929, № 9, затем в кн.: Платонов А. П. Государственный житель. Проза, ранние сочинения, письма.— М.: Советский писатель, 1988.

Фро (с. 205). Впервые в ж. «Литературный критик», 1936, № 8, [illegible]

тем в сб. рассказов: Платонов А. Река Потудань.— М.: Советский писатель. 1937.

Третий сын (с. 226). Впервые в ж. «Красная новь», 1936, № 1; затем в сб. рассказов: Платонов А. Река Потудань.— М.: Советский писатель. 1937.

В прекрасном и яростном мире (Машинист Мальцев) (с. 232). Впервые в сокращении и под названием «Александр Мальцев» в ж. «30 дней», 1941, № 2; затем в кн.: Платонов А. Избранные рассказы.— М.: Советский писатель. 1958.

Одухотворенные люди (с. 244). Впервые под названием «Одушевленные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем» в ж. «Знамя», 1942, № 11; затем отдельным изданием под названием «Бессмертный подвиг моряков. Фильченко. Одинцов. Паршин. Цибулько. Красносельский».— М.: Воениориздат, 1943 — (Моряки — Герои Советского Союза).

Возвращение (с. 274). Впервые под названием «Семья Иванова» в ж. «Новый мир», 1946, № 10—11; затем в сб.: Платонов А. Рассказы.— М.: Гослитиздат, 1962.

Афродита (с. [illegible]). Впервые в ж. «Сельская молодежь», 1962, № 2; затем в кн.: Платонов А. В прекрасном и яростном мире: Повести и рассказы.— М.: Художественная литература. 1965.

Рассказ связан с поездкой А. Платонова в родной Воронеж в 1943 году по освобождении города от фашистских захватчиков, написан не позднее 1944 года.

ПЬЕСА

14 Красных Избушек, или «Герой нашего времени» (с. 311). Впервые в ж. «Волга», 1988, № 1 (публикация М. А. Платоновой, послесловие В. Васильева).

Пьеса предположительно написана в 1932 или 1933 году — сам писатель относит события, происходящие в произведении, к 1932 году.

На Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 года, посвященном итогам первой пятилетки, И. В. Сталин, в частности, говорил: «...Располагая тракторами и сельхозмашинами, с одной стороны, и пользуясь отсутствием частной собственности на землю (национализация земли!), с другой стороны, партия имела все возможности форсировать коллективизацию сельского хозяйства. И она действительно добилась в этой области величайшего успеха, ибо перевыполнила программу пятилетки по коллективизации втрое. <...> Теперь вопрос стоит не об ускоренных темпах коллективизации и тем более не о том — быть или не быть колхозам,— этот вопрос уже решен положительно. <...> Теперь задача состоит в том, чтобы укрепить колхозы организационно, вышибить оттуда вредительские элементы,

подобрать настоящие, проверенные большевистские кадры для колхозов и сделать колхозы действительно большевистскими» (Сталин И. В., Сочинения, т. 13. М., Госполитиздат, 1953, с. 195—196).

В платоновском колхозе борьба с «вредительскими элементами» отрывается от своей социально-экономической природы, становится самодовлеющей и всепроникающей — самый человек, уже независимо от его общественного или имущественного положения, превращается, по выражению Хоза, в психующий пустяк, в случайное химическое соединение веществ и заблуждение истории.

Рецензируя в 1940 году рассказы В. Козина, А. Платонов с горечью писал о враждебных жизни силах, нуждающихся, «хотя бы для внешней видимости, в моральном разрешении ударить человека» и заинтересованных во всяком доказательстве — «художественном» или «научном», — что человек есть «животное пичтожество», легко и во множестве вновь воспроизводимое, либо что человек есть «машина» (другое название «животного»), либо что в нем, человеческом существе, вообще «ничего нет особенного», — один какой-то химизм веществ, — и тому подобное» (см.: А. Фирсов О рассказах В. Козина. — «Литературный критик», 1940, № 2, с. 111—112, А. Фирсов — один из псевдонимов А. Платонова).

В пьесе, в ее первых [illegible], нашли отражение взгляды писателя на современную ему литературу, а также его отношение к отдельным художникам слова, в частности к Б. А. Пильняку (1894—1937), угадывается [illegible] семилетней Уборника по авторству слегка переиначенных [illegible] их произведений: романа «Голый год», повести «Красное дерево». Мастер Фушенко, представляющийся Суените как член коллегии, будто бы послан в Среднюю Азию, — прямой намек на пребывание П. А. Павленко (1899—1951), по инициативе которого группа писателей дважды выезжала в Туркмению — в 1930 и 1933 годах (во второй поездке принимал участие и А. Платонов). П. Павленко — автор сборников прозы «Азиатские рассказы», «Стамбул и Турция», «Анатолия», исторического романа о Парижской коммуне «Баррикады» (1932); железнодорожный сторож лукаво сравнивает Фушенко с русским историческим романистом Д. Л. Мордовцевым (1830—1905) и автором эпопеи «Камо грядеши» поляком Г. Сенкевичем (1846—1916).

Помимо названных прозаиков и их произведений, в «Избушках» в ироническом контексте упоминается также пьеса Н. Погодина (1900—1962) «Поэма о топоре», посвященная индустриализации страны и впервые поставленная на сцене в 1931 году. Хоз, начитавшись трудов колхозникам, говорит с восторгом, исполненным внутреннего платоновского сарказма: «Антону этому — Антонка! — тебе целый центнер: ешь говядину! Ты траву сеял посредством ветра, два колоса на вырыл — оба сухие стоят, ты море меришь для Академии наук спектакль поставил о топоре и добился упразднения хозрасчета всеми колхозниками...» Вообще многие оценки современной А. Платонову литературы переданы драматургом Эдварду-Иоганну-Луи-Хоу, герою, олицетворяющему историю европейского капитализма

«Мне нужна действительность, а не литература»; «Не притворяйтесь серьезными, господа. Вам хочется смеяться в своей стране, а вы стараетесь мыслить»; «Пишите рассказы. Играйте в свою славу» и т. п.

СКАЗКИ

Волшебное кольцо (с. 359). **Умная внучка** (с. 370). Впервые в кн.: Волшебное кольцо. Русские сказки. Пересказал А. Платонов. Под общей ред. М. Шолохова.— М.-Л.: Детгиз, 1950.

После демобилизации из армии в 1946 году А. Платонов, по свидетельству вдовы художника, М. А. Платоновой, «все последние годы своей жизни ... работал над сказками и народным эпосом» (см. письмо М. А. Платоновой В. Гроссману, хранящееся в ЦГАЛИ, ф. 1710, ед. хр. 126, оп. 1, л. 24).

Народное творчество, по Платонову, «будучи работой миллионов, имеет жизненный опыт безграничный, потому что народ охватывает всю действительность не только в ежедневном труде, в борьбе и пространстве, но и в памяти своих поколений и во времени — народ бессмертен. [illegible] художники отлично знали это свойство, [illegible] — создавать совершенные художественные [illegible] обусловленное массовым опытом народа [illegible] в себе сокровища своей души» (ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 106, л. 29, [illegible]). Обработку народных сказок кр[illegible] П[illegible], однако, считал делом исключительн[illegible], пересказывая произведение фо[illegible] утверждает тем самым в народном сознании [illegible] ощихся версии определенного сюжета. [illegible] Писатели [illegible] обогащают и оформляют народную сказку [illegible] и придают ей то окончательное, идеальное сочетание [illegible] и формы, в котором сказка остается пребывать надолго или навсегда» (Платонов А. Сказки русского народа — Огонек, 1947, № 26, июнь, с. 24).

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

Из двух писем (с. 377, 378). Первое («Я родился в Ямской слободе...») адресовано А. Платоновым в Краснодарское издательство «Буревестник», второе («Вы говорите о великой целомудренной красоте...») представляет собой ответ писателя на критическое выступление газеты «Трудовая Армия» по поводу его рассказа «Чульдик и Епишка», опубликованного «Красной деревней», Воронеж, 10 авг. 1920 г. (см.: «Красная деревня», 1920, 22 авг. Сообщено литературоведом В. А. Вериным). Письма (в извлечениях) впервые процитированы в предисловии, подписанном инициалами М. Ю., к книге стихотворений А. Платонова «Голубая глубина» (Краснодар, изд-во «Буревестник», 1922).

М. Ю. — Молотов Юрий, Г. З. Литвин-Молотов (1898—1972), партийный работник, редактор воронежских газет «Красная деревня»

в «Воронежская коммуна», с которым А. Платонов познакомился весной 1919 года. С этих пор между ними установились дружеские отношения. В 1921 году Г. З. Литвин-Молотов возглавил издательство «Буревестник» в Краснодаре, где выпустил сборник стихов А. Платонова. О роли Г. З. Литвина-Молотова в творческой судьбе писателя свидетельствует следующая дарственная надпись А. Платонова на одной из его книг: «...человеку, которому я обязан своим лучшим и чистым прошлым и, может быть, буду обязан будущим. С глубокой любовью, которую ничто не встревожит,— Андрей Платонов. 11/VII—27 г. Москва».

«Живя главной жизнью...» (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках) (с. 380). Впервые в ж. «Волга», 1975, № 9 (публикация и вставные главки М. А. Платоновой, комментарий В. Васильева); в сокращении материал воспроизведен в кн.: Платонов А. П. Повести. Рассказы. Из писем.— Воронеж, Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1982.

[1] *Волошино.*— В деревне Волошино (близ Воронежа) учительствовала будущая жена писателя Мария Александровна Кашинцева, выехавшая туда по окончании двух курсов университета по набору Воронежского наробраза на «ликвидацию неграмотности». По ее воспоминаниям, через «каждые десять — двенадцать дней Платонов приходил в деревню... Заметенный, весь в ледяных сосульках. Было страшно за него. В сельсо[illegible] не всегда давали лошадей, хотя у него был корреспонден[illegible] от газеты «Воронежская коммуна», и ему приходилось хо[illegible]ком по степи, а кругом ходили волки» (из письма, храня[illegible] составителя).

[2] *...в первый раз [illegible]* — После VI Воронежского съезда Советов (20—23 июня [illegible]) решившего направить в уезды ответственных партийных и советских работников для оказания помощи по мобилизации населения на борьбу с Деникиным на местах, А. Платонов командируется в г. Новохоперск в качестве корреспондента газеты «Известия Совета обороны Воронежского укрепленного района».

[3] *...был посажен на паровоз помогать машинисту.*— До революции А. Платонов учился в сельской приходской и четырехклассной городской школах, трудовую деятельность начал в неполных четырнадцать лет: мальчиком в страховом обществе «Россия», литейщиком на трубном заводе, помощником машиниста на локомобиле в имении Усть помещика Я. Г. Бек-Мармарчева, в различных мастерских (Государственный архив Воронежской обл., ф. 19, оп. 22, ед. хр. [illegible] л. 260—260 об.). Говоря о технической школе, А. Платонов имеет в виду железнодорожный политехникум, специальное учебное заведение для повышения квалификации рабочих и служащих железнодорожников (см. заметку, подписанную *А. Пл.*, «Рабочий железнодорожный политехникум» в газ. «Воронежская коммуна» от 3 сентября 1922 года). А. Платонов окончил электротехническое отделение политехникума, проучившись в нем четыре года, с 1918 по 1921 год.

[4] *В селе за рекою Потух огонек.*— Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Вишня».

...комсомол... еще не образовался... — А. Платонов в данном случае исходит из личных наблюдений — Новохоперская городская организация комсомола была создана 14 мая 1919 года («Молодежь Воронежской губернии в революционном движении 1903—1920 гг.» Сборник документов и материалов — Воронеж. кн. изд-во, 1958, с. 213), но с приближением армии Деникина все ее 15 членов уходят на фронт («Дни грозовые Воронежская организация КПСС в годы гражданской войны 1918—1920 гг. Документы и материалы .— Воронеж. кн. изд-во, 1960, с. 154).

...положение неважное — Положение Новохоперска в июле 1919 года, то есть во время пребывания здесь А. Платонова, действительно было сложным. В результате июньского наступления Добровольческая армия заняла полностью шесть уездов Воронежской губернии, в том числе и Новохоперский. Линия фронта сложилась на конец июня, и почти вся первая половина августа осталась, по существу, [illegible] Нарышкин — Балашов — Борисоглебск — Острогожск. [illegible] оказался во фронтовой [illegible] За это время [illegible] шесть раз (см. История гражданской [illegible] М., Госполитиздат, 1959, с. 203). В [illegible] партийная организация. Как [illegible] губернского комитета РКП(б) Це[illegible] с 23 июня по 1 августа 191[illegible] оставшиеся [illegible] Новохоперской [illegible] бывшими [illegible] красноармейцами (Очерки истории [illegible] Книга 2. Воронеж, Изд-во ВГУ, 1967, [illegible] Комендант Воронежского укрепленного района [illegible] 1919 года писал в своих [illegible] Воронежской губернии прежде всего [illegible] Октябрьской революции через год после Октября. Военные события, почти [illegible] мобилизации, наконец, и все это сильно сказывалось [illegible] (см. Н. Кремлев. На литературном фронте. Воспоминания. М., Московский рабочий, 1968, с. 129).

В *Мостовом районе* Платонов писал по [illegible] и с его отъездом в Москву, [illegible] Заведование работы А. Платонова и Воронежском губземуправлении. После назначения губисполкомом А. Платонова [illegible] ков земельного управления 5 февраля 1922 года [illegible] рех лет (по 10 мая 1926 года) занимает различные должности, непосредственно связанные с мелиорацией и электрификацией сельского хозяйства: председатель комиссии по гидрофикации, управляющего губернским мелиоративным бюро, заведующего отделением гидрофикации и подотделом сельскохозяйственной мелиорации, а также работами по электрификации сельского хозяйства, председатель комиссии по постройке гидроэлектростанции на Тихом и др.

В автобиографии 1924 года А. Платонов следующим образом объясняет свой переход на практическую народнохозяйственную работу. «Засуха 1921 г. произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление, и, будучи техником, я не мог уже заниматься созерцательным делом — литературой» (Государственный архив Воронежской обл., ф. 19, оп. 22, ед. хр. 6, л. 260 об.).

[8] *Рамзин* Л. К. (1887—1948) — советский теплотехник, участник разработки плана ГОЭЛРО. В 1930 году осуждался по так называемому делу промпартии. Досрочно реабилитирован. Автор конструкции промышленного прямоточного котла, известного под названием «котел Рамзина». Лауреат Государственной премии СССР (1943)

[9] В 1926—1927 годах А. Платонов возглавляет подотдел мелиорации в Тамбовском губернском земельном управлении.

[10] *Барабанов* — главный инженер-мелиоратор Тамбовского губернского землеуправления

[11] *Тотик* — речь идет о сыне А. П. и М. А. Платоновых.

[12] *«Епифань»* — известная повесть «Епифанские шлюзы», давшая название первому сборнику прозы писателя, впервые опубликована в журнале «Молодая гвардия», 1927, № 6.

«Антисекус» — неопубликованный рассказ А. Платонова.

[13] *...просить Молотова...* С 1926 года Г. З. Литвин-Молотов член правления Госиздата, затем [illegible] правления и главный редактор издательства «Молодая гвардия». Именно в это время А. Платонов ведет переговоры о [illegible] сборника повестей и рассказов «Епифанские шлюзы».

Подробнее о Г. З. Литвин-Молотове см. примечание к письмам (с. 439—440).

[14] Повесть *«Эфирный тракт»* при жизни А. Платонова не была опубликована. Впервые — в сб. «Фантастика-1967» (М., «Молодая гвардия», 1968), вошла также в однотомник писателя «Потомки солнца» (М., Советский писатель, 1974).

[15] *...работа о волгодонском канале Петра.* — Речь идет о работе над повестью «Епифанские шлюзы», в основу которой положены исторические события из эпохи Петра I, связанные с неудачной попыткой строительства канала между Волгой и Окой в конце XVII — начале XVIII века.

[16] *Попов А.* — работник кинофабрики «Мосфильм».

[17] *Стихи я начал подбирать* — Здесь и в последующих письмах речь идет о договоре на книгу стихов А. Платонова, которая не была издана.

[18] *Кирпичников* — герой повести «Эфирный тракт».

[19] *...авторское посвящение.* — Повесть «Епифанские шлюзы» посвящена М. А. Кашинцевой.

[20] *...автобиографическую повесть...* — Рассказ «Семен». Впервые опубликован в журнале «Красная новь» (1936, № 11)

[21] *...название... будет иное...* — Неосуществленный замысел А. Платонова

[illegible] *Туркмения, 30/III—34 г.*— Основной целью бригады оргкомитета ССП СССР в Туркмении (1933—1934 гг.) было создание литературно-художественного сборника, приуроченного к десятилетию Туркменистана. «Каждый из участников бригады взял себе определенную тему и, направившись в район, собрал нужный ему материал... Наряду со своей основной творческой работой бригада приняла энергичное участие в подготовке к I Всетуркменскому съезду писателей» («Литературная газета», 1934, 20 мая).

[illegible] *Фольклорная тема*, о которой пишет А. Платонов, впоследствии реализована писателем в рассказе [illegible] в альманах к десятилетию Туркменистана [illegible] (под [illegible] комиссии ЦИК ТССР, М., 1934).

[illegible] *Новиков* А. Н. (1889—1941) — русский советский писатель, автор сб. повестей и рассказов «Барский двор» (1928), романа «Ратные подвиги простаков» (1930), книги очерков о коллективизации деревни «Гоночное поле» (1930) и др. произведений.

[illegible] *Пишу о нашей [illegible]* — А. Платонов в это время пишет рассказ «Фро» (см. текст произведения в книге).

[illegible] *...испортили [illegible]* Речь идет о фильме по сценарию А. Платонова, [illegible] в довоенное время.

[illegible] *Петя* [illegible] А. Платонова.

[illegible] *Дейст[illegible]* [illegible] 1942 года А. Платонов находился в Действующей [illegible] специального корреспондента газеты «Красная [illegible]».

За годы [illegible] большое количество очерков, корреспонденций [illegible] которые печатались в газетах «Красная [illegible]», в журналах «Краснофлотец», «Октябрь», «Новый мир» [illegible] также составили сборники прозы писателя «Под [illegible] Родины» (Уфа, 1942), «Рассказы о Родине» (М., Гослитиздат, 1943), «Броня» (М., Военмориздат, 1943); «В сторону заката солнца» (М., Советский писатель, 1945).

В ноябре 1944 года А. Платонов прибыл с фронта больным человеком, с тяжелой формой туберкулеза легких. Демобилизован в феврале 1946 года по болезни.

[illegible] *...воодушевление их подвигом.*— Здесь о работе над рассказом «Одухотворенные люди» (см. текст произведения в книге), в основу которого был положен героический подвиг морских пехотинцев В. Цибулько, И. Красносельского, Ю. Паршина, Д. Одинцова и Н. Фильченкова под Севастополем летом 1942 года. «Морские пехотинцы... стояли против двадцати фашистских танков. Гранаты на исходе. Ни одной нельзя промахнуться. Иначе танки пройдут. А промахнуться в таком бою — дело нехитрое. И пробил час Фильченкова (у А. Платонова: Фильченко.— *В. В.*). Он привязал гранаты к поясу и бросился с ними под танк. Чтоб наверняка. Все последовали его примеру» (подполковник В. Филатов. «Золотое созвездие» «Правда», 1974, 16 апреля).

[illegible] *...о холмике земли на армянском кладбище.*— Здесь и ниже — о сыне А. П. и М. А. Платоновых.

" ...факт с рукой ...памяти пяти моряков-севастопольцев.— Описанный героический поступок художественно воспроизведен А. Платоновым в рассказе «Одухотворенные люди».

" Приведенная цитата из письма была впоследствии использована А. Платоновым в рассказе «Челюсть дракона (Один бой)»: «Тихая ночь войны, проникнутая взорами тысяч бодрствующих людей, медленно лилась на земле. Мгновенные невнятные звуки изредка возникали во тьме и снова утихали в безмолвии. Время от времени в дальнем мраке, рассеивая напряжение, светилась ракета, и она гасла...» (Цит. по кн.: Платонов Андрей. Смерти нет! Рассказы.— М.: Советский писатель, 1970, с. 66).

«Труд есть совесть». Из записных книжек разных лет (с. 408). Впервые в альманахе «Кубань», 1967, № 11, и газ «Литературная Россия», 1982, 1 января (публикация М. А. Платоновой, вступ. заметка Г. Елина). Печатается по изданию: Платонов А. П. Государственный житель: Проза, ранние сочинения, письма.— М.: Советский писатель, 1988.

С. 411—412. Размышления А. Платонова о трагической судьбе обездоленного ребенка, возбуждавшего во взрослых «сознание своей вины», нашли впоследствии художественное оформление в рассказе писателя «Пустодушие». Ср., к примеру, следующие строки из рассказа с соответствующими им строками из записной книжки — об исторической ответственности матерей и взрослых за судьбы детей: «Его хозяйственная озабоченность — пишет А. Платонов о мальчике в рассказе,— серьезность и терпеливая печаль, не уменьшая прелести его детского лица, выражали собою ту простую и откровенную тайну жизни, которую мы сами от себя скрывали, а теперь, видя отражение ее на лице ребенка, нам делалось совестно и страшно. Эти совесть и страх имеют основание существовать, потому что в них есть сознание вины за судьбу обездоленного ребенка, которого мы не могли сберечь вовремя от руки врага» (Цит по кн.: Платонов Андрей. Смерти нет! Рассказы.— М.: Советский писатель, 1970, с. 344). Тема, заявленная автором в записной книжке и воплощенная в «Пустодушии», с полной художественной силой и глубиной прозвучала в знаменитом платоновском рассказе «Возвращение» (см. текст произведения в книге). Разрушение семьи А. Платонов считал самым опасным для народа последствием войны, ибо сиротство детей, по Платонову, равноценно обездушиванию жизни и обессердечиванию исторического процесса.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Сокровенный человек . . . 5
Котлован 70

РАССКАЗЫ

Родина электричества . . . 175
Усомнившийся Макар . . . 189
Фро 205
Третий сын 226
В прекрасном и яростном мире . . . 232
Одухотворенные люди . . . 244
Возвращение 274
Афродита 295

ПЬЕСА

14 Красных Избушек, или «Герой нашего времени» . . . 311

СКАЗКИ

Волшебное кольцо 359
Умная внучка 370

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

В Краснодарское книжное издательство . . . 377
Ответ на критическое выступление газеты «Трудовая Армия» . . . 378
«Живя главной жизнью...» (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках) 380
«Труд есть совесть». Из записных книжек разных лет . . . 403
П. Васильев. Платонов — наш современник 417
Примечания 435

о супруга.
скреннюю
ние знаки
суальной

ББК 88.5
К 24

Карнеги Д.
К 24

Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ./Общ. ред. и предисл. Зинченко В. П. и Жукова Ю. М. — М.: Прогресс, 1989. — 288 с.

ISBN 5—01—001533—1

Впервые наиболее полно издаваемый в СССР перевод книги Дейла Карнеги (1888—1955) — известного американского специалиста в области ораторского искусства и человеческих взаимоотношений — «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей». Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

К $\frac{0303040000—168}{000(01)—89}$ Без объявлений

ББК 88.5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на то, что полные тексты популярных книг американского специалиста в области человеческих отношений Дейла Карнеги (1888—1955) никогда не издавались в СССР массовыми тиражами, у нас в стране его имя известно широкому кругу людей. Во-первых, сокращенные переводы и рефераты отдельных текстов публиковались в общедоступных журналах*, во-вторых, кое-что выходило небольшими тиражами «для служебного пользования» и, наконец, сделанные по заказу организаций и «просто так» переводы перепечатывались, ксерокопировались, размножались иным способом (доводилось видеть экземпляры, изготовленные на матричных принтерах ЭВМ) — и все это передавалось из рук в руки, читалось и перечитывалось. В различных работах, адресованных специалистам или широкой публике, имя Карнеги упоминалось с различными оттенками неодобрения или одобрения. Так или иначе, его имя, что называется, «на языке».

Но влияние произведений Д. Карнеги несравненно шире. И даже многие из тех, кто никогда не слышал его имени, встречались со следами воздействия его книг, так как встречались с людьми, практикующими «систему Карнеги», и поэтому на себе испытали, сами того не сознавая, способы обращения, которые рекомендует этот автор.

В чем же секрет особой популярности Карнеги? Ведь людей, строящих свою жизнь «по Карнеги», пожалуй, больше, чем стремящихся жить «по Толстому» или «по Руссо». Если говорить совсем коротко, то секрет в том, *о чем* пишет Карнеги и *как* пишет Карнеги.

Три книги Д. Карнеги — «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», «Как вырабатывать уверенность в себе, выступая публично» и «Как

---

* Издающийся в Новосибирске журнал «ЭКО» в шести номерах публиковал сокращенный перевод наиболее известного труда Д. Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей» (1978, № 4—6; 1979, № 1—3), а журнал «Социологические исследования» познакомил своих читателей с отдельными извлечениями из другой книги — «Как перестать беспокоиться и начать жить» (1987, № 6; 1988, № 2—3).

перестать беспокоиться и начать жить» (последняя — с некоторыми сокращениями) — относятся к несколько непривычному для нашего читателя жанру — жанру «поучений». Для российского дореволюционного читателя он был привычен, привычен он в настоящее время и на Западе (да и на Востоке), но приобрел там новые стилевые особенности, отличающие современные образцы этого жанра от неторопливых и размеренных назидательных текстов прошлых столетий. Лаконизм, конкретность, доходчивость — вот нынешний стиль. Правда, доходчивость «поучений», адресованных «человеку с улицы», доводится иной раз до примитивизма, вызывает скептическую усмешку у интеллектуалов. Таковы многочисленные вариации ряда авторов на темы: «Как подцепить девчонку», «Как заарканить парня», «Как управлять своим шефом», «Как сорвать банк» и т. д. и т. п. К счастью, Дейлу Карнеги удается не соскальзывать в развлекательность и плоскости. Характеризуясь динамизмом и конкретностью, его текст привлекает к себе внимание, хотя и ненавойливо. Привлекательность обусловлена не стилистическими ухищрениями, а широтой и разнообразием рекомендаций. Но способом изложения не исчерпывается перечень достоинств книг Д. Карнеги. Суть — в их содержании.

Одна книга посвящена тому, как приобретать друзей; другая — как добиться признания и успеха, выступая публично; третья — как беречь свои нервы. Успех, друзья, здоровье — для многих, очень многих людей это непременные слагаемые человеческого счастья. И Карнеги берется сформулировать правила, как достичь этого счастья. Сумел ли он выполнить эту задачу? Трудно дать однозначный ответ на этот вопрос. Но то, что такие попытки всегда вызывают повышенное внимание, несомненно. И это внимание автор во многом оправдывает. Читатель может найти в тексте много мыслей, заслуживающих вдумчивого отношения, вызывающих то желание согласиться, то сомнение, а то и неприятие (а может и не найти — смотря как искать). Этим текст и хорош. И даже то, что кажется неприемлемым, трудно отбросить с порога. Ибо все стремится быть основательным, опереться на логику и факты, на мысль. Ярлык доморощенного мудреца, который нередко навешивают на Карнеги, не держится. Дейл Карнеги и не претендует

на построение своеобычной философии жизни. Скорее он пытается донести извечную мудрость человечества тому же человечеству, предварительно ее отретушировав, упаковав и снабдив, где это только возможно, инструкциями по применению этих мудростей для решения проблем частной жизни. Житейская мудрость — составная часть общечеловеческой культуры, и, как и всякая другая составляющая культурного наследия, она нуждается в изучении, систематизации и пропаганде, а также в дальнейшем развитии. Работы Карнеги, собранные под переплетом книги, лежащей перед вами, читатель, являются хорошими образцами работ в этом направлении, образцами яркими и добротными одновременно. Здесь изречения известных мыслителей, пословицы, научные данные сопоставляются со здравым смыслом, применяются для решения проблем сегодняшнего дня, проходят проверку на практичность. И тут же предлагаются потребителю. Нужда в таких книгах есть не только у деловых людей, желающих развить свой успех, не только у издерганного городской суетой и деревенской маятой населения, стремящегося оздоровить общественный климат, но и у серьезных специалистов по человеческому фактору.

В настоящее время перед науками о человеке стоит задача выработки стратегии познания человека и организации фундаментальных комплексных исследований. Такая постановка задачи обусловлена тем, что в наше время изучение человека вышло далеко за пределы специальных наук о нем и превратилось в общую проблему всей системы научного познания.

Положение дел в науках, изучающих человека, специалисты не раз сравнивали с сооружением Вавилонской башни. И как уже стало ясно, проблема не решается автоматически на пути развития междисциплинарных исследований. Более того, расширение междисциплинарных связей приводит скорее к росту дисциплинарного Эвереста, появлению новых рядов гибридных дисциплин типа психофизики, психобиологии, психолингвистики и даже социобиологии и т. д. Один из путей преодоления продолжающегося дробления наук о человеке — это создание, помимо непосредственных стыков, некоего опосредующего звена, которым должен стать образ целостного человека, воплощающий в себе

представление о личности, способной к осуществлению свободного и ответственного действия.

Возникает законный вопрос, а где взять этот образ целостного человека, ведь он уже «растащен» многочисленными науками, да и многочисленными практиками. Правда, у последних он представлен полнее. Здесь уместно вспомнить старые термины: «человековедение» и «человекознание». Выберем первый. Человековедение — особая сфера, в создании которой на равных принимают участие наука, культура, искусство, практика, понимаемые в самом широком смысле. Оно растет и развивается вместе с ними, вместе с историей общества. И было бы наивно представлять себе дело таким образом, будто его нужно строить как особую специальную науку или сумму, систему наук. Оно существует и без этого. Иное дело, что нужно попытаться дать себе отчет, а что же оно собой представляет на нынешнем этапе развития общества, культуры. Именно человековедение должно учить нас культуре изучения человека, обращения с ним. Оно обеспечивает культурный и этический контекст, вне которого не могут полноценно развиваться науки о человеке, да, видимо, и все другие науки, которые сейчас, по словам лауреата Нобелевской премии И. Р. Пригожина, должны стать гуманитарными, то есть иметь своей мерой человека. Вне этого контекста невозможны гуманитарные техники и психотехники, понимаемые в широком смысле этого слова (медицинские, психотерапевтические, педагогические, эргономические, социальные, коммуникативные, даже идеологические).

И беда, когда педагогика, медицина, психология, социология, эргономика выпадают из этого контекста. Это же относится и к обществоведению, которое не может развиваться без человековедения. Да оно, по сути дела, и развивалось лишь в той мере, в какой было с ним связано. Вне контекста человековедения исследования человека в фундаментальных и прикладных науках вольно или невольно делают его либо предметом изучения, подобным предметам естественных наук, либо средством достижения некоторых социальных или технических целей.

Выше уже говорилось, что у практиков образ человека представлен полнее, чем у теоретиков. Сказанное относится и к содержанию данной книги, ибо оно явля-

ется не чем иным, как описанием специфической практики — практики оказания помощи людям в решении их проблем. Поэтому интересно проанализировать отношение идей, развиваемых Д. Карнеги, к науке или, точнее, к контексту научных дисциплин, изучающих человека.

Карнеги, щедро цитирующий политиков, бизнесменов, врачей и поэтов, довольно редко ссылается на ученых. Среди тех, для кого делается исключение, — Уильям Джеймс, американский философ и психолог конца XIX — начала XX века, один из авторов периферической теории эмоций (теория Джеймса — Ланге), согласно которой эмоциональные переживания есть просто ощущения изменений, происходящих в теле человека или животного. Известно парадоксальное высказывание Джеймса: «Мы печалимся потому, что плачем; боимся потому, что дрожим; радуемся потому, что смеемся». Для Карнеги теория Джеймса, скомпрометировавшая себя в академических кругах, но удивительно хорошо согласующаяся с современной методологией аутотренинга, привлекательна прежде всего потому, что подсказывает путь к произвольной регуляции эмоциональных состояний. И Карнеги привлекает авторитет Джеймса для обоснования своих рецептов урегулирования эмоциональной сферы.

Однако связь работ, написанных Карнеги, с наукой не ограничивается не очень частыми ссылками на немногие и уже несколько старомодные теории. Не будет безосновательным утверждать, что Карнеги дает современной науке больше, чем взял от нее, хотя вроде бы и не претендует на что-то большее, чем популяризаторство. Чтобы как-то оправдать это далеко не очевидное утверждение, посмотрим, что же составляет основное содержание всех трех книг. Это — набор всяческих правил достижения успеха в жизни. А понятие правил в современных гуманитарных науках претендует на роль, аналогичную той, какую понятие законов играет в науках естественных.

Ценность такого перечня правил не только в том, что некоторые из них можно заимствовать и взять в свой арсенал, но и в том, что он вдохновляет на поиски собственных вариантов, поскольку достаточно явно предстает как принципиально открытый для добавлений, уточнений и исправлений.

Система «правил
ки, а иной раз сами
следовать всем пр
удачной. Попробуй
цип «будь искрене
цип «веди разгово
в случае, когда ин
но неинтересны. Зде
ство всех жизненны
ляет от необходимос
думывать. И иной р
поиска тем разгово
беседы. А в другом
в самом собеседнике
торая сама по себе
влекательной. Да ма
проблем, если есть ж

И еще об одном
правило, говорит, *чт*
зывает, *как* это дел
тельными слушателя
ражений; он понят
«А как быть внимате
то и дело отвлекает
чтобы растолковать,
ганизации своего слу
зовать, Карнеги раз
стрирующие важност
стоит судить автора
мало что было извест
нивать текст нужно
есть, а не по тому, ч
пытаться словами оп
архитрудное и небла
научиться по-настоящ

Нередко Карнеги
искусству делать ком
ти. Данные обвинения
мании пафоса книги.

---

* С ними читатель мо
ватера «Я Вас слушаю...»,
в 1981 и повторно в 1988 г

Система «правил Карнеги» содержит в себе неувязки, а иной раз самые настоящие противоречия. Попытка следовать всем правилам сразу может оказаться неудачной. Попробуйте одновременно реализовать принцип «будь искренен в выражении своих чувств» и принцип «веди разговор в русле интересов собеседника» в случае, когда интересы вашего собеседника вам лично неинтересны. Здесь явное противоречие. Но это свойство всех жизненных систем. Знание правил не избавляет от необходимости искать и находить, думать и придумывать. И иной раз выход может быть найден путем поиска тем разговоров, интересующих всех участников беседы. А в другом случае страстная заинтересованность в самом собеседнике сделает увлекательной ту тему, которая сама по себе никогда до той поры не казалась привлекательной. Да мало ли можно найти путей решения проблем, если есть желание и мастерство.

И еще об одном «слабом месте» книги. Автор, как правило, говорит, *что* нужно сделать, но не всегда показывает, *как* это делается. Так, призыв «будьте внимательными слушателями» не может вызвать никаких возражений; он понят и принят, однако встает вопрос: «А как быть внимательным собеседником, если внимание то и дело отвлекается и рассеивается?» Вместо того чтобы растолковать, какие же существуют средства организации своего слушания и как их эффективно использовать, Карнеги раз за разом приводит примеры, демонстрирующие важность внимательного слушания. Но не стоит судить автора столь строго. Когда писалась книга, мало что было известно о техниках слушания *, да и оценивать текст нужно прежде всего по тому, что в нем есть, а не по тому, чего в нем не хватает. Кроме того, пытаться словами описать технику общения — занятие архитрудное и неблагодарное, все равно по книге этому научиться по-настоящему невозможно.

Нередко Карнеги обвиняют в том, что он учит людей искусству делать комплименты, науке изощренной лести. Данные обвинения зиждутся на неправильном понимании пафоса книги. То, о чем ведет речь Карнеги, на

---

* С ними читатель может познакомиться в книге Нстуда Атватера «Я Вас слушаю...», вышедшей в издательстве «Экономика» в 1984 и повторно в 1988 году.

современном языке называют наградой, а не комплиментом. Комплимент есть незаслуженная похвала, а награда — похвала заслуженная. Нет ничего легче, чем научиться дежурным комплиментам, говоря женщинам, что они хорошо выглядят, а мужчинам — что они умны. Для того чтобы поступать так, можно не видеть другого человека и не слушать его. Умение же награждать основано на внимании к другому человеку, потому что во внешности, поведении и словах другого человека нужно найти и отметить то, что действительно достойно похвалы. Поэтому комплименты ценятся так дешево, а награды дорого. Карнеги, несомненно, имеет в виду именно награды, а не комплименты, хотя в его время эта терминология не использовалась.

При всех ее достоинствах данную книгу не следует воспринимать догматически. Применение правил, как и их нарушения должны быть осмысленными. Надо всегда помнить, что универсальных рецептов успеха не существует. И не забывать о своей индивидуальности, которая является одной из высших ценностей. Именно потому, что вы — это вы, не каждое правило вам подходит, даже если оно хорошо во всех отношениях. Как сказано у Козьмы Пруткова, «не всякому человеку даже гусарский мундир к лицу».

Завершим выступление, как это и рекомендует Д. Карнеги, стихотворными строками. В свое время они были написаны А. С. Пушкиным в альбом Павла Вяземского, семилетнего сына Петра Андреевича Вяземского, друга великого поэта.

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

В. П. Зинченко,
доктор психологических наук, профессор.
Ю. М. Жуков,
кандидат психологических наук.

АМЕРИКАНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ОБ АВТОРЕ

Дейл Карнеги, некогда безвестный фермер в штате Миссури, приобрел мировую славу, так как нашел способ удовлетворения одной из тех потребностей, какие присущи всему человечеству.

Впервые он осознал эту потребность еще в 1906 году. В то время юный Карнеги был студентом предпоследнего курса педагогического колледжа в Уорренсберге, штат Миссури. Чтобы получить образование, ему пришлось преодолеть много трудностей. Он происходил из бедной семьи. Его отец не в состоянии был платить за пансион сына в колледже, поэтому Дейл ежедневно проделывал верхом на лошади путь туда и обратно, преодолевая расстояние в шесть миль. Заниматься он мог только в перерывах между выполнением различных работ на ферме. Он не участвовал во многих мероприятиях, проводившихся в колледже, так как не имел ни времени, ни соответствующей одежды: у него был только один хороший костюм. Дейл пытался попасть в футбольную команду, но тренер не принял его, сославшись на его малый вес. В тот период у Дейла Карнеги начал мало-помалу развиваться комплекс неполноценности — комплекс, который мог помешать проявлению его истинных способностей. Мать Дейла, понимавшая это, посоветовала ему принять участие в дискуссионном кружке, считая, что опыт выступлений в таком кружке может дать ему уверенность в себе и признание со стороны других, в чем он так нуждался.

Дейл последовал совету матери и после нескольких попыток поступить в дискуссионный кружок был, наконец, принят в него. Это событие оказалось поворотным пунктом в его жизни. Выступления в кружке действительно помогли ему обрести необходимую веру в свои силы. Не прошло и года, как он стал побеждать на конкурсах по ораторскому искусству и преуспевать на всех факультетах колледжа, где оно преподавалось. К тому времени, когда он стал студентом старшего курса, Дейл завоевал все высшие награды за публичные выступления. Теперь другие студенты приходили к нему поучиться и стали выигрывать конкурсы.

В результате этих
ление чувства собств
неги пришел к поним
свою мысль до аудит
слушателя или из се
уверенность в себе, п
ладая такой уверенн
чего захочет, и что э

Именно эта идея
Дейлом Карнеги курс
называет «одной из са
ласти обучения взросл

По окончании кол
вое предложение рабо
нял его и вскоре добил
поприще. Однако, неск
цию преуспевающего
вил торговую деятель
с течением времени по
практике свою мысль
искусством может дать
нужна ему для макс
в нем способностей. С
правился в Нью-Йорк.

Через две недели
у него состоялся разго
ской ассоциации молод
женной на 125-й улиц
Карнеги считал, что ХА
пунктом для проведени
организации думали и
ли, что не могут выпла
тельскую ставку в два
известному и неапробир
когда он продолжал пас
организовать и читать
вознаграждения, рукосо
доставить ему такую воз

22 октября 1912 год
лекций в первой своей г
цев его курс приобрел т
обычной ставки в два до
стала выплачивать ему по

В результате этих усилий, направленных на преодоление чувства собственной неполноценности, Дейл Карнеги пришел к пониманию того, что умение донести свою мысль до аудитории, состоящей будь то из одного слушателя или из сотен людей, укрепляет в человеке уверенность в себе, причем ему было очевидно, что, обладая такой уверенностью, он сможет добиться всего, чего захочет, и что это доступно также и другим.

Именно эта идея легла в основу разработанного Дейлом Карнеги курса лекций, который Лоуэлл Томас называет «одной из самых замечательных систем в области обучения взрослых».

По окончании колледжа Карнеги получил заманчивое предложение работать в области торговля. Он принял его и вскоре добился значительных успехов на этом поприще. Однако, несмотря на свою растущую репутацию преуспевающего дельца, он довольно скоро оставил торговую деятельность. Сделал он это потому, что с течением времени понял необходимость проверить на практике свою мысль о том, что владение ораторским искусством может дать человеку ту уверенность, которая нужна ему для максимального выявления скрытых в нем способностей. С этим намерением Карнеги и отправился в Нью-Йорк.

Через две недели после отъезда из Уорренсберга у него состоялся разговор с руководителями Христианской ассоциации молодых людей (ХАМЛ), расположенной на 125-й улице Верхнего Манхэттена. Дейл Карнеги считал, что ХАМЛ будет хорошим отправным пунктом для проведения его курса. Директора же этой организации думали иначе. Они категорически заявили, что не могут выплачивать ему обычную преподавательскую ставку в два доллара за чтение лекций по неизвестному и неапробированному курсу. Тем не менее, когда он продолжал настаивать на своем и предложил организовать и читать курс на основе комиссионного вознаграждения, руководство ХАМЛ согласилось предоставить ему такую возможность.

22 октября 1912 года Карнеги приступил к чтению лекций в первой своей группе. Спустя несколько месяцев его курс приобрел такую популярность, что вместо обычной ставки в два доллара за вечер дирекция ХАМЛ стала выплачивать ему по тридцать долларов.

Прослышав об успехах Карнеги в Нью-Йорке, ди-
ректора ХАМЛ в соседних городах захотели включить
его курс в свои программы обучения взрослых. Вслед
за тем и другие профессиональные клубы обратились
к Карнеги с той же просьбой, и вскоре он уже без от-
дыха трудился, обучая людей принципам, которые все-
го несколькими годами раньше никто не признавал.

В течение этого периода Карнеги постепенно стал
вводить в свой курс также правила взаимоотношений
между людьми. Он знал, что люди хотели не только
уметь доходчиво выражать свои мысли, но и научиться
более гармонично жить и работать бок о бок друг с дру-
гом. Он упорно занимался исследованиями в этой обла-
сти и излагал свои принципы в брошюрах, которые
с жадностью читались его учениками, применявшими
полученные знания на практике.

В 1933 году главный управляющий издательства
«Саймон энд Шустер» Леон Шимкин прослушал этот
курс в Ларчмонте, штат Нью-Йорк. На него произвели
сильное впечатление не только аспекты курса, связан-
ные с ораторским искусством, но и содержавшиеся
в нем благотворные принципы взаимоотношений между
людьми. Полагая, что книга на эту тему будет пользо-
ваться большим спросом, он предложил Карнеги систе-
матизировать все преподносимые им своим слушателям
материалы и оформить их в виде книги.

12 ноября 1936 года книга «Как завоевывать друзей
и оказывать влияние на людей» вышла в свет. Она сра-
зу же стала чрезвычайно популярной. Имя Дейла Кар-
неги стало известно в каждом доме. Менее чем за год
было распродано более миллиона экземпляров книги.
За границей она была издана на четырнадцати языках.
На протяжении десяти лет книга числилась в списках
газеты «Нью-Йорк таймс» как один из бестселлеров,
что является рекордным сроком для любой книги.

Теперь, когда вы читаете эту книгу и извлекаете из
нее пользу, вам будет интересно узнать, что курс, на ос-
нове которого она была написана, читается в 863 горо-
дах США и Канады и в 51 городе других стран *. Этой
широкой образовательной сетью руководит вдова Дейла
Карнеги — Дороти, которая помогла ему создать этот
курс и распространить его по всему свету.

* Данные по состоянию на 1966 г. — *Прим. ред.*

КРАТЧАЙШИ

В холодный янва
с половиной тысячи м
шой танцевальный за
вания». К половине в
В восемь часов жаж
еще продолжала при
балкон был полон до
найти даже стоячее м
сюда после трудового
полтора часа на ногах

Чтобы присутствов
нале шестидневных в
лицезреть киноактера

Нет! Этих людей
За два дня до того
бросилось в глаза с
целую полосу:

«Увеличивайте сво
Учитесь умело пол
Готовьтесь к руко

Старо? Да, но, х
избалованном сенсац
сии, когда двадцать
чало пособие по без
человек откликнулис
чтобы провести вече
сильвания».

Причем учтите: о
ком-то бульварном
вечерней газете Нью
нувшиеся на объявле
номическим кругам с
ботники, предприним
составляли от десяти

Эти мужчины и ж
сутствовать на откры
практического курса
речью и оказывать
ре», — курса, предла

Лоуэлл Томас

КРАТЧАЙШИЙ ПУТЬ К ИЗВЕСТНОСТИ

В холодный январский вечер прошлого года две с половиной тысячи мужчин и женщин заполнили большой танцевальный зал нью-йоркского отеля «Пенсильвания». К половине восьмого все места были заняты. В восемь часов жаждущая пробиться в зал толпа все еще продолжала прибывать. Вскоре и вместительный балкон был полон до отказа. Теперь уже трудно было найти даже стоячее место, и сотни усталых, пришедших сюда после трудового дня людей провели в тот вечер полтора часа на ногах. Ради чего?

Чтобы присутствовать на демонстрации мод или финале шестидневных велосипедных гонок или же чтобы лицезреть киноактера Кларка Гейбла?

Нет! Этих людей привело сюда газетное объявление. За два дня до того в нью-йоркской газете «Сан» им бросилось в глаза следующее объявление, занимавшее целую полосу:

«Увеличивайте свои доходы;
Учитесь умело пользоваться речью;
Готовьтесь к руководящей роли».

Старо? Да, но, хотите верьте, хотите нет, в самом избалованном сенсациями городе мира в период депрессии, когда двадцать процентов населения города получало пособие по безработице, две с половиной тысячи человек откликнулись на это объявление и вместо того, чтобы провести вечер дома, поспешили в отель «Пенсильвания».

Причем учтите: объявление это появилось не в каком-то бульварном листке, а в самой консервативной вечерней газете Нью-Йорка — «Сан». А люди, откликнувшиеся на объявление, принадлежали к высшим экономическим кругам общества. Это были руководящие работники, предприниматели и специалисты, чьи доходы составляли от десяти до пятидесяти тысяч долларов в год.

Эти мужчины и женщины пришли сюда, чтобы присутствовать на открытии ультрасовременного и ультрапрактического курса «Искусство умело пользоваться речью и оказывать влияние на людей в деловом мире», — курса, предлагаемого Институтом Дейла Карне-

ги по ораторскому искусству и проблемам взаимоотно-
шений между людьми.

Почему же оказались здесь эти две с половиной ты-
сячи мужчин и женщин, представляющие деловые кру-
ги страны?

Может быть, вследствие внезапного желания попол-
нить свое образование в связи с депрессией?

По-видимому, нет, так как тот же самый курс еже-
годно читался в переполненных аудиториях Нью-Йорка
в течение последних двадцати четырех лет. За это вре-
мя более пятнадцати тысяч деловых людей и специа-
листов получили подготовку у Дейла Карнеги. Даже
такие крупные, скептически настроенные консервати-
ные организации, как «Вестингауз электрик», «Мак-Гроу-
Хилл паблишинг компани», «Бруклин юнион гэс компа-
ния», Бруклинская торговая палата, Американский ин-
ститут инженеров-электриков и «Нью-Йорк телефон
компани», проводили обучение своих служащих и руко-
водящих работников по этой программе в собственных
конторах.

Тот факт, что через десять — двенадцать лет после
окончания начальной и средней школы или колледжа
такие люди проходят подобный курс обучения, являет-
ся ярким свидетельством вопиющих недостатков нашей
системы образования.

Что же в действительности хотят изучать взрослые
люди? Это важный вопрос, и для того, чтобы ответить
на него, Чикагский университет, Американская ассоциа-
ция по вопросам обучения взрослых и объединенные
школы ХАМЛ в течение двух лет проводили специаль-
ное обследование, израсходовав на него двадцать пять
тысяч долларов.

Обследование показало, что главное, что интересует
взрослых, — это здоровье. Оно также выявило, что во
вторую очередь они заинтересованы в овладении техни-
кой налаживания взаимоотношений между людьми: они
хотят научиться уживаться с другими людьми и оказы-
вать на них влияние. У них нет желания стать ората-
рами, и им ни к чему высокопарные разглагольствова-
ния о психологии — они хотят получить советы, кото-
рые могли бы использовать непосредственно в своей
служебной деятельности, в общении со знакомыми
и дома.

Следует ли сд
вещи и стремятся
«Хорошо, — сп
самое, чего они х
Поиски соотв
пока никто еще
которое помогал
затруднения, свя
Веселенькая
писано множеств
о латыни и о вы
до которых рядо
никакого дела.
знаний, в отноше
тировке и помощ
Вот чем объ
вальном зале от
тысяч горящих
газетное объявл
нец, то, чего они
Еще в средне
ли над книгами
им путь к успе
поприщах.
Однако неск
грубой действи
в своей деловой
несли им горько
более крупные у
людей, обладав
собностью хоро
точке зрения и
Они вскоре
занять капитан
или финансов,
ными качествам
глаголы или им
Объявление
в отеле «Пенси
оно и было.
Перед микр
прошедших кур
цати из них бы

Следует ли сделать отсюда вывод, что именно эти-то вещи и стремятся изучить взрослые?

«Хорошо, — сказали обследователи. — Если это то самое, чего они хотят, мы удовлетворим их желание».

Поиски соответствующего учебника обнаружили, что пока никто еще не составил практического руководства, которое помогало бы людям разрешать их повседневные затруднения, связанные с общением с окружающими.

Веселенькая история! В течение столетий было написано множество ученых трудов о греческом языке, о латыни и о высшей математике, то есть о предметах, до которых рядовому взрослому человеку нет абсолютно никакого дела. А по предмету, по которому он жаждет знаний, в отношении которого остро нуждается в ориентировке и помощи, нет буквально ничего!

Вот чем объясняется присутствие в большом танцевальном зале отеля «Пенсильвания» двух с половиной тысяч горящих нетерпением людей, откликнувшихся на газетное объявление. Здесь, по-видимому, было, наконец, то, чего они так долго искали.

Еще в средней школе и колледже они усердно корпели над книгами, полагая, что только знания проложат им путь к успехам на финансовом и профессиональном поприщах.

Однако несколько лет, проведенных ими в атмосфере грубой действительности, с которой они встретились в своей деловой и профессиональной деятельности, принесли им горькое разочарование. Они увидели, что наиболее крупные успехи в деловом мире выпадали на долю людей, обладавших вдобавок к своим знаниям еще и способностью хорошо говорить, склонять людей к своей точке зрения и рекламировать себя и свои идеи.

Они вскоре обнаружили, что для того, кто стремится занять капитанский мостик в сфере промышленности или финансов, важнее располагать определенными личными качествами и уметь говорить, чем знать латинские глаголы или иметь диплом Гарвардского университета.

Объявление в газете «Сан» обещало, что собрание в отеле «Пенсильвания» будет весьма интересным. Так оно и было.

Перед микрофоном выстроили восемнадцать человек, прошедших курс обучения, о котором идет речь. Пятнадцати из них было предоставлено ровно по семьдесят пять

секунд для своего рассказа. Только семьдесят пять се-
кунд, после чего опускался молоток председателя, объ-
являвшего: «Ваше время истекло! Следующий оратор!»

Действие происходило со скоростью движения стада бизонов, с грохотом мчащихся по равнине. Зрители в те-чение полутора часов стоя смотрели этот спектакль.

Среди выступавших находились представители раз-личных деловых кругов США; здесь были: администра-тор фирмы, владеющей сетью однотипных розничных магазинов; пекарь; председатель правления некой ассо-циации торговцев; два банкира; агент по продаже гру-зовых автомобилей; агент по торговле химической про-дукцией; страховой агент; секретарь ассоциации произ-водителей кирпича; бухгалтер; зубной врач; архитектор; комиссионер по продаже виски; представитель организа-ции «Христианская наука»; владелец аптеки, который приехал в Нью-Йорк из Индианаполиса для прохожде-ния курса обучения; адвокат, прибывший из Гаваны, что-бы подготовиться к важному трехминутному выступ-лению.

У первого оратора было гэльское имя — Патрик Дж. О'Хэйр. Он родился в Ирландии и посещал школу в течение всего четырех лет. Приехав в Америку, он стал работать механиком, а позднее — шофером.

К тому времени, как ему стукнуло сорок лет, семья его разрослась и ему потребовалось больше денег. По-этому он попытался заняться продажей грузовых авто-мобилей. Страдая чувством собственной неполноценно-сти, которое, как он выразился, совершенно извело его, он должен был всякий день раз пять-шесть пройти перед конторой фирмы, прежде чем набраться решимости от-крыть входную дверь. Работа в качестве торгового аген-та была ему настолько не по душе, что он начал поду-мывать о возвращении к физическому труду в механи-ческой мастерской, но однажды получил письмо, приглашавшее его посетить организационное собрание слушателей курса Дейла Карнеги по искусству умело пользоваться речью.

Он не хотел идти на это собрание, так как боялся что окажется среди множества высокообразованных лю-дей и будет чувствовать себя не на месте.

Его жена, впавшая уже в отчаяние, настаивала, что-бы он все же туда пошел. Она говорила: «Это может

принести тебе п
даешься». Он
состояться собр
ре, прежде чем
в зал.

Первые пес
в группе, у не
несколько неде
у него соверше
нравилось выс
шало, тем прия
дельных людей
ко возросли. В
ших торговых
О'Хэйр стоял
ловиной тысяч
бательно весел
ся от взрывов
ораторы могли

Следующим
Мейер, отец о
тался заговор
мозг отказыва
яркой иллюстр
вятся достоян

Мейер раб
двадцати пяти
В ту пору он
венной жизни
го каких-нибу

Вскоре пос
чил уведомл
в ярость, так
Обычно в под
злости, или с
ление соседям
шляпу и пош
решений по г
ход своему во

Под влия
дане Клифто
ставить свою
В связи с эт

принести тебе пользу, Пат. И, видит бог, ты в этом нуждаешься». Он направился к зданию, где должно было состояться собрание, и пять минут простоял на тротуаре, прежде чем обрел достаточно смелости, чтобы войти в зал.

Первые несколько раз, когда он пытался выступить в группе, у него от страха кружилась голова. Прошло несколько недель, и всякий страх перед аудиторией у него совершенно исчез; вскоре он обнаружил, что ему нравилось выступать и что, чем больше людей его слушало, тем приятней ему было. Он перестал бояться и отдельных людей, собственных клиентов. Его доходы резко возросли. В данное время он является одним из лучших торговых агентов в Нью-Йорке. В тот вечер Патрик О'Хэйр стоял в отеле «Пенсильвания» перед двумя с половиной тысячами слушателей и рассказывал сногсшибательно веселую историю своих успехов. Зал содрогался от взрывов хохота. Лишь немногие профессиональные ораторы могли бы выступить столь же удачно.

Следующим слово взял седовласый банкир Годфри Мейер, отец одиннадцати детей. Когда он впервые попытался заговорить в классе, то буквально онемел. Его мозг отказывался работать. История Мейера является яркой иллюстрацией того, как руководящие посты становятся достоянием тех, кто умеет владеть речью.

Мейер работает на Уолл-стрите, а до того в течение двадцати пяти лет жил в Клифтоне, штат Нью-Джерси. В ту пору он не принимал активного участия в общественной жизни своего города и знал в нем, пожалуй, всего каких-нибудь пятьсот человек.

Вскоре после поступления на курсы Карнеги он получил уведомление о налоговом обложении и пришел в ярость, так как счел начисления несправедливыми. Обычно в подобных случаях он оставался дома, кипя от злости, или с ворчанием показывал полученное уведомление соседям. Однако в тот вечер он вместо этого надел шляпу и пошел на собрание избирателей для принятия решений по городским делам. Там он публично дал выход своему возмущению.

Под влиянием этого негодующего выступления граждане Клифтона стали настойчиво уговаривать его выставить свою кандидатуру на выборах в муниципалитет. В связи с этим он в течение нескольких недель хо-

дил с одного собрания на другое, осуждая расточитель-
ность и излишества, допускаемые муниципальными вла-
стями.

В списках кандидатов в состав муниципалитета числи-
лось девяносто шесть человек. Когда подсчитали голоса,
имя Годфри Мейера оказалось на первом месте. В один
миг он стал фигурой в общественной жизни города, на-
считывавшего сорок тысяч жителей. Публичные выступ-
ления позволили ему за шесть недель приобрести в во-
семьдесят раз больше друзей, чем за предыдущие двад-
цать пять лет.

А его жалованье как члена муниципального совета
привело к повышению его годового дохода на тысячу
процентов.

Третьим оратором был глава крупной национальной
ассоциации фабрикантов продовольственных товаров.
Он поведал о том, как некогда не мог заставить себя
подняться с места, чтобы высказать то, что думал, на
заседаниях совета директоров.

В результате того, что он научился излагать свои
мысли в присутствии большого числа людей, произошли
две удивительные вещи. Вскоре он был назначен пред-
седателем правления своей ассоциации и в этом качест-
ве должен был выступать на ее заседаниях во всех угол-
ках Соединенных Штатов. Выдержки из его выступлений
распространялись агентством Ассошиэйтед Пресс и ши-
роко печатались в газетах и журналах страны.

За два года, прошедших с тех пор, как он научился
выступать, он обеспечил своей компании и ее продукции
более широкую рекламу, чем ему удавалось сделать это
ранее путем прямых объявлений, обходившихся фирме
в четверть миллиона долларов. Он признался, что преж-
де не решался звонить по телефону некоторым из наибо-
лее важных руководящих работников из нижнего Ман-
хэттена и приглашать их на завтрак. Однако благодаря
авторитету, который принесли ему публичные выступле-
ния, те же самые люди теперь сами звонили ему и при-
глашали на завтрак, извиняясь перед ним за то, что от-
нимали у него время.

Умение выступать является кратчайшим путем к из-
вестности. Оно ставит человека в центр внимания и из
голову возвышает над толпой. А тому, кто умеет хорошо
говорить, обычно приписывают такие необыкновенные

способности, какими в действительности он вовсе не обладает.

В наши дни в стране стремительно распространяется движение за обучение взрослых. И наиболее эффективной силой в этом движении является Дейл Карнеги — человек, который прослушал больше выступлений взрослых, чем кто-либо другой, и высказал по ним свои критические суждения. Согласно недавно появившейся на свет карикатуре Рипли из серии «Хотите верьте, хотите нет», он дал критический анализ 150 тыс. выступлений. Если эта огромная цифра не кажется вам достаточно впечатляющей, то представьте себе только, что она означает: чуть ли не на каждый день, миновавший со времени открытия Колумбом Америки, пришлось бы по одному выступлению. Другими словами, если бы все люди, которые выступали в присутствии Карнеги, говорили безостановочно один за другим всего лишь по три минуты, то он должен был бы слушать их, не прерываясь ни днем, ни ночью, в течение целого года.

Карьера самого Дейла Карнеги, изобилующая резкими контрастами, является разительным примером того, что может совершить человек, одержимый оригинальной идеей и преисполненный энтузиазма.

Он родился в штате Миссури на ферме, расположенной в шестнадцати километрах от железной дороги. Впервые он увидел трамвай, когда ему было двенадцать лет. Тем не менее в сорок шесть лет он был хорошо знаком с отдаленнейшими уголками Земли, от Гонконга до Хаммерфеста, а однажды приблизился к Северному полюсу на расстояние меньшее, чем то, на каком отстояла от Южного полюса штаб-квартира адмирала Бэрда в Литл-Америка.

Этот мальчишка из Миссури, который когда-то собирал землянику и косил репейник за пять центов в час, ныне получает доллар в минуту за обучение руководителей крупных корпораций искусству выражать собственные мысли.

Этот бывший ковбой, который когда-то перегонял скот, клеймил телят и верхом на лошади легко преодолевал высокие изгороди в западной части Южной Дакоты, позже поехал в Лондон и выступал там под покровительством принца Уэльского.

Этот парень, потерпевший полное фиаско при первых

пяти-шести попытках публичных выступлений, стал за-
тем моим личным менеджером. Многие успехи были до-
стигнуты мной в результате обучения под руководством
Дейла Карнеги.

Путь молодого Карнеги к образованию был трудн
На старую ферму в северо-западной части штата Миссу-
ри обрушивались всяческие напасти. Из года в год река
«102» выходила из берегов, затопляла посевы пшеницы
и смывала сено. Год за годом жирные свиньи заболева-
ли холерой и погибали. Цены на крупный рогатый скот
и мулов упали до самого низкого уровня, и банк угро-
жал лишить хозяев фермы права выкупа закладных.

Совершенно павшая духом семья Карнеги продала
свою ферму и купила другую, поблизости от педагоги-
ческого колледжа в Уорренсберге, штат Миссури. В го-
роде за доллар в день можно было получить комнату
и питание, но юный Карнеги не мог себе этого позволить
Поэтому он жил на ферме и ежедневно ездил верхом на
лошади в колледж, находившийся на расстоянии около
5 километров от его дома. На ферме он доил коров, ко-
лол дрова, кормил свиней и при свете лампы, заправлен-
ной минеральным маслом, заучивал латинские глаголы
до тех пор, пока его глаза не слипались и он не начинал
клевать носом.

Даже когда он ложился спать в полночь, то ставил
будильник на три часа утра. Дело в том, что его отец
разводил племенных свиней породы дьюрок-джерси,
и в очень холодные зимние ночи поросята могли замерз-
нуть. Поэтому их помещали в корзину, накрывали ло-
товым мешком и ставили за кухонной печью. Точно сле-
дуя зову природы, поросята в 3 часа утра требовали теп-
лой пищи. Когда звенел будильник, Дейл вылезал из-под
одеяла, брал корзину с поросятами и нес их к свино-
матке. Там он ждал, пока она их накормит, а затем от-
носил обратно в кухню к теплой печи.

В педагогическом колледже было шестьсот студен-
тов, и Дейл Карнеги был одним из полудюжины обде-
ленных судьбой молодых людей, которые не могли себе
позволить поселиться в городе. Он стыдился бедности,
вынуждавшей его каждый вечер возвращаться верхом
на ферму и доить коров. Он стыдился своего слишком
тесного пальто и слишком коротких брюк. У него быст-
ро развивался комплекс неполноценности, и он иска-

кратчайшего пути, ч
что определенные гр
лись влиянием и п
и бейсболисты, а та
дискуссиях и конку

Хорошо понимая
бы отличиться в спо
стязаний в краснор
товил свои речи. Он
и сидя в седле, по д
забравшись на кучу
сом, жестикулируя,
голубями речь о не
иммиграцию.

Однако при все
его преследовала с
ему было 18 лет, и
ствовал себя настол
что даже подумыва
данно стал выходи
торскому искусству
шихся в колледже.

К нему обращал
готовить их, после
ниях.

Окончив коллед
обучения для ферм
Западной Небраски

Несмотря на его
успех к нему не пр
как-то в Аллайансе
шел в свою комна
и в отчаянии запла
ся в колледж, уйти
борьбы. Но он не м
поехать в Омаху и
денег на железнодо
в товарном поезде,
диких лошадей, зап
ную Омаху, он устр
компании»; в его об
мыло и лярд на те
водческих районов,

кратчайшего пути, чтобы выделиться. Вскоре он увидел, что определенные группы студентов колледжа пользовались влиянием и престижем. Это были футболисты и бейсболисты, а также ребята, одержавшие победы на дискуссиях и конкурсах по ораторскому искусству.

Хорошо понимая, что у него нет данных для того, чтобы отличиться в спорте, он решил выиграть одно из состязаний в красноречии. В течение ряда месяцев он готовил свои речи. Он практиковался и когда доил коров, и сидя в седле, по дороге в колледж и обратно. А затем, забравшись на кучу сена в сарае, он с большим пафосом, жестикулируя, произносил перед перепуганными голубями речь о необходимости остановить японскую иммиграцию.

Однако при всем усердии и тщательной подготовке его преследовала одна неудача за другой. В то время ему было 18 лет, и он был обидчивым и гордым. Он чувствовал себя настолько обескураженным и подавленным, что даже подумывал о самоубийстве. А затем он неожиданно стал выходить победителем на конкурсах по ораторскому искусству — на всех соревнованиях, проводившихся в колледже.

К нему обращались другие студенты с просьбой подготовить их, после чего они тоже побеждали на состязаниях.

Окончив колледж, он организовал курсы заочного обучения для фермеров, живших среди песчаных дюн Западной Небраски и Восточного Вайоминга.

Несмотря на его беспредельную энергию и энтузиазм, успех к нему не приходил. Он настолько пал духом, что как-то в Аллайансе, штат Небраска, средь бела дня пошел в свою комнату в гостинице, бросился на кровать и в отчаянии заплакал. Ему страстно хотелось вернуться в колледж, уйти от превратностей суровой жизненной борьбы. Но он не мог этого сделать. Поэтому он решил поехать в Омаху и найти другую работу. У него не было денег на железнодорожный билет, и он отправился в путь в товарном поезде, за что должен был кормить и поить диких лошадей, заполнявших два вагона. Прибыв в Южную Омаху, он устроился на работу в фирме «Армор энд компани»; в его обязанности входило продавать бекон, мыло и лярд на территории бесплодных земель и скотоводческих районов, а также районов западной части Юж-

ной Дакоты, населенных индейцами. Он разъезжал п
этой территории в товарных поездах, дилижансах и вер
хом. Спал он в гостиницах эпохи первых поселенцев, ком
наты там отделялись одна от другой миткалевыми пр
стынями. Он изучал руководство для коммивояжеро
скакал на необъезженных, полудиких лошадях, игра
в покер с местными жителями, женатыми на индианка
и учился технике взыскания долгов со своих клиенто
Когда хозяин какой-либо лавки в глубинном районе
мог уплатить за заказанные им бекон и окорока нали
ными, Дейл Карнеги брал у него с полки дюжину па
ботинок, продавал железнодорожникам и отправлял вы
ручку фирме «Армор энд компани».

Часто ему приходилось проделывать в товарном по
езде по сто миль в день. Когда поезд останавливал
для разгрузки, Дейл мчался в близлежащие кварта
города, встречался с тремя-четырьмя торговцами и по
лучал заказы, а заслышав свисток паровоза, несся в
весь дух обратно к поезду и вскакивал в него уже на
ходу.

Территория, на которой он оперировал, не благопри
ятствовала торговле, но за два года он вывел ее с два
цать пятого на первое место в округе, куда вело два
цать девять автодорог из Южной Омахи. Фирма «Армо
энд компани» предложила ему повышение, отметив, чт
он «добился того, что казалось невозможным». Одна
Дейл отказался от повышения и уволился с работы. О
поехал в Нью-Йорк, учился в американской Академи
театрального искусства и ездил по стране, высту
пая в роли доктора Хартли в пьесе «Циркачка По
ли».

Он никогда не смог бы стать Бутом или Барримор
и у него было достаточно здравого смысла, чтобы э
понять. Поэтому он снова вернулся к работе коммиво
жера и стал продавать грузовые автомобили фирм
«Паккард моторкар компани».

Дейл совершенно не разбирался в машинах и н
сколько ими не интересовался. Он чувствовал себя ужа
но несчастным, и ему стоило огромных усилий кажды
день тащиться на работу. Ему очень хотелось иметь вр
мя для занятий, для того чтобы писать книги, о которы
он мечтал, еще находясь в колледже. Поэтому он ув
лился, намереваясь посвятить себя написанию рассказ

и романов и зарабатыва
нием в вечерних школах.

А что преподавать?
свою работу в колледж
подготовка в области о
большую роль в обрет
и уравновешенности, че
колледже, взятое вмест
мастерству общения с
Поэтому он стал насто
школ ХАМЛ в Нью-Йор
дить в этих школах кур
торскому искусству.

Что? Делать из бизн
Руководители ХАМЛ зн
пробовали организовать
пытки неизменно терпел

Когда они отказалис
награждение в два долл
подавать на комиссионы
процент с чистого доход
чен. И вот не прошло и
чивать на этой основе
вместо обычных двух.

Курс пользовался ус
деления ХАМЛ, а затем
Карнеги стал прославле
читал лекции в Нью-Йо
а позднее также в Лонд
дей, стекавшихся на е
учебники были слишк
Дейл смело взялся за
ское искусство и умени
в деловом мире». Сейча
ным учебником, принят
равно как и в Америка
ниональной ассоциации
способности.

В настоящее время
приходит для упражне
гораздо больше людей, ч
лекциях и практических

и романов и зарабатывать на существование преподаванием в вечерних школах.

А что преподавать? Оглядываясь назад и оценивая свою работу в колледже, он пришел к выводу, что его подготовка в области ораторского искусства сыграла большую роль в обретении им уверенности, смелости и уравновешенности, чем все, что преподавалось в его колледже, взятое вместе, что именно она научила его мастерству общения с представителями делового мира. Поэтому он стал настойчиво просить администрацию школ ХАМЛ в Нью-Йорке дать ему возможность провести в этих школах курс обучения деловых людей ораторскому искусству.

Что? Делать из бизнесменов ораторов? Нелепость. Руководители ХАМЛ знали, чем это кончается. Они уже пробовали организовать подобные курсы, но все их попытки неизменно терпели провал.

Когда они отказались платить Карнеги обычное вознаграждение в два доллара за вечер, он согласился преподавать на комиссионных началах, беря определенный процент с чистого дохода, если такой доход будет получен. И вот не прошло и трех лет, как ему стали выплачивать на этой основе по тридцать долларов за вечер вместо обычных двух.

Курс пользовался успехом. О нем узнали другие отделения ХАМЛ, а затем и другие города. Вскоре Дейл Карнеги стал прославленным разъездным лектором. Он читал лекции в Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе, а позднее также в Лондоне и Париже. Для деловых людей, стекавшихся на его курсы, все существовавшие учебники были слишком академичны и непрактичны. Дейл смело взялся за дело и написал книгу «Ораторское искусство и умение оказывать влияние на людей в деловом мире». Сейчас эта книга является официальным учебником, принятым во всех отделениях ХАМЛ, равно как и в Американской ассоциации банкиров и Национальной ассоциации экспертов по изучению кредитоспособности.

В настоящее время каждый сезон к Дейлу Карнеги приходит для упражнения в публичных выступлениях гораздо больше людей, чем их бывает на всех популярных лекциях и практических занятиях по ораторскому искус-

ству, организуемых всеми двадцатью двумя колледжа
ми и университетами Нью-Йорка.

Дейл Карнеги считает, что каждый человек можа
хорошо говорить, когда выйдет из себя. Он утверждае
что если вы нанесете самому невежественному в горо
человеку удар в челюсть и собьете его с ног, то, подня
шись, этот человек будет говорить столь красноречив
горячо и выразительно, что сможет соперничать с сами
Уильямом Дженнингсом Брайаном в пору наивысшего
его расцвета. Он убежден, что почти каждый челове
может достаточно удачно выступать с речами при нали
чии у него уверенности в себе и идеи, которая страсти
его волнует.

По мнению Карнеги, выработать в себе уверенность
в собственных силах можно, делая то, что вы боитес
сделать, и добиваясь, чтобы о вас пошла слава челове
ка, которому все удается. Поэтому он заставляет свои
слушателей выступать на каждом занятии. Аудитория
настроена здесь сочувственно — все слушатели находятся
в одинаковом положении и с помощью постоянных уп
ражнений обретают смелость, веру в себя и энтузиазм
которые затем проявляются и в их частных беседах.

На лекциях Карнеги рассказывает, что все эти год
он зарабатывал средства к жизни не тем, что учил люде
искусству публичных выступлений. Это было его побоч
ным занятием. Он заявляет, что главная его задача сво
дилась к тому, чтобы помочь людям побороть стра
и обрести смелость.

Вначале он вел только курс ораторского искусства
но его слушатели были представителями делового мир
Многие из них не были в классной комнате в течен
тридцати лет. Большинство вносило плату за обучени
частями. Они хотели быстрых результатов, таких, ко
рые можно было бы применить уже на следующий де
в ходе деловых разговоров и при выступлениях пер
широкой аудиторией.

Поэтому он вынужден был работать быстро и цел
устремленно и соответственно создал единственну
в своем роде систему обучения — удивительный ко
плексный курс, охватывающий практику публичных вы
ступлений, искусство убеждать, проблемы взаимоотн
шений между людьми и прикладную психологию.

Не будучи рабом жестких правил, он разработал кур

обучения, жизненно ре
ресный.

По окончании курса
ные клубы и в течение де
ся в них каждые две нед
группа, состоящая из де
дважды в месяц в зимн
цати лет. Часто, чтобы
дям приходится проде
в пятьдесят или сто ми
раз в неделю, приезжал

Профессор Гарвар
Джеймс утверждал, чт
только десять процентов
способностей. Дейл Кар
деловых кругов, мужчин
скрытые возможности,
замечательных систем в

обучения, жизненно реальный и захватывающе интересный.

По окончании курса слушатели организуют собственные клубы и в течение долгих лет продолжают собираться в них каждые две недели. В Филадельфии одна такая группа, состоящая из девятнадцати человек, встречается дважды в месяц в зимнее время уже в течение семнадцати лет. Часто, чтобы присутствовать на занятиях, людям приходится проделывать на автомашинах путь в пятьдесят или сто миль. Один слушатель регулярно, раз в неделю, приезжал в Нью-Йорк из Чикаго.

Профессор Гарвардского университета Уильям Джеймс утверждал, что средний человек развивает только десять процентов своих скрытых умственных способностей. Дейл Карнеги, помогая представителям деловых кругов, мужчинам и женщинам, развивать свои скрытые возможности, явился творцом одной из самых замечательных систем в области обучения взрослых.

Дейл Карнеги

КАК БЫЛА НАПИСАНА ЭТА КНИГА — И ПОЧЕМУ

За последние тридцать пять лет американские изда-
тельства выпустили более двухсот тысяч различны
книг. Большинство их ужасно скучны, а многие оказа-
лись убыточными в финансовом отношении. Я сказал
«многие»? Председатель правления одного из крупней-
ших в мире издательств недавно признался мне, что его
компания, имея семидесятипятилетний опыт, все еще тер-
пит убытки на семи из каждых восьми издаваемых
книг.

Тогда почему же я имел безрассудство написать еще
одну книгу? И почему, после того как я написал ее, вы
должны утруждать себя ее чтением?

Оба эти вопроса справедливы, и я попытаюсь на них
ответить.

Для того чтобы объяснить, как и почему была напи-
сана эта книга, мне, к сожалению, придется вкратце
повторить отдельные факты, которые вам уже известны
из введения, написанного Лоуэллом Томасом и озаглав-
ленного «Кратчайший путь к известности».

С 1912 года я вел в Нью-Йорке учебный курс для
представителей делового мира и специалистов, мужчин
и женщин. Вначале мой курс ограничивался только об-
ластью ораторского искусства и имел целью практичес-
ки научить взрослых людей быстро реагировать и изла-
гать свои мысли — как в ходе деловых разговоров, так
и при выступлениях перед широкой аудиторией — более
ясно, убедительно и уверенно.

Однако с течением времени я постепенно понял, что
как бы остро ни нуждались эти люди в приобретении
навыков публичных выступлений, еще важнее для них
было научиться тонкому искусству обращения с людьми
при повседневных деловых встречах и личных контактах.

Я также постепенно понял, что и сам не менее остро
нуждался в такой подготовке. Когда я теперь оглядыва-
юсь на пройденный за эти годы путь, то поражаюсь
сколь часто у меня самого отсутствовали необходимые
такт и умение разобраться в обстановке. Как бы я хоте-
чтобы двадцать лет назад в моем распоряжении была
такая книга, как эта! Каким бесценным даром она ста-
ла бы для меня!

Общение с окру
мые большие пробл
людьми, и особенно
мере справедливо и
или инженера. Ис
лет назад под эгидо
лификации учителей
чительный факт, ко
одним исследовани
институтом Карнег
преуспеяние в фин
тов, занятых в так
как машиностроени
процентов обуслов
я на восемьдесят п
с коллегами, то ест
стью руководить лю

В течение многи
инженеров в Филад
делении Американ
ков. В общем, по в
прошло более полу
лись ко мне потому
блюдений и опыта
высокооплачиваемы
часто являются
знаниями в своей о
сят — семьдесят пя
инженера, бухгалт
какой-нибудь друг
всегда имеются в
техническими знан
гать свои мысли, б
рождать в людях
лучать повышенную

В период расцве
феллер сказал Мэт
с людьми — это то
же, как мы покупа
такое умение боль

Не естественно
дый колледж стра
грамму курс, помо

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на то, что полные тексты популярных книг американского специалиста в области человеческих отношений Дейла Карнеги (1888—1955) никогда не издавались в СССР массовыми тиражами, у нас в стране его имя известно широкому кругу людей. Во-первых, сокращенные переводы и рефераты отдельных текстов публиковались в общедоступных журналах*, во-вторых, кое-что выходило небольшими тиражами «для служебного пользования» и, наконец, сделанные по заказу организаций и «просто так» переводы перепечатывались, ксерокопировались, размножались иным способом (доводилось видеть экземпляры, изготовленные на матричных принтерах ЭВМ) — и все это передавалось из рук в руки, читалось и перечитывалось. В различных работах, адресованных специалистам или широкой публике, имя Карнеги упоминалось с различными оттенками неодобрения или одобрения. Так или иначе, его имя, что называется, «на языке».

Но влияние произведений Д. Карнеги несравненно шире. И даже многие из тех, кто никогда не слышал его имени, встречались со следами воздействия его книг, так как встречались с людьми, практикующими «систему Карнеги», и поэтому на себе испытали, сами того не сознавая, способы обращения, которые рекомендует этот автор.

В чем же секрет особой популярности Карнеги? Ведь людей, строящих свою жизнь «по Карнеги», пожалуй, больше, чем стремящихся жить «по Толстому» или «по Руссо». Если говорить совсем коротко, то секрет в том, *о чем* пишет Карнеги и *как* пишет Карнеги.

Три книги Д. Карнеги, — «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», «Как вырабатывать уверенность в себе, выступая публично» и «Как перестать бесп
с некоторыми со
непривычному д
«поучений». Для
ля он был прив
и на Западе (да
стилевые особен
цы этого жанра
дательных тексто
кретность, доход
да, доходчивост
с улицы», доводы
вает скептическу
многочисленные
подцепить девчо
управлять своим
и т. п. К счастью
вать в развлека
динамизмом и ко
бе внимание, хо
обусловлена не с
той и разнообра
жения не исчер
Д. Карнеги. Суть

Одна книга
зей; другая — ка
пая публично; т
друзья, здоровье
непременные сла
неги берется сфо
го счастья. Суме
дать однозначны
кие попытки все
несомненно. И эт
вает. Читатель м
служивающих в
желание согласи
(а может и не на
и хорош. И даже
но отбросить с пе
тельным, опереть
доморощенного м
на Карнеги, не до

---

* Издающийся в Новосибирске журнал «ЭКО» в шести номерах публиковал сокращенный перевод наиболее известного труда Д. Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей» (1978, № 4—6; 1979, № 1—3), а журнал «Социологические исследования» познакомил своих читателей с отдельными извлечениями из другой книги — «Как перестать беспокоиться и начать жить» (1987, № 6; 1988, № 2—3).

перестать беспокоиться и начать жить» (последняя — с некоторыми сокращениями) — относятся к несколько непривычному для нашего читателя жанру — жанру «поучений». Для российского дореволюционного читателя он был привычен, привычен он в настоящее время и на Западе (да и на Востоке), но приобрел там новые стилевые особенности, отличающие современные образцы этого жанра от неторопливых и размеренных назидательных текстов прошлых столетий. Лаконизм, конкретность, доходчивость — вот нынешний стиль. Правда, доходчивость «поучений», адресованных «человеку с улицы», доводится иной раз до примитивизма, вызывает скептическую усмешку у интеллектуалов. Таковы многочисленные вариации ряда авторов на темы: «Как подцепить девчонку», «Как заарканить парня», «Как управлять своим шефом», «Как сорвать банк» и т. д. и т. п. К счастью, Дейлу Карнеги удается не соскальзывать в развлекательность и плоскости. Характеризуясь динамизмом и конкретностью, его текст привлекает к себе внимание, хотя и непринужденно. Привлекательность обусловлена не стилистическими ухищрениями, а широтой и разнообразием рекомендаций. Но способом изложения не исчерпывается перечень достоинств книг Д. Карнеги. Суть — в их содержании.

Одна книга посвящена тому, как приобретать друзей; другая — как добиться признания и успеха, выступая публично; третья — как беречь свои нервы. Успех, друзья, здоровье — для многих, очень многих людей это непременные слагаемые человеческого счастья. И Карнеги берется сформулировать правила, как достичь этого счастья. Сумел ли он выполнить эту задачу? Трудно дать однозначный ответ на этот вопрос. Но то, что такие попытки всегда вызывают повышенное внимание, несомненно. И это внимание автор во многом оправдывает. Читатель может найти в тексте много мыслей, заслуживающих вдумчивого отношения, вызывающих то желание согласиться, то сомнение, а то и неприятие (а может и не найти — смотря как искать). Этим текст и хорош. И даже то, что кажется неприемлемым, трудно отбросить с порога. Ибо все стремится быть основательным, опереться на логику и факты, на мысль. Ярлык доморощенного мудреца, который нередко навешивают на Карнеги, не держится. Дейл Карнеги и не претендует

на построение своеобычной философии жизни. Скорее он пытается донести извечную мудрость человечества тому же человечеству, предварительно ее отретушировав, упаковав и снабдив, где это только возможно, инструкциями по применению этих мудростей для решения проблем частной жизни. Житейская мудрость — составная часть общечеловеческой культуры, и, как и всякая другая составляющая культурного наследия, она нуждается в изучении, систематизации и пропаганде, а также в дальнейшем развитии. Работы Карнеги, собранные под переплетом книги, лежащей перед вами, читатель, являются хорошими образцами работ в этом направлении, образцами яркими и добротными одновременно. Здесь изречения известных мыслителей, пословицы, научные данные сопоставляются со здравым смыслом, применяются для решения проблем сегодняшнего дня, проходят проверку на практичность. И тут же предлагаются потребителю. Нужда в таких книгах есть не только у деловых людей, желающих развить свой успех, не только у издерганного городской суетой и деревенской маятой населения, стремящегося оздоровить общественный климат, но и у серьезных специалистов по человеческому фактору.

В настоящее время перед науками о человеке стоит задача выработки стратегии познания человека и организации фундаментальных комплексных исследований. Такая постановка задачи обусловлена тем, что в наше время изучение человека вышло далеко за пределы специальных наук о нем и превратилось в общую проблему всей системы научного познания.

Положение дел в науках, изучающих человека, специалисты не раз сравнивали с сооружением Вавилонской башни. И как уже стало ясно, проблема не решается автоматически на пути развития междисциплинарных исследований. Более того, расширение междисциплинарных связей приводит скорее к росту дисциплинарного Эвереста, появлению новых рядов гибридных дисциплин типа психофизики, психобиологии, психолингвистики и даже социобиологии и т. д. Один из путей преодоления продолжающегося дробления наук о человеке — это создание, помимо непосредственных стыков, некоего опосредующего звена, которым должен стать образ целостного человека, воплощающий в себе

представление
свободного и от
Возникает з
целостного чело
ленными наука
Правда, у после
стно вспомнить
«человекознанне
особая сфера, в
ют участие на
понимаемые в сам
вивается вместе
И было бы наивн
зом, будто его пу
науку или сумму,
этого. Иное дело,
а что же оно соб
развития общества
должно учить нас
ния с ним. Оно о
контекст, вне котор
науки о человеке,
рые сейчас, по сл
И. Р. Пригожина, д
ить своей мерой
можны гуманитарн
мые в широком с
психотерапевтически
социальные, коммун
И беда, когда пе
циология, эргономика
же относится и к об
развиваться без чело
и развивалось лишь в
зано. Вне контекста
ловека в фундамента
но или невольно дела
подобным предметам
вом достижения некото
целей.
Выше уже говорил
века представлен поли
относится и к содержа

представление о личности, способной к осуществлению свободного и ответственного действия.

Возникает законный вопрос, а где взять этот образ целостного человека, ведь он уже «растащен» многочисленными науками, да и многочисленными практиками. Правда, у последних он представлен полнее. Здесь уместно вспомнить старые термины: «человековедение» и «человекознание». Выберем первый. Человековедение — особая сфера, в создании которой на равных принимают участие наука, культура, искусство, практика, понимаемые в самом широком смысле. Оно растет и развивается вместе с ними, вместе с историей общества. И было бы наивно представлять себе дело таким образом, будто его нужно строить как особую специальную науку или сумму, систему наук. Оно существует и без этого. Иное дело, что нужно попытаться дать себе отчет, а что же оно собой представляет на нынешнем этапе развития общества, культуры. Именно человековедение должно учить нас культуре изучения человека, обращения с ним. Оно обеспечивает культурный и этический контекст, вне которого не могут полноценно развиваться науки о человеке, да, видимо, и все другие науки, которые сейчас, по словам лауреата Нобелевской премии И. Р. Пригожина, должны стать гуманитарными, то есть иметь своей мерой человека. Вне этого контекста невозможны гуманитарные техники психотехники, понимаемые в широком смысле этого слова (медицинские, психотерапевтические, педагогические, эргономические, социальные, коммуникативные, даже идеологические).

И беда, когда педагогика, медицина, психология, социология, эргономика выпадают из этого контекста. Это же относится и к обществоведению, которое не может развиваться без человековедения. Да оно, по сути дела, и развивалось лишь в той мере, в какой было с ним связано. Вне контекста человековедения исследования человека в фундаментальных и прикладных науках вольно или невольно делают его либо предметом изучения, подобным предметам естественных наук, либо средством достижения некоторых социальных или технических целей.

Выше уже говорилось, что у практиков образ человека представлен полнее, чем у теоретиков. Сказанное относится и к содержанию данной книги, ибо оно явля-

ется не чем иным, как описанием специфической прак-
тики — практики оказания помощи людям в решении их
проблем. Поэтому интересно проанализировать отноше-
ние идей, развиваемых Д. Карнеги, к науке или, точнее,
к контексту научных дисциплин, изучающих человека.

Карнеги, щедро цитирующий политиков, бизнесме-
нов, врачей и поэтов, довольно редко ссылается на уче-
ных. Среди тех, для кого делается исключение, — Уиль-
ям Джеймс, американский философ и психолог конца
XIX — начала XX века, один из авторов периферичес-
кой теории эмоций (теория Джеймса — Ланге), согласно
которой эмоциональные переживания есть просто
ощущения изменений, происходящих в теле человека
или животного. Известно парадоксальное высказывание
Джеймса: «Мы печалимся потому, что плачем; боимся
потому, что дрожим; радуемся потому, что смеемся».
Для Карнеги теория Джеймса, скомпрометировавшая
себя в академических кругах, но удивительно хорошо
согласующаяся с современной методологией аутотре-
нинга, привлекательна прежде всего потому, что под-
сказывает путь к произвольной регуляции эмоциональ-
ных состояний. И Карнеги привлекает авторитет Джейм-
са для обоснования своих рецептов урегулирования эмо-
циональной сферы.

Однако связь работ, написанных Карнеги, с наукой
не ограничивается не очень частыми ссылками на не-
многие и уже несколько старомодные теории. Не будет
безосновательным утверждать, что Карнеги дает совре-
менной науке больше, чем взял от нее, хотя вроде бы
и не претендует на что-то большее, чем популяризатор-
ство. Чтобы как-то оправдать это далеко не очевидное
утверждение, посмотрим, что же составляет основное
содержание всех трех книг. Это — набор всяческих пра-
вил достижения успеха в жизни. А понятие правил в со-
временных гуманитарных науках претендует на роль,
аналогичную той, какую понятие законов играет в нау-
ках естественных.

Ценность такого перечня правил не только в том, что
некоторые из них можно заимствовать и взять в свой ар-
сенал, но и в том, что он вдохновляет на поиски собст-
венных вариантов, поскольку достаточно явно предстает
как принципиально открытый для добавлений, уточне-
ний и исправлений.

Система «прави
ки, а иной раз сам
следовать всем пр
удачной. Попробуй
цип «будь искренен
цип «веди разгово
в случае, когда ни
но неинтересны. Зд
ство всех жизненны
ляет от необходимо
думывать. И иной р
поиска тем разгово
беседы. А в другом
в самом собеседнике
торая сама по себе
влекательной. Да м
проблем, если есть ж

И еще об одном
правило, говорит, *ч*
зывает, *как* это де
тельными слушателя
ражений; он понят
«А как быть внимате
то и дело отвлекае
чтобы растолковать,
ганизации своего слу
зовать, Карнеги раз
стрирующие важност
стоит судить автора
мало что было извес
нивать текст нужно
есть, а не по тому, ч
пытаться словами оп
архитрудное и небла
научиться по-настоящ

Нередко Карнеги
искусству делать ком
ти. Данные обвинения
мании пафоса книги.

---

* С ними читатель мо
натора «Я Вас слушаю»
в 1984 и повторно в 1988 г

Система «правил Карнеги» содержит в себе неувязки, а иной раз самые настоящие противоречия. Попытка следовать всем правилам сразу может оказаться неудачной. Попробуйте одновременно реализовать принцип «будь искренен в выражении своих чувств» и принцип «веди разговор в русле интересов собеседника» в случае, когда интересы вашего собеседника вам лично неинтересны. Здесь явное противоречие. Но это свойство всех жизненных систем. Знание правил не избавляет от необходимости искать и находить, думать и придумывать. И иной раз выход может быть найден путем поиска тем разговоров, интересующих всех участников беседы. А в другом случае страстная заинтересованность в самом собеседнике сделает увлекательной ту тему, которая сама по себе никогда до той поры не казалась привлекательной. Да мало ли можно найти путей решения проблем, если есть желание и мастерство.

И еще об одном «слабом месте» книги. Автор, как правило, говорит, *что* нужно сделать, но не всегда показывает, *как* это делается. Так, призыв «будьте внимательными слушателями» не может вызвать никаких возражений; он понят и принят, однако встает вопрос: «А как быть внимательным собеседником, если внимание то и дело отвлекается и рассеивается?» Вместо того чтобы растолковать, какие же существуют средства организации своего слушания и как их эффективно использовать, Карнеги раз за разом приводит примеры, демонстрирующие важность внимательного слушания. Но не стоит судить автора столь строго. Когда писалась книга, мало что было известно о технике слушания *, да и оценивать текст нужно прежде всего по тому, что в нем есть, а не по тому, чего в нем не хватает. Кроме того, пытаться словами описать технику общения — занятие архитрудное и неблагодарное, все равно по книге этому научиться по-настоящему невозможно.

Нередко Карнеги обвиняют в том, что он учит людей искусству делать комплименты, науке изощренной лести. Данные обвинения зиждутся на неправильном понимании пафоса книги. То, о чем ведет речь Карнеги, на

---

* С ними читатель может познакомиться в книге Истуда Атватера «Я Вас слушаю...», вышедшей в издательстве «Экономика» в 1984 и повторно в 1988 году.

современном языке называют наградой, а не комплиментом. Комплимент есть незаслуженная похвала, а награда — похвала заслуженная. Нет ничего легче, чем научиться дежурным комплиментам, говоря женщинам, что они хорошо выглядят, а мужчинам — что они умны. Для того чтобы поступать так, можно не видеть другого человека и не слушать его. Умение же награждать основано на внимании к другому человеку, потому что во внешности, поведении и словах другого человека нужно найти и отметить то, что действительно достойно похвалы. Поэтому комплименты ценятся так дешево, а награды дорого. Карнеги, несомненно, имеет в виду именно награды, а не комплименты, хотя в его время эта терминология не использовалась.

При всех ее достоинствах данную книгу не следует воспринимать догматически. Применение правил, как и их нарушения должны быть осмысленными. Надо всегда помнить, что универсальных рецептов успеха не существует. И не забывать о своей индивидуальности, которая является одной из высших ценностей. Именно потому, что вы — это вы, не каждое правило вам подходит, даже если оно хорошо во всех отношениях. Как сказано у Козьмы Пруткова, «не всякому человеку даже гусарский мундир к лицу».

Завершим выступление, как это и рекомендует Д. Карнеги, стихотворными строками. В свое время они были написаны А. С. Пушкиным в альбом Павла Вяземского, семилетнего сына Петра Андреевича Вяземского, друга великого поэта.

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

В. П. Зинченко,
доктор психологических наук, профессор
Ю. М. Жуков,
кандидат психологических наук

погребальное
погребальный
е, то напоми
егда в тесной
римиряющий,
неизбежном
лезы льются,
ль отца, жаль
любви — лю-
его хорошим
этим ясным,
ошив опреде-
сной лазури

А.Н. ТОЛСТОЙ

ДЕТСТВО НИКИТЫ

«ПОВЕСТЬ О САМЫХ НЕОБЫКНОВЕННЫХ ВЕЩАХ»

Сколько превосходных книг написано о детстве замечательных революционеров, ученых, изобретателей, путешественников, полководцев, поэтов! Сколько читали мы о подвигах юных героев, совершенных в мирной жизни и на войне! Но есть среди книг о детстве особые. Они рассказаны писателями от первого лица и основаны на их собственных впечатлениях — на воспоминаниях своего детства. Кто не читал «Детство» и «Отрочество» Л. Н. Толстого, «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, «Детство Темы» Н. Г. Гарина-Михайловского, «Детство» и «В людях» М. Горького! Вспомним книги советских писателей — «Зачарованную Десну» А. П. Довженко и «Повесть о детстве» Ф. В. Гладкова.

К числу самых талантливых книг, в которых раскрывается внутренний мир подростков, принадлежит «Детство Никиты» — повесть замечательного советского писателя Алексея Николаевича Толстого (1883—1945).

Эта книга, написанная в 1919—1920 годах, называлась первоначально «Повесть о самых необыкновенных вещах». Многое в этой книге близко напоминает детство самого автора. Так же, как и Никита, Алексей Толстой провел детские годы на степном хуторе, в Поволжье, недалеко от Самары. В своей повести он сохранил не только название хутора — Сосновка, но даже некоторые имена. Мать Толстого звали Александрой Леонтьевной, учителя — Аркадием Ивановичем Словоохотовым. Мишка Коряшонок тоже существовал; так его и звали в действительности. А маска Пушкина, которую Толстой упоминает в главе «Елка», до конца его жизни висела в кабинете над конторкой, стоя за которой он написал лучшие свои сочинения.

Подростком, живя на хуторе, Толстой дружил с деревенскими ребятишками, купался в степной речонке Чагре, бегал на пруд, окруженный высокими ветлами, катался верхом. За садом расстилались ковыльные

степи. И явления природы — знойный засушливый день, и ночная гроза, и осенний перелет птиц, снежный буран, ледоход на реке — все это составляло огромное событие в жизни будущего писателя. С тех, детских, лет и полюбил Толстой волшебную русскую природу, узнал богатую образную народную речь. И хотя он жил в барском доме, а не в людской, рос и развивался он среди народа, изо дня в день видел тяжелую в ту пору крестьянскую жизнь и великий крестьянский труд. В «Детстве Никиты» он представил ее безмятежной, в одних поэтических чертах, как воспринял ее в раннем возрасте. По-иному изобразил он ее в других сочинениях. Особенно чувствуется это поразительное знание народной крестьянской жизни, когда читаешь исторический роман А. Н. Толстого «Петр I», где уже на первой странице открывается дверь избы и в клубах пара, переминаясь с ноги на ногу, выбегают на мороз крестьянские чада, разутые, в одних рубашонках.

Своим уважением к народу Толстой наделил и Никиту. Самым авторитетным лицом Никита считает работающего на скотном дворе Мишку Коряшонка — подпаска. Этот серьезный и рассудительный паренек, который, в подражание взрослым, говорит с напускным равнодушием, занимает в повести очень важное место. Хотя он и маленький, но в его замечаниях, советах и поступках уже ясно виден русский склад ума и русский характер.

Чудесный русский парнишка и другой знакомец Никиты — вихрастый, курносый и большеротый Степка Карнаушкин с «заговоренным кулаком». Компанию деревенских друзей Никиты дополняют Семка, Ленька, Артамошка-меньшой, Нил, Ванька Черные Уши и бобылев племянник Петрушка.

Целыми днями крутится Никита во дворе, у колодца, в каретном сарае, в людской, на гумне... Конечно, всего понятнее для него суждения Мишки Коряшонка. Но не менее важно и то, что сказал или сделал плотник Пахом, рабочий Василий, сутулый Артем...

В этой чистой и ясной книге, рассказанной с шутливой улыбкой, с великолепным и сочным юмором, раскрыт большой мир и глубокие чувства и взрослых и детей. А достигнуто это средствами очень скупыми. Много ли рассказал Толстой об Аркадии Ивановиче? А между тем из загадочных улыбок Аркадия Ивановича, из

проницательных взглядов и хитрых намеков, упоминаний о том, как морщит он губы, в сотый раз перечитывая письмо своей Вассы Ниловны — учительницы, на которой мечтает жениться,— из этих отдельных черточек возникает живой человек — умный, славный и при этом отличный педагог. Как много узнаем мы об отношении матушки к отцу Никиты — Василию Никитьевичу, еще прежде, чем он появляется в книге. И какой достоверный характер у самого Василия Никитьевича — взбалмошного, нетерпеливого, увлекающегося, действующего под влиянием минуты; едет на ярмарку, чтобы продать кобылу Заремку, а вместо денег посылает жене сообщение о том, что «страшно недорого и совершенно случайно» купил целую партию ненужных ему верблюдов. Как отчетливо выписан образ Анны Аполлоновны с ее грузной фигурой и густым голосом, от которого звенят стекляшки под лампой. Как помнится все, что сказано о Лиле, о ее брате — гимназисте Викторе Бабкине, о «седьмом ребенке Петра Петровича» — Анне, которая по всякому поводу восклицает: «Неправдычка!» Все помнится — даже маленький мальчик в маминном платке, повязанном крест-накрест.

«Детство Никиты» принадлежит к удивительным книгам: прочтешь и хочется пересказать ее всю — от слова и до слова. Радует каждая фраза. Как празднично описаны морозные узоры на окнах! Какими теплыми кажутся солнечные квадраты на полу горницы! Так и видишь на снегу «синие следы зайцев» и «стеклянные следы полозьев», которые «бегут» от дома через весь двор. Никита подходит к окну, смотрит в заваленный снегом сад. На ветке сирени сидит «черная головастая ворона, похожая на черта». Никита постучал пальцем в окно. «Ворона шарахнулась боком и полетела, сбивая крыльями снег с ветвей». Кажется, что она каркнула, хотя про это не сказано.

Читая книгу, чувствуешь, что каждое слово, которое ставит Толстой,— самое точное, единственно верное слово. Морозным утром «хрустят» ступени под шагами Никиты. Обычно говорят: «хрустит снег». У Толстого — ступени. Про воздух, который колет щеки иголочками, писатель сказал: «Воздух морозный и *тонкий*». Тонкий воздух! Кажется, что Толстой наделяет нас еще неведомой остротой чувств — учит постигать прелесть весеннего вечера, когда на зеленом небе затеплилась первая, «чистая, как льдинка, звезда», учит вглядываться в мигание молний над темным июльским садом, слышать

жар летней степи, горячей от спелых хлебов, вековечный свист ветра в ушах, когда скачешь на лошади.

В самых обыкновенных событиях жизни Никиты Толстой находит неизъяснимую прелесть — в решении арифметических задач, в писании диктанта, в скучном вечере, который кончился приездом гостей. Поэзия разлита во всем, что окружает этого мальчика — нежного, наблюдательного и очень серьезного. Все полно для него значения, все важно, все интересно. Благодаря этому даже собаки Шарок и Каток, даже кот Василий Васильевич, еж Ахилка, скворец Желтухин, как в сказке, наделены в этой книге характерами и занимают в ней важное место.

Но вот дочитана повесть. Вы чувствуете, что подружились с Никитой, навсегда полюбили этого доброжелательного десятилетнего человека. Вы словно прожили с ним целый год — от зимы до зимы — и вместе с ним повзрослели. Вместе с ним вы научились видеть необыкновенное в самых обыкновенных вещах, с новой силой и свежестью ощутили любовь к русским людям, к русской земле и русской природе. И узнали еще душевные и умственные черты, из которых сформировался потом талант великого русского писателя Алексея Толстого.

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ

Н.Г. ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ

ДЕТСТВО ТЁМЫ

Из семейной хроники

ГАРИН [1]

Гарин был невысокого роста, очень подвижный, щеголеватый, красивый: в волосах седина, глаза молодые и быстрые.

Всю жизнь он работал инженером-путейцем, но и в его шевелюре, в его порывистой, неровной походке и в его необузданных, торопливых, горячих речах всегда чувствовалось то, что называется широкой натурой — художник, поэт, чуждый скаредных, корыстных и мелочных мыслей.

Под открытым небом зимою в лесу он выбрал однажды высокую ель и приказал, не срубая ее, разукрасить от вершины до нижних ветвей золочеными орешками, флагами, свечками, окружил веселыми кострами и, созвав из деревни крестьян, всю новогоднюю ночь пировал вместе с ними под этим деревом на морозе, в снегах.

В другой раз он устроил новогоднюю елку у себя в усадьбе для деревенских ребят, увесил ее игрушками, лакомствами, а когда ребята вдоволь натешились ею, повалил ее на пол и скомандовал: грабьте!

Ему постоянно мерещилось, будто у него есть какие-то лишние деньги, ненужные, даже мешающие,— скорее бы избавиться от них.

— Кто здесь бедный? — как-то спросил он, очутившись в деревне, и пошел по крестьянским избам, наделяя своими «ненужными» деньгами одичавших от нужды «мужиков».

Щедрость его нередко была безрассудной.

Горячая отцовская кровь: его отец, боевой генерал, отличался отчаянной храбростью. Таков и он сам, «Тёма» — Гарин: побывал и под турецкими пулями, и под японской шрапнелью.

Нет сомнения, что в своем «Детстве Тёмы» изобразил он себя. В Тёме та же пламенная страстность:

— Милый папа, отруби мои руки!

В повести маленький Тёма вскакивает ночью с постели, крадется к колодцу, куда брошена Жучка, спускает-

---

[1] Чуковский К. Собрание сочинений: В 6 т.— М., 1967.— Т. 5.

ся туда по вожжам и с опасностью для жизни спасает собаку, отчего его болезнь становится чуть не смертельной...

Проходят десятки лет. Гарин — седой инженер, писатель, общественный деятель, но в душе все тот же Тёма.

На пятом десятке уехал к хунхузам, в дебри, где не ступала нога европейца, и там, среди хищных зверей, изведал романтику приключений и подвигов. В его тогдашнем дневнике мы читаем:

«Залпы выстрелов?! Хунхузы?! Где ружье?! Стреляют в бумажные двери?..»

Хунхузы подожгли ту фанзу, где он спал, открыли стрельбу из орудий, а он мужественно сражался с ними — один против многих.

Такой это был человек. Не боялся же маленький Тёма вскарабкаться на огромную лошадь и, замирая от восторга и ужаса, скомандовать Иоське: «Бей!»

И в творчестве был он такой же. Всякую тему брал с бою. Долго обрабатывать роман или повесть было ему не по нраву. Он писал второпях, без оглядки и, сдав рукопись в редакцию журнала, несся в курьерском поезде куда-нибудь в Сибирь или на Урал по неотложному делу...

Окруженный врагами, в маньчжурской степи, он работал, как у себя в кабинете. Бумага промокала от дождя, руки коченели от холода, рукописи погибали в пути. «Одну тетрадь со сказками я потерял, к сожалению»,— сообщает он в предисловии к «Корейским сказкам».

Товарищи, смеясь, говорили, что пишет он всегда «на облучке».

Телеграфная быстрота творчества придавала его слогу крылатость: он даже при желании не умел бы писать в медленном темпе, бесстрастно и вяло,— даже если бы нарочно постарался. Взрывчатыми, короткими фразами ведет он свой торопливый рассказ. Восклицательные знаки, междометия так и мелькают у него на страницах.

Драматизируя каждый описываемый им эпизод, он изображает события так, будто они происходят сейчас. Каждая его вещь — словно запись об этих только что происходящих событиях.

Вообще он не умел относиться к своему писательству как к мастерству и никогда не ставил себе чисто литературных, формальных задач. Форма его импровизаций

никогда не занимала его. Вся его сила в душевной тревоге. Оттого-то его автобиографические повести «Детство Тёмы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры» так взволнованно воспринимаются читателем.

В том застенке, каким ему представлялась тогдашняя жизнь, его больше всего ужасали крики истязуемых детей. В сказке о волшебнице Ашем, в повести «Детство Тёмы», в «Исповеди отца», в рассказе об умирающем Диме им заклеймено это зверство — телесное наказание детей.

Возмутительнее всего было для Гарина то, что снаружи, на поверхностный взгляд весь этот страшный застенок мог показаться чуть ли не райской обителью.

«Если жизнь — застенок, незачем ее проклинать, нужно перестроить ее»,— как бы говорят его книги. В каждом зле ему нравилось то, что оно устранимо. Он не был бы Гариным, не был бы Тёмой, если б не бросался много раз в эту машину, кромсающую ни в чем не повинных людей, и не пробовал остановить ее, задержать ее ход, отлетая от нее всякий раз, как ламанчский рыцарь от мельницы.

Но это не смущало его. Машина будет сломана,— в этом он не сомневался нисколько,— и хруст человеческих костей прекратится. Всем пыткам сразу наступит конец — таково было оптимистическое убеждение Гарина. Он так и говорит в одной сказке: «Погибнет злой волшебник, а с ним исчезнет и мрак,— и увидят тогда люди, что для всех есть счастье на земле».

Для него это не было сказкой. Оттого-то в его произведениях нет ни стонов, ни нытья, ни уныния. Оттого-то этот изобразитель человеческих мук был всегда жизнерадостен и светел.

Настоящая его фамилия была Михайловский. Николай Георгиевич Михайловский. Он родился в Петербурге в 1852 году. Родители его были люди богатые. Его отец был боевой офицер, отличившийся во время венгерской кампании. Крестил Гарина царь Николай, едва ли предвидевший, что его крестник к концу своей жизни будет социал-демократом. Вскоре семья перекочевала в Одессу, здесь мальчик учился и окончил гимназию в 1871 году. Гимназическая жизнь описана им в его повести «Гимназисты». В 1872 году он поступил в Институт путей сообщения (в Петербурге) и через шесть лет, во время русско-турецкой войны, молодым инже-

нером был послан в действующую армию строить в Болгарии шоссе.

С тех пор он всю жизнь занимался строительством: строил тоннели, мосты, проводил железные дороги, работал и в Батуми, и в Уфе, и в Казанской, и в Вятской, и в Костромской, и в Волынской губерниях.

Отсюда его близкое знакомство с народом: в качестве инженера-практика он постоянно сталкивался с крестьянами и рабочими, и чем больше узнавал их, тем больше любил. В те годы он считал себя народником, то есть веровал, что у России другая судьба, чем у прочих европейских народов; что Россию будто бы минует капиталистический строй, так как у русской деревни есть община, которой будто бы не знают европейцы.

В 1879 году он женился и поступил на службу в министерство путей сообщения. Но он не был создан для департаментской службы: человек горячий и правдивый, он постоянно наживал себе врагов в затхлой инженерской среде. Его помыслы были направлены к народному благу, хотя в ту пору он при всем радикализме относился к народу как благожелательный барин. Барин чувствовался в нем на каждом шагу, добрый, великодушный, но — барин. Это лучше всего сказалось в середине восьмидесятых годов, когда он удалился с молодой женою в деревню, купил большую усадьбу и стал — с обычным своим увлечением — лечить, учить и просвещать крестьян. Попытка окончилась крахом, так как он не учел, что милая его сердцу крестьянская община находится во власти кулаков. Он уехал в Петербург и в 1892 году стал издателем журнала «Русское богатство», объединявшего писателей-народников. В этом журнале он впервые выступил в качестве автора. В первой же книжке «Русского богатства» началось печатание его повести «Детство Тёмы». Повесть была подписана псевдонимом Н. Гарин (потому что у автора был сын, которого звали Гаря). «Детство Тёмы» имело огромный успех; столь же сочувственно были встречены и следующие произведения Гарина: «Гимназисты», «Студенты», «Деревенские панорамы» и проч. Повесть «Гимназисты», обличающая тогдашний гимназический быт, вызвала бурю среди педагогов: впервые в литературе было с такой резкостью сказано о том, что гимназия, созданная самодержавием, калечит и развращает детей.

К середине девяностых годов Гарин окончательно ра-

зочаровался в народничестве и имел смелость — на пятом десятке — порвать с единомышленниками и перейти в лагерь социал-демократов. Он ушел из «Русского богатства», основал марксисткую газету «Самарский вестник» и стал с той поры сотрудничать в органах легальных марксистов: в «Мире божьем», «Жизни», «Начале» и проч. В 1898 году он совершил большое путешествие, описанное им в очерках «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову».

Во время русско-японской войны он снова уехал в Маньчжурию корреспондентом. Его корреспонденции с фронта жестоко искажались военной цензурой. Большую роль в его жизни сыграло сближение с Горьким. Горький своими беседами помог ему окончательно утвердиться на революционных позициях.

Революцию 1905 года Гарин встретил с энтузиазмом. Он примкнул к редакции социал-демократического органа «Вестник жизни», где работали Ольминский, Луначарский, Воровский. Но недолго ему пришлось сотрудничать в этом журнале: 27 ноября 1906 года он скончался на редакционном совещании. Незадолго перед этим он отдал партии большевиков часть своего состояния.

«Он так и умер «на ходу»,— говорит о нем Горький,— участвовал в каком-то заседании по литературным делам, сказал горячую речь, вышел в соседнюю комнату, прилег на диван, и паралич сердца оборвал жизнь этого талантливого, неистощимо бодрого человека».

К. ЧУКОВСКИЙ

КНИГА ИЗ-ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКИ

Вместо послесловия

Вы прочитали, перевернули последнюю страницу одной из самых, быть может, замечательных книг нашего времени. И, конечно, у вас еще в памяти слова, которыми автор предварил свою книгу:

«Работа над романом началась в экспедиционно-полевой обстановке, когда мы двигались по зимней заполярной тайге с первыми строительными партиями, следом за изыскателями...»

И далее он говорит о веселой и смелой комсомольской молодежи этих партий, о том, как собиралась она после напряженного трудового дня «у огонька», пела песни и читала взятые с собой книги. Но книжки были быстро прочитаны, а новых поступлений не ожидалось, и тогда — «наш «кружок у костра» стал, так сказать, ареной проявления всех самодеятельных талантов».

Вот так, по уверению автора, в обстановке якобы острейшего, как сейчас сказали бы, книжного дефицита и в порядке самодеятельного творчества и родился роман «Наследник из Калькутты». По принципу, когда-то подсказанному автору еще датским писателем Мартином Андерсеном Нексе: все это вы сможете съесть, если сами принесете это с собой — и русскую икру, и африканских лангустов.

А была, и вправду, зимняя заполярная тайга. Были и напряженные, до изнеможения, трудовые дни, и костры на снегу, и заиндевелые стены бараков, и коптилки особой конструкции, которые и до сих пор известны под названием «зов предков» и в смрадном, чадном, зыбком сумраке которых писалась эта книга. Была и веселая комсомольская молодежь, были и люди постарше, и среди них — прошедшие еще царские каторги и централы. Но не для того подходили они к костру, чтобы петь песни, и не книги были в их обмороженных руках. И уж, конечно, не было у этих людей задора, энтузиазма, характерного «для малых и больших коллективов советских людей... на любых плацдармах «переднего края» пятилеток».

Роман «Наследник из Калькутты» пришел к нам из-за колючей проволоки сталинских лагерей. Он написан на печально знаменитой 503-й стройке, откуда возвращались немногие. Строилась задуманная Сталиным и бесплодно унесшая десятки и десятки тысяч жизней «великая трансполярная магистральная магистраль», и она проходила неподалеку от печально знаменитой Курейки, где в свое время отбывал ссылку «великий вождь и отец всех народов». Сторожевые вышки с молоденькими солдатиками, которым было дано право стрелять в зеков без предупреждения, да ряды колючей проволоки, за которой бегали натренированные рвать людей овчарки,— вот что окружало «плацдарм». И как непременный знак, тяжело отражавшийся на всем, что происходило на этом «плацдарме»,— на рукописи, а затем и на первом издании книги рядом с фамилией автора появилась еще и фамилия некоего В. Василевского — «дяди Васи», как заискивающе называли его лагерные урки, «пахана», державшего в руках всю лагерную верхушку.

Эта книга написана в сталинском лагере, но рассказывает о другом, светлом мире. Ныне она становится достоянием нашей большой литературы, но она — еще и живой документ времени, отразивший самые, быть может, трагические моменты нашего недавнего прошлого. И поэтому эта книга — еще и свидетельство стойкости человеческого духа, той веры в людей, в их добрые начала, которую не могут сломить никакие невзгоды.

За несколько недель до окончания войны, в апреле 1945 года начинающий литератор и преподаватель высших командных курсов, а совсем в недавнем прошлом боевой офицер-разведчик Роберт Александрович Штильмарк был арестован. Его обвиняли в распространении слухов, порочащих социалистический строй и советский образ жизни. На допросах он признался, что действительно неодобрительно отзывался об одном новом здании столицы, называл его «спичечным коробком». И что действительно выражал сожаление, недовольство сносом Сухаревой башни — замечательного исторического памятника Москвы. Особое Совещание определило ему «за болтовню» срок в 10 лет, и бывший фронтовик очутился в Заполярье.

Тюрьмы, этапы, лагеря. Лесоруб, водовоз, переводчик, преподаватель техникума, грузчик, кострожог, заведующий репертуарной частью театра, геодезист, бетонщик — самых разнообразных умений и навыков требовали эти и многие другие профессии, которыми пришлось овладевать. Такой разносторонности дарований позавидовали бы, наверное, даже предприимчивые представители древнего скандинавского рода Штильмарков, перебравшиеся некогда в Россию. Но едва ли эти умения и навыки были необходимы для будущей книги. Эти годы не были временем накопления материала, связанного с темой, столь далекой от действительности — Англией XVIII века. Скорее, можно было растерять и те знания, что имелись. И все же они были дорогой к книге. Потому что эти первые и самые трагические для многих годы заключения не сломили Штильмарка, не убили в нем человека.

И вот — лагерь на 503-й стройке. И всеведущий дядя Вася узнает о литературных способностях «новенького». А тут кто-то говорит дяде Васе, что Сталин будто бы читает только исторические романы, любит их, и даже был случай, когда он одному писателю-зеку за сочинение такого романа «скостил срок». И у «пахана» зреет блестящая идея. Он поручает Штильмарку написать «ро́ман», да чтобы потрогательнее, позанимательнее, чтобы дух захватывало и мурашки по телу и чтобы были и похищение ребеночка, и удивительные превращения, и преследования, и бури в океане, и кораблекрушения, и даже охота на львов была. Действие

поэтому должно происходить, конечно, не в России и лет, этак, 200 назад, но Иосиф Виссарионович должен непременно узнать место, где «рóман» написан. А так как это место рядом с Курейкой, то надо дать приметы, без сомнения, трогательно памятные «дорогому учителю».

Нетрудно представить, какая бы сентиментальная мешанина, бижутерия, позлащенная канитель получилась, попадись такой заказ в руки графомана. Бессердечность и жестокость всегда, как ни странно, соседствуют с умилением и слезами, а самые сентиментальные люди, как известно,— садисты. Но под пером Штильмарка вырастает живое и захватывающее художественное полотно со всеми признаками остроприключенческого жанра. Даже приметы Курейки удалось вплести так, что они не выпадают, и на этих страницах — все те же свободолюбивые и вольные правдоискатели, правдолюбцы, первопроходцы. И не такой уж это непростительный прием — некоторая вынужденная мистификация, потому что роман должен выйти в свет, а он всей своей сущностью направлен против лжи и фальши.

И Штильмарк работает, все более увлекаясь, вначале по шесть, а потом и по двенадцать, двадцать часов в сутки. Убористо исписанные «крошечные листы почтовой бумаги» мгновенно расходятся по баракам, переписываются четким каллиграфическим почерком, украшаются виньетками, рисунками и хранятся бдительным дядей Васей пуще зеницы ока. Не тень «пахана» нависает над плечами писателя, приковывает к табурету в промерзшем блоке. Наконец-то он может отдаться любимой работе, высказать людям все, чем жива его душа и чем, по его мнению, люди должны быть живы! Здесь, пожалуй, можно только поблагодарить дядю Васю. Всемогущей своей властью он предоставил писателю неограниченное время, избавил от лагерной принудиловки, от той трудовой нормы, за невыполнение которой лишались и миски баланды, а то и попадали в карцер.

К 15 июня 1951 года трехтомный роман был завершен. За необыкновенно короткий срок: год и два месяца! За акварелью, необходимой для изготовления морских карт, направили пешего гонца за 150 километров. Кисти изготовили из беличьего хвоста. На переплет

употребили обложки дел заключенных и синюю шелковую рубаху одного из зеков. На первой странице тщательно вывели трогательное посвящение отцу всех народов, рукопись торжественно сдали в Политотдел стройки и стали ждать.

Напрасно! Следы рукописи затерялись надолго, и наверняка ее никто не читал. Тирания и режим, основанный на ее принципах, равнодушны, слепы и глухи. Деспот не видит и не слышит никого, кроме себя. Уже был освобожден в 1953 году Роберт Александрович, хотя еще и оставался жить в Енисейске. И лишь хлопотами сына и усилиями все того же всемогущего дяди Васи три толстых тома в синем переплете удалось наконец заполучить в большом доме на Садовом кольце. Слава богу, хоть не потеряли!

В 1958 году роман «Наследник из Калькутты» при самом активном участии писателя-фантаста И. Ефремова был издан. На этом первом издании книги, как уже говорилось, значилось две фамилии. Еще долго Роберту Александровичу Штильмарку, ставшему уже членом Союза писателей СССР, приходилось доказывать, что В. Василевский имеет отношение к роману лишь косвенное. Роман был тут же замечен, переведен и издан за рубежом. Четыре раза он издавался в Болгарии, два раза — в Польше, в Чехословакии, в Китае. А в нашей стране он становился все большей библиографической редкостью, за ним «охотились», за него платили бешеные деньги, о нем слагались легенды, а об авторе ходили небылицы. Договаривались даже до того, будто бы автор — это и есть тот самый счастливчик, что получил несметное наследство из Калькутты.

И автор не может теперь опровергнуть слухи, потому что среди нас его уже нет.

«Книги имеют свою судьбу», — вспомните еще раз начальные слова романа. «Habent sua fata libelli», — как говорили древние. Так вот, эта самая «fata» «Наследника из Калькутты», родившегося за колючей проволокой и ныне вырывающегося к читателю, должна быть долгой и счастливой. Гораздо счастливее, чем она слагалась прежде и чем сложилась судьба самого автора.

Написанный в остросюжетной, яркой художественной форме, роман идеально отражает все «приметы»

приключенческого жанра. В послесловии к роману уже не надо пересказывать его содержание, напоминать те невероятные события, которые с первых же страниц буквально обрушиваются на читателя. И они увлекают, захватывают, завораживают, и неизъяснимой магией писательского таланта вы оказываетесь погруженными в водоворот этого стремительно развивающегося действия и уже чувствуете себя его живыми соучастниками, заинтересованными, страдающими, торжествующими или негодующими. А главное, вы оказываетесь в удивительно светлом, солнечном мире людей прекрасных в каждом движении своей души. Их окружают жестокость, несправедливость, насилие, и они зачастую становятся их жертвами, но это не ослабляет их волю, и с еще большей решимостью [illegible] на борьбу, и зло отступает, и торжествует добро.

И вот вы уже вместе с этими сильными, смелыми испытанными в боях с невзгодами людьми на их летящем вперед суденышке под белыми парусами. И говорите, и поете вместе с ними о новой жизни, и звезды, и океан, и ветер слушают ваши слова. Вы думаете не только о близких, но и о дороге, которой людям идти в будущее. И в светлых, дерзких мечтах видите Город Солнца, заложенный [illegible] для всей огромной семьи человечества. Вы понимаете, что воздвигнуть этот Город на вольных просторах земли смогут лишь новые поколения отважных людей, но верите, что это будет скоро, и шлете грядущему свою звонкую песню привета.

По-разному будет восприниматься роман в разные времена. Но неизменно будет слышаться этот призыв к Городу Солнца. Для нас, для нынешнего поколения советских людей, он особенно важен, потому что мы начинаем перестраивать свою жизнь. Многое мы утратили, подрастеряли за годы сталинщины, брежневщины, и уже порой просто катастрофически не хватает нам и веры, и стойкости, и решительности, и обыкновенной человечности. Многое на пути перестройки нам предстоит не только обрести, но и восстановить в себе. И потому нам еще и особенно важно помнить, что даже в самые мрачные времена нашей истории были люди несгибаемой воли, несокрушимой веры и бесконечной человечности. Даже за колючей проволокой они творили добро, несли людям жизнь. И несть им числа,

и не должен иссякать род человеческий, оскудевать в добре!

До тех пор, пока эта память будет, как пепел Клааса, стучать в наши сердца,— будет строиться Город Солнца. И будет счастливой судьба книги, которую вы только что прочитали, и судьба ее автора. И неизменно он будет подходить к нашему «кружку у костра» Подойдет, снимет варежки с обмороженных своих рук, улыбнется и скажет: «Вот мы и снова вместе, друзья! Дайте местечко у огонька вашему романисту!»

Помните обо всем этом, читатель!

Помните!

Виктор Макаров

ВЛЕЧЕНИЕ К ОКЕАНУ

> Тот день, когда я перестану беспокоиться и мучиться, искать и волноваться, будет самым тяжелым днем в моей жизни.
>
> *Ч. Айтматов*

1

«Будь человеком, сын мой! Где бы ты ни был, будь человеком! Всегда оставайся человеком».

Это последние слова, которые старый чабан Чодрон, герой одного из ранних рассказов Чингиза Айтматова «Свидание с сыном» (1959), успел простонать прохрипеть сквозь сдерживаемую судорогу рыданий, провожая сына на войну.

Сказалось самое главное — то, для чего, вероятно, и предназначается наипоследнее мгновение перед разлукой (возможно, навечно), когда забывается все остальное.

Но, будь у них время, отец сказал бы только э т о, ибо *такое* и *так* не дано сказать [illegible].

Тут — не просто слово. Тут [illegible] пылающего сердца, полного самозабвенной и самоотверженной любви и скорби. Подлинная сокровенная правда — [illegible] в обычном существовании, и [illegible] во всей полноте и пронзительности, явившаяся перед лицом неизбежности на высоком языке поэзии.

Но что значит — быть человеком?

Есть вещи, которые [illegible] будто сами собой разумеются, понятны, до тех пор, пока что-то не заставит задуматься о том, что в привычном, простом, казалось бы, предмете скрывается сложный, неведомый, волнующий смысл.

И в тот же миг обжигающей [illegible] существо. [illegible] ты мог жить, не подозревая [illegible] вечной [illegible], начав разгадывать которую, ты уже [illegible], как [illegible] чая сила подхватила тебя и несет в необозримый океан [illegible], где ожидают тебя [illegible] встречи с людьми, которые станут твоими верными друзьями?

Кто-то с удивлением признался, что, читая книгу, он хотел [illegible] писателя, а нашел человека. Вдумайтесь, сколь поразительны эти [illegible]ва! Несомненно, куда легче представить, что они значили бы [illegible] отчаявшегося путника, [illegible] читателя [illegible]?

В том-то и дело, что наивысшая радость — встреча с [illegible] доселе другом, с необходимым собеседником, который [illegible] явится, чтобы слышать и откликаться (таков закон дружбы!), [illegible] всем сердцем бескорыстно жаждем с ним общения. И [illegible] позначное чуду, ибо в этот момент случится самое великое [illegible] свете — открытие человека человеком.

Только, настаиваю, нужно именно ж а ж д а т ь, [illegible] не просто ждать у моря погоды, положившись на случай: если, мол, повезет. А — главное: надо самому идти навстречу!

Испокон веков жизнь сравнивали с океаном. Древний поэт Востока Рудаки восклицал:

Жизнь — это море!
Плыть желаешь?
Построй корабль из добрых дел...

Некоторые ученые утверждают, что мы, люди, вышли из моря. А есть и такая гипотеза (для поэтов — это истина): на заре своей предистории человек был птицей. Подтверждение тому, что и теперь он парит в снах детства — р а с т е т. Или в нас легает память предков? Разве это не удивительно? Мы растем, когда оказываемся способны взлететь.

На языке поэзии взлететь — значит преодолеть притяжение страха, разорвать путы косных предрассудков, познать неведомое, без чего человеческое существование уже теряет смысл и становится хуже каторги, без чего нет достоинства.

Достоинство, по словам Чингиза Айтматова,— это ум, окрыленный свободой.

Свобода... Ее гордый и пленительный образ в порыве небывалых, не испытанных ранее человеческих чувств и мыслей являют герои, взрослые и юные, которых писатель вызвал к жизни, будь то «первый учитель» и Алтынай («Первый учитель»), Джамиля и Данияр («Джамиля»), Толгонай и Суванкул («Материнское поле»), Султанмурат и Мырзагуль («Ранние журавли»), безымянный мальчик, мечтающий превратиться в рыбу («Белый пароход»), и мальчик наших по имени Кирюк из повести «Пегий пес, бегущий краем моря».

Что объединяет всех этих персонажей, делает их героями в полном смысле этого слова? Готовность перед лицом любой стихии отстаивать «право быть свободными людьми». Даже и ценой собственной жизни.

Герои Ч. Айтматова, как правило, молоды. И потому некоторых критиков (а все критики — взрослые люди) нередко одолевает смущение: а не слишком ли преувеличивает писатель силу и глубину изображаемых чувств героев? Способны ли они вообще переживать так? И, в-третьих, нужно ли потрясать читателя трагедией — ведь книги Ч. Айтматова читают и подростки?

Я же уверен, что юноша, не открывший этого писателя в самом чистом, отзывчивом, благородном возрасте, очень пожалеет, когда, став взрослым, поймет, чего он себя лишил.

А как считает сам Чингиз Айтматов? На мой вопрос, как он представляет своего читателя, писатель ответил: «Предполагаю, что среди м о и х читателей большинство молодых людей. Почему я так думаю? Подросток или даже юноша — тот, кто искренне (но вовсе не простодушно-наивно) верит в идеальное, что может восприниматься как «сказочное»: любовь, дружбу, чистоту и благородство человеческих отношений. И он абсолютно прав».

«Какой герой по вашему мнению, наиболее интересен читателю и «взрослому» и «юному»?»

«Который преодолевает себя. Испытать себя, почувствовать свои внутренние силы — без этого невозможна полноценная жизнь. А что значит жить полноценно? Пережить те необыкновенные ощущения и впечатления, которые составляют сокровенную сущность духовной жизни XX века. Страстность этой мечты, ставшей смыслом жизни, делает обыкновенного человека равным тому, кто открывает звезды».

Но «открывать звезды» — не забава. Речь не о престижности профессии, а о престижности человечности. Все испытания — ради этого.

Человек, сколько бы лет ему ни было,— никогда не *маленький,*

если его душа полна живого трепета, удивления и участия к людям, к природе, не приемлет лжи и жестокости.

Страх инстинктивен. Он, как говорится, родился раньше нас. А бесстрашие? Оно — результат выбора, сделанного под влиянием благородного чувства.

Порой, не желая обидеть кого-то из тех, кто, промолчав, отошел в сторонку, хотя бы речь шла о защите чести и достоинства человека, мы вместо «предатель» готовы подыскать какое-нибудь слово помягче. Скажем, «равнодушный». Но вот Л. Н. Толстой называл равнодушие душевной подлостью. Если мы согласны с этим, что тогда? Кто мы сами, если не хотим или боимся называть вещи своими именами? Еще и оправдать пытаемся: «Он же не знал!» Допускаю, не знал Толстого. Не то, что совершает низкий, гнусный поступок, знал.

И — самое главное — в этот момент состоялся его выбор. Выбор судьбы. Непоступок — тоже поступок.

Другое: человек не знает, что совершает подвиг, на что идет и что с ним будет после, как не знала Алтынай, героиня «Первого учителя», что ей «суждено будет произнести эти слова».

Какие?

2

Хочу, прежде всего, обратить внимание читателя на то обстоятельство, что «произнести» слово для героя Чингиза Айтматова — огромный труд души, ибо слово в его устах — не пустой звук, какой можно забыть, или он забудется сам (мало ли что не скажешь в запале?), но, вырвавшееся на волю, оно неотвратимо определяет его дальнейшую жизнь.

И то же — мысль.

«Я испугался собственных мыслей. Но желание было сильнее страха. Я нарисую их такими пот, счастливыми! Да, вот такими, какие они сейчас! Но смогу ли я?» Дух захватывало от страха и радости. Я шел в сладко-пьяном забытьи. Я тоже был счастлив, потому что не знал еще, сколько трудностей доставит мне в будущем это дерзкое желание».

Чего же испугался Сент, юный художник из «Джамили»?

Быть художником — значит не только уметь рисовать, но и иначе жить. Иначе, чем испокон веков жили предки, открывать в обыкновенном необыкновенное, чего никто почему-то не видит. Это значит восстать против закоснелого, обыденного, бескрылого утверждения новый образ существующего мира в свете сказочной любви. И, что самое, высказать гнев того (пусть он даже родной брат), кто не хочет видеть и понимать по-новому.

Вот какую «трудность», о какой не знал еще, быть может, Сент. А если бы и знал, разве отказался бы он от своего призвания? Никогда. Ни за что. Страх и радость, захватывающие дух, оттого что состоялся выбор судьбы — «рассказать красками песню Данияра».

Думал ли Сент, что он, как витязь на распутье, выбирает дорогу? Конечно, нет. Но выбрал единственно верную и ни за что другую не согласился бы.

Когда кто-то гадает, кем быть: врачом, физиком, спортсменом или артистом,— зачастую это превращается в перебирание «хотений» занятий или сулящих славу.

Пирогов не потому стал великим врачом-хирургом, что ему пришлось оперировать живое тело, а потому, что прежде он был одержим мечтой облегчить людям страдания. Когда прежде? В отрочестве

Вот и Сейту важнее всего в жизни поделиться со всеми людьми — и с теми, кто будет благодарен ему за это, и с теми, кто возненавидит его,— воссиявшей в его душе нетленной [illegible].

Зачем бы иначе ей открыться, доверяться именно ему? Не затем же, чтобы он, как скупой рыцарь, замкнул ее в подземелье и чахнул над ней, упиваясь тайным сознанием, что один владеет [illegible] сокровищем. В таком случае человек невольно превращается в раба сомнительной страсти и [illegible].

Не тешь себя [illegible], что [illegible] скрыто от других, если [illegible] не чувствуют, как у них вырастают крылья, и [illegible] желание стать лучше, чего бы это ни стоило.

[illegible] разумеется, юный Сейт не мог думать, а тем более [illegible] [illegible] лений и чувств.

О чем это говорит? О том, [illegible], что [illegible] приходящие к нам с возрастом [illegible] в добром сердце [illegible].

Что же было суждено произвести Алтынай?

3

«Встаньте, несчастные, из могил, [illegible], призраки загубленных, поруганных, лишенных человеческого достоинства женщин! Встаньте, мученицы, пусть содрогнется черный мрак тех времен! Это говорю я, последняя из вас, перешагнувшая через эту судьбу!»

Накал страсти Алтынай иному, вероятно, покажется чрезмерным, неправдоподобным: мол, так в жизни не бывает!

В самом деле, представить такую картину наяву — волосы встанут дыбом.

Что же здесь все-таки реально, что [illegible] правда? Ненависть и проклятье, сострадание и вера, вера в то, что отныне никто не посмеет глумиться над человеком.

Слившись воедино в небывалом чувстве, устами Алтынай кричит боль веков. Алтынай нельзя представить и понять вне Истории, вне Революции.

Как огонь на себя, вызывает она на очную ставку прошлое — рассчитаться сполна и до конца. Это ее право: она — «последняя», пережившая стыд поругания, позор рабства. И это же ее долг: она — первая, увидевшая красоту и правду будущего глазами свободного человека.

И все-таки, согласен, страшно!

Но разве не то же испытывал сам писатель: «...даже задним числом мне было страшно представить, какой могла оказаться судьба кочевых казахов и киргизов, если бы не Октябрьская революция! И потому только за одно это — за то, что Октябрьская революция, родившись в России, сокрушила имперский колониализм и тем самым спасла мои народы от физического и духовного прозябания, я готов славить революцию до конца дней своих и детям детей своих завещаю считать началом дней наших — Октябрь!»

Герой Айтматова — новый человек нового мира. Вот в чем дело. И страх, и восторг, предшествующий рождению слова, потрясает и его, и нас, читателей.

Невольная тревога: не слишком ли много берет на себя? — из

опасения, знакомого врачу: прозревший должен привыкать к яркому свету постепенно.

Кстати, тут повод поразмыслить, почему один человек берет на себя много — ему необходимо отвечать за все, что было до него, есть при нас и будет после нас, а другому — и пылинка в тягость. Что, дескать, зря думать обо всех, когда недосуг подумать о себе?

Некогда думать — значит, некогда быть человеком. А может, так и удобнее? Меньше спросу. Это дело совести. А совесть — мера человека в человеке. Она связывает людей во времени и пространстве, делает их братьями по духу, по борьбе за справедливость и счастье всех.

«Боже мой, — подумалась я, и радости не стало конец, и тот, первая ночь, и ваша любовь, и молодость, и тот могучий наводнил, и все время грезила. Значит, все сбылось, все, о чем мы мечтали. Да, стали нашими, мы пахали, сеяли, молотили свой хлеб — значит исполнилось то, о чем мы думали в ту ночь. Конечно, не знали тогда, что придут новые времена, что наступит иная жизнь, но каждый из простого человека, выходит, сознавал с детства время, когда будет добра и справедливое и. Оказывается, этим мечтам, я сегодня ошиблась...»

Чувство свободы вошло в сердце Гюльсай, героини «Материнского поля», как первая любовь. Светлая. И легко в ту сторону светлую ноль бы а с[illegible] с плеч».

Любовь истинна, если ее благословила природа.

И вот что любопытно: свое сокровенное дело доверяется человеку, в котором сильно чувство будущего.

Но если для героя «Белого [illegible] естественен разговор с камнями, с деревьями, с Рогатой [illegible] (он сам читал, еще не покинувшее ее лоно), то взрослый, обретаться в Земле, как будто должен сделать шаг назад. У Толстого, однако, это происходит совершенно свободно. Стало быть, детское мироощущение хранилось в ее душе как бы про запас...

К чему я говорю об [illegible] Чтобы попять почему я, читатель, безусловно верю в реальность такого диалога.

Все дело в том, чем [illegible] для Толстого. Это не суть-ба, ее труд, ее любовь, ее [illegible] в Земле не может не ответить. Тем более, что [illegible] Толстой в праве себя спросить: хочет поведать внуку всю правду жизни.

Кто знает эту правду? И [illegible]

Кто-то из ученых сказал, что [illegible] фобия, сковывающий недра Земли. Почему время [illegible] вулканов? Не спорю, такое [illegible] относительно и условно [illegible] навсегда отошедшие в небытие мифы, легенды, [illegible] ожили и заработали [illegible] вопреки велению времени, вопреки [illegible] благодаря им.

Образ современного мира [illegible] человек, испытывающий [illegible] природу и суть подлинно [illegible] говорит Айтматов, это метафора [illegible] новым, неожиданным углом зрения. Метафора [illegible] обходимыми в наш век не только [illegible] фантастики научно-технических [illegible] фантастичен мир, в котором мы живем». А [illegible] «Искусство — это прежде всего революция души. Чувство освобо-

ния, которое испытывает человек,—самое великое и прекрасное чувство, ибо оно рождено в результате борьбы всего человечества за высшие идеалы. В этом его историчность. Ее можно, стало быть, выразить в слове, которое вбирает в себя судьбы мира. И, конечно, говорить о слове — значит говорить о том, что удержала в себе память человечества, память искусства».

«В таком случае "память" неизбежно будет обозначать и "совесть"?»

«Вне всякого сомнения. Память — это значит и мужество остаться наедине с собственной совестью, не заглушая ее голоса, не пытаясь уйти от ответа на ее настойчивые и нередко беспощадные вопросы.

Человек, у которого нет или который добровольно отказался от памяти, от истории, от, в конечном счете, духовной биографии, обречен на душевную нищету и одиночество; он не готов к восприятию сложнейшей современной жизни».

Предупреждение суровое.

4

Любовь, как и дружба, у Чингиза Айтматова — обязательно великое чувство, которое потрясает его героев.

Другое же просто не про них — не такие натуры. И не в том дело, что они сознательно не приемлют суррогата, не могут удовольствоваться подобием какого-либо чувства, лишь бы быть как все,—например, влюбиться, что, вроде бы, положено по возрасту.

Такое не приходит им в голову. Потому что, в сущности, человек любит всегда; он и рожден любить. Это нормальное его состояние, естественное, как дыхание.

Отчего же немало людей, которые не умеют любить? Нельзя же думать, что природа еще до появления на свет лишила их этого счастливого дара. Может быть, нужно еще уметь его принять, быть его достойным и доказывать это всею своею жизнью.

Но как отличить настоящую любовь от ненастоящей? Может быть, по тому, какие неведомые до сих пор душевные порывы вызывает она?

Если ты забыл себя, охваченный пламенем, готов совершить подвиг ради того, кого любишь,— это любовь. Но самое трудное для тебя — впереди: сохранить и вырастить это чувство, как робкий росток, из которого должно распуститься вечнозеленое дерево.

Эти мысли мне «подсказал» Чингиз Айтматов, вернее, уже упомянувшийся его герой, юный художник Сент: «Я впервые почувствовал тогда, как проснулось во мне что-то новое, чего я еще не умел назвать, но это было что-то неодолимое, это была потребность выразить себя, рассказать людям о красоте нашей земли так же вдохновенно, как умел это делать Данияр».

Красоту можно выразить мелодией. Значит, жизнь нужно создавать, как песню о любви. Любовь пробуждает художника.

«Тогда я только видел все это, но не понимал. Да и теперь я часто задаю себе вопрос: может быть, любовь — это такое же вдохновение, как вдохновение художника, поэта?»

И мальчик, пораженный красотой любви, нашел ответ на этот вопрос.

«Я смотрел на нее снизу вверх, на это лицо, полное смутной тревоги и тоски, и, казалось, узнавал в ней себя. Ее тоже что-то томило, что-то копилось, и созревало в ее душе, требуя выхода. И она страшилась этого. Она мучительно хотела и в то же время мучительно не хотела признаться себе, что влюблена, так же как и я желал и не желал, чтобы она *любила Данияра*».

Любовь Джамили и Данияра — истинно возвышенное облагораживающее и неодолимое чувство. В нем — возможность иной, достойной жизни. Любовь — «заговор двоих против всех», по выражению поэта — становится вызовом, протестом против стремления унизить счастье, сбить птицу.

Свидетелем такой любви посчастливилось стать мальчику, который был обязан «стеречь» Джамилю.

«Изменник!» — обвинение старшего брата, как пощечина.

Но, значит, власть детства не мнима. Оно и в самом деле обладает чудодейственной силой. Оказывается, от «согласия» или «несогласия» ребенка зависела судьба взрослых людей.

Чингиз Айтматов первый — с такой пронзительностью — и образил детство, чувствующее ответственность за нравственные устои всей жизни и, более того, отстаивающее свою веру, хотя бы и дорогой ценой — нелегко ведь перенести такое жестокое оскорбление — «изменник».

Став взрослым, Сент находит оправдание своим тогдашним действиям: «Кому я изменил? Семье? Нашему роду? Но я не изменил правде, правде жизни, правде этих двух людей!»

Вся его жизнь стала опровержением, отрицанием всего того, что олицетворяет домостроевский кодекс чести, обрекающий на эгоизм, страх перед жизнью, перед ее случайностями и возможностями, которые открываются влюбленному человеку.

Любовь включает человека в историю человечества, дает ему возможность ощутить свою причастность ко всему миру.

Вот почему герой Айтматова прекрасен.

Он прекрасен, когда произносит гневный монолог (Алтынай); когда озарен таинственным, волшебным чувством — любовью (Джамиля и Данияр); когда обращается к матери-земле с просьбой дать правдивый ответ на вопрос: «Могут ли люди жить без войны?» (старая мать Толгонай); когда, завороженный, вытянув руки, как во сне, ступает навстречу Рогатой матери-оленихе (Мальчику, у которого нет имени).

Герои Айтматова, сами не замечая того, начинают говорить языком эпоса, языком высокой поэзии.

И никого это не удивляет, никто не смеется. Наоборот. Взрослые рады, что подросток обрел дар истинной речи.

5

А сейчас — об уроке моря.

«Теперь он понял разницу между сушей и морем. На земле не думаешь о земле. А находясь в море, неотступно думаешь о море, даже если мысли твои о другом. Это открытие настораживало мальчика...»

Он — мальчик-ниих, по имени Кириск, герой повести «Пегий пес, бегущий краем моря». Открытие случилось, казалось бы, вдруг. Но нечаянно ли? Сначала нужно выйти в море.

«Настороженность» героя Ч. Айтматова — не из страха за себя, не из-за инстинкта будущего «охотника». Вспомним, как замер под взглядом природы мальчик из «Белого парохода»: «...Рогатая мать-олениха смотрела на мальчика пристально, спокойно, точно вспоминала, где она видела этого большеголового ушастого мальчишку...». Или открытие Кириска: «В том, что море заставляло постоянно думать о себе, таилось нечто неведомое, настойчивое, властное...»

Человек и природа узнают друг друга. Всматриваются, чтобы «вспомнить», стремятся навстречу друг другу. У них общая задача,

общая цель существования (а не просто вежливого со-существования — разница принципиальная). Эта идея выявляет свою социально-историческую сущность в сфере сокровенного «осторожного» чувства, исключающего даже легкое касание, прикосновение.

Море — судьба Кириска. Но море — и стихия, не зависящая от воли человека. Оно само по себе. Оно живет по своим законам, которые нельзя изменить, укротить, приспособить. А кто же человек? Он — тоже стихия, но стихия, мыслящая. Стало быть, человек обязан управлять своими страстями, над которыми он [illegible], если [illegible].

Урок моря — урок свободы.

Быть воистину свободным, как это понимает писатель и его герои,— значит честно и бесстрашно смотреть в глаза правде жизни, судьбе. Когда это происходит? Когда человек, отрешившись от [illegible] ческой бытовой суеты, [illegible] если он опять таки «призван», подвигнут к [illegible]. Что [illegible] Кириск? Свое призвание — быть человеком.

Можно ли представить себе больший праздник, чем выпавший мальчику, который з н а е т: «Этот выход в море [illegible] ему...»? Забавы ради? Ничего подобного. [illegible] щении к охотничьему делу» необходимо.

Радость неудержима. И Кириск, несмотря на все усилия, не может ее скрыть. Но мальчик не виноват: нельзя в одно мгновение стать взрослым. Тем более — «серьезным». [illegible] И они тоже счастливы. [illegible]

Тут именно та ситуация, [illegible] мевал Маркс, размышляя о взаимоотношении мира [illegible]: «Мужчина не может снова превратиться в [illegible] ся ребячливым. Но разве не радует его [illegible] он не должен стремиться к тому, чтобы [illegible] вести свою истинную сущность? Разве [illegible] в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в [illegible] ственной правде?»

Мальчик и взрослый [illegible] правдой жизни, которая «безыскусственна». И также они равны перед судьбой.

Но не преждевременно ли [illegible]?

Мальчик не в с е «знает». [illegible] р, о чем думает, глядя на него, старейшина рода, мудрый Орган. О [illegible] же? О том, что ему, Кириску, «предстояло начать жизнь морского охотника. Начать с тем, чтобы кончить ее когда-нибудь [illegible] — такова судьба морского добытчика, ибо нет на свете бо[illegible] удного и опасного дела, нежели охота на море. А привыкать тр[illegible]

Что это — мрачное пророчество, фило[illegible] отчаяния, обреченности? Нет. Ведь думая об этом, Орган пр[illegible] от мальчика улыбку. Чему же он радуется? [illegible] в мальчике и себя и будущего человека, охотника. В нем — его надежда, вера в бессмертие жизни, а [illegible] готовым [illegible] Т[illegible] софия действия. Она [illegible] во, привычку к опасности. [illegible] встретить гибель, но [illegible] то поступить так, как того [illegible] и товарищества, неразрывными узами которого [illegible] быть [illegible], вышедшие навстречу судьбе.

Но не может ли случиться так, что страх парализует волю мальчика и он не отважится снова выйти в море? Было бы так, люди никогда не оторвались бы от «берега», не подняли глаз к [illegible]. Насторожившая «власть моря», однажды пережитая мальчиком, станет неудержи-

но притягивать его, как всю жизнь влекла Органа легенда о рыбе-женщине.

Это — вечные сердца.

И потому он верит ее сказке. Как можно было не доверять ей? Сказка открывает его морю, жизни, своей мечте, все трудности и обиды, но не кричится ли сказка Дастана и на нужде, и отвлечь, расслабить сердце.

Урок Органа — урок сосредоточенности. Урок самопожертвования во имя голоса. Урок не только для мальчика, но и для нас, если мы с героем Айтматова самое большое горе, мы снова [illegible] сами в себе.

6

«Я учу детей... Я преподаю историю от древнейших времен до сегодняшних и всеми силами стараюсь, чтобы история человечества [illegible] для них уроком жизни, а не просто — когда, какие войны совершались. Я стараюсь вложить в их сознание, в их думы понимание того, как и каким образом, какой ценой исторической практики приходило человеческое общество к [illegible] и труда людей, и что они именно — ученики мои, наследники великого опыта, единственного способа обогащения, достойного свободных, разумных людей».

Несомненно, что этот непримиримый и всеобъемлющий пафос, вдохновляющий героя пьесы Чингиза Айтматова [illegible] хождение на Фудзияму, учение Чингиз, [illegible] и весь его творчество.

Вот почему за повествованием Чингиза Айтматова — отблески далеких будто бы событий, которые касаются каждого из нас, происходящей здесь жизни голосов, мыслей, образов.

На самом деле [illegible] окутывающей жизни героев проникнуто человеческое [illegible] но остро: это и жажда [illegible] труда, дел, познания себя, своей неизведанной страны, и [illegible] вопрос: зачем он родился, какое слово принадлежит [illegible] именно в этих местах, свежесть первого впечатления и красоту первозданности.

Герои Чингиза Айтматова [illegible] и встречаются вдруг в том, что необычного. Чудо таится в дороге. Это чудо встречи, способной определить судьбу. У [illegible] может оказаться большим. Например, Асель. Оно пахнет морем. Не описка ли тут,— может, Ассоль?

Перекличка через годы. Перекликаются народы, земли. Америка — Азия, Азия — Америка. Они — мираж. Как [illegible] Печь Кузнецова [illegible] его киргизскую степь в любое время года. Но мираж — [illegible] природы, сон наяву. Природа [illegible] моря, [illegible] здесь.

А миф о Ромуле и Реме, [illegible] волчицей? Киргизский вариант этой легенды возник [illegible] Но не свидетельство ли он того, что пути добра, которые искало и ищет человечество, схожи и цели людей Земли едины?

Такая восприимчивость героев Айтматова, умение слышать далекие голоса и чувства, идет от их необыкновенного таланта сопереживания всему трагическому и прекрасному, что совершилось, совершается или когда-либо совершится в мире.

Говорит Айтматов:

---

[1] Пьеса написана в соавторстве с К. Мухамеджановым.

«Сегодня, как никогда, перед нами стоят острейшие социально-нравственные проблемы, в том числе и такая страшная, как угроза существованию самого человечества: быть или не быть? Сможем ли мы, мыслящие люди, победить эту стихию, не дрогнуть перед охватывающим все существо ужасом, бездонным отчаянием, отнимающим душевные силы и веру, не отречься от будущего ради «последних мгновений», чтобы прожить их с истерическим, самозабвенным весельем самоубийц? Что можно противопоставить этой философии отчаяния или равнодушия, что зависит и что требуется от человечества, от каждого человека, чтобы остановить эту угрозу?

От искусства, от литературы тут зависит очень много: тревожить, будить в человеке совесть, мужество, гуманизм, раскрывать перед ним весь мир, чтобы он не забыл, не смог и не смел забыть, что он — человек...»

Я убежден, что, прочтя эту книгу, ты, читатель, обретешь настоящих друзей на всю жизнь — тех, чью душу писатель воспламенил мечтой о прекрасной жизни.

Владимир **КОРКИН**

ББК 84 Р7—44
Ш 91

Редактор *С. Ховари*

Штильмарк Роберт Александрович.

Ш-91 Наследник из Калькутты (Роман. Послесловие В. Макарова).— Душанбе: Адиб, 1990 — 832 с.

ISBN 5—8352—0220—1

[illegible]

Ш $\frac{4702010201-100}{М\ 000(12)-00}$ 137—90 ББК 84Р7—44

ISBN 5—8352—0220—1

© [illegible]

[illegible]

Есть в жизни всех людей порядок общий,
Таящий объясненье прошлых дней.
Его поняв, легко почти наверно
Предсказывать течение событий.

Шекспир, «Генрих IV». Часть I.

ОТ АВТОРА

Есть хорошая латинская поговорка: «Habent sua fata libelli», то есть «Книги имеют свою судьбу». Так вот, эта самая «fata» нашего «Наследника из Калькутты» началась, нам кажется, еще до рождения его как книги.

Работа над романом началась в экспедиционно-полевой обстановке, когда мы двигались по зимней заполярной тайге с первыми строительными партиями, следом за изыскателями. Каждый грамм поклажи означал лишний расход сил, поэтому беллетристических книг брали с собой очень мало. Тем острее наш первоначально маленький коллектив испытывал потребность во всех средствах культурного отдыха, хотя часы этого отдыха на первых порах были, конечно, недолгими.

Среди рабочих первых изыскательских и строительных партий было много смелой и веселой комсомольской молодежи. После напряженного трудового дня молодежь собиралась «у огонька», пела песни и читала взятые с собою книжки. Они были быстро прочитаны, новых поступлений пока ждать не приходилось, и наш «кружок у костра» стал, так сказать, ареной проявления всех самодеятельных талантов.

Автору часто вспоминался в те годы биографический анекдот, рассказанный однажды датским писателем Мартином Андерсеном Нексе в одной из его задушевных бесед с московскими литераторами. Бродя по следам Дон-Кихота сухими долинами и плоскогорьями Ламанча, писатель однажды заночевал в бедной таверне. На вопрос проголодавшегося гостя, можно ли здесь что-нибудь съесть, остроумный хозяин таверны отвечал: «Разумеется, все что угодно, синьор, от

русской икры до африканских лангустов, но при условии, если вы... сами привезете это с собой!»

Наш коллектив «привез с собой» в Заполярье чувство товарищества, комсомольский задор, привычку разумно тратить золотое время как на работе, так и на отдыхе. Для нас, людей старшего поколения, было радостно наблюдать, что потребность в знаниях, тяга к культуре стала такой же естественной для советского юноши или девушки, как еда или питье. Это одинаково относилось к русским, ненецким, эвенкийским комсомольцам, к пионерам коми или саха. Пытливые молодые умы этих юношей и девушек стремились проникнуть и в тайны вещества, и в тонкости геодезической науки, в повадки птиц и животных, в залегания геологических пластов, в производственные приемы бурового мастера и литературный стиль произведения любого автора. Возникали горячие, интересные споры, дискуссии, беседы.

И вот однажды зашла речь о том, как же раньше, в другие времена, в других странах осваивались новые земли, как возникали поселения людей, приходивших из-за моря на другие материки, кто были эти люди, как они вели себя в чужих лесах и снегах, какие цели ставили перед собою. Вот тогда-то и возник у нас замысел этого романа, ибо готовой литературы, освещающей эту тему, не оказалось.

Автор по возрасту принадлежал к старшим членам описанного дружного коллектива. Вместе с технической специальностью геодезиста автор принес с собой в этот коллектив некоторый литературный опыт, любовь к исторической теме, острую ненависть к живучему мифу о «добром старом времени» капитализма. И он решил попробовать свои силы на поприще устного «самодеятельного творчества» в качестве романиста-рассказчика у костра. Ведь можно, думалось ему, занимательно рассказать нашим слушателям о поздней поре так называемой эпохи первоначального накопления, так опоэтизированной буржуазными классиками приключенческой литературы, рассказать о ней с позиций советского мировоззрения.

Повествование слушалось у костра, в палатках и бараках с неослабным интересом. И вот, учитывая, что любая аудитория рассказчика все же поневоле ог-

раничена, автор решил взяться за перо, чтобы превратить устный роман в книгу.

В распоряжении автора сначала не было ничего, кроме того, что могла предоставить зимняя заполярная тайга. Первые две части этого романа были написаны без взгляда на карту мира, без возможности заглянуть в элементарный справочник, энциклопедию, словарь. Лишь впоследствии, когда писалась уже третья часть, к нам, по фронтовому выражению, «подтянули тылы», и стали поступать книги, журналы, фильмы и некоторые справочники. Черновик романа писался на оборотных листах почтовой бумаги. Двигаясь дальше, мы несли его по очереди вместе с геодезическими инструментами и бухгалтерскими документами. Очень быстро бухгалтеры с рейки самоотверженно переписали роман, украсили виньетками и даже рисунками, переплели в суровую материю и превратили в подобие рукописной книги. Эти три толстых синих тома упаковывали в рюкзаки и несли на плечах в глубь тайги и болотистой тундры. Коллектив все продолжал интересоваться романом, критиковал его, вносил поправки, высказывал пожелания.

Писался роман в «походном порядке», часто при свечках или свечильнике той конструкции, которая получила у нас название «зов предков», но работалось радостно и легко, в атмосфере дружбы и поддержки. Это товарищеская шутливая и дружеская атмосфера вообще чрезвычайно характерна для малых и больших коллективов советских людей, выполняющих задания партии и правительства на боевых участках новостроек, в экспедициях и изысканиях, на кораблях и в новых совхозах,— словом, на любых плацдармах «переднего края» пятилеток.

...Уже несколько лет прошло со времени наших заполярных зимовок. Сейчас там горят огни электростанций, движутся поезда, дымят заводские трубы, люди живут в благоустроенных домах. Приезжаешь — и самому не верится, что не так-то давно здесь, на месте этого цеха или дома, сидели мы в палатке, при коптилке, и, покончив с нивелировочными журналами и ужином, брались за главы «Наследника из Калькутты»...

Автор выбрал для романа необычайно противоречивую, бурную пору конца XVIII века, когда на общественном горизонте вечерняя заря эпохи первоначального накопления встречалась с утренней зарей современного капитализма. В качестве фона для развития фабулы лучше всего подошла Англия — классическая страна поднимавшегося тогда капитализма. Автор стремился показать прогрессивную борьбу ее колоний за свою независимость и в то же время жестокость колониального режима там, куда проникал молодой капитализм. Совсем не приходилось заботиться о том, чтобы содержание улеглось в некую готовую схему, а нужно было только беспристрастно выбирать исторический материал и добавлять к нему, перефразируя меткое выражение Достоевского, «немного вымысла ради правдоподобия». Герои повествования как-то сами собою начинали свою литературную жизнь, и эта их самостоятельная «жизнь» лишний раз подтверждала всю глубину и правоту марксистского анализа общественного развития.

Там, на далекой северной новостройке, заканчивалась, так сказать, «полевая» работа над книжкой, а по возвращении в культурные центры началась ее «камеральная» обработка. В романе уточнились даты, произошли некоторые изменения в его этнографии и географии, исчезли некоторые эпизоды, появились новые, но в целом роман сохранился таким, каким он родился в Заполярье и каким его теперь перечтут и узнают, как старого товарища заполярных вечеров, те, для кого он сочинялся и писался. Автор и его первые слушатели мечтали, чтобы к этой аудитории присоединились и наши близкие соседи — полярники, наши старые друзья — водители катеров и самолетов, трактористы и шоферы, прорабы и мастера последующих новостроек, новые рабочие-строители, все те, кто и теперь, после нас, слушает пургу, прокладывает дороги в тайге, рвет скалы аммоналом, подвешивает провода связи по столбам свежих лесных просек и выстрелами отгоняет медведей от кладовок с запасами.

Вам всем, дорогие товарищи, а также вам, юные читатели, кто еще только готовится к этим специальностям, автор от всей души посвящает эту книжку. Зная ваши пожелания от вас самих и вполне разделяя ваши ли-

тературные вкусы, автор постарался исключить из повествования тот элемент, который несовместим с замечательной трудовой жизнью и с веселыми часами вашего трудового отдыха. Элемент этот — книжная скука, порождаемая иными слишком уж гладко причесанными и назойливо правоучительными сочинениями. В этом романе наверное найдется что покритиковать, но автор твердо надеется на то, что скука не будет терзать вас при чтении романа, как не досаждала она и тем, кто знал его в первоначальном, «таежном» варианте, в виде трех толстых синих томов, исписанных убористым бухгалтерским почерком...

Автор горячо приветствует каждого своего нового читателя и будет с нетерпением ждать его взыскательного слова. Но тем, кто еще помнит это повествование у заполярных костров, автор особенно крепко жмет руки в меховых варежках и опять говорит, как не раз бывало: «Вот мы и снова вместе, друзья! Дайте местечко у огонька вашему романисту!»

Владимир
РАЗУМНЕВИЧ
Чапаята

Содержание

По стопам отцов 5

ИЗ МОЛОДЫХ, ДА РАННИЕ. *Любопытные истории, рассказанные теми, кто делал историю* 8

Веселый нрав герою не помеха * 12

Орлята Чапая 19

Первая песня 25

Дали офицерам прикурить * 32

Адам Фунтик 35

Громкое «ура!» * 40

На понятном языке * 43

Пакет с сургучовой печатью 47

Бой у реки Белой * 49

Орлы и решка 54

Хомут для Колчака 59

Последний час 72

Сердце Чапая 76

ЧАПАЯТА. *Рассказы* 78

ЛЕТО НА КОЛЕСАХ. *Повесть с рассказами чапаевца Анисима Климова* 120

РОДОМ ИЗ НОВОГО ПЕТРОГРАДА. *Повесть* 179

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»

ВЕХИ

ИЗ ГЛУБИНЫ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1991

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ *

Когда в начале марта 1909 г. на прилавках книжных магазинов появился тоненький сборник под заглавием «Вехи», никто не мог предположить, что повороты его судьбы будут столь удивительны. Встреченный враждебно теми, к кому обращались его авторы,— российской интеллигенцией, большей ее частью, он вскоре, уже к 1917 г., обрел славу пророческой книги; затем, после революции, маятник качнулся — появилось «сменовеховство»; затем — долгое время забвения в родном отечестве, прерывавшееся разве что трогательными попытками помянуть «Вехи» грандиозными идеологическими программами фронтальной критики «веховства»: еще в 50—60-х гг. книга почиталась за серьезного врага. И, наконец, сегодня— целый поток переизданий, вместе с горячими заверениями наших современников в любви к «Вехам». Изгибы судьбы имеют, впрочем, нечто парадоксально общее: при всем желании авторов этого «сборника статей о русской интеллигенции» переступить магический круг общероссийской общественно-политической борьбы, и при всем их старании убедить русскую интеллигенцию в необходимости пересмотра духовных ценностей, их иерархии, и при всем громадном стремлении показать, что, оставаясь в границах чисто политических задач, в этом упорствуя, русская интеллигенция не сможет решить и самих этих политических задач, и гораздо более важных человеческих проблем,— «Вехи», вплоть до сегодняшнего дня, остаются в центре именно *политической*, и именно *борьбы*.

В чем причина? Наилучшим образом ее прояснил Л. Н. Толстой, не принявший, как известно, веховских идей; он писал, что содержание сборника носит в основном отрицательный, разоблачительный характер, в нем нет позитивной, творческой программы, которая бы отвечала на исконно русский народный вопрос: «что же делать?» [1]. Авторы «Вех», конечно, сами хорошо понимали эту односторонность и даже собирались подготовить еще одну книгу, в продолжение «сборника статей о русской интеллигенции», в кото-

---

* Подробное изложение фактов и обстоятельств появления сборников «Вехи» и «Из глубины» читатель найдет в примечаниях к настоящему тому.

[1] См.: Полторацкий Н. П. Лев Толстой и «Вехи» // Н. Полторацкий. Россия и революция.— Tenafly, N. J., 1988. Толстой, подчеркивает Н. П. Полторацкий, выделял и чрезвычайную самоуверенность авторов,— как личную, так и кастовую интеллигентскую.

рой бы эти, выражаясь современным языком, «конструктивные» идеи получили развитие. (Книга так и не была написана.) А оставаясь по жанру и стилю «отрицательным», сборник неизбежно нес в себе ту темную энергию «этики нигилизма», о которой столь блестяще повествовали сами авторы.

По общечеловеческим стандартам любая критическая рефлексия — непременная основа для зарождения новых, творческих идей. Однако — и это, возможно, самая характерная черта бытования интеллигенции и вообще интеллектуальной жизни в России,— критика и рефлексия, отображение объективно происходящего никогда не превращались у нас в такую основу, скорее давали повод для новой политической (в том числе и в науке, и в литературе, и в религии) междоусобицы. Можно себе представить, сколько ярости вызвало самопокаяние, несомненно заключавшееся в «Вехах»: каяться? а кто вас, господа хорошие, уполномочил выступать от имени интеллигенции? да еще в годы реакции, наступившей после неудачи революции 1905—1907 гг.? да еще с таких демократических — более того, конституционно-демократических! — позиций?

О значении «Вех» достаточно ясно сказал П. Н. Новгородцев в статье «О путях и задачах русской интеллигенции»[2]. Здесь же хотелось бы выделить некоторые (только некоторые) идеи, не столь далекие и от современности.

По сути, это вопросы, которые интеллигенция поставила самой себе в начале века и на которые до сих пор не нашла вразумительных ответов.

— Не есть ли наши уныние и растерянность, утомление и безверие, не только реакция на неудачу революции, но и пробудившееся сознание ответственности, и в какой-то мере вины, за случившееся?

— Не слишком ли много сил мы отдаем борьбе «против», и не слишком ли мало — борьбе «за»? И вместо того, чтобы бороться с внешними формами устроения, не стоило бы посвятить себя полностью умножению ценностей духовной культуры? Может быть, причина человеческого несчастья в изъянах внутреннего устроения, а не во внешних, общественных формах?

— Возможно, цель деятельности интеллигенции состоит прежде всего в желании жить, любить, быть с народом, разделять с ним его судьбу, а не в том, чтобы, превратившись в секту, готовить наступление тысячелетнего «счастья народного»? Разве наша задача — политическое возбуждение людей, своего рода подстрекательство к насилию, а не *воспитание*?

— Быть может, путь, который мы долгие годы пытались найти, вовсе не в том, чтобы противостоять официальным форма-

[2] См. наст. изд., с. 424.

и власти и общежития[3], а в том, чтобы находить возможности для самого активного сотрудничества с ними и участия в них? Иначе страна наша будет обречена на безмыслие государственное, а мы сами — на бесконечно бессмысленные «интеллигентские» стенания, на то, чтобы обвинять эту упрямую «бюрократию» во всем происходящем зле? (С. Л. Франк считал, что объяснение неудачи революции при помощи аргумента о «злокозненности» бюрократии равносильно обвинению японцев в печальном исходе русско-японской войны.)

— Не является ли сегодня главной задачей сохранение традиции, дабы любою ценой не допустить этих «перерывов постепенности», «скачков в истории», чреватых кровью, разорением культуры и душевным опустошением? Ведь только прошлое России, и только оно, есть залог ее будущего, а все остальное — лишь надежда на какое-то чудо, на «историческое колдовство», заклинание магией литературных фантазий революционного толка?

— Наконец, в полный рост встает проблема *интеллектуальной совести* (в отличие от столь дорогой русскому интеллигенту совести кающейся и плачущей). Не слишком ли много в нас, интеллигентах, верхоглядства, которое мы оправдываем революционной фразой? И не следует ли, наконец, признать, что для того, чтобы сдвинуть страну с мертвой точки, нужны годы и годы упорной работы, а не постоянные радикальные преобразования ради самих радикальных преобразований?

В этом томе вместе с «Вехами» печатается известный сборник «Из глубины». И это не случайно. В каком-то смысле сборник «Из глубины», составленный в 1918 г. и появившийся на свет в 1921 г.,— прямое продолжение «Вех»: основные авторы те же, постоянные ссылки на сборник 1909 г., указания на сбывшиеся пророчества, да и многое, многое другое говорит о близком родстве. Однако «Из глубины» носит уже чисто политический характер, продолжая как раз ту линию, которая осуждалась десятилетие назад в «Вехах»[4]. В сборнике ясно видно пагубное противопоставление *интеллигенции подлинной*, ни в чем не виновной, и *интеллигенции нена-*

[3] Одной из важнейших идей «Вех» является та, что политический радикализм как форма жизни приводит к отрицанию семьи и семейной традиции.

[4] Как справедливо отмечает Л. Шапиро, «Вехи» символизировали возвращение к «истинно либеральной русской традиции, понимавшей, что, когда произошло какое-то великое общественное изменение, главным союзником либерализма становится консерватизм (conservation), а не революционаризм» (Schapiro L. Russian studies.— L., 1986.— P. 90). Либерализм в какие-то исторические периоды измеряется не степенью оппозиционности, не восславлением свободы, не «прогрессизмом», но преданностью тем целям и ценностям, которые уже удалось завоевать и которые теперь главное — утвердить.

стоящей, непосредственно виновной в случившейся катастрофе, «Из глубины» ближе к этике нигилизма, чем «Вехи»: в нем гораздо сильнее мотив самооправдания.

* * *

Перед читателем — документы огромной значимости для духовного развития России. Им надлежит еще сыграть свою роль в возрождении нашей национальной философской традиции и возвышении той культуросозидающей и интеллектуально честной работы, к которой призывали русское [illegible] «Вехи» и «Из глубины», эти сборники статей о русской интеллигенции и о русской революции. Мы должны [illegible], как нигде, революция неразрывно связана с интеллигенцией.

БИБЛИОГРАФИЯ «ВЕХ»

Алфавитный указатель книг, статей и заметок о «Вехах».
С 23 марта 1909 г. по 15 февраля 1910 г.

1909

А. П. К. Поиски нового или вечно-старого. Вил<енский> Вестн., 14 мая.

А-р. Нашумевшая книга. Новорос. Край, 27 мая.

А. Т. По поводу «Раздумья у Вех». Сибирск. Жизнь, 4 июля.

А. Ч. Обзор журналов. Северное Сияние, № 8.

Авельо. Из дневника обывателя (стих.). Утро, 18 мая.

Айвазов, Н. «Вехи». Колокол, 1 мая.

Александрович, Ю. Новый поход против общественности. Руль, 31 марта.

Его же. Нигилизм-модерн и наши моралисты. После Чехова. Т. II. М., 1909.

Амфитеатров, А. Записная книжка. Одесск. Нов<ости>, 7 июня.

Антоний, архиеп. Открытое письмо авторам сборника «Вехи». Слово, 10 мая, № 791.

Его же. Ответное письмо Н. А. Бердяеву о «Вехах»: о Церкви и духовенстве. Колокол, 3 и 4 сент., №№ 1045 и 1046.

Антонович, М. Покаявшийся блудный сын и пропащий человек. Нов. Русь, 17 мая.

Анчар. Из дневника. Нов. Русь, 10 июня.

Арсеньев, К. Призыв к покаянию. Вести. Европы, май.

Баян. Два лагеря. Вечер, 1 июля.

Бердяев, Н. Открытое письмо архиеп. Антонию. Моск. Еженедельник, № 32, 15 авг.

Беседа о сборнике «Вехи». Русск. Вед., 16 апр., № 86.

Бикерман, Н. Отщепенцы в квадрате. Бодр<ое> Слово, № 8.

Боборыкин, П. Обличители интеллигенции. Русск. Слово, 17 апр.

Его же. Подгнившие «Вехи». Русское Слово, 17 мая, № 111.

Борский, Б. Светлячки русской жизни. Утро (Харьков), № 111, 1 июля.

Боцяновский, В. Нечто о трусливом интеллигенте. Новая Русь, 8 мая, № 124.

Брусиловский, Н. Письмо и ответ. Совр. Слово, 14 мая.

Его же. Недовольные. Киевск. Вести, 5 июля.

Его же. Вокруг празднества. Киевск. Вести, 10 июля.

Булатович, Д. «Вехи» и Нововременский вестовой. Русск. Знамя, 5 мая.

Его же. «Вехи» или дымящиеся головешки. Русск. Знамя, №№ 143, 145, 149, 154, 157, 165, 169, 171 и 175.

Его же Антихристово наваждение. Русск Знамя, 29 авг., № 192.

Его же. Убеленные сединами. Русск. Знамя, № 233.

Бунин, Ю. «Вехи». Вести. Восп<итания>, окт.

Бедный Макар. Приднепровск. Край, 5 мая.

Белый, Андрей. Весы, № 5

Белоруссов. Власть быта. Русск. Вед., № 153.

В. Г. «Вехи»... и вехи. Киевск. Вести, № 231, 30 авг.

Валентинов, Н. «Вехи». Киевск. Мысль, 19 и 22 апр., №№ 107 и 110.

Его же. Еще о «Вехах». Киевск. Мысль, 14 мая, № 132.

Василевский, И. Не-Буква. Сказки жизни Всемирн. Панор., № 7.

Вергежский, А. Вехисты и антивехисты. Южн Вед., № 259, 6 ноября. Голос (Ярославль), 6 ноября. Сарат. Лист., № 249.

Волков, Л. Новая религиозность и неонационализм. Моск. Вед. 30 и 31 окт. (№№ 249 и 250).

Волох, Л. Вторая лекция К. И. Арабажина (Дневник рецензента). Одесск. Обозр., № 607, 24 дек.

Вольный. Грех интеллигенции. Гражданин, 16 июля, № 51—2.

Его же. К религиозному воспитанию в нашем обществе. Русск. Правда (Екатеринослав), 29 июля.

Его же. Статья. Русск. Правда, 5 мая.

Вольский, В. За границей. Утро (Харьк.), 15 июля.

Его же. В осенние сумерки. Утро, 4 июля.

В два кнута. Совр. Слово, 29 апр.

В защиту интеллигенции. Сборник статей К. Арсеньева, М. Бикермана, П. Боборыкина, Вл. Бояновского, Н. Валентинова, Н. Геккера, И. Игнатова, Ник. Иорданского, Д. Левина, Ф. Мускатблита, Григ. Петрова. Изд. Заря. Москва, 1909.

В печати и обществе. Новая Русь, 11 мая.

В религиозно-философском обществе. Русск. Слово, 23 апр.

Вехи новых путей или предельная веха. Слово, 23 апр.

Гловский, М. Рецензия. Изв<естия> кн<ижного> маг<азина> Вольф. май, № 5.

Горный, Серг. История одного путешествия (стих.). Русск. Слово, 7 мая.

Гой, А. Литературные штрихи. Харбин, № 1116, 30 дек.

Григорьев, Н. Литературные наброски. Одесск. Обозр., 22 апр.
Гросман, И. Махаевцы сверху и махаевцы снизу. Киевск. Вести, 28 мая.
Грехи и вехи. Новая Русь, 19 окт.
Homunculus. Штрихи. Киевск. Мысль, 18 июля.

Денисов, В. Нельзя не сознаться, но и надо признаться. Россия, 13 июня.
Дерман, А. Литературные заметки. Юж. Вед., 13 авг.
Дживелегов, А. К. На острой грани. К вопросу о русской интеллигенции. Северн. Сияние, № 8.
То же. Далекая Окраина, № 680, 14 авг.
Диспут о русской интеллигенции. Русск. Слово, № 252.

За интеллигенцию. Новая Русь, 18 апр.
Залетный, И. Возврат к славянофильству. Волга, №№ 233 и 234, 5 и 6 ноября.
Защитники «Вех». Приднепровский Край, 18 июня.
Знамя труда.

И. Из книги и жизни. Русск. Вед., 9 апр.
И. П. О нашей интеллигенции. Тифл. Лист., 26 апр.
Игнатов, И. Литературные [illegible]. Русск. Вед., № 69 и 85.
Идеалист. Цусима литературы, афоризма и фарисейства. Нов. Вечер, № 15, 15 окт.
Изгоев, А. С. Еще о сборнике «Вехи». Речь, 26 марта.
Его же. Ответ Д. А. Левину. Речь, 29 марта, № 86.
Его же. Письмо в редакцию. Речь, 19 мая.
Его же. «Соль земли». Моск. Еженед., № 46.
Интеллигенция и национализм. Русск. Вед., 25 апр.
Исаков, Е. Жизнь и идеи. Киевск. Вести, 21 авг.
Иорданский, Н. Творцы нового шума. Соврем. Мир, май.
Иорданский, Н. Бесплодный пессимизм. (Политическое обозрение). Соврем. Мир, ноябрь.

К. «Вехи» и «Антивехи». (Из петерб. жизни.) Русск. Вед., 6 ноября, № 255.
Кара-Мурза, П. Борьба идей. Каспий, № 80.
Его же. Книга о горькой правде. Каспий, 5 июля.
Его же. Критики «Вех». Каспий, 12 июля.
Качоровская, А. Сборник «Вехи» перед лицом русской действительности. Сибир. Жизнь, 21 июня.
Кизеветтер, А. О сборнике «Вехи». Русск. Мысль, май.
Кипен, Г. Темы дня. Мариупольск. Жизнь, 9 авг.
Кистяковский, Б. Письмо в редакцию. Русск. Вед., 17 апр., № 87.
К. М. Признаки просветления. Колокол, № 1109, 21 ноября.
Ковалевский, М. М. Грехи интеллигенции. Задачи жизни, № 1.

Кольцов, К. Кающиеся интеллигенты. Возрождение, № 7—8.
Коробка, Н. «Вехи» на пути к реакционному квиетизму. Правда Жизни, 20 апр. № 21.

Л-н, Н. Еще о сборнике «Вехи». Харьк. Вед., 15 мая.
Лашкюков, В. Двойное кощунство. Киевск. Вести, 1 мая.
Левин, Д. Наброски. Речь, 25 и 29 марта, №№ 82 и 86, и 17 мая.
Леонидов, Д. Из литературы и жизни. Приднепр. Край, 21 июня.
Литературное насилие. Соврем. Слово, 16 июня.
Лукин, А., свящ. «Вехи». Таврич. церк.-общ. Вестник, 20 июля.
Лунин, Н. Скорбные итоги. Харьк. Вед., 30 апр., 5 и 7 мая.
Лурье, С. В. О сборнике «Вехи». Русск. Мысль, май.
Его же. Жизнь и идеи. Русск. Мысль, июль.
Львов, В. Нестрашный суд. Одесск. Нов., 24 июля.
Любош, С. Дуэль Мережковского и Струве Слово, 23 апр.
Люсин, П. Вожди. Полтавск. Вести, №№ 2056 и 2069.
Летопись последней недели. Запросы Жизни, № 4.

М. К. Куда идти? Спб. Отголоски, 21 авг., № 176.
Маленькая библиограф. справка. Харьк. Губ. Вед., 14 авг.
Малиновский, И., проф. Начальная страница из истории русской интеллигенции. Сибирск. Жизнь, №№ 254, 255, 256.
Меб. «Вехи» (стих.). Раннее Утро, 9 мая.
Мельгунов, С. Нашли виновника Киевские Вести, 25 марта.
Мережковский, Д. Семь смиренных. Речь, 26 апреля.
Его же. К соблазну малых сих. Речь, № 244, 6 сент.
Мещерский, В. П., кн. Дневники. Гражданин, № 51—2, 16 июля.
Милорадович, К. М. «Вехи». Журнал Мин. Нар. Просв., авг.
Мишин. Две книги. Русск. Вед., 24 июня.
Musca. Танцкласс. Раннее Утро, 25 апр.
Его же. Проникновенному. Раннее Утро, 2 июля.

N. Мемуары унтер-офицерской вдовы. Киевлянин, 7 июля.
Н-в, Б. Усовершенствование личности. Отдых Христианина, ноябрь.
Н. Г. Литературный дневник. Одесск. Нов., 9 и 12 апр.
Н. Ф. «Вехи». Полтавские Ведом., 6 авг.
Надеждин, Н. Предел скорби. Нов. Русь, 23 апр.
Напд. Сезон начался. Сибирь, № 243.
Нездешний. Мимоходом. Сибирь, 2 июня.
Николаев, П. Снова у «Вех» и ответ г. А. Т. Спб. Жизнь, № 128.
Новомирский, И. По вехам. Одесск. Обозр., № 577, 19 ноября.
Новые пути. Варшавский Дневник, 9 авг.
Норд. Больной вопрос современности. Тифл. Лист., 24 апр.

Обзор печати. Слово, 7 мая, № 788.

О «Вехах». Отчет о докладе д-ра Петровского. Киевск. Вести, № 328.
Огнев, Н. О русской интеллигенции. Речь, 23 апр.
Озеросский, С. О «Вехах». Речь, 24 мая, № 139.
О. Л. Д'Ор. Суд над интеллигенцией. Приднепр. Край, 12 мая.
Его же. Дружеская переписка. Утро (Петерб.), 18 мая.
Опискин, Фома. «Вехи». Сатирикон, № 21, 23 мая.
Отчет о заседании в Сиб. женском клубе (доклад Н. А. Гредескула. Перелом в русской интеллигенции). Речь, 2 ноября.
Отчеты о докладе В. И. Гурко «Интеллигенция от Базарова до Вех». Россия, 11 дек. Новая Русь, 12 дек.

Передовая статья. Виленский Вестник, 2 мая.
Передовая статья. Наш Край, 6 июня.
Передовая статья. Сарат. Вести, 18 июня.
Пессимист. Из записной книжки пессимиста. Русск. Речь, 2 мая.
Петров, Гр. Обвиненные судьи. Русское Слово, 17 мая, № 111.
Печать. Киевские Вести, 29 мая.
Печать. Харбин, 25 июня.
По Вехам. Сборник статей об интеллигенции и «национальном лице». М. 1909. Предисловие.
Поляцкий, А. Апология мещанства. Киевские Вести, № 335, 15 дек.
Поправка. Слово, 12 мая.
Посторонний. Бей интеллигенцию. Всемирн. Панорама, 15 мая.
Пешехонов, А. На очередные темы. (Новый поход против интеллигенции. Русск. Богатство, апрель и май.
Его же. Свободная кооперация. Киевск. Вести, 30 апр.

Р-а. О «Вехах». Киевские Вести, № 328.
Реферат о «Вехах». Каспий, № 211, 22 сент.
Рецензия. Уральская Жизнь, 30 апр.
Розанов, В. Мережковский против «Вех». Нов. Вр., 27 апр.
Его же. Между Азефом и «Вехами». Нов. Вр., 20 авг.
Rum-rum. Черно-отенные «Вехи». Русск. Знамя, № 112.

Сарматов. Маленькие заметки. Россия, 30 апр. и 31 июля.
Сборник «Вехи». Резолюция, принятая в учебном отделе О. Р. Т. Зн. в Москве. Русское Слово, 15 апр.
Сементковский, Р. Рецензия в Истор. Вестн., № 5.
Спиро, С. Л. Н. Толстой о «Вехах». Русское Слово, 21 мая.
Среди газет и журналов. Нов. Вр., 11 мая.
Статья. Новая Русь, 26 апр.
Статья. Тифл. Листок, 24 мая.
Столыпин, А. Интеллигенты об интеллигентах. Нов. Вр., 23 апр.
Его же. Еще о «Вехах». Нов. Вр., 27 апр.

Струве, П. Слабонервность, или Игра на слабых нервах. Слово, 27 марта.
Его же. Размышления. Слово, 25 апр., 7 и 19 мая.
Его же. Ответ архиепископу Антонию. Слово, 10 мая, № 791.
Его же. На разные темы. Русск. Мысль, май.
Суд над авторами сборника «Вехи». Голос Москвы, 15 апр., № 85.
Суд над клеветой. Новая Русь, 22 апр.
Северный, С. «Вехи» и Чехов. Слово, 13 июня.

Таврический, П. Старые боги. Утро (Харьк.), 10 мая.
Т-н, С. Интеллигенция и «Вехи» Киевск. Вести, № 330.
Толстой, К. Гордость мысли. Спб. Вед., № 247.
Л. Н. Толстой о сборнике «Вехи». Русское Слово, 12 мая.
Тон, Н. Страничка жизни. Харбин, 19 июля.
Трубецкой, Е. Н., кн. «Вехи» и их критики. Моск. Еженед., № 23.

У. Т. Литературно-общественные заметки. Народная Летопись, 9 авг.

Филевский, И. Поворот в нашей интеллигенции. Церк. Вестн., 25 июля.
Философов, Д. О любви к отечеству и народной гордости. Наша Газета, 26 марта, № 71.
Его же. Спор вокруг «Вех». Русск. Слово, 17 мая.
Франк, С. «Вехи» и их критики. Слово, 1 апр., № 752.
Его же. Мережковский о «Вехах». Слово, 28 апр.
Его же. Культура и религия. Русск. Мысль, июль.
Фудель, М. Критика интеллигентского сознания. Моск. Ведом., 29 апр.

Хирьяков, А. Близкие тени. Правда Жизни, 23 марта.
Христианка. Условия возрождения России. (Ответ авторам книги «Вехи».) Москва, стр. 64, ц. 35 к.

Чернов, С. Р. Зигзаги жизни. Новая Жизнь (Харбин), 19 июля.
Чуковский, К. Современные Ювеналы. Речь, 16 авг., № 223.
Шагинян, М. Еще о «Вехах». Приазовск. Край, 29 июня.
Шаховской, Д., кн. Слепые вожди слепых. Голос (Ярославль), 3 апр.
Ш-г, Л. Старые и новые богоискатели. Запросы Жизни, № 4.

Эсаша. Осужденная интеллигенция. Варшавск. Дневник, № 312.

Южный, В. «Вехи». (Жизнь и литература) Бакинские Вести, № 16, 28 сент.
Южный, И. Доклад Ю. В Португалова. Оренбургский Край, № 380.

Ю-н. «Вехи» и Чехов. Нов. Вр., 13 июня.

Ясинский, И. Суд над интеллигенцией. Биржевые Ведомости, №№ 11245, 11247, 11249, 11251, 11255, 11257.

1910

А. Заметки журналиста. Харбин, 6 янв.

А. П. «Интеллигенция». (Лекция К. Н. Арабажина.) Русск. Слово, 4 февр.

Басаргин, А. Течения встречные. (Критические заметки.) Моск. Вед., № 4, 6 янв.

Его же. Компромиссы. Моск. Вед., № 12, 16 янв.

Беседа об интеллигенции. Русск. Вед., 4 февр.

Венгеров, С. Литературная [illegible] в 1909 году. Русск. Вед., 1 янв.

Гой, А. Заметки журналиста. Харбин, 9 янв.

Его же. «Героизм и подвижничество». (Литературные штрихи.) Харбин, 12 янв.

Иванов-Разумник. Об интеллигенции. Спб., 1910.

Изгоев, А. С. Интеллигенция и «Вехи». (Русское общество и революция). Москва, 1910.

Караваев, Н. Драма русской революции (Письма из Вены.) Южн. Край, № 9902, 30 янв.

Наумов, Вс. «Вехи». Эхо (Благовещенск), № 390, 21 янв.

Никс. Да будет ей триумф! (Лекция К. Н. Арабажина.) Утро России, 4 февр.

Нич. Спор об интеллигенции. Голос Москвы, 4 февр.

Новомирский, Н. Беллетристическая иллюстрация к «Вехам». Одесск. Обозрение, № 621, 24 янв.

Петров Григорий. Кнутом по пристяжной. Южный Край, 9 февр.

Рославлев. Мысли. Спб. Вед., № 35, 13 февр.

Сергей Глаголь. О человеке и мундире (Мой дневник). Столичная Молва (Москва), № 107, 15 февр.

Схимник. «Героизм и подвижничество». Сибирь, № 4, 6 янв.

Чеботарев, Ф. «У берегов свободы». Русск. Правда, № 918.

Ш. П. Москва. Киевская Мысль, № 38, 7 февр.

Яблоновский, С. К лекции о «Вехах». Русск. Слово, 4 февр.

Александр
Малышкин

Люди из захолустья

Роман

Куйбышевское книжное издательство
1986

ПЕРЕЖИТОЕ

Родился я и провел детство в глухом уезде Пензенской губернии. Уезд — черноземный, крестьянский. Базары, ярмарки, церкви, сплетни, кабаки, урядники. Об этом в юности написал рассказ «Полевой праздник», напечатанный в 1914 году в журнале «Новый мир».

Отец мой — бывший дворовый человек помещиков Нарышкиных.

Самое яркое, что осталось в памяти от уездной жизни,— канун ильина дня 1914 года (19 июля). Мобилизация на германскую войну. Вечером по базарной площади бежали тысячи босых и лаптяных ног за иконой на молебствие. Бежали почти в полном беззвучии. Гофмейстер Арапов, предводитель дворянства, окруженный стражниками, провозглашал здравицу за «обожаемого государя». Горели факелы, сверкали ризы. Тысячи телег, бредущих по проселку на веселое подторжье, с воем сворачивали назад — обряжать сыновей и отцов на войну. Эта ярмарочная толпа спустя два-три месяца почти целиком полегла под Гумбиненом. А через четыре года жгли араповскую экономию и делили араповские земли.

И нарышкинские земли.

В 1916 году я окончил Петербургский университет. На панелях преобладала серая шинель. Студенты ловчились от войны, нарочно проваливаясь на зачетах, чтобы еще на год остаться на последнем курсе. Разрешалось оставаться два года подряд... Но война длилась и длилась — конца не виделось пасмурной и голодной ее дали... В том же 1916 году я был зачислен в школу прапорщиков, а весной 1917 года уже служил на корабле Черноморского флота, в качестве вахтенного офицера «первого революционного выпуска».

На тральщике ходил в боевые операции.

Меньше чем через год опять надел матросскую робу. Наш демобилизованный эшелон «братишек» счастливо проскочил мимо немцев, оккупировавших в то время Украину, на север. Начиналось время, о котором не рассказать простым перечнем фактов. Время ломки биографий, время неожиданных, негаданных профессий, время, когда многим приходилось рождаться сызнова... Я был

фельетонистом губернских «Известий», писал раешники, рассказы и стихи в пензенской «Бедноте», организовывал уездную газету, работал секретарем коллегии пленбежа, писал авантюрный роман, преподавал в реальном училище и в женской гимназии, читал лекции по истории философии и преподавал грамоту в красноармейской казарме. Кончил командиром взвода бомбометчиков и гренадер в мае 1919 года. Начиналась пятилетняя кочевая жизнь с Красной Армией.

В Красной Армии я встретил приятеля — мы когда-то еще в детстве вместе обдирали деревья уездного сквера — Анатолия Дементьева, начдива 1-й Туркестанской стрелковой. В те сухие и нищие годы многое было полусумасшествие и мечта. Красная Армия только что ворвалась в Туркестан. Мы с Анатолием думали, что наша дивизия сможет пробиться в Индию... Составили даже заранее приказ: «Братья индусы! Советская дивизия прошла через ущелья Пешавера. Передовые отряды насильников бегут...» Полковник генерального штаба, фанатически ненавидевший Англию, заразившись этой мыслью, делал маршрутные выкладки... То были дни голодной блокады, когда 14 государств во главе с Англией стягивали петлю вокруг молодой республики. И надо было взорвать в каком-то самом уязвимом месте это удушающее кольцо...

Анатолий погиб на южном фронте — нечаянно и жестоко. На каком-то полтавском хуторе его захватили бандиты. Обнаружив в его кармане партийный билет, бывшего начдива привязали к двум лошадям и размыкали по полю.

В 1921 году в Таврии, на не остывшей еще от боев земле, я опять принялся за писание. Время было веселое: по ночам приходилось стрелять через форточку, отпугивая бандитов. Написал «Падение Даира».

С 1922 года — Москва.

Недавно с большой скорбью провожал гроб В. Л. Львова-Рогачевского,— в Петербурге в юности очень сердечно поддержавшего мои первые литературные начинания.

Александр Малышкин

Печ. по кн.: Никитина Е. Ф. В мастерской современной художественной прозы. Александр Малышкин, А. С. Новиков-Прибой, Александр Яковлев, Артем Веселый. М., 1931, т. 2.

84 (4 Фр)
З-79

Золя Эмиль
З-79 Творчество: Роман.— Алма-Ата: Жазушы, 1986.— 384 с.

Роман «Творчество» входит в двадцатитомную серию Эмиля Золя «Ругон-Маккары», в которой автор запечатлел жизнь Франции в эпоху Второй империи. «Творчество» — это роман о судьбе художника в буржуазном мире, поднимающий вместе с тем коренную эстетическую проблему отношения искусства к действительности. В основу его сюжета легли некоторые реальные события, связанные с полемикой, которую в 60-х годах прошлого века Э. Золя вел в защиту группы художников-импрессионистов.

З 4703000000—201
402(05)—86 Без объявл.— 86. 84 (4 Фр)

© Предисловие. Москва, изд-во «Художественная литература», 1981 г.
© Алма-Ата, изд-во «Өнер», 1984 г.
© Оформление. Алма-Ата, изд-во «Жазушы», 1986 г.

Эмиль Золя, сын француженки Эмили Обер и венецианца Франсуа Золя, родился 2 апреля 1840 года в Париже. Детство и отрочество его прошли в провансальском городке Эксе. Окончив местный коллеж, он в 1858 году возвращается в Париж, чтобы продолжить образование в лицее св. Людовика. Неприветливо встретила столица провинциала, но нужда и лишения, которые ему пришлось испытать, не подорвали его увлеченности литературой.

Окончив лицей, начинающий писатель, чтобы заработать на жизнь, поступил на службу в управление парижских доков. Там он отсиживал положенное время, а настоящая жизнь, работа начиналась для него после выхода за ворота конторы. «Я выхожу из конторы...— писал он Полю Сезанну,— и тогда я живу. В моей голове проносятся огромные поэмы, драмы, романы». В самом деле, замыслы его были один грандиознее другого: «Любовная комедия»— цикл из трех поэм, затем «Цепь бытия»— произведение, охватывающее «генезис вселенной».

В начале 1862 года по протекции одного из друзей семьи Эмиль Золя поступил на работу в издательство Ашетт. Здесь он знакомится с писателями Эдмоном и Жюлем Гонкур, с известным критиком Ипполитом Тэном, с учеными-филологами Эмилем Литтре и Эрнестом Ренаном, с поэтом Альфонсом Ламартином.

В ноябре 1865 года выходит в свет его первый роман «Исповедь Клода», который он посвятил своим друзьям Полю Сезанну и Батистену Байлю.

Приехавший в Париж из Экса Сезанн вводит Золя в круг живописцев, вместе они посещают мастерские Камилла Писсарро, Эдгара Дега, встречаются с Эдуардом Мане и другими художниками. Эмиль Золя энергично включился в борьбу талантливых мастеров, оригинальное творчество которых бросало вызов традиционной академической школе. Двадцатишестилетний писатель не думал о том, что он войдет в историю искусства, когда начал кампанию в парижской газете «Эвенман» в защиту новаторских полотен молодых художников, в том числе и картин Эдуарда Мане. Золя первый из современников почувствовал и оценил неповторимое своеобразие и выразительность живописи Мане, по-новому воспроизводившего людей и окружающий мир, смело использовавшего возможности цвета, текучесть и вибрацию света. «Когда-нибудь поймут наконец,— писал Золя,— какое место Эдуард Мане занимает в той переходной эпохе, которую переживает сейчас французская школа живописи. Он останется в ней как характерное и наиболее острое, наиболее индивидуальное явление».

К концу 60-х годов Золя обрел зрелость и мастерство, которые позволили ему приступить к работе над своим главным произведением — двадцатитомной серией «Ругон-Маккары. Естественная и социальная история одной семьи во времена Второй империи».

«Творчество»— четырнадцатый роман серии — Золя начал писать в мае 1885 года и закончил через девять месяцев. 23 февраля 1886 года он сообщает своему другу Сеару: «Мой дорогой

в которой я запечатлел свои воспоминания и выплеснул душу...» В течение 1886 года роман был напечатан дважды, сначала в газете, а затем отдельной книгой в издательстве Жоржа Шарпантье.

Тема — «роман об искусстве» — присутствует во всех трех сохранившихся планах «Ругон-Маккаров». Рамки «Творчества», как определил это Золя в плане, составленном в 1869 году,— «художественный мир; герой — Клод Дюваль (Лантье), второе дитя рабочей четы. Причудливое действие наследственности». По мысли Золя, гениальность и вместе с тем ущербность героя предопределены психическим складом, физиологическими особенностями его родителей.

Коллизия, запечатленная в романе, была обрисована писателем еще в январе 1867 года, в очерке об Эдуарде Мане: «Молодой художник весьма наивно осмелился довериться своим собственным глазам и наблюдениям, принялся писать, не следуя священным школьным правилам. Картины, написанные им, отличались смелой сочностью и силой, оскорблявшей глаза зрителей, привыкших к другим приемам. И вот люди, не пробуя уяснить себе, что именно задевало их глаз, принялись оскорблять молодого художника, проклиная и его талант, и правдивость и пытаясь изобразить его грубым паяцем на веревочке, который показывает публике язык. Не правда ли, что подобное гонение представляет собой поучительный для изучения факт!»

В основу сюжета «Творчества», как мы видим, легли некоторые реальные события и факты из жизни писателя и друзей его юности — Сезанна и Байля, а также Эдуарда Мане, Клода Моне и других. Содержание романа связано с той полемикой, которую в 60-х годах писатель вел в защиту группы молодых живописцев. В 1866 году, в канун открытия Салона — традиционной выставки изобразительного искусства,— в печати появились две нашумевшие статьи тогда еще мало кому известного критика Эмиля Золя. В этих статьях он упрекал жюри, отбиравшее картины для выставки, в том, что оно не пожелало дать публике возможность увидеть «смелые, полнокровные картины и этюды, взятые из самой действительности». В Салоне, указывал Золя, полотна талантливых живописцев не представлены только потому, что их творчество отрицает окостеневшие традиции академической школы и тем самым подрывает престиж влиятельной касты.

Редактор газеты «Эвенман» Вильмессан, заинтересовавшийся идеями, высказанными Эмилем Золя, предложил ему написать несколько статей о Салоне. Золя охотно принял предложение. В обзорах, отмеченных убедительной профессиональной аргументацией и глубиной анализа материала, он еще более определенно изложил свое отношение к новому направлению в живописи, и прежде всего к творчеству Эдуарда Мане и его последователей. Золя заявил, что картины Мане рано или поздно займут место в Лувре.

Эти обзоры взбудоражили общественное мнение, вызвали протесты сторонников академической школы, которых раздражала «бесцеремонность» Золя. Они требовали, чтобы Вильмессан прекратил «издевательства» над читателями и не допускал «сумасбродства» Золя на страницы газеты. Но оскорбления и нападки не устрашили критика. Он объединил свои статьи о живописи в

сборнике «Мой Салон» и издал отдельной книгой с посвящением Сезанну. «Я чувствую вокруг себя такую ненависть,— писал он,— что силы часто покидают меня и перо готово выпасть из моих рук».

Но Золя не падает духом и продолжает защищать молодых художников — в январе 1867 года он поместил в «Обозрении XIX века» очерк о творчестве Эдуарда Мане, а в 1872 году принял предложение И. С. Тургенева и стал печататься в русском журнале «Вестник Европы», где наряду с другими статьями опубликовал и несколько очерков об искусстве, которые на его родине изданы не были. В 1875 году В. В. Стасов писал И. С. Тургеневу о Золя: «Еще в прошлом году я рассказывал Вам, как высоко ставлю его книжечку этюдов под заглавием «Mon Salon» и его брошюру о Мане, даром что кое с чем там и не согласен, а теперь, после его великолепного письма в «Вестнике Европы» (речь идет о статье Золя «Выставка картин в Париже»), я еще более убедился, что он просто лучший художественный критик последнего времени...»

Выступления Эмиля Золя создали ему авторитет в среде художников-батиньольцев, названных так потому, что кафе, в котором они часто собирались, помещалось в квартале Батиньоль в Париже. Постоянными участниками этих встреч были Эдуард Мане, Теодор Фантен-Латур, Марселин Дебутен, Камилл Писсарро, Пьер-Огюст Ренуар, Альфред Сислей, а также литераторы — Леон Кладель, Эдмон Дюранти и другие. Несколько позже к ним примкнули Поль Сезанн и Клод Моне. (Многие члены этой группы запечатлены на известной картине Фантен-Латура «Ателье в Батиньоле».)

Художники-батиньольцы, и прежде всего Клод Моне и Эдуард Мане, осуждали отжившие традиции в живописи, искусство вчерашнего дня. Поборники нового направления решительно отказались от мифологических и исторических сюжетов, от их шаблонной интерпретации, от традиционного рисунка. Они обратились к сюжетам из повседневной жизни и быта своих современников. Живописцы-новаторы, стремясь добиться совершенного отображения натуры, точной фиксации оптических впечатлений, раскрепостили цвета и краски, расширили возможности художника. Свои творческие искания — выбор сюжета, его трактовку, композицию — они подчинили стремлению достичь совершенного единства формы и цвета, которое соответствовало бы индивидуальному видению живописца. Последняя выставка импрессионистов состоялась в 1886 году, в год выхода «Творчества».

Таков реальный подтекст романа.

Работая над «Творчеством», Золя мысленно вновь пережил те годы, о которых он рассказывал в романе. 27 марта 1886 года Э. Гонкур записал в своем дневнике: «Обед у Золя. За кофе Золя и Доде говорят о нужде, которую они терпели в молодости. Золя вспоминает о том времени, когда брюки и пальто его частенько оказывались в ломбарде, а он сидел дома в одной рубашке... Он едва замечал «аварию» в своей жизни, увлеченный грандиозной поэмой «Рождение мира, человечество, будущее», циклической и эпической историей нашей планеты до появления человечества, в долгие годы его существования и после его исчезновения». В романе «Творчество» писатель Сандоз поглощен осуществлением давней мечты создать «грандиозное произведение, охватывающее

земной вселенной в трех фазах: сотворение мира, воссоздание при помощи науки; история человечества, пришедшего в свой час сыграть предназначенную ему роль в цепи других живых существ; будущее, в котором живые существа непрерывно сменяют один других, осуществляя завершающую мироздание неустанную работу жизни».

Одаренный художник Клод Ланье, с которым Золя впервые знакомил читателей в романе «Чрево Парижа», захвачен стремлением выразить свое собственное видение мира. Его воодушевляет идея запечатлеть на полотнах вселенную «во всем непостижимом многообразии ее проявлений и красок, в движении и времени, на плоскости выразить жизнь, ее течение, воссоздать природу, и все это подать с неповторимой оригинальностью и свежестью». Клод восхищается эмоциональной живописью романтика Делакруа, но отвергает ее, полагая, что она себя изжила; он не приемлет и самобытное творчество выдающегося реалиста Курбе, которое хотя и приблизилось к жизни современников, но все еще скковано традициями. Развитие науки и техники, глубокие изменения в общественной жизни, в сознании людей, происходившие во второй половине прошлого века и очевидцами которых были Клод, Сандоз и их друзья, свидетельствовали о том, что XIX столетие подводит итоги большой полосе исторического развития человечества. Клоду кажется, что именно ему дано внедрить «новую форму, которая пойдет дальше, неся в живопись солнечный свет, как ясную зарю, встающую в новых картинах, написанных под влиянием восходящей школы пленэра». Он мечтает создать лучезарные фрески, запечатлеть на них «жизнь бедняков и богачей: на рынках, на скачках, на бульварах, в глубине переулков, населенных простым людом; все ремесла, включенные в один хоровод». Он мечтает о новой архитектуре, о прекрасных, полных света и воздуха зданиях, удобных и красивых жилищах. Клод не одинок в своем стремлении, его идеи разделяет целая группа друзей-единомышленников.

День за днем, год за годом прослеживает писатель жизнь художника, его жестокую борьбу с непокорной натурой. Проходило время — и сжигавшая Клода жажда творчества снова влекла его к ненаписанному холсту и он снова «начинал свой путь в неведомое». Годы борьбы не приносят ему успеха: его картины отвергает Салон. Неудачи, холодное равнодушие толпы, не приемлющей его новаторства, а порой и открытое издевательство порождают у Клода сомнение в полноценности своего таланта. Собственные работы кажутся ему теперь слабыми, незавершенными. Друзья, которые прежде видели в нем главу школы, отрекаются от него. Утратив веру в свои возможности, окруженный стеной молчания, он особенно остро ощущает одиночество в этом враждебном ему мире. Ненависть людей, привязанности и вкусы которых он подверг сомнению, злоба завистников сломили его волю: Клод кончает жизнь самоубийством перед своей незавершенной картиной.

Прежний союз даровитых художников и литераторов, основанный борьбой за новые идеи в искусстве, союз, который укрепляла чистая юношеская дружба, распался. Клод Лантье, надломленный жизненными невзгодами и творческими неудачами, пришел к отрицанию своих же формул, Фажероль, Жори, Дюбюш, Магудо попали под влияние морали собственников, превратились

в неурядицах буржуа. Глядя на это, писатель Сандоз начинает понимать, к каким результатам пришла когда-то свежая, эмоциональная живопись, к каким извращениям привели ее эпигоны.

Отношение Золя к импрессионизму как к новому направлению в искусстве не было раз и навсегда установившимся и одинаковым; оно менялось в связи с изменением творческих устремлений его представителей, а также в связи с эволюцией эстетических взглядов самого Золя. В 60—70-е годы он горячо и страстно поддерживал художников-импрессионистов, идеи которых были близки его собственным эстетическим взглядам; и Золя и художники-импрессионисты в своем творчестве исходили из аналогичных установок: пристальное наблюдение природы, людей и событий, беспристрастный и объективный показ фактов, почерпнутых из общего потока жизни. Однако в дальнейшем пути импрессионистов и создателя «Ругон-Маккаров» разошлись. Эпигоны импрессионизма, движимые стремлением запечатлеть неуловимый «облик ощущения», увлеклись формальной стороной живописи, демонстрацией своего виртуозного мастерства в передаче цвета и света. Но, как отмечает Арагон, «не импрессионисты обеднили живопись, а те, кто поверхностно усвоили их творческий метод, не улавливая за их полотнами открывающиеся пути развития искусства, и остановились на бесплодном повторении уже достигнутого». Ухватившись за творческий прием, найденный предшественниками, живописцами самобытными и оригинальными, они выхолостили их идею, пошли по пути повторения, приспосабливая импрессионизм к салонным вкусам. Победу торжествовала «поверхностная и элегантная живопись» фальсификатора Фажероля.

Иначе развивалось творчество Эмиля Золя. Преодолевая сковывавшие его талант нормы натуралистической эстетики, через глубокий реалистический анализ социальной действительности своего времени он пришел к созданию «Ругон-Маккаров»,— правдивой хроники общественных нравов эпохи Второй империи. Обозревая пройденный путь, по-новому осмысляя происходящее, Золя в 1893 году в статье «Живопись» недвусмысленно оценил то, к чему пришли эпигоны импрессионизма: «Я видел, как были брошены в землю семена, теперь я наблюдаю всходы, осязаю чудовищные плоды...»

В своем романе Золя поднял также важную эстетическую проблему, проблему отношения искусства к действительности. Полемически роман «Творчество» направлен против критиков, которые, оспаривая за литературой и искусством функцию познания действительности, порождали легенду о несовместимости искусства с живой жизнью. Искусство, утверждали они, откровенно, оно не зависит от жизни и по своей природе враждебно ей, оно равнодушно к фактам и является продуктом фантазии художника, оно выражает чувства, навеянные субъективным восприятием действительности.

Золя выступил в защиту искусства жизненной правды. На трагическом примере судьбы художника Клода Лантье он показал, что «только творцы жизни торжествуют в искусстве, только их гений — плодотворен...». Этот вывод писателя утверждает несостоятельность субъективно-идеалистического взгляда на искусство.

Книга Золя затрагивала вопросы, актуальные не только для Второй империи, поэтому роман «Творчество» сразу же после вы-

[illegible] вызвал споры, о нем было напечатано несколько статей в газетах и журналах самых различных направлений. Прогрессивная критика увидела в книге правдивый рассказ о судьбе художника в мире собственников, о жалкой участи художников, о чудовищной эксплуатации их таланта. Мопассан в очерке «Жизнь пейзажиста», опубликованном в 1886 году, писал: «Золя в своем изумительном романе «Творчество» рассказывает о страшной битве, о нескончаемой борьбе между человеком и мыслью, о великолепном жестоком поединке художника с его идеей, со смутно угаданной и неуловимой картиной. Я вижу эту борьбу, я переживаю все это так же, как и Клод, я, жалкий, бессильный, но, как и он, терзаемый еле различимыми тонами, неуловимыми их сочетаниями, которых, быть может, не видит и не отмечает никто, кроме меня; и в течение долгих мучительных дней я смотрю на тень, отброшенную тумбой на белую дорогу, и говорю себе, что я не в состоянии ее написать».

Однако реакционная печать усмотрела исключительную актуальность «Творчества» в том, что в нем якобы показана бесплодность попыток художника искать источник вдохновения в вечном потоке жизни: «Самоубийство — вот последнее слово философии...»

Много велось споров по поводу прототипов основных персонажей «Творчества». Утверждали, что Сандоз — это портрет самого Золя (в рукописных заметках к «Творчеству» Золя указывал, что «Сандоз введен для того, чтобы осветить мои идеи об искусстве»); в Фажероле видели воплощение одновременно Поля Бурже и Гисме, в критике Жори — портрет Поля Алексиса, в образе Бонграна находили многое от Мане, но еще больше от Флобера. Что касается Клода Лантье, то в своих рукописных заметках к «Творчеству» Золя пишет: «Клод, покончивший с собой перед своим незавершенным творением, это Мане, Сезанн, но больше Сезанн».

Было бы ошибочным, однако, рассматривать «Творчество» как историю импрессионизма, а именно так некоторые пытались оценивать эту книгу. Для обрисовки героев романа Золя действительно использовал некоторые черты характеров своих друзей, однако он сумел создать обобщенные и оригинальные образы. Один из критиков, современников Золя, в этой связи справедливо отметил: «Все, кто окружают Клода Лантье,— это живые люди, мы всех их знаем. Какое значение имеют их имена? Они молоды и бедны, они охвачены страстной любовью к искусству... они хозяева земли... Отсюда их презрение к деньгам, ко всему, что не связано с искусством. Слово «буржуа» для них — ругательство».

На русском языке роман Золя впервые был напечатан под названием «В мире художников» газетой «Биржевые ведомости» в 1886 году. В июне того же года В. В. Стасов опубликовал статью, посвященную «Творчеству», в которой писал, что еще ни в одном произведении о художниках «ни художник, ни художественные дела не выступали с такою правдою и глубиною, как в новом романе Золя». Несмотря на некоторые недостатки, присущие книге, русский критик назвал «Творчество» «великой художественной картиной» и «великим поучением».

Со времени издания книги Золя прошло почти сто лет, но она продолжает волновать читателей, потому что каждое новое поколение находит в ней новые истины.

С. Емельянников

моста Луи-Фи
шись, останов
махивая на х
газовые фонар
жается в непр

Повернув и
Луи, Клод бы
молний освещ
прямой линией
в высоких ок
ли из мрака то
то балюстраду,
Мастерская ху
лу улицы Фам
особняка Марту

МАЙН РИД И ЕГО РОМАН «ОЦЕОЛА, ВОЖДЬ СЕМИНОЛОВ»

По покрытой высокой травой саванне медленным, спокойным шагом лошадь несет страшного всадника, кажущегося зловещим призраком: у него нет головы... На громадной американской реке два парохода устраивают гонку, и, как только «Красавица Запада» вырывается вперед, оглушительный взрыв потрясает небо, землю и воду. Это взорвались пароходные котлы; стоны и крики раненых и тонущих сливаются в один отчаянный вопль... Страшная расправа — суд Линча — угрожает герою, и только в последний момент, когда уже веревка перекинута через сук, приходит неожиданное спасение... В далеких Гималаях смелые «охотники за растениями» подвергаются смертельным опасностям, собирая образцы гималайской флоры для ботанического питомника...

Кто же автор этих необычайных приключений, переносящих читателя в самые отдаленные места нашей планеты?

Томас Майн Рид родился в Ирландии 4 апреля 1818 года. Ирландия тех времен — страна страшной нищеты, голода, национального и религиозного гнета. В годы молодости Майн Рида около полумиллиона семей влачило жалкое существование в землянках. 60 тысяч протестантов преследовали и угнетали восемь миллионов католиков — ирландское католическое большинство страны. Отсюда будущий писатель вынес и сохранил на всю жизнь ненависть ко всем видам насилия и деспотизма.

Духовная карьера, к которой предназначал его отец,— протестантский священник, — не прельщала юношу, и в 1840 году он переплывает океан и начинает в Америке жизнь, полную приключений и разнообразных профессий. Он был актером, учителем, торговцем, журналистом, военным. Во время кровопролитного боя он был тяжело ранен и долго лежал среди убитых на поле битвы, пока его не нашли и не отправили в госпиталь. Распространилось известие о его смерти, в газетах появились некрологи, одна поэтесса написала стихи, посвященные его памяти. Впоследствии писатель, никогда не терявший чувства юмора, называл себя «человеком, который умер дважды».

В армии он славился своей отвагой, красотой и искусством в верховой езде. В одной статье его описывали как «смесь Адониса с Аполлоном Бельведерским с примесью Кентавра». Это

был благородный, смелый, пылкий человек, полный энергии, всегда готовый выступить в защиту попираемой справедливости, энтузиаст свободы, враг реакционеров. Когда английская буржуазная газета «Таймс» выступила с клеветническими обвинениями против выдающегося венгерского политического деятеля, борца за независимость Венгрии Лайоша Кошута, Майн Рид смело принял вызов и написал ряд громовых статей, в которых страстно — он все делал страстно — опровергал клевету. Он горячо выступал против тайной дипломатии — «нет другого выражения в языке, которое было бы более противно сердцам и ушам». Оставалось всегда что-то от пылкого и непреклонного юноши в этом мужественном человеке с львиной гривой и смелым взглядом.

В 1849 году он вернулся в Европу с группой друзей на помощь революции, но помощь запоздала — революционное движение было уже подавлено. Неудивительно, что среди имен известных представителей европейской демократии, приглашенных на митинг в Лондоне 25 февраля 1855 года, посвященный «памяти великого революционного движения 1848 года», наряду с Карлом Марксом, Герценом, Виктором Гюго стояло и имя Майн Рида.

В 1850 году появляется первый роман Майн Рида. С тех пор его жизнь посвящена упорному литературному труду.

От девственных степей Северной Америки, где тогда еще не звучал паровозный гудок, и снеговых пустынь Канады действие романов Майн Рида перебрасывается в леса Южной Америки, южноафриканские степи, Гималаи, необозримые океанские просторы. Перед нами живая географическая энциклопедия нашей планеты, какой она была столетие тому назад. Действие в книгах Майн Рида живо и увлекательно, характеры четки и определенны. Отважные и предприимчивые охотники и натуралисты странствуют в диких и неизведанных местностях, одно приключение следует за другим. Читатель узнает много интересного о животном и растительном мире.

Коварство и предательство расставляют свои сети героям, но энергия, отвага и самоотверженность неизменно торжествуют. Романы Майн Рида учат верности, дружбе и свободолюбию, ненависти к деспотизму и тирании.

В России творчество Майн Рида уже почти сто лет пользуется неизменной любовью многих поколений русской молодежи. Немало будущих путешественников и натуралистов в юности

зачитывалось увлекательными приключениями героев Майн Рида, яркими картинами могучей природы далеких стран. И сейчас, когда рельсовые пути и автомобильные маршруты проникли туда, где когда-то скитались отважные герои Майн Рида, его лучшие произведения не перестают служить источниками смелости, предприимчивости и любви к природе.

Писатель, умерший 22 октября 1883 года, оставил более пятидесяти романов и повестей, среди которых наиболее известны «Всадник без головы», «Квартеронка», «Белый вождь», «Золотой браслет», «Охотники за растениями», «Ползуны по скалам» и др. К числу самых удачных произведений относится и роман «Оцеола, вождь семинолов», выпущенный впервые сто лет назад — в 1858 году. Тема этого романа — героическое сопротивление индейцев, исконных хозяев Американского континента, грубому, грабительскому натиску жестоких завоевателей.

Шествие белых поселенцев на Запад, расширение американских владений в глубь континента, все дальше и дальше от первоначальной узенькой цепочки колоний на атлантическом побережье, сопровождалось истреблением, изгнанием, уничтожением индейцев, их поселков и целых племен. Там, где появлялись белые с их огнестрельным оружием, священниками, кабаками и порьмами, индейцам вскоре приходилось или отступать, или после упорного, отчаянного сопротивления подвергаться бесчеловечному истреблению. Под ударами топоров алчных пришельцев падали девственные леса Американского континента, служившие индейцам прибежищем и одним из важнейших источников средств к существованию.

Белые имели перевес над индейцами в вооружении, организованности, в преимуществе более высокого уровня общественного развития. Карабины и винтовки завоевателей истребляли врага лучше, чем стрелы и томагавки индейцев. Союзником захватчиков была и «огненная вода» — спиртные напитки, которыми они спаивали и вождей индейцев и целые племена, превращая из могучих воинов, какими были они до встречи с белыми, в жалких алкоголиков.

Но больше всего помогало белым отсутствие единства у индейцев, вражда между их племенами. Белые умело использовали ее, натравливая одно племя на другое, привлекая на свою сторону одних индейцев против других разнообразными посулами, которые никогда потом не выполнялись. Частое явление в истории

борьбы индейцев с белыми завоевателями — предательство вождей, изменявших во имя личных выгод интересам своих народов. Майн Рид в своем романе не прошел мимо этой существенной черты. Вождь Оматла (Эматла), пытавшийся в угоду белым устроить переселение семинолов на бесплодные, дикие территории,— историческая фигура, а его участь — смерть от руки индейца-патриота — была частой участью подобных ему предателей.

Майн Рид правильно отмечает, что именно белые были инициаторами жестокостей, происходивших во время войн с индейцами: «Обычно думают, что североамериканские индейцы всегда пытают своих пленников. Это явное заблуждение! В большинстве достоверно засвидетельствованных случаев жестокость индейцев была ответом на какую-нибудь вопиющую несправедливость, ранее совершенную по отношению к ним... Жестокость индейцев почти всегда была только возмездием».

Действительно, беспощадная жестокость сопровождала все истребительные войны белых против индейцев. Белые вырезали поголовно целые племена, скальпировали пленных, сжигали их на кострах. Общее число индейцев на нынешней территории США, составлявшее около миллиона человек в момент открытия Америки, в настоящее время сократилось до 400 тысяч. 400 племен были истреблены до последнего человека.

Так поступали белые пришельцы с теми, кто первоначально в высшей степени дружески встретил прибывавших из-за океана и спас от голодной смерти первые поселения в Массачусетсе и Джемстауне. Индейцам обязаны белые такими ценными приобретениями, как картофель, кукуруза, помидоры, тыква (47 всей сельскохозяйственной продукции США составляют культуры растений, заимствованных у индейцев), каучук, лечение малярии хинином и употребление ряда других ценнейших лекарств (белые не прибавили в фармакопею ни одного растущего в Америке растения, лекарственное употребление которого не было бы уже известно индейцам).

Нам трудно представить сейчас мир без этих подарков индейцев человечеству. Трудно представить сейчас мир и без табака, впервые примененного для курения, лечения ран и других лечебных целей индейцами на родине табака — в Америке. Эти ценнейшие вклады индейцев в культуру революционизировали мировую пищевую, транспортную, текстильную, обувную, фармацевтическую и другие области индустрии и принесли вло-

следствии неисчислимые прибыли потомкам тех, кто беспощадно истреблял владельцев Американского материка. А теперь бесчеловечные пришельцы продолжали свое безостановочное наступление. Их лозунгами были: «Цивилизация, или смерть всем американским дикарям» (тост, провозглашенный на банкете американских военных в 1779 году), «Дикари должны уйти», или чудовищный призыв американского генерала Шеридана, «усмирявшего» индейцев: «Хорош только мертвый индеец».

Разумеется, и победителям эта кровавая эпопея стоила многих человеческих жизней и громадных денежных расходов. Подсчитав, подобно заправскому бухгалтеру, издержки войн с индейцами, президент США Грант в 1870 году вынужден был признаться: «Я думаю, что теперь всем совершенно очевидно, что даже хотя бы в целях экономии денег было бы выгоднее кормить каждого взрослого индейца до конца его дней, обучать их детей умению самостоятельно заниматься сельским хозяйством, чем вести общую войну со всеми индейцами, хотя бы в течение одного года».

Этот неутешительный баланс не повлек, однако, за собой изменения курса политики. Индейцев продолжали истреблять, сгонять с занятых ими земель, оттеснять все дальше и дальше, заключать в резервации — своего рода концентрационные лагеря смерти для индейцев.

Корень слова «резервация» означает «сохранять, сберегать». Однако это отнюдь не распространялось на здоровье и жизнь индейцев, сосредоточенных там. Недоедание, нищета, туберкулез, эпидемии брюшного тифа, кори, дифтерита уничтожают индейцев не менее беспощадно, чем кровопролитные войны, которые они вели веками. Из 4 детей, рождающихся в резервациях племени папаго в Аризоне, один умирает в первый же год жизни. Средняя продолжительность жизни индейцев составляет 17 лет. Так же обстоит дело с племенами навахо, сиу, хопи, юта и с другими находящимися в резервациях племенами. «Единственная удивительная вещь в этом, — замечает один исследователь, — заключается в том, что индейцы вообще еще существуют».

Роман Майн Рида посвящен одному из самых значительных и драматичных эпизодов многовековой борьбы индейцев за свою независимость и землю — второй семинольской войне, которую даже буржуазные американские историки считают «са-

мой черной главой в позорной летописи наших сношений с индейцами».

«Оцеола» — приключенчески-исторический роман, в котором рассказ об исторических событиях сплетается с увлекательной интригой, таинственными сюжетными загадками и их разъяснениями, волнующими приключениями героев. Внимание читателя привлечено не только к исходу неравной борьбы семинолов с американцами за свою независимость, но и к судьбам Джорджа Рэндольфа, своенравной Виргинии, жизнерадостного капитана Галлахера, к преступным махинациям злодеев романа — Аренса Рингольда и Желтого Джека. Историческая действительность отражена в романе не в виде последовательно излагаемой цепи исторических событий, а в ее наиболее значительных и эффективных эпизодах. Кое-где роман отступает от фактической, детальной достоверности, с которой ход военных действий изложен в специальных исторических трудах.

Но если подчас свободно изложены биографические сведения об Оцеоле, если некоторые исторические факты происходили иначе, чем рассказано в романе, то эта неточность отступает на задний план перед правильным освещением основных движущих сил семинольской эпопеи, верной характеристикой борющихся лагерей, пронизывающих книгу глубоким сочувствием автора к индейцам, которых захватчики изгоняют с их земли, осуждением насилия и несправедливости.

Майн Рид показывает, какими корыстными, низменными причинами был вызван нажим американцев, к каким вероломным средствам прибегали «рыцари легкой наживы» в их борьбе за лакомые куски земли, сколько благородства и героизма было в гибнувшем мире семинолов, покоряемых грубой силой. В лице Джорджа Рэндольфа он создаст образ честного и стойкого молодого американца, возмущенного алчностью и насилием наглых захватчиков — своих соотечественников.

В американской литературе издавна получили широкое распространение рассказы о людях, побывавших в плену у индейцев, об их похищении и пребывании в плену — так называемые «кэптивити» (от captivity — плен). Только за 1813—1873 годы вышло приблизительно сорок таких повествований о действительных или выдуманных похищениях. Со страниц громадного большинства этих книг вставал образ зверского, жестокого и мстительного индейца, убийцы, похитителя, предающего ог-

нию жилища мирных поселенцев, убивающего отцов, уводящего в плен матерей, разбивающего маленьким детям черепа о стены.

Наряду с «кэптивити» в американской литературе возник образ «ненавистника индейцев» (Indian hater) — человека, на долгом и горьком опыте общения с индейцами постигшего всю их бесконечную тупость, делающую их хуже диких зверей, и беспощадно им мстящего. Было написано немало романов, в которых «ненавистник индейцев» осуществляет свой кровавый обет, истребляя краснокожих.

Обе эти разновидности американской литературы охотно читались и сеяли среди американцев ненависть к индейцам и убеждение в оправданности и законности всех мер борьбы с ними.

В романе об Оцеоле Майн Рид противопоставил этим популярным тогда литературным жанрам правду об индейцах, горячую симпатию к гонимому и преследуемому благородному народу.

Во второй половине XVIII века часть индейского племени криков отделилась от своих одноплеменников и стала вести самостоятельное существование, переселившись из Джорджии во Флориду. Переселенцев стали называть «семинолы», то есть «беглецы» или «отступники».

Климат Флориды благодатен, а почва плодородна. Недаром этот штат является сейчас средоточением знаменитых американских курортов и культуры цитрусовых. Под жарким флоридским солнцем семинолы успешно занимались земледелием, в чем им оказывали большую помощь поселившиеся вместе с семинолами негры, считавшиеся их рабами, но, в сущности, бывшие их единоплеменниками. Изображение положения негров среди семинолов в романе Майн Рида очень близко к истине. Все историки сходятся на том, что неграм жилось у индейцев хорошо, совершенно несравнимо с ужасной, каторжной участью их соотечественников на плантациях США.

Негры имели свои хозяйства, нередко стада лошадей, коров и свиней; семинолов они научили многим полезным агрикультурным и техническим навыкам — мельничному, кузнечному делу и др. Часто негры вступали в браки с индианками или индейцами. По некоторым данным, одна из жен Оцеолы — героя романа Майн Рида — была негритянкой.

Взаимная поддержка и уважение отличали взаимоотношения семинолов и живших с ними негров. Неудивительно, что негры ни за что не хотели расставаться с семинолами и подвергаться истязаниям и изнурительному труду у плантаторов. Впоследствии, когда разразилась война с американскими захватчиками, негры оказались отважными и самоотверженными ее участниками.

Плодородные земли семинолов и негры были главной причиной семинольской войны.

Пока Флорида находилась под властью Испании, семинолы жили в относительной безопасности. Испанские власти не вмешивались в их внутренний быт и предоставляли семинолам жить по своим племенным обычаям

Обстановка стала меняться вскоре после того, как в 1819 году хозяевами Флориды стали США. Договор о покупке Флориды обязывал нового владельца территории уважать права индейцев и честно обращаться с ними. «Никто не может утверждать,— признает один американский исследователь, что США собирались выполнять это обещание».

Плантаторы США стремились завладеть землями семинолов и сделать своими рабами живших вместе с индейцами негров. Начались отвратительные махинации, описанные Майн Ридом в XVIII и XXII главах романа. Посевы семинолов вытаптывались, поселки сжигались, стада угонялись, негры уводились в рабство, люди убивались из-за угла. Вдобавок, продажные газеты возбуждали население против семинолов, с негодованием описывая различные вымышленные случаи их жестокости, преувеличивая и раздувая действительные факты самообороны и отпора с индейской стороны. Делалось все, чтобы жизнь семинолов стала невозможной и чтобы жители США считали их вредными, опасными, беспощадными соседями, с которыми нельзя жить спокойно рядом, а необходимо изгнать или уничтожить.

Семинолов сначала попытались поселить в специальном участке в центральной Флориде. Отводя его для жилья индейцам, правительственные чиновники заявляли, что там они будут в безопасности от вторжения белых. Говоря так, они были недалеки от истины, потому что это была бесплодная, болотистая, часто затопляемая, непригодная для обработки земля. Семинолы скоро обнаружили, что отведенный им участок больше всего

подходит для кладбища. У семинолов начался голод, и пришлось прирезать им участок с севера (одновременно отхватив от него порядочный кусок с другой стороны).

Но захватчики не собирались оставлять индейцев в покое. Президент США Джексон, бывший в свое время первым губернатором Флориды после покупки этого штата у Испании и питавший ненависть ко всем индейцам, в своем ежегодном послании конгрессу 6 декабря 1830 года писал: «Человечество часто оплакивало участь туземцев этой страны, и филантропия долго пыталась найти средство, чтобы предупредить ее, но ни на один миг не было остановлено движение вперед, и одно за другим много могущественных племен исчезло с лица земли. Проводить в могилу последнего из их расы... вызывает мрачные размышления. Но подлинная филантропия примиряется с этими превратностями, как примиряется она с угасанием одного поколения, освобождающего место для другого. Филантропия не может желать видеть этот континент возвращенным к условиям, в которых он находился при наших предках. Что предпочтет добрый муж: страну, покрытую лесами, по которой бродят немногие тысячи дикарей, или нашу обширную Республику, усеянную городами и процветающими фермами, украшенную всеми усовершенствованиями, которые техника может изобрести, а промышленность осуществить, населенную более чем двенадцатью миллионами счастливых жителей и насыщенную всеми благами свободы, цивилизации и религии?»

Джексон был в целом прогрессивным деятелем, инициатором ряда реформ в интересах мелких фермеров, ремесленников и рабочих. Современные ему американские реакционеры питали к нему лютую ненависть. Но даже такие видные деятели буржуазной демократии, как он, стремились достигнуть блага американского народа на костях американских индейцев, которых Джексон хотел изгнать с их земель и прогнать за Миссисипи, на специально отведенную для них территорию.

Семинолов, привыкших к жаркому солнцу Флориды и не имевших теплой одежды, ждал на Западе непривычный для них климат. Американцы пытались соблазнить их, обещав каждому по одеялу и рубашке, когда они прибудут на новые места. Негодование семинолов возбуждало и то, что их собирались поселить вместе с враждебными им племенами. Это неизбежно привело бы к ссоре и кровавым столкновениям. Было ясно, что переселе-

нис грозит семинолам исисчисляемыми невзгодами, бедами и гибелью.

На Запад была послана делегация из семинольских вождей, сопровождаемых правительственным агентом, чтобы убедиться в пригодности отведенных земель для жизни на них. О том, что произошло вслед за этим — согласии изменников на переселение, отказе семинолов выполнять предательский договор, коварных уловках американского председателя, — рассказано в романе Майн Рида с большой силой и выразительностью. Вызвавший глубокое впечатление эффектный патриотический жест Оцеолы, пронзившего своим ножом подпись предателя Оматлы, не выдумка писателя, а историческая деталь, засвидетельствованная очевидцами.

В 1835 году разразилась спровоцированная Соединенными Штатами война, в которой они рассчитывали легко сломить сопротивление семинолов. Надежды захватчиков не сбылись. Вместо триумфального марша по Флориде и быстрой расправы над беспомощными дикарями их ожидало семь лет упорной, кровопролитной войны в труднопроходимой, болотистой стране. Одно поражение следовало за другим. Семь американских генералов потерпели неудачу.

Вождем, выдвинутым семинолами в этой героической борьбе, был Оцеола — один из самых выдающихся деятелей на протяжении всей многовековой истории индейцев, великий патриот, организатор, полководец, образец индейского героического характера. К нему вполне применимы слова Ф. Энгельса об индейцах: «А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывает восхищение всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, чувством собственного достоинства, прямодушием, силой характера и храбростью этих варваров»[1]. Блестяще используя особенности местности, он, несмотря на троекратное численное превосходство войск Соединенных Штатов над всем семинольским народом, прекрасно организовал оборону, успешно отбивал все вражеские атаки, а сам нанес противнику ряд чувствительных ударов. Разгром отряда Дэйда, подробно описанный Майн Ридом, был сокрушительным поражением американских солдат, вошедшим в историю американской армии как одна из самых мрачных ее страниц.

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1953, стр. 99.

Убедившись в том, что победа ускользает из рук, американцы решились на коварный и подлый план. Чтобы обезглавить сопротивление семинолов, лишить их блестящего руководителя, американский генерал Джезуп пригласил Оцеолу для переговоров, обещав ему неприкосновенность, и, когда тот явился, приказал его схватить.

Это предательство вызвало возмущение всех честных людей в Америке и далеко за ее пределами. В одной газете писалось: «Никогда еще не было более позорного образца подлости, совершенного в культурной стране».

В следующем году Оцеола умер в тюрьме. Незадолго до его смерти американский художник Джордж Кэтлин, прославившийся своими изображениями быта индейцев и знаменитых индейских вождей, посетил Оцеолу и нарисовал его портрет. С полотна на нас глядит гордое и смелое лицо. Оцеола изображен в разноцветном тюрбане с тремя перьями и с винтовкой в руках.

Но и после гнусного пленения Оцеолы сопротивление семинолов продолжалось. Тот же Джезуп, ранее уверенно заявлявший, что война во Флориде, если правильно вести ее, может быть быстро завершена, теперь трубил отбой и писал в военное министерство, что игра не стоит свеч. Он советовал прекратить трату человеческих жизней и средств, отпустить и оставить семинолов в покое.

Однако правительство решило воевать до конца. Снова рекогносцировки, марши, атаки, преследования. Только в 1842 году удалось заставить семинолов покинуть Флориду и переселиться в Оклахому, где и сейчас находится большинство семинолов. Окруженные штыками солдат, не защищенные от холода, ставшие жертвами болезней, индейцы шли по этой «дороге слез» на свою новую родину. Но часть племени укрылась в труднодоступных, непроходимых дебрях Флориды и так и осталась там. Американские солдаты не смогли пробраться в их убежища и вынуждены были отступить. Потомки этих семинолов живут во Флориде до сих пор. Основной свой доход они получают, показывая посещающим Флориду богатым американским туристам «экзотику индейского быта». Поэтому, чтобы не лишиться заработка, они вынуждены не расставаться с бедными шалашами, истлевшими циновками, грязью и трахомой. Девяносто процентов их неграмотно, а половина детей не посещает школ.

За сто лет, прошедших с момента выхода в свет «Оцеолы», на разных языках появилось громадное количество приключенческих романов об индейцах. Многие из них в свое время имели большой успех у читателей, но сейчас забыты и остались жить только в каталогах библиотек и библиографических справочниках. Но «Оцеола», как и другие лучшие романы Майн Рида, сохраняет для нас прелесть и очарование. И сейчас нас увлекают романтические приключения его героев. И сейчас жива и свежа его главная тема — человечность, свободолюбие и справедливость. И мы убеждены, что молодых советских читателей этого романа, начинающего второе столетие своей жизни, будет волновать рассказ Майн Рида о благородном Оцеоле и о мужественной борьбе его народа за право свободно устроить свою жизнь.

А. Ю. Наркевич

ЛИФ С ЦЕЛЬНОКРОЕННЫМ КОРОТКИМ РУКАВОМ И НАГРУДНОЙ ВЫТАЧКОЙ ПО ПЛЕЧУ

Размер 48

Построение чертежа выкройки

Для построения чертежа выкройки лифа с цельнокроеным коротким рукавом и нагрудной вытачкой по плечу (рис. 253) необходимы следующие мерки:

длина талии (*Дт*)	38
ширина спинки (*Шс*)	18
полуокружность шеи (*ПОш*) . .	18
полуокружность груди (*ПОг*) . .	48
полуокружность талии (*ПОт*) . .	38
длина рукава (*Др*)	10

Мерку длины рукава снимаем от плечевой косточки до желаемой длины.

Рис. 253. Лиф с цельнокроеным коротким рукавом и нагрудной вытачкой по плечу.

Построение спинки

Вычерчиваем прямой угол с вершиной в точке *Р* (рис. 254).

Длина талии. От точки *Р* вниз откладываем снятую мерку длины талии (38 *см*) и ставим точку *Т*.

Глубина проймы. От точки *Р* вниз откладываем $^1/_3$ *ПОг* плюс 5 *см* и ставим точку *Г*:

$$РГ = 48 : 3 + 5 = 21 \text{ см}.$$

Из точек *Г* и *Т* влево проводим горизонтальные линии груди и талии.

Скос спинки. От точки *Т* влево откладываем 1,5 *см* (для всех размеров) и ставим точку $Т_1$, которую соединяем прямой с точкой *Р*. Точку пересечения с линией груди обозначаем точкой $Г_1$. Линия $РГ_1Т_1$ (середина спинки).

Ширина спинки. От точки $Г_1$ влево откладываем снятую мерку ширины спинки (18 *см*) плюс 0,5 *см* и ставим точку $Г_2$:

$$Г_1Г_2 = 18 + 0{,}5 = 18{,}5 \text{ см}.$$

ББК 83.3Р1
Б 43

Вступительная статья и примечания
К. И. ТЮПКИНА

Рецензент
доктор филологических наук
Н. К. ГЕЙ

Текст печатается по Собр. соч.
В. Г. Белинского, т. 6.
М., «Художественная литература», 1981

Оформление художника
Р. ВЕЙЛЕРТА

Белинский В. Г.

Б 43 Сочинения Александра Пушкина /Вступит. статья и примеч. К. Тюпкина.— М.: Худож. лит., 1985.— 560 с.

«Сочинения Александра Пушкина» — одна из центральных работ В. Г. Белинского. Она состоит из одиннадцати статей, в которых последовательно рассматривается все творчество великого поэта и его предшественников.

Б $\frac{4603010101\text{-}344}{028\ (01)\text{-}85}$ 218-84

ББК 83.3Р1
8Р1

© Вступительная статья и примечания: издательство «Художественная литература», 1985 г.

БЕЛИНСКИЙ О ПУШКИНЕ

Пушкин, Пушкин! И тебя видели мы... Неужели тебя?.. Великий, неужели безвременная смерть твоя непременно нужна была для того, чтобы мы разгадали, кто был ты?..

Слова, вынесенные в эпиграф, определяют тот сокровенный психологический[1] лейтмотив, которым проникнуты многочисленные суждения Белинского о Пушкине. Сколько бы раз ни обращался Белинский, уже после смерти поэта, к его образу, к его творчеству, всегда ощущается какая-то затаенная горечь, великая боль при мысли, что нет уже того, кто своей поэзией начал в России подлинно национальное великое искусство, чувствуется даже какая-то личная вина перед этой гениальной творческой личностью, перед этой страдальческой тенью, неразгаданной, непонятой при жизни... Ведь и сам Белинский этими словами, написанными в 1839 году, вынужден был признать, что и он, критик с высочайшей степенью «приемлемости изящного», не смог, не сумел в какой-то момент понять как должно величайшего национального поэта России! Наверное, мучило Белинского, что он позволил себе написать (в 1836 году!) строки, возможно прочитанные поэтом,— о том, что «на место, оставленное Пушкиным», становится теперь Гоголь — Гоголь, еще не обнародовавший тогда поэму «Мертвые души», хотя и автор действительно замечательных повестей. Конечно, критической проницательности Белинского делает великую честь его отношение к молодому Гоголю, но, наверное, как заставляла его страдать впоследствии несправедливость по отношению к Пушкину!

В то же время Белинский до конца дней своих был горд сознанием того, что Пушкин сочувственно отозвался о нем, тогда еще совсем молодом, напечатавшем лишь первые свои статьи — яркие, смелые, проницательные, но, конечно, в глазах мудрого поэта, еще очень незрелые. Понял Пушкин — своим гениальным умом и чуткими сердцем — и то, что молодой критик л ю б и т его[2]. «Я по

---

[1] Как в статье, так и далее в комментариях курсив принадлежит авторам цитируемых текстов, разрядка — моя.— *К. Т.*

[2] См.: А н н е н к о в П. В. Литературные воспоминания. М., Художественная литература, 1983, с. 125.

запишусь слишком высоко,— писал Белинский Гоголю в апреле 1842 года,— но, признаюсь — я не думаю о себе слишком мало; я слышал похвалы себе от умных людей — и что еще лестнее — имел счастие приобрести себе ожесточенных врагов; и все-таки больше всего этого меня радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастью, дошедших до меня из верных источников. И я чувствую, что это не мелкое самолюбие с моей стороны, а то, что я понимаю, что́ такое человек, как Пушкин, и что́ такое одобрение со стороны такого человека, как Пушкин».

Воспитавшийся, по его собственному свидетельству, на поэзии Державина, испытавший в молодости влияния романтиков, не сразу смог Белинский понять к р а с о т у и х у д о ж е с т в е н н о с т ь поэзии Пушкина, уловить тайну его художнической личности. Много раз останавливался критик перед «загадкой» Пушкина — необыкновенностью, исключительностью, недосягаемым величием его как человека и как поэта. «О Пушкине судить нелегко»,— признавался он в своей первой программной статье — «Литературных мечтаниях».

Концепция пушкинского творчества в «Литературных мечтаниях» — еще вполне р о м а н т и ч е с к а я. С восторгом пишет критик о Пушкине, «совершеннейшем выражении своего времени», о его «стихе гармоническом и звучном», «поэтической прелести выражения», а главное — о «чувстве глубоком и страдательном», которым дышат пушкинские создания, чувстве, которое одно есть источник жизни поэтического произведения, «жизни эстетической». Это чувство выстраданное, зародившееся в самых глубинах души поэта: ведь «н ы н е требуют стихов *выстраданных*, стихов, в коих бы слышались вопли души, исторгаемые неземными муками...». И именно такими своими выстраданными созданиями дал Пушкин, сын своего века, «мерило для всякой поэзии», установил критерии ее совершенства. Но он дал «мерило» и для литературной критики, для теории искусства, сумел — своей поэзией — показать *«современное* значение» эстетической науки, свободной от какого бы то ни было догматизма, *«современное* значение» критики как «движущейся эстетики».

Вслед за выдающимся критиком-романтиком Н. Полевым Белинский, в духе концепции романтизма как нового искусства — искусства XIX века, видит в Пушкине выражение именно с о в р е м е н н о г о мира, представителя современного человечества, трезво прибавляя, впрочем: «не мира русского, но человечества русского».

Однако, с молодой решительностью заключает Белинский в «Литературных мечтаниях», Пушкин изменил себе, 1830 годом кончился в русской литературе «пушкинский период», потому что

«кончился и сам Пушкин»: «Пушкин царствовал десять лет: «Борис Годунов» был последним великим его подвигом; в третьей части полного собрания его стихотворений (изданной в 1832 году) замерли звуки его гармонической лиры. Теперь мы не узнаем Пушкина: он умер или, может быть, только обмер на время. Может быть, его нет, а может быть, он и воскреснет; этот вопрос, это гамлетовское «быть или не быть» скрывается во мгле будущего. По крайней мере, судя по его сказкам, по его поэме «Анджело», (...) мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю. Где теперь эти звуки, в коих слышалось, бывало, то удалое разгулье, то сердечная тоска, где эти вспышки пламенного и глубокого чувства, потрясавшего сердце, сжимавшего и волновавшего груди, эти вспышки остроумия тонкого и язвительного, этой иронии, вместе злой и тоскливой, которые поражали ум своею игрою; где теперь эти картины жизни и природы, перед которыми была бледна жизнь и природа? Увы! Вместо их мы читаем теперь стихи с правильною цезурою, с богатыми и полубогатыми рифмами, с пиитическими вольностями...»

Не напоминают ли эти восторженные тирады о прежнем Пушкине — поэте выстраданного, пламенного чувства — другие знаменательные строки, написанные за два года до «Литературных мечтаний» Н. Полевым: «...того ли Пушкина видим мы в третьей части его Стихотворений, того ли поэта, которого полюбила публика наша и которым восхищалась она, читая первые две части стихов его? (...) Направление его, взгляд, самое одушевление — совершенно изменились. Это не прежний, задумчивый и грозный, сильный и пламенный выразитель дум и мечтаний своих ровесников: это нарядный, блестящий и умный светский человек, обладающий необыкновенным даром стихотворения» [1].

В следующей за «Литературными мечтаниями», тоже, можно сказать,— программной статье Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя», где названы Марлинский, В. Ф. Одоевский, Погодин (!), Н. Полевой, Павлов как авторы русских повестей, Пушкин же, незадолго до того напечатавший «Повести Белкина», даже не упомянут! И мы поймем причину этого, если прочтем отзыв Белинского о пушкинских повестях в особой рецензии, опубликованной несколько ранее статьи «О русской повести...». Лишь «Выстрел» (наверное, по причине романтического сюжета и романтического героя) показался суровому рецензенту достойным имени Пушкина. А ведь в рецензированном издании была напечатана и «Пиковая дама»!

---

[1] Полевой Н. Рецензия на 3-ю часть «Стихотворений Александра Пушкина»,— Московский телеграф, 1832, ч. XLIII, № 4, с. 570.

Высказывал все это, Белинский считал себя представителем уже нового, следующего за пушкинским поколения (о чем он и заявил в «Литературных мечтаниях»). И этот мотив — оценки Пушкина новым поколением, принципиального отличия суда потомков от суда современников — будет постоянным и в последующих «пушкиноведческих» суждениях Белинского, хотя суть и критерии оценки значительно изменятся.

Нетрудно себе представить, каким скорбным чувством должно было преисполниться сердце Пушкина, будто бы уже свершившего «круг своей художнической деятельности», когда он читал эти похвалы себе прежнему и неприятие себя нынешнего,— Пушкина, вступавшего на самом деле в самый зрелый, вершинный период своего творчества!.. Но Пушкин — мудрый и проницательный — уже в первых статьях Белинского увидел то, чего не сумели, а потом и не захотели увидеть и признать другие литераторы пушкинского поколения (например, П. А. Вяземский),— «талант, подающий большую надежду», как было сказано в напечатанной в «Современнике» за подписью А. Б. статье под названием «Письмо к издателю». «Если бы с независимостию мнений и остроумием своим,— замечал в этой статье Пушкин (а именно он был ее автором),— соединял он (Белинский) более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности,— словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного». Хотя Белинский не знал, что эти слова принадлежат Пушкину, кажется, вся его последующая жизнь, весь его путь непрерывного совершенствования определены напутствием великого поэта. И только потому, что Белинский сумел за немногие годы, отпущенные ему судьбой, действительно освоить и по-своему переработать огромные богатства мировой философской и художественной культуры, только это позволило ему в конце концов дать такую трактовку пушкинской поэзии, которая имеет значение и для нас — не столько конкретными толкованиями тех или иных произведений (некоторые из таких толкований нас сейчас не удовлетворяют), сколько самым принципом подхода, способом понимания, или, как принято говорить,— методом. Белинский помогает обрести путь, которым следует идти, чтобы сделать пушкинскую поэзию своим собственным, безусловно необходимым каждому достоянием, частью своего духа и своей души.

Много раз обещал Белинский своим читателям дать отчет о Пушкине в «особенной статье», но, по-видимому, чувствовал, что еще не готов к этому. В первой же статье пушкинского цикла он прямо назвал причину медлительности в выполнении своих обещаний: неопределенность, невыработанность «собственного нашего понятия о значении Пушкина». В течение почти десяти лет, с «Литературных мечтаний», шел Белинский к определению такого своего

«понятия», которое учитывало бы и «суд современников» и в то же время стало выражением, пусть и ограниченным, «суда потомства».

Возражая в 1839 году на суждения Н. Полевого о Державине, Жуковском и Пушкине, Белинский усмотрел главный порок этих суждений в том, что они — «не больше, как *личные* мнения человека, основанные на личном его чувстве, а не определения, основанные на самом предмете исследования через постижение и развитие выраженной им мысли». Таким великим «предметом» и явилось для Белинского творчество Пушкина. Постигнуть и развить выраженную Пушкиным-художником мысль, определить истинный пафос его художественной личности и его поэзии — вот задача, решить которую вознамерился Белинский.

Пушкин — «воспитатель будущих поколений», художник вековечный — вот что становится для Белинского — автора пушкинского цикла — э с т е т и ч е с к и м лейтмотивом, эстетической доминантой его суждений о Пушкине. Но одновременно это и с о ц и а л ь н о-и с т о р и ч е с к а я доминанта. «Пушкин был призван быть п е р в ы м поэтом-художником на Руси,— сказано в пятой статье пушкинского цикла,— и дать ей поэзию как искусство, как художество, а не только как прекрасный язык чувства». Руководствуясь, по его же словам, «исторической и социальной точкой зрения», Белинский уже может теперь объяснить, что́ и о позволило Пушкину сыграть не только в русской литературе, но и в истории русского общества непреходящую, единственную и своем роде национально историческую роль первого поэта-художника. Всемирная политическая значимость России, которую она доказала победой над Наполеоном, должна неизмеримо обогатиться всемирной ее значимостью, духовной и нравственной. Залогом и предсказанием такой всемирно-исторической значимости России была для Белинского поэзия-художество Пушкина.

Исторической и социальной точкой зрения объясняет Белинский и некоторые особенности «сословного» мировосприятия Пушкина, которые принадлежат прошлому, тому периоду в истории русской литературы, который уже изжит самой литературой, и не в последнюю очередь при посредстве самого Пушкина. Проецируя эти рассуждения Белинского на него самого, мы видим и непреходящую ценность его «пушкиноведческой» концепции, и определенную историческую ограниченность ряда его суждений. И то и другое действительно обусловлено его принадлежностью к новому поколению, иному по своей идейной и социальной природе, нежели пушкинское. Но ведь и сам Белинский понимал, что окончательного слова о Пушкине сказано быть не может, что каждому новому поколению предстоит открывать в Пушкине все новые содержательные глубины; ведь, как сказано в пушкинских статьях, «чем выше явление, тем оно жизненнее, а чем жизненнее явление, тем более за-

висит его сознание от движения и развития самой жизни». Творчество Пушкина принадлежит к таким достижениям художественного гения, которые каждая новая эпоха осознает глубже и полнее, чем все предыдущие.

Белинский любил цитировать строки из «Евгения Онегина»:

...на жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут,
Другие им вослед идут...

Глубоко усвоив эту пушкинскую мысль о неизбежной и необходимой смене поколений, Белинский-критик открывал своим историко-литературным и эстетическим анализом пушкинской поэзии огромную перспективу, ведущую от Пушкина к Лермонтову и Гоголю, а затем — и к Достоевскому и Некрасову. Выяснялась при этом и еще одна важнейшая истина: тот, кто не понял Пушкина, не поймет и Гоголя и Лермонтова; но и тот, кто не сумел сделать следующий шаг — понять Гоголя и Лермонтова, понять натуральную школу,— тот никогда не уразумеет себе истинный смысл «явления» Пушкина. Пушкин оказывался предшественником и учителем Гоголя, а Гоголь — той вершиной, поднявшись на которую только и можно увидеть подлинную природу пушкинского гения.

Замечательным завоеванием мысли Белинского к началу сороковых годов — и его литературно-критической практики, и теоретических исканий — явилось учение о художественности.

Проблема художественности как особого качества литературного произведения, делающего его произведением искусства, присутствовала уже в «Литературных мечтаниях» в самом определении литературы как «собрания словесно-художественных произведений». Вскоре — в статьях «О русской повести и повестях г. Гоголя», о «Стихотворениях Владимира Бенедиктова», «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» — появляется и самый термин «художественность», обозначающий основную категорию эстетики и литературной критики Белинского и потому последовательно используемый им в суждениях и оценках.

В последней из названных статей формулируется тезис: «Художественность есть творчество». Именно творческий процесс, как «поэтическое откровение», его глубокий, сокровенный смысл, его стадии и формы, именно художник, «эта дивная загадка», художник — гений-творец более всего занимают в это время Белинского, напряженно ищущего путь к тайнам художественности, к загадкам рождения и бытия произведений искусства и в этих поис-

ках решительн
Сфера творчест
тельности — сф
новения» и «св

Это, однако,
тическом смысле
ничена жизнью.
ский знаменитый
критическом поп
1834—1835 годов
целостную эстет
жизни, поэзии
щей поэзии наше
растает» множест
ла», «совершенная
ское воспроизведе
Белинского к тео
реалистического т
когда не употребл

Философская
чественном своеобр
когда, следуя при
эстетикой (наиболе
он определяет ху
(идеи) и формы (яв

В художествен
уравновешена с фор
ность» и «слились
только», слились «к
ция идеи в образе,
ляется итогом, резу
в своем основном со
ки к сфере рациона
знания, а не чистого
мышлением, правда,
лением в образах (см
нии сочинений Д. Н.
госкина). Мышлени
цесс подчинено объе
результат такого про
тивен.

Свою трактовку
это время, опираясь
лепных один от друго
спира, Гете и, конечно

ках решительно отвергающего всякий эстетический догматизм. Сфера творчества для Белинского первых лет его критической деятельности — сфера бессознательного, эмоционального, сфера «вдохновения» и «свободы».

Это, однако, не безграничная свобода в субъективистски-романтическом смысле. Она, эта свобода, если можно так сказать, ограничена жизнью. «Где жизнь — там и поэзия»,— повторяет Белинский знаменитый тезис своего предшественника на литературно-критическом поприще — Н. И. Надеждина, развертывая в статьях 1834—1835 годов, и прежде всего в статье о Гоголе, этот тезис в целостную эстетическую концепцию реальной поэзии — «поэзии жизни, поэзии действительности, наконец — истинной и настоящей поэзии нашего времени». Так понятие художественности «обрастает» множеством конкретных определений («простота вымысла», «совершенная истина жизни», открывающаяся через поэтическое воспроизведение «прозы жизни» и т. д.). Так начинается путь Белинского к теоретическому обоснованию и постоянной защите реалистического творчества, хотя самого термина реализм он никогда не употреблял.

Философская трактовка категории художественности в ее качественном своеобразии была дана Белинским в 1838—1839 годы, когда, следуя принципу, разработанному классической немецкой эстетикой (наиболее полно, глубоко и последовательно Гегелем), он определяет художественность через отношения содержания (идеи) и формы (явления).

В художественном образе, по мысли Белинского,— идея так уравновешена с формой, что и идея и форма потеряли «свою особность» и «слились в неразрывном тождестве уже, а не единстве только», слились «как душа с телом». Художественность (реализация идеи в образе, «конкреция» — слияние идеи с образом) является итогом, результатом особого творческого процесса, который в своем основном содержании относится уже в значительной степени к сфере рациональной, а не только эмоциональной, к сфере сознания, а не чистого вдохновения. Потому этот процесс и называется мышлением, правда, в отличие от мышления философского,— мышлением в образах (см., например, статью 1838 года о Полном собрании сочинений Д. И. Фонвизина и «Юрии Милославском» М. Н. Загоскина). Мышление в образах (или образами) как творческий процесс подчинено объективным законам, художественный образ как результат такого процесса обладает особым качеством — он объективен.

Свою трактовку художественности Белинский обосновывает в это время, опираясь на творчество «исполинов искусства», отделенных один от другого «тысячелетиями и веками»,— Гомера, Шекспира, Гете и, конечно, Пушкина. Почти фанатически, со всей свой-

ственной ему бескомпромиссной последовательностью отграничивает Белинский гениальные — всемирные — творения, наделенные этим высоким, недоступным простым талантам, качеством художественности — от произведений «поэзии» и «литературы»...

Когда, после смерти Пушкина, в «Современнике», в издании «Сто русских литераторов» стали публиковаться все новые и новые его сочинения — «Медный всадник» и «Русалка», «Сцены из рыцарских времен» и «Египетские ночи», «Каменный гость» и главы из «Арапа Петра Великого»,— Белинскому открылся совершенно новый этап «высшей, просветленной художнической деятельности Пушкина». Во всех этих произведениях видит Белинский безусловное подтверждение своей теории художественного творчества, своего учения о художественности. Из этих пушкинских произведений извлекает он примеры «художественной формы, вполне обнявшей бесконечную идею, положенную в ее основание» (характеристика «Каменного гостя» в рецензии на издание «Сто русских литераторов» — 1839), высокие образцы художественной образности, чуждой какой-либо рефлексии и дисгармонии. «Шекспир — поэт действительности, а не идеальности. Пушкин тоже»,— пишет в 1840 году Белинский в рецензии на «Пантеон русского и всех европейских театров». В их великих созданиях «идея органически связана с формою», идея «сквозит через форму, как луч солнечный через граненый хрусталь», а не «виднеется через трещины и щели формы». Можно сказать, что в этом и других подобных многочисленных суждениях Белинского «под видом» собственно художественной формы выступала в действительности реалистическая форма художественного мышления. Зарождающаяся же теория реализма была поначалу учением о художественности.

Однако когда в письме к Н. В. Станкевичу от 8 октября 1839 года Белинский говорит: «Я был помешан на идее объективности»,— ощущается уже некоторая его неудовлетворенность этой идеей, которую он также называет «исключительной художественной точкой зрения». Эта неудовлетворенность чем далее, тем более усиливается. Белинский приходит к мысли, что «художественностью» область искусства не исчерпывается, что художественность лишь одно из эстетических качеств, хотя и важнейшее (высшее), но существующее тем не менее наряду с другими. Редки те счастливые условия, которые рождают художественную поэзию, поэзию как искусство. В таких условиях расцвело искусство античной Греции, неповторимое и вечно прекрасное — «норма и первообраз всякого искусства». Но ведь искусство иных эпох, ориентируясь на эту норму, не может и, более того, не должно ее повторять. И если в новом мире возможно явление «поэзии как искусства», то каковы условия, создающие такую поэзию, и в чем ее отличие от античного «первообраза»?

Ответ на этот вопрос дает Белинский в цикле статей о «Сочинениях Александра Пушкина», писавшихся уже на новом этапе творческого его развития, в 1843—1846 годы.

«Так все готово было к явлению Пушкина...» — заключает Белинский в статье третьей пушкинского цикла разбор одного из стихотворений Батюшкова, имея в виду то звено в цепи исторического движения русской поэзии, которое непосредственно предшествовало звену следующему — качественно отличному — поэзии Пушкина. Все пути русской поэзии, по мысли Белинского, вели к Пушкину, предвещали Пушкина, объясняли его явление. В первых трех из пушкинских статей эта мысль развернута в систематическую историю русской поэзии. Мы почти осязаем это «накопление» элементов, из которых затем синтезируется поэзия-художество Пушкина. «Что Жуковский сделал для содержания русской поэзии,— пишет Белинский,— то Батюшков сделал для ее формы: первый вдохнул в нее душу живу, второй дал ей красоту идеальной формы». Кажется, что Пушкину и оставалось только воссоединить душу живу с идеальной формой, создать тем самым п о э з и ю - х у д о ж е с т в о. Белинский, однако, прекрасно понимает, что такое воссоединение есть вместе с тем п р е о б р а ж е н и е. «Муза Пушкина,— пишет он,— была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов. Скажем более: она приняла их в себя, как свое законное достояние, и возвратила их миру в новом, преображенном виде». Вся суть и состоит в этом преображении, его понимании и объяснении.

Когда Белинский говорит о художественности как пафосе поэзии Пушкина, он характеризует отнюдь не только форму пушкинской поэзии, как иногда думают («идеальная» художественная форма доступна и Батюшкову), но именно то содержание, которое было открыто и найдено Пушкиным и никем до него, стало доступным русской поэзии только благодаря Пушкину.

Для характеристики этого содержания Белинский вводит понятие «поэтической действительности». «Чтоб поэтически воспроизвести действительность,— сказано в четвертой из пушкинских статей,— мало одного природного таланта: нужно еще, чтоб под рукою поэта была поэтическая действительность». Понятие поэтической действительности далее уточняется: «Неувядаемость поэзии каждой эпохи зависит от идеальной значительности этой эпохи, от глубины и общности идеи, выраженной ее исторической жизнию».

Пушкин — «полный выразитель своей эпохи» — «явился именно в то время, когда только что сделалось возможным явление на Руси поэзии как искусства». Это значит, что сама пушкинская эпоха была исполнена поэтического содержания, и поэзия Пушкина явилась выражением такого содержания, выражением идеальной значительности пушкинской эпохи. Если русская поэзия до Пуш-

кина была «отголоском, выражением младенчества русского общества», то поэзия Пушкина выразила зрелость этого общества.

В чем же заключается идеальная значительность исторической жизни России пушкинской эпохи, в чем — зрелость русского общества, «отголоском», «эхом» которой стала поэзия-художество Пушкина?

По мысли Белинского, поворот русского общества к зрелости был обусловлен национальным подъемом, вызванным Отечественной войной 1812 года. «Двенадцатый год был великою эпохою в жизни России. По своим следствиям он был величайшим событием в истории России после царствования Петра Великого. Напряженная борьба насмерть с Наполеоном пробудила дремавшие силы России и заставила ее увидеть в себе силы и средства, которых она дотоле в себе не подозревала». Зная, какое исключительное значение придавал Белинский «идее, выраженной исторической жизнью» России петровского времени, мы можем по достоинству оценить и его суждение о двенадцатом годе. И царствование Петра Великого, и двенадцатый год, по мысли Белинского, были величайшими событиями по своим национально-историческим последствиям. Одним из таких последствий стало для России явление Пушкина. Русский народ «в ответ на царский приказ образоваться (подразумеваются петровские реформы) ответил через сто лет громадным явлением Пушкина»,— писал позднее Герцен[1], и Белинский, конечно, с ним согласился бы. Пробуждение общественного самосознания как самосознания национального и народного — вот в чем прежде всего заключается «идеальная значительность» эпохи десятых — двадцатых годов.

Понятно, что на первом плане анализа пробуждающегося общественного самосознания стоит у Белинского русская литература. Именно в литературе общественное самосознание может найти наиболее соответствующее выражение. С другой же стороны, и это тоже важный показатель «пробуждения» литературы, поэзия уже осознается обществом «не как что-то внешнее, но в ее внутренней сущности», как «одна из абсолютных сторон духа человеческого».

В истории русской литературы Белинский выделяет особую главу — конец десятых — начало двадцатых годов. Самым значительным литературным явлением этого времени было, конечно, творчество Пушкина — его лицейские и послелицейские стихотворения и первые, юношеские поэмы. Исключительно важное значение литературы этого рубежа десятых — двадцатых годов Белинский усматривал не столько в положительных художественных достижениях, сколько в разрыве с схоластической, ложной «идеей

[1] Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 6, М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 322.

поэзии» — той самой, что была «пересажена» при начале новой русской литературы из Европы. Но на рубеже XIX века Европа пережила свое «возрождение» (речь, конечно, идет о послереволюционной Европе), которое в области литературы означало осознание «идеи поэзии» уже в ином смысле — как свободного творчества, а не подражания, не следования образцам, пусть и высоким. Это тоже была своего рода революция — литературная. «Россия не знала возродившейся Европы до славной для себя эпохи 1814 года,— пишет Белинский в первой пушкинской статье,— и результаты этого нового знакомства обнаружились в ее литературе только со времени появления Пушкина и начала войны романтизма с классицизмом». Белинский особо не выделяет декабристский романтизм. Однако он называет журнал «Сын отечества», который в преддекабристскую эпоху был теснейшим образом связан именно с этой ветвью русского романтизма, а также альманахи двадцатых годов, безусловно помня о декабристской «Полярной звезде» и близкой к декабризму «Мнемозине». И, конечно, истинным и полным выразителем романтизма, если понимать его в освобождающем — революционном — смысле, был для Белинского молодой Пушкин. И первым его произведением, в котором он осмелился «идти собственным путем»,— была поэма «Руслан и Людмила». Литературно-историческое значение «Руслана и Людмилы» в том и состояло, что она «послужила поводом к началу так называемой войны классицизма (мертвой подражательности утвержденным формам) с романтизмом (стремлением к свободе и оригинальности форм)». И это ее литературно-историческое значение важнее значения собственно художественного, ибо раннее пушкинское творчество еще не было поэзией-художеством,— оно было пушкинским лишь по свободному восприятию и претворению новой «идеи поэзии» и созданию новых — оригинальных — форм поэтического творчества. Это достоинство великое, но достоинство, так сказать, условное, лишь открывающее путь к положительным достижениям, иначе говоря — к открытию художественности.

Хотя в следующих затем южных поэмах («Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан») Пушкин, по словам Белинского, «явился вполне самим собою», эта самостоятельность еще во многом сходна с самостоятельностью «Руслана и Людмилы». Здесь еще нет художественной зрелости, нет поэзии-художества. Если воспользоваться известными терминами Гёте из статьи «Простое подражание, манера, стиль», в трех первых пушкинских поэмах налицо оригинальная м а н е р а, но еще нет подлинного пушкинского с т и л я. Незрелость манеры проявляется в попытке Пушкина представить в образе героя поэмы преходящее, временное, субъективное «состояние своего духа» — такое состояние, которое вообще было характерно для «героя времени» и пленником которого в какой-то момент

был сам поэт. Но именно потому Пушкин, по мысли Белинского, не смог это состояние «объектировать», а ведь именно в «объектировании» — суть художественности, суть поэзии-художества. И вообще байроновское поэтическое воплощение своего собственного субъективного духа противоречило художественной личности, а потому и стилю Пушкина [1].

Белинский, конечно, видел источник пушкинской поэмы как жанра в поэме байроновской, когда заметил: «Поэма рисует идеальную действительность и схватывает жизнь в ее высших моментах. Таковы поэмы Байрона и, порожденные ими, поэмы Пушкина». Однако концепция Белинского требовала уяснения собственной природы пушкинского стиля, резко отличной от природы байронизма. Поэтому так внимательно следит он в своих пушкинских статьях «за постепенным освобождением природного гения в Пушкине» [2], так тщательно наблюдает, не только в поэмах, но и в стихотворениях лицейской и послелицейской поры,— движение Пушкина от поэтического выражения субъективного сиюминутного состояния духа к поэзии действительности, от романтического пафоса вольности — к спокойному пафосу социально и духовно раскрепощающей «пазяцной человечности», от «необыкновенно богатой поэзии выражения» — к «объективному созерцанию явлений жизни», к художественности, в конечном счете — к реализму.

«Поворотным кругом уже созревшего таланта Пушкина на путь истинно художнической деятельности» считает Белинский поэму «Цыганы». Он рассматривает ее как переходную, открывающую «середнюю эпоху» поэтического развития Пушкина. И хотя эта «середняя эпоха» еще не несет полного и окончательного торжества художественности в поэзии Пушкина, она знаменует тот поворот, когда внутренняя логика, «разумность глубокого поэтического созерцания» уже побеждает «неправильность рефлексий поэта». Такое различение разумности поэтического созерцания и неправильности рефлексий вытекало из понимания Белинским того, что называл он «миросозерцанием» Пушкина.

Проблема пушкинского миросозерцания была поставлена Белинским в конце тридцатых годов и неоднократно обсуждалась им, в частности, в письмах 1839 и 1840 годов. Так, в письме к В. П. Боткину от 1 марта 1840 года Белинский утверждал: «...надо радо-

[1] Об этом сам Пушкин сказал очень точно: «Характер Пленина неудачен; доказывает это, что я не гожусь в герои романтического стихотворения». Ср. также его суждение о трагедиях Байрона: «Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвратился от них и погрузился в самого себя. Он представил нам призрак себя самого. Он создал себя вторично» и т. д. См.: Пушкин А. С. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 9, с. 52; т. 6, с. 242.

[2] Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873, с. 96.

ваться, что ядовитое дыхание рефлексии (ядовитое для поэзии) не коснулось Пушкина и тем не отняло у человечества великого художника. Я понимаю цену, значение и необходимость рефлектированной поэзии — я сам без ума от символического «Прометея» Гёте, но, во-первых, я настаиваю на том, что когда говорится об истинной (непосредственной) поэзии,— о рефлектированной можно и помолчать; а во-вторых — я вижу нравственную идею только в нерукотворных, явленных образах, которые одни есть *абсолютная* действительность, а не те, где хитрила человеческая мудрость». Белинский полемизирует с Боткиным, полагавшим, «будто бы недостаток образования и рефлексии, сохранив полноту и природную целомудренность гения Пушкина, сжал его миросозерцание и лишил обилия нравственных идей» (письмо к М. А. Бакунину от 26 февраля 1840 года). «Миросозерцание Пушкина,— разъясняет далее Белинский,— трепещет в каждом стихе, в каждом стихе слышно рыдание мирового страдания, а обилие нравственных идей у него бесконечно...» И это «обилие идей» надо искать в «нерукотворных, явленных образах», а отнюдь не в отвлеченных «рефлексиях» (письмо к Н. В. Станкевичу от 29 сентября 1839 года; речь в письме идет о «Цыганах»).

В принципе трактовка миросозерцания Пушкина в статье пятой пушкинского цикла не отличается от той, что была дана в цитированных выше письмах. Разница, однако ж, есть, и она проистекает из иного представления Белинского о роли «рефлексии» (страстной и вместе с тем глубоко осознанной мысли) в той поэзии, которая соответствует духу времени, насущным общественным потребностям. «Рефлектированная» (в этом смысле) поэзия Лермонтова представляется Белинскому более отвечающей духу современности, чем художественная, обильная нравственными идеями, но созерцательная поэзия Пушкина. Ведь время созерцания прошло, наступило время анализа, критики, «страстного и полного вражды и любви мышления». Белинский очень чуток к глубинам пушкинского поэтического миросозерцания — *созерцания мира*, всесторонне и, можно сказать, бережно раскрывает его особое отношение к человеку и миру, его богатейшую содержательность, которая и делает великого поэта «воспитателем будущих поколений». Однако в ряде случаев он не соглашается с пушкинскими «рефлексиями», считая их «неправильными» по существу и противоречащими самому предназначению Пушкина-художника (таково, например, толкование «Моей родословной» — см. об этом далее, в комментариях к статье одиннадцатой). Ранее полагавший, что «ядовитое дыхание рефлексии не коснулось» Пушкина, в своих пушкинских статьях Белинский объясняет противоречия в художественных концепциях гениального художника именно «ядовитым дыханием» тех его общественно-политических и эстетических «рефлексий», которые были

неприемлемы для критика-демократа. Как художник, «разумностью глубоких поэтических созерцаний», Пушкин, по мнению Белинского, сумел преодолеть и обогнать свое время, стать «воспитателем будущих поколений», но как мыслитель он, связанный литературными преданиями и «сословными» предрассудками, от движения времени иногда отставал. И в том и в другом случае Пушкин, гениальнейший «продукт» и орган своей эпохи, вступал с нею в непримиримый и трагический конфликт.

Говоря об охлаждении читающей публики и критики к Пушкину, уже вполне овладевшему своим «стилем»,— Пушкину-художнику, анализируя суждения критиков пушкинской эпохи, Белинский, в сущности, лишает современное Пушкину поколение права судить его, хотя и считает необходимым понять «суд современников» и в какой-то степени оправдать его. Но теперь, в середине сороковых годов, для Пушкина уже настает потомство — в том смысле, что приходит время беспристрастной оценки пушкинского творчества его «истинными судьями» — «будущими поколениями». То, что не в состоянии были увидеть современники Пушкина, видит уже «новое поколение, развившееся на почве новой общественности».

В связи с «Цыганами» Белинский высказывает и еще одну мысль, существенную в его представлении о Пушкине. В «Цыганах», по его мнению, уже вполне определилось движение к высшим художественным достижениям, которое вело Пушкина от байронической поэмы, «схватывающей жизнь в ее высших моментах», к роману и повести, «изображающим жизнь во всей ее прозаической действительности независимо от того, стихами или прозою они пишутся»,— к «Евгению Онегину» и «Графу Нулину».

Незадолго до того как Белинский приступил к публикации пушкинского цикла, он был до глубины души потрясен величайшим созданием Гоголя, романом-поэмой — «Мертвые души» — поэмой о современной России, о русском обществе, уклонившемся «от прямой дороги» (слова из статьи Гоголя «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»). Белинский буквально трепетал от восторга: возлагаемые им на Гоголя надежды оправдались. И не только объективную эпическую картину русской жизни увидел Белинский в «Мертвых душах», но и картину выстраданную, проникнутую субъективностью — не той субъективностью, которая, «по своей ограниченности или односторонности, искажает объективную действительность изображаемых поэтом предметов», а «той глубокой, всеобъемлющей и гуманной субъективностью», «которая в художнике обнаруживает человека с горячим сердцем, симпатичною душою и духовно-личною самостию» (первая же статья Белинского о «Мертвых душах», написанная вскоре по выходе в свет «поэмы» Гоголя, в июне 1842 года),

Есть высокий смысл в том, что к итоговому рассмотрению поэзии Пушкина Белинский обратился после того, как глубоко всмотрелся, так сказать вчувствовался, в художественную специфику «Мертвых душ», проникся сознанием особой «самости» гоголевского творчества, его поэтической природы. И говоря теперь о художественности пушкинской поэзии, он ни в коем случае не сводит эту художественность к объективности (хотя и этот критерий безусловно сохраняет для Белинского свое значение). Пушкин — художник, но не только потому, что он поэт *действительности*, а и потому, что он — *поэт* действительности. Для того чтобы понять пафос поэзии Пушкина, Белинскому необходимо раскрыть тайну пушкинской поэтической личности. Пушкинский роман в стихах для него — «энциклопедия русской жизни» также и потому, что он «есть самое задушевное произведение Пушкина, самое любимое дитя его фантазии, и можно указать слишком на немногие творения, в которых личность поэта отразилась бы с такою полнотою, светло и ясно, как отразилась в «Онегине» личность Пушкина. Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здесь его чувства, понятия, идеалы».

При этом Белинский, приветствуя поэтическое освоение Пушкиным прозаической действительности в его стихотворных произведениях, не вполне принимал его прозу как форму освоения той же «прозы жизни», ибо, наверное, по-прежнему не чувствовал в Пушкине-прозаике «человека с горячим сердцем», с «духовно-личною самостию». Если Пушкин, по мысли Белинского, поэтически осваивает «прозу жизни» в стихотворных формах, то это же делает Гоголь в формах прозаических. В творческом развитии Пушкина Белинский стремится уловить ту тенденцию, которая вела русскую литературу к Гоголю и натуральной школе. (В последней, одиннадцатой статье он прямо скажет, что натуральная школа, то есть реализм в нашем сегодняшнем понимании, «пошла» от Пушкина-поэта и Гоголя-прозаика.) Суть, содержание этой тенденции — все большее углубление поэтического воспроизведения «прозы жизни».

Огромный мир живой русской действительности, утверждает Белинский, воспроизведен Пушкиным и освещен его поэтической субъективностью не в прозаических повестях, а в главном его создании — романе в стихах «Евгений Онегин». Усматривая в «Онегине» поэтически верную действительности картину русского общества в известную эпоху, то есть именно в ту эпоху, которая своим идеальным содержанием и создала поэзию-художество, Белинский характеризует как русское общество этой «известной эпохи», так и его историю, начавшуюся с петровских реформ. Социально-исторический принцип позволяет ему выделить в истории послепетровской России роль сословия (или класса), приобретающего все больший

исторический вес на рубеже XVIII—XIX веков. Белинский называет это сословие «средним дворянством» (в отличие от «высшего дворянства», первенствовавшего при Екатерине II). Именно в «среднем дворянстве», полагает Белинский, «почти исключительно выразился прогресс русского общества», именно оно явилось средой, питавшей «пробуждение общественного самосознания». Это «пробуждение», в итоге Отечественной войны 1812 года, хотя средоточием его и явилось «среднее дворянство», по своему содержанию и значению было явлением общенациональным, таким этапом в истории русского самосознания, которое открывало путь к народу.

Наиболее последовательной, самой крайней и решительной формой пробуждения общественного самосознания была, конечно, дворянская революционность — декабризм. Возможно, Белинский согласился бы с Герценом, прямым наследником дворянских революционеров, писавшим два десятилетия спустя в статье «Еще раз Базаров»: «Брать Онегина за *положительный* тип умственной жизни двадцатых годов, за интеграл всех стремлений и деятельностей проснувшегося слоя — совершенно ошибочно, хотя он и представляет одну из сторон тогдашней жизни.

Тип того времени(...)— это *декабрист*, а не Онегин. Русская литература не могла до него касаться целые сорок лет, но он от этого не стал меньшим» [1]. Но тот же Герцен ранее, в «Развитии революционных идей в России», особо подчеркнул национальный характер образа Онегина именно потому, что он постоянно встречается «во всех романах и поэмах, которые получают какое-либо признание в России, и не потому, что хотели копировать его, а потому, что его постоянно находишь возле себя или в себе самом» [2]. Белинского и интересует процесс пробуждения общественного сознания в тех, кого «постоянно находишь возле себя или в себе самом», иначе говоря — в разнообразных и потому, может быть, не менее показательных и наглядных проявлениях, захвативших самую широкую сферу культуры, нравственности, быта и т. д. Под таким углом зрения Белинский и анализирует «внутреннюю жизнь» русского дворянства, представленную Пушкиным в «Евгении Онегине» преимущественно в трех центральных характерах романа. Представлена она, конечно, и самим образом автора.

Пушкин сам принадлежал к дворянскому «сословию» «известной эпохи» — той эпохи, когда оно пережило действительно вершинный в своей истории и культуре духовный взлет общенационального значения. И в романе в стихах в первую очередь, но, разумеется, не только в нем — в целом во всем высоком пафосе своего творчества Пушкин отразил «стремления к деятельности просну-

---

[1] Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 20, с. 341.
[2] Там же, т. 7, с. 204.

тегося слоя», пережитые Россией в десятые — двадцатые годы XIX столетия. Идеально-поэтическое отношение к этому «пробуждающемуся», возрождающемуся к духовной жизни миру — содержательная суть пафоса пушкинской художественности. Но именно потому, что пушкинская поэзия явилась как «поэзия-художество» — с ее общечеловеческим и общенациональным содержанием, Белинский и предрекал ей роль воспитательницы будущих поколений.

Жизнь развивалась, новые социальные силы определяли ее стремительное движение, вовлекались в это движение, и новые поэтические гении становились «полными выразителями» новой исторической эпохи. «Вся насквозь проникнутая гуманностию,— пишет Белинский,— муза Пушкина умеет глубоко страдать от диссонансов и противоречий жизни, но она смотрит на них с каким-то самоотрицанием (resignatio), как бы признавая их роковую неизбежность и не неся в своей душе идеала лучшей действительности и веры в возможность его осуществления». Несомненно, что речь идет о социальном — социалистическом — идеале. Другая поэзия идет вслед пушкинской: поэзия страстной мысли (Лермонтов), поэзия социальной критики (Гоголь).

Перед Белинским возникает проблема «новой художественности». Однако эта проблема и ее решение Белинским — за пределами пушкинских статей.

К. Тюнькин

ПРИМЕЧАНИЯ

Цикл статей Белинского о Пушкине был опубликован без подписи в журнале «Отечественные записки» в отд. V «Критика» в 1843 (т. XXVIII, № 6; т. XXX, № 9 и 10; т. XXXI, № 12), 1844 (т. XXXII, № 2; т. XXXIII, № 3; т. XXXIV, № 5; т. XXXVII, № 12), 1845 (т. XXXIX, № 3; т. XLIII, № 11) и 1846 гг. (т. XLVIII, № 10).

В тексте примечаний приняты следующие сокращения:

Белинский — Белинский В. Г. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 1—9. М., Художественная литература, 1976—1982.

ВЕ — Вестник Европы.

Вяземский — Вяземский П. А. Соч. в 2-х томах, т. 2. М., Художественная литература, 1982.

Литературная критика — Литературная критика 1800—1820-х годов. М., Художественная литература, 1980.

МТ — Московский телеграф.

Пушкин — Пушкин А. С. Собр. соч. в 10-ти томах. М., Художественная литература, 1974—1978.

Сочинения — Сочинения Александра Пушкина, т. 1—8. СПб., в типографии экспедиции заготовления государственных бумаг, MDCCCXXXVIII; т. 9—11, иждивением Ильи Глазунова, Матвея Заикина и К°. СПб., в типографии Ильи Глазунова и К°, MDCCCXLI.

В примечаниях оговариваются: 1) в цитируемых Белинским текстах авторские курсивы, но не курсивы Белинского, более многочисленные; 2) в тех же текстах неточности или искажения, если они имеют принципиальный характер (например, вмешательство цензуры) и влияют на понимание смысла; 3) произвольные или неточные наименования произведений Пушкина в посмертных изданиях, являющиеся результатом редакторского или цензурного вмешательства.

Статья первая

(с. 20—53)

[1] Такое обещание дано было Белинским в 1841 г. в рецензии на т. 9—11 *Сочинений* (*Белинский*, т. 4, с. 439).

[2] Обещанное издателями дополнение к *Сочинениям* так и не появилось.

[3] Незавершенная Пушкиным «История Петра I» была полностью опубликована лишь в 1938 г.

[4] Белинский ссылается на слова Пушкина из заметки 1830 г. (см.: *Пушкин*, т. 6, с. 301).

[5] По словам Белинского в статье об «Очерках русской литературы» Н. Полевого, «северным Байроном, представителем современного человечества» провозгласил Пушкина именно Полевой (см.: *Белинский*, т. 2, с. 254).

[6] Белинский имеет в виду прежде всего статьи Н. А. Полевого и П. И. Надеждина (см. примеч. 6 и 55 к статье пятой). Постоянными мишенями пушкинских эпиграмм были Ф. В. Булгарин, М. Т. Каченовский, Н. И. Надеждин.

[7] Речь идет о полемических заметках Пушкина, опубликованных впервые в т. 11 *Сочинений* и позднее печатавшихся под разными названиями и в разной композиции (напр., «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» и «Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения» — *Пушкин*, т. 6).

[8] Таким — восторженным — был отклик самого Белинского на публикацию ряда произведений Пушкина в «Современнике» 1837 г. («Медный всадник», «Русалка», «Сцены из рыцарских времен», «Египетские ночи» и др.). Критик увидел в них выражение «совершенно нового периода высшей, просветленной художнической деятельности Пушкина» (*Белинский*, т. 2, с. 269).

[9] Белинский намекает на эпиграмму Пушкина «Ex ungue leonem», то есть, в переводе с латинского,— «по когтям (узнают) льва» (1825).

[10] «Солнце нашей поэзии закатилось!» — слова о Пушкине из некролога, автором которого был В. Ф. Одоевский (Литературные прибавления к Русскому инвалиду, 1837, № 5 от 30 января, с. 48). «*Новым солнцем*» русской поэзии называет Белинский Лермонтова.

[11] Речь идет о Гоголе и его поэме «Мертвые души», первый том которой был опубликован в мае 1842 г.

[12] Белинский говорит о своей статье «Сочинения Державина», опубликованной в 1843 г. в «Отечественных записках» (т. XXVI, № 2 и т. XXVII, № 3; отд. V «Критика»). См.: *Белинский*, т. 6, с. 7—73.

[13] Такое обещание Белинский дал в примечании к статье «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» (*Белинский*, т. 5, с. 155—156). Однако статей о сочинениях Гоголя и Лермонтова, которые явились бы продолжением статей о Пушкине, Белинский написать не успел.

[14] «Ода на взятие Хотина» Ломоносова (1739) действительно была «*первым русским стихотворением*», написанным ямбом — одним из «правильных» размеров разработанной Ломоносовым силлаботонической системы русского стихосложения.

[15] «Илиада» Гомера начинается стихом: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...»

[16] Из стихотворения Жуковского «Утешение в слезах» (1817), являющегося переводом одноименного стихотворения Гёте («Trost in Tränen»).

[17] Трагедии Ломоносова — «Тамира и Селим» (1750) и «Демофонт» (1752). «*Петриадой*» Белинский называет неоконченную эпическую поэму Ломоносова «Петр Великий».

[18] Ломоносов действительно высоко ценил своего ученика и соратника Н. П. Поповского, профессора Московского университета с самого его основания. Осуществленный Н. Поповским перевод философской поэмы А. Попа «Опыт о человеке» при его публикации в 1757 г. был искажен церковной цензурой.

[19] Белинский имеет в виду (и далее на него ссылается) следующее издание: Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Части I—XII. М., 1801—1802.

[20] Авторы названных Белинским эпических поэм — Т. Тассо, Дж. Мильтон, Вольтер, Ф.-Г. Клопшток. *Одна поэма* у римлян — «Энеида» Вергилия. *Две поэмы у греков* — «Илиада» и «Одиссея» Гомера.

[21] Это мнение было изложено Тредиаковским в «Предъизъяснении об ироической пиимe», предпосланном его стихотворному переводу романа французского писателя Фенелона «Телемак» (Тилемахида, или Странствование Тилемаха, сына Одиссеева, описанное в составе ироическия пиимы Василием Тредиаковским... . СПб., 1766).

[22] Херасков подразумевает не Е. Станевича, а А. П. Сумарокова.

[23] В цитате из Хераскова пропуск: «...и ты, бард времен наших, новый Оссиан» и т. д. Надо полагать, что Херасков подразумевает не С. С. Боброва, а Державина, который далее прямо и назван.

[24] Речь идет о статье под названием «О сочинениях Петрова» (*BE*, 1813, ч. LXXII, № 21 и 22).

[25] В цитате из сатиры В. П. Петрова «К*** из Лондона» двумя строками точек заменены, очевидно по цензурным причинам, следующие строки:

Игумен тут с клюкой, тут с мацами батырщик;
Здесь дьякон с ладаном, там попомарь с кутьей...

В цитате пропущена также строка «Рассудков и доброт он верный есть оселок», следующая за строкой «Словарник знает все, в ком ум глубок, в ком мелок».

[26] *Шесть песен «Илиады»*, переведенные Е. П. Костровым александрийским стихом (шестистопным ямбом), были напечатаны отдельным изданием в 1787 г. Перевод седьмой, восьмой и части

девятой песен, оставшийся после его смерти, был напечатан в 1811 г. (*ВЕ*, ч. LVIII, № 14 и 15).

[27] О *необыкновенном пиитическом даре* В. И. Майкова писал И. И. Греч в книге «Опыт краткой истории русской литературы» (СПб., 1822, с. 207), которую Белинский и называет *послужными и литературными списками русских литераторов.*

[28] Автор «*Писем русского путешественника*» — Н. М. Карамзин.

[29] До упоминаемого Белинским издания «Басен» И. А. Крылова в пяти частях (1815—1816) они выходили три раза: в 1809 г. и 1811 г. (дважды).

[30] Жуковский начал печататься в 1797 г. В 1802 г. был напечатан сделанный Жуковским вольный перевод элегии Грея «Сельское кладбище», который принес ему широкую известность и самим поэтом был назван «моим первым напечатанным стихотворением» (см.: Жуковский В. А. Соч. в 3-х томах, т. 1. М., Художественная литература, 1980, с. 377).

[31] В «Отечественных записках» здесь пропуск. Следует:

> А наших многих цель: награда перстеньком,
> Нередко сто рублей или дружество с князьком.

[32] Обычная формула литературы сентиментализма. В данном случае ее источником является следующий текст Карамзина: «Эраст искал рассеяния в путешествии, пленительном в те годы, когда свет еще нов для сердца; когда мы, в очарованиях надежды, только готовимся жить, действовать умом и наслаждаться чувствительностию...» («Чувствительный и холодный. Два характера», 1803).

[33] Статья П. Макарова о «Сочинениях и переводах» И. И. Дмитриева была напечатана в кн. 10 журнала «Московский Меркурий» за 1803 г., статья Карамзина «О Богдановиче и его сочинениях» — в кн. 9 и 10 *ВЕ* за тот же год.

[34] *Макаров защищал Карамзина* в полемической статье «Критика на книгу под названием: «Разговор о старом и новом слоге российского языка» (Московский Меркурий, 1803, № 12; ср.: Сочинения и переводы Петра Макарова, т. I. М., 1805). Автором названной книги, вышедшей в 1803 г., был А. С. Шишков, ярый противник языковой реформы Карамзина.

[35] *Известное в рукописи стихотворение* — сатира А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» (первая редакция — 1814, дополнявшаяся вплоть до 1838 г.), в которой были даны памфлетные характеристики многих русских писателей и литературных деятелей десятых — тридцатых годов (в частности, Жуковского), получила самое широкое распространение в списках, впервые напечатана лишь в 1857 г.

Статья вторая

(с. 54—144)

[1] Эти суждения Белинского полемичны по отношению, например, к утверждениям Греча или им подобным, сводившим значение литературной реформы Карамзина к преобразованию языка (см.: Греч Н. И. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822, с. 247—248).

[2] Речь идет о поэмах Хераскова «Россияда» (1779), в которой воспето взятие Иваном Грозным Казани и покорение Казанского царства, и «Владимир Возрожденный» (1785) — о принятии Русью христианства.

[3] «*Чувствительный и сердцеболящий*», точное название: Чувствительный и холодный. Два характера» (1803).

[4] Составляя и редактируя в 1785—1789 гг., по поручению известного издателя-просветителя Н. И. Новикова, первый русский журнал для детей «Детское чтение для сердца и разума», Карамзин опубликовал в нем свои переводы повестей французских писателей — мадам Жанлис (*Жанли*) и Мармонтеля. Переводил Карамзин из Мармонтеля и для издававшегося им «Московского журнала» (1791—1792).

[5] Реминисценция из стихотворения Батюшкова «Мой гений» (1815):

О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной...

[6] Из послания Жуковского «К Ив. Ив. Дмитриеву» (1831). Белинский здесь и далее ссылается на четвертое издание Сочинений Жуковского в девяти томах (1835—1844).

[7] Из стихотворения П. А. Вяземского «Смерть жатву жизни косит, косит...» (1840).

[8] Из «Евгения Онегина» (гл. вторая, строфа XXXVIII). У Пушкина: «И к гробу прадедов теснит».

[9] Против оценки поэзии Лермонтова и ее роли в истории русской поэзии, которую дал в ряде своих статей начала сороковых годов Белинский, выступил С. П. Шевырев, писавший, например, в рецензии на «Полную русскую хрестоматию» А. Галахова: «Я спрашиваю: какое новое начало и что творческого внесено было Лермонтовым в мир русской поэзии или русского слова для того, чтобы стать ему наравне с Карамзиным (...) — наконец выше Ломоносова и Державина, (...) этих богатырей» и т. д. и т. д. (Москвитянин, 1843, № 6, с. 502—503).

[10] Имеются в виду статьи Жуковского «О сатире и сатирах Кантемира» (первоначально под названием «Критический разбор Кантемира» (первоначально под названием «Критический разбор Кантемировых сатир, с предварительным рассуждением о сатире

вообще».— *BE*, 1810, № 3 и 6) и «О баснe и баснях Крылова» (*BE*, 1809, № 9; см. также: *Литературная критика*, с. 68—77).

[11] Говоря, что в названной статье Жуковского *нет ничего карамзинского*, Белинский несомненно обращает внимание на романтический характер трактовки Жуковским картины Рафаэля «Мадонна с младенцем» («Сикстинской мадонны»). Статья Жуковского была напечатана в «Полярной звезде» на 1824 год.

[12] С 1804 года и до конца жизни (1826) Карамзин полностью посвятил себя работе над «Историей государства Российского», первые восемь томов которой были напечатаны в 1818 г. (IX — 1821, X и XI — 1824, неоконченный т. XII появился уже после его смерти).

[13] Мнение о Жуковском как романтике «по преимуществу» было впервые высказано Белинским в статье об «Очерках русской литературы» П. Полевого (см.: *Белинский*, т. 2, с. 248—252) и развито затем во второй статье цикла, посвященного «Речи о критике» А. В. Никитенко (см.: т а м ж е, т. 5, с. 85—87).

[14] *Задорливый педант* — С. П. Шевырев, посвятивший свою статью «Взгляд на современное направление русской литературы. Статья первая. Сторона черная» обличению «литературных промышленников», напирающих с корыстными целями «безымянных» критиков. Шевырев имел в виду А. А. Краевского как издателя «Отечественных записок» и Белинского как главного критика журнала, статьи которого печатались без подписи (Москвитянин, 1842, № 1, с. V, XXI, XXVIII, XXIX).

[15] Среди этих *других*, провозгласивших, вместе с Полевым, что Пушкин — романтик, первое место принадлежит, конечно, П. А. Вяземскому, автору статей «О «Кавказском пленнике», соч. А. Пушкина» (Сын отечества, 1822, № 49) и «Вместо предисловия к «Бахчисарайскому фонтану». Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» (предпослано изданию «Бахчисарайского фонтана» в 1824 г.). См. эти статьи в издании: *Вяземский* (с. 43—48; 94—100).

[16] Имеется в виду сочинение греческого писателя II в. н. э. Павсания «Описание Эллады», в котором и рассказывается об упомянутых Белинским двух статуях (кн. I, XXX; кн. III, XX; ср.: П а в с а н и й. Описание Эллады, т. I. М., 1938, с. 82 и 266).

[17] По преданию, древнегреческая поэтесса Сафо (Сапфо) полюбила юношу-красавца Фаона; доведенная до отчаяния изменою возлюбленного, Сафо бросилась в море с Левкадского утеса и утопула.

[18] Имеется в виду легенда о Мирре и ее отце, рассказанная в книге X «Метаморфоз» Публия Овидия Назона.

[19] См.: П а в с а н и й. Описание Эллады, т. I, с. 260.

[20] Белинский цитирует диалог Платона «Федр» по переводу, данному в книге С. П. Шевырева «Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» (М., 1836, с. 31—32).

[21] Далее Белинский цитирует четыре стихотворения Батюшкова, написанные в 1817—1818 гг. и напечатанные в брошюре «О греческой антологии» (см. примеч. 4 к статье третьей).

[22] Здесь и далее Белинский цитирует «Илиаду» по переводу Н. И. Гнедича.

[23] Это утверждение Белинского неточно. Знаменитая баллада Жуковского «Людмила» появилась в 1808 г., в то время как первое стихотворение было опубликовано в 1797-м. Однако широкую известность Жуковскому принесли действительно его баллады, ибо именно в них, как далее пишет Белинский, «общество бессознательно почувствовало» «новый дух творчества».

[24] Жуковский назван *балладником* в послании Батюшкова «К Жуковскому» (1812).

[25] *Лизин пруд* — так называли поклонники Карамзина пруд, расположенный в Москве близ Симонова монастыря. В нем, по преданию, утопилась героиня его повести «Бедная Лиза».

[26] «*Алина и Альсим*» (1814) — перевод стихотворения французского поэта XVIII в. Франсуа Огюстена Паради де Монкрифа «Les constantes amours d'Alice et d'Alexis. Romance sur un air Languedocien» («Верная любовь Алисы и Алексиса. Романс в лангедокской манере»).

[27] Источником «старинной повести в двух балладах» («Громобой» и «Вадим») Жуковского «Двенадцать спящих дев» (1810—1817) был прозаический роман немецкого писателя XVIII в. Христиана Генриха Шписа «Die zwölf schlafenden Jungfrauen. Eine Geistergeschichte» («Двенадцать спящих дев. История о привидениях»).

[28] «*Эолова арфа*» (1814) — оригинальное произведение Жуковского.

[29] Белинский говорит о повести Гофмана «Песочный человек».

[30] Далее Белинский излагает содержание и комментирует следующие баллады Жуковского: «Пустынник» (1812), «Эльвина и Эдвин» (1814), «Варвик» (1814), «Адельстан» (1813), «Гаральд» (1816), «Мщение» (1816), «Суд божий над епископом» (1831).

[31] Ошибка Белинского. Героиню этой баллады («Эльвина и Эдвин») зовут Эльвина. Мальвина — имя героини баллады «Пустынник», о которой говорится в начале абзаца.

[32] Скрытая цитата из «Ревизора» Гоголя (д. V, явл. 7).

[33] Называемая Белинским баллада Жуковского (1814) действительно является переводом одноименной баллады Р. Саути (в транскрипции Белинского — Сутай).

[34] Из стихотворения Шиллера «Идеалы», в вольном переводе Жуковского — «Мечты» (1812).

[35] Из стихотворения «Весеннее чувство» (1816). Курсив Жуковского.

[36] Из стихотворения «Желание» (1811).

[37] Из послания «К Нине» (1808). У Жуковского — «Присутствия сладость...».

[38] Из послания «К Батюшкову» (1812).

[39] Об этом Белинский писал в статье, посвященной «Очеркам русской литературы» Н. Полевого (см.: *Белинский*, т. 2, с. 252).

[40] Пересказывается содержание стихотворения «Утешение» (1818).

[41] Цитируется стихотворение «Счастие во сне» (1816). Курсив Жуковского.

[42] Начав свою творческую деятельность в 1782 г. и разделяя тогда во многом эстетические принципы литературы классицизма, Крылов отдал дань и характерным для этой литературы жанрам. В частности, им были написаны в 1786 и 1788 гг. трагедии «Клеопатра» и «Филомела». «Ода всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской на заключение мира России со Швецией» (1790). Белинский, однако, прав в том смысле, что эти произведения ни в коей мере не определяют характер творчества Крылова — великого русского баснописца.

[43] У Жуковского — «Кто сердцем сердцу обручен». В цитатах из «Певца во стане русских воинов» курсив Жуковского.

[44] Белинский приписал Державину стихотворение И. И. Дмитриева. См. его сборник «И мои безделки» (М., 1795, с. 221).

[45] Из стихотворения И. И. Дмитриева «Стансы к Н. М. Карамзину» (1793).

[46] Из послания «Императору Александру» (1814).

[47] Из послания «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. к. Александра Николаевича» (1818). Курсив Жуковского.

[48] *«Теон и Эсхин»* и *«Узник»* — оригинальные произведения Жуковского.

[49] У Жуковского — «И скорбь о погибшем...». Курсив в цитатах из «Теона и Эсхина» принадлежит Жуковскому.

[50] Реминисценция из Библии (Ветхий завет, Бытие, 1).

[51] Из пролога к «Руслану и Людмиле» («У лукоморья дуб зеленый...»). У Пушкина — «Там русский дух... там Русью пахнет!»

[52] У Жуковского — «не враг пожал».

[53] У Жуковского — «С лилии вести для меня».

[54] Имеется в виду стихотворение «Песня» (1820), являющееся вольным переводом стихотворения Байрона «Stanzas for music».

[55] *«Суд в подземелье»* (1831—1832) — перевод второй главы поэмы Вальтера Скотта «Мармион».

[56] *«Аббаддонна»* (1814) — перевод второй песни поэмы немецкого поэта XVIII в. Фридриха Готлиба Клопштока «Мессиада».

[57] Из послания «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814).

[58] Эта и предшествующая цитаты — из послания «Императору Александру» (1814).

Статья третья

(с. 145—186)

[1] Белинский ошибается. Батюшков никогда не бывал в Греции, с греческими древностями ближе всего, по-видимому, познакомился во время своего пребывания в 1818 г. в Одессе.

[2] Батюшков действительно не знал древнегреческого языка, по латинским овладел «настолько, что мог более или менее свободно читать римских авторов» (М а й к о в Л. Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб., 1896, с. 15).

[3] Белинский говорит о втором издании сочинений Батюшкова, вышедшем в 1834 г. в двух частях под названием «Сочинения в прозе и стихах».

[4] Статья *«О греческой антологии»*, подготовленная в 1817—1818 гг. для невышедшего журнала, который предполагали издавать участники литературного общества «Арзамас», была опубликована отдельной брошюрой в 1820 г. Автором статьи был С. С. Уваров, но в ее написании, по-видимому, принимал участие и Батюшков. Для этой статьи Уваров перевел с древнегреческого языка на французский стихотворения из так называемой «Антологии» — собрания стихотворных текстов древнегреческих поэтов. С этого французского перевода сделал Батюшков свои переводы на русский язык.

[5] Стихотворение Пушкина «Сафо» (1825).

[6] Стихотворение Пушкина «Дориде» (1820).

[7] Стихотворение Батюшкова «Вакханка» (1815).

[8] Своим переводам из Тибулла сам Батюшков дал подзаголовок «Вольный перевод». Действительно, это скорее вариации на мотивы поэзии Тибулла, чем переводы в собственном смысле слова. Большие выписки Белинский делает далее из элегии III (книга I), не обозначенной у Батюшкова цифрой. Элегия III из книги III лишь приписывалась Тибуллу. Элегия XI (как обозначено у Батюшкова) — элегия X из книги I.

[9] У Батюшкова — «последним лобызаньем».

[10] У Батюшкова — «Богами ввержены во пропасти бездонны».

[11] Речь идет об элегии Батюшкова «Умирающий Тасс» (1817). Поэма Тассо называется «Освобожденный Иерусалим».

[12] Имеются в виду две (а не три) статьи Батюшкова — «Ариост

и Тасс» и «Петрарка» (обе — 1815). *Открытие*, о котором говорит дальше Белинский, находится в примечании к статье о Петрарке.

[13] «Ложный страх» (1810) — перевод элегии французского поэта Э. Парни «La frayeur» («Страх»).

[14] «Мои пенаты» (1811—1812) — послание к Жуковскому и Вяземскому.

[15] Белинский намекает на сборники стихотворений французского поэта Ламартина «Méditations» и «Harmonies».

[16] «Последняя весна» (1816) — подражание элегии французского поэта Ш. Мильвуа «La chute des feuilles» («Падение листьев»).

[17] Стихотворение «Мой гений» (1815).

[18] Стихотворение «Пробуждение» (1815).

[19] Из стихотворения «К другу» (1817), обращенного к П. А. Вяземскому.

[20] Из послания «Мои пенаты».

[21] Говоря о *страшных ударах*, нанесенных М. М. Хераскову А. Ф. Мерзляковым и П. М. Строевым, Белинский имеет в виду статью Мерзлякова «Россияда, поэма эпическая г-на Хераскова (Письмо к другу)» (Амфион, 1815, № 1—3, 5, 6, 8, 9; см. также: *Литературная критика*, с. 168—177) и статью Строева «Письма о русской словесности. О «Россияде», поэме г. Хераскова. Письмо к девице Д.» (Современный наблюдатель российской словесности, 1815, ч. 1, № 1 и 3; см. также: *Литературная критика*, с. 210—230). Белинский, по-видимому, не знал, что послание «Мои пенаты» написано раньше двух упомянутых статей.

[22] Белинский имеет в виду «Речь о влиянии легкой поэзии на язык, читанную при вступлении в Общество любителей русской словесности в Москве. Июля 1816». Из «Речи...» взята и приводимая далее цитата (Батюшков К. Н. Сочинения в прозе и стихах, ч. I, изд. 2. СПб., 1834, с. 37—39; см. также: *Литературная критика*, с. 240—241).

[23] Батюшков, не зная английского языка, был достаточно хорошо знаком с английской литературой, особенно с творчеством Байрона — во французских и итальянских переводах.

[24] Названное «Письмо» Батюшкова обращено к Ивану Матвеевичу Муравьеву-Апостолу.

[25] *Разговоры Фонтенелл* — сочинение французского писателя-просветителя «Разговоры мертвых» (1683).

[26] *Новым Аттилой* Батюшков называет Наполеона в «Письме к И. М. М. А. о сочинениях г. Муравьева». Отзыв о Руссо содержится в статье «Нечто о морали, основанной на философии и религии» (1815) (см.: Батюшков К. Н. Соч. в прозе и стихах, ч. I, с. 3 и 17).

[27] См. «Примечания» к «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» (там же, с. 47; см. также: *Литературная критика*, с. 245).

[28] Батюшков цитирует стихи из трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» (1750).

[29] Батюшков бывал в доме С. Л. Пушкина, когда Пушкин был еще ребенком. Его встреча с Пушкиным-юношей состоялась в конце 1814 — начале 1815 г. Известно об их общении во второй половине 1817 г. Вероятно, Батюшков навещал больного Пушкина в начале 1818 г., как раз тогда, когда писалась поэма «Руслан и Людмила», и вряд ли поэт не познакомил с ее отрывками своего старшего друга. Во всяком случае, в письме от 10 сентября 1818 г. Батюшков спрашивал А. И. Тургенева, кончил ли Пушкин свою поэму, имея в виду, конечно, «Руслана и Людмилу» (Русский архив, 1867, № 11, столб. 1534—1535), а 24 марта 1819 г. в письме к тому же А. И. Тургеневу из Неаполя просил Пушкина выслать «Руслана и Людмилу», называя ее «поэмой, исполненной красот и надежды» (Памятник отечественных муз на 1827 год. СПб., 1827, с. 116). А. И. Тургенев выслал Батюшкову поэму Пушкина в сентябре 1820 г. О чтении Пушкиным произведений Лермонтова сведений нет.

[30] Из стихотворения «Элегия» (1815).

[31] «*К Г-чу*» — «К Гнедичу» (1806); «*Карамзину*» — «К творцу «Истории государства Российского» (1818); «*Ответ Г-чу*» — «Ответ Гнедичу» (1809—1810); «*К П-ну*» — «К Петину» (1810); «*Послание И. М. М. А.*» — «Послание И. М. Муравьеву-Апостолу» (1814—1815); «*К N. N.*» (1817) — послание к С. С. Уварову («Среди трудов и важных муз...»); «*К Н.*» — «К Никите» (1817) — адресовано троюродному брату Батюшкова, будущему декабристу Н. М. Муравьеву.

[32] В стихотворении итальянского поэта Касти, вольным переводом которого является стихотворение Батюшкова «Счастливец» (1810), этой строфы нет. Действительно не очень удачный образ *крокодила* восходит к Шатобриану (повесть «Атала»). Он должен был символизировать противоречивые и темные глубины души.

[33] Под *некоторыми учеными людьми* подразумевается О. И. Сенковский, над «учеными» рассуждениями которого Белинский иронизировал также в статье «Русская литература в 1841 году» (см.: *Белинский*, т. 4, с. 324 и след.).

[34] Переведенная Жуковским сказка об осле по имени Кабул, путешествовавшем в Мекку, завершается следующей сентенцией, на которую Белинский здесь и намекает: «Говорят, что эта сказка похожа на быль. Дело возможное; мне известно только то, что она подала повод к следующей восточной пословице: осел пошел в Мекку, осел и возвратился из Мекки» (Переводы в прозе В. Жуковского, ч. III. М., 1816, с. 112—113).

[35] «На перевод Илиады» (1830).

[36] «Гнедичу» (1832).

[37] По-видимому, перевод «*Сиракузянок...*» предшествовал созданию *оригинальной идиллии «Рыбаки»* и предположительно может быть отнесен к 1820—1821 гг. (см.: Гнедич П. И. Стихотворения. Л., 1956, с. 814—815; примеч. П. Н. Медведевой). Что касается идиллий В. И. Панаева, то издание их в 1820 г. представлялось Белинскому явным анахронизмом.

[38] У Гнедича — «Да изредка крик из деревни, протяжный, промчится».

[39] Ссылка на издание сочинений Гнедича 1832 г. В следующем абзаце Белинский ошибочно относит это издание к 1834 г.

[40] Перевод Гнедича был издан под следующим названием: Леар. Трагедия в пяти действиях, взятая из творений Шекспира П. Г. СПб., 1808. В предисловии Гнедич писал, что в своем переводе он «принял смелость отклониться несколько от руководствовавших меня образцов», то есть от самого Шекспира и его французского переводчика Дюси (или Дюсиса, как тогда писали).

[41] Статья эта, являющаяся откликом на книгу А. Х. Востокова (СПб., 1817), называется «Замечания на Опыт о русском стихосложении г-на В. и нечто о прозодии древних» (*ВЕ*, 1818, № 10 и 11).

[42] В 1807 г. Гнедич начал переводить «Илиаду» александрийским стихом (шестистопным ямбом), но вскоре признал эту форму неудачной и обратился к гекзаметру. Из переведенных александрийским стихом песен «Илиады» в 1809 и 1812 гг. были напечатаны седьмая и восьмая.

[43] Точное название этого сочинения — «Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности». «Рассуждение» было прочитано Гнедичем при открытии Публичной библиотеки в Петербурге (см.: Описание торжественного открытия императорской Публичной библиотеки. СПб., 1814, с. 52—98). Важнейшим условием создания самобытной русской литературы Гнедич считает обращение к «древним», то есть к античной культуре и литературе, без посредства французского классицизма.

[44] Белинский цитирует мерзляковский перевод трагедии Еврипида «Гекуба» (см.: Подражения и переводы из греческих и латинских стихотворений А. Ф. Мерзлякова, ч. I. М., 1825, с. 37).

[45] Источник этой цитаты не установлен.

[46] В *ВЕ* в 1813 г. были напечатаны статьи Мерзлякова «Об изящной словесности, ее пользе, цели и правилах» (№ 7 и 8; см. также: *Литературная критика*, с. 133—150), «Об изящном, или О выборе и подражании» (№ 11 и 12).

[47] Белинский цитирует «Чтение пятое в Беседах любителей словесности в Москве» (Амфион, 1815, № 7, с. 73; курсив Мерзлякова). Из примечания к этому «Чтению» Белинский и почерпнул сло-

дения о чтении Мерзляковым в 1812 г. в доме князя Б. В. Голицына «Теории изящного».

[48] *О разборах*, авторами которых были Карамзин и Макаров, см. выше, примеч. 33 к статье первой.

[49] О Сумарокове, в ряду других русских писателей XVIII в., Мерзляков писал в статье «Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии» (Труды общества любителей российской словесности, ч. I. М., 1812, с. 84—86, 97—100; см. также: *Литературная критика*, с. 128—130).

[50] О статьях Мерзлякова и Строева, в которых разбиралась «Россиада» Хераскова, см. примеч. 21 к наст. статье.

[51] Речь идет о следующих статьях Вяземского: «О Державине» (Сын отечества, ч. XXXII, 1816, № 37) и «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» (Сочинения В. А. Озерова. СПб., 1817).

[52] См. примеч. 15 к статье второй.

[53] Белинский вспоминает статью, напечатанную в четырех книжках (3—5,7) «Духа журналов» за 1815 г. со следующим предисловием: «В журнале «Des Débats» находится превосходный критический разбор нового сочинения известного г. Шлегеля под заглавием «Курс драматической литературы, в 3 частях». Мы сообщаем читателям нашим сию превосходную критику, которая теперь и нам очень ко времени: когда мы, уклонясь от чистого и правильного вкуса классических писателей, прилепляемся к уродливым вымыслам немецких кривотолков» (Дух журналов, 1815, № 3, отд. «Литература», с. 1).

[54] Впервые в России имя Байрона (Бирона) было упомянуто в связи с публикацией отрывков из его поэмы «Корсар» под названием «Морской разбойник» в журнале «Российский музеум» (1815, № 1, с. 37—42).

[55] Это стихотворение, полное название которого — «На смерть князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского» (*ВЕ*, 1813, № 11—12, июнь), принадлежит не А. С. Пушкину, а А. М. Пушкину, малозначительному писателю-дилетанту. Белинского ввела в заблуждение подпись под стихотворением: «А. Пушкин».

[56] Об участии Пушкина в «Российском музеуме» и «Сыне отечества» см. примеч. 6 к статье четвертой.

Статья четвертая

(с. 186—220)

[1] Из поэмы Пушкина «Цыганы» (рассказ старого цыгана об Овидии).

[2] Среди этих *идеологов* были литераторы именно р о м а н т и ч е с к о г о направления — Б. Констан, А.-Л.-Ж. Сталь и др.

[3] Из стихотворения «Родина» (1841). У Лермонтова — «И полный гордого доверия покой».

[4] Возможно, Белинский имеет в виду мнение Шевырева, отрицавшего принадлежность Пушкину стихотворения «Красавице, которая нюхала табак» и ряда других и писавшего по поводу их публикации в т. 9 *Сочинений:* «Видно большое безвкусие в этом выборе, которым оскорбляется память нашего мастера-художника» (Москвитянин, 1841, ч. V, № 9, с. 254).

[5] Об этом стихотворении см. примеч. 55 к статье третьей.

[6] Первыми произведениями Пушкина, напечатанными в «Российском музеуме» (1815, № 1), были послание «К Батюшкову» и эпиграммы «Аристарх нам обещал трагедию такую...» и «Супругою твоей я так пленился...». Первым произведением, подписанным при публикации полным именем Пушкина — «Александр Пушкин» — были «Воспоминания в Царском Селе» (Российский музеум, 1815, № 4). Свое сотрудничество в «Сыне отечества» Пушкин начал стихотворением «Наполеон на Эльбе» (1815) и затем напечатал там еще ряд стихотворений, среди которых были такие шедевры, как «Погасло дневное светило...» (1820), «Муза» (1821) и др.

[7] По словам С. М. Бонди, «необычный в тогдашней поэзии стихотворный размер (перифмованный четырехстопный хорей с дактилическим окончанием), приближающийся к размеру некоторых русских народных песен, Пушкин заимствовал у Карамзина (начало поэмы «Илья Муромец»)» (см.: *Пушкин*, т. 3, с. 175, примечания). Однако далее этого «подражание» Карамзину в пушкинском «Бове» не идет. В строках вступления, опущенных при публикации в *Сочинениях*, Пушкин сам указал литературные источники своей поэмы, написанной на сюжет популярной народной сказки о Бове; это — «Орлеанская девственница» Вольтера и поэма Радищева «Бова».

В цитате, приводимой Белинским, уже в «Отечественных записках» оказались выпущены, вероятно по цензурным причинам, следующие строки (после стиха «Опасался я без крил парить»):

Не дерзал в стихах бессмысленных
Херувимов жарить пушками,
С сатаною обитать в раю,
Иль святую богородицу
Вместе славить с Афродитою:
Не бывал я греховодником!

После стихов «Отыскал я книжку славную, // Золотую, незабвенную»

Катехизис остроумия —
Словом, Жанну Орлеанскую.

* Белинский цитирует стихотворение «Красавице, которая нюхала табак» (1814) по *Сочинениям*, в которых оно было впервые напечатано с искажением двух стихов. У Пушкина:

Рассыпался на грудь под шелковый платок
И даже... может быть... Но что! мечта пустая.

[9] Из «Евгения Онегина» (гл. восьмая, строфа II).

[10] Говоря, что *род пьесы* Пушкина «Леда» (кантата) *напоминает Державина*, Белинский имеет в виду не формальное определение жанра, а общий «одовоспевательный» характер поэзии Державина. Белинский, в сущности, не различает здесь кантату и оду.

[11] «*Застольная песня*».— Стихотворение было приписано Пушкину ошибочно. «*Я Лилу слушал у клавира*» — «Слово милой» (1816). «*Пирующие друзья*» — «Пирующие студенты» (1814), в окончательной редакции — «К студентам».

[12] «*Сновидение*» (1817) — вольный перевод стихотворения Вольтера «A madame la princesse Ulrique de Prusse» («Принцессе Ульрике Прусской»).

[13] *Славянофилами* называются здесь сторонники литературного общества «Беседа любителей русского слова», в литературной борьбе начала века стоявшие на архаических позициях.

[14] У Пушкина — «А мне — позор в заточенье».

[15] Из стихотворения «Наполеон», явившегося откликом на смерть Наполеона (1821).

[16] «*К Г...у*» — «К Галичу» (1815), «*К П...у*» — «К Пущину» (1815), «*К Б...ву*» — «К Батюшкову» (1814).

[17] Имеется в виду послание Батюшкова «К Петину» (1810).

[18] Далее и в «Российском музеуме» (1815, № 7) и в *Сочинениях* пропущены четыре стиха, обращенные к Батюшкову и намекающие на его сатирическую поэму «Видение на берегах Леты», в которой осмеивались писатели-архаисты — члены литературного общества «Беседа любителей русского слова»:

И ты, насмешник смелый,
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил.

[19] Далее в посмертном издании опущены стихи, в которых говорилось о шуточной трагедии Крылова «Трумф» (или «Подщипа»), запрещенной цензурой:

Здесь князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятеньи
Плененные цари,

Забыв войну, сраженья,
Играют в кубари.

[20] *Известный Свистов* — в литературном обиходе того времени — бездарный стихотворец гр. Д. И. Хвостов.

[21] Стихотворение «Кто из богов мне возвратил...» (1835), являющееся вольным переводом оды Горация «Ad Pompejum» (кн. II, ода VII), ошибочно, под названием «*Гораций*», отнесено к лицейским. «*К товарищам перед выпуском*» — «Товарищам» (1817), в окончательной редакции — «Пропанье».

[22] *Одна из лучших минут его юности* — встреча с Державиным на лицейском экзамене.

[23] В *Сочинениях* под общим названием «Подражание Данту» были напечатаны два стихотворения Пушкина в форме дантовых терцин: «В начале жизни школу помню я...» (1830) и «И далее мы пошли — и страх объял меня...» (1832).

[24] Стихотворение «Желание» (1816).

[25] Белинский цитирует лицейскую редакцию впоследствии коренным образом переработанного послания «Дельвигу...» («Любовью, дружеством и ленью...», 1817).

[26] Из стихотворения «В альбом Илличевскому» (1817).

[27] Стихотворение «К моей чернильнице» (1821) ошибочно отнесено в *Сочинениях* к лицейским стихотворениям.

[28] Из послания «К Пущину» (1815).

[29] В *Сочинениях* среди лицейских стихотворений ошибочно помещен «Сон (отрывок из новгородской повести «Вадим»)», первоначально напечатанный в альманахе Б. Федорова «Памятник отечественных муз» в 1827 г. Из этого «отрывка» Белинский и цитирует стих: «*Но тын оброс крапивой дикой*». На самом деле поэма «Вадим» писалась Пушкиным в 1822 г. и не была закончена.

[30] Пушкин включил в названные издания лишь немногие из своих лицейских стихотворений, значительно их при этом переработав.

[31] «*Ш***ву*» — «Шишкову» (1816), «*П***ну*» — «В. Л. Пушкину» (1817), «*Станы Т—му*» — «Станы Толстому» (1819), «*В—му*» — «Всеволожскому» (1819), «*Я пережил мои мечтанья...*» — «Я пережил свои желанья...» (1821).

[32] Под названием «*Уединение*» при жизни Пушкина печаталась лишь первая часть (34 стиха) стихотворения «Деревня» (1819), полностью распространявшегося в списках. Вторую часть, со стихи «Но мысль ужасная здесь душу омрачает...», Пушкин заменял в печати четырьмя строками точек.

[33] «*Ч***ову*» — два послания Чаадаеву, 1821 и 1824 гг.

[34] См. выше, примеч. 29. Эти стихи относятся в поэме Пушкина не к старику, а к «прекрасному юноше». После третьего стиха снизу пропущен стих «В жилище сильных пировал».

[35] У Пушкина — «В унынье горьком думал он».

[36] Следует учитывать, что Белинскому были известны лишь цензурные редакции как «Наполеона», так и «Андрея Шенье».

[37] Имеется в виду «Демон» Лермонтова.

Статья пятая

(с. 220—278)

[1] Слова поэта из стихотворения Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом», первоначально напечатанного в качестве предисловия к отдельному изданию первой главы «Евгения Онегина» (1825).

[2] См. примеч. 33 к статье первой.

[3] Речь идет о литературно-критических выступлениях Н. И. Надеждина, уже в первой своей статье «Литературные опасения за будущий год» (1828) пытавшегося обосновать объективно-философские эстетические принципы в противовес романтическому субъективизму.

[4] Белинский говорит о Н. А. Полевом (см. примеч. 5 к статье первой, а также примеч. 6 к наст. статье).

[5] Имеется в виду сопоставление Пушкина с Байроном в статье Надеждина о «Полтаве»: «Ни от одной из его ⟨Пушкина⟩ поэм не пышет этою могильною сыростью, от которой кровь стынет в жилах при чтении Байрона. Его герои — в самых мрачнейших произведениях его фантазии, каковы: «Братья разбойники» и «Цыганы»,— суть не дьяволы, а бесенята» (*ВЕ*, 1829, № 9, с. 20—21).

[6] *Другой критик* — Н. Полевой, который чрезвычайно высоко ставил юношеские стихотворения Пушкина, его поэмы, в частности и «Полтаву», а также первые главы «Евгения Онегина», но с начала тридцатых годов заговорил об «отставании» Пушкина от требований современности, об угасании его поэтического таланта (см.: *МТ*, 1832, ч. XLIII, № 4, с. 567, 568, 570).

[7] *Третий критик* — С. Шевырев, побывавший в Италии, неоднократно писавший о Данте и итальянской поэзии. Постоянным мотивом его статей стало сопоставление русских поэтов с итальянскими (в частности, он делает это и в статьях о последних трех томах *Сочинений* Пушкина.— Москвитянин, 1841, № 9).

[8] Белинский имеет в виду «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (I—II вв.).

[9] Белинский перефразирует слова Никодима Надоумко (Надеждина) из статьи «Всем сестрам по серьгам» (*ВЕ*, 1829, № 22; см. также: Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., Художественная литература, 1972, с. 106).

[10] Об этом см., например, в статье Кс. Полевого «О сочинениях Пушкина»: «...Жуковский увлек нас к одностороннему на-

правлению Шиллера и заставил летать в небеса, забыв, что у нас есть Россия, которая имеет свой мир» (*МТ*, 1829, № 10, с. 226).

[11] Слова Чацкого («Горе от ума», д. II, явл. 2).

[12] В издании «Освобожденного Иерусалима» Тассо в переводе А. Ф. Мерзлякова (ч. I. М., 1828, с. 2) это четверостишие читается так:

Так врач болящего младенца пред устами
Склоняет, по краям напитанный сластями,
Фиал, где горький сок; обманутый плачет,
И жизнь ему обман невинный сей дает!

[13] Пересказ строк из пушкинского «Разговора книгопродавца с поэтом»:

В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.

[14] Строки из «Илиады» Гомера в переводе Гнедича (песнь XIV, стихи 215—217).

[15] О переводе «Илиады» *Кострова* см. выше, примеч. 26 к статье первой. Переводы и подражания *Мерзлякова* были собраны в его книге: Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев. Ч. 1—2. М., 1825—1826. Переводы из Анакреона Н. А. *Львова* см. в издании: Стихотворения Анакреона Теосского на русском и греческом языках и с примечаниями Евгения Булгариса. СПб., 1792. О переводах Батюшкова из антологии Белинский писал в статье второй пушкинского цикла. История русской антологической поэзии изложена Белинским в статье о «Римских элегиях» Гёте (см.: *Белинский*, т. 4, с. 114—120).

[16] Стихотворение «Нереида» (1820).

[17] Белинский цитирует стихотворение «Дориде» (1820). Подчеркнутый им стих действительно является цитатой из XXV элегии А. Шенье.

[18] Белинский рассматривает эти стихотворения как ранние. Между тем «Труд» написан в 1830 г., а перевод из Ксенофана Колофонского «Чистый лоснится пол...» — 1833. Цитируемое далее стихотворение «Юноше, горько рыдая...» относится к 1835 г.

[19] «*Приметы*» — из двух стихотворений Пушкина с таким названием Белинский имеет в виду написанное в 1821 г. («Старайся наблюдать различные приметы...»), в перечне Белинского следующее за стихотворением «*Дева*», также относящимся к 1821 г. «*Славная флейта, Феон...*» — «(Из Афенея)» (1832). «*Лейла*» — «От меня вечор Лейла...» (1836). «*Ч***ву*» — «Чаадаеву». Из трех посланий Пушкина, обращенных к Чаадаеву, имеется в виду послание 1821 г. («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), в перечне Белин-

ского следующее за стихотворением «Алексееву», написанном в том же 1821 г. (это послание «Чаадаеву» в издании «Стихотворения Александра Пушкина» 1829 г. также помещено после послания «Алексееву»). *«Зачем безвременную скуку...»* — «К***» (1820).

[20] Стихотворение *«Песня»* принадлежит Жуковскому.

[21] Строки из стихотворения Жуковского «На кончину ее величества королевы Виртембергской» (1819).

[22] Строки из «Евгения Онегина» (гл. вторая, строфа XI).

[23] Строфы V—VII из стихотворения «Осень» (1833).

[24] Стихотворение «Зимнее утро» (1829).

[25] Цитируется с небольшими неточностями статья «Несколько слов о Пушкине», входящая в сборник Гоголя «Арабески» (1835).

[26] Строки из «Евгения Онегина» (гл. первая, строфа XVI).

[27] Строки из неоконченной главы «Евгения Онегина», напечатанной Пушкиным под названием «Отрывки из путешествия Онегина».

[28] Строки из «Евгения Онегина» (гл. четвертая, строфа LI).

[29] Цитируются «Отрывки из путешествия Онегина». У Пушкина последняя строка дана курсивом.

[30] Неясно, что имел в виду Белинский, говоря, что Пушкин *сам потом смеялся над своими рукописными стишками*, то есть вольнолюбивыми стихами, разошедшимися в начале двадцатых годов в большом количестве списков.

[31] Стихотворение «Желание славы» (1825).

[32] Стихотворение «Я вас любил...» написано в 1829 г.

[33] Стихотворение «К***» (1832). При жизни Пушкина не печаталось. В *Сочинения* также не было включено. Опубликовано в «Альманахе на 1838 год», изданном В. А. Владиславлевым, с небольшими неточностями и пропуском стиха «Любуясь девою в печальном сладострастье» (после стиха «Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне»). Белинский цитирует стихотворение по этой публикации.

[34] *«Я помню чудное мгновенье...»* — «К***» (А. П. Керн) (1825). *«Ответ Ф. Т ***»* — «Ответ Ф. Туманскому» (1826). *«На холмах Грузии лежит ночная тень»* — «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (1829). *«Не пленяйся бранной славой...»* — «Из Гафиза» (1829). *«Пью за здравие Мери...»* — «Из Barry Cornwall» (1830). *«Приметы»*.— Здесь имеется в виду стихотворение 1829 г. «Я ехал к вам: живые сны...». *«Красавица»* (1832) — стихотворение написано в альбом гр. Е. М. Завадовской. *«Признание»* (1826) — обращено к А. И. Осиповой. *«Паж, или Пятнадцатилетний король»* — «Паж, или Пятнадцатый год» (1830). *«Расставание»* — «Прощание» («В последний раз твой образ милый...», 1830). *«Последние цветы»* — «Цветы последние милей...» (1825). *«Разлука»* — «Для берегов отчизны дальной...» (1830).

[35] *«Примите Невский альманах»* — «Н. Н. при посылке ей «Невского альманаха» (1825). *«И. В. С***»* (1828) — обращено к И. В. Сленину. *«Е. Н. У***вой»* — «Вы избалованы природой...» (1829) — обращено к Е. Н. Ушаковой. *«Сетование»* — «Недавно я в часы свободы...» (1822). *«А. Д. Баратынской»* — «В альбом княж. А. Д. Абамелек» (1832). *«К женщине-поэту»* — «К. А. Тимашевой» (1826). *«В. С. Ф***»* (1828) — обращено к В. С. Филимонову.

[36] Упреки такого рода были высказаны уже в первой статье, посвященной «Руслану и Людмиле», — статье А. Ф. Воейкова (Сын отечества, 1820, № 37). Тезис о «безнравственности», иначе говоря — безверии, отсутствии религиозности и «русского духа» в поэзии Пушкина был, в сущности, главным в серии статей под названием «Обзор стихотворений Пушкина, помещенных в полном собрании сочинений его», напечатанной в реакционном журнале «Маяк» в 1843 г.

[37] Об этом Белинский говорит далее, сопоставляя «Демона» Пушкина с лермонтовским (см. с. 478—479).

[38] Стихотворение *«Дар напрасный, дар случайный...»* (Пушкин пометил его 26 мая 1828 г., то есть днем своего рождения) вызвало нравоучительную сентенцию в стихах московского митрополита Филарета:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от бога мне дана,
Не без воли бога тайной
И на казнь осуждена.

Иронически заметив в письме к Е. М. Хитрово от начала января 1830 г.: «Стихи христианина, русского архиерея, в ответ на скептические куплеты! Да ведь это в самом деле находка!» — Пушкин в свою очередь ответил стихотворением, которое приводится далее, «В часы забав иль праздной скуки...» (19 января 1830).

[39] Такую статью Белинский написать не успел. Мысль о пафосе поэзии Лермонтова, сравнительно с пафосом пушкинской поэзии, более подробно, чем здесь, была развита Белинским ранее в статье «Библиографические и журнальные известия», напечатанной в четвертой книжке «Отечественных записок» за 1843 г. (см.: *Белинский*, т. 5, с. 427—432).

[40] Стихотворение, названное при публикации в 1829 г. в журнале «Московский вестник» и в *Сочинениях* «Чернь», при подготовке Пушкиным в 1836 г. нового издания стихотворений, не вышедшего в свет, получило заглавие «Поэт и толпа». Под таким названием оно теперь и печатается.

[41] Имеются в виду вольнолюбивые стихотворения Пушкина, получившие самое широкое распространение в списках накануне восстания декабристов.

[42] Так при первой публикации в «Современнике» 1837 г., уже после смерти Пушкина, была названа (по имени отца героя, неправильно прочитанному) неоконченная поэма о кавказских горцах. В настоящее время печатается под названием «Тазит», по имени героя.

[43] Речь идет о «патриотических» драмах Н. В. Кукольника и Н. А. Полевого, псевдонародных нравоучительных романах М. Н. Загоскина и Ф. В. Булгарина.

[44] Стихотворение «Под небом голубым страны своей родной...» (1826) написано под впечатлением известия о смерти Амалии Ризнич. Вероятно, о ней же Пушкин вспоминает и в стихотворении «Для берегов отчизны дальной...» (1830).

[45] Речь идет о стихотворении «Воспоминание», относящемся к 1828 г. («Когда для смертного умолкнет шумный день...»).

[46] «*Каприз*» — «Румяный критик мой...» (1830).

[47] Строки из стихотворения Е. А. Баратынского «На смерть Гёте» (1832).

[48] «*Отрывок*» — «Странник» («Однажды, странствуя среди долины дикой...», 1835). Являясь переложением начала 1-й главы аллегорического романа «Путь паломника» английского писателя и проповедника XVII в. Джона Беньяна, «Странник» вместе с тем — вполне самостоятельное и законченное произведение.

[49] Белинский говорит о происхождении «Песен западных славян» («*проделка даровитого француза Мериме*»), основываясь на письме Мериме к С. А. Соболевскому, включенном Пушкиным в предисловие к «Песням». Между тем письмо Мериме тоже своего рода мистификация, ибо он работал над книгой «Guzla» («Гусли») в течение нескольких лет, основательно изучая фольклор южных славян. Из шестнадцати пушкинских «Песен» переложением сочиненных Мериме являются одиннадцать, остальные созданы Пушкиным с использованием иных источников.

[50] См. примеч. 23 к статье четвертой.

[51] «*Началом поэмы*» стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...» (1830) было в *Сочинениях* названо, по-видимому, потому, что его публикации в тексте «Путешествия в Арзрум» (в несколько иной редакции) Пушкин предпослал слова: «Вот начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-Оглу». Однако стихотворение Пушкина вполне оригинально, а турецкий поэт Амин-Оглу — лицо вымышленное.

[52] Строка из стихотворения «19 октября» (1825).

[53] «Ворон к ворону летит...» (1828—) вольный перевод шотландской народной баллады из сборника «Chants populaires des Frontières Méridionales de l'Ecosse recueills et commentés par Sir Walter Scott, traduits de l'anglais par M. Artaud». Paris, 1826 (Народные

песни шотландского порубежья, собранные и объясненные г. Вальтером Скоттом, переведенные с английского г. Арто. Париж, 1826).

[54] В посланин «*К вельможе*» (1830), обращенном к характерному представителю «века Екатерины», кн. Н. Б. Юсупову, Н. Полевой усмотрел пресмыкательство перед знатностью и богатством (Новый живописец общества и литературы.— Прибавление к *МТ*, 1830, № 10, с. 170—171). Отрицательно отозвался о послании «К вельможе» и Ф. Булгарин в статье «О характере и достоинстве поэзии Пушкина» (Сын отечества, 1833, № 6).

[55] Белинский говорит об отзывах на третью часть «Стихотворений Александра Пушкина» Н. Полевого (см. примеч. 6 к наст. статье) и Н. И. Надеждина (Телескоп, 1832, ч. IX, № 9).

[56] «*Гусар*» — оригинальная баллада Пушкина, написанная на тему украинской сказки.

[57] «*М. А. Г.*» — «Кн. М. А. Голицыной» («Давно об ней воспоминанье...», 1823). «*Лицейская годовщина*» — «Чем чаще празднует лицей...» (1831). «*Ночью, во время бессонницы*» — «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (1830). «*Молитва*» — «Отцы пустынники и жены непорочны...» (1836). «*Опять на родине*» — «Вновь я посетил...» (1835). «*Нет, нет, не должен я, не смею, не могу*» — «К***» (1832). См. также примеч. 34 и 46 к наст. статье.

[58] Заключение статьи Гоголя «Несколько слов о Пушкине» (см. выше, примеч. 25).

Статья шестая

(с. 278—306)

[1] Цитата из басни Крылова «Музыканты».

[2] Имеется в виду начало четвертой песни «Руслана и Людмилы», пародирующее поэму Жуковского «Двенадцать спящих дев».

[3] Белинский говорит о предисловии Пушкина ко второму (1828) изданию «Руслана и Людмилы». В этом предисловии Пушкин иронически цитировал и пересказывал многочисленные «критики» и «антикритики» на свою поэму, в частности, и те, которые приводит далее Белинский.

[4] Автором этой статьи, называвшейся «Еще критика (Письмо к редактору)» (*ВЕ*, 1820, №11) был А. Г. Глаголев.

[5] Этот образ использован не в «Руслане и Людмиле», а в балладе, напечатанной в № 13 «Сына отечества» за 1820 г. *Житель Бутырской слободы* (то есть Глаголев) писал следующее: «...у нас в такой моде *смертность*, что даже луч *солнечный* трепещет и *умирает на горе...*» (*ВЕ*, 1820, № 11, с. 216).

[6] *Один бутырский критик* — А. Ф. Воейков, разбиравший «Руслана и Людмилу», руководствуясь педантическими канонами клас-

сицистической поэтики, «Лагарпова курса словесности» (по его собственным словам) (Сын отечества, 1820, ч. LXIV, № 37, с. 152).

[7] *Бутырский критик* — М. А. Дмитриев, автор статьи «Замечания на суждения Телеграфа» (*ВЕ*, 1825, т. CXL, № 6, с. 111—115). Процитировав приводимые Белинским и обращенные к Грибоедову слова Н. Полевого, из его рецензии на альманах «Русская Талия» на 1825 г., где был напечатан отрывок из «Горя от ума» (*МТ*, 1825, ч. 1, № 2, с. 145), М. А. Дмитриев и предлагал Грибоедову, прежде чем издавать свою комедию, «переменить главный характер» и «исправить слог».

[8] Это утверждение Белинского вызвано, по-видимому, полемикой с А. Г. Глаголевым, увидевшим в «Руслане и Людмиле» «пародию на Киршу Данилова».

[9] См. примеч. 16 к наст. статье.

[10] См. примеч. 4 к статье первой.

[11] Цитата из заметки о русском театре под названием «Московские записки», подписанной П. Д. (*ВЕ*, 1824, № 1, с. 70—71).

[12] Строки из сатиры И. И. Дмитриева «Чужой толк».

[13] Лекции профессора А. Ф. Мерзлякова Белинский слушал в 1829—1830 гг., будучи студентом Московского университета.

[14] *«Стонет сизый голубочек»* — популярная песня на слова И. И. Дмитриева, музыка Ф. М. Дубянского.

[15] Белинский цитирует статью «Ответ (на ответ г-на Ф. Б(улгарина) Жителю Галерной гавани, помещенный в 9-й книжке «Сына отечества» 1821 года)», подписанную «Житель Галерной гавани». Курсив в цитате принадлежит автору статьи — М. Т. Каченовскому.

[16] Белинский прав. Эпилог поэмы, не попавший в ее первое издание, был написан на Кавказе 26 июня 1820 г., пролог («У лукоморья дуб зеленый...») — в 1825 или 1826 г., в Михайловском, где Пушкин слушал и записывал сказки своей няни, Арины Родионовны, мотивы которых в прологе и использованы.

[17] *Похвальной критикой* Белинский называет действительно благожелательный, необычный для отношения к Пушкину журнала Каченовского отзыв М. П. Погодина в статье «О Кавказском пленнике» (*ВЕ*, 1823, ч. CXXVII, № 1, с. 35—57). Автор статьи, однако, не сомневался в значении стихов, говорящих о гибели черкешенки. Напротив, он признал «прекрасным» «оборот, коим дал знать стихотворец о смерти черкешенки» (там же, с. 52). Впрочем, такие сомнения кем-то действительно высказывались, о чем свидетельствовал Вяземский в «Разговоре между Издателем и Классиком...» (см. примеч. 15 к статье второй; см. также: *Вяземский*, с. 99—100).

[18] Эти строфы из оды графу Зубову Державина и послания

Воейкову Жуковского Пушкин поместил в примечании 8 к «Кавказскому пленнику» (см.: *Пушкин*, т. 3, с. 104).

[19] Белинский провел на Кавказе лето 1837 г.

[20] М. П. Погодин писал в статье «О Кавказском пленнике»: «Характер пленника странен и вовсе непонятен. В нем замечаются беспрестанные противоречия» (*ВЕ*, 1823, ч. CXXVII, № 1, с. 41—42). О *невыдержанности* и *недоконченности* характера пленника говорилось и в статье Вяземского о «Кавказском пленнике». Герой пушкинской поэмы сравнивался здесь с Чайльд-Гарольдом Байрона, изображенным «во всей полноте» (Сын отечества, 1822, ч. LXXXII, № 49); см. также: *Вяземский*, с. 46.

[21] Намекая на баллады Жуковского «Людмила» и «Ленора», Белинский вместе с тем называет обычные мотивы романтической поэзии двадцатых годов.

[22] Именно в таком духе был представлен Димитрий *Донской* в одноименной трагедии В. А. Озерова.

[23] Белинский цитирует заметку Пушкина, относящуюся к 1830 г. (см.: *Пушкин*, т. 6, с. 302). *Н.* и *А. Р.*— Николай и Александр Раевские.

[24] Это мнение о «Бахчисарайском фонтане» было высказано Пушкиным в одной из его заметок 1830 г. (*Пушкин*, т. 6, с. 302). Белинский цитирует ее еще дважды на следующих страницах.

[25] «Братья разбойники» — поэма, писавшаяся Пушкиным в 1821—1822 гг., но неоконченная и вскоре сожженная. Сохранившийся отрывок опубликовал Пушкиным в альманахе «Полярная звезда на 1825 год», отдельно напечатан в 1827 г., с правильной датой: «Писано в 1822 году». Оценка «Братьев разбойников» Белинским в значительной степени обусловлена его ошибкой в датировке, что помешало ему найти правильное место поэмы в творческом развитии Пушкина.

Статья седьмая

(с. 306—352)

[1] В самом деле, первый же отклик на новую пушкинскую поэму, тогда еще не напечатанную, принадлежавший А. Бестужеву, автору статьи «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов», был восторженным, но очень неопределенным (Полярная звезда, 1825; см. также: Литературно-критические работы декабристов. М., Художественная литература, 1978, с. 75). Подобно Бестужеву почувствовал в «Цыганах» нечто великое и Вяземский (*МТ*, 1827, ч. XV, № 10, с. 111—122; см. также: *Вяземский*, с. 111—118). Высоко оценил «Цыган» и С. П. Шевырев (Московский вестник, 1828, № 1).

[4] Все эти замечания находятся в статье Вяземского о «Цыганах». О ремесле, которым промышлял Алеко в цыганском таборе, Вяземский писал: «...не хотелось бы видеть, как Алеко по селеньям *водит с пеньем медведя*. Этот промысл, хотя и совершенно в числе принадлежностей молдаванских цыганов, не имеет в себе ничего поэтического». По мнению Вяземского, последний стих эпилога поэмы «что-то слишком греческий для местоположения. (...) Подумаешь, что этот стих взят из какого-нибудь хора древней трагедии». «Еще не хотелось бы видеть в поэме один вялый стих, который, бог знает как, в нее попал. После погребенья двух несчастных жертв Алеко

медленно склонился
И с камня на траву свалился».

(*МТ*, 1827, ч. XV, № 10, с. 119, 121; см. также: *Вяземский*, с. 116, 117—118).

[5] Белинский цитирует памфлет Д. В. Давыдова «Современная песня» (1836).

[6] Стихи из поэмы Лермонтова «Демон» (ч. II, гл. X).

[7] Это было *напечатано* в статье Кс. Полевого «О сочинениях Пушкина» (*МТ*, 1829, ч. XXVII, № 10, с. 220—221).

[8] См. примеч. 2 к наст. статье.

[9] Такие *нападки* в печати нам неизвестны. Тем не менее о них писал и Вяземский в статье о «Цыганах»: «По мнению некоторых, эпизод Овидия, вставленный в четвертой сцене, не у места и неприличен устам цыгана. Мы с этим несогласны. Почему преданию об Овидии не храниться всенародно в краю, куда он, по всей вероятности, был сослан?» (*МТ*, 1827, ч. XV, № 10, с. 118; см. также: *Вяземский*, с. 116).

[10] Цитата из заметок Пушкина, относящихся к 1830 г. (*Пушкин*, т. 6, с. 303). *Р.*— Рылеев, *В.*— Вяземский.

[11] Почти все отзывы современной критики о «Полтаве», за исключением выступлений *МТ* (напр., 1829, № 7, 10), были отрицательными. На следующих страницах Белинский по преимуществу полемизирует с Н. И. Надеждиным как автором статьи о «Полтаве» (*ВЕ*, 1829, № 8 и 9). Исходным для Надеждина является тезис о Пушкине-романтике, гоняющемся за «лживым призраком *романтической* свободы», Пушкине — «литературном Робеспьере» (№ 8, с. 288, 289).

[12] *«Чахоточным отцом немного тощей Энеиды»* Вергилий назван в послании Пушкина «Давыдову» («Пельзя, мой толстый Аристип...», 1824).

[13] Курсив в этой последней строфе главы седьмой «Евгения Онегина» принадлежит Пушкину.

[14] Белинский перечисляет эпические поэмы (соответственно)

Т. Тассо, Д. Мильтона, А. Эрсилья, Л. Камоэнса, Вольтера, Ф.-Г. Клопштока. «*Петриада*» — эпическая поэма Ломоносова «Петр Великий». «*Россиада*» и «*Владимир* Возрожденный» — поэмы Хераскова.

[13] Почему Пушкин изменил название поэмы, он сам объяснил в статье «Возражения критикам «Полтавы», опубликованной в альманахе «Денница» на 1831 г. (см.: *Пушкин*, т. 6, с. 67—69). Суть возражений Пушкина критикам, если взять их в целом, состоит в том, что «Полтава», в отличие от Байроновой поэмы «Мазепа», с которой «Полтава» в критических отзывах часто сравнивалась, является поэмой и с т о р и ч е с к о й, верной истории — историческим событиям, историческим характерам.

[14] Белинский имеет здесь в виду, так же как и Пушкин в «Возражении критикам «Полтавы», две статьи, в которых говорилось о психологической невозможности любви молодой девушки и старика: П. П. Надеждина (*ВЕ*, 1829, ч. CLXV, № 8 и 9, с. 37—38) и Ф. В. Булгарина (Сын отечества, 1829, т. III, № 15 и 16, с. 49).

[15] К усеченным прилагательным *придрался* Надеждин, заметивший: «Верно, усечения опять входят в моду!» (*ВЕ*, 1829, ч. CLXV, № 9, с. 43). О стихе «Он, должный быть отцом и другом» говорилось в статье о «Полтаве», напечатанной в журнале «Галатея» (1839, ч. III, № 26, с. 645—646).

[16] Имеются в виду авторы статей, упомянутых в примеч. 14,— Надеждин (*ВЕ*., 1829, ч. CLXV, № 9, с. 39) и Булгарин (Сын отечества, 1829, т. III, № 16, с. 105).

[17] Парафраз двух стихов из послания «Жуковскому» («Когда, к мечтательному миру...», 1818):

И быстрый холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе.

[18] Характеристика Татьяны, данная в этих строках, лишь в общих чертах и в заостренной форме передает смысл трактовки образа Татьяны, обстоятельно развернутый в статье девятой. Эта заостренность объясняется здесь сопоставлением Татьяны с Марией, свободно и безотчетно отдавшейся своему чувству. А именно в такой свободе заключается для Белинского смысл жизни женщины.

[19] *Один критик* — Надеждин. В свойственной ему манере он грубо острил: «Этот палач был, однако, не в свою братью — чистоплотен. Руки, в которые он *брал* (топор), были *белые*. Белоручка!» *Другой* — тот же Надеждин, выражавший сомнение в естественности того, «что семидесятилетний старик, который, по словам самого же поэта,

...не любит ничего,—

на пороге гроба

Ведает любовь?..

И какую любовь? — *Раскаленную*! Говорит, правда, русская пословица: седина в голову, а *бес в ребро*! Но подобные фарсы разве называются любовью?..» *Третий* — все тот же Надеждин, по мнению которого «Пушкина можно назвать по всем правам гением *на карикатуры*» (*ВЕ*, 1829, ч. CLXV, № 9, с. 35, 37, 31).

[20] Так этот стих читался во всех прижизненных изданиях, а также *Сочинениях*. Следует: «Порою с барином шалит».

[21] Здесь и далее Белинский характеризует статью Надеждина «Две повести в стихах: «Бал» и «Граф Нулин» (*ВЕ*, 1829, № 3).

Статья восьмая

(с. 352—395)

[1] В статье «Державин и его сочинения», приложенной к изданию сочинений Державина 1845 г., П. Полевой писал, имея в виду Белинского: «Не упоминая имен, вспомним о критике, который, после долгого мудрования, осудил Державина за недостаток *художественности*...» (Державин Г. Р. Соч. СПб., 1845, с. XV).

[2] «*Людмила*» (1806) — переложение баллады Бюргера «Ленора».

[3] Сюжет романа Жорж Санд «Жанна» (1844) строится на сложных психологических отношениях персонажей, представляющих разные общественные слои. Роман, выражающий утопически-социалистические идеалы писательницы, проникнут мыслью о солидарности всех людей — независимо от их социальной принадлежности.

[4] *Славянолюбы* — «славянофилы», течение, сложившееся в журнале «Москвитянин», идейные противники Белинского.

[5] Цитата из «Героя нашего времени» Лермонтова (повесть «Бэла»).

[6] *Лапотно-сермяжным мнением* называл Белинский реакционно-славянофильскую, «псевдоромантическую», по его терминологии, идеализацию патриархального русского крестьянина. В конце 1843 г., в рецензии на «Разные повести» (издание, составленное из повестей, печатавшихся в реакционном журнале «Маяк»), одну из этих повестей, идиллически рисовавших крестьянский быт, Белинский назвал «клеветой на лапотную и сермяжную действительность» (см.: *Белинский*, т. 5, с. 488). Подобную же «клевету» Белинский находил и в других формах псевдонародной литературы, в частности в упоминаемом им лубочном, предназначенном для читателя из народной среды, романе XVIII в. «*Разгулье купеческих сынков в Марьиной роще*». К числу писателей, разделявших «лапотно-сер-

мажные мнения», относил Белинский М. Н. Загоскина, в романе которого «Тоска по родине» (1839) есть сцена с пьяным русским лакеем, попавшим вместе со своим барином в Англию.

[7] Цитата из статьи Гоголя «Несколько слов о Пушкине» (см. примеч. 25 к статье пятой).

[8] Ко времени публикации первой главы «Евгения Онегина» (февраль 1825 г.) Пушкиным были написаны еще две и начата четвертая глава.

[9] «Горе от ума» было впервые напечатано в 1833 г. с цензурными искажениями.

[10] Строки из стихотворения Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840).

[11] Под *одним великим критиком* Белинский, вероятнее всего, подразумевает Н. Полевого, утверждавшего, что «Евгений Онегин» «есть собрание отдельных бессвязных заметок и мыслей о том о сем», что «при создании «Онегина» поэт не имел никакой мысли», «не думал о полноте» и «общности сочинения» (*МТ*, 1830, № 6, с. 239—240; т а м ж е, 1833, № 6, с. 238, 239).

[12] Не совсем точная цитата из «Евгения Онегина» (гл. восьмая, строфа L). У Пушкина четвертый стих — «Явился впервые мне».

[13] См. примеч. 25 к статье второй.

[14] *Юноша-поэт* — Жуковский.

[15] *«Литератором»*, усмотревшим в Пушкине поэта «будуарного», поэта «высшего сословия», был автор цикла статей о Пушкине, печатавшихся в 1839 г. в журнале «Галатея» (по-видимому, С. Е. Раич).

[16] Не совсем точная цитата из «Горя от ума» Грибоедова (д. IV, явл. 4).

[17] У Пушкина — «неподражательная странность».

[18] Из басни Крылова «Зеркало и Обезьяна».

[19] Цензурная замена в прижизненных изданиях и *Сочинениях* слов: «и раб».

Статья девятая

(с. 395—427)

[1] Пересказ строк из «Евгения Онегина» (гл. вторая, строфы XXIX и XXX).

[2] Притчи Сумарокова поставил выше притч Лафонтена Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях».

[3] Приводимые далее Белинским две строфы, следовавшие в беловой рукописи главы третьей за строфой XXIV, были исключены Пушкиным из текста при публикации.

[4] Строфа VIII так называемого «Альбома Онегина», имевшегося

в беловой рукописи главы седьмой, но не включенного Пушкиным в печатный текст.

[5] Слова героев трагедий великого французского драматурга XVII в. П. Корнеля — *Медеи* («Медея», д. I, явл. 5) и *старого Горация* («Гораций», д. III, явл. 6). В школьных руководствах по поэтике эти реплики считались образцом «высокого».

[6] Главы первая — шестая писались с 1823 по 1826 г., публиковались с 1825 по 1828-й. Глава седьмая была начата осенью 1827 г. и закончена в ноябре следующего, напечатана в марте 1830-го. Глава восьмая начата в конце 1829 г. и в основном закончена в сентябре 1830-го. Письмо Онегина Татьяне написано 5 октября 1831 г.

Статья десятая

(с. 427—459)

[1] «Борис Годунов» был написан в 1825 г.

[2] *Ватерлооская битва* — битва при бельгийском селении Ватерлоо (1815), в которой Наполеон потерпел поражение от армий союзников.

[3] Мнение, что Пушкин не только в сюжете, но и в самом понимании драмы царя Бориса следовал «Истории государства Российского» Карамзина, первым высказал П. Полевой. Сам Белинский вскоре, в «Мыслях и заметках о русской литературе» (январь 1846 г.) очень точно определил жанр «Бориса Годунова»: «Пушкин в своем «Борисе Годунове» дал нам истинный и гениальный образец н а р о д н о й драмы...» (*Белинский*, т. 8, с. 54).

[4] *Добродушный* мелодраматический *пафос «Димитрия Самозванца»* А. П. Сумарокова, по мнению Белинского, заключался в односторонне и нарочито изображении злодейств Димитрия, испытывавшего постоянные «грызенья совести».

[5] Цитата из трагедии Шекспира (акт II, сц. 7) в прозаическом переводе, напечатанном анонимно в издании «Приложения к Репертуару русского театра» (1840, № 1).

[6] Годунов был не *зятем*, а шурином (братом жены) будущего царя Федора.

[7] Имеется в виду сцена из трагедии Шекспира «Макбет» (акт I, сц. 3), когда ведьмы предрекают одному из полководцев короля Шотландии — Макбету королевство.

[8] *Патриаршество* было учреждено в Москве в царствование Федора Иоанновича в 1589 г. по инициативе «правителя» Бориса Годунова, который посадил на патриарший престол своего ставленника митрополита Иова, полностью подчинившего церковь власти царя. Патриарх Иов и венчал Годунова на царство после смерти царя Федора.

[9] До окончательного закрепощения русские крестьяне пользовались правом перехода от одного помещика к другому, которое осуществлялось в день памяти святого Георгия — Юрия, 26 ноября ст. стиля.

[10] Речь идет о заметке Пушкина «Род мой один из старинных дворянских», относимой ныне к замыслу статьи «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830). См.: *Пушкин*, т. 8, с. 295.

[11] Строка из стихотворения Лермонтова «Не верь себе» (1839).

[12] Имеется в виду следующая эпиграмма на Карамзина:

«Послушайте: я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород и Царство Золотое,
А может быть, про Грозного царя...»
— И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам «Илью-богатыря».

Эпиграмма относится к 1817 г., когда первые тома «Истории государства Российского» еще не были напечатаны, однако сведения о предстоящей публикации этого труда уже проникли в печать. Принадлежность эпиграммы Пушкину нельзя считать бесспорной.

[13] Речь идет о *гонениях* в статье О. И. Сенковского «Резолюция на челобитную *сего, оного, такового, коего, вышеупомянутого, вышереченного, нижеследующего, ибо, а потому, поелику, якобы* и других причастных к оной челобитной, по делу об изгнании оных, без суда и следствия, из русского языка» (Библиотека для чтения, 1835, ч. I, т. VIII, отд. VI, с. 26—34).

[14] Пушкин действительно высоко ценил поэзию Баратынского и Дельвига. Белинский в данном случае мог иметь в виду суждения Пушкина в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях», напечатанных в альманахе «Северные цветы на 1828 год». Высокое мнение Пушкина об этих поэтах Белинский, очевидно, считал преувеличенным (ср., например, его статьи 1835 и 1842 гг. о «Стихотворениях Евгения Баратынского»). Цитируемые Белинским слова о Катенине, воскресившем «Корнеля гений величавый», находятся в «Евгении Онегине» (гл. первая, строфа XVIII).

[15] Белинский, возможно, имеет здесь в виду следующие слова из статьи Пушкина, печатаемой ныне под названием «Путешествие из Москвы в Петербург» (глава «Ломоносов»): «...изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков, верно, не стоят Тредьяковского» (*Пушкин*, т. 6, с. 345).

[16] Это утверждение Белинского неверно. Для Пушкина важнее всего было то, что «История» Карамзина, как он писал в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях», «есть не только создание великого

писателя, но и подвиг честного человека» (*Пушкин*, т. 6, с. 21). Пушкина привлекала не политическая концепция «Истории государства Российского», а ее нравственный пафос.

17 Сцена из «Бориса Годунова» «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» была напечатана в «Московском вестнике» (1827, № 1).

18 Несколько измененная цитата из пролога к «Руслану и Людмиле». У Пушкина — «Там русский дух... там Русью пахнет».

19 Белинский, по-видимому, сомневался в том, что Борис Годунов предполагал уничтожить местничество, эту неотъемлемую принадлежность русской феодальной иерархии. Местничество действительно было ликвидировано лишь в 1682 г., при царе Федоре Алексеевиче.

Статья одиннадцатая и последняя

(с. 459—502)

1 «*Родословная моего героя*» — отрывок, извлеченный из большой неоконченной поэмы «Езерский» и напечатанный Пушкиным с подзаголовком «Отрывок из сатирической поэмы» в кн. III «Современника» за 1836 г. Этот «отрывок», однако, является, в сущности, вполне целым, самостоятельным произведением.

2 Вставка в скобках принадлежит Белинскому.

3 «Литературная газета», издававшаяся А. А. Дельвигом при ближайшем участии Пушкина,— орган группы литераторов, получивший у идейных и литературных противников наименование «литературной аристократии».

4 Белинский, по-видимому, подразумевает отрывок «Род Байронов, один из самых старинных в английской аристократии...» (*Пушкин*, т. 6, с. 366).

5 Слова из монолога Гамлета (Шекспир. Гамлет, д. III, явл. 1).

6 Цитата из «Письма о пользе стекла» Ломоносова (1752).

7 «Галуб» — см. примеч. 42 к статье пятой.

8 Действительно, в цензурной редакции «Медного всадника», напечатанной уже после смерти Пушкина в журнале «Современник» (1837, № 1), были пропущены следующие слова Евгения, обращенные к монументу:

«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав,—
Уже тебе!..»

9 Белинский здесь и далее цитирует текст «Медного всадника» по цензурной редакции. У Пушкина, в доцензурной редакции, эта строка читается: «Поморщила старая Москва».

[10] О каком *поэте прошлого века* говорит здесь Белинский, неясно. Вполне вероятно, что имеется в виду не какой-то определенный поэт, а поэт-классик как собирательный образ.

[11] В доцензурной редакции — «Насмешка неба над землей».

[12] В доцензурной редакции —

Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

[13] В доцензурной редакции — «Кумир с простертою рукою».

[14] Начиная с этой строки и до строки «Бежать пустился... Показалось» цитируемая Белинским цензурная редакция коренным образом отличается от подлинного пушкинского текста.

[15] См. выше, примеч. 50 к статье второй. Белинский сравнивает здесь историческое дело Петра Великого с сотворением мира.

[16] См. примеч. 17 к статье первой.

[17] Отнеся *упоминовение о графе Хвостове* («Поэт, любимый небесами, / Уж пел бессмертными стихами...») к недостаткам поэмы, Белинский, видимо, не уловил в этом «упоминовении» иронии.

[18] Строки из баллады Шиллера «Торжество победителей» в переводе Жуковского (1828). Белинский пользуется ими, чтобы напомнить об обстоятельствах гибели Пушкина.

[19] Здесь и далее Белинский цитирует по тексту *Сочинений*. Следует: «Так в сакле вскормленный олень».

[20] Эту и предыдущую строки следует читать:

Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.

[21] Белинский разумеет строки из «Элегии» 1830 г. («Безумных лет угасшее веселье...»).

[22] В критике публикация «Анджело» не вызвала откликов, если не считать небольшой заметки, напечатанной в «Молве» (1834, № 21). Тогда же упомянул поэму Пушкина в «Литературных мечтаниях» Белинский, противопоставив «Пушкина — автора «Полтавы» и «Годунова» и Пушкина — автора «Анджело» и других мертвых, безжизненных сказок» (см.: *Белинский*, т. 1, с. 48).

[23] Белинский говорит, конечно, о первой публикации фрагмента из «Бориса Годунова» (1603 год. Ночь. Келья в Чудовом монастыре.— Московский вестник, 1827, № 1). В «Северных цветах» на 1828 г. появился «Отрывок из «Бориса Годунова». 1604. 16 октября. Граница литовская».

[24] «*Сцена из Фауста*», под названием «Новая сцена между Фаустом и Мефистофелем», впервые была напечатана в 1828 г. в журнале «Московский вестник», а уже затем включена в состав второй части «Стихотворений Александра Пушкина». Эта «сцена»

действительно *не перевод*, а вполне оригинальное произведение Пушкина, лишь использующее образы трагедии Гёте.

[25] Неточная цитата из неоконченной поэмы Лермонтова «Сказка для детей» (1839—1840). У Лермонтова —

То был ли сам великий Сатана
Иль мелкий бес из самых печиновных.

[26] Несколько измененная Белинским, в соответствии со смыслом фразы, цитата из пушкинского «Демона». У Пушкина — «В те дни, когда мне были новы». Точно так же дальше Белинский перефразирует следующую строку из «Демона»: «Печальны были наши встречи».

[27] Строки из поэмы Лермонтова «Сказка для детей». Первая из этих строк несколько переделана Белинским в соответствии со смыслом фразы. У Лермонтова: «Мой юный ум, бывало, возмущал».

[28] Источником пушкинского «Пира во время чумы» (1830) явилась драматическая поэма английского поэта-романтика Дж. Вильсона «Город чумы». Однако «маленькая трагедия» Пушкина и по мысли и по выполнению представляет собой глубоко оригинальное произведение, хотя и является переводом двух частей поэмы Вильсона (со включением сочиненных самим Пушкиным песен Мери и Вальсингама).

[29] Впервые «Скупой рыцарь» был напечатан в т. 1 «Современника» за 1836 г. с ошибочным написанием английских слов в подзаголовке, которое воспроизводит и Белинский. Между тем в рукописи Пушкина написание вполне правильно: The covetous Knight. Английский писатель Чепстон, или Шепстон, действительно существовал (1714—1763), однако трагедии под таким названием у него нет.

[30] Цитата из стихотворения Лермонтова «Не верь себе» (1839).

[31] Не следует понимать эти слова Белинского буквально. Речь, конечно, идет о том, что названные произведения не получили в критике должной оценки.

[32] Белинский прав: предположение, будто Пушкин писал «Русалку» как либретто для оперы, лишено достаточных оснований.

[33] *«Роберт-дьявол»* (1831) — опера Дж. Мейербера.

[34] Из послания Пушкина «К вельможе» (1830). У Пушкина строка 3-я цитируемого фрагмента читается: «О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют...»

[35] *Опера Моцарта* — «Дон Жуан», либретто Л. да Понте.

[36] *«Жил на свете рыцарь бедный...»* — стихотворение, написанное Пушкиным в 1829 г., позднее в сокращенном виде было включено в «Сцены из рыцарских времен» в качестве песни Франца.

[37] Так в цензурной редакции, опубликованной в 1840 г. в журнале «Сын отечества», была названа «Сказка о попе и о работнике его Балде» (1830).

[38] «*Повести Белкина*» действительно были встречены критикой весьма сдержанно. Например, Н. Полевой отозвался о них так: «Лучшею из всех повестей Белкина нам показалась «Станционный смотритель». В ней есть несколько мест, показывающих знание человеческого сердца. Забавна и шутка, названная «Гробовщик». Зато в повестях «Выстрел», «Метель» и «Барышня-крестьянка» нет даже никакой вероятности, ни поэтической, ни романической. Это фарсы, затянутые в корсете простоты» (*МТ*, 1831, № 22, с. 256).

[39] *Калеб* Бальдерстон — персонаж романа В. Скотта «Ламермурская невеста» (слуга главного героя Эдгара Равенсвуда).

[40] «*Летопись села Горохина*» — цензурное название «Истории села Горюхина» (1830) при публикации ее в 1837 г., уже после смерти Пушкина, в «Современнике».

[41] «*Историей Пугачевского бунта*» был назван по требованию Николая I исторический труд Пушкина «История Пугачева» (1833—1834).

[42] «*Отрывки: литературные, критические, грамматические замечания*».— См. примеч. 7 к статье первой.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адашев Алексей Федорович (ум. 1561), стольник Ивана IV Грозного, государственный деятель — 432

Александр I (1777—1825), российский император с 1801 г.— 368, *510*, *511*

Александр II (1818—1881), российский император с 1855 г.— *510*

Александр Македонский (356—323 до н. э.), царь Македонии с 336 г. до н. э., полководец и государственный деятель — 227, 471

Александр Николаевич — см. Александр II

Александра Федоровна (1798—1860), российская императрица, жена Николая I —*510*

Алексеев Николай Степанович (1788—1854), чиновник особых поручений при генерале И. Н. Инзове, кишиневский друг А. С. Пушкина — 213, 246, *521*

Анакреонт (Анакреон; ок. 570—487 до н. э.), древнегреческий поэт — 34, 39, 90, 146, 164, 197, 212, 244, 246, 263, 409, *520*

Анастасия Романовна (ум. 1560), первая жена Ивана IV Грозного — 432

Антоний Марк (ок. 83 — 30 до н. э.), римский политический деятель и полководец — 436

Арина Родионовна — см. Яковлева А. Р.

Ариосто Лудовико (1474—1533), итальянский поэт — 24, 153, 166, 168, 173, 204, 282, 284, 286, *511*

Аристарх Самофракийский (1-я пол. II в. до н. э.), александрийский грамматик и критик, его имя стало нарицательным как символ подлинно ученой и благожелательной критики — 48, 168, 205, 224, 235, 275

Аристипп (ок. 430 — ок. 360 до н. э.), древнегреческий философ, ученик Сократа — *527*

Арто, переводчик песен В. Скотта на французский язык — *523—524*

Аттила (ум. 453), вождь гуннского союза племен — 168, *512*

Афиней (228—?), греческий писатель — *520*

Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — 24, 90, 131—133, 160, 166, 180, 185, 191, 222, 223, 228—230, 234, 237, 238, 258, 274, 275, 307, 323, 332, 362, 363, 371, 379, 380, 413, 448, 465, *504*, *510*, *512*, *515*, *519*, *526*, *528*, *533*

Баратынская (урожд. Абамелек) Анна Давыдовна (1814—1889), приятельница А. С. Пушкина, впоследствии переводчица его произведений на иностранные языки — 263, *522*

Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800—1844), поэт — 193, 263, 271, 449, *523*, *532*

Барбье Анри-Огюст (1805—1882), французский поэт — 309

Барри Корнуол — см. Проктер Б.-У.

Басманов Петр Федорович (ум. 1606), приближенный Бориса Годунова, в 1605 г. перешел на сторону Лжедмитрия — 458

Баторий Стефан (1533—1586), польский король и полководец — 451

Баттё Шарль (1713—1780), французский философ, эстетик и педагог — 182, 190, 221

Батый, Бату, Сапи-хан (1208—1255), монгольский хан, внук Чингисхана — 55

Батюшков Константин Николаевич (1787—1855), поэт — 44, 50, 53, 54, 58, 62, 66, 72, 73, 75, 92, 142, 145—175, 178, 180, 185, 186, 189, 192—195, 197, 199, 201—204, 206, 207, 213, 214, 216, 236, 237, 244, 245, 280, 285, 288, 354, *507*, *509—513*, *516*, *517*, *520*

Бекетов Платон Петрович (1761—1836), историк, иконограф, издатель, библиограф — 42

Бельский Богдан Яковлевич (ум. 1611), фаворит Ивана IV Грозного, родственник Малюты Скуратова — 443, 446

Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873), поэт — 401

Бенитский (совр. Бенитцкий) Александр Петрович (1780—1809), писатель, издатель альманаха «Талия» — 52

Бентам Иеремия (1748—1832), английский философ, социолог, юрист — 418

Беньян Джон (1628—1688), английский писатель — *523*

Беранже Пьер-Жан (1780—1857), французский поэт — 253

Бестужев Александр Александрович (1797—1837), писатель и литературный критик, декабрист — 306, 401, 425, *526*

Бидбай, легендарный индусский баснописец — 163

Бирон — см. Байрон Д.-Н.-Г.

Блэр Хьюг (1718—1800), английский священник и писатель, теоретик искусства — 221

Бобров Семен Сергеевич (конец 1760-х — 1810), поэт — 86, *505*

Богданович Иван Федорович, брат Ип. Ф. Богдановича — 42

Богданович Ипполит Федорович (1744—1803), поэт — 23, 36, 41—44, 51, 92, 163—165, 182, 205, 221, 263—264, 279, 282, 285, 287, 368, *506*

Бомарше Пьер-Огюст-Карон де (1732—1799), французский драматург — 275, 483

Бонаротти — см. Микеланджело Б.

Бонди Сергей Михайлович (1891—1983), советский литературовед — *516*

Боур Родион Христианович (1667—1717), генерал от кавалерии, сподвижник Петра I — 340

Брут Марк Юний (85—42 до н. э.), римский политический деятель, один из военачальников Цезаря, глава заговора против него — 208, 308

Брюс Яков Вилимович (1670—1735), государственный деятель и ученый, сподвижник Петра I — 340

Буало (Буало-Депрео) Никола (1636—1711), французский поэт, критик, теоретик классицизма — 46, 181, 182, 190, 280

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), журналист и писатель — 25, 269, 334, 338, 464, 501, *504*, *523—525*, *528*

Булгарис Евгений (1716—1806), архиепископ, историк, писатель, переводчик, по национальности болгарин — *520*

Бюргер Готфрид Август (1747—1794), немецкий поэт — 92, 354, *529*

Вадим (ум. 864), полулегендарный вождь новгородцев, который, по летописному преданию, возглавил восстание против Рюрика и был убит им — 95, 122, 123, 211, 216, 217, *509*, *518*

Василий Иванович Шуйский (1552—1612), русский царь в 1606—1610 гг. — 430, 442, 443, 451, 454—456

Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827), поэт, критик — 193

Вергилий Марон Публий (70—19 до н. э.), древнеримский поэт — 30, 32, 35, 52, 136, 184, 194, 204, 280, 325—329, 409, *505*, *527*

Вержье Жак (1655—1720), французский поэт — 205

Верстовский Алексей Николаевич (1799—1862), композитор и театральный деятель — 288, 289

Виланд Кристоф Мартин (1733—1813), немецкий писатель — 24

Вильгельм II, Фредерик Георг Лодевейк (1792—1849), король Нидерландов в 1840—1849 гг. — 288, 289

Вильсон (Уилсон) Джон (1785—1854), английский писатель — 479, *535*

Владимир Святославич (ум. 1015), с 980 г. князь киевский — 34, 35, 163, 166, 286, 327, *507*, *528*

Владиславлев Владимир Андреевич (1807—1856), писатель, издатель — *521*

Воейков Александр Федорович (1779—1839), поэт, журналист — 52, 165, 263, 285, 294, *506*, *522*, *524*, *526*

Войнаровский Андрей (ум. ок. 1740), украинский казацкий старшина, племянник гетмана Мазепы и активный сторонник его заговора — 331

Волконская (урожд. Белосельская-Белозерская) Зинаида Александровна (1792—1862), писательница, певица, композитор — 263

Вольтер (наст. имя и фам. Мари-Франсуа Аруэ; 1694—1778), французский писатель, философ, историк — 32, 34, 46, 56, 166, 180, 197, 198, 204, 275, 284, 327, 328, 330, 409, 461, *505*, *516*, *517*, *528*

Востоков (наст. фам. Остенек) Александр Христофорович (1781—1864), филолог-славист, поэт — 165, *514*

Всеволожский Никита Всеволодович (1799—1862), основатель общества «Зеленая лампа», друг А. С. Пушкина — 213, *518*

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), поэт, литературный критик — 59, 62, 67, 145, 154, 185, 213, 306, 307, 320, 323, 324, *503*, *507*, *508*, *511*, *512*, *515*, *525—527*

Галахов Алексей Дмитриевич (1807—1892), историк литературы, писатель — *503*

Галиани Фердинандо (1728—1787), итальянский экономист, философ, государственный деятель, аббат — 275

Галилей Галилео (1564—1642), итальянский ученый, один из основателей точного естествознания — 475

Галич Александр Иванович (1783—1848), философ, психолог, профессор Петербургского университета — 201, *517*

Гальяни — см. Галиани Ф.

Гамалея Антон М., участник заговора Мазепы против Петра I — 338

Ганнибал Абрам Петрович (ок. 1697—1781), военный инженер, генерал-аншеф, сын эфиопского князя, прадед А. С. Пушкина — 459, 499

Гафиз — см. Хафиз

Гебель — см. Хебель И.-П.

Гедеонов Степан Александрович (1815—1878), историк и театральный деятель, драматург — 451

Гесиод (VIII—VII вв. до н. э.), древнегреческий поэт — 77, 152, 173

Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — 89, 91, 130, 131, 136, 190, 224, 227—230, 238, 253, 267, 271, 329, 412, 413, 477, *505*, *520*, *523*, *535*

Глаголев Андрей Гаврилович (ум. 1844), историк литературы — 282—285, *524*

Глазунов Илья Иванович (1786—1849), издатель и книготорговец в Петербурге — *503*

Глинка Федор Николаевич (1786—1880), поэт, публицист — 216

Гнедич Николай Иванович (1784—1833), поэт, переводчик — 62, 136, 145, 173, 175—181, 244, 276, *509*, *513*, *514*, *520*

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — 21, 27, 28, 100, 219, 235—236, 254—256, 277—278, 280, 281, 352, 358, 361, 362, 365, 375, 401, 460, 484, *504*, *509*, *521*, *524*, *530*

Годунов Борис Федорович (1552—1605), русский царь с 1598 г.— 256, 281, 305, 323, 427, 428, 430—459, 477, *531—534*

Годунов Семен Никитич, боярин и воевода, жестоко преследовавший противников Бориса Годунова — 443

Годунов Федор Борисович (1589—1605), сын Бориса Годунова, русский царь в 1605 г.— 445, 446, 455, 456, 458, 459

Годунова Ксения Борисовна (ум. 1621), дочь Бориса Годунова — 433, 434, 445, 446, 455, 457, 458

Годунова (урожд. Скуратова-Бельская) Мария Григорьевна (ум. 1605), жена Бориса Годунова — 440

Голенищев-Кутузов-Смоленский — см. Кутузов М. И.

Голицын Борис Владимирович (1769—1813), писатель — 182, *515*

Голицына (урожд. Суворова-Рымникская) Мария Аркадьевна (1802—1870), внучка А. В. Суворова, знакомая А. С. Пушкина — 276, *524*

Гольбах Поль-Анри (1723—1789), французский философ — 275

Гомер — 30, 31, 35, 38, 71, 72, 74, 75, 125—127, 136, 152, 173, 175—177, 179—181, 184, 204, 223, 238, 243, 244, 246, 276, 280, 286, 326—329, 364, 409, 471, *505*, *509*, *513*, *514*, *520*

Гораций (полное имя Квинт Гораций Флакк; 65—8 до н. э.), древнеримский поэт — 34, 47, 48, 163—167, 190, 204, 207, 208, 280, 289, 328, 409, *518*, *529*

Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), дипломат, государственный деятель, соученик А. С. Пушкина по лицею — 201

Горчаков Дмитрий Петрович (1758—1824), поэт-сатирик — 206

Гостомысл (1-я пол. IX в.), легендарный предводитель новгородцев, первый князь — 217

Готовцева (по мужу Корнилова) Анна Ивановна, поэтесса 1820-х гг.— 263

Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776—1822), немецкий писатель, композитор, музыкальный критик, дирижер, художник-декоратор — 98, 123, *510*

Гракх Гай (153—121 до н. э.), политический деятель Древнего Рима — 327

Гракх Тиберий (162—133 до н. э.), политический деятель Древнего Рима — 327

Грей Томас (1716—1771), английский поэт — 91, 290, *506*

Грейг Самуил Карлович (1736—1788), адмирал, по национальности шотландец, в 1764 г. перешел на русскую службу — 49

Грекур Жан-Батист де (1683—1743), французский поэт, аббат — 205

Греч Николай Иванович (1787—1867), журналист, писатель, филолог — 39, *506*, *507*

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — 165, 193, 235, 281, 285, 361—366, 371, 374, *520*, *525*, *530*

Гюго Виктор-Мари (1802—1885), французский писатель — 90

Давыдов Александр Львович (1773—1833), генерал-майор, знакомый А. С. Пушкина — *527*

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), герой Отечественной войны 1812 г., военный писатель, поэт — 193, 198, 263, 308, 316, *527*

Данте Алигьери (1265—1321), итальянский поэт — 29, 31, 119, 133, 208, 273, 276, 328, 329, *518*, *519*

Дезульер Антуанетта (1638—1694), французская повтесса — 50

Делиль Жак (1738—1813), французский поэт и переводчик — 52

Дельвиг Антон Антонович (1798—1831), поэт, друг А. С. Пушкина — 182, 197, 209, 213, 449, *518*, *532*, *533*

Державин Гаврила Романович (1743—1816) — 20, 28, 31, 34—36, 38—40, 44, 46, 49, 62, 63, 90, 114—115, 145, 146, 163, 164, 185—188, 192, 193, 195—198, 204, 211, 213, 222, 237, 263, 279—282, 294, 353, 354, 364, 368, *504*, *505*, *507*, *510*, *515*, *517*, *518*, *525*, *529*

Дидро Дени (1713—1784), французский писатель, философ-просветитель — 275

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), поэт — 35, 36, 42, 45—51, 53, 54, 61, 62, 64, 115, 163—165, 182, 196, 205, 221, 222, 237, 280, 281, 285, 289, 290, 349, 362, 364, 369, 460, *506*, *507*, *510*, *525*

Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866), поэт, баллерист, критик, мемуарист — 285, 290, *525*

Дмитрий Иванович (1582—1591), сын Ивана IV Грозного и Марии Нагой — 433, 435—437, 441—444, 448, 456, 457

Дмитрий Иванович Донской (1350—1389), великий князь Владимирский и Московский с 1359 г.— 44, 297, 354, *526*

Дмитрий Самозванец — см. Лжедмитрий I

Долгорукий Иван Михайлович (1764—1823), поэт, драматург, мемуарист — 52, 165

Долгоруков Яков Федорович (1639—1720), князь, сподвижник Петра I, его советник и доверенное лицо — 269

Доленга-Ходаковский Зыгмунт (наст. имя и фам. Адам Черноцкий; 1784—1825), польский историк и археолог — 463

Драйден Джон (1631—1700), английский поэт, драматург, критик — 138, 288, 290

Дубянский Федор Михайлович (1760—1796), композитор и скрипач — *525*

Дюкре-Дюменил Франсуа-Гийом (1761—1819), французский писатель — 56

Дюма Александр (Дюма-отец; 1802—1870), французский писатель — 315—316

Дюси Жан-Франсуа (1733—1816), французский драматург — 180, *514*

Еврипид (ок. 480—406 до н. э.), древнегреческий драматург — 77, 81, 181, 187, 204, *514*

Екатерина II Алексеевна (1729—1796), российская императрица с 1762 г.— 32, 40, 41,

44, 331, 368, 371, 447, 500, *510*, *524*

Екатерина Медичи (1519—1589), жена французского короля Генриха II — 431

Екатерина Павловна (ум. 1818), сестра Александра I — 110, 137, 143, *521*

Елена Васильевна Глинская (ум. 1538), с 1533 г. правительница Русского государства при малолетнем сыне Иване IV Васильевиче — 451

Елизавета Петровна (1709—1761), российская императрица с 1741 г.— 40

Ермак Тимофеевич (ум. 1585), казачий атаман, предводитель похода в Сибирь, положивший начало ее присоединения к России и освоению — 45, 461

Жан-Поль (наст. имя и фам. Иоганн Пауль Фридрих Рихтер; 1763—1825), немецкий писатель — 222

Жанлис Мадлен-Фелисите Дюкре де Сент-Обен (1746—1830), французская писательница — 56, 124, *507*

Жанна д'Арк, Орлеанская дева (ок. 1412—1431), народная героиня Франции — 124, *516*

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), поэт — 23, 31, 44, 50, 53, 54, 59, 62—67, 80, 91—146, 148, 149, 154, 161, 162, 165, 169, 172—174, 176, 180, 185, 186, 188, 189, 192—201, 203, 213, 234, 236, 237, 247, 249, 250, 280, 282, 285, 288, 290, 291, 294, 297, 354, 357, 369, 472, 481, *505—510*, *512*, *513*, *519*, *521*, *524*, *526*, *528*, *529*, *534*

Забела П. М., участник заговора Мазепы против Петра I — 338

Завадовская (урожд. Влодек) Елена Михайловна (1807—1874), жена знакомого А. С. Пушкина В. П. Завадовского — *521*

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852), писатель — 269, 499, *523*, *529*

Заикин Матвей Иванович (1782—1854), издатель и книготорговец — *503*

Зоил (ок. 400 — ок. 330 до н. э.), древнегреческий ритор, его имя стало нарицательным для обозначения придирчивой, недоброжелательной критики — 35, 285

Зубов Валериан Александрович (1771—1804), брат фаворита Екатерины II П. А. Зубова — *525*

Иван I Данилович Калита (ум. 1340), князь Московский с 1325 г., великий князь Владимирский с 1328 г.— 439

Иван III Васильевич (1440—1505), великий князь Московский с 1462 г.— 54, 55, 429, 432, 439, 451

Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584), великий князь с 1533 г., первый русский царь с 1547 г.— 35, 55, 356, 430, 432—435, 440, 443, 444, 453, 454, 456, *507*, *532*

Игорь (ум. 945), великий князь Киевский с 912 г.— 217, *532*

Исиод — см. Гесиод.

Измайлов Владимир Васильевич (1773—1830), белле-

трист и переводчик — 52, 62, 165, 194

Илличевский Алексей Демьянович (1798—1837), лицейский товарищ А. С. Пушкина — *518*

Иоанн Безземельный (1167—1216), английский король с 1199 г.— 431

Иов (ум. 1607), первый русский патриарх, ставленник Бориса Годунова — 446, *531*

Ирина Федоровна (в монашестве Александра), сестра Бориса Годунова, с 1580 г. жена царя Федора Ивановича — 434, 443, *531*

Искра Иван Иванович (ум. 1708), полковник полтавский, казнен вместе с В. Л. Кочубеем за донос на Мазепу — 339, 348

Каменский Михаил Федорович (1738—1809), генерал-фельдмаршал — 111

Камоэнс (Камоншш) Луиш ди (1524 или 525—1580), португальский поэт — 195, 282, 327, *528*

Кант Иммануил (1724—1804), немецкий философ — 222, 393

Кантемир Антиох Дмитриевич (1708—1744), поэт-сатирик— 40, 41, 64, 166, 167, 174, 279, *507*

Капнист Василий Васильевич (1758—1823), писатель — 41, 43, 52, 62, 164, 165, 195, 198

Карагеоргий (Георгий Черный Петрович; 1768—1817), руководитель Первого сербского восстания (1804—1813 гг.) против османского ига — 213

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), писатель, публицист, историк — 36, 41, 44—47, 49—52, 54, 59, 61—65, 90—93, 142, 145, 163—167, 169, 173, 181, 182, 185, 186, 193—196, 198, 205, 216, 221, 237, 281, 369, 430—433, 435, 437, 438, 448—450, 460, 468, 499, 501, *506—510*, *513*, *515*, *516*, *531—533*

Карл Великий (742—814), король франков с 768 г., император с 800 г.— 137, 166, 167, 286

Карл XII (1682—1718), король Швеции с 1697 г.— 331, 334, 339, 341, 348, 349

Кастн Джан Баттиста (1724—1803), итальянский поэт — 173, 174, 275, *513*

Катенин Павел Александрович (1792—1853), поэт, критик и театральный деятель — 263, 449, *532*

Катон Старший (или Цензор) Марк Порций (234—149 до н. э.), древнеримский писатель и государственный деятель — 115, 183

Катулл Гай Валерий (ок. 87—ок. 54. до н. э.), древнеримский поэт — 246

Качеповский Михаил Трофимович (1775—1842), историк, литературный критик, журналист — 25, 37, 290—291, *504*, *525*

Керн (урожд. Полторацкая) Анна Петровна (1800—1879), племянница П. А. Осиповой, знакомая А. С. Пушкина — *521*

Кий, легендарный основатель и первый правитель Киева— 166

Кирша Данилов (Кирилл Данилович), предполагаемый собиратель русских былин, сказок и песен (XVIII в.) — 283, 286, 356, *525*

Клеопатра (69—30 до н. э.), последняя царица Египта с 51 г. до н. э. из династии Птолемеев — 436, 476

Клопшток Фридрих Готлиб (1724—1803), немецкий поэт — 34, 138, 194, 327—329, *505*, *511*, *528*

Княжнин Яков Борисович (1742—1791), писатель — 44, 52, 63, 205, 222

Козлов Иван Иванович (1779—1840), поэт — 160, 193, 213

Кокошкин Федор Федорович (1773—1838), драматург — 52

Колумб Христофор (1451—1506), мореплаватель, по происхождению генуэзец — 372

Кольбер Жан-Батист (1619—1683), французский государственный деятель — 440

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842), поэт — 182

Констан де Ребек Бенжамен-Анри (1767—1830), французский писатель, публицист, политический деятель — 191, *515*

Корнель Пьер (1606—1684), французский драматург — 31, 32, 190, 280, 409, 424, 449, 452, 431, *532*

Королева Виртембергская — см. Екатерина Павловна

Костров Ермил Иванович (1755—1796), поэт и переводчик — 33, 38, 44, 244, *505*, *520*

Костюшко Тадеуш (1746—1817), польский политический и военный деятель, главнокомандующий национальными вооруженными силами в польском восстании 1794 г.— 48

Коттен Мари-Софи Ристо (1770—1807), французская писательница — 56, 412, 413

Кочубей Василий Леонтьевич (1640—1708), украинский государственный и военный деятель — 331, 335—339, 342—348

Кочубей (в замужестве Чуйкова) Матрена Васильевна, дочь В. Л. Кочубея — 331, 334, 336—339, 342—348

Краевский Андрей Александрович (1810—1889), издатель и журналист — *508*

Крамер Карл Готлиб (1758—1817), немецкий писатель — 56

Крешев Иван Петрович (1824—1859), поэт и переводчик —148

Кривцов Сергей Иванович (1802—1864), декабрист — 213

Кромвель Оливер (1599—1658), деятель английской буржуазной революции XVII в.— 328

Крылов Иван Андреевич (1769 или 1768—1844) — 44, 50, 52—54, 62—64, 110, 111, 163—165, 180, 193, 205, 206, 222, 280, 354, 357, 364, 369, 378, 462, *506*, *508*, *510*, *517*, *524*, *530*

Крюднер (урожд. Фитингоф) Варвара Юлия (1764—1825), писательница, проповедница — 412, 413

Крюковский Матвей Васильевич (1781—1811), драматург — 53, 62

Ксенофан Колофонский (VI—V вв. до н. э.), древне-

греческий поэт и философ — 245, *520*

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868), писатель — 269, 499, *523*

Курбский Андрей Михайлович (1528—1583), политический и военный деятель, писатель-публицист — 456, 461

Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813), светлейший князь Смоленский, полководец, генерал-фельдмаршал — 185, 193, 194, *515*

Лагарп Жан-Франсуа де (1739—1803), французский драматург и теоретик литературы — 50, 181, 182, 190, 205, 221, *525*

Лажечников Иван Иванович (1792—1869), писатель — 499

Ламартин Альфонс-Марп-Луи де (1790—1869), французский поэт, публицист и политический деятель — 90, 156, *512*

Ламот-Фуке — см. Фуке Ф.

Лантье Этьен-Франсуа (1734—1826), французский писатель — 52

Ласепед Бернар-Жермен-Этьен де Л а В и л ь (1756—1825), французский зоолог —174

Лаура (ум. 1348), возлюбленная Петрарки — 153

Лафайет Мари-Жозеф-Поль Ив Рок Жильбер М о т ь е де (1757—1834), французский политический деятель и писатель — 308

Лафонтен Август (1758—1831), немецкий писатель — 384

Лафонтен Жан (1621—1695), французский поэт-баснописец — 33, 46, 50, 53, 62, 164, 165, 222, 354, 409, *530*

Лепид Марк Эмилий Младший (ок. 89—12 до н. э.), древнеримский политический деятель — 436

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — 21, 26—28, 61, 133, 169, 180, 191, 193, 219, 265, 280, 294, 311—312, 356, 359, 361, 362, 365, 370, 371, 392, 424, 448, 451, 478, 483, *504*, *507*, *513*, *516*, *519*, *522*, *527*, *532*, *535*

Лжедмитрий I (ум. 1606), самозванец, русский царь в 1605—1606 гг.— 427, 430, 435, 436, 438, 443, 444, 451—459, *531*

Ливий Тит (59 до н. э.— 17 н. э.), древнеримский историк — 34, 433

Лициний Валерий Лициниан (ок. 250—325), римский император в 308—324 гг.— 212

Локк Джон (1632—1704), английский философ-просветитель — 34

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765), ученый-естествоиспытатель, основоположник физической химии, поэт, художник, историк — 29, 31—34, 36, 37, 39—41, 46, 49, 56, 61—63, 142, 164—169, 174, 189, 193, 222, 263, 279—281, 284, 352, 449, 456, 466, 501, *504*, *505*, *507*, *513*, *528*, *532*, *533*

Луиза-Ульрика (1720—1782), дочь прусского короля Фридриха Вильгельма I, сестра Фридриха Великого, жена шведского короля Адольфа-Фридриха — *517*

Львов Николай Александрович (1751—1803), поэт, историк, архитектор — 244, *520*

Людовик XIII (1601—1643), французский король с 1610 г.— 431

Людовик XIV (1638—1715), французский король с 1643 г.— 50, 166, 167, 187

Ляпунов Прокопий Петрович (ум. 1611), политический деятель начала XVII в.— 451

Мазепа Иван Степанович (1644—1709), гетман Левобережной Украины в 1687—1708 гг.— 330—335, 338, 339, 342—349, *528*

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт — 148

Майков Василий Иванович (1728—1778), поэт — 38, 39, *506*

Майков Леонид Николаевич (1839—1900), историк русской литературы — *511*

Макаров Петр Иванович (1765—1804), критик и переводчик — 51, 52, 182, 221, *506*, *515*

Марлинский А.— см. Бестужев А. А.

Мармонтель Жан-Франсуа (1723—1799), французский писатель — 56, *507*

Марон — см. Вергилий

Марфа Посадница, вдова новгородского посадника Борецкого, глава партии новгородских бояр, враждебных великому князю Московскому Ивану III — 167

Матиссон Фридрих (1761—1831), немецкий поэт — 91

Медведева Ирина Николаевна (1903—1973), советский литературовед — *514*

Мейербер Джакомо (наст. имя и фам. Яков Либман Бер; 1791—1864), немецкий композитор — 490, *535*

Меншиков Александр Данилович (1673—1729), государственный и военный деятель — 340

Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830), поэт, литературный критик — 50, 62, 145, 164, 165, 181—184, 221, 222, 240, 244, 289—290, *512*, *514*, *515*, *520*, *525*

Мериме Проспер (1803—1870), французский писатель — 273, *523*

Меценат Гай Цильний (между 74 и 64—8 до н. э.), древнеримский государственный деятель и покровитель искусств — 168, 328

Микеланджело Буонарроти (1475—1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт — 484

Милонов Михаил Васильевич (1792—1821), поэт — 52, 62, 158

Мильвуа Шарль-Ибер (1782—1816), французский поэт — 152, 280, *512*

Мильтон (Милтон) Джон (1608—1674), английский поэт, политический деятель — 34, 195, 280, 327, 328, 501, *505*, *528*

Минин (Сухорук) Кузьма (ум. 1616), один из организаторов и руководителей второго ополчения в период польской и шведской интервенции в начале XVII в.— 26, 462

Мирабо Оноре-Габриэль Рикети (1749—1791), деятель Великой французской революции — 308, 309, 316

Мицкевич Адам (1798—1855), польский поэт — 270

Мнишек Марина (ок. 1588—ок. 1614), авантюристка, дочь польского магната, жена Лжедмитрия I и Лжедмитрия II — 456, 457

Моллер Федор Антонович (1812—1875), художник — 215

Мольер (наст. имя и фам. Жан-Батист П о к л е н; 1622—1673), французский комедиограф, актер, театральный деятель — 46, 52, 184, 205, 263, 484

Монкриф Франсуа Огюст Паради де (1687—1770), французский литератор — *509*

Морелле Андре де (1727—1819), французский философ — 275

Морле А.— Морелле А.

Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791) — 275, 459, 481—484, 487, 497, *535*

Мстислав Владимирович (1076—1132), великий князь Киевский, сын Владимира Мономаха — 461

Мур Томас (1779—1852), английский поэт — 91, 133

Муравьев Михаил Никитич (1757—1807), поэт, писатель, общественный деятель — 165—167, *512*

Муравьев Никита Михайлович (1796—1843), декабрист — 173, *513*

Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1765—1851), писатель и государственный деятель — 166, 173, *512*, *513*

Мухаммед (М о х а м м е д; ок. 570—632), религиозный проповедник и политический деятель, основатель ислама — 302

Мэтьюрин Чарлз Роберт (1782—1824), английский писатель — 379, 380

Н. Д.— 288, *525*

Нагая Мария Федоровна (ум. 1612), седьмая жена Ивана IV Грозного, мать царевича Дмитрия — 444

Надеждин Николай Иванович (1804—1856), критик, журналист, историк и этнограф — 25, 222, 223, 227, 334, 335, 338, 348, 349, 352, *504*, *519*, *524*, *527*, *528*.

Наполеон I (Наполеон Бонапарт; 1769—1821), французский император в 1804—1814 гг. и в марте — июне 1815 г.— 53, 112, 168, 190, 191, 200, 201, 217, 218, 273, 289, *512*, *516*, *517*, *519*, *531*

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1829), поэт — 36, 51, 52, 163, 165, 198

Никитенко Александр Васильевич (1804—1877), литературный критик, историк литературы — *508*

Николай I (1796—1855), император всероссийский с 1825 г.— *536*

Никон (светское имя Никита Минов; 1605—1681), церковно-политический деятель России XVII в., патриарх (1652—1667) русской церкви — 198

Новалис (наст. имя и фам. Фридрих фон Х а р д е н б е р г; 1772—1801), немецкий поэт и философ — 89

Новиков Николай Иванович (1744—1818), просветитель, писатель, журналист, книгоизда-

тель — 32—34, 37, 38, 368, 409, *507*, *530*

Нума Помпилий, второй царь Древнего Рима, правил в 715—673 (672) гг. до н. э.— 35, 37

Ободовский Платон Григорьевич (1803—1864), драматург, переводчик и поэт — 451

Овидий (полн. имя Публий Овидий Назон; 43 до н. э.— ок. 18 н. э.), римский поэт — 71, 166, 213, 215, 280, 319, 323, *508*, *527*

Одоевский Владимир Федорович (1803—1869), писатель, философ, педагог, музыкальный критик — 27, 371, *504*

Озеров Владислав Александрович (1769—1816), драматург — 44, 50, 52, 54, 62, 185, 199, 205, 237, 281, 297, 354, 369, *515*, *526*

Олег Святославич (сер. XI в.— 1115), древнерусский князь, внук Ярослава Мудрого — 213, 217

Ольга (ок. 890—969), великая княгиня Киевская, жена князя Игоря — 217, *532*

Омар I (ок. 591 или 581—644), второй халиф (с 634 г.) в Арабском халифате, один из сподвижников Мухаммеда — 168

Омир — см. Гомер

Оранский принц — см. Вильгельм II

Орлов Александр Анфимович (1791—1840), поэт и беллетрист — 501

Орлов (с 1770 г. Орлов-Чесменский) Алексей Григорьевич (1737—1808), генерал-аншеф — 49

Осипова (по мужу Беклешова) Александра Ивановна (ок. 1805—1864), знакомая А. С. Пушкина по Тригорскому — 262, 276, *521*

Оссиан (Ойсин, Ойзин), легендарный воин и бард кельтов, живший, по преданию, в III в.— 179, *505*

Отрепьев Григорий Богданович — см. Лжедмитрий I

Павсаний, древнегреческий писатель II в., автор «Описания Эллады» — 70, 71, *508*

Панаев Владимир Иванович (1792—1859), поэт — 177, *514*

Паради — см. Монкриф Ф.-О. Паради

Парни Эварист-Дезире де Форж (1753—1814), французский поэт — 50, 153, 201, 205, 280, 282, *512*

Петин Иван Александрович (ум. 1813), полковник, друг К. Н. Батюшкова, погиб в битве под Лейпцигом — 173, 201, *513*, *517*

Петр I Великий (1672—1725), русский царь с 1682 г., российский император с 1721 г.— 21, 32, 50, 90, 173, 190, 268, 269, 276, 327, 330—334, 337, 339—342, 348, 349, 352, 356, 358, 368, 369, 428, 432, 439, 445, 447, 450, 454, 459, 466—468, 471, 476, 499, 501, *504*, *505*, *528*, *534*

Петрарка Франческо (1304—1347), итальянский поэт — 29, 153, 166, *512*

Петров Василий Петрович (1736—1799), поэт — 33, 36—38, 40, 44, 46, 62, 222, 279, 280, 352, *505*

Пиго-Лебрен Л'Эпинуа Антуан де (1753—1835), французский романист, драматург и актер — 56

Пильпай — см. Бидбай.

Пиндар (ок. 518—442 или 438 до н. э.), древнегреческий поэт — 48, 163—164, 280, 409

Писистрат (VI в. до н. э.), афинский тиран с 560 до 527 г. до н. э., с перерывами — 327

Пифагор Самосский (ок. 570 — ок. 500 до н. э.), древнегреческий мыслитель, религиозный и политический деятель, математик — 242

Платон (428 или 427—348 или 347 до н. э.), древнегреческий философ — 71—72, 81, 163, 222, *509*

Плутарх (ок. 46 — ок. 127), греческий философ и писатель — 227, *519*

Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк, писатель, журналист — 293, 296, *525*

Подшивалов Василий Сергеевич (1765—1813), журналист, переводчик — 52

Пожарский Дмитрий Михайлович (ок. 1578 — ок. 1642), полководец и политический деятель — 26, 53, 451, 464

Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801—1867), критик и журналист — 234, 235, 319, *519*, *527*

Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), писатель, журналист, историк, переводчик — 24, 25, 67, 222, 223, 269, 275, 276, 285, 353, 367, 401, *504*, *508*, *510*, *519*, *523—525*, *529—531*, *536*

Полежаев Александр Иванович (1804 или 1805—1838), поэт — 193

Помпей Великий Гней (106—48 до н. э.), римский полководец — 436—437

Понте Лоренцо (1749—1838), итальянский либреттист и переводчик — *535*

Поп Александр (1688—1744), английский поэт — 33, 34, *505*

Поповский Николай Никитич (1730—1760), профессор Московского университета, поэт и переводчик — 33, 34, 284, *505*

Проктер Брайан Уоллер (1787—1874), английский писатель — *521*

Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742—1775), предводитель крестьянской войны 1773—1775 гг., донской казак — 263, 459, 500, 501, *536*

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 20—29, 35, 43, 44, 50, 60, 62, 65, 67, 107, 114, 121, 142—145, 147—150, 160, 161, 168, 169, 171—173, 176, 177, 180, 185, 186, 189, 190, 192—220, 222, 223, 235—502, *503*, *504*, *508*, *510*, *511*, *513*, *515—536*

Пушкин Алексей Михайлович (1771—1821), дальний родственник А. С. Пушкина, писатель, переводчик — 185, *515*

Пушкин Василий Львович (1767—1830), поэт, дядя А. С. Пушкина — 52, 62, 165, 195, 198, 206, 213, *511*, *518*

Пушкин Сергей Львович (1770—1848) отец А. С. Пушкина — *513*

Пущин Иван Иванович (1798—1859), друг А. С. Пушкина, декабрист — 201, *517*, *518*

Радищев Александр Николаевич (1749—1802), революционер, писатель, философ — *516*

Радклиф Анна (1764—1823), английская писательница — 56

Раевский Александр Николаевич (1795—1868), участник войны 1812 г., друг А. С. Пушкина — 299, 302, *526*

Раевский Николай Николаевич (младший; 1801—1843), участник войны 1812 г., генерал, друг А. С. Пушкина — 299, *526*

Раич (наст. фам. Амфитеатров) Семен Егорович (1792—1855), поэт, литературный критик, журналист, переводчик — 371, *530*

Рамлер Карл Вильгельм (1725—1798), немецкий поэт — 47

Расин Жан (1639—1699), французский драматург — 31, 32, 46, 50, 52, 187, 190, 199, 205, 280, 409, 452

Растрелли Варфоломей Варфоломеевич (1700—1771), архитектор — 53

Рафаэль Санти (1483—1520), итальянский художник и архитектор — 64, *508*

Репнин Аникита Иванович (1668—1726), генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I — 340

Рзпнич (урожд. Рипп) Амалия (ок. 1803—1825), одесская знакомая А. С. Пушкина — *523*

Рифматов — см. Ширинский-Шихматов С. А.

Ричард I Львиное Сердце (1157—1189), английский король с 1189 г.— 431

Ричард III (1452—1485), английский король с 1483 г.— 458

Ричардсон Самюэл (1689—1761), английский писатель — 404, 412

Ришелье Арман-Жан дю Плесси (1585—1642), кардинал с 1622 г., глава королевского совета с 1624 г., фактический правитель Франции — 431

Робеспьер Максимильен-Мари-Изидор (1758—1794), деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев — *527*

Розен Егор Федорович (1800—1860), поэт — 451

Роллен Шарль (1661—1741), французский историк — 33, 46

Романовы, боярский род, с 1613 — царская, с 1721 г.— императорская династия в России, правившая до 1917 г.— 434

Ромул, легендарный основатель Рима и первый царь (VIII в. до н. э.) — 166

Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725—1796), полководец, генерал-фельдмаршал, государственный деятель — 49

Руссо Жан-Батист (1670 или 1671—1741), французский поэт — 288, 290

Руссо Жан-Жак (1712—1778), французский философ-просветитель, писатель, композитор — 56, 166, 168, 205, 412, 413, *512*

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826), поэт-декабрист — 324, *527*

Рюрик, по русским летописным преданиям, предводитель варяжской дружины, основатель русской княжеской династии, захватил власть в Новгороде в 862 г.— 166—167, 429

Сальери Антонио (1750—1825), итальянский композитор, дирижер и педагог — 275, 459, 481—484

Санд Жорж (наст. имя и фам. Аврора Дюпен, по мужу Дюдеван; 1804—1876), французская писательница — 356, *529*

Сапфо (Сафо), древнегреческая поэтесса первой половины VI в. до н. э.— 71, 246, *508*

Саути Роберт (1774—1843), английский поэт — *509*

Свистов — см. Хвостов Д. И.

Свифт Джонатан (1667—1745), английский писатель —56

Сей Жан-Батист (1767—1832), французский экономист — 418

Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э.— 65 н. э.), римский политический деятель, философ, писатель — 115

Сенковский Осип (Юлиан) Иванович (1800—1858), писатель, журналист, востоковед — 175, 449, *513*, *532*

Сервантес Сааведра Мигель де (1547—1616), испанский писатель и драматург — 81, 98, 411

Сид Кампеадор (наст. имя Родриго Диас де Бивар; между 1026 и 1043—1099), испанский рыцарь, прославившийся подвигами в Реконкисте — 137

Сикст V (в миру Феличе Перетти; 1520—1590), римский папа с 1585 г.— 441

Сильвестр (ум. ок. 1566), политический деятель и писатель XVI в., оказывавший большое влияние на Ивана IV Грозного — 432

Сицкие, княжеский род — 434, 461

Скопин-Шуйский Михаил Васильевич (1586—1610), боярин, полководец, государственный и военный деятель — 451

Скотт Вальтер (1771—1832), английский писатель — 89—91, 103, 133—136, 191, 274, 500, *510*, *523—524*, *536*

Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович (Малюта; ум. 1573), приближенный Ивана IV Грозного, глава опричного террора — 433, 440, 443

Сленин Иван Васильевич (1789—1836), книготорговец и издатель — 263, *522*

Смирдин Александр Филиппович (1795—1857), издатель, книготорговец и библиограф — 44, 147

Соболевский Сергей Александрович (1803—1870), библиофил и библиограф, друг А. С. Пушкина — *523*

Сократ (470 или 469—399 до н. э.), древнегреческий философ — 38

Соллогуб Владимир Александрович (1813—1882), писатель — 371

Софокл (ок. 496—406 до

н. э.), древнегреческий драматург — 76, 181

Сталь Анна-Луиза-Жермена де (1766—1817), французская писательница, теоретик литературы — 191, 412, *515*

Станевич Евстафий Иванович (1775—1835), писатель — 36, *505*

Стерн Лоренс (1713—1768), английский писатель — 56, 184

Строев Павел Михайлович (1796—1876), археограф и библиограф—164, 183—185, *512*, *515*

Суворов Александр Васильевич (1729 или 1730—1800), полководец и военный теоретик, генералиссимус — 26, 48

Сумароков Александр Петрович (1717—1777), поэт и драматург — 31—33, 36, 38, 41, 42, 46, 47, 52, 62, 63, 164—166, 183, 184, 199, 222, 263, 279, 280, 409, 435, 449, 451, *505*, *515*, *530—532*

Сутей — см. Саути Р.

Сусанин Иван (ум. 1613), герой освободительной борьбы русского народа против польских интервентов в начале XVII в.— 462

Сю Эжен (наст. имя Мари Жозеф; 1804—1857), французский писатель — 315

Сюлли Максимильен де Бетюн, барон Рони (1560—1641), французский государственный деятель — 440

Тамерлан — см. Тимур

Тассо Торквато (1544—1595), итальянский поэт — 30, 34, 153, 166, 168, 171—173, 179, 182, 204, 240, 280, 327, 328, *505*, *511*, *512*, *520*, *528*

Тибулл Альбий (ок. 50—19 до н. э.), римский поэт — 150—152, 166, 173, *511*

Тик Людвиг Иоганн (1773—1853), немецкий писатель — 89

Тимашева (урожд. Загряжская) Екатерина Александровна (1798—1881), поэтесса — *522*

Тимур (1336—1405), среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир с 1370 г.— 462

Тиртей, древнегреческий поэт 2-й половины VII в. до н. э.— 64

Толстой Яков Николаевич (1791—1867), театральный критик, поэт — 213, *518*

Томсон Джеймс (1700—1748), английский поэт — 138

Тредиаковский Василий Кириллович (1703—1768), писатель, переводчик, теоретик стиха — 29, 33, 35, 46, 175, 199, 288, 449, 481, *505*, *532*

Туманский Федор Антонович (1801—1853), поэт — 262, *521*

Тургенев Александр Иванович (1784—1845), общественный деятель, публицист — 115, *513*

Уваров Сергей Семенович (1786—1855), государственный деятель, министр народного просвещения, президент Академии наук — 173, *511*, *513*

Уланд Людвиг (1787—1862), немецкий поэт, историк литературы — 91

Ульрика Прусская — см. Луиза-Ульрика

Ушакова (по мужу Киселева) Елизавета Николаевна

(1809—1872), приятельница А. С. Пушкина — 263, *522*

Фабриций Луцин Кай (III в. до н. э.), римский полководец, политический деятель — 308

Фаон, юноша, которого любила Сафо — 71, *508*

Федор Алексеевич (1661—1682), русский царь с 1676 г.— *533*

Федор Иванович (1557—1598), русский царь с 1584 г.— 433, 434, 440, 441, 443, 454, *531*

Федоров Борис Михайлович (1794—1875), журналист, поэт, детский писатель — *518*

Федр (ок. 15 до н. э.— 70 н. э.), римский баснописец — 33, 163, *509*

Фенелон Франсуа де Салиньяк де ла Мот (1651—1715), французский писатель и религиозный деятель — 35, *505*

Феокрит (конец IV — первая пол. III в. до н. э.), древнегреческий поэт — 177, 246

Фермор Иван Евстафьевич (1747—1799), генерал от инфантерии — 48

Фет (наст. фам. Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820—1892), поэт — 148

Фиглярин — см. Булгарин Ф. В.

Филарет (Дроздов Василий Михайлович; 1782—1867), церковный деятель — *522*

Филимонов Владимир Сергеевич (1787—1858), писатель, переводчик, журналист — 263, *522*

Флакк — см. Гораций

Флориан Жан-Пьер Клари де (1755—1794), французский писатель — 35

Фонвизин Денис Иванович (1744 или 1745—1792), писатель-драматург — 40, 41, 44, 56, 62, 184, 193, 205, 222, 297, 364, 368

Фонтен — см. Лафонтен Ж.

Фонтенель Бернар Ле Бовье де (1657—1757), французский писатель и ученый — 166, 167, *512*

Фуке Фридрих де ла Мотт (1777—1843), немецкий писатель — 123

Хафиз Шамседдин Мохаммед (ок. 1325—1389 или 1390), персидский поэт — *521*

Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835), стихотворец, член «Беседы любителей русского слова» — 206, 207, 471, *518*, *534*

Хебель Иоганн Петер (1760—1826), немецкий писатель — 91

Хемницер Иван Иванович (1745—1784), поэт — 41, 53, 62, 163, 164, 364

Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807), писатель — 31—37, 40, 44, 46, 54, 55, 62, 143, 164, 167, 168, 182—185, 222, 279, 280, 327, 330, 352, *505*, *507*, *512*, *515*, *528*, *532*

Хитрово (урожд. Кутузова) Елизавета Михайловна (1783—1839), близкий друг А. С. Пушкина — *522*

Хмельницкий Николай Иванович (1791—1845), драматург и переводчик — 52

Ходаковский — см. Доленга-Ходаковский З.

Цезарь Гай Юлий (102 или 100—44 до н. э.), государственный деятель, полководец, писатель и оратор Древнего Рима — 227, 327, 436

Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.), древнеримский политический деятель, оратор, писатель — 167

Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856), писатель, философ, общественный деятель — 213, 246, *518*, *520*

Ченстон — см. Шенстон У.

Шаплен Жан (1595—1674), французский писатель, критик, теоретик литературы — 194

Шатобриан Франсуа-Рене де (1768—1848), французский писатель — 501, *513*

Шевырев Степан Петрович (1806—1864), литературный критик, историк литературы, поэт,— 60—61, 66, 71—72, 193, 223, 306, *507—509*, *516*, *519*, *526*

Шекспир Уильям (1564—1616) — 61, 176, 180, 190, 230, 232—234, 238, 273, 309, 315, 334, 343, 345, 361, 371, 428, 436—437, 440, 454, 459, 465, 483, 487, *514*, *531*, *533*

Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775—1854), немецкий философ — 222

Шенстон Уильям (1714—1763), английский поэт — 479, *535*

Шенье Андре-Мари (1762—1794), французский поэт и публицист — 166, 172, 218, 245, 274, 276, 289, *519*, *520*

Шереметев Борис Петрович (1652—1719), генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I — 340

Шестуновы, боярский род— 434

Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1759—1805) — 88, 89, 91, 92, 96, 97, 99, 106, 113, 124—131, 136, 138, 144, 146, 166, 190, 192, 222, 229, 230, 239, 253, 274, 280, 371, 472, *509*, *520*, *534*

Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790—1853), поэт — 194

Шишков Александр Семенович (1754—1841), адмирал, министр народного просвещения, президент Российской Академии, поэт, переводчик, филолог, критик — 212, *506*, *518*

Шлегель Август Вильгельм (1767—1845), немецкий историк литературы, критик, поэт, переводчик — 89, 185, 191, *515*

Шлегель Фридрих (1772—1829), немецкий критик, философ, языковед, поэт — 89, 191

Шпис Христиан Генрих (1755—1799), немецкий писатель — 95, *509*

Шувалов Иван Иванович (1727—1797), государственный деятель, первый куратор Московского университета — 466

Шуйский Василий Васильевич Немой (ум. 1538), боярин, воевода в русско-литовских войсках, фактический правитель России после смерти Елены Глинской — 453

Шуйский М. В.— см. Скопин-Шуйский М. В.

Шумилов, слуга Д. И. Фонвизина — 41

Щелкалов Василий Яковлевич (ум. ок. 1610), думный дьяк, печатник, дипломат — 454

Эврипид — см. Еврипид

Эзоп (VI в. до н. э.), древнегреческий баснописец — 53

Эпиктет (ок. 50 — ок. 140), римский философ-стоик — 115

Эпикур (341—270 до н. э.), древнегреческий философ — 155, 156

Эрсилья-и-Суньига Алонсо де (1533—1594), испанский поэт — 327, *528*

Эсхил (ок. 525—456 до н. э.), древнегреческий драматург — 81, 181

Эшенбург Иоганн Иоахим (1743—1820), немецкий историк литературы — 221

Юстиниан I Великий (482 или 483—565), византийский император с 527 г.— 327

Юсупов Николай Борисович (1750—1831), государственный деятель, известный меценат — *524*

Яковлева Арина Родионовна (1758—1828), няня А. С. Пушкина — *525*.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

«Аглая» (Москва, 1794—1795), альманах, изд. Н. М. Карамзин — 44

«Альманах на 1838 год» (СПб.), изд. В. Владиславлев — *521*

«Аонфон» (Москва, 1815), журнал, изд. А. Ф. Мерзляков, С. И. Смирнов, Ф. Ф. Иванов — 182, 183 *512*, *514*

«Аониды, или Собрание разных новых стихотворений» (Москва, 1796, 1797, 1799), альманах, изд. Н. М. Карамзин — 44

«Библиотека для чтения» (СПб., 1834—1865), журнал «словесности, наук, художеств, промышленности, нопостей и мод», изд. А. Ф. Смирдин, ред. О. И. Сенковский (в 1834—1836 гг. совместно с Н. И. Гречем) — 449, *532*

«Вестник Европы» (Москва, 1802—1830), журнал. В разные годы изд. Н. М. Карамзин, П. П. Сумароков, М. Т. Каченовский, В. А. Жуковский, В. В. Измайлов — 37, 44, 57, 168, 181, 182, 185, 191, 193, 282, 285, 288, 291, 293, *503*, *505*, *506*, *508*, *514*, *515*, *519*, *524*, *525*, *527—529*

«Галатея» (Москва, 1829—1830, 1839—1840), журнал «литературы, новостей и мод», изд. С. Е. Раич — *528*, *530*

«Денница» (Москва, 1830, 1831, 1834), альманах, изд. М. А. Максимович — *528*

«Детское чтение для сердца и разума» (Москва, 1785—1789), журнал, изд. Н. И. Новиков, ред. А. А. Петров и Н. М. Карамзин — *507*

«Дух журналов» (СПб., 1815—1820), «собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч.», журнал, изд. Г. М. Яцепко — 185, *515*

«Литературная газета» (СПб., 1830—1831), ред.-изд. по ноябрь 1830 г. А. А. Дельвиг, затем О. М. Сомов — 464, *533*

«Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» (СПб., 1831—1839), ред. до 1837 г. А. Ф. Воейков, затем А. А. Краевский —*504*

«Маяк современного просвещения и образованности. Труды ученых и литераторов, русских и иностранных» (СПб., 1840—1845), литературно-политический журнал, изд. В. П. Поляков, с середины 1840 г.— П. А. Корсаков и С. А. Бурачек, затем Ю. А. Юнгмейстер. Ред. П. А. Корсаков и С. А. Бурачек — *522*, *529*

«Молва» (Москва, 1831—1836), газета «мод и новостей», приложение к журналу «Телескоп», изд. Н. И. Надеждин — *534*

«Москвитянин» (1841—1856), «ученo-литературный журнал», изд. М. П. Погодин, в 1845 г. ред. И. В. Киреевский — *507*, *508*, *516*, *519*, *529*

«Московский вестник» (1827—1830), журнал (в 1829 г. альманах), орган общества любомудров, ред.-изд. М. П. Погодин — 427. 451, *522*, *526*, *533*, *534*

«Московский журнал» (1791—1792), изд. Н. М. Карамзин — 44, 57, *507*

«Московский Меркурий» (1803), журнал изд. П. И. Макаров — 51, *506*

«Московский телеграф» (1825—1834), журнал «литературы, критики, наук и художеств», изд. Н. А. Полевой — 66, 67, 191, *503*, *519*, *520*, *524—527*, *530*, *536*

«Невский альманах» (СПб., 1825—1833), изд. Е. В. Аладьин — 263, *522*

«Новый живописец общества и литературы» (Москва, 1832), изд. Н. А. Полевой — *524*

«Отечественные записки» (СПб., 1820—1830, 1839—1884), журнал «ученo-литературный и политический», изд. П. П. Свиньин, с 1839 г.— А. А. Краевский — 40, 65, 109, 219, *503*, *504*, *506*, *508*, *516*, *522*

«Памятник отечественных муз на 1827 год», изд. Б. М. Федоров — *513*, *518*

«Полярная звезда» (1823—1825), «карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности», альманах, изд. А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев — *508*, *526*

«Репертуар русского театра» (СПб., 1830—1841), театральный

журнал, изд. И. П. Песоцкий. В 1842 г. слился с журналом «Пантеон русского и всех европейских театров», образовав новый журнал «Репертуар русского и пантеон всех европейских театров»— *531*

«Российский музеум или журнал европейских новостей» (Москва, 1815), изд. В. В. Измайлов — 185, 194, *515—517*

«Русская Талия» (СПб., 1825), «подарок любителям и любительницам отечественного театра», изд. Ф. В. Булгарин — 285, 363, *525*

«Русский архив» (Москва, 1863—1917), историко-литературный сборник, основатель и изд. П. И. Бартенев — *513*

«Северные цветы» (СПб., 1825—1832), альманах, изд. И. В. Слепин, ред. А. А. Дельвиг, с 1827 г.— А. А. Дельвиг при участии О. М. Сомова — 352, 417, 499, 501, *532*, *534*

«Современник» (СПб., 1836—1846), литературный журнал, основан А. С. Пушкиным, с 1838 г. ред.-изд. П. А. Плетнев — 20, 26, *504*, *523*, *533*, *535*

«Современный наблюдатель российской словесности» (Москва, 1815), библиографический журнал, изд. П. М. Строев — 183, *512*

«Сын отечества» (СПб., 1812—1844, 1847—1852), журнал «исторический и политический». В 1820—1838 гг. издавался под названием «Сын отечества и Северный архив». В разные годы ред. и изд. Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, А. Ф. Смирдин и др. — 185, 191, 194, 282, 283, *508*, *515*, *516*. *522*, *524—526*, *528*, *535*

«Талия» — см. «Русская Талия»

«Телеграф» — см. «Московский телеграф»

«Телескоп» (Москва, 1831—1836), «журнал современного просвещения», изд. Н. И. Надеждин — 501, *524*

«Труды общества любителей российской словесности при Московском университете» (1812, 1816—1826) — *515*

СОДЕРЖАНИЕ

Белинский о Пушкине. *К. Тюнькин* 3

Статья первая. Обозрение русской литературы от Державина до Пушкина 20 *503*

Статья вторая. Карамзин и его заслуги; карамзинский период русской литературы: Дмитриев, Крылов, Озеров, Жуковский и Батюшков. Значение романтизма и его историческое развитие 54 *507*

Статья третья. Обзор поэтической деятельности Батюшкова; характер его поэзии. Гнедич; его переводы и оригинальные сочинения. Мерзляков. Князь Вяземский. Журналы конца карамзинского периода 145 *511*

Статья четвертая 186 *515*

Статья пятая. Взгляд на русскую критику. Понятие о современной критике. Исследование пафоса поэта как первая задача критики. Пафос поэзии Пушкина вообще. Разбор лирических произведений Пушкина 220 *519*

Статья шестая. Поэмы: «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники» 278 *524*

Статья седьмая. Поэмы: «Цыганы», «Полтава», «Граф Нулин» 306 *526*

Статья восьмая. «Евгений Онегин» 352 *529*

Статья девятая. «Евгений Онегин» (Окончание) 395 *530*

Статья десятая. «Борис Годунов» 427 *531*

Статья одиннадцатая и последняя. «Домик в Коломне». «Родословная моего героя» (отрывок из сатирической поэмы). «Медный всадник». «Галуб.

В первой колонке цифр указывается страница текста, во второй — примечаний.

«Египетские ночи». «Анджело». «Сцена из Фауста». «Пир во время чумы». «Моцарт и Сальери». «Скупой рыцарь». «Русалка». «Каменный гость». «Сцены из рыцарских времен». Сказки: о царе Салтане; о мертвой царевне и о семи богатырях; о золотом петушке; о рыбаке и рыбке; о купце Кузьме Остолопе и о работнике его Балде. Повести: «Арап Петра Великого»; «Повести Белкина»; «Пиковая дама»; «Капитанская дочка»; «Дубровский». «Летопись села Горохина», «Кирджали». «История Пугачевского бунта». Журнальные статьи. Заключение 459 533

Примечания *К. Тюпкина* 503

Указатель имен 537

Указатель периодических изданий 556

ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ
БЕЛИНСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Редактор *С. Краснова*

Художественный редактор
А. Максимов

Технический редактор
Л. Ковнацкая

Корректоры
И. Миримская, М. Сафронова

ИБ № 3378

Сдано в набор 13.03.84. Подписано к печати 18.10.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 29,4. Усл. кр-отт. 29,4. Уч.-изд. л. 34,64. Тираж 100 000 экз. Изд. № IX-1535. Заказ № 5-2. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Художественная литература».
107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 10

Матрицы изготовлены в МПО «Первая Образцовая типография» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
113054, Москва, Валовая, 28

Отпечатано на Киевской книжной фабрике,
252054, Киев, ул. Воровского, 24.

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНЫЕ ЗВЕЗДЫ 5
БЛОКНОТ ЗА НЕДЕЛЮ 170
ГОВОРИТ ЛЕНИНГРАД 181
ВЫСТУПЛЕНИЯ. СТАТЬИ. ОЧЕРКИ 362
Великие темы современности 362
Написать бы такую книгу! 365
Испытание миром 370
Из выступления на 2-м Всесоюзном съезде СП СССР 377
Стенограмма выступления на собрании московских писателей 382
Слово о гуманизме 394
Так начиналась легенда 406
С Родиной в пути 413
Сто сорок солнц 418
Вечное пламя 424
Пропуск № 23637 427
Постскриптум 429
Щедрый талант 431
Светоносная сила 434
Очерки разных лет 437

Библиотека журнала Знамя

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

ДНЕВНЫЕ ЗВЕЗДЫ

ГОВОРИТ ЛЕНИНГРАД

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1990

ДАМСКИЙ РОМАН

Андре МОРУА

Превратности любви

Семейный круг

Социально-коммерческая фирма
«Человек»
1993

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ

Часть первая

Стр. 3. *Ален* — псевдоним французского философа и писателя Эмиля Шартье (1868—1951). Ален в течение более тридцати лет (с 1906 г.) почти еженедельно печатал в газетах небольшие статьи («Суждения»), посвященные различным проблемам морали, философии, литературы, текущей жизни. В предисловии к сборнику «Суждений» (изд. «La Pléiade») Андре Моруа говорит: «Вот, по моему мнению, одна из прекраснейших книг в мире. Я ставлю ее в один ряд с сочинениями Монтеня и Монтескье».

Стр. 5. *Тристан* — герой средневекового рыцарского романа «Тристан и Изольда», страстно влюбленный юноша; сюжет сказания о Тристане и Изольде положен в основу одноименной музыкальной драмы Вагнера.

Стр. 6. *Сен-Жермен* — городок в окрестностях Парижа с замком XVI века и обширным парком.

...его пустили в продажу как национальное имущество.— Во время Великой французской буржуазной революции конца XVIII века дворянские поместья были конфискованы, объявлены национальным достоянием и проданы новым владельцам, представителям буржуазии.

Стр. 8. *Ланселот Озерный* — герой одноименного средневекового романа, один из рыцарей Круглого Стола; был воспитан феей Вивианой на дне озера.

Стр. 9. *Палинодия Стесихора.*— Стесихор — греческий поэт-лирик (VI век до н. э.). Палинодия *(греч.)* — опровержение того, что было сказано раньше, отказ от прежних своих мнений и чувств.

Стр. 16. *...госпожу де Морсоф или госпожу де Реналь.*— Госпожа де Морсоф — героиня романа Бальзака «Лилия долины», госпожа де Реналь — героиня романа Стендаля «Красное и черное»; авторы изобразили их как глубоко и искренне любящих женщин.

Стр. 19 и 20. *Сан-Лоренцо* — храм во Флоренции, построенный в XVI веке и украшенный работами Микеланджело, Брунелески, Вероккио, Донателло и др.

«Розовая библиотека» — популярная в свое время серия детских книг, издававшаяся во Франции в конце XIX — начале XX века.

Камилла и *Мадлена* — героини детской повести графини де Сегюр (урожденной Растопчиной) «Примерные девочки» (1858).

Стр. 22. *Карпаччо* Витторе (ок. 1450 — ок. 1525) — живописец венецианской школы.

Стр. 24. *«Римская премия»* — награда, учрежденная во Франции для оканчивающих художественные учебные заведения с отличием. Лауреатам «Римской премии» предоставляется годичная командировка в Рим для совершенствования в своем искусстве.

Стр. 26. *Анде* — курорт на юге Франции, около Байонны.

Стр. 33. *«Доминик»* — психологический роман французского художника, писателя и историка искусства Эжена Фромантена (1863).

Стр. 36. *«Подражание»* — точнее: «Подражание Христу», духовное сочинение, приписываемое Фоме Кемпийскому (1379—1471).

Стр. 51. *Шантийи* — городок в 40 километрах к северу от Парижа, с замком эпохи Возрождения; в конце прошлого века замок превращен в музей.

Стр. 55. *Кристаллизация любви* — термин, введенный Стендалем в его книге «О любви»; под кристаллизацией Стендаль подразумевает тот момент, когда человек осознает свое чувство.

Стр. 56. *«Ученик чародея»* — симфония французского композитора Поля Дюка́ (1865—1935), написанная на сюжет баллады Гёте того же названия (1797).

Стр. 63. *Абукир* — город в Египте, на берегу Средиземного моря. В морском сражении при Абукире (1798) Нельсон разбил французский флот.

Стр. 64. *Вилла Саид* — улица в Париже, около Булонского леса. Здесь, в особняке, купленном в 1894 году, Анатоль Франс прожил около двадцати лет.

Стр. 69. *Брест* — военный порт на берегу Атлантического океана, в Бретани.

Вобан Себастьен (1633—1707) — маршал, военный инженер; содействовал укреплению границ Франции, в частности усовершенствовал военный порт Брест.

Стр. 77. *«Прогулки одинокого мечтателя»* — автобиографическое сочинение Ж.-Ж. Руссо, оставшееся незаконченным.

«Пармская обитель» — роман Стендаля (1839).

Стр. 106. *Луиза де Ла Вальер* (1644—1710) — фаворитка Людовика XIV; в 1674 году удалилась в монастырь.

...расстался с набережной д'Орсэ... — то есть оставил службу в министерстве иностранных дел, помещающемся на этой набережной.

Лозер — гористый департамент Юго-Западной Франции.

Стр. 107. *«Зигфрид»* — опера Вагнера, третья часть тетралогии «Кольцо Нибелунгов» (1876).

Бельмон — город в департаменте Аверон, соседнем с департаментом Лозер.

Стр. 115. *Батайль* Анри (1872—1922) — французский драматург, автор популярных пьес с хорошо построенной, занимательной интригой, преимущественно из жизни парижского великосветского общества.

Ростан Эдмон (1868—1918) — французский драматург, эпигон романтизма, автор популярных пьес «Сирано де Бержерак», «Орленок» и др.

Стр. 118. *Валгалла* — чертог, где блаженствуют герои, павшие в сражении *(сканд. миф.)*.

«Гибель богов» — опера Вагнера, четвертая часть тетралогии «Кольцо Нибелунгов» (1876).

Стр. 122. *Шанфор* Никола-Себастьен (1741—1794) — французский философ-моралист.

Стр. 131. *Сен-Мориц* — зимний горный курорт в Швейцарии.

Стр. 134. *Руми* — так арабы называют христиан.

Стр. 140. *«Кенигсмарк»* — роман французского писателя Пьера Бенуа (1918).

Стр. 150. *Кардинал де Ретц (1613—1679)* — один из главарей «Фронды» — восстания, организованного феодальной знатью против абсолютизма; автор известных «Мемуаров».

Макиавелли Никколо́ (1469—1527) — итальянский историк и политический деятель, автор трактата «Государь» (1513).

Стр. 164. *Лукреция Борджа* (1480—1519) — дочь папы Александра VI, прославившаяся не только своей красотой, но и распущенностью.

Гермиона — героиня трагедии Расина «Андромаха» (1667); девушка, неистовая в своей любви и ревности.

Стр. 192. *«Силуэт женщины»*, *«Второй силуэт женщины»*, *«Тайна княгини де Кадиньян»* — повести Бальзака.

Стр. 198. *Отфор* Мари — фрейлина королевы Анны Австрийской; была другом Людовика XIII.

Бирон Шарль (1562—1602) — французский маршал, изменил родине и был казнен.

Брантом Пьер де Бурдель (1540—1614) — писатель, мемуарист, автор «Жизнеописаний великих мужей и полководцев» и «Биографий галантных дам».

СЕМЕЙНЫЙ КРУГ

Часть первая

Стр. 205. *Безеваль* (или Ульгат) — курорт на берегу Ла-Манша.

Стр. 217. *Кольбер* Жан-Батист (1619—1683) — выдающийся французский государственный деятель.

Сен-Симон, герцог Луи (1675—1755) — автор известных «Мемуаров»; *Господин* (Monsieur) — титул старшего брата французского короля.

Стр. 221. *Жюль Ферри* (1832—1893) — французский государственный деятель, способствовал колониальной экспансии Франции в Тунисе, Тонкине (Вьетнаме) и Конго.

Стр. 224. *«Венецианский карнавал»* — опера Амбруаза Тома (1857).

Стр. 226. *«Ифигения»*.— Имеется в виду опера Глюка «Ифигения в Авлиде» (1774) или его же опера «Ифигения в Тавриде» (1779).

«Король Ис» — опера Эдуарда Лало (1823—1892) на сюжет бретонской легенды о королевстве Ис, затопленном океаном в IV веке.

Стр. 232. *«Новый манекен»* — роман Анатоля Франса (второй том «Современной истории», 1897). Герой романа, господин Бержере, переживает ту же драму, что и Луи Эрпен: ему изменяет жена.

Стр. 235. *Монахини покинули его в 1905 году...* — в связи с принятием закона об отделении церкви от государства.

Стр. 246. *Паскаль* Блез (1623—1662) — французский философ и математик. Здесь цитируется отрывок из его «Мыслей» (III, 194).

Стр. 264. *Верден* — город в Восточной Франции; в 1916 году выдержал десятимесячную осаду немцев.

Стр. 266. *«Лилия долины»* — см. прим. к стр. 16.

Часть вторая

Стр. 289. *Жанэ* Пьер (1859—1947) — французский психолог, один из основоположников экспериментальной психологии.

«Пелеас», то есть «Пелеас и Мелисанда» (1902) — опера Клода Дебюсси на сюжет одноименной пьесы Метерлинка.

Стр. 291. *«Старая Голубятня»* — театр, основанный в Париже в 1913 году.

Стр. 297. *Клемансо* Жорж (1841—1929) — председатель Совета министров Франции в 1917—1920 годах.

Стр. 301. *...в отличие от совы из басни...* — В басне Лафонтена «Орел и Сова» Сова хвастается перед Орлом красотой и прелестью своих птенцов.

Стр. 307. *Пьернэ* Габриэль (1863—1937) — французский композитор и дирижер.

«Неоконченная симфония». — Имеется в виду Восьмая симфония Шуберта.

Стр. 309. *Школа* (Schola Cantorum) — музыкальное училище, основанное в Париже в 1896 году.

«Жан Баруа» — роман Роже Мартен дю Гара (1913).

Стр. 326. *Теуль* — курорт на Средиземном море, около Канн.

Стр. 333. *Буур* Доминик (1628—1702) — французский литератор, иезуит, автор «Заметок о французском языке»; ратовал за чистоту языка и совершенство стиля.

Госпожа д'Удето Элизабет, графиня (1730—1813) — была близка к кругам энциклопедистов. Руссо говорит о ней в IX книге своей «Исповеди».

Стр. 334. *Монтеверди* Клаудио — итальянский композитор (1567—1643).

Часть третья

Стр. 375. *Валлес* Жюль — французский писатель (1832—1885). *«Бакалавр»* — вторая часть его трилогии «Жак Вентра».

Стр. 388. *Шатобриан* Франсуа-Рене (1768—1848) — французский писатель-романтик. Аббат цитирует его знаменитое описание лунной ночи в девственном лесу Северной Америки (из повести «Атала»).

Стр. 389. *Мальмезон* — поместье под Парижем, где жила императрица Жозефина после развода с Наполеоном.

Аббат Бертран. — Аббат Сениваль хочет сказать, что он был бы так же беззаветно предан Наполеону, как генерал Бертран, который последовал за свергнутым императором на о. Эльба и на о. Св. Елены, а в 1840 году перевез его останки во Францию.

Стр. 389. *Мемориал* — дневник, который вел на о. Св. Елены секретарь Наполеона Лас Каз, записавший беседы с императором и его суждения по самым различным вопросам.

Стр. 396. *Думерг* Гастон (1863—1937) — президент Франции с 1924 по 1931 год.

Стр. 397. *Думер* Поль (1857—1932) — президент Франции, избранный в 1931 году; был вскоре убит.

Стр. 403. *Владимир д'Ормессон* (род. 1888) — французский писатель, дипломат, член Французской Академии.

Стр. 430. *«Женщина у окна»* — роман французского писателя Дрие де Ла Рошеля (1930).

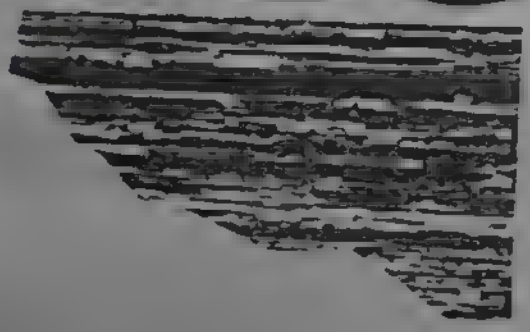
«Контрапункт» — роман английского писателя Олдоса Хаксли (1928).

Е. А. Гунст

С. С. СМИРНОВ

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ КНИГА



Минск
«Мастацкая
літаратура»
1991

ПРАВДИЙ АНДРОНИКОВ

История этой книги

«Брестская крепость»

Сергея Смирнова — одно из самых [illegible] советской документальной литературы. Эту книгу прочтет каждый, кто хочет понять, что такое героизм, отвага, честь, стойкость, величайшее бескорыстие, любовь к Отечеству, к свободе и независимости, кто стремится понять, что такое советский человек — грандиозный в своем легендарном подвиге и при этом самый обыкновенный.

Великим событием является описанный в ней героический подвиг. Событие составляет и труд писателя, и сама работа над книгой, и тот отклик, который она вызвала в нашем народе. Но когда в 1953 году Сергей Сергеевич Смирнов начинал собирать сведения о защите Брестской крепости в первые дни Великой Отечественной войны, еще никто не знал, насколько героической была эта Брестская оборона. Даже и предвидеть было нельзя, какой размах обретет работа С. С. Смирнова, сколь больших результатов достигнет он в своих поисках и какое будет иметь значение это военно-историческое исследование для всей нашей литературы, для публицистики, для отечественной истории и для нас — читателей самых различных профессий и возрастов.

С 1942 по 1945 год Сергей Смирнов работал в армейской печати в боевой обстановке, дошел с наступающими советскими войсками до Будапешта и обрел тот журналистский и писательский опыт, который определил направление его интересов и темы книг, написанных по окончании войны. Обратившись к описаниям отгремевших боев, он создал, в частности, очень интересный и талантливый рассказ о разгроме фашистских войск на Украине, под Корсунь-Шевченковским. И уже собрался начать работу над книгой о подвиге одного из городов-героев, когда вдруг нечаянный разговор переменил все его планы.

До писателя дошел слух, что в 1941 году гарнизон Брестской крепости, расположенный на бывшей польской границе, не сдался, а продолжал сопротивляться даже и после того, как крепость оказалась в глубоком тылу

врага. Оборона была необычайно упорной. Крепость была взята лишь после того, как все ее защитники пали. И только мертвые камни, как тогда считали, могли бы рассказать о проявленном здесь беспримерном героизме и мужестве.

Легенда захватила писателя. И началась труднейшая и упорнейшая работа. Смирнов решил восстановить для истории этот неизученный эпизод войны. Но мог ли он думать тогда — в начале своей работы,— что сами организаторы и участники обороны будут сидеть за его столом, помогая восстановить день за днем, час за часом всю эту великую эпопею? Нет! До этого было еще далеко! Предстояли настойчивые, долгие поиски. Надо было вложить бездну энергии, инициативы, способности разгадывать загадки, распутывать самые сложные переплетения судеб и обстоятельств, труда вдохновенного (я не боюсь этого высокого слова), чтобы найти первые подтверждения легенды, выяснить первое имя уцелевшего в те дни защитника крепости и отыскать потом другие имена и других людей среди двухсот с лишним миллионов.

Смирнов отыскал их, этих людей! Он поехал с ними на развалины крепости. И камни заговорили. Совместились времена — то время, что уже отошло в историю, и наша эпоха, пафос которой составляет борьба за сохранение завоеванного в той войне мира.

История не умирает — она часть нас самих, наш подвиг, наше вчера — вот основная идея книги.

Ширились поиски, прояснялся беспримерный по своему мужеству эпизод Великой Отечественной войны, воскрешались имена живых и погибших... Смирнов написал не ту книгу, которую собирался писать. Вначале он думал о драматической эпопее. Потом он собрался писать очерк истории обороны. Но нити поисков вели в новые города, в другие республики. Один факт объяснял целую серию непонятных вопросов, отысканный герой называл новые имена, выяснялись судьбы десятков, сотен людей, и подвиг раскрывался в таком невыразимом величии, что нельзя было утерять в рассказе ни одной, пусть даже малой, подробности. И материал определил характер книги: надо было рассказать читателю все по порядку — именно так, как открывалось это в работе ему самому — Смирнову Сергею Сергеевичу. И писатель создал произведение еще небывалое — по материалу, по сюжету, по жанру. Восстановлен исторический эпизод минувшей войны, который с необыкновенной убедительностью и очевидностью объясняет

миру и нам самим природу нашего советского строя, любви нашей к Родине и являет пример высочайшей верности советских людей идеям социализма и коммунизма.

То, что свершил писатель, следует назвать подвигом. В ту пору, когда еще не были восстановлены нынешние нормы партийной и государственной жизни, он, выполняя высокий гражданский долг, восстанавливал репутации славных защитников крепости, пострадавших безвинно только за то, что они побывали в плену. Он вернул стране имена героев погибших. И народ получил возможность восстановить справедливость, вознаградить мужество.

Осуществив работу, удивительную по трудности и по масштабу, Смирнов с высокой достоверностью воссоздал десятки биографий. Все они разные — герои смирновской книги, несмотря на то, что действуют в одних и тех же условиях и свершают один, общий подвиг. И все при этом прекрасны!

Сила и достоинство книги заключается в том прежде всего, что это рассказ о людях и событиях реальных, что все в ней описанное — действительность. Но при этом книга Смирнова весьма увлекательна — напряженно развиваются поиски, читатель неотступно следит за автором, который посвящает его во все трудности своей изыскательской работы. И при этом ни одной цветистой метафоры! Ни одного описания, задерживающего движение рассказа! Смирнов повествует о людях и поисках очень просто, понимая, что такой материал требует изложения строгого, скромного, я бы сказал, целомудренного. Он пишет, как ученый-историк — объективно, точно, немногословно. Но какой живой разговорный язык очеркиста! Становится ясным: в книге соединились в лице ее автора историк, публицист и художник.

Великолепны герои — Гаврилов, непостижимый в своем упорстве и стойкости, превосходящих самое человеческую природу; пылкий Матевосян, полный светлого взгляда на мир; маленький трубач Петя Клыпа — человечный, самоотверженный... И как благороден облик самого автора, невольно внушающего по отношению к себе чувства глубокого уважения и признательности за этот небывалый труд. Книга учит добывать по крупицам великую историческую правду и помогает понимать высокие чувства на примере обыкновенных советских людей, которые в трагический момент в истории Родины поднялись выше легендарных героев древности. Воскреснув в радиопередачах и на стра-

ницах книги С. С. Смирнова, они явились потом перед взами в его телевизионных передачах — смутная легенда обрела черты конкретных людей. Они вошли в нашу жизнь, мы с ними сдружились, но это исторические герои, и с помощью С. С. Смирнова они заняли свое место в истории.

Каждая эпоха создает свои документальные эпопеи в людях, которым хотят подражать, следовать их примеру. В нашей литературе в 1920-е годы это был «Чапаев» Дмитрия Фурманова. В 1930—1940-е — книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Кажется, не было в нашей стране в те времена юноши, девушки, кто не читал бы этих книг, не носил бы их в кармане, в портфеле, в полевой сумке. «Брестская крепость» Сергея Смирнова — произведение этой же категории. И я совершенно уверен, что, прочитав, каждый поставит этот том на видное место, среди своих самых любимых книг.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Чувство долга

Книга Сергея Смирнова о героях Брестской крепости — одна из тех книг, которые как бы срастаются с жизнью настолько, что их уже трудно рассматривать обособленно, в чисто литературном их значении.

Но если все-таки попробовать это сделать, то следует сказать, что книга Сергея Смирнова «Брестская крепость» — художественная публицистика высокого литературного качества. Сочетание героизма людских поступков, о которых рассказано в книге, со спокойным аналитическим деловым тоном рассказа дает ощущение подлинности излагаемых в ней событий. Качество достоверности, вообще очень важное в литературе, в такой книге, как эта, является первейшим критерием ее художественного качества.

Допустим на минуту, что автор, излагая подлинные факты, ударился бы в патетику, цветистость, приподнятый тон при описании событий, которые сами по себе носят характер исключительного героизма и стоят порой на грани невозможного и невероятного. Книга сразу бы потеряла всю свою художественную убедительность. Мы знаем книги, в которых о подлинно героических событиях говорится так трескуче, выспренно, неумело, что сама жизненная правда под этим неумелым пером превращается в литературное неправдоподобие.

В книге «Брестская крепость» не только сказана правда, она сказана с большим художественным тактом, с чувством меры, с умелым, истинно художественным отбором деталей. Словом, это одна из самых мастерски сделанных книг документального жанра, вышедших в послевоенные годы.

Сергей Смирнов, начав как журналист, стал писателем. А теперь, став писателем, по-прежнему остается журналистом в самом высоком смысле слова. И это свойство его дарования и личности я, как его читатель, высоко ценю.

Я до сих пор говорил о литературных качествах книги,

но высокое литературное качество — это еще не все. Уместно будет сказать об общественном значении этой книги, о том, что — как я уже упомянул вначале — сделало ее не только фактом литературы, но и фактом жизни. Эта книга — пример упорного и кропотливого поиска истины, исходной точкой которого является страстное желание восстановить ее. Надо сказать, что такой поиск, такая жажда докопаться до исторической истины за последние годы, особенно после XX съезда партии, стала вообще одной из наиболее характерных черт нашей литературы и журналистики. Но Сергей Смирнов — и об этом тоже уместно сказать — начал свою нелегкую работу раньше многих других и показал пример того, как можно и должно это делать, не останавливаясь перед трудностями и даже прямыми препятствиями.

Больше десяти лет тому назад мне довелось быть и в Москве и в Бресте свидетелем того, как упорно Смирнов доискивался истины, не покладая рук, не опуская их перед трудностями, казалось бы непреодолимыми, не жалея ни времени, ни труда.

Одна из главных трудностей работы над этой книгой состояла в том, что во времена культа личности Сталина очень много делалось для того, чтобы создать позорную атмосферу огульного недоверия по отношению ко всем тем людям, которые имели несчастье оказаться в фашистском плену. Вспоминая об этом, я, конечно, трезво отдаю себе отчет в том, что среди людей, попавших и сдавшихся в плен, были люди, и прямо изменившие своему долгу, и не выполнившие его до конца, и, несмотря на все свои личные бедствия, не имеющие прав претендовать на общественное уважение.

Но большинство наших людей, попавших в плен в разных трагических обстоятельствах, и тем более в неимоверно тяжелых обстоятельствах 1941 года, до того как попасть в плен, сделали все, что могли, с оружием в руках. И именно к их числу принадлежали оставшиеся в живых герои Брестской крепости.

Однако даже над этими людьми продолжала висеть мрачная тень: «Они побывали в плену!» И когда уже в другие времена, после смерти Сталина, автор книги разыскивал этих людей, их не только трудно было найти, но и порой психологически трудно было вызвать их на воспоминания о том, что тогда произошло.

Такова была первая трудность, вставшая перед Сер-

геем Смирновым. А к ней примыкала вторая — не так-то просто оказалось сломить то отношение к этой проблеме в целом, которое сложилось за долгие годы и под долгим и достаточно сильным давлением. И конечно, если бы Смирнов делал свою работу в одиночку, ему не удалось бы добиться тех результатов, которых он добился.

Но писатель — и это к его чести — давно и хорошо, еще в самом начале своей работы, понял, что такое огульное отношение к людям есть отношение искусственно навязанное, не соответствующее подлинному духу и истинным взглядам громадного большинства людей, составляющих наше общество. И, хорошо понимая это и в этом понимании опираясь на свои собственные чувства, он, стремясь восстановить справедливость по отношению и к живым и к мертвым участникам героической Брестской обороны, смело шел за поддержкой и помощью к самым разным людям, занимавшим самые разные общественные положения. И, как правило, в итоге рано или поздно находил эту поддержку и помощь.

Книга Смирнова, так же как и другие его последующие выступления на темы, близкие к этой, имела огромный общественный отклик. Она не только воодушевила многих других журналистов и писателей и родила ряд других книг, посвященных другим забытым или малоизвестным подвигам героев Великой Отечественной войны, она вообще сыграла очень важную роль в той верной исторической переоценке целого ряда событий Великой Отечественной войны, которая у нас происходила и продолжает происходить.

Е. А. ЯНЧЕВСКАЯ, З. Н. ТИМАШЕВА

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЖЕНСКИХ ПЛАТЬЕВ СЛОЖНЫХ ФОРМ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

МОСКВА
ЛЕГПРОМБЫТИЗДАТ
1986

Введение 3

Исходные данные для построения основы женского платья . . . 4
Измерение фигур женщин 4
Осанка 15
Припуски 16
Сравнительная характеристика систем конструирования . . 18

Построение чертежа основы женского платья с втачными рукавами 19
Сетка чертежа 20
Чертеж спинки 22
Чертеж переда 25
Вертикальные срезы и вытачки 27

Конструирование втачных рукавов 30
Чертеж основы рукава 32
Зауженный по всей длине и внизу рукав 34
Втачной рукав из двух частей 36
Рукав с верхним и нижним швами 38
Рукава сложной формы 38

Конструирование платья с втачными рукавами и углубленной проймой 41
Лиф с овально оформленной внизу проймой . . . 42
Лиф с углубленной, прямоугольно оформленной внизу проймой 45

Конструирование платья с цельновыкроенными рукавами 47
Лиф мягкой формы 48
Лиф с цельновыкроенными рукавами отвесной формы . 53
Лиф платья с короткими цельновыкроенными рукавами . . 57
Лиф платья с короткими цельновыкроенными рукавами и прямоугольной ластовицей 58
Лиф платья с цельновыкроенными подрезными рукавами 59
Лиф платья с длинными цельновыкроенными узкими рукавами и ластовицей 62

Конструирование платья с рукавами покроя реглан 65

Конструирование платья с рукавами покроя реглан и полуреглан на основе платья с втачными рукавами 71

Конструирование платья комбинированного покроя 73

Конструирование воротников 76
Воротники к платью с застежкой сверху 77
Воротники к платью с открытой горловиной 82
Воротники плосколежащие и фантази 84

Конструирование юбок 85
Прямые юбки 86
Юбки конической формы 89

Конструктивно-декоративные элементы женского платья 94
Разработка конструкций моделей женского платья сложных форм . . 105
Изготовление женского платья сложных форм 127
Выполнение отделок 127
Обработка воротников 145
Соединение втачных воротников с горловиной 150
Обработка воротников, цельновыкроенных с подбортами и полочками 156
Обработка рукавов 158
Связь декоративных элементов с формой женского платья 173

Екатерина Александровна Ячевская
Зинаида Николаевна Тимашева

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЖЕНСКИХ ПЛАТЬЕВ СЛОЖНЫХ ФОРМ

Редактор *И. П. Пахомова*
Художник *С. Н. Орлов*
Художественный редактор *В. В. Зеркаленкова*
Технический редактор *Г. А. Лавина*
Корректор *Р. А. Взорова*

ИБ № 1120

Сдано в набор 02.08.85 г. Подписано в печать 28.11.85 г.
Формат 60×90 1/16. Бумага книжно-журнальная. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Объем 11,0 п. л. Усл. п. л. 11,0. Усл. кр.-отт. 11,38.
Уч.-изд. л. 11,40. Тираж 40 000 экз. Заказ 1628. Цена 65 коп.

Издательство «Легкая промышленность и бытовое обслуживание».
113184, Москва, М-184, 1-й Кадашевский пер., д. 12.

Московская типография № 8 ВГО «Союзучетиздат»
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
107078, Москва, Каланчевский туп., 3/5

Верхние срезы рукавов сметывают с посадкой спинки и стачивают со стороны переда швом шириной 1 ... 1,5 см, шов обметывают, разутюживают или заутюживают к спинке. Ластовицу складывают с передом, срез ластовицы уравнивают со срезом обтачки и притачивают со стороны переда у шва соединения обтачки. Шов обметывают. Затем стачивают нижний шов рукава, притачивают ластовицу к спинке (так же, как и к переду) и стачивают боковой шов. Швы обметывают.

Соединение ластовицы с изделием может быть выполнено и после обработки бокового и нижнего швов рукава. Подрезы для ластовицы на спинке и переде обрабатывают обтачками, как изложено выше. Причем концы обтачек подбивают на 1 см, чтобы они не попали в швы стачивания срезов рукава и боковых срезов. Стачивают передний и локтевой срезы рукава со стороны переднего среза с небольшой посадкой локтевого среза, ширина шва 1—1,5 см; шов разутюживают или заутюживают, срезы шва обметывают. Затем стачивают боковые срезы спинки и переда, ширина шва 1—1,5 см; срезы обметывают, шов разутюживают или заутюживают в сторону переда. Ластовицу лицевой стороной вывертывают на лицевую сторону изделия, уравнивая ее срез со срезом обтачки, которая притачана к подрезу для ластовицы, и приметывают, а затем притачивают к переду и спинке со стороны рукава на расстоянии 0,1 см от строчки притачивания обтачки.

При притачивании ластовицы особое внимание надо обратить на обработку ее углов. Чтобы углы были чистыми при переходе от притачивания обтачки ластовицы к притачиванию следующей стороны, швы в углах опускают вниз и закрепляют на машине. Срезы шва притачивания ластовицы обтачивают и разутюживают в сторону изделия. Для прочности шва притачивания ластовицы с лицевой стороны можно отстрочить швом шириной 0,1—0,2 см.

Верхний шов рукава можно обработать до или после притачивания ластовицы к изделию. В первом случае соединение верхних срезов рукава обметывают, больше удобства при последней операции притачивания ластовицы, что особенно необходимо при обработке узких длинных цельновыкроенных рукавов.

При изготовлении изделий из малоосыпающихся материалов или изделий с цельновыкроенными рукавами есть возможность дать припуск на шов притачивания ластовицы достаточной величины (0,7—1 см). В этом случае предварительную обработку подрезов для ластовицы обтачкой можно не выполнять, а при притачивании ластовицы в углах подреза для их закрепления на переде и спинке подкладывают косую строчку, перпендикулярную к срезу основной ткани.

Обработка цельновыкроенного короткого рукава с прямоугольной ластовицей, конструкция которого представлена на

рис. 18, производится следующим образом. После обработки бокового шва к подрезам переда и спинки приметывают и притачивают три стороны ластовицы, подкладывая в углах подрезов для их закрепления кусочки ткани. Затем притачивают ластовицу со стороны изделия швом шириной 1—1,2 см. Срез переда и спинки в углах надсекают, срезы шва обметывают и заутюживают в сторону изделия. Верхние срезы переда и спинки могут быть стачаны заранее или после соединения ластовицы с изделием.

Обработка цельновыкроенных рукавов с полуластовицами, конструкция которых представлена на рис. 17, имеет некоторые особенности. После притачивания обтачек к подрезам для ластовиц к подрезам спинки и переда притачивают полуластовицы, прокладывая строчку со стороны изделия и около шва притачивания обтачки. Затем одной строчкой стачивают передний и локтевой срезы рукава, стороны полуластовиц переда и спинки, боковые срезы переда и спинки. Срезы шва обметывают. Обработка цельновыкроенных рукавов с полуластовицами менее трудоемка, чем обработка цельновыкроенных рукавов с ластовицами.

При обработке цельновыкроенного рукава с ластовицей, переходящей в бочок (см. рис. 21), для прочности углы подрезов для ластовицы на спинке и переде обрабатывают подкройной обтачкой, шириной 4—5 см. Способ обработки изложен выше. Шов в углах надсекают, не доходя на 0,1 см до строчки. Верхнюю часть бочка (ластовицу) и бочок приметывают и притачивают к подрезу рукава и спинке со стороны рукава и спинки швом шириной 1,2 см, совмещая надсечки. Срезы шва обметывают и заутюживают в сторону рукава и спинки. Для прочности шов притачивания верхней части бочка на участке угла может быть настрочен с лицевой стороны на расстоянии 0,1—0,2 см от шва. Затем сметывают передний и локтевой срезы рукава, приметывают бочок к подрезу рукава и переду, стачивают передний и локтевой срезы рукава и притачивают бочок со стороны переда швом шириной 1 –1,2 см, совмещая надсечки. Срезы шва обметывают и заутюживают к переду или разутюживают (по модели).

При обработке цельновыкроенного рукава с нижней половинкой, переходящей в ластовицу (см. рис. 22), углы подрезов для ластовицы на спинке и переде обрабатывают подкройной обтачкой, как изложено выше, или закрепляют кусочком ткани, который подкладывают при притачивании ластовицы. Верхние и передние срезы рукавов оттягивают, затем стачивают боковые срезы переда и спинки, срезы шва обметывают. Стачивают передние срезы рукава и притачивают сторону ластовицы к подрезу переда, ширина шва 1—1,2 см. Затем стачивают локтевые срезы рукава и притачивают ластовицу к подрезу спинки. Срезы шва обметывают и заутюживают.

При обработке цельновыкроенных подрезных рукавов (см. рис. 19) стачивают боковые срезы переда и спинки, причем по спинке стачивающая строчка в верхней части шва проходит около шва притачивания обтачки, которую предварительно притачивают для укрепления углов подреза, как изложено выше. Срезы бокового шва обметывают. Нижнюю часть рукава, цельновыкроенную со спинкой, притачивают (с двух сторон) к подрезу переда, прокладывая строчку со стороны переда, срезы обметывают.

Рассмотрим также обработку цельновыкроенных рукавов мягкой формы (см. рис. 12).

Рукав мягкой формы без ластовицы оттягивают на участке перехода от нижнего среза рукава к боковому срезу. Переднюю и заднюю части рукава складывают вместе лицевыми сторонами внутрь, уравнивая нижние срезы, и оттягивают на величину, предусмотренную конструкцией. Сметывают по спинке и стачивают по переду верхние срезы рукава швом шириной 1—1,5 см, швы разутюживают или заутюживают в сторону спинки. Затем сметывают и стачивают, совмещая надсечки, передние и локтевые срезы рукавов, боковые срезы переда и спинки. Срезы швов обметывают, разутюживают или заутюживают.

По модели верхняя часть рукава может быть собрана на сборку в один или несколько рядов шнуром или руликом. В этом случае к верхней части рукава с изнаночной стороны притачивают полоску для одного или нескольких рядов шнура. Продергивают шнур или рулик, концы которого через обметанную на рукаве петлю или отверстие по низу рукава выводят на лицевую сторону рукава и завязывают.

При обработке рукава «летучая мышь» без нижнего шва с переводом верхнего шва на перед (см. рис. 51) стачивают средние срезы на спинке или переде (в зависимости от расположения застежки и конструкции) швом шириной 1—1,5 см. Шов обметывают, разутюживают или заутюживают по модели. Соединяют перед лифа со спинкой, начиная от нижнего среза правого рукава до нижнего среза левого рукава, швом шириной 1—1,5 см. Шов обметывают по модели.

В рукавах без нижнего шва (см. рис. 16) сметывают и стачивают со стороны переда верхние срезы швом шириной 1—1,5 см. Шов обметывают и заутюживают в сторону спинки или разутюживают.

Обработку рукавов изделия с рельефами, имитирующими втачные рукава мягкой формы (см. рис. 13), выполняют аналогично обработке цельновыкроенных рукавов мягкой формы без ластовицы. Отличие заключается в обработке рельефов, по которым рукава соединяются со спинкой и передом.

Рельефы могут быть выполнены под углом или быть овальной формы. В первом случае обрабатывают углы переда и

спинки подкройной обтачкой. Рельефы стачивают на переде со стороны переда, на спинке — со стороны спинки швом шириной 1—1,5 см. Швы обметывают, заутюживают и настрачивают с лицевой стороны по модели. Рельефы овальной формы стачивают со стороны рукава швом шириной 1—1,5 см. Швы обметывают и заутюживают в сторону рукава или в сторону переда (спинки), предварительно сделав надсечки или слегка оттянув срезы.

Если по модели рельефы настрачивают двумя строчками (по переду и рукаву) или если рельефы настрачивают под углом по переду и овальными по рукаву (при ширине настрачивания более 1,5 см), то при их стачивании со стороны рукава подкладывают полоску ткани, выкроенную под углом 45° к нитям основы. Швы разутюживают, направляя в одну сторону полоску, в другую срезы шва. Сметывают по спинке и стачивают по переду верхние срезы рукавов швом шириной 1—1,5 см, совмещая швы притачивания рукавов. Швы обметывают, разутюживают или заутюживают. В изделиях с рукавами без верхнего шва перед соединением рукавов со спинкой и передом обрабатывают плечевые швы. Нижние срезы рукава на участке перехода к боковому срезу оттягивают, если это предусмотрено конструкцией. Сметывают, стачивают, разутюживают или заутюживают нижние швы рукавов и боковые швы. Обработку низа всех видов цельновыкроенных рукавов выполняют в соответствии с конструкцией рукавов, как изложено выше.

Связь декоративных элементов с формой женского платья

Декоративные элементы на деталях платья могут быть получены конструктивными средствами и технологическими приемами.

Технологические приемы, используемые для выполнения декоративных элементов на отдельных деталях платья с целью усложнения формы, должны быть достаточно хорошо продуманы относительно мест расположения этих элементов и связи их с плечевым конструктивным поясом — основным формообразующим элементом изделия. При этом обязательно учитывают размерные данные фигуры и ее пропорциональные членения.

В платье на фигуру небольшого роста (до 158 см) отделочные элементы изделия (складки, оборки) должны располагаться вертикально, что визуально удлиняет фигуру. Горизонтальное членение изделия в данном случае должно быть расположено ближе к плечевому поясу, что также визуально удлиняет фигуру.

В изделиях на фигуры женщин с ростом более 160 см желательно использовать горизонтальное членение формы с рас-

положением отделочных элементов на уровне грудного конструктивного пояса и ниже.

Для втачного рукава элементы декора лучше располагать на участках, определяющих связь с плечевым поясом изделия. Если форма плечевого пояса изделия визуально вписывается в тупой угол, то отделочные элементы на рукаве при горизонтальном их расположении должны подчеркивать эту форму. В данном случае отделочные элементы должны располагаться от уровня линии обхвата плеча вниз. Если плечевой пояс выпрямлен, т. е. визуально вписывается в прямой угол, то отделочные элементы должны располагаться в верхней части оката в соответствии с расположением отделки переда лифа. Если плечевой пояс изделия мысленно вписывается в острый угол, то отделочных элементов недостаточно, чтобы подчеркнуть данный вариант плечевого пояса. В этом случае необходимо использовать не только технологические приемы, но в основном конструктивные средства (см. с. 39—41).

В изделиях покроя реглан и полуреглан связь отделочных элементов с формой платья прослеживается по аналогии с приведенными выше изделиями.

В изделиях с цельновыкроенными рукавами при выборе технологических приемов следует исходить из конструктивного решения формы. Что касается усложнения формы изделий данного покроя декоративными элементами, то их используют гораздо реже по сравнению с изделиями описанных выше покроев. Форма изделий с цельновыкроенными рукавами визуально воспринимается гораздо эффектнее, если поверхность более «чистая», без усложняющих элементов. Связь плечевого пояса с формой изделия данного покроя решается конструктивным оформлением верхних срезов рукава.

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

БЕСЫ

РОМАН В ТРЕХ ЧАСТЯХ

Владивосток
Дальневосточное книжное
издательство
1989

НЕЧАЕВ, ВЕРХОВЕНСКИЙ И ДРУГИЕ...

В чем загадка Достоевского? Почему спустя сто лет после смерти он один из самых живых, сильно действующих, необходимых человечеству? Художественная и мыслительная мощь Достоевского не растратилась в десятилетиях, а, наоборот, неуклонно возрастает и крепнет. Его влияние на литературу XX века неоспоримо. И не только на литературу. Это тем более загадочно, что с точки зрения литературной формы Достоевский — писатель неправильный. Живописность, образность, пластика, все то, что в привычном понимании составляет плоть прозы, Достоевского не заботит. Он лишен зуда все непременно с чем-то сравнивать. Метафоры его не интересуют. Он может спокойно написать: «Он покраснел, как рак», или «Он покраснел, как пион». Пейзажей в его романах почти нет. Они тормозят действие. Мысли, чувства, идеи извергаются лавой, и нет времени останавливаться и глядеть на природу. А передавать посредством пейзажа душевное состояние, как учит литературоведение, Достоевскому не нужно — он передает состояние другим способом. Речи героев несуразно длинны. Люди так долго, нудно, страстно, бесконечно не разговаривают. Да и композиция романов какая-то сумбурная, неестественная — отдельные лица выскакивают вначале, потом исчезают; незначительные события занимают много места, значительные — мало. Есть фигуры будто бы важные, о которых мы не знаем решительно ничего, кроме того, что они исполняют служебную роль — рассказчика. Но ведь так не делается по правилам прозы. Каждая фигура должна быть осязаема. Иначе зачем ее вставлять в сочинение? И на всем печать неистовой спешки, оттого небрежность, неряшливость, неотделанность. Ну да, он был в долгах, он спешил, ему некогда было шлифовать, оттачивать.

И вот оказывается...

Да мы этого просто не замечаем! Никаких «покраснел, как рак», никаких несуразностей, неестественностей! Потому что он захватывает главным — обнажает перед нами внутреннюю суть людей. А ведь нет ничего интересней, как заглядывать внутрь других и себя. Он описывает то, что наименее доступно описанию,— характеры. И для этих описаний — я бы назвал их психологическими пейзажами или пейзажами души — не жалеет ни красок, ни подробностей, ни зоркости, ни многих, многих страниц. Исследуя характеры, Достоевский исследует все стороны человеческого бытия. Все тайное и запертое отмыкается этим ключом. Такая работа требует глубокого погружения. Магма характеров находится в недрах, под великою толщей — ее надо прорыть, прогрызть. Мы, обыкновенные сочинители, находимся на поверхности, где пейзажи, а лазерный луч Достоевского проникает вглубь. Перед началом работы над романом «Бесы» — книгой политической и полемической, требовавшей, вероятно, в первую очередь

«социального анализа,— Достоевский написал в черновике чуть ли не первую фразу. «NB. Все дело в характерах».

Для раскрытия характеров Достоевский ставит героев в ситуации, которые теперь принято называть экстремальными. Но в наше время, когда это понятие возникло и стало излюбленным у критиков, оно связано с войной, тайгой, пустыней, кораблекрушениями, прорывом дамбы и прочим в этом роде. Связано с тем, что требует физической смелости и спортивной закалки. Достоевского интересуют экстремальные ситуации духа. Человек мучается, приходит в отчаяние, решается на безумные поступки каждую минуту, ибо все это происходит в глубине сознания, чего мы не замечаем, а он — видит. В экстремальной ситуации находится Раскольников, убивший двух людей, но в экстремальной ситуации находится и Макар Девушкин, терзающийся от собственного ничтожества, и Степан Трофимович Верховенский, который никого не убивал, живет в достатке, но он приживал, неудачник, вынужден терпеть сумасбродную любовь генеральши Ставрогиной, и это делает жизнь невыносимой. Недаром он говорит: «Я человек, припертый к стене!» Для Достоевского жизнь — экстремальная ситуация.

И есть еще феномен, делающий книги Достоевского столь читаемыми сегодня — для тех, кто еще не разучился читать. Многие разучились, сидя у телевизоров. Достоевский — отгадчик будущего. Правота его отгадок становится ясна не сразу. Проходят десятилетия, вот уже минул век — и, как на фотобумаге, под воздействием бесконечно медленного проявителя (проявителем служит время) проступают знаки и письмена, понятные миру. Книги Достоевского подлинно «имеют свою судьбу», которая сложна, болезненна, противоречива, конца ей не видно. Эти сети закинуты далеко вперед, в пока еще неведомые пространства. О книгах Достоевского сначала судили грубо, потом страстно, потом на них взглянули другими глазами. Человечество погрузилось в апокалипсические испытания XX века и измученным зрением все оценивало по-новому. Особенно поразительна в этом смысле судьба романа «Бесы». Современники, даже наиболее проницательные, не оценили «Бесов» по-настоящему. Левый лагерь категорически признавал книгу антиреволюционной, хотя она была а н т и п с е в д о р е в о л ю ц и о н н о й. Русский якобинец Ткачев в статье «Больные люди» яростно клокотал против Достоевского, но не смел коснуться двух главных болевых точек романа — убийства Шатова и идей Шигалева — Верховенского, ибо то и другое Достоевский взял из реальной жизни и назвать то и другое плодом воображения больного человека было никак уж нельзя. Не поняли истинного значения «Бесов» и представители художественной элиты и правого лагеря — первые видели в романе недостаток художественности, вторые поднимали его на щит все за ту же антиреволюционность. У Шопенгауэра есть размышление о природе таланта и гения. Талант, считает философ, попадает в цели, в которые обычные люди попасть не могут, а гений попадает в цели, которых обычные люди не видят. Так вот: книга, написанная впопыхах, по жгучим следам событий, почти пародия, почти фельетон, превратилась под воздействием «проявителя» в книгу провидческую. Как это случилось?

Больше ста лет назад, в ноябре 1869 года, в Москве в Петровском парке произошло убийство мало кому известного молодого человека, студента Иванова. Убивали впятером: двое заманили в безлюдное место, затолкали в грот, трое набросились, один держал за руки, другой душил, третий выстрелил в голову. Иванов укусил стрелявшего за палец. Тело убитого бросили в пруд. Через четыре дня его обнаружила полиция.

Убийство студента Иванова, ничем не примечательное, гнусное — впятером на одного! — стало, однако, одним из самых заметных событий прошлого века, а тень от него перекинулась на век нынешний. И кто знает, куда потянется дальше. Для русской истории это убийство не менее роковое, чем, скажем, убийство народовольцами царя Александра II. Дело не в том, что Достоевский взял этот сюжет для романа «Бесы» и тем обессмертил

убийц и жертву, а в том, что убийство в Петровском парке обозначило движение, которое по имени главного убийцы — Нечаева (того, кто прострелил Иванову голову) — получило название нечаевщины, переполошило Россию, жандармов, либералов, революционеров, померещилось фантастической и страховидной ерундой, обреченной на гибель.

Сергей Нечаев, сын сельского священника, учитель закона божия из провинции, желчный, болезненного вида юноша, страдавший тиком лица, приобрел с годами — так же как его ненавистливый жизнеописатель — все большую славу. Как два вечных супротивника, как Христос и антихрист, они не могли теперь существовать друг без друга и в каждом новом поколении находили себе адептов: у Достоевского их было неизмеримо больше, но адепты Нечаева ничтожною горсткой умели приводить мир в содрогание.

Так в 1871 году содрогнулась Россия, когда судили нечаевцев (сам Нечаев ускользнул от суда в Европу и был судим несколько лет спустя), и в газете «Правительственный вестник» появилось в качестве документа, приобщенного к делу, зловещее сочинение: «Катехизис революционера». Долгое время авторство приписывалось Бакунину, с которым Нечаев сошелся в Европе и сумел ему понравиться, но в последнее время ученые склонны обелять знаменитого «апостола анархии» и прямо называют творцом «Катехизиса...» Нечаева. Вот некоторые цитаты из этого труда:

«1. Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией.

2. Он... разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира.

3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирной науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку — разрушения. Для этого он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает день и ночь живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя...

4. Он презирает общественное мнение. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему...

6. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою, холодною страстью революционного дела...»

Далее подробно: как следует организовывать тайные кружки, как вербовать членов, как конспирировать, как и под каким видом проникать во все слои общества, как добывать денежные средства и прочее. Особенно замечательна глава «Отношение революционера к обществу». Здесь объявлялось, что «все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий». Первая категория — неотлагаемо осужденные на смерть. При составлении списков должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в народе, а мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела... Вторая категория: лица, которым дарują только временно жизнь, чтобы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом, ни энергией, но пользующихся по положению богатствами, связями, влиянием, силой. Надо их эксплуатировать всевозможными путями, опутать их, сбить с толку и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их своими рабами... Далее следуют четвертая, пятая и шестая категории: либералы, псевдореволюционеры и женщины, которые тоже строго распределены на разряды по удобству и способу их употребления для той же «пользы дела».

О какой же «пользе дела» заботится автор «Катехизиса...»? Какова программа, цель, будущий результат д е л а? Тут сюрприз: ни программы, ни цели не существует. Сказано прямо: «Мы имеем только один отрицательный, неизменный план — общего разрушения. Мы отказываемся от выработки будущих жизненных условий и... считаем бесплодной всякую исключительную теоретическую работу ума».

Если план — общее разрушение, то стоит ли останавливаться перед разрушением одного человека?

На процессе 1871 года выяснилось: студент Иванов был убит, по существу, ни за что, по пустому подозрению в предательстве, выдуманном Нечаевым. Ни один из четверых, кого Нечаев сплотил и сговорил на убийство, не верил до последней минуты в то, что Нечаев приведет угрозу в исполнение. Думали, хочет лишь напугать, заставить подчиняться. Но Нечаеву нужна была кровь. В романе «Бесы» Ставрогин советует Петру Верховенскому: «Подговорите четырех членов кружка укокошить пятого под видом того, что тот донесет, и тотчас же вы их всех пролитою кровью, как одним узлом, свяжете. Рабами вашими станут...» Но Петр Верховенский — он же Нечаев, Достоевский в черновиках и планах так прямо и называет его Нечаевым — лучше Ставрогина знает, как поступать. Он мог бы ответить генеральскому сынку: «Не учи ученого, съешь яблочка моченого!» Разница между ними: Ставрогин все страшное вываливает безоглядно наружу, а Петр Верховенский держит страшное глубоко в тайне. Для пользы дела.

Дальнейшая судьба Нечаева: в Европе он сумел очаровать простодушного Огарева и неукротимого Бакунина, убедил их в том, что возглавляет в России громадное тайное общество, и для развития дела нуждается в средствах, выманил большую сумму у Огарева, пытался соблазнить дочь Герцена, выманивая деньги и у нее, но потерпел неудачу, процесс 1871 года сильно очернил его репутацию, европейские революционеры отшатнулись, Бакунин отрекся, и в 1872 году швейцарское правительство выдало Нечаева России как уголовного преступника. Молодежь не желала иметь с ним дела. Его прокляли и забыли. Но Нечаев оказался не просто жалкий обманщик и лишенный чести преступник, а дошедший до безумия фанатик «революционного» дела: это обнаружилось через десять лет, Достоевского уже не было в живых. Нечаев сумел благодаря фантастической воле и сверхъестественной силе внушения склонить стражников Петропавловской крепости на свою сторону и едва не устроил грандиозную мистификацию с побегом. Заговор раскрылся, многие стражники и солдаты поехали в Сибирь, а Нечаев погиб в крепости — в тот же день, 21 ноября, когда убил студента Иванова, только тринадцать лет спустя, в 1882 году.

Петр Верховенский не смог бы вынести всего, что вынес в крепости Нечаев (два года его держали в цепях), но Достоевский не знал об этих подробностях, а если б и знал, его отношение к Нечаеву-Верховенскому, к одному из главных «бесов» столетия, вряд ли поколебалось бы. Злодейская откровенность «Катехизиса...» была тем барьером, который отделял все человеческое от нечеловеческого, и этот барьер был непреодолим даже в п о н и м а н и и. Писатель, который мог оправдать и простить многократных убийц из «Мертвого дома», теперь не находил сил для оправдания. Поразил, может быть, не сам текст, сколько х а р а к т е р того, кто мог создать подобное и в него уверовать. Х а р а к т е р! Это было загадочное, не поддающееся скорому разумению, и оттого Верховенский противоречив, неровен, неясен, смутно его происхождение и не виден конец. Вначале он легковесен, комичен, в нем есть шутовство, затем становится все более зловещим, инфернальным, приобретает черты демонические. Произошло это не потому лишь, что роман писался как бы в два приема — до процесса и после, когда раскрылась фигура Нечаева,— но и благодаря гениальной догадке: там должно быть то, и другое, и третье. Там должно быть много слоев.

Верховенский — самый многомерный образ романа. Но главное в нем — злодейская суть.

Достоевский мог острее, чем кто-либо, почувствовать сокрушительную разницу между Нечаевым и вольнодумцами прежних лет, народниками начала 70-х: он сам прошел мученический путь заговорщика, мечтателя, принадлежал к тайному обществу Петрашевского и в 1849 году, осужденный на смертную казнь, стоял на эшафоте, но в последнюю минуту был прощен и отправлен на каторгу. Мир обогатился великой книгой: «Записками из мертвого дома». Мощь этой книги отдана одному чувству — состраданию.

Но нет ничего более далекого от нечаевщины, чем сострадание.

Хотя Достоевский давно выболел свои юношеские мечты о переустройстве мира в духе Фурье и Кабе (над которыми со знанием дела уже и глумился в «Бесах», вкладывая их в болтовню Степана Верховенского и Кириллова), он, однако, не зачеркивал прошлого, находил мужество и себя считать причастным к распространению болезни, от которой лихорадило не только Россию, но и Европу. В Европе-то она, впрочем, и зародилась. Достоевский писал в статье: «Нечаевым, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но нечаевцем, не ручаюсь, может, и мог бы... во дни моей юности... я сам старый нечаевец...» Отличие Нечаева от нечаевцев, тех, кого судили на процессе 1871 года,— заключалось в том, что нечаевцам были доступны такие человеческие чувства, как, скажем, раскаяние, для Нечаева же с его ледяным математическим умом никакое раскаяние, как и сострадание, недоступно. Раскаяние — это ведь и есть сострадание: к самому себе.

Революционеры-народники открещивались от Нечаева. Называли его мистификатором, иезуитом, макиавеллистом, с отвращением говорили: «Ему все средства хороши для достижения цели». Кстати, «Монарх» Макиавелли в русском переводе появился как раз в 1869 году и для убийц Иванова был, возможно, свежим чтением. Народники имели программу, Нечаев же — никакой, кроме разрушения. Народники не отторгли от себя христианских понятий доброты, любви, товарищества, страдания ради ближних (не только ради идеи), Нечаев же отбрасывал как ветошь всякую нравственность прочь.

Верховенский и Шигалев, два главных «беса» романа, рассуждают: «Первым делом понижается уровень образования, наук, талантов... Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами... их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык. Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается каменьями... мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство...» И наконец: снести сто миллионов голов — и создать новое общество. Свои маленькие головенки они из этих ста миллионов, разумеется, вычитают.

Основные идеи и черты нечаевщины воплотились в романе порою с фотографической точностью. Убийство Шатова полностью, до малейших деталей — вплоть до прокушенного пальца — соответствует убийству Иванова. Рассуждения главных героев — вариации на тему «Катехизиса революционера». Связь с преступным, разбойничьим миром — связь с Федькой Каторжным. Презрение к доктринерам — презрение Петра Верховенского к отцу, бывшему вольнодумцу, превратившемуся в чучело Дон-Кихота. Наконец, шпиономания — она процветает у нечаевцев. Страх перед шпионами — инфраструктура подполья, в которой может произойти и быть оправдано любое злодеяние.

В первом номере нечаевского журнала «Народная расправа» есть такой пассаж: «Мы из народа, со шкурой, перехваченной зубами современного устройства, руководимые ненавистью ко всему ненародному, не имеющие понятия о нравственности и чести по отношению к тому миру, который ненавидим и от которого ничего не ждем, кроме зла». Один из героев «Бесов» говорит: «Вся суть русской революционной идеи заключается в отрицании чести».

Террористы, члены знаменитой «Народной воли», хотя к прокли[нали] за антинравственность, к концу деятельности во [многом] силой обстоятельств и логикой движения — приблизились к Не[чаеву]. И все же глубинной своей природой они отличались от Нечаева бес[конечно]. Убивали только врагов, представителей самодержавной власти, [старались] чтобы гибли люди сторонних приводила их в ужас и заставляла порой откладывать покушения. Террористы теперь не останавливаются ни перед чем: взрывают самолеты, поезда, аэропорты, универмаги, народное [собрание] на площади. И это начиналось в чистом виде. Это то самое, к чему призывал Нечаев и в чем признавался мелкий бесенок Лямшин из ро[мана] Достоевского, «всех взбаламутить и изо всего сделать кашу и рас[пространившееся] таким образом общество болезненное и рыхлое, шпическое и неверующее, — вдруг взять в свои руки, подняв знамя бунта».

Несчастный Шатов, к которому Достоевский испытывает мрачное, мизантропическое сочувствие, говорит: «Знаете ли вы, как может быть силен один человек?» Роман показывает такую силу одного человека — но не Кирил[лова], который убивает себя, чтобы стать богом, и не Ставрогина, приво[дящего] дикими поступками в трепет целую губернию, а Петра Верхо[венского], который быстро и страшно уничтожает всех. Каким способом? Силою тайного зла, которая и есть сила одного человека.

Достоевский разгадал, исследовал и создал модель зла. Эта модель действует поныне. Все черты в ней типовые. Взять, к примеру, небезызвест[ного] Карлоса — чем он не Верховенский? Он так же абсолютно антинрав[ствен], патологичен, властолюбив, мал ростом, обладает демонической сексу[альной] мощью, внезапно появляется в Вене, окружен тайной. По своему происхождению Карлос, кажется, отличается от Нечаева. Он сын миллионера. Но это дань веку. В нашем веке слишком много мил[лионеров]. Характер! Вот что царит над всем. И над всеми созданной Достоевским моделью. Через столетие после [событий] в романе «Бесы» — [холодные], снежные заносы, ограблен банк, [похищены], захвачены заложники, требуется выкуп в пять миллионов [франков], случае сто сорок человек будут взорваны вместе с самолетом. Для [романа] Некото[рые] события нынешней «террористы» почерпнули [из романа] некоторые сюжеты: например, убийство одного «из пятерых», [которого] предают и доносе. А может, не подозревают, а только делают вид, что [не] предают. Ульрих Шмюкер, немецкий террорист из группы Баадер – Майнхоф, был убит по ложному предположению, что выдал двух товарищей, они сидели в машине возле дома родственников Шмюкера и были схвачены полицией. Убийство Шмюкера поручили его другу Тильгенеру, но тот отказался. Шмюкер все равно был убит, а Тильгенер умер, затравленный угрозами.

Иванов, Шатов, Шмюкер — для пользования для. Презрение к человеческой жизни, убить кого-либо, кто попал в преступные «категории», для Нечаева так же просто, как убить комара. «Человек в униформе для нас не человек», — сказала Ульрика Майнхоф в тюрьме корреспонденту «Шпигеля».

И все же: что происходит с бесами? Почему они не превращаются в свиней и не бросаются со скалы в озеро, чтобы исчезнуть, как предсказывал евангелист? И Достоевскому под конец жизни уже становилось ясно, что все тут непросто и спасительное озеро далеко. Пламя бесовщины разгоралось, новые бомбы взрывались, новые ужасные имена выскакивали из российских недр и на глазах мира разворачивалась охота на царя.

Достоевский не дожил месяца до дня, когда Гриневицкий убил царя бомбой. Это ничего не принесло России, кроме бедствий. Принятие конституции, на что царь уже решился под напором обстоятельств, отложилось надолго.

Живучесть терроризма — плодов он не приносит, что для всех очевидно, — остается загадкой века.

Ян Шрайбер, английский философ, считает, что терроризм силен не

числом и умением, а общественным мнением. Оно представляет из себя сложный комплекс ненависти, восхищения, отчаяния, надежд и страха. Это кривое зеркало, но с мощным усилителем. Вечный соблазн: все проблемы решить разом — одной бомбой, одним последним убийством. Достоевский считал — к концу 70-х, когда терроризм в России пугающе разгорался,— что общество выработало какую-то особую, вывернутую наизнанку стыдливость в отношении террора. Издатель А. С. Суворин вспоминал об одном разговоре с писателем:

«Представьте себе, Алексей Сергеевич, что мы с вами стоим у окна магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется что смотрит. Он чего-то ждет и все оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: «Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завел машину» (то есть адскую машину, бомбу с часовым механизмом). Мы это слышим. Как бы мы с вами поступили? Пошли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились к полиции, к городовому, чтобы он арестовал этих людей? Вы пошли бы?» Суворин ответил: нет, не пошел бы. «В том-то и дело, рассуждал Достоевский, ведь это ужас! Боязнь прослыть доносчиком. Представлялось, как приду, как на меня посмотрят, станут расспрашивать, делать очные ставки, пожалуй, предложат награду, а то заподозрят в сообщничестве. Напечатают: Достоевский указал на преступников. Разве это мое дело? Это дело полиции. Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально? У нас все ненормально, оттого все это происходит».

Общественное мнение, которого страшился Достоевский, питалось слухами и газетами, теперь эти возможности многократно усилились: все становится известно в тот же день и час. Мир следит по телевизору за драмой заложников, и нет более захватывающего зрелища. Террористы превратились в киногероев. Население рассматривает громадные фотографии в журналах, ужасается, старается понять: кто эти люди? инопланетяне? чего добиваются? чего хотят от нас? И первая, облегчающая душу догадка: от нас — ничего. Хотят от других.

Терроризм выродился в мировое шоу. Бесовщина стала театром, где сцена залита кровью, а главное действующее лицо – смерть. И есть подозрение, что это именно то, к чему террористы, сами того не сознавая, стремились. Без криков, проклятий и замирающих от страха сердец играть в этом театре неинтересно. Террор и средства информации — сиамские близнецы нашего века. У них одна кровеносная система, они не могут существовать раздельно: одно постоянно пожирает и насыщает собой другое

Московский корреспондент газеты «Пайзе сера» Адриано Альдоморески однажды задал автору гипотетический вопрос: что бы он в первую очередь сделал, чтобы пресечь терроризм? В первую очередь, по мнению автора, следовало бы рассечь близнецов надвое. Террор надо лишить паблисити. Без паблисити нынешние бесы хиреют, у них падает гемоглобин в крови, им неохота жить. Это подтверждается эпизодом, который произошел в Штутгарте во время суда над группой Баадера — Майнхоф. Террористы упорно отказывались признать свое участие в убийствах, но в начале мая 1976 года началась забастовка прессы в ФРГ, и это повергло четверку террористов в уныние: без паблисити им стало нечем дышать. Они начали признаваться. Ульрика Майнхоф покончила с собой. Есть разница между ними и Нечаевым, который отчаянно боролся восемь лет в одиночной камере, во мраке и безвестности!

Обозначился двойной лик терроризма — Верховенский и Шатов. Бес рано или поздно должен убить святого. Сначала в себе. Почему гнев и боль Достоевского живы сегодня? Наше время переломное: жить дальше или погибнуть? Мир вокруг колоссально и чудовищно переменился. Достоевский с его фантазией не мог бы предположить, каковы перемены. Нынешний Кириллов обладает абсолютной способностью взорвать вместе с собой на-

селение земли, чтобы стать богом. В 1975 году в Америке двадцатилетний физик соорудил из спортивного интереса атомную бомбу за пять недель.

И все же характер человечества остался тот же: противоречивый, забывчивый, легкомысленный. Мировой Скотопригоньевск опомнится лишь тогда, когда вспыхнет пожар. Диктор французского радио сказал в 1978 году: «Смерть Альдо Моро заслоняет всю остальную действительность. Но все же я сообщу вам о результатах бегов...»

Бега продолжаются. Люди интересуются их результатами. Верховенский и Карлос до сих пор не пойманы и бродят в нашем маленьком мире на свободе. Поэтому будем внимательно читать Достоевского.

Юрий Трифонов

МЫ ОДИН НАРОД

(О романе В. И. Костылева «Жрецы»)

В 1937 году Горьковское книжное издательство выпустило в свет роман В. И. Костылева «Жрецы», сразу же привлекший внимание читателя новизной и необычностью темы, глубиной проникновения в историческое прошлое России, яркостью описываемых характеров. Писатель показал жизнь русского и мордовского населения, участие мордвы в Терюшевском восстании 1743—1745 годов. Красной нитью провел он через повествование тему единения людей различных национальностей, общность их интересов перед лицом общей опасности, общего врага.

Роман «Жрецы» был не первым произведением В. И. Костылева, жившего в городе Горьком. А его литературная деятельность началась в Москве, где он родился 15 марта 1884 года в семье железнодорожного рабочего. Юноше рано пришлось пойти «в люди», работать в пароходной кампании «Вильсон, Сын и К⁰», на Московско-Виндавской железной дороге, служить рядовым в царской армии. Во время первой русской революции будущий писатель за участие во всеобщей железнодорожной забастовке подвергался аресту.

После знакомства с произведениями М. Горького В. И. Костылев осмелился послать великому писателю свой рассказ «Живое слово» и в июне 1912 года получил ответ. Алексей Максимович, разбирая присланное произведение, указывал на недостатки, советовал, как их устранить. Это была подлинная школа мастерства, и горьковским традициям Валентин Иванович оставался верен всю свою творческую жизнь.

Не без влияния М. Горького в творчестве В. И. Костылева еще до революции определился главный литературный интерес: обостренное внимание к человеку-труженику, тщетно ищущему выход из тисков капиталистической действительности; изображение народного характера, жизни как русского населения, так и народностей Поволжья: мордвы, марийцев, чувашей, татар.

Этому особенно способствовало знакомство с жизнью Нижегородского края, где издавна в тесном общении и единении жили представители самых различных национальностей. Туда Валентин Иванович переехал в 1918 году по совету врачей и прожил в Нижнем Новгороде, а затем в городе Горьком, несколько десятков лет. По крупицам собирая материал для будущих книг, занимаясь в архивах и библиоте-

лах, бывая в национальных селах, изучая быт, взаимоотношения народов Поволжья, писатель пришел к твердому убеждению, что мордва, марийцы, чуваши не оставались в стороне от важных исторических событий, происходивших в стране, а зачастую являлись заметной социальной силой.

Понятно, что, обладая богатейшим материалом, собранным в Горьковском крае, В. И. Костылев не мог не писать. Им была задумана трилогия «Человек и боги», первая часть которой — роман «Пиримм» — вышла в 1936 году. Через год писатель опубликовал новое произведение—«Жрецы».

В основу романа горьковский писатель положил Терюшевское восстание мордвы — крупное антикрепостническое выступление 1743—1745 годов в Поволжье, шел, как это бывает в романистике, от факта к большому художественному обобщению. Поводом для народного гнева явились внешне религиозные причины, в частности, «распоряжение Нижегородского и Алатырского епископа Дмитрия Сеченова от 18 мая 1743 г. о разрушении... языческих священных рощ и кладбищ»[1]. Однако по классовому характеру это восстание, по справедливости называемое Крестьянской войной, вспыхнуло в результате гнета помещиков и духовенства: «Ненависть к православному духовенству была столь велика,— говорится в «Истории СССР»,— что во время Крестьянской войны восставшие чуваши, мордва, марийцы расправлялись с священниками так же, как и с помещиками»[1].

Основной движущей силой Терюшевского восстания явились мордовские крестьяне сел этой волости. Возглавил выступление, поддержанное людьми других национальностей, мордвин Несмеян Васильев-Кривой, крестьянин из села Большое Сескино, и ранее участвовавший в движении повстанцев. Его ближайшими помощниками были мордвины Пумрас Семенов, Шатреска Плакидин, Котрянка Анрдюшкин, Дружинка Цанаев.

Напуганный размахом многонационального восстания, нижегородский губернатор Друцкой направил на его подавление несколько военных команд. Но добиться победы у деревни Лапшиха 26 ноября 1743 года сумели лишь посланные Сенатом усиленные правительственные войска.

Среди взятых в плен были Несмеян Васильев-Кривой, Пумрас Семенов, Шатреска Плакидин. Чтобы запугать народ, власти устроили публичное сожжение организатора и руководителя Терюшевского восстания в селе Сарлей.

Сильные репрессии приостановили волнения крестьян, но жестокий социальный гнет вызвал взрыв нового негодования в 1745 году (см. подр. Историю Мордовской АССР. Т. 1, с. 97).

---

[1] История Мордовской АССР. В 2-х т. Т. 1. Саранск, 1979, с. 96.
[1] История СССР. В 12-ти т. Т. 3. М., 1967, с. 285.

В романе «Жрецы», говоря словами видного советского историка В. Т. Пашуто, мы видим «плодотворный союз писательского «человековедения» с историческим источниковедением»[2]. Чтобы помочь читателю соприкоснуться с той исторической эпохой, вызвать чувство сопереживания, В. И. Костылев умело использовал в своем произведении географические названия мест, где происходили те трагические события. Некоторые из них активно используются и в современной лексике. На карте Горьковской области значатся села: Сарлей, Суроватиха, Дальнее Константиново, Лысково, Васильсурск, город Арзамас; и сегодня несут свои воды Волга, Сура, Пьяна, существовавшие при жизни прадедов нынешних народов Поволжья, связывающие незримой нитью многие поколения.

Автор не раз называет и Макарьевскую ярмарку, проводившуюся ежегодно у Макарьева монастыря. Ныне здесь расположен одноименный поселок городского типа.

В «Жрецах» действуют и реально существовавшие лица, современники Терюшевского восстания: царица Елизавета Петровна, ее придворные А. Г. Разумовский, А. И. Шувалов, губернатор Нижнего Новгорода Друцкой, епископ Дмитрий Сеченов, управляющий имением царевича Грузинского Бакара Вахтангеевича — Баратаев, российские солепромышленники братья С. Г. и А. Г. Строгановы, премьер-майор Юнгер, посланный с отрядом солдат на подавление мятежа, известный московский вор Ванька Каин, предавший повстанцев и вошедший в сговор с Сыскным приказом. Колорит того времени вносят в роман и цитируемые автором исторические документы: указы царицы, прошения, донесения епископа Сеченова, воинские приказы. Такое насыщение историческими категориями создает у читателя представление документальности, подлинности, ощущение живого контакта с героями произведения.

В основу романа «Жрецы» положен конфликт двух антагонистических классов: крестьян и помещиков, что дает возможность развивать действие контрастными сюжетными линиями. Противопоставляются мировоззрение, нравственность, образ жизни имущего класса и крестьянства. Так, например, подлинное отношение царицы к народу В. И. Костылев очень ярко показал в эпизоде, завершающем первую часть книги. «По пути следования царицы из Москвы в Санкт-Петербург, — говорится в нем, — начальство... выгоняло на дороги рабочих людей. С великой поспешностью, обливаясь потом, несмотря на мороз, разного звания люди... валили в лесу елки... По ночам, в каком-то диком оживлении, жгли смоляные бочки, озаряя испуганные толпы крестьян...»

Контрастным является эпизод, рассказывающий о поведении руко-

---

[2] Пашуто В. Научный историзм и содружество муз.— Коммунист, 1984, № 5, с. 87.

водителя Терюшевского восстания во время первого боя с монахами. Писатель изображает его в романтическом плане, подобно горьковскому Данко, Кривов идет «бесстрашно... с саблей в руке впереди мордвы». Автор неустанно подчеркивает его кровную связь с товарищами: «Несмеянка, шедший впереди, то и дело останавливался, чтобы успокоить стонавших от боли раненых товарищей и чтобы приободрить здоровых, окончательно упавших духом, подавленных, напуганных всем происшедшим». Таков путь царицы и путь Несмеяна Кривова.

Образ мордвина, настоящего патриота своей родины, является истинной удачей В. И. Костылева и наделен им большой внутренней силой и человеческим обаянием. С первых же страниц читатель узнает сокровенные мечты героя, полного беспокойства за судьбу родного народа. Его жизненное кредо выражено писателем ясно и полно: «Люблю я жизнь! Люблю я волю! Люблю родину!.. Люблю правду! И нет у меня, сильнее этой, никакой любви!».

В. И. Костылев рисует мордовского вольноотпущенника человеком, много повидавшим на своем веку. Он во многих местах побывал, даже «в приказах государевых писцом служивал». Жизненный опыт, облеченный в умные, простые слова, сделал его настоящим лидером в крестьянской среде. Не случайно мордва в сложных ситуациях шла к нему за советом и помощью. Автор наделил Кривова незаурядным ораторским талантом: «Несмеянка говорил о тяготе народной так, что еще больше хотелось жить после его горячих слов. Просыпалась ненависть и неукоротимое желание одолеть невзгоды». После таких бесед крестьяне заражались его оптимизмом, жизнелюбием.

В. И. Костылев показал Несмеяна Кривова в действии: он не только умело организовал восстание терюхан, но и со знанием дела руководил действиями поднявшихся на борьбу крестьян: «Несмеянка разделил свое войско на несколько отрядов... подбирал себе в помощники большею частью людей из Большого и Малого Сескина. Сам он был оттуда, их он лучше знал, чем других, больше на них надеялся».

Последним страницам романа «Жрецы» В. И. Костылев придает трагическое звучание. После разгрома Терюшевского восстания Несмеянка вместе с товарищами идет по этапу в Нижний Новгород. С высоким мастерством передает романист переживания героя, сердце которого переполнено болью. Но не ручные и ножные кандалы, сковавшие Кривова, угнетают его. Страдания причиняет беспокойство за друзей, собратьев по борьбе, «с которыми делил и горе и радость», которые теперь попадут «в еще более страшную кабалу».

Образ Несмеянки Кривова явился идейным фокусом «Жрецов». Он аккумулирует весь тот обширный жизненный опыт, что накапливают в борьбе остальные персонажи: терюшевские крестьяне, русские мужики из Рыхловки, примкнувший к ватаге чувашский богатырь Буртас. Подобно лучшим мордовским героям из произведений советских писателей (Иваниха у М. Горького, Михалкин у П. И. Замойского), Несме-

янка осознает себя сыном мордовского народа, гордо произнося: «Я — мордвин». В. И. Костылев не один раз подчеркивает, что сердце его открыто горестям и бедам людей других национальностей: «все мы один народ — братья... Кто смеет отнять у нас день? Татары, башкиры, украинцы, мордва тоже хотят дня, как хотят его и русские мужики!»

Так в тему освободительной борьбы вплетается тема интернациональной дружбы. Автор «Жрецов», понимая ее важность среди прочих тем, выдвигает на передний план. Хотелось бы проследить, как раскрывает горьковский писатель эту проблему.

В. И. Костылев неоднократно подчеркивает исторически сложившиеся дружеские связи мордвы с другими народами. Тесные взаимоотношения характеризуют не только повседневную жизнь народов Поволжья, в дни суровых испытаний народы-братья спешат на помощь друг другу. В Терюшевском восстании участвовали люди разных национальностей: русские, мордва, марийцы, чуваши, башкиры, этот многонациональный союз объединяла ненависть к несправедливости.

Писатель рассказывает о раненом ватажнике чувашине Буртасе, который убил «кистенем двух налетевших на него драгун». В уральском башкире Хайридине он выделил внимание к людям: «Хайридин озаботился, чтобы в Терюшах посытнее накормили ватажников», показал бесстрашного воина, как прекрасного наездника (это национальная черта башкир): «Хайридин воспользовался этой заминкой. Стрелой пронесся он по полю в тыл врагу со своими молодцами и затем со свистом и гиканьем дал знать товарищам о том, чтобы следовали за ним»; «Юнгер снова повернул на мордву, а в эту минуту Хайридин опять налетел на его тыл со своими храбрецами».

Как глубоко народную, проводит В. И. Костылев мысль о единении людей против власть имущих. Готовые погибнуть, сплотившись в едином порыве, собрались они отстаивать свои интересы. Хотя роман называется «Жрецы», но он посвящен народу и рассказывает о нем: «Тысяча человек мордвы, а между ними и русские и чуваши, залегли в оврагах с луками, рогатинами, ружьями и бердышами. И ватажники не забыли Несмеянку, пришли помочь мордве под начальством бесстрашного башкира Хайридина». Писатель убеждает, что это не серая однородная масса, которой управляют господа, а сила, действующая по законам своей жизни, понимающая, что ей надобно, а надобно было ей свободу.

Для придания исторического и национального колорита В. И. Костылев пользуется неисчерпаемыми богатствами народного фольклора. В романе много народных песен, которые звучат на русском, мордовском, украинском языках и не нуждаются в переводе, потому что духовное родство объединяло людей. Особенно часто поет цыган Сыч. Встретившись с Несмеянкой, он думает, не соглядатай ли это. Но вот мордовский вольноотпущенник с горечью начал рассказ о виденном на

Украине, и Сыч убедился, что перед ним честный человек: тогда-то он и запел украинскую песню о казаке и дивчине.

На русском языке цыган поет песню, когда подъезжает к Рыхловке, где жили его жена и сын. Сыч еще не знает о смерти Степаниды, поэтому, чтобы не выдать волнения, поет о бродяге, ищущем счастье.

По-мордовски песня звучит дважды. Первый раз ее поет Иван Рогожа, аккомпанируя себе на национальном инструменте — кайге: «обоих сыновей убили... на войне, а жена умерла с горя о них». Ватажники восприняли песню мордвина, как напоминание о ждущих их впереди испытаниях.

Лишь Турустан не понял чувств певца, в ответ он бойко запел мордовскую обрядовую песню, не отвечающую общему настроению. Этим разногласием В. И. Костылев как бы предвосхищает отход Турустана от ватажников.

Следует заметить, что роман «Жрецы» — первое, но не единственное произведение, посвященное Терюшевскому восстанию мордвы. В 1941 году в Саранске на эрзя-мордовском языке вышел роман в стихах А. Д. Куторкина «Ламзурь», в основу которого также легли события 1743—1745 годов.

* * *

Имя В. И. Костылева, скончавшегося в августе 1950 года в Москве, неотрывно от истории советской литературы. Но, к сожалению, его творчество мало привлекает исследователей. Лишь в 1959 году в Горьком был опубликован критико-биографический очерк «В. И. Костылев» В. В. Даркова. А творчество этого своеобразного исследователя представляет одну из страниц нашей многонациональной литературы. Имя горьковского писателя не упоминается ни в мордовской, ни в марийской, ни в чувашской литературах.

Роман «Жрецы» вновь пришел к читателям, когда в Мордовии уже отмечена такая крупная историческая дата, как 500-летие добровольного вхождения мордвы в состав Российского государства. Это произведение В. И. Костылева, написанное на материале национальной истории, подтверждает тезис о многовековой дружбе мордовского и русского народов. Правописание некоторых слов оставлено по старой орфографии.

Т. КОЗИНА,

аспирант Мордовского государственного ордена Дружбы народов университета имени Н. П. Огарева.

В. КОСТЫЛЕВ

ЖРЕЦЫ

РОМАН

САРАНСК
МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

А. Чапыгин

Разин Степан

РОМАН
ИСТОРИЧЕСКИЙ

Издательский центр
Воронеж

В литературном наследии А. П. Чапыгина (1870—1937) исторический роман «Разин Степан» занимает центральное место. Превосходно овладев историческим материалом, Чапыгин подошел к нему как художник со сложившейся творческой индивидуальностью. Это определило отбор фактов и их использование в романе.

В «Разине Степане» охвачены не все стороны крестьянской войны XVII века, представлены не все слои русского народа, участвовавшие в движении. Чапыгин концентрирует события романа вокруг Разина и его ближайших сподвижников. Опущены достоверно известные эпизоды паломничества Разина в Соловецкий монастырь, участия в посольстве к калмыкам и т. д. В романе почти не уделено внимания событиям, связанным со спадом восстания, уходом Разина после битвы под Симбирском на Дон, в Кагальницкий городок, и предательской выдачей его царю казацкой старшиной. Характерны и другие психологически и художественно оправданные отступления от истории. Например, Чапыгин делает Разина главарем Соляного бунта, чего не могло быть в действительности с юным Разиным. Писатель идет на эту условность, чтобы показать накопившуюся ненависть Разина к воеводам и боярам, его понимание нужд народа.

Большинство героев романа имеет своими прототипами реальных исторических лиц. Однако в книге действуют и вымышленные герои: Ириньица, сотник Мокеев, сын Разина — Василий, боярин Киврин, дьяк Ефим, горбун Григорий.

Роман заслужил признание читателей изображением картин широкого народного движения, ярким воспроизведением быта, колорита эпохи, выразительностью языка.

С. 4. **Земский приказ.** — Приказы в XVII в. являлись центральными правительственными учреждениями, ведавшими делами внутренней и внешней политики. Земский приказ ведал делами об убийствах, разбоях и грабежах в Москве.

С. 5. **...стрельцы, видимо, дремали под монотонный жалобный голос, исходивший от земли...** — По уголовному законодательству XVII в. в наказание за убийство мужа женщина подвергалась му-

чительной и позорной казни: ее живой по шею закапывали в землю.

С. 15. **Борис Иванович** — Морозов (1590—1661), боярин, шурин царя Алексея Михайловича, его воспитатель и влиятельный советчик.

Дьяк Чистов — Чистый Назарий, думный дьяк, возглавлял Посольский приказ. Убит 2 июня 1648 г.

Плещеев Леонтий Степанович — судья Земского приказа. Убит во время восстания в 1648 г.

С. 16. **...на Волгу из Паншина гулять ездят...** — Паншин — городок, расположенный у впадения в Дон рек Тишины и Иловли, являлся одним из опорных пунктов донского казачества в его походах.

С. 17. **...книгу я чел, жидовина Схарин...** — Жидовин Схария — лицо полулегендарное. О нем [illegible] астрологе и звездочете сообщает [illegible] XVI в. игумен Иосиф Волоцкий в «Сказании [illegible]».

С. 22. **Юрий Олексеевич** — [illegible] 1682 г.) князь, боярин, глава Приказа [illegible] стрелецкое ополчение во время подавления [illegible].

С. 31. «Чисто место по [illegible] Правдивому, здесь игра слов [illegible] дьяк Чистов, судья Плещеев и [illegible].

Соляной бунт — [illegible] Москве в июне 1648 г. Причиной [illegible] царствования Алексея Михайловича [illegible].

С. 32. **Молодой царь** — [illegible] Романов, вступивший на российский [illegible].

С. 34. **Василий Блаженный** — [illegible] Блаженного сооружен в Москве в 1557—1560 гг. [illegible] Бармой и Постником в ознаменование победы над Казанским ханством.

С. 36. **...во Пскове наши играть зачинают...** — Весной и летом 1650 г. в Пскове и в Новгороде [illegible] восстание городской бедноты, подавленное московскими воеводами.

С. 38. **Иван Разин** — старший брат С. Т. Разина. В эпизодах романа, связанных с Иваном Разиным, писатель опирается на труды некоторых русских историков, в частности Н. И. Костомарова, а также зарубежных историков XVIII—XIX вв.

С. 40. **Дид Тимоша** — Тимофей Разин, отец Степана Разина. Достоверных исторических сведений о нем не сохранилось. Умер в 1650 г.

С. 41. **Корней Яковлевич** — Корнилий Яковлев-Ходнев, донской войсковой атаман, представитель казачьей старшины, предательски выдавший Разина царским карателям в апреле 1671 г.

Фрол — младший брат Степана Разина. Принимал активное участие в восстании. Был схвачен вместе с Разиным в Кагальнике.

ком городке 14 апреля 1671 года, отвезен в Москву, где умер в 1672 г.

С. 46. **Анатолия** — область Турции, находящаяся на северо-западном побережье Малой Азии.

С. 48. **...тягости нашего сиденья в Азове...** — В 1637 г. донские казаки по собственной инициативе захватили Азов, в то время принадлежавший Турции, и держали его несколько лет, героически перенеся в 1641 г. осаду огромной турецко-татарской армией. В 1642 г. по настоянию русского правительства казаки вынуждены были покинуть город.

С. 54. **Боярин Пафнутий** — Пафнутий Васильевич Киврин (Ховрин), лицо вымышленное. Возможно, что одним из прототипов Киврина был московский посол на Дону Гераким Евдокимов.

С. 56. **мы под Збаражем ляхам играли ее...** — В августе 1649 года войсками Богдана Хмельницкого под Збаражем было нанесено поражение польской армии.

С. 61. **...держа пальцы в двуперстном сложении...** — Креститься двумя пальцами — значило быть сторонником старой веры, то есть не принимать церковной реформы, проведенной патриархом Никоном в 1656 г.

С. 77. **Васька Ус** (Василий Родионович Лавреев, ум. в 1671 г.) — один из ближайших сподвижников Степана Разина. Мотив измены Василия Уса Разину не подтверждается историческими данными.

С. 78. **Сергей Тарануха** — донской казак Сергей Кривой, один из есаулов Степана Разина.

С. 82. **Терки** — город при устье Терека

С. 84. **...берут нынче на Пскове воров, что свейскую величество королеву лаяли...** — Имеется в виду, вероятно, эпизод псковского восстания 1650 г., когда псковичи задержали продажу хлеба агентам шведского правительства и подвергли допросу шведского посланника.

Афонька Нащока — Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (ум. в 1680 г.), боярин, полководец, крупный дипломат, глава Посольского приказа в 1667—1671 гг.

С. 112. **Иванова площадь** — площадь внутри московского Кремля; названа так по находящейся на ней колокольне Ивана Великого.

С. 118. **Жидовин Лазунка** (Жидовин Лазарь) — один из немногих представителей правящих классов, примкнувших к восстанию Разина.

С. 157. **Полтевские белокафтанники** — стрельцы полка Семена Полтева.

С. 165. **Василий Григорьевич Шорин** — крупный купец, владел соляными и кожевенными заведениями.

С. 168. **Иван Андреевич Хованский** (ум. в 1682 г.) — князь, начальник Стрелецкого приказа.

С. 174. **«...во 174 году...»** - сокращенная (без первой цифры) дата старого русского летосчисления «от сотворения мира». Разница между ним и календарем новой эры составляла 5509 лет. Таким образом, дата читается: 7174 г. (то есть 1655 г.).

С. 176. **Кондырь Ивашка** — Кондырев Иван, атаман донских казаков на Волге, Яике и Каспийском море.

С. 178. **Самаренин Михаил** - донской войсковой атаман. Принимал участие в восстании Разина, потом изменил ему.

С. 183. **Мишка Волоцкой** — Волоцкий Никифор, атаман отряда донских казаков.

С. 190. **Ослябя Роман, инок** — легендарный герой Куликовской битвы.

С. 225. **Никон** - Никита Минов (1605—1681), патриарх всея Руси с 1652 г., осуществивший церковную реформу с целью укрепления церковной организации. Низложен в 1667 г.

С. 232. **Иван Семенович Прозоровский** — астраханский воевода, князь, участник ряда войн, дипломат. После взятия Астрахани был казнен восставшими 23 июня 1670 г.

С. 238. **Борятинский** (Барятинский) **Юрий Никитич** (ум. после 1682 г.) — князь, воевода. С его войсками в течение месяца сражались отряды Разина во время осады Симбирска.

С. 242. **Чикмаз** — возможно, Чекмез Ласи, сотник Острогожского полка, участник восстания.

С. 255. **Подошвенный бой** — стрельба, ведущаяся у подножия городских стен; **головной бой** — стрельба со стен острога, крепости.

С. 269. **Троеперстник** — крестящийся тремя пальцами, сторонник «новой веры», никонианец.

С. 343. **Шииты и сунниты** — приверженцы двух основных направлений в исламе: шиизма и суннизма.

С. 376. **Семен Иванович Львов** — князь, астраханский воевода. Его отряд был разгромлен в бою с разинцами под Черным Яром (апрель 1670).

С. 389. **Федор Шелудяк** — донской атаман, сподвижник Степана Разина. Казнен в 1672 г.

С. 475. **Артамон Сергеевич Матвеев** (1625—1682) — глава Посольского приказа (1671—1676), один из усмирителей Медного бунта. Был убит во время стрелецкого восстания 15 мая 1682 г.

С. 483. **Сыщем место, Ершович Ерш.** — Намек на имя персонажа из известной древнерусской сатирической «Повести о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове».

С. 486. **Аввакум Петрович** — протопоп (1620—1682), противник никонианской церковной реформы, писатель.

С. 189 **Щербатов Константин Осипович** (ум. в 1696 г.) князь, возглавлял вместе с Ю. А. Долгоруким армию, направленную в августе 1670 г. против отряда Разина

С. 561. **Богдан Матвеевич Хитрово** (1615—1680) — боярин, начальник Оружейной палаты.

С. 585. ...гробных рублей... — то есть денег на погребение.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ[1]

Аксамит — бархат.
Альбо — либо, или.
Антимонь — сурьма.

Бахарь — сказочник-певец.
Бирюч (бирич) — глашатай, объявляющий царские и княжеские указы.
Божедом — житель богадельни, призреваемый; а также могильщик, могильный сторож.
Бортные угодья — лесное пчеловодство, добыча меда диких пчел.
Братина — большая деревянная или металлическая чаша для напитков.
Брашно — еда, угощение.
Бунчук — короткое древко с привязанным конским хвостом, символ власти атамана, гетмана

Ви́цы — прутья, розги.
Войну — воистину
Ворворки — пуговицы в виде шариков на шнурке
Вязень — колодник, узник.

Долонь — ладонь.
Дуван — казачья добыча

Единорог — артиллерийское орудие с особым устройством казенника.
Елмань — расширение к концу сабельного клинка.
Ера — беспутный, живой, подвижный человек.
Ердань — бассейн, прорубь.

Жаратка — заслонка: в русской печке место для выгребания жара.

---

[1] В «Словаре...» раскрывается значение слов, не объясненных А. П. Чапыгиным в подстрочных примечаниях к тексту.

Жилец — дворянин, временно призывающийся для несения государственной службы.

Замотчанье — промедление.

Здынуть, здымать — поднять, вздымать.

Изгада — изжога, тошнота.

Исфагань (Иофаган, Испагань) — в XVII в. столица Персии.

Камкосиный — из камки, шелковой китайской ткани с разводами.

Каптур — шаг[illegible] вообще головной убор.

Каторги — галеры, гребны[illegible]

Киса́ — мошна, [illegible]

Клескать — хлоп[illegible]

Копоский — разборчивый, придирчивый, беспокойный.

Кортель [illegible]

Кошули [illegible]

Крамарь [illegible]

Кручно́й [illegible]

Крыга [illegible]

Кузня [illegible]

Куптуш [illegible]

Кюльзюм-мо[illegible]

Лагалище [illegible]

Луда [illegible]

Махан [illegible]

Меледить — [illegible]

Менгун — деньги, плата.

Мултанен — индийцы.

Мухтояровый — то есть сделанный из бумажной ткани с шелком или шерстью.

Накрачей — барабанщик.

Насад — грузовое судно, баржа.

Натодельная — пригодная к делу, подходящая.

Обнос — клевета, ложный оговор.

Однорядка — долгополый кафтан без воротника.

Односумка — подруга.

Озям (азям) — верхняя крестьянская одежда.

Опашень — верхняя мужская одежда, широкий долгополый кафтан с короткими рукавами.

Оселедец — длинная прядь волос на темени.

Охабень — верхняя одежда с откидным воротником.

Паузок — речное судно для перевозки грузов.

Плахта — яркая цветная ткань, обычно надевалась поверх юбки.

Позовное — плата за приглашение на праздник, чаевые.

Поминки — здесь: подарки, подношения.

Помовать — кивать, покачивать.

Прахоть — болезнь, немощь.

Призор — порча от «дурного глаза».

Прыск — бросок, прыжок; также: возможность достичь чего-либо.

Прясла — звенья изгороди.

Распашница — верхняя женская одежда

Свейская — шведская

Семо и овамо — сюда и туда

Скрыня — ларец, сундук

Скуфья — бархатная или суконная [illegible] в виде тюбетейки; повседневный головной убор православного [illegible] духовенства, обычно черного цвета.

Сполох — набат, колокольный звон, служащий сигналом бедствия.

Стрета — встреча.

Сукман — суконный кафтан, одежда [illegible] слоев населения.

Сыроядцы — язычники, дикари.

Тамашить — беспокоить.

Терлик — верхняя одежда знатных лиц, надевавшаяся в торжественных случаях.

Терпентин — живица; смолистый сок, выделяемый хвойными деревьями.

Турский — турецкий.

Убрусы — вышивка.

Угобжает — угождает, потакает.

Узорочье — предметы роскоши, драгоценности.

Улус — становище кочевников.

Усохутиться — спрятаться, скрыться.

Уторопь — торопливо, спешно; в уторопь — вдогон.

Уторы — вырезы в клепках бочки, куда вставляют дно.

Фальконет — старинная мелкокалиберная пушка.

Ферязь — верхняя длинная мужская одежда.

Харатея (харатья, харатия) — материал, на котором пишут, а также рукопись.

Хвалынь (Хвалынское море) — Каспийское море.

Чедыги — женская обувь.

Шадрины — осинины.

Шанцы — военные укрепления, редуты.

Шарпать — грабить; шарпальник — грабитель.

Шиш — бунтовщик, разбойник.

Шугай — короткая [illegible]

Эдиль-река — Волга.

Юкпуться — [illegible]

Ямы — путевые станции, на которых меняли лошадей.

Яндова (ендова) — большая [illegible] чаша.

Япанча (епанча) — шерстяной плащ без рукавов.

Ярыга — слуга в кабаке, [illegible] полиции.

Ясак — подать, собиравшаяся в пользу Русского государства с народов Поволжья и [illegible]

Александр
Степанов

Роман
в двух книгах
Книга
2

Минск
«Мастацкая літаратура»
1985

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 6. *...роту квантунского экипажа...*— экипаж — в военном флоте — береговая часть, служащая для пополнения корабельных команд (флотский экипаж) или портовых вспомогательных команд (ластовый экипаж). Экипаж приравнивался к полку сухопутных частей и делился на роты (от ста до двухсот человек).

Стр. 7. *Потребуются разъяснения из Питера или Маньчжурии...*— Несамостоятельность, нерешительность военного руководства в русско-японскую войну 1904—1905 годов привели к тому, что по любому поводу военачальники запрашивали мнение Петербурга. В Маньчжурии находился штаб командующего русской Маньчжурской армией А. Н. Куропаткина.

Стр. 12. *Лао* — старина (китайск.).

Стр. 13. *Штуртрос* — трос от штурвала к румпелю (рычагу, прикрепленному к рулю).

Стр. 14...идти прямо навстречу Балтийской эскадре.— Вторая Тихоокеанская эскадра адмирала Рожественского, которая должна была соединиться с Тихоокеанской эскадрой, находившейся в Порт-Артуре, для совместных действий против японского флота, вышла из Кронштадта лишь 20 сентября 1904 года, шла вокруг мыса Доброй Надежды, в Японском море была уже после падения Порт-Артура, в мае 1905 года потерпела поражение в Цусимском сражении.

«Монголия» — пароход-экспресс, совершавший рейсы в японские порты, оборудованный в войну под плавучий лазарет на сто шестьдесят мест, операционным и рентгеновским кабинетами. Предназначалась, как было сказано в инструкции, «подавать помощь

непосредственно после сражения; во время же оного спасать погибающих людей и принимать доставляемых с судов раненых и больных для сдачи их на берег». Выходила в море один раз — 28 июля 1904 года, в бою не могла подходить к месту боя, не оправдала своего назначения и остальное время простояла на внутреннем рейде, работая как плавучий госпиталь.

Стр. 16. *...главный врач лазарета Петров.*— Очевидно, в тексте неточность — главным врачом госпитального судна «Монголия» был Р. Р. Кинаст. Доктор Петров был врачом 36-го Восточносибирского полка.

Стр. 18. *Фок-стеньга* — фор-стеньга — стеньга (бревно, продолжавшее мачту в высоту) на фок-мачте (передней мачте судна).

Стр. 20. *Охотский* — Костюрин-Охотский Измаил Дмитриевич — капитан госпитального судна «Монголия». Как писал А. Н. Степанову 26 апреля 1941 года С. Р. Миротворцев, бывший в 1904 году младшим врачом-хирургом на «Монголии», Костюрин-Охотский был очень храбрый, «спокойный, уравновешенный человек, и выставление его трусом не соответствует действительности». Здесь А. Н. Степанов следует недостоверным воспоминаниям Ножина и Фейгельсона, писавших о том, что Охотский прятался от японцев.

Стр. 21. *Мателот* — соседний в строю корабль.

Стр. 29. *Гаагская конвенция.*— Речь идет о международных соглашениях, законах и обычаях ведения войны, принятых Первой Гаагской конференцией 1899 года. В числе двадцати семи государств, присутствовавших на конференции, была и Япония. Решения этой конференции были затем дополнены конвенциями Второй Гаагской конференции 1907 года.

Стр. 30. *Женевская конвенция* — заключена в 1864 году (пересматривалась в 1906, 1929 и 1949 гг.), предусматривает гуманное обращение с больными и ранеными военнослужащими, попавшими в плен, предоставление покровительства и защиты санитарным формированиям (транспортам, госпиталям и др.), которые запрещается подвергать обстрелам и бомбардировкам.

Стр. 38. *Планширь* — деревянный продольный брус, образующий верхнюю кромку борта верхней палубы.

Стр. 39. *Спардек* — верхняя палуба.

Стр. 40. *Миротворцев* Сергей Романович (1878—1949) — хирург, действительный член Академии медицинских наук (с 1945 г.), заслуженный деятель науки РСФСР (с 1935 г.). Участвовал в качестве хирурга в трех войнах: русско-японской войне 1904—1905 годов, в первой мировой войне 1914—1918 годов и в Великой Отечествен-

ной войне 1941—1945 годов. В Порт-Артур приехал с началом военных действий по собственному желанию, работал с 26 февраля 1904 по 1 июня 1905 года — сначала на «Монголии», затем в сухопутных госпиталях, после сдачи крепости долечивал русских раненых в плену в Японии и вместе с ними вернулся в Россию морем в 1905 году. Эти события нашли отражение в книге С. Р. Миротворцева «Страницы жизни», опубликованной в 1956 году в Ленинграде.

Стр. 46. *Плутонг* — совокупность группы орудий одинакового калибра, расположенных на корабле. Теперь этот термин заменен словом «батарея».

Стр. 54. *Циндао* — китайский порт на юге Шаньдунского полуострова, был военно-морской базой Германии, построенной ею после захвата в 1897 году Цзяочжоуской области и заключения с Китаем договора на ее аренду в 1898 году.

Стр. 58. *Тали* — приспособления из блоков с продернутым через них тросом для подъема тяжестей.

Стр. 60. *Гальвано-ударная мина* — контактная мина, взрывающаяся под действием электрического тока, получаемого от гальванических элементов, размещенных в гальвано-ударном колпаке мины.

Стр. 68. *Сангарский пролив* — пролив между островами Хонсю и Хоккайдо, соединяющий Японское море с Тихим океаном.

Лаперузов пролив — пролив между островами Сахалин и Хоккайдо. Назван по имени открывшего его французского мореплавателя Жана-Франсуа Лаперуза (1741—1788).

Стр. 69. *Чемульпинский инцидент.* — Речь идет о нападении японской эскадры адмирала Урио на крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» в корейском порту Чемульпо (Инчён) 27 января 1904 года, когда, несмотря на превосходящие силы противника, русские суда не сдались, а приняли бой, нанеся японцам большие потери (см. книгу первую).

Стр. 70. *Семенов* Владимир Иванович (1867—1910) — писатель, морской офицер, служивший длительное время на кораблях Тихоокеанской эскадры. В 1901—1903 годах был адъютантом адмирала С. О. Макарова. С началом военных действий прибыл в Порт-Артур, был командиром миноносца «Решительный», затем — старшим офицером транспорта «Ангара», позже — крейсера «Диана», на котором ушел в Сайгон, откуда отправился во Вторую эскадру Рожественского, участвовал в Цусимском сражении.

Автор двух романов, очерков и рассказов о Дальнем Востоке и С. О. Макарове, а также трилогии «Расплата».

Колчак Александр Васильевич (1873—1920) — впослед-

ствии адмирал царского флота, монархист, ярый враг Советской власти.

В русско-японскую войну командовал миноносцем «Сердитый». На «Диане», как это показано в романе, не служил. После капитуляции крепости и плена плавал на различных кораблях, был начальником Черноморского флота, летом 1917 года изгнан революционными матросами. В 1917 году отправлен Керенским во главе официальной военно-морской миссии в США, откуда был послан на Дальний Восток для организации антисоветского фронта. В 1918 году вошел в состав Уфимской директории, свергнул ее и в Омске объявил себя «верховным правителем» России. В 1920 году арестован и расстрелян по приговору Иркутского военно-революционного комитета.

Стр. 72. *Стрела Темперлея* — подъемное устройство, применявшееся при погрузке угля, руды и других грузов.

Стр. 76. *Крейсерские операции* — самостоятельные боевые действия отдельных кораблей с целью уничтожения судов противника и нарушения его морских перевозок.

Стр. 78. *Комендор* — специалист рядового или старшинского состава на артиллерийских установках на кораблях и батареях береговой обороны.

Стр. 83. *Ютовое орудие* — орудие, установленное на юте — кормовой части палубы корабля.

Стр.86. *Корсаковский пост* — русский пост на острове Сахалин, установленный в 1852 году экспедицией Г. И. Невельского, исследователя, открывшего устье Амура. С передачей Сахалина Японии поселок назывался Отомари. С 1945 года — город Корсаков, названный в честь русского мореплавателя, гидрографа Воина Андреевича Римского-Корсакова (1822—1871), брата великого композитора.

Стр. 89. *Цапфы* — выступы посредине ствола орудия, вставляются в цапфенные гнезда орудийного станка.

Нория — приспособление для вертикальной подачи снарядов из трюма.

Стр. 105. *«Соловьем залетным юность пролетела...»* — романс А. Варламова на слова поэта А. Кольцова (стихотворение «Горькая доля»).

Стр. 116. *...тридцать седьмого года Мейдзи* — 1904 года (37-го от буржуазной революции 1867 года в Японии).

Стр. 121. *Гальванер* — солдат артиллерийской электротехнической части, рядовой матрос, обслуживающий артиллерийскую электротехнику на военных кораблях.

Стр. 130. *Армстронг* Вильям Джордж (1810—1900) — английский инженер, изобретатель «пушки Армстронга» — первого нарезного орудия, заряжавшегося с казенной части, а также тяжелых морских орудий.

Стр. 131. *Китайская стенка* — земляной вал, которым была обнесена порт-артурская крепость в 80-х годах XIX века.

Стр. 161. Зерцало — эмблема «законности»; на суде — увенчанная двуглавым орлом трехгранная призма, на сторонах которой были наклеены печатные экземпляры петровских указов.

Стр. 191. *...под Ляояном должен произойти генеральный бой...* — Ляоянское сражение произошло 17—21 августа 1904 года вблизи города Ляоян (Дунбэй) в юго-восточной Маньчжурии, южнее Мукдена. Это одно из крупнейших сражений русско-японской войны, в котором ярко проявилась бездарность командования, гнилость военной организации царизма. Несмотря на стойкость русских солдат, превосходство в численности войск и вооружении, генерал Куропаткин проявил нерешительность и приказал отступать к Мукдену.

Стр. 242. *...перед третьей Плевной.* — Речь идет о третьей атаке Плевны (г. Плевен в Болгарии) 30—31 августа 1878 года союзными — русскими и румынскими — войсками во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Стр. 247. *Харитина* Евстафьева (в романе ошибочно названа Федосеевной) Короткевич (? — 1904) — героиня Порт-Артура, женщина, служившая рядовым седьмой роты Тринадцатого Восточно-сибирского полка.

Стр. 250. *Ножин* Е. К. — сотрудник порт-артурской газеты «Новый край». Автор книги воспоминаний «Правда о Порт-Артуре». Спб., 1906—1907.

Стр. 266. *Афина Паллада* — в греческой мифологии — богиня войны и одновременно олицетворение ума и изобретательности, покровительница знаний, искусств и ремесел.

Стр. 289. *Стопин* — нить, пропитанная горючим составом, для воспламенения зарядов.

Брандскугель — зажигательный снаряд, применявшийся в гладкоствольной артиллерии и представлявший собой ядро с отверстиями, начиненное зажигательным составом.

Стр. 290. *Брунегильда* (Брунгильда) — персонаж древних германских сказаний.

Стр. 307. *Банка* шлюпочная, гребная — доска для сидения гребцов, а также для придания шлюпке поперечной прочности.

Стр. 327. *Контрэскарпная галерея* — галерея, устраиваемая в контрэскарпах, то есть ближайшей к неприятелю стенке укрепления.

Стр. 330. *Берг* О. Ф. (1865—?) — младший офицер квантунской саперной роты. Во время гибели генерала Кондратенко был с ним во втором форте и остался невредим. После окончания русско-японской войны опубликовал записки «Два дня на форту № 11», посвященные октябрьским боям в Порт-Артуре.

Дебогорий-Мокриевич Л. И. (1878—?) — военный инженер, поручик квантунской саперной роты. В 1903 году участвовал в строительстве дорог на Квантунском полуострове. Автор воспоминаний об обороне Порт-Артура.

Стр. 373. *Гласис* — насыпь наружного рва для наилучшего обстрела впереди лежащей местности и маскировки укрепления.

Стр. 377. *Балашов* Иван Петрович — егермейстер, главноуполномоченный Красного Креста, заведовавший его Квантунским отделением. С Красным Крестом побывал на нескольких войнах. В Порт-Артуре построил новое здание Мариинской больницы, основал санитарный городок, организовал снабжение их продовольствием и медицинским оборудованием, перевозку раненых и др.

Пирогов Николай Иванович (1810—1881) — известный русский хирург, академик.

Гюббенет Виктор Борисович — главный хирург Порт-Артура, доктор медицины. После возвращения из японского плена был в Петербурге главным хирургом Николаевского госпиталя. С. Р. Миротворцев писал о нем А. Н. Степанову: «В. Б. Гюббенет являлся не только нашим начальником, но он был наш учитель и друг... О Гюббенете мы — молодежь — говорили в Порт-Артуре: «Гюббенет — это Пирогов в Порт-Артуре». Автор медицинской книги «В осажденном Порт-Артуре» (1910).

Стр. 386. *Камуфлет* — разрыв снаряда или мины под землей без образования воронки.

Стр. 405. *Дуван дуванить* (стар. казачье) — делить добычу после набега.

Стр. 418. *Бризантные гранаты* — осколочные гранаты.

Стр. 421. *Самсон* — древнееврейский мифический герой, которому приписывалась сверхъестественная физическая сила и отвага.

Стр. 430. *Септицемия* — токсическая форма сепсиса.

Стр. 455. *...в Балтике снаряжают еще третью эскадру — Небогатова.*— Эскадра контр-адмирала Николая Ивановича Небогатова отправилась из Кронштадта на Дальний Восток 3 февраля 1905 года.

Так как путь ее через Суэцкий канал был значительно короче, чем путь эскадры Рожественского, шедший вокруг Африки, они соединились в бухте Камранга, в Индокитае, и в мае 1905 года подошли к Корейскому проливу, где у острова Цусима произошло сражение с японским флотом.

Н. И. Небогатов сдал японцам 15 мая 1905 года, на следующий день после Цусимского сражения, остатки эскадры, за что был приговорен военно-морским судом к смертной казни, замененной десятилетним пребыванием в крепости, но, так же как и Стессель, в 1909 году был освобожден.

Стр. 528. *Костюшко* — Костюшко-Валюжанич Антон Иванович, автор книги «Ноябрьские бои на Высокой горе под Порт-Артуром». Спб., 1909.

Стр. 559. *Ретраншемент* — укрепление, расположенное позади главной позиции для обеспечения глубины обороны.

Стр. 585. *Голицинский А. И.*— капитан, автор книги «На позициях Порт-Артура. Из дневника ротного и батальонного командира». Спб., 1907.

ПРИМЕЧАНИЯ

Александр Николаевич Степанов (1892—1965) в детстве был свидетелем и участником героической обороны Порт-Артура. Отец его, Николай Иванович Степанов, был командиром батареи Электрического Утеса, а затем Суворовской мортирной батареи на Тигровом полуострове. Двенадцатилетний Саша все видел, запоминал, старался быть полезным — был связным у своего отца, подвозил вместе с другими ребятами воду на ослах к передовым позициям. Он был контужен, едва не лишился ног, их вылечил молодой тогда еще врач С. Р. Миротворцев, известный впоследствии ученый, с которым А. Н. Степанов, будучи уже писателем, вел дружескую переписку. И не только о нем, о многих участниках героической обороны А. Н. Степанов сохранил живые, теплые воспоминания. А видел он много. Он «лично знал Стесселей, Белых, Никитина, Кондратенко и многих других. У Белых видел Макарова, с мичманами забирался на броненосцы; мечтал стать моряком и т. д.»[1].

После капитуляции крепости А. Степанов с отцом в числе военнопленных попал в Нагасаки и лишь оттуда вместе с ранеными и медицинским персоналом был отправлен пароходом вокруг Азии в Одессу, к матери. Мать А. Н. Степанова, Лидия Николаевна, преподавала русский язык в гимназии, под ее влиянием будущий писатель с детства полюбил книги и научился записывать свои впечатления. Дневники он вел всю жизнь.

Эта привычка сослужила писателю большую службу. Повседневные записи событий позволили ему накопить большой материал. Прекрасная память помогала ему восстанавливать «обстановку, при какой делал некоторые записи почти тридцать лет назад»[2],— признавался он в 1944 году. И не случайно все произведения писателя в большей или меньшей степени связаны с его биографией.

В 1913 году А. Н. Степанов окончил Петербургский технологический институт, но вскоре был призван на военную службу, всю первую мировую войну провел на фронте. Это позволило ему позже создать хранящиеся в архиве писателя «Записки гвардейца», повести «Поход в Восточную Пруссию» и «Артиллеристы», а также многие страницы романа «Семья Звонаревых».

В 1917 году А. Н. Степанов был послан в Артиллерийскую академию в Петроград. После Октября он — в рядах Красной гвардии, принимал участие в разгроме Юденича, участвовал с отрядом путиловских рабочих в боях под Нарвой 23 февраля 1918 года (впоследствии он написал об этих событиях в повести «Стальной рабочий отряд», 1958), командовал артиллерийским дивизионом, воевал против деникинских полчищ под Ростовом и Екатеринодаром.

В ночь на 17 марта 1921 года при подавлении кронштадтского мятежа А. Н. Степанов провалился под лед Финского залива, тяжело заболел и вынужден был уехать лечиться на юг, в Краснодар.

В Краснодаре А. Н. Степанов жил до 1942 года, работал инженером, преподавал в вузах и техникумах. В 1932 году бруцеллез надолго приковал его к постели. У него появилась возможность вспомнить, передумать и заново перечувствовать пережитое. Все его мысли теперь заняты Порт-Артуром. Начал писать воспоминания и понял, что одних личных впечатлений мало. Помогали записки, которые вел отец писателя, но и этого было недостаточно. Тогда он

---

[1] «Кубань», 1966, № 4, с. 76.
[2] «Дон», 1962, № 6, с. 165.

начал читать о Порт-Артуре и русско-японской войне все, что мог достать в Краснодаре, получал книги и из Москвы и других городов.

Позже А. Н. Степанов писал: «Передо мной стояли три основные задачи: показ героизма солдат и младших офицеров артурского гарнизона, показ развала и разложения руководящей верхушки артурских властей, показ тесно связанного с ними широко разветвленного в Артуре японского шпионажа. На примере Артура легко было демонстрировать всю гниль правящей Россией самодержавной клики»[1].

Статья В. И. Ленина «Падение Порт-Артура» (январь 1905 г.) помогла А. Н. Степанову осмыслить и правильно оценить собранный им фактический материал. В. И. Ленин писал: «Несовместимость самодержавия с интересами всего общественного развития, с интересами всего народа (кроме кучки чиновников и тузов) выступила наружу, как только пришлось народу на деле, своей кровью, расплачиваться за самодержавие... Падение Порт-Артура подводит один из величайших исторических итогов тем преступлениям царизма, которые начали обнаруживаться с самого начала войны и которые будут обнаруживаться теперь еще шире, еще более неудержимо»[2].

Анализируя причины, приведшие царизм к поражению, Ленин утверждал: «Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»[3].

Через пять лет напряженной работы А. Н. Степанов посылает рукопись своих воспоминаний о порт-артурской обороне признанным мастерам исторического романа А. С. Новикову-Прибою и С. Н. Сергееву-Ценскому. Рукопись они одобрили и посоветовали А. Н. Степанову продолжить работу над романом.

Первая книга романа «Порт-Артур» была опубликована в 1940 году в Краснодаре, вторая — там же в 1942 году.

А. С. Новиков-Прибой писал А. Н. Степанову после выхода первой книги, 8 февраля 1941 года: «...книга имеет большое познавательное значение и, я уверен, будет принята читателем с большим интересом. Вашу книгу «Порт-Артур» я прочитал с большим удовольствием. Написана она правдиво, хорошо»[4].

Один из первых рецензентов романа — генерал-майор А. А. Игнатьев, участник русско-японской войны,— отметил «великолепные батальные сцены как на море, так и на суше», «живость и правдивость изображения», превосходное знание автором материала, что позволило ему «не только избежать ошибок, но и передать самую технику войны»[5].

В 1944 году роман А. Н. Степанова «Порт-Артур» был переиздан большим тиражом и получил всенародное признание. В 1946 году А. Н. Степанову была присуждена Государственная премия.

В театрах страны шла пьеса «Порт-Артур», написанная А. Н. Степановым в соавторстве с драматургом И. Ф. Поповым по мотивам романа. Им также был создан киносценарий «Порт-Артур».

---

[1] Степанов А. О книге «Порт-Артур».— «Новый мир», 1945, № 8, с. 117.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 155.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 158.
[4] «Русская литература», 1967, № 1, с. 191.
[5] Игнатьев А. А. Записки очевидца.— «Знамя», 1941, № 3.

Писатель получал сотни писем от читателей. Участники обороны Порт-Артура делились своими воспоминаниями, сообщали неизвестные факты героических эпизодов, боев. Используя новые материалы, А. Н. Степанов постоянно совершенствовал свое произведение, уточняя характеристики, дописывая новые главы и сцены.

В 1953 году А. Н. Степанов включил в роман эпилог, в котором рассказывалось о последующей судьбе героев романа и о процессе над Стесселем и другими виновниками сдачи Порт-Артура японцам, происходившем в Петербурге в 1907—1908 годах. В дальнейшем при переизданиях романа этот эпилог не печатался, а был использован в романе «Семья Звонаревых».

Роман А. Н. Степанова «Порт-Артур» вошел в золотой фонд советской литературы. Он издавался семнадцать раз тиражом более миллиона экземпляров. Роман переведен на языки народов СССР и многие иностранные.

В настоящем издании текст романа дается по изданию Гослитиздата 1960 года — последнему, над которым автор тщательно работал и где сделал значительные исправления.

Стр. 3. *Порт-Артур* (Люйшунь) — город, незамерзающий порт и военно-морская база Китая на юго-западе Ляодунского полуострова — Квантунском полуострове, у входа в заливы Ляодунский и Бохайвань. Порт и крепость построены в 80-х годах XIX века на месте рыбацкой деревни Люй-шунь-коу.

В 1894 году во время японо-китайской войны 1894—1895 годов Порт-Артур был взят японскими войсками, многие крепостные сооружения были ими разрушены. По Симоносекскому договору 1895 года Порт-Артур отошел к Японии, но под давлением России, Германии и Франции был возвращен Китаю.

15 (27) марта 1898 года в Пекине была подписана Россией и Китаем конвенция, по которой Квантунский полуостров с крепостью Порт-Артур передан России в аренду на двадцать пять лет.

Квантунский полуостров и прилегающие к нему острова образовали Квантунскую область, которая в 1903 году вместе с Приамурским генерал-губернаторством вошла в состав наместничества на Дальнем Востоке. Во главе наместничества был поставлен адмирал Алексеев. После окончания русско-японской войны по Портсмутскому мирному договору 1905 года арендные права на Порт-Артур перешли к Японии. Японская оккупация длилась до 1945 года, когда советские войска разгромили японские самурайские части. В настоящее время Порт-Артур принадлежит КНР.

26 января 1904 года — даты в тексте даны по старому стилю.

Алексеев Евгений Иванович (1843—1918) — адмирал, генерал-адъютант, в 1903—1905 годах — царский наместник на Дальнем Востоке с подчинением ему Приамурского края, Забайкальской области, Маньчжурии и Квантунской области. С началом русско-японской войны назначен главнокомандующим всеми морскими и сухопутными силами на Дальнем Востоке. После поражения русских войск на реке Шахэ в октябре 1904 года был освобожден от обязанностей командующего и заменен генералом Куропаткиным.

Стр. 4. *Флаг-офицер* — офицер, состоящий при флагмане, ведавший сигнальным делом и выполнявший адъютантские обязанности.

...телеграммы о разрыве дипломатических сношений с Японией.— Начиная военные действия против России без объявления войны, Япония, считаясь с мировым общественным мнением, проявила некоторую осмотрительность: 24 января (6 февраля) 1904 года были прерваны русско-японские переговоры в Петербурге, прекращены ди-

дипломатические отношения с Россией. Однако, чтобы использовать преимущество внезапности нападения, японское правительство создало впечатление, что это не означает начала войны, а является лишь средством давления на царское правительство. В связи с этим адмиралу Алексееву была послана телеграмма с указанием соблюдать осторожность, чтобы не спровоцировать военные действия.

Ламсдорф (Ламздорф) Владимир Николаевич (1841—1907) — граф, дипломат, служивший в министерстве иностранных дел с 1866 года. В 1900—1906 годах — министр иностранных дел. Сторонник мирного урегулирования корейско-маньчжурского вопроса.

Стр. 5. *...военный союз с Японией, направленный в основном против России и Китая.*— Речь идет об англо-японском союзном договоре 17 (30) января 1902 года, по которому стороны обязались соблюдать нейтралитет, если одна из сторон, защищая свои интересы в Китае, окажется в состоянии войны с третьей державой, и о военной помощи в случае столкновения с двумя и более державами.

Стр. 6. *В газетах промелькнуло сообщение, что японский объединенный флот вышел в море...*— В тот же день, когда были прерваны дипломатические отношения с Россией — 24 января (6 февраля) 1904 года — японский объединенный флот действительно вышел в море и направился к Порт-Артуру. Однако в печати сообщение об этом не могло появиться, так как одновременно в Японии было введено строжайшее запрещение посылать телеграммы за границу, и даже русская миссия не смогла сообщить в Петербург о выходе эскадры.

Микадо — дословно — «возвышенные ворота» — титул японского императора; в самой Японии более распространен титул *тенно* — «божественный».

Того Хейхатиро (1847 — ?) — вице адмирал, командующий японским флотом, блокировавшим Порт-Артур в 1904 году, и разбивший эскадру адмирала Рожественского в Цусимском проливе.

Стационер — судно, постоянно находящееся на стоянке в иностранном порту.

Стр. 7. *Белый* Василий Федорович (1854—1913) — русский генерал от артиллерии, один из доблестных защитников Порт-Артура. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В 1888—1902 годах служил в крепостной артиллерии Карса, Севастополя, с 1902 года — начальник Квантунской крепостной артиллерии.

Стр. 8. *Старый город* — Порт-Артур рекой Лунхэ делился на Старый город, на берегу Восточного бассейна, и Новый город, на берегу Западного бассейна. Восточнее Старого города располагался Новый китайский город.

Стр. 9. *Стессель* Анатолий Михайлович (1848—1915) — генерал-лейтенант. Участвовал в подавлении Ихэтуаньского народного восстания 1899—1901 годов в Китае. Комендант крепости Порт-Артур. С марта 1904 года — начальник Квантунского укрепленного района. За сдачу Порт-Артура японцам был отдан в 1906 году под суд вместе с другими виновниками сдачи крепости — генералами Фоком, Рейсом, Смирновым. Следствие выявило полную бездарность Стесселя, сознательно подготовлявшего крепость к сдаче. Верховный военно-уголовный суд 7 февраля 1908 года приговорил Стесселя к расстрелу, замененному десятилетним заключением в Петропавловской крепости, но уже 6 мая 1909 года он был освобожден по распоряжению Николая II и уехал за границу.

Стр. 11. *Витгефт* Вильгельм Карлович (1847—1904) — контр-адмирал, начальник морского отдела штаба наместника. С 22 апреля 1904 года — временный командир Тихоокеанской эскадры вместо вице-адмирала Н. И. Скрыдлова.

Бон — плавучее ограждение, используемое для защиты места стоянки флота от проникновения неприятельских кораблей, торпед, мин. Боны состоят из неподвижной части и разводной (боновые ворота), служащей для прохода своих кораблей.

Чифу (Яньтай) — порт на северо-востоке Шаньдунского полуострова, одна из лучших гаваней Китая. В 1860 году по Тяньцзинскому договору был открыт для иностранцев.

...пробили шесть склянок.— Склянка на кораблях флота обозначает получасовый промежуток времени, причем количество ударов колокола — склянок — показывает время, счет их начинается в 0 час. 30 мин. Шесть склянок — три часа. Выражение это осталось от давних времен, когда на судах у колокола стоял вахтенный с песочными часами и каждые полчаса «отбивал склянки».

Стр. 14. *Дальний* (китайское название — Далянь, японское — Дайрен) — торговый порт, построенный русскими в 1898—1903 годах. Город имел свое градоначальство и подчинялся не военному ведомству, как вся Квантунская область, а был в ведении министерства финансов. Много внимания развитию этого торгового порта уделял, в частности, министр финансов С. Ю. Витте.

Стр. 16. *Невский завод* — Невско-литейный и механический завод в Петербурге, известный также под названием Семянниковского завода. Основан в 1850 году. Сначала выпускал чугунные снаряды и литье. В дальнейшем на заводе развивалось судостроение, паровозостроение и металлургическое производство. Ныне — машиностроительный завод имени В. И. Ленина.

Стр. 17. *Китайский поход.* – Речь идет о вторжении на территорию Китая соединенных сил царской России, Германии, Англии, Франции, Италии и Японии для подавления народного антиимпериалистического восстания (Ихэтуаньское, известное также под названием «боксерского» восстания 1899—1901 гг.).

Стр. 18. *Фок* Александр Викторович (1843 — ?) — генерал-лейтенант, начальник Четвертой Восточносибирской дивизии, комендант цзиньджоуской позиции, затем — командир резерва, а с 2 декабря 1904 года, после гибели генерала Кондратенко, – начальник сухопутной обороны Порт-Артура. В итоге следствия 1906—1908 гг. Верховный военно-уголовный суд ограничился объявлением ему выговора.

Кондратенко Роман Исидорович (1857—1904) — генерал-майор, военный инженер. Окончил Военно-инженерную академию и академию Генерального штаба. Перед русско-японской войной служил в штабе Приамурского военного округа, командовал Седьмой Восточносибирской стрелковой бригадой в Порт-Артуре. С началом войны назначен командующим сухопутной обороны крепости Порт-Артур, организатор и герой ее защиты.

Варя Белая.— Прототипом этой героини романа послужила дочь генерала Белого Лидия Васильевна (по мужу Кобеляцкая), которая была в начале войны в Порт-Артуре. Впрочем, как литературный персонаж, образ Вари Белой мог создаваться как обобщенный, типизированный образ, вобравший в себя черты разных людей. На письме С. Р. Миротворцева А. Н. Степанову от 26 апреля 1941 года есть пометка писателя — при упоминании имени Вари А. Н. Степанов написал: «Корниевская». О ней А. Н. Степанов сообщал в лекции 30 сентября 1955 года в Литературном институте, что она стала врачом, во время гражданской войны работала в красноармейском госпитале на Восточном фронте. Очевидно, эти обстоятельства легли в основу дальнейшего развития образа Вари в романе «Семья Звонаревых».

Стр. 19. *Цзиньджоу* (Киньджоу, Паньшань — возвышенное пла-

то] — один из четырех городов Квантуна, а также возвышенность, пересекающая Ляодунский полуостров в самом узком месте.

Стр. 20. *Григоренко* А. А. (1864 — ?) — военный инженер, полковник, с февраля 1904 года исполнял должность начальника инженеров крепости Порт-Артур. Принимал участие в строительстве крепостных сооружений с 1899 года. В 1908 году привлекался к уголовной ответственности за злоупотребления при производстве инженерных работ на Квантуне, но «за давностью преступления» освобожден от наказания.

Стр. 23. *Батарея нормальной профили* — насыпь (бруствер) в рост человека, возведенная перед батарей. Поперечные насыпи отделяли орудия друг от друга и защищали их от огня с флангов.

Траверс — в фортификации — поперечная стенка или насыпь, пересекающая через определенное расстояние окоп для защиты от продольного огня с флангов.

Стр. 27. *Целик* — прицельное приспособление в виде выступа с прорезью для визирования мушки.

Стр. 28. *Кильватерная колонна* — строй, когда суда следуют один за другим в кильватерной струе (струе, остающейся за кормой идущего корабля) головного корабля.

Фейерверкер — чин младшего командного состава в артиллерии, соответствовавший званию унтер-офицера в пехоте.

Стр. 32. *Пробанить орудия* — прочистить дуло орудия банником, то есть специальной щеткой на длинном древке.

Стр. 38. *Шенснович.*— В документах и воспоминаниях участников обороны Порт-Артура фамилия командира броненосца «Ретвизан» капитана первого ранга пишется «Щенснович».

Стр. 39. *Андреевский флаг* — кормовой флаг кораблей русского военно-морского флота — на белом поле синий крест по диагонали,— учрежденный Петром I и существовавший с начала XVIII века до Великой Октябрьской революции.

Стр. 42. *Руднев* Всеволод Федорович (1855—1913) — контр-адмирал, командир героического крейсера «Варяг». В 1880—1883 годах совершил кругосветное плавание. В 1900 году назначен помощником командира порта в Порт-Артуре. С 1902 года — командир лучшего русского крейсера «Варяг». 27 января 1904 года крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» вступили в бой с японской эскадрой в Чемульпо (Инчён). За этот бой Руднев был награжден орденом и званием флигель-адъютанта. В 1905 году командовал броненосцем «Андрей Первозванный». Во время революции 1905—1907 годов за отказ участвовать в расправе с революционными матросами уволен в отставку. Автор книги «Кругосветное плавание крейсера «Африка» в 1880—1883 гг.».

Стр. 43. *Танака.*— А. П. Степанов в одной из своих статей («Новый мир», 1945, № 8) указывал, что Танака и Куницан — лица вымышленные. Так что неправильно было бы, как это иногда делают, отождествлять этот персонаж романа с известным японским генералом Танакой Гиити, который впоследствии был одним из организаторов японской интервенции в 1918—1921 годах на советский Дальний Восток. Такое недоразумение стало возможно потому, что, выводя в романе образы японских шпионов, А. П. Степанов брал для них широкоизвестные японские имена. Это же можно, например, сказать и о японском шпионе — часовщике Ито, однофамильце крупного политического деятеля Японии. Имя Куницан созвучно одной из гор, окружающих Порт-Артур.

Шампунка — небольшая китайская весельная лодка — сампани.

Стр. 44. *После войны с Китаем в 1894—1895 годах Корея фак-*

тически оказалась под протекторатом Японии.— Речь идет о японо-китайской войне, основной целью которой была борьба Китая и Японии за обладание Кореей. По заключившему войну Симоносекскому договору Китай признавал независимость Кореи. Япония аналогичного заявления не сделала. Навязанное Корее соглашение о протекторате Японии, поддержанное Соединенными Штатами Америки, было подписано в ноябре 1905 года.

Стр. 46. *Японцы, как показывает японо-китайская война, не соблюдают общепринятых норм международного права...*— Японо-китайская война началась с вероломного нападения 25 июля 1894 года японских военных кораблей под командованием Х. Того, бывшего тогда еще в чине капитана, на китайское транспортное судно, перевозившее войска. Официальное объявление войны с Японией последовало лишь 1 августа 1894 года.

Стр. 47. *Коммодор* — в военном флоте США и Англии звание командира соединения кораблей (эскадры), не имеющего адмиральского чина.

Стр. 48. *Эдуард* — Эдуард VII (1841—1910) — английский король (1901—1910).

Стр. 49. *Брандвахта* — судно, поставленное в гавани на рейде за наблюдением движения судов. Брандвахтой называют также суда, предназначенные для жизни и дежурства пожарных команд.

Рифы — ряд продетых сквозь парус завязок, при помощи которых можно уменьшить площадь паруса - *брать рифы* — во время штормового ветра.

Марс — площадка на верхней части мачты для наблюдения. На боевых кораблях на марсе находятся посты управления огнем, дальномеры и т. п.

Рей — брус, прикрепленный к мачте горизонтально к палубе, служит для крепления парусов.

Стр. 50. *Марселя и кливера* — марсель — прямой парус, ставящийся на марса-рее; кливер — косой треугольный парус, устанавливаемый впереди передней мачты — фок-мачты.

Стр. 60. *Люфтики* — люфт — устаревший термин для обозначения зазора между поверхностями частей машин.

Стр. 61. *Ретирадное орудие* (стар.) — кормовая пушка, стрелявшая при уходе от противника.

Ендова — медная луженая посуда с носком, в котором выносилось вино для раздачи матросам в царском флоте.

Баталер — кондуктор или унтер-офицер, ведавший денежным, вещевым и пищевым довольствием личного состава корабля.

Стр. 63. *Стеньговые флаги* — флаги и вымпелы должностных лиц, поднимаемые на фор-стеньге или грот-стеньге (стеньга — брус, служащий продолжением мачты), а также государственные и военно-морские флаги, поднимаемые на стеньгах в особых случаях.

Стр. 64. *Строй пеленга* — строй, при котором угол строя кораблей есть любой заданный угол до 0° до 180°.

Стр. 67. *Фор-марс* — марс на фок-мачте.

Стр. 69. *Беседки левого борта* — беседки угольные (устар.) — деревянные площадки, навешиваемые с бортов судна в виде ступенек для погрузки угля вручную.

Стр. 78. *Я уговорил Руднева не взрывать «Варяга», а затопить...*— Затопленный русскими крейсер «Варяг» был поднят японцами, отремонтирован и назван «Сойя». В 1916 году Россия купила его у Японии, и он получил прежнее название. По пути из Японии

в Россию был захвачен в Англии, куда зашел для ремонта. Погиб в Ирландском море в 1918 году.

Стр. 85. *Енджеевский* Евстахий Казимирович (? — 1918) — лицо историческое. Позже служил в Красной Армии и в 1918 году умер от сыпного тифа.

Стр. 87. *Макаров* Степан Осипович (1848—1904) — вице-адмирал, флотоводец, изобретатель, теоретик военно-морского дела, написавший более пятидесяти научных работ, мореплаватель, дважды обогнувший земной шар, исследователь Арктики. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов, во время которой немало способствовал активизации русских морских сил на Черном море. Командовал эскадрой Средиземного моря, направленной в 1884 году на Дальний Восток. В 1897—1898 годах, будучи уже вице-адмиралом, построил по собственному проекту ледокол «Ермак», на котором плавал в морях Арктики. С 1899 года — главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта. В 1904 году (1 февраля) назначен командующим Тихоокеанским флотом и 24 февраля прибыл в Порт-Артур. Погиб 31 марта 1904 года на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на мине.

Эссен Николай Оттович (1860—1915) — адмирал, талантливый флотоводец, ученик С. О. Макарова. После русско-японской войны служил на кораблях Тихого океана и Средиземного моря. С 1908 года — командующий Балтийским флотом. Сыграл большую роль в усилении боеспособности русского флота, нанесшего крупные потери германскому флоту в первую мировую войну.

Стр. 97. *Квадрант* — прибор для придания стволу орудия нужного угла возвышения.

Стр. 99. *Мелинит* — пикриновая кислота — взрывчатое вещество, широко применявшееся в снарядах морской артиллерии.

Стр. 108. *Вильд* (Вилд) Генрих Иванович (1833—1902) — академик, физик и геофизик, швейцарец по происхождению. Будучи директором астрономической обсерватории в Берлине, создал ряд метеорологических приборов.

Стр. 130. *«Инвалид»* — газета, основанная в Петербурге в 1813 году, с тем чтобы доход от издания «употребить на вспоможение инвалидам, солдатским вдовам и сиротам». С 1861 года «Русский инвалид, или Военные ведомости» выходил как официальная газета, публиковавшая сведения о русской армии и иностранных войсках, статьи по военным вопросам и т. д.

Стр. 133. *Вирен* Роберт Николаевич (1856 — ?) — контр-адмирал и командующий (после вице-адмирала Ухтомского) Тихоокеанской эскадрой в Порт-Артуре. В чине капитана первого ранга командовал крейсером «Баян». В 1906—1908 годах привлекался к следствию по делу о сдаче Порт-Артура, от суда освобожден.

Стр. 142. *«Лейтенант Бураков»* — самый быстроходный миноносец Тихоокеанского флота, во время осады доставлявший в Порт-Артур почту из Инкоу. Назван по имени Буракова Евгения Николаевича (1874—1900) — лейтенанта, погибшего в бою под Таку.

Стр. 143. *Янтайский* уголь — уголь из Янтайских копей в Южной Маньчжурии — лучший из местных углей. Эти копи имели большое значение для снабжения русского флота углем, который Россия вынуждена была покупать для своих кораблей в иностранных портах.

Стр. 148. *Гаолян* — маньчжурское, китайское просо, растение семейства злаков, имеющее стебли до четырех метров высоты.

Стр. 149. *Хунхузы* (от китайского хунхуцзы — красноборо-дый) — участники банд, действовавших в Северо-Восточном Китае.

Стр. 152. *Витте* Сергей Юльевич (1849—1915) — русский госу-

дарственный деятель, убежденный сторонник самодержавия, один из организаторов подавления революции 1905—1907 годов. Был министром путей сообщения (1892), министром финансов (1892—1903), председателем совета министров (1905—1906). Своими мероприятиями в области финансов, таможенной политики, железнодорожного дела способствовал развитию капитализма в России. Влияние Витте сказалось почти на всех мероприятиях, проводимых царским правительством на Дальнем Востоке. Он стремился осуществить колониальные интересы царизма путем финансово-экономической экспансии. Был инициатором постройки Китайско-Восточной железной дороги, порта Дальний, получения Россией концессий в Маньчжурии и Корее. В 1906 году возглавил русскую делегацию на конференции в Портсмуте, заключившей мирный договор с Японией.

Стр. 154. *Кокор* — приспособление для подноски боевых припасов к орудию при заряжении; делятся на снарядные и зарядные — в зависимости от калибра орудия.

Стр. 160. *Барбеты* — насыпная площадка за бруствером укрепления для установки артиллерийского орудия.

Стр. 164. *Картуз* — мешочек цилиндрической формы, в котором помещался заряд пороха.

Стр. 165. *Никитин* Владимир Николаевич (1818—1917) — генерал-адъютант. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. С 1904 года — начальник артиллерии третьего Сибирского армейского корпуса. Позже был командующим войсками военного корпуса в Иркутске и Одессе; в 1916 году — комендант Петропавловской крепости. В 1917 году был расстрелян как сторонник Распутина.

Стр. 166. *Дубасов* Федор Васильевич (1845—1912) — генерал-адъютант, адмирал, член Государственного совета. В 1905 году возглавлял карательную экспедицию в Черниговской, Курской и Полтавской губерниях, а затем, будучи генерал-губернатором Москвы, жестоко подавлял московское вооруженное восстание.

Скрыдлов Николай Илларионович (1844 — ?), — вице-адмирал, член адмиралтейств-совета. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В 1900—1902 годах — начальник Тихоокеанской эскадры, в 1904 году, после гибели С. О. Макарова, назначен командующим флотом в Тихом океане, но в Порт-Артур не прибыл, и его обязанности исполнял контр-адмирал Витгефт.

Стр. 167. *Куропаткин* Алексей Николаевич (1848—1925) — военный деятель, генерал-адъютант от инфантерии.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов проявил себя храбрым офицером, был начальником штаба у генерала Скобелева, который якобы сказал ему: «Помни, что ты хорош на вторые роли. Упаси тебя бог когда-нибудь взять на себя роль главного начальника; тебе не хватает решительности и твердости воли.» (Теттау. Куропаткин и его помощники, ч. 1, Спб., 1913, с. 20). В 1898—1904 годах — военный министр, входил в политическую группу С. Ю. Витте, стремившуюся к экономической экспансии на Дальнем Востоке. Один из виновников неподготовленности России к войне с Японией. Во время русско-японской войны 1904—1905 годов был командующим Маньчжурской армией, а затем — всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке. Показал себя безвольным и бездарным военачальником. Смещен с этого поста в марте 1905 года после поражения русской армии под Мукденом. В первой мировой войне командовал Северным фронтом, в 1916 году — командующий войсками в Туркестане, руководил подавлением восстания местного населения. В 1917 году арестован и отправлен в Петроград. После освобождения Временным правительством жил в Псковской губернии.

Романов Кирилл Владимирович (1876—?) — великий князь, двоюродный брат царя Николая II, контр-адмирал. В 1904 году назначен начальником военно-морского отдела штаба командующего флотом на Тихом океане. После революции эмигрировал за границу, где объявил себя императором всероссийским Кириллом I.

Борис Владимирович Романов (1877 — ?) — великий князь, двоюродный брат Николая II, генерал-майор. После революции — в эмиграции.

Стр. 169. *Улисс* — герой древнегреческого эпоса, мифический царь острова Итаки Одиссей.

Стр. 170. *Брандер* — старое судно, предназначенное для затопления у входов в морские порты с целью их заграждения.

Стр. 171. *Романов* Алексей Алексеевич (1850—1910) — великий князь, сын Александра III и дядя Николая II. Генерал-адъютант, адмирал, член Государственного совета.

Стр. 174. *Леер* — туго натянутый трос, служащий для ограждения борта или люка, является поручнем в штормовую погоду, протянутый вдоль судна и т. п.

Стр. 177. *Траверз* — направление, перпендикулярное курсу судна.

Стр. 181. *Околоток* — в старой армии — врачебный пункт при воинской части или военном лазарете.

Стр. 182. *Кессон* — приспособление для частичного осушения подводной части корабля при ремонте в виде приставного ящика, из которого откачивалась вода.

Корнилов Владимир Алексеевич (1806—1854) — выдающийся деятель русского флота, герой и один из главных организаторов героической обороны Севастополя.

Стр. 190. *Бочка* — поплавок, сварной или клепаный, поддерживающий цепь, идущую от большого якоря, лежащего на грунте. Служит в гаванях и на рейдах для стоянки кораблей.

Стр. 192. *Агапеев* Александр Петрович (1868—1904) — полковник, начальник военного отдела штаба командующего флотом на Дальнем Востоке, профессор Николаевской академии. В 1901 году был военным агентом в Вашингтоне.

Стр. 196. *Безобразовская компания* — влиятельная, близкая к царю группировка крайне реакционных помещичьих элементов, стоявшая за военную экспансию на Дальнем Востоке. Возглавлялась А. М. Безобразовым, назначенным в мае 1903 года статс-секретарем особого комитета по делам Дальнего Востока, получила в истории название «безобразовской шайки».

Стр. 202. *...повторили наши ошибки под Плевной.* — Речь идет о боях во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов у города Плевен (старое русское название — Плевна), когда он не был взят во время первой атаки и турки получили возможность укрепиться за счет подошедшего корпуса под командованием Осман-паши.

Стр. 225. *Канэ* Густав (1846—1908) — французский инженер, известный в области артиллерийской техники.

Стр. 229. *Обтюрирующие кольца* — приспособление на пушках для устранения пороховых газов при выстреле.

Стр. 240. *«Рассуждения по вопросам морской тактики».* — Лекции, с которыми выступил С. О. Макаров в 1896—1897 годах, изданные в «Морском сборнике» в 1897 году. Желая ознакомить широкий круг офицеров флота со своими взглядами на ведение морской войны, С. О. Макаров неоднократно обращался в морское министерство с просьбой издать его труд отдельной книгой. Издана она была лишь после гибели автора.

Стр. 246. *Верп* — вспомогательный якорь на корабле, служит

для стягивания судна с мели и при перемене места судна на рейде; завозится на шлюпках.

Стр. 247. *Рашевский* Сергей Александрович (1866—1904) — военный инженер, подполковник (посмертно получил звание полковника). Окончил Военно-инженерную академию в 1890 году. Принимал деятельное участие в создании укреплений Порт-Артура, руководил минной войной, участвовал в вылазках. Погиб вместе с генералом Кондратенко 2 декабря 1904 года.

Стр. 258. *После Берлинского конгресса, когда немцы предали нас...* — Речь идет о международной конференции, собравшейся в Берлине в июле 1878 года для пересмотра Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией, завершившего русско-турецкую войну и вызвавшего недовольство Австро-Венгрии и Англии. Германский канцлер Бисмарк, председательствовавший на конференции, поддерживал противников России, в результате чего Берлинский трактат резко изменил условия договора в ущерб России и Балканским странам.

Рожественский Зиновий Петрович (1848—1909) — адмирал, командующий второй Тихоокеанской эскадрой, направленной 20 сентября 1904 года на Дальний Восток из Балтийского моря. Один из главных виновников гибели этой эскадры в Цусимском сражении 1905 года. Во время этого боя был ранен и взят в плен вместе со своим штабом. В 1906 году вышел в отставку Царским судом был оправдан в связи с тяжелым ранением.

Стр. 261. *Истомин* Владимир Иванович (1809—1855) — контр-адмирал, один из героев обороны Севастополя 1851—1855 годов.

Стр. 262. *Кабельтов* — мера длины, равная 0,1 морской мили, или 185,2 метра.

Стр. 264. *Перлинь* — трос кабельной работы от 4 до 6 дюймов.

Стр. 270. *Фланцы* — соединительные части трубопроводов, валов и т. п., состоящие из дисков с отверстиями для болтов.

Стр 275. *Верещагин* Василий Васильевич (1842—1904) — известный русский художник-баталист. Окончил морской корпус, затем обучался в Академии художеств. Участвовал в боевых действиях в Средней Азии в 1867—1870 годах, в русско-турецкой войне 1877—1878 годов, всюду делая зарисовки для своих картин. С началом русско-японской войны приехал в Порт-Артур. Погиб вместе с адмиралом Макаровым 31 марта 1904 года на броненосце «Петропавловск».

Стр. 278. *Плеве* Вячеслав Константинович (1846—1904) — реакционный государственный деятель царской России, был министром внутренних дел и шефом жандармов. Сторонник развязывания русско-японской войны, считавший, что таким способом можно приостановить рабочее движение.

Стр. 290. *Боцманмат* — звание строевого унтер-офицера первой статьи в царском флоте.

Стр. 305. *Митральеза* — французское название первого типа скорострельного многоствольного оружия — картечницы, являвшегося прообразом пулемета.

Стр. 309. *Бубнов М.* — капитан первого ранга, командир канонерской лодки «Бобр», затем — начальник второго отряда миноносцев, позже — командующий Квантунским флотским экипажем.

Стр. 344. *Смирнов* Константин Николаевич (1854 — ?) — генерал-лейтенант, служил в Генеральном штабе, был начальником одесского юнкерского училища, начальником штаба Варшавской крепости. С 1900 года — на Дальнем Востоке, начальник второй стрелковой бригады. 2 февраля 1904 года назначен комендантом крепости Порт-Артур (прибыл в крепость 4 марта). В 1906—1908 годах при-

влекался к уголовной ответственности вместе со Стесселем, Фоком и другими за сдачу крепости японцам. Решением Верховного военно-уголовного суда 7 февраля 1908 года был оправдан.

Стр. 360. *Оку* (1850 — ?) — барон, генерал-лейтенант, командующий второй японской армией. В 1905 году его армия действовала на маньчжурском фронте военных действий.

Стр. 366. *Люнет* — открытое с тыла полевое укрепление, состоявшее из одного-двух валов, обращенных к противнику, прикрытых с боков такими же валами.

Стр. 371. *Лао* — старина (китайск.).

Стр. 373. *Бомбардир* — звание, установленное Петром I для артиллеристов потешных войск. С конца XVIII века — рядовой артиллерист при орудии, в дальнейшем — звание солдата артиллерийских частей русской армии, соответствующее ефрейтору.

Стр. 377. *Третьяков* Николай Александрович (1854 — ?) — полковник, впоследствии генерал-майор. В 1904 году — командир Пятого Восточносибирского полка, комендант цзиндзоуской позиции и горы Высокой.

Стр. 381. *Фланкировать* — вести огонь вдоль линии фронта.

Стр. 403. *Надеин* Митрофан Александрович (1839—1907) — генерал-лейтенант. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов, ранен при обороне Шипки. В 1904 году назначен командиром второй бригады Четвертой Восточносибирской дивизии, которая вошла в состав гарнизона Порт-Артура.

Стр. 406. *Субалтерн-офицер* — общее наименование младших офицеров роты, эскадрона, батареи.

Стр. 411. *Аматэрасу* — Аматэрасу-Омиками — богиня солнца, культ которой в Японии связывают с происхождением династии японских императоров.

Стр. 414. *Ирман* Владимир Александрович (1852 — ?) — полковник, впоследствии генерал-лейтенант. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Командир Четвертой Восточносибирской стрелково-артиллерийской бригады, деятельный участник обороны Порт-Артура. Из плена в Нагасаки пытался бежать, был арестован. В 1906 году назначен комендантом крепости Владивосток, в 1912 году переведен на Кавказ.

Стр. 419. *Бадмаев* Петр Александрович (1851—1919) — до принятия крещения — Жамсаран, бурят, врач тибетской медицины. Учился в Петербургском университете. Автор записки о мирном присоединении к России Китая, Тибета и Монголии. Организовал торговый дом в Забайкалье. В Чите завел типографию и печатал на русском и бурятском языках газету «Жизнь в восточной окраине». В 1916—1917 годах сблизился с Распутиным, был выслан из России.

Вырубова Анна Александровна (1884 — ?) — ближайший друг царской семьи и Распутина. В 1917 году выслана по распоряжению Временного правительства за границу. В тексте неточность — до 1907 года она была Танеевой.

Стр. 427. *Ойяма* (конец 1840-х годов — ?) — маркиз, маршал, главнокомандующий японскими войсками во время русско-японской войны. В японо-китайскую войну 1894—1895 годов командовал армией, захватившей Порт-Артур.

Стр. 437. *Бонза* — буддийский монах в Японии.

Стр. 447. *Капонир* — оборонительное сооружение для ведения огня в противоположных направлениях, предназначался для продольного обстрела рвов укреплений.

Стр. 450. *Горжа* — тыльная часть оборонительного укрепления.

Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884) — русский военный ин-

женер, генерал-адъютант, руководитель инженерных работ в период обороны Севастополя 1854—1855 годов.

Стр. 460. *Женский медицинский институт в Петербурге* — единственный в дореволюционной России медицинский институт, дававший высшее медицинское образование женщинам. Открыт в 1897 году. После Великой Октябрьской революции преобразован в Ленинградский медицинский институт.

Стр. 464. *Фалрепные* — матросы, иногда офицеры, назначавшиеся для встречи начальствующих лиц. Они попарно становились на каждой укрепленной за бортом площадке трапа и на верхней палубе.

Стр. 465. *Шкафут* — средняя часть верхней палубы.

Шканцы — часть верхней палубы, почетное место корабля, которому отдавалась честь и где читались перед строем приказы.

Стр. 480. *Синоп* — имеется в виду Синопское сражение 1853 года между русской эскадрой Черноморского флота под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова и турецкой эскадрой, окончившееся выдающейся победой русских моряков.

Стр. 497. *...на левом крамболе* — направление на предмет, видимый слева по носу корабля. Крамбол — приспособление для подъема якорей.

Форзейль — корабль с хорошим ходом, высылавшийся для разведки вперед в пределах видимости сигналов.

Стр. 499. *Шпангоут* — поперечное ребро корпуса корабля.

Стр. 511. *Ливен* Лидия Петровна — княгиня. Во время осады Порт-Артура работала сестрой милосердия в морском госпитале.

Стр. 524. *...об отходе Штакельберга после боя у Вафангоу...* — 1—2 (14—15) июня у Вафангоу был бой между первым Сибирским корпусом генерала Штакельберга Г. К. (1851—?) и частями второй японской армии генерала Оку. Из-за несогласованности действий командования русские войска отступили. Неудачный исход боя объясняется также медлительностью действий Алексеева и Куропаткина, не обеспечивших своевременного подхода войск к Порт-Артуру.

Стр. 544. *Лощинский* Михаил Федорович — вице-адмирал, член комитета Дальнего Востока, управляющий его делами. В 1903 году назначен младшим флагманом первой Тихоокеанской эскадры. В 1904 году — заведующий минной обороной Порт-Артура.

Стр. 555. *Бак* — носовая часть верхней палубы корабля до боевой рубки.

Элеватор — подъемное приспособление в виде шахты для подачи снарядов из погреба корабля к орудиям.

Стр. 562. *Балтийская эскадра.* — Речь идет о второй Тихоокеанской эскадре адмирала Рожественского.

Либава — прежнее название г. Лиепая. В 1894 году был объявлен военным портом.

Стр. 573. *Верки* — название отдельных крепостных построек, подготовленных для самостоятельной обороны.

Стр. 587. *Дефиле* — теснина, проход, образуемый непроходимой или труднопроходимой местностью (горами, лесом, болотами).

Стр. 591. *Эспланада* — открытое пространство в крепости между цитаделью и городскими строениями шириной 400—500 метров.

Стр. 592. *Церпицкий* Константин Викентьевич (1850—1904) — генерал-майор. Участник похода в Китай в 1900 году. В Порт-Артуре командир второй бригады Седьмой Восточносибирской стрелковой дивизии, начальник второго отдела сухопутного фронта и инспектор госпиталей.

Александр
Степанов

Роман
в двух книгах

Книга
1

Минск
«Мастацкая літаратура»
1985

ЧИТАТЕЛЮ — АВТОР

Включая в Собрание сочинений неоконченную вторую книгу «Костра», считаю нужным посвятить несколько строк работе над этим романом и над трилогией, которую он собою завершает.

Нельзя представить себе, чтобы писатель, увлеченный замыслом большого произведения, разрабатывая его план, полностью предвидел, как сложится его окончание. Наоборот, известно множество примеров, с каким трудом отыскиваются заключительные страницы таких произведений, насколько разновидны бывают варианты развязок и неожидан избранный писателем финал. Уместно вспомнить, что в истории романистики случались целые периоды появлений романов, законченных кратчайшими «эпилогами». Едва ли это не вызывалось облегчением писательской задачи.

«Первые радости» — роман, зачерпнутый из былого. На будущее в нем таится только скрытая надежда. Финал обещан, но осуществим лишь с помощью истории. Романист, вместе с героями, ждет развязки от того же источника. Однородность ожиданий заключена в самой природе романа, суть которой — жизнь личности и общества.

Роман «Необыкновенное лето» открывал широту поля для больших решений, касающихся прежде всего человека в революции, борьбы его за новый мир в гражданскую войну. Возникла дилогическая композиция. Но десять лет, отделяющих события второго романа от картин первого, насыщены множеством перемен. Среди них — громадные, подобные росту поколений молодых и старенью старых. Означаемые простыми словами «течение времени», перемены эти сплетаются в узлы, на рубку которых художнику нужны силы.

Чтобы вести дело к концу, понадобился целый цикл произведений — решение трилогическое. Как же слагалась работа над романом «Костер»? Он требовал объема более обширного, нежели его предшественник — том второй трилогии. Всё возраставшие требования к перу во время писания прежних томов были только предпосылками к выводам, какими затем становились обе книги «Костра». Психологически сложнее представляются мне люди революционно сложившегося общества ко времени Отечественной войны. Величественно слышны события той трагической и геройской поры на нашей земле.

С наибольшей вероятностью приблизился срок — составить план финала «Костра», к чему стремятся мои желания... И в эту минуту взгляд мой останавливается на простых словах: «течение времени». Что ж, слово касается всего на свете. Давши слово — держись.

К. Ф.

Март 1972 г.

КОНСТ. ФЕДИН

Костер

РОМАН

Кишинев
Литература артистикэ, 1985

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ. *Перевод А. Борщаговского и А. Даниэля* 5

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. *Перевод А. Борщаговского и Ж. Сольба* 273

Хинт Ааду
(Хинт Адольф Александрович)

БЕРЕГ ВЕТРОВ

Книги третья и четвертая

М., «Советский писатель», 1970, 736 стр. План выпуска 1970 г. № 234. Редактор А. О. Тамм. Худож. редактор В. И. Морозов. Техн. редактор Т. С. Ступникова. Корректоры Л. И. Жирончкина, Л. Г. Соловьева и В. Н. Стаханова. Сдано в набор 24/IV 1970 г. Подписано к печати 11/IX 1970 г. Бумага 84×108¹/₃₂ № 2. Печ. л. 23 (38,64). Уч.-изд. л. 41,22. Тираж 100 000 экз. Заказ № 245. Цена 1 руб. 39 коп. Издательство «Советский писатель». Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10. Тульская типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Маленькая Эстония, с ее бесчисленными островами, хуторами, разбросанными вдали друг от друга, с городами, где осталась готика от немецкого владычества и где чтут чистоту и тишину, с большими промышленными районами, с морем, омывающим страну (вся Эстония — словно большой полуостров), по-своему экзотична. Хотя она не отмечена пышными, яркими красками, пейзажи ее спокойны, и даже на островах, отдаленных от материка, редко встретишь теперь яркие национальные одежды, броская радужность которых как бы призвана была компенсировать спокойствие природных красок. Зато в пору певческих праздников вы непременно увидите знаменитые мухуские юбки, хийумааские и рухнуские орнаменты. И у каждого из островов и краев республики своя гамма, свои несхожие краски...

Так же сдержан и одновременно экзотичен прославленный Сааремаа — самый большой остров Западно-Эстонского архипелага. Ааду Хинт назвал его Берегом ветров.

Но в ту пору, когда мы проезжали вдоль Сааремаа, стояла тихая, безветренная погода, и от этого остров показался удивительно спокойным, синим от сосен, моря и неба. Казалось, нет более спокойного места на земле, чем этот Берег ветров. И вот из-за поворота показался столб с указателем: «Место рождения писателя Ааду Хинта. 2,5 км. до Кууснымме». Это тоже была своеобразная экзотика — «памятник» при жизни. Потом я встретила подобные «памятники» Юхану Смуулу, Айре Кааль...

Но на том «памятнике» — дорожном указателе — была фактическая ошибка. Ааду Хинт родился не на Сааремаа, а на острове Муху 10 января 1910 года — на родине его матери, в деревне Ига, где в ту пору гостила у своей сестры мать писателя Мария Хинт.

Однако сааремаасцы, видимо, по-своему правы, не считаясь с этой подробностью, так как детство, отрочество и юность А. Хинта прошли на Сааремаа, здесь сохранился дом, в котором жила семья Хинтов, его посещают теперь экскурсанты. И, придя на хутор Кюласоо (так в «Береге ветров» назван родной хутор писателя — Копли), они так же, как и я, увидят его каменистую почву, зайдут в темный дом, услышат тишину, может быть, подумают о том, что не будет странным, если сейчас растворится дверь и с охапкой сучьев войдет Маре Тиху (героиня тетралогии «Берег ветров», прототипом которой была мать писателя) и склонится над очагом. Маре возьмется за уборку, а потом сядет к прялке — она все еще там и стоит, возле старенького, вконец расстроенного фортепьяно.

Островитяне уверены в том, что знают, «с кого» А. Хинт писал своих героев. Еще в буржуазной Эстонии, после выхода его первого романа, один из прототипов — богатый хуторянин — предъявил судебный иск писателю. История эта описана теперь в четвертой книге романа «Берег ветров».

Есть у А. Хинта свои любимые «прототипы», вернее, дорогие ему люди, помня о которых он создавал характеры героев «Берега ветров». Многих уже нет в живых. Нет Марии Хинт, нет отца, Александра Хинта, который послужил прототипом Сандера Тиху. Но живет корабельный мастер Сепп (в первой книге «Берега

ветров» он выведен под именем Михкеля, создавшего модель кооперативного парусника «Каугатома»). Живут одинокие старики Михкель и Эмма. И та же прочность и несуетливость образа жизни ощущается в их доме, отдаленном от большого мира морем, в которое уже вряд ли придется когда-либо выйти старому рыбаку Михкелю.

Сохранилась на острове и роотсикюлаская школа, та самая, где А. Хинт был учителем, где он писал свой первый роман, за который ему пришлось предстать перед судом.

Во времена А. Хинта в этой школе было около двухсот учеников и всего шесть педагогов. И будущему писателю приходилось преподавать все предметы и во всех классах.

А на мухуском кладбище похоронена мать писателя. На могиле памятник — из камня высечена женщина с ведром в руках. Вечная труженица Маре.

Ей, матери, посвящена вторая книга тетралогии «Берега ветров». «В ее столь дорогом для меня светлом облике,—писал А. Хинт,— мне захотелось запечатлеть какие-то непреходящие человеческие ценности. Человек получает их в детстве, впитывает с молоком матери, с запахом родного очага, с шелестом волн, набегающих на камни родного берега...» Вот эти «непреходящие человеческие ценности» видел А. Хинт и в корабельном мастере Сеппе, и в Михкеле, и Эмме, и в других образах тетралогии.

Отец писателя, Александр Хинт, по профессии капитан дальнего плавания, был привязан к земле и мечтал о том, чтобы старший сын тоже стал хозяином хутора Копли. И сын его любил и любит землю. Но уже с детства он умел с чуткостью реагировать на события, происходящие в деревне, в семье соседей, в своем собственном доме. С самых ранних лет он знал о том, что людей, живущих с ним рядом, ежедневно подстерегала страшная беда — проказа.

Случилось так, что проказой заболела мать соседской девочки. Вскоре и девочку, которую он любил первой отроческой любовью, заточили в лепрозорий. Это несчастье вызвало в нем, еще ребенке, ужас и смятение. Он не только страдал оттого, что его подруга обречена на мучительное существование и смерть, он был убежден, что такая же судьба уготована и ему.

Впоследствии, через десятилетия, в завершающей, четвертой книге тетралогии «Берег ветров» А. Хинт изобразит подобную ситуацию, расскажет о первой любви подростка к девочке, заболевшей проказой, и о клятве, данной героем себе и Великой Природе помочь своему обездоленному народу.

Четверо детей было у Александра и Марии Хинт. Все они получили образование и стали подлинными специалистами каждый в своей области. Константин — инженером-строителем, Аманда — учительницей, Иоханнес — ученым, лауреатом Ленинской премии, присужденной за изобретение и разработку методов производства силикальцита. Все они росли вместе, испытывали влияние одной и той же среды, были свидетелями одних и тех же событий. Но талантом глубокой восприимчивости к явлениям окружающей жизни, присущей художнику, был одарен лишь один из них — Ладу Хинт. Именно он еще в детстве умел слышать песню плуга, разноголосицу у причалов, забитых лодками, шум ветряных мель-

ищ на холме Тылдекиц, видеть цвета и краски близкой ему природы и отзываться на все, что поражало его воображение.

Годы учения в Сааремааской гимназии (1923—1929) были годами поисков. А. Хинт старательно, напряженно учился. Целеустремленность, настойчивость, обстоятельность в продвижении к цели — эти качества натуры писателя будут неуклонно руководить им на протяжении всего его творческого пути.

Выбирая профессию, А. Хинт руководствовался прежде всего мыслью о том, что жизнь надо прожить с наибольшей пользой для людей. Какое-то время он думал о том, что, став пастором, сможет облегчить страдания прокаженных. Но вскоре понял, что религия не может принести настоящего облегчения. Можно было бы стать врачом, но медицина в ту пору, к сожалению, была бессильна перед проказой. Да и семья Хинтов жила скудно, денег для того, чтобы дать медицинское образование старшему сыну, не было.

Серьезное знакомство с литературой и искусством вселило в душу юноши новые надежды, побудило к размышлениям о роли и месте писателя в жизни людей, о возможности помочь им своим творчеством.

Еще в школьные годы А. Хинт участвовал в драматическом кружке в Кихелькоиском народном доме. Привлекали его герои с сильными, мятежными характерами. Знакомство с драматургией, интерес к ней способствовали и выбору жанра для первого своего произведения, драмы «Божий человек», которая была написана в 1931 году, получила первую премию на конкурсе, проводимом эстонской молодежной организацией. Пьеса эта не была издана и не увидела сцены из-за своей антиклерикальной направленности.

Ободренный первой конкурсной премией, автор отваживается на роман. Летом, во время учительских каникул, поселившись на берегу моря в маленьком домике-времянке, Ааду Хинт принимается за роман «Проказа», опубликованный в 1934 году. В этом произведении писатель вновь обращается к проблемам правды и веры, затронутым им в пьесе «Божий человек». Эпиграфом к роману стоят слова Гёте: «Будь тем, кто ты есть», повторяются они и в тексте. И этот гётевский мотив сопряжен с вопросами философского плана: если истина в том, чтобы быть тем, кто ты есть, как же соединить ее с поисками правды в религии, с верой в бога, который непрестанно обманывает тебя? И как оставаться таким, каков ты есть, если ты вынужден лгать другим, обещая им блаженство, в которое ты не веришь?

И хотя социальные акценты в этом первом романе расставлены еще весьма нечетко, тема проказы (не только в медицинском ее понимании), отчуждающей человека от общества, звучит достаточно определенно.

В следующем романе, «Лепрозорий в Ватку» (1935), являющемся своеобразным продолжением «Проказы», тоже звучит протест против изоляции человека от общества. Жестокие обстоятельства, говорит автор, способны пробудить жестокость и в людях. Обреченность и отчаяние рождают в человеке силы к разрушению. Герои романа — люди, задавленные нуждой.

Социальные конфликты, которые писатель наблюдал в жизни того общества, не могли не выплеснуться на страницы его ранних произведений, хотя они не были еще глубоко осмыслены.

Осенью 1936 года А. Хинт переезжает в Тарту и устраивается учителем в одну из школ тартуского предместья. В этом же году он пишет лирическую миниатюру «Ты, луна и мама». Герой этой маленькой новеллы — влюбленные. Мужчина рассказывает своей любимой о матери. Из его воспоминаний возникает образ женщины, образ чистый и прекрасный, который объединяет влюбленных, делает их духовно ближе, пробуждает доверие друг к другу.

Проблема искренности, доверия и честности между людьми возникает в творчестве Хинта именно в этот период, период диктатуры буржуазного правителя Пятса. Ложь, воцарившаяся в государстве, разъедала весь его организм, как проказа, поражала все его клетки. И семью, как «ячейку» государства,— тоже.

Проблема искренности, доверия, честности должна была быть поднята литературой. И обращение А. Хинта в романе «Золотые ворота» (1937) к этому было конечно же определенной реакцией на политическую и общественную атмосферу в стране.

Роман этот любовный, фабулой его является история отношений героя с его возлюбленными. Именно на этом материале семейных и любовных взаимоотношений и пытается А. Хинт решить проблему искренности и доверия между людьми. «Золотые ворота» — это образ чистоты, возвышенного и прекрасного в жизни. К нему тянется душой герой романа, его он ищет на протяжении всего повествования. Правда, свои «золотые ворота», искренность и чистоту герой романа ищет только в отношениях с близкими ему людьми. Связи его с обществом, с действительностью весьма непрочны и потому искусственны.

И все же в стремлении героя отречься от эгоизма, в процессе своеобразного самоусовершенствования его образ приобретает новые черты. Проблему безнравственности эгоизма А. Хинт будет в дальнейших своих романах развивать более глубоко и последовательно.

1938—1940 годы были весьма примечательны для А. Хинта. Именно в это время он знакомится вплотную с марксизмом, изучает «Манифест Коммунистической партии», читает произведения советской литературы. В частности, роман М. Горького «Мать», оказавший, по свидетельству писателя, заметное влияние на формирование его мировоззрения. По собственному его признанию, ему стало ясно, что «с одной искренностью, пожалуй, делать нечего».

Надо было искать новые пути, постигать жизнь в ее других измерениях. К этому взывала конкретная действительность и высокие традиции эстонской демократической литературы, такие важные для ее развития произведения, как острый сатирический роман А.-Х. Таммсааре «Новый нечистый из Пекла» (1939), роман И. Семпера «Камень на камень» (1937—1938), в котором автор с гражданской смелостью и остротой разоблачает идеологию фашистского «Национального фронта», цикл романов А. Якобсона «Вечные эстонцы» (1937—1940), критикующих национальную

буржуазию и ее лженатриотизм, остросоциальный роман Рудольфа Сирге «Стыд в сердце» (1939)... И А. Хинт приступает к новому роману — «Кочегар», задуманному как трилогия. Появилась только первая часть, в которой центральным героем становится юноша, размышляющий о коммунизме и ищущий социальной справедливости в мире. Это было уже новым явлением в творчестве А. Хинта.

Стремление изобразить общественные, социальные конфликты неизбежно способствовало кристаллизации метода и стиля писателя. Стиль очищается от ненужных наслоений, поток сознания героя становится четко сопряженным с главной мыслью произведения, анализ становится строже, отточенней, действенней.

«Кочегар» был опубликован в 1939 году. В июле 1940 года в Эстонии была восстановлена советская власть. И сразу же саареемааские рыбаки избирают Хинта депутатом Верховного Совета ЭССР. Начинается постижение нового в жизни. Но к этому писатель уже был подготовлен своим предыдущим творчеством. Он работает в партийной газете, редактирует литературный журнал, становится коммунистом.

Война прервала социалистическое строительство Эстонии. 7 июля 1941 года немецкие войска вторглись на территорию Эстонии, к концу августа оккупировали всю материковую часть, а в декабре заняли острова. Ааду Хинт, подобно многим другим эстонским писателям, эвакуировался в тыл. Как депутат Верховного Совета, он получил задание организовать для эстонских рыбаков и моряков рыболовецкую артель на Аральском море. И сам же становится ее председателем.

Он пишет статьи и очерки на исторические и современные темы, которые впоследствии вошли в книгу «Дикие гуси», создает новеллы о борьбе советских людей с фашизмом. Именно в этот период возникает замысел главного произведения Ааду Хинта «Берег ветров».

Но первые страницы тетралогии были написаны лишь в 1949 году, а последние в 1965-м. А до этого были пьесы, рассказы, книга очерков «Портреты людей труда» (1948).

После освобождения Эстонии от фашистской оккупации А. Хинт возвращается на родину. Первое время работает председателем Союза рыбаков, затем переходит в редакцию журнала «Лоомингг», пишет две пьесы: «Шхуна рыбаков из Тагарапа» (1947) и «Куда идешь, товарищ директор?» (1949).

И непрестанно думает о создании большого эпического полотна о жизни островитян.

В 1947 году в одной из рецензий писатель, обращаясь к собратьям по перу, спрашивал: «Почему у нас до сих пор нет «Правды и справедливости» о жизни моряков или «Войны в Махтра» из жизни островитян?» (Речь шла о пятитомной эпопее А.-Х. Таммсааре «Правда и справедливость» и трилогии Э. Вильде «Война в Махтра».) Вопрос этот А. Хинт задавал не случайно.

Пришло время заново осмыслить традиции классиков эстонского реалистического романа, и Ааду Хинт уже на новом этапе общественного развития поднимает проблемы правды и справедливости, но решает их сообразно с идеями современности. И потому тетралогия, повествующая о событиях, ставших уже хотя и не

очень отдаленной по времени, но исторней, насквозь пронизана актуальными проблемами.

Унаследовав в тетралогии «Берег ветров» общие тенденции эстонского реалистического романа, творчески восприняв традиции Э. Вильде и А.-Х. Таммсааре — народность, демократизм, острое внимание к народной жизни, А. Хинт, как всякий истинный художник, ищет собственных путей.

Между выходом первой книги и последней пролегло пятнадцать лет. Естественно, что каждая часть тетралогии была тесно связана с художественными поисками современности, по-своему выражала наиболее прогрессивные тенденции в развитии советского романа. Каждая из книг «Берега ветров» привлекала пристальное внимание критики — республиканской и всесоюзной. Проблематика романов, их жанровая специфика подчас вызывали полемику. Если первая книга создавалась, когда эстонский советский роман был в процессе возрождения и становления, одновременно с романами Э. Крустена «Сердца молодых», И. Семпера «Красные гвоздики», Р. Сирге «Земля и народ», П. Куусберга «Каменные стены», то последующие — в период бурного роста эстонской прозы, когда в прибалтийских литературах, так же как во всей советской литературе, все более глубоким становился интерес к проблемам нравственности, морали, гуманизма.

Почти сорок лет жизни общества, различных его социальных слоев «уместилось» в «Береге ветров». Начав роман с событий, происходящих накануне революции 1905 года, писатель заканчивает четвертую книгу 1939 годом. Годом, предшествующим новому, социалистическому периоду в истории Эстонии.

Каждая книга тетралогии — самостоятельный роман, со своими проблемами, героями, стилем и ритмом. Но все четыре части также связаны между собой, они объединены общей темой — народ и революция, человек и революция.

В первой книге преобладали широкие панорамные картины, изображающие эпоху пробуждения народных масс в 1905 году, во второй проявились новые черты дарования А. Хинта: социальный анализ событий, происходящих в период послереволюционной реакции — накануне первой мировой войны, сочетался с поэтичностью, лиризмом в описании характеров, а третья книга, повествующая о судьбе Юнаса Тиху, участника первой мировой войны и революции 1917—1918 годов, и четвертая, где исследуется процесс становления мировоззрения Эпна Тиху,— уже романы аналитического плана, психологические.

«Берег ветров» — произведение симфонического звучания. В нем сливаются в единую тему множество мотивов — социальных, исторических, философских и нравственных. И как в симфонии. главная тема обретает вариации, порой звучащие самостоятельно, так и в тетралогии А. Хинта ведущий, глубинный мотив вызывает к жизни органически связанные с ним другие мотивы. Они переходят из книги в книгу, развиваясь, дополняя, объясняя друг друга.

Исследуя причины и особенности пути эстонского народа, отдельных его представителей в революции, А. Хинт существенное внимание уделяет изображению поисков социальной правды, справедливости. Все происходящие в первой книге «Берега ветров» события — постройка островитянами-бедняками на паях парусни-

ка «Каугатома», чтобы общими силами бороться с судопромышленниками и стать независимыми от них, конфликт, возникающий в результате этого между жителями Каугатома и Тыписом, созревание протеста против барона Ренненкампфа и пастора Гиргенсона и, наконец, взрыв народного гнева, закончившийся кровавой расправой с лучшими представителями народа,— всё связано с темой поисков социальной правды и справедливости.

В первой книге, где более, чем в последующих, проявилось характерное для эпопеи изображение времени и характеров, герои выступают как воплощение коллективной силы. Здесь А. Хинт стремится создать обобщенный образ народа и выделить наиболее типические для его представителей черты и особенности, такие, как умение работать, заботы о хозяйстве, стремление к самостоятельности, независимости, презрение и ненависть к угнетателям и т. д.

В последующих книгах анализ человеческих судеб и характеров приобретает новые качества. На первый план выдвигается судьба личности, и А. Хинт идет от исследования частного к обобщению, неизменно подчеркивая глубокую связь личности и народа.

От книги к книге автор пристально следит за взаимодействием обстоятельств и характеров. Внимание к «подробностям чувства» оживляет образы героев, они обретают глубину и многогранность. И характер, например, Маре, человека эмоционального, чистого, предстает перед читателем во всей своей силе благодаря стремлению писателя как можно полнее рассказать о ее духовной жизни. В этом образе с наибольшей силой утверждаются писателем нравственные мотивы эпопеи — необходимость следовать совести, долгу перед людьми, необходимость честности, бескомпромиссности. Этим принципам Маре остается верна всю свою жизнь, более того — она помогает Попасу, чувствующему в ней опору, поступать согласно этим принципам.

Метод тщательного психологического исследования избран писателем в третьей книге, и именно для того, чтобы показать «эволюцию души», процесс рождения характера и взаимосвязанность этих двух явлений.

В четвертой, завершающей книге автора интересует процесс рождения характера человека, который избрал путь художника. Энн, решаясь стать писателем, отнюдь не рвется к славе, ему гораздо важнее, что его первую книгу о прокаженных прочтут люди, заточенные в лепрозории. Они поймут, что о них не забыли. Писатель не имеет права забывать о людях, которым трудно. Так понимают свою роль писателя Ааду Хинт и его герой Энн, наделенный талантом человечности. Так обнажает писатель Ааду Хинт одну из существенных идей своего романа, который он, как и его герой, не мог бы не написать, Эта мысль о роли подлинного искусства, призванного помогать людям, об ответственности и мужестве писателя, призвание которого пробуждать чувства добрые, четко сопряжена с центральной мыслью всей тетралогии о силе нравственных начал, способной преобразовать действительность и человеческие души.

Тема нравственной ответственности художника, трепетного отношения к своему делу приобретает самостоятельное значение в последней книге «Берега ветров»... Здесь, завершая весь цикл ро-

манов, А. Хинт как бы подводит итог своим размышлениям о пройденном им самим творческом пути.

Процесс накопления опыта героем четвертой книги, постижение социальной правды и социальных идеалов обусловлены не только обстоятельствами его жизни, атмосферой действительности, которой он дышит. Формирование опыта Энна тесно связано с уже накопленным опытом представителей предшествующих ему поколений семьи Тиху. Опытом его деда Матиса, расстрелянного за участие в революции 1905 года, его дяди Тыниса Тиху, бесславно закончившего свою жизнь и покидающего «берег ветров», дальнего родственника — Ионаса, погибшего в бою под Кейлой, его матери— вечной труженицы, цель жизни которой — служение людям. Все это влияет на характер Энна, на его принципы и убеждения. Их связь нерасторжима, связь разных поколений, прошедших свой путь во имя лучшей жизни, и потому в конце тетралогии Энн, вспоминая и Матиса и Ионаса, понимает, что теперь он должен писать «о тех, кто боролся».

Так, начав с сознания «собирательного» характера, А. Хинт постепенно шел к индивидуализации. Внимание к «подробностям чувства», психологический анализ, поэтизация образов, лиризм, органическое сцепление различных мотивов эпопеи, отразившихся на содержании характеров, помогли А. Хинту донести до читателя главную мысль всей тетралогии. Анализ судьбы отдельного человека неизменно был связан с анализом судьбы народа, образы героев — с образом времени.

Творческая эволюция А. Хинта, растущее от книги к книге мастерство изображения характеров и действительности сказываются и в стилевом многообразии, в «архитектуре» эпопеи.

Есть в эпопее несколько вводных глав-отступлений, которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к основному сюжету, но при всей своей самостоятельности они служат важной цели — детализации общей картины, общего фона. Многокрасочность, стилистическое «многоголосие» достигается не только интонационным, ритмическим разнообразием, «соседством» прозы и поэзии. Главную службу несут реалистические детали, поэтические образы, и их окраска, их содержание и создают экспрессивный лад авторского рассказа.

В первой книге А. Хинт большое внимание уделяет речевой характеристике персонажей, как средству выражения жизненных позиций и взглядов.

Во второй книге главной задачей писателя становится исследование двух центральных характеров — Маре и Тыниса. И в повествование «от лица автора» вливается особая стилистическая струя — рассказ героев о самих себе. Внутренние монологи Маре, ее разговоры с сыном, письма к Сандеру поэтичны, образны, эмоциональны. Раздумья же Тыниса — спокойны, аналитичны.

Стиль второй книги отличается от всех книг эпопеи наибольшей раскованностью, экспрессивностью. Порой рассказ становится даже торжественным, патетическим (кстати, патетика особенно характерна для финала каждой книги тетралогии).

Внимание к «подробностям чувств» в третьей и четвертой книгах тетралогии качественно меняет стиль повествования. И

дело не только в том, что писатель широко пользуется приемом внутреннего монолога.

Сцепление деталей становится в третьей и четвертой книгах прочней и обусловленней, лирическая патетика сменяется анализом. Лаконизм, аналитичность описаний, строгость в отборе деталей нисколько не «обкрадывают» повествование, не лишают его многокрасочности, а, напротив, помогают им. В четвертой книге, где А. Хинт стремится постичь процесс формирования человеческой личности, его закономерности и случайности, проявляется новое качество прозы А. Хинта. Мы постоянно ощущаем участие автора — незримое, но активное — во всем, что случается с героями, его боль, печаль, радость и гнев. И это ощущение создается определенным комплексом художественных средств — интонацией, ракурсом изображения, ритмом прозы, тончайшими стилевыми оттенками, деталями...

Недавно, кажется, была дописана последняя страница эпопеи «Берег ветров», за которую А. Хинт был награжден Республиканской премией, выдвинут на соискание Ленинской премии, но уже давно волнуют Народного писателя Эстонии новые герои, новая эпопея о жизни эстонских островитян...

З. КРАХМАЛЬНИКОВА

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ И АВТОРСКИЕ СКАЗКИ

Три медведя. *В обработке Л. Толстого* 5
Волк и козлята. *В обработке Л. Толстого* 7
Лисичка-сестричка и волк. *В обработке Л. Толстого и М. Булатова* 9
Гуси-лебеди. *В обработке Л. Толстого* 11
Сестрица Аленушка и братец Иванушка 14
Царевна-лягушка. *В обработке М. Булатова* 18
Морозко. *В обработке М. Булатова* 25
А. Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке 30
Д. Мамин-Сибиряк. Сказка про храброго зайца — длинные уши, косые глаза, короткий хвост 34
В. Гаршин. Лягушка-путешественница 37
В. Одоевский. Городок в табакерке 41
К. Чуковский. Мойдодыр 48
Муха-цокотуха 51
Лимпопо 53
Телефон 57
В. Бианки. Лис и Мышонок 59
Лесной Колобок — Колючий Бок 60
Чей нос лучше? 61
С. Маршак. Двенадцать месяцев 63
Сказка о глупом мышонке 69
С. Михалков. Три поросёнка. По англ. 70
Е. Шварц. Сказка о потерянном времени 78
А. Толстой. Золотой ключик, или Приключения Буратино 84

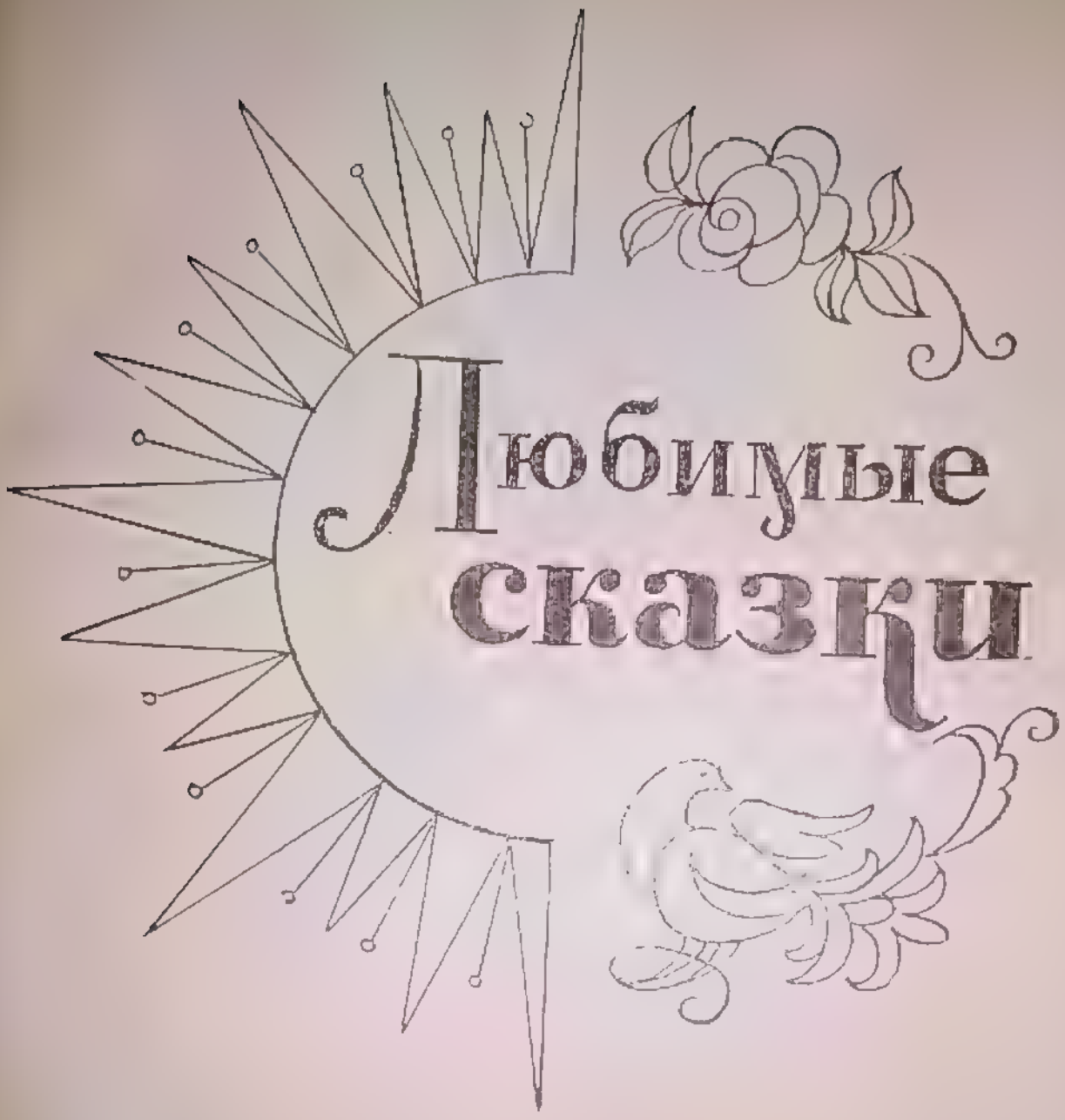
ЗАРУБЕЖНЫЕ АВТОРСКИЕ СКАЗКИ

Ш. Перро. Кот в сапогах. *Пересказ В. Берестова* 145
Красная Шапочка. *Пересказ А. Введенского под ред. С. Маршака* 148
Золушка. *Пересказ Н. Касаткиной* 150
Мальчик с пальчик. *Пересказ Б. Дехтерева* 154
Спящая красавица. *Пересказ Т. Габбе* 160
Г.-Х. Андерсен. Новое платье короля. *Перевод А. В. Ганзен* 166
Свинопас. *Перевод А. В. Ганзен* 170
Стойкий оловянный солдатик. *Перевод А. В. Ганзен* 175
Принцесса на горошине. *Перевод А. В. Ганзен* 178
Дюймовочка. *Перевод А. В. Ганзен* 179
Гадкий утенок. *Перевод А. В. Ганзен* 186
Братья Гримм. Храбрый портной 193
Бременские музыканты. *Пересказ А. Введенского* 197
Горшок каши 201
Р. Киплинг. Откуда взялись броненосцы. *Пересказ К. Чуковского* 203
Слоненок 209

В. Гауф. Маленький Мук. *Перевод М. Салье* 216
Дж. Харрис. Сказки дядюшки Римуса. *Перевод и обработка М. Гершензон* . . . 228
А. Милн. Винни-Пух и все-все-все (в сокращении). *Перевод Б. Заходера* 270
А. Линдгрен. Малыш и Карлсон, который живет на крыше. *Перевод Л. Лагутина* 321

* * *

В книге использованы рисунки В. Алексеева, В. Алфеевского, М. Беломлинского и В. Прошкина, Э. Булатова и О. Васильева, Н. Брюханова, Т. Васильевой, Виклана, Н. Гольц, Л. Загорной, А. Каневского, А. Киселева, В. Конашевича, Хорина, К. Кузнецова, В. Кудрова, В. Лебедева, В. Лосина, М. Майофиса, Молоканова, Е. Монина, Н. Орловой, Ю. Пименовой, А. Пахомова, Е. Рачева, Ренкина, М. Рудаченко, Л. Токмакова, А. Фроста, Н. Чапковского, В. Чижикова, Чуклева, Т. Юфа.



Любимые сказки

Москва 1993

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Пушкин
«У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЕНЫЙ...»
Азбука 3
. 5

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

Александр Пушкин
СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ 75
Лев Толстой
ТРИ МЕДВЕДЯ 78
ЛЕВ И МЫШЬ 78
ЦАПЛЯ, РЫБА И РАК 79
ЕЖ И ЗАЯЦ 79
ЛЕВ, ВОЛК И ЛИСИЦА 79
ВОРОН И ЛИСИЦА 80
СОБАКА И ВОЛК 80
КОТ И МЫШИ 80
ДВА БРАТА 80
ЛИПУНЮШКА 81
ДВА ТОВАРИЩА 82
Владимир Даль
ДЕВОЧКА СНЕГУРОЧКА 83
Константин Ушинский
. 85
ДВА КОЗЛИКА 85
НЕ ЛАДНО СКРОЕН, ДА КРЕПКО СШИТ 85
ПЛУТИШКА КОТ 87
Всеволод Гаршин
ЛЯГУШКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА 89
Максим Горький
. 90
ВОРОБЬИШКО 92
СЛУЧАЙ С ЕВСЕЙКОЙ 94
ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА 95
Леонид Пантелеев
ДВЕ ЛЯГУШКИ 95
Виталий Бианки
СОВА . . . . . .

ЧЕЙ НОС ЛУЧШЕ? 96
КАК МУРАВЬИШКА ДОМОЙ СПЕШИЛ 97
ЛИС И МЫШОНОК 99
Самуил Маршак
СКАЗКА О ГЛУПОМ МЫШОНКЕ 100
СКАЗКА ОБ УМНОМ МЫШОНКЕ 101
Сергей Михалков
УПРЯМЫЙ КОЗЛЕНОК 103
ТРИ ПОРОСЕНКА 105
Агния Барто
МЕДВЕЖОНОК-НЕВЕЖА 109
Корней Чуковский
АЙБОЛИТ 111
ТЕЛЕФОН 113
ПУТАНИЦА 115
Николай Грибачев
ЗАЯЦ КОСЬКА И РОДНИЧОК 116
ЛИСА ЛАРИСКА И БЕЛКА ЛЕНКА 117
КАК ЗАЯЦ КОСЬКА ЛИСУ ЛАРИСКУ ЛОВИЛ 118
Сергей Козлов
ЕЖИК В ТУМАНЕ 120
В СЛАДКОМ МОРКОВНОМ ЛЕСУ 120
ПОРОСЕНОК В КОЛЮЧЕЙ ШУБКЕ 121
КАК ЛЬВЕНОК И ЧЕРЕПАХА ПЕЛИ ПЕСНЮ 121
Николай Носов
БОБИК В ГОСТЯХ У БАРБОСА 123
Наталия Дурова
ПЕГАЯ ФОМКА 125
Владимир Сутеев
КТО СКАЗАЛ «МЯУ»? 128
ПОД ГРИБОМ 129
КАПРИЗНАЯ КОШКА 129
Сергей Воронин
ХРАБРЫЙ КЛОУН 131
Борис Житков
КРУЖЕЧКА ПОД ЕЛОЧКОЙ 132
Валентина Осеева
ДОБРАЯ ХОЗЯЮШКА 134
ВОЛШЕБНАЯ ИГОЛОЧКА 134
Алексей Толстой
ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО 137

АЛЕНУШКА И ИВАНУШКА

Александр Пушкин
СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ 171
СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ 180

Петр Ершов
КОНЕК-ГОРБУНОК 186
Сергей Аксаков
АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК 210
Владимир Одоевский
ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ 220
Алексей Ремизов
ЗАЙКА 224
Николай Некрасов
ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН 232
Михаил Михайлов
ДВА МОРОЗА 234
Дмитрий Мамин-Сибиряк
СЕРАЯ ШЕЙКА 236
АЛЕНУШКИНЫ СКАЗКИ: 239
СКАЗКА ПРО ХРАБРОГО ЗАЙЦА 239
СКАЗКА ПРО КОМАРА КОМАРОВИЧА 240
СКАЗКА ПРО ВОРОБЬЯ ВОРОБЕИЧА 242
Самуил Маршак
ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ 245
Сергей Михалков
ДЯДЯ СТЕПА 248
Евгений Пермяк
ВОЛШЕБНЫЕ КРАСКИ 251
Евгений Носов
ХИТРЮГА 253
Николай Носов
ФАНТАЗЕРЫ 255
Эдуард Успенский
ДЯДЯ ФЕДОР, ПЕС И КОТ 257

ЦВЕТИК-СЕМИЦВЕТИК

Александр Пушкин
СКАЗКА О ПОПЕ И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ 285
Василий Жуковский
СКАЗКА О ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ И СЕРОМ ВОЛКЕ 287
Николай Телешов
КРУПЕНИЧКА 298
Михаил Лермонтов
АШИК-КЕРИБ 305
Антоний Погорельский
ЧЕРНАЯ КУРИЦА, ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ 309
Павел Бажов
СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ 322
Юрий Олеша
ТРИ ТОЛСТЯКА 326

Константин Паустовский
ТЕПЛЫЙ ХЛЕБ 374
СТАЛЬНОЕ КОЛЕЧКО 377
ДРЕМУЧИЙ МЕДВЕДЬ 379
Андрей Платонов
ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО 383
Евгений Носов
БЕЛЫЙ ГУСЬ 388
КАК ПАТЕФОН ПЕТУХА ОТ СМЕРТИ СПАС 390
Вениамин Каверин
ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ 393
Людмила Петрушевская
БАРБИ УЛЫБАЕТСЯ 398
Лазарь Лагин
СТАРИК ХОТТАБЫЧ (главы из повести) 400
Алла Кириллова
ПРОДЕЛКИ ЗЛОЙ ОТМЕТКИ ЕДИНИЦЫ 407
Валерий Медведев
ЗВЕЗДОЛЕТ «БРУНЬКА» 411
Евгений Шварц
СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ 414
Валентин Катаев
ЦВЕТИК-СЕМИЦВЕТИК 418
КЛАДОВАЯ СОЛНЦА
Александр Пушкин
СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ 423
Михаил Лермонтов
ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА 426
МЦЫРИ 431
Борис Шергин
ВАНЯ ДАТСКИЙ 439
Андрей Платонов
ЦВЕТОК НА ЗЕМЛЕ 442
Михаил Пришвин
КЛАДОВАЯ СОЛНЦА 444
Павел Бажов
ОГНЕВУШКА-ПОСКАКУШКА 461
Аркадий Гайдар
ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ 466
Георгий Пряхин
ДНЕВНЫЕ СНЫ 468
Николай Гоголь
НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ 486

Виктория Токарева
ГИМАЛАЙСКИЙ МЕДВЕДЬ 504
Михаил Салтыков-Щедрин
ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ОДИН МУЖИК ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ ПРОКОРМИЛ . 512
САМООТВЕРЖЕННЫЙ ЗАЯЦ 515
ПРЕМУДРЫЙ ПИСКАРЬ 517

ЛУКОМОРЬЕ

СКАЗКИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Составитель
Л. М. Ульянова

Литературный консультант
кандидат филологических наук,
писатель *И. И. Жуков*

Иллюстрации к «Азбуке» —
художника *Л. Б. Рыбченковой.*

Художник
В. Ю. Яковлев

Художественный редактор
С. В. Богачев

Технический редактор
З. Б. Павлюк

Корректоры
Васильева В. Н., Тищенко А. Я.

Лицензия ЛР № 010193 от 19. 02. 1992.
Сдано в набор 22.11.93.
Подписано к печати 02.03.94.
Формат 84×108 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 34. Заказ № 1617. Тираж 50 тыс. экз.

Газетно-журнальное объединение
«Воскресенье»
Москва, 125137, ул. «Правды», д. 24
тел. 257-35-00,
257-32-53
факс (095) 257-33-12

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат
Комитета Российской Федерации по печати.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

Ю

Синенькая юбочка,
Ленточка в косе.
Кто не знает Любочку?
Любу знают все.

Девочки на празднике
Соберутся в круг.
Как танцует Любочка!
Лучше всех подруг.

Кружится и юбочка,
И ленточка в косе.
Все глядят на Любочку,
Радуются все.

Агния Барто

ВЛАДИМИР АРРО

БАНАНЫ И ЛИМОНЫ

Повести

РИСУНКИ С. ОСТРОВА

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЁ АВТОРЕ

Я очень люблю читать и перечитывать книги Владимира Арро. Первый раз я прочла эти повести сразу, как только они появились, примерно лет пятнадцать назад. Сейчас я перечла их, и снова, как тогда, разделила вместе с героями повестей их трудности, огорчения, радости, надежды, потрясения. Хотя столько нового вошло за эти годы в нашу жизнь, да и сегодняшние ребята совсем другие!

Почему вообще так интересно читать книги?

Как-то я спросила об этом В. Арро, и он поделился со мной своими мыслями: он убеждён, что хорошая книга создаёт вокруг человека *атмосферу*. Ведь совсем иначе пахнут трава, цветы, деревья, воздух после крупного доброго дождя. И у людей светлеют лица, все молодеют, смеются: дождь словно смыл с них усталость, плохое настроение.

Так и настоящая книга...

Вот, наверно, почему я сейчас как бы слышу голоса и Сани Скачкова, и Антона Иванова, и Пети, и Мышек, и Василия. Всё, что рассказал о них В. Арро, оказывается очень важным для нас и сегодня. Писатель словно предугадал наши сегодняшние дела, трудности, заботы...

Чем же так интересны герои трёх повестей Арро? Может, они пай-мальчики и пай-девочки? (Ну, о девочках он не очень-то много написал, и поставим ему это сразу в вину!) Нет, идеальными людьми их никак не назовёшь. Саня Скачков, например, несколько раз не являлся в школу. Антон Иванов, чуть что, готов вступить в драку или учинить какую-нибудь неприятность ребятам из соседней деревни Кильково. А про Петю и говорить нечего, если собственные родители оставляют ему такие записки: *«Неверный ты человек, Петя»* (это мама), *«Петя, ты неверный человек»* (это папа). Да и сам он знает, что человек он ненадёжный, то есть такой человек, которому нельзя ве-

рить, потому что он может подвести людей, пообещать и забыть, или перестоят его мечты о том, чтобы заново родиться или переехать в другой город и начать свою жизнь сначала.

Тогда за что же так полюбили Петю его новые друзья из Африки, и пожарный Василий, и его Мышки? Чем, какими поступками вызывает подлинное уважение Саня? За что готовы товарищи сделать своим предводителем и будущим председателем колхоза Антона?

На это я отвечу так. В этих ребятах есть то главное, самое ценное, что определяет человека: совесть, порядочность, справедливость, доброта. Они из тех, кто всегда готов прийти на помощь беззащитному, младшему, слабому. Они глубоко привязаны к родному дому, к родной земле. Как нам важно сейчас всё это! Какую симпатию вызывает у нас привязанность Пети к его Мышкам, к его подопечным, октябрятам второго класса! Как он чувствует свою ответственность за них, за то, какими они вырастут.

А Саня Скачков? После переезда его мир словно бы разделился на две половины. На одной стороне — равнодушные, чёрствые люди, те, кто поспешил вычеркнуть Саню отовсюду, даже из танцевального кружка, где его и вовсе не было. Это те, кто готов сразу поверить в его вину, заподозрить его в плохом поступке. Разве так могут поступать товарищи? Ведь они знали его много лет!

А на другой стороне - Саня, с его подлинным благородством, с его бережным и доверительным отношением к людям, с его сердцем, которому так необходимы дружба, тепло, привязанность. Но ведь и он за доброе слово может всю душу, себя всего отдать людям и взрослым и особенно маленьким, беззащитным.

А Антон Иванов, с его беззаветной любовью к своей деревне? Нет на всей земле для него ничего прекрасней, чем его деревня Равенки, он чувствует себя её хозяином и её поэтом, и мечта у него только одна — устроить в ней жизнь так, чтобы она расцветала и богатела, чтобы всем людям было в ней хорошо, чтобы никто никогда не хотел с ней расставаться. И чтобы каждому хотелось сказать: «Вот моя деревня, вот мой дом родной...». Стихотворение это, как вы знаете, написал замечательный поэт И. Суриков, но Антону кажется, что это его собственные стихи. И хорошо, и пусть кажется!

Наверно, мне давно уже пора рассказать хоть немного о самом авторе этих книг.

Владимир Константинович Арро был учителем — сначала в деревенской школе, потом в городской. А до этого — пионервожатым. Ему нравилось участвовать в пионерской жизни. Он был влюблён в Гайдара и особенно в Тимура. Его увлекало всё, что открывало простор для воображения, для мечты, для деятельности.

Но главной любовью В. Арро была литература. В пятом классе он написал сочинение «Ледоход» (его школа находилась на берегу Невы), которое попало на городской слёт юнкоров «Ленинских искр». Уже тогда он почувствовал, что сможет писать.

Он пошёл учиться в Педагогический институт на литературный факультет, чтобы получить литературное образование. И уже первая его книга «Белые терема» — о той школе, где начиналась трудовая жизнь Арро, — была сразу замечена. Стало ясно: в литературу пришёл настоящий писатель. В. Арро написал ещё много книг: «Трое Копейкиных и звезда», «Встань пораньше», «Чиж-королевич» и другие. Все они адресованы юному читателю.

Но потом судьба его сложилась так, что он стал писать пьесы для взрослых: «Сад», «Смотрите, кто пришёл», «Синее небо, а в нём облака», «Колея». Пьесы эти с успехом идут во многих театрах страны.

Что же, он про своего прежнего читателя совсем забыл? И ничего для ребят больше не напишет? Нет, не забыл, я уверена в этом. Он внимательно всматривается в лица мальчиков и девочек: чем они живут сегодня, что их больше всего волнует, в чём их тревоги и надежды?

Будем ждать его новых книг!

Е. ПУТИЛОВА

Василий ГРОССМАН

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Таллинн
«Ээсти раамат»
1990

Сегодняшнему читателю уже немало известно о трагической судьбе романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», стоившего автору не только огромного напряжения творческих, духовных и нравственных сил, но и практически самой жизни.

Однако, если судьба первой части дилогии, романа «За правое дело», была драматична, то, что ожидало вторую часть — «Жизнь и судьбу», иначе как трагедией не назовешь. Арест рукописи по доносу собратьев по перу, изъятие копий, черновиков, записей, даже копирки и лент пишущих машинок у машинисток — все было сделано для того, чтобы «Жизнь и судьба» — живая правда нашей жизни, воссозданная талантом Вас. Гроссмана, — просто не существовала.

Тому, что несмотря на все сохранились две рукописи романа (черновая и беловая), мы обязаны прежде всего дальновидности, воле и незаурядному мужеству самого автора, а также тому, что у Вас. Гроссмана были такие друзья, на которых он мог положиться даже в тех нечеловеческих условиях, когда «друга и дружбу приносят в жертву во имя высших интересов...»

Когда на квартиру Гроссмана явилась оперативная группа для захвата романа, одна его копия (полный вариант, без изъятия «крамольных» страниц) уже была надежно укрыта. По счастливой случайности уцелел и черновик.

В 1974 году фотокопия беловой рукописи была тайно передана европейским издателям и в 1980-м опубликована в Швейцарии. Готовившим это издание Е. Эткинду и С. Маркишу пришлось немало потрудиться, так как сделанные непрофессиональные копии оказались крайне несовершенны.

Черновик, хранившийся у старинного друга Вас. Гроссмана Вячеслава Ивановича Лободы, принес в издательство сын недавно скончавшейся вдовы писателя Ольги Михайловны Губер — Ф. Б. Губер. Рукопись была передана ему вдовой В. И. Лободы — Верой Ивановной Лобода. Беловик вручил сотрудникам издательства известный поэт и переводчик Семен Липкин, близкий друг Вас. Гроссмана.

Отдадим должное мужеству этих, а также не известных нам до сих пор людей, которые, рискуя многим, спасли для нас великую книгу. К сожалению, установить имена всех, возможно, не удастся никогда, но нельзя не сказать еще и о вдове писателя — Ольге Михайловне Губер, и о его друге, Екатерине Васильевне Заболоцкой.

В связи с этим надо с благодарностью назвать и имена тех, кто способствовал (и тоже с немалым риском для себя) опубликованию романа. Это, прежде всего, снова Семен Липкин, писатель Владимир Войнович, академик А. Д. Сахаров, Е. Г. Боннэр.

И еще одно имя нельзя не назвать, имя человека, открывшего дорогу жизни романа на родине. Это писатель, главный редактор журнала «Октябрь» Анатолий Ананьев, первым решившийся на публикацию опасного романа.

Издательство «Книжная палата»

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

МИР

Нравст
долг у

Страстный призыв деятелей «Обращении ко всем ученым м видных деятелей науки и культ держку «Обращения», они выс сегодня, когда на чаше весов ших потомков, каждый ученый да должен идти мир — в напр жия, увеличивающих опасность или по пути ограничения гонк нравственный долг ученых пе

Обращение советских ученых весьма своевременно и имеет важное значение, заявил видный ученый в области экономических проблем, профессор Бременского университета Ерг Хуффшмидт (ФРГ). Надеюсь, что этот документ найдет должный отклик среди ученых Запада, ибо в нем речь идет о наиболее жгучих проблемах современности.

Инициатива видных советских ученых бесспорно будет способствовать активизации массового движения сторонников мира против гонки вооружений, за предотвращение угрозы ядерной войны, отметил **Эдмон Поксе**, член национального бюро французского профсоюза научно-технических работников. Обращение советских ученых уже нашло широкий отклик в научных кругах всего мира. Мы полностью согласны с оценкой, данной советскими учеными по поводу объявленной президентом США программы создания так называемой «оборонительной» противоракетной системы. Развертывание подобной системы, компоненты которой администрация США планирует разместить на земле и в космосе, не только приведет к новому витку бессмысленной гонки вооружений, но и значительно увеличит опасность возникновения глобального ядерного конфликта. Мы твердо убеждены: единство действий всех миролюбивых сил является важнейшим условием, которое позволит обеспечить прочный

ВАШ КОНСУЛЬТАНТ

Т. Клевенская, цветовод

Пересадка

«Наступила весна. Хотелось бы узнать, в какой помощи нуждаются сейчас комнатные растения?

А. ВЛАДИМИРОВ».

В эти весенние дни прежде всего хотелось бы поговорить о самом неотложном деле в комнатном цветоводстве — пересадке растений.

Большую часть питательных веществ растения получают из земли. Но наши комнатные растения развиваются подчас совсем в небольших горшках, успевая в течение года поглотить почти все питательные вещества из небольшого земельного кома. А корни развиваются, увеличиваются в объеме, поэтому необходимо каждый год пересаживать растения в горшки несколько большего размера, в новую свежесоставленную землю. Конечно, пальмы, фикусы и другие кадочные растения, пересадка которых связана с большими трудностями, можно пересаживать не ежегодно, а раз в три-четыре года, а весной просто сменить верхний слой земли в кадке.

Перед пересадкой, которую лучше провести как раз в марте—апреле, необходимо запастись заранее всем необходимым. Прежде всего горшки — их нужно брать несколько больше тех, в которых раньше находились растения, так, чтобы старый горшок свободно входил в новый.

Новые, еще не использованные горшки надо предварительно замочить в горячей воде. Вполне можно использовать и старые горшки, только их надо тщательно отмыть жесткой щеткой или мочалкой в горячей воде с содой.

Часто задают вопрос: можно ли сажать растения в пластмассовые горшки, не вредно ли это для растений? Внимательные наблюдения цветоводов показали, что растения совсем не хуже развиваются в пластмассовых горшках, только режим полива должен быть другим — поскольку земляной ком будет просыхать дольше, то и полив должен быть реже. Кроме того, необходимо чаще рыхлить поверхность земли, чтобы облегчить доступ воздуха к корням.

Самый сложный вопрос о земле. Как узнать, какой состав земли нужен тому или другому растению? В подробных серьезных справочниках и руководствах по цветоводству нередко для

миролюбивых сил является важнейшим условием, которое позволит обеспечить прочный мир.

Английский профессор **Дональд Уилкинсон** отметил: «Обращение советских ученых встречено самым благожелательным образом в научных кругах Великобритании. Ведь Белый дом, действуя по указке военно-промышленного комплекса США, продолжает наращивать гонку вооружений, пытаясь добиться военного превосходства над СССР. Особенно опасен замысел Вашингтона создать новое, так называемое «противоракетное оружие», которое нарушит существующий стратегический баланс. Для ученых всего мира сейчас наступил ответственный

Решения Социнтерна

ЛИССАБОН, 12. (ТАСС). Политика правительства Рейгана в экономической, военной и политической областях серьезно усугубляет и без того трудную и опасную ситуацию в Латинской Америке и Карибском бассейне. Об этом говорится в резолюции о положении в этой части мира, принятой на проходившем в португальском городке Монтешору XVI конгрессе Социалистического интернационала.

В ней, в частности, указывается, что Социнтерн поддерживает цели никарагуанской революции, решительно отклоняет и осуждает все попытки американских официальных органов дестабилизировать Никарагуа. В резолюции отмечается необходимость положить конец непрекращающимся вторжениям в Никарагуа.

Конгресс высказался в поддержку борьбы, которую ведет в Сальвадоре Фронт национального освобождения имени фарабундо Марти. Социнтерн полностью поддерживает демократическое развитие Гренады, выступает против каких бы то ни было попыток правительства Рейгана дестабилизировать положение в этой стране.

Делегаты конгресса решительно осудили произвол и репрессии в Латинской Америке и Карибском бассейне.

«Опровержение» госдепартамента

НЬЮ-ЙОРК, 12. (ТАСС). Официальный представитель государственного департамента опроверг сообщения печати о том, что президент США лично участвовал в принятии решения о предоставлении политического убежища теннисистке из КНР Ху На, которая выступала в Соединенных Штатах на международных соревнованиях «Ш-

димо чаще рыхлить поверхность земли, чтобы облегчить доступ воздуха к корням.

Самый сложный вопрос о земле. Как узнать, какой состав земли нужен тому или другому растению? В подробных серьезных справочниках и руководствах по цветоводству нередко для каждого растения указывается свой особый состав земли. Чтобы не вдаваться в такие подробности, можно в целом все растения разделить на несколько групп: одним нужна более тяжелая питательная земля (это крупные древесные или кустарниковые растения — цитрусовые, китайский розан, олеандр, пальмы и т. д.), другим — более легкая, но также содержащая достаточно питательных веществ для растений, которые быстро развивают новые побеги и листья (это бегонии, традесканции, комнатный виноград) и, наконец, для кактусов, алоэ и других сочных растений, происходящих из пустынных областей, почва нужна легкая, песчанистая, бедная питательными веществами.

Для молодых растений почва должна быть более легкая, для крупных, старых — более тяжелая.

К готовой земляной смеси, купленной в цветочном магазине, можно добавить необходимое количество песка, сделав ее более рыхлой, легкой.

После пересадки надо полить землю, чтобы она немного осела, и подсыпать еще немного земли. Исключение составляют кактусы, алоэ и другие сочные растения — их не надо поливать после пересадки дня 3—4, так как их корни очень чувствительны и легко могут загнить от соприкосновения с влажной землей.

Многие спрашивают, как можно размножить то или иное растение. Вот как раз во время пересадки можно размножить такие, например, растения, как сансевьера, аспидистра, циперус, папоротники, офиопогон, разрезав острым ножом корневище на несколько частей. Места среза надо присыпать порошком серы или угля — для дезинфекции. Конечно, поделенным растениям горшки можно дать поменьше. После пересадки растения надо поставить в притененное теплое место, и лишь через 1—2 недели, когда они оправятся, можно поставить их снова на окно.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

983 г. № 85 (8136)

ВАШ КОНСУЛЬТАНТ

Кандидат сельскохозяйственных наук Н. Т. РЕВЯКИНА.

Новый сад

Весна пополнила армию садоводов-любителей. Подготовлены участки, и перед каждым новичком встает вопрос, как разместить на нем постройки, насаждения. Бывает так, что новоиспеченный садовод спешит, лишь бы посадить что-то и побольше, старается уплотнить посадки, а потом несколько лет двигает по территории, пересаживает оказавшееся не на месте, затененное дерево. Поэтому разговор с новичками мы начинаем с плана участка, с подбора деревьев и кустарников. Об этом просят читатели Н. Воронов из Воронежа, Н. Плакида из Кургана, семья Чуркиных из Пензы и другие.

Рассмотрим примерную схему размещения плодовых деревьев и ягодников для центральной полосы. Чтобы иметь свежие плоды в течение круглого года, на участке следует посадить 15—20 плодовых деревьев: 8—10 яблонь, 2—3 груши, косточковых пород (вишни и сливы) — 6—7 деревьев. Породы в саду лучше не смешивать, а каждую сажать отдельно. Высокорослые деревья — яблони и груши располагают двумя рядами с левой и правой стороны участка, в 4 метрах от границы, чтобы они не затемняли соседние участки. Расстояние между деревьями в ряду тоже 4 метра. Из сортов подбирают один-два летних и осенних, остальные — зимние.

Вишню и сливу постарайтесь расположить в наиболее защищенном от восточных и северо-восточных ветров месте на расстоянии 3 метра друг от друга. При этом учтите их декоративное значение, а значит, посадите недалеко от домика.

Целесообразно иметь 40—50 кустарниковых ягодников: смородины 15—20 штук, крыжовника — 5—10, малины — 15—20 кустов. По левой стороне участка в одном метре от границы и в 3 метрах от яблонь размещают крыжовник, смородину красную и белую (в ряду через 1,5 метра). По правой сто-

ПРИНЦ

«Сегодня все усилия должн предотвратить ядерную катастро ных откликов на ответы товари корреспондента «Правды».

Советский руководитель, пишет «Нью-Йорк дейли ньюс», обвинил президента США в беспардонных извращениях политики Советского Союза. Пространное заявление Р. Рейгана по вопросам американской внешней политики было, по мнению Москвы, задумано для того, чтобы попытаться воздействовать на умонастроения в Соединенных Штатах, успокоить растущую там тревогу по поводу воинственного курса администрации. Генеральный секретарь ЦК КПСС отмел как несостоятельные утверждения о наличии «советской военной угрозы» и заявил, что СССР был вынужден укреплять свою обороноспособность перед лицом лихорадочной деятельности США по развертыванию вблизи советской территории военных баз, по созданию все новых видов ядерного и дру-

С ПОЛИЧНЫМ

«Операция Лазарь»

«Настал день, чтобы умереть». Таков был пароль провокации, которая стала достоянием гласности в последние дни. Ее осуществляли ЦРУ и Пентагон против Лаоса.

Пароль произнес в ночь на 27 ноября прошлого года Джеймс Гритц по кличке «Бо», отдавая приказ шпионско-диверсионной группе из 16 наемников нелегально перейти границу через реку Меконг из Таиланда в Лаос. Тропическими лесами она за две недели должна была углубиться на 300 километров в глубь лаосской территории. Главные цели этой вылазки были строго засекречены, а в качестве формального предлога выдвигались «поиски лагеря американских военнопленных», которые якобы находятся там со времен агрессии США в Индокитае. Только позднее стало известно, что диверсанты были нацелены на «двенадцать объектов с координатами, определенными ЦРУ и разведывательным управлением министерства обороны США (РУМО)».

Руководил рейдом Гритц, бывший подполковник «зеленых беретов». Он воевал во Вьетнаме и Лаосе, ушел в отставку из армии в 1979 году и стал наемником ЦРУ.

Вылазка для кодового названия «Операция Лазарь». Диверсанты были вооружены израильскими автоматами «Узи», имели портативную радиоаппаратуру индивидуального пользования и

...5—10, ... смо-
...штук, кры-
...малины —
15—20 кустов. По левой стороне участка в одном метре от границы и в 3 метрах от яблонь размещают крыжовник, смородину красную и белую (в ряду через 1,5 метра). По правой стороне — также ряд черной смородины. По задней линии, отступив метр, делают ряд или два малины (в ряду через 1 метр).

Ягодные кустарники сажать все сразу не стоит. Лучше это сделать в четыре приема — через 2—3 года, создавая тем самым ягодниковый оборот, в котором одна четвертая часть плантации отводится для подготовки под посадку, еще четверть — под молодые кусты, столько же — под плодоносящие и остальная земля — под кусты, которые завершают плодоношение.

Свободное пространство между рядами яблонь в центре участка отводится под землянику и овощные культуры. Территория разбивается на 8—10 участков, и здесь устанавливается овощеземляничный севооборот. Местоположение каждой культуры периодически меняется. Это очень важно для рационального использования питательных веществ в почве, для защиты от вредителей и болезней, а в конечном счете — для получения более высокого урожая. Чередование в севообороте может быть следующим. 1. Редис, салат, укроп, петрушка (на зелень), вслед за уборкой которых высаживается земляника. 2. Земляника молодая. 3. Земляника 1-го года плодоношения. 4. Земляника 2-го года, 5. Земляника 3-го года плодоношения. 6. Картофель. 7. Огурцы, помидоры. 8. Морковь, свекла. 9. Лук, чеснок, зеленый горошек. Располагают гряды, а также ряды земляники с севера на юг, так они меньше иссушаются.

Лучшим способом посадки земляники является однострочный (между рядами 70 или 60 сантиметров, между растениями 15—20). Возможна и двустрочная посадка (между рядами 70 сантиметров, между строчками 30, в ряду между растениями 15—20). При выборе способа посадки учитывают расположение участка, его освещенность. На склонах и в местах, недостаточно освещенных, где есть опасность распространения серой гнили, лучше применять однострочную посадку. Очень важно правильно разместить сорта. Обычно высаживают по 3—5 рядов каждого сорта, не смешивая. Иначе вы не получите чистосортный посадочный материал и затрудните себе сбор плодов.

Еще один совет: в приствольных кругах яблонь посейте фацелию как медонос и зеленое удобрение.

РЕДАКЦИОННА...

...пленных», ... дятся там со времен ... США в Индокитае. Только позднее стало известно, что диверсанты были нацелены на «двенадцать объектов с координатами, определенными ЦРУ и разведывательным управлением министерства обороны США (РУМО)».

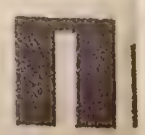
Руководил рейдом Гритц, бывший подполковник «зеленых беретов». Он воевал во Вьетнаме и Лаосе, ушел в отставку из армии в 1979 году и стал наемником ЦРУ.

Вылазке дали кодовое название «Операция Лазарь». Диверсанты были вооружены израильскими автоматами «Узи», имели портативную радиоаппаратуру индивидуального пользования и фотокамеры для ночной съемки. По лаосской территории они передвигались ночью, с максимальной осторожностью. В ходе операции шпионы спровоцировали ряд вооруженных столкновений с правительственными войсками Лаоса. В одной из стычек группа понесла потери, распалась и начала поспешно ретироваться в сторону Меконга. Бросив оружие террористы бежали в Таиланд.

«Операция Лазарь» против Лаоса показывает размах подрывной деятельности США в Индокитае. Огромные позитивные изменения, произошедшие в этом регионе, приводят в ярость вашингтонскую администрацию. Как известно, уже в мае 1981 года США снарядили, подготовили и тайно забросили в Лаос отряд наемников с задачей совершить провокационную подрывную акцию против этой страны. В ней участвовали две группы по 20—30 человек в каждой — американские «солдаты удачи» и лица азиатского происхождения, завербованные в период агрессии США в Юго-Восточной Азии. «Оперативный контроль» над операцией осуществляло ЦРУ.

Диверсии «зеленых беретов» представляют собой наглое вмешательство вашингтонской администрации во внутренние дела независимых государств Индокитая. Они свидетельствуют о том, что США не брезгуют никакими средствами, чтобы сорвать процесс нормализации отношений в Юго-Восточной Азии.

Р. СЕРЕБРЕННИКОВ.



О секретной масонской ло...
конодательном порядке, в ...
туры. Среди сановных чино...
торов, депутатов, адвокатов, ...
ное братство «вольных кам...
государства, несомненно, им...
рые уже отвели в личной ...
книжки «о себе». Но, несмот...
быстрые на руку местные а...
жу, она жива. И весьма чув...

В МАРТЕ И В АПРЕЛЕ

Любителям, по-моему, интересней всего выращивать ягодники: они быстро растут, на второй год уже дают урожай, если что не нравится — можно быстро заменить, можно выращивать свой саженцы и так далее

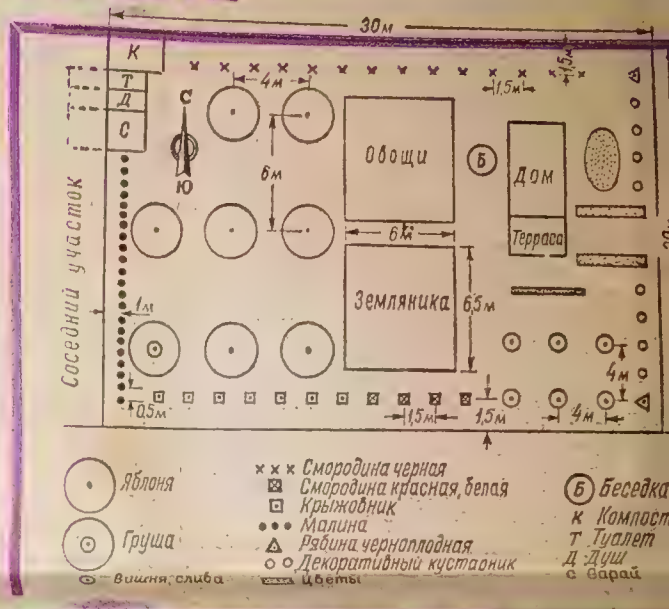
Вот малина. В год посадки она растет в высоту и толщину, но в пазухах листьев уже зарождаются цветочные почки. Чем мощнее куст (он может вырасти до двух метров), тем больше цветочных почек. На второе лето вырастают боковые веточки, на которых зацветают цветы и созревают ягоды. На одном месте при хорошем уходе малина дает хорошие урожаи лет около двенадцати. Цветет она в июле, в это время не бывает заморозков и нет опасности не получить ягоду. Можно посадить один сорт малины, без подбора переопылителей (у промышленных сортов малины обоеполые цветки), но лучше, чтобы у вас росли два-три сорта: перекрестное опыление повышает урожай.

В нашей стране, где десятки самых различных по климату зон, есть и десятки локально-зональных правил ухода за плодовыми и ягодниками. В средней полосе европейской части СССР во второй половине марта, пока не распустились почки, надо очищать деревья и кустарники от вредителей и болезней: собирать, срезать и сжигать гнезда боярышницы, златогузки, непарного и кольчатого шелкопряда

В малиннике во второй половине марта необходимо вырезать слабые, больные и старые (отплодоносившие) побеги. Стебли, оставляемые как плодоносящие, надо обрезать, чтобы срезанная верхушка была 7—12 сантиметров. Все, что вы срезали, сожгите: ведь ранняя обрезка применяется как способ борьбы против вирусов мозаичных заболеваний, гусениц, стеблевой и почковой моли и других вредных грибков и бактерий. Если же вам кажется, что возбудители болезней могли на малине остаться, — опрысните 2-процентным раствором нитрафена или 3-процентной бордосской жидкостью.

В начале апреля вырежьте поломанные и ослабленные ветви, а также лишние однолетние по-

беги у крыжовника. Обрежьте сожгите концы веток, поражен ные мучнистой росой. Вслед крыжовником приведите в по док смородину, черную, кр ную и белую. Необходимо р реживание и выщипывание кр лых вздутых почек — это з знак махровости черной смо дины (вирусное заболева при котором изменяется фор окраска листьев, цветки пре щаются в лепестки, листья м чают, темнеют, станов трехлопастными вместо пят пастных, и растение не плод



ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ САДОВОДА

БИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД БОРЬБЫ С НАСЕКОМЫМИ. При этом используются естественные враги насекомых: насекомоядные птицы, некоторые виды бактерий, грибы, вирусы, насекомые (хищные и паразитические), жабы, лягушки, ящерицы. Биологический метод борьбы с вредителями сада безвреден для человека, для пчел и теплокровных жи-

да

для

цветоед, жук из семейства долгоносиков с вытянутой трубочкой передней частью головы. Жук ползет на яблоню, прогрызает у набухающей почки дырочку и ест ее внутренности. Из почки течет густой сок, его капли, как слезинки, блестят на солнце. Почки плачут, говорят садоводы. Чтобы уберечь бутоны, жуков стряхивают с яблони, ударяя по стволу стукуш-

ударяя по стволу стукушки. Насыпавшихся на брезент жуков сжигают. Стряхивать цветоеда надо рано утром, когда температура не выше десяти градусов, иначе жук раскрывает крылья и улетает.

Вот на какую глубину сажают яблоню, крыжовник и смородину

вотных; при этом не нарушается нормальная жизнь природы, не рвется биологическая цепочка.

ПЛАЧ ПОЧКИ. Весной, когда солнце прогреет верхний слой почвы, из земли выползает

ПОЛЕЗНЫЕ НАСЕКОМЫЕ САДА. Например, насекомые-паразиты, их сотни. Одни (яйцееды) откладывают яйца в яйца вредителей, другие (наездники) — в личинки и куколки. Особенно ценны ТРИХОГРАММА и ТЕЛЕНОМУС. Трихограмму разводят в специальных лабораториях при районных станциях защиты растений (на гектар сада надо выпускать не менее одного грамма трихограммы). Трихограмма откладывает свои яйца в яйца плодожорки по 1—2, а в яйца совок — по 2—4. Есть насекомые-хищники. Из них — **БОЖЬЯ КОРОВКА**, поедающая тлей, медяниц и щитовок. За лето божья коровка (семиточечная) съедает до пяти тысяч тлей.

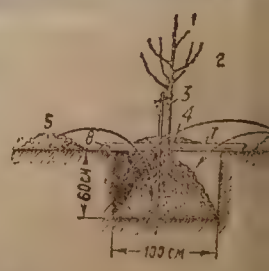
ХИЩНЫЕ ЖУЖЕЛИЦЫ едят гусениц вредных бабочек, личинок жуков, галлиц. **МУХИ-ЖУРЧАЛКИ** — сами мухи кормятся сладким нектаром, а их личинки — тлями, щитовками, мелкими гусеницами и личинками галлиц. **КЛОПЫ** высасывают яйца и поедают молодых личинок тлей, медяниц, клещей, в том числе и плодожорок. **ЗЛАТОГЛАЗКА** — поедает тлей и других сосущих вредителей растений. **МУРАВЬИ**, особенно рыжие лесные, иногда уничтожают вредителей больше, чем птицы. Муравьи одного среднего муравейника собирают примерно до 1 миллиона гусениц.

СТУКУШКА — деревянный молоток. Им ударяют по стволу дерева или по веткам, чтобы стряхнуть цветоедов, майских жуков и других насекомых-вредителей. Чтобы не поцарапать кору дерева, стукушку обтягивают ножей или тряпками.

С ЦИРКУЛ
В РУКЕ

Если вы хотите создать вый цветник, прежде ставьте его план. Измер ток, перенесите размеры бумаги. Пользуясь ма

ВОТ КАК САЖАЮТ ЯБЛОНЮ



1 — проводник; 2 — с ные ветви; 3 — штамб; 4 невая шейка; 5 — верхни почвы; 6 — нижний слой 7 — посадочная доска; 8 садочные колышки.

[illegible] В средней [illegible] части СССР [illegible] половине марта, пока [illegible] почки, надо [illegible] деревья и кустарники [illegible] и болезней: соби[illegible], срезать и сжигать гнезда [illegible] златогузки, нетар[illegible]

Е И В АПРЕЛЕ

[illegible] и кольчатого шелкопряда [illegible] малиннике во второй поло[illegible] марта необходимо выре[illegible] слабые, больные и старые [illegible] плодоносившие) побеги. Стеб[illegible] оставляемые как плодонося[illegible], надо обрезать, чтобы сре[illegible]ая верхушка была 7—12 [illegible]иметров. Все, что вы среза[illegible] сожгите: ведь ранняя обрез[illegible] применяется как способ борь[illegible] против вирусов мозаичных [illegible]левaний, гусениц, стеблевой [illegible]очковой моли и других вред[illegible] грибков и бактерий. Если [illegible] вам кажется, что воз[illegible]ители болезней могли на ма[illegible]е остаться, — опрысните [illegible]роцентным раствором нитра[illegible]а или 3-процентной бордос[illegible]й жидкостью.

[illegible] начале апреля вырежьте по[illegible]манные и ослабленные ветви, [illegible] также лишние однолетние по[illegible]

беги у крыжовника. Обрежьте и сожгите концы веток, пораженные мучнистой росой. Вслед за крыжовником приведите в порядок смородину, черную, красную и белую. Необходимо прореживание и выщипывание круглых вздутых почек — это признак махровости черной смородины (вирусное заболевание, при котором изменяется форма и окраска листьев, цветки превращаются в лепестки, листья мельчают, темнеют, становятся трехлопастными вместо пятилопастных, и растение не плодоносит). После прореживания и выщипывания опрысните кусты смородины и крыжовника нитрафеном (300 граммов на 10 литров воды).

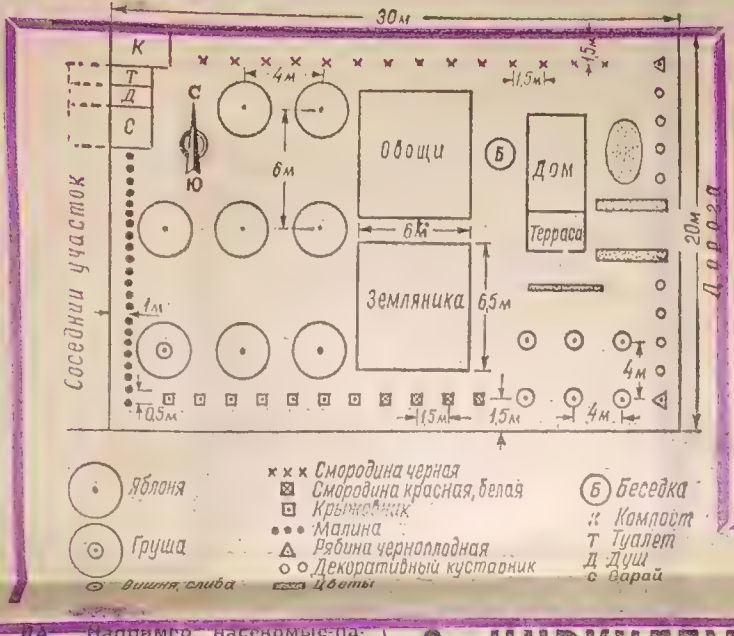
Опрыскивание смородины и крыжовника повторите во второй половине апреля.

Бабочку огневку и пилильщика (в конце апреля — начале мая) можно отпугнуть от крыжовника и смородины, если положить ветки бузины или ветки цветущей черемухи или опрыснуть кусты смородины и крыжовника отваром ботвы помидоров (400 граммов сухой ботвы и 40 граммов мыла на 10 литров воды).

Смородину, крыжовник, малину, землянику опрыскивают и третий раз — в мае.

Надо не забывать при этом, что важней всяких опрыскиваний частое и правильное рыхление почвы, удобрения, оптимальный полив растений. Накормленное и напоенное растение способно само постоять за себя и против болезней, и против вредителей.

Л. ПАТУТИНА,
кандидат сельскохозяйственных наук.



● *Примерная схема посадок и построек на садовом участке площадью 600 квадратных метров.*

Ь САДОВОДА

[illegible]ед, жук из семейства дол[illegible]иков с вытянутой трубоч[illegible] передней частью головы. [illegible] ползет на яблоню, прогры[illegible] у набухающей почки ды[illegible] и ест ее внутренности. Из [illegible] течет густой сок, его кап[illegible] как слезинки, блестят на [illegible]це. Почки плачут, говорят [illegible]воды. Чтобы уберечь буто[illegible] жуков стряхивают с ябло[illegible] ударяя по стволу стукуш[illegible]

[illegible] по стволу стукуш[illegible]

[illegible] крыжовник и смородину

[illegible] Насыпавшихся на брезент [illegible]уков сжигают. Стряхивать [illegible]етоеда надо рано утром, [illegible]огда температура не выше [illegible]сяти градусов, иначе жук [illegible]аскрывает крылья и улетает.

ПОЛЕЗНЫЕ НАСЕКОМЫЕ САДА. Например, насекомые-паразиты, их сотни. Одни (яйцееды) откладывают яйца в яйца вредителей, другие (наездники) — в личинки и куколки. Особенно ценны ТРИХОГРАММА и ТЕЛЕНОМУС. Трихограмму разводят в специальных лабораториях при районных станциях защиты растений (на гектар сада надо выпускать не менее одного грамма трихограммы). Трихограмма откладывает свои яйца в яйца плодожорки по 1—2, а в яйца совок — по 2—4. Есть насекомые-хищники. Из них — БОЖЬЯ КОРОВКА, поедающая тлей, медяниц и щитовок. За лето божья коровка (семиточечная) съедает до пяти тысяч тлей.

ХИЩНЫЕ ЖУЖЕЛИЦЫ едят гусениц вредных бабочек, личинок жуков, галлиц. МУХИ-ЖУРЧАЛКИ — сами мухи кормятся сладким нектаром, а их личинки — тлями, щитовками, мелкими гусеницами и личинками галлиц. КЛОПЫ высасывают яйца и поедают молодых личинок тлей, медяниц, клещей, в том числе и плодожорок. ЗЛАТОГЛАЗКА — поедает тлей и других сосущих вредителей растений. МУРАВЬИ, особенно рыжие лесные, иногда уничтожают вредителей больше, чем птицы. Муравьи одного среднего муравейника собирают примерно до 1 миллиона гусениц.

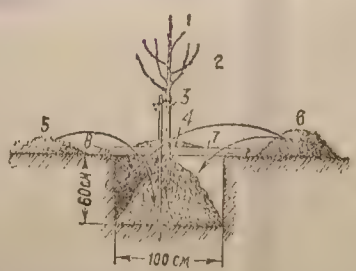
СТУКУШКА — деревянный молоток. Им ударяют по стволу дерева или по веткам, чтобы стряхнуть цветоедов, майских жуков и других насекомых-вредителей. Чтобы не поцарапать кору дерева, стукушку обтягивают кожей или тряпками.

С ЦИРКУЛЕМ В РУКЕ

● *Если вы хотите создать красивый цветник, прежде всего составьте его план. Измерьте участок, перенесите размеры на лист бумаги. Пользуясь масштабом, изобразите на бумаге, каким вы хотите видеть свой цветник: будет ли у вас клумба и какая (круглая, овальная, четырехугольная), будут ли рабатки или вы сделаете зеленый газончик и на зеленом фоне создадите яркие пятна цветов. Площадь цветника размечают при помощи кольев, шнура и рулетки. Круглую клумбу вычерчивают так же, как чертят циркулем круг на бумаге: в середине участка вбивают кол, к которому привязывают веревку с палочкой на конце.*

● *Уютную зеленую беседку или арку можно сделать из вьющихся растений, которые вырастают за лето на два-три метра. Чтобы вьющиеся растения быстрей росли, образуя зеленые стены, надо дать опору из деревянных планок (для многолетников), проволоки или шпагата (для однолетников). Запомните наиболее распространенные вьющиеся растения: хмель, вьюнок многолетний, виноград дикий, виноград амурский, актинидия, тладианта, ипомея, фигурная тыква, горошек душистый, бобы садовые, настурция, каприфоль, клематис, розы вьющиеся, лимонник. Для ускорения роста и развития однолетних вьющихся растений их сеют заранее в бумажные стаканчики или дернинки. Сейчас самое время посеять.*

ВОТ КАК САЖАЮТ ЯБЛОНЮ



● *1 — проводник; 2 — скелетные ветви; 3 — штамб; 4 — корневая шейка; 5 — верхний слой почвы; 6 — нижний слой почвы; 7 — посадочная доска; 8 — посадочные колышки.*

...специалист способен... выявить склонности того или иного ребенка к опасным поступкам, сгладить дефекты воспитания, характерологические дефекты. Он пользуется естественной тягой юного человека к коллективу. А тяга всегда есть — большая, маленькая, но есть, даже тогда, когда обстоятельства и индивидуальные свойства личности толкают ребенка к одиночеству и уединению.

Л. ГОРБОВА. Я тесно связана со школой для трудновоспитуемых детей и вот какой вывод сделала для себя. Правонарушения всегда можно предотвратить, если в коллективе учащихся поддерживается психогигиена. Дело в том, что главная опасность кроется в стремлении подростка уйти от трудностей усвоения учебной программы, подчинения строгому распорядку, от трудностей, связанных с отдельными моментами его развития и роста. Сумеет он вовремя преодолеть с помощью старших это стремление — все хорошо. Не сумеет — оторвется от коллектива, окажется в стихии уличных случайностей, будет чаще уходить из школы, иногда сутками не приходить домой. Он легко возбудим, раздражителен, потому что не может удовлетворить свою природную тягу к общению. Подросток ищет участия и в какой-то мере удовлетворяется в компании подобных себе, часто более старших, среди правонарушителей. Исследования показали, что большая часть правонарушителей — люди психически не больные, но нуждающиеся в помощи медикаментозной и обязательно психотерапевтической.

Можно привести множество примеров, когда внушение, доброе слово возвращали сорвавшихся детей в коллектив. Доброта целительна, если опирается на знание психологии и физиологии ребят. Именно она помогает снимать у них так называемые реакции оппозиции взрослым. Внушение — дело далеко не простое и состоит из ряда специальных приемов. Иногда это целый лечебный спектакль, психодрама что ли. Учителя тоже осваивают приемы игровой терапии. Проходит время, и я слышу, как они делятся между собой: «Совсем не узнаю Юрика — раньше ему слова нельзя было сказать, а теперь вот подошел ко мне извиниться за что-то».

Д. АГАСАРЯН. Я работаю главным детским психоневрологом Чечено-Ингушской АССР, участвую в работе комиссий по делам несовершеннолетних, кроме того, помогаю консультациями в специализированном профтехучилище. Тоже хочу отметить, что в последнее время педагоги очень заинтересовались проблемами психогигиены, и сейчас нам стало легче исправлять трудных подростков. С теми, кого раньше приходилось брать на стационарное лечение, теперь успешно занимаются в условиях училища. Я обследовала здесь всех ребят и убедила педагогов, что даже среди самых трудных, срывных нет патологически больных, они в определенный период находились на грани здоровья и болезни, недостатки их характеров были резко обострены, например, семейно-бытовыми неурядицами и привели к правонарушениям.

«НЕДЕЛЯ». Правонарушение и игровая терапия — одно с другим вроде бы как-то не вяжется.

М. БУЯНОВ. Чаще всего у подростка-правонарушителя, как показывает опыт, чувства вины нет или оно притуплено. Надо пробудить это чувство и вызвать раскаяние. Передо мной стоит задача «достучаться» до него. Каким образом? В ряде случаев, только вызвав определенные переживания, связанные с обстоятельствами содеянного. Для этого организуется импровизированный спектакль. Зная, в чем провинились подростки и в какой обстановке, ознакомившись с главными... их биографии, ты для себя

С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

Владимир АЛЬБИНИН

Существует мнение, что женщины народ нетерпеливый. Уж если что задумают, то, как говорится, вынь да положь сразу, без канители.

Автор берет на себя смелость утверждать, что среди мужчин тоже встречаются лица, страдающие повышенной нетерпеливостью. Тут в качестве примера можно сразу предложить кандидатуру Степана Петровича Лукина.

А было так. Степану Петровичу вдруг загорелось приобрести цветной телевизор. Знающие люди посоветовали: «Бери «Рубин», это вещь!»

Степан Петрович зашел в Центральный универмаг своего города и убедился, что там имеются все марки телевизоров, кроме искомой.

Видно, на нем просто лица не сделалось, иначе

ничем не объяснишь, почему вдруг к нему проникались безбрежным участием два гражданина, вроде, как вспоминает Степан Петрович, в рабочих халатах.

— Какие проблемы, товарищ? — сердечно осведомились те, что в халатах.

— Да вот, понимаешь, — пожаловался Лукин, — хотел купить телевизор, а нету...

— Как же нет?! — изумились сердечные. — Прилавок гнется, только выбирай.

— Это не то!—презрительно оттопырил губу первый.— Вы что же думаете, Степан Петрович не читает в газетах репортажей из зала суда? Читает, будьте спокойны. Его не проведешь. Он сразу смекнул, что его хотят обдурить. Поэтому он прозорливо кашлянул в кулак и не без иронии осведомился:

— Это, значит, как же так? Я вам деньги вручу, а вы мне скажете: жди, дескать, тут. И только вас потом и видели. Так, что ли?

— Обижаешь, командир! — всерьез обиделся первый халат.

А второй побелел даже:

— Хотели ему помочь, как человеку, а он принял нас неизвестно за кого... Идем отсюда, Вася, пусть мается...

Степан Петрович и тут не сдал своих позиций, хотя иронию с лица скинул.

— Ну, а как вы это видите? — спросил он уже другим, заинтересованным голосом.

— Видим так,— объяснил один из граждан.— Вы даете деньги и ничего не ждете. Уезжаете к себе на работу. А вечером, ровно в семь ноль-ноль, телевизор будет у вас дома.

— Видя вашу недоверчивость,— добавил второй,— в обмен на деньги я дам вам свой паспорт, чтоб вы не сомневались Вот и все...

— Не все,— уточнил первый.— За обиду, нанесенную нам, а также за кину верным залогом, что дело сделается. В нем с новой силой вспыхнуло желание иметь телевизор сегодня же, что затмило окончательно блеснувшие было искры совести и недавней подозрительности. «Была не была!» — решил он, выдал друзьям 780 рублей и прибавил к ним свой паспорт. Потом взял чужой документ, быстренько на листочке начеркал свой адрес и уехал на работу.

Не будем лукавить, сомнения еще не раз кольнули его в оставшиеся часы. Однако, когда ровно в семь в дверь позвонили, сердце его прыгнуло, а потом закачалось ровно и сильно, наполненное верой в человеческую честность и свою мудрость.

«Рубин» был извлечен из ящика, установлен на заранее подготовленной позиции и всеми красками сочно продемонстрировал себя своему владельцу.

Затем последовали небольшие формальности: обратный обмен паспортами, купюрами и торжественное вручение доставщикам коньяка.

Здесь автор мог бы поставить точку, оставив недоумение на лицах читателей. «Как же так? — спросите вы.—Чему учит эта история население? Пользоваться услугами темных типов?»

Минуту терпения. История эта поучительна как сама по себе, так и неожиданным финалом.

Ровно через три месяца в разгар хоккейного матча в квартире телезрителя раздался телефонный звонок и приятный женский голос поинтересовался:

— Квартира Лукина? Вас беспокоят из ателье проката телевизоров. Вы не забыли, что сегодня истекает срок проката нашего «Рубина»?

Вот и вся история. Телевизор, разумеется, пришлось вернуть.

Как ни напрягался Степан Петрович, но не смог вспомнить то, что когда-то прочитал в паспорте одного из негодяев. Они на это и рассчитывали. Преступников задержали позже, когда они по недосмотру и при тех же обстоятельствах всучили свой паспорт непосредственно работнику ОБХСС, изобразившему из себя

С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

Владимир АЛЬБИНИН

Существует мнение, что женщины народ нетерпеливый. Уж если что задумают, то, как говорится, вынь да положь сразу, без канители.

Автор берет на себя смелость утверждать, что среди мужчин тоже встречаются лица, страдающие повышенной нетерпеливостью. Тут в качестве примера можно сразу предложить кандидатуру Степана Петровича Лукина.

А было так. Степану Петровичу вдруг загорелось приобрести цветной телевизор. Знающие люди посоветовали: «Бери «Рубин», это вещь!»

Степан Петрович зашел в Центральный универмаг своего города и убедился, что там имеются все марки телевизоров, кроме искомой.

Видно, на нем просто лица не сделалось, иначе Вы что же думаете, Степан Петрович не читает в газетах репортажей из зала суда? Читает, будьте спокойны. Его не проведешь. Он сразу смекнул, что его хотят обдурить. Поэтому он прозорливо кашлянул в кулак и не без иронии осведомился:

— Это, значит, как же так? Я вам деньги вручу, а вы мне скажете: жди, дескать, тут. И только вас потом и видели. Так, что ли?

— Обижаешь, командир! — всерьез обиделся первый халат.

А второй побелел даже:

— Хотели ему помочь, как человеку, а он принял нас неизвестно за кого... Идем отсюда, Вася, пусть мается...

Степан Петрович и тут не сдал своих позиций, хотя иронию с лица скинул.

ничем не объяснишь, почему вдруг к нему проникались безбрежным участием два гражданина, вроде, как вспоминает Степан Петрович, в рабочих халатах.

— Какие проблемы, товарищ? — сердечно осведомились те, что в халатах.

— Да вот, понимаешь, — пожаловался Лукин, — хотел купить телевизор, а нету...

— Как же нет?! — изумились сердечные. — Прилавок гнется, только выбирай.

— Это не то!—презрительно оттопырил губу покупатель.—Мне нужен

— Ну, а как вы это видите? — спросил он уже другим, заинтересованным голосом.

— Видим так,— объяснил один из граждан.— Вы даете деньги и ничего не ждете. Уезжаете к себе на работу. А вечером, ровно в семь ноль-ноль, телевизор будет у вас дома.

— Видя вашу недоверчивость,— добавил второй,— в обмен на деньги я дам вам свой паспорт, чтоб вы не сомневались Вот и все...

— Не все,— уточнил первый.— За обиду, нанесенную нам, а также за

кину верным залогом, что дело сделается. В нем с новой силой вспыхнуло желание иметь телевизор сегодня же, что затмило окончательно блеснувшие было искры совести и недавней подозрительности. «Была не была!» — решил он, выдал друзьям 780 рублей и прибавил к ним свой паспорт. Потом взял чужой документ, быстренько на листочке начеркал свой адрес и уехал на работу.

Не будем лукавить, сомнения еще не раз колыхнули его в оставшиеся часы. Однако, когда ровно в семь в дверь позвонили, сердце его прыгнуло, а потом закачалось ровно и сильно, наполненное верой в человеческую честность и свою мудрость.

«Рубин» был извлечен из ящика, установлен на заранее подготовленной позиции и всеми красками сочно продемонстрировал себя своему владельцу.

Затем последовали небольшие формальности: обратный обмен паспортами, купюрами и торжественное вручение доставщикам коньяка.

Здесь автор мог бы поставить точку, оставив недоумение на лицах читателей. «Как же так? — спросите вы.—Чему учит эта история населения? Пользоваться услугами темных типов?»

Минуту терпения. История эта поучительна как сама по себе, так и неожиданным финалом.

Ровно через три месяца в разгар хоккейного матча в квартире телезрителя раздался телефонный звонок и приятный женский голос поинтересовался:

— Квартира Лукина? Вас беспокоят из ателье проката телевизоров. Вы не забыли, что сегодня истекает срок проката нашего «Рубина»?

Вот и вся история. Телевизор, разумеется, пришлось вернуть.

Как ни напрягался Степан Петрович, но не смог вспомнить то, что когда-то прочитал в паспорте одного из негодяев. Они на это и рассчитывали. Преступников задержали позже, когда они по недосмотру и при тех же обстоятельствах всучили свой паспорт непосредственно работнику ОБХСС, изобразившему из себя такого же нетерпеливого.

ВЕСЕЛАЯ «НЕДЕЛЯ»

Рисунок В. Сысуева.

Рисунок В. Спельникова.

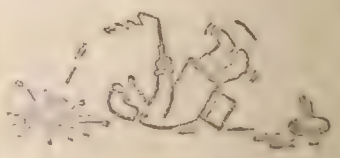


Рисунок Е. Лялова.

11 (1095)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

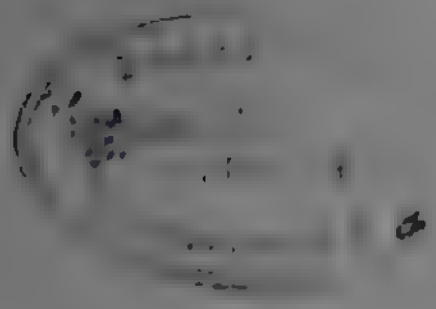
РОДНОЕ СЛОВО

УЧЕБНИК ПО ЧТЕНИЮ
ДЛЯ УЧАЩИХСЯ 3 КЛАССА
ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

В ДВУХ ЧАСТЯХ

Часть вторая

Утверждено
Министерством просвещения РСФСР



МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1988

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ.

1. Какие картины весны, изображённые писателями, тебе запомнились? Назови эти произведения и их авторов.

2. Какие слова и выражения используют писатели и поэты, чтобы передать краски, звуки, запахи весны?

3. Что ты узнал о жизни животных весной? Перечитай понравившиеся отрывки из этих произведений.

4. Расскажи, что ты узнал о приходе весны в поле, на реку, в лес. В каком произведении ты читал об этом?

5. Расскажи о весенних работах в колхозе. Как школьники помогают в этом взрослым?

6. Прочитай пословицы о весне, помещённые в разделе «Устное народное творчество».

7. Представь, что ребята твоего класса готовятся к утреннику о весеннем времени года.
Что бы ты хотел рассказать о весне? Какие стихотворения прочитать? Отрывок из какого произведения можно разыграть как сценку?

ИМЯ ЛЕНИНА В СЕРДЦЕ КАЖДОМ.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.

З. Воскресенская.

22 апреля 1870 года в Симбирске в семье Ульяновых родился сын Владимир. Это было большой радостью и счастьем в маленькой дружной семье.

Теперь день рождения Владимира Ильича Ленина стал праздником для всех трудовых людей планеты.

Нам особенно дорог этот праздник. Мы живём в стране Ленина, трудимся по заветам Ленина...

Что увидел бы сегодня Владимир Ильич? Что его порадовало бы?

Ранним апрельским утром страна звенит детскими голосами. Миллионы ребят с цветами в руках спешат в школу. У нас теперь нет неграмотных, а людей науки больше, чем в любой стране мира.

И так много заводов и фабрик! На них умными руками рабочих и инженеров создаются машины, приборы и двигатели, и всё это служит человеку, чтобы ему жилось лучше, удобнее... Сотни спутников Земли запущены советскими людьми в космос.

Нежной зеленью покрылись необъятные совхозные и колхозные поля. Усердно работают тракторы и комбайны, готовят землю к новому урожаю...

Пройдут годы... И какой бы трудовой путь ты себе ни избрал, ты продолжишь со своими товарищами дело Коммунистической партии, дело Ленина.

приветствовали наших славных подзвёздных путешественников, советских космонавтов. И москвичи вместе с гостями столицы славили, поздравляли здесь первого космонавта мира Юрия Гагарина...

1. Как ты понимаешь слова В. Маяковского: «Начинается земля, как известно, от Кремля»?
2. Какое место на земле для всех советских людей является самым дорогим и родным? Почему?
3. Что ты узнал о Кремлёвских звёздах?
4. Как автор называет наших космонавтов? Почему так?

ЗАКОН ТВОЕЙ ЖИЗНИ.

Ю. Яковлев.

1

Передо мной лежит небольшая тоненькая книжка. На обложке написано «Конституция». Я не спеша перелистываю её страницы, и оживает

вся наша жизнь: наше вчера, наше сегодня, наше завтра...

Наша Конституция начинается дорогими для всех нас словами — Великая Октябрьская социалистическая революция, Партия, Ленин.

Октябрь.

Партия.

Ленин.

Эти три слова нераздельны. Прислушайся к ним. Кажется, твоё сердце выстукивает эти слова. Ещё совсем недавно ты впервые услышал их. А пройдёт время, и для тебя они будут самыми важными, самыми родными. Такими же важными и родными, как слова: Мать, Родина.

Любовь к Родине начинается с любви к Матери.

Любовь к Партии начинается с любви к Ленину.

В нашей стране много законов. Конституция — Основной Закон страны. По этому Основному Закону управляют государством, живут, работают, учатся, отдыхают...

2

В нашей Конституции записано:

«...забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех».

Вот главный закон жизни человека будущего. Этот закон записан на первых страницах Конституции.

Запомни этот закон и учись жить по этому закону. А у кого учиться?

Например, у Юрия Гагарина...

Юрий Гагарин жил по главному закону будущего — забота каждого о благополучии всех. Ког-

да он садился в космический корабль, он думал о всех людях и меньше всего думал о себе. Своим дерзким, невиданным полётом он проложил новый путь всему человечеству...

Когда человек совершает подвиг,— он делает это не для себя, а для всех людей своей Родины...

Чем больше человек делает для людей, для народа, для родной страны,— тем ближе он к будущему. Каждый человек, совершающий подвиг, приближает будущее для всей страны, как это сделал своим полётом Юрий Алексеевич Гагарин.

Герои революции приблизили наш сегодняшний день.

Мы должны приблизить наше коммунистическое завтра своим трудом, учёбой, отношением к людям, к народному добру, к родной земле.

1. Какими словами начинается наша Конституция? О чём она рассказывает?
2. Каков главный закон жизни советских людей? Найди и прочитай об этом в тексте.
3. Что ты знаешь о подвиге Ю. А. Гагарина? Расскажи.

ПОСЛАНЕЦ ЗЕМЛИ.

С. Михалков.

Живём мы на нашей планете
В такой замечательный век!
И первым из первых в ракете
Советский летит человек!

Не с целью разведки военной
На сверхскоростном корабле

Летел он один во Вселенной,
Чтоб снова вернуться к Земле!

Мы знаем, а стало быть, верим,
Что сказкам сбываться дано,
И нам побывать на Венере,
Быть может, ещё суждено!

Не зря потрудились умелые руки
Во славу народа,
Во славу страны!
Рабочие, люди науки
Содружеством мирным сильны!

1. Каким настроением проникнуто стихотворение? Что вызывает особую гордость у поэта?
2. Подумай, почему автор говорит, «что сказкам сбываться дано».
3. В каких строках поэт прославляет людей, создавших космическую ракету? Найди их и прочитай.
4. Объясни название стихотворения.
5. Подготовься к выразительному чтению стихотворения.

Я ВЫХОЖУ В КОСМОС.

А. Леонов.

Вот и космическое небо. Я первый вижу космос с миллиардами звёзд не из корабля... а через светофильтр скафандра! Люк медленно уходил вверх, всё более открывалось окно в космос. Я, затаив дыхание, наблюдал, как быстро меняется звёздная картина на тёмном космическом небе... Подплывая к люку, высовываю голову и вижу бескрайнее чёрное небо и звёзды... Их гораздо больше, чем кажется с Земли... Здесь они ярче и не мигают.

Итак, я стою... в открытом космосе.

Было так тихо, что я слышал, как бьется мое сердце. Слышал шум своего дыхания.

Корабль, залитый яркими лучами солнца... выглядел как фантастическое существо.

Наступил момент, к которому мы шли так долго,— человек плавал в космическом пространстве. Корабль медленно вращался, купаясь в солнечном потоке. Звёзды были везде: вверху, внизу, слева и справа. Правда, в космосе трудно сказать, где верх, а где низ.

Солнце было неземное: яркое и очень жаркое...

Вдруг я услышал в наушниках знакомый с детства голос Юрия Борисовича Левитана:

— Внимание, внимание! Человек вышел в

открытое космическое пространство и находится в свободном плавании!

Обо всём, что видел и делал в космосе, я докладывал на Землю...

С каждым движением я приходил к важному выводу: в космосе жить и работать можно.

1. Какой увидел Землю из космоса А. Леонов?
2. Какими увидел космонавт небо, звёзды и Солнце?
3. С чем космонавт сравнил космический корабль? Почему?

* * *

А. Прокофьев.

Нет на свете Родины милее,
Где других лазурней небеса,
Солнце ярче, звёзды всех светлее,
Где отрадны рощи и леса;

Где в реках стремительные воды
Голубеют, словно бирюза,
Где, когда настанет непогода,
Весь народ выходит, как гроза!

Нет на свете Родины дороже.
Надо всё нам делать для неё,
Чтобы день, который нами прожит,
Каждым часом радовал её.

Всюду всё в её раздольях — наше.
Отдадим ей думы и дела
И кругом садами опоясем,
Чтобы вечно Родина цвела!

Каким настроением проникнуто это стихотворение? Найди слова, которые передают горячую любовь поэта к своей Родине.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ.

1. Представь, что тебе надо рассказать о нашей стране человеку, впервые приехавшему в Советский Союз. Что бы ты хотел рассказать о нашей стране, о столице, о жизни, труде, дружбе советских людей, о красоте нашей природы?
2. Как называется наша страна? В какой республике ты живёшь?
3. Расскажи, что ты узнал о нашей стране из произведений этого раздела. Что ты знаешь о столице нашей страны?
4. В каких произведениях передана любовь советских людей к своей столице?
5. По какому закону живут советские люди? Обратись к тексту Ю. Яковлева «Закон твоей жизни».
6. Кто проложил путь человечеству в космос? Найди и прочитай тексты, в которых говорится об этом.
7. Найди и прочитай в разделе «Устное народное творчество» (часть I) пословицы о Родине.

Родная речь

❊

Устное народное творчество

❊

Страницы русской классики

❊

Литературные сказки

УЧЕБНИК
ДЛЯ УЧАЩИХСЯ
НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ
В трёх книгах

Книга 2

Часть 1-я

Рекомендовано
Министерством образования
Российской Федерации

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1993

Наш дорогой читатель!

В народе недаром говорят, что чтение — лучшее учение. Ты уже немного научился этому сложному делу и можешь не только складывать буквы в слова, но и сам читать интересные книги. Когда читаешь, перед твоим мысленным взором начинают возникать разные картины-образы. Писатель создаёт их с помощью слов, а читатель силой своей фантазии оживляет в своём воображении. И чем больше вникаешь в текст, тем полнее и ярче раскрывается перед тобой неведомый до этого мир. Ты погружаешься в него. Следишь за тем, как развиваются события, вглядываешься в описания действующих лиц. Начинаешь замечать, что кто-то из них тебе нравится больше других, вызывает сочувствие, симпатию. Ты ставишь себя рядом с героями, думаешь, а как бы поступил сам на их месте, с чем-то не соглашаешься, что-то отмечаешь для себя как очень хорошее, ценное, такое, что надо перенять или выработать у себя.

Многие люди с детских лет, как только овладеют умением читать и писать, заводят специальную тетрадь для записей того, что им особенно понравилось из прочитанного.

Лев Николаевич Толстой, замечательный русский писатель, педагог, мыслитель, был удивительно хорошим читателем. Он много раз говорил, как книги, чтение надёжно и верно помогали ему формировать свой характер, узнавать людей, образовывать себя. С ранних лет он вёл дневник, куда записывал не только то, что происходило с ним, но и делал выписки из прочитанных книг. Потом завёл отдельную тетрадь. А из того, что накопилось, подготовил своего рода учебник для всех и назвал его «Круг чтения». Вот две записи:

«Чтение и письмо отнюдь не составляют образования, если они не помогают людям быть добрее ко всем тварям». (Джон Рёскин.)

«Кто мудр? — У всех чему-нибудь научающийся.
Кто силён? — Себя обуздывающий.
Кто богат? — Довольствующийся своей участью».

Прозаическое произведение, даже если оно очень понравилось, переписать в свою читательскую тетрадь трудно, особенно если оно, это произведение, большое по объёму. Небольшие же выписки в виде каких-то изречений, мудрых мыслей сделать вполне посильно и реально.

Другое дело — стихи. Всё в них исполнено глубокого смысла, образности, каждое слово, каждая строка, законченная и недосказанная, и «музыка» стиха, его мелодия, ритм, каждая запятая, точка с запятой и многоточие, мысли и чувства самого автора, и вызываемые у нас, читателей.

Не случайно, что люди, ведущие свои читательские тетради или альбомы, нередко переписывают стихи целиком. И потом, перечитывая их, не только вспоминают о первом впечатлении, которое произвела на них встреча с данным стихотворением, но и открывают в нём нечто новое, ранее оказавшееся скрытым, незамеченным.

Глубокая тайна любого произведения, и стихотворного, и прозаического, заключается в том, что, сколько бы раз ни читал, столько раз находишь что-то новое для себя, важное.

Для того чтобы войти в волшебный мир книг, надо постичь мастерство читателя. Стараться при чтении понять мысли автора, его рассуждения, задачи, которые он перед собой ставил.

Читать надо внимательно, не торопясь, не упускать детали, описания. Если что-то непонятно, лучше вернуться к уже прочитанному.

Желаем удачи!

Авторы-составители.

РУССКИЙ ЯЗЫК

2

Учебник для 2 класса трёхлетней начальной школы

Утверждено Министерством образования Российской Федерации

20-е издание

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1993

386. Запишите предложения так, чтобы получился рассказ. Напишите название рассказа. Вставьте пропущенные буквы.

Весной на школьном ог..роде ребята пос..дили бобы.

Они даже л..мались от т..жёлых пл..дов.

Через неделю б..бы взошли.

Высота бобов была больше метра.

Осенью ребята собрали три мешка бобов.

Всё лето дети ухаживали за растениями.

Контрольные вопросы и задания.

Какая часть речи называется именем существительным? Назовите существительные мужского, женского, среднего рода.

Приведите примеры существительных в единственном и множественном числе.

В каких именах существительных после шипящих согласных пишется мягкий знак (ь), а в каких не пишется? Напишите семь имён существительных, на конце которых после шипящих пишется ь.

20 Имя прилагательное.

387. Прочитайте. Какие слова связаны в предложениях с выделенными существительными?

Пришла тёплая **весна**. Ярко светит весеннее **солнце**. Быстро тает рыхлый **снег**. Журчат звонкие **ручьи**. Зеленеет свежая **травка** на полях. Летят с юга перелётные **птицы**. Начался весенний **сев** хлебов.

459. Прочитайте.

Старая учительница жила одна. Её муж и сын погибли на войне.

Ученики узнали, что родные дарили ей в день рождения алые розы. Дети посадили розы в своём саду.

Ко дню рождения Анны Петровны распустилась только одна роза. Ребята понесли учительнице один цветок.

По пути к дому Анны Петровны вырос букет. Бывшие её ученики — пожилые и молодые люди — добавляли к нему цветы. Букет был похож на горячее пламя. Это была память о тех, кто не пришёл с войны.

(По Б. Беловой)

Выпишите из текста глаголы. Напишите, как запомнили, последнюю часть текста.

460. Прочитайте. Проверьте написание выделенных букв.

Тимуровцы.

В грозные годы войны ребята всей страны помогали фронту и тылу.

Дети сдавали медь для снарядов, собирали берёзовые почки для раненых. Они дежурили в госпиталях. На фронт шли посылки с варежками, носками. Их вязали сами ребята. Дети Урала сажали для фронта картофель. Тимуровцы Ленинграда приносили воду и дрова слабым и больным людям.

Все они были похожи на героев книг Гайдара.

(По С. Фурину)

Спишите. Подчеркните глаголы.

солдат

461. Прочитайте. Озаглавьте текст.

Под горой рос калиновый куст. Из пещерки сочился ручеёк. Он стекал в солдатскую каску. Вода наполняла её до половины и уходила в дыру. Каска была пробита пулей.

К ключу вела тропа. Сюда прибегали попить лесные жители. На ветке висел черпак из берёсты. Это для человека.

Кто устроил этот чудесный ключ? Его сотворили лесники. В войну тут погиб их товарищ.

(По И. Васильеву)

На какие правила слова с выделенными буквами? Докажите правильность их написания.

Спишите. Подчеркните глаголы. В каком времени они употреблены в тексте?

25 *Не* с глаголами.

462. Прочитайте. Как написаны глаголы с *не*?

1. Правда в огне не горит и в воде не тонет. 2. Ложь человека не красит. 3. Кто сегодня обманет, тому завтра не поверят. 4. Без труда не вынешь и

М. Л. Закожурникова
В. А. Кустарева
Н. С. Рождественский

РУССКИЙ ЯЗЫК

3

Учебник для 3 класса
трехлетней начальной школы

Утверждено
Министерством образования
Российской Федерации

19-е издание, исправленное

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1993

I. Предложение

1. Прочитайте.

Москва не громада холодных камней, составленных в симметричном порядке. У неё есть своя душа, своя жизнь. Каждый её камень хранит надпись, богатую мыслями, чувством. У неё есть свой язык, сильный, звучный, святой, молитвенный!

(М. Ю. Лермонтов)

Сколько предложений вы прочитали? Какие это предложения по интонации — повествовательные, вопросительные, восклицательные? Спишите. Проверьте, правильно ли вы написали.

Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нём отозвалось!

(А. С. Пушкин)

2. Прочитайте предложения.

1. Славное место эта долина! 2. Со всех сторон высятся неприступные горы, красноватые скалы. 3. Внизу большая река тянется серебристою нитью. 4. Вы бывали в этих местах?

(По М. Лермонтову)

Какие это предложения по интонации — повествовательные, вопросительные, восклицательные?

Спишите. Какие знаки вы поставили в конце предложений?

Проверьте, читая по слогам, правильно ли вы написали.

Родина

3. К данным предложениям поставьте вопросы. Напишите вопросительные предложения.

1. Учебный год начинается первого сентября. 2. Ты хорошо отдохнул. 3. Ты учишься в третьем классе. 4. Сегодня все ученики встали рано. 5. Все ребята обещают хорошо учиться.

Образец: *Когда начинается учебный год?*

4. Прочитайте отрывок из рассказа.

Яркое, солнечное утро разбудило ребят. Поезд мчался мимо золотых полей пшеницы, мимо зелёных лугов. Коровы лежали в густой траве. Прыгали молочно-жёлтые телята.

Цвела розовая гречиха. Сиреневые шарики клевера сливались в один пушистый ковёр. Синел лес. Под мостом покачивались на воде кувшинки.

(По В. Осеевой)

Спишите текст. Подчеркните в каждом предложении подлежащее одной чертой, сказуемое двумя чертами.

Составьте (устно) рассказ о том, как вы отдыхали летом.

потом | *сейчас*

9. Прочитайте. Спишите.

Осень в лесу.

Пришёл сентябрь. После знойного лета наступила золотая осень. По опушкам лесов ещё растут грибы. На старых пнях жмутся друг к дружке тонконогие опёнки. В моховых болотах рассыпана по кочкам румяная клюква. На лесных полянах краснеют гроздья рябины. Отчётливо разносятся по лесу голоса. По прозрачному небу бегут облака. Птицы готовятся к отлёту.

(По И. Соколову-Микитову)

Подчеркните два слова с безударными гласными в корне, правописание которых можно проверить ударением.

Из первого и второго предложений выпишите сначала подлежащее и сказуемое, а затем словосочетания (с вопросами).

▶ Что вы знаете о предложении?

2. Звуки, буквы, слог, ударение в слове.

10. Прочитайте. Спишите.

Ты, рябинушка
Раскудрявая,
Ты когда взошла,
Когда выросла?
Я весной взошла,
По зорям цвела,
Солнцем вызрела.
(Русская народная песня)

Разделите на слоги слова *рябинушка, раскудрявая, взошла.*

11. Прочитайте, правильно ставьте ударение в словах.

Библиоте́ка, алфави́т, докуме́нт, добы́ча, за́суха, киломе́тр, кварта́л, молодёжь, магази́н, ко́мпас, ту́ча, свёкла, столя́р, слу́чай, портфе́ль, щаве́ль, шофёр, портре́т.

Спишите слова в алфавитном порядке.
Проверьте, читая по слогам, правильно ли вы написали.

библиотека	*портрет*

12. Спишите. Объясните правописание выделенных слов. В словах первого предложения подчеркните буквы, обозначающие мягкие согласные.

Мы подъехали к лесу. Тучи заслонили солнце. Ветер сгибал до земли молодые деревья.

Клонит ветер рожь и пшеницу, гонит жёлтые волны. Завиваются по дорогам вихри горячей пыли.

13. Прочитайте. Спишите, разделяя выделенные слова чёрточками для переноса.

1. За весной, красой природы,
Лето знойное пройдёт —
И туман и непогоды
Осень поздняя несёт.

2. Румяной зарёю
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонёк.

(А. Пушкин)

Подчеркните слово, которое нельзя перенести.

32. Прочитайте. Спишите, вставляя пропущенные буквы.

Меж р..деющих в..рхушек
П..к..залась с..нева.
Зашумела у ..пушек
Ярко-жёлтая листва.

Стала ель в л..су заметней,
Б..р..жёт густую тень.
П..досиновик п..следний
Сдвинул шапку набекрень.

(А. Твардовский)

Выделите корень в словах *верхушек, показалась, зашумела, густую, последний.*

33. Составьте и напишите несколько предложений на тему «Осенью в лесу».

Напишите по памяти.
Выпишите из выделенного предложения части речи в таблицу.

Имя существительное	Имя прилагательное	Глагол	Предлог

55. Прочитайте. Устно проверьте безударные гласные в корнях выделенных слов.

«Золотая осень».

Осень И. И. Левитан изображал на многих картинах и каждый раз находил в природе что-то новое.

Какие звучные, яркие краски в картине «Золотая осень»! В богатом уборе, торжественно предстаёт перед нами ранняя осень. Мы видим, как золото берёз красиво оттеняет синеву реки и прозрачную голубизну неба. Земля покрыта мягким жёлто-зелёным ковром.

День тёплый, безветренный. Не шелохнутся деревья. Медленно течёт река. Всё охвачено тишиной и осенним покоем. И только яркая изумрудная зелень озимого поля вдали говорит нам о том, что придёт весна и земля пробудится к новой жизни.

(По Н. Шаниной)

Спишите, подчеркните имена существительные. Почему эти слова вы считаете именами существительными?

56. Данные существительные выпишите в таком порядке: 1) вещи, 2) профессии, 3) явления природы, 4) качества, 5) действия, 6) общественные явления.

Пальто, скатерть, корзины, доброта, храбрость, ходьба, бег, съезд, собрание, агроном, столяр, слесарь, гроза, буря, ураган, дождь, метель.

Проверьте, правильно ли вы написали.

агроном

57. Из слов упражнения 56 выпишите по 2—3 существительных мужского, женского и среднего рода и одно существительное во множественном числе.

58. Прочитайте. Спишите слова в алфавитном порядке. В конце существительных женского рода после шипящих пишите ь.

Помощ(?), товарищ(?), молодёж(?), ткач(?), врач(?), доч(?), вещ(?), ключ(?), рож(?), плащ(?), мелоч(?), ноч(?), мыш(?), кирпич(?), борщ(?), печ(?).

Имя существительное — это часть речи, которая обозначает предмет и отвечает на вопрос **кто?** или **что?**: *лётчик, дом, тишина.*

Имя существительное изменяется по числам (единственное и множественное: *поле — поля, берёза — берёзы)* **и бывает мужского, женского или среднего рода:** *дом* (м. р.), *туча* (ж. р.), *небо* (ср. р.).

59. Прочитайте пословицы.

1. Летний день что зимняя неделя. 2. Хорошее дело два века живёт. 3. В согласном стаде и волк не страшен. 4. Крепкую дружбу и топором не разрубишь. 5. Не одежда красит человека, а его добрые дела.

Выпишите имена существительные вместе с именами прилагательными. Определите, какого рода эти прилагательные. Почему?

60. Спишите, обозначая в скобках число прилагательных, а в единственном числе и род.

Незаметно прошло жаркое (ед. ч., ср. р.) *лето. По небу поплыли тяжёлые* (мн. ч.) *тучи.* Моросит холодный дождь.

работаю **шофёром**. Я вожу грузовую **машину**. Вот за высоким **забором** строят **дом**. Шофёры привезли **кирпич** и цеме́нт. Подъемным **краном** рабочие разгружают машину.

шофёр

▷ Как узнать падеж имени существительного?
Как различить именительный, винительный, родительный падежи имени существительного? Приведите примеры.

123. Прочитайте. Определите падежи выделенных существительных. Проверьте по таблице.

В берёзовой роще осенью.

С самого утра перепадал мелкий **дождик**. Была непостоянная погода. Небо то заволакивалось рыхлыми **облаками**, то вдруг в отдельных местах расчищалось. Слабый **ветер** чуть-чуть тянул по **верхушкам** деревьев. **Листья** шумели над моей **головой**. По их шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года.

Внутренность **рощи** беспрестанно менялась. Она то озарялась вся, тонкие **стволы** берёз принимали нежный отблеск белого **шёлка**. Их **листья** загорались золотом. Красные **стебли** высоких **папоротников** сквозили **перед глазами**. То вдруг яркие **краски** гасли. **Берёзы** стояли белые, как только что выпавший снег.

Листва на берёзах была ещё почти вся зелёная. Лишь молоденькие **берёзки** стояли все красные или все золотые. Они ярко вспыхивали **на солнце**. Ни одной птицы не было слышно. Лишь изредка звенел стальным **колокольчиком** насмешливый **голосок синицы**.

(По И. Тургеневу)

Спишите последнюю часть текста, выделите окончания существительных.

148. Спишите, раскрывая скобки. Обозначьте падеж существительных 1-го склонения.

Быть на *(выставка, спектакль)*. Обратиться к *(учительница, учитель)*. Побывать в *(башня, дворец)*. Подойти к *(деревня, посёлок)*. Читать на *(веранда, балкон)*. Уйти с *(веранда, балкон)*. Лечиться в *(больница, санаторий)*. Выписаться из *(больница, санаторий)*. Передать привет от *(бабушка, брат)*. Отправить телеграмму *(подруга, отец)*. Посоветоваться с *(сестра, дядя)*. Поговорить о *(пьеса, спектакль)*. Сидеть на *(крыльцо, веранда)*. Встретиться в *(роща, лес)*. Гулять по *(роща, лес)*. Вернуться из *(роща, парк)*. Видеть *(лодка, пароход)*.

149. Прочитайте. Спишите. Выделите окончания существительных 1-го склонения в предложном падеже.

В деревне давно проснулась жизнь, во всех избах светились огоньки и топились печи, а на гумнах, при свете пылающей соломы молотили хлеб.

В соседней комнате, дверь в которую была отворена, уже топилась печка. Гудя и потрескивая заслонкой, она освещала дверь каким-то весёлым, отрадным и гостеприимным светом.

Но белый день вступал в свои права, и освещение от топящейся печки постепенно исчезало. Как хорошо, как сладко было на душе! Спокойно, тихо и светло! Какие-то неясные, тёплые мечты наполняли душу...

(С. Аксаков)

Окончания имён существительных 1-го склонения в предложном, дательном и родительном падежах.

Предложный и дательный	Родительный
-е	*-и*
в реке́, по реке́	*у реки́*
в ре́чке, по ре́чке	*у ре́чки*

На какой вопрос отвечают эти существительные? Какое окончание в родительном падеже? Какое окончание в дательном и предложном падежах? Как различаются падежи данных слов? Как проверить правописание безударных окончаний родительного, дательного, предложного падежей?

В предложном и дательном падежах имена существительные 1-го склонения имеют окончание *-е*, в родительном — *-и* (или *-ы*). Безударные окончания пишутся так же, как ударные: *в реке́, в ре́чке, к реке́, к ре́чке, из реки́, из ре́чки*.

150. Прочитайте. Спишите. Ставьте имена существительные, данные в скобках, в нужном падеже.

Старой *(утка)* было жаль Серую Шейку. Она велела бедной *(уточка)* держаться у берега. Там к *(река)* сбега́л ключик. Утки улетели на юг. С каждым днём становилось всё холоднее. Река замёрзла. *(Уточка)* почти не оставалось свободного места для плавания.

(По Д. Мамину-Сибиряку)

Что значит выражение «держаться у берега»? О каком ключике говорится в третьем предложении?

Какого рода имена существительные относятся ко 2-му склонению? Какого рода существительные 2-го склонения не имеют окончаний в именительном падеже?
В каком падеже у существительных 1-го и 2-го склонений одно и то же окончание?

164. Из следующих слов выпишите существительные 2-го склонения.

Лагерь, календарь, север, берег, яблоко, солнце, хозяйка, морковь, картофель, овёс, рожь, конь, лошадь.

165. Спишите, вставляя пропущенные буквы. Обозначьте падежи существительных 2-го склонения в единственном числе.

Утром охотник видел, как на болоте токует глухарь. В м..лодом осиннике паслись лоси, а по л..сному оврагу пробирался в своё логово старый волк.

Звенит под д..ревьями ручей. Тёплый ветер проб..гает в в..ршинах д..ревьев. Скоро од..нется лес м..лодой листвой, зацветёт на опушках черёмуха. Защёлкает над ручьём г..лосистый соловей, прил..тят, закукуют длиннохвостые кукушки. Забегают по кочкам хл..потливые муравьи. Выл..тит из своего убежища и загудит шмель. Покроются л..сные п..ляны голубыми и белыми подснежниками. Зазеленеют кругом побеги м..лодой тр..вы.

(По И. Соколову-Микитову)

166. Прочитайте пословицы. Спишите их, обозначьте падеж существительного дело.

1. Дело на всякого найдётся, коли лень не подкрадётся. 2. Кто любит трудиться, тому без дела не сидится. 3. Слезами делу не поможешь. 4. Не спеши языком, спеши делом. 5. Без дела жить — только небо коптить. 6. Всякий человек на деле познаётся.

Разберите по составу слова делом, языком, лень. Какого склонения существительное лень? Образуйте от этого слова глагол и прилагательное.

Родительный падеж мужского и среднего рода имён прилагательных.

-ого	*-его*
какого?	
голубого (цветка, платья)	*синего (цветка, платья)*

254. Прочитайте. В каком падеже даны выделенные существительные? А в каком падеже надо поставить прилагательные? Спишите, ставьте прилагательные в нужном падеже.

1. Весной проснутся пчёлы от *(зимний)* сна. 2. Тень *(высокий, старый)* дуба падает на дорогу. 3. С *(синий)* неба лили́сь лучи *(яркий)* солнца. 4. Наша деревня стоит возле *(дремучий)* леса. 5. С *(ранний)* утра и до *(поздний)* вечера снуют воробьи около дома.

Как вы понимаете выражение *дремучий лес*?

255. Прочитайте. Объясните правописание слов на изученные правила.

Друзья.

В зоологическом саду опустели летние клетки, все звери перебрались на зимние квартиры. И только носорог лежал в углу клетки, поджав под себя толстые короткие лапы. Рядом с его клеткой стояла другая — на колёсах. Она уже третий день ожидала упрямого пассажира, чтобы перевезти его в тёплое помещение.

Увидев Алексея, носорог широко открыл глаза и подошёл к решётке. Мальчик пошёл вдоль клетки, перебирая рукой прутья. И носорог двинулся за ним. Мальчик подошёл к клетке на колёсах. Носорог вопросительно поглядел на него. Алексей кивнул: «Иди смелей!» Носорог бесшумно двинулся вперёд. Сперва вошли передние ноги, потом задние. Дверка захлопнулась, и клетка покатила по мокрой дорожке.

Носорог ехал в клетке, а мальчик шёл за носорогом и подбадривал его: «Ты не волнуйся, всё будет в порядке. В новой клетке тебе будет тепло, как в Африке».

Так они доехали до зимнего помещения, где живут до весны тигры и бегемоты.

(По Ю. Яковлеву)

Спишите текст. Выделите окончания прилагательных в родительном падеже.

Творительный и предложный падежи имён прилагательных мужского и среднего рода.

-ым, -им	*-ом, -ем*
каким?	о каком?
Т. *голубы́м, кра́сным, си́ним (платьем, платком)*	П. *о голубо́м, о си́нем (платье, платке)*

256. Напишите словосочетания из существительного и прилагательного сначала в творительном, затем в предложном падеже.

Густой лес, летний вечер, морское дно, горячее солнце, хороший человек, новый город, таёжный посёлок, зимний холод.

400. Прочитайте.

1. Раньше начнут — раньше и кончат. 2. Поспешат — людей насмешат. 3. Что заслужат, то и получат. 4. Что посеют, то и пожнут. 5. Без труда не вынете и рыбку из пруда. 6. Не посмотрите — не увидите, не расспросите — не найдёте. 7. Скажете — не воротите, напишете — не сотрёте, отрубите — не приставите. 8. Упадёте в воду — сухими не выйдете.

Спишите предложения, заменяя глаголы 2-го и 3-го лица множественного числа глаголами во 2-м лице единственного числа. Проверьте личные окончания глаголов.

Образец: *Раньше начнёшь — раньше и кончишь.*

401. Прочитайте.

Скоро пройдёт последний месяц весны. Отцветут все первоцветы. Теперь будут цвести летние цветы. Украсят межи и чёрный пар душистые белые и розовые вьюнки. Среди красной и белой кашки будут расти голубые колокольчики. На обочине поля вырастут лазурные васильки. Из садов донесётся сладкий аромат лип. На опушке леса будет цвести земляника. Иван-чай зальёт малиновым цветом всю лесную вырубку. Полетят собирать сладкий нектар трудолюбивые пчёлы.

Выпишите из текста сначала глаголы в будущем времени, отвечающие на вопросы что сделает? что сделают?, обозначьте их спряжение; затем выпишите глаголы, отвечающие на вопросы что будет делать? что будут делать?

402. Прочитайте. В каком времени стоят глаголы? На какие вопросы они отвечают?

РОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебник-хрестоматия
для 5 класса
средней школы

В двух частях

Часть первая

СОСТАВИТЕЛИ
М. Д. Пушкарёва,
М. А. Снежневская,
Т. С. Зепалова

Утверждено
Министерством народного образования РСФСР

СЕМНАДЦАТОЕ ИЗДАНИЕ

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1990

Библиотека

СОДЕРЖАНИЕ

Введение
Книга — наш друг, наш учитель

С. В. Михалков. Земные спутники 3
В. А. Рождественский. Над книгой 5

Раздел первый
Произведения устного народного творчества

Сказки

И. З. Суриков. Детство 10
Иван — крестьянский сын и Чудо-Юдо 11
Царевна-лягушка 25
Ванюшка и царевна 38
О сказках *(по книге Н. Колпаковой «Сокровища народа»)* 44

Загадки

О загадках *(по статье В. Аникина «Загадки»)* . . 47
Загадки 49

Пословицы и поговорки

О пословицах и поговорках *(по статье М. Рыбниковой «Пословица»)* 55
Пословицы 58
Поговорки 59

Раздел второй
Литературные сказки

Александр Сергеевич Пушкин 63
О поэте 66
«У лукоморья дуб зеленый...». *Вступление к поэме «Руслан и Людмила»* 68
Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях 87

Ханс Кристиан Андерсен
О великом сказочнике *(по очерку К. Паустовского)* . . 91
Снежная королева. *Приключения в семи сказках. Перевод с датского А. Ганзен* 132

Самуил Яковлевич Маршак
О Маршаке . . . . .

Двенадцать месяцев. *По мотивам словацкой народной сказки. Избранные картины* 134

Павел Петрович Бажов
Об уральском волшебнике 163
Синюшкин колодец 165
О литературной сказке 183

Раздел третий
Из литературы XIX века

Михаил Юрьевич Лермонтов
О поэте 187
Бородино 189
Тема и идея художественного произведения 194

Лев Николаевич Толстой
О Толстом 196
Кавказский пленник 197
Рассказ. Сюжет 232

Стихи русских поэтов о родной природе
И. С. Никитин. Лес 235
И. А. Бунин. «Густой зеленый ельник у дороги...» . . 236
А. Н. Плещеев. Весна. 236
А. А. Фет. «Зреет рожь над жаркой нивой...» 237
Ф. И. Тютчев. «Неохотно и несмело...» 237

ББК 81.2Р-922
Р60

Составители В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова, Л. К. Пискунова, Л. С. Геллерштейн

Общая литературная редакция действительного члена АПН СССР С. В. Михалкова
Общая педагогическая редакция члена-корреспондента АПН СССР М. Р. Львова

Родное слово. Учеб. по чтению для учащихся 3 кл. четырёхлет.
Р60 нач. шк. В 2 ч. Ч. 1 / Сост. В. Г. Горецкий и др.; Общ. лит. ред. С. В. Михалкова; Общ. пед. ред. М. Р. Львова.— М.: Просвещение, 1988.— 192 с.: ил.

ISBN 5-09-000431-5

Р $\frac{4306020200—437}{103(03)—88}$ инф. письмо 88

ББК 81.2Р-922

Учебное издание

РОДНОЕ СЛОВО

Учебник по чтению для учащихся 3 класса четырёхлетней начальной школы

В двух частях

Часть первая

Составители
Горецкий Всеслав Гаврилович, Климанова Людмила Фёдоровна, Пискунова Лидия Константиновна, Геллерштейн Лев Соломонович

Зав. редакцией Ж. П. Данилова. Редактор Г. Н. Моравская. Художники В. В. Перцов, В. Н. Лосин, Н. А. Устинов, Е. Г. Монин, Е. В. Викторов, В. В. Кульков, Б. Л. Рытман, В. П. Рассохин, М. Ф. Петров. Художественный редактор Т. Г. Никулина. Технический редактор И. Ю. Щукина. Корректор Т. С. Крылова

ИБ № 10784

Сдано в набор 10.09.87. Подписано к печати 25.02.88. Бумага офсетная № 1. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,04 + 0,35 форз. Усл. кр.-отт. 57,75. Уч.-изд. л. 7,63 + 0,40 форз. Тираж 1 345 000 экз. Заказ 1620. Цена 60 коп. Цена с прикрессовкой пленки 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Смоленский полиграфкомбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

ISBN 5-09-000431-5
ISBN 5-09-000432-3

© Издательство «Просвещение», 1988

ЗВЕЗДОЧКА.

О. Высотская.

Что это за звёздочка,
Прежде неизвестная?
Жизнь у этой звёздочки
Очень интересная!

Пять лучей
у звёздочки —
Это пять ребят!
Скоро пионерами
Примут нас в отряд!

Звёздочка, звёздочка!
Мы — твои лучи!
Быть людьми хорошими
Ты нас научи!

Нам такие звёздочки
В каждой школе
встретятся,
На груди у школьников
Наши звёзды светятся!

Пусть родная звёздочка
Светит нам в пути!
С ней учиться весело,
Радостно расти!

Звёздочка, звёздочка!
Мы — твои лучи!
Быть людьми хорошими
Ты нас научи!

А сейчас вот идёт в Смольный[1].

Потом добавил, и Андрею почудился в его голосе страх:

— Подумать только: он прошёл сюда мимо вражеских отрядов. Его же могли... ты понимаешь, его могли убить!

В первый раз слышал Андрей, что его командир говорит таким голосом.

Он заглянул Василию Ивановичу в лицо и спросил:

— Да кто это был?

И командир красногвардейской заставы ответил:

— Владимир Ильич Ленин.

1. В какое время и где происходили события рассказа?
2. Почему красногвардейцы охраняли мост?
3. Куда направлялся В. И. Ленин? В чём проявлялось его бесстрашие и мужество?
4. Как по этому рассказу можно судить об отношении рабочих к В. И. Ленину?
5. Какова основная мысль рассказа?

ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ.

С. Маршак.

Вольный ветер веет с моря,
Слышен мерный плеск реки,
В Ленинграде на «Авроре»
По снастям[2] бегут флажки.

Так же веял ветер вольный,
Волны пенила Нева
В день, когда кипящий Смольный
Слушал Ленина слова.

[1] Смо́льный — здание, где в дни Октябрьской революции находился штаб большевиков.

[2] Сна́сти — корабельные верёвки, на которых крепятся флажки.

ГОРОД ЛЕНИНА.

А. Прокофьев.

Под широким флагом красным
Над раздольною Невой
Встал могучий, встал прекрасный
Город славы боевой.

Знает этот город вольный
Вся Советская земля.
Здесь поднял восстанье Смольный,
Брат великого Кремля.

Здесь по ленинскому зову
От Невы, родной реки,
Шли на бой в поход суровый
Революции полки.

1. Подумай, почему поэт называет Смольный «братом великого Кремля».
2. Какие слова и выражения передают гордость поэта за свой родной город?
3. Каким настроением проникнуто это стихотворение? Постарайся передать его при чтении.

НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ.

С. Алексеев.

В деревню Малые Кочки приехал новый учитель. Матрос, балтиец, авроровец. Учитель он, правда, временный, до той поры, пока настоящий прибудет.

— Не успели мы больше, матрос уехал.

— Да, немного вы изучили,— говорит Зоя.— Видать, не очень прилежные?

Обидно слышать такое ребятам. Поднялся Еремей Торопыгин.

— Зато мы про Ленина знаем.

— Верно, верно! — закричали ребята.

— И про Советскую власть!

— И про партию большевиков!

— И про штурм, и про взятие Зимнего!

Улыбнулась Зоя.

— Кто же вам рассказал?

— Он, он, балтиец, авроровец!

Задумалась Зоя: «Молодец балтиец, с главного начал. Правильно он поступил». Жалко ей, что не застала она матроса. И ребятам жаль, что матрос уехал. Так ведь матрос не учитель. У матроса свои, другие совсем дела.

1. Почему матрос-авроровец стал учить детей? О чём он им рассказывал? Прочитай.
2. Как ты понимаешь слова молодой учительницы: «Молодец балтиец, с главного начал»? В чём заключается это «главное»? Прочитай.
3. Подготовься к чтению отрывка о том, как ребята рассказывали матросу об «Авроре», партии большевиков, Советской власти, о В. И. Ленине.

* * *

А. Сурков.

Спит легендарный крейсер у причала,
Вонзив навечно в глину якоря.
В порывах ветра — песня, что звучала
В ту памятную полночь Октября.

РАЗГОВОР С СЫНОМ.

(Отрывок.)

С. Михалков.

...Ты посмотри по сторонам.
Всё это — наше, это — нам:
И горы, и луга...
На сотни вёрст — леса, поля,
И всё — народная земля,
Где ни ступи нога!

Цветут сады не для господ —
Они для нас цветут!
И во дворце не граф живёт,
А школьники живут.
И из мешков зерно бежит
Не в закрома купцу.
И Днепрогэс принадлежит
Не частному лицу.

Мы сеем хлеб, броню куём,
Мы в шахтах уголь достаём,
В дома проводим газ,
И этот уголь, эта рожь,
И газ, и дом, где ты живёшь,
И всё вокруг — для нас!

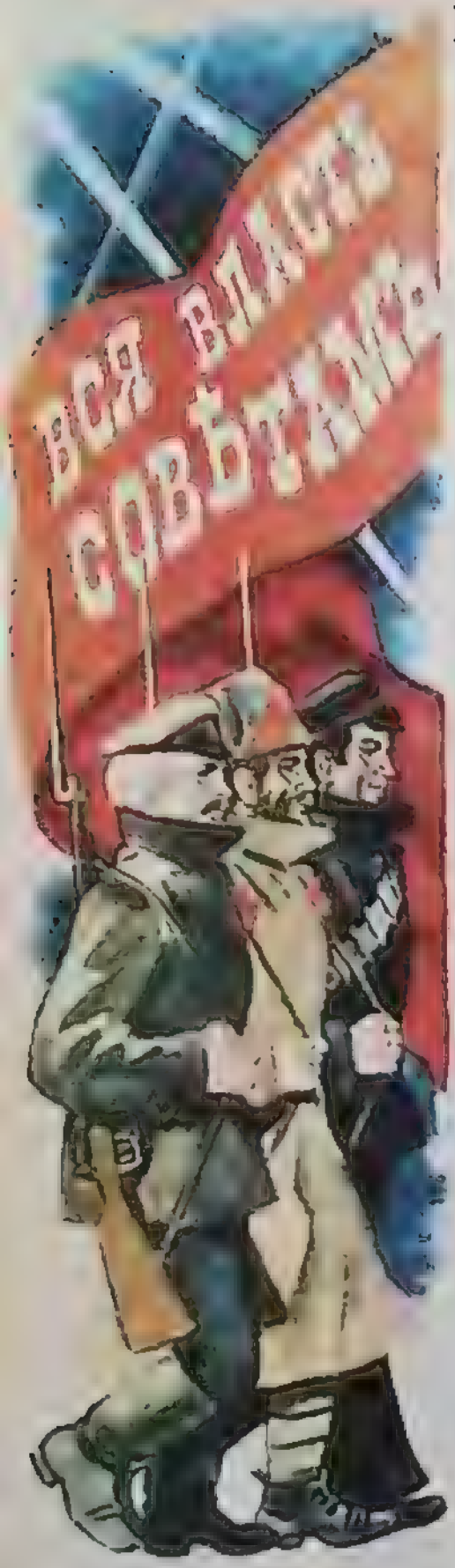
Всё то, что делает завод,
Всё то, что фабрика даёт,
Чем Родина горда,
Чем мы сильны на страх
врагам,

Всё это — наше, это — нам
Навечно! Навсегда!

Живи, учись, гордись, мой сын,
Что ты советский гражданин,
И, в жизни выбрав путь,
Везде: в сраженьях и в труде,
Всегда: и в счастье и в беде,
Отчизне верен будь!

Не забывай, что ты рождён,
Товарищ молодой,
Под сенью ленинских знамён,
Под красною звездой.
Нас наша партия ведёт,
И с ней народ един,
Советской Родины народ —
Могучий исполин.

1. Что изменилось в жизни нашей страны после Великой Октябрьской социалистической революции? В каких строках стихотворения говорится об этом? Прочитай.
2. Почему автор часто употребляет слова: *наше, нам*?
3. С каким советом, наказом обращается отец к сыну?
4. Подготовься к выразительному чтению стихотворения. Постарайся передать гордость советских людей за свою Родину.



ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ТЕМЕ.

1. Как жили рабочие и крестьяне до революции? Приведи примеры из прочитанных произведений. Вспомни рассказы из раздела «Жизнь детей до революции».

2. Расскажи, как В. И. Ленин и революционеры-большевики готовили Октябрьскую революцию. Вспомни произведения А. Кононова, Н. К. Крупской, А. Голубевой, М. Зощенко.

3. Прочитай о вооружённом восстании в Петрограде. Обратись к рассказам А. Кононова «На мосту» и Б. Емельянова «Богатый человек».

4. Как изменилась жизнь трудящихся после революции? Что дала Советская власть трудовому народу? Приведи примеры из прочитанных произведений Н. К. Крупской, С. Алексеева, Б. Емельянова, С. Михалкова.

5. Почему советский народ отмечает 7 Ноября как самый большой праздник?

МЫ РОДИНУ СЛАВИМ ТРУДОМ.

В. Лебедев-Кумач.

Багряное солнце рассеяло тьму,
Готовясь к большому пути,—
Немало придётся трудиться ему,
Чтоб нашу страну обойти!

Громады лесов осветила заря,
Степей бесконечную ширь,
Высокие горы, большие моря,
Кавказ, Ленинград и Сибирь.

На юге — тепло и ни облачка нет,
На севере — тучи и лёд,
На Балтике — ночь,
На Приморье — рассвет,
И всюду работа идёт.

Товарищ, когда ты, проснувшись, встаёшь,
Встают миллионы с тобой,
Когда ты спеша на работу идёшь,
Идут миллионы с тобой.
В лесах, на горах, у морей и у рек —
Повсюду мы братьев найдём.
Везде, где советский живёт человек,
Он Родину славит трудом...

1. Чему посвящено стихотворение? В каких строчках поэт рисует бескрайние просторы нашей Родины? Прочитай.
2. В каких строках выражена главная мысль? Как ты понимаешь название стихотворения?

3. Что ты можешь сделать, чтобы наша Родина стала ещё более могучей и счастливой?
4. Подготовься к выразительному чтению. Как надо читать заключительные строки стихотворения?

* * *

Ю. Яковлев.

Взрослые идут на работу. Дети — в школу. Для отдыха у взрослых — отпуск, а у ребят — каникулы. Всё по строго заведённому порядку. И вам, наверное, кажется, что люди всегда жили так и живут так во всём мире. Всё в порядке вещей и не может быть иначе. Обычная жизнь!

А задумывались ли вы, сколько сил отдали люди, чтобы создать эту «обычную» жизнь? Чтобы наша жизнь была такой, какая она есть?

Для того чтобы разобраться, чем же замечателен наш сегодняшний день, давайте подумаем вот над чем.

Без чего не может жить человек?
Без воздуха. Без воды. Без хлеба.
И ещё человек не может жить без труда.

Осмотрись, взгляни на то, что тебя окружает — дома, железные дороги, самолёты, летящие быстрее звука, замечательные картины, цветущие сады, города, мосты, дороги, тетрадки и ручки на твоём столе, книги и музыка,— всё это создано трудом человека.

Трудом человека создано всё самое прекрасное и всё самое необходимое. Труд немыслим без человека,

а человек немыслим без труда. Труд нужен человеку как воздух, как вода, как хлеб.

Недаром в нашей Конституции записано: «Граждане СССР имеют право на труд».

Право на труд. Разве на труд нужно право? Ведь каждый человек должен обязательно работать. И у каждого человека есть работа. Так думаете вы и не можете думать иначе.

А знаете ли вы, что такое «безработный»? Приходилось ли вам когда-нибудь слышать от своего товарища: «Мой отец — безработный. Он не может найти работу»?..

Переберите в памяти всех своих родных, всех своих взрослых знакомых — есть ли среди них хоть один безработный? Нет! Все работают. Не ходят на работу только пенсионеры и больные.

Само слово «безработный» звучит на нашем языке чужеродно. Как очень старое, давным-давно вышедшее из употребления. Его бы вычеркнуть отовсюду и навсегда забыть. Но нет! Ещё во многих странах миллионы людей не имеют работы — безработные. И каждый день газеты сообщают о том, что ещё тысячи рабочих потеряли работу и стали называться страшным словом — безработный...

Теперь вы понимаете, как важно для человека иметь право на труд. Когда инженер строит машины, слесарь стоит у верстака, врач лечит больных, учитель учит детей... Всё нормально. Всё как полагается. И у всех всегда обязательно есть работа. Вот это и есть право на труд.

1. Без чего не может жить человек? В каких словах передано уважение людей к работе, труду?

2. Как ты понимаешь выражение: «Труд нужен человеку как воздух, как вода, как хлеб»?
3. Что написано о труде в Советской Конституции? Как ты понимаешь эти слова?

ВСЁ ДЛЯ ВСЕХ.

Ю. Тувим.

Каменщик строит жилища,
Платье — работа портного,
Но ведь портному работать
Негде без тёплого крова!

Каменщик был бы раздетым,
Если б умелые руки
Вовремя не смастерили
Фартук, и куртку, и брюки.

Пекарь сапожнику к сроку
Сшить сапоги поручает.
Ну, а сапожник без хлеба
Много ль нашьёт, наточает?

Стало быть, так и выходит:
Всё, что мы делаем,— нужно.
Значит, давайте трудиться
Честно, усердно и дружно.

1. О каких профессиях говорится в этом стихотворении?
2. Что делают друг для друга люди труда?
3. Объясни название стихотворения.
4. Как автор относится к людям труда?
5. Какова главная мысль этого стихотворения? В каком четверостишии она выражена?

О «РОБИНЗОНЕ КРУЗО»

Эта книга написана очень давно — больше двухсот лет назад. Сочинил ее английский писатель Даниель Дефо. За свою долгую жизнь он написал много книг, но ни одна из них не имела такого успеха, как «Робинзон».

Книга эта стала знаменита на весь мир.

Впрочем, мало ли было книг, которые при своем появлении имели необыкновенный успех, а потом теряли недолгую славу и забывались читателями. А книга о Робинзоне жива и посейчас. И внуки читают ее с тем же волнением, с каким читали ее деды и прадеды.

Особенно привлекательно в Робинзоне то, что он труженик, человек неистощимой энергии. Другой на его месте пропал бы, если бы оказался среди таких смертельных опасностей. Стоило Робинзону хоть на миг опустить свои неутомимые руки, отказаться от ежеминутной борьбы с грозными силами природы, и пустынный остров, куда его забросила буря, стал бы его могилой. Но Робинзон трудолюбив и настойчив, он не отступает ни перед какими препятствиями и в конце концов добивается всего, чего хочет.

Тяжела работа, которую ему приходится делать. Строит ли он свою знаменитую крепость, ставит ли вокруг нее частокол, выдалбливает ли из громадного дерева лодку,— он отдает этой работе все силы и так пылко увлекается ею, что увлекает и нас. Нам очень любопытно узнавать о том, как вылепил он из глины свой первый горшок, как смастерил деревянную ступку, как сшил для своей лодки паруса.

О какой бы работе он ни рассказывал в этой книге, он говорит о ней так интересно, что каждому из нас начинает казаться, будто мы сами участвуем в ней.

Нравится нам в Робинзоне и то, что с первых же дней своего пребывания на острове он сажает леса, при-

ручает животных; бесплодный пустырь превращается им в колосистое поле.

Конечно, нам, советским читателям, многое чуждо в Робинзоне. Был он купцом и, как все купцы, заботился только о собственной выгоде. До того как он очутился на необитаемом острове, он хлопотал лишь о том, как бы раздобыть побольше денег и всякого другого имущества. В молодости он даже наживался обманом: привез жителям Гвинеи груду разных побрякушек, грошовых стеклянных бус и, пользуясь тем, что они не знали цены золота, получил у них в обмен очень большое количество золотого песку. В то время никто не считал такую наживу зазорной, но мы эти дела осуждаем. Ценим же мы в Робинзоне его веру в человеческий труд, его настойчивость в преодолении препятствий, его храбрость и сильную волю.

Корней Чуковский

ДАНИЕЛЬ ДЕФО

(1659—1731)

Даниель Дефо — английский писатель и романист. В историю литературы он вошел как родоначальник английского романа XVIII в. Родился в семье лондонского купца; провел полную превратностей жизнь торговца, промышленника, журналиста, политического деятеля; был тайным агентом то стоявшей у власти партии вигов, то сменивших их тори. Необычайно плодовитый публицист, он оставил свыше 200 различных сочинений по вопросам текущей политики, экономики, морали, религии, истории. Среди них — «Достоверная история жизни Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии» (1723). Издавал популярную газету «Еженедельное обозрение» (1704—1713), являлся одним из зачинателей английской журналистики. Его едкий памфлет в стихах «Чистокровный англичанин» (1701) был направлен против кичливой английской аристократии. За издание брошюры «Кратчайший способ расправиться с сектантами» (1702), разоблачавшей фанатизм господствующей церкви, Дефо был присужден к тюремному заключению и троекратному выставлению у позорного столба; народ встретил Дефо, как жертву тирании, цветами и пением его «Гимна позорному столбу» (1703). Тем не менее, в отличие от своего современника Дж. Свифта, великого сатирика и поборника интересов народа, Дефо в многочисленных сочинениях (напр., в «Опыте о проектах», 1698) выступает как апологет буржуазного развития и торговой экспансии.

Романистом Дефо стал под конец жизни. Первый же роман «Робинзон Крузо» (1719) принес ему мировую славу. Основой сюжета романа послужила реальная история шотландского матроса Александра Селькирка, прожившего на необитаемом острове свыше 4 лет, а также и другие истории путешествий и дальних плаваний. Необычайный успех «Робинзона» объясняется, помимо художественных достоинств романа, также тем, что в нем были выдвинуты значительные вопросы общественной жизни. С одной стороны, роман содержит свойственное буржуазному Просвещению 18 века восхваление знания и опыта, просветительский интерес к человеческой личности; читателя увлекает описание созидательной деятельности человека, подчиняющего себе природу, прославление «неутомимого

труда и несокрушимой решительности при самых безнадежных условиях» («Робинзон Крузо»). В этом заключается непреходящая ценность романа. С другой стороны, трудовая деятельность Робинзона показана у Дефо, как путь к созданию богатства, к учреждению процветающей колонии. Таким образом, буржуазное накопление и колонизация рисуются как процессы якобы идиллические, чисто трудовые, чуждые эксплуатации. Апология деятельности Робинзона-буржуа не помешала Дефо реалистически изобразить господство эгоизма в английском буржуазном обществе, свойственный ему закон звериной конкуренции. Первым обратил внимание на большое воспитательное значение «Робинзона Крузо» великий французский просветитель Жан-жак Руссо (1712—1778). Он рекомендовал его как полезное чтение для взрослых и детей, подчеркивал просветительный характер произведения. В России В. Г. Белинский в статье «Русская литература в 1842 году» приветствовал издание «Робинзона Крузо» на русском языке. Для Герцена имя Робинзона Крузо было нарицательным, как символ упорства и воли к жизни. Большое воспитательное значение романа Дефо для детей убедительно подчеркнул чешский писатель-коммунист Юлиус Фучик, который в одной из статей писал, что «эта книга страстного увлечения трудом, процессом труда, и мы видим, что именно эта сторона сделала книгу такой действенной и интересной для детей; стремление быть Робинзоном — это стремление быть исследователем, изобретателем, стремление трудиться над собственными изобретениями»... За «Робинзоном» Дефо написал романы: «Капитан Сингльтон» (1720), «Молль Флендрес» (1722), «Полковник Джек» (1722), «Роксана» (1724), «Мемуары капитана Карлтона» (1728) и др. Широкий охват жизни, умение воссоздать быт и нравы современного общества, показать зависимость своих героев от этого общества — все это делает Дефо одним из родоначальников английского буржуазного реалистического романа.

В МИРЕ ЛЕСКОВА

К середине 70-х годов Лесков уже автор ряда первоклассных произведений: «Леди Макбет Мценского уезда», «Соборяне», «Запечатленный ангел», «Житие одной бабы». Созданы и злополучные романы «Некуда», «На ножах», «Обойденные», казалось, надолго осложнившие творческую судьбу писателя. Однако Лесков шел своей нелегкой дорогой, открывая для себя новые пласты жизни, проникая в исторические предания недавнего прошлого, связанные с войной 1812 года, откликаясь на злободневные вопросы современности.

Рано проснувшийся интерес к прошлому способствовал осмыслению нового, а оно познавалось не без труда. Писатель испытал и горестные заблуждения, и боль раскаяния, и обидное непризнание своего яркого, неповторимого таланта. А между тем в 70-е годы Лесков находился в самой поре расцвета.

Творчество Николая Лескова продолжалось немногим более тридцати лет, охватив почти целиком последнюю треть XIX века. Это было время, когда, казалось, вся «низовая Русь» отправилась в дорогу за новой жизнью. На глазах подтачивались устои старой крепостнической действительности. Железные дороги, протянувшиеся из центра страны, нарушили патриархальную тишину самых далеких окраин.

С раннего детства Лесков часто путешествует по стране. «Едем, бывало, рысцой,— вспоминал он позднее,— кругом так хорошо, воздух ароматный; галки прячутся в зеленях; люди встречаются, кланяются нам, и мы им кланяемся. По лесу, бывало, идем пешком: бабушка (Акилина. – *В. С.*) мне рассказывает о двенадцатом годе, о можайских дворянах, о своем побеге из

Москвы, о том, как гордо подходили французы, и о том, как потом безжалостно морозили и били французов». Лесков с гордостью говорил, что знает Русь как свои пять пальцев. Ему стали близкими пейзажи разных частей страны — сумрачного Севера и яркого Юга, куда уходили беглые в поисках свободной и «правильной» жизни. Недаром читатель часто заставал героев Лескова в полном смысле слова в дороге, на постоялом дворе, плывущих по реке, в странствиях пешком по необозримой проселочной Руси. Среди них люди разных социальных слоев: бывшие крепостные и мещане, священнослужители и офицеры, купцы и «нигилисты» — в общем, вся тогдашняя Русь. И все шли дорогами, которые были хорошо знакомы самому писателю. Это и «очарованный странник» Иван Северьянович Флягин, и артель странствующих мастеров изографного искусства, тульский умелец Левша и другие русские правдоискатели и праведники.

Таким же правдоискателем в русской литературе навсегда остался и сам Лесков. Уже в начале творчества писатель выступал в самых разных жанрах — очерк, рассказ, повесть, роман. Куда многообразнее и изобретательнее давал «прозвища» своим произведениям сам Лесков: «Сказ», «Пейзаж и жанр», «Хроника», «Картинка с натуры» и т. д. Видно, что «жанр» произведений словно создавался на глазах,— жизнь далеко не всегда могла укладываться в рамки привычного повествования. Социальные сдвиги в жизни пореформенной Руси чаще всего определяли злободневность всего созданного писателем почти за тридцать лет. По словам Горького: «Лесков — самобытнейший писатель русский, чуждый влиянию со стороны»[1]. Жизнь давным-давно подтвердила справедливость этих слов.

Оригинальность писателя, его мастерство и словесная изобразительность отразились буквально в каждом его произведении. Особое место среди них занимают исторические хроники — «Старые годы в селе Плодомасове» и «Захудалый род» с подзаголовком «Семейная хроника князей Протозановых». Русский читатель к тому времени уже познакомился с «Семейной хроникой» С. Аксакова, только что появилась историческая эпопея Л. Толстого «Война и мир». Лесков — писатель с обостренной чуткостью к веяниям времени — сумел и на этом фоне дать совершенно оригинальные произведения, по-своему трактующие проблемы, затронутые его предшественниками, среди которых не только Л. Толстой — автор «Войны и мира», но и многие русские историки, художники, мемуаристы, все, кто положил немало усилий в освещении недавнего прошлого страны.

В 60-е годы XIX века происходило невиданное до сей поры бурное развитие исторической науки. Пресса стала ареной борьбы, столкновения разных концепций в освещении прошлого страны. Формировалась и крепла революционно-демократическая мысль в полемике как с либеральной государственной школой, так и с консервативно-славянофильскими течениями. Появился ряд журналов, целиком посвященных публикации документов

[1] Горький М. Собр. соч. В 30-ти т., т. 24. М., Гослитиздат, 1953, с. 237.

исторического характера,— «Русская старина», «Исторический вестник», в котором печатался и Лесков.

Исторические хроники писателя нельзя понять вне их связи с романом Л. Толстого «Война и мир». Дело не только в том, что они создавались после завершения эпопеи Л. Толстого, причем Лесков одним из первых высоко оценил значение гениального романа, выступив со специальной статьей о нем. Здесь важно и совпадение исторического материала, и иное — у Лескова — художественное решение проблемы при явной близости к общей мысли эпопеи. Лесков как будто решает частную задачу — показать оскудение дворянского рода, но одновременно рядом с семейной хроникой дает и историческую.

Известно, что в черновых вариантах «Войны и мира» в явно полемических целях подчеркивалась излюбленная тогда Л. Толстым мысль о несовпадении политических событий и «частной» жизни миллионов людей, что люди всегда остаются людьми с их заботами, несмотря на бурные исторические перемены: «Разве присоединение или неприсоединение папской области к французской империи на сколько-нибудь могло изменить, увеличить или уменьшить любовь к прекрасному работающего в Риме художника? Или изменить любовь его к отцу и к жене? Или изменить любовь его к труду и к славе? Когда с простреленной грудью офицер упал под Бородином и понял, что он умирает, не думайте, чтоб он радовался спасению отечества и славе русского оружия и унижению Наполеона. Нет, он думал о своей матери, о женщине, которую он любил, о всех радостях и ничтожестве жизни, он поверял свои верования и убеждения; он думал о том, что будет там и что было здесь. А Кутузов, Наполеон, великая армия и мужество россиян,— все это ему казалось жалко и ничтожно в сравнении с теми человеческими интересами жизни, которыми мы живем прежде и больше всего и которые в последнюю минуту живо предстали ему» [1].

Эти слова, конечно, не дают ключ к роману «Война и мир», концепция которого значительно шире и глубже. Однако как отдельный и важный момент в создании эпопеи мысль эта сохранилась не только в раздумьях Андрея Болконского после ранения или переживаниях Пьера Безухова в плену у французов, она вошла в общую идею эпопеи и была близка Лескову. Тем более что в завершенной редакции третьего тома он мог прочитать аналогичную мысль о действии исторических законов, которым подчиняются все — от царя до простого крестьянина и солдата: «Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей. Совершённый поступок невозвратим, и действие его, совпадая во времени с миллионами действий других людей, получает историческое значение. Чем выше стоит человек на общественной лестнице, тем с большими людьми он связан, тем больше власти он имеет на

[1] Цит. по кн. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биография с 1855 по 1869 год. М., АН СССР, 1957, с. 706.

других людей, тем очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступка».

Еще в середине 60-х годов Лесков работает над своей первой исторической хроникой «Старые годы в селе Плодомасове». Это — рассказ о старинном дворянском роде Плодомасовых, сведения о которых встречаются «в росписях» служилых людей еще во времена Ивана III и Ивана Грозного. Правда, хроника Лескова начинается непосредственно с Петра I, охватывая — с перерывами — почти полтора века.

Роман «Захудалый род», созданный в 1873 году,— это вторая хроника, более полная, чем предыдущая, запечатлевшая жизнь страны, начиная как раз с 1812 года. Лесков вроде бы не выходит за пределы семейной хроники семьи Протозановых, тесно связывая в то же время их жизнь с тогдашними историческими событиями. Для этого он использует форму семейных воспоминаний, написанных «княжной В. Д. П.» о своей бабушке Варваре Никаноровне Протозановой, которая после гибели мужа в 1812 году осталась единственной хранительницей чести и достоинства своего рода.

Писатель использовал в хронике целые пласты семейных и личных воспоминаний о минувшей эпохе, конечно, художественно их преобразив.

Хроника создавалась в тот период в жизни России, когда все явственнее обозначались признаки ее капиталистического развития. Это сказалось не только в отмене крепостного права, но и в ряде последующих реформ: административной, судебной, реформе печати и цензуры, университетского образования и т. д. С новой силой встал вопрос о сословных правах дворянства,— привилегированное положение его становилось анахронизмом. Для судьбы романа «Захудалый род» характерно, что он печатался в журнале «Русский вестник», главный редактор которого — пресловутый М. Катков — был наиболее яростным и непримиримым защитником реакции, «цепным псом самодержавия» Недаром издателей «Русского вестника» Герцен называл «полицейско-литературной шваль[ю] III отделения».

Писателю в тот период было буквально некуда «приткнуться», особенно после долгой распри с «нигилистами», справедливо увидевшими в авторе романов «Некуда» и особенно «На ножах» человека противного лагеря.

Правда, к тому времени сам Лесков во многом пересмотрел свои прежние представления. Обращение к прошлому было для него своеобразным откликом на современные события. Писатель оставался человеком, «неудобным» в литературе для всех. Вспоминая позднее это тяжелое для себя время, Лесков признавался: «Я не знал — *чей я...*» — хотя современники больше связывали его имя с катковским лагерем, с людьми «московского образа мыслей», намекая на журнал «Русский вестник», издаваемый в Москве.

Историческая хроника «Захудалый род» показала, что и здесь Лесков стал чужим. Впоследствии сам писатель так объяснял характер своих столкновений с редакцией «Русского вестника»: «Катков имел на меня большое влияние, но он же первый во время печатания «Захудалого рода»

сказал Воскобойникову: «Мы ошибаемся: этот человек *не наш!*» Мы разошлись (во взглядах на дворянство), и я не стал дописывать роман Разошлись вежливо, но твердо и навсегда, и он тогда опять сказал: «Жалеть нечего,— он *совсем не наш*».

В центре романа «Захудалый род» «народолюбивая барыня» Варвара Никаноровна Протозанова. Сама происхождения совсем не знатного, она получила большой вес в губернском обществе после гибели мужа в 1812 году будучи и единственной наследницей и человеком независимого характера. Она сторонится не только приказных, которых глубоко презирает, но и самого губернатора может «одернуть» и «поставить на место». Она сохранила в себе тот свободолюбивый дух русских вельмож XVIII века, который был характерен как для старого князя Болконского, так и для всех тех Орловых и Разумовских, которые когда-то решали судьбы престола и, оказавшись вскоре не у дел, продолжали играть в оппозицию... в губернском масштабе

Об этом типе русского барина на рубеже XVIII—XIX веков много писали Герцен и Писемский, Мельников-Печерский и Ключевский. Здесь важно подчеркнуть, что Лесков ставит в центре романа не знатную барыню, а человека, еще остро ощущавшего свою связь с народом. Недаром на страницах романа вспоминается имя талантливой крепостной актрисы П. И. Ковалевой-Жемчуговой, ставшей женой графа Н. П. Шереметева. и высмеивается «легенда», поддержанная реакционными публицистами, о ее якобы знатном происхождении.

Да и сами претензии «англоманов катковского пошиба», мечтавших о верховенстве новоявленной аристократии, подвергаются откровенной насмешке: «Что это за *аристократия*? Где эта аристократия? Никакой этой пустой затеи у нас в России не было и нет, да и быть не должно... Дворянство через это страдает, что прибыльщики да компанейщики не за заслуги в дворяне попадать стали, а за прислужничество; старая же знать, мало чести соблюдая, с ними мешалась».

Эти выпады героини совмещаются с ее влечением к людям простым и «незнатным»: бедная дьякониха — постоянный спутник ее досуга, оппозиционно настроенный уездный «чудак» и провинциальный донкихот Дормидонт Рогожин, с которым часто происходят казусы и несчастья, напоминающие «подвиги» его «предшественника», описанные в романе Сервантеса,— среди ее любимых друзей. «Он развлекал всех своими рассказами,— пишет Лесков,— имевшими всегда своим предметом рыцарское благородство и носившими на себе особый отпечаток его взглядов и суждений. Рогожин не любил ничего говорить о себе и, вероятно, считал себя мелочью, но он, например, живообразно повествовал о честности князя Федора Юрьевича Ромодановского, как тот страшные богатства царя Алексея Михайловича, о которых никто не знал, спрятал и потом, во время турецкой войны, Петру отдал; как у князя Василия Голицына роскошь шла до того, что дворец был медью крыт, а червонцы и серебро в погребах были ссыпаны, а потом родной внук его, Михаил Алексеич, при Анне Ивановне шутом

состоял, за ее собакой ходил и за то при Белгородском мире тремя тысячами жалован, и в посмеяние «квасником» звался и свадьба его с Авдотьей-калмычкой в Ледяном доме справлялась... Как Салтыковы ополячились; как Василий Нарышкин с артиллерией и пехотою богача Сибирякова дом осадил и силою у него пять тысяч рублей вымогнул, а потом в том же дому у него без совести бражничал. А князь Иван Васильевич Одоевский даже со столов при карточной игре у Разумовского деньги воровал».

Как это свойственно и другим произведениям Лескова, подобные высказывания принадлежат не самому писателю, а его герою. Поэтому их всегда следует учитывать с «поправкой» на характер, взгляды того персонажа, который эти слова произносит.

Напоминая эти факты недавнего исторического прошлого, Лесков имел в виду современность, хотя дворянское оскудение в середине XIX века протекало иначе, да и «поправлялось» оно службой денежному мешку. На страницах хроники отразилось скептическое отношение Лескова к роли дворянства. С одной стороны, оно «размывалось» постоянным притоком из среды разночинцев. С другой — разорялись, приходили в упадок старинные фамилии. Уже в 70-е годы, как об этом писалось в прессе, внук А. В. Суворова, бывший генерал-губернатор Петербурга В. А. Суворов, ищет покровительства у богатого подрядчика Полякова.

Интересен исторический фон романа «Захудалый род», словно дополнявший «Войну и мир» Л. Толстого. Повествование Лескова начинается войной 1812 года и заканчивается осторожными намеками на 1825 год, с движением декабристов оказывается связанным один из сыновей Варвары Никаноровны. Но эти мотивы остались, в сущности, нереализованными; возможно, по цензурным соображениям или попросту потому, что писатель оставил работу над своим романом, столкнувшись с его неприятием редакцией «Русского вестника».

Семейная хроника Лескова наполнена историческим содержанием. Например, в княгине Хотетовой современники без труда узнали известную в начале XIX века графиню А. Орлову-Чесменскую, склонную к ханжеству, особенно развившемуся в ней в годы близости к архимандриту Фотию.

Лесков упоминает в своем романе и одного из первых русских аболиционистов Дмитрия Петровича Журавского, который еще в 40-е годы пытался по мере сил практически освободить крестьян, выкупая их поодиночке на собственные скудные средства. Нравственный облик этого человека оказал большое влияние на Лескова. Он стал прообразом многих лесковских праведников, трогательных своим бескорыстием и упорством в достижении цели. «Он едва ли не первое живое лицо, которое в дни юности моей в Киеве заставляло меня понимать, что добродетель существует не в одних отвлеченностях»,— вспоминал Лесков. Впоследствии во многих своих произведениях он будет упоминать Журавского, который был «борцом de facto за права человека в России в самую глухую пору». И как раз с ним княгиня Варвара Никаноровна оказалась солидарной в стремлении освободить крепостных. Но

в то время такое освобождение было невозможным. Лесков упоминает на страницах романа указ о вольных хлебопашцах, по которому помещики имели право освобождать крестьян от крепостной зависимости и предоставлять им клочок земли, но слишком немногие воспользовались этим правом.

Само понятие «родовитости дворянства» атакуется с разных сторон. Лесков указывает на случайность «восхождения» разного рода «прибыльщиков». Он пишет и о неизбежном экономическом оскудении дворянских семей и подвергает откровенной насмешке кичливого «аристократа второй руки» Хлопова, который громко негодовал на то, что его фамилию носит... швейцар. Этот небольшой сюжетец станет потом в центре рассказа Лескова «Штопальщик».

А комический спор Рогожина с французом monsieur Gigot о сравнительной родовитости французского и русского дворянства! Причем находчивый француз кичился не истинными историческими героями прошлого, как Рогожин а называл персонажей третьесортных французских романов, выдавая их за элиту французского рыцарства...

Понятно, что роман «Захудалый род» пришелся не по нраву редакции журнала «Русский вестник». Произведение Лескова появилось в то трудное для него время, когда он с особой силой ощущал свое одиночество, тем более обидное, что писатель знал: его произведение посвящено не оскудению дворянского рода, а России на трудном переломе ее истории.

М. Горький не случайно ставил Лескова рядом с такими гигантами русской литературы, как Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. В смысле изобразительности и «волшебства слова» Лесков действительно не уступал им. «Его рассказ,— отмечал М. Горький,— одухотворенная песнь, простые, чисто великорусские слова, снизываясь одно с другим в затейливые строки, то задумчиво, то смешливо звонки, и всегда в них слышна трепетная любовь к людям, прикрыто нежная, почти женская,— чистая любовь, она немножко стыдится себя самой. Люди его рассказов часто говорят сами о себе, но речь их так изумительно жива, так правдива и убедительна, что они встают перед вами столь же таинственно ощутимы, физически ясны, как люди из книг Л. Толстого...»[1]

О талантливости русского человека Лесков писал во многих произведениях. На память приходят «Левша», «Запечатленный ангел», «Тупейный художник» — хрестоматийные, хорошо известные всем вещи. Искусство и время, проблема художника, нравственные истоки и народные корни его творчества... Все эти проблемы близки Лескову особенно в 70-е годы в пору работы над повестью «Детские годы (Из воспоминаний Мариула Праотцева)».

Интерес к изобразительному искусству Лесков сохранил на протяжении всей жизни. Он дружил со многими замечательными художниками своего времени, в том числе с И. Репиным, посещал выставки передвижников, часто

[1] Горький М. Собр. соч., т. 24, с. 236

откликался на проблемы, волновавшие их. В этом у писателя было нечто общее с Вс. Гаршиным, которого он очень любил.

Лесков хорошо знал и древнюю русскую живопись – целый материк духовной жизни, только что открываемый в те годы трудами русских исследователей. О Лескове можно сказать, что его «Запечатленный ангел» — это один из первых в художественной литературе откликов на народное изобразительное творчество, создаваемое безвестными талантливыми мастерами.

Судьба искусства привлекает Лескова и в повести «Островитяне», где вопрос о нравственной основе личности художника был одним из главных. Лесков бурно реагировал на полемику о путях развития искусства, отстаивая его близость к народной жизни. Быстро оценивший подвиг передвижников писатель шел им навстречу и словно обращался к ним: «Время громко говорит художникам: берите из своих преданий все, что не мешает вам быть гражданами, полными чувств гражданской доблести, но сожгите все остальное вместе со старыми манекенами, деланными во дни младенчества анатомии и механики, и искренне подайте руку современной жизни».

Под «старыми манекенами» понимались каноны академического классицизма, отказ от которых был непременным условием демократизации искусства. Но одного этого было, конечно, мало. Поиски новых форм в искусстве обуславливались самими переменами в общественной жизни, и Лесков чутко реагировал на новую ситуацию, сложившуюся в русском изобразительном искусстве. Надо сказать, и *здесь* Лесков был союзником Толстого, хотя почти не углублялся в сферы сугубо теоретических споров о том, что́ такое искусство. Но роль и назначение искусства — в том числе изобразительного — живо интересовали писателя.

Повесть «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)», созданная в те же 70-е годы,— живое тому свидетельство. Лесков снова обращается к своей излюбленной форме автобиографических записок. Тончайшим лиризмом, глубоким психологизмом рассказа о детских годах некоего Меркула Праотцева — послушника монастыря, не забывшего о своем увлечении «мирским» занятием — живописью, повесть наглядно демонстрирует, сколь разнообразен был художественный талант писателя. Конечно, эти записки человека, находящегося в преддверии смерти, не более чем литературный прием, к которому Лесков прибегал довольно часто. Это — род «мистификации», имевшей глубокие корни как в русской, так и в зарубежной литературе.

Путешествие между двумя крайними точками бытия длится целую жизнь, но особенно пристальное внимание автора обращено на юность героя — время светлых надежд и не менее горьких испытаний. «О юность! О юность благая! Зачем твои сны уходят вместе с тобою? Зачем не повторяются они, такие чистые и прекрасные, вдохновляющие, как... сон». Исповедь героя повести Меркула Праотцева переносит читателя в атмосферу середины XIX века, когда после событий 1848 года во Франции и в Германии николаев-

ский гнет стал невыносим. Тогдашняя «замундированная Россия», по характеристике писателя, не давала надежд на исполнение светлых упований, и герой повести уже в кадетском корпусе начинает с бунта. Причем бунтарями оказываются друзья по юности и мечтам, верящие в свое светлое будущее. Эти юные «благородные рыцари», начавшие с детской шалости, за которую пришлось горько поплатиться изгнанием из корпуса, еще чувствуют себя тесной дружной семьей, пока долгое путешествие из Петербурга к златоглавому Киеву не возвело между ними своеобразного барьера. Постепенно вступают в свои права такие факторы их существования в этом неприютном мире, о которых они раньше и не подозревали. Их прежний товарищ по играм и шалостям, на которого они смотрели как на ровню, оказался сыном президента каких-то казенных палат и по мере приближения к Твери — месту своего назначения — начинает «задирать нос», что вызывает бурное негодование вчерашних кадетов.

С добродушной и мягкой иронией повествует Меркул Праотцев о злоключениях этого длительного путешествия из детства в юность, из мира романтических мечтаний в мир действительности. Писатель останавливается на мельчайших деталях невозвратного прошлого. С течением времени они словно приобрели особый смысл, освещая весь дальнейший жизненный путь героя. «Сюрпризы» ожидают его на каждом шагу — смешные и трагические, причем рассказанные в другую эпоху, спустя много десятилетий, они воспринимаются сквозь плотную толщу протекшего времени. Здесь и полудетская влюбленность в сестру того самого товарища по играм, рано показавшего другим свое социальное «верховенство», и первые шаги в познании сложных законов человеческого общежития. Полудетская непосредственность и наивность Меркула приходят в столкновение с принятым в светском обществе тоном. Рассказчик с теплым участием наблюдает за приключениями своего героя, то есть самого себя, каким он был несколько десятилетий тому назад: «Во-первых, все это мне чрезвычайно мило, как одно из самых светлых моих юношеских воспоминаний, а во-вторых, пока я делал это путешествие, оно, кажется, не знаю почему, делало грунт для образования моего характера, развитие которого связано с историей бедствий и злоключений моей последующей жизни».

Перед нами не семейная хроника в духе Аксакова, а вполне самостоятельное художественное произведение, близкое к автобиографической трилогии Л. Толстого, хотя и более насыщенное историческими реалиями. Опыт работы над историческими хрониками не прошел для писателя даром.

И все же главным для Лескова оставался вопрос о нравственных основах личности человека искусства, призванного преобразовать мир и прежде всего самого себя. Пока длится путешествие Меркула Праотцева в родной для него Киев, все больше искушений подстерегает его на этом пути.

Трагическое событие — неожиданная смерть товарища, утонувшего в реке,— разрушает устойчивость юношеского мировосприятия. Нравственный переворот, вызванный в Меркуле Праотцеве этой трагедией,

а также «терзательствами» и воспоминаниями о том, что произошло в Твери, его первая влюбленность, натолкнувшаяся на оскорбление со стороны бывшего товарища, смутные мечты об ожидаемых подвигах придают повествованию характер исповеди. «Тот сделает мне большое одолжение, кто не станет смеяться над этими смешными порывами, так как я не знаю ничего лучше их,— и горе тому, кто не вкушал сладостного желания в страданиях за других! Он не знал лучшего и чистейшего удовольствия, какое возможно человеку испытать на земле!»

После попойки на ярмарке с оставшимися товарищами Меркул Праотцев оплакивает погибшую, как ему казалось, жизнь. Мечтает о пострижении в монахи, а в Нежине даже стучится в городской монастырь, попросив о встрече с настоятелем. Истерзанный мыслями о неожиданной гибели бедного Кнышенко, о своем *падении*, о пьяном разгуле с бывшими кадетами, он приходит к настоятелю с мыслями об успокоении, о духовном участии, но встречает равнодушного грека, лакомившегося со знакомой дамой рахат-лукумом и санторинским вином.

Здесь уже виден будущий автор «Мелочей архиерейской службы» показавших изнанку духовных пастырей своего времени.

Вместо ответа на терзавшие его, Меркула Праотцева, мысли, вместо ожидаемого духовного соучастия он выслушал разглагольствования самодовольного грека да равнодушный совет — «спросить с маминькой». Чем больше сидит Праотцев у настоятеля, тем яснее ему становится: никакого ответа он здесь не найдет. С великолепной сатирической силой рисует Лесков портрет настоятеля, на которого он смотрит глазами огорошенного бедствиями кадета, не понимавшего, зачем он здесь находится.

«Достопочтенный отец Диодор вообще очень плохо выражался по-русски, но говорил охотно. Подыскивая слова, он в интервалах причмокивал и присасывал, сластил глазами, помогал себе мимическими движениями лица и изображал руками все то, что, по его понятию, было недостаточно выражено его словами.

— Пцю, пцю, пцю,— зачмокал он вдруг, сам начиная говорить о моем желании поступить в монастырь,— желании, которое он ни одобрял, ни порицал, но проводил ту мысль, что мне в монастырь собираться рано: что прежде всего надо «всего испытать». «Всего, пцю, пцю, пцю, всего, всего»,— смаковал он, показывая руками во все стороны: на вино, на курицу и на даму».

С этим напутствием наш герой и покидает монастырь, продолжая затем путь на родину. И он действительно испытал потом почти все, о чем говорил отец-настоятель в столь комичной форме.

«Детские годы» Лескова — это своеобразная разновидность популярных для середины XIX века произведений о «воспитании чувств», это повесть о духовном становлении молодого человека, ставшего впоследствии художником, это — рассказ о формировании человека, способного на борьбу и самопожертвование. Не случаен здесь мотив бунта маленьких кадетов,

которым начинается произведение Лескова. Стремление к подлинной духовной независимости писатель считал самым насущным требованием для человека искусства. «Нужно, чтобы художник был нравственно просвещенный человек,— писал Л. Толстой,— а потому не жил бы исключительной эгоистичной жизнью, а был бы участником общей жизни человечества». Вот эта мысль и сквозит в судьбе Меркула Праотцева.

...Пристально вглядывается он в людей, с которыми общается в Киеве. С тончайшим лиризмом выписан образ матери — воплощение все понимающей мудрости, тонко направляющей еще не окрепшую душу сына на правильный путь жизни. На его глазах происходит трагическая история украинской девушки Катерины Альтанской, обманутой в своей чистой и беззаветной любви. Профессор Альтанский – один из друзей матери — со своими изречениями о доблестях Древнего Рима, облаченными в краткие афоризмы, учит его любить свободу и справедливость, но тут же предупреждает, что «справедливость покуда лишь хорошая идея, осуществления которой в толпе нет», и его изречения из Тацита оказываются своего рода защитной бронёй, за которой он прячет свою растерянность.

Десять лет житейской прозы во многом меняют внутренний мир вчерашнего кадета. Он начинает понимать, что спокойная практичность матери скрывает ее насилие над собой, что это лишь форма приспособления к условностям света. Его волнует ее таинственная переписка с каким-то художником, и лишь значительно позже он узнает о тайне, которая окружает эту переписку.

Писатель постепенно раскрывает перед Меркулом Праотцевым таинственную жизнь взрослых, основанную на умолчаниях и компромиссах. Даже его мать в свое время отказалась от настоящей любви ради исполнения ложно понятого долга. Она, будучи по происхождению баронессой, не смогла переступить через сословные предрассудки ради простого, хотя и талантливого художника — некоего Филиппа Кольберга. Появляющийся в самом конце повести художник призывает Меркула Праотцева не идти наперекор своим внутренним побуждениям, а посвятить жизнь настоящему искусству. Меркул Праотцев, познакомившись с бродячими живописцами, работавшими по найму, узнает от них первые секреты мастерства, а главное — всей душой воспринимает их основную заповедь. «Художнику надо вечно хранить в себе святое недовольство собою, а это мука, это страдание, и я вижу, что вы уже к нему немножко сопричастились...» — слышит он эту заповедь от самого Лаптева, настоящего «художника в душе».

Писатель дает лишь предысторию жизни Меркула Праотцева, когда формируются основы его характера, лишь намечается будущий жизненный путь. Это произведение своим лирическим пафосом, высокой оценкой значения подлинного искусства перекликается с многочисленными высказываниями Гоголя, в которых он призывает писателей, художников к служению высоким гражданским целям, к активной обращенности к самой жизни. Такая оценка роли искусства была в традициях русской литературы, в том

числе и ее революционно-демократической части. Несмотря на временную «размолвку» с лучшими из «шестидесятников», приведшую к разрыву с кругом «Современника», само творчество писателя оставалось близким передовым течениям своего времени. «Я любил литературу как средство, которое дает мне возможность высказать все то, что я считаю за истину и за благо; если я не смогу этого сделать, я литературы уже не ценю: смотреть на нее как на искусство не моя точка зрения... Я совершенно не понимаю принципа «искусства для искусства»: нет, искусство должно приносить пользу,— только тогда оно и имеет определенный смысл... Точно так же и в литературе: раз при помощи ее нельзя служить истине и добру — нечего и писать, надо бросить это занятие».

Приходит на память рассказ «Тупейный художник» хрестоматийно известный шедевр «малой» лесковской прозы. Но вот незаконченный роман «Чертовы куклы», созданный в 80-е годы,— он тоже посвящен проблеме искусства. Здесь рассказывается трагическая судьба художника, пошедшего в услужение правящим верхам николаевской России. На смену лирическому пафосу повести «Детские годы» приходит яркая сатира, роднящая писателя с Салтыковым-Щедриным.

Современники отмечали, что Лесков стоял как бы особняком в русской литературе второй половины XIX века. Не примкнув к революционно-демократическому крылу 60-х годов, писатель временно оказался в чуждой для него среде. Причем «направленческая ложь» возмущает его одинаково, какими бы интересами — «либеральными» или «консервативными» — она ни прикрывалась. В 70-е годы Лесков вынужден сотрудничать в случайных изданиях. Так, в 1874 году в журнале «Нива» (№ 17—21, 23, 24) появился рассказ «Павлин», созданный на основе личных впечатлений от поездки на Валаамские острова. Величественная и суровая природа этого края дала писателю материал и для «Очарованного странника». В те же самые годы появилась и картина Куинджи «На острове Валааме», названная первым действительно русским северным пейзажем. Известно несколько вариантов этой картины. Угрюмый берег, окаймлявший величественную водную ширь, говорил об извечном противоборстве человека и непокоренной природы, о непоколебимой крепости духа, закаленного тяжелыми условиями жизни.

Именно таков герой рассказа Лескова Павлин Петров, служивший швейцаром и бывший примером неумолимой строгости в выполнении своих обязанностей. Программу рассказа можно понять из литературного контекста времени. В своем творчестве Лесков неоднократно откликался на злобу дня, по-своему обрабатывая известные литературные сюжеты, давая собственную трактовку уже использованных коллизий. Так было, например, с «Грозой» Островского, когда в раннем рассказе «Леди Макбет Мценского уезда» молодой Лесков выдвинул и художественно обосновал свою версию бунта купеческой жены, тяготившейся невыносимыми условиями жизни. Показывая протест Катерины Измайловой против самих устоев «темного царства»

писатель подчеркивал, что он, этот протест, происходил на той же самой почве и в таких жестоких формах, которые как раз свойственны этому быту. Его версия женского протеста при всем «сгущении» и чрезмерности совершенных преступлений также оправдана. Это вытекает из своеобразия характера Катерины Измайловой, решившей по-своему разрушить социальные перегородки, чтобы сделать своего любовника полноправным купцом.

В «Павлине» Лесков от купеческого мира обращается к жизни тогдашнего города с его социальными контрастами. Причем предметом внимания писателя становится та социальная прослойка города, которая еще не получила, по его мнению, достойного отображения,— мир полусвета, находившийся где-то посередине между городским мещанством и привилегированными кругами общества. Этот полусвет служил связью между двумя крайними полюсами в социальной и иерархической лестнице, куда могли попасть как *снизу*, так и *сверху*. «Полусвет!.. Этот мало пристойный, но крепко затягивающий круг был затрагиваем очень многими писателями в литературах всех образованных стран света, не обходящихся без своей стороны полусвета, но едва ли он имеет где-нибудь полное, комплексное описание, которое могло бы знакомить с физиологиею его роковой и чудовищно затягивающейся жизни. У нас он вовсе никем не изображен ни в одной мало-мальски живой и яркой картине».

Чтобы показать моральное торжество Павлина над «соблазнителем» Додичкой, Лесков использует некоторые мотивы романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Об этом произведении он отзывался неоднократно, даже посвятил ему целую статью в те дни, когда сам автор находился еще в Петропавловской крепости. «Когда его (роман «Что делать?».— *В. С.*) читали у нас с таким большим удовольствием и всеконечно еще с большею пользою, я, к удивлению моему, от очень многих слышал сомнение не в том: удобно ли жить втроем и будут ли у швей алюминиевые дворцы, а лишь только в одном: возможно ли, чтобы просвещенный и гуманнейший герой устроил свою жену замуж за другого, но потом сам появлялся перед нею для того, чтобы пить втроем чай? А то ли случается в жизни, если живешь между живых людей, а не бесстрастных и бесхарактерных кукол?»

Писатель отметает упреки реакционной печати, будто «нигилисты» разрушили святость брака, проповедовали «разврат», пресловутый «чай втроем». В рассказе «Совместители» он показал подлинный разврат и корыстный фаворитизм полусвета, связанного с верхами общества, а о «нигилистах» прямо сказал: они вовсе неповинны в тех «грехах», в которых обличала их тогдашняя консервативная печать. Ссылка Лескова на роман «Что делать?» имеет двоякий смысл: с одной стороны, писатель полемизирует с жесткой рациональностью в подходе к вопросу о долге, показав крах Павлина, воспитавшего Любочку, и победу ее свободного чувства даже ценою падения. С другой — он использует опыт романа Чернышевского, показав, как Павлин, узнав об измене жены и ее любви

к Додичке, решил не только самоустраниться на манер Лопухова, но и насильственно сочетать их браком. И еще долгие годы он, став мещанином Спиридоном Андросовым, опекает молодых, а после гибели Додички стремится *возродить духом* погибающую Любочку, пока оба они не находят успокоения в одном из киевских монастырей.

Так Лесков мимоходом не только подтвердил жизненность многих мотивов замечательного романа, но и откликнулся на них, прибегнув к их частичному переосмыслению.

Историческая хроника, лирическая повесть, рассказ — лишь малая часть созданного писателем в 70-е годы. Их особый колорит, яркость характеров и неповторимая красочность языка подтверждают вывод, что у этого классика XIX века не было второстепенных произведений,— они все поистине были главными. Благодаря этому их творец и смог, по словам Горького, «пронзить Русь», создать целый мир.

В. Семенов

мне вам
поспять
грешная
ейцарка
ее могиле
не знаю,
и какие
ей.
из дам.
он был
а этом
его где

ПРИМЕЧАНИЯ

ЗАХУДАЛЫЙ РОД

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА КНЯЗЕЙ ПРОТОЗАНОВЫХ

(Из записок княжны В. Д. П.)

Хроника написана в 1873 году, впервые опубликована в журн. «Русский вестник», 1874, № 7, 8 и 10. В 1875 году она вышла отдельным изданием. Рукопись не сохранилась.

Стр. 17.

Эпиграф взят Лесковым из «Екклезиаста» (греч.— «проповедник») — одной из так называемых канонических книг Ветхого завета.

Род... не милостью дарован, а принадлежит «не по грамоте».— Княжеское звание в допетровской Руси было родовым, приобреталось по наследству и никогда не жаловалось государями. Пожалование княжеских титулов начинается только с Петра I. Лесков подчеркивает, что по своему происхождению род Протозановых — древнейший.

...сделался «князем кормленым»...— то есть состоящим на государственной службе и жаловании вне столицы. *Кормление* — способ содержания правительственных слуг в Древней Руси. От местного населения они получали все необходимое для пропитания как самих себя, так и слуг и даже лошадей.

Стр. 18.

...«заразился глупостью Лефорта»...— Ф. Я. Лефорт (1656—1699) — известный сподвижник Петра I. Пользуясь большим влиянием при дворе, Лефорт не вмешивался, однако, в дела управления и своим бескорыстием выгодно отличался от А. Д. Меншикова, М. П. Гагарина и других приближенных царя.

Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772) — временщик, фаворит императрицы Анны Ивановны (1730—1740), установил засилье немецких дворян в управ-

лении страной и режим жесточайшего террора к недовольным его политикой.

Стр. 19.

Он в случае не был... — то есть не был в милости у начальства, в силе, любимцем или наперсником.

Стр. 20.

Мария Феодоровна (1759—1828) — императрица, жена Павла I.

...ни с графом Валерианом, ни с князем Платоном домами знаком не был... — Братья В. А. Зубов (1771—1804) и П. А. Зубов (1767—1822) — последние фавориты Екатерины II, сменившие Потемкина. Они занимали высокие военные и государственные должности, бесконтрольно распоряжались казенными суммами. Зубовы отличались крайне низкими моральными качествами, были властолюбивы и высокомерны. При дворе все перед ними раболепствовали и пресмыкались.

Куртаг (от фр. cour — двор и нем. Tag — день) — приемный день при дворе.

Стр. 21.

Регалии — знаки отличия, ордена.

Авантажна (от фр. avantageuse) — красива, видна собой.

Стр. 22.

...портрет, работы известного Лампи. — И. Б. Лампи-старший (1751—1830) — известный австрийский портретист, любимец венского двора и знати; в 1792—1798 годах работал в Петербурге.

...майорат и... земли из старых отписных имений. Майорат — имение, а также право старшего в роде быть единым наследником недвижимого имения. Отписные имения — имения, отобранные в казну по указу, по приговору, за долги и т. д.

Стр. 23.

...в угождение императрице... записать в институт... — После смерти Екатерины II (1796) заведование женскими учебными заведениями (Смольный институт и др.) перешло к жене Павла I — императрице Марии Федоровне. В основу женского образования ею был положен сословный принцип. Она учреждала учебные заведения с точно ограниченным курсом учения и особым устройством. В «состав благородного воспитания» на первое место выдвигалось знание французского языка, танцы и хорошие манеры.

Стр. 25.

Стень (древнерус.) — боль, скорбь, кручина (от слова «стенать»).

Стр. 26.

Помпадур — особый вид кушетки, получивший свое название по имени маркизы Помпадур (1721—1764), фаворитки Людовика XV.

Стр. 30.

Туес — круглая коробка из бересты с тугою крышкою и со скобкой или дужкой на ней.

Стр. 31.

Ктитор — церковный староста

Стр. 32.

«Дар напрасный, дар случайный»... — первая строка стихотворения Пушкина 1828 года.

Стр. 33.

Талагай — шатун, сторонний, чужой мужик.

Стр. 34.

...я за сиротство и в солдаты отдан. — Рекрутская повинность, 25-летняя служба в армии, являлась тяжелым бедствием для народа. Нередко в солдаты сдавались сироты, часто — специально выращенный миром мальчик-сирота.

Стр. 35.

Субординация (от лат. sub — под и ordinatio — приведение в порядок) — система строгого служебного подчинения младших старшим.

Стр. 36.

Однодворцы — одна из категорий государственных крестьян, имевших свое небольшое хозяйство, а иногда и крепостных работников.

Месячина — определенное содержание пищею дворовых, выделяемое помещиком помесячно.

Стр. 39.

Точно волшебный Фавна... — Фавн (лат. Faunus) — в римской мифологии бог лесов и полей, покровитель пасущихся в них стад.

Стр. 41.

...сладости слез Петрова покаяния. — По евангельскому сказанию, апостол Петр трижды отрекся от Христа, затем покаялся и продолжал его дело.

Стр. 42.

Таранта — говоруха, болтушка, тараторка.

...задорную корочку... — в смысле негладкую, растрескавшуюся (от слова «задорина»).

Стр. 43.

Поповка — место у церкви, где живет церковный причт.

Стр. 44.

Аттенция (фр. attentien) — внимание.

Савонарола (1452—1498) — суровый обличитель богатства и праздности, пламенный итальянский проповедник, религиозно-политический реформатор во Флоренции, монах-доминиканец. По приказанию римского папы был схвачен, подвергнут пытке и как еретик сожжен на костре.

Стр. 48.

Манкировать (фр. manquer) — пренебрегать, относиться без должного почтения.

Стр. 52.

...обыденкой... — в течение одного дня.

...семинаристы, благодаря Сперанскому, были в моде... Сперанский М. М. (1772—1839) — видный государственный деятель первой половины XIX века, был сыном священника, окончил семинарию и затем духовную академию.

Стр. 61.

...которого она притравила, как Диана Актеона... — Актеон — по античной мифологии, охотник, превращенный богиней Дианой, которую он увидел нагой во время купания, в оленя и растерзанный своими же собственными собаками.

Стр. 62.

Ты проходишь, дорогой друг, мимо кельи... и т. д. — распространенная во второй половине XVIII и первой половине XIX века песня. Авторство приписывается Ф. Г. Волкову (1729—1763) — см.: Розанов И. Н. Песни русских поэтов. Л., 1936, с. 77.

Стр. 63.

Гро-гро — особый сорт шелковой материи.

Стр. 70.

Кропотался... — ворчал, бранился.

Стр. 71.

...бабушка была только деисткою... — то есть сторонницей учения, признающего существование бога как творца мира, но отвергающего богословское догматическое учение.

Стр. 72.

...бралась за Кормчую... — «Кормчая книга» — древнейший сборник права в православной русской церкви. В ней помещались и нормы русского светского права. Название «кормчая» (руководящая) указывало на особое ее значение для церкви.

Стр. 73.

...крепостные ее люди покупали на стороне земли на ее имя... — На основании закона 1801 года ненаселенные земли покупали в частную собственность не только государственные крестьяне, но и помещичьи по договоренности со своими владельцами и на их имя.

Стр. 77.

Осажэ — от русского слова «осадить».

Петиметрство (от фр. petit maître — щеголь) — рабское копирование дворянской молодежью в России образа жизни, манеры поведения и т. д. француза-щеголя, франта.

Стр. 78.

...медный змей, от напастей спасающий. — По библейской легенде, при возвращении евреев из египетского плена на родину Моисей, чтобы спасти их от укусов ядовитых змей, сделал, по совету бога, особого медного змея и водрузил его на знамя. Взглянув на него, ужаленные змеями люди оставались живы и продолжали свой путь (Книга Чисел).

Стр. 79.

...с музыкантами сидеть... — то есть быть в пренебрежении. В черновой рукописи далее следовало: «и за свой пропой с прибыльщиками магарыч пить...» (л. 74 об.).

Стр. 80.

Эолова арфа — особый музыкальный инструмент, струны которого звучат от действия ветра.

Стр. 81.

Подстава — лошади, выставляемые впереди на пути для смены уставших.

Стр. 82.

Сдаточные — лошади, нанимаемые на трактах. В отличие от почтовых они двигались гораздо медленнее, но были удобны тем, что не требовали частых перепряжек, могли останавливаться в любом месте.

Функендорф... — Лесков перенес в рассказ инициалы и фамилию своего гимназического преподавателя (Лесков А. Жизнь Николая Лескова, с. 14).

...у нас искони никаких графов не было... — В России графский титул введен Петром I. Первым русским графом был Б. П. Шереметев, возведенный в это достоинство в 1706 году за усмирение астраханского бунта. Возведение в графское достоинство являлось выражением особой милости императора к возводимому. К концу XIX века в России насчитывался 131 русский графский род и 150 иностранных.

Стр. 83.

...купить крестьян на свод... — то есть без земли, для поселения их в малонаселенных владениях покупателя.

Стр. 85.

...поднос с кариденами... — *с фигурными украшениями.*

Колет — короткая мужская куртка; военная форма в некоторых конных полках в XIX веке.

Стр. 86.

Тягло — здесь: норма повинностей, взимавшаяся с крестьянского хозяйства при крепостном праве.

Стр. 89.

Сатисфакция — в феодально-дворянском быту — удовлетворение, даваемое оскорбленному в форме поединка, дуэли.

Стр. 90.

...сытая молитва, которою хвалился Вольтер... — Лесков имеет в виду одну из язвительных острот выдающегося французского просветителя XVIII века Вольтера (1694—1778), боровшегося с суеверием и религиозными предрассудками. Тщательно выискивая и выставляя напоказ «нелепость» «священных книг» и богословских догматов, Вольтер стремился доказать их земное происхождение, рассеять ореол «божественного откровения», реабилитировать чувственного человека, его земные наслаждения и радости.

Стр. 91.

Грифы — фантастические крылатые животные с львиным туловищем и орлиной головой.

Стр. 93.

Ипостась (греч.— сущность) — по богословской терминологии, одно из лиц христианской троицы.

Стр. 96.

...законы осуждают... — первая строка из песни, включенной Н. М. Карамзиным в повесть «Остров Борнгольм» (1793).

Стр. 99.

Богданка, или богоданка — подкидыш, приемыш.

Стр. 105.

Исполать (от греч. eis polla etc — на многие лета) употребляется в церковной службе для приветствия архиерея.

Федор Юрьевич Ромодановский (ум. в 1717 г.) — князь, при царе Алексее Михайловиче был ближним стольником, управлял Преображенским приказом. Петр I уважал его за испытанную верность и любовь к правде, избрал начальником над потешными и регулярными войсками.

Князь Иван Андреевич Хованский-Тараруй — в правление царевны Софьи начальник стрельцов. Был обвинен в замысле уничтожить царскую семью и вместе с сыном 17 сентября 1682 года казнен.

Князь Василий Голицын (1643—1714) — фаворит царевны Софьи, ее «первый министр». Он был не только одним из самых богатых, но и образованных бояр конца XVII века, понимал настоятельную необходимость коренных преобразований в стране.

Стр. 106.

Михайло Алексеич — князь М. А. Голицын (1688—1775), племянник Василия Голицына. В 1733 году был назначен придворным шутом. В число его обязанностей входило подавать квас императрице, отсюда прозвище — «Квасник». В 1739 году Анна Ивановна женила Голицына на своей любимой шутихе Е. И. Буженниновой. Эта свадьба описана Лажечниковым в романе «Ледяной дом».

Белгородский мир — Белградский мир заключен 18 сентября 1739 года. Он положил конец войне, которую вели в 1736—1739 годах Австрия и Россия против Турции.

Как Салтыковы ополячились... — В ряду богатой старинной знати Салтыковы занимают видное место. Часть их имений находилась в Литве и Польше; владельцы таких имений являлись ярыми ненавистниками России.

Василий Нарышкин... богача Сибирякова дом осадил... — Речь идет о злоупотреблениях начальника перчинских заводов В. В. Нарышкина. Промотав всю заводскую казну на праздники и разгульную жизнь, он в 1776 году решил с помощью военной силы принудить богача Мих. Сибирякова дать ему пять тысяч рублей. Когда эта сумма Нарышкину была выдана, он устроил пир в доме обобранного им хозяина (см.: Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. Спб., 1874, стр. 100—101).

Князь Иван Васильевич Одоевский (1710—1758) — сенатор, президент Вотчинной коллегии (1741—1744).

Стр. 106.

Разумовский А. Г. (1709—1771) — один из русских «случайных людей» XVIII века, сын малорусского казака, в 1731 году был принят в придворный хор, где голосом и красотой обратил на себя внимание цесаревны Елизаветы Петровны. После коронации Елизаветы Разумовский получил целый ряд имений в Великороссии и Малороссии, возведен в графское достоинство и сделан фельдмаршалом.

Стр. 107.

...руки фертом... — подбоченясь, похоже на букву «Ф», которая называлась в Древней Руси «ферт».

Стр. 109.

Репрезентовать — представить.

Стр. 110.

...усадив... ниже большой соли... — Речь идет о пережитке былого местничества. Почетным местом за столом было ближайшее к лицу, за которым признавалось старшинство (см.: Маркевич А. И. История местничества в Московском государстве в XV—XVII веках. Одесса, 1888, с. 216—221).

Стр. 110.

Вопросами дня тогда был чугуевский бунт... — Летом 1819 года вспыхнуло восстание военных поселян в Чугуеве. Восставшие отказались от работ, убили начальников, выбрали руководителей из своей среды. Расправу с восставшими производил лично Аракчеев.

Стр. 112.

Петр Первый этого желал и не достиг... — Речь идет об указе 1714 года «о единонаследии», который запрещал дробить вотчины и поместья при передаче по наследству и предлагал передавать недвижимость только одному из детей.

...государству прославившиеся... — Далее в рукописи зачеркнуто: «Но они из той же земли вышли, так как род приходит, и род проходит, а земля вовек пребывает. Человек звание благородит, а не звание человека» (л. 111 об.). Это место помогает раскрыть значение выбранного Лесковым эпиграфа к хронике «Захудалый род», содержащего одну из основных ее идей.

Толстой, да Меншиков, да Шафиров всем путь показали к барышничеству... — В этих и последующих примерах княгиня Протозанова имеет в виду различные монополии, откупа, которые получали при Петре I и его преемниках представители высшей знати.

Стр. 112.

...заодно идти с Походяшевыми, Хлюстиными, Ворожейкиными да Кондолинцевыми. — Перечисляемые здесь лица — богатые купцы, откупщики и подрядчики XVIII века. Благодаря участию вельмож и сановников в их предприятиях и торговых сделках они в короткое время стали известными миллионерами.

Стр. 112.

...бороды на откуп дали. — В 1749 году купцы Ворожейкин и Курчанинов предложили правительству «прирастить более 50 000 рублей дохода за бороды и неуказное платье».

Стр. 114.

Перебуровилось — перемешалось.

Дормез — старинная дорожная карета, приспособленная для спанья в пути.

Стр. 115.

...нравиться, как Гаральду презиравшая его русская дева... — измененная цитата из «Песни Гаральда Смелого» (1816) К. Н. Батюшкова. Гаральд Смелый (1015—1066) — предводитель варяжской дружины, позднее король Норвегии. Был женат на русской княжне, дочери Ярослава Мудрого Елизавете, к которой обращена приписываемая ему песня, переведенная Батюшковым.

Стр. 117.

Кутафья — неуклюже одетая или закутанная женщина.

Стр. 119.

Туне (древнерус.) — даром, безвозмездно.

Стр. 122.

Портреты было поручено сделать известному автору Марцулы, изящному Кипренскому. — Кипренский О. А. (1783—1836) — один из крупнейших русских художников, виднейший представитель русского романтизма в искусстве.

Аффектация — вычурность, неестественность.

Стр. 123.

Нащокин — А. Л. Ордин-Нащокин (ум. в 1680 г.) — крупный политический деятель, выдающийся дипломат царствования Алексея Михайловича.

Фернейский пустынник — Вольтер.

Франкмасоны (фр. francs-maçons — «свободные каменщики») — члены тайного религиозно-философского общества (сокр. *масоны*), возникшего в XVIII веке в Англии, а затем распространившего сеть своих ячеек (лож) и в остальных странах Европы.

Стр. 124.

Радения — у некоторых сектантов религиозный обряд с песнопениями, бегань ем и кружением.

Прозелитизм — горячая преданность вновь принятому учению, новым убеждениям.

...графиня Антонида Петровна Хотетова... — Под этим именем Лесков выводит известную гр. А. А. Орлову-Чесменскую (1785—1848) — владелицу колоссального состояния, дочь графа Алексея Орлова, брата фаворита Екатерины II.

Рака — в христианской церкви массивный металлический ящик, в котором хранятся так называемые мощи святых.

Стр. 125.

Дмитрий Ростовский (1651—1709) — известный церковный деятель и писатель, с 1703 года — митрополит Ростовский. Относясь в основном к деятельности Петра I с сочувствием, он в своих проповедях смело обличал современные пороки, нравственный упадок, непочтение к святыне со стороны знатных и самого духовенства.

Стр. 125—126.

...ездила в Оптину пустынь к Макарию... — Макарий (Глухарев, 1792—1847) — знаменитый алтайский миссионер и переводчик Библии. Окончил Петербургскую духовную академию. В 1829 году уехал в Сибирь, изучил алтайские языки, занимался проповеднической деятельностью. В 1843 году по возвращении из Сибири поселился в Оптиной пустыни — Болховском монастыре Орловской губернии, где был настоятелем.

Стр. 129.

...были возмущены неровным браком графа Николая Петровича Шереметева... — П. И. Ковалева-Жемчугова (1768—1803) — талантливая крепостная актриса. С ее деятельностью связан расцвет крепостного театра в подмосковном имении Кусково богатейшего вельможи гр. Н. П. Шереметева. В ноябре 1800 года она стала женой графа.

...joli-мордиться... — кичиться красотой, внешностью (от фр. joli — красивый).

Стр. 130.

...открытие кредитных учреждений... — относится ко второй половине XVIII века. В 1775 году был создан Приказ общественного призрения, который ведал выдачей ссуд дворянам под движимое и недвижимое имущество. В 1786 году учрежден Государственный заемный банк, в 1817 году — Государственный коммерческий банк. Вся эта система кредитных учреждений, основанная на крепостнических и сословных принципах, просуществовала до реформы 60-х годов XIX века.

Князь М. М. Щербатов (1733—1790) — дворянский историк, политический деятель и публицист, автор книги «О повреждении нравов в России», которая впервые была издана Герценом в Лондоне в 1858 году, а затем по подлинным рукописям напечатана в журнале «Русская старина» в 1870—1871 годах (т. II—III).

Стр. 131.

...богатые сыновья прасолов и откупщиков ездили куролесить в Грузию... и вывозили себе оттуда асессорство... — Прасол — торговец скотом; откупщик — частное лицо, купившее у казны право взимания налогов или продажи какого-либо товара. На откупах, особенно винных, наживались огромные состояния.

Козёры (от фр. çanser — беседовать, разговаривать) — болтуны, говорупы.

Стр. 132.

Загорецкий — один из персонажей комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Стр. 132.

Князья Куракин, Юрий Долгоруков, Сергей Гагарин — видные вельможи и сановники конца XVIII и начала XIX века. При Екатерине II принимали деятельное участие в различных откупах и торговых предприятиях (см.: Храповицкий А. В. Дневник. изд. Н. П. Барсукова, 1874).

Дмитрий Тимофеевич Трубецкой (ум. в 1625 г.) — боярин, правитель московский, участник борьбы с поляками и шведами, за что получил титул «Спасителя Отечества». Содействовал избранию Михаила Федоровича на престол.

Стр. 132.

Неофит — новообращенный, новичок в каком-либо деле.

Стр. 135.

...как мне эту фамилию забыть: я сам Хлопов-с... — Этот же анекдот обработан Лесковым в рассказе «Штопальщик».

Стр. 136.

Крюднер Варвара-Юлия, баронесса (1764—1824) — писательница, реакционерка; на почве религиозного мистицизма сблизилась с Александром I.

...к ставцу лицом сесть не умеют!.. — то есть неучи, дураки (ставец — деревянная чашка, глубокое блюдо).

Стр. 140.

Мармотки (фр. marmottes) — оборки под женской шляпкой.

Стр. 144.

Бомбошка (от фр. bonbon) — конфетка.

Стр. 150.

Захарьин М. Ю. (ум. в 1538 г.) — боярин великого князя Василия III, исполнял важные дипломатические поручения в переговорах с Литвой, Казанью.

Матвеев А. С. (1625—1682) — известный московский дипломат, в последние годы царствования Алексея Михайловича — самый влиятельный из приближенных царя. Убит стрельцами в 1682 г. во время бунта.

Романовы — династия русских царей и императоров, царствовавших с 1613 по 1917 год; древний боярский род.

Стр. 156.

...познакомилась с Х. И. Лазаревым и князем Масальским... — Христофор Иоакимович Лазарев (1789—1871) — один из представителей богатой армянской фамилии, владелец ряда промышленных мануфактур и горных заводов в Сибири, один из основателей Лазаревского института восточных языков.

Стр. 161.

Дмитрий Петрович Журавский (1810—1856) — киевский ученый-экономист. В 40—50-х годах XIX века разработал проект постепенного освобождения крестьян от крепостной зависимости. Свои идеи он пытался практически осуществить в имениях графа Перовского. Сильно нуждаясь,

Журавский постоянно тратил свои скудные сбережения на выкуп крепостных из рабства.

Стр. 161.

...наслаждается дружбою «самоучного мещанина Семенова».—Ф. А. Семенов (1794—1860) — талантливый русский самородок, астроном-любитель. Сын курского торговца-мясника, он самоучкой постиг математические глубины астрономии, занимался опытами по химии, физике, оптике, агрономии, вел метеорологические наблюдения. Жизнь Семенова обратила на себя внимание его современников и впоследствии стала предметом описаний многих биографов. Очень ценны оставленные им записки «Автобиография курского астронома-любителя Федора Алексеевича Семенова» (Пг., 1920).

Стр. 162.

В. А. Перовский (1795—1857) — государственный деятель, с 1833 по 1842 год управлял Оренбургским краем; с 1845 года был членом Государственного совета.

Стр. 164.

Червев христианин.— По первоначальному замыслу Лескова Червев выступал как мартинист, своеобразный представитель русского просветительства конца XVIII века.

Стр. 167.

Сарти Джузеппе (1723—1802) — итальянский композитор, работавший по приглашению Екатерины II в России с 1784 года над созданием музыки официально-торжественного характера (кантат, ораторий, церковных песнопений).

Бортнянский Д. С. (1751—1825) — выдающийся русский композитор; работал по преимуществу в области церковной хоровой музыки.

Стр. 174.

Анфилада (фр.) — ряд комнат, двери или арки которых расположены по одной прямой линии.

Импозантный (фр.) — представительный.

Стр. 179.

...с бечевником по берегам...— то есть полосой земли, служащей для потребностей судоходства,— бечевой тяги, впрягаясь в которую рабочие (бурлаки) или лошади тянули сплавные суда вдоль берега, против течения.

Стр. 186.

...горечь мерры...—одно из испытаний, встреченных древними евреями на пути из Египта; пустыня, где вода была горькой (мерра — горечь).

...о есотерическом и ексотерическом в науке...—то есть об учениях скрытых, тайных и о явных, предназначенных для всеобщего употребления.

Стр. 187.

...делающий достоин мзды, а вол молотящий — корму...—цитата из Первого послания апостола Павла.

Стр. 196.

От всех мужиков... выселять хочет.— Этот случай наглядно показывает, каким препятствием являлось крепостное право для развития капиталистического уклада в России до реформы 1861 года. Собственность богатых крестьян в любой момент могла быть отобрана владельцами, а они сами обращены в нищих рабов.

Стр. 197.

...житие святой боярыни Ульяны Ольшанской...— Время ее жизни относят к первой половине XVI века. Она скончалась в ранней молодости и была погребена в Киево-Печерской лавре (см.: Хойнацкий А. Историческое сказание о св. Иулиании, деве из Домбровицы, княжне Ольшанской.— Волынские епархиальные ведомости, 1870, № 8).

Стр. 201.

...принесен «не мир, а меч»...— Червев цитирует слова Христа к ученикам (Евангелие от Матфея).

Стр. 204.

Яков Несмеянов — товарищ М. В. Ломоносова по Московской Славяно-греко-латинской академии. В 1740 году окончил гимназический пансион при Академии наук в Петербурге, совершенствуясь по практической математике и астрономии.

Архимандрит Фотий (1792—1832) — использовав близость к богатой графине Орловой-Чесменской, добился приема во дворце у царя и приобрел большое влияние на Александра I.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

(Из воспоминаний Меркула Праотцева)

Повесть написана в 1874 году. Под названием «Блуждающие огоньки (Автобиографии Праотцева)» она впервые опубликована в журн. «Нива», 1875, № 1, 3—18.

Стр. 208.

Бенедиктов В. Г. (1807—1873) — поэт 1830—1840-х годов, представитель русского романтизма, пользовался шумным, хотя и непродолжительным успехом у читателей.

Стр. 209.

...«вкушая вкусил мало меду и се аз умираю»...— цитата из «Первой кн. царств», гл. XIV, 43. В качестве эпиграфа эти слова взяты М. Ю. Лермонтовым к поэме «Мцыри».

Стр. 212.

...с рубенсовским колоритом тела...— Питер Пауль Рубенс (1577—1640) — художник, родоначальник и глава фламандской школы живописи.

Стр. 213.

Ремонтные деньги — суммы, выделяемые войсковым частям на покупку лошадей для пополнения убыли.

Стр. 213.

Шальня - портняжная мастерская.

Стр. 217.

Скиавонэ Андреа — прозвище итальянского живописца и гравера, настоящее имя которого было А. Мельдола (1522?—1582).

Ориген — (185 -254) — раннехристианский богослов и философ, руководитель христианской школы в Александрии (до 231 г.), а затем в Кесарии (Палестина).

Стр. 221.

...о нас правительства...— В рукописи: «милосердия».

Рекогносцировка — разведка.

«Цыгане вольною толпой...» — перефразированное начало поэмы А. С. Пушкина «Цыганс» (1824).

Стр. 232.

Гольдсмит Оливер (1728– 1774) — английский писатель, более всего известен как автор «Векфильдского священника» (1766).

Стр. 235.

Ажитация (фр.) — волнение, возбуждение.

...некоему поляку Краснопольскому...— Лесков в дальнейшем его называет Пенькиовским.

Стр. 238.

...откупная водка...—С XVIII века всю Россию обнимает откупная продажа вина. Откупщики со своими агентами и чиновниками употребляли все средства, чтобы споить народ и нажиться на его счет.

Стр. 240.

Кутас — шнур с кистями, бахромчатое украшение.

Стр. 241.

Хрептуг — торба или мешок, который извозчики подвязывают к приподнятым оглоблям для корма лошадей овсом.

Стр. 242.

Кат — палач, заплечных дел мастер.

Стр. 244.

Батурин — местечко в б. Черниговской губернии, на левом берегу р. Сейма. При царе Алексее Михайловиче здесь была гетманская резиденция.

Стр. 248.

...пафосская богиня...—Пафос — древний город на острове Кипр, известный храмом Афродиты, по греческой мифологии, богини красоты и любви.

Стр. 249.

...возвел Nathalie Волосатину...—первоначально она названа Лесковым Аней.

Стр. 254.

...о храбрости... греков вроде Колокотрони, Боцариса и Бобелины...—

Перечисленные лица являются видными участниками греческого восстания 1821—1827 годов против турецкого владычества.

Стр. 249.

Балаклавский батальон... — составленный из греков, поселившихся в Крыму в Балаклаве. Он особо отличился во время Крымской войны 1853—1855 годов. Упразднен в 1859 году.

...одному очень, очень великому лицу... — В печатном тексте было: «одному лицу».

Стр. 256.

Братья Кий, Щек и Хорев... — по преданию, являются легендарными основателями Киева.

Боярин Кучка — владелец сел по Москве-реке, где в будущем выросла столица Русского государства.

Сион — святая гора, у подножия которой построен Иерусалим.

Стр. 257.

Ари Шефер (1795—1858) — французский живописец.

Стр. 259.

Томпак — сплав меди с цинком; из него делались дешевые футляры для часов, самовары.

Стр. 266.

Силоамская купель — купель близ Иерусалима, вода которой якобы обладала чудесным свойством исцелять больных (Евангелие от Иоанна, гл. V, 2—4).

Стр. 267.

...со мною, как с Товием, идет мой Рафаил... — Рафаил — архангел, сопровождавший под именем Азария Товию, сына благочестивого и праведного старца, во время его путешествия и подсказавший ему средство исцелить отца от слепоты (Книга Товита).

Стр. 268.

...древние фрески, которые только тогда очищали от слоя штукатурки и реставрировали. — Работа по реставрации древних фресок в Софийском соборе началась в 1843 году и была закончена в 1853 году.

Андреевская церковь — воздвигнута по проектам Растрелли в 1744—1753 годах над обрывом так называемого Старого города в Киеве.

Трехсвятительская церковь — построена в конце XII века.

Михайловский монастырь — монастырь в Киеве, построенный в начале XII века, по преданию, в честь защитников казацкого рыцарства.

Стр. 269.

Щунять — бранить, журить, усовещивать.

Стр. 276.

Тацит, Корнелий (55—120 н. э.) — римский писатель и историк, защитник старинных республиканских установлений, суровый обличитель деятелей императорского периода.

Стр. 277.

Автор Лалла Рук — Томас Мур (1799—1852) — английский поэт-романтик. Поэма написана в 1817 году.

Стр. 278.

Купина — по библейскому мифу, чудесный горящий, но не сгорающий куст терновника, в пламени которого бог явился Моисею (Книга Исход, гл. III, 2).

Стр. 279.

Семо (церковнослав.) — сюда.

Стр. 286.

Эспаньолетка — особая форма бороды в виде суживающегося клина.

Стр. 293.

«суть бо кияне льстиви даже до сего дне...» — так как киевляне остаются льстивыми даже до сегодняшнего дня,— цитата из «Повести временных лет».

Стр. 300.

Цукерня (укр.) — кондитерская.

Стр. 301.

Улисс — латинское название Одиссея, героя греческого эпоса.

Стр. 301.

Пароксизм (греч.) — острый припадок, приступ болезни.

...смягнущими губами... — сухими, воспаленными (от древнерус. слова «смага» — жар, пыл, огонь).

Стр. 302.

Кволый (квелый) — хилый, слабый, болезненный.

Стр. 303.

Филейное вязанье (от фр. filer) — вязанная сеткою работа, ячеистое вязанье.

Стр. 313.

Фриз — толстая, ворсистая байка, материя.

Фолиант (лат.) — книга форматом в пол-листа; вообще толстая книга большого формата.

Стр. 322.

Кочь — повозка.

Стр. 329.

Чепурной — суетный, склонный к щегольству.

Стр. 331.

...у него натура похожа на придорожную землю в притче... — то есть неглубокая; из сердца такого человека легко уносится то, во что он уверовал (Евангелие от Луки, гл. VIII, 5 и 12).

Стр. 332.

Штрипка (нем.) — подвязка под штаниной.

Фактотум (от лат. fac totum — делай все) — человек, беспрекословно исполняющий чьи-либо поручения; иронически — вмешивающийся во все, сующий всюду нос.

Стр. 341.

Ганимед — по греческой мифологии, сын царя Трои, похищенный из-за необыкновенной своей красоты богами на небо, где сделался виночерпием и любимцем Зевса.

Фортель (нем.) — здесь фокус, проделка.

Стр. 345.

«Каменный гость» — трагедия А. С. Пушкина (1830).

Амфоры — большие кувшины из обожженной глины, употреблявшиеся у греков и римлян для хранения жидкостей, особенно вина. Служили также и для хранения пепла.

Стр. 346.

...таких-то Лурлей... — русалок (от нем. Лорелей).

...потягом... — ремнем.

Стр. 348.

Мастихин (греч.) — нож для снятия красок на палитре.

Стр. 350.

Атанде-с (фр.) — здесь: позвольте, подождите.

Стр. 353.

«Прелестный уголок»... — цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. II, I).

Удолье — низменность под уступом, речная долина, ложбина.

Стр. 354.

Камлот — суровая шерстяная ткань.

Стр. 357.

Субочь — набок.

...в пределах земных все земное... — цитата из стихотворения Е. А. Баратынского «На смерть Гете» (1833).

Цитра — музыкальный инструмент, похожий на гитару, с металлическими струнами.

...из старой гугенотской библии... — то есть библии, переведенной на французский язык в XVI веке.

ПАВЛИН

Рассказ написан в 1874 году; впервые опубликован в журн. «Нива», 1874, № 17—21, 23 и 24.

Стр. 364.

Валаам — группа островов на Ладожском озере, славящихся величественной красотой скал и суровой северной природой. Здесь находился один из древнейших монастырей — Валаамский, известный еще в X веке и получивший название Русского, или Северного Афона.

Стр. 365.

Прозябли — проросли, принялись, пустили росток.

Стр. 368.

Крупье (фр. croupier) — банкомет.

Бомонд (фр. beau monde) — высшее общество.

Стр. 370.

Антик (фр. antique — старинный) — здесь: необычный, редкий человек, оригинал.

Стр. 371.

Булава — стержень с шишкой сверху; древнее военное оружие, знак главнокомандующего и гетмана. Позднее — обычная принадлежность швейцара.

...переделанной Юноною из Аргуса.— Аргус — в античной мифологии стоглазое существо, всевидящий и сильный сторож, у которого одна половина глаз отдыхала, а другая бодрствовала. Когда он был убит Меркурием, то Юнона глазами Аргуса украсила хвост павлина.

Антре (фр. entree) — вход.

Стр. 372.

Молокане — русская религиозная секта, возникшая во второй половине XVIII века. Свое название молокане объясняют тем, что их учение есть то «словесное млеко», о котором говорится в священном писании.

Стр. 373.

Ликторы — в Древнем Риме воины-телохранители, сопровождавшие сановников и несшие символ их власти: пук прутьев с секирой посредине.

...как планета в ряду расчисленных светил...— неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Портрет» (1828).

Стр. 374.

Пчелка — «Северная пчела» — реакционная газета, выходившая в Петербурге в 1825—1864 годах. Основана Ф. В. Булгариным; с 1831 до 1859 года он редактировал ее совместно с Н. И. Гречем; в 1860 году газета перешла к П. С. Усову. В это время в ней сотрудничал Н. С. Лесков. Газета была самым распространенным периодическим изданием николаевского царствования, имела монопольное право печатать политические известия.

Пеня — упрек, изъявление неудовольствия.

Стр. 379.

...распинателей Иисуса Христа на картине Штейбена...— Шарль Штейбен (1788—1856) – французский художник, в детстве живший с отцом в России, а с 1843 по 1854 год работавший в Петербурге над рядом заказанных ему картин для Исаакиевского собора. Лесков имеет в виду его картину «Христос, приведенный на Голгофу» (1841).

Стр. 384.

...вымогнута...— взыскана, внесена.

Стр. 385.

...в одном из находившихся тогда в Венгрии русских полков.— Имеется в виду реакционный поход русских войск, посланных Николаем I в 1849 году на подавление революции в Венгрии (см. примеч. к с. 359).

Стр. 390.

...миньонная... (фр. mignonne) — милая, изящная.

Стр. 393.

...феральное... (лат.) — печальное, гибельное.

Стр. 395.

Карсель — особый вид лимны, названной по имени ее изобретателя француза Карселя (1800).

Стр. 400.

Надесно (церковнослав.) — направо (десная — правая)

Адораторы (фр.) — обожатели.

Стр. 401.

кружившего... песнопения об «удалом постояльце»... — популярный в 1840-е годы романс.

Марьяж (фр. mariage) — брак.

Стр. 402.

Прюнель (фр.) — тонкая, плотная шелковая или шерстяная ткань сложного атласного переплетения.

Стр. 403.

Абрис (нем.) — контур, эскизный набросок с помощью одних линий.

Толерантность (лат.) — терпимость к чужим мнениям и поступкам.

Стр. 406.

Коник — лавка для спанья.

Шансонетки (фр.) — песни легкого содержания.

...благоуважением гоголевского Осипа... — слуга Хлестакова из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

Стр. 407.

У нас вовсе никем не изображен... — В 40—50-е годы быт и нравы полусвета освещались в очерках и повестях И. И. Панаева (1812—1862).

Стр. 408.

Амикошоны (от фр. ami cochon — «друг-свинья») — бесстыжие щеголи, бесцеремонные развратники, представители золотой молодежи.

Стр. 410—411.

...в Эрмитаже... есть небольшая картинка Страшного суда... — Имеется в виду картина Яна Эйка, знаменитого нидерландского живописца конца XIV и первой половины XV века, являвшегося вместе со своим братом Губертом основателем старой фландрской школы.

Стр. 412.

Разботелый — тучный, дородный.

Брение (церковнослав.) — распущенная глина, грязь. Бренный — тленный, непрочный, слабый.

Скудельный сосуд (церковнослав.) — слабый, хрупкий и ломкий (скудель — глина, глиняный сосуд).

Стр. 415.

...свирепого и мстительного Рауля... — Имеется в виду герой француз-

ского средневекового эпоса Рауль де Камбрэ. В поэме, связанной с его именем и возникшей в X веке, ярко показана грубость, дикость и нечеловеческая жестокость феодалов.

Стр. 416.

...оставить жену ради греха... седьмой заповеди.— По учению Христа, развод с женой допускался только в силу вины прелюбодеяния, то есть нарушения седьмой заповеди. На это и указывает Павлин, оправдывая «божественным законом» свой уход от жены и вручение ее человéку, с которым она нарушила заповедь. Однако эта мотивировка не была пропущена цензурой в журнальном тексте, тем самым многое оставалось неясным в поведении и взглядах Павлина.

Стр. 419.

Я теперь припоминаю пресловутый роман «Что делать?».— Это рассуждение Лескова о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» отсутствует в журнальном тексте. Между тем оно тесно связано с замыслом рассказа «Павлин», содержащего в себе скрытую полемику с романом Чернышевского по частному, но весьма любопытному этическому вопросу. *...Пресловутый...*— В середине XIX века это слово редко имело иронический смысл, а означало, по объяснению В. И. Даля, «прославный, известный, знаменитый (от слова слыть)». В том же смысле употребляется оно и Лесковым.

Стр. 422.

Куркен-переверкен — шиворот-навыворот.

Стр. 425.

...святому апостолу Павлу ангел сатаны был дан в плоть его..:— Имеется в виду признание Павла во Втором его послании к коринфянам, гл. 12, 7 и след.

Молчальник — монах, давший обет молчания.

Стр. 426.

...в стенах наших монастырей.— Этими словами заканчивается рассказ в первой журнальной редакции.

Предисловие

Каждое новое издание произведений Бориса Андреевича Лавренева — всегда событие, событие для всей читающей публики — и для молодежи, и для старшего поколения. Событие потому, что повести, пьесы, рассказы Лавренева давно стали советской классикой, прекрасным, радующим всех чтением, чтением, которое будит новые мысли, открывает в душе новые лучшие ее стороны. Но особенно событие — выход в свет произведений Лавренева — для молодежи, для юного нашего читателя. Лавренев, даже когда был уже пожилым, всегда оставался поистине молодым человеком, энергия его была удивительна, темперамент — кипучий, жажда творчества необыкновена. Молодыми остаются и его книги, они не стареют, потому что мысли и чувства, заложенные в них, неразрывны с революцией, с жизнью народа, с главными проблемами революционной эпохи. Лавренев очень любил юношество; если говорить всерьез, все его творчество, по существу, обращено именно к юношеству, точный адрес его произведений — молодое поколение. Будучи замечательным художником, он в то же время был и великолепным педагогом, постоянно воспитывая своими произведениями — задача воспитания была ему особенно близка. Лавренев очень часто встречался со школьниками, студентами, с молодыми аудиториями страны; сохранилось много писем школьников к Лавреневу. Одна из школ в городе Абакане, над которой он шефствовал, до сих пор числит его среди своих самых дорогих современников. Почему юношество любит Лавренева? Потому что его произведения дышат романтикой, столь близкой молодежи. Он писал о ветре, о буре, о битвах революции, о замечательных путешествиях, о необычных характерах, о вздыбленном мире, о сокрушающих страстях, о неслыханном мужестве во имя Родины. Молодежь любит Лавренева, потому что он любил и умел

писать ее характеры, характеры подрастающего поколения. Стоит вспомнить такие рассказы Лавренева, как «Срочный фрахт», «Счастье Леши Широкова», такие пьесы, как «Разлом», где действует совсем юный матрос Годун, чтобы понять, как важно было для Лавренева именно строительство характера, воспитание мужества, воли, любви к своей земле. Когда Лавренев писал по разным поводам свою автобиографию, когда выступал в читательских аудиториях, он любил рассказывать о своем детстве, о своем отце, часто повторяя, что именно отец и хорошие книги помогли ему стать настоящим человеком, удержали его от непродуманных шагов в жизни. Воспитание в семье, воспитание прекрасной книгой — вот что полагал Лавренев важнейшими вехами на пути созревания цельного доброго мужественного характера.

Книги Лавренева интересно читать, он писал увлекательно, остросюжетно, всегда памятуя о том, что молодежь любит чтение захватывающее, приподнятое, пронизанное яркими и сильными впечатлениями.

В данном издании помещены одни из лучших произведений Лавренева — пьеса «Разлом», повести «Сорок первый» и «Ветер». Все эти произведения — наша гордость, наша классика, на них воспитывалась молодость революции, на них и сегодня воспитывается молодость нашей страны. Читая и перечитывая произведения Лавренева, мы многое узнаем о жизни революционной России, о судьбах ее солдат, о судьбах самой страны. Но быть может, еще важнее, что мы многое узнаем из его произведений о самих себе, о том, на что мы способны, какие духовные силы в нас таятся, о том, как воспитать себя для того, чтобы, оставаясь мирным тружеником, всегда в то же время быть готовым выйти на защиту Родины, стать ее солдатом, как революционный матрос Годун, красная рыбачка Марютка, верный боец революции Василий Гулявин.

Книга эта несколько необычна по своей структуре. Над произведениями Лавренева вместе с юными читателями размышляет литературовед И. Вишневская. Ее цель — помочь учащимся постепенно выработать в себе ценнейшее качество культурного человека: умение читать, понимать и верно оценивать художественное произведение.

В. Пименов.

РОМАНТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА ЛАВРЕНЕВА

Вы прочитали повести Бориса Андреевича Лавренева «Ветер», «Сорок первый». Каким вы представляли автора этих произведений? Какое чувство вызвали они сами? Почему Лавренев и его книги не забыты?

Среди разной зависти на земле есть одна, несомненно прекрасная, зависть к тем людям, которым еще предстоит прочитать лучшие книги на земле: «Три мушкетера» Дюма, «Том Сойер» Марка Твена, «Детство Никиты» А. Толстого, «Отцы и дети» Тургенева, «Чайка» Чехова, произведения Горького, «Тихий Дон» Шолохова и многие другие. Конечно, перечисление это, как любое другое, субъективно, произвольно, но суть не в перечислении, а в том, чтобы поставить творческое наследие Лавренева в ряд великолепных наших книг, понять, что мы уже давно имеем дело с классической литературой.

Как узнается классика, как становится понятным, что перед тобой произведение непреходящей ценности? Помимо всего прочего, еще и по тому узнается классика, что существование ее не имеет временных рамок, что каждое новое поколение открывает в ней и свое, и себя, и о себе, опять и опять проверяя по старым книгам новый смысл бытия.

Если еще при жизни Бориса Андреевича можно было думать, что рассказы и повести его поддерживали огромный авторитет, интеллект, щедрый юмор этого писателя, то теперь, когда Лавренев умер, все предстает в ином освещении. С той минуты, как Борис Андреевич упал на ходу, спеша на какое-то очередное заседание по делам литературы, а он именно так и умер, в движении — шел и упал,— с этой минуты — с января 1959 года жизнь его

книг как бы отделилась от него самого, двинулась по своим орбитам, вспыхнула совсем новым, еще невиданным светом.

Никогда не сходил с нашей сцены лавреневский «Разлом». Десятки сценариев и пьес сделаны по повести «Сорок первый». И каждый раз заново учатся люди жить, бороться, страдать и побеждать свои страдания во имя нового мира, глядя на героев этой коротенькой, но ставшей классической повести.

Давно уже стали материалом для телевизионных спектаклей «Ветер» и «Гравюра на дереве», читают по радио рассказы Лавренева — то «Комендант Пушкин», то «Выстрел с Невы», то «Счастье Леши Ширикова».

Во многих детских театрах страны возобновляется из сезона в сезон инсценировка лавреневского «Срочного фрахта», пронзительно-трагического рассказа о гибели мальчишки, застрявшего в трубе парохода, потому что хозяин не мог ждать, пока вытащат котлоскреба.

Пришел на телевидение и «Рассказ о простой вещи», знаменитый рассказ о любви к народу и умении принести ему жертвы.

И снова лавреневские фильмы — вот уже на экране и вечный «Разлом» — теперь он называется «И было утро, и был вечер». Кстати заметим, что подобные переименования не нужны Лавреневу, умевшему давать своим произведениям названия точные, глубокие, сами становящиеся действующим лицом его книг.

И «Сорок первый» опять на экране — мертвенно желтеют ядовитые туркестанские пески, по которым все идут и идут в будущее голодные, оборванные несгибаемые красноармейцы.

И библиотеки носят имя Лавренева, и пароход, совершающий далекие заграничные плавания, зовется именем Лавренева, и в стабильном школьном учебнике имя Бориса Лавренева наряду с именами Михаила Шолохова, Алексея Толстого, Эдуарда Багрицкого... С именами тех, кого называют сейчас классиками советской литературы.

К моменту свершения Октябрьской революции годы Бориса Лавренева, а родился он в 1891-м, считались тогда немалыми, молодость начиналась и заканчивалась намного раньше сегодняшних наших представлений. Люди взрослели тогда не по дням, а по часам. В революцию все входили впервые, и подчас боевой революционный опыт мо-

лодых выглядел более солидно, нежели тихая «штатская» жизнь не вовлеченных в круговорот новой действительности. Приходилось решать сложнейшие вопросы войны и мира, экономики и политики; юность становилась зрелостью, сразу же выходя на арену борьбы за народную власть. Не было времени долго копаться в своих переживаниях, не на кого было надеяться, все совершалось здесь, сейчас — и ты отвечал за судьбы своей страны, за судьбы нового мира. «Нас водила молодость в сабельный поход, нас бросала молодость на кронштадтский лед» — эти строки поэта Э. Багрицкого как нельзя лучше объясняют, почему столь неотделимы были тогда молодость и зрелая гражданственность, юноши, каждый день готовые умереть за свой народ, были взрослыми людьми — они были одновременно и детьми и отцами революции.

Так приходили в жизнь уже знакомые вам Николай Островский, Аркадий Гайдар, Эдуард Багрицкий, так пришел в литературу и Борис Лавренев. Он был сформировавшейся личностью, определилась даже и его профессия — военный, офицер в империалистическую войну, он собирался стать литератором, уже начал писать, вышли в свет его стихи, был создан первый рассказ «Гала-Петер» (так называлась фирма, выпускавшая шоколад тех времен, шоколад был сладким — горькой, беспощадно бессмысленной, голодной была война, на этом контрасте и построен первый рассказ начинающего беллетриста).

Сын учителя, Борис Андреевич окончил юридический факультет Московского университета, много читал, любил русскую литературу, воспитывался на ее могучем гуманизме, на ее бессмертной, поразившей весь мир искренности, на ее высокой гражданственности и совершенном мастерстве. Казалось бы, все уже было у молодого Бориса Лавренева, выходящего на писательскую арену, было все, не было самого важного — своего, неповторимого содержания, своей, выстраданной темы в искусстве. Такой темой, таким содержанием стала для Лавренева революция. Нельзя даже и говорить о нем, как, скажем, о других писателях,— «принял революцию». Начав писать в 1916 году, Лавренев, так же как и Маяковский, не сомневался, принимать или не принимать революцию, она стала единственно возможной формой его бытия, мышления, творчества. Отныне революция — ее конфликты, герои, романтика, страдания и победы стали материалом

его книг, навсегда определили и темы, и стиль, и характеры героев его произведений.

На заре молодой советской литературы существовали такие определения, как, например, «попутчик», для тех писателей, кто вышел из чуждой классовой среды, но постепенно понял и принял задачи Октября, стал сотрудником революции. Лавренева называли «левым попутчиком», т. е. человеком, еще ближе, чем другие интеллигенты того времени, подошедшим к пониманию народной победы. Но давно уже пора сказать, да и вы сами увидите это, читая его книги, что если он и был попутчиком революции, то в одном только смысле: ему, молодому тогда писателю, было *по пути* с народом, да и ни с кем другим, путь Октября был и его путь, с которого никогда, ни разу в жизни, не свернул Борис Лавренев.

Молодо, страстно, беззаветно, отдав ей и силы, и здоровье, и талант, и необычайное обаяние, отличавшее этого человека, и щедрый веселый юмор, и душевный задор, всегда делавший Лавренева похожим на шалуна-школьника (много было в его характере озорного, томсойеровского, светлого начала), окунулся Борис Андреевич в революцию. Словно напутствием в новую жизнь прозвучали для Лавренева слова отца, ставшие самым дорогим его семейным наследством: «Самое святое, что есть у человека — это родина и народ, а народ всегда прав...». И еще — в одном из рассказов вспомнит писатель, как к нему, плававшему когда-то юнгой, подошел незнакомый заграничный матрос и тихо, значительно, так, что это осталось на всю жизнь среди драгоценных реликвий, сказал: «Мальчишка, люби революцию». И Лавренев полюбил революцию. Дни коротких мирных дел перемежались для писателя, как и для всей страны, долгими месяцами боев с врагами юной республики. Работа в Наркомпросе и организация Красного Креста, а потом война гражданская, и Лавренев — командир красного бронепоезда, участник боев в Крыму, руководитель операции против банд атамана Зеленого. А позже Туркестанский фронт, редакции военных газет, встреча и знакомство с Дмитрием Фурмановым. Был он и артиллеристом, и военным комендантом Ташкента... Он был верным рядовым революции, черпая для своих произведений ее драматические конфликты, а главное — необыкновенные характеры ее бойцов и строителей.

Повесть «Ветер» открывала собой чрезвычайно плодотворный 1924 год в творчестве Лавренева, тот самый год, в который недавний боец Красной Армии навсегда вошел в большую советскую литературу. В повести этой, еще далекой от его лучших произведений, заложено многое, что станет для него типически отличительным, с ним, и именно с ним связанным. Это, во-первых, напряженный, постоянный интерес к теме и людям гражданской войны. О гражданской войне писал тогда, естественно, не один Лавренев. Битва классов потрясла многие писательские сердца, подсказав им конфликт, который никогда не придумала бы самая пылкая фантазия, но кипула в литературу новая, вздыбленная жизнь. По разные стороны баррикад вставали сыновья и отцы, мужья и жены, сестры и братья. «Разлом» — название будущей пьесы Лавренева — по существу и определял этот страшный драматический процесс, в котором сгорала темная, косная, отсталая Россия, в слезах и муках рождалась Россия советская.

«Огненный мост» — пьеса этого же времени Бориса Ромашова, и это название тоже точно определяло происходящее — огненный мост пролегал подчас между близкими людьми, развеянными пожаром революции. Не родство по крови — родство по духу становилось главным и в искусстве, и в жизни. И поэтому тема гражданской войны была для писателей не только живым явлением действительности, но еще и благодарным драматическим материалом, где пролог, кульминация, характеры, конфликты и судьбы уже были в общих чертах грандиозно и величественно намечены самой жизнью.

Героически штурмовали советские бойцы неприступный Даир в «Падении Даира» Малышкина. Глухими тропами пробирались к красноармейским частям удалые партизаны из рассказа Вс. Иванова. Мужественно подавляли белый террор большевики на страницах «Недели» Либединского. Упрямо воспитывал боевые отряды из шумной анархической вольницы «железный» Кожух Серафимовича. Над затрепанной старенькой картой легендарных походов склонялись Клычков и Чапаев Фурманова. Боролись за новую жизнь тяжелые, неповоротливые земледельцы из леоновских «Барсуков». К солнцу пробились с боями, жертвами, гибелью своих товарищей девятнадцать фадеевских партизан во главе с простым и легендарным комиссаром Левинсоном.

Многие писали о гражданской войне. Быть может, для одного Лавренева тема гражданской войны стала определяющей все его творчество, к ней он возвращался постоянно: на заре литературной деятельности, в разгаре пути, под конец жизни.

В истории гражданской войны и ее людей Лавренев видел особенно явственные приметы нового мира — разламывался, сокрушался мир старый — литератор видел этот разлом, и он навсегда ослепил его. Другие, друзья по перу, такие, как, скажем, Федин, Гладков, Малышкин, Романов, перешли потом к темам созидания; они писали о заводах и фабриках, о героическом труде, о красных командирах молодой индустрии. И хотя Лавренев тоже писал обо всем этом — не здесь было его сердце, не тут скрывался его пафос. Все его творческие интересы лежали там — на вихревых дорогах революции, в конфликтных ситуациях гражданской войны. Обычно писателем-бойцом называют Всеволода Вишневского, автора «Оптимистической трагедии» и «Первой Конной». Мы бы назвали бойцом в литературе и Бориса Андреевича Лавренева, который так и не ушел с «солдатского довольствия» в искусстве, и о чем бы ни писал, всегда писал о боевой своей молодости, о ветре и звездах революции. Очень симптоматично название одного из ранних произведений Лавренева — «Ветер».

Образ ветра, как само дыхание революции, овевал произведения тех лет. «Цветные ветра» — так называлась партизанская повесть Вс. Иванова. Ветер борьбы будет воспевать В. Луговской в «Песне о ветре» и Глеб Чумалов в «Цементе» Ф. Гладкова. Ветер побед сольется в «Падении Дайра» Малышкина. Под свист урагана разворачиваются события лавреневского рассказа «Марина».

Интересно, что когда-то образом ветра пользовался еще Чехов, устами Тузенбаха обещая, что ветер, очистительная буря когда-нибудь сдуют с общества лень, равнодушие, скуку: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка...».

«Пусть сильнее грянет буря!» — этот горьковский призыв как бы развивает дальше образ ветра, направляет его на конкретные цели революционной борьбы. Образ метели, ветра найдем и у Блока в его знаменитых «Двенадцати»: «Ветер на всем белом свете».

У разных писателей образ ветра наполняется разным содержанием. Если у Чехова это еще некая абстрактная мечта, больше связанная с нравственным, нежели политическим, обновлением общества, если у Блока это еще символический образ разрушения вообще, если у Горького набатная романтика выливается пока что в лозунг, то у Лавренева смысл ветра раскрывается по-своему. Прекрасный знаток русской классики, он как бы соединяет все лучшее, что рассказали отечественные литераторы о ветре революции со своим видением его, не только как разрушения, но и как счастья, как предвестия нового характера, характера стойкого борца за идеалы революции.

Русская интеллигенция через этот образ яснее понимала активную наступательную роль революции, все глубже постигала законы революционного гуманизма. Лавренев любил ветер, он и умер в холодный, очень ветреный день, когда ветер сбивал с ног людей, словно не пуская их на кладбище, от ветра чуть покачивался и сам гроб, плывущий на крепких руках любимцев и друзей Лавренева — матросов и офицеров.

«Ветром» назвал он и свою повесть о Василии Гулявине, минере первой статьи. Темный вчера человек, забитый матрос, Гулявин волею жизни, ходом событий втягивается в революцию. Он еще ничего не знает о ее сложных законах, но на своей шкуре понял ее необходимость, неизбежность. Поразительны сами ритмы повести — словно шалый вихрь носит Гулявина по барским чертогам и пустым мостовым; он стреляет в буржуев и снимает Временное правительство, обличает меньшевиков и ругает кадетов, с восторгом слушает Ленина и возглавляет отряды революции, куда-то бежит, кому-то предъявляет мандаты, спит на чьих-то дворянских плюшевых диванах. И повсюду сопровождает его ветер. «Город октябрьского ветра, Петербург», ветер, дышащий «сыростью и кровью», «Степь... Ветер... Волки... Ветер... Воля», «Холодный все разрастающийся ветер». Ветер становится действующим лицом повести, спутником Гулявина, этот образ помогает передать и ритмы времени, и состояние внутреннего мира человека, когда все взвихрено, все в движении, но нет ясности, не ведет еще тебя по путям революции железная дисциплина, заменяет ее подчас бесшабашность, лишь бы долой, лишь бы ввязаться в «бузу»,

лишь бы летело в пропасть старое. И интересно, что тема ветра, особенно часто звучащая на первых страницах повести как символ анархической вольницы, к концу ее ослабевает, исчезает. Вместе с ростом самосознания Гулявина, пониманием им задач и целей борьбы, отступает, улетает ветер неразберихи, кошмара, оставаясь лишь как ощущение романтики этой эпохи.

Лавренева, как, впрочем, и некоторых других писателей этой поры, не раз обвиняли в том, что, мол, воспевают они анархию, рассказывают не о сознательных бойцах партии, а о людях типа Гулявина.

Гулявин, действительно, еще далек попачалу от железной партийной дисциплины, он и пьет и ставит подчас свои желания выше революционной пользы и доверяется иногда слепым инстинктам. Похожи на него и герои из ранних произведений Вс. Иванова — нелегко управлять бесшабашной сибирской партизанщиной.

Но и Лавренев, и Всеволод Иванов не придумывали эти характеры, а списывали их с жизни, стараясь ничего не приукрашивать, говорить о том, как было, как подымались к сознанию и свету массы людей, которых еще нужно было воспитывать, объяснять им смысл партийной работы. Показывая, как формировался характер Гулявина от стихийных порывов к сознательной борьбе за дело народа, Лавренев, таким образом, готовился к созданию образа Годуна («Разлом») — человека цельного и дисциплинированного, для которого жизнь Василия Гулявина — вчерашний его день. То, что отделяет стойкого борца Годуна от анархиствующего подчас Гулявина, не скрыто Лавреневым, а, напротив, проанализировано и в повести «Ветер» и в пьесе «Разлом», отчего оба эти произведения стали еще более правдивыми, близкими и понятными.

Революция воспитывала людей, а не получала их готовыми. Революция — это не только взрыв народного негодования, но и великая школа характеров, привнесение сознательности в стихийность. И поэтому писатели, говорившие об отдельных анархических настроениях, не выдумывали и не воспевали эти настроения, но показывали то, что было, создавая одновременно не только явления литературы, но и летопись истории. Историю революции можно, таким образом, изучать не только по учебникам и документам, но и по художественной литературе тех лет,

среди которой не последнее место занимает лавреневский «Ветер».

Стоит непременно заметить, как появляется рядом с фигурой Гулявина другой характер — комиссара Строева. И в «Рассказе о простой вещи» большевик Семенухин стоит рядом с разведчиком Орловым, не всегда еще умеющим подавлять личные желания разумной волей коллектива. Большевик Семенухин воспитывает в нужном направлении верного бойца, но подчас рефлексирующего интеллигента Орлова. И не только у Лавренева есть эта «парность» героев — носитель классового чутья и сознательный высокообразованный боец за дело народа. Такая расстановка сил, продиктованная самой жизнью, есть и в «Чапаеве» Фурманова, где действует бессмертный уже теперь, легендарный Василий Иванович и его разум, его дисциплина — комиссар Клычков. Таких же героев найдем мы и в пьесе Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69», где во главе яростного партизанского движения, вырвавшегося из самых глубин народа, станет худенький, болезненный комиссар Неклеванов, сильный зрением партии, здоровый социальным здоровьем.

О необходимости привнесения суровой дисциплины в революционную борьбу неоднократно говорил в своих работах В. И. Ленин: «Нужна строжайшая дисциплина внутри политической партии пролетариата,— писал он в «Детской болезни «левизны» в коммунизме»,— чтобы организаторскую роль пролетариата (а это его главная роль) проводить правильно, успешно, победоносно». Подлинные партийцы, помогающие таким, как Гулявин, Вершинин, и другим героям ранней нашей литературы, которые еще не поднялись до высот безоговорочного выполнения своего долга, были как бы живым олицетворением ленинской мысли о привнесении сознательности в революционную борьбу.

Произведения Б. А. Лавренева читаются с нарастающим интересом, с желанием узнать, что же будет дальше, чем окончатся все эти события. Часто бывает так, что писатель, взявший значительный сам по себе житейский конфликт, уже не задумывается над тем, как сделать действие своего произведения увлекательным, позволяющим проснуться читательской фантазии. Такой писатель, который надеется только на интерес, заложенный в самих фактах и темах, нередко проигрывает, серьезное по теме произве-

дение остается недочитанным, гаснет внимание. Лавренев всегда группировал реальные факты в остром, динамическом сюжете, любил неожиданные повороты, интриги, держал читателя в постоянном напряжении, долго не давая ему остыть, успокоиться, угадать финал. Умение строить яркий увлекательный сюжет, в напряжении держать внимание читателей, думать об изящной, выверенной форме всегда было отличительным признаком русской литературы, никогда не скатывавшейся в скуку, в холодное поучительство, в изображение неотобранного потока жизни. Стоит вспомнить хотя бы «Пиковую даму» Пушкина, «Маскарад» Лермонтова, «Нос» и «Невский проспект» Гоголя, «Преступление и наказание» Достоевского, «Драму на охоте» Чехова, чтобы понять, как ценили русские писатели-классики интересный сюжет, как заботились о построении волнующей интриги, лишь подчеркивающей идейное богатство произведения. И напротив, вялый, бледный сюжет, неотобранные эпизоды и несобранные факты обесцвечивают мысль книги, не дают ей свободно проникать к сердцу человека. Лавренев всегда писал увлекательно, считая сюжет и интригу важнейшими компонентами литературы — и в этом залог дружбы его произведений с читателем. Перу Лавренева принадлежит пока не очень хорошо известная у нас повесть «Крушение республики Итль», где, как и в «Трех толстяках» Ю. Олеши, «Мес Менд» Шагинян, «Гиперболоиде инженера Гарина» А. Толстого, увлекает, ведет за собой вдохновенное действие. Ты оказываешься втянутым в события невероятные, в обстоятельства изумительные, знакомишься с людьми сильными, не сразу понятными, поворачивающимися к тебе самыми разными гранями характеров.

Интересно, захватывающе написана и повесть «Ветер». Самые необыкновенные происшествия случаются одно за другим с вчерашним темным матросом Гулявиным, и вот уже революция направляет его в стан белых, чтобы выведать нужные сведения. Гулявин получает документы поручика Волынского и под его именем проникает во вражескую разведку. Казалось, как могли послать Гулявина — полуграмотного, необразованного, анархиствующего. И действительно, если подходить к этой истории со строгими реалистическими мерками, она не выдержит количества разумных вопросов, на которые нельзя столь же вразумительно ответить. Но это уже сегодня, когда вы-

росли у нас высокообразованные кадры разведчиков. А если вспомнить, о каких романтических временах рассказывает повесть, где все делалось впервые, вчера еще темными людьми, станет понятным и неожиданная «дипломатическая» карьера Гулявина. Должен был пойти к врагам самый преданный человек, и пошел Василий Гулявин. Да и не один Лаврепев писал тогда безграмотных своих «дипломатов», вспомним хотя бы столь же безграмотного милого братишку Швандю из «Любови Яровой». Именно этот Швандя, уверенный в том, что он только что познакомился с самим Марксом, смело называется князем Курнатовским, обманывает куда более образованных интеллигентных противников. Они были первыми — Гулявин и Швандя, они прокладывали дорогу новым кадрам — уже советским, профессионалам-разведчикам. Да к тому же Лавренев и Трепев, писатели, наделенные большим чувством юмора, чуть-чуть посмеивались, глядя на своих Гулявина и Швандю, они улыбались и восторгались — посмеявшись над невежеством «дипломатов», восхищались их мужеством. Но Василий Гулявин не выполнил до конца своего долга, сдали нервы, и он вступил в открытую схватку с противником, у которого должен был исподволь выведать важнейшие сведения. Писатель к такому повороту событий дважды вернется: здесь, в «Ветре», и потом, в «Рассказе о простой вещи».

Гулявин, сидя в ресторане с белыми офицерами, слышит, как рассказывают о зверствах, учиненных над большевиками, как один из них сладострастно смакует рассказ о пытках, которыми они мучили красных. Должен был бы промолчать Гулявин — ведь у него было боевое задание узнать дальнейшие планы врангелевской армии. Но не выдержал морячок — вскрикнул, вскочил «и с размаху всем кулаком ударил его по зубам. Охнул князь и полетел под столик. Офицеры Гулявина за руки... Поручик!.. Поручик!.. Успокойтесь!» Вырвался красный и разъяренный. «Лапы убери! Цыц!.. Сволочи, кадетня чертова! Всех расшибем! Кровь выпустим!..» И тогда всех покрыл догадавшийся голос: «Большевик, большевистский шпион, держи!» Так попался Гулявин — чувство восторжествовало над долгом. Красные не узнали о движении белых, не помог им Василий, да и сам погиб бессмысленно, без пользы.

Еще раз почти подобную ситуацию опишет Лавренев в «Рассказе о простой вещи». Красный разведчик Орлов, как и Гулявин, в ресторане с белыми офицерами. И снова один из них рассказывает о зверствах, учиненных над большевиками, и снова выдал себя потрясенный Орлов. И здесь чувство, вырвавшееся невольно из души человека, восторжествовало над долгом. Неправы были и Гулявин, и Орлов. Их резко осуждают и друзья, и сам автор, считающие, что никакие даже самые высокие чувства не должны примешиваться к «простому делу» борьбы за народное счастье. Интересно, что Лавренев называет дважды «простым делом» дело борьбы: и в «Рассказе о простой вещи», где об этом говорит само название, и в «Ветре», где есть такие слова: «И опять было у Василия простое и нужное дело». Романтическое и простое стоят рядом: романтическим надо считать свое дело, выполнять же его надо просто, без анархических выходок, без самолюбия и позы. Не выполнили своего долга Гулявин и Орлов, не сумели до конца понять смысл сурового революционного долга, а это значит, невольно помогали буржуазии. Анархизм Гулявина и Орлова обернулся трагедией и для них лично, и для тех, кто послал их на задание — задание не было выполнено. По вине Гулявина, ослабившего бдительность, погиб и друг его — большевик Строев; но, не скрывая вины Гулявина, Лавренев заставляет нас пожалеть Василия. Беззаветно он был предан партии — помешала ему политическая невоспитанность, неумение подчиняться революционной дисциплине, не всегда и не во всем совпадающей с личными твоими желаниями и чувствами в данный момент. Гибель Гулявина и Орлова, смерть комиссара Строева от руки разнузданной атаманши Лельки, полюбившейся Василию,— тяжкий урок, глубокий моральный вывод, следуемый из повестей Лавренева. Как бы ни был ты честен, предан своему делу, пропадешь без всякой пользы для своих, если не стоит у тебя на первом месте понимание долга как подчинение партийной дисциплине.

Как написана повесть «Ветер»? В ней есть особенности, также повторяющиеся в последующем творчестве Лавренева. Часто, настолько часто, что этого нельзя не заметить, встречаются в повести слова «чугунный», «железный», «каменный», «стальной», «гранитный», «несгибаемый» и т. д. Вот, например, в каких только сочетаниях

ни стоит здесь эпитет «чугунный»: «Чугунные скулы желваками торчат», «Лупят комья чугунных слов», «Гремящий чугунный день в штабе», «Носились над Россией гремящие чугунные дни». А рядом — «свинцовый туман» («закаменев, сжимали приклады», «черные, прокопченные» и т. д. и т. п.). Подобная стилистика встретится нам не у одного Лавренева. Не случайно «Цементом» назовет свой роман о людях того времени Гладков, железными начдивами станет называть народ своих легендарных вожаков. Любопытно проследить, как рождалась новая образность, как хотели писатели нового мира найти для него новые слова, понятия и этот мир, вздыбленный, победивший, уходящий в невиданные дали индустрии и коллективизации, казался гранитным, чугунным, кожаным, грохочущим, цементным,— все это были новые определения красоты и силы, рождался новый тип героя. И зря в этих определениях «каменный», «чугунный» подчас видят неумение писателей раскрывать внутренний мир своих героев, отделываться лишь внешними признаками. Дело не только в этом. Каменные скулы, железные сердца, чугунные слова, гранитные торсы — все это обозначало новое качество духовной и физической красоты — признаки нового мира. Если раньше нервные лица, тонкие пальцы, бледные щеки, узкие плечи, прозрачные желтоватые тона кожи характеризовали многих героев мировой литературы, то камень, цемент и гранит станут новым, рожденным эпохой материалом, из которого строился на первых порах зрительный образ бойца революции.

Лавренев вводит в повесть «Ветер» лозунги, стихи, плакаты тогдашних лет, и пишутся они лесенкой, как делал это Маяковский, переворачивая старые представления поэзии о поэтическом материале. «А с грузовика, обозлясь, матросы из наганов и браунингов по казакам и:

— тах
— пах
— тах
— тах,

по казаки уже рядом...» Или: «Пронеслись, рыча... грузовики, а над грузовиками шуршащие страстью и местью слова шелка:

ДОЛОЙ МИНИСТРОВ-КАПИТАЛИСТОВ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ НЕМЕДЛЕННЫЙ МИР!

Включение в повесть новых ритмов времени позволяет еще более ощутимо увидеть цвет этого времени, услышать его дыхание.

В 1924 году Лавренев написал и лучшую свою повесть — «Сорок первый», переведенную на многие языки, читающуюся всеми истинными любителями литературы самых разных стран.

«Сорок первый», как и «Разлом»,— жемчужина лавреневского творчества, одна из повестей, оставляющих серьезный след в духовной жизни поколений. И тем примечательнее это обстоятельство, что повесть сама по себе очень невелика: на пятидесяти страницах ее уместились огромные противоречия времени, сложные трагические судьбы, первая любовь и классовая ненависть.

«Сорок первый» — оптимистическая трагедия, новый жанр, рожденный революцией. Трагический финал повести таит в себе нравственное очищение, будущую радость, выросшую из пылающих страданий.

Красный боец Марютка и белый офицер Говоруха-Отрок оказались одни на плоском безлюдном острове, затерянном в Аральском море. Привела их сюда трудная дорога революционных боев — взят был в плен белый поручик, но отряд красных почти весь погиб, спаслись лишь эти двое — офицер и сторожившая его по приказу командира Евсюкова рыбачка Марютка. Писатель выбирает для своей повести ситуацию необыкновенную, чтобы показать в этой необыкновенности еще большую силу реальных закономерностей, действующих даже здесь, на пустынном острове, где так же кипит теперь столкновение классов, занесенное сюда ветром революции, олицетворяемое красным бойцом Марюткой и белым офицером Говорухой-Отроком.

Повесть эта многопланова. План первый — открытая схватка врагов. По желтым пескам Туркестана идет отряд красного комиссара Евсюкова (когда-то Лавренев сам воевал на этих фронтах, и потому пишет с особенным знанием всех обстоятельств — и географических, и психологических). Сразу поражает деталь, узнать которую могли не все — лишь те, кто действительно соприкасался с военным тогдашним бытом именно на этой земле. Не стало в Туркестанской республике черной краски для выделки кож. Следует здесь фраза, перекликающаяся с репликой в повести «Ветер»: «а время пришло грохотное, смутное,

кожаное». И дальше — милый, лавреневский юмор, чуть снимающий напряжение романтического накала: «Оттого и пошли на человечество кожаные куртки». Но в Туркестане остались только немецкие яркие анилиновые краски, которыми красили узбечки свои шелка и шали. «И заполыхала Туркестанская Красная Армия всеми цветами радуги — малиновыми, апельсиновыми, лимонными, изумрудными, бирюзовыми, лиловыми». Малиновая кожаная куртка оказалась на плечах комиссара Евсюкова, а на спине, словно радуга сверкающей комиссарской кожанки, перекрещивались ремни боевого снаряжения, образуя огромную букву «Х». И казалось, что это катится по страшным пескам яркое пасхальное яичко, а на нем надпись — «Христос воскресе». Но под этой веселой пасхальной скорлупкой билось неутомимое сердце большевика, и против всяких обманов, в том числе и обмана Христовым именем, шел воевать Евсюков.

Разбит, голоден, обмерз отряд Евсюкова, и все беды, все несчастья его мужественно и стойко терпит девушка Марютка. И не мужчины, а она лучше всех стреляет в отряде. Выстрелит — и назовет цифру,— мол, такой-то на счету ее убитый враг. Так вот однажды выстрелила Марютка в белого офицера, да и похвалилась, не разобравшись, «сорок первый»! Но не попала она в него — взяли в плен офицера. Таков первый план повести, ее, так сказать, фабула, сама по себе необычайно волнующая, поражающая суровым мужеством людей, знающих одну правду, один смысл жизни — революцию. Но есть и другая сторона в этой повести.

Оставшиеся один на острове, Марютка и поручик полюбили друг друга. На секунду классовая ненависть слилась в гармонию, утихла вражда и боль, пришла весна и счастье. Они больше не враждуют, отдают друг другу все, что имеют, делятся последним куском, бедностью тепла реального, изобилием тепла душевного. Офицер называет Марютку Пятницей, себя — Робинзоном. Офицер рассказывает ей и историю Робинзона, и многое другое, что с детства составляет его мир, мир интеллигентного человека. Но многое знает и умеет Марютка, это ему лишь кажется, что она Пятница. На самом деле Робинзоном становится темная рыбачка, когда надо добыть огонь, поддержать костер, придумать, чем топить, что есть, какие травы годятся для лекарства, как без миски сва-

рить горячий бульон для больного. Казалось бы, на острове наступает гармония, гармония любовная, равнение общественное. Но это благополучие мнимое, затишье временное. Как только увидел офицер лодку, где сидели люди с золотыми погонами, так, забыв и Марютку, и любовь, и помощь ее, он устремился к своим, к белым....

Так обнажался ясно очерченный драматический конфликт этой повести — столкновение личного, общечеловеческого с понятиями классовыми, рожденными гражданской войной. Это был конфликт, в котором угадывались контуры будущей социальной трагедии, построенной уже не на противоречиях человека и общества, даже не на столкновениях открытых врагов. Речь шла о новом типе борьбы — о борьбе человека с самим собой, с теми личными чувствами, которые не могли сейчас существовать и должны были быть подавлены во имя высшей исторической цели. Трагедия состояла в том, что Марютка, полюбившая и застрелившая поручика, должна была подавить в себе не дурные, темные чувства, а самые светлые и естественные — любовь и доверие. В эпоху классовых битв люди не имеют еще права на полную и безоговорочную свободу личных чувств. В обществе, разделенном на классы, не может быть гармонического проявления живого чувства, мосты разведены между близкими — в любовь, в эту защищенную, казалось бы, от бурь цитадель, также залетают снаряды и пули. Человек, ведущий битву, еще не имеет права целиком довериться своим чувствам, враг остается врагом, даже любовь классова, она не страхует от предательства, политической измены. Итак, Марютка застрелила поручика. Попачалу, когда похвасталась «сорок первый» — не попала, теперь, полюбив, застрелила. Удивительно емкая композиция этой повести — между двумя выстрелами Марютки, по существу, и проходит драма, рождается любовь, сорок первый на боевом счету спайпера Марютки стал первым на счету девичьего сердца.

Повесть заканчивается трагически. Падает мертвый поручик, а на тело его с плачем кидается Марютка: «Родненький мой! Что ж я наделала? Очнись, болезный мой! Спшегла-азенький!» И пораженные этой неведомой им трагедией, «с врезавшегося в песок баркаса смотрели остолбенелые люди».

Почему же трагедия, если Марютка выполнила свой революционный долг до конца — убила врага, не поддавшись личным своим чувствам? Да потому, что человек, исполнивший долг, но расставшийся со светлым чувством, не может быть счастлив. Несчастлива была и Марютка.

Лавренев не боялся трагических финалов своих повестей, и в этом он прав, так как не покажи он гибели своих героев, не покажи слез Марютки, обесценились бы народные жертвы. Вс. Вишневский одну из своих пьес назвал «Оптимистическая трагедия». Именно оптимистической трагедией может быть назван и лавреневский «Сорок первый». Оптимистической потому, что несчастье или даже смерть человека ради пользы народного дела — не безысходны, этих людей не забудут. Не забыли и лавреневскую Марютку, вот уже сколько лет читают и перечитывают эту повесть об ее несчастной любви и счастливой доле бойца за ленинскую правду.

Есть еще и третий поворот у этой повести — собственно эстетический. Марютка, темная, безграмотная, огрызками карандаша на грязных кусках старых газет пишет стихи — топорные вирши. Нигде не берут этих стихов у Марютки, говорят — «необработанные», а она предлагала их в журналы, ходила в редакции. Лавренева с первых дней писательской жизни занимала проблема культурного наследия в условиях пролетарской революции. Он был одним из немногих тогда литераторов, понимавших, что нельзя искусственно, на голом месте вырастить совершенно новую пролетарскую культуру, что только вбирая все лучшее, сделанное мировым прогрессом, может молодая Советская власть подняться на уровень высочайшего искусства. В этом смысле повесть «Сорок первый», где Марютка пишет корявые стихи, посвященные Ленину, пронизана поистине ленинским настроением, ленинским пониманием смысла культурной революции как революции наследующей, а не разрушающей вековую культуру. Марютка, услышав, что стихи ее плохи, не злится, не кичится пролетарским своим происхождением, не тычет в нос всем и каждому, что она победитель, и поэтому, мол, уже готовый творец в искусстве. Неожиданно скромно и покорно говорила боевая бесстрашная Марютка: «Значит, невозможно народовать? Необделанные?.. Ну, еще потрудюсь,— ничего не поделаешь...» И в этой скром-

ности победителей Лавренев видел залог их будущих творческих успехов, он верил в таких, как Марютка, знал, что еще выйдут из них и великие ученые, и талантливые писатели. И когда белый офицер, как и все, кто читал в редакциях ее стихи, сказал Марютке: «Да, здорово! Видно, что от души написано... Но стихи очень плохие, необработанные, неумелые», она не обиделась. Вот что отвечала Марютка офицеру: «Это везде сказывают, точь-в-точь как ты: «Ваши стихи необработанные, печатать нельзя... А как их обделать? Что в их за хитрость? Вот вы ентиллегент, может, знаете?» Марютка в волнении даже назвала поручика на «вы», и очень трогательно здесь это «вы». Класс победителей обращается к побежденным, более того — пленным, с уважительным «вы», когда речь заходит о знаниях, об образовании. В этом побежденные понимают больше и это надо признать, не стесняясь, не коснея в комчванстве. Об этом снова станет писать Лавренев в произведении «Гравюра на дереве». Елена Кудрина — одна из героинь повести — все еще живет в ритмах и понятиях гражданской войны. На ней все тот же уродливый военный костюм, она враг женственности, культуры; обед на газете, холодный дом, жизнь на пароде, крепкое бранное словцо, традиционные фразочки — «мы университетов не кончали» — вот духовный мир Елены, хотя уже наступили тридцатые годы и кругом во всю кипит созидательная работа. Придя в революцию безграмотной и темной, она и осталась такой же, полагая, что стремление к культуре — удел буржуазии. Елена из «Гравюры на дереве» — это как бы остановившаяся в своем развитии Марютка. Но в Марютке, тянущейся к знаниям, автор видел перспективу роста, сознательный же нигилизм воспринимался им драматически, гибельно для человека. Подобные мысли встретим мы и в рассказе А. Толстого «Гадюка», и в пьесах Б. Ромашова «Огненный мост» и «Конец Криворыльска», и в драме А. Глебова «Инга», и в романе Чумандрина «Фабрика Рабле» — словом, во многих произведениях 20—30-х годов, где в органическом единстве с важными социально-экономическими проблемами индустриализации и коллективизации страны стояла и такая дилемма — быть ли ей страной действительно высокой культуры или жить дальше с невежественно-кичливой репликой архиловых глупцов: «Мы университетов не кончали». И это тоже была поли-

тика. У истоков ее стояла и такая повесть, как «Сорок первый» Лавренева.

Есть в «Сорок первом» и другие достоинства — великолепно описанный пейзаж, точное чувство слова, лаконизм как форма особенно напряженного психологизма.

Желтые пески, яркие кожанки, горячий свет солнца, бледность истощенных лиц, черные провалы вместо глаз, изглоданные болезнями тела, пыльная шерсть верблюдов, пестрые халаты местных жителей — вся эта разнообразная цветовая гамма тоже передает стронувшуюся со своих мест жизнь, сумятицу, неразбериху гражданской войны. Не только люди, но и краски столкнулись в яростной битве: кто победит, какие люди, какие цвета — белый или красный?

И в сценах на острове Лавренев, иногда оставляя Марютку и офицера, тщательно описывает игру синей свежей воды гиблого Аральского моря. И здесь дано столкновение контрастов — юная любовь Марютки и поручика, такая же ласковая, как тихая вода, обречена, мертва, эта любовь, как и раскаленное, убитое солью море. Пейзаж в «Сорок первом», как и в «Ветре»,— персонаж повести, описание природы ярче раскрывает перед нами драмы и чувства людей. Но всего не перескажешь да и не нужно — остальное придет вам в голову и самим, когда вы станете думать над творчеством Лавренева, перечитывать его книги, полюбите их, а мы надеемся, что это обязательно случится.

И. Вишневская

Борис Лавренев

Избранное

Составитель Д. Д. ЗУЕВ

Москва
«Просвещение»
1973

«РАЗЛОМ» — КЛАССИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ, ОБРАЗЕЦ НАРОДНО-ГЕРОИЧЕСКОЙ ДРАМЫ 20-Х ГОДОВ

...1927 год был удивительно плодотворным для молодой советской драматургии. К десятилетию Октября одна за другой появились новые пьесы, которым суждено было заложить краеугольные камни в основание советской классики, в величественное здание советского театра.

Празднование октябрьских годовщин всегда служило активным стимулом для развития искусства, знаменательные даты народной памяти становились и датами замечательных народных побед в искусстве.

Если 1927 год был отмечен такими пьесами, как «Любовь Яровая» К. Тренева, «Разлом» Б. Лавренева, и чуть раньше «Штормом» Билль-Белоцерковского, то в 1937 году двадцатилетие Советской власти мы уже встречали погодинским «Человеком с ружьем», где впервые вышел на сцену Владимир Ильич Ленин.

К тому моменту, когда Лавренев написал «Разлом», он уже был известным писателем, автором рассказа «О простой вещи», «Сорок первого», «Седьмого спутника» и многих других первоклассных повестей, сделавших его имя громким и славным. И все же главное — драма «Разлом» еще была впереди.

Миллионам людей слово «Разлом» известно так же, как то, что Серафимович — это «Железный поток», Островский — «Как закалялась сталь», Фурманов — «Чапаев». Это те случаи, когда имя писателя и название его произведения сливаются полностью, становясь как бы тождественными друг другу. Лавренев — это «Разлом», «Разлом» — это Лавренев. «Разлом» оказался главным делом всей его жизни, хотя писал он много, и до и после этой пьесы.

Прозаик Лавренев всегда тяготел к драматургии. Многие его рассказы построены как пьесы — есть там и диалоги, и ремарки, и быстрая смена картин, и мелькание эпизодов, и завязка, и апогей, и развязка, и катарсис, т. е. высокое душевное очищение в процессе исхода, разрешение конфликта. Не случайно, как мы уже говорили, на сцену пришли почти все произведения Лавренева — и те, что писались как рассказы, очерки, повести, казалось бы, далекие от театра. Переход к «Разлому» был органичным для писателя. Он овладевал не чуждой для него формой, но просто поворачивал новыми гранями свой талант, и поэтому «Разлом» — зрелое творение зрелого писателя. Да и образы, выведенные в «Разломе», не начинались там с ноля, с ничего — к ним вела дорога таких рассказов и повестей, как «Ветер», «Сорок первый», «Рассказ о простой вещи», «Седьмой спутник». Многое было уже накоплено, обращено в этой пьесе в новое, более совершенное качество, когда все, ранее разбросанное по отдельным произведениям, собиралось воедино, потрясая сердца, эхом отдаваясь в будущем. К образу матроса Годуна подготавливали, скажем, такие характеры, как Василий Гулявин из «Ветра», как Марютка из «Сорок первого». Годун — их духовный побратим, вобравший в себя их мужество, романтическое видение революции, но навсегда поставивший законом жизни — законы революционной дисциплины.

Есть свои подходы, свои накопления и к образу капитана Берсенева из «Разлома», интеллигента, перешедшего на сторону революции. Это и разведчик Орлов из «Рассказа о простой вещи», и старый генерал Адамов из повести «Седьмой спутник». На характер генерала Адамова хочется обратить ваше особенное внимание, потому что в нем писатель поднялся до больших психологических вершин, сумев раскрыть и то, что приобрел человек старого мира, ставший верно служить миру новому, и то, что навсегда потерял он — не в материальном, но в духовном исчислении. Мирный переход из одного класса в другой тоже не бескровен — на этом нелегком пути обрываются дорогие связи, рушатся святые чувства, остаются неизгладимые сердечные раны. Вернулся генерал Адамов из тюрьмы к себе на квартиру, где жил до революции. Вернулся другим, трудовым человеком, уже связавшим свою судьбу с судьбой народа. И захотел он взять с собой старые письма, фотографии, дневники. Но все это сожгли, выбросили,

растерял — да и зачем этот хлам,— удивляется домоуправ; неужели нужны мужчине, генералу, какие-то письма? И тогда сказал Евгений Адамов нечто непонятное домоуправу: «Никто не смеет отнять у меня воспоминания»... вслед за этим он, сломавшись, ссунулся в кресло и заплакал». Не плакал, когда арестовывали, когда узнал, что заняли квартиру, заплакал, услышав, что у него отняли воспоминания. И унес из квартиры никому не нужную, с точки зрения новых жильцов, вещь — тяжелый портрет покойной жены. Все это очень важно, то, о чем пишет здесь Лавренев. Речь идет о воспитании чувств, об умении воспитывать свой эмоциональный мир, так же, как и мир идейный, о том, что умение развивать в себе чувство прекрасного — тоже «часть партийной работы». Многое из того, что пришлось пережить Адамову, встретим мы и в «Разломе», в образе капитана Берсенева. И он, уйдя в революцию, потеряет дочь Ксению, вынужден будет своими руками отдать на смерть зятя, офицера фон Штубе, возглавившего заговор против революционных матросов. И у Берсенева не только радость новой жизни, но и боль от ран, нанесенных этой жизнью, самой ее логикой. Так искусство Лавренева становится особенно человечным, что и есть одно из первых условий подлинного искусства — оптимизм должен быть в нем гуманистическим, а не бодрическим.

Пьесу «Разлом» окружали другие, уже названные нами драмы Тренева, Вс. Иванова, Билль-Белоцерковского. Это были не просто случайные спутники, могущие существовать и отдельно, но пьесы-флагманы, родственные по духу, проблематике, открывающие новые пути молодой советской драматургии. «Любовь Яровая» К. Тренева вошла в историю театра и литературы, во-первых, центральным своим характером, образом учительницы Любови Яровой, идущей к революции, разрывающей личные связи во имя нового, куда более крепкого союза, союза единомышленников. Перу Тренева принадлежит и замечательный образ моряка, братишки Шванди, беззаветно преданного делу народа, весело, озорно воюющего с контрой, пробивающегося к свету через века темноты и невежества. Запомнили читатели и зрители и знаменитого комиссара Кожина, стойкого коммуниста, умеющего среди миллионов дел одного дня гражданской войны не упустить главного — формирования нового человеческого характера, уме-

ния понять и приблизить к себе тянущуюся к революции интеллигенцию. И характеры эти, и сами проблемы были очень близки лавреневскому «Разлому», где путь, схожий с путем Любови Яровой, проходил капитан Берсенев, где у истоков образа матроса Годуна стояли сразу и лихой братишка Швандя, и несгибаемый большевик Кошкин.

Близок по тональности «Разлом» и пьесе Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69», где речь идет о партизанской борьбе сибирских крестьян с интервенцией. В этой пьесе есть незабываемая сцена на колокольне, над постановкой которой особенно тщательно и любовно работал в Художественном театре К. С. Станиславский. Партизаны поймали американского солдата. Долго не могли они сговориться, не зная языка друг друга. Тщетно пытались объяснить ему смысл их борьбы, бессмысленность его появления на чужой земле. Американец не понимал ни их жестов, ни взволнованной речи. Но вот один из сибиряков догадался: «Ленин»,— сказал он американцу,— «Ленин». И тогда тот понял, заулыбался, стал обнимать недавних врагов, повторяя за ними: «Ленин», «Ленин». Это было слово мирового пожара, мирового интернационала, это был знак, по которому простые люди всех стран понимали друг друга.

И Годун у Лавренева рассказывает, как он видел Ленина, как навсегда определила для него эта встреча и жизнь, и борьбу, и смысл бытия.

И «Шторм» Билль-Белоцерковского, драма, стоящая несколько особняком (стилистика ее непохожа на традиционное развитие действия в «Любови Яровой» или «Разломе»), все же сродни пьесе Лавренева. Созвучны даже и сами названия — «Шторм», «Разлом» — и в том, и в другом слышится буря, натиск, грохот, крушение старого мира.

Все эти пьесы, показанные когда-то в лучших театрах страны — «Любовь Яровая» — в Малом театре, «Бронепоезд 14-69» — во МХАТе, «Шторм» — в театре Моссовета, «Разлом» — в театре им. Вахтангова,— помогли и старейшим нашим коллективам, и юным постичь новый характер современника, овладеть новой, революционной тематикой.

«Разлом» в театре им. Вахтангова ставил ныне известный, а тогда еще молодой режиссер А. Д. Попов, декора-

ции к спектаклю делал также в те времена начинающий, впоследствии крупнейший художник и режиссер Н. П. Акимов.

«Вот чудесный спектакль, которому от начала до конца хочется аплодировать. Молодой, свежий, бодрый. Острый и по актуальному сюжету революционной темы, и по художественному разрешению...» — так писал рецензент тех лет о «Разломе» у вахтанговцев в газете «Вечерняя Москва». (15 ноября 1927 года. Э. М. Бескин.) Надолго запомнилась и великолепная игра актеров: Щукина в роли Берсенева и Кузы, исполняющего Артема Годуна, и самый зрительный образ спектакля, ставшего как бы салютом театра в честь Октябрьской годовщины. В финале на верхушку мачты поднимался красный флаг, постепенно все увеличивающийся в масштабах и становящийся огромным, наполненным ветром парусом, на котором даты «1917—1927». Кажется, что двинулся огромный корабль, кажется, что движут его мощные звуки «Интернационала», которыми и заканчивается спектакль. И когда театр им. Вахтангова в 1972 г. праздновал свое пятидесятилетие, среди самых славных спектаклей, определивших творческое лицо театра, одним из первых назывался лавреневский «Разлом».

В пьесе Лавренева — драма, действие начинается уже с заглавия, которое, как и «Мистерия-буфф» Маяковского, и «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, и «Поэма о топоре» Н. Погодина, уже не просто названия, но новые категории эстетики. В «Поэме о топоре», соединив два эти слова: высокое — *поэма* и низменное — *топор*, драматург уже раскрывал новый пафос свободного труда, уже начал воспевать его, еще не сказав ни слова о героях пьесы. То же и «Разлом». В этом названии заложены разные и глубокие пласты. «Основная мысль спектакля,— писал режиссер Алексей Дмитриевич Попов,— заключена в этом названии — разлом. Разламывается общество, и приходят новые группировки по классовому принципу. Разламывается семья, и возникают группировки внутри семьи — за революцию и против нее. Наконец, разламывается человеческая психика, и возникает... личная трагедия одного человека». В таком режиссерском понимании пьесы и заключено почти все, что поставило ее в ряд лучших произведений советской драматургии. Если бы автор и театр показали только разлом общественный, разлом

между классами, конфликт этой пьесы оказался бы традиционным, уже бытовавшим в литературе. Но Лавренев, а вслед за ним и театр им. Вахтангова пошли дальше. Они показали разлом в одной семье, между любящими и близкими, между людьми одного круга, одного воспитания. Но и это было не все, здесь также были предшественники у «Разлома».

Поистине открытием было то обстоятельство, что Лавренев показал разлом, происходящий в сознании самого человека, в его душе, разлом между старыми привычками и понятиями, между новыми идеями, вызванными к жизни новой действительностью.

Так, противоречия есть даже в характере стойкого, цельного Артема Годуна, делающего все по приказу партии, по велению сердца. В чем могут быть сомнения у человека, наведшего на Зимний пушки крейсера «Заря» («Аврора»), возглавившего революционное восстание на корабле? Но, не почувствовав сложности характера Годуна, актер создаст образ однолинейный, глубинный смысл пьесы исчезнет. Разлом в этой пьесе имеет значение двоякое: убивающее душу человека или, напротив, возрождающее ее к новому бытию.

Антагонист Годуна — офицер фон Штубе, человек по-своему сильный, тоже цельный своей ненавистью к революции. И в его сознании происходит разлом. Для него он смертелен, для Годуна же — плодотворен. В чем смысл разлома для Годуна? Простой матрос, он становится вожаком масс. Вчера еще равный товарищам, сегодня он отдает приказы, принимает решения, мыслит не только за себя, а и за других. Но не так-то просто рядовому почувствовать себя вожаком и доказать это окружающим. Поэтому-то и идет в сознании Годуна своеобразная борьба между вчерашним и сегодняшним его днем. Вчера, быть может, он еще был таким же, как Василий Гулявин в «Ветре», романтическим и лихим, анархиствующим и дерзким, не взвешивающим ни *за* ни *против*, умеющим лишь крошить беляков в открытом бою. Сегодня Годун — мозг восстания, в его руках нити революционных событий, он связан с партийным центром, сегодня он должен взвешивать все *за* и *против*, он уже полководец, стратег, а не просто братишка Артем. Он по-прежнему неотделим от матросов, но уже вобрал в себя их волю, силу, чтобы повести за собой на штурм Зимнего — оплота царизма. Там,

где они еще действуют подчас стихийно, он уже стоит на твердой почве большевистской сознательности. И нелегко Годуну привыкать к этому отличию. Он стесняется иногда своих товарищей, то будучи слишком строг, чтобы не потопить в фамильярности дисциплину, то слишком говорлив и шутлив, чтобы не подумали, будто зазнался. Иногда матросы поправляют его, когда уж слишком единолично принимает он решения, иногда обижаются, не все так уж гладко идет у Артема, хотя путь его розен — путь к ленинской правде. Не видя этого своеобразного разлома в сознании, трудно понять рост характера Годуна, диалектику революционных боев, формирующих кадры командиров нового типа, командиров, неразрывных с народом.

По-иному разламывается мир и для фон Штубе — души контрреволюционного заговора на крейсере. Летят в пропасть его старые представления о чести, совести, святости офицерского мундира, превосходстве дворянского происхождения, голубой крови. Он видит и сам, как продали Россию офицеры и дворяне, как опозорен офицерский мундир, как пустым звуком оказалась дворянская честь. Но не делает правильных выводов. Напротив, ненависть ослепляет его, и он, не веря, пытается вернуть старое. Этот разлом убивает фон Штубе сначала духовно, а потом и физически. Для него ветер революции не освежающая буря, как для Гулявина, Орлова, Марютки, Годуна, а черный смерч, срывающий единственную его опору в жизни — золотые погоны. Так возникает не только сюжетный, но и драматический, нравственный, идейный смысл понятия «разлом».

Наиболее яспая фигура в концепции разлома — дворянин Берсенев, тесть фон Штубе и начальник Годуна, постепенно освобождающийся от своих сословных предрассудков и переходящий на сторону народа. Годун и выходит из народа, из массы, чтобы показать ей путь вперед, и снова сливается с нею. Берсенев входит в народ, чтобы в массе скорее сгорели все его старинные кастовые заблуждения. Тема интеллигенции и революции очень занимала тогда писателей. Эта тема была поистине драматической, поставленной на повестку дня самой жизнью. По существу, именно об этом была пьеса «Любовь Яровая». Впоследствии этой теме посвятит свою драму «Человек с портфелем» А. Файко, еще позже А. Афиногенов напишет об этом пьесу «Страх», в ряд этих же произведений

войдут и такие романы, как «Братья», «Первые радости» и «Необыкновенное лето» К. Федина и другие.

Свою лепту вложил в эту насущную тогда тему и Лавренев образом капитана Берсенева. Однако здесь есть некоторое отличие. Если интеллигенты Файко и Афиногенова делали революцию на фронтах науки, где полемика была хоть и сильной, но все же решалась не оружием, то капитан Берсенев выбирал в ту минуту, когда Октябрь лишь начинался, когда битва была еще в разгаре и оружие еще было не только у Годуна, но и у самого Берсенева. Писатель выбрал для своего героя ситуацию более драматическую, более выразительную. Путь Берсенева очерчен точно, ярко, без двусмысленностей, без недоговоренностей, здесь все определенно и четко. Не случайно фразу Берсенева «Ломать буржуйский хомут» прославленный советский актер Борис Щукин, игравший эту роль, делал главной. Его не столько интересовали колебания Берсенева, сколько его ясность, финальный итог его пути: устремление вперед с Годуном, вместе с матросской республикой ломать буржуйский хомут.

Рядом с Берсеневым и его дочь Татьяна, понимающая его, разделяющая его взгляды, более того, полюбившая Годуна, и через эту любовь еще теснее приближающаяся к постижению революции.

Далека от отца вторая дочь — Ксения, запутавшаяся в сложностях времени, выбирающая путь цинизма, глупой бравады, противопоставления своих маленьких, мелких капризов истинному движению жизни. Образы Татьяны и Ксении ярче оттеняют характер капитана Берсенева, показывают победу лучшего, светлого в душе русского патриота. Изображая семью Берсенева как маленькую частицу общества того времени, Лавренев следовал Горькому, умевшему через разлом семьи показывать разлом общественно-социальных формаций.

Постепенно все линии пьесы стягиваются к одному из центральных событий — к контрреволюционному заговору на крейсере «Заря», поднявшему флаг революции. И здесь мы снова сталкиваемся с понятием «интересно», с таким пониманием литературы, когда важны и характеры, и захватывающая интрига, яркая фабула. В связи с таким построением пьесы, когда есть заговор, заговорщики, раскрытие заговора, Лавренева нередко упрекали тогдашние критики — можно было думать, что сюжет станет перене-

шивать психологический анализ характеров. «Недостатком пьесы,— писали тогда критики,— является некоторый перевес фабульности в чисто кино-американском духе, несколько смазывающей психологическую значительность темы». Мы бы никак не согласились с подобным заявлением, продолжая, как и в случае с «Ветром» и «Сорок первым», считать, что произведение с любой серьезной мыслью должно быть написано интересно, увлекательно, для того чтобы автора и его книги не только уважали, но и читали. Действительно, Лавренев сместил реальные события — попытка офицерского заговора на корабле произошла год спустя после Октября, но писатель счел возможным перенести этот заговор в бурную обстановку предоктябрьских дней, и сделал он это, думаем мы, правильно. Лавреневу удалось соединить действие и психологию, интересный сюжет и интересные характеры,— и в этом залог долгой жизни «Разлома». В заговоре полнее раскрываются характеры всех персонажей драмы. Конкретные формы приобретает ненависть фон Штубе, одного из организаторов и вдохновителей взрыва «Зари», появляется душевная диалектика в характере Берсенева, вдруг не к месту вспоминающего о пресловутой дворянской чести, когда его осквернили подозрением. Во всю мощь обнаруживается характер Годуна, именно в борьбе с контрреволюцией получающего свою окончательную отделку, и, наконец, проводится резкая грань между Ксенией и Татьяной Берсеневыми: Ксения собирается смотреть на взрыв в бинокль, а Татьяна успевает предупредить матросов об опасности. Напряженный сюжет не помешал, напротив, помог автору яснее выявить характеры, точнее показать смысл происходящего разлома.

Пьеса «Разлом» сильна своей народностью, своей массовостью, огромным вниманием автора к жизни матросской республики, матросов «революционной «Зари». Лавренев показал себя первоклассным мастером народных сцен, живописцем огромных народных масс, что и делало новую литературу новой, необычной.

Если раньше герой стоял на авансцене, а народ шумел где-то на втором плане, лишь подыгрывая ему, но ничего сам по себе не решая, то в драмах, созданных после Октября, коренным образом меняется само существо конфликта: народ выдвигает героя, именно народ — главное лицо пьесы, а герой вдохновлен этим народом. Именно

такую расстановку сил найдем мы в драме Лавренева, которая, повествуя об истории семьи Берсеневых, не стала повится камерной, потому что история этой семьи — лишь производное от жизни крейсера, от жизни матросской республики. Лица матросов, написанные в этой пьесе Лавреневым, запоминаются так же, как Годун и Берсенев. Мы будем помнить и развязного анархиствующего бездельника, и страшного пособника офицеров — боцмана, и тех, кто идет за Годуном,— словом, пьеса эта столько же о Годуне и Берсеневе, сколько о тех, кто ждет их слова, о тех, кто выдвинул их на поверхность революционной борьбы.

Народность пьесы «Разлом» состоит еще и в теснейшей слитности Годуна и матросской массы. Отдавая ему свои голоса, свое доверие, свои мечты, матросы как бы вверяют Годуну частицы своих судеб и характеров. Годун постепенно становится не только конкретной, индивидуальной личностью, но и образом собирательным, народным характером. В пьесе нет сцен изолированных, разделенных друг с другом — сцены в доме и на корабле. Любые изменения судеб человеческих тут же сказываются на изменениях судеб народных. Именно так понимал существо трагедии Пушкин, полагавший существо конфликта народной драмы в двух обязательных ее планах — судьбе человеческой — судьбе народной.

Одна из лучших в пьесе — сцена на крейсере, когда контр-адмирал в сопровождении меньшевиствующих ораторов приезжает уговаривать матросов бросить восстание, честно и трогательно служить Временному правительству. В этой сцене во всю мощь проявляется юмор Лавренева, его тонкое политическое чутье, умение писать толпу так, чтобы она состояла из отдельных, живых и запоминающихся лиц. Эта массовая сцена навсегда вошла в нашу драматургическую классику вместе со сценой прощального матросского бала, проникновенно и сильно описанного Вс. Вишневским в «Оптимистической трагедии».

В «Разломе», как в фокусе, собравшем все волновавшие писателя проблемы времени, снова звучит авторская мысль, тогда чрезвычайно важная, вовсе не такая ясная, какой она выглядит сейчас,— отбрасывая старое, мы должны брать у него лучшее, народ не может начать строить свою культуру на голом месте, с нуля, ее точка отсчета — все передовое, все лучшее, что уже было добыто культу-

рой веков. Не только любовь к Татьяне ведет Годуна в дом к Берсеневым. Годун учится у Татьяны всему, что не могла ему дать его среда, воспитание. Он учится у нее культуре, чтобы взамен научить ее алгебре революции. Тяга Годуна к знаниям написана Лавреневым красочно и трогательно. Человек этот, опоясанный пулеметными лентами, не выпускающий из рук оружия, наводящий пушки своего крейсера на старый мир, бережно хранит, не расставаясь с ним даже в часы испытаний, английский учебник. Он, еще не знающий, выживет ли, уже учит английский язык, чтобы быть на уровне своей исторической победы, исторической победы народа. Спустя годы о таком же бойце революции расскажет Шолохов в «Поднятой целине». Вы, конечно, помните, как трогательно учил Макар Нагульнов трудные чужие слова, и для чего — для того, чтобы лучше и скорее мог понять его мировой пролетариат. Да, такие люди, как Годун, как шолоховский Нагульнов, начинающие учить язык на фронтах борьбы за революцию, борьбы за коллективизацию, такие люди еще станут и великими умами, и великими учеными нового мира. Но писатель умеет показать и диалектику учебы классов друг у друга. Не только Годун учится у Татьяны, но и Татьяна учится у Годуна. Отлично зная науку книжную, Татьяна не знает науки революционной борьбы. Она учится у Годуна ясно видеть цель и не колеблясь идти к ней.

Важно заметить еще вот какое обстоятельство этого времени. Образы большевика Пеклеванова из «Бронепоезда 14-69», комиссара Кошкина из «Любови Яровой», председателя укома из «Шторма», лавреневского Годуна были теми образами первых героев времени, которые вели к созданию самого великого характера эпохи — характера Владимира Ильича Ленина, появившегося в 1937 году на советской сцене. Образ Ленина в нашей драматургии, в таких пьесах, как «Человек с ружьем» Погодина или «Правда» Корнейчука, был подготовлен характерами стойких большевиков-ленинцев из пьес, предшествовавших драматургической Лениниане.

Писатели постепенно накапливали, учились показывать такие черты в героических своих персонажах, которые мы узнаем потом в характере, в делах и жизни Ленина на сцене в первых пьесах о нем — «Правде» Корнейчука, «Человеке с ружьем» Погодина, «На берегу Невы»

Тренева. Образ Ленина не мог быть создан нашей драматургией без самой тщательной идейной и творческой подготовки. Подготовку эту писатели проходили в таких пьесах, как «Разлом» или «Шторм», чтобы товарищи их, приступавшие к героическому подвигу всей советской литературы — созданию образа Ленина — могли взять у них эстафету, воспользоваться уже сложившейся в чем-то традицией изображения героического характера времени. Мы уже говорили, что Годун рассказывает о том, как он видел Ленина, о своих встречах с Лениным делятся почти все герои самых разных произведений 20-х годов. И в этих рассказах тоже зарождается сценичный ленинский портрет, и в этом тоже заключена особая значительность первых наших революционных пьес.

...«Разлом» — далеко не единственная пьеса в творчестве Лавренева. Он был не только великолепным прозаиком, но и крупнейшим драматургом. Именно драме были отданы последние, самые зрелые годы его жизни. Среди пьес Лавренева есть менее известные, такие, как «Мятеж», «Кинжал», «Братья Шаховские», «Мы будем жить», есть драмы более известные — «Голос Америки», «Лермонтов», «Песнь о черноморцах». Одна из лучших его пьес, наиболее тесно связанная с «Разломом»,— драма «За тех, кто в море», написанная в 1947 году. В пьесе этой, как и во многих других произведениях Лавренева, посвященной морю и его отважным людям, снова возникает тема разлома, идущего в сознании людей. Только теперь друг против друга стоят не открытые враги, как Годун и фон Штубе, а два советских капитана, одинаково храбро воевавших с фашизмом,— капитан Максимов и капитан Боровский. Максимов — потомок Годуна, человек той же духовной формации, тех же великих революционных убеждений, ненавидит всякую похвальбу, браваду своим геройствам, всякие потуги на личный успех, на присвоение себе одному коллективной славы. Наверное, и Годун вел бы себя так же, как Максимов, если бы встретился с пустозвоном Боровским, чья храбрость не в радость людям, столько он болтает о своем героизме, столько требует себе наград и так лишен скромности, что, несомненно, Годун поставил бы его на место. Именно Годуну, истинному герою революции, даже мысль о наградах была чужда, его наградой была победа народа.

Боровский любит эффектную позу, громкую славу, любит, чтобы говорили о нем, а не о существе дела, борьба с врагом для него в каком-то смысле возможность похвастать своими личными качествами, а не мужеством своего отряда. И сама храбрость Боровского — награнная, требующая постоянных похвал, аплодисментов и поощрений. В мирной жизни такой Боровский был бы просто неприятен людям, карьеризм отталкивал бы от него друзей. В дни войны каждый просчет человека оплачен кровью товарищей. И поэтому когда Максимов выступает против Боровского, мы не только разделяем его позицию, но пытаемся найти новые доводы для полюбившегося нам скромного и поистине мужественного человека, чтобы он мог еще активнее развенчать позерство Боровского.

Конфликт этой пьесы в каком-то смысле повторяет столкновения, описанные в «Разломе». И хотя война гражданская совсем не тождественна войне Отечественной, все же две эти пьесы имеют общее. Общее в том, что Годун и Максимов люди одной закваски, понимающие свой долг перед народом как умение слушать голос народа, как строжайшее исполнение воли партии. И в развязном, слышащем только себя Боровском узнаем мы кое-какие черты анархиствующих матросов из «Разлома», для которых революция была лишь средством показать себя, пошуметь, сбросить в море любые авторитеты, не подчиняться никакой дисциплине. Выросшим и повзрослевшим Годуном, прошедшим вместе со страной ее славный путь,— вот кем представляется нам капитан Максимов, когда воюет не только с фашизмом, но и с людьми типа капитана Боровского.

...Как мы уже говорили, интерес к пьесе Лавренева «Разлом» не остывал ни в какие эпохи. Но, быть может, особенно ярко вспыхнул он в годы Великой Отечественной войны, не случайно Лавренев в 1944 году даже сделал новую редакцию «Разлома», кое-что уточняя, дополняя, сверяя со временем. В дни великой битвы с фашизмом пьеса Лавренева вновь и вновь напоминала о тех завоеваниях Октября в политике, быту и психологии человека, которые должны были отстоять воины сороковых годов. В злобном враге революции — фон Штубе зрители времен Великой Отечественной войны видели как бы олицетворение темных фашистских сил, самое имя его — Леопольд

напоминало о немецких захватчиках, гнев и ненависть, вызываемые фон Штубе в самой пьесе, были живыми, понятными людям сороковых годов.

Жив и сегодня моряк Годун, и он не в прошлом, этот славный солдат революции. Его имя мы найдем во всех наших учебниках, во всех историях театра и литературы, среди тех, кто начинал, кто навсегда вошел в золотую галерею советской классики. Имя, самый характер, судьбу Годуна мы бы вспомнили сегодня еще и в связи с огромной любовью человека к своему делу, к военной профессии, которая становится призванием. Особая профессия у Годуна — завоевать и охранять народную власть. Он свершил Октябрь, он и защищал его от всяческих белых заговоров. В годы Великой Отечественной войны внуки Годуна снова отстаивали народную власть.

И характер Берсенева не ушел в прошлое, хотя какая же сегодня это для нас проблема — интеллигенция и революция? Но не только сугубо русская, национальная пьеса — «Разлом». Как и все подлинные произведения искусства, она имеет значение интернациональное. Жизнь и судьба Берсенева, его решение перейти в лагерь народной правды имеют и сейчас живое воспитательное значение. Сотни людей доброй воли во всем мире каждый день, каждый час делают свой выбор, и выбор этот все чаще клонится к лагерю демократии, к лагерю социализма.

...С морем, с моряками, с офицерами нового, советского флота была связана вся творческая, да и не только творческая — просто вся жизнь Лавренева. Он и сам был юнгой, матросом, капитаном первого ранга. На белоснежном кителе его офицерской, человеческой репутации не было ни единого темного следа. Белоснежный этот китель, который он так часто носил в знак неразрывной связи с людьми нашего флота, писатель пронес через время незапятнанным.

Лавренев как бы сам соединил в себе две эти натуры — капитана Берсенева, прошедшего с революцией, и матроса Годуна, рожденного революцией. Он сам, Борис Андреевич Лавренев, переживший разлом и выбравший сторону народа, был олицетворением подлинно офицерской чести, подлинно солдатской верности своему, раз и навсегда выбранному революционному долгу.

Сейчас один из кораблей советского флота носит имя «Борис Лавренев». Корабли нередко называются именами

писателей, такова благородная традиция флота, теснейшими узами связанного с советской литературой, всегда воспевавшей «матросскую республику». Но, быть может, ни одна писательская фамилия не была столь органично спаяна с флотом, сколь фамилия капитана 1-го ранга Бориса Лавренева. Корабль, носящий его имя, мог бы называться также «Артемом Годуном» — бессмертным именем солдата Октября.

И. Вишневская.

ПРИМЕЧАНИЯ

АВТОБИОГРАФИЯ

Стр. 5 Тарле, Евгений Викторович (1875—1955) — советский историк, выдающийся публицист, лектор и педагог, дейст. член. АН СССР, автор трудов по истории Франции, международных отношений, внешней политики России и др.

Стр. 7, 8 *Люцифер* — в христианской мифологии — дух зла, сатана.

Знаменитый Бурлюк, Давид Давидович (1882—1968) — поэт и художник; один из первых русских футуристов.

Сетон-Томпсон, Эрнест (1860—1946) — канадский писатель, художник-анималист, естествоиспытатель. Написал около 40 книг, главным образом о животных.

Эпатировать (от франц. épater) — поражать, ошеломлять необычным поведением, скандальными выходками, нарушением общепринятых норм и правил.

Стр. 9 *А с неба смотрела какая-то дрянь, величественно, как Лев Толстой* — из стихотворения В. В. Маяковского «Еще Петербург» (1914).

Стр. 12 Белый, Андрей (псевд.), настоящее имя Борис Николаевич Бугаев (1880—1934) — русский писатель, один из теоретиков символизма.

Ритмическая проза — в русском стиховедении проза, для которой характерны определенные стопные закономерности: обычно ударения падают на каждый третий слог, образуя дактиль или амфибрахий, либо анапест. Такая проза отличается от стиха только отсутствием членения на стихотворные строчки.

Стр. 13 Киквидзе, Василий Исидорович (1815—1919) — герой гражданской войны в СССР.

ВЕТЕР

Повесть написана в январе — мае 1925 года.

Впервые опубликована в «Литературно-художественном альманахе для всех», кн. 1, изд. «Прибой». Л., 1924.

Стр. 19. *Шкерт* — в морском деле — тонкая веревка.

Стр. 22 *Бланманже* — буквально желе из сливок или миндального молока. «Отъемся на... бламанжах» — сытно и вкусно питаться.

Стр. 26 *Флотский экипаж* — команда, личный состав корабля.
Софья с крестом на проливах — храм Софии в Стамбуле (Константинополе) — выдающееся произведение византийской архитектуры; сооружен в 532—537 гг. зодчими Анфимиосм из Траялл и Исидором из Милета.

Стр. 28 *Коллизия принципов* — столкновение противоположных точек зрения.

Стр. 38 *Прапорщик* — самый младший офицерский чин в царской армии.

Стр. 39 *...нам килиндрясы не подстать* — в смысле: не нужные учтивости.

Стр. 46 *...кликнуть кота и пришить этого гостя* (жаргон.) — позвать сообщника и убить обобранного человека.

Стр. 49 *Дроздовцы* — солдаты из армии белого генерала Дроздова.
В духонинском штабе в адъютанты пошел..., стр. 56.
...послать к Духонину... — Духонин — генерал царской армии, исполнявший обязанности главнокомандующего. После Октябрьской революции и бегства Керенского отказался выполнить приказ Совета Народных Комиссаров о начале мирных переговоров и был убит матросами при захвате Ставки, расположенной в городе Могилеве. В переносном смысле: *послать к Духонину* — расстрелять.

Стр. 55 *Курултай татарский* — общее собрание, съезд.

Стр. 56 *Каменные бабы...* — древние каменные памятники — истуканы. Сохранились со скифских времен.

Стр. 57 *Киммерийская давняя тайна* — в античной древности фракийское племя (8—7 вв. до н. э.), первоначально жившее на северном побережье Черного моря от Дуная до устья Дона.
Ристалище (устар.) — в буквальном смысле площадь для гимнастических, конных и других состязаний, а также само состязание. «...Над ристалищем печенежских, половецких, татарских орд...» — над местом схваток с кочевниками.

Стр. 67 *Бачь: за млыном гармату ставлять!..* (украин.) — глянь, за мельницей пушку ставят!

Стр. 69 *Большевистский Фош* — Фердинанд Фош — французский маршал, главнокомандующий вооруженными силами Антанты. Здесь в переносном смысле: большевистский главнокомандующий.

СОРОК ПЕРВЫЙ

Повесть написана в марте 1924 года.
Впервые опубликована в журнале «Звезда». Л., 1924, № 6.

Стр. 90 *Тамариск* — южное кустарниковое дерево с мелкими чешуйчатыми листьями и мелкими, собранными в кисти цветками.

Чекалка — шакал.

Стр. 94 *Такыр* — ровное глинистое пространство в пустынях и полупустынях Средней Азии.

Стр. 97 *Немаканы* — местное племя.

Плоенная от *плоить* — завивать (волосы) ровными, параллельными волнами; ровные, параллельные складки.

Стр. 102 *Чумбур* — повод уздечки, на которой водят или за который привязывают лошадь.

Стр. 106 *Ашáй* — ешь.

Стр. 109 *Мангал* — жаровня.

Стр. 111 *Осенние моряны* — осенние юго-восточные ветры.

Стр. 113 *Пеленг* — угол между направлением компасной стрелки и направлением, по которому виден предмет или слышен звук. Выражается в градусах окружности или румбах.

Стр. 134 *Индиговая* — темно-синяя, цвета индиго (добываемое химическим путем темно-синее красящее вещество).

Стр. 135 *Галс* — положение парусного судна относительно ветра. Правый, левый галс — в зависимости от того, с которой стороны дует ветер.

Стр. 138 В 1927 году советский режиссер Яков Александрович Протазанов (1881—1945) поставил фильм «Сорок первый». В главных ролях снимались Ада Войцик, Н. Коваль-Самборский, Н. Штраух. В 1956 году повесть Б. А. Лавренева экранизировал Григорий Наумович Чухрай. В главных ролях снимались Олег Стриженов и Изольда Извицкая.

Стр. 141 Ромашов, Борис Сергеевич (1895—1958) — русский советский драматург.

РАЗЛОМ

Пьеса «Разлом» написана в 1927 году к празднованию 10-летия Советской власти. Впервые поставлена в том же году в Москве, в театре им. Евг. Вахтангова. С тех пор не сходит со сцены советских театров. Неоднократно ставилась за рубежом. Оценивая спектакль вахтанговцев, В. В. Куйбышев говорил, что он оставляет незгладимое впечатление: «Когда смотришь его, снова красочно вспоминаешь все пережитое в годы революции». Пьеса «Разлом» неоднократно экранизировалась. В 1944 году писатель доработал пьесу.

Стр. 160 *Бестужевские курсы* — высшее учебное заведение для женщин. Основаны в Петербурге в 1878 году и существовали до Октябрьской революции. Сыграли значительную роль в развитии высшего женского образования в России.

Стр. 160—161 *...в ладу с заправилами флотской республики* — 30 (17) мая 1917 г. Кронштадтский Совет взял всю власть в Кронштадте в свои руки, сместил комиссара Временного правительства и отказался признавать его власть.

Стр. 162 *...в нервной экзальтации* — в восторженно возбужденном состоянии.

Стр. 163 *Навигация* — здесь: один из разделов науки о судовождении.

Стр. 165 *...кончится вторым Гельсингфорсом...* — в Февральскую революцию 1917 года в ответ на попытку командования Балтийского флота изолировать главную базу флота, расположенную тогда в Гельсингфорсе (г. Хельсинки), от революционного Петрограда и Кронштадта, восставшие матросские массы уничтожили наиболее ярых сторонников царизма.

Стр. 167 *...форштевень сполоснуть...* — *форштевень* — носовая деталь каркаса судна, являющаяся продолжением киля. В данном случае: матросский жаргон — вымыть лицо.

Стр. 168 *...опереточным лейтенантом, моряком с Елагинской стрелки...* — из моряков, постоянно прогуливающихся по стрелке Елагина острова (так называлась западная оконечность острова). До Октябрьской революции это было излюбленное место прогулок петербургской знати.

Стр. 169 *...вмиг по ней наверх, как на формарс по тревоге...* — забрался очень высоко, выше марсовой площадки.

Крюйт-камера — помещение, в котором на военных кораблях во времена парусного флота хранились взрывчатые вещества. Крюйт-камера усиленно охранялась.

Стр. 175 *Ют* — кормовая часть верхней палубы судна.

Кормовой флагшток — рангоутное дерево, предназначенное для подъема и спускания флага.

Стр. 176 *Линь* — тонкий трос. До отмены на флоте телесных наказаний им пороли матросов.

Фал — корабельная снасть (трос, канат), служащая для подъема парусов, флагов или других сигналов.

Хотел за гюйс залить... Буквально: *гюйс* — флаг, поднимаемый на носу боевых кораблей только во время стоянки. Здесь: «залить за воротник» — выпить спиртного.

Стр. 177 *Перлинь* — растительный трос толщиной от 4 до 6 дюймов (10—14 *см*).

Как вахтилось? — Как прошла вахта? На военных кораблях особый вид дежурства, устанавливаемый на определенных постах.

Стр. 178 *Регроград* — противник прогресса.

Бакштов — конец троса, толстого каната, выпускаемый за корму судна при стоянке на якоре для привязывания к нему шлюпок и катеров.

Стр. 179 *Фалрепный* — матрос из вахтенного отделения, назначенный для встречи и проводов прибывающих на корабль лиц командного состава.

Стр. 181 *Пойдем на бак...*— носовая часть верхней палубы судна.

Кнехты — литые из чугуна тумбы, служащие для крепления к ним тросов.

Стр. 185 *...будет тебе, как Иуде, веревка на гафеле...*— повесят, как предателя. *Гафель* — часть оснастки мачты. На современных судах гафель служит для подъема и несения на ходу флага.

Комиссия ВЦИК... Не простые гости — Всероссийский Центральный исполнительный Комитет, избранный на I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 года, находился в руках меньшевиков и эсеров и выступал за сохранение блока с буржуазией, полностью поддерживал Временное правительство.

Стр. 186 *Накрейбриг* — начальник крейсерской бригады.

Стр. 191 *Гордень* — снасть, при помощи которой парус притягивается к рее.

Стр. 196 *Из немцев, а пьет* (чай.— *Д. З.*), *как гостинодворский* — как русский купец, много.

Стр. 197 *Эксцесс* — острое столкновение (обычно в общественной жизни), нарушение нормального хода чего-либо.

Стр. 198 *Николаевский мост* — сейчас мост лейтенанта Шмидта. Последний мост через р. Неву перед ее впадением в Финский залив.

Стр. 204 *Дева печально одна вечно над урной сидит* — из стихотворения А. С. Пушкина «Царскосельская статуя» (1830), написанного поэтом на статую работы Соколова, изображающую девушку над разбитым кувшином, из черепка которого непрерывно льется вода.

Стр. 206 *Поворот оверштаг* — особый поворот корабля, при котором судно пересекает линию ветра носом против ветра.

Стр. 209 *Ушел в морское собрание* — в офицерский клуб.

Стр. 214 *Клотик* — точеный из дерева толстый кружок или шар, которым завершается мачта.

Стр. 219 *Центробалт* — Центральный комитет Балтийского флота был избран моряками Балтийского флота после Февральской революции. Руководство Центробалтом принадлежало в основном большевикам.

Стр. 223 *Разрешите шпиль...*— разрешите включить ворот (механизм), служащий для подъема якоря.

Стр. 224 *Клеванты* — приспособление для крепления флага с фалом.

Стр. 229 Файко, Алексей Михайлович (1893) — русский советский драматург, в своих пьесах преимущественно писал о поисках интеллигенцией пути в революции. К этой теме драматург обращается и в пьесе «Человек с портфелем». Катастрофически заканчивается жизнь профессора Гранатова, беспринципного карьериста, пытающегося с помощью убийства и других преступлений скрыть свои контрреволюционные связи в прошлом и пробраться в ряды советской интеллигенции.

Афиногенов, Александр Николаевич (1904—1941) — русский советский драматург, внес значительный вклад в развитие советской драматургии, особенно жанра психологической драмы и лирической комедии («Чудак» (1929), «Страх» (1930), «Салют, Испания!» (1936), «Машенька» (1940) и др.).

А. С. ПУШКИН

СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

СКАЗКИ

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

ПОЭМА

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1985

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства 3

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ ЛИЦЕЙСКОГО ПЕРИОДА (1813—1817)

1813

К Наталье 4
Монах 7
Несчастие Клита 17

1814

К другу стихотворцу 17
Кольна (Подражание Оссиану) 20
Эвлега 24
Оскар 25
Рассудок и любовь 27
К сестре 28
Красавице, которая нюхала табак 31
Эпиграмма («Аристарх нам обещал трагедию такую...») 32
Казак 32
Князю А. М. Горчакову («Пускай, не зная с Аполлоном...») 34
Опытность 35
Блаженство 36
Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало 38
Пирующие студенты 39
Бова *(Отрывок из поэмы)* 41
К Батюшкову («Философ резвый и пиит...») 48
Эпиграмма (Подражание французскому) («Супругою твоей я так пленился...») 50
К Н. Г. Ломоносову 50
* На Рыбушкина [1] 51
Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой нощи...») 51
Романс 56
Леда (Кантата) 57
Stances («Avez-vous vu la tendre rose...») 59
Mon portrait 60

[1] Здесь и ниже звездочкой отмечены стихотворения, озаглавленные редакторами, т. е. у Пушкина названий не имеющие.

К Наталие 62
Городок (К***) 63
Вода и вино 73
Измены 73
Лицинию 75
Батюшкову («В пещерах Геликона...») 77
Наполеон на Эльбе (1815) 78
К Пущину (4 мая) («Любезный именинник...») . . . 80
К Галичу («Пускай угрюмый рифмотвор...») 82
Мечтатель («По небу крадется луна...») 83
Мое завещание друзьям 85
К молодой актрисе 87
Воспоминание (К Пущину) 89
Послание к Галичу («Где ты, ленивец мой?..») . . . 90
Моя эпитафия 93
Сраженный рыцарь 93
К Дельвигу («Послушай, муз невинных...») 94
Роза 96
Александру («Утихла брань племен; в пределах отдаленных...») 96
«Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...» . . . 98
Слеза 99
«Угрюмых тройка есть певцов...» 99
К бар. М. А. Дельвиг 100
Моему Аристарху 100
Тень Фонвизина 103
Гроб Анакреона 111
Послание к Юдину 112
К живописцу 118
К ней («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...») 118

1816

«Заутра с свечкой грошевою...» 119
Усы. *Философическая ода* 119
* Из письма к кн. П. А. Вяземскому 120
* Из письма к В. Л. Пушкину 121
Принцу Оранскому 122
Сон *(Отрывок)* 123
Экспромт на Огареву («В молчанье пред тобой спжу...») 128
К Жуковскому («Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени...») 128
Окно («Недавно темною порою...») 131
Осеннее утро 132
Разлука («Когда пробил последний счастью час...») . . 132
Истина 133
Наездники 134
Элегия («Счастлив, кто в страсти сам себе...») . . . 136
Месяц 136
Певец 137
К Морфею 137
Слово милой 138
«Любовь одна — веселье жизни хладной...» 138
Элегия («Я видел смерть; она в молчанье села...») . . 139

Желанно 140
Друзьям («Богами вам еще даны...») 141
Элегия («Я думал, что любовь погасла навсегда...») 141
Наслажденье 142
К Маше 143
Заздравный кубок 143
Послание Лиде («Тебе, наперсница Венеры...») . . . 144
Амур и Гименей 146
Финал Анакреона 147
Шишкову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой...») 148
Пробуждение 149
На Пучкову («Пучкова, право, не смешна...») . . . 149
На Пучкову («Зачем кричишь ты, что ты *дева*...») . . 150
Дяде, назвавшему сочинителя братом 150
* Эпиграмма (На Карамзина) («Послушайте: я сказку вам начну...») 150
Кн. В. М. Волконской 150

1817 (Лицей)

К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин...») . . 151
Элегия («Опять я ваш, о юные друзья!..») 151
К молодой вдове 152
Безверие 153
Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью...») . . . 155
Стансы (Из Вольтера) («Ты мне велишь мечтать душою...») 156
В. Л. Пушкину *(Отрывок)* («Что восхитительней, живей...») 157
Письмо к Лиде («Лишь благосклонный мрак раскинет...») 158
Князю А. М. Горчакову («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...») 158
В альбом («Пройдет любовь, умрут желанья...») . . . 160
В альбом Илличевскому 160
Товарищам 161
Надпись на стене больницы 162
В альбом Пущину 162
Разлука («В последний раз, в сени уединенья...») . . 163
К портрету Каверина 163
К письму 163
Сновидение 163
Она 164

1813—1817

Старик. Из Маро 164
К Делии 164
Делия 165
Фавн и пастушка. Картины 166
Погреб 171
«И останешься с вопросом...» 172
«От всенощной вечор идя домой...» 172
«Я сам в себе уверен...» 172
Couplets («Quand un poète en son extase...») 173
Любопытный 173
«Больны вы, дядюшка? Нет мочи...» 175

Надпись к беседке 175
«Вот Виля — он любовью дышит...» 176
* На гр. А. К. Разумовского 176
На Баболовский дворец 176
«Пожарский, Минин, Гермоген...» 176
Эпиграмма на смерть стихотворца 176
Портрет («Вот карапузик наш, монах...») 177
Твой и мой 177
«Тошней идиллии и холодней, чем ода...» 177
«Известно буди всем, кто только ходит к нам...» . . . 178

1817 (После Лицея)

«Есть в России город Луга...» 178
«Простите, верные дубравы!..» 178
К Огаревой («Митрополит, хвастун бесстыдный...») . . 179
Тургеневу 179
К*** («Не спрашивай, зачем унылой думой...») . . . 181
«Краев чужих неопытный любитель...» 181
К ней («В печальной праздности я лиру забывал...») . 181
Вольность. *Ода* 182
Кн. Голицыной, посылая ей оду «Вольность» 185
Кривцову 185
«Не угрожай ленивцу молодому...» 186
«Венец желаниям! Итак, я вижу вас...» 186

1818

Торжество Вакха 186
«Когда сожмешь ты снова руку...» 188
Выздоровление 189
Жуковскому («Когда, к мечтательному миру...») . . 190
К портрету Жуковского 190
* На Каченовского («Бессмертною рукой раздавленный зоил...») 191
Мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслажденье...») 191
* К Н. Я. Плюсковой («На лире скромной, благородной...») 192
* Эпиграмма («В его «Истории» изящность, простота...») 192
Сказки. Noël 192
Прелестнице 193
К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...») . . 194
«Могущий бог садов — паду перед тобой...» 195
«Дубравы, где в тиши свободы...» 195
К*** («Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный...») 196
«И я слыхал, что божий свет...» 196
«Как сладостно!.. но, боги, как опасно...» 196
«Послушай, дедушка, мне каждый раз...» 197
* Колосовой («О ты, надежда нашей сцены!..») . . . 197

1819

* На Стурдзу («Холоп венчанного солдата...») . . . 197
О. Массон 197
Дорида («В Дориде нравятся и локоны златые...») . . 198

N. N. (В. В. Энгельгардту) 198
Орлову («О ты, который сочетал...») 199
К Щербинину 200
Деревня 201
Домовому 203
Русалка 203
Недокопченная картина 205
Уединение 205
Веселый пир 205
Всеволожскому 206
Царское Село 208
«Там у леска, за ближнею долиной...» 208
Платонизм 209
* Записка к Жуковскому («Раевский, *молодец* прежний...») 210
Стансы Толстому («Философ ранний, ты бежишь...») 211
Возрождение 211
Послание к кн. Горчакову («Питомец муз, больного света друг...») 212
Элегия («Воспоминаньем упоенный...») 213
«Лаиса, я люблю твой смелый, вольный взор...» . . . 213
27 мая 1819 214
* Мансурову 214
«Позволь душе моей [illegible] пред тобою...» . . . 214
«Нет, нет, напрасны ваши пени...» 215
На Стурдзу («Вкруг я Стурдзы хожу...») 215
* Юрьеву («Здорово, Юрьев именинник!..») 216
«Все призрак, суета...» 216
«Напрасно, милый друг, я мыслил утаить...» 217
«Tien et mien,— dit Lafontaine...» 217
«Милый мой, сегодня...» 217
«За старые грехи и [illegible] судьбой...» 217
«Оставь, о Лезбия, лампаду...» 218
Баллада («Что ты, девица, грустна...») 218

1820 (Петербург)

Дориде («Я верю: я любим; для сердца нужно верить...») 218
* На Колосову («Все пленяет нас в Эсфири...») . . . 219
«Мне бой знаком — люблю я звук мечей...» 219

1817—1820

Лиле 219
История стихотворца 220
Мадригал М....ой 220
Именины («Умножайте шум и радость...») 220
К А. Б*** («Что можем наскоро стихами молвить ей?..») 220
* В альбом Сосницкой 221
* Бакуниной 221
* На Аракчеева («Всей России притеснитель...») . . 221
* На кн. А. П. Голицына («Вот Хвостовой покровитель...») 221
Нимфодоре Семеновой 222
Добрый совет 222

Ты и я 222
* Записка к Жуковскому («Штабс-капитану, Гете, Грею...») 223
Добрый человек 223
* К портрету Дельвига 224
* К портрету Чаадаева 224

1820 (Юг)

«Погасло дневное светило...» 224
«Увы, зачем она блистает...» 225
К*** («Зачем безвременную скуку...») 226
«Мне вас не жаль, года весны моей...» 226
«Я видел Азии бесплодные пределы...» 226
«Аптеку позабудь ты для венков лавровых...» . . . 227
Дочери Карагеоргия 227
К портрету Вяземского 228
Черная шаль 228
«Когда б писать ты начал сдуру...» 229
«Хавронос! ругатель закоснелый...» 229
* Эпиграмма («Как брань тебе не надоела?..») . . . 229
Эпиграмма («В жизни мрачной и презренной...») . . 230
Нереида 230
«Редеет облаков летучая гряда...» 230

1821

Земля и море 231
Красавица перед зеркалом 231
Муза 231
«Я пережил свои желанья...» 232
«В кругу семей, в пирах счастливых...» 232
Война 235
Дельвигу («Друг Дельвиг, мой парнасский брат...») 236
* Из письма к Гнедичу («В стране, где Юлией венчанный...») 237
Кинжал 238
* Эпиграмма («Хоть, впрочем, он поэт изрядный...») 239
* В. Л. Давыдову 239
Дева 241
Юрьеву («Любимец ветреных Ланс...») 241
Катенину («Кто мне пришлет ее портрет...») 242
К моей чернильнице 242
Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») 245
«Кто видел край, где роскошью природы...» 247
Диопея 248
Генералу Пущину 248
«Умолкну скоро я! Но если в день печали...» . . . 249
«Мой друг, забыты мной следы минувших лет...» . . 249
Гроб юноши 250
Наполеон 251
«Гречанка верная! не плачь,— он пал героем!..» . . 254
К Овидию 254
Приметы 257
* Эпиграмма («Клеветник без дарованья...») 257
Кокетке 257

Эпиграмма («Оставя честь судьбе на произвол...») . . 259
Приятелю 259
Христос воскрес 259
Чиновник и поэт 260
Алексееву («Мой милый, как несправедливы...») . . 260
Эпиграмма («Лечись — иль быть тебе Панглосом...») 261
Десятая заповедь 262
«Князь Г.— со мною не знаком...» 262
«Наперсница моих сердечных дум...» 263
«Я не люблю твоей Коринны...» 263
«Раззевавшись от обедни...» 263
«Тадарашка в вас влюблен...» 265
«Недавно бедный музульман...» 265
* Вяземскому («Язвительный поэт, остряк замысловатый...») 266
«Эллеферия, пред тобой...» 267
«Примите новую тетрадь».— «О вы, которые любили...» 267
«Вот муза, резвая болтунья...» 268
«Если с нежной красотой...» 268
* Денису Давыдову («Певец-гусар, ты пел биваки...») 268
«A son amant Eglé sans résistance...» 269
«J'ai possédé maîtresse honnête...» 270
«В твою светлицу, друг мой нежный...» 270
«Теснится средь толпы евреи сребролюбивый...» . . . 270
«В беспечных радостях, в живом очарованье...» . . . 270
«Вдали тех пропастей глубоких...» 270

1822

Баратынскому. Из Бессарабии 271
Баратынскому («Я жду обещанной тетради...») . . . 271
Друзьям («Вчера был день разлуки шумной...») . . . 272
Песнь о вещем Олеге 272
Таврида 275
* В. Ф. Раевскому («Не тем горжусь я, мой певец...») 278
Гречанке 278
* Из письма к Я. Н. Толстому («Горишь ли ты, лампада наша...») 279
* В. Ф. Раевскому («Ты прав, мой друг,— напрасно я презрел...») 280
Послание цензору 282
Иностранке 285
«Наперсница волшебной старины...» 285
Ф. Н. Глинке («Когда средь оргий жизни шумной...») 286
«Недавно я в часы свободы...» 287
Адели 287
Узник 288
«Чугун кагульский, ты священ...» 288
«Иной имел мою Аглаю...» 289
«Бранись, ворчи, болван болванов...» 289
«У Кларисы денег мало...» 289
«Мой друг, уже три дня...» 289
«На тихих берегах Москвы...» 290
«Дай, Никита, мне одеться...» 291

Птичка 291
«Сегодня я поутру дома...» 291
Жалоба 292
«Кто, волны, вас остановил...» 292
Ночь 292
«Завидую тебе, питомец моря смелый...» 293
* Из письма к Вигелю («Проклятый город Кишинев!..») 293
«Надеждой сладостной младенчески дыша...» 294
«Бывало, в сладком ослепленье...» 295
Демон 296
«Свободы сеятель пустынный...» 296
«Простишь ли мне ревнивые мечты...» 297
Кн. М. А. Голицыной («Давно об ней воспоминанье...») 298
Телега жизни 298
* Записка В. П. Горчакову («Зима мне рыхлою стеною...») 299
* Л. Пушкину («Брат милый, отроком расстался ты со мной...») 299
«Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...» . . 299
* М. Е. Эйхфельдт («Ни блеск ума, ни стройность платья...») 300
«Придет ужасный час... твои небесны очи...» 300
«Вечерня отошла давно...» 301
«Как наше сердце своенравно!..» 302
«Туманский, Фебу и Фемиде...» 302
«Мой пленник вовсе не любезен...» 302
«Скажи — не я ль тебя заметил...» 303

1824 (Юг)

«Недвижный страж дремал на царственном пороге...» 303
Давыдову («Нельзя, мой толстый Аристип...») . . . 305
Прозерпина 306
«Всё кончено: меж нами связи нет...» 307
«Зачем ты послан был и кто тебя послал?..» 307
Кораблю 308
«О боги мирные полей, дубров и гор...» 308
«Полу-милорд, полу-купец...» 309
«Певец Давид был ростом мал...» 309
«Приют любви, он вечно полн...» 309

1824 (Михайловское)

* Из письма к Вульфу («Здравствуй, Вульф, приятель мой!..») 309
К Языкову («Издревле сладостный союз...») 310
Разговор книгопродавца с поэтом 311
К морю 316
Коварность 318
Фонтану Бахчисарайского дворца 318
Виноград 319
«О дева-роза, я в оковах...» 319
«Ночной зефир...» 320
«Непастный день потух; непастной ночи мгла...» . . 321
Подражания Корану
I. Клянусь четой и нечетой 321

II. О жены чистые пророка 321
III. Смутясь, нахмурился пророк 322
IV. С тобою древле, о всесильный 323
V. Земля недвижна; неба своды 323
VI. Недаром вы приснились мне 324
VII. Восстань, боязливый 324
VIII. Торгуя совестью пред бледной нищетою . . 325
IX. И путник усталый на бога роптал 325
Примечания 326
«Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...» . . . 326
Чаадаеву («К чему холодные сомненья?..») 327
Аквилон 328
«Пускай увенчанный любовью красоты...» 328
Второе послание цензору 328
Клеопатра 331
«Тимковский царствовал — и все твердили вслух...» . . 332
* Из письма к Плетневу («Ты издал дядю моего...») 333
«Как жениться задумал царский арап...» 333
«Т — прав, когда так верно вас...» 333
«Мне жаль великия жены...» 334
«Пока супруг тебя, красавицу младую...» 334
«Охотник до журнальной драки...» 335
«Лихой товарищ наших [illegible] 335
«Презрев и голос укоризны...» 335
К Сабурову («Сабуров, ты оклеветал...») 336
Младенцу 336
«Лизе страшно полюбить...» 336
* Из письма к Р[illegible] («[illegible], украинский мудрец...») 337
Послание к Л. Пушкину («Что же? будет ли вино?..») 337
«С перегородкою коморки...» 338
«Как узник, Байроном воспетый...» 338

1825

Сожженное письмо 338
«Сказали раз царю, что наконец...» 339
Приятелям 339
«Напрасно ахнула Европа...» 339
Ода его снят. гр. Дм. Ив. Хвостову 340
Жив, жив курилка! 341
Козлову («Певец, когда перед тобой...») 342
Желание славы 342
Ex ungue leonem 343
П. А. Осиповой («Быть может, уж недолго мне...») . . 344
«Храни меня, мой талисман...» 344
Андрей Шенье 345
* К Родзянке («Ты обещал о романтизме...») 350
К*** («Я помню чудное мгновенье...») 351
«Если жизнь тебя обманет...» 352
Вакхическая песня 352
Н. Н. («Примите «Невский альманах»...») 353
Сафо 353
«Цветы последние милей...» 353
19 октября («Роняет лес багряный свой убор...») . . 353
Совет 357
Движение 358

Соловей и кукушка 358
Дружба 358
«Всё в жертву памяти твоей...» 359
Сцена из Фауста 359
Зимний вечер 362
«В крови горит огонь желанья...» 363
«Вертоград моей сестры...» 363
Буря 364
«Люблю ваш сумрак неизвестный...» 364
Прозаик и поэт 365
«Хотя стишки на именины...» 365
«Что с тобой, скажи мне, братец...» 366
С португальского («Там звезда зари взошла...») . . . 366
Начало I песни «Девственницы» 367
«Твое соседство нам опасно...» 368
«Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах...» 368
«Quand au front du convive, au beau sein de Délie...» . 369
«Лишь розы увядают...» 369
Наброски к замыслу о Фаусте 369
«Я был свидетелем златой твоей весны...» 371
«Семейственной любви и нежной дружбы ради...» . . 372
Variantes en l'honneur de m-lle NN 372
«Блестит луна, недвижное море спит...» 372
«Заступники кнута и плети...» 372
«Словесность русская больна...» 373
«На небесах печальная луна...» 373
* Из письма к Вяземскому («Сатирик и поэт любовный...») 373
* Из письма к Вяземскому («В глуши, измучась жизнью постной...») 373
«Брови царь пахмуря...» 374
«От многоречия отрекшись добровольно...» 374
* Из Вольтера («Короче дни, а ночи доле...») . . . 375
«Под каким созвездием...» 375
Анне Н. Вульф («Увы! напрасно деве гордой...») . . 376
«Смеетесь вы, что девой бойкой...» 376
«Он вежлив был в иных прихожих...» 376
Кюхельбекеру («Да сохранит тебя твой добрый гений...») 376
«В пещере тайной, в день гоненья...» 376

1826

К Баратынскому («Стих каждый в повести твоей...») 377
К Зине («Вот, Зина, вам совет: играйте...») 377
Из Ариостова «Orlando Furioso» 381
«Под небом голубым страны своей родной...» 381
* К Вяземскому («Так море, древний душегубец...») 381
К Языкову («Языков, кто тебе внушил...») 382
Песни о Стеньке Разине 384
Признание («Я вас люблю — хоть я бешусь...») . . . 385
Пророк 385
К. А. Тимашевой 386
* И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный!..») 386
Стансы («В надежде славы и добра...») 387
Ответ Ф. Т.*** («Нет, не черкешенка она...») 387

Зимняя дорога 387
«В еврейской хижине лампада...» 388
К** («Ты богоматерь, нет сомненья...») 389
* Из письма к Великопольскому («С тобой мне вновь считаться довелось...») 389
«Едва уста красноречивы...» 390
«Будь подобен полной чаше...» 390
Няне («Подруга дней моих суровых... 391
* Из письма к Соболевскому 391
«Восстань, восстань, пророк России...» 392
«И я бы мог, как шут на...» 393

1820—1826

«Там на брегу, где дремлет лес священный...» . . . 393
На трагедию гр. Хвостова 393
«Нет ни в чем вам благодати...» 393
«О муза пламенной сатиры!..» 393
* На Александра I («Воспитанный под барабаном...») 394
«Что-то грезит Баратынский...» 394

1827

«Во глубине сибирских руд...» 395
Соловей и роза 395
Эпиграмма *(Из антологии)* («Чуть трогает, стрела трепещет...») 395
«Есть роза дивная: она...» 396
* Ек. Н. Ушаковой («Когда, бывало, в старину...») . . 396
Княгине З. А. Волконской, при посылке ей поэмы «Цыганы» 397
* Ек. Н. Ушаковой («В отдалении от вас...») 397
Три ключа («В степи мирской, печальной и безбрежной...») 397
Арион 398
* Мордвинову («Под хладом старости уныло увядал...») 398
Ангел 399
«Какая ночь! Мороз трескучий...» 399
* Кипренскому («Любимец моды легкокрылой...») . . 401
Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной 401
Поэт («Пока не требует поэта...») 402
«Близ мест, где царствует Венеция златая...» 402
Из Alfieri («Сомненье, страх, порочную надежду...») 403
Послание Дельвигу («Прими сей черен, Дельвиг: он...») 403
«Всем красны боярские конюшни...» 407
«Блажен в златом кругу вельмож...» 408
«В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера...» 409
19 октября 1827 («Бог помочь вам, друзья мои...») . . 409
Талисман 409
* В альбом Павлу Вяземскому 409
«Весна, весна, пора любви...» 410
«О ты, который сочетал...» 410
«Я знаю край: там на брега...» 411
«Сводня грустно за столом...» 411
Рефутация г-на Беранжера 411
413

Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю...») 414
Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков» («Так элегическую лиру...»). 415
«Сто лет минуло, как тевтон...» 416
«Кто знает край, где небо блещет...» 418
В. С. Филимонову, при получении поэмы его «Дурацкий колпак» 420
To Dawe ESQr («Зачем твой дивный карандаш...») . . 420
Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день...») 420
Ты и вы 421
«Дар напрасный, дар случайный...» 421
И. В. Слёнину («Я не люблю альбомов модных...») . . 422
«Еще дуют холодные ветры...» 422
«Кобылица молодая...» 423
Ее глаза (В ответ на стихи князя Вяземского) . . . 423
«Не пой, красавица, при мне...» 424
К Языкову («К тебе сбирался я давно...») 424
Портрет («С своей пылающей душой...») 425
Наперсник 425
«Счастлив, кто избран своенравно...» 426
Предчувствие 426
Утопленник. *Простонародная сказка* 427
«Рифма, звучная подруга...» 429
«Ворон к ворону летит...» 430
«Город пышный, город бедный...» 431
* 19 октября 1828 («Усердно помолившись богу...») 431
«В прохладе сладостной фонтанов...» 431
Анчар 432
Ответ Катенину («Напрасно, пламенный поэт...») . . 433
Ответ А. И. Готовцовой 434
Цветок 434
Поэт и толпа 435
«Каков я прежде был, таков и ныне я...» 437
* Эпитафия младенцу 437
«Увы! Язык любви болтливый...» 437
* Н. Д. Киселеву («Ищи в чужом краю здоровья и свободы...») 438
Кирджали («В степях зеленых Буджака...») 438
«Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи...» 438
* Альбомные стихи А. П. Кери 439
«Если в жизни поднебесной...» 439
«Amour, exil...» 439
«Не смею вам стихи Баркова...» 439
«Когда, стройна и светлоока...» 439
«Вези, вези, не жалей...» 440
«Уродился я, бедный недоносок...» 440
«Брадатый староста Авдей...» 440
«За Netty сердцем я летаю...» 440
«Как быстро в поле, вкруг открытом...» 441
«Лицинский околел — отечеству беда!..» 441
«Покойник, автор сухощавый...» 441
«Волненьем жизни утомленный...» 441

Ел. Н. Ушаковой. В альбом («Вы избалованы природой...») 441
* Е. П. Полторацкой («Когда помилует нас бог...») . 442
«Подъезжая под Ижоры...» 442
Приметы 443
Литературное известие 443
Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко...») . . 444
«Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций...» 444
Эпиграмма («Там, где древний Кочерговский...») . . 445
«Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?..» 445
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...» 445
Калмычке 445
«Жил на свете рыцарь бедный...» 446
Из Гафиза («Не пленяйся бранной славой...») . . . 448
Олегов щит 448
«Как сатирой безымянной...» 449
«Счастлив ты в прелестных дурах...» 449
Сапожник (Притча) 450
Доп 450
Дорожные жалобы 451
«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...» . . 452
Зимнее утро 453
Эпиграмма («Седой [illegible]! [illegible] царствовал со славой...») 454
Эпиграмма («Мальчишка [illegible] гимн поднес...») . . . 454
«Я вас любил: любовь еще, быть может...» 454
«Поедем, я готов: куда [illegible], друзья...» 455
«Брожу ли я вдоль [illegible]» 455
Кавказ 456
Обвал 457
Делибаш 457
Монастырь на Казбеке 458
Собрание насекомых 458
«Когда твои младые лета...» 459
К бюсту завоевателя 460
«Благословен твой подвиг новый...» 460
«Критон, роскошный гражданин...» 460
* На картинки к «Евгению Онегину» в «Невском альманахе» 461
«Опять увенчаны мы славой...» 461
«Зорю бьют... из рук моих...» 462
«Надеясь на мое презренье...» 462
«Был и я среди донцов...» 463
«В журнал совсем не европейский...» 463
«Зачем, Елена, так пугливо...» 463
«Стрекотунья белобока...» 464
Воспоминания в Царском Селе («Воспоминаньями смущенный...») 464
«Еще одной высокой, важной песни...» 466
«Меж горных стен несется Терек...» 467
«Страшно и скучно...» 467
«И вот ущелье мрачных скал...» 467
«О, сколько нам открытий чудных...» 468

* Циклоп 468
«Что в имени тебе моем?..» 468
Ответ («Я вас узнал, о мой оракул...») 469
«В часы забав иль праздной скуки...» 469
Сонет («Суровый Дант не презирал сонета...») . . . 470
Эпиграмма («Не то беда, что ты поляк...») 470
К вельможе 471
Новоселье 473
«Когда в объятия мои...» 474
Поэту («Поэт! не дорожи любовию народной...») . . . 474
Мадонна 475
Бесы 475
Элегия («Безумных лет угасшее веселье...») 477
Ответ анониму 477
Царскосельская статуя 478
Отрок 478
Рифма («Эхо, бессонная нимфа, скиталась по брегу Пенея...») 478
На перевод Илиады («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...») 478
Труд 479
«Глухой глухого звал к суду судьи глухого...» . . . 479
Прощанье («В последний раз твой образ милый...») . . 479
Паж, или Пятнадцатый год 480
«Румяный критик мой, насмешник толстопузый...» . . 481
«Я здесь, Инезилья...» 481
Эпиграмма («Не то беда, Авдей Флюгарин...») . . . 482
Заклинание 482
«Стамбул гяуры нынче славят...» 483
«Мы рождены, мой брат названый...» 484
Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы . . . 485
Герой 485
«В начале жизни школу помню я...» 488
К переводу Илиады («Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера...») 489
«Для берегов отчизны дальной...» 489
Из Barry Cornwall («Пью за здравие Мери...») . . . 490
Ме́док (Ме́док в Уаллах) 491
«Пред испанкой благородной...» 491
Моя родословная 492
Цыганы («Над лесистыми брегами...») 494
«Шумит кустарник... На утес...» 495
«Полюбуйтесь же вы, дети...» 495
«Два чувства дивно близки нам...» 496
«Когда порой воспоминанье...» 496
Отрывок («Не розу пафосскую...») 497
«Одни стихи ему читала...» 497
«...строгий свет...» 498
«Надо мной в лазури ясной...» 498

1831

«Перед гробницею святой...» 498
Клеветникам России 499
Бородинская годовщина 500

Эхо 503
«Чем чаще празднует Лицей...» 503
* Из письма к Вяземскому («Любезный Вяземский, поэт и камергер...») 504
* Из записки к А. О. Россет («От вас узнал я плен Варшавы...») 504
«Так старый хрыч, цыган Илья...» 505
«Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы...» . . 505

1832

«И дале мы пошли — и страх обнял меня...» 505
Мальчику (Из Катулла) 506
«В тревоге пестрой и бесплодной...» 507
* В альбом кн. А. Д. Абамелек 507
* Гнедичу («С Гомером долго ты беседовал один...») 507
Красавица («Всё в ней гармония, всё диво...») . . . 508
К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...») . . 509
* В альбом («Гонимый рока самовластьем...») . . . 509
* В альбом («Долго сих листов заветных...») . . . 509
«Желал я душу освежить...» 510

1833

Подражания древним
1. «Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают...» 510
2. «Славная флейта, Феоп, [illegible] лежит. Предводителя хоров...» 511
«Бог веселый винограда...» 511
«Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу...» 511
Вино (Ион Хиосский) 512
Гусар 512
«Сват Иван, как пить мы станем...» 515
Будрыс и его сыновья 516
Воевода 517
«Когда б не смутное влеченье...» 519
Осень *(Отрывок)* 520
«Не дай мне бог сойти с ума...» 523
«Царей потомок, Меценат...» 523
«Царь увидел пред собою...» 524
«Французских рифмачей суровый судия...» 524
«В поле чистом серебрится...» 525
«Чу, пушки грянули! крылатых кораблей...» 526
«Колокольчики звенят...» 526
Мера за меру 527
«В славной в Муромской земле...» 528
«Толпа глухая...» 528

1834

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» 528
«Он между нами жил...» 528
«Я возмужал среди печальных бурь...» 529
«Везувий зев открыл — дым хлынул клубом—пламя...» 529
«Стою печален на кладбище...» 530
Песни западных славян
Предисловие 530

1. Видение короля 533
2. Янко Марнавич 535
3. Битва у Зепицы-Великой 537
4. Феодор и Елена 538
5. Влах в Венеции 540
6. Гайдук Хризич 541
7. Похоронная песня Иакинфа Маглановича . . . 542
8. Марко Якубович 543
9. Бонапарт и черногорцы 545
10. Соловей 547
11. Песня о Георгии Черном 547
12. Воевода Милош 549
13. Вурдалак 549
14. Сестра и братья 550
15. [illegible]ыш королевич 553
16. Конь 555
Примечания 556
«Что бе[illegible]я на горе зеленой?..» 562
«Ме[illegible]ич грамоту пишет...» 562

1835

(Из Анакреона). *Отрывок* («Узнают копей ретивых...») 563
Ода LVI (Из Анакреона) («Поредели, побелели...») . . 563
Ода LVII («Что же сухо в чаше дно?..») 563
«Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...» . . 564
Полководец 564
Туча 566
Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью...») 566
* Родрик 566
«Кто из богов мне возвратил...» 570
Странник 571
«...Вновь я посетил...» 573
«Я думал, сердце позабыло...» 574
На выздоровление Лукулла 575
Пир Петра Первого 576
Подражание арабскому («Отрок милый, отрок нежный...») 577
«В Академии наук...» 578
«К кастрату раз пришел скрыпач...» 578
«В мои осенние досуги...» 578
«О бедность! затвердил я наконец...» 579
«Если ехать вам случится...» 579
«Когда владыка ассирийский...» 580
«На это скажут мне с улыбкою неверной...» 581
«— Не видала ль, девица...» 581
«Как редко плату получает...» 581

1836

Д. В. Давыдову («Тебе, певцу, тебе, герою!..») . . . 582
Художнику 582
Мирская власть 583
(Подражание италиянскому) («Как с древа сорвался предатель ученик...») 583
«Напрасно я бегу к сионским высотам...» 584

(Из Пиндемонти) («Не дорого ценю я громкие права...») 584
«Отцы пустынники и жены непорочны...» 584
«Когда за городом, задумчив, я брожу...» 585
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» 586
«Была пора: наш праздник молодой...» 586
1. На статую играющего в свайку 588
2. На статую играющего в бабки 588
«От меня вечор Делия...» 588
«От западных морей до самых врат восточных...» . . 589
«Ценитель умственных творений исполинских...» . . 589
«Альфонс садится на коня...» 590
«Забыв и рощу и свободу...» 591

1827—1836

Русскому Геснеру 591
Золото и булат 592
«Не знаю где, но не у нас...» 592
«Твои догадки — сущий вздор...» 592
«Когда Потемкину в потемках...» 592
«Зачем я ею очарован?..» 593
«Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...» . . . 593
«О нет, мне жизнь не надоела...» 593
«Воды глубокие...» 594
«Ночь тиха, в небесном поле...» 594
«Еще в ребячестве бессмысленно лукавом...» 594
«Когда так нежно, так сердечно...» 594

СКАЗКИ

Жених 595
Сказка о попе и о работнике его Балде 600
Сказка о медведихе 604
Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди 606
Сказка о рыбаке и рыбке 629
Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях . . . 634
Сказка о золотом петушке 647
РУСЛАН И ЛЮДМИЛА *(Поэма)* 653

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

ВЛАДИМИР НАБОКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ

Впервые — «Современные записки», Париж, №№ 58, 59, 60, 1935, 1936. Отд. изд.— Париж, 1938. Воспроизведено репринтным способом — Анн Арбор, 1979. Печатается по этому изданию.

Стр. 5. *Delalande* — В предисловии к английскому изданию романа Набоков утверждал, что он выдумал Пьера Делаланда. «Прототипом» цитируемого автора мог послужить Андре Лаланд (1867—1963) — французский философ, считавший, что глубинный закон действительности — стремление к смерти.

Цинциннат Люций Квинций (V в. до н. э.) — политический деятель, образец республиканских добродетелей, в трудные для Рима периоды дважды избирался диктатором. Набоков имеет в виду его сына Цинцинната Кезона, славившегося красноречием, обвиненного плебеями в чрезмерной гордости. Был вынужден уйти в изгнание. Его отец уплатил за него столь большой штраф, что сам оказался нищим. Черты исторического Цинцинната обыгрываются в судьбе и характере набоковского героя. Красноречие оборачивается косноязычием и трудностями в письменной и устной речи. Знаменитый отец превращается в случайного, почти несуществующего и т. д.

Стр. 41. *...пахнет... карбурином..*— Карбурин — пары углеродных соединений: бензина, нафталина и др.

Стр. 50. *Цицеро* — крупный типографский шрифт.

Стр. 70. *...с коней — изабелловой масти...*— Изабелловый (от франц. isabelle) — буланый, светло-коричневый.

Стр. 72. *Тит* — сподвижник апостола Павла, адресат его Послания.

Пуд — один из первых христиан, упоминается во Втором послании апостола Павла к Тимофею.

Стр. 79. *Полишинель* — французский Петрушка, персонаж кукольного театра.

Стр. 81. *Приап* — древнегреческий бог оплодотворения.

Стр. 95. *...венецианской ярью вспыхнул ...холм...*— Венецианская ярь — сине-зеленая краска.

Стр. 97. *...зеленое, с антимакассаром, кресло...*— Антимакассар — накидка на сиденье или спинку кресла.

Стр. 111. *...о, как на склоне... и суеверней!* — Имеются в виду строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Последняя любовь» (1854): «О, как на склоне наших лет // Нежней мы любим и суеверней...»

Стр. 113. *Ватерпруф* (англ. waterproofe) — непромокаемое пальто, плащ.

Впервые — Нью-Йорк, 1954. Печатается по изданию — Ани Арбор, 1978.

Стр. 133. «*Conclusive Evidence*» — первый английский вариант мемуарного романа (Нью-Йорк, 1951). В 1954 г. выходят «Другие берега» на русском языке. Позднее Набоков вновь обратился к форме воспоминаний — в книге «Speak, Memory. An Autobiographie Revised». New York, 1966 («Память, говори. Исправленная автобиография»). Все три редакции мемуаров существенно отличаются друг от друга.

Конрад Джозеф (наст. имя — Юзеф Теодор Конрад Коженёвский; 1857—1924) — английский писатель. Родился и вырос в России, в 1880 г. стал моряком английского торгового судна, в 1884 г. принял английское подданство. Свой первый английский роман написал в 1895 г.

Стр 134. «The Real Life of Sebastian Knight» (Norfolk, 1941), «Bend Sinister» (New York, 1947) — первые набоковские романы, написанные по-английски. Им предшествовал перевод Набоковым на английский своего романа «Отчаяние» (1936). В 1966 г. Набоков так объяснял причину смены языка: «Я знал, что в конце концов приземлюсь в Америке. Я перешел на английский, когда... этот язык стал мне представляться чем-то вроде исполненного смутных надежд запасного игрока. Я все еще ощущаю муки этого перехода — их не смягчили ни лучшие мои русские стихи, которые я написал в Нью-Йорке, ни русский вариант «Других берегов», ни даже русский перевод «Лолиты» (цит. по кн.: Владимир Набоков. Рассказы. Приглашение на казнь. Роман. Эссе, интервью, рецензии. М., 1989, стр. 432—433. Далее — Владимир Набоков. Рассказы. Приглашение на казнь...).

Стр. 136. *...под ивами Лхассы...* Лхаса (тибетск.— божественное место) — город в Китае, светский и духовный центр Тибета, средоточие главных ламаистских монастырей, место паломничества.

Стр. 137. *...в день рождения отца...*— Отец — Набоков Владимир Дмитриевич (1869—1922) — политический деятель, юрист, журналист, один из основателей и руководителей Конституционно-демократической партии (кадеты). Редактор-издатель органа кадетской партии «Вестник партии народной свободы». Преподаватель уголовного права в Училище правоведения, автор трудов по юриспруденции. Депутат I Государственной Думы (27 апреля —8 июля 1906 г.). После Февральской революции — управляющий делами Временного правительства. В 1919 г.— министр юстиции Крымского краевого правительства. В эмиграции продолжал активную политическую деятельность, был издателем выходившей в Берлине русской газеты «Руль». Убит белоэмигрантом-черносотенцем.

Стр. 138. *...венским мистикам наперекор...*— «Венскими мистиками» Набоков называет последователей австрийского врача-психиатра Зигмунда Фрейда (1856—1939), создателя теории психоанализа. Анализируя формирование и проявление бессознательных влечений, Фрейд обращался и к детской сексуальности. Насмешки над фрейдизмом постоянны в произведениях Набокова. В фельетоне «Что всякий должен знать» («Новая газета», Париж, 1931, № 5) Набоков иронически замечал: «Куда ни кинем глаза или взгляд — всюду половое начало. Обратимся ли к общественным профессиям — оно тут как тут: архитектор строит дом (читай: строит куры), кинооператор крутит (читай: с кем-то)... Филологи подтвердят, что выражения: барометр падает,

падший лист, падшая лошадь — все намеки (подсознательные) на падшую женщину. Сравните также трактирного полового или половую тряпку с половым вопросом. Сюда же относятся слова: пол-года, пол-сажени, пол-ковник и т. д.» (Цит. по кн.: Владимир Набоков. Рассказы. Приглашение на казнь... стр. 394—395).

Стр. 141. *...показаться генералу Куропаткину...* — Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925) — русский военный деятель. Его тактическими ошибками во многом объясняется поражение русской армии в русско-японской войне (1904—1905), когда Куропаткин был назначен главнокомандующим. В 1906 г. издал четыре тома «Отчета генерал-адъютанта Куропаткина», в котором попытался оправдать свою деятельность во время войны. Закат его карьеры связан с событиями Февральской, а не Октябрьской революции, когда он — с 1916 г. генерал-губернатор Туркестана, был отстранен от должности, арестован и отправлен в Петербург, но был освобожден Временным правительством. С мая 1917 г.— в отставке. До конца жизни жил в своем имении Шешурино Псковской губернии, преподавал в средней школе и основанной им сельскохозяйственной. В 1918—1919 гг. отвергал все предложения эмигрировать, а также выступить против Советской власти.

Стр. 143. *...цитатами из... бездарной Берты Зуттнер...* — Зуттнер Берта (1843—1914) — австрийская писательница и общественный деятель, основатель Австрийского общества мира, лауреат Нобелевской премии мира (1905). Издавала журнал «Долой оружие!» (1892—1899). Ее главное произведение роман «Долой оружие!» (1899) содержал страстный протест против войны.

...после Выборгского Воззвания... — «Выборгское воззвание» («Народу от народных представителей») — обращение группы депутатов (кадетов, трудовиков и социал-демократов) 1-й Государственной Думы, принятое в Выборге 10 июля 1906 г. в ответ на роспуск Думы. Призывало «граждан всей России» до созыва Думы «не давать ни копейки в казну, ни одного солдата в армию». Против подписавших воззвание было возбуждено уголовное дело. 167 обвиняемых из 169 были приговорены к трем месяцам тюрьмы. В очерках «Тюремные досуги» (СПб., 1909) В. Д. Набоков писал, что был заключен в тюрьму (14 мая — 14 августа 1908 г.) «по совокупности двух... прегрешений: Выборгского воззвания и редакторских «промахов» в покойном «Вестнике партии народной свободы».

Каминка Август Исаакович (1865—1940) — политический деятель, один из основателей Конституционно-демократической партии, публицист. В 1920 г. в эмиграции вместе с В. Д. Набоковым и И. В. Гессеном издавал в Берлине газету «Руль».

Стр. 147. *...влажный перебор арфы в «Богеме»...* — «Богема» (1896) — опера Дж. Пуччини (1858—1924).

Стр. 148. *...ныне Проспекту какого-то Октября... удивленный Герцен...* — Проспектом имени 25 октября Невский проспект назывался с 1918 по 1944 г. На Невский выходит улица Герцена, бывшая Морская, где располагался особняк Набоковых (соврем. дом № 47).

Стр. 154. *Пети-бер (франц. petit beurre)* — сухое печенье.

Стр. 155. *Пуанкаре* Раймон (1860—1934) — французский политический деятель, в 1912—1913 гг. премьер-министр и министр иностранных дел, в 1913—1920 гг.— президент Французской Республики. В период, предшествовавший первой мировой войне, сторонник укрепления Антанты и франко-русского союза, выступал за войну-реванш против Германии. В августе 1912 г. и июле 1914 г. приезжал в Петербург.

Стр. 158. *Ковлов* Николай Илларионович (1814—1889) — врач, автор трудов по диагностике и развитию болезненных процессов в организме. Проявил себя и как незаурядный администратор: с 1869 по 1871 г.— президент Медико-хирургической академии; с 1871 по 1881 г.— главный военно-медицинский инспектор.

Набоков Иван Александрович (1787—1862) — генерал, участник войны против Наполеона (1812—1814), был награжден многими орденами, в том числе за Бородинское сражение. В 1848 г. по состоянию здоровья уволен из армии и назначен комендантом Петропавловской крепости и директором Чесменской богадельни. Был председателем следственной комиссии по делу петрашевцев, по которому проходил и Ф. М. Достоевский. «Почтенный комендант Петропавловской твердыни... нечаянно-негаданно превратившийся в инквизитора... был твердо убежден, что если уж кто посажен в тюрьму, то, конечно, он уже тем самым виноват и заслуживает казнь... Генерал Набоков в комиссии чувствовал себя не на своем месте ...в чем именно состоял заговор... он не мог дать себе отчета»,— вспоминал И. Л. Ястржембский («Петрашевцы в воспоминаниях современников». М.— Л., 1926, стр. 153—154). Жена И. А. Набокова, Екатерина Ивановна Пушина (1791—1866), приходилась родной сестрой декабристу И. И. Пушину, товарищу А. С. Пушкина по Лицею. Пушкинисты отмечают знакомство поэта с генералом Набоковым и его женой, живших в двадцатых годах в Пскове. Во время Михайловской ссылки Пушкин несколько раз посещал Набоковых.

Набоков Дмитрий Николаевич (1827—1904), дед писателя,— юрист, министр юстиции (1878—1885). Его имя связано с пересмотром уголовного и гражданского законодательства, для чего в 1881 и 1882 гг. были учреждены особые комиссии.

Граун Карл-Генрих (1701—1759) — немецкий композитор, придворный капельмейстер Фридриха II, основатель и руководитель Берлинского оперного театра, для которого написал 27 опер. Его кантата «Смерть Иисуса» (1755) исполнялась до конца XIX в.

Стр. 159. *Менцель* Адольф (1815—1905) — немецкий живописец, автор рисунков и картин из эпохи Фридриха Великого. Набоков говорит о его картине «Концерт Фридриха II в Сан-Суси» (1852).

Тарновский Вениамин Михайлович (1837—1906) — видный врач-венеролог, создатель кафедры сифилидологии в Петербургской медико-хирургической академии и Русского сифилидологического и дерматологического общества (1885).

...мимо мертвечины ...брата-академика Альберта...— Бенуа Альберт Николаевич (1852—1936) — художник-акварелист, с 1884 г.— академик. Автор многочисленных пейзажей окрестностей Петербурга и Финского залива. К. А. Сомов писал Александру Бенуа в марте 1897 г.: «Твои вещи висят в одной комнате с Альбером и, бедный он, как твое соседство ему мешает» («Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников». М., 1979, стр 58).

Крыжицкий Константин Яковлевич (1858—1911) — живописец-пейзажист академической школы.

Стр. 161 *...закон 12 июня 1884 года* — был вызван нападками реакционеров на суд присяжных, повышал образовательный, возрастной и имущественный ценз при составлении списка присяжных, ввел ряд других изменений.

...«Вестник Европы»... о его деятельности...— «Вестник Европы», 1885, № 12.

Стр. 162. *...сослуживца — Лорис-Меликова...*— Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825—1888) — государственный деятель,

в 1880 г.— начальник Верховной распорядительной комиссии, наделенной неограниченными правами, с августа 1880 по март 1881 г.— министр внутренних дел.

Стр. 163. *Набоков* Константин Дмитриевич — дипломат, с мая 1917 г.— глава русского посольства в Англии. Активно содействовал организации английской интервенции в Советскую Россию. Его мемуары «Испытания дипломата» выходили в Стокгольме в 1921 и 1923 гг. В изданиях эмиграции печатались его русские стихи (журнал «Воля России», Прага, 1931, № 1/2; сборник «Скит», Прага, 1933, № 1, 1935, № 3, «Современные записки», Париж, 1937, № 65).

...встретиться с Каляевым... — Каляев Иван Платонович (1877—1905) — член «боевой организации» эсеров, был близок с Б. В. Савинковым. 4 февраля 1905 г. убил великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора. Каляев был повешен в Шлиссельбурге 10 мая 1905 г.

«Титаник» — английский пароход, в 1912 г. столкнулся с айсбергом и затонул. В катастрофе погибло 1500 человек.

Стр. 164. *Витте* Сергей Юльевич (1849—1915) — государственный деятель, в 1892—1903 гг.— министр финансов, влиял на решение и политических вопросов. Противодействовал агрессивной политике Японии на Дальнем Востоке, но считал столкновение с ней России преждевременным. Выступал против захвата русскими Порт-Артура. Возглавлял делегацию, подписавшую Портсмутский мирный договор.

Коростовец Иван Яковлевич (ум. 1933) — дипломат, секретарь русской делегации в Портсмуте, позднее — посол в Персии.

...в подписании Портсмутского мира... — 5 сентября 1905 г. в Портсмуте (США) был подписан мирный договор между Россией и Японией; он стал большой победой русской дипломатии: японская делегация отказалась от части своих требований, в том числе территориальных.

Рузвельт Теодор (1858—1919) — 26-й президент США (1901—1909). Во время русско-японской войны (1904—1905) правительство Т. Рузвельта поддерживало Японию.

Стр. 166. *...имени... Батюшкова млечная черемуха...* — Имеется в виду строка из стихотворения К. Н. Батюшкова (1787—1855) «Беседка муз» (1871): «Под тению черемухи млечной...».

Стр. 168. *Варламов* Константин Александрович (1849—1915) — известный комический актер, любимец публики. В его игре смелая буффонада сочеталась с тонким психологизмом.

Давыдов Владимир Николаевич (1849—1925) — известный актер, с успехом выступавший как в трагедии, так и в комедии, особенно русской.

Стр. 170. *...в горах Америки моей вздыхать по северной России.* — перифраз строк Пушкина — «Под небом Африки моей, // Вздыхать о сумрачной России», «Евгений Онегин», гл. I, L.

Стр. 172. *Bibliothéque Rose* — «Розовая библиотека» — серия детских книг, выходившая во Франции.

M-me de Ségur — Сегюр Софья Федоровна (1799—1874) — французская детская писательница, автор нравоучительных повестей с занимательным сюжетом. Дочь русского государственного деятеля Ф. В. Ростопчина.

Стр. 179. *...словно... бодлеровский дон Жуан...* — В стихотворении Ш. Бодлера (1821—1867) «Дон Жуан в аду» героя, переплывающего через реку в царство мертвых, не встречают, а провожают женщины.

Корелли Мария (псевд. Марии Мэккей; 1855—1924) — английская романистка, автор произведений, пронизанных морализаторством. Была популярна у массового читателя.

Стр. 181. *«Генерал Дуракин»* — «Le Général Dourakin» (1863) — роман С. Ф. Сегюр.

Стр. 183. *Яремич* Степан Петрович (1869—1939) — живописец-пейзажист, график, музейный работник, коллекционер, историк искусства. Считался одним из лучших знатоков западноевропейского рисунка. Был близок к объединению «Мир искусства».

Стр. 188. *Кони* Анатолий Федорович (1844—1927) — знаменитый адвокат, юрист, деятель суда присяжных.

...пережившего свою Лулу-Иокасту... — Иокаста — героиня античного мифа. Не узнав собственного сына, стала его женой. Традиционный пример кровосмешения.

Стр. 192. *...самой Помоной украшенная...* — Помона — римская богиня, покровительница плодовых деревьев и садов.

Стр. 193. *...воплощением Иезавели...* — Иезавель — персонаж Библии, царица Израиля, известная гонительница пророков. Ее дочь Аталия (героиня одноименной трагедии Ж. Расина; 1639—1699) рассказывает, как «в страшный час глубокой тьмы ночной» к ней явилась мать с грозными пророчаниями (действие II, явл. V).

Стр. 194. *Бурже* Поль Шарль Жозеф (1852—1935) — французский поэт, эссеист, плодовитый романист. Его романы отличают морализаторство, пронизанность идеями католицизма и монархизма.

Стр. 197. *...со времени Первой Думы...* — 1-я Государственная Дума заседала с 27 апреля по 8 июля 1906 г.

Ламартин Альфонс Мари Луи де (1790—1869) — французский поэт-романтик, публицист, политический деятель. Автор стихотворных размышлений, элегий-медитаций. Белинский отзывался о его стихах как «сотканных из охов, вздохов, облаков, туманов, паров, теней и призраков...» (В. Белинский. Собр. соч. в 9 тт., т. 6, М., стр. 193).

Коппе Франсуа Эдуар Жоакен (1842—1908) — французский писатель, популярный у среднего читателя. Автор меланхолических стихотворений о любви и сентиментальных рассказов в стихах из жизни рантье, лавочников и гризеток Парижа.

Стр. 199. *Изображение Шильонского замка...* — замок в Швейцарии, на скале над Женевским озером. Некогда служил тюрьмой. Был воспет Байроном в поэме «Шильонский узник» (1816), посвященной женевскому гражданину Боннивару, заточенному в замок в 1530 г. Его следы на каменном полу и кольцо, к которому он был прикован, в XIX в. показывали туристам.

Стр. 200. *Жюли де Вольмар* — героиня романа Ж. Ж. Руссо (1712—1778) «Юлия, или Новая Элоиза» (1761), девушка из знатной семьи, полюбившая бедного учителя.

Стр. 202. *...цветная бабочка в шелку...* — из стихотворения И. А. Бунина «Настанет день — исчезну я...» (1916). Можно также вспомнить и великолепное описание шмеля в стихотворении «Последний шмель» (1916) — «Черный бархатный шмель, золотое оплечье, / Заунывно гудящий певучей струной...». Набоков чрезвычайно высоко ценил стихи Бунина, «лучшее, что было создано русской музой за несколько десятилетий», отмечая «необыкновенное его зрение», способность «уловлять световую гармонию в природе» и преображать ее «в гармонию звуковую» (из рецензии «Иван Бунин. Избранные стихи» — «Руль», 1929, 22 мая; цит. по кн.: Владимир Набоков. Рассказы. Приглашение на казнь ..., стр. 373, 375, 376). К Бунину было обращено стихотворное послание Набокова «Как воды гор, твой голос горд и чист...» (1920). См. «Октябрь», 1986, № 11, с. 116.

...кроме Фета, «видевшего» бабочек... — речь идет о стихотворении А. А. Фета «Бабочка» (1884).

Стр. 203. *«Живописное Обозрение»* — первый в России научно-популярный богато иллюстрированный журнал энциклопедического характера, выходивший в Москве (1835—1844).

Стр. 204. *Mémoires вел. кн. Николая Михайловича...* — Великий князь Николай Михайлович (1859—1919) — историк, автор ценных трудов по истории XIX в., инициатор изданий, исполненных с особым художественно-техническим совершенством.

Штаудингер Отто (1830—1900) — немецкий энтомолог. Его громадная коллекция стала основой для торговли насекомыми, принесшей ему всемирную известность.

Стр. 207. *...как Аксаков... в «Собирании бабочек» (приложение к студенческим «Воспоминаниям»)...* — Имеется в виду очерк Сергея Тимофеевича Аксакова (1791—1859), опубликованный с подзаголовком «Рассказ из студентской жизни» в сб. «Братчина» (СПб., 1859).

...каш-каш (франц. cache-cache) — игра в прятки.

Стр. 208. *Муромцев* Сергей Андреевич (1850—1910) — политический деятель, один из основателей и лидеров Конституционно-демократической партии, публицист. В 1906 г. избран председателем I Государственной Думы. После роспуска Думы председательствовал на совещании ее членов в Выборге.

...точно я был Содом, а они жены Лота. — Жена библейского праведника Лота была обращена Богом в соляной столп, когда оглянулась, нарушив запрет, на гибнущий за грехи жителей ее родной город Содом.

Стр. 215. *Пири* Роберт Эдвин (1856—1920) — американский полярный путешественник. После ряда неудачных попыток впервые в истории достиг Северного полюса в апреле 1909 г.

Блерио Луи (1872—1936) — французский конструктор самолетов и пилот, в 1909 г. впервые перелетел через Ламанш.

Стр. 218. *...изгибчивый медиум Daniel Home ...гладил ...императрицу Евгению...* — Хум (Home) Даниель Дуглас (1833—1886) — шотландский спирит и медиум, пользовался покровительством многих августейших особ: Наполеона III и его жены императрицы Евгении (1826—1920), русского императора Александра II, который подарил ему на свадьбу бриллиантовый перстень. Известен тем, что никогда не был разоблачен. Его способности служили темами научных работ современных ему физиков. Автор не раз издававшихся мемуаров «Случаи из моей жизни» (1863).

Стр. 219. *...беньеры* (от франц. baigneur) — купальщики, банщики.

Стр. 226. *Макс* Линдер (1883—1925) — один из популярнейших французских актеров немого кино 1910-х гг. Его герой — элегантный ослепительный красавец, уверенный в себе, часто становящийся жертвой собственной самонадеянности.

Стр. 227. Лурд — город во Франции; его жительнице, 14-летней Бернадетте Субиру, явилась Богоматерь. Источник, у которого произошло чудо, считался целительным, в XIX в. стал местом паломничества.

Гуревич Яков Григорьевич (1843—1906) — известный педагог, издатель журнала «Русская школа». Его «История Греции и Рима», выдержавшая несколько изданий, считалась одним из лучших учебников. Автор ряда исторических хрестоматий.

Стр. 234. *Charles Gide* — Жид Шарль (1847—1932) — французский буржуазный экономист. В своем главном труде «Принципы политической экономии» особое внимание уделил организации сферы обращения.

Стр. 241. *Гиппиус* Владимир Васильевич (1876—1941)—директор Тенишевского училища, где учился Набоков; один из зачинателей русского символизма, выступал под псевдонимами Вл. Бестужев и Вл. Нелединский. С. А. Венгеров писал о нем: «Он один из самых выдающихся петербургских преподавателей русской словесности, один из тех незабываемых учениками учителей, которых можно назвать Грановскими средней школы» (цит. по кн.: «Русские писатели. 1800—1917», т. 1, М., 1989, с. 565). О. Э. Мандельштам в повести «Египетская марка» называл Гиппиуса «формовщиком душ и учителем для замечательных людей» (Осип Мандельштам. Собрание сочинений в 3-х тт., т. 2. Вашингтон, 1971, с. 87).

Стр. 242. «Речь» — ежедневная газета, центральный орган Конституционно-демократической партии. Выходила в Петербурге с 1906 г. по 26 октября (8 ноября) 1917 г. Не раз подвергалась репрессиям за критику правительства. Была популярна среди либеральной интеллигенции.

Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — видный политический деятель, историк, публицист, лидер Конституционно-демократической партии. Приобрел популярность в либеральных кругах как активный деятель «Союза освобождения», нелегальной политической организации (1904—1905), выдвинувшей требование созыва Учредительного собрания. В Февральскую революцию выступил за сохранение монархии и передачу власти великому князю Михаилу. В первом составе Временного правительства — министр иностранных дел.

Гессен Иосиф Владимирович (1866—1948) — политический деятель, один из основателей и руководителей Конституционно-демократической партии, соредактор (вместе с П. Н. Милюковым) газеты «Речь».

Стр. 243. *«Новое Время»* — ежедневная петербургская газета (1868—1917). С 1876 г издавалась и редактировалась писателем и публицистом А. С. Сувориным (1834—1912). Консервативный орган, на страницах которого в военные и предвоенные годы — не редкость шовинистические и антисемитские выступления.

Стр. 244. *...адмирала Рождественского* — Рожественский Зиновий Петрович (1848—1909) вице-адмирал. Командовал русской эскадрой в Цусимском сражении (14—15 мая 1905 г.). Будучи ранен, был взят в плен японцами на миноносце «Бедовый», сдавшемся без боя. В России был предан военному суду, но оправдан как тяжело раненный в бою.

Стр. 245. *Перуджино* Пьетро (ок. 1446—1523) — итальянский живописец эпохи Возрождения.

Грибоедов показывал свою окровавленную руку Якубовичу.— Дуэль А. С. Грибоедова с А. И. Якубовичем 23 октября 1818 г в Тифлисе была завершением знаменитой «четверной» дуэли (1817 г.), по правилам которой стрелялись не только основные противники — А. П. Завадовский и В. В. Шереметев, но и их секунданты — А. С. Грибоедов и А. И. Якубович. Грибоедов был ранен в левую ладонь.

...бездарнейшую картину бездарного Репина...— имеется в виду иллюстрация И. Е. Репина к VI главе «Евгения Онегина» для юбилейного трехтомного издания Пушкина (М., 1899).

Стр. 250. *...исповедей... приводимых Хавелок Эллисом...*—Эллис Хавелок (1859—1939) — английский писатель, психолог занимался также сексуальной психологией, предшественник З. Фрейда, который признавался, что исследования Эллиса содержали «счастливое предвидение» его собственных выводов. Книга Эллиса «Этюды половой

психологии» (1898) своей невиданной откровенностью вызвала юридическое преследование, ее первый том был целиком посвящен половым извращениям и содержал огромный фактический материал.

Стр. 254. *...воплощая и rus и Русь...*— Набоков использовал эпиграф ко второй главе «Евгения Онегина»: «O rusl *(Hor.)*. О Русь!». R u s — деревня *(лат.)*. *Hor.*— Гораций.

Стр. 259. *Жадовская* Юлия Валерьяновна (1824—1883) — писательница, поэтесса, в любовной лирике развивала народно-песенную традицию.

Гофман Виктор Викторович (1884—1911) — поэт, близкий символизму.

К. Р.— так подписывал свои произведения великий князь Константин Константинович Романов (1858—1915), занимавшийся стихосложением, переводами и филологическими разысканиями.

Мазуркевич Владимир Александрович (1871—1942) — русский писатель, переводчик, автор многочисленных юмористических сценок, монологов, поэм и стихотворений.

Стр. 262. *...в Музее Александра Третьего...*— Так до 1917 г. назывался Русский музей.

...картины Шишкова и Харламова...— Ш и ш к о в — так Набоков иронически искажает фамилию Ивана Ивановича Шишкина (1832—1898). Х а р л а м о в Алексей Алексеевич (1842—1922) — живописец, жанрист и портретист. В 1874 г. получил звание академика за работы «Голова итальянки» и «Голова мордовки», превратившиеся у Набокова в «Голову цыганенка».

Стр. 263. *...«Не подходите к ней с вопросами»...*— из стихотворения А. Блока «На железной дороге» (1910).

Мозжухин Иван Ильич (1888—1939) — крупнейший актер дореволюционного кино. Особую славу ему принесли сложные психологические роли в фильмах режиссера Я. Протазанова.

Стр. 264. *Литературный Фонд* (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым) — литературно-бытовая организация, основанная в Петербурге в 1859 г. Деятельностью Литературного фонда руководил выборный комитет, работавший безвозмездно. Главными источниками средств были благотворительные вечера и спектакли.

Стр. 266. *...Александр Блок отмечал в своем дневнике этот дым, эти краски.*— «Ночь (на воскресенье) производит впечатление рабочей... А мерцающие вспышки, желтые, а иногда бледные, охватывающие иногда большую полосу неба, продолжаются, и мне начинает казаться, что за городским гулом я слышу еще какой-то гул» (Дневник, 12 августа 1917 г.; А. Б л о к. Собр. соч., т. 5, М., 1982, стр. 226).

Стр. 269. *Петрункевич* Иван Ильич (1843—1928) — политический деятель, один из основателей и руководителей Конституционно-демократической партии, редактор ее центрального органа, газеты «Речь».

Стр. 272. *...отец рассказал ... как он подарил свое вечное перо... адмиралу Джеллико...*— Д ж е л л и к о Джон (1859—1935) — адмирал, командующий британским флотом в Ютландском сражении (31 мая — 1 июня 1916 г.), самой крупной морской баталии первой мировой войны. «Когда мне придется читать о подвигах британского Grand Flut (большого флота), я буду представлять себе, что приказы и отчеты адмирала Джеллико подписаны моей ручкой. Ею же он будет пользоваться, отвечая на бесчисленные письма со всех концов Британской империи, сопровождающие всевозможные посылки от имени взрослых и детей, для которых имя адмирала давно стало фетишем»,— писал В. Д. Набоков в книге «Из воюющей Англии» (Пг. 1916, с. 39).

Стр. 273. *«Протоколы Сионских мудрецов»* — Мистификация. Выдавались за подлинные протоколы заседания еврейско-масонской организации, созданной с целью достижения власти над миром. Опубликованы в России С. А. Нилусом (1862—1930) в начале девятисотых годов. Не раз переиздавались, переводились на другие языки. В 1921 г. в нью-йоркском издательстве «Русская самооборона» вышла книга «Всемирный тайный заговор. По Нилусу».

Фаррер Клод — (Фредерик Шарль Эдуар Баргон; 1876—1957) — французский писатель, автор «колониальных» романов, в основе которых — представление об извечном противостоянии рас и преимуществе белого человека. Особым успехом пользовался роман Фаррера «Человек, который убил» (1907).

Стр. 275. *...назову его Бомстон, как Руссо назвал...* — Лорд Бомстон — герой новеллы Ж. Ж. Руссо «Любовные приключения Эдуарда Бомстона». Герой отдается политической деятельности, отказываясь от брака с любимой девушкой.

Стр. 276. *Львов* Георгий Евгеньевич (1861—1925) — русский политический деятель, примыкал к Конституционно-демократической партии. После Февральской революции — председатель совета министров и министр внутренних дел Временного правительства (март — июнь 1917 г.).

Донн Джон (1572—1631) — английский поэт, родоначальник так называемой «метафизической школы». Стихи Донна — своего рода философские трактаты — отличались особой сложностью образов и языка.

Хопкинс Джерард Мэнли (1844—1889) — английский поэт. Его по преимуществу философской лирике свойственна изощренная образность, необычный ритмический рисунок. Считается одним из основоположников современной англоязычной поэзии.

Леопольд Блум — герой романа Дж. Джойса (1882—1941) «Улисс» (1922).

Стр. 277. *Марвелл* Эндрю (1621—1678) — английский поэт, представитель «метафизической школы», тяготевшей к философской насыщенности и усложненному языку.

Хаусман Альфред Эдуард (1859—1936) — английский поэт. Недолговечность и эфемерность человеческих чувств, тщетность желаний — главные темы его меланхолических произведений.

Стр. 284. *...Лабрюйер в ...издании ... своих «Характеров»...* — Жан Лабрюйер (1645—1696) в своем главном произведении «Характеры, или нравы нынешнего века» (глава «О моде») сатирически изображает праздных, бесполезно проводящих свое время светских людей, в том числе коллекционеров насекомых.

Гей Джон (1685—1732) — английский поэт и драматург, классицист, автор сатирических и пасторальных поэм.

Поп Александр (1688—1744) — английский поэт, идеолог классицизма, автор рационалистических, «правильных» стихотворений и поэм.

Стр. 286. *Много переводил — начиная с «Alice in Wonderland...»* — Помимо стихотворных переводов из французской и английской поэзии XIX — начала XX в. и упомянутой книги Л. Кэрролла, вышедшей в 1923 г. под заглавием «Аня в стране чудес», Набоков сделал и перевод повести Р. Роллана «Кола Брюньон» («Николка Персик»; 1922). Обе книги не столько перевод, сколько переделки, переложения на русский язык.

Фондаминский Илья Исидорович (1880—1942) — общественный деятель, публицист, один из создателей и редакторов крупнейшего журнала русской эмиграции «Современные записки» (1920—1940).

В 30-е гг. Фондаминского отличают, с одной стороны, усиливающееся тяготение к православию, с другой — просоветские, пробольшевистские настроения, отталкивающие большую часть эмиграции. Эту противоречивую позицию один из эмигрантских критиков называл «религиозным утверждением атеистической цивилизации» (цит. по кн.: Г. Струве. Русская литература в изгнании. Париж, 1984, с. 228). Свои политические и философские взгляды Фондаминский проповедовал со страниц основанного им журнала «Новый Град» (Париж, 1931—1939).

Стр. 227. *...придирался к ученическим недостаткам Поплавского...* — Поплавский Борис Юлианович (1903—1935) — поэт, прозаик. В эмиграции его называли «вторым Блоком» и «русским Рембо»; его личность и творчество высоко оценивали Д. С. Мережковский и Н. А. Бердяев. В. Ф. Ходасевич писал о нем как о «самом талантливом» поэте эмиграции. В рецензии («Руль», 1931, 11 марта) на сборник Поплавского «Флаги» Набоков писал: «...то хорошее, подлинное, что так редко попадается у Поплавского,— дело счастливой случайности. Что тут кривить — Поплавский дурной поэт, его стихи — нестерпимая смесь Северянина, Вертинского и Пастернака (худшего Пастернака). Все это еще приправлено каким-то ужасным провинциализмом» (цит. по кн.: Владимир Набоков. Рассказы. Приглашение на казнь... стр. 518).

Алданов (псевдоним Марка Александровича Ландау; 1886—1957) — один из виднейших писателей русской эмиграции. Его многочисленные романы и повести на темы русской и западноевропейской истории пользовались большим успехом у широкого читателя, переведены на многие языки. Автор также историко-политических портретов и книги размышлений «Ульмская ночь».

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872—1928) — русский критик, автор книг о русской и западноевропейской литературе, переводчик А. Шопенгауэра. Сторонник импрессионистического, субъективистского литературоведения, отрицал историю литературы как науку. В 1922 г. был выслан из СССР за статью о Н. Гумилеве, гибель которого сравнил с гибелью А. Шенье на эшафоте. Один из первых обратил внимание на прозу В. Набокова-Сирина.

Стр. 288. *...очень сошелся с Ходасевичем, поэтический гений которого...* — В рецензиях и статьях о В. Ф. Ходасевиче (1886—1939) Набоков писал: «Крупнейший поэт нашего времени, литературный потомок Пушкина по тютчевской линии...» («О Ходасевиче» — «Современные записки», 1939, № 38); «Ходасевич — огромный поэт, но думаю, что поэт — не для всех. Человека, ищущего в стихах отдохновения и лунных пейзажей, он оттолкнет. Для тех же, кто может наслаждаться поэтом, не пошаривая в его «мировоззрении» и не требуя от него откликов, собрание стихов Ходасевича — восхитительное произведение искусства» («Владислав Ходасевич» — «Руль», 1927, 14 декабря). Цит. по кн.: Владимир Набоков. Рассказы. Приглашение на казнь... стр. 355, 400.

Стр. 292. *Гольденвейзер* Александр Борисович (1875—1961) — пианист, педагог, композитор. Близко знал Л. Н. Толстого в последние годы его жизни, автор воспоминаний «Вблизи Толстого».

Морозов Алексей Иванович (1835—1904) — русский художник, участник выставок передвижников.

Стр. 293. *...нападение Германии на Голландию...* — Фашистская Германия напала на Голландию 10 мая 1940 г.

«О как гаснут — по-степи...» — Квинт Гораций Флакк, «Оды», кн. 2, ода 14 «К Постуму».

Сто. 294. *Гинденбург* Пауль фон (1847—1934) — германский военный и государственный деятель. В 1932 г.— президент Германии. Будучи во главе государства, поддерживал военно-монархические и фашистские организации. 30 января 1933 г. передал власть в стране в руки фашистов, поручив Гитлеру формирование правительства.

Стр. 296. *Мажино* Андре (1877—1932) — французский государственный деятель, в 20—30-е гг.— военный министр. Инициатор создания линии военных укреплений вдоль франко-германской границы (линия Мажино).

Стр. 297. *...как венский шарлатан объяснял интерес мальчиков к поездам...*— «Сотрясение при катании в экипаже и при поездке по железной дороге оказывает такое захватывающее действие на... детей, что по крайней мере все мальчики хоть раз в жизни хотят стать кучерами и кондукторами. Тому, что происходит на железной дороге, они обыкновенно уделяют загадочно большой интерес, и все происходящее становится у них ... ядром чисто сексуальной символики...» (Из очерка З. Фрейда «Инфантильная сексуальность», 1905. Цит. по кн.: З. Фрейд. Психология бессознательного. М., 1990, стр. 170—171).

Стр. 300. *Ленотр* Андре (1613—1700) — французский архитектор-паркостроитель.

ВЕСНА В ФИАЛЬТЕ

Впервые — Нью-Йорк, 1956. Воспроизведено репринтным способом — Анн Арбор, 1978. Сб. печатается по этому изданию.

Весна в Фиальте

Впервые — «Современные записки», Париж, 1936, № 61.

Круг

Впервые — газета «Последние новости», Париж, 1934, 11—12 марта.

Стр. 329. *Федченко* Алексей Павлович (1844—1873) — зоолог и путешественник. В 1869—1871 гг. совершил длительную экспедицию в Туркестан, где собрал богатые коллекции, главным образом энтомологические. Погиб в Швейцарии при подъеме на одну из вершин.

Северцев Николай Алексеевич (1827—1885) — зоолог, исследователь Туркестана. Умер от сильного переохлаждения и шока, когда его сани провалились в полынью на Дону.

Спик Джон Хеннинг (1827—1864) — английский путешественник, исследователь Гималаев и Центральной Африки; первым из европейцев добрался до Уганды, открыл озеро Виктория. Погиб в результате несчастного случая на охоте.

Дюмон-Дюрвилль Жюль Себастьян Сезар (1790—1842) — французский мореплаватель, исследователь антарктических областей. Погиб в железнодорожной катастрофе близ Версаля.

Королек

Впервые — газета «Последние новости», Париж, 1933, 23—24 июля.

Тяжелый дым

Стр. 343. «Шатер» — поэтический сборник Н. С. Гумилева (Севастополь, 1921).

«Сестра моя жизнь» — поэтический сборник Б. Л. Пастернака (М., 1922).

«Вечер у Клэр» — роман (Париж, 1930) одного из лучших прозаиков русской эмиграции Гайто Газданова (1903—1971).

«Бал графа Д'Оржеля» — роман (Париж, 1924) Раймона Радиге (1903—1923), французского писателя, близкого к художникам-авангардистам.

Гёльдерлин Иоганн Христиан Фридрих (1770—1843) — немецкий поэт, использовавший в своей лирике мотивы античной мифологии и философии. Стихи Гельдерлина написаны античными размерами.

Посещение музея

Впервые — «Современные записки», Париж, 1939, № 68.

Лик

Впервые — «Русские записки», Париж, 1939, № 14.

Истребление тиранов

Впервые — «Русские записки», Париж, 1938, № 8.

Василий Шишков

Стр. 405. *Василий Шишков* — под таким псевдонимом в эмигрантской печати 30-х гг. Набоков опубликовал несколько своих стихотворений.

Облако, озеро, башня

Впервые — «Русские записки», Парйж, 1937, № 2.

Стр. 421. *«Мы слизь. Реченная есть ложь»* — Каламбурное прочтение строки «Мысль изреченная есть ложь» из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium» (1836).

...дивное о румяном восклицании... — Имеются в виду строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Вчера, в мечтах обвороженных...» (1836): «Румяным громким восклицаньем // Раскрыло шелк ресниц твоих...».

Уста к устам

Стр. 429. *...помнил только «Море» Вейнберга и одно стихотворение Скитальца...* — Вейнберг Петр Исаевич (1831—1908) — русский поэт, переводчик. Скиталец (псевд. Степана Гавриловича Петрова; 1869—1941) — поэт и прозаик, друг Горького, оказавшего решающее влияние на все его творчество. Автор стихотворений, проникнутых «буревестническими» настроениями.

Стр. 430. *Луговой* (псевд. Алексея Алексеевича Тихонова; 1853—1914) — писатель. Автор романов и повестей, насыщенных нравоучительными, социально-философскими рассуждениями.

Арцыбашев Михаил Петрович (1878—1927) — прозаик, автор скандально известного эротического романа «Санин», воспринятого широкой публикой и демократической критикой как порнографический.

Ultima Thule

Впервые — «Новый журнал», Нью-Йорк, 1942, № 1.

Глава из незаконченного романа, над которым Набоков работал перед отъездом в Америку, где ему «предстояло двадцать лет подряд писать исключительно по-английски» (цит. по кн.: Владимир Набоков. Рассказы. Приглашение на казнь... стр. 501).

Стр. 438. *Ultima Thule* — согласно античной мифологии остров; самая северная из обитаемых земель, край света. В рассказе Набокова идет речь и о «крайних» вопросах бытия (Бог, бессмертие), и о положении человека на границе познания, в предстоянии смерти.

Стр. 440. *«Равнодушная природа...»* — Образ взят из стихотворения Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829).

Стр. 441. *Краевич* Константин Дмитриевич (1833—1892) — педагог, автор гимназических учебников по физике, алгебре и космографии.

Стр. 453. *Бертгольд* Шварц (XIV в.) — францисканский монах, открывший практическое применение пороха.

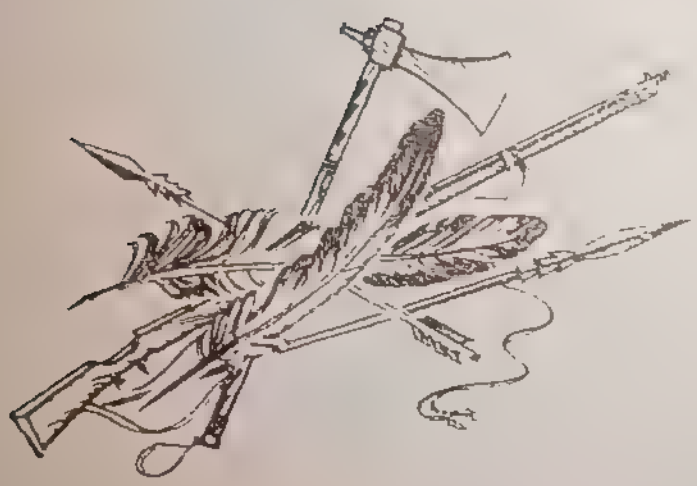
О. Дарк

Джеймс Фенимор

Купер

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН,

ИЛИ ПОВЕСТВОВАНИЕ О 1757 ГОДЕ



Роман

Перевод с английского
Е. М. Чистяковой-Вер
и А. П. Репиной

МОСКВА "ТРАНСПОРТ" 1993

Джеймс Фенимор Купер

В апреле 1840 года в Петербурге в угрюмом каменном здании, под охраной часовых, встретились двое молодых людей. Один из них, блестящий гвардейский офицер гусарского полка, был двадцатипятилетний Михаил Юрьевич Лермонтов. Незадолго до этого он стрелялся на дуэли с сыном французского посланника Барантом и теперь находился под арестом в ожидании вторичной ссылки на Кавказ. Другой, года на два постарше, по виду скромный разночинец-литератор, осенью 1893 года перебравшийся из Москвы в Петербург заведовать критическим отделом журнала «Отечественные записки», был Виссарион Григорьевич Белинский. Прослышав, что Лермонтов взят под стражу, молодой критик решил навестить поэта, талантом которого восхищался. Завязалась жаркая, оживленная беседа, неприметно затянувшаяся на целых четыре часа. Лермонтов и Белинский говорили о том, что одинаково занимало их как писателей,— о современной литературе. Речь зашла и об американском романисте Купере, которого оба собеседника знали с детства (книги Купера стали появляться в России в русском переводе начиная с середины 20-х годов). Белинский был растроган и обрадован тем, что, как выяснилось из разговора, Лермонтов целиком разделял его любовь к романам американского писателя; Лермонтов «говорил о нем с жаром, доказывал, что в Купере несравненно более поэзии, чем в Вальтере Скотте, и доказывал это с тонкостью, с умом и, что удивило меня, даже с увлечением»— так, под свежим впечатлением, рассказывал Белинский об этой беседе с Лермонтовым своему другу Панаеву.

А несколькими годами ранее другой русский поэт — ссыльный декабрист Вильгельм Карлович Кюхельбекер, зачитываясь романом Купера «Лоцман», переносился мысленно из сибирской глуши в вольные просторы океана и участвовал в приключениях отважных и гордых героев. «Глава 5-я первого тома, в которой изображен трудный, опасный переход фрегата между утесами ночью в бурю, должна быть удивительна, потому что даже меня, вовсе не знающего морского дела, заставила принять живейшее участие в описанных тут маневрах и движениях»,— записывает Кюхельбекер в мае 1834 года в дневнике, который вел в сибирской ссылке.

Постепенно из писателя «для взрослых» Купер стал по преимуществу писателем для юношества. Многие поколения русских читателей с детства воспитывались на его произведениях. Чехов в рассказе «Мальчики» с добродушным юмором изобразил злоключения двух приятелей-гимназистов, которые, начитавшись Купера и его продолжателей — Майна

Рида, Эмара и других, решают бежать из дома в прерии, к индейцам, в увлекательный мир приключений. Но романы Купера не только будили фантазию юных читателей, рисуя им образы смелых и решительных людей, живущих в содружестве с вольной и могучей природой. Они учили восхищаться поэзией подвига и борьбы. «Воспитательное значение книг Купера — несомненно,— говорил Горький.— Они на протяжении почти ста лет были любимым чтением юношества всех стран, и, читая воспоминания, например, русских революционеров, мы нередко встретим указания, что книги Купера служили для них хорошим воспитателем чувства чести, мужества, стремления к деянию».

Джеймс Фенимор Купер (1789—1851) вырос в поместье своего отца, в штате Нью-Йорк, на озере Отсего, не раз описанном впоследствии в истории Кожаного Чулка. В пору детства будущего писателя это были еще очень глухие места. В Куперстауне (так называлось по имени землевладельца поселение, возникшее на землях судьи Купера, отца Джеймса Фенимора) батраки и фермеры уже вырубали леса и распахивали участки; но чуть поодаль простирались дремучие дебри, где водились и хищные звери и дичь и где легко мог бы заблудиться и пропасть каждый, кроме индейцев да немногих белых охотников и звероловов, перенявших навыки краснокожих и научившихся понимать лесные приметы. Будущий писатель мог с детства наблюдать здесь весь тот живописный мир пионеров-разведчиков, охотников, поселенцев-колонистов и исконных хозяев американской земли — индейцев, который впоследствии был запечатлен на страницах его романов.

Молодой Купер вступил в жизнь в то время, когда были еще свежи воспоминания о долгой и кровопролитной войне за независимость Соединенных Штатов (1775—1783), которая закончилась всего за шесть лет до его рождения. Подростком будущий писатель мог слышать от очевидцев воспоминания о тех битвах на суше и на море, которые он описал впоследствии в своих романах из истории войны за независимость США — в «Шпионе» (1821), в «Лоцмане» (1824) и в «Лионеле Линкольне, или Осаде Бостона» (1825). На школьной скамье он уже мечтал о подвигах, путешествиях, борьбе с природой. Семнадцатилетним юношей Купер оставил университет, чтобы стать моряком. Совершив океанский рейс на торговом судне, он был затем, в девятнадцать лет, назначен мичманом на «Везувий», один из кораблей американского военно-морского флота, и пробыл на морской службе до 1811 года.

Эти годы имели большое значение для позднейшего творчества Купера. Он досконально изучил сложную науку вождения парусных судов: технические подробности в описаниях судовой оснастки, корабельных маневров и морских сражений, в таком изобилии встречающиеся в его романах, были взяты из жизни. Он узнал на опыте опасности, которые приходится преодолевать морякам, и постиг ту поэзию моря, которой пронизаны его «морские» романы. За годы флотской службы Куперу довелось ближе познакомиться и с районом Великих озер: он был откомандирован для участия в постройке военного брига на побережье озера Онтарио, в те самые места, которые были изображены им впоследствии в романе «Следопыт».

В зрелые годы Купер много путешествовал по Европе. Он служил американским консулом в Лионе — крупном промышленном городе Франции, в котором в то время бурно развивалось рабочее движение. Он был свидетелем событий июльской революции 1830 года, когда восставший французский народ сверг с престола ненавистную династию Бурбонов. Купер с сочувствием следил за борьбой народа и с горечью писал о том, как в дальнейшем «богачи и интриганы насмеялись над справедливыми надеждами масс, злоупотребив их доверием и использовав плоды народной энергии в своих корыстных, эгоистических целях». Он побывал в Англии, Швейцарии, Германии, а также в Италии, к истории которой обратился в своем романе «Браво» (1831), изображающем феодальное прошлое Венеции. Куперу не удалось осуществить план задуманной им поездки в Россию, но он живо интересовался нашей страной, предсказывал ей большое будущее и придавал важное значение укреплению дружественных добрососедских отношений между Соединенными Штатами и Россией. «Америка связана в настоящий момент с Россией более практической и осязаемой близостью, чем с какой-либо другой европейской страной»,— писал он в «Европейских заметках американца».

В бытность во Франции и в Италии Купер познакомился и коротко сошелся со многими русскими путешественниками. «Встречаясь с русскими, я всякий раз находил в них друзей»,— вспоминал он в последние годы жизни. Любопытно, что именно его русские друзья в Париже познакомили Купера в 1826 году с приехавшим туда шотландским романистом Вальтером Скоттом, с которым его так часто сравнивали современники.

Куперу было уже тридцать лет, когда он начал писать. В ту пору, на рубеже 10-х и 20-х годов XIX века, американская литература была еще слабо развита. В Соединенных Штатах было несколько талантливых поэтов и прозаиков. Но американская жизнь еще не получила достаточно широкого отражения в искусстве, и читающая публика в Соединенных Штатах пробавлялась в основном модными романами для легкого чтения, привозимыми из Англии.

По воспоминаниям самого Купера, он написал свой первый роман на пари, поспорив в шутку с женой, что может сочинить книгу, ничуть не менее интересную, чем те английские романы, которыми она зачитывалась. Купер выиграл пари, написав роман «Предосторожность» (1820), который, впрочем, изображал быт и нравы далекой Англии и следовал обычным, избитым английским образцам. Но это была только первая проба пера. Следующий замысел писателя оказался гораздо более смелым. По словам самого Купера, «устыдившись пути подражания», по которому он пошел в своем первом романе, он «попытался создать произведение, которое было бы чисто американским и темой которого была бы любовь к родине». Так возник «Шпион» (1821), один из замечательнейших романов Купера, сделавший его имя широко известным в Америке и в Европе.

Действие этого романа развертывается в 1780 году, в разгар войны за независимость. В числе героев «Шпиона» появляется и сам Джордж Вашингтон, главнокомандующий американской армией, сражавшейся

против войск английского короля, который потом был избран первым президентом Соединенных Штатов.

Но ни Вашингтон, ни его офицеры не занимают первостепенного места в романе. Своим главным героем Купер делает простого, незаметного человека из народа, одного из тех рядовых участников войны за независимость, чьи имена не вошли в историю, хотя именно они вынесли все тяготы войны и добились победы. Коробейник Гарви Берч добровольно берет на себя опасную роль разведчика американского командования. Получив поручение Вашингтона выведать военные тайны англичан, он под видом странствующего торговца проникает в расположение английских войск и входит в доверие английского генерала Клинтона. Смелый лазутчик ежечасно рискует жизнью. Его связь с англичанами заставляет американских солдат и офицеров подозревать его в измене. Соотечественники выслеживают и арестовывают его, американский военный суд приговаривает его к смертной казни как предателя, а Берч не в состоянии оправдаться, потому что обязан строго хранить в тайне свои секретные задания, полученные лично от главнокомандующего. И даже по окончании войны Гарви Берч не может ждать публичного признания своих заслуг. Его имя и дальнейшая судьба теряются в неизвестности; единственной его наградой за подвиги военных лет может быть только сознание того, что он выполнил свой долг.

По своему характеру и общественному положению Гарви Берч во многом похож на другого, самого любимого героя Купера — на лесного следопыта, охотника и зверолова Натти Бампо. Под разными прозвищами — как Зверобой, Следопыт, Соколиный Глаз, Длинный Карабин и Кожаный Чулок — Натти Бампо появляется в качестве главного действующего лица в пяти романах Купера, известных под общим названием романов о Кожаном Чулке.

Вот перечень этих романов в том порядке, в каком они обычно печатаются в собрании сочинений Купера. «Зверобой» (1841), «Последний из могикан» (1826), «Следопыт» (1840), «Пионеры» (1823) и «Прерия» (1827). Взятые вместе, они охватывают более шестидесяти лет из долгой жизни Натти Бампо. В «Зверобое», действие которого относится к началу 40-х годов XVIII века, Натти совсем юным охотником впервые вступает на тропу войны вместе со своим верным другом индейцем Чингачгуком из племени могикан. В «Следопыте» изображаются времена англо-французской войны 1750- 1760 годов, а Натти Бампо предстает как уже немолодой человек, умудренный и закаленный суровым опытом жизни. В «Последнем из могикан» рядом с Натти Бампо и Чингачгуком появляется новый соратник, сын этого индейского вождя, молодой воин Ункас, который любит белую девушку Кору и погибает вместе с нею, пытаясь спасти ее от коварных врагов. В «Пионерах» действие происходит в 1793 году, перед читателями встают картины печальной старости Натти Бампо и его друга — спившегося, больного, одинокого могиканина, в котором нелегко узнать некогда могучего вождя истребленного, исчезнувшего племени. В романе «Прерия», замыкающем это пятикнижие, действие переносится в 1805 год. Натти Бампо — дряхлый, восьмидесятилетний старик — в одиночку скитается теперь по пустынным равнинам прерий. Он все еще бодр духом, но руки его трясутся, зрение по-

мутилось; охотник, славившийся когда-то меткостью своих выстрелов, редко спускает теперь курок своего Длинного Карабина. Он промышляет тем, что ловит зверей и птиц в силки и капканы. Старый зверолов может еще оказать неоценимую помощь людям, попавшим в беду: он сумеет разгадать коварство врагов; он нападет на нужный след, затерявшийся в бескрайних просторах; он спасет своих спутников от голода и от степного пожара... У него появляются и новые молодые друзья, индейцы и белые американцы. Но среди них нет никого, кто мог бы сравниться с его прежними соратниками – с мудрым и храбрым Чингачгуком, прозванным Великим Змеем, с отважным молодым Уикасом – последним из могикан...

Читатели, естественно, предпочитают именно в такой последовательности переходить от книги к книге, чтобы пройти рука об руку с Натти Бампо весь его долгий жизненный путь, полный удивительных приключений.

Но любопытно, что воображение самого Купера рисовало ему различные картины из жизни его любимого героя в совершенно ином, почти прямо противоположном порядке. Если внимательно вглядеться и вдуматься в годы издания отдельных частей пятикнижия о Кожаном Чулке, указанные выше, то окажется, что писатель начал историю Натти Бампо почти что с самого конца, а говоря точнее -- с предпоследней книги, с романа «Пионеры». После этого он написал роман «Последний из могикан», относящийся к зрелым годам жизни Кожаного Чулка, и конец его истории – роман «Прерия». Только много лет спустя писатель возобновил прерванное повествование и после «Следопыта» опубликовал наконец пятую, и последнюю, книгу этого цикла — роман «Зверобой», где рассказал напоследок о юности своего героя. Без малого два десятилетия, с начала 20-х до начала 40-х годов XIX века, работал Купер над этим пятикнижием.

Необычный порядок, в котором, как мы видим, создавались и выходили в свет эти романы, где герой сперва появлялся перед читателями дряхлым стариком, потом – человеком средних лет и наконец – юношей, полным сил и надежд на будущее, не был случайным.

Излагая историю Натти Бампо и его друзей, Купер вместе с тем задумывался над историей своей страны и своего народа. Он сопоставлял буржуазную Америку XIX века с Америкой XVIII столетия, сравнивал настоящее с прошлым и приходил к печальным и тревожным выводам относительно положения Соединенных Штатов.

В 1834 году, отвлекшись на время от повествования о Кожаном Чулке, Купер написал книгу совсем в другом роде, которая, однако, по-своему дополняет и поясняет и его романы о Натти Бампо. Это была едкая сатирическая повесть «Мошкины» — во многом напоминающая «Путешествия Гулливера», написанные Джонатаном Свифтом. Свифт — английский сатирик XVIII века — рассказывал о путешествиях доктора Гулливера в дальние страны, населенные лилипутами, великанами, говорящими лошадьми и другими небывалыми существами, чтобы обиняком, пользуясь вымышленными, фантастическими примерами, осмеять и осудить все то, что возмущало его в действительной жизни Англии. Так же поступает и Купер в «Мошкинах». Действие этой повести проис-

ходит в двух фантастических государствах — Низкопрыгии и Высокопрыгии, находящихся будто бы где-то возле Южного полюса, в просторах Антарктиды. Купер описывал и жителей этих государств — человекообразных обезьянок, «моникинов». Само это название сразу, по созвучию, наводило и американского и английского читателя и на мысль об обезьянке (по-английски «monkey»), и на мысль о деньгах (по-английски «money»). И действительно, главным свойством «моникинов», этих полузверей, полулюдей, изображаемых Купером, была всепоглощающая жадность. Читатель без труда догадывался, что под видом Высокопрыгии автор описывал Англию, а под видом Низкопрыгии — Соединенные Штаты. При этом оказывалось, что, хотя «моникины», проживающие в Низкопрыгии (то есть в США), любят похвастаться своими правами и свободами, они, однако, отличаются от жителей Высокопрыгии (то есть Англии) только тем, что у них более куцые хвосты. В их стране то и дело происходят «великие моральные затмения»: жадность и погоня за наживой заслоняют и затемняют все другие интересы и чувства. «Моникины»-«низкопрыги» преклоняются перед долларом и выше всего ценят деньги.

В таком неприглядном виде предстает буржуазная Америка в изображении Купера-сатирика. А ведь тот же Купер в своих первых исторических романах из эпохи войны за независимость США с умилением писал о героической борьбе американских патриотов против английского господства, в результате которой развилась и окрепла эта буржуазная Америка. Но с течением времени писателю становилось все более ясно, что те идеалы свободы и равенства, за которые боролись простые американцы, подобные Гарви Берчу в «Шпионе» или Натти Бампо в истории Кожаного Чулка, не осуществились в Америке. Уже в романе «Шпион» Купер показал рядом с самоотверженным и бескорыстным героем-разведчиком людей прямо противоположного склада — лжепатриотов, которые, как волки, рыскают по «ничьей» земле между лагерями американцев и англичан, грабя и убивая и своих и чужих в поисках «легкой» военной добычи. Беда Гарви Берча и подобных ему честных американцев состоит в том, что результатами их подвигов бессовестно пользуются хищники-наживалы.

Именно они, жадные до наживы люди-собственники, становятся хозяевами жизни в буржуазной Америке, оттесняя и подчиняя себе простых людей труда. Купер не раз с беспокойством и тревогой задумывался над этими общественными противоречиями, спрашивая себя, куда приведут они его страну. Эти раздумья отразились и в его романах о Кожаном Чулке.

Сам Натти Бампо в изображении Купера — настоящий бессребреник, кристально чистый, благородный и скромный человек. Его потребности невелики. Свобода, независимость и лесное приволье — вот все, что нужно ему для счастья. Но жизнь лишает его и этих радостей. Судьба Натти Бампо складывается так, что с молодых лет до старости он, сам того иногда не желая, служит жестоким и жадным колонизаторам-собственникам. Для них и леса, и водные пространства, и равнины прерий — это только добыча, которую они спешат вырвать у других, присвоить себе, превратить в источник дохода. Заботясь только о наживе,

они бессмысленно расточают и губят природные богатства страны. В романе «Пионеры» Натти Бампо с болью видит, как безжалостно вырубают девственный лес; сводят, хищнически добывая сахар, прекрасные кленовые рощи; уничтожают зря массу рыбы; истребляют и распугивают лесных зверей и птиц; целым селением, из всех орудий, от детского лука до пушки, расстреливают огромные перелетные стаи дикких голубей... Он чувствует себя чужаком среди новых хозяев округи, хотя когда-то сам указал им дорогу и помог обжиться в этих краях. Деятельность всех этих преуспевающих собственников, законников, крупных и мелких торгашей, фермеров-хищников, которые, едва успев расчистить участок и собрать с него один-два урожая, покидают его ради другого, более выгодного, оставляя за собой обгорелые пни и истощенную землю, кажется старому Кожаному Чулку непонятной и враждебной. Стук топора отдается в его душе зловещим гробовым холодом, предсказывая скорое исчезновение его любимой свободной и дикой Америки. Следопыт-разведчик, когда-то не имевший себе равных, теряется теперь, как беспомощный ребенок, среди незнакомых вырубок и просек, не находя более вековых деревьев, из которых каждое было ему давнишним и верным другом. Он не понимает и новых законов, введенных землевладельцами, и никак не может взять в толк, чем же он провинился, когда судья Мармадьюк Темпль (которого Кожаный Чулок в былые времена выручил в беде, накормил и пригрел) посылает его в тюрьму за пустячное нарушение правил охоты.

Таким же чужаком, отщепенцем чувствует себя Натти Бампо и в обществе других людей-собственников, представителей буржуазной Америки, с которыми сталкивает его судьба. Он не может ужиться с такими хищниками, как Хаттер и Марч, которые промышляют охотой на индейцев («Зверобой»), или Ишмаэль Буш и его сыновья, не брезгующие ни разбоем, ни убийством и грабящие землю так же, как могут, при случае, ограбить соседа («Прерия»). Недаром, как ни различно содержание пяти романов о Кожаном Чулке, каждый из них заканчивается тем, что, выполнив свой долг и выручив из беды своих спутников, Натти Бампо уходит от них в леса, а когда уже не остается лесов, где он мог бы найти приют,— в прерии. В мире буржуазных собственников он одинок и стоит вне закона. «Натти Бампо, — писал о нем Горький,— всюду возбуждает симпатии читателей честной простотой своей мысли и мужеством деяний своих. Исследователь лесов и степей Нового Света, он проложил в них пути людей, которые потом осудили его, как преступника, за то, что он нарушил их корыстные законы, непонятные его чувству свободы. Он всю жизнь бессознательно служил великому делу географического распространения материальной культуры в стране диких людей и оказался неспособным жить в условиях этой культуры, тропинки для которой он впервые открыл. Такова — часто — судьба многих пионеров-разведчиков,— людей, которые, изучая жизнь, заходят глубже и дальше своих современников. И с этой точки зрения безграмотный Бампо является почти аллегорической фигурой, становясь в ряды тех истинных друзей человечества, чьи страдания и подвиги так богато украшают нашу жизнь».

Рядом с образом самого Натти Бампо в книгах Купера, ему посвященных, выделяются и образы его друзей-индейцев. В «Последнем из могикан» и других своих романах Купер первым из американских писателей с глубоким сочувствием и уважением изобразил «замечательный народ», «туземных воинов Северной Америки»,— народ, «на войне — отважный, кичливый, коварный, беспощадный, готовый к самопожертвованию; в мирное время — справедливый, великодушный, гостеприимный, мстительный, суеверный, скромный, и обычно целомудренный» (как говорит сам Купер в предисловии к «Последнему из могикан»).

Нужна была большая широта кругозора и свобода от предрассудков, чтобы с такой симпатией и поэтическим проникновением писать об индейцах, которых буржуазные колонизаторы жестоко преследовали, истребляли и не считали за людей. В образах Великого Змея — Чингачгука и его сына Ункаса Купер показал индейцев как настоящих героев, благородных и мужественных, верных законам дружбы, неустрашимых перед лицом опасности. Задолго до американского поэта Лонгфелло, который обработал сказания индейских племен в своей известной поэме «Песнь о Гайавате», Купер изучал народные обычаи, песни и поверья индейцев и воспользовался этим в своих романах, что придает им особую поэтичность.

С сочувствием и грустью пишет Купер о вымирании и истреблении индейских племен. Печальная нота звучит уже в самом заглавии «Последний из могикан», возвещающем, говоря словами самого писателя, «неизбежную, по-видимому, судьбу всех этих народов, исчезающих под напором... цивилизации, как опадает листва их родных лесов под дуновением мороза». Гибель отважного сына Ункаса и любимой им Коры как бы символизирует в изображении Купера эту историческую трагедию целого народа.

В книгах Купера нельзя искать точного, достоверного изображения исторических событий. Он о многом умалчивает, много преувеличивает, заменяет подлинные факты вымыслом. Пушкин находил неточности в описании индейцев у Купера и относил его к числу тех художников, которые «закрасили истину красками своего воображения». Позднее Марк Твен подсмеивался над невероятными подвигами, которые совершают герои Купера, и обнаруживал забавные несообразности в описании их речей и поступков.

Но Купер и не стремился к реалистической точности в своем изображении жизни. Писатель романтического направления, он считал себя вправе пользоваться преувеличениями и иной раз украшать действительность вымыслом. Но в своих лучших романах он сумел воспроизвести выразительней и ярче, чем кто-либо другой из его современников, очень важные события из истории своей страны и своего народа: борьбу за независимость Соединенных Штатов, колонизацию североамериканского материка и гибель индейских племен, составлявших его коренное население. «Будучи гражданином молодого государства, возникшего на молодой земле, непохожей на наш Старый Свет, он через это обстоятельство как будто создал особый род романов — американско-степных и морских», — писал Белинский, определяя то новое, что внес Купер в ми-

ровую литературу. Поэзия вольной природы и героического подвига — вот чем привлекают всех читателей романы Купера.

Прозрачная гладь озера Отсего, отражающая, как в зеркале, безлюдные лесистые берега; бешеные стремнины Гленнского водопада; безбрежное море зеленой листвы, открывающееся путникам, вступающим в чащу дремучих лесов в краю Великих Озер, и широкие просторы Онтарио с лабиринтом «Тысячи Островов»; цветущие солнечные прогалины дубовых рощ Мичигана и пустынные равнины прерии — все эти картины сохраняются в памяти каждого, кто читал романы Купера. Могучая и величавая природа Америки входит в его произведения как живое начало, то враждебное, то дружески помогающее героям, угрожающее неведомыми опасностями, обещающее приют и убежище, открывающее дорогу к спасению, к счастью или к смерти. Вот почему так увлекательны и поэтичны картины природы у Купера. «Вам кажется, что сами вы склонились под сенью вековых деревьев, чтобы распознать след мокасина. Опасности так связаны с особенностями страны, что вы внимательно изучаете скалы, водопады, пороги, кусты; вы перевоплощаетесь в страну: она входит в вас или вы в нее...» — так писал об изображении природы у Купера высоко ценивший его творчество Бальзак.

Увлекательно и действие романов Купера. Бесчисленны опасности и преграды, встающие на пути его героев. Но нет испытаний, перед которыми склонилась бы их воля. Полные здоровой и мужественной любви к жизни, они не знают безвыходных положений, умея вовремя принять отважное решение, открывающее дорогу к спасению и победе.

При этом поэзия подвига у Купера не омрачена ни корыстными расчетами, ни хищнической жестокостью. Его лучшие романы в этом отношении очень непохожи на множество издаваемых сейчас в капиталистических странах приключенческих книг, чьи «герои» — будь то преступники или сыщики, изобретатели, путешественники, офицеры или колониальные чиновники руководятся чаще всего бешеной жаждой богатства и власти и готовы на все, лишь бы добиться успеха. Любимые герои Купера, напротив, самоотверженны и бескорыстны. Всем своим творчеством он славит мужество свободного, честного и деятельного человека, который смело и пытливо глядит в лицо жизни.

А. ЕЛИСТРАТОВА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМЫ

Кавказский пленник 3
Гавриилиада 24
Вадим. *Отрывок из неоконченной поэмы* 37
Братья разбойники 42
Бахчисарайский фонтан 48
Цыганы 62
Граф Нулин 79
Полтава 88
Тазит 128
Домик в Коломне 136
Езерский 147
Анджело 153
Медный всадник 172

НАБРОСКИ, ОТРЫВКИ

Актеон 185
Бова 185
ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН 186

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Борис Годунов 354
Скупой рыцарь 426
Моцарт и Сальери 442
Каменный гость 450
Пир во время чумы 478
Русалка 486
Сцены из рыцарских времен 506

ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ

I. Вадим 520
II. Скажи, какой судьбой 521
III. Насилу выехать решились из Москвы 521
IV. Перевод из К. Бонжура 523
V. Через неделю буду в Париже 523
VI. От этих знатных господ 525
VII. И ты тут был 526

КРЫЛОВ-БАСНОПИСЕЦ

Кто из нас не помнит детской басни «Стрекоза и Муравей»? Кажется, что может быть прозрачнее положенного в ее основу сюжета:

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза...

То, что перед нами аллегория и под насекомыми подразумеваются люди, – мы понимаем. Но вот задумаемся, такое ли уж страшное преступление совершила Стрекоза? Ну – пела, плясала, но ведь никому от этого не было вреда. А Муравей, трудолюбивый, чинный, справедливый, рассудительный – положительный во всех отношениях герой, оказывается по отношению к Стрекозе невероятно жестоким. За легкомыслие, пустозвонство, недальновидность «попрыгуньи» он наказывает ее неизбежной смертью!

Вот вам и «добродушный дедушка Крылов»!

В чем же дело? Почему коллизия труда и безделья решается Крыловым так безжалостно и категорично? Почему за разговором, внешне дружелюбным, кумы и кума (так называют друг друга Муравей и Стрекоза) встает извечный неразрешимый антагонизм?..

Да потому, что для Крылова в облике порхающей Стрекозы воплощены отнюдь не простое легкомыслие и беззаботность резвушки, у которой «в мягких муравах» «голову вскружило». Вся его басня направлена против тунеядства и паразитизма определенных слоев общества как социально-политического явления.

* * *

К началу XIX века, к тому времени, когда Крылов стал исключительно баснописцем, он прошел уже большой творческий путь. Он был автором комедий, комических опер, трагедий, сатириком-журналистом и стихотворцем. Менять виды литературной деятельности ему приходилось из-за трудности проведения своих идей через цензуру. В жанре басни для этого открывались наибольшие возможности.

В 1803 году он написал «первую» басню (из тех, что вошли в его басенные сборники) – «Дуб и Трость», а вслед за ней «перевел» из Лафон-

тена еще одну – «Разборчивая невеста». По своей сути это было собственно крыловское произведение, самостоятельное во всех отношениях – от идей и морали басни до ее языка. Однако представлять собственное произведение как переводное было удобно. Переводы «из произведений» иноязычного автора (традиционно поощрявшиеся в официальных кругах) на долгие годы стали в русской литературе излюбленной формой маскировки собственных политически острых и актуальных идей отечественными писателями (Пушкин, Некрасов и др.). Но конечно, не ради одного стремления обойти цензуру русские писатели обращались к переводам и переложениям. Было здесь и желание перенести близкие автору мысли, мотивы, сюжетные перипетии, образы на родную почву, познакомить с ними соотечественников...

Басня Крылова «Разборчивая невеста» – его раздумье об избранном писателем поприще баснописца: Крылов связал свою судьбу с таким литературным жанром, который к этому времени считался малозначительным и исчерпавшим свои возможности. В этом духе была выдержана и басня «Старик и трое молодых», написанная вслед за первыми двумя. В ней – явное стремление оправдать тот факт, что он, по мнению некоторых, в слишком позднем возрасте взялся за новое дело – вырастить на русской почве дерево басенной поэзии. Произведением программного характера стала и написанная вскоре басня «Ларчик».

В басне «Ларчик» Крылов объясняет читателю, как надо читать его басни, как их понимать. Во всяком деле не следует излишне осложнять задачи, а прежде всего нужно попытаться решить ее самыми элементарными и доступными средствами, т. е. попытаться «просто» «открыть ларчик».

Каждая из крыловских басен – именно такой «ларец с секретом». Возьмем, к примеру, самую первую из его басен, которая ему решительно не давалась (он ее тщательно исправлял, переделывал, явно затрудняясь провести свои идеи, как хотелось бы, через царскую цензуру), но которой писатель особенно дорожил и потому постоянно возвращался к ней, – «Дуб и Трость».

В басне «горделивый Дуб» – вровень с Кавказом (в вариантах басни он «заслоняет солнце долинам целым»). Именно так: царь лесов и полей в своей гордыне не солнцу подобен, как принято говорить о царях, а, наоборот, препятствует солнца лучам, лишает света и тепла все окружающее. Бушующий ветр (в вариантах он назван «бунтующим») «доселе» еще не одолел Дуба, хотя Тростника и, пожалуй, со злорадством, уверяет, что это не навек. Ее уверенность оправдалась: в конце концов ветр

...вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.

В басне автор утверждает конечную победу «бунта» над внешне могучим самодержавием, несмотря на все предшествующие неудачи.

Осталось ответить на вопрос – кого же следует подразумевать под гибкой Тростью? Ясно, что не народ, чье стихийное восстание автор стремился представить в образе «бунтующего» ветра». Она – Тростника, – сам

автор, а шире – интеллигенция, идейно близкая ему. Она склоняется перед бунтующим ветром, а не противопоставляет себя ему. А у Дуба не просит покровительства, несмотря на все его предложения укрыть ее в своей «густой тени» и «защитить от непогод». Тростинка пророчествует:

Не за себя я вихрей опасаюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь;
Так бури мало мне вредят...

В первой своей книге басен, увидевшей свет в 1809 году, Крылову единственный раз в жизни удалось провести в печать безоговорочное утверждение, что лучшей формой государственного правления является «правление народно». В басне «Лягушки, просящие Царя», он утверждал, что только в приступе безумия возможно отказаться от того, чтобы «на воле жить». Последовательный ряд царей, обретаемых лягушечьим обществом, убеждает читателя, что лучшим может быть лишь самый первый – «осиновый» чурбан», царь полностью бездеятельный, всякий же иной вариант самодержавия – это смена одной тирании другой; одного кровавого самоуправства – еще более жестоким.

В другой басне – «Мор зверей» – Лев прямо назван царем и показан в полном согласии с другими хищниками, сильными «иль когтем, иль зубком» в отношении простого и беззащитного народа. Когда же речь заходит о грехах и их отпущении, все хищники – во главе со Львом – оказываются «со всех сторон Не только правы, чуть не святы».

Обе последние басни не вошли в первую книгу при оформлении окончательного текста всех басен: их программа носила характер уже не литературно-творческий, а прямо социально-политический, со всеми вытекающими из их публикации последствиями...

Эта программа – и литературно-творческая, и социально-политическая, ясная читателям уже в первых баснях издания 1809 года, была выдержана Крыловым во всех остальных *книгах* его басен (так он стал отныне называть разделы своих басенных сборников). Слава замечательного баснописца была в том же году упрочена за Крыловым хвалебной статьей-рецензией В. А. Жуковского.

Всеобщее признание как мастера басни и писателя, выразившего народные взгляды на Отечественную войну 1812 года, Крылову принесли его басни «Волк на псарне», «Обоз», «Ворона и Курица», «Щука и Кот», «Раздел», «Кот и Повар», «Крестьянин и Змея», которые стали навсегда предметом особого внимания читателей, особой страницей в истории русской литературы и общественной мысли в России. Поддержка стратегии Кутузова и пренебрежительное отношение к Александру I и своекорыстному дворянству характерны для этих басен.

Самая известная из них, «Волк на псарне», – о том, как Наполеон, пытаясь спасти от окончательного разгрома свою армию, вступил в переговоры с Кутузовым о немедленном заключении мира. Крылов, написав басню, отправил ее Кутузову, и тот прочитал ее вслух после сражения под Красным окружившим его офицерам. При словах «ты сер, а я, приятель, сед» он, как передают очевидцы, снял фуражку и обнажил свою седую го-

лову, показывая, что если ощерившийся Волк – это Наполеон, то мудрый Ловчий, знающий волчью натуру, – это он сам.

Само собой, что эти басни не могли быть «переводными». Хотя Крылов и создавал время от времени свои басни на формальной основе перевода, но в подавляющем большинстве случаев, они во всех отношениях оригинальные, выражающие русское национальное и народное самосознание.

До 1825 года, принесшего поражение декабристам, Крылов написал большую часть своих басен. После трагедии 14 декабря он, своими глазами видевший все происходившее на Сенатской площади, где находился в гуще народа, на три года почти совсем прекратил творческую деятельность, а обратившись к ней вновь, он за двадцать лет оставшейся жизни создал всего три с небольшим десятка произведений.

Однако писатель, в юности сблизившийся с Радищевым и бывший одним из самых смелых, радикальных сатириков в России XVIII века, не изменил своей программе и после крушения надежд на демократические изменения, в отличие от многих разочаровавшихся в просветительских идеалах и примирившихся с подлостью окружающей жизни. Даже самая последняя из созданных Крыловым басен – «Вельможа» (и замыкающая последнюю, девятую книгу басен) прямо перекликается с одной из первых – «Лягушки, просящие Царя». Герой басни, некий сатрап, посмертно вознесенный в рай за свое бездействие и глупость, оказывается награжденным как благодетель народа, спаситель страны от разорения и мора:

Что, если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью, –
Ведь погубил бы целый край!..

Губительность самодержавия в любой его разновидности, просвещенной или варварской, – сквозная тема всего басенного творчества Крылова. Идя по пути обличения самовластья более последовательно и самоотверженно, чем множество его современников, Крылов с неизбежностью наталкивался на препятствия, воздвигнутые царской цензурой и в ряде случаев оказавшиеся непреодолимыми. Басню «Пестрые овцы» царская цензура вообще не пропустила. Другие басни приходилось многократно переделывать в соответствии с требованиями цензуры.

Так, например, было дело с басней «Рыбья пляска». В ней в художественно обобщенной форме он изобразил действительный исторический факт: как царь, встретившись с жесточайшей, губительной эксплуатацией народа, одобрил своих чиновников и благодушно отправился в дальнейший путь.

«Во время одного из своих путешествий по России, – рассказывал очевидец, – император Александр I, в каком-то городе, остановился в губернаторском доме. Готовясь уже к отъезду, он увидел из окна, что по площади приближается к дому довольно большое число людей. На вопрос государя, что это значит, губернатор отвечал, что это депутация от жителей, желающих принести его величеству благодарность за благосостояние края. Государь, спеша отъездом, отклонил прием этих лиц. После распростра-

лась молва, что они шли с жалобой на губернатора, получившего между тем награду».

От Крылова потребовали, чтобы он закончил басню словами о том, что царь осудил своих преступных чиновников, расправился с ними. И Крылов переделал конец.

Но зато он изменил заглавие: вместо «Рыбья пляска» – «Рыбьи пляски». Если такие *пляски* – не единичный случай, как могли бы подумать некоторые читатели, а постоянное явление, значит, исключение – справедливое решение царя. Затем, в первой редакции слова «царь», «государь» были написаны со строчной буквы, а во второй – с заглавной. Этим было лишний раз подчеркнуто, что речь идет о человеческом обществе.

Напротив, роль чиновника, угнетающего народ, во второй редакции исполняет не безликий староста-мужик, а хищник-воевода – Лиса. В целом басня превратилась в поучение Царю (царям), как надо править (в противоположность тому, как в действительности правил Александр I). Видно, что Царь-Лев наказывает Воеводу, однако не во имя справедливости, а просто «не могши боле ... явной лжи стерпеть». Причем не понятна участь «рыб». Им, видимо, Львом предоставлена возможность «плясать» на сковородке по-прежнему, но только «под музыку».

Картина общества, воссозданная Крыловым в его баснях, носит отчетливый классовый характер. Если речь идет об Овцах, то рядом с ними – как бы специально для того, чтобы прекратить их существование, – живут Волки и другие хищники («Пестрые Овцы», «Волки и Овцы», «Овцы и Собаки» и др.). Если заходит разговор о Лещах, то бок о бок с ними размножаются Щуки, причем барин, в пруду которого и водились Лещи, специально напускает к ним Щук, объясняя это тем, что он вовсе не «охотник до Лещей» («Лещи»). Отношения сильных и слабых, хищников и их жертв непримиримы. Жестокая борьба за существование идет не на жизнь, а на смерть.

Видя, какова участь крепостного крестьянства, Крылов в басне «Крестьянин и Смерть» показал, что только смерть может быть хуже такой жизни. Чрезвычайная эксплуатация, повсеместное ограбление народа ярко нарисованы в таких баснях, как «Госпожа и две Служанки», «Крестьяне и Река», «Волки и Овцы», «Мирская сходка», «Волк и Мышонок», «Медведь у Пчел». В басне «Крестьяне и Река», например, говорится о таком разорении крестьян, при котором они наконец «вышли из терпенья», и пошли «просить себе управы» у высшей власти. Но, разобравшись, пришли к выводу:

На что и время тратить нам!
На младших не найдешь себе управы там,
Где делятся они со старшим пополам.

В таких баснях, как «Листы и Корни», «Свинья под Дубом», эксплуататоры народа не только тунеядствуют за его счет, но еще и пренебрежительно, свысока относятся к нему.

Типичным лицом мздоимной царской администрации всегда был в России судья. Неправый суд изображен Крыловым во многих баснях. Особенно характерны «Волк и Ягненок», «Щука», «Крестьянин и Овца». Творя

свой неправый приговор, судьи прежде всего не забывали самих себя: «Казнить Овцу, и мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу»! Крестьянство в этой басне («Крестьянин и Овца»), как и во многих других, традиционно изображено в образе овец. В иных случаях народ аллегорически представлен в образе мелких рыб, лягушек...

Повсеместное разложение царского чиновничества показано в баснях «Лисица и Сурок», «Зеркало и Обезьяна». Мораль первой из них:

Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согрешишь, не скажешь:
Что у него пушок на рыльце есть –

как и мораль почти всех басен Крылова, вошла в поговорку, – иными словами, вернулась в народ.

Воссоздавая средствами басни звериные нравы и обычаи современного ему общества, Крылов дает понять своему читателю, что даже в тех случаях, когда царская власть и ее администрация действуют как будто бы «из благих побуждений», ничего хорошего для народа из этого обычно не получается – в результате нераспорядительности, невежественности, чванства, несоответствия своему назначению, а то и просто – глупости. Об этом идет речь в баснях «Квартет», «Лебедь, Щука и Рак», «Осел и Мужик», «Слон на воеводстве». В последней из названных басен рассказывается, как Слон, назначенный на воеводство, сам того не подозревая, из самых благих побуждений отдал Овец на жестокую расправу Волкам. И автор в заключительной части басни (в морали) заявляет:

Кто знатен и силен,
Да не умен,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

Басней «Квартет» Крылов отозвался на преобразование Государственного совета в 1810 году. Руководителям всех его департаментов Крылов сказал: «вы, друзья ... в музыканты не годитесь» – и издевательски изобразил их спор из-за мест вместо настоящего дела.

Неприглядная картина общества складывается из метких крыловских характеристик действующих в России классов и сословий. Неправомерность привилегий дворянства Крылов сравнивает с притязаниями на знатность Гусей, чьи предки якобы «Рим спасли». От себя автор добавляет:

Оставьте предков вы в покое:
Им поделом была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.

Хотя мысль автора и так ясна, он все же добавил «мораль»:

Басню эту можно бы и боле пояснить –
Да чтоб гусей не раздразнить.

Более прямо произнести слово «дворяне», утверждая их ненужность, было невозможно.

Относительно же того, как представлял Крылов нравственные качества обладателей «миллиона», не приходится сомневаться после его басни «Купец», где говорится о купцах и о тех, кто «повыше лавок»:

Почти у всех во всем один расчет:
Кого кто лучше проведет,
И кто кого хитрей обманет.

А в басне «Похороны» сказано еще более резко и категорично:

Есть много богачей, которых смерть одна
К чему-нибудь годна.

Неожиданное получение несметного богатства изображено в ряде басен. В басне «Бедный богач» оно «рекою льется»; в «Фортуне и Нищем» сыплются «дождем червонцы»; в басне «Скупой» человек может, не считая, тратить из огромного сокровища, а у скупого в басне «Скупой и Курица» курица несет и несет золотые яйца; в басне «Откупщик и Сапожник» сапожник получает на разжитье мешок червонцев... Так или иначе, но поток обогащения не принес никому даже самой простой удачи. Счастье вернулось к Сапожнику, лишь когда он отдал Откупщику его золото со словами:

«...мне за песни и за сон,
Не надобен ни миллион».

Для Крылова счастье не в личном обогащении, оно вообще вне общества невозможно. Это прежде всего – довольство от сознания той пользы, которую человек приносит людям, обществу («Ворона», «Лягушка и Вол»).

Сегодня в нашей жизни не осталось и следа от тех исторических явлений, которые явились непосредственным поводом для написания той или иной конкретной басни И. А. Крылова. Но басенное творчество писателя переросло конкретно-исторические границы эпохи, которую оно представляло и выражало, вышло за пределы простой политической аллегории. В этом проявилось подлинное величие гениального русского баснописца.

Сюжеты и характеры, мотивы и образы басен Крылова универсальны. И не только потому, что в них раскрываются «вечные проблемы» добра и зла, дружбы и коварства, истины и лжи, подвига и малодушия в их отвлеченных проявлениях. Не только потому, что в них откристаллизовалась народная мудрость веками формировавшихся воззрений на природу человеческого общества и человеческих характеров. Басни Крылова – образец чрезвычайно емких формул острополитического мышления, обретших художественную самостоятельность и афористическую завершенность.

Потому-то идеи и образы Крылова, прилагаемые к новой политической ситуации, к новым политическим типам, событиям и т. д., обретают каждый раз новую жизнь.

Блестяще использовал меткие крыловские характеристики и его крылатые выражения в своей публицистике В. И. Ленин, находя им не-

ожиданное политическое применение. Остро звучали у Ленина обличения либерализма и ренегатства: «Услужливый Струве опаснее врага» или «услужливый Троцкий опаснее врага».

В статье «Очередные задачи Советской власти (1918) В. И. Ленин писал: «Пусть моськи буржуазного общества ... визжат и лают по поводу каждой лишней щепки при рубке большого, старого леса. На то они и моськи, чтобы лаять на пролетарского слона. Пусть лают. Мы пойдем себе своей дорогой» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 193).

Своими баснями Крылов вошел в повседневную речь, в быт народа. В самых разных положениях и случаях жизни нам на ум приходят крыловские образы и афоризмы. Однако не только в этом множестве искрящихся остроумием и неотразимой логикой выражений и метких словечек современное значение великого баснописца. Кроме них, мы располагаем большим художественным произведением Крылова, рисующим целую панораму общественной жизни в самых разнообразных ее проявлениях, – его, как принято говорить, Главной Книгой.

Крылов в последние годы своей жизни не писал басен; с 1843 года он занялся, как он считал, гораздо более сложным делом – подготовил к изданию собрание своих басен в девяти книгах*. Из отдельных книг басен он скомпоновал одну – единое цельное произведение со своей композицией, с таким расположением басен, чтобы их чередование и соседство не мешало их пониманию, а, наоборот, в особо трудных случаях давало, соответственно его воле, верные объяснения.

Книга была итогом его литературной деятельности, итогом всей его жизни, его обращением к читателям, народу. Сразу же вслед за смертью великого баснописца многие петербуржцы получили в подарок книгу его басен с печатной надписью: «Приношение на память об Иване Андреевиче. По его желанию, Санкт-Петербург, 1844 г. 9 ноября $^{3}/_{4}$8 утром». Последнее сведение – дата его смерти. Этот, заранее рассчитанный баснописцем жест – подарок близким людям и в то же время нечто иное, большее. Он использовал саму свою смерть, чтобы канонизировать и сохранить для народа книгу своих басен такою, какой он хотел ее видеть сам.

Что это за книга, о которой нужна была такая забота, мы и должны понять, читая лучшие басни великого Крылова.

А. Десницкий

---

* Полный текст басен этого сборника см.: Крылов И. А. Сочинения в двух томах. М., 1969, т. 2.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Ворона и Лисица» открывает книгу басен, подготовленную самим автором. Связывает «Басни в девяти книгах» с журнальной сатирой Крылова. Написана на тему «света» – дворянского общества, «наполненного чудовищами», «из которых, может быть большая часть, под наружною личиною, в сердцах своих носят обман, злобу и вероломство».

«Дуб и Трость». Этой басней, а также двумя другими – «Старик и трое Молодых» и «Разборчивая Невеста» – началось басенное творчество Крылова в XIX в. Они были напечатаны в 1806 г. в журнале «Московский зритель». Обстоятельства личной жизни Крылова близки тематике этих басен.

Зефир – легкий приятный ветер. Аквилон – сильный северо-восточный ветер. Эол – в греческой мифологии бог ветров и бурь.

«Ворона и Курица». Смоленский Князь – М. И. Кутузов.

«Парнас». В первоначальной редакции вместо первых двух строк был следующий текст:

«Как в Греции богам пришли минуты грозны
И стал их колебаться трон;
Иль так сказать, простее взявши тон,
Как боги выходить из моды стали вон,
То начали богам прижимки делать розны:
Ни храмов не чинить, ни жертв не отпускать;
Что боги ни скажи, всему смеяться;
И даже, где они из дерева случатся,
Самих их на дрова таскать.
Богам худые шутки:
Житье теснее каждый год!
И наконец им сказан в сутки
Совсем из Греции поход.
Как ни были они упрямы,
Пришло очистить храмы;
Но это не конец: давай с богов лупить
Всё, что они успели накопить.
Не дай бог из богов разжалована быть!
Угодьи божески миряна расхватали.
Когда делить их стали,
Без дальних выписок и слов...»

Античная мифология использована, как это было обычно для крыловской сатиры XVIII в.

Парнас – гора в Греции, по античной мифологии – место обитания девяти муз – богинь, покровительниц искусств и наук.

«Василек». Басня написана в знак благодарности императрице Марии Федоровне, позаботившейся о лечении Крылова во время тяжелой болезни. Но по содержанию басня двусмысленна. Крылов был вынужден выразить свою благодарность, но общий смысл басни и ее смысл для читателя, не знавшего, чем была вызвана басня, – а таких, по расчетам автора, было большинство, – тот же, что и в повести «Каиб». В ее начале сравнение царя с солнцем, повторенное в басне. Чрезмерность похвалы демонстрирует ее несоответствие истине.

«Чиж и Еж». Феб (Аполлон) – в греческой мифологии бог солнца, покровитель искусств. Пиндар – древнегреческий лирик, его хоровые оды исполнялись на национальных играх.

«Синица». Нептун – в древнеримской мифологии бог морей.

«Червонец». Дресва – пережженный и растолченный камень, употреблявшийся в деревнях при мытье некрашеных полов.

«Безбожники». В басне постоянно видели отрицание Крыловым атеизма. Однако любопытно, что в «Безбожниках» для прикрытия основного смысла взята так же, как и в первом журнале Крылова – «Почта духов», античная мифология, но там Крылов воспользовался изображением языческого Аида для критики самодержавия Екатерины II. Почему же и в «Безбожниках» не видеть, в первую очередь, подобного содержания? Тогда басня должна рассматриваться как особенно сложная, со сдвоенным аллегорическим смыслом, из которых один – борьба с безбожием – предназначен для того, чтобы прикрыть другой, особенно опасный и ответственный, – показ вооруженной борьбы с самодержавием.

Олимп – гора в Греции, по греческой мифологии – местопребывание богов. Зевес (Зевс) – верховное божество древних греков (Юпитер – у древних римлян).

«Лягушки, просящие Царя». Басня, повторяющая антимонархическую тематику повести «Каиб». В издании 1843 г. 45-я строка оканчивалась словом «праву».

«Лев и Барс». Вертеп – в смысле нора, убежище.

«Мор зверей». В издании 1843 г. 28-я строка была – «Смягчит жестокость гнева их».

«Собачья дружба». Орест и Пилад – в греческой мифологии неразлучные друзья.

«Волк и Кукушка». Аркадия – местность в Древней Греции, жители которой отличались миролюбием и идиллическими нравами. Агнцы – ягнята.

«Лев и Комар». Ахиллес – сильнейший из греческих героев, осаждавших Трою. Омир – Гомер, в смысле – поэт, певец.

«Воспитание Льва». В последних строках басни выражено поучение царю и царям. Притом басня, несомненно, антимонархична: читателю дается понять, что совершенно непригодный с точки зрения даже самого самодержавия царь все равно будет управлять государством, а в России и управляет.

«Лань и Дервиш». Дервиш – магометанский монах.

«Квартет». Сатира на высшее дворянство в духе изображения «дивана» калифа в «Каибе». По отзывам современников, непосредственно сатира или на заседания Государственного совета или на собрания «Беседы».

«Листы и Корни». В басне выражено глубочайшее уважение автора к народу, показано его подлинное значение. Но в то же время от лица народа произносятся умиротворяющие слова, обращенные к дворянству, «листьям»: «...красуйтесь в добрый час». Басня легко поддавалась нежелательному для автора истолкованию. На самом же деле, слова «в добрый час» допускали и возможность «недоброго часа» для дворян. Отчасти аналогична рассматриваемой басне другая – «Свинья под Дубом».

«Пустынник и Медведь». В изданиях юбилейном и 1956 г. в 5-й строке – «одинакой». Восстановлено по изданию 1843 г. – «одинокой».

«Конь и Всадник». Басня постоянно истолковывалась как особенно «консервативная», в ней видели отказ автора от борьбы за свободу. Однако такое толкование неверно. Басня направлена против того, чтобы принимать за свободу любое неподчинение и анархию. В издании 1843 г. 20-я строка читалась: «Чрезо все широко поле».

«Подагра и Паук». Лафонтен – французский баснописец XVII в.

«Слон в случае». Попасть в случай – стать фаворитом.

«Фортуна и Нищий». Фортуна – богиня счастья в древнеримской мифологии.

«Гребень». Наяды – русалки в древнегреческой мифологии.

«Алкид». В 10-й строке вместо «палицей» в издании 1843 г. было «палищей».

Алкид – сын Зевса и Алкмены в древнегреческой мифологии, совершивший много подвигов. Афина – в древнегреческой мифологии богиня мудрости.

«Апеллес и Осленок». Апеллес – знаменитый древнегреческий живописец. Мидасов суд – в древнегреческой мифологии рассказывалось, что Мидас, фригийский царь, был приглашен судить игру на флейте Аполлона и Марсия; за то, что он отдал предпочтение Марсию, Аполлон наградил его ослиными ушами.

«Пловец и Море». Амфитрида – богиня морей в древнегреческой мифологии.

«Сочинитель и Разбойник». Басню оценивали как порицание Вольтера и его идей. Крылов вполне мог отрицательно относиться к нему, в свое время почтительному корреспонденту Екатерины II, не теряя от этого радикальности своих воззрений не только на русскую, но и на французскую действительность.

Сирены – в древнегреческой мифологии морские существа, принимавшие облик красивых девушек, завлекавших мореплавателей своим чарующим пением в пучину. Мегера – в древнегреческой мифологии богиня мести, в переносном смысле – злая, сварливая женщина.

«Богач и Поэт». В первоначальном варианте было «Вельможа и Поэт».

«Два Мужика». Полугар – сорт водки.

«Рыбья пляска». Басня известна в двух вариантах. Мы печатаем текст, в свое время не пропущенный царской цензурой. В черновых набросках Крылова положение народа при самодержавии описывалось во фразах: «Народ белугой выл», «Был ропот всенародной».

«Прихожанин». Платон – имеется в виду известный тогда проповедник, московский митрополит.

«Белка». В первоначальном варианте о Льве несколько раз прямо говорится как о «царе».

«Бритвы». Басня намекала, как можно предполагать, на отношение Николая I к людям, имевшим отношение к движению декабристов.

«Булат». Предполагают, что басня написана как отклик Крылова на отставку генерала А. П. Ермолова, подозревавшегося в близости к декабристам.

«Пастух». В издании 1843 г. в 14-й строке вместо «поваренков» было «поваренок».

«Вельможа». Плутон – владыка загробного царства в древнегреческой мифологии. Эак – один из трех судей загробного мира в древнегреческой мифологии.

СОДЕРЖАНИЕ

А. В. Десницкий. Крылов-баснописец 5

Басни

Книга первая

I. Ворона и Лисица 13
II. Дуб и Трость . –
III. Музыканты . . 14
IV. Ворона и Курица 15
V. Ларчик 17
VI. Лягушка и Вол . . . . . –
VII. Разборчивая Невеста 18
VIII. Парнас 19
IX. Оракул 21
X. Василек 22
XI. Роща и Огонь 23
XII. Чиж и Еж . . . 24
XIII. Волк и Ягненок . . . . . –
XIV. Обезьяны . . . 25
XV. Синица 26
XVI. Осел 27
XVII. Мартышка и Очки 28
XVIII. Два Голубя . . 29
XIX. Червонец . . . 31
XX. Троеженец . . 32
XXI. Безбожники . 33
XXII. Орел и Куры . –

Книга вторая

I. Лягушки, просящие Царя 35
II. Лев и Барс . . 36
III. Вельможа и Философ . . . 37
IV. Мор зверей . . 38
V. Собачья дружба 40
VI. Раздел 42
VII. Бочка . . . . . –
VIII. Волк на псарне 43
IX. Ручей 45
X. Лисица и Сурок 46
XI. Стрекоза и Муравей . . . . –
XII. Прохожие и Собаки 48
XIII. Лжец . . . . . –
XIV. Орел и Пчела . 50
XV. Щука и Кот . . 51
XVI. Заяц на ловле 52
XVII. Волк и Кукушка . . . . . –
XVIII. Петух и Жемчужное Зерно 54
XIX. Крестьянин и Работник . . . . –
XX. Обоз 56
XXI. Вороненок . . 57
XXII. Слон на воеводстве 58
XXIII. Осел и Соловей . . . . . –

Книга третья

I. Откупщик и Сапожник . . . 60
II. Крестьянин в беде 62
III. Хозяин и Мыши 63
IV. Волк и Волчонок . . . . . –
V. Слон и Моська 64
VI. Обезьяна . . . 66
VII. Мешок 67
VIII. Кот и Повар . 68
IX. Лев и Комар . 69
X. Огородник и Философ . . . 71
XI. Крестьянин и Лисица 73
XII. Воспитание Льва 74
XIII. Старик и трое молодых 76
XIV. Гуси 77
XV. Дерево 79
XVI. Свинья . . . . . –
XVII. Муха и дорожные 80
XVIII. Орел и Паук . 81
XIX. Лань и Дервиш 83
XX. Орел и Крот . –

Книга четвертая

I. Квартет 85
II. Листы и Корни 87
III. Волк и Лисица . . . . . –
IV. Лебедь, Щука и Рак 88
V. Бумажный Змей . . . . . –
VI. Скворец 90
VII. Пруд и Река . –
VIII. Тришкин кафтан 92
IX. Механик . . . –
X. Пожар и Алмаз 93
XI. Пустынник и Медведь 94
XII. Цветы 95
XIII. Крестьянин и Змея 96
XIV. Крестьянин и Разбойник . . . 97
XV. Любопытный . –
XVI. Лев на ловле . 98
XVII. Конь и Всадник . . . . . –
XVIII. Крестьяне и Река 99
XIX. Мирская сходка 101

Книга пятая

I. Демьянова уха 102
II. Мышь и Крыса 103
III. Чиж и Голубь 104
IV. Водолазы . . . –
V. Госпожа и две Служанки . . . 107
VI. Зеркало и Обезьяна . . . 108
VII. Камень и Червяк . . . . . –
VIII. Медведь у Пчел 110
IX. Комар и Пастух . . . . . –
X. Рыцарь 111
XI. Крестьянин и Смерть 112
XII. Тень и Человек . . . . . –
XIII. Крестьянин и Топор 114
XIV. Лев и Волк . . –
XV. Собака, Человек, Кошка и Сокол 115
XVI. Подагра и Паук 116
XVII. Лев и Лисица . 117
XVIII. Хмель 118
XIX. Слон в случае –
XX. Туча 119
XXI. Клеветник и Змея . . . . . –
XXII. Фортуна и Нищий 120

XXIII. Лягушка и Юпитер 121
XXIV. Лиса-строитель 122

Книга шестая

I. Волк и Пастухи 124
II. Кукушка и Горлинка . . . –
III. Гребень 125
IV. Скупой и Курица 126
V. Две бочки . . . 127
VI. Алкид . . . . . –
VII. Апеллес и Осленок 128
VIII. Охотник . . . . –
IX. Мальчик и Змея 129
X. Пловец и Море 130
XI. Осел и Мужик –
XII. Волк и Журавль 131
XIII. Пчела и Мухи –
XIV. Муравей 132
XV. Пастух и Море 133
XVI. Лисица и Виноград 134
XVII. Крестьянин и Змея 135
XVIII. Овцы и Собаки 136
XIX. Медведь в сетях . . . . . –
XX. Колос 137
XXI. Мальчик и Червяк 138
XXII. Похороны . . . 139
XXIII. Трудолюбивый Медведь . . . . –
XXIV. Сочинитель и Разбойник . . . 140
XXV. Ягненок 142

Книга седьмая

I. Совет Мышей 143
II. Мельник . . . 144
III. Булыжник и Алмаз 145
IV. Мот и Ласточка . . . . . –
V. Плотичка . . . 146
VI. Крестьянин и Змея 148
VII. Свинья под Дубом . . . . . –
VIII. Паук и Пчела . 150
IX. Лисица и Осел –
X. Муха и Пчела 151
XI. Змея и Овца . 152
XII. Котел и Горшок . . . . . –
XIII. Дикие Козы . 153
XIV. Соловьи 154
XV. Голик 155
XVI. Крестьянин и Овца . . . . . –
XVII. Скупой 156
XVIII. Богач и Поэт . 157
XIX. Волк и Мышонок . . . . . –
XX. Два Мужика . 158
XXI. Котенок и Скворец 159
XXII. Кошка и Соловей 160
XXIII. Две Собаки . . –
XXIV. Рыбья пляска . 162
XXV. Прихожанин . 164

Книга восьмая

I. Лев состаревшийся . . . 165
II. Лев, Серна и Лиса . . . . . –
III. Крестьянин и Лошадь 166
IV. Белка 167
V. Щука . . . . . –
VI. Кукушка и Орел 168
VII. Бритвы . . . . –
VIII. Сокол и Червяк 169
IX. Бедный Богач 170
X. Булат 171
XI. Купец 172
XII. Пушки и Паруса 173
XIII. Осел 174
XIV. Мирон . . . . . –
XV. Крестьянин и Лисица 175
XVI. Филин и Осел –
XVII. Собака и Лошадь 176
XVIII. Змея . . . . . –
XIX. Волк и Кот . . 178
XX. Лещи 179
XXI. Водопад и Ручей . . . . . –
XXII. Лев 180

Книга девятая

I. Пастух 181
II. Белка . . . . . –
III. Мыши 182
IV. Лиса 183
V. Волки и Овцы –
VI. Крестьянин и Собака 184
VII. Два Мальчика 185
VIII. Лев и Мышь . 186
IX. Кукушка и Петух . . . . . –
X. Вельможа . . . 187

Примечания 188

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

БАСНИ

Зав. редакцией Г. Н. Усков. Редактор Ю. Д. Тарасов. Младший редактор Г. И. Романова. Художник Л. Ф. Малышева. Художественный редактор Л. Ф. Малышева. Технический редактор В. В. Новоселова. Корректор О. С. Захарова.

ИБ № 8535

Сдано в набор 29. 04. 84. Подписано к печати 06. 03. 85. Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$. Бум. офсетная № 2. Гарнит. Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12 + 0,25 форз. Усл. кр. - отт. 13,375. Уч.-изд. л. 11,31 + 0,45 форз. Цена 55 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41. Отпечатано в полиграфическом комбинате «Фёлькерфройндшафт», Дрезден

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ — НАУЧНЫЙ ФАНТАСТ

Научная фантастика становится все более и более популярным видом литературы. Развитие научно-фантастического романа теснейшим образом связано с проблемами социального и технического прогресса в их отношении к судьбам человечества и человеческой личности в близком или далеком будущем.

Это издание — юбилейное. Оно было задумано издательством «Промінь» в связи с приближением столетия со дня рождения Алексея Николаевича Толстого (1883—1945).

«Октябрьская революция дала мне все»,— с волнением писал Толстой. И в самом деле, начав свое творчество еще в 1906 году, пройдя тяжкие испытания эмиграции (1918—1922), лишь после возвращения в Советскую Россию он стал тем, кем знают его советские и зарубежные читатели — классиком литературы социалистического реализма, романистом, драматургом, публицистом. Крупнейшие его произведения — роман «Петр Первый» и трилогия «Хождение по мукам» — вошли в золотой фонд советской и мировой литературы. Его «добрый, веселый и по-русски умный талант» (Горький) был очень разносторонним.

Романы «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина» лежат у истоков советской научной фантастики и написаны в резкой идеологической полемике с нашумевшей теорией немецкого реакционного философа О. Шпенглера о неизбежности «заката Европы», конца цивилизации. В конце концов Шпенглер стал предтечей фашизма, а его последующие книги легли в основу программы фашизации Германии. Вот почему главная идеологическая направленность романов А. Толстого — антифашистская. Живя в эмиграции сначала в Париже, а с 1921 года в Берлине, Толстой мог воочию наблюдать процесс зарождения фашизма. В 1922 году в Италии пришел к власти диктатор Муссолини, а в Германии уже тогда вынашивал зловещие планы Гитлер. Фашизм угрожал и другим странам Европы. И хотя программа его в те годы не была окончательно сформулирована, прогрессивные писатели Европы — Г. Уэллс, К. Чапек и особенно советские литераторы М. Шагинян, И. Эренбург, В. Катаев, А. Толстой прогнозировали растущую угрозу фашизма, преду-

предкдали человечество об опасности его распространения. Правда, форма их произведений была фантастической, ибо речь шла о будущем, но в историю литературы они вошли как «романы предупреждения».

Для самого Толстого роман «Аэлита» был книгой, знаменовавшей переломный этап в его сознании и судьбе. Только что писатель опубликовал открытое письмо, где во всеуслышание заявил, что отрезает себя от эмиграции и возвращается в Советскую Россию не в пору ее процветания, а разрушенную семилетней войной, пораженную неслыханным неурожаем и голодом 1921 года (которым так рассчитывала задушить молодую республику потерпевшая крах Антанта), бросает «сытое блюдо Европы», чтобы «хоть гвоздик собственный, но вколотить в растрепанный бурями русский корабль». И вот — о чудо! Фантазия Толстого обгоняет десятилетия и рисует строительство первого межпланетного космического корабля, первого спутника, не в богатой техницизированной Америке, а в его собственной родной России, как оно и произошло в будущем. Безошибочность его прогноза имела единственную, но прочную основу: горячую любовь к Отчизне, нерушимую веру в величие России, в русский народ — добрый, крепкий, любознательный. Едва приехав в Берлин, Толстой писал во вступлении к роману «Сестры» в ответ на вопли белоэмигрантов о гибели России: «Не для смерти, не для гибели родилась ты, славянская равнина, а для жизни, для вольного сердца».

Этим страстным патриотизмом и сейчас привлекает читателя роман «Аэлита». Марсианская тема получила широкое отражение в мировой и русской научной фантастике в начале XX века в связи с максимальным приближением планеты Марс к Земле и возникшими гипотезами о возможности существования там жизни. Все в романе как будто фантастично: и сам полет, и жизнь на далекой планете, и сами марсиане, и их культура. Но реален голос автора, прославляющего Землю и Человека. Вот как видим мы земной шар в романе с высоты космического полета: «Во тьме висел огромный водяной шар, залитый солнцем. Голубыми казались океаны, зеленоватыми — очертания островов, облачные поля застилали какой-то материк. Влажный шар медленно поворачивался. Слезы мешали глядеть. Душа, плача от любви, летела навстречу голубовато-влажному столбу света. Родина человечества! Плоть жизни! Сердце мира!»

Велико искусство писателя, то погружающего нас в атмосферу чего-то странного, кажущегося, как мечта («...Город выступал серебристыми тенями из солнечной мглы»), то буквально ослепляющего бушеванием открытых, ярких, «веселых» красок, взятых из сказочного русского мира («Прорезанная полноводными капалами, покрытая оранжевыми кущами растительности, веселыми капареечными лугами, Азора, что означало — радость, походила на те цыганьи, весенние луга, которые вспоминаются во сне, в далеком детст-

ве»). Красочность для Толстого — это выражение доброго, радостного народного мировидения, и это — отрицание модернистской эстетики мрачных, расплывчатых, «мертвых» красок, символизирующих зло и ужас. Идея торжества жизни над смертью передана Толстым в буйной роскошной цветовой гамме, оказывающей на читателя огромное эстетическое воздействие.

Но в центре внимания писателя — земные, реальные социальные проблемы того времени: классовая борьба и революция. Их фантастическое воплощение передано через остросюжетные ситуации, связанные с прилетом на Марс двух советских людей, из которых один — красноармеец Гусев — берет на себя руководство вспыхнувшей революцией. Общество марсиан — классовое. Государство возглавляет правитель-диктатор Гускуб, чей образ выполняет в романе важнейшую идеологическую функцию. Это он непрерывно грозит марсианам неизбежностью заката Марса (вспомним теорию «заката Европы» Шпенглера), его охлаждением, концом, гибелью цивилизации. Но проповедь заката нужна ему лишь для проведения самой реакционной политики полного закабаления трудящихся и предоставления жизненных прав лишь для кучки патрициев, которые и встретят этот «закат» в атмосфере пышности и безделья созерцания. Его лозунг: «Жажда равенства и общая справедливость разрушают высшие достижения цивилизации». Этой философии пассивного приятия эксплуататорского строя Толстой противопоставляет четкую программу революционного переворота как единственного средства оживления общества на равных трудовых началах. Ее осуществляет красноармеец Гусев, ставший во главе марсиан, чтобы освободить тружеников от мучителей-паразитов. За это он готов сложить и собственную голову. Образ Гусева выписан так реально, во всей полноте русского национального характера, что вызвал восхищение читателей и критики, а Корней Чуковский сказал, что весь роман — пьедестал, на котором высится фигура русского революционера — борца за общечеловеческую справедливость.

И если революция на Марсе терпит поражение, то только от того, что в долгом ожидании ослабели силы рабочего класса. Гусев — великий гуманист, ибо хочет бороться за общенародное счастье и берет на себя ответственность за судьбы доверившихся ему инопланетян. Революция народна и гуманистична в своих высших целях. С этим убеждением Толстой заканчивает книгу, публикует ее в первом советском литературно-художественном журнале «Красная новь» и возвращается на Родину.

Было бы несправедливым оставить без внимания еще одну сюжетную линию в романе. Когда-то Константин Федин прекрасно определил особенность таланта А. Толстого. Он подметил, что «Толстой сумел в едином ключе услышать и изобразить тяжелую поступь народа в истории и легкие шаги возлюбленной». Роман по воспринимался бы с таким удовольствием читателями всех возра-

стов, если б не был согрет дыханием горячей взаимной любви. Счастье человека не только в том, что он — носитель высшего разума, раскрывающего тайны вселенной, но и в его потребности любви, которая есть источник вечной, неумирающей жизни. Люди (советские люди!) приносят на Марс идею революционного освобождения народа. И они же несут и любовь, которая отогревает холодеющие сердца марсиан.

Еще недавно в Париже, заканчивая роман «Сестры» (первую часть трилогии «Хождение по мукам»), Толстой говорит устами близкого тогда ему героя Рощина: «Екатерина Дмитриевна! Пройдут года, утихнут войны, отшумят революции, и нетленным останется одно только — кроткое, нежное, любимое сердце ваше». Любовь становится главным смыслом жизни, единственно прочным на фоне рушащегося старого мира и хаотического (как ему тогда казалось) движения жизни, где человек не более, чем песчинка, носимая бурями истории. В «Аэлите» в соответствии с космическим сюжетом и любовь изображена глобально. Влюбленных могут разлучить социальные катаклизмы, но все равно она вечна. Знаменателен и символичен финал романа: из далеких заоблачных пространств несется к одинокому Лосю «голос Аэлиты, любви, вечности, голос тоски, летит по всей вселенной, зовя, призывая, клича,— где ты, где ты, любовь...»

Сразу же по возвращении в Россию Толстой ощутил мощный творческий прилив. Его художественной целью стало освещение идеологической борьбы с буржуазным миром, «сладкую» жизнь которого он наблюдал и испытал на себе. Второй его научно-фантастический роман предельно приближен к современности и отличается еще более верным социальным прогнозом. Впоследствии Толстой писал прямо: «В 1926 году я написал роман «Гиперболоид инженера Гарина», в котором угадывается будущий фашизм».

Уже не воображаемая жизнь инопланетян, не легенды и мифы сказочной Атлантиды, но реальные картины действительности Европы и Америки 20-х годов часто стирают грань между реальным и фантастическим и позволяют говорить о признаках «романа предвидения». Личные наблюдения Алексея Толстого заставили его искать источник угрозы миру в фашизме милитаристской Германии, в ее реваншистских устремлениях. «Немецкий фашизм,— писал он тогда,— свиреп, мстителен и распущен. Он не будет знать пощады». И если в «Аэлите» в лице Тускуба писатель дает лишь романтически выраженную расистскую теорию, то в «Гиперболоиде» он рисует реальный образ Гарина, проходящего путь от авантюриста эмигранта, не останавливающегося перед любым преступлением для овладения аппаратом сверхмощной разрушительной силы, до всемирного диктатора, уже владеющего этим аппаратом и мировым запасом золота.

К середине 20-х годов фашизировалась и философия милитариз-

ма. Тот же Освальд Шпенглер (чьи идеи активно пытаются возродить неофашистские элементы, особенно в ФРГ) уже не предвещает «заката Европы», а выдвигает как генеральный тип эпохи «человека-зверя», торжествующего при запахе крови поверженного противника и обладающего главным свойством — «волей к власти». Мы знаем, как обернулась эта теория в страшной практике фашизма по массовому уничтожению людей и целых наций и как сама возможность безнаказанно уничтожать все живое заполняет головы безумцев, овладевших для этого страшными силами разрушения. В этом смысле, читая роман, ощущаешь, будто он написан сегодня, а не свыше полувека назад.

Структура будущего общества, по Гарину, тот же «закат», но выраженная грубо цинично: «Закончить историю современного человечества с треском». Гарину импонирует «формирование патрицианского общества около двух-трех миллионов пар». Но у него далее идет прямое изложение фашистской программы, получившей ужасное воплощение во второй мировой войне: «Затем мы установим, сколько нужно рабочих рук для полного обслуживания культуры. Здесь также сделаем отбор. Они не взбунтуются... Возможность революции будет истреблена в корне... Каждому будет сделана маленькая операция, нечто вроде мозговой кастрации». Поражает в романе не только предвидение событий второй империалистической войны в Европе, но и более далеких для Толстого и более близких нам крутых поворотов истории. Тогда уже, в 20-е годы, Алексей Толстой безошибочно указал на место средоточия зла и угрозы существования человечества: в агрессивной политике американских заправил.

Именно в «американской» части романа к портрету Гарина Алексей Толстой с памфлетной фактичностью прибавляет уже тогда известный миру признак: упавшую на лоб мокрую прядь волос, что позволяет говорить об использовании писателем конкретного прототипа — Гитлера как символической возможности фашизации американского империализма.

«Гиперболоид инженера Гарина» относят еще к одному распространенному за рубежом жанру «романа катастрофы». Действительно, замыслы Гарина о мировом господстве катастрофически рушатся. Рабочие берут гиперболоид в свои руки, чтобы использовать его потом в мирных целях. Толстой отказывает Гарину в трагической развязке, просто низводит его до положения первобытного человека, когда выброшенный после гибели «Аризоны» на необитаемый остров вместе со своей любовницей Зоей, которая уже видела себя «царицей мира», он может практически проверить на себе теорию заката цивилизации. Таким образом, постыдное поражение диктатора и победа мирового пролетариата несут в себе символический смысл торжества мира и справедливости над злом войны и разрушения.

Новаторство Толстого сказалось не только в поставленных и решенных идеологических проблемах в романе. Направление творческих замыслов писателя идет и как поиск путей обновления жанра приключенческого. В романе использованы элементы детективного жанра (стремительное развитие сюжета, частая смена кадров с разрывом действия в самый напряженный момент, таинственные убийства, погоня за обладанием аппарата разрушения, «роскошная женщина», двойники и т. д.), но эти художественные средства Толстой направил не на удовлетворение азарта читателя и его любопытства: чем кончится?, а поставил на службу значительным социальным проблемам и создал произведение, обращенное к будущему человечества.

В день начала Великой Отечественной войны, заканчивая трилогию «Хождение по мукам», Толстой с уверенностью писал: «Мир будет нами перестраиваться для добра. И это на моей Родине, и это — Россия». Такой же уверенностью проникнуты и научно-фантастические романы Алексея Николаевича Толстого.

Е. Ситникова,
кандидат филологических наук

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Проблеск 6
Весенняя гроза 7
Cache-cache 8
Летний вечер 9
Бессонница 10
Последний катаклизм 11
К N. N. («Ты любишь, ты притворствовать умеешь...») . —
«Еще шумел веселый день...» 12
Полдень 13
«Душа хотела б быть звездой...» . . . . . —
«Ты зрел его в кругу большого света...» 14
«В толпе людей, в нескромном шуме дня...» . . . . . —
«Как океан объемлет шар земной...» 15
«Здесь, где так вяло свод небесный...» . . . . . —
Успокоение 16
Безумие . . . . . —
Двум сестрам 17
Цицерон 18
Silentium! («Молчи, скрывайся и таи...») . . . . . —
Весенние воды 19
«Как над горячею золой...» 20
«Через ливонские я проезжал поля...» . . . . . —
Осенний вечер 21

Листья 22
Весеннее успокоение 23
«На древе человечества высоком...» 24
Probleme («С горы скатившись, камень лег в долине»...). 25
«Из края в край, из града в град...» 26
«О чем ты воешь, ветр ночной?..» 27
«В душном воздуха молчанье...» 28
«Восток белел. Ладья катилась...» . . . . . —
«Душа моя, Элизиум теней...» 29
«Что ты клонишь над водами...» 30
«Как сладко дремлет сад темнозеленый...» 31
«С поляны коршун поднялся...» 32
«Я помню время золотое...» 33
«Сижу задумчив и один...» . . . . . —
«Зима недаром злится...» 34
«Еще земли печален вид...» . . . . . —
«И чувства нет в твоих очах...» 35
«Люблю глаза твои, мой друг...» 36
29 января 1837 37
1-ое декабря 1837 . . . . . —
«С какою негою, с какой тоской влюбленный...» 38
«Не верь, не верь поэту, дева...» 39
«Живым сочувствием привета...» 40
«Еще томлюсь тоской желаний...» 41
«Море и утес...» . . . . . —
«Итак, опять увиделся я с вами...» 42
«Тихой ночью, поздним летом...» . . . . . —
«Когда в кругу убийственных забот» . . . . . —
«Слезы людские, о слезы людские...» . . . . . —
Русской женщине . . . . . —
Наполеон . . . . . —
Поэзия . . . . . —
«Пошли, господь, свою отраду...» . . . . . —
«Не рассуждай, не хлопочи...» . . . . . —
«Обвеян вещею дремотой...» . . . . . —
Два голоса . . . . . —
«О, как убийственно мы любим...» . . . . . —
«Не знаю я, коснется ль благодать...» . . . . . —

Наш век 49
«В разлуке есть высокое значенье...» 50
«Как весел грохот летних бурь...» . . . . . —
«День вечерет, ночь близка...» 51
Предопределение . . . . . —
«Не говори: меня он, как и прежде, любит...» . 52
«Чему молилась ты с любовью...» . . . 53
«О, не тревожь меня укорой справедливой...» . . —
«Я очи знал,— о, эти очи...» . . . 54
«Ты, волна моя морская...» . . . 55
Памяти В. А. Жуковского...» 56
«Сияет солнце, воды блещут...» 57
«Чародейкою Зимою...» . . . 58
Последняя любовь
Лето 1854 59
«Увы, что нашего незнанья...» . . . 60
На Новый 1855 год
«Так, в жизни есть мгновения» . . . 61
«Эти бедные селенья...» . . . 62
«Молчи, прошу, не смей меня будить...»
«Не богу ты служил и не России» . . . 63
«Есть в осени первоначальной...»
«Смотри, как роща зеленеет...» . . . 64
«В часы, когда бывает...»
«Она сидела на полу» . . . 65
Успокоение . . . 66
«Я знал ее еще тогда...» . . . 67
«Играй, покуда над тобою...»
Н. И. Кролю . . . 68
«Как неразгаданная тайна...» . . . 69
«Весь день она лежала в забытьи...»
«Как хорошо ты, о море ночное...» . . . 70
«Когда на то нет божьего согласья...» . . . 71
«Есть и в моем страдальческом застое...»
«Певучесть есть в морских волнах...» . . . 72
«Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...» . . . 73
«Молчит сомнительно Восток...» . . . 74
Накануне годовщины 4 августа 1861 г.

«Ночное небо так угрюмо...» 75
«Нет дня, чтобы душа не ныла...» 76
«Когда дряхлеющие силы...» . . . . . —
«Умом Россию не понять...» 77
«Как ни тяжел последний час...» 78
Мотив Гейне 79
«Нам не дано предугадать...» . . . . . —
«Две силы есть — две роковые силы...» 80
«Природа — сфинкс. И тем она верней...» 81
«Как нас ни угнетай разлука...» . . . . . —
К. Б. («Я встретил вас — и все былое...») 82
«Брат, столько лет сопутствовавший мне...» 83
«От жизни той, что бушевала здесь...» 84
«Все отнял у меня казнящий бог...» . . . . . —
«Неверные преодолев пучины...» 85
К оде Пушкина на Вольность . . . . . —
«Теперь тебе не до стихов...» 86
«Как летней иногда порою...» 87
«Чему бы жизнь нас ни учила...» 88

А. А. ФЕТ

«На заре ты ее не буди...» 90
Notturno («Ты спишь один, забыт на месте диком...») . . . 91
«Печальная береза...» 92
«Вот утро севера — сонливое, скупое...» . . . . . —
«Чудная картина...» 93
«Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...» 94
«Ночью как-то вольнее дышать мне...» . . . . . —
«Здравствуй! Тысячу раз мой привет, тебе, ночь!..» . . . 95
«Не отходи от меня...» 96
Тайна 97

«Не ворчи, мой кот-мурлыка...» 98
«Я долго стоял неподвижно...» 99
Легенда 100
«Если зимнее небо звездами горит.. » . . . . . —
«Облаком волнистым...» 101
«Я пришел к тебе с приветом...» 102
«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...» . . . 103
«Когда мои мечты за гранью прошлых дней...» . . . . —
«Уж верба вся пушистая...» 104
«Я знал ее малюткою кудрявой...» 105
Серенада 106
«Такая холодная осень...» . . . . . —
«На двойном стекле узоры...» 107
«Свеж и душист твой роскошный венок...» 108
«Спи — еще зарею...» . . . . . —
«Что за вечер! А ручей...» 109
Змей 110
«Непогода — осень — куришь...» 111
«О, не зови! Страстей твоих так звонок...» 112
«Ветер злой, ветр крутой в поле...» 113
Весенние мысли . . . . . —
«Шепот, робкое дыханье...» 114
«Люди спят, мой друг, пойдем в тенистый сад » . . . —
Старый парк 115
«Растут, растут причудливые тени...» 116
«Как здесь свежо под липою густою...» . . . . . —
Степь вечером 117
«Жди ясного на завтра дня...» 118
Сосны 119
В саду 120
«Что за ночь! Прозрачный воздух скован...» 121
«На пажитях немых люблю в мороз трескучий...» . . . 122
«В пору любви, мечты, свободы. » 123
Ответ Тургеневу 124
«Под небом Франции, среди столицы света » 125
«В темноте, на треножнике ярком .» 126
«О нет, не стану звать утраченную радость » 127
Музе 128

Еще майская ночь 126
«На стоге сена ночью южной...» 127
Певице 128
«Скрип шагов вдоль улиц белых...» 129
Рыбка . . . . . —
«Нет, не жди ты песни страстной...» 130
«Вчера я шел по зале освещенной...» 131
«Опять незримые усилья...» 132
«Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...» 133
«Сны и тени...» 134
Грезы . . . .
«Молчали листья, звезды рдели...» 135
«Какая грусть! Конец аллеи...» 136
Ф. И. Тютчеву («Мой обожаемый поэт...») 137
«Чем тоске, и не знаю, помочь...» 138
«Не избегай; я не молю...»
«Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...» 139
«Жизнь пронеслась без явного следа...»
«Не первый год у этих мест...»
«Еще вчера, на солнце млея...» 140
Графине С. А. Толстой
Ф. И. Тютчеву («Прошла весна — темнеет лес...») 141
«Истрепались сосен мохнатые ветви от бури...» 142
Майская ночь 143
«Томительно-призывно и напрасно...»
«В дымке-невидимке...» 144
«Всю ночь гремел овраг соседний...»
«Только встречу улыбку твою...» 145
Среди звезд 146
«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»
Alter ego («Как лилея глядится в нагорный ручей...») 147
«Дул север. Плакала трава...» 148
Восточный мотив 149
«Одна звезда меж всеми лишек...»
Romanzero 150
1. Знаю, зачем ты, ребенок больной...» 150
2. Встречу ль яркую в небе зарю...» 151
3. «В страданьи блаженства стою пред тобою...»
Музе 152

«Солнце садится, и ветер утихнул летучий...» . 153
«Ты был для нас всегда вон той скалою...» . .
«С гнезд замахали крикливые цапли. .» 154
«Ты так любишь гулять...» 155
«Молятся звезды, мерцают и рдеют .» . 156
Добро и зло . .
Смерти . . 157
«О, этот сельский день и блеск его красивый...» 158
«Страницы милые опять персты раскрыли...» 159
«Сад весь в цвету...» . . . . . —
Бабочка 160
«Я тебе ничего не скажу...» . . . . . —
В лунном сиянии 161
«Долго снились мне вопли рыданий твоих...» . . . . . —
«Если радует утро тебя...» 162
«Как богат я в безумных стихах...» . . . . . -
«Нет, я не изменил. До старости глубокой...» 163
«Когда читала ты мучительные строки...» . . . . . —
Севастопольское братское кладбище 164
«Вот и летние дни убавляются...» 165
«С солнцем склоняясь за темную землю...» . . . . . —
«Одним толчком согнать ладью живую» 166
«Не нужно, не нужно мне проблесков счастья...»
«Мама! Глянь-ка из окошка...» 167
«В полуночной тиши бессонницы моей...» 168
«Прости! во мгле воспоминанья...» 169
«Устало все кругом: устал и цвет небес...» . . . . . —
На качелях 170
Угасшим звездам . . . . . —
Поэтам 171
«Хоть счастие судьбой даровано не мне...» 172
«Запретили тебе выходить...»
«Еще люблю, еще томлюсь...» 173
«Опавший лист дрожит от малого движенья» 174
«Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал» 175
«Только месяц взошел...» . . . . . .
«Мы встречались вновь после долгой разлуки...» . 176
«За горами, песками, морями» 177

«Люби меня! Как только твой покорный...» 178
«Роящимся мечтам лететь дав волю...» . . . . . —
«Ель рукавом мне тропинку завесила...» 179
«Все, что волшебно так манило...» . . . . . —
«Рассыпаяся смехом ребенка...» 180
«Когда смущенный умолкаю...» 180
«Она ему — образ мгновенный...» 181
«Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...» . . . . . —
«Тяжело в ночной тиши...» 182

БИБЛИОТЕКА «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

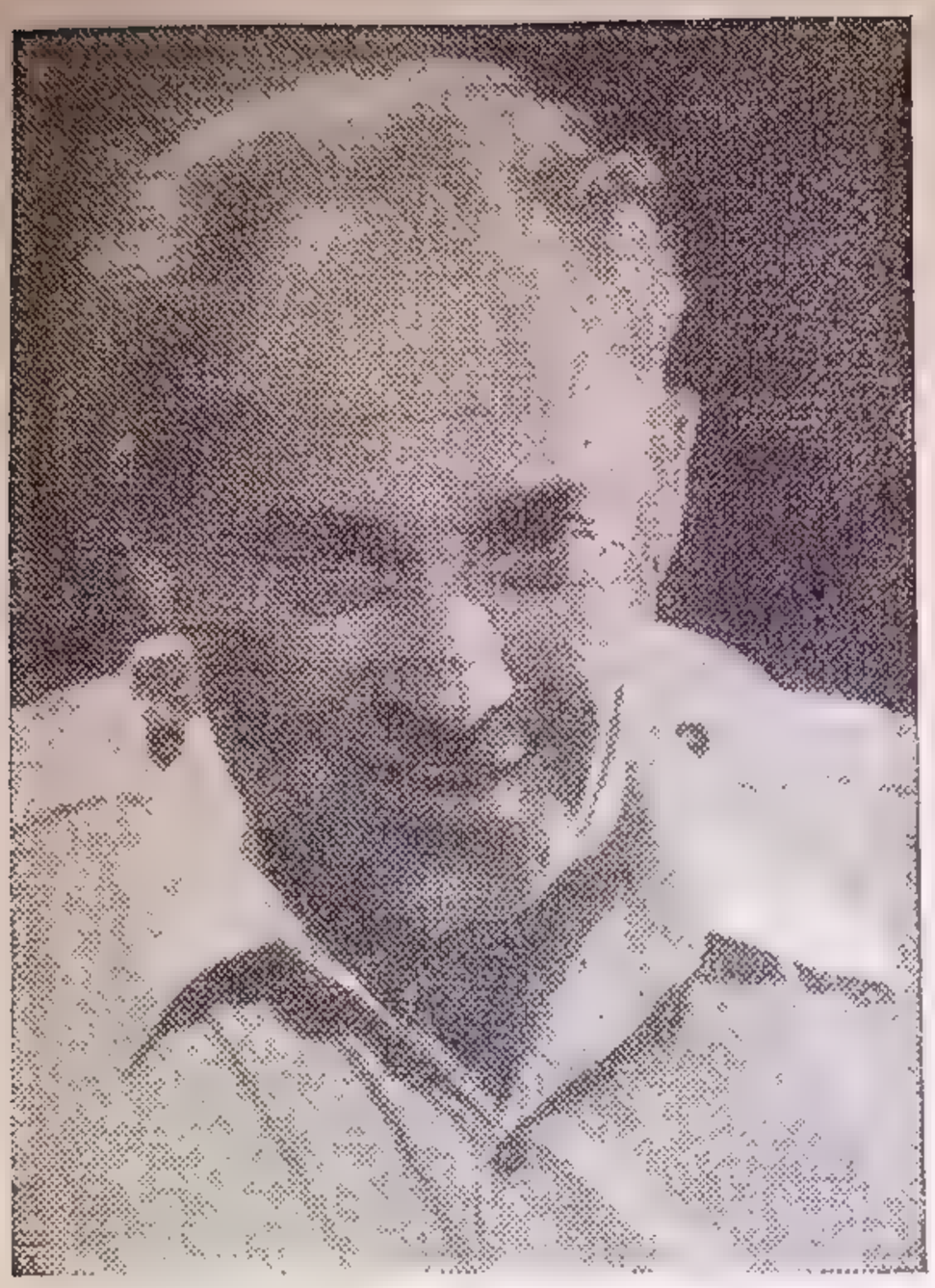
АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ

ВОДИТЕЛИ

ЕКАТЕРИНА ВОРОНИНА

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ» · МОСКВА · 1973



Биографию этого писателя можно угадать по его книгам, очень разным, не похожим одна на другую, но в каждую А. Рыбаков внес чуточку себя, свой жизненный опыт, свои знания, память собственного детства.

Он москвич с Арбата, «где даже камни на дворе пахли детством», хотя родился в Чернигове.

Кипучая жизнь в школе-коммуне имени революционера-большевика Лепешинского, в пионерском отряде, где были борьба со скаутами, первые «полотняные» лесные лагеря, крепкое товарищество, горячие мечты,— все это будет в его книгах.

После школы он грузчик, шофер на заводе. Закончил Московский институт инженеров транспорта, стал инженером-автомобилистом.

Работал во многих городах инженером автотранспортных хозяйств.

Всю войну провел на фронте. Строевой офицер, он был начальником автослужбы Гвардейского стрелкового корпуса. Награжден многими боевыми орденами и медалями.

После войны тридцатисемилетний человек, изведавший много трудного, горького, опытный специалист в области, весьма далекой от литературы, вдруг решительно бросает все и начинает писать. И через восемь месяцев (в 1948 году) увидел свет «Кортик».

Первыми приняли и оценили книгу дети, они сразу поверили автору «Кортика»; книга получила признание. Захватывающе стремительная приключенческая повесть становится одной из наиболее читаемых, а маленький Миша Поляков — отважный, деятельный, прямодушный и бескорыстный — любимым героем.

Через год Рыбаков пишет первый «взрослый» роман — «Водители». Это книга о нелегком труде шофера, так хорошо знакомом автору, о проблемах организации автообслуживания, а в этом автор отлично разбирался, он ведь сам перед войной работал главным инженером автобазы в Рязани. Честность, преданность делу, самоотверженный труд — вот основное мерило советского человека. В этой книге явственно слышен напряженный пульс жизни, ощущается атмосфера производства. А главный герой, начальник автобазы? — вглядитесь в него получше — ведь это тот самый пионер! Только он старше на 30 лет, и романтику приключений сменила романтика труда. Вышедшая в 1950 году книга удостоилась Государственной премии СССР.

Через пять лет выходит «Екатерина Воронина», это вто-

рой социальный роман А. Рыбакова. В нем широкая эпическая картина жизни большого волжского порта, труд многих людей, специалистов и — галерея выразительных и живых портретов наших современников.

Среди них, пожалуй, самые значительные — женщины. Решительные и женственные, обаятельные, очень непростые, с непростой судьбой, они «свои», узнаваемые. Особое авторское сочувствие, тепло отданы людям трудной судьбы.

После этого популярного романа — вновь обращение к любимому и дорогому детству, к уже знакомым героям — в 1956 году выходит «Бронзовая птица».

Позднее создаются веселые, радостные повести о Кроше — «Приключения Кроша» (1960) и «Каникулы Кроша» (1966).

Крош — мужественный мальчик Сережа Крашенинников, весь открытый добру и справедливости, всегда готовый встать на их защиту, чуткий и отзывчивый на чужую беду.

В это же время (1964) выходит «Лето в Сосняках» — роман о 30-х годах, о драматическом повороте в жизни поколения, о сложных судьбах, о духовной ценности и душевной стойкости человека-современника, его нравственных принципах, на этот раз измеренных самой точной и большой меркой: жизнью и смертью.

В 1970 году дилогия о Кроше становится трилогией: опубликована волнующая повесть «Неизвестный солдат» — глубокое, серьезное завершение рассказа о «маленьком рыцаре» — теперь взрослом молодом человеке, уже выработавшем свое жизненное кредо, в основе которого — нравственная чистота.

Здесь писатель особенно четко формулирует мысль о преемственности поколений, верности отцам, верности их правде, идеалам и принципам. Дети достойны отцов — тема постоянная и важнейшая для Рыбакова, один из лейтмотивов творчества.

В этой книге писатель впервые обратился непосредственно к военной теме. Эпизоды войны даны сжато, лаконично, но выразительно, горячо, в них чувствуем дыхание фронта.

У книг Анатолия Рыбакова счастливая судьба: признание, любовь читателя, многочисленные переиздания в СССР и за рубежом на 40 языках.

Почти все произведения инсценированы и экранизированы.

Реалист и романтик, певец доброты и труда — таков писатель, которого любят и взрослые и дети, который пишет для всех возрастов, но, в сущности, об одном поколении — о своем, чье детство совпало с революцией, юность — с первыми пятилетками, зрелость — с Отечественной войной.

СТАРЫЙ ПОРЯДОК И РЕВОЛЮЦИЯ У ДЮМА

Третьим монументальным циклом исторических романов Дюма, после «цикла Валуа» и «цикла д'Артаньяна», стал «цикл Марии-Антуанетты», образуемый романами из жизни Франции последней трети XVIII века — «Джузеппе Бальзамо» («Записки врача») (1846—1848), «Ожерелье королевы» (1849—1850) «Анж Питу» (1851), «Графиня де Шарни» (1853—1855). Строго говоря, циклом в полном смысле слова является именно третий: входящие в него произведения образуют единое, нераздельное целое, они малопонятны одно без другого, тесно связаны сквозными персонажами. Третий цикл не так известен читателям, как первые два. Однако он, в особенности роман «Джузеппе Бальзамо», [illegible] представляет зрелое творчество Александра Дюма.

Если верить современным [illegible] роман «Джузеппе Бальзамо» и, соответственно, [illegible] случайным обстоятельствам. Газета «Пресс [illegible] «Мемуары графа Калиостро» в переводе [illegible] что в его распоряжении находится [illegible] рукопись. Однако после выхода в свет первых [illegible] с «Пресс» газета «Насьональ» заявила, что [illegible] уже ранее опубликованное апокрифическое [illegible] имена упоминаемых лиц. Дело было передано [illegible] Журнала признали виновным в плагиате, издатель же «[illegible] отказываться от идеи дать материал о Калиостро, [illegible] Дюма, и писатель, хотя уже обещал разным газетам четыре романа, ответил согласием. Он прочитал все, что мог найти о Калиостро, и был буквально околдован фигурой этого искателя приключений XVIII века. Биография знаменитого мистификатора привлекла его возможностью создать на ее основе не только захватывающее историческое повествование, но также изложить в художественной форме свои взгляды относительно гипноза, месмеризма и тому подобных явлений, изучение которых тогда только начиналось и которые рассматривались большинством ученых как шарлатанские трюки.

Дюма настолько погрузился в изучение личности своего героя, что, проверяя его опыты, начал экспериментировать на себе и обнаружил, что обладает немалой гипнотической силой: может погрузить в сон двух или даже трех человек. Затем, как рассказывает Дюма в своих книгах «Мои записки» и «Разговоры об искусстве и о кухне», ему удалось достичь результатов не менее впечатляющих, чем самому Бальзамо-Калиостро: он развил в себе способность погружать людей в транс, почувствовал, что обладает внутренним видением и таинственным вторым зрением, обрел невосприимчивость к боли, то есть пришел ко всему тому, о чем повествуется в главах «Тело и дух» и «Дух и тело» романа «Джузеппе Бальзамо». Успех этих экспериментов побудил Дюма подойти к Бальзамо не как к авантюристу и шарлатану, а как к существу высшего порядка, открывшему эликс-

сир жизни, держащему в руках нити исторических событий и направляющему действия их участников. Более того, фигура Калиостро приобрела у Дюма символический смысл: она как бы воплотила историческую судьбу, неизбежность поступательного движения истории. Но не менее символичны и другие персонажи цикла: если холодная и надменная Андре де Таверне (будущая графиня де Шарни) олицетворяет собой старорежимное общество, то крестьянский сын Жильбер, поклонник Руссо, верящий в природное равенство людей и овладевший Андре силой после того, как не смог взять ее ни пылом своего чувства, ни состраданием, символизирует новую Францию; Жан-Жак Руссо представляет свободу и равенство в теории, Жан Поль Марат — на практике.

Естественно, что Дюма, мастер авантюрно-исторического романа, подошел к истории Франции конца XVIII века не с позиций ученого-историка, социолога или философа. Как и в остальных своих книгах, передавая в целом верно совокупность исторических событий, он в то же время использует их в качестве канвы, позволяющей ему создать красочное, драматическое повествование. Писатель позволяет себе известные вольности в изложении последовательности исторических фактов и освещении их причинности. Своеобразна у Дюма не только трактовка личности Джузеппе Бальзамо; не всякий читатель сможет принять, скажем, характеристику королевы Марии-Антуанетты. Однако предъявлять Александру Дюма счет за погрешности против истины довольно бессмысленно, ибо они вполне допустимы в рамках того жанра «исторического детектива», создателем и классиком которого является Дюма: цель писателя не столько воскрешение прошлого, сколько конструирование на его материале искусно построенного, интригующего сюжета.

М. В. Толмачев

АЛЕКСАНДР ДЮМА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ
15

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1991

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ СТЕФАНА ЦВЕЙГА

Стефан Цвейг — один из самых популярных в мире австрийских писателей. Он захватывает читателя с первых строк любой своей книги, щедро одаривая радостью узнавания и сопереживания до самых последних страниц. Книги Цвейга из числа тех, о которых принято говорить, что их «проглатывают».

Занимательность сюжета, легкость беглого, но аккуратного слога, щемящая душу чувствительность описаний, доступный психологизм диалогов — вот слагаемые такого успеха. Но это еще не все. Не названо, пожалуй, главное, что подкупает обычно простого человека в литературе и что так кратко и точно выразил еще А. С. Пушкин: «И чувства добрые я лирой пробуждал». О чем бы и в каком бы жанре ни писал Стефан Цвейг, он всегда стремился прежде всего к тому, чтобы пробудить в читателе-собеседнике добрые чувства. Он жил заветами и надеждами либерального гуманизма — может быть, слишком прекраснодушного в наш суровый век, но искреннего, возвышенного и пламенного, который разделял с ним и его большой друг Ромен Роллан.

Корни писательства Стефана Цвейга уходят в атмосферу литературно-театральной Вены конца прошлого века. О них он поведал во «Вчерашнем мире» — лучших, пожалуй, писательских мемуарах, увидевших свет на немецком языке в нашем веке.

Стефан Цвейг родился в 1881 году в семье богатого фабриканта. Обеспеченная, даже процветающая семья жила обычными для этой среды интересами: досуги заполняли оперетта, вечера с известными актерами, музыкантами, художниками, литераторами; художественные выставки и журналы, из которых наизусть заучивались не только новые стихи модного поэта, но и целые абзацы не менее модного театрального или художественного критика. Неудивительно, что такая атмосфера рано пробудила в гимназисте Стефане тягу к собственному сочинительству. С конца девяностых годов Цвейг стал печатать в газетах и журналах стихи и статьи о проблемах современной литературы и искусства. Двадцатилетний автор подвел предварительный итог своей поэтической деятельности в сборнике «Серебряные струны». Стихи были по моде того времени — томные, «упаднические», или, как их еще называли, «декадентские».

Усердные занятия литературой Цвейг продолжал и в венском университете, где учился на филологическом факультете. В водовороте экспериментальных течений, заполнивших литературную арену Европы начала века, он не сразу нашел свое место. Лишь

постепенно Цвейг пришел к духовным ценностям, на которые он мог надежно опираться всю свою жизнь. Неугасимыми путеводными звездами стали для него Л. Толстой и Ф. Достоевский, а из современников — бельгийский поэт-демократ Эмиль Верхарн.

Цвейгу посчастливилось не только лично познакомиться с Верхарном, но и подружиться с ним. Эта дружба, ничем не омраченная, продолжалась до самой смерти бельгийского поэта. Верхарн был к тому времени признанным мэтром, одним из духовных вождей культурной Европы. Он-то и ввел юного Цвейга в литературные круги Парижа и Лондона, Амстердама и Брюсселя. С тех пор понятие «Европа», как признавался Цвейг в своих мемуарах, стало для него равнозначным понятию «родина», тем более что пестролоскутная Австро-Венгрия, на территории которой он родился и рос, была, по словам известного австрийского писателя Музиля, «моделью многоязычной и многоликой в своем единстве Европы». А единство Европы зиждилось, по Верхарну и Цвейгу, прежде всего на гуманистических заветах ее многовековой культуры.

Цвейг был натурой впечатлительной, увлекающейся, импульсивной. Встретившись с интересным человеком или явлением, фактом или идеей в жизни ли, в книге ли — все равно, он сразу же загорался и немедленно принимался за сочинительство. Вряд ли в Европе нашего века найдется другой писатель, который столько сил и времени отдал биографическому жанру — от коротких миниатюр, запечатлевших «звездные часы» в истории человечества, до протяженных полотен с подробным описанием жизни и деятельности избранного исторического персонажа — Марии Стюарт или Эразма Роттердамского, Магеллана или Бальзака, Клейста или Роллана.

Увлеченность эта порой била через край, приводила к известной неразборчивости, не лишенной сенсационности. Так, трудно согласиться с той оценкой, которую Цвейг дает, например, Ницше или Фрейду. Но и заблуждения Цвейга диктовались добрыми намерениями — ему хотелось всех примирить, каждому воздать должное, выделить свой кусочек в возведении общей мозаики европейской культуры. Не борьба, а согласие были девизом Стефана Цвейга, и это сказалось в его самоустранении из жизни.

Жанровая палитра Цвейга чрезвычайно разнообразна. По сути дела, попросту нет жанра, в котором он не испробовал бы свои силы: он писал стихотворения и драмы, очерки и эссе, рассказы и поэмы, исторические репортажи. И все-таки исторический жанр — наряду с психологической новеллой (однажды развитой до целого романа, как было с «Нетерпением сердца») — оказался наиболее плодотворным для писателя.

Интерес к нему пробудила в Стефане Цвейге первая мировая война. В итоге ее вспыхнула Великая Октябрьская революция в России, обозначившая собой грандиозный по своим масштабам и последствиям исторический сдвиг. Цвейг приветствовал революцию, но увидел в ней «русский путь», не обязательный для «просвещенной» Европы с ее устоями буржуазного индивидуализма, казавшимися ему в основе своей незыблемыми. Исторический прогресс в Европе может быть достигнут, надеялся Цвейг, совместными усилиями деятелей культуры, направленными на проповедь

гуманизма. Война поначалу сильно поколебала эти надежды, но не смогла их развеять. Вскоре после ее начала Цвейг присоединил свой голос к страстной проповеди мира, которую повел Ромен Роллан. Пацифистские призывы и увещевания двух братьев по перу, к которым затем примкнули многие другие видные писатели Европы, звучали диссонансом на фоне шовинистической истерии, развернувшейся в воюющих странах и на первых порах затянувшей в свою пучину даже многих прогрессивных художников слова. Мощным антивоенным призывом стал роман Барбюса «Огонь» (1916 г.), горячо поддержанный Цвейгом.

В послевоенные двадцатые годы пацифизм и либерально-индивидуалистический гуманизм Стефана Цвейга, казалось, обрели достаточно прочную почву под ногами. Будущее Европы вновь представлялось безоблачным, а очаги шовинистической истерии, которые давали о себе знать, например, в вылазках фашистов, Цвейг попросту проглядел. Мешали прежние либерально-индивидуалистические иллюзии, заслонявшие от писателя сущность массовых движений — как положительных, так и зловещих, вызванных к жизни ловкой демагогией национал-социалистов.

Эти розовые иллюзии либерала-идеалиста отразились, конечно, и в творчестве Стефана Цвейга двадцатых годов, хотя весь его пафос был, как и всегда, в страстном отстаивании жизнеутверждающих принципов гуманизма. В это время все более [illegible] место среди произведений писателя стали занимать различные разновидности исторического жанра — от коротких миниатюр [illegible] толстых книг. Свои миниатюры Цвейг объединял в серии, и тогда они тоже выходили отдельными книгами — как «Строители мира» или «Звездные часы человечества». Строителями мира в них выступают выдающиеся одиночки — полководцы, завоеватели, изобретатели, первооткрыватели, ученые, писатели, деятели культуры. Великие художники слова пользуются, естественно, особым почтением литератора Цвейга и выглядят в его изображении как участники некоей великой, длящейся много веков эстафеты огня, зажженного Прометеем. Но идеализированными оказываются под его пером зачастую авантюристы вроде Казановы или Месмера, далекие от святости монархини вроде Марии Стюарт или Марии Антуанетты и еще более далекие от каких-либо высоких целей завоеватели мира вроде Александра Македонского или Наполеона. Их появление не объяснено исторически, не дано как результат и следствие неких действующих в истории закономерностей; нет, все они выступают на арену словно кометы, прихотливыми зигзагами прочерчивающие темный небосвод истории. И даже поражением своим Наполеон обязан, по Цвейгу, не исторической обреченности своего дела, а заурядной тупости одного бездарного генерала, на которого он вынужден был в последнюю минуту опереться («Невозвратимое мгновение»). И золотая лихорадка в Америке не порождение исторических обстоятельств, а цепная реакция, вызванная аферой одинокого авантюриста Августа Зутера («Открытие Эльдорадо»). И «революцией в скорости сообщения» — телеграфной связью между Европой и Америкой мир обязан энтузиазму упрямого одиночки — Сайруса Филда («Первое слово из-за океана»). А все великие

географические открытия — плод героических усилий отважных одиночек («Борьба за Южный полюс»).

Пожалуй, вся тщета индивидуалистических упований открылась Цвейгу только в начале тридцатых годов — когда слишком очевидной стала назревшая угроза фашизма, когда коричневая чума, завладев Германией, стала распространяться по Европе. Черты кризиса прежней веры в двойственность проповеди гуманизма отчетливо проступают в таких художественно значительных книгах Стефана Цвейга этого времени, как «Триумф и трагедия Эразма Роттердамского» (1933 г.), «Мария Стюарт» (1934 г.), «Кастеллио против Кальвина, или Совесть против насилия» (1936 г.).

Глубокими раздумьями о судьбе великих человеческих открытий наполнена книга «Магеллан» (1938 г.), прославляющая активную деятельность человека на пути познания природы и в то же время не закрывающая глаза на темные стороны действительности, на зловещую тень чистогана, омрачающую и самые славные открытия и деяния. В этой книге — одной из последних работ писателя — Стефан Цвейг решительно порывает с сугубой созерцательностью гуманизма, который привык исповедовать всю свою жизнь. Однако преодолеть депрессию, вызванную второй мировой войной, тяготами эмиграции, утратой родины и друзей, Стефан Цвейг не сумел.

Не помогла даже обычная для писателя терапия — работа. А писал в последние годы своей жизни Стефан Цвейг страстно, истово, пытаясь забыться, работой заглушить боль и горечь. За «Магелланом» последовал роман «Нетерпение сердца» (1939 г.), за романом — книга воспоминаний «Вчерашний мир», изданная уже после смерти писателя. А когда в феврале 1942 года, исчерпав остаток душевных сил, Цвейг покончил с собой, на его рабочем столе в одном из отелей далекой от Европы бразильской столицы лежала почти готовая рукопись капитальной книги о Бальзаке, над которой он трудился до самых последних дней.

Можно сказать, что смерть Стефана Цвейга так же на совести фашизма, как и миллионы других его жертв. Цвейг хоть и верил в окончательную победу над фашизмом и внимательно следил за известиями о первых успехах Красной Армии, но, утратив веру в свои идеалы, был душевно сломлен. Его нетерпеливое сердце остановилось в самый разгар исторической битвы с фашизмом.

В единственном романе Стефана Цвейга «Нетерпение сердца» всего явственнее ощущается глубокая, основательная «вчитанность» Цвейга в русскую литературу. Сразу же припоминается Достоевский с его пристрастием к острым, парадоксальным психологическим ходам и самым тайным изломам сознания. Да и сама, как прежде говорили, «интрига» — чувство Гофмиллера к хромоножке Эдит — воспринимается как своеобразная парафраза ставрогинской истории из романа «Бесы». И главную мысль романа (как ее формулирует в романе доктор) о сострадании истинном и ложном, о человеколюбии самопожертвованном и эгоистическом нетрудно возвести к соответствующим художественным построениям великого русского романиста. А тот же ревнивец-доктор, разве не напоминает он нам собеседника Печорина доктора Вернера из гениального романа юного Лермонтова?

И еще одна русская параллель, на которую в свое время указал известный советский литературовед Б. Сучков: жизнь офицерской среды в глухом гарнизоне у Куприна и Стефана Цвейга, поручик Ромашов и лейтенант Гофмиллер, «Поединок» и «Нетерпение сердца».

В самом деле, лейтенант Гофмиллер — это, конечно, австрийская ипостась Ромашова. Человек слабый, безвольный, нерешительный, он хоть и не лишен доброй искры в душе, но окружающие условия не дают ее реализовать, и он послушно следует принятому в захолустной офицерской среде времяпрепровождению: кутежам, картам, разврату, чтобы хоть как-то забыться, вырваться из плена постылой, казенной службы. То есть ведет существование достаточно тусклое и обыденное. Как вдруг лейтенант попадает в дом местного богача фон Кекешфальва, где знакомится с его дочерью Эдит. Цвейг умело показывает сложную гамму чувств, их нарастание и «диалектику»: поначалу Гофмиллеру просто льстит, что он принят в столь блестящем доме, он страстно желал бы в нем закрепиться, но досадная оплошность, кажется, рушит его надежды. Потом просыпается что-то вроде теплых дружеских чувств к физически ущербной бедняжке; сочувствие красавчика лейтенанта к Эдит пробуждает в ней сильное ответное чувство, которое и притягивает и отпугивает Гофмиллера. Постепенно он настолько запутывается в своих переживаниях, что готов идти под венец, чтобы прекратить длящуюся муку и сделать окончательный шаг, но в решительный момент бежит от невесты, чем обрекает ее на гибель.

«Мы в ответе за тех, кого приручаем»,— так в «Маленьком принце» сформулировал кредо действенного гуманизма Антуан де Сент-Экзюпери. Именно чувства ответственности за свои действия и поступки, чувства долга перед собой, то есть совестью своей, и ближними — теми, кого он «приручает», и не хватает Гофмиллеру. Другой персонаж романа,— доктор, противоположность Гофмиллеру, его антипод. Он «приручил» когда-то слепую женщину и теперь трогательно и неусыпно заботится о ней, стремясь в личных своих отношениях служить высокому, хоть и тернистому предназначению — врачеванию, исцелению людей, облегчению их страданий. За его словами — прожитая им самим и передуманная жизнь, это и придает им особую убедительность: «...Есть два рода сострадания,— отмечает Цвейг в эпиграфе.— Одно — малодушное и сентиментальное, оно, в сущности, не что иное, как нетерпение сердца, спешащего поскорее избавиться от тягостного ощущения при виде чужого несчастья... Но есть и другое сострадание — истинное, которое требует действий, а не сантиментов, оно знает, чего хочет, и полно решимости...»

У Гофмиллера как раз такое «нетерпеливое» сердце, его хватает лишь на эгоистическое сострадание, простирающееся до определенных границ, на страже которых зорко стоят собственные интересы и удовольствия. В этом он — истинно сын австрийской литературной традиции, не раз дававшей портрет типичного «господина Карла» — слабодушного, безвольно-созерцательного человека, становящегося рано или поздно игрушкой обстоятельств. Стефан Цвейг внес в разработку этого национального характера свою лепту — и в многочисленных новеллах и в единственном своем романе.

Сосредоточившись на, казалось бы, камерных переживаниях и оттенках чувств героя и героини, Цвейг тем не менее не оставляет без внимания и «большую», общую, социальную жизнь изображаемого им периода австрийской истории. Конечно, картина социальной жизни в романе лишена универсальности, многое в ней (например, положение народных масс) даже и не намечено, но по достаточно убедительным фрагментам нетрудно восстановить и общий объективный смысл этой картины и тот приговор, который выносит ей писатель. С первых и до последних страниц книги читателя не покидает ощущение обреченности запечатленного в ней мира, в котором все фальшиво: и чувства, и мораль, и духовные, и даже материальные ценности. Тот же богач, аристократ и сноб фон Кекешфальва оказывается никакой не «фон», а обыкновенный ушлый прощелыга, начавший карьеру с мелкой лавочки, каких в ту пору были сотни в еврейских местечках по обе стороны Прикарпатья, и ловкими махинациями сколотивший себе солидный капитал, который, среди прочего, принес ему и фальшивый титул.

Осознав обреченность старого, вскормившего его мира, Стефан Цвейг поведал о нем со свойственной ему искренностью. Но готовности активно участвовать в переделке мира он в себе не обнаружил; тот новый мир, перспективы которого открывал перед ним, например, Максим Горький казался ему утопией — заманчивой, но несбыточной. В этом, конечно, ограниченность Стефана Цвейга и как мыслителя и как художника.

Для нас существеннее, однако, его достоинства — гуманизм, неиссякаемая вера в добрые начала человека, честное служение своему призванию, которые обеспечили ему заметное место среди крупнейших прогрессивных писателей Запада нашего века от Роллана до Шоу, которые давно снискали ему уважение и симпатию выдающихся мастеров советской культуры и миллионов читателей. Первым, кто заметил и оценил талант Стефана Цвейга, был Максим Горький. «Очень рекомендую Вам изданную «Временем» книжку Стефана Цвейга,— писал он Федину,— «Смятение чувств»,— замечательная вещь! Прочитайте. Этот писатель растет богатырски и способен дать великолепнейшие вещи»[1]. В одной из своих статей Горький писал об «изумительном милосердии к человеку», которое отличает книги Стефана Цвейга. Восторженные отзывы о нем оставили также К. Федин, А. Фадеев, Алексей Толстой и другие видные советские писатели.

Не ослабевает любовь к Стефану Цвейгу и нашего многомиллионного читателя. Поистине можно сказать, что писатель обрел у нас свою вторую родину. Во всяком случае, Стефан Цвейг издается у нас значительно чаще и гораздо большими тиражами, чем не только в Австрии, но и во всех странах немецкого языка, вместе взятых. Можно не сомневаться, что радушный прием ждет и настоящую книгу — как всякую старую и добрую знакомую, которую всегда хочется видеть в своем доме.

Ю. Архипов

---

[1] Конст. Федин. Писатель, искусство, время. М., 1980, с. 280.

Стефан ЦВЕЙГ

НЕТЕРПЕНИЕ СЕРДЦА
роман

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ
из цикла
«ЗВЁЗДНЫЕ ЧАСЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Москва
Издательство «ПРАВДА»
1991

СТЕНДАЛЬ

ПАРМСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Роман

Ташкент «Медицина» УзССР 1985

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 4. *...теперь, когда у вас, во Франции мода на евангельскую непорочность...* — Эти слова Стендаль относит к 1830 году, но в большей степени они характерны для момента их написания (1838). Антирелигиозные тенденции Июльской монархии уже к середине 30-х годов сменились религиозными увлечениями не только в реакционных кругах, но и в среде либеральной буржуазии. Эту резкую перемену общественных настроений и отмечает Стендаль, датируя ее, однако, 1830 годом.

Стр. 5. *Мост у Лоди.* — 10 мая 1796 года у города Лоди в Северной Италии Бонапарт разгромил австрийцев. Центральным моментом боя был штурм моста через реку Адду.

В средние века республиканцы Ломбардии были не менее храбры, нежели французы, и за это императоры Германии обратили их столицу в развалины. — В 1162 году, во время войны ломбардских республик — городов с германским императором Фридрихом Барбароссой, последний принудил Милан к сдаче, разрушил его укрепления и срыл все дома до основания.

Стр. 6. *Гро,* Антуан-Жан (1771—1835) — известный французский художник, в 1796 году находившийся в итальянской армии. По распоряжению жены Бонапарта он был вызван в Милан, где ему было поручено написать портрет первого консула.

Стр. 7. *...французские солдаты... все были моложе двадцати пяти лет...* — В 1792 году Французский национальный конвент впервые в Европе объявил всеобщую воинскую повинность, призвав в армию всех граждан от 18 до 25 лет. Этим и объясняется «молодость» французской армии в отличие от феодальных армий XVIII века, набиравшихся посредством вербовки и требовавших долгой и трудной муштровки солдата.

Стр. 8. *«Иродиада» Леонардо да Винчи* — многочисленные картины, изображающие голову Иродиады, жены иудейского царя Ирода, во вре-

мена Стендаля приписывались Леонардо да Винчи; в действительности это были работы его учеников.

Стр. 11. *Кассано* — город в Ломбардии, под которым 27 апреля 1799 года русско-австрийская армия под командованием Суворова разбила французскую армию, которой командовал генерал Моро; вскоре после этого союзники заняли Милан.

Итальянский легион — один из иностранных легионов, входивших в состав французской армии, создан в эпоху революции. Он был учрежден Директорией после первого итальянского похода Бонапарта (1796—1797).

Стр. 11. *Арколе и Лонато* — места побед Бонапарта над австрийцами во время первого итальянского похода (15—17 ноября и 3 августа 1796 г.).

Нови — город в Ломбардии, под которым Суворов 15 августа 1799 года разбил французскую армию под командованием Жубера.

Маренго — деревня в Ломбардии, под которой 14 июня 1800 года Бонапарт разгромил австрийцев. Эта победа решила исход второго итальянского похода (1800).

Каттаро (Кодр) — город в Далмации, в начале XIX века — австрийская крепость, служившая также тюрьмой для политических заключенных. При приближении французских войск австрийские власти, эвакуируя Милан, 29 мая 1800 года арестовали 32 миланских либерала; арестованные были сперва отправлены в тюрьмы Венеции, затем в Каттаро. Все арестованные австрийцами либералы были освобождены уже весной 1801 года, узники Каттаро вернулись в Милан только 1 августа того же года, где им была устроена торжественная встреча.

Стр. 12. *...по примеру многих славных писателей...* — Стендаль имеет в виду английского писателя Лоренса Стерна (1713—1768), роман которого «Жизнь и убеждения Тристрама Шенди» (1759—1767) начинается задолго до рождения его героя Тристрама.

Стр. 13. *...французский генерал, на которого возложена была обязанность поддерживать спокойствие в Ломбардии...* — генерал Брюн (1763—1815), принявший командование итальянской армией Бонапарта 13 августа 1800 года.

Принц Евгений — пасынок Наполеона Евгений Богарне (1781—1824), назначенный в 1805 году вице-королем созданного Наполеоном Итальянского королевства.

Стр. 19. *Граф Прина* (1766—1814) — министр финансов Итальянского королевства при Наполеоне; финансовая политика и крутые меры по взиманию налогов вызвали против него недовольство в Милане. 20 апреля 1814 года он был убит толпой, подстрекаемой агентами реакции.

Стр. 20. *Генерал Бубна* — фельдмаршал граф Бубна-Литтиц (1768—1825); в 1818 году командовал австрийскими военными силами в Ломбардии.

Стр. 25. *...превосходные балеты Вигано...* — Вигано, Сальваторе (1769—1821) — выдающийся итальянский балетмейстер, высоко ценившийся Стендалем.

Стр. 27. *Монти.* Винченцо (1754—1828) — знаменитый итальянский поэт, много писавший на политические темы.

Стр. 32. *Линьи* — деревня в Бельгии, под которой 16 июня 1815 года Наполеон разбил прусскую армию Блюхера.

Около пяти часов утра он услышал канонаду: завязалось сражение при Ватерлоо. — В описании битвы при Ватерлоо Стендаль допускает фактическую ошибку: первый пушечный выстрел с французской стороны раздался только в 11 часов 30 минут утра, так как Наполеон ждал, когда подсохнет земля после недавних дождей, чтобы облегчить маневрирование своей артиллерии.

Стр. 34. *...конь четырех Эмоновых сыновей.* — Имеются в виду герои средневековой французской поэмы, выходившей в дешевых лубочных изданиях; волшебный конь Баяр спасает от опасностей четырех сыновей Эмона.

Стр. 38. *Ней,* Мишель (1769—1815) — герцог Эльхингенский, князь Московский, маршал Франции, один из виднейших сподвижников Наполеона, прозванный солдатами «храбрейшим из храбрых». За присоединение к Наполеону во время Ста дней он был после второй реставрации осужден военным судом и расстрелян.

Стр. 47. *Para u P. y E. 15.X.38.* — Это примечание Стендаля расшифровывается так: Para usted, Paquita y Eugenia» (испан.) — и означает: «Для вас, Пакита и Евгения. 15 октября 1838 г.» Пакита и Евгения — две дочери графини Монтихо, с которой Стендаль познакомился в Париже через посредство Проспера Мериме. Младшая из них, Евгения, стала впоследствии женой Наполеона III. Стендаль рассказывал детям о войне, и, очевидно, какой-то его рассказ напомнил приключения Фабрицио на поле Ватерлоо.

Стр. 55. *Из Камбре на Шельде... Там еще собор есть и статуя Фенелона.* — Стендаль допускает здесь анахронизм. В Камбре действительно есть памятник архиепископу камбрейскому Фенелону (1651—1715), выдающемуся писателю и проповеднику, однако этот памятник работы Давида д'Анже (1788—1856) был открыт лишь 17 января 1826 года, через десять с лишним лет после сражения при Ватерлоо.

Стр. 66. *Пеллико,* Сильвио (1789—1854) — итальянский писатель. Обвиненный в карбонаризме, он был приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения в крепости Шпильберг (Моравия), где провел восемь лет. В его воспоминаниях («Мои темницы», 1833 г.) миланская полиция нередко называется по имени улицы, где она помещалась,— Санта-Маргарита.

Стр. 73. *...революцию, подобную той, что в 1746 году изгнала австрийцев из Генуи.* — Во время австро-французской войны в 1746 году Генуя, бывшая союзницей Франции, была принуждена сдаться австрийцам. Чрезмерная контрибуция и налоги вызвали народное возмущение, направлен-

ное против австрийцев и генуэзской аристократии. Австрийцы были изгнаны из города, где была учреждена республика (декабрь 1746 г.)

Андриан, Александр (1797—1862) — итальянский революционный деятель, родом француз, за участие в движении карбонариев приговоренный к бессрочному заключению в Шпильберге, где пробыл восемь лет (1824—1832). В 1837—1838 годах опубликовал «Воспоминания государственного преступника» в четырех томах.

Стр. 75. *Баярд*, Пьер дю Террайль, сеньор де (1476—1524) — французский полководец, убитый во время одного из итальянских походов короля Франциска I при переправе через реку Сезию, у городка Романьяно.

Стр. 78. *Марини, Герарди, Руга, Арези...* — каноник Борда перечисляет здесь представительниц высшего миланского общества, прославившихся малопоучительными приключениями. *Пьетрагруа* — миланская мещанка, о которой Стендаль подробнее говорит в своем дневнике 1811 года.

Стр. 78. *Вальтер Скотт* (1771—1832) — английский писатель, автор знаменитых исторических романов. Первый его роман был переведен на французский язык только в 1816 году, а на итальянский — несколько позже. Поэтому Фабрицио не мог читать его романы в 1815 году, когда он находился в Швейцарии.

Сан-Микели, Микеле (1484—1559) — итальянский архитектор.

Стр. 79. *Капеллан Шпильберга.* — Андриан в своих «Воспоминаниях» рассказывает о священнике крепости Шпильберг Стефане Паоловице, который был тайным агентом правительства и, пользуясь расположением заключенных, пытался получить у них сведения о «заговоре», в котором они обвинялись. В награду за это был назначен епископом Каттаро.

«Конститюсьонель» — журнал умеренной либеральной оппозиции, основанный в 1815 году и сыгравший в эпоху реставрации крупную роль в борьбе с реакцией.

Альфиери, Витторио (1749—1803) — выдающийся итальянский поэт-драматург, творчество которого посвящено борьбе с тиранией и проповеди аристократической республики.

Стр. 81. *Гувьон-Сен-Сир*, Лоран (1764—1830) — французский маршал; принимал участие в войне с Испанией в 1807—1812 годах.

Стр. 86. *Кассандр* — традиционный персонаж итальянской комедии масок: глупый старик, обманутый отец или опекун.

Стр. 92. *Канова*, Антонио (1757—1822) — знаменитый итальянский скульптор, которого Стендаль высоко ценил.

Стр. 94. *Лафайет*, Мари Жозеф (1757—1834) — маркиз, известный французский политический деятель-либерал эпохи революции и реставрации.

Стр. 101. *...наш век — это царство адвокатов.* — Во французских военных кругах республиканское правительство, особенно Директорию, называли в насмешку «правительством адвокатов». Впоследствии название «адвокатов» получили члены палаты депутатов.

Стр. 104. *Рейналь*, Гийом-Тома Франсуа (1713—1796) — аббат, французский историк и философ-просветитель. Его «философская и полити-

ческая история европейских учреждений и торговли в обеих Индиях» (1770) сыграла значительную роль в идеологической подготовке революции XVIII века во Франции.

Стр. 113. ...*несколько изречений Фенелона, которые в детстве его заставляли твердить наизусть для будущих аудиенций.* — Фенелон был автором романа «Приключения Телемака» (1699), написанного с дидактической целью для дофина, внука Людовика XIV, воспитанника Фенелона. В романе излагается политическая мораль и указываются нравственные обязанности монарха по отношению к подданным.

Стр. 114. *«Монитор»* — французская правительственная газета, выходившая с 1799 по 1869 год.

Сан-Феличе (1768—1800) — маркиза, сторонница Партенопейской республики, установленной в Неаполе в 1799 году (январь—июнь); после восстановления монархии была предана суду и обезглавлена. Однако в издании республиканской газеты Moniteur Napolitain участвовала не она, а маркиза Фонсека (1768—1799), также казненная после восстановления монархии.

Стр. 115. *Деций* — римский император (249—251), известный в истории преследованием христиан; это один из главных персонажей трагедии Корнеля «Полиевкт» (1640).

...*Полиевкт в той опере, которую давали на прошлой неделе.* — Имеется в виду опера Доницетти «Полиевкт» на сюжет трагедии Корнеля того же названия по либретто Каммарано, написанная в 1838 году. Однако в Неаполе эта опера была запрещена цензурой. Возможно, что до Стендаля дошли слухи о готовящейся в Италии опере, и он упомянул о ней в романе как о последней музыкальной новинке сезона, однако передвинув ее дату на двадцать лет назад.

Стр. 127. *Арлекин, Бригелла* — традиционные персонажи итальянской комедии масок: слуга-простак и слуга-плут.

Стр. 143. *Меркаданте.* Саверио (1797—1870) — итальянский композитор. В 1821 году, в котором происходит действие девятой главы романа, в Милане пользовалась большой популярностью его опера «Элиза и Клаудио».

Стр. 146. *«История французской революции»* — очевидно, сочинение Адольфа Тьера (1797—1877), в котором события революции излагаются сочувственно, а политика якобинцев получает оправдание как политика, необходимая для спасения государства. Однако Стендаль спутал даты: первый том этой книги появился только в 1823 году, между тем как действие этой главы происходит в 1821 году.

Стр. 147. *Герцог Миланский Галеаццо.* — Имеется в виду Галеаццо-Мария Сфорца (1444—1476), с 1466 года герцог Миланский; известен в истории своими преступлениями и жестокостью.

Стр. 148. *Безрассудное воображение ...толкнуло Наполеона отдать себя в руки осторожного Джона Буля...* — 29 июня 1815 года, потеряв надежду на возможность сопротивления союзным войскам, Наполеон направился в порт Рошфор, чтобы оттуда бежать в Америку, но затем изменил свое ре-

шение и сдался англичанам; в письме, в котором он просил приюта у Англии, он писал, что хочет, «как Фемистокл, искать гостеприимства у очага английского народа». *Джон Буль* — традиционное название англичан.

Фемистокл (около 525 — около 459 гг. до н. э.) — афинский полководец, изгнанный из родного города; он нашел пристанище у персидского царя Артаксеркса, злейшего врага афинян.

Стр. 149. *Сюше*, Луи-Габриель (1770–1826) — французский маршал, принимавший участие в войне с Испанией. Крепость Таррагона была взята им приступом 29 июня 1811 года.

Стр. 153. *Кьярамонти*, Грегорио (1742—1823) — кардинал, при вступлении на папский престол принявший имя Пия XII, был епископом Имолы в 1796 году, когда этот город был занят французами и присоединен к Цизальпинской республике. Кьярамонти опубликовал пастырское послание, в котором выразил покорность республиканским властям и заявил, что религия может быть согласована со всяким правительством. В 1809 году Наполеон потребовал от Пия отречения от папских владений, на что он ответил отказом. С этого времени началась упорная борьба папы с Наполеоном, продолжавшаяся до свержения последнего в 1814 году.

Стр. 167. *Туаз* — старинная французская мера длины, равная приблизительно двум метрам.

Стр. 171. *Чимабуэ*, Джованни (1240—1302) — итальянский художник, уроженец Флоренции.

Байокко — итальянская мелкая монета (5 чентезимо), вышедшая из употребления в 1867 году.

Стр. 173. *Буонапарте.* — Ультрамонархисты называли Наполеона I по фамилии, не признавая за ним его титула и вместе с тем права называться по одному только имени. Вскоре после коронования императором французов Наполеон короновался королем Италии (1805).

Стр. 179. *Театр Буфф* — театр итальянской оперы в Париже.

Стр. 181. *Танкред* — герой поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». История его любви к Клоринде составляет один из наиболее известных эпизодов поэмы.

Стр. 182. *Буратти, Пьетро* (1772—1832) — либеральный итальянский сатирический поэт, писавший на венецианском диалекте.

Стр. 186. *Пьетро-Луиджи, первый герцог из рода Фарнезе, прославившийся своими добродетелями.* — Имеется в виду сын Павла III (Алессандро Фарнезе), стараниями отца сделанный герцогом Пармы и Пьяченцы и славившийся своей крайней распущенностью. Слова Стендаля о «добродетелях» семьи Фарнезе надо понимать в ироническом смысле.

Стр. 194. *«Путешествие госпожи Старк»* — так Стендаль называет книгу английской путешественницы Мериен Старк «Письма из Италии 1792—1798 гг.» (1800).

Стр. 210. *«Подеста»* — городской голова, высшее административное лицо в итальянских городах.

Стр. 214. *Пульчинелла* — традиционный персонаж итальянской комедии масок: слуга-плут.

Стр. 215. *Пармиджанино* — прозвище пармского художника Франческо Мацуолп (1504—1540).

Стр. 216. *...говорил ему «voi»...* — по-итальянски вежливой формой обращения служит третье лицо единственного числа (*ella* или *lui*).

Стр. 221. *Гвидо.* — Имеется в виду итальянский художник Гвидо Рени (1575—1642), лица на его картинах отличаются мягкой, несколько мечтательной экспрессией.

Стр. 229. *Юдифь* — библейская героиня, которая для спасения родного города Ветулии соблазнила вражеского вождя Олоферна, а затем убила его.

Стр. 237. *Радзори* (1766—1837) — итальянский врач и политический деятель; за участие в заговоре карбонариев был приговорен к двухлетнему заключению в крепости (1816—1818).

Стр. 241. *Фигаро... Альмавива* — герои драматической трилогии Бомарше: Фигаро — продувной слуга; Альмавива — недалекий вельможа.

Стр. 242. *Армида* — героиня «Освобожденного Иерусалима» Тассо, плененная своей красотой христианского героя Ринальдо и заставившая его покинуть армию крестоносцев.

Стр. 246. *Янсенисты* — сторонники янсенизма, оппозиционного течения в католицизме XVII—XVIII веков, противники иезуитов; в переносном смысле — поборники высокой нравственности.

Стр. 252. *Ванвителли* (1700—1773) — итальянский архитектор.

Ипполит — герой древнегреческого мифа, сын царя Афин Тезея, отвергший преступную любовь своей мачехи Федры.

Стр. 253. *Алессандро Фарнезе* (1545—1592) — командовал испанской армией в Нидерландах. Посланный Филиппом II на помощь французским католикам, заставил Генриха IV снять осаду Парижа.

Стр. 299. *Палладжи* (1775—1860) — болонский художник.

Стр. 335. *Пармиджанино* — см. прим. к стр. 214.

Фокельберг (Фокельберг Бенгт Эрланд, 1786—1854) — шведский скульптор, большую часть своей жизни проведший в Риме.

Теперани, Пьетро (1789—1869) — римский скульптор, ученик Кановы.

Маркези (1789—1858) — итальянский скульптор; поселился в Милане с 1811 года.

Гайец, Франческо (1791—1881) — глава итальянской романтической школы в живописи, имевшей своим центром Милан. Поселился в Милане с 1822 года.

Франческо Сфорца — итальянский кондотьер XV века, впоследствии герцог Миланский. Ему удалось изгнать французские войска из Италии и образовать союз итальянских государств.

Лоренцо Великолепный Медичи (1448—1492) — герцог Флоренции, поэт и покровитель искусств, один из деятелей итальянского Ренессанса.

Роберт Анжуйский (1275—1343) — король Неаполитанский, по прозвищу

«Добрый», известен в истории своей борьбой с германским императором Генрихом VII.

Стр. 332. *Кола да Риенци* (1313—1354) — вождь народного восстания XIV века в Риме, принявший титул народного трибуна, убитый во время мятежа.

Все упомянутые здесь политические деятели чтились итальянскими либералами как борцы за свободу и независимость Италии. Макиавелли рассматривался как борец с тиранией.

Стр. 341. *Фелино*. Гийом-Леон дю Тийо (1711—1774) — маркиз, пармский министр, родом француз.

Кондильяк, Этьен-Бонно (1715—1780) — аббат, французский философ-просветитель; ему было поручено воспитание внука Людовика XV, пармского герцога Фердинанда (1751—1802).

Стр. 351. *Лелио* — традиционный герой комедии дель-арте, амплуа первого любовника.

Стр. 384. *Фонтана*, Франческо Лучиди (1750—1822) — итальянский кардинал и ученый-историк.

Дювуазен, Жан-Батист (1744—1813) — французский епископ и богослов, проводивший политику Наполеона I в делах церкви.

Стр. 384. *...прославленная певица, синьора П.* — миланская певица Джудитта Паста (1798—1865), певшая в Париже в 20-х и в начале 30-х годов XIX века.

Чимароза, Доменико (1749—1801) — итальянский композитор, автор знаменитой оперы «Тайный брак», содержащей упомянутую в романе арию.

Стр. 385. *Перголезе*, Джованни Баттиста (1710—1736) — итальянский композитор.

Стр. 401. *Гондзо* (Gonzo) — по-итальянски значит «дурак».

Стр. 402. *...членом той знаменитой палаты депутатов, которая в Милане...* — Законодательный корпус Итальянского королевства, заседавший в Милане, в 1805 году выступил с возражениями против предложенного Наполеоном закона о налогах, после чего Наполеон тотчас же распустил корпус (июль 1805 г.).

Стр. 413. *Великие герцоги Тосканские.* — В XVIII веке они считались самыми просвещенными среди правителей Италии. Они покровительствовали земледелию и торговле, и в герцогстве цензура свирепствовала значительно меньше, чем в других городах страны.

„To the happy few" — это знаменитое посвящение, встречающееся во многих книгах Стендаля, заимствовано им из романа английского писателя Оливера Голдсмита «Векфильдский священник» (гл. 2).

Б. РЕЙЗОВ.

Шарль де Костер

Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке,

об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и других краях

Москва
Издательство „Правда“
1983

УЛЕНШПИГЕЛЬ

Историческое значение «Легенды об Уленшпигеле» Шарля де Костера огромно. Это произведение открыло бельгийцам новую родину.

Подобное утверждение может показаться неожиданным. Нашим старым нациям, исчисляющим свой возраст пятнадцатью веками, трудно с точностью представить себе свое происхождение, и они полагают, что истоки народа так же, как и истоки Нила, отдаленны и таинственны.

И в самом деле, «Уленшпигель» — явление исключительное. Но значение его бесспорно. От поэмы Шарля де Костера произошла бельгийская литература. 31 декабря 1867 года родилось сознание нации.

На этом единодушно сходятся все писатели бельгийской земли.

«Это — первая книга, в которой наша страна обрела себя»,— пишет Верхарн. «Это — фламандская Библия»,— говорит Камилл Лемонье. «Это — книга родины... Широкая Шельда, несущая в своих водах частицы нашей и берущая свое начало в веках... Это — вся родина... Это вчерашний день, это завтра, это вся наша история...»

А Морис дез Омбю пишет:

«Это — первая книга, в которой бельгийцы почувствовали вкус и аромат своей земли и своего племени. Первая — созданная нейтралитетом души. С Шарля де Костера начинается существование бельгийской литературы...»

Уже из-за одного этого «Легенда об Уленшпигеле» заслуживала бы почетного упоминания в истории европейской литературы. Но она значительно больше, она — великое произведение всечеловеческого искусства.

Начало бельгийской литературы было положено рукою мастера. Журналист, бедный, безвестный, создал почти что на наших глазах памятник, способный соперничать с Дон Кихотом и Пантагрюэлем.

Пожалуй, к созданию этой эпопеи были причастны судьбы народа, чем воля одного человека. А вернее, гениальность этого человека в том, что он сумел стать орудием народных судеб.

Простой случай свел его лицом к лицу с его будущим героем, с тем, кто впоследствии воплотил дух народа Фландрии. «Уленшпигель» было название газеты, которую редактировал и иллюстрировал Фелисьен Ропс и где выступил Шарль де Костер по окончании университета. В течение четырех

лет созревала идея, заложенная в самом слове «Уленшпигель», и образ гнома, «смеющегося во всю глотку», которого на глазах у де Костера рисовал Ропс, обретал плоть и человеческие черты, в то время как его будущий певец упражнялся, перебирая клавиатуру архаического языка[1] — будущий аккомпанемент к своему эпосу. За эти четыре года Уленшпигель завладел де Костером. Они остались вдвоем с глазу на глаз. Это была яростная борьба, «борьба творчества»[2]. И когда они вступили на этот путь, знал ли Шарль де Костер, куда заведет его гений? Не думаю! Как выросли в пути «сорванец»[3] и его летописец!

Какова отправная точка? Кто такой Уленшпигель? Родной брат Полишинеля, готический Панург, один из тех героев — бродяг, обжор, плутишек, трусов, насмешников, распутников, писунов, жрунов, говорунов и пустобрехов, создавая которых угнетенный народ во все времена удовлетворяет не только свою потребность в смехе и свои первобытные инстинкты, но также и свое могучее стремление к независимости; который облегчается, с шумом гадя на головы прохожих. Под именем Уленшпигеля он жил у двух очагов: германского и фландрского. Известны две его могилы: одна в Мельне, что возле Любека, где он умер около 1350 года; другая — у подножия огромной башни в Дамме, близ Брюгге; и на обеих могильных плитах начертаны одни и те же атрибуты: «Uylen Spiegel».

Сова и Зеркало — Мудрость и Комедия. (Мы увидим дальше, какой иной, более острый смысл дал им де Костер.) Его вольные шуточки служат как бы olla podrida — маслом, на котором варят и шкварят в одном котле пряности и сальности, похищенные из всех горшков Фландрии и Валлонии, Франции и Германии, даже Италии. В течение пяти — шести веков народ, отведав их, облизывает себе пальчики. В этой-то харчевне Рихард Штраус и набрался тех жирных запахов подливы, которые придают аромат его музыкальной поэме «Тиль Уленшпигель».

Но этого Уленшпигеля, который был, подобно римскому Паскино, только пустобрехом, мастером на всякие проделки, Шарль де Костер сделал человеком — «et homo factus est»[4] — и присвоил себе. Уленшпигель — фламандский Гёз, сын Клааса, искусный ремесленник, борец за свой народ и его освободитель, мстящий за народ смехом, мстящий за народ топором. Вот он: видишь его «острые карие глаза», его рот и нос, которые «точно делали две лисы, до тонкости изучившие хитрое искусство ваяния», его худобу, его неутолимую жажду, его волчьи зубы, созданные, чтобы кусаться и чтобы жрать, его прекрасное расположение духа, его грозные радости, его ветреную голову, упрямый череп, неумолимый лоб, где, как долги, записана каждая обида, вплоть до дня расплаты, его неподкупность, его жестокость. Его родина — Дамме, во Фландрии. Его эпоха — век палача Филиппа Второго и

---

[1] Де Костер поместил в ропсовском «Уленшпигеле» ряд рассказов на архаическом французском языке (еще более архаическом, чем его будущая эпопея), которые он издал позже под названием «Фламандские легенды» и «Брабантские рассказы».

[2] Слова Шарля де Костера.

[3] Слово «сорванец» (espiègle) происходит этимологически от слова «Уленшпигель» («Ulenspiegel»).

[4] И сделан человек *(лат.)*.

Вильгельма Молчаливого. И вместе с тем он — Фландрия всех времен. Он — знамя своего народа. Он — знамя и герб своей нации. Багрянец пасти, багрянец напасти. Клыки и смех — кровь и грех.

Сначала художник бредет ощупью между традиционным фарсом и героическим романсеро народа, идущего к свободе. С первых же двадцати строчек он воссоздает атмосферу, фламандскую весну, морскую, пронизанную солнцем дымку над истомленными лугами. «Во Фландрии, в Дамме, когда май уже распускал лепестки на кустах боярышника, у Клааса родился сын Уленшпигель... Вслед за тем сквозь ночные облака пробилась заря, ласточки, щебеча, залетали низко-низко над лугом... Клаас подошел к Брюггскому каналу, неподалеку от моря...»

На первых же десяти страницах нарисовано святое семейство достославных нищих: св. Иосиф — угольщик Клаас, плечистый, черный и смеющийся, Сооткин — мадонна с налитыми грудями, двумя «прекрасными естественными сосудами», к которым жадно припадает маленький фламандский Спаситель — Уленшпигель, родившийся в сорочке; и св. Анна — повитуха Катлина, добрая колдунья; и маленький Иоанн Креститель, Санчо Панса — тихий Ламме, круглый Ламме со своим брюшком.

И, однако, мастер-сказочник еще колеблется: рассказывать ли ему по-своему, вести ли песнь так, как она сама поется, не выученная заранее, не вычитанная в книге. Он счел нужным нашпиговать первую часть своей «Легенды» сырыми кусками, взятыми прямо из старого фарса, от которого несет прогорклостью. Эти затасканные достопочтенные фацетии подобны привидению, которое ищет свои развалины и плутает в новом доме. Это тряпье не всегда приходится впору мускулистому и тонкому стану сына Клааса.

Но мало-помалу фламандская лисица, скрещенная с волком, остается одна хозяином поля. Поэт создает свой собственный фарс; он не заимствует его более, и фарс сливается здесь с эпопеей.

Потом к концу, когда звериная морда нашего героя, которая насмешничает и кусается, уже тыкалась всюду — от Брюгге до Рима, во все ярмарки и битвы, выглядывала среди сосен и вереска, пышущая жизнью, вечно хмельная, полная воспоминаний о славе, смехе и муках,— герой вырастает. Индивидуум становится типом. Тип делается символом; он не стареет более, у него нет более плоти; и он говорит: «У меня нет тела, у меня есть только дух... Дух Фландрии, любовь Фландрии — мы никогда не умрем».

На последних страницах книги — он страж Веерской башни, полуночник Фландрии; он видит вдали море, берега, луга, леса, крепости и замки, свободные острова и оснащенные для боя корабли Гёзов, идущие чередой, и будущее Бельгии и Нидерландов; он предсказывает его. Он — дух родины. И он уходит из книги, распевая свою десятую песенку, «но когда он спел последнюю,— этого не знает никто».

Он не одинок. Де Костер окружил его типами высокого поэтического и символического значения, созданиями своей мечты: отец, мать, возлюбленная, друг. В заглавии, которое он дал своей книге, упоминается, кроме Уленшпигеля, лишь его толстый приятель Ламме, «храбрый тихоня», «который если и грешит, то только по доброте душевной» и который «жить на этом свете без любви не может». Но вместо того чтобы назвать свою поэму

«Доблестные, забавные и достославные деяния Тиля Уленшпигеля и Ламме Гудзака», автор мог бы с таким же правом назвать ее «Трагические и любовные приключения Клааса и Сооткин, Катлины и Неле». Это — поэма той семьи, которая на языке символов означает: «Клаас — мужество, Уленшпигель — дух, Неле — сердце, Ламме — утроба» народа Фландрии.

А вокруг сам народ, который трудится, смеется, страдает и борется... «Золотая легенда исповедников и мучеников фламандского народа,— пишет Лемонье,— Евангелие смиренных и угнетенных...» Смиренных?.. Как бы не так! Они при оружье. Не надо уж так особенно им доверяться. Эти ягнята напоминают ягнят моего пройдохи из Кламси Кола Брюньона.

Домой ягнятки держат путь.
Трех хватит, чтобы волка вздуть!

Слышите вы, как на их кораблях «бьет барабан славы, бьет барабан веселья... Жатва созрела для серпа. Да здравствует Гёз!».

И, наконец, окутывая эти толпы, которые кипят и пенятся,— вот они Стихии, огонь и воздух, вот она, мать Природа, плодоносная земля, ее дыхание, ее мощные запахи и морской ветер...

Как оценить подобное произведение?

Мне кажется, что большинство из тех, кто пытался это сделать, заблуждались. «Огромную башню», как говорит Лемонье, «башню теней и туманов», разукрасили раблезианскими флагами, а ведь нечто совсем иное заключено в ее утробе. Почти все критики «Уленшпигеля», на мой взгляд, стали более или менее жертвами миража. Название в пантагрюэлевском стиле, ученое стремление к архаизмам, несколько заимствованных сальных шуток подсказали мысль о медонском кюре, о Гомере Смеха. Эк, сказали! И Лемонье, когда он прославляет в Шарле де Костере «Рожок Смеха», принимает эхо за инструмент.

Смех Рабле подобен потоку. Он смывает все: и мудрость, и безумие, и страсти — ни следа ненависти!.. Смех фламандского Уленшпигеля — личина смеющегося Силена, скрывающая неумолимое гневное лицо, горькую желчь, огненные страсти. Сорвите личину. Он грозен, Уленшпигель! Суть его трагична...

И как знал это сам Шарль де Костер! Лучше, чем все его комментаторы, он определил самого себя, он первый задал тон в своем мрачном «Предисловии совы»: «Уленшпигель — Uylen Spiegel.

Ваше зеркало... управляемые и правящие, зеркало глупостей, нелепостей и преступлений целой эпохи...»

«Насмешники в обличье добродушия, у вас есть нечто общее со мной... На чем основывается ваша политика с тех пор, как вы властвуете над миром? На резне и на бойне.. Ты ручаешься, что Карлы Пятые и Филиппы Вторые перевелись на свете?..» Сова (Uyl) — это «политик, который надевает на себя личину свободомыслия, неподкупности, человеколюбия и, улучив минутку, без всякого шума вонзает нож в спину какой-нибудь одной жертве, а то и целому народу... Посмотри вокруг себя, поэт из захолустья, и ты увидишь, что сов на свете гибель. Сознайся, что неблагоразумно было с твоей стороны нападать на Силу и Коварство, на этих венчанных сов...»

Значит, он нападал на них. Вот он, скрытый сюжет! Это бич возмездия, ум острее сабли, это кони Свободы, беспощадная битва, где кровь хлещет, как dobbelkuyt[1], и где сама ненависть — тоже вино. Это песнь независимости и мести угнетенного народа. Так утверждает яростное заклятие Уленшпигеля, обращенное к Духам Весны:

Я хочу освободить!.. Я хочу отомстить!..
Отомстить за что?

Присмотримся к сюжету книги! О чем идет речь в этой длинной эпопее, написанной в конце XIX века?

О войнах XVI века между Нидерландами и Испанией. О войнах жестоких, не знающих ни великодушия, ни пощады как со стороны угнетателя, так и со стороны угнетенного. О войнах, которых ничем не искупить, ибо по прошествии трех веков поэт ничего не простил... В течение трех веков такая ненависть!.. И этой ненавистью скреплять камни новой родины! Поразительное явление народной жизни! Поразительное откровение!

С первой же страницы воля к ненависти утверждается параллелью, проводимой между фламандским крестьянином Клаасом и королем Карлом Пятым, между рождением Уленшпигеля и рождением Филиппа Второго. Эта параллель неумолимо проходит через всю книгу. И ни разу испанец не расстается со своей презренной и гнусной ролью. Ни одна из фигур противника не трактуется даже в малой степени рыцарски. Он враг — и этого достаточно, за ним не признается ни одной добродетели. Бешеная ненависть!

Герцог, будь проклят! Убийце смерть!
Бросим его на съедение псам! Смерть палачу!
Да здравствует Гёз!
Повесим его за язык
И за руку, за кричащий приказы язык
И руку, скрепившую смертные приговоры...
Бей в барабан войны. Да здравствует Гёз!

«В чем же наша отрада?» — «Сейчас тебе скажу, Ламме. Око за око, зуб за зуб... Берись за топор и позабудь о милосердии — вот она, наша отрада! Бей наших врагов-испанцев, бей католиков, бей их повсюду!»

.....

«Когда же наконец настанет долгожданный мир?..» — «Желанная эта пора настанет, когда во фландрских садах на яблонях, сливах и вишнях заместо яблок, слив и вишен на каждой ветке будет висеть испанец».

Ну что ж, битва есть битва! Понятны эти фанфары героической жестокости. Однако битва кончена, а ненависть не угасла. Император мертв, но этого недостаточно! Его надо обесчестить, его надо убить на небесах. Христос без жалости возглавляет отмщение...

«Смилуйся над ним, сын мой!» — говорит Мария...
«Нет ему прощения», — говорит Христос...

---

[1] Сорт крепкого пива *(флам.)* — *Ред.*

Жалость — удел Сатаны[1]. Но эта смехотворная жалость делает нелепым того, на кого она направлена. Она выставляет на посмешище мученика. И кого? Старого Императора, Короля Королей — Карла Пятого.

Если таков Иисус Фландрии, Добрый Пастырь, то можно представить себе, каковы же пасомые им овцы. Месть на земле — это такое блюдо, которое варят целую жизнь; его едят горячим, его едят холодным; ни одна крошка не должна пропасть зря. По сравнению с Уленшпигелем, который раздувает покрытые пеплом угли и ворочает свою месть на огне, блюда Ламме — приторны. Послушайте же, как Уленшпигель раздувает огонь:

«...Пепел Клааса бьется о мою грудь... Пепел бьется о мое сердце... Пепел... Пепел...»

Священная месть становится манией, ее лихорадочное упорство близко к галлюцинациям. Де Костер извлекает из этого потрясающие эффекты, и, когда после нескончаемого ожидания (ибо он не торопится, он хочет насладиться полнее) волк Фландрии хватает добычу, он цедит каплю за каплей свою месть. Сначала удивляешься тому, что рыбник, который продал Клааса палачу, отделывается лишь падением в воду. Но он появляется вновь, много времени спустя. Шарль де Костер берег его для второй смерти. И эта смерть, добрая смерть, как она длится! Тем, кого ненавидит Уленшпигель, он готовит самую медленную смерть. На медленном огне! Нужно, чтобы они страдали. И особенно, чтобы они не раскаивались! На их костре — ни одной слезы их раскаяния. Им не позволено даже взывать о жалости к людям и богу. Сначала муки, потом вечное проклятие!

Задыхаешься в этой атмосфере пытки, жестокости, печальной и мучительной. Сам мститель наслаждается ею без радости...

«С тоскою глядел он на тучи, как безумные мчавшиеся по небу, на огненные барашки в море и на освещенное факелами бледное лицо рыбника, который следил за ним злыми своими глазами. И пепел бился о грудь Уленшпигеля... Так шли они четыре часа...» К пытке! Бок о бок — свирепая жертва и свирепый судья.

Но каково величие в страдании! Каково умение страдать и заставлять страдать! Сцена истязаний Клааса, следующая за ней ночь, призрак, вдова и сын, выкапывающие из остывшего костра покрытое пеплом сердце трупа, «мешочек мести», договор «ненависти и силы» между страдающими матерью и сыном; «ненависть и сила» — лейтмотив, отдающийся в двух окровавленных телах и возносящий их над всеми страданиями,— сильнее смерти,— вся эта трагическая сюита достигает высочайших вершин эпопеи.

Ненависть и сила, месть и неумолимость... Вот они — «исповедники и мученики народа Фландрии»!

И я вспоминаю о том, что в том же самом веке эта ненавидимая Испания создавала доброго рыцаря Дон Кихота Ламанчского... Кто бы мог подумать, что это добродушие исходит от нации, которая угнетает? А эта жестокость — от нации угнетенных?

Еще и другое мнение следует пересмотреть. Верхарн говорит о «молчаливой вере», которая выражена в Уленшпигеле.

---

[1] «Сатана из жалости позволил ему доесть» («Легенда об Уленшпигеле»).

Какая вера? Уж, конечно, не католическая. Она тут повсюду презираема и ненавидима. Отвращение или презрение к церкви свободно переходит в самый настоящий антиклерикализм. Владыка из Рима — пугт этой книги, зловещий или зеленый; лучшие фарсы «Уленшпигеля» разыгрываются над ним,—как, например, история с монахом, которого запер в клетку и откармливал Ламме.

Но если Рим потерял здесь все, то и Женева ничего не выиграла. И если одна из двух религий—католическая· выведена в смешном свете, то другая—протестантская—не выведена никак. Нам возразят, что к этой вере примкнули восставшие. Но есть ли там хотя бы намек на великого христианина? На их щитах можно заметить только серебряный полумесяц с такой надписью: «Liever den Ture als den Paus» («Лучше служить султану турецкому, чем папе»). Единственный верующий в книге, не вызывающий антипатии,—это жена Ламме, глупенькая «кошка», которую дурачат и которую щупают католические монахи. Это немного. И мы вправе считать, что этой «фламандской Библии» недостает половины души Фландрии: Фландрии Руисброка, Фландрии Мемлинга, Фландрии мистиков, ханжей, великолепных соборов и святых изображений. Где же святые? Где богоматерь? Где Христос? Где сам бог?.. Бог не интересуется несчастьями Уленшпигеля и свободами Фландрии.

«...Я хочу спасти землю Фландрскую. Я спрашивал творца неба и земли, но он мне ничего не ответил».

И Катлина говорит Уленшпигелю:

«Творец не станет тебя слушать. Тебе надобно было сперва обратиться к духам стихий...»

Мир Стихий—вот где настоящие боги. С ними одними общаются герои де Костера. И единственная вера этой поэмы—это вера в природу, но зато она бурлива, как поток. Она струится через всю поэму. Ее великие шлюзы открывают дорогу водопадам в необычайном видении, которым заканчивается первая книга. Уленшпигель и Неле, прижавшись друг к другу, нагие, спящие, брошенные в пространство, присутствуют «на шабаше весенних духов, на пасхе соков земли». Они попадают на чудовищный пир вселенной; они вместе со всеми опьяняются соками весны. И вихревой хоровод, где миллионы насекомых смешиваются с миллионами светил, духи—с деревьями, а ветры—с тучами, уносит их, задыхающихся, пьяных, полумертвых, к подножию Владыки Весны и его белокурой самки. Они вызывают властителей Жизни, Силы, Рождения. Они отвергают бога:

«Я просил бога о том, чтобы он умертвил гонителей, но он меня не услышал. Устав стенать... я и моя трепещущая подруга ныне повергаем к стопам ваших божественных величеств просьбу—спасти наш истерзанный край»..

И владыки естественных Сил отвечают на эти мольбы загадочным пророчеством, ключ к которому будет дан в конце поэмы.

Все это широкое изображение в духе пламенного и тяжеловесного Натурализма напоминает аллегорические картины мастеров Антверпенской школы, чисто фламандского стиля: розовые тела и белокурые волосы, столпотворение сплетенных крупных тел в бурно изливающихся соках Весны, и подобно тому как из укушенного младенцем Геркулесом соска Юноны брызнул Млечный Путь,—поток семени затопляет небо и землю.

Природа — олицетворение всемогущего на земле, она — бог Уленшпи-
гель. В первой же главе отец берет на руки своего маленького сына, только
вышедшего из утробы матери, и, открыв окно, говорит ему:

«Мой в сорочке родившийся сын! Вот его светлость солнце приветству-
Фландрскую землю... Если тебе вдруг одолеют сомнения и ты не бу
знать, как поступить, спроси у него совета. Оно ясное и горячее. Будь
настолько чист сердцем, насколько ясно солнце, и настолько добр, наскольк
ко оно горячо».

Это первый урок. И он не забудется. Доброта Уленшпигеля, как
доброта Природы, может быть подвергнута сомнению, но сам он вдохновл
ся именно Природой. Это она изливается вместе с теплым семенем и бога
кровью в сценах ярмарок, пирушек, драк и борделей, которыми книга кишит
и цветет. Столь изобилующая всем этим, столь брызжущая, что она выглядит
даже целомудренной. Из этих фламандских полотен наибольшей самобытно-
стью отмечена сцена в борделе Куртре, где Ламме, Уленшпигель и семь
мясников, разбивая в такт пению стаканы, оседлав скамьи и выпятив
кружатся по комнате и распевают без конца грозный напев: «'Tis van te beren
de klinkaert» («Пора звенеть бокалами»), и этот напев неумолимо растет,
строгий, воинственный, однообразный, пробуждая мало-помалу ярость в
сердцах вплоть до финального взрыва.

В этом чувствуется искусство драматического нарастания, которое
завладевает сознанием и слухом, как монументальная и дикая симфония.

Но страна оргий — в то же время страна любовной идиллии. Плотская
любовь, которая в других странах Севера почти всегда груба и непристойна, в
стране ярмарочных празднеств умеет сохранить свою глубокую чистоту. В
этом прекрасном фруктовом саду, в этой Фландрии, тело — всегда цветок или
плод. Его вкушаешь или его вдыхаешь. Полотна Рубенса — вот поэтическая и
пышная кладовая Фландрии. Ляжки и бедра «Дочерей Левкиппа» родствен-
ны шионам и пушистым персикам. Здоровая чувственность смеется, изнемо-
гая,— счастливая, как распускающаяся роза.

Нет ничего чище любви Неле и Уленшпигеля. Никогда еще поэт не был
столь целомудренно сдержан, как в этом жемчужном ожерелье, которое
начинается с пробуждения чувств ребенка, жгучих и робких,— с молчаливых
прогулок по весенним дорогам двух маленьких влюбленных, опьяненных
томлением и боязливых от счастья,— и далее на всем протяжении книги
нанизываются восхитительные Liedchen, песенки, как, например, песнь
любовного ожидания в снежном апреле, и после долгих, доблестно перенесен-
ных испытаний наступает строгая и ясная брачная ночь, целомудрен-
ный рассказ о которой приводит мне на память любовные строки кни
Рафаэля:

«Как Павел, спустившись с неба, не смог открыть тайны бога,— серди
мое покрыло все мои мысли влюбленным покровом. Вот почему обо всем, что
я вижу, обо всем, что я делаю,— я молчу, потому что в сердце моем я прячу
радость...»

Кто бы мог ждать от фламандского жеребца подобной чистоты и
тонкости чувств?

Душа Неле в этой книге — священный лес, пронизываемый ветрами, как
и равнины ее края. Дикие страсти не смеют переступить опушки. Но сам лес

полон песен и задумчивости. Все, что есть лучшего в искусстве и в чувствах до Костера,— здесь.

Здесь — и в природе, которая его окружает, в прелестных пейзажах, которые могли бы быть подписаны лучшими искусниками Фламандской школы XVI и XVII веков. То они — как открытое окно, составляющее фон интерьера,— ореол света вокруг живых фигур и цветущих ветвей, трепещущих на ветру,— одеяние времен года, одеяние драмы. То они живут сами по себе,— дуновение какого-нибудь дня, какого-нибудь незабываемого часа, они душа земли. Прекрасных примеров не счесть. Таков «полдень — король лета» в Дамме. Вот этот чудеснейший отрывок:

«Стояла жара. Ни единого дуновения ветерка не летало с тихого моря».

Именно здесь можно наслаждаться подлинной поэзией книги, а не в самих стихах, в большинстве случаев устаревших и старомодных, в стиле комических опер времен Луи-Филиппа. Прямо диву даешься, почему в великолепной сцене в борделе Куртре, среди мускулистой прозы, Жиллина вдруг берет скрипку и поет свой безвкусный и жестокий романс, который мог бы положить на музыку Обер или Адольф Адам. Стоит Шарлю де Костеру перейти к стихам, как он перестает быть поэтом. Зато в его прозе, такой естественной, цветут, как на лугу весной, травы поэзии.

Его рассказ строится в маленьких размеренных строфах с повторением какой-нибудь фразы в рефрене. Иной раз эти повторения мощными созвучиями подчеркивают стремительный ритм ораторских периодов. Я уже говорил, какое сильное впечатление оставляют некоторые темы, которые переходят из главы в главу как лейтмотивы. В нескончаемом течении этой длинной поэмы, где, кажется, теряешь повествовательную нить, где композиция — зачастую вялая и повсюду нестройная (особенно к концу), они, эти музыкальные мотивы, эти страстные ритмы, создают целостность.

Такова эта народная эпопея, единственная в наше время. Мне она видится равниной, на которой загораются огни Ивановой ночи. Вокруг бешено кружится ярмарочная толпа. Звонят колокола, большие и малые. Гремит барабан. Уленшпигель и Неле прыгают через пылающие костры. Два самых высоких костра — «Любовь и Месть».

Но ветер, который раздувает огонь, ветер, своими порывами несущий к небесам пламя и души, подобно золотым языкам, в дожде искр, этот ветер — Свобода. Он — высшая страсть, он по ту сторону добра и по ту сторону зла, как закон Фландрии.

Уленшпигелю, ребенку, Клаас преподал свой второй урок (после урока Солнца, урок Птички), сказав: «Сын мой, никогда не лишай свободы ни человека, ни животное — свобода есть величайшее из всех земных благ...»

Вся жизнь Уленшпигеля — героический девиз его одиннадцатой Заповеди,— нет, первой для него, первой для нас:

Жить — вот девиз мой боевой,
Под солнцем жить — всего дороже!

И потому, что тот морской ветер, который надувал паруса кораблей Гёзов, омывает всю эту легенду, потому что он оставил вкус соли на губах

Шарля де Костера национальный певец Фландрии — также и наш певец, он наш эпический певец Свободы.

.....

Уленшпигель вдохновлял лучших бельгийских художников: Ропса, Де Гру, Менье и более десятка графиков, иллюстрировавших первое издание Шарля де Костера. Затем де Брюикер украсил оригинальными гравюрами на дереве переиздание 1922 года. Но вот кто сейчас ближе всех к герою де Костера: Мазерель из Гента, сосед Уленшпигеля из Дамме, его родной брат,— своим неукротимым свободолюбием, бурными порывами богатырской натуры, ненасытной жадностью к жизни, властным гением он отмечает природу печатью своего искусства, трагического и саркастического одновременно. И у него мы также находим соединенными два противоположных элемента, которые составляют облик «Легенды об Уленшпигеле»: безудержную буффонаду и тех мрачных демонов, имя которым — беспощадное насилие и черная печаль. Вся яркость света и вся густота тени.

Вглядываясь в его гравюры, я услышал Уленшпигеля. Он пел вместе с Неле свою одиннадцатую песню...

РОМЕН РОЛЛАН

Приключения

Первый русский перевод «Легенды об Уленшпигеле» принадлежит А. Г. Горнфельду, который опубликовал его под псевдонимом Ю. Б. Коршан в 1915 году в журнале «Русские записки» (№№ 1—6). В том же году вышел в свет перевод В. Н. Карякина (в приложении к журналу «Голос минувшего» и в 1916 г. отдельно, «Современные проблемы». М.).

В полном виде перевод А. Г. Горнфельда впервые вышел в горьковской серии «Всемирная литература» (Петроград, 1919) и многократно переиздавался, хотя появлялись и другие переводы; для детей «Легенду» пересказал Н. А. Заболоцкий (Детиздат. М., 1936).

В 1961 году был опубликован перевод «Легенды», выполненный Н. М. Любимовым (Гослитиздат. М., 1961). Этот перевод, просмотренный и выверенный переводчиком по новейшему научному изданию оригинала (La legende et les aventures heroiques, jouyeuses et glorieuses d'Ulenspiegel et de Lamme Goedzac au pays de Flandres et aileurs. Edition définitive etablie et presentée par Joseph Hanse, Bruxelles La Renaissance du Livre, 1959). был переиздан в «Библиотеке всемирной литературы»; он же предлагается читателю и в настоящем издании.

Историческую основу романа Костера составляют события Нидерландской революции и предшествовавших ей лет.

Под именем Нидерландов в XVI веке разумелось не государство, которое сейчас носит это название, а гораздо более обширная страна, включавшая территории современных Нидерландов (Голландии), Бельгии, Люксембурга и некоторых областей Франции. Нидерланды того времени состояли из семнадцати провинций (в прошлом самостоятельных герцогств или графств): Фландрии, Брабанта, Геннегау (Эно), Артуа, Намюра, Люксембурга, Лимбурга, Турне, Мехельна, Французской Фландрии, Голландии, Зеландии, Утрехта, Фрисландии, Гельдерна, Гронингена, Оверэйсселя.

Объединение Нидерландов произошло в рамках крупного, но недолго просуществовавшего государства — Герцогства Бургундского, которое в XV веке простиралось широкой полосой между Францией и Германией. Еще тогда, в этот так называемый бургундский период, сложились основные политические учреждения и традиции страны, сохранявшиеся и в начале XVI века, когда Нидерланды вошли в состав обширной державы германского императора Карла V из династии Габсбургов. Царствовавший и над Испанией, Карл V, отрекаясь от престола, разделил свои владения между сыном и братом, и Нидерланды — в то время самая густонаселенная область Европы, с развитой промышленностью, игравшая важную роль в мировой торговле,— оказались подчиненными феодальной Испании. Испанский король Филипп II пытался, не считаясь ни с историческими традициями, ни с насущными экономическими потребностями страны, превратить ее в бесправную часть своей феодально-абсолютистской монархии. Экономические притеснения, национальный гнет и религиозные преследования привели в

...ство и верность, открывающему собой долгую эпоху [illegible]
...своей силе заключается надолбленном роли северных провинций и самого го-
...сударство республику Соединенных провинций (Голландию), по
...ерации и других южных провинциях (территории нынешней Бельгии)
...ределили свою последующую

Стр. 17 ...в количестве восемнадцати человек ... Издание Легенды 1869 г. иллюстрировали 18 художников

Пьера Мариссена. В английской литературе она ... принадлежит Мисер ...ая покровительница ремесел, наук и искусств

Дамме — городок близ Брюгге (Фландрия).

Стр. 18. ...ведь по меньшей мере *двадцать глав и много произведений принадлежат мне* ... К этим словам в издании 1868 г. (где впервые появилось «Предисловие сова») сделано следующее примечание (написано Костером, но названо «примечанием издателей»): «Это утверждение вполне верно. Поэт позаимствовал из небольшой фламандской книжечки, озаглавленной «Het aerdig Leven van Thyl Ylenspiegel» («Земная жизнь Тиля Уленшпигеля»), главы 6, 13, 16, 19, 24, 35, 39, 41, 43, 47, 48, 49, 53, 55, 57, 59 и 60 первой книги своего сочинения. Номера глав, набранные здесь курсивом, означают, что главы эти — скорее создание автора, нежели пересказ. Впрочем, и все они подверглись значительной обработке, за исключением 62, 63 и 64. Остальные — с главы 65 и до конца сочинения — полностью принадлежат г. III. де Костеру, как, следовательно, и книги II, III, IV, V, которые целиком созданы воображением автора. Мы должны, однако, указать на два исключения: 1) проповедь брата Корнелиса Адриансена (стр. 201 и сл.) заимствована по частям из сборника 1590 г. Автору пришлось свести воедино несколько отрывков и речей этого необузданного проповедника, чтобы можно было, избежав беспрестанных повторений, правильно нарисовать картину разнообразия сект XVI века; 2) рефрен «Песни Гёзов» (стр. 233) заимствован из песни тех времен, изложение исторических событий, например, рассказ о погроме Собора богоматери в Антверпене (стр. 210 и сл.) и «Песня о предателях» (стр. 429 и сл.), основаны в главнейших чертах: первый — на достоверном сообщении почтенного хрониста Ван Метерена; вторая — на источниках неоспоримой подлинности из Королевского архива в Брюсселе».

Сборник «проповедей брата Корнелиса Адриансена» (которого Костер считал историческим лицом) — анонимный памфлет конца XVI в.; Ван Метерен (1535—1612) — автор капитального сочинения по истории Нидерландов, которым Костер широко пользовался.

Карл V Габсбург — германский император (1519—1556), король Испании (с 1516 г.) под именем Карла I. Благодаря династическим связям и завоеваниям под его властью на краткое время оказались объединенными Испания, Нидерланды, часть Италии, Германская империя, испанские колонии в Новом Свете и другие земли. Современники говорили, что в его владениях никогда не заходит солнце. Опираясь на реакционные силы Европы, Карл V стремился к созданию всемирной католической монархии. Подчиненная этой фантастической цели, политика его вызывала сопротивление и восстания в разных частях обширной державы. Проведший жизнь в войнах, но, несмотря на отдельные территориальные приобретения, не приблизившийся к осуществлению своих планов, Карл V в 1556 г. отрекся от престола. В 1558 г. он умер.

Филипп II — король Испании (1556—1598), сын Карла V. Правление Филиппа II было вершиной и началом упадка испанского абсолютизма. Внутренняя политика этого короля отмечена жестоким подавлением народных восстаний, уничтожением старинных местных привилегий, свирепыми преследованиями еретиков и инаковерующих, разгулом инквизиции. Во внешней политике Филипп II добивался подчинения всей Европы своему влиянию и вмешивался во внутренние дела других стран, поддерживая всюду силы католической реакции. После восстания в Нидерландах и поражения в войне с Англией (1588) крах испанской великодержавной политики стал очевиден

Стр. 20. *Кифера* — древнее название одного из островов Греции, расположенного при входе в Лаконский залив. Кифера считалась родиной культа Афродиты, богини любви.

Твердокаменная Агнесса — христианская мученица, жившая, по преданию, в III или IV в.

Стр. 22. *Патар* — мелкая монета; *флорин* — крупная золотая монета.

Стр. 23. *Лиар* — мелкая монета.

Гудзак (Coedzac) — по-фламандски означает «мешок доброты». Имя *Ламме* (Lamme) — по-фламандски — «ягненок».

Стр. 27. *Крузат* — старинная голландская монета.

Стр. 29. *Капитул* — в католической церкви коллегия духовных лиц (каноников) кафедрального собора, составлявшая при епископе совет с административными и судебными полномочиями. Капитулами назывались также коллегии духовных лиц других крупных храмов.

Императорские военачальники... ворвались в святой град... — В мае 1527 г. Рим был взят и разграблен войсками Карла V, которого сложная династическая и военная борьба привела к столкновению с папой Климентом VII, поддерживавшим французского короля Франциска I. Поход на Рим был предпринят во время перемирия с папой по инициативе вышедших из повиновения солдат, но одобрен Карлом V.

Принц Оранский — здесь не Вильгельм, один из героев романа Костера, а Филибер (1502—1530), полководец, перешедший от Франциска I к его врагу Карлу V, который одарил его владениями в Нидерландах. Участвовал во взятии Рима в 1527 г. и после гибели герцога Бурбонского был избран солдатами главнокомандующим. После смерти Филибера титул принца Оранского перешел к брату его жены Рене Нассау-Шалонскому, двоюродному брату Вильгельма.

Герцог Алансонский. — По-видимому, Костер по ошибке называет герцогом Алансонским герцога Бурбонского (1490—1527), бывшего главнокомандующим у Франциска I и переметнувшегося к Карлу V. Он в 1525 г. разбил французов при Павии, в 1527 г. возглавил императорское войско, шедшее на Рим, и был убит при штурме города.

Фрундсберг Георг Фон (1473—1528). — немецкий полководец. В 1527 г. стоял во главе одиннадцатитысячной армии, полученной Карлом V от немецких протестантов, с которыми император временно примирился, рассчитывая на их помощь в войне с папой. Фрундсберг со своей армией принял участие в военных действиях на территории Италии.

Святейшего владыку заточили. — После вторжения войск Карла V в Рим папа Климент VII еще около месяца сопротивлялся, запершись в своей крепости — замке Св. Ангела, но был вынужден капитулировать. Карл не торопился выручать папу, и он до осени оставался пленником в руках солдат. Это не помешало папе вскоре примириться с Карлом и в 1530 г. самому короновать его императорской короной.

Рейтары — наемная кавалерия, появившаяся в XVI в. на смену конным рыцарям, сражавшимся в одиночку. *Ландскнехты* — немецкие наемные войска (пехота), в XVI в. служившие за пределами Германии.

...и тогда... папой никому из них не бывать. — Скопец не мог быть избран папой.

...отменил все торжества... — Взятие Рима солдатами Карла, среди которых (особенно среди немецких наемников) было много протестантов, и разгром города, сопровождавшийся грабежом церквей и другими кощунствами, произвели тяжелое впечатление в Испании. Чтобы как-то сгладить его и выразить свое сожаление, Карл отменил празднества по случаю рождения сына. Однако он не спешил урегулировать отношения с захваченным в плен папой и ничего не сделал, чтобы прекратить бесчинства и насилия своих солдат.

Стр. 30. *Труба Иисуса Навина.* — По библейскому сказанию, стены города Иерихона, осажденного Иисусом Навином, рухнули от звука труб.

Стр. 32. *Собираются восстановить свирепые королевские указы.* — Начиная с 1521 г. Карл V начал издавать указы против еретиков. Здесь

называется так называемый Кровавый указ 1550 г. (издан несколько позже того времени, о котором идет речь). Хотя эти указы на протяжении всего царствования Карла V не были отменены, но рвение к их выполнению то ослабевало, то вновь подхлестывалось.

Профос — полицейский чин.

...учения Мартина Лютера... и т. д.— Здесь перечислены имена некоторых предшественников и деятелей реформации — широкого общественного движения, направленного против католической церкви: против ее догматов (о верховной власти папы, об исключительной роли церкви в спасении души человека и др.), ее обрядов, против культа святых и почитания икон, наконец, против папства как политической силы. Наибольшее распространение реформационные учения получили в конце средневековья, в обстановке разложения феодальных отношений и расцвета городской жизни и культуры Возрождения. Отдельные направления в реформации отличались друг от друга и социальным содержанием. Наряду с направлениями раннебуржуазного и отчасти даже дворянского происхождения, стремившимися к упрощению церковной организации, к устранению привилегий духовенства и т. п., различают и направления народные, для которых лозунги реформации были выражением стремлений к глубоким социальным преобразованиям (вплоть до пропаганды мирового социального переворота). Все реформационные учения жестоко преследовались папством и католическими монархиями. Отколовшиеся от католицизма в результате реформации церковные направления получили впоследствии общее название — протестантизм. Упомянутые в тексте реформаторы — частью современники Карла V, как, например, немцы *Лютер* (1483—1546) и *Меланхтон* (1497—1560), швейцарец *Цвингли* (1484—1531), частью писатели и мыслители предшествующих веков, как итальянец *Марсилий Падуанский* (ок. 1275 — ок. 1343 г.), англичанин *Виклиф* (ок. 1320 — 1384 гг.), чешский национальный герой *Ян Гус* (1371—1415).

Стр. 33. *Лувенский университет.*— Университет в г. Лувене (Брабант) с середины XVI в. становится оплотом католицизма.

...рассуждать и спорить о Священном писании...— Сторонники церковных реформ в полемике с папистами издавна опирались на толкование библейских текстов, показывая несоответствие католического учения Писанию. Ортодоксальные католики не могли ответить на эту критику ничем, кроме запрета простым верующим читать и толковать библию.

Стр. 36. *Гамбривиус* (иначе Гамбринус) — легендарный король Фландрии и изобретатель пива. Имя Гамбринус производят от искаженного Johannes Primus — латинской формы имени герцога Иоанна I, покровителя брюссельской гильдии пивоваров в XIII в.

Стр. 39. *Льеж.*—Крупный город в Южных Нидерландах, центр Льежского епископства, большой области, находившейся под властью епископа и формально автономной.

Официал — должностное лицо при епископе, выполнявшее функции церковно-судебной власти.

Де ла Марк Эбергард (Эврар) (ок. 1475—1538 гг.) — льежский епископ (с 1505 г.), кардинал (с 1520 г.). Деспотичный и жестокий, свирепо преследовавший еретиков, он был ненавистен даже своему окружению.

Стр. 43. *Мария Египетская* — христианская святая. По преданию, в молодости была блудницей, а потом раскаялась.

Астарта — у древних финикиян богиня плодородия и любви; в позднейшие времена ее имя стало символом распутства.

Стр. 51. *Тит Бибул* (лат. bibulus — пьяница) *Шнуффий* (от флам. snuffelen — нюхать).— Тройная кличка, данная псу школьным учителем, пародирует трехчленное древнеримское имя.

Стр. 54. *Гиперборейское высочество.*— Гипербореи — сказочный народ, живший, по представлениям древних греков, на дальнем севере.

Стр. 56. *Каролю* — монета достоинством около 20 патаров.

Стр. 59. *...город Гент отказался платить подать...*— Династические войны Карла V были непопулярны в Нидерландах, и, когда в 1537 г. в связи с

войной против Франциска I Карл обложил нидерландские города большой податью, Гент отказался уплатить свою долю налога. Конфликт между городом и королевским правительством обострился и привел к открытому восстанию, которое угрожало распространиться на всю Фландрию.

Франциск Длинноносый—Франциск I, французский король (1515—1547) из династии Валуа. В начале царствования покровительствовал наукам (в 1530 г. была основана высшая школа—Коллеж де Франс), но потом сделался надежной опорой мракобесов и реакции. Жестоко преследовал сторонников реформации и еретиков. При нем в 1546 г. был сожжен выступавший против религиозного фанатизма как католиков, так и протестантов ученый-филолог Этьен Доле. Франциск вел бесконечные войны с Карлом V.

Валансьенн—нидерландский город близ французской границы, где в январе—феврале 1540 г. по пути в Гент останавливался Карл V. Карл здесь проводил время в празднествах. Послы из мятежного Гента даже не были допущены в город, так как в Валансьенн с Карлом прибыли сопровождавшие его французские сановники и «не следовало, чтобы иноземцы знали правду о гентских делах».

Альба Фердинанд Альварес де Толедо, герцог (1507—1582)—один из военачальников и советников Карла V, а впоследствии Филиппа II. Чванливый кастильский дворянин и свирепый фанатик, он презирал и ненавидел «недосожженных еретиков» нидерландцев, которые платили ему тем же. «Здесь так ненавидят Альбу,—писала испанская наместница Нидерландов Маргарита Пармская,—что одного его появления будет совершенно достаточно, чтобы ненависть распространилась на всю испанскую нацию». Кровавое наместничество Альбы (1567—1573), сменившего Маргариту, вошло в историю Нидерландов как самое мрачное для страны время.

Принц Оранский—здесь Рене Нассау-Шалонский, унаследовавший титул принца Оранского от мужа своей сестры Филибера (см. прим. к стр. 29); близкий друг и советник Карла V. Умер в 1544 г. и завещал свой титул двоюродному брату, одиннадцатилетнему Вильгельму из Нассау-Дилембургского дома, будущему деятелю Нидерландской революции.

Стр. 60. *...грамоту, которую Карл пожаловал городу Генту*—«Concessio Carolina» от 30 апреля 1540 г., документ, определявший правовое положение города и его жителей после подавления восстания. Вся административно-политическая система городского устройства была, согласно этой грамоте, перестроена с целью подчинить городское самоуправление королевскому правительству.

Стр. 62. *Женившись на Марии Португальской...*—Филипп II женился на Марии Португальской в 1543 г. Рождение дона Карлоса и смерть Марии относятся к 1545 г. Дон Карлос с детства был отмечен печатью вырождения, а в ранней юности у него стали появляться признаки умственного расстройства. О его судьбе Костер рассказывает в третьей книге романа.

Сан-бенито—длинный полотняный балахон, одеяние осужденных инквизицией. На сан-бенито присужденного к смерти изображались языки пламени.

Стр. 67. *...дабы искоренить в Нидерландах...* Лютерову ересь.—Лютер, выступивший в Германии в 1517 г., вскоре приобрел приверженцев и в Нидерландах. Широкого распространения здесь его учение, однако, не получило. Лютеран можно было встретить лишь среди образованных людей, зажиточных горожан и оппозиционно настроенных дворян, желавших раздела церковных и монастырских земель. После 1540 г. активная пропаганда лютеран в Нидерландах прекращается, общины их распадаются, уступая поле деятельности новому реформационному учению—кальвинизму. Однако католики, говоря о «Лютеровой ереси», могли иметь в виду протестантизм вообще.

Стр. 68. *Шест с попугаем*—традиционная мишень для состязаний в меткости стрельбы.

Стр. 78. *Золотая булла* (то есть грамота с золотой печатью), озаглавленная «Радостный въезд», содержала запись старинных вольностей и привиле-

...Брабанта и Лимбурга. С 1356 г. каждый новый герцог при вступлении ... в Брюссе и резиденцию должен был подтверждать эти вольности.

Стр. 31. *Реформаты* — то же, что кальвинисты (см. прим. к стр. 262), хотя здесь речь может идти о приверженцах любого реформационного учения.

Стр. 88. *...с тех пор, как унес отсюда... Марию ван дер Хейст.* В 1521 г. во время войны с Францией в Ауденарде были ставки Карла V. Здесь молодой император прельстился девушкой из соседней деревни. От нее у Карла родилась дочь Маргарита (будущая наместница Нидерландов, 1559—1567).

Стр. 93. *Мария Тюдор* — королева Англии (1553—1558). Вышла замуж за Филиппа II, который прожил в Англии некоторое время. Она отменила реформационные мероприятия своих предшественников, провозгласила восстановление католицизма и обратилась к папе с просьбой «о прощении согрешивших и об обратном их присоединении к римской церкви», но не решилась отнять у новых владельцев бывшие церковные земли и вернуть их монастырям. Свирепые преследования еретиков снискали ей у английских историков прозвище Кровавой (а не Уродливой), хоть и ее протестантские предшественники и преемники отнюдь не отличались веротерпимостью и мягкостью.

Стр. 96. *Доминиканцы* — один из «нищенствующих» монашеских орденов католической церкви. Основан в начале XIII в. В течение долгого времени в руках доминиканцев находилась инквизиция. Свое латинское название «Dominicanes» (от имени основателя ордена — св. Доминика) они предпочитали читать как «Domini canes» — «псы господни».

Стр. 97. *Шельда* — судоходная река, на которой стоит Антверпен.

Стр. 100. *...жена не подарила тебе Вулканова шлема.* — Вулкан — у древних римлян — бог огня; он отождествлялся с древнегреческим богом-кузнецом Гефестом, мужем Афродиты (Венеры), богини любви, изменявшей ему с богом войны Аресом (Марсом).

Стр. 103. *Еретики — те, что почитают великую блудницу.* Под «великой блудницей», которая должна погибнуть от божьего гнева, в 17-й главе Апокалипсиса (одна из книг Нового завета, написанная в I в. н. э. при римском императоре Нероне, когда христианство преследовалось государством) подразумевается императорский Рим. Во времена реформации протестанты, указывая на чудовищную развращенность нравов папского двора, относили пророчество Апокалипсиса к папскому Риму и использовали библейский образ в борьбе против католицизма.

Папа — предатель, он торгует святыней. — Торговля святыней, или «симония» (от имени Симона-волхва, новозаветного персонажа, просившего апостолов продать ему за деньги дар творить чудеса), — одно из основных обвинений, предъявлявшихся римской курии протестантами. Симонией они считали продажу церковных должностей и торговлю индульгенциями.

...в ряды войск Фридриха Саксонского... — Возможно, что здесь имеется в виду саксонский курфюрст Иоганн-Фридрих, один из руководителей союза протестантских князей Германии, которые в 1546—1547 гг. вели неудачную войну против императора. Надо отметить, что Костер в этой части романа очень свободно обращается с хронологией.

Стр. 104. *Для верных настанет пора предаваться земным утехам не прежде, чем падет великий Вавилон.* — «Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» (по названию столицы древнего Вавилонского царства) — образ из Апокалипсиса, символизирующий императорский Рим. Согласно Апокалипсису, после падения Вавилона будет установлено для верных тысячелетнее царство божие. Во времена реформации враги католицизма видели в этом пророчестве указание на неизбежность гибели папского Рима.

Стр. 105. *...в стране, где кишат... еретики.* — Реформированная (англиканская) церковь обладала в Англии большой силой и была государственной как до, так и после недолговременного правления Марии Тюдор, жены Филиппа II. Многочисленны в Англии были и секты (пуритане, индепенденты и т. д.).

Стр. 106. *Генрих II* — французский король (1547—1559), сын Франциска I, продолжавший его политику. Жестоко преследуя протестантов во Франции (им была учреждена специальная «Огненная палата»), он не пренебрег возможностью вступить в союз с немецкими протестантами для борьбы против своего постоянного противника Карла V. Заключенное в 1556 г. между двумя католическими властителями пятилетнее перемирие было в следующем же году нарушено Генрихом с благословения римского папы. После заключения мира с Филиппом II (1559) Генрих выдал за него свою старшую дочь (см. прим. к стр. 273). Во время свадебных празднеств на рыцарском турнире Генрих был ранен и через несколько дней умер.

Под Мецом я потерпел позорное поражение...—В 1552 г. Карл V был вынужден отдать французам город Мец. В том же году на него напали вступившие в переговоры с французским королем протестантские князья Германии. Войско князей возглавлял Мориц Саксонский. Карл был вынужден бежать во владения своего брата в Каринтию. Заключив с протестантами мир на продиктованных ими условиях, Карл осадил Мец, под которым стоял два с половиной месяца, но не смог его взять.

Стр. 107. *Юлий Третий*—римский папа (1550—1555). Контрреформационная политика этого слабовольного человека определялась его окружением, большую роль в котором играли иезуиты. Последние два года своего правления Юлий III не занимался делами, а предавался распутству на вилле под Римом. Он раздавал церковные должности своим родственникам и действительно, как о том говорится в романе, возвел в сан кардинала какого-то проходимца, получившего большую силу при папском дворе.

Стр. 109. *Премонстранты*—католический монашеский орден, основанный в 1119 г. Название ордена произошло от наименования монастыря близ Реймса «Pré montré»—луг, указанный (богом) (монастырь был построен на лугу, где священник Норберт, основатель ордена, собирал своих учеников). Орден пользовался поддержкой папы.

Индульгенции—папские грамоты об «отпущении грехов» за счет находящейся, по католическому учению, в распоряжении церкви «благодати». Эта благодать, которая имеет своим источником добрые дела Христа и святых, считается католиками единственным средством спасения и может распределяться церковью по ее усмотрению, хотя бы и продаваться за деньги. Циничная торговля индульгенциями была для римского двора важным источником дохода. Запрещение продажи индульгенций было одним из основных требований реформации.

Стр. 114. *Барон де Ре* Жиль де Лаваль (1404—1440)—полководец французского короля Карла VII, соратник Жанны д'Арк, маршал Франции (с 1429 г.). Впоследствии удалился от двора и вел уединенную жизнь в своих поместьях, занимаясь алхимией и магией и предаваясь противоестественным порокам. Жертвами его, как говорили, стали сотни замученных им детей. Был арестован и после громкого процесса сожжен. Народные предания рисуют его страшным колдуном и чернокнижником. Имя его связывают с легендой о Синей Бороде.

Стр. 115. *Вечный Жид.*—По средневековым легендам, некий иудей (в немецких преданиях он зовется Агасфером) ударил Христа, шедшего на казнь (по другим рассказам, прогнал Христа от своего дома, где тот хотел отдохнуть), за что был обречен на вечное странствование.

Стр. 120. *Сегодня... император Карл Пятый отрекается от престола.*—Передача Карлом V своих владений Филиппу происходила постепенно. На описанной в романе торжественной церемонии в Брюсселе (октябрь 1555 г.) Филипп был назначен правителем Нидерландов и главой ордена Золотого руна (см. прим. к стр. 121). Отречение Карла от испанского престола в пользу сына последовало лишь через несколько месяцев (январь 1556 г.). Императорский престол перешел к Фердинанду Австрийскому, брату Карла.

Стр. 121. *Генеральные штаты*—высшее представительное учреждение Нидерландов, сложившееся еще в бургундский период. Генеральные штаты должны были утверждать все налоги и некоторые основные

...ложения. Помимо знати, в штатах пользовались известным влиянием богатые горожане.

Вильгельм Оранский, прозванный Молчаливым (1533—1584)— видный деятель Нидерландской революции. Крупнейший и самый богатый вельможа страны; расчетливый политик и дипломат (но посредственный полководец), он был равнодушен к религии и четыре раза менял вероисповедание по политическим соображениям. Вильгельм был воспитан при дворе Карла V и принадлежал к его ближайшему окружению (в день отречения Карл появился перед Генеральными штатами, опираясь на плечо Вильгельма). Абсолютистские тенденции в политике Филиппа II толкнули Вильгельма Оранского (как и Эгмонта и Горна) в лагерь оппозиции, а вскоре, поняв неизбежность открытого разрыва с королем, он связал свою жизнь с делом борьбы против испанцев, которая в конце концов привела его к высшему государственному посту в буржуазной республике Соединенных провинций (Голландии). На первом этапе революции агитация Вильгельма Оранского и его сторонников сыграла немалую роль в деле объединения антииспанских сил. Но страх перед народными движениями заставлял его возлагать слишком много надежд на наемников и на помощь иноземных монархов. Такая политика способствовала поражению революции на юге.

Эгмонт Ламораль, граф (1522—1568)— один из наиболее родовитых и богатых нидерландских вельмож. Входил в ближайшее окружение Карла V. После его смерти служил Филиппу II и отличился как полководец в войне с Францией. Член Государственного совета Нидерландов. С 1559 г. штатгальтер (наместник) провинций Фландрии и Артуа. Вызывающая антинидерландская политика Филиппа II заставила Эгмонта стать в оппозицию к королю. В Государственном совете Эгмонт, Вильгельм Оранский и Горн составили сильную группировку, боровшуюся против Гранвеллы (см. прим. к стр. 123) и добивавшуюся его отставки. Но, когда народное возмущение испанским владычеством стало проявляться в открытых восстаниях и обнаружилось, что даже дворянская оппозиция зашла в своей игре слишком далеко, Эгмонт, не желая выступать против «законного государя», предпочел отойти от антииспанского движения. В январе 1567 г. он первым из дворянских руководителей подчинился требованию принести дополнительную присягу в «абсолютной верности» и «безграничном повиновении» испанскому королю. Несмотря на это, он вместе с Горном был арестован и казнен герцогом Альбой.

Горн Филипп де Монморанси, граф (1518—1568)— один из крупных нидерландских вельмож. Адмирал Фландрии, штатгальтер провинции Гельдерна, член Государственного совета.

Бредероде Хендрик, барон (1531—1568)— представитель высшей нидерландской знати. Играл видную роль в выступлениях оппозиционного дворянства, открыто поддерживая союз «Соглашения» (см. прим. к стр. 194). В 1566 г. отказался принести присягу в «безграничном повиновении» королю и после неудачных попыток поднять против испанцев восстание в Антверпене и Амстердаме был вынужден бежать в Германию, где и умер во время подготовки к походу в Нидерланды. Его имущество было конфисковано Альбой.

Кавалеры Золотого руна— члены рыцарского ордена, основанного бургундским герцогом Филиппом Добрым в 1429 г. Число их было ограничено. Звание члена ордена считалось среди нидерландских феодалов признаком принадлежности к высшей знати. Во главе ордена стояли герцоги Бургундские, а позднее государи из дома Габсбургов. Знаком ордена было золотое изображение агнца на золотой цепи.

Стр. 122. *Королева*— Мария Венгерская, сестра Карла V, бывшая венгерская королева, наместница Нидерландов до отречения Карла (1531—1555).

Стр. 123. *Гранвелла* Антуан Перрено де (1517—1586)— один из близких советников Карла V и Филиппа II. С 1540 г. епископ Аррасский, с 1560 г. архиепископ Мехельнский, с 1561 г. кардинал (следовательно, в момент отречения Карла кардиналом еще не был). При Филиппе II стал фактическим наместником короля в Нидерландах, хотя формально был лишь членом «консульты» (совещательного органа из трех человек при наместнице

Маргарите и Государственного совета. Ловкий политик, искусный дипломат и фаворит придворный, Гранвелла был верным слугой испанского абсолютизма и католицизма. Он не скрывал своей неприязни к старым вольностям страны и к ее народу. Народ платил ему ненавистью, а нидерландская знать презирала его как чужеземца и выскочку. Общественное мнение Нидерландов возлагало на Гранвеллу ответственность за политику Филиппа II, и в 1564 г. он под благовидным предлогом был удален из страны (но как советник короля продолжал принимать участие в борьбе с революционным движением в Нидерландах).

В Германии я терпел реформацию, а в Нидерландах жестоко преследовал.—Карл V, издавший в 1521 г. Вормский эдикт, направленный против Лютера, пытался бороться с реформацией и в Германии. Но войны, отвлекавшие Карла от германских дел, и военные силы, которыми располагали протестанты в Германии, время от времени вынуждали его мириться с ними и даже пользоваться их помощью в борьбе против папы, а в 1552 г. сам Карл был разбит князьями-протестантами.

Если бы германские государи остались католиками...—Часть немецких князей примкнула к реформации, стремясь отобрать у церкви ее обширные земельные владения и усилить свою власть за счет императорской. Князья-протестанты в Германии не раз воевали с Карлом V и в 1555 г. добились признания своих завоеваний. Вскоре после этого, так называемого Аугсбургского, религиозного мира Карл V отрекся от императорского престола.

Стр. 123—124. *...я выкачал оттуда денег больше, нежели из Вест-Индии и из Перу...*—При Карле V Нидерланды приносили императорской казне вчетверо больше дохода, чем испанские колонии в Новом Свете.

Стр. 124. *...теперь они обо мне горюют.*—Действительно, Карл V, как уроженец Фландрии, был все же более популярен в стране, чем его сын. Да и положение Нидерландов в империи Карла V было более независимым, чем то, на которое они могли рассчитывать в рамках державы Филиппа II.

Кадзанский мирный договор (1489)—договор между императором Максимилианом I (дедом Карла V) и фламандцами.

...усмирил Гент...—Имеется в виду подавление гентского восстания 1539—1540 гг. (см. прим. к стр. 59).

...на папу, у которого целых три короны...—Головной убор римского папы—тиара—представляет собой высокую шапку, опоясанную тремя коронами, символизирующими права папы как судьи, законодателя и священнослужителя католического мира.

Те, что нападают на папу... мигом расправятся с государями...—Эта вложенная Костером в уста Карла V мысль перекликается с подлинными словами Филиппа II: «Перемена религии всегда сопровождается переменой государственного строя, и часто бедняки, бездельники и бродяги пользуются этим как предлогом, чтобы захватить имущество богатых.

Стр. 125. *Эйленшпигелькен*—намек на героя немецких народных рассказов (шванков) Тиля Эйленшпигеля. Рассказы эти были очень популярны в Германии. Первый их сборник вышел в 1500 г. (то есть до «рождения» героя романа Костера). Образ Эйленшпигеля привлекал многих немецких писателей начиная с XVI в.

Стр. 134. *Декреталии*—сборники папских писем и посланий. В католической церкви имеют силу закона.

Стр. 139. *Тительман*—один из наиболее жестоких и ненавистных народу инквизиторов, поставленных Гранвеллой. Он осуждал без суда и следствия даже заведомых католиков.

Стр. 144. *...погаными идолами..*—Последователи реформационных учений отвергали католический культ богоматери и святых, почитание мощей, икон, статуй и т. д.

Этот завет находится в святом Евангелии.—Противопоставление авторитета Священного писания, в особенности Евангелия, авторитету римской церкви (то есть авторитету папских декретов, посланий, традиций—всего, что объединялось под названием «священного предания») характерно для всех направлений реформации.

Стр. 162. *Я... из Эстремадуры, из монастыря святого Юста...* После отречения от испанской короны (январь 1556 г.) Карл V жил в монастыре св. Юста, продолжая вмешиваться в политическую жизнь страны.

Стр. 178. *Голиаф* — по библейскому преданию, силач-великан из войска филистимлян.

Стр. 186. *Правительница* (наместница) — Маргарита Пармская (1522—1586) — побочная дочь Карла V (см. прим. к стр. 88). Уроженка Нидерландов, воспитанная при дворе. В 1559 г. Филипп II назначил ее наместницей Нидерландов (однако до 1564 г. она была, согласно секретным предписаниям короля, фактически подчинена Гранвелле). Политика Маргариты казалась королю недостаточно жесткой, и после прибытия в Нидерланды герцога Альбы она, понимая, что теперь власть ее становится фиктивной, предпочла покинуть страну (1567).

Великий инквизитор — глава испанской инквизиции.

Генерал иезуитского ордена. — Появившись в Нидерландах с 40-х гг. XVI в. и официально обосновавшись здесь в 60-е годы, иезуиты активно включаются в борьбу против ереси.

Стр. 192. *Король Филипп... по целым дням, а иногда и ночам, марал бумагу...* — Филипп II был известен своей страстью к составлению всякого рода бумаг. «Угрюмый и молчаливый, этот канцелярист на троне,— пишет академик С. Д. Сказкин,— всю свою жизнь провел взаперти в своих покоях, в рабочей комнате за «великим» бумажным делом, которым он хотел заменить живую деятельность политика. Ему казалось, что бумаги и распоряжения достаточно, чтобы знать все, распоряжаться всем. Как паук в темном углу, он ткал незримые нити своей тонкой политики во имя католического бога и славы Испании, и эти нити рвались от первого прикосновения свежего ветра этого буйного и беспокойного времени».

Кардинал де Куза. — По-видимому, имеется в виду Николай Кузанский (1401—1464, кардинал с 1448 г.; Костером дата указана неправильно), известный ученый (он, например, до Коперника писал о вращении Земли, его заслуги в области геометрии высоко ценил Джордано Бруно), философ и богослов. Как церковный деятель, он был сторонником реформы католицизма: отрицал значение церковной иерархии и отвергал верховную власть папы над государством.

Стр. 193. *Вселенские соборы* — съезды высших церковных иерархов. В XV в. среди католиков было сильно течение, стремившееся подчинить папство авторитету собора, но в XVI в. принцип верховности папы одержал верх.

Эскориал — резиденция испанских королей, дворец-монастырь, построенный в пустынной местности в пятидесяти двух километрах от Мадрида в 1563—1584 гг. архитекторами Хуаном де Толедо и Хуаном де Эрера.

...он создал в Нидерландах новые епархии и принял решение учредить здесь испанскую инквизицию. — До Филиппа в стране было шесть больших епископств. Филипп учредил еще четырнадцать, подчинив их все трем архиепископам. Новые епископы должны были представлять духовенство в Генеральных штатах. Назначение епископов папа передоверил королю. Многие из назначенных епископов были ранее инквизиторами. Архиепископом Мехельнским (главой нидерландской церкви) был назначен ненавистный всем Гранвелла. Преобразования вызвали недовольство даже среди духовенства. В них видели еще одно покушение на традиционные вольности Нидерландов и шаг на пути к введению испанской инквизиции. Страшная испанская инквизиция, учрежденная в XV в. по соглашению между испанским королем и папой, имела автономную организацию и (в отличие от инквизиции папской) не контролировалась римской курией.

Людвиг Нассауский (1538—1574) — брат и соратник Вильгельма Оранского. Один из наиболее непримиримо настроенных дворян-протестантов В борьбе против католической монархии Филиппа II не останавливался перед проектами раздела Нидерландов между Францией и Германией.

Кюлембург (Кейлембург) Флорис ван Палландт, граф — один из знатнейших дворян, поддерживавших союз «Соглашения» (см. ниже). После подачи прошения наместнице участники «Соглашения» устроили во дворце

[illegible] банкет, на котором ими и было принято прозвище «Гезы» (то [illegible]). После волнений 1566 г. бежал из страны, примкнув к [illegible] Оранскому. Разрушение Альбой дворца Кейлембурга (в мае [illegible] г.) было первым актом политики репрессий, которыми испанский наместник хотел запугать страну.

Стр. 194. *Соглашение*. — Документ, известный под названием «Соглашения» («Компромисс», 1566 г.), был составлен группой дворян-протестантов, но так, чтобы под ним могли подписаться и недовольные королем католики. Главным требованием была отмена инквизиции. Образовавшийся на основе этой программы дворянский союз пользовался поддержкой крупных вельмож. Вильгельм Оранский, не решаясь еще открыто возглавить движение, предложил союзу подать петицию Маргарите Пармской (1566). Напряженная обстановка в стране заставила наместницу принять петицию и дать обещание добиваться от короля «смягчения» указов. «Дворянские гезы» хотели добиться частичных уступок, чтобы предотвратить «всеобщее восстание и бунт». На деле их выступление выявило слабость и нерешительность наместницы.

Берлеймон Карл, граф (1510—1578) — глава Финансового и член Государственного советов Нидерландов. Известный бездарностью и скупостью, всецело обязанный своей карьерой Карлу V и Филиппу II (который сделал его кавалером ордена Золотого руна), он был одним из самых рьяных защитников испанских интересов в Нидерландах.

Стр. 198. *...шутовской колпак — назло Красной собаке.* — Разговоры о Гранвелле в этой главе романа — анахронизм. Ненавистный нидерландцам кардинал покинул страну за два года до вручения наместнице прошения гезов. Ко времени борьбы с ним относится и то придуманное для себя оппозиционными дворянами платье, о котором идет здесь речь. Темное, из простой ткани, с вышитыми на нем красными шутовскими колпаками, оно впервые появилось на одном из маскарадов во время карнавала. В шутовских колпаках видели намек на кардинальскую шапку Гранвеллы. С весны 1565 г. появляется форма гезов, подражающая костюму нищих.

Стр. 201. *Приверженцы церкви первых веков христианства...* — Лозунг восстановления первоначальной христианской церкви был общим для всех направлений реформационного движения.

...проповедовали везде и всюду... — Речь идет о проповедях кальвинистов, чье учение (см. прим. к стр. 202) получило особое распространение в Нидерландах с 50-х годов XVI в. Страна покрылась сетью кальвинистских общин, каждая из которых избирала проповедника и консисторию (совет). Проповеди происходили тайно или открыто. Многие являлись на них вооруженными. Резкая критика существующих порядков, часто не ограничивавшаяся только религиозными вопросами, и сильная организация, способная к борьбе, привлекали к кальвинизму широкие массы недовольных. Идеи кальвинизма, преломляясь в их сознании и сливаясь с идеями национального освобождения, а иногда и с требованиями социальных преобразований, становились для них знаменем. Уже в начале 60-х годов проповеди сопровождались народными волнениями. Репрессии только усиливали сочувствие народа кальвинистам.

Стр. 202. *...Лютер... одержал победу в Саксонии, в Брауншвейге, в Люнебурге, в Мекленбурге.* — Монах перечисляет некоторые из немецких княжеств, где лютеранство стало официальной религией (князья-протестанты после долгих войн с Карлом V добились в 1555 г. признания принципа «чья власть, того и вера»).

Бренциус, или Бренц, Иоганн (1499—1570) — немецкий деятель реформации, автор ряда сочинений, защищавших лютеранское учение. Был противником смертной казни для анабаптистов и еретиков.

Сервет Мигель (1511—1553) — крупный испанский ученый, врач и мыслитель. Работал в Италии, Германии, Франции. Открыл малый круг кровообращения. Сервет интересовался и религиозными вопросами, идя в критике католицизма гораздо дальше протестантов. Поэтому и протестанты и католики дружно преследовали Сервета. Дело Сервета было начато католиче-

ской инквизицией по доносу, полученному из Женевы от кругов, близких к Кальвину, который сам переслал инквизиции письма Сервета. Когда Сервету удалось бежать из-под ареста, он, находясь проездом в Женеве, был схвачен кальвинистами и после двухмесячного процесса, на котором выступал сам Кальвин, сожжен. В приговоре он обвинялся в том, что хулил троицу и называл верующих в нее «тринитариями» (в своей речи Корнелис Адриансен, невежественный монах, все путает), отрицал божественность Христа, отвергал крещение в младенчестве и вообще «произносил ужасные кощунства».

Кальвин Жан (1509—1564)— основатель и видный деятель одного из основных направлений реформации — кальвинизма. Родился во Франции. С 1536 г. жил в Женеве, где окончательно сложилось его учение. В основе кальвинизма лежит доктрина об абсолютном божественном предопределении: каждому человеку заранее уготовано спасение души или вечная погибель. Фатализм этого учения не означал, однако, проповеди пассивности, так как показателями «благоволения бога» кальвинисты считали преуспеяние человека в земных делах, строгое поведение и бережливость. Политические взгляды самого Кальвина отнюдь не отличались демократизмом. Стоя во главе свего рода религиозной республики в Женеве, он беспощадно преследовал всякое недовольство (открыто оправдывая ростовщичество и рабство), всякое проявление свободомыслия. Но, распространяясь в других странах (Франция, Нидерланды), где господствовал католицизм, кальвинизм видоизменялся в зависимости от местных условий. В частности, в Нидерландах он стал идеологией национального освобождения, привлекавшей не только буржуазию, но часть дворянства и широкие массы.

Мюнцер Томас (ок. 1490—1525 гг.)— вождь крестьянско-плебейского лагеря во время Великой Крестьянской войны 1524—1525 гг. в Германии. Вначале был сторонником Лютера, но потом резко с ним разошелся, выдвинул собственное понимание реформации как революционного социального переворота, который должен быть произведен народом. Учение Мюнцера было, как обычно в то время, облечено в религиозную форму проповеди «царства божия на земле». Во время подготовки Крестьянской войны к Мюнцеру примкнули многие члены анабаптистских (перекрещенных) сект, называвшихся так потому, что в числе основных положений их учения было требование крещения в зрелом (а не в младенческом) возрасте. Сам Мюнцер анабаптистом не был. За революционную пропаганду на Мюнцера резко нападал Лютер, который призывал князей беспощадно убивать восставших крестьян и их руководителей. Раненный в бою с княжескими войсками, Мюнцер был схвачен и после жестоких пыток казнен.

Адамиты— древняя (II—III вв.) еретическая секта, проповедовавшая возврат к первобытной невинности, олицетворение которой видели в наготе. Подобные настроения появлялись и в другие века. Так, в 1535 г. в Амстердаме несколько мужчин и женщин нагими пробежали по улицам с криком: «Покайтесь! Месть божья!» Почти все они были казнены.

Стр. 205. *Миноритъ*, «меньшие братья»— название католического нищенствующего монашеского ордена францисканцев. Основанный в XIII в. Франциском Ассизским, этот орден вскоре получил от папы ряд привилегий и стал одним из самых богатых монашеских орденов, важнейшим орудием в руках папства.

Стр. 210. *...некий итальянец, состоявший на службе у кардинала Гранвеллы...* и т. д.— Костер изображает восстание иконоборцев (август 1566 г.) как спровоцированное агентами Гранвеллы и Филиппа. На самом деле оно началось стихийно в момент общего политического подъема, накала религиозных страстей и ослабления позиций правительства. В короткий срок оно охватило большую часть страны.

Стр. 213. *...чтобы поставить над вами Альбу...*— Пророчество Уленшпигеля несколько предвосхищает события. Иконоборческие выступления обнаружили слабость власти Маргариты Пармской, и она пыталась изолировать восставших, идя на уступки дворянству и даже кальвинистской верхушке. Маргарита обещала прекратить деятельность инквизиции, дать амнистию и временно разрешить кальвинистские богослужения в тех местах,

где они и так уже регулярно происходили. Дворяне готовы были распустить свой союз. Расколов, таким образом, ряды оппозиции и сплотив вокруг себя дворян-католиков (Мансфельд, Берлеймон, Нуаркарм, Мегем и др.), наместница смогла расправиться с восставшими, подавить попытки кальвинистов организовать сопротивление (в Антверпене, в Валансьенне) и лишь после этого начала брать назад уступки, стараясь, однако, не озлоблять высшее дворянство Нидерландов. Но, когда движение было уже подавлено, Филипп II, по совету Альбы и вопреки мнению наместницы и Гранвеллы, принял решение об отправке в Нидерланды карательной армии.

...реформаты к ним не присоединялись.—Это неверно. Не говоря о рядовых кальвинистах, составлявших основную массу иконоборцев, среди восставших были и некоторые из руководителей кальвинистских консисторий и даже из дворянских оппозиционеров. Но большинство дворян и верхушка кальвинистов действительно были напуганы. В подавлении движения иконоборцев приняли участие Эгмонт и Вильгельм Оранский, а многие видные кальвинисты призывали прекратить мятежи.

В Гааге бургомистр спросил подстрекателей, есть ли у них на то дозволение.—Городские управления не могли и не пытались препятствовать иконоборцам, а в отдельных городах даже поддерживали их.

Стр. 214. *Виглиус* (Вигль ван Айтта ван Свихем, 1507—1577)—занимал важные государственные посты в Нидерландах при Карле V и Филиппе II. Был председателем Большого совета в Мехельне (верхняя судебная инстанция страны) и Тайного совета (ведавшего судопроизводством), членом (а одно время и председателем) Государственного совета, с Гранвеллой и Берлеймоном составлял специальный совет при наместнице («консульту»). Образованный юрист, но корыстолюбивый и трусливый человек, он был верным приспешником испанцев.

...поклялся, что он предпочтет царить на кладбище, чем над еретиками.—Такое изречение действительно было в ходу при испанском дворе и повторялось как самим Филиппом II, так и Альбой.

Стр. 216. *Мегем* Карл де Бримо, граф (ум. в 1572 г.)—нидерландский вельможа. Принадлежал к католической партии, поддерживавшей испанцев (на стороне которых выступал и как военачальник).

Стр. 219. *Ламот* Валентин Пардье де—валлонский офицер, профессиональный солдат. Активно участвовал в военных действиях против кальвинистов в 1566—1567 гг. Воевал под командованием дона Фадрике (см. прим. к стр. 398). В 1574 г. был назначен испанцами комендантом Гравелина. В 1576 г. перешел на сторону Генеральных штатов (см. прим. к стр. 426), а в 1578 г. вновь завязал отношения с испанцами и в дальнейшем служил той стороне, которая лучше платила.

Стр. 221. *Филипп де Лануа*—фламандский офицер, участвовавший в 1567 г. в подавлении народных волнений.

Стр. 224. *Лоренц Костер* (настоящее имя—Лоренц Янсен, ок. 1370 г.—ок. 1440 г.)—знаменитый голландский типограф, один из первых мастеров книгопечатания в Европе.

Стр. 225. *Дендермонде*—городок между Гентом и Мехельном.

В комнате... соберутся важные господа.—Совещание, о котором здесь рассказывает Костер, состоялось 3 октября 1566 г. Вильгельм Оранский уже предвидел неизбежность открытой борьбы с королем и хотел искать помощи у немецких князей, но объединить высшую знать Нидерландов вокруг своего плана ему не удалось. Эгмонт и Горн не решились порвать с королем.

Гоохстратен Антуан де Лален, граф (ок. 1535—1568 гг.)—нидерландский вельможа, поддерживавший союз «Соглашения». В 1567 г. эмигрировал вслед за Вильгельмом Оранским (хотя незадолго до того и присягнул на верность Филиппу II).

Стр. 226. *...тому, кто командовал ими под Гравелином и под Сен-Кантеном...*—Летом 1557 г. во время войны с Францией действия фламандской конницы под командованием Эгмонта обеспечили испанцам победу при Сен-Кантене. В следующем году Эгмонт, вопреки советам Альбы, напал на

французскую армию, возвращавшуюся из Фландрии, и разбил ее при Гравелине. Эта победа доставила Эгмонту популярность в страдавшей от французских набегов Фландрии и восстановила против него Альбу.

Монтиньи Флоран де Монморанси, барон (1527—1570)—младший брат Горна, деятель дворянской оппозиции. Не скрывал своего равнодушия к религии. Два раза ездил в Испанию в качестве делегата нидерландской знати к Филиппу II: в 1561 г. с жалобами на Гранвеллу и в 1566 г. с одобрения самой Маргариты Пармской после вручения ей петиции дворян. Филипп, решивший расправиться с нидерландской оппозицией, по согласованному с Альбой плану не отпускал Монтиньи от себя, а в конце сентября 1567 г. (через двадцать дней после ареста Эгмонта и Горна) Монтиньи был арестован и в 1570 г. тайно удавлен в тюрьме. Таким образом, в описываемый момент Монтиньи еще не был схвачен, хотя судьба его, вероятно, была уже решена королем.

Алава Франсес—посол Испании в Париже.

Берген Жан де Глим, маркиз (1529—1567)—один из видных представителей оппозиционно настроенной высшей знати. Был отправлен вместе с Монтиньи в Испанию, где умер еще до ареста Монтиньи. Имения его были конфискованы Альбой.

Стр. 227. *...обратиться за содействием к... императору.*—Если при Карле V испанский трон и германский императорский престол объединились под одной короной, то после его отречения они были разделены между двумя ветвями Габсбургского дома. Императором в 1566 г. был племянник Карла V Максимилиан II.

Я повесил в Граммоне двадцать два реформата!—Речь идет о казни пленных иконоборцев из отряда, разгромленного секретарем Эгмонта.

Стр. 228. *А герцог Альба? Он уже в Брюсселе.*—Альба вступил в Брюссель со своим войском в августе 1567 г.

Стр. 229. *Оба графа уже схвачены.*—В первые дни пребывания в Брюсселе Альба ничего не предпринимал, опасаясь, что Горн, находившийся в это время в Германии, не решится вернуться в Нидерланды. Через день после возвращения Горна он и Эгмонт были неожиданно арестованы (9 сентября 1567 г.), невзирая на гарантию личной неприкосновенности, предусмотренную привилегиями ордена Золотого руна.

Герцог... предлагает принцу Оранскому... и всем друзьям принца явиться к нему...—О вызове в суд перечисленных Костером дворян-эмигрантов было объявлено в январе 1568 г.

Ван ден Берг Виллем, граф (1538—1586)—свояк Вильгельма Оранского. Поддерживал союз «Соглашения». В течение долгого времени активно участвовал в операциях против испанцев, но в 1583 г. был смещен со своего поста в провинции Гельдерн за сношения с врагом.

Стр. 231. *...претерпели мечное сечение благородный Эгмонт и благородный Горн.*—Эгмонт и Горн были казнены 5 июня 1568 г. Упоминание о посланнике Франциска I—анахронизм: Франциск I умер лет за двадцать до описываемых событий.

Молчаливый набрал войско, и оно с трех сторон хлынуло в Нидерланды.—Вильгельм Оранский к весне 1568 г. на свои средства и на пожертвования эмигрантов набрал из немецких наемников, французских гугенотов и эмигрантов-кальвинистов двадцатитысячное войско, которое вторглось в Нидерланды с нескольких сторон (во главе отдельных армий стояли Вилльо, Людвиг Нассауский и сам Вильгельм). Поход 1568 г. был неудачным.

Дикие гёзы, или Лесные гёзы—партизанские отряды из местных жителей, бежавших в леса от кровавого режима Альбы, и из тайно вернувшихся эмигрантов. Поддерживаемые населением и связанные с ним, они постоянно беспокоили испанцев своими нападениями, вылавливали и казнили доносчиков, судейских чиновников и т. д.

Стр. 232. *Смерть косит людей...*—В сентябре 1567 г. Альба учредил Совет по делам о беспорядках (более известный как «Кровавый совет»). Заправляли в нем испанцы. Один из них, Варгас (до прибытия в Нидерланды он был осужден судом за тяжкие уголовные преступления), говорил:

Еретики разоряли храмы, благонамеренные жители им не препятствовали, следовательно, всех надлежит повесить». Альба в письмах к королю хвалил Варгаса за рвение, особенно заметное на фоне «юридической щепетильности» заседавших с ним нидерландцев. Смертные приговоры подписывались каждый день десятками и сотнями. Доноса было достаточно для осуждения. Страна была наводнена сыщиками и шпионами. Конфискации имущества осужденных (по хвастливым словам самого Альбы, он одними конфискациями доставил королю ренту в пятьсот тысяч дукатов) и награды доносчиков компрометировали политику Альбы даже среди католиков.

Стр. 240. *Хуан Луис Вивес* (1492—1540)—испанский ученый, философ и педагог, ученик Эразма Роттердамского. Жил и работал в Нидерландах и в Англии. Научные взгляды Вивеса были прогрессивными, однако, выступая против средневековой схоластики, он оставался правоверным католиком. Педагогическое наследие Вивеса оказалось в руках иезуитов.

Стр. 250. *Нуаркарм* Филипп де Сен-Альдегонде (ум. в 1574 г.)—знатный нидерландский дворянин. Входил в ближайшее окружение Маргариты Пармской (католическая партия) и принимал активное участие в вооруженных действиях против кальвинистов в 1567 г. (взятие Валансьенна и др.).

Фуггеры—крупнейшая в XVI в. немецкая банкирско-ростовщическая и торгово-промышленная фирма, имевшая свои отделения в основных торговых городах Европы (в том числе и в Антверпене). Фуггеры ссужали деньгами римского папу и европейских монархов. Особенно крепки были связи Фуггеров с Габсбургами. «Ясно, как день,—писал Якоб Фуггер Карлу V,—что без моей помощи вы, ваше величество, не могли бы получить императорской римской короны». Займы испанским монархам доставили Фуггерам аренду половины земельных владений духовно-рыцарских орденов в стране, откупы рудников и государственных налогов, но впоследствии оказались причиной разорения Фуггеров (из-за неоднократных банкротств испанской казны). В XVII в. Фуггеры прекращают денежные операции и превращаются в крупных землевладельцев.

Стр. 252. *Герцог, по-прежнему не решаясь дать бой...*—Альба уклонялся от сражений, зная, что Вильгельм Оранский стеснен в средствах и не может расплатиться с наемниками, если не добьется быстрого успеха. Наемники (в основном немецкие) искали лишь жалованья и добычи, интересы страны были им чужды. Они грабили и притесняли население, поведение их было причиной многих военных неудач Вильгельма.

Стр. 254. *Герард ван Хрусбеке* (Жерар Гросбекский)—льежский епископ (1562—1580). Покровитель иезуитов и верный слуга испанцев, он сам писал, что из-за своей преданности католическому королю стяжал неприязнь своего народа. Во время кампании 1568 г. оказал помощь Альбе.

Стр. 257. *...борьба с беззаконными насильниками будет продолжаться на море.*—Речь идет о действиях Морских гёзов—большого партизанского флота, созданного нидерландскими рыбаками и матросами и быстро усиливавшегося благодаря притоку беженцев и реэмигрантов, пополнявших экипажи кораблей. К Морским гёзам бежали и дворяне-кальвинисты—профессиональные военные. Флот Гёзов, укомплектованный людьми, которым уже нечего было терять, имевший организацию и устав, овладел морем. Крейсируя у берегов, Гёзы блокировали Нидерланды. Они нападали на испанские военные и транспортные суда, тревожили врага дерзкими высадками. Базами им служили порты Германии и Англии, а также гугенотская крепость во Франции—Ларошель. Альба сперва не придавал серьезного значения флоту Гёзов—силе, сыгравшей потом главную роль в победе революции на севере. Вильгельм Оранский, напротив, внимательно приглядывался к действиям Морских гёзов. Уже с 1568 г. он через Людвига Нассауского стал выдавать им каперские свидетельства на право ведения войны с Альбой и направлял к ним своих людей. Треть захваченной Гёзами добычи передавалась Вильгельму Оранскому для набора новых солдат.

Стр. 273. *...дон Карлос по обвинению в государственной измене брошен в темницу.*—Сын короля был арестован в январе 1568 г. и вскоре умер. Обстоятельств его смерти мы не знаем. Мало что можно сказать и о причинах

ареста. Сам Филипп II объяснил его тем, что «потерял всякую надежду увидеть сына в здравом рассудке». Известно только, что болезненно неуравновешенный Карлос позволял себе высмеивать отца и что Филиппу были подозрительны религиозные убеждения сына. В 1566 г. Карлос очень хотел сопровождать Филиппа в несостоявшейся поездке в Нидерланды, а позднее от инфанта слышали, что он думает о бегстве (это, возможно, и было ближайшим поводом для лишения его свободы). Вокруг дела дона Карлоса ходило много самых неблагоприятных для Филиппа II слухов.

Изабелла (Елизавета) *Французская* (1545—1568)—мачеха (а не мать—р. кн. I, гл. 30 «Легенды») Карлоса. Дочь французского короля Генриха II, она пятнадцатилетней девушкой стала третьей женой Филиппа II (хотя перед этим была помолвлена с его сыном). Брак, заключенный для скрепления мира между двумя королевствами, был для нее несчастным. Мужа она не любила и боялась. Ходили слухи (видимо, безосновательные) о ее связи с Карлосом. Умерла она всего двадцати трех лет от роду, в один год со своим пасынком. Подозревали, что виновником ее смерти был Филипп. Одна из ее двух дочерей впоследствии была правительницей Южных Нидерландов.

Стр. 274. *Принцесса Эболи*, Анна Мендоса и ла Серда (1540—1592)—жена Руиса Гомеса де Сильва, принца Эболи, королевского советника и врага Альбы. Была любовницей королевского секретаря Переса, который впоследствии, попав в жестокую опалу и бежав из страны, писал, что причиной всех несчастий, обрушившихся на него и принцессу Эболи, была ревность Филиппа II. Сама принцесса Эболи умерла в тюрьме.

Стр. 275. *...Северную Голландию, которой правит принц...*—Вильгельм Оранский в годы наместничества Альбы по-прежнему считал себя наместником Голландии, Зеландии и Утрехта, но реальной властью там до 1572 г. не обладал. На его место Альба назначил графа Буссю.

Стр. 289. *Якоб де Костер ван Маарланд* (ок. 1235—ок. 1300 г.)—нидерландский писатель, автор исторических сочинений и дидактических поэм. Могилу ван Маарланда в Дамме считали некогда могилой Уленшпигеля, так как на надгробье находили изображение зеркала (на самом деле это пюпитр) и совы—атрибутов Уленшпигеля.

Стр. 294. *...он двинулся во Францию на помощь королю Наваррскому и гугенотам.*—Вильгельм Оранский поддерживал тесные связи с французскими кальвинистами (гугенотами), к которым бежал после неудачной кампании 1568 г. Наварра (Нижняя Наварра)—небольшое, в то время формально независимое королевство на границе Франции и Испании. *Король Наваррский*—будущий король Франции Генрих IV (1589—1610), в молодости—один из вождей гугенотов.

Диленбург—город в Германии, родовое владение Нассауского дома. В Диленбурге родился Вильгельм Оранский.

Стр. 299. *Спелле*—брабантский профос, прозванный за жестокость «Красной дубиной». За самоуправство и взяточничество был казнен.

Стр. 303. *Конде* Луи де Бурбон (1530—1569)—французский принц, один из вождей гугенотов.

Король Французский—Карл IX (1560—1574). Недолгое время (с 1570 г.) находился под влиянием вождя гугенотов Колиньи, но вскоре дал католической партии согласие на массовое избиение гугенотов (Варфоломеевская ночь, 24 августа 1572 г.). Вильгельм Оранский, сблизившийся после поражения 1568 г. с французскими гугенотами, рассчитывал, что, используя их влияние на Карла IX, можно будет добиться от него помощи против испанцев.

Королева Английская—Елизавета I (1558—1603). Опираясь на дворянство и связанную с ним буржуазию, проводила политику укрепления абсолютизма. Восстановила реформированную церковь. Боролась против Испании, основного конкурента Англии в колониальном грабеже, широко применяя такие средства, как пиратство и контрабанда. Со своей стороны, Филипп II, стремясь вернуть Англию в русло испанской политики, строил планы устранения Елизаветы посредством заговора. Елизавета I поддержива-

врагов Испании французских гугенотов (хоть и воевала с Францией) и восставших швейцарцев (надеясь прибрать к рукам их страну).

Кале — ближайший к Англии французский порт на берегу Па-де-Кале. Около двухсот лет (до 1558 г.) находился в руках англичан. Елизавета I не хотела примириться с потерей этого важного опорного пункта (война с Францией 1562—1564 гг.), но вернуть Кале ей не удалось.

Стр. 312. *Лесные братья* — то же, что Лесные гёзы.

Стр. 331. *Приказ этот получили доблестные мужи...* — Из перечисленных здесь Костером лиц наиболее известны: *Адриан ван Берген, сьер де Долен*, адмирал Морских гёзов (он был направлен к ним Вильгельмом Оранским, поручившим ему формировать флот в английских портах; в 1569 г. вышел из Англии, командуя эскадрой; погиб под Монсом в 1572 г.); *Бертель Энтенс де Ментеда* — офицер во флоте Морских гёзов, потом в армии Генеральных штатов; *Ян ван Хембейзе* (Гембизе), кальвинист из Гента, позднее (1577—1579) один из руководителей восстания в Генте. *Альберт Эгмонт.* — Ошибка Костера. Среди детей Эгмонта не было сына с таким именем, а старшему из его сыновей было в 1572 г. только 14 лет. В хронике Ван Метерена, откуда Костер заимствовал эти сведения, сказано просто «d'Egmond».

Стр. 339. *Мария Стюарт* (1542—1587) — королева Шотландии, претендовавшая на английский престол. Восстание шотландских лордов-кальвинистов (1567) лишило ее короны и в родной стране. Марии пришлось искать убежища у своей могущественной соперницы Елизаветы I, чьей узницей она оставалась до конца дней. Католики Англии и других стран не раз составляли заговоры, чтобы убить Елизавету и возвести Марию на английский трон (в разработке этих планов участвовал и Филипп II). В 1587 г. Мария Стюарт была казнена.

Он писал об этом... папе римскому... — Папа Пий V (1566—1572), мрачный фанатик, поддерживал политику Филиппа II. В 1570 г. он специальной грамотой «отрешил» английскую королеву от власти, отлучил ее от церкви и призвал ее подданных к неповиновению.

Ридольфи — итальянец, тайный агент Марии Стюарт. В 1570 г. он посетил Филиппа II, при чьей поддержке им был организован заговор, предусматривавший убийство Елизаветы I и высадку в Англии испанских войск. Провал заговора вынудил испанского посла покинуть Англию, и дипломатические отношения между двумя странами прервались на семь лет.

...как он отнимет у Марии Стюарт сына... — Строя планы возведения Марии Стюарт на английский престол, Филипп II собирался арестовать и отправить в Испанию ее сына Иакова, подозревавшегося в протестантизме. В этом Филиппа поддерживали шотландские католики и иезуиты.

Стр. 355. *...люди выгружались в Эмдене.* — Город Эмден в Германии близ нидерландской границы был центром, где собирали свои силы эмигранты. Здесь снаряжались корабли Морских гёзов.

Гильом де Блуа, по прозвищу Долговязый (Trés — Long) (Виллем ван Треслонг, 1530—1594) — один из командиров Морских гёзов, голландский дворянин, сын еретика, казненного Альбой в 1568 г. Именно Треслонг весной 1572 г., во время знаменитого рейда Морских гёзов, увенчавшегося взятием Бриля (см. прим. к стр. 360), правильно оценил благоприятную обстановку. По его настоянию было решено взять город.

Стр. 360. Барон *Люме* граф *де Марк* Гильом (1642—1678) — знатный дворянин, владевший землями близ Льежа и в Голландии. В 1566 г. примкнул к союзу «Соглашения». Осужденный на смерть Альбой, бежал к Вильгельму Оранскому. После неудачи первого похода Вильгельма — один из вождей Морских гёзов. Вильгельм Оранский назначил Люме своим помощником по управлению Голландией, но вскоре (1573) Люме был арестован (его обвинили в хищении государственных средств) и после суда смещен. Настоящей причиной смещения Люме, видимо, послужили его жестокие расправы с католическим духовенством и несогласие с провозглашавшейся Вильгельмом политикой веротерпимости. После суда Люме было разрешено (по хо-

дайгеру Вильгельма Оранского) уехать в Германию, где этот ревностный иконоборец вернулся в лоно римско-католической церкви.

...герцог Альба наложил на Нидерланды непосильно тяжкие подати.—Альба, обещавший Филиппу II, что из Нидерландов в Испанию потекут золотые реки, не смог своими конфискациями покрыть даже оккупационных расходов. Поэтому, ничего не смыслящий в экономике, он настоял на введении в Нидерландах новой системы налогов, которая была простой копией испанской (1-процентный налог со всех имуществ, 5-процентный — с продажи недвижимости, 10-процентный — движимости). Советники Альбы, пытавшиеся объяснить ему разницу между отсталой сельскохозяйственной Испанией и промышленными Нидерландами, сумели только оттянуть ввод новой системы в действие до 1571 г., после чего крах химерических расчетов Альбы стал очевиден. Доходы казны, вместо того чтобы возрасти, резко упали, так как вся хозяйственная жизнь страны замерла. Мастерские и лавки закрывались; когда, например, Альба захотел сшить новые ливреи слугам, он в Брюсселе и Антверпене не смог найти достаточно сукна.

А Гёзы взяли... Бриль...—Ранней весной 1572 г. испанцы добились дипломатического «успеха», сослужившего им самую дурную службу. Королева Англии, «чтобы избежать войны с Испанией», закрыла для Морских гёзов английские порты. Результат был неожиданным. 1 апреля 1572 г. 22 корабля Гёзов под командованием Люме и Треслонга, покинув Дувр, приблизились к портовому городку Бриль (на острове Фоорне близ устья Рейна). Появление Гёзов вызвало панику среди испанских приспешников и радость народа. Испанского гарнизона в Бриле не было, и Гёзы легко овладели городом, не оказавшим сопротивления. Оставшись во взятом городе, они превратили его в свой первый опорный пункт на территории страны. Отсюда началось восстание приморских городов.

Стр. 361. *Захвачен... Флиссинген... Камп-Веере взят...*—Флиссинген, крупный порт на острове Вальхерен, господствовавший над устьем Шельды, восстал 6 апреля. Действия Морских гёзов заставили наконец Альбу подумать об укреплении приморских городов, но было поздно. Жители Флиссенгена отказались впустить испанский гарнизон. Прибывшие сюда испанские корабли были встречены пушечными залпами. Городское управление должно было уступить напору масс. Морские гёзы прислали горожанам подмогу под командованием Треслонга. Во Флиссинген стали стекаться реэмигранты из Англии и Франции. Горожане объявили, что отложились от испанцев, и Флиссинген стал важнейшей базой Гёзов, утвердившихся теперь и на суше в Северных Нидерландах. Камп-Веере, город на том же острове Вальхерен, был взят Гёзами 3—4 мая 1572 г. Городское управление здесь отказалось впустить Гёзов, но рыбаки, пользовавшиеся полной свободой промысла в контролируемых Гёзами водах, восстали и открыли ворота отряду, пришедшему из Флиссингена. Эти и дальнейшие быстрые успехи Гёзов были полной неожиданностью не только для Альбы, но и для Вильгельма Оранского, который даже, как писал один из его современников, «жаловался, что эти небольшие успехи помешают главному мероприятию, которое он готовил» (то есть новому вторжению на территорию Нидерландов). Но в окружении Вильгельма нашлись люди, оценившие значение происходящего и поспешившие опубликовать от имени принца манифест, призывавший всех к сопротивлению испанцам.

Провались, десятина, в тартарары!—Имеется в виду не церковная десятина, а введенный Альбой налог.

...прощенье всем, кто ни в чем не повинен. Остальные будут строго наказаны.—«Амнистия», торжественно объявленная Альбой в Антверпене от имени короля (16 июля 1570 г., то есть почти за два года до первых успехов Морских гёзов), замечательна оговорками и исключениями, сводившими ее к пустой формальности. «...Из нее исключались,—пишет бельгийский историк А. Пиренн,—несколько сот эмигрантов, перечисленных поименно, затем протестантские священнослужители, проповедники—учителя ереси, те, кто призвал в их страну или оказывал им помощь», затем также иконоборцы, инициаторы «Соглашения», вожди дворянского союза, лица, собиравшие

[illegible] под обращением к Маргарите Пармской, те, кто присоединился к [illegible]никам и оказывал им денежную помощь, те, кто вообще как-нибудь [illegible]ронил верховный авторитет короля и как-то обнаружил сочувствие еретикам».

Стр. 382. *Отчего это ты, паренек, такой молодой? Ведь, говорят, много лет прошло с тех пор, как ты родился в Дамме.*—Герой «Легенды», олицетворяющий, по словам Костера, дух Фландрии, наделен вечной молодостью (в 1572 г. ему, как ровеснику Филиппа II, должно было быть 45 лет).

Стр. 383. *Гёзы... взяли Хоркум.*—Хоркум, крепость, господствовавшую над устьем рек Маас и Вааль, Гёзы захватили 26 июня 1572 г. Крепость эта, где пытались найти убежище католические духовные лица, была взята после ожесточенной битвы.

Стр. 392. *...Людвиг Нассауский, вознамерившись войти в Монс...*—Город Монс, столица провинции Геннегау (Эно), 24 мая 1572 г. был взят Людвигом Нассауским, неожиданно появившимся под стенами города с отрядом французских гугенотов (в числе которых был и граф Шомон). Но дальнейшие планы Вильгельма Оранского и гугенотов осуществить не удалось. Людвиг был осажден в Монсе герцогом Альбой. Вильгельм Оранский двинулся на выручку, но бесчинства наемников лишили его поддержки населения, а надежды на помощь из Франции погибли после Варфоломеевской ночи. Прорвать блокаду Вильгельм не смог. 21 сентября Монс пал, а принц Оранский направился в Северные провинции, где в руках восставших было уже более десяти городов.

Стр. 394. *Варфоломеевская ночь* (ночь на 24 августа 1572 г.).—Под таким названием вошло в историю массовое истребление гугенотов в Париже, задуманное и организованное Екатериной Медичи, матерью короля Карла IX. Резня была приурочена к свадьбе одного из вождей гугенотов—Генриха Наваррского, на которую съехалось множество гугенотских дворян. Кровавыми действиями католических фанатиков руководили видные придворные. Существует рассказ, будто сам король стрелял в гугенотов из окон дворца. В продолжавшейся несколько дней резне погибли тысячи гугенотов, в том числе Колиньи де Шатильон. Подобные же погромы были организованы и во многих других городах Франции.

Стр. 397. *...Миддельбургского рейда...* — Миддельбург — крупнейший порт Зеландии (на острове Вальхерен), единственный из зеландских городов, оставшийся в руках испанцев до 1574 г., когда он был взят после двухлетней осады.

Стр. 398. *...разрушать плотины...*—Разрушение плотин, позволявшее затоплять большие площади на голландском побережье, было страшным оружием в руках Гёзов.

Дон Фадрике де Толедо—сын Альбы, служил под началом отца и участвовал в кампании 1572—1573 гг.

Он ведет на тебя, вольный город Гарлем, тридцать пять отрядов испанцев...—В конце 1572 г. Альба направил войско на север. Первым городом, оказавшим серьезное сопротивление испанцам, был Гарлем (в Голландии), осада которого затянулась на целых семь месяцев. В защите города участвовали даже женщины и девушки, объединенные в особый отряд, которым командовала пятидесятилетняя горожанка Кенау (у Костера—Кенан). Потери испанских войск были очень велики, и дон Фадрике предлагал отцу отступить (на что тот отвечал: «Если вы хотите, чтобы я считал вас сыном, вам необходимо или взять город, или умереть, осаждая его»). Лишь голод вынудил гарлемцев к сдаче (12 июля 1573 г.). Видя, что жестокие расправы лишь усиливают стойкость сопротивления, Альба «помиловал» жителей, ограничившись несколькими казнями и контрибуцией в сто тысяч золотых. Однако две тысячи триста солдат, находившихся в городе (среди них были валонны, немцы, англичане), были перебиты. Описанные Костером освобождение пленных и победа над испанцами не соответствуют исторической действительности. Сам Костер не упоминает о них, когда возвращается к рассказу о Гарлеме (стр. 419). Однако после трудной и не

принесшей дальнейших успехов «победы» над Гарлемом провал политики Альбы стал очевидным.

Стр. 403. *Энкхёйзен*—порт в заливе Зёйдер-Зе. Взятый Гёзами с помощью восставших горожан еще 2 июня 1572 г., Энкхёйзен стал одной из основных их баз.

...блестящие «золотые барашки».—«Золотой барашек» (mouton d'or)—французская и фландрская золотая монета.

Стр. 408. *...священная шляпа—дар святейшего владыки...*—Римский папа Пий V прислал Альбе в награду за его борьбу с еретиками золотую лавровую ветвь и «освященные» шпагу и шляпу.

Стр. 409. *Амстердамские католики.*—Амстердам до 1578 г. оставался последним оплотом испанского владычества и католицизма в Голландии.

Стр. 413. *Буссю* (Боссю) Максимилиан, граф (1542—1579)—нидерландский вельможа, примыкавший к католической партии. Был назначен Альбой наместником Голландии, Зеландии и Утрехта (вместо эмигрировавшего Вильгельма Оранского). В 1573 г. потерпел поражение в морской битве в заливе Зёйдер-Зе и был взят в плен Гёзами.

Стр. 418. *Кровавый герцог осмелился издать в Утрехте... указ...*—Штаты (высшее представительное учреждение) провинции Утрехт открыто отказались подчиниться распоряжению о 10-процентной подати. Тогда Альба приказал разместить по деревням и городам непокорной провинции своих солдат на постой, возложив на жителей расходы по их содержанию.

Стр. 421. *В Антверпене Гёзы захватили все суда Альбы...*—Вероятно, здесь имеется в виду операция одного из адмиралов Гёзов, Луи де Буазо, который в мае 1574 г. ворвался в устье Шельды и истребил остатки морских сил испанцев.

Стр. 422. *Гёзы взяли Раммекенс, Гертрёйденберг и Алкмар...*—Первые два города из упомянутых были взяты в августе 1573 г. Алкмар был не взят, а освобожден от осады, которая продолжалась с августа по октябрь 1573 г. Альба объявил о своем намерении перебить всех жителей города, поскольку его «мягкость» в Гарлеме оказалась «бесполезной». Но прорыв плотин Гёзами и угроза затопления города заставили испанцев отойти. «От Алкмара пошла победа»,—говорили в Голландии.

Стр. 423. *Лейден свободен...*—Голландский город Лейден был осажден испанцами в октябре 1573 г. Не имея в городе никаких войск, кроме гражданской гвардии, лейденцы организовали оборону и целый год выдерживали тяжелую осаду. Освобождение Лейдена от осады было блестящей операцией Морских гёзов. В конце сентября 1574 г. осенние ветры погнали воды рек Мааса и Исселя через открытые Гёзами шлюзы и пробитые плотины. Потрясенные испанцы увидели, как земля вокруг них превращается в море и появляющиеся на вчерашней суше корабли Гёзов угрожают отрезать им путь к отступлению. В первых числах октября осада была снята.

Стр. 426. *Медина-Сели,* герцог—преемник Альбы, прибывший в Нидерланды, но так и не сменивший Альбу на его посту; еще до отъезда Альбы он был отозван в Испанию (в июле 1573 г.).

Рекесенс Луис (1528—1576)—испанский наместник в Нидерландах (1573—1576). Принадлежавший, как и Альба, к старинному кастильскому роду, он тоже окружал себя испанцами и презирал нидерландцев. В отличие от своего предшественника стремился любыми средствами прекратить войну, но политика Филиппа II обрекала все его попытки на неуспех. Рекесенс объявил амнистию (опять очень ограниченную), отменил 10-процентную подать (которая фактически уже не собиралась) и начал переговоры о мире со сторонниками Вильгельма Оранского. Однако инструкции неуступчивого, как всегда, Филиппа II не дали ему договориться с нидерландцами. Между тем солдатские бунты в испанских войсках и рост престижа восставших делали положение Рекесенса все более трудным.

После них именем короля правили Генеральные штаты.—После внезапной смерти Рекесенса единственным органом власти, верным королю, оставался Государственный совет, но он не пользовался никаким авторитетом. Испанские солдаты мародерствовали, не разбирая, где враг, где

[illegible] Неудивительно, что оппозиционные настроения вновь охватили все [illegible] включая и дворянство и часть духовенства. Положение как [illegible] более благоприятствовало агитации сторонников Вильгельма Оранского. 4 сентября 1576 г. в Брюсселе они произвели переворот. Государственный совет был арестован. По почину дворянства, пытавшегося удержать инициативу в своих руках, были созваны Генеральные штаты, которым надлежало решить основные политические вопросы. Штаты, созванные вопреки запрещению Филиппа II, в своей деятельности прикрывались его именем. С осени 1577 г. они находились под сильным влиянием сторонников Вильгельма и вели войну с испанцами.

...Зеландии и Голландии... — Северные провинции Нидерландов, освобожденные восстанием 1572 г., к этому времени представляли собой уже самостоятельную силу, складывавшуюся в новое государство со своими экономическими и политическими интересами.

Гентское замирение (умиротворение) — документ, принятый Генеральными штатами в ноябре 1576 г. Этим актом было отменено кровавое законодательство Альбы и указы против еретиков. Бесчинствовавшие в стране испанские войска (незадолго до этого они разгромили Антверпен, см. прим. к стр. 446) объявлялись вне закона. Голландия и Зеландия получали право на самоуправление, но провозглашалась необходимость сохранения единства страны. Основные вопросы оставались, однако, нерешенными: кальвинизм запрещался на юге, а католичество на севере. Не был решен и вопрос об отношении к Испании. Дворянство и духовенство юга рассчитывали на примирение с королем, и сам документ был принят именем Филиппа II.

...противники замирения валлоны... — В валлонских провинциях, граничивших с Францией,— Геннегау (Эно) и Артуа — большую силу сохраняли католическая церковь (владевшая здесь крупными землями) и католическое дворянство. Поэтому первые открытые выступления феодальной реакции начались здесь. Ей удалось использовать в своих интересах и движение отсталого крестьянства, разоренного войной и страдавшего от насилий иноземных солдат, но ничего не получившего от побед буржуазии. Из этих-то крестьян и создавались дружины так называемых *патерностеркнехтов*.

Дон Хуан Австрийский (1547—1578)— побочный сын Карла V. Испанский наместник в Нидерландах (1576—1578), назначенный Филиппом II на эту должность в надежде на прекращение войны (для чего этот честолюбец был наименее подходящим человеком), он сначала вступил в переговоры с католической частью Генеральных штатов и пытался добиться «мирного завоевания» Нидерландов даже ценой частичного признания Гентского замирения. Убедившись в неосуществимости этого, он возобновил войну.

Герцог Анжуйский, Франциск Валуа (1556—1584)— брат французского короля Генриха III. Был призван в Нидерланды дворянской партией. Лавируя между всеми партиями и не сохраняя верности ни одной, он разбойничал в Нидерландах с французскими войсками, жестоко грабившими население. В 1580 г. добился того, что Генеральные штаты признали его государем Нидерландов, но через три года поднял мятеж. Не справившись с оказанным ему сопротивлением, покинул Нидерланды и вскоре умер. Действия этого честолюбивого, вероломного и развратного авантюриста нанесли большой урон всему делу восставших на юге и заметно подорвали авторитет Вильгельма Оранского.

Жители Гента и Брюсселя вооружаются.— После возобновления войны Хуаном Австрийским в городах страны начались восстания против сторонников соглашения с испанцами. Брюссель восстал в августе 1577 г., Гент в октябре. В восставших городах создавались демократические органы власти — «Комитеты восемнадцати», которые брали в свои руки дело обороны городов.

«Недовольные».— Так называли себя дворяне-католики — перебежчики из армии Генеральных штатов. Мятеж «недовольных» был начат валлонскими офицерами.

Стр. 427. *Памятник герцогу...*— В 1568 г. Альба, уверовав в свою победу, соорудил себе целых два памятника: один в Брюсселе на месте разрушенного

ван дорна Кейлембурга, другой — в Антверпене Аренсон Филипп де Круа, герцог (1526—1595) — член Государственного совета, долго сохранивший верность испанцам. В конце 70-х — начале 80-х гг. сотрудничал с Генеральными штатами и пытался вести самостоятельную политику.

Стр. 428. *Мансфельд* Петер Эрнст, граф (1517—1604) — Член Государственного совета, деятель католической партии.

Рассенхин Максимилиан, барон — сторонник испанцев. Принимал участие в заседаниях Государственного совета.

Жорж де Ламен, граф Ренненберг (ум. в 1581 г.) — брат Гоохстратена (см. прим. к стр. 225). Наместник Генеральных штатов во Фрисландии, Гронингене, Дренте и Оверэйсселе. В 1580 г. предал дело восставших.

Хауреги Хуан — покушался в марте 1582 г. на жизнь Вильгельма Оранского и ранил его.

Стр. 429. *Пою о предателях песню.* — Военное наступление испанцев в 80-х гг. сопровождалось изменами дворян, занимавших командные должности в армии Генеральных штатов и высокие административные посты.

Испанец ворвался в Антверпен... — Антверпен сдался Алессандро Пармскому в августе 1585 г.

Стр. 430. *Они объявляют мятежниками Испанцев.* — Война Генеральных штатов против испанских войск в Нидерландах в течение долгого времени официально считалась войной с взбунтовавшимися солдатами, так как Штаты не решались открыто выступить против короля.

...Фарнезе, любимчика папского... — Речь идет об Алессандро Фарнезе, герцоге Пармском (1545—1592), сыне Маргариты Пармской, испанском правителе Нидерландов в 1578—1592 гг. Алессандро был талантливым полководцем и политиком. Пользуясь дипломатией столько же, сколько и военными мерами, стараясь не раздражать нидерландцев излишней жестокостью, он сумел восстановить власть испанцев на юге, но в борьбе против северных провинций ему не удалось добиться никаких успехов. Самостоятельная политика Алессандро путала Филиппа II, который, однако, первое время терпел его, но после неудач на севере решил сместить. Алессандро умер, не зная об опале. Преемником его был назначен один из родственников Альбы, вернувшийся к прежним методам управления.

Чествуя принца Оранского, // Когда он приехал в Брюссель. — Имеется в виду торжественный въезд Вильгельма Оранского в Брюссель в сентябре 1577 г. по приглашению Генеральных штатов. Среди знати, встречавшей Вильгельма, было много будущих перебежчиков.

Стр. 436. *Захватить он желает обманом...* — 17 января 1583 г. войска герцога Анжуйского, порвавшего с Генеральными штатами, ворвались в Антверпен с криком: «Город взят!» — но были выброшены поднявшимися на защиту города жителями.

Стр. 446. *В Антверпене Филипп перебил жителей...* — 4 ноября 1576 г. испанские солдаты, запертые в антверпенской цитадели, захватили и разграбили город. Было убито и замучено около восьми тысяч горожан, сожжено около тысячи домов, а награбленное добро еще три недели грузили на повозки. Хотя разгром Антверпена был делом разложившейся и взбунтовавшейся солдатни, Филипп II, узнав о нем, очень обрадовался и одобрил «подвиг», который не принес Испании никакой пользы и только содействовал объединению антииспанских сил.

Рода Херонимо — один из подвизавшихся в Нидерландах испанцев. При Альбе — член «Кровавого совета». После смерти Рекесена остался единственным представителем Испании среди членов Государственного совета. Даже коллеги по совету считали его врагом и шпионом. Он пользовался полным доверием Филиппа и после ареста членов совета (в 1576 г.) объявил себя правителем Нидерландов. Рода одобрял разгром Антверпена и в письмах Филиппу представлял его блестящей победой.

Стр. 447. *Он объявил вне закона принца Оранского...* — Вильгельм Оранский был объявлен вне закона специальным манифестом Филиппа II (1580). За его выдачу или убийство назначалась награда в двадцать

пять тысяч золотых. Филипп II несколько раз подсылал убийц к Вильгельму.

И печати королевские были сломаны.—О низложении Филиппа II было торжественно объявлено 21 июня 1581 г.

...в Делфте четвертый наемный убийца всадил три пули в грудь принцу Оранскому.—10 июля 1584 г. вернувшийся в предыдущем году в Голландию Вильгельм Оранский был убит католическим фанатиком Бальтазаром Жераром.

Стр. 448. *А Бельгия... стонала под ярмом.*—Испанское владычество над Бельгией продолжалось до 1713 г.

Морид Оранский (Нассауский; 1567—1625)—преемник отца (штатгальтер Голландии и Зеландии с 1585 г., поздней—также Утрехта, Оверэйсселя и Гельдерна), талантливый полководец, успешно воевавший с испанцами.

Польдерсы—отгороженные плотинами от моря поля на голландском побережье.

Стр. 452. *Нерон*—римский император (54—68 гг.); его имя стало нарицательным для обозначения жестокого тирана. *Мессалина* (ум. в 48 г.). — известная крайней жестокостью жена римского императора Клавдия.

Стр. 453. *Так бы и было, // Когда бы не Шельда...*—Владевшие морем голландцы закрыли устье реки Шельды для торговых судов и тем задушили своих конкурентов—купцов Антверпена, лишив на время этот бельгийский город былого значения. Поэтому Шельда для Костера — символ разъединения Голландии и Бельгии.

В. Смирин

С.Т. АКСАКОВ

Семейная хроника
Детские годы Багрова-внука

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1983

ОБ АКСАКОВЕ И ЕГО ТРИЛОГИИ*

I

Писатель Лев Пасынков рассказал в своих воспоминаниях интересный эпизод. Это было в 1917 году. Вместе с Горьким он гулял по Петрограду. Проходили мимо магазинов случайных вещей, Горький предложил зайти. Там продавались лаковые туфли, бельгийские кружева, лампа на ониксовых столбиках, витражи для окон, ковры, картины. И вдруг внимание Горького привлек портрет Сергея Тимофеевича Аксакова работы Крамского, висевший на фоне роскошного гобелена. С удивлением посмотрел Горький на известный портрет Аксакова, невесть каким образом попавший сюда, и, обращаясь к нему, укоризненно сказал:

— И вы, старики, сюда же!

Алексей Максимович слегка постучал палкой о пол, покашлял и обратился к чопорной, аристократической внешности продавщице:

— Голубушка, в этой случайной обстановке не место сему не случайному для нас полотну.— И указал палкой:— Аксаков! Крамской! Вы бы перевесили их хотя бы в тот угол, простите любителю.

— В темный угол?— изумилась продавщица.

— Ничего,— возразил Горький.— Они и из угла будут светиться.

«Они и из угла будут светиться». В этой фразе выражена мера глубочайшего уважения к Аксакову, какое испытывал Горький на протяжении всей своей жизни.

Портрет Аксакова был написан Крамским с фотографии 1856 года, когда писателю давно перевалило за шестой десяток. В этом последнем десятилетии жизни Аксакова были написаны главные его произведения — «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», «Воспоминания», а также большая часть «охотничьих» сочинений.

В начале того же 1856 года, сразу же после выхода в свет «Семейной хроники», М. М. Карниолин-Пинский, один из друзей молодости Аксакова, обратился к нему с вопросом: «Отчего, скажи, все прекрасное, тобою созданное в настоящую эпоху твоей жизни, таилось в глубине души твоей в эпоху твоего мужественного возраста? Отчего все это не явилось ранее во славу нашей словесности и в сладкое восхищение всех, ее любящих и могущих ценить ее сокровища?»[1].

Вопрос этот задавали себе критики, а также многие читатели Аксакова. «Семейная хроника» явилась очевидным доказательством того, каким громадным художественным дарованием обладал ее автор. Но почему же оно так поздно проявилось?

---

* Текст вступительной статьи печатается с сокращениями.

[1] Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 10, оп. 3, д. № 79, л. 61, об.

Аксаков родился в 1791 году. Его юность протекала в первом десятилетии XIX века, когда в русской литературе были еще сильны традиции классицизма. В атмосфере яростных споров между сторонниками старины, так называемыми шишковистами, и карамзинистами — сторонниками более прогрессивных направлений в области языка и литературы — формировались художественные интересы Аксакова. В 20-е годы он выступал преимущественно в качестве театрального критика. В его коротких статьях и рецензиях пробивалась острая мысль, знаменовавшая начало того пути, который много лет спустя приведет писателя к вершинам реалистического творчества.

В конце 20-х — начале 30-х годов Аксаков служит в цензурном ведомстве, затем на протяжении ряда лет занимается административной деятельностью в одном из учебных заведений Москвы. Казалось, ничто не предвещало близкого расцвета в Аксакове художественного таланта. Правда, в 1834 году произошел как бы неожиданный эпизод в его жизни. На страницах альманаха «Денница» появился небольшой очерк Аксакова «Буран», сразу же обративший на себя внимание. Картина разбушевавшейся природы выписана в очерке с такой силой поэтической выразительности, как это умел делать в русской литературе один Пушкин.

Казалось, успех этого маленького шедевра должен был всколыхнуть Аксакова и пробудить его к художественной деятельности. Но этого не случилось. Лишь с середины 40-х годов Аксаков приобщается к литературному творчеству, и теперь уже оно становится главным делом его жизни.

«Записки об уженье»[1], а затем «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» — первые две книги Аксакова, в которых заявлено было о появлении в русской литературе нового крупного писателя. Поэтическое описание родной природы сочеталось с удивительным умением воссоздавать живые «портреты» рыб, птиц, зверей, изображать их повадки, нравы. Прочитав один из охотничьих очерков Аксакова, Тургенев воскликнул: «Если б тетерев мог рассказать о себе, он бы, я в том уверен, ни слова не прибавил к тому, что о нем поведал нам г. Аксаков». Охотничьи книги Аксакова явились важным этапом в становлении его искусства.

Но почему же все-таки так поздно раскрылось художественное дарование Аксакова? Почему он, родившись на восемь лет раньше Пушкина и за восемнадцать лет до Гоголя, вошел в историю нашей отечественной литературы как писатель послегоголевской эпохи, как продолжатель традиций Пушкина и Гоголя?

Нелегко и небезболезненно вступал Аксаков в «новую эпоху» своего духовного развития в конце 40-х годов. Переход к художественному творчеству представил для него известные трудности. Дело не только в том, что в нем как бы внезапно родился художник. Более важно другое: эстетически творчество Аксакова оказалось выражением совершенно иной исторической и литературной эпохи сравнительно с той, в которой он был воспитан.

Рубежом между этими двумя эпохами явился Гоголь. Его произведения, опиравшиеся на великий художественный опыт Пушкина, оказали столь сильное влияние на последующее развитие русской литературы, столь резко изменили представление о сущности и

[1] Со второго издания книга стала называться «Записки об уженье рыбы».

назначении искусства
послегоголевским
Подозревая в
Аксаков долго «скр
ствие своего талан
вращался, и господ
масштаб аксаковско
произвести перево
чтобы оно пробуди
толчком явился мощ
И характерно, что
нашел себя как писа
а лишь тогда, когд
всеобщим достояни
В становлении
Гоголя. По свидете
для Аксакова «новы
для будущей деяте
Гоголь часто говори
С еще большей нас
мысль после появле
ки». В августе 1847
начать диктовать «в
всеми людьми, с
описаниями характе
доставить «много по
лучшее познание ру
ный подвиг в нынеш
Работе над «во
образом и посвящен
ный замысел осущест
ке», «Детских годах
тельность, в какой
изображаемых событ
хроника» и «Воспом
ские годы Багрова-
связаны общностью
ственном отношении
«Семейная хроника»
раскрывается истор
Аксакова. Когда пи
люди — прототипы ге
не хотелось изображ
блять этих людей.
художественного обр
тельные имена нек
названия вымышлен
Гете однажды зам
ки одной большой
основанием повторит
ский писатель в истор
произведения, которо
вымысле. В этом — св
его «авторская тайна
«Заменить... действите
несколько раз писать

назначении искусства, что различия между догоголевским периодом и послегоголевским были поистине колоссальны.

Подозревая в себе способность к художественному творчеству, Аксаков долго «скрывал» ее. Он интуитивно чувствовал несоответствие своего таланта эстетическим вкусам той среды, в которой он вращался, и господствовавшей в те времена литературной рутине. Но масштаб аксаковского дарования был все-таки недостаточен, чтобы произвести переворот в литературе. Более того, этому дарованию, чтобы оно пробудилось, необходим был сильный толчок извне. Таким толчком явился мощный расцвет русской литературы в 30—40-е годы. И характерно, что Аксаков создал свои основные произведения и нашел себя как писателя даже не сразу вслед за Пушкиным и Гоголем, а лишь тогда, когда результаты их художественных усилий стали всеобщим достоянием русской литературы.

В становлении Аксакова-художника особенно велика была роль Гоголя. По свидетельству И. Панаева, произведения Гоголя явились для Аксакова «новым словом» и «пробудили в нем новые, свежие силы для будущей деятельности». Слушая изустные рассказы Аксакова, Гоголь часто говорил ему о том, как хорошо было бы все это записать. С еще большей настойчивостью Гоголь стал внушать Аксакову эту мысль после появления в печати первого отрывка «Семейной хроники». В августе 1847 года он писал Аксакову, что ему наконец следует начать диктовать «воспоминания прежней жизни» своей и «встречи со всеми людьми, с которыми случилось... встретиться, с верными описаниями характеров их». Этим можно было бы, добавляет Гоголь, доставить «много полезных в жизни уроков, а всем соотечественникам лучшее познание русского человека. Это не безделица и немаловажный подвиг в нынешнее время...»

Работе над «воспоминаниями прежней жизни» были главным образом и посвящены последние десять лет жизни Аксакова. Обширный замысел осуществился в трех произведениях: «Семейной хронике», «Детских годах Багрова-внука» и «Воспоминаниях». Последовательность, в какой выходили эти книги, не отражала хронологии изображаемых событий. В 1856 году были опубликованы «Семейная хроника» и «Воспоминания» в одной книге, а два года спустя — «Детские годы Багрова-внука». Произведения, составившие трилогию, связаны общностью замысла, единством содержания, хотя в художественном отношении далеко не равноценны. Наиболее значительны «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». В этих книгах раскрывается история трех поколений семьи Багрова — то есть Аксакова. Когда писалась «Семейная хроника», были еще живы люди — прототипы героев книги, и автору, по словам его сына Ивана, не хотелось изображением теневых обстоятельств их жизни оскорблять этих людей. Не желая давать повода для отождествления художественного образа с его прототипом, Аксаков заменил действительные имена некоторых персонажей, а также географические названия вымышленными.

Гете однажды заметил, что все его произведения — «лишь отрывки одной большой исповеди». Эти слова мог бы с еще большим основанием повторить Аксаков — едва ли не самый автобиографический писатель в истории мировой литературы. У него нет ни одного произведения, которое было бы основано, так сказать, на «чистом» вымысле. В этом — своеобразие его таланта, или, как он сам говорил, его «авторская тайна». В 1857 году Аксаков писал Ф. В. Чижову: «Заменить... действительность вымыслом я не в состоянии. Я пробовал несколько раз писать вымышленных людей. Выходила совершенная

дрень, и мне самому становилось смешно»[1]. Он скромно называл себя лишь «передатчиком» и «рассказчиком», которому не хватает дара «изображения».

Все творчество Аксакова имело под собой автобиографическую или документально-мемуарную основу. Его проза основана на абсолютно достоверном фактическом материале. В своих двух центральных произведениях — «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова-внука» — писатель рассказывает историю жизни своего деда, родителей и своей собственной жизни. Достаточно явно ощутим мемуарный элемент и в раннем очерке «Буран», и в написанном перед самой смертью писателя этюде «Очерк зимнего дня», и даже в таких книгах, как «Записки об уженье рыбы», «Записки ружейного охотника», и в охотничьих рассказах.

Разноликость этих произведений дает возможность представить многообразие тех форм, в каких мемуарный элемент проявлялся в аксаковском творчестве.

«Семейная хроника» в этом отношении — пример особенно интересный и примечательный.

2

«Семейная хроника» написана на материале изустных рассказов матери и отца, семейных преданий. Но Аксаков отнюдь не ограничивал себя рамками воспоминаний. Историк-мемуарист сочетался в нем с художником. Он придавал воссоздаваемым картинам хроники и ее героям ту глубину обобщения и типизации, которые присущи истинным произведениям искусства. Некоторые аксаковские персонажи стали в один ряд с самыми выдающимися героями русской художественной литературы.

В «Семейной хронике» вырисовывается широкая панорама помещичьего быта. Повествование начинается драматическим рассказом о переселении семейства Багрова из Симбирской губернии в новое, Уфимское поместье. Контраст между настроением радости, царящим в душе барина, и безысходным горем, которым поражены крестьяне, вынужденные за бесценок распродать скот, хлеб, избы, домашнюю рухлядь и на телегах тащиться бог весть куда, — этот исполненный трагизма контраст сразу же вводит читателя в атмосферу крепостнического быта. Аксаков при этом нисколько не стремится его разоблачать. Порой, кажется, с абсолютным бесстрастием воссоздает он потрясающие в своей жестокости картины помещичьего произвола. Припадки гнева Степана Михайловича, во время которых нет никому пощады — ни дворовым, ни даже членам семьи, буйные подвиги Куролесова, расправы с дворовыми девушками, которые учиняет Арина Васильевна, сама не раз мужем избиваемая, — все это лишь отдельные элементы той большой и страшной картины «темного царства», которую рисует Аксаков.

С симпатией и уважением изображает писатель людей из народа — забитых, затравленных, но сохранивших свежесть и непосредственность своего чувства. Правда, этих людей писатель рисует односторонне. Они у него всегда кротки и терпеливы, они мученически несут свой крест и никогда не поднимают голоса протеста против трагических условий своего существования. Аксаков рисует народный быт как нечто неподвижное, «устойчивое».

---

[1] Рукописный отдел Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, ф. Чижова, 15/16.

Мастерство Ак
века, в умении пр
раскрывать ее с так
ной правды, какая
художникам.

Наиболее круп
Степана Михайлови
ской разработки ха
он по праву должс
русской литературы

Эпической сило
его характера пре
«светлых» и «темн
однолинейно, а во
чий. Старик Багров
«здравого ума и свет
расположении духа
нелюдимый, он ум
прижимал копейку,
нем щедрость и шир
этого человека. По
других своих персон
писал Чернышевски
человека.

Багров не прос
предприимчивый, х
не находит себе пра
чертах Багров — кре
ных общественных
«Механику» багровс
бов в статье «Дерев
вол, господствовавш
и особенно дворовы
симо от того, вспы
общим, неизбежным
цев». Поведение Баг
щика-крепостника, в
воли».

Семья старого Ба
ний типична для эп
деспотизм, отсутству
ние. Когда Багрову р
опекаемой им Пара
дочери долго хворали
она с пластырем на го
даже тридцать лет сп
Степана Михайлович
страха». Живые сем
искажены в атмосфер
свою индивидуальнос

В доме Багрова
которую вовлечены п
использовать в собств
Багрова. И он гроз
становится жертвой о
Такова своеобразная
ром косвенно отража

Мастерство Аксакова ярко обнаруживается в изображении человека, в умении проникать в самые сокровенные глубины души и раскрывать ее с такой убедительной наглядностью, глубиной жизненной правды, какая была свойственна только самым выдающимся художникам.

Наиболее крупной удачей Аксакова, несомненно, является образ Степана Михайловича Багрова. По глубине и точности психологической разработки характера, по богатству общественного содержания он по праву должен быть назван одним из классических образов русской литературы.

Эпической силой веет от этого человека. Крупные, резкие черты его характера предстают перед нами в причудливом сплетении «светлых» и «темных» сторон. Аксаков раскрывает этот образ не однолинейно, а во всей совокупности свойственных ему противоречий. Старик Багров груб и невежествен, но вместе с тем не лишен «здравого ума и светлого взгляда»; дикий зверь в ярости, в спокойном расположении духа он и добр, и мягок, и душевен; угрюмый и нелюдимый, он умел добродушно пошутить и побалагурить; он прижимал копейку, но был способен и на поступки, изобличавшие в нем щедрость и широту натуры. Вот каков психологический диапазон этого человека. Подобным образом Аксаков рисует и большинство других своих персонажей. Добро и зло так переплетены в его героях, писал Чернышевский, что в них видишь живого, а не сочиненного человека.

Багров не просто помещик, он феодал, колонизатор, смелый, предприимчивый, хищный. Внутренняя энергия, клокочущая в нем, не находит себе правильного применения: при всех своих «светлых» чертах Багров — крепостник, считающий нормой тот мир изуродованных общественных и человеческих отношений, в котором он живет. «Механику» багровского деспотизма превосходно раскрыл Добролюбов в статье «Деревенская жизнь помещика в старые годы». «Произвол, господствовавший встарь в отношениях помещиков к крестьянам и особенно дворовым,— писал он,— существовал совершенно независимо от того, вспыльчив был барин или нет. Произвол этот был общим, неизбежным следствием тогдашнего положения землевладельцев». Поведение Багрова всецело обусловливалось положением помещика-крепостника, владельца живых душ, «безгласных против его воли».

Семья старого Багрова по характеру сложившихся в ней отношений типична для эпохи крепостничества. И в ней царит насилие, деспотизм, отсутствуют духовные связи, настоящая любовь и уважение. Когда Багрову раскрылись истинные обстоятельства замужества опекаемой им Парашеньки, он учинил в доме такое, что «старшие дочери долго хворали, а у бабушки не стало косы и... целый год ходила она с пластырем на голове». Гроза разразилась столь ужасной силы, что даже тридцать лет спустя, пишет Аксаков, «тетки мои (то есть дочери Степана Михайловича.—*С. М.*) вспоминали об этом времени дрожа от страха». Живые семейные связи и живые человеческие чувства искажены в атмосфере принуждения и страха. Человек утрачивает свою индивидуальность, личность деформируется.

В доме Багрова идет напряженная междоусобная борьба, в которую вовлечены почти все члены семьи. Каждый из них пытается использовать в собственных интересах и во вред другому деспотизм Багрова. И он грозный повелитель, иногда сам того не ведая, становится жертвой обмана со стороны подвластных ему домочадцев. Такова своеобразная «диалектика» семейно-бытового уклада, в котором косвенно отражалась вся система крепостничества.

Картина помещичьего произвола и деспотизма приобретает у Аксакова особенно острый социальный и психологический накал в главе, посвященной Куролесову.

Историю кровавых похождений Михайлы Максимовича Аксаков рассказывает как абсолютно достоверную мемуарную летопись. Его повествование напоминает показание свидетеля. Он вспоминает даже не все факты, а лишь наиболее «благопристойные»: «Я рассказал десятую долю того что я знаю...» Однако моральная позиция писателя в отношении деяний Куролесова выражена в хронике достаточно ясно. Он стремился осмыслить Куролесова как явление общественной жизни. В его изображении Куролесов — личность, конечно, патологическая, резко отклонившаяся от морально-бытовых норм. Но для того, чтобы подобное отклонение могло иметь место, этому должны были благоприятствовать определенные общественные условия — крепостничество. Безнаказанность Куролесова, с одной стороны, страх и покорность окружавших его людей — с другой — вот что в феодально-крепостническом обществе служило питательной почвой для подобного произвола.

Глава о Куролесове могла появиться лишь на основе того огромного опыта, который получила наша литература в творчестве Гоголя, Герцена, Тургенева. Своим гуманистическим пафосом, правдивым изображением уродливых сторон помещичьего строя «Семейная хроника» включалась в антикрепостническое русло большой русской литературы XIX века. Удивительно при этом, что иные недальновидные критики корили писателя за идеализацию крепостнических отношений. Над подобными критиками смеялся еще Щедрин. Он писал, что, «несмотря на слегка идиллический оттенок», который разлит в произведении Аксакова, однако же «только близорукие могут увидеть в нем апологию прошлого».

Автор «Семейной хроники», конечно, не имел в виду призывать к «сопротивлению» Куролесовым. Но такова природа реалистического искусства. Внутренняя логика художественного изображения действительности — если оно правдиво и глубоко — раздвигает границы, поставленные в искусстве субъективной позицией писателя.

Социальное мышление Аксакова было эмпирично. Он, конечно, видел многие отрицательные явления крепостнической действительности. Не только видел, но и осуждал их. Однако глубоко проникнуть в социально-историческую природу этих явлений он не сумел. Поведение Куролесова вызывало в писателе искреннее возмущение. Но, возмущаясь, он не доискивался до корней куролесовщины, не сознавал, что она является неотвратимым результатом всей социальной системы. Впрочем, эту «систему» в целом Аксаков тоже далеко не во всем считал беспорочной. И, однако же, связь между отдельными фактами и общим порядком вещей от него часто ускользала. Вот почему в художественном исследовании глубинных пластов жизни Аксаков уступал великим своим современникам,— например, Тургеневу и Толстому.

Мировоззрение Аксакова было сложным и очень противоречивым. В нем уживалась приверженность к старой патриархальной России, с гуманистической ее критикой, неприятием всего жестокого бесчеловечного, что она порождала, с широтой взглядов, приобретенной самостоятельными раздумьями о явлениях современности, унаследованной от русской культуры, с ее демократическими тенденциями и завоеваниями. Будучи сам помещиком, «душевладельцем», Аксаков вместе с тем хорошо видел ужасы крепостнических порядков, их ненормальность и жестокость. Он чувствовал историческую неизбеж-

ность социальных
отчетливо не созна
изображение действи
негодования, которы
XIX века, умевшим
народа, обнажать «р
считал наиболее важ
Аксакова при всех
обладал такой изобра
проникновения в тол
ные писателем, сами
критических обобще

«Семейная хрон
ли большие политиче
Крымской войне и
противоречий. Пере
за уничтожение кре
русской действитель
ла, нарисованная А
доказательством поро

Аксаков работа
течение пятнадцати
ния была сопряже
Особенно ожесточе
Куролесове.

Уже после смер
некоторого ослабле
ность выпустить сво
изданиях «Семейной
отсутствовала превос
его крепостными.

Степан Михайл
сов — каждый из них
варварства», старое
столь незыблем, каки
среди молодого пок
формах личных взаи
тема преимуществе
вых — Алексея Степ
будущих родителей

Очень пластично
недалекого «деревенс
Работая далее ловки
провинциального са
образованной, «чуть
интересы». Что могло
духовному складу ак
тельная партия. А
предпочла смирного,
знакомым и ее собств
балким.

Как же это могл
Софья Николаевн
Багрова. Громадных
женитьбу. Степан Ми
нетрадиционном, осн

ность социальных преобразований в стране, но каких именно, отчетливо не сознавал. Аксакову был чужд пафос обличения. Его изображение действительности лишено той страстности и той энергии негодования, которые были присущи наиболее передовым писателям XIX века, умевшим исследовать жизнь с точки зрения интересов народа, обнажать «ревущие противоречия» жизни, то, что Белинский считал наиболее важным завоеванием гоголевской школы. Но реализм Аксакова при всех свойственных ему элементах «созерцательности» обладал такой изобразительной силой и способностью столь глубокого проникновения в толщу жизненных явлений, что картины, нарисованные писателем, сами по себе давали читателю громадный материал для критических обобщений.

«Семейная хроника» писалась в то время, когда в стране назревали большие политические события, связанные с поражением царизма в Крымской войне и всеобщим обострением внутренних социальных противоречий. Передовые силы общества вели напряженную борьбу за уничтожение крепостничества и революционное преобразование русской действительности. Страшная картина помещичьего произвола, нарисованная Аксаковым, служила еще одним неопровержимым доказательством порочности, антигуманности господствующего строя.

Аксаков работал над «Хроникой» с большими перерывами в течение пятнадцати лет. Публикация отдельных отрывков произведения была сопряжена с серьезными цензурными затруднениями. Особенно ожесточенное сопротивление цензуры вызвала глава о Куролесове.

Уже после смерти Николая I и наступившего вслед за тем некоторого ослабления цензурного гнета Аксаков получил возможность выпустить свое произведение отдельной книгой. Но в обоих изданиях «Семейной хроники», вышедших при жизни писателя, отсутствовала превосходно написанная сцена отравления Куролесова его крепостными.

Степан Михайлович Багров, Прасковья Ивановна и Куролесов — каждый из них по-своему представляет мир «патриархального варварства», старое крепостническое общество. Но этот мир уж не столь незыблем, каким он был прежде. Находят управу на Куролесова, среди молодого поколения Багровых заметна потребность в иных формах личных взаимоотношений, в ином типе существования. Эта тема преимущественно развертывается вокруг молодых Багровых — Алексея Степановича и его супруги — Софьи Николаевны, будущих родителей Сережи, главного персонажа книги.

Очень пластично раскрываются характеры этих двух людей недалекого «деревенского дворянчика», интересы которого не простираются далее ловли перепелов и соколиной охоты, и дочери важного провинциального сановника, городской, светской красавицы, умной, образованной, «чуть не ученой», способной понимать «все высшие интересы». Что могло быть общего у этих столь разных по характеру и духовному складу людей! Ей, казалось, была уготована самая блистательная партия. А она всем своим многочисленным поклонникам предпочла смирного, безответного молодого человека, казавшегося ее знакомым и ее собственному отцу незначительным, смешным и даже жалким.

Как же это могло произойти?

Софья Николаевна была первым серьезным увлечением молодого Багрова. Громадных усилий стоило ему добиться согласия родных на женитьбу. Степан Михайлович поначалу и слышать не хотел о таком нетрадиционном, основанном на страсти, индивидуальном выборе,

браке. Он всячески пытался вразумить сына, что не «пара» она ему, что и им она «не с руки». Старый Багров предостерегал его от последствий такого «неравного» брака: «Взять жену умнее себя — беда: будет командиршей над мужем». И он не уставал убеждать сына: «Надо рубить дерево по себе». Но резоны отца не достигали цели. Алексей Степанович отверг патриархальную мораль отца, пренебрег ею. И старик в конце концов вынужден был смириться.

Аксаков через психологические коллизии показал еще один аспект противоречий внутри старого феодального общества, его нравственный разлом. Слепое повиновение родительской воле, безусловная власть старших уже теряют свою обязательность и бессильны погасить вспыхнувшую страстную любовь молодого Багрова.

Прежние нормы поведения и мораль отцов начинают утрачивать значение для нового поколения. И это становится самым грозным симптомом разложения старых, патриархальных устоев.

Софью Николаевну не могла, конечно, оставить равнодушной искреннее и сильное чувство, которое к ней питал молодой Багров. Но не оно покорило ее. У Софьи Николаевны было много других поклонников, горячо любивших ее и имевших к тому же немалые преимущества перед Алексеем Степановичем. Те были и богаче и умнее. Но богатство уже не может для нее служить абсолютным мерилом личности. Алексей Степанович — простой, добрый, честный человек, в нравственном отношении выше своих светских соперников. Социальное превосходство в глазах Софьи Николаевны уже не обладало абсолютным преимуществом перед превосходством нравственным. Аксаков чутко уловил здесь подсказанную жизнью новую важную проблему.

Обладая твердым, надменным, неуступчивым характером, Софья Николаевна ясно отдавала себе отчет в том, сколь несходен с ней смирный, безответный Багров, сколь слабой опорой в семейной жизни может быть этот человек, о котором она сама насмешливо говорила, что он «от солнышка не защита и от дождя не епанча». Однако долгая мучительная душевная борьба предшествовала ее выбору. Поняв слабость Алексея Степановича Багрова, его безволие и недостаточность умственного развития, она все же приняла решение связать именно с ним свою судьбу. И отнюдь не только потому, что она оценила доброту и честность молодого Багрова или убедилась в глубине и искренности чувства, которым он воспылал к ней. В слабости своего будущего мужа неожиданно открылось ей возможное преимущество — возможность повелевать им, возможность проявления себя как личности. «Любовь к власти была тайною причиной ее решимости», — пишет Аксаков. И мы видим в хронике, как исподволь вызревали в душе Софьи Николаевны «семена властолюбия».

Сложен и глубок образ Софьи Николаевны. Своей энергией и умом она приводит в изумление и тайное восхищение даже старика Багрова, необычайно болезненно предчувствующего неминуемость крушения патриархального быта и патриархального сознания. Не только духовно, но и в нравственном отношении, да и вообще как целостный характер Софья Николаевна резко возвышается над Багровыми и предстает в этой хронике предвестником нового, более современного, личностного взгляда на жизнь, противостоящего застхлости и рутине старого мира. Образ Софьи Николаевны — серьезное художественное открытие Аксакова, одна из вершин его мастерства. Какими-то гранями своего характера она оказывается в одном ряду с такими замечательными героинями, как Ольга Ильинская из «Обломова», как Любонька Круциферская из романа «Кто виноват?», как

Катерина из «Грозы», как Елена Стахова из «Накануне». Хотя, конечно, это все очень разные человеческие характеры, с различным уровнем духовного и нравственного развития.

Молодой Л. Толстой однажды отметил в своем дневнике важную особенность стиля пушкинской прозы: главное в ней — это «интерес самих событий», а не интерес «подробностей чувства». Историческое развитие русской литературы от Пушкина до Толстого шло в направлении, которое вело к тому, чтобы совместить эти два «интереса». После Пушкина, и особенно Лермонтова, русских писателей все больше занимает задача художественного исследования многосложного внутреннего мира человека. На этом пути творческий опыт Аксакова оказался очень заметной вехой.

Для него характерно изображение душевного состояния человека не в драматические, кульминационные моменты жизни, а в повседневных проявлениях. На этом основана вся поэтика аксаковской прозы.

Исследуя внутренний, душевный мир своих героев, Аксаков умел соотносить его с явлениями внешнего мира. Он никогда не замыкается в рамках чисто психологических коллизий. Герои «Семейной хроники» чужды рефлексии, их самовыражение носит непосредственный характер. В отличие от Толстого Аксаков, как правило, захватывает своим психологическим анализом лишь верхний пласт душевных тайников своих персонажей, редко углубляясь в анализ переживаний своих героев. Вот почему психологизм аксаковской прозы — тонкий и глубокий — не кажется столь интенсивным. Толстой широко использует прием внутреннего монолога, подолгу и тщательно «подглядывает» за душевным состоянием своих героев. У Толстого герои психологически самораскрываются; у Аксакова — их переживания как бы рассматриваются «со стороны». Метод психологического «самоанализа» представлял собой гениальное открытие, которым Толстой обогатил мировую литературу. Аксаков же основывался на предшествующем Толстому художественном опыте. Психологический рисунок у него гораздо более лаконичен и сдержан, чем у Толстого, хотя всегда кажется очень выразительным.

3

Выход в свет «Семейной хроники» стал событием в русской литературе. Герцен недаром назвал ее «огромной важности книгой». «Книга моя... раскупается нарасхват»,— сообщал С. Т. Аксаков сыну Ивану. Необычайный ее успех напомнил энтузиазм, с каким когда-то современники приняли поэму Гоголя. «Издание «Хроники» встречено было с таким восторгом,— вспоминал Добролюбов,— какого, говорят, не бывало со времени появления «Мертвых душ». Все журналы наполнились статьями о С. Т. Аксакове». Писали о «беспримерном единодушии похвал». Взбудораженный и счастливый, Аксаков решил продолжить свою хронику. Так появились «Детские годы Багрова-внука».

Обе части аксаковской трилогии во многом близки между собой по идейной своей проблематике, стилю, языку. Второе из этих произведений представляет собой такое же значительное эпическое полотно, столь же широко рисующее эпоху, помещичий быт, крепостнические нравы. Но в «Детских годах Багрова-внука» есть и одна новая тема, существенно отличающая их от первой книги. Героями «Семейной хроники» были старшие члены семьи Багровых — ее первое и второе поколение. В следующей части трилогии продолжают действовать те же персонажи, но в центре повествования оказывается уже третье поколение Багровых — маленький Сережа Багров.

Своеобразный процесс формирования детской души — такова центральная тема новой книги Аксакова. Эта тема давно привлекала к себе писателя, он работал над ее воплощением с огромным подъемом. Этой книге писатель придавал особое значение. В письме к А. И. Панаеву от 15 мая 1857 года он подчеркивал, что она «важнее» всех предшествующих его произведений «по содержанию, в педагогическом отношении»[1].

В русской литературе и публицистике 50—60-х годов педагогическая тема и морально-этические проблемы занимали видное место. Можно вспомнить, как часто обращались к ним Чернышевский и Добролюбов. Для революционной демократии эти вопросы были связаны с задачей воспитания «новых людей», борцов против ненавистного строя. Проблемы социальной педагогики привлекали к себе внимание и широких слоев дворянской интеллигенции. Все более очевидными для прогрессивных слоев русского общества становились признаки разложения и духовного обнищания господствующего класса, падение нравов в среде дворянства. Все это порождало мысль о необходимости укрепления моральных устоев общества и обостряло интерес к вопросам воспитания.

«Детские годы» были задуманы как книга о детстве и вместе с тем — как книга для детей. Вторая половина задачи создавала для Аксакова особые затруднения.

За шесть лет до выхода в свет аксаковской книги Л. Толстой опубликовал повесть «Детство». Между «Детскими годами Багрова-внука» и произведением Толстого есть немало общего, хотя в целом это произведения, весьма различные по своему идейному направлению, еще больше — по своему стилю.

Первая часть трилогии Толстого была книгой о детстве, но для взрослых. Вся трилогия строится как воспоминания взрослого о днях своего детства, отрочества и юности. Композиционная структура «Детских годов Багрова-внука» основана на ином принципе. Сережа Багров — и герой книги и ее повествователь. Он сам ведет повествование лишь изредка прерываемый вторжением автора, что создает полную иллюзию синхронности между изображаемыми событиями и моментом рассказа о них. Это не воспоминание о прошлом, но рассказ о событиях, которые развертываются на наших глазах. Иными словами, Аксаков не вспоминает — он делает читателя как бы современником и очевидцем происходящего. Поскольку книга была адресована детскому читателю, такое ее построение имело особое значение, так как создавало ощущение непосредственности воссоздаваемого в ней мира.

«Детские годы Багрова-внука» — это жизнь, увиденная глазами ребенка. Такого произведения в русской литературе еще не было. «До сих пор все читали воспоминания и рассказы взрослого,— писал Иван Аксаков отцу,— и вдруг неприготовленная публика ухватится с жадностью за чтение воспоминаний того же автора о тех же лицах, но рассказанных, переданных под другим углом зрения». Аксаков задумал книгу, которая в этом отношении не имела образца и в мировой литературе — среди произведений о детях и для детей.

Аксаков сумел проникнуться «детски чистой простотой, безыскусственностью и прямодушием», давшими ему возможность добиться абсолютного доверия к герою его книги. Он раскрывает душу ребенка изнутри, в процессе ее непосредственного развития и обогащения

[1] Рукописный фонд музея «Абрамцево», шифр 69.

При этом Аксако
шение между образа
внука» образ автор
короткого комментар
го начала.

Радость открыти
тема этого произведе
писателю удалось пе
Сережа Багров — про
застенчив. Слывет «
тяготится их присутс
в глубину внутренне

В «Детских года
рассказ ведется от пе
нам Николеньку Ир
барского довольства
«золотое детство». И
далека от той розово
могла бы быть. Сознан
будоражить вопросы,
не в состоянии дать
ков привлекают к
исподволь возбуждаю
убеждение в том, что
это не могло казаться

Сережа Багров р
ющие его, ведут себя
всегда что-то утаить
непонятного. Он с уди
кажущаяся ему воплощ
ность отцу равнодуш
предостережения мат
и сторониться прислу
рассказывать всевозмо
тизм Сережи то и
психологией и мораль
случившийся в Багров
ное жилье, когда мать
янам», приветствовавш
дит к горестному умоз
не любили».

Жизнь ежедневно
новыми и все более
крестьянскими ребята
заката и едят хлеб да
стыдно». Мучимый эти
побороновать. А мать е
«Пашня и бороньба — н
«попробовать», он пере
ся, что он неприголен
вспаханной земле, не
Наблюдавший все это
снова становилось «сты

На вопросы, непре
часто не получает ответ
жизни, к самым различн

При этом Аксакову удалось найти верное художественное соотношение между образами автора и героя. В «Детских годах Багрова-внука» образ автора появляется редко и ненадолго — лишь для короткого комментария или в качестве композиционно-организующего начала.

Радость открытия мира — вот, собственно, сквозная, внутренняя тема этого произведения. Важное его достоинство состоит в том, что писателю удалось передать поэтичность детского восприятия жизни. Сережа Багров — простодушный и умный мальчик. Он диковат, робок, застенчив. Слывет «нелюдимым». Не дружит со сверстниками, даже тяготится их присутствием. Любит предаваться одиночеству и «уходит в глубину внутреннего своего мира».

В «Детских годах Багрова-внука», как и в «Детстве» Толстого, рассказ ведется от первого лица. Сережа Багров отчасти напоминает нам Николеньку Иртеньева. Оба они воспитываются в атмосфере барского довольства и уюта. Каждому из них уготовано беспечное «золотое детство». И вместе с тем жизнь обоих мальчиков весьма далека от той розовой, безмятежной идиллии, какой она, казалось, могла бы быть. Сознание Сережи и Николеньки очень скоро начинают будоражить вопросы, на которые никто из самых близких к ним людей не в состоянии дать вразумительного объяснения. Внимание мальчиков привлекают к себе явления и факты повседневного быта, исподволь возбуждающие в их душах смутную тревогу, а потом и убеждение в том, что в жизни совсем не так все просто и слаженно, как это им могло казаться раньше.

Сережа Багров рано начинает постигать, что взрослые, окружающие его, ведут себя не совсем искренне, что они хитрят и стараются всегда что-то утаить от него и что вообще в их поведении много непонятного. Он с удивлением замечает, что его горячо любимая мать, кажущаяся ему воплощением полного совершенства, в противоположность отцу равнодушна к природе. Его поражают настойчивые предостережения матери не водиться с дворовыми мальчишками и сторониться прислуги, которая так чудно умеет распевать песни и рассказывать всевозможные истории. Естественный детский демократизм Сережи то и дело вступает в противоречие с сословной психологией и моралью взрослых. Глубоко запал ему в душу эпизод, случившийся в Багрове вскоре после переезда туда семьи на постоянное жилье, когда мать наотрез отказалась выйти к «добрым крестьянам», приветствовавшим нового барина. И маленький Багров приходит к горестному умозаключению, что его мать «все в доме боялись, а не любили».

Жизнь ежедневно ставит умного, пытливого мальчика перед новыми и все более сложными вопросами. Он сравнивает себя с крестьянскими ребятами, которые работают на поле от восхода до заката и едят хлеб да воду, и ему впервые становится «совестно, стыдно». Мучимый этим чувством, он просит у родных разрешения побороновать. А мать ему грубо велит выкинуть этот вздор из головы. «Пашня и бороньба — не твое дело». Но когда ему все-таки разрешили «попробовать», он пережил еще одно разочарование. Мальчик убедился, что он непригоден для крестьянского труда: он не умеет ходить по вспаханной земле, не умеет держать вожжи и править лошадью. Наблюдавший все это крестьянский парнишка смеялся, и Сереже снова становилось «стыдно и досадно».

На вопросы, непрерывно возникающие у маленького Багрова, он часто не получает ответа. И это еще больше возбуждает его интерес к жизни, к самым различным ее проявлениям. Однажды Сережа обратил

внимание на то, что слуга Евсеич ест «не такой же белый кулич, как мы». Вообще отношения между людьми, а особенно между помещиками и крепостными, постепенно теряют в глазах Сережи характер патриархальной идиллии. Он с отвращением слушает рассказы о старосте Мироныче, которого все называют разбойником и, однако ж, никто не отваживается утихомирить, ибо он приходится родней управляющему Михайлушке. Герой Аксакова давно уже постиг, что есть люди добрые и злые; потом он узнал, что есть господа, которые приказывают, и есть слуги, которые обязаны повиноваться; и что он сам, когда вырастет, будет принадлежать к господам.

Так мало-помалу перед Сережей Багровым начинает расширяться мир, и он делает важное для себя открытие, что в мире далеко не все прекрасно. Правда, это не причиняет ему особенных огорчений, не становится для него источником нравственных терзаний. Он видит недостатки, свойственные окружающей его среде, но он никогда не пытается себя противопоставить ей, возвыситься над ней. И здесь открывается существенное отличие Сережи Багрова от Николеньки Иртеньева.

Разнообразные обстоятельства жизни вызывают в душе героя толстовской трилогии гораздо более сильную и острую реакцию. Он живет более напряженной и интенсивной духовной жизнью, чем герой Аксакова. У Николеньки Иртеньева рано пробуждается способность к самоанализу. Различные поступки людей и свое собственное поведение он непрерывно подвергает критической проверке судом своей совести. Почти всякий раз душевный конфликт, переживаемый Николенькой, завершается победой доброго начала над злым, и он, таким образом, непрерывно очищается от скверны и поднимается на более высокую ступень своего нравственного развития.

Духовный мир Сережи Багрова гораздо более тесен. По своему интеллектуальному, душевному складу герой Аксакова, который живет в другом историческом времени, проще Николеньки Иртеньева. Он более созерцателен. В нем нет той страстной пытливости, которая свойственна Николеньке. Это различие в характерах Николеньки и Сережи отражало определенные особенности Толстого и Аксакова, связанные с их отношением к реальной жизни. Аксакову не были присущи те напряженные философские и моральные искания, которые отличали уже молодого Толстого.

Отношение автора «Детских годов Багрова-внука» к современной действительности не было столь активным и страстным, как у Толстого. Отсюда вытекало и своеобразие аксаковского героя. Сережа Багров — очень восприимчивый, живой, легко возбудимый мальчик, способный к сильному чувству и глубокому переживанию. Но главным предметом размышлений маленького героя Аксакова является не поведение окружающих людей и его собственное отношение к ним. сфера его интересов преимущественно ограничена природой. Она — источник его первых детских радостей и забав. По мере того как он становится старше, углубляется и отношение его к природе, которая оказывает влияние на его развитие, формирование личности. Характерно воспоминание в начале главы «Сергеевка»: «Я чувствовал тогда природу уже сильнее, чем во время поездки в Багрово, но далеко еще не так сильно, как почувствовал ее через несколько лет». Природа — единственное прибежище Сережи Багрова, его верный и добрый друг. Чем яснее становятся мальчику несовершенства окружающего мира, слабости и недостатки людей, тем восторженнее его любовь к природе. И здесь снова обнаруживается одно важное различие между Сережей Багровым и Николенькой Иртеньевым

Герой толстовской повести воспитывается в светской, аристократической семье. В сравнении с ним Сережа Багров кажется скромным провинциалом. Для Николеньки Иртеньева общение с природой — в сущности, лишь приятное развлечение, не оставляющее уже очень глубокого нравственного следа в его сознании. Николенька любит играть со своими свертниками в охоту, в рыбную ловлю. Такая же игра для него — и участие в настоящей охоте. В повести «Детство» ей посвящена даже особая глава. Правда, самой картины охоты Толстой здесь почти не рисует или рисует ее очень бегло. Но писатель воссоздает в этой главе атмосферу приятного, веселого, барского времяпрепровождения, еще резче, контрастнее оттеняемую неожиданно вторгающимися в эту картину изображениями тяжелого крестьянского труда на поле. Николеньку привлекает в охоте больше ее внешняя, так сказать, эстетическая сторона. Он недаром завидует брату Володе, так красиво и импозантно восседающему верхом на лошади. «Обтянутые ляжки его лежали на седле так хорошо,— рассказывает герой повести, — что мне было завидно,— особенно потому, что, сколько я мог судить по тени, я далеко не имел такого прекрасного вида». Хотя тут же Николенька болезненно воспринимает это чувство, как проявление своего общего нравственного несовершенства.

Отношение к природе у Сережи Багрова гораздо серьезнее, глубже. Аксаков показывает, что общение с природой духовно обогащает человека, является источником его душевного здоровья. В отношении Сережи Багрова к природе ярко выражена та непосредственность поэтического мироощущения, которая свойственна человеку, впервые переживающему радость открытия мира.

Природа в произведениях Аксакова чрезвычайно активный элемент повествования. Он был поэтом природы в том высоком значении, которое состояло в умении поэтически «одушевлять» ее, раскрывать ее сложную жизнь в многообразных связях с человеком.

Характерная черта поэтики аксаковского пейзажа: изображение природы — преимущественно тихой и умиротворенной — отличается свежестью и непосредственностью, суровой и безыскусственной простотой, оно по-пушкински строго и пластично. Нарочитая яркость, выспренность, красочность, контрастность — эти приемы пейзажной живописи чужды Аксакову. Подобно истинным и сильным талантам, Аксаков, по выражению Тургенева, никогда не становится перед лицом природы в «позитуру». Природа у него прозаически «повседневна», «заурядна», но именно потому и оказывается источником подлинной красоты и поэзии. Аксаковское искусство пейзажа Горький недаром рассматривал в ряду самых высоких художественных достижений русской литературы XIX века.

Видное место в «Детских годах» занимают уже известные нам по «Семейной хронике» образы старика Багрова, а также отца и матери Сережи.

Умом, образованием, волей Софья Николаевна выделяется не только в семейном царстве Багровых, но даже в избранном кругу губернской знати Уфы. Во второй части трилогии образ Софьи Николаевны, горячо любящей и любимой матери, обретает некоторые новые черты. Соотношение света и тени в изображении ее характера меняется. Свойственное ей ранее обаяние тускнеет. В ее отношениях с людьми, и особенно с крестьянами, обнаруживается гордыня, надменность, эгоцентризм, душевная черствость. Мальчика все более поражает неспособность матери чувствовать природу, отсутствие в ней интереса к крестьянскому труду, к его восторженным рассказам о

рыбной ловле, охоте. Это отдаляет Сережу от матери, в которой он не чаял души и которая совсем недавно еще представлялась ему воплощением абсолютного совершенства. «Веселая картина сенокоса не выходила из моей головы во всю дорогу,— рассказывает он,— но, воротясь домой, я уже не бросился к матери, чтобы рассказать ей о новых моих впечатлениях. Опыты научили меня, что мать не любит рассказов о полевых крестьянских работах, о которых она знала только понаслышке, а если и видела, то как-нибудь мельком или издали».

Так же по-новому распределяется светотень и в образе Алексея Степановича. В его характере происходят перемены, противоположные тем, которые свершились в Софье Николаевне. «Человек самого слабого и кроткого нрава», недалекий и даже ограниченный — в первой книге, он впоследствии «выпрямляется». Вернувшись в деревню, живя в поместье, в семейном кругу, занятый хозяйством, он обретает уверенность и душевный покой. В повседневных помещичьих заботах, в общении с простыми людьми, с природой раскрываются лучшие черты его личности, его нравственного облика. Именно с отцом у Сережи теперь складываются наиболее близкие отношения. Простодушие и непосредственность отца, любящего деревенскую жизнь, охоту, рыбную ловлю, гораздо ближе мальчику, чем надменность и гордыня матери-горожанки. Внутрисемейная психологическая коллизия дает немало пищи для душевных переживаний героя книги.

Любые различия в характерах людей Сережа Багров пытается осмыслить под углом зрения своих представлений о хорошем и плохом. Между этими крайними полюсами он не допускает никакого компромисса. Постепенно чувствуя «разлад», путаясь в своих «понятиях», Сережа тем не менее стремится к ясности в оценке достоинств и недостатков окружающих его людей. Он долго, например, бился над вопросом: «Добрая или не совсем добрая Прасковья Ивановна?» И в конце концов приходит к выводу, что — скорее — недобрая. Надо вообще сказать, что «Детские годы Багрова-внука» отличаются гораздо большей обнаженностью моральных оценок, чем «Семейная хроника». Никогда «этический кодекс» Аксакова не выражался с такой определенностью, как в этой второй части трилогии. Сережа Багров чутко реагирует на поведение людей, на добрые и злые их поступки. Он ненавидит неискренних, фальшивых людей. Его огорчает малейшее проявление несправедливости. В «Детских годах Багрова-внука» отчетливо ощущается высота нравственной позиции писателя.

Отмечая выдающиеся художественные достоинства «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова-внука», современная Аксакову критика обратила внимание еще на одну в высшей степени существенную особенность, придававшую им значение не только произведения искусства, но и «исторического документа».

Резкое обострение социально-политической борьбы в России в середине XIX века усиливало в различных слоях общества стремление глубже осмыслить процессы современной действительности, понять их истоки и их историческую перспективу. «Былое пророчествует»,— сказал Герцен. Осознание этой истины определило возросший в те годы интерес к изучению истории. Историческая наука становится одной из тех областей знания, которые были связаны с самыми злободневными общественными проблемами современности. Подъем историзма сказался в это время также в широком проникновении исторической темы в художественную литературу — в прозу и драматургию.

Вот одна из причин интереса и к мемуарной литературе. Каждая публикация «воспоминаний», «дневников», «записок», посвященных

различным эпохам отечественной истории, привлекала к себе всеобщее внимание. Обе части аксаковской трилогии также воспринимались как произведения мемуарные. О первой из них Чернышевский писал: «Книга эта удовлетворяла слишком сильной потребности, находящей себе слишком мало пищи в нашей литературе». Историко-мемуарный характер аксаковской книги подчеркивал и Тургенев. Сопоставляя «Семейную хронику» и «Былое и думы», он обратил внимание на то, что эти произведения при всех различиях имеют немало общего. «В России я уговаривал старика Аксакова продолжать свои мемуары,— писал Тургенев Герцену,— а здесь — тебя. И это не так противоположно, как кажется с первого взгляда. И его и твои мемуары — правдивая картина русской жизни, только на двух ее концах и с двух разных точек зрения. Но земля наша не только велика и обильна,— она и широка и обнимает многое, что кажется чуждым друг другу!»

Развитие русской литературы от Пушкина до Толстого шло в направлении все более углубляющегося художественного исследования внутреннего мира человека. На этом пути также был вполне закономерен интерес к мемуарам. Они расширяли сферу анализа человеческой души, раскрывая ее как бы изнутри и вместе с тем соотнося ее с событиями, фактами, помогавшими понять социальную и историческую обусловленность поведения героя.

Мемуарная основа «Семейной хроники» не мешает воспринимать ее как произведение, в сущности, близкое к роману.

Называя свое сочинение «Семейной хроникой», Аксаков как бы сам отказывался от его точного жанрового определения. Он отлично сознавал, что эта книга выходит за рамки традиционных жанровых обозначений. Многослойная композиционная структура сближала «Семейную хронику» с романом. «Семейная хроника» построена таким образом, что мемуарный элемент, преобладающий в начале произведения, в дальнейшем начинает как бы растворяться. Отсюда характерные для этой хроники вставные новеллы, представляющие собой, на первый взгляд, отклонения от главной оси сюжета, но на самом деле придающие повествованию то ощущение масштабности и полноты, свободы и многогранности в воспроизведении жизни, которое присуще именно роману.

В этом произведении все — правда и все — вымысел. Огромная победа Аксакова как художника состояла именно в том, что он заставлял читателя уверовать в подлинность всего происходящего и вместе с тем ни на один момент не забывать, что перед ним произведение искусства. Свойственная этому писателю могучая сила художественной типизации воссоздавала минувший век необычайно широко и емко, придавая, казалось, случайным подробностям быта и мельчайшим деталям характеров людей значение удивительно верных и общих примет времени. Нельзя в этой связи еще раз не вспомнить Герцена: «История — чистилище, в котором мало-помалу временное и случайное воскресает вечным и необходимым, тело смертное преображается в тело бессмертное. Память человечества есть память поэта и мыслителя, в которой прошедшее живет как художественное произведение». Аксаков в «Семейной хронике» и в «Детских годах Багрова-внука» предстает одновременно и как историк, и как художник, сумевший воедино сплавить «поэзию» и «правду».

Как уже отмечалось, обе части аксаковской трилогии созвучны в идейном и художественном отношении. Повествование ведется с той наивной непосредственностью и иллюзией недостаточной художе-

ственной завершенности, какая присуща изустному рассказу. Все это вместе с поэтическим очарованием искрометной разговорной речи, слышно подслушанной у самого народа, и создает своеобразие и обаяние аксаковского стиля.

Аксаков чрезвычайно экономен в изобразительных средствах. В этом отношении его стилевая манера восходит к пушкинской. Вяземский однажды заметил, что Пушкин в прозе «сторожит себя». Так же сторожил себя от излишеств красок Аксаков. Его искусство, по меткому выражению Чернышевского, отличается «трезвостью слов», то есть способностью писателя «давать словам истинное их значение». Отношение Аксакова к художественной форме поражало современников своей целомудренной строгостью. И это был эстетический принцип, которому Аксаков следовал неуклонно.

Эпическая объективность аксаковской манеры повествования сочетается с присущей этому писателю склонностью к лирическим отступлениям. В реалистической прозе Аксакова встретились как бы два потока, берущих свое начало из разных источников — Пушкина и Гоголя. Пушкинская школа ощущается здесь в удивительной простоте и «обнаженности» художественной формы. Гоголевское влияние, сказавшееся прежде всего в аксаковском изображении помещичьей России, ощутимо и в той характерной эмоциональной окраске, которую придают повествованию многочисленные лирические отступления или авторские вторжения в текст.

Своеобразие мастерства Аксакова в том, что образы, созданные им, говоря словами Достоевского, кажутся «почти действительнее самой действительности». Одним из важнейших элементов искусства Аксакова является его язык. Языковая и стилистическая манера писателя почти совершенно свободна от «книжности», от трафаретно-литературных элементов, от внешней изысканности и обладает той простотой и безыскусственностью, которая свойственна мастерскому изустному рассказу. П. В. Анненков справедливо писал о «сладостной русской речи» Аксакова. Язык Аксакова всегда сохраняет непосредственность и колоритность, гибкость и выразительность разговорной речи. Аксаков тяготел к слову — ясному, точному, несущему в себе максимальную смысловую нагрузку. Очень осторожно и экономно прибегает он к архаизмам и диалектизмам, используя их лишь в качестве характерной стилистической краски. Эти слова писатель чаще всего выделяет в тексте курсивом, тем самым подчеркивая их определенное инородство в общей стилевой манере книги. Аксаков всегда отстаивал мысль, что использование диалектных речений должно быть умеренным, крайне осмотрительным и всегда соответствовать той художественной задаче, которую ставит перед собой писатель. У Аксакова, щедро пользовавшегося формами и приемами народной речи, народность никогда не превращалась в простонародность.

На произведениях Аксакова лежала яркая печать национальной характерности. Она окрашивала все элементы его стиля, его лексику и фразеологию, весь строй его повествования. В известном смысле можно сказать, что Аксаков один из самых русских писателей России.

Проникновенный поэт природы, глубокий психолог и проницательный изобразитель нравов, чародей слова, постигший, казалось, все тайны родного языка,— таким вошел в наше сознание Сергей Тимофеевич Аксаков, произведения которого заняли достойное место среди выдающихся достижений русской классической литературы XIX века.

С. Машинский

Сем

ПРИМЕЧАНИЯ

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

С. Т. Аксаков работал над «Семейной хроникой» с большими перерывами в течение пятнадцати лет. Часть первого отрывка «Семейной хроники», написанная в 1840 г., была опубликована лишь шесть лет спустя в «Московском литературном и ученом сборнике» (М., 1846, с. 403—423), за подписью «...ова». В это время Аксаков был увлечен работой над «Записками об уженье», закончив которые, он приступил к «Запискам ружейного охотника». 12 января 1852 г. он писал Тургеневу: «Расставшись с моими «Записками», я грущу о прекращении дела, которое приятно занимало меня три года... Попробую продолжать «Семейную хронику» («Русское обозрение», 1894, № 8, с. 463). Отрывки этой книги появлялись в различных периодических изданиях. Весь первый отрывок, включая и ту часть, которая была ранее опубликована в «Московском литературном и ученом сборнике», увидел свет в «Москвитянине» (1854, т. II, № 5, кн. I, с. 17—48), четвертый — в «Русской беседе» (1856, т. II, с. 1—51), пятый — в «Русском вестнике» (1856, т. IV, кн. I, с. 421—468).

В начале 1856 г. первые три отрывка: «Степан Михайлович Багров», «Михайла Максимович Куролесов» и «Женитьба молодого Багрова» — вместе с «Воспоминаниями» вышли отдельным изданием. Необычайный успех книги побудил Аксакова выпустить ее летом того же года вторым изданием «с прибавлением двух отрывков», появившихся в «Русской беседе» и «Русском вестнике» уже после выхода в свет первого издания. Таким образом, лишь во втором издании «Семейная хроника» вышла в полном составе.

Еще задолго до окончания «Семейной хроники» Аксаков предвидел цензурные препятствия, с которыми столкнется его книга. Он уже имел горький опыт, связанный с изданием, казалось бы, совершенно невинных с точки зрения цензурных условий «Записок ружейного охотника». 29 ноября 1853 г. Аксаков продиктовал письмо Погодину, в котором заметил, что готов дать в «Москвитянин» отрывки из «Семейной хроники», и при этом добавил: «...но цензура будет их обрезывать, а я на это не согласен. Я также затеял составить из них целый том: первая половина — Хроника, а вторая — Воспоминания». И затем Аксаков дописывает собственной рукой: «Том «Хроники» и «Воспоминаний» может быть вполне напечатан только после моей смерти и при более благосклонной цензуре» (Л. Б., ф. Погодина, II 1/58).

Чем ближе к концу подходила работа над книгой, тем чаще Аксаков высказывал опасения относительно неизбежных столкновений с цензурой. Летом 1854 г. Аксаков сообщал своему старому

товарищу по Казанской гимназии А. И. Панаеву, что написал «много отрывков из «Семейной хроники», которые, однако, выйдут в свет, лишь будучи «изуродованные цензурою» (ИРЛИ, PI, оп. I, д. № 10, л. 3а). В ноябре того же 1854 г. он писал А. О. Смирновой: «По несчастному положению нашей цензуры и половины нельзя будет напечатать того, что мной написано; это меня огорчает, потому что я получил вкус к похвалам и сочувствию, с которым было встречено все напечатанное мною» («Русский архив», 1896, кн. I, с. 157).

Опасения Аксакова, как мы увидим, не были напрасными.

Посылая в декабре 1854 г. Погодину отрывок из «Семейной хроники» для опубликования его в «Москвитянине», Аксаков писал: «Очень бы я желал, чтобы цензура его не изуродовала; я и так уже много интересного выкинул и поставил точки. Если цензор будет много исключать — лучше не печатать» («Л. Б., ф. Погодина, П I/59). По-видимому, здесь речь шла об отрывке «Степан Михайлович Багров». Еще бо́льшие затруднения доставил Аксакову отрывок «Хроники», посвященный Куролесову, также предназначавшийся для «Москвитянина». Московская цензура в начале 1855 г. категорически запретила его печатать. Издатель «Москвитянина» Погодин решил обжаловать постановление Московского цензурного комитета в Петербурге перед Главным управлением цензуры и обратился с письмом к товарищу министра просвещения Норову.

В архиве Главного управления цензуры хранится «Дело о запрещении московской цензурой в «Москвитянине» отрывка из «Семейной хроники» С. Аксакова», проливающее свет на один из любопытных эпизодов в истории николаевской цензуры.

Норов поручил расследование вопроса чиновнику особых поручений при министре просвещения Н. Родзянко. Результаты этого расследования были изложены в пространном донесении от 8 февраля 1855 г. Родзянко пришел к выводу, что ряд мест отрывка Аксакова не может быть разрешен к печати. «Тут описывается, — отмечал он, — как Мих. Макс. Куролесов управлял по доверенности жены своей ее имением, производил истязания над крестьянами и нередко засекал многих из них до смерти; сверх того, грабил и сек соседей-помещиков, производя все эти поступки безнаказанно и застращав даже земский суд, который боялся предпринять что-либо к его укрощению». Особенно недопустимым, по мнению Родзянко, является история таинственной смерти Куролесова. «Хотя в статье не объясняются причины его смерти, — продолжает он, — но из весьма ясных намеков и поставленных в пропущенных строках точек читателю легко догадаться, что Куролесов был убит за жестокое обращение своими крестьянами по распоряжению конторского писца...» И, наконец, заключение расследования гласило: «Таким образом, в настоящей статье, начиная со стр. 128 до конца, преимущественно описывается противозаконное и бесчеловечное обращение помещика с крепостными его людьми и помещиками-соседями, при бездействии и устрашении им местной полицейской власти... Очевидно, что все эти обстоятельства, хотя они совершались за 80 лет пред сим, не могут быть допущены к печати. Конечно, автор изображает их собственно в смысле историческом и отнюдь не с неблагонамеренною целию, но и сама история этих событий, достоверность которых автор весьма часто здесь утверждает, например, на с. 134, по мнению моему, может производить тем более невыгодное впечатление на читателей, выражая правдивый факт злоупотребления помещичьей власти и самозащищения противу оной крепостных людей» (ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 6, д. № 150820, лл. 6—6 об.).

судьба аксаковской рукописи была предрешена. Шевырев, хлопотавший по этому делу в Петербурге по поручению Погодина, сообщил от имени Норова, что из отрывка «Семейной хроники» «может быть дозволено только начало; остальная же часть основательно воспрещена цензурою» (там же, л. 7 об.). Это решение вывело из себя даже терпеливого Погодина, извещавшего Аксакова: «Ваша статья изуродована, и потому я решился сохранить ее чистоту и красоту в рукописи. У подлецов нет никакого человеческого чувства» (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XIV, СПБ, 1900, с. 250). Письмо Погодина не было неожиданностью для Аксакова. Еще 29 января 1855 г. он писал А. И. Панаеву: «Весь второй отрывок моей «Семейной хроники» запрещен. В нем описана жизнь одного буйного и жестокого помещика, существовавшего за 85 лет до настоящего года. Погодин послал мою статью к министру. Хорошего ничего не жду. Судя по началу, должно предположить, что вместо большого тома выйдет небольшой, да и статьи выйдут изуродованные» (ИРЛИ, Р-I, оп. 1, д. № 10, л. 18 об.).

Готовя свою книгу к изданию, Аксаков столкнулся не только с цензурными барьерами, но с еще одним препятствием, которое чинила его собственная семья. 17 января 1855 г. он писал Погодину: «Теперь я кончил огромный том, который мне хочется выдать через год, если буду жив. Полгода я посвящу на исправление, дополнение и исключение всего того, чего не нужно знать публике, и того, чего не пропустит цензура по своей глупости. Остальные полгода — на мытарства и печатание». И дальше Аксаков замечает в том же письме: «Мне надобно преодолеть сильную оппозицию моей семьи и родных, бо́льшая часть которых не желает, чтоб я печатал самые лучшие пиесы» (Н. Барсуков. Упом. соч., т. XIV, с. 248). Члены семьи Аксакова возражали против публикации наиболее острых, обличительных мест «Семейной хроники», которые, по их мнению, могли бросить тень на весь род. Характерные отзвуки подобных настроений можно найти в письме близкого к семье Аксакова М. А. Дмитриева, откровенно сообщавшего Погодину свое мнение о «Семейной хронике»: «Вы меня спрашиваете о книге Аксакова. Он сам требовал от меня, чтобы я сказал голую истину; я и сказал, но он не вполне согласен с нею. Написано,— что и говорить — прекрасно;* но вся первая половина книги, по моему мнению, есть дурной поступок!.. Что же это за семья, в которой, кроме одной женщины, все тираны и мерзавцы!» (Н. Барсуков. Упом. соч., т. XIV, с. 354).

«Оппозиция» членов семьи причиняла Аксакову серьезные огорчения и порой ставила его как художника в невыносимое положение. Сообщая в январе 1855 г. своей племяннице М. Г. Карташевской о приближении к концу работы над «Семейной хроникой», Аксаков замечает далее: «Все это я должен прочесть вам предварительно и очень опасаюсь, что встречу в твоей маменьке сильную оппозицию. «Хронику» об дедушке и бабушке она вытерпела, но когда дело дойдет до отца и матери, до мужа и до нее самой, то я не знаю, что будет делать братец Сереженька с сестрицей Надеженькой?» (ИРЛИ, 10, 685/XVI с., лл. 43—43 об.).

Аксакову в конце концов удалось преодолеть препятствия, возникшие на пути «Семейной хроники». Не исключено, что писатель в процессе окончательной подготовки рукописи вносил в нее исправления. Интересуясь исходом хлопот в Петербурге относительно отрывка о Куролесове, Аксаков просил Погодина поскорее известить его о результатах этого дела: «Мне это необходимо знать для сооб-

...ления и поправки других статей» (Н. Барсуков. Упом. соч., кн. XIV, с. 249). По-видимому, Аксаков подвергал свои произведения «внутренней цензуре» и во многом себя ограничивал. На это нередко указывал он сам в своих письмах. Сообщая в одном из них о том, что занимается сейчас «вместе с Констою» — так в семье называли его сына Константина — «исправлением» и «отделыванием» пятого отрывка «Хроники», Аксаков затем добавляет, что этот отрывок «гораздо труднее, потому что надобно многое скрывать» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 16, д. № 29, л. 26). А однажды откровенное замечание даже проскользнуло неожиданно в самом тексте «Семейной хроники»: «Я рассказал десятую долю того, что знаю, но, кажется, и этого довольно».

Уведомляя Погодина, что подготовка «Семейной хроники» близится к концу, писатель тут же подчеркивает, что он приходит «в отчаяние от цензуры», и высказывает намерение обратиться «частным образом» к попечителю московского учебного округа Назимову, в ведении которого находилась цензура (Л. Б., ф. Погодина, II 1/61). Об этом же писал С. Т. Аксаков и сыну Ивану, добавляя к тому, что, если и Назимов не поможет, придется тогда «ехать самому в Петербург хлопотать по этому делу» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, д. № 14, л. 85. См. также письмо к Н. Т. Карташевской, ИРЛИ, 10, 685/XVI с., лл. 47—47 об.). 21 сентября 1855 г. рукопись «Семейной хроники» и «Воспоминаний» поступила в Московский цензурный комитет (МОГИА, ф. 31, оп. 5, д. № 364, л. 98), а уже 30 октября того же года Аксаков сообщил Тургеневу, что рукопись «пропущена и печатается» («Русское обозрение», 1894, № 11, с. 29). Столь неожиданно быстрое и благоприятное решение вопроса в московской цензуре состоялось благодаря содействию министра просвещения, о чем С. Т. Аксаков писал 17 октября 1855 г. сыну Ивану: «...моя рукопись пропущена вся с разрешения министра, который был проездом в Москве» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, д. № 14, лл. 106—106 об.).

В тексте обоих изданий «Семейной хроники», вышедших при жизни Аксакова, имелся существенный дефект: в них отсутствовала превосходно написанная сцена отравления Куролесова его крепостными. Судя по упомянутому выше докладу Н. Родзянко, ее уже не было в том тексте, который предназначался для «Москвитянина». Купюру сделал сам автор, очевидно, во избежание неприятностей в цензуре. Сохранилось две рукописных редакции второго отрывка «Семейной хроники» (Л. Б., ф. Аксакова, 1/2а и 1/2б). В первой из них (неполной, без начала) описана вся сцена убийства Куролесова. Во второй редакции (беловой) эта сцена уже зачеркнута по цензурным соображениям. Она была восстановлена лишь в четвертом изданий «Хроники» (М. 1870). Абзац, в котором описывалось убийство, начинался в первой редакции рукописи так: «Нетрудно догадаться, от чего произошла скоропостижная кончина Куролесова». После изъятия сцены убийства эта фраза была особенно важна, ибо содержала прозрачный намек на истинные обстоятельства смерти Куролесова, о которых нельзя было сказать прямо. Но, по-видимому, возникла необходимость устранить даже этот намек. На полях рукописи имеется замечание автора: «Если цензор затруднится этими словами, то можно сказать: «Неизвестно от чего». Так *«неизвестно от чего»* и умирал Куролесов в первых изданиях «Семейной хроники».

К отдельному изданию «Семейной хроники» Аксаков тщательно просмотрел ранее напечатанные отрывки и внес в них довольно большое количество мелких исправлений стилистического характера — всего около трехсот.

Выход в свет «Семейной хроники» стал событием в русской литературе. Успех этой книги был необычайным и намного превзошел успех двух предшествующих произведений Аксакова — «Записок об уженье» и «Записок ружейного охотника». «Книга моя вышла и по мере поступления в лавку раскупается нарасхват»,— сообщал С. Т. Аксаков сыну Ивану. «Как бы ни были велики мои надежды на успех моей книги — действительность превзошла всякие самолюбивые ожидания. Я начинаю бояться, что сам увлекусь этим потоком искренних восторгов»,— замечал он в другом письме («Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. III. М. 1982, с. 223, 237).

Современная Аксакову критика единодушно отмечала выдающиеся художественные достоинства «Семейной хроники», а также ее значение как достоверного «исторического документа» эпохи. «Хроника» Аксакова, писал Герцен, помогает «нам сколько-нибудь узнать наше неизвестное прошедшее» (А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVII, П., 1922, с. 88). Большую познавательную ценность «Семейной хроники» отмечал и Щедрин. «Достаточно указать на литературные попытки И. Тургенева (Писемского) и Островского и в особенности на «Семейную хронику» С. Аксакова,— писал он в черновом варианте статьи «Сказание о странствии... инока Парфения»,— чтобы убедиться, что последние годы должны занять весьма почетное место в истории русской литературы. Разработка разнообразных сторон русского быта началась еще очень недавно, и между тем успехи ее не подлежат сомнению» (Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. V. М., 1937, с. 432).

Замечательными были отзывы Добролюбова и Чернышевского. Не игнорируя слабых сторон «Семейной хроники», оба критика считали, что это произведение дает большой материал для обличения крепостничества в России. Одну из важных причин успеха этой книги Чернышевский видел в том, что она «удовлетворяла слишком явной потребности нашей в мемуарах» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III. М., 1947, с. 699). Историко-мемуарный характер «Семейной хроники» подчеркивал и Тургенев. Познакомившись с одним из новых отрывков «Былого и дум», Тургенев писал в декабре 1856 г. Герцену: «Это в своем роде стоит Аксакова. Я уже, кажется, сказал, что в моих глазах вы представляете два электрических полюса одной и той же жизни — и из вашего соединения происходит для читателя гальваническая цепь удовольствия и поучения» (И. С. Тургенев. Собр. соч., т. II. М., 1949, с. 155).

Отмечая восторженный прием, оказанный «Семейной хронике», Аксаков писал М. А. Максимовичу: «Успех моей книги удивил меня. Вы знаете, что мое самолюбие незаносчиво, и оно остается таким, несмотря на все печатные, письменные и словесные похвалы, которые иногда доходят до нелепостей... Я прожил жизнь, сохранил теплоту и живость воображения, и вот отчего обыкновенный талант производит необыкновенное действие» («Киевская старина», 1883, апрель, с. 838—839).

В рукописных фондах С. Т. Аксакова сохранились неизвестные до сих пор замечания Л. Н. Толстого о «Семейной хронике». С. Т. Аксаков познакомился с Толстым в январе 1856 года. Толстой нередко бывал в доме Аксаковых. В одно из посещений он прослушал в чтении автора несколько отрывков из «Семейной хроники». Вероятно, после чтения состоялась беседа, во время которой Толстой высказал некоторые критические замечания о книге Аксакова, записавшего их, очевидно, для памяти, на последнем листе рукописи «Семейной

хроники». Запись эта гласит следующее: «Замечания графа Толстого. 1) Старик Зубин может втайне думать так дурно о Калмыке, но не выскажет своей дочери. 2) Рассказ о похищении Сальме можно выкинуть: он рассказан без любви и задерживает ход. 3) После эпилога остальное примыкает. 4) В эпилоге сказать как-нибудь иначе о том, что предки вызваны из мрака забвения и пр. пр., о могуществе письма и печати и о сочувствии» (Л. Б., ф. Аксакова, 1/5, л. 60 об.).

Эти критические замечания Толстого относятся к пятому отрывку «Семейной хроники», законченному Аксаковым в июне 1856 г. По-видимому, в том же месяце Толстой навестил Аксакова. Некоторые из соображений Толстого были автором учтены, например, замечание, обозначенное в пункте 3. В рукописи пятого отрывка после нынешнего эпилога имелся еще один абзац, который действительно не был органичен для эпилога и мог восприниматься лишь как внешне «примыкающий» к тексту «Хроники». Вот он: «Для особенно любопытных читателей и читательниц я скажу, что Степан Михайлович прожил еще пять или шесть лет после рождения внука, что он имел удовольствие его видеть и даже благословить за день до своей кончины... Месяцев за семь перед смертью, а именно в июне 1796 года, он был утешен рожденьем второго внука, Николая, что обеспечивало продолжение рода Багровых: имя внука Николая он также собственноручно вписал в свою дворянскую родословную. Степан Михайлович скончался в январе или феврале 1797 года. Арина Васильевна пережила его несколькими годами; она [illegible] грустила о своем супруге, грустила, что ей уже некого [illegible]» (Л. Б., ф. Аксакова, 1/5, лл. 58 об.—59).

В печатный текст «Семейной хроники» Аксаков не ввел это место. Очевидно, оно было вычеркнуто после беседы с Толстым.

Надо сказать, что не все замечания Толстого показались автору достаточно убедительными, например, его упрек относительно того, что рассказ о Сальме «задерживает ход». Вероятно, в этой связи он просил Тургенева обратить внимание на пятый отрывок «Хроники». «Если будете иметь случай,— писал Аксаков 10 ноября 1856 года,— пожалуйста, прочтите и напишите мне голую правду. Я после скажу вам, почему мне это особенно интересно» («Русское обозрение», 1894, № 12, с. 590). Ответ Тургенева неизвестен. Аксаков остался при своем мнении и никаких исправлений в рассказ о Сальме не внес.

Среди критических откликов были и такие, которые вызвали резкое неудовольствие Аксакова. Так как в момент издания «Семейной хроники» еще жили люди, в той или иной степени близкие к персонажам книги, автор пытался замаскировать фактическую достоверность своего повествования и с этой целью заменил действительные имена главных персонажей, а также географические названия вымышленными. Первому изданию «Семейной хроники» и «Воспоминаний» было предпослано следующее обращение «К читателям»: «Считаю за нужное предуведомить благосклонных моих читателей, что отрывки из «Семейной хроники» написаны мною по рассказам семейства Багровых, близких моих соседей, и что эти отрывки не имеют ничего общего с собственными моими «Воспоминаниями», кроме сходства в названии местностей и в некоторых именах, данных мною произвольно. Печатая эту книгу, я очень жалею, что не мог представить ее публике в полном составе. Половина «Семейной хроники» не могла быть напечатана, да и «Воспоминания» много сокращены самим мною».

Предостережение Аксакова не возымело успеха. Едва только книга вышла в свет, современная критика тотчас же установила полную тождественность Багровых и Аксаковых. Объясняя работы над «Семейной хроникой», Аксаков писал в мае 1856 г.: «Далее продолжать я не мог. Причины вам понятны. Я и так сделал слишком смелый поступок. Я наперед знал, что найдутся подлецы, которые печатно будут говорить, что Багровы — мои отец и мать. Но бог с ними!» («Русский архив», 1896, кн. I, с. 160).

Второе издание «Семейной хроники» Аксаков снабдил новым обращением «К читателям»: «Печатая книгу мою вторым изданием, с прибавлением двух новых отрывков «Семейной хроники», я также считаю за нужное предуведомить благосклонных моих читателей, что отрывки из «Семейной хроники» написаны мною по рассказам семейства гг. Багровых, близких моих соседей, и что эти отрывки не имеют ничего общего с собственными моими «Воспоминаниями», кроме сходства в названии местностей и в некоторых именах, данных мною произвольно.

Некоторым из гг. моих рецензентов, преимущественно пишущим в газетах, не угодно было уважить моего предупреждения, ясно изложенного в предыдущих строках. Я был неприятно изумлен таким нарушением везде принятого приличия, оскорбительным и для общества и для сочинителя: ласкаю себя надеждою, что оно не повторится».

Выпуская в свет четвертое издание «Семейной хроники» в 1870 г., И. С. Аксаков написал к нему «Предуведомление», в котором подчеркнул связь между «Семейной хроникой», «Детскими годами Багрова-внука» и «Воспоминаниями» и объяснил истинный смысл тех «предупреждений», с которыми его отец обращался к читателям. «Подобные предупреждения,— писал И. С. Аксаков,— были в то время нужны не потому, чтобы автор полагал возможным уверить читателей в отсутствии тождества обоих названий Багровых и Аксаковых, Куролесовых и Куроедовых и проч.,— а потому, что таким способом автор надеялся прекратить толки и пересуды, неприятные для родственного чувства многих тогда еще живых членов этих семейств; надеялся удержать журнальную критику в пределах чисто литературной оценки выставленных им характеров и типов, без всякого нескромного разоблачения тех обстоятельств, которые могли, конечно, подразумеваться, но которым еще не пришло время выступать гласно наружу.

Но теперь, когда уже протекло десять лет со дня кончины автора, когда и других многих близких родственников уже нет и описываемые им события еще глубже ушли в историческую даль,— теперь нет никакой надобности скрывать то, что и прежде подразумевалось и что, будучи обнаруженным и признанным, способно придать всей книге, сверх ее художественного достоинства, еще новое, положительное достоинство живой, несомненной правды, значение важного материала для истории русского общества. Одни и те же лица выступают и в «Отрывках из «Семейной хроники» и в «Воспоминаниях», и читатель может, не смущаясь прежним «Предуведомлением», следить за развитием характеров и составить себе цельную картину семейного быта по обеим частям книги почти за три четверти века тому назад».

В настоящем издании текст «Семейной хроники» воспроизводится по второму, прижизненному изданию (М., 1856). Места, изъятые цензурой, восстанавливаются по рукописи, хранящейся в Рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. В обоих

прижизненных изданиях ряд персонажей был обозначен сокращенно или инициалами. Почти все эти сокращения и инициалы давно расшифрованы, и мы даем полное написание имен и фамилий.

Стр. 23. *Уфимское наместничество*—образовано в 1781 г. из двух областей: Оренбургской и Уфимской. В 1796 г. наместничество было переименовано в Оренбургскую губернию.

Стр. 27. *...не за что рассердиться.*—В тексте «Московского ученого и литературного сборника» после этих слов было следующее: «Одни дворовые и впоследствии собственное его семейство испытывали иногда всю ярость этой бури. Достаточно было маленькой неправды, небольшого лукавства или обмана, малейшего непослушания, чтобы воспалить его гнев, доходивший до бешенства. Но со всем тем не только крестьяне, но и дворовые, около него служившие люди, не говорю уже о семействе, любили его без ума. Впоследствии времени некоторые из молодых слуг его доживали свой век при мне; уже стариками часто рассказывали они о строгом, вспыльчивом, но справедливом и добром своем старом барине и никогда без слез о нем не вспоминали». Но уже в тексте «Москвитянина» и во всех последующих изданиях «Семейной хроники» это рассуждение было автором снято и в переработанном виде использовано в главе «Новые места».

Стр. 28. *Акаевский бунт*—крупнейшее восстание башкирских крестьян, возглавленное Акаем. Оно вспыхнуло в 1735 г. и было направлено против колониальной политики русского царизма.

Стр. 33. Цитируемые Аксаковым стихи принадлежат, вероятно, ему самому.

Стр. 83. *Этот молодой человек, необыкновенно умный и ловкий, уладил все дело...*—В рукописи есть любопытное продолжение этой фразы, зачеркнутое чьей-то рукой: «не поскупившись барскими деньгами» (Л. Б., ф. Аксакова, 1/2а, л. 12). Здесь содержался прозрачный намек на те методы, с помощью которых «молодой человек» улаживал дело, то есть намек на всемогущую взятку.

Михайлушка—О Михаиле Максимовиче, управителе имениями Прасковьи Ивановны—см. подробно в «Детских годах Багрова-внука». Он был дедом известного поэта-шестидесятника М. Л. Михайлова. В «Воспоминаниях» Н. В. Шелгунова содержатся некоторые интересные сведения о последующей судьбе Михайлушки, дополняющие рассказ Аксакова: «Замечательно умный и деловой человек, известный всем и каждому в двух губерниях, был дед Михаила Ларионовича Михайлова; но он умер не потому, что спился на воле, а вот почему. После смерти Прасковьи Ивановны Михайлушка был отпущен на волю, но вольная была сделана не по форме. Этим воспользовались наследники, и всех уволенных Прасковьей Ивановной, в том числе и Михайлушку, опять закрепостили. Дед Михаила Михайлова протестовал, за что его заключили в острог, судили и высекли как бунтовщика. Вот отчего он умер; очень может быть, что он и запил, но уж, конечно, не оттого, как объясняет Аксаков (крестьяне были Аксаковых), что Михайлушка «держался скромного образа жизни», пока был крепостным, и разбаловался на свободе. «Вышел в чиновники, а потом и в дворяне» отец М. Л. Михайлова, бывший потом управляющим Илецкой Соляной Защитой» (Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.-П., 1923, с. 94).

В этом рассказе Шелгунова необходимо уточнить одно обстоятельство. Родовое материнское имение Прасковьи Ивановны Чурасово (Чуфарово) досталось в наследство не Аксаковым, а ее родственникам по материнской линии. Таким образом, крестьяне, о которых пишет

Шелгунов, были не Аксаковых и история со вторичным закрепощением Михайлушки отношения к Аксаковым не имеет. В годы крестьянской реформы одной из владелиц Чуфарова была некая Т. Д. Слепцова (см. кн. «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. VI. СПБ, 1901, с. 400).

Стр. 92. *Домашний лечебник Бухана* — речь идет о популярной в свое время книге английского врача Вильяма Бухана (1729—1805), выдержавшей в Англии более двадцати изданий, «Полный и всеобщий домашний лечебник, сочиненный как для предохранения здоровья надежнейшими средствами, так и для пользования болезней всякого рода, с показанием причин, признаков, а наипаче распознавательных...». Книга эта выходила на русском языке в переводе с французского двумя изданиями (М., 1792, и М., 1811).

Стр. 112. *...двух-трех глупейших романов, вроде «Любовного вертограда» или «Аристея и Телазии»* ..— Любовный вертоград, или Непреоборимое постоянство Камбера и Арисены», пер. с португальского Ф. Эмин (СПБ, 1763); «Похождения Аристея и Телазии», пер. с французского (СПБ, 1764).

Стр. 162. *...и сыновья ее стали называться Мертваго.*— Эта сноска в обоих прижизненных изданиях «Семейной хроники» отсутствует. Она имелась в рукописи и зачеркнута С. Т. Аксаковым ввиду того, что он отказался от первоначального намерения воспроизводить полностью фамилию Марьи Михайловны Мертвой. Когда в четвертом издании «Семейной хроники» (М., 1870) были впервые расшифрованы фамилии персонажей, ранее обозначенных инициалами, оказалось целесообразным восстановить и сноску Аксакова.

Стр. 204. *Барановский* Егор Иванович — оренбургский губернатор, хороший знакомый Аксаковых.

...я не мог бы верно описать ее без пособия сведений, доставленных мне обязательными людьми.— Воскрешая в памяти былое, С. Т. Аксаков испытывал порой необходимость подкреплять свои воспоминания показаниями старых друзей, земляков-оренбуржцев. Он обращался к ним с различными просьбами уточнить те или иные интересующие его сведения. В аксаковском фонде ИРЛИ хранится любопытное свидетельство одного из земляков Аксакова, имеющее прямое отношение к данному месту «Семейной хроники»: «...Сергей Тимофеевич по ходу рассказа приведен был к описанию одной татарской деревни невдалеке от Уфы, в которой был в детстве; ему хотелось проверить художественное представление свое об этой местности с действительностью, и он написал мне, прося сообщить описание местоположения деревни. Я послал Сергею Тимофеевичу самое верное и простое описание местности; этого-то ему и хотелось; и как благодарил он меня за исполнение просьбы, как рад был великий художник, что воссозданная им местность верна была истине» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 14, д. № 4, л. 14 об.).

ДЕТСКИЕ ГОДЫ БАГРОВА-ВНУКА

Мысль написать книгу для детей впервые возникла у С. Т. Аксакова в 1854 г., но осуществление этого замысла пришлось отложить на несколько лет. Закончив работу над «Семейной хроникой» и ободренный успехом этой книги, писатель начал другую. 11 декабря 1856 г. он сообщал художнику К. А. Трутовскому: «Я пишу историю моего детства с 3-х летнего возраста до 9-го года, пишу *для детского чтения*. Что из этого выйдет — не знаю. Есть места, которыми я сам очень

доволен, но многое кажется мне написано для больших, а многое написано слабо — потому, что у меня были в виду дети» («Русский художественный архив», 1892, вып. III—IV, с. 133). Месяц спустя в письме к тому же корреспонденту Аксаков снова возвращается к занимающей его теме: «Мне также иногда хочется писать «Дедушкины рассказы», которые есть не что иное, как воспроизведение в искусстве действительной истории моего детства (по крайней мере так бы следовало исполнить); только что картина прошедшего встает перед моим внутренним взором со всеми своими подробностями и живостью красок, как начинают приезжать гости и нередко фраза прерывается на полуслове. В иной день напишешь несколько строк, а в иной — и есть время, да не пишется. К тому же картина, вызванная из глубины душевных воспоминаний и не облеченная в слово, решительно теряет единство, цельность и оригинальность представления; другие, может быть, этого и не заметят, да я-то знаю очень хорошо. Без сомнения, художник должен следовать своему влечению...» (там же, с. 134).

Новая книга Аксакова являлась второй частью его автобиографической трилогии и служила прямым продолжением «Семейной хроники»; третьей частью были «Воспоминания», написанные и опубликованные ранее. В предисловии ко второму изданию этой книги (М. 1874) И. Аксаков писал: «Пусть читатель знает, что одни и те же лица выступают и в «Отрывках из хроники семейства Багровых», из которых в последнем, именно пятом, отрывке рассказывается рождение Багрова-внука, и в «Детских годах», непосредственно следующих за пятым отрывком, и, наконец, в приложениях к «Хронике» и изданных одновременно с нею «Воспоминаниях», непосредственно связывающихся с «Детскими годами» рассказом о вступлении Багрова-внука, или С. Т. Аксакова, в Казанскую гимназию — рассказом, который ведется С. Т. Аксаковым уже не под вымышленным именем, а прямо от своего лица. Точно так же и мать автора, Марья Николаевна Аксакова, называемая настоящим своим именем в «Воспоминаниях»,—то же самое лицо, которое в «Хронике» и «Детских годах» является под именем Софьи Николаевны Багровой, а часто упоминаемая в «Детских годах» Прасковья Ивановна Куролесова — есть героиня рассказа «Хроники» о Куролесове, т. е. Куроедове,— Надежда Ивановна Куроедова, освобожденная с бою Степаном Михайловичем Багровым (т. е. Аксаковым) из-под железных затворов своего злодея-мужа».

«Детские годы» были задуманы как книга о детстве и вместе с тем как книга для детей. Но именно вторая половина задачи создавала для Аксакова наибольшие затруднения. Первые отрывки книги строились в форме воспоминаний писателя о своем детстве и, по-видимому, еще недостаточно глубоко раскрывали внутренний, душевный мир юного героя. Кроме того, и это самое главное, в первых набросках книги, очевидно, еще не выкристаллизовался художественный образ повествователя. Об этом свидетельствует дневниковая запись Погодина от 9 ноября 1856 г.: «Обедал у Аксаковых с Томашевским. Слушал книгу для детей. Нет, это не книга для детей. Это продолжение «Воспоминаний» (Н. Барсуков. Упом. соч., т. XV, СПБ. 1901, с. 186—287).

Непривычность и сложность художественной задачи, стоявшей перед Аксаковым, заставляли его обращаться ко многим знакомым литераторам за советами и помощью. Одним из первых в их числе был Тургенев, с которым у Аксакова давно установились короткие, дружеские отношения. «Я занят теперь таким делом,— писал он Тургеневу,— о котором хотел бы знать ваше мнение. Я боюсь, попал ли

я на настоящий тон и не нужно ли изменить самые приемы: я пишу книгу для детей, разумеется, не маленьких, а таких, которым около 12-ти лет. Я ничего не придумал лучшего, как написать историю ребенка, начав ее со времени баснословного, доисторического, и проведя его сквозь все впечатления жизни и природы, жизни преимущественно деревенской... Разумеется, здесь нет никакой подделки под детский возраст и никаких нравоучений» («Русское обозрение», 1894, № 12, с. 590—591). Тургенев горячо поддержал замысел Аксакова: «Ваша мысль написать историю ребенка для детей — прекрасна, и я уверен, что вы исполните ее как нельзя лучше, с тою эпической ясностью и простотой, которая составляет вашу особенность между пишущей братией» («Вестник Европы», 1894, № 2, с. 498—499).

Аксаков придавал особое значение своей новой книге и считал ее самой важной из всех написанных им ранее «в педагогическом отношении». Вот почему он был очень требователен к себе, тщательно проверял каждый новый отрывок с точки зрения того, как он воспринимается посторонними людьми, и часто устраивал с этой целью чтения. «Я делал и частные чтения и публичные,— писал он А. И. Панаеву,— то есть приглашал по 50 человек слушателей. Люди, которым не могу не верить, говорят, что эта книга выше всего, написанного мною. Я не черпаю потому, что они слышали только отрывки. Нетерпеливо хочу узнать твое впечатление» (Абрамцево, рук. 69).

«Детские годы Багрова-внука» — наиболее крупное по объему произведение Аксакова. Хотя писатель испытывал значительные трудности в процессе работы, он писал эту книгу с необычайным увлечением и душевным подъемом. Работу над ней он начал в октябре 1856 и закончил в июне 1857 г. «Я кончил свою книгу 19 июня,— сообщил он Погодину.— Целые сутки грустил, как дитя. Не знаю, хорош ли мой труд, но души своей я много туда положил, потому что чувствую какую-то пустоту» (Н. Барсуков, Упом. соч., т. XV, с. 287). Ту же мысль он развивал в письме к сыну Ивану от 11 июля 1857 г: «Детские годы» кончил, работал ровно 8 месяцев... Я сам знаю, что много в нем есть такого, что выше всего, написанного мною. Вообрази, что я грустил, как дитя, кончив свою работу. Я много положил в нее души, не знаю, почувствуют ли это читатели?» («Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. Ш, М. 1892, с. 341).

Отношение самого С. Т. Аксакова к своей книге было сложным и противоречивым. В уже цитированном выше письме к сыну Ивану от 11 июля 1857 г. он заметил: «Теперь труд мой требует цельного обзора, а я запутался в нем, потому что в продолжение работы цель моя изменилась». Писатель высказывал сомнения в справедливости уверений друзей относительно того, что «Детские годы» — лучшее его произведение. «Я сам так думаю о *некоторых* местах,— писал он М. А. Максимовичу,— но совсем не уверен еще в достоинстве целого сочинения и совершенно уверен, оно не может возбудить такого общего сочувствия, какое возбудила «Хроника и Воспоминания». Жизнь человека в дитяти не всем будет понятна, а подробности рассказа многим покажутся мелкими и ничтожными» («Киевская старина», 1883, апрель, с. 840). Аксаков высказывал сожаление по поводу того, что книга его выйдет не вовремя и что она не будет иметь того успеха, какой она, может быть, имела бы в иное время. Перед лицом бурно развертывавшихся в стране политических событий конца 50-х годов интересы чисто литературные отодвигались в сознании

Аксакова на второй план. Об этом он сам писал Тургеневу в 1857 г.: «Чисто литературные интересы побледнели для меня, и моя книга, которую я так горячо желал видеть напечатанною, теперь уже мало меня занимает, а я положил в нее всю мою душу, все мое дарование и все уменье, приобретенное долговременною опытностью. Не вовремя она появится и не может быть вполне оценена. Важность интереса, если я и сумел представить его в простоте художественной формы, неминуемо должна ускользнуть от развлеченного внимания даже таких читателей, которые в другое, более спокойное время поняли бы его вполне» («Русское обозрение», 1894, № 12, с. 595).

Отклики современной Аксакову критики на «Детские годы Багрова-внука» были гораздо менее единодушны, чем в отношении «Семейной хроники». В некоторых статьях отмечались существенные недочеты, свойственные новой книге Аксакова, например, перегруженность повествования ненужными подробностями, чрезмерная растянутость, излишние повторения: указывалось и на то, что автор не всюду выдерживает единство тона, что он порой заставляет своего малолетнего героя оценивать события так, как это мог бы сделать лишь взрослый, умудренный жизненным опытом человек. Впрочем, иные из современников расценивали «Детские годы» даже выше «Семейной хроники». К ним, например, принадлежал Л. Н. Толстой. Познакомившись с отрывками новой книги Аксакова, он записал в своем дневнике 20—25 января 1857 г.: «Чтение у С. Т. Аксакова. Детство, прелестно!» (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 47, М. 1937, с. 112). А четыре дня спустя Толстой писал В. П. Боткину: «Слышал я две замечательные литературные вещи: «Воспоминания детства» С. Т. Аксакова и «Доходное место» Островского. Первая вещь мне показалась лучше лучших мест «Семейной хроники». Нету в ней сосредоточивающей, молодой силы поэзии, но равномерно сладкая поэзия природы разлита по всему, вследствие чего может казаться иногда скучным, но зато необыкновенно успокоительно и поразительно ясностью, верностью и пропорциональностью отражения» (там же, т. 60, М. 1949, с. 56).

Славянофильская критика (Хомяков, К. Аксаков и др.), положительно оценивая «Детские годы Багрова-внука», пыталась использовать творчество Аксакова как некий противовес обличительному, гоголевскому направлению в русской литературе. Содержательным и глубоким критическим выступлением о «Детских годах Багрова-внука» и о творчестве Аксакова в целом явилась статья Добролюбова «Деревенская жизнь помещика в старые годы» («Современник», 1858, № 3). Великий критик широко использовал творчество Аксакова в интересах борьбы против антинародного, крепостнического строя. Из более поздних откликов на книгу Аксакова отметим известные строки из «Пошехонской старины» Щедрина. В главе «Воспитание нравственное» содержится интересный рассказ Никанора Затрапезного (рассказ, в котором, несомненно, ощущается автобиографическое воспоминание самого автора) о том, как он, имея уже за тридцать лет, впервые «почти с завистью» познакомился с «Детскими годами Багрова-внука» и какое сильное впечатление произвела на него эта книга (см. Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XVII, с. 63—64).

До выхода в свет новой книги Аксакова отдельным изданием отрывок из нее был напечатан в «Русской беседе» (1857, т. IV, № 8, с. 1—33) под названием «Детские годы молодого Багрова (отрывок)». Сюда вошли три главы: «Возвращение в Уфу к городской жизни», «Зимняя дорога в Багрово» и «Багрово зимой». Отрывку автор предпослал следующее предисловие, датированное июлем 1857 г.:

«Предлагаемый отрывок составляет небольшую часть подобных рассказов молодого Багрова о своем детстве — Багрова уже внука известного читателям Степана Михайловича. Рассказы записаны мною с совершенною точностью: они служат продолжением «Семейной хроники». Желая передать по возможности живость изустного повествования, я везде говорю прямо от лица рассказчика. Считаю за нужное предупредить моих благосклонных читателей, что Багров-внук был мальчик необыкновенно рано и даже болезненно развитый страстно любившею его матерью. Знающим Софью Николаевну из «Семейной хроники» нетрудно этому поверить. Я оговариваюсь, потому что настоящий отрывок, выхваченный из средины полных и подробных рассказов, может показаться несколько неестественным и преувеличенным. В нем недостает той постепенности развития, той случайной обстановки, которая устраняет неестественность и уничтожает сомнение, чтобы шестилетнее дитя могло так много понимать и так сильно чувствовать». Имея в виду эти строки, С. Т. Аксаков писал сыну Ивану: «Я помещаю небольшое вступление, в котором стараюсь поставить читателя на нужную мне точку зрения» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, д. № 14, лл. 147—148).

Разночтения между первопечатным отрывком и окончательным текстом незначительны. Девяносто с лишним исправлений, сделанных автором, носили чисто стилистический характер.

8 ноября 1857 г. московская цензура подписала разрешение на издание «Детских годов», в начале следующего, 1858 года книга увидела свет. В данной книге воспроизводится текст этого единственного, вышедшего при жизни автора, издания с исправлением вкравшихся сюда нескольких явных опечаток.

Стр. 223. *Ольга Григорьевна Аксакова* (род. в 1848 г.) — дочь Григория Сергеевича Аксакова, любимая внучка писателя. Посвящение ей «Детских годов Багрова-внука» вызвано следующими обстоятельствами. В декабре 1854 г. С. Т. Аксаков написал шуточное стихотворное послание своей «Шестилетней Оле», в котором, поздравляя внучку с днем рождения, обещал, что

Ровно через год
Оле, внучке милой,
Дедушка пришлет
Книжку небольшую...

Книга была написана, во-первых, не через год, а спустя три года, во-вторых, она оказалась довольно большой по объему. Впрочем, неизвестно — действительно ли связаны «Детские годы Багрова-внука» с тем замыслом, который обещал осуществить писатель в своем стихотворном послании, или же они были написаны *взамен* той книги, которую некогда Аксаков собирался написать.

Стр. 237. *«Зеркало добродетели»* — речь идет о книге «Зеркало добродетели и благонравия для детей», соч. Кейля, пер. с немецкого, М. 1794.

«Признательный лев» и *«Сам себя одевающий мальчик»* — неточно названные рассказы из «Зеркала добродетели». Имеются в виду рассказы «Награжденное сострадание» (с. 118—121) и «Сам себе служащий мальчик» (с. 55—58).

Стр. 238. *...известную комиссию...* — Речь идет о так называемой «Комиссии для составления нового уложения», собранной в 1767 г. Екатериной II для пересмотра русского законодательства. В комиссию вошли депутаты от государственных учреждений, от дворян, купечества, духовенства. Никаких результатов деятельность комиссии не дала, в следующем году она была распущена.

«Детское чтение для сердца и разума» — первый детский журнал в России, выходил в 1785—1789 гг. в качестве еженедельного приложения к «Московским ведомостям», издававшимся Н. И. Новиковым. Журнал пользовался в свое время большой популярностью. Во время работы над «Детскими годами Багрова-внука» Аксаков взял у Погодина комплект «Детского чтения» и писал ему: «Очень благодарю вас за «Детское чтение». Ровно через шестьдесят лет взял я в руки эти драгоценные тогда для меня книжки — и поражен был изумлением. Я нигде не видывал такого отсутствия понимания предмета, как тут, а между тем книжки производили сильное и благотворное впечатление. Это сбивает меня с толку относительно моих настоящих понятий и труда, начало которого вы слышали» (Л. Б., ф. Погодина, II 1/62; у Н. Барсукова, впервые опубликовавшего это письмо, а также во всех последующих источниках оно цитировано неточно. Ср. «Жизнь и труды М. Погодина», т. XV, с. 286).

Стр. 290. *«Сонник»* — имеется в виду книга «Сонник, или Истолкование снов, приключающихся спящим людям...», СПБ. 1784; второе изд.— СПБ. 1791.

«Драматическая пустельга» — комическая пьеса Н. П. Николева (1758—1815) «Приказчик. Драматическая пустельга с голосами в одном действии» (М. 1781), впервые поставлена в Москве в 1778 г. Цитаты из пьесы приведены Аксаковым по памяти и неточны.

Стр. 299. Из семьи Мертваго особенно близок С. Т. Аксакову был Дмитрий Борисович Мертваго (1760—1824), его крестный отец; видный сановник, он занимал пост таврического губернатора и генерал-провиантмейстера; автор известных «Записок» (М. 1867). В 1857 г. С. Т. Аксаков написал о нем «Воспоминания».

Княжевич Максим Дмитриевич (1758—1813) — губернский прокурор в Уфе, позднее служил в казенной палате в Казани, выходец из Сербии. С. Т. Аксаков с детских лет был дружен с сыновьями М. Д. Княжевича — Дмитрием (1788—1844), впоследствии литератором, членом Российской академии, попечителем Одесского учебного округа, и Александром (1792—1872), впоследствии министром финансов.

Стр. 300. *Мансуров* Борис Александрович (ум. в 1814) — казанский губернатор.

Ланжерон Александр Федорович (1763—1831) — генерал, французский эмигрант; бежал из Франции после революции 1789 г. и поступил на русскую службу.

Энгельгардт Лев Николаевич (1766—1836) — полковник, автор «Записок» (М. 1867).

Стр. 302. *«Детская библиотека»* издавалась на немецком языке педагогом и писателем Иоахимом Генрихом Кампе (1746—1818). В переводе А. С. Шишкова вышли две части (СПБ. 1788), выдержавшие несколько изданий.

Стр. 304. *Фалатта! фалатта!* — Море! море! *(греч.)*

...любовь Шишкова к простолюдину! — Аксаков здесь, несомненно, идеализирует реакционера А. С. Шишкова.

Стр. 339. *выходил... погладить, приласкать Сурку...*—В тексте «Русской беседы» дано следующее примечание С. Т. Аксакова: «Собачка, спасенная и выкормленная молодым Багровым».

К фамилии *С. И. Аничкова* в тексте «Русской беседы» дано примечание автора: «Старик сосед, подаривший прежде книги молодому Багрову».

Стр. 340. «*Древняя Вивлиофика*»—Речь идет о ежемесячном издании Н. И. Новикова «Древняя Российская Вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описание свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев» (СПБ. 1773—1775).

Стр. 342—343. *Все были в негодовании на В.* ...—По вероятному предположению П. Е. Щеголева, здесь имеется в виду Сергей Козьмич Вязмитинов (1749—1819), уфимский наместник, позднее военный генерал-губернатор С.-Петербурга.

Стр. 343. К словам «*горбатая княжна—калмычка*» в тексте «Русской беседы» имеется примечание автора: «Княжна—прозвище, данное в насмешку бывшей крепостной калмычке, отпущенной на волю».

Стр. 344. «*Теперь-то гатчинские пойдут в гору*»—то есть сторонники Павла Петровича, жившего при Екатерине II в опале в Гатчине.

Стр. 378. Речь идет о романе французского писателя аббата Прево д'Экзиля (1697—1763) «Философ английский, или Житие Клевеланда, побочного сына Кромвелева, самим им писанное и с английского на французский, а с французского на российский язык переведенное» (СПБ. 1760—1771), в 9 частях, а не в 15 томах, как ошибочно указывает Аксаков.

Стр. 395. *Бедная Марья Михайловна... лишилась своего мужа, которого бунтовщики убили.*—Об убийстве старика Мертваго рассказал его сын Д. Б. Мертваго в своих известных «Записках», начало которых появилось в печати при жизни С. Т. Аксакова—в январской книжке «Русского вестника» за 1857 г. под названием «Пугачевщина». Здесь подробно рассказывается о том, как во время восстания Пугачева был убит Мертваго. Полный текст этих «Записок» опубликован в «Русском архиве» (1867, №№ 8 и 9) и одновременно—отдельным оттиском. Они были сопровождены здесь «вместо предисловия» «Воспоминаниями о Дмитрии Борисовиче Мертваго» С. Т. Аксакова.

Стр. 422. «*Арфаксад, халдейская повесть*»—«Халдейская вымышленная повесть, содержащая в себе образ жизни и нравов древних восточных народов... сочинения Козловского однодворца Петра Захарьина» (М. 1793—1796).

«*Алькивиад*»—роман немецкого писателя Августа Готлиба Мейснера (1753—1807), пер. с нем. Николая Осипова (СПБ. 1794—1802).

«*Граф Вальмонт, или Заблуждение рассудка.* Письма, собранные и обнародованные господином М... Поднесенные королеве французской в 1755 году г. Жерардом, каноником С. Людовика Луврского», пер. с франц. (Тамбов, 1794—1796).

«*Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов*»—роман английского писателя-сентименталиста Сэмюэла Ричардсона (1689—1761); первое издание этого романа вышло в России в 1791 г. в переводе с французского.

Стр. 454. *Дмитриев* Иван Иванович (1760—1837)—известный поэт-баснописец.

Стр. 455. *Шатров* Николай Михайлович (1763—1841)—поэт-архаист, сторонник А. С. Шишкова.

Стр. 460. *«Римская история Роллена»* — «История римская, от создания Рима до битвы Актийския, то есть по окончании республики», соч. французского историка Шарля Роллена (1664—1741), пер. В. К. Тредьяковского в 16 частях (СПБ, 1761—1767).

Стр. 485. «Векфильдский священник» — роман английского писателя Оливера Голдсмита (1728—1774), на русском языке впервые вышел в переводе с французского (М. 1786).

«Герберт, или Прощай богатство» — английский нравоучительный роман, написанный в форме писем, пер. с франц. (М. 1791).

«Железная маска, или Удивительные приключения отца и сына», в трех частях, пер. с франц. (СПБ. 1766—1767); Второе изд.— В 1800 г.

Хованский Григорий Александрович (1767—1796) — второстепенный поэт.

Стр. 487. *Долгоруков* Иван Михайлович (1764—1823) — владимирский губернатор, стихотворец, автор не лишенных интереса воспоминаний «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни» (М. 1874).

Стр. 520. *...впереди ожидало меня начало важнейшего события в моей жизни...* — Имеется в виду поступление в Казанскую гимназию, про которое рассказано Аксаковым в его «Воспоминаниях».

С. Машинский

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ИМЕНА[1] УПОМИНАЕМЫХ ЛИЦ И НАЗВАНИЯ МЕСТНОСТЕЙ

Багров Сережа — Аксаков Сергей Тимофеевич.

Багров Степан Михайлович — Аксаков Степан Михайлович, дед писателя.

Багрова Арина Васильевна — Аксакова Ирина Васильевна, бабушка писателя.

Багров Алексей Степанович — Аксаков Тимофей Степанович, отец писателя.

Багрова (урожд. Зубина) Софья Николаевна — Аксакова (урожд. Зубова) Марья Николаевна, мать писателя.

Зубин Николай Федорович — Зубов Николай Федорович, дед писателя.

Куролесова Прасковья Ивановна — Куроедова (урожд. Аксакова) Надежда Ивановна, двоюродная тетка отца писателя.

Сестрица — Аксакова Надежда Тимофеевна, сестра писателя.

Багрово Новое — Ново-Аксаково, или Знаменское, ныне Ново-Аксаково, Аксаковского сельсовета, Бугурусланского района, Оренбургской области.

Багрово Старое — Старо-Аксаково, или село Троицкое, ныне село Аксаково, Аксаковского сельсовета, Майнского района, Ульяновской области.

Парашино — Надеждино, известное также ранее под именем Куроедово,— ныне Надеждинского сельсовета, Белебеевского района, Башкирской АССР. Имение это перешло по наследству к отцу С. Т. Аксакова, а затем и к самому С. Т. Аксакову.

Чурасово — Чуфарово, ныне Стро-Маклаушинского сельсовета, Майнского района, Ульяновской области.

---

[1] Речь идет лишь о наиболее значительных персонажах «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова-внука».

СЛОВАРЬ ТРУДНЫХ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СЛОВ

Ба́гренье — зимняя ловля красной рыбы багром.

Барашек дикий — здесь: бекас.

Бастыльник — сорная крупная трава, бурьян.

Ба́чка — сокращенное: батюшка, отец.

Беляк — белая волна, пена, барашки.

Били (перепела́) — кричали.

Бить (расшитый битью) — сплющенная тонкая проволочка для золототканой работы.

Бить в дудки (термин в охоте на перепелов) — подражать крику перепелов.

Бланжевый — телесного цвета.

Бобовник — дикий персик.

Борть — дупло, в котором водятся пчелы.

Браная ткань — ткань, вытканная узором.

Бурак — берестовый стоячок с крышкой.

Варакушка — птица из разряда певчих.

Вешняк — ворота с подъемным засовом в плотинах для спуска вешней воды.

Взлобок — невысокое, крутоватое возвышение местности; высшая точка негористой местности.

Волосник — женская шапочка, надеваемая под платком.

Врюхаться — влюбиться.

Выбойка — самый грубый ситец, холщовая ткань с узором одного цвета.

Вытянуть гору — подняться на вершину пологой горы и спуститься с вершины к подошве.

Вятель — плетенка из прутьев у рыбаков.

Гнет — жердь, рычаг на возу для прижимания сена.
Гоношить — копить, собирать.
Грива — холм, поросший лесом.

Дикуша — гречиха.

Емены — хлеб для собственного употребления.
Ергак — халат или тулуп из короткошерстных шкур, шерстью наружу.

Желна — большой черный дятел.
Жирная вода — разлив, половодье.

Завозня — род небольшого речного судна, плоскодонная лодка.
Загон — пахотный участок земли.
Закрайка — осенний лед, намерзающий около берегов.
Залог — непаханая земля.
Застреха — нижний нависший край крыши с внутренней стороны.
Засыпка — помощник мельника.
Зверовой (о собаке) — охотничья собака.

Изволок — отлогая гора; некрутой длинный подъем.

Кармазин — тонкое ярко-красное сукно.
Козелец — сорное растение.
Ко́лок — отдельная рощица, лесок.
Копр — укроп.
Корчажное пиво — пиво домашнего приготовления.
Косна́я лодка — легкая лодка для переездов.
Куделя — вычесанный и перевязанный пучок льна, приготовленный для пряжи.
Кулига — ровное место, чистое и безлесное, поляна.

Лагун — бочонок.
Лутошка — липка, с которой снята кора; она сохнет и чернеет.

Мартышка (стаи мартышек) — птица из породы чаек.
Материк (реки) — русло реки.
Межéнь — средний уровень воды в реке.
Мешаться (о хлебах) — начать желтеть, зреть.
Младенская, родимец — судороги у детей.
Морда — плетенка из ивовых прутьев для ловли рыбы.
Мочка — прядь, волокно.
Мурья — тесное и темное жилье, лачуга, конура.
Муфтий — местный глава мусульманской церкви.

Намнясь — на этих днях.

Настуг — инструмент для строганья.

Недотка — самая грубая и редкая ткань (не-до-ткань), которая идет на частые бредни.

Обечайка — согнутый в круг лубок.

Осот — сорные растения разных видов.

Остаметь — остолбенеть.

Отправить сорочины — поминание на 40-й день.

Палочник — кустистый или молодой лесок, годный на палки.

Переломать — вспахать вторично.

Перемоки — частые дожди.

Плавиться (о рыбе) — рыба играет на воде.

Плесо — часть реки от одного изгиба до другого.

Поветь — крытое место.

Погоныш — малая болотная курочка.

Подбор (о неводе) — две продольные веревки, на которые посажен невод.

Подволока — чердак.

Подовые пироги — из кислого теста, испеченные на поду.

Полба — разновидность пшеницы.

Полосущатый — из полосухи, полосатой цветной ткани.

Понять (что-либо) — заливать.

Поставец — посудный шкаф.

Приданые — так назывались дворовые, отдаваемые за дочерью в числе приданого.

Пристановка (растений) — перемещение из оранжерей на воздух.

Пришипиться — присмиреть.

Происшедший — выслужившийся из «простолюдинов».

Прорезь — живорыбный садок; ящик с прорезами для протока воды.

Пряжка — упряжка, переезд на одних лошадях между кормежками, перегон.

Пустоплесье — незаселенный берег реки.

Расцыганить — осудить.

Ребятница — женщина с грудным ребенком.

Ремень (на животном) — темная полоса по хребту.

Рогатые орехи — рогульник, плод водяного растения.

Ротиться — клясться.

Сабан — род примитивного двухколесного плуга.

Сандал — название красителя.

Семьянный — имеющий семью.

Серпуха — желтая краска.

Сидка — высиживать.

Соковые краски — краски из соков растений.

Старина — здесь: родина.

Старица — старое, высохшее русло реки.

Стрежень — глубокое место в речном русле, годное для судоходства, фарватер.

Строка — вид овода.

Сырт — возвышенность, являющаяся водоразделом.

Сычуг — один из отделов желудка у жвачных животных; кушанье в виде фаршированного мясом желудка.

Сурчина — нора сурка.

Толока — потрава скотом трав, хлеба.

Труба (речная) — русло.

Тук — чернозем.

Тягло — семья крестьянина, платящего подати.

Уносные лошади — пара лошадей, обычно первая, в запряжках четверней и более.

Ухичивать — сделать годным для жилья, утеплить.

Хизнуть — хилеть, дряхлеть.

Холудина — жердь, длинная хворостина.

Цевка — зубец зубчатого колеса.

Чернотал — вид ивы.

Чилизник — вид акации.

Чихирь — род виноградного вина.

Шадрик — грязный, непереваренный помет.

Шиш — острая вершина, насыпь.

Штадт-физик — городовой врач.

Шушун — название верхней женской одежды, кофта или шубейка.

Братья Вайнеры
родились в Москве в рабочей семье.
Аркадий — в 1931-м, Георгий — в 1938 году.

В литературу Аркадий и Георгий Вайнеры пришли уже сложившимися людьми. Аркадий Вайнер работал старшим следователем московской милиции, за его плечами многолетний опыт борьбы с преступностью. Электромонтер, инженер, литсотрудник многотиражной газеты, корреспондент ТАСС—таков трудовой путь Георгия Вайнера. В 1967 году журнал «Советская милиция» опубликовал первую повесть братьев Вайнеров «Самый длинный день в году», посвященную самоотверженному труду людей, стоящих на страже закона. Этой теме писатели остались верны и в следующих произведениях. Ими написано полтора десятка повестей и романов. В том числе «Я, следователь...», «Лекарство против страха», «Гонки по вертикали». Книги, кроме нашей страны, более семидесяти раз выходили в различных странах мира. По их сценариям сняты двенадцать художественных и телевизионных фильмов. Фильм «Место встречи изменить нельзя» прочно удерживает первенство по количеству зрителей. Их пьесы поставлены многими театрами нашей страны, в ГДР и Чехословакии.

Неоднократно становились они победителями различных литературных конкурсов. Братья Вайнеры награждены золотой медалью и премией имени Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова.

Издательство «Юридическая литература» в научно-популярной серии «Право для всех» выпускает в 1990 году следующие книги:

«ПО ЛАБИРИНТАМ ПРАВА»
(Коллектив авторов)

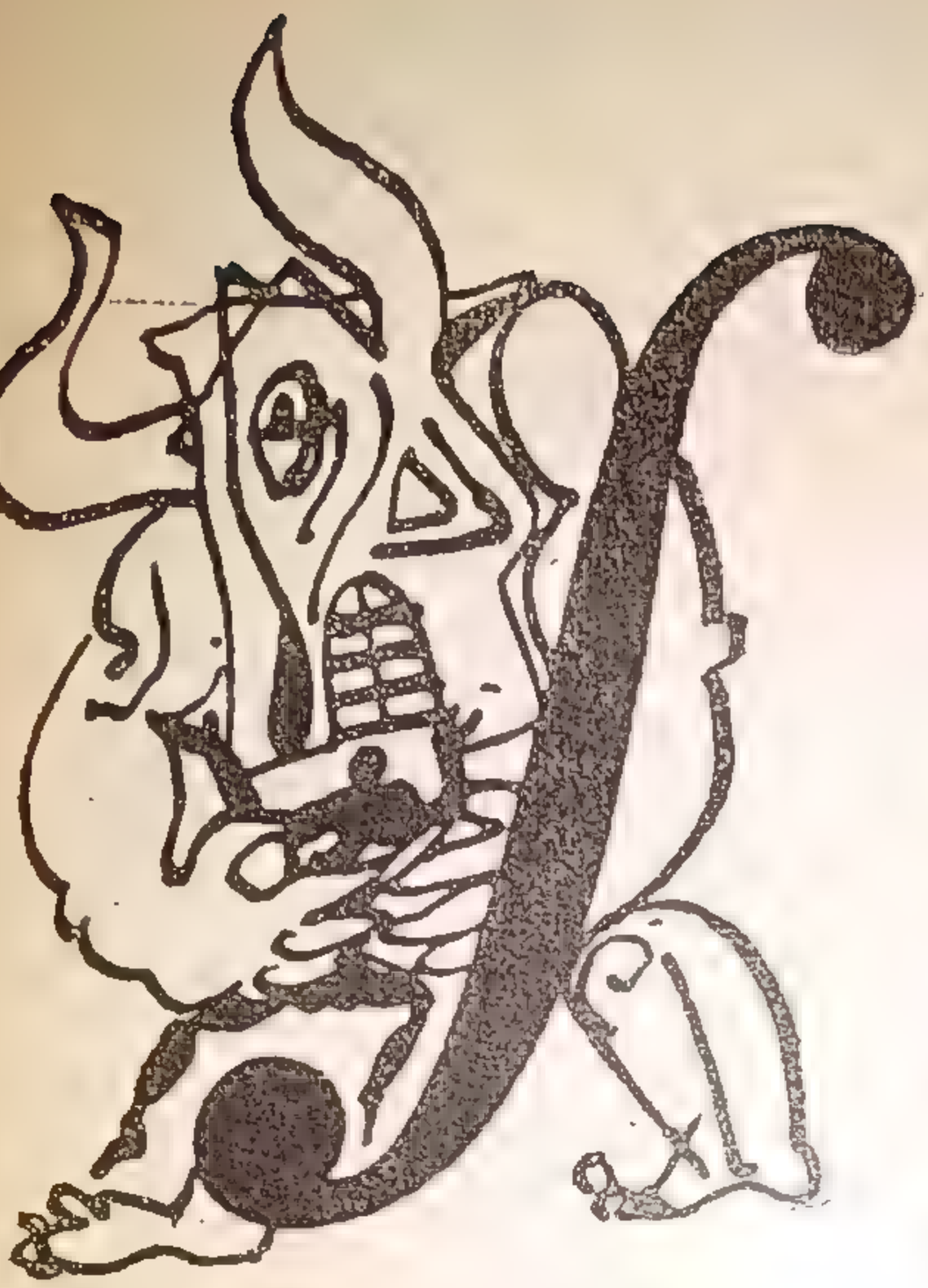
Знаем ли мы свои права и обязанности? Авторы книги приглашают молодого читателя вместе поразмышлять о сущности и целях советских законов, современных тенденциях в правовом регулировании, используя действующее законодательство, данные судебной практики и социологических исследований, анализируют права и обязанности молодежи.

«ЭКСПЕРТЫ-ФАЛЬСИФИКАТОРЫ»
(Винберг А. И.)

В книге на документальном материале дается оценка деятельности буржуазных судебных экспертов, раскрывается их роль как фальсификаторов в известных политических процессах середины XIX—XX веков в дореволюционной России, Франции, США, Японии.

«КУРОПАТЫ: СЛЕДСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...»
(Коллектив авторов)

Авторы рассказывают о расследовании дела о массовых расстрелах мирных граждан в тридцатые годы в лесном массиве Куропаты под Минском. Книга основана на документальных материалах, показаниях свидетелей, данных различных экспертиз, воспоминаниях жертв сталинщины.



Аркадий
Вайнер

Георгий
Вайнер

ВИЗИТ К МИНОТАВРУ

РОМАН

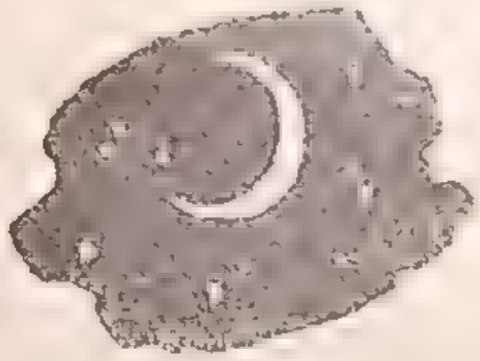
Москва · Юридическая литература
1990

ПИР

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ИСТОРИЯ
РОМАНТИКА

Жорж Санд

ЗАМОК ПЕРСМОН



РОМАНЫ

Редакционно-издательский центр
«Культ-информ-пресс»
Социально-коммерческая фирма
«Человек»
1992

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жорж Санд (1804—1876) посвятила свою жизнь служению литературе, создав за сорок пять лет неустанного труда более ста произведений, оставив заметный след в культурной жизни Франции и, возможно, всей Европы. Во всяком случае, в России ее творчество получило самую широкую известность. Первый роман писательницы — «Индиана» — вышел на русском языке уже в 1833 году, то есть через год после его публикации во Франции. В последующие десятилетия целые поколения русских читателей с интересом следили за перипетиями, выпавшими на долю ее героев. Творчество Жорж Санд высоко ценили такие корифеи российской словесности, как Н. В. Гоголь и М. Е. Салтыков-Щедрин. «Все то, что в явлении этого поэта составляло «новое слово», все, что было «человеческого»,— писал Ф. М. Достоевский,— все это тот же час в свое время отозвалось у нас, в нашей России, сильным и глубоким впечатлением» *. Хвалебные отзывы именитых писателей, несомненно, важны и лестны для всякого, но не они дарują бессмертие. Залог бессмертия Жорж Санд — в той любви, которую она непременно вызывает в самых широких читательских кругах.

Писательница (ее настоящее имя Аврора Дюпен) родилась в 1804 году. Она рано потеряла отца и провела детство в поместье своей бабушки, много внимания уделявшей ее воспитанию. Аврору отличал живой ум и энергичный характер. Когда ей минуло шестнадцать лет, бабушка умерла, оставив ей в наследство имение в Ноане (провинция Берри). Вскоре Аврора познакомилась с Казимиром Дюдеваном, рано вышла за него замуж, рано познала бремя несчастливого брака. В 1830 году баронесса

---

* *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. художественных произведений в 13-ти т. Т. 11. М.-Л., 1929. С. 309.

Дюдеван покинула мужа и переселилась в Париж, где начала сотрудничать в газете «Фигаро».

Когда она обратилась к литературному труду, ей не понадобилось тратить время на поиски своей темы: неудачный опыт супружеской жизни, мечты о личном счастье и выстраданное неприятие ханжеской морали побудили ее к своеобразному осмыслению проблем индивидуализма и свободы, занимавших в то время умы ее современников. Любовь героинь первых романов Жорж Санд разбивается о стену светских условностей и социальных предрассудков. Индиана (роман «Индиана»), Валентина (роман «Валентина»), Лелия (роман «Лелия») вступают с ними в борьбу, отстаивая право женщины на высокую страсть, которая, какие бы обвинения ни выдвигали против нее недруги писательницы, ничего общего не имеет с распущенностью.

Жорж Санд жила творчеством, и это притягивало к ней людей искусства. В ее квартире на улице Пигаль можно было встретить Фредерика Шопена и Ференца Листа, Генриха Гейне и Адама Мицкевича, Оноре де Бальзака, Эжена Делакруа и Полину Виардо.

В первые годы независимой жизни Жорж Санд, пытаясь самоутвердиться, искала внешние формы для проявления своего отказа от диктата приличий: она курила трубку и одевалась в мужской костюм, ее свободолюбивый нрав давал современникам много пищи для пересудов. Но в действительности бунт ее был глубже. Она отстаивала таким образом права своей личности, а мужской костюм призван был свидетельствовать о ее готовности сразиться с предвзятыми мнениями, подобно тому как блеск доспехов свидетельствует о готовности рыцаря к поединку с врагом. Однако вскоре она почувствовала пагубность безоглядного индивидуализма. Моральная чистота, которая всегда ее привлекала, оказалась недостижима без уважения интересов других людей, как полнота существования недостижима без ощущения своей общности со всеми. В 1835 году она писала: «Живя для одной себя и рискуя собой одной, я всегда подвергала себя опасности и жертвовала собою, как существом свободным, одиноким, ненужным другим, располагающим собой вплоть до самоубийства ради удовольствия или из отвращения ко всему на свете. Да будут прокляты люди и книги, которые помогали мне в этом своими софизмами».

Герои романов Жорж Санд всегда благородны — не по рождению, а по качествам души, в силу их горячего стрем-

ления к добродетели. Оптимизм писательницы в том, что она свято верила: человек способен измениться к лучшему, внять убеждению, вдохновиться примером. Свою задачу она видела в воспитании людей, и некоторая приверженность морализаторству могла бы в значительной степени лишить ее книги присущей им прелести, если бы... если бы не мягкая, едва ощутимая ирония, которая временами пронизывает повествование.

«Приключения души» составляют главный интерес в произведениях писательницы, хотя у нее есть немало романов с остро закрученным сюжетом. Именно «внутренняя драма», как справедливо заметил О. Бальзак, сообщает ее рассказу динамизм, которого другие романтики часто вынуждены [illegible] добиваться, [illegible] невероятные приключения и фантастические ситуации.

От при[illegible] наделенная [illegible], Жорж Санд и сама жи[illegible]. Но она [illegible] обрести счастье ни в любви [illegible] Альфреду де Мюссе, ни в любви к Фридерику Шо[illegible] [illegible] большей [illegible] и самозабвением оку[illegible] она в вопросы [illegible], то разделяя [illegible] Фурье о городах-[illegible] и становясь в ряды по[illegible]телей Сен-Си[illegible] [illegible] к христианскому с[illegible]ализму или к [illegible] республиканцев. Неизменным в ней было одно: искреннее стремление понять законы социальной жизни, нащупать пути к построению справедливого общества, где каждый будет иметь право на счастье. Не случайно И. С. Тургенев, близко знакомый с Жорж Санд, величал ее «одной из наших святых». «Наши потомки, наверное, улыбнутся над тем количеством слов, фантазии, приемов, какое понадобилось, чтобы высказать эти избитые истины, но они не посетуют на нас, обнаружив в глубине нашего творчества великую тревогу, и поймут по бессвязности наших речей, какую борьбу нам пришлось выдержать, чтобы подготовить их победу»,— писала она.

Из произведений Жорж Санд можно было бы составить целую библиотеку. Это и посвященный эпохе революции XVIII века роман «Мопра», героя которого возвышенная любовь к женщине приводит к нравственному очищению, и роман «Жак» — история идеального мужа, покончившего с собой, чтобы вернуть свободу изменившей ему жене. В «Орасе» она показала, какой расчетливый и бездушный эгоист скрывается под личиной романтического бунтаря. В числе лучших, особенно любимых русским читателем произведений Жорж Санд ее романы «Консуэло»

и «Графиня Рудольштадт», повествующие о жизни талантливой певицы, которая, отказавшись от легкого успеха, трудом и упорством достигает в искусстве вершин. Консуэло в изображении Жорж Санд похожа на Полину Виардо. «Я горжусь тем, что некоторые черты моего характера и внешности послужили вам материалом для создания этого замечательного образа»,— с благодарностью писала ей певица.

Во многих романах Жорж Санд обращается к народной жизни, самые известные из них — «Странствующий подмастерье», «Грех господина Антуана», «Мельник из Анжибо». В последние десятилетия жизни писательница отошла от социальной проблематики и сосредоточила внимание на исследовании глубоких переживаний, связанных с обретением или потерей любви (романы «Жан де ля Рош», «Маркиз Вильмер», «Исповедь молодой девушки», «Мадмуазель Меркем»).

...У книг, как и у людей, своя судьба; иные из них вдруг оказываются незаслуженно забытыми. Так, включенные в этот сборник романы, любимые и перечитываемые во Франции, уже сотню лет не публиковались на русском языке. Хочется верить, что наш читатель, который смог теперь открыть их для себя, в полной мере почувствовал радость от новой встречи с талантливейшей французской писательницей.

Н. Полторацкая

РОМАНЫ Г. Р. ХАГГАРДА

В 1867 году в Южной Африке, близ города Кимберли, были открыты алмазные россыпи.

Событие это имело для [illegible], на территории которой обнаружились невиданные залежи [illegible] самых драгоценных камней, поистине непредсказуемые [illegible] патриархальную страну скотоводов-буров и отсталых [illegible] вскоре хлынул буйный поток авантюристов, спекулянтов, искателей легкой и быстрой наживы. Со сказочной быстротой возникло [illegible] состояния, вчерашний бродяга становился богачом.

В Англии, которая [illegible] начале века обосновалась на южной оконечности африканского [illegible] захватив здесь основанную нидерландской Ост-Индской [illegible] Капскую колонию, теперь, после открытия алмазных [illegible] усилился живейший интерес к этой земле, таившей в своих недрах такие богатства. Англичанам далекая Южная Африка представлялась таинственной, сказочной страной, которая так много обещает всем, кто проникнет в глубь материка.

До тех пор английскому правительству казалось достаточным владеть в Южной Африке опорными пунктами в виде Капской колонии и Наталя. Но с открытием алмазных россыпей положение изменилось. Могла ли старая колониальная Англия допустить, чтобы такие сокровища попали в чьи-то чужие руки? Алмазные россыпи оказались на землях одного из местных негритянских племен, но на эту же территорию претендовала и Оранжевая республика буров. Богатый колониальный опыт подсказал выход.

В 1871 году английское правительство просто-напросто предписало губернатору Капа занять территорию алмазных россыпей. Через пять лет оно уплатило Оранжевой республике за эту территорию жалкую сумму в 90 тысяч фунтов стерлингов.

Началась эпоха безудержной колонизации Южной Африки. История этой колонизации, в соответствии с традициями английской колониальной политики, изобиловала вооруженными нападениями на мирных жителей, провокациями, убийствами, натравливанием одних негритянских племен на другие или на буров.

Свидетелем и участником этой колониальной эпопеи — во всяком случае, первых ее этапов — суждено было стать будущему писателю Хаггарду.

В английских аристократических семьях издавна существовала традиция посылать молодых людей в колонии, где они должны были про-

[illegible] жизненную школу, необходимую для представителей правящего класса.

В те годы, когда начиналась жизненная карьера юного Хаггарда, самой привлекательной точкой на земном шаре была Южная Африка. И девятнадцатилетний Хаггард в 1875 году отбыл в Южную Африку в качестве личного секретаря английского губернатора Наталя.

Юному секретарю губернатора пришлось немало попутешествовать по английским владениям в Южной Африке, довелось побывать среди негритянских племен, познакомиться с их обычаями, пережить много приключений. И надо отдать должное Хаггарду — он оказался человеком наблюдательным, с живым и любознательным умом. Его письма к родителям полны живописных подробностей его путешествий, южноафриканской природы, встреч с негритянскими вождями. С живым волнением, например, описывает Хаггард в одном из писем «охоту за колдунами», которую ему случилось наблюдать в негритянской деревне. Впоследствии эти заметки послужили материалом для одного из наиболее впечатляющих эпизодов романа «Копи царя Соломона».

В 1877 году английское правительство захватило Трансвааль. Хаггард в это время входил в штаб специального уполномоченного английского правительства Шепстона. Впоследствии будущий писатель стал председателем суда в Трансваале.

Хаггард оказался свидетелем того, как восстали буры против английских угнетателей, как развивались события первой англо-бурской войны (1880—1881), которая [illegible] полным поражением англичан.

Вернувшись в Англию, Хаггард посвящает себя занятиям литературой. В 1882 году он выпускает книгу [illegible] «белые соседи», в которой рассказывает о воинственном [illegible] возглавившем борьбу против англичан. Вслед за тем [illegible] две книги. В одной из них Хаггард рассказывал о поражении английской армии во время первой англо-бурской войны. [illegible] успеха у читателей не имели.

Между тем интерес к Южной Африке в Англии отнюдь не пропал. Было ясно, что англичане никогда не смирятся со своим поражением и будут и в дальнейшем пытаться прибрать к рукам несметные богатства Южной Африки. Один из инициаторов англо-бурской войны, Сесиль Родс, задался целью скупить все алмазные рудники и создал для этого акционерную компанию «Берс Консолидейтед Майнз». Позже, когда в Трансваале были открыты богатейшие в мире золотые россыпи, Родс и их почти целиком захватил в свои руки.

Забегая вперед в изложении событий, напомним читателю, что в 1899 году английское правительство начало новую войну против буров. Героическое сопротивление свободолюбивых бурских республик вызвало горячее сочувствие во всем мире. Несмотря на колоссальный перевес в силах, англичанам не удалось добиться быстрого и решительного поражения буров, и только в 1902 году эта позорная для Англии война окончилась тем, что независимые бурские республики были превращены в английские колонии и Британия овладела богатейшими в мире месторождениями алмазов и золота. Но всему этому еще предстояло свершиться, а пока что начинающий писатель Хаггард трудился над новым своим романом. Роман этот, названный им «Копи царя Соломона», вышел в свет в 1886 году и в несколько дней составил славу его автору.

Шумный успех нового романа Хаггарда был вызван прежде всего лихорадочным интересом английской публики к Южной Африке и ее сокровищам. Роман давал пищу взбудораженным умам, распалял вооб-

ажение описанием богатств, с незапамятных времен скрытых в таинственных горах в глубине африканского материка.

Многие наивные читатели приняли выдумку Хаггарда за правду и писали ему письма, умоляя сообщить им точные координаты копей царя Соломона. А один энтузиаст написал Хаггарду, что, несмотря на его отказ сообщить местонахождение сокровищ, он снаряжает экспедицию для поисков алмазных копей царя Соломона.

Однако секрет успеха «Копей царя Соломона» заключался не только в этом. В противном случае роман умер бы, как только снизился интерес читающей публики к Южной Африке и ее сокровищам. Но произведение Хаггарда продолжает жить и волновать сердца юных, да и взрослых читателей многих поколений. Роман этот был переведен на многие языки, и до сих пор его продолжают издавать во многих странах мира.

Не говоря уж о том, что в этом романе со всей силой проявилось мастерство Хаггарда в построении острого и напряженного приключенческого сюжета, необходимо отметить высокие литературные достоинства, не столь уж часто встречающиеся в произведениях приключенческого жанра, в которых главным, а иногда и единственным компонентом считается динамичный сюжет.

В романе Хаггарда живут и действуют ярко и убедительно написанные герои. И главным успехом Хаггарда следует считать образ старого охотника Аллана Квотермейна, от лица которого ведется повествование. Характерная интонация старого охотника, щедро сдобренная грубоватым юмором простого и много повидавшего на своем веку человека, окрашивает весь роман, придает ему неоспоримую прелесть. С симпатией и живым воображением выписаны Хаггардом и другие его герои, вместе с Квотермейном отправляющиеся в опаснейшее путешествие на поиски пропавшего брата сэра Генри Куртиса. Герои Хаггарда подкупают читателя отвагой, прямотой, благородством поступков.

«Копи царя Соломона» можно было бы отнести к жанру так называемого «колониального» романа, получившему широкое распространение в Западной Европе в конце XIX и особенно в начале XX века. Но одна весьма существенная черта отличает его от всей массы «колониальных» романов. Подавляющее большинство произведений этого жанра всегда несли и несут в себе иногда более, иногда менее замаскированную идею превосходства белой расы, воспевают «цивилизаторскую» миссию белых колонизаторов. Все это расцвечивается «восточной» экзотикой, не имеющей, как правило, ничего общего с подлинной действительностью.

Вот этих отталкивающих идей «колониального» романа нет в «Копях царя Соломона». Хаггард в своем романе пишет о зулусах и других негритянских племенах не только с глубоким знанием их обычаев, которые он имел возможность изучить на месте, но и с симпатией, подчеркивая их прямодушие, благородство и честность. Недаром его герой, Аллан Квотермейн, заявляет, что среди чернокожих он встречал не меньше подлинных джентльменов, чем среди белых.

Успех «Копей царя Соломона» подтолкнул Хаггарда на создание целого ряда романов, в которых писатель, стараясь максимально использовать открытую им «золотую жилу», продолжал черпать сюжеты для своих произведений из южноафриканской жизни. Попробовал Хаггард написать и продолжение «Копей царя Соломона», назвав новый роман по имени героя — «Аллан Квотермейн». Однако литературный уровень всех этих произведений оказался значительно ниже прославившей его книги. В некоторых из них повторялся с известными вариациями сюжет, уже использованный в «Копях царя Соломона». Нехватку жизненного материала писатель стал восполнять модным в те времена мистицизмом, все

[illegible] стали проступать в его романах идеи господства белой расы.

Есть, однако, в творчестве Хаггарда раздел, представляющий интерес и для советского юного читателя. Это его исторические романы.

Сюжеты этих произведений Хаггард черпал в эпохах, богатых бурными событиями, острыми столкновениями, войнами и религиозной борьбой. В подобных исторических событиях он находит динамичный сюжет, яркие, резко очерченные характеры. Хаггарда заинтересовывает история завоевания Кортесом древнего государства ацтеков, находившегося на территории нынешней Мексики, и он создает увлекательный исторический роман «Дочь Монтесумы». Легендарной эпохе викингов посвящает Хаггард роман «Эрик Светлоокий».

В этом жанре Хаггарду удавалось сочетать увлекательный приключенческий сюжет с тщательным воспроизведением основных исторических фактов.

Исторические романы Хаггарда отличает и еще одна характерная черта: симпатии автора, как правило, принадлежат угнетенным. В романе «Дочь Монтесумы», например, Хаггард не жалеет черной краски для изображения испанских завоевателей, показывает их безграничную алчность, жестокость, коварство. Испанцы противостоят миролюбивые и благородные ацтеки, защищающие свою родину от кровавых захватчиков.

Не исключено, конечно, что при изображении Испании и испанцев пером Хаггарда водила не только симпатия к угнетенным народам, но и память о том, что на протяжении веков Испания была самым опасным и сильным соперником Англии. Англичанину всегда приятно было читать о том, как смелый и честный [illegible] побеждает коварного испанца.

Все эти отличительные черты исторических романов Хаггарда читатель нашел и в «Прекрасной Маргарет», включенной в данный том.

Хаггард избрал для этого одного из лучших своих исторических романов последнюю четверть XV века — эпоху, являющуюся и для Англии и для Испании историческим рубежом в борьбе за централистской монархии против феодальной раздробленности.

В Англии, истощенной и обескровленной длительной и ожесточенной борьбой между двумя феодальными группировками — Ланкастерской и Йоркской — за английский престол, борьбой, известной в истории под именем войны Алой и Белой розы, пришла к власти новая династия — Тюдоров. Генриху VII, в шестой год правления которого происходит действие романа, основателю новой династии, удалось утвердиться на престоле и успешно бороться с крупными феодалами. Английский историк А. Мортон пишет о нем: «Генрих VII, основатель новой монархии, был в полном смысле слова символической фигурой. Королевство он завоевал с помощью оружия, а укрепил свою власть скаредностью, хитростью, дипломатией и двурушничеством. Этот человек был живым воплощением всех добродетелей и пороков возвышающейся буржуазии, которая процветала под защитой тюдорского режима и чьей поддержке его режим был обязан своей прочностью».

И хотя действие «Прекрасной Маргарет» в основном происходит в Испании, а Англии уделено сравнительно мало места, Хаггард сумел отразить историческую обстановку Англии того времени. Его герой, Питер Брум, беден, потому что его отец был сторонником короля Ричарда III и погиб в битве при Босворте, в которой одержал победу Генрих Тюдор. Немногочисленными, но точными деталями Хаггард показывает Генриха VII — его еще непрочное положение на престоле, необходимость поддерживать дружеские отношения с Испанией.

В Испании же после многовекового периода раздробленности в это время завершилось объединение страны, оформленное династическим браком Изабеллы, королевы Кастилии, и Фердинанда, короля Арагона. Королевская власть беспощадной рукой усмирила буйных сеньоров, неустанно воевавших друг с другом. Бандитские шайки, состоявшие на службе у крупных феодалов или нашедшиеся под их покровительством, грабили страну, врывались даже в города, держали в страхе население. Государство, то есть королевская власть, сеньоры фактически не признавали, мешая королевским судьям вершить суд, взимать подати, подавлять мятежи.

Для усмирения сеньоров была создана Святая Эрмандада — вооружённая сила, с помощью которой королевской власти удалось подавить мятежи феодальной знати и завоевать борьбу с бандитскими шайками, опустошавшими страну. В Галисии одной лишь Святой Эрмандадой было снесено сорок шесть замков и множество людей осуждено на смертную казнь.

Отголоски этой феодальной смуты и династической борьбы, предшествовавшей вокронации Изабеллы и Фердинанда, слышатся в «Прекрасной Маргарет». Мавры, пользуясь междоусобицей христиан, законного наследника престола, стремятся с помощью других грандов свергнуть с престола Хуана, короля Кастилии; шайки бандитов еще держат в страхе путешественников на больших дорогах; вооруженные отряды Святой Эрмандады охраняют порядок.

Отправив своих героев в Гранаду, Хаггард тем самым нашел средство показать еще одну сторону политической истории Испании того времени, а именно — последний этап продолжавшейся несколько столетий борьбы за освобождение Испании от господства мавров. К моменту действия романа на территории Испании оставалось последнее государство мавров — Гранадский эмират. Война, которую вели Фердинанд и Изабелла против мавров, протекала с переменным успехом. Задача испанцев облегчалась тем, что Гранадский эмират был ослаблен внутренними смутами и борьбой за султанский престол. В 1482 году мавры нанесли серьезное поражение испанцам под Лохой, но как раз в этот момент в Гранаде подняли восстание два сына царствовавшего султана Абульхасана — Абу-Абдаллах Мухаммед и Абу-Абдалла. Юсуф, которые опасались, что отец казнит их по наущению рабыни Зораиды, ставшей его возлюбленной. Один из братьев, Юсуф, был убит в этой борьбе, а другой, Абу-Абдаллах, или Боабдиль, в итоге был провозглашен эмиром Гранады. Испанцы воспользовались создавшимся положением и вновь открыли военные действия против Гранады, но были разбиты. Однако вскоре, в битве под Аусеной, кастильцы разбили мавров и захватили в плен Боабдиля. Фердинанд, умевший воевать не только оружием, но и коварством, освободил Боабдиля, объявил его своим союзником и помог ему вновь завладеть гранадским престолом. Нарушив затем союзный договор с Боабдилем, Фердинанд в 1487 году захватил Малагу. В 1490 году кастильские войска осадили Гранаду, но вынуждены были отступить. Наступила недолгая передышка в военных действиях. Вот к этому моменту и относится действие романа «Прекрасная Маргарет». В эпизодах, связанных с Гранадой, Хаггард отчетливо показывает атмосферу ожидания новой войны. Действительно, в 1491 году Фердинанд подступил к стенам Гранады, и после многих месяцев осады Гранада сдалась. Последний оплот мусульманства на Пиренейском полуострове был уничтожен.

Значительное место в «Прекрасной Маргарет» занимает инквизиция. Преследование инквизицией еврея Джона Кастелла составляет одну из центральных сюжетных линий романа. Хаггард сумел убеди-

тельно показать роль инквизиции в политической жизни Испании, раскрыл гнусность и жестокость, с которыми проходило преследование евреев и еретиков.

В Севилье кастильская инквизиция была учреждена в 1480 году. Она была подчинена королевской власти и сыграла видную роль в укреплении монархии. Маркс писал, что в Испании благодаря инквизиции церковь превратилась в самое страшное орудие абсолютизма.

Для иллюстрации этого положения достаточно привести один пример: только за первые восемь лет существования инквизиции, по свидетельству одного современника, в Севилье было осуждено на казнь семьсот человек и приговорено к пожизненному заключению или к другим наказаниям пять тысяч. За свое религиозное рвение, выражавшееся в преследованиях и уничтожении евреев и еретиков, Фердинанд и Изабелла получили прозвище «католических королей». Маркс в «Хронологических выписках» называет Фердинанда и Изабеллу «исчадиями мужского и женского пола», а Изабеллу квалифицирует как «фанатичную свинью», «ханжу» и «католическую скотину».

В «Прекрасной Маргарет» Хаггард показал и такую весьма существенную черту инквизиции, как обогащение за счет преследуемых. Всякое наказание сопровождалось конфискацией имущества казненного или осужденного, и за счет этих поступлений богатела королевская казна и служители инквизиции.

Несомненным достоинством романа «Прекрасная Маргарет» является осуждение автором расовых и религиозных предрассудков.

Хаггарду удалось в этом романе воплотить исторические черты эпохи. Следя за увлекательными приключениями героев романа, читатель оказывается в атмосфере эпохи, ему становятся понятны политические и религиозные страсти того времени, он начинает представлять себе быт и нравы средневековых Англии и Испании.

В заключение следует сказать, что творчество Г. Р. Хаггарда не заняло большого места в английской литературе. Но лучшие его приключенческие романы по-прежнему привлекают живой интерес юных читателей.

Б. Грибанов

ПРИМЕЧАНИЯ К ПОЭМЕ «КН. М. Н. ВОЛКОНСКАЯ»

[1] См. «Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францией в 1812—1815 годах». С.-Петербург. 1822 года, часть 3, стр. 30—64. Биография генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского.

[2] См. Соч. Жуковского, изд. 1849 года, том I, «Певец в-стане русских воинов», стр. 280:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый — грудь против мечей
С отважными сынами...

Факт, о котором здесь упоминается, в «Деяниях» рассказан следующим образом, часть 3, стр. 52:

«В сражении при Дашкове, когда [illegible] Россияне, от чрезвычайного превосходства в силах и [illegible] действия артиллерии неприятеля, несколько поколебались, генерал Раевский, зная, сколько личный пример начальника одушевляет [illegible] ему воинов, *взяв за руки двух своих сыновей, [illegible] еще двадцатилетнего возраста, бросился с ними вперед на [illegible] неприятельскую батарею*, упорствовавшую еще покорить [illegible]ству героев, вскричал: «*Вперед, ребята, за царя и отечество! я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!..*» — и что могло после сего противостоять усилиям и рвению предводимых таким начальником войск. Батарея была тотчас взята»

Этот факт рассказан и у Михайловского-Данилевского (т. I, стр. 329, изд. 1839 года) с тою разницею, что, по рассказу Данилевского, дело происходило не под *Дашковой*, а при *Салтановке*, и при этом случае упомянут подвиг шестнадцатилетнего юнкера, посвященного Раевскими, несшего впереди полка знамя при переходе через греблю под убийственным огнем; и когда младший из Раевских (Николай Николаевич) просил у него знамя, под предлогом, что тот устал: «Дайте мне нести знамя»,— юнкер, не отдавая его, отвечал: «Я сам умею умирать!» Подлинность всего этого подтверждает и генерал Липранди, заметка которого (из дневника и воспоминаний И. П. Липранди) помещена в «Архиве» г. Бартенева (1866 года, ст. 1214).

[3] Наша поэма была уже написана, когда мы вспомнили, что генерал Раевский и по возвращении из похода, окончившегося взятием Парижа, продолжал служить. Мы не сочли нужным изменить нашего текста, так как это обстоятельство чисто внешнее; притом Раевский, командовавший корпусом, расположенным близ Киева под старость действительно часто живал в деревне, где, по свидетельству Пушкина, который хорошо знал Н. Н. Раевского и был другом с его сыновьями, занимался, между прочим, домашнею медициной и садоводством. Приводим, кстати, свидетельство Пушкина о Раевском в одном из писем к брату:

«Мой друг, счастливейшие минуты в жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель

екатерининского века, памятник 12-го года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества».

[4] Зинаида Волконская, урожденная кн. Белосельская, была родственницей нашей героине по мужу.

[5] Quatre Nouvelles. Par M-me La Princesse Zénéide Wolkonsky, née P-sse Bélosselsky. Moscou, dans l'imprimerie d'Auguste Semen, 1819[1].

[6] См. стихотворение Д. В. Веневитинова, изд. А. Пятковского. СПб., 1862. («Элегия», стр. 96):

На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла.

Пушкин также посвятил З. В<олконс>кой стихотворение (1827 год), начинающееся стихом:

Царица муз и красоты

и пр.

[7] Юрзуф — очаровательный уголок южного берега Крыма — лежит на восточной оконечности южного берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Заметим здесь, что во всем нашем рассказе о пребывании Пушкина у Раевских в Юрзуфе не вымышлено нами ни одного слова. Анекдот о шалости Пушкина по поводу переводов Елены Николаевны Раевской рассказан в статье г. Бартенева «Пушкин в Южной России» («Русский архив» 1866 года, ст. 1115). О друге своем кипарисе упоминает сам Пушкин в известном письме к Дельвигу: «В двух шагах от дома рос кипарис; каждое утро я посещал его и привязался к нему чувством, похожим на дружество». Легенда, связавшаяся впоследствии с этим другом Пушкина, рассказана в «Крымских письмах» Евгении Тур («С.-Петербургские ведомости» 1854 года, письмо 5-е) и повторена в упомянутой выше статье г. Бартенева.

[8] Я помню море пред грозою,
Как я завидовал волнам,
Бежавшим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам,

и проч.

(«Онегин» Пушкина)

(Прим. Н. А. Некрасова.)

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1985

ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ

В январе 1913 года, когда вышел из печати первый небольшой сборник стихов Демьяна Бедного, автор разослал несколько экземпляров книги знакомым литераторам и одну из книг надписал:

«Верьте мне, что я не склонен к самообольщению и рад буду тому, если Вы признаете во мне единственное качество, мое искреннее, горячее желание посильно служить скорейшему пробуждению и прояснению самосознания того простого рабочего народа, из недр которого я вышел» [1].

Это «искреннее и горячее желание» служить интересам народа было действительно самым главным и неотъемлемым свойством поэта. И литературное имя, которое он себе избрал, символизировало его принадлежность к простому народу — к бедным, угнетаемым, но не склонным мириться с подневольной судьбой, а готовым к сплочению и борьбе. Прообразом такого непокорного и дерзкого, затаившего ненависть к угнетателям человека явился персонаж одного из ранних стихотворений поэта «О Демьяне Бедном, мужике вредном». Как и все его произведения 1908—1911 годов, стихотворение это было подписано подлинной фамилией автора — Е. Придворов. Только позже, в начале 1912 года, он взял себе имя своего героя в качестве литературного псевдонима. И с тех пор на протяжении многих лет миллионы читателей восхищались меткостью, остротой мысли, живостью и легкостью стиха поэта Демьяна Бедного.

Ефим Придворов был крестьянином по происхождению, рос в бедняцкой семье, жизнь его могла сложиться совсем иначе, чем она сложилась, но он сам сумел дать ей верное направление, выйти на широкую дорогу революционной деятельности и стать крупнейшим в России пролетарским поэтом.

---

[1] Демьян Бедный. Собр. соч. в 8-ми томах. М., 1965, т. 8, с. 408.

Родился он 13 апреля (по новому стилю) 1883 года в селе Губовка Херсонской губернии. Отец его, Алексей Придворов, часто уходил на заработки, мать не любила сына, и наиболее близок в детстве был мальчику его дед Софрон, сердечный, добрый человек, в доме которого Ефим с матерью прожил с семи до тринадцати лет. «Жил я с дедом,— рассказывал впоследствии поэт.— Беднота такая, ничего нет. Ну, я очень шустрый, псалтырь читал, «аллилуйя», «господи боже» [1]. За отпевание покойников он получал первые копеечные доходы. Кроме церковных книг, Ефим читал и народные хрестоматии, и произведения русских поэтов. Позднее, в стихотворении «Горькая правда», Д. Бедный вспоминал, как он вместе «с хлебом бережно засовывал в мешок свою любимую, зачитанную книгу».

Страсть к чтению была замечена в сельской школе. Там считали необходимым продолжить дальнейшее образование мальчика. Но отец, служивший церковным сторожем в ближайшем от Губовки городе Елисаветграде (ныне Кировоград), собирался отдать сына в ученики обойному мастеру. Однако Алексея Придворова все же уговорили поместить сына в учебное заведение, где тот будет содержаться на «казенный кошт».

Полное государственное обеспечение учащимся давали прежде всего военные школы, в которые допускались выходцы из «низших сословий». Так в 1896 году Ефим Придворов был определен в Киевскую военно-фельдшерскую школу, и ему была уготована судьба заштатного военного фельдшера в каком-нибудь захолустном гарнизоне.

Однако четыре года казенной муштры и ученья и еще четыре года фельдшерской службы в елисаветградских казармах не погасили в юноше привязанности к книгам, тяги к подлинным знаниям; уже в двадцатилетнем возрасте он решил бросить службу и оставить приобретенную в школе специальность, чтобы получить гуманитарное образование. Для этого требовался аттестат зрелости,— Ефим Придворов получил его, сдав экстерном экзамены за все восемь классов мужской гимназии. После этого он отправился в Петербург и осенью 1904 года стал студентом-филологом.

Во время прохождения университетского курса Придворов, по-видимому, редко занимался сочинительством (хотя раньше, в Киеве, складывал стихи и даже печатал их; то были бесцветные

---

[1] Из выступления Д. Бедного на совещании деревенских политпросветработников и крестьян-выдвиженцев.— Вопросы литературы, 1958, № 11, с. 180.

вирши вполне благонамеренного содержания — поэт вспоминал о них потом с сожалением и усмешкой). Он целиком отдался наукам, с особым увлечением изучал древнюю русскую литературу, классическую поэзию, устное народное творчество, отечественную историю и наряду с другими дисциплинами очень хорошо усвоил латынь и немецкий язык.

В ту пору Придворов был еще далек от событий, будораживших всю страну и волновавших студенческую молодежь. Залпы революции гремели рядом, не вызывая глубокого отклика в душе будущего поэта. В своей автобиографии он объяснял это тем, что «долго... не мог отделаться от военной выправки и патриотической закваски» [1], полученных в фельдшерской школе и на военной службе. «Переоценка ценностей», путь к передовым убеждениям был для Придворова извилистым и нелегким. Тем не менее длительное пребывание в студенческой среде, интенсивная духовная жизнь, пристальная мужицкая «приглядка» ко всему совершающемуся вокруг имели своим результатом то, что, по собственному признанию поэта, «после четырех лет новой жизни, новых встреч и новых впечатлений, после ошеломительной... революции 1905—1906 годов и еще более ошеломительной реакции последующих лет» он «растерял все, на чем зиждилось» его «обывательски-благонамеренное настроение» [2]. Память о безрадостном детстве, навсегда поразившие душу картины крестьянской нужды, кулацкой эксплуатации, поповского обмана и административной расправы со «смутьянами» — все это слилось в его сознании с мрачными событиями столыпинской эпохи: с чудовищным царским террором, виселицами, нагайками, этапами арестантов, со все усиливающимися голосами нужды и страданий родного народа.

Выразить эти тяжкие ощущения можно было только словом жестким, правдивым, горестным — не таким, какими писались давние мальчишеские, одобряемые начальством стихи. Так родились те произведения Ефима Придворова, которые и положили начало его творческому пути: «С тревогой жуткою...», «И минул год...», «Чудных три песни...» и некоторые другие. Написанные в 1908—1909 годах, они встретили сочувствие у поэта-народовольца П. Ф. Якубовича-Мельшина, первого крупного литератора, с которым познакомился Придворов. Стихи были напечатаны в солидном петербургском ежемесячнике, выходившем под редакцией В. Г. Короленко, в журнале «Русское богатство» (Якубович-Мельшин руко-

---

[1] Демьян Бедный. Собр. соч., т. 8, с. 254.
[2] Там же, с. 254.

водил здесь отделом поэзии). Своим гражданским пафосом, сочувствием к страдающему народу, всем словесно-интонационным строем произведения эти отвечали вкусу одного из последних представителей народнической лирики, каким и был Якубович-Мельшин.

Но мысли и чувства молодого поэта выходили далеко за рамки догматических идей позднего народничества. В таких его стихах, как «Сынок», «Письмо из деревни», «О Демьяне Бедном, мужике вредном», пробивались ноты готовности к протесту, к активной борьбе. Придворову становилось явно не по пути с либерально-народническим журналом. Тяжко пережитая им смерть Якубовича-Мельшина (весной 1911 года) окончательно оборвала связь его с «Русским богатством». Пришлось искать другое пристанище своим стихам, и не только стихам, но и новым душевным стремлениям, новым, революционным идеям, которые все глубже захватывали поэта.

Таким пристанищем явилась газета «Звезда», в декабре 1910 года начавшая выходить в Петербурге. Придворов послал туда свои стихи, редакция их охотно приняла, а вскоре завязалась и личная дружба молодого автора с литераторами, наборщиками и печатниками работавшими в большевистской газете. Демьян Бедный сделался среди них своим человеком. Один из редакторов «Звезды», К. С. Еремеев, впоследствии вспоминал, что часто в типографии в бессонные трудовые ночи, когда печатники делают газету, Демьян Бедный незаметно пристраивался у наборных касс или на талере метранпажа и писал стихи. Иногда он читал их вслух, проверяя на первых своих слушателях качество эпиграмм и басен, написанных на злобу дня. Дружный смех окружающих был ему первой наградой за поэтический труд.

Став сотрудником «Звезды», а затем «Правды» и «Невской звезды», Демьян Бедный навсегда связал свою жизнь с коммунистическим движением. В 1912 году он вступил в ряды ленинской партии. До начала первой мировой войны стихи его появлялись во всех легальных большевистских изданиях, выпускавшихся в центральных городах России (московской газете «Наш путь», петербургских журналах «Просвещение», «Работница» и др.).

Диапазон его творчества по сравнению с предыдущими годами заметно расширился. Лирика перестала быть единственным жанром поэзии Д. Бедного — все более властно в его произведения вторгалась сатира, облекаясь в формы басни, частушки, злободневной политической эпиграммы. Гораздо богаче стала и тематика стихов; она уже не ограничивалась жизнью деревни, выраже-

нием скорби по поводу страданий народа, а охватывала большой круг вопросов общественно-политического бытия. В своих произведениях Д. Бедный откликался и на ленский расстрел рабочих и вызванные им в России протесты, и на первомайские стачки и демонстрации, и на случаи полицейского и судебного произвола, и на происки кадетов, черносотенцев, октябристов, и на предательскую политику меньшевиков. Большевистская печать учила его поднимать отдельный, на первый взгляд, казалось бы, мелкий жизненный факт на уровень серьезных политических идей.

Стихи Демьяна Бедного доставляли немало беспокойства правительственным чиновникам, охотившимся за «крамолой».

«Царская цензура,— рассказывал поэт,— поначалу растерялась, а потом, опомнившись, пришла в исступленную ярость. Особо острые басни влекли за собой или штрафы, или конфискацию номеров «Правды», в которых были напечатаны эти басни, разоблачавшие и громившие врагов рабочего класса. Ряд рабочих-редакторов из-за басен подвергся тюремному заключению. Под конец само слово «басня» оказалось запретным» [1].

Не умея справиться с поэтом при помощи цензурных репрессий (он очень ловко обходил цензуру, используя в своих стихах различные формы иносказания, так называемый «эзопов язык»), полицейские власти прибегли к помощи провокатора. Проникший в число работников «Правды» полицейский агент Черномазов пытался спровоцировать конфликт между поэтом и редакцией. Предатель не был еще разоблачен и его умысел еще не раскрылся, когда известие об этом конфликте достигло Владимира Ильича. Ленин тотчас же и решительно стал на сторону поэта. Конфликт был улажен, и в феврале 1913 года Владимир Ильич в письме Д. Бедному выразил удовлетворение тем, что поэт вернулся в «Правду» [2]. Сотрудникам же редакции Ленин писал: «Насчет Демьяна Бедного продолжаю *быть за*... Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать. Грех будет на вашей душе, большой грех (во сто раз больше «грехов» личных разных, буде есть таковые...) перед рабочей демократией, если вы талантливого сотрудника не притянете, не поможете ему» [3].

Когда затея Черномазова провалилась, власти попытались обрушить на поэта-правдиста административные меры. 19 февраля

---

[1] Из вступительного слова на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня смерти И. А. Крылова.— Демьян Бедный. Собр. соч., т. 8, с. 395.

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 588.

[3] Там же, т. 48, с. 182.

1913 года Д. Бедного арестовали, а на квартире, где он жил, произвели обыск, который, однако, не дал результатов. Поэт и в шутку и всерьез заметил после этого в стихотворении «Моя молитва», что для него «всегда в Крестах (в одной из петербургских тюрем.— *И. Э.)* готова тихая обитель».

В 1913 году вышел первый поэтический сборник Д. Бедного — «Басни». Несмотря на все придирки цензуры, из книги так и не удалось вытравить демократического, прогрессивного духа, она быстро приобрела известность и получила положительные отзывы в печати.

Крупные провинциальные газеты в связи с выходом книги опубликовали статьи о Демьяне Бедном. В. Д. Бонч-Бруевич писал о нем в газете «Вятская речь», Л. Войтоловский — в «Киевской мысли», П. Мирецкий — в «Донской жизни». Откликнулся на «Басни» и столичный журнал «Современный мир». Все писавшие отмечали народные истоки творчества молодого поэта, говорили о «проницательности автора» и знании им жизни, указывали на красочность и выразительность его поэтического языка. «Простонародная речь Демьяна Бедного,— писал В. Д. Бонч-Бруевич,— чарует читателя несомненной близостью к народному языку. Во всех словечках, присказках, на всем пространстве диалога, повсюду чувствуешь силу и мощь великого русского языка»[1].

С книгой «Басни» познакомился В. И. Ленин, посоветовав А. М. Горькому прочесть ее и выразить свое мнение[2].

Трехлетняя работа Д. Бедного в большевистской печати сыграла исключительно важную роль в его идейном и творческом росте. Она расширила его кругозор, воспитала мировоззрение, привила вкус к темам общественно-политического характера, помогла становлению и развитию его поэтического стиля.

Прочными связями с большевистской прессой определились и те позиции, которые Демьян Бедный сразу же занял в литературно-общественной борьбе. Со страниц «Звезды» и «Правды» он в 1912—1914 годах неоднократно выступал против идеалистических течений в литературе, против буржуазного декаданса; его фельетоны в прозе («Критическая гримаса», «Их лозунг») и стихотворные сатиры («Диво», «Эстетик» и др.) уличали Ф. Сологуба, З. Гиппиус, А. Белого и других литераторов-декадентов в проповеди аполитизма и безыдейности. В басне «Кукушка» поэт выступил против кадетской фальсификации политического лица ве-

---

[1] Вятская речь, 1913, 7 сентября.

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 180.

ликого революционного демократа Герцена. В стихотворениях «Сын», «У могилы Тараса Шевченко» Д. Бедный с гневом обрушился на клеветников и черносотенцев из газеты «Новое время», которые пытались осквернить память великих писателей-демократов Щедрина и Шевченко.

Поэт горячо отстаивал демократические традиции русской литературы и следовал им в своем творчестве.

* * *

В июле 1914 года, когда началась первая мировая война, царские власти запретили все большевистские органы печати. Сотрудники этих изданий были частью арестованы и сосланы, частью отправлены в районы военных действий. Попал на фронт и Демьян Бедный. Он служил фельдшером, отличился в боях (был награжден Георгиевским крестом), в то же время продолжал писать стихи и вел фронтовые записи. У него накопилось несколько записных книжек, содержавших бытовые сценки, боевые эпизоды, солдатские словечки и разговоры. Получив однажды отпуск и направляясь с фронта домой, Д. Бедный взял с собой дневники, но вынужден был уничтожить их вместе с письмами, когда заметил, что его преследует царский шпик. На следующий день при обыске, произведенном в городской квартире поэта, были изъяты все хранящиеся там рукописи.

В стихах этой поры поэт писал о великих бедах, которые принесла трудящемуся люду бессмысленная, грабительская война. Такие произведения, понятно, не могли быть пропущены военной цензурой.

Во второй половине 1915 года Д. Бедный был освобожден от военной службы и возвратился в Петроград. Здесь он стал работать еще интенсивнее — написал ряд новых стихотворений, переводил басни Эзопа (выбирая из них те, которые могли иметь актуальное политическое звучание). Ему приходилось идти на еще более ловкие, чем прежде, ухищрения, чтобы его произведения попадали в печать. И все же многие из них («Ловля гусей», «Помощь», «Мир», «На заезжем дворе») были опубликованы лишь после революции.

События, потрясшие нашу страну в 1917 году, открыли перед поэтом новые, широкие горизонты. Уже свержение царской власти и переход к борьбе за продолжение революции потребовали от него исключительной творческой энергии, умения ориентироваться в сложной политической обстановке, быстро отвечать на запросы

дня. Нужна была поэзия, обращенная непосредственно к самым широким массам. 5 марта 1917 года вновь начала выходить «Правда» — она-то и сделалась для поэта его главной трибуной. Самые животрепещущие вопросы жизни — борьба за мир, за хлеб, за власть, за подлинную свободу — стояли в центре его поэтического творчества. События исторической значимости запечатлевались в стихах и песнях, которые будили революционное сознание масс, укрепляли их волю к победе.

Новая историческая обстановка и новые темы во многом изменили характер поэтических средств, которыми пользовался Д. Бедный. Иносказание, басня, притча оттесняются в его творчестве на второй план. Насущные задачи массовой агитации потребовали перехода к открытой и прямой поэтической речи: на первое место выдвигаются такие жанры, как агитационное стихотворение, песня, политический фельетон. Рождается особый вид фельетона, в котором стихи монтируются с документальным материалом (жанр этот займет одно из видных мест в творчестве Д. Бедного 20—30-х годов). Широкую известность приобретают его сатиры на меньшевиков и кадетов («Социал-заики», «Петельки», «Либердан»), его революционные солдатские песни («Барыня», «Приказано, да правды не сказано»).

Вышло в свет (в партийном издательстве «Жизнь и знание») и несколько иллюстрированных брошюр со стихами Д. Бедного. Руководивший издательством В. Д. Бонч-Бруевич показал эти брошюры Ленину.

«Владимир Ильич,— рассказывает Бонч-Бруевич,— сейчас же схватил их и тут же стал внимательно просматривать. И, читая, все более и более смеялся. Смех его даже переходил в раскатистый хохот. Владимир Ильич смеялся и приговаривал: «Прекрасно! Как хорошо сказано! Метко! Очень хорошо!» [1].

Летом 1917 года Д. Бедный принялся и за крупное произведение, которое было задумано еще во время пребывания в окопах. На материале войны и революции он создает стихотворную повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю». События этого времени даны в двух планах: в плане бытового повествования, отражающего революционное пробуждение масс (жизнь деревни и города, фронтовые будни, судьба основных героев повести — Вани и Маши), и в плане непосредственных злободневных откликов на реальные факты политической жизни.

Соответственно этому в текст повести введены многочисленные сатирические песенки, пародии и фельетоны, которые выража-

[1] Воспоминания о Демьяне Бедном. М., 1966, с. 13.

ко отношение народа к войне, к царизму, к буржуазным политикам. Поэтом даны блестящие по меткости и остроте политические характеристики событий и лиц, хорошо известных читателям того времени. Повесть представляет собою злую сатиру на самодержавие, на Временное правительство, на деятелей буржуазных политических партий. Сочетание политической хроники с сюжетным бытовым повествованием и острой злободневной сатирой явилось той новой поэтической особенностью, которая сделалась характерной и для всей последующей работы Д. Бедного.

Реалистический метод творчества Д. Бедного поднялся здесь на новую ступень, обрел новую силу. Создавая большое эпическое произведение, поэт строго следовал принципу конкретного и правдивого изображения действительности; последний был прямо сформулирован во вступлении (запеве), где от лица автора декларировалось, что речь свою он поведет «с правдой-истиной в ладу», что его повествование представляет собою «доподлинную быль».

Написанная живым народным языком, отвечавшая насущным духовным запросам народа, повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю» пользовалась большой популярностью. Она явила собою первое крупное [illegible] русской поэзии, посвященное революционной эпохе.

* * *

Вскоре после Октябрьской революции В. И. Ленин, ценя деловые качества Д. Бедного и его политическое чутье, собирался привлечь его к работе в центральных органах советского аппарата. Но поэту хотелось целиком сосредоточиться на литературной работе, и Владимир Ильич, узнав об этом, согласился с ним. В «Правде», «Известиях», «Бедноте» и других советских газетах произведения Д. Бедного стали появляться каждые два-три дня, а иногда и ежедневно. Особенный же размах и распространение приобрело его творчество в период гражданской войны.

Стихи поэта доходили до самых отдаленных уголков фронта, до самых заброшенных сел и деревень. Ни один литератор того времени не был так любим деревенскими читателями, так близок душе рабочего и красноармейца, как Демьян Бедный. Его книжки, выходившие в бумажных, ярко раскрашенных обложках, напоминавших то народный лубок, то агитационный плакат, шли у читателей буквально нарасхват.

Однажды на железнодорожной станции южнее Курска остановился воинский эшелон. В это время на запасном пути стоял поезд Реввоенсовета, в котором ехал Демьян Бедный. Красноармейцы толпою ринулись туда.

«Навстречу,— рассказывает очевидец,— со ступенек вагона спустился тучноватый, осанистый мужчина в солдатских шароварах, заправленных в сапоги, в знаменитой буденовке и гимнастерке с широкими красными петлицами. Остроконечный шлем и петлицы делали Демьяна Бедного похожим на древнего богатыря, прямо сошедшего с картины Васнецова.

Далеко не все из подошедших красноармейцев умели читать, но все знали Демьяна — так фамильярно-ласково они его называли. Вскоре раздался смех и даже реготание, вызванные не совсем салонными шутками, которыми перебрасывался поэт со своей аудиторией»[1].

После этого была атакована теплушка с агитлитературой — разбирали брошюры со стихами Демьяна Бедного.

А сколько известно случаев, когда со словами поэта на устах (например, с «Красноармейской марсельезой») красные воины шли в бой против белых; когда листовки, раскиданные на фронте (например, листки со стихотворением «Ванька-Танька»), помогали преодолевать страх перед вражескими танками; когда произведение, написанное Д. Бедным (например, «Проводы»), становилось любимой песней молодежи.

Все это объяснялось тем, что поэт сам жил с народом. Боевая молодость страны, ее надежды и печали, ее страдания и победы были живительным источником творчества Демьяна Бедного. Он прошел с Красной Армией весь ее героический путь. Он был в 1918 году под Казанью и в день штурма города, захваченного контрреволюционными войсками, выпустил листовку в стихах (ее разбрасывали с самолета), призывавшую красноармейцев «иль победить, иль пасть героем». Он был среди войск, наступавших на Самару, наблюдал в бою Василия Чапаева, шел с полками, носившими имена Разина и Пугачева. Лето 1919 года застало Д. Бедного на Южном фронте, где готовили контрудар на Деникина, ранняя осень 1920 года — на Западном фронте, где гнали белополяков. Завершился же фронтовой путь поэта в штабном поезде М. В. Фрунзе, в октябре — ноябре 1920 года, когда ликвидировали последний очаг белогвардейщины — врангелевскую ставку в Крыму.

---

[1] Зелинский К. На рубеже двух эпох. Изд. 2-е. М., 1962, с. 84.

Это были годы беспримерной творческой активности поэта. Он создал несколько стихотворных повестей, ряд поэтических бесед и рассказов, много фельетонов, частушек, подписей к плакатам, эпиграмм. Десятки книг, вышедших в 1918—1920 годах, объединили эти произведения; некоторые сборники («Красный казак», «В огненном кольце» и др.) переиздавались по два-три раза, а общий тираж произведений Д. Бедного достиг пяти миллионов экземпляров. Таких тиражей до той поры еще не знала русская поэзия.

Творчество литератора-большевика Д. Бедного все больше определялось и утверждалось как творчество романтическое и героическое, отражающее мир борьбы, свершений и чувствований новых хозяев страны. Именно этим, как и природным умением поэта облечь большую и важную мысль в доступную каждому читателю, выразительную, яркую форму, обусловливался громадный успех поэтической работы Д. Бедного.

И последующие годы были богаты для него творческими победами. Но можно без всякого преувеличения сказать, что литературный труд периода гражданской войны явился для Д. Бедного поэтической вершиной, что своим творчеством тех лет он вписал одну из лучших страниц в историю советской литературы.

* * *

Наиболее крупным произведением Д. Бедного, созданным в первые послевоенные годы, явилась поэма «Главная Улица» (написана к пятой годовщине Октября), в которой с большой силой революционного оптимизма выражено понимание грандиозных перспектив социалистического движения, захватывающего народы всей земли. Поэма прозвучала отповедью тем политическим маловерам, которые считали дело революции «проигранным», а героические традиции рабочего класса «утраченными». Обобщая основные этапы революционной борьбы трудящихся масс России, поэма ярким светом озаряла и героическую советскую современность и революционное будущее народов всего мира. Тяготение к эпичности, историзму, к пониманию живой связи настоящего с грядущим — таков смысл творческих исканий Д. Бедного, отразившихся в «Главной Улице». Уверенно и гордо звучала высокая патетика этого произведения — черта, особенно ценимая в лирике Д. Бедного В. И. Лениным. Вероятно, «Главная Улица» принадлежала к числу тех произведений поэта, о которых писала Н. К. Крупская, вспоминая, что в последние месяцы своей жизни Владимир

Ильич любил слушать в ее чтении стихи Демьяна Бедного и что особенно нравились ему пафосные стихи [1].

Эта струя «пафосной», гражданской лирики становилась все ощутимее в работе поэта. Неувядаемыми образцами ее явились стихи Д. Бедного о Ленине: «Любимому» (1923), «Снежинки» (1925), «Никто не знал» (1927). С гордостью Д. Бедный писал о творческих устремлениях советских людей, об их достижениях на культурном и трудовом фронтах («В малом великое», «Мария Голошубова», «На свет!», «Тяга» и др.).

Первостепенное значение для нашей поэзии темы труда и образа передового человека — труженика социалистической стройки — Д. Бедный подчеркнул в стихотворении «Товарищ борода»; в нем он призывал молодых поэтов идти туда, «где подлинный герой — такой простой и скромный — свершает подвиг свой огромный...».

Образ положительного героя современности, намеченный в этом стихотворении, обогатился новыми чертами в произведениях Д. Бедного 30-х годов. Поэт стремился насытить их материалом социалистической действительности, почерпнутым непосредственно из жизни. Он ездил на строительство Магнитогорского комбината, постоянно бывал у рабочих московских заводов (АМО, «Серп и молот»), неоднократно посещал колхозы и вел с колхозниками переписку. В те годы родились поэма «Вытянем!!» (о магнитогорцах), стихотворения «Пороги» (о пуске Днепростроя), «Дорога гигантов» и многое другое. Восторженные строки посвятил он «бойцам за красную жизнь» — строителям колхозов.

Наряду с гражданской лирикой важнейшей частью работы Д. Бедного пооктябрьских лет оставалась сатира. Поэт выступил страстным обличителем буржуазной реакции, колониальной политики империалистов, гонки вооружений, разнузданных действий фашизма. Им высмеивались и разоблачались многие деятели международной реакции.

Д. Бедный достигал особой выразительности своей сатиры благодаря чрезвычайной остроте восприятия жизненных фактов, умелому их отбору и типизации. Из пестрой и разнообразной хроники зарубежной жизни поэт выбирал для своей сатиры то, в чем с наибольшей силой выражалась сущность буржуазного мира (фельетоны «Подлинно черный», «Мрак!», «Такие капитализму не нужны»). Он строил стихотворение так, что непременно создавался комический эффект и в то же время заострялась основная, ве-

---

[1] Крупская Н. К. О Ленине. Сборник воспоминаний и выступлений. М., 1965, с. 96.

дущая тема. Среди сатирических произведений Д. Бедного есть вещи самой различной композиции и жанра — от эпиграмм в четыре строки и маленького фельетона до развернутого политического обозрения. Различны и применяемые в них средства комизма, но все они подчинены единому стремлению раскрыть тот или иной факт в его основной политической значимости, обнажить перед читателями самую его суть.

Великолепно проявилось мастерство Д. Бедного-обличителя и в тех его произведениях, которые были направлены против отрицательных явлений в жизни советских людей («Хорошо!», «Легкомысленная особа», «Лодырская судьба», «Пряник на меду» и др.). Д. Бедный умел подмечать в нашей действительности то, что мешало успешному строительству социализма, и с гневом обрушивался на жалких паникеров, назойливых шептунов, бюрократов, расхитителей народного добра, заскорузлых собственников и мещан. Поэзия Д. Бедного воспитывала в читателях высокое чувство идейной чистоты, помогала утверждать в нашей жизни требования коммунистической морали.

На принципах реализма основывалась и антирелигиозная сатира поэта — произведения, в которых обличались невежество, суеверие, религиозные предрассудки («Христос воскресе», «Крещение», «В монастыре» и др.). Наиболее крупные из них —«Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна», где сопоставляются друг с другом и остроумно опровергаются евангельские апокрифы и сказания, и «Повесть о том, как четырнадцатая дивизия в рай шла» — яркий поэтический бурлеск, высмеивающий легенду о существовании рая.

В годы мирного строительства особенно возросло внимание Д. Бедного к вопросам эстетики и культуры. Его занимала проблема взаимоотношений поэта и общества. Он отстаивал принципы высокой идейности и народности литературы, звал к борьбе как с вульгаризаторством в искусстве, так и с литературным гурманством.

Еще в первые годы Советской власти Д. Бедный выступил против теоретиков Пролеткульта, чье высокомерное и презрительное отношение к искусству прошлого, увлечение вселенскими масштабами и пренебрежение к реальной действительности противоречили традициям русской литературы и политике партии в вопросах культуры («Бил бы лбом», 1923). Поэт едко иронизировал и над теми убогими стихотворцами, которые в обстановке напряженного созидательного труда народа, в условиях жестокой классовой борьбы отгораживаются от жизни, ищут благостного отдохновения и покоя («О соловье», 1924).

В стихотворении «Вперед и выше!» (1924) Д. Бедный сформулировал основные принципы собственной работы. Называя себя «тружеником упорным», «скромным пахарем» на поэтической ниве, автор требовал от искусства правдивости, ясности, простоты.

Поэт критиковал идейные и творческие позиции не только Пролеткульта, но и некоторых других литературных группировок 20-х годов («Перевала», «Лефа»), последовательно борясь против всякого рода формалистического трюкачества, против идеалистической трактовки вопросов искусства. В стихотворном фельетоне «О писательском труде» (1931) Д. Бедный яростно обрушился на поэтических «жрецов», на любителей «лавровых венков», проповедников «эстетического худосочия». Автор утверждал поэзию как труд, как работу чеканщика мысли и образа, для которого созидание нового мира — это «дум наших всех средоточие». Решительно отвергая теорию «стихийности» литературного творчества, отрицая ведущую роль в творческом процессе интуитивного начала, он призывал «облагородить по-новому боевой, пролетарский писательский труд». Со страстной защитой принципов гражданской патриотической поэзии Д. Бедный выступил и на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. Субъективизму буржуазного искусства, всяческим попыткам возрождения эстетских теорий он противопоставлял активное участие литератора в жизни советского общества.

В беседе с молодыми авторами (1931) Д. Бедный подчеркивал, что новая жизнь требует и новых способов ее отражения, новых форм искусства. «Труднейшее дело,— заявил он,— эти самые новые формы. Особенно теперь, когда требуется отобразить невиданное в мире гигантское социалистическое жизнетворчество. Не мудрено, что мы, писатели, нервничаем и бьем тревогу: «Отстаем! Отстаем!» Не мудрено и отстать... если оторваться от жизни, замешкаться, не включиться своевременно в тот творческий поток, которым сносится, смывается старое и создаются новые формы жизни» [1].

Поэзия наша, сказал Д. Бедный, должна внушать читателю «радостное и доброе настроение, облегчающее преодоление... трудностей...» [2]. Малодушие и скептицизм нам глубоко враждебны, но столь же чужды нашим эстетическим принципам всякого рода

---

[1] Демьян Бедный. Собр. соч., т. 8, с. 359.
[2] Там же, с. 368.

приспособленчество и фальшь. Фальшь может прозвучать и тогда, когда поэт искренен, но недостаточен его поэтический кругозор, нет у него опыта, профессионального мастерства. «Самое высокое вдохновение,— предупреждал Д. Бедный,— может остаться немым, безгласным, будучи связано отсутствием технической выучки» [1].

Не только вопросы поэтической формы, но и вопросы литературного языка Д. Бедный ставил в непосредственную и тесную связь с общественно-воспитательными задачами искусства. Он сурово осуждал попытки эстетской лакировки и выхолащивания языка, формалистического коверкания слова, возражал также против засорения литературного языка жаргонизмами и диалектизмами. Д. Бедный считал долгом художника дальнейшую разработку богатств народной речи. Язык народа шлифовался на протяжении веков,— именно он, а не выдумки формалистов-«словотворцев» служит неиссякаемым источником для поэзии. Полемизируя с любителями поэтической зауми, поэт в стихотворении «О соловье» говорил, что «наша речь красна здоровой красотой», что «в здоровом языке здоровый есть устой!..»

Сам постоянно используя богатства народного языка, в том числе и народно-поэтической речи, широко применяя идиоматические народные выражения, Демьян Бедный в то же время избегал натуралистического копирования разговорной речи. Язык лучших его произведений красочен, гибок, богат. Есть в них строки, которые звучат как пословица, как афоризм («погибла муха за идею, цена которой — грош», «приказано, да правды не сказано» и т. п.). Широко вводя в свою поэтическую речь слова и выражения из политического обихода — из публицистики, митинговых выступлений, газеты,— Демьян Бедный также умел каждый раз придать им нужное поэтическое звучание. В случае необходимости он прибегал к неологизмам; последние бывали настолько удачны, что из стихов Д. Бедного перекочевывали в разговорный язык, в публицистику («либердан», «гуверит» и многие другие).

Реализм и народность поэзии Д. Бедного, достоинства его литературного языка получили одобрительные отзывы ряда видных общественных деятелей и писателей нашей страны. Тесно общались с поэтом и высоко ценили его труд Н. К. Крупская, М. И. Ульянова (как ответственный секретарь газеты «Правда» она соприкасалась с ним в редакционной работе), М. И. Калинин,

---

[1] Демьян Бедный. Собр. соч., т. 8, с. 377.

А. В. Луначарский. Известны положительные отзывы о работе поэта, содержащиеся в высказываниях М. Горького (называвшего Д. Бедного в числе людей, «весьма чутких к затейливой игре языка») и В. Маяковского (высоко ценившего газетную работу поэта с ее «точной целевой установкой»), в дневниковых записях Д. Фурманова, в одной из статей А. Серафимовича.

Заслуги Демьяна Бедного неоднократно отмечались правительством, партией и советской печатью. В 1923 году он был награжден орденом Красного Знамени, в 1933 году — орденом Ленина. 20 мая 1936 года было широко отмечено двадцатипятилетие его работы в большевистской печати. Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров СССР специальным письмом приветствовали в тот день «поэта-большевика, чья жизнь и большой талант отданы делу рабочего класса и крестьянства» [1].

* * *

На всем своем творческом пути Демьян Бедный отстаивал и развивал передовые, демократические традиции русской поэзии.

Теснее всего творчество его было связано с наследием двух великих поэтов XIX века — И. А. Крылова и Н. А. Некрасова.

Демьяну Бедному суждено было возродить в русской литературе басенный жанр, который с 40-х годов прошлого века — со времени смерти Крылова — считался нежизненным, устаревшим. Поэт «Звезды» и «Правды» глубоко и активно воспринял опыт замечательного баснописца. Его привлекали в этом жанре народность языка и формы, обличительная направленность басни, возможность с помощью ее ответить на насущные вопросы времени.

Но пролетарский поэт не мог ограничиться только рамками прежней, крыловской традиции и постоянно искал пути совершенствования басенного жанра. Так, например, пользуясь характерными для этого жанра аллегориями, Демьян Бедный всегда придавал им политическую конкретность, тем самым усиливая остроту звучания басни. Типичные для басни дидактические концовки он превращал в актуальные лозунги и призывы. С помощью прозрачных намеков он «просвечивал» условный басенный сюжет злободневной идеей.

Басня прочно закрепилась в творчестве Бедного еще в дореволюционные годы, продолжая занимать видное место и в его пооктябрьской поэзии. Выпущенная в 1935 году книга Д. Бедного «Сто басен», иллюстрированная художниками Кукрыниксы, явля-

[1] Правда, 1936, 20 мая.

ется единственным
тиры — ярким свид
ность традиции дре
ги басня стала од
поэзии.

Демьян Бедный
популяризатором кр
готовке полного соб
ния вышел в 1944
столетию со дня см
«Правде» (1944, 20
ской литературы».
венном заседании в
но, в своем творчес
ет расти»; поэзия е
ном... в золотой цеп
это была невосполн
ного вклада, которы
нописец-сатирик...»

Наследие Некр
образцом с самых
стихах, написанных
народной горести
звучали свойствен
деревни»). Особенн
его крестьянским
рабочую долю». Д.
выборе жанра наро
ре повествования
Местами он прямо
совского творчеств
ревня» позаимство
Д. Бедного, как и
родную нищету. С
шо» в повести Д.
и другой персонаж
в прямой зависимо
произведения. Вли
зово-мелодической
Д. Бедного (повес
урожай»).

[1] Демьян Б

ется единственным в своем роде собранием революционной сатиры — ярким свидетельством того, как обогащает современность традиции древнего жанра. С легкой руки автора этой книги басня стала одним из распространенных жанров советской поэзии.

Демьян Бедный был не только наследником, но и активным популяризатором крыловского наследства. Он участвовал в подготовке полного собрания сочинений Крылова; первый том собрания вышел в 1944 году под редакцией Д. Бедного. Тогда же, к столетию со дня смерти великого баснописца, он опубликовал в «Правде» (1944, 20 ноября) статью «Честь, слава и гордость русской литературы». Выступая в день юбилея Крылова на торжественном заседании в Большом театре, Д. Бедный говорил: «...духовно, в своем творчестве, он продолжает жить, слава его продолжает расти»; поэзия его является «естественным и необходимым звеном... в золотой цепи нашей великой родной литературы. Какая бы это была невосполнимая брешь — отсутствие в ней того драгоценного вклада, который внес в ее сокровищницу гениальнейший баснописец-сатирик...» [1].

Наследие Некрасова также служило Д. Бедному творческим образцом с самых ранних пор его литературной работы. Еще в стихах, написанных до прихода в «Звезду», слышались интонации народной горести и печали, характерные для лирики Некрасова, звучали свойственные ему народно-песенные ритмы («Письмо из деревни»). Особенно сильно чувствуется близость к Некрасову, к его крестьянским поэмам в повести «Про землю, про волю, про рабочую долю». Д. Бедный шел здесь от Некрасова уже в самом выборе жанра народной эпопеи с крестьянскими образами в центре повествования и с постановкой больших социальных проблем. Местами он прямо ориентировался на конкретные образы некрасовского творчества. Из стихотворения Некрасова «Забытая деревня» позаимствован образ бабушки Ненилы, который в повести Д. Бедного, как и в стихотворении Некрасова, символизирует народную нищету. С поэмой Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» в повести Д. Бедного связан образ Якима Нагого. Но и тот и другой персонажи по-новому осмыслены и освещены Д. Бедным в прямой зависимости от социально-исторического содержания его произведения. Влиянием некрасовских поэм — их строфики и сказово-мелодической речи — отмечены и позднейшие произведения Д. Бедного (повести в стихах «Степан Завгородний», «Военный урожай»).

---

[1] Демьян Бедный. Собр. соч., т. 8, с. 393.

О своей юношеской из далеких времен деревенского детства любви к Некрасову Д. Бедный рассказал в стихотворении «Семена». Любовь эту он сохранил на всю жизнь. По свидетельству О. Литовского, Д. Бедный знал творчество Некрасова «лучше многих исследователей-специалистов». «Жаль,— продолжает О. Литовский,— что никто не записывал рассказов Демьяна о Некрасове. Он говорил о нем, как о живом, сегодняшнем человеке» [1].

С гордостью и любовью писал Д. Бедный в последние годы своей жизни о Пушкине, Белинском, Щедрине, Горьком — о тех, чью память бережно хранят поколения русских людей. В наследии русской культуры Д. Бедный особенно выделял и подчеркивал то, что связывало ее с национальным самосознанием народа, с революционно-освободительной борьбой.

Иногда в литературной полемике Д. Бедный допускал несправедливые суждения по адресу тех или иных поэтов прошлого, сводя их творчество только к узкосословной, дворянской лирике, упуская из виду его большое общеэстетическое значение. Но то были случайные передержки, нимало не поколебавшие убежденности поэта в духовной силе и громадной просветительной роли великой русской литературы.

Творчество Д. Бедного органически связано и с традициями устной народной поэзии. В фольклоре он видел олицетворение дум трудового народа, выражение его неиссякаемой жизненной энергии, высоких моральных устоев. Народное творчество было для поэта вечно живым, развивающимся и обновляющимся началом, источником, который, по его словам, никогда не иссякнет. «Из этого источника,— писал Д. Бедный,— черпали свое вдохновение наши величайшие поэты. Обращение к этому живому источнику народного творчества удесятеряет творческие силы, подобно прикосновению героя греческой мифологии к матери-земле» [2].

Сам поэт настойчиво изучал фольклор, часто и умело используя его традиции в своей поэтической работе. Так, некоторые образы из народных сказок, легенд, бывальщин оживали в баснях Д. Бедного («Анчутка-заимодавец»). Целиком в манере русского сказового фольклора была написана им серия сказок в стихах («Диво дивное», «Клад», «Пирог да блин» и др.); в одних случаях тут обрабатывались народные мотивы, в других «сочиненные» сказочные сюжеты строились по фольклорному образцу.

[1] Литовский О. Так и было. Очерки, воспоминания, встречи. М., 1958, с. 110.

[2] Демьян Бедный. Песельники, вперед! — Собр. соч., т. 8, с. 332—333.

Но теснее всего связана с устной поэзией повесть Д. Бедного «Про землю, про волю, про рабочую долю». Об этом свидетельствуют и ее композиция (традиционный «запев», обязательное «прощание»), и язык, насыщенный элементами фольклорной стилистики, и очень широкое использование различных народно-поэтических жанров. В тексте повести можно найти и рекрутский плач («Песни народные»), и плясовую песенку с притопом («Отчего не поплясать? Поплясать...»), и частушку («Ай, Тимошка, молодчина»), и побасенку («Про Луку с его женой»), и сказку («Колобок»), и песню с популярным припевом («Барыня»), и былинный сказ («Песня о земле»), и народную басню («По бабушку»). Наряду с примерами крестьянской лирики встречаются здесь и вариации городского фольклора («Как у питерских господ...», «Контрразведчики») и солдатские песни. Но ни в одном из этих текстов нет признаков стилизации, механического подражания народной поэзии. Все они наполнены злободневным содержанием, тесно связаны со своим временем, органически вплетены в сюжет повести.

Для пооктябрьских лет особенно характерна работа Д. Бедного над массовой песней. Такие его произведения, как «Проводы», «Перекопская», «Нас побить, побить хотели», приобрели широкую известность благодаря тому, что их патриотическое содержание выражено в живой, гибкой, легко кладущейся на музыку и быстро усвояемой форме, непосредственно примыкающей к образцам народной песни.

Выступая по вопросам поэзии устно и в печати, Д. Бедный всякий раз подчеркивал богатство идей, форм, поэтических средств, таящихся в лучших произведениях народного творчества. Мастерству «словесной экономии» и выразительности поэтической речи народа он призывал учиться всех советских литераторов.

«Умейте же говорить с народом его живым языком,— заявил поэт на Третьем Всесоюзном совещании рабселькоров в 1926 году,— прислушивайтесь сами к его живой речи и у него, у кого было «мало слов, а горя — реченька, горя реченька бездонная», поучитесь «режиму словесной экономии». В малое количество слов народ умел вливать все свои упования, все свои скорби, все горе неизбывное. Так сумейте же и вы овладеть по-настоящему той доходящей до сердца речью, которою владеет народ» [1].

[1] Правда, 1926, 30 мая.

* * *

Давно тянуло Демьяна Бедного к большой, капитальной работе, к созданию обширной поэмы на темы народных сказов и легенд. И он приступил к этой работе, стал изучать уральский и алтайский рабочий фольклор, пользуясь известной книгой сказов П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и публикациями фольклористов. Он пришел к выводу, что «...рабочий фольклор, бывший в таком пренебрежении у дореволюционных фольклористов, именно теперь обнаружил себя в образцах изумительной силы и волшебного очарования». «Блестяще подтвердилось чье-то утверждение,— отметил Д. Бедный,— что уральские и алтайские рудники и заводы являются «колыбелью» рабочего фольклора» [1].

Демьян Бедный задумал создать на этом материале целый венок, монументальное собрание поэтических сказов, которые отразили бы жизнь и труд горнорабочих. Он придал текстам общее название — «Горная порода» и подзаголовок — «Уральские сказы». Для поэтической обработки он выбрал двадцать произведений рабочего фольклора, среди которых четырнадцать составили сказы, вошедшие в книгу П. Бажова.

Поэт признавался, что над сказами он работал «с напряжением, порой изнурительным, и черпал недостающие силы в самом материале», в чудесных героических сказах «о страданиях и борьбе доблестных предков нынешнего счастливого поколения уральцев» [2].

К середине 1941 года огромный труд был в значительной своей части завершен поэтом (написано восемнадцать сказов).

* * *

В стихотворении «Правда-матка» Демьян Бедный писал:

Одной дороги с Лениным
Я с давних пор держусь.

Эту свою беззаветную преданность ленинским идеям он сохранил до конца жизни.

И когда грянула Великая Отечественная война, Демьян Бедный обратился в Центральный Комитет партии с письмом, заявив,

---

[1] Демьян Бедный. Собр. соч., т. 8, с. 337.
[2] Там же, с. 340.

что в годину тяжелых и суровых для Отчизны испытаний он, как поэт, должен быть включен в число действующих бойцов.

С подлинно юношеским энтузиазмом поэт, которому шел уже 59-й год, принялся за дело. Он писал для «Правды», «Известий» (под псевдонимом «Д. Боевой»), «Красной звезды», «Труда» и многих других центральных и периферийных, фронтовых и армейских газет. С коллективом советских поэтов он работал над созданием «Окон ТАСС» — сатирических и агитационных плакатов на тему дня, размножавшихся типографским способом. Материалом для плакатов служили фронтовые оперативные сводки, радиосообщения, телеграммы, протоколы допросов пленных, документы, найденные в штабах противника, и т. д. Д. Бедный подписывал своими стихами также плакаты, издававшиеся газетой «Московский большевик», и сатирические рисунки, печатавшиеся в «Гудке».

Помимо всего этого, он написал за время войны около двухсот стихотворений и несколько стихотворных повестей («Русские девушки», «Наши дети», «Военный урожай» и др.).

Работа этих лет была сродни той боевой кипучей деятельности, которую поэт вел на фронтах гражданской войны. Дар художественной импровизации, присущий ему с давних пор, помог ему в работе над фронтовыми агитками. Многолетний опыт сатирика-баснописца проявился в антифашистских баснях этих лет («Волк-моралист», «По гостю — встреча» и др.). Талант рассказчика позволил ему создать на новом материале целый ряд народных былей, стихотворных повестей. Стихи часто облекались в форму поэтических приветствий воинам-победителям и появлялись в печати одновременно с телеграммами Советского Информбюро об успехах наших войск, с отчетами о салютах победы. И вся эта работа была пронизана идеей победы, утверждением святости борьбы с фашизмом, жгучей ненавистью к врагам человечества. Он с гордостью писал о народе, который «за всю историю суровую свою» проявил в боях с врагами мощь и жизнестойкость («Я верю в свой народ», «Помянем, братья, старину!» и др.). В некоторых случаях он прямо полемизировал с собственной ложной концепцией богатырского эпоса, нашедшей выражение в пьесе «Богатыри». Образ советского воина-богатыря стал излюбленным в военной лирике поэта.

Демьян Бедный работал самоотверженно, не щадя своих сил. В дни вражеских бомбардировок столицы он писал стихи в бомбоубежищах. Эвакуированный в октябре 1941 года в Казань, он ни на день не прекращал работы (сотрудничая также и в местных газетах) и уже в апреле 1942 года вернулся в Москву. Его зло-

ровье слабело. 25 октября 1943 года он писал уральскому краеведу А. Ньянкову: «Мои силы уже на исходе. Весной я был при смерти. Сейчас еле-еле хожу. Не заживусь я на белом свете»[1]. В один из приступов болезни Д. Бедный написал «Автоэпитафию»: он просил не скорбеть над его гробом, так как он исполнил свой долг, прошел честную жизнь труженика и борца.

Оставив это прощальное стихотворение в черновых бумагах, Д. Бедный продолжал повседневный поэтический труд, подготовил к печати сборник своих военных стихов («Слава»). С радостью встретил и воспел он победу нашего народа в войне. Умер он скоропостижно — от сердечного приступа — 25 мая 1945 года в санатории Барвиха (под Москвой) днем, за обеденным столом.

Его похоронили с почестями — как солдата и поэта революции.

И. Эвентов.

---

[1] Демьян Бедный. Собр. соч., т. 8, с. 473.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Эвентов. Поэт революции 5

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОЭМЫ, БАСНИ, СКАЗКИ, ФЕЛЬЕТОНЫ, ЭПИГРАММЫ

«С тревогой жуткою...» 29
Письмо из деревни 29
О Демьяне Бедном, мужике вредном 31
«Бывает час: тоска щемящая...» 32
Сонет 33
Когда наступит срок... 34
Звезда 37
«Трибун» 37
Хозяин и батрак 38
«Диво» 39
Лена 40
Опекуны 40
Гуманность 41
Притон 42
«Полна страданий наших чаша...» 44
Газета 44
Поют 45
Порода 46
Сынок 47
Правдолюб 48
Лето 49
Гипнотизер 50
Благодарность 51
Дом 52
Кларнет и рожок 55
Размахнулся б я басней задорною... 56
Эстетик 56
Опекун 57

Бунтующие зайцы 58
Свеча 59
Епитимия 60
Урожай 61
Предпраздничное 62
Муравьи 62
Хозяин 65
Голь 65
Клоп 67
«Благодетель» 67
Ерши и вьюны 68
Цензор 69
Пробуждение 70
Щука и ерш 71
Друзьям 73
Всякому свое 74
И там и тут... 74
Добряк 74
Диво дивное 75
Май 80
Мокеев дар 80
Кровное 81
Пушка и соха 82
В церкви 82
Анчутка-заимодавец 83
Дело хозяйское 84

Басни Эзопа

Лев, Лиса и Олень 85
«Врач» 87
Мальчик и прохожий 88
Пескарь 88
Слепой 89
Плакальщицы 89
Ответ 90
Помощь 90
Колесо и Конь 91
Волк и Лев 91
Волк и Овца 91
Дуб и клинья 92
Геракл и Плутос 92

Осел и Лев 93
Добряк 94
Ум 94
Гермес 95
Конь и Всадник 95
Тофута Мудрый 96
«Мест больше нет» 97
«Власть» тосковала по «твердыне»...» 98
Господам клеветникам из буржуазных газет 98
Братание после смерти 98
Оживающие 99
Мой стих 100
Птицеловы 100
У господ на елке 101
Клятва 103
Последний перевал 104
Революционный гудок 104
Маяк 105
Песня деда Софрона 106
«Правде» 107
В огненном кольце 107
Господская тень 108
«Христос воскресе» 109
Молодняк 110
Под Самарой 110
Путеводная звезда 111
«До этого места!» 112
Проводы 113
Товарищу 115
Просты мои песни 116
Темнота 117
Братские могилы 118
Капитал 118
На защиту Красного Питера 119
Манифест Юденича 120
Буржуазная элегия 122
Коммунары 123
Завязь 124
Стара — помирать пора 124
На свет! 127
Рабочий привет 129
Печаль 129
Манифест барона фон Врангеля 131

93
91
91
95
95
96
97
98
98
98
99
100
100
101
103
104
104
105
106
107
107
108
109
110
110
111
112
113
115
116
117
118
118
119
120
122
123
124
124
127
129
129
131

Тит-лодырь 132
Завязь 134
Воронье 134
Алтынники 135
«Владимирка» 137
Семена 138
Обманутая мадам 140
Труд и порядок 142
Советский часовой 143
Юной гвардии 144
Главная Улица 145
Эп!.. 150
Дерунов 1001-й 152
Ответ на ответ 167
Любимому 168
Тяга 168
Вперед и выше! 174
Снежинки 175
Клятва Зайцет 175
«Товарищ борода 178
Неповторимые 180
Счастье 181
Великий подвиг 182
А пламя бег... 183
Для милого дружка — 184
Никто не знал.. 185
«Триумфальный путь 186
Яснее ясного 186
Есть чему позавидовать! 187
Черта с два! 188
Тоже американский рекорд 188
Охотно признаем 188
Смелей, ребятки! 189
Такие капитализму не нужны 190
Нескромный вопрос 191
Мусор 191
Мрак! 192
Фашистский спор 193
Подлинно черный 193
Чирий 194
Чувствую грозу 194
Нас побить, побить хотели! 194
Дорога гигантов 196

Пороги 196
Еж 200
Пчела 201
Лодырская судьба 202
Неизлечимый 203
Наша родина 204
Народные дворцы 205
Я верю в свой народ 207
Ярость 208
Боевой зарок 208
Месть 209
Народным героиням 212
Волк-моралист 212
По гостю — встреча 213
Звезды вечной славы 214
Встреча 215
Ленин — с нами! 215
Подвиг 216
Змеиная природа 216
Крысы тонущего корабля 217
Создатель «тысячелетнего рейха» 218
Поступь Истории 219
Автоэпитафия 220

ПРО ЗЕМЛЮ, ПРО ВОЛЮ, ПРО РАБОЧУЮ ДОЛЮ

(Повесть) 221

ГЕРОЙ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА ПРЕКРАСЕН...[1]

Чтобы верно понять пафос творчества писателя, надо отыскать источник сердечного волнения, которое заставляет его браться за перо.

«Это чувство я испытываю постоянно уже многие годы...» — так начинается одна из лирических миниатюр, написанных Владимиром Богомоловым через два десятилетия после войны.

Речь в ней идет о сверстниках писателя, ушедших на войну в сорок первом, о школьных товарищах, погибших на фронте. «Сердца моего боль» — так называется эта миниатюра В. Богомолова. И она, мне думается, ключ к его творчеству. Название ее не случайно стало и названием сборника, в который вошло почти все, что написал В. Богомолов. Неутихающая боль сердца, чувство неоплатного долга, не дающая покоя память о тех, кто отдал жизнь за Родину, — вот почва, на которой выросли все произведения В. Богомолова.

И его роман «В августе сорок четвертого...» тоже.

В. Богомолов потому обращается к «человеку, главным образом молодому», что груз ответственности, взваленный на юношеские плечи войной, был особенно тяжел. Этим юношам, почти мальчикам, приходилось командовать «по крайней мере сотней взрослых бывалых людей», отвечать за их жизнь, за

---

[1] Из статьи Л. Лазарева. Печатается по изданию: Владимир Богомолов. В августе сорок четвертого... (Момент истины). Изд-во «Известия», М., 1977.

порученное дело, решать мучительнейшие нравственные проблемы. Но они не согнулись, не сломались, их духовный мир чист и целен. И это не чистота неведения и не цельность наивности — от грязи войны и цинизма их оберегало сознание высокой ответственности, ставшее органической частью их натуры. Это была не еще одна «черта характера», как иногда пишут в критических статьях, а определяющее качество их душевного склада.

В романе «В августе сорок четвертого...» рассказывается история розыска и ликвидации вражеской разведывательной группы, заброшенной в наши фронтовые тылы. Острый сюжет, изобилующий неожиданностями, резкими поворотами, вовсе не самоцель для автора; не законы жанра продиктовали ему этот сюжет, он возник сам собой, как следствие того дела, которым занимаются герои В. Богомолова. «В августе сорок четвертого...» не приключенческий роман на военном материале, а роман о войне. И задача автора — правдиво воссоздать ту сторону войны, которую мы все еще знаем плохо, почти не знаем. Роман В. Богомолова начисто лишен экзотики, которая всегда возникает при взгляде со стороны, при стремлении «умилять» и «поражать». Вероятно, многое из рассказываемого автор видел своими глазами, пережил сам, а у него к тому же острый, проницательный взгляд и емкая, безупречно фиксирующая виденное память разведчика. Действительность предстает в романе В. Богомолова сложной, многослойной, трагически-противоречивой.

Приведу один пример. Взаимоотношения между розыскниками и помощником коменданта с самого начала не складываются как надо, недоверие сменяется едва сдерживаемой, почти не скрываемой неприязнью. Аникушин кажется им (во всяком случае Таманцеву и Блинову) «тыловым пижоном» — и из-за должности своей, и из-за высокомерия, и потому, что вырядился как на парад, в новенькую форму (откуда им знать, что капитан прямо от портного, что у него не было времени переодеться), и потому, что курит «Казбек», которого они не нюхали чуть ли не с начала войны (они понятия не имеют, что заветная эта пачка папирос, хранившаяся для особо торжественного случая, капитану подарена, как и отличные хромовые сапоги и офицерская форменная фуражка, его отцом, начальником политотдела гвардейского танкового корпуса). В свою очередь Аникушин уверен, что розыскники — «привилегированные бездельники», которые «кантуются по тылам да еще героями себя чувствуют». А увидев у них белый хлеб и продукты, которые выдавались только летчикам и раненым

(*Аникушину в голову не могло прийти, что все это великолепие «свалилось» на них только сегодня, и не их стараниями, а по приказу Ставки*), капитан утвердился в мысли, что контрразведчикам армейские законы не писаны, что они живут припеваючи, так как их побаиваются и не хотят с ними связываться (что не лишено оснований, ведь недаром «толковый капитан» из городской комендатуры относился к Алехину с «некоторым подобострастием»).

По В. Богомолов — он не был бы иначе глубоким психологом — не может объяснить эту неожиданно вспыхнувшую неприязнь одними случайными недоразумениями, взаимным непониманием и только, он докапывается до тех обстоятельств, которые были ее почвой.

Наиболее явственно высота авторской точки зрения ощущается в тех главах романа, которые называются «Оперативные документы». В свое время в «Звезде» Эммануил Казакевич описал, как «ширились круги вокруг переданного разведгруппой лейтенанта Травкина сообщения о сосредоточении в ближайших тылах противника танковой дивизии «Викинг»: «Из штаба армии данные эти вместе с донесением пошли в штаб фронта, а оттуда — в Ставку Верховного Главнокомандования, в Москву». Владимир Богомолов изображает противоположную ситуацию: Ставка берет под свой контроль дело, которое считает особо важным, — круги здесь тоже расширяются, но идут не снизу вверх, а сверху вниз. Со все большей и большей силой и скоростью начинают вращаться приводные ремни гигантской военной машины, все ее валы и все шестеренки, — одна из особенностей этой машины в том и состоит, что в ней, если она как следует налажена, нет и не может быть полностью автономных механизмов. С этого момента в романе поток оперативных документов нарастает лавинообразно — все должно быть предусмотрено до последних мелочей: и как кормить служебных собак, и что делать с эшелонами, которые везут танковую технику россыпью», и в каких пропорциях можно заменять сахар на трофейный изюм, и порядок заправки автомашин горючим...

В книге не просто раскрывается работа военной контрразведки, через это очень широко показана война и армия, только для изображения их взят новый, неожиданный для нас ракурс. В сущности книга В. Богомолова представляет собой панораму войны, а мы не сразу это осознаем, потому что «снята» панорама с очень непривычной для нас точки. И если мы поймем это, разгадаем «внутренний закон» книги, отрешившись от глубоко въевшегося стремления судить о вещи, выдвигая во

славу угла интригу, станет ясно и в чем смысл многих се фигур и эпизодов, находящихся как будто бы на далекой периферии сюжета, и зачем автору в таком количестве понадобились документы.

Роман «В августе сорок четвертого . . .» — произведение сложной композиционной и стилевой структуры, по разные жизненные и стилевые пласты, «многоголосие» повествователей сведены здесь воедино, и органическое соединение их всегда дает больше, чем простую арифметическую сумму. Многое в романе вообще невозможно понять и оценить, не уловив этих постоянно переплетающихся внутренних связей и противостояний, взаимопритяжений и взаимоотталкиваний. Все это вместе и делает повествование по-настоящему объективным.

В.БОГОМОЛОВ

МОМЕНТ ИСТИНЫ

В августе сорок четвертого...

Роман

РИГА «ЛИЕСМА» 1984

Александр Блок

«СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ»

В ранних стихотворениях Блока были нередки такие слова: «*Кто-то* ходит... *кто-то* плачет...», «*Кто-то* зовет... *кто-то* бежит...», «*Кто-то* крикнул... *кто-то* бьется...».

Кто-то, а кто, неизвестно. Будто приснилось во сне. Вместо точных подлежащих—туманные.

А если и сказано, кто, то невнятно: «*Белый* смотрит в морозную даль...»

А иногда еще безличнее:

Прискакала дикой степью
На вспененном скакуне.

Прискакала, а кто, неизвестно. Подлежащего не было. Не то чтоб оно было спрятано, а его не было совсем. Поэт мыслил одними сказуемыми, которые и стояли в начале стиха. У него получалось такое:

Блеснуло в глазах. *Метнулось* в мечте.
Прильнуло к дрожащему сердцу.

А что блеснуло, метнулось, прильнуло, это оставалось несказанным. Такие бесподлежащные, бессубъектные строки отлично затуманивали речь.

Подлежащее было предоставлено *нашему* творчеству. Мы, читатели, должны были воссоздать его сами. Это придавало повествованию дремотную смутность, в чем и заключалась тогда неосознанная задача поэтики Блока: затуманить стихотворную речь.

Печатается с сокращениями. Полный текст см.: Корней Чуковский. Собрание сочинений в 6-ти тт. Издательство «Художественная литература», т. 6. М., 1969, с. 505—579.

Только таким сбивчивым и расплывчатым языком он мог комментировать о той тайне, которая долгие годы была его единственной темой. Этот язык был как бы создан для тайн. Недаром самое слово *таинственный* играет такую огромную роль в ранних стихотворениях Блока. Он прилагал это слово ко многим предметам и окрашивал им свои ранние стихи. *Таинственный* сумрак, *таинственный* мол, *таинственное* дело, *таинственные* соцветия—всюду были у него тайны и таинства.

И тайной тайн была для него та Таинственная, которой он посвятил свою первую книгу и которую величал в этой книге Вечной Весной, Вечной Надеждой, Вечной Женой, Вечно Юной, Недостижимой, Непостижимой, Несравненной, Владычицей, Царевной, Хранительницей, Закатной Таинственной Девой. Таинственность была ее главное свойство. Мы не знали, кто она, где она, какая она, знали только, что она таинственна. Лишите ее этой таинственности, и она перестанет быть.

Ее образ вечно зыблется, клубится, двоится, на каждой странице иной: не то она звезда, не то женщина, не то икона, не то скала, озаренная солнцем. Только та уклончивая, сбивчивая, невнятная, дремотная речь, которою Блок овладел с таким непревосходимым искусством на двадцатом или двадцать первом году своей жизни, могла быть применена к этой теме. Только из недр такого зыбкого, расплывчатого стиля мог возникнуть этот зыбкий, расплывчатый миф. Если бы Блоку не было дано говорить непонятно, его тема иссякла бы на первой же странице. Всякое отчетливое слово убило бы его Прекрасную Даму. Но он всегда говорил о ней так, будто он уже за чертой человеческой речи, будто он пытается рассказать несказанное, будто все слова его—только намеки на какую-то неизреченную тайну.

Все было хаотично в этих дремотных стихах, но с самого начала в них четко и резко выделились два слова, два образа, повторявшиеся чуть не на каждой странице: *свет и тьма*,—так что, в сущности, всю первую книгу Блока—«Стихи о Прекрасной Даме»—можно было бы назвать «Книгой о Свете и Тьме».

Первая же строка в этой книге говорила о свете и тьме:

Пусть *светит* месяц—ночь *темна*.

И если перелистать ее всю, в ней не найдешь ни человеческих лиц, ни вещей, а только светлые и темные пятна, бегущие по ней

беспрестанно. Следить за этими светлыми и темными пятнами было почти единственной заботой поэта. Замечательно, что себя самого он постоянно чувствовал во мраке:

Ступлю вперед—навстречу *мрак*,
Ступлю назад—слепая *мгла*.

И единственным огнем его ночи была та, кого он называл Лучезарная.

Все, что есть в природе огневого и огненного, было связано для него с ее образом, а все, что не она, было тьма. Стоило ему упомянуть о ней, возникало видение огня: либо светильника, либо горящего куста, либо зари, либо маяка, либо пожара, либо звезды, либо пламени.

И к звукам он прислушивался только к таким, которые говорили о Ней; все другие звуки казались ему докучливым шумом, мешающим слушать Ее:

Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат.

Но что ему до шумных народов! К людям он относился в то время не то что враждебно, но холодно. У него было стихотворение о том, что он еле следит за их суетными мирскими делами—«средь видений, сновидений, голосов миров иных». Вся жизнь человечества казалась ему «суетными мирскими делами», от которых чем дальше, тем лучше. «Я к людям не выйду навстречу»,—говорил он в январе 1903 года. А когда однажды ему пришлось оторваться на миг от «видений, сновидений» и взглянуть на суетливые мирские дела, он увидел в них только бессмысленную боль, которую и отразил в конце книги.

Святость его возлюбленной была для него непререкаемым догматом. Он так и называл ее *святая*.

«О, святая, как ласковы свечи», «В ризах целомудрия, о, святая, где ты?».

Ее образ часто являлся ему в окружении церковных святынь и был связан с колокольным звоном, хорами ангелов, иконами, аналоями, скитами, соборами. Замечательно, что никогда он не чувствовал ее слишком близкой к себе, а, напротив, ему неизменно казалось, что она неблагосклонна и сурова, ему чудилась в ней какая-то надменная строгость. Она была скорее зла, чем

добра. Она забыла о нем, но он медлит, прислушивается, шепчет: прядь. Этим прядь была охвачена вся его первая книга.

Ждать стало его многолетней привычкой. Вся его книга была книгой ожиданий, призывов, гаданий, сомнений, томлений, предчувствий:

Не замечу ль по былинкам
Потаенного следа?

Только об этом он и пел — изо дня в день шесть лет: с 1898-го по 1904-й, и посвятил этой теме шестьсот восемьдесят семь стихотворений. Шестьсот восемьдесят семь стихотворений одной теме! Этого, кажется, не было ни в русской, ни в какой другой литературе. Такая однострунность души!

В этой изумительной непрерывности творчества было его великое счастье. Выпадали такие блаженные дни, когда он одно за другим писал по три, по четыре стихотворения подряд. Раз возникнув, лирические волны, несущие его на себе, не отхлынывали, а увлекали все дальше. Отсюда слитность всех его стихотворений, их живая, органическая цельность. Их нужно читать подряд, потому что одно переливается в другое, одно как бы растет из другого. Нет, в сущности, отдельных стихотворений Блока, а есть одно сплошное, неделимое стихотворение всей его жизни. Оно лилось, как река, начавшись тонкой, еле приметной струей и с каждым годом разливаясь все шире. Именно как река, потому что никому из поэтов не была в такой мере присуща влажность и длительная текучесть стиха. Его стихи были влага. Он не строил, не склеивал их из твердых частиц, как, например, Иван Бунин, но давал им волю струиться. И долго казалось, что этот поток сильнее его самого, что даже если бы он хотел, он не мог бы ни остановить, ни направить его.

Все шесть лет — об одном. Ни разу за все это время у него не нашлось ни единого слова — иного. Вокруг были улицы, женщины, рестораны, газеты, но ни к чему он не привязался, а так и прошел серафимом мимо всей нашей человеческой сутолоки, без конца повторяя осанну. Ни слова не сказал он о нас, ни разу даже не посмотрел в нашу сторону, а все туда — в голубое и розовое.

Если вчитаться в его первую книгу внимательно, видишь, что это подлинная повесть о том, как один подросток столь восторженно влюбился в соседку, что создал из нее Лучезарную Деву и весь

окружающий ее деревенский пейзаж преобразил в неземные сеже-
ния. Это было то самое, что сделал Данте с дочерью соседа
Партинари.

Когда читаешь в первой книге Блока о красных лампадках в
терему у царевны, о голубях, которые слетаются к ее узорчатой
двери, о высокой горе, на которой стоит ее терем, и т. д. и т. д.,—за
всеми этими торжественными образами угадываешь знакомое
русское: помещичью усадьбу на холме, голубятню, речку, церковку,
молодой березняк. Можно так расшифровать все самые выспрен-
ние образы стихов о «Прекрасной Даме», что получится бытовая
(и вполне реалистическая) повесть.

Но если бы мы непременно захотели причислить поэта к
какой-нибудь поэтической школе, нам пришлось бы, мне кажется,
обратиться в Германию, на целое столетие вспять, к так называе-
мым иенским романтикам. Во многом между ними и Блоком
сходство разительное: те же мысли, те же приемы, те же слова, те
же образы.

Поэтика Блока есть поэтика тайны, но в чем же, как не в
откровении тайн, видели сущность искусства молодые романтики
Иены? Блок отвергает земное во имя неземной благодати, но разве
не таково было отношение к земному у Вакенродера, Тика,
Новалиса? Он видит в поэзии откровение бесконечного в конечном,
но разве не таково же было отношение к поэзии у них?

Он певец сновидений, но разве Новалис не был певцом сновиде-
ний? На первых же страницах его «Офтердингена» такое количе-
ство снов, что книга похожа на сонник. Бесформенность и путаность
сонных видений была поэтическим каноном иенских романтиков и,
как мы видели, стала каноном Блока.

Даже тяготение к бледно-синему цвету, к лазури, которым
отмечены первоначальные стихотворения Блока, даже оно отлича-
ло романтиков, ибо кто же не знает, что именно романтики, как
сказал Веселовский, «имели предилекцию» к этому цвету: к голу-
бым далям, голубому цветку, голубому томлению.

Словом, можно легко доказать, что многими своими стихами
Блок был продолжатель и как бы двойник тех немецких не
слишком даровитых писателей, которые в 1798 и 1799 годах жили
на известковом берегу реки Заале. Можно проследить все их
влияния, отражения, веяния и написать весьма наукообразную
книгу, в которой будет много эрудиции, но не будет одного — Блока.

Ибо Блок, как и всякий поэт, есть явление единственное, с
душой, не похожей ни на чью, и если мы хотим понять его душу, мы

должны следить не за тем, чем он случайно похож на других, а лишь, за тем, чем он ни на кого не похож.

Поэзия существует не для того, чтобы мы изучали ее или критиковали ее, а для того, чтобы мы ею жили.

И какое мне дело, был ли Блок символист, акмеист или неоромантик, если я хочу, чтобы его стихи волновали меня, хочу позволить себе эту роскошь тревожиться ими, а не регистрировать их по заранее приготовленным рубрикам? Что прибавится к нашему знанию о Блоке, если нам будет указано, что с конца 1902 года на него, кроме Соловьева, Полонского, Фета, стали влиять модернисты, что с тех пор он осознал себя как приверженца символической школы, что у него стали появляться стихи, внушенные Бальмонтом и Брюсовым? Разве мы не стремимся увидеть в нем именно то, чего никто, кроме него, не имеет, то редкостное и странное нечто, которое носит наивное имя: душа.

Знаю, что критик должен говорить либо о течениях, направлениях, школах, либо о композиции, фонетике, стилистике, но что же делать, если и в композиции, и в фонетике, и в стилистике Блока—душа!

Странная вещь—душа: в ней, только в ней одной все формы, все стили, все музыки, и нет такой техники, которая могла бы подделать ее, потому что литературная техника есть тоже—душа.

Знаю, что неуместно говорить о душе, пока существуют такие благополучные рубрики, как символизм, классицизм, романтизм, байронизм, неоромантизм и прочее, так как для классификации поэтов по вышеуказанным рубрикам понятие о душе и о творческой личности не только излишне, но даже мешает, нарушая стройность этих критико-бюрократических схем. Эта душа ускользает от всех скопцов-классификаторов... Блок всегда ревниво оберегал свою душу от них.

Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!—

воскликнул он в позднейших стихах, едва только ему представился тот внушительный труд, который благополучно напишет о его неблагополучной душе какой-нибудь ученый-историк:

Печальная доля—так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить.

Он заранее презирает того, кто превратит его трудную и праздничную жизнь в мертвый учебник словесности:

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат.

Так защищал он свою душу от бездушных, которым ничего не стоит нагромоздить целую гору исследований о его стилистике и ритмике, о влиянии на него Фета, Жуковского, Лермонтова, александрийских гностиков, московских мистиков, иенских романтиков—обо всем, о чем угодно, только не о той «трудной и праздничной жизни», без которой его книги были бы пылью и гнилью, а не насущным хлебом для всего поколения.

Прекрасно говорит об этом сам Блок в одной из своих давних статей о поэзии:

«Группировка поэтов по школам, по «мироотношению», по «способам восприятия»—труд праздный и неблагодарный... Лирика нельзя покрыть крышкой, нельзя разграфить страничку и занести имена лириков в разные графы. Лирик, того и гляди, перескочит через несколько граф и займет то место, которое разграфлявший бумажку критик тщательно охранял от его вторжения»[1].

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВ

С Блоком именно то и случилось, о чем он писал в только что упомянутой статье: вскоре он неожиданно разрушил все рамки, в которых, по ощущению критиков, было заключено его творчество, и явил нам новое лицо.

Странно читать после первого тома второй. Другая атмосфера, другой запах. Вообще у каждого его тома все совершенно иное. Три тома—три разных лица. «Я нищий, бродяга, посетитель ночных ресторанов»,—стал он говорить о себе, как будто он и не был никогда «отроком, зажигающим свечи». Теперь слово *кабак* стало повторяться у него столь же часто, как некогда слово *храм*.

Весь его второй том пьяный, мутный,—не горные высоты, но низменности. Недаром в этом томе столько стихов о болоте. Все стихи, помещенные на его первых страницах, изображают именно болото: чахлые болотные кочки, ржавые тря-

---

[1] «Золотое руно», VI, 1907, статья «О лирике», с. 43.

[illegible], болотные впадины, болотные огоньки, болотную стоячую воду. В книге нет ясности, нет той пушкинской мудрой, предсмертной, хрустальной отчетливости мыслей и чувств, которая появилась у Блока позднее, в третьем его томе, начиная с 1909 года. Теперь же он весь с головою в трясине, в мартовской мутной воде, потому что эта книга есть март его жизни, тот «весенний и тлетворный дух», которым была тогда напоена его кровь. Ясность пришла позже, осенняя, без мартовских дурманов. Теперь же его «небо упало в болото»... И много зловещих слов появилось в этой новой книге: «хаос», «судороги», «корчи», «злое голодное Лихо», «могилы жизни», «земная забота», «нужда», «зловонье», «проклятье», «заплеванный пол». В первой книге ничего этого не было; теперь же это стало неизбежно, потому что у Блока появилась новая тема — город.

Город, изображаемый им, был всегда и неизменно—Петербург: петербургские ночи, петербургские женщины, петербургские кабаки, петербургские вьюги. Не то чтобы Блок воспевал Петербург — нет, но в нем каждая строка была петербургская, словно соткана из петербургского воздуха. И заря, к которой он теперь так пристрастился, тоже была петербургская. Не знающему Петербурга никогда не понять до конца ни «Незнакомки», ни «Снежной маски», ни «Снежной Девы» — ни одной из его подлинно петербургских возлюбленных, которых создало петербургское болото и небо. О Снежной Деве он сам говорил:

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство, приняла.
.....
Она узнала зыбь, и дымы,
Огни, и мраки, и дома —
Весь город мой непостижимый
Непостижимая сама.

Замечательно, что в его стихах почти нет Москвы; Кремль упоминается только дважды и то мимоходом. Блок наименее московский изо всех русских поэтов. И революция, которую он отразил в этой книге, тоже была петербургская: 9 января («Шли на приступ»), митинг («Митинг»), забастовка рабочих («Сытые») — петербургские революционные образы. Вторая книга почти вся в Петербурге: серафим из своего беспредметного мира прямо упал в петербургскую ночь.

И с ним случилось чудо: он увидел людей.
В жизни Блока это было событие огромное.

Шесть лет он пел свои песни,—и ни слова не сказал о человеке. Если бы на свете не было ни одного человека, в «Стихах о Прекрасной Даме» не пришлось бы изменить ни строки, потому что он пел их в безлюдном и беспредметном пространстве. Теперь же, в городе, он понял впервые, что существуют не только он сам и его Небесная Дева, но—и люди.

Это произошло с ним еще в конце его первого тома, в ноябре 1903 года, когда он написал свое стихотворение «Фабрика». Человеческих лиц он еще не увидел, лица были еще в тумане, но он увидел главное: *спины*. Люди явились ему раньше всего как спины, отягощенные бременем:

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой *спине*.

Это было первое, что узнал он о людях: им больно. Это было для него ново: он как будто был слеп и прозрел. Эти петербургские зловонные «колодцы дворов», крыши, желоба, чердаки привели его к созданию особого образа—человека, истертого городом, городского неудачника, чердачного жителя, от лица которого он и написал такие стихи, как «В октябре», «После ночной попойки», «Окна во двор», «Хожу, брожу понурый...», «На чердаке» и т. д., где великолепно уловлены интонации и схвачен словарь этих городских неудачников:

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак,
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

Здесь первые проблески живых человеческих лиц. Поэт впервые вошел в нашу жизнь, и стих его стал более живым: метафоры, которые в первом томе были устойчивые, закостенелые, неподвижные, традиционно-привычные, здесь ожили, зашевелились, смешались с реальными образами.

Все дальше уходил серафим от своего зазвездного мира, и понемногу у него появилось такое чувство, которое никто не мог предвидеть: ненависть к этому зазвездному миру, какая-то злая жажда посмеяться над ним, опорочить его, обвинить.

Не сказался ли в нем тот давно им ощущаемый двойник, тот *дьявольский* и *дикий* дух, который был в нем всегда, но которого он, по его словам, «хоронил» под «священной броней» серафима?

Теперь он дал этому демону волю и в начале 1906 года, к великому смущению многих, стал демонстративно издеваться над своими святынями.

Имя Прекрасной Дамы он изображает теперь другое полубожество, Незнакомку, — звезду, которая упала на землю и, воплотившись в женщину, захотела не молитв, но вина и объятий.

Уйдя от своей Лучезарной, он как будто впервые узнал, что на свете есть отнюдь не лучезарные женщины. «Бешенство объятий», «пошлое желанье» — эти слова появились у него только теперь. В 1904 году в его стихах впервые появляется слово «блудница», и с тех пор мы все чаще читаем у него на страницах:

«Женщина блудница от ложа пьяного желанья...»
«Плывут огненные бедра проститутки площадной...»

Поглубже в земное, в грязь, чтобы не было и мысли об ином! Но в том-то и заключалась благодатная особенность Блока, что при всем его стремлении загрязниться житейское не прилипало к нему. Каких бы язвительных и циничных слов ни говорил он о своих прежних святынях, в этих словах не было свойственной концептам пронзительной едкости, а была против его воли гармония, светлая лирика.

Его лирика стала сильнее его самого. Это яснее всего в его тогдашних стихах о любви. Сколько бы он ни твердил, что женщины, которых мы любим,—картонные, он вопреки своей воле видел в них небо и звезды, чувствовал в них нездешние дали, и—сколько бы сам ни смеялся над этим—каждая женщина в его любовных стихах сочеталась для него с облаками, закатами, зорями, каждая открывала просветы в *Иное*.

Здесь та изумительная двойственность, в которой было главное обаяние лирики Блока: пафос, разъедаемый иронией; ирония, побеждаемая лирикой; хула и хвала одновременно. Все двоилось у него в душе, и причудливы были те сочетания веры с безверием, которые сделали его столь близким современной душе. Он, и веруя, не верил, что верует, и, насмехаясь над мечтами, мечтал.

Он, утверждая, отрицал.
И утверждал он, отрицая.

Поэтому не правы были те, что искали в его позднейших стихах какое-нибудь одно определенное чувство. В них было и то и

другое, оба сразу, противоположные. Блок сам не всегда понимал свою сложность, часто становился перед нею в тупик, и напрасно было спрашивать у него самого, что означают его песнопения. Он сам —

...не понял, не измерил,
Кому [он] песни посвятил,
В какого бога страстно верил,
Какую девушку любил.

Двоеверие в себе и других он заметил еще в 1904 году:

Каждую душу разбил пополам
И поставил двойные законы.

И тогда же впервые заговорил о своем Двойнике:

Но в туманный вечер — нас двое,
И вдвоем с Другим по ночам.

Этот двойник не оставлял его с тех пор никогда,— насмешливый и ни во что не верящий циник, привязавшийся к боговидцу-романтику.

Такой двойственности еще не было в русской поэзии, и нужно быть великим поэтом, чтобы выразить эту двойственность в лирике.

Его лирика была воистину магией.

Такою по крайней мере ощущало ее наше поколение. Когда я писал воспоминания о Блоке, я имел полное право сказать, что она действовала на нас, как луна на лунатиков. Блок был гипнотизер огромной силы, а мы были отличные медиумы. Он делал с нами все, что хотел, потому что власть его лирики коренилась не столько в словах, сколько в ритмах. Слова могли быть неясны и сбивчивы, но они были носителями таких неотразимо заразительных ритмов, что, завороженные и одурманенные ими, мы подчинялись им почти против воли...

В чем тайна этих звуков, мы не знаем. Она умерла вместе с Блоком. Может быть, будущее поколение уже не услышит в его книгах той музыки, которую слышали мы, и скажет, что просто он был тенором русской поэзии, пленявшим своих современников слишком сладкозвучными романсами.

И, пожалуй, это будет правда, но правда поверхностная, ибо истинную правду о поэте знают только его современники.

Его стихи и в самом деле бывали романсами; даже сонеты, которых у него всего два или три, звучали у него как романсы. Когда в самых первых стихах, еще полуребенком, он писал:

Мне снилась снова Ты, в цветах на шумной сцене,
Безумная, как страсть, спокойная, как сон...—

здесь слышался даже очень раздребезженный романс.

Но, как у романса его завлекательность, его текучесть, его паузы, его рифмы и даже иногда его слова («Очи девы чародейной» и проч.), Блок каким-то чудом так облагородил его формы, что он стал звучать как высокий трагический гимн, хотя и остался романсом. Тут та же двойственность, которая во всем присуща Блоку, то же преображение вульгарного в неизреченно прекрасное.

Я сказал, что тайна мелодики Блока навсегда останется тайной. Все, что мы можем,—это подметить немногие внешние, отнюдь не главные, особенности его поэтической техники.

Мы можем, например, указать, что у него, особенно во втором его томе, наблюдалось чрезмерное тяготение к аллитерациям и ассонансам, все более, впрочем, обуздываемое к концу его поэтической деятельности.

Каждое его стихотворение было полно многократными эхами, перекличками внутренних звуков, внутренних рифм, полурифм и рифмоидов. Каждый звук будил в его уме множество родственных отзвуков, которые словно жаждали возможно дольше остаться в стихе, то замирая, то возникая опять. Это опьянение звуками было главное условие его творчества. Его мышление было чисто звуковое, иначе он и не мог бы творить.

Часто его сладкозвучие бывало чрезмерно: например, в мелодии «Соловьиного сада». Но побороть эту мелодию он не мог. Он вообще был невластен в своем даровании и слишком безвольно предавался звуковому мышлению, подчиняясь той инерции звуков, которая была сильнее его самого. В предисловии к поэме «Возмездие» Блок так и выразился о себе, что он был «гоним по миру бичами ямба».

Показательно для его звукового безволия, сказавшегося главным образом во втором его томе, что в своих стихах он яснее всего ощущал гласные, а не согласные звуки, то есть именно те, в которых динамика напева и темпа. Ни у какого другого поэта не было такого повышенного ощущения гласных. То напевное струение гласных,

которое присуще ему одному, достигается исключительно гласны-
ми. Это та влага, которая придает его стихам текучесть.

Инерция звукового мышления сказалась у Блока и в том, что он во время творчества часто мыслил чужими стихами, не отделяя чужих от своих, чувствуя чужие своими, причем воспроизводил не столько слова, сколько интонации и звуки. Звуковая впечатлительность его была такова, что он запоминал чужие стихи главным образом как некий музыкальный мотив, ощущая в них раньше всего мелодию. У Пушкина, например, есть строка:

Черты волшебницы прекрасной.

Блок бессознательно воспроизводил ее так:

Черты француженки прелестной,—

даже не замечая, что это чужое.

У Пушкина:

Корме родного корабля.

У Блока:

Мечту родного корабля.

и т. д. и т. д. Его стихи полны таких звуковых реминисценций.

Эта пассивность звукового мышления сослужила ему, как мы ниже увидим, немалую службу в его позднейшей поэме «Двенадцать», где даны великолепные перепевы старинных романсов, частушек и народных песен.

Такова была его восприимчивость к музыке, звучащей вокруг него.

Вначале все образы в поэзии Блока были сплошными метафорами. Не было строки без метафоры. Язык второго тома — особенно в первой его половине — был самый декадентский язык, каким когда-либо писали в России.

Около 1905 года Блок вступил со своим декадентством в борьбу и через несколько лет победил. Но вначале смутность сонного сознания была так велика, что все сколько-нибудь четкие грани между отдельными ощущениями казались окончательно стертыми.

Многие стихи были будто написаны спящим, краски еще не отделились от звуков, конкретное — от отвлеченного:

«Крики брошены горстями золотых монет».
«Хохочут волосы, хохочут ноги».
«Ландыш пел...»

Такое слияние несливаемых слов, свидетельствующее о слиянии несливаемых ощущений, называется в литературе синкретизмом.

Блок один из самых смелых синкретистов в России, особенно в тех стихах, которые вошли во второй его том. Там есть и *синие* загадки, и *белые* слова, и *голубой* ветер, и *синяя* буря, и *красный* смех, и *звучная* тишина, и *седой* намек, и *золоторунная* грусть, и *задумчивые* болты, и *жалобные* руки, и т. д.

Самый буйный разгул этих синкретических образов относится у него к 1905, 1906 годам и к началу 1907-го, потом понемногу его стиль проясняется, и уже в конце второго тома появляются классически четкие пьесы: «О смерти», «Над озером», «В северном море» и проч.

ТРЕТЬЯ КНИГА СТИХОВ

В таких образах, как «золоторунная грусть», «снежная маска», «певучий взор», была своя правда и своя красота, но был великий грех: отъединенность. Вообще самая непонятность его языка свидетельствовала о его оторванности от прочих людей.

Его стихи о карлике, сидящем за ширмой, можно было применить к нему самому. Поучительно наблюдать, как сейчас же после 1905 года он вместе с другими символистами стал эти ширмы раздвигать.

В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти.
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

Он заговорил о «ходячих истинах» и «торных путях», потребовал общедоступного искусства — для всех. Это тяготение к общественности или, как тогда говорили, к *соборности*, сказалось раньше всего в его языке, который с этого времени перестал быть интимным и сделался доступен для всех. Это время, с 1908 по

1915 год было мрачной полосой его жизни. Прекрасная Дама ушла. А без нее пустота. «Ты отошла, и я в *пустыне*» — таково с той поры его постоянное чувство. «Жизнь *пуста*»,— твердил Блок. «Жизнь *пуста*, безумна и бездонна...», «Жизнь *пустынна*, бездомна, бездонна...», «*Пустая* вселенная глядит в нас мраком глаз».

И одно ему осталось в пустоте — это смех, тот кощунственный смех над любовью и верой, которым он смеялся еще в «Балаганчике». Но тогда в этом смехе было много лирической чарующей молодости. Теперь это жестокий смех опустошенного, не верящего в жизнь человека:

Верни мне, жизнь, хоть смех беззубый,
Чтоб в тишине не изнемочь.

Из Новалиса он превратился в Гейне. Те обманы и приманки жизни, которые были озарены для него лучами нездешнего мира, теперь, когда эти лучи закатились, предстали пред ним во всей своей скелетной обнаженности, и все показалось смешным:

Что? Совесть? Правда? Жизнь? Какая это малость!
Ну, разве не смешно?

Смешно — и Блок засмеялся. В русской литературе еще никогда не звучало такого печального смеха:

Что делать? Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Об этом смехе Блок тогда же, в 1908 году, написал статью «Ирония». Эта статья — комментарий ко всему его тогдашнему творчеству. Там говорится об иронии как о страшной болезни, проявляющейся в изнурительном смехе, который начинается с дьявольски издевательской улыбки и кончается убийством и кощунством. «Я знаю людей,— писал Блок,— которые готовы задохнуться от смеха, сообщая, что умирает их мать, что они погибают с голоду, что изменила невеста. Человек хохочет — и не знаешь, выпьет он сейчас, расставшись со мною, уксусной эссенции, увижу ли его еще раз? И мне самому смешно, что этот самый человек, терзаемый смехом, повествующий о том, что он всеми унижен и

всеми оставлен,— как бы отсутствует; будто не с ним я говорю, будто и нет этого человека, только хохочет передо мною его рот...» «Самого меня ломает бес смеха; и меня самого уже *нет*. Нас обоих нет. Каждый из нас — только смех, оба мы — только нагло хохочущие рты».

Этот смех есть смерть. И все восемь лет, с 1908 по 1916 год, Блок неустанно твердит, что он мертвый.

Сердце — крашеный мертвец,
И, когда настал конец,
Он нашел весьма банальной
Смерть души своей печальной.

Даже любовь была бессильна воскресить его из этого гроба, потому что, если любовь не ведет к небесам, она для него смерть и тоска.

Безысходно печальны плачущие стихи «Унижение», где он, с гадливостью переживая унизительную скуку любви, спрашивает: разве это любовь? Словно его обманули, обещали небо и бога, а дали унылую грязь:

Разве *это* мы звали любовью?..
Разве *так* суждено меж людьми?

— Вот что такое любовь здесь, у вас на земле! — изумлялся присужденный к объятиям.— Человеческая ложь, земная жалость:

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?

Жалость и порою презрение. «Даже имя твое мне презренно»,— сказал он, обращаясь к любимой, и, кажется, во всей мировой поэзии еще не звучало такое признание влюбленного:

Подойди. Подползи. Я ударю!

Так он отнял у себя последнее: любовь.

Теперь уже ему не нужно никаких небесных возлюбленных; любая трехрублевая дева уведет его за малую плату в зазвездную родину и покажет ему очарованный берег, ибо другого пути к

очарованному берегу нет. Пусть не Лучезарная, а ночная и земная, лишь бы унесла от земли:

И ты, ночная, ты, земная,
Опять уносишь от земли.

Унестись от земли — это главное, а как, не все ли равно? Теперь в стихах, написанных на смерть младенца, он по-лермонтовски отрекается от бога, а в другом стихотворении говорит, что люди, ищущие бога, находят лишь дьявола.

Так, без бога и без людей, без неба и без земли, он остался один в пустоте — только со страхом и смехом.

Казалось, из этого гроба нет никаких воскресений. Утрата Прекрасной Дамы была для него утратой всего. Но замечательно, что именно из этой утраты у него стал создаваться постепенно новый, еще более упоительный миф, в сущности, та же Прекрасная Дама,— и все свои кощунства и отчаяния он воплотил в ее образе.

Когда все было утрачено им и ему осталось лишь погибнуть, он именно из этой гибели создал себе новый восторг.

Еще в 1906 году, в пору «Балаганчика» и «Незнакомки», он смутно почувствовал, что есть такая святыня, которая как бы создана из бед и погибелей, которая тем и свята, что в ней никакого благолепия, никакого покоя, что вся она боль и тоска. Эта святыня — Россия. С тех пор он то забывал о ней, то возвращался к ней снова,— чувствуя, что ей одной подобает то веселое отчаяние гибели, которое охватило его. Еще в «Снежной маске», в самый разгар своего декадентства, он почувствовал это веселое отчаяние гибели:

«Нет исхода из вьюг, и погибнуть мне весело».
«Тайно сердце просит гибели...»

С тех пор такие слова, как *гибель, губительный, гибельный,* особенно полюбились ему. Покуда он не ощущал своей русской *погибельности,* он был в нашей литературе чуть-чуть иностранец, и «Стихи о Прекрасной Даме» часто казались переводом с немецкого, несмотря на иконы, терема и царевен. Он полюбил свою гибель, создал из своей гибели культ.

«И вся неистовая радость грядущей гибели твоей!» — написалось у него в 1910 году; всю свою поэзию он стал ощущать как некое

евангелие гибели. «Есть в напевах твоих сокровенных роковая о гибели весть»,— сказал он, обращаясь к своей Музе...

И нередко доходило до того, что он не только жаждал этой гибели, но даже гордился ею, как знамением своей богоизбранности:

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала,—
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Этот восторг гибели был почти всегда связан у него с ощущением ветра. Вообще с 1905 года, после болотного застоя и безветрия, у него в стихах сорвался ветер и дует с тех пор непрерывно, гибельный, черный, отчаянный, в котором вся его веселая тоска.

Блок всегда был поэтом ветра и любил его больше солнца, но теперь в этом гибельном ветре воплотилась для него Россия.

Прежде с ветром у него была связана страсть. Любить для него значило чувствовать ветер. Иногда сама любовь казалась ему ветром, ворвавшимся в сердце:

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снежный,
И не спасет ни голос нежный,
Ни безмятежный час труда.

И женщина, к которой он чувствовал страсть, была для него неотделима от ветра:

Входит ветер, входит дева.

В «Снежной маске» женщина, страсть и метель — неразделыны.

Перечисляя те радости, которые дает ему жизнь, он поминал наряду с поцелуями — ветер:

«Хочу, всегда хочу смотреть в глаза людские, и пить вино, и женщин *целовать*, и яростью желаний полнить вечер, когда жара мешает днем мечтать и песни петь. И слушать в мире *ветер!*»

Этот-то столь обожаемый им ветер спас его от прижизненной смерти и навеял на него новый восторг, потому что навеял Россию. Если бы не было русского ветра, Россия так и осталась бы скрыта для Блока; но едва он ощутил ее ветер, вся она открылась ему.

«Шоссейными путями нищей России,—писал Блок в «Золотом руне» в 1907 году,—идут, ковыляют, тащатся такие же нищие, с узлами и палками, неизвестно откуда, неизвестно куда... Голос вьюги вывел их из паучьих жилищ».

«Ветер, ветер! На ногах не стоит человек... Ветер, ветер, на всем божьем свете».

Без этого ощущения ветра для Блока не существует России:

«Ты стоишь под метелицей дикой, роковая, родная страна...»

«Степь, да ветер, да ветер...»

Таково его ощущение России: русский ветер, Россия и веселое отчаяние гибели слились в его стихах неразрывно.

Прежде его милая была либо святая, либо падшая, либо судьба, либо смерть, теперь она одновременно и святая, и падшая, и судьба, и смерть, потому что ее имя Россия. И всю свою нежность и набожность он отдает теперь этой новой жене:

О Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь—стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.
Наш путь—степной, наш путь—в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы—ночной и зарубежной—
Я не боюсь.

Россия для него раньше всего—даль, простор, «путь». Заговорив о России, он чувствует себя путником, затерявшимся в погибельных, но любимых пространствах, и говорит, что даже в последнюю минуту, на смертном одре, он вспомнит Россию, как самое милое в жизни:

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

Изумительно здесь это слово *наши: наша* дорога, *наши* туманы и даже *наши* шелесты. Трудно далось Блоку это слово. Прежде ничего во всем мире не называл он *нашим*. Все в мире было для него чужое, *ваше*.

«В дни *ваших* свадеб, торжеств, похорон».

До сих пор самым близким было для него самое дальнее, теперь же наконец он нашел наше, свое:

«Да, и такой *моя* Россия...»,
«Русь *моя*, жизнь моя, вместе ль нам маяться?»

Но он любит ее такою же *двойною* любовью, какою любил и других, не только не скрывая от себя ее мерзости, но, напротив, за эту мерзость и любя ее сильнее всего. Его Русь — разбойная, Русь без удержу, хмельная, отчаянная. После девятьсот пятого года все стало русским у Блока. С тех пор как он ощутил русский ветер, он стал поэтом плясок, неистовых троек, бешено летящих коней:

«И летели тройки с гиком...», «Только тройка мчит со звоном...», «Над бездонным провалом в вечность, задыхаясь, летит рысак...».

Едва он ощутил себя национальным поэтом, он полюбил слово *дикий:*

«*Дикие* песни», «*Дикая* сказка», «*Дикая* птица», «*Дикая* молва», «*Дикий* сплав миров», «Мир *одичал*» и т. д.

Первое же его стихотворение, посвященное Руси, было полно диких и пугающих образов: зарево, нож, ведьмы, кладбище, буйная вьюга и проч. Никакого благолепия: безумная, дикая Русь.

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Над заревом горящих сел...

Где буйно заметает вьюга
До крыши — утлое жилье
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвее.

Где все пути и все распутья
Живой клюкой изможденны,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины.

В этой дьявольщине, в этих заревах и вихрях может ли быть покой и уют? Покоя нет:

...покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль.
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль.

Ничего не поймут в его патриотических стихотворениях те, которые станут искать в них благолепных дум о России:

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу.
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Он принял эту разбойную Русь, как Голгофу. Русские самосожженцы, сжигающие себя ради Христа, были близки ему по восторгу страдания, по веселому отчаянию гибели: он поминал их и в драме «Песня судьбы» и в более поздних стихах. Даже в тех одах, где он набожно славил Россию, он твердил:

«Россия, нищая Россия...», «О, нищая моя страна!», «Так — я узнал в моей дремоте страны родимой нищету...».

На русском Христе — рубище, русское небо создал убогий художник, русская почва скудна. («Над *скудной* глиной желтого обрыва...», «Желтой глины *скудные* пласты».) Но если бы она была иною, он не воспел бы ее. Ему нужно было любить ее именно нищую, униженную, дикую, хаотичную, несчастную, гибельную, потому что таким он ощущал и себя, потому что он всегда любил отчаянно,— сквозь ненависть, самопрезрение и боль. В сущности, он славил Россию за то, за что другие проклинали бы ее. Такова всегда была его любовь, претворяющая множество *нет* в одно *да*. Это особенно сказалось в том патриотическом стихотворении, написанном в начале войны, где он славил даже такую Россию, какой еще не славили поэты:

«Грешить бесстыдно, непробудно, счет потерять ночам и дням и с головой, от хмеля трудной, пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу, семь — осенить себя крестом, тайком к заплеванному полу горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный, три да еще семь раз подряд поцеловать столетний, бедный и зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить на тот же грош кого-нибудь и пса голодного от двери, икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы пить чай, отщелкивая счет, потом переслюнить купоны, пузатый отворив комод.

И на перины пуховые и тяжелом завалиться сне...— Да, и такой, моя России, ты всех краев дороже мне!»

Даже и такой России он чувствует хмель, благодать и прощает ей перины и купоны. А если перины и купоны, значит, все, потому что России перин и купонов была единственная, которой до сих пор не прощали поэты.

В поэме «Двенадцать» такая вера в свой народ, в неотвратимость его высоких судеб, что поэт и сквозь хаос видит красоту ослепительную. «Двенадцать» — национальная поэма о России, естественное завершение того цикла патриотических «Стихов о России», который и ее третьем томе носит название «Родина» и некогда был издан журналом «Отечество»[1].

Прежде чем думать об этих стихах или спорить о них, нужно просто послушать их — вслушаться в их интонации, постигнуть их ритмическую, звуковую основу, потому что ритмы Блока сильнее его самого и говорят больше, чем он хотел бы сказать, часто наперекор его воле.

И первое, что мы услышим,— русская, древняя, простонародная песня:

Ох, ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!..
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку.

И русский старинный романс:

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина.

И русскую солдатскую частушку:

Эх, ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье.

---

[1] Александр Блок. Стихи о России. Издательство журнала «Отечество», СПб., 1915.

И какие национальные звуки в этих тягучих словах с ударением на четвертом слоге с конца (гипердактилическое):

Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...

Катьку-дуру обнимает,
Заговаривает...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая.

Отнимите у этих стихов их национальную окраску, и они утратят свою силу, потому что это не окраска, а суть. И любовь, которая изображается в них, любовь Петьки и Катьки, есть та самая бедовая удаль, то хмельное разгулье, то восторженное упоение гибелью, в которых для Блока самая сущность тогдашней России. Тут — даже в звуках — русский угар и безудерж:

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил.
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

Недаром в этой поэме гуляет тот излюбленный Блоком отчаянный ветер, которым охвачены все его стихи о России. В поэме нет ни одного эпизода, который не был бы обвеян этим ветром, и какими русскими народными словами воспевается здесь этот ветер:

Разыгралась чтой-то вьюга:
Ой, вьюга́, ой, вьюга́!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!
Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся.

В этом по-народному воспринятом ветре Блок уже давно ощутил революцию. Русскому поэту, который сказал о себе:

Я сердце вьюгой закрутил,—

что же ему было и петь, как не родную ему революцию? Он уже давно, много лет, сам того не подозревая, был певцом революции — фантастической, невозможной, немыслимой. И нынешняя наша революция дорога ему именно тем, что она воплотила в себе русскую народную бунтующую душу... Для понимания этой поэмы нужно знать прежние произведения Блока, с которыми она органически связана.

Кричали, что в этой поэме Блок изменил себе, что это новый, неожиданный Блок, нисколько не похожий на старого.

Ужасались: «Кто бы мог подумать, что рыцарь «Прекрасной Дамы», певец «Соловьиного сада» опустится до такой «низменной» темы?

Но мы, следившие за творчеством Блока с его первых шагов, знаем, что здесь не новый, а старый Блок и что тема «Двенадцати» есть его давнишняя привычная тема.

Он и сам давно уже один из «двенадцати». Эти люди давно уже его братья по вьюге. Кровно, тысячью нитей он связан со своими «Двенадцатью», и если бы даже хотел, не мог бы отречься от них, потому что в них для него воплотилась Россия. Ведь даже кощунство «Двенадцати», эти их постоянные возгласы: «Эх, эх, без креста!», «Пальнем-ка пулей в святую Русь!» — издавна присуще поэзии Блока, который еще со времен «Балаганчика» чувствует «роковую отраду в попиранье заветных святынь» и про музу свою говорит, что она «смеется над верой».

Даже нож, которым в «Двенадцати» Петруха убивает соперника, есть тот самый, который давно уже неотделим для Блока от русской вьюги и русской любви, о котором Блок задолго до «Двенадцати» сказал в стихотворении «Русь»:

И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвее.

Блок никогда не говорил о России:

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра?

(Алексей Толстой)

Никогда не восклицал риторически:

Русь, что выше и что ярче,
Что смелей и что святей?
Где сияет солнце жарче,
Где сиять ему милей?

(Сергей Городецкий)

Другой поэт, даже враждебный революции, попытался бы увидеть в ней хоть что-нибудь светлое, хоть одного героя или праведника,—Блоку это не нужно: он хочет любить революцию даже вопреки ее героям и праведникам, принять ее всю целиком даже в ее хаосе, потому что эта революция—русская. Разве прихорашивал он ту трактирную деву, которая открыла ему

...берег очарованный
И очарованную даль.

Разве он скрыл от себя, что она пьяна и вульгарна? То же случилось и здесь. Он преобразил, не приукрашивая. Только те, что глухи к его ритмам, могут говорить, будто превращение этих людей в апостолов и появление во главе их Иисуса Христа есть ничем не оправданный, случайный эффект, органически не связанный с поэмой, будто Блок внезапно, ни с того ни с сего, на последней странице, просто по капризу подменил одних персонажей другими и неожиданно поставил во главе их Иисуса Христа.

Те же, что вслушались в музыку этой поэмы, знают, что такое преображение низменного в светлое происходит не на последней странице, а с самого начала, с самого первого звука, потому что эта поэма при всем своем вульгарном словаре по музыке своей торжественна и величава. Если это и частушка, то сыгранная на грандиозном органе. С самых первых строк начинает звучать широкая, оркестровая музыка с нарастающими лейтмотивами вьюги.

Все грубое тонет в ее пафосе, за всеми ее площадными словами мы чувствуем широкие и светлые дали. Я уверен, что научный ритмико-музыкальный анализ мог бы вполне объективно установить это поглощение сюжета возвышенным ритмом. Происходит непрерывное чудо. Вся поэма, хоть и народная по своему существу, обросла, словно плесенью, вульгарным, смердяковским жаргоном, но этот жаргон подчинен такой мощной мелодии, что перестает быть вульгарным, и даже такие слова, как «сукин сын», «паршивый», «стервец», «толстозадая», «падаль», «холера», «елекстрический»,

«коренка», «буржуй»,—даже эти слова поглощаются ею и кажутся словами высокого гимна. Вырванные из текста, они сами по себе пошловаты:

Он в шинелишке солдатской,
С физьономией дурацкой.

Но есть ли такая вульгарность, которой не могла бы преобразить в красоту магическая ритмика Блока?

Конечно, Блок не был бы Блоком, если бы в этой поэме не чувствовалось и второго какого-то смысла, противоположного первому. Простой, недвусложной любовью он не умел полюбить ни Прекрасную Даму, ни Незнакомку, ни родину, ни революцию. Всегда он любил, ненавидя, и верил, не веря, и поклонялся, кощунствуя, и порою такая сложность бывала ему самому не под силу.

Часто он и сам не понимал, что такое у него написалось, анафема или осанна, и кто не помнит того томительного и напряженного вдумывания, с которым он говорил о «Двенадцати», спрашивая себя, что это, и не умея ответить. Он внимательно вслушивался в чужие толкования этой поэмы, словно ожидая, что найдется же кто-нибудь, кто объяснит ему, что она значит. Но дать ей одно какое-нибудь объяснение было нельзя, так как ее писал сложный человек, со сложным восприятием мира. Эту поэму толковали по-всякому и будут толковать еще тысячу раз, потому что в ее лирике слиты два чувства, обычно никогда не сливаемые. Тут и «Марсельеза» и «Mein lieber Augustin» вместе. Но что же делать, если во всем своем творчестве он всегда сливал «Марсельезу» и «Mein lieber Augustin», если эту толстоморденькую Катьку он всегда ощущал одновременно и как площадную блудницу и как Деву Очарованных Далей, если Христос ему всегда являлся и антихристом. Его «Двенадцать» будут понятны лишь тому, кто сумеет вместить его двойное ощущение мира.

Обожание у Блока взяло верх, потому что вообще он был поэт обожаний. «Марсельеза» у него всегда торжествовала над «Augustin'ом». Всегда и в «Незнакомке» и в стихах о России он начинал с «Augustin'a» для того, чтобы в конце появилось великое.

В «Двенадцати» высший расцвет его творчества, которое—с начала до конца—было как бы приготовлением к этой поэме. Предчувствиями «Двенадцати» полна его изумительная поэма «Возмездие». Когда его оскорбляла злая цивилизация Европы, когда он

вглядывался в «измученные спины» рабов, когда жизнь стегала их «грубою веревкою кнута», он неизменно тосковал о «Двенадцати». Скорее бы они пришли — и спасли! Что они придут, он не сомневался: слишком уж гадостен был для него *старый мир* и с каждым годом казался все гадостнее. «Двенадцать» — поэма великого счастья, сбывшейся надежды: пришли долгожданные. Пусть они далеки от морального кодекса — они уничтожат «наполненные гнилью гроба», они зажгут тот пожар, о котором Блок тосковал столько лет:

Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!

Я назвал его поэму «Двенадцать» гениальной. Блок для моего поколения — величайший из нынче живущих поэтов[1]. Его темы огромны. Его тоска вселенская: не о случайных, легко поправимых изъянах того или иного случайного быта, но о вечной и непоправимой беде бытия. Даже скука у него «скука мира». Даже смех у него — над вселенной.

И всегда, во всех его стихах, даже в самых слабых, чувствуется особенный — величавый, печальный, торжественный, благородный, лермонтовский, трагический тон, без которого его поэзия немыслима. Даже цыганские песни, которые так часто звучат в его книгах, до неузнаваемости облагорожены у него этим величаво-трагическим тоном. Было в нем *тяжелое пламя печали*. Именно тяжелое. Его душа была тяжела для него, он нес ее через силу — как тяжесть. В ней никакой портативности, легкости, мелочности. Если бы даже он захотел, он не мог бы говорить мелко о мелком — только об огромном и трагическом.

Он Лермонтов нашей эпохи. У него та же долгая тяжба с миром, богом, собою, тот же роковой, демонический тон, та же тяжелость не умеющей приспособиться к миру души, давящей как бремя.

То, о чем он писал, казалось таким выстраданным, что, читая его, мы забывали следить за ухищрениями его мастерства.

Его изумительная техника изумительна именно тем, что она почти незаметна. Это у малых поэтов техника выпячивается на первое место, так что мы поневоле замечаем ее. Это про малого

---

[1] Теперь, после его кончины, я радуюсь, что еще при его жизни произнес это ответственное слово. Весь этот отрывок был прочитан мною на «Вечере Александра Блока», в Петрограде в Большом драматическом театре 25 апреля 1921 года.

поэта мы говорим с восхищением: «Какой у него оригинальный прием!», «Какое мастерство инструментовки!», «Какая ловкая и смелая аллитерация!». Но у поэта великого, у Лермонтова или Блока, вся техника так органически спаяна с тем, что некогда называлось душой, что мы хоть и очарованы ею, но не подозреваем о ней. Мы читаем и говорим: «Там человек сгорел»,— а виртуозно он горел или нет, забываем и подумать об этом. «Там человек сгорел»,—такова тема Блока: как сгорает человек—от веры, от безверья, от отчаяния, от иронии. И странно ли, что эти стихи о человеке, сжигаемом заживо, казались не просто стихами, но криком боли. Для читателя это не просто произведения искусства, но дневник о подлинно переживаемом. Блок и сам в автобиографии называет их своим дневником.

Но только по внешности это был мрачный дневник, а на деле—радостный, потому что Блок, несмотря на все свои мрачные темы, всегда был поэтом радости. В глубине глубин его поэзия есть именно радость—о жизни, о мире, о родине. Не верьте поэтам, когда они говорят, что они в пустоте: мир не может быть пуст для поэта. Поэт всегда говорит миру *да*, даже когда говорит ему *нет*. Творчество всегда есть приятие мира, в творчестве победа над иронией и смертью. Развенчивая жизнь, Блок все больше становился художником, то есть воспевателем жизни, и каждой строкой говорил:

Но трижды прекрасна жизнь.

Сколько бы он ни тяготился своим бытием, в нем жил художнический аппетит к бытию, который однажды заставил его воскликнуть:

О, я хочу безумно жить:
Все сущее—увековечить,
Безличное—очеловечить,
Несбывшееся—воплотить!

Без этой жадности к жизни и творчеству он не был бы великим поэтом.

И такова уж была двойственность Блока, что именно с той поры, как он возгласил, что мир пуст, он впервые стал наполнять его вещами и лицами. Именно с той поры, как мир явился ему в образе ночи, он впервые различил в этой ночи линии и краски окружающего. Как художник он стал обладателем мира, именно когда утратил его. Его последний, третий, том, где столько предсмертного

ужаса, был в то же время для него как для художника воскресением. Прежде мир был для него только сонное марево. Струилась, клубилось, а что — неизвестно, но именно теперь прояснилась окрестность, и он стал внимательным живописцем земного. Такие стихи его третьего тома, как «Авиатор», «На железной дороге», «Унижение», «Флоренция», «Петроградское небо», полны отчетливых, зорко подмеченных образов. А во всяком поэтическом образе всегда — любование миром. Любовью к точному и прочному слову, плотно облегающему каждую вещь, отмечены стихотворения третьего тома. Прежде Блок не мог бы создать таких незабываемо определительных образов, как *«испуганные тучи»*, *«величавая глупость»*, *«испепеляющие годы»*, *«напрасных бешенство объятий»*, *«столетний, бедный и зацелованный оклад»*. Прежде он не мог бы написать о скелете, что тот роется в чьем-то шкафу —

Хозяйственно согнув *скрипучие колени*,—

потому что прежде для таких пушкинских слов у него не хватало любви и внимания к конкретному миру.

Всего поразительнее то, что, обличая любовь, Блок по-прежнему остался ее романтически пылким певцом. Сколько бы он ни твердил, что Прекрасная Дама ушла от него навсегда («Ты отошла, и я в пустыне...», «Ты в поля отошла без возврата»), она осталась при нем до последнего часа, порою оскорбляемая, порою хвалимая — но вечно ощущаемая, как вестница счастья, как «воспоминание смутное», как «предчувствие тайное», как слишком светлая мысль о какой-то другой Стране. В одном из самых углубленных своих стихотворений «Художник», где он, этап за этапом, изображает процесс своего художественного творчества, он повторяет под конец своей жизни, что творчество связано для него с ощущением мира иного, с освобождением от времени и смерти. И в самые поздние, предсмертные годы, завершая свой творческий путь, он не раз возвращается к той же своей Лучезарной и видит ее даже яснее, чем прежде:

Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зримей
Сияние Ее Лица.

И сквозь круженье вихревое,
Сынам отчаянья сквозя,
Ведет, уводит в голубое
Едва приметная стезя.

Снова голубое, как и в юности, та самая золотая лазурь, которая сияла ему в первоначальные годы. Неверие только закалило его веру, кощунство только сделало ее человечнее. Оттого-то он так мучительно чувствовал мрак, что, в сущности, был светел и радостен. Под спудом в нем всегда таилась радость, и среди самых отчаянных стонов он написал в своих «Ямбах», что найдется же такой веселый читатель, который учует ее даже в его стонах и скажет:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

Корней ЧУКОВСКИЙ

КОММЕНТАРИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1898—1904)

В предисловии к «Собранию стихотворений» 1911—1912 гг. Блок писал: «Тем, кто сочувствует моей поэзии, не покажется лишним включение в эту и следующие книги полудетских или слабых по форме стихотворений; многие из них, взятые отдельно, не имеют цены; но каждое *стихотворение* необходимо для образования *главы;* из нескольких глав составляется *книга;* каждая книга есть часть *трилогии;* всю трилогию я могу назвать «романом в стихах»: она посвящена одному кругу чувств и мыслей, которому я был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни»[1].

В этом небольшом предисловии (январь 1911 г.) выражена принципиальная позиция Блока по отношению к изданию своих стихов. Сам Блок предпочитал публиковать свои стихотворения в составе авторских сборников, каждый раз тщательно им подготавливающихся, имеющих своеобразную драматургию, развивающийся «сюжет». Для Блока при публикации стихов была очень важна, как он сам говорил, «идея пути», без которой, по его убеждению, не существовало поэта. Именно идея трагического пути Поэта, кровно связанного со своим временем, с движением самого Времени, пронизывает все главы, циклы и каждое стихотворение блоковской трилогии. «Переиздание моих книг побуждает меня всегда проверять весь путь, потому я семь раз отмериваю, чтобы раз отрезать... Выбираю и распределяю все так, чтобы, как можно яснее... было, чего хотел, чего не достиг, как падал, где удалось удержаться» — эти слова Блока относятся к 1916 году (т. 8, с. 456—457). В письме к другу юности А. Белому Блок образно характеризует главные этапы своего поэтического «крестного» пути: «...от мгновения слишком яркого света — через необходимый болотистый лес — к отчаянию, проклятиям, «возмездию» и... — к рождению человека «обществен-

---

[1] Александр Блок. Собрание сочинений в 8-ми тт. Т. 1. М., 1960, с. 559. В дальнейшем в ссылках на это издание указывается только том и страница.

...мужественно глядящего в лицо миру, получив-
...ение изучать формы... вглядываться в контуры «добра и
...ечное утраты части души» (т. 8, с. 344). Иными словами,
...ок имел в виду ранние «светлые» книги — «Ante lucem», «Стихи о
Прекрасной Даме» (мгновения слишком яркого света), циклы
второго тома — «Пузыри земли», «Разные стихотворения», «Воль-
ные мысли», поэму «Ночная фиалка» (то есть «Необходимый
болотистый лес») — и, наконец, знаменитые циклы третьего тома:
«Страшный мир», «Ямбы», «Возмездие». Три тома своей лирики
Блок назвал «трилогией вочеловеченья». Как бы подводя итог
пройденного, Блок писал Белому 12 марта 1911 года: «Уже «меня»
(того ненужного, докучного, вечно самому себе нравящегося или не
нравящегося «меня») — мало осталось, почти нет; часто — вовсе нет;
чаще и чаще. Но за плечами — все «мое» и все «не мое», равно
великое: «священная любовь», и 9-е января, и Цусима — и над всем
единым большой строгий, *милый святой* крест. Настоящее — страшно важно, будущее — так огромно, что замирает сердце, — и *один:* бодрый, здоровый, *не* «конченный», отдохнувший. Так долго длилось «вочеловеченье» (т. 8, с. 335).

Объем настоящего сборника не позволяет издать полностью циклы и разделы «трилогии». Но блоковский принцип цикличности и последовательности его разделов и циклов строго сохраняется.

Текст печатается по изданию: Александр Блок. Собрание сочинений в 8-ми тт. Тт. 1—3. М.-Л., 1960 (за исключением стихотворений «О легендах, о сказках, о мигах...», «Да, так велит мне вдохновенье...», которые печатаются по изданию: Александр Блок. Стихотворения. Поэмы. Театр. В 2-х тт. Т. 1. Л., 1972, с. 170; Т. 2, с. 153).

ANTE LUCEM

(1898—1900)

Этот раздел самым непосредственным образом связан с циклом «Стихи о Прекрасной Даме» и является своего рода его прологом. «Ante lucem» — то есть «до света» — так Блок иносказательно называл момент перед встречей с Л. Д. Менделеевой (т. 7, с. 471).

«Она молода и прекрасна была...» — одно из первых стихотворений, обращенных к Л. Д. Менделеевой, будущей жене Блока.

Гамаюн, птица вещая («На гладях бесконечных вод...»). Стихи были написаны Блоком под впечатлением картин Виктора Михайловича Васнецова (1848—1926), изображающих вещих птиц из древних русских легенд и поверий — Сирина, Алконоста, Гамаюна. *Гамаюн* — волшебная сказочная птица с тонким человеческим лицом. Поэт в 1900 году показал стихи редактору журнала «Мир Божий» В. П. Острогорскому, другу семьи Бекетовых. «Пробежав стихи, он сказал,— вспоминает Блок: — «Как вам не стыдно, молодой человек, заниматься *этим*, когда в университете бог знает что творится!» — и выпроводил меня со свирепым добродушием» (т. 7, с. 14). На рукописи стихов Блок сделал помету: «За это — В. П. Острогорский ругал» (т. 1, с. 577). Но, как верно заметил современный исследователь А. М. Турков в своей книге «Александр Блок», в этих ранних стихах явственно звучит «тревожная нота предчувствия грядущих катастроф», характерная для всего творчества поэта (М., 1969, с. 34). Блок включил это стихотворение в свой «Изборник» 1918 года. *Трус* — церковнокнижное слово, означающее землетрясение.

Моей матери («Спустилась мгла, туманами чревата...»). Мать Блока — Александра Андреевна Блок (1860—1923), урожденная Бекетова, во втором браке — Кублицкая-Пиотух. «Моя мать...— писал Блок в своей автобиографии,— переводила и переводит с французского — стихами и прозой (Бальзак, Гюго, Флобер, Золя, Мюссе, Эркман-Шатриан, Додэ, Бодлер, Верлэн, Ришпэн). В молодости писала стихи, но печатала — только детские» (т. 7, с. 11). С матерью у Блока была всю жизнь редкостная духовная близость и взаимопонимание. «Близкие люди у меня есть,— замечал Блок в одном из своих писем,— (схожусь я с ними, конечно, разно — то в том, то в другом, кроме мамы, с которой — во всем)...» (т. 8, с. 43). Ей, по словам Блока, «свойственны были постоянный мятеж и беспокойство о новом, и мои стремления к *musique* находили поддержку у нее» (т. 7, с. 12).

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

(1901—1902)

Этот цикл вдохновлен Любовью Дмитриевной Менделеевой (1881—1939), дочерью знаменитого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева. Стихи 1901—1902 годов, составившие *ядро*

первой книги лирики Блока, написаны в пору самой горячей и нежной влюбленности поэта («...когда я носил в себе великое пламя [illegible]», — писал Блок в дневнике 1919 года.— Т. 7, с. 353). Эта книга — истинное начало, исток всего творчества Блока. На таком понимании значения своей первой книги настаивал Блок всегда, до конца жизни.

«Стихи о Прекрасной Даме» — ранняя утренняя заря,— писал Блок в марте 1908 года,— те сны и туманы, с которыми борется душа, чтобы получить право на жизнь. Одиночество, мгла, тишина — закрытая книга бытия, которая пленяет недоступностью... Там все будущее — за семью печатями. В утренней мгле сквозит уже чародейный, Единый Лик, который посещал в видениях над полями и городами, который посетит меня на исходе жизни...» (т. 2, с. 371).

В 1911 году, готовя к изданию первую книгу «Собрания стихотворений», Блок объяснял, комментируя «Стихи о Прекрасной Даме»: «Эта книга, в противоположность двум следующим, написана в одиночестве; здесь деревенское преобладает над городским; все внимание направлено на знаки, которые природа щедро давала слушавшим ее с верой; такая «однострунность» души позволила мне расположить все стихотворения первой книги в строго хронологическом порядке; здесь главы определяются годами, в следующих книгах — понятиями; но эти числа и слова для меня одинаково живые и законченные образы. Четвертая глава (1901 год) (в издании, о котором идет речь, все стихи четко делились по годам: 1898, 1899 и т. д.— *В. Ф.*) имеет первенствующее значение как для первой книги, так и для всей трилогии... она же есть тот «магический кристалл», сквозь который я различил впервые, хотя и «неясно» всю «даль свободную романа...» (там же, с. 560).

Впервые цикл стихов о Прекрасной Даме был опубликован в «Северных цветах» за 1903 год, то есть в год женитьбы Блока на Л. Д. Менделеевой. Обращаясь к редактору журнала В. Брюсову, Блок замечал: «Посылаю Вам стихи о Прекрасной Даме. Заглавие ко всему отделу моих стихов в «Северных цветах» я бы хотел поместить такое: «О вечно-женственном». В сущности это и есть тема всех стихов...» (т. 8, с. 55).

В конце декабря 1904 года Блок пишет огорченное письмо отцу, который резко отозвался об этой первой книге поэта: «Мне странно, что Вы находите мои стихи непонятными и даже обвиняете меня в рекламе и эротизме... В непонятности меня, конечно, обвиняют *почти* все, но на днях мне было очень отрадно слышать, что вся почти книга понята, до тонкости часто, а иногда и до слез,— совсем простыми, «неинтеллигентными» людьми. Не выхваляя ни своих форм и ничего вообще *от меня* исходящего, я могу с уверенностью

сказать, что плохо ли, хорошо ли,— написал стихи о вечном и вполне несомненном, что рано или поздно должно быть воспринято всеми (не стихи, а эта вечная сущность)» (там же, с. 115—116).

В принципиальном, длившемся не один год споре с Андреем Белым, отстаивая свою художественную индивидуальность и цельность всего творчества, Блок писал своему бывшему другу в августе 1907 года: «Считаю, что стою на твердом пути и что все написанное мною служит органическим продолжением первого — «Стихов о Прекрасной Даме» (там же, с. 190). И вновь ему же, в октябре 1910 года: «Ведь вся история моего внутреннего развития «напророчена» в «Стихах о Прекрасной Даме» (там же, с. 317).

В своих «Записных книжках» в записи от 26 марта 1910 года Блок особенно подчеркивает важность этого цикла и со стороны идейно-этической: «Стихи о Прекрасной Даме» — уже этика, уже общественность» (Александр Блок. Записные книжки. М., 1965, с. 168). В записи от 28 июня 1916 г. появляются такие строки: «*Лучшими* остаются «Стихи о Прекрасной Даме». Время не должно тронуть их, как бы я ни был слаб, как художник» (там же, с. 309). Время и не «тронуло их» — в истории мировой поэзии цикл стихов Блока «О Прекрасной Даме» находится в ряду бессмертных лирических созданий Петрарки, Данте, Шекспира.

В 1918 году Блок задумал отдельное издание сборника «Стихов о Прекрасной Даме», с авторским комментарием, подобным тому, который был сделан Данте к главам, посвященным Беатриче в автобиографической исповеди «Новая жизнь». «Я задумал, как некогда Данте, заполнить пробелы между строками «Стихов о Прекрасной Даме» простым объяснением событий...» (т. 1, с. 692). Сохранился набросок предисловия Блока к этому неосуществленному изданию. В предисловии Блок предостерегал от упрощенно-прямолинейного истолкования его поэтических образов: «До сих пор я встречаюсь иногда с рассуждениями о «превращении» образа Прекрасной Дамы в образы следующих моих книг: Незнакомки, Снежной Маски, России и т. д. Как будто превращение одного образа в другой есть дело простое и естественное! И главное, как будто сущность, обладающая самостоятельным бытием, может превратиться в призрак, в идею, в мечту!» (т. 1, с. 560). Сохранилось и начало комментария к стихам, написанного в 1918 году. В этом очень своеобразном, философско-поэтическом авторском комментарии явственна тенденция объяснить, что главные темы его творчества действительно «напророчены» в «Стихах о Прекрасной Даме». Уже в стихах 1901 года звучит тема о «двуликом одиночестве», «начинается борьба другая, борьба с адом (демонической стихией души.— *В. Ф.*), на которую тратятся не те пошлые силы,

[illegible] на человеческую борьбу» (т. 7, с. 346—347). Этот [illegible] представляет несомненный интерес, однако лучшим (пожалуй, непревзойденным и исчерпывающим) комментарием стихов о Прекрасной Даме являются письма Блока к невесте и жене, которые опубликованы полностью в 89-м томе «Литературного наследства».

«Я вышел. Медленно сходили...», «Ветер принес издалека...» — К этим стихам Блок в 1918 году составляет своего рода комментарий-обобщение, имея в виду все свое творчество, свой путь «к вочеловеченью». «1901 год начинается одиночеством, углублением в себя, печалью о прошлом, в котором были некие «заветы». Этой печали суждено окрепнуть в надежду... До конца января ОНА не упоминается в стихах, есть только ЕЕ музыка... 29 января в *песне весеннего ветра и живых былей лучших дней* послышались *ее звучные песни*. Перед ней — *волны народа*, толпой которого я уже увлечен на *обожанье красоты* (этот мотив — еще в конце 1900 года)». Блок подразумевает здесь стихотворение «31 декабря 1900 года» («И ты, мой юный, мой печальный...») — ср. строку: «Бреду, как путник запоздалый, // За красотой...». «Психология уже,— обобщает Блок,— хотя *против людей*, но с народом, как со стихией... Таким образом, все уже сливается в этой весне (необычайно ранней — явственной в январе; *былое* с грядущим, что в ветре)» (т. 7, с. 346).

Моей матери («Чем больней душе мятежной»).— К этому стихотворению Блок в 1918 году сделал такой комментарий: «Моей матери, которая не знала того, что знал я, я искал дать понять о происходящем строками: «Чем больней...» (здесь уже сопротивление психологии: чем больней феноменальной душе, тем ясней миры ноуменальные)» (т. 7, с. 348).

«Медленно в двери церковные...».— Блок и Л. Д. Менделеева часто, гуляя по петербургским улицам, забредали в соборы — Казанский, Исаакиевский. 29 августа 1901 года Блок записывает в дневнике: «Сначала пошли в Казанский собор (там бывали и еще), а потом... в Исаакиевский... В соборе почти никого не было. Вас поразила высота, громада, торжество, сумрак...» Об одном из таких посещений Л. Д. Блок рассказала в своих воспоминаниях: «В сумерки октябрьского дня (17 октября) я шла по Невскому к Казанскому собору и встретила Блока... Позволила идти с собой. Мы сидели в стемневшем уже соборе на каменной скамье под окном, близ моей Казанской. То, что мы тут вместе, это было боль-

ше всякого объяснения. Мне казалось, что я давно отдам свою душу... Так начались соборы, сначала Казанский, потом и Исаакиевский...» (т. 7, с. 56, 510). В этот же день, 17 октября 1901 года, поэт и написал стихотворение — «Медленно в двери церковные...». А в дневнике 1917 года Блок замечает: «Знаменательна была встреча 17 октября» (там же, с. 345).

«Я долго ждал — ты вышла поздно...» — К этому стихотворению относится поздняя запись Блока в дневнике 1918 года: «Любовь Дмитриевна ходила на уроки к М. М. Читау (на драматические курсы. — *В. Ф.*), я же ждал ее выхода, следил за ней и иногда провожал ее...» (т. 7, с. 345). Об этом же Блок вспоминал в неотосланном письме к Л. Д. Менделеевой 29 августа 1902 года из Шахматова: «Помните Вы-то эти дни — эти сумерки? Я ждал час, два, три. Иногда Вас совсем не было. Но, боже мой, если Вы были! Тогда вдруг звенела и стучала, захлопываясь, эта дрянная, мещанская, скаредная, дорогая мне дверь подъезда. Сбегал свет от тусклой желтой лампы. Показывалась Ваша фигура — Ваши линии, так давно знакомые во всех мелочах... На Вас бывала, должно быть, полумодная шубка с черным мехом... маленькая шапочка, под ней громадный тяжелый золотой узел волос — ложился на воротник, тонул в меху. Розовые разгоревшиеся щеки оттенялись этим самым черным мехом... Шли быстро... Такая высокая, «статная», морозная...» (Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М., 1955, с. 529).

«Свет в окошке шатался...» — Об этом стихотворении Блок писал А. В. Гиппиусу 28 августа и З. Н. Гиппиус 14 сентября 1902 года; поэт называет его «стихотворной иллюстрацией» своего душевного состояния той поры: «Все это столь тонко, что даже во многих местах рвется», «Душа горит опять, «как в первый день». Там опять всё — помыслы, поступки и сказки всего существа... Чувствую «перст» и не боюсь «случая»... Я ведь все-таки слуга и должен исполнить все заветы Господина, — а быть рабом гораздо важнее, чем даже доктором Фаустом. Пока что разрежаю мою сгущенную молниеносную атмосферу жестокой арлекинадой, которой стихотворное выражение (то есть стихотворение «Свет в окошке шатался...» — *В. Ф.*) и посылаю Вам» (т. 8, с. 44, 46).

«Я их хранил в приделе Иоанна...» — Стихотворение посвящено заветной дате — 7 ноября 1902 года Л. Д. Менделеева согласилась стать женой Блока: «Сегодня 7 ноября 1902 года совершилось то, чего никогда еще не было, чего я ждал четыре года» — записано в дневнике поэта (т. 7, с. 66).

КНИГА ВТОРАЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1904—1908)

Комментарий Блока к циклам, составившим вторую книгу трилогии, содержится отчасти в его предисловиях к сборникам «Нечаянная радость» и «Земля в снегу», ибо подавляющее большинство произведений, объединенных в этих сборниках, вошло и во второй том «Собрания стихотворений». Собственно, второй том и есть уже «образ грядущего мира», о чем Блок пишет во вступлении к сборнику «Нечаянная радость».

«Пробудившаяся земля выводит на лесные опушки маленьких мохнатых существ. Они умеют только кричать «прощай» зиме, кувыркаться и дразнить прохожих. Я привязался к ним только за то, что они — добродушные и бессловесные твари,— привязанностью молчаливой, ушедшей в себя души, для которой мир — балаган, позорище». Этот комментарий Блока можно полностью отнести к циклу «Пузыри земли», открывающему вторую книгу. «Она осталась бы такою (ушедшая в себя душа поэта.— *В. Ф.*), если бы не тревожили людские обители — города». Далее в какой-то степени следует авторский комментарий к циклам: *Город, Снежная маска, Разные стихотворения, Фаина, Вольные мысли,* поэме «*Ночная Фиалка*»: «Там, в магическом вихре и свете, страшные и прекрасные видения жизни: Ночи — снежные королевы — влачат свои шлейфы в брызгах звезд. На буйных улицах падают мертвые, и чудодейственно-терпкий напиток, красное вино, оглушает, чтобы уши не слышали убийства, ослепляет, чтобы очи не видели смерти.

И молчаливая девушка за узким окном всю ночь ткет мне мой Перстень-Страданье; ее работа рождает во мне тихие песни отчаянья, песни Покорности.

Но над миром, где всегда дует ветер, где ничего не различить сквозь слезы, которыми он застилает глаза,— Осень встает, высокая и широкая. Раскидывается над топью болот и золотою короной лесов упирается в синее небо. Тогда понятно, как высоко небо, как широка земля, как глубоки моря и как свободна душа...» (т. 2, с 369).

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

(1904—1905)

Эпиграф к циклу взят из трагедии Шекспира «Макбет», одной из «любимейших трагедий» Блока. О «Пузырях земли», вспоминала Н. Н. Волохова, он не мог «говорить без волнения». Блок писал поэту Эллису о Шекспире: «Люблю его глубоко; и, может быть, глубже всего — во всей мировой литературе — Макбета» (т. 2, с. 436).

«Болотные чертенятки» («Я прогнал тебя кнутом...»). — Посвящено Алексею Михайловичу Ремизову (1877—1957), с которым Блок познакомился в январе 1905 года, — писателю, влюбленному в русский фольклор, русскую народную сказку. В эту пору Блок увлечен народной поэзией (см., например, его статью «Краски и слова»). «Кому еще не известны иные существа, населяющие леса, поля и болотца... тот должен учиться смотреть», — писал поэт (т. 5, с. 24).

ГОРОД

(1904—1908)

Митинг — написано под впечатлением всеобщей стачки в Петербурге, разразившейся 10 октября 1905 года. Прямой иллюстрацией блоковского «Митинга» (гибели оратора) выглядит запись Е. П. Иванова: «Они стояли со знаменем, и оратор с тумбы говорил. Вдруг рожок. И из окон семеновских казарм залп. Оратор упал, изо рта кровь; все разбежались...» (Вл. Орлов. Гамаюн. Л., 1978, с. 206—207).

«Еще прекрасно серое небо...» — В связи с этим стихотворением С. Городецкий писал в своих воспоминаниях: «Тревожный, ищущий, обворожительно-кроткий, встретил Блок пятый год. Помню, как Любовь Дмитриевна с гордостью сказала мне: «Саша нес красное знамя» — в одной из первых демонстраций рабочих... Помню, как значительно читал он стихотворение, только что написанное, где говорится о рыцаре на крыше Зимнего дворца, склонившем свой меч. Бродили в нем большие замыслы...» (Сергей Городецкий. Воспоминания об Александре Блоке. — «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 1. М., 1980, с. 329—330. 1922, № 1).

Незнакомка». Интересные подробности о «Незнакомке» содержатся в неизданном дневнике Е. П. Иванова, близкого друга Блока. Запись от 9 мая 1906 г. повествует о том, как в этот день Блок повез Е. П. Иванова в Озерки: «Пошли на озеро, где «скрипят уключины» и «визг женский»... Потом Саша с какой-то нежностью ко мне, как Вергилий к Данте, указывал на позолоченный «кренделъ булочной», на вывески. Все это он показывал с большой любовью, как бы желая ввести меня в тот путь, которым велся он тогда, в тот вечер, как появилась «Незнакомка». Наконец, привел на вокзал Озерковский... Из большого венецианского окна видны «шлагбаумы», на все это он указывал по стихам. В окне видна железная дорога... Поезда часто проносятся мимо... Зеленеющий в заре кусок неба то закрывается, то открывается. С этими пролетающими машинами и связано появление в окне незнакомки...» (т. 2, с. 423).

О том, как Блок читал «Незнакомку», вспоминает Корней Чуковский в своей мемуарной книге «Современники»: «Я помню ту ночь перед самой зарей, когда он впервые прочел «Незнакомку»,— кажется, вскоре после того, как она была написана им. Читал он ее на крыше знаменитой башни Вячеслава Иванова, поэта-символиста, у которого каждую среду собирался для всенощного бдения весь артистический Петербург... Блок, медлительный, внешне спокойный, молодой, загорелый... по нашей неотступной мольбе уже в третий, в четвертый раз прочитал эту бессмертную балладу своим сдержанным, глухим, монотонным, безвольным трагическим голосом. И мы, впитывая в себя ее гениальную звукопись, уже заранее страдали, что ее очарование кончится... и вдруг, едва только произнес он последнее слово, из Таврического сада, который был тут же, внизу, какой-то воздушной волной донеслось до нас многоголосое соловьиное пение. И теперь, всякий раз, когда, перелистывая сборники Блока, я встречаю там стихи о Незнакомке, мне видится: квадратная железная рама на фоне петербургского белого неба, стоящий на ее перекладине молодой, загорелый, счастливый своим вдохновением поэт и эта волна соловьиного пения, в котором было столько родного ему» (М., 1963, с. 437).

СНЕЖНАЯ МАСКА

(1907)

В одном из писем к Л. Д. Менделеевой (22 февраля 1903 г.) Блок выразил необычайно важную для всего его творчества мысль, которая имеет самое непосредственное отношение к тому, как

рождались лирические циклы: «Поэт... как бы он ни глубоко погрузился в отвлеченность, остается в самой глубине поэтом, значит — любовником и безумцем,— писал Блок.— Когда дело дойдет до самого важного, он откроет сердце, а не ум, и возьмет в руки меч, а не перо, и будет рваться к окну, разбросав все свитки стихов и тум, положит жизнь на любовь, а не на идею. Корень творчества лежит в Той, которая вдохновляет, и она вдохновляет уже на все, даже на теорию, но, если она потребует и захочет, теории отпадут, а останется один этот живой и гибкий корень».

Стихи, объединенные в цикл «Снежная маска», были «вдохновлены» страстной увлеченностью поэта актрисой театра В. Ф. Комиссаржевской Натальей Николаевной Волоховой. «Как это произведение, так и все, что значится в цикле «Фаина»,— составляет одну повесть...— вспоминает биограф поэта М. А. Бекетова.— Здесь отразился весь «безумный год», проведенный «у шлейфа черного»... поэт не прикрасил свою «снежную деву». Кто видел ее тогда, в пору его увлечения, тот знает, как она была дивно обаятельна... Высокий тонкий стан, бледное лицо, тонкие черты... и глаза, именно «крылатые», черные, широко открытые «маки злых очей». И еще поразительна была улыбка... какая-то торжествующая, победоносная... Кто-то сказал тогда, что ее глаза и улыбка, вспыхнув, рассекают тьму. Другие говорили: «раскольничья богородица» (М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк, изд. 2-е. Л., 1930, с. 106). Блоку она напоминала героинь Лескова — «тоже — раскольница с демоническим» («Записные книжки», с. 103).

13 января 1907 года Блок писал Брюсову: «У меня уже почти готова... книжка новых стихов — «Снежная маска». Все это — стихи, писанные залпом на этих днях, пока неожиданные и, во всяком случае, новые для меня самого...» (т. 8, с. 174).

Небольшая книжечка стихов «Снежная маска» вышла в 1907 г. с посвящением Н. Н. Волоховой: «Посвящаю эти стихи *тебе*, высокая женщина в черном, с глазами крылатыми и влюбленными в огни и мглу моего снежного города». В собрании стихотворений Блок это посвящение снял.

«Зима 1906—1907 года в Петербурге была необычайно снежной, мягкой; почти непрерывно с неба спускались большие белые хлопья и пушистым покровом ложились на величественный, изумительной красоты город. Вот в эту-то зиму я и познакомилась с Александром Александровичем Блоком...— вспоминает Волохова.— Часто, после спектакля, мы совершали большие прогулки, во время которых Александр Александрович знакомил меня со «своим городом», как он его называл. Минуя пустынное Марсово поле, мы поднимались на Троицкий мост и, восхищенные, вглядывались в

освещенную цепь фонарей, расставленных, как горящие кресты, [illegible] реки и теряющиеся в мглистой бесконечности... бродили по окраинам города, по набережным, вдоль каналов... Александр Александрович показывал мне все места, связанные с происходящим в его пьесе «Незнакомка»... Действительность настолько переплеталась с вымыслом, с мечтой поэта, что я невольно теряла грань реального и, трепетно и с восхищением, входила в этот неведомый мне мир поэзии. У меня являлось чувство, точно я получаю в дар, из рук поэта этот необыкновенный сказочный город, сотканный из тончайших голубых нитей и ярких золотых звезд».

По выходе книжки в свет Блок, видимо, несколько разочаровался в ней — «ведь книжка до последней степени субъективная, доступная самому маленькому кружку...» — писал он в июле 1907 года (т. 8, с. 188). Но Блок неизменно включал этот цикл во все последующие издания своего «Собрания стихотворений». «В «Снежной маске» — *все те же* огненные переживания», — утверждал поэт в письме к Белому от 15-17 августа 1907 года (т. 8, с. 195).

Снежное вино («И вновь, сверкнув из чаши винной...»).— В своих воспоминаниях Н. Н. Волохова писала: «Когда Александр Александрович принес мне первые листки из цикла «Снежная маска» и просил позволения прочесть мне написанные за эти дни стихотворения — я была очарована их исключительной музыкальностью, несколько смущена звучанием трагической ноты, проходящей через все стихи, и очень удивлена теми или иными оборотами или выражениями, которые совсем не соответствовали реальному плану. Когда же Ал. Ал., прочтя строки:

«И как, глядясь в живые струи,
Не увидать себя в венце?
Твои не вспомнить поцелуи
На запрокинутом лице?» —

взглянул и увидел крайнее изумление на моем лице, он, несколько смутившись, со сконфуженной улыбкой, стал объяснять мне, что в плане поэзии дозволено некоторое преувеличение...»

Маски.— «Стихи эти, особенно... «Маски», родились непосредственно из нашего препровождения времени в течение рождественских и новогодних праздников», — вспоминала Н. Н. Волохова. Они «как нельзя лучше» передают «нежную, строгую романтику» той поры.

«Когда вы стоите на моем пути...» — Стихотворение обращено к Елизавете Юрьевне Кузминой-Караваевой (1891—1945), русской поэтессе, впоследствии ставшей личностью легендарной (она была участницей французского Сопротивления и героически погибла в немецком лагере Равенсбрюк). Кузмина-Караваева оставила прекрасные воспоминания о Блоке, высокую любовь к которому пронесла через всю свою жизнь. Когда Елизавета Юрьевна впервые посетила Блока, ей было немногим больше пятнадцати лет. Вот как она рассказывает об этой встрече, воскресшей в стихах поэта: «Он... почтителен и серьезен... Меня поражает его особая внимательность, какая-то нежная бережность... Уходя с Галерной, я оставила часть души там. Это не полудетская влюбленность... Хорошо, когда в мире есть такая большая тоска, большая жизнь, большое внимание, большая обнаженная зрячая душа. Через неделю я получаю письмо. Конверт необычайный, ярко-синий... В письме есть стихи: «Когда вы стоите на моем пути...» («Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2. М., 1980, с. 63, 429—431).

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

(1908)

Письма Блока, его дневники и записные книжки, начиная с 1905 года,—достоверный комментарий к этим стихам, рожденным после первой русской революции. «Хочу выразить ненависть к любимому городу»,—писал Блок в июне 1905 г. Е. П. Иванову.— «Я *приникал* к окраинам нашего города, знаю... Еще долго близ Лахты будет водиться откровение, небесные зори будут волновать грудь... Но живем-то, живем *ежедневно*—в ужасе, смраде и отчаянье, в фабричном дыму, в треске блудных улыбок... Петербург—гигантский публичный дом... В нем *не отдохнуть*... отдых краток там только, где мачты скрипят, барки покачиваются, на *окраине*, на островах, совсем у ног залива в сумерки. Но там узнаешь тишину до рассвета, а едва рассвет запылит,—все кончено...». Уже здесь звучат «вольные мысли» поэта, получившие свое воплощение в стихотворном цикле 1908 г. «Хочу действенности... хочу много ненавидеть, хочу быть жестче...» (т. 8, с. 131).

О смерти («Все чаще я по городу брожу...»).—Блок действительно был свидетелем трагической гибели жокея. 26 мая 1907 года поэт писал жене: «...за забором скачек, когда я подошел, на всем

ку упал желтый жокей. Подбежали люди и подняли какие-то жалкие и совершенно мертвые, болтающиеся руки и ноги — желтые. Он упал в зеленую траву — лицом в небо» («Литературное наследство». Т. 89. М., 1978, с. 199).

Всегда хочу смотреть в глаза людские... — 6 марта 1908 года Блок сделал такую запись: «Зачем ты так нагло смотришь женщинам в лицо? Всегда смотрю. Женихом был — смотрел, был влюблен — смотрел. Ищу своего лица. Глаз и губ» («Записные книжки», с. 103).

В северном мо́ре («Что сделали из берега морского...»). — «Читая его пятистопные белые ямбы о Северном море, которые по своей четкой классической образности единственные в нашей поэзии могут сравниться с пушкинскими,— писал К. И. Чуковский в своих мемуарах,— я вспоминаю тогдашний сестрорецкий курорт с большим рестораном у самого берега и ту допотопную моторную лодку... в которую уселись, пройдя по дощатым мосткам, писатель Георгий Чулков... Зиновий Гржебин (художник, впоследствии издатель «Шиповника») и неотразимо, неправдоподобно красивый... загорелый и стройный Блок...» (Корней Чуковский. Современники. М., 1963, с. 435).

КНИГА ТРЕТЬЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1907—1916)

«План третьей книги моих стихов — неизбежная драматическая последовательность жизни»,— писал Блок в 1908 году (т. 2, с. 371). «Из лирики — к трагедии» (т. 8, с. 213). Историю создания цикла «Страшный мир» см. в статье И. Правдиной.— Сб. «В мире Блока». М., 1980, с. 209—244.

СТРАШНЫЙ МИР

(1909—1916)

«Страшный мир,— записывает Блок летом 1911 года.— Но быть с тобой странно и сладко» («Записные книжки», с. 183). Цикл стихов, объединенных под названием «Страшный мир», впервые

...был опубликован в журнале «Русская мысль» (ноябрь 1910) и открывался стихотворением «Демон». Тема «демонизма», иронии, сомнении во имя прекрасного будущего, грядущего проникает все стихи этого цикла, исполненного боли и мужества. «Страшная, смертная вещь талант, — записывает Блок в дневнике 1911 г. — Может быть, только гений говорит правду... Правду, исчезнувшую из нашей жизни, попрощать *наше дело*» — таков девиз поэта в пору его художнической зрелости. Свою миссию Поэта Блок ощущает как жертвенный подвиг; мотив жертвенного служения России проникает и торжественно-печальный и вместе с тем простой и гневный блоковский «Страшный мир». Очень важна для понимания идеалов Блока того времени такая, например, запись (от 21 декабря 1911 г.): «Больно, когда падает родная береза в дедовском саду. Но *приятно*, СЛАДКО, когда Галилея и Бруно сжигают на костре, когда Сервантес изранен в боях, когда Данте умирает на паперти» (т. 7, с. 103—104).

Песнь Ада — «... есть попытка изобразить инфернальность (термин Достоевского), «вампиризм» нашего времени, стилем inferno, что видно с первых слов: «День догорел» («Lo giorno se n'andava», начинается вторая песнь «Ада»). *«Где спутник мой? О, где ты, Беатриче? — Иду один...»* Современность не обладает не только райской спутницей, божественной Мудростью, но и земною мудростью язычника Вергилия, который сопутствовал Данту в Аду и у райской двери передал его Беатриче...» (Примечание А. А. Блока.) В этом стихотворении, по словам Блока, «есть нечто от старинных культур и от Данта» (т. 3, с. 502).

Демон («Прижмись ко мне крепче и ближе...»). — Стихотворение «написано под впечатлением смерти Врубеля; связь демонов Лермонтова и Врубеля, намеки на которую есть в этих стихах, подлежит исследованию». (Примечание А. А. Блока.) «С Врубелем я связан жизненно...» — утверждал Блок 8 апреля 1910 года (т. 8, с. 306). О своем отношении к творчеству и личности художника Блок написал в статье «Памяти Врубеля» (т. 5). Заключая статью, поэт повторил свою мысль: «Демон его и Демон Лермонтова — символы наших времен» (с. 424).

Авиатор. — Блок посвятил это стихотворение памяти отважного летчика В. Ф. Смита, который разбился у него на глазах 14 мая 1911 г. В печати это посвящение было снято. Поэт горячо увлекался

чалом цивилизации — первыми полетами аэропланов. «В полетах людей, даже неудачных,— писал Блок матери 24 апреля 1911 г.,— есть что-то древнее и сужденное человечеству, следовательно, высокое» (т. 3, с. 506).

ЯМБЫ

(1907—1914)

Цикл посвящен сестре поэта Ангелине Александровне Блок (дочери А. Л. Блока от второго брака). Ямбы органично связаны с поэмой «Возмездие», ибо некоторые стихи, образующие цикл (например, «О, как смеялись вы над нами...», «Когда мы встретились с тобой...», «Земное сердце стынет вновь...»), входили в черновые редакции поэмы. Блок любил эти стихи: «...мне они кажутся одними из лучших...» — писал он в 1918 году (т. 3, с. 521).

«Я ухо приложил к земле...» — В рукописи озаглавлено: «Рабочему». — Первоначальный текст заключительного четверостишия читался так:

Взойдет и всколосится новь,
И по весне — для новой нови
Прольем ковши их жирной крови,
Чтоб зрела новая любовь.

«Да, так велит мне вдохновенье...» — Мысли, вызвавшие к жизни это стихотворение, ясно выражены в письме Блока к Андрею Белому от 8 мая 1911 года: «Все дело в том, есть ли сейчас в России *хоть один человек*, который здраво, честно, наяву и по-божьи (то есть имея в себе в самых глубинах скрытое, но верное «ДА»), сумел бы сказать «*НЕТ*» всему настоящему...» (т. 8, с. 337). А вот свидетельство современника, близко знавшего поэта: «Блок воистину был тогда персонификацией катастрофы... у Блока в душе не было ничего, кроме все более и более растущего огромного «нет»... » (Г. Чулков). В стихотворении сказались и гнетущие впечатления от жизни за границей летом и осенью 1911 года в атмосфере предвоенной Европы: «...во всем мире происходит нечто неописуемо-уродливое — приготовление этой войны, от которой несет не только кровью и дымом, но и какой-то коммерческой франко-немецкой пошлостью...» — писал Блок матери из Кэмпера

24—25 августа 1911 года. А в другом письме, от 4 сентября из Парижа: «В сожженных скверах — масса детей — бледных, с английской болезнью. Все лица — или приводящие в ужас (у буржуа), или хватающие за сердце напряженностью и измученностью» (т. 8, с. 368, 370).

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ

(1909)

Цикл итальянских стихов был написан почти весь во время путешествия Блока по Италии летом 1909 года. Основной мотив этих стихов — вечная жизнь искусства, великая миссия художника — «свидетеля необходимого», хранителя жизни ушедшей и вновь возрождающейся в его созданиях. «Итальянские стихи меня как бы вторично прославили»,— писал Блок в октябре 1909 г. (т. 3, с. 527). «Этими стихами я доволен... они мне дороги...» (из письма к С. К. Маковскому от 23 декабря 1909 г., т. 8, с. 300). По словам современника, «некоторые начинали ценить Блока только с итальянских стихов» (Ив. Розанов).

О своих итальянских впечатлениях Блок написал и в неоконченной статье «Молнии искусства» (т. 5), которая воспринимается как авторский комментарий к стихам.

Равенна.— Одно из самых значительных стихотворений итальянского цикла. Блок его особенно выделял. Им заканчивался наиболее совершенный сборник стихов «Ночные часы». «Лучше «Равенны» не написать»,— говорил поэт (из письма к жене от 13/25 июня 1911 г.) («Литературное наследство». Т. 89, М., 1978, с. 265). В «Собрании стихотворений» (1912) Блок написал пространное примечание к «Равенне»: «Плиты пола в подземелье под алтарем храма св. Аполлинария и в ротонде Теодориха Великого ушли в землю и постоянно покрыты водой; оттого низко стоящие мраморные саркофаги подергиваются нежной плесенью розовато-лилового и светло-зеленого цвета. В Равенне и ее окрестностях покоятся прахи Теодориха, Данта и той, которая названа Галлой в четвертой строфе и Плакидой в пятой. Я позволил себе так грецизировать имя Галлы Плацидии, лицо которой у некоторых художников похоже на лицо гречанки. Впрочем, да простит мне археолог мои личные мысли о знаменитой царице V века, сестре, супруге и матери римских императоров (Гонория, Констанция и Валентина III), вдове остгот-

[illegible] вождя (Атаульфа). Многошумная судьба бросила эту страстную и властолюбивую женщину от позорной колесницы варвара на трон Западной Римской империи, сердцем которой была пышная в те дни Равенна. Образ Галлы, с лицом то девически-нежным, то твердым и жестоким, почти как лицо легионера, неоднократно вставал перед художниками, в том числе и русскими. Средневековое предание говорит, что она похоронена в сидячем положении; но ее высокий саркофаг, как и соседние с ним (сына и мужа),— пуст.— Лежащий на юго-восток от Равенны *Glasse* был во времена Августа главной римской гаванью — *portus Glassis*; но Адриатика давно уже отступила от этих берегов; и шумная некогда гавань состоит теперь из нескольких домиков и огромной полупустой базилики, с прахом св. мученика Аполлинария. *Sanguis martyris — semen fidei tuae, Ravenna*[1] (т. 3, с. 527—528).

В письме к матери от 13 мая 1909 года Блок замечал, что «Равенна — сохранила лучше всех городов раннее искусство, переход от Рима к Византии» — и в этом ее особенная прелесть (т. 8, с. 284).

Девушка из Spoleto.— В «Собрании стихотворений» (1912) Блок сделал такое примечание к строке *«Лишь, как художник, смотрю за ограду»*: «Художники Возрождения любили изображать себя самих на своих картинах, в качестве свидетелей или участников. Одни — сладострастно подсматривают из-за занавески, как старцы за купающейся Сусанной; другие — только присутствуют в качестве равнодушных участников; так, на фресках Пинтуриккио в библиотеке Энея Сильвия в Сиенском соборе — художники Рафаэль, Андреа дель Сарто, Джованни ди Удинэ и сам автор стоят в церкви со свечами; присутствие третьих, по-видимому, необходимо и имеет уже характер какого-то таинственного действия; так, на фреске в Новой капелле Орвьетского собора, изображающей свержение с небес антихриста, автор фрески Лука Синьорелли изобразил себя самого и фра Джованни Анжелико — свидетелями великого события: оба художника стоят спокойно, в темных одеждах, со сложенными руками, напоминая позами ангелов (на других фресках той же капеллы), которые так же спокойно взирают с небес на толпу грешников, обреченных на вечные муки геенны; а перед ними волнуется целое море обнаженных тел и напряженных мускулов. В этом стихотворении, так же, как в «Благовещении», я хотел представить художника третьего типа: созерцателя спокойного и свидетеля необходимого» (т. 3, с. 529).

---

[1] Кровь мученика — семя веры твоей, Равенна *(лат.)*.

Венеция

«Холодный ветер от лагуны...».—Комментируя стихотворение, Блок заметил: «Я назвал «Иконостасом» единственный в мире фасад собора Св. Марка».

Лунная лагуна—к этой строке Блок сделал особое разъяснение в письме к С. К. Маковскому: «...Рядом со словами о «Марке» и о «лунной лагуне» вы пишете: «Неверно. Лагуна далеко от Марка» ... Уверяю Вас, что я говорю просто о небесных лагунах—именно о тех, в которых Марк купает свой «иконостас» (в данном случае портал) в лунные ночи» (т. 8, с. 300).

«Слабеет жизни гул упорный...».—«Черные шали с бахромой—до сих пор неизменная принадлежность костюма венецианок; их накидывают и носят особенно». (Примечание А. А. Блока.)

Флоренция

1. «Умри, Флоренция, Иуда...».—В письме к редактору журнала «Аполлон» Блок заметил об этих стихах, что в них передано «выстраданное» переживание (т. 8, с. 295).

2. «Флоренция, ты ирис нежный...».—«Стихотворение написано на мотив итальянской уличной песни». (Примечание А. А. Блока.)

4. «Жгут раскаленные камни...».—Помета в записной книжке от 16 мая 1909 г. воскресла в заключительных строчках этого стихотворения и в первой строке следующего: «В черное небо Италии // Черной душою гляжусь» и «Окна ложные на небе черном...». В книжке же была такая запись: «Опять дьявол настиг и растерзал меня сегодня ночью... Вижу флорентийские черепицы и небо. Вон они—черные пятна. Я еще не отрезвел вполне—и потому правда о черном воздухе бросается в глаза. Не скрыть ее» («Записные книжки», с. 136). Следующая запись—от 16—17 мая: «мотив песенки, петой на площади Синьории: «Что мне спеть в этот вечер, синьора, // Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось». Слова этой песни процитированы в стихах.

Madonna da Settignano.—«Settignano—местечко в окрестностях Флоренции. Стихотворение это внушил мне бюст синеокой Мадонны в желтом платке с цветочками, помещенный над местечком, в полугоре». (Примечание А. А. Блока.)

Благовещение.—В прижизненном собрании сочинений (1918, т. III) Блок так прокомментировал это стихотворение: «Гриф — символ Перуджии с древнейших времен, о чем свидетельствуют изображения грифов в соседящей с городом этрусской могиле Волумниев. Под знаком грифа был и внушивший мне эти стихи Джианникола Манни, автор нескольких фресок в collegio del Cambio (Перуджия). Под его «Благовещением» и другими новозаветными фресками подписано: Ite procul moneo, sacer est locus ite profani [1]. Как бы оградившись этим заклинанием с оттенком личного (moneo) от непосвященного и склонного заподозрить кощунство зрителя, художник позволяет себе с интимностью (вечной спутницей демонизма) изображать бытовые сцены: моют новорожденного Иоанна Крестителя; Елизавета прибегает с кумовскими ужимками сообщить Марии важную новость; тут же — история Саломеи; и наконец — темноликий вестник в красной одежде дерзким любовным приветствием заставляет красавицу оторваться от книги...»

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(1908—1916)

Женщина.—Стихотворение связано с глубоким и серьезным увлечением Блока личностью и творчеством шведского писателя Августа Стриндберга (1849—1912): «... Зима 1911—1912 года прошла под глубоким и стойким впечатлением,— вспоминает М. А. Бекетова,— Ал. Ал. узнал Стриндберга...» (М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. М., 1930, с. 170). В письме к поэту Вл. Пясту от 29 мая 1911 года Блок замечал о Стриндберге: «Положительно думаю, что в нем *теперь* нахожу то, что *когда-то* находил для себя в Шекспире» (т. 8, с. 339). Об отношении к Стриндбергу см. в статьях Блока: «От Ибсена к Стриндбергу» и «Памяти Августа Стриндберга» (т. 5).

Перед судом.—Стихотворение обращено к жене — Л. Д. Блок. Был момент, когда Блок решил завершить им цикл «Кармен», но затем раздумал.

---

[1] «Убеждаю: идите прочь, непосвященные, это место свято» *(лат.)*.

Антверпен.—Связано с пребыванием Блока в бельгийском приморском городе Антверпене (1911 год, сентябрь). Город «удивителен,—писал Блок,—огромная, как Нева, Шельда, тучи кораблей, доки, подъемные краны, лесистые дали, запах моря, массы церквей, старые дома, фонтаны, башни...» (т. 8, с. 371).

АРФЫ И СКРИПКИ

(1908—1916)

«Май жестокий с белыми ночами!..».—Строки: *«Но достойней за тяжелым плугом в свежих росах по утру идти!»* комментируются словами Блока из его статьи «Солнце над Россией» (1908 г.): «Пока Толстой жив, идет по борозде, за плугом, за своей белой лошадкой,—еще росисто утро, свежо, нестрашно... Толстой идет—ведь это солнце идет. А если закатится солнце, умрет Толстой, *уйдет последний гений,*—что тогда?..» (т. 5, с. 303).

Через двенадцать лет.—Цикл посвящен Ксении Михайловне Садовской, первой любви Блока. Он встретился с ней в 1897 году в немецком курортном городе Бад-Наугейме. Блоку в ту пору еще не исполнилось и семнадцати лет. К. М. Садовская, по воспоминаниям М. А. Бекетовой, была «высокая, статная, темноволосая дама с тонким профилем и великолепными синими глазами. Была она малороссиянка...». Блок «в ту пору... был поразительно хорош собой уже не детской, а юношеской красотой... Он любил ее восторженной... любовью, испытывая все волнения первой страсти...».

Первые стихи, посвященные К. М. С., относятся к началу 1898 года: «К. М. С., мечты о страстях»—записывает Блок в дневнике 1918 года, вспоминая былое.

В 1909 году, очутившись вновь в столь памятном ему Бад-Наугейме, Блок начал писать лирический цикл стихов, который называет «Через двенадцать лет». Вскоре до него доходит слух о смерти Садовской (оказавшийся ложным), и в стихи, рожденные благодарной памятью сердца, врывается щемящая нота прощания.

Ксения Михайловна Садовская умерла в 1925 году, в страшной нищете, оставив единственную ценность, которую ей удалось сберечь,—пачку писем, перевязанную алой лентой. Это были письма Блока...

Стихи Блока в свете этой подробности биографии К. М. С. звучат как пророчество:

«Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь...»[1]

КАРМЕН

(1914)

Цикл стихов посвящен актрисе Петербургского театра музыкальной драмы, блистательной исполнительнице роли Кармен, Любови Александровне Дельмас (1879—1969). Впервые поэт увидел актрису в спектакле в октябре 1913 года и был покорен ее талантом, тонким артистизмом, обаянием женственности.

«Как редко дается большая страсть... Но когда приходит она — ничего после нее не остается, кроме всеобщей песни... Но есть страсть — освободительная буря, когда видишь весь мир с высокой горы. И мир тогда — мой» («Записные книжки», с. 130). Именно это и случилось с Блоком, встретившим на своем пути Л. А. Дельмас. М. А. Бекетова вспоминает, что поэт «был сразу охвачен стихийным обаянием ее исполнения и соответствием всего ее облика с типом обольстительной и неукротимой испанской цыганки. Этот тип был всегда ему близок». 18 марта 1914 года Блок принимает решение: «Да, я напишу цикл стихов и буду просить принять от меня посвящение».

Посылая этот цикл стихов (написан в течение нескольких дней — 24—31 марта) в редакцию журнала «Любовь к трем апельсинам», Блок писал: «Я хочу печатать так: Посвящается Любови Александровне Дельмас и больше ничего, без «певице» или «артистке», потому что «стихи посвящаются не только певице и артистке» (Анат. Горелов. Цикл «Кармен» Александра Блока. «Звезда», 1969, №11, с. 191). Окончательный состав цикла образовался не сразу, но затем оставался неприкосновенным, хотя к Дельмас обращено гораздо больше стихов, написанных в 1914—1920 годах («Петербургские сумерки снежные...», «Королевна», «Я помню нежность ваших плеч...», «Та жизнь прошла...», «Была ты всех

---

[1] Вл. Орлов. Гамаюн. Л., 1978, с. 62—72.

ярче, верней и прелестней...», «Превратила все в шутку сначала...», «Едва в глубоких снах мне снова...», «От знающего почерк ясный...»).

Примечательно, что Блок почти не включает в этот цикл стихов хоть сколько-нибудь «сюжетных», событийных; он составлен из стихотворений предельной лирической обобщенности. «Кармен» — это одна из вершин мировой любовной лирики. Блок создал свой «симфонический» цикл, созвучный гениальному творению Бизе, но одновременно и полемичный. Лирический герой Блока такой же мятежный, как и олицетворение свободы и страсти Кармен: «...Я сам такой, Кармен!»

С Л. А. Дельмас связана одна из самых светлых страниц в трагической судьбе поэта. «...Из бури музыки — тишина, нет — не тишина,— пишет Блок в письме от 20 июня 1914 года,— *старинная женственность*,— да, и она, но за ней — еще: какая-то глубина верности, лежащая в Вас, опять не знаю, то ли слово «верность»? Земля, природа, чистота, *жизнь*, правдивое лицо жизни, какое-то мне незнакомое: все это, все-таки, не определяет. *Возможность счастья*, что ли? Словом, что-то забытое людьми, и не мной одним, но и всеми *христианами*, которые превыше всего ставят крестную муку; такое что-то простое, чего нельзя и разложить. Вот ваша сила — в этой *простоте*» (там же, с. 198).

«Бушует снежная весна...».— Эти стихи, посланные Дельмас, Блок сопроводил запиской, в которой замечал: «Да — страшно — потому, что когда *такие* тревоги просыпаются, их уже *нельзя* усыпить. Горите, горите тревогой, гордость моя» (там же, с. 193).

«Сердитый взор бесцветных глаз...».— 2 марта 1914 года Блок заносит в записную книжку рассказ о своей неожиданной встрече с певицей в зрительном зале театра. В тот памятный вечер она не была занята в спектакле: «Я иду ближайшим проходом. Встречаю суровый взгляд недовольных, усталых, заплывших глаз. Прохожу на свое место (далеко). Не сидится. Я перехожу назад, в темноте, близко от нее, сажусь. Начинаются танцы, сегидилья. Я смотрю налево. Чуткость скоро дает себя знать. Она оглядывается все чаще. Я страшно волнуюсь... Антракт кончается, я сажусь. Ее нет. За занавесом уже голубая ночь (в горах). Она проскальзывает тихо и садится на свое место. Все чаще смотрит в мою сторону. Я вне себя, почти ничего не слушаю...» («Записные книжки», с. 211—212).

«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...».— В рукописи Блок пометил: *«важные стихи...»*

СОЛОВЬИНЫЙ САД

(1915)

Первое упоминание о «Соловьином саде» относится к августу 1914 года: «10 августа. Поэмка» помечено в записной книжке Блока. «Соловьиный сад» внутренне связан с циклом «Кармен»; в нем ответ на вопрос, чем объясняется трагический смысл этого шедевра Блока. Как верно подмечено исследователем творчества поэта, еще до появления цикла «Кармен» в душе его бродили стихии «Соловьиного сада»: «...искусство там, где есть ущерб, потеря, страдание, холод. Эта мысль стережет *всегда* и мучает *всегда*... Таков седой опыт художников всех времен, я — ничтожное звено длинной цепи этих отверженных, и то, что я мало одарен, не мешает мне мучиться тем же, а так же не находить исхода, как не находили его многие,— и великие тоже» («Звезда», 1969. № 11, с. 196).

В черновых набросках к «Соловьиному саду» есть такая, важная для понимания смысла поэмы, авторская запись: «Он услышит чужой язык, испугается, уйдет от нее, несмотря на ее страсти и слезы, и задумается о том, что счастию тоже надо учиться» (т. 3, с. 580).

Пейзаж поэмы «автобиографичен», в нем отразились воспоминания Блока о местечке Гетари в Южной Франции (на Бискайском побережье Атлантического океана), где поэт отдыхал с женой летом 1913 года. «В Гетари была вилла, с ограды которой свешивались вьющиеся розы. Блоки часто проходили мимо нее и видели на скалистом берегу рабочего с киркой и ослом» (М. Бекетова, с. 200—201).

РОДИНА

(1907—1916)

«Ты отошла — и я в пустыне...».— Стихотворение, открывающее цикл, написано весной 1907 года. «Мне тоскливо без тебя,— пишет Блок жене 30 мая 1907 года,— я думаю, что тебе будет приятно вот это стихотворение, которое, в сущности, исчерпывает все, что я могу написать тебе» («Литературное наследство». Т. 89. М., 1978, с. 202).

Галилея— по библейскому преданию родина Иисуса Христа в Палестине.

На поле Куликовом.—Цикл стихотворений создавался летом 1908 года в Шахматове. Блок жил один, много размышлял о судьбе России, тосковал. В стихах воедино слиты интимнейшие движения души и «бури и тревоги» времени. Первое стихотворение цикла «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» Блок отправил жене с письмом от 9 июня: «Странно здесь жить без тебя в пустом доме. Наши деревья все пышнее, сирень покрыта цветами... очень часто я хочу писать тебе. Но мы так далеко...» В следующем письме от 14 июня Блок посылает жене третье стихотворение цикла: «В ночь, когда Мамай залег с ордою...» (Там же, с. 232, 236).

В «Собрании стихотворений» (1912) цикл «На поле Куликовом» сопровождался примечанием Блока. «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди» (т. 3, с. 587—588).

На железной дороге.—Блок писал, комментируя это стихотворение: «Бессознательное подражание эпизоду из «Воскресения» Толстого: Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне Нехлюдова на бархатном кресле ярко освещенного купе первого класса» (т. 3, с. 173). В одном из писем к своему другу Е. П. Иванову Блок выразил мысли, которыми проникнуты эти его стихи: «Я сидел один... какая тупая боль от скуки бывает! И так постоянно—жизнь «следует» мимо, как поезд, в окнах торчат заспанные, пьяные, и веселые, и скучные,—а я, зевая, смотрю с «мокрой платформы». Или—так еще ждут счастья, как поезда ночью на открытой платформе, занесенной снегом» (т. 8, с. 313). По мнению современного исследователя, на замысел стихотворения мог повлиять и рассказ Евгения Иванова об увиденной им возле придорожной канавы совсем юной девушке, покончившей с собой: «Это не пустяки,—писал Е. Иванов.—Это буря, бурей выкинуло» (А. Турков. Александр Блок. М., 1969, с. 173).

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

(1921)

Это последнее стихотворение-эпилог завершает сборник.

Оно написано почти одновременно с речью «О назначении поэта»: в нем Блок говорит о своей верности идеалам Пушкина, Гармонии, Красоте, пушкинской Радости; в нем поэт прощается с Жизнью, уходя в Бессмертие...

Впервые стихотворение опубликовано в сб. «Дом искусств», 1921, № 2. История его создания не совсем обычна. 5 февраля 1921 года сотрудница Пушкинского Дома Е. П. Казанович обратилась к Блоку с просьбой написать ей в старинный альбом стихотворение. Блок любезно согласился. Но Казанович заболела и передала альбом поэту спустя полтора месяца. «Каково было мое смущение, восхищение и радость, когда, открыв альбом, я увидела на первых трех страницах его большое, написанное прекрасным ясным блоковским почерком новое стихотворение, «Пушкинскому Дому», специально по моей просьбе и для моего альбома написанное! Под ним стояла дата: 5 февраля...» (см. Е. Казанович. Как было написано А. Блоком стихотворение «Пушкинскому Дому».— «Звезда», 1977, № 10, с. 199—201; см. также — «Литературное обозрение», 1980, № 10, с. 108—109; Дневниковые записи Е. Казанович).

В. Г. Фридлянд

Содержание

Александр Блок. *Корней Чуковский* 3

КНИГА ПЕРВАЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1898—1904)

ANTE LUCEM (1898—1900)

«Пусть светит месяц — ночь темна...» 35
«Полный месяц встал над лугом...» 36
«Она молода и прекрасна была...» 36
«Я стремлюсь к роскошной воле...» 37
«Мне снилась смерть любимого созданья...» 37
«Милый друг! Ты юною душою...» 38
Гамаюн, птица вещая («На гладях бесконечных вод...») 38
«Я шел к блаженству. Путь блестел...» 38
«Дышит утро в окошко твое...» 39
Неведомому богу («Не ты ли душу оживишь?..») 39
Servus-reginae («Не призывай. И без призыва...») 40
Моей матери («Спустилась мгла, туманами чревата...») 40
«Медлительной чредой нисходит день осенний...» 41
«Ярким солнцем, синей далью...» 41
«Лениво и тяжко плывут облака...» 41
«Поэт в изгнаньи и в сомненьи...» 42
«Хоть всё по-прежнему *певец*...» 42
«На небе зарево. Глухая ночь мертва...» 43
«Не доверяй своих дорог...» 43
«Увижу я, как будет погибать...» 44
«То отголосок юных дней...» 44
«Отрекись от любимых творений...» 45

Измучен бурей вдохновенья...» 45
«Ищу спасенья...» 46
«Медленно, тяжко и верно...» 46
31 декабря 1900 года («И ты, мой юный, мой печальный...») 47

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ (1901—1902)

Вступление (*«Отдых напрасен. Дорога крута...»*) 48
«Я вышел. Медленно сходили...» 49
«Ветер принес издалёка...» 49
Моей матери («Чем больней душе мятежной...») 50
«В день холодный, в день осенний...» 50
«Белой ночью месяц красный...» 51
«Одинокий, к тебе прихожу...» 51
«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» 52
«Я жду призыва, ищу ответа...» 52
«Входите все. Во внутренних покоях...» 53
«Сумерки, сумерки вешние...» 53
«Ты горишь над высокой горою...» 54
«Встану я в утро туманное...» 54
«Медленно в двери церковные...» 55
«Будет день — и свершится великое...» 55
«Я долго ждал — ты вышла поздно...» 56
«Ночью вьюга снежная...» 56
Ночь на Новый год («Лежат холодные туманы...») 56
«Бегут неверные дневные тени...» 57
«Сны раздумий небывалых...» 58
«На весенний праздник света...» 59
«Не поймут бесскорбные люди...» 59
«Мы живем в старинной келье...» 60
«Верю в Солнце Завета...» 60
«Ты — божий день. Мои мечты...» 61
«Гадай и жди. Среди полнбчи...» 61
«Я медленно сходил с ума...» 61
«Весна в реке ломает льдины...» 62
«Странных и новых ищу на страницах...» 62
«Днем верцу я дела суеты...» 63
«Люблю высокие соборы...» 63
«Мы встречались с тобой на закате...» 64

«Брожу в стенах монастыря...» 65
«Я, отрок, зажигаю свечи...» 65
«Я и молод, и свеж, и влюблен...» 66
«Свет в окошке шатался...» 66
«Золотистою долиной...» 67
«Я вышел в ночь — узнать, понять...» 68
Экклесиаст («Благословляя свет и тень...») 68
«О легендах, о сказках, о мигах...» 69
«Явился он на стройном бале...» 70
«Свобода смотрит в синеву...» 70
«Любил я нежные слова...» 71
«Вхожу я в темные храмы...» 71
«Разгораются тайные знаки...» 72

РАСПУТЬЯ (1902—1904)

«Я их хранил в приделе Иоанна...» 73
«Стою у власти, душой одинок...» 74
«Запевающий сон, зацветающий цвет...» 74
«Целый год не дрожало окно...» 75
«Я к людям не выйду навстречу...» 75
«Потемнели, поблекли залы...» 76
«Погружался я в море клевера...» 76
«— Всё ли спокойно в народе?..» 77
«Мне снились веселые думы...» 77
«Отворяются двери — там мерцанья...» 78
«Я вырезал посох из дуба...» 78
«У забытых могил пробивалась трава...» 79
«Просыпаюсь я — и в поле туманно...» 80
«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...» 80
«Темная, бледно-зеленая...» 81
Фабрика («В соседнем доме окна жолты...») 82
Из газет («Встала в сияньи. Крестила детей...») 82
«Светлый сон, ты не обманешь...» 83
«Мой любимый, мой князь, мой жених...» 84
«Сторожим у входа в терем...» 85
«Вот он — ряд гробовых ступенéй...» 86

КНИГА ВТОРАЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1904—1908)

Вступление (*«Ты в поля отошла без возврата...»*) 89

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ (1904—1905)

Болотные чертенятки («Я прогнал тебя кнутом...») 90
Болотный попик («На весенней проталинке...») 91
«На весеннем пути в теремок...» 92
«Полюби эту вечность болот...» 93
Старушка и чертенята («Побывала старушка у Троицы...») 93
Пляски осенние («Волновать меня снова и снова...») 94

НОЧНАЯ ФИАЛКА. Сон (1906) 96

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (1904—1908)

«Я восходил на все вершины...» 105
«Фиолетовый запад гнетет...» 106
Взморье («Сонный вздох онемелой волны...») 106
«Тяжко нам было под вьюгами...» 107
«Шли на приступ. Прямо в грудь...» 107
«Она веселой невестой была...» 108
Балаганчик («Вот открыт балаганчик...») 109
Поэт («Сидят у окошка с папой...») 110
Осенняя воля («Выхожу я в путь, открытый взорам...») 111
«Девушка пела в церковном хоре...» 112
«Утихает светлый ветер...» 113
«В голубой далекой спаленке...» 113
«Вот он — Христос — в цепях и розах...» 114
«Так. Неизменно всё, как было...» 115
Сказка о петухе и старушке («Петуха упустила старушка...») 116
«Милый брат! Завечерело...» 117
«Прошли года, но ты — всё та же...» 118
Ангел-хранитель («Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле...») 119
«Есть лучше и хуже меня...» 120
«Шлейф, забрызганный звездáми...» 121
Русь («Ты и во сне необычайна...») 121

Сын и мать («Сын осенней крестом...») 123
«Нет имени тебе, мой дальний...» 124
Тишина цветет («Здесь тишина цветет и дышит...») 126
«Так окрылено, так напевно...» 127
«Ищу огней — огней попутных...» 127
«О жизни, дотлевшей и хоре...» 128
Балаган («Над чертой сплошною дороги...») 129
«Твоя гроза меня умчала...» 129
«Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!..» 129
Усталость («Кому назначен темный жребий...») 130
«Зачатый в ночь, я в ночь рожден...» 131
«С каждой весною пути мои круче...» 132
Девушке («Ты перед ним — что стебель гибкий...») 133
«Когда я создавал героя...» 134
«Твое лицо мне так знакомо...» 134

ГОРОД (1904—1908)

Петр («Он спит, пока закат румян...») 136
«Вечность бросила в город...» 137
«Город в красные пределы...» 138
«Поднимались из тьмы погребов...» 138
«В кабаках, в переулках, в извивах...» 139
«Барка жизни встала...» 140
«Я вам поведал неземное...» 141
Митинг («Он говорил умно и резко...») 141
«Вися над городом всемирным...» 143
«Еще прекрасно серое небо...» 144
«Ты проходишь без улыбки...» 145
Перстень-страданье («Шел я по улице, горем убитый...») 145
Сытые («Они давно меня томили...») 146
«Твое лицо бледней, чем было...» 147
Незнакомка («По вечерам над ресторанами...») 148
«Передвечернею порою...» 150
Холодный день («Мы встретились с тобою в храме...») 151
В октябре («Открыл окно. Какая хмурая...») 152
Окна во двор («Одна мне осталась надежда...») 153
«Хожу, брожу понурый...» 154
На чердаке («Что́ на свете выше...») 155
Клеопатра («Открыт паноптикум печальный...») 156

СНЕЖНАЯ МАСКА (1907)

СНЕГА

Снежное вино («И вновь, сверкнув из чаши винной...») 158
Снежная вязь («Снежная мгла взвилáсь...») 159
Последний путь («В снежной пене — предзакатная...») 160
Второе крещенье («Открыли дверь мою метели...») 160
Настигнутый метелью («Вьюга пела...») 160
Ее песни («Не в земной темнице душной...») 161
Крылья («Крылья легкие раскину...») 163

МАСКИ

Под масками («А под маской было звездно...») 164
Сквозь винный хрусталь («В длинной сказке...») 165
В углу дивана («Но в камине дозвенели...») 165
Они читают стихи («Смотри: я спутал все страницы...») 166
Неизбежное («Тихо вывела из комнат...») 167
Смятение («Мы ли — пляшущие тени?..») 167
Обреченный («Тайно сердце просит гибели...») 168
Сердце предано метели («Сверкни, последняя игла...») 169
На снежном костре («И взвился костер высокий...») 169

ФАИНА (1906—1908)

«Вот явилась. Заслонила...» 171
«Я был смущенный и веселый...» 172
«Ушла. Но гиацинты ждали...» 173
«Я насадил мой светлый рай...» 174
Осенняя любовь (3 стихотворения) 174
«В те ночи, светлые, пустые...» 176
Снежная дева («Она пришла из дикой дали...») 177
Заклятие огнем и мраком (11 стихотворений) 179
Инок («Никто не скажет: я безумен...») 189
«Всю жизнь ждала. Устала ждать...» 190
«Когда вы стоите на моем пути...» 191
«Она пришла с мороза...» 192
«Я помню длительные муки...» 192
«Своими горькими слезами...» 193

БОЛЬНЫЕ МЫСЛИ (1907)

О смерти («Всё чаще я по городу брожу...») 195
Над озером («С вечерним озером я разговор веду...») 198
В северном море («Что́ сделали из берега морского...») 201
В дюнах («Я не люблю пустого словаря...») 203

КНИГА ТРЕТЬЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1907—1916)

СТРАШНЫЙ МИР (1909—1916)

К Музе («Есть в напевах твоих сокровенных...») 207
«Под шум и звон однообразный...» 208
«В эти желтые дни меж домами...» 209
«Из хрустального тумана...» 209
Двойник («Однажды в октябрьском тумане...») 210
Песнь ада («День догорел на сфере той земли...») 211
«Поздней осенью из гавани...» 214
На островах («Вновь оснежённые колонны...») 215
«С мирным счастьем покончены счеты...» 216
«Седые сумерки легли...» 216
«Дух пряный марта был в лунном круге...» 217
В ресторане («Никогда не забуду, он был, или не был...») 217
Демон («Прижмись ко мне крепче и ближе...») 218
«Как тяжело ходить среди людей...» 219
«Я коротаю жизнь мою...» 219
«Идут часы, и дни, и годы...» 220
Унижение («В черных сучьях дерев обнаженных...») 221
Авиатор («Летун отпущен на свободу...») 222
«Повеселясь на буйном пире...» 224
Пляски смерти (5 стихотворений) 224
«Миры летят. Года летят. Пустая...» 228
«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...» 229
«Есть игра: осторожно войти...» 230
«Как растет тревога к ночи!..» 231
«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...» 231

Жизнь моего приятеля (8 стихотворений) 232
Черная кровь (9 стихотворений) 238
Демон («Иди, иди за мной — покорной...») 243
Голос из хора («Как часто плачем — вы и я...») 244

ВОЗМЕЗДИЕ (1908—1913)

«О доблестях, о подвигах, о славе...» 246
Забывшие тебя («И час настал. Свой плащ скрутило время...») 247
«Она, как прежде, захотела...» 248
«Ночь — как ночь, и улица пустынна...» 249
«Я сегодня не помню, что было вчера...» 249
На смерть младенца («Когда под заступом холодным...») 250
«Когда я прозревал впервые...» 250
«Дохнула жизнь в лицо могилой...» 251
«Когда, вступая в мир огромный...» 251
«Весенний день прошел без дела...» 252
«Какая дивная картина...» 252
«Ты в комнате один сидишь...» 253
«Кольцо существованья тесно...» 254
«Чем больше хочешь отдохнуть...» 254
Шаги командора («Тяжкий, плотный занавес у входа...») 255
«Мой бедный, мой далекий друг!..» 256
«Как свершилось, как случилось?..» 256

ЯМБЫ (1907—1914)

«О, я хочу безумно жить...» 259
«Я ухо приложил к земле...» 260
«Тропами тайными, ночными...» 260
«В голодной и больной неволе...» 261
«Не спят, не помнят, не торгуют...» 261
«О, как смеялись вы над нами...» 262
«Я — Га́млет. Холодеет кровь...» 262
«Так. Буря этих лет прошла...» 262
«Да, так велит мне вдохновенье...» 263
«Когда мы встретились с тобой...» 264
«Земное сердце стынет вновь...» 264
«В огне и холоде тревог...» 265

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ (1909)

Равенна («Все, что минутно, все, что бренно...») 266
Девушка из Spoleto («Строен твой стан, как церковные свечи...»). 267
Венеция (3 стихотворения) 268
Перуджия («День полувеселый, полустрадный...») 270
Флоренция (6 стихотворений) 271
«Вот девушка, едва развившись...» 273
Madonna da Settignano («Встретив на горном тебя перевале...») 273
Сиенский собор («Когда страшишься смерти скорой...») 274
«Искусство — ноша на плечах...» 274
Благовещение («С детских лет — видения и грезы...») 275

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (1908—1916)

За гробом («Божья матерь *Утоли мои печали...*») 277
Друзьям («Друг другу мы тайно враждебны...») 278
Поэты («За городом вырос пустынный квартал...») 279
«Когда замрут отчаянье и злоба...» 280
«Ты так светла, как снег невинный...» 281
«Всё это было, было, было...» 281
Сусальный ангел («На разукрашенную елку...») 282
Сон («Я видел сон: мы в древнем склепе...») 283
Комета («Ты нам грозишь последним часом...») 284
«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» 284
«Благословляю всё, что было...» 285
Послания
Юрию Верховскому («Дождь мелкий, разговор неспешный...») 286
Валерию Брюсову («И вновь, и вновь твой дух таинственный...») 286
Владимиру Бестужеву («Да, знаю я: пронзили ночь отвека...») 287
Вячеславу Иванову («Был скрипок вой в разгаре бала...») 288
Анне Ахматовой («Красота страшна» — Вам скажут...») 289
«И вновь — порывы юных лет...» 289
Художник («В жаркое лето и в зиму метельную...») 290
«О, нет! не расколдуешь сердца ты...» 291
Женщина («Да, я изведала все муки...») 292
Перед судом («Что́ же ты потупилась в смущеньи?..») 294

Антверпен («Пусть это время далекб...») 295
«Похоронят, зароют глубоко...» 296
«На улице — дождик и слякоть...» 296
«Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...» 297

АРФЫ И СКРИПКИ (1908—1916)

«Свирель запела на мосту...» 299
«Душа! Когда устанешь верить?..» 300
«И я любил. И я изведал...» 300
«Май жестокий с белыми ночами!..» 301
Три послания (3 стихотворения) 301
Встречной («Я только рыцарь и поэт...») 303
Мэри (3 стихотворения) 304
«Усните блаженно, заморские гости, усните...» 305
«Я пригвожден к трактирной стойке...» 306
«Не затем величал я себя паладином...» 306
«Часовая стрелка близится к полнóчи...» 307
«Старинные розы...» 307
«Уже над морем вечереет...» 308
«Всё б тебе желать веселья...» 308
«Я не звал тебя — сама ты...» 309
«Грустя и плача и смеясь...» 310
«Опустись, занавеска линялая...» 310
«Мой милый, будь смелым...» 311
«Не венчал мою голову траурный лавр...» 311
«Покойник спать ложится...» 312
«Уж вечер светлой полосою...» 313
«Здесь в сумерки в конце зимы...» 313
Через двенадцать лет (8 стихотворений) 314
Утро в Москве («Упоительно встать в ранний час...») 318
«Как прощались, страстно клялись...» 318
«Всё на земле умрет — и мать, и младость...» 319
На смерть Коммиссаржевской («Пришла порою полуночной...») 319
Голоса скрипок («Из длинных трав встает луна...») 320
На Пасхе («В сапогах бутылками...») 321
«Когда-то гордый и надменный...» 321
«Где отдается в длинных залах...» 322
«Сегодня ты на тройке звонкой...» 323
«В неуверенном, зыбком полете...» 323

«Без слова мысль, волненье без названья...» 324
«Ветр налетит, завоет снег...» 324
«Шар раскаленный, золотой...» 325
«Сквозь серый дым от краю и до краю...» 325
«Есть минуты, когда не тревожит...» 326
«Болотистым, пустынным лугом...» 326
Испанке («Не лукавь же, себе признаваясь...») 327
«В небе — день, всех ночей суеверней...» 328
«В сыром ночном тумане...» 328
Седое утро («Утреет. С богом! По домам!..») 329
«Есть времена, есть дни, когда...» 330
«Я вижу блеск, забытый мной...» 331
«Ты говоришь, что я дремлю...» 331
«Ваш взгляд — его мне подстеречь...» 332
«Натянулись гитарные струны...» 332
«Ты — буйный зов рогов призывных...» 333
«Как день, светла, но непонятна...» 333
«Петербургские сумерки снежные...» 334
«Смычок запел. И облак душный...» 335
«Ты жил один! Друзей ты не искал...» 335
«Превратила всё в шутку сначала...» 335
«Та жизнь прошла...» 336
«Была ты всех ярче, верней и прелестней...» 336
«Разлетясь по всему небосклону...» 337
«Он занесен — сей жезл железный...» 337
«Пусть я и жил, не любя...» 338
«Протекли за годами года...» 338
«За горами, лесами...» 339

КАРМЕН (1914)

«Как океан меняет цвет...» 340
«На небе — празелень, и месяца осколок...» 340
«Есть демон утра. Дымно-светел он...» 341
«Бушует снежная весна...» 341
«Среди поклонников Кармен...» 342
«Сердитый взор бесцветных глаз...» 342
«Вербы — это весенняя таль...» 343

«Ты — как отзвук забытого гимна...» 344
«О, будь вольна, как птица...» 344
«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...» 345

СОЛОВЬИНЫЙ САД (1915) 347

РОДИНА (1907—1916)

«Ты отошла, и я в пустыне...» 353
«В густой траве пропадешь с головой...» 354
На поле Куликовом (5 стихотворений) 354
Россия («Опять, как в годы золотые...») 358
Осенний день («Идем по жнивью, не спеша...») 359
«Дым от костра струею сизой...» 360
«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..» 361
На железной дороге («Под насыпью, во рву некошенном...») 361
«Там неба осветленный край...» 362
«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...» 363
Новая Америка («Праздник радостный, праздник великий...») 363
«Ветер стих, и слава заревая...» 365
Последнее напутствие («Боль проходит понемногу...») 366
«Грешить бесстыдно, непробудно...» 367
«Петроградское небо мутилось дождем...» 368
«Рожденные в года глухие...» 369
Коршун («Чертя за кругом плавный круг...») 370

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР (1913)

«Мы забыты, одни на земле...» 371
«Милый друг, и в этом тихом доме...» 372
«Вспомнил я старую сказку...» 373

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ (1921) 375

КОММЕНТАРИИ 377

Александр Блок

Лирика

Москва
Издательство «Правда»
1985

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

БАСУРМАН

ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН

МИНСК
«МАСТАЦКАЯ ЛІТАРАТУРА»
1985

ПРИМЕЧАНИЯ

Иван Иванович Лажечников — интересный и самобытный исторический романист в русской литературе первой половины XIX века. Автор трех известных исторических романов — «Последний Новик», «Ледяной дом» и «Басурман» — писатель, пользовавшийся у современников славой «отечественного Вальтера Скотта», Лажечников сыграл выдающуюся роль в формировании русской прозы того периода.

«Басурман» вышел в свет в 1838 году. При жизни писателя роман издавался еще два раза: в 1841—1850 годах и в 1858 году в восьмитомном собрании сочинений Лажечникова. Тексты этих трех прижизненных изданий неидентичны. Во-первых, в последнем из этих трех прижизненных изданий нет той странной орфографии, которая вызывала недоумение и насмешки у современной Лажечникову критики.

Во-вторых, многие архаические слова и выражения в собрании сочинений 1858 года Лажечников заменил более современными. И, наконец, как показывает сравнение этих двух изданий, Лажечников в работе над стилем произведения стремился к простоте изложения, беспощадно изгонял вычурные и эффектные выражения, которых много в его раннем творчестве.

Интересна цензурная история «Басурмана». В процессе работы над романом Лажечникову приходилось серьезно опасаться того, как отнесется к его новому произведению цензура. Об этом свидетельствует неопубликованное письмо Лажечникова к А. А. Краевскому от 21 апреля 1838 года. «Басурман» переписывается только,— сообщал Лажечников,— печататься же будет разве в июле, если... (роковое слово!) если цензура удостоит пропустить. Кажется, от всего очищен, что могло бы подать малейшее сомнение; а там господь знает чем порадуют!.. Каков час! Может быть, потребуют идиллий и панегириков для Руси XV века и чтобы о жестокостях и казнях помину не было и чтоб конец заставлял улыбаться, а не плакать» [1].

И опасения Лажечникова были не напрасны. Правда, «Басурману» более посчастливилось, чем «Последнему Новику» и «Ледяному дому», дважды запрещавшимся цензурой и долгое время публиковавшимся в весь-

---

[1] Отдел рукописей Ленинградской государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

...в искаженном виде, или трагедии «Опричник», на которую цензура тоже накладывала свой запрет. «Басурман» обратил на себя внимание цензуры с той стороны, с которой Лажечников и не предполагал, полагая, что все острые места, которые имел в виду автор в цитированном выше письме Краевскому, были пропущены. В рукописном отделе Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится писарская копия II части рукописи «Басурмана» с пометками цензора и приложенный к ней перечень цензорских изъятий из двух частей романа, написанный рукой Лажечникова. Все шесть отрывков, отмеченных цензурой, представляют всего-навсего традиционные для того времени «красоты слога», к которым так неравнодушен был автор «Басурмана».

По-видимому, в подобных фразах цензура усмотрела слишком фривольное обращение с религиозными образами. Сам Лажечников дорожил вычеркнутыми отрывками и обращался с апелляцией по поводу их изъятия к попечителю московского учебного округа графу С. Г. Строганову, пользовавшемуся славой либерала. Строганов распорядился пропустить исключенные цензором фразы.

Помимо этого, автор исключает в двух последних прижизненных изданиях ряд мест, касающихся личности Ивана III, опять-таки по соображениям цензурного порядка. Снимаются, например, слова «собачий сын» — обращение Марфы-посадницы к царю, исключаются неодобрительные замечания бояр и Аристотеля Фиоравенти о том, что Иван III ломал церкви под княжеские сады. В рассказе о предательском заключении в тюрьму Иваном III приехавшего в гости брата выбрасывается следующая характеристика способа действия «великого Иоанна»: «Зарезать, удушить, отравить — таких мер никогда не брал он с своими пленниками: он считал это грехом ужасным. Обыкновенно морил он их медленною смертью в цепях, предоставляя срок жизни их богу: тут еще нет греха!..»

Эти меры авторской предосторожности возымели свое действие: «Басурман», бывший на грани запрещения (недаром выход в свет романа затянулся на девять лет (I — III части вышли в 1841-м, IV — только в 1850 году), все же вышел вторым изданием, в то время как «Последний Новик» и «Ледяной дом» спустя несколько месяцев были категорически запрещены цензурой, и этот запрет продолжался более семи лет.

В настоящем издании текст романа печатается по изданию: И. И. Лажечников, Сочинения в двух томах, т. II, Государственное издательство художественной литературы, М., 1963. В этом издании, в основу которого положено последнее прижизненное издание «Басурмана» 1858 года, восстановлены авторские купюры цензурного порядка и произведена проверка текста по рукописи — писарской копии, хранящейся в отделе рукописей Ленинградской государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Стр. 3. *Благословите, братцы, старину сказать.*— Лажечников ошибочно считает автором этого выражения известного фольклориста И. П. Сахарова. В действительности же слова, взятые эпиграфом к роману, пред-

ставляют начало одной из известных песен-«небылиц», вошедших в сборник Кирши Данилова под названием «Благословите, братцы, про старину сказать».

Стр. 4. *Собор Успенский* — выдающийся памятник русской архитектуры, воздвигнутый внутри Кремля итальянским архитектором Аристотелем Фиоравенти в 1475—1479 годах. При Иване III шла грандиозная перестройка Московского Кремля: деревянные церкви и здания заменялись каменными, вместо старых белокаменных кремлевских стен, возведенных еще при Дмитрии Донском, были построены новые, существующие и поныне. Был заново отстроен старинный Благовещенский собор — *церковь Благовещения* (1484—1489). Подвергся перестройке и великокняжеский, впоследствии царский дворец, при котором были сооружены знаменитый тронный зал — *Грановитая палата* (1487—1491) и царские жилые покои — *Теремный дворец* (1487), в XVII веке на их основе было сооружено сохранившееся и поныне здание под этим названием. При создании этих памятников были использованы традиции древнерусского зодчества: архитектуры Киевской Руси, Новгорода, владимиро-суздальского стиля.

Детинец (кремль) — старинное название центральной укрепленной части древних русских городов, обнесенной стенами с башнями.

Новгород и Псков, не ломавшие ни перед кем шапки, сняли ее перед ним... — В 1478 году к Московскому великому княжеству был присоединен Великий Новгород; Псков, формально оставаясь некоторое время независимым, фактически всецело зависел от Москвы.

...иго ханское свержено и переброшено за рубеж земли русской... — В 1480 году в результате победы русских войск над золотоордынским ханом Ахматом было окончательно свергнуто монгольское иго, свыше двухсот лет тяготевшее над Русью.

...Казань хотя отыгрывалась еще от великого ловчего... — Иван III предпринял наступательные действия и против другого татарского ханства — Казанского — и добился того, что получил право свободно сменять и назначать его верховных правителей.

Стр. 5. *Камка* — шелковая цветная ткань с узорами. *Мисюрская камка* — ткань, привозимая из Египта (Мисюр, точнее, Миср,— по-персидски, Египет).

...он виноват за чужие вины, за честолюбие двух женщин... за гнев деда... — Лажечников исторически достоверно излагает в «Прологе» историю «злополучного Дмитрия Иоанновича». Князь Дмитрий Иванович (1483—1509) — внук Ивана III, сын рано умершего Ивана Ивановича Младого. Его трагическая судьба явилась следствием интриг и борьбы двух политических партий за право наследования престола после Ивана III. Во главе одной из партий стояла Софья Палеолог, вторая жена Ивана III, другой руководила Елена — «волошанка», мать Дмитрия. Именно их имеет в виду Лажечников, говоря о «честолюбии двух женщин», послуживших причиной гибели Дмитрия. Вначале Иван III был расположен в пользу невестки и внука и даже венчал Дмитрия на царство (1498), но через

...помирившись с женой и сыном Васяном, которому теперь завещал престол, подверг Елену и Дмитрия опале, заключил их в тюрьму, где Дмитрий и умер.

Стр. 6. *Зёрна бурмицкие* — крупный отборный жемчуг. *Лал* — драгоценный камень яхонт.

Стр. 7. *Афанасий Никитин* (ум. в 1472) — русский путешественник, тверской купец, посетивший Персию и Индию за двадцать пять лет до открытия пути в Индию. Все события, связанные в романе с образом Никитина, за исключением его рассказа об Индии (ч. I, гл. 8), представляют художественный вымысел, противоречащий историческим фактам.

Басурман (бусурман, бесермен) — иноземец, иноверец, чаще всего нехристианин, мусульманин. В изображаемую эпоху это слово часто применялось по отношению к немцам. Первоначально в названии романа Лажечников употребил более древнюю форму этого слова — «Бусурман».

Стр. 10. «*...1509 года, 14 февраля, преставился великий князь Дмитрий Иоаннович в нужс, в тюрьме*» — неточная цитата из Воскресенской летописи.

Герберштейн прибавляет...— Герберштейн Сигизмунд (1486—1566), немецкий дипломат и путешественник, дважды побывавший в Москве как посол от германских императоров. Ему принадлежит одна из первых книг по истории и географии Руси «Записки о московитских делах» (1549) на латинском языке. Говоря о смерти Дмитрия Ивановича, Лажечников цитирует эту книгу; на свидетельстве Герберштейна основывается и маловеро́ятный эпизод с предсмертным призывом к постели умирающего Ивана III его опального внука.

Этот пролог требует объяснения.— Рассказ автора о якобы найденной им рукописи, несомненно, представляет авторский вымысел. Недаром вслед за этим рассказом Лажечников выступает с целой декларацией о праве исторического романиста на анахронизмы и несущественные отступления от исторических фактов.

Стр. 11. *...бородатому Лавока...*— Лажечников иронически называет мясника, продававшего книги на вес, именем известного французского книгоиздателя и книгопродавца.

Ио — в греческой мифологии возлюбленная Зевса, превращенная его ревнивой женой Герой в корову. Здесь это имя — иносказательное обозначение коровы.

Стр. 13. *Разлилась, разлелеялась // По лугам вода всшняя...*— начало одной из свадебных песен, опубликованных в книге «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные Сахаровым».

Стр. 19. *Ответом моим да будет статья в Энциклопедическом слова-ре...*— Лажечников имеет в виду статью «Братское общество, или Братство евангелическое» в VII томе «Энциклопедического лексикона» (1836 г. в типографии Плюшара).

Стр. 21. *Бить* — плоская проволочная нить, употребляемая для золотошвейной работы.

...ург ст. Фридрих III (1415—1493) — император из династии ...ургов, глава Священной Римской империи. При нем слабость цент... власти достигла высшей степени.

Виклеф — Джон Виклеф (Уиклеф, 1320—1384). *Гус* — Ян Гус (1369—1415) — наиболее яркие деятели ранней Реформации в Англии и Чехии, требовавшие отмены папства, монашества, индульгенций и других принципов католицизма. Лажечников противопоставляет этих прогрессивных для своего времени деятелей злейшим реакционерам, поборникам средневекового фанатизма — римским папам *Пию II* (1405—1464) и *Сиксту IV* (1414—1484).

Стр. 22. *Храм св(ятого) Петра* — величайшее архитектурное сооружение в Риме, главное культовое здание всего католического мира. Создан по проекту крупнейшего архитектора Высокого Возрождения Донато *Браманте* (1444—1514). Достраивал собор гениальный итальянский скульптор, архитектор и живописец Микеланджело Буонарроти (1475—1564).

Стр. 23. *...сам преемник Петра с своим кортежем...*— римский папа. *Орифлама* — королевское знамя в средневековой Франции, которое поднималось на копье во время боя.

Стр. 25. *...тот был не человек, тот ходил по волнам, как по суше.*— Лажечников имеет в виду евангельскую легенду об Иисусе Христе.

Стр. 26. Король *Подебрад* (Подебрат Ниржи) — чешский король, выходец из среды малородовитого чешского дворянства. В его правление (1458—1471) была укреплена центральная власть и проведены реформы в интересах развития городов и торговли. Боролся с Ватиканом за независимость Чехии, за что был отлучен римским папой от церкви...

Стр. 30. *«О тайне царской никто не узнал...»* — из произведения В. А. Жуковского «Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери».

Стр. 33. *...сердце его было сосуд превращений не хуже Пинеттовых...*— Пинеттовыми превращениями Лажечников называет фокусы, которые показывал в 1797—1798 годах в Москве некий «кавалер Пинетти де Мерси», «прусский придворный физик», как значилось в объявлении.

Стр. 38. *Леонардо да Винчи* (1452—1519) — гениальный итальянский художник и ученый эпохи Возрождения, великий гуманист.

Рудольф Альберти Фиоравенти (Фиораванти), прозванный Аристотелем (р. между 1415 и 1420 — ум. ок. 1486),— известный итальянский архитектор и инженер, приглашенный в 70-х годах XV века Иваном III в Россию. Крупнейшим сооружением Аристотеля в Москве является Успенский собор.

Стр. 40. *Николай Диас* (Диас Бартоломеу, ок. 1450—1500) — португальский мореплаватель, предшественник Васко да Гама. В поисках морского пути в Индию он в 1486—1487 годах первым обогнул с юга Африку.

Гению третьего снился новый мир с новыми океанами, и он наяву сходил на ним и принес его человечеству.— Лажечников имеет в виду экспе-

[illegible] Христофора Колумба, 12.10.1492 года он достиг о. Сан [illegible], что считается официальной датой открытия Америки.

Лютер Мартин (1483—1546) — видный деятель Реформации в Германии, основатель лютеранства — одного из протестантских вероисповеданий.

...обручальное кольцо последней отрасли Палеологов... — Палеологи — последняя императорская династия в Византии (1261—1453), прекратившаяся с захватом Константинополя турками. Лажечников имеет в виду женитьбу Ивана III на племяннице византийского императора Константина XII Софье (Зое) Палеолог в 1472 году.

Стр. 41. *В Италию теснилась ученая Греция, испуганная мечом оттоманов...* — Оттоманы (турки) — название происходит от имени султана Османа I (арабское произношение Отман), основателя Османской империи (XIII—XIV вв.). В середине XV века Турция одержала победу над Византией, пришедшей в состояние полного экономического упадка, завоевала Сербию, покорила Грецию и Валахию, вторглась в Боснию, над Западной Европой нависла угроза мусульманского завоевания. После захвата турками Константинополя в 1453 году многие видные византийские деятели эмигрировали в Италию.

Стр. 42. *«Постигнут ты судьбы рукой...»* — из баллады В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев».

«Так на взаимную пошло у них услугу» — строка из комедии в одном действии Н. И. Хмельницкого «Светский случай».

Стр. 43. *Помните ли вы Петрова в Роберте-дьяволе?* — «Роберт-дьявол» — опера немецкого композитора Джакомо Мейербера (Якоб Бер, 1791—1864), либретто Скриба и Делавиня, поставленная в Петербурге в 1813 году и в течение четверти века не сходившая с русской сцены. Петров Осип Афанасьевич (1807—1878) — известный оперный певец, с 1830 года до конца жизни певший в труппе русской оперы в Петербурге. В «Роберте-дьяволе» он исполнял одну из главных партий — злого духа, сына сатаны — Бертрама, отца Роберта-дьявола. Ниже Лажечников неточно цитирует слова дуэта Бертрама и Рембо из I действия, явление III.

...первого звали Мамоном... — Мамон, или Мамона, — в христианских церковных текстах — злой дух, олицетворение стяжательства, сребролюбия, а также грубых, низменных удовольствий. Лажечников изображает боярина Мамона, о котором из истории известно очень немного, злодеем, что подчеркивается и его именем.

Что мы с тобой нажили?.. прозвание шептунов?.. — Н. Полевой в «Истории русского народа» отмечает, что в ряде летописей встречается имя боярина Григория Андреевича Мамона, прозванного «наушником», который во время нашествия татарского хана Ахмата на Москву удерживал царя от решительных действий.

Стр. 44. *Образец* — историческое лицо, боярин и воевода Ивана III, принимавший участие в походе против Новгорода. Известно также, что он один из первых построил в Москве каменные палаты.

Кораблянник, или корабельник,— двойной черпнец, английская монета XIV и XV веков со знаком розы и корабля, имевшая хождение в феодальной Руси.

...нахватал в Новгороде...— Русалка имеет в виду участие Образца в походе московских войск против Новгорода, богатого купеческого города.

Спесив шелонец... — Это прозвище дается Образцу как участнику битвы на реке Шелони в 1471 году, в которой московское войско одержало победу над ратью Новгорода.

...мать самого Мамона была волшебница... которая и сожжена.— Этот факт Лажечников почерпнул из «Истории русского народа» Н. Полевого.

Стр. 45. *Холмский Даниил Дмитриевич* (ум. в 1493 г.) — боярин и воевода Ивана III, предводитель московского войска в военных действиях против Новгорода, одержавший победу на реке Шелони. Он прославился также своей победой над Казанью, которую взял приступом в 1487 году.

Крыжаки — приверженцы римско-католической церкви, признававшей в противоположность восьмиконечному православному кресту косой четырехконечный крест (крыж).

Стр. 46. *Ослоп* — палица, окованная железом дубина.

...Грозный потрясен по макоаке... — Иван III, так же как впоследствии его внук Иван IV, получил прозвище «Грозного» за беспощадную борьбу со своими политическими противниками.

Стр. 47. *...дело о князе Лукомском и толмаче его?* — В 1493 году в Москве были сожжены в железной клетке по обвинению в попытке отравить великого князя приехавшие из Литвы князь Иван Лукомский и переводчик поляк Матиас. Лажечников, как просветитель и гуманист, не мог оправдать одно из вопиющих проявлений варварства тогдашнего века и в своем романе выступил с горячей защитой Лукомского и Матиаса.

Казимир IV Ягеллончик (1447—1492) — великий князь литовский, король польский.

Стр. 48. *Хан Махмет* — искаженное Ахмед (Ахмат). Речь идет о золотоордынском хане Ахмате (1459—1481), предпринявшем в 1480 году поход на Москву. Поражение, нанесенное Ахмату русскими войсками, означало ликвидацию монгольского ига на Руси.

Церковь Михаила Архангела... на Ярославском месте — Архангельский собор — построен Иваном Калитой в 1332 году на месте древней деревянной церкви; в 1505—1509 годах на его месте архитектором Алевизом Новым был выстроен новый собор, ставший усыпальницей великих князей и русских царей, начиная от Ивана Калиты и кончая царем Иваном Алексеевичем.

Стр. 49. *Красные окна* — окна, снаружи украшенные резьбой и раскрашенные.

Стр. 51. *Верея* — небольшой город недалеко от Москвы, центр второстепенного Верейского княжества, входившего в Можайский удел.

Фряжская земля — итальянская земля.

Храм Пречистой — то есть Успенский собор.

Послы приехали от меньшего брата, разжалованного уже из равного.— Имеется в виду Михаил Борисович — князь тверской (1461—1485), помогавший Ивану III в борьбе за освобождение от татарского ига. В XIII — XIV веках Тверь была столицей сильного княжества, соперничавшего с Москвой за великокняжение. Однако с возвышением Москвы значение ее стало падать, и Иван III в сношениях с тверским князем уже называет его «меньшим братом». После покорения Москвой Тверского княжества бежал в Литву.

Стр. 52. ...*это был талисман — подарок от союзника и друга крымского хана Менгли-Гирея*...— Об этом подарке хана пишут Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» и Н. Полевой в «Истории русского народа». Надпись на перстне («Тебе ведомо, что в Эндустанской земле...») Лажечников цитирует по книге Полевого.

Дочь Палеологов, награжденная от природы силою ума и воли, в которой отказано было ее братьям...— Лажечников противопоставляет Софью Палеолог (см. прим. ранее) ее братьям, Андрею и Мануилу, которые до 1453 года владели Мореей (Греция), а после захвата полуострова турками были приняты из милости при чужих дворах: Андрей — в Италии, Мануил — в Константинополе.

Выпросив для себя Ордынское подворье...— Так русские называли дом в Кремле, в котором жили во времена татарского ига представители Золотой Орды, следившие из него за всем, что делалось в Москве. Софья Палеолог через послов с богатыми дарами просила татарскую царицу уступить ей этот дом, мотивируя просьбу тем, что собирается выстроить на этом месте церковь вследствие бывшего якобы ей божественного видения. Взамен Софья обещала построить татарам другой дом в Кремле. Таким образом татары были изгнаны из Кремля, другого же дома им не было предоставлено.

Уделизм — так Лажечников называет феодальную систему уделов, раздел государства на отдельные самостоятельные княжества между представителями правящей династии.

Стр. 53. ...*выучила заморскую птицу величать Иоанна именем царя*...— Честолюбивые действия Софьи представляют отражение возникшей в тот период идеи Москвы — «третьего Рима», преемницы второго Рима — Царьграда (древнерусское название Константинополя), павшего под натиском турок. Великий князь московский в результате женитьбы на Софье Палеолог стал рассматриваться как наследник власти византийских императоров. Идя навстречу этим настроениям, Иван III принял государственный герб Византии — двуглавого орла.

Стр. 54. *Вился, вился ярый хмель*...— поблюдная песня, приведенная в сборнике Сахарова «Песни русского народа».

Федор Курицын — думный посольский дьяк, приближенный Ивана III, участник нескольких русских посольств за границу. Лажечников исторически достоверно изобразил и влияние Курицына на царя и увлечение дьяка ересью «жидовствующих» (см. прим. ранее).

Стр. 55. *Володимер Елизаров Гусев* — русский государственный деятель второй половины XV века, казненный в 1497 году по обвинению в боярском заговоре. Лажечников ошибочно считает Гусева, согласно утверждению современных ему историков М. Щербатова и Н. Карамзина, дьяком.

Дьяк Бородатый — историческое лицо, о котором известно только то, что Иван III брал его в поход против Новгорода, так как Бородатый «знал хорошо древние летописи и мог исчислить и доказать новгородцам все издревле учиненные вероломства и крамолы их».

Стр. 56. *...какое наказание положено по твоему судебнику...* — Речь идет о Судебнике 1497 года — первом законодательном кодексе Русского централизованного государства, составленном на основании ранних памятников феодального права: «Русской правды», «Псковской судной грамоты» и др. Лажечников приписывает честь составления Судебника Гусеву, однако этот вопрос является спорным.

«А доведут на кого татьбу...» — извлечение из статьи 8-й Судебника 1497 года. Лажечников цитирует этот закон по «Истории государства Российского» Карамзина, в которой он приведен с небольшим пропуском.

Перстаница (перстатица) — перчатка.

«А государьскому убойцу...» — извлечение из статьи 9-й Судебника 1497 года. «А государьскому убойце и крамольнику, церковному татю и головному, и подымщику, и зажигальщику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью», то есть: «А убийцу своего господина, и мятежника, и церковного вора, и холопьего похитителя, и клеветника, и поджигателя лишить жизни». Лажечников ошибочно применяет эту статью Судебника в связи с покушением на царя. На самом же деле под «государьским убойцей» подразумевается не убийца государя (монарха), а крестьянин, убивший своего владельца.

Стр. 57. *Тиун* — привилегированный слуга, управляющий хозяйством князя или боярина.

Фрязы — итальянцы.

Стр. 58. *Разметная грамота* — грамота с объявлением войны.

Любомудры — название членов философского кружка в Москве середины 20-х годов XIX века. Называя Курицына «любомудром того времени», Лажечников имел в виду интерес его к философии и научным вопросам.

Стр. 59. *...жидовствующая ересь чернокнижника Схарии...* — «Жидовствующими» официальная православная церковь называла сторонников ереси, возникшей в 70-х годах XV века в Новгороде. Родоначальником ее, по некоторым известиям, был еврей Схариа. «Жидовствующие» отрицали церковные обряды, монашество, иконопочитание, поклонение мощам. Распространившись из Новгорода в Москву, эта ересь нашла много сторонников среди дворцовой знати и духовенства.

Стр. 62. *Господинов двор на семи верстах...* — отрывок из обрядовой «калядской» русской народной песни.

Стр. 63. *Пушечный сарай*, вернее, пушечный двор,— литейная мастерская на левом берегу реки Неглинной, в которой лили пушки и колокола.

Варьская, Великая — первые названия московских улиц, дошедшие до нас от XV века.

Воробьево село.— В 1453 году великая княгиня купила у попа Воробья на высоком правом берегу Москвы-реки на «горах» (Воробьевы, ныне Ленинские горы) село. С тех пор до конца XVIII века Воробьево было летней царской резиденцией.

Тайницкие ворота — ворота в Кремлевской стене.

Стр. 64. *...первого сентября, который считался и первым днем нового года.*— Лажечников допускает небольшой анахронизм: в описываемое им время начало нового года на Руси считалось с 1 марта; только с 1492 года новый год стал начинаться с 1 сентября.

...наши Тезеи могли убить лешего Минотавра не иначе, как вывороти одежду...— Тесей — в греческой мифологии аттический герой, убивший страшное чудовище Минотавра, которое ежегодно пожирало афинских юношей и девушек. Лажечников имеет в виду в данном случае русское предание о том, что избежать чар лешего возможно, лишь вывернув на себе платье наизнанку.

Стр. 65. *Розмысл* — инженер.

Стр. 66. *Шестопер* — старинное оружие, род булавы, у которой на конце насажена головка, состоящая из шести щитков (перьев). Употреблялся и как знак достоинства воеводы.

Сурожане — купцы из крымского города Сурожа (Судака), которые вели торговлю с Москвой и имели в ней постоянное пристанище. Сурожане наряду с суконниками составляли две основные «гостиные» сотни и играли заметную роль в экономической и политической жизни Москвы XV века.

Стр. 67. *Иоанн младой* (1458—1490) — сын Ивана III от первой жены — княжны Марии Борисовны Тверской.

Стр. 70. *Оллоперводигер* (искаж., от «аллах первердигар» — персид).— Боже, творец!

Стр. 71. *Дербентское море, или дория* (море — персид.) *Хвалынская*,— Каспийское море; *Индийское море, или дория Индустанская*,— Индийский океан; *дория Стамбульская* — Черное море.

Стр. 72. *...этот сказочник Полифем...*— Лажечников иносказательно называет Афанасия Никитина Полифемом, мифическим одноглазым великаном, на том основании, что у русского путешественника якобы в сражении с татарами был выбит глаз — деталь, представляющая художественный вымысел автора.

...под сенью Спасова дома...— Речь идет о кафедральном соборе в Твери, по имени которого Тверь и Тверская земля назывались иногда «домом святого Спаса».

Авзония — Италия. Название происходит от имени одного из латин-

ских народов — авзоны,— населявших Апеннинский полуостров. Было распространено в поэтическом языке начала XIX в.

Стр. 73. *Игумен Макарий* — основатель известного Макарьевского Троицкого монастыря в Калязине на Волге (1450).

Стр. 74. *Ластовица* — ласточка.

...Взял... велик день в Гурмузе...— встретил пасху в Гурмузе (Хормуз), городе на побережье Персидского залива.

Обезьяны те живут в лесу, и есть у них князь обезьянской...— этот рассказ Афанасия Никитина основан на слышанных им в Индии мифах, обработанных в героическом эпосе «Рамаяна», где действует царь обезьян Сугрив.

Стр. 75. *...коней... триста в санях золотых...*— по-видимому, в оригинале опечатка, следует читать: «в снастях золотых».

Стр. 78. *Праздник Момуса* — праздник в честь бога Мома (Момуса), сына ночи, олицетворения злословия.

Стр. 80. *Не надобно думать, чтобы тогдашние дороги...*— Лажечников перефразирует следующее место из повести Н. А. Полевого «Клятва при гробе господнем»: «Не надобно воображать себе тогдашних дорог подобными нынешним шоссе от Петербурга до Москвы».

Стр. 81. *Кадуцей* — жезл, неизменный атрибут вестника богов Гермеса. Гермес — в греческой мифологии покровитель торговли.

Стр. 82. *Кто из вас помогал ему выпрямить колокольню в Ченто?* — Альберти Фиоравенти выпрямил в городе Ченто (Италия) при церкви святого Власия колокольню, уклонившуюся от отвесной линии более чем на пять футов, не вынув из стен ее ни одного кирпича.

Стр. 83. *...будущий строитель Грановитой палаты.*— В подстрочном примечании Лажечников ошибочно называет строителем Грановитой палаты Алевиза Нового. На самом деле Грановитая палата была построена архитекторами Пьетро Антонио Солари и Марко Руффо.

Стр. 87. *Что ты за человек?..*— отрывок из комедии популярного в 30-е годы драматурга Н. И. Хмельницкого (1789—1845) «Шалости влюбленных».

Стр. 89. *...похитил, как бык Европу.*— В греческой мифологии Европа, дочь финикийского царя Агенора, была похищена Зевсом, явившимся ей в образе быка.

Стр. 93. *Деспот морейский* — правитель полуострова Морея (Пелопоннес) на юге Греции.

Цитерский вестовщик — вестник богини любви и красоты Цитеры (Цирцеи). В греческой мифологии ей соответствуют также Венера, Афродита, Киприда.

Стр. 102. *Парфенон* — храм в Афинах (V в. до н. э.), высшее достижение древнегреческой архитектуры эпохи классики.

Алгамра (Альгамбра) — дворец мавританских государей в Испании, в окрестностях Гренады, замечательный памятник арабского зодчества XIII в.

Стр. 103. *Дож Марчелли* — венецианский дож второй половины XV в., покровительствовавший Альберти Фиоравенти.

Стр. 108. ...*ворота Флора и Лавра*... — Аристотель говорит о проектируемых в то время Флоровских воротах (позднее Спасских) — центральном въезде в Кремль, построенном в 1491 году архитектором П. Соларио. Говоря о «прекрасной стрельнице» над будущими воротами, Аристотель имеет в виду Фроловскую (Спасскую) башню Кремля.

Стр. 112. *Хози Кокос* — богатый еврей в г. Каффе (Феодосия), через которого Иван III обратился к крымскому хану Менгли-Гирею с предложением заключить политический союз.

Стр. 113. *Павел II* — папа римский (1464—1471), проповедник крестового похода против турок, с этой целью выступил инициатором брака Ивана III и Софьи Палеолог.

Суда — посуда.

...*посол от краля римского, лицарь Николай Поплев*... — Исторически достоверное лицо, силезец Николай Поппель, дважды приезжавший в Москву в 80-х годах XV века как путешественник и затем посол от короля Священной Римской империи. Образ Поппеля и связанная с ним интрига представляют произвольный авторский вымысел.

Стр. 114. ...*взор Иоанна ударял в них своим грозным электричеством*... — Исторически верная деталь. Карамзин в «Истории государства Российского» отмечал: «Пишут, что робкие женщины падали в обморок от гневного пламенного взора Иоаннова; что просители боялись идти к трону; что вельможи трепетали и на пирах во дворце не смели шепнуть слова, ни тронуться с места, когда государь... дремал по целым часам за обедом...»

Стр. 115. *Иннокентий Восьмой* — римский папа в 1482—1492 годы.

Стр. 118. *Геркулес-младенец... радуется, что в своей колыбели задушил змей*... — Один из подвигов Геркулеса, выдающегося героя греческой мифологии, состоял в том, что, еще будучи младенцем, он задушил двух змей, посланных к нему в колыбель ненавидевшей его богиней Герой.

Стефан молдавский — Стефан III великий (год рождения неизвестен — умер в 1504), молдавский господарь 1457—1504 годов, возглавлявший борьбу молдавского народа против турецких завоевателей.

Стр. 119. *Царь казанский Алегам* — исторически достоверное лицо; так же, как и другие узники «черной избы», выведенные Лажечниковым, за исключением Марфы-посадницы, он действительно томился в те времена в темнице.

...*держать стремя* — унизительный обычай, введенный татарскими ханами как знак власти над русскими князьями: последние должны были поддерживать стремя, когда хан садился на коня.

Стр. 120. *Каргополь, что на Белоозере*... — Автор допускает неточность в определении географического положения древнего русского города Каргополя (бывшей Олонецкой губернии, ныне Архангельской области). Каргополь расположен значительно севернее Белоозера, на реке Онеге, вблизи ее истока из озера Лача.

Магмет-Аминь (Мухаммед-Эмин) — казанский хан, возведенный на престол Иваном III в результате победы над Казанью в 1487 г., сторонник сближения с русским государством.

Стр. 123. *Марфа Борецкая* — «Марфа-посадница», глава реакционной «литовской» партии среди новгородского боярства, склонявшейся к союзу с Литвой и борьбе против объединительной политики Москвы. Лажечников помещает Марфу-посадницу среди узников «черной избы», на самом же деле она была увезена в Нижний Новгород и там пострижена в одном из монастырей.

Стр. 124. *...почему с нею умер на Руси дух общины...* — Автор имеет в виду республиканский строй Великого Новгорода с его верховной властью общего народного собрания — «веча».

«А если я твой дерзостный обман...» — строки из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов».

Стр. 130. *Недаром говорит старинная песня: «Молодая вдова плачет, что роса падает...»* — Лажечников перефразирует известную народную песню: «Молода жена плачет — как роса падет, красно солнышко взойдет — росу высушит».

Стр. 131. *Достань, боярин, на молодой месяц две молодые лягушки...* — Рецепт, который Варфоломей дает Мамону, представляет распространенное на Руси суеверие.

Стр. 133. *Адамова книга* — мифическая книга, по преданию, полученная Адамом от бога.

Стр. 136. *Летал соловьюшка по зеленому по кустарничку...* — из народной свадебной песни.

Стр. 145. *Недельщик* — пристав, ездивший за обвиняемыми и представлявший их суду.

Стр. 146. *...правнук князя Всеволода Андреевича Тверского...* — Автор имеет в виду первого удельного князя Холмского Всеволода Александровича (ум. в 1364).

...стоя... перед страшным Ахматом... не послушался повеления грозного владыки отступить... — Князь Холмский вместе с сыном Ивана III Иваном Ивановичем не подчинился царскому приказу покинуть войско, сошедшееся с татарами на реке Угре (1480), и приехать в Москву для совета.

Стр. 155. *Оценкою в две тысячи рублей знаменитого полководца Иван Васильевич остался доволен.* — Исторический факт. Однако мотивировка «поручной записи» в романе (отказ Холмского вести войска на родную Тверь) представляет художественный вымысел автора; на самом же деле неизвестно, чем была вызвана эта мера в отношении Холмского.

Стр. 159. *...брат последнего из Константинов...* — Лажечников подразумевает Константина XII, последнего византийского императора 1449—1453 годов, периода упадка Византии и завоевания ее турками.

Первосвященник — имеется в виду римский папа Пий II, который принял у себя после завоевания турками Константинополя Фому Палеолога и назначил ему жалованье.

[illegible] — то есть придворным служителем.

Стр. 160. [illegible] его — не уважал.

[illegible] венгерский — Баторий Стефан (умер в 1493 г.), венгерский [illegible] победитель турок в Семиградье (Трансильвания) в 1479 г.

Стр. 162. Ярь (ярь — медянка) — основная уксуснокислая соль меди, [illegible].

[illegible] с вичем и без вича... — В Древней Руси право называться [illegible] («вич», «вна») — в знак особого почтения — принадле[illegible] далеко не всем. Этим правом жаловал за особые заслуги великий [illegible].

Стр. 163. *Теньер* (правильно Тенирс) Давид Младший (1610 — [illegible]) — крупный фламандский художник, автор многочисленных картин. [illegible] сюжет бытовых сцен Теньера — пирушки, сельские [illegible].

Стр. 167. *...права свои на византийское мое царство подарил я шпанскому королю Фердинанду и королеве Изабелле.* — После завоевания турками полуострова Морей Андрей Палеолог уступил свои права на византийский престол сначала Карлу VIII французскому, а по смерти его — испанскому королю Фердинанду Католику и Изабелле Кастильской.

Багряница — царское одеяние багряно-красного цвета.

Стр. 173. *...виднелись то блестящий в лучах венец Донского монастыря...* — В описываемое время Донского монастыря в Москве еще не существовало, он был основан более ста лет спустя, в 1593 г., в память избавления русской столицы от нашествия крымского хана Казы-Гирея.

Стр. 175. *Поле, позываю тебя на поле!* — Этим возгласом Мамон вызывал Хабара на судебный поединок — главный способ разрешения спорных дел в феодальной Руси. Законы боя на «поле» отражены в Судебнике 1497 года.

«Аще который человек позовется на поле...» — Лажечников цитирует не совсем точно, с небольшими пропусками, отрывок из «Послания в Новгород к архиепископу Иоанну»... митрополита Фотия, приводимый в «Истории государства Российского» Карамзина.

Утепет — совершит убийство.

В «Судебнике» стоял следующий закон: «Кто у кого бороду вырвет...» — Такого закона в Судебнике 1497 года нет. Лажечников в данном случае берет за основу, несколько изменяя, статью 67 «О бороде» «Правды русской»: «А кто порвет бороду, а в ней знамение, а вылезут людие, то 12 гривен продаже».

Стр. 176. *Ах! няня, няня, я тоскую...* — строка из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Стр. 179. *Кучково поле* — крупнейшее историческое урочище в Москве.

...готовится он к постригу... — Постриг — обряд пострижения, совершаемый над мальчиком в старину при переходе его из детского возраста в отроческий.

...великолепным официантом... — то есть придворным служителем.

Стр. 160. *...нескрепко чествл его* — не уважал.

Баторий венгерский — Баторий Стефан (умер в 1493 г.), венгерский воевода, победитель турок в Семиградье (Трансильвания) в 1479 г.

Стр. 162. *Ярь* (ярь — медянка) — основная уксуснокислая соль меди, ядовитая.

...бояре с вичем и без вича... — В Древней Руси право называться по отчеству («вич», «вна») — и знак особого почтения — принадлежало далеко не всем. Этим правом жаловал за особые заслуги великий князь.

Стр. 163. *Теньер* (правильно Тенирс) Давид Младший (1610—1690) — крупный фламандский художник, автор многочисленных картин. Распространенный сюжет бытовых сцен Теньера — пирушки, сельские празднества.

Стр. 167. *...права свои на византийское мое царство подарил я шпанскому королю Фердинанду и королеве Изабелле.* — После завоевания турками полуострова Морея Андрей Палеолог уступил свои права на византийский престол сначала Карлу VIII французскому, а по смерти его — испанскому королю Фердинанду Католику и Изабелле Кастильской.

Багряница — царское одеяние багряно-красного цвета.

Стр. 173. *...виднелись то блестящий в лучах восиц Донского монастыря...* — В описываемое время Донского монастыря в Москве еще не существовало, он был основан более ста лет спустя, в 1593 г., в память избавления русской столицы от нашествия крымского хана Казы-Гирея.

Стр. 175. *Поле, позываю тебя на поле!* — Этим возгласом Мамон вызывал Хабара на судебный поединок — главный способ разрешения спорных дел в феодальной Руси. Законы боя на «поле» отражены в Судебнике 1497 года.

«Аще который человек позовется на поле...» — Лажечников цитирует не совсем точно, с небольшими пропусками, отрывок из «Послания в Новгород к архиепископу Иоанну»... митрополита Фотия, приводимый в «Истории государства Российского» Карамзина.

Утепет — совершит убийство.

В «Судебнике» стоял следующий закон: «Кто у кого бороду вырвет...» — Такого закона в Судебнике 1497 года нет. Лажечников в данном случае берет за основу, несколько изменяя, статью 67 «О бороде» «Правды русской»: «А кто порвет бороду, а в ней знамение, а вылезут людие, то 12 гривен продаже».

Стр. 176. *Ах! няня, няня, я тоскую...* — строка из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Стр. 179. *Кучково поле* — крупнейшее историческое урочище в Москве.

...готовится он к постригу... — Постриг — обряд пострижения, совершаемый над мальчиком в старину при переходе его из детского возраста в отроческий.

Стр. 191. *«Сохрани мой талисман...»* — Из стихотворения А. С. Пушкина «Талисман».

...от Сретенской церкви, с именем которой пробуждается воспоминание об освобождении нашем от ига татарского.— В конце XIV в. на Кучковом поле был построен Сретенский монастырь в память бегства из России полчищ Тимура.

Бальби Адриано (1782—1848) — известный итальянский географ и статистик, автор популярнейшего в 30-е годы пособия по географии, переведенного на многие европейские языки.

Стр. 192. *Самая огромная пушка того времени, Царь-пушка, была вылита Дебосисом.*— Лажечников имел в виду несохранившееся орудие, отлитое в 1488 году итальянцем П. Дебосисом, которое так же, как и знаменитое орудие А. Чохова, хранящееся в Московском Кремле, называлось «царь-пушкой».

Стр. 193. *Затинщик* — стрелок у затинной, то есть крепостной пищали, установленной на опоре.

Пальник — палка с железными щипцами на конце для вкладывания фитиля, которым при пальбе из пушек поджигали порох в затравке, то есть в запале, сквозной округлой скважине в конце казенной части орудия.

Стр. 199. *Антиной* — красивый юноша из Клавдиополя, любимец императора Адриана.

«Куда бежать, тоску девать?..» — из песни А. Ф. Мерзлякова (1778—1830) «Ах, девица-красавица!».

Стр. 200. *...у церкви Иоанна, списателя лествицы, «что под колоколами».*— Речь идет о небольшой церкви святого Иоанна Лествичника в Московском Кремле. По словам летописи, эта церковь, «иже под колоколы», была основана в 1329 году при Иване Калите, а в 1505 году разобрана и заложена новая «не на старом месте»; при ней в 1600 году была построена знаменитая колокольня «Иван Великий».

Окольничий — старинный дворцовый чин, основной обязанностью которого было «устраивать путь и станы для государя».

Путный боярин — то есть ведающий определенной отраслью («путем») дворцового хозяйства великого князя.

Стр. 201. *«Мертвые срама не имут»* — слова из боевого призыва, с которым князь Святослав, по свидетельству летописи, обратился к своим воинам перед битвой с греками в 970 году.

Стр. 208. *Надо же было на беду подвернуться Волошанке...*— Имеется в виду Елена, дочь молдавского господаря Стефана III Великого, жена сына Ивана III Ивана Ивановича.

Стр. 209. *Пула* — мелкая медная монета.

Заимка — здесь: стан, лагерь.

Стр. 210. *...великий князь московский пожаловал — построил ему на перекрестке дорог высокие хоромы на двух столбах с перекладиной.*— Лажечников перефразирует слова известной народной песни «Не шуми, мати, зеленая дубравушка» о царском суде над добрым молодцем, которую приводит Пушкин в «Капитанской дочке».

Стр. 191. *«Сохрани мой талисман...»* — Из стихотворения А. С. Пушкина «Талисман».

...от Сретенской церкви, с именем которой пробуждается воспоминание об освобождении нашем от ига татарского. — В конце XIV в. на Кучковом поле был построен Сретенский монастырь в память бегства из России полчищ Тимура.

Вальби Адриано (1782—1848) — известный итальянский географ и статистик, автор популярнейшего в 30-е годы пособия по географии, переведенного на многие европейские языки.

Стр. 192. *Самая огромная пушка того времени, Царь-пушка, была вылита Дебосисом.* — Лажечников имел в виду несохранившееся орудие, отлитое в 1488 году итальянцем П. Дебосисом, которое так же, как и знаменитое орудие А. Чохова, хранящееся в Московском Кремле, называлось «царь-пушкой».

Стр. 193. *Затинщик* — стрелок у затинной, то есть крепостной пищали, установленной на опоре.

Пальник — палка с железными щипцами на конце для вкладывания фитиля, которым при пальбе из пушек поджигали порох в затравке, то есть в запале, сквозной округлой скважине в конце казенной части орудия.

Стр. 199. *Антиной* — красивый юноша из Клавдиополя, любимец императора Адриана.

«Куда бежать, тоску девать?..» — из песни А. Ф. Мерзлякова (1778—1830) «Ах, девица-красавица!».

Стр. 200. *...у церкви Иоанна, списателя лествицы, «что под колоколами».* — Речь идет о небольшой церкви святого Иоанна Лествичника в Московском Кремле. По словам летописи, эта церковь, «иже под колоколы», была основана в 1329 году при Иване Калите, а в 1505 году разобрана и заложена новая «не на старом месте»; при ней в 1600 году была построена знаменитая колокольня «Иван Великий».

Окольничий — старинный дворцовый чин, основной обязанностью которого было «устраивать путь и станы для государя».

Путный боярин — то есть ведающий определенной отраслью («путем») дворцового хозяйства великого князя.

Стр. 201. *«Мертвые срама не имут»* — слова из боевого призыва, с которым князь Святослав, по свидетельству летописи, обратился к своим воинам перед битвой с греками в 970 году.

Стр. 208. *Надо же было на беду подвернуться Волошанке...* — Имеется в виду Елена, дочь молдавского господаря Стефана III Великого, жена сына Ивана III Ивана Ивановича.

Стр. 209. *Пула* — мелкая медная монета.

Заимка — здесь: стан, лагерь.

Стр. 210. *...великий князь московский пожаловал — построил ему на перекрестке дорог высокие хоромы на двух столбах с перекладиной.* — Лажечников перефразирует слова известной народной песни «Не шуми, мати, зеленая дубравушка» о царском суде над добрым молодцем, которую приводит Пушкин в «Капитанской дочке».

Стр. 212. *...почерним ей зубки да выкрасим ноготки, и хоть сейчас к нашему пророку Махмуту в рай.*— Об обыкновении татарских женщин чернить зубы и красить ногти сообщает С. Герберштейн в «Записках о московитских делах». *Пророк Махмут* — Мухаммед (неправильно — Магомет) считается основателем мусульманства, ислама.

Стр. 215. *Отрочьев монастырь* — древний Отрочь-Успенский монастырь в Твери.

«Дивлюсь свату моему...» — Лажечников несколько изменил подлинные слова Стефана Молдавского, приводимые Карамзиным в «Истории государства Российского».

Стр. 217. *«Не оружие и не мудрость человеческая спасла нас, а господь небесный...»* — несколько измененные слова из летописи Львова, которые приводит Карамзин в «Истории государства Российского».

Стр. 219. *Полкан-пушка* — в старину орудия нередко имели прозвища, которые отливались на их поверхности: «Собака», «Барс», «Лев», «Китоврас» и др.

Стр. 224. *...обошел его лесовик.*— Согласно народному суеверию, лесовик (леший) «обходит» путников и лесников, заставляя их блуждать по лесу.

Стр. 226. *Человечья сажень* — древняя мера длины, измерявшаяся «распростертием рук».

Стр. 231. *«Тогда епископ, князь Михайла Холмский...»* — цитата из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Стр. 232. *Глухим предчувствием томимый* — стихи из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Стр. 234. *...она увековечила мысль...*— Автор имеет в виду изобретение книгопечатания.

...дала человеку на морях неусыпного вожатого...— Лажечников допускает ошибку, считая изобретение компаса научным открытием XV в. В действительности компас был известен в Европе уже в XII веке.

Стр. 236. *...а для ней... и Геркулес взялся за прялку, Ришелье наряжался шутом...*— Древнегреческий миф рассказывает, что Геракл (Геркулес) за убийство своего друга Ифита, совершенное под влиянием неудачной любви к его прекрасной сестре, был продан в рабство лидийской царице Омфале, которая заставляла его прясть и ткать вместе со служанками. Ришелье Арман-Жан дю Плесси (1585—1642) — французский государственный деятель.

Стр. 238. *Разрыв-трава.*— По народным верованиям, волшебная трава, разрывающая железо, помогающая распечатывать запертые огромными замками разбойничьи клады.

Стр. 244. *Но чувства прежние свои...*— строка из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Стр. 248. *...Воробьева соловьиным голосом затянула: Не кукушечка во сыром бору куковала.*— Воробьева Анна Яковлевна — выдающаяся оперная певица 30-х годов XIX века.

Стр. 252. *У тоски моей нет крыльев полететь...*— из песни А. Ф. Мерзлякова «Что не девица во тереме своем...».

Стр. 261. *Любовник, когда он видит смерть обожаемой женщины...*— цитата из одноактной пьесы французского драматурга Лафона (1809—1864) «Неизвестный шедевр» (1837).

Стр. 272. *...художник был из числа тех гениальных безумцев, которых надо бы запереть вместе с Тассом и Бетховеном в желтый дом.*— Торквато Тассо в конце жизни страдал расстройством психики и в течение семи лет находился в больнице для умалишенных. Упоминая наряду с Тассо имя Бетховена, Лажечников отразил широко распространенную легенду о психической невменяемости великого музыканта, которую распускали многочисленные враги Бетховена в связи с его резким, неуживчивым характером и прогрессирующей глухотой.

Стр. 273. *Церковь святого Марка* — замечательный памятник итальянского зодчества X — XI веков, отличается пышностью и живописностью, характерной для архитектуры Венеции.

Стр. 274. *Андрей Васильевич старший* (Андрей Васильевич Большой, 1446—1493) — удельный князь городов Углича, Звенигорода, Бежецка, брат Ивана III. Великий князь московский опасался его как политического соперника, этим и было вызвано заточение Андрея Васильевича в 1492 году вместе с двумя сыновьями в тюрьму.

Стр. 277. *...мост Аркольский...*— Подразумевается блестящая победа Наполеона Бонапарта над австрийской армией в битве при Арколе (Италия).

...верхи пирамид для Наполеона! — Речь идет о походе Наполеона в Египет (1796—1801).

Стр. 279. *Верющий лист* — верительная грамота.

Стоянце — подставка для какой-нибудь драгоценной вещи.

...бьет ...челом с поминками — то есть кланяется с подарками.

Стр. 283. *Ой ты, батюшка родимый!..*— из русской свадебной песни, вошедшей в сборник И. П. Сахарова «Сказания русского народа».

Стр. 289. *Иосиф Волоцкий* — монах, оказывавший большое влияние на Ивана III, основатель Волоколамского монастыря, автор многих полемических сочинений на религиозные темы.

Стр. 295. *Бывало, только месяц ясный...*— строка из поэмы А. С. Пушкина «Братья-разбойники».

Стр. 303. *Да по та места, господине...*— Лажечников цитирует письмо Иосифа Волоцкого, ярого гонителя ереси «жидовствующих» архимандриту Андронникова монастыря Митрофану.

Стр. 304. *...кому назначили ссылку, кому народное поругание.*— В 1490 году церковный собор осудил ересь «жидовствующих» (см. прим. ранее), в результате чего начались гонения «еретиков». Описанное Лажечниковым «наказание стыдом» действительно происходило в Новгороде в 1490 году.

Стр. 305. *Бирюч* — вестник, глашатай в допетровской Руси.

Стр. 306. *...медвежьих учителей из Сморгони.*— В местечке Сморгонь Виленской губернии долгое время была школа для обучения медведей, известная под названием Сморгонской академии.

Стр. 307. *Один четвероногий Боливар отчаянно лягнул...*— Лажечников употребил здесь имя Боливара Симона (1783—1830), предводителя национально-освободительного движения в Южной Америке, популярного в 20—30-х годах в России.

Стр. 311. *Не бойтесь ничего, есть средство пособить...*— из комедии Н. И. Хмельницкого «Шалости влюбленных».

Искал соперника следов...— строка из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Стр. 317. *Пора Мамону туда, где живут мамоны* — то есть в ад (см. примеч. ранее).

Стр. 319. *И мрачно ведьма повторила...*— строка из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Стр. 320. *Басьма* (басма) — особая металлическая пластинка с изображением золотоордынского хана, которая выдавалась татарским послам в качестве верительной грамоты.

Стр. 327. *Я наслажденьем весь полон был...*— строка из стихотворения А. С. Пушкина «Желание славы».

Стр. 334. *Лампады тихий свет...*— строка из стихотворения А. С. Пушкина «Андрей Шенье».

Стр. 340. «*Врач немчин Антон приеха...*» — Заимствование из летописи Львова, текст которой несколько изменен стилистически. Лажечников меняет текст летописи, во-первых, в связи с развитием интриги романа: делает Каракачу юношей, в то время как в действительности у него был уже взрослый сын, который и совершил казнь над Антоном. Во-вторых, автор смягчает степень виновности царя в происшедшем: по летописи, царь — главный виновник гибели Антона, в романе тяжесть вины перенесена на «татар», царь же в последнюю минуту даже отменяет смертный приговор. По-видимому, это изменение было сделано автором с оглядкой на цензуру.

Стр. 341. *Вы, конечно, не спросите меня о будущности Хабара Симского.*— Хабар-Симский — крупный военачальник XVI века, возведенный при царе Василии Ивановиче в сан боярина. Говоря об освобождении Хабаром-Симским Нижнего Новгорода, Лажечников имеет в виду успешное отражение этим полководцем превосходящих сил казанского хана Менгли-Гирея, осадившего город (1505). Под «спасением нашей чести в Рязани» Лажечников подразумевает блестящую победу, одержанную Хабаром-Симским во время вторичного нашествия хана Менгли-Гирея на Россию.

...мистра Леон... этот мейстер лечил и залечил Иоанна... и за то казнен всенародно...— Исторический факт. Таким образом, участь немчина Антона не была исключением для своего времени.

Не доиграна игра, не допета песенка — припев одной из народных свадебных песен.

И. Ильинская

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Поэт («Когда Рафаэль вдохновенный...») 3
Русская мелодия («В уме своем я создал мир иной...») . . 3
Жалобы турка 4
Монолог 4
Молитва («Не обвиняй меня, всесильный...») 5
«Один среди людского шума...» 6
Звезда («Вверху одна...») 6
Кавказ («Хотя я судьбой на заре моих дней...») 7
Н. Ф. П....вой («Любил с начала жизни я...») 7
Весна 8
Одиночество 8
Еврейская мелодия («Я видал иногда, как ночная звезда...») 9
Наполеон («В неверный час, меж днем и темнотой...») . . 9
Кавказу 11
Отрывок («На жизнь надеяться страшась...») 11
К *** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...») . . 13
Предсказание 14
1830 год. Июля 15-го 14
Благодарю! («Благодарю! вчера мое признанье...») . . . 15
Нищий 16
30 июля.— (Париж) 1830 года 16
Новгород 17
Могила бойца 17
Пир Асмодея 19
К *** («О, полно извинять разврат...») 20
Волны и люди 21
Звуки 21
Крест на скале 22
1831-го января 22
«Пускай поэта обвиняет...» 23

Земля и небо 23
На Андрея Шенье 24
Мой демон («Собранье зол его стихия...») 24
1831-го июня 11 дня 25
Романс к И... («Когда я унесу в чужбину...») 33
Желание («Зачем я не птица, не ворон степной...») . . . 34
Атаман 35
Исповедь 36
Чаша жизни 37
К Л.— («У ног других не забывал...») 38
К Н. И..... («Я не достоин, может быть...») 38
Воля 39
Сентября 28 40
«Зови надежду сновиденьем...» 41
Небо и звезды 41
«Кто видел Кремль в час утра золотой...» 42
К *** («Ты слишком для невинности мила...») 42
Ангел 42
«Ужасная судьба отца и сына...» 43
«Пусть я кого-нибудь люблю...» 44
Из Паткуля 44
«Я не для ангелов и рая...» 44
«Настанет день — и миром осужденный...» 45
К Д. («Будь со мною, как прежде бывала...») 45
«Как дух отчаянья и зла...» 46
«Я не люблю тебя; страстей...» 46
Стансы («Мгновенно пробежав умом...») 47
«Люблю я цепи синих гор...» 47
Прощанье («Не уезжай, лезгинец молодой...») 48
«Как в ночь звезды падучей пламень...» 49
К * («Я не унижусь пред тобою...») 50
(В альбом Н. Ф. Ивановой) («Что может краткое свиданье...») 51
«Как луч зари, как розы Леля...» 51
«Синие горы Кавказа, приветствую вас!..» 51
«Нет, я не Байрон, я другой...» 52
К * («Оставь напрасные заботы...») 53
«Я жить хочу! хочу печали...» 53
«Смедо верь тому, что вечно...» 54
«Приветствую тебя, воинственных славян...» 54
Желанье («Отворите мне темницу...») 54
Два великана 55
К * («Прости! — мы не встретимся боле...») 56
«Слова разлуки повторяя...» 57
«Безумец я! вы правы, правы!..» 57

«Она не гордой красотою...» 53
«Прочтите дивное посланье...» 58
«Для чего я не родился...» 59
«Что толку жить!.. Без приключений...» 60
Парус 61
Баллада («Куда так проворно, жидовка младая?..») . . 61
Тростник 62
Русалка 64
Гусар 65
«На серебряные шпоры...» 66
Юнкерская молитва 67
«В рядах стояли безмолвной толпой...» 67
«Когда, надежде недоступный...» 68
Умирающий гладиатор 68
Еврейская мелодия («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!..») 70
В альбом («Как одинокая гробница...») 70
«Великий муж! здесь нет награды...» 70
«Никто моим словам не внемлет... я один...» 71
«Мое грядущее в тумане...» 71
Смерть Поэта 72
Бородино 74
Ветка Палестины 76
Узник 77
Сосед («Кто б ни был ты, печальный мой сосед...») 78
«Когда волнуется желтеющая нива...» 79
Молитва («Я, матерь божия, ныне с молитвою...») 79
«Расстались мы, но твой портрет...» 80
«Я не хочу, чтоб свет узнал...» 80
«Не смейся над моей пророческой тоскою...» 80
«Спеша на север из далека...» 81
⟨Эпиграммы на Ф. Булгарина, I, II⟩ 82
Кинжал 82
«Гляжу на будущность с боязнью...» 83
«Она поет — и звуки тают...» 83
«Как небеса, твой взор блистает...» 84
«Слышу ли голос твой...» 84
Вид гор из степей Козлова 85
⟨А. Г. Хомутовой⟩ («Слепец, страданьем вдохновенный...») 85
Дума 86
Поэт («Отделкой золотой блистает мой кинжал...») 87
Казачья колыбельная песня 88
⟨К Н. И. Бухарову⟩ («Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...») 90
«Ребенка милого рожденье...» 90
Не верь себе 91

Три пальмы 92
Молитва («В минуту жизни трудную...») 93
Дары Терека 94
Памяти А. И. Одоевского 96
«Есть речи — значенье...» 98
«На буйном пиршестве задумчив он сидел...» 98
(Э. К. Мусиной-Пушкиной) («Графиня Эмилия...») . . . 99
«Как часто, пестрою толпою окружен...» 99
И скучно и грустно 100
Из Гете 101
(М. А. Щербатовой) («На светские цепи...») 101
Воздушный корабль 102
Соседка («Не дождаться мне, видно, свободы...») 104
Журналист, читатель и писатель 105
Пленный рыцарь 110
(М. П. Соломирской) («Над бездной адскою блуждая...») 110
Отчего 111
Благодарность («За все, за все тебя благодарю я...») . . 111
Ребенку («О грезах юности томим воспоминаньем...») . . 111
А. О. Смирновой («Без вас хочу сказать вам много...») . . 112
К портрету («Как мальчик кудрявый, резва...») 112
Тучи 113
(Валерик) 113
Завещание («Наедине с тобою, брат...») 119
Оправдание 120
Родина 121
Любовь мертвеца 122
«На севере диком стоит одиноко...» 123
Последнее новоселье 123
«Из-под таинственной, холодной полумаски...» 125
(Из альбома С. Н. Карамзиной) («Любил и я в былые годы...») 125
(Графине Ростопчиной) («Я верю: под одной звездою...») 126
Договор 126
«Прощай, немытая Россия...» 127
Утес 127
Спор 128
Сон («В полдневный жар в долине Дагестана...») 130
«Не плачь, не плачь, мое дитя...» 131
«Ты помнишь ли, как мы с тобою...» 131
«Они любили друг друга так долго и нежно...» 132
Тамара 132
Свиданье 134
Листок 136
«Нет, не тебя так пылко я люблю...» 137

«Выхожу один я на дорогу...» 137
Морская царевна 138
Пророк 139

ПОЭМЫ

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова 141
Тамбовская казначейша 154
Беглец 174
Демон 178
Мцыри 207
Сказка для детей 227

МАСКАРАД 237

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ 342

Л 49 **Лермонтов М. Ю.**

Стихотворения; Поэмы; Маскарад; Герой нашего времени.— М.: Худож. лит., 1985.— 479 с. (Классики и современники. Рус. классич. лит.).

В книгу вошли избранные стихотворения и поэмы М. Ю. Лермонтова (1814—1841), а также драма «Маскарад» и роман «Герой нашего времени».

Л $\frac{4702010100\text{-}353}{028\ (01)\text{-}85}$ 28-85

ББК 84Р1
Р1

ВЕРШИНЫ ДРАМАТУРГИИ ЧЕХОВА

Драматические произведения, включенные в эту книгу, составляют основную часть театра Чехова, нового явления мировой культуры, ставшего такой же несомненной художественной и духовной ценностью, как театр Мольера или театр Шекспира. «Иванов» (1889), «Чайка» (1895), «Дядя Ваня» (1896), «Три сестры» (1901), «Вишневый сад» (1903) до сих пор не сходят со сцен театров, и каждая их новая серьезная постановка (а их не перечесть ни на отечественной сцене, ни за рубежом) собирает полные залы, вызывает горячие споры и волнующие мысли, возбуждает не только и не столько профессионально-искусствоведческие дискуссии, сколько глубокие размышления о жизни, о назначении человека на земле.

А. П. Чехов начинал не на пустом месте. В России XIX века существовал настоящий национальный театр, создание которого завершил великий Островский. На отечественной сцене действовали персонажи, олицетворявшие предреформенную и послереформенную Россию, выражавшие национальный характер, представлявшие реалистические картины народного быта, перемены в социальной судьбе различных слоев русского общества. Драматургия Чехова возникла на новом историческом рубеже. Конец века сложен и противоречив. Новый, пролетарский период освободительного движения, начало революционной деятельности В. И. Ленина, создание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», I съезд РСДРП — все эти важнейшие явления, составившие сущность исторического процесса, происходили вне поля зрения значительной части интеллигенции, все еще пораженной характерным для 80-х годов духом разочарования в «великих идеалах», пытающейся найти выход в «теории малых дел», в обостренном, несколько даже болезненном интересе к искусству, стимулировавшем, в частности, появление дека-

ленства. Не участвуя непосредственно в передовом общественном движении, лучшие представители культурных слоев русского общества ощущали глубинные толчки, предвещавшие грядущую катастрофу отживающего мира, стремились уберечь духовные ценности от варварского разграбления их нарождающейся буржуазией, противопоставляя свои «малые дела», свое искусство, свою человеческую индивидуальность дикому разгулу новых миллионеров, прибиравших к рукам разоренные дворянские гнезда.

Все это понял, почувствовал и показал Чехов в своих пьесах, и судьба его театра, как и история других великих явлений мировой культуры, еще раз подтвердила важнейший критерий жизнеспособности искусства: лишь те произведения остаются в веках и становятся общечеловеческим достоянием, в которых наиболее точно и глубоко воспроизведено свое время, раскрыт духовный мир людей своего поколения, своего народа, причем подразумевается не газетно-фактологическая точность, а проникновение в сущность действительности и воплощение ее в художественных образах. Гениальные художники находят особую форму для своих произведений, наиболее верно выражающую дух времени, и о них говорят, как о преобразователях форм искусства, основоположниках новых течений и т. п. А. П. Чехова справедливо считают новатором в области драматургии, но он прежде всего думал не о преобразовании форм искусства, а об улучшении условий жизни русского общества.

Первая большая пьеса Чехова «Иванов» (в эту книгу включена окончательная редакция, законченная в 1889 году после постановки в 1887 году первого варианта) написана, в общем, в традиционной форме. Но уже здесь в главном — в содержании, в заложенных в ней социально-психологических проблемах — видно коренное отличие драматургии Чехова от современного ему развлекательного театра мелодрамы и водевиля. Здесь главный герой является представителем целого «угомленного» поколения, и его драма типична для русского интеллигента 80-х годов: «Иванов, дворянин,— писал автор,— университетский человек, ничем не замечательный; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям, честная и прямая, как большинство образованных дворян... Прошлое у него прекрасное, как у большинства русских интеллигентных людей. Нет или почти нет того русского барина или университетского человека, который не хвастался бы своим прошлым. Настоящее всегда хуже прошлого. Почему?.. Такие люди, как Иванов, не решают вопросов, а падают под их тяжестью. Они теряются, разводят руками, пессимничают, жалуются, делают глу-

ности и в конце концов, дав волю своим рыхлым, распущенным нервам, теряют под ногами почву и поступают в разряд «надломленных» и «непопятых» [1]. Работая над «Ивановым», Чехов писал пьесу не для развлечения читателей и публики, а в форме пьесы исследовал и показывал серьезное жизненное явление. Казалось бы, что здесь сложного, а взгляните на историю театра: едва появляется на фоне персонажей условных, придуманных, иллюстрирующих прописные истины полнокровный художественный образ, выросший на почве реальной действительности,— и сразу возникает большая драматургия. В «Иванове» не только центрального героя, но и других персонажей автор представлял с той же социальной четкостью. Например, о Львове, втором по значимости персонаже пьесы, Чехов писал: «Это тип честного, прямого, горячего, но узкого и прямолинейного человека... Львов честен, прям и рубит сплеча, не щадя живота. Если нужно, он бросит под карету бомбу, даст по рылу инспектору, пустит подлеца» [2].

И все же «Иванов» пьеса во многом традиционная: все действие, как в шекспировской трагедии, разворачивается вокруг центрального героя, каждый эпизод является средством его художественного раскрытия, главная и единственная интрига построена на любовных отношениях героя, трагический его конец — самоубийство в финале. А «Чайку», открывшую новую драматургию, сам Чехов с обычной своей скромностью определил как пьесу, написанную «вопреки всем правилам драматического искусства» [3]. Он в этом не одинок: и Еврипид, и Мольер, и Шекспир писали вопреки существовавшим в их времена «правилам драматического искусства», стремясь понять и раскрыть законы действительности.

Но зачем же потребовались «новые формы»? Прежде всего, потому, что жизнь, изображаемая художником, не укладывалась в традиционные правила построения драматических произведений. Например, тот же Иванов занимает в пьесе место исключительное, центральное, совершенно не соответствующее его роли в реальной действительности.

Та часть интеллигенции, которую знал и изображал Чехов, разочаровалась в прежних идеалах, потеряла истинные цели жизни, а освободившись от недавно разбитых оков религиозно-семейных традиций, за которые ратовали многие персонажи Островского, обрела лишь свободу распада и гибельного одино-

---

[1] А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 3. М., «Наука», 1976, с. 109, 111.
[2] Там же, с. 112, 113.
[3] А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 6, с. 100.

центральный герой, объединяющий действие и вступающий в противостояние с правилами старой драматургии, в драматический конфликт с другими героями, со средой, с эпохой. На страницах пьес, а затем и на сцены театров, вышли лица, равные друг другу по значению, а вернее, по незначительности, не только не связанные какими-либо семейными или общественными узами, но часто и не верящие в возможность и необходимость каких-то человеческих связей. Посмотрим на персонажей «Чайки»,— кто они? Что связывает их друг с другом? Один из главных героев, Треплев, иронично говорит о себе: «...по паспорту я киевский мещанин», и это еще более подчеркивает его полное одиночество рядом с эгоистичной и недалекой матерью, рядом с девушкой, предающей его любовь, среди не понимающих его людей; нет семьи, нет живых человеческих привязанностей ни у Аркадиной, ни у Тригорина, ни у Заречной. Есть, правда, среди персонажей «Чайки» две семейные пары, но обе они внутренне давно распались: и Шамраева, и ее дочь готовы в любую минуту бросить семьи и уйти к тем, кого любят. То же и в других пьесах: нельзя же всерьез говорить о семейных привязанностях Елены Андреевны в «Дяде Ване», Вершинина, Андрея и Маши в «Трех сестрах». Равно одинокие, равно страдающие от одиночества и не умеющие, а то и не желающие избавиться от него предстают перед читателем персонажи чеховских пьес. И это делает каждого из них своеобразным «героем» пьесы, равноценно звучат слова каждого из них, одинаково важным становится каждый эпизод.

Только гениальный драматург вместо веками казавшихся естественными и обязательными для театра служебно-проходных бесед лакеев или оруженосцев, вводивших зрителей в сценическую ситуацию, мог наделить каждого персонажа своим точным словом, создающим определенный образ, необходимый в пьесе, как необходим в оркестре каждый инструмент. Лакей Фирс в «Вишневом саде», тот самый лакей, который в прежнем театре употреблялся на выходах с репликой «кушать подано», для которого и у Чехова-то роль на страничку, по своему значению в пьесе нисколько не уступает центральным персонажам, что особенно подчеркивается финалом, а его высказывания, кажущиеся на первый взгляд полубредом, едва ли не глубже и интереснее разглагольствований Гаева.

В «Трех сестрах» уже само название декларирует равнозначность трех центральных героинь пьесы. И в самом деле: и печальная судьба одинокой Ольги, вынужденной уйти из родного дома, и драматический роман замужней Маши, и несчастная

попытка устроить свою жизнь младшей Ирины с одинаковой убедительностью воплощают мучительную бесперспективность и бессмысленность существования в российском захолустье конца века.

Отсюда и отсутствие в последних пьесах Чехова искусственно построенного сюжета, основанного на едином центральном действии, связывающем всех персонажей и разрешаемом острыми конфликтами и эффектными сценами. Это не значит, что чеховские пьесы бессюжетны и лишены драматических эпизодов. Есть здесь и самоубийство в финале («Чайка»), и разорение родного гнезда («Вишневый сад»), и дуэль со смертельным исходом («Три сестры»), и попытка убийства («Дядя Ваня»), но события эти — чисто внешние. Чехов стремился уйти от театральности, и руководило им не желание написать «хорошую», то есть соответствующую определенным правилам пьесу, а представить в форме пьесы жизнь, где, как говорил он сам, «люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни...»[1]. И в «Чайке», например, жизнь Треплева разбивается значительно раньше, чем звучит финальный выстрел: сцена провала его пьесы и сцена с Ниной и убитой чайкой во втором действии — вот где происходит драма, драма человеческой души. Или ставший хрестоматийным генальный финал «Дяди Вани», когда после выстрелов, попытки самоубийства, горячих диалогов, оказывается, что жизненная катастрофа Войницкого выражается не в этих эффектных сценических действиях, а в неожиданных словах Астрова: «А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища — страшное дело!», в щелканье счетов, в хозяйственных записях: «2-го февраля — масла постного 20 фунтов...» В «Трех сестрах» читатель не видит дуэли, не слышит ее выстрелов и ничего не теряет в смысле понимания произведения: трагедия Тузенбаха раскрывается в кратком прощальном разговоре с Ириной, и его возглас «Ирина!», с последующей притворно будничной просьбой: «Я не пил сегодня кофе. Скажешь, чтобы мне сварили...» потрясает гораздо больше, чем какой-нибудь патетический предсмертный монолог.

Чехов умеет показывать внутренний мир человека, его психологию, сложные движения его души с помощью только речи персонажей и скудных ремарок. В его пьесах почти столько же сюжетов, сколько действующих лиц: каждый переживает свою драму, и никто никому не может помочь, так же как ни-

---

[1] А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения, т. 12, с. 316.

кто никого не может и погубить: они страдают не по вине друг друга, а оказываются одинаково беспомощными перед действительностью. Отдельные личные драмы внешне соединяются в сюжетные линии, совокупность которых составляет внешнее содержание пьесы. Все эти линии независимы и разобщены, как разобщены между собой жизни чеховских героев. Например, линия любви Маши и Вершинина в «Трех сестрах» никак не пересекается с трагическим треугольником Тузенбах — Ирина — Соленый, а судьба вишневого сада не влияет на отношения между Варей и Лопахиным. В каждой пьесе можно найти несколько независимых сюжетов, такая архитектура пьес помогала Чехову раскрыть драму духовной разобщенности тогдашней интеллигенции.

Тот же смысл имеют и любовные сюжеты чеховских пьес. Г. Бердников очень верно заметил, что «чеховское творчество не знает счастливой любви»[1], и это не столько характеризует субъективные особенности автора, сколько выражает понимание Чеховым духа времени. Любовь — тончайшее человеческое чувство — точно отреагировала на глухую пору распада связей и крушения идеалов. Не находят счастья в любви ни герои «Иванова», ни персонажи «Чайки»...

Если и не по содержанию, то по многочисленным толкам, возникшим по поводу «Чайки», эта пьеса, по-видимому, наиболее трудная для понимания. Известно, что у Антона Павловича существовали сложные отношения с Ликой Мизиновой, прерванные в связи с вспыхнувшим романом между Ликой и писателем Потапенко. Об этом эпизоде, внешне напоминающем отношения между персонажами «Чайки», существует обширная литература[2]. Однако вряд ли следует доказывать, что «Чайка» — это не история взаимоотношений Потапенко и Мизиновой. То, чем жил А. П. Чехов как человек своего времени и своего круга, то, в чем участвовал он и мыслью, и сердцем, и поступками, то, что он видел вокруг, становилось материалом для Чехова-художника.

В одном из писем Чехов кратко охарактеризовал содержание пьесы: «...много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви»[3]. Вглядевшись в эти «пять пудов», можно увидеть, что здесь любовь не только несчастлива, но и губительна. Тот, кто любит, должен погибнуть — такова цена этого груза.

---

[1] Г. Бердников. Чехов (ЖЗЛ). М., 1974, с. 343.
[2] Г. Бердников. Чехов, с. 273; Л. Гроссман. Роман Нины Заречной.— «Прометей», т. 2, 1967, с. 218 и др.
[3] А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 6, с. 85.

Треплев любит Нину и застреливается. Нина любит Тригорина и гибнет, оставленная им, не имеющая силы избавиться от своей любви, становясь безвестной провинциальной актрисой — жертвой антрепренеров и грубой публики. Существуют, правда, толкования пьесы, в которых Нина представлена победительницей. Но здесь надо просто вчитаться в текст финала, понять попытку Нины утвердить себя в разговоре с Треплевым, вдуматься в ремарки «трет себе лоб», «рыдает», в ее речь: «Завтра рано утром ехать в Елец в третьем классе... с мужиками, а в Ельце образованные купцы будут приставать с любезностями». Какая уж тут победа...

Погибла и жизнь Маши, влюбленной в Треплева, и Медведенко, влюбленного в Машу, и Шамраевой, влюбленной в Дорна. А вот Аркадина, ищущая не любви, а удобной жизни и провинциальных аплодисментов, даже для сына не находящая ни крупицы истинного чувства, ни рубля денег, наслаждается жизнью. Рядом с ней Тригорин, который, правда, очень верно рассуждает о литературе и долге писателя, но тем не менее живет со стареющей актрисой, соблазняет и бросает чистую девушку, даже не поинтересовавшись ее дальнейшей судьбой; и, что особенно странно для художника, он начисто забывает поэтический эпизод с убитой чайкой, обозначивший начало его романа с Ниной. Он продолжает свою удобную жизнь с Аркадиной, пишет и печатает новые повести, совершенно не интересуясь работой начинающего собрата по литературе («...мою даже не разрезал»,— говорит Треплев).

Итак, погибают все, в ком светится любовь, а не умеющие любить, бездушные и бесчувственные спокойно радуются удобствам сладкой жизни, играют в лото почти над трупами погибших.

Нет счастливой любви и в «Дяде Ване» — и это здесь один из главных признаков неудавшейся жизни персонажей пьесы, один из главных признаков неудавшейся жизни людей в этом уголке России или, вернее, в России вообще.

По иному несчастлива любовь в «Трех сестрах». Каждая из трех героинь пьесы заслуживает истинной любви, полного человеческого счастья. С какой готовностью самопожертвования мечтает о семье старшая, добрейшая Ольга: «Ведь замуж выходят не из любви, а только для того, чтобы исполнить свой долг... Кто бы ни посватал, все равно бы пошла, лишь бы порядочный человек». Лучшими качествами русской интеллигентной девушки, напоминающей и тургеневских героинь, и энтузиасток шестидесятых годов, наделил Чехов младшую Ирину. Томится в бездуховности провинциальной жизни тонкая чувствитель-

ван Мано («Меня волнует, оскорбляет грубость, я страдаю, когда вижу, что человек недостаточно тонок, недостаточно мягок, любезен»). Но кем же окружил Чехов этих трех прекрасных женщин? Есть ли в этом городе, в этом времени, в этой жизни хоть один мужчина, достойный их любви? Жалок и смешон рядом с Машей ее муж с его ничтожным мирком, не выходящим за пределы провинциальной гимназии, с директором в роли солнца, да и Вершинина-то она полюбила из жалости («Он казался мне сначала странным, потом я жалела его...»). Офицер провинциального гарнизона, каждому жалующийся на свою жизнь («У меня жена, двое девочек, притом жена дама нездоровая и так далее, и так далее, ну, а если бы начинать жизнь сначала, то я не женился бы...»),— разве это герой романа для такой женщины, как Маша?

Слишком беден выбор у Ирины: недалекий, но опасный пошляк Соленый, ничтожность которого подчеркивается его смешным подражанием Лермонтову, и барон Тузенбах, не только некрасивый внешне, но и не состоявшийся как личность, не понимающий жизни, не нашедший себе места в ней,— нельзя же всерьез представить его в роли управляющего кирпичным заводом — и сам ненужный для жизни. Не так уж цинично и бессмысленно звучит реплика Чебутыкина: «Барон хороший человек, но одним бароном больше, одним меньше — не все ли равно?»

В последней пьесе Чехова любовь по сути дела стала причиной гибели старого дворянского гнезда — вишневого сада. Недаром Раневская говорит, что она «ниже любви». Чехов даже не показывает нам тех, кто разорил последнюю хозяйку сада: какого-то ничтожного Раневского, о котором сообщается лишь то, что «он делал одни только долги», и «умер от шампанского», и любовника Раневской, обобравшего ее во Франции.

Интересно поразмышлять над другим любовным сюжетом «Вишневого сада» — над отношениями между Лопахиным и Варей. Покупатель сада как бы олицетворяет судьбу русского купечества: от крестьянского сына до крупнейшего богача, причем сохранившего человечность, ценящего культуру. Автор характеризует его как человека «мягкого», держащегося «вполне благопристойно, интеллигентно» [1]. Из таких выходили Третьяковы и Мамонтовы. Но почему же он так робок и нерешителен с Варей? Почему же он не мог объясниться с ней, создать семью? Не угадал ли провидец-художник бесплодность, пусто-

---

[1] А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения, т. 13, с. 493.

[illegible]стность, бесперспективность этих новых русских буржуа, считавших будто бы хозяевами жизни, унаследовавших «вишневые сады» дворянской культуры, не предсказал ли их близкий конец, наступивший через полтора десятилетия?

Разумеется, любовь не есть главная тема последних чеховских пьес. «Много разговоров о литературе» в «Чайке» — это участие Чехова в осмыслении путей дальнейшего развития искусства. Когда Треплев в первом действии осуждает современный ему театр и требует новых форм,— это мысли Чехова, но сам автор тут же подправляет их словами Дорна: «Вы должны знать, для чего пишете, иначе, если пойдете по этой живописной дороге без определенной цели, то вы заблудитесь и ваш талант погубит вас».

Когда Тригорин говорит: «...я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем...» — то можно не сомневаться, что с ним вместе говорит и Чехов. Но вряд ли одобряет автор тригоринское холодное ремесленничество, его равнодушие к собратьям по перу, логично соседствующее с жестоким равнодушием к девушке, которой он разбил жизнь. В судьбе Нины, как и в любовных сюжетах «Чайки», можно увидеть ту же драматическую закономерность: гибнут те, кто любит, в данном случае любит искусство, и готовы пожертвовать для него всем; торжествуют хладнокровные мастера-ремесленники.

Сам Антон Павлович считал, что из его текста все ясно: он рассчитывал на ум и воображение читателя. К. С. Станиславский вспоминал, что во время работы над ролью Войницкого в «Дяде Ване» он хотел нарядить своего героя в традиционный театральный костюм помещика: высокие сапоги, картуз. «Но Чехов возмутился,— пишет Станиславский.— «Послушайте,— горячился он,— ведь там же все сказано. Вы же не читали пьесы».

Мы заглянули в подлинник, но никаких указаний не нашли, если не считать нескольких слов о шелковом галстуке, который носил дядя Ваня.

«Вот, вот же! Все же написано»,— убеждал нас Чехов.

«Что написано? — недоумевали мы.— Шелковый галстук?»

«Конечно же, послушайте, у него же чудесный галстук, он же изящный культурный человек».

И далее Станиславский рассказывает, как из этого маленького разъяснения возникло глубокое понимание пьесы, в которой актеры увидели «драму современной русской жизни: бездарный, никому не нужный профессор блажействует; он не-

...ющую пользующейся дурной славой знаменитого учителя, а живых талантливых людей, дядю Ваню и Астрова, в это время губит свою жизнь в медвежьих углах обширной провинциальной России. И хочется привлечь к порицанию власти настоящих разбойников и тружеников, променявших в глуши, и подобных им на высокие посты вместо бездарных, хотя и знаменитых Серебряковых»[1].

О страшной жизни в городе «Трех сестер» говорит персонаж пьесы Андрей Прозоров: «Город наш существует уже двести лет, в нем сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других, ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного ученого, ни одного художника, ни сколько-нибудь заметного человека, который возбуждал бы зависть или страстное желание подражать ему... Только едят, пьют, спят, потом умирают...» А из таких городов состояла чеховская Россия конца века. И повторяющиеся здесь заклинания сестер: «В Москву! В Москву!» — звучат бессильной несбыточной мечтой о какой-то настоящей осмысленной жизни.

Последняя пьеса — «Вишневый сад», пожалуй, лучшая пьеса Чехова, показывает нам еще одну сторону таланта художника: чуткость к изменениям духа времени, порою неуловимым, незамечаемым простым глазом. Кажется, все здесь похоже на предыдущие пьесы: одинокие люди, тоска бесцельного существования, гибель сада, как символ гибели прекрасного прошлого, и социальная ситуация вполне в духе конца века: разоряющиеся дворяне, разбогатевший кулак. Однако 1903 год — это историческая веха в развитии страны. События, известные Чехову (забастовки, подъем студенческого движения), и, еще более всего, неизвестные (создание партии большевиков) изменили общественную атмосферу, и в пьесе вместо бессильной безысходной мечты появилась реальная надежда. Конечно, Петя Трофимов, один из тех, кто олицетворяет эту надежду, не тот герой-революционер, который появится позже — в пьесах Горького. Это типичный чеховский персонаж, выходец из девяностых годов, еще ничему толком не научившийся, в чем-то смешной, но Чехов уже понимает его значение: «Ведь Трофимов то и дело в ссылке, его то и дело выгоняют из университета, а как ты изобразишь сии штуки?»[2] И на премьере «Вишневого сада» громко и многозначительно прозвучали слова: «Вся Россия наш сад!..», «Прощай, старая жизнь! Здравст-

---

[1] К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М., 1980, с. 239.

[2] А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения, т. 13, с. 345.

куй, новая жизнь!» Это было 17 января 1904 года. Новое время — новые пьесы.

Чехов больше, чем кто-либо другой из русских писателей заслуживает звание «учителя жизни». Он не проповедовал, не призывал ни к опрощению, ни к молитве, ни к покаянию, и его произведения даже долгое время подвергались нападкам за безразличие к общественным проблемам, отсутствие идеалов и т. п., но именно в его творчестве читатель находит ответы на многие вопросы, которые ставит перед человеком жизнь. Четыре крупнейшие пьесы — далеко не все творчество Чехова, но и здесь сосредоточена значительная часть чеховской мудрости, преподанной чаще всего намеком, подтекстом, уроком, который надо уметь извлечь из судеб персонажей. Несчастливая любовь героев чеховских пьес, их бесплодные мечты о лучшей жизни, их неудачи помогают читателю понять, какая должна быть любовь, какая должна быть жизнь, каким должен быть человек. Стали широко известными слова Астрова из «Дяди Вани»: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Или его же афористически выраженная мысль: «Праздная жизнь не может быть чистой».

Чехова отличала от многих современников, да и не только современников, абсолютная убежденность в необходимости для человека серьезной жизненной цели, понимания своего назначения на земле. Поэтому и говорит Маша («Три сестры»): «Мне кажется, человек должен быть верующим или должен искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста... Жить и не знать, для чего журавли летят, для чего дети родятся, для чего звезды на небе... Или знать, для чего живешь, или же все пустяки, трын-трава». Поэтому и говорит Трофимов Лопахину («Вишневый сад»): «Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле, и я в первых рядах! Лопахин. Дойдешь? Трофимов. Дойду. *(Пауза.)* Дойду или укажу другим путь, как дойти».

Чехов резко отвергал возникший среди «малых дел» 80-х — 90-х годов лозунг «жить для жизни». «Это философия отчаяния,— писал он в письме к Суворину от 3 декабря 1892 г.— Кто искренне думает, что высшие и отдаленные цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях «вся наша беда», тому остается кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука» [1].

И в глухие годы русской жизни современники находили в чеховских пьесах эти высшие и отдаленные цели. А. В. Луна-

---

[1] А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 5, с. 138.

[illegible]ский рассказывал, как получил в те времена письмо некоего гимназиста, в котором говорилось: «Когда я смотрел «Трех сестер», я весь дрожал от злости. Ведь до чего довели людей, как запутали, как замудровали!.. Нет, Анатолий Васильевич, это пьеса поучительная и зовущая к борьбе. Когда я шел из театра домой, то кулаки мои сжимались до боли и в темноте мне мерещилось то чудовище, которому хотя бы ценою своей смерти надо нанести сокрушительный удар»[1].

Разумеется, не только новая форма, не только общественная значимость обеспечили чеховским пьесам почетное место в золотом фонде отечественной и мировой драматургии. В них люди новых поколений встречаются с близкими, волнующими проблемами, и чеховские персонажи вдруг становятся нашими современниками, помощниками, противниками. И поиски высшего смысла существования, и обманутые надежды, и верность долгу, и беззаветный порыв чувств, и многое-многое, без чего не обходится жизнь, легко найти на страницах чеховских пьес. Разумеется, все это присуще любому истинному произведению искусства, но Чехов поражает своей особенной прозорливостью. Вспомним Астрова («Дядя Ваня»): «Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи... когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я». Ведь это же раздумья о тех сложных отношениях человека с окружающей природой, которые возникли в конце XX века.

В своих заботах о будущем люди все глубже осознают знаменитую формулу Достоевского: «Мир спасет красота»; Чехов создавал эту красоту, по крупицам извлекая материал из окружающей действительности, глядя на мир взглядом не только проницательным и понимающим, но и доброжелательным, поистине гуманным взглядом врача и учителя. И сотворенная им красота, то вечно прекрасное, что содержится во всяком истинном произведении искусства, активно служит людям, помогая творить добро, о чем свидетельствует театральная история его великих пьес.

В 1896 году на сцене Александринского театра провалилась «Чайка», но в дальнейшем драматургия Чехова нашла достойных исполнителей — Художественный театр (творческая связь которого с писателем увековечена чайкой на эмблеме театра).

---

[1] В. Ермилов. А. П. Чехов. М., 1951, с. 457.

[illegible] русской интеллигенции начала XX века Художественный театр был одним из центров культуры, а его руководители — К. Станиславский и В. Немирович-Данченко — выросли на постановках пьес Чехова и Горького в величайших мастеров театрального искусства. В. И. Немирович-Данченко, отличавшийся обостренным чувством времени, в 1939 году, с началом второй мировой войны, начал репетиции «Трех сестер». Этот спектакль МХАТа пользовался огромным успехом во время Великой Отечественной войны и не сходил со сцены почти сорок лет.

В творчестве Чехова царит то доброе эстетическое начало, которое открыл Л. Толстой в «Войне и мире», основывающееся на глубоком, сочувственном понимании каждого человека, на отказе от деления героев на «добрых» и «злых», или, как стали говорить позже, на «положительных» и «отрицательных». Нравда, в пьесах можно найти персонажи, явно не любимые автором, как, например, лакей Яша из «Вишневого сада», или Наташа из «Трех сестер». Но главный пафос отношения его к своим героям, к изображаемым людям — это глубокое человеческое понимание.

И произошло одно из чудес искусства: в тех же персонажах, которые олицетворяют духовную беспритотность части русской интеллигенции 90-х годов, роковую ее оторванность от живого целенаправленного действия, читатель другой исторической эпохи увидел еще и прекрасные человеческие черты. Действующие лица пьес — и те, которым автор отдает предпочтение, и несколько более отдаленные от духовного мира художника,— никогда не олицетворяют зла. Чехов почти в каждом из них умеет находить человеческое и заставляет читателя подумать не только о том, как уныла была русская жизнь, но и о красоте жизни вообще, о красоте русской земли, о красоте человека.

Л. Толстой назвал Чехова «Пушкиным в прозе», и это определение в еще большей степени справедливо по отношению к чеховским пьесам. Их надо читать не как сюжетный роман, с нетерпением ожидая развязки, а как хорошие стихи, вчитываясь в каждую строчку, в каждую реплику, проникаясь настроением произведения. Текст чеховских пьес настолько поэтичен, что — один из редких случаев в истории музыки — Рахманинов написал романс на слова Сони («Дядя Ваня») («Мы отдохнем...»).

Красота, уже существовавшая в поэзии Пушкина, музыке Чайковского, прозе Тургенева и самого Чехова, появилась и на страницах его пьес. Поэзия нового театра содержится не

только в текстах — вспомните, где происходит действие в чеховских пьесах: на озере вечером, в момент восхода луны («Чайка»), в старом саде над рекой, к которой ведет еловая аллея («Три сестры»), в комнатах старинного помещичьего дома, в окна которого заглядывают ветви цветущих вишневых деревьев («Вишневый сад»).

9 марта 1919 года спектакль Художественного театра «Дядя Ваня» посетил В. И. Ленин. Присутствовавшая вместе с Лениным в театре Н. К. Крупская вспоминала потом: «Ему понравилось». Актер Н. А. Подгорный проводил после спектакля Ленина до машины и сумел поговорить с ним: «Сначала я даже немного скопфузился и растерялся от сознания, что Владимир Ильич пришел к нам в театр на «Дядю Ваню», на спектакль, который многие считали ненужным советскому зрителю. Но Ленин как-то по-особенному взглянул на меня, и напряженность сразу исчезла. Я подошел, поздоровался, назвал себя. Затем немного погодя спросил:

— Владимир Ильич, не скучно ли вам смотреть спектакль?

— Скучно? — ответил он.— Нет, что вы! Замечательный автор, замечательные слова, замечательные артисты» [1].

Читая и перечитывая эти «замечательные слова замечательного автора», не надо забывать о глубоком, подчас еще не раскрытом до конца, содержании чеховских пьес, которое вызывает самые противоречивые интерпретации их при театральном воплощении. Но не надо забывать и о том, что сам автор считал свои тексты понятными читателю. Вспомните, как говорил он, удивляясь и возмущаясь: «Послушайте! Вы же не читали пьесу. Там же все сказано».

В. Рынкевич

[1] А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения, т. 13, с. 403.

Иванов

крест
Анна П
Шабель
матер
Лебеде
упра
Зинаид
Саша, д
Львов
врач.
Бабакин
дочь
Косых
Боркин
Иван
Авдотья
сней.
Егорушк
1-й гос
2-й гос
3-й гос
4-й гос
Петр, л
Гаврила
Гости с

Действие

ПРИМЕЧАНИЯ

ИВАНОВ

Драма в четырех действиях

Пьеса «Иванов» написана в конце сентября и начале октября 1887 г.

Впервые пьеса была поставлена на провинциальной сцене, в Саратове, в середине ноября 1887 г. В Московском театре Корша первое представление состоялось 19 ноября того же года.

Первоначальная редакция 1887 г. во многом отличается от окончательного текста. Переработка пьесы имела несколько стадий.

В первой редакции четвертый акт состоял из двух картин, пьеса заключала в себе значительно больше бытовых подробностей, имелись отличия и в развитии событий. У Иванова по ходу пьесы отрицательное отношение к самому себе было выражено несколько слабее; после оскорбления, нанесенного ему Львовым, он не стрелялся, а умирал от потрясения, произнося слова: «За что, за что...»

Во второй редакции устранено деление четвертого акта на две картины. Одни явления были совсем изъяты, другие, с мелкими композиционными и стилистическими изменениями, переставлены.

Текст примечаний (с сокращениями) дан по изданию: А. П. Чехов. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 9. М., ГИХЛ, 1963.

Суворе по письмам А. С. Суворина Чехов заметил, что и Суворин и другие лица в театральных кругах понимают пьесу не так, как он сам представлял ее смысл.

Чехов принялся за новую переделку пьесы. 15 января 1889 г. он писал А. Н. Плещееву: «Всю неделю я возился над пьесой, строчил варианты, поправки, вставки, сделал новую сцену (для Савиной), изменил IV акт до неузнаваемости, отлифовал самого Иванова и так замучился, до такой степени возненавидел свою пьесу, что готов кончить словами Кина: «палками Иванова, палками!» В этом новом варианте вся пьеса, в том числе и ее IV акт, получила тот вид, какой она имеет в окончательной редакции.

По этому новому тексту пьеса была поставлена на сцене Александрийского театра 31 января 1889 г.

Первые театральные представления пьесы (ноябрь 1887 г.) вызвали большое оживление и споры. «Театралы говорят,— писал Чехов брату Александру Павловичу,— что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисменто-шиканья и никогда в другое время им не приходилось слышать столько споров, какие видели и слышали они на моей пьесе» (20 ноября).

М. П. Чехов вспоминал: «Успех спектакля был пестрый: одни шикали, другие, которых было большинство, шумно аплодировали и вызывали автора, но, в общем, «Иванова» не поняли, и еще долго потом газеты выясняли личность и характер главного героя» (М. П. Чехов. Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923, с. 40).

В газетных и журнальных рецензиях 1889 г. (на постановку пьесы в Александрийском театре и публикацию ее в «Северном вестнике») были даны преимущественно положительные отзывы. «Петербургская газета» (1889, № 31, 1 февраля) писала: «Это был успех полный и торжество истинно крупного таланта... Успех был колоссальный, такой успех, который редко случается на нашей драматической сцене...»

Сын писателя Н. С. Лескова записал в своем дневнике отзыв отца об «Иванове»: «Учительная пьеса. И все хорошо, и замысел, и типы, и язык — у всех свой, живой, и самое название, обобщающее, самое родовое... К сожалению, слишком много у нас «Ивановых», этих безвольных, слабых людей, роняющих всякое дело, за которое ни возьмутся. Умная пьеса! Большое драматургическое дарование» (А. Н. Лесков. Из записей и памяти. Сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников». М., 1947, с. 313).

ЧАЙКА

Комедия в четырех действиях

«Чайка» написана в 1895—1896 гг.

17 октября 1896 г. состоялось первое представление «Чайки» в Александринском театре в Петербурге. Пьеса успеха не имела. Главная причина неуспеха заключалась в неподготовленности режиссуры и актеров к пониманию и передаче новых принципов драматизма, введенных Чеховым. По словам режиссера Е. П. Карпова, было «трудно большинству артистов Александринского театра, привыкших за последние годы играть преимущественно репертуар Викт. Крылова и вообще легкую комедию, близкую фарсу, исполнять жизненную, тонкую, полную полутонов и настроений пьесу Ант. Пав. Чехова» (Е. П. Карпов. История первого представления «Чайки», с. 67).

После первого представления в театральной прессе появились отрицательные отзывы. В журнале «Театрал» говорилось: «Пресса набросилась на «Чайку» и ее автора с завидным усердием: дошли до того, что стали отрицать какой бы то ни было талант в г. Чехове... Злорадство некоторых критиков доходило прямо-таки до цинизма» (С. Т. «Петербургские письма». «Театрал», 1896, № 95).

Последующие спектакли в том же театре, шедшие с некоторыми поправками в режиссерском истолковании пьесы, уже имели успех. Коммиссаржевская после второго спектакля писала Чехову: «Сейчас вернулась из театра. Антон Павлович, голубчик, наша взяла! Успех полный, единодушный, какой должен был быть и не мог не быть! Как мне хочется сейчас Вас видеть, а еще больше хочется, чтобы Вы были здесь, слышали единодушный крик: «Автора!» Ваша, нет, наша «Чайка», потому что я срослась с ней душой навек, жива, страдает и верует так горячо, что многих уверовать заставит» (письмо от 21 октября).

Особенно большое впечатление на Чехова произвело письмо к нему А. Ф. Кони от 7 ноября 1896 г.: «Многоуважаемый Антон Павлович! Вас, быть может, удивит мое письмо, но я, несмотря на то, что утопаю в работе, не могу отказаться от желания написать Вам по поводу Вашей «Чайки», которую я наконец удосужился видеть. Я слышал (от Савиной), что отношение публики к этой пьесе Вас очень огорчило... позвольте же одному из публики,— быть может, профану в литературе и драматическом искусстве, но знакомому с жизнью по своей слу-

...ской практике,— сказать Вам, что он благодарит Вас за глубокое наслаждение, данное ему Вашей пьесою...» (А. П. Чехов. Полн. собр. соч. М., Гослитиздат, 1949, т. XVI, с. 542).

«Чайка» с успехом шла и в провинции (в Киеве, Астрахани, Таганроге и других городах).

Подлинным триумфом для «Чайки» была ее постановка в Художественно-общедоступном театре в Москве (Московский Художественный театр) в сезон 1898/1899 г.

О громадном успехе «Чайки» в постановке Московского Художественного театра и об исключительно важном значении этой постановки говорят приветственные телеграммы и письма Чехову, находившемуся тогда в Ялте, отзывы печати, мемуары и пр. После первого представления (17 декабря 1898 г.) Немирович-Данченко телеграфировал Чехову: «Только что сыграли «Чайку». Успех колоссальный. С первого акта пьеса так захватила, что потом следовал ряд триумфов. Вызовы бесконечные. Мое заявление после третьего акта, что автора в театре нет, публика потребовала послать тебе от нее телеграмму. Мы сумасшедшие от счастья» (Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., 1936, с. 196; там же см. его письмо-отчет о первом представлении).

Автор увидел «Чайку» в постановке Московского Художественного театра 1 мая 1889 г., в этот день для него специально давался спектакль.

ДЯДЯ ВАНЯ

Сцены из деревенской жизни в четырех действиях

Впервые «Дядя Ваня» был напечатан в сборнике Чехова «Пьесы» (СПб., 1897).

После выхода сборника «Пьесы» «Дядя Ваня» с успехом шел во многих провинциальных театрах (Одесса, Киев, Нижний Новгород, Саратов, Тифлис и др.). Успех пьесы для Чехова был неожиданным. «Мой «Дядя Ваня»,— писал он брату Михаилу Павловичу,— ходит по всей провинции, и всюду успех. Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Совсем я не рассчитывал на сию пьесу» (26 октября 1898 г.). Отзывы печати о пьесе были положительные. Отмечалась новизна и верность изображения «жизни без героев», «драмы будничной жизни» («Одесские новости», 1898, № 4389; «Кавказ», 1899, № 114; «Волжский вестник», 1898, № 94).

Первое представление «Дяди Вани» в Московском Художественном театре состоялось 26 октября 1899 г. Многочисленные

телеграммой сообщали Чехову об успехе. И. И. Горбунов, врач, давний друг Чехова, писал ему: «Мне кажется, что я был где-то в далеком живом мире. Отзвуки этого мира еще громко звучат в душе и мешают отдаться будничной работе. Теперь все кругом кажется таким неинтересным и скучным... Дело, мне кажется, в тех людях, в трагизме этих будней, которые возвращаются теперь на свое место, возвращаются навсегда и навсегда сковывают этих людей. И дело еще в том, что огнем таланта здесь освещена жизнь и душа самых простых, самых обыкновенных людей. Все улицы переполнены этими простыми людьми, и частицу такого существования носит в себе каждый...» (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. Записки отдела рукописей, вып. 8. М., 1941, с. 40).

По признанию самих участников спектакля, сценический успех «Дяди Вани» пришел не сразу. «После «Дяди Вани»,— говорит Вл. И. Немирович-Данченко,— как всегда после премьеры, поехали в ресторан ожидать утренних газет, и действительно настроение было не то чтобы уж очень хорошее... Почти со всеми чеховскими пьесами было так: огромный успех сразу только у самого тонкого слоя публики, у людей чутких и видящих дальше и глубже... Но большая публика ни «Дядю Ваню», ни «Трех сестер», ни «Вишневого сада» не принимала сразу. Каждая из этих пьес завоевывала свой настоящий успех только со второго сезона, а в дальнейшем держалась до конца» (Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., 1938, с. 166—167). О том же писал и К. С. Станиславский: «Трудно теперь поверить, что после премьеры «Дяди Вани» мы собрались тесной компанией в ресторане и лили там слезы, так как спектакль, по мнению всех, провалился. Однако время сделало свое дело: спектакль был признан, продержался более двадцати лет в репертуаре и стал известен в России, Европе и Америке» (К. С. Станиславский. Собр. соч. М., «Искусство», 1954, т. I, с. 230).

В газетных отзывах пьеса признавалась «выдающимся явлением в нашей театральной жизни» («Новости дня», 1898, № 5898, 25 октября), правдивой картиной «серепьких будней» (там же, № 5899, 26 октября). Отмечалась общественная актуальность пьесы: «Современный человек болен, нравственно болен оттого, что ему хочется жить, а жить нечем» («Северный курьер», 1900, № 65, 7 января). В пьесах Чехова находили драму «настроения» в отличие от драмы «действия»: «Здесь единство действия заменено единством настроения» («Русские ведомости», 1899, № 298, 29 октября; о том же «Новости», 1899, № 306; «Жизнь», 1901, апрель и др.).

об общественной злободневности пьесы писал Чехову В. М. Соболевский 28 марта 1900 г.: «Не далее как на последних двух неделях беседы на собраниях самоучащейся молодежи у В. А. [Гольцева] были посвящены специально «Дяде Ване» и «Чайке». Эти две вещи продолжают господствовать в репертуаре не только театра, но и вообще умственного обихода интеллигенции. На них упражняются, учатся думать, разбираться в жизни, искать выхода и т. д. Вот что значит затронуть самую суть и самые наболевшие струны» (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. Записки отдела рукописей, вып. 8, с. 61).

ТРИ СЕСТРЫ

Драма в четырех действиях

Пьеса написана в 1900 г. Впервые о ее замысле Чехов сообщил 8 февраля 1899 г. Вл. И. Немировичу-Данченко: «...для Художественного театра я напишу... пьесу».

После успеха «Чайки» и «Дядя Вани», которые указали молодому Художественному театру новые пути в искусстве, актеры и режиссеры были крайне заинтересованы в новой чеховской пьесе. «Наша судьба с тех пор находилась в руках Антона Павловича: будет пьеса — будет и сезон, не будет пьесы — театр потеряет свой аромат»,— так характеризовал положение Станиславский (К. С. Станиславский. Собр. соч., т. I, с. 234). Театр торопил Чехова, стремясь получить пьесу к сезону 1900/1901 г.

К осуществлению своего замысла Чехов приступает летом 1900 г., после весенних гастролей Художественного театра в Крыму. Побывав в театре на спектаклях и репетициях, Чехов смог, как он говорил, «зарядиться, приобрести опыт и засесть за новую пьесу». 18 августа он пишет О. Л. Книппер: «Пьеса сидит в голове, уже вылилась, выровнялась и просится на бумагу».

В сентябре и начале октября Чехов жалуется, что работа над пьесой идет трудно, мешают многочисленные посетители и состояние здоровья. «Трех сестер» писать очень трудно, труднее, чем прежние пьесы. Ну да ничего, авось выйдет что-нибудь»,— пишет он М. П. Чеховой 9 сентября.

16 октября Антон Павлович сообщает А. М. Горькому об окончании работы: «Можете себе представить, написал пьесу... Ужасно трудно было писать «Трех сестер». Ведь три героини, каждая должна быть на свой образец, и все три — генеральские

Действие происходит в провинциальном городе, вроде Перми, среда — военные, артиллерия».

25 октября Чехов приехал из Ялты в Москву, и 29 октября 1901 г. пьеса была прочитана труппе Художественного театра. Это была первоначальная, ялтинская редакция пьесы, дошедшая до нас в виде машинописной копии, хранящейся в архиве музея Московского Художественного театра.

Чехов не считал пьесу законченной, что видно по его многочисленным высказываниям в письмах о нежелании давать ее театру к ближайшему сезону. Писатель взялся за переработку пьесы, или, как он говорил, за «переписывание начисто».

31 января 1901 г. состоялась премьера.

Пьеса вызвала множество отрицательных отзывов («Курьер», 1901, № 32, 34, 35; «Новости дня», 1901, № 6361; «Русское слово», 1901. № 31; «Мир искусства», 1901, № 2—3 и др.).

Но зрители восприняли пьесу иначе. Если на премьере, по словам К. С. Станиславского, успех был «неопределенный», то через несколько спектаклей «Три сестры» стали одной из любимейших и наиболее посещаемых пьес. Уже 5 февраля Книппер сообщала Чехову: «По всей Москве только и разговору, что «Три сестры». Одним словом, успех Чехова и успех нашего театра».

В марте 1901 г. театр выехал на гастроли в Петербург. В конце марта М. Горький писал оттуда Чехову: «Три сестры» идут — изумительно! Лучше «Дяди Вани». Музыка, не игра».

В журнале «Театр и искусство» (1901, № 8) критик П. М. Ярцев так оценивал пьесу: «...большой художник слова растворился в работе равных ему сил. Получилось произведение искусства из тех, ради которых прекрасна жизнь... Драма построена не на движении внешних событий, а на тонких движениях жизни, будничной мысли и будничного страдания. Драма сыграна в очаровательных иллюзиях этих движений...».

На сцене Чехов впервые увидел пьесу в сентябре 1901 г. Он принял участие в репетициях, о чем 24 сентября писал Л. В. Средину в Ялту: «Три сестры» идут великолепно, с блеском, идут гораздо лучше, чем написана пьеса. Я прорежиссировал слегка, сделал кое-кому авторское внушение, и пьеса, как говорят, теперь идет лучше, чем в прошлый сезон».

«Три сестры» были впервые напечатаны во втором номере журнала «Русская мысль» за 1901 г., вскоре после премьеры.

ВИШНЕВЫЙ САД

Комедия в четырех действиях

Пьеса написана в 1903 г. По рассказу К. С. Станиславского замысел «Вишневого сада» возник у Чехова уже в период репетиции «Трех сестер», в 1901 г. (альманах «Шиповник», кн. 23, 1914).

13 сентября 1903 г. об окончании «Вишневого сада» Чехов писал одному из своих знакомых, М. А. Членову: «Пьесу я почти кончил, надо бы переписывать, мешает недуг, а диктовать не могу». Переписка рукописи шла медленно, многое подвергалось переделке. «Некоторые места мне очень не нравятся, я пишу их снова и опять переписываю» (Книппер от 3 октября; см. письма ей же от 7, 9, 12 октября). В письме к Станиславскому от 10 октября Чехов сообщал: «Пьесу я переписываю начисто во второй раз, оттого и запаздываю. Пришлю ее через три дня».

Чехов не считал работу над комедией законченной: «Если пьеса теперь не сгодится,— писал он Книппер 17 октября,— то не падай духом... не унывай, через месяц я ее так переделаю, что не узнаешь. Ведь я ее писал томительно долго, с большими антрактами...» О своей готовности произвести в пьесе новые исправления Чехов писал жене и 23 октября 1903 г.

В декабре Чехов регулярно присутствовал на репетициях пьесы в Московском Художественном театре. Очевидно, в период репетиций и первых спектаклей текст подвергался неоторой правке.

17 января 1904 г. в Московском Художественном театре состоялась премьера. Первые спектакли писателя не удовлетворяли. На другой день после премьеры он писал И. Л. Щеглову: «Вчера шла моя пьеса, настроение у меня поэтому невеселое» (18 января 1904 г.). Игра актеров представлялась ему «растерянной и неяркой» (Ф. Д. Батюшкову, 19 января 1904 г.). В письмах к Книппер Чехов выражал недовольство общей трактовкой пьесы: «Почему на афишах и в газетных объявлениях моя пьеса так упорно называется драмой? Немирович и Алексеев [Станиславский] в моей пьесе видят положительно не то, что я написал, и я готов дать какое угодно слово, что они ни разу не прочли внимательно моей пьесы» (10 апреля 1904 г.).

Недовольство Чехова Московским Художественным театром, очевидно, было вызвано тем, что на сцене происходило нарушение необходимых пропорций. Писатель видел в «Вишне-

вом саде» и грустное, и смешное в определенном их сочетании. Взять во всем нужную меру и не удавалось театру.

Станиславский вспоминал о том, как спектакль «Вишневый сад» «налаживался трудно» (К. С. Станиславский. Собр. соч., т. I, с. 270). Немирович-Данченко тоже отмечал, что пьеса дошла до зрителя не сразу (Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., 1938, с. 167, 202).

В. Скотт

РОБ РОЙ

РОМАН

Перевод с английского
Н. Д. Вольпин

Ленинград
«Художественная литература»
Ленинградское
отделение
1980

ИСТОРИЯ, ОДЕТАЯ В РОМАН...

Осенью 1814 года английские книгопродавцы, довольные, подсчитывали барыши: успех последней новинки — анонимного романа «Уэверли, или Шестьдесят лет назад» — превзошел все ожидания. В Эдинбурге и Лондоне пытались разоблачить таинственного инкогнито, над «волшебным вымыслом» которого обливались слезами десятки тысяч читателей; критики заключали пари, споря, кто же автор; дополнительные тиражи романа следовали один за другим, а по ту сторону океана, в США, именем его главного героя называли города и поселки. Восторг был единодушным. Даже такой строгий ценитель литературы, как Байрон, и тот восклицал: «„Уэверли“ — это самый замечательный, самый интересный роман, какой мне только приходилось читать...»

А тем временем создатель «Уэверли» не без удовольствия взирал на устроенный им переполох в литературном мире и даже подливал масла в огонь, публично высказывая свои предположения по поводу тайны авторства. «Все достославные эдинбуржцы сейчас только тем и заняты, что ищут автора „Уэверли“», — с гордостью сообщал он одному из своих друзей вскоре после выхода романа. Но, увы, торжество мистификатора было недолгим: новые романы, подписанные «автор „Уэверли“», рассеяли все сомнения и превратили его инкогнито в секрет Полишинеля. По характерному стилю, по кругу тем, по выбору героев в анониме узнали Вальтера Скотта.

Имя Вальтера Скотта (1771—1831) и раньше было хорошо знакомо британским любителям литературы. Выходец из древнего шотландского рода, уважаемый эдинбургский стряпчий, он успел завоевать широкую известность и как переводчик немецких романтиков, и как собиратель народных баллад, и как поэт, автор блистательных стилизаций, написанных, по его словам, «в подражание древним песням, которые некогда распевались менестрелями под звуки арф». И хотя поэт Вальтер Скотт был признан и популярен не только у себя на родине (в России, например, его знали по прекрасным переводам В. А. Жуковского), ничто не могло

[illegible] с той всемирной славой, которая ждала Вальтера Скотта, автора [illegible] шести больших романов, творца грандиозного художественного мира, населенного, как подсчитал один терпеливый исследователь, «2330-ю персонажами, включая 37 лошадей и 33 собаки». Поистине, 20—30-е годы прошлого века могут быть названы эпохой Вальтера Скотта, ибо никого так не почитали (и не читали) тогда, как «шотландского чародея». Сотни английских, французских, немецких, итальянских, русских писателей пробовали подражать своему кумиру, его равняли с Гомером и Шекспиром, имена его героев становились нарицательными, замок в Эбботсфорде превратился в место паломничества, вальтер-скоттовские плащи и шляпы не выходили из моды, и многие, наверное, мечтали, как Карамзин, поставить «в саде своем благодарный памятник Вальтеру Скотту за удовольствие, вкушенное в чтении его романов»[1].

Существует легенда, пущенная в ход самим Вальтером Скоттом, будто бы он начал писать романы лишь потому, что не хотел состязаться с Байроном за пальму первенства в поэзии. Возможно, так оно и было на самом деле, но кроме того существовали, конечно, и другие, более глубокие и серьезные причины обращения Вальтера Скотта в прозаика. Свидетель глубочайших социальных и экономических потрясений, современник Великой французской революции и наполеоновских войн, на глазах у которого гибли милые его сердцу патриархальные традиции, рушились троны и перекраивалась карта Европы, Вальтер Скотт, как и многие европейские художники его поколения, был буквально одержим чувством истории. Череда молниеносных исторических сдвигов сформировала его, и он — типичнейший романтик по своему мироощущению — отверг абстрактные, вневременные представления о человеке, свойственные просветительскому мышлению XVIII века, и осознал, что человек всегда конкретен, всегда принадлежит своей эпохе и существует в исторической реальности.

В своих романтических поэмах и стихотворениях он использовал фольклорные сюжеты и образы, чтобы средствами искусства восстановить память об утраченном или забытом национальном прошлом. Он писал о рыцарях и волшебниках, о похищенных красавицах и отважных разбойниках, и далекое средневековье превращалось под его пером в полусказочную, героическую эпоху, в объект для любования и ностальгического вчувствования. Но в поэзии Вальтера Скотта, как заметил М. М. Бахтин, само время «имело еще характер *замкнутого прошлого*». Увиденное сквозь искажающую дымку чувства утраты, поданное как *воспоминание* о «потерянном рае», прошедшее отделялось от настоящего, его связи с грядущим обрывались — оно существовало само по себе, изолированно, вне единой «реки времян».

Если проследить за творческой эволюцией Вальтера Скотта до 1814 года, то мы увидим, как все теснее становится его художественно-

---

[1] Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 137.

историческому мышлению в пределах, заданных бытующими поэтическими жанрами, как он стремится преодолеть свойственную романтической поэзии ограниченность историзма и осмыслить суть былого в его живой связи с настоящим и грядущим. Но прорыв к разомкнутому, полному времени, отказ от идеализирующей субъективности при взгляде на историю не могли осуществиться без глубинной перестройки, и поэтому обращение писателя к роману было вполне закономерным.

Впрочем, и современные виды романа не вполне удовлетворяли Вальтера Скотта, мыслившего историю как многомерное, противоречивое единство. Уже в первой главе «Уэверли» он, разрушая все стереотипные жанровые ожидания, настойчиво предупреждает читателей, «что в последующих страницах они не найдут ни рыцарского романа, ни хроники современных нравов», ни других, знакомых им типов повествования. И действительно, вальтер-скоттовский роман был романом нового типа, *романом историческим*, и современников он поражал именно своей новизной, своей непохожестью на все, что они знали прежде. «До сих пор мы находили роман в истории,— писал А. Бестужев-Марлинский.— Вальтер Скотт ухитрился одеть историю в роман».

Строго говоря, исторические романы существовали и до Вальтера Скотта, но только ему удалось избежать «этнографичности» в изображении прошлого, удалось войти с ним в прямой контакт, или, говоря словами А. С. Пушкина, преподнести прошедшее время «домашним образом». Широко пользуясь сюжетными ходами и повествовательными приемами, заимствованными как у готического романа с его замками, похищениями и роковыми тайнами, так и у семейно-биографического романа типа «Тома Джонса» Филдинга, он заставил их работать на совершенно иные задачи. Авантюра, загадка, любовная интрига перестали быть самоцельными — вплетенные в широкий исторический фон, они начали играть роль переходных мостиков между вымыслом и документом, между вымышленным героем и героем историческим и превратились в средство для воссоздания духа эпохи, а не только ее нравов и обычаев. Так возникли особые персонажи, темы, конфликты, как бы отмеченные личным вальтер-скоттовским клеймом, так возникла — и на время вытеснила все прочие — особая модель романа, точно определяемая пушкинской формулой: «историческая эпоха, развитая в вымышленном повествовании».

Где бы ни происходило действие романов Вальтера Скотта — в средневековой ли Англии, как в «Айвенго», или во Франции XV века, как в «Квентине Дорварде», или в Византии, как в «Графе Роберте Парижском»,— оно всегда переносит нас в переходную, чреватую изменениями эпоху, в гущу решающей схватки двух культур, двух идеологий, двух укладов. В истории каждой страны писателя интересуют переломные моменты, когда конфликт между старым, традиционным, уходящим, с одной стороны, и новым, предвещающим будущее — с другой, достигает крайней степени остроты. В его романах — сначала многословных и неспешных, а затем стремительных и сжатых до конспективного изложения событий — речь, как правило, идет о гражданских войнах и мятежах, о религиозных распрях и дворцовых переворотах, причем ни-

сшель всегда строит картину расколотого надвое мира с подчеркнутой объективностью. Исторические личности, обязательно входящие в число вальтер-скоттовских героев, обычно распределяются попарно, как антагонисты, жестко прикрепленные к одному из враждующих лагерей. Непроницаемая граница делит пространство романа на два отсека, и герой становится олицетворением своей социальной или идеологической группы; в нем высвечивается типическое, характерное для данной исторической ситуации; он воплощает приметы эпохи и культуры, к которым принадлежит.

В структуре вальтер-скоттовского романа большое значение приобретает комментирующее и объясняющее авторское слово, которое то и дело вторгается в повествование, останавливая развитие действия всевозможными историческими, этнографическими или культурологическими пояснениями. Стараясь сохранить полную беспристрастность и увидеть прошлое «двойным зрением», автор не дает забыть о дистанции между читателем и изображаемым временем. Его позиция — это позиция объективного наблюдателя, который видит историческую правоту одних, обреченность других, но не навязывает читателю своего предпочтения. Мир представляется ему в виде множества контрастирующих пар: прошлое противопоставляется будущему, протестанты — католикам, роялисты — республиканцам, благородство — злодейству, проза — поэзии и т. д. Каждый исторический герой Вальтера Скотта находит себе соперника, а каждая идея — антитезу, но диалог между ними затруднен, поскольку они разведены по разные стороны исторического барьера,— в поле зрения автора они возникают как неподвижные и непрозрачные друг для друга данности, как контрастные, но статичные части единого полотна.

Таким образом, само по себе историческое событие, взятое в его целостности, еще не имеет для Вальтера Скотта того сюжетного потенциала, который необходим, чтобы привести в движение массу расставленных, разведенных по своим местам персонажей. Поэтому-то писатель и вводит в повествование так называемого «сквозного героя», или героя-посредника, который становится главным двигателем сюжета. Подобный герой (Уэверли, Айвенго, Квентин Дорвард и пр.) обычно молод, активен и, что самое главное, почти не связан ни с одной из противоборствующих сил основного исторического конфликта. В схватку партий или классов он всегда попадает наивным простаком, попадает по воле случая, сталкивающего его частную жизнь с историей. «Сквозной герой» становится в романе тем центром, где пересекаются историческое время и время личностное, биографическое. В отличие от всех остальных персонажей романа, он не закреплен за отдельным «отсеком», но обладает большой подвижностью и свободно перемещается между враждующими лагерями, отмыкая запертые для других двери и проходя сквозь все сословные или идеологические перегородки. Он смотрит на исторические события как бы извне, со стороны и оценивает участников конфликта непредвзято, без того, что Пушкин назвал «холопским пристрастием к королям и героям». В этом смысле герой-посредник замещает в повествовании самого автора, да и его оценочная позиция, как правило, близка не к изображаемой эпохе, а к авторской точке зрения — он честен, добропорядочен и бла-

горазумен; он осуждает любые проявления фанатизма и нетерпимости; он воплощает не определенную группу, а идеальные нравственные нормы.

Вовлеченный в круговерть истории, «сквозной герой» редко остается в итоге тем же наивным простаком, каким он в нее попал: Общаясь с историческими личностями, вступая в человеческий контакт с непримиримыми противниками, подвергаясь испытаниям и искушениям, он постигает прежде закрытый для него смысл эпохи и приходит к «алтарю и свадьбе» — этому непременному финалу вальтер-скоттовского романа — с полным осознанием того, что человек должен признать над собой правоту разумного человеческого сообщества. Он движется от романтического к реальному, от крайнего к умеренному, и его эволюция полностью соответствует идеалу Вальтера Скотта, который всегда пытался отыскать компромиссное решение любого исторического конфликта.

Умеренный консерватор по своим политическим убеждениям, Вальтер Скотт ищет подтверждение своей исторической концепции прежде всего в истории Великобритании. Обозревая прошлое, он хочет видеть в нем движение к социальной гармонии — к тому, что обычно называют «средним путем» между враждующими противоположностями. Так, его внимание привлекает столкновение норманнов и саксов, потому что его следствием было рождение английской нации, а не торжество одной из сторон. Так, он обращается к войне Алой и Белой Розы, ибо она в конечном итоге привела к блистательной и мирной елизаветинской эпохе. В исторических катаклизмах он ищет прецеденты, чтобы понять настоящее и предсказать будущее, чтобы преподать урок терпимости и благоразумия. Любую конфликтную ситуацию он рассматривает с позиций нормативной нравственности и заведомо отвергает возможность радикальных решений. Постепенное снятие противоположностей, постепенное примирение на основах разумного согласия — вот, по мысли Вальтера Скотта, наиболее желательный путь исторического развития.

Именно с этой точки зрения Вальтер Скотт подходил и к самой острой и болезненной для него проблеме — проблеме взаимоотношений Шотландии с Англией. Без сомнения, он любил свою родину и восхищался ею; он исходил Шотландию вдоль и поперек, собирая свидетельства о ее героическом прошлом; как никто другой, он знал и ценил шотландскую историю, без которой не мыслил своего существования. Но, отстаивая право родины страны на культурную самобытность и независимость, Вальтер Скотт тем не менее был противником отделения Шотландии от Англии. Он считал, что союз двух народов исторически неизбежен и что он не только может, но и должен стать образцовым примером «среднего пути». Свои взгляды на шотландскую историю Вальтер Скотт развил в целом цикле романов, лучшим из которых по праву считается «Роб Рой» (1817) — шестой по счету роман автора «Уэверли».

Еще в 1812 году Вальтер Скотт писал в одном из писем: «У меня хранится ружье Роб Роя... с его инициалами Р. М. К., то есть Роберт Мак-

Грегор Кэмбел, как он называл себя в знак признательности к семейству Аргайлов, которое частным образом оказывало ему немалую поддержку, но он был бельмом на глазу у их старых врагов из рода Монтрозов. Кроме того, я обладатель и другой реликвии более героического характера: это шпага, врученная Карлом I великому герцогу Монтрозу... Думаю, можно было бы сочинить весьма эффектный диалог между этой шпагой и ружьем Роб Роя».

Весьма эффектного диалога между ружьем и шпагой Вальтер Скотт так никогда и не сочинил. Но вполне вероятно, что эта мимоходом брошенная фраза стала тем зерном, из которого впоследствии возник замысел исторического романа, где действуют и даже ведут друг с другом диалог и герцог Монтроз — потомок блестящего сподвижника Карла I, т. сам Роб Рой — легендарный «шотландский Робин Гуд», одна из наиболее ярких личностей в истории шотландских горных кланов.

В начале XIX века, когда Вальтер Скотт задумывал и писал своего «Роб Роя», экзотический, суровый мир шотландских горцев навсегда ушел в прошлое. Существовавший в горной Шотландии клановый, родовой уклад был окончательно уничтожен после присоединения Шотландии к Соединенному Королевству (1707) и развития промышленной революции во всей стране. В экономическом и социальном отношении кланы, многие столетия хранившие патриархальную средневековую культуру, были бессильны перед натиском капитализма и единой государственности; с точки зрения текущей политики, они защищали проигранное дело, восставая против англичан и требуя реставрации династии Стюартов, обещавших шотландцам восстановить их попранные права. Обманутые феодалами горцы вставали под знамена якобитских претендентов на престол и храбро бились в рядах мятежников, веря, что бьются за свою свободу. Их героическая борьба за независимость была для Вальтера Скотта преисполнена высокой поэзии и благородства, но, горячо сочувствуя им, он отчетливо видел все их слабости, всю историческую неизбежность их гибели. И шотландский горец Роберт Мак-Грегор Кэмбел (1671—1734), мирный скотовод и торговец, ставший жертвой несправедливых преследований и превратившийся в «красного Роберта» — защитника бедных, врага богатых, борца против английского владычества, оказался для писателя идеальным историческим героем, эмблемой своей эпохи и своего народа.

Внимательно изучавший прошлое Шотландии, Вальтер Скотт, конечно же, прекрасно знал сотни легенд и преданий, воспевавших благородного разбойника Роб Роя, вождя клана Мак-Грегоров. Знал он и о том, что в действительности «красный Роберт» — отважный воин и хитроумный политик — не отличался ни особой моральной чистоплотностью, ни твердостью принципов, приписывавшихся ему легендой. Однако освященный традицией миф, который сложился в Шотландии вокруг имени Роб Роя, был слишком благодатным материалом для исторического романа, и Вальтер Скотт использовал его как основу для воссоздания бурной переломной эпохи в истории Шотландии.

Действие «Роб Роя» происходит в 1715 году, всего лишь через восемь лет после унии Шотландии и Англии, соединившей обе страны в одно

королевство. И в политическом, и в культурном, и в социальном плане ситуация никак не может быть названа стабильной: только что произошла смена династий, но у потерявших трон Стюартов еще много сторонников, особенно среди католиков на севере Англии и в Шотландии; феодалы ропщут, а разоренные горцы бунтуют; королю Георгу I грозят смуты и мятежи; национальные распри раздирают государство, в стране соединяют несовместимые уклады и классы, встретившиеся на этом перекрестке истории для последней схватки. Разнородные культуры, способы мышления, системы ценностей пока еще не слились в некое национальное сверхединство — они изолированы и часто ничего не знают друг о друге. Как писал Вальтер Скотт во вступлении к «Роб Рою»[1], английские писатели-классицисты «Аддисон и Поп, по всей вероятности, сильно удивились бы, узнав, что на одном острове с ними живет личность, подобная Роб Рою,— столь странного нрава и занятий. Эта резкая противоположность между утонченной, цивилизованной жизнью по одну сторону границы Горной Страны и беззаконными, дикими похождениями, какие спокойно замышлял и совершал человек, проживавший по другую сторону этого воображаемого рубежа, создавала живой интерес вокруг его имени».

Таким образом, исторический фон «Роб Роя», как и всегда у Вальтера Скотта, строится по принципу контраста и четко организуется при помощи ряда «воображаемых рубежей». Писатель всегда «рад отметить разность» между Англией и Шотландией, между городом и Горной Страной, между скромным жилищем купца и громадным замком феодала, между законопослушным сторонником ганноверской династии и заговорщиком-якобитом, между буржуа и горцем-скотоводом — одним словом, между цивилизацией и патриархальной «дикостью». Однако на сей раз «двойное» зрение автора не вполне уравновешено между противоположностями, ибо преимущественное внимание он все же уделяет непокорным, вольнолюбивым горцам, жизнь и характеры которых описаны в романе с особой, любовной тщательностью.

Для Вальтера Скотта было особенно важно нанести удар по национальным предрассудкам англичан, часто относившихся к своим северным соседям «как к народу кровожадному на войне, коварному во время перемирия, корыстному, себялюбивому, скупому, лукавому в житейских делах и обладающему очень немногими достоинствами». Этому ложному стереотипу в «Роб Рое», как и в других шотландских романах Вальтера Скотта, полемически противопоставлены несколько персонажей, воплощающих истинный национальный характер в его разных ипостасях — героической (Роб Рой и его жена Елена Мак-Грегор), умеренной (Никол Джарви) и комически-травестийной (Эндрю Ферсервис). По мысли Вальтера Скотта, нация порождает не один, а множество типов, каждый из которых, правда, исторически и социально обусловлен, но обусловлен лишь до известного предела, так как одни и те же страсти «свойственны людям на всех ступенях общества и одинаково волнуют человеческое сердце, бьется ли оно под

---

[1] В настоящем издании это вступление опущено.

...ческий читатель двенадцатого века, под парчовым кафтаном носящий ...ный под ним кольчугой, в белом манускрипте, вышедшем ... ...ле. На Роб Роя как литературного героя и своего века, с точки зре... ...ого читателя начала XIX века, может в некоторых отношениях ... ...ерно в плохом и необузданном лекаре, но как реальный живой ... ...ый тип он вызывает сочувствие и даже восхищение, поскольку обладает ...множеством положительных качеств ума и характера. Храбр и ...ческ, великодушен и добр.

Трагедия Роб Роя — это объективная трагедия его народа, его культуры. В напряженном, клишированном романе Вальтер Скотт обнаруживает вполне осознанный талант, который, безусловно, вошел и прочно лег со временем в сокровищницу романтических принципов. Красивая речь горцев, врожденная изысканность их вкуса, строгая регламентированность нравов, их понятия о долге и чести, их глубочайшее чувство родства и родины — обо всем этом Скотт вспоминает с нежностью и грустью, но из перспективы времен он видит также и их беспомощность перед неумолимым натиском истории. Для него Роб Рой и его жена-вождельница оправданы, когда, оскорбленные и поруганные, они начинают мстить своим притеснителям — шотландским аристократам, английским чиновникам и карателям, когда, гонимые, они с оружием в руках восстают против гонителей. Но столь же оправданы в романе — оправданы неизбежностью истории — и те, кто стремится уничтожить Роб Роя, ибо в своей слепой преданности древней традиции он и ему подобные, сами того не зная, мешают будущему.

Единственное же, что в мире Вальтера Скотта не подлежит никакому оправданию, это преступления против человечности, это грубое насилие, во имя каких бы благородных идеалов его ни творили. Ненависть губительна, ибо она растлевает душу и порождает еще большую ненависть; насилие не восстанавливает попранную справедливость, а порождает еще большее насилие. Конечно, войны, битвы, поединки неизбежны, но — считает Вальтер Скотт — они должны быть чем-то вроде шахматной игры по установленным правилам, правилам цивилизованного, благоразумного поведения, не допускающим никаких крайностей по отношению к врагу. Норма во всем — вот кредо Вальтера Скотта, и любое нарушение нормы для него преступно. В этом смысле крайне характерен эпизод в «Роб Рое», где описана казнь отвратительного предателя Морриса, названная «кровавым, жестоким убийством», при виде которого «сердце сжимается от жалости и леденеет от ужаса». Даже расправа с негодяем вызывает у писателя неодобрение, потому что она неразумна и беззаконна, потому что палачи в приступе ослепляющего гнева осмелились преступить норму.

Воинствующему фанатизму горцев, который в конечном счете лишь приближает их собственную гибель, Вальтер Скотт противопоставляет трезвую рассудочность Никола Джарви — еще одного героя, воплощающего национальный характер. Этот мирный и благонамеренный горожанин, блюститель закона и порядка, в критический момент оказывается чуть ли не двойником Роб Роя — такое чувство собственного достоинства выказывает он в минуту опасности. Поставленный перед выбором — закон или долг

[illegible]

зовавшийся, уцелевший от погони Роб Рой, который предпочел ремесло купца воинской доблести героя и оказался поэтому более жизнестойким, чем его горделивые родичи. Сохранив в себе многие достоинства своего народа, он порвал с окостеневшей традицией и начал исповедовать моральный кодекс «достойного, честного человека, который сидит дома у огня и следит за своим кошельком», вписавшись в общественную структуру, он нашел для себя тот «средний путь», который заказан и Роб Рою, и Елене Мак-Грегор, и их детям.

Конечно, не следует считать, что Никол Джарви целиком соответствует вальтер-скоттовскому идеалу, для этого он чересчур прозаичен, чересчур снижен и смешон. Романтический ореол народного героя, окружающий в романе образ Роб Роя, отнюдь не рассеивается при сопоставлении его с буржуазной деловитостью купца из Глазго. Но, во всяком случае, характер Джарви обрисован писателем с явным – хотя и снисходительным – сочувствием, и в системе контрастных противопоставлений, организующей пространство романа, он занимает особое, промежуточное положение между враждебными полюсами. Не случайно Вальтер Скотт делает его подчеркнуто аполитичным, тогда как все остальные персонажи «Роб Роя» втянуты в сложную политическую интригу якобитского заговора.

Обращаясь к читателю, который отлично знал, что якобитский мятеж 1715 года был жестоко подавлен и стал одним из поводов для окончательного уничтожения родового уклада в Горной Шотландии, Вальтер Скотт – вопреки историческим фактам – включил в число активных заговорщиков и самого Роб Роя. Такое искажение политической позиции исторического персонажа, который в действительности, как отмечает Скотт во вступлении к «Роб Рою», вел себя во время восстания чрезвычайно двусмысленно, необходимо писателю для того, чтобы однозначно определить его место в контексте истории. Как мы уже знаем, в вальтер-скоттовском романе историческому персонажу не разрешена подвижность, и хотя Роб Рой, появившись сначала на периферии авантюрного сюжета, постепенно выдвигается на первый план, он все же остается героем статичным, выполняющим в сюжете только вспомогательные функции. Роль же главного героя в развитии сюжета отводится типичному «сквозному персонажу» – молодому английскому дворянину Фрэнку Осбалдистону, глазами которого мы смотрим на исторические события.

«Роб Рой» построен в форме автобиографических записок героя, вспоминающего о том, как «на заре туманной юности» он стал участником захватывающих приключений, связанных с якобитским заговором. В первых главах романа Фрэнк предстает перед нами романтически настроенным, мечтательным юношей (этаким усредненным современником Вальтера Скотта, простодушным романтиком, с которым легко мог идентифицировать себя читатель), который бунтует против прозы жизни, за что и лишается родительского благословения. По воле отца, лондонского банкира, он

отправляется в далекое путешествие, и его путь через всю Британию [illegible] стержневым сюжетом всего романа. Дорога уводит Фрэнка [illegible] и дальше на север — от цивилизации к «дикости». Один за другим остаются за его спиной «невидимые рубежи» — буржуазный Лондон сменяется феодальным замком в Нортумберленде, затем он попадает в Глазго, оттуда направляется в Горную Шотландию и наконец повторяет свой путь в обратном порядке. Герой как бы прорезает собой географическое, социальное и культурное пространство романа, и перед ним — а значит, и перед читателем — последовательно развертываются разные миры, каждый из которых живет по своим собственным законам. Постепенно он оказывается в самой гуще событий, развивающихся помимо его воли, и начинает играть роль посредника между остальными действующими лицами романа.

Дорожные встречи — очень удобная мотивировка для развития приключенческого сюжета, и Вальтер Скотт охотно пользуется ею в «Роб Рое». Дорога сводит героя с шотландцем Кэмбелом (Роб Роем), который становится его ангелом-хранителем, и с предателем Моррисом, возводящим на него обвинение в грабеже и государственной измене, с прекрасной Дианой Вернон — обязательной романтической героиней, и с демоническим злодеем Рэшли Осбалдистоном — его соперником в любви и наследственных делах. При помощи «сквозного героя» писатель туго закручивает пружину сюжета: даму сердца Фрэнка окутывает какая-то зловещая тайна, в комнатах замка прячется незнакомец, Рэшли строит свои козни, письма перехватываются, случайные встречи обнаруживают провиденциальный смысл, Роб Рой всегда появляется в нужный момент, чтобы спасти честного и смелого юношу, — словом, все атрибуты авантюрного романа в «Роб Рое» налицо.

Впрочем, не только авантюрного. Благодаря «сквозному герою» Вальтеру Скотту удается собрать воедино весь разнородный материал романа и связать друг с другом несколько параллельных сюжетных линий. Фрэнк Осбалдистон становится главным действующим лицом сюжета семейного (конфликт с отцом, лишение наследства, передача всех прав недостойному родственнику, восстановление справедливости и примирение) и сюжета любовного (преодоление препятствий на пути к алтарю); его личная судьба сплетается с судьбой исторической; как свидетель, он участвует в борьбе Роб Роя с герцогом Монтрозом и английскими карателями; он выслушивает экономические и социологические объяснения бедственного положения шотландских горцев; ему — человеку со стороны — внезапно открывается великолепие горных пейзажей и душевная красота простолюдина. Однако было бы неправильно полагать, что Фрэнк Осбалдистон в «Роб Рое» — это чисто служебный персонаж, чисто конструктивный элемент системы. «Сквозной герой» важен здесь для Вальтера Скотта и как характер, который претерпевает эволюцию и приходит к идеальной, правильной точке зрения на мир.

Пройдя через серию испытаний, Фрэнк Осбалдистон в конце концов понимает бессмысленность своего романтического бунтарства и склоняется перед отцовской волей. Как и все идеальные герои Вальтера Скотта, он осознает, что семейное счастье, гражданское благоразумие

и общественный долг выше, чем индивидуалистические притязания лич-
ности. Итог романа — торжество нормы и добропорядочности, торжество
«среднего пути», воплощенного в герое. И Фрэнку Осбалдистону — как
носителю безупречной нравственности, взыскуемой автором,— в финале
романа воздается по заслугам: Роб Рой казнит злодея Рэшли, прекрасная
Диана отдает Фрэнку руку и сердце, а суровый отец прощает ему все прегре-
шения и, растроганный, благословляет на законный брак с католичкой и
якобиткой.

По тем же принципам, что и «Роб Рой», построено подавляющее большинство романов Вальтера Скотта, и достаточно вспомнить хотя бы «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина, чтобы понять, насколько широкое хождение эти принципы получили в мировой литературе 1820—1830-х годов. Вальтер-скоттовский роман стал на время определяющим, центральным жанром эпохи, оказавшим мощное воздействие на дальнейшее развитие литературы. Освоение открытий Вальтера Скотта шло одновременно несколькими путями: его прямые продолжатели, как, скажем, Ф. Купер в США или М. Н. Загоскин, автор «Юрия Милославского», в России, пытались создать национальный исторический роман, перенимая у «шотландского чародея» его повествовательную технику и способы передачи «местного колорита»; П. Мериме и В. Гюго, отталкиваясь от Скотта, разрабатывали беспримесные, чисто романтические варианты жанра; в притяжении и отталкивании, в полемике с Вальтером Скоттом рождался реалистический роман Бальзака и Ч. Диккенса; усвоение и преодоление уроков Скотта способствовало формированию нового стиля у позднего Пушкина и у писателей «натуральной школы». Однако очень скоро современники обнаружили, что у вальтер-скоттовского романа есть, говоря словами В. Г. Белинского, «важный недостаток... это решительное преобладание эпического элемента и отсутствие внутреннего, субъективного начала». Одномерные, похожие друг на друга герои, вроде Фрэнка Осбалдистона и Дианы Вернон — герои, увиденные извне и лишенные внутреннего существования,— перестали отвечать требованиям времени. Литература пошла другими путями, в глубь личности, а не в глубь времен, и Тургенев лишь выразил мнение всего последующего поколения, когда заявил в 1852 году: «Исторический, вальтер-скоттовский роман — это пространное, солидное здание, со своим незыблемым фундаментом, врытым в почву народную, со своими обширными вступлениями в виде портиков, со своими парадными комнатами и темными коридорами для удобства сообщения,— этот роман в наше время невозможен: он отжил свой век, он несовременен».

Тогда, в середине XIX века, действительно казалось, что Вальтер Скотт навсегда потерял читателей и никто больше не войдет вместе с его героями в опочивальни и кабинеты спящих особ, не поскачет с Фрэнком Осбалдистоном по дорогам Британии, не умилится благородству разбойника и не ужаснется низости маркиза. Но в XX веке обаяние Вальтера Скотта неожиданно воскресло — теперь мы читаем его романы как воспоминание о незамутненной детскости духа, о крепком моральном здоровье, о наивной целостности миропонимания, читаем с некоторой грустью утраты, как грустят по ушедшему детству, но и с благодарностью к этому, пожалуй,

самым здоровому и самому нравственному из всех здоровых и нравственных писателей. Он еще многому может нас научить, как научил Ф. М. Достоевского, словами которого будет уместно закончить эту статью: «12-ти лет, я в деревне, во время вакаций прочел всего Вальтер Скотта, и пусть я развил в себе фантазию и впечатлительность, но зато я направил ее в хорошую сторону и не направил на дурную, тем более, что захватил с собой в жизнь из этого чтения столько прекрасных и высоких впечатлений, что, конечно, они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими».

А. Долинин

КОММЕНТАРИИ

Стр. 19. *Тома* Антуан-Леонард (1732–1785) — французский писатель, близкий к просветителям.

Стр. 20. *Сюлли* (1560–1641) — известный французский государственный деятель, первый министр короля Генриха IV. Оставил мемуары, не лишенные исторического интереса, хотя и не совсем достоверные.

Стр. 25. *Корнель* Пьер (1606–1684) — французский поэт-драматург, автор знаменитых трагедий «Сид», «Горации» и др.

Буало Никола (1636–1711) — французский поэт и критик, автор поэмы «Поэтическое искусство».

Аддисон Джозеф (1672–1719) — английский писатель, журналист.

Стр. 26. *Бен Джонсон* (1573–1637) — выдающийся английский драматург и поэт; особенно известен как комедиограф.

Революция. — Здесь — переворот 1688 г.; английские буржуазные историки охотно называли его «славной революцией», противопоставляя его революции 1640-х гг. В ходе переворота 1688 г. английские правящие классы, недовольные происпанской и прокатолической политикой короля Иакова II Стюарта, поддержанного только незначительной частью старой феодальной знати, свергли его при помощи штатгальтера Нидерландов Вильгельма III, провозглашенного затем королем Англии.

Стр. 29. *Эдвард* (Эдуард) — принц Уэльский (1330–1376), сын Эдуарда III, был прозван Черным принцем за черные латы, которые он надевал в дни сражений. Участвовал в Столетней войне во Франции и в набегах на Наварру и Испанию, о чем и упоминает в своей балладе Фрэнк.

Диссидент — противник официальной церкви. В Шотландии и Англии так называли и представителей многочисленных религиозных сект и сторонников более значительных религиозных течений, традиционных в кругах английской и шотландской буржуазии.

Стр. 30. *...Роланд, сраженный, пал!* — Все стихотворение Фрэнка является авторской пародией на стихи самого В. Скотта.

Стр. 31. *Якобиты* — сторонники изгнанного в 1688 г. короля Иакова II Стюарта и его династии.

Стр. 32. *Гунтер* — порода верховых лошадей.

Стр. 33. *Папист* — презрительное наименование католиков у протестантов.

Стр. 34. *«Неистовый Роланд»* — поэма итальянского поэта Лодовико Ариосто (1474—1533), пользовавшаяся особой популярностью в XVI в.

Спенсерова строфа — девятистрочная строфа, созданная английским поэтом Эдмундом Спенсером (1552—1599).

Стр. 35. *Ритонские шторы* — особый вид штор, изготовлением которых славился городок Ритон в Йоркшире (Северная Англия).

Стр. 36. *Гей* Джон (1685—1732) — английский комедиограф и поэт-сатирик.

Стр. 37. *...будущий лорд-мэр.* — По преданию, мальчик-сирота Дик Уиттингтон, собиравшийся покинуть Лондон, вернулся в город, услыхав звон лондонских колоколов, говоривших: «Вернись, Уиттингтон, будущий лорд-мэр Лондона!» Затем, разбогатев, он стал мэром Лондона.

Стр. 38. *«Опера нищих»* — музыкально-сатирическая комедия Джона Гея, изображавшая уголовный мир Лондона и изобиловавшая сатирическими намеками на продажность и преступления английской знати.

Стр. 40. *Эттони-э-Вуд* (1632—1695) — английский историк.

Бешеный Принц — принц Генрих, впоследствии король Англии Генрих V.

Пойнс — персонаж исторической хроники Шекспира «Король Генрих IV», где изображена бурная юность принца Генриха.

«Хитроумный план щеголя» — комедия английского драматурга Джорджа Фаркера (1678—1707).

Стон — 14 английских фунтов. Английский фунт равнялся 455 граммам.

Стр. 41. *Черчил* Чарлз (1731—1764) — английский поэт-сатирик.

Стр. 43. *Вильгельм Завоеватель* (1027—1087) — герцог Нормандии, завоевавший Англию в 1066 г. и ставший ее королем.

«Быки» и *«Медведи»* — термины английского биржевого жаргона: «бык» — делец, играющий на повышение акций, «медведь» — на понижение.

Стр. 44. *Черный Дуглас* — исторически существовавший представитель рода Дугласов, старинной феодальной шотландской семьи, властвовавшей в районах, пограничных с Англией.

Ахилл, Хрисеида, Брисеида — персонажи поэмы Гомера «Илиада».

Северные войны — постоянные столкновения в пограничных районах Англии и Шотландии, в ходе которых английские феодалы подорвали мощь своих шотландских соседей.

Стр. 45. *Синон* — персонаж поэмы Вергилия «Энеида». Притворившись изменником, наказанным греками, он убедил троянцев ввести в город деревянного коня.

Уилкс Джон (1727—1797) — политический деятель, участник буржуазной оппозиции против политики короля Георга III. Когда Уилкс подвергся ожесточенным преследованиям реакции, оппозиция выступила под лозунгом «Уилкс и Свобода».

Стр. 46. *Герцог Орлеанский* Филипп (1674—1723) — регент (с 1715 по 1723 г.) при малолетнем французском короле Людовике XV. Его регентство было временем необузданного произвола в политике и скандального упадка нравов в придворной среде.

Виги и *тори* — политические партии, возникшие в Англии во второй половине XVII в. Виги — верхушка буржуазии, тесно связанная с некоторы-

ми аристократическими кругами, стремились усилить власть парламента за счет личного ограничения королевской власти. Тори, поддерживаемые партией консервативного дворянства, сохранившего большие земельные владения. Прямых тори не было в вопросе о династии: якобиты, сторонники свергнутой династии Стюартов, были более реакционной группировкой тори.

...ганноверской династии... — С королем Георгом I (1714—1727) на английском престоле утвердилась династия князей Ганновера — немецкого герцогства, кровными отношениями с Англией — как позднейшая династическая линия. Ее они терпеливали или, по крайней мере, терпели с большим трудом. Тори в течение некоторого времени были ярыми сторонниками династии.

Высокая церковь — особое течение в так называемой англиканской церкви (государственной), более терпимое к католической церкви и ее обрядности, чем так называемая Низкая церковь, в состав которой входили и некоторые секты, не согласные с Высокой церковью.

Стр. 47. *Иаков.* — Имеется в виду сын свергнутого короля Иакова II, Иаков Стюарт, первый претендент, еще в 1708 г. пытавшийся вернуть себе престол, опираясь на дворянский заговор и помощь Франции.

Стр. 49. *Чевиотские горы* — хребет, отделяющий Англию от Шотландии. Часто упоминается в англо-шотландских балладах.

Рейнард — английское прозвище лисицы.

Стр. 50. *Немврод* (Нимрод) — по библейской легенде, основатель Вавилонского царства, прославленный охотник.

Стр. 54. *Орсон* (от франц. «ourson», то есть медвежонок) — герой рыцарской повести позднего средневековья. Воспитанный медведицей, Орсон — воплощение неуклюжести, дикости.

Король Уилли — Вильгельм Оранский, штатгальтер Нидерландов, высадившийся в 1688 г. в Англии для участия в операциях против Иакова II Стюарта. После свержения Стюарта стал королем Англии под именем Вильгельма III.

Стр. 55. *«Чеви Чейс»* («Охота в Чеви») — знаменитая старинная баллада, описывающая охотничье соревнование шотландских и английских пограничных лордов, закончившееся битвой между ними.

«Каменный пир». — Так первоначально называлась комедия Мольера «Дон-Жуан».

Стр. 56. *Пенроуз* Томас (1742—1779) — английский поэт.

Стр. 57. *Стонхендж* — остатки каменного здания кельтской эпохи в Англии, близ Салисбери.

Гиас и *Клоант* — спутники Энея, отличавшиеся огромной силой (поэма Вергилия «Энеида»).

Енак — по библейской легенде, родоначальник сказочного племени исполинов.

Стр. 59. *Тупей* — старинная мужская прическа: взбитый хохол на голове.

Стр. 60. *«Зритель»* — сатирический журнал, издавался в Лондоне в 1711—1714 гг. известными английскими публицистами-просветителями Р. Стилем и Д. Аддисоном.

Стр. 66. *...в романе Мармонтеля.* — Речь идет об историческом романе «Велизарий» французского писателя Жана-Франсуа Мармонтеля (1723—1799).

Гарри — прозвище принца Генриха, будущего короля Генриха V, встречающееся в исторической хронике Шекспира «Король Генрих IV».

Стр. 74. *Батлер* Сэмюел (1612—1680) — английский поэт-сатирик. Ему принадлежит поэма «Гудибрас», в которой едко высмеивается зазнавшийся и наглый пуританский вельможа.

Стр. 76. *Филистимляне* — древний воинственный народ, живший в Палестине, с которым евреи вели непрерывные войны. Здесь в смысле — протестанты.

Стр. 78. *Горгоны* — в греческой мифологии женщины-чудовища со змеями вместо волос на голове. Согласно легенде, взгляду одной из них, Медузы, была присуща волшебная сила превращать в камень все живое.

Стр. 81. *Статуты Эдуарда* — обширный свод законов короля Эдуарда III (1327—1377).

Стр. 84. *«Дом, который построил Джек»* — английская народная детская песня.

Стр. 87. *Джон Фенвик* был казнен в 1697 г. за участие в заговоре против короля Вильгельма III.

Стр. 88. *Куря табак, об этом помышляй!* — из английского стихотворения анонимного автора XVI в. «Индийский лист».

Стр. 90. *Деревянные башмаки.* — Так звали в насмешку ирландцев-католиков.

Грелка — намек на слухи, согласно которым претендент — принц Иаков — не был сыном Иакова II, так как королева была неспособна к деторождению и обманула мужа, выдав за своего ребенка приемыша, тайком принесенного в ее спальню в грелке.

Стр. 92. *Илот* — в древней Спарте земледелец, находившийся на положении раба.

Стр. 97. *Спинет* — старинный музыкальный клавишный инструмент.

...вывернули ее наизнанку. — В хронике Шекспира «Король Генрих IV» (ч. 1) рыцарь Ричард Вернон изображен как человек нерешительный и неверный.

Стр. 98. *Порочность* (Iniquity) — персонаж средневековых правоучительных пьес, затем перешедший на сцену английского театра эпохи Возрождения на амплуа клоуна, играющего двусмысленными репликами.

Гвиллим Джон (1565—1621) — автор старейшего английского гербовника.

Стр. 99. *Карл I* — английский король с 1625 по 1649 г., казненный республиканцами во время английской революции XVII в.

Стр. 106. *«Дунсиада»* (от англ. dunce — тупица) — сатирическая поэма выдающегося поэта Александра Попа (1688—1744).

Амалекитяне — по библейской легенде, кочевой народ на юге Палестины, враждовавший с иудеями. В переносном смысле: всякие иноверцы.

Стр. 107. *«Печали»* — книга элегий великого римского поэта Овидия (43 до н. э. — 17 н. э.), написанная им в ссылке в Дакии (нынешняя Румыния). Скотт ошибся, назвав местом ссылки Овидия Фракию.

...туикнэмских садов... — А. Поп не раз воспевал в своих стихах Туикнэм — городок на берегу Темзы, где он часто жил.

Кофейня Баттона — лондонская кофейня в XVIII в.

Стр. 108. *Кардинал Мазарини* (1602—1661) — фактический правитель Франции при Людовике XIII и в годы юности Людовика XIV.

Кардинал Альберони (1664—1752) — вдохновитель политики испанского короля Филиппа V.

Стр. 109. *Калипсо* — нимфа, на острове которой прожил несколько лет Одиссей, потерпевший кораблекрушение.

Стр. 111. *Плутос* — в греческой мифологии божество, олицетворяющее богатство.

Стр. 112.. *Ричард III* — король Англии с 1483 по 1485 г., злодей и узурпатор, герой одноименной исторической хроники Шекспира.

Стр. 116. *Кассио* — лейтенант Отелло в трагедии Шекспира «Отелло». Здесь имеется в виду акт II, сц. 2.

Стр. 117. *Ломбардская улица* — улица в Лондоне, являющаяся деловым центром.

Элизия — в стихах пропуск гласного звука, оканчивающего слово, перед гласным, начинающим следующее слово.

Стр. 121. *Камилла* — дева-воительница, одна из героинь «Энеиды» Вергилия.

Стр. 132. *Фландрия* была основным театром военных действий во время так называемой войны за испанское наследство (1701—1714), которую Англия в союзе с Австрией вела против Франции.

Сент-Джеймский дворец — в то время резиденция английских королей.

Стр. 133. *Джон Грэм* (1643—1689) после свержения Иакова II пытался защищать его дело в Шотландии. Был убит в стычке с правительственными войсками.

Стр. 137. *Твид* — река у южной границы Шотландии.

Стр. 142. *Бенедикт* — персонаж из комедии Шекспира «Много шуму из ничего».

Стр. 145. *Оставь сомненье трусу!* — Шекспир, «Ричард III» (акт V, сц. 3).

Стр. 146. *Мертва, держу червонец!* — слова Гамлета, нанесшего смертельный удар Полонию, спрятавшемуся за ковром.

Стр. 148. *Тикелл* Томас (1686—1740) — английский поэт, один из предшественников английского романтизма.

Стр. 153. *Спенсер* Эдмунд (1552—1599) — английский поэт, автор поэмы «Королева фей» и сонетов.

Паколет — карлик-скороход, персонаж рыцарских романов позднего средневековья.

Стр. 156. *Бюргер* Готфрид Август (1747—1794) — немецкий поэт. Эпиграф взят из его знаменитой баллады «Ленора».

Стр. 165. *...не за блудницу вавилонскую и не за какую-нибудь английскую шлюху!* — то есть не за католическую и не за англиканскую церковь.

Лэнгхорн Джон (1735—1779) — английский поэт; перевел заново «Сравнительные жизнеописания» Плутарха.

Стр. 168. *...чосеровская корчма...* — намек на знаменитые «Кентерберийские рассказы» великого английского поэта Джефри Чосера (1340—1400). Они начинаются прологом, действие которого происходит в гостинице, где остановились паломники, идущие в Кентербери.

Стр. 170. *«Новобрачная в трауре»* — трагедия У. Конгрива (1670—1729).

Стр. 177. *«Спасенная Венеция»* — трагедия Томаса Отвэя (1652—1685).

Стр. 179. *Дэвид Линдсей* (1490—1555) — шотландский поэт-патриот.

Стр. 180. *...в своем бесподобном видении.* — Речь идет о повести Аддисона «Видение мирзы», напечатанной в журнале «Зритель».

Стр. 185. *Бэйли* — в Шотландии старший член городского магистрата.

Стр. 186. *Альманса* — город в Испании, в битве при котором англичане и их союзники потерпели тяжелое поражение (1707).

Стр. 191. *Декан* — в данном случае казначей церковной общины.

Стр. 192. *Вахня* — сорт рыбы.

Стратспей — шотландский народный танец.

Стр. 194. *Диоген* (ок. 404—323 до н. э.) — греческий философ.

Провост — мэр.

Стр. 197. *Мартынов день* — 11 ноября.

Титир — сентиментальный пастушок, один из персонажей первой эклоги Вергилия («Буколики»).

Андреа-феррара — широкий и короткий меч шотландских горцев.

Броги — особая кожаная обувь шотландских горцев.

Комил — северное произношение имени Кэмбел.

Стр. 200. *Аман* — по библейскому преданию, временщик персидского царя Артаксеркса. Разгневавшись на Амана, царь приказал его повесить.

Стр. 202. *Бальзам Галаада* — ароматический бальзам, упоминаемый в библии. Здесь в значении — утешение.

«Ты тоже» — пьеса современника Шекспира Роберта Грина (1558—1592).

Ксантиппа — жена Сократа, известная своим дурным характером.

Стр. 208. *«Палламон и Арсит»* — поэма Джона Драйдена (1631—1700), написанная по мотивам, заимствованным у Чосера.

Стр. 212. *Гилли* — мужская прислуга в Северной Шотландии.

Стр. 215. *Томас Грей* (1716—1771) — английский поэт, воспевавший Шотландию.

Стр. 218. *...под Вустером...* — В битве при Вустере в 1651 г. английская республиканская армия под предводительством Кромвеля нанесла поражение войскам короля Карла II.

Стр. 222. *...при Босуэле.* — В битве у Босуэл-бриджа в 1679 г. правительственные войска, поддерживавшие короля Карла II, нанесли решительное поражение шотландским повстанцам, объединившимся под лозунгами пуританской революции.

Стр. 224. *Уильям Уоллес* (1272—1305) — шотландский борец за свободу.

Килликрэнки. — В битве при Килликрэнки (1689) вождь нескольких шотландских кланов, верных Иакову II, Данди нанес поражение войскам короля Вильгельма III.

Монтроз Джеймс (1612—1650) — шотландский феодал. В 1650 г. пытался поднять восстание в Шотландии в пользу династии Стюартов. В. Скотт изобразил это в романе «Легенда о Монтрозе».

Стр. 227. *Великая армада* — огромный флот, посланный испанским королем Филиппом II в 1588 г. против Англии и погибший от бури и столкновения с английским флотом.

Стр. 239. *Боби* — старинная шотландская монета достоинством около шести пенсов.

Стр. 240. *Тофетская яма* — место близ Иерусалима, куда свозились нечистоты и отбросы.

Стр. 247. *Брауни* (бурый) — леший, злой дух, черт.

Катераны — воины шотландского ополчения; из-за их плохой дисциплины слово стало употребляться для обозначения шаек, бродивших по дорогам Шотландии и скрывавшихся на побережье, где они занимались контрабандой.

Джон Купер, Аллан Рэмзи — шотландские поэты, споривщие о том, в каком стиле надо писать о традициях шотландской старины.

Стр. 250. *...герцогам Обмана...* — то есть Аргайлам. Здесь игра слов: guile (произносится — гайл) означает по-английски обман.

Стр. 255. *«Боадицея»* — трагедия английского драматурга Джона Флетчера (1579—1625), героиня которой — доблестная предводительница бриттов, боровшихся против римских завоевателей.

Стр. 281. *Чертополох* — национальная эмблема Шотландии и один из ее древнейших рыцарских орденов.

Стр. 283. *...в Утрехте.* — Во время переговоров, закончившихся в 1713 г. подписанием Утрехтского мира, между Англией и Нидерландами, выступавшими в союзе против Франции и Испании, были серьезные разногласия.

Стр. 287. *Гил Моррис* — герой одноименной шотландской баллады, благородный разбойник.

Стр. 293. *Нил* — персонаж из исторической хроники Шекспира «Король Генрих V».

Сильф — по представлениям астрологов, фантастическое существо, олицетворяющее стихию воздуха.

Стр. 294. *«Критик, или Репетиция одной трагедии»* — фарс английского драматурга Р. Шеридана (1751—1816).

Стр. 299. *...в Сен-Жермене.* — Иаков II и его сторонники, изгнанные из Англии, нашли приют у Людовика XIV, короля Франции. Двор Стюартов расположился в Сен-Жермене, аристократическом предместье Парижа.

Стр. 302. *Мальволио* — персонаж комедии Шекспира «Двенадцатая ночь», наглый и глупый дворецкий, считающий себя проницательным человеком, достойным более высокого положения.

Стр. 305. *Кай Юлий Цезарь* (100—44 до н. э.) — римский полководец и диктатор; стал к концу жизни полновластным правителем Рима, но сохранил внешние формы республиканского строя. В трагедии «Юлий Цезарь» Шекспир отразил это так: Цезарю предлагают корону, он тянется к ней — и все же отклоняет.

Стр. 312. *Великий Враг* — Монтроз.

Иброх — мелодия для волынки у шотландских горцев.

Стр. 313. *...в семьсот седьмом году.* — Речь идет об унии 1707 г., когда английское правительство, по существу насильственно, присоединило Шотландию к Англии.

Стр. 319. *Джедбартский суд* — название, ставшее нарицательным, после того как суд города Джедбарта (Шотландия) сначала покарал преступника, а потом уже разобрал его дело.

Джон Беньян (1628—1688) — английский писатель и проповедник, непримиримый противник официальной церкви, автор аллегорических повестей.

в данном случае имеется в виду особенно известная из них — «Странствующие паломники», изображающая путь к нравственному совершенству.

Стр. 331. *Рисвикский мир* (1697) был заключен между Англией и Францией после войны, в которой на стороне Франции выступали многие английские и шотландские якобиты.

Кавалеры. — Так называли себя со времени революции 1640-х гг. сторонники Стюартов. Якобиты охотно следовали этой старой монархической традиции.

Стр. 340. «*Дон Себастьян*» — трагедия Джона Драйдена (1631—1700).

Стр. 341. *Сэтти* — род кушетки.

Прайор Мэтью (1664—1721) — английский поэт и дипломат, сторонник тори. В 1715 г. по настоянию вигов был заключен в тюрьму, где среди прочих произведений написал поэму «Соломон».

Стр. 343. *Бландербас* — старинное ружье крупного калибра.

Р. Самарин

«АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ» ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА

«Американская трагедия» — вершина творчества великого американского писателя Теодора Драйзера. В ней наиболее полно воплотился талант художника, гуманиста, правдоискателя, пролагавшего новые пути и в литературе и в жизни.

«Ноги Теодора протаптывают дорогу, тяжелые, грубые ноги. Он продирается сквозь чащу лжи, прокладывая путь вперед», — писал друг и последователь Теодора Драйзера, замечательный мастер американской литературы Шервуд Андерсон. Драйзер раздвинул горизонты американской реалистической литературы, несмотря на все трудности и барьеры, которые возводила на его пути буржуазная Америка, несмотря на шантаж и угрозы, преследовавшие его всю сознательную творческую жизнь.

Известный американский критик и публицист Генри Менкен писал после смерти Драйзера в 1945 году: «Он был великий художник, ни один другой американец его поколения не оставил такого прочного и прекрасного следа в нашей национальной словесности. Американская литература до и после его времени отличается почти так же, как биология до и после Дарвина. Он был человеком огромной оригинальности, глубокой отзывчивости и непоколебимой храбрости. Всем нам, кто пишет, легче оттого, что он жил, работал и надеялся».

Литературному процессу США было свойственно некоторое отставание темпа в девятнадцатом веке, поздний расцвет романтической школы и более позднее, чем в большинстве европейских стран, развитие реализма. В убыстрении этого развития в двадцатом веке особенно велика заслуга Теодора Драйзера.

Драйзер вернул американской литературе живое дыхание жизни, он «ворвался в спертую и затхлую атмосферу Америки, как порыв неукротимого ветра, и впервые со времени Марка Твена и Уитмена внес в наш пуританский обиход струю свежего воздуха»[1], — сказал в 1930 году Синклер Льюис.

---

[1] Льюис Синклер. Кингсбланд, потомок королей. Рассказы. Очерки. Л. 1966, с. 700—701.

Суровой и непреклонной борьбой за правду жизни Драйзер открыл двадцатый век американской литературы, проложил путь плеяде выдающихся американских писателей нашего времени – Синклеру Льюису и Шервуду Андерсону, Уильяму Фолкнеру и Эрнесту Хемингуэю.

* * *

Теодор Драйзер родился воскресным утром 27 августа 1871 года в небольшом городке Терре-Хот в штате Индиана. Он был двенадцатым ребенком Сары Драйзер, происходившей из семьи чехов – выходцев из Моравии, и рабочего местной фабрики Джона Пауля Драйзера, приехавшего в Америку в 1844 году из Германии. Детство писателя прошло в нужде и лишениях. «В моей памяти встают долгие, мрачные, серые, холодные дни. Скудная пища – одна картошка, иногда каша. Ребенком я не раз голодал», – вспоминал он впоследствии.

Очень рано Драйзер начал самостоятельную жизнь. Шестнадцати лет он уехал в Чикаго, – убирал и мыл посуду в ресторане, развозил белье из прачечной, выполнял и многие другие тяжелые и низкооплачиваемые работы. И в каждом романе он возвращался в той или иной форме к эпизодам юношеских скитаний и невзгод.

Драйзеру удалось поступить, правда, очень ненадолго, и в настоящий университет в Блумингтоне, штат Индиана, туда ему помогла попасть его школьная учительница. В университете он много читал. Особенно сильное впечатление на него произвел Л. Н. Толстой, под влиянием которого у семнадцатилетнего Драйзера появилась «как будто совершенно новая мысль, – как замечательно быть писателем. Уметь писать подобно Толстому, чтобы слушал тебя весь мир».

Литературные склонности Драйзера обнаружились во время его работы в газете «Чикаго дейли глоуб», куда ему удалось устроиться в 1892 году. Драйзер-журналист сотрудничал в девяностые годы во многих газетах и журналах, где публиковал и свои первые очерки и рассказы. В 1897 году он бросил службу в журналах и целиком посвятил себя писательской деятельности.

Молодой Драйзер остро ощущал ту стену, которая отделяла буржуазную журналистику и литературу от подлинной жизни. «Ничто меня так не смущало, как противоречие между тем, что я наблюдал, и тем, что я читал. В книгах все было красиво, безмятежно и никогда ни намека на жестокость жизни, ее грубость и пошлость», – вспоминал он впоследствии. И в первом своем романе – «Сестра Керри» (1900) – он попытался рассказать о подлинной жизни так, как она ему рисовалась.

Героиня романа Каролина Мибер, или сестра Керри, как звали ее дома, родилась в рабочей семье. Бедная работница обувной фабрики, она становится сначала любовницей коммивояжера Друэ, а затем состоятельного Герствуда, который, бросив семью, увозит Керри в Нью-Йорк, где обеспечивает ей карьеру артистки Нью-йоркского музыкального театра. Поднявшись по социальной лестнице, Керри бросает Герствуда, который утратил для нее всякую привлекательность, когда оказался не в состоянии содержать ее. Отчаявшись найти работу, Герствуд совершает самоубийство.

В основу сюжета писатель положил факты, очень хорошо ему знакомые, – одна из его старших сестер, Эмма, стала прототипом героини романа; долгие и безуспешные поиски работы Драйзер хорошо познал сам в девяностые годы, и это придало особую жизненность блужданиям безработного Герствуда по Нью-Йорку.

«Сестра Керри» – произведение программное для творчества Драйзера. Глубокое сочувствие вызывают его герои – Керри, которой удалось стать актрисой лишь ценой утраты лучших своих человеческих качеств, разоряющийся и опускающийся на дно Герствуд, – вся книга проникнута тревогой за судьбу простого человека, за судьбу человеческой личности в Америке.

К проблемам, затронутым в этом романе, Драйзер снова и снова обращается в последующих своих произведениях. Судьбе простой и благородной женщины из трудовой семьи в Америке посвящен второй роман писателя – «Дженни Герхардт» (1911). В монументальной «Трилогии желания» – в «Финансисте» (1912), «Титане» (1914) и «Стоике» (опубликован посмертно, в 1947 г.) – воссоздан облик американского бизнесмена; герой трилогии финансист Каупервуд не только «титан без души и сердца, стремящийся заковать народ в цепи рабства», но и фигура трагическая: человек, впустую растрачивающий свой недюжинный талант. Схватка художника с буржуазной Америкой обрисована в «Гении» (1915). Проблема гибели личности,. уродуемой и развращаемой американским обществом, поставлена во всех крупнейших произведениях писателя, и прежде всего в его «Американской трагедии» (1925).

* * *

«Американская трагедия» вышла в свет в середине двадцатых годов, прошедшей под знаком пресловутого «процветания» – «просперити». Златоусты американской пропаганды вещали на весь мир о наступлении в США «золотого века».

«Разве все мы не стали богачами?» – спрашивал заглавием статьи журнал «Кольерс» и отвечал: «Беден только тот, кто хочет быть бедным или пострадал от несчастного случая или болезни, да и таких у нас имеется ничтожное количество».

В эту пору безудержного славословия появилась книга Драйзера, рассказавшая правду о том, что скрывалось за фасадом показного благополучия. Она называлась сурово и просто «Американская трагедия». В ней Драйзер по-новому изобразил горести и печали жизни простого человека, которые ему всегда были близки. Впервые гибель человеческой личности в Америке предстала перед писателем-гуманистом как неотвратимый результат действия законов американского общества, как проявление глубочайшей национальной болезни, национального бедствия, национальной катастрофы США, как американская трагедия. Гуманизм Драйзера в «Американской трагедии» становится более активным и социально осознанным – недаром Драйзер назвал свой роман «своего рода классовым эпосом, в котором отражен классовый антагонизм, охватывающий в наши дни весь мир».

Сюжет, который лег в основу романа «Американская трагедия», заинтересовал Драйзера в самом начале его литературной деятельности, вскоре после опубликования романа «Сестра Керри». Тогда он работал над романом «Повеса», сюжет которого в некоторых моментах совпадал с «Американской трагедией». Непосредственно созданию «Американской трагедии» Драйзер посвятил почти пять лет – с 1920 по 1925 год. Замыслом «Американской трагедии», по словам Драйзера, было не морализировать – боже, сохрани, – а дать, если возможно, фон и психологию действительности, которые если не оправдывают, то в какой-то мере объясняют, как происходят такие убийства, а они случаются в Америке поразительно часто и так давно, сколько я себя помню»[1].

Элен Драйзер вспоминает, что у писателя были заметки, озаглавленные «Американские трагедии». В них содержалось описание пятнадцати случаев, подобных тому, который изображен в романе.

В основу романа Драйзер положил историю убийства в 1906 году Честером Джиллетом своей возлюбленной Грейс Браун. Процесс по этому делу в свое время получил широкую огласку, и в «Американской трагедии» использованы документы и факты, сообщавшиеся в газетах того времени.

Драйзер полемически направил свое произведение против апологетических бульварных романов, которые заполняли американский книжный рынок. В подобных книгах описывалась обычно история бедного юноши, который разбогател, женившись на девушке из состоятельной семьи. Такого рода романы внушали ложные идеи о возможности для каждого американца легко изменить свою судьбу и прославляли стремление к обогащению.

Драйзер, строя сюжет романа на тех же мотивах, развенчал эту идею погони за легким счастьем и создал подлинную панораму американского общества. О своем стремлении к всестороннему охвату действительности писал сам Драйзер в апреле 1927 года: «Я долго раздумывал над этим происшествием, ибо мне казалось, что оно не только отражает все стороны нашей национальной жизни – политику, общество, религию, бизнес, секс, – это была история, столь обычная для любого парня, выросшего в небольшом городе Америки. Это была исключительно правдивая история о том, что жизнь делает с личностью и как бессильна личность перед ней»[2]. Поклонение культу доллара привело к трагической гибели героев романа, двух молодых людей – Роберты Олден и Клайда Грифитса.

Клайд Грифитс существенно отличается от героев предыдущих произведений писателя своей обыденностью, обычностью, заурядностью. Керри обладала актерским дарованием, Дженни Герхардт поражала душевным богатством, Каупервуда писатель даже уподобил Люциферу, у Витлы был талант художника. У Клайда нет талантов Витлы или Керри, нет изворотливости и силы Каупервуда, нет душевной красоты и чистоты Дженни. Он самый обычный и заурядный американский

---

1 Dreiser Th. Letters, v. II, p. 458.
2 Там же.

конца, «средний молодой американец с типично американским взглядом на жизнь». Трагедия Клайда похожа и не похожа на трагедию Витлы и Дженни. Буржуазная Америка растаптывает душевную чистоту Дженни, глумится над ее самыми сокровенными и искренними чувствами; буржуазная Америка губит талант Витлы; судьба же Клайда трагична именно потому, что он усваивает законы буржуазной Америки и по мере своих сил и возможностей следует им, и оттого страшнее его трагедия, трагедия простого американца, американская трагедия.

Клайд – само олицетворение обычности, и в этом смысле он так же типичен. Иллюзии и мечты, привитые ему в детстве, определяют и дальнейшую судьбу молодого человека, охваченного непреодолимым желанием во что бы то ни стало добиться легкой жизни.

В характере Клайда писатель акцентировал неустойчивость, податливость влияниям среды. Повествование строится таким образом, что Клайд все время в центре внимания, и вместе с тем четко видны силы, формирующие его характер. «Одних только разговоров в вестибюле, – пишет Драйзер, – не говоря уже о сценах в баре, в ресторанах и номерах, было достаточно, чтобы внушить каждому неопытному и не очень разборчивому существу, будто главное занятие в жизни для всякого, у кого есть кой-какие деньги и положение в обществе, – ходить в театры, летом посещать стадион, танцевать, кататься в автомобиле, угощать друзей обедами и ездить для развлечения в Нью-Йорк, Европу, Чикаго или Калифорнию».

Так раскрывается социальная обусловленность поведения Клайда, который проникается стремлением попасть в этот мир роскоши и богатства. Эти мечтания определяют и его отношение к Роберте Олден. Вот размышления Клайда: пусть эта девушка бедна и ей, по несчастью, пришлось стать простой работницей, он все равно был бы очень счастлив с нею, но только при одном условии: чтобы не нужно было жениться. Что касается брака, тут честолюбивый Клайд был словно под гипнозом: он женится на девушке из круга Грифитсов! Брак с богатой девушкой казался Клайду путем к исполнению его сокровенных желаний. Карьера для него дороже тех чувств, которые он испытывал к Роберте, – в его сознании любовь неотделима от пышности, удовольствий, богатства, видного положения в обществе. Так создаются предпосылки для трагедии Клайда и Роберты.

В «Американской трагедии» достигается та удивительная художественная цельность, которая отличает истинные прозведения искусства. И заглавие романа, и его композиция, и пейзаж, и авторские отступления, и логика развития характеров, и их психология в «Американской трагедии» раскрывают ответственность американского буржуазного общества за трагедию Клайда Грифитса.

Широта социального замысла «Американской трагедии» выявляется и в композиции романа. Драйзер писал о композиции «Американской трагедии» в апреле 1931 года: «Этот роман должен представлять в трех различных социальных и экономических сферах карьеру очень чувствительного, но умственно не очень развитого парня, который

обнаруживает, что жизнь его в самом начале затруднена бедностью и низким социальным положением, из которых, повинуясь присущим ему желаниям и служащим побудительной силой, он и пытается вырваться»[1]. Разъясняя затем свою мысль, Драйзер отмечает, что первая часть книги была посвящена изображению таких социальных невзгод, какие могут естественно подавить, сдержать и расстроить, а следовательно, и усилить эмоции и желания очень чувствительного парня, плохо приспособленного для великой жизненной борьбы, с которой сталкивается любой юноша.

Первая книга — экспозиция романа — посвящена формированию характера Клайда, вторая — трагической гибели Роберты, третья — гибели Клайда. В основу сюжета положено развитие характера и личности Клайда в его взаимоотношениях с обществом. Клайда водит за нос ветреная продавщица Гортензия Бригс. Развлечения в Канзас-Сити кончаются для Клайда печально, — во время возвращения с вечеринки автомобиль, в котором находились Клайд и его друзья, сбил девочку, а потом, когда напуганные молодые люди пытались скрыться от полиции, произошла автомобильная катастрофа. До смерти перепуганный Клайд бежит из Канзас-Сити. Так заканчивается юность Клайда, который, покинув родительский дом, вступает в самостоятельную жизнь.

Во второй книге Клайд после мытарств и лишений, которые ему пришлось претерпеть во время странствий по различным городам Америки, попадает под опеку богатого дяди-фабриканта. Клайду кажется, что он может наконец сделать карьеру. На его пути оказывается Роберта Олден, которая работает под его началом и зависит от него, и хотя Роберта отнюдь не относится к числу девушек нестрогих правил, Клайду удается достигнуть того, чего он не смог добиться от многоопытной Гортензии Бригс ни ухаживаниями, ни щедрыми подарками.

Клайд не собирался жениться на Роберте с начала их знакомства. Встреча же с богатой Сондрой Финчли внушила Клайду мысль о возможности вступить в столь желанный для него мир и заставила искать пути отделаться от мешавшей ему Роберты. Подчеркивая расчетливость Клайда, Драйзер отмечает, что «Роберта больше нравилась ему. Она нежнее, мягче, добрее, не такая ледяная». В то же время Сондра «воплощала и неизмеримо увеличивала в его глазах значение своего круга», и Клайд относился к ней иначе, — «в отличие от того, что он с самого начала испытывал к Роберте, его мысли о Сондре не были чувственными». Если отношение Клайда к Роберте диктовала страсть, то к Сондре его влекли расчет, мысль о богатстве, преклонение перед тем, что он считал высшим светом. Страсть к Роберте была убита страстью выбиться в мир богатых.

Драйзер подчеркивает сходство характеров Клайда и Роберты. Клайд для наивной Роберты олицетворяет мир роскоши и богатства. «Встретив Клайда, Роберта увлеклась им и притом вообразила, что он принадлежит к некоему высшему обществу. И в душу ей проник тот же яд беспокойного тщеславия, который отравлял и Клайда». Поэтому

[1] Dreiser Th. Letters, v. II, p. 528.

она так настойчиво добивалась, чтобы Клайд женился на ней, и пошла даже на связь с ним, хотя и считала, что это нехорошо, безнравственно.

Клайд и Роберта не опытны в житейских делах, даже инфантильны. «Клайд по своему характеру, — отмечает Драйзер, — неспособен был когда-либо стать вполне взрослым человеком». Их отношения заканчиваются трагической гибелью Роберты.

Скрупулезно, как бы под увеличительным стеклом рассматривая все обстоятельства трагедии на озере Большой Выпи, Драйзер мотивирует все поступки, которые совершил Клайд, стремясь избавиться от Роберты.

Драйзер не стремится превратить Клайда в законченного злодея, негодяя, убийцу и вместе с тем не оправдывает его. Он хочет показать истинных виновников смерти Роберты, показать степень морального падения Клайда, который, впитывая индивидуалистический дух американского буржуазного общества, становится преступником, еще не совершив преступления. Ведь Клайд понимает, что если он избавится от Роберты, утопив ее в озере, то превратится в убийцу. Он колеблется, размышляя о возможных последствиях своего поступка. В Клайде Грифитсе происходит внутренняя борьба, свидетельствующая о его душевном смятении. И Драйзер выносит приговор не столько Клайду, сколько тем, кто морально подготовил его к преступлению.

Из описания гибели Роберты нельзя сделать вывод, что юридически Клайд совершил убийство, или установить степень его вины. О том, насколько запутаны события на озере Большой Выпи, говорил известный американский юрист Кларенс Дарроу, заявивший, что вину Клайда определить невозможно. В американских юридических школах специально изучалось убийство Роберты как трудный случай в правовой практике.

Клайд виновен в гибели Роберты, и в то же время он не убивал ее сам, — на этом строится дальнейшее развитие сюжета «Американской трагедии». Размышления Клайда передают его внутреннее смятение и страхи, укоры совести.

Анализ мыслей и поступков Клайда делают особенно очевидной неправильность и предвзятость решений, принятых судом, который рассматривал дело Клайда Грифитса. Описание событий на озере — кульминационный пункт романа.

Над сценой на озере Большой Выпи Драйзер работал особенно упорно. Он специально поехал на озеро Большого Лося, где Джиллет убил Грейс Браун, разговаривал с очевидцами убийства, сам плавал на лодке по озеру. Эта сцена стоила Драйзеру больших душевных переживаний. Он признавался, что плакал, описывая смерть Роберты.

В третьей, заключительной, книге идет судебное разбирательство дела Клайда. Вновь проходят перед читателем обстоятельства, при которых было совершено преступление. Вновь устанавливается виновность общества, но американское правосудие выносит приговор Клайду, вину которого трудно установить и доказать. То общество, которое

толкнуло Клайда на преступление, посадило его на электрический стул.

Трагедия Клайда состоит не только в том, что он совершил преступление, но и в том, как его судят. Судьба Клайда была предрешена задолго до начала суда. Он стал игрушкой в предвыборной борьбе двух буржуазных партий. Продажность американского правосудия, его пристрастность, приверженность узкогрупповым интересам олицетворяют прокурор Мейсон, следователь Хейт, многочисленные адвокаты.

Среди романов Драйзера «Американская трагедия» выделяется глубиной и всесторонностью охвата явлений американской жизни. «Роман Драйзера широк и безбрежен, как Гудзон; необъятен, как сама жизнь», — писал советский кинорежиссер С. Эйзенштейн, готовивший фильм «Американская трагедия» и не сумевший его поставить из-за сопротивления кинокомпании «Парамаунт». Если для более ранних романов писатель использовал в качестве эскизов свои рассказы, очерки, зарисовки, то для «Американской трагедии» такими эскизами были сами эти романы.

«Американская трагедия» развивает те глубокие гуманистические чувства и мысли, которыми были проникнуты предыдущие романы Драйзера, — это ощущение трагизма жизни простого американца, воплощенное в судьбах Герствуда и Дженни Герхардт, это осуждение денежного стяжательства, составляющее пафос «Трилогии желания», это, наконец, отстаиваемое в «Гении» кредо реалистического искусства, приглашающее писателя изображать и те стороны жизни, которые вследствие своей обыденности и будничности считаются темой, недостойной художника.

Реалистичны в романе и пейзаж, и те символы и сравнения, к которым прибегает писатель. Книга начинается и кончается сценой сумерек. Глубоко символична сцена гибели Роберты на озере Большой Выпи. Со встречи на озере началась их близость. И теперь все ему напоминает о той прогулке, — «...над головой плывет такое же пушистое облачко, как то, что плыло над ним в тот роковой день на озере Крам». Он собирается «поискать здесь водяные лилии, чтобы убить время, прежде чем...» — эти лилии вновь напоминают ту первую, случайную встречу на озере Крам, когда счастливый Клайд «рвал цветы с длинными влажными стеблями и бросал к ее ногам». Эта деталь усугубляет драматизм ситуации, в которую попали Клайд и Роберта.

Драйзер-романист обращает пристальное внимание на психологию своего героя. С той же скрупулезностью, которая была характерна для пейзажа, портрета, для обрисовки деталей, Драйзер передает и анализирует душевные переживания Клайда в ожидании смертной казни. Драйзер специально посетил в тюрьме Синг-Синг Дом смерти, где разговаривал с приговоренными к смертной казни.

Драйзер часто использует внутренний монолог, особенно для воспроизведения смятенного состояния духа Клайда. Газетное сообщение

...кивает Клайда на мысль о возможности отделаться от Роберты. И его внутренний монолог передает всю путаницу и смятение чувств Клайда, загнанного и замученного, пытающегося выкарабкаться из пропасти, в которую его увлекают мысли об убийстве. Пристальное рассмотрение психологии Клайда неразрывно связано с раскрытием социальных причин тех потрясений, которые он переживает.

Большую смысловую нагрузку в романе несет и его заглавие, к которому Драйзер пришел не сразу. В первых вариантах книга носила название «Мираж», оттенявшее призрачность внушаемых американскому народу представлений о жизни. Тема американских иллюзий наиболее полно передана в характерах родителей Клайда и Роберты, которые живут в иллюзорном, далеком от реальности мире, они «рождаются, живут и умирают, так ничего и не поняв в жизни. Они появляются, бредут наугад и исчезают во мгле». В этом Драйзер видит и суть американизма: «Родители Роберты были классическими представителями того исконного типа американизма, который отрицает факты и чтит иллюзии». Золотой мираж губит Клайда, губит человеческую личность, но смысл романа был шире: за распространение и поддержание этих губительных иллюзий ответственно американское общество. Окончательное название — «Американская трагедия» — отлично передавало пафос романа, но было не по душе издателям, которые считали, что своей резкостью оно не понравится американской публике, и пытались заставить Драйзера вынести в заглавие фамилию главного героя, но Драйзер и здесь не сделал уступки.

«Американская трагедия» завершила целую главу в истории борьбы за реалистическое искусство в США, против ограничений, которых требовали буржуазная критика и издатели. Эти требования в конце девятнадцатого века признавал даже такой теоретик реализма, как американский писатель и литературный критик, друг Марка Твена Уильям Дин Хоуэллс.

В 1891 году Хоуэллс утверждал, что в Америке невозможны книги с сюжетом, подобным тому, который лег в основу «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского. Хоуэллс писал: «...одна из мыслей, на которую меня навело чтение романа Достоевского «Преступление и наказание»,— это то, что если кто-нибудь возьмет ноту столь глубоко трагическую в американской литературе, то он совершит ложный и ошибочный шаг... Наши романисты поэтому занимаются более улыбчатыми аспектами жизни, которые являются и более американскими, ищут универсальное в личности скорее, чем в социальных интересах»[1].

Драйзер своим романом опроверг Хоуэллса,— недаром многие критики называли «Американскую трагедию» американским «Преступлением и наказанием», недаром в этом романе можно найти и черты влияния Достоевского, а о своем интересе к Достоевскому и к роману «Преступление и наказание» неоднократно говорил и сам Драйзер, который наперекор Хоуэллсу показал, что трагическая судьба челове-

---

[1] Howells W. D. Criticism and Fiction. N. Y., 1891, p. 110.

ческой личности — неотъемлемое свойство американского общества и что «трагическое» и «американское» — близкие понятия.

Драйзер выразил то стремление американских писателей к большим обобщениям, которое отличает литературу США в двадцатые и тридцатые годы. Оно проявилось в творчестве Эптона Синклера и Синклера Льюиса, Шервуда Андерсона и Уильяма Фолкнера, Эрнеста Хемингуэя и Фрэнсиса Скотта Фицджеральда и продолжено в книгах крупнейших современных писателей Америки. Каждый из них создал свою «Американскую трагедию» — по-своему рассказал о трагической судьбе американцев.

В этом смысле «Американская трагедия» стала знаменем критического реализма в американской литературе двадцатого века. Она определила основную магистраль дальнейшего развития американской литературы. С появлением «Американской трагедии» связан расцвет критического реализма в США.

Правда, «Американская трагедия» не смогла избежать стандартных для враждебной части американской критики обвинений в тяжеловесности стиля.

Наиболее точно этим критикам ответил Герберт Уэллс: «Это гораздо больше, чем простое и жизненное описание типичного бедного уголка американской действительности, освещенного вспышкой печальной трагедии... Она передает большую, суровую реальную правду с силой, которой не может достигнуть никакая грамматическая точность».

Поиски ответов на вопросы, затронутые в «Американской трагедии», пробудили у Драйзера интерес к победе Октябрьской революции в России. Поездка писателя в СССР, о которой он рассказал в книге «Драйзер смотрит на Россию» (1928), способствовала коренным сдвигам в его мировоззрении. Писатель сблизился с революционным рабочим движением в США, написал боевые публицистические книги — «Трагическая Америка» (1931) и «Америку стоит спасать» (1941). В июле 1945 года Драйзер вступил в Коммунистическую партию США. «Вся логика моей жизни и работы,— писал он в июле 1945 года,— побуждает меня вступить в ряды компартии». И по сей день автор «Американской трагедии» остается крупнейшим мастером реалистической литературы Америки двадцатого века.

Жизненность традиций Драйзера, открывшего новую эпоху американской литературы, отмечена крупнейшими американскими писателями двадцатого века. Это традиции реалистического искусства, благодаря которым были созданы шедевры американской литературы двадцатого века — «Американская трагедия», «Прощай, оружие!», «Гроздья гнева». Несмотря на запреты реакционной критики, они продолжают жить и в тех произведениях современной американской литературы, которые отстаивают идеалы подлинной человечности.

«Американская трагедия» остается эпохальной вехой в истории литературы США, определяющей магистральное направление ее раз-

* * *

В декабре 1985 года исполняется шестьдесят лет со дня выхода в свет «Американской трагедии», и сегодня еще ощутимее острота и злободневность поставленных в ней проблем. Современность романа в его гуманистическом обличении американского образа жизни, в глубоком видении трагичности судьбы человеческой личности в сумеречных джунглях Соединенных Штатов Америки.

Я. Засурский

Теодор Драйзер

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Роман

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Перевод с английского
З. Вершининой и Н. Галь

Москва
«Художественная литература»
1986

КАК ЖИТЬ?

Писатели двумя способами исследуют жизнь — умственным, начинающимся с размышлений о явлениях жизни, и художническим, суть которого — постижение тех же явлений не умом (или, вернее, не только умом), а всей своей человеческой сущностью, или как принято говорить, интуитивно.

Интеллектуальное познание жизни приводит автора к логическому изложению изученного им материала, художническое — к выражению сущности тех же явлений через систему художественных образов. Писатель-беллетрист как бы дает картину жизни, но не просто копию с нее, а преображенную в новую художественную реальность, отчего явления, заинтересовавшие автора и освещенные ярким светом его гения или таланта, предстают перед нами особо зримыми, а иногда и зримыми насквозь.

Предполагается, что истинный писатель дает нам жизнь только в виде художественного ее изображения. Но на деле таких «чистых» авторов не так много, а может быть, и не бывает совсем. Чаще всего писатель является и художником и мыслителем.

Иван Александрович Гончаров издавна считается одним из самых объективных русских писателей, то есть писателем, в произведениях которого личные симпатии или антипатии не выставляются в качестве мерила тех или иных жизненных ценностей. Он дает художественные картины жизни объективно, как бы «добру и злу внимая равнодушно», предоставляя читателю самому, своим собственным умом вершить суд и выносить приговор.

Именно в романе «Обыкновенная история» Гончаров устами сотрудника журнала излагает эту мысль в самом ее чистом виде: «...писатель тогда только, во-первых, напишет дельно, когда не будет находиться под влиянием личного увлечения и пристрастия. Он должен обозревать покойным и светлым взглядом жизнь и людей вообще,— иначе выразит только свое *я*, до которого никому нет дела». А в статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров замечает: «...я о себе прежде скажу, что принадлежу к последней категории, то есть увлекаюсь больше всего (как это заметил обо мне Белинский) «своею способностью рисовать».

И в своем первом романе Гончаров нарисовал картину рус-

ской жизни в небольшой деревенской усадьбе и в Петербурге 40-х годов XIX века. Разумеется, Гончаров не мог дать полной картины жизни и деревни и Петербурга, как вообще ни один автор не может этого сделать, потому что жизнь всегда многообразнее любого ее изображения. Посмотрим, получилась ли изображаемая картина объективной, как этого желал автор, или какие-то побочные соображения сделали эту картину субъективной.

Драматическим содержанием романа является та своеобразная дуэль, которую ведут два главных ее персонажа: молодой человек Александр Адуев и его дядя Петр Иваныч. Дуэль увлекательная, динамичная, в которой успех выпадает на долю то одной, то другой стороны. Поединок за право прожить жизнь согласно своим идеалам. А идеалы у дяди и племянника прямо противоположные.

Юный Александр является в Петербург прямо из теплых материнских объятий, с ног до головы одетый в доспехи высоких и благородных душевных порывов, является в столицу не из праздного любопытства, а с тем, чтобы вступить в решительный бой со всем бездушным, расчетливым, гнусным. «Меня влекло какое-то неодолимое стремление, жажда благородной деятельности»,— восклицает этот наивный идеалист. И на бой он вызвал не кого-нибудь, а весь мир зла. Этакий маленький доморощенный донкихотик! И ведь тоже начитавшийся и наслушавшийся всяческих благородных бредней.

Тонкая ирония Гончарова, с какой он описывает в начале романа своего юного героя — его отъезд из дома, клятвы в вечной любви Сонечке и другу своему Поспелову, первые его робкие шаги в Петербурге,— именно этот весьма насмешливый взгляд Гончарова на своего юного героя делает образ Адуева-младшего милым нашему сердцу, но уже заранее предопределяет исход борьбы племянника и дяди. К истинным героям, способным на великие подвиги, авторы не относятся с иронией.

А вот и противная сторона: столичный житель, владелец стекольного и фарфорового завода, чиновник особых поручений, человек трезвого ума и практического смысла, тридцатидевятилетний Петр Иваныч Адуев — второй герой романа. Гончаров наделяет его и юмором, и даже сарказмом, но сам не относится к этому своему детищу с иронией, что заставляет нас предполагать: вот он, истинный герой романа, вот тот, на кого автор предлагает нам взять равнение.

Два этих характера, заинтересовавшие Гончарова, были ярчайшими типами своего времени. Родоначальником первого явился Владимир Ленский, второго — сам Евгений Онегин, хотя и в сильно преображенном виде. Замечу здесь в скобках, что и холодность Онегина, и его опытность терпят точно такой же крах, как и опытность и знание жизни Петра Иваныча Адуева.

Еще смутно оп
«...в встрече мягког
племянника с практ
торый едва только
в Петербурге. Мотив
труда, настоящего,
сийским застоем».

Гончарову очень
века «живого дела»,
читателя именно в к

С каким блеско
Как спокойно, увере
рячего, но не вооруж
мянника! И каждая
ма. Неотразима оттог
обидную и беспощад

Вот он высмеива
ношений» — колечко
уезжающему в столи
чу пятьсот верст?.. Л
ны».— советует дядя
символы вечной любв
слова дяди и его пост
когда!..

Увы, прав оказа
Александр влюбляетс
пылом молодости, со с
но, бездумно!.. Сонеч
разу не вспомнит ее,
нит Александра целик
Какое тут может быт
когда он, можно сказа
бецких! Ах, уж этот д
ный!.. Как у него язы
Наденька, это божеств
обманет! Этот ангел,
дает юный Александ
манет», — отвечает дя
Тяжело!.. Но правда
графа, и Александр
окрасилась в черный
тебя!

Александр терпит
и дружбе, и порывах к

Еще смутно ощущая цельность своего романа, Гончаров пишет: «...в встрече мягкого, избалованного ленью и барством, мечтателя-племянника с практическим дядей — выразился намек на мотив, который едва только начал разыгрываться в самом бойком центре — в Петербурге. Мотив этот — слабое мерцание сознания необходимости труда, настоящего, не рутинного, а живого дела в борьбе со всероссийским застоем».

Гончарову очень хочется взять себе в образец именно этого человека «живого дела», и не только себе, но и предложить его вниманию читателя именно в качестве образца.

С каким блеском написаны диалоги дядюшки и племянника! Как спокойно, уверенно, безапелляционно разбивает дядя своего горячего, но не вооруженного страшным оружием логики и опыта племянника! И каждая критическая фраза дяди убийственна, неотразима. Неотразима оттого, что он говорит правду. Тяжелую, иногда даже обидную и беспощадную, но именно правду.

Вот он выменивает «вещественные знаки... невещественных отношений» — колечко и локон, подаренные Сонечкой при прощании уезжающему в столицу любимому Саше: «И это ты вез за тысячу пятьсот верст?.. Лучше бы ты привез еще мешок сушеной малины»,— советует дядя и швыряет в окно бесценные для Александра символы вечной любви. Александру кажутся дикими и холодными слова дяди и его поступки. Может ли он забыть свою Сонечку? Никогда!..

Увы, прав оказался дядя. Прошло совсем немного времени, и Александр влюбляется в Наденьку Любецкую, влюбляется со всем пылом молодости, со свойственной его натуре страстностью, безотчетно, бездумно!.. Сонечка забыта совершенно. Он даже не только ни разу не вспомнит ее, но и забудет ее имя. Любовь к Наденьке заполнит Александра целиком!.. Конца не будет его лучезарному счастью. Какое тут может быть дело, о котором твердит дядя, какая работа, когда он, можно сказать, денно и нощно пропадает за городом у Любецких! Ах, уж этот дядя, у него на уме только дело. Бесчувственный!.. Как у него язык поворачивается говорить, что Наденька, его Наденька, это божество, это совершенство, может его надуть. «Она обманет! Этот ангел, эта олицетворенная искренность...» — восклицает юный Александр. «А все-таки женщина, и, вероятно, обманет»,— отвечает дядя. Ох, эти трезвые, беспощадные ум и опыт. Тяжело!.. Но правда: Наденька обманула. Она влюбилась в графа, и Александр получает отставку. Вся жизнь сразу же окрасилась в черный цвет. А дядя твердит: я же предупреждал тебя!..

Александр терпит крах решительно по всем статьям — в любви, в дружбе, в порывах к творчеству, в работе. Всё, решительно всё,

чему учили его учителя и книги, все оказалось вздором и с легким хрустом разлеталось под железной поступью трезвого рассудка и практического дела. В самой напряженной сцене романа, когда Александр доведен до отчаяния, запил, опустился, воля его атрофирована, интерес к жизни исчез полностью, дядя последний лепет оправдания племянника парирует: «Чего я требовал от тебя — не я все это выдумал».— «Кто же? — спросила Лизавета Александровна (жена Петра Иваныча.— *В. Р.*).— Век».

Вот где открылась главная мотивировка поведения Петра Иваныча Адуева. Веление века! Век требовал! «Посмотри-ка,— взывает он,— на нынешнюю молодежь: что за молодцы! Как все кипит умственною деятельностью, энергией, как ловко и легко расправляются они со всем этим вздором, что на вашем старом языке называется треволнениями, страданиями... и черт знает что еще!»

Вот она, кульминационная точка романа! Вот он, решающий удар противника! Таков век! «Так непременно и надо следовать всему, что выдумает твой век?.. Так все и свято, все и правда?» — «Все и свято!» — категорически отрезает Петр Иваныч.

Проблема, как надо жить — чувством или разумом, можно сказать, вечная проблема. Как это ни удивительно, но, встречаясь со студентами Московского полиграфического института, я получил записку такого содержания: «Скажите, пожалуйста, как лучше жить — сердцем или умом?» И это в 1971 году! Через сто двадцать пять лет после того, как написан роман «Обыкновенная история».

Есть в романе одно чрезвычайно примечательное место. «По-вашему, и чувством надо управлять, как паром,— заметил Александр,— то выпустить немного, то вдруг остановить, открыть клапан или закрыть...» — «Да, этот клапан недаром природа дала человеку — это рассудок...»

На протяжении всего романа читатель следит за этими двумя способами проживания жизни — чувством и рассудком. Порою кажется, что Гончаров в самой категорической форме советует нам жить разумно и только разумно, во всяком случае, поверять разумом чувство, как Сальери алгеброй гармонию. Но это Гончаров-мыслитель, человек размышляющий. И будь автор романа только таковым, он непременно и «доказал» бы нам, что жить необходимо разумно. Однако Гончаров прежде всего художник, да еще реалистический художник. Он изображает явление таким, каково оно есть, а не таким, каким ему бы хотелось его видеть. Как сын своего века Гончаров целиком за Адуева-старшего, он сам в этом признается: «В борьбе дяди с племянником отразилась и тогдашняя, только что начавшаяся ломка старых понятий и правов — сентиментальности, карикатурного преувеличения чувства дружбы и любви, поэзия праздности, семейная и домашняя ложь напускных, в сущности небывалых чувств... Все

это — отживало, у
го-то трезвого, дел
В фигуре Аду
ка. И чувствовал
возлагал надежды
Кто же такой
этот человек дела
ясен. Этот новый
дального уклада,—
го своего рождения
чета.
Сколько раз в
о расчете. Расчет в
женитьбе... И это с
Даже в вопросах тв
талант? Без этого ве
хорошего? Талант —
сделаешь, и притом
это измеряете деньга
читают, тем больше
Вот он, расчет,
сти — в деньгах. Вс
« — Вы никак
— Что ж за гор
Капиталист... Ме
Гончаров — мыс
типе человека, в Пе
дожник не дает возмо
века размышляющего
смысле более точен,
ратура,— по меткому
ется художественной,
мом деле. Ее назначе
С чувством бесспо
и опыта, с вершины с
чистую веру племянн
большим успехом. Вот
Александра:
«Вглядываясь в я
видел, что ни там ни с
зовой надежды: все у
разостлалась, как степ
римое пространство! ка
гибло, будущее уничтож

это — отживало, уходило; являлись слабые проблески новой зари, чего-то трезвого, делового, нужного».

В фигуре Адуева-старшего Гончаров чувствовал нового человека. И чувствовал верно — это шел именно новый человек. На него возлагал надежды Иван Александрович.

Кто же такой Петр Иваныч Адуев, этот образец для подражания, этот человек дела и трезвого ума? Исторически всем нам он давно ясен. Этот новый тип, идущий на смену людям обветшавшего феодального уклада,— капиталист. А капиталист во все времена, с самого своего рождения, и во всех странах един — это человек дела и расчета.

Сколько раз в романе Адуев-старший произносит слова о деле и о расчете. Расчет в деле. Расчет в дружбе. Расчет в любви. Расчет в женитьбе... И это слово никогда не звучит в его устах осуждающе. Даже в вопросах творчества расчет. «Уверен ли ты, что у тебя есть талант? Без этого ведь ты будешь чернорабочий в искусстве — что ж хорошего? Талант — другое дело: можно работать; много хорошего сделаешь, и притом это капитал — стоит твоих ста душ».— «Вы и это измеряете деньгами?» — «А чем же прикажешь? чем больше тебя читают, тем больше платят денег».

Вот он, расчет, выраженный в самой реальной своей реальности — в деньгах. Все меряется деньгами!

« — Вы никак не можете представить себе безденежного горя!

— Что ж за горе, если оно медного гроша не стоит...»

Капиталист... Мера ценности — деньги.

Гончаров — мыслитель, социолог — хочет увидеть идеал в новом типе человека, в Петре Иваныче Адуеве. Хочет... Но Гончаров-художник не дает возможности затуманиться глазам Гончарова — человека размышляющего. В познании истины художник в известном смысле более точен, нежели мыслитель, ибо «художественная литература,— по меткому выражению А. П. Чехова,— потому и называется художественной, что рисует жизнь такою, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная».

С чувством бесспорного превосходства, с высоты своего возраста и опыта, с вершины своего знания жизни сокрушает дядя наивную и чистую веру племянника в «мира совершенство», и сокрушает с большим успехом. Вот что творится в душе когда-то пылкого, юного Александра:

«Вглядываясь в жизнь, вопрошая сердце, голову, он с ужасом видел, что ни там ни сям не осталось ни одной мечты, ни одной розовой надежды: все уже было назади; туман рассеялся; перед ним разостлалась, как степь, голая действительность. Боже! какое необозримое пространство! какой скучный безотрадный вид! Прошлое погибло, будущее уничтожено, счастья нет: все химера — а живи!»

Адуев-младший опускается до самого жалкого состояния и доходит до попытки самоубийства. Гончаров не щадит своего героя — развенчивает полностью. Нет сомнений: да, именно так и бывает с разочаровавшимися в жизни людьми.

«Научите же меня, дядюшка, по крайней мере, что мне делать теперь? Как вы вашим умом разрешите эту задачу?» — восклицает в полном бессилии Александр. И получает ответ: «Что делать? Да... ехать в деревню».

И, проклиная город, где он похоронил свои лучшие чувства и утратил жизненные силы, Александр возвращается к «весям и пажитям»: едет назад в деревню. Александр не одержал победы. Ее одержал дядя. Одержал полностью.

Напрасно Александр едет в деревню, надеясь там на чудо воскрешения. Воскрешение невозможно, возможно только преображение. И оно происходит. Как это ни странно, но именно в деревне Александр начал тосковать по Петербургу, тому самому злому, мрачному, бездушному Петербургу, который он так недавно предавал анафеме. В мозгу преображенного Александра зашевелились новые мысли: «Чем дядюшка лучше меня? Разве я не могу отыскать себе дороги?.. нельзя же погибнуть здесь!.. А моя карьера, а фортуна?.. я только очень отстал... да за что же?..» И Александр Федорыч Адуев мчится обратно в Петербург делать свою карьеру и фортуну!

«...к вам приедет не сумасброд, не мечтатель, не разочарованный, не провинциал, а просто человек, каких в Петербурге много и каким бы давно мне пора быть»,— пишет он тетушке.

Я давно заметил такое явление жизни: некоторые молодые люди, склонные к идеализации действительности, мечущие громы и молнии против любых проявлений человеческих слабостей, требующие от других идеального поведения,— повзрослев и увидав своих сверстников, людей, может быть, и не таких уж идеальных, ушедших далеко вперед по пути обыкновенного жизненного продвижения, вдруг как бы спохватываются и начинают их догонять. Догонять во что бы то ни стало! И тут эти самые милые требовательные идеалисты превращаются в людей чрезвычайно практических, не брезгующих никакими средствами в достижении их запоздалых целей, и куда более скверных, нежели те, кого они так недавно упрекали во всех смертных грехах.

То же произошло и с Александром. Наивный, чистый провинциал-идеалист становится, попросту говоря, чудовищем. Гончаров развенчал своего героя до конца. Вот, как бы говорит автор, таков конец человека, входящего в жизнь с надуманными представлениями о ней. Сначала он разбивает свой идеальный лоб о реальные острые углы жизни, потом этот лоб твердеет и на нем, этом лбу, вырастает твердый нарост, человек становится носорогом.

Но каковы же и
тора? Героя, в кото
да, способного на
странно и даже ни
горше. Человек ре
своего племянника,
и чуть не довел до ч
В конце концов Пет
службу, отказаться
ном — уехать в Ит
жизнь своей жены.

Племянник пре
какой-то степени пр
Гончаров, доказыва
чета, криком кричит
та и бездушного дел
видел в свое время в
ности сочетать боль
Всякое дело, если он
ния, становится тяж
нему людей. Мир пр

Гончаров-мысли
жении всего романа
правом можем отнес
века, реализм котор
даже независимо от

Юношу или де
«Как жить — чувств
перечесть «Обыкнове
найти прямого ответ
поможет молодым лю
важные вопросы, ко

Но каковы же плоды победы Петра Иваныча, любимого героя автора? Героя, в котором Гончаров видел человека дела, человека труда, способного на борьбу со всероссийским застоем? Как это ни странно и даже ни алогично, плоды победы дядюшки один другого горше. Человек реального взгляда на вещи сначала духовно убил своего племянника, который по-своему был даже мил его сердцу, и чуть не довел до чахотки любимую жену Лизавету Александровну. В конце концов Петр Иваныч собирается продать свой завод, бросить службу, отказаться от звания тайного советника и мечтает об одном — уехать в Италию, где, может быть, ему удастся продлить жизнь своей жены.

Племянник превратился в дядю, да еще с «пришком»! Дядя в какой-то степени превращается в племянника. Совершенно невольно Гончаров, доказывающий нам преимущества трезвого разума и расчета, криком кричит о том, что любовь к людям выше всякого расчета и бездушного дела. Именно как истинный художник Гончаров не видел в свое время выхода из этой драматической коллизии: возможности сочетать большое дело с истинно человеческой сущностью. Всякое дело, если оно является только средством личного преуспеяния, становится тяжким, а порой и гибельным для причастных к нему людей. Мир предпринимательства жесток.

Гончаров-мыслитель и Гончаров-художник боролись на протяжении всего романа. Победил Гончаров-художник. И мы с полным правом можем отнести его к тем выдающимся писателям прошлого века, реализм которых, по словам Ф. Энгельса, «может проявиться даже независимо от взглядов».

Юношу или девушку, приславших мне записку с вопросом: «Как жить — чувством или разумом?» — я попросил бы прочесть и перечесть «Обыкновенную историю». Правда, в романе Гончарова не найти прямого ответа на такой вопрос. Но этот старый роман очень поможет молодым людям самостоятельно найти ответы на некоторые важные вопросы, которые ставит перед ними век двадцатый.

Виктор Розов

И. А. Гончаров

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Роман
в двух частях

Москва
«Художественная литература»
1987

А.Н.Радищев

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

Ленинград
«Художественная литература»
Ленинградское
отделение
1981

СОЖЖЕННАЯ КНИГА

I

Чавкали копыта. Обляпанный осенней грязью возок колыхало на рытвинах. Солдаты в треуголках посоловело глазели вокруг: косматые серые облака волоклись по полям, седые кусты набрякли дождевой капелью... Между конвойными сидел человек в нагольной мужицкой шубе, скованный цепью. Это был Александр Радищев.

Впереди, за дождями и грязями, лежали не просто села и города — Чудово, Спасская Полесть, Подберезье, Новгород,— а главы крамольной книги, его книги, всполошившей столицу летом 1790 года. По горькой иронии судьбы первый мыслитель эпохи ехал в сибирскую ссылку той самой московской дорогой, с которой взгляпул на Россию герой изданного им «Путешествия из Петербурга в Москву».

Вокруг была екатерининская Россия — крепостная, голодная, с страдальческими, пачпими горем очами, исполосованная самодержавной плетью.

Но он видел ее и иной. «Я зрю сквозь целое столетие»,— сказал он. Он видел Россию объятой пламенем крестьянской революции, в руинах помещичьих усадеб — восставшей, республиканской Россией, страной народовластия, свободы.

Его книга и Россия были одно. Он твердо знал это. И это было единственное, что укрепляло его в страшный час его жизни.

Как ни трудно было узнать в медлительном арестанте с бескровным лицом прежнего Радищева — энергичного, порывистого начальника Петербургской таможни,— все той же гордой посадки была его голова, все той же мощной лепки высокий лоб, все тем же умом светились глаза, хотя позади были семьдесят дней в затхлой и темной, как погреб, камере Петропавловской крепости.

Его книга, отпечатанная верными людьми в специально на то заведенной Радищевым домашней типографии, вышла без имени автора и под самым заурядным заглавием — «Путешествие». Еще одно «путешествие», каких немало переводилось и печаталось. Одним «путешествием» больше! Не оттого ли штатный опекун российской словесности петербургский обер-полицеймейстер дозволил выпустить книгу, не читая ее!..

Но уже через несколько дней после появления «Путешест-
вия» о нем говорит Петербург, в свободомыслящих кругах опо
«входит в моду», один экземпляр оказывается на столе самой
Екатерины, и взбешенная императрица, не в силах оторваться от
книги, читает ночь напролет. Полиция открывает имя писателя.

Екатерина не просто читала — две недели она штудировала
книгу Радищева с пером в руках. Царица сама начала следствие,
сама готовила обвинительный материал, раскрывая в своих
примечаниях опасность книги для дворянской крепостнической
монархии.

«Тут царям достается крупно», «сочинитель не любит царей
и, где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно при-
цепляется с редкой смелостию», «царям грозится плахою», «по-
мещиков сочинитель казнит», «надежду полагает на бунт от му-
жиков»,— писала она, отчеркивая в книге «места сильнейшие».

В переписке с европейскими философами Екатерина рисо-
вала Россию обителью благодеяния и тишины. Книга Радище-
ва вдребезги разбивала позлащенную ложь и была страшна уже
этим. Пытаясь возражать писателю, в заметках на «Путешест-
вие» Екатерина черпила Радищева, писала, что он-де «ко злости
склонен» и «все видит в темнячерном виде». Но Радищев, знав-
ший стандартный лексикон гонителей правды, воспроизвел его
в главе «Спасская Полесть» своей книги задолго до того, как
царица разразилась бранью. Писатель побеждал в заочной по-
лемике: на его стороне была истина. Оттого Екатерине приходи-
лось поправлять, перемарывать написанное.

«Лучше судьбы наших крестьян нет по всей вселенной»,—
запальчиво восклицала она. А петербургские, московские «Ве-
домости» из номера в номер публиковали объявления: «Про-
даются 2 дворовых человека, из которых один псарь, а другой
музыкант. Также продается мерин серой. Аглинской породы,
пеезженой...»; «Продается ткач 35 лет с женой и дочерью и вят-
ский жеребец 6 лет...» И Екатерина, дабы не показаться смеш-
ной в глазах тех, кому адресовались ее записки, вынуждена
была перепачивать фразу: «Лучше судьбы наших крестьян
у хорошева помещика нет по всей вселенной».

Еще страшнее книга Радищева была тем, что она доказы-
вала законность и неизбежность народной революции, которая
сметет самодержавие. Книга славила революцию.

Неудивительно, что императрица еще не закончила читать
«Путешествие из Петербурга в Москву», а Радищев был уже
водворен в Петропавловскую крепость. «Келейные допросы» вел
сам Степан Шешковский — свирепый тщедушный старик, имя
которого вселяло в петербуржцев ужас. «Домашний палач» Ека-

терины, глава тайной
па Пугачева. Посылая
скому, императрица
«Бунтовщик *хуже* Пу
Эти слова, да сцо
ным актом по делу о
полненной самыми в
дищева занималась и
В душный и жар
читан смертный при
тербургского суда. Д
мысленно прощаясь с
бил. Он ждал, что с к
Но миновал меся
Он ничего не мог
Слух его необычайно
гремя тяжелыми кл
«Сейчас...» Он соб
смерть.
А тем временем
лил сенат: «казнить
«заклепав в кандалы
Затем доклад сената
рела в нем имя: У
Государственным со
внесена усугубляющ
Екатерины.
Радищев ждал к
Глухой, словно
тов проникал в каме
Но Екатерина м
Она держала в р
говор Радищеву, ко
нуть перо...
Царица должна
преступление которо
Екатерина создавала
И разве ей хотелос
могла попытать са
Столица Санкт-П
Швецией, а мир все
тери отечества», изл
роты», не проявить

терины, глава тайной экспедиции, в 1775 году он пытал Емельяна Пугачева. Посылая свои заметки на «Путешествие» Шешковскому, императрица недвусмысленно высказалась о Радищеве: «Бунтовщик *хуже* Пугачева».

Эти слова, да еще записки Екатерины, и были обвинительным актом по делу об Александре Радищеве и его книге, «наполненной самыми вредными умствованиями», хотя делом Радищева занималась не одна судебная инстанция.

В душный и жаркий июльский полдень Радищеву был зачитан смертный приговор, вынесенный уголовной палатой Петербургского суда. Днем позже Радищев написал завещание, мысленно прощаясь с детьми, отцом и женщиной, которую любил. Он ждал, что с казнью не замедлят.

Но миновал месяц. Прошли еще десять дней...

Он ничего не мог делать. Не мог не только писать — думать. Слух его необычайно обострился, и, когда по коридору топотали, гремя тяжелыми ключами, стражники, тело его напрягалось: «Сейчас...» Он собирал силы, чтобы достойно встретить смерть.

А тем временем решение уголовной палаты утвердил и усилил сенат: «казнить смертию, а именно... отсечь голову». а пока, «заклепав в кандалы, сослать в каторжную работу в Нерчинск». Затем доклад сената дополнительно изучила Екатерина и усмотрела в нем изъян: умолчание о преступлении против присяги. Государственным советом в приговор была незамедлительно внесена усугубляющая поправка. И бумаги вновь легли на стол Екатерины.

Радищев ждал казни.

Глухой, словно идущий из-под земли гул соборных курантов проникал в камеру. От него стыла кровь.

Но Екатерина медлила.

Она держала в руках трижды утвержденный смертный приговор Радищеву, которого так добивалась. Оставалось обмакнуть перо...

Царица должна была отправить на плаху писателя, все преступление которого состояло в издании книги. Не сама ли Екатерина создавала себе ореол «просвещенной государыни»? И разве ей хотелось укреплять мнение, что книга Радищева могла пошатнуть самодержавный трон?..

Столица Санкт-Петербург праздновала заключение мира со Швецией, а мир всегда означал амнистию. Можно ли было «матери отечества», изливавшей по сему случаю «щедроты и доброты», не проявить «милосердия»!..

Иезуитски изощренная и искушенная государыня была вовлечену первой актрисой империи. Она решила не подписывать приговора.

Приговор был, о нем узнали. Теперь она могла явить великодушие.

Припомнив доношения о плохом здоровье осужденного и имея в виду приближение зимы, Екатерина изволила «помиловать» Радищева: сослать его в Илимск «на десятилетнее безысходное пребывание».

Узнавшие об этом указе содрогнулись. Русский посол в Лондоне писал: «Десять лет Сибири хуже смерти...»

Екатерина не сомневалась, что после крепости Радищев не выдержит дороги в семь тысяч верст или, на худой конец, умрет в Сибири. Приговор свершится, пребывание все равно окажется «безысходным».

Со «зловредной» же книгой, думала она, покончено: бо́льшая часть тиража сгорела в кухонной печи радищевского дома перед арестом сочинителя, остальное, изъятое у продавца и у тех, кто успел купить книгу, было сожжено властями.

Но императрица слишком спешила похоронить Радищева и его книгу. Писателя везли в ссылку, пепел сожженных страниц развеяло ветром, а «Путешествие из Петербурга в Москву» начинало свою вторую — подпольную жизнь. Более трех десятков экземпляров сохранилось, и книга тайно пошла кочевать из рук в руки. Заскрипели перья. Рукописные тетради понесли России негодующее радищевское слово. Один из таких списков писатель увидит в захолустном Кунгуре, возвращаясь из сибирской ссылки.

II

Когда дворянин-путешественник отправлялся в заграничный вояж, он привозил занимательную повесть о чужих землях, чужих народах.

Но что за путешествие можно было совершить из Петербурга в Москву? Что можно было увидеть на изъезженном тракте между двумя столицами? Чему удивиться?.. Россия — не Швейцария. Россия — это будни, привычное, примелькавшееся.

За околицу екатерининского Петербурга выехал ничем не отличавшийся от прочих проезжающих человек. Человек, как все, огляделся, но внимание его не задержали ни пестрые краски цветущих лугов, ни березовые хороводы, ни звенящий жаворонок.

По рыхлой борозде шагал за сохой мужик. Крестьянин пахал в праздник по самой жаре.

Путешественник вылез из кибитки и подошел к нему. На недоуменный вопрос барина мужик ответил: «В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину... У господина на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов... Не одни праздники, и почь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет».

И путешественник понял вдруг, что вот этого живого, страдающего мужика нет еще в российской литературе.

Было от чего пережить потрясение. Вокруг было рабство, рабами было большинство крестьян — наиполезнейших членов общества, но Россия XVIII столетия не удивлялась этому: она узаконила рабство, она мыслила и чувствовала как рабыня. Дух рабства и угнетения пронизывал все поры государственного организма, губил частную жизнь, отравлял кровные отношения и, проникнув в сознание человека, отучал его прямо смотреть на окружающее, видеть зло и причины зла.

И чем дальше ехал путешественник, тем невыносимее становились картины унижения и закрепощения человека. Встречные знакомые и незнакомые люди рассказывали ему горестные пережитые истории, и он думал о преступности нынешних русских порядков. Песнь ямщика веяла неизбывной скорбью душевной. И даже сквозь сон на постоялых дворах путешественник слышал рассказы о злоупотреблениях властью.

Рабство оттого и было повсюдно, что оно составляло суть, основу всей системы дворянско-крепостнической монархии. Не случайно путешественник обмолвился: «Зимою ли я ехал или летом, для вас, думаю, равно. Может быть, и зимою и летом». Не пейзаж, не внешние приметы местечек, которые он проезжал, занимали его. Оттого он редко заносил их в дорожную тетрадь. Его интересовала Русь феодальная, которая была одной и той же везде и в любую пору.

Путешественник хотел, чтобы, стряхнув рабское наваждение «с очей природного чувствования», Россия увидела себя такой, как она есть — без екатерининских румян и сусального золота. Но еще более хотел путешественник, чтобы Россия научилась мыслить так, как мыслил он, еще более стремился он внушить ей всей логикой рассуждений, что дворянское самодержавие и крепостничество неразрывны, что только народная революция может до конца искоренить общественное зло.

Радищев — сын своего века — был просветителем. «Путешествие из Петербурга в Москву» — революционная просветительская публицистика. Книгой своей, мыслью своей писатель надеялся объединить тех, «кто сострадет над бедствиями братии». «Любитель человечества, возникший на пробуждение

несчастных», он нес «твердые размышления», «на истине основанные, власти противные», боролся против убаюкивающего «сладкопения» дворянской литературы, ставил целью воспитание революционное, просвещение политическое. От человека он требовал гражданского мужества: «если бы закон, или государь, или бы какая-либо на земле власть подвизала тебя на неправду... пребудь... неколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже́ самой смерти».

Россия XVIII столетия не знала мыслителя, равного Радищеву по обширности и глубине ума. С последовательностью и разносторонностью ученого рассмотрел и подверг он уничтожающей критике в «Путешествии из Петербурга в Москву» всю самодержавно-крепостническую общественную систему, несущую народу горе. «Энциклопедия русской жизни» — это крылатое определение прямо приложимо к книге Радищева.

Начать с того, что читатель оказался замешанным в шумную толпу персонажей разных сословий и рангов — от крепостного мужика до самого царя. Пусть Радищев дает не характеры, а социальные характеристики, пусть человеческие взаимоотношения его интересуют почти исключительно со стороны их социальных проявлений — ситуации, в которых действуют его герои, их поступки, настроения, суждения (не всегда по форме, но всегда по существу) правдивы, жизненны, прямо взяты из екатерининской действительности.

Старик стряпчий мечтает восстановить «хвастовство древней породы». «Подле столицы, в глазах великого государя», когда тонут два десятка человек, сержант не смеет разбудить начальника. Город — «жилище тигров». Дворянин незаконно ограблен судьями, от потрясения его беременная жена умирает, ему же грозит новый суд... Мнимость декларируемых общественных ценностей рождает людей без идеалов и стремлений. Крашеные валдайские девки тащат проезжих в бани. Там, где был некогда вольный Новгород, царствуют купцы-мошенники. Честный председатель уголовной палаты, «не в силах будучи делать добро, оставил место истинному хищному зверю...» Человека подстерегает ежечасно опасность стать рабом: так лучше смерть, чем рабство... Вот какова она, екатерининская Россия, распахнутая нашему взору Радищевым.

Дар писателя схватывать типические стороны русской действительности был столь велик, что радищевские темы зазвучат позже у Рылеева, Пушкина, Лермонтова, Герцена... Еще до Грибоедова произнесены исполненные отчаяния слова: «заеду туда, куда люди не ходят, где не знают, что́ есть человек, где имя его неизвестно» («Чудово»), «а я теперь еду, по послови-

де — куда глаза глядят» («Спасская Полесть»). Еще до Гоголя увидит читатель галерею помещиков-монстров, услышит: «Поглядитесь в сие зеркало...» («Едрово»). «Путешествие» стоит на пороге русского реализма.

Радищев сочетает беллетристику с публицистикой. Писатель-рационалист, он не столько изображает, сколько изобличает, требует, предлагает. Каждая живая сценка — отправной пункт для высказывания по жгучим проблемам современности.

Форма «путешествия» давала большой простор для прямых размышлений Радищева «по поводу» («Едрово», «Новгород», «Вышний Волочок»). Но, дабы не злоупотреблять монологами путешественника, писатель произносил речи от имени встреченных им единомышленников (председатель уголовной палаты Крестьянкин в главе «Зайцово», дворянин в «Крестцах»), цитировал якобы случайно найденные или нарочно оставленные единомышленниками политические трактаты, дневники, письма («Хотилов», «Выдропуск», «Торжок», «Медное», «Зайцово»), пользовался вставными новеллами («Чудово», «Спасская Полесть»), вкраплял стихотворения, ораторские речи (ода «Вольность» в главе «Тверь», «Слово о Ломоносове» в главе «Черная Грязь»), вплетал в повествование фантастические сны («Спасская Полесть»).

Ирония Радищева [illegible] политическим оружием. Писатель приводит отрывок из новой «летописи новгородской»: «Новгородцы сочинили письмо для защищения своих вольностей и утвердили оное печатью осьмию печатьми... Царь Иван письмо... у новгородцев отнял». Эти по-щедрински саркастические строки обосновывают у Радищева революционную в своем существе мысль, что право народа должно быть подкреплено силой. Где у народа нет силы, там господствует самодержавный произвол.

«Путешествие», всеобъемлющее по охвату фактов русской жизни, явилось как бы кодексом критических антимонархических и антикрепостнических высказываний. С присущей ему аналитической глубиной Радищев осветил связь таких явлений, как падение нравственности народа и разврат верхов («нижние заражаются от верхних, а от них язва разврата достигает и до деревень»), как взаимная зависимость самодержавия и церкви; он указал, что узники неволи, «власть и острие в руках имеющие», могут быть «напяростнейшими проповедниками» ее, что цензура, останавливая шествие мысли, лишает печать ее функции оздоровителя общества. С особенной силой и страстью звучит обличающий голос писателя в главе «Спасская Полесть», где языком прозрачного иносказания нарисовано государство

и двор Екатерины II, где царь предстает в одеждах, намокших от крови и слез народных, «первейшим в обществе убийцей, первейшим разбойником, первейшим предателем», «ханжою и пагубным комедиантом».

Наблюдая вакханалию угнетения крестьянства, видя моральную деградацию верхов, Радищев находил опору для оптимистических прогнозов в народе. Мерилом ценности человека становятся в его произведении народные критерии. Не случайно в речи о воспитании юношества, произносимой крестицким дворянином, одним из единомышленников путешественника, выдвигается требование кормиться делом рук своих, что является важнейшей нормой крестьянской морали («Едрово»). Благородство и красота нравственного и физического облика крестьян, их непрерывный труд на благо общества писатель считает залогом будущего великого национального возрождения. Растущее в народе чувство протеста заставляло его восклицать: «Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение». Как далеко шел Радищев в своей ненависти к дворянству, видно из следующего его высказывания: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, ярясь в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашею обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую...» Писатель прозревал революцию: «Колокол ударяет... опасность уже вращается над главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждет часа удобности...» Оглядываясь в прошлое России и Европы, сравнивая новую историю России, Франции и рабовладельческой Америки, Радищев видел то, чего не видели его современники,— оттого ода «Вольность», включенная в «Путешествие», рисовала крушение тронов, возведение царей на плаху, установление республики.

Враг самодержавия, своим «Путешествием» Радищев выступил и против реакционных течений общественной мысли, которые не помогали воспитанию человека-«делателя», отвлекали от социальной борьбы, уводили «в поля бредоумствования» (масонство). Он доказывал, что человек не может быть счастлив, если несчастен мир, обличал трусость зрячих, которая объективно упрочивала власть помещиков-крепостников. Писатель — воплощенная совесть России — видел идеал человека в борце, живущем действительными интересами народа.

... Радищев опережал свой век. Книга и имя его озарили перспективу русского освободительного движения на целые десятилетия вперед. Он входит в нашу историю под именем первого русского революционера. И когда свершилась Октябрьская социалистическая революция, в Петрограде над обломками ограды Зимнего дворца, бывшей резиденции царей, рабоче-крестьянская власть поставила свой первый памятник. В невские дали смотрело высеченное из камня лицо пророка революции Александра Радищева.

Ал. Горелов

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо к ученому соседу 3
Радость 7
В цирульне 9
На гвозде 12
Торжество победителя *(Рассказ отставного коллежского регистратора)* 14
Умный дворник 17
Загадочная натура 19
Случай с классиком 21
Из дневника помощника бухгалтера 23
Смерть чиновника 25
Злой мальчик 28
Приданое 30
Дочь Альбиона 35
Шведская спичка *(Уголовный рассказ)* 38
Справка 57
В Москве на Трубной площади 59
Толстый и тонкий 63
В почтовом отделении 65
Клевета 66
Орден 70
Perpetuum mobile 72
Репетитор 79
Жалобная книга 82
Чтение *(Рассказ старого воробья)* 83
Альбом 87
Броженне умов *(Из летописи одного города)* 89
Экзамен на чин 92
Хирургия 95
Хамелеон 98
Из огня да в полымя 101
Надлежащие меры 107
Винт 110
Маска 114
Брак по расчету *(Роман в 2-х частях)* 118
Страшная ночь 123
Не в духе 128

Капитанский мундир 130
У предводительши 136
Живая хронология 139
В бане 142
Упразднили! 148
В номерах 153
Канитель 156
Последняя могиканша 158
Сапоги 162
Нервы 166
Дачники 170
Симулянты 172
Налим 175
Из воспоминаний идеалиста 179
Лошадиная фамилия 183
Мыслитель 186
Заблудшие 189
Злоумышленник 193
Отец семейства 197
Унтер Пришибеев 200
Кухарка женится 204
Сонная одурь 209
Дорогая собака 212
Писатель 215
Пересолил 218
Ну, публика! 221
Шило в мешке 225
Антрепренер под диваном *(Закулисная история)* 229
Восклицательный знак *(Святочный рассказ)* 232
Неудача 236
Детвора 238
Тоска 243
Анюта 247
Много бумаги *(Архивное изыскание)* 251
Гриша 254
Счастливчик 257
Роман с контрабасом 261
Страдальцы 266
В потемках 271
Длинный язык 277
Месть 279
Тссс!.. 282
Оратор 285
Произведение искусства 288
Ванька 292

Полинька 296
Неосторожность 301
Накануне поста 304
Беззащитное существо 309
Житейские невзгоды 313
Письмо 316
Драма 327
Беззаконие 332
Хороший конец 336
Из записок вспыльчивого человека 340
Сирена 349
Мститель 354
Свадьба 358
Мальчики 364
Каштанка (*Рассказ*) 370
Без заглавия 389
Спать хочется 392

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННИКИ

Русская классическая литература

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

Рассказы

Редактор *И. Шарина*

Художественный редактор
В. Серебряков

Технические редакторы
М. Плешакова, Т. Фатюхина

Корректоры
Т. Гринивецкая, Н. Попова

ИБ № 4449

Сдано в набор 11.02.85. Подписано в печать 27.06.85. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 21,63. Уч.-изд. л. 21,71. Тираж 1 100 000 экз. (1 завод 1—100 000) экз. Изд. № 1-2031. Заказ № 733. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28 Отпечатано в Московской типографии № 13 ПО «Периодика» ВО «Союзполиграфпрома» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 107005, Москва Б-5, Денисовский пер., д. 30.
Зак. 320.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Знаменитый французский писатель Александр Дюма (1802—1870) известен прежде всего как автор многочисленных приключенческих романов на исторические темы.

Но Дюма писал не только романы. Его перу принадлежат также исторические драмы, путевые записки, рассказы, очерки, статьи и т. д.

Дюма — один из самых плодовитых писателей в мировой литературе (полное собрание сочинений включает 277 томов).

Многие книги Дюма давно уже и справедливо забыты, но его лучшие романы и сейчас увлекают читателей занимательностью и легкостью изложения, искусно построенной, стремительно развивающейся, полной жизни и движения приключенческой фабулой.

Исторические факты служат Дюма лишь канвой, которую талантливый романист расцвечивает прихотливыми узорами своего вымысла. Когда Дюма упрекали в том, что он нередко искажает исторические факты, писатель отвечал: «Возможно, но история для меня — только гвоздь, на который я вешаю свою картину».

Не особенно заботясь об исторической достоверности, Дюма, тем не менее, умело находит мелкие бытовые подробности и характерные детали, которые придают его романам видимость исторического правдоподобия. Общеизвестные исторические факты переплетаются в его романах с выдуманными событиями, реальные исторические лица действуют наряду с вымышленными персонажами.

Дюма часто обращается к бурным переломным периодам французской истории (гражданские войны XVI века, Фронда, буржуазная революция 1789 года и др.). Однако к большим историческим событиям, которые влияли на судьбы народов, писатель подходит упрощенно, объясняя их более или менее случайными причинами. Главной движущей силой истории становятся у него дворцовые интриги, политические заговоры, часто-

любивые стремления отдельных государственных деятелей. Клас-
совую борьбу, лежащую в основе всякой революции и всякого
народного движения, Дюма почти не принимает во внимание.

Такое упрощенное понимание истории приводит к тому, что
подлинные исторические события остаются в тени, а основную
заботу романисту доставляют вымышленные приключения ге-
роев. Поэтому романы Дюма не могут служить правдивой иллю-
страцией к учебнику истории.

И все же лучшие книги Дюма, такие как «Три мушкетера»,
«Двадцать лет спустя», «Десять лет спустя», «Граф Монте-Кри-
сто», «Королева Марго» и другие, привлекают нас не только за-
нимательными положениями и приключенческим сюжетом.

На страницах его романов и в памяти читателей живут
благородные, отважные, великодушные герои, которые никогда
не поступятся своей честью ради богатства, не покинут друга
в беде, не дрогнут перед опасностью. Выходцы из народных
низов или обедневших дворянских семей, они становятся силою
обстоятельств жертвами или невольными участниками придвор-
ных интриг и заговоров. На каждом шагу их подстерегают пре-
пятствия и преследуют злодеи. Окружающий их мир полон нена-
висти и коварства. Но героям Дюма никогда не изменяет чувство
патриотизма и национальной гордости. Им чужды династиче-
ские распри феодалов и политические махинации придворных.
Стойкость и мужество, кипучая энергия и неиссякаемый опти-
мизм помогают этим смельчакам всегда добиваться удачи и до-
стигать заветной цели.

Прекрасные человеческие качества и здоровые нравственные
принципы присущи также Корнелиусу ван Берле и Розе Грифус
героям романа «Черный тюльпан» (1850).

В этом интересном произведении отразились и сильные сто-
роны творчества Дюма — замечательного мастера сюжетного по-
вествования — и все недостатки его исторических романов.

В качестве исторической канвы здесь взяты события из исто-
рии Голландии XVII века, — вернее, события 1672 года, когда
Голландия представляла собой запутанный клубок внутренних
и международных противоречий.

Нидерландская буржуазная революция XVI века, освобо-
дившая страну от испанского владычества, разорвала путы
феодализма и привела к созданию первого в истории капитали-
стического государства с республиканским образом правления.

В XVI—XVII веках главную роль в экономической жизни
Голландии играл морской флот, обслуживавший основные пе-
ревозки между европейскими странами и их колониями. Голлан-

дия стала «миро
гие морские де
Но во второ
на море все бо
Англо-голлан
речиями франко
Франция Лю
падной Европе. Ф
ствованием на
жуазной республ
Обострение
англо-голландски
дии выступила
главе с Франци
1672 год бы
политического кр
в страну и подхо
даму. Внутри стра
Правительство Ян
торговой буржуаз
говцев и ремеслен
крестьянах, котор
эксплуатации и
Аристократиче
гельма III Оранск
организовать обор
французами. В эт
создать популярно
Оранскому: народ
видного деятеля Н
ную личность, спо
лора внешнему вр
Все это привел
приходу к власти
Вильгельм III
ствительно удалось
деною прорыва пло
также расстроить
Англией мир. Позж
ей; голландский шт
Однако во внут
никаких существенн
дежд, какие возлага

дия стала «мировым извозчиком», оттеснив на второй план другие морские державы.

Но во второй половине XVII века в борьбу за преобладание на море все более решительно вступает Англия.

Англо-голландские противоречия переплетались с противоречиями франко-голландскими.

Франция Людовика XIV являлась оплотом феодализма в Западной Европе. Французский король не желал мириться с существованием на границах своего государства Голландской буржуазной республики.

Обострение международных противоречий привело к трем англо-голландским войнам. В последней из них против Голландии выступила мощная коалиция европейских государств во главе с Францией.

1672 год был для Голландской республики годом острого политического кризиса. Большая французская армия вторглась в страну и подходила к ее экономическому центру — Амстердаму. Внутри страны вспыхнули народные волнения и восстания. Правительство Яна де Витта, представлявшее интересы крупной торговой буржуазии, не пользовалось поддержкой мелких торговцев и ремесленников, не говоря уже о рабочих мануфактур и крестьянах, которые активно протестовали против чудовищной эксплуатации и непосильного налогового бремени.

Аристократическая партия оранжистов, сторонников Вильгельма III Оранского, обвинила Яна де Витта в неспособности организовать оборону страны и даже в предательском сговоре с французами. В этот критический момент оранжистам удалось создать популярность своему ставленнику — Вильгельму III Оранскому: народ видел в нем потомка Вильгельма I Оранского, видного деятеля Нидерландской революции XVI века, и сильную личность, способную сплотить национальные силы для отпора внешнему врагу.

Все это привело к государственному перевороту 1672 года и приходу к власти штатгальтера Вильгельма III Оранского.

Вильгельм III был хитрым и ловким политиком. Ему действительно удалось изгнать из Голландии французов, — правда, ценою прорыва плотин и затопления части земель. Ему удалось также расстроить антиголландскую коалицию и заключить с Англией мир. Позже он скрепил союз с Англией и личной унией: голландский штатгальтер стал английским королем.

Однако во внутреннем положении страны не произошло никаких существенных изменений. Вильгельм III не оправдал надежд, какие возлагала на него голландская буржуазия: влия-

ние Голландии на мировой арене продолжало падать. И тем более он не оправдал надежд народных масс: капиталистический гнет внутри страны с каждым годом усиливался, налоговое бремя возрастало.

Поэтому нет никаких оснований считать события 1672 года «великими»: на смену свергнутой реакционной группировке пришла другая, еще более реакционная. Нет также никаких оснований идеализировать Вильгельма III Оранского и его противников — братьев де Виттов.

Впрочем, верный своим творческим установкам, Дюма и не стремился к подробному изображению всех политических перипетий бурного 1672 года. Исторические события, намеченные в начале романа, служат автору лишь источником сюжетных обострений, поводом для неожиданных поворотов действия.

В качестве материала для фабулы взята область, далекая от политических страстей, — цветоводство, — точнее, разведение тюльпанов.

Скромное луковичное растение с красивым цветком доставило голландцам, пожалуй, не меньше волнений, чем политическая борьба партий.

Увлечение тюльпанами началось еще в XVI веке, когда из Турции были завезены луковицы декоративных сортов. В Голландии XVII века мода на тюльпаны переходит в форменную «тюльпаноманию». Разведение тюльпанов превращается в доходную статью, а нездоровый ажиотаж вокруг этого цветка вздувает баснословные цены на луковицы редких сортов. Гаарлемская биржа становится центром спекуляции тюльпанами, для прекращения которой понадобился специальный указ правительства.

В таких условиях попытки выведения новых сортов тюльпанов преследовали не столько научные, сколько коммерческие и спортивные цели.

Эти бытовые особенности голландской жизни XVII века, которые, собственно, и служат главным предметом изображения в романе «Черный тюльпан», показаны Дюма ярко и правдиво. Несмотря на произвольную трактовку автором исторических событий, «Черный тюльпан», несомненно, имеет известную познавательную ценность, знакомя читателей с своеобразным бытом и нравами голландцев XVII века. Но прежде всего, как и другие, более известные произведения Александра Дюма, «Черный тюльпан» является увлекательным, захватывающе-интересным приключенческим романом.

Е. Брандис

20 августа
ный, сияющи
ный праздни
ком, огромны
скими здания
каналов, в ко
стилю купола
город Гаага —
был заполнен
толпами граж
ми за поясом,
ми в руках,
рон к грозной
мился по дон

[1] Республик
Голландская рес
дерландской бур
входило семь пр
ген, Гельдерн, О
году так называ
шую существова
винции Голланди
винций появилос

ГЕРОЙ О ГЕРОЯХ

Книга «Сильные духом» выдержала испытание временем. Более десяти лет тому назад в печати появились первые сжатые записки о героических, тогда только что отгремевших, партизанских делах. Советские люди узнали о подвигах партизанского боевого коллектива разведчиков, которым командовал Дмитрий Николаевич Медведев. Они узнали, что все это невероятное и чудесное действительно было и что все «Это было под Ровно». Маленькая книжечка, предназначенная для юношества, облетела страну. Но ее читали и взрослые. Она была принята народом, особенно пылкой молодежью, и как увлекательный «приключенческий» рассказ и как неприкрашенное свидетельство очевидца. Смелые, самоотверженные герои ее — Кузнецов и Стехов, Лукин и Приходько, Марина Кох и Валя Довгер, Новак и Остафов, Могутный и Коля Маленький, Струтинский и Цессарский — стали известны всей стране. Имя талантливого разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова — любимого героя молодежи — стало нарицательным.

Писатель продолжал работу. Упорно и настойчиво трудился он над книгой, вводя в повествование новые факты, эпизоды, упущенные или только бегло упомянутые в первой книге; изобразительная палитра писателя становилась богаче, образы патриотов-партизан ярче и живее. Такой труд — это тоже подвиг. Литературная работа была для Д. Н. Медведева новой, непривычной, и тем большая заслуга автора, что он, преодолев немалые трудности, стоящие перед начинающим литератором, написал патриотическую, правдивую книгу, тема которой — главная в произведениях Д. Н. Медведева — мужество, моральная стойкость, незабываемые героические подвиги советских людей.

Народ полюбил эту книгу. Советский читатель — строгий ценитель правды в литературе, правды суровой и прямой. И в этом успех книги Дмитрия Медведева, так же как и «Крымского подполья» Ивана Козлова, и «Записок советского офицера» Г. Пенежко, и «Теплохода «Кахетия» Ольги Джигурды, и «Подпольного обкома» Алексея Федорова и многих других бывалых людей — партизан, летчиков, танкистов, подпольщиков, военных врачей.

В книге «Сильные духом» есть, кроме названных, еще один герой — командир отряда, сам автор этой книги. Очень жаль, что из скромности Д. Н. Медведев скупо пишет о себе самом, о своих думах, борьбе, поисках и взлетах мысли, которыми так богата военная жизнь командира. Все внимание, все душевные силы он отдает людям своего отряда. И в этом тоже есть своя прелесть лепки образа. Ибо автор — в то же время и персонаж книги, действующее лицо описываемых событий. Весь в боевых замыслах, он живет в исполнителях его командирской воли, в своих боевых товарищах. Он неотъ-

...ством от своих помощников, разведчиков, командиров, бойцов, от всего боевого коллектива, который ему поручила партия. Литературная обстановка, в которой Медведеву пришлось работать, была крайне неблагоприятной. Ему нелегко было рассказать обо всем, что он видел, чувствовал, пережил. Он испытывал огромное сопротивление материала, что всегда сопутствует литературному труду — особенно в начале писательского пути. Но все усилия Дмитрия Николаевича были потрачены не напрасно. Он написал книгу, которую принял на свое моральное вооружение советский читатель.

Дмитрий Николаевич Медведев не успел рассказать всего, что знал. Умер он, едва завершив второй литературный подвиг своей жизни — книгу «На берегах Южного Буга», которой он отдал последние дни и душевные силы. Это уже была книга о славном винницком подполье — второй поросли медведевского отряда, протянувшей из-под Ровно руку братской помощи подпольщикам Винницы, действовавшим под самым носом у Гитлера — на берегах Южного Буга, где в двенадцати километрах от Винницы, в подземных казематах, врылось в землю Украины гадючье гнездо — ставка Гитлера.

* * *

Автор книг «Это было под Ровно», «Сильные духом» и «На берегах Южного Буга» Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев родом из Бежицы, старинного пролетарского центра — родины паровозников и металлистов. Год его рождения 1898. Отец его — мастер сталелитейного цеха Бежицкого завода. В семье Медведевых было тринадцать детей. Митя с детства познал и нужду, и труд, он учился и был репетитором. Летом во время каникул, когда сынки буржуазии наслаждались отдыхом, рыбной ловлей, пикниками, гимназист, сын рабочего, подрабатывал на заводе, помогая отцу.

С октября 1917 года Дмитрий Медведев — активный участник революционных дел и событий: он разоружает полицейских, затем работает в союзе металлистов и в Брянском Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов первого созыва.

С первых месяцев гражданской войны он на фронте. 1918 год — на Восточном и Петроградском фронтах, в отрядах еще рождающейся в боях Красной Армии. Затем в органах разведки, ВЧК, в борьбе с контрреволюцией, бандитизмом, кулачеством и агентурой интервентов. Двадцать лет напряженной борьбы там, где не затихала глухая кровавая и изощренная борьба с агентами врага. К 1940 году он — пенсионер по болезни и ранениям.

С первых же дней Великой Отечественной войны Д. Н. Медведев, как и многие из ветеранов революции, — на своем посту. Уже в августе 1941 года с тридцатью тремя добровольцами-москвичами он переходит фронт и в родных ему Брянских лесах организует партизанское движение. Маленький этот отряд, равносильный стрелковому взводу, рейдирует по Брянщине, неутомимо собирает мелкие отряды, не имевшие связи с центром, с Большой землей, помогает, инструктирует, выпускает листовки, готовит агентуру, нацеливает на долгую и жестокую борьбу. В этой трудной боевой и организаторской борьбе в боях с карателями командир отряда был дважды ранен и контужен. В январе 1942 года, по выполнении задания, он возвращается в Москву.

Весной Дмитрий Николаевич организует второй отряд. Его основной костяк — москвичи-комсомольцы. В июне отряд этот уже десантируется в район восточной Ровенщины.

О дальнейшем читатель прочтет в этой книге...

Коротко сообщим факты, которых нет в повествовании. За подвиги в партизанской войне Д. Н. Медведев удостоен звания Героя Советского Союза, он кавалер четырех орденов Ленина, ордена Красного Знамени. Награжден многими медалями.

Книга «Сильные духом» вышла в 1951 году. Осенью 1954 года Медведев уже заканчивал работу над книгой о нынешнем поколении. Внезапная смерть 14 декабря, накануне открытия Второго Всесоюзного съезда писателей, помешала завершить этот труд.

* * *

Дело писателя тогда достигает цели, когда оно живет в народе. Оно, как отборные семена, падающие в почву, дает свои всходы.

Мне пришлось на Ровенщине, которая была основным театром деятельности отряда Медведева, услышать на украинском языке песню о Николае Кузнецове:

То под городом Ровно не ветер пост
И в лесах, и в дубровах весною, —
То с любовью горячею славит народ
Легендарное имя героя!

Николай Кузнецов в партизанских боях
Защищал нашу Родину грудью...
Вечно будут хранить в благодарных сердцах
Его имя советские люди.

Знать, орлиную силу Россия дала
Своему и солдату, и сыну,
Коль от гнета фашистов та сила спасла
Неньку милую — мать Украину![1]

Прошло не так много времени, но уже пионеры, когда-то зачитывавшиеся тем, как под Ровно сражался Николай Кузнецов, штурмуют космос!

И читателям этой книги суждено совершить многое. Герои партизанской борьбы и сам командир и певец их подвига Дмитрий Медведев будут шагать с ними рядом, вместе в победном марше к коммунизму, за который сражались и отдали жизни и Кузнецов, и Медведев.

О них — ветеранах войны и труда — еще сложат свои песни советские люди.

П. Вершигора

---

[1] Здесь песня приведена в русском переводе. (Ред.).

ОТ АВТОРА

В 1948 году Государственное издательство детской литературы выпустило мою книгу «Это было под Ровно» — о делах партизанского отряда, которым мне довелось командовать в годы Великой Отечественной войны на территории Западной Украины. Книга была рассчитана на юношество, но, судя по отзывам — а их было несколько тысяч, — ее читали и взрослые.

Большинство отмечало, что книга «Это было под Ровно» написана очень сжато, что многие волнующие события боевой жизни отряда даны в ней слишком кратко и бегло. Читатели выражали пожелания, чтобы я расширил книгу, подробнее, обстоятельнее рассказал о жизни и борьбе ее героев, осветил также замечательные дела ровенского большевистского подполья. Эти пожелания и побудили меня вновь взяться за перо.

В этой книге, как и в прежней, нет вымысла. Мне не пришлось к нему прибегать, ибо жизнь, прожитая отрядом, так богата и разнообразна, что она ярче фантазии. В то же время эта жизнь не представляет собой ничего исключительного, из ряда вон выходящего. Беззаветная любовь к родине, преданность великой Коммунистической партии, рождающие героическое,— это жизненное, типическое явление нашей действительности.

Многое из того, что здесь описано, я видел своими глазами. В остальном помогли товарищи — бывшие командиры и бойцы партизанского отряда и участники ровенского большевистского подполья. От них я получил больше ста писем-воспоминаний, которые и использовал в книге. Особенно хочется мне поблагодарить за помощь руководителей ровенской большевистской подпольной организации Т. Ф. Новака, В. Ф. Соловьева и других.

Каждый год все больше отдаляет нас от событий, здесь описанных. Но есть дела, которые не меркнут, есть слава, которая не увядает. Таковы, в частности, дела и такова слава патриотов нашего отряда, отдавших жизнь за счастье родины. Их светлой памяти и посвящается эта книга.

Есть в ж
подъема вс
В моей жиз
неизменно с
раз, получа
заданий» и
ния,— я исп
ренней моби
правлении; п
в свою очере
разительной
ный и радост
каждая-мину

Именно т
чером сорок
людевшим, з

Незадолго
где в течение
И вот теперь
группу людей
боком тылу п
там, сплотит
активную бор

...Сурова к
ва, но такою
рального теле
с автоматами
грузовики с б
война...» — до

Дорога ка
Впереди —

ПОСЛЕДНИЙ ПОДВИГ НИКОЛАЯ КУЗНЕЦОВА *

Уральский инженер Николай Иванович Кузнецов в дни Великой Отечественной войны геройски действовал в тылу фашистских войск. О славных подвигах разведчика, посмертно удостоенного звания Героя Советского Союза, рассказано в книгах «Это было под Ровно» и «Сильные духом», написанных Героем Советского Союза Д. Медведевым — командиром партизанского отряда, в рядах которого сражался Николай Кузнецов.

Каковы были последние дни славного разведчика? Где находится его могила? До последней поры об этом не было точно известно. Лишь недавно боевому другу героя — Н. В. Струтинскому вместе с группой товарищей-партизан удалось установить обстоятельства гибели Н. И. Кузнецова.

...Разведчики Николай Кузнецов, Ян Каминский и Иван Белов после выполнения боевых заданий во Львове пробирались навстречу наступающим советским войскам.

В ночь на 9 марта 1944 года Николай Кузнецов и его спутники, изголодавшиеся в лесах, вышли на опушку. Перед ними на возвышенности раскинулось село Боратин. Издали доносилась артиллерийская канонада. Где-то за городом Броды проходила линия фронта.

Партизаны направились в село и постучали в хату Степана Голубовича (ныне он работает бригадиром в колхозе). Двое вошли в хату. Третий — Иван Белов — остался во дворе на охране.

Неожиданно в хату ворвалась большая группа бандеровцев. После схватки Николай Кузнецов и Ян Каминский были связаны. Но, разглядев на Кузнецове форму капитана фашистских войск, бандеровцы в ожидании прихода своего главаря развязали пленных. В дом примчался атаман. По приметам, разосланным гитлеровцами, бандит опознал советского

---

* «Правда» от 23 декабря 1959 г.

разведчика, действовавшего под именем офицера Пауля Зиберта.

Николай Кузнецов, видя безвыходность положения, мгновенно погасил керосиновую лампу и, воскликнув: «Так умирают советские партизаны!», взорвал гранату, находившуюся у него. Он погиб, как и жил, героем.

Было убито и ранено с десяток бандеровцев. Ян Каминский выскочил в вырванное взрывной волной окно, но был убит. Погиб и Иван Белов.

Утром двое жителей села похоронили героя. Они не знали, что опускают в могилу на опушке леса тело бесстрашного советского патриота Н. И. Кузнецова.

...Во Львове, на развилке улиц Ивана Франко и Институтской, в сквере под сенью многолетних каштанов воздвигается памятник герою-разведчику.

А. Бегма.

Медведев Д. Н.

М 42 Сильные духом: Роман. — Переи
наул: Алт. кн. изд-во, 1985.— 448 с.

Роман о боевых подвигах в годы Великой
разведчика Н. Кузнецова, посмертно удостоенного
ского Союза.

Издается к 40-летию Победы над фашистской Герман

М $\frac{4702010200-01}{M\ 138(03)-85}$ 33—85

Цена в обложке 2 р. 20 к.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 5. *Шкипер* – капитан небольшого судна.

Британские Соломоновы острова – эта часть Океании в начале XX века была разделена между несколькими державами, в том числе Британией и Германией.

Стр. 6. *Кеч* – небольшое парусное судно с двумя мачтами: передней, гротом, большего размера и задней, бизанью, меньшего размера, имеющее несколько парусов на грот-мачте и косые паруса между мачтами.

Негры – имеются в виду коренные жители Соломоновых островов, меланезийцы, по внешним признакам напоминающие некоторые африканские народности.

Стр. 7. *Вельбот* – быстроходная шлюпка с заостренными носом и кормой.

Стр. 12. *Фут* – мера длины, принятая в США и Великобритании. 1 фут равен 12 дюймам, или 30,48 сантиметра.

Стр. 13. *Дюйм* – мера длины, равная 25,4 миллиметра.

Стр. 14. *Палуба* – сплошное горизонтальное перекрытие на судне, а также пол в каюте. *Палуба рубки* – крыша рубки.

Яхта – судно для морских прогулок и спорта.

Киль – продольный брус в нижней части судна, идущий от носа до кормы и служащий основанием, к которому крепятся остальные детали корабельного скелета.

Надстройки – закрытые помещения на верхней палубе.

Бимсы – поперечные связи судна, на которые сверху настилается палуба.

Бак – носовая часть верхней палубы.

Стр. 15. *Карнеги, Эндрью* – американский мультимиллионер.

Стр. 17. *Нью-Йорк был... Новым Амстердамом.* – Город Нью-Йорк стоит на месте основанного голландскими колонистами поселения, носившего до конца XVII века название Новый Амстердам.

Грот – главный парус на грот-мачте. На кече самый нижний и большой косой парус на передней мачте.

Контр-бизань – здесь косой парус на задней мачте судна.

Карузо, Энрико (1873–1921) – известный итальянский певец.

Стр. 18. *Пассаты* – постоянные и довольно сильные ветры в тропических широтах.

Бизань-мачта – задняя мачта на трех- и более мачтовых судах, а также на судах у которых задняя мачта меньше передней.

Прямо по носу – точно впереди по направлению движения судна.

Рифы – здесь гряда коралловых образований, скрытых под водой или едва выступающих над ее поверхностью. *Рифами* называют также завязки на парусах, расположенные рядами и служащие для уменьшения площади парусов.

Под ветер (руль) – то есть в ту сторону, куда дует ветер.

Штурвал – рулевое колесо с ручками, с помощью которого поворачивают через специальный привод руль судна.

Шкоты – снасти для управления нижними свободными углами парусов. Название шкота зависит от названия паруса, для управления которого он служит (грота-шкот).

Бугель – железное кольцо или обруч на мачтах и реях.

Стр. 19. *Галсы* – снасти, которыми растягиваются наветренные углы парусов. Поэтому если ветер дует справа, то говорят, что судно идет правым галсом, а если слева – левым галсом. *Переменить галс* – повернуть так, чтобы ветер дул в паруса с другой стороны. Для этого при повороте перекидывают паруса с одного борта на другой.

Стр. 24. *Трап* – всякая лестница на судне.

Стр. 25. *Штирборт* – правый борт судна.

Ватервейс – желоб для стока воды, идущий вдоль борта.

Полубак – надстройка в носовой части судна. Под полубаком обычно располагались жилые помещения для матросов.

Стр. 26. *Склянки, бить склянки* – отмечать время ударами в судовой колокол. Один удар соответствует получасу, двойной удар – часу. Через каждые четыре часа, начиная с полуночи, счет склянок возобновлялся снова, и максимальное количество их – восемь. Отсюда выражение "выбить семь склянок", то есть избить до полусмерти.

Стр. 30. *Бриг* – двухмачтовое судно с прямыми парусами.

Стр 41. *Узел* – единица скорости на море, равная одной миле (1852 м) в час.

Фалы – снасти для подъема и удержания парусов в нужном положении. *Грота-фалы* – снасти для подъема паруса грота.

Ванты – снасти, удерживающие с боков мачты и их верхние продолжения – стеньги.

Стр. 42. *Концы* – различные снасти, веревки на судне.

Стр. 43. *Тали* – приспособление из двух блоков (подвижного и неподвижного), соединенных между собой тросом. Дает выигрыш в силе.

Отдать – отвязать, отпустить ранее закрепленную снасть. *Отдать якорь* – освободить его от креплений, чтобы он упал за борт.

Стр. 44. *Ликтрос* – мягкий трос, им обшиваются кромки парусов.

Стр. 45. *Кливер* – косой треугольный парус. *Вынести кливер на ветер* – оттянуть его задний угол навстречу ветру так, чтобы он надул кливер в обратную сторону.

Нактоуз – привинченная к палубе тумба с колпаком, под которым устанавливается компас.

Норд-ост – северо-восток.

Дрейф – снос судна, не имеющего собственного хода вперед, ветром и течением.

Фалинь – трос для привязывания шлюпок.

Стр. 46. *Якорный огонь* – белый огонь, поднимаемый при стоянке.

Сушить весла – вынуть весла из воды.

Стр. 51. *Рубка* – помещение, выступающее над верхней палубой.

Комингс – высокий порог, предохраняющий от заливания водой.

Стр. 55. *Фор-марсель* – второй снизу, прямой трапециевидный парус на передней мачте.

Стр. 61. *Ярд* – мера длины, равная 3 футам, или 91,4 сантиметра.

Квинсленд – штат в Австралии.

Шхуна – двух- и более мачтовое судно с косыми парусами.

Стр. 62. *Буксир* – трос, на котором судно что-либо тянет за собой.

Табанить – грести в обратную сторону.

Стр. 64. *Муссоны* – ветры, дующие зимой с суши на океан, а летом – в обратном направлении.

Стр. 69. *Миля морская* – единица расстояния на море, равния 1 дуги земного меридиана, или 1852 метрам.

Стр. 73. *Лагуна* – узкий и длинный залив, параллельный берегу; также называют озеро внутри кольцеобразного кораллового острова – атолла.

Стр. 74. *Куттер* – небольшое, но быстроходное одномачтовое парусное судно

Стр. 82. *Шканцы* – самая верхняя палуба на корме, где находился пост управления, то есть штурвал и компас.

Стр. 85. *"Круглоголовые"* – насмешливое прозвище сторонников парламента в эпоху революции и гражданской войны в Англии (1642–1660). *Оливер Кромвель* – полководец той эпохи.

Кирос, Педро Фернандес – капитан, спутник А. де Мендана в его тихоокеанском плавании 1595 г.

Лаперуз, Жан Франсуа (1741–1788) – французский мореплаватель, исследователь Тихого океана. Погиб в районе Соломоновых островов.

Стр. 102. *Дюгонь* – крупное морское млекопитающее.

Стр. 103. *Мегаподы* – птицы семейства Большеногов (Сорных кур).

Стр. 106. *Фрегат* – трехмачтовый парусный военный корабль.

Альварро де Мéндана – испанский мореплаватель XVII века, первый из европейских моряков, посетивший Соломоновы острова и давший им это название.

Стр. 137. *Булинь* – снасть для оттягивания вперед нижних углов прямых трапециевидных парусов с наветренной стороны.

Стр. 138. *Камбуз* – кухня на судне.

Стр. 141. *Баталер* – лицо, ведающее на судне припасами.

Стр. 144. *Немврод* – в древневосточной мифологии охотник.

Стр. 150. *Баркас* – многовесельная шлюпка либо небольшое парусно-гребное беспалубное судно.

Стр. 157. *Атоллы* – кольцеобразные коралловые острова.

Стр. 158. *Рейд* – водное пространство в пределах порта, удобное для якорной стоянки.

Стр. 162. *Планшир* – деревянные или металлические поручни, окаймляющие борт.

ДЖЕК ЛОНДОН

ДЖЕРРИ-ОСТРОВИТЯНИН

МОСКВА
1992

САТИРА МОЛОДОГО БУЛГАКОВА

Учителем своим Михаил Афанасьевич Булгаков называл сурового М. Салтыкова-Щедрина. Любимым же его писателем с детства и навсегда стал Николай Васильевич Гоголь. В 1931 году Булгаков инсценировал для Московского художественного театра «Мертвые души» и писал К. С. Станиславскому о Гоголе: «Он придет в первых картинах представления — в смехе, а в последней уйдет, подернутый пеплом больших раздумий»[1].

В нескольких словах здесь показана странная и печальная судьба гениального и ранимого автора «Мертвых душ». Но ведь это подумано и о самом себе — грустно, мудро и пророчески. Жизнь писателя М. А. Булгакова начиналась именно в смехе газетных фельетонов и сатирических повестей, заставлявшем вспомнить имена Гоголя и Щедрина. Завершилась же она «Мастером и Маргаритой», романом, подернутым пеплом больших раздумий, где слились философия, фантастика и меткая глубокая сатира. Автор не изменил себе, своим учителям.

Писательская биография М. Булгакова, уложившаяся в два десятилетия, была необыкновенно деятельна, полна ежедневной энергичной борьбы с трудностями и недоброжелателями, борьбы изобретательной и принципиальной[2]. Булгаковская сатирическая проза и пьесы эту борьбу отразили в своих темах и самом стиле, обобщив ту непростую эпоху, богатый личный опыт жизненных наблюдений и встреч. И потому, при очевидной склонности автора к фантастике, сатира его беспощадно реалистична, конкретна, исторически и психологически достоверна, время, город и люди слиты здесь в картину живописную и убедительную. Недаром мы теперь так часто говорим: «Булгаковская Москва».

Когда молодой Булгаков в сентябре 1921 года приехал из Киева в Москву без денег, вещей и влиятельных покровителей и начал искать работу в газетах и журналах, его столичный родственник Б. М. Земский говорил: «Миша меня поражает своей энергией, работоспособностью, предприимчи-

---

[1] Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., Наука, 1978, с. 68.

[2] Подробнее см.: Сахаров В. Дела человеческие. О литературе классической и современной. М., Современник, 1985, глава «Михаил Булгаков: уроки судьбы».

востью и бодростью духа... Можно с уверенностью сказать, что он поймает свою судьбу,— она от него не уйдет»[1].

Москва тех лет менялась разительно. Пришло время нэпа, о котором Булгаков писал в 1921 году матери в Киев: «Идет бешеная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни... Я рассчитываю на огромное количество моих знакомств и теперь уже с полным правом на энергию, которую пришлось проявить... Знакомств масса и журнальных, и театральных, и деловых просто. Это много значит в теперешней Москве, которая переходит к новой невиданной ней давно уже жизни — яростной конкуренции, беготне, проявлению инициативы и т. д. Вне такой жизни жить нельзя, иначе погибнешь. В числе погибших быть не желаю»[2]. Бодрость духа, жизненную энергию, стойкость, умение не терять достоинства в труднейшие времена Булгаков хранил до конца. Он поймал, завоевал свою судьбу и успех, обрел свое место в истории отечественной литературы, но стоило ему это очень дорого.

Речь шла, понятно, не об одних житейских трудностях. О них сам писатель в веселом «Трактате о жилище» сказал так: «Где я только не был! На Мясницкой сотни раз, на Варварке — в Деловом Дворе, на Старой площади — в Центросоюзе, заезжал в Сокольники, швыряло меня и на Девичье поле. Меня гоняло по всей необъятной и странной столице одно желание — найти себе пропитание. И я его находил,— правда, скудное, неверное, зыбкое. Находил его на самых фантастических и скоротечных, как чахотка, должностях, добывая его странными, утлыми способами, многие из которых теперь, когда мне полегчало, кажутся уже мне смешными. Я писал торгово-промышленную хронику в газетку, а по ночам сочинял веселые фельетоны, которые мне самому казались не смешнее зубной боли, подавал прошение в Льнотрест, а однажды ночью, осатанев от постного масла, картошки, дырявых ботинок, сочинил ослепительный проект световой торговой рекламы... Что это доказывает? Это доказывает только то, что человек, борющийся за свое существование, способен на блестящие поступки».

Блистательный юморист Булгаков смешит нас, но в то время ему было не до шуток: он нуждался и бедствовал, голодал, брался за любую газетную работу, деля свое тогдашнее творчество на подлинное и вымученное. О своих фельетонах в «Гудке» Булгаков писал потом в повести «Тайному другу»: «Волосы дыбом, дружок, могут встать от тех фельетончиков, которые я там насочинил». Будущему

---

[1] Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка, 1976, т. 35, № 5, с. 453.

[2] Там же, с. 460.

автору «Дней Турбиных» приходилось даже выступать конферансье в маленьком частном театре. И все же впоследствии он с полным основанием утверждал, что настоящие вещи пишутся на краешке кухонного стола, а не в роскошно обставленном кабинете.

Именно в этой беготне по редакциям, коммунальной тесноте и вечном шуме Булгаковым создавался роман «Белая гвардия», оттеснявший на задний план остроумные газетные фельетоны; он шел к зрелому стилю творческой мысли и слова сквозь скоропись литературной поденщины, сквозь причудливую фантастическую гофманиану и словесную шелуху 20-х годов, которые есть еще в его ранней «Дьяволиаде». Это была хорошая школа в начале писательской жизни, хотя в одном булгаковском письме 1922 года уже прозвучало грустное слово «покой», столь памятное читателям «Мастера и Маргариты»: «После этих лет тяжелых испытаний я больше всего ценю покой»[1]. Покоя не было, суетливая жизнь профессионального литератора с неверным, скудным заработком брала свое.

Конечно же, писатель Булгаков не порождение нэпа, не певец той противоречивой эпохи. Он ее трезвый и ироничный знаток и сатирический летописец и здесь близок к «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина. Писатель видел ясно: жизнь материальная улучшилась, люди стали энергично бороться за жизненные блага. Экономика стремительно развивалась, с разрухой покончено, деревня вставала на ноги, появлялись частные предприятия, кооперативы, ателье, театры, издательства, журналы и газеты. Обесцененные бумажные «лимоны» (в 1922 году Булгаков на трех своих должностях получал до 140 миллионов рублей в месяц!) потеснил твердый советский червонец, та самая белая, обеспеченная золотом денежная бумага, с которой мы потом не раз встретимся в романе «Мастер и Маргарита».

И в суетливом круговороте людей и идей сразу же появилась неизбежная пена, разного рода дрянь и накипь: жулики и махинаторы, взяточники, валютчики, псевдонаучное шарлатанство, безработица, гнилая «кооперативная» колбаса, недобросовестная частная врачебная практика, дешевого вкуса варьете, проституция, «желтая» пресса с ее обычным бесстыдством и тягой к ежедневным сенсациям, сплетням и слухам. Не случайно стали крылатыми слова об «угаре нэпа».

Нравы эти не обошли тогдашнюю литературу и театр, о чем с неповторимым сарказмом поведано в позднейшем «Театральном романе». Булгаков, в своих скитаниях по газетно-литературно-театральной Москве изучивший ее досконально, нашел для недостойной, унижающей и развращающей

---

[1] Вопросы литературы, 1984, № 11, с. 216.

человека сусты вокруг червонца одно меткое, емкое слово — «каюрдак»[1]. Изобразить это могло лишь быстрое разящее перо блистательного сатирика.

Михаил Булгаков начал писать рассказы и фельетоны еще во Владикавказе, Батуме и Киеве[2]. Но лишь Москва сделала его профессиональным писателем, дала темы и персонажей, место в газетах, журналах и на театральной сцене, литературное имя, славу. Пришло все это не сразу, и все же надо признать, что мастерством сатирика Булгаков овладел быстро. Помогли прекрасное образование, ранние занятия литературой и любовь к театру и музыке, жизненный опыт тридцатилетнего врача, пережившего две войны, революцию и трудную пору голода и разрухи. Конечно, ощутим в его прозе и самобытный характер, который и есть судьба.

Если в раннем рассказе «Неделя просвещения» видны следы чтения знаменитой «Травиаты», монолога остроумнейшего рассказчика и чтеца прошлого века Ивана Федоровича Горбунова, то «гоголевская» вещь «Похождения Чичикова» уже свое, булгаковское. Конечно же, маленькая повесть «Багровый остров» вышла из щедринской «Истории одного города», но видно и то, что автор читал нашумевшую тогда «сказку» Евгения Замятина «Арапы» (1922). А возникшая из повести пьеса-памфлет «Багровый остров» (1927) говорит, помимо всего прочего, и о преданной любви Булгакова к Чехову, о его профессиональном восхищении чеховскими записными книжками, свидетельством чему фразы типа: «Театр, матушка,— это храм». Булгаков не стесняется учиться у классиков и талантливых современников. Но всюду он находит и берет свое. При этом разительно меняется высота писательского взгляда — достаточно сравнить рассказ «Богема» и повесть «Собачье сердце».

В исканиях рождается неповторимый булгаковский стиль мысли и сло́ва. Сатирическая проза его «быстрая», состоит из сцепления коротких остроумных фраз, это обаятельный юмор веселого, бывалого собеседника-интеллигента, умеющего смешно говорить о весьма печальных обстоятельствах и не потерявшего дара удивляться превратностям судьбы и людским причудам. Сами ритм и интонация прозы подсказаны временем. Видно, что автор умеет, говоря словами Чехова, коротко писать о длинных вещах. Недаром известный сатирик Е. Замятин с одобрением писал о ранней булгаковской повести «Дьяволиада»: «Фантастика, корнями врастающая в быт, быстрая, как в кино, смена картин»[3]. Здесь

---

[1] Вопросы литературы, 1984, № 11, с. 214.

[2] См.: Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М., Советский писатель, 1983.

[3] Русский современник, 1924, кн. 2, с. 266.

впервые отмечено то, что стало отличительной особенностью зрелой прозы Булгакова.

А ведь «Записки на манжетах» и «Дьяволиада» для молодого сатирика скорее пробы пера, маленькие лаборатории, где оттачивались ловкие острые фразы и умение владеть сложным юмористическим сюжетом. Даже в позднейшей повести «Роковые яйца» Булгаков экспериментирует, умело играет стилем, пробует разные творческие манеры, сыплет каламбурами, не чуждается пародии. Об одном из посетителей профессора Персикова сказано форсисто: «На носу у него сидело, как хрустальная бабочка, пенсне». Здесь есть и воспоминание о собственной студенческой молодости и увлечении энтомологией, о своей уникальной коллекции бабочек, подаренной Киевскому университету. Но не в этом только дело. Таких красивых метафор и эффектных фраз много в «орнаментальной» прозе 20-х годов, особенно у Юрия Олеши, тогдашнего приятеля Булгакова.

Но вот Булгаков, врач и газетчик, познавший в эпоху нэпа всю сложность ежедневной борьбы за существование, смотрит вместе с профессором Персиковым в микроскоп на результаты действия изобретенного ученым красного «луча жизни»: «В красной полосе, а потом и во всем диске стало тесно, и началась неизбежная борьба. Вновь рожденные яростно набрасывались друг на друга и рвали в клочья и глотали. Среди рожденных лежали трупы погибших в борьбе за существование. Побеждали лучшие и сильные. И эти лучшие были ужасны. Во-первых, они объемом приблизительно в два раза превышали обыкновенных амеб, а во-вторых, отличались какою-то особенной злобой и резвостью. Движения их были стремительны, их ложноножки гораздо длиннее нормальных, и работали они ими, без преувеличения, как спруты щупальцами».

Мы слышим голос очевидца, интонация его серьезная и взволнованная, ибо речь идет, конечно, не только о мире амеб. Писатель что-то увидел, понял и хочет нам поведать о своем открытии. Это уже не эффектные фразы, не навязчивая игра в метафоры. Мы сразу видим, что собственный стиль Булгакова совсем другой. Одним из первых понял это Горький, прочитавший повесть в Сорренто: «Остроумно и ловко написаны «Роковые яйца» Булгакова»[1]. Горький имел в виду не только стиль.

Остроумие и ловкость, да и сама фантастика для Булгакова не самоцель, с их помощью он описывает «бесчисленные уродства» быта, наглость малограмотных газетчиков, прони-

---

[1] Литературное наследство, т. 70. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 152.

кает глубоко в души людей, в исторический смысл тогдашних событий. И его художественная проза уже далека от газетного фельетона, хотя опыт фельетониста пригодился и здесь (сравните острый булгаковский фельетон о Мейерхольде «Биомеханическая глава» с памфлетным описанием театра им. Вс. Мейерхольда в «Роковых яйцах»). Мы замечаем, что у этой остроумной и ловкой сатиры имеется очень серьезная цель.

В веселых «Записках на манжетах» сказано с горькой иронией: «Только через страдание приходит истина... Это верно, будьте покойны! Но за знание истины ни денег не платят, ни пайка не дают. Печально, но факт»[1]. Замечательный юмористический талант не помешал автору сказать очень серьезное, главное для него слово — «истина». Находясь в центре стремительного круговорота событий, людей и мнений, сатирик Булгаков себе и нам задаст вечный вопрос евангельского Понтия Пилата, будущего своего персонажа: «Что есть истина?» В трудные 20-е годы он ответил на этот вопрос «Белой гвардией», сатирическими повестями «Роковые яйца» и «Собачье сердце».

Повести эти — о профессорах старой школы, гениальных ученых, сделавших в новую, не совсем им понятную эпоху великие открытия. Пожалуй, булгаковскую сатирическую дилогию о науке можно назвать остроумной и в то же время серьезной вариацией на вечную тему «Фауста» Гете. В глубине невероятно смешных историй скрыты трагизм и грустные размышления о человеческих недостатках, об ответственности ученого и науки и страшной силе самодовольного невежества. Темы, как видим, вечные, не утратившие своего значения и сегодня.

Произошло очередное возвращение доктора Фауста. Профессора Персиков и Преображенский пришли в булгаковскую прозу с Пречистенки (ныне Кропоткинской улицы), где издавна селилась потомственная московская интеллигенция. Недавний москвич, Булгаков этот район и его обитателей знал и любил. В Обуховом (Чистом) переулке он поселился в 1924 году и написал «Роковые яйца» и «Собачье сердце»[2]. Здесь жили люди, близкие ему по духу и культуре. Ведь Булгаков своим писательским долгом считал «упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране»[3].

Почему же классические интеллигенты с Пречистенки стали объектом блистательной сатиры? Современник вспоми-

---

[1] Возрождение, т. 2. М., Время, 1923, с. 13.

[2] См.: Мягков Б. Москва. По следам булгаковских героев.— Дружба, 1986, № 4.

[3] Новый мир, 1987, № 8, с. 196.

нал о писателе: «Порой его юмористический талант принимал, так сказать, разоблачительный характер, зачастую вырастая до философского сарказма»[1]. Сатира Булгакова — умная и зрячая, свойственное писателю глубокое понимание людей и исторических событий подсказывали ему, что знания, талант ученого, безукоризненная личная честность в сочетании с одиночеством, высокомерным непониманием и неприятием новой действительности могут привести к последствиям трагическим и неожиданным. И потому в повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце» произведено беспощадное сатирическое разоблачение «чистой», лишенной этического начала науки и ее самодовольных «жрецов», вообразивших себя творцами новой жизни.

Опыт и знания врача помогли писателю создать эти повести, но надо помнить и о скептическом отношении Булгакова к медицине. Ведь говорил же он своей жене Елене Сергеевне, что пройдет время — и над нашими терапевтами будут смеяться, как над мольеровскими врачами. А в последней записной книжке Булгакова есть заметка: «Медицина? История ее? Заблуждения ее? История ее ошибок?»[2] Повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце» посвящены именно заблуждениям науки, в том числе и медицины.

Печальна судьба гениального профессора Персикова, любившего одних своих пупырчатых жаб («Известно, лягушка жены не заменит»,— сочувствует ему безымянный котелок из охраны) и потому ставшего причиной многих трагических событий. Ибо, умыв, подобно Понтию Пилату, руки, он покорно отдал свой замечательный «луч жизни» в руки Рокка Александра Семеновича, профессионального «руководителя», субъекта крайне самоуверенного, развязного и необразованного. И в этих решительных руках «луч жизни» превратился в источник смерти, из него родились несметные полчища гадов, которые пошли на Москву и послужили причиной гибели самого Персикова и многих других людей. Наука, поддавшаяся величайшему соблазну высокомерного самодовольства, дрогнула и отступила, и в образовавшуюся щель хлынули силы разложения и разобщения, растоптавшие и самое науку. Это вечная тема преступления и наказания, унаследованная автором «Роковых яиц» у Достоевского и решенная средствами сатиры.

Изобретательность выдумки и мощь сатирического таланта автора повести потрясают, здесь ни одна строчка не устарела и не потеряла своей значимости, да и сама панорама

---

[1] Марков П. Книга воспоминаний. М., Искусство, 1983, с. 229—230.

[2] Вопросы литературы, 1978, № 6, с. 311.

Москвы времен нэпа с ее суетой, газетами, театрами, картинами нравов замечательна в своей исторической точности и подлинной художественности. Более того, и сегодня «Роковые яйца» читаются как гениальное предвидение будущих великих потрясений (вспомним горящий оставленный Смоленск, отчаянные бои под Вязьмой и Можайском, панику и эвакуацию в Москве) и очень трезвое, вещее предостережение.

Особенно хороша сцена встречи незадачливого экспериментатора Рокка с выведенной им гигантской змеей анакондой: «Лишенные век, открытые ледяные и узкие глаза сидели в крыше головы, и в глазах этих мерцала совершенно невиданная злоба... Александр Семенович поднес флейту к губам, хрипло пискнул и заиграл, ежесекундно задыхаясь, вальс из «Евгения Онегина». Глаза в зелени тотчас же загорелись непримиримою ненавистью к этой опере». Далее, как известно, воспоследовала страшная, но справедливая расплата за невежество и самонадеянность. В булгаковской повести каждому воздается по делам его и вере его.

«Собачье сердце» — шедевр булгаковской сатиры, после этой удивительно зрелой вещи возможны были лишь московские сцены «Мастера и Маргариты». И здесь писатель идет вослед своему учителю Гоголю, его «Запискам сумасшедшего», где в одной из глав человек показан с собачьей точки зрения и где говорится: «Собаки народ умный». Булгаковский Шарик по-своему умен и наблюдателен и даже не чужд сатирического дара, увиденная им из подворотни жизнь человеческая чрезвычайно интересна в мелко замеченных подробностях тогдашнего быта и характеров.

Важно и то, что гордый и величественный профессор Преображенский, столп генетики и евгеники, задумавший от прибыльных операций по омоложению стареющих дам и бойких старичков перейти к решительному улучшению человеческой породы, воспринимается как полубог и великий жрец только Шариком. Да и высокомерные, злобно-язвительные суждения его о новой действительности принадлежат персонажу, а не автору. Впрочем, самодовольство профессора, вздумавшего улучшить самое природу и создать по заказу нового человека, было наказано быстро и жестоко. Седой Фауст сотворил доносчика, алкоголика и демагога, который ему же сел на шею.

Хорошо хоть, что новоявленный Фауст сам вернул в первобытное состояние свое создание — омерзительного гомункулюса Шарикова и понял всю безнравственность «научного» насилия над природой и человеком: «Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз,

когда любая
родила же и
знаменитого!»
«Собачьем се
и события вто
чии и способ
лог, столь ма
можно перечи
весть.

Юмористич
ко меток, бес
такой силой ф
тельная злоба
ные нападки в
печати, на обс
лал в 1927 году
сатирическую п
пресловутого Г
пасквилем на р
письмом Прави
пьесе нет по м
места, я укажу
чрезвычайной
Памфлет не ес
ция»[1].

На письмо з
видевший в теат
Но Булгаков т
помимо известн
интересный уст
Через много ле
Сергеевна услы
дневнике слова
«Вот Булгаков!..
(Он рукой показ
пись 1956 года,

Тем не менее
со сцены, «Дни Т
ко лет по распо
Сталина, реком
Художественный
писал пьесы и
заслужил похвал
биографии Булга
такие блистатель
роман», пьесы «

[1] Новый мир,

когда любая баба может его родить когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого!» Как и в «Роковых яйцах», в булгаковском «Собачьем сердце» важен и живописный фон, фигуры и события второго плана, описания быта, разрухи, ее причин и способов борьбы с нею, а также чудесный эпилог, столь мастерски придуманный и написанный, что его можно перечитывать бесконечно, как, впрочем, и всю повесть.

Юмористический сарказм булгаковских повестей настолько меток, беспощадно остроумен и вместе с тем обладает такой силой философского обобщения, что понятны мстительная злоба и интриги тогдашних чиновников и бесконечные нападки враждебной критики на его прозу и пьесы в печати, на обсуждениях и диспутах. Когда Булгаков переделал в 1927 году свою раннюю повесть «Багровый остров» в сатирическую пьесу и задел в ней театральных чиновников из пресловутого Главреперткома, те немедленно назвали пьесу пасквилем на революцию. Драматург с достоинством ответил письмом Правительству СССР: «Пасквиля на революцию в пьесе нет по многим причинам, из которых, за недостатком места, я укажу одну: пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности ее, написать невозможно. Памфлет не есть пасквиль, а Главрепертком — не революция»[1].

На письмо это ответил телефонным звонком сам Сталин, видевший в театре «Зойкину квартиру» и «Багровый остров». Но Булгаков так и не узнал, что Сталину принадлежит, помимо известного «Ответа Билль-Белоцерковскому», очень интересный устный отзыв о булгаковской сатире, ее методе. Через много лет после смерти писателя его вдова Елена Сергеевна услышала от очевидца и сохранила в своем дневнике слова Сталина, сказанные в разговоре с Горьким: «Вот Булгаков!.. Тот здорово берет! Против шерсти берет! (Он рукой показал — интонационно.) Это мне нравится!» (Запись 1956 года, ГБЛ.)

Тем не менее пьесы Булгакова к 1929 году были изгнаны со сцены, «Дни Турбиных» возобновлены лишь через несколько лет по распоряжению Сталина, а их автор по его же, Сталина, рекомендации принят на работу в Московский Художественный театр, был там режиссером-ассистентом, писал пьесы и инсценировки и даже играл на сцене и заслужил похвалы самого Станиславского. В писательской биографии Булгакова начался новый период, давший нам такие блистательные шедевры сатиры, как «Театральный роман», пьесы «Кабала святош (Мольер)» и «Иван Василь-

---

[1] Новый мир, 1987, № 8, с. 196.

...и, конечно же, «Мастер и Маргарита». Но это уже другая тема...

Сатира Булгакова, всегда вызывавшая серьезные неудовольствия и споры, заставляет вспомнить известные слова Жуковского о Пушкине из письма к Бенкендорфу: «Острота ума не есть государственное преступление»[1]. Писатель не кривил душой, когда говорил о своем принятии революции. Его сатира не была разрушительным отрицанием и высмеиванием всего нового, хотя ее так иногда и трактовали. Она изобретательно боролась с силами разрушения, разобщения и зла, высвечивала и выжигала уродства быта и человеческой психологии, утверждала положительные ценности: подлинную культуру, честность и стойкость, достоинство. Свидетельств тому много, назовем одно: рассказ «Ханский огонь».

Принципы булгаковского понимания русской истории явственно определены именно в этом рассказе. Казалось, после «Белой гвардии» о судьбах старого мира, его культуры говорить было трудно. Однако Булгаков к теме прошлого возвращается, и именно в «малом» жанре рассказа, рассказа сатирического и вместе с тем пронизанного чувством истории.

В «Ханском огне» поражают тщательность и точность выбора деталей. Булгаков, вычеркивая все лишнее в отобранной ситуации и характерах, создает произведение на редкость емкое и глубоко символичное, запечатлевает целую эпоху русской жизни, время перелома и победы нового мира.

В рассказе встретились два мира. Один — во всем блеске многовековой рафинированной культуры, красоты совершенных вещей и произведений искусства, собранных в Ханской ставке князьями Тугай-Бегами. Мир этот воспет Пушкиным в стихотворении «К вельможе». А мир товарища Антонова Семена Ивановича, посетившего переданное народу богатое имение Тугаев вместе с замаскированным бывшим хозяином, подчеркнуто беден, здесь нет еще ни вещей, ни Пушкина, ни предания, и даже склеенное сургучом пенсне и ремень с бляхой «1-е реальное училище» взяты взаймы у старого мира. Это сатирический образ большой силы, не уступающий образу Александра Семеновича Рокка, «героя» повести «Роковые яйца».

Казалось бы, тут и выбирать нечего: красота, слава и предание всегда будут привлекательны. Но в рассказе Булгакова возникает еще один образ — образ Времени: «Плыла полная тишина, и сам Тугай слышал, как в жилете его

---

[1] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., Художественная литература, 1985, с. 412.

неуклонно шли, откусывая минуты, часы». Время становится бестрепетным судьей в жестоком споре двух миров, и старый мир постепенно вытесняется им в прошлое, становится музейной, исторической ценностью и перед смертью с особенной ясностью понимает, что властно вторгающееся в жизнь новое при всей его внешней бедности и простоте жизнеспособнее и устойчивее красивых, но мертвых вещей и мыслей. Ясно и то, что далеко не все погибает в обновляющем мир пламени революционного пожара; многое как бы рождается заново и переходит к теперешним хозяевам.

И, как всегда у Булгакова, поразительна сама точка зрения автора, спокойно вглядывающегося в разлом истории и видящего все достоинства и недостатки обоих миров, то есть глубинную логику великих событий. Тут нет места эмоциям, способным лишь затемнить творческое сознание. Да, Булгаков в своей прозе — лирик, романы его, и прежде всего «Белая гвардия», суть лирические, но короткий рассказ «Ханский огонь» существенно лиричен, ибо в тесном внутреннем пространстве автор через беспощадное отрицание старого, мертвой, музейной красоты приходит к искреннему и убедительному в своей несомненной художественности утверждению нового мира, новой России. Это утверждение является одной из центральных идей булгаковского творчества, а сатира помогает писателю эти идеи убедительно высказать.

Конечно, в 20-е годы Булгаков видел лишь начало всеобщего обновления, понимал всю трудность и болезненность развития первых ростков нового. В его фельетоне «Золотой Век» сказано об этом определенно и в то же время с необходимой осторожностью: «Фридрихштрасской (то есть западноевропейской и эмигрантской.— *В. С.*) уверенности, что Россия прикончилась, я не разделяю и даже больше того: по мере того, как я наблюдаю московский калейдоскоп, во мне рождается предчувствие, что все «образуется» и мы еще можем пожить довольно славно.

Однако я далек от мысли, что Золотой Век уже наступил. Мне почему-то кажется, что наступит он не ранее, чем порядок... пустит окончательные корни».

Глубокая и беспощадная сатира Булгакова деятельно и умно помогала установлению нового порядка в умах и идеях, литературе и тогдашней жизни и не потеряла своей действенности сегодня. А в тех трудных условиях сатира его стала не только художественным открытием, но и смелым поступком, подвигом честного человека.

Знание этих ранних произведений необходимо читателям позднейшей булгаковской прозы. И не только в том дело, что в ранней редакции романа «Мастер и Маргарита» (сцена в

Варьете) появляется говорящая собака и что седому профессо-
ру-эпикурейцу из повести «Собачье сердце» вторит в «Жизни
господина де Мольера» веселый философ-жизнелюб Гассенди.
Без ранней сатиры и необходимого реального и историко-
литературного комментария к ней непонятен зрелый Булгаков,
все его творчество 30-х годов, путь и судьба художника.

Обо всем этом надо помнить, читая сегодня сатирическую
прозу Михаила Булгакова. Ныне она вся у нас перед глазами.
Писатель верил в разум читателя вдумчивого и непредвзятого
и уважал его, постоянно к нему обращался. Такой читатель
примет булгаковскую сатиру и поймет ее во всей очевидной
силе и сложности.

Всеволод Сахаров

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОХОЖДЕНИЯ ЧИЧИКОВА

Впервые — газета «Накануне», 1922, 24 сентября. Вошло в состав сборника М. А. Булгакова «Дьяволиада» (М., Недра, 1925). Печатается по тексту сборника. Писатель, с детства любивший поэму Н. В. Гоголя «Мертвые души», в этой повести следует традиции гоголевской сатиры, переосмысливая образы великой книги и вводя в «Похождения Чичикова» гоголевских персонажей, причем персонажей этих берет и из пьес «Ревизор» и «Игроки». Впоследствии Булгаков написал по тексту «Мертвых душ» инсценировку для МХАТа (ее поставили В. Г. Сахновский и К. С. Станиславский) и киносценарий для первой московской кинофабрики «Союзфильм» (режиссер И. С. Пырьев, постановка не осуществлена). Писателю принадлежит и киносценарий по «Ревизору», также не экранизированный.

Стр. 16. *Держи, держи, дурак...* — из главы XI первого тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

Стр. 18. *...где пайки-де выдают...* — Речь идет об академическом пайке, который выдавался научным работникам Центральной комиссией по улучшению быта ученых (Цекубу), учрежденной при Совнаркоме РСФСР в 1919 г., помогавшей ученым и писателям в улучшении их жилищных условий и выплачивавшей им единовременные денежные пособия. В 1926 г. Булгаков, желая получить квартиру, намеревался вступить в члены Цекубу и подавал туда анкету, просил рекомендацию у В. В. Вересаева.

Стр. 19. *...около пятисот апельсинов капиталу.* — Имеются в виду миллиарды; миллионы в те годы денежной инфляции именовались «лимонами».

Стр. 21. *...ужинал в «Ампире».* — Ресторан «Ампир» находился в Петровских линиях. Ныне — ресторан «Будапешт».

Стр. 23. *АРА* — «Американская администрация помощи» (1919—1923), возглавлявшаяся известным политическим деятелем Г. Гувером и оказывавшая помощь продовольствием и товарами первой необходимости разоренным войной европейским странам. В 1921 г. во время голода в Поволжье действовала на территории Советской России.

Стр. 25. *...бог на машине...*— театральный термин, обозначающий неожиданное вмешательство в действие пьесы могучей сверхъестественной силы. Возник в античном театре, где актеры, игравшие роли богов, спускались на сцену с помощью особой машины.

ХАНСКИЙ ОГОНЬ

Впервые — «Красный журнал для всех», 1924, № 2. Написано в 1923 г. Сюжет рассказа навеян посещением подмосковной усадьбы князей Юсуповых Архангельское, но, конечно, образ княжеской усадьбы обобщен, превращен писателем в символ красивого, но мертвого музейного быта (см. также описание бывшего шереметевского дворца в повести «Роковые яйца»).

Стр. 31. *Растрелли* Варфоломей Варфоломеевич (1700—1771)—выдающийся русский архитектор.

Кенкеты— лампы.

Стр. 32. *Юный курносый... красовался на масляном полотне...*— Павел I (1754—1801), великий князь, с 1796 г.— российский император.

Стр. 33. *...с шифром на груди...*— с бриллиантовым вензелем императрицы, знаком фрейлины ее двора.

Мессалина— третья жена римского императора Клавдия (10 г. до н. э.—54 г. н. э.), известная своим распутством.

В сыром тумане славного и страшного города на севере...— Имеется в виду Санкт-Петербург.

...белолосинный генерал...— российский император Николай I (1796—1855). Лосины — белые, плотно облегающие фигуру панталоны из тонко выделанной лосиной кожи, часть военной формы.

...со шлемами кавалергардов...— Кавалергарды — кавалерийский полк лейб-гвардии, нес охрану императорских покоев.

Стр. 42. *...невзрачный... человек.*— Имеется в виду последний российский император Николай II (1868—1918).

БОГЕМА

Впервые — журнал «Красная нива», 1925, № 1. Рассказ написан в 1924 г. Близкий по стилю к автобиографическим «Запискам на манжетах» и, возможно, являющийся их переработанным фрагментом, рассказ этот — о владикавказском периоде жизни писателя (1920—1921). Именно тогда бывший военврач белой армии Булгаков оставил медицину и избрал профессию литератора. Его фельетоны печатались в местных

газетах, для местного театра написаны и поставлены на сцене первые булгаковские пьесы: «Самооборона», «Братья Турбины», «Глиняные женихи», «Парижские коммунары», «Сыновья муллы». Булгаков сотрудничал в литературной секции подотдела искусств Владикавказского ревкома и читал доклады и лекции — «вступительные слова» о Пушкине, Чехове, текущей литературе перед концертами, спектаклями и литературными вечерами.

Стр. 46. *...революционную пьесу из туземного быта.*— Имеется в виду пьеса «Сыновья муллы», которая шла в осетинском и ингушском театрах.

Стр. 48. *...в 1913 г. женился, вопреки воле матери...*— на Татьяне Николаевне Лаппа, гимназистке из Саратова. Существуют записи ее воспоминаний о Булгакове. См.: Кисельгоф Т. Годы молодости.— Литературная газета, 1981, 13 мая.

БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

Впервые — «Накануне», 1924, 20 апреля. Печатается по тексту газетной публикации. Эта маленькая веселая повесть, напоминающая киносценарий, написана в традициях сатирической «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Здесь же использованы сюжеты и герои очень серьезных романов французского писателя Жюля Верна, одного из любимых булгаковских авторов. Причем жюльверновские персонажи лорд Гленарван, Мишель Ардан, капитан Гаттерас, Паганель и Филеас Фогг неожиданно превращены в интервентов и участвуют в гражданской войне. Использовав такой остроумный прием и соединив столь непохожих писателей, как Щедрин и Жюль Верн, Булгаков добился замечательного комического эффекта и создал картину исторических событий, полную прозрачной «эзоповской» символики. В конспективную прозу «Багрового острова» вошел целый период нашей истории, увиденный глазами внимательного и остроумного современника. Впоследствии Булгаков переделал повесть в пьесу, поставленную в 1928 г. в Московском Камерном театре.

Стр. 52. *Маис*— кукуруза.

Стр. 54. *Вигвамы*— хижины туземцев.

...триста лет назад...— намек на трехсотлетнее правление династии Романовых, воцарившейся после долгой кровавой смуты и интервенции и свергнутой в результате народной революции.

Пулково (Россия), *Гринвич* (Англия) — знаменитые астрономические обсерватории.

Кири-Куки— шарж на самозваного «диктатора» России, главу Временного правительства А. Керенского.

Стр. 58. *Цейс*—бинокль немецкой фирмы.
Лимон—см. примеч. к стр. 19 наст. изд.
Стр. 66. *Чемоданы*—так тогда назывались крупнокалиберные артиллерийские снаряды.

РОКОВЫЕ ЯЙЦА

Впервые—альманах «Недра», кн. 6. М., Недра, 1925. Печатается по тексту булгаковского сборника «Дьяволиада». Работа над повестью была начата осенью 1924 г. и завершена уже в октябре.

Стр. 68. *Куррикулюм вите...* (лат.)—жизнеописание.
Стр. 69. *Пречистенка*—ныне Кропоткинская улица.
Стр. 70. *Тогдашний нарком просвещения*—А. В. Луначарский (1875—1933).
Стр. 71. *Газетный переулок*—ныне улица Огарева. *Тверская*—ныне улица Горького.
Стр. 72. *...по гладким торцам...*—мостовые улицы тогда были выложены кругами распиленных бревен—торцами.
Храм Христа Спасителя—пятиглавый собор, увенчанный «золотым шлемом»—колоссальным позолоченным куполом. Построен в 1838—1883 гг. в память Отечественной войны 1812 г. по проекту архитектора К. А. Тона. В то время одно из самых высоких зданий Москвы. Впоследствии был снесен.
Стр. 76. *...в «Альказаре»...*—ресторан «Альказар» находился на Остоженке.
Стр. 79. *Уэльс*—Уэллс Герберт Джордж (1866—1946)—английский писатель, автор многих научно-фантастических произведений. В «Роковых яйцах» отразились впечатления от чтения «Пищи богов», «Острова доктора Моро» и «Человека-невидимки» Уэллса.
Стр. 80. *...как подстреленная птица...*—цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «О, этот Юг, о, эта Ницца...» (1864).
Стр. 81. *ГПУ*—Государственное политическое управление при народном комиссариате внутренних дел РСФСР, созданное в 1922 г. и ведавшее вопросами государственной безопасности.
Стр. 85. *...полтора червячка...*—полтора червонца, то есть пятнадцать рублей; гонорар за газетную публикацию. Выпускавшиеся с 1922 г. банковские билеты купюрами в 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев, обеспечивавшиеся золотом и твердой валютой, ходили наравне с обесцененными «совзнаками» и постепенно их вытесняли.
Ландо—пассажирский салон тогдашнего такси.
Стр. 86. *Стекловск*—назван по имени Ю. М. Стеклова (1873—1941), видного государственного деятеля и журнали-

Карлрадековская улица—названа по имени К. Б. Радека (1885—1939), известного журналиста, члена ЦК ВКП(б), впоследствии участника троцкистской оппозиции.

Стр. 88. *Епитрахиль*—часть облачения священника, расшитый узорами передник, надеваемый на шею.

Стр. 90. *Антр ну суа ди* (фр.)—между нами говоря.

Стр. 94. *Россолимо* Григорий Иванович (1860—1928)—известный врач-невропатолог, профессор Московского университета.

...вопли Валькирий...—имеется в виду «Валькирия», опера немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813—1883). Булгаков любил музыку Вагнера, в особенности «Полет валькирий».

Знаменитый пианист—скорее всего Генрих Густавович Нейгауз (1888—1964), с 1922 г.—профессор Московской консерватории.

Стр. 98. *Мюр и Мерилиз*—торговая фирма, которой до революции принадлежал построенный в 1909 г. на углу Петровки, против Большого театра, крупнейший универсальный магазин столицы (ныне ЦУМ).

Стр. 99. *...куплеты, сочиненные поэтами Ардо и Аргуевым...*—прозрачный намек на популярных тогда поэтов-сатириков Арго (А. М. Гольденберга) и Н. А. Адуева.

Стр. 100. *Мейерхольд* Всеволод Эмильевич (1874—1940)—известный театральный режиссер, настойчиво просивший у Булгакова пьесы для своего театра и приглашавший автора «Дней Турбиных» на генеральные репетиции-«прогоны» таких своих спектаклей, как «Ревизор». Булгаков относился к экспериментам режиссера отрицательно (см. его фельетон «Биомеханическая глава» из цикла «Столица в блокноте» и отзыв о постановке «Ревизора» в воспоминаниях Л. Е. Белозерской, второй жены писателя). См.: Яновская Л. Два письма Вс. Мейерхольда Михаилу Булгакову.—Вопросы литературы, 1975, № 7. Театр им. Мейерхольда располагался в доме № 20 по Большой Садовой, ныне в этом здании Концертный зал им. П. И. Чайковского.

Эрендорг—намек на И. Г. Эренбурга (1891—1967), русского советского писателя, общественного деятеля.

Театр Корш<а>—крупнейший частный театр Москвы, основанный театральным предпринимателем Ф. А. Коршем (1882—1932), находился в Богословском переулке (ныне ул. Москвина). Теперь в этом здании филиал МХАТа.

Ростан Эдмон (1868—1918)—французский поэт и драматург. Название его пьесы «Шантеклер» в переводе с французского—«Петух».

В цирке бывшего Никитина...—Это здание было построено в 1911 г. цирковым предпринимателем и артистом А. А. Никитиным на Триумфальной площади (ныне площадь

Маяковского). Директором цирка Никитин был до 1917 г. Впоследствии здесь размещался Московский мюзик-холл, прообраз Варьете в «Мастере и Маргарите» (см.: Мягков Б. Булгаковское Варьете — фантазия и реальность.— Нева, 1985, № 6). Ныне в этом перестроенном здании — Московский театр сатиры.

Стр. 102. *Колечкин* — намек на Михаила Ефимовича Кольцова (1898—1942), советского писателя, журналиста, печатавшего свои фельетоны и очерки в «Правде».

Стр. 103. *...в зале Цекубу на Пречистенке...* — Центральная комиссия по улучшению быта ученых занимала с 1922 г. особняк № 16 по Пречистенке (ныне Дом ученых).

Стр. 110. *Шереметевы* — графы, старинный дворянский род, отличавшийся огромным богатством, пышным великолепием дворцовых построек в Москве и многочисленных имениях (Останкино, Кусково и др.), а также покровительством искусствам.

Стр. 112. *Никольское, Смоленской губернии* — здесь Булгаков в 1916—1917 гг. работал сельским врачом, затем был переведен в Вязьму.

Стр. 115. *«Пиковая дама»* (1890) — опера П. И. Чайковского (1840—1893).

Стр. 117. *Антихрист* — в христианской религии враг Иисуса Христа, который явится перед концом времен и будет бороться с Христом, но потерпит поражение. Это не сатана, но человек — посланник сатаны, отрицающий все заповеди бога и самого бога. По преданию, антихрист, потерпев после всех побед и злодейств (среди которых убиение святых праведников) поражение от Христа, поднимется на высокую гору и низвергнется в пропасть.

Стр. 122. *«Евгений Онегин»* (1878) — опера П. И. Чайковского.

Стр. 123. *Аршин* — старинная мера длины, равна 71,12 см.

Стр. 128. *Сытин* Иван Дмитриевич (1851—1934) — известный издатель и книготорговец, владелец (с 1897 г.) либеральной буржуазной газеты «Русское слово» (1895—1918).

Стр. 129. *«Федор Иоаннович».* — Имеется в виду драма русского поэта Алексея Константиновича Толстого (1817—1875) «Царь Федор Иоаннович» (1868). Булгаков знал наизусть многие стихотворения поэта и часто цитировал их в своей прозе и пьесах, особенно ценил его талант сатирика.

Стр. 133. *Александровский вокзал* — ныне Белорусский.

Стр. 134. *Каланчевская площадь* — ныне Комсомольская. *Николаевский вокзал* — ныне Ленинградский.

Стр. 136. *Командир конной громады* — С. М. Буденный (1883—1973).

СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ

Повесть «Собачье сердце» написана Булгаковым в январе—марте 1925 г. для альманаха «Недра», но опубликована тогда не была. Первоначальное ее название—«Собачье счастье. Чудовищная история». Автор неоднократно читал повесть публично, она была известна в литературных кругах Москвы. На родине писателя «Собачье сердце» впервые опубликовано в журнале «Знамя», 1987, № 6. Печатается по тексту журнальной публикации.

Стр. 141. *«Милая Аида»*—романс Радамеса из первого действия «Аиды» Д. Верди (1813—1901), любимой оперы Булгакова, не раз упоминаемой в его произведениях.

Стр. 142. *Влас... барский повар графов Толстых...*—Потомки Льва Толстого жили тогда на самой Пречистенке (с 1920 г. в особняке № 11 разместился Музей Л. Н. Толстого) и рядом, в Померанцевом переулке. Влас, умерший в голодные годы, упомянут и в начале повести «Роковые яйца».

Стр. 143. *Абрау-Дюрсо*—так тогда называлось шампанское.

Стр. 145. *Нигде кроме...*—пародия на текст знаменитого, по всей Москве расклеенного рекламного плаката «Нигде кроме как в Моссельпроме», написанный В. Маяковским. Отношения Булгакова и Маяковского были достаточно сложными, соперничество этих известных остроумцев и сатириков и взаимные их нападки были известны в литературных кругах. Булгаков-журналист оставил интересный репортаж, где описал выступление поэта на одной из демонстраций 1923 г.: «Маяковский, раскрыв свой чудовищный квадратный рот, бухал над толпой надтреснутым басом... все выбрасывал тяжелые, как булыжники, слова» (Вопросы литературы, 1978, № 6, с. 314).

Моссельпром—Московский трест по переработке продуктов сельского хозяйства.

Стр. 146. *...у самой пожарной команды...*—На Пречистенке в доме № 22, построенном в XVIII веке по проекту зодчего М. Казакова (1738—1812), размещалось пожарное депо. Ныне Управление пожарной охраны Москвы.

Валторна—духовой музыкальный инструмент, входивший в состав оркестра пожарников.

Золотник—старинная русская мера веса, равная 4,266 грамма.

Стр. 147. *Бельэтаж*—«высокий» первый этаж в дореволюционных доходных домах, где размещались лучшие, самые дорогие квартиры. Под бельэтажем обычно находились полуподвалы, где жила прислуга. «Калабуховский» дом и ныне стоит в Чистом переулке под номером 1.

Стр. 148. *Мясницкая*—ныне улица Кирова.

Голландский, бакштейн—сорта сыра.

Елисеевы братья—известные торговцы, владельцы крупнейших гастрономических магазинов.

Стр. 150. *Кубарь*—детская игрушка, целиком выточенный из дерева волчок, погоняемый кнутом.

Стр. 151. *От Севильи до Гренады...*—серенада Дон Жуана из драматической поэмы А. К. Толстого «Дон Жуан» (1860), положенная на музыку П. И. Чайковским в 1878 г.

Стр. 153. *Пароль д'оннер* (фр.)—честное слово.

Стр. 154. *Жиркость*—трест, производивший косметику.

Белые деньги—червонцы.

Стр. 159. *Айседора Дункан* (1878—1927)—знаменитая американская танцовщица, с 1922 г. жена Сергея Есенина. Тогда они жили в роскошном особняке № 20 по Пречистенке, принадлежавшем в свое время балерине Балашовой, где были не только спальни, кабинеты и столовая, но и большой зал для занятий с детьми (Дункан организовала студию балета).

Стр. 167. *...в красном кепи...*—головной убор тогдашней милиции. Ср. в главе «Якобы деньги» из первой редакции романа «Мастер и Маргарита»: «Гражданин в замешательстве к двери. Попридержали, через минуту красное кепи и—готово. Замели гражданина» (Даугава, 1983, № 10, с. 118).

Стр. 173. *К берегам священным Нила...*—хор жрецов из первого действия оперы «Аида».

Стр. 175. *Патриарший куколь*—головной убор главы русской православной церкви.

Стр. 179. *Турецкое седло*—углубление в черепной кости, где находится гипофиз.

Стр. 183. *Фонограф*—аппарат для записи звука на специальный валик, предшественник магнитофона.

Стр. 194. *Союз, биржа*—имеются в виду профсоюз и биржа труда, где регистрировались безработные.

Стр. 217. *Спиноза* Бенедикт (1632—1677)—нидерландский философ-материалист.

Чугунов—расхождение в тексте, ранее было—«Чугункин».

Евгеника—наука об «улучшении человеческой породы», опиравшаяся на идеи и выводы тогдашней генетики. В 20-е годы идеи евгеники нашли своих сторонников в Советской России (Н. К. Кольцов, Ю. А. Филипченко), было создано Русское евгеническое общество.

Стр. 222. *МКХ*—Московское коммунальное хозяйство.

ПРИМЕЧАНИЯ

АЛЫЕ ПАРУСА. (Феерия.) Впервые — отдельной книгой в изд-ве «Л. Д. Френкель». М.—Пг., 1923. Глава «Грэй» — в газете «Вечерний телеграф» № 1 от 8 мая 1922 года.

Замысел «Алых парусов» (первоначально «Красных») возник у Грина, вероятно, в июне—июле 1916 года. Он сделал первый набросок (см. приложение к тому) и отложил рукопись. Писатель еще не продумал «необычные обстоятельства, в которых должно было свершиться нечто решительное», вытекающее «из некоего длительного несчастья или ожидания, разрешаемого кораблем с красными парусами», еще не нашел нужный тон повествования.

В период гражданской войны Грин был связистом в Красной Армии. В его вещевом мешке хранились смена белья и главы начатой повести «Красные паруса». «Живая мечта», — говорил о рукописи Грин. Заканчивал он книгу в Петрограде, на Мойке, в Доме искусств. О том, в какой обстановке писались «Алые паруса», рассказывает в воспоминаниях Вс. Рождественский:

«А. М. Горький, вечный болельщик за судьбы литературы, выхлопотал у Петрокоммуны огромную пустующую квартиру бежавших за границу богачей, братьев Елисеевых, и организовал там нечто вроде писательского общежития, собравшего в свои стены и уже почтенных и совсем юных литераторов. В одной из тесных комнатушек, примыкающих к кухне, жил я с поэтом Ник. Тихоновым, а в непосредственном соседстве с нами поселился А. С. Грин.

Как сейчас, вижу его невзрачную, узкую и темноватую комнатенку, с единственным окном во двор. Слева от входа стояла обычная железная кровать с подстилкой из какого-то половичка или вытертого до неузнаваемости коврика, покрытая в качестве одеяла сильно изношенной шинелью. У окна ничем не покрытый кухонный стол, довольно обшарпанное кресло, у противоположной стены обычная для тех времен самодельная «буржуйка» — вот, кажется, и вся обстановка этой комнаты с голыми и холодными стенами.

Грин жил в полном смысле слова отшельником, нелюдимом, и не так уж часто появлялся на общих сборищах. С утра садился он за свой стол, работал яростно, ожесточенно, а затем вскакивал, нервно ходил по комнате, чтобы согреться, растирал коченеющие пальцы и снова возвращался к рукописи. Мы часто слышали его шаги за стеной, и по их ритму можно было догадаться, как идет у него дело. Чаще всего ходил он медленно, затрудненно, а порой стремительно и даже весело, но все же это случалось не так часто. Хождение прерывалось паузами долгого молчания. Грин

писал...» (Рождественский Вс. Воспоминания о Грине. Рукопись.).

Грин вчерне окончил «Алые паруса» в начале декабря 1920 года, но в дальнейшем неоднократно правил рукопись. Белового автографа повести не сохранилось. Н. Н. Грин в воспоминаниях пишет, что книга была закончена в апреле 1921 года (ЦГАЛИ), но Э. Арнольди, явившемуся к писателю в апреле 1922 года, Грин дал для газеты «Вечерний телеграф» отрывок только что оконченной повести. (Арнольди Э. Беллетрист Грин.—Звезда, 1963, № 12.) Вероятно, писатель готовил в то время «Алые паруса» к изданию и заново редактировал.

М. Слонимский вспоминает:

«...[Грин] мне первому читал «Алые паруса». Он явился ко мне тщательно выбритый, выпил стакан крепкого чая, вынул рукопись (все те же огромные листы, вырванные из бухгалтерских книг), и тут я увидел робость на его лице. Он оробел, и странно было слышать мне от этого человека, который был старше меня на двадцать лет, неожиданное, сказанное сорвавшимся голосом слово:

— Боюсь!

Ему страшно было услышать написанное им, проверить на слух то, над чем он работал так долго, и вдруг убедиться, что вещь плоха. А произведение это, «Алые паруса», было поворотным для его творчества. Это был тот страх художника, который так замечательно изображен Львом Толстым в художнике Михайлове, показывающем свою картину Анне Карениной и Вронскому.

Потом Грин, преодолев робость, начал читать. Дойдя до того места, когда Ассоль встречается в лесу со сказочником, Грин вновь оробел, и голос его пресекся. Тогда я сказал ему первую попавшуюся шаблонную фразу:

— Вы пишите так, что все видно.

— Вы умеете хвалить, — отвечал Грин и, взбодренный банальной моей похвалой, прочел превосходную свою феерию уже без перерывов» (Слонимский М. А. Грин. — Звезда, 1939, № 4).

Брашпиль — лебедка для выбирания якоря.

Фантом — призрак, привидение.

Вольт — от французского volte, плавный крутой поворот.

Аликанте — вино, получившее название от одноименного города в Испании, славящегося виноградниками.

Бакборт — левая сторона судна.

Леер — туго натянутая веревка или трос, служащий для ограждения палубы, мостиков и других открытых мест.

Ванты — оттяжки из стального или пенькового троса, которыми производится боковое крепление мачт.

Стеньга — верхняя (вторая) часть мачты, когда она составлена из двух стволов.

Саллинг — рама из продольных и поперечных брусьев, служит для крепления верхних снастей составных мачт.

Кнехты — чугунные, стальные или деревянные тумбы, служащие для закрепления канатов.

Галиот — морское парусное судно. Грин ошибся: галиот бывает только двухмачтовый.

Шприрос — цепь или трос, идущий от барабана, вращаемого штурвалом, к рулю.

Кливер — косой треугольный парус, ставящийся впереди фок-мачты.

Клюз — отверстие в борту для выпуска якорного каната или шпартова.

Бёклин, Арнольд (1827—1901) — швейцарский художник-романтик, написал множество картин на мифологические сюжеты.

Иона — библейский пророк, по преданию побывавший во чреве кита и вышедший оттуда невредимым.

Мурена — морская рыба Водится в южных бассейнах (Средиземное море, Индийский океан и др.).

Пороховая ступка Бертольда — Бертольд Шварц, францисканский монах (XIV в.), по преданию изобрел порох.

Аспазия (V в. до н. э.) — одна из выдающихся женщин Древней Греции, супруга афинского вождя Перикла.

Швартовы — канаты, которыми судно крепится к причалу.

А. Смелянский

26 ноября 1936 года Михаил Булгаков начал работу над новой книгой. На первой странице рукописи—два названия: «Записки покойника» и «Театральный роман». Первое название подчеркнуто двумя чертами, указывая на явное авторское предпочтение. В булгаковском доме—судя по дневнику Елены Сергеевны Булгаковой—новый роман непременно и без каких-либо колебаний именовался «Записками покойника». Однако при первой журнальной публикации («Новый мир», 1965, №8) по конъюнктурным соображениям предпочтение было отдано «Театральному роману». Константин Симонов, принимавший участие в публикации текста, приводил позднее мотивировку, которая была тогда выдвинута в защиту более «проходного» названия: «Лучше издать »Театральный роман», чем не издать «Записки покойника». Как «Театральный роман» книга Булгакова и вошла в читательское сознание.

Истоки замысла исследователи справедливо относят к 1929 году, к роману в письмах «Тайному другу», в котором Булгаков начал повествование о том, «как я сделался драматургом». В 1930 году замысел оформился в новом названии—«Театр». Начало этой книги вместе с черновиками романа о дьяволе было сожжено в том же 1930 году (об этом Булгаков сообщает в письме Правительству СССР). Книга о театре, о судьбе драматурга была задумана в «год великого перелома», когда затравленный писатель оказался перед угрозой творческой гибели. Книга о театре стала вновь актуальной для Булгакова на другом не менее серьезном жизненном рубеже, когда был срочно снят с репертуара «Мольер» и запрещена после генеральной репетиции пьеса «Иван Васильевич». Очередной разгром, по сути театральное уничтожение, надо было осмыслить как свершившийся и бесповоротный факт. В апреле 1937 года в письме к В.В.Вересаеву автор «Кабалы святош» дал зарок, что «на фронте драматических театров» его больше не будет. И действительно, «Записки покойника» сочинены человеком, как бы переставшим существовать. Это был взгляд на театр и на собственную судьбу с той запредельно высокой точки зрения, которая остраняла привычное и позволяла увидеть его в свете иных ценностей, столь безразличных современности.

Роман о театре Булгаков стал сочинять через несколько недель после разрыва с МХАТом. Завершенный и болезненно исчерпанный кусок жизни, по закону булгаковской писательской биографии, должен был переплавиться в слово и просветиться в слове. Так оно и произошло: десятилетние отношения с Художественным театром стали поводом и толчком к созданию книги, в которой личный сюжет раздвинулся до границ извечного сюжета комедиантской судьбы. Устройство Независимого Театра, на всех его уровнях и структурах, превосходно передает общее устройство той жизни, в которой пытался осуществить свою творческую волю автор «Дней Турбиных» и «Багрового острова». В этом смысле «Записки покойника» оказались своего рода театральным завещанием Булгакова.

Для понимания романа важен вопрос о соотношении художественной реальности книги с реальностью того театра, который питал фантазию автора. Вопрос этот не такой простой, как кажется на первый взгляд. Павел Марков, заведующий литературной частью МХАТа и очевидный прототип Миши Панина, хозяина «аналитического кабинета», в одной из своих статей середины 60-х годов задавался таким вопросом в связи с «Театральным романом»: «Увидит ли в нем читатель сознательное и последовательное унижение великого театра и его великих создателей, прочтет ли собрание анекдотов или, напротив, разгадает ироническое и, повторяю, горькое раскрытие быта, противоречащего самому существу МХАТ, и прочитает блистательное литературное произведение, которое и могло появиться лишь при признании основ театра?» Тогда же в ответ на эту статью Елена Булгакова пишет Маркову: «И великолепно, что ты написал о «Записках покойника». Все ставит на свое место. Я одинаково не выношу, когда мне говорят «Я так смеялся или смеялась!..» и когда начинают расспрашивать—кто—кто? Не об этом. Не про это. Это трагическая тема Булгакова—художник в его столкновении все равно с кем—с Людовиком ли, с Кабалой, с Николаем или с режиссером. А о любви к МХАТу, о том, что это был его театр, как он был его автор,—говорить не приходится, так ясно все это в романе».

При жизни Булгаков успел прочитать наиболее близким «мхатчикам» главы книги о театре. В архиве сохранилось специальное «предисловие для слушателей», которым эти читки иногда предварялись. Предвосхищая кривотолки и слухи, автор иронически указывал их источник: «Как-то, находясь в дурном расположении духа и желая развлечь себя, я прочитал отрывок из этих тетрадей одному из своих знакомых актеров.

Выслушав предложение, гость мой сказал: «Угу. Ну, понятно, какой театр здесь изображен».

И при этом засмеялся тем смехом, который принято называть сатанинским».

В том же предисловии Булгаков указывает на еще одного «злостного» распространителя слухов, а именно на десятилетнего мальчика, который пришел в гости к тетушке, служащей в одном видном московском театре, и, улыбаясь чарующей улыбкой, картавя, сообщил: «Слыхали, слыхали, как тебя в романе изобразили!»

Что возьмешь с малолетнего!»

Первая реакция дружеской театральной среды подтвердила предсказание. В дневнике Е.С.Булгаковой отмечены все читки отдельных глав новой книги, восторженное, с оттенком ошеломления, восприятие слушателей. Но мхатовцы ждали текстов о себе или о своих близких, и, кажется, в этом ближайшем домашнем плане книга поначалу и воспринималась. Опоздавший на чтение Павел Марков «страшно приставал к Мише,— записывает жена писателя,—чтобы он показал в романе место про него» (запись от 22 апреля 1937 года). Сохранилось коротенькое письмецо В.Г.Сахновского от 11 марта того же 37-го года. Режиссер, увековеченный в романе указанием на римский упадочный профиль и капризно выпяченную нижнюю губу, предвкушал наслаждение от встречи с запретной рукописью, слух о которой уже вовсю гулял по мхатовскому дому: «Узнал от Иосифа (я говорю об Иосифе Раевском), что вылился из-под пера некий роман, посвященный одному интересующему меня театру. Шел по улице с Иосифом и от души хохотал. Прравильно! Песочное пирожное очень вкусное кушанье. Но песочные директора и худруководители еда невыносимая!»

Раскатисто-ликующее «р» и острый выпад внутримхатовского порядка свидетельствовали о том, что истинный масштаб «Записок покойника» поначалу не воспринимался. Приведем еще один характерный в этом плане эпизод. 3 мая 1939 года Булгаков в доме у художника П.Вильямса читал отрывки из романа о театре. Глава «Репетиция у Ивана Васильевича» имела, как свидетельствует дневник, бешеный успех. «Самосуд,— записывает Е.С.Булгакова,—тут же выдумал, что Миша должен прочитать эту главу для всего Большого театра, а объявить можно, что это репетиция в периферийном театре. Ему так понравилась мысль, что он может всенародно опорочить систему Станиславского, что он все готов отдать, чтобы это чтение состоялось. Но Миша, конечно, сказал, что читать не будет».

Понадобились десятилетия, чтобы книга Булгакова открылась в ее дальнем высоком замысле.

Вопрос «кто—кто» для историка литературы и театра носит подчиненный, но не праздный характер. В свое время Павел Марков показывал мне листочек с прототипами героев, который был сделан в виде театральной программки с указанием действующих лиц и исполнителей. Да и сама Елена Сергеевна Булгакова при помощи Сергея Шиловского, своего сына, составила длинный список прототипов романа, а также материалы к его реальному комментарию. Кроме совершенно очевидных соотношений (Иван Васильевич—Станиславский, Аристарх Платонович—Немирович-Данченко) важны указания на иные, не столь очевидные «кто—кто», приоткрывающие сложную связь романа с литературно-театральной средой, в которой существовал и которой во многих отношениях оппонировал Булгаков в 20-е и 30-е годы. Отметим некоторые важные параллели, сделанные Е.С.Булгаковой:

рассказ Ликоспастова «Жилец по ордеру»—роман Ю.Слезкина «Девушка с гор»;

«когорта дружных»—театр Вахтангова;

спектакль «Фаворит», с которого начинается знакомство Максудова с театральным миром,—спектакль второй студии МХАТа «Елизавета Петровна» Д.Смолина, а «еще одна пьеса»—«Дама-невидимка» Кальдерона, поставленная в той же студии. Е.С.Булгакова сравнивает афишу Независимого Театра, которую видит Максудов в романе, с подлинной афишей Художественного театра «с предполагаемым репертуаром на сезон 1926—1927 г.:

Сухово-Кобылин Смерть Тарелкина
Эсхил Прометей
Шекспир Отелло
Бомарше Свадьба Фигаро
Булгаков Семья Турбиных».

В комментариях указано, что «резкий звук тромбонов»—мхатовский обычай провожать в последний путь фанфарами (к этому следует добавить, что «фанфары» были из спектакля «Гамлет», поставленного в МХТ Гордоном Крэгом. Музыку к спектаклю сочинил Илья Сац). Отмечена параллель спектакля «Степан Разин», упомянутого в романе, со спектаклем «Пугачевщина» К.Тренева (премьера пьесы на сцене МХАТа состоялась 19 сентября 1925 года). Журнал «Лик Мельпомены» сопоставлен с журналом «Новый зритель», театр Шлиппе отсылает к театру Федора Адамовича Корша, а Старый театр—к Малому театру. Указаны прототипы некоторых литературных

героев: Клинкер—Киршон, Рудольфи—Лежнев, Ликоспастов—Слезкин, Рвацкий—Каганский, Бондаревский—Алексей Толстой, Агапенов—Борис Пильняк, Лесосеков—Леонов, Айвазовский—Павел Антокольский. Но, конечно, особое место в материалах Е.С.Булгаковой занимают люди Художественного театра. Помимо уже названных отметим (без подробной расшифровки):

Торопецкая—Ольга Сергеевна Бокшанская, секретарь Немировича-Данченко, сестра Елены Сергеевны Булгаковой

Менажраки—Рипсиме Карповна Таманцова, секретарь Станиславского

Ильчин—Борис Ильич Вершилов, режиссер

Фома Стриж—Илья Яковлевич Судаков, режиссер

Романус—Борис Львович Изралевский, заведующий музыкальной частью

Гавриил Степанович—Николай Васильевич Егоров, заместитель директора Художественного театра

Княжевич—Василий Васильевич Лужский

Пеликан—Порфирий Артемьевич Подобед, актер и член Правления театра

Полторацкий—Василий Григорьевич Сахновский

Дитрих Петя—художник Петр Вильямс

Елагин—Виктор Яковлевич Станицын

Колдыбаева Настасья Ивановна—Мария Петровна Лилина

Ипполит Павлович—Василий Иванович Качалов

Федор Владимирович—Владимир Федорович Грибунин

Филипп Филиппович Тулумбасов—Федор Николаевич Михальский, главный администратор

Людмила Сильвестровна Пряхина—Лидия Михайловна Коренева

Маргарита Петровна Таврическая—Ольга Леонардовна Книппер-Чехова

Комаровский-Эшаппар де Бионкур—Алексей Александрович Стахович (в материалах Булгаковой процитирован «Придворный календарь на 1906 год», в котором значатся такие фамилии: Дюбрейль-Эшаппар и Катуар-де-Бионкур)

Горностаев Герасим—Николай Афанасьевич Подгорный

Валентин Конрадович—Леонид Миронович Леонидов

Аргунин—Николай Павлович Хмелев

Малокрошечный Митя—Сергей Александрович Саврасов

Калошин Антон—Иван Андреевич Мамошин (в 30-е годы он был секретарем мхатовской партячейки)

Евлампия Петровна—Екатерина Сергеевна Телешева, режиссер

Андрей Андреевич—помощник режиссера Николай Николаевич Шелонский

Аврора Госье (художница из макетной, которую видит Максудов во время репетиции «Черного снега»)—Нелли Стругач

Патрикеев—Михаил Михайлович Яншин

Владычинский—Борис Николаевич Ливанов

Строев—Евгений Васильевич Калужский

Адальберт—Александр Александрович Андерс

Е.С.Булгакова попыталась прокомментировать с точки зрения мхатовских реалий даже самые мелкие и порой безымянные романные аллюзии: в ее материалах, скажем, владелец «высокого тенорка» идентифицирован с Иваном Михайловичем Москвиным, а некий Осип Иванович, однажды залетевший на страницы книги, предположительно отнесен к Александру Леонидовичу Вишневскому. Однако даже при таком тщательном, скрупулезном сопоставлении романа и литературно-театральной реальности (мы использовали, конечно, не весь список) Булгакова оговаривает, что прототипы ряда персонажей ей неизвестны, а другие литературные герои, занимающие центральное положение в сюжете «Записок покойника», не имеют прототипов и носят, как она выражается, собирательный характер. Это относится прежде всего к Бомбардову («лицо собирательное, тут и Миша сам, и молодые актеры—лучшие»).

Е.С.Булгакова совершенно не касается «прототипичности» стиля и особенностей мхатовской жизни тех лет, которые многое объясняют в романе. Историк Художественного театра может отметить, как сложно переплетаются в «Записках покойника» реальная канва создания «Дней Турбиных» (в романе—«Черного снега»), с канвой тех событий, что сопутствовали тягостным репетициям «Кабалы святош», приведшим в разрыву автора с театром. Первый период отношений Булгакова и МХАТа, исполненный взаимной любви, в гораздо меньшей степени присутствует в атмосфере «Записок покойника», нежели те формы театральной жизни, которые утвердились в МХАТе в 30-е годы. Не будет преувеличением сказать, что в источнике многих самых невероятных сюжетных линий романа о театре непременно обнаруживается какая-то реальная и больная тема мхатовского быта того времени. Абсолютная глухота прославленного театра к тому, что делается за его стенами, вражда двух руководителей, достигшая каких-то уродливо-гротескных форм, поездки за границу на отдых и лечение, которые были дарованы свыше как высочайшее благодеяние «лучшему в мире театру», быт дома Станиславского

в Леонтьевском переулке и многое, многое другое легло в основание «Записок покойника». Вопрос «кто—кто», давно потерявший злободневный личный интерес, оказывается чрезвычайно важным в ином плане. Кажется, ни одно другое произведение Булгакова не дает нам такой острой возможности разглядеть, как работает механизм творческой фантазии писателя, как узкие рамки мхатовских проблем легко раздвигаются в пространстве и времени, как театральный «сор» становится искусством, именуемым классикой.

Биографический сюжет—спор и разрыв со Станиславским во время репетиций «Мольера»—преобразовался из «личного и мелкого» в общезначимый. Дело шло о человеке, о художнике, о мастере, угадавшем истину и не могущем открыть эту истину людям. Пытаясь переделывать пьесу по советам режиссера, испытывая бесконечные муки саморедактуры, Максудов соглашается на нее ради того, чтобы «Черный снег» вышел, наконец, к свету, к рампе, к людям. Взаимоотношения автора «Черного снега» со своим творением повторяют отношения Мастера с его романом о Пилате, или Мольера—с «Тартюфом». Мастер и Маргарита готовы вступить в сделку с нечистой силой и даже легко идут на смерть, чтобы остался жить роман. Лукавый галл готов лизать королевский сапог для того, чтобы сохранить пьесу. Та же самая коллизия, в своем, конечно, жанре, разворачивается в «Записках покойника». Везде, где идет речь о «Черном снеге», выдержан стиль возвышенной и напряженной лирики: «Родились эти люди в снах, вышли из снов и прочнейшим образом обосновались в моей келье». Мартовская вьюга, игра в волшебную коробочку, келья одинокого мастера—это, конечно, романтические атрибуты, чрезвычайно далеки от реальной исторической декорации, в которой существовал автор «Дней Турбиных». Но ощущение дела литературы, своего писательского долга тут совпадает абсолютно: «А между тем я знал, я видел, что тогда пьеса перестанет существовать. А ей нужно было существовать, потому что я знал, что в ней истина».

Вот в этой точке берет начало и разворачивается главная коллизия книги о театре и главная коллизия писательской судьбы Булгакова. Истина, которая открылась творцу, не может быть внесена в мир только его индивидуальными усилиями. Художник прибегает к помощи посредников. Мастер приносит роман о Пилате в редакцию, и участь книги решают Ариман, Лаврович и Латунский, мало озабоченные тем, чтобы истина, угаданная писателем, пришла в мир. Максудов отдает свою пьесу в Независимый Театр, который, помимо недостат-

...ов, присущих «Театру вообще», еще и воспроизводит в своем ...стройстве порядки тоталитарного государства.

Отношение драматурга к людям театра—трагическая лю-бовь, «любовь-ненависть», как сказал бы Блок. Тяга писателя к сцене чужда платонизму. Это любовь творящая, взыскующая зачатья, оплодотворяющая. Вне этих людей, вне сцены, вне луча света, вне смеха и слез тысячной толпы, наполняющей синеву зала, не может родиться истина. «Я вернулся в театр, без которого не мог жить уже, как морфинист без морфия». И еще: «Иссушаемый любовью к Независимому Театру, прикованный теперь к нему, как жук к пробке, я вечерами ходил на спектакли». В этих острейших сравнениях (на втором из них «Записки покойника» обрываются) видна до последней глубины проблема Булгакова как «автора театра».

Осенью 1937 года Булгаков неожиданно оставил работу над романом о театре. Нет никаких документальных данных для того, чтобы однозначно истолковать решение писателя. Можно предположить, что Булгаков решил сосредоточиться на «романе о дьяволе», который казался тогда наиболее существенным литературным и жизненным поступком. Есть точка зрения, по которой «Записки покойника» сознательно оставлены оборванными и тем самым подключены к множеству подобных книг в русской и мировой литературе. Как бы то ни было, мы уже никогда не дослушаем последнего возражения Максудова Ивану Васильевичу по поводу актерского перевоплощения. Мы никогда не прочтем, как прошла премьера «Черного снега» и прошла ли она вообще. Острейшее чувство счастья, которое Булгаков умел переживать с величайшей полнотой и столь же полно выражать в искусстве, не дано пережить герою «Записок покойника». Максудову не дано дожить до премьеры и увидеть, как истина, им угаданная, пришла в мир.

Открытый финал книги о театре стал восприниматься, независимо от литературно-биографических обстоятельств, как факт структурно значимый. Фраза, оборванная на полуслове, становится сильнейшим эмоциональным финалом романа. Главное, действительно, сказано, а дальше—тишина.

Михаил Булгаков

Записки на манжетах
Театральный роман

Москва „Искусство“ 1991

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

РОМАН

ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВ 1975

О романе Ф. М. Достоевского «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

Сила и величие русских классиков XIX века заключалась в глубоком демократизме, в гуманистическом пафосе их творений, в бескомпромиссном служении истине. «Сердце русского писателя,— утверждал М. Горький,— было колоколом любви, и вещий и могучий звон его слышали все живые сердца страны...»

Эти слова полностью можно отнести к Достоевскому — писателю, которого Томас Манн назвал первым психологом мировой литературы.

Возросший в наши дни интерес к творчеству Достоевского не случаен. В его романах и повестях дана сокрушительная критика буржуазного строя России, запечатлены глубокое сочувствие угнетенному народу, вера в его светлое будущее. Власть денег, попрание человеческого достоинства, бредовые идеи «вседозволенности» — все это смело разоблачает Достоевский в 60—70-х годах XIX века. Произведения писателя отличает страстный гуманистический пафос — сочувствие и сострадание «униженным и оскорбленным».

Некоторые современные ученые на Западе пытаются доказать, что Достоевский — певец отчаяния, проповедующий неверие в человека, что он якобы родоначальник нынешних упадочнических литературных течений.

Советские литературоведы в ряде книг и статей, в докладах на состоявшемся в 1972 году в Венеции конгрессе, посвященном проблеме «Достоевский в сознании современного человека», убедительно опровергли все эти домыслы и раскрыли подлинный облик великого русского гуманиста и обличителя буржуазного общества.

Одним из главных вопросов, волновавших Достоевского на протяжении всей его жизни, была борьба добра и зла в человеке. Писатель рассматривал зло как порождение частнособственнического мира. Отсюда его страстная критика буржуазности, отрицание капиталистических принципов: торгашества, наживы, поклонения «золотому тельцу». Все это мы видим в «Зимних заметках о летних впечатлениях», «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Братьях Карамазовых».

В то же время Достоевский верил в добрые начала человеческой природы, всю жизнь вынашивал и лелеял идею о будущем совершенном, справедливом устройстве общества. Эту гуманистическую идею проповедуют его положительные герои — Мышкин, Алеша Карамазов, она пронизывает письма и дневники самого Достоевского. Путь к осуществлению «золотого века» человечества писатель видел в моральном факторе: человек должен усовершенствовать свою собственную природу, осознать ответственность перед другими людьми за построение земной гармонии и бескорыстно трудиться на общее благо. В наши дни, когда социальные препятствия к построению нового общества устранены, мысли Достоевского о моральной ответственности человека за себя, за других и за будущее приобретают особую актуальность.

«Достоевский ни у нас, ни на Западе еще не умер потому, что не умер капитализм и тем не менее умерли его пережитки (если говорить даже о нашей стране). Отсюда важность внимательного рассмотрения всех проблем трагической «достоевщины»,— заключал свою статью о Достоевском А. В. Луначарский.

И действительно, романы Достоевского, разоблачающие всевозможные формы насилия и угнетения, не могут умереть до тех пор, пока существует капитализм со всеми его уродствами и темными силами, которые сопротивляются и препятствуют появлению нового. «Новое общество,— писал критик-марксист В. В. Воровский,— не рождается из старого совсем готовым, чистеньким и хорошеньким, как бабочка, выскочившая из куколки. Глубокие материальные основы грядущего наталкиваются на отсталый, противоречащий им строй идеологии, особенно моральных понятий, господствующих в обществе. Они подтачивают их, как вешние воды подтачивают снег. Но пока новые моральные и вообще идеологические представления, соответствующие новому строю жизни, твердо оформятся и установятся,— царит хаос, смесь старого бурелома и новых побегов, нет твердых нравственных начал, нет того внутреннего критерия добра и зла, который руководил бы деятельностью личностей и масс».

В. В. Воровский писал о дореволюционной России, но эти строки можно целиком отнести к современному Западу и в какой-то мере ими объяснить причину интереса западного читателя к Достоевскому. Если в обществе «царит хаос, смесь старого бурелома и новых побегов», если утрачены твердые нравственные начала, если нет морального компаса, в такие моменты человек раздваивается, теряет границы добра и зла, он мечется, ищет выхода, и тут ему приходит на помощь писатель, который давно размышлял над теми же проблемами, которого волновала нравственная анархия общества и который

исключительно запечатлел и заклеймил ее в своих романах.

Ко всему этому следует прибавить, что Достоевский — величайший художник слова, мастерство которого стоит на уровне знаменитых классиков мировой литературы. Исповеди его героев, тонкие портретные характеристики, напряженные диалоги — философские поединки — все это вошло в сокровищницу русской и мировой литературы как неоценимое богатство.

Каково же место Ф. М. Достоевского в русском литературном процессе XIX века? Каково значение его романа «Униженные и оскорбленные»?

В русском обществе накануне революционной ситуации 1859—1861 гг. четко обозначились две исторические тенденции — либеральная и демократическая. В столкновении их, естественно, участвовали две силы: либералы-дворяне и демократы-разночинцы. Если говорить о русской литературе, то представителями первой тенденции были И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, второй — Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. Г. Помяловский.

Писатели либерального направления подвергали критике господствующие классы: Гончаров развенчивал лень, апатию, паразитическое существование Обломовых; Тургенев в романах «Рудин» и «Дворянское гнездо» в мягких и грустных тонах изображал несостоятельность Рудиных и Лаврецких; Островский в пьесах смело выставлял грубое и невежественное купечество. Поиски же положительного героя эпохи в произведениях этих выдающихся художников слова оказывались менее результативными.

Напротив, писатели демократического лагеря, разоблачая темные стороны действительности, добились успехов в создании положительных идеалов. Так, Н. Г. Чернышевский, в строгом соответствии с исторической правдой, сумел в романе «Что делать?» запечатлеть различные, четко очерченные типы «новых людей» (Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна, Рахметов).

Эта линия получила дальнейшее развитие в творчестве писателей-семидесятников.

Особое место между писателями обозначенных лагерей занимал Ф. М. Достоевский. «Все его повести и романы,— писал о нем А. В. Луначарский,— огненная река его собственных переживаний. Это страстное стремление признаться в своей внутренней правде...»

Необходимо сразу сказать о двойственности, противоречивости Достоевского. С одной стороны — протест против социальной несправедливости, которую он видел повсюду, против

угнетения человека человеком, против власти денег; с другой — проповедь смирения, вера в примирение всех противоречий с помощью христианской религии. Эту двойственность Достоевского можно обнаружить в той или иной степени почти во всех его произведениях, начиная от его первого романа «Бедные люди» (1845) и кончая «Братьями Карамазовыми».

Обладая чутким сердцем, Достоевский болезненно отзывался на страдания униженных и оскорбленных, которые всею силою души ненавидели хозяев помещичье-буржуазного общества. Но многие из этих униженных и оскорбленных стояли в стороне от освободительной борьбы, искали выхода в религии, в любви к ближнему. Все это нашло отражение в творчестве Достоевского.

Личная судьба писателя сложилась драматично.

В 40-х годах Достоевский увлекается учением социалистов-утопистов, сближается с петрашевцами и на одном из заседаний кружка Петрашевского читает запрещенное тогда письмо В. Г. Белинского Гоголю. Именно за это он был в 1849 году арестован и приговорен к смертной казни. После того как писатель был подвергнут оскорбительному обряду гражданской казни — возведен на эшафот, царь «милостиво» заменил смертный приговор ссылкой в Сибирь. Четыре года пробыл Достоевский на каторге и шесть лет в линейном батальоне Семипалатинска, на военной службе. И все это время был лишен возможности участвовать в литературной жизни. Лишь в конце 1859 года он возвратился из Сибири в Петербург и мог возобновить литературную работу.

В эти годы классовая борьба в России резко обострилась. Готовилась реформа 1861 года. В обществе шли ожесточенные споры. Спорили о том, какими путями пойдет развитие страны с отменой крепостного права, во что выльются предстоящие реформы, возможна ли в России крестьянская революция.

К этому времени Достоевский глубоко познал социальную несправедливость, царящую в обществе, изучил быт и нравы среднего класса — мелкого чиновничества и мещанства, особенно же хорошо представлял себе жизнь социальных низов — городской бедноты. И это не могло не сказаться на его умонастроении, а затем и на его творчестве. «Социальное положение Достоевского, загнавшее его в общественные низы, давшее ему отведать горечь существования униженных и оскорбленных, вместе с его необыкновенной чуткостью, способностью страдать и сострадать, не могли не толкнуть его в молодости на путь достаточно яркого протеста, на путь мечтаний о радикальной реформе всего общественного уклада»,— писал А. В. Луначарский.

В начале 60-х годов Достоевский написал четыре больших произведения: «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», «Записки из Мертвого дома», «Униженные и оскорбленные».

Роман «Униженные и оскорбленные» впервые был опубликован в 1861 году в журнале «Время» (№ 1—7). В статье «Забитые люди» Добролюбов назвал Достоевского «одним из замечательнейших деятелей нашей литературы», а его роман «Униженные и оскорбленные» — лучшим литературным явлением года. Критик отметил, что новое произведение Достоевского, как и первый его роман «Бедные люди», принадлежит к тому «гуманистическому» направлению, которое начал Гоголь — основатель «натуральной школы» в русской литературе. «В произведениях г. Достоевского,— писал Добролюбов,— мы находим одну общую черту, более или менее заметную во всем, что он писал: это боль о человеке, который признает себя не в силах или, наконец, даже не в праве быть человеком, настоящим, полным, самостоятельным человеком, самим по себе».

Действие романа «Униженные и оскорбленные» происходит в 40-х годах, но яркая антикапиталистическая направленность его свидетельствует о том, что Достоевский тонко чувствовал и реалистически воспроизводил и политическую атмосферу 60-х годов: в романе изображен Петербург с его вопиющими социальными противоречиями и контрастами, говорится о спорах по поводу вводимых правительством реформ, запечатлена тревога подымающейся демократии о судьбах униженных и оскорбленных. Именно в этом сильная сторона романа. «Люди, которых человеческое достоинство оскорблено,— писал Добролюбов,— являются нам у г. Достоевского в двух главных типах: кротком и ожесточенном». Кроткие — это те, кто не протестует, а смиряется со своим униженным положением (Наташа Ихменева, ее отец Николай Сергеевич). Ожесточенные, наоборот, хотят бросить вызов тем, кто оскорбляет и унижает их, они бунтуют против несправедливости, существующей в мире. Но этот бунт трагичен, ибо он приводит их к гибели, как это происходит с девочкой-подростком — Нелли.

Такому разделению героев в романе соответствуют и две параллельные сюжетные линии его: первая — история семьи Ихменевых, вторая — трагическая судьба семьи Смитов. Первая сюжетная линия продолжает традицию русской сентиментальной литературы XIX века. Достоевский повествует о том, как дочь мелкопоместного дворянина Ихменева — Наташа, влюбившись в сына князя Валковского — Алешу и не получив родительского благословения, уходит к нему из дома. И за это ее проклинает отец. Однако ветреный и легкомысленный Алеша вскоре влюбляется в богатую дочь графини Катю и по на-

стоянию своего отца женится на ней. Униженная и оскорбленная в своих лучших чувствах Наташа возвращается к своим бедным родителям, и отец после долгих и мучительных колебаний прощает ее. На семью Ихменевых обрушиваются все силы зла. Унижен и оскорблен отец Наташи — Николай Сергеевич. Этого доброго, доверчивого человека, который приютил в своем доме Алешу и навел порядок в разоренном княжеском имении, князь Валковский обвиняет в мошенничестве; он безжалостно изгоняет Ихменева, как только тот становится более не нужен ему. Страдания Ихменева усугубляются его конфликтом с дочерью: для Николая Сергеевича уход Наташи из дома — позор.

Не меньшие страдания испытывает и мать Наташи, вынужденная терпеть и уход дочери, и гнев мужа. Но страдает и Наташа, любовь которой Достоевский изобразил в романе как самопожертвование. Во имя чувства к Алеше девушка забывает о всех своих прежних привязанностях, поступается собственным достоинством. Достоевский высоко оценивает самоотверженную любовь Наташи, видит в ее поступке силу характера. Однако жизнь не приносит ей счастья. Наташа страдает и оттого, что отец проклял ее, и от вероломства князя. Но непосредственный виновник страданий Наташи — не кто иной, как Алеша. Это он оторвал ее от семьи, опозоренной его же отцом; он обманул ее обещанием жениться. Он бросает Наташу и по настоянию князя женится на обладательнице миллионного состояния. Казалось бы, есть все основания для того, чтобы осудить виновника драмы Наташи Алешу. Но Достоевский этого не делает. В соответствии с кодексом христианского гуманизма, писатель «смягчает» вину Алеши. Рассказчик, от имени которого ведется повествование, писатель Иван Петрович, смотрит на Алешу влюбленными глазами Наташи. Он не видит эгоистичности поведения героя, а порой любуется, даже восхищается Алешей и склонен все низкие поступки молодого князя истолковать как безобидное проявление милой детскости. Автор заставил свою обесчещенную, обманутую героиню призывать к жалости и прощению: «Не вини его (Алешу.— *П. П.*), Ваня,— перебила Наташа...— его судить нельзя как всех других... его и воспитали не так. Разве он понимает, что делает?.. У него нет характера...» Здесь Достоевский совершенно явно проповедует христианскую идею прощения обидчикам нашим, и это ослабляет социальную остроту романа.

Ханжество этой «христианской добродетели» тонко было подмечено Добролюбовым, у которого Алеша не вызвал симпатий.

Некоторые современные критики выдвигают на первый план искренность Алеши и даже склонны провести линию от этого «барчука» к герою романа «Идиот» Мышкину или к Але-

шс Карамазову. Но такая параллель не основательна. Сама по себе искренность не защищает человека от плохих поступков, не гарантирует от эгоизма, не делает человека безупречным. Да, Алеша искренен и, пожалуй, даже добр, но в нем, в отличие от Мышкина, есть эгоизм, себялюбие. И это проявляется и в его отношении к Кате, и в его любви к Наташе. Когда он убеждает Наташу согласиться на его брак с Катей, в его словах заметна эгоистическая логика: раз Наташа любит его, значит, она должна любить и его счастье, то есть согласиться на его брак с Катей. Всем ходом сюжета автор доказывает, что если бы Алеша был действительно на стороне Наташи, если бы его любовь к ней была верной, сильной, лишенной эгоизма, никто не разрушил бы их счастья, и ни Наташа, ни ее родители не стали бы жертвами князя Валковского. Однако как моралист Достоевский не осуждает Алешу. Напротив, он в данном случае проповедует идею всепрощения, сделав носительницей этой идеи Наташу. Но современный читатель, чуждый христианской идее всепрощения, не может смотреть на Алешу глазами Наташи. Он судит героя по его поступкам и делам. Естественно, что наша оценка Алеши расходится с оценкой Достоевского.

В кодекс гуманизма Достоевского входило и такое понятие, как страдание. Писатель был искренне убежден, что страданием очищается человек. И потому в семье Ихменевых не возникает вопроса об активной борьбе против социальной несправедливости. Если в первом романе Достоевского «Бедные люди» герой Макар Девушкин резко протестовал против страданий униженных и оскорбленных, пытался вскрыть социальные причины этих страданий («По какому праву все это делается?» — спрашивал он), то в романе «Униженные и оскорбленные» Ихменев отказывается от протеста и призывает к гордому смирению: «О! пусть мы униженные, пусть мы оскорбленные, но мы опять вместе, и пусть, пусть теперь торжествуют эти гордые и надменные, унизившие и оскорбившие нас!» Достоевский придавал большое значение этой пассивной солидарности всех прошедших через горнило страданий, смирившихся со своим бедственным, униженным положением и не ищущих выхода в борьбе. Поэтому призывом «идти рука в руку», с которым Ихменев обращается к прощенной им Наташе, Достоевский заканчивает четвертую часть романа.

Но не эта сюжетная линия «Униженных и оскорбленных» — главное достижение Достоевского-реалиста. Ее перекрывает другая сюжетная линия романа, получившая завершение в эпилоге — история Нелли и всего семейства Смитов.

Старик Смит со своей собакой Азоркой, судьба которой была «какими-то таинственными, неведомыми путями соединена с судьбою ее хозяина»; мать Нелли, отвергнутая отцом, прося-

щая милостыню на улицах Петербурга и умершая в сыром подвале, и, наконец, сама Нелли, терпящая побои от мещанки и сводни Бубновой и всяческие надругательства от ее клиентов, — все эти униженные и оскорбленные изображены в романе с еще большей социальной остротой. Именно трагическая судьба Нелли, этой гордой, не по-детски серьезной девочки, прошедшей через все муки и тиранства земного ада, взволнованно рассказанная Достоевским, позволяет глубоко раскрыть вопиющую несправедливость социальных отношений. Но Нелли не пассивна. Она не может смириться и простить своих обидчиков. Напротив, она одержима жаждой мести. Ее бунт и против князя и против окружающих ее условий полон трагизма. Достоевский в романе «Униженные и оскорбленные» впервые так остро ставил вопрос о страданиях ни в чем не повинных детей, искалеченных условиями буржуазной действительности.

Образ Нелли — большое художественное достижение Достоевского-реалиста. От этого образа, как и от образа Неточки Незвановой (героини одноименной повести) протянется прямая линия к героине романа «Идиот» Настасье Филипповне, такой же, как и Нелли, гордой, застенчивой, предельно самолюбивой, обличающей несправедливости буржуазного мира.

Таким образом, изображая судьбы Наташи Ихменевой и Нелли, Достоевский дает как бы два ответа на вопрос о поведении страдающей личности: с одной стороны, пассивное, просветленное смирение, и с другой — непримиримое проклятие всему несправедливому миру. Эти два ответа наложили отпечаток и на художественную структуру романа: вся линия Ихменевых окрашена в лирические, местами в сентиментально-примирительные тона; в описании истории Нелли и злодеяний князя Валковского преобладает обличительная палитра красок. Между этими двумя сюжетными линиями романа — пассивного и активного протеста — есть весьма существенные связующие звенья: князь Валковский и его антипод — писатель Иван Петрович, от имени которого ведется повествование.

Валковский воплощает в себе все зло капиталистического мира. Это — великосветский развратник, подлец, обольститель и эгоист. Он признает одно правило: «Люби самого себя!» Жизнь для него — коммерческая сделка, а люди — лишь средство для достижения корыстных целей. Князь женится вначале на дочери откупщика, присваивает себе ее состояние, а жену сживает со свету. Вскоре он вторично женится — на дочери заводчика Смита, будущей матери Нелли, обманывает и обирает и эту женщину, а затем выгоняет ее на улицу. Своего сына Алешу князь отдает на воспитание Ихменеву, чтобы разви-

зать себе руки. Узнав о миллионах Кати, князь прочит ее в невесты Алеше. Деньги для этого демона наживы — мера всех вещей, символ власти; во имя денег он готов пойти на любые преступления. «Я люблю значение, чин, отель, женщин, разврат, а не идеалы в жизни», — цинично заявляет князь. Он издевается над шиллеровской романтикой молодежи, над высокими идеалами поэтов — над всем, что неподвластно денежному интересу. Князь уверен, что «в основании всех человеческих добродетелей лежит глубочайший эгоизм». Такая концентрация пороков в одном лице понадобилась Достоевскому для того, чтобы рельефно изобразить поистине сатанинскую в те годы силу капитала, чтобы возбудить ненависть читателя к ней.

Если князь Валковский изображен как полюс зла, то полюсом добра выведен рассказчик Иван Петрович, по замыслу автора человек в высшей степени гуманный и великодушный. В этом герое Достоевский запечатлел некоторые черты своей собственной биографии: Иван Петрович — писатель, его первый роман напоминает первый роман Достоевского «Бедные люди», а отзыв об этом романе критика Б.— отзыв Белинского о «Бедных людях». Но Иван Петрович не только рассказчик, он — и действующее лицо романа, герой, влюбленный в Наташу. При помощи Ивана Петровича связываются все нити весьма разветвленного сюжета романа.

Как рассказчик Иван Петрович «является нам чем-то вроде наперсника старинных трагедий,— пишет Добролюбов.— К нему приходит отец Наташи — сообщить о своих намерениях, за ним присылает ее мать — расспросить о Наташе, его зовет к себе Наташа, чтобы излить пред ним свое сердце, к нему обращается Алеша — высказать свою любовь, ветренность и раскаяние, с ним знакомится Катя, невеста Алеши, чтобы поговорить с ним о любви Алеши к Наташе, ему попадается Нелли, чтобы выказать свой характер, и Маслобоев, чтобы разузнать и рассказать об отношениях Нелли к князю, наконец, сам князь... напивается так, чтобы высказать Ивану Петровичу всю гадость своего характера. А Иван Петрович все слушает и все записывает». Такая роль Ивана Петровича вполне оправдана. И не только его писательской профессией, но и гуманностью его натуры, во многом напоминающей натуру самого Достоевского. Столкновение Ивана Петровича с князем Валковским дает известное представление об идейном конфликте середины XIX века между добром и злом, альтруизмом и эгоизмом, хищничеством и бескорыстием. Не имея реальных возможностей активно бороться против зла, Иван Петрович усердно хлопочет о моральной помощи всем униженным и оскорбленным, он скорбит их скорбями и сочувствует их страданиям.

Несколько иная роль Ивана Петровича как героя романа, как человека, полюбившего Наташу. Создавая этот образ,

Достоевский развивал свою теорию жертвенной любви, любви-альтруизма. Иван Петрович беспредельно любит Наташу. Его самозабвение в любви доходит до такой степени, что он готов во имя счастья Наташи уступить ее Алеше. Достоевский создает характер, который позднее в романе «Идиот» воплотится в князе Мышкине, где эта теория любви-альтруизма получит широкое обоснование.

Как же истолковать этот характер? Что в нем преобладает: сила или слабость? На этот вопрос Добролюбов отвечал вполне определенно: слабость. Он писал: «Я признаюсь — все эти господа, доводящие свое душевное величие до того, чтобы заочно целоваться с любовником своей невесты и быть у него на побегушках, мне вовсе не нравятся. Они или вовсе не любили, или любили головою только... Если же эти романтические самоотверженцы точно любили, то какие же должны быть у них тряпичные сердца, какие куричьи чувства! А этих людей показывали еще нам, как идеал чего-то!»

Добролюбов откровенно высказывал свою неприязнь к герою, способному к жертвенной любви, и в этом чувствовалось веяние эпохи 60-х годов, когда развенчание безвольных дворянских интеллигентов стало одной из главных задач русской демократии. Сам же Достоевский не считал поведение своего Ивана Петровича проявлением слабости. Наоборот, он видел в этом признак силы духа, умение человека подняться над собственным эгоизмом и совершить альтруистический акт — устроить счастье ближнего своего. Поэтому он искренне видел нечто идеальное в поступках Ивана Петровича и заражал этим настроением читателя.

«Униженные и оскорбленные» — специфическая разновидность жанра романа. В нем объединились признаки романа психологического с элементами авантюрно-детективного. События предельно концентрированы и происходят в максимально короткий промежуток времени. Психологические конфликты развиваются в форме острых и напряженных диалогов. Герои исповедуются друг перед другом, рассказывают о своем прошлом, о своих чувствах и переживаниях, раскрывают свои взгляды на мир (таковы проникновенные исповеди Ихменева, Нелли или циничные, раскрывающие характер и отталкивающие своим безобразием признания князя Валковского).

Достоевский придает также большое значение внешнепредметному окружению героев, картинам природы. Пейзаж у Достоевского всегда играет важную психологическую роль. Роман начинается символической картиной вечернего Петербурга: «К вечеру, перед самыми сумерками, проходил я по Вознесенскому проспекту. Я люблю мартовское солнце в Петербурге, особенно закат, разумеется, в ясный, морозный вечер. Вся улица вдруг блеснет, облитая ярким светом. Все дома как будто вдруг

засверкают. Серые, желтые и грязно-зеленые цвета их потеряют на миг всю свою угрюмость; как будто на душе прояснеет, как будто вздрогнешь или кто-то подтолкнет тебя локтем. Новый взгляд, новые мысли... Удивительно, что может сделать один луч солнца с душой человека!» Не трудно заметить, что автор соотносит картину природы со своим настроением («как будто на душе прояснеет»). Перед тем, как перейти к изложению событий, снова дается описание природы: «Но солнечный луч потух; мороз крепчал и начинал пощипывать за нос; сумерки густели; газ блеснул из магазинов и лавок». Однако здесь погасший луч — это уже не просто деталь пейзажа, но и предвестник какой-то беды, какого-то прискорбного события. И далее мы узнаем о смерти одинокого старика Смита и его странной собаки.

Природа у Достоевского — всегда ключ к предстоящим событиям. После смерти Смита Иван Петрович, переехавший на его квартиру, говорит о своей грусти; как рассказчик, он сосредоточивает наше внимание на том, что «погода была ненастная и холодная», «шел мокрый снег», но к вечеру «проглянуло солнце и какой-то заблудший луч, верно из любопытства, заглянул и в мою комнату». «Заблудший луч» предвещает появление Нелли — внучки Смита. В VIII главе четвертой части романа примирению Николая Сергеевича Ихменева с Наташей предшествует замечательное явление: раздается «довольно сильный удар грома». Глава кончается тем, что Ихменев прощает свою дочь, а о Наташе автор пишет: «Платочек, которым она накрыла голову, сбился у ней на затылок, и на разбившихся густых прядях ее волос сверкали крупные капли дождя». Природа здесь свидетельствует об очищении, возрождении души человеческой. В своей исповеди, изложенной в последующей (IX главе), Ихменев разъясняет подлинный смысл символа: «Она здесь опять, у моего сердца! — вскричал он,— о, благодарю тебя, боже, за все, за все и за гнев твой и за милость твою!.. *И за солнце твое, которое просияло теперь, после грозы, на нас!»* (курсив мой.— *П. П.*).

Таким образом, Достоевский не только очеловечивает природу, но и весьма искусно сливает пейзаж с действием, с портретом и характером героя.

Среди изобразительных средств, с помощью которых Достоевский создает образы героев, значительное место занимают выразительные портретные зарисовки. Обычно они сопровождаются авторской эмоциональной оценкой. Вот, например, портрет Наташи Ихменевой: «Я глядел на нее с недоумением и страхом. Как переменилась она в три недели! Сердце мое защемило тоской, когда я разглядел эти впалые, бледные щеки,

губы, запекшиеся, как в лихорадке, и глаза, сверкавшие из-под темных ресниц горячечным огнем и какой-то страстной решимостью». Не трудно заметить, что в этом портрете отчетливо «просвечивает» внутренний мир героини.

Портрет князя Валковского передан в деталях и весьма обстоятельно прокомментирован автором: «Правильный овал лица несколько смуглого, превосходные зубы, маленькие и довольно тонкие губы, красиво обрисованные, прямой, несколько продолговатый нос, высокий лоб, на котором еще не видно ни малейшей морщинки, серые, довольно большие глаза...» Таковы объективные детали портрета. Далее идут развенчивающие авторские комментарии: «...все это составляло почти красавца, а между тем лицо его не производило приятного впечатления». Тут же мы узнаем, что выражение лица князя «было как будто не свое, а всегда напускное, обдуманное, заимствованное», что «под всегдашней маской» кроется «что-то злое, хитрое и в высочайшей степени эгоистическое», что «лучи его взглядов как будто раздваивались и между мягкими, ласковыми лучами мелькали жесткие, недоверчивые, пытливые, злые». Портрет незаметно перешел в развернутую психологическую характеристику, и в этом сила Достоевского-художника, который стирает границы между внешним и внутренним, благодаря чему «проявляет» главную черту своего героя.

Роман «Униженные и оскорбленные» предварял такие большие философско-психологические полотна Достоевского, как «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы». Он знаменовал собой победу реалистического начала в творчестве Достоевского в 60-е годы. «Униженные и оскорбленные» заслужили всеобщее признание читателей и прогрессивной критики, которая сумела на основании этого произведения предсказать дальнейший взлет великого писателя. Роман оказал большое влияние на русское общество и на последующую литературу, так как пробуждал ненависть к тем, кто унижает и оскорбляет человеческое достоинство, призывал к гуманности, к воспитанию подлинного благородства.

П. Пустовойт

КОММЕНТАРИИ

Замысел романа «Униженные и оскорбленные», по всей вероятности, относится к 1857 году. Об этом можно судить по содержащимся в романе разговорам о подготовке правительственных реформ, о гласности, о прогрессе и других вопросах, актуальных в годы так называемой «либеральной весны» (т. е. 1857—1859). К осуществлению своего замысла Достоевский приступил в 1860 году. Напечатан был роман в журнале «Время» (1861) под заглавием «Униженные и оскорбленные. Из записок неудавшегося литератора» с посвящением брату М. М. Достоевскому. В том же году вышло отдельное, исправленное издание романа. Последнее издание при жизни автора появилось в 1879 году.

В нескольких местах «Униженных и оскорбленных» (см. стр. 41, 42) речь идет о большом романе Ивана Петровича и об оценке его критиком Б. Здесь Достоевский рассказывает о судьбе своего первого романа «Бедные люди», который был напечатан в «Петербургском сборнике» Некрасова в 1846 году и имел большой успех. Критик Б.— это Белинский, высоко оценивший первый роман Достоевского, отметивший его талант, демократическую направленность его творчества, глубокую симпатию к маленькому человеку. В главе XV первой части романа Достоевский высказывает свои мысли об очистительной роли страдания, проповедует мотив жертвенной любви. Подводя итог своей жизни, писатель не без гордости заявлял: «Сквозь горнило сомнений и страданий осанна (вера) моя прошла». Жертвенная любовь, по Достоевскому, это любовь — долг, любовь, доходящая до самопожертвования. О такой любви к Алеше говорит Ивану Петровичу Наташа Ихменева: «Если я люблю его, то должна всем для него пожертвовать, должна доказать ему любовь мою, это долг!» Мотив жертвенной любви встречается и в других романах Достоевского: в «Идиоте», «Братьях Карамазовых».

В романе «Униженные и оскорбленные» есть хронологические смещения: действие длится всего лишь около полутора лет, но исторические факты, упоминаемые в начале романа, когда жив еще Белинский (критик Б.), и в конце романа (предреформенные годы), разделены более чем двенадцатью годами.

Критика встретила роман Достоевского сдержанно. Быть может, это объяснялось в какой-то мере настороженностью по отношению к писателю, вернувшемуся из долголетней ссылки. И только демократический журнал «Современник», указав на серьезные недостатки романа, в целом оценил его положительно.

Стр. 15. Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776—1822)— видный представитель немецкого романтизма. В его произведениях («Эликсир дья-

кола». «Крошка Цахес» и др.) жизнь изображается как единство фантастического и реального.

Гаварни Поль (псевдоним Гийома Сюльписа Шевалье) (1804—1866) — французский иллюстратор, литограф. Его произведения отличаются тонкой реалистической наблюдательностью.

Стр. 16. «...трещал августин».— «Мой милый Августин» — вальс и популярная песенка немецкого мещанства того времени.

Стр. 17. Сафир Мориц Готлиб (1795—1858) — известный немецкий юморист и поэт. Родился в Венгрии. В 1837 году основал в Вене журнал «Юморист», принесший ему популярность.

Стр. 17. «Dorfbarbier»— «Деревенский брадобрей»— немецкая газета, издававшаяся в Лейпциге в середине XIX века.

Стр. 21. Новый завет — часть Библии, в которой проповедуются основы христианской морали: смирение, непротивление злу, отрешение от «мирских» интересов и т. д.

Стр. 23. «...читать «Альфонса и Далинду».— «Альфонс и Далинда, или Волшебство искусства и натуры»— правоучительная сказка, напечатанная в журнале Н. Новикова «Детское чтение для сердца и разума» в 1787 году (части 11 и 12).

Стр. 33. Коллежский советник — гражданский чин, соответствовавший должности секретаря коллегии.

Стр. 34. «...вроде Рославлева или Юрия Милославского».— *Рославлев* — герой *романа* М. Н. Загоскина (1789—1852) «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831). *Юрий Милославский* — герой его же романа «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829). Этот роман имел большой успех и был высоко оценен А. С. Пушкиным.

Стр. 35. «Освобождение Москвы».— Под этим названием в начале XIX века вышло несколько произведений, из которых наиболее известное «Князь Пожарский и нижегородский гражданин Минин, или Освобождение Москвы в 1612 году» И. Глухарева, 1840.

Стр. 36. Камергер — придворное звание.

Атташе — категория дипломатических работников,

Стр. 36. «...в Альнаскары записался».— По всей вероятности, имеется в виду герой комедии Н. Хмельницкого «Воздушные замки» (1818) отставной мичман Альнаскаров, мечтающий о славе и наградах.

Стр. 36. «...в «Аббаддонне» читал».— Аббаддонна (1834)— романтическая повесть Н. А. Полевого.

Стр. 37. «Северный трутень» — так иронически Достоевский называет газету «Северная пчела», издававшуюся в Петербурге с 1825 по 1864 год (сначала Ф. В. Булгариным — до 1831 года, потом Булгариным совместно с Н. И. Гречем — с 1831 до 1860 г., наконец, П. С. Усовым). При редакторстве Булгарина и Греча газета находилась под покровительством Третьего отделения канцелярии царя и отличалась крайней реакционностью, беспринципностью, угодничеством перед самодержавием. Вела борьбу с передовой литературой, нападала на Пушкина, Лермонтова, Белинского, Гоголя, пользуясь даже печатными доносами и клеветой.

Стр. 63. Киот — створчатая рама или род остекленного шкафа для икон; божница.

Стр. 65. Масон — последователь масонства — религиозно-этического течения, возникшего в начале XVIII века в Англии и затем распространившегося в других странах. В Россию масонство проникло в 30-х годах XVIII века.

Стр. 72. Страшный суд — во многих религиях представления о «последнем суде», который якобы наступит перед «концом мира».

Стр. 76. «Улеглася метелица; путь озарен» — стихотворение Я. П. Полонского «Колокольчик».

Стр 85. «...как гоголевскому мичману».— Речь идет о мичмане, предрасположенном к смеху, о котором рассказывает в «Женитьбе» Гоголя лейтенант Жевакин.

Стр. 88. «...tiers-état... c'est l'essentiel» — «...Третье сословие...— это главное (франц.). Брошюра французского буржуазного политического деятеля аббата Сийеса, которая появилась накануне французской революции 1789 года. В ней доказывалось, что третье сословие, то есть непривилегированное, включавшее основную массу населения Франции, является истинной нацией, за счет которой паразитирует аристократия.

Ротшильд — здесь означает самый богатый человек. *Ротшильды* — династия финансовых магнатов, ведущая начало от банкира Майера Ансельма Ротшильда (1743—1812).

Стр. 90. Юлий Цезарь (100—44 до н. э.) — один из крупнейших государственных деятелей, полководцев и ораторов Древнего Рима.

«...написал что-то вроде «обмокни», как у Гоголя».— В драматическом отрывке Гоголя «Тяжба» рассказывается о тетке помещика Бурдюкова, которая написала в предсмертном завещании вместо слова «Евдокия»—«Обмокни».

«Куртизанить с Мими»— здесь забавляться, ухаживать.

Стр. 106. «...как в аневризме». — *Аневризма* — ограниченное расширение артерий.

Стр. 108. «...первого попавшегося ваньку на скверной гитаре». — Речь идет об извозчике на плохом экипаже.

Стр. 111. Частный пристав — чиновник, ведавший одной из полицейских частей города. В обязанности частного пристава входило сохранение порядка и «благочиния».

Стр. 116. Лабазник — торговец. От слова «лабаз» — помещение для торговли зерном, мукой, солью, кожей и другими товарами.

Фальстаф — персонаж в пьесах Шекспира «Король Генрих IV» и «Виндзорские кумушки».

Славянофил — сторонник реакционного идейного течения 30—40-х годов XIX века. Славянофилы отражали взгляды и настроения патриархально-помещичьих кругов. Они считали, что западноевропейские формы общественной жизни чужды русскому национальному духу, а потому отвергали западную цивилизацию. Прославляя русскую патриархальную старину, они призывали вернуться к допетровским порядкам, возродить старинные обычаи и даже одежду. Они носили старинные поддевки и шапки-мурмолки.

Английский клуб — собрания знатных дворян, основанные для приятного времяпрепровождения (литературные чтения, танцевальные и музыкальные вечера, балы, маскарады и проч.). Членом английского клуба мог быть только человек, занимавший видное положение в свете. Обычай устраивать такие аристократические собрания заимствован из Великобритании.

Стр. 117. «...зубрили Корнелия Непота».— *Корнелий Непот* (ок. 100 — после 32 г. до н. э.)— римский писатель-историк.

Стр. 118. Фридрих Барбаруса. — *Фридрих I Барбаросса* (1152—1190) — германский император.

«...расплатись с антрепренерами». — *Антрепренер* — предприниматель; здесь: издатель.

Стр. 126. Пенаты — домашние боги у древних римлян, покровители дома и семьи. Выражение «вернуться к своим пенатам» означает «вернуться к себе в дом».

Стр. 187. «Детство и отрочество» Л. Н. Толстого первым отдельным изданием вышло в 1856 году.

Стр. 188. Томпаковый самовар. — *Томпак* — сплав меди с цинком.

Стр. 190. «Я и употребил стратагему». — *Стратагема* (от греческого слова, означавшего «командовать», «употреблять военную хитрость») — устарелый термин, означавший проявление изобретательности, искусства при ведении военных действий с целью обмана противника.

Стр. 215. Раскольничий быт. — Быт раскольников-старообрядцев подробно описан в романах Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». *Раскол* — религиозно-общественное движение в России в середине XVII века.

В ответ на церковно-обрядовую реформу патриарха Никона (1653), который опирался на греческую веру, возник раскол, то есть отстаивание «старой веры», принятие мученичества как пути к спасению души. Раскольники жили в поселках монастырского типа — скитах.

Стр. 218. «...что за охота вам играть роль второго лица», «ограничиться в жизни ролью второго лица».— Речь идет о герое романа И. С. Тургенева «Накануне» Берсеневе, который говорит: «А мне кажется, поставить себя номером вторым— все назначение нашей жизни».

Стр. 220. Пастораль — жанр в европейской литературе и искусстве XIV—XVIII веков; произведения, идиллически изображающие сцены сельской и пастушеской жизни, протекающей на лоне природы. Здесь в значении: идиллические картины.

«Вы впадаете в тон полишинеля».— *Полишинель* — один из постоянных типов итальянской комедии, перешедшей в театр марионеток. Здесь в значении: паяц, шут.

Стр. 223. Конфидент — человек, которому доверены какие-либо тайны.

Стр. 224. «Абесса средневекового монастыря». — *Абесса* — настоятельница католического монастыря.

Стр. 225. Мистицизм — религиозно-идеалистическое воззрение, признающее существование сверхъестественных сил и допускающее непосредственную связь человека с ними.

«...сам маркиз де Сад мог бы у ней поучиться».— *Маркиз де Сад* (1740—1814)— французский писатель, автор эротических романов. От его фамилии происходит слово «садизм»— влечение причинить боль своему партнеру, истязать его.

Стр. 228. Талейран — *Перигор, Шарль Морис* (1754—1838) — выдающийся французский дипломат. Крупный представитель буржуазной дипломатии XIX века, беспринципный политик, неразборчивый в средствах карьерист, мастер тонкой дипломатической игры.

Стр. 244. Шлафрок — домашний халат.

Стр. 245. Декокт — лекарство.

Стр. 251. Фанфаронство — от «фанфарон» — хвастун, бахвал (от арабского «фарфар» — легкомысленный, болтливый).

Стр. 305. Виланд Кристоф Мартин (1733—1813) — немецкий писатель, один из предшественников немецкого романтизма.

Стр. 307. «Лазарем было прикинулся» — здесь: прибеднился.

ЧИТАЯ А. Н. ТОЛСТОГО...

«Вы знаете, что я очень люблю и высоко ценю Ваш большой, умный, веселый талант,— писал Горький А. Н. Толстому.— Да, я воспринимаю его, талант Ваш, именно как веселый, с эдакой искрой, с острецкой усмешечкой, но это качество для меня где-то на третьем месте, а прежде всего талант Ваш — просто большой, настоящий русский и — по-русски — умный». Много раз повторявшиеся эти слова о А. Н. Толстом не перестают поражать своей точностью и вспоминаются при каждом новом обращении к книгам замечательного писателя.

А. Н. Толстой (1883—1945) прошел творческий путь, охвативший почти целое сорокалетие русской истории. Он начал с освоения уроков классики, заявив себя в идейной борьбе десятых годов XX века убежденным реалистом. В революции писателю открылись «становые жилы закономерности», его реалистическое искусство получило историческую перспективу и целеустремленность, наполнилось дыханием времени.

С течением лет все отчетливее проясняется единство творческого пути А. Н. Толстого, цельность его творческой индивидуальности, необходимость и незаменимость каждой ступени его восхождения к принципам социалистического искусства. Современный читатель, поняв движение Толстого к двум его вершинам — трилогии о революции и «Петру I» — свободнее, чем читатели предшествовавших поколений, может вернуться к истокам творчества художника и к каждому из последующих его звеньев. Писатель имел основание говорить, что рос вместе со своими героями, и плодотворность его неутомимых опытов в конечном счете определялась запросами истории его родины. Известно, что на пути Толстого были ошибки. Он знал трагедию эмиграции. У него были периоды замедлений и проверки прежде найденных истин. Он знал тупики бездорожья и минуты строгого отказа от прежних творческих находок, когда они грозили стать повторением, которого не терпит искусство. Но плодотворность общего направления его творческих исканий сейчас еще более очевидна. Путь Толстого доказывает, что социалистическое искусство имеет глубокие корни.

Для новых возвращений читателя к Толстому разных периодов его творчества — для новых осмыслений русской истории и процесса становления России советской, для понимания национального характера и неисчерпаемых богатств русского языка — книги писателя дают необычайно много.

Толстому всегда было свойственно стремление осознавать современность как звено истории. Со временем это стремление обретает у писателя все большую идеологическую точность. Между тем, чувство и понимание истории у Толстого всегда остается верным природе художественного. История художественно открывается через слово, сюжет, психологию и портрет героя, восприятие русской природы. Она углубляет понимание национального характера, поднимает Толстого-рассказчика, знатока быта и «вещественных» подробностей жизни, к высотам человеческого бытия.

А. Н. Толстой вступил в литературу после революции 1905 года. Из степной глуши бывшей Самарской губернии он вынес свои представления об уходящем мире оскудевших помещичьих усадеб. Вспоминая о литературных исканиях 1908—1910 годов, Толстой писал: «Спустя полгода я напал на собственную тему. Это были рассказы моей матери, моих родственников об уходящем и ушедшем мире разоряющегося дворянства. Мир чудаков, красочных и нелепых. В 1909—1910 годах на фоне наступающего капитализма, перед войной, когда Россия быстро превращалась в полуколониальную державу, — недавнее прошлое — эти чудаки предстали передо мной во всем великолепии типов уходящей крепостной эпохи. Это была художественная находка».

Примечательны слова о «великолепии типов». Предводитель уездного дворянства Налымов (рассказ «Мишука Налымов») или Семочка Окоемов (повесть «Приключения Растегина») гротесково страшны в своем распутстве, грязи, в сознании безнаказанности. Толстой убивает их своим смехом, знанием механизма их примитивных страстей, он изображает их крупно,— как истинный мастер комизма — схватывая характерную деталь их облика и поведения. Русский склад ума, искра насмешки, о которых говорил Горький, характеризуя талант писателя, уже здесь проявились во всем блеске. Типизм характеров не исчерпывается их выбором, обобщения открываются и в самом мастерстве комического, в должной мере еще не оцененного критикой.

На традиционные приметы усадебного дворянского быта, с которым еще недавно ассоциировалось самое представление о России, у Толстого свой взгляд. Своя точка зрения есть у него и на классическую проблему отношений помещиков и крестьян. Этот взгляд характеризуется трезвостью и подлинным знанием реальных тягот жизни. Повествованием о заволжских «монстрах» писатель отметает, как неуместный, всякий оттенок меланхолической грусти по поводу исчезающей старины. Он твердо стоит на земле, исполнен духовного здоровья, великодушия и ясной веры в человека. Этот взгляд, пожалуй, и есть самая большая нравственная сила в ранних произведениях Толстого.

О его персонажах можно сказать, что «человечество, смеясь, расстается со своим прошлым...». Разбогатевший на спекулятивных махинациях биржевой делец Растегин, по настоянию художника Олахалова, желающего как-то облагородить облик и быт новоявленного «Рокфеллера», отправляется в заволжские дворянские усадьбы скупать старинную мебель и предметы обихода начала прошлого века. Московский дом миллионера следует обставить «под Борисова-Мусатова». В стиле повествования о злоключениях Растегина легко заметить следы чтения Толстым Гоголя, его «Похождения Чичикова». Господа Чувашевы, Окоемовы, Борода-Капустины, Дыркины — те же «мертвые души», получеловеки.

При этом читатель захвачен радостью творчества художника, изобретательного, веселого и молодого, с увлечением создающего свой театр марионеток. Растегин, которого его друг Опахалов обещал «до осени обработать под стиль», попадает в самое жалкое положение сразу же по прибытии на место действия: «Высокая белесая рожь уходила во все стороны за холмы. Над раскаленной пылью дороги, куда мягко опускались копыта лошадей, висели большие мухи. Пыль, выбиваясь из-под конских ног, из-под колес, неслась клубом за тарантасом, садилась на кумачовую спину ямщика, на шляпу из дорогой соломы и на подбитое шелком пальто Александра Демьяновича. Он уже давно бросил отряхиваться и вытирать лицо; по бритым щекам его полз пот, оставляя дорожки. Проселок впереди все время загибал, пропадая во ржи, — не было ему конца». Через несколько дней могучий опивало и обжирало Семочка Окоемов, у которого «все в избытке — и рост, и брюхо, и страсти», скажет отъезжающему Растегину в решительную минуту на вокзале: «Ты будешь к нам ездить?.. Будешь к нам шататься, чучело бритое?» Тряхнув его при этом три раза и «ничего более не прибавив, повернул его к двери и, дав сильного леща, пустил лететь через порог до самого перрона...» «Тоже — стиль выдумали, бездельники проклятые!» — только и остается сказать Растегину.

«Бездельники проклятые» представлены Толстым с живописным блеском и исчерпывающей точностью психологических характеристик. «Самый свежий человек среди них», Семочка Окоемов, даже учился в университете, «пока тетка не отказала именье, не большое, не малое, а ровно такое, чтобы есть, спать, напиваться и прочее — вволю». Утоление этих страстей и чревоугодие Окоемова приобретают под пером Толстого поистине гомерические размеры. Гротеск в изображении разгула «коренного русака» довершает характеристику этой фигуры. Перед Растегиным на помещичьем пиру непрестанно мелькает «непомерная» и грязная рука Окоемова: загребает закуски, разливает вино, лезет в чужую тарелку и физиономию... Он здесь хозяин. Отправляясь в гости, Окоемов сидит на дне тарантаса, на сене, босиком — сапоги он «снимал, чтобы не тосковали ноги». Смутно «тоскует» и душа в этом огромном теле, одолеваемом чисто животными побуждениями и инстинктами — «всего вволю».

Новоявленного Ноздрева-Чувашева всюду сопровождает громкая известность: «Чувашева ли побили, Чувашев ли побил, или никто никого не бил, но какая-то дама, вообще, не вовремя родила, словом, был скандал». Он лишен сентиментальности насчет исчезающей прелести дворянских усадеб — «прадед, бабка и отец из-за стиля меня без штанов на белый свет выпустили», — с ноздревским азартом отдается едва ли не вселенской купле-продаже, обмену всего, что ни есть, на все, что ни попало. Чувашев «в себе американскую складку нашел», он разводит, — конечно же, им самим усовершенствованным и наилучшим способом, — инкубаторских цыплят. И если бы не оказывался каждый такой цыпленок «прирожденным хамом: ничего не боится, так и лезет под воронье», да если б сбылось еще одно желанье Чувашева — «оборотный бы мне капитал» — тогда Чувашев, по его неколебимой уверенности, «всю Европу курятиной бы накормил».

Ноздревский размах не знает предела. Однако уже не знаменитый ноздревский жеребец розовой масти является предметом торга и обмена между Чувашевым и его гостем,— предмет куда более

скромен. Это выдуманная Чувашевым мышеловка. На столах и подоконниках в его доме «стояли механизмы для ловли мышей, для переплета книг, для вязанья носков и кальсон, из одной машины торчал недошитый башмак». Классический диалог между Чувашевым и Растегиным как бы возвращал читателя к событиям семидесятилетней давности — к пребыванию Чичикова у Ноздрева, подчеркивая скорее смешной и жалкий, чем печальный, финал истории помещичьей усадьбы за этот исторический период. Чувашев указал рукой на все новозаведенные им промышленные снаряды и сказал: «В этом доме каждая минута превращается в мелкую монету: сам шью, сам вяжу, сам тачаю, сам продаю, мышеловка выдумана мной, патентована, принцип чисто психологически-вкусовой, мышь лезет в нее в невероятном количестве. Покупайте патент.

— Нет, я, знаете, лучше что-нибудь из старой мебели.

— А я говорю — такой мышеловки вы нигде не найдете.

— Нет, я патентом не интересуюсь». Пресловутая мышеловка была «уступлена» Растегину за пятьдесят рублей.

Участь помещичьего быта для повествователя — вопрос давно решенный самой жизнью. Барыня Тимофеева, последний отпрыск древнего боярского рода, известного еще при царе Борисе, при встрече с Растегиным покорно «села в креслице, сложила на коленях руки и принялась молчать»: «Лицо у нее, спокойно-наклоненное к плечу, было узкое и в морщинах, волосы гладко зачесанные, с шевырюшкой на маковке; под заплатанной юбкой прятала она ноги в мужицких сапогах». Комизм же ситуации, в которой застал барыню Растегин, состоит в том, что та никак не может справиться с вышедшей из-под ее повиновения «унылой собакой», не желающей более оставаться в конуре и упорно возвращающейся в дом после очередной попытки изгнать ее из комнат, полагая именно себя хозяйкой положения и как будто считая, что барское ветхое жилье подходит для нее все же больше, чем совсем, видимо, уже развалившаяся собачья конура. Дело не только в материальном, но и в духовном обнищании и оскудении дворянства. Притерпевшаяся ко всему и ко всему же — наглухо-безразличная, барыня Тимофеева, оставив ни с чем своего гостя, словно позабыв, что от нее ждут ответа, отправляется спать в часовню, под которой, в фамильном склепе, лежат ее предки — здесь барыня и проживает в летнее время (дом занят собакой).

Духовная скудость столь очевидна, в такой мере противоестественна и немощна в попытках выдать себя за настоящую жизнь и здоровую нравственность, что становится смешна. Толстой словно бы подстерегает своих героев в восторгах их самоизъявления, когда они сами себя невольно уничтожают. Эффект неожиданности блестящ и точен. Когда прокуренная табаком помещица Демонова, услышав в гостях за столом от Дыркина сверхнепристойную историю, от избытка интереса «уронила в суп пенсне, повторяя: «Ой, умру!» — вся изнанка ее демонизма как бы нечаянно обнажилась. Эмансипированная девица Рубакина, «ефрейтор», по данному ей в уезде прозвищу, «славилась как лихой наездник, стрелок и как большая умница, с великими причудами». И хотя во время маневров она не слезала с седла, «ходила с офицерами в атаку и на разведку, переплывала реку и хлопала водку, как сам эскадронный», доведя эти свои оригинальные замашки до апофеоза, — «ни один из офицеров на ней так и не женился». Апофеоз становится само-

разоблачением и других героев. Развратный сплетник Дыркин, поправляющий свои дела при помощи содержанки Раисы, предприниплотью, но чист душою: «Ведь у души моей нет вставных зубов и лысины нет никакой, ведь душой я, быть может, на древнего грека похож».

Растегин — одна из первых вариаций среди созданных Толстым сатирических портретов дельцов новой формации. К этой же генеалогической линии принадлежат в последующих произведениях Невзоров, Гарин и Роллинг. Они различны — трусливый, мелкий хищник Невзоров, вчерашний служащий с Мещанской улицы, не знающий ни жалости, ни страха мировой диктатор Гарин и пасующий перед ним «нефтяной король» Роллинг — «буйвол», олицетворявший пробивную силу денег. Есть, между тем, у всех них, найденная Толстым еще в портрете Растегина, примечательная и сатирически подчеркивасмая писателем деталь портрета — их роковая бездуховность, прирожденное и невосполнимое в дальнейшем, отсутствие эстетического чувства и вкуса. Даже в полете фантастически смелых планов и превращений их всегда подстерегает банальность. В кого только ни преображался Невзоров, выдававший себя и за графа Симона Иоанновича, и за конта Симона де Незор. Был он и бухгалтером в шайке атамана Ангела, и греком Семилапидом Невзараки. Но аттракцион «тараканьи бега», как и открытый им затем аристократический салон «с ужасно пикантными номерами»,— ни что иное, как вариант той же самой бездонной пошлости. Этим «королям жизни» всегда не хватает настоящей смелости, есть лишь безоглядное нахальство; нет таланта, а есть безудержное и экспансивное желание присвоить себе чужую культуру. Взять напрокат озарившую других радость. Дух у них короткокрылый, и на вершине власти у Гарина дело сводится к составлению придворного этикета. Унылую духовную бедность Растегина видят даже возросшие на степном приволье заволжские чудаки-оригиналы.

В проводившихся в критической литературе сравнениях (чаще всего не в пользу Толстого) иногда отмечалось в его ранних произведениях, в отличие от Гоголя или Салтыкова-Щедрина, отсутствие сатиры. Комическое при этом по степени обобщающей зрелости представлялось чем-то низшим сравнительно с сатирой. Между тем комическое здесь должно быть принято в его собственной природе и мере, с плюсами и минусами, свойственными особому времени в истории русского реализма и своеобразию дарования тогда еще молодого писателя.

Уже в ранних прозаических опытах — и не могло быть иначе — внимание Толстого остановила тема крестьянства. Заволжские «монстры» живут бок о бок с их кормильцами и поильцами, со всех сторон их омывает море народной жизни. Путь к народу был подсказан А. Н. Толстому самим его писательским талантом. В высшей мере наделенный природным чувством языка и стиля, родившийся рассказчиком, Толстой видел в народе творца и носителя языка. В его статьях о литературе часто встречается уподобление языка дышащему и движущемуся, волнуемому морю — вечно прекрасному, но бурному и опасному для тех, кто его не знает. Как писатель Толстой очень рано осознал зависимость своей судьбы от степени проникновения в традицию духовной народной культуры, которой не

узнаешь в кабинете. Отношение к языку было для него отношением к народу. «Язык книжный, язык господский стремился как можно дальше уйти от подлого, народного»,— на этих путях возможно только возникновение литературности и литературщины, но не подлинного искусства. Здесь можно только «изощряться в тяжеловесном казенном великолепии». Так в свое время казалось боярам,— замечал Толстой, — что «читая книгу или разговаривая по-книжному, они беседуют как ангелы на византийских небесах». Книжный язык может породить только «пыльные монологи» положительных героев, лица которых невозможно различить и в реальное существование которых никто не верит.

Свое писательское самочувствие и свою самооценку художника Толстой начинал с отношения к языку. Так мастер говорит о материале, с которым работает. «Я писал все хуже, все ненужнее, — беспомощно барахтался в дикой стихии русского языка», — скажет А. Н. Толстой о своих первых серьезных попытках 1910—1917-го годов овладеть темой современности. «Язык оставался загадочной и непокорной стихией» — это о том времени, когда столь же «загадочен» и «стихийно непокорен» был для писателя и народ. Крестьяне жгут помещичьи усадьбы, это для самих мужиков и для дворян дело столь привычно-неизбежное, что Толстой находил и в подобных сценах нотки комизма. Кроткая и добрая тетушка-помещица Анна Михайловна (рассказ «Петушок») «отложила перо и приветливо поздоровалась: «— Ну, что, мужики, хорошего скажете?» Мужики смиренно мнутся у порога, от барыни ничего плохого они не видели и согласны купить у нее луга за названную Анной Михайловной цену, — озабочены они другим: «Нет, мы не насчет лугов, — опять сказал первый, — с лугами — как порешили, значит, так и стоим, обижать вас не будем... Нет, мы насчет вот этого... — Да вы о чем говорите-то, я не пойму? — спросила тетушка. «В ответ звучит: «спалить собираются».

— Кого спалить?

— Да вас, Анна Михайловна. Зачем же мы и пришли к вашей милости. Вы уж не обижайтесь, — на этой неделе спалим.

— Это верно, — сказали мужики, — так и порешили: в пятницу или в субботу — Анну Михайловну жечь». Свет комического окрашивает и дальнейшее развитие сюжета, когда беззлобно и безобидно Анна Михайловна осведомляется, что же порешили жечь — дом или румно? Мужики толком не могут объяснить, почему надо жечь помещицу и лично к тетушке Анне Михайловне не имеют никакой вражды, но они твердо и безошибочно знают, что пришло их время и что не зря в привезенных из города листках сказано: «беспременно помещиков жечь».

Своеобразной идейно-художественной мерой тогдашнего понимания А. Н. Толстым народной жизни явился рассказ «Архип». Писатель вспоминал позднее: «Первый опыт, рассказ «Архип» (про конокрада), доставил мне немало огорчений,— я переписывал его пять раз, меняя расстановки слов и фраз, заменяя одни слова другими. Но прочности текста так и не получилось: можно было без ущерба еще раз все перечеркать». «Прочности текста» Толстой не достиг отнюдь не по формально-стилистическим причинам.

Он нашел немало точных реалистических штрихов портрета угрюмого, бессемейного и безземельного мужика, конюха Архипа. Но нашел в нем и много непонятного. До конца объяснить «загадку»

народной души тогда писатель не смог, обозначив ее, скорее, как тему для дальнейших раздумий.

У Архипа есть талант к коням; какая-то незаурядная, тяжелая сила заключена в его характере — такой человек не свернет с пути, однажды приняв решение, даже если встретит смерть. Имя его сына, конокрада Оськи, стало легендой, и народная молва отдает должное удали, дерзости, удаче Оськи, приписывая ему с готовностью едва ли не сверхъестественные чудеса. Народ по-своему сознает нечто поэтическое в этой опасной и вольной судьбе. Никто не знает, что Архип — отец лихого вора, и, как оказывается, — его тайный пособник. Эта тайна также придает значительность Архипу. Богатый казак Заворыкин, ведущий на своем степном хуторе перекупку ворованных коней,— участник тех же нечистых сделок. Но и он по-своему понимает красоту гибельной судьбы Оськи. Барину Собакину он поясняет свои мысли так: «у вас в городе по-иному: тело вы бережете, а душу ввергаете в мерзости». У народа же есть своя, «степная» правда... «А здесь душа вольна у каждого, как птица. Душа немудрая, нечем запятнать ее, степь — чистая... В степи бог ходит. Здесь нас за грехи и судить будет. Много грехов на нас, а многое и простится». Он советует барину Собакину не искать похищенного Оськой коня Волшебника и в этом случае заботится не только о том, чтобы покрыть вора, но исходит из более общих причин, намекая, что барину вообще лучше не вмешиваться в неписаные уставы мужицкой жизни, где почитаются смелость и воля.

Однако в этих неписаных уставах все не так-то просто. Своеобразная поэтизация вольности и удали самым ужасающим образом сочетается в народной жизни с крайней жестокостью, скрытностью, таящей в себе гибель. Звериное остервенение проявилось в самосуде над пойманным Оськой. Он схвачен мужиками при попытке к бегству из «холодной», куда посажен с помощью Собакина, совсем не желавшего Оське смерти и явившегося к нему ради мирной сделки. Но случилось непоправимое, — сам того не желая, Собакин стоит у начала кровавой истории. Кровь рождает месть ответную, столь же слепую и беспощадную. Архип мстит собакинским мужикам за смерть сына, хотя они к ней совершенно непричастны. Мстит злобно и неудержимо. Собравшись запалить барский дом, мужики мстят, в свою очередь, и не столько барину, сколько Архипу, — его они требуют выдать. Воспользовавшись замешательством, Архип с какой-то дикой радостью убивает Собакина, хотя и знает о личной непричастности его к гибели Оськи.

Толстой подмечает стойкую и неистребимую неприязнь народа к барам и барству, она сохраняется всегда, даже если на пути мстителя оказывается человек, лично невиновный в преступлениях перед народом. Возмездие витает над помещичьими усадьбами. В этом ключе и решается Толстым пока тема грядущей революции. Решение одностороннее, и народная душа, необъяснимым образом заключившая в себе чистоту и мрак, представляется писателю чем-то неуловимым как степной ветер, как неизвестная судьба Архипа, ускакавшего в темноту на красавце Волшебнике... В народной жизни Толстому еще многое предстояло увидеть.

В одном писатель не ошибся: все, что есть в русской интеллигенции чистого и честного, должно пройти через горнило народной судьбы. Для такого испытания Собакин, безусловно, мелковат. Он лишь самым краешком сознания улавливает размеры силы, с кото-

рой соприкоснулся. И Толстой постоянно направляет свое внимание к этой проблеме соотнесения жизни интеллигенции и народной судьбы, вновь и вновь возвращается к ней, предлагая охватить ее во всей широте бытового, а затем и социально-исторического содержания. Получившая свое наиболее завершенное решение в его замечательной трилогии, она всем творчеством Толстого обозначена как «вечная» проблема возвращения человека к его родине и народу.

Князь Краснопольский из повести «Хромой барин» (Толстой называл первоначально это произведение романом) совершает свое «хождение по мукам». Опустошенный петербургской жизнью, в недавнем прошлом — блестящий гвардейский офицер, он едет в глубину России, в родовой, заколоченный помещичий дом на берегу светлой Волги. История петербургского крушения Алексея Петровича написана Толстым с тонким чувством времени. Это страница истории интеллигенции перед империалистической войной и революцией. Повествование о людях, жаждавших высокой жизни души, но оторванных от реальных забот трудовой России, о людях, тонких духовно, но отдавшихся погоне за обманчивым призраком счастья, кружащихся в метели любовных страстей. Деталь повествования у Толстого здесь одновременно и осязаемо конкретна, и исполнена более общего, переносного значения: «...Таков снег, когда он застилает небо и землю, и дома, когда женщины запахивают шубы, согревая плечами и грудью душистый мех, когда из вьюги вылетит рысак, с отнесенным по ветру хвостом, и пропадет вновь так быстро, что едва приметишь, кто сидит в низких санках, — тогда нужно стать за углом и караулить — кто набежит, блеснув из-под капора темными глазами на разрумяненном лице? Тогда нужно самому сесть на лихача и мчаться, пряча лицо в воротник, и думать: кого встретишь в этот вечер, с кем потеряешь сердце?» Эта жизнь опустошила Краснопольского.

Толстой исходит из общего убеждения, что любовь принесет человеку счастье, если станет для него самоотданием и откроет ему возможность выйти за пределы собственной личности, если любовью будет проложен путь к миру души другого человека и к ценностям более общим — к судьбе родной земли. Писателем обозначена тема, ставшая и его собственной творческой судьбой.

Князь Краснопольский принадлежит к типу людей, которым писатель мало сочувствовал. Это запоздалый вариант человека «демонических» страстей. Он как раз из тех, кто готов находить в любящем женском сердце только жертву, охотно ее принимая и ничем не жертвуя в ответ. В жертву недолгого счастливого забвения князя принесена цельная и сильная любовь к нему Саши — «деревенской бабы», хозяйки постоялого двора. Очередной жертвой может стать для него и Катя Волкова, его молодая жена, о судьбе которой он как-то не успел подумать. Отказ от имени и положения, бродяжничество князя со случайным спутником-монахом, а затем покаянное возвращение его к жене должны были, по мнению писателя, возродить князя к новой жизни. Мысль увидеть Россию «снизу», слиться с ее народом, очиститься от себялюбивых устремлений ради общего дела останется лейтмотивом и всего позднейшего творчества Толстого. Воплощения этой идеи писатель все настойчивее будет искать на дорогах истории и в коллизиях социальных.

В первом большом семейно-психологическом повествовании идея «искупления» оставалась пока еще очень абстрактной, что и вносило

в повесть некую умозрительную нарочитость, так не свойственную таланту Толстого. В «Хромом барине» Саша приносит жертву князю, князь, в свою очередь, ищет жертвенного искупления перед Катей, и даже весьма земная личность — доктор Заботкин, как рассказывают близко знавшие его люди, погиб, спасая Катю из полыньи, не по воле несчастного случая, а добровольно, принеся своей смертью жертву любви. Важная для Толстого мысль, что человеку и в любви следует искать путь от своего «я» к людям, в «Хромом барине» выглядела как предвзятое положение, вносившее известный разлад в сюжетно-стилистическое единство повести.

Доктор Заботкин — одно из симпатичных Толстому лиц, представлял собою своего рода находку писателя. Это один из любимых им «простых людей», наделенных природным жизнелюбием и душевной стойкостью. Трезвое отношение к житейским невзгодам сочетается у него с чувством прекрасного. Даже перед лицом «бездонной пропасти деревенского разорения, нищеты и неустройства», с банкой касторки против скарлатины, голодного тифа, повального пьянства, минутами впадая в непроходимую тоску, когда от человека остается «одна копоть», Заботкин свято и преданно верит добру и красоте.

Толстой находит множество милых его сердцу деталей в изображении неловких манер доктора Заботкина и его смущения при встрече с красавицей Катей. За его стеснительностью скрыты движения целомудренной и сильной души. В рассказе о Заботкине Толстому важно то же начало сочувственного комизма, которое испытала Катя, увидев его неловко и наскоро остриженную голову «глазами полными веселых слез». На месте Заботкина «выматывался уже третий доктор», у него же пока есть силы сопротивления бедности и рутине. Вымыв «кипятком с мылом заскорузлую свою избенку», он снова готов к деятельной жизни: «Люблю чистоту — думал Григорий Иванович. — От нее на душе чисто и празднично. А день-то какой! — и гуси на воде, и облака на небе. Восторг!»

Толстому удалось найти органическую близость таких людей к земле, обыкновенной жизни и людям. У них есть дар преодоления. И потому едва ли не насильственным поворотом сюжета повести явилась таинственная смерть Заботкина — его самопогубление во имя любви. Не вполне убедительным был и финал повести — показанное возвращение князя Краснопольского к Кате. Дошедший в этом своем покаянии до экстаза, Краснопольский, со смиренной радостью — и в точности — выполняет пожелание отца Кати и ползет к ней, от одного села до другого, на коленях. Толстой не мог в этой сцене не удержаться от всех тех реалистических примет и деталей, которые всегда служили у него своеобразным показателем и критерием истинности происходящего. За измученным вконец князем, ведя за уздечку мерина, следует верный слуга Кати, старый Кондратий: «Слепни вились и над Алексеем Петровичем, но Кондратий не допускал их садиться.— Батюшка, будет уж, встаньте, ведь горница,— говорил он.— Я на мерина вас посажу, а как Волково покажется,— опять поползете, там под горку». Однако эта сцена не столько убеждала в реальности события, сколько подчеркивала противоестественность нового «излома» князя и порождала недоверие к его исцелению, а тем самым вносила определенную долю надуманности в финал повести.

Тема красоты и добра почти всегда связана у Толстого с жен-

ским образами его произведений. Творческим счастьем писателя был его дар достоверного изображения великих превращений человеческой души под воздействием любви. Критики справедливо писали о тургеневских мотивах его ранних произведений: «Под старыми липами» писатель нашел женщин, способных дать озарение и открыть смысл жизни. Толстой убережся в этой теме от литературности. Он писал то, что лично ему было особенно близко, для чего именно им были найдены поэтические слова и краски. Через произведения Толстого, каждый раз наполняясь новым конкретным содержанием, проходят два женских типа: мятежной, строгой и взыскующей юности — образ девушки, чистой, безжалостной к себе и другим «максималистки»; и образ милосердной, чуткой женственности — кроткого самоотдания, обязывающего беспредельностью своей веры и верности к такой же глубине чувства. Полное выражение эти два характера найдут в Кате и Даше из трилогии «Хождение по мукам». Катя Волкова — один из первых опытов.

В рассказе «Любовь» (1916) Зюм и Маша — именно те «две половинки» женской души, которые влекли к себе внимание писателя. Женский образ у Толстого всегда является средоточием нравственной проблематики произведения. Чистая женская душа, как сама жизнь, отвергает холодного себялюбца, в какие бы словесные наряды он ни прятал свою пустоту. Благоденствующий профессор международного права Михаил Петрович в сопоставлении с его женой, чуткой и нежной Машей, — существо безгранично самодовольное и тупое, обделенное самой способностью любить, — бесстрастная тень человека. Все, на что он способен, узнав о решении Маши его покинуть, — истерический крик и выстрел, убивший Машу и Егора. Женская любовь у Толстого — всегда любовь зрячая, хотя, быть может, и не отдающая себе в том отчета. У его героинь умное сердце. Маша не случайно встретилась с Егором Ивановичем, уездным инженером, человеком, в котором соединились, казалось бы, противоположные свойства — застенчивость и неколебимая прямота, тихий, уживчивый нрав и буря глубоких страстей. Маша угадала его сердцем. Способность любить у Толстого предстает как талант души. Так любят Егор Иванович («Любовь»), молодой монашек Трефилий («Наваждение»), Алексей Тулупов («Граф Калиостро»), позднее — Телегин и Рощин. И, вместе с тем, душевно безголосые люди, способные заявить о себе только отраженным светом, любить не могут. Толстой подберет к этому явлению даже особые слова: «безлюбая любовь» — таким людям доступны красивость, а не красота, сердитость, а не гнев. Таковы Стабесов и Смоковников.

Толстой начал писать о любви, когда этой теме в символистских литературных кругах придавалось мистическое толкование. Глаз историка литературы заметит и в ранних произведениях Толстого штрихи и детали, свидетельствующие о том, что Толстой также отдал некоторую дань этому направлению. Но именно некоторую. Вся сила его дарования в том и проявилась, что он с убеждающей искренностью сказал о любви земной, перед которой все «измышленное и сложное разлетелось, как дым от ветра». «Счастье живой любви» у Толстого благородно просто: «Он стремительно обернулся к ней; серьезное, страшно важное лицо его начало бледнеть. Маша стояла перед ним, подняв голову, нежная, милая, простенько причесанная, светловолосая. Губы ее доверчиво, чуть-чуть грустно улыбались». Вместе с тем эта простота вмещает у Толстого слож-

ность человеческих судеб и богатство человеческой души. Недаром он писал, что романом писатель держит экзамен на Человека.

Демократизм убеждений писателя и реалистическая полноценность его первых больших произведений, глубокий интерес к истории (первые страницы об эпохе Петра были написаны еще до революции) явились предпосылкой возвращения Толстого в 1923 году из эмиграции на родину. В автобиографии Толстой писал: «Жизнь в эмиграции была самым тяжелым периодом моей жизни. Там я понял, что значит быть парием, человеком, оторванным от родины, невесомым, бесплотным, не нужным никому ни при каких обстоятельствах». С течением времени все более отчетливо проясняется замечательное национальное своеобразие таланта Толстого, мысль о том, что возвращение на родину было для такого художника вопросом жизни, становится еще более очевидной.

Советские годы — новый и самый плодотворный этап творчества писателя. Он вступил в пору мировоззренческой зрелости, и его эпические свершения явились художественным освоением опыта революции.

В первые же годы после возвращения на родину Толстой обращается к темам советской действительности. Подлинным поэтическим вдохновением отмечены рассказы «Гадюка» и «Голубые города». Сегодня вокруг судьбы Ольги Зотовой уже не возникнут споры, подобные «судебным процессам» над этой героиней, происходившим на читательских диспутах 20-х годов, когда их участников занимал прямой вывод о практической и политической непригодности применного Зотовой способа борьбы с мещанством. Поэтизация этого гордого характера у Толстого тогда воспринималась как известная уступка писателя воспроизведению революции в виде мятежной стихии, за что и делались ему упреки. Сегодняшний читатель, признав возраставшее внимание Толстого к творческим и созидательным силам революции несомненным признаком его последующей зрелости, вместе с тем отметит и большую меру неповторимой жизненной правды в том видении и восприятии революции, какой открылась она Ольге Зотовой. Неподкупность пламенной чистоты сердца этого, по-своему трудного, неуживчивого человека, овеяна у Толстого романтической героикой, без которой немыслим конкретно-исторический облик времени красногвардейских атак на старый мир. В художественно-исторической летописи гражданской войны фигуры Зотовой или Буженинова («Голубые города») не уводят читателя от верной расстановки социальных сил революции, как это иногда считалось, но существенно дополняют историю человеческих судеб в революции, историю отнюдь не простую и не однозначную.

Да, изображение творческой и созидающей сути революции у Толстого, автора «Гадюки» и «Голубых городов», еще впереди. Но и в эту пору политрук Хотяинцев у него признается человеком, политически более зрелым, чем Бурженинов, в виде протеста поджегший мещанский городишко. Да и у командира Емельянова больше стойкости и знания жизни, чем у Ольги Зотовой. Писатель признавал в Хотяинцеве, Емельянове, Гусеве именно «разум» революции, но освоена эта тема вплотную была им не сразу. Он начал с рассмотрения несостоятельности той реакции на мещанство и серые «понедельники», какую увидел у людей, подобных Зотовой и Буженинову. Толстому важно было показать, что их представлений о жизни недостанет для реального противостояния мещанскому «пессимизму».

В прочтении и оценке «Голубых городов» и «Гадюки» необходимо видеть не только *что* изображает Толстой, но и *как* он это делает. Критика 20-х и последующих годов не всегда принимала во внимание, что даже рассказывая о дебрях мещанского быта, Толстой дает понять чрезвычайность происшедшей революции. У Толстого укрупняется рисунок, он видит своих героев свершителями и участниками исторических событий. «Недотепу» Буженинова, при всей его личной неприспособленности, уже не спрячешь под крышу серенького домика в провинциальном городишке. Это он с сотнями других красноармейцев «входил и уходил из разоренных городов Украины; хоронился по орешникам и вишенникам, отстреливаясь от белых и зеленых; сживал в звездные ночи у костра над Доном, месил грязь в степях под осенним ветром, воющим уныло между ушами коня да по телеграфным проводам: бился в лихорадке в палящих песках Туркестана, ходил под Перекоп и в Польшу». Толстой видит людей, ставших частицей краснозвездной силы. В неустроенности и угловатости Зотовой чувствуется не просто привычка к суровым условиям походного быта, но и непримиримость к будням, она на голову выше обывательского мирка. Героев Толстого коснулась История.

Важно в полной мере оценить и позицию повествователя в этих повестях. В неистощимой талантливости и толстовской изобретательности в приемах комического, когда он рассказывает о мещанском быте, видно не только мастерство, но и социальная, нравственная зрелость писателя. Победителем в повествовании о потенциальной «звезде» Сонечке Варенцовой, об «ухажере» Утевкине, о «жильце» Понизовском и «молодом человеке» Педотти всегда остается смех. Врагов Зотовой и Буженинова Толстой изображает безусловно поверженными. При этом комическое в изображении мещанства ясно свидетельствует о том, что повествователь видит в нем то, чего его герои рассмотреть не успели.

Художественная чуткость писателя к запросам времени всегда сопутствовала у Толстого воплощению темы русского характера. Примечательно его обращение к особому приему сближения автора с героем повествования, когда рассказ ведется от лица самого участника событий. Художественный мир Толстого включает в себя целый ряд таких «рассказчиков», чаще всего людей бывалых, много повидавших, наделенных чувством юмора и своеобразным даром перевоплощения и артистизма. Одна из удач такого рода — рассказ «Морозная ночь». Слово участника одного из сражений гражданской войны — полновесное, простое, выразительное и точное — воссоздает облик самого рассказчика.

Одним из первых в годы Великой Отечественной войны А. Н. Толстой понял,— как художник — новую природу эпического. Повествование о подвигах рядовых защитников родины он повел от имени Ивана Сударева. В его облике и самой точке зрения писателя — смотреть на события снизу, от самых корней, доверить свое слово «рядовому» герою — угадывались общие ноты с «Василием Теркиным» Твардовского.

Произведения Толстого несут в себе радость и удивление «узнавания», — это свойство искусства подлинно национального, берущего у времени вечные нравственные и исторические ценности человеческого духа.

Г. В. Макаровская

А. Н. Толстой

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Издательство Саратовского университета
1980

И ВНОВЬ Я НА ДОРОГЕ ПАМЯТИ...

У меня хранится старенький, военных лет снимок, изрядно потертый и потрескавшийся от времени. На фото, сделанном где-то во время отступления у случайного фотографа, — пятеро улыбающихся девчонок, летчиц и механиков, ни одной из которых не посчастливилось дожить до Победы.

На снимке те, кого нет среди нас. Но в их молчаливых взглядах я всегда вижу просьбу помнить, не забыть их имена, поведать потомкам о смысле их жизни и гибели. Я смотрю на снимки погибших своих подруг и думаю о том, что сотни тысяч юных, не познавших еще ничего в жизни, приняли смерть, ясно сознавая, что, как бы ни была дорога жизнь, судьба Родины несравненно дороже. Да, именно так мы все думали.

Родина... Что же это за сила такая? Заставляющая одного идти сознательно на смерть. Другого — пленного, избитого, голодного, но не покоренного — бороться, чтобы вернуться на единственную свою землю...

Пожалуй, впервые я задумалась об этом на войне. И может быть, в ту жестоко студеную зиму, когда мы готовились к фронту. Занимались по 12—14 часов и, бывало, роптали и ворчали, ставя под сомнение необходимость тех или иных знаний. И вдруг — в газете фотография нашей сверстницы, Зои Космодемьянской, с петлею на шее!

Не знаю, кто как, но я была буквально потрясена, и тут же завертелись в уме вопросы: «А я?» «Смогла бы так?..» В душе все перевернулось. И тут, наверное, я по-настоящему задумалась о Родине. Вспомнила свою Сибирь. Деревню деда, и дом его, и поля с колками, и озеро, и мельницу... И захватывающие рассказы о гражданской войне, о партизанском отряде, в котором был дед с четырьмя сыновьями.

Произносят — Родина, и в моем представлении возникает не ее огромное пространство, а что-то конкретное, очень личное. Озябшая роща в снегу и заячьи следы. Огромные хлебные поля золотятся и горят под закатным солнцем; клубящаяся за коляской пыль на дороге, резво бегущие кони. Радость предстоящей встречи с дедом и бабушкой... И все это — Родина. И судьба ее в моих руках. Так смогу ли я защитить ее, мою Родину? Смогу я стать сильной и храброй? На комсомольском собрании говорили скупо, но решительно и твердо:

— Да, мы мерзнем, портянки превращаются в корку льда, — говорила Тамара Фролова, — мы недосыпаем, и руки... — она протянула вперед, чтобы всем было видно опухшие, сбитые в кровь руки, — и ру-

ки наши изранены. Но какие это пустяки, если подумать о Зое! О ее муках...

Тамара Фролова носила в комсомольском билете вырезанный из газеты снимок Зои. Я смотрю на старую фотографию, вглядываюсь в глаза погибших девчат, которые как бы спрашивают: «Какие вы нынче? Все те, что уцелели и намного пережили нас? Какие?..» Это трудный вопрос. С годами мы, конечно, все изменились. Но как важно до конца дней оставаться верными духу товарищества, сохранить в себе готовность в любой момент ринуться в бой за справедливость, в защиту добра. Разве не этот безмолвный призыв — во взглядах наших оставшихся навечно молодыми товарищей?.. Разве не в этом клялись мы в войну, когда на наших глазах горели самолеты?

...Бушует огонь, трещат деревянные крылья, а в центре этого огненного клубка Полина Белкина и Тамара Фролова, и фашистский летчик посылает очередь за очередью в уже горящую машину. А линия фронта еще далеко... Из кабины, взрываясь, вылетают ракеты: красная, белая, зеленая... Рвутся от нестерпимого жара? Или зовут тебя на помощь горящие заживо подруги?.. А ты бессильна! Хочется кричать от отчаяния! Они горят — как же так? Всем, кто хочет войны, и вообще всем, кто живет на белом свете, надо было видеть, как падает горящий самолет, а в нем — девушки... И сказать: это Полина и Тома — им по 20. Не дайте им умереть! Мне страшно: я не могу им помочь... Они врезались в гущу расположения противника. Разбив артбатарею, нанесли свой последний удар по врагу.

В сводках Информбюро сообщалось, что «на фронте за истекшие сутки особых перемен не произошло». Но каждую минуту гибли люди. Гибли, недолюбив, недожив, побеждая даже тогда, когда, казалось, это невозможно.

Я пишу эти строки, а в ушах взволнованный голос Тамары. И я вижу ее: светловолосая и сероглазая, с симпатичными ямочками на щеках, когда улыбается. Певунья и плясунья. Обычно не многословная, как-то она первой поднялась на собрании. Выйдя вперед, сбила на лоб свойственным ей хмурым взглядом и сказала, чуть помедлив:

— До войны такие слова, как Родина, Отчизна, Отечество, обыкновенными казались. А сейчас... — Тамара задохнулась от волнения, но, справившись, почти шепотом, четко сказала: — А сейчас произношу слово «Родина» — и за горло хватает, выть хочется и глотку рвать фашистам.

Мне кажется, что на войне человек вдруг видел, как в бинокль окружающий, в полнеба, молнии, себя самого, свою душу — до дна. И удивлялся: своей силе, и отваге, и выдержке.

Я вспоминаю своих подруг. Всех, кого не вернешь. Отчаянных и сдержанных, хохотушек и замкнутых, озорных и тихонь. Чем я их отплачу за то, что я жива? Они погибли. Ничто и никто их не может воскресить. Только силою страстного и правдивого слова мы можем вернуть их к жизни, помочь досказать недосказанное, завершить начатое. Все эти годы как завещание, как боевой приказ оставшимся в живых берегу я в своем сердце слова Аники Бондаровой, сказанные за несколь-

ко дней до ее гибели: «...зарок даю: если выживу, то буду жить за себя и за тех, кто погиб... Учиться буду за себя и за них. И работать... И не обязательно ученым быть или в героях ходить. Нет! Самое простое дело делать так, чтобы оно огнем светилось и люди сказали бы: «Вот это да! Такого еще не было!»

Эти слова сказаны штурманом Бондаревой 40 с лишним лет назад. Но и сегодня они звучат с прежней силой.

После особенно тяжелого боя, при штурме Перекопа, когда от танкового корпуса осталась горстка живых, лейтенант Борис Серов, ушедший на фронт добровольцем из 9-го класса 22-й средней школы города Саратова, давал такой же зарок. «Если выживу, то жить я должен в две, в три, в сто жизней! Жизнь на ветер пускать не буду. Не для того она дана человеку...» Только ему суждено было остаться в живых из той «горстки» и дойти до Берлина.

Он не забыл своих павших друзей и свою клятву убежденности в правоте нашей жизни. Доказательство — шесть его авторских свидетельств, ордена Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», [illegible] медаль ВДНХ и звание лауреата Государственной премии. Это к его трем боевым орденам.

Его жена, моя однополчанка, совершила 590 боевых вылетов, а после войны, став инженером, спроектировала немало промышленных объектов. Сорок лет трудового стажа у Лидии Михайловны Целовальниковой. Это и за себя, и за погибших подруг.

Невольно думаешь об истоках той [illegible], страстности, с какой сражались советские люди. А истоки эти — в верности земле своей, светлых идеалах, в убежденности в правоте нашей жизни.

Именно страстная, непоколебимая идейная убежденность дала нам крылья для полета — в буквальном и переносном значении. Я застала время, когда кумирами молодежи были летчики и стратонавты. Цветами и улыбками встречали пилотов, перебросивших на полюс папанинцев, экипажи Чкалова, Громова, Юмашева, Коккинаки, перелетевшие без посадки в Америку. Волновались за судьбу Гризодубовой, Осипенко, Расковой, а потом радовались, когда узнали, что самолет «Родина» совершил вынужденную посадку в тайге и экипаж жив. В те годы молодежь осаждала аэроклубы, строила планеры, прыгала с парашютом, совершала длительные лыжные переходы...

У каждого поколения свои герои — словно одно поколение зажигало факел героизма другому. Этот факел нам зажгли наши отцы — герои гражданской войны. Нас волновали книги о революции, о гражданской войне. Мечтая о подвигах, мы готовились к защите Родины. Многие мои ровесники прямо со школьной скамьи уходили на фронт. Помню, как Саратовский горком комсомола гудел, словно пчелиный улей.

— Раскова приехала!

— Женскую часть формирует!

В тесном коридоре не продохнуть. Там были студенты институтов, учащиеся техникумов и средних школ. Выпускницы аэроклуба держались особняком, солидно и уверенно. Очередь росла. Все внимание обращено было на дверь, за которой заседала комиссия во главе с Героем

Советского Союза М. Расковой. Вдруг к самой двери протиснулась маленькая девчушка.

— Куда? — спросила она.

— Разумеется, не в детсад. На фронт. Тебе не сюда,— ответила ей стоящая в очереди женщина в форме гражданской авиации.

— О, как раз сюда.

— Ты кто?

— Целовальникова Лидия я.

— Такой не знаю.

— Ничего, дай срок, узнаешь.

Вокруг рассмеялись. Маленькая, худенькая Лида держалась так, словно была опытным воином. Весь ее вид говорил о прямом, напористом характере. Когда она вошла в кабинет, Раскова удивленно поглядела на нее.

— Тебе что?

— Записаться пришла. На фронт.

Пропустив гражданское «записаться» мимо ушей, Раскова насмешливо спросила:

— Что ж ты умеешь? Самолет водить? Стрелять? Ремонтировать?

— Да нет, — нисколько не смутившись, ответила Лида. — Я только школу кончила... Но ведь научусь! Всему, чему надо, научусь.

Раскова рассматривала девчонку от ее ботинок 33-го размера до маленьких ладошек. А Лида задирала голову, поднималась на носки, как будто таким образом могла стать выше.

— Ну возьмите хоть кем на худой конец, на первое время, хоть писарем, что ли... А потом я стану летать, сумею. Вот увидите...

Со всех концов ехали девчонки к М. Расковой, которая формировала женскую часть, и все как одна говорили: «Возьмите хоть кем...» Каждая сама выбирала свою судьбу. Сами того не понимая, девочки и мальчики шли на подвиг.

Есть подвиги такие, которые всем видны, а есть такие, которые совершаются совсем негромко, почти незаметно. Мир о них не оповещен, медали за них не отлиты, носит их человек в душе своей. Не [illegible] себя героями механики и вооруженцы из гвардейского [illegible]. Просто рядовые, в службе были безупречные, [illegible]. А сколько раз приходилось себя пересиливать, [illegible]! Посудите сами: командир, ставя боевую задачу, [illegible] ночь — максимум, то есть надо сделать максимальное количество вылетов за ночь, а это еще и значит, что надо выпустить в полет все самолеты. А у одной машины мотор пробит осколком, менять надо. У другой хвостовое оперение начисто сорвано. У третьей... [illegible] чено. Подлатать плоскость, починить хвост — это еще куда ни [illegible], справиться можно. А мотор поменять? Случилось, в самый морозный день отказал стартер. Надо снимать его, смотреть, ремонтировать. Четыре часа трудилась на холоде Вера Маменко. Руки распухли. Красные, с поломанными черными ногтями, они, казалось, были обварены кипятком. Поставить стартер — трудность колоссальная. Подходы тесные. Накинуть на резьбу и завернуть гайки представлялось невозможным. Пальцы не-

мели. Гайки валились из рук. Никак не удавалось Вере закрепить стартер. Она задумалась, потом растерла руки сухим, обжигающим снегом, плюнула на указательный палец, приморозила к нему гайку и таким «живым» ключом усадила ее на шпильку. Если самолеты летали, несмотря на громадное перенапряжение, так только оттого, что техники успевали залечивать их и латать. Пока спали летчицы, они проверяли моторы, заменяли изношенные части, а то и меняли двигатели, надрываясь от непосильной тяжести. Это был [illegible] труд, не ограниченный никаким [illegible], не [illegible] промахов. Тяжелее всего было сознание лежавшей на них ответственности. Летчица, вылетая, принимала свой самолет из рук механика и, вернувшись, опять отдавала его в те же руки. И все знали, что [illegible] ошибка механика, малейший недосмотр может привести к гибели экипажа, к поражению в бою. Пока самолеты находились в воздухе, техники не покидали аэродрома. Ждали, вглядываясь [illegible].

А летные экипажи, не успевая передохнуть, взлетали один за другим, с заката и до рассвета. По 9—10 боевых вылетов в ночь. Непрерывно меняющаяся обстановка, [illegible] наградительный огонь там, где его в начале ночи еще не было, своевременное осуществление маневра, отыскивание цели, поражение [illegible] и многое другое без остатка поглощает внимание и [illegible] силы.

Я часто думаю: где мы научились всему этому? Откуда силы брались? Наверное, все это по капелькам собирается в тебе. Надо было учиться одерживать победы [illegible]. После аварии или катастрофы, когда на тебя дохнула смерть, уже трудно, как прежде, относиться к полетам. Вырабатывается [illegible] пилотажа, нервная дрожь при каждой неверной ноте в работе мотора, а уж при виде зенитного огня и прожекторов зуб на зуб не попадает. И ноги становятся ватными, и сердце норовит [illegible] не положено. И много сил потребуется, чтобы вернуть [illegible] выдержку и душевное равновесие.

В таких случаях немаловажную роль играет сила примера. Помню, как страшно мне было летать на Кубани, когда немецкое командование сформировало специальные ночные эскадрильи для борьбы с «рус фанер», так они называли По-2. За каждый сбитый «рус фанер» награждали рыцарским крестом, высшей наградой рейха, и особенно за сбитый экипаж из полка «ночных ведьм». «Мессеры» рыскали по небу, отыскивали По-2, взаимодействуя с прожекторами, в освещенную мишень посылали очереди зажигательных снарядов. Сейчас говорят, что По-2 горел секунд 10—15. Не знаю. Мне казалось, что то была вечность, когда объятый пламенем падал на землю самолет. Я представляла, как огонь лизал лица девчонок, как на них горела одежда, — и содрогалась от ужаса. В одну из ночей один за другим сгорело четыре самолета. Вошла я утром в школьный класс, где для нас были построены нары, а там... Там подряд восемь пустых спальных мешков. Хоть вой, кричи, рыдай!.. Ничем не поможешь. А вечером тебе надо лезть в кабину и лететь туда же, где горели твои подруги. Лететь туда, где, казалось, с каждого квадратного метра в тебя что-то стреляет. В тебе все протестует! Ноги с тру-

дом отрываешь от земли, но рядом идут летчицы, твои товарищи, такие с виду спокойные, независимые, гордые... Становится стыдно. Ты разве хуже? А тут газеты приходят и рассказывают о молодогвардейцах невероятные вещи. А там девчонка-санинструктор роту в атаку повела... Да мало ли было невероятных, можно сказать, немыслимых подвигов, которые не могли оставлять никого равнодушными. Срабатывало самолюбие. И, одержав победу над собой, тоже гордо, вроде бы небрежно, шагал вразвалочку на аэродром, взбирался в кабину, перебрасываясь шуткой-прибауткой с механиком, и поднимался в небо. Снова в огонь... Снова 8—10 часов в тесной кабине, когда нельзя ни потянуться, ни встряхнуться, ни размяться. Когда голова твоя вращается, кажется, на 360 градусов, чтобы все своевременно увидеть и уметь предотвратить встречу с «мессерами».

Всякое случается на войне. Немцы, на аэродроме царила тревога. Не вернулись три экипажа. Но вот прилетел один. Из него усталые, измотанные вылезли Рыжкова и Целовальникова, прислонились к изодранной плоскости. Было понятно без слов, что за ними гонялся «мессершмитт».

Через некоторое время послышался неровный гул мотора. В предрассветной дымке мы увидели приближающийся самолет. Казалось, он издрагивает и шатается. Он шел на посадку рывками, будто пробовал, будто вела его неумелая летчица. Однако самолет сел на три точки, как надо, а потом беспощадно запрыгал, накренился и остановился. Мы бежали к самолету. Он стоял с простреленными крыльями, с раздробленным, покореженным хвостовым оперением, а в кабинах — неподвижные тела летчиц. Бросились к кабинам. Затормошили Катю Олейник и Олю Яковлеву. Ольга приоткрыла глаза, слабо сказала:

— Задание выполнено.— И потеряла сознание.

Их, окровавленных и почти безжизненных, с трудом вытащили из кабин и отправили в госпиталь. С аэродрома никто не уходил. Все ждали третий, не вернувшийся, самолет. Но ожидания тщетны. Время истекло. Таня Макарова и Вера Белик так и не вернулись. Были б парашюты, они, возможно, и спаслись. Но еще и в августе сорок четвертого мы летали без парашютов. Горящий самолет Макаровой упал недалеко от линии фронта.

Давно это было, а я слышу их голоса:

Я помню лунную рапсодию
И соловьиную мелодию,
Твой профиль тонкий, голос звонкий,
Твои мечты. Но где же ты?..

Перед самым полетом они пели...

Неправильно было бы думать, что прошлое остается лишь воспоминанием, отблеском в памяти. Мне кажется, прошлое так же материально, как и настоящее. Каждый раз, когда мне приходится рассказывать о войне, я с волнением ищу слова, которые могли бы передать то, что пережили мы в полете, при обстреле, бомбежке и артналетах... Ты сегодня читаешь, мой юный современник, в учебнике по истории: «...уничто-

жено 70 тысяч сел, тысячи городов, лишились крова 25 миллионов человек, разрушено 31 850 промышленных предприятий, 40 тысяч больниц, 84 тысячи школ, 98 тысяч колхозов... Мы потеряли в войне 22,3 миллиона человек... Таков итог...» А меня охватывает смятение! не найдется в науке статистике ни миллиардов, ни биллионов, не учтет она ни смертей, ни крови и слез, ни страданий и горя матерей, вдов и сирот, ибо это не подлежит учету. Моря и даже океаны имеют объемы, площади, берега. Потери и страдания людские безграничны! А самое страшное — это дети на войне. Их страданий не забыть никогда.

Летом сорок второго, отступая, мы выбрались из города, над которым уже висели немецкие парашютисты. А за окраиной лился поток людей. Женщины, дети, старики, раненые из разбомбленных госпиталей шли по дороге и прямо по полю, и казалось, что вслед им бегут даже деревья, чтобы только не остаться на земле, куда пришел враг.

Немецкие самолеты повисли над этой толпой и буквально «утюжили» все пространство. Потом они улетели, и наступила ужасающая тишина. Она была страшной, та тишина, потому что многие так и не поднялись с земли, потому что над степью стоял несмолкаемый стон и плач.

Я бежала к дороге, когда услышала странный писк. Я приостановилась, огляделась.

У куста в луже крови лежала лицом вниз женщина. Она опиралась на локти рук, а из-под нее доносились странные звуки. Они привлекли внимание и моих спутников. Подошли. Перевернули мертвую женщину и увидели маленькую девочку. Мертвая мать прикрыла своего ребенка! Мы взяли с собой эту девочку...

В Белоруссии во время нашего наступления мне пришлось как-то приземлиться у сожженной деревеньки, которую только что отвоевали у фашистов. И тут же у самолета появились три мальчика и девочка. Босые, в рваных рубашонках. К горлу подкатил комок, на глаза навернулись слезы, когда они рассказывали о своих бедах. У девочки фашисты повесили и отца и мать, а ее приютила соседка.

— А у меня папка на фронте где-то, — сказал самый младший из них — а маму... маму немцы убили.

— Партизанка? — сочувственно вырвалось у меня.

— Не-е. Как уходить, так и убили. Они пороли меня, что я ду им не принес, а мама вырвала меня. «Беги!» — крикнула. Я убег, а ее...

— У-у... Проклятые! — сказал старший мальчик. — Вырасту. Стану летчиком и всех фашистов поубиваю. — Он ласково погладил крыло самолета.

Я еле сдерживала слезы. Вот так всегда, встретишься с обездоленными, голодными ребятами и готов реветь от жалости. И летать, летать, летать, бомбить фашистов, гнать их с земли нашей.

Как же можно забыть все это? Я думаю о том, как преступна беспечность и пассивность сегодня. Ведь каждый день приносит нам вести, что ядовитые семена фашизма дают всходы, что фашизм жив и ждет своего часа. Мемуарная литература Запада, выходящая в свет миллионными тиражами, старается умалить значение победы советского народа. Там пытаются возвысить американский генералитет, роль Черчилля, как

главного стратега. Немало появляется клеветы на советского солдата — освободителя народов Европы.

Но в потоке лжи, выплескиваемой отставными генералами и обер-стами, подавшимися в мемуаристы, в потоке неутихающей ненависти к нам все чаще прорезается голос разума, голос зачаточной совести. Правда о нашем подвиге, закономерности нашей победы, о ее непереоценимом значении для судеб человечества пробилась в миллионы сердец, возросла в них надежда, стала силой, рождающей ответственность, поднимающей на баррикады борьбы. Мне навсегда запомнилась сцена, происшедшая у памятника советским воинам, что неподалеку от рейхстага. С трудом сойдя с инвалидной коляски, хромой старик, опираясь на палку, под-нялся по ступеням к подножию каменного солдата, взволнованно поло-жил букетик цветов, отдал честь советскому часовому, застывшему в карауле, и произнес громко, чтобы слышали все:

— Прекрасные бойцы... Хорошие люди...

Потом он уже на коляске подъехал к мусорному ящику и с не-скрываемой брезгливостью швырнул в него журнал «Штерн», тот самый номер, в котором нас обливали грязью, утверждая, что в первые четыре месяца войны у советских солдат и офицеров был «низкий боевой дух», что в то время они вообще «не хотели воевать».

— Думают, люди по-прежнему слепые, — проворчал старик, — по-верят их болтовне. Я лично никогда больше не произнесу слова «враг» в сочетании со словом «русский». И детям своим накажу, и внукам...

Ветер трепал страницы «Штерна», а гранитный солдат, освещенный солнцем, смотрел с пьедестала на людей, пришедших к нему, на цветы, покрывавшие мрамор, на землю вокруг, смотрел во всем величии, во всей неумирающей славе.

А я опять вспомнила своих боевых подруг, и бессмертную Зою, и краснодонцев, и своих погибших родных. Они кровью, жизнью своей, мужеством исполинским завоевали эту славу, глубокое людское уважение. А потом я прошла и проехала по многим захоронениям советских солдат рдали от Родины. Помню, в Ростоке ясным и солнечным майским утром шло много людей к могилам освободителей. В основном немцы, но были и туристы других стран. Тесаные каменные плиты, скорбные изваяния воинов, всплески Вечного огня... Цветы, венки на одинаковых скорбных надгробиях.

Первая могила. Прочла: «Михаил Галенкин. 1925—1945 гг.» Подумала: 20 лет.

Вторая. Прочла: «Екатерина Кузьмина. 1921—1945 гг.» Подумала: 21 год.

Под тяжелыми надгробиями лежали мои сверстники. В одинаковом солдатском равнении вытянулись могилы — строгие, скромные. Вот так я и шла — от могилы к могиле и повторяла: 20 лет, 21, 17...

Да, конечно, войны без жертв не бывает. И никакие победы никогда не приходят легко. Они погибли, чтоб жили мы. Думая об этом, я по-дошла к крайним могилам и вдруг прочла холодящие душу слова: «Десять неизвестных русских солдат». У могилы стоял юноша в форме советского офицера. В глазах застыла скорбь. Я подумала: «Где-то в

далекой России ждут их — «без вести пропавших». И может, дед этого парня тоже не вернулся с войны, а его все ждали и ждали... Юноша рассыпал по мраморной плите землю. И я вспомнила, как мой дед говорил, что щепотка родной земли делает мрамор теплее и легче. И совсем хорошо, когда рассыпают ее потомки. Мы не имеем права ничего забывать. Но наша память не только в поклонении мрамору, бронзе, Вечному огню. Памятники нужны живым. Как ориентиры в жизни. Ориентиры нравственности, чести, патриотизма. Они нужны тем, кто до сих пор во сне ходит в атаку и кому не дают спать старые раны. Моя однополчанка Мери Авидзба семь лет после войны была прикована к госпитальной койке. Тяжелейшие операции с трудом поставили ее на ноги. Депутат Верховного Совета Абхазской АССР, она 30 лет работает бесплатно в своей родной школе. Какой бой она ведет сама с собой, с **болью на протяжении 40 лет — никто у нее в школе, да и во всем** Сухуми, не знает. А сколько таких людей вокруг вас! Память — это зов сердца, это внимание и забота о каждом, кто жизни не жалел, чтобы **защитить родную землю.**

Как-то мне попалась на глаза одна статья. «У большевистского человека, — писал неизвестный журналист, — есть вера, помогающая ему совершать невероятные дела». Что правда, то — правда! Сама я вчитываюсь в строки письма штурмана Гали Докутович, которая летала с поврежденным [illegible]: «Я не знаю, не могу разъяснить, — писала она любимому, — где кончаешься ты и начинается Родина. Она и ты слились во мне воедино. И для меня глаза твои — глаза Родины. Я не могу не летать, любимый... Хотя и трудно...» Галя Докутович погибла при выполнении задания. А вот письмо саратовской комсомолки Тамары Фроловой, написанное незадолго до гибели. «Не листай, маменька, — просила она, — запаянные воском листы старинных книг, не ходи в церковь и не ищи чуда в моих удивительных делах. Мы побеждаем смерть не потому, что мы неуязвимы, — мы побеждаем ее потому, что деремся не только за свою жизнь. Мы летим в ночь, в огонь, чтобы отстоять святая святых — Родину. Когда я произношу это **слово, мне хочется стать на колени...»**

А наши враги до сих пор вопрошают: «Почему они победили?» — и боятся правдивого ответа. Они лгут, клевещут, роются в черных душонках предателей перебежчиков, стремясь понять «славянскую» душу». И никогда им не понять, почему фашистам никакими пытками не удалось заставить Зою заговорить, почему молодогвардейцы расставались своей жизнью, почему Матросов закрыл грудью амбразуру дзота, почему девушки летали на беззащитных фанерных самолетах на бомбежку... Шли в бой не просто люди, танки, самолеты, шел в бой весь наш народ, его прошлое и настоящее, Октябрь и пятилетки, наши песни, наша юность, наше будущее.

Почему мы победили... Они понять не могут. Но ты, мой молодой современник, поймешь. Может, это и трудно, когда мирно светит солнце и не рвутся снаряды. Но ты должен понять. Потому что тебе нести победу дальше. Беречь ее и охранять. Мы сегодня не можем, не имеем права просто жить, просто работать, просто строить, учиться... Время

требует от нас полной отдачи сил, знаний. Сегодня каждый процент сверх плана, каждое новое открытие, спортивный рекорд, каждая твоя победа имеет гигантскую убеждающую силу. Помни об этом.

Последние годы меня все чаще тревожит чувство вины. Вины за ненаписанное, упущенное, стершееся в памяти. Меня одолевают ненаписанные рассказы и неописанные герои. Из боев я вынесла твердое убеждение, что жизнь счастливой бывает только у тех, кто живет на пределе. Только так и стоит жить: не половиня ни любви, ни ненависти, ни правды, ни чести. Война осталась в нас навсегда — болью старых ран, тяжестью невлеченных осколков, обжигающей сердце памятью о погибших. Небо, потемневшее перед грозой, заставляет вспомнить, как порохом пахло оно, когда нам приходилось бомбить врага на Дону и Украине, на Кавказе и Кубани, в Крыму и Белоруссии, в Польше и Германии. До сих пор случается, что во сне я лечу над линией фронта и зенитки рвут небо вокруг.

Все эти годы лежит на нас груз ответственности перед теми, которые не вернулись, и перед теми, кто остался жить, и перед теми, кто родился сегодня и пришел в этот счастливый, отвоеванный нами мир. Я боюсь слова «счастье», потому что знаю, как хрупко, непрочно бывает человеческое существование. Но я радуюсь каждому мгновению, которое мне дано. Возможности любить. Работать. Сделать как можно больше. Успеть бы только!

Я много ездила по нашей стране. Побывала на самом дальнем Востоке и на Крайнем Севере, на БАМе и на Самотлоре. Залечены раны войны, построены новые прекрасные города и поселки. Как много нового и прекрасного создано в государстве строителей! Конечно же, я восхищалась и радовалась.

Уходит время, многое забывается. Но вдруг неожиданно прихлынет полузабытое — и вновь я на солдатской дороге. Может, оттого это вспоминается, что в мире так неспокойно. Я пишу эти строки, чтобы напомнить молодым об ответственности за судьбу человечества. Самое дорогое для нас — жизнь. Ее нужно беречь. Современный мир сложен и многолик. Так почему же мне все-таки тревожно? Почему я должна бояться, что дети наши будут в чем-то хуже нас? Если мы научили их уважению к труду, если воспитали в них чувство подлинного товарищества, если наши идеи стали их идеями, мы можем быть уверены, что они защитят мир на земле.

Справедлив общеизвестный афоризм, утверждающий, что времена меняются и люди изменяются вместе с ними. Но справедливо и то, что не разглядишь огней впереди, если позади тебя темно. Позади тебя — огонь, зажженный дедами, отцами. Он освещает тебе путь. Не забывай об этом.

О. Голубева,
штурман бывшего 46-го гвардейского Таманского авиаполка.

Л. Космодемьянская

ПОВЕСТЬ О ЗОЕ И ШУРЕ

Е. Кошевая

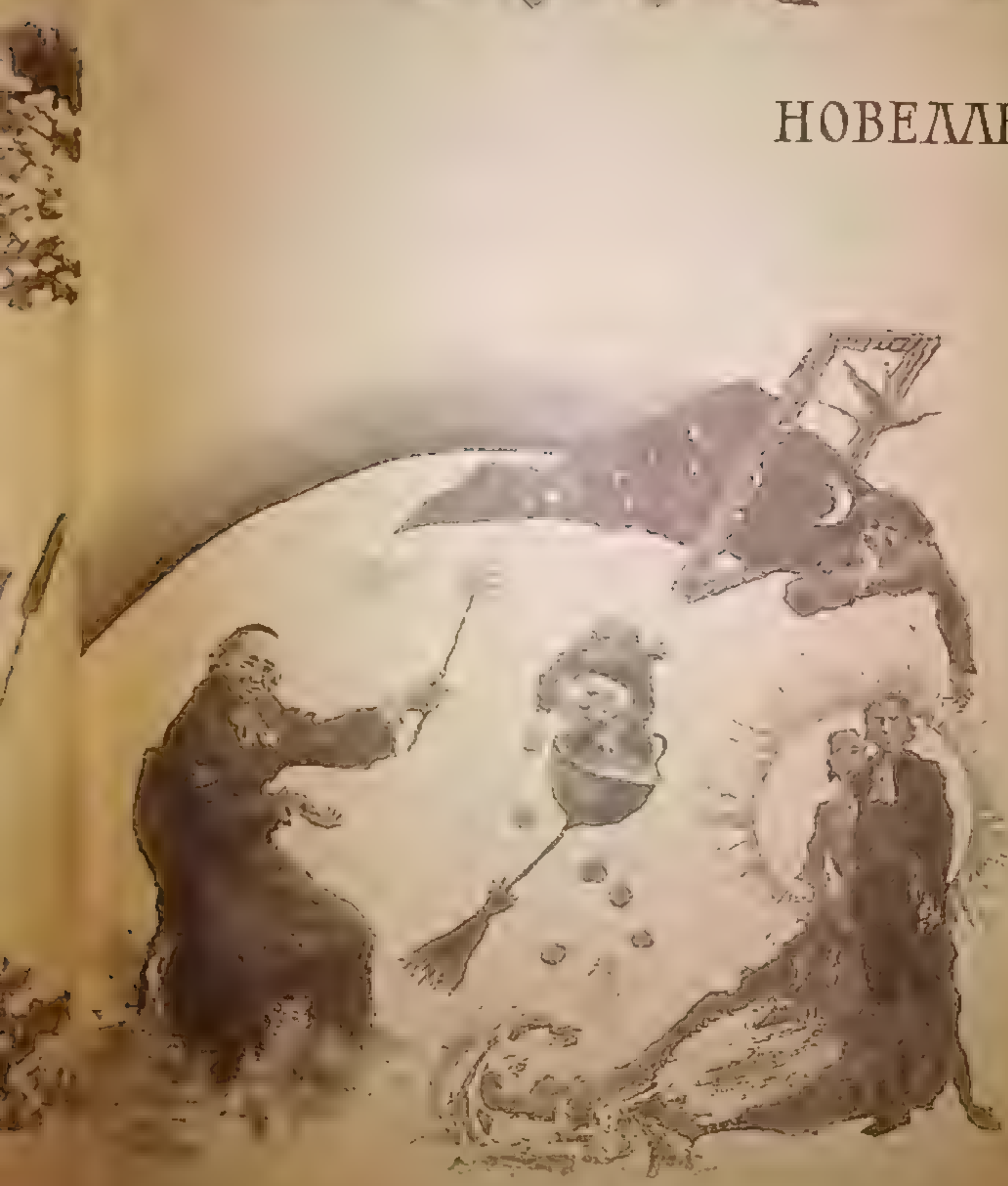
ПОВЕСТЬ О СЫНЕ

Саратов
Приволжское
книжное издательство
1985

Эрнст Теодор Амадей

ГОФМАН

НОВЕЛЛЫ



МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» • 1991

ПРИМЕЧАНИЯ

Дон Жуан

С. 21. *Циморк* (правильно: Цимоско) — персонаж поэмы итальянского поэта Лодовико Ариосто (1474—1533) — «Неистовый Роланд», см. песнь 9, строфа 67.

С. 28. *Теодор.* — Имеется в виду Теодор-Готлиб фон Гиппель (1775—1843), прусский чиновник, ближайший друг Гофмана.

С. 29. *Джиннистан* — страна фей в арабских сказках.

Золотой горшок

С. 33. *Вигилия* (лат. vigilia) — ночная стража в древнем Риме; здесь — в смысле «ночное бдение».

С. 36. *«Дева Дуная»* — опера [illegible] композитора Фердинанда Кауера (1751—1831).

С. 38. *...капельмейстера Граун[illegible]* Грауп Карл-Генрих (1701—1759) — немецкий композитор, придворный капельмейстер Фридриха II.

С. 49. *Некромант* — в средние века заклинатель духов умерших.

С. 63. *Саламандры* — духи огня в средневековых народных поверьях.

С. 78. *Адский Брейгель* — прозвище нидерландского художника Петера Брейгеля-младшего (1564—1637), написавшего ряд картин, где изображается ад.

С. 82. *Бхагаватгита* — древнеиндийская религиозно-философская поэма (часть эпоса Махабхарата), считавшаяся в древней и средневековой Индии источником высшей мудрости.

С. 103. *«Воскресный ребенок», «Сестры из Праги»* — комические оперы немецкого композитора Венцеля Мюллера (1767—1835).

С. 108. *Габалис* — «Граф Габалис, или Беседы о таинственных науках», сочинение аббата Виллара де Монфокон (1635—1673) о взаимоотношениях между людьми и стихийными духами, опубликованное в Париже в 1670 г.

Сведенборг Эммануил (1688—1772) — шведский естествоиспытатель и философ-мистик; по преданию, обладал магической силой и способностью заклинать духов.

Песочный человек

С. 116. *...в безумном отчаянии, в каком Франц Моор заклинал Даниеля.* — См. Шиллер, «Разбойники», действие 5, сцена I.

С. 126. *...портрет Калиостро, гравированный Ходовецким.* — Калиостро (настоящее имя Жозеф Бальзамо) — известный авантюрист XVIII в., прославивший великим волшебником и магом. Ходовецкий Даниель (1726—1801) — выдающийся немецкий живописец и гравер.

С. 128. *...чудесными, как у Марии Магдалины, волосами* — Имеется в виду картина «Кающаяся Магдалина» итальянского художника Помпео Джироламо Баттони (1708—1787), которую Гофман видел в Дрезденской галерее.

Рейсдаль Якоб ван (1628 или 1629—1682) — выдающийся голландский пейзажист.

С. 139. *...легенда о мертвой невесте.* — См. балладу Гете «Коринфская невеста».

Майорат

С. 149. *Майорат* — существовавший в средние века в некоторых западноевропейских странах порядок наследования, при котором все владения феодала переходили или к старшему в роде или к старшему из живых сыновей умершего

С. 175. *Стефани* Агостино (1654—1728) — итальянский композитор, автор ряда опер, а также инструментальной и церковной музыки.

Кронika Цахес, по прозванию Циннобер

С. 222. *Альраун* — корень растения мандрагоры, своей причудливой формой напоминающий человеческую фигуру. С представлением об альраune связано много легенд и поверий

С. 230. *Государь, введите вольнодумие* — иронический намек на слова героя драмы Шиллера «Дон Карлос» маркиза Позы, обращенные к королю Филиппу: «Введите, государь, свободу мысли!» (См. действие 3, явление 10).

С. 236. *...сопричисление к народу, который ... был побит ослиной челюстью.* — В немецком языке слово «филистер» (Philister), обозначающее обывателя, мещанина, значит в то же время и «филистимлянин». По библейскому преданию, Самсон побил филистимлян ослиной челюстью (Библия, Книга Судей израилевых, гл. 15, ст. 15—16).

С. 237. *Компендиум* — сокращенное изложение основных положений какой-либо науки.

С. 239. *...пытался исцелить достойного принца Гамлета.* — См. разговор Гамлета с Гильденстерном: Шекспир, «Гамлет», действие 3, сцена 2.

С. 248. *Фуке* — Фридрих-Генрих-Карл барон де ла Мотт-Фуке (1777—1843) — немецкий писатель-романтик, автор рыцарских романов и лирических стихов; на сюжет его романтической поэмы «Ундина» Гофман написал свою оперу того же названия (1813)

С. 250. *Пумперникель* — медовый пряник.

С. 251. *Кранах* Лукас (1472—1553) — немецкий живописец и гравёр.

С. 258. *Виотти* Джованни Батиста (1753—1824) — итальянский скрипач и композитор.

С. 263. *Стеклянная гармоника* — музыкальный инструмент XVIII в., ныне не употребляющийся.

С. 287. *Зороастр* (Заратустра) — мифический основатель древней религии ряда восточных народов (зороастризма), положения которой изложены в собрании священных книг — «Авеста».

С. 289. *Пол-оксгофта.* — Оксгофт — старинная мера жидкостей, примерно 200—235 литров.

С. 319. *Монгольфьер* — название первого воздушного шара, запущенного в 1783 г. французами, братьями Монгольфье.

Выбор невесты

С. 328. *Томазиус* Христиан (1655—1728) — немецкий философ и правовед.

С. 336. *Коль жаждет так любви мужчина...* — дуэт из оперы Моцарта «Волшебная флейта» (действие 1, явление 14).

С. 337. *Агасфер, вечный жид.* — Агасфер — имя легендарного иерусалимского сапожника, который якобы оскорбил Иисуса Христа и за то был осужден скитаться по земле «до второго пришествия».

Гамельнский крысолов... — Немецкая легенда рассказывает о некоем крысолове, который игрой на дудке увлек за собою из города Гамельна всех детей в отместку за то, что бургомистр не дал ему обещанной за истребление крыс платы. Один из мотивов этой легенды — власть музыки — развил Гете в своей балладе «Крысолов».

«Старый Везде-Нигде» — герой сказки «Старый Везде-Нигде» немецкого писателя Христиана-Генриха Шписа (1755—1799). Одноименной оперой Венцеля Мюллера (1765—1835) Гофман дирижировал в мае 1813 г. в Лейпциге.

С. 338. *...теперешний молодой художник...* — Имеются в виду «Назарейцы», группа немецких художников первой четверти XIX в., которые в своих картинах на религиозные сюжеты пытались следовать образцам старых мастеров (Дюрер, Рафаэль, Перуджино).

Мадемуазель де Скюдери

С. 389. *Мадлен де Скюдери* (1607—1701) — французская писательница, автор модных в то время галантно-героических романов; самым популярным из них был десятитомный роман «Клелия», законченный в 1660 г.

Ментенон Франсуаза д'Обинье, маркиза де (1635—1719) — жена писателя Скаррона, затем любовница Людовика XIV, а с 1684 г. его супруга.

С. 412. *Лашапель* Жан де (1655—1723) — французский драматург, последователь Расина.

Перро Клод (1613—1688) — врач и архитектор. Вместе со своим братом Шарлем Перро выступал против Буало в споре о древних и новых авторах, доказывая, что новое искусство не уступает античному и примером тому может служить хотя бы созданная им Луврская колоннада.

С. 444. *Лувуа* Франсуа-Мишель, маркиз де (1641—1691) — военный министр Людовика XIV.

Ла-Вальер Луиза (1644—1710) — одна из первых любовниц Людовика XIV; в 1675 г. удалилась в монастырь.

И. Миримский

СКАЗКИ И ПРАВДА ГОФМАНА

Книги имеют свою судьбу, и Гофмановы тоже. На литературную стезю он вступил поздно: тридцатичетырехлетним, если отсчет вести с журнальной публикации новеллы «Кавалер Глюк» в 1808 году; тридцативосьмилетним, если иметь в виду первую крупную публикацию, принесшую ему известность,— сборник рассказов «Фантазии в манере Калло», три первых тома которого вышли в 1814 году. Его фантазии были сразу опознаны как романтические, но что значила такая припоздалость? Германия успела привыкнуть к тому, что ее гениальные романтические поэты начинали спозаранку, вспыхивали фейерверками и метеорами, пиные и угасали совсем рано, как Новалис и Вакенродер,— ослепив и отпылав, превращались в легенды; молодости приписывались и на молодость списывались многие их странности.

А как прикажете понимать фейерверк, вдруг устроенный господином в летах без определенного общественного положения? Был судейским чиновником где-то на окраине, в Польше, потом капельмейстером в Бамберге, Лейпциге и Дрездене, сейчас перебивается чиновником в министерстве юстиции в Берлине, без жалованья; говорят, что неуживчив и странен, был выслан из Познани в Плоцк за карикатуры на начальство; похоже, еще и пьет. Во всяком случае, в сказке «Золотой горшок» романтико-фантастические мечты студиозуса Ансельма о прекрасной зеленой змейке слишком уж откровенно подогреваются миской пунша, и добро бы только его мечты: после упомянутой миски романтическими фантазерами вдруг становятся и столь почтенные, солидные люди, как конректор Паульман и регистратор Геербранд. Что за странная, подозрительно легкомысленная переоценка ценностей! Романтическим мечтам положено быть сугубо духовного, неземного происхождения, они высекаются в душе искрой небесной, а тут их источник так кухонно прост, и рецепт дается: «бутылка арака, несколько лимонов и сахар». Регистраторам, конректорам, асессорам тоже положено быть людьми степенными и достойными, или, по романтическому определению, изначально чуждыми всяким фантазиям и ни в каком виде с ними не сочетающимися.

Через восемь лет после выхода «Фантазий» Гофмана не стало. Умирал он уже писателем не то чтобы прославленным

(это эпитет скорее для безукоризненного классика или для бесспорного гения), но весьма — выразимся по-современному — популярным: он успел написать за восемь лет на удивление много — романы «Эликсиры сатаны» (1816) и «Житейские воззрения кота Мурра» (1821), огромное количество повестей и рассказов, отчасти объединенных в циклы «Ночные повести» (1816—1817) и «Серапионовы братья» (1819—1821). Гофмана охотно читали, а после выхода в свет его повести «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер» (1819) писатель-романтик Шамиссо назвал его «нашим бесспорно первым юмористом». Но на протяжении всего XIX века Германия все-таки держала его во втором разряде: в «высокую» традицию он не укладывался. Прежде всего юмор у этой традиции был не в чести — он допускался туда только в приличествующих метафизических одеяниях. Вышеназванная традиция еще согласна была на тяжеловесно-витиеватый юмор Жан-Поля, на теоретически расчисленный юмор ранних романтиков (столь солидно и всесторонне философски обоснованный, что про смех при нем уже и забываешь, дай Бог понять глубины). У Гофмана же сначала смеешься, а насчет глубин спохватываешься потом — и, как увидим, они обнаруживаются. Но самой этой свободой и безоглядностью смеха Гофман вызывал подозрение: это уж совсем просто, это «для бедных», это массовый потешник. Ирония, сатира? К ним отношение было примерно такое же — это подтвердилось и судьбой Гейне в Германии. Что же касается «серьезной» проблематики Гофмана — столкновения поэзии и прозы, художнического идеала и действительности, — она воспринималась к тому времени как déja vu[1], опять-таки благодаря ранним романтикам. Выходило, что Гофман только все огрубил, спустил с эмпирей духа на рыночную площадь. Он и сам под занавес в этом сознался: в написанной перед смертью новелле «Угловое окно» оставил своим поэтическим наследникам завет не пренебрегать рыночной площадью и «ее непрекращающейся суетней».

Сполна в XIX веке Гофману воздали Россия и Франция. Там фантазиями в его манере не смущались и на вершинах национальной литературы и национального духа (В. Одоевский, Гоголь, Достоевский, Бальзак, Готье). Особенно, пожалуй, русские писатели, давая свои вариации на темы Гофмана, как бы извлекали из этих феерических фантазий — или, точнее сказать, высвечивали в них — их глубоко серьезную, бытийную, человечную суть. «Немецкий» Гофман может, по своему обыкновению, сколь угодно морочить нам голову своими ошеломительными трюками; «русский» Гофман — это паяц в гримерной, после трюков, когда маска клоуна еще не смыта, но глаза артиста уже усталы и мудры.

В XX веке Германия стала внимательней к Гофману — а вот Россия на какое-то время ему изменила, хоть и не по своей воле. Еще в начале 20-х годов русские писатели, храня традицию, могли назвать свое объединение по гофмановскому образцу — «Серапионовы братья». Через четверть века первой жертвой пал юморист и сатирик Зощенко — как в свое время в случае с Гофманом, начальство учуяло в его фантазиях карикатуру на себя. Но уже и до этого удара русская гофманиана обречена была, по сути, на подпольное существование, вспомним хотя бы судьбу Булгакова 30-х годов.

Сам Гофман, можно считать, был частично реабилитирован у нас в 1962 году, когда вышел трехтомник его сочинений, с любовью и знанием дела подготовленный И. Миримским. Но реабилитация была именно частичной — с тех пор издательствам дозволялось время от времени выпускать однотомники Гофмана, однако все попытки издать более обширное собрание сочинений неумолимо пресекались.

---

[1] Уже видали *(фр.)*.

Увы, вносила
манистика. У нее
строгость, завеща
нала о месте Гоф
заката немецкого
ло, в нем нет сти
ставляют Гофман
нию сверх меры
постановки на ви

Своя система
тателей и истолк
знаменитым при
ражением вечной
альностью. Дейс
жизнь неподлинн
линная жизнь, н
действительность
чен жить в мире
мира защитным
лучей броней ир
бы Гофман и в «
Цахесе», и в «В
Мурре».

Есть и другой
ка скрывается тра
веческой души, м
хоровода двойни
и духа. И для эт
человеке», «Майо
азель де Скюдери

Эти два образ
авансцене гофман
ячат, то обрисовы
рый сказочник —
ремесел и патри
и «Мастера Ио
«Крейслерианы»,

Гофман в гра
в зависимости от
мейстером, истин
к ней ни относит
тели склонны счи
пронизывает его
ле душа Гофмана
есть, как положе
жанры не разде
с одной, синомину
вас кульбитом, пр
атр, и живет в не

Судя по тому,
ко произведений
вом»; он не Флоб
гих немецких ро
тоже писали мног
валась как Бог на
говорка, а самый
поэта медиумом и
не нуждается. Нес

Муры, вносила иной раз свою лепту и академическая наука, наша германистика. У нее были свои резоны: она свято блюла требовательную строгость, завещанную академизмом германским, нет-нет да и напоминала о месте Гофмана: он всего лишь очень скромный беллетрист эпохи заката немецкого романтизма, он писал много, а со словом работал мало, в нем нет стильности. И при таком положении дел иные еще сопоставляют Гофмана с нашим Гоголем — как можно? Подобному увлечению сверх меры нет оправданий. (Впрочем, строгость этой последней постановки на вид шла уже не от германского академизма.)

Своя система клише складывалась, однако, и у благожелательных читателей и истолкователей. Имя Гофмана связывалось прежде всего со знаменитым принципом «двоемирия» — заостренно-романтическим выражением вечной проблемы искусства, конфликта между идеалом и реальностью. Действительность прозаична, то есть мелка и убога, это жизнь неподлинная, недолжная; идеал прекрасен и поэтичен, он — подлинная жизнь, но он живет лишь в груди художника, «энтузиаста», действительностью же он гоним и в ней недостижим. Художник обречен жить в мире собственных фантазий, отгородившись от внешнего мира защитным валом презрения либо ощетинившись против него колючей бронёй иронии, издевки, сатиры. И в самом деле, таков как будто бы Гофман и в «Кавалере Глюке», и в «Золотом горшке», и в «Крошке Цахесе», и в «Выборе невесты», и в «Повелителе блох», и в «Коте Мурре».

Есть и другой образ Гофмана: под маской чудачествующего потешника скрывается трагический певец раздвоенности и отчужденности человеческой души, мрачный капельмейстер ночных фантазий, устроитель хоровода двойников, оборотней, автоматов, маньяков, насильников тела и духа. И для этого образа тоже легко найти основания: в «Песочном человеке», «Майорате», «Эликсирах сатаны», «Магнетизере», «Мадемуазель де Скюдери», «Счастье игрока»

Эти два образа, переливаясь, мерцая, являются нам, так сказать, на авансцене гофмановского мирового театра. А ведь ближе к кулисам маячат, то обрисовываясь, то размываясь, и другие образы: веселый и добрый сказочник — автор прославленного «Щелкунчика», певец старинных ремесел и патриархальных устоев — автор «Мастера Мартина-бочара» и «Мастера Иоганнеса Вахта», беззаветный жрец Музыки — автор «Крейслерианы», тайный поклонник Жизни — автор «Углового окна».

Гофман в гражданском своем существовании был попеременно, в зависимости от поворотов судьбы, судейским чиновником и капельмейстером, истинное свое призвание видел в музыке, славу — как бы к ней ни относиться — приобрел себе писательством. Многие истолкователи склонны считать, что его исконная стихия все-таки музыка, ибо она пронизывает его прозу не только как тема, но и как стиль. На самом деле душа Гофмана, душа его искусства шире: она — театр. В театре этом есть, как положено, и музыка, и драма, и комедия, и трагедия. Только жанры не разделены: свяжите образ Гофмана-актера (и режиссера) с одной, сиюминутной ипостасью — он в следующую секунду, ошеломив вас кульбитом, предстанет совсем иным. Гофман и устраивает этот театр, и живет в нем; он сам оборотень, сам лицедей.

Судя по тому, как быстро и много писал Гофман (зачастую несколько произведений одновременно), он и в самом деле «не работал над словом»; он не Флобер. Впрочем, выделять его на этом основании из других немецких романтических прозаиков — значит кривить душой. Те тоже писали много и скоро, и их проза отнюдь не шлифовалась, а изливалась как Бог на душу положит; причем в их случае это не простая поговорка, а самый принцип их творчества и их стиля. Они ведь считали поэта медиумом и рупором духа, чье слово — откровение и в шлифовке не нуждается. Неспроста они возводили в закон «чарующий хаос проти-

ворений» (Фридрих Шлегель), фрагментарность, поэтический произвол. Хотите — восхищайтесь, хотите — усмехайтесь: «он писал темно и вяло». Кстати, гофмановскую прозу как раз ни в темноте, ни в вялости не упрекнешь. Она много живей и «беллетристичней», она читается легче, чем у его романтических собратьев; если же это полагать недостатком стиля, то что ж, ради Бога, это дело вкуса, и вкуса, так сказать, критического; читатель же, во всяком случае, свое удовольствие получит. Но по крайней мере в одной специфической ипостаси стиля Гофман несомненный виртуоз — в стиле ироническом, и тут ему в предшествующей немецкой традиции равных поискать.

К тому же Гофман ведь не просто прозаик, но еще и артист, гистрион до кончиков ногтей. Например, *описать* своего героя, дать его «портрет» — это ему скучно, он это если и сделает, то мимоходом, не смущаясь шаблонами; как в театре: ремарки — балласт. Но зато он охотно *покажет* его, покажет в действии, мимике, жесте — и чем гротескней, тем охотней. Герой сказки «Золотой горшок», студент Ансельм, вылетает на ее страницы, сразу угодивши в корзину с яблоками и пирожками; яблоки катятся во все стороны, торговки бранятся, мальчишки радуются поживе,— срежиссирована сцена, но и создан образ!

Гофман спешит не изваять и отчеканить фразу, не выстроить ажурное или монументальное здание философской системы, а выпустить на сцену живую, бурлящую, напирающую жизнь. Конечно, на фоне отрешенно философствующих романтиков, сновидчески уверенно и бесстрашно шествующих по эмпиреям духа над его безднами, спотыкающийся, балансирующий Гофман выглядит дилетантом, потешником — дитя площади и балагана. Но, между прочим, и у площади с балаганом, если на то пошло, есть своя философия: только она не выстроена, а *явлена*. Они тоже проявление жизни, одна из ее сторон. И именно та сторона, от которой Гофман, при всей своей несомненной тяге к эмпиреям духа, не в силах оторваться.

Казалось бы, да какая такая жизнь? Жизнь ли этот хоровод фантазий и фантомов? Полуреальная, полупризрачная оперная донна Анна в «Дон Жуане», зеленые змейки с их папашей, князем духов Саламандром в «Золотом горшке», механическая кукла Олимпия и получеловек-полуоборотень Коппола в «Песочном человеке», фантастический уродец Цахес с его магическими благодетелями и супротивниками, призраки и маньяки давно минувших времен в «Майорате», «Выборе невесты», «Мадемуазель де Скюдери»... Какое это имеет отношение к жизни?

Не прямое, нет. Но немалое.

Каждый истинный художник — и как личность, и как творец — воплощает свое время и ситуацию человека в своем времени. Но то, что он нам о них сообщает, высказано на особом языке. Это не просто язык искусства, «образный» язык; в его слагаемые входят еще и художественный язык времени, и индивидуальный художественный язык данного творца.

Художественный язык гофмановского времени — романтизм. В богатейшей его грамматике главное правило и исходный закон — несклоняемость духа, независимость его от хода вещей. Из этого закона выводится и требование абсолютной свободы земного носителя этого духа, человека творческого, вдохновенного, для обозначения которого в романтическом языке охотно используется латинское заимствование — «гений», а в гофмановском языке — еще и греческое «энтузиаст» («боговдохновенный»). Воплощения такой боговдохновенности у Гофмана — прежде всего музыканты: и «кавалер Глюк», и творец «Дон Жуана», и сотворенный самим Гофманом капельмейстер Крейслер — двойник автора и собирательный образ артиста вообще. К этой сфере прикосновенны и многочисленные гофмановские мечтательные юноши — энтузиасты начина-

ющие, дилетантствующие, все эти студенты и подмастерья (Ансельм в «Золотом горшке», Натанаэль в «Песочном человеке», Бальтазар в «Крошке Цахесе»): они не волшебники, они еще только учатся, но волшебники за ними надзирают, осеняют их своим попечением (Линдгорст, он же Саламандр в «Золотом горшке», Проспер Альпанус в «Цахесе»). Правда, у магов случаются промашки (вот фея Розабельверде осчастливила мерзкого карлика Цахеса), а иной раз чародейство поспевает не на подмогу, а на пагубу человеку (история Натанаэля), но об этом позже.

Почему именно у романтиков вопрос о свободе гения встал так остро, как никогда прежде? Это тоже продиктовано временем. Французская буржуазная революция конца XVIII века — купель всего европейского романтизма. Ген свободы в романтическую натуру заложила она. Но уже своей реальной практикой насаждения свободы, особенно на последнем этапе — ожесточенным взаимоистреблением партий и фракций в борьбе за власть, апелляцией к инстинктам толпы, разгулом массового доносительства и массовых ритуальных расправ,— революция изрядно поколебала романтические души. А послереволюционное развитие Европы давало романтикам наглядный урок того, что расширение диапазона личной свободы, принесенное буржуазным переворотом,— благо не абсолютное, а весьма относительное. На их глазах обретенная в революции свобода выливалась в эгоистическую борьбу за место под солнцем; на их глазах выходила из берегов раскрепощенная буржуазная, мелкобуржуазная, плебейская стихия, масса, соблазненная призраком власти, а на самом деле манипулируемая сверху и демонстрировавшая эту власть там, где она [illegible] в завистливо-злобной нетерпимости ко всему неординарному, к инакомыслию, к независимости мнения и духа.

Тут важно еще учесть, что именно [illegible] пришлось и резкое расширение возможностей массового [illegible] художественной продукции, рост ее общедоступности, [illegible] и общей осведомленности и начитанности. Современные [illegible] сказывают, что к 1800 году уже четверть населения Германии [illegible] грамотной,— каждый четвертый немец стал потенциальным [illegible]. Соответственно этому, если в 1750 году в Германии было издано [illegible] новых романов, то за десятилетие, с 1790 по 1800 год, их появилось 2500. Эти плоды эпохи Просвещения романтикам тоже представлялись не однозначно благими, для них все яснее становились необратимые утраты, входящие в цену «широкого успеха»: подчинение искусства рыночной конъюнктуре, открытость его всякому, в том числе и заносчиво-невежественному суждению, усиление зависимости от требований публики.

Служители и носители духовности все более ощущали себя в безнадежном и угрожаемом меньшинстве, в постоянной опасности и осаде. Так возник романтический культ гения и поэтической вольности; в нем слились изначальный революционный соблазн свободы и почти рефлекторная реакция самозащиты против устанавливающегося торжества массовости, против угрозы угнетения уже не сословного, не социального, а *духовного*.

Этот культ гениальности романтики противопоставили просветительскому культу разумности. Просветители были их предшественниками и во многом учителями, но ученики теперь разочаровались в своих наставниках; ведь просветители как раз и подготавливали буржуазную революцию, мечтая об устранении сословного неравенства и установлении третьесословной демократии, основанной на господстве разума. Вместо этого романтики увидели демократию для буржуа, господство интересов кошелька и инстинктов желудка, торжество толпы, посредственности, «филистерства».

Одиночество и беззащитность человека духа в прозаическом мире расчета и пользы — исходная ситуация романтизма. Как бы в компенсацию этого ощущения социального — и в конечном счете бытийного — неуюта ранние романтики стремились стимулировать свое ощущение сопричастности таинствам духа, природы и искусства. Но показательно, как представляют они процесс познания мира человеком: отправляясь в странствие по миру с целью его познания, романтический герой в какой-то момент обнаруживает, что все тайны мироздания присутствуют уже разрешенными в его собственной душе. Познание очерчивает круг, возвращаясь в исходную точку и там всецело исполняясь. «Меня все приводит к себе самому» — формула Новалиса. Романтическое мироощущение, можно сказать, геноцентрично. Без внешнего мира можно, по сути, и обойтись; он весь уже есть в твоем «я» — как «в единой горсти бесконечность», как «небо в чашечке цветка» (уже по формуле другого раннего романтика, англичанина Блейка).

Но обойтись без мира можно, конечно, только в теории. Миг такой свободы неуловимо краток, он лишь возвышенное философское построение, умозрительная мечта. Очнись от нее — и кругом все та же жизнь и те же проклятые вопросы. Один из первых: кто виноват?

Добрый сновидец Новалис избегал этого вопроса, не спускался на землю и, по сути, не винил никого — разве что философов-просветителей с их рационализмом и утилитаризмом. Другие романтики — Тик, Фридрих Шлегель, Брентано — ополчались прежде всего на современное филистерство. Были и такие, что хотели смотреть глубже и шире. Клейст подозревал изначальные трагические разрывы в самом устройстве и мира, и человека. Возникали и все усиливались сомнения в самом экстерриториальном статусе романтического гения: не таится ли за его возвышенным отрешением от мира высокомерный — и тогда греховный! — индивидуализм и эгоизм; одним из первых это почувствовал Гёльдерлин, в сокрушении воскликнувший однажды: «Да не оправдывает себя никто тем, что его погубил мир! Человек сам губит себя! В любом случае!» Нарастая, такие настроения очень скоро оформились у романтиков в специфический комплекс патриархального народничества и религиозного отречения. Это — другой полюс раннего романтизма: только что индивид был вознесен до небес, поставлен над всем миром — теперь он низвергнут во прах, растворен в безымянном народном потоке.

Романтические воздушные замки возводились и рушились, одна утопия сменялась другой, подчас противоположной, мысль лихорадочно металась от крайности к крайности, рецепты омоложения человечества перечеркивали друг друга.

Вот в эту атмосферу брожения и разброда и пришел Гофман. Он, как уже говорилось, не притязал на построение универсальной философии, способной раз и навсегда объяснить тайну бытия. Он стремился изобразить саму эту тайну; как и Клейст, он ставил вопросы, не давая готовых ответов. Превыше всего ценя в музыке гармонию, он в литературе воплотил диссонанс.

То и дело взрываются фейерверки фантазии на страницах сказок Гофмана, но блеск потешных огней нет-нет да и озарит то глухой городской переулок, где вызревает злодейство, то темный закоулок души, где клокочет разрушительная страсть. «Крейслериана» — и рядом «Эликсиры сатаны»: на возвышенную любовь Крейслера вдруг падает тень преступной страсти Медарда. «Кавалер Глюк» — и «Мадемуазель де Скюдери»: вдохновенный энтузиазм кавалера Глюка вдруг омрачается маниакальным фанатизмом ювелира Кардильяка. Добрые чародеи одаряют героев свершением мечтаний — но рядом демонические магнетизеры берут их души в полон. Перед нами то веселые лицедеи комедии масок, то жутковатые оборотни — вихрь карнавала кружится над бездной. Все

эти модели художественной структуры собраны, как в фокусе, в итоговом произведении Гофмана — романе «Житейские воззрения кота Мурра». Он неспроста открывается обширной картиной фейерверка, закончившегося пожаром и разбродом; и неспроста в нем страдания гениального капельмейстера перебиваются и заглушаются откровениями ученого кота (да еще и используются им «частью для прокладки, частью для просушки»).

Зыбкость, тревожность, неоднозначность эпохи никто до Гофмана не воплотил в столь впечатляющем образном, символическом выражении. Опять-таки: философы от романтизма, предшественники и современники Гофмана, много и охотно рассуждали о символе, о мифе; для них это даже самая суть подлинного — и прежде всего романтического — искусства. Но когда они ваяли художественные образы в подтверждение своих теорий, они настолько перекладывали в них символики, что сплошь и рядом создавали бесплотные фантомы, рупоры идей, причем идей весьма общих и туманных.

Гофман — не философ, а всего лишь беллетрист — берется за дело с другого конца; его исходный материал — современный человек во плоти, не «всеобщее», а «единичное»; и в этом единичном он вдруг цепким своим взором выхватывает нечто, взрывающее рамки единичности, расширяющее образ до объемности символа. Кровное для романтической эпохи, отнюдь не чуждый ее фантастико-мистическим веяниям, он тем не менее твердо держится принципа, сформулированного им в одной из театральных рецензий: «Не пренебрегать свидетельствами чувств при символическом изображении сверхчувственного».

Именно это позволило Гофману — при всей его склонности к символике, фантастике, гротескным преувеличениям — впечатляюще воссоздать не только общую обычную ситуацию современного человека, но и его психическую конституцию. Последующие поколения снова и снова обнаруживали [illegible] созвучного своим заботам: роль наследственности [illegible] в судьбе человека, трагическое раздвоение [illegible] и автоматизация, манипулирование сознанием [illegible] проблематика дается у Гофмана не только в психологическом, но и в социальном аспекте. Причудливый фантаст много чего увидел в жизни и много чего о ней порассказал!

Конечно, все это чувствовали и другие романтики, все это они так или иначе стремились выразить. Романтизм полон пророческих предвосхищений, для нашего времени подчас ошеломительных,— неспроста мы вглядываемся в эпоху романтизма с таким вниманием. Но Гофман вышел за рамки этой эпохи именно потому, что в своих фантазиях «не пренебрегал свидетельствами чувств», сиречь опытом реальной жизни. Большинство других романтиков пыталось «снять» открывшиеся им противоречия бытия чисто философски, преодолеть их в сферах духа, с помощью идеальных умозрительных конструкций. Гофман отринул все теоретические обольщения — либо отвел им тот статус, который им единственно и пристал: статус сказки, иллюзии, утешительной мечты. Опьяненный фантазиями Гофман на поверку почти обескураживающе трезв.

Гофмановские «энтузиасты», как и положено романтическим героям, тяготятся цепями прозаического земного мира, но сбросить их им не дано — разве что с помощью чистого волшебства. Должны вмешаться добрые чародеи — как в «Золотом горшке» или в «Кронике Цахесе». Они суть символы этой непреступаемости земного предела. И не случайно, конечно, идеальные блага, даруемые героям под занавес, так подозрительно смахивают на столь презираемый ими филистерский уют. В финале «Кроники Цахеса» счастливые молодожены получают от мага Проспера Альманаха наряду с другими удобствами чудо-кухню, в которой не

подгорают кушанья и не перекипают горшки. Этот «кухонный» аспект осуществленной идеальной мечты лукавая воля Гофмана наметила еще и раньше — когда на место прославленного новалисовского «голубого цветка» как символа романтического томления подставила «золотой горшок».

Но самая сокрушительная диверсия Гофмана в стане романтических воинов духа касается сердцевины, ядра их системы — их веры во всемогущество гения.

Новалис истово и неустанно доказывал, что частица гения заключена в каждом из нас, она как бы дремлет до поры до времени в нашей душе, лишь погребенная под наслоениями эпох «цивилизации». Гофман истово и неустанно зондировал эту душу, пристально всматривался в нее — и обнаружил там вместо изначальной гармонии роковую раздвоенность, вместо прочного стержня зыбкий, переменчивый контур. Если в этих глубинах и сокрыты тайны универсума, то не только благие — там перемешаны зоны света и тьмы, добра и зла. И это касается не только душ «простых смертных» — владельца майората, Кардильяка или игрока,— это касается, увы, и гениев тоже! Вместе с другими романтиками отвергая просветительский образ человека рационального, расчисленного как уже несостоятельный, себя не оправдавший, Гофман в то же время сильно сомневается и в романтической стать на чувство, на раскованную поэтическую фантазию; по вердикту Гофмана, прочной опоры они тоже не дают.

Если, как уже говорилось, другие романтики это тоже ощущали и нередко выражали, то Гофман положил это ощущение в *основу* своего художественного мира. Это для него и исходная точка, и точка, в которую он снова и снова бьет.

Гофману ли приписывать сомнения в художниках, в «энтузиастах»? Ему ли, воспевшему на стольких страницах музыку, искусство, саму эту «душу художника»?

И все же отношение Гофмана к художникам — не только безоговорочное приятие и прославление. Казалось бы, все просто: двоемирие Гофмана — это возвышенный мир поэзии и пошлый мир житейской прозы, и если гении страдают, то во всем виноваты филистеры. На самом деле у Гофмана все не так просто. Это типичная исходная логика романтического сознания, и уж Гофману-то она знакома досконально, она им испытана на себе. Но величие Гофмана в том, что он, все это перестрадав, сумел возвыситься над соблазнительной простотой такого объяснения, сумел понять, что трагедия художника, не понятого толпой, может оказаться и красивым самообманом, и даже красивой банальностью — если дать этому представлению застыть, окостенеть, превратиться в непререкаемую догму. И вот с этой догматикой романтического самолюбования Гофман тоже воюет — во всяком случае, истово, бесстрашно ее анализирует, даже если бывает вынужден, что называется, «резать по живому».

В повести «Песочный человек» ее герой Натанаэль — несомненно, один из клана «энтузиастов» — одержим паническим страхом перед внешним миром, и эта миробоязнь постепенно приобретает болезненный, по сути, клинический характер. Невеста Натанаэля Клара пытается образумить его: «...мне думается, что все то страшное и ужасное, о чем ты говоришь, произошло только в твоей душе, а действительный внешний мир весьма мало к тому причастен... Ежели существует темная сила, которая враждебно и предательски забрасывает в нашу душу петлю... то она должна принять наш собственный образ, стать нашим «я», ибо только в этом случае уверуем мы в нее и дадим ей место в нашей душе, необходимое ей для ее таинственной работы».

Не дать темным силам места в своей душе — вот проблема, которая волнует Гофмана, и он сильно подозревает, что именно романтиче-

ски-экзальтированное сознание особенно подвержено этой слабости. Клара, простая и разумная девушка, пытается излечить Натанаэля по-своему: стоит ему начать читать ей свои стихи с их «сумрачным, скучным мистицизмом», как она сбивает его экзальтированность лукавым напоминанием, что у нее может убежать кофе. Но именно потому она ему и не указ: она, выходит, убогая мещанка! А вот заводная кукла Олимпия, умеющая томно вздыхать, оказывается Натанаэлю предпочтительней, и он влюбляется в нее, не видя, не понимая, что это всего лишь хитроумный механизм, автомат.

В этой повести есть блистательные страницы, повествующие о том, как «благомыслящие» жители провинциального городка не только принимают куклу в свое общество, но и сами готовы превратиться в автоматы. Но первым-то начал романтический герой! И не случайно эта гротескная история кончается подлинным безумием Натанаэля. Это история сознания, неспособного к верному, тождественному восприятию мира,— ибо оно, выражаясь по-современному, романтически закомплексовано. В свое время гофмановский мир верно описал наш Белинский, высоко ценивший немецкого писателя: «У Гофмана человек бывает часто жертвою [illegible] собственных призраков, мучеником [illegible] темперамента, несчастного устройства мозга».

Для ортодоксальных романтиков [illegible], не требующее обоснований [illegible] поставляет жизнь творческую [illegible] ет их, анализирует художественное [illegible] ности с жизнью. В этом, кстати, [illegible] сии, которая образует пространный [illegible] кле новелл «Серапионовы братья».

Один из самых страстных [illegible] мя не удовлетворяется романтическим [illegible] от всех бед. Его художники [illegible] ский мир их не понимает и не принимает, [illegible] могут найти «адекватного сознанию [illegible] с реальным миром. Сконструированный [illegible] ход для души, уязвленной неустроенностью человеческого бытия.

Но Гофману ли приписывать оправдание земного бытия? Ему ли, создавшему на стольких страницах убийственный паноптикум филистерского ничтожества?

Однако и здесь все не так просто. Было бы величайшей несправедливостью по отношению к Гофману приписать ему элитарное высокомерие. Художниками рождаются, а филистерами становятся. И он, изощреннейший насмешник, карает пороки не врожденные, а благоприобретенные. Человек может или не может посвятить себя служению искусству,— но посвящать себя служению кошельку и желудку он не должен, ибо именно тогда происходят в нем необратимые извращения человечности.

Гофмановский паноптикум при ближайшем рассмотрении — больной *социальный* организм; увеличительное стекло сатиры и гротеска безжалостно выхватывает в нем пораженные места, и то, что в первый момент кажется ошеломительным уродством, в следующий момент осознается как неумолимое действие закона. Так в знаменитой сказке о «крошке Цахесе» нам демонстрируется социальная механика закона отчуждения — присваивания реальных заслуг теми, кому они не принадлежат; так в «Песочном человеке» демонстрируется автоматизация общественного сознания; так в «Повелителе блох» вскрывается механизм правопорядка, извращаемого в угоду власть имущим. И тогда обнаруживается, что в писательском отношении к внешнему миру не только убийственная издевка, не только презрение «истинного музыканта».

В нем вообще *нет злорадства* — зато постоянно слышима и ощутима та же боль, которая прозвучала позже в знаменитом гоголевском восклицании: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться!»

Тут мы подходим к самой сокровенной и самой немудреной тайне Гофмана. Его неспроста преследовал образ двойника. Он до самозабвения, до безумия любил свою музыку, любил искусство, любил фантазию — и он то и дело изменял им с жизнью, с ее многоликостью, с ее горькой и радостной прозой. Еще в 1807 году он написал своему другу Хиппелю — как бы оправдываясь перед самим собой за то, что выбрал себе в качестве основного не поэтическое, а юридическое поприще: «А главное, я полагаю, что благодаря необходимости отправлять, помимо служения искусству, еще и гражданскую службу я приобрел более широкий взгляд на вещи и во многом избежал эгоизма, в силу коего профессиональные художники, с позволения сказать, столь несъедобны».

Вот этот-то «более широкий взгляд на вещи» оказывается и предельно прост. Друзья-рассказчики в «Серапионовых братьях», поупражнявшись в самых разных манерах повествования, в конце концов выражают недоверие всякой чрезмерности, необузданности, «возбужденности» воображения. И вот почему: «Основание небесной лестницы, по коей хотим мы войти в горние сферы, должно быть укреплено в жизни, дабы вслед за нами мог взойти каждый. Взбираясь все выше и выше и очутившись наконец в фантастическом волшебном царстве, мы сможем тогда верить, что царство это есть тоже принадлежность нашей жизни — есть, в сущности, не что иное, как ее неотъемлемая, дивно прекрасная часть».

Здесь описана режиссерская концепция гофмановского мирового театра. А вот и ее «сверхзадача» — в последних строках «Серапионовых братьев»: «Наипервейшее условие всякого творчества и мастерства есть та добрая непритязательность, которая единственно и способна согреть сердце и дать благотворное побуждение духу».

«Согреть сердце»... Наверное, об этих строках подумал позже немецкий писатель Виллибальд Алексис, когда писал о Гофмане: «Проживи он подольше — и его субъективный пламень превратился бы в тепло объективности».

Гофман не успел прожить подольше — но успел высказать все, что хотел. В уже упоминавшейся новелле «Угловое окно» ее умирающий герой — «сочинитель... отличавшийся особой живостью фантазии» — говорит своему кузену, понадеявшемуся было, что больной все-таки выздоровеет: «Ты, чего доброго, думаешь, что я уже поправляюсь или даже совсем поправился от моих недугов? Отнюдь нет... Но вот это окно — утешение для меня: здесь мне снова явилась жизнь во всей своей пестроте, и я чувствую, как мне близка ее никогда не прекращающаяся суетня. Подойди, брат, выгляни в окно!»

Откройте, читатель, эту книгу и не смущайтесь ее подчас причудливым языком; если вы дадите себе труд вникнуть в него, не спеша и непредубежденно в нем разобраться, вы поймете, что перед вами — окно в пеструю, разнообразную, непрекращающуюся жизнь.

А. Карельский

И.А.НОВИКОВ

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ – ЗЕМЛЯ

ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1989

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ И. А. НОВИКОВА

12 июля 1909 года Лев Николаевич Толстой записал в дневнике: «Было семь посетителей: юноша с сочинениями, потом совсем сочинитель, умный Новиков»[1].

Многого стоит этот краткий отзыв великого художника и мыслителя о начинающем в ту пору писателе Иване Алексеевиче Новикове. Толстой со свойственной ему проницательностью отметил в Новикове талант и ум — качества, без которых писатель немыслим. Привлекательной показалась Льву Николаевичу и способность автора чутко откликаться на острые вопросы современности.

«Зашел у нас разговор о моих двух романах «Золотые кресты» и «Между двух зорь»,— вспоминал впоследствии И. А. Новиков о той своей продолжавшейся почти целый день встрече с Л. Н. Толстым в Ясной Поляне. — В первом романе в центре было так называвшееся тогда «новое христианство», в противоположность которому художественно-полемической остроте [illegible] молодежь эпохи обществ[illegible] тогда со всеми ее крупными недо[illegible] тически, это слабо его [illegible] заинтересовала, и он посоветовал [illegible] как я ее понимаю и развиваю. Он придавал большое значение правдивому изображению молодого поколения, он понимал все трудности его бытия; большой, живой человек с высоты своих восьмидесяти лет по-юношески горячо волновался за судьбу молодежи, детей, как если бы это были его товарищи, сверстники: это было о жизни, о живом, становящемся человеке. «Это важная тема,— повторял он мне несколько раз,— об этом надо писать»[2].

Мудрый совет своего гениального наставника И. А. Новиков помнил всегда. Собственно, все его творчество, длившееся почти шесть десятилетий, было посвящено жизни, ее вечной молодости, становлению человека. Живительным родником долгой и плодотворной художнической деятельности И. А. Новикова и была сама окружавшая писателя жизнь, многие годы которой по своей событийности, катаклизмам и свершениям равнозначны целым эпохам.

И. А. Новиков родился 1 (14) января 1877 года в деревне Ильково, что неподалеку от старинного города Мценска, в «Орловии», как он любовно называл свою малую родину, в плодородном орловско-тульском Подстепье, о котором выходец из этих же мест И. А. Бунин писал, что это край, «где древние московские цари, в целях защиты государства от набегов южных татар, создавали за-

---

[1] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 57. М., 1952. С. 94.
[2] *Новиков И. А.* Повести и рассказы. М., 1958. С. 589.

стоны из поселенцев различных русских областей, где благодаря этому образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть ли не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым и Толстым».

В литературных музеях Орла и Тулы наряду с величайшими благодарной памятью потомков увековечены и другие талантливые писатели, яркие личности, обогатившие своим творчеством русскую дореволюционную литературу; многие из них, вдохновленные Великим Октябрем, внесли свой вклад и в советскую литературу. В их числе Иван Алексеевич Новиков.

Удивительной была семья, в которой рос и воспитывался будущий писатель. Отец его, вольноотпущенный крепостной, приобретший в рассрочку клочок земли да так и не успевший расплатиться с земельным банком, был единственным в своей деревне грамотеем и книгочеем. Приучая своих пятерых детей сызмальства к крестьянскому труду, он в то же время стремился увлечь их естественнонаучными знаниями. А мать, вышедшая из разорившейся, не чуждой культуре семьи однодворцев, хорошо знала и любила русскую литературу. На книжной полке в этом доме рядом с произведениями Дарвина и Тимирязева стояли сочинения Пушкина, Некрасова, Чернышевского, Глеба Успенского, Гарвина, Короленко. Тургенев же и Толстой были здесь как родные: жили вроде почти соседи — от Илькова до Спасского-Луговинова и Ясной Поляны рукой подать; их книги Новиковы читали с особенным интересом.

Очарование поэзии народного творчества передала детям жившая у Новиковых няня Екатерина Ефимовна. «Нянины песни и сказки,— напишет в автобиографии Иван Алексеевич,— живой народный говор ее,— я ими дышал, как дышал простором и воздухом родной орловской природы»[1].

Неустанный сельский труд («мы его любили с детства»,— вспоминал писатель), любовь к русской классической литературе, народной поэзии, домашние чтения вслух (как этого нам не хватает сегодня!) — такой была атмосфера этой дружной, работящей, ценившей научную мысль и красоту художественного слова семьи, которую по праву можно назвать семьей крестьян-интеллигентов. Подобные семьи весьма нечасто встречались в те времена на Руси.

С домом связаны и первые, по-детски наивные, но тем не менее со «взрослым» замахом литературные опыты Новикова: совсем еще мальчиком он «издавал» рукописный журнал «Семечко» (лист писчей бумаги, свернутый так, что образовывалось шестнадцать маленьких страничек, которые заполнялись стихами, рассказами, пьесками собственного сочинения. Можно было встретить на страницах этого журнала фантастический роман с продолжением из номера в номер).

Но это так, для «души», а для дела было предначертанное отцом агрономическое образование.

---

[1] *Новиков И. А.* Избр. соч. Т. 1. М., 1955. С. 6.

После окончания Мценского городского училища Иван Новиков поступает в Московскую земледельческую школу; завершив учебу в ней, проходит самостоятельную годичную практику в Вятской губернии, а затем, успешно выдержав конкурсный экзамен, поступает в Московский сельскохозяйственный институт (бывшая Петровская, ныне Тимирязевская академия).

Тут надо сказать о достойном внимания своеобразии упомянутых учебных заведений. Естественнонаучные по профилю своему, они давали учащимся и разносторонние гуманитарные знания. В земледельческой школе, например, наряду со специальными предметами в качестве обязательных были история и русская литература. Здесь, как и в сельскохозяйственном институте, выпускался рукописный литературный журнал, ставились любительские спектакли. Следует напомнить и о том, что в Петровской академии на протяжении всей ее истории царил «крамольный» дух революционно-демократических идей; она всегда была «бельмом в глазу» власть предержащих.

Все это не могло не отразиться на формировании нравственных и эстетических идеалов юноши Новикова, его философского мировоззрения.

Жестокую несправедливость [illegible] устройства России ощутил он еще мальчиком в [illegible] глазах нищали и разорялись крестьянские [illegible] обернулась перед ним жизнь [illegible] помощником агронома в Тульской [illegible] летом репетиторствовать в [illegible] там же он ближе познакомился с жизнью различных слоев русского общества.

Однако первой настоящей жизненной школой стали для Новикова его поездки в Татарию и Бессарабию, в села, погубленные голодом и болезнями.

В 1898 году в России разразились страшный голод и связанные с ним эпидемии тифа и цинги. На помощь голодающим отправилось множество отзывчивых сердцем людей. Среди них был и студент Иван Новиков. В татарском селе Каменка Чистопольского уезда Казанской губернии он участвовал в создании столовых и лазаретов, лечил больных. Здесь он и сам заболел цингой, последствия которой тяжело отразились на его здоровье. Но год спустя мужественный юноша снова едет помогать голодным и больным, на этот раз — в охваченную бескормицей Бессарабию. По дороге он заезжает в Ялту, к Чехову, ставшему в те годы, вслед за Толстым, властителем дум прогрессивной русской интеллигенции, особенно молодежи.

Ужасы Каменки и бессарабских сел потрясли Новикова. О них должна знать Россия. Надо искать пути преображения несправедливого общества, которое обрекает производителя хлеба на голодную смерть. И студент Новиков берется за перо. Но рукописи его статей и очерков обреченно возвращаются адресату: честная публицистика была не в чести у правительственной печати. Тогда Нови-

кое решает рассказать о пережитом средствами художественной литературы.

Первый его рассказ «Сон Сергея Ивановича», напечатанный в 1899 году в журнале «Народное благо», и был о голоде. В нем молодой писатель поднимает волновавший тогда многих передовых людей вопрос о месте интеллигенции в борьбе за лучшую долю для людей труда, о долге интеллигенции перед народом. Эта проблема становится одной из главных в творчестве Новикова.

Вслед за первым печатным выступлением появляются новые произведения автора на ту же тему: рассказ «К возрождению», повесть «Искания», пьеса «В пути», другие рассказы. В них Новиков поднимает свой голос в защиту задавленного эксплуататорским строем человека. И это сближало Ивана Алексеевича Новикова с его современниками — демократическими писателями Куприным, Вересаевым, Телешовым и другими.

Героями ранних произведений Новикова, по признанию самого автора, являются «ищущие здорового жизненного пути молодые люди», что станет вообще характерным для дальнейшего творчества писателя: им, молодым, и преобразовывать жизнь на новых, справедливых началах. В этом смысле все его молодые герои автобиографичны – ведь и сам Новиков с юных своих лет ищет именно такой, здоровый жизненный путь.

Будучи верным своим демократическим идеалам и нравственным принципам, он, не задумываясь, «прочел» [illegible] положение ученого-агронома на революционную деятельность, которая в бытовом плане не сулила ему ничего, кроме невзгод. В 1901 году после успешного окончания института Новиков по распределению едет в Киев, где как талантливого и подающего большие надежды исследователя его избирают секретарем Киевского общества сельского хозяйства и редактором журнала «Земледелие». Этим солидным и безбедным должностям Новиков предпочел чтение «крамольных» лекций в Киевской воскресной школе для рабочих, участие вместе со своими слушателями в демонстрациях под красными флагами, антиправительственные выступления в печати. За одну из его статей о почтово-телеграфной забастовке была закрыта газета «Киевские новости», а самого автора судили в Киевской судебной палате при закрытых дверях. Преследованиям подверглись и художественные произведения Новикова, в которых он, следуя гуманистическим традициям русских классиков, негодует против поругания человеческого достоинства «моралью» богатых и сытых. Книга рассказов «К возрождению» была уничтожена по постановлению суда как политически вредная. Цензура запретила печатание повести «Искания», уже набранной, которая и была затем выброшена из журнала «Русская мысль».

Новикову пришлось оставить службу и зарабатывать на хлеб чтением публичных лекций о литературе, переезжая из города в город по югу России.

Разгром революции 1905 года и наступившие следом мрачные годы реакции тяжело отразились на мировоззрении и творчестве

многих писателей. Ядовитым пустоцветом расцвела упадочническая литература: болезненная мистика, уход от действительности в абстрактный мир символов, неверие в человека захлестнули поэзию, прозу, драматургию. Не избежал духовного и творческого кризиса, связанного с крушением своих идеалов, и Новиков. Религиозными утопиями, фатальной верой в судьбу повеяло со страниц его романа «Золотые кресты» (1907).

Позже И. А. Новиков напишет в автобиографии:

«Я вступал в литературу в то время, когда очень сильны были течения декадентства и символизма, которые отражались и на моих писаниях. Однако же деревенское детство, полное здоровых впечатлений, близкое и разностороннее знакомство с жизнью различных классов и, наконец, собственная трудовая жизнь — все это дало мне возможность в конце концов сравнительно скоро найти в своих работах реалистический тон и язык». Свидетельством тому был роман И. А. Новикова «Между двух зорь» (1908—1911), замысел которого получил одобрение Л. Н. Толстого.

В этом произведении Новиков [illegible] неизбежность новой классовой схватки [illegible] судьбы русской интеллигенции [illegible] мо-лодой [illegible] трудностями и бедами.

Он верит [illegible] как это грезилось [illegible] проблемы [illegible] лишь с морально-этической точ[illegible]

В романе «Между [illegible] написанных рукой [illegible] традициям русской классики [illegible] здесь и характерная для Новикова особенность его дарования — глубокий психологизм в передаче сложного душевного состояния героев, тончайших нюансов их переживаний, очень точно названных самим писателем «вторичными обертонами души». События внешней общественной жизни показаны через восприятие их «душой и сердцем» действующих лиц повествования.

Но не только над судьбами интеллигенции размышлял в те годы писатель. Сама жизнь в преддверии великих октябрьских событий указала ему, где таится настоящая сила, ждущая своего часа. Эта сила — в народе, в простых людях. В повестях и рассказах предоктябрьских лет Новиков воссоздает самобытные народные характеры, людей высокой нравственности, которым в высшей степени свойственны чувства долга, совести, чести, любви. Среди них — отважная Васюта, ценой своей жизни спасшая чужого ребенка (рассказ «Жанна д'Арк», 1911), самоотверженная Настенька, поступившаяся своим счастьем ради счастья любимого человека (повесть «Калина в палисаднике», 1913), молодая крестьянка Авдотья-Душка, отчаянным поступком — убийством деспота и развратни-

[1] *Новиков И. А.* Избр. соч. Т. I. М., 1955. С. 10.

ка свекра — отстаивающая свою честь и протестующая против морального уродства бесчеловечного мира, в котором она жила (повесть «Душка», 1913—1916).

В «Душке» Новиков с любовью и сочувствием рисует образ крестьянской девушки, разглядев в ней огромную нравственную силу. Подвиг ее оказывает огромное влияние на окружающих, зовет их к активным действиям против зла. Своим мужественным поведением, благородством души она возвращает ищущему правду юноше из дворян Васе Лопатину потерянную было веру в жизнь, вызывает в нем стремление бороться за справедливость.

В произведениях «Душка», «Калина в палисаднике», «Жанна д'Арк», так же как и в таких лирических рассказах, как «Варенька из Прилеп» (1911), «Неувядаемая» (1912), нежно и поэтично звучит тема любви — прекраснейшего чувства, возвышающего героинь произведений Новикова над «свиными мерзостями» окружавшей их действительности. Образы Душки, Насти, Васюты, обаятельной Вареньки, трагической Антарам продолжают галерею замечательных женщин, созданных нашей классической литературой.

Известно, что после поражения революции 1905 года многие писатели-декаденты, глумясь над высокими человеческими идеалами, втаптывали женщину в грязь. В противовес им И. А. Новиков вместе с другими передовыми писателями в своем творчестве прославлял вослед Пушкину, Тургеневу, Некрасову, Толстому красоту и благородство женщины России.

Новиков проверял действующих лиц своих произведений их отношением к женщине и детям. Этой высокой нравственной мерой он судил и сам общественный строй. В чудесном рассказе «Двойной орешек» (1911, 1919) автор обнажает духовное ничтожество одного из представителей «сильных мира сего» — статского советника Кравцова, человека грубого и бессердечного в обращении с людьми, в том числе со своей женой и сыном — гимназистом Сережей. Поводом для очередной стычки в этой внешне респектабельной семье послужило желание Сережи встретиться с крестьянским мальчиком Николкой Сорокиным, товарищем его по деревенской усадьбе Кравцовых. Напыщенный статский советник не допускает и мысли о том, чтобы его дворянский отпрыск мог общаться с «будущим каторжником» (только такой мыслится Кравцову судьба крестьянских детей). В «Двойном орешке», как и в других своих произведениях, посвященных детям, Новиков обнаруживает тонкое понимание детской психологии. Художник с глубокой болью говорит о том, как неправое, отравленное классовыми и сословными предрассудками общество ранит хрупкие детские души.

Если в самых ранних произведениях Новикова мы встречались лишь с героями-одиночками, а народ был своего рода безликим фоном для их действий и переживаний, то теперь, в более зрелый период творчества писателя, овеянный приближением новых революционных событий, народный характер приобретает черты яркие, социально заостренные. Знаменательна в этом отношении повесть «Крест на могиле», написанная в 1912 году. В ней Иван Алексеевич

вновь возвращается к временам голода в России, но в отличие от ранних его рассказов, впервые героем повести является народ — крестьяне татарской деревни. Они хорошо различают, кто их друг, а кто враг. Земский начальник, причинивший столько горя людям, чудом спасается от народного гнева. Но умершего от тифа русского студента они оплакивают как родного человека. И в знак преданности ему преступают строгий закон мусульманской веры — ставят христианский крест на могилу своего заступника. У народа и надо учиться интернационализму, напоминает нам этой повестью писатель.

Чуткий ко всему, что происходило в [illegible] жизни России, Новиков отразил в своих произведениях [illegible] рыва наиболее прогрессивно настроенных [illegible] общества со своим классом, ухода их к народу, чтобы вместе с ним приблизить победоносную [illegible] санный в самый канун Октября [illegible]

Великую Октябрь[illegible] встретил вместе [illegible] с первых дней [illegible] лодому рабоче[illegible] шую для народа [illegible] «На месте острога [illegible] благоухающий [illegible]

Со свойственным [illegible] включается в [illegible] ры, которую мысли [illegible] шего, что было [illegible] энергично трудится [illegible] дарственной академии [illegible] евым и В. В. Маяковским [illegible] в Государственном ученом [illegible] избирает его председателем Всероссийского союза писателей.

Творческий подъем переживает он и как художник. Жизнь за революционное десятилетие — также особая тема — писал Новиков в 1928 году — трудно ее уложить в короткие строки. Одно могу сказать, что *для художника эти годы таят истинное сокровище [illegible] о человеке рассказали небывалые вещи*. Из автобиографии.

«Небывалые вещи», рассказанные о человеке небывалыми по накалу годами революции, гражданской войны, восстановления, первыми годами переустройства жизни, легли в основу созданных Новиковым по свежим следам тех лет повестей «Ангел на земле» (1921), «Адам» (1922), «Жертва» (1921), «Возлюбленная Земля» (1922), «Товарищ из Тулы» (1924), «Красная смородина» (1929), ряда других произведений.

В изображении событий, круто повернувших жизнь России, писатель остается верен своей художнической манере — все, что происходит во внешнем мире, он пропускает через внутренний мир человека, подходит к событиям с высокой мерой человеческой души,

взыскующей справедливости и свободы, правды и гармонии, духовности и добра, совести и милосердия.

Характерна в этом смысле повесть «Адам». И сюжет, и стиль, и образный строй ее не случайно ассоциируются с библейской легендой о первом человеке, сотворенном богом. Наступившие в России перемены воспринимаются героем повести, «маленьким» человеком Иваном Савельевичем, как полная ломка старого мира, после расчистки развалин которого как бы с нуля создаются новая жизнь и новый человек — новый Адам. Все будет по иному, не так, как прежде. Это и радует героя повести и тревожит: не исчезнут ли в кровавой схватке противоборствующих классов вместе с социальной несправедливостью вечные нравственные ценности, не пропадут ли свойственные народу доброта, совестливость, душевность. Иван Савельевич на себе ощущает крайности ведущейся ломки — и неизбежные, и те, которых могло бы не быть. Его огорчает, что рядом с настоящими коммунистами, действующими справедливыми методами, есть и «называющиеся коммунистами». Но он же понимает, что все-таки не это главное в революции, а то, что наступившее время — «незаурядное» и что «скрытый смысл», [illegible] нового времени — это «человек», каждый [illegible] забота о нем.

Он не только приветствует [illegible] что и от его участия зависит успех благо[illegible] каждого отдельного человека (в единую [illegible] жизни на новых, справедливых началах.

«Маленький» человек и его [illegible] истории в судьбах России, в ее революционных [illegible], вместе с тем и его озабоченность [illegible] перемен — мысли писателя об этом красной нитью проходят и в других повестях и рассказах Новикова. Их герои принимают революцию как справедливое возмездие голодных и бедных, как очистительную бурю. А буря эта несла с собой разрушение не только того, что отжило свой век, но, случалось, задевала походя то, чему суждена была долгая жизнь, — духовные богатства, культуру России. Над этими проблемами размышляют герои произведений, написанных вслед за Февральской и Великой Октябрьской революциями («Константинополь», «Ангел на земле»), драматическими событиями гражданской войны («Товарищ из Тулы»). Особо волнует писателя судьба детей, что нередко становились жертвами социальных схваток тех лет («Гарахвена, принц индийский», «Жертва»). Боль Достоевского о невинно пролитой слезинке ребенка приходит на память, когда читаешь страстные, исповедальные повести Новикова о детях.

Своеобразным разрешением сомнений и тревог писателя стала повесть «Возлюбленная — Земля» (1922). Все, что вызывало сомнения в те годы, — это лишь пена на гребне чистой волны революции. Главное же — это очищение Родины от скверны. Свершается великий процесс утверждения справедливости в России. И да благосло-

вечна будет обновленная родная земля, потому что она и есть наша возлюбленная, такая же дорогая и бесценная всегда и во всем, как любимая женщина. Таков идейный и нравственный смысл этой замечательной, программной для творчества Новикова повести. «Все говорят: революция. Одни ненавидят, другие покорствуют; третьи, четвертые, пятые...— кто принимает, кто только подлаживается, кто не за страх, а за совесть поработал и сам,— размышляет герой повести — бывший дворянин, волею обстоятельств ставший простым тружеником, духовно обновленный революцией,— я же... я знаю одно: пришла революция вовремя. Иначе и быть не могло. Таковы, вероятно, законы судьбы...

...Хорошие, крепкие годы. Я удаляю политику, я говорю о душе, о себе. Почему хорошо: нищета, недоедание, голод? Да, но они, как коросту на теле, прочь оторвали весь тлен, имя которому многообразно: почет, уважение, отчасти и слава, и уж, конечно, богатство со всеми ему присносущими благами. Имя всем прелестям этим многообразно, но оно же и коротко: ложь; первооснова его — скудный обман и самообман. То, что Толстому так трудно давалось и на что ушла целая жизнь, нам подарила судьба. Как этого не понять? Но и как распорядиться нечаянным даром!

Рассказав о давнем своем приятеле, который считал себя влюбленным в Россию, но покинул ее, не поняв и не приняв наступившие в ней перемены, герой повести [illegible] автор] замечает: «Трудно найти несчастней его. И [illegible] идут теплые, по-новиковски лирические строки сыновнего признания в любви к Родине, строки, на них невозможно не задержаться и вам, читатель, наверное, захочется повторить их не раз и не два. «А эта Россия... старая Русь стоит и цела. Зимою под снегом, в зелени — летом; ветры тут дуют русские, вольные; травы цветут по-монашески, скромно; пчелы и мед, липа, черемуха. Огромна она и неистребима».

И — через несколько страниц — как клятва: «Сердцем, душою, всем существом своим я тебе предан, земля!»[2]

Герои произведений Ивана Алексеевича натуры чистые и цельные, у них слово не расходится с делом, благородные помыслы воплощаются в благородные поступки. Таков и герой повести «Возлюбленная — Земля». Жертвуя собой, он спасает мальчика, укушенного ядовитой змеей.

Многие повести и рассказы Новикова, написанные в 20-е годы, оканчиваются смертью героев. Смертью, но не безысходностью. Уходя из жизни, они оставляют как завещание потомкам свою оптимистическую веру в светлое будущее России, свершающееся уже на их глазах и при их участии. Писатель по-прежнему остается верен свойственной ему беспредельной любви к жизни, природе и человеку, неиссякаемым источником которой всегда была для него беспредельная же любовь к Родине.

Вместе с другими советскими писателями Иван Алексеевич Новиков воодушевленно откликнулся на призыв М. Горького смело вторгаться в жизнь, художественно отображать происходящие из-

мления, становление нового человека. С глубоким вниманием и огромной внутренней заинтересованностью изучал он трудовые будни Страны Советов, ездил по городам и селам. Как агронома и коренного сельского жителя, его особенно интересовали социалистические преобразования в деревне. В цикле очерков «Живое кольцо» (1933) он знакомит читателей с людьми пригородных подсобных хозяйств, создававшихся в тридцатые годы, с их победами и неудачами, радостями и тревогами. Изучив жизнь крупного птицеводческого совхоза одного из южных районов, Новиков пишет роман «Страна Лекхорн» (1933), в котором создает образы людей нового общества, мужающих в схватке со старым и отжившим миром, исследует сложные противоречия того времени.

Этой же теме посвящена и повесть «Красная смородина». В ней писатель показывает глухую, порой переходящую в открытую борьбу врагов Советской власти с новыми людьми, такими, как славная русская девушка Даша — достойная наследница героинь дореволюционных произведений Ивана Алексеевича Новикова — Душки, Настеньки, Васюты. Возврату в страшный мир хищников, куда ее пытаются затащить, Даша предпочитает смерть. В поэтическом образе Даши, в ее поведении Новиков раскрывает истоки морали советского человека. Не случайное барское происхождение, а трудовая, новая жизнь, воспитавшая эту девушку, чувство советской родины, преданность родной земле определяют ее мировоззрение и поступки.

В послеоктябрьском творчестве Новикова более широким становится диапазон видения жизни. Здесь и вопросы взаимоотношения искусства и жизни («Вечер в театре», 1917), и вера в человека, в его лучшие качества («Вор», 1918), и всегда волновавшая автора тема любви, со всей ее сложностью, драматизмом и очищающей красотой («Жаркий день», 1928, «С севера — на север!», 1929, «Рассказ о прохожем», 1940), мысли о неистребимости в человеческой душе милосердия и самоотверженности («Белая зима», 1922). Об этом же и написанный в жанре сказки-были рассказ «Ласточка-парус»(1926), заканчивающийся таким характерным для Новикова нравственным выводом: «А ежели б в мире добро и красота самопогибли ради другого, если бы это осталось на долю одной только сказки и перестало быть реальностью в мире — кончился б мир».

В 20-е годы Иван Алексеевич много и с большой любовью пишет о детях и для детей. Упомянем такие его рассказы, как «Аркадий Петрович и мышь» (1920), «Петькина удача» (1925).

Возвращаясь к событиям дореволюционных лет и осмысливая их с позиций нового времени, писатель работает и над рассказами на историческую тему. Один из них — «Хитрое перо» (1939) — воскрешает давнюю историю из мрачных российских времен, про которые говаривали, что «кривду только и вышибешь кривдой же, а голенькой правде не жить!». «Хитрым пером» удалось обойти нелепые, бесчеловечные законы царской России и помочь невинно пострадавшей от произвола судебных крючкотворов женщине и ее детям

Примечателен для написанных в советские годы произведений Новикова рассказ «Серебряная свадьба» (1926). Писателю в его странствиях по обновленной России встретилась необычная семья интеллигентов, переехавших из города в деревню и заживших там простой, трудовой, а потому и счастливой для них крестьянской жизнью. Счастливой вдвойне оттого, что и окружающим их людям они приносят пользу — просвещают и лечат местных крестьян. «Хождение в народ...,— размышляет автор об этих удивительных людях.— Нет, не хождение в народ... Что-то другое: возвращение к народу».

Тридцатые годы примечны для советской литературы появлением наряду с талантливыми книгами о современности значительных произведений из истории нашей Родины. «Ощущение истории» все возрастало,— вспоминал о тех годах И. А. Новиков,— и все чаще возникали мысли о том, какое значение имеет наше прошлое для настоящего и даже для будущего. Мысли об этом привели меня также и на путь исторического романа». (Из семейного архива Новиковых.)

В 1929—1930 годах Новиков создает трилогию «Город. Море. Деревня» («Повесть о Спиридоновых», «Россия», «Заовражье»). Здесь та же тема, что и в романе «Между [illegible]», первая русская революция и последовавшие [illegible] реакции. Однако заметна и резкая разница в изображении [illegible]. Серьезная эволюция в мировоззрении писателя [illegible] ему по иному осмыслить незабываемый 1905-й год. В трилогии действуют не только ищущие выхода из тупика интеллигенты, но и истинные творцы революции — рабочие, солдаты, матросы, крестьяне, представители социал-демократической партии. Перед читателем проходят широкие, исторически верные картины «кровавого воскресенья», восстания на броненосце «Потемкин», декабрьской вооруженной битвы в Москве.

Выпукло и ярко нарисованы в трилогии профессиональный революционер Алексей Спиридонов, шахтер Кирилл, солдат Иван Спиридонов, матрос Петр Ершов. Новиков создал и здесь запоминающиеся женские образы: работница Наталья Спиридонова, которой события революции открыли глаза на жизнь; гимназистка Татьяна Ганейзер, возвращающаяся после матросского восстания на юге в Москву с аллегорическим «феодосийским загаром», «очень крепким», «на всю жизнь»; пришедшая в революцию из «последних усадеб» и гибнущая на баррикадах Пресни Варвара Алисова. «У меня цела до сих пор карточка Вари Алисовой; я ее знал. На карточке видны веснушки; это как множество пуль, которые не одна она приняла, и это лицо — как расстрелянный девятьсот пятый» — такой великолепно найденной метафорой заканчивает Новиков свою трилогию, ставя как бы точку и над тревожившей его с первых писательских шагов проблемой места интеллигенции в судьбах России: вот оно, это место,— в революции, но не в созерцании ее, а в деятельной борьбе за победу народа.

Интерес Новикова к истории революционного движения в России, чувство «трехмерности времени» вызвали, в свою очередь, как он замечает в автобиографии, его пристальное внимание к эпохе декабристов. Но как представить себе декабристов без Пушкина? Так родились романы Новикова «Пушкин в Михайловском» (1934—1936) и «Пушкин на юге» (1936—1941); объединенные затем в дилогию «Пушкин в изгнании», которая выдвинула Новикова в число крупных мастеров советского исторического романа.

О Пушкине написано немало книг до и после Новикова. Есть среди них и произведения случайные, авторы их пытаются завлечь нетребовательного читателя беллетризацией и занимательными анекдотами из жизни великого поэта, точнее, «вокруг» его жизни. Не о них сейчас речь. Много и талантливых книг создано о Пушкине, но и в них творчество поэта, его духовную жизнь подчас заслоняет быт. Пушкин недостаточно раскрыт как творец, как художник и мыслитель, как яркая, гармоничная личность. В этом смысле романы Новикова выделяются в обширной беллетристической Пушкиниане.

Ивана Алексеевича Новикова прежде всего занимает диалектика души Пушкина. В дилогии «Пушкин в изгнании», впрочем, как и в других произведениях Новикова, не следует искать «захватывающих» ситуаций, «острых» сюжетных ходов. Не ими, а более важным волнует он читателя глубоким и тонким анализом психологии героя, развернутым показом внутреннего мира его души.

В центре романов о Пушкине — история духовной, творческой жизни поэта. Автор увлекает нас не внешним, а внутренним, если так можно выразиться, «душевным» сюжетом. Отсюда и своеобразная форма подачи материала в виде монологов, характерная и для многих повестей и рассказов Новикова.

Живой, а не мумия, без тени «хрестоматийного глянца» — именно такой Пушкин, каким он и дорог народу, воссоздан в романах Новикова, не залеживающихся и поныне на полках библиотек, хотя переиздаются они вновь и вновь массовыми тиражами.

Чтобы так написать Пушкина, нужно было всей душой любить своего героя. Новиков полюбил Пушкина еще в раннем детстве, едва прикоснувшись к грамоте, и сберег это чувство до конца дней своих. Пушкин на всю жизнь стал для писателя высочайшим идеалом гармоничной личности.

Анализируя творчество И. А. Новикова в целом, мы с полным основанием можем сказать, что все его лучшие произведения пронизаны страстным чаянием пушкинской гармонии в каждом человеке.

Романы о Пушкине — только часть огромной художнической и исследовательской и просветительской работы Ивана Алексеевича Новикова, главной целью которой была пропаганда творческого наследия классиков русской литературы для нравственного и эстетического воспитания народа. Эта благородная работа роднит Но-

вникова с его талантливым современником и другом — В. В. Вересаевым.

Среди книг Ивана Алексеевича — одно из интереснейших исследований «Слова о полку Игореве» и один из лучших переводов этой жемчужины русской поэзии. Не только литераторам, но и широкой читательской аудитории адресованы привлекающие обширностью знаний, меткостью и глубиной наблюдений художника-критика научно-художественные эссе Новикова «Пушкин» и «Слово о полку Игореве», «Тургенев — художник слова», «Правда и мастерство» (о Льве Толстом), «Человек и художник» (о Чехове), этюды о встречах с Л. Толстым, Чеховым, Короленко, Брюсовым, Блоком. В них Новиков напрямую обращается к читателям, заставляет размышлять о литературном творчестве и мастерстве, об эстетических и нравственных уроках классиков, об исключительном месте литературы в духовной жизни народа.

К месту упомянуть тут и такой факт из его неутомимой деятельности по пропаганде русских классиков, Пушкина прежде всего. В годы Великой Отечественной войны, уже пожилой и тяжело больной, Иван Алексеевич организовал на Урале, где тогда находился в эвакуации, цикл литературных вечеров, на которых выступал с лекциями о Пушкине и чтением [illegible] нового романа, посвященного великому поэту. На деньги от [illegible] построен самолет-истребитель «Александр Пушкин». Новиков подарил его действующей армии. Самолет с гордым именем Пушкина отличился во многих боях за Отечество

До последних дней своей жизни Новиков возглавлял постоянную комиссию Союза писателей СССР по изучению «Слова о полку Игореве», был председателем Тургеневской и членом Пушкинской комиссий. За литературную и общественную деятельность Новиков награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета».

Умер Иван Алексеевич Новиков 10 января 1959 года, не дожив нескольких дней до 82 лет. Он был полон творческих замыслов, на рабочем столе писателя остались рукописи глав нового романа «Пушкин в Москве», наброски литературных исследований (раздумья о русской литературе и ее роли в воспитании души не оставляли его ни на час)...

Новиков по преимуществу отражал различные этапы жизни *своего* времени.

Однако многое из того, что было написано Новиковым (в том числе повести и рассказы, опубликованные в этой книге), не утратило современного звучания и сегодня. Нам дороги образы по-настоящему хороших людей, преданных народу и своей родной земле, людей совести, долга, чести, человеческого достоинства, людей, умеющих беззаветно любить, у которых есть чему поучиться и нашим, и будущим поколениям. Нам дорога озаренная пушкинским светом неколебимая вера писателя в талант и поэтическую душу народа, в могучую силу литературы и искусства, вос-

питывающих у людей чувство прекрасного, зовущих их к совершенству.

Мысли Ивана Алексеевича Новикова о вечных духовных ценностях, о нравственности, истинном и мнимом патриотизме, добре и зле, об идеалах новой жизни, активное неприятие писателем того, что мешает их осуществлению — «двойной морали», лицемерия, ханжества,— близки нашей борьбе за очищение от всего наносного и чуждого, появившегося в пресловутые времена «культа» и в застойные годы. Будто сегодня написаны вот эти полные грустной иронии, болью душевной продиктованные строки из повести «Возлюбленная — Земля»:

«Разве не знаем, как часто добро развращает и сеет порок, и напротив того, как упорно ко благу ведут на железной цепи и подгоняют ременным кнутом? И самая нравственность? Вспомнишь знакомых людей, самых приличных, и как не сказать: вот человек, который подло возвысился до... даже не нравственности, а только порядочности, и как добродетельно, как самодовольно — ею он сыт! Да, чего только стоит добро, добытое к старости, после постыдного, а часто и прямо разбойного прошлого... Достойной ценой на земле покупается святость... И не есть ли она окаянная святость?»

Самым сокровенным, тем, что «наболело» у него в душе, Новиков делится с читателем доверительно и ненавязчиво, как бы приглашая подумать вместе над поднятыми проблемами. Отсюда и своеобразие художественной манеры писателя — доверительной, душевной, в чем нетрудно убедиться при чтении этой книги. Собранные здесь повести и рассказы — это своего рода духовная исповедь их героев, в которой отражены исторические события сложных и трудных лет. Для Новикова сердце — необъятный, загадочный материк тончайших человеческих переживаний. Художникам еще предстоит открывать его. «И что за страна необычная — сердце!— читаем мы в повести «Возлюбленная — Земля».— Страна эта девственная, и сколько по ней ни броди, всю ее не изведаешь, всю не обойдешь. На тропках заветных какие цветы, какие ручьи и родники — в заповедных местах!»

Тончайший психологизм в изображении «жизни души» героев тесно переплетен у Новикова с глубокими философскими раздумьями о связи времен, о вселенской истории и месте в ней человека. Чувством и мыслью, накрепко спаянными в напряжении, захватывающей читателя духовной атмосфере произведений Новикова, пронизаны и широкие, сочные картины жизни и быта.

Писателем создан свой, особый стиль, который можно было бы охарактеризовать как сплав художественного исследования «вторичных обертонов» души, космической философии мироздания и яркой, реалистической живописи чувственного, предметного мира.

Разнообразна жанровая, стилевая и языковая палитра Новикова. Писатель использует жанры повести-были («Дунька», «Краса

смородина»), повести-исповеди («Возлюбленная — Земля»), повести-притчи («Адам», «Товарищ из Тулы»), рассказа-были («Неувядаемая», «Жанна д'Арк»), сказки-были («Ласточка-парус», «Аркадий Петрович и мышь»), вводит в повествование библейские легенды («Неопалимая купина», «Ангел на земле», «Адам»). Великолепно владел Иван Алексеевич и жанром лирических рассказов, в которых живут со своей трогательной мечтой о чистой и возвышенной любви словно бы внучки и правнучки дорогих нашему сердцу тургеневских девушек.

Новиков был общепризнанным мастером пейзажа. Его лирические картины природы написаны то словно бы воздушной акварелью, то сочно, будто маслом. Они как бы омыты весенним дождем, озарены щедрым сиянием радуги. Новикову, так же как и его героям, свойственно взволнованное, романтически приподнятое восприятие природы, чувство органического единства с ней. В этом секрет обаяния замечательных пейзажей в его книгах, живущих в его произведениях одухотворенной жизнью и качестве неотрывного их компонента. Как тут не вспомнить вошедшую в наше художественное сознание знаменитую тургеневскую пейзажную «светотень», которой Новиков учился у своего великого земляка.

Читатели, вероятно, обратят внимание на своеобычность языка и стиля произведений Новикова, на неповторимость, частые многоточия, обозначающие [illegible] недосказанное. Все эти особенности связаны с [illegible] художественной манеры писателя, о которой мы уже [illegible] читатель сам *поймет* недосказанное, *додумает* и *почувствует*, что дано лишь в намеках многоточий.

Вместе с тем следует сказать и о некотором, на современный взгляд, старомодности, а иногда и неоправданной синтаксической усложненности иных фразеологических построений у Новикова. Но это — издержки его неустанных поисков выразительных возможностей слова.

Наверное, не всем известно, что Новиков был и галантливым поэтом, автором книг стихотворений и поэм. Не отсюда ли и чарующая музыка ыность, напевность его прозы? Стихи ему сопутствовали всю жизнь, бы ли для него своего рода поэтическим дневником. В одном из стихотворений, написанных незадолго до смерти, есть такие строки: «Всему пропетому — наследник я, а для грядущего — зерно». Иван Алексеевич Новиков верил, что зерно, посеянное им, даст в душах потомков хорошие всходы. И не ошибся. Он оставил нам добротное художественное наследство. Наследство высокой пробы мастерства, привлекающее красотой и мудростью русского слова, воспитывающее и ум, и сердце.

Именно эти характерные особенности творчества писателя отметил А. Т. Твардовский в письме к И. А. Новикову, давая оценку одной из последних его работ — книге о Чехове. «Написана она, как все, что выходит из-под Вашего пера, хорошо, душевно, по-русски». (Из семейного архива Новиковых.)

В обширной и многоголосой нашей литературе голос Новикова негромок. Но он у него свой, собственный — чистый, честный, совестливый. К И. А. Новикову в полной мере можно отнести слова Эм. Казакевича, сказанные о тех писателях, «...которые не написали ни единого слова фальши...»[1] Это ведь о *совести* писательской и гражданской, соблюсти которую в известные прошлые времена удавалось, увы, далеко не всем писателям. Новиков дорожил совестью, как и честью своей, смолоду. И сберег ее на всю жизнь, верой, правдой, талантом служа народу. Он и останется в нашем читательском сердце как человек таланта и совести — эти два высоких понятия для истинного художника, каким и был Иван Алексеевич Новиков, неразъединимы.

Я. Волков

[1] *Олеша Ю.* Ни дня без строчки. М., 1965. С. 3—4.

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

АЛИСЫ

В СТРАНЕ ЧУДЕС

СКВОЗЬ ЗЕРКАЛО
И ЧТО ТАМ УВИДЕЛА

АЛИСА,
ИЛИ
АЛИСА
В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРЕССА»
1992

ПРИМЕЧАНИЯ

Г. К. Честертон

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

G. K. Chesterton. Lewis Carroll. In: A Handful of Authors. N. Y., 1953.

Честертон, Гилберт Кит (1874—1936) — английский писатель, автор романов «Наполеон из пригорода» (1904), «Человек, который был Четвергом» (1908), «Перелетный кабак» (1914), сборников рассказов об отце Брауне и эссе, а также книг на литературоведческие и религиозные темы.

Статья Г. К. Честертона написана к столетию со дня рождения Льюиса Кэрролла (1932). Перевод сделан по тексту сборника «Горсточка авторов».

[1] *Мюнхгаузен* — герой книги «Удивительные приключения, путешествия и военные подвиги барона Мюнхгаузена», приписываемые немецкому писателю Рудольфу Эриху Распе

Ариосто, Лудовико (1474—1533) — итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд» (1516—1532), в одном из эпизодов которой описывается путешествие на Луну, где хранится все утраченное людьми на Земле.

[2] *Камлаэрт,* Эмиль — бельгийский писатель, автор интересного исследования «Поэзия и пиесса» (1926).

[3] *Мильтон,* Джон (1608—1674) — английский поэт, автор поэм «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671), трагедии «Самсон-борец» (1671) и др.

[4] *Драйден,* Джон (1631—1700) — английский поэт, драматург, критик, один из основоположников английского классицизма.

[5] *Дешевые Книги Ужасов, или Грошовые Повести о Дике Терпине и Билле Буйволе* — популярные образчики так называемой массовой литературы.

[6] *«Векфильдский священник»* (1766) — роман английского писателя Оливера Голдсмита (1728—1774).

[7] *«Путь паломника»* (1678—1684) — аллегорический роман английского писателя Джона Бэньяна (1628—1688).

[8] *Шеридан,* Ричард Бринсли (1751—1816) — английский драматург, мастер английской просветительной комедии. Комедия «Критик» написана в 1779 г.

9 *Гилберт*, Уильям (1836—1911) — английский поэт и драматург, известный своими пародиями и комическими операми, которые он создавал вместе с композитором Артуром Сулливаном. Комические «Баллады Бэба» появились в 1869 г.; комическая опера «Терпение» — в 1881 г.

10 *Суинберн*, Олджернон Чарлз (1837—1909) — английский поэт.

11 *Росетти* — см. примеч. 3, с. 306.

12 *«Баллады Бэба»* — см. примеч. 9.

13 *...как это первые могут стать последними, а последние — первыми; как сильные могут быть свергнуты с трона, а кроткие и нищие — возвышены.*— В этих словах слышится отзвук евангельских поучений: «И вот, есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними» («Евангелие от Луки», 13, 30 и далее).

14 *Джекиль* и *Хайд* — герои философской повести английского писателя Роберта Льюиса Стивенсона (1850—1894) «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда» (1886), посвященной теме двойничества.

ОБОСНОВАНИЕ ТЕКСТА

Первое издание «Алисы в Стране чудес» было напечатано издательством Макмиллана в типографии «Оксфорд Юниверсити Пресс» (Oxford University Press) в 1865 г. Иллюстратор Дж. Тенниел был недоволен качеством иллюстраций в этом издании, в результате чего Кэрролл отказался от заказа (судя по всему, тираж еще не поступал в продажу). Примерно 48 экземпляров этого издания были переплетены и разосланы Кэрроллом в подарок друзьям. Однако, отказавшись от заказа, Кэрролл попросил вернуть эти экземпляры и отослал их в детские больницы. Из этого первого издания сохранилось 20 экземпляров (два из них сейчас потеряны), а также экземпляр верстки, переплетенный наборщиком.

Кэрролл передал заказ фирме «Ричард Клей энд Санз» (Richard Clay and Sons), не сделав сколько-нибудь значительных изменений в тексте; в декабре 1865 г. книга вышла в свет (датирована 1866 г.) (*Lewis Carroll*. Alice's Adventures in Wonderland. L., Macmillan, December 1865 (1866). В это издание Кэрролл внес несколько мелких изменений, большая часть которых вошла в переиздание 1867 г.

При жизни автора «Алиса в Стране чудес» неоднократно переиздавалась, однако никаких сколько-нибудь существенных изменений в тексте не было произведено. К изданию 1886 г. Кэрролл написал короткое предисловие и увеличил одно стихотворение с шести до шестнадцати строк (см примеч. d, с, 113—114). Издание 1897 г., вышедшее за год до смерти Кэрролла, было им собственноручно исправлено и снабжено предисловием.

«Сквозь Зеркало и Что там увидела Алиса» вышло в свет в декабре 1871 г. (датировано 1872 г.) (*Lewis Carroll*. Through the Looking-Glass and What Alice Found There. L., Macmillan, December 1871 (1872). В последующих переизданиях Кэрролл лишь исправил несколько опечаток в тексте, а также написал послесловия к изданиям 1871 и 1876 гг. К изданию 1897 г. Кэрролл написал короткое предисловие.

Издание 1897 г., в которое вошли обе сказки Кэрролла, считается каноническим текстом, оно воспроизводилось в академическом издании «Оксфордской серии английского романа» (*Lewis Carroll*. Alice's Adventures in Wonderland and Through the Looking-Glass and What Alice Found There. Edited withan Introduction by Roger Lancelin Green. Oxford University Press, 1971. Oxford English Novels Series).

В основу нашего издания положено последнее прижизненное издание обеих сказок, выверенное Кэрроллом (текст сличен с академическим изданием «Оксфордской серии английского романа»), и «Аннотированная «Алиса» Мартина Гарднера (*Martin Gardner*. The Annotated Alice, N. Y., 1960).

О ПЕРЕВОДЕ СТИХОВ

Приступая к работе над сказками Кэрролла в начале 60-х годов, мы включили в текст переводы С. Я. Маршака, давно уже ставшие достоянием русской культуры. Для издания 1967 г. остальные стихи перевела Д. Г. Орловская. Три года спустя Дины Григорьевны Орловской не стало. Труд по подготовке стихотворной части настоящего издания взяла на себя Ольга Александровна Седакова. Таким образом, за исключением отдельных, специально оговоренных случаев, переводы стихов в этом издании осуществлены С. Я. Маршаком, Д. Г. Орловской и О. А. Седаковой.

С. Я. Маршаку принадлежат переводы стихов «Папа Вильям», «Морская кадриль», «Шалтай-Болтай» в тексте самих сказок.

Д. Г. Орловской принадлежат переводы стихотворений в тексте обеих сказок Кэрролла: «Июльский полдень золотой», «Царап сказал мышке», «Лупите своего сынка», «Дитя с безоблачным челом», «Бармаглот», «Раз Труляля и Траляля», «Морж и Плотник», «Зимой, когда белы поля», «Вел за корону смертный бой со Львом Единорог», «Сидящий на стене», «Королева Алиса на праздник зовет», «Загадка Белой Королевы», «Ах, какой был яркий день».

О. А. Седаковой принадлежат переводы стихов в тексте сказок: «Как дорожит своим хвостом», «Еда вечерняя», «Ты мигаешь, филин мой», «Дама Червей», «Колыбельная», а также стихотворные переводы в комментарии Гарднера и «Приложениях», за исключением специально оговоренных случаев.

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС

[1] *Одэн, Уинстен Хью* (1907—1973) — английский поэт.

[2] *...4 июля в истории Америки.*— 4 июля 1776 г. была провозглашена Декларация независимости.

Глава I

ВНИЗ ПО КРОЛИЧЬЕЙ НОРЕ

[1] *Нора сначала шла прямо, ровная, как туннель, а потом вдруг круто обрывалась вниз.*— В первой главе особенно ясно чувствуется, что сказка возникла как импровизация, «на ходу». Сам Кэрролл так впоследствии вспоминал об этом в статье «Алиса на сцене» (журнал «Тиэтер», апрель 1887 г.): «...я ясно помню, как в отчаянной попытке придумать что-то новое я для начала отправил свою героиню вниз по кроличьей норе, не имея ни малейшего понятия о том, что же случится с нею позже». Импровизационный характер первых эпизодов чувствуется и в особой разговорной интонации и в прямых намеках на слова, события, хорошо известные девочкам Лидделл.

Название первой главы сказки Кэрролла давно уже приобрело широкую известность; оно цитируется так же часто по самым различным поводам, как и название самой сказки. «Вниз по кроличьей норе» — так назвала свою книгу очерков по детской литературе американская писательница Сельма Лейниз

(*S. Lanes*. Down the Rabbit-Hole. Adventures and Misadventures in the Realm of Children's Literature. N. Y., 1971).

[2] *Плутарх* (ок. 46 — ок. 127) — греческий философ и писатель.

[3] *Фламмарион*, Камиль (1842—1925) — французский астроном, известный как автор популярных книг по астрономии. Наибольший успех имела «Популярная астрономия» (1880). См. также: *Я. И. Перельман*. Занимательная физика, кн. 2-я, изд. 18-е. М., 1972, с. 75 и далее.

[4] *Баум*, Фрэнк (1856—1919) — известный американский писатель, автор 14 книг для детей о стране Оз.

[5] *Едят ли мошки кошек?* — П. Эликзэндер подозревает здесь Алису в заигрывании с логическим позитивизмом, а именно в том, что она отвергает вопросы, которые считаются бессмысленными, поскольку на них нельзя дать эмпирически обоснованный ответ (*P. Alexander*. Logic and Humour of Lewis Carroll.— «Proceedings of the Leeds Philosophical and Literary Society», v. I, 1951, pp. 555—556).

При переводе этого отрывка мы сочли нужным заменить «летучих мышей» (Do cats eat bats?.. Do bats eat cats?) оригинала на «мошек» для того, чтобы сохранить рифму.

[6] *Напиток был очень приятен на вкус — он чем-то напоминал вишневый пирог с кремом, ананас, жареную индейку, сливочную помидку и горячие гренки с маслом.*— Яркий пример соединения несоединимого, одного из основных приемов нонсенса. Элизабет Сьюэлл пишет об этом в своей книге о нонсенсе, который она трактует как своеобразную игру, отмечая, что в подобном «конгломерате несовместимостей» упор делается скорее на части, чем на органичности целого (*Elizabeth Sewell*. The Field of Nonsense. L., 1952).

[7] *Эта глупышка очень любила притворяться двумя разными девочками сразу.*— В этих строках слышатся отзвуки темы двойника, излюбленной темы романтиков. Трудно сказать, в какой степени Кэрролл был знаком с произведениями отечественных или, скажем, немецких романтиков начала века. Однако он знал произведения Джорджа Макдоналда, со сказочными повестями которого в сказках об Алисе есть немало точек соприкосновения. Сама идея чудесных приключений «под землей», в частности, возможно, является отголоском аналогичного эпизода в сказочном романе Макдоналда «Фантазия». В этой мысли утверждает и общая негативная интонация в описании тех «существ», которых встречают Алиса и герой Макдоналда в подземном царстве.

Глава II

МОРЕ СЛЕЗ

1 *«... Госпоже Правой Ноге — с приветом от Алисы».*— Здесь Кэрролл использует распространенный в английском фольклоре прием «отчуждения», когда какие-либо свойства (или части тела) отделяются от их носителя и обретают самостоятельное существование. В известной песенке о малютке Бо-пип такую самостоятельность приобретали овечьи хвосты: их теряли и находили, вешали сушить на дерево и пр. Песня эта не очень старая, однако уже в самом начале XIX в. она была хорошо известна (записи 1805 и 1810 гг., народные пантомимы, театральные представления). Кэрролл, конечно, знал ее.

Ах, дело не шутка, ведь наша малютка,
Бо-пип, потеряла овечек.
Пускай попасутся — и сами вернутся,
И хвостики с ними, конечно.

Бо-пип задремала и тут услыхала,
Как рядом топочут копытца.
Проснулась — и что же? — ничуть не похоже.
Никто и не думал явиться.

Взяла посошок и пошла на лужок
И твердо решила найти их.
И впрямь углядела — но страшное дело! —
Ведь хвостиков нет позади них.

Давно это было, и долго бродила
Бо-пип, и скажите на милость! —
За рощей кленовой на ветке дубовой
Висели хвосты и сушились.

Метод «отчуждения» широко использовали романтики, по-своему переосмыслив его. Шамиссо в «Петере Шлемиле», Макдоналд в «Фантазии» отчуждали тень своих героев, придавая этой потере по-своему драматическое звучание.

2 *Дайте-ка вспомнить: сегодня утром, когда я встала, я это была или не я? Кажется, уже не совсем я... кто же я в таком случае? Это так сложно...*—М. Хит усматривает здесь первый из ряда кризисов, претерпеваемых личностью Алисы («кризисы идентичности»), которым «мог бы позавидовать любой экзистенциалист».

3 *Вода была соленая на вкус...*— У. Эмпсон толкует этот отрывок как скрытую сатиру на теорию эволюции: море слез — это

праокеан, где зарождается жизнь, а бег по кругу (см. гл. III), в котором каждый выигрывает,— теория естественного отбора (со времени опубликования «Происхождения видов» Дарвина прошло всего шесть лет).

Глава III

БЕГ ПО КРУГУ И ДЛИННЫЙ РАССКАЗ

[1] *Вильгельм Завоеватель* — герцог Нормандии, в 1066 г. завоевавший Англию и основавший норманскую династию английских королей. Упоминаемые здесь *граф Эдвин* и *граф Моркар*, а также *архиепископ Стиганд* — видные государственные деятели Англии той поры

[2] *Кингсли*, Чарлз (1819—1875) — видный историк, проповедник, писатель, один из деятелей правого крыла чартизма. Его детская книга *«Дети воды»* (1863) вышла за два года до «Алисы в Стране чудес». Кэрролл, конечно, знал ее; однако говорить о каком-то влиянии Кингсли на Кэрролла было бы неправильно. Кэрролл был далек от политической программы Кингсли; христианско-морализаторский дух его произведений также был чужд автору «Алисы». Книга Кингсли вышла в 1874 г. по-русски под названием «Похождения Фомушки-трубочиста на земле и под водою» (СПб., изд. Н. Карбасникова) без указания имени автора на титуле. В соответствии с существовавшей в те годы переводческой традицией текст был сильно сокращен и русифицирован, что видно даже из заглавия. В частности, сильным изменениям подверглась и названная выше глава.

[3] *Герберт*, Джордж (1593—1633) — английский поэт.

[4] *Геррик*, Роберт (1591—1674) — английский поэт.

[5] *Малларме*, Стефан (1842—1898) — французский поэт.

[6] *Томас*, Дилан (1914—1953) — английский поэт.

[7] *Аполлинер*, Гийом (1880—1918) — французский поэт.

[8] *Теннисон*, Алфред (1809—1892) — английский поэт, автор поэмы «Мод» (1855) и многих других поэм и стихотворений. Кэрролл был знаком с Теннисоном и ценил его поэзию, что не помешало ему создать во второй сказке об «Алисе» «амбивалентную» теннисоновскую пародию. Нельзя не вспомнить в этой связи знаменательных строк о Теннисоне, заключающих главу 13 «Света в августе» Уильяма Фолкнера: «И скоро в изящном галопе слога, среди худосочных дерев и вяленых вожделений стремительно, плавно, покойно накатывает на него обморочная истома. Это

лучше, чем молиться, не затрудняя себя думами вслух. Это — как слушать в соборе свнуха, поющего на языке, которого даже не нужно понимать» (цит. по журналу «Новый мир», 1974, № 8, с. 149, перев. В. Голышева).

[9] *... вышли отдельной книгой.*— Имеется в виду книга Кэрролла «История с узелками». Недавно она вышла на русском языке (с добавлением некоторых других работ Кэрролла): *Льюис Кэрролл.* История с узелками. Пер. с англ. Ю. А. Данилова. Под ред. Я. А. Смородинского. М., «Мир», 1973.

[10] *Нужно всегда держать себя в руках!* — Эти строки выразительно пародируют основной прием моралистаторской литературы для детей того времени. Приведем в качестве примера строки из печально прославленной «Истории семейства Фэрчайлд» (том I — 1818, том II — 1842, том III — 1847) Мэри Марты Шервуд (1775—1851), на которой в течение всего XIX в. воспитывали детей. Желая преподать детям наглядный урок о необходимости «держать себя в руках», мистер Фэрчайлд ведет их к заброшенному саду, посреди которого стоит полуразрушенный дом. «Труба на доме упала, проломив в одном или двух местах крышу; с той стороны, где обвалилась садовая ограда, стекла в окнах были разбиты. Между этим местом и лесом стояла виселица, на которой висел в цепях труп; скелет еще не обнажился, хоть труп и провисел здесь уже несколько лет. На повешенном был синий камзол, чулки, туфли; вокруг шеи был повязан шелковый платок; вся одежда была еще цела; но лицо его было так страшно, что дети не могли на него смотреть.

— Батюшка, батюшка, что это? — вскричали они.

— Это виселица, —сказал мистер Фэрчайлд,— а повешенный— убийца, который сперва возненавидел, а потом убил своего брата! Когда люди воруют, их вешают, но потом снимают, убедившись, что они мертвы; если же человек совершил убийство, его вешают в железных цепях и оставляют на виселице до тех пор, пока не обнажится скелет, чтобы все, кто проходит мимо, поостереглись подобного примера.

— Ах, батюшка, уйдемте! — вскричали дети, цепляясь за отцовский камзол.

— Прежде,— сказал мистер Фэрчайлд,— я должен рассказать вам историю этого несчастного».

Приведем еще один небольшой отрывок из этого произведения, в котором М. М. Шервуд знакомит своих маленьких героев с идеей смерти. Это поможет нам понять всю оригинальность трактовки этой темы Кэрроллом в сравнении с нравоучительно-религиозной литературой его времени.

Мистер Фэрчайлд ведет детей в дом, где лежит тело умерше-
го садовника Робертса. «Подойдя к двери, они ощутили какой-то
неприятный запах, им совсем не знакомый; то был запах трупа,
который, пролежав уже два дня, начал разлагаться... Весь вид
его был еще ужаснее и страшнее, чем ожидали дети... Наконец,
мистер Фэрчайлд сказал:

— Мои дорогие дети, теперь вы знаете, что такое смерть; это
бедное тело быстро разлагается. Душа, я надеюсь, почиет в бозе;
но тленное тело должно, из-за грехов своих, пройти через могилу
и рассыпаться в прах... Помните об этом, дети мои, и молитесь
богу, чтобы он спас вас от греха.

— Ах, сэр! — воскликнула миссис Робертс.— Как меня уте-
шают ваши речи».

11 *Вы даже устрицу выведете из терпения!* — В этом крошеч-
ном эпизоде Кэрролл создает своеобразную ситуацию «наоборот»,
поменяв местами и функциями родителей и детей, воспитателей
и воспитуемых. Прием этот позже широко использовался в дет-
ской литературе. Достаточно вспомнить заключительную главу
(«Мисс Апельсин и миссис Лимон») «Романа, написанного на
каникулах» Ч. Диккенса (1868), книгу Ф. Эсти (1856—1934)
«Vice Versa» [Наоборот (лат.)] (1882) (на русский язык книга
Эсти переводилась, см.: *Ф. Анстей.* Шиворот-навыворот. Уроки
отцам. Фантастический роман С англ. перевела З. А. Рагозина.
СПб., 1907); эпизоды повести Дж. М. Барри «Питер Пэн и Венди»
(1911); на русском языке вышла в 1965 г. (М., пер. Н. Демуро-
вой. Стихи в пер. Д. Орловской).

12 *Птицы заторопились по домам.*— Этот эпизод с птицами
перекликается с известной правоучительной книгой Сары Трим-
мер (Sarah Trimmer, 1741—1810) «История малиновок» («History
of the Robins», 1786), весьма популярной в XIX в. благодаря
многочисленным переделкам. Кэрролл пародирует некоторые из
эпизодов этой книжки.

Глава V

СИНЯЯ ГУСЕНИЦА ДАЕТ СОВЕТ

1 *Все время меняюсь и ничего не помню.*— По мнению П. Хи-
та, Гусеница придерживается взгляда Локка на неизменность
личности, которая прежде всего выражается в устойчивости па-
мяти. Личность осознает себя как таковую, поскольку помнит соб-
ственное прошлое и способна оживлять в памяти свой личный
опыт.

«Папа Вильям». — Стихотворение Саути было впервые опубликовано в журнале «Юс мэгэзин» (Youth's Magazine) в феврале 1816 г. Хорас Грегори считает, что сам Саути в этом стихотворении «бессознательно пародировал философию Уордсворта»; возможно, пародия Кэрролла содержит также некоторый намек на самого Уордсворта. «Не о другом ли Вильяме идет здесь речь, не о том ли Вильяме Уордсворте, который сменил Саути на посту Поэта-Лауреата (то есть придворного поэта.— *Н. Д.*) и далеко ушел от своей «Оды о бессмертии»?.. Не был ли Папой Вильямом стареющий поэт, брюзгливо, но проницательно вопрошающий одного из своих поклонников относительно состояния своих американских капиталовложений? Возможно, Алиса не намеревалась заходить так далеко, и все же... ее Папа Вильям по меньшей мере знает толк в коммерции и употребляет рекламный язык».

[3] *Пана Вильям...* — Эта пародия послужила образцом для стихотворения «Льюис Кэрролл» Элинор Фарджон, известной детской писательницы Англии (1881—1965).

— Мистер Доджсон,— сказал любопытный малыш,—
Я на лбу твоем вижу морщины.
Но так остро и весело ты говоришь!
В чем же дело? Открой мне причину.

— В ранней юности,— Доджсон ему отвечал,—
Математиком был я, признаюсь,
Чтобы разум мой робким, как Кролик, не стал
Или диким, как Мартовский Заяц.

— Ты мудрец, Льюис Кэрролл,— продолжил
малыш,—
В древнем Колледже ты обитаешь.
Но, коль разум твой ясен, как ты говоришь,—
Ты, должно быть, истории знаешь?

— В ранней юности,— Кэрролл ему отвечал,—
Я рассказывал много, не спорю.
И тогда-то мой ум, как ребенок, играл.
Так послушайте пару историй.

[4] *— Девочки, знаете, тоже едят яйца.— Не может быть,— сказала Горлица.— Но, если это так, тогда они тоже змеи!* — П. Хит видит здесь насмешку над ложной аргументацией.

Глава VI

ПОРОСЕНОК И ПЕРЕЦ

[1] *Фейхтвангер,* Лион (1884—1958) — немецкий романист. Роман «*Безобразная герцогиня*» был написан в 1923 г.

[2] *.. так и происходит.*—Цитата дается по изданию: *Платон.* Сочинения в 3-х томах, т. 2. М., 1970, с. 246—247.

Глава VII

БЕЗУМНОЕ ЧАЕПИТИЕ

[1] «*Троица Безумного чаепития*».— Намек на Тринити-колледж (Колледж св. Троицы), профессорами которого были Рассел, Мур и Мактаггарт.

[2] *Вомбат* — небольшой зверек из семейства грызунов.

[3] *Росетти,* Данте Габриэль (1828—1882) — английский поэт и художник.

[4] *...одно из ранних соображений Кэрролла...*— См. «Трудность вторую» в сб. «История с узелками», с. 367.

[5] — *Если бы ты знала Время так же хорошо, как я,— сказал Болванщик,— ты бы этого не сказала.*— П. Хит вспоминает в этой связи рассуждение блаженного Августина о времени. Все понимают, что́ есть время, говорит Августин, пока о нем идет речь. «Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, нисколько не затрудняясь; но как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик» («Исповедь», кн. II, гл. 14).

[6] *...но ведь я не успею проголодаться.*— По наблюдениям У. Шиблза, Алиса, сама того не замечая, проводит небесполезное разграничение между биологическими и нашими обычными часами (*Warren A. Shibles.* A Philosophical Commentary on Alice's Adventures in Wonderland. Wittgenstein, Language and Philosophy. Dubugue, Iowa, 1969).

[7] *Вы так и поступили, да?* — Это место перекликается с известной кэрролловской задачей о часах. См. «История с узелками», с. 367.

[8] *Тейлор,* Джейн (1783—1824) и ее сестра Эни (1782—1866) — авторы поэтического сборника для детей «Оригинальные стихотворения для юных умов» (1804), широко читаемого в XIX в.;

«Звезда» была самым известным из стихотворений этого сборника и до сих пор фигурирует в многочисленных антологиях для детей. Старшая из сестер была еще жива во время написания «Алисы в Стране чудес».

[9] *Де Ситтер,* Виллем (1872—1934) — голландский астроном, автор одной из моделей расширяющейся Вселенной, так называемой модели Эйнштейна — Де Ситтера (1917). Согласно этой модели, в начальный период возникновения Вселенной объем ее был очень невелик, а плотность материи крайне высока. При таких условиях течение процессов, с точки зрения некоего внешнего наблюдателя, происходит весьма медленно, настолько медленно, что можно говорить о том, что течение времени остановилось. По современным представлениям эволюция Вселенной выглядит сложнее, чем в модели Эйнштейна — Де Ситтера.

[10] *А еще они рисовали... всякую всячину... все, что начинается на М.*— П. Хит подчеркивает, что, конечно, не сами предметы (или понятия) начинаются на *М*, а только слова, которые их обозначают. Перечень, следующий далее — «мышеловки, месяц, математика, множество», — представляет собою причудливую смесь конкретных предметов и абстракций, а поскольку все члены этого ряда должны быть нарисованы, неизбежно происходит «реификация» (то есть овеществление) абстракций.

Глава IX

ПОВЕСТЬ ЧЕРЕПАХИ КВАЗИ

[1] *«...Любовь, любовь, ты движешь миром...»* — последняя строка Дантова «Рая» («безусловно, заимствованная из какого-то второсортного перевода»,— замечает П. Хит). В переводе М. Лозинского она звучит так:

Любовь, что движет солнце и светила.
(Песнь XXXIII, 145)

[2] *А видела ты Черепаху Квази?* — В оригинале Кэрролла в этой главе, помимо Грифона, выступает персонаж, которого русские переводчики называли «Лже-черепахой», «Черепахой с телячьей головкой» и пр. Мы сочли нужным заменить его на «Черепаху Квази».

[3] *В песни XXIX Дантова «Чистилища»...*— Имеются в виду строки 106—108:

Двуколая, меж четырех зверей
Победная повозка возвышалась,
И впряженный грифон шел перед ней.
(Пер. М. Лозинского)

Глава X

МОРСКАЯ КАДРИЛЬ

[1] *Хаунтт*, Мэри (1799—1888)—английская детская писательница, автор рассказов и стихотворений для детей, перу которой также принадлежат первые переводы сказок Андерсена на английский язык (сборник 1846 г. вышел под названием «Чудесные истории для детей»).

[2] *...«p-ennyworth»...*— В переводе О. Седаковой этому соответствует перенос слова «зада-ром».

Глава XI

КТО УКРАЛ КРЕНДЕЛИ?

[1] *Подать сюда список тех, кто пел на последнем концерте!*— Имеется в виду эпизод из главы VII, где Болванщик рассказывает о том, как пел, чтобы как-то убить Время.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Р. Л. Грин сообщает, что это объявление было напечатано на отдельном листе, вложенном в экземпляры первого завода второго тома «Сильви и Бруно», 1893; возможно, оно было вложено также в следующий завод — шестьдесят первая тысяча — «За зеркалья». Погрешности печати, о которых идет речь, были на деле минимальными, однако Кэрролл с присущей ему щепетильностью счел для себя необходимым выкупить весь тираж.

[1] *...рабочие институты...*—центры самообразования промышленных и сельскохозяйственных рабочих; были широко распро-

странены в Англии со времен чартистского движения 30—40-х годов XIX в.

[5] *«Напасти»* — намек на поэму Кэрролла «Охота на Снарка», имеющую подзаголовок «В восьми напастях».

Г. К. Честертон

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЗЕРКАЛА

G. K. Chesterton. Both Sides of the Looking-Glass. Перевод статьи Г. К. Честертона «По обе стороны зеркала» печатается по тексту сборника «Соль жизни и другие эссе» (*G. K. Chesterton.* The Spice of Life and Other Essays. Beaconsfield, 1964).

[1] *Доктор Джонсон* — см. примеч. 7, с. 314.

[2] *Фокс*, Чарлз Джеймс (1749—1806) — английский государственный деятель, член партии вигов, выразитель идей радикализма.

[3] *Нелсон*, Хорейс (1758—1805) — английский адмирал, прославленный своими победами над французским флотом.

[4] *Парри*, Эдвард Эбботт (1863—1943) — манчестерский судья, автор двух сказочных повестей для детей «Катавампус» (1895) и «Баттерскотия» (1896), в которые вошли его наиболее известные стихи.

[6] *Маколей*, Томас Бэбингтон (1800—1859) — английский историк, эссеист, поэт и государственный деятель.

[6] *Бейжхот*, Уолтер (1826—1877) — английский экономист, автор монографии «Английская конституция» (1867), переведенной на несколько языков, книги «Физика и политика» (1872) и др.

[7] *Билль о Реформе* — законопроект 1832 г. о реформе парламентского представительства в Англии. Так же назывались и последующие законодательства о расширении представительства (1867 г., 1884 г. и пр.).

[8] *«Видала я такие холмы, рядом с которыми этот — просто равнина!»* — См. «Алису в Зазеркалье», глава II.

[9] *...где Труляля и Тралляля условились сражаться...* — См. «Алису в Зазеркалье», глава IV.

[10] *Сигне Токсвиг.* — Биография Ханса Кристиана Андерсена, написанная Токсвиг, вышла в свет на английском языке в 1933 г. (*S. Toksvig.* The Life of Hans Christian Andersen. L., 1933).

СКВОЗЬ ЗЕРКАЛО
И ЧТО ТАМ УВИДЕЛА АЛИСА

[1] *Dramatis personae.*— Эта страница отсутствовала в издании 189 г. Р Л. Грин восстановил ее по первому изданию 1872 г. (перепечатана также в «народном» издании («People's Edition») в 1887 г.).

[1] *Дитя с безоблачным челом...*— В этом стихотворном посвящении Кэрролл вновь обращается к Алисе Лидделл.

[2] *Хоть лето кончилось, но пусть / Его не блекнут краски...*— В этих строках Кэрролл вспоминает «Алису в Стране чудес» и обстоятельства ее написания.

[3] *Дыханью зла и в этот раз / Не опечалить мой рассказ.* — В оригинале последняя строка читается двояко. The pleasance of our fairy-tale буквально означает [не омрачит] «радость нашей сказки». В то же время Pleasance (счастье, радость) — второе имя Алисы Лидделл. Тем самым Кэрролл выражает также и надежду, что ее не коснутся ни зло, ни печаль.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

[1] *...а «зелюки» — на последнем.* — В оригинале поясняются слова «slithy», «gyre», «gimble», «rath».

Глава I
ЗАЗЕРКАЛЬНЫЙ ДОМ

[1] *День Гая Фокса* — так называется празднуемый и по сию пору в Англии день раскрытия Порохового заговора 1605 г., когда католики пытались взорвать здание Парламента, где на сессии должен был находиться ненавистный им король Яков I с сыном. Заговорщики были казнены. С тех пор в Англии стало традицией отмечать этот день кострами, на которых сжигали чучело Гая Фокса, одного из участников заговора.

В колледже Крайст Чёрч, где преподавали Кэрролл и Лидделл, в честь этого праздника разводили костер на одной из площадок.

[2] *Макдонald, Джордж* (1824—1905) — английский писатель и поэт.

[3] *...зеркальных отражений.*— Среди тех, кто использовал прием «зеркального отражения», русский поэт С. Г. Фруг (1860—1916). Приведем для примера его стихотворение «Зеркало» (1899), где используется прием

О грядущем ни намека,
О минувшем — ни следа...
Отражается всегда
Лишь обманчиво глубоко
С их зеркальной глубиной
Все в очах лазурно-чистых:
И созревшей страсти зной,
И мерцанье грез лучистых.

Подношу я этот дар
Ей, холодной и прекрасной,
Не пленив мечтой напрасной
Мысли свет и сердца жар.

Мысли свет и сердца жар
Не пленив мечтой напрасной,
Ей холодной и прекрасной,
Подношу я этот дар.

И мерцанье грез лучистых,
И созревшей страсти зной —
Все в очах лазурно-чистых
С их зеркальной глубиной
Лишь обманчиво глубоко
Отражается всегда...
О минувшем — ни следа,
О грядущем ни намека.

[4] *«Ирландский бык»* — см. эссе Марии Эджворт (1767—1849) «Эссе об ирландских быках» (*Maria Edgeworth.* Essay on Erish Bulls. L., 1802).

[5] *Киплинг,* Редьярд (1865—1936) — английский поэт и писатель; *«Столки и К°»* (1899) — повесть о школьных годах писателя, в которой он сам и его друзья фигурируют под вымышленными именами.

[6] *Дадаисты* — представители модернистского течения начала XX в., объединяющего художников и писателей (главным образом во Франции и Германии).

[7] *Стайн,* Гертруда (1874—1946) — американская писательница, известная своими авангардистскими экспериментами в области поэтической и прозаической формы.

[8] *Нэш,* Огден (1902—1971) — американский поэт-юморист.

Глава II

САД, ГДЕ ЦВЕТЫ ГОВОРИЛИ

[1] *Пойду-ка я назад!* — П. Хит замечает по этому поводу: «Неудачи Алисы в данном случае, подобно неудачам героев Кафки, вызваны не ошибками в исполнении задуманного, а неправильным методом подхода. Нередко тем же объясняются философские и научные трудности. Когда все пути ведут прочь от

намеченной цели,' заканчиваясь все тем же препятствием, наступает время задаться методологическими вопросами и пересмотреть условия самой задачи. То, что кажется неразрешимым под одним углом, не представляет сложности под другим, как со временем поймет и Алиса».

[2] *Джеймс* (Джемс), *Уильям* (1842—1910) — американский философ и психолог.

[3] *Неужели мы не сронулись с места ни на шаг?* — По поводу этих строк Эликзэндер Тейлор пишет: «Не подлежит сомнению, что множество остроумных и глубокомысленных вещей, сказанных об этом беге, совершенно справедливы. Возможно, Кэрролл здесь предвосхищает Эйнштейна. Возможно, он действительно представляет здесь духовные странствия Алисы, в результате которых она оказывается там же, откуда ушла. Однако в основе этого эпизода лежит математический фокус. В нашем мире скорость есть частное от деления расстояния на время: S=d : t. В «Зазеркалье», однако, скорость есть частное от деления времени на расстояние. При большой скорости время велико, а расстояние мало. Чем выше скорость, тем меньше пройденное расстояние. Чем быстрее бежала Алиса во времени, тем более она оставалась на том же месте в пространстве» (*Alexander L. Taylor*. Though the Looking-Glass).

Глава III

ЗАЗЕРКАЛЬНЫЕ НАСЕКОМЫЕ

[1] *Тенниел*, Джон (1820–1914) — иллюстратор обеих сказок об Алисе. Был известен также как живописец и политический карикатурист. В течение полувека (с 1850 г.) совместно с Джоном Личем был ведущим карикатуристом журнала «Панч» («Punch»).

[2] *...из этой главы не сохранилось ничего.*— Так называемая глава о шмеле была куплена в 1898 г. после смерти Кэрролла неким «неизвестным джентльменом». Долгое время ее считали безвозвратно потерянной, однако в 1974 г. на известном лондонском аукционе Сотби были проданы (за 1700 фунтов) исключенные Кэрроллом уже в верстке страницы этой главы.

Английское общество Льюиса Кэрролла, желая приобрести эту главу для Национальной библиотеки, начало разыскивать человека, купившего эти страницы. Недавно их поиски увенчались успехом. Этим человеком оказался Норман Армор-младший из Манхаттана, позволивший Обществу Льюиса Кэрролла издать

(1959) о шмеле (750 экземпляров в твердых обложках; остальное по подписке для членов Общества). Возглавил комиссию по публикации Эдвард Гилиано; комментарий и вступление написал Мартин Гарднер. В августе 1977 г. книга увидела свет.

[3] *Но я могу вам сказать, как их зовут.— А они, конечно, идут, когда их зовут? — небрежно заметил Комар.— Нет, по-моему, не идут.— Тогда зачем же их звать, если они не идут? —* В этом диалоге отголоском звучат шекспировские строки («Генрих IV», часть I, III, 1):

Глендаур
Я духов вызывать могу из бездны.
Хотспер
И я могу, и каждый это может.
Вопрос лишь, явятся ль они на зов.

(Пер. Е. Бируковой)

[4] *Впрочем, она тут же успокоилась, сообразив, что перед ней не два куля, а...* — Конец этой главы в оригинале — feeling sure that they must be... — явно рифмуется с названием следующей главы — Tweedledum and Tweedledee. Мы постарались это передать: «не два куля, а — Траляля и Труляля». Тот же прием использован в заглавиях заключительных главок: Shaking и Waking. Мы передали их следующим образом: «Превращение» (речь здесь идет о том, как Черная Королева превращается в котенка) — «Пробуждение».

Глава IV

ТРАЛЯЛЯ И ТРУЛЯЛЯ

[1] *Но я молчу, лица названья для/ Отличья Труляля от Траляля.*— Английские фольклористы Иона и Питер Опи отмечают в своем классическом труде об английских народных песенках, что последние две строки приписывают также Александру Попу и Джонатану Свифту *Iona and Peter Opie.* The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes. Oxford, 1951).

[2] *Гуд,* Томас (1799—1845) — английский поэт, автор знаменитой «Песни о рубашке», «Моста вздохов» и других стихотворений о бедственном положении трудящихся. Был известен также своими юмористическими стихами, которые нередко сам иллюстрировал.

[3] *Пристли*, Джон Бойнтон (род. в 1894 г.) — английский писатель.

[4] *...И горько плакали они, / Взирая на песок: / — Ах, если б кто-нибудь убрать / Весь этот мусор мог!* — Исследователи не раз указывали на органическую близость поэзии Кэрролла психологии детей разного возраста. Интересна запись, которую находим в одном из писем Марии Эджворт, которая вместе со своим отцом Ричардом Ловеллом Элжвортом была одной из зачинательниц экспериментальной педагогики. Восхищаясь глубиной детских вопросов, М. Эджворт приводит в качестве примера следующий: «Кто посыпал пляж песком?» См. также *Л. С. Выготский.* Воображение и творчество в детском возрасте. М., 1967.

[5] *И молвил Морж: «Пришла пора / Подумать о делах: / О башмаках и сургуче, / Капусте, королях...»* — Свою первую книгу О. Генри (1862—1910) назвал «Короли и капуста» (1905). В ней он выполняет обещание, данное Моржом, так и не рассказавшим бедным устрицам ни о башмаках и сургуче, ни о капусте и королях. У О. Генри в его книге есть глава «Башмаки», в ней фигурируют сургуч и некоторые другие из упомянутых Моржом тем. Сам О. Генри так пишет об этом в «Присказке Плотника», открывающей книгу: «Так что, видите, нам есть о чем рассказать. Пожалуй, неразборчивому уху Моржа эта повесть полюбится больше всего, потому что в ней и вправду есть и корабли, и башмаки, и сургуч, и капустные пальмы, и (взамен королей) президенты» *(пер. К. Чуковского).*

[6] *Беркли*, Джорлж (1685—1753) — английский философ субъективно-идеалистического направления.

[7] *Джонсон*, Сэмюэл (1709—1784) — английский лексикограф, критик, поэт.

[8] *...пример бесконечно убывающей последовательности.* — Этот мотив использован в пьесе американского драматурга Эдварда Олби (род. в 1928 г.) «Крошка Алиса» (1964).

Глава V
ВОДА И ВЯЗАНИЕ

[1] *Коллинз*, Уилки Уильям (1824—1889) — английский романист.

[2] *Фитцджеральд*, Скотт Ф. (1896—1940) — американский писатель.

[3] *...Болванщик из «Страны чудес».*— П. Хит замечает по поводу рисунка Теннисла к этой стр.: «Дар провидения, который проявляет здесь сэр Джон Теннисл, не менее значителен, чем тот, которым владеет Белая Королева. На его рисунке, конечно, изображен не кто иной, как недавно скончавшийся выдающийся философ, отбывавший тюремное заключение circa [около — *лат.*] 1918, где он и написал «Введение в математическую философию». В 1918 г. Рассел был заключен в тюрьму за пацифистскую деятельность. Прославленное «Введение» вышло в 1919 г.

Рассел, Бертран (1872—1970) — английский ученый и философ.

[4] *Теперь ты понимаешь, как все здесь происходит!* — П. Хит пишет по этому поводу: «Может возникнуть впечатление, что события здесь происходят в обратном порядке. Но проще предположить, что здесь, как и выше, нормальный ход событий предопределен и заранее известен Королеве, которая поэтому реагирует на грядущие события истерией, психосоматическим кровотечением и т. д.». Другого мнения придерживается советский психолог профессор С. Г. Геллерштейн.

[5] *Тертуллиан* (155—220) — латинский автор, один из первых отцов церкви.

[6] *Не зарывай! Не зарывай! — кричала Овца...*— Возможно, во время одной из лодочных прогулок по реке Алису Лидделл также привели в замешательство эти слова, употребляемые в гребле Судя по всему, она не слишком хорошо гребла. Недаром в стихотворном вступлении к «Стране чудес» Кэрролл написал:

В неловких маленьких руках
Упрямится весло...

Овца на деле просит Алису отводить весла назад по воздуху, а не «зарывать» их в воду.

Глава VI

ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ

[1] *Баум,* Фрэнк — см. примеч. 4, с. 300.
[2] *Оккам,* Уильям (1290—1349) — английский философ.
[3] *Джойс,* Джеймс (1882—1941) — английский писатель. Роман «Поминки по Финнегану» был опубликован в 1939 г.

Глава VII

ЛЕВ И ЕДИНОРОГ

[1] *Уилсон,* Энгус (род. в 1913 г.) — английский писатель. Роман «Англосаксонские позы» был опубликован в 1956 г.

[2] *Никто меня не обгонит!* — Здесь, как и ранее, Кэрролл обыгрывает понятие, получившее у логиков название «пустого множества».

[3] *Гладстон,* Уильям Эварт (1809—1898) — английский политический деятель и писатель; лидер партии либералов, четырежды премьер-министр Англии (1868—1874; 1880—1885; 1885—1886; 1892—1893). *Дизраэли,* Бенджамин (1804—1881) — английский политический деятель и писатель; лидер партии консерваторов, в 1868 г., а затем с 1874 по 1880 г.— премьер-министр Англии.

[4] *Вид со старого моста не имеет себе равных...* — Возможно, название пьесы американского драматурга Артура Миллера «Вид с моста» (1955) навеяно этим эпизодом. Если это так, пьеса приобретает дополнительные обертоны, придающие ей особую выразительность.

Глава VIII

«ЭТО МОЕ СОБСТВЕННОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ!»

[1] *Панч* и *Джуди* — герои английского народного кукольного театра. Кэрролл, с детства любивший кукольный театр и даже смастеривший свой собственный, хорошо знал эту сварливую супружескую пару, то и дело, к вящей радости зрителей, вступавшую в драку.

[2] *...если не скончалась, / Она еще жива.*—Стишки такого рода, как сообщают нам супруги Оупи в «Оксфордском словаре детских стихов», в которых содержалось «очевидное положение, составляющее самую Суть Истины», были чрезвычайно популярны в XVII и XVIII вв.

[3] *Мур,* Томас (1779—1852) — английский поэт-романтик.

[4] *Какой-то древний старичок ...*— В песне Белого Рыцаря Хорас Грегори видит решительное развенчание романтического идеализма Уордсворта. Он сопоставляет песню не со стихотворением «Решительность и независимость», как это делает Гарднер, а с «Одой о бессмертии» и в подтверждение своей точки зрения цитирует центральные строфы.

И пусть сиянья, явленного тут,
Уже глаза мои не обретут,
Пускай ничто не возвратит живым
Той славы трав и торжества листвы,

Не скорби, душа. Найди
Силу в том, что позади:
Связано сродством сердечным,
Бывшее пребудет вечным.

«К тому времени, когда Рыцарь заканчивает свою балладу,— пишет Грегори,—мы уже оставили далеко позади «Оду о бессмертии», пройдя сквозь нее, подобно Алисе, прошедшей в Зазеркалье. Меж тем Льюис Кэрролл меняет направление своей критики Уордсворта, переходя от косвенных аллюзий к развернутому пародированию определенного стихотворения. Между «Одой» и размышлениями о Ловце пиявок (герой «Решительности и независимости».— *Н. Д.*) — расстояние, которое почти не поддается измерению, так они близки и так далеки; мы ощущаем, как начинают дрожать и рассыпаться, словно обрушившийся Лондонский мост, все наши изначальные представления о добре и зле, связанные с образами Руссо и невинным ликом ребенка».

Н. Демурова

НОВЫЙ ЗАВЕТ

ИЗДАНИЕ НЕ
ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ ДЛЯ ПРОДАЖИ

Международная организация „Гедеоны“—христианское содружество деловых людей, ученых и специалистов из более чем 170 стран. „Гедеоны“ посвятили себя служению Богу и развитию связей между христианами всего мира. Главная задача „Гедеонов“—повсеместное распространение Евангелия ради того, чтобы каждый человек имел возможность познать и исповедать Господа Иисуса Христа своим личным Спасителем.

„Гедеоны“ и их помощники—верующие из различных евангельских церквей—уже распространили по гостиницам, больницам и тюрьмам, раздали военнослужащим, школьникам и медицинским работникам более 600 миллионов экземпляров Библии и Новых Заветов.

Мы рады вручить Вам драгоценное Слово Божье и надеемся, что его ежедневное чтение доставит Вам много светлых минут.

В Библии рассказывается о Божьем замысле, состоянии, в котором находится человек, пути спасения, гибели грешников и радости верующих. Доктрины Библии святы, ее заповеди обязательны, суждения неизменны и все сказанное в ней—истина. Читайте Библию, чтобы приобрести мудрость, верьте Библии ради своего спасения, и свято живите в соответствии с ней. Библия—свет, указывающий вам путь, пища, подкрепляющая ваш дух, утешение, несущее вам покой.

Библия—карта для странствующего, посох для паломника, компас для кормчего, меч воина, устав христианина. В Библии человек вновь находит рай, перед ним открываются небеса и ему дано увидеть ужас врат ада.

Центральной фигурой Библии является Иисус Христос. Библия дарована нам для нашего блага и славы Божьей.

Библия должна наполнять нашу память, править в нашем сердце и направлять нас на путь истины. Читайте Библию часто, вдумчиво, молитвенно. Библия—сокровищница, полная богатств, райский сад божественной славы, великая река радости и просветления. Библия дарована нам в жизни, она будет раскрыта в день суда и не прейдет в вечности. Библия налагает на нас высочайшую ответственность. Неутомимый труд во славу Божью будет вознагражден; тот же, кто легкомысленно относится к священным словам Библии, подвергнется осуждению.

ЭТИ СТРОКИ ПИСАНИЯ ПОМОГУТ ВАМ, КОГДА

Стр.

Вы в БЕДЕ
- Иоан. 14:1-4 229
- Евр. 7:25 502

Вы БЛАГОДАРНЫ
- 1 Фес. 5:18 469
- Евр. 13:15 514

Вы БОИТЕСЬ
- Матф. 10:28 21
- 2 Тим. 1:7 482
- Евр. 13:5-6 514

Вы нуждаетесь в БОЖЬЕЙ ЗАЩИТЕ
- Фил. 4:19 456

Вы БОЛЬНЫ
- Матф. 26:39 63
- Рим. 5:3-5 362
- 2 Кор. 12:9-10 427
- 1 Пет. 4:12,13,19 332

Вы ИСКУШАЕМЫ
- Матф. 26:41 63
- 1 Кор. 10:12-14 397
- Фил. 4:8 456
- Иак. 4:7 323

Стр.

- 2 Пет. 2:9 336
- 2 Пет. 3:17 338

КРИЗИС в вашей жизни
- Матф. 6:25-34 12
- Евр. 4:16 498

Вы ЛИШЕНЫ БЛИЗКИХ
- Матф. 5:4 7
- 2 Кор. 1:3-4 411

Вы нуждаетесь в ЖИЗНЕННОМ РУКОВОДСТВЕ
- Рим. 12 375

Вы ОДИНОКИ
- Евр. 13:5-6 514

Вы ОЗАБОЧЕНЫ СУЕТОЙ, БЕСПОКОЙСТВОМ
- Матф. 6:19-34 11
- 1 Пет. 5:6-7 333

Вам ГРОЗИТ ОПАСНОСТЬ
- Луки 8:22-25 139

ЭТИ СТРОКИ ПИСАНИЯ ПОМОГУТ ВАМ, КОГДА

Стр.

Вы ОСУЖДАЕТЕ ДРУГИХ
1 Кор. 13 ... 402

Вы ОХЛАДЕЛИ В ВЕРЕ
1 Иоан. 1:4-9 ... 339

Вы ПЕЧАЛЬНЫ
Матф 5:4 ... 7
Иоан. 14 ... 229
2 Кор. 1 3-4 ... 411
1 Фес. 4.13-18 ... 468

Вы ПОБЕЖДЕНЫ
Рим 8:31-39 ... 368

Вас ПОДВОДЯТ ДРУЗЬЯ
Луки 17 3-4 ... 165
Рим 12.14,17,19,21 ... 375
2 Тим 4 16-18 ... 487

Вы ПОКИДАЕТЕ ДОМ
Матф 10 16-20 ... 20

Вы НУЖДАЕТЕСЬ В ПОКОЕ
Иоан. 14:1-4 ... 229
Иоан. 16.33 ... 234
Рим. 5:1-5 ... 361
Фил. 4:6-7 ... 455

Стр.

Вы ПРЕОДОЛЕНЫ
Рим. 8:31-39 ... 368
1 Иоан. 1:4-9 ... 339

Вы РАЗОЧАРОВАНЫ
Матф. 5:11-12 ... 7
2 Кор. 4:8-18 ... 415
Фил 4.4-7 ... 455

Вы нуждаетесь в РУКОВОДСТВЕ В МОЛИТВЕ
Луки 11:1-13 ... 148
Иоан 17 ... 235
1 Иоан 5 14-15 ... 346

СЛАБЕЕТ ВЕРА
Евр 11 ... 508

Вы СОМНЕВАЕТЕСЬ
Матф 8.26 ... 16
Евр 11 ... 508

Вы ТРЕВОЖИТЕСЬ
Матф. 6:19-34 ... 11
Фил. 4:6 ... 455
1 Пет. 5:6-7 ... 333

Вы УСТАЛИ, УТОМЛЕНЫ
Матф. 11:28-30 ... 23
1 Кор. 15:58 ... 409
Гал.6:9-10 ... 439

От Матф
От Марк
От Луки
От Иоан
Деяния с
Послание
Первое п
Второе п
Первое п
Второе п
Третье п
Послание
Послание
Первое п
Второе п
Послание
Послание
Послание
Послание
Первое п
Второе п
Первое п
Второе п
Послание
Послание
Послание
Откровен

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стран.	Главы
От Матфея святое благовествование .	1	28
От Марка святое благовествование .	71	16
От Луки святое благовествование . .	115	24
От Иоанна святое благовествование .	190	21
Деяния святых Апостолов . . .	247	28
Послание Иакова	318	5
Первое послание Петра	326	5
Второе послание Петра	334	3
Первое послание Иоанна . . .	339	5
Второе послание Иоанна . . .	347	1
Третье послание Иоанна	349	1
Послание Иуды	351	1
Послание к Римлянам	354	16
Первое послание к Коринфянам . .	383	16
Второе послание к Коринфянам . .	411	13
Послание к Галатам	430	6
Послание к Ефесянам	440	6
Послание к Филиппийцам . . .	450	4
Послание к Колоссянам . . .	457	4
Первое послание к Фессалоникийцам .	464	5
Второе послание к Фессалоникийцам .	470	3
Первое послание к Тимофею . . .	474	6
Второе послание к Тимофею . . .	482	4
Послание к Титу	488	3
Послание к Филимону	492	1
Послание к Евреям	494	13
Откровение Иоанна Богослова . .	516	22

Produced for The Gutenberg International

ОТ МАТФЕЯ

СВЯТОЕ БЛАГОВЕСТВОВАНИЕ

1 Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова.

2 Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его;

3 Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама;

4 Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона;

5 Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея;

6 Иессей родил Давида царя; Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею;

7 Соломон родил Ровоама; Ровоам родил Авию; Авия родил Асу;

8 Аса родил Иосафата; Иосафат родил Иорама; Иорам родил Озию;

9 Озия родил Иоафама; Иоафам родил Ахаза; Ахаз родил Езекию;

10 Езекия родил Манассию; Манассия родил Амона; Амон родил Иосию;

11 Иосия родил Иоакима; Иоаким родил Иехонию и братьев его, пред переселением в Вавилон.

12 По переселении же в Вавилон, Иехония родил Салафиила; Салафиил родил Зоровавеля;

40 Другой же напротив унимал его и говорил: или ты не
боишься Бога, когда и сам осужден на то же?
41 И мы *осуждены* справедливо, потому что достойное
по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал.
42 И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда
придешь в Царствие Твое!
43 И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же
будешь со Мною в раю.
44 Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма
по всей земле до часа девятого:
45 И померкло солнце, и завеса в храме раздралась по
средине.
46 Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в
руки Твои предаю дух Мой. И сие сказав, испустил
дух.
47 Сотник же, видев происходившее, прославил Бога и
сказал: истинно Человек Этот был праведник.
48 И весь народ, сшедшийся на сие зрелище, видя
происходившее, возвращался, бия себя в грудь.
49 Все же, знавшие Его, и женщины, следовавшие за Ним
из Галилеи, стояли вдали и смотрели на это.
50 Тогда некто, именем Иосиф, член совета, человек
добрый и правдивый,
51 Не участвовавший в совете и в деле их, из Аримафеи,
города Иудейского, ожидавший также Царствия Божия,
52 Пришел к Пилату и просил Тела Иисусова;
53 И сняв Его, обвил плащаницею и положил Его в гробе,
высеченном *в скале,* где еще никто не был положен.
54 День тот был пятница, и наступала суббота.
55 Последовали также и женщины, пришедшие с
Иисусом из Галилеи, и смотрели гроб, и как полагалось
Тело Его;
56 Возвратившись же приготовили благовония и масти;
и в субботу остались в покое по заповеди.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дорогой читатель! Сегодня ты закрыл книжку, на страницах которой встретился с отважным путешественником Лемюэлем Гулливером, вместе с ним пережил приключения в фантастической стране крошечных человечков — Лилипутии, где Гулливер чувствовал себя гигантом, и в удивительной стране великанов — Бробдингнеге, в которой он узнал, как плохо обыкновенному человеку, если окружающие его люди ростом с пожарную каланчу, а то и выше!

И удивительную страну Лилипутию, и Бробдингнег открыл более двухсот лет назад замечательный английский писатель Джонатан Свифт. До него эти страны просто не существовали. Страны эти вымышленные, ненастоящие. Почему же тебе кажется, что все события происходили в действительности? Потому, что жизнь в этих сказочных странах очень походит на жизнь европейских государств, какой она была во времена Свифта. В Лилипутии и в Бробдингнеге большинство людей, как и в европейских государствах XVIII века, трудится. Среди лилипутов есть отменные мастера и хлебопашцы. Это они с поразительной выдумкой устраивают переезд Человека Горы в столицу. А в стране великанов бедно и просто одетые батраки и крестьяне были первыми, кого встретил Гулливер. И, как в жизни, здесь встречаются богачи бездельники, живущие за счет крестьян и ремесленников. В обеих странах жители все покупают за деньги, кошельки имеют и большие и маленькие люди. И в Лилипутии, и в Бробдингнеге (как и в Англии) есть ограниченные и невежественные ученые, они никогда не слышали о других землях и народах: ученые лилипуты «думали, что везде живут одни лилипуты», а ученые великаны решили, что Гулливер вовсе и не человек, а «просто игра природы». В Англии самым главным человеком был тоже король, а Лилипутией управляет даже не король, а император. И, как в Англии, в этих странах есть государственные секретари, казначеи, чиновники. Все, как в Англии! Кроме некоторых различий в уровне техники. Помнишь, как напугал лилипутов пистолет Гулливера, как изумились они тикающей машине — обыкновенным часам? А миролюбивые великаны очень дивились рассказу Гулливера о том, что армии на его родине вооруже

ны пушками, из которых вылетают ядра. Но в городах такие же, как в Лондоне, улицы и площади, великолепные дома и лачуги бедняков, соборы, только в Лилипутии они высотой в человеческий рост, а в Бробдингнеге с версту. И в Лилипутии, и в Бробдингнеге совещаются правительства, есть армии, устраиваются парады войск — на случай войны с соседними государствами и для устрашения собственных подданных, которые могли выйти из повиновения. Словом, все очень похоже — вплоть до пышных дворцовых церемоний, любви придворных к роскошным одеяниям и всевозможным зрелищам.

Когда современники Свифта читали о приключениях Гулливера в стране лилипутов, им казалось, что все это написано об Англии. Ты помнишь, какой дурацкий обычай существовал при дворе лилипутского императора? На высшие государственные должности назначались те из лилипутов, которые выше всех прыгали на канате. А награды получали лучшие пролазы. Так и в Англии высшие должности и награды получали не те, кто их заслужил, а те, кто мог их получить с помощью подкупа, подхалимства и низкопоклонства. За причудливыми именами лилипутов скрываются то чванливый вельможа, то делец, разбогатевший на обмане, а то и сам король. Английские короли любили превозносить свое величие, хотя сами чаще всего были людьми ничтожными. Вспомни, как смешно лилипутский император, даруя свободу Человеку Горе, который мог бы раздавить его одним мизинцем, называет себя «отрадой и ужасом Вселенной, самым мудрым, самым сильным и самым высоким из всех царей мира, чьи ноги упираются в сердце земли, а голова достигает солнца, чей взгляд приводит в трепет всех земных царей, прекрасный, как весна, благостный, как лето, щедрый, как осень, и грозный, как зима». Не правда ли, король Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой напоминает тебе лягушку из басни И. А. Крылова «Лягушка и Вол», которая, захотев стать величиной с быка, надулась так, что не выдержала и... лопнула! Как английский король обманывал своих подданных обещаниями, которых никогда не выполнял, так и лилипутский император оказывается нечестным, лицемерным человеком: обещая Гулливеру свободу и уважение, он отдает приказание ослепить его, как только узнает о

том, что тот выступает против порабощения маленького острова Блефуску.

Во времена Свифта многие сильные страны стремились завоевать маленькие и слабые страны, чтобы захватить их земли и богатства, а жителей превратить в своих рабов. И вот между Лилипутией и соседним государством Блефуску «идет непрерывная война». Когда хотят сказать о каком-либо незначительном деле, то говорят, что оно «яйца выеденного не стоит». Так вот оказывается, что в Лилипутии из-за этого-то и вспыхивают раздоры: правители лилипутов и блефускуанцев никак не могут решить, с какого конца следует разбивать яйца — с тупого или острого.

Все происходящее было бы очень смешным среди обыкновенных людей. Но если сам император ростом в три пальца, а его министры еще меньше, то смешное кажется еще смешнее! Вот для чего Свифт придумал своих лилипутов.

В стране великанов жизнь гораздо лучше, чем в Лилипутии. Король Бробдингнега — мудрый, добрый и просвещенный человек. Он издает простые и ясные для подданных законы, заботится об их благополучии. Он не возвеличивает себя над другими. (Вспомни: глава Лилипутии, ростом в три пальца, - император, а глава государства Бробдингнег, ростом с пожарную каланчу,— всего-навсего король!)

Тебе понравился славный моряк Лемюэль Гулливер? Это смелый и благородный человек, он всегда на стороне слабых и обиженных. Великодушие не позволяет ему взять с собой на родину кого-нибудь из лилипутов. Он не хочет, чтобы маленькие человечки, подобно ему самому, испытали чувство одиночества и тоски по родине. Гулливера привлекают дальние странствия, и он снова и снова отправляется в путь, несмотря на испытания. Жажда увидеть большой мир побеждает в нем стремление к домашнему покою.

Не хочешь ли ты узнать теперь об авторе прочитанного тобой романа?

Джонатан Свифт родился в 1667 году в ирландском городе Дублине. Отец его, бедный священник, умер еще до появления сына на свет. Не имея никаких средств на воспитание маленького Джонатана, мать вынуждена была отдать его в семью богатого родственника, надеясь, что там

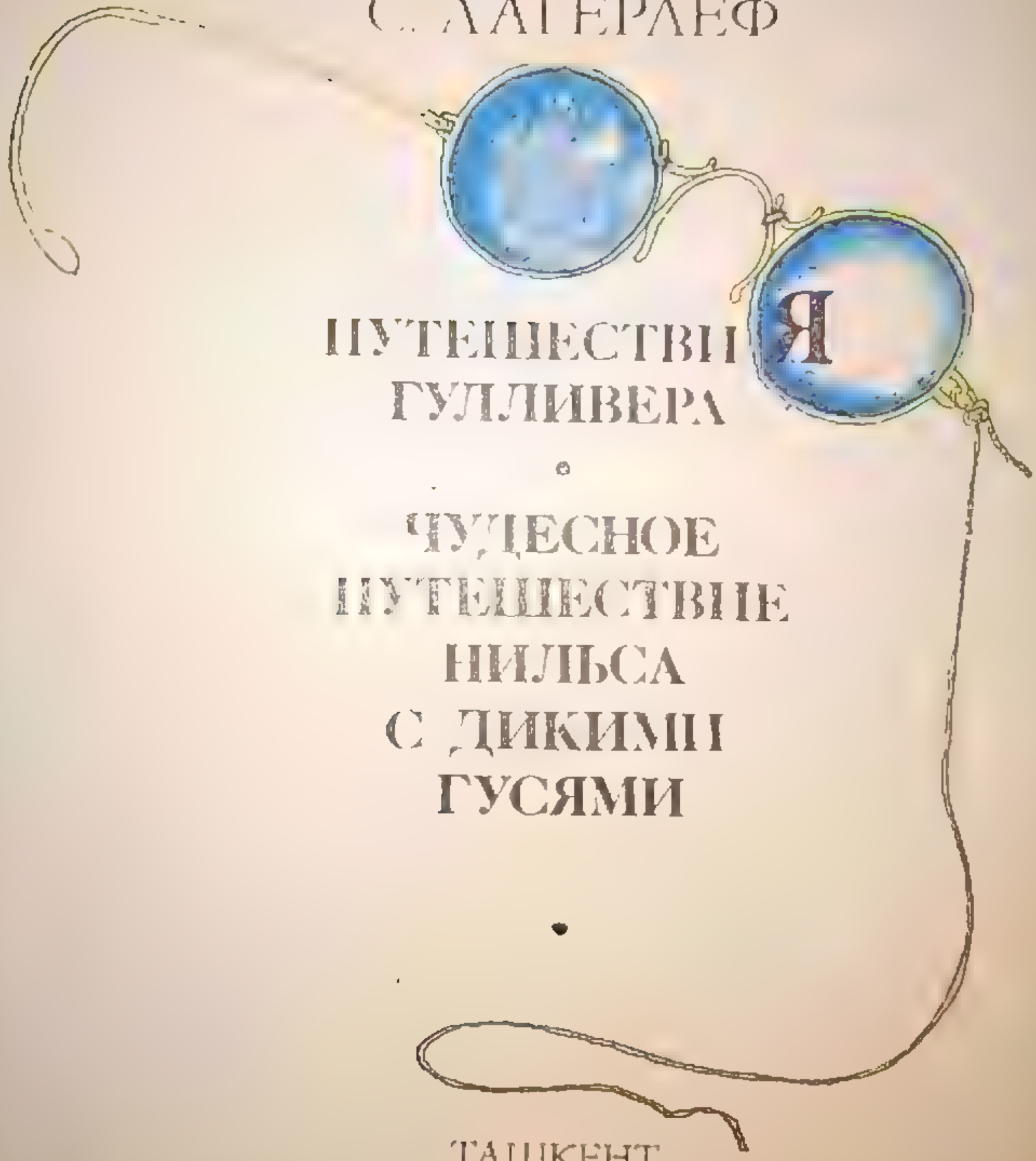
он встретит любовь и ласку. Ожидания ее не оправдались. Мальчик рано узнал одиночество и горечь унижения. Суровый и скупой, дядя во что бы то ни стало решил сделать племянника священником, и Джонатан, окончив школу в возрасте четырнадцати лет, поступил на богословский факультет. Однако Джонатан не имел никакой склонности к церковной службе. Он избрал другой путь. После окончания университета Свифт стал секретарем влиятельного дипломата и царедворца Вильяма Темпля. В его доме Свифт наблюдал жизнь приближенных короля, которую позднее он так точно изобразил в «Путешествиях Гулливера» и других произведениях. В свободное от службы время Джонатан жадно читает книги из огромной библиотеки Темпля. Хозяин дворца был большим любителем и знатоком литературы и искусства, поэтому в его доме часто собирались поэты, писатели, ученые, и Джонатан имел возможность подолгу беседовать с ними.

После смерти Темпля Джонатан Свифт поступил на должность священника в маленьком деревенском приходе в Ирландии, стране, подчиненной Англии. Положение народа здесь было особенно тяжелым. Свифт становится вождем и защитником обездоленных бедняков — разоренных ирландских крестьян и ремесленников. В своих произведениях Свифт под вымышленными именами высмеивает то чванливого герцога или графа, то лицемерного церковника, а то и самого короля. Неподкупленность писателя была хорошо известна английским аристократам, вот почему они так боялись разящего смеха писателя и ненавидели его самого. Зато Свифт был любимцем простого народа. Когда в 1745 году писатель умер, в последний путь его провожали толпы ирландцев.

Дж. СВИФТ

ЧУДЕСНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

С. ЛАГЕРЛЁФ

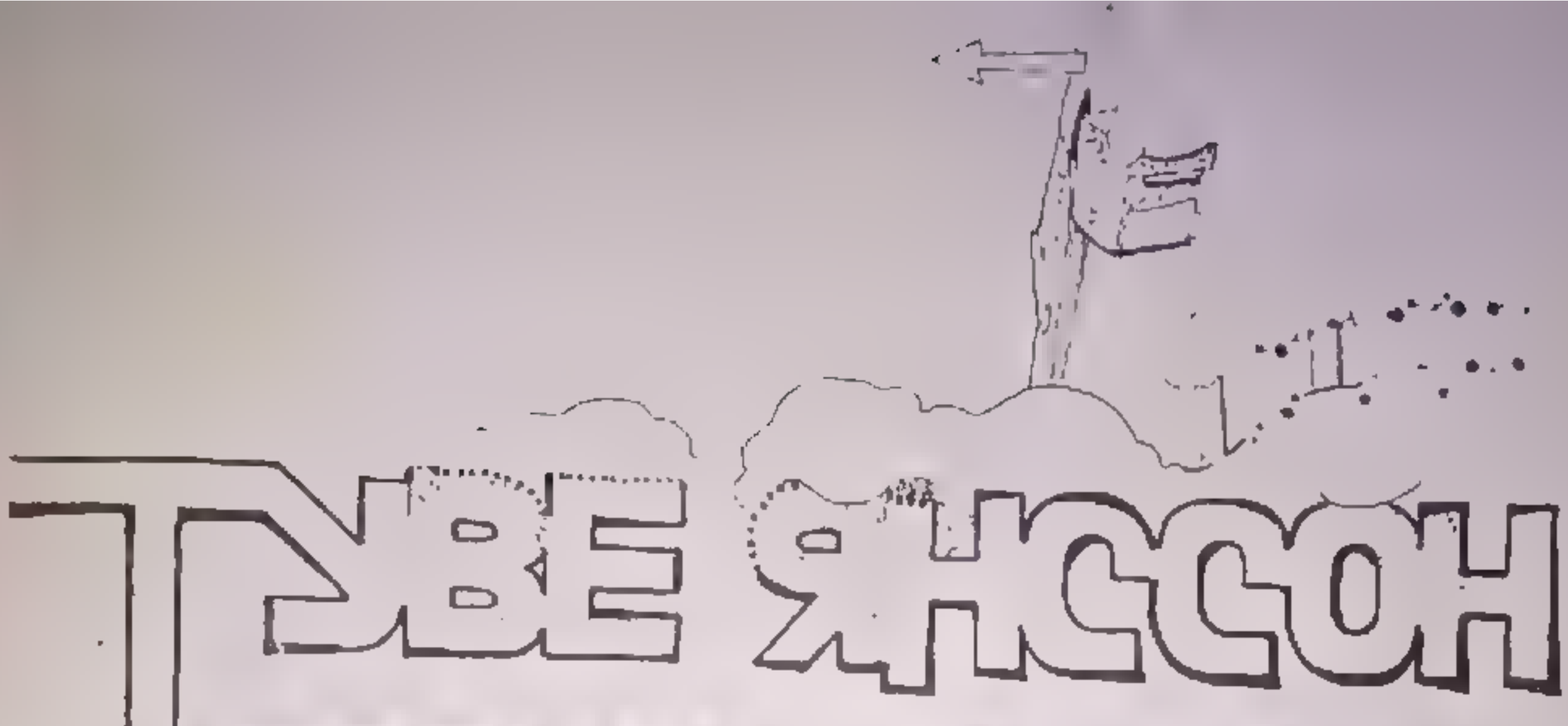


ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА

и

ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НИЛЬСА С ДИКИМИ ГУСЯМИ

ТАШКЕНТ
„ЮЛДУЗЧА"
1989



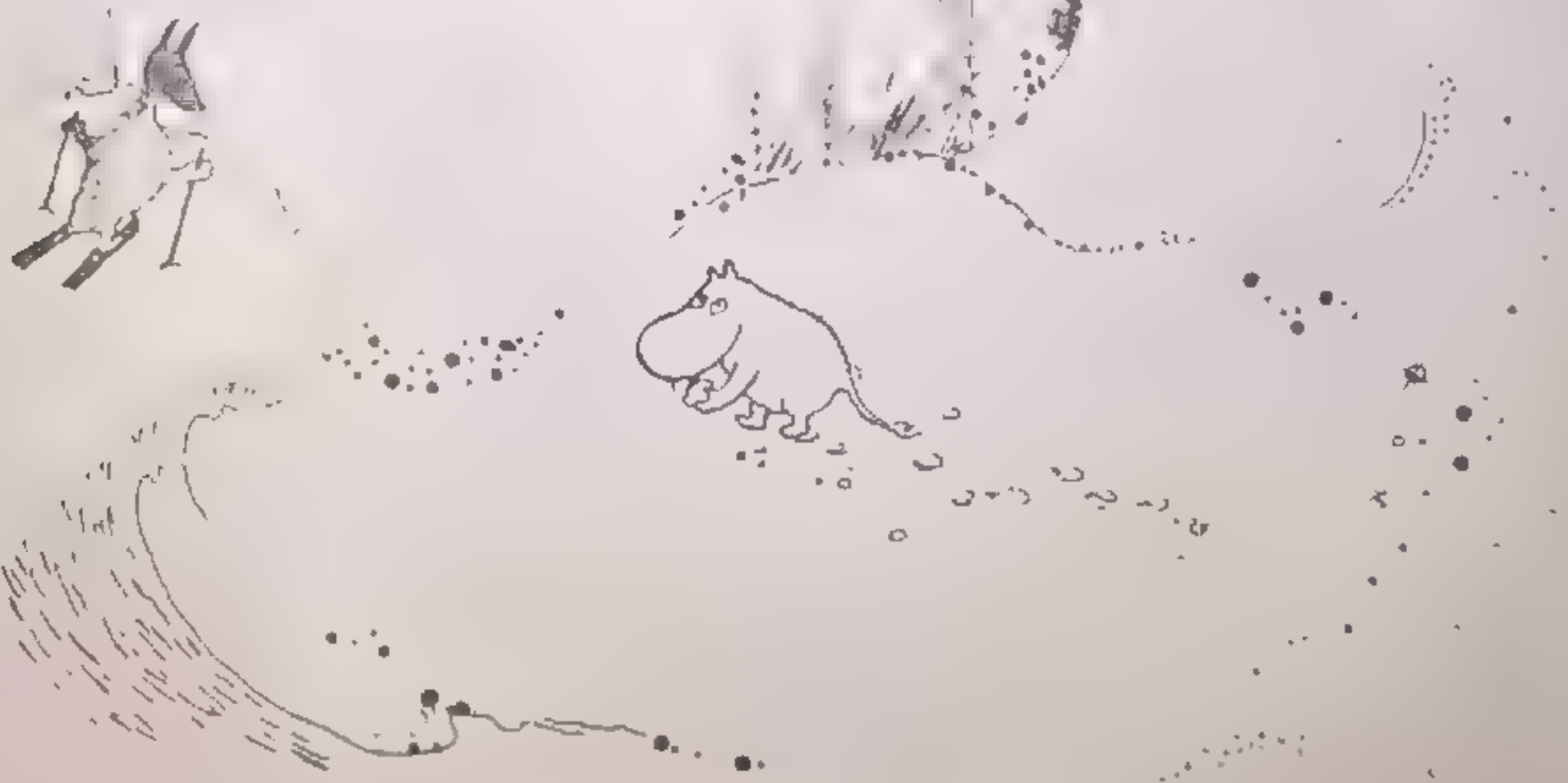
ТОВЕ ЯНССОН

ВОЛШЕБНАЯ ЗИМА

Перевод со шведского Л.Ю.Брауде

В КОНЦЕ НОЯБРЯ

Перевод со шведского Н.К.Беляковой



АСТА·ПРЕСС LTD
Санкт-Петербург • 1992

Дорогие ребята!

Вам знакомы Муми-тролль и Снусмумрик, Ондатр и малышка Мю и многие, многие другие жители сказочного Муми-дола?

Нет? Как же так?

Ведь про них написана не одна, не две, а целых тринадцать книжек. И написала их замечательная скандинавская писательница Туве Янссон. И не только написала, но и нарисовала забавных, веселых и трогательных героев своих книг.

Повести Туве Янссон переведены на двадцать пять языков. В Финляндии, Дании, Англии, Германии, Польше, Японии дети знают и любят героев-малышей, которые постоянно придумывают увлекательные и веселые игры, серьезного Муми-папу, вечного скептика и ворчуна Ондатра, Муми-маму, которая в самой трудной ситуации обязательно что-нибудь придумает, и всех остальных.

Муми-тролли и другие сказочные герои, населяющие Муми-дол, необычайно добры и отзывчивы. К ним приходят все, кому трудно и плохо живется, кто мечтает о тепле и ласке, кто ищет покоя.

„Выдуманный мир моих Муми-троллей — это мир, по которому наверняка в глубине души тоскует каждый из нас“,— пишет Туве Янссон.

В третий том вошли две повести: „Волшебная зима“ (пер. Л. Ю. Брауде) и „В конце ноября“ (пер. Н. К. Беляковой). Встреча со следующими историями из жизни Муми-троллей и других сказочных героев Туве Янссон ждет вас в следующих книгах.

ЭЛЕКТРОНИК — МАЛЬЧИК ИЗ ЧЕМОДАНА
РЭССИ — НЕУЛОВИМЫЙ ДРУГ
ПОБЕДИТЕЛЬ НЕВОЗМОЖНОГО

Три фантастические повести

Об электронном мальчике, по имени Электроник, его друге и двойнике Сергее Сыроежкине, знаменитом профессоре Громове, школьном математике Таратаре и классе «обыкновенных гениев»;

о том, как были изобретены Редчайшая Электронная Собака, камера сверхсилы, искусственное животное и многое другое;

как были спасены кит Нектон и белый тигр,

как потерпели поражение шахматные чемпионы,

как машина стала незаменимой для всех школьников.

Рисунки Е. Мигунова.

Велтистов Е. С.

В27

Приключения Электроника: Фантастические повести. (Для среднего и старшего школьного возраста) Предисл. Вл. Приходько; Худож. Е. Мигунов. — А.: Магарыф, 1988. — 432 с., ил.

Три фантастические повести («Электроник — мальчик из чемодана», «Рэсси — неуловимый друг», «Победитель невозможного») об электронном мальчике, по имени Электроник, его друге и двойнике Сергее Сыроежкине, знаменитом профессоре Громове, школьном математике Таратаре, о том как были изобретены Редчайшая Электронная Собака — Рэсси, камера сверхсилы, искусственное животное и многое другое.

В 4803010202—1694
М 552(14)—88 88—88

84.Р7

ISBN 5—675—00023—2

© Издательство «Детская литература». Предисловие 1975 г.
© Издательство «Детская литература» 1983 г.
© Издательство «Магарыф» 1988 г.

ДЛЯ САМЫХ ЛЮБОПЫТНЫХ

Эту книгу можно было бы издать без предисловия.

Зачем же предисловие? Да еще написанное человеком, который в детстве сам без предисловий приступал к приключениям любимых героев. Дело в том, что про Электроника знает нынче великое множество детей. Не ленивых и любопытных. А вдруг самые любопытные захотят узнать про автора любимой трилогии? Или еще что-нибудь вокруг книги.

Для них-то и написано предисловие.

Итак, автор. Евгений Велтистов.

Симпатичный. Худой и длинный, в очках. Москвич.

Родился в семье военного инженера. В 1934 году.

Сейчас тут прокладыв[illegible]ировский проспект. А раньше была Доминиковская улица. По [illegible]Доминиковская, 3, была 265-я школа.

Шла война. Вели[illegible]. Во второй год великой войны он пришел сюда учиться. Книг было мало. Тетрадей еще меньше. Читать хотелось очень сильно. Когда спросили, кем ты станешь, ответил: «Продавцом детских книжек. Чтобы прочитать все».

Потом он передумал. Решил стать журналистом. Это было твердое решение. Окончил факультет журналистики. Стал работать — сперва в газетах, потом — редактором отдела в популярном журнале «Огонек». Ведал фельетонами и всякой всячиной, что печаталось на последних страницах. Был еще более худой, чем сейчас. И поэтому казался еще длинней. В многоэтажном доме редакция занимала три этажа. И когда в праздничные дни вывешивали веселую стенгазету, Велтистова изображали примерно так: голова на третьем этаже, туловище — на втором, а бегущие ноги — на первом.

Он был настоящим репортером: неутомимо выхаживал новости. Находил интересных людей. Он нашел, например, в одном арбатском переулке сочинительницу знаменитой песенки «В лесу родилась елочка», старушку Р. Кудашеву. И сумел ей помочь, так как требовалась помощь. Он также помог детскому саду поселиться на роскошной даче, до этого принадлежавшей жулику. А зарубежному писателю-фантасту — увидеть атомный реактор в Дубне. Познакомился с геройскими строителями братской ГЭС. Встре-

[illegible] с создателями советской техники. Брал интервью у начальника уголовной полиции города Нью-Йорка, когда был в командировке в США. И на языке дружбы объяснялся с японскими рабочими.

Он копил впечатления. И обдумывал будущие повести...

Рукопись первой книжки он принес в издательство «Детская литература». Вскоре она увидела свет. За ней увидели свет другие. Их было немало. Назову их: «Приключения на дне моря (1960), «Тяпа, Борька и ракета» (1962), «Электроник—мальчик из чемодана» (1964), Глоток солнца» (1967), «Гум-гум» (1970), «Рэсси-неуловимый друг» (1971), «Излучать свет» (1973), «Победитель невозможного» (1975), «Миллион и один день каникул» (1979), «Ноктюрн пустоты» (1982).

Книги «Излучать свет» и «Тяпа, Борька и ракета» написаны Е. С. Велтистовым в соавторстве с женой и другом — Мартой Барановой.

Повесть-сказку «Миллион и один день каникул» горячо рекомендовал детям космонавт Виталий Севастьянов. Газета «Правда» однажды рассказала, как он беседовал с ребятами про «черные дыры», описанные Е. Велтистовым в этой космической сказке.

Но давайте вернемся к Электронику.

...В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов дети начали учиться по более насыщенным программам. Триумфальный полет Гагарина проложил путь в космос. Слово «кибернетика», восходящее к старинному греческому «управляю кораблем», стало известно домохозяйкам. На страницах газет спорили о судьбах лирики в технический век. Рьяные сторонники физики сводили роль искусства в будущем до [illegible] минимума. «Лирики» были в загоне, «физики» в почете. Распространился интерес к научной фантастике. Воображение литераторов уводило читателей в такие глубины мироздания, какие не снились предыдущим поколениям.

Тут-то и был написан «Электроник — мальчик [illegible]».

Этот образ возник так. Однажды молодой автор собрался в отпуск, к морю. Уложил чемодан, сел в такси. Несет чемодан к поезду и удивляется: тяжелый. Словно там не рубашка и ласты, а кирпичи. Чтобы нести было легче, веселей, стал фантазировать: может, в чемодане кто-то есть? Может там... электронный мальчик? Вот поставлю, подумал, чемодан на полку, открою крышку, мальчик откроет глаза, встанет и скажет: «Здравствуй! Меня зовут Электроник...» Вошел в купе, щелкнул замками и ахнул. Оказывается, в спешке перепутал чемоданы: взял другой, набитый книгами. Поезд тронулся... Пришлось у моря обойтись без ластов. Зато почитал вволю. А про воображаемого мальчика из чемодана не забыл.

Как известно, сказка подчиняется общим законам искусства. Бывает, говорит литератор о близком, все у него внешне правдоподобно. А читатель, чувствуя фальшь, говорит, как режиссер отвлекшемуся актеру: «Не верю!» Это приговор.

В книге Е. Велтистова странные, невероятные ситуации сменяют одна другую. Но написаны повести про Электроника выразительно, ярко. И, с самого начала приняв условность, праздничную фантастичность сюжета, веришь уже всему: и лукавому профессору Громову, который предпочитал обычное такси вертолетам, и мальчику-роботу, оказавшемуся как две капли воды похожим на школьника Сережу Сыроежкина, и неслыханной Стране двух

измерений, где все плоское — люди, дома, мячи, деревья... И другим чудесам.

Все это художественно достоверно.

Е. Велтистов обладает настоящим умением говорить о сложном просто. Он способен увидеть привычные, даже банальные вещи с новой стороны. Его перо одевает в плоть бесплотное, абстрактное превращает в конкретное. Он, безусловно, «физик», а не «лирик». Симпатии на стороне точных наук. Но пренебрежения к «лирике» он не разделил. Герои «Электроника» не односторонние: так, математик Таратар, рассказывая ученикам о процессе творческого открытия, привел в качестве примера... стихи Пушкина. Прочел их тихо, почти шепотом. И в класс словно ворвался бесшумный ветерок, затуманивший глаза.

Интересно, а этот математик—выдуманный? Оказывается, не совсем. Работая над «Электроником», автор не раз заглядывал в одну московскую спецшколу с математическим уклоном. Познакомился со старым учителем. Старого учителя звали И. Я. Танатар. На уроках Танатар не обходился без шутки, ходил с ребятами в походы и выпускал в классе газету «Программист-оптимист» на «танатарском» языке формул. Когда в издательстве обсуждали рукопись «Электроника», автор попросил дать ее на рецензию старому учителю. И получил от него отзыв: будущая книга «должна представить интерес для читателя».

Фантастов всего мира волнует тема взбунтовавшейся машины. Есть книги, где она решена трагически. Это можно понять: технический прогресс, который казался людям избавлением от всех бед, продемонстрировал свою двойственность: дал не только сверхудобства, но и супербомбу.

Е. Велтистов [illegible]: Он верит в победу разума и человечности. Побег электроника [illegible], по ошибке заряженного током слишком высокого напряжения, — [illegible] шутка, движущая жизнерадостный сюжет.

Думаю, [illegible] ошибусь, назвав среди литературных учителей Е. Велтистова имя А[illegible]. Идя своим путем, автор «Электроника» учитывал опыт замечательного детского писателя. Его книга заряжает тех, кому адресована, интересом к науке, к поэзии, ко всем достижениям человеческого гения. И сама она вызвана к жизни этим интересом, продиктована им.

Электроник сразу же полюбился ребятам. После выхода первой части трилогии возникли пионерские клубы «Электроник», объединившие юных энтузиастов физики, информации и других наук. Ребята стали рисовать и конструировать собственных роботов. И пробовали писать собственные повести про Электроника.

Потом появилась вторая, третья часть...

А когда на телеэкран вышел трехсерийный фильм, поставленный по сценарию Е. Велтистова режиссером К. Бромбергом, в библиотеках выстроились длинные очереди за «Электроником». Книгу выдавали всего на два дня. Успех превзошел ожидания. В редакцию «Пионерской правды», на телевидение на имя автора пришло около 80 000 писем от читателей и зрителей, а потом их и вовсе перестали считать. Одна девочка написала, что после знакомства с Электроником, поняла: «Нужно быть честной, работать своим умом», и если раньше училась на «три», теперь учится на «три» и «четыре». Вот какой прогресс. Другая наотрез отказалась, пока не досмот-

рит Электроника, уехать в пионерский лагерь. Дети рассказывали, что проводят конкурс на «лучшего Электроника по учебе», ставят по «Электронику» спектакли. А школьники из дагестанского города Хасавьюрта даже предложили «устроить олимпийские игры в честь Электроника и Сыроежкина»!

В 1982 году Евгению Серафимовичу Велтистову присуждено почетное звание лауреата Государственной премии СССР за сценарий многосерийного художественного фильма «Приключения Электроника».

Доктор физико-математических наук, профессор С. Капица назвал Электроника «Буратино наших дней», а его историю сказкой, спроектированной на электронный век. Сегодня с Электроником дружат дети Вьетнама и ГДР, Греции и Франции, Болгарии и Японии!!.. В какой же ряд поставить книгу, где горячо сформулированы «основные законы» творчества: трудолюбие! увлеченность! знания! смелость! дерзость! минус зазнайство!.. Или — плюс скромность, как кому больше нравится.

Вот полка с любимыми книгами моих детей. «Золотой ключик», «Старик Хоттабыч», «Незнайка на луне», «Корабль Синдии»... А вот и повести Е. Велтистова. Поневоле завидуешь тем, кто читает их в первый раз.

Владимир Приходько.

ЧИТАЕМ САМИ

БОРИС ЖИТКОВ

ПЧЕЛА

РАССКАЗ

Рисунки В. Дроздова

Санкт-Петербург
Республиканское издательство
детской и юношеской литературы
«ЛИЦЕЙ»
1992

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО

С Борисом Житковым я познакомился в детстве, то есть ещё в 19 веке. Мы были однолетки, учились в одном классе одной и той же Одесской второй гимназии...

Мне нравилось, что он живёт в порту, над самым морем, среди кораблей и матросов; что все его дяди — все до одного! — адмиралы; что у него есть собственная лодка, кажется да́же под парусом, и не только лодка, но и телескоп на трёх ножках, и скрипка, и чугунные шары для гимнастики, и дрессированный пёс.

Обо всём этом я знал от счастливцев, которым удалось побывать у Житкова, а дрессированного (очень лохматого) пса я видел своими глазами: он часто провожал своего хозяина до ворот нашей школы, неся за ним в зубах его скрипку.

...Характер у Житкова был инициативный и властный, и так как его, третьеклассника, уже тогда распирало буквально от множества знаний, умений и сведений, которые наполня-

ли его до краёв, он... жаждал учить, наставлять, объяснять, растолковывать. Именно потому, что я ничего не умел и не знал, я оказался в ту пору драгоценным объектом для приложения его педагогических талантов, тем более что я сразу же смиренно и кротко признал его неограниченное право распоряжаться моей умственной жизнью.

Он учил меня всему: гальванопластике, французскому языку (который знал превосходно), завязыванию узлов по-морскому, распознаванию насекомых и птиц, предсказанию погоды, плаванию, ловле тарантулов... Под его руководством я прочёл две книги Тимирязева и книгу Фламмариона об устройстве вселенной. У него же я научился отковыривать от биндюгов (то есть длинных телег, запряжённых волами) при помощи молотка и стамески старые оловянные бляхи и плавить их в чугунном котелке на костре.

...К тому времени я стал бывать у него в доме и познакомился со всей его семьёй.

Радушие семьи изумляло меня. Оно выражалось не в каких-нибудь слащавых приветствиях, а в щедром и неистощимом хлебосольстве. Приходили к Степану Васильевичу какие-то обтёрханные, молчаливые, пропахшие махоркой явно голодные люди, и их без всяких расспросов усаживали вместе с семьёю за длинный, покрытый клеёнкой стол и кормили тем же, что ела семья (а пища у неё была простая, без гурманских причуд: каша, жареная скумбрия, варёная говядина).

...Кроме литературы в семье Житковых любили математику, астрономию, физику. Смутно вспоминаю какие-то электроприборы в кабинете у Степана Васильевича...

Мать Житкова была пианистка. Маленькая, худощавая женщина, преданная музыке до страсти. Почти всегда, подходя к дому, где жили Житковы, я ещё издали слышал очень громкие звуки её экзерсисов, наполнявшие собою весь дом.

...Раньше я никогда не видел подобной семьи и лишь потом, через несколько лет, убедился, что в сущности, то была очень типичная русская интеллигентная трудовая семья того времени, каких было немало в столицах и больших городах — в Саратове, в Киеве, в Нижнем, в Казани, — щепетильно честная, чуждая какой бы то ни было фальши, строгая ко всякой неправде. В ней не было ни тени того, что тогда называлось мещанством, и этим она была непохожа на все прочие семьи, которые довелось мне в ту пору узнать.

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

ИЗБРАННОЕ

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1992

Есть на свете дома, в которые приходят без приглашения.
Приходят, как говорится,
на огонек,— когда грустно и одиноко.
Творчество писателя — такой дом. Мой дом —
мои книги, а мои герои — люди,
ради которых читатель переступает порог моего дома.
Я буду очень рад, если ты, мой читатель,
на этот раз застал в моем доме своих старых добрых знакомых
— рыцаря Васю, мальчика с кошками, некрасивую Ленку,
которая играет в красавицу и мужественного друга собак Косту.
Ты даже встретишь в моем доме
друга своего раннего детства медвежонка Умку.
Может быть, не все обитатели моего дома
оказались твоими знакомыми, возможно, что с некоторыми из них
ты познакомился впервые.
Надеюсь, они станут твоими друзьями.
В книге, названной «Избранное», принято помещать произведения,
уже известные читателю. Но в этой книге
я поместил совсем новое произведение
«Страсти по четырем девочкам. Мистерия».
Это своеобразное произведение.
Оно написано и в прозе, и в стихах.
Буду рад, если юные героини, мужественные девочки
Таня Савичева, Анна Франк, Сасаки Садако и Саманта Смит
станут твоими друзьями.
Мои книги не только мой дом, но и моя душа.
Все, что я пережил, перестрадал сам,—
все это оставило след в моем творчестве.
И пусть тебя не удивит,
что и эта книга в какой-то степени
обо мне самом.
Я незримо присутствую в каждом рассказе,
в мыслях и чувствах моих героев —
мои мысли и чувства. Они сокровенные,
но я открыл их тебе.
Может быть, они помогут тебе в жизни.
И на прощанье мне хочется сказать тебе:
вспоминай мой дом,
моих друзей,
а когда тебе станет грустно,
постучи в мою дверь.

Составитель
Таисия Андреевна БУТЕНКО

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
для 1—4 классов средней школы

Редактор *В. В. Безбожный*
Художник *Н. А. Фарбер*
Художественный редактор *В. С. Тер-Варганян*
Технический редактор *Г. Я. Грамотенко*
Корректоры *Н. В. Пустовойтова, О. И. Антюфеева*

Лицензия ЛР № 010133 от 02.12.1991 г. Подписано в печать с диапозитивов 05.04.94. Формат 60×90 1/16. Бум. тип. № 2. Гарнитура «Литературная». Фотонабор. Высокая печать. Усл. п. л. 33,0. Уч.-изд. л. 41,1. Доп. тираж 25 000 экз. Заказ № 1228.

Ростовское книжное издательство. 344706, Ростов-на-Дону, Красноармейская, 23.

Региональное Приволжское издательство «Детская книга». 410600, Саратов, ул. Вольская, 63.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Комитета Российской Федерации по печати. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТВОРЧЕСТВО РУССКОГО НАРОДА

Былины *(В пересказе И. Карнауховой)*

Алёша Попович и Тугарин Змеевич 3
Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча 7
Как Илья из Мурома богатырём стал 12
Илья Муромец и Соловей-разбойник 15

Сказки

Лиса и волк 19
Царевна-лягушка 20
Иван-царевич и серый волк 25
Дурак и берёза 30
Докучные сказки 31

Песни

«Во поле берёзынька стояла...» 32
«Как на тоненький ледок...» 32
«Уж как я ль мою коровушку люблю...» 32
«У кота ли, у кота...» 33

Потешки, прибаутки 33

Считалки 34

Дразнилки 35

Скороговорки 35

Загадки 36

II. РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XIX ВЕКА

Александр Сергеевич Пушкин

«Гонимы вешними лучами...» *(Из романа «Евгений Онегин»)* 38
«Унылая пора! очей очарованье!..» *(Из стихотворения «Осень»)* 38
Песнь о вещем Олеге 39
Сказка о попе и о работнике его Балде 41
Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях 46

Иван Андреевич Крылов

Ворона и Лисица 52
Слон и Моська 53
Кот и Повар 53

Василий Андреевич Жуковский

Остров 54
Птичка 55
Песня 55

Владимир Иванович Даль

Ворона 55
Журавль и цапля 56
Приверединца 58

Михаил Юрьевич Лермонтов

Парус 62
Утёс 62
Тучи 62
«На севере диком стоит одиноко...» 63

Владимир Фёдорович Одоевский

Мороз Иванович 63
Игоша 68

Пётр Павлович Ершов

Конёк-горбунок 73

Фёдор Иванович Тютчев

Конь морской 103
«В небе тают облака...» 103
«Есть в осени первоначальной...» 103

Алексей Константинович Толстой

«Край ты мой, родимый край..» 103
«Звонче жаворонка пенье...» 103
Курган 104

Афанасий Афанасьевич Фет

Весенний дождь 105
Мотылёк мальчику 105
«Что за вечер! А ручей...» 105

Николай Алексеевич Некрасов

Несжатая полоса 106
Генерал Топтыгин 107

Иван Саввич Никитин

Русь 108
Утро 110

Лев Николаевич Толстой

Птичка. *Быль* 111
Три медведя. *Сказка* 112
Косточка. *Быль* 113
Два товарища. *Басня* 113
Рассказ аэронавта 114

Иван Захарович Суриков

Рябина 115
В ночном 116
Зима 116

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Приёмыш. *Из рассказов старого охотника* 117
Сказка про Воробья Воробсича, Ерша Ершовича и весёлого трубочиста Яшу 124

Антон Павлович Чехов

Детвора 128
Пошлинная фамилия 132
Белолобый 134

III. РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Александр Иванович Куприн

Белый пудель 139

Ракса Адамовна Кудашева

В лесу родилась ёлочка 163
Два зайчика 163

Константин Дмитриевич Бальмонт

Золотая рыбка 164
Снежинка 164
У чудищ 165

Александр Александрович Блок

«Полный месяц встал над лугом...» 165
Ветхая избушка 165
Сочельник в лесу 166

Иван Алексеевич Бунин

Первый снег 166
Ангел 166
«Гаснет вечер, даль синеет. 167

Борис Степанович Житков

Как я ловил человечков 167
Про обезьянку 171

Владимир Владимирович Маяковский

Что такое хорошо и что такое плохо? 178
Кем быть? 180

Сергей Александрович Есенин

«Нивы сжаты, рощи голы» 183
С добрым утром! 183
Воробышки 183

Саша Чёрный

Крокодил 184
Зелёные стихи 184
Мышиное горе 184

Алексей Николаевич Толстой

Кикимора 185
Грибы 186
Воробей 188
Фофка 189

Александр Иванович Введенский

Кто? 191
Сны 193

Аркадий Петрович Гайдар

Чук и Гек 194

Даниил Хармс

Самовар 213
Из дома вышел человек 214
Удивительная кошка 214

Юрий Дмитриевич Владимиров

Самолёт 215
Барабан 216

Михаил Михайлович Зощенко

Елка 216
Великие путешественники 219

Николай Алексеевич Заболоцкий

Сказка о кривом человечке 223
Как мыши с котом воевали 225

IV. СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

Михаил Михайлович Пришвин

Лисичкин хлеб 228
Золотой луг 229
Ёж 229
Журка 231
Разговор птиц 232
Осинкам 233

Павел Петрович Бажов

Голубая змейка 233
Серебряное копытце 242

Корней Иванович Чуковский

Тараканище 248
Айболит 250

Самуил Яковлевич Маршак

Пожар 255
Пудель 257
Вот какой рассеянный 258

Константин Георгиевич Паустовский

Тёплый хлеб 259
Стальное колечко 265

Виталий Валентинович Бианки

Хвосты 269
Синичкин календарь 271

Валентин Петрович Катаев

Дудочка и кувшинчик 286
Цветик-семицветик 290

Елена Александровна Благинина

Одуванчик 295

Ёжо 296
Шинель 296

Агния Львовна Барто

Перед отлётом 297
Медвежонок невежа. Сказка [illegible] 297
Любитель-рыболов 298
Перед сном 299

Николай Николаевич Носов

Фантазёры 2[illegible]
Бобик в гостях у Барбоса 3[illegible]2

Сергей Владимирович Михалков

[illegible]
Фома [illegible]7
Весёлые путешественники

Виктор Юзефович Драгунский

«Он живой и светится [illegible]
«Где это видано, где это с[illegible]

Борис Владимирович Заходер

География вемятку [illegible]14
Птичья школа [illegible]16

Александр Исаевич Солженицын

Утёпок 17
Костёр и муравьи [illegible]17
Шарик [illegible]17

Николай Иванович Сладков

Скатерть-самобранка [illegible]8
Сушёные камни 318
Скворец-знахарь 319
Скворцы прилетели 320
Лесные шорохи 320

Эмма Эфраимовна Мошковская

Хитрые старушки 321
Жил на свете один человечек 322
Обида 322
Не верится 322

Валентин Дмитриевич Берестов

Дракон 323
[illegible] 323
Ворон[illegible] 323

Ирина Петровна Токмакова

Осинка 323
Дуб 323
Туман 324
«А я рано утром залез на сосну...» 324
Кораблик 324

Николай Михайлович Рубцов

Звёзда полей 324

«У сгнившей лесной избушки...» 325
В горнице 325

Эдуард Николаевич Успенский

Колобок идёт по следу 325

V. МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Герои Эллады *(Рассказала для детей В. Смирнова)*

Персей 337
Дедал и Икар 341
Тезей 343

Подвиги Геракла *(Рассказали для детей В. и Л. Успенские)*

Рождение Геракла 350
Гнев богини Геры 352
На службу к Эврисфею 354
В пещере Немейского льва 355
Битва с Лернейской Гидрой 359
Десятый подвиг 361
Золотые яблоки Гесперид 364
Двенадцатый подвиг 367

VI. БИБЛЕЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Ветхий Завет *(Из книги [illegible] Под редакцией К. И. Чуковского)*

Адам и Ева *(Пересказ Г. Снегирёва)* 371
Каин и Авель *(Пересказ Н. Гребнева)* 373
Всемирный потоп *(Пересказ [illegible])* 374
Вавилонская башня *(Пересказ Т. Литвиновой)* 376
Моисей *(Пересказ Н. Гребнева)* 377

Новый Завет (Евангелие) *(Из книги Л. Н. Толстого «Учение Христа, изложенное для детей»)* 383

VII. ЛИТЕРАТУРА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Шарль Перро

Золушка, или Хрустальная туфелька *(Перевод с французского Т. Габбе)* 405
Рике с хохолком *(Перевод Т. Габбе)* 414

Якоб Гримм, Вильгельм Гримм

Храбрый портной *(Перевод с немецкого А. Введенского)* 41[illegible]
Маленькие человечки *(Перевод А. Введенского)* 42[illegible]
Заяц и ёж *(Перевод А. Введенского)* 42[illegible]

Вильгельм Гауф

Маленький Мук *(Перевод с немецкого М. Салье)* 426

Ханс Кристиан Андерсен

Стойкий оловянный солдатик *(Перевод с датского А. Ганзен)* 437
Свинопас *(Перевод А. Ганзен)* 441
Огниво *(Перевод А. Ганзен)* 445

Цакариас Топелиус

Сампо-Лопарёнок *(Пересказ с финского Л. Любарской)* 450

Джоэль Харрис

Братец Лис и Братец Кролик *(Перевод с английского М. Гершензона)* 461
Смоляное Чучелко *(Перевод М. Гершензона)* 463
Как Братец Кролик перехитрил Братца Лиса *(Перевод М. Гершензона)* 464

Джозеф Редьярд Киплинг

Откуда у кита такая глотка *(Перевод с английского К. Чуковского)* 465
Рикки-Тикки-Тави *(Перевод К. Чуковского)* 467

Алан Александр Милн

Баллада о королевском бутерброде *(Перевод с английского С. Маршака)* 479
Королевская считалка *(Перевод М. Бородицкой)* 481

Доктор Сьюз

Слон Хортон ждёт птенца *(Перевод с английского Т. Михаровой)* 481

Астрид Линдгрен

Крошка Нильс Карлсон *(Перевод с шведского Л. Лунде)* 486
Мирабель *(Перевод Д. Брауде)* 494

Дональд Биссет

Про тигрёнка Бинки, у которого *(Перевод с английского И. Шерешевской)* 498
Про поросёнка, которым *(Перевод И. Шерешевской)* 499
Мистер Крококот *(Перевод И. Шерешевской)* 500
Кузнечик Денди *(Перевод И. Шерешевской)* 501
Забытый День Рождения *(Перевод И. Шерешевской)* 502

Джанни Родари

Пуговкин домик *(Перевод с итальянского И. Константиновой)* 503
Про мышку, которая съела кошку *(Перевод И. Константиновой)* 508

Энн Хогарт

Мафин печёт пирог *(Перевод с английского О. Образцовой)* 509
Мафин недоволен своим хвостиком *(Перевод О. Образцовой)* 511
Мафин и его знаменитый кабачок *(Перевод О. Образцовой)* 514
Мафин поёт песенку 518

Рассказы о Древней Руси

Художник С. Бойко

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1992

Я люблю Древнюю Русь.

Я эту эпоху очень люблю, потому что вижу в ней борьбу, страдания народные... Вот эта сторона древнерусской жизни: борьба за лучшую жизнь, борьба за исправление, борьба даже просто за военную организацию, более совершенную и лучшую, которая могла бы оборонить народ от постоянных вторжений,— она меня и притягивает.

Мы должны быть благодарными сыновьями нашей великой матери — Древней Руси.

Прошлое должно служить современности!

Знание далёкого прошлого Отчизны, многострадального и героического, позволяет глубже понять, увидеть подлинные корни подвижнического, мужественного служения интересам родной земли, интересам народа.

Воспитание любви к родному краю, к родной культуре, к родному селу или городу, к родной речи — задача первостепенной важности, и нет необходимости это доказывать. Но как воспитать эту любовь?

Я придерживаюсь того взгляда, что любовь к Родине начинается с любви к своей семье, своему дому, к своей школе. Она постепенно растёт. С возрастом она становится также любовью к своему городу, к своему селу, к родной природе, к своим землякам, а созрев, становится сознательной и крепкой, до самой смерти, любовью к своей стране и её народу.

Дмитрий Сергеевич Лихачёв

КНИГА ЗА КНИГОЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

СТИХИ

СКАЗКА

АШИК-КЕРИБ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
Москва 1964

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве 15 октября 1814 года. Мать Лермонтова умерла, когда ему не было трёх лет; он не помнил её совсем, но «была песня, — говорил он позднее, — от которой я плакал, её не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если бы услыхал её, она бы произвела прежнее действие. Её певала мне покойная мать». Мать любила музыку, много играла на фортепьяно, любила стихи и сама их писала. После матери остался альбом. Были в нём стихи, написанные матерью, её друзьями, знакомыми. Когда мать умерла, альбом достался Лермонтову, и, подрастая, он стал записывать в него свои мысли, рисовать картинки. Отец Лермонтова, капитан в отставке, вскоре после смерти жены уехал. Бабушка, Елизавета Алексеевна Арсеньева, заменила мальчику мать. Она жила с ним в Пензенской губернии, в своём имении Тарханы.

Дом в Тарханах был просторный, с большим садом. Под горой раскинулся пруд, а за прудом — холмы, леса. Детская в доме была наверху; пол в детской был покрыт сукном. Маленький Лермонтов любил рисовать мелом по сукну и рисовал очень хорошо. Едва начав говорить, он уже подбирал рифмы. Прибежит к бабушке и говорит: «пол — стол, кошка — окошко», а сам радостно смеётся.

Бабушка всю свою любовь к дочери перенесла на внука. Она заботилась о его воспитании, наблюдала за каждым его шагом, приглашала к нему лучших учителей. Чтобы внуку не было скучно, бабушка взяла в дом нескольких мальчиков. Дети вместе учились, играли в войну, ездили верхом, гуляли, часто ссорились — маленький Лермонтов всегда и во всём хотел быть первым. Он был мальчиком своевольным, вспыльчивым, буйным, но сердце у него было доброе, отзывчивое. Бабушка его была помещица, и крепостным жилось у неё плохо. Рассказывали, что, совсем маленький, Лермонтов «напускался на бабушку, когда она бранила крепостных, выходил из себя, когда кого-нибудь вели наказывать, и бросался на отдав-

Дом в Тарханах.

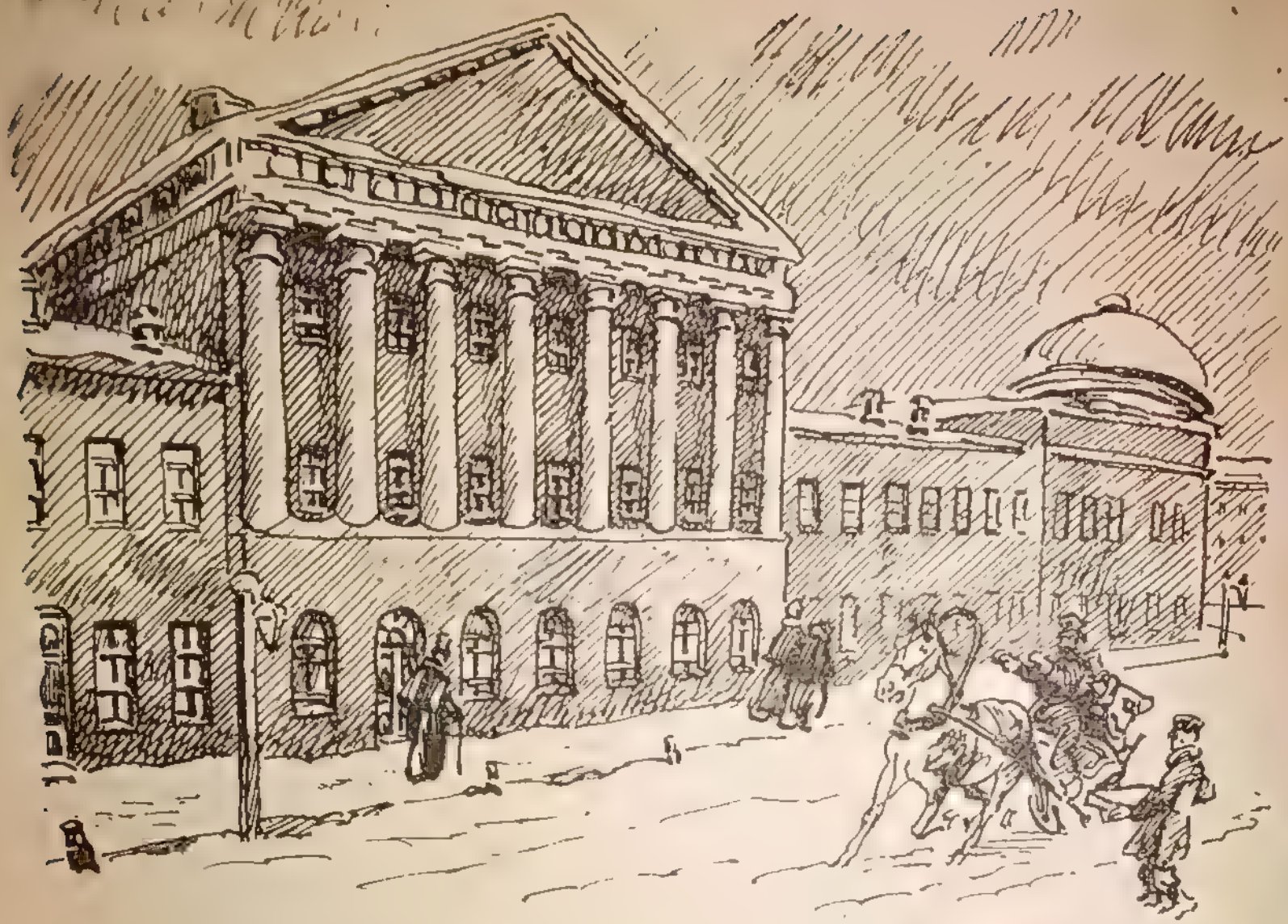
ших приказание с палкой, с ножом, что под руку попадалось». А когда он вырос, то отпустил на волю тех крестьян, которые достались ему по наследству от матери.

Отец изредка навещал сына. Бабушка не любила зятя; мальчик не знал, что произошло между ними, но догадывался, что мать его была несчастлива в замужестве и что бабушка обвиняет в этом отца. Мальчик ни у кого ни о чём не спрашивал, но он горячо любил и бабушку и отца, очень хотел, чтобы они жили вместе. Молча и тяжело переживал он их ссору — это первое своё горе в жизни.

Мишель, как называли его в семье, любил слушать рассказы крепостных слуг о старине: об Иване Грозном, о Разине, о Пугачёве, о пожаре Москвы в 1812 году. Он любил воображать себя то храбрым рыцарем, то разбойником где-нибудь в дремучем лесу.

В детстве Лермонтов часто болел, и бабушка несколько раз возила его на Кавказ лечиться. В то время железных дорог не было, надо было ехать на лошадях. Ехали долго, останавливались на почтовых станциях; было весело, интересно. На Кавказе всё нравилось мальчику: и снеговая цепь синих гор с величавым Эльбрусом, и бурные горные речки, и тёмные ночи с яркими звёздами, и песни горцев, приезжавших верхом из соседних аулов. «Всё, всё в этом крае прекрасно...» — говорил Лермонтов, и много произведений посвятил он позднее Кавказу: «Кавказ», «Беглец», «Мцыри», «Демон» и другие.

Зимой в Тарханах Лермонтов учился и очень много читал. В доме была большая, хорошая библиотека: сочинения русских писателей — Ломоносова, Карамзина, Жуковского; биографии великих людей; лучшие произведения иностранной литературы: «Дон-Кихот» Сервантеса, «Робинзон Крузо» Дефо и многие другие.



Московский университетский пансион.

Лермонтову было одиннадцать лет, когда в Тарханы стали доходить слухи о том, что 14 декабря 1825 года в Петербурге, на Сенатской площади, произошло восстание. Рассказывали, что восставшие хотели свергнуть царя и отменить крепостное право. Потом дошёл слух о казни руководителей восстания. Разговоры об этом велись шёпотом. Лермонтов был ещё слишком мал, чтобы разобраться во всём, что происходило, но смутно чувствовал, что правда на стороне восставших.

Осенью 1827 года бабушка увезла Лермонтова в Москву учиться. Бабушка решила отдать его в Благородный пансион при Московском университете. Лермонтов стал готовиться к экзамену. Часто, окончив занятия, он бродил по Москве со своим учителем

Зиновьевым. Зиновьев хорошо знал и любил древнюю столицу России — Москву; он рассказывал Лермонтову о её славном историческом прошлом, о войне 1812 года, о людях, сражавшихся за Москву.

Всё в Москве возбуждало у Лермонтова чувство гордости за свой народ, за свою родину.

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный...

Через год Лермонтов выдержал экзамен и поступил в четвёртый класс Благородного пансиона. В то время это было лучшее учебное заведение в Москве; в нём раньше учились Жуковский и Грибоедов, учились и некоторые участники декабрьского восстания. О них в пансионе помнили, и многие воспитанники гордились ими. Тайком от начальства они переписывали запрещённые стихи Пушкина, Рылеева, и эти вольные и смелые стихи о России, о свободе были особенно близки Лермонтову. Постепенно яснее начинал он понимать, какое тяжёлое время переживает Россия, — царь Николай I, напуганный восстанием декабристов, жестоко расправлялся даже с теми, кого только подозревали в сношениях с участниками восстания.

В пансионе серьёзно занимались литературой — словесностью, как тогда говорили. С литературой знакомились не только на уроках. Воспитанники пансиона много читали, обсуждали в кружке произведения разных писателей, пробовали писать сами и издавали школьные рукописные журналы. Лермонтов скоро сделался признанным поэтом среди учащихся пансиона; стихи его расходились в списках, помещались в рукописных журналах. И в первых своих стихотворениях он уже говорил о том, что «в России стонет

Московский университет.

человек от рабства и цепей», что в ней «душно и душа тоскует», себя называл он «свободы другом».

Занятия поэзией не мешали Лермонтову. По его черновым тетрадям видно, как много он читал, как усердно учился. В этих тетрадях — и учебные упражнения, и переводы с иностранных языков, которые Лермонтов хорошо знал, и записи по истории, и сложные математические задачи, которые он особенно любил решать.

Лермонтов хорошо играл в шахматы, рисовал, лепил, играл на фортепьяно и на скрипке. Во всём он проявлял необычайное упорство и настойчивость. Литературу он знал прекрасно; больше всех русских поэтов любил Пушкина.

Каждый год в пансионе после выпускных экзаменов происходил торжественный акт, на котором вос-

питанники читали стихи, играли на фортепьяно, фехтовали. Лермонтов всегда принимал участие в этих выступлениях, и учитель Зиновьев много лет спустя вспоминал, как Лермонтов, коренастый, небольшого роста мальчик, с большим открытым лбом и глубоким, серьёзным взглядом чёрных глаз, взволнованно декламировал стихи Жуковского.

В 1830 году Лермонтов поступил в Московский университет, но университета не кончил: начальству не нравился мятежный дух студента Лермонтова, и ему пришлось оставить университет. Вместе с бабушкой переехал он в Петербург, но поступил не в университет, а в военную школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Очень не хотелось ему уезжать из Москвы. Он любил Москву, здесь оставались у него друзья, знакомые. Вскоре после переезда в Петербург Лермон-

Маршировка в юнкерской школе.

гов написал одно из лучших своих стихотворений: о парусе, который «просит бури». Друзья, конечно, понимали, что поэт говорит здесь о людях, которые мечтают о «буре», о борьбе за свободу.

Два года провёл Лермонтов в военной школе, где царила суровая бессмысленная муштра, где запрещалось думать и читать книги «литературного содержания».

Лермонтову было двадцать лет, когда он окончил военную школу. Ему предстояла жизнь блестящего гвардейского офицера – пустая, суетливая. Но не о такой жизни мечтал Лермонтов. Всё так же, как в ранней юности, мечтал он о подвигах, о борьбе. Друзья говорили, что, «когда он оставался один или с людьми, которых любил, он становился задумчив, и лицо его принимало необыкновенно серьёзное и даже грустное выражение».

Другом Лермонтов был верным, и дружба была для него «священным чувством». Друзья знали это, верили высокой душе поэта, его любящему сердцу, хотя и досадовали иногда на него за какое-нибудь меткое прозвище, за острый язык, неугомонный характер.

Все эти годы он много писал, но печатать свои произведения не хотел — ему всё казалось, что он не написал ничего хорошего.

Наступил 1837 год. Этот год был одним из самых значительных в жизни Лермонтова. В самом начале года он написал стихотворение «Бородино». В этом стихотворении старый русский солдат рассказывает молодым солдатам о Бородинском бое, о той великой любви русского народа к родине, которая всегда помогала и помогает в борьбе с врагами.

Это было первое стихотворение, которое Лермонтову хотелось показать Пушкину, хотелось напечатать в журнале «Современник», редактором кото-

рого был Пушкин. Но он не успел этого сделать: 10 февраля 1837 года Пушкин погиб на дуэли.

Горе Лермонтова было безгранично. Нельзя было примириться с мыслью, что нет Пушкина, нет поэта, которого он ставил выше всех поэтов мира. В порыве горя написал он стихотворение «Смерть Поэта». Пушкин убит. Кто его убийцы? Дантес, иностранец, приехавший в Россию на «ловлю счастья и чинов», человек с пустой душой, который никогда не поймёт, что он убийца величайшего поэта России. Вместе с Дантесом люди высшего общества — главные виновники убийства. Эти люди ненавидели и преследовали Пушкина, боялись его, хотели его гибели. Их заклеймил Лермонтов позором, к ним обращены самые сильные, полные страстной ненависти и гнева строки его стихов.

В несколько дней стихотворение «Смерть Поэта» в сотнях списков разошлось по Петербургу. С болью в сердце читали его все, кому дорог был Пушкин.

Стихотворение было доставлено царю Николаю I с надписью: «Воззвание к революции». Лермонтов был арестован. Его поместили, как офицера, в здании Главного штаба, в комнате верхнего этажа. За дверью по коридору шагал часовой; за окнами выла метель. Лермонтову запрещено было давать карандаш и бумагу. Тогда он попросил слугу, который носил ему из дому обед, заворачивать хлеб в серую бумагу и на этих клочках бумаги написал несколько стихотворений, и среди них «Узника».

Вскоре после ареста последовал приказ: «Корнета Лермонтова перевести в Нижегородский драгунский полк тем же чином». Казалось, что приказ милостив. Но Нижегородский полк стоял в то время на Кавказе, где шла война с горцами. Лермонтова посылали под пули горцев в надежде навсегда избавиться от беспокойного поэта.

Лермонтов знал, что поступил так, как должен

был поступить. Недаром в стихотворении «Кинжал», написанном немного позднее, он говорил:

Да, я не изменюсь и буду твёрд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный...

Когда после долгих дней пути Лермонтов увидел снеговые горы Кавказа, когда потом бродил по аулам, сидел вечером где-нибудь у сакли или, одетый по-черкесски, с ружьём за плечами, ездил верхом по горам, он чувствовал себя почти счастливым.

Во время своих странствований Лермонтов наблюдал жизнь горцев, записывал народные песни, сказки, предания. Здесь записал он сказку, которую вы все, конечно, читали, о смелом, свободном страннике — поэте Ашик-Керибе. Эту сказку рассказывали много-много лет назад, рассказывают и теперь на грузинском, армянском, азербайджанском и других языках. А Лермонтов чудесно пересказал её по-русски.

Ещё в Петербурге Лермонтов начал писать «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и теперь, на Кавказе, кончил её. Герой песни, Степан Калашников, человек сильный, гордый, защищая свою честь, убивает царского опричника и идёт на злую казнь спокойно, с достоинством. Он похож на героя русских былин, и вся песня проникнута русским народным духом. И в старинных преданиях Кавказа, и в русских народных песнях, сказках, былинах Лермонтова всегда привлекали образы смелых, мужественных людей.

Но всей душой ненавидел он предателей и трусов, людей, которые не знают счастья любви к родине, не дорожат её славой. И, может быть, тогда же, на Кавказе, слышал он горскую легенду о трусливом Гаруне и потом написал о нём поэму «Беглец». Гарун позорно бежал с поля битвы; он вернулся домой один. По обычаю кавказских горцев, он должен был унести

с поля сражения тела погибших родных, товарищей. Он не сделал этого; он совершил гнусный поступок и не имеет права ни на нежность девушки, ни на дружбу товарищей, ни на любовь матери.

Молчи, молчи! гяур лукавой,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!..—

говорит ему мать. И, отвергнутый всеми, Гарун покончил с собой — ему нет места в родной стране.

В ссылке Лермонтов много рисовал, писал красками, написал автопортрет, на котором изобразил себя в черкеске, с наброшенной на плечи буркой.

С картины Лермонтова «Воспоминание о Кавказе».

Лермонтов был талантливым художником. Сохранилось много его рисунков, акварелей.

В январе 1838 года Лермонтов был возвращён из ссылки. Всё чаще думал он теперь о том, чтобы оставить военную службу и посвятить себя целиком литературе. У него появились новые знакомые — писатели, музыканты, учёные; он встречался с поэтом Василием Андреевичем Жуковским, с Крыловым, с великим художником Брюлловым... Все они высоко ценили стихи Лермонтова, гордились им, видели в нём большого поэта — преемника Пушкина.

К этому времени у Лермонтова уже было написано больше трёхсот стихотворений, много поэм, несколько драм и он заканчивал свой большой роман в прозе «Герой нашего времени». Смелые, обличительные его стихи становились всё более опасными для царского правительства; оно преследовало Лермонтова так же, как Пушкина, и снова позаботилось о том, чтобы убрать неугодного поэта.

Весной 1840 года Лермонтов был во второй раз сослан на Кавказ.

В последний вечер перед отъездом собрались друзья Лермонтова. Все были встревожены и опечалены. Лермонтов стоял у окна, смотрел на весеннее петербургское небо и прочёл своё новое стихотворение «Тучи», может быть только что написанное.

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную...—

писал он, сравнивая свою судьбу с «вечными странниками» — тучами.

В октябре 1840 года, пока Лермонтов был в ссылке, в Петербурге вышел первый сборник его стихотворений. Подготовляя книгу к печати, он отобрал всего двадцать шесть стихотворений. Даже такое пре-

красное стихотворение, как «Парус», он не включил в сборник, потому что считал его недостаточно хорошим. К себе Лермонтов был всегда очень требователен: часто уничтожал стихи, не прочитав их никому, часто сомневался в себе, в своём таланте. Над некоторыми своими произведениями Лермонтов работал долго, упорно. Поэму «Демон», например, он начал писать в четырнадцать лет и работал над ней до конца жизни. Но иногда, в минуту вдохновения, на каком-нибудь клочке бумаги, почти без помарок, писал он такие стихи, как «Тучи», «Казачья колыбельная песня» и другие. Рассказывают, что как-то во время второй ссылки заехал он в казачью станицу и остановился в одной хате. Хозяйка укладывала спать ребёнка и пела грустную песню о сыне, которого ожидает в будущем жизнь, полная тревог и опасностей. Лермонтов слушал песню, а потом тут же набросал свою «Казачью колыбельную песню», которая скоро стала, так же как «Воздушный корабль», «Бородино» и некоторые другие стихи Лермонтова, народной песней.

В начале 1841 года бабушка, которая была уже очень стара, выхлопотала внуку разрешение приехать в Петербург для свидания с ней. Лермонтов был уже знаменитым поэтом; стихи его расходились в списках, печатались в журналах, их читали по всей России. Слава его росла; все лучшие, передовые люди России, все те, кому дорога была родная страна, понимали, какой великий поэт Лермонтов, с нетерпением ждали каждое новое его стихотворение. А Лермонтов никогда ещё не чувствовал такого прилива творческих сил, как в этот приезд. Он рассказывал друзьям о новых литературных замыслах, много писал. В апреле в одном из журналов появилось стихотворение Лермонтова «Родина». Казалось, он вложил в него всю силу своей страстной любви к родине, к той ро-

дине, где в печальных деревнях, в избах, крытых соломой, жил и томился в неволе родной народ.

В Петербурге Лермонтов пробыл всего несколько месяцев — ему приказано было в 48 часов покинуть столицу. Он снова уезжал на Кавказ, и снова друзья провожали его. Прощаясь с Лермонтовым, один из друзей подарил ему записную книгу и на первой её странице написал: «Поэту Лермонтову даётся сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне её сам, и всю исписанную».

В этой записной книге остались последние тревожные и печальные стихи поэта: «Выхожу один я на дорогу», «Утёс», «Дубовый листок»... Как дубовый листок, оторванный бурей от родимой ветки, нигде не нашёл себе приюта, так нигде не находил себе «приюта» затравленный царским правительством поэт Лермонтов.

Возвратить книгу самому Лермонтову не пришлось — он был, так же как Пушкин, убит на дуэли.

Лермонтова вызвал на дуэль бывший товарищ по юнкерской школе Мартынов, человек пустой и ничтожный. Нашлись люди, которые постарались разжечь в нём злобу против Лермонтова, внушить, что Лермонтов издевается над ним. Эти люди знали, что смерть поэта Лермонтова будет угодна царскому правительству.

Дуэль состоялась недалеко от Пятигорска, у подножия горы Машук. Был вечер. Чёрная грозовая туча поднималась над горой. Секунданты подали противникам знак сходиться. Лермонтов стоял спокойно, подняв пистолет дулом вверх, — он не хотел стрелять. Мартынов быстро подошёл к барьеру, прицелился, выстрелил. Лермонтов был убит.

Это было 15 июля 1841 года.

Н. Шер

ДОМАШНИЕ ТАПОЧКИ ПРИНЦЕССЫ

СКАЗКИ
НАРОДОВ ЕВРОПЫ

КИЇВ • ФІРМА «ДОВІРА» • 1992

СОДЕРЖАНИЕ

РЯБАЯ КУРОЧКА.
Итальянская народная сказка 2

ДЖЕК И ВОЛШЕБНИК.
Валлийская народная сказка 17

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БИЛЛИ МАК-ДАНИЭЛА.
Ирландская народная сказка 25

ЗОЛОТО ЗЕЛЕНОГО ОЗЕРА.
Тирольская народная сказка 32

КОТ ЧЕРЕПАХОВОГО ЦВЕТА.
Зеландская народная сказка 38

ПРИНЦЕССА-ГОРДЯЧКА.
Итальянская народная сказка 42

МАЛЬЧИК-С-ОРЕШЕК.
Немецкая народная сказка 52

СЕРЕБРЯНЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК.
Немецкая народная сказка 56

САПОЖНИК И ГНОМЫ.
Немецкая народная сказка 60

БУТЫЛОЧНЫЙ ХОЛМ.
Ирландская народная сказка 63

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.
Ютландская народная сказка 71

ГАНС И ТРИ ВЕЛИКАНА.
Немецкая народная сказка 76

ДЛИННЫЙ, ТОЛСТЫЙ И ГЛАЗАСТЫЙ.
Чешская народная сказка 83

ХОЗЯИН ТУЧ.
Норвежская народная сказка 95

ПОЛЫННОЕ ПОЛЕ.
Ирландская народная сказка 106

ЕЛОВЫЕ ШИШКИ.
Немецкая народная сказка 110

ДВЕ ХОЗЯЙКИ.
Французская народная сказка 113

МЕДВЕДИЦА.
Итальянская народная сказка 121

ПРИНЦ И КОБЫЛИЦА ЦВЕТА ГОЛУБОГО НЕБА
Итальянская народная сказка 130

ДОМАШНИЕ ТАПОЧКИ ПРИНЦЕССЫ.
Шведская народная сказка 144

СОЛОМЕННЫЙ БАШМАК.
Итальянская народная сказка 155

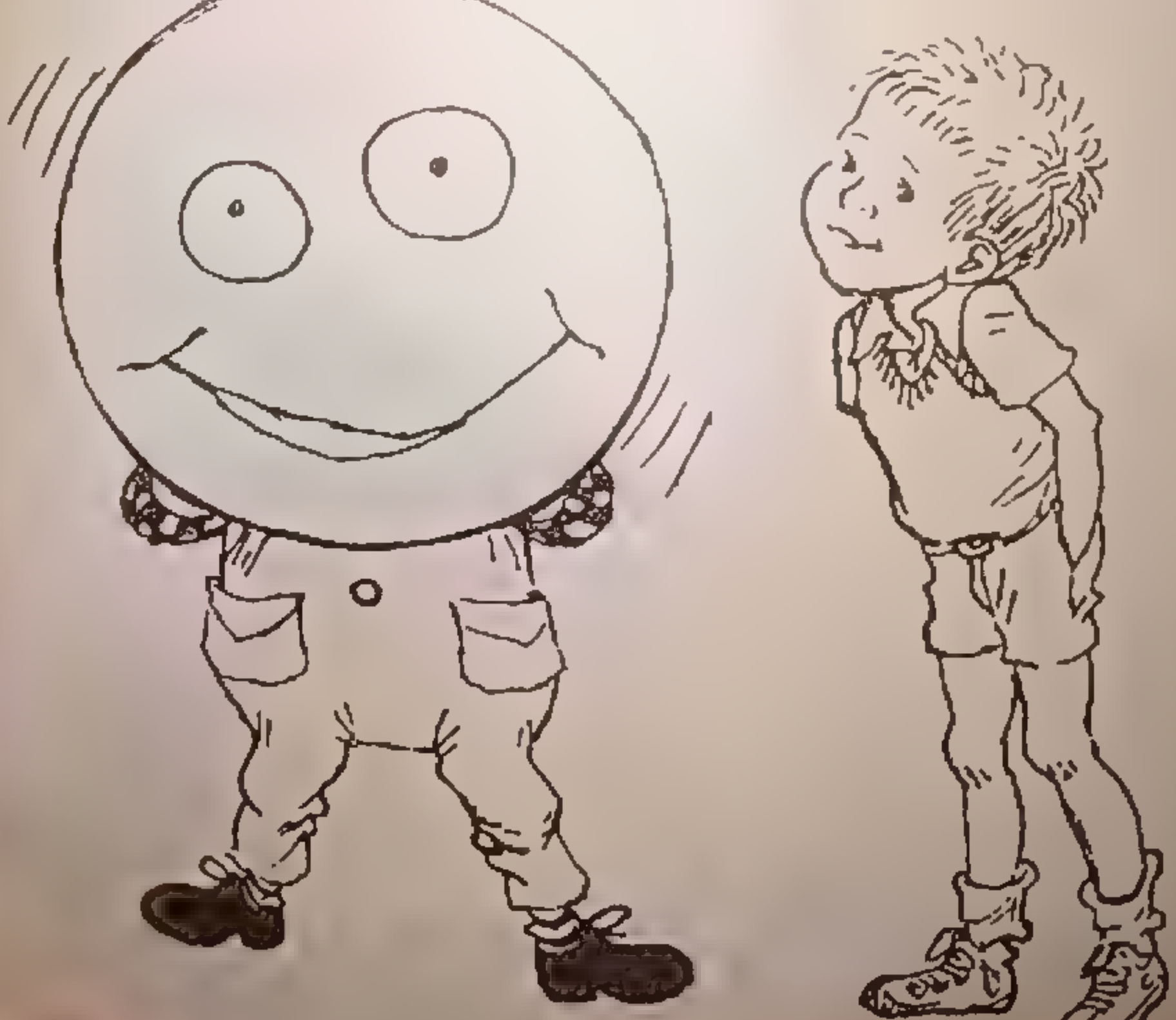
СЕРЕБРЯНЫЙ ГРОШ
Венгерская народная сказка 168

ЗЕЛЕНЫЙ УЖ И БЕЛАЯ КОШКА.
Английская народная сказка 175

было сил в трубочку, а Малыш стоял рядом и давился от смеха. Он представил себе, как дядя Юлиус и фрекен Бок сидят на диване у окна и вдруг видят, как у них на глазах в полутьме возникает и растёт круглое, как пузырь, похожее на луну лицо старика. Малыш понимал, какое жуткое впечатление это должно произвести.

— Надо повыть, как привидение, — сказал Карлсон. — Подуй пока ты, чтобы шарик не спустил!

И Малыш стал дуть, а Карлсон — стонать и вздыхать, не жалея сил. Видно, те двое, что сидели запершись в гостиной, услышали эти стоны и увидели лунного старика, во всяком случае, вдруг раздался крик, которого Карлсон ждал.



А. ТОЛСТОЙ

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО

Воронеж
Центрально-Черноземное
книжное издательство
1985

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Дорогие друзья!

Вы берете в руки книгу, которой зачитывались в свое время ваши бабушки и дедушки, мамы и папы. Удивительные и смешные приключения школьников Вольки Костылькова и Жени Богорада, совершенные благодаря чудесному воздействию на них сказочного джинна Гасана Абдуррахмана ибн Хоттаба, или просто — доброго старика Хоттабыча, мы уверены, заинтересуют и вас, представителей третьего поколения читателей.

Книга Лазаря Иосифовича Лагина вышла впервые в свет более полувека назад и несет отпечаток того времени, когда понятия «советский образ жизни», «социализм» считались единственно верными, неоспоримыми. Но книга и сейчас поучительна. Она позволяет другими, сегодняшними глазами, взглянуть на многое, например на спор Вольки Костылькова с мистером Гарри Ванденделлесом: какая система — социалистическая или капиталистическая — предпочтительнее. И такого рода поводов для размышлений в книге предостаточно.

Главное же в повести-сказке — не политика. Главное — занимательный сюжет, юмор, потому и надеемся: чтение принесет вам удовольствие.

Уважаемые читатели!

Вот вы и прочитали первую детскую книжку, выпущенную нашим издательством. Ваши замечания и пожелания шлите по адресу: 153000, г. Иваново, ул. 10 Августа, 17.

Мы планируем и впредь заниматься выпуском детской художественной литературы. На очереди выход книг Петра Ершова «Конек-горбунок», Астрид Линдгрен «Мио, мой Мио!», Алена Милна «Винни-Пух и все-все-все».

Хочется, чтобы наши дети и внуки выросли добрыми, чуткими и трудолюбивыми. Поэтому в планах издательства ряд брошюр познавательного характера. Первую из них мы адресуем девочкам — будущим хозяйкам, женам, матерям. Она так и называется: «Для вас, девочки».

Однако мы не забываем о главном назначении областного издательства — пропагандировать творчество местных прозаиков и поэтов, среди которых немало истинных мастеров слова. В 1992 году выйдет книга ивановского писателя, к сожалению, недавно ушедшего из жизни, Владимира Смирнова «Водополь». Это первый нигде не опубликованный вариант. Прочитав роман в рукописи, известный советский писатель и поэт Константин Симонов писал автору о неоспоримых достоинствах его произведения: «Это, конечно, замечательно написанная свадьба, это почти все, что относится к истории Стешки Конновой... История Любаньки и Мити мне кажется прекрасно написана, и хорошо написан Алеша Гвоздок, и в памяти моей стоит переправа через зимнюю речку бывшего мужа и бывшей жены... Да и многое другое остается в памяти и в чувствах. Остается и общее ощущение места, земли, на которой все это происходит — домов, дорог, деревьев, тропок»...

Б1-К 84
077

Остер Г. Б.
077 Бабушка удава: Сказочные рассказы: — К «Заповіт» МГП «Інформ ВТ сервіс», 1993 — 101 с ; ил
ISBN 5-7707-1058-6

Книга рассказывает о веселых и комичных приключениях известных ребятам и мультфильмов [illegible] попугая, удава и обезьянки

О $\frac{4803010102\text{-}002}{«Заповіт»\text{-}93}$ ББК 84

Литературно-художественное издание
для [illegible] зраста

Григорий Бенинович ОСТЕР

БАБУШКА УДАВА

Сказочные рассказы

Ответственный [illegible] емчук
Технический [illegible] Д чен
Корректор [illegible]

Сдано в наб. 25.12.92 Подписано в печать 24.06.93 Формат 60×84 1/16 Бумага типографская Гарнитура литературная Высокая печать Усл. печ. л. 6,05 Уч. изд. л. 3,59 Тираж 50 000.
Заказ 141

Редакционно-издательский отдел «Заповіт»
МГП «Информ ВТ сервис»
252001, Киев-1, ул. Малая Житомирская, 6
Арендное предприятие «Полиграфист»
252054, Киев-54, ул. Воровского, 35

ISBN 5-7707-1049-7

© Г. Остер, 1993
All rights reserved
© А. Бычко, 1993
художественное оформление

С38 **Синдбад-мореход:** Арабские сказки: Пер. с араб. М. Салье/Сост. Б. Шидфар.—М.: Худож. лит., 1992, 350 с.

ISBN 5-280-02626-3

В сборник «Синдбад-мореход» включены некоторые наиболее известные сказки из «Тысячи и одной ночи»: «Сказка о Синдбаде-мореходе», «Рассказ про Ала ад-Дина и волшебный светильник», «Рассказ про Али-Баба и сорок разбойников и невольницу Марджану, полностью и до конца» и др.

Книга предназначается для семейного чтения.

С $\frac{4703020500\text{-}160}{028(01)\text{-}92}$ без объявл. **ББК 84.5**

И потом царь сделал Маруфа у себя вазиром правой стороны, и приятно было для них время, и чисты были их радости, и они провели так пять лет. А на шестой год царь умер, и царевна сделала Маруфа султаном вместо своего отца и не отдала ему перстня.

А она в это время понесла от него и родила мальчика — дивно прекрасного, выдающегося по красоте и совершенству, и он оставался на коленях у нянек, пока не достиг пяти лет жизни.

И тогда его мать заболела смертельной болезнью, и призвала Маруфа, и сказала ему: «Я больна». И Маруф воскликнул: «Да сохранит тебя Аллах, о любимая моего сердца!» Но царевна молвила: «Может быть, я умру, и мне не нужно поручать тебе заботиться о твоем сыне, но я поручаю тебе беречь перстень, так как боюсь за тебя и за этого мальчика».— «Не будет беды с тем, кого бережет Аллах»,— сказал Маруф. И царевна сняла перстень и отдала его Маруфу, а на следующий день она преставилась к милости великого Аллаха, и Маруф остался царем и стал выносить приговоры.

И случилось, что в какой-то день он встряхнул платком[1] и военные ушли от него в свои жилища, а он вошел в комнату, где сидят, и сидел в ней, пока не прошел день и не приблизилась ночь с ее мраком. И тогда вошли к нему его сотрапезники из вельмож, следуя обычаю, и провели у него время в развлечениях и удовольствиях до полуночи, а потом они попросили позволения удалиться, и Маруф разрешил им, и они разошлись от него по домам. И к Маруфу вошла невольница, которая исполняла службу у его постели, и постлала ему постель, и, сняв с него платье, одела его в одежду сна, и он лег, а невольница растирала ему ноги, пока его не одолел сон, и тогда она вышла от него, и ушла на свою постель, и заснула.

Вот то, что было с нею. Что же касается царя Маруфа, то он спал, и не успел он опомниться, как что-то оказалось рядом с ним у него в постели. И он проснулся, испуганный, и воскликнул: «Прибегаю к Аллаху от сатаны, битого камнями!» И, открыв глаза, увидел подле себя женщину, безобразную по внешности. «Кто ты?» — спросил он ее. И она сказала:

---

[1] Встряхнул платком — сделал жест, означающий, что он отпускает придворных.

о себе, что он нечестивый и что нет у него веры, которой он бы придерживался. И заботься о своем зяте, которого ты сделал у себя вазиром правой стороны».

И царь ответил: «Слушаю и повинуюсь, о дочка. Но отдай мне перстень или отдай его твоему мужу».— «Он не годится ни для тебя, ни для него,— ответила царевна.— Перстень будет у меня, и, может быть, я сберегу его лучше, чем вы. Чего бы вы ни пожелали, требуйте это от меня, я потребую это для вас у слуги перстня. Не бойтесь дурного, пока я здорова, а после моей смерти делайте с перстнем что хотите».— «Вот оно, правильное мнение, о дочь моя!»— воскликнул царь, и потом он взял своего зятя и поднялся в диван.

А воины провели ночь в величайшей тоске из-за царевны и того, что сделал с ней вазир, когда вошел к ней для разврата, без брака, и причинил зло царю и его зятю, и они боялись, что будет опозорен закон ислама, так как им стало ясно, что вазир — нечестивец.

И они собрались в диване и стали бранить шейх-аль-ислама, говоря ему: «Почему ты не удержал его от входа к царевне для разврата?» И шейх-аль-ислам ответил: «О люди, этот человек — нечестивец, и он стал обладателем перстня, и мы с вами не можем ничего против него сделать. Аллах великий пусть воздаст ему за его дела, а вы молчите, чтобы он вас не убил».

И когда воины собрались в диване и вели эти речи, вдруг вошел к ним в диван царь и с ним его зять Маруф.

И когда воины увидели его, они обрадовались его приходу, и встали ради него на ноги, и поцеловали перед ним землю; а затем царь сел на престол и рассказал им всю историю, и их горесть прошла.

И царь приказал украшать город и велел привести вазира из тюрьмы, и когда тот проходил мимо воинов, те проклинали его, бранили и ругали, пока он не дошел до царя.

И когда он предстал перед царем, царь велел убить его самым ужасным образом, и его убили, а потом сожгли, и он отправился в ад в наихудшем положении, и отличился тот, кто сказал о нем:

Пусть за грехи Аллах его подвергнет карам
И призовут его на суд Накир с Мункаром [1].

---

[1] Накир и Мункар — ангелы, которые, по исламскому преданию, учиняют допрос покойному о его земной жизни.

желая ее зарезать, но корова стала реветь, стонать и плакать; и я удивился этому, и меня взяла жалость. И я оставил ее и сказал пастуху: «Приведи мне другую корову». Но дочь моего дяди крикнула: «Эту зарежь! У меня нет лучше и жирнее ее!» И я подошел к корове, чтобы зарезать ее, но она заревела, и тогда я поднялся и приказал тому пастуху зарезать ее и ободрать. И пастух зарезал и ободрал корову, но не нашел ни мяса, ни жира — ничего, кроме кожи и костей. И я раскаялся, что зарезал корову,— но от моего раскаянья не было пользы,— и отдал ее пастуху и сказал ему: «Приведи мне жирного теленка!» И пастух привел мне моего сына; и когда теленок увидел меня, он оборвал веревку, и подбежал ко мне, и стал об меня тереться, плача и стеная. Тогда меня взяла жалость, и я сказал пастуху: «Приведи мне корову, а его оставь». Но дочь моего дяди, эта газель, закричала на меня и сказала: «Надо непременно зарезать этого теленка сегодня: ведь сегодня — день святой и благословенный, когда режут только самое хорошее животное, а среди наших телят нет жирнее и лучше этого!»

«Посмотри, какова была корова, которую я зарезал по твоему приказанию,— сказал я ей.— Видишь, мы с ней обманулись и не имели от нее никакого проку, и я сильно раскаиваюсь, что зарезал ее, и теперь, на этот раз, я не хочу ничего слышать о том, чтобы зарезать этого теленка».— «Клянусь Аллахом, великим, милосердным, милостивым, ты непременно зарежешь его в этот священный день, а если нет, то ты мне не муж и я тебе не жена!» — воскликнула дочь моего дяди. И, услышав от нее эти тягостные слова и не зная о ее намерениях, я подошел к теленку и взял в руки нож...»

Но когда старик хотел зарезать теленка, его сердце взволновалось и он сказал пастуху: «Оставь этого теленка среди скотины». (А все это старец рассказывал джинну, и джинн слушал и изумлялся его удивительным речам.)

«И было так, о владыка царей джиннов,— продолжал владелец газели,— дочь моего дяди, вот эта газель, смотрела, и видела, и говорила мне: «Зарежь теленка, он жирный!» Но мне было нелегко его зарезать, и я велел пастуху взять теленка, и пастух взял его и ушел с ним.

А на следующий день я сижу, и вдруг ко мне приходит пастух и говорит: «Господин мой, я тебе что-то такое скажу, от чего ты обрадуешься, и мне за

СОДЕРЖАНИЕ

А ЧТО У ВАС?

А что у вас? 5
Рисунок 9
Про мимозу 11
Мой щенок 14
Важный совет 17
Дятлы 18
Бараны 19
Песенка друзей 20
Если 23
Котята 25
Грипп 26
«Постирушка» 29
Кораблики 31
Ёлка 33
Мир 35
Андрюшка 36
Прививка 37
Так! 38
Трезор 42
Комар-комарец 44
Телефон 46
Цирк 49
Моя улица 57

ДЯДЯ СТЁПА

Дядя Стёпа 64
Дядя Стёпа — милиционер 77
Дядя Стёпа и Егор 89

МЫ С ПРИЯТЕЛЕМ

Мы с приятелем 102
Фома 107
Весёлый турист 111
Событие 114
Подушечка 115
Находка 116
Светлана 118
Весёлое звено 121
Одна рифма 123
Холодный сапожник 125
Часы 127
Не спать! 130
Под Новый год 132
Чистописание 133
Лапуся 135
Облака 137
Скворец 140
Чудесные таблетки 141

Тридцать шесть и пять 143
Всадник 145
Письмо ко всем детям по одному очень важному делу. (*Из Ю. Тувима*) 148
Азбука. (*Из Ю. Тувима*) 150
Птичье радио. (*Из Ю. Тувима*) 151
Словечки-калечки. (*Из Ю. Тувима*) 153
Птичий двор. (*Из Ю. Тувима*) 155
Речка. (*Из Ю. Тувима*) 157
Овощи. (*Из Ю. Тувима*) 158
Про Янека. (*Из Ю. Тувима*) 160
Где очки? (*Из Ю. Тувима*) 162
Барсуки. (*Из Л. Квитко*) 164
Весёлый жук. (*Из Л. Квитко*) 167
Анна-Ванна бригадир. (*Из Л. Квитко*) 169

ПУТИ-ДОРОГИ

Пути-дороги 172
Мой друг 176
Велосипедист 178
Важный день 180
Школа 182
Прогулка 184
Хрустальная ваза. (*Быль*) 186
Смена 193
Как скворец летел домой... 197
Хороший человек 200
Аркадий Гайдар 203
Белые стихи 204
Лыжня и пень 206
Стужа 208
Ливень 209
Будь Человеком 211
О чём не знает Аэрофлот 213
Про сома 215
Унылый гражданин 218
Три ветра 220
Происшествие в горах 225
Строгий отец 228
Мальчик с девочкой дружил... 230
Несбывшиеся мечты 232
Как у нашей Любы... 234
Недотёпа 236
Зяблик 239
«Метеор» 241
Автографы 242
Беглец 244
Хижина дяди Тома 245
Сон 248
О тех, кто лает 250
Миллионер 252
Лист бумаги 256

СКАЗКИ

О купце, о мужике и о мужицком пятаке. (*Русская сказка*) 258
Мороз и Морозец. (*Литовская сказка*) 266
Как старик корову продавал 270
Благодарный заяц. (*Башкирская сказка*) 272
Жадный Вартан. (*Армянская сказка*) 276
Как медведь трубку нашёл 278

В.ЧАПЛИНА

ПИТОМЦЫ ЗООПАРКА

РАССКАЗЫ

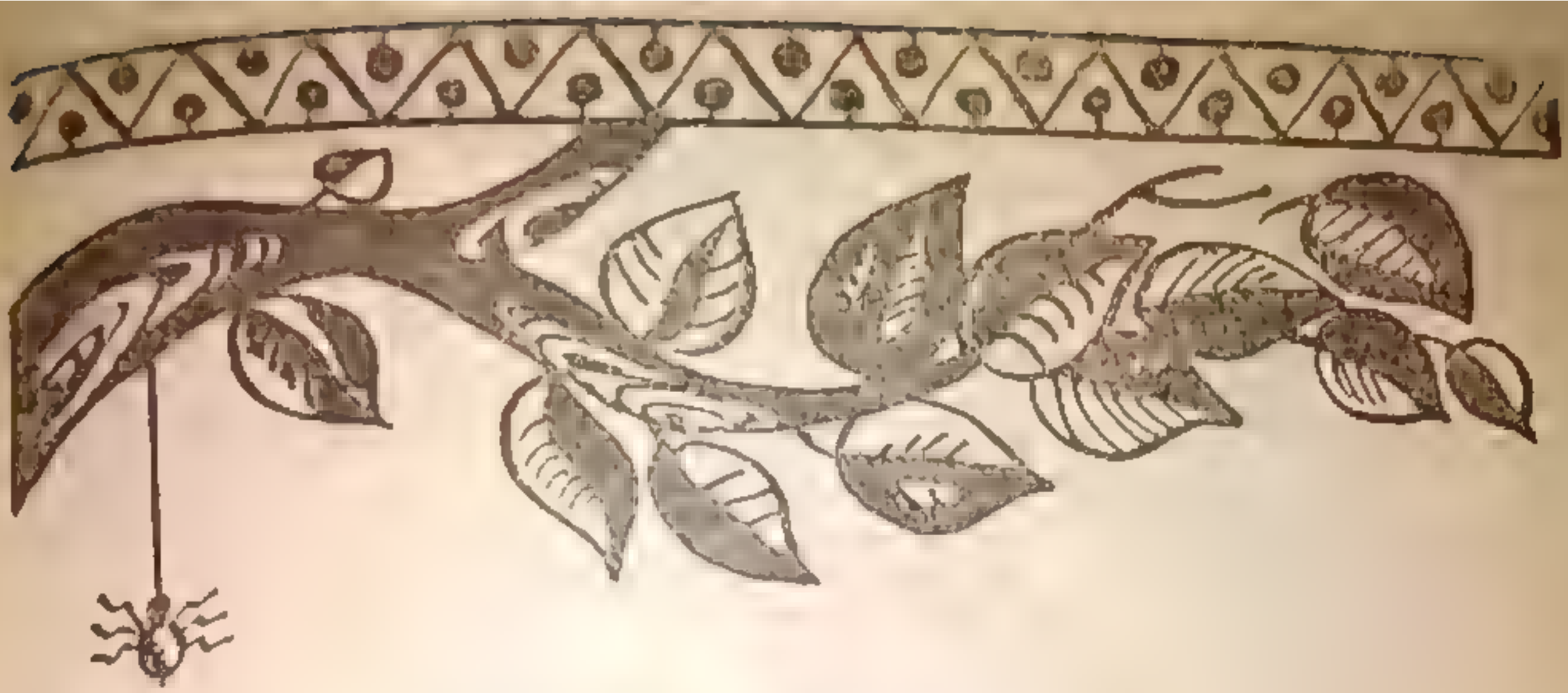
Москва
«Детская литература»
1988

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 5

Крокодилы 11
Посылка . . . . . —
По часам 14
Соперники 16
На летнюю квартиру 18
Хвастливый стекольщик 20
Интересное событие 23
Тайна маленького геккона 25
Кондор 33
Росомаха 38
Кровожадный зверёк 42
Необычная клетка 47
Мусик 52
Первые затруднения 55
Проказник 57
На новом месте 59
Обучение Мусика 60
Встреча 63
Волк вернулся в клетку 64
Крылатый друг 72
Лебеди . . . . . —
Первый выводок 73
Питомец 76
Крылатый друг 78
Как зоотехник перехитрил оленей 80
Медвежонок 83
Копуша . . . . . —
В гостях у ребят 85
Неудавшаяся съёмка 86
Гнездо 13 89
Белла 95
Живой подарок 100
Лисок становится взрослым 102
На новом месте 103

Догадливый лев 108
Галины питомцы 111
Экзамен 121
«Домовой» в Зоопарке 123
Невыдуманный случай 127
Вайгач 131
Уголёк 136
Случай с оленем 142
Шанго 145
На свободе 147
Ненависть Шанго 149
Коварный слон 150
Опять один 151
Молли 154
Маленький москвич 155
Марьям и Джек 160
Неудачное знакомство 161
На новом месте 162
Марьям находит друга 163
Неразлучники 164
На съёмке . . . . . —
Заключение 171



Геннадий Михасенко

ЗЕМЛЕНЫР,

или

КАСКАД ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Сказочная повесть

КАЛУГА
«ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ»
1993

ББК 84.4
Я 65
И (фин)

Туве Янссон

Я 65 Мемуары Муми-папы. Опасное лето. — Перевод Л.Ю. Брауде, Н.К. Белляковой. — СПб.: Аста-пресс Ltd, 1993. — 240 стр.: илл.

ISBN 5-85962-006-3

Издание осуществлено при участии
АО "Балтийский Путь"

Впервые в нашей стране издается в 4-х томах собрание повестей о Муми-троллях широко известной финской писательницы Туве Янссон, которая сама же и иллюстрирует свои книги.

Перевод по изданиям:
Mumminpappans memoarer.— Sthlm.— Geber.— 1968.
Farlig midsommor.— Sthlm.— Geber.— 1954.

Перевод Л.Ю Брауде, Н.К. Белякова
Оформление обложки А.Б. Сухоруков
Ответственный за выпуск Д.А. Юнов
Художественный редактор О.В. Котова
Технический редактор Д.Н. Маркозов
Корректор Е.В. Радькова

Подписано в печать 16.02.93 г. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,35. Уч.-изд. л. 14,87. Усл. кр.-отт. 22,25. Тираж 100 000 экз. Заказ 1124. ЛР № 060807.

ТОО «Аста-пресс Ltd», 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Бойцова, 4.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга» Мпинформпечати РФ. 198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Я 4803020000-006
И 84(03) 01-92

ISBN 5-85962-006-3

ББК 84.4

© «Аста-пресс Ltd», — оформление, составление — 1991

© Л.Ю Брауде — перевод — 1986

© «Аста-пресс Ltd», — оформление обложки, цв. илл. — 1991

Дорогие ребята!

Вам знакомы Муми-тролль и Снусмумрик, Ондатр и малышка Мю и многие, многие другие жители Сказочного Муми-дола?

Нет? Как же так?

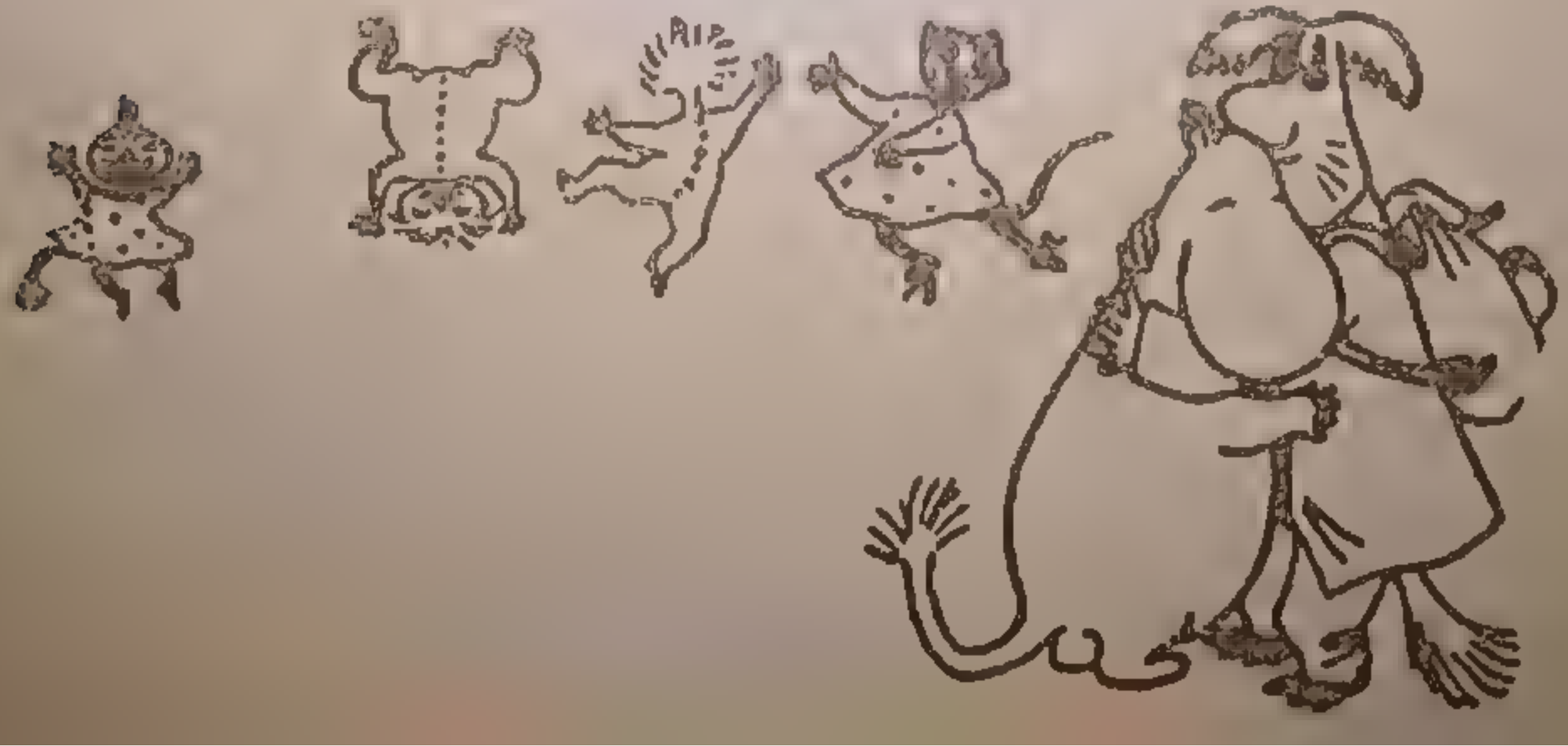
Ведь про них написана не одна, не две, а целых тринадцать книжек. И написала их замечательная скандинавская писательница Тувe Янссон. И не только написала, но и нарисовала забавных, веселых и трогательных героев своих книг.

Повести Тувe Янссон переведены на двадцать пять языков. В Финляндии, Дании, Англии, Германии, Польше, Японии дети знают и любят героев-малышей, которые постоянно придумывают увлекательные и веселые игры, серьезного Муми-папу, вечного скептика и ворчуна Ондатра, Муми-маму, которая в самой трудной ситуации обязательно что-нибудь придумает, и всех остальных.

Муми-тролли и другие сказочные герои, населяющие Муми-дол, необычайно добры и отзывчивы. К ним приходят все, кому трудно и плохо живется, кто мечтает о тепле и ласке, кто ищет покоя.

"Выдуманный мир наших Муми-троллей — это мир, по которому наверняка в глубине души тоскует каждый из нас", — пишет Тувe Янссон.

Во второй том вошли две повести: "Мемуары Муми-папы" и "Опасное лето", переведенные на русский язык Л.Ю. Брауде и Н.К. Беляковой. Встреча со следующими историями из жизни Муми-троллей и других сказочных героев Тувe Янссон ждет вас в следующих книгах.



Дорогие ребята!

Вам знак[illegible] Муми-тролль и Снусмумрик. Ондатр и мальчика Мю[illegible] многие, многие другие жители Сказочного Муми-дола!

Нет? Как же так?

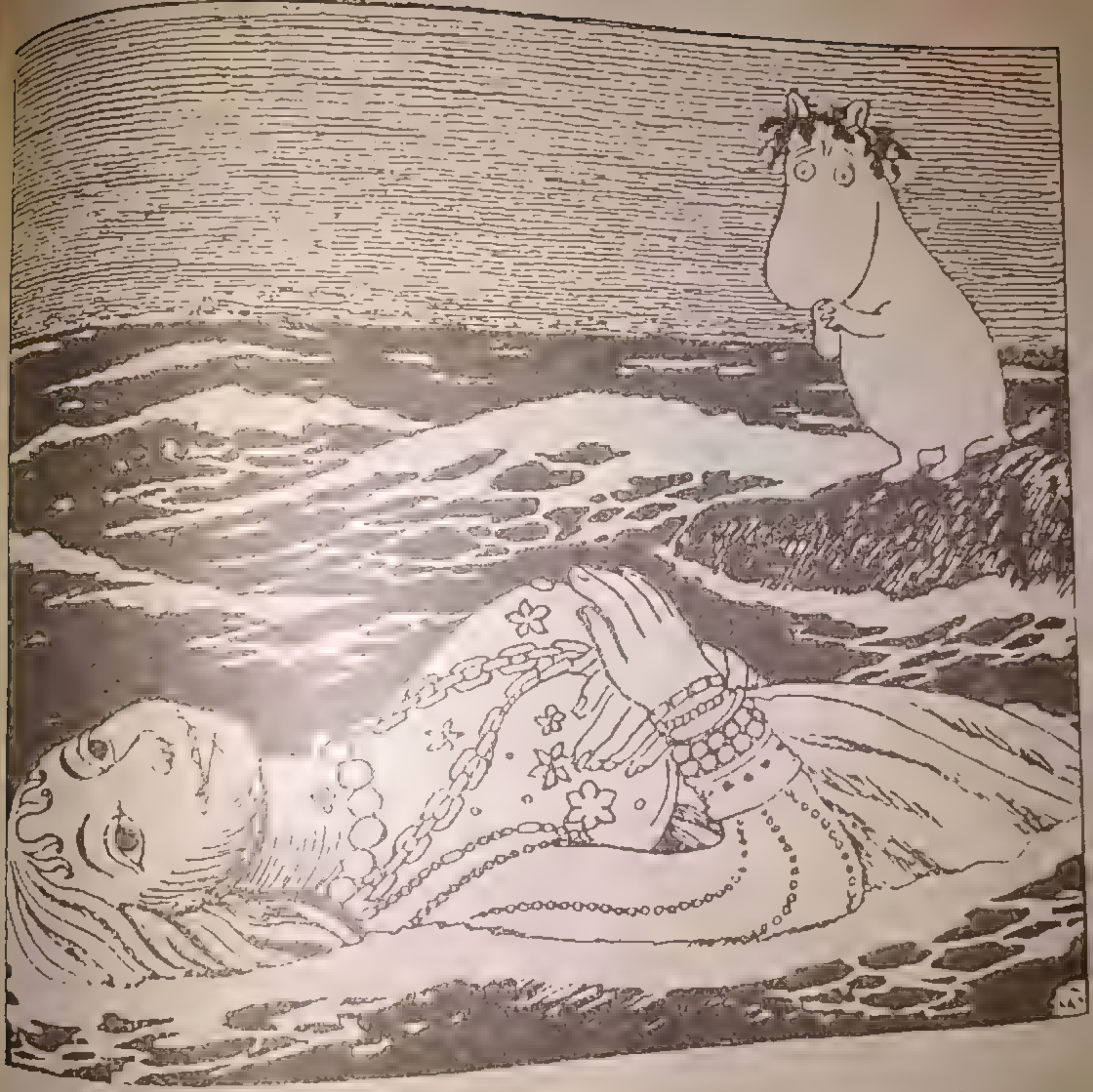
Ведь про них написана не одна, не два, а целых тринадцать книжек. И написала их замечательная скандинавская писательница Туве Янссон. И не только написала, но и нарисовала забавных, [illegible] героев своих книг.

Повести Туве Янссон [illegible] пяти языков. В Финляндии, [illegible] Польше, Японии [illegible] постоянно [illegible] увлекательные и веселые игры, серьезного [illegible] Ондатра, Му[illegible] обязательно что-нибудь придумает, и всех остальных.

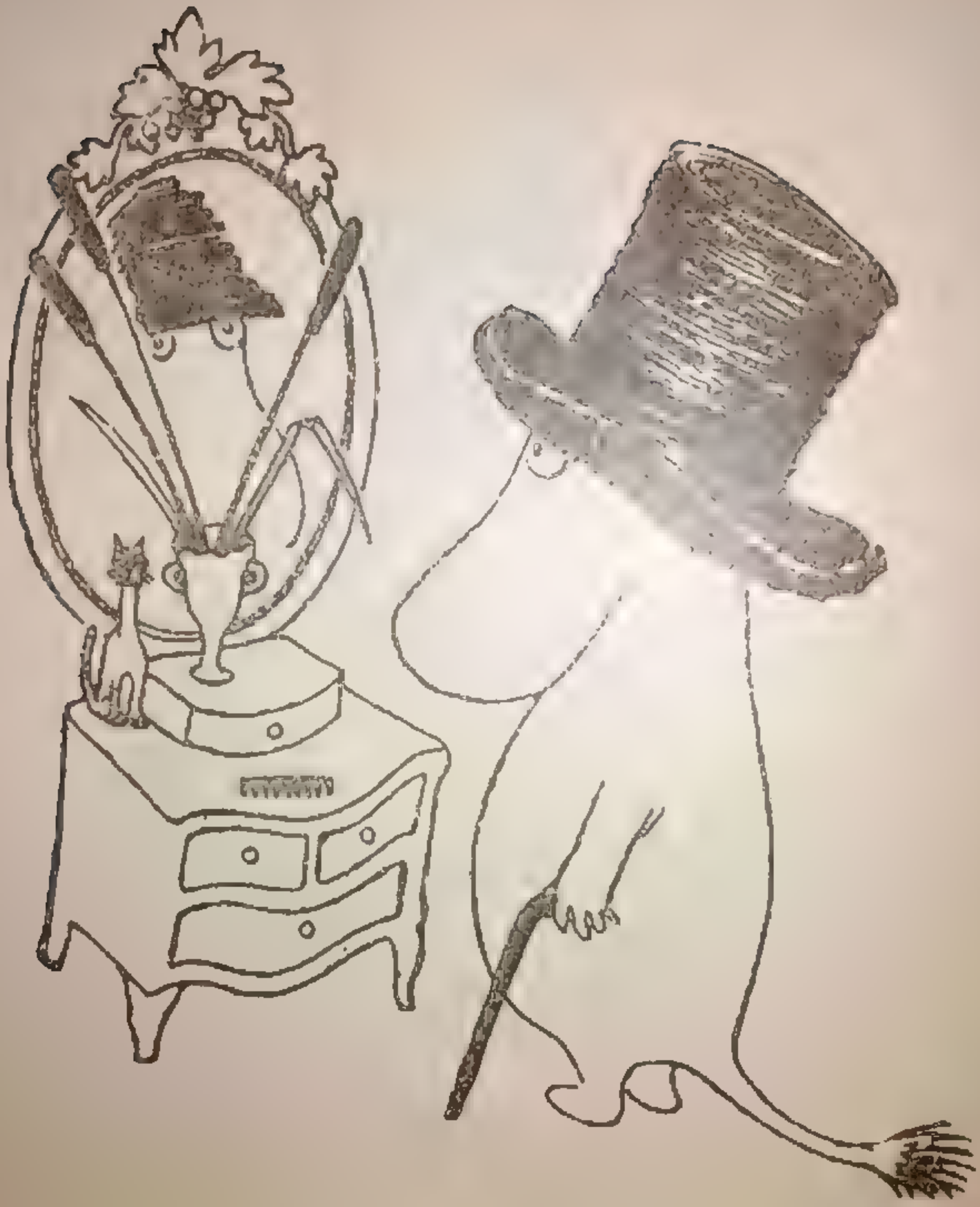
Муми-тролли и другие сказочные герои, населяющие Муми-дол, [illegible] дят все, [illegible] те и [illegible], кто ищет покоя.

„Вы[illegible] — это мир, по которому [illegible] ует каждый из нас“.— [illegible]

В первый том сош[illegible] мета“ и „[illegible] русский язык В. А. [illegible] и 1974 [illegible] щими ист[illegible] сказочных [illegible] книгах



большой … десять раз больше маленькой фрекен



Муми-тролль стремглав подлетел к отдушине и заглянул в нее.

— А ну, давай туда, живо! — решительно сказал он.— Еще немного — и оно тоже зарастет!

Один за другим все спустились вниз, в черноту подвала.

— Ау! — крикнул Хемуль, лезший последним.— Я никак не пролезу!

— Ну так оставайся снаружи, карауль Мамелюка,— отозвался Снорк.— Можешь включить в свой гербарий дом!

И, оставив бедного Хемуля мокнуть под дождем, они ощупью пробрались к лестнице в подпол.

— Нам повезло, – сказал Муми-тролль.— Крышка открыта. Вот видите, как хорошо иной раз быть распустехой!

— Это я забыл закрыть,— поспешно вставил Снифф.— Так что вся честь принадлежит мне!

Они сразу же увидели замечательную картину: в развилке сука сидел Ондатр и ел груши.

— А где мама? – спросил Муми-тролль.

- Мама вырубает папу из кабинета, — горестно отвечал Ондатр.— Единое упование мне осталось — что рай ондатров спокойное местечко, ибо я уже не жилец.

Все прислушались. Мощные удары топора сотрясали листву. Раздался треск, за ним [illegible] возглас. Муми-папа вышел на свободу!

- Мама! Папа! — закричал Муми-тролль, продираясь сквозь джунгли к входной двери.— Что вы тут без меня натворили?!

– Ах, золотко мое, — сказала Муми-мама. – Мы, наверное, опять оплошали со шляпой. Ну да идите же сюда! Я нашла в шкафу куст ежевики!

Это был исключительный день. Затеялась игра в девственный лес. Муми-тролль был Тарзаном, фрекен Снорк была Джейн. Сниффу разрешили быть сыном Тарзана, а Снусмумрик взял на себя роль шимпанзе Шиты. Снорк ползал в подлеске с вставными челюстями из апельсиновых корок и изображал врага вообще.

— Охохонюшки! — сказала Муми-мама.— Надо полагать, все наши гости чувствуют себя отлично.

– Надеюсь, что так,— отозвался Муми-папа.— Сделай милость, подбрось мне бананчик.

---

* Спроси у мамы: она знает, как они делаются! (Прим. авт.)

ВЕЛИКИЙ РОСТОВЩИК

Паучок. — Клуб со стульчаком. — Четыре сбоку, ваших нет. — Шкида в рабстве. — Оппозиция. — Птички. — Савушкин дебош. — Смерть хлебному королю!

Слаенов был маленький, кругленький шкет. Весь какой-то сдобный, лоснящийся. Даже улыбался он как-то сладко, аппетитно. Больше всего он был похож на сытого, довольного паучка.

Откуда пришел Слаенов в Шкиду, никто даже не полюбопытствовал узнать, да и пришел-то он как-то по-паучьи. Вполз тихонько, осторожненько, и никто его не заметил.

Пришел Слаенов во время обеда, сел на скамейку за стол и стал обнюхиваться. Оглядел соседей и вступил в разговор.

— А что? У вас плохо кормят?

— Плохо. Одной картошкой живем.

— Здорово! И больше ничего?

— А тебе чего же еще надо? Котлеток? Хорошо, что картошка есть. Это, брат, случайно запаслись. В других школах и того хуже.

Слаенов подумал и притих.

Дежурный с важностью внес на деревянном щите хлеб. За ним вошел, солидно помахивая ключом, староста Янкель. Он уже две недели исправно работал на новом посту и вполне освоился со своими обязанностями.

— Опять по осьмухе дают! — тоскливо процедил Савушка, вечно голодный, озлобленный новичок из второго отделения, но осекся под укоризненным взглядом халдея Сашкеца.

Однако настроение подавленности передалось и двум соседям Савушки, таким же нытикам, как и он сам. Кузя и Коренев вечно ходили озабоченные приисканием пищи, и это сблизило их. Они стали сламщиками. Слаенов приглядывался к тройке скулящих, но сам деликатно молчал. Новичку еще не подобало вмешиваться в семейные разговоры шкидцев.

Янкель обошел два стола, презрительно швыряя «пáйки» шкидцам и удивляясь в душе, как это можно так жадно смот-

Белых Г., Пантелеев Л.
Б 43 Республика Шкид: Повесть.— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1980 — 320 с., ил.

Книга, рассказывающая о жизни мальчишек 20-х годов, продолжает серию для подростков «Здравствуй, жизнь!».

70803
51-80

84Р7

Для среднего и старшего
школьного возраста

Григорий Георгиевич Белых
Алексей Иванович Пантелеев

РЕСПУБЛИКА ШКИД

Редактор О. Казакова
Художник В. Иванов
Художественный редактор В. Бутенко
Технический редактор Л. Андронова
Корректоры В. Антошина и И. Дудуева

ИБ № 542

Сдано в набор 5.11.1979 г. Подписано в печать 30.09.1980 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. 19, 756. Тираж 350 тыс. (150 001—350 000). Цена 70 коп. Заказ 2021.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Б.Б.К 84.4Вл
Г91

Грэм К.

Г91 Ветер в ивах: Повесть-сказка / Пер. с англ. А. З. Колотова, М. Д. Яснова; художник В. Я. Кременецкая.— Саратов: Региональное Приволж. изд-во «Детская книга», 1993.— 176 с.

ISBN 5-8270-0080-9

Героев этой сказки знают во многих странах мира. Это любознательный и общительный Крот, деликатный и дружелюбный Крыс, угрюмый, но всегда готовый прийти на выручку Барсук. Об увлекательных приключениях, выпавших на долю преданных друзей, рассказывает эта сказочная повесть известного английского писателя.

Г $\frac{4804010100—07}{Д24(03)—93}$ без объявл.

ББК 84.4Вл

ISBN 5-8270-0080-9

© РПИ «Детская книга», 1993 г.
© Александр Зиновьевич Колотов, переводчик, 1993 г
© Михаил Давыдович Яснов, переводчик стихов, 1993 г.
© Виктория Яковлевна Кременецкая, художник, 1993 г

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ГРЭМ

Перед вами — одна из самых знаменитых книг нашего столетия.

Уже несколько поколений читателей с младенчества вырастают в окружении удивительных героев, которые становятся их друзьями и помощниками в детской, да и во взрослой жизни. Алиса, Винни-Пух, хоббит Бильбо Бэггинс — их вы, конечно, знаете и любите. Надеюсь, вы примете близко к сердцу и судьбу маленьких героев «Ветра в ивах» — Крота и Крыса, Барсука и мистера Жаба.

Английский писатель Кеннет Грэм (1859—1932) написал эту книгу в самом начале века. С тех пор она выдержала множество переизданий, переводилась на разные языки, и новые поколения читают ее с не меньшим удовольствием, чем предыдущие.

Дело не только в том, что повесть остроумна и весела, что в ней есть лихо закрученный сюжет, что и сами герои, и те передряги, в которые они попадают,— это тонкая пародия на наш «человеческий» мир и отношения между людьми.

Каждое поколение вычитывает в классической литературе то, что ему дорого и необходимо. Наверное, первые читатели «Ветра в ивах» покатывались со смеху, узнавая в тщеславном бахвале Жабе или в романтическом «патриоте» Крысе своих соседей и приятелей. Наверное, со временем все резче, все тре-

пстней стали отзываться в сердцах читателей книги тоска и память об уходящей в прошлое чистой и незамутненной природе. Для нас же вместе с этой ностальгией, пожалуй, сильнее всего звучит тема дома, родного очага — одна из главных тем английской литературы, одна из главных проблем нашей сегодняшней жизни.

Вот и вы можете найти у себя дома уютное местечко, чтобы собраться всем вместе — и детям, и родителям. Наверное, повесть покажется вам особенно интересной, если вы прочтете ее не в одиночестве, а вот так, всей семьей, как это было принято в те времена, когда книга создавалась. Чтение вслух, семейное чтение — одна из замечательных традиций нормального, естественного и культурного общения маленьких и взрослых. Всем нам необходимо помнить ее и поддерживать — как огонь в старом добром камине.

Свет жилья, уюта, теплого слова — он притягивает, он дает возможность ощутить себя в мире, в котором всегда находится место дружбе, выручке, взаимопомощи, соучастию. Тому, что так сейчас нужно каждому из нас.

Михаил Яснов

Анатолий
РЫБАКОВ

КОРТИК

повесть

Москва
"ОЛМА-ПРЕСС"
"КОВЧЕГ"
1996

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Представляем новую серию
«КНИГИ НАШЕГО ДЕТСТВА»

Мы хотим познакомить мальчишек и девчонок с книжками, которыми зачитывались их мамы и папы, бабушки и дедушки. Это истории, смешные и вполне серьезные, о благородстве и верности, о малодушии и предательстве, о смелости и настоящем геройстве.

Приключения и фантастика, озорные «школьные» повести и увлекательные детективы – в серии

«КНИГИ НАШЕГО ДЕТСТВА»!!!

Спрашивайте на лотках и в магазинах издания серии «Книги нашего детства»:

Владимир Железников «Чучело»,
Юрий Сотник «Эликсир Купрума Эса»,
Евгений Велтистов «Приключения Электроника».

В 1996 году выйдут в свет книги:

Анатолий Мошковский «Пятеро в звездолете»,
Лазарь Лагин «Старик Хоттабыч»,
Фазиль Искандер «Детство Чика»,
Лев Давыдычев «Руки вверх! или Враг № 1»,
Святослав Сахарнов «Дом под водой. Трепанголовы»,
Людмила Матвеева «Казаки-разбойники».

РОССИЙСКИЙ ЧИТАТЕЛЬСКИЙ КЛУБ — КНИЖНЫЙ СЕРВИС XXI ВЕКА

Как приобретать книги, не тратя много времени и денег?

Заказать их по каталогу Российского читательского клуба!

Что такое Российский читательский клуб?

Это — книги по почте, обходящиеся Вам дешевле, чем в магазине.

Это — быстрота обслуживания, это всевозможные конкурсы и лотереи!

Как стать членом Российского читательского клуба и получить свой первый каталог?

Отправьте нам письмо-заявку по адресу:

103050, а/я 43, Российский читательский клуб.

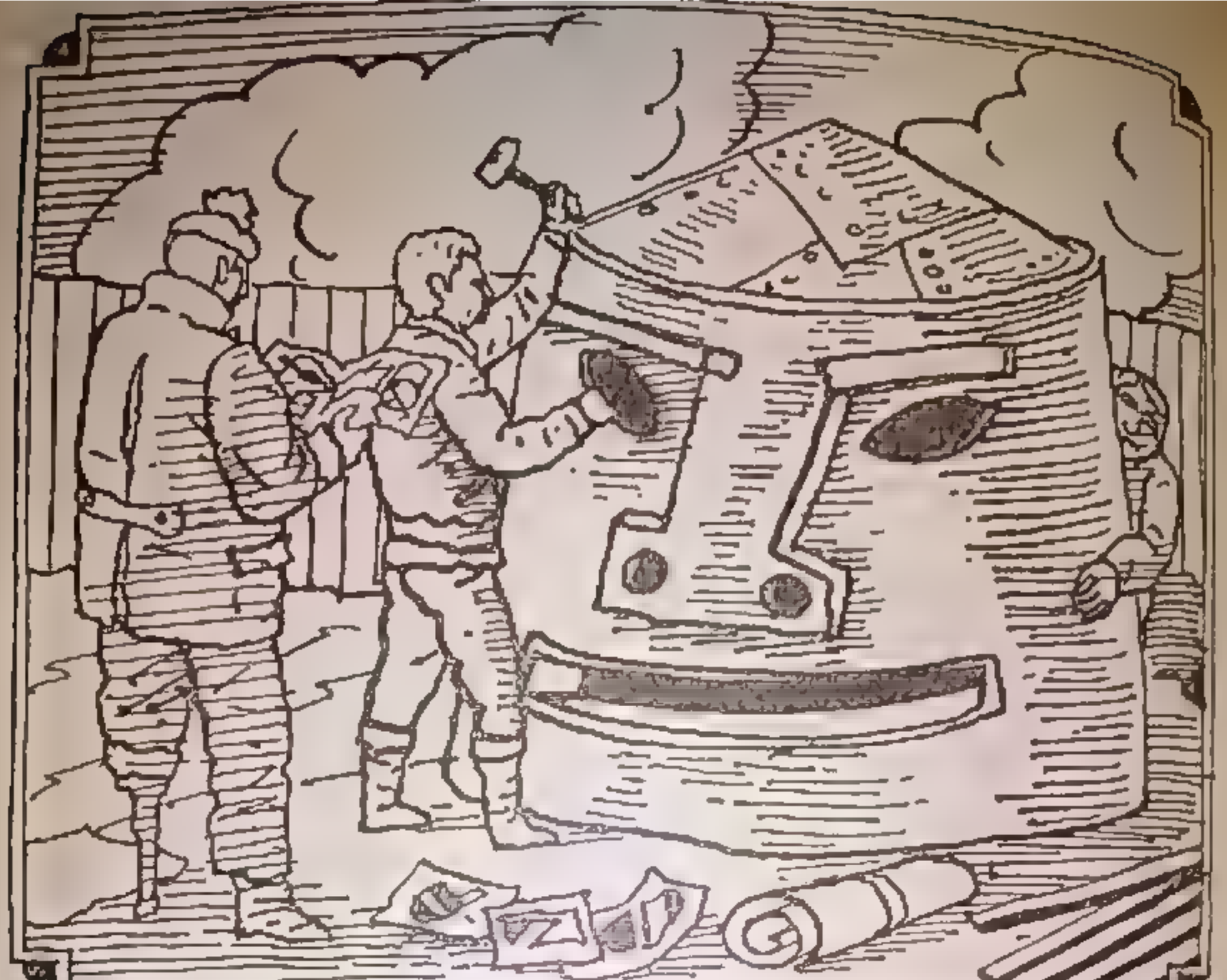
А.М.ВОЛКОВ

ЖЕЛТЫЙ ТУМАН

ТАЙНА ЗАБРОШЕННОГО ЗАМКА

Повести-сказки

Москва "LEXICA" 1992



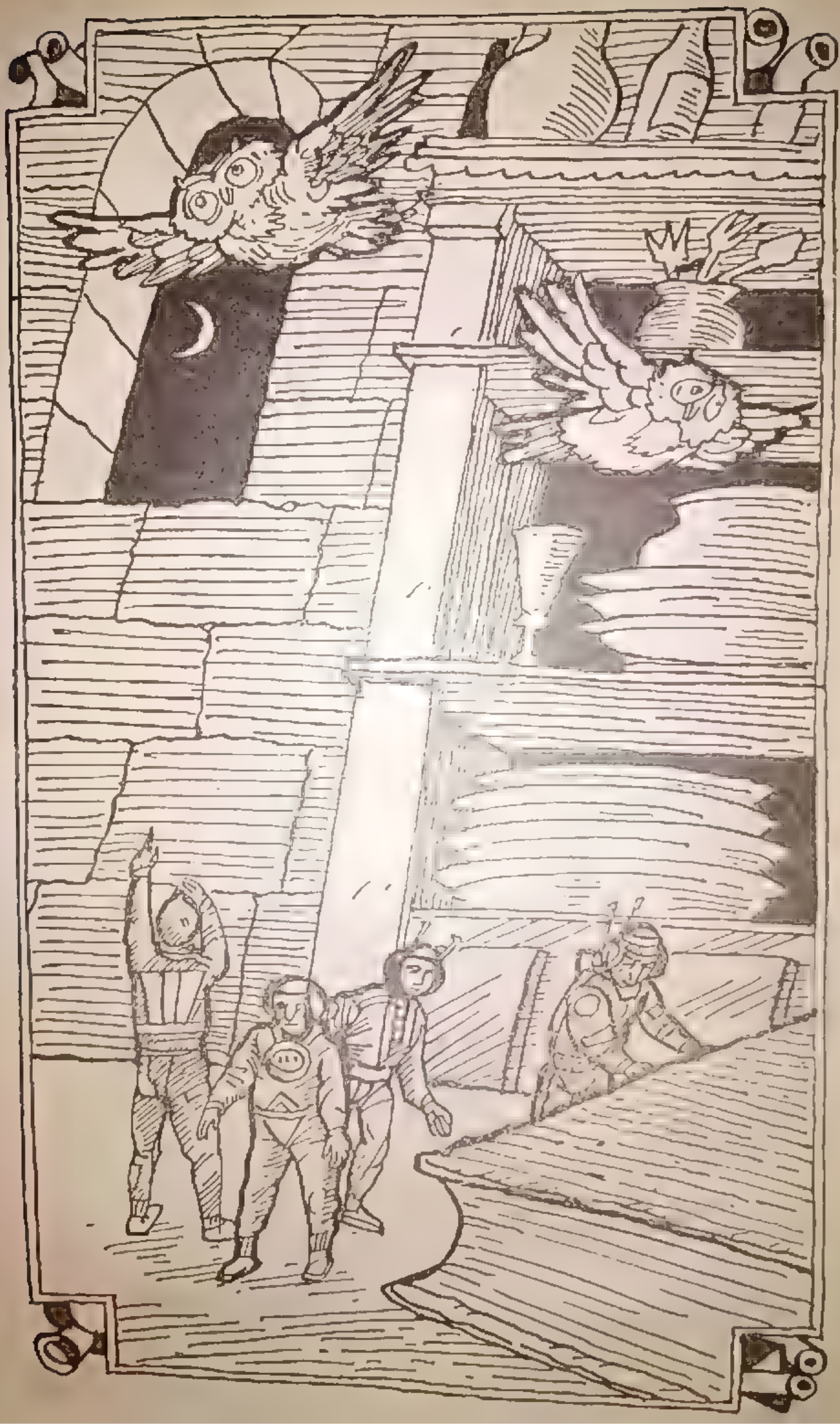
ЖЕЛЕЗНЫЙ РЫЦАРЬ ТИЛЛИ-ВИЛЛИ

РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКАНА ТИЛЛИ-ВИЛЛИ

Мастерскую организовали в просторном подвале дворца, где еще стояли верстаки, на которых Урфин Джюс с помощниками выделывал дуболомов. Помещение освещалось множеством свечей. Воздух в подвале очистили с помощью костров, и свечи давали достаточно света.

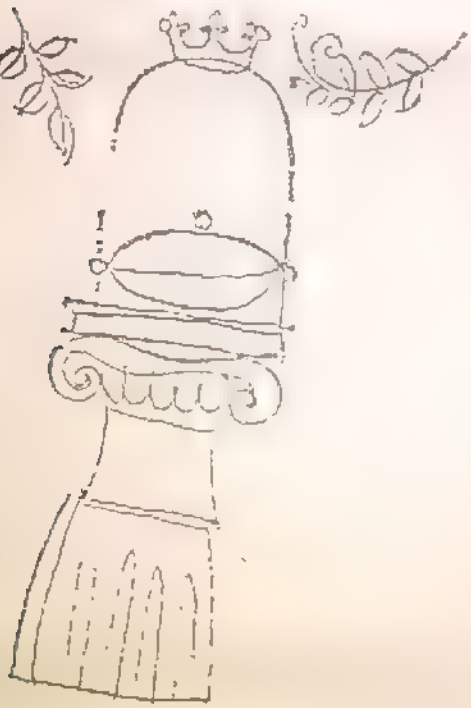
Работа шла полным ходом. Чарли Блек сделал чертежи и по этим чертежам вырезал из железных листов заготовки для туловища, головы, рук и ног будущего исполина Тилли-Вилли — ему дали такое имя в честь языческого божка. Работа Блека требовала большой точности: вырезанные детали предстояло выгибать при помощи деревянных молотков, чтобы они получили надлежащую кривизну, а после клепки приняли бы очертания человеческого тела. Малейшая ошибка в расчетах привела бы к непоправимым последствиям.

Дело осложнялось гигантскими размерами Тилли-Вил-



Ханс Кристиан Андерсен

СКАЗКИ



Москва
«Художественная литература»
1992

ВЕЛИКИЙ СКАЗОЧНИК

Мне было всего семь лет, когда я познакомился с писателем Кристианом Андерсеном.

Случилось это в зимний вечер 31 декабря 1899 года, — всего за несколько часов до наступления двадцатого столетия. Веселый датский сказочник встретил меня на пороге нового века.

Он долго рассматривал меня, прищурив один глаз и посмеиваясь, потом достал из кармана белоснежный душистый платок, встряхнул им, и из платка выпала большая белая роза. Сразу же вся комната наполнилась ее серебряным светом и непонятным медленным звоном. Оказалось, что это звенят лепестки розы, ударившись о кирпичный пол подвала, где жила тогда наша семья.

Я должен сказать, что этот случай с Андерсеном был тем явлением, которое старомодные писатели называли «сном наяву». Просто это мне, должно быть, привиделось.

В тот зимний вечер, о котором я рассказываю, у нас в семье украшали елку. По этому случаю взрослые отправили меня на улицу, чтобы я раньше времени не радовался этой елке.

Я никак не мог понять, почему нельзя радоваться раньше какого-то твердого срока. По моему, радость была не такая частая гостья в нашей семье, чтобы заставлять нас, детей, томиться, дожидаясь ее прихода.

Но, как бы там ни было, меня услали на улицу. Наступило то время сумерек, когда фонари еще не горели, но могли вот-вот зажечься. И от этого «вот-вот», от ожидания внезапно вспыхивающих фонарей у меня замирало сердце. Я хорошо знал, что в зеленоватом газовом свете тотчас появятся в глубине зеркальных магазинных витрин разные волшебные вещи: коньки «снегурки», витые свечи всех цветов радуги, маски клоунов в маленьких белых цилиндрах, оловянные кавалеристы на горячих гнедых лошадях, хлопушки и золотые бумажные цепи.

Непонятно почему, но от этих вещей сильно пахло клейстером и скипидаром.

Я знал со слов взрослых, что вечер 31 декабря 1899 года был совершенно особенный. Чтобы дождаться такого же вечера, нужно было прожить ещё сто лет. А это, конечно, почти никому не удастся.

Я спросил у отца, что значит «особенный вечер». Отец объяснил мне, что этот вечер называется так потому, что он не похож на все остальные. Снег падал медленно и важно, и хлопья его были такие большие, что казалось, с неба слетают на город легкие белые розы. И по всем улицам слышался глухой перезвон извозчичьих бубенцов.

Когда я вернулся домой, елку тотчас зажгли, и в комнате началось такое веселое потрескиванье свечей, будто вокруг лопались сухие стручки акации.

Около елки лежала толстая книга — подарок от мамы. Это были сказки Ханса Кристиана Андерсена.

Я сел под елкой и раскрыл книгу. В ней было много разноцветных картинок, прикрытых папиросной бумагой. Приходилось осторожно отдувать эту бумагу, чтобы увидеть картинки, еще липкие от краски.

Там сверкали бенгальским огнем стены снежных дворцов, дикие лебеди летели над морем, в котором, как лепестки цветов, отражались розовые облака, и стройные солдатики стояли на часах на одной ноге, сжимая длинные ружья.

Я начал читать и зачитался так, что, к огорчению взрослых, почти не обратил внимания на нарядную елку.

Прежде всего я прочел сказку о стойком оловянном солдатике и маленькой прелестной плясунье, потом — сказку о снежной королеве. Удивительная и, как мне показалась, душистая, подобно дыханию цветов, человеческая доброта исходила от страниц этой книги с золотым обрезом.

Потом я задремал под елкой от усталости и жара свечей и сквозь эту дремоту увидел самого Андерсена. С тех пор мое представление о нем всегда было связано с этим приятным сном.

Тогда я еще не знал, конечно, двойного смысла андерсеновских сказок. Я не знал, что в каждой детской сказке заключена вторая, которую в полной мере могут понять только взрослые.

Это я понял гораздо позже. Понял, что мне просто повезло, когда в канун трудного и великого двадцатого века мне встретился милый чудак и поэт Андерсен и научил меня светлой вере в победу солнца над мраком и доброго человеческого сердца над злым. Тогда я уже знал пушкинские слова: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» — и был почему-то уверен, что

Пушкин и Андерсен были закадычными друзьями и, встречаясь, хлопали, наверное, друг друга по плечу и смеялись.

Биографию Андерсена я узнал значительно позже. С тех пор она всегда представлялась мне в виде интересных картин, похожих на рисунки к его рассказам.

Андерсен всю свою жизнь умел радоваться, хотя детство его не давало для этого никаких оснований. Родился он в 1805 году, во время наполеоновских войн, в старом датском городе Оденсе, в семье сапожника.

Оденсе лежит в одной из котловин среди низких холмов на острове Фюн. В котловинах на этом острове почти всегда застаивался туман, а на вершинах холмов цвел вереск и уныло шумели сосны.

Если хорошенько подумать, на что был похож Оденсе, то, пожалуй, можно сказать, что он больше всего напоминал игрушечный город, вырезанный из почерневшего дуба.

Недаром Оденсе славился своими резчиками по дереву. Один из них, средневековый мастер Клаус Берг, вырезал из черного дерева огромный алтарь для собора в Оденсе. Алтарь этот, величественный и грозный, наводил оторопь не только на детвору, но даже на взрослых.

Но датские резчики делали не только алтари и статуи святых, — они предпочитали вырезать из больших кусков дерева те фигуры, что, по морскому обычаю, украшали форштевни парусных кораблей. То были грубые, но выразительные статуи мадонн, морского бога Нептуна [illegible], дельфинов и изогнувшихся морских коньков. Эти статуи раскрашивали золотом, охрой и кобальтом, причем клали краску так густо, что морская волна не могла в течение многих лет смыть ее или повредить.

По существу эти резчики корабельных статуй были поэтами моря и своего ремесла. Не зря же из семьи такого резчика вышел один из величайших скульпторов XIX века, друг Андерсена, датчанин Бертель Торвальдсен.

Маленький Андерсен видел замысловатые работы резчиков не только на кораблях, но и на домах Оденсе. Должно быть, он знал в Оденсе тот старый-престарый дом, где год постройки был вырезан на деревянном толстом щите в рамке из тюльпанов и роз. Там же было вырезано целое стихотворение, и дети выучивали его наизусть. Он даже описал этот дом в одной из своих сказок.

А у отца Андерсена, как у всех башмачников, висела над дверью деревянная вывеска с изображением орла с парой голов — в знак того, что башмачники всегда шьют только парную обувь.

Дед Андерсена тоже был резчиком по дереву. В старости он

занимался тем, что вырезал всякие причудливые игрушки — людей с птичьими головами или коров с крыльями — и раздаривал эти фигурки соседским мальчишкам. Дети радовались, а родители, как водится, считали старого резчика слабоумным и дружно насмехались над ним.

Андерсен вырос в бедности. Единственной гордостью семьи Андерсенов была необыкновенная чистота в их доме, ящик с землей, где густо разрастался лук, и несколько вазонов на окнах: в них цвели тюльпаны. Их запах сливался с дребезжащим перезвоном колоколов, стуком отцовского сапожного молотка, лихой дробью барабанщиков около казармы, свистом флейты бродячего музыканта и хриплыми песнями матросов, выводивших по каналу неуклюжие барки в соседний фиорд.

По праздникам матросы устраивали борьбу на узкой доске, перекинутой с борта одного корабля на другой. Побежденный падал в воду под хохот зрителей.

Во всем этом небогатом разнообразии людей, небольших событий, красок и звуков, окружавших тихого мальчика, он находил повод для того, чтобы выдумывать невероятные истории.

Пока он был еще слишком мал, чтобы решиться рассказывать эти истории взрослым. Решимость пришла позже. Тогда оказалось, что эти истории называются сказками, дают людям повод для размышления и приносят им много радости.

В доме у Андерсенов у мальчика был только один благодарный слушатель — старый кот по имени Карл. Но у Карла был крупный недостаток: кот часто засыпал, не дослушав до конца интересную сказку. Кошачьи годы, как говорится, брали свое. Но мальчик не сердился на старого кота: он все ему прощал за то, что Карл никогда не позволял себе сомневаться в существовании колдуний, хитреца Клумпе-Думпе, догадливых трубочистов, говорящих цветов и лягушек с бриллиантовыми коронами на голове.

Первые сказки мальчик услышал от отца и старух из соседней богадельни. Весь день эти старухи пряли, сгорбившись, серую шерсть и бормотали свои нехитрые рассказы. Мальчик переделывал эти рассказы по-своему, украшая их, как бы расцвечивая свежими красками, и в неузнаваемом виде снова рассказывал их, но уже от себя, богаделкам. А те только ахали и шептались между собой, что маленький Кристиан слишком умен и потому не заживется на свете.

Прежде чем рассказывать дальше, надо остановиться на том свойстве Андерсена, о котором я уже вскользь говорил: на его умении радоваться всему интересному и хорошему, что попадается на каждой тропинке и на каждом шагу.

Пожалуй, неправильно называть это свойство умением. Го-

раздо вернее назвать его талантом, редкой способностью замечать то, что ускользает от ленивых человеческих глаз.

Мы ходим по земле, но часто ли нам приходит в голову желание нагнуться и тщательно рассмотреть эту землю, рассмотреть все, что находится у нас под ногами. А если бы мы нагнулись или — даже больше —легли бы на землю и начали рассматривать ее, то на каждой пяди мы бы нашли много любопытных и прекрасных вещей.

Разве не прекрасен сухой мох, рассыпающий из своих кувшинчиков изумрудную пыльцу, или цветок подорожника, похожий на сиреневый пушистый султан? Или обломок перламутровой ракушки, такой крошечный, что из него нельзя сделать даже карманное зеркальце для куклы, но достаточно большой, чтобы беспечно переливаться и блестеть таким же множеством опаловых красок, каким горит на вечерней заре небо над Балтикой?

Разве не прекрасна каждая травинка, наполненная пахучим соком, и каждое летучее семечко липы? Из него обязательно вырастет могучее дерево, и однажды тень от его листвы стремительно рванется от порывистого ветра и разбудит девушку, уснувшую в саду. И она медленно откроет глаза, полные свежей синевы и восхищения перед зрелищем поздней весны.

Да мало ли что видишь у себя под ногами! Обо всем этом можно написать поэмы, рассказы и сказки, — такие сказки, что люди будут только качать головами от удивления и говорить друг другу: «Откуда только взялся такой благословенный дар у этого долговязого сына башмачника из Одензе? Должно быть, он все-таки колдун!»

Но детей вводит в волшебный мир сказки не только народная поэзия, но и театр. Спектакль дети почти всегда принимают как сказку.

Яркие декорации, свет масляных ламп, бряцанье рыцарских доспехов, гром музыки, подобный грому сражения, слезы принцесс с синими ресницами, рыжебородые злодеи, сжимающие рукоятки зазубренных мечей, пляски девушек в воздушных нарядах — все это никак не походит на действительность и, конечно, может происходить только в сказке.

В Одензе был свой театр. Там маленький Кристиан впервые увидел пьесу с романтическим названием «Дунайская дева». Он был ошеломлен этим спектаклем и с тех пор стал ярым театралом на всю свою жизнь, до самой смерти.

Но на театр не было денег. И мальчик заменил подлинные спектакли воображаемыми. Он подружился с городским расклейщиком афиш Петером, начал помогать ему, а за это Петер дарил Кристиану по одной афише каждого нового спектакля.

Кристиан приносил афишу домой, забивался в угол и, про-

читав название пьесы и имена действующих лиц, тут же выдумывал свою захватывающую дух пьесу, под тем же названием, которое стояло на афише.

Выдумывание это длилось по нескольку дней. Так создавался тайный репертуар детского воображаемого театра, где мальчик был автором и актером, музыкантом и художником, осветителем и певцом.

Андерсен был единственным ребенком в семье и, несмотря на бедность родителей, жил вольно и беззаботно. Его никогда не наказывали. Он занимался только тем, что мечтал. Это обстоятельство даже помешало ему вовремя научиться грамоте: он одолел ее позже, чем все мальчики его возраста.

Больше всего времени Кристиан проводил на старой мельнице на реке Оденсе. Мельница эта вся тряслась от старости, окруженная обильными брызгами и потоками воды. Зеленые бороды тяжелой тины свешивались с ее дырявых лотков. У берегов запруды плавали в ряске ленивые рыбы.

Кто-то рассказал мальчику, что прямо под мельницей, на другом конце земного шара, находится Китай и что китайцы довольно легко могут прокопать подземный ход в Оденсе и внезапно появиться на улицах заплесневелого датского городка в красных атласных халатах, расшитых золотыми драконами, и с изящными веерами в руках.

Мальчик долго ждал этого чуда, но оно почему-то не произошло.

Кроме мельницы, еще одно место в Оденсе привлекало маленького Кристиана. На берегу канала была расположена усадьба старого отставного моряка. В своем саду моряк установил несколько маленьких деревянных пушек и рядом с ними — высокого, тоже деревянного, солдата.

Когда по каналу проходил корабль, пушки стреляли холостыми зарядами, а солдат палил в небо из деревянного ружья. Так старый моряк салютовал своим счастливым товарищам — капитанам, еще не ушедшим на пенсию.

Несколько лет спустя Андерсен попал в эту усадьбу уже студентом. Моряка не было в живых. Юного поэта встретил среди цветочных клумб рой красивых и задорных девушек — внучек старого капитана.

Впервые тогда Андерсен почувствовал любовь к одной из этих девушек, — любовь, к сожалению, безответную и туманную. Такими же были все увлечения женщинами, случавшиеся в его беспокойной жизни.

Кристиан мечтал обо всем, что только могло прийти ему в голову. Родители же мечтали сделать из мальчика хорошего портного. Мать учила его кроить и шить. Но мальчик если что-

либо и шил, то только пестрые платья из шелковых лоскутков для своих театральных кукол (у него уже был свой собственный домашний театр), а вместо кройки он научился виртуозно вырезать из бумаги замысловатые узоры и маленьких танцовщиц, делающих пируэты. Этим искусством он поражал всех даже в годы своей старости.

Умение делать прочные швы впоследствии пригодилось Андерсену. Он так перемарывал рукописи, что на них не оставалось места для поправок, — тогда Андерсен выписывал эти поправки на отдельных листах и тщательно вшивал их нитками в рукопись: ставил на ней заплатки.

Когда Андерсену исполнилось четырнадцать лет, умер его отец. Вспоминая об этом, Андерсен говорил, что всю ночь над умершим пел сверчок, в то время как мальчик всю ночь проплакал.

Так под песню запечного сверчка ушел из жизни застенчивый башмачник, ничем не замечательный, кроме того, что он подарил миру своего сына — сказочника и поэта.

Вскоре после смерти отца Кристиан отпросился у матери и на жалкие сбереженные гроши уехал из Оденсе в столицу Копенгаген — завоевывать счастье, хотя он сам еще толком не знал, в чем оно заключается.

В сложной биографии Андерсена нелегко установить то время, когда он начал рассказывать свои первые прелестные сказки.

С раннего детства его память была полна разных волшебных историй, но они лежали под спудом. Юноша Андерсен считал себя кем угодно — певцом, танцором, декламатором, поэтом, сатириком и драматургом, но только не сказочником. Несмотря на это, отдаленный голос сказки давно слышался то в одном, то в другом из его произведений, как звук чуть затронутой и тотчас же отпущенной струны.

Не помню, кто из писателей сказал, что сказки делаются из того же вещества, из которого состоят сны.

Во сне частности нашей реальной жизни свободно и причудливо соединяются во множестве комбинаций, как разноцветные стеклышки в калейдоскопе.

Ту работу, которую проводит во сне сумеречное сознание, — во время бодрствования совершает наше безграничное воображение. Отсюда, очевидно, и возникла мысль о сходстве снов и сказок.

Свободное воображение ловит в окружающей нас жизни сотни частностей и соединяет их в стройный и мудрый рассказ. Нет ничего, чем пренебрег бы сказочник, — будь то горлышко пивной бутылки, капля росы на пере, потерянном иволгой, или

заржавленный уличный фонарь. Любая мысль — самая могучая и великолепная — может быть выражена при дружественном содействии эти незаметных и скромных вещей.

Что толкнуло Андерсена в область сказки?

Сам он говорил, что легче всего писал сказки, оставаясь наедине с природой, «слушая ее голос», особенно в то время, когда он отдыхал в лесах Зеландии, почти всегда окутанных неплотным туманом и дремлющих под слабым мерцанием звезд. Далекий ропот моря, долетавший в чащу этих лесов, придавал им таинственность.

Но мы также знаем, что многие свои сказки Андерсен писал среди зимы, в разгар детских елочных праздников, и придавал им нарядную и простую форму, свойственную елочным украшениям.

Что говорить! Приморская зима, ковры снегов, треск огня в печах и сияние зимней ночи — все это располагает к сказке.

А может быть, толчком к тому, что Андерсен стал сказочником, послужил один случай в Копенгагене.

Маленький мальчик играл на подоконнике в старом копенгагенском доме. Игрушек было не так уж много — несколько кубиков, старая бесхвостая лошадь из папье-маше, много раз уже выкупанная и потому потерявшая масть, и сломанный оловянный солдатик.

Мать мальчика, молодая женщина, сидела у окна и вышивала.

В это время в глубине пустынной улицы со стороны Старого порта, где усыпительно и монотонно покачивались в небе реи кораблей, показался высокий и очень худой человек в черном. Он быстро шел несколько скачущей, неуверенной походкой, размахивая длинными руками, и говорил сам с собой.

Шляпу он нес в руке, и потому был хорошо виден его большой покатый лоб, орлиный тонкий нос и серые сощуренные глаза. Он был некрасив, но изящен и производил впечатление иностранца. Душистая веточка мяты была воткнута в петлицу его сюртука.

Если бы можно было прислушаться к бормотанью этого незнакомца, то мы бы услышали, как он чуть нараспев читал стихи:

Я сохранил тебя в своей груди,
О роза нежная моих воспоминаний...

Женщина за пяльцами подняла голову и сказала мальчику:

— Вот идет наш поэт, господин Андерсен. Под его колыбельную песню ты так хорошо засыпаешь.

Мальчик посмотрел исподлобья на незнакомца в черном,

схватил своего единственного хромого солдатика, выбежал на улицу, сунул солдатика в руку Андерсену и тотчас убежал.

Это был неслыханно щедрый подарок, и Андерсен понял это. Он воткнул солдатика в петлицу сюртука рядом с веточкой мяты — как драгоценный орден, потом вынул платок и слегка прижал его к глазам, — очевидно, недаром друзья обвиняли его в чрезмерной чувствительности.

А женщина, подняв голову от вышивания, подумала: как хорошо и вместе с тем трудно было бы ей жить с этим поэтом, если бы она могла полюбить его. Вот, говорят, что даже ради молодой певицы Женни Линд, в которую он был влюблен, — все звали ее «ослепительной Женни», — Андерсен не захотел отказаться ни от одной из своих поэтических привычек и выдумок...

А этих выдумок было много. Однажды он даже придумал прикрепить к мачте рыбачьей шхуны золотую арфу, чтобы слушать ее жалобное пение во время угрюмых северо-западных ветров, постоянно дующих в Дании.

Андерсен считал свою жизнь прекрасной, но, конечно, лишь в силу детской своей жизнерадостности. Эта незлобивость по отношению к жизни обычно бывает верным признаком внутреннего богатства. Таким людям, как Андерсен, нет охоты растрачивать время и силы на борьбу с житейскими неудачами, когда вокруг так явственно сверкает поэзия, — и нужно жить только ею и не пропустить то мгновение, когда весна прикоснется губами к деревьям. Как бы хорошо никогда не думать о житейских невзгодах! Что они стоят по сравнению с этой благодатной, душистой, ослепляющей весной!

Андерсену хотелось так думать и так жить, но действительность совсем не была милостива к нему.

Было много, слишком много огорчений и обид, особенно в первые годы в Копенгагене, в годы нищеты и пренебрежительного покровительства со стороны признанных поэтов, писателей и музыкантов.

Слишком часто, даже в старости, Андерсену давали понять, что он «бедный родственник» в датской литературе и что ему — сыну сапожника и бедняка — следует знать свое место среди господ советников и профессоров.

Андерсен говорил, что за свою жизнь он выпил не одну чашу горечи. Его замалчивали, на него клеветали, над ним насмехались. За что?

За то, что в нем текла «мужицкая кровь», что он не был похож на спесивых и благополучных обывателей, за то, что он был истинным поэтом «божьей милостью», был беден — и, наконец, за то, что он не умел жить.

Неумение жить считалось самым тяжким пороком в филистерском обществе Дании. Андерсен был просто неудобен в этом обществе — этот чудак, этот, по словам философа Кьеркегора, ожившийся из книги стихов и навсегда забывший секрет, как вернуться обратно на пыльную полку библиотеки.

«Все хорошее во мне топтали в грязь», — говорил о себе Андресен. Говорил он и более горькие вещи, сравнивая себя с тонущей собакой, в которую мальчишки швыряют камни, но не из злости, а ради пустой забавы.

Да, жизненный путь этого человека, умевшего видеть по ночам тихое сияние шиповника и слышать воркотню старого пня в лесу, не был усыпан венками.

Андерсен часто страдал; страдал жестоко, и можно только преклоняться перед мужеством этого человека, не растерявшего на своем житейском пути ни доброжелательства к людям, ни жажды справедливости, ни способности видеть поэзию всюду, где она есть.

Он страдал, но он не покорялся. Он часто негодовал. Он гордился своей кровной близостью к беднякам — крестьянам и рабочим. В «Союзе рабочих» он первый из датских писателей начал читать рабочим свои удивительные сказки.

Он становился ироничен и беспощаден, когда дело касалось пренебрежения к простому человеку, несправедливости и лжи. Рядом с детской сердечностью в нем жил едкий сарказм. С полной силой он выразил его в своей великой сказке о голом короле.

Когда умер скульптор Торвальдсен, сын бедняка, то Андерсену была невыносима мысль, что за гробом великого мастера впереди всех будет напыщенно шествовать датская знать.

Андерсен написал кантату на смерть Торвальдсена. Он собрал на похороны детей бедняков со всего Копенгагена. Дети шли цепью по сторонам похоронной процессии и пели кантату Андерсена, начинавшуюся словами:

Дорогу дайте к гробу беднякам, —
Из их среды почивший вышел сам...

Андерсен писал о своем друге поэте Ингемане, что тот разыскивал семена поэзии на крестьянской земле. С гораздо большим правом эти слова относятся к самому Андерсену. Он собирал зерна поэзии с крестьянских полей, согревал их у своего сердца, сеял в низких хижинах, и из этих семян вырастали и расцветали невиданные и великолепные цветы поэзии, радовавшие сердца бедняков.

Были у Андерсена целые годы душевной путаницы и мучи-

тельных поисков своей настоящей дороги. Сам Андерсен долго не знал, какие области искусства сродни его таланту.

«Как горец вырубает ступеньки в гранитной скале, — говорил о себе под старость Андерсен, — так я медленно и тяжело завоевывал свое место в литературе».

Он толком не знал своей силы, пока поэт Ингеман не сказал ему шутя: «Вы обладаете драгоценной способностью находить жемчуг в любой сточной канаве».

Эти слова открыли Андерсену самого себя.

И вот — на двадцать третьем году жизни — первая подлинно андерсеновская книга «Прогулка на остров Амагер». В этой книге Андерсен решил, наконец, выпустить в мир «пестрый рой своих фантазий».

Первый легкий трепет восхищения перед неведомым до тех пор поэтом прошел по Дании. Будущее становилось ясным.

На первый же скудный гонорар от своих книг Андерсен устремился в путешествие по Европе.

Беспрерывные поездки Андерсена можно с полным правом назвать путешествиями не только по земле, но и по своим великим современникам: потому что, где бы Андерсен ни был, он всегда знакомился со своими любимыми писателями, поэтами, музыкантами и художниками.

Такие знакомства Андерсен считал не [illegible] необходимыми, но просто необходимыми. Блеск ума и таланта великих современников Андерсена наполнял его ощущением свежести и собственной силы. И в этом длительном светлом волнении, в постоянной смене стран, городов, [illegible] в волнах «дорожной поэзии», в удивительных встречах, [illegible] удивительных размышлениях прошла вся жизнь Андерсена.

Он писал всюду, где его заставала жажда писать. Кто сочтет, сколько царапин оставило его торопливое перо на оловянных чернильницах в гостиницах Рима и Парижа, Афин и Константинополя, Лондона и Амстердама!

Я сознательно упомянул о торопливом пере Андерсена. Придется на минуту отложить рассказ о его путешествиях, чтобы объяснить это выражение.

Андерсен писал быстро, хотя потом долго и придирчиво правил свои рукописи.

Писал он быстро потому, что обладал даром импровизации. Андерсен был чистейшим образцом импровизатора. Бесчисленные мысли и образы роились у него во время работы. Нужно было спешить, чтобы записать их, пока они еще не ускользнули из памяти, не погасли и не скрылись из глаз. Нужно было обладать необыкновенной зоркостью, чтобы ловить на лету и за-

крепнять те картины, что вспыхивали и мгновенно гасли, как ветвистый узор молнии на грозовом небе.

Импровизация — это стремительная отзывчивость поэта на любую чужую мысль, на любой толчок извне, немедленное превращение этой мысли в потоки образов и гармонических картин. Она возможна лишь при огромном запасе наблюдений и великолепной памяти.

Свою повесть об Италии Андерсен написал как импровизатор. Поэтому он и назвал ее этим словом — «Импровизатор». И, может быть, глубокая и почтительная любовь Андерсена к Гейне объяснялась отчасти тем, что в немецком поэте Андерсен видел своего собрата по импровизации.

Но вернемся к путешествиям Кристиана Андерсена.

Первое путешествие он совершил по Каттегату, заполненному сотнями парусных кораблей. Это была очень веселая поездка. В то время в Каттегате появились первые пароходы — «Дания» и «Каледония». Они вызвали целый ураган негодования среди шкиперов парусных кораблей.

Когда пароходы, надымив на весь пролив, смущенно проходили сквозь строй парусников, их подвергали неслыханным насмешкам и оскорблениям. Шкиперы посылали им в рупор самые отборные проклятья. Их обзывали «трубочистами», «дымовозами», «копчеными хвостами» и «вонючими лоханками». Эта жестокая морская распря очень забавляла Андерсена.

Но плавание по Каттегату было не в счет. После него начались «настоящие путешествия» Андерсена. Он много раз объездил всю Европу, был в Малой Азии и даже в Африке.

Он познакомился в Париже с Виктором Гюго и великой артисткой Рашель, беседовал с Бальзаком, был в гостях у Гейне. Он застал немецкого поэта в обществе молоденькой прелестной жены-парижанки, окруженной кучей шумных детей. Заметив растерянность Андерсена (сказочник втайне побаивался детей), Гейне сказал:

— Не пугайтесь. Это не наши дети. Мы их занимаем у соседей.

Дюма водил Андерсена по дешевым парижским театрам, а однажды Андерсен видел, как Дюма писал свой очередной роман, то громко ссорясь с его героями, то покатываясь от хохота.

Вагнер, Шуман, Мендельсон, Россини и Лист играли для Андерсена свои вещи. Листа Андерсен называл «духом бури над струнами».

В Лондоне Андерсен встретился с Диккенсом. Они пристально посмотрели друг другу в глаза. Андерсен не выдержал, отвернулся и заплакал. То были слезы восхищения перед великим сердцем Диккенса.

Потом Андерсен был в гостях у Диккенса, в его маленьком доме на взморье. Во дворе заунывно играл шарманщик-итальянец, за окном в сумерках блестел огонь маяка; мимо дома проплывали, выходя из Темзы в море, неуклюжие пароходы, а отдаленный берег реки, казалось, горел, как торф, — то дымили лондонские заводы и доки.

— У нас полон дом детей, — сказал Диккенс, хлопнув в ладоши, и тотчас несколько мальчиков и девочек, сыновей и дочерей Диккенса, вбежали в комнату, окружили Андерсена и расцеловали его в благодарность за сказки.

Но чаще всего и больше всего Андерсен бывал в Италии.

Рим стал для него, как и для многих писателей и художников, второй родиной.

Однажды, по пути в Италию, Андерсен проезжал в дилижансе через Швейцарию.

Была весенняя ночь; полная крупных звезд. В дилижанс село несколько деревенских девушек. Было так темно, что пассажиры не могли рассмотреть друг друга. [illegible] на это, между ними начался шутливый разговор. Да, было так темно, что Андерсен заметил только, как поблескивали влажные зубы девушек.

Он начал рассказывать девушкам о [illegible] говорил о них, как о прекрасных сказочных [illegible]. Он восхвалял их зеленые загадочные глаза, [illegible], рдеющие губы и тяжелые ресницы.

Каждая девушка была по-своему [illegible] Андерсена и по-своему счастлива.

Девушки смущенно смеялись, но, [illegible], Андерсен заметил, как у некоторых из них [illegible] на глазах слезы, — то были слезы благодарности [illegible] и странному попутчику.

Одна из девушек попросила Андерсена, чтобы он описал им самого себя.

Андерсен был некрасив. Он знал это. Но сейчас он изобразил себя стройным, бледным и обаятельным молодым человеком, с душой, трепещущей от ожидания [illegible].

Наконец дилижанс остановился в глухом городке, куда ехали девушки. Ночь стала еще темнее. Девушки расставались с Андерсеном, причем каждая горячо и нежно поцеловала на прощанье удивительного незнакомца.

Дилижанс тронулся. Лес шумел за его окнами. Фыркали лошади, и низкие, уже итальянские, созвездия пылали над головой. Андерсен был счастлив так, как, может быть, еще никогда не был счастлив в жизни. Он благословлял дорожные неожиданные, мимолетные и милые встречи.

Италия покорила Андерсена. Он полюбил в ней все: каменные мосты, заросшие плющом, обветшалые мраморные фасады зданий, оборванных смуглых детей, померанцевые рощи, «отцветающий лотос» — Венецию, статуи Латерана, осенний воздух, холодноватый и пьянящий, мерцание куполов над Римом, старинные холсты, ласкающее солнце и то множество плодотворных мыслей, которые рождала Италия в его сердце.

Умер Андерсен в 1875 году.

Несмотря на частые невзгоды, ему выпало на долю подлинное счастье быть обласканным своим народом.

Я не перечисляю тут всего, что написал Андерсен. Вряд ли это нужно. Я хотел только набросать беглый облик этого поэта и сказочника, этого обаятельного чудака, оставшегося до самой смерти чистосердечным ребенком, этого вдохновенного импровизатора и ловца человеческих душ — и детских и взрослых.

Он был поэтом бедняков, несмотря на то, что короли считали за честь пожать его сухощавую руку.

Он был народным певцом. Вся его жизнь свидетельствует о том, что сокровища подлинного искусства заключены только в сознании народа, и нигде больше.

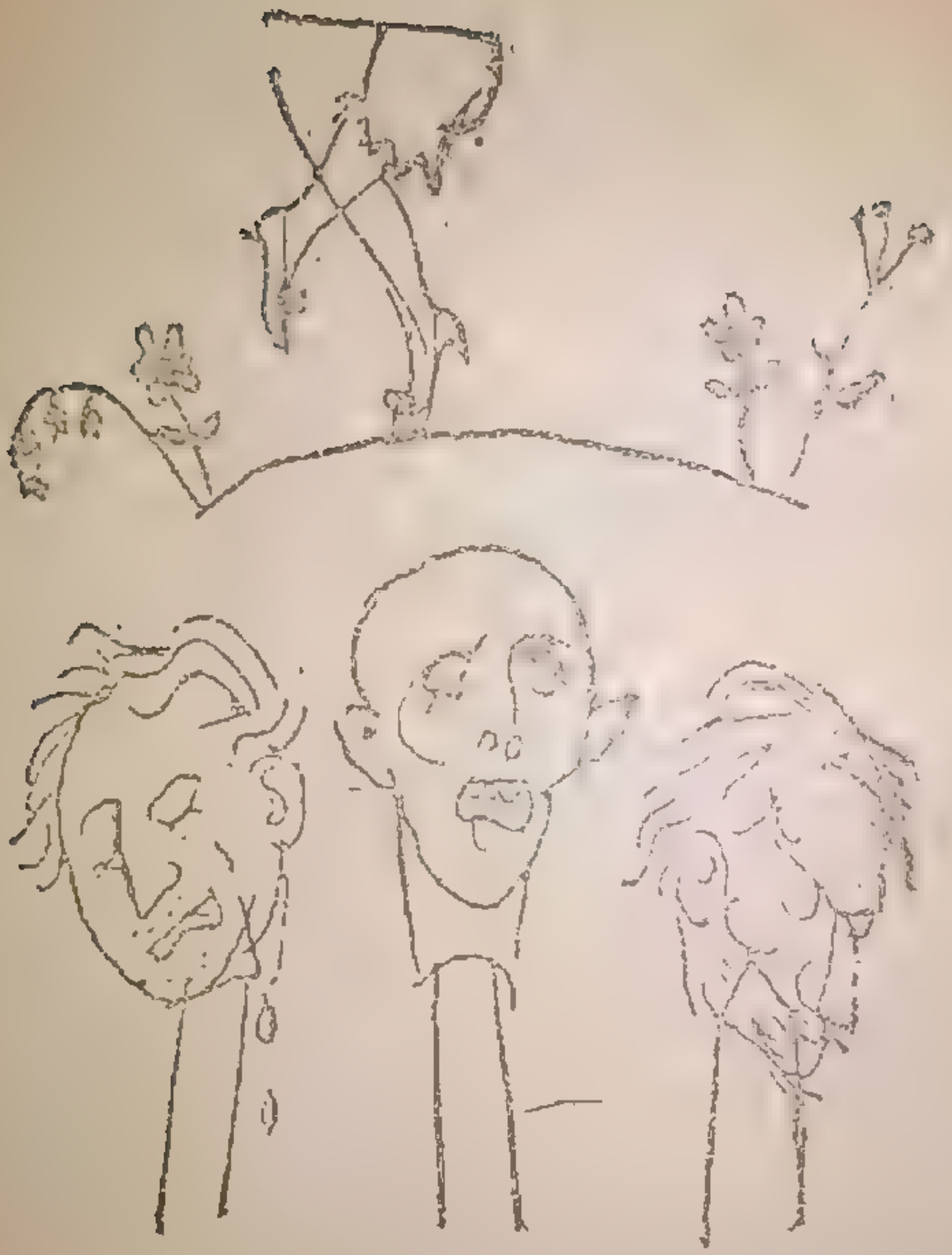
Поэзия насыщает сердце народа подобно тому, как мириады капелек влаги насыщают воздух Дании. Поэтому, говорят, нигде нет таких широких и ярких радуг, как там.

Пусть же эти радуги почаще сверкают, как многоцветные триумфальные арки, над могилой сказочника Андерсена и над кустами его любимых белых роз.

К. ПАУСТОВСКИЙ

1955

ках.



Но это, конечно, неправда. Ведь на свете столько мальчишек, которым семь лет, у которых голубые глаза, немытые уши и разорванные на коленках штанишки, что сомневаться тут нечего: Малыш — самый обыкновенный мальчик.

Боссе пятнадцать лет, и он с большей охотой стоит в футбольных воротах, чем у школьной доски, а значит — он тоже самый обыкновенный мальчик.

Бетан четырнадцать лет, и у нее косы точь-в-точь такие же, как у других самых обыкновенных девочек.

Во всем доме есть только одно не совсем обыкновенное существо — Карлсон, который живет на крыше. Да, он живет на крыше, и одно это уже необыкновенно. Быть может, в других городах дело обстоит иначе, но в Стокгольме почти никогда не случается, чтобы кто-нибудь жил на крыше, да еще в отдельном маленьком домике.

А вот Карлсон, представьте себе, живет именно там.

Карлсон — это маленький толстенький самоуверенный человечек, и к тому же он умеет летать. На самолетах и вертолетах летать могут все, а вот Карлсон умеет летать сам по себе. Стоит ему только накачать кнопку на животе, как у него за спиной тут же начинает работать хитроумный моторчик. С минуту, пока пропеллер не раскрутится как следует, Карлсон стоит неподвижно, но когда мотор заработает вовсю, Карлсон взмывает ввысь и летит, слегка покачиваясь, с таким важным и достойным видом, словно какой-нибудь

Астрид Линдгрен

ТРИ ПОВЕСТИ

О МАЛЫШЕ И КАРЛСОНЕ

Перевод со шведского

г. Томск
Издательство «Красное знамя»

– Завтра день моего рождения, — сказал Малыш. — Ко мне придут Гунилла и Кристер, и нам разрешат стол в моей комнате... — Малыш помолчал, вид у него был мрачный. — Мне бы очень хотелось и тебя пригласить, — продолжал он, — но...

Мама так сердилась на Карлсона, что бесполезно было просить у неё разрешения.

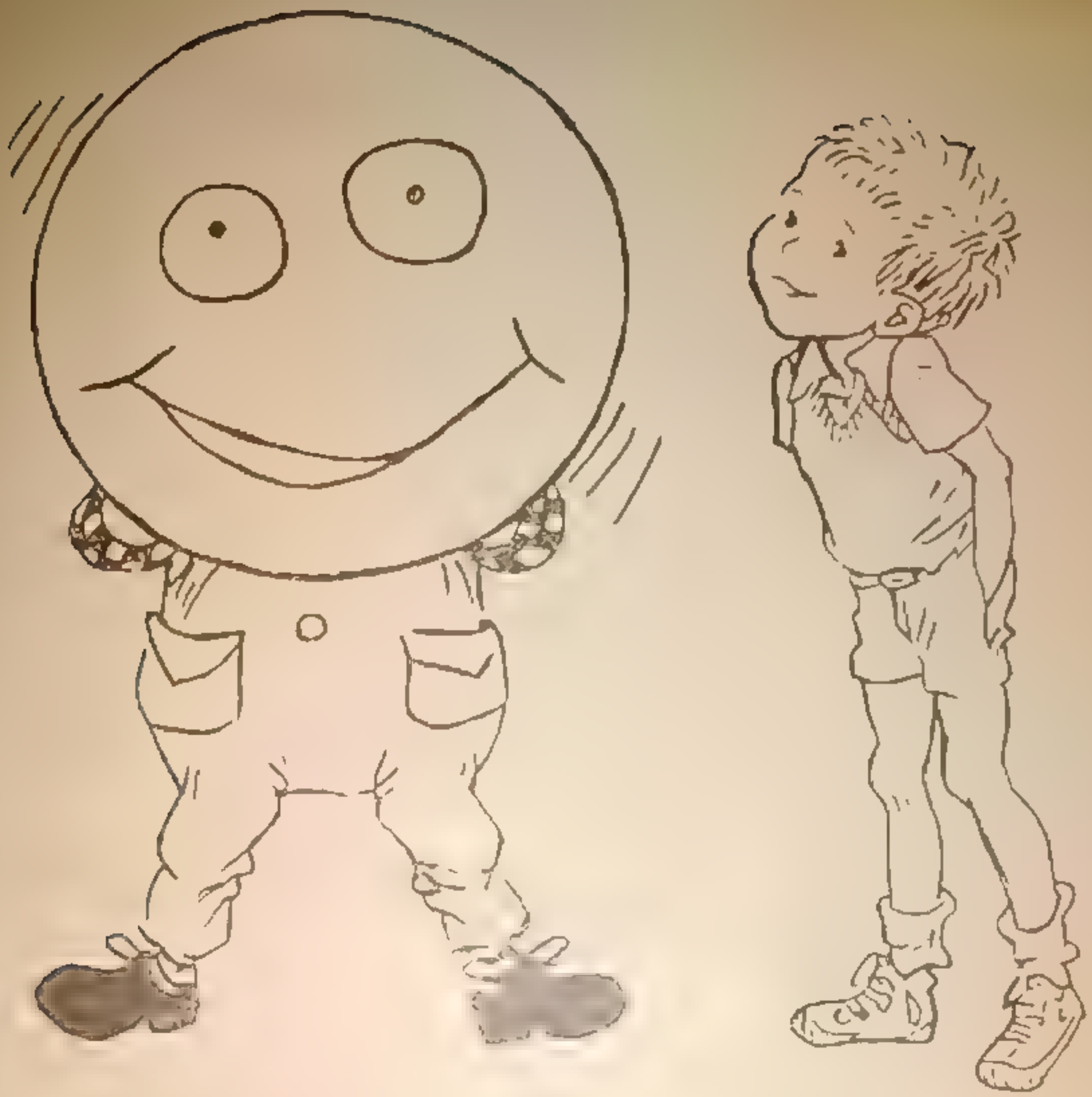
Карлсон выпятил нижнюю губу больше, чем когда бы то ни было:

— Я с тобой не буду водиться, если ты меня не позовёшь! Я тоже хочу повеселиться.

— Ладно, ладно, приходи, — торопливо сказал Малыш.

Он решил поговорить с мамой. Будь что будет, но невозможно праздновать день рождения без Карлсона.

— А чем нас будут угощать? — спросил Карлсон, перестав дуться.



— Надо повыть, как я разведаю, — сказал Карлсон. — Подуй пока ты, чтобы шарик не спустил!

И Малыш стал дуть, а Карлсон — стонать и вздыхать, не жалея сил. Видно, те двое, что сидели запершись в гостиной, услышали эти стоны и увидели лунного старика, во всяком случае, вдруг раздался крик, которого Карлсон ждал.

— Они кричат, — радостно отметил Карлсон и тут же добавил: —Теперь главное — не останавливаться на достигнутом.

И снова стал выпускать воздух из шарика. Раздался тихий и таинственный свистящий звук, а когда лунный старик растаял, Карлсон ловко вытащил из глазка трубочку со спущенным резиновым шариком и опять заленил дырку

Послесловие

«В городе Стокгольме, на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме живет самая обыкновенная шведская семья по фамилии Свантесон». Так начинается книжка про Малыша и его «не совсем обыкновенного друга» — Карлсона, который живет на крыше и умеет летать.

Если забраться на крышу дома Малыша, отыскать за трубой домик Карлсона с зелеными ставнями, сесть на крылечко и поглядеть вокруг, то увидишь крыши, крыши, крыши да высокие шпили городских башен. Поздним вечером звезды над крышами такие крупные и висят так низко, что кажется, протяни руку — и достанешь. А ранним утром из-за крыши встает солнце над городом Стокгольмом.

А ты знаешь, где он, этот город Стокгольм? В какой стране? Как найти его на карте?

А вот как. Если ты посмотришь на карту мира, то на северо-западе, почти у самого Северного полюса, увидишь большую мохнатую собаку, разрисованную коричневой и желтой краской. Только по краям немного зеленого. Это Скандинавский полуостров. На нем расположены две самые северные страны Европы — Норвегия и Швеция.

Мохнатым этот полуостров выглядит на карте оттого, что берега его очень неровные: здесь великое множество узких заливов —фьордов, скалистых полуостровков и островков — шхер. Коричневым и желтым он раскрашен потому, что большую часть его занимают холмы, покрытые лесами, и богатые рудой горы, а горы и плоскогорья всегда изображают на карте коричневыми и желтыми. И только по берегам полуострова плодородная равнина: распаханные поля, зеленые луга, на которых пасутся коровы —белые с черными пятнами, черные с белыми пятнами и почти такие же красные, как старинные деревянные крестьянские домики, которые до сих пор еще сохранились в деревнях Швеции.

Швеция занимает «брюхо» полуострова, похожего на собаку, и его огромную зеленую «переднюю лапу». Вот на этой-то «лапе» — а иначе

говоря, на восточном побережье Скандинавского полуострова — и находится столица Швеции город Стокгольм. Он расположен на берегах пролива, соединяющего большое озеро Меларен с морем, и на четырнадцати островах, связанных между собой высокими мостами. По мостам и улицам Стокгольма бегут трамваи, катят автобусы и автомобили, движется широкий поток велосипедистов. А в «старом городе», на острове Стаден, улицы такие узкие, что по ним и машине не проехать.

Крыши, крыши, крыши — красные черепичные, гулкие железные... А на одной из крыш, за трубой, притаился маленький домик с зелеными ставенками, с крылечком и табличкой над дверью: «Карлсон, который живет на крыше. Лучший в мире Карлсон». В домике у Карлсона — камин, верстак, заваленный всяким хламом, керосиновая лампа... «Домик? Маленький домик за трубой? Не может быть!» — подумал один трубочист, споткнувшись о домик Карлсона, и тут же о нем позабыл. Разве взрослые станут обращать [illegible] такие мелочи? Но уж кто-то, а ребята о нем не забудут. [illegible], только сперва немного удивятся. Конечно, не тому, что [illegible], — это разве что взрослому непонятно. А вот что [illegible] так, посреди современного большого города [illegible] в которых есть и пылесосы, и телевизоры, и мусор[illegible] вдруг маленький домик, в котором нет даже [illegible] электрической лампочки, а вместо нее с потолка [illegible] коловорот, и кошелка с орехами, и пакет пистонов, и клещи, и [illegible] саквояж, и мешок сушеных вишен, — а больше ничего. Домик с камином, где пылает огонь... Кочерга, керосиновая лампа... Не удивляйтесь! Такие домики есть в Стокгольме. Один из островов, на которых раскинулся город, занимает огромный музей — Скансен. Это музей под открытым небом. В него перевезли со всех концов страны старинные крестьянские дома, сараи, ульи. Над трубами вьется дымок, над ульями кружатся и жужжат пчелы. И ребята — шведские школьники — приходят сюда, чтобы посмотреть на старую Швецию — страну лесорубов, рыбаков, землепашцев.

Вот над этой-то страной и пролетел когда-то Нильс Хольгерсон, герой сказочной повести шведской писательницы Сельмы Лагерлёф «Путешествие Нильса с дикими гусями». Читали вы эту книжку? Если нет, обязательно прочтите.

Верхом на белом домашнем гусе Мартине, увязавшемся за стаей диких гусей, Нильс пролетел через всю Швецию — с юга на север, до самой Лапландии, где живут оленеводы саами, где растут только мхи да лишайники, а потом обратно с севера на юг — в родную деревню, где

раньше он пас гусей и учил, хоть и без особой охоты, уроки при свете керосиновой лампы. Прочитав о полете Нильса, вы узнаете многое о прошлом той страны, где в наши дни живет мальчик Сванте Свантесон, по прозвищу Малыш, и его таинственный друг Карлсон — герои книжки современной шведской писательницы Астрид Линдгрен.

В старину люди ездили верхом на конях, и понятно, что мальчик в сказке про те времена, превращенный в маленького человечка, летал верхом на гусе. А вот в книжке Астрид Линдгрен маленький человечек Карлсон, похожий на мальчишку, летает не верхом на гусе, и даже не на самолете и не на вертолете, а «сам по себе». «Стоит ему только нажать кнопку на животе, как у него за спиной тут же начинает работать маленький хитроумный моторчик. С минуту, пока пропеллер не раскрутится как следует, Карлсон стоит неподвижно, но когда мотор заработает вовсю, Карлсон взмывает ввысь и летит, слегка покачиваясь, с таким важным и достойным видом, словно какой-нибудь директор...» Правда, живет этот маленький человечек с пропеллером на спине в старом доме, в каких всегда жили в старинных шведских сказках сказочные человечки — «гуры», но приютился его домишко на крыше большого дома в сегодняшнем Стокгольме. И вот Карлсон кружит над столицей — то спикирует на чей-нибудь балкон, то влетит с жужжанием в окно Малыша и приземлится посреди комнаты.

Странно только одно: почему ни мама, ни папа, ни Боссе, ни Бетан так долго не верят, что Карлсон не выдумка Малыша, а существует на самом деле. Может быть, потому, что никогда еще ни к кому из ребят не прилетали никакие Карлсоны играть в кубики и запускать паровые машины? Но ведь чего только не случается иной раз на свете! И особенно в детских книжках — в старинных и современных сказках. Маме, папе, Боссе и Бетан хочешь не хочешь, а придется самим во всем убедиться. А уж потом все так привыкнут к Карлсону, что и удивляться-то перестанут. «Домомучительница» фрекен Бок даже скажет «Пропеллер, кнопка... да мало ли что еще может быть у мальчишки в наше-то время! Скоро они полетят на Луну, не начав ходить в школу!»

Очень современный человечек этот летающий Карлсон. И все время он кажется нам таким знакомым, словно похожим на кого-то. Может быть, на самого Малыша, когда тот играет в вертолет? Только Малыш играет, а Карлсон летает по-настоящему. Может быть, на заводную игрушку — толстенького летающего человечка? Только живого.

Да и характер Карлсона, и привычки, и словечки, как они ни смешны

и ни удивительны, кажутся нам почему-то знакомыми. Вот Карлсон, болтая без умолку, кружит по комнате, трогает все, что попадает под руку, открывает и закрывает ящики, разглядывая сокровища Малыша — цветные мелки, марки, морские камешки... Вот он сердится на Малыша за то, что тот сразу нашел его в шкафу, а не поискал сперва хоть немного под кроватью... Вот он с горящими глазами бросается к горе кубиков и начинает ставить их один на другой, воздвигая «лучшую в мире» башню. Вот он стучится в ванную, где заперлась от него фрекен Бок, и кричит: «Сейчас же отопри! А то я не играю!»

Где-то мы все это уже видели, слышали, когда-то все это уже было. С кем это было? С тобой, с твоими друзьями, с друзьями твоих друзей — со всеми, кому уже больше четырех, но еще меньше четырнадцати.

«Спорим, что моя бабушка больше похожа на бабушку, чем твоя, — говорит Карлсон Малышу, встретившись с ним после лета. —Спорим?» Но уж о том, что сам Карлсон больше всех ребят похож на всех ребят, а особенно на некоторых, и спорить нечего — это ясно всякому. Кто лучше Карлсона умеет забавляться, развлекаться, веселиться, проказничать? Кто лучше Карлсона умеет выдумывать всякие игры — в прятки, в привидения, в больного, в полицию с фонариком, в погоню, в «Вечер чудес»? Кто больше Карлсона любит мясные тефтельки, шоколад, конфеты и пироги со взбитыми сливками? Кто чаще Карлсона говорит, надувшись: «Нет, я так не играю! Это несправедливо!» И кто быстрее Карлсона забывает все обиды, обрадовавшись старому фонарику, который — ура! — зажигается.

Может быть, Карлсон и вправду «лучший в мире рисовальщик петухов», «лучшее в мире привидение» и «лучший в мире вин», как утверждает он сам. Но уж во всяком случае он лучший в мире товарищ по играм. А когда дело дойдет до серьезных вещей, Карлсон не подведет — и втащит за руку на крышу поскользнувшегося Малыша, слетает за бутылочкой молока для голодной Гульфии, «чрезвычайно заброшенного младенца», одурачив жуликов, выручит из беды простодушного деревенского паренька Оскара и, одурачив их во второй раз, спасет кошелек и часы дяди Юлиуса. И даже — как ни боится опоздать на пирог! — не забудет принести в подарок Малышу свой любимый свисток.

Правда, он тут же предупредит Малыша, что часто будет брать у него этот свисток, даже очень часто, почти каждый день. Но Малыш на него не обидится. Стоит ли обижаться по таким пустикам? Стоит ли вообще обижаться на «лучшего в мире Карлсона»?

Нет, не то чтобы Малыш совсем уж ничего не замечал. Это в первые дни знакомства с Карлсоном, он разинув рот, слушал его рассказы о «тысячах летающих собак» — «там, наверху». Но когда постепенно выясняется, что все машины «вдруг взорвались», все собаки «разлетелись», все петухи «свелись» к одному «очень одинокому петуху», он начинает кое о чем догадываться. О, к концу первой части книжки Малыш уже прекрасно разбирается в том, что имеет в виду Карлсон, когда предлагает отдать все конфеты «на благотворительные цели»! «Хорошо, — отвечает он Карлсону, — если я получу коробку конфет, я тебе ее отдам». Он уже хорошо знает, каково проигрывать или выигрывать у Карлсона спор и делить с ним сласти, знает и как надо отвечать на все вопросы, начинающиеся со слов: «Угадай, кто лучший в мире...» Отвечать на них надо всегда одинаково: «Конечно ты, Карлсон!»

Да и про читателей нельзя сказать, что они уж совсем ни о чем не догадываются. И они замечают, как похож Карлсон не только на всех ребят на свете, но и особенно, как уже было сказано, на некоторых. А главное, как эти некоторые похожи на Карлсона. С каждым разом все смешнее вновь узнавать привычки и словечки Карлсона. Но еще смешнее подмечать эти привычки у своих знакомых и у самого себя. А смех, как известно каждому, «лучшее в мире лекарство, вроде «пріторного порошка», которым лечится Карлсон.

Одни ребята будут вырастать из Малышей — товарищей и читателей Карлсона, другие — подрастать и становиться его читателями, а толстенький человечек с кнопкой на животе так уж навсегда и останется «лучшим в мире Карлсоном» — сластеной, «жадиной», шутником, озорником, хвастунишкой. Но Малыш и его друзья — Кристер и Гунилла, и все читатели все равно любят Карлсона за веселый, смелый и добродушный нрав, за беспечную предприимчивость и бесконечные выдумки. Они с улыбкой прощают «в меру упитанному мужчине в самом расцвете сил» его забавные детские слабости. И Малыш с радостью соглашается стать Карлсону «родной матерью», готовить ему «пріторный порошок», подметать ореховую скорлупу в его домике, шить ему при свете керосиновой лампы «привиденческие одежды» и даже подарить на второй день рождения в году свою любимую игрушку — малюсенький пистолетик, который умещается в спичечной коробке, но стреляет так же громко, как настоящий. «Ведь что ни говори, а не очень-то уютно жить одному в маленьком домике, да еще в таком, о котором никто не слышал».

Когда книжка про Малыша и Карлсона была впервые переведена на русский язык, ребята, читатели одной московской детской библиотеки, написали Астрид Линдгрен письма о том, что они тоже полюбили ее героев — «лучшего в мире Карлсона» и Малыша, который умеет так хорошо дружить. «Я получила твое письмо, —писала Астрид Линдгрен, отвечая одной девочке, — и поверь мне, очень ему обрадовалась. Я никогда раньше не получала писем из Москвы... Летом я живу в Фурусунде, который находится в стокгольмских шхерах. Мой дом стоит у самого берега моря, и я вижу пароходы, которые идут в Финляндию, а оттуда недалеко до России, где ты живешь. Сейчас у нас светит луна, интересно, светит ли она у тебя? Я очень рада, что тебе понравился Карлсон...» Ребята просили Астрид Линдгрен написать продолжение «Малыша и Карлсона». Всем хотелось узнать, прилетит ли Карлсон, когда Малыш вернется от бабушки. Вот что ответила Астрид Линдгрен: «Я со временем напишу продолжение, но это будет не так скоро, потому что сначала я должна написать еще много других книг».

Те, кто переписывались с Астрид Линдгрен, уже выросли, а вы, ребята, будете читать «Малыша и Карлсона» сразу вместе с продолжением и еще одним продолжением.

Малыш растет — он уже учится во втором классе, а в третьей части книжки переходит в третий. Растет и умнеет, но остается все таким же бесхитростным и таким же верным другом. Зато Карлсон совсем не меняется. Он все еще не умеет читать и не знает сложения, а пишет кривыми печатными буквами с чудовищными ошибками — как дошкольник. И привычки его остаются прежними. Он все так же кружит по комнате, высматривая, как бы позабавиться, все так же любит тефтельки, булочки и пироги со взбитыми сливками, все так же считает себя «лучшим в мире» и надувается, когда Малыш забывает повторять ему это на каждом шагу. И все так же куролесит, как озорной ребенок... А может, как и «чур», — гном, домовой из старинной шведской сказки? Да какой же это «чур», гном, домовой — с кнопкой на животе и пропеллером на спине? Но как раньше, в старинных сказках, «чур», гном, домовой норовил пошутить над жадной хозяйкой и толстопузым скрягой, так в сегодняшней сказке Карлсон — «никакой не гном, а просто Карлсон, который живет на крыше и умеет летать» — норовит пошутить над фрекен Бок, решившей во что бы то ни стало выступить по телевизору, и над чересчур уж самодовольным дядей Юлиусом, который всех поучает, и над двумя ворюгами — Филле и Рулле, охотящимися за «спутни-

ком-шпионом» ради наживы, и над «красивым, умным и в меру упитанным» представителем шведского телевидения, гоняющимся за сенсацией, и над редакцией шведской газеты, пустившей «газетную утку» про «спутника-шпиона», чтобы привлечь подписчиков... А обещанного вознаграждения в десять тысяч крон «за раскрытие тайны» Карлсон так и не взял, только набил карманы блестящими пятиэровыми монетками — за остальными он, может, когда-нибудь потом приедет с тачкой. И «мультимиллионером» он стать отказался. К чему Карлсону богатство? Ему ведь надо только, «чтобы было весело и забавно» и чтобы «каждый имел право быть Карлсоном», то есть самим собой. Да и всерьез ли «раскрыта тайна»? Или только в шутку?..

Астрид Линдгрен написала и много других книг для детей. Их читают на разных языках ребята более чем в двадцати странах мира. За свои веселые, умные и добрые книги она два раза получала международную премию — медаль имени великого сказочника Ганса Христиана Андерсена.

Когда вы немного подрастете, обязательно прочитайте другие ее книжки, переведенные на русский язык: «Приключения Калле Блюмквиста», «Расмус-бродяга», «Пеппи Длинный Чулок», «Мы — на острове Сальткрока». Они вам наверняка понравятся!

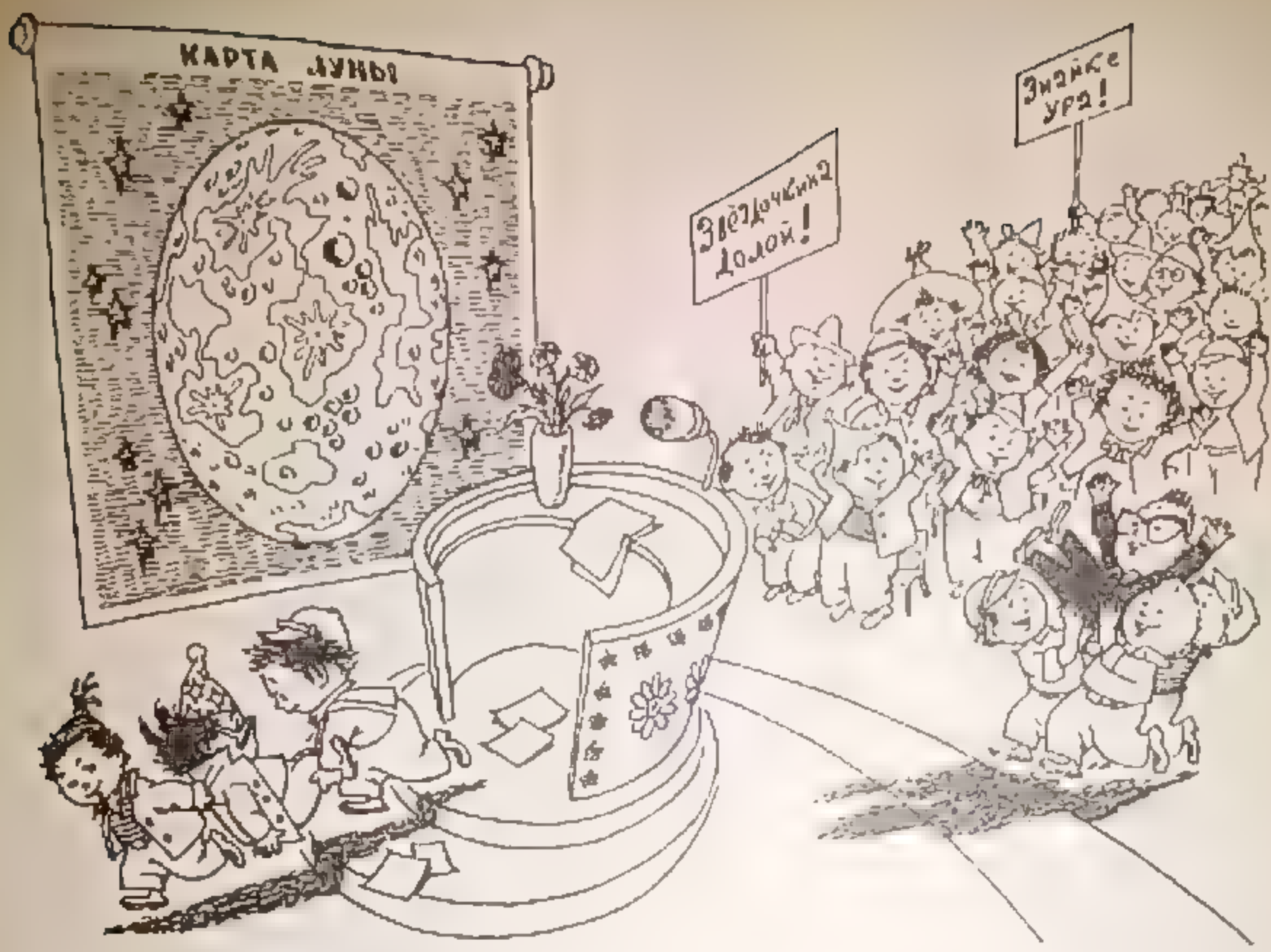
А. Исаева

Астрид
Линдгрен
Три повести о Малыше и Карлсоне

В. АСТАФЬЕВ

ДАЙ ЗО ГРЕМИТ ВОЙНА

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА



Часть I

Глава первая

Как Знайка победил профессора Звёздочкина

С тех пор как Незнайка совершил путешествие в Солнечный город, прошло два с половиной года. Хотя для нас с вами это не так уж много, но для маленьких коротышек два с половиной года — срок очень большой. Наслушавшись рассказов Незнайки, Кнопочки и Пачкули Пёстренького, многие коротышки тоже совершили поездку в Солнечный город, а когда возвратились, решили и у себя сделать кое-какие усовершенствования. Цветочный город изменился с тех пор так, что теперь его и не узнать. В нём появилось много новых, больших и очень красивых домов. По проекту архитектора Вертибутылкина на улице Колокольчиков было построено даже два вертящихся здания. Одно пятиэтажное, ба-

— Можно предположить, что из такого вещества как раз и состоит лунный камень,— сказал Знайка.

Чтоб занять коротышек ещё чем-нибудь, Знайка изложил им свою теорию о том, что Луна — это такой большой шар, внутри которого есть другой шар, и на этом внутреннем шаре живут лунные коротышки, или лунатики.

Пока Знайка сообщал своим друзьям все эти полезные сведения, в комнате постепенно сгущался мрак. Коротышки изо всех сил пялили глаза на лунный камень, который лежал перед ними, но не замечали никакого свечения. Торопыжка, который был самый неорганизованный, всё время дёргался от нетерпения и не мог усидеть на месте.

— Ну почему он не светится? Ну когда же он будет светиться?— то и дело повторял он.

— Подожди капельку. Ещё очень светло,— успокаивал его Знайка.

Наконец темнота наступила такая, что не стало видно ни камня, ни даже стола, на котором он лежал. А Знайка всё повторял:

— Подождите капельку, ещё очень светло.

— Действительно, братцы, так светло, что хоть картины пиши!— поддержал Знайку Тюбик.

В конце концов Знайка всё же придумал хороший способ. Дотянувшись до перил, он стал спускаться, цепляясь за перила руками. Наверно, со стороны это выглядело очень смешно, потому что Знайкины ноги болтались в воздухе, как у комара, и по мере того как он опускался всё ниже, ноги его задирались всё выше и он всё больше перевёртывался вниз головой.

Спустившись таким оригинальным способом с лестницы, Знайка очутился в коридоре перед дверью в столовую. Из-за двери доносились какие-то приглушённые крики. Знайка прислушался и понял, что находившиеся в столовой коротышки чем-то встревожены. После нескольких неудачных попыток Знайка отворил дверь и очутился в столовой. То, что он увидел, привело его в изумление. Коротышки, собравшиеся в столовой, не сидели, как всегда, за столом, а плавали в различных позах по воздуху. Вокруг них плавали стулья, скамейки, миски, тарелки, ложки. Тут же плавала большая алюминиевая кастрюля, наполненная манной кашей.

Увидев Знайку, коротышки подняли невероятный шум.

— Знаечка, миленький, помоги! — завопил Растеряйка.— Я не пойму, что со мной происходит!

— Слушай, Знайка, мы все почему-то летаем! — закричал доктор Пилюлькин.

груди и даже по голове больного, прислушиваясь, какой получается звук. Потом сказал:

— Придётся тебе полежать, милый друг, э-э... м-м-м... в постельке... Но ты не пугайся, ничего страшного нет. Ты просто, в некотором роде, ножки отшиб.

— Как это, в некотором роде, ножки отшиб? — спросил Винтик.

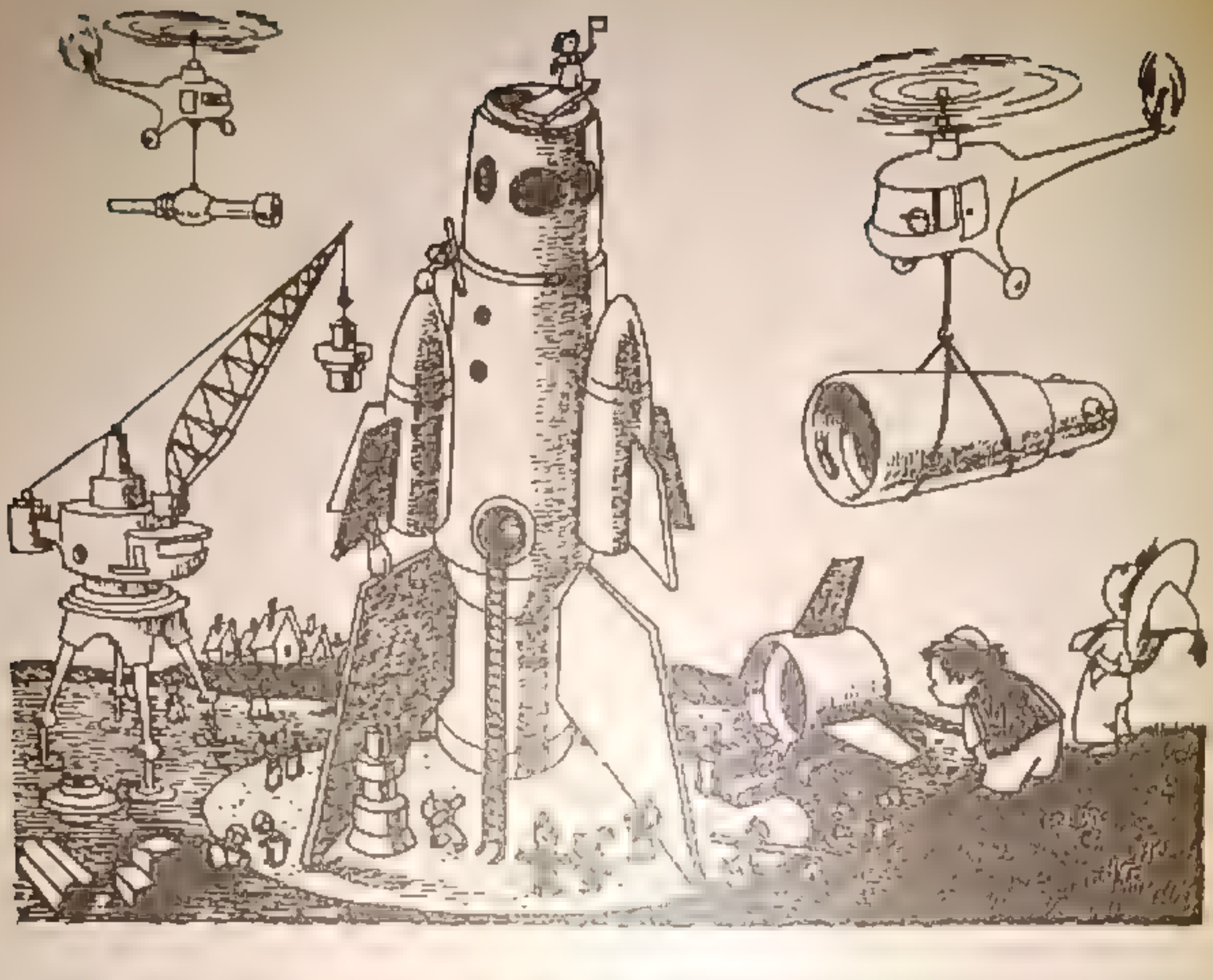
— Ну, так, м-м-м... ногами сильно ударился, значит, отчего и произошло... м-м-м... некоторое растяженьице жил и... м-м-м... некоторое сотрясеньице в суставчиках... М-м-да-а! Через некоторое время боль в суставчиках у тебя утихнет, и ты снова сможешь, в некотором роде, ходить... если, конечно, понадобится.

— Почему, если понадобится? — насторожился Винтик.

— Ну, потому что если будет состояние невесомости, то ходить нам вовсе не надо будет. Будем, в некотором роде, летать.

— Ну ладно, — ответил Винтик. — А нельзя ли мне чего-нибудь, в некотором роде, покушать? Я с утра ничего не ел.

— Слушай, как там у тебя с завтраком? — осведомился Пилюлькин у Шпунтика.



— Вот приедет Знайка, он все толком расскажет.

А Незнайка сказал с обидой:

— Что же, мы сами не могли сделать Космический городок?

У Незнайки был такой вид, будто он всю жизнь только тем и занимался, что строил космические городки.

— А ты не горюй, работы всем хватит,— сказал ему Винтик.— Во-первых, вокруг домов надо посадить цветы, чтоб было красиво; во-вторых, от электростанции до Космического городка надо провести электролинию, чтоб было электричество; в-третьих, надо сделать дорогу, заасфальтировать улицы, провести водопровод, отделать помещения... Да мало ли что ещё!

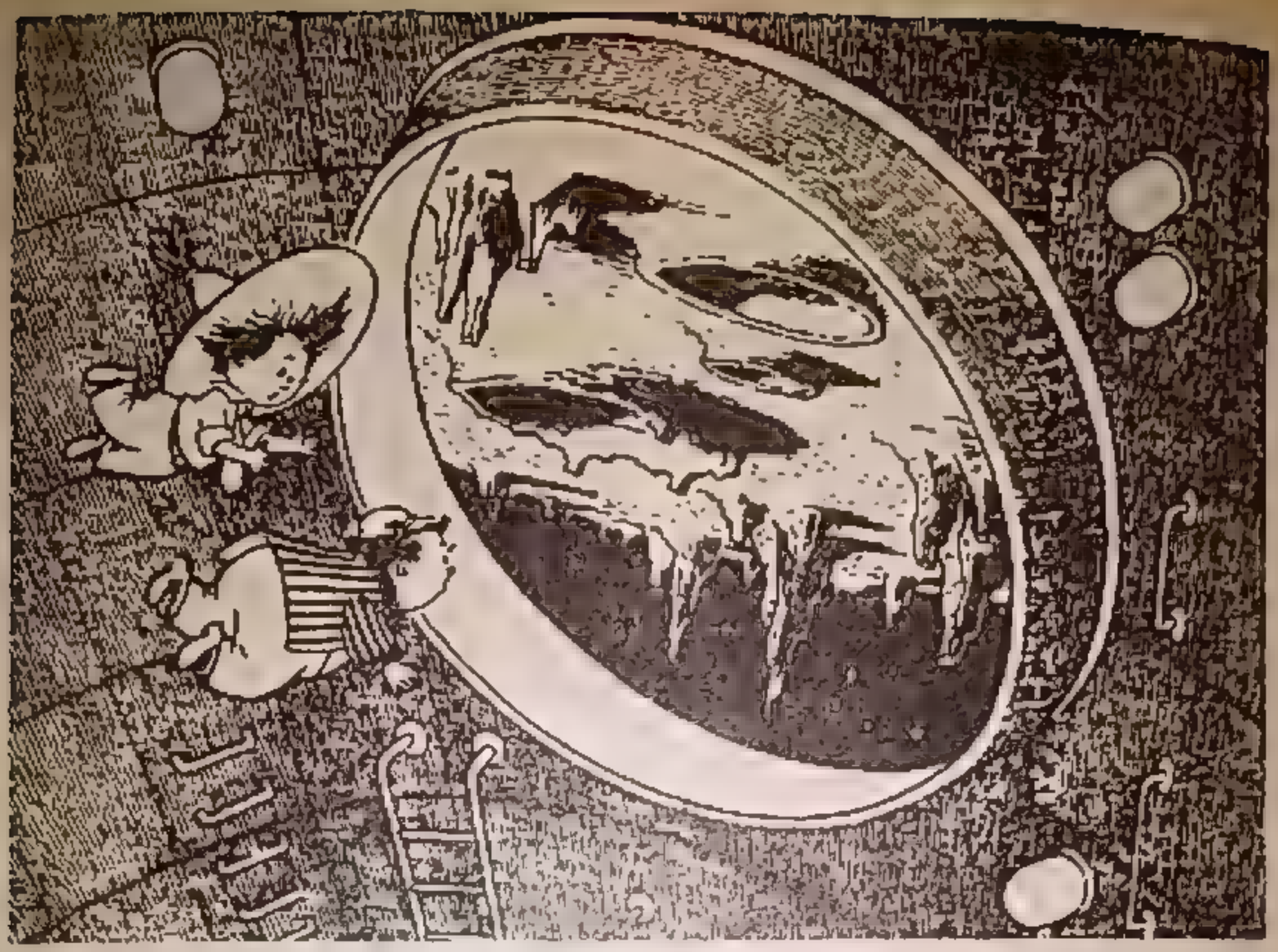
Жители Цветочного города моментально включились в работу. Кто трудился на прокладке дороги, кто устанавливал столбы для электролинии, кто сажал цветы. Многим нашлась работа по внутренней отделке домов. Тюбик взял на себя руководство всеми малярными работами: составлял краски, указывал, в какие цвета красить стены и крыши домов.

Вскоре в центре Космического городка была сделана круглая бетонированная площадка, на которой начали устанавливать космическую ракету. Части для этой ракеты были

тились на краю круглой площади, в центре которой возвышалась космическая ракета. Она поблёскивала своими стальными боками в голубоватом свете Луны, а Незнайке и Пончику казалось, что ракета светится сама собой, словно была сделана из какого-то светящегося металла. В её очертаниях было что-то смелое и стремительное, неудержимо рвущееся кверху: казалось, что ракета вот-вот сорвётся со своего места и полетит ввысь.

Стараясь проскользнуть незамеченными, Незнайка и Пончик пригнулись к земле и в таком скрюченном виде пересекли площадь. Очутившись возле ракеты, Незнайка нажал пальцем кнопку, которая имелась в её хвостовой части. Бесшумно открылась дверца, и к ногам путешественников опустилась небольшая металлическая лестничка. Увидев, что Пончик медлит, Незнайка взял его за руку. Они вместе поднялись по ступенькам и вошли в так называемую шлюзовую камеру. Это была как бы небольшая комнатка с двумя герметически закрывающимися дверями. Одна дверь, через которую вошли Незнайка и Пончик, вела наружу, другая вела внутрь космического корабля.

Как только друзья вошли в шлюзовую камеру, наружная дверь автоматически закрылась. Пончик увидел, что путь к отступлению отрезан, и от испуга у него всё похолодело



Мало-помалу этот круг разрастался и в конце концов заполнил собой всё небо. Теперь, куда ни глянь, во все стороны простиралась поверхность Луны с опрокинутыми вверх ногами горными цепями, лунными кратерами и долинами. Всё это угрожающе висело над головой и было уже так близко, что казалось, стоит только протянуть руку, и можно потрогать верхушку какой-нибудь лунной горы.

Пончик боязливо поёжился и, оттолкнувшись рукой от иллюминатора, опустился на дно кабины.

— Ну её! — проворчал он.— Не хочу я смотреть на эту Луну!

— Почему? — спросил Незнайка.

— А зачем она висит прямо над головой? Ещё упадёт на нас сверху!

— Чудак! Это не Луна на нас упадёт, а мы на неё.

— Как же мы можем на неё упасть, если мы снизу, а Луна сверху?

— Ну, понимаешь,— объяснил Незнайка,— Луна просто притянет нас.

— Значит, мы вроде как бы прицепимся к Луне снизу?— сообразил Пончик.

Незнайка и сам не знал, как произойдёт посадка на Луну, но ему хотелось показать Пончику, будто он всё хорошо знает. Поэтому он сказал:

ваться на свободу. Незнайка и Пончик почувствовали, что комбинезоны, которые прежде плотно прилегали к телу, вдруг начали становиться просторнее, словно раздувались. Это объяснялось тем, что давление наружного воздуха исчезло и стенки скафандров стали испытывать лишь давление воздуха изнутри. Не поняв, что произошло, Пончик вообразил, что скафандр на нём лопнул, и это так напугало его, что он зашатался и начал валиться на бок. Незнайка заботливо поддержал его под руку и сказал:

— Стой прямо! Ничего страшного ещё нет!

В это время воздух окончательно вышел из шлюзовой камеры, и наружная дверь автоматически отворилась.

Увидев блеснувший впереди свет, Незнайка скомандовал:

— А теперь смело вперёд!

Часть II

Глава восьмая

Первый день на Луне

Взявшись за руки, друзья вышли из шлюзокамеры и, спустившись по лестничке, очутились на поверхности Луны. Картина, открывшаяся перед их глазами, привела их в трепет и восхищение. Внизу, у самых ног путешественников, расстилалась равнина, напоминавшая неподвижно застывшую поверхность моря с неглубокими впадинами и отлого поднимающимися буграми. Как и обычная морская вода, эта волнистая, как бы внезапно окаменевшая поверхность Луны была зеленовато-голубого, или, как его принято называть, аквамаринового цвета. Вдали, позади этой зыбкой на вид поверхности, возвышались холмы. Они были жёлтые, словно песчаные. За холмами громоздились ярко-красные горы. Они, словно языки застывшего пламени, взмывали кверху.

раулькин.— Мы ведь видели. У нас в милиции всё видно. Вот попрошу вас подойти ближе.

Милиционер Свистулькин легонько подтолкнул Незнайку в спину, заставив его приблизиться к пульту с шаровидными экранами.

— Под наблюдением нашего отделения милиции находятся ровно пятьдесят два перекрёстка,— сказал Караулькин.— Стоит нам взглянуть на эти пятьдесят два шарика — и мы увидим всё, что творится на каждой улице. Если на маленьких шариках подробности плохо видны, мы можем включить шарик побольше.

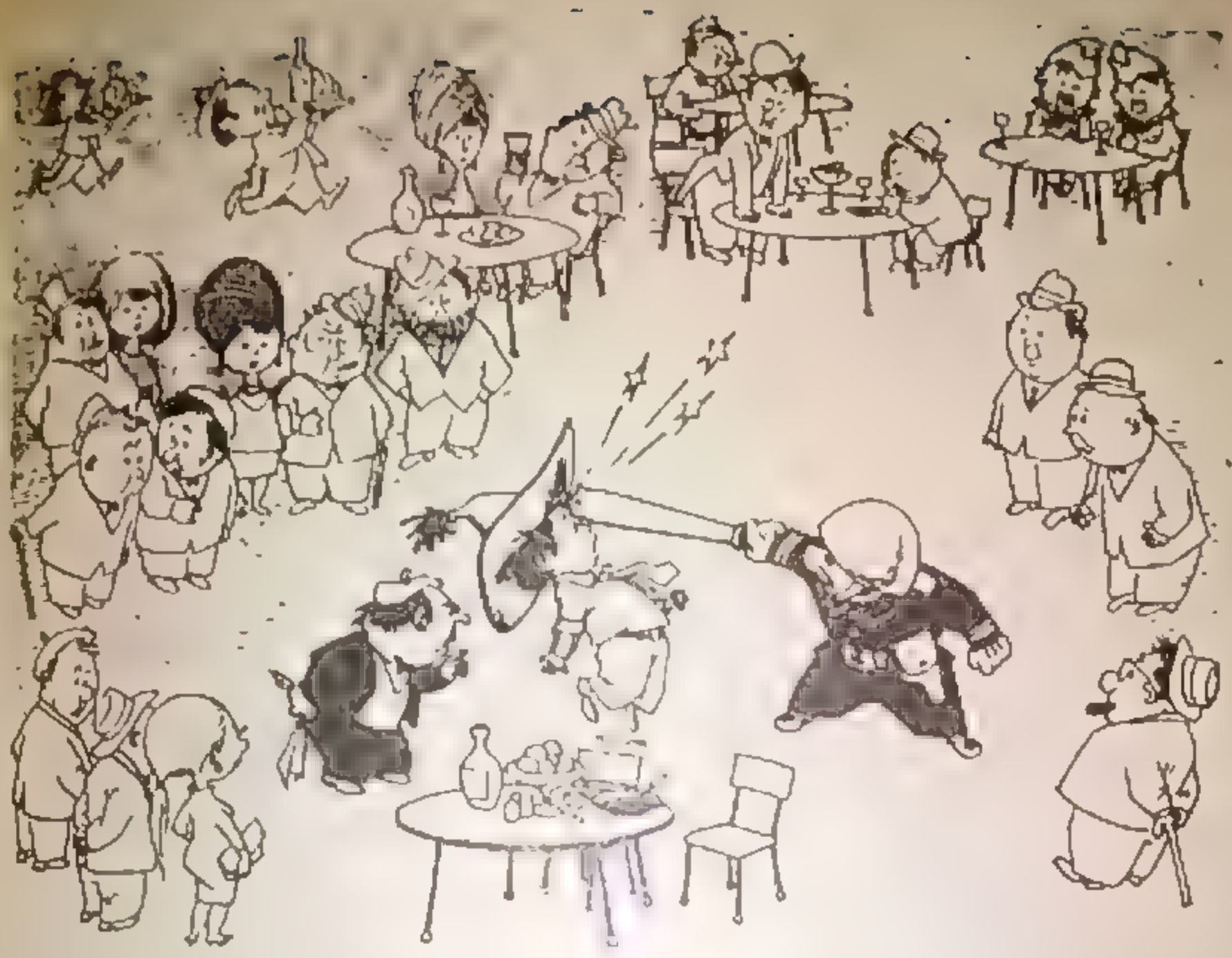
С этими словами милиционер Караулькин повернул выключатель. Сейчас же зеркальный шар, который висел посреди комнаты, озарился изнутри таинственным голубоватым светом, и на нём стал виден перекрёсток с остановившимися посреди мостовой автомашинами.

— Вот видите: на углу Пряничной и Галетной улиц затор. Всё движение остановилось!— укоризненно сказал Караулькин и показал рукой на шар.

Он тут же щёлкнул другим выключателем, и на экране появился другой перекрёсток.

— На углу Сахарной и Котлетной — тоже затор,— сказал Караулькин.— Теперь долго придётся ждать, пока движение восстановится. А ведь каждая машина должна куда-нибудь ехать. Из-за этих задержек нарушается нормальная жизнь города.

В это время милиционер Свистулькин посмотрел на один из малых шаровидных экранов и сказал:



— Ах вот что! — пробормотал — Впервые слышишь такое слово? Ну это тебе

Схватив Незнайку за [illegible] оттащил его в сторону и, достав из кармана свисток, пронзительно засвистел. Сейчас же откуда-то из темноты выбежал рослый коротышка в синем мундире с блестящими металлическими пуговицами и в медной каске на голове. В руках у него была увесистая резиновая дубинка, а у пояса пистолет в кобуре.

— Господин полицейский, вот этот не отдаёт деньги! — пожаловался на Незнайку официант.

— Ты как смеешь не отдавать деньги, скотина? — заорал полицейский, упёршись руками в бока и выставив вперёд свой толстый живот.

— Во-первых, я не скотина, — с достоинством ответил Незнайка, — а во-вторых, у меня нет никаких денег. Я никаких денег у него не брал и даже не видел.

— А вот это ты видел? — спросил полицейский и сунул Незнайке под нос резиновую дубинку.

Незнайка невольно откинул голову назад.

— Что это, по-твоему? — спросил полицейский. — Ну-ка понюхай.

Незнайка осторожно понюхал кончик дубинки.

— Резиновая палка, должно быть, — пробормотал он.

Увидев новоприбывшего, [illegible] любопытных коротышек соскочили со своих [illegible] подбежали к нему. Незнайка в испуге попятился и, прислонившись спиной к двери, приготовился защищаться. Разглядев его измазанную физиономию, коротышки невольно рассмеялись. Незнайка понял, что бояться не надо, и его лицо тоже расплылось в улыбке.

— За что тебя к нам? За что ты попался? — стали спрашивать коротышки.

— Сам не пойму, братцы! — признался Незнайка. — Говорят, украл двадцать миллионов сам не знаю чего: не то фендриков, не то фертиков...

Громкий смех заглушил его слова.

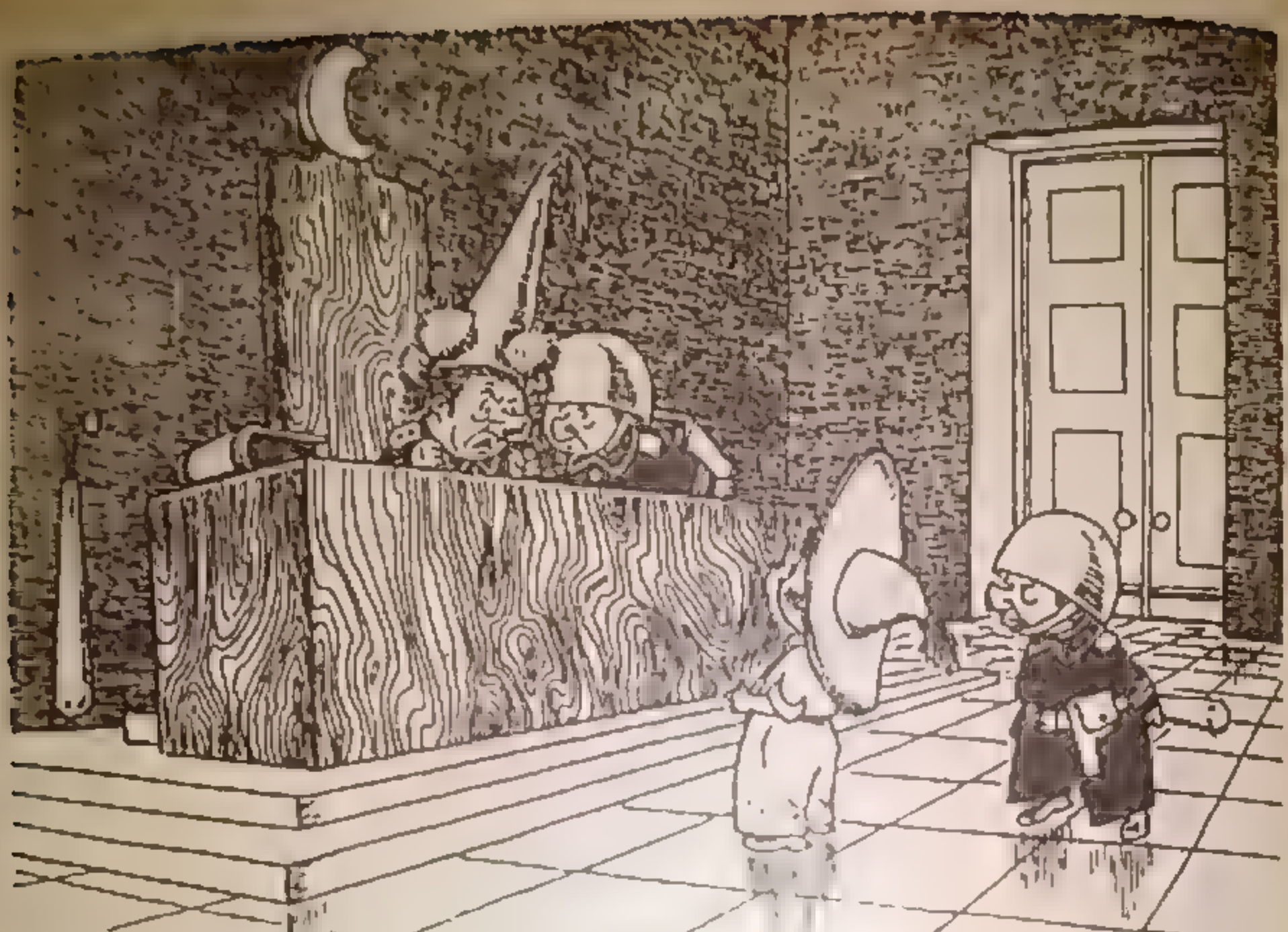
— Наверно, фертингов, — подсказал кто-то.

— Во-во, братцы, фертингов. А я, честное слово, даже не знаю, какие это такие эти самые фертиги... фентриги...

Все хорошо знали, что фертинги — это деньги, поэтому Незнайкины слова были сочтены за остроумную шутку.

— Ты, я вижу, шутник! — сказал Незнайке коротышка, который стоял впереди всех.

Он был без рубашки. Как раз в тот момент, когда Незнайка вошёл, он зашивал на рубашке дырку и теперь так и стоял с иголкой в руке.



Не прошло и десяти минут, как в комнате остались лишь Незнайка да Козлик. Судья, как и [illegible], вершил свой суд быстро, без проволочек. Услышав [illegible] своё имя, Незнайка вышел за дверь и очутился в большой мрачной комнате с серыми стенами. Прямо перед ним возвышался длинный стол, за которым сидел на мягком высоком кресле полицейский. Он был одет точно так же, как и другие полицейские, если не считать, что вместо каски у него на голове был остроконечный жёлтый колпак с оранжевыми помпонами и с такой же оранжевой мохнатой кисточкой на конце.

Это и был судья, о котором говорил Незнайке Москит. Звали его судья Вригль. Кроме судьи Вригля и полицейского Дригля, в комнате находился уже известный нам полицейский Мигль. Он стоял рядом с креслом, на котором восседал Вригль, и держал под мышкой несколько картонных папок с описаниями внешнего вида преступников и отпечатками их пальцев.

— А это ещё что за птица? — спросил Вригль, увидев появившегося перед ним Незнайку.

Полицейский Мигль почтительно наклонился к Вриглю и начал что-то быстро шептать, искоса поглядывая на Незнайку. Вригль, однако, даже не дослушал до конца Мигля.

Незнайка вошёл в приёмную [illegible] ему показалось, будто он попал не в обычный гостиничный [illegible]мер, а в ателье телевизионной студии. Посреди комнаты [illegible]рчала ещё одна телекамера на колёсиках, по углам [illegible]ло какие-то головастые, тонконогие чудища, стояли [illegible] прожектора, заливавшие всё вокруг ярким, режущим глаза светом. По всей комнате тянулись толстые электрические провода. На полу стояли трансформаторы, реостаты, имевшие вид железных решётчатых ящиков, покрашенных чёрной эмалевой краской.

Вокруг всех этих приборов хлопотали сотрудники телестудии и киностудии. Один из них держал в руках микрофон, постукивал по нему полусогнутым пальцем и гнусаво твердил:

— Один, два, три, четыре! Один, два, три, четыре! Как слышно? Как слышно?

Увидев вошедшего Незнайку, он перестал стучать по микрофону и торжественно заговорил:

— Вот он вошёл, уважаемые телезрители! Вы видите его одетым в космический скафандр, сделанный из металла и какого-то неизвестного на нашей планете пластического материала. На голове у него металлический шлем со стеклом, сквозь которое он может прекрасно видеть. Как вы можете убедиться сами, господин пришелец из космоса явился

разом, у каждого из них оказ[illegible] миллион акции. Когда семена гигантских растений будут доставлены, они будут поделены на пять равных частей. Две части придётся отдать коротышкам, купившим акции, оставшиеся три части Незнайка, Мига и Жулио поделят между собой.

— А зачем нам семена? — спросил Незнайка.

— Продадим,— сказал Мига.— Мы ведь тоже должны подзаработать на этом дельце. Тебе тоже не помешают денежки.

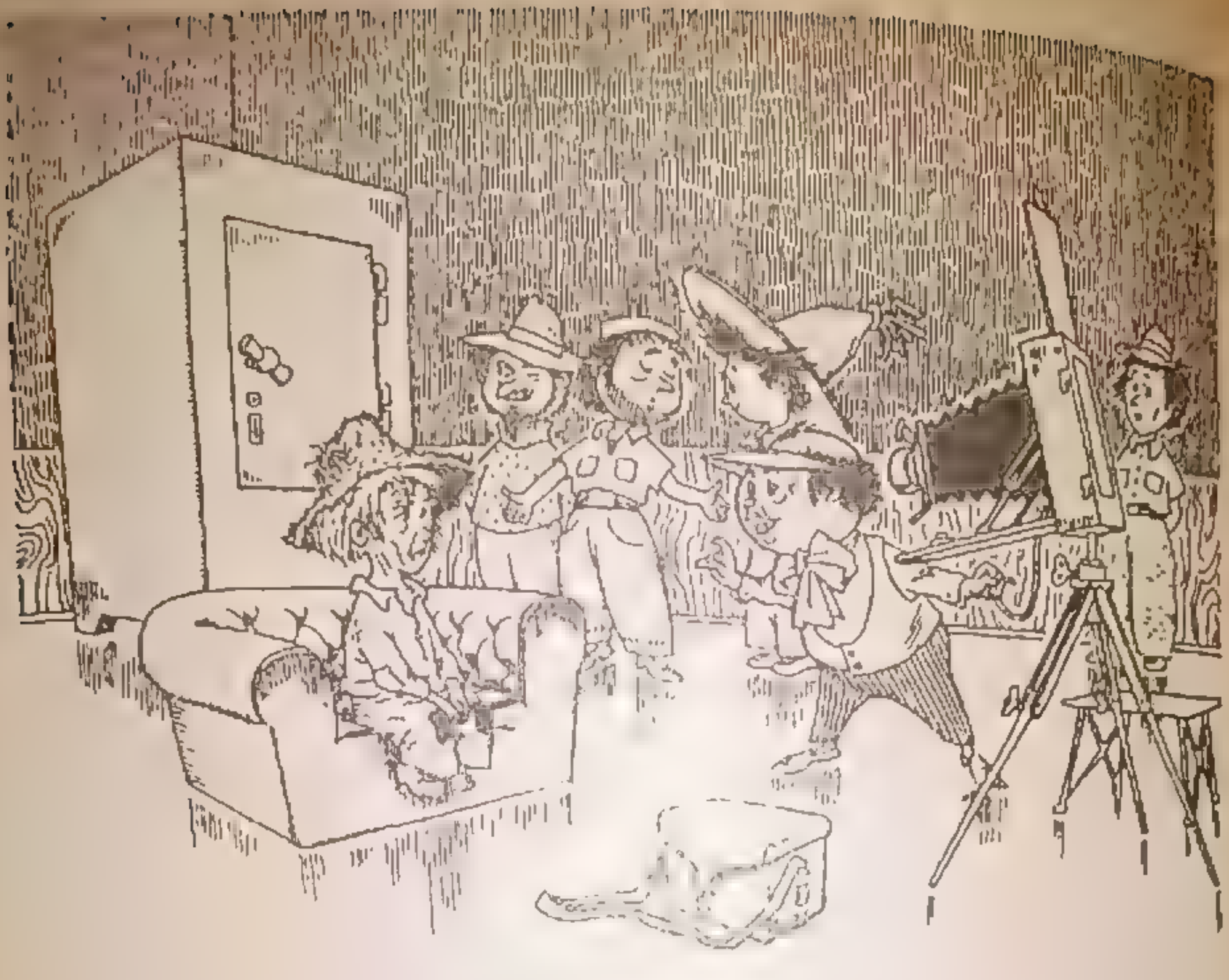
Незнайка сказал, что будет вполне доволен, если удастся достать семена для лунных коротышек и выручить из беды оставшегося на поверхности Луны Пончика.

— Ну, если тебе не понадобятся деньги, мы возьмём их себе,— сказал Жулио.

На этом они и порешили, после чего перешли к распределению обязанностей. С общего согласия Незнайка был назначен кассиром, Мига — казначеем, а Жулио — председателем. Обязанностью кассира было сидеть в конторе и продавать акции, обязанностью казначея — хранить вырученные от продажи деньги, а обязанностью председателя — назначать заседания акционерного общества для решения неотложных вопросов.

Сигнал был услышан полицейскими, которые по своему обычаю сидели в караульном помещении и играли в «козла». Прекратив моментально игру, они выскочили на улицу и увидели, как двое грабителей сели в автомашину и уехали. Полицейские тут же сели в полицейский автомобиль и стали преследовать удиравших бандитов. Заметив, что полицейские настигают их, один из грабителей выхватил пистолет и начал палить из него, стараясь прострелить шины полицейского автомобиля. Это ему удалось. Шина на одном из передних колёс лопнула. Автомобиль потерял управление и на всём ходу врезался в фонарный столб. В результате столкновения четверо полицейских расквасили себе носы, пятый же вывалился из машины и, стукнувшись о мостовую, свернул себе шею.

Это, правда, не помогло бандитам уйти от возмездия, так как ещё две автомашины, нагружённые полицейскими, включились в преследование. Началась перестрелка. Бандиту, который стрелял очень метко, удалось вывести из строя и эти обе машины, но полиция пустила в ход бронированные автомобили, вооружённые пулемётами. В конце концов бандиты были задержаны, но, ко всеобщему удивлению, у них вовсе не оказалось похищенных денег. Машина была

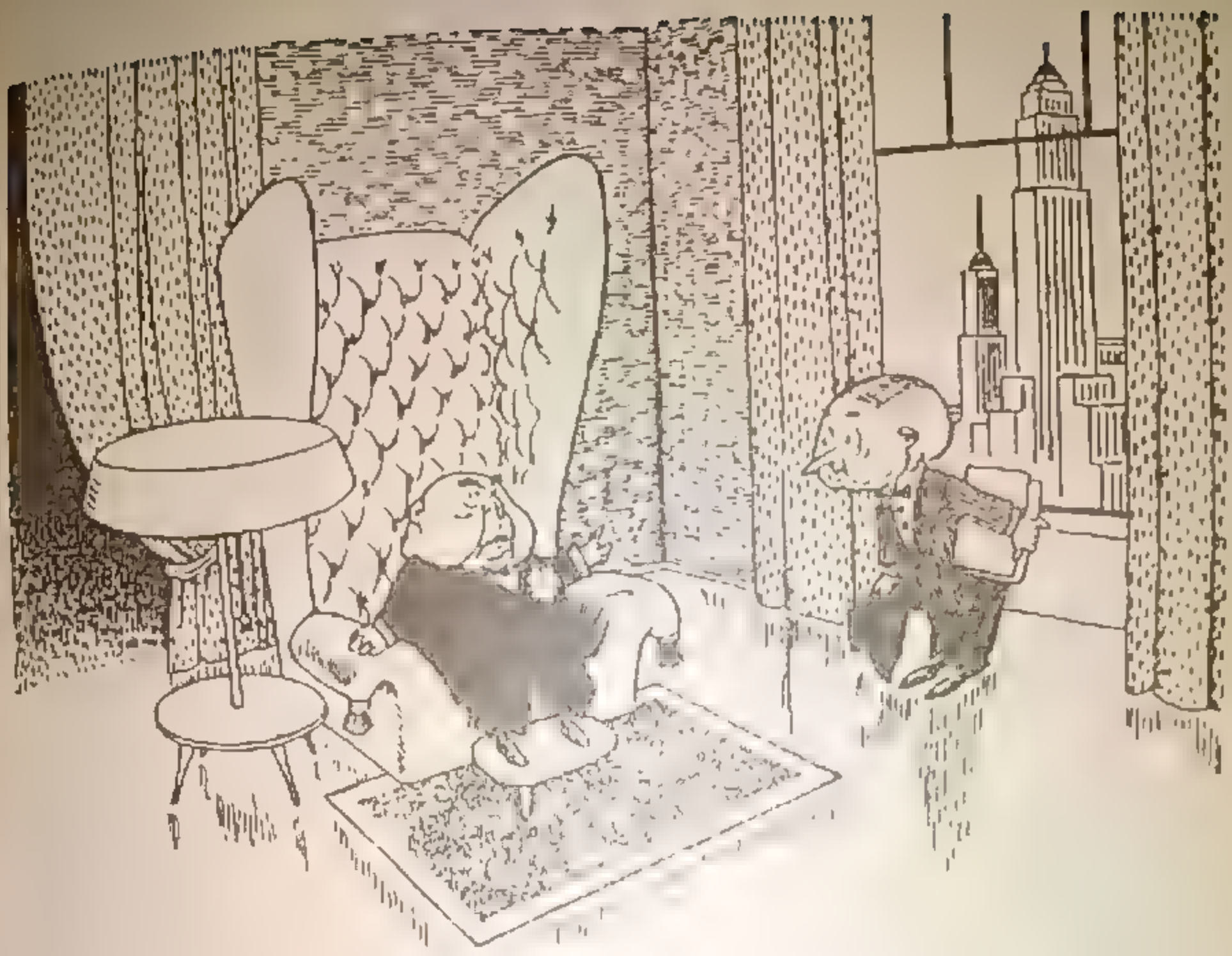


в космическом скафандре. Тут же было напечатано сообщение о целях, для которых учреждалось акционерное общество. Вверху было написано красивыми разноцветными буквами: «Акционерное общество гигантских растений — путь к богатству и процветанию. Цена 1 фертинг». Пока Седенький разглядывал акцию и, казалось, забыл обо всём на свете, Мига пошептался о чём-то с Жулио, после чего отсчитал ещё десять акций и, протянув их Седенькому, сказал:

— Мы приняли решение выдать первому нашему покупателю премию в размере десяти акций. Просим принять от нас этот подарок. Теперь вы наш акционер и тоже должны содействовать скорейшему распространению акций. Убеждайте всех своих знакомых и незнакомых покупать наши акции, говорите, что каждый, кто приобретёт нашу акцию, в самый короткий срок сделается богачом.

Седенький с благодарностью принял акции, аккуратно завернул их в платочек и спрятал за пазуху. В это время явился фотограф со своим аппаратом. Он велел Седенькому сесть в кресло, заложив ногу за ногу.

— Таким образом заплаточка на одной коленке у вас будет закрыта,— объяснил фотограф,— а на другую заплаточку я попрошу вас положить вашу шляпу... Только не так, а вот так, чтобы дырочка на шляпе не была видна...



их все. К тому же, если мы [illegible] постройку летательного аппарата, кто-нибудь [illegible] без нас построит и до семян в конце концов доберется. По-моему, надо уговорить этих двух прохвостов Мигу и Жулио удрать куда-нибудь вместе с деньгами, тогда все увидят, что всё это была обычная мошенническая проделка, и перестанут мечтать об этих проклятых семенах.

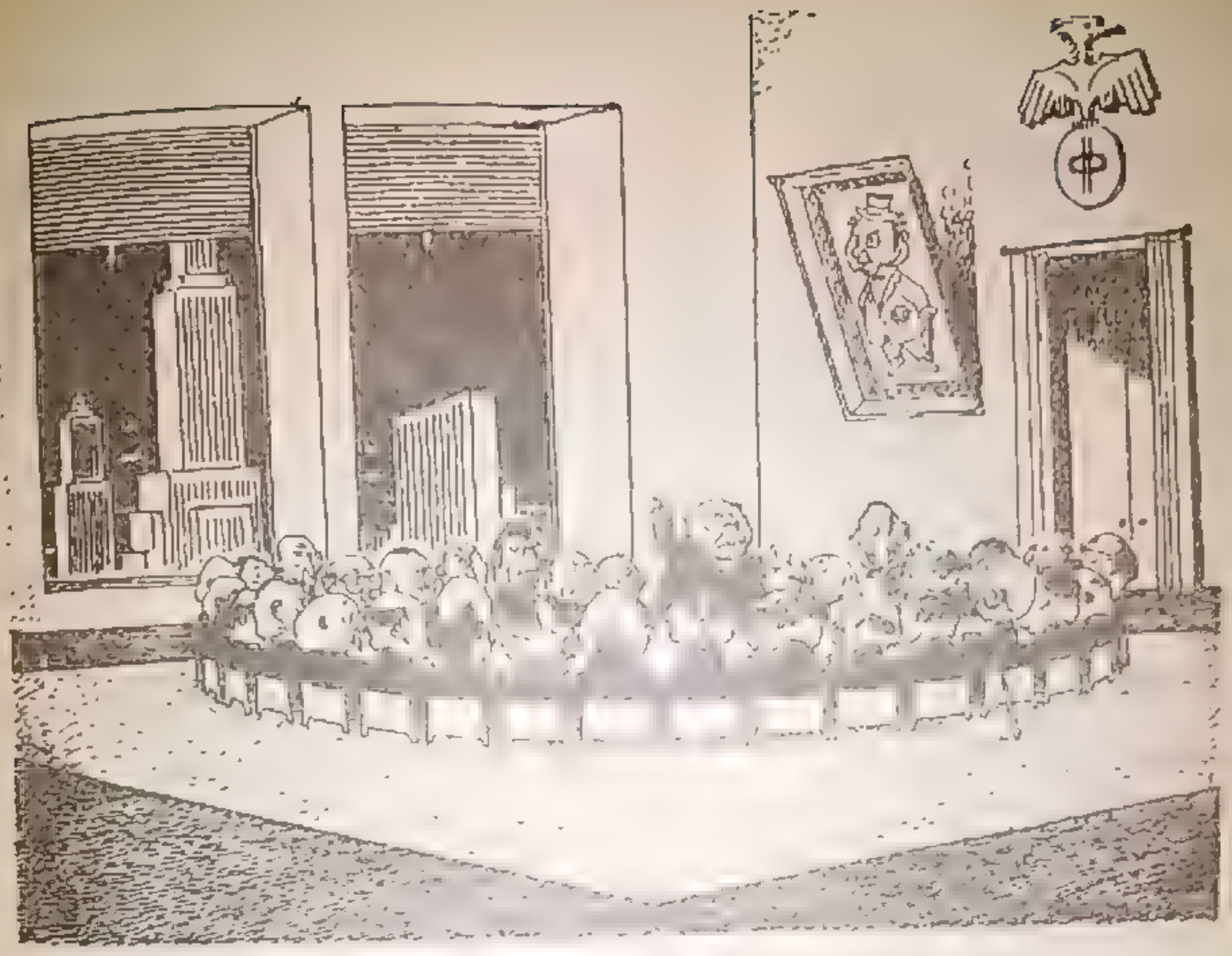
— Гениально придумано! — воскликнул господин Крабс.— С вашего разрешения я сейчас же сажусь в автомашину и отправляюсь в Давилон для переговоров с Мигой и Жулио.

— Отправляйтесь, господин Крабс. Я на вас полагаюсь.

Результатом этого разговора было то, что на следующее утро господин Крабс появился в конторе Общества гигантских растений. Купив для отвода глаз несколько акций, он отозвал в сторонку Мигу и Жулио и сказал:

— Я прибыл из города Грабенберга по поручению известного предпринимателя Спрутса, чтобы побеседовать с вами. Не могли бы мы встретиться как-нибудь вечерком?

Миге и Жулио чрезвычайно интересно было узнать, что понадобилось от них знаменитому фабриканту, и они тотчас согласились на встречу. Как только работа в конторе была



Господин Спрутс сказал, что господин Дубс, видимо, его не понял, так как, говоря о том, что дело надо убить в зародыше, он вовсе не подразумевал, что кого-либо следует убить в буквальном смысле этого слова.

— Подобного рода методы в данном случае не годятся,— сказал господин Спрутс.— Поскольку дело уже получило широкую огласку, интерес к гигантским растениям лишь возрастёт, если кто-нибудь расправится с Мигой и Жулио столь энергичным способом. Это может заставить владельцев гигантских акций добиваться ускорения доставки семян с поверхности Луны, и из всех наших усилий не выйдет никакого толка. Убить нужно самую мысль о существовании гигантских растений, то есть сделать так, чтобы никто больше не верил в существование этих фантастических семян, а этого можно добиться, если Мига и Жулио сбегут с вырученными от продажи акций деньгами.

— Почему же они до сих пор не сбежали? Разве им самим интересно, чтоб у нас появились эти дурацкие семена?— задал вопрос капиталист Тупс.

Капиталиста Тупса никак нельзя было причислить к тем коротышкам, которых принято называть дуботолками, так как голова у него была вполне благообразная и свободно

— Господа! — закричал, вскакивая, Скуперфильд.— Господа, зачем вам делить три миллиона на тридцать один? Это же трудно! Гораздо легче поделить три миллиона на тридцать. Не считайте меня. Вас останется ровно тридцать. Три миллиона поделите на тридцать, получится ровно по сто тысяч с каждого. Таким образом, вам не придётся тратить время на расчёты, а время, как известно, дороже денег, потому что деньги можно вернуть, а потраченное время не вернёшь ни за что на свете...

Говоря это, Скуперфильд вылез из-за стола и начал пробираться к двери — как был, с компрессом на голове. Увидев этот манёвр, Спрутс закричал:

— Держите его! Не дайте ему сбежать!

Несколько капиталистов бросились ловить Скуперфильда, однако он проявил необычную прыть: ударом трости сшиб кинувшегося ему наперерез владельца многочисленных ночлежных домов господина Дрэнинга, толчком ноги распахнул дверь и [illegible] вниз по лестнице.

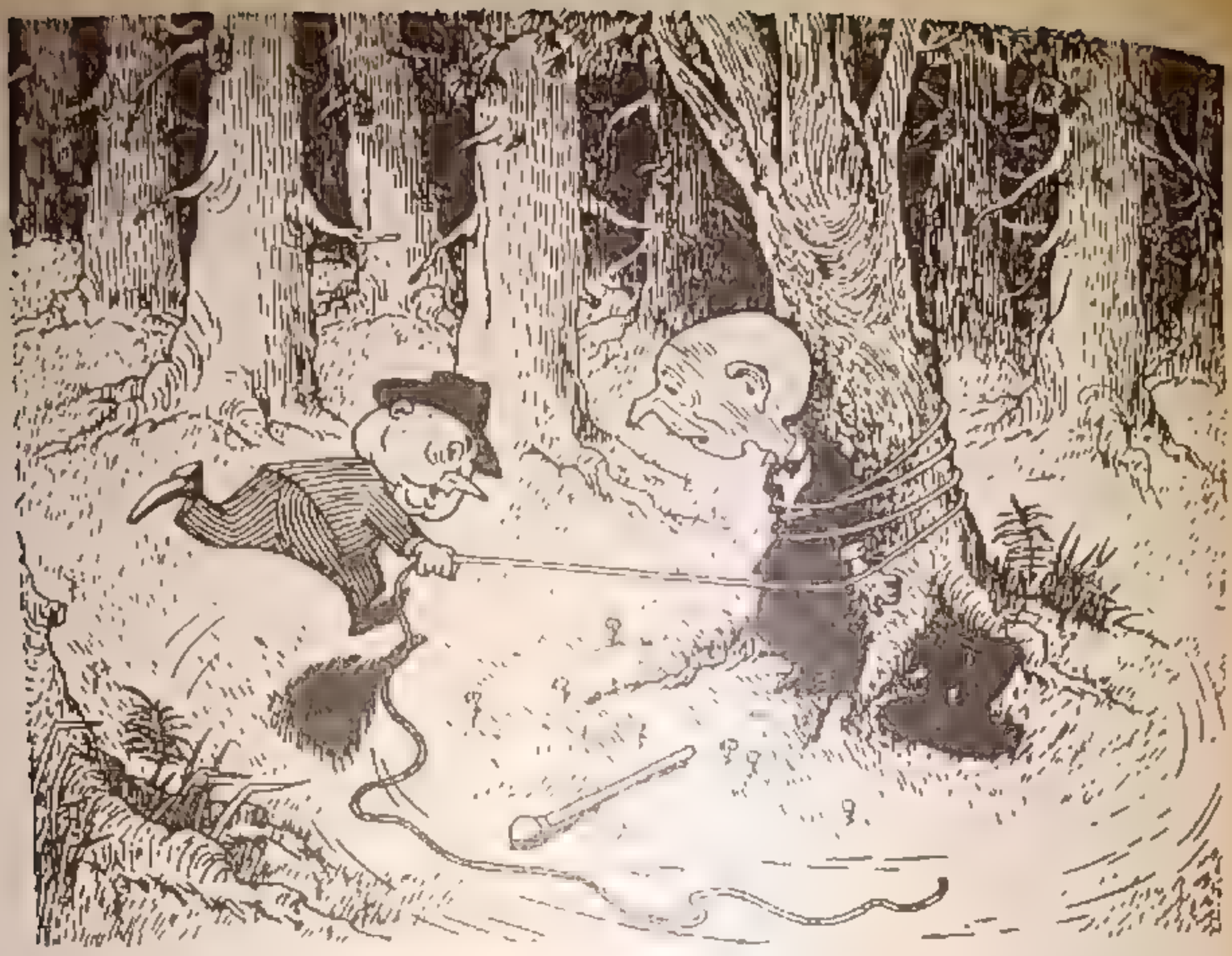
Заметив, что капиталисты Скрипис и Жадинг тоже вылезли из-за стола с явным намерением дать тягу, господин Спрутс велел секретарю [illegible] дверь на ключ и сказал:

— Господа, прежде [illegible] должны осудить этот недостойный поступок и исключить Скуперфильда из членов нашего сообщества. Отныне никто не должен иметь с ним никаких дел. Наш бредлам будет всячески преследовать его. Скоро он поймёт, что, нарушив наши правила и выбыв из членов бредлама, он потерял значительно больше, чем ему кажется... А теперь, господа, может быть, ещё кому-нибудь хочется отправиться вслед за Скуперфильдом?..

Господин Спрутс обвёл взглядом собрание и, увидев, что больше никто не выказывает поползновения удалиться, закончил:

— Если нет, то не будем больше тратить попусту время и заплатим деньги.

Все богачи принялись вытаскивать из карманов свои чековые книжки и авторучки. Известно, что капиталисты никогда не платят деньги наличными, а выписывают чеки, по которым всегда можно получить деньги в банке.



Часть III

Глава восемнадцатая

Как Скуперфильд попал в ловушку

Спрятав полученные чеки в несгораемый шкаф, господин Спрутс распрощался с капиталистами и велел секретарше отправить Крабсу следующую телеграмму:

«Бредлам состоялся. Двум ослам один на двоих. Телеграфируйте согласие. Спрутс».

Получив эту телеграмму, Крабс понял, что Спрутс решил дать Миге и Жулио не два, а лишь один миллион. Это нисколько не удивило Крабса, так как он хорошо знал, что господин Спрутс действует всегда осмотрительно и на ветер денег бросать не станет. Крабса удовлетворяло то, что Спрутс не отказался уплатить деньги, и теперь можно было надеяться, что, согласившись распроститься с одним миллионом, он под конец расстанется и с двумя.

— Наверно, онемели от неподвижности,— высказал предположение Мига.

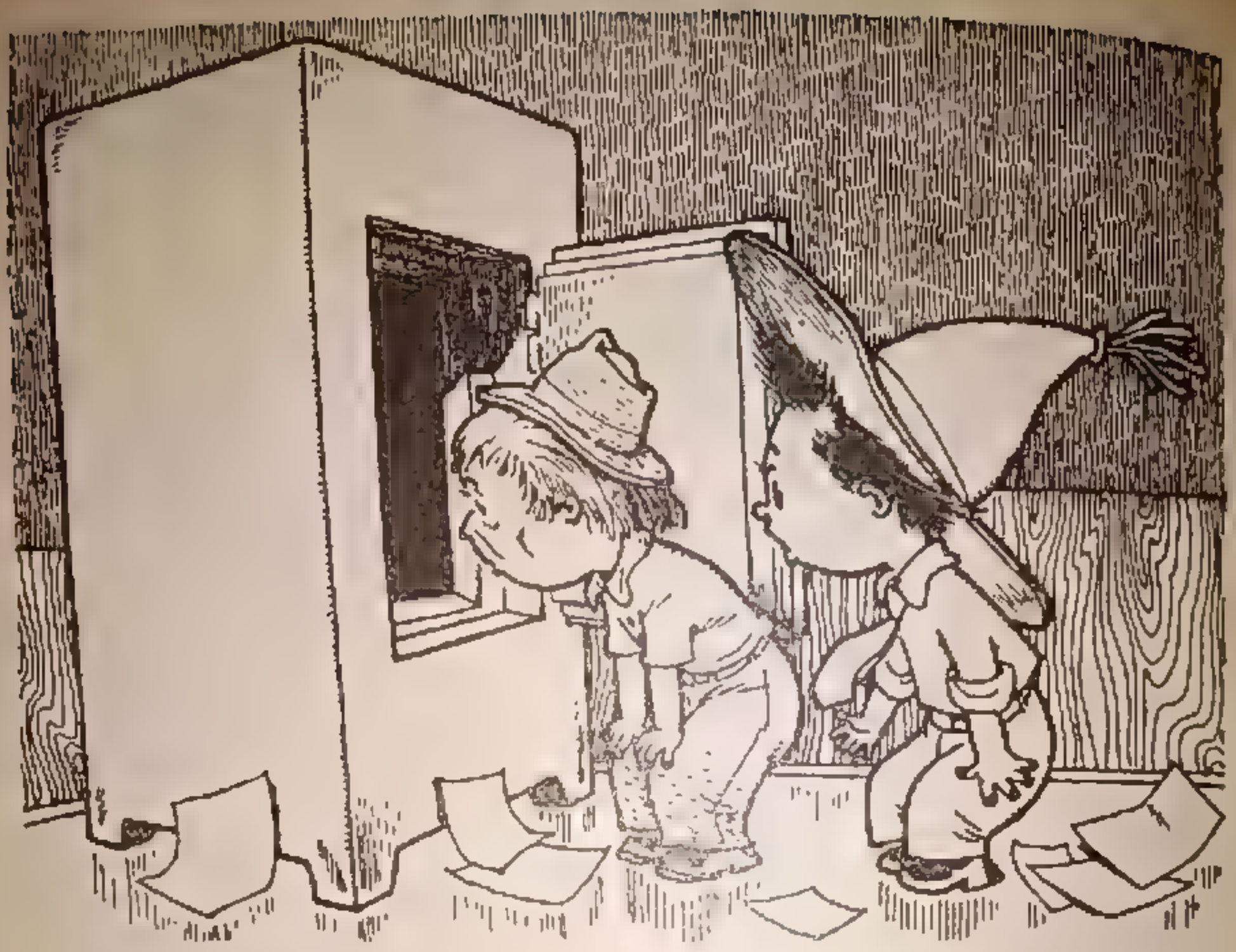
Недолго думая Жулио принялся сгибать и разгибать Скуперфильду руки, как это обычно делают при искусственном дыхании, а Мига в это время поднимал и опускал его ноги. Спустя несколько минут Скуперфильд почувствовал, что способность управлять своими конечностями вернулась к нему, и он сказал:

— Пустите, я сам.

С кряхтеньем поднявшись, он сделал несколько наклонов и приседаний, после чего надел на голову валявшийся на земле цилиндр, подобрал лежавшую рядом трость с костяным набалдашником и нанёс ею сильный удар по голове Жулио. Не ожидавший нападения, Жулио упал как подкошенный. Увидев, что Скуперфильд побежал прочь, Мига бросился догонять его, но тут же свалился, споткнувшись о торчавший из-под земли корень. Поднявшись, он убедился, что Скуперфильд скрылся вдали за деревьями.

— Ах ты гадина!— проворчал он со злостью.

Увидев, что Жулио лежит без движения, Мига подозвал прятавшегося за деревом Крабса, и они вместе бросились к стоявшей вдали автомашине.



— В девять часов контора откроется, тогда можете идти и получать свои деньги, а до этого никаких разговоров!

Обернувшись к швейцару, полицейский махнул в сторону Незнайки и Козлика своей дубинкой.

— Пропустите этих! — приказал он.

Получив от швейцара ключ от конторы, Незнайка и Козлик быстро поднялись на третий этаж.

— Самое умное, что можно сделать,— это возвратить желающим деньги,— сказал Козлик.— Я думаю, паника прекратится, как только все убедятся, что в любое время смогут получить свои капиталы обратно.

Сказав это, Козлик вошёл в контору и заглянул в комнату, где стоял несгораемый шкаф. Его удивило то, что тяжёлая железная дверь шкафа была приоткрыта. Одним прыжком подскочив к шкафу, Козлик заглянул в него и увидел, что внутри было пусто.

— Незнайка! — закричал он испуганно.— Деньги исчезли!

— Куда же они могли деться? — спросил, вбегая, Незнайка.

— Не представляю себе! — развёл Козлик руками.— Должно быть, нас обокрали.

Тут он заметил на одной из полочек шкафа клочок бумаги и два железнодорожных билета.

на ногах башмаков, у [illegible] не было шляпы. Увидев, что коротышки поставили [illegible] большую банку из-под томатов и принялись что-то кричать в неё, он решил отбросить в сторону приличия и поспешил к ним.

— Здравствуйте, дорогие друзья, не найдётся ли у вас чего-нибудь покушать? — спросил он жалобным голосом.— Честное слово, целую ночь ничего не ел.

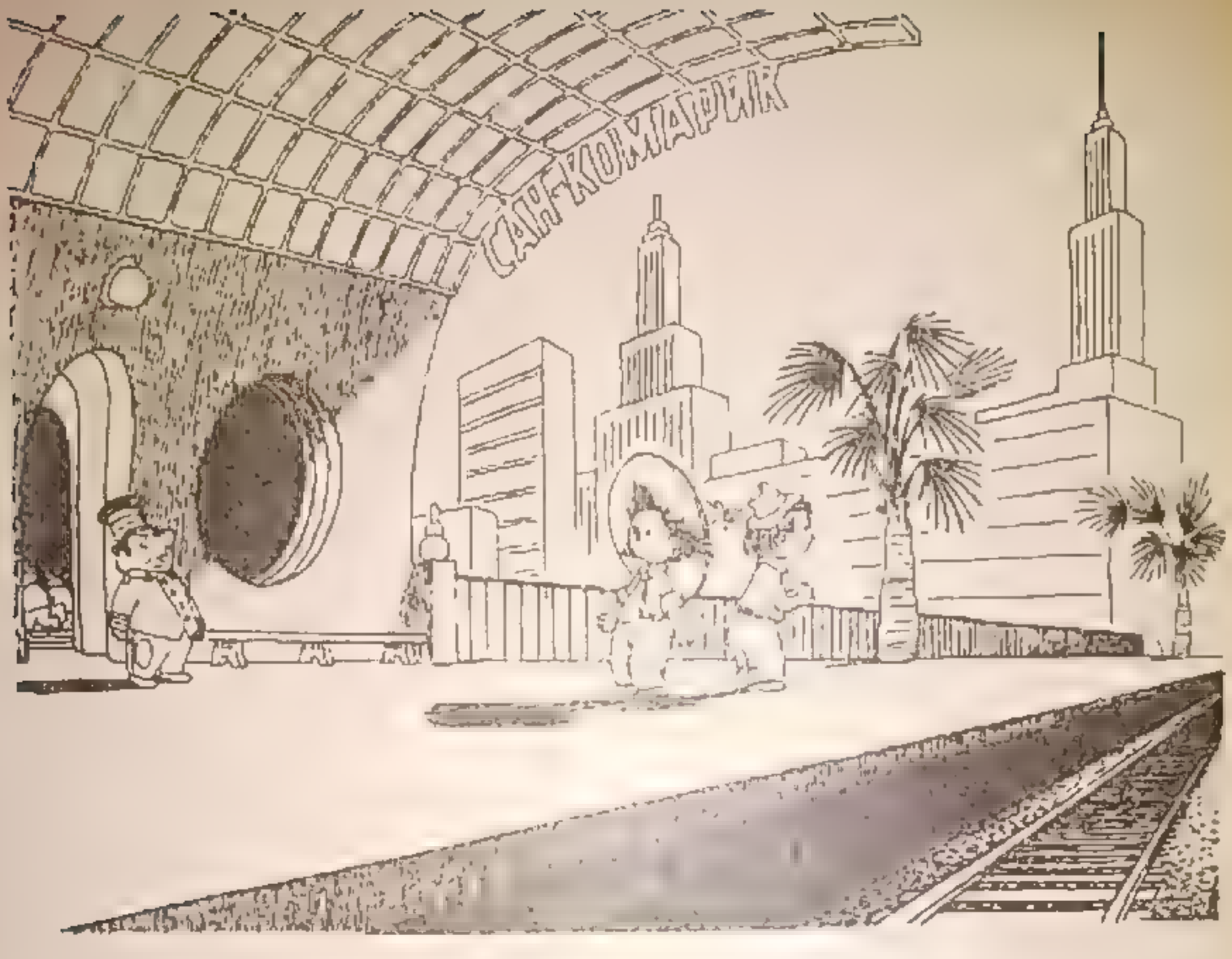
Его слова вызвали у коротышек целую бурю смеха. Тот, который был без рубашки, со смеху повалился на спину и принялся болтать в воздухе ногами. А тот, который был без штанов, ударял себя ладошками по голым коленкам и кричал:

— Что? Как ты сказал? Целую ночь не ел? Ха-ха-ха!.. Извини, братец,— сказал наконец он.— Мы живём по правилу: пять минут смеха заменяют корригу хлеба. Поэтому уж если нам случается посмеяться, то мы смеёмся не меньше пяти минут.

— Разве то, что я сказал, так смешно? — возразил Скуперфильд.

— Конечно, братец! Кто ж ночью ест? Мы думали, с тобой невесть что случилось, а ты говоришь: целую ночь не ел!

Они снова раскохотались, а Скуперфильд сказал:



цыпочки и старался поверх голов разглядеть, что делалось у других вагонов.

— Подождём,— сказал Козлик.— Нам не к спеху. Скоро перрон очистится, и они увидят нас.

— Или мы их,— сказал Незнайка.

— Разумеется: или мы их,— подтвердил Козлик.

Скоро толпа приехавших и встречавших схлынула, а после отхода поезда разошлись и провожавшие. Перрон опустел, и на нём не осталось никого, кроме Незнайки и Козлика.

— Что же это?— недоумевал Козлик.— По правде сказать, мне эти Мига и Жулио никогда не внушали доверия. Я всё время ждал, что они выкинут с нами какую-нибудь скверную шутку. А может, они ошиблись и придут встречать нас к следующему поезду?

Тут к ним подошёл железнодорожный служащий в форменной фуражке и спросил, что они здесь делают.

— Нас, понимаете, должны были встретить, но не встретили,— объяснил Козлик.

— Ну, не встретили, так в другой раз встретят, а торчать здесь нечего. Это запрещено правилами,— сказал служащий.

— А когда прибудет следующий поезд из Давилона?— спросил Козлик.

— Ну и что ж? Тех сожгли, а это развелись новые. Всё равно их теперь меньше стало. Ты просто не представляешь, братец, сколько их раньше было. Теперь благодать! Ты только потерпи малость вначале, а потом они насосутся крови и лягут спать. Клопам тоже спать надо.

Незнайке, однако же, не хотелось дожидаться, когда клопы насытятся его кровью. Правда, некоторое время он терпел, а потом соскочил на пол и принялся сбрасывать с себя этих отвратительных насекомых. Воздух внизу был не такой душный, поэтому Незнайка решил сидеть всю ночь на полу, надеясь, что клопам не придёт в голову искать его здесь. Сев на пол и прислонившись спиной к деревянной стойке, он задремал, но в тот же момент почувствовал, как что-то коснулось его ноги. Открыв глаза, он увидел перед собой жирную серую крысу, которая вытянула вперёд свою острую усатую мордочку и, шевеля кончиком носа, обнюхивала его ботинок.

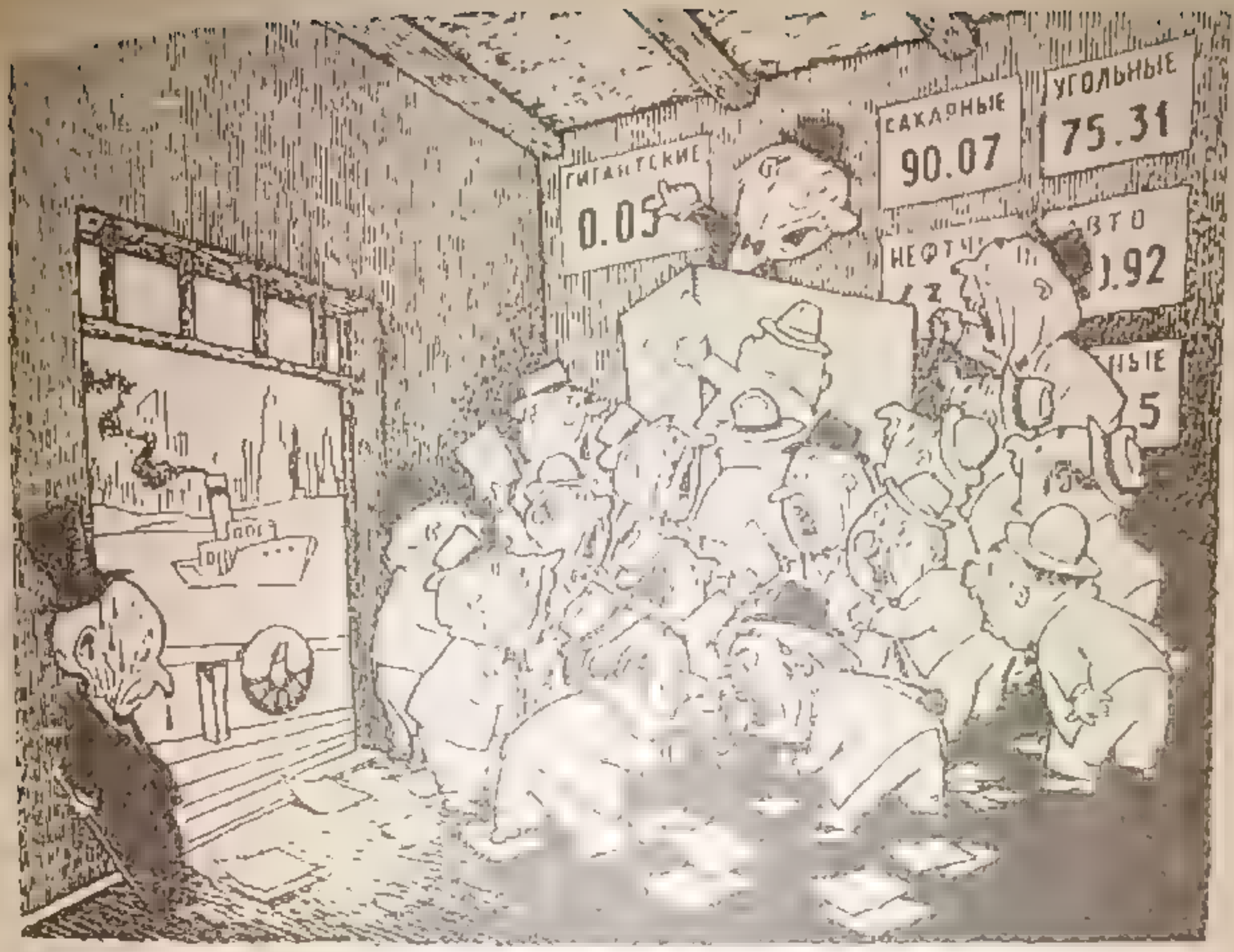
— Чу! Чтоб ты пропала! — испугался Незнайка и отдёрнул ногу.

Крыса, не особенно торопясь, отбежала в сторонку и, остановившись неподалёку, стала поглядывать на Незнайку своими блестящими, словно бусинки, глазками. С тревогой осмотревшись по сторонам, Незнайка заметил, как из-под

зультате вращения центробежная сила сбрасывает коротышек одного за другим с круга на землю. Победителем считается тот, кому дольше всех удастся удержаться на вращающемся круге. Водяное чёртово колесо устроено так же, как и обыкновенное, с той только разницей, что устанавливается оно не на земле, а на воде. Здесь центробежная сила сбрасывает коротышек уже не на землю, а в воду, что гораздо смешней и даже приятнее, особенно в жаркую погоду.

Что касается морского параболоида, то он имеет такое же устройство, как и чёртово водяное колесо, с той разницей, что вертящийся диск сделан в виде огромного блюдца с поднятыми кверху краями. Коротышка, которого центробежная сила отбрасывает всё дальше от центра, подкатывается к краю блюдца, после чего с силой вылетает вверх и шлёпается в воду, предварительно описав в воздухе кривую линию, напоминающую параболу.

На таких параболоидах, которые в огромном количестве были установлены на побережье залива, очень любили вертеться приезжавшие в Лос-Паганос богачи, поскольку в результате действия на организм центробежной силы, полётов в воздухе и окунания в воду у них разыгрывался аппетит, а они это очень ценили, так как страшно любили покушать. Этим, возможно, объяснялось, что и Пончик тоже больше лю-



В давние времена, когда появились первые продавцы акций, в городе Давилоне для них была отведена целая площадь. Однако жители близлежащих кварталов стали жаловаться городским властям, что от этих крикунов им житья не стало. Поскольку городские власти ничего не предпринимали, жители сами пробовали разогнать крикунов, вооружившись дубинами и камнями. Крикуны не хотели давать себя в обиду и, в свою очередь, нападали на жителей. Чуть не каждый день происходили побоища! Не зная, что предпринять, городские власти перевели этот крикливый рынок на другую площадь, но и там начали возникать кровопролитные стычки.

Потеряв всяческое терпение, городские власти погрузили всех крикунов на огромную баржу и вывезли их на середину давилонского озера. Там эта баржа была укреплена навечно на якорях. Крикуны получили возможность кричать хоть до потери сознания, теперь это никому не мешало. Каждое утро они приезжали на баржу на лодках, а впоследствии между баржей и берегом даже начал курсировать небольшой пароход. Всё, таким образом, совершилось к общему удовольствию.

В скором времени такая же баржа была установлена и в городе Грабенберге, а затем в Сан-Комарике. Когда изо-

После утреннего купания собак тут же приходилось вести в собачью парикмахерскую, где Роланду вновь заплетали косички, подстригали морду и хвост, восстанавливая нарушенную красоту. Мимишке в это же время подвивали щипцами кудряшки, смазывали шерсть бриолином, чтоб она красиво блестела, подкрашивали чёрной краской ресницы, подрисовывали синькой глаза, чтоб они казались больше и выразительней. Из парикмахерской собаки возвращались в сопровождении Незнайки домой, после чего он вёл их прямо в спальню к госпоже Миноге, которая к этому времени вставала с постели. Пожелав собакам доброго утра и поцеловав их в морды, хозяйка расспрашивала Незнайку, как они провели ночь, после чего отпускала их завтракать, приказав Незнайке получше смотреть за ними.

После завтрака Незнайка с Мимишкой и Роландом отправлялись по заведённому порядку в собачий парк, где в это время гуляли и другие собаки со своими нянями. После гуляния наступала пора вторично купать Мимишку, а Роланд развлекался тем, что ловил в саду сверчков и кузнечиков. Потом все трое отправлялись в собачий ресторан обедать. Пообедав, собаки отдыхали часика полтора, а Незнайка в это время следил, чтоб их не кусали мухи. После отдыха все трое совершали послеобеденную прогулку по городу.

— Чего ж ты залез сюда? Разве не ночевать?

— Нет.

Незнайка хотел рассказать, что с ним случилось, но тут снова послышались шаги и под мостом появились ещё несколько коротышек.

— Эй, Клюква, Пекарь, Орешек! — закричал первый коротышка. — Смотрите, чудачок какой-то залез под мост и говорит, не ночевать пришёл.

Коротышки окружили Незнайку.

— Какая-то подозрительная личность! — сказал тот, которого звали Клюква.

— Наверно, переодетый сыщик, — проворчал Пекарь.

— Отколотить бы его да в воду! — сказал Орешек.

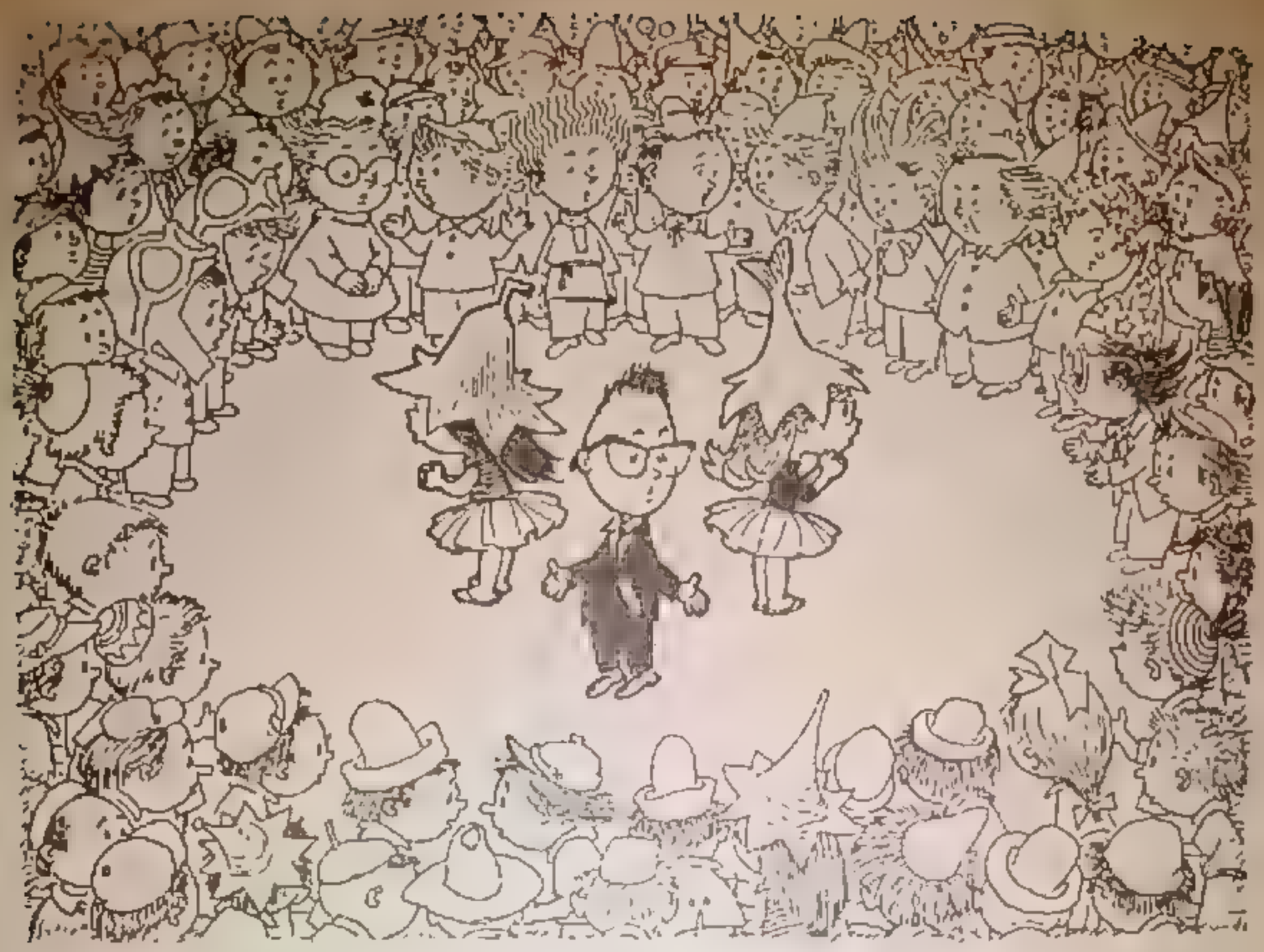
— Братцы, я вовсе не сыщик! — принялся уверять Незнайка. — Пустите меня! Мне надо идти искать Козлика.

— Какого ещё Козлика? — спросил подозрительно Пекарь. — Не пускайте его, а то он пойдёт и скажет полицейским, что мы здесь ночуем.

Незнайка принялся рассказывать коротышкам обо всём, что произошло с ним и с Козликом. Коротышки поняли, что он говорит правду.

Полицейские потащили вверх по откосу слабо сопротивлявшихся коротышек, а также полицейского Пнигля, который никак не мог прийти в себя, после того как ему в нос попала зелёная искра.

Через пять минут всё было кончено. Полицейский фургон уехал, а под мостом осталась куча тряпья да два обветшалых матраца, из которых во все стороны торчала солома.

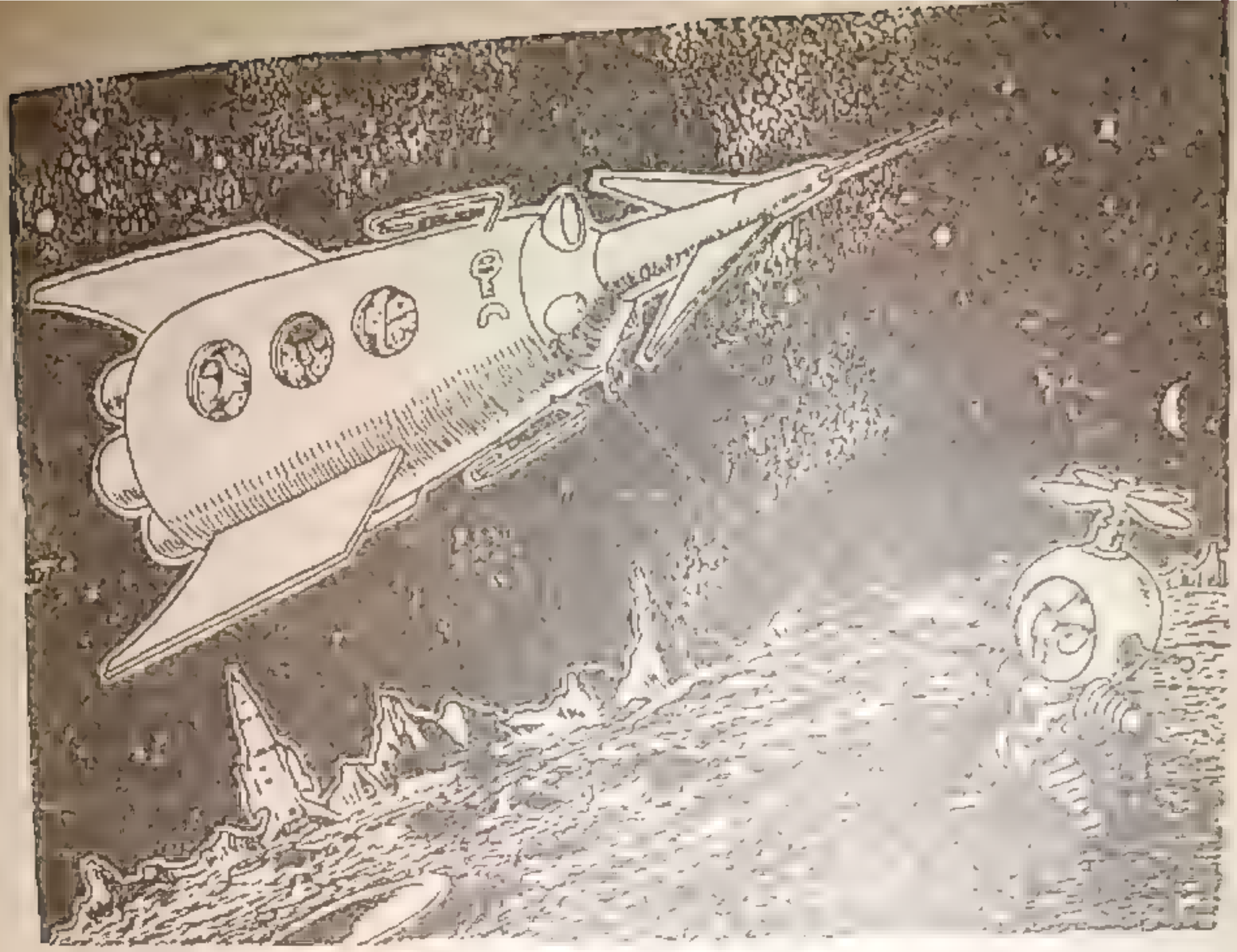


Часть IV

Глава двадцать восьмая

Когда исчезла ракета

Велико было удивление Знайки, когда, проснувшись в то утро, на которое был назначен отлёт на Луну, он посмотрел в окно и не увидел космического корабля. Обычно, когда Знайка глядел в окно, он видел возвышавшуюся над крышами домов ракету, верхушка которой торчала на фоне неба, словно гигантская сигара или поставленный торчком дирижабль. Каждый раз, глядя на ракету, Знайка любовался её красивыми очертаниями, в которых было что-то стремительное, неудержимо рвущееся ввысь, в космос, в неведомое. Иногда Знайка нарочно просыпался утром пораньше, чтоб никто не мешал ему насладиться этим прекрасным зрелищем. Сложив на груди руки и устремив дерзкий свой взор в мировое пространство, он стоял у открытого окна и мечтал.



Всё же радость их была [illegible]на. Знайка уже был недалеко от пещеры и [illegible] выполненной, но в это время ракета снова [illegible] вниз. На этот раз Знайка увидел, что она не [illegible] от поверхности Луны, и почувствовал, что ему стало трудно ее тащить, а через несколько шагов он и вовсе не мог сдвинуть её с места. Убедившись, что усилия его напрасны, Знайка решил, что коротышки, оставшиеся в ракете, задумали над ним подшутить, и закричал сердито:

— Эй! Что это там за шуточки? Вы зачем выключили прибор невесомости?

— Прибор включён. Никто и не думал шутить,— ответила по радиотелефону Фуксия.

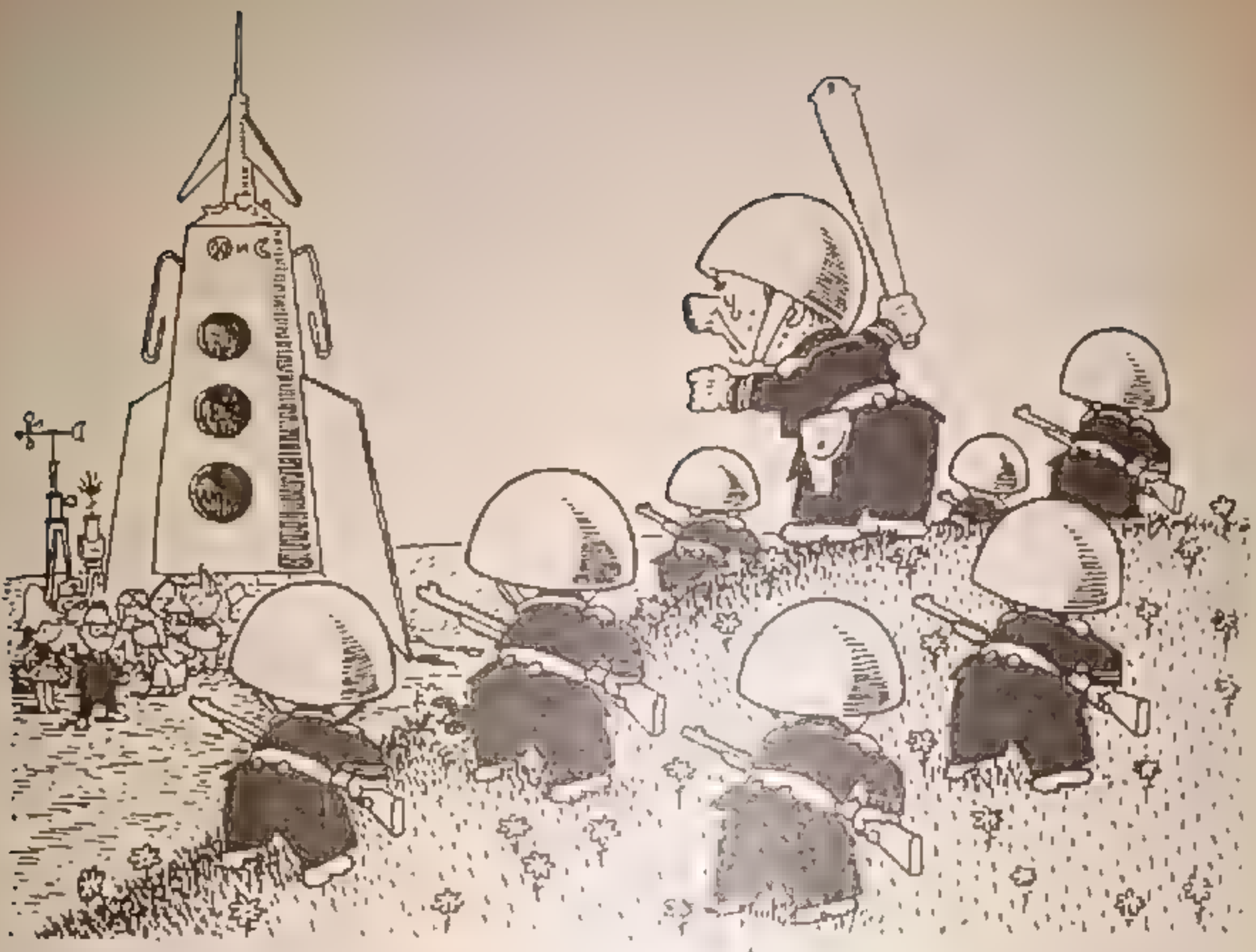
— Вот я сейчас посмотрю сам.

Знайка быстро вернулся в ракету и принялся проверять прибор невесомости, но сколько он ни включал его, сколько ни выключал, невесомость не появлялась.

— Что ж тут случилось?— растерянно бормотал Знайка.— Одно из двух: либо энергия, выделяемая лунитом, иссякла...

— Либо что?— с нетерпением спросил Звёздочкин.

— Либо что? Либо что?— затвердили толпившиеся вокруг коротышки.



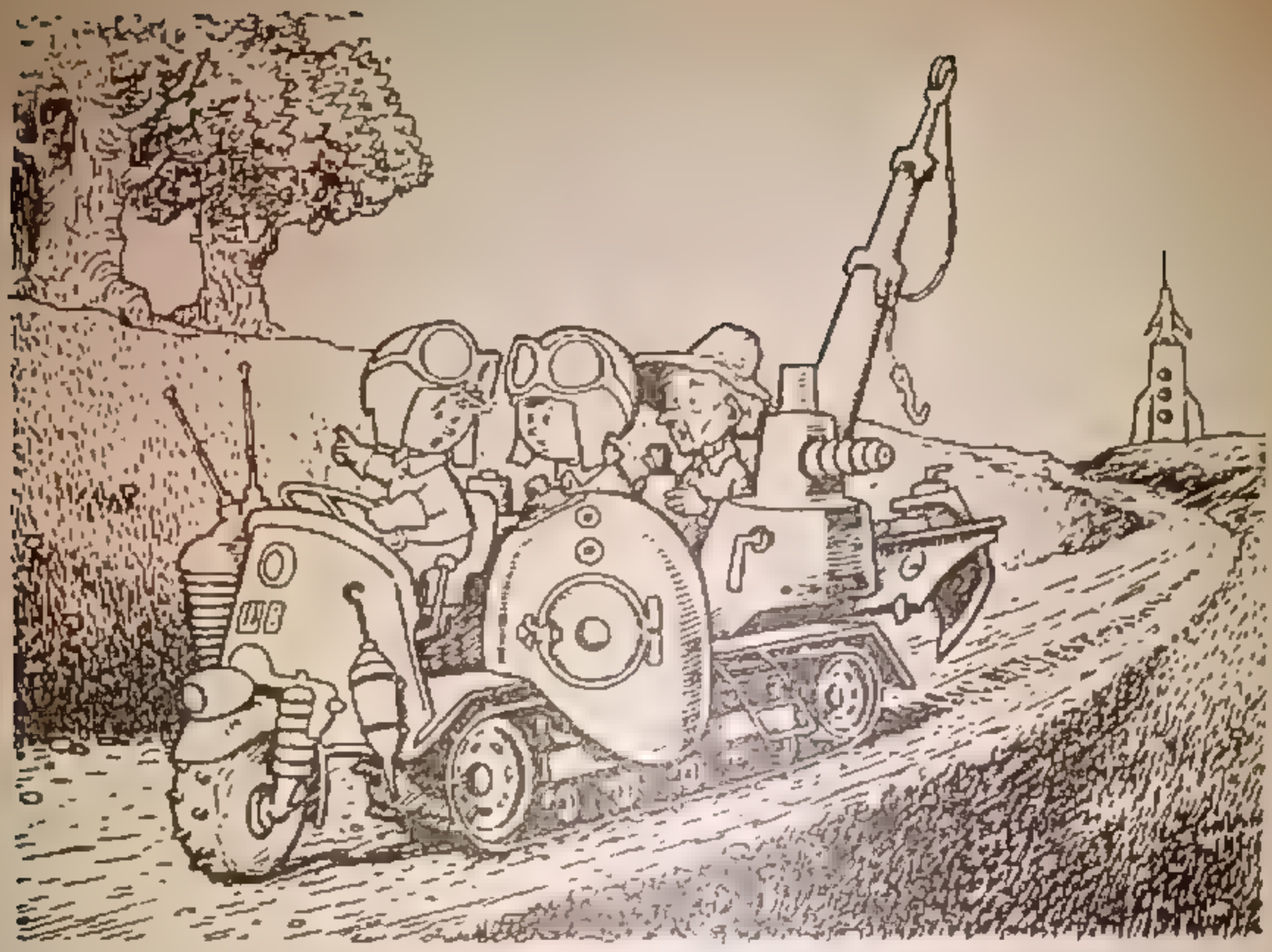
разбили барометр, разломали сейсмограф, изрешетили пулями дождемер, наконец, полезли на вышку, чтобы разбить анемометр.

— Это что же за варварство такое! — вскипел от негодования Знайка.— Ну, подождите-ка, я покажу вам!

С этими словами он включил прибор невесомости. Полицейские, которые не ожидали никакого подвоха, в ту же секунду почувствовали, что почва ушла из-под их ног. Не в силах понять, что происходит, они беспомощно кувыркались в воздухе, безалаберно размахивая руками, брыкались ногами и вихляясь всем телом. Никакого толку от этих движений, конечно, не было. Сталкиваясь друг с другом, они разлетались в стороны, взвивались кверху, падали вниз, но, оттолкнувшись от земли, тут же подскакивали, словно резиновые мячи, кверху.

Автомобиль, на котором приехал телеоператор, тоже поднялся вверх. Телеоператор вылетел из него и кувыркался в воздухе, уцепившись руками за свою телекамеру.

Как раз в этот момент на помощь первому отряду прибыл второй отряд полицейских. Они мчались на четырёх грузовых автомашинах, на каждой машине по двадцать пять полицейских. Как только грузовики попали в зону невесомо-



Убедившись, что Винтик хочет ехать дальше, Колосок сказал:

— Ку-ку-куда же ты? Там в лесу полицейские!

— Успокойся! Полицейским сейчас не до нас. Не слышишь разве?

Колосок прислушался. Из лесу доносились какие-то вопли.

— Сейчас посмотрим, что там делается,— сказал Винтик и включил двигатель.

Подъехав к опушке, путешественники увидели среди деревьев нескольких полицейских. Они беспомощно барахтались в воздухе, отчаянно крича и цепляясь руками за ветки.

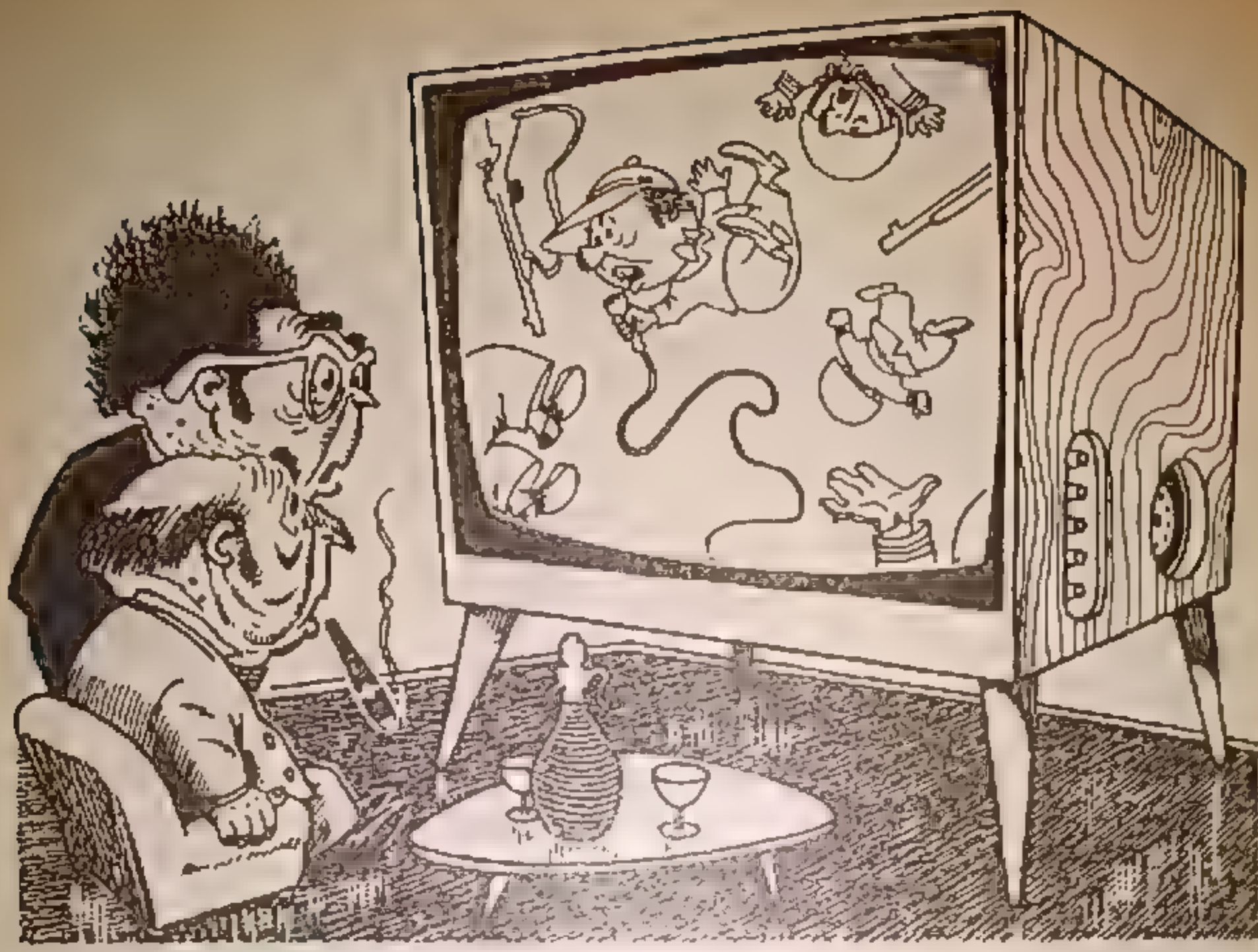
— Надо согнать их с деревьев, чтобы ветер унёс их отсюда подальше,— придумал Винтик.

— Правильно!— подхватил Шпунтик.— Нечего им торчать здесь!

Подскочив к дереву с маячившим вверху полицейским, Шпунтик ухватился за ствол и принялся его трясти.

— Помогите!— завыл полицейский, трепыхаясь всем телом.

— Вот я тебе помогу!— проворчал Шпунтик и с такой силой тряхнул дерево, что полицейский отлетел в сторону и,



— Господа телезрители! — продолжал между тем репортёр Болтик.— Пока наш уважаемый телеоператор Глазик налаживает зрительную связь, разрешите мне обрисовать на словах всё, что здесь происходит. Передо мной множество парящих в воздухе полицейских. В то время как одни занимают горизонтальное или наклонное положение, другие повисли в воздухе вниз головой. У всех выпучены глаза от страха. Многие полицейские совершают руками и ногами резкие, дёргающиеся движения и извиваются всем телом — ни дать ни взять червяки, которых насаживают на рыболовный крючок. Некоторые, наоборот, неподвижно застыли с раскоряченными ногами и растопыренными руками. В таком виде они напоминают одетых в полицейскую форму лягушек. Часть полицейских ветер отнёс в сторону, но большинство находится над деревней... Странное дело! Я вижу, что невесомость вовсе не действует на деревенских жителей! Все они по-прежнему находятся на земле и со смехом глядят на копошащихся в воздухе полицейских. Что это могло бы означать?.. Это может означать лишь одно, а именно: что прилетевшие космонавты поделились с деревенскими жителями не только космическими семенами, но и сообщили им секрет невесомости и способы управления ею. Для полицейских этот факт может иметь самые нежелательные по-

Шофёр между тем прибавил скорость, и машина в одно мгновение скрылась из виду. Скоро Мякиш был уже в деревне Нееловке и беседовал с нееловцами, которые встретили его очень приветливо. Они рассказали, что уже посадили полученные от космонавтов гигантские семена, и повели Мякиша в поле, чтоб показать ему первые всходы. Бедняга Мякиш даже заплакал от радости, когда увидел маленькие зелёные ростки, показавшиеся местами из-под земли.

— Это ничего, братцы, что они маленькие,— говорил он.— Так уж на свете устроено, что всё большое растёт из маленького.

Узнав, что Мякиш приехал за гигантскими семенами, Колосок вызвался проводить его к космонавтам. Они уже хотели отправиться в путь, но как раз в это время Мякиш увидел Пончика, который ковылял по дорожке, ведущей к деревне.

— Смотрите, братцы!— испугался Мякиш.— Опять этот проклятый переодетый полицейский! Он ещё в поезде привязался ко мне. Должно быть, подслушал, как я говорил, что к космонавтам еду.

— Сейчас мы его поймаем и проучим как следует!— сказал Колосок.

Коротышки спрятались за забором, и, как только Пончик подошёл ближе, все сразу бросились на него. Кто-то наки-

Очутившись на берегу моря, Козлик некоторое время с недоумением озирался по сторонам. Прохладный морской ветерок освежил его, и голова у него перестала кружиться. Постепенно он понял, что сидит не на карусели, а на обыкновенном морском берегу. Рядом, раскинув руки, лежал Незнайка. Глаза у него были закрыты.

«Спит»,— решил Козлик.

И он стал глядеть на волны, которые с шипением и рокотом ритмично накатывались на отлогий песчаный берег и, постепенно смолкая, убегали обратно в море. Неизвестно, сколько бы просидел Козлик, любуясь на волны, если бы его взгляд не приметил вдали тёмное пятнышко величиной с блоху. Сначала ему показалось, что какая-то птица реет над морем, но пятнышко постепенно приближалось, и скоро уже было ясно, что это не птица. Козлику стало казаться, что это не то дирижабль, не то самолёт, но прошло ещё немного времени, и он убедился, что это был пароход.

— Что за чудеса!— в изумлении пробормотал Козлик.— С каких это пор пароходы летают по воздуху?

Он принялся тормошить за плечо Незнайку. Увидев, что Незнайка не просыпается, Козлик страшно перепугался и принялся брызгать ему в лицо холодной водой. Это привело Незнайку в чувство.

Отправившись с гостем [illegible], Спрутс разломал пару стульев и растопил печь [illegible] расколотил яйцо, но, вместо того чтоб выпустить [illegible] сковородку, выпустил его на собственные штаны. Видя, что если дело пойдёт так дальше, то ему вовсе не придётся поужинать, Жулио отнял у Спрутса яйца и принялся за дело сам. Выбрав сковороду побольше, он соорудил гигантскую яичницу из двух десятков яиц, и они со Спрутсом уселись ужинать. Спрутс ел и только похваливал, так как ему уже давно не приходилось есть так хорошо приготовленную яичницу.

Сообразив, что Жулио может оказаться для него полезен, поскольку мог бы ходить за продуктами и помогать готовить обед, Спрутс предложил ему поселиться вместе. Жулио согласился, и с тех пор жизнь Спрутса приобрела более организованный характер. Доставку продуктов из магазинов Жулио целиком взял на себя, завтраки же, обеды и ужины они готовили вместе, причём Спрутс производил более грубую работу, то есть «делал» дрова из мебели, разжигал огонь в топке, чистил картошку, лук, репу, месил тесто; Жулио же осуществлял общее руководство и следил за качеством изготовляемых блюд.

Кроме заботы о пище, Жулио проявил также заботу о чистоте.

са. Лунные коротышки начали терять надежду снова увидеть своих друзей.

И действительно, ждать больше было нечего. Космонавты в это время уже пробирались по наклонному ледяному тоннелю в оболочке Луны. Воздух здесь был крайне разрежён, поэтому пропеллер создавал слишком слабую тягу. Всё же с помощью ледорубов, которыми вооружились космонавты, им удалось преодолеть все препятствия и пробраться в сосульчатый грот, а оттуда проникнуть в пещеру, из которой был выход на поверхность Луны.

Здесь Знайка решил поделить весь отряд на две группы. Первую группу необходимо было отправить вперёд, чтобы, не теряя ни минуты, произвести проверку ракеты. Ведь с тех пор, как ракета НИП опустилась на поверхность Луны, прошло много времени, и она могла быть повреждена метеоритами, не говоря уже о том, что в космический полёт невозможно было отправляться без тщательнейшей проверки работы всех приборов и механизмов. В первую группу Знайка решил назначить себя, профессора Звёздочкина, а также Фуксию и Селёдочку. Остальным велел пока остаться в пещере и заняться добычей кристаллов лунита и антилунита, запас которых необходимо было доставить на Землю.

нос-преогромное чувство переполняет его грудь. Он не знал, как называется это чувство, но знал, что оно хорошее и что лучше его на свете нет. Он прижимался грудью к земле, словно к родному, близкому существу, и чувствовал, как силы снова возвращаются к нему и болезнь его пропадает сама собой.

Наконец он выплакал все слёзы, которые у него были, и встал с земли. И весело засмеялся, увидев друзей-коротышек, которые радостно приветствовали родную Землю.

— Ну вот, братцы, и всё! — весело закричал он. — А теперь можно снова отправляться куда-нибудь в путешествие!

Вот какой коротышка был этот Незнайка.

Содержание

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НЕЗНАЙКИ И ЕГО ДРУЗЕЙ
Роман-сказка 5

НЕЗНАЙКА В СОЛНЕЧНОМ ГОРОДЕ
Роман-сказка в двух частях 129

НЕЗНАЙКА НА ЛУНЕ
Роман-сказка в четырех частях 349

НИКОЛАЙ НОСОВ

Приключения Незнайки и его друзей

«ЭТО БУДЕТ МОЯ ЗАСЛУГА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ...»

К делу, которому посвятил жизнь Александр Николаевич Афанасьев, мы приобщаемся еще с детства, погружаясь в мир чудесных народных русских сказок, но подлинная биография знаменитого издателя русских народных сказок еще не написана. В его жизни много загадочного — и, без сомнения, по той причине, что о нем судили преимущественно на основе подцензурных публикаций и немногих биографических фактов, попавших в печать. Знали, какие статьи и где он напечатал, какие сборники составил, какие издал архивные материалы в редактировавшихся им «Библиографических записках». Меньше, хотя тоже известно, что Афанасьев побывал за границей, посетил Германию, Швейцарию, Италию, Англию, радовался в Неаполе победам Гарибальди, был в Лондоне у А. И. Герцена. Многие осведомлены о том, что трехтомное исследование Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (М., 1865—1869) было принято современниками с существенными оговорками. Что же касается сказок и легенд, то как-то повелось думать, что заслуга Афанасьева тут минимальная — фольклор сам говорит за себя, и ученый, мол, был лишь добросовестным публикатором.

Редкий из писавших об Афанасьеве не считал нужным отметить, что на его работах лежит печать миновавшего времени — особенно в заблуждениях и односторонности. Однако — странное дело! — эти суждения нисколько не мешали известности Афанасьева. Он не был забыт, что обычно случается с теми, кто действительно устарел.

Историки продолжают ценить архивные публикации Афанасьева, его труды, посвященные журнальной сатире XVIII века, письмам Петра Первого, древним дипломатическим актам, другие работы, в которых были обнародованы ценные исторические документы с текстологическими и бытовыми пояснениями. Любитель всякой старины, Афанасьев имел привычку бывать на толкучке у Сухаревой башни — там он приобретал старинные рукописи

и книги. Из находок составилась большая и ценная библиотека — Афанасьев извлекал из нее сведения для истории русской культуры.

Литературоведы не забывают заслуг Афанасьева как публикатора писем и стихотворений А. С. Пушкина, как автора статей о Н. И. Новикове, о сатирах А. Д. Кантемира, о Д. И. Фонвизине, К. Н. Батюшкове, А. И. Полежаеве, М. Ю. Лермонтове.

Продолжают ценить Афанасьева и этнографы. В работах о домовом, ведьме, ведуне, колдовстве, роде, языческих преданиях об острове Буяне, о разных «демонологических» представлениях крестьян — ученые находили сведения и факты, важные для народоведения. Афанасьев писал обо всем с обстоятельностью и с равно глубоким знанием дела — касалось ли это внутреннего устройства избы или поверий о лешем, таможенных пошлин или какого-нибудь народного обычая.

Не ослабевал интерес к работам Афанасьева и со стороны поэтов. Тонкие художники, такие как А. А. Блок, С. А. Есенин, А. Н. Толстой (последний — в пору работы над стихами книги «За синими реками» и «Сорочьими сказками»), находили в «Поэтических воззрениях славян на природу» источник вдохновения. Доказано, что многие фольклорные образы в особой мифологопоэтической трактовке Афанасьева повлияли на творчество не только этих художников. И было чем увлечься! Мысленному взору читателей этой вдохновенной книги в реконструкции предстали поэтические видения древних славян. Афанасьев писал: «*Красный* первоначально означало: светлый, яркий, блестящий, огненный; прилагательное это стоит в родстве со словами: *крес* — огонь, *кресины* — время летнего поворота солнца, *кресник* — июнь месяц, когда этот поворот совершается. Как постоянный эпитет, подновляющий коренной смысл слов, принятых за названия небесных светил и солнечного сияния, прилагательное это употребляется в следующих эпических выражениях: красное солнце, красная заря, красный день (ясный, солнечный день называется также *украсливым*, хорошая погода — *украсливая*), красный месяц, красная весна, красное лето, Красная Горка — весенний праздник, в поучении Мономаха «красный свет»; светлая, с большими окнами изба называется *красною* (= светлицею), и окно со стеклами, в отличие от волокового, слывет *красным*. В Ярославской губернии *красить* употребляется в смысле светить, сиять: «Поглядзи-тко ты в восточную сторонушку, не красит ли красное солнышко?» От понятия о свете слово «красный» перешло к означению яркой *краски*, точно так, как прилагательное жаркий употребляется в областном языке в смысле: «оранжевый», а в Пермской губернии ягода клюква, ради ее красного цвета, называется «*жаравихой*».

Можно не соглашаться с частью толкований, но нельзя отказать Афанасьеву в широте поэтических ассоциаций, в чутье к образному смыслу народных слов. В исследователе брал верх поэт, сделавший своим орудием интуицию: ученые толкования перемежались с художественными. Вот этим и привлекал художников Афанасьев — слогом, догадками, смелыми сближениями. Из всех специальных книг это едва ли не самая поэтическая книга!

Афанасьев родился в 1826 году в уездном городке Богучаре Воронежской губернии, в семье уездного стряпчего. Отец ценил в людях образование и, хотя воспитывался «на медные деньги», слыл за самого умного человека в Бобровском уезде, куда со временем перебралась семья Афанасьевых. Из семилетнего обучения в Воронежской гимназии, равно как и из проживания в Боброве, по словам самого Афанасьева, он «мало вынес отрадных впечатлений». Тупая зубрежка, учителя-педанты, телесные наказания, грубые шалости сверстников, уездные сплетни, взаимное недоброжелательство, пустые ссоры, мелочное самолюбие — могли навсегда отвратить от высоких стремлений, но Афанасьев нашел в себе силы преодолеть инерцию среды, в которой, как он сказал позднее, отсутствовала «общественность».

В 1844 году по окончании курса в гимназии восемнадцатилетний Афанасьев приехал в Москву и поступил на юридический факультет университета. Четыре года, проведенные в его стенах, стали временем, когда сложились основы передовых убеждений Афанасьева. В университете им была написана первая статья «Государственное хозяйство при Петре Великом» (опубликована в №№ 6 и 7 журнала «Современник» за 1847 год). Статью похвалил В. Г. Белинский, указавший на ее чисто научные достоинства, — «очень дельная статья».

В жизни каждого человека случаются события, которые надолго определяют дальнейший ее ход. О том, что произошло 21 сентября 1848 года, Афанасьев рассказал в письме к отцу: «В Москве был министр Уваров, и в университете кандидаты и студенты читали в присутствии профессоров, министра и разных любителей лекции. Я прочел коротенькую лекцию о влиянии государственного (самодержавного) начала на развитие уголовного права в XVI и XVII столетиях на Руси... Лекция эта вызвала несколько замечаний со стороны министра, с которыми, однако, я не догадался тотчас же согласиться. Шевырев с собратией нашли в ней то, чего в ней и не было и быть не могло». Сын щадил чувства отца: скандал был достаточно громкий. Афанасьева сочли тем, кому не следует в дальнейшем заниматься изучением древнерусских законов. Царский министр, автор знаменитой формулы «православие, самодержавие и народность», был раздражен. Встретить несогла-

сне — и чье? Министр не церемонился даже в общении с учеными. Профессору Н. В. Калачеву, который занял кафедру истории русского законоведения, он сказал: «Читайте ваши лекции без всяких умозрений, возьмите в одну руку акты, в другую «Историю» Карамзина и, опираясь на эти пособия, проводите главным образом ту мысль, что самодержавие — основа русской истории и началось с самых древнейших времен». «Слышал это от самого Калачева», — свидетельствует в своем дневнике Афанасьев.

Вскоре после посещения университета С. С. Уваровым, в октябре 1848 года, хорошо осведомленный в настроениях властей, осторожный и умеренный, К. Д. Кавелин писал Афанасьеву, в недавнем прошлом своему слушателю: «У Вас есть наклонность стать археологом; Вам надо ее переламывать. Это и для Вас лично необходимо...». Но Афанасьев был, однако, не из тех, кого могли остановить препятствия.

Год спустя, благодаря посредничеству Н. В. Калачева, Афанасьев все же занял место в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел. «Архивный юноша» прослужил здесь до 1862 года — целых тринадцать лет. О том, чем были заняты его досуги в эту пору, можно судить по многочисленным работам, опубликованным в журналах и специальных научных сборниках. Но далеко не все и не в том виде, в каком он желал видеть свои работы, появлялось перед читателями. О своих огорчениях Афанасьев писал в дневнике: «Современный литератор, принимаясь за перо, уже наперед чувствует над собой роковое действие цензуры; желая высказать свою мысль так, чтоб она прошла в цензурные ворота без препятствий, он уже наперед творит над нею насилие, придумывает ей сколько возможно более увертливую форму, облекает ее в не совсем ясные фразы, и оттого-то вчастую яркая, живая мысль обращается в загадочный намек; краски сами собой стираются». И вот возникла мысль: «Если бы кто вздумал записывать все ходячие слухи, как образчик современного настроения общественного мнения, собирать все доступные частные письма, почему-либо интересные, и сочинения, подвергнувшиеся цензурной опале, — я думаю, лет в десять составился бы прелюбопытный и поучительный сборник».

Свое намерение Афанасьев осуществил. Страницы его дневника заполнены сведениями, фактами, суждениями, которые ни под каким видом не могли попасть в печать. Это тайная тайных, сокровенная история современной жизни, к которой Афанасьев причастен и к которой восходят все его помыслы — идеи написанных статей, замыслы осуществленных сборников. Из строго объективных дневниковых записей обрисовывается в высшей степени симпатичный облик их автора.

Дневник дополняют многозначительные письма Афанасьева — в особенности те, которые он посылал Е. И. Якушкину, сыну известного декабриста. С Якушкиным-младшим Афанасьева связывала многолетняя искренняя дружба, и приятели не таили друг от друга своих чувств и мыслей. После обнародования царского манифеста и положения об отмене крепостного права Афанасьев написал другу в Ярославль: «Крестьянское дело у нас, как всзде, расшевелило и взбудоражило тинное болото помещичества, и, присматриваясь кругом, прислушиваясь к мнениям, я вижу, что вопрос только поступил к решению, а вовсе еще не решен манифестом и положением. Пакостей будет бездна, и уже начало их для всех очевидно. Москва преисполнилась грамотами дворовых на помещиков, очень естественный плод нелепой статьи, оставившей еще на два года дворовых в зависимости от бар, которые озлоблены и готовы на всякую штуку: только бы было на ком сорвать! <...> Отовсюду из губерний доносятся слухи о нежелании крестьян отправлять барщину. В Черниговской губернии это было повсеместно; в Казанской губернии явился самозваный Константин Николаевич с своим штабом, но после нескольких выстрелов крестьяне принуждены были его выдать; самозванец оказался из отставных солдат и был расстрелян. В Воронежской губернии крестьяне нашего знакомца Александра Станкевича и еще барона Шлихтинга отказались вовсе от работ в пользу помещиков и изъявили желание выкупить всю землю. Посланы были две роты Азовского полка, и крестьяне усмирены. Посланный туда генерал-адъютант (с немецкой фамилией), говорят, сильно при этом свирепствовал» (письмо от 30 апреля 1861 года).

В свете приведенных фактов и прямых свидетельств должно быть навсегда оставлено мнение, что Афанасьев был всего лишь «умеренным» западником и «сдержанным» либералом, благонамеренным чиновником, который будто бы и пострадал в роковой для него 1862 год по недоразумению — из-за «пятиминутной бсседы» в январе этого года с эмигрантом В. И. Кельсиевым, нелегально прибывшим из-за рубежа с намерением завязать связи с раскольниками. Эмиграция думала использовать их оппозиционные настроения для борьбы с царизмом, а Афанасьев был известен как собиратель старообрядческих легенд. О чем говорили Афанасьев и Кельсиев, осталось тайной.

Было бы неверным, однако, полагать, что оппозиционная настроенность Афанасьева носила бездеятельный характер и что он сам являлся лишь сторонним наблюдателем происходившего в России. Подготовленные и осуществленные Афанасьевым публикации были смелыми гражданскими актами в глазах всех людей передовой России. 12 ноября 1859 года Афанасьев писал Якушкину:

«В настоящее время я сижу за легендами; половина уже была в цензуре (у Наумова) и пропущена весьма хорошо; на днях отдам и остальную, а там и за печать. *Должно пользоваться обстоятельствами и ковать железо, пока горячо*, а то с Николою, Ильею-пророком и другими связями, чего доброго, и застрянешь где-нибудь. Народ все такой нецензурный!» Спустя четыре месяца по выходе «народных русских легенд» Афанасьев писал в Ярославль Якушкину, что успех сборника превзошел его ожидания: «Слухов множество, но пока цензурный комитет молчит. Попы вообще сильно ругаются, а монахи читают и похваливают; богомольные старушки также недовольны» (письмо от 11 марта 1860 года). Волнение, вызванное изданием «Легенд», все росло. В апреле 1860 года обер-прокурор святейшего синода граф А. П. Толстой опротестовал издание сборника и в письме к министру просвещения Е. П. Ковалевскому требовал «охранить религию и нравственность от печатного кощунства и поругания». А Афанасьев еще помышлял о повторении издания! Русские революционные пропагандисты оценили значение сборника, и в том же 1860 году появилось его лондонское издание, а новое издание в России стало возможным лишь в 1914 году.

Столь же смелым делом явилось составление Афанасьевым сборника «Русские заветные сказки», среди которых было немало антипоповских: «...героем подобных рассказов, — писал Афанасьев, — чаще всего бывает *попов батрак*. Здесь много юмору, и фантазии дан полный простор». Часть сказок была получена Афанасьевым от В. И. Даля, который, передавая их Афанасьеву, сожалел, что их «печатать нельзя». «А жаль, — продолжал Даль, — они очень забавны».

Рукопись «Заветных сказок» сохранилась. Она датирована 1857—1862 годами, имеет помету: «Собраны, приведены в порядок и сличены по многоразличным спискам А. Афанасьевым», снабжена предисловием, которое, без всякого сомнения, указывает на намерение Афанасьева издать сказки. В предисловии говорится: «Издание наших заветных сказок в том виде и последовательности, в которых мы предлагаем их любителям русской народности, едва ли не единственное в своем роде явление. Легко может быть, что именно поэтому наше издание даст повод ко всякого рода нареканиям и возгласам не только против дерзкого издателя, но и против народа, создавшего такие сказки, в которых народная фантазия в ярких картинах и нимало не стесняясь выражениями развернула всю силу и все богатство своего юмора. Оставляя в стороне все могущие быть нарекания собственно по отношению к нам, мы должны сказать, что всякий возглас против народа был бы не только несправедливостью, но и выражением полнейшего неве-

жества, которое, по большей части, кстати сказать, составляе одно из неотъемлемых свойств кричащей pruderie».

Демократизм Афанасьева всего ярче выразился в подготовленном и осуществленном им обширном капитальном издании всех известных народных сказок. Сам Афанасьев понимал значение задуманного им еще в начале 50-х годов сборника. Работа велась с сознанием важности и громадности задачи. Желая во что бы то ни стало завершить начатый труд, Афанасьев отложил все другие дела — даже прекратил на время издание своего журнала «Библиографические записки», которому отдавал столько сил. В письме к Якушкину он жалуется на недостаток досуга и говорит: «А уж воля твоя — сказки надо покончить: это будет моя заслуга в русской литературе» (письмо от 12 ноября 1859 года).

Сказки, изданные Афанасьевым в 1855—1863 годах (в восьми выпусках) с невиданной до той поры полнотой (да и по сей день нет сборника более полного), с редкой тщательностью и обдуманностью, сразу после выхода в свет сделались неотъемлемой частью нашей национальной демократической культуры. Н. А. Добролюбов в своей рецензии на сборник отметил (а это было сказано, когда сборник был издан лишь наполовину): «После тупых и спесивых, браминообразных творений, излагающих *тепленькие* теории обезличения человека и предопределенности всего в мире, — отрадно после них остановиться на труде, посвященном раскрытию внутренней, душевной жизни народа и исполненном добросовестно и с любовью, хотя и не без недостатков». Издание Афанасьева, по словам Добролюбова, «не восполняет того недостатка, который как-то неприятно поражает во всех наших сборниках. Недостаток этот — *совершенное отсутствие жизненного начала*» в подцензурных изданиях. Между тем фольклорные сборники самим содержанием своим обязывали к постановке острых общественных вопросов эпохи. Издание Афанасьева заслужило похвалу Добролюбова уже тем, что в сборнике представлен достоверный материал.

Афанасьев извлек из архива Русского Географического общества хранившиеся там сказки и присоединил к ним многочисленные записи В. И. Даля. Сборник составился из сказок не одной какой-нибудь местности, это общерусское творчество. В сборник включены сказки архангельские, астраханские, владимирские, вологодские, воронежские, енисейские, казанские, калужские, костромские, курские, московские, нижегородские, новгородские, оренбургские, пермские, рязанские, саратовские, симбирские, тамбовские, тверские, тульские и иные сказки разных мест и краев России. В сборнике заговорила огромная страна, протянувшаяся на тысячи верст с севера до юга и с запада до востока. Труд такого размаха не

был бы возможен, если бы замысел Афанасьева — собрать все известные сказки — не был поддержан другими деятелями науки и культуры. В 1852 году Афанасьева избрали в члены Русского Географического общества по отделению этнографии, и Совет Общества своим постановлением от 23 февраля этого года предоставил в распоряжение собирателя все поступившие в архив Общества сказки.

Афанасьев в самое время принялся за дело. Без него сокровища сказочного фольклора могли затеряться, погибнуть. Фольклор, много веков, по традиции, устно передававшийся от поколения к поколению, в середине XIX столетия вступил в кризисную пору, когда потревоженная социальной новизной творческая мысль народа устремилась на новые предметы — и полноценное искусство рассказывания сказок стало встречаться все реже и реже. Афанасьев своим изданием спас от забвения для будущих поколений ценнейшие произведения искусства народа. Сказки сохранили всю глубину смысла, богатство вымысла, свежесть выраженного в них народного нравственного чувства, блеск поэтического стиля.

Знакомясь со сказками, изданными Афанасьевым, мы с особой радостью замечаем в них все, что прямо и тесно связано с творчеством великих русских писателей. Как бы обнажаются демократические корни их творческой работы. В сказке «Шабарша» мы узнаем давнего знакомца — пушкинского Балду. В другой сказке (из цикла «Не любо — не слушай») мы встретимся и с прозвищем попа, которым воспользовался Пушкин: «толоконный лоб». Сравнение афанасьевских текстов с пушкинской сказкой обнаруживает не только сходство, но и различие: в каждом варианте по-своему могут сочетаться и видоизменяться ее традиционные элементы, но несомненно — и сказки Афанасьева, и сказки Пушкина восходят к общей традиции.

Афанасьевская сказка «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» близка к другой сказке Пушкина — о царе Салтане. Здесь — и эпизод с тремя девицами, которых подслушал царь, и мотив зависти старших сестер, и те же их злые дела. В записи Пушкина, сделанной по памяти либо со слов Арины Родионовны, все эти эпизоды, равно как и подробности, тоже сохранены. Пушкин преобразил фольклорную сказку, но связь с вымыслом и стилем народа так ясна, так очевидна. Из сказок этого же типа Пушкин заимствовал и образ знаменитого кота-баюна.

Традицию рассказов Н. В. Гоголя мы встретим в афанасьевской сказке о казаке и ведьме. В сборнике мы можем прочесть: «В самую полночь отворилось окно; у окна показалась ведьма — вся в белом, взяла кропило, просунула руку в избу и только хо-

тела кропить — как вдруг казак размахнул саблею и отсек ей руку по самое плечо. Ведьма заохала, завизжала, по-собачьи забрехала и убежала прочь». Наутро казак признал ведьму в больной дочери пономаря. Сходный эпизод поведал Гоголь в своей «Майской ночи, или Утопленнице». Он воспользовался какой-то вариацией народного рассказа о нечистой силе.

В афанасьевской сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» мы без труда узнаем «Конька-Горбунка» Петра Ершова: здесь все знакомо — и находка пера жар-птицы, и мотив чудесной помощи Конька, и охота за жар-птицей, которую приманили рассыпанным зерном, и поездка за царевной на край света, где «красное солнышко из синя моря выходит», и купанье в кипятке, которое сделало героя красавцем, а царя погубило.

О том, что сказка С. Т. Аксакова «Аленький цветочек» вышла из народных сказок, весьма близких к тому варианту, который Афанасьев поместил в своем сборнике под названием «Перышко Финиста ясна сокола», невозможно усомниться, — совпадения на каждом шагу. Или — достаточно сравнить другую сказку, «Лихо одноглазое», с одноименной сказкой К. Д. Ушинского, тотчас станет очевидной их текстуальная связь.

Таких встреч писательского творчества и сказок народа на страницах афанасьевского собрания немало. Великие современники Афанасьева, такие, как Лев Толстой, а равно и замечательные художники, пришедшие в литературу десятилетия спустя, среди них: Д. Н. Мамин-Сибиряк, М. Горький, И. А. Бунин, держали в памяти образцы сказок из сборника Афанасьева. «Сказки» Афанасьева влились в общий фонд демократической художественной культуры России.

Замысел сборника Афанасьева неотделим от особого научного комментария к нему. Приступая к работе, Афанасьев мыслил свое издание как «ученое» — «по образцу издания бр. Гриммов». Он считал важным сопровождать текст сказок «нужными филологическими и мифологическими примечаниями», производить сличения русских сказок со сказками других народов (письмо А. А. Краевскому от 14 августа 1851 года). Комментарий теперь при переизданиях сборника опускается — для этого есть свои причины, но они совсем не в том, что пояснения во всем найдены несостоятельными.

Известно, что Афанасьев осмысливал русские сказки в понятиях так называемой «мифологической школы». Это направление в науке о фольклоре характеризуется особым методом. Его приверженцы усматривали в происхождении народно-поэтических образов зависимость от древнейших мифов и сводили смысл произведений фольклора к выражению немногих понятий и представ-

лений, порожденных обожествлением природы — солнца (так называемая «солярная» теория) и грозы (так называемая «метеорологическая» теория).

Современная наука не может согласиться со взглядами Афанасьева как последователя господствовавшей в его время теории, но, не принимая концепции, нельзя проходить мимо многочисленных и многообразных, сделавших бы и ныне честь любому современному исследователю, верных конкретных толкований фольклора, не затронутых крайними общеконцептуальными соображениями. В разысканиях Афанасьева открывается достаточно широкая область такого исследовательского поиска, который при ином общем взгляде может оказаться чрезвычайно полезным и нужным.

Комментарий Афанасьева к сказкам в той части, которая не затронута общими мифологическими соображениями, во многом остается правильным и сохраняет научную ценность. Взять, к примеру, пояснения, сопровождавшие известную сказку о трех царствах. Он указал на все варианты и родственные мотивы из других сказок — привел многообразные параллели из сказочного фольклора других народов. Причем не просто указал на сходство, а точно выделил те черты сказок, которыми они соприкасаются: венгерская, немецкая и норвежская сказки оказываются сходными с русской в прозвище героя; самое имя его, Иван Запечный, по словам Афанасьева, свидетельствует о близости к очагу — «знак, что человек отдает себя под покровительство и охранение родных пенатов, знак особенной привязанности к домашнему крову, семейной жизни и ее кротким добродетелям, знак полного подчинения семейной власти и принятия на себя хозяйственных забот и трудов». Вслед за этим в комментарии добавлено, что на основе эпического мотива поиска невест «создалась большая часть народных сказок у всех индоевропейских народов». Афанасьев отмечает также, что для преодоления всех затруднений герою понадобилась не только физическая сила, но и помощь «вещих» людей, «мифических деятелей». Ученый называет «Илиаду», «Калевалу», кельтскую сказку о Кильвше и красавице Ольвене и обращает внимание на «большое сходство» всех их между собой и русской сказкой: «Зная характерные черты первобытных обществ, в обычае которых долго удерживались *похищение и купля жен*, для нас понятно, почему таким богатым мотивом народных эпических сказаний послужило добывание невесты». В таком роде прокомментировано и все остальное содержание сказки.

Мифологическое объяснение сказок менее всего затронуло собственно фактическую основу комментария. Иное дело, когда ученый пытался построить целостную систему. Та же сказка о трех царствах в книге «Поэтические воззрения славян на природу» ока-

залась включенной в общее достаточно искусственное построение на основе усмотренной зависимости ее вымысла от мифа небесного света: блеск подземного царства сближен с сиянием солнечного света; а сказочные девы этих царств были истолкованы как «олицетворения божественных сил природы в человеческих образах». Афанасьева не смущала отдаленность усматриваемого сходства. Ученый и сам осознавал внешний характер произведенных сравнений и не однажды писал, оправдывая свой метод изучения фольклора, что понятия «совершенно различные» сближаются между собой «ради сходства только некоторых признаков».

Теоретические заблуждения не закрыли для Афанасьева непосредственной поэтичности самих сказок. Он тонко чувствовал очарование и прелесть сказочного вымысла. «...В них столько истинной поэзии и столько трогательных сцен!» — восклицал он. Афанасьев ценил сказку и как выражение высокого нравственного идеала и благородства народа: «...сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды; она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою».

Сборник составлялся Афанасьевым с твердой верой в пользу его существования для культуры России. И в своих ожиданиях собиратель не ошибся. Уже в самом начале своего предприятия Афанасьев услышал похвалу читателей. Известный ученый-языковед И. И. Срезневский писал Афанасьеву (1855): «Кто из русских любителей своей народной поэзии не скажет Вам громко или про себя душевного спасибо за начало Вашего прекрасного труда о русских сказках? В это широкое море пустились Вы в добрый час и в доброй ладье, запасшись, как для Царьграда, и снастями и брашном, и, верно, вывезете из-за него не одну дорогую багряницу. Дай бог Вам всего хорошего на всем Вашем пути».

Воодушевленный поддержкой, Афанасьев довел свое дело до конца, несмотря на жестокие бедствия, которые обрушились на него после обыска, учиненного у него в доме в связи с подозрением в неблагонадежности. Афанасьеву было запрещено служить в государственных учреждениях. Более трех лет пробился он в поисках занятия. С большим трудом ему удалось занять место секретаря в Думе, потом он служил секретарем мирового съезда. Юрист по образованию, Афанасьев таил надежду со временем баллотироваться в мировые судьи, но ни этой надежде, ни другим его жизненным замыслам не было суждено сбыться. Жизненные удары сделали свое дело — Афанасьев тяжело заболел, без надежды на выздоровление. Незадолго до кончины он писал своему другу Якушкину: «Я же все продолжаю кашлять, отхаркиваться и отплевываться от моей болести, но не ведаю — удастся ли от-

плеваться. Ко всем этим неприятностям и грудь начинает болеть. А погода стоит такая, что о здоровье и думать нечего: грязь, дождь, слякоть и всякая мерзость!» (письмо от 12 сентября 1870 года). Через год, 23 сентября 1871 года, Афанасьева не стало.

Незадолго до смерти Афанасьев успел осуществить давнее свое намерение — издал для детей сборник сказок, отобранных из большого свода, — «Русские детские сказки» (М., 1870). Свой полный свод сказок Афанасьев никогда не считал годным для детского чтения. Сказки, в него включенные, сохраняли особенности местных народных говоров, подробности, которые могли ранить детскую душу преждевременным знанием действенности. Напротив, детское издание было всецело приспособлено для домашнего чтения. Выход «Детских сказок» был последним утешением Афанасьева.

Однако царская цензура до последних дней, как и ранее, не оставляла его в покое. Дело дошло до того, что сказки народа сочли вредными, не соответствующими требованиям образования и воспитания. Афанасьев не без горечи спрашивал у Якушкина: «Не прислать ли к тебе про всякой случай десятка два-три экземпляров «Сказок»; может, и в Ярославле найдутся дети, которым отцы и матери не побоятся давать читать сказки» (письмо от 3 октября 1870 года). Опасения Афанасьева не были безосновательными, но он верил, что и его малый, детский сборник, и большой свод сказок еще послужат России.

С каждым годом все дальше отодвигается в прошлое девятнадцатое столетие. Афанасьев был современником Н. В. Гоголя и М. С. Щепкина, А. И. Герцена и Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова и Н. Г. Чернышевского, тех, кто вошел в историю под именем людей «сороковых» и «шестидесятых» годов. Он и сам принадлежал к этой когорте славных деятелей, много потрудившихся на общественном поприще в борьбе за основы демократической национальной культуры и уклада жизни, свободного от угнетения и насилия. Это и принесло Александру Николаевичу Афанасьеву непреходящую славу в памяти поколений.

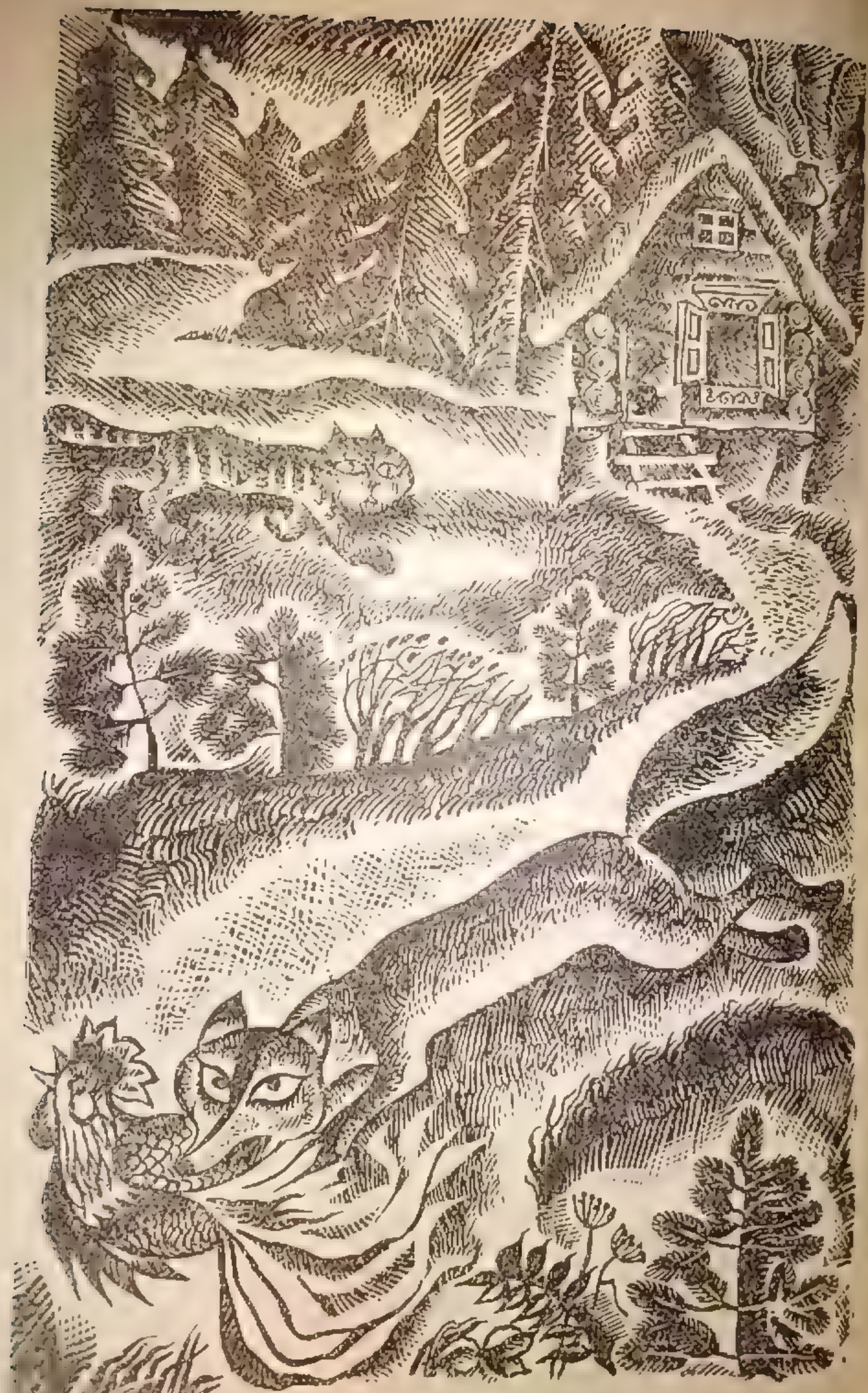
В. АНИКИН.

НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ

*

ИЗ СБОРНИКА А. Н. АФАНАСЬЕВА

Центрально-Черноземное книжное издательство
Воронеж — 1984



реносить, возить бы — не перевозить! Они б тебе дали гороху; вот бы мы сварили, да и скушали.

На другой день идет дурак по деревне; навстречу несут упокойника. Увидал и давай кричать:

— Бог помочь! Носить бы вам — не переносить, возить бы — не перевозить!

Опять его прибили; воротился он домой и стал жаловаться.

— Вот, мама, ты научила, а меня прибили!

— Ах ты, дитятко! Ты бы сказал: «Кануи да ...ча!» — да снял бы шапку, начал бы слезно плакать да поклоны бить; они б тебя накормили-напоили досыта.

Пошел дурак по деревне, слышит — в одной избе шум, веселье, свадьбу празднуют; он снял шапку, сам так и разливается, горько-горько плачет.

— Что это за невежа пришел, — говорят пьяные гости, — мы все гуляем да веселимся, а он словно по мертвому плачет!

Выскочили и порядком ему бока помяли...

ЛУТОНЮШКА

Жил-был старик со старухой; был у них сынок Лутоня. Вот однажды старик с Лутоней занялись чем-то на дворе, а старуха была в избе. Стала она снимать с гряд полно, уронила его на загнетку и тут превеликим голосом закричала и завопила.

Вот старик услыхал крик, прибежал поспешно в избу и спрашивает старуху: о чем она кричит? Старуха сквозь слез стала говорить ему:

— Да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел на загнетке — я бы его ведь ушибла поленом го...

Ну, и старик начал вместе с нею кричать о том, говоря:

— И то ведь, старуха! Ты ушибла бы его!..

Кричат оба что ни есть мочи!

Вот бежит со двора Лугоня и спрашивает:

— О чем вы кричите?

Они сказали о чем:

— Если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сынок, и если б он давеча сидел вот здесь, старуха убила

ся его поленом: оно упало прямо сюда, да таково резко!

— Ну, — сказал Лутоня, — исполать вам!

Потом взял свою шапку в охапку и говорит:

— Прощайте! Если я найду кого глупее вас, то приду к вам опять, а не найду — и не ждите меня! — и ушел.

Шел, шел и видит: мужики на избу тащат корову.

— Зачем вы тащите корову? — спросил Лутоня.

Они и сказали ему:

— Да вот видишь, сколько выросло там травы-то?

— Ах, дураки набитые! — сказал Лутоня, взял залез на избу, сорвал траву и бросил корове.

Мужики ужасно тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы он у них пожил да поучил их.

— Нет, — сказал Лутоня, — у меня таких дураков еще много по белу свету! — и пошел дальше.

Вот в одном селе увидал он толпу мужиков у избы: привязали они в воротах хомут и палками вгоняют в этот хомут лошадь, умаяли ее до полусмерти.

— Что вы делаете? — спросил Лутоня.

— Да вот, батюшка, хотим запрячь лошадку.

— Ах вы, дураки набитые! Пустите-ка, я вам сделаю.

Взял и надел хомут на лошадь. И эти мужики с дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтоб остался он у них хоть на недельку. Нет, Лутоня пошел дальше.

Шел, шел, устал и зашел на постоялый двор. Тут увидал он: хозяйка-старушка сварила саламату, поставила на стол своим ребятам, а сама то и дело ходит с ложкою в погреб за сметаной.

— Зачем ты, старушка, понапрасну топчешь лапти? — сказал Лутоня.

— Как зачем, — возразила старуха охриплым голосом, — ты видишь, батюшка, саламата-то на столе, а сметана-то в погребе.

— Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то; у тебя дело пошло бы по масличку.

— И то, родимый!

Принесла в избу сметану, посадила с собою Лутоню. Лутоня наелся донельзя, залез на полати и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка моя дале начнется, а теперь пока вся.

СЛОВНИК МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ И ОБЛАСТНЫХ СЛОВ

Абвахта — гауптвахта.
Ажно — так что.
Алтын — в старину три копейки.

Балагта (от слова *балахтина* — болото) — живущая в болоте.
Балакать — говорить.
Батог — палка.
Баять, пробаять — говорить, сказать.
Бердо — род гребня в домашнем ткацком станке.
Беремя — ноша, охапка.
Бесперечь — беспрестанно.
Бирюк — волк.
Босовики — домашние туфли; их носили на босу ногу.
Братим — побратим.
Бунт — связка; веревка, проволока струны вяжутся бунтами.
Бутеть — здесь: богатеть, увеличивать достаток.

Ватажиться — знаться, общаться, дружить, вести знакомство.
Ведаться — знаться.
Верея — столб, на который навешиваются ворота.
Вертеп — здесь: пещера, подземелье.
Взгольцить — шумно подняться; здесь: вскрикнуть.
Виноходец — иноходец.
Встреть — встретить.
Встянуть — здесь: петь, кричать, тянуть голос как можно дольше.
Высить — здесь: высоко подвешивать.
Вышестать — здесь: очистить от сора.
Вякать — надоедать.

Гальёта — небольшое купеческое судно.
Ганать — гадать.
Гой есте (от слова *гоить* — исцелять, живить) — пожелание здоровья, соответствующее сегодняшнему: «Будьте здоровы!».
Голяшки — здесь: голые ноги.
Г'ора — в словосочетании *идти в гору* — идти против течения.
Горазд — умеет.
Горшеня — горшечник.
Г'ривна — денежная единица в Древней Руси, серебряный слиток весом около фунта (немногим более 400 г).
Г'ряда — две перекладины в избе у печи; на них сушили дрова.
Гузать — мешкать, трусить, отказываться.

Гулючки — прятки.
Гумно, гуменце — место, где молотят, а также — сарай для хранения снопов

Дежа — квашня.
Дивить — удивлять, удивить.
Добало — вероятно, бок, брюхо.
Дока — здесь: знаток, мастер, колдун.
Домовище — гроб.
Доступать — добывать, доходить.
Дуван — дележ, а также сходка при дележе добычи, *дуванить* — делить.

Ендова — широкий сосуд с носиком.
Ества — кушанья, еда.

Жерновцы — небольшая мелепка, два камня-диска, между которыми зерно смалывается в муку.
Жесточь — жестокость, суровость.
Живот — жизнь.

Забунчать — зажужжать.
Загнетка — место в предпечье, куда сгребают жар.
Заговеться — начать говеть, поститься
Заезочек — приспособление для рыбной ловли.
Закамшить — здесь: изловить, схватить.
Залавок — низкий шкаф в избе, у печи, где держат еду.
Замать — трогать.
Западня — подъемная крышка над лазом в подполье.
Заповедовать — приказывать, наказывать, велеть.
Запростать — здесь: запять под что-либо.
Зарыдать (о бересте) — вспыхнуть, затрещать.
Заставка — заслон, щит для задерживания воды у мельницы.
Зауторы, уторы — парез, место в обручной посуде, куда вставлено дно.

Имение — здесь: добыча, имущество.
Именитый — здесь: богатый
Испакостить — здесь: съесть, задушить, погубить.
Исполать — хвала, слава, спасибо.

Казна — встречается в значении: деньги, достояние, имущество.
Калиновый (об огне) — здесь: яркий, жаркий.
Канун — мед и пиво, приготовленные к церковному празднику.
Керженский наставник — главное лицо у раскольников-староверов Керженского края (вблизи Нижнего Новгорода).
Киса — мешок.
Клеть — чулан, отдельная комната.
Коё — здесь: частью, то ли.
Кожух — здесь: кожа.
Колдася, колдытося — когда-то, некогда; здесь: давно, уже не раз.
Колодочка — обструганный, короткий деревянный брусок.
Колотлива (о дороге) — беспокойная.
Колпица — крупная птица из семейства цаплевых.

Коляда — святочное величанье в честь хозяев дома; за коляду отдаривались подарком.
Конец — край деревни, а также улицы, ведущей к околице.
Корец — ковш.
Короб, коробья — здесь: лукошко, корзина.
Косарь — большой, тяжелый нож.
Коска — кость, косточка.
Костер — поленница, сложенные в клетку дрова.
Косушка — четверть кружки вина.
Кочет, кочеток — петух.
Кочок — кочка.
Крепость — грамота, документ, подтверждающий права владельца.
Кропачишко — от глагола *кропотать* — хлопотать, суетиться, сердиться, браниться.
Кросна — домашний ткацкий станок.
Крутое крутище — почти отвесная круча, яр.
Кститься — креститься, осенять себя крестом.
Кут, кутничек — угол в избе, прилавок, ларь, в котором зимой держали кур.
Кутья — ячменная или пшеничная каша с изюмом, еда на поминках.
Кучиться — просить, кланяться, умолять.

Ладонь — ток, ровное, очищенное от травы место, где молотят.
Лаяны, лаяна — жители деревни Лаи, на реке того же имени, притоке Северной Двины. Население деревни — углежоги, которые готовили уголь для портовых кузниц.
Ледащий — плохой, негодный
Лиственцы — листья.
Лопотьё, лопотина — одежда, платье.
Лоушки — ловушки.
Льстива — здесь: завистлива.
Лытать — отлынивать, уклоняться от дела.
Лытки — часть ноги ниже колена.

Майна — полынья.
Маклак — посредник при сделке; плут.
Малёнка — мера для измерения сыпучих тел; считалась равной 16 кг овса, 24 кг ржи или 32 кг пшеницы.
Матица — средняя потолочная балка.
Матрошить — воровать.
Мережка — здесь: паутина.
Мертвая рука — существовало поверье, что рука мертвеца наводит на спящих непробудный сон.
Мешкотный — медлительный, непроворный.
Мизгирь — паук.
Мир — крестьянская община.
Мирошник — мельник.
Моль — мелкая рыба.
Мотыга — ручное земледельческое орудие.
Морда — рыболовное устройство, верша.
Муравейничек — здесь: мелкой породы медведь, который любит лакомиться муравьиными яйцами.

Наверх — здесь: помимо всего, сверх того.
Наделба — вкопанный столб у ворот.
Наместо — вместо.
Наточить — нацедить.
Неможить — занемочь, заболеть.
Ненаши — здесь: черти.
Ниже — ни даже, и не, нисколько.
Николи — никогда.

Оборка — завязка у лаптя.
Обрадеть — обрадоваться.
Однова — один раз, однажды.
Озойливо — здесь: пристально.
Окуп — откуп.
Опричь — кроме.
Орать — пахать.
Отжить — здесь: отогнать, отвадить.

Падла — падаль.
Парусинник — матросская одежда.
Пестерёк — берестяная корзина.
Пласточки — в словосочетании *как пласточки* — то есть лежать пластом, во всю длину, без чувств, не шевелясь.
Пленка — силок, петля для ловли птиц.
Плугатарь — пахарь, пашущий плугом.
Побыт — образ, случай.
Поверить — доверить, сказать.
Повершить — здесь: устроить верх у строения.
Повой — прием новорожденного.
Поезд (о свадьбе) — торжественная обрядовая езда свадебных чинов и гостей.
Поезжане — свадебные чины и гости, едущие *поездом* (см).
Покорить — ускорить.
Пола́ — открыта.
Полатки — полати.
Полуштоф — половина кружки вина.
Попелушка, попель — пепел, перегоревший прах, зола.
Порадеть — поусердствовать; здесь: много поесть.
Порскать — кричать, хлопать кнутом с целью выгнать зверя.
Посад — село, в котором жили торговцы и ремесленники.
Поскотина — выгон, пастбище.
Постойщик — постоялец.
Потуда, потуль — до тех пор, до того времени.
Прикорнать — погубить.
Примельчаться — стать мелким.
Принада — ловушка.
Приобщить — здесь: свершить церковный обряд.
Припол — полы одежды.
Пристать — остановиться.
Притча — здесь: причина.
Прогон — плата при езде.
Просвирня — женщина при церкви, которая пекла *просвиры* — хлебцы особой формы.
Простудить — здесь: прохладиться, подышать свежим воздухом.

[illegible] — жарить в масле.
[illegible] — против.
Пудовка — пудовая мера веса.
Пустынька — здесь: одинокое жилье.
Пухлина — здесь: больное, опухшее место, следствие укуса.
Пяла, пялечко — пяльцы.

Разбаять сказку — развеяться, развлечься.
Развод — здесь: военный парад, движение войска.
Рачить — усердствовать, стараться.
Рель, рели — здесь: веревки.
Рухлена — негодная, дурная, упрямая.
Рушать — резать.
Ряда — договор, условие; *рядить* — договориться, условиться.

Сажень — древнерусская мера длины, расстояние рук от кончиков пальцев одной руки до кончиков пальцев другой.
Саламата — жидкий кисель, мучная кашица.
Свертень (о зайце) — скачущий не прямым путем, петляющий.
Сдышать — дышать.
Седала — насест, жердь, на которой почует домашняя птица.
Сем-ка, сём-ка — а ну, давай, ну-ка, пойдем начнем, станем.
Сенокосы — косцы.
Сибирка — арестантская при полиции.
Сиротать — жить сиротой, сиротствовать.
Скепать — расщеплять, колоть.
Скрутиться, крутиться — собраться.
Скрячить — здесь: связать.
Смустить — смутить.
Сморота — срам.
Сорога — рыба, плотва.
Спышать — вздыхать, переводить дух.
Сродники — родственники.
Сродство — здесь: родственники.
Станово становище — укромное место, приют в лесу.
Стежи (от глаголов *стегать, стежить*) — удары кнута, бича.
Строка — овод; так называют и слепня; *строка некошна* — нечистая, вражья, сатанинская, дьявольская.
Ступа — самый тихий шаг, шаг за шагом, волоча ноги.
Сусек — ларь, в котором хранят муку, зерно.

Теплина — огонь.
Тоня — здесь: улов.
Торовастый — щедрый.
Труда — трут, тряпица, на которую при высекании огня кремнем попадает искра и которая начинает тлеть.
Туганить (от слова *туга* — печаль, скорбь) — печалить; здесь: притеснять.
Тупица — затуплепный топор.
Тя — тебя.
Тягло — подать, повинность.

Ужли — разве.
Ужотка, ужо — здесь: потом.

Урочный день — назначенный день, когда кончается срок.
Устьеце — наружное отверстие в русской печи.

Хитра — чародейка.
Хлуп — кончик крестца у птицы.
Хмыстень (о мыши) — здесь: проворная, быстрая.
Хорт — борзая собака.
Хусточка — кусок холста, платок.

Цеп — палка-держалка с билом на конце, орудие для ручной молотьбы.

Черная (о рубахе) — грубая, будничная, рабочая.
Чика (от глагола *чикать* — ударять) — удар.

Шаньга — род ватрушки или лепешки.
Шафурка (шафирка) — тот, кто сплетничает, мутит, говорит лишнее, обманывает.
Шерстень — шершень.
Ширинка — полотенце, платок.
Шкалик — здесь: *косушка* (см.) вина.
Шлык — шутовская шапка, колпак, чепец.

Яко — как.
Яломок — валяная шапка.
Яруга — крутой овраг.

БОРИС
ШЕРГИН

У АРХАНГЕЛЬСКОГО ГОРОДА

АРХАНГЕЛЬСК
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Детство в Архангельске 7
Миша Ласкин 15
Ваня Датский 21
Мурманские зуйки 28
Старые старухи 39
Щедрая вдова 46
Для увеселенья 48
Поклон сына отцу 53
Новоземельское знание 55
Корабельные вожи 58
В относе морском 61
Круговая помощь 68
Грумант-медведь 70
Грумаланский песенник 71
Марья Дмитриевна Кривополенова 72
Гнев 77
Матвеева радость 81
Соломонида золотоволосая 96
Дождь 101
Лебяжья река 116
Володька Добрынин 133

Сказки

Дивный гудочек 145
Пойга и лиса 148
Умная Дуня 153
Судное дело Ерша с Лещом 155
Глупые люди 160
Золочёные лбы 162
Волшебное кольцо 173
Пронька Грезной 182

Сказки о Шише

Наш пострел везде поспел 189
Доход не живёт без хлопот 191
Шиш и трактирщица 196
Шиш показывает барину нужду 198
Рифмы 199
Шиш-сказочник 201
Тили-тили 203
И поят, и кормят, и спину порют 205
Куричья слепота 207
Шиш пошучивает у царя 208
Шти 211

Былины

Об Авдотье Рязаночке 215
О Сухмане Непровиче 226
Братанна 233
Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром 244
Об Иване Грозном и его сыне Фёдоре 248

Сергей
КРУТИЛИН

Собрание сочинений в трех томах

ЛИПЯГИ

Из записок сельского учителя

1 том

Москва
«Современник».
1984

Герои Сергея Крутилина

Деревня и литература издавна живут в русской словесности в органичном единстве. Тургеневские «Записки охотника» заставляют и теперь, как в детстве, сладостно биться сердце. Стоит только вспомнить произведения, связанные с полем и избой, как невольно подумаешь об их бесконечном многообразии — тематическом и жанровом,— вобравшем в себя многоцветную сложность действительности. В самом деле, история и современность, день нынешний и вчерашний, воспоминания и предугадания — таков временной разрез воспроизводимых событий. От незатейливой сельской сценки, бегло схваченной карандашом с натуры, лирического стихотворения, родившегося в душе как мгновенный исповедальный отклик — эхо встречи, до обобщения, широкого эпического полотна — все роды и виды находит читатель в обширной библиотеке деревенской жизни.

Среди изначальных книг «деревенской прозы», появившихся в шестидесятых годах, выдержавших испытание временем, прочно вошедших в читательский обиход, следует назвать «Липяги» Сергея Крутилина. Этот роман занял место в нашей литературе среди книг таких известных писателей, как Михаил Алексеев, Владимир Солоухин, Сергей Воронин... И ныне произведение, первые главы из которого были напечатаны в 1963 году, звучит так, словно оно только что вышло из-под живого пера. Являясь летописью села за тридцать лет, оно заставляет нас раскованностью формы, непосредственностью, рожденной разговором «от себя», припомнить пушкинскую «Историю села Горюхина».

Книги писателя неотрывны от его творческой и житейской биографии, многое проясняющей в его подходе к действительности. Литературная судьба Сергея Крутилина — судьба поколения, родившегося в начале двадцатых годов. Как и многие, он мог бы сказать: «Я рос в деревне...»

Детство его прошло в селе Делехове под рязанским городом Скопином, известным в народе как старое золотое гнездо — родина глиняных скопинских чудищ, народной скульптуры-игрушки. В сороковом году Сергей Крутилин оканчивает строительный техникум и едет работать на Дальний Восток. С первых дней Великой Отечест-

венной войны будущий писатель на фронте После тяжелого ранения и демобилизации из армии Московский университет, а затем напряженная журналистская работа Он ездит по стране, публикует очерки и рассказы В откликах на злобу дня, публикуемых «Литературной газетой», очерках, репортажах, корреспонденциях, рассказах год от года все явственнее определялась его собственная тема. Ему особенно близка деревня, он чувствует себя своим человеком среди полевых просторов Думаю, что уже тогда он мог бы повторить емкие слова Михаила Исаковского «Я потерял крестьянские права, но навсегда остался деревенским!»

Наиболее значительные из очерков Сергея Крутилина вошли в сборник «За поворотом» (1961) В том же году счастливом для писателя! появился его первый роман «Подснежники», посвященный судьбам молодых людей, осваивающих залежные земли. В нем ощущался внимательный глаз человека, пристально вглядывающегося в жизнь и задумывающегося над людскими путями и тропами.

Но и очерки, и первый роман были, если прибегнуть к фронтовой речи, разведкой боем, подготовкой к главной книге, к которой многие годы шел писатель. Такой и явилась книга «Липяги», носящая подзаголовок — «Из записок сельского учителя».

Все повествование в «Липягах» ведется от имени учителя, занимающегося с ребятишками в школе в рязанском селе. Не надо учителя Андрея Васильевича Андреева, рассказывающего о своих близких, родных и друзьях, о путях и тропинках жизни в Липягах (так называется село) отождествлять с романистом, хотя общего в них много. Сергей Крутилин умело использовал давний литературный прием. Напомним еще раз, не проводя, разумеется, никаких упрощенных сопоставлений, первый приходящий в голову пример — пушкинского Ивана Петровича Белкина, писавшего историю села Горюхина и его обитателей.

Сразу после публикации «Липягов» Сергей Крутилин рассказывал:

— Форма повествования родилась после долгого обдумывания. Липяги были для меня самым дорогим материалом, и мне хотелось рассказать о жизни односельчан как можно теплее и доверительнее. Поэтому меня и привлек рассказ от первого лица. Я стал перечитывать все, что написано в этом роде. Так я натолкнулся на пушкинскую «Историю села Горюхина». Мысль, форма, художественная идея, заключенные в названии села, еще больше укрепили меня в мысли, что надо писать, как пушкинский Иван Петрович Белкин,— от первого лица и отдельными повестями.

Некоторая дистанция между авторским «я» и повествователем понадобилась для того, чтобы чувствовать себя совершенно свободно

в материале; учитель, не мудрствуя, рассказывает о слышанном, виденном и пережитом.

Писатель определил жанр произведения как «Из записок.» Перед нами цепочка новелл-записок, не связанных последовательным развитием событий. Каждая новелла сама по себе и вместе с тем — одна из колонн, поддерживающих все здание романа. Большое по объему произведение включает в себя развитый и сложный сюжет, отражающий движение жизни. В нем — юность отцов и дедов, и наши дни, и предчувствие — обозначение того, что наступает. Именно в шестидесятые годы Николай Рубцов, отличавшийся повышенной чуткостью к происходящему, писал: «Ах, город село таранит, ах, что-то пойдет на слом, меня все терзают грани меж городом и селом!»

Что же больше всего волнует нас ныне в «Липягах»?

В произведении привлекательна авторская точка зрения на окружающее. Рассказчик никогда не отделяет себя от прочих сельских жителей — вокруг он видит не только дорогих и любимых земляков, но и свойственников, знакомых ему от колыбели. Спокойно, добродушно и доверительно повествуется о событиях многолетней давности и о том, что происходит сегодня. Во взгляде на людей нет ничего от высокомерия или слащавости современного идиллика, приехавшего из города на село «изучать жизнь». Писатель знает свет и тени: ничто не может укрыться от его наблюдательного взора, ибо он смотрит на происходящее не с высоты птичьего полета, а изнутри, знает и скрытые пружины явлений. Он влюблен в поэзию народной жизни, но знает и суровую прозу деревни, ее глухие и мрачные стороны. Он любит хлебопашца, но не благоговеет перед ним. Автору и в голову не приходит рисовать «засахаренных мужиков».

Генеалогическое древо писателя неотрывно от рязанской земли. Но он вовсе не думает похваляться исконно крестьянским происхождением — природная среда для него естественна, как воздух, как ракиты, растущие во дворе, как колодцы, испокон веков питающие водой деревенских жителей. Художественные свойства книги — следствие родственного мировосприятия окружающего. В его произведениях много душевной сосредоточенности, но не лирическая стихия составляет основу. Автор показывает обстоятельства, которые лепили характеры.

Писатель не связывает себя строго очерченными временными рамками. По ходу повествования автор то переносится в тридцатые годы, к своему далекому детству, то возвращается к нашим дням, то вспоминает тяжелую годину войны. Читатель глядит на события то глазами мальчика, то юноши, то взрослого человека, умудренного нелегкой жизнью. Естественно, что события-смещения, взятые не из архивных папок, а из копилки памяти, создают увлекательные разно-

цвстия Перед мысленным взором читателя проходят картины детства, радости простой деревенской жизни с ее природой, сменой времен года, преданиями и легендами, с бытом, воспроизводимым с лукавой насмешливостью Автор ставит перед собой глубокие и значимые цели Случайное происшествие встреча липяговских председателей, первого и последнего, в гостинице вырастает в глазах читателей так, что делается центром повествования, дает «ключ» к пониманию событий, в этой сцене, как солнце в малой капле воды, отразились противоречия времен, столкновения характеров, олицетворяющих различный подход к одним и тем же явлениям Литературные герои ведут себя не как примелькавшиеся действующие лица, а как живые люди с их радостями и горестями Повествователь выступает, так сказать, в роли третейского судьи, уверенного, что умная, деятельная жизнь не может быть бесплодной. В столкновениях не ставятся все точки над i. Автор дает возможность читателю поразмыслить над происходящим и определить свое отношение к людям.

Привлекательнейшая сторона дарования Сергея Крутилина - народный, добродушно-насмешливый тон. Смех — один из его главных героев. В романе и повестях мы встречаем все оттенки смешного — от заразительно-лукавого до язвительно-уничтожающего. Герои смеются и сами над собой, и над близкими людьми, и над незадачливыми начальниками. Один из самых значимых в «Липягах» рассказов — «Тише едешь — дальше будешь». В нем не только прелестно-уморителен образ сельского балагура-пожарника, вечного неудачника и никогда не унывающего человека. Литературные сопоставления всегда условны, но, ей-ей, хочется сравнить Авданю с шолоховским дедом Щукарем, с персонажами Василия Белова или с героем Ромена Роллана — Кола Брюньоном. Авданя так же словоохотлив, сметлив и лукав, конечно, на свой манер, как и неистощимо-жизнелюбивые герои «Поднятой целины» М. Шолохова, повестей Василия Белова или французского романиста.

Непринужденная, свободная форма дала автору возможность не только показать читателю, что события, происходящие сегодня, берут свое начало в далеком прошлом, но и поразмышлять о путях в будущее. Мысли о Времени особенно отчетливо выражены там, где автор, оставшись верным своей манере письма, напряженно размышляет о судьбах деревни. Из потока событий — общественно значимых, забавных, трагических — перед нами незаметно выступает художественный образ Времени, всевластного и неодолимого. Вёсны, зимы, пахота, рождения, похороны, свадьбы, смена поколений... И как символ вечности — дуб, стоящий на границах земельных угодий.

Сергей Крутилин в подробностях знает деревню, ее обычаи и нравы, души ее жителей. Он принадлежит к числу тех авторов, у

которых литературной молодежи следует учиться видеть бревенчатые дома и их обитателей. Вспоминая историю создания «деревенских» произведений, Сергей Крутилин рассказывает о том, что своих будущих героев он повстречал на житейских дорогах. В первооснове — записи рассказов матери на своеобразных «семейных посиделках». Вот что сообщает нам писатель:

— Поздно вечером, когда успокаивались соседи по квартире и засыпал малыш, мы садились на кухне, пили чай, и за чаем я выпытывал у матери: «Мам, а Сережка-коробошник все ходит?» — «Нет!» Мать ставила блюдце на стол (она пила чай только из блюдечка) и начинала рассказывать про Сережку-коробочника: юродивого, собиравшего в нашей округе спичечные коробки. Рассказывала мать неповторимо — на нашем певучем рязанском наречии, с такими подробностями, которых я, уехавший из родного села в шестнадцать лет, разумеется, знать не мог. В общую тетрадь, которую мы в шутку окрестили копилкой, записывалось все, что имело отношение к замыслу романа о родном селе: сюжетные рассказы матери, отдельные ее словечки, деревенские прозвища и т. д. Записная книжка положила начало собиранию вообще всех материалов, которые имели отношение к родному рязанскому краю.

Таким образом, как мы видим, страницы деревенской прозы имеют то же происхождение, что и многие знаменитые книги отечественной литературы. У скольких наших писателей была своя единственная и неповторимая — Арина Родионовна, чьими устами говорила сама народная мудрость. Чтобы не ходить далеко за примером, вспомним одну из самых лучших книг Максима Горького — «Детство», где с такой проникновенной любовью нарисован образ бабушки — простой, доброй, справедливой женщины. Именно о ней писатель сказал так: «До нее как будто я спал, спрятанный в темноте, но явилась она, разбудила, вывела на свет... И сразу стала на всю жизнь другом самым близким сердцу моему». Думаю, что эти душевные слова мог бы повторить и автор «Липягов», чьи женские образы запомнятся читателям.

О своем творчестве Сергей Крутилин размышляет так:

— Считаю ли я себя «деревенским писателем»? Нет, не считаю. Хотя после «Липягов» я написал «Старую скворечню» и «За косогором», посвященные деревне. Но я не мог полностью замкнуться в одной, пусть и великой теме. Жизнь сложнее и богаче, чем наши деревенские будни. Хотелось охватить ее как можно полнее, глубже, шире. Да и деревню лучше понимаешь, когда глядишь на нее с разных уровней приближения.

В семидесятых — восьмидесятых годах в творчестве Сергея Крутилина явственно обозначились мотивы, которые все отчетливее стали звучать рядом с темой родных полей. Начался период новых поисков

самого себя, приведший в прозе писателя к теме минувшей войны. Второй том настоящего издания отдан военной трилогии. Излюбленный герой Сергея Крутилина — воин, вчерашний крестьянин, одетый в солдатскую шинель.

Все больше и больше перед взором писателя представала война, шедшая на просторах России, вспоминались однополчане, мирное население, вовлеченное в водоворот фронтовых событий. Возникало желание воссоздать душевный строй человека на войне, оторванного от любимого труда, занятого совсем иным — ратным делом. Плодом этих раздумий и явился роман «Апраксин бор», состоящий из трех книг — «Лейтенант Артюхов», «Кресты», «Окружение». Действие происходит в годы драматического фронтового лихолетья. В первой книге — «Лейтенант Артюхов» — рассказывается о воинском подразделении, которое движется с берегов Тихого океана, с дальневосточного пограничья к фронту. Движется состав навстречу войне, о ней неотступно размышляет главный герой — лейтенант Артюхов, только что отметивший свое двадцатилетие: что значат все его мелкие невзгоды рядом с тем великим несчастьем, которое обрушилось на народ? Умело и ненавязчиво, прибегая к метафорам и притчам, рассказывает Крутилин о духовных истоках великой народной победы, одержанной в войне. Юный лейтенант, разглядывая лица солдат, думая о том, как его подчиненные будут вести себя в бою, вспоминает свои родные места, рощицу в Орловке, где «весной цвели барашки», которая, может, «дороже всего на свете». Писатель ничуть не романтизирует своих героев, наоборот, они скорее, что называется, «приземлены». Мы оставляем персонажей повести в то мгновение, когда над заиндевелыми елями «медленно, нехотя выкатилось студеное, неприветливое солнце», освещая начало первого фронтового дня. Людям старшего поколения не надо объяснять, что это означало. Мы не сомневаемся, что воинам, которым столько предстоит сделать и столько всего перенести, можно верить во всем — они добудут Победу.

Открытия, связанные с подвигом народа, отстаивавшего независимость своей страны, сокрушившего фашистского зверя, в творчестве Сергея Крутилина предстают в будничной простоте, которая так характерна для народа-победителя. «Апраксин бор» — многоплановое произведение, и естественно, что тема крестьянина, жившего в ту пору, не могла у Сергея Крутилина не прозвучать. Собственно, в этом выражается общая устремленность литературы последних двух десятилетий, стремящейся сплавить воедино тему города и села, войны и мира. Нельзя не оценить замечания Василя Быкова, отметившего, говоря об «Окружении», завидную писательскую память Сергея Крутилина. Не могут не быть особенно дороги читательские письма, среди которых выделяются страстно-заинтересованные отклики тех,

кто прошел войну, помнит (чудом уцелев!) прорыв из окружения у Мясного бора, — голоса очевидцев событий. Молодые не должны думать, что речь идет об отдаленных и малоинтересных событиях — опять де стреляют! Поэт фронтового поколения, обращаясь к потомкам, сказал в военную пору: «Когда враги гранатой били в нас, то и до вас осколки долетали!»

Настоящее издание включает в себя повести Сергея Крутилина. «Старая скворечня», «Косой дождь», «Мастерская в глухом переулке» и др. На первый взгляд казалось бы, что эти повести, появившиеся после «Липягов», являются отходом автора от привычных ему тем, шагом в сторону. Но художественное единство сохраняется благодаря цельности личности писателя. В повестях Сергея Крутилина мы видим то же внимание к подробностям и к житейскому, характерное для «Липягов». Я не говорю о «Старой скворечне» и «За косогором» — повестях, непосредственно примыкающих к «Запискам сельского учителя». Это деревенские повести, пронзительные и грустные. Сказалось долговременное пребывание писателя в Тарусе, на Оке — ближе к истокам бытия — к земле и воде.

Сам Сергей Андреевич рассказывал об этом так:

— Весна, гомон птиц, всеобщее оживление — я невольно поддался этому извечному обновлению природы. Скворцы паслись на лужку, только что освободившемся от снега. Возле каждой избы висело по три-четыре скворечни, и все они были заняты... с той памятной весны и началось мое увлечение скворцами.

Речь идет, конечно же, не о наблюдениях естествоиспытателя. Художник искал ключевую метафору, которая потом и пришла — старая изба и старая скворечня. И новым смыслом наполнились привычные слова — гляди, всматривайся в жизнь!

Первая бытийная повесть автора «Липягов» — «Косой дождь» имела читательский успех. Она была переиздана не только у нас, но и за рубежом, в том числе в Польше и в Испании... Выдержав много изданий, она вошла в хрестоматийный сборник «Русская советская повесть 60—70-х годов». Стал ли вчерашний пахарь и воин созерцателем привычно-будничного? Нет, перед нами — вседневная жизнь, нарисованная человеком, обладающим опытом сеятеля, ратника,— учителем в высоком смысле этого понятия.

Следом за «Косым дождем» Сергеем Крутилиным написаны и другие повести — «Пустошель», «Прощальный ужин» и «Мастерская в глухом переулке». В основу этих произведений положены наблюдения автора, связанные с такими тревожными вопросами, как человек и природа, труд и долг, чувство и обязанность... Должен ли,— словно спрашивает нас писатель,— под напором обстоятельств человек ожесточаться?

«Если истории, рассказанные мной,— говорит автор,— заставят читателя задуматься о своем месте в жизни — такой скоротечной, дающейся нам один раз; если они пробудят в нем любовь к природе, к окружающему нас миру; если они сделают юношу хоть чуточку добрее, то я считал бы, что цель, которую я ставил перед собой, работая над этими короткими повестями, достигнута».

Внес свою лепту Сергей Крутилин в споры о месте художника в обществе, о «сознательном» и «бессознательном» в творчестве, о том, что достойно и что недостойно искусства («Пустошель», «Мастерская в глухом переулке»).

«Пустошель» вызвала в свое время в критике разноречивые отклики. Итог спорам подвел Феликс Кузнецов, отметивший на страницах «Правды» в статье под названием «С думой о человеке» активную гражданственную позицию автора. Последний роман Крутилина — «Грехи наши тяжкие» — своего рода авторские раздумья об ответственности человека перед землей.

Все, кто писал о Крутилине, отмечали лиричность его прозы. Но не будем придавать этому определению расхожего, а потому и захватанного смысла. Разве дело в том, что перед нами разные пейзажи, смены настроений и душевность?! Откроем изначальный смысл — едва ли не каждое произведение — часть писательского «я», рассматриваемого подробно. Разные, совсем непохожие друг на друга люди — его герои: мудрый, эпически-спокойный, чуть лукавый бытописатель «Липягов», сельский учитель. Но ведь это же и сам автор, хотя он никогда учителем не был. И совсем непохожий на него — такой юный, по-молодому прямолинейный, наивный лейтенант Артюхов. И это — он сам, хотя писал о себе самом в зрелые годы. А разбитый горем, немощный старик Иван Антонович Теплов, подводящий печальные итоги жизни и прозревший вдруг — и ужаснувшийся прозрению: а ведь это он, походя, раздавил жизнь самого близкого и преданного человека. И это — одновременно пристальное авторское всматривание в себя, открытый разговор с самим собою. Да и сам Егор Краюхин из «Старой скворечни» — частица писателя, его авторского «я».

Проницательно и точно однажды заметил старший современник Крутилина — Сергей Воронин: «Написаны повести добротно, язык их чист и выразителен. Необходимо отметить еще одно достоинство прозы Сергея Крутилина: в ней много места отведено природе, столь дорогой сердцу русского человека». Книги Сергея Крутилина производят сильное и глубокое впечатление. Невольно возникает образ могучего дерева, раскидистого и тенистого, поднимающегося на просторе родной земли.

Е. Осетров

Совсем недавно, при Лузянине, когда железную дорогу переводили на электротягу, и к нам, в Липяги, провели новую высоковольтную линию. Николай Семенович распорядился, чтобы новую линию проложили вдоль Ксюшиной полосы. Так и сделали шефы: и столбы железобетонные и провода вдоль клетки протянули.

Однако и этого показалось липяговцам мало. Мало им того, что пряма дорога, что накатана она все лето до блеска, что в зной отдохнуть на ней, в тень деревьев укрыться можно... Теперь поговаривают, что неплохо было бы осветить дорогу. То есть на каждом столбе высоковольтной линии повесить лампочки. Чтоб им, железнодорожникам, и ночью светло как днем было.

Чудаки, право, люди! Сегодня им хочется, чтоб свет на дороге был. Завтра им захочется покрыть клетку асфальтом, чтоб и в дождь чисто было. А там — далее более — понастроят они с обеих ее сторон домов... И на месте дороги появится улица. Станционная улица.

Машинисты и кочегары радуются.

А мне, право, жаль.

Тогда не будет моих родных Липягов.

Будет одна сплошная станция.

1963—1965

Липяги: реальное это село или придуманное?

(Вместо послесловия)

1

Первые главы романа «Липяги» появились в 1963 году. За первой частью — за «Ракитами», «Бирдюком», «Назаркиным кладом» — последовали все новые и новые главы-повести. Роман писался быстро — что ни год, то новая часть, «книга». Это потому, что писался он в добрую пору. Редко так случается, но именно тогда все сошлось к одному. Во-первых, к началу работы над «Липягами» у меня был уже накоплен немалый литературный опыт. Этому обстоятельству я придаю первостепенное значение. Без опыта трудно во всяком деле, тем более в творческой работе. Нельзя приниматься за большое художественное произведение, не имея сноровки, знаний, навыков. Навыки не купишь: они приходят лишь с годами, при каждодневном занятии любимым делом.

После окончания филологического факультета МГУ (1947 год) я долгое время занимался журналистикой. Работу эту по праву можно считать первой и очень важной ступенью к занятию серьезной литературной деятельностью. Журналистике я отдал десять лет. Первую половину — пять лет — я проработал в журнале «Смена», а вторую — в «Литературной газете». Все эти годы я мало сидел в редакции. Я люблю ездить и все эти десять лет много ездил по стране. Писал репортажи с заводов и великих строек, печатал очерки и рассказы в газетах и журналах.

Особенно плодотворными для моего последующего творчества явились годы, проведенные в «Литературной газете». Оперативная работа на газетную полосу, обсуждение рукописей в отделе, поездки — все это развивало кругозор, способствовало накоплению жизненного и литературного опыта. Газета приучала внимательно вглядываться в жизненные явления, дисциплинировала, заставляла регулярно вести записные книжки — без чего не может в своей работе обойтись ни один писатель.

Постепенно от газетного репортажа и «постановочных», как у нас тогда говорили, статей я начал переходить к более крупному виду работы к журнальному очерку, в котором были уже и харак-

теры людей, и постановка больших экономических вопросов. Вслед за рядом таких очерков, опубликованных в журналах «Знамя», «Огонек», «Молодая гвардия», «Наш современник», появились и первые мои прозаические вещи — повесть «Родники» (1953) и роман «Подснежники» (1961).

Это первое.

И второе. Помимо опыта и накопления фактического материала, было еще одно очень существенное обстоятельство, которое способствовало столь интенсивной работе над «Липягами». Начало шестидесятых годов всем нам памятно. Это было время большого внимания к селу. Партия мобилизовывала силы народа на преодоление запущенности сельскохозяйственного производства. Тридцатитысячники. Кукуруза. Травы или минеральные удобрения?.. Все мы в ту пору жили болями деревни. Каждому из нас хотелось высказаться, внести свою долю участия в это поистине всенародное дело. Именно в ту пору, в начале 60-х годов, и появились наиболее значительные произведения о нашей послевоенной деревне. Тогда-то и сложилась, тогда-то и проявила себя во всю силу та когорта писателей, которых мы теперь величаем деревенщиками. Всем нам дорогу открыл В. Овечкин. Вслед за его боевыми очерками, один за другим, стали появляться романы и повести М. Алексеева, В. Тендрякова, С. Залыгина, Г. Троепольского, Ф. Абрамова и других писателей-деревенщиков.

Перемены, происходящие в селе, всколыхнули воспоминания детства, совпавшие с началом коллективизации, и пусть не вполне еще ясно, а где-то в глубине сознания у меня уже начинал складываться замысел большой книги о родном селе. Однако на осуществление его потребовалось почти десять лет.

В 1954 году у меня родился сын, и пестовать его срочным порядком была вызвана бабушка, моя мать — Прасковья Игнатьевна. Когда я возвращался из поездок, особенно из родных мест, мать всегда выпытывала у меня деревенские новости. Я начинал рассказывать, но очень скоро рассказчиком становилась мать, а я и все мои домочадцы — слушателями. Мать вдвойне тосковала по родной деревне. Во-первых, потому, что я вытянул ее в город, в душную кухню на восьмом этаже; а во-вторых, потому, что братья, не послушавшись ее, разломали нашу избу в родном селе и перевезли ее на станцию, где они работали.

Мать рассказывала о сельских пожарах, о попах, о том, как вели себя немцы во время непродолжительной оккупации наших мест. Как-то во время одного из таких рассказов мне захотелось записать то, о чем говорила мать. Я достал из тумбы письменного стола общую тетрадь в коленкоровом переплете и, пристроившись в углу, за книжным шкафом, стал записывать.

В эту общую тетрадь, которую мы в шутку окрестили «копилкой», записывалось все, что имело отношение к замыслу романа о родном селе: сюжетные рассказы матери, отдельные ее словечки, деревенские прозвища и т. д. Записная книжка положила начало собиранию вообще

Вышла брошюра Н. Милонова и А. Сальникова «Скопин»; я отыскал ее, прочитал, почеркал, наиболее интересное выписал в «копилку», а саму брошюру поставил на отдельную полку. Появилась работа известного советского историка Монгайта «Рязанская земля»; я купил ее, внимательно проштудировал. Я собирал все, что относилось к замыслу: словари, репродукции картин, художников-земляков, старые и сегодняшние газеты.

Настало такое время, когда замысел нового романа настолько завладел мною, что совмещать работу в газете с занятием по сбору материала стало очень трудно. В 1957 году я уволился из «Литературной газеты», собрал свой дорожный рюкзак и отправился в родное село.

Село Делехово, где я родился и окончил начальную школу, находится в степной стороне Рязанщины. В старину место это звалось Придонской Украиной. Скучная, безлесная равнина, изрезанная оврагами, начинается сразу же за Скопином и тянется до самого Дона. Когда-то, как это следует из летописей, Придонская Украина была форпостом крепнувшего год от года Московского государства. По междуречью Оки и Дона долгое время гуляли татары; леса повырубили, речки повысохли; и теперь места эти на первый взгляд непривлекательны, но для меня нет их милей и краше.

Я побывал в Скопине — древнем центре этого края, в городке пыльном, но любопытном, где я перед войной учился в техникуме; заглянул в родное село. В селе осталась лишь сестра, работавшая в колхозе дояркой. Встречи с земляками, старожилами села, с друзьями детства, которых, к слову, в живых осталось очень мало, оживили воспоминания прошлого, пополнили наблюдения над сегодняшним состоянием родного села. Но мне захотелось посмотреть на все это шире, и я решил побродить по округе.

А округа была интересная.

Рядом с Делеховом село Ново-Александрово, где Дмитрий Донской проводил военный совет, накануне выступления на Куликово поле; отсюда тракт тянется к Дону — к Орловке, Монастырщине, Чернаве... Я пошел этим трактом — к Дону, на Куликово поле. На полпути, километрах в двадцати от Делехова,— село Липяги. Большое село,— много улиц, или, по-нашему, порядков; раскинулись они по взгоркам да по бережку живописной речушки Степная Табола. Очень русское село — с колодезными журавлями, старой школой, с патриархальным

кладбищем, с лавкой «Сельпо», спрятавшейся под тенью вековых ракит.

Был знойный июльский полдень.

И когда, спустя месяц, я вернулся домой, слово это Липяги́ не выходило у меня из головы. Я уже знал, что если напишу роман, то назову его так: «Липяги» — этим русским, коротким и чуть-чуть загадочным словом.

II

В 1961 году у меня вышли сразу две книги: роман «Подснежники» (издательство «Советская Россия») и сборник деревенских очерков «За поворотом» (издательство «Советский писатель»). С выходом этих книг у меня, как говорится, создан был фундамент, материальная база, без чего нельзя приступать к большой, многолетней работе.

Писать! Писать! — торопил я самого себя. Но как писать? Какую форму придать роману, чтобы в книгу вошло все: и история села, и коллективизация, и война, и день сегодняшний, который торопил, требовал отклика на горячие события времени.

«Странное это дело, забота о совершенстве формы,— записывал Лев Николаевич Толстой в своем дневнике.— Недаром она, но недаром тогда, когда содержание доброе... Надо заострить художественное произведение, чтобы оно проникло. Заострить — и значит сделать его совершенным художественно».

Конечно, самым простым был такой выход — написать роман в трех частях: часть первая — старые Липяги, дед, отец и коллективизация; часть вторая — Липяги в дни войны; часть третья — Липяги сегодня. Я написал несколько вариантов эпического запева, но дело двигалось туго.

Роюсь в «копилке», читаю, думаю.

Я понимал, что старый, сложившийся в последние годы тип «деревенского» романа исчерпал свои возможности, а зачастую — просто дискредитировал себя. Зайдя в книжный магазин, читатели часто говорили: «Дайте что-либо, только не про деревню». Понимал я и то, какие подводные рифы ожидают всякого автора, польстившегося на романы с продолжением.

Неожиданно мне пришла мысль о том, что рассказ о родной деревне должен быть предельно простым, безыскусственным и основан на полной доверительности читателя к рассказчику. Наибольшей доверительностью конечно же обладает рассказ от первого лица. Доверительностью — да и эмоциональностью тоже!

Писать от первого лица? Хорошо. Но кто будет повествователем?

«Вечера на хуторе близ Диканьки» рассказаны пасечником Рудым Панькою. Поэтичны и повести И. С. Тургенева — «Бежин луг», «Хорь и Калиныч», «Контора», «Лебедянь» и многие другие, которые рассказал охотник и которые я с детства знал чуть ли не наизусть.

Хотелось, чтобы рассказчик был лицом активным, чтобы он влиял на развитие сюжета. Значит, это должен быть человек, родившийся и выросший в Липягах. Был у меня на примете один такой дед — колхозный бухгалтер. Подсмотрел я его где-то на Кубани. Сидит в председательском предбаннике старикашка в очках — неказистый, неприметный. Когда ни заглянешь в правление, он всегда на месте и всегда что-то подсчитывает, стучит на счетах. Но как-то вечером, зайдя на огонек, я разговорился с ним — и открылся мне совсем иной человек: станичный старожил, чудак и философ. У меня и сейчас хранится листок бумаги, на котором он изложил мне свою заветную мечту. А заветная мечта его заключалась в том, что он хотел убедить председателя и всех своих земляков в одном: не надо пахать землю, сеять пшеницу, содержать коров и свиней — надо разводить кроликов. На этом листке колхозный бухгалтер изобразил мне таблицу размножения кроликов — и все в геометрической прогрессии, и все с научными выкладками!

«Вот оно! — подумалось мне.— Что может быть лучше: старый человек — чудак и мудрец — рассказывает о своем родном селе?!»

Я начал собирать бухгалтерский лексикон, все эти «сальдо» да «кредо». Собрал. Начал писать. Выходил чистый Панько Рудый да еще с бухгалтерским кривляньем.

Дело опять застопорилось. А когда мне плохо пишется, я всегда много читаю. На этот раз читал в основном книги, где повествование ведется от первого лица. Кажется, прочитано уже все, начиная от «Декамерона» и кончая «Записками врача» В. Вересаева. Однажды появилось желание перечитать «Повести Белкина». Пушкинскую прозу я очень люблю. Простота фразы, ясность мысли, безукоризненная точность деталей. Сколько раз уже читал — и всякий раз находил для себя что-то новое. Прочитал «Повести», перевернул страницу; дальше — «История села Горюхина». Скупой текст незавершенного замысла, примечания, план. Пушкинский «План»..

И вдруг я понял, что рассказчиком должен быть сельский интеллигент, коренной житель Липягов. Кто в наших условиях чаще всего является таким интеллигентом?

Учитель!

И когда в подзаголовке вместо привычного «Роман» — вывел «Из записок сельского учителя», весь годами накапливавшийся материал буквально вылился на бумагу Писать стало легко. Не надо было «кривляться», вертывать специфические бухгалтерские сло-

печки, — учитель, выросший в Липягах, говорил языком липяговцев, языком матери.

За зиму я написал «Ракиты», «Назаркин клад», «Чебухайкин мед», «Сережу-коробошника» и другие новеллы, составляющие теперь первую книгу романа.

Прочитал начало друзьям. Одобрили, приободрили. Можно было бы и показать рукопись в редакции. Но кому показать? Думать над этим мне было некогда: я продолжал писать все новые и новые главы-повести.

В то время я состоял членом бытовой комиссии. Однажды, после заседания комиссии, Вадим Петрович Лукашевич, которого я знал еще по «Смене», где мы печатали его рассказы,— пригласил меня выпить с ним чашку кофе. В то время Лукашевич заведовал отделом прозы в журнале «Дружба народов».

Мы разговорились. Вадим Петрович спросил меня, что я поделываю. Я сказал. Добавил при этом, разумеется, шуткой, что мой главный домашний редактор (он есть у каждого, у кого нет — тому плохо), мой домашний редактор говорит, что я пишу свою «главную книгу». Что если даже я напишу ее на среднем литературном уровне, то и тогда я могу умирать спокойно: главное, ради чего жил, сделано

— Покажите нам рукопись, — сказал Вадим Петрович.

— Да вы же русской прозы не печатаете! — возразил я Лукашевичу.

— Почему «не печатаете»?! Если хорошая, то печатаем.

Мы поговорили еще кое о чем и разошлись. Я, признаться, не придал этому разговору никакого значения. Однако на другой день, к вечеру, я получаю вдруг телеграмму: «Ваш роман заинтересовал редакцию журнала. Принесите рукопись». И подпись: «Главный редактор журнала Василий Смирнов».

Я не был тогда знаком с Василием Александровичем Смирновым. Разумеется, мне были знакомы его книги: «Сыновья» и «Открытие мира», но лично мы не встречались.

Утром, на другой день, сижу за столом, отбираю повести. Положил в папку «Бирдюка», «Назаркин клад», «Дом отца Александра», «Первый и последний» Взял «Ракиты», подержал в руке и отложил в сторону

- А «Ракиты» почему не берешь? — спросила жена

— Боюсь, что не напечатают

— Если они не напечатают «Ракиты»,— сказала она, — тогда с ними и разговаривать не о чем

Я собрал и отнес все, что было готово. Прошел день. Я не ожидал быстрого ответа. Мне представлялось, что чем серьезнее рукопись, тем большего времени требует она на чтение и обдумывание.

И вдруг, на другой день, поздно вечером, стучит в дверь доставщик телеграмм. Развертываю сложенный вдвое бланк; читаю и своим глазам не верю.

«Роман понравился,— читал я.— От души поздравляю! Заходите в редакцию для переговоров. Василий Смирнов».

Василий Александрович встретил меня на пороге своего простенького кабинета, оглядел меня со всех сторон, как бы сверяя верность своих впечатлений от «Липягов» с их автором, и обнял.

С этого и началась наша дружба — творческая и личная.

III

Первая часть «Липягов» появилась в № 2, 3 журнала «Дружба народов» за 1963 год. Она состояла из шести новелл: «Ракиты», «Назаркин клад», «Дом отца Александра», «Бирдюк», «Чебухайкин мед» и «Первый и последний».

Появились первые отклики. Они были, в общем-то, одобрительные, но сдержанные в оценках. «Литературная газета» напечатала крохотную заметку под заголовком «Очерк памяти», в которой подчеркивалась одна сторона — документальность «Липягов».

Если говорить о первой серьезной оценке романа, то она принадлежит Сергею Залыгину. В то время он обдумывал свою новую работу — повесть «На Иртыше» — и поэтому внимательно следил за периодикой, приглядываясь к тому, что печаталось в журналах на волновавшую его «деревенскую» тему. Среди новых публикаций попались ему и мои «Липяги». Писатель почувствовал «живинку» в новой моей работе и решил поддержать меня.

«В русском селенье...» — так называлась статья Сергея Залыгина, опубликованная в № 10 журнала «В мире книг».

«Не хочу предрекать,— писал С. Залыгин,— что «Липяги» будут интересны каждому, независимо от возраста, от эстетических вкусов. Наверное, это не так. Не всякому свойственна любовь к небольшому русскому селенью, самому обыкновенному и неприметному. Но тот, кому любовь эта не чужда, будет волноваться, читая «Липяги», будет задумываться, будет вспоминать прошлое и мечтать о будущем. И еще — будет жалеть тех, кому все это безразлично».

В «Дружбу народов» стали поступать письма читателей, которым, говоря словами С. Залыгина, «любовь к самому обыкновенному и неприметному селенью... не чужда».

Поддержанный добрыми откликами, я с подъемом продолжал работу над второй книгой романа. Писал каждый день, без выходных. Как всегда, по многу раз каждую страницу. Роман в новеллах — форма

трудоемкая. Каждая глава — это, по сути дела, повесть: надо продумать сюжет, биографию героя, пейзаж, бытовой фон.

Вторая книга «Липягов» была опубликована в № 4, 5 журнала «Дружба народов» (1964). Сюда вошли «Баллада о сельском колодце», «Щегол в клетке», «Тише едешь — дальше будешь...» и другие повести.

Круг читателей «Липягов» расширялся, а материал, накопленный автором, суживался. Необходимо было — перед началом работы над третьей частью — восполнить его. Матери к тому времени уже не было в живых, а «копилка» пуста.

И вновь, как три года назад, я иду пешком на Куликово поле — на этот раз всей семьей, с женой и сыном.

Идти по родной земле пешком — величайшее счастье. Лето. Теплынь. Пыльный поселок, едва различимый во ржи, убегает за горизонт. А там, за морем бурых колосящихся озимей, в стороне от чернеющих ракитовых кущ, торчит прямо из-под земли купол невидимой церквушки с покосившимся крестом. Идешь час, другой — все те же озими и все тот же купол впереди. А в небе — жаворонки. С каждым вздохом вдыхаешь запах родной, благодатной земли.

Во время этого похода произошла у нас любопытная встреча, о которой мне хочется теперь рассказать.

В Липяги мы пришли в полдень. Было очень жарко. Мы остановились на околице села, у Степной Таболы; искупались, сварили кулеш, пообедали и пошли дальше, к Дону. А идти через все село. И когда шли селом, то кому-то из нас пришла мысль: «А ведь есть же и в настоящих Липягах учитель физики! Вот бы посмотреть на него, на двойника Андрея Васильевича?!»

Мы зашли в школу, спросили, где живет учитель физики. Нам указали.

Длинный липяговский порядок ведет от реки на взгорок. На околице, у самого выхода к Бугровке,— большой кирпичный дом с застекленной террасой. Дверь с крылечка — легкая, филенчатая. Поднявшись на крылечко, я постучал. Дверь открыл молодой человек в легком спортивном костюме. Оказалось, что это и есть учитель физики липяговской школы. Молодой человек пригласил нас на террасу. Учитель кормил девочку лет шести, сидевшую за столом.

Мы извинились за то, что помешали, и чтобы сгладить как-то первое замешательство, вызванное столь неожиданным вторжением, спросили, как нам побыстрее выйти к Дону. Учитель объяснил.

— Говорят, вы написали какую-то книгу о Липягах? — спросил я неожиданно.

По выражению его лица я понял, что он испугался.

— Нет, нет! — ответил он поспешно.— Я знаю... мне говорили,

что есть такая книжка. Учителя на районной конференции также спрашивали. Но я не писал! Это кто-то другой.

Я улыбнулся, но не назвал себя. А вернувшись в Москву, послал липяговскому учителю на память «Роман-газету» с выпуском «Липягов».

Публикация романа была завершена в 1965 году. Но еще раньше, с выходом 1-й и 2-й книги «Липягов» в «Роман-газете», появились рецензии в «Правде», в «Литературной газете», во многих журналах. Однако дороже всех для меня был отклик земляков. Редакция рязанской областной газеты «Приокская правда» опубликовала большую статью — «Увековеченные в слове». Приведя цитату из новеллы «Дверь с проулка», в которой рассказчик рассуждал о памятнике липяговской бабе, газета писала:

«Может, такой памятник и будет в Липягах. Но, думается, что липяговские труженики уже и теперь увековечены в слове своего писателя-земляка».

IV

Липяги́ (я говорю не о романе, а о самом этом слове) — вошли в обиход, родились заново. Если верить Семенову-Тян-Шанскому, на Руси немало сел с таким названием. Есть Липяги в Поволжье, в Куйбышевской области, есть в Сибири, на Урале; в Воронежской области — большое село Синие Липяги. И теперь изо всех этих Липягов посыпались обиды: «Что же это вы, дорогой товарищ автор, возвели поклеп на наши Липяги?! Что у нас — Володяки да Тит Титычи. Что крыши на избах — соломенные. Да вы знаете, что в нашем селе более сотни одних телевизоров?!»

Однако эти местнические обиды очень скоро потонули в потоке писем очень глубоких и серьезных.

«Прочитала «Липяги»,— пишет А. Струкова из станицы Павловской Алтайского края,— и, кажется, снова прошла свой жизненный путь. Мне казалось, что эта книга показывает наше село Медведск Новосибирской области, где я родилась и выросла. Я проработала более тридцати лет на преподавательской работе, и очень жалею, что я не додумалась описать жизнь и историю нашего села».

«Я выросла не в Липягах, а в Донбассе, хутор Сазоново,— пишет Меланья Семеновна Кобзарь из города Рыбница Молдавской ССР,— но мне кажется, что автор романа писал о нашем хуторе».

«Прочитав первые главы этой книги,— пишет Владимир Терентьевич Терещенко из Минска,— я подумал, что это о моей родной деревне. Все так похоже. Поэтому книгу «Липяги» читал с большим

удовольствием».

«Изба отца Вашего учителя,— пишет учительница Цуркан Клара Михайловна из села Доброе Кировоградской области,— это наша, отцовская изба. Груня — моя мама, Глазок — наш бригадир. Только бог мою маму за верность не наградил: отец не вернулся с войны».

Так книга зажила своей жизнью. Каждый читал «Липяги» по-своему, находя в романе созвучное своему настроению, своему миропониманию. Очень многие читатели спешили откликнуться, поделиться своими мыслями, возникавшими при чтении книги. Поток писем нарастал. Это всегда приятно автору. Но не о них, не об этих письмах поведу я теперь разговор.

Многие письма затрагивали вопросы творческие, вернее, теоретические.

Первый, и наиболее важный из них — вопрос о документальности, достоверности «Липягов».

Евгения Федоровна Плотникова из Архангельска писала, что ей очень понравился роман и она задумала побывать в Липягах.

«Года три собиралась съездить,— писала она,— и наконец в июне этого года поездка была решена. Каково же было мое разочарование, когда ни в кассе Павелецкого вокзала, ни в кассе «Метрополя» мне не продали билета до ст. Покатилово.

Видимо, мое огорчение отразилось у меня на лице, т. к. в кассе «Метрополя» мне предложили самой посмотреть справочники и схематические карты. Такой станции на полпути Москва — Елец не было...

А я-то уже вообразила, как иду по Ксюшиной тропе — от станции к Липягам».

«Липяги» я читаю не в первый раз,— писал Степан Костеников из села Афанасьевки Белгородской области.— И я задумался: может быть, когда и попадешь в Липяги, побываешь, поговоришь со всеми героями — с дядей Авданей, с дедом Печеновым, с Бирдюком...» И Степан, как и Евгения Федоровна Плотникова, тоже просит прописать ему, как проехать в Липяги.

«Читая Вашу книгу, — писала Г. Михайлова из Магнитогорска,— я верила каждому ее слову, даже думала, что зовут Вас действительно Андреем Васильевичем».

Убеждение, что «Липяги» — доподлинные записки сельского учителя, сложилось не только у определенной части читателей, но даже и у людей, что называется, искушенных в вопросах литературного творчества.

Геннадий Иосифович Сакун из города Великие Луки писал мне, что он работает над диссертацией о жанровых особенностях романа

в повеллах. После прочтения «Липягов» у него возник ряд вопросов — и первый из них, разумеется, о документальности романа.

«Каков характер документальности, фактичности «Липягов»? — спрашивал он.— Имеются ли реальные прототипы у Авдани, Чугунка, Володяки, Груни, Щегла, Лузянина, Ронжина, Парамонова, Бирдюка, Ванятки, Серебровского и других героев «Липягов»?»

Мало этого — Геннадий Иосифович ставит вопрос более определенно: «Каков характер автобиографичности «Липягов»? Можно ли ставить знак равенства между Андреем Васильевичем и Вами, автором?»

Такие же вопросы задавались мне не раз и на читательских конференциях.

И всякий раз мне трудно было отвечать: не хотелось разочаровывать читателей и говорить им, что я ни одного дня в своей жизни не работал учителем, что таких Липягов, которые изображены в романе, нет ни в Рязанской, ни в какой-либо другой области.

Признаюсь: я люблю документальность, вернее — достоверность. В этом, видимо, сказывается «школа»: слишком много приходилось мне писать очерков.

Почти всегда для работы мне нужен прототип; вокруг него все сколачивается, сплачивается: образы героев, их биографии, поступки, которые они совершают. Причем такими «побудителями» не обязательно должны быть люди. Скажем, в «Липягах» нетрудно проследить, что в одном случае в этой роли выступает и з б а, которую ломают; к о л о д е ц, который забывают; д о р о г а, по которой липяговцы ходят на станцию. Если же таким «побудителем» был прототип, живой человек, то в процессе работы я настолько отхожу от него, от его портрета, его биографии, что определить в конце концов, кто из односельчан послужил прототипом, мне самому зачастую трудно.

Иное, конечно, с географией. Все овраги: Денежный, Гремячка, Городок, Поповы Порточки — все это — округа моего родного села Делехова. С этими названиями связаны самые дорогие воспоминания детства: поездка в ночное, уборка урожая, сенокос. Конечно, помимо географии, в «Липягах» немало и сцен быта — да чего греха таить!— и семейных сцен, которые не выдумаешь. Все они написаны по воспоминаниям детства и юности.

Во всем же остальном «Липяги» — произведение синтетическое, которое впитало в себя все: и воспоминания детства, и многолетний опыт журналистской деятельности, и знания, почерпнутые из книг, и раздумья о судьбах села. Одним словом, это произведение, в котором действительность не списана с натуры, а типизирована, обобщена.

V

Для иллюстрации этого сошлюсь лишь на один пример: на «Балладу о сельском колодце».

Колодец — неотделим от сельского быта, и мне очень хотелось написать об этом. Хотелось, чтобы читатель еще раз почувствовал поэзию деревни и то, что мы утрачиваем, когда на месте колодезных журавлей посреди деревенских улиц появляются ямы, заросшие репейником. В «копилке» моей, в самом общем плане, где условно названы были новеллы, которые предстояло писать, значилось: «Колодец». И далее шли странички две, где записаны были песни, присказки, кое-что из рассказов матери о колодцах — о том, как их блюли в старину, об артелях, которые нанимались копать и ставить срубы.

Все это хорошо, но что же дальше?

Я приглядывался к деревенским колодцам во время похода на Куликово поле. На каждом порядке, в каждой деревне приходилось встречать язвы на месте обвалившихся колодцев. Заросли осокой и степные «копани», над которыми когда-то стояли срубы и часовенки. Больно? Да! Но одной боли мало. Надо, чтобы эта твоя боль передалась и читателю. А передать эту боль могла лишь человеческая судьба, только художественный образ. Лишь человек сможет оживить рассказ, придать ему драматичность.

Однако такой судьбы прошлое моей родной деревни мне не давало.

Я уже написал почти все новеллы второй книги, а «Колодец» продолжал оставаться лишь в замысле.

И вдруг припомнилась мне одна история.

Было это осенью 1951 года... Весь октябрь я провел в колхозах Ново-Анненского района тогда Сталинградской, ныне Волгоградской области. Тоже ходил пешком по всему району; ночевал в вагончиках механизаторов, в глиняных хатах с крохотными оконцами. В попутчики ко мне вызвался Иван Афанасьевич Соловьев, работавший тогда секретарем райкома комсомола. Иван — местный; он хорошо знал всех председателей колхозов, доярок, механизаторов. Он был замечательным рассказчиком, и ходить с ним — одно удовольствие.

Однажды, уже в конце октября, мы заночевали в хуторе Дурновском. Тут, на этом хуторе, проживала жена старшего брата Ивана Афанасьевича. Брат погиб в войну; на руках одинокой колхозницы остались двое детей.

Мы пришли к ней под вечер. Молчаливая, опрятно одетая женщина кормила ребят: девочке было лет двенадцать, а парню — и того

меньше. Уложив детей, она принялась угощать нас. Выставила на стол миску, в которой двумя караваями лежал разрезанный пополам соленый арбуз, тарелку с помидорами, нарезала ломтиками сало. Затем поманила Ивана в чулан, и до меня долетел их приглушенный разговор.

— А самогончика можно вам дать? — спрашивала женщина.

— Конечно! — обрадованно отвечал Иван.

— А это не инспектор из района?

— Нет, это товарищ — из Москвы, журналист.

— А-а! А то я струхнула.

Тут же на столе появилась бутылка самогона; мы выпили, и Иван Афанасьевич, давно не видавший братовой жены, расспрашивал ее про житье-бытье.

Она рассказывала про ребят, про то, как они учатся, про дела в колхозе.

— Да! А как же это Груня-то решилась на такое?! — вдруг, обрывая рассказ женщины, спросил Иван Афанасьевич.

Глаза молодой женщины потускнели; в них я увидел грусть и страдание.

— Решишься! — сказала она жестко и, подперев голову руками, начала рассказ о трагедии, случившейся в начале осени у них на хуторе.

Это была история Груни — героини «Баллады о колодце». Так же она ждала, так же явился муж с войны, но не один, а с новой подругой-фронтовичкой. Приткнуться им было негде, да и мужик тот был, судя по рассказу, безвольный: он отделил себе полхаты и стал жить в этой половине с новой своей женой. На той половине — смех, счастье, а Груня сохнет от тоски и обиды. Доведенная до отчаяния, она потеряла рассудок. Однажды, увидев, что наперсница ее пошла к колодцу за водой, она бросила в пустое ведерко топор — и за нею следом...

Хозяйка наша рассказала обо всем коротко, не смакуя, как это любят деревенские бабы, без подробностей; и в том, как она рассказывала, и в голосе, и в отборе деталей улавливал я сочувствие Груне. Вечером я не понял все до конца: почему, откуда исходило это? Но утром...

Утром я проснулся от стука в дверь. Хозяйка соскочила с печи, где она спала, и бросилась в сенцы.

— Уходи! Уходи! — говорила она горячо.

Какая-то возня в сенцах, и вот в хату вваливается мужчина:

— А это кто там спит, на твоей кровати?

— Это Иван, брат Николаев. А с ним товарищ из Москвы.

— А-а! А я думал, хахаля нашла...

У высоченного казака, что стоял возле двери, через весь лоб, прикрывая левый глаз, чернела повязка.

За завтраком Иван Афанасьевич спросил хозяйку хаты о том, кто к ней приходил.

Хозяйка замялась, покраснела.

— Бригадир наш,— сказала она, помолчав.

— Глазок?

— Да.

— А чего это он?

— Да ходит...— и, преодолевая смущение, она рассказала о своей жизни, о жизни одинокой женщины-солдатки.

По сути, она рассказала вторую часть все той же Груниной истории.

И в то же утро, сидя в просторном кабинете председателя местного колхоза Фетисова, я коротко, наспех записал эту историю в свою записную книжку.

Вспомнив теперь об этом, я начал рыться в старых записных книжках, а ими у меня забита вся кладовка. Только из одной этой поездки в Новую Анну я привез их не менее десятка. И когда я нашел эту скудную запись, сделанную в кабинете Фетисова, работа над «Балладой о колодце» пошла споро. Все стало на свое место: и детские воспоминания о дежурствах по колодцу, и почерпнутые из книг частушки, и боль за ямы, заросшие репейником, и судьба человека — трагедия Груни. Она, эта человеческая судьба, придала рассказу достоверность и напряженность.

Я мог бы подробно рассказать десяток таких историй о том, откуда пришли в «Липяги» их герои. Так написаны и «Щегол в клетке», и «Лузянин», и «Посажёный отец», и «Бирдюк»... Даже география, о которой я сказал выше, что она — местная, делеховская, но даже и она не фактографична, а с большой долей обобщения. Например, в нашей местности нет такой речки Липяговка. В нашей местности все речки впадают в Оку, а Ока — в Волгу, а Волга, как известно, в Каспийское море. Но какое это море? О нем же не скажешь: «и т. д.». А мне, чтобы подчеркнуть извечность жизни, истории Липягов,— мне обязательно нужно было это «и т. д.».

Так появилась концовка вступления: «И поныне наша речка Липяговка впадает в Теменку, Теменка — в Чернавку, Чернавка — в Непрядву, на берегу которой собиралось русское ратное войско перед Куликовской битвой. Ну, про эту речку вы, наверное, слыхали. Непрядва впадает в Дон возле села Монастырщина, а Дон... и так далее...»

VI

Второй особенностью романа, придававшей ему характер достоверности, является обилие в нем деревенских прозвищ. На деревне так повелось: каждого зовут по-уличному, прозвищами.

В «Липягах» немало прозвищ, заимствованных мною в родном селе. Однако среди персонажей романа нет ни одного прототипа, о котором можно было бы сказать: «Вот он — Тит Титыч», или: «Вот идет Авданя». В образе Авдани, который более других полюбился читателям, соединено, по меньшей мере, три-четыре характера: один мужик приклеивал к губе самокрутку, другой — любил покуражиться перед бабами, а третий — таким вот образом, как Авданя, убежал от немцев.

Однако, несмотря на это, многие персонажи «Липягов» были приняты за людей реально существующих.

Вот передо мной «Донская газета» от 27 февраля 1966 года. Она выходит в городе Донской Тульской области. Под рубрикой «Интересные встречи» в этой газете напечатан репортаж местного журналиста Н. Абрамова: «По следам героя новеллы». Пересказав содержание новеллы о липяговском кузнеце Якове Никитовиче Промтове («Бирдюк»), автор репортажа сообщает:

«В поселке бывшей донской шахты № 19 на Полевой улице стоит ничем не примечательный деревянный домик под номером пять. Здесь теперь и живет та семья, о которой мы только что рассказали.

Признаться, с большим волнением я переступил порог дома»,— пишет Н. Абрамов.

Признаюсь, я тоже бы с волнением вошел в дом Бирдюка, если бы я не знал точно, что образ этот — плод моей фантазии.

Достоверность, доверительность и простота повествования — все это и дало повод читателям воспринимать «Липяги» как подлинные записки учителя. Прочитав роман, многие бывалые люди вспомнили свою юность, проведенную в деревне,— как они носили лапти, пахали, сеяли, косили сено, ездили в ночное,— и воспоминания эти настолько были живы, волнительны, что и им, читателям, захотелось написать книги о своих родных селах.

«И я тоже хотел написать «Историю деревни Пронское»,— пишет из города Электросталь Московской области А. Н Мареев.

Софья Алексеевна Малинина из Риги, рассказав о прожитой жизни, пишет, что она хотела бы написать свою «главную» книгу «А что, если я буду посылать Вам частями то, что получится, а Вы просматривать и, не скрывая, сообщать мне свое мнение?»

Многие пожилые люди с грустью признаются в своих письмах, что весь богатый их жизненный опыт так и останется при них — нераскрытым, никому не рассказанным. Некоторые читатели присылают свои произведения. Но как бы ни была богата событиями жизнь одного селения, как бы ни была интересна судьба одного человека, написав историю одной деревни, биографию одного имярека человека,— художественного произведения при этом не создашь. Художественное произведение — это всегда типизация, обобщение. В каждом факте, в каждом слове должен присутствовать повествователь, художник: с его мышлением, с его совестью, с его языком. И — добавлю — титаническим трудолюбием.

Я долго колебался — писать или не писать эти заметки. Начинал несколько раз и откладывал в сторону. Мне казалось нескромным писать о себе. Но перечитав внимательно отклики на «Липяги», я пришел к убеждению, что многие письма читателей, несмотря на то что они обращены к автору, имеют общественное значение и непосредственно относятся к творческому процессу. Вопросы эти волнуют учителей и молодежь. Может быть, эти заметки мои помогут им в их раздумьях, в их повседневной работе.

Мне хочется поблагодарить моих читателей и сказать им слово глубокой благодарности. Письма их дороги мне и помогают в работе. Но даже среди этих дорогих писем есть самые-самые дорогие.

«Прочитав Ваши «Липяги» в переводе на латышский,— пишет врач Петр Игнатович Ионинып из поселка Вики Латвийской ССР,— хочу от души поблагодарить Вас... Работая в сельской местности, весьма схожей с Липягами, мне этот Ваш труд дал очень многое для преодоления немалых трудностей при организации здравоохранения на месте».

«Я купила эту книгу в нашем книготорге,— пишет Мария Федоровна Журавлева из города Коканда Узбекской ССР.— И буду беречь, читать еще и еще раз. Мне кажется, что я тоже участник этих деревенских историй, ибо я тоже родилась, т. е. выросла в деревне, и очень мне жаль, что «бросила», уехала, оставив ее. Искренне пожалела, что никто теперь не узнает и не напишет, как мы тоже бегали в лаптях, копали огороды, жали серпами рожь.

Прочитав книгу «Липяги», мне стало очень жаль, что я уехала из родной, милой деревни».

А вот письмо из Тюменской области.

«Прочитав Ваши «Липяги»,— пишет Александр Чисандин,— в горле засел комок. Боюсь домочадцам показать глаза. Знаю деревню нашу не по Липягам, а по Забайкалью, где родился и лет десять пахал и сеял, работая на тракторе.

Любил встречать восход, обедать под будкой, и с болью в сердце бросил все к чертям — вместо хлеба на полях росли одни сорняки.

Хочется вернуться в колхоз. Сесть за руль трактора».

Выражая самую сердечную благодарность за письма и отклики, я хотел бы извиниться перед моими адресатами за то, что обнародовал их имена. Хотя мою вину перед ними смягчает во многом то обстоятельство, что подавляющее большинство откликов, на которые я тут ссылался, были в свое время направлены в редакции издательств, газет и журналов.

СЕРГЕЙ КРУТИЛИН

Газета «Литературная Россия» 7 июля 1972 г. № 28 (496), а также в сб. «Лауреаты России», «Современник», М.,1973 г.

Библиографические сведения о романе

Первая публикация

Книга первая: «Ракиты», «Назаркин клад», «Дом отца Александра», «Бирдюк», «Чебухайкин мед», «Первый и последний» (Дружба народов, 1963, № 2, 3).

Книга вторая: «Баллада о сельском колодце», «Мадонна», «Щегол в клетке», «Борис и Хима», «Тише едешь — дальше будешь...», «Дверь с проулка», «Лузянин» (Дружба народов, 1964, № 4, 5).

Книга третья: «У омута», «Неправдошные мужики», «На поруки», «Посажёный отец», «Ваня-Ванятка», «Дети», «Баллада о дороге» (Дружба народов, 1964, № 10, 11).

Первое издание

1. Крутилин С. Липяги: Из записок сельского учителя. Кн. 1. М.: Сов. писатель, 1964.

2. Крутилин С. Липяги: Из записок сельского учителя. Кн. 1 и 2. М.: Сов. Россия, 1964.

3. Крутилин С. Липяги: Из записок сельского учителя. Кн. 1, 2 и 3. М.: Сов. Россия, 1966.

Впоследствии роман неоднократно переиздавался.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ

Антропонимика. — М., 1970.

Вартаньян Э. А. Путешествие в слово. — 3-е изд.— М., 1986.

Вартаньян Э. А. В честь и по поводу. — М., 1987.

Имя нарицательное и собственное/Отв. ред. А. В. Суперанская. — М., 1978.

Морозова М. Н. Имена собственные русского языка (географические названия). — М., 1977.

Мурзаев Э. М. География в названиях. — М., 1979.

Откупщиков Ю. В. К истокам слова. — 3-е изд. — М., 1986.

Полякова Е. Н. Из истории русских имен и фамилий. — М., 1975.

Суперанская А. В. Как вас зовут? Где вы живете? — М., 1964.

Успенский Л. В. Загадки топонимики. — М., 1973.

Успенский Л. В. Ты и твое имя. Имя дома твоего.— Л., 1972.

Шанский Н. М. В мире слов. — 3-е изд. — М., 1985.

УКАЗАТЕЛЬ НАРИЦАТЕЛЬНЫХ ИМЕН, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ СОБСТВЕННЫХ

А

абáз — 44, 45
áвгуст — 55
авдóтька — 71
агáт — 78, 79
адóнис — 73
азовскúт — 75
акадéмия — 128
акулúнка — 71
алгорúтм — 129, 131, 132
алгорúфм — 131
александрéйка — 106
алтаúт — 75
альдúне — 100
альдúны — 100
áльды — 100
альмавúва — 102
альпенштóк — 91
альпинáрий — 91
альпиниáда — 91
альпинúзм — 91
альпинúст — 91
аляскúт — 34
амазонúт — 34
американский — 57, 58
американский — 57, 58
ампéр — 50
ампермéтр — 50
анакреóнтика — 125
анапаúт — 75
ангарá — 74
ангарúт — 75
англáр — 46
áнгстрем — 50
адрéевка — 71
андромéда — 73
áннушка — 71
антóновка — 11
апельсúн — 69
аполлóн — 66
аралотéрий — 80
араукáрия — 70
áргус — 66, 67
арлекúн — 31
арлекинáда — 31
астраханúт — 75
атлантозáвр — 36
атлáнт — 97, 98
áтлас — 98
афгáнец — 74
афгáни — 45
африкандúт — 76
афродúта — 67

Б

бадминтóн — 92
базáров — 119
базáровщина — 120
байкалúт — 75
байкерит — 77
байронúзм — 125
бакúнка — 85
баккарá — 108
балтэрэ́ц — 74
балхашúт — 75
бальбóа — 45
баргузúн — 73

бареж — 105
баскервиллъ — 101
батист — 105
бахмутка — 110
байн — 47
белга — 45
белозерка — 85
беломорит — 75
беляна — 84
берданка — 94
бериллъ — 60
бериллий — 57, 60
берклий — 57
беркширы — 68
берлин — 31, 83
бертолетка — 32
бестужевка — 22
бефстроганов — 43
бешгауним — 75
биржа — 136
битюг — 92
богема — 136
бодони — 101
бойкот — 129, 131, 133
боливар — 45, 106
боливиано — 45
болонка — 68
болонья — 103
бонопартизм — 122
бориславка — 105
бостелла — 87
бостон — 87, 105
брабансон — 92
брабант — 107
брамапутра — 68
браунинг — 93
брегет — 50
брюки — 103
брюкиш — 103
будёновка — 106
буддизм — 122
бьюик — 83

В

вальсьен — 107
ванадий — 57, 61
вальбаум — 101
ванька-встанька — 10
варшавянка — 87
ватман — 109
ватт — 50
венгерка — 87, 103
вильгельмдор — 44
вокзал — 99
волынка — 130, 132, 133
вольт — 50
вольтаметр — 50
вольтметр — 50
вральман — 118
вуковица — 123
вулкан — 34
вулканизм — 34
вышеволодка — 85
вьетнамки — 106
вятка — 69, 92

Г

гаврик — 136
гаврош — 135
гагаринит — 77
гагат — 79
гадолиний — 57, 62
гаевица — 123
газ — 106
галиматья — 136
галифе — 103
галлий — 57, 58, 59
гальванизация — 50
гальвано — 50
гальванометр — 50
гальванопластика — 50
гальваноскоп — 50
гамлет — 117
гамлетизм — 121, 125
ганий — 64
гарамон — 101
гарпагон — 118
гарпия — 67
гарус — 106
гасконада — 127
гафний — 57, 58, 59
гегельянство — 122
георгдор — 44
георгин — 71
геркулес — 44, 66
германий — 57, 58
геростратт — 116
герц — 50
гиацинт — 72
гигиена — 115
гилл-санс — 101
гильотина — 52, 53
гиляка — 68
гинея — 45
гипноз — 114
гиталовец — 32
гобелен — 105
голиаф — 66
голландка — 32
гольмий — 57, 58, 59
гортензия — 69, 73
грация — 136
гуммиарабик — 109
гроденапль — 105
гусяча — 85

Д

далия — 71
дамаск — 31
дарвинизм — 122
дарик — 44, 45
двинозавр — 80
двинянка — 70
дегтярёвка — 94
дегтярь — 95
деникинщина — 122
дерби — 92
держиморда — 119
дерсуизм — 123
джерси — 105
джимкроуизм — 37
джинсы — 104
джоуль — 50
дизель — 51
днестровка — 84
доберман-пинчер — 67
доллар — 47
донбассит — 75
донец — 92
донжуан — 114, 117
донжуанство — 121
донкихот — 114, 116, 117
донкихотство — 121
дончак — 92
дезина — 83
дукат — 44

Е

европий — 57, 58
екатеринка — 45
екатериновка — 45
ереванит — 34
ефимок — 44, 46

Ж

жавель — 129, 131, 133
жакан — 95
жакерия — 136

жигули́ — 83
жиле́т — 53
жирондисты — 33
жолио́тий — 57, 63
жюльве́рновщина — 37

З

зайса́нка — 85
затрапе́з — 38, 104
затрапе́зка — 38

И

иван-да-ма́рья — 71
иване́ц — 39
ивано́к — 38
иван-чай — 71
ива́нчики — 39
ива́шка — 39
иезуити́зм — 122
и́жевка — 92
ижёмка — 85
изабелли́ны — 44
ильмени́т — 75
имандри́т — 75
имгрэ́ит — 77
инди́го — 58
индигоно́ски — 58
и́ндий — 57, 58
индоевропейстика — 125
индио́к — 67
ипри́т — 34
иттербий — 57, 60
и́ттрий — 57, 60
июль — 55
июнь — 54

Й

йоркши́ры — 68

К

кабарди́нец — 92
кабарди́нка — 87, 92
кабу́л — 109
кавкази́т — 75
каза́нка — 92
казански́т — 77
кайе́н — 70
ка́йзер — 40
каламбу́р — 127
кале́диницина — 122
калиба́н — 136
калифо́рний — 56, 58
кальви́ль — 70
каме́лия — 73
камча́тка — 33
камча́тник — 33
канаре́йка — 67
канифо́ль — 136
канталу́па — 70
кантиа́нство — 33, 122
караба́х — 92
кара́куль — 136
карамазовщина — 121
карамзини́зм — 125
карата́евщина — 121
карда́н — 53
карелиани́т — 75
карманьо́ла — 87, 88
карнати́да — 97, 98
карлсдо́р — 44
карсе́ль — 51
кассандра — 73
катери́нка — 45
катю́ша — 94
кашеми́р — 105
каштан — 70
кезло́н — 101
келдыши́т — 77
ке́льтий — 59
кенке́т — 51
ке́ренки — 45
керши́т — 75
ке́сарь — 40
ки́лька — 136
кири́ллица — 123
китайка — 105
кля́зьменка — 84
ко́бальт — 57, 61
колóменка — 84
коломи́йка — 88
колон — 45
колу́мб — 42
колу́мбий — 62
колумби́т — 43, 62
колумби́т-танталит — 42
колча́ковщина — 122
колхи́дка — 46
кольт — 93
копе́рник — 45
копо́рка — 70
кори́нка — 70
корни́ловщина — 122
коро́бочка — 119
корча́гинцы — 32
котла́ссия — 80
ко́фе — 70
кохинхи́нка — 68
краковя́к — 87
крепдеши́н — 105
кры́мка — 69, 92
куба́нка — 69, 106
куби́нка — 85
кулон — 50
култу́к — 74
кунгу́ры — 107
курнакови́т — 77
курчато́вий — 34, 57, 63
курчатови́т — 77
куту́зовка — 69
куя́вяк — 87
кыштыми́т — 75
кюрий — 57, 62

Л

ладзарони — 40
лазаре́т — 40
лазаро́н — 40, 41
лазарони — 40
лазаро́ны — 40
лаконизм — 126
ланда́ — 83
ландри́н — 110
лауэгра́мма — 35
лафи́тник — 109
лацзарони — 40
лаццарони — 40
левантин — 105
легго́рн — 68
ленинизм — 122
лермонтови́т — 77
ли́венка — 48
лимузи́н — 83
личева́ние — 53
лионе́з — 105
ли́псн — 87
ловела́с — 118
ловозери́т — 75
ломба́рд — 129, 131 133
ломоносови́т — 77
лоуре́нсий — 63
луидо́р — 44
лютера́нство — 33
лютеций — 58, 59, 61

М

мавзоле́й — 97, 98
магне́зия — 136
магни́т — 136

магно́лия — 71
магометанство — 122
мадапола́м — 105
май — 54
майоне́з — 109
макинто́ш — 103
макси́м — 93
мали́н — 107
мальтузиа́нство — 122
мани́лов — 119
мани́ловщина — 121, 125
мансарда — 99
манче́стер — 105
мара́нта — 72
марафо́н — 91
марафо́нец — 91
марафо́нки — 91
маре́нго — 105
марии́нка — 84
марионе́тка — 107
мариуполи́т — 75
марксизм — 122
марлинизм — 125
мароке́н — 105
марсели́н — 105
марсельеза — 88
март — 54
мартен — 31
марья́нник — 71
матрёнка — 71
матрёшка — 107
маттио́ла — 72
ма́угли — 135, 136
ма́узер — 93
махао́н — 66
мегера — 31
меделя́нка — 65, 68
мельхио́р — 37,
менделе́вий — 34, 41, 62
менделе́евский — 41, 57
менделеевит — 41
ме́нтор — 114
мефисто́фель — 118
меценат — 115
минорка — 68
ми́рра — 72
митрофа́н — 118
митрофа́нушка — 118
мичу́ринка — 70
ми́шка — 107
мо — 50
мокша́н — 85
молдаванеска — 87
молдава́нка — 103
молча́лин — 118
молча́линство — 121
молча́линщина — 125
монго́лка — 92
монгольфье́р — 86
моне́та — 47
монпансье́ — 110
монтекри́сто — 94
мо́рзе — 53
мо́ррис — 83
морфе́й — 115
мо́рфий — 115
москвич — 83
моско́вка — 69
мо́хо — 38
му́ромец — 86
мусковит — 75
мусли́н — 105
мюнхга́узен — 118

Н

нага́н — 93
на́нка — 105
наполео́н — 110
наполеондо́р — 44
нарци́сс — 69, 72
нау́рская — 87
нептуний — 57, 61
нереида — 67
не́стор — 136
неуважай-корыто — 119
николаевки — 45
нико́ль — 53
нильсбо́рий — 57, 63
ниобий — 57, 61, 62
ницшеанство — 122
нобе́лий — 34, 63
новгоро́дка — 46
ноздрёв — 119
ноздрёвство — 121
ноздрёвщина — 121
но́ниус — 53
ньютон — 50
ньюфаундле́нд — 69

О

о́бвинка — 92
облóмов — 119
облóмовщина — 121
объегóривание — 35
одеколо́н — 107
одиссе́я — 125, 126
олимпиа́да — 89
олимпи́т — 89
ом — 50
о́мка — 69
оммéтр — 50
о́ппель — 83
опу́нция — 70
осташи́ — 107
отéлло — 116, 117
оттома́н — 41
оттома́нка — 41, 108

П

падеспа́нь — 87
паккáрд — 83
палла́дий — 57, 61
пальми́ра — 100
пана́ма — 106
пана́мка — 106
па́ника — 129, 131
панталóны — 102
паска́ль — 50
па́сквиль — 127
пасквиля́нт — 127
пастериза́ция — 54
патефон — 47, 48
перга́мент — 109
пергами́н — 109
пе́рсик — 70
першеро́н — 92
петлю́ровщина — 122
петраркизм — 125
петраше́вец — 32
петру́шка — 107
печо́рин — 119, 120
печо́ринство — 120
печо́рка — 85
пинкерто́новщина — 125
пистоле́т — 93
платони́зм — 122
пломби́р — 110
плуто́ний — 58, 61
плю́шкин — 119
плю́шкинство — 121
подали́рий — 66
полоне́з — 87
поло́ний — 58, 59
помадýр — 33, 108
помадýрша — 33
попóвка — 85
попри́щин — 119
пржевальски́т — 77
провансáль — 110
прокру́ст — 66

промéтий — 58, 61
психéя — 65
пуáз — 38
пульман — 84

Р

ранд — 46
рéгби — 91
реглáн — 103
резерфóрдий — 58, 63
ремингтóн — 52
рéний — 58
ренó — 83
рентгéн — 50
реомю́р — 51
репети́лов — 118
ришелье́ — 107
робинзóн — 118, 126
робинзонáда — 125, 126
рокфóр — 110
романéска — 87
рома́новка — 85
росинáнт — 117
ростóвская — 36
ру́дин — 119
румы́нки — 106
рутéний — 58, 59
рэнд — 46

С

саксофóн — 48
самáрий — 58, 64
самги́нщина — 125
сангари́т — 75
сáндвич — 43
сандúно — 45
сарáтовка — 48
сарáтовская — 36, 88
сардúны — 67
сáрма — 74
сарпúнка — 104
сарпúночник — 104
севр — 108
седови́т — 77
секвóйя — 73
селеви́ния — 67
селенгá — 74
сенбернáр — 68
сибари́т — 34
сиби́рка — 103
сази́ф — 66
силуэ́т — 129, 130 134
синантрóп — 36
ситроéн — 83
скалозу́б — 118
скалозу́бовщина — 125
скáндий — 58, 61
смердякóвщина — 121
собакéвич — 119
содóм — 136
солеци́зм — 123
соломóн — 136
сомалú — 46
спанúель — 69
спартакиáда — 89, 90
спри́нгфилд — 96
ставропóлька — 69
стóик — 34
стоици́зм — 34
страдивáрий — 48
страдивáриус — 48
стронциани́т — 60
стрóнций — 58
суданка — 70
сунгули́т — 75

Т

таври́т — 75
тавричáнка — 84
тагили́т — 75
таймыри́т — 75
тáлер — 47
тáльма — 102
тальянка — 48, 49
тамари́нд — 70
танталл — 58, 61, 62
тарантéлла — 87
тарáнтул — 137
тартарéн — 118
тартю́ф — 118
тартю́фовщина — 121
татья́нка — 102
тезя́нка — 85
тéрбий — 58, 60
тéрмин — 128
терминáлии — 128
тернёв — 69
тимофéевка — 71
тиму́ровец — 135
тирóлька — 106
тирóльки — 103
ти́хвинка — 84
толстóвец — 39
толстóвка — 39
толстóвство — 39
толстóвщина — 39
тóрий — 58, 61
тритóн — 67
тряпи́чкин — 119
тувини́т — 75
ту́лий — 58, 59, 61
ту́лка — 92, 95
туля́к — 95
тунгуси́т — 75
тюль — 106

У

угрю́м-бурчéев — 119
угрюмбурчéевщина — 121
удабнопитéк — 80
украúнка — 69
улья́новка — 69
унжáк — 84
уралúт — 75
урáн — 58, 61
уссури́т — 75
устюжáнка — 85
утопи́зм — 128
утопи́ст — 128
утопи́стка — 128
утопи́чность — 128
утóпия — 128

Ф

фазáн — 67
файдеши́н — 105
фáмусов — 118
фáмусовщина — 125
фáра — 52
фарадомéтр — 50
фаренгéйт — 51
фáуст — 118
фаэтóн — 83
фаúнс — 108
февралú — 54
ферганúт — 75
фéрмий — 58, 62
фернамбу́к — 70
ферсманúт — 77
фес — 106
фéска — 106
фиáкр — 83
фигарó — 102
филúппика — 126
фильдекóс — 106
фильдепéрс — 106
фúнка — 32, 85, 106
флоранс — 105
флорúн — 45
фомá — 136
фóрд — 83

фортýна — 114
фортýнка — 114
фортýнщик — 114
фóфан — 136
фрáнций — 58
франциосифдóр — 44
фрейдúзм — 122
френч — 103
фридрихсдóр — 44
фужéр — 108
фурньé — 101

Х

хабанéра — 87
хатангúт — 75
хемингуэ́йка — 103
хибинúт — 75
хúмия — 64
хлестакóв — 119
хлестакóвство — 121
хлестакóвщина — 121
холмогóрка — 68
христиáнство — 122
хулигáн — 30

Ц

царь — 40
цезарúзм — 40
цéзарь — 39, 40
цéльсий — 51
цеппелúн — 86
цéрий — 58, 61
цúцеро — 101

Ч

чайльд-гарóльд — 118
чапáевка — 106
чарльстóн — 87
черемхúт — 75
черéшня — 137
черномóрка — 92
чéстер — 110
чичерóн — 40, 41
чúчиков — 119
чúчиковщина — 121

Ш

шевиóт — 105
шелóник — 74
шерлокхóлмс — 37, 42
шехерезáда — 114, 118
шовинúзм — 129, 132, 133, 134
шорúт — 75
шотлáндка — 105
шрапнéль — 95

Щ

щербаковúт — 77

Э

эвенкúт — 75
эйнштéйний — 58, 62
эльзевúр — 100
э́мбенка — 85
эндимиóн — 44
э́бола — 48
эпикурейзм — 122
э́рбар — 101
э́рбий — 58, 60
эскулáп — 115

Ю

юпúтер — 52

Я

я́го — 117
январь — 54
якáн — 95
япóнка — 136

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ономастика. Известна ли она вам? 3

Слово о собственных именах

Собственное имя или нарицательное? 10
Собственные имена многозначны 15
Миграция собственных имен 19

Собственные имена — родители нарицательных

О рождении географических названий 22
Об именах и фамилиях 27
Суффиксы «ликвидируют» собственные имена 30
От двух к одному 36
...и наоборот 37
Лазарон и лазарони, чичерон и чичероне 40

Будем шерлокхолмсами

Колумб открыл Колумбию и нашел *колумбит*? 42
По перрону гуляет Шарль Перрон, а Чарлз Ливер покупает ливер 43
Много ли Геркулесов и Эндимионов? 44
От русского *ефимка* до американского *доллара* . . . . . —
Чем схожи *баян* и *патефон*? 47
Единица измерения и измерительные приборы 49
Изобретатели изобретают 51
Заглянем в календарь 51
Кто и что скрывается в таблице Менделеева? 56

Собственные имена «на земле, в небесах и на море»

Город Милан и *меделянки* 65
Нарцисс и *нарцисс*, Гортензия и *гортензия* 69
Ветры Байкала 73
За собственными именами под землю! 74
Отправимся в Галактику! 80
Мы едем, едем, едем... 82
А теперь потанцуем 87
...и споем . . . . . —
Олимпиада или *спартакиада*? 89
А вы лошадей любите? 92
Тулка из Тулы, а *ижевка* из Ижевска . . . . . —

Мы идем по городу

Кариатиды и *атланты* 97
Дела типографские 100
Зайдем в этнографический музей 102
А вы это ели? 109
Давайте утолим жажду 112

Донкихоты, донжуаны, шехерезада

Собственные имена помогают раскрыть характер человека 114
Новая жизнь имен героев литературных произведений 120
Собственные имена и филологическая терминология 122
Литература для дальнейшего чтения 129
Указатель нарицательных имен, образованных от собственных 137

Учебное издание

Введенская Людмила Алексеевна
Колесников Николай Павлович

ОТ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН К НАРИЦАТЕЛЬНЫМ

Зав. редакцией А. В. Прудникова
Редактор Н. А. Уланова
Художник Е. С. Шабельник
Художник обложки Б. С. Вехтер
Художественный редактор И. В. Короткова
Технические редакторы О. И Савельева, Т. П. Локтионова
Корректор М. Ю. Сергеева

ИБ № 12017

Сдано в набор 13.04.88. Подписано к печати 20.02.89. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 2 Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,88. Уч.-изд. л. 7,58. Тираж 200 000 экз. Заказ 944. Цена 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Типография № 2 Госкомиздата РСФСР, 152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, д. 8.

Е.К.Францман

Сборник диктантов по русскому языку

8-9 классы

Книга для учителя

МОСКВА 1996

Зачем спешить?

(Шутка)

Идет сильный дождь. По улице медленно идет человек. Прохожий спрашивает его:

— Почему вы идете так медленно под дождем?

— А зачем спешить? — отвечает он.— Впереди идет такой же сильный дождь.

Задания. 1. Вспомните и скажите, когда употребляется мягкий знак, а когда — твердый. 2. Объясните, как вы понимаете шутку.

ФОНЕТИКА. ОРФОГРАФИЯ

Указание учителю. Надо объяснить значение слов *фонетика* и *орфография*.

Слово *фонетика* образовано от греческого слова phōnē — «звук», слово *орфография* — от греческого слова orthos — «правильный» и graphō — «пишу».

ЗВОНКИЕ И ГЛУХИЕ СОГЛАСНЫЕ

Словарный диктант

Тихий голос; полный колос; высокая гора; березовая кора; новый дом; второй том; большая бочка; раскрылась почка; воздушный шар; жар от печи; зеленеет пашня; высокая башня; интересно жить; шить пальто; поставить точку; младшая дочка; солнечный день; длинная тень; бить тревогу; пить лимонад; далекий путь; будь здоров; большая кость; дорогой гость; привезли жесть; шесть книг. (53 сл.)

Объяснительный диктант

Указания учителя. 1. Обозначьте орфограмму «Проверяемые согласные в корне слова». 2. После слов с глухой согласной в скобках напишите проверочное слово.

Образец. *Сказка (сказочка)*.

1. Я люблю народные сказки. 2. Как душисты ягодки земляники! 3. На грядках росла морковь. 4. От ветра клонилась гибкая березка. 5. Лодка медленно плыла по реке. 6. Берег постепенно приближался. 7. Сторож ночью не спит. 8. Громко лает дворняжка. 9. Еж пробирался в кустах. 10. Кошка выпустила когти. 11. Заткни бутылку пробкой. 12. Сдайте багаж на хранение.

БУКВЫ З И С НА КОНЦЕ ПРИСТАВОК

Приставки придают русской речи столько богатейших оттенков. Чудесная выразительность речи в значительной мере зависит от них. В разнообразии приставок таится разнообразие смысла. (К. Чуковский.)

Водопад

Перед нами мощный поток воды, который бурно устремляется вниз с большой высоты. Далеко разносится грохот низвергающейся с обрыва воды. Все кругом вздрагивает от шума. Беспрерывно падает вода и рассыпается внизу на миллиарды мелких брызг. Путешественники смотрят в безмолвном восхищении на это чрезвычайно красивое явление природы. Особенный восторг у зрителей вызывает водопад в безоблачные дни, когда бесчисленные капельки как бы растворяются в воздухе. (85 сл.)

Выборочный диктант

Указание учителя. Выпишите словосочетания, в составе которых слова с приставками на з и *с*.

Указание учителю. Написать на доске *Западно-Сибирская равнина*.

На востоке нашей страны возвышаются Уральские горы, а за ними расстилается Западно-Сибирская равнина. Бесчисленные богатства находятся в недрах земли. Перед строительством моста надо рассчитать его конструкцию. Потом необходимо исследовать местность. Кто будет возглавлять строительство?

Тихое безоблачное утро. Нежный аромат распространяют скромные фиалки. Среди ржи кое-где вспыхивают красные полевые маки. Я не люблю искусственные цветы. Птицы беспокойно перелетают с дерева на дерево. Скворцы умеют воспроизводить разные звуки. (68 сл.)

Контрольный словарный диктант

Безбрежный простор; беззвездная ночь; ранний рассвет; безоблачный день; распахнуть окно; вспорхнула птица; расправила крылья; взлетела на сосну; бесшумно подойти; расцвели ландыши.

Описать происшествие; исследовать причину; расспросить свидетелей; бессердечный поступок; холодный расчет; избежать опасности; исполнить долг.

Научное исследование; разработать план; рассмотреть заявление; изучить материалы; возобновить занятия; сдать экзамен; расположиться на отдых.

Бессвязный лепет; беззаботное детство; возбуждать интерес; испугать ребенка; безграничная любовь; беспокойная ночь.

Исчезнувший остров; изучить материалы; восстановить данные; неисчерпаемые богатства; новое здание; непрерывные исследования.

вали кавказскими товарами: шелковыми платками, серебряными браслетами, а также кожаной обувью. Рядом шла бойкая торговля ситцевой материей, полотняными скатертями. (95 сл.)

Указание учителя. Обозначьте графически условия выбора букв *к* и *нн* в суффиксах прилагательных.

I. 1. Среди новых деревянных домов выделялась заброшенная избенка с соломенной крышей. 2. Пол в избе был глиняный. 3. При постройке дороги возводили песчаные насыпи. 4. Производственная практика студентов закончилась. 5. Машинное масло разлили в масленки. 6. Тюмень славится нефтяными богатствами. 7. Дети играли оловянными солдатиками.

II. Самое древнее изображение кожаного мяча относится к 2500 году до нашей эры и обнаружено на острове Самофракия в Эгейском море. Мяч нарисован на глиняной табличке, он составлен из отдельных клиньев кожи, как наш современный мяч. Это говорит о том, что спортивные игры, родственные футболу, были знакомы еще древним грекам.

III. Люди давным-давно устроили над чистым ключом деревянный низкий сруб, на котором висел берестяной ковшик. Каждый мог подойти и напиться холодной ключевой воды. (С.-М.) (110 сл.)

Словарный диктант

Башенный кран; каменная ограда; именной список; искренняя радость; родственные отношения; искусственный лед; соломенная шляпа; старинный романс; пламенный вихрь; доменная печь; жизненный вопрос; лиственный лес; обеденный перерыв.

Авиационный завод; пенсионный возраст; традиционный слет; экскурсионное бюро; операционный блок; комиссионный магазин; реакционные взгляды; редакционные поправки. (42 сл.)

РАЗЛИЧЕНИЕ НА ПИСЬМЕ СУФФИКСОВ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ *-К-* И *-СК-*

Словарный диктант

Братская помощь; студенческий коллектив; героический поступок; университетская библиотека; польский язык; немецкая песня; матросский танец; французские духи; сельское хозяйство; апрельский пейзаж, одесский порт; Белорусский вокзал. (24 сл.)

Контрольные диктанты

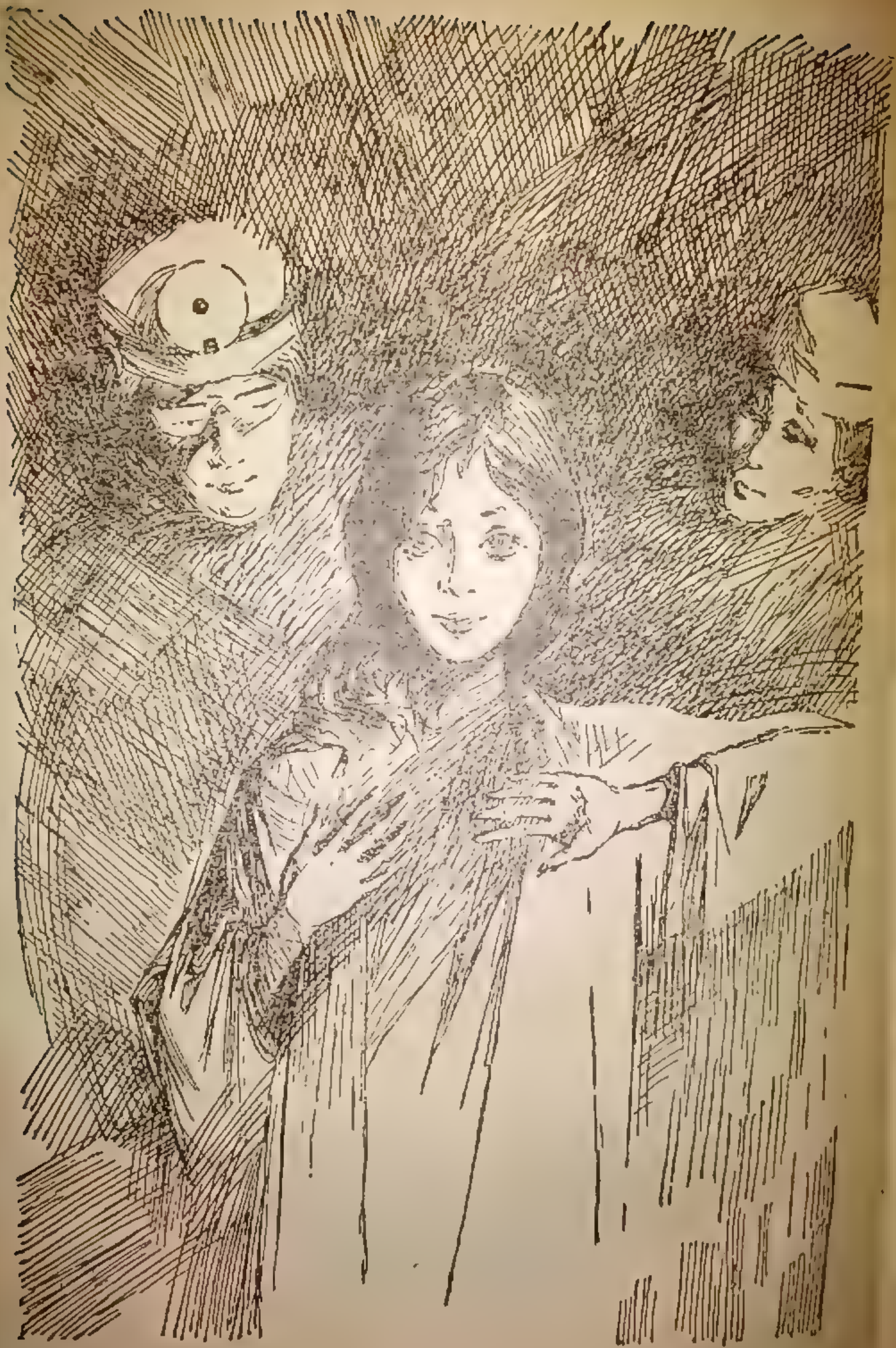
1. Мощь и богатство русского языка отмечал Михаил Васильевич Ломоносов, он находил в нем «великолепие гишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображении краткость греческого и латинского языка». 2. Что может быть важнее чело-

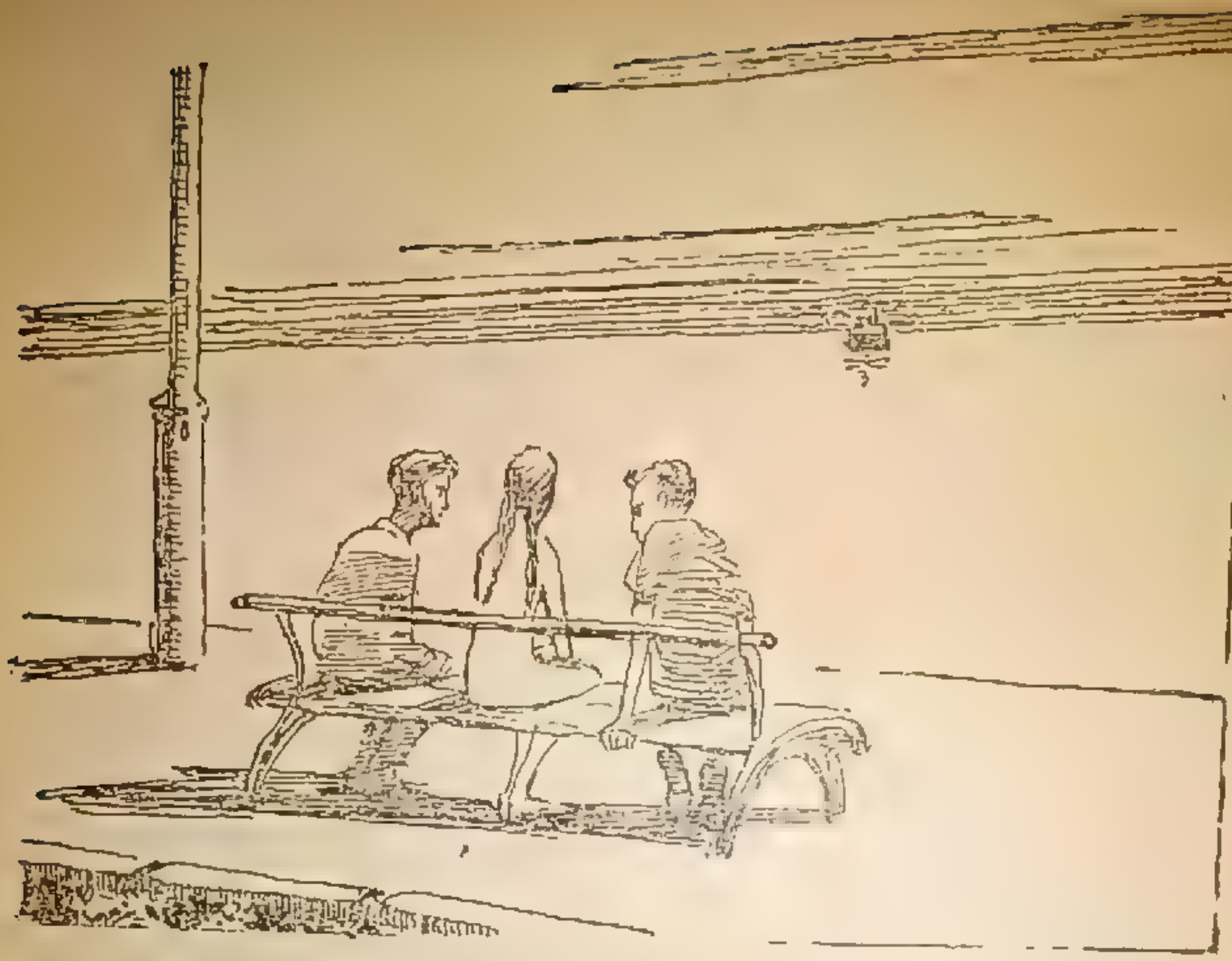
В. Мухина-Петринская

КОРАБЛИ САНДИ

РОМАН

ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1972





Глава первая

«АЛЫХ ПАРУСОВ НЕ БЫВАЕТ...»

«Почему он не хочет со мной дружить? Почему?»

Вопрос этот Санди задавал сотни раз, на разные лады. Сначала самому себе, а потом, когда горячее желание дружбы пересилило самолюбие, и другим. Никто не знал. Ермак скрытный, его нелегко понять. С матерью Санди поделился только на третий год. Виктория Александровна внимательно посмотрела в лицо сына, раскрасневшееся и огорченное, и сама огорчилась.

Вот и вырос сын. Уже в седьмом классе. Когда был маленький, только от нее одной зависело, будет ли счастлив ее ребенок. Теперь ему мало ее любви. Нужен друг. Какой-то Ермак Зайцев. Придет время, и дружбы ему покажется мало. Многое другое будет нужно ему тогда. А теперь — друг. Но почему именно этот мальчик?

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

ЛЕДЯНОЙ ДОМ

РОМАН

КРАСНОДАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

Р1
Л16

Художник *В. М. Луканин*

Вступительная статья *М. Нечкиной*

Примечание *И. Ильинской*

Лажечников И. И.

Л16 Ледяной дом: Роман. — Краснодар: Кн. изд-во, 1985. — 368 с., нл.

Широко известный исторический роман **И. И. Лажечникова.**

Л $\frac{4702010100\text{-}39}{М146(03)\text{-}85}$ 25-85

Р1

Текст печатается по изданию: Лажечников И. И. Ледяной дом. М., «Советская Россия», 1977

© Краснодарское книжное издательство, 1985. Оформление

«Ледяной дом» И. И. Лажечникова

1

В скромной квартире директора училищ Тверской губернии кабинет, конечно, был завален книгами. Стояла зима 1833/34 года. Днем или зимним вечером в воскресенье мы могли бы увидеть в кабинете еще не старого — сорокалетнего — человека, погруженного в работу, перебиравшего исписанные листы, склонившегося над историческими документами и книгами. Современникам бросались в глаза подвижные «игривые» черты лица, выражавшие детское простосердечие и яркий юмор, живые, наблюдательные глаза и высоко взбитый кок пышных, уже седеющих волос. «Он располагает к себе с первого взгляда своею кротостью, мягкостью, благодушием»[1], — писал позже в воспоминаниях один его петербургский знакомый. Работавший за столом человек имел уже к тому времени громкую славу «русского Вальтера Скотта». Сам он думал о себе скромнее, быть «внуком» знаменитого английского романиста казалось ему достаточным. Поэтому он говорил шутливо: «Дедушка наш Вальтер Скотт». Директор училищ Тверской губернии Иван Иванович Лажечников писал этой зимой роман «Ледяной дом».

Известный автор «Походных записок русского офицера» (1820) и нашумевшего романа «Последний Новик» (1831—1833) пытался воссоздать мрачную эпоху императрицы Анны Иоанновны и с увлечением работал над историческим материалом. Ему удалось достать и документальные свидетельства о «деле Волынского» и воспоминания современников, носившие подчас длиннейшие названия, — так привлечена была, например, «русским Вальтером Скоттом» одна довольно редкая «книжица» под пространным названием «Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге, в Генваре 1740 года, ледяного дома и всех находившихся в нем домовых вещей и уборов, с приложенными при том гридированными фигурами, также и некоторыми примечаниями о бывшей в 1740 году во всей Европе

[1] Панаев И. И. Литературные воспоминания. М.; Л.; Гослитиздат, 1950, с. 262.

жестокой стуже, сочиненное для охотников до натуральной истории через Георга Вольфганга Крафта, С.-Петербургской Императорской Академии Наук члена и физики профессора».

Книги и документы излагали факты, которые живо подхватывало и разрисовывало художественное воображение Ивана Ивановича Лажечникова. Но в ткань воссоздаваемых на основании документов картин буйно и неудержимо врывалась действительность начала тридцатых годов XIX века. В картины далекого прошлого властно входили впечатления современника, уже разбуженного начинающимся кризисом феодально-крепостной системы, хранящего свежие воспоминания и о войнах с Наполеоном, и о 14 декабря 1825 года. Это были впечатления о России, только что «успокоенной» после революционной вспышки декабристов самодержавием Николая I. России, где начинал уже действовать молодой Герцен, вдохновленный громом пушек на Петровской площади, России эпохи растущих крестьянских волнений, польского восстания 1830—1831 годов, планов царской интервенции в революционную Францию 1830 года.

Вся эта сложная, противоречивая, тревожная обстановка ставила перед автором «Ледяного дома» много вопросов о самодержавно-крепостном строе, на которые он пытался посильно ответить, рисуя политический облик Волынского, создавая образы Бирона и Анны Иоанновны. В роман вторгался с вопросами и ответами и «друг-читатель» русского Вальтера Скотта, двойник автора, пылавший горячим патриотизмом, чувствовавший себя «русским с головы до пят». Вкусы, требования и политическая идеология «друга-читателя» были значительным рычагом, поворачивавшим исторический материал в сторону, ему нужную. Читатель находил ответы на злободневные политические вопросы тридцатых годов и в резком осуждении временщика-злодея Бирона, и в патриотических речах Волынского.

Ясно поэтому, что образная «ткань» «Ледяного дома» не так уж проста. Это один из первых русских исторических романов, довольно близко воспроизводящий эпоху Анны Иоанновны. Но в то же время это и произведение, отразившее в себе черты двадцатых—тридцатых годов XIX века и в силу этого привнесшее в старые времена XVIII века современность, окружавшую автора, то есть то, что возникло ровно столетием позже. Иначе, конечно, и быть не могло. А. С. Пушкин с большой проницательностью писал Лажечникову: «Может быть, в художественном отношении Ледяной дом и выше Последнего Новика, но истина историческая в нем не соблюдена, и это со временем, когда дело Волынского будет обнародовано, конечно, повредит вашему созданию; но поэзия останется всегда поэзией, и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык»[1]

[1] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т 16. Переписка 1835—1837 гг. М. Изд-во АН СССР, 1949 с. 62.

Иван Иванович Лажечников родился 14 сентября ст. ст. 1792 года. Он был сыном богатого коломенского купца, торговца хлебом и солью. Весь род Лажечниковых издавна занимался именно этой торговлей. Семейно-бытовая обстановка богатой купеческой семьи конца XVIII века представляла собой еще более страшное «темное царство», чем во времена Островского.

Лажечников оставил нам несколько произведений автобиографического характера: «Беленькие, черненькие и серенькие», «Немного лет назад», в которых рисует тяжелый и мрачный быт коломенского купечества. Но семья Лажечниковых представляла собой любопытное исключение. Получив значительное наследство, отец Лажечникова построил себе богатый дом, который, как у дворян, «славился роскошью своего убранства... везде паркеты из красного, черного, пальмового дерева, мрамор, штоф... — писал Лажечников. — В нем отец мой угощал великолепных сынов кончавшегося века

...из стан славной
Екатерининских орлов

и угощал великолепно, не ударяя лицом в грязь перед важными господами, не брезгавшими водить хлеб-соль с купцом. Он жил вообще, как богатые дворяне того времени.

Несмотря на купеческое происхождение, в обход закона, отец писателя приобрел поместье в двадцати трех верстах от Коломны — «Красное сельцо». Купцам это имело было на имя дворянина — близкого приятеля семьи Лажечниковых — московского губернатора Обрезкова. Дворяне всего уезда съезжались туда в гости к купцу-хлебосолу, чтобы насытиться до отвала стерлядей (аршинных!), пойманных в собственных прудах хозяина, или двухфунтовых груш, выросших в его оранжереях. Вспоминали, что губернаторы, ездившие на ревизию губерний, делали по многу верст крюку, чтобы заехать к гостеприимному хозяину, имевшему хороший оркестр домашних музыкантов.

Но дело было не только в материальном довольстве и обеспеченности. Отец будущего писателя выделялся своей образованностью и любовью к книгам. В автобиографической повести «Беленькие, черненькие и серенькие» Лажечников вывел своего отца под именем Максима Ильича Пшеницына. «Максим Ильич, — пишет Лажечников, — имел врожденное стремление к образованию себя. Случай развил еще более эту склонность». И далее писатель сообщает очень важные сведения: его отец был знаком с Новиковым, оказавшим на него значительное влияние. В одну из частых поездок своих в разные концы России, которые он всякий год совершал по торговым делам, он познакомился с замечательным русским просветителем. Новиков полюбил молодого человека, беседовал с ним часто «о благах», доставляемых просвещением, и снабдил его списком всех книг и журналов,

какие только были изданы на русском языке. Максим Ильич не замедлил купить эти книги и читал их с жадностью. В своем автобиографическом рассказе писатель говорил об отце, что тот «иной раз так смело выражался о разных важных предметах и лицах, что у трусливого человека, слушавшего его, волосы дыбом становились». Свидетельства об отце говорят, что он был и религиозным вольнодумцем.

Приглашенный к маленькому Лажечникову гувернер был рекомендован Новиковым. Выбор оказался удачным. Француз «был не какой-нибудь проходимец, а человек со значительным по тому времени образованием». Воспитатель Лажечникова Болье (Beaulieu) учился в Страсбургском университете, хорошо знал французский и немецкий языки. Лажечников писал о своем воспитателе: «Память о нем до сих пор с глубокою благодарностью сохраняется в сердце моем. Никогда не видал я над собою розог, и все наказание учебное ограничивалось у нас ставлением за обедом в угол, каковое наказание огорчало меня до обильных слез». Дядьку Ларивона, приставленного к Лажечникову, также вспоминал писатель с большой благодарностью.

Одним из самых сильных впечатлений детства было воспоминание о той страшной ночи, когда во двор богатого купеческого дома ворвались три тройки, запряженные в рогожные кибитки, наполненные солдатами. В автобиографии Лажечникова рассказано, как он внезапно проснулся ночью от шума в доме: «Я увидел рыдающую мать мою, прощание ее с отцом, благословение его дрожащею рукою надо мною и братом моим». По приказу императора Павла I арестовали отца писателя, гувернера Болье и священника, преподававшего детям русский язык. Тройки унеслись с арестованными, все затихло. «Вслед за тем слышны были только перешептывания, рыдания матери и причитание женской прислуги. В этом происшествии никто ничего не мог понять. Дядька мой Ларивон угрюмо молчал, нянька Домна усердно молилась и приказывала мне молиться».

В семье Лажечникова объясняли арест религиозным вольнодумством отца, — однажды он резко и остроумно отозвался об одном высокопоставленном коломенском духовном лице. Поп, учивший детей Лажечникова русскому языку, передал слова тому, о ком они были сказаны. В Петербург полетел донос на купца как на якобинца и разрушителя основ. Дело было в последние годы царствования Павла I; шпионаж и сыск быстро сделали свое дело.

Лажечников пишет в автобиографии, как мать сейчас же вслед за арестом отца двинулась в Москву вместе с малыми детьми, собрав все деньги, какие могла достать. «По приезде в Москву мы отправились в Тайную канцелярию, находившуюся на углу Мясницкой и Лубянской площади... Здесь какой-то генерал дозволил нам свидание с пленником. Мы простились с ним, не зная, увидим ли его когда-нибудь...» Отца увезли в Петропавловскую крепость.

Неизвестно, что именно сыграло главную роль в довольно быстром последующем освобождении арестованного — он вернулся домой «в день Михаила Архангела, что в сентябре». Вероятно, всесильная взятка богача купца сыграла тут не последнюю роль, да и многочисленные дворянские связи Лажечниковых, конечно, были пущены в ход. Все кончилось благополучно, только дела Лажечниковых после ареста пришли в совершенный упадок, усиленный еще одной более поздней неудачной торговой операцией. Известный достаток еще остался, но писатель Лажечников должен был служить, чтобы жить на жалованье; никаких капиталов от отца он не унаследовал.

Лажечникову было только пятнадцать лет, когда он поместил в «Вестнике Европы» философские рассуждения в подражание Лабрюйеру под названием «Мои мысли». Любопытно, что здесь уже встречаются, хотя и туманные, высказывания, осуждающие тиранию.

На службу Лажечников поступил сначала в Московский архив иностранной коллегии, потом в канцелярию московского генерал-губернатора. В то же время он не прекращал учиться — брал уроки риторики у профессора Победоносцева и слушал частные лекции известного профессора литературы — поэта Мерзлякова.

Отечественная война 1812 года всколыхнула патриотическое сознание юноши. Любовь к родине побудила его вступить в ряды войск, защищавших отечество. «Я рвался в ряды воинские и ждал на то разрешения, — пишет Лажечников в автобиографическом рассказе «Новобранец 12-го года». — Сердце мое радостно билось при одной мысли, что я скоро опояшусь мечом и крупно поговорю с неприятелем за обиды моему отечеству. В войну 12-го года, истинно народную, патриотизм воспламенял и старцев и юношей. Порою рисовалось моему юношескому воображению зарево биваков, опасное участие в ночном пикете, к которому ветерок доносит жуткий говор неприятеля, жаркая схватка... Не скрою, что порой прельщали меня и красный ментик с золотым украшением, и лихой конь, на котором буду гарцевать перед окнами девушки, любимой мною страстно... до первой новой любви».

Родители категорически запретили будущему писателю идти на войну, но он бежал из дому и сражался в рядах армии. Правда, вскоре после бегства получил он родительское прощение и «благословение» на военные подвиги.

Лажечников побывал за границей во время походов 1813—1815 годов: он участвовал в деле под Бриенном и во взятии Парижа. «Походные записки русского офицера» Лажечникова вышли в 1820 году; он описывает в них свои впечатления, сочувственно отмечая явления передовой западной культуры, и уже тогда, хотя и в слабой форме, протестует против крепостного права в России.

К военной поре жизни Лажечникова относится его встреча с Пушкиным в декабре 1819 года. Его шутливое письмо к Пушкину от 13 декабря

1831 года (из Твери) осталось памятником этой встречи. «Волею или неволею займу несколько строк в истории вашей жизни», — писал поэту Лажечников. Речь шла об одной из дуэльных историй Пушкина, в которой Лажечников сыграл роль умиротворителя.

«Вспомните малороссиа Денисовича, — пишет Лажечников Пушкину, — с блестящими, жирными эполетами и с душою трубочиста, вызвавшего Вас в театре на честное *слово* и *дело* за неуважение к его высокоблагородию; вспомните утро в доме графа Остермана в Галерной, с Вами двух молодцов гвардейцев ростом и духом исполинов, бедную фигуру малороссиа, который на вопрос Ваш: приехали ли вы *вовремя?* — отвечал, нахохлившись, как индейский петух, что он звал Вас к себе не для благородной разделки рыцарской, а сделать Вам поучение, како подобает сидети в театре, и что майору неприлично меряться с фрачным; вспомните крохотку адъютанта, от души смеявшегося этой сцене и советовавшего Вам не тратить благородного пороха на такой гад и шпор иронии на ослиной коже. Малютка адъютант был Ваш покорнейший слуга — и вот почему, говорю я, займу волею или неволею строчки две в вашей истории»[1].

В 1819 году Лажечников оставил военную службу и стал директором училищ Пензенской губернии, потом «визитатором» саратовских училищ и, наконец, директором казанской гимназии. В это время пришлось ему работать с Магницким, о котором он оставил любопытные воспоминания. В ту пору, после наполеоновских войн и в годы бурного роста передового общественного движения, многие молодые люди бросали военную службу, где приходилось покоряться аракчеевским ставленникам и заниматься шагистикой, и переходили на гражданское поприще, где было, по их мнению, больше возможности принести пользы отечеству.

Общее движение времени захватило и Лажечникова; он оставил военную службу, где ему могла быть обеспечена сытая, почетная и легкая жизнь, и перешел в начале 1821 года на работу в области народного просвещения. Пензенская губерния, где он начал свою деятельность, входила в те годы в состав Казанского учебного округа, попечитель которого предупредил Лажечникова, что он найдет пензенскую гимназию «в жалком, запущенном состоянии».[2] И действительно, едва новый директор переступил порог ее, как увидел гимназистов, на руках выносивших из класса пьяного учителя словесности, — «мыши кота погребали». Другие учителя просто не являлись в классы, ученики числились в списках, нежели посещали уроки. Энергичный директор нашел молодых, способных учителей, заинтересовал учеников, навел дисциплину — и гимназия стала жить новой жизнью.

---

[1] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 14. Переписка 1828—1831 гг. Л.: Изд-во АН СССР, 1941, с. 249—250.

[2] Нечаева В. С. Иван Иванович Лажечников. Пенза, 1945, с. 12—13.

Лажечников как директор уездных училищ энергично принялся за насаждение образования в провинциальной глуши, — благодаря его заботам в сентябре 1822 года было открыто уездное училище в Чембаре. Именно в это новое училище поступил учиться мальчик Виссарион Белынский (Белинский), будущий великий критик и деятель революционно-демократического движения. Лажечников сразу заметил одаренного подростка, поддержал его на первых же шагах. «Ястребок» — ласково назвал он мальчика. «На все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такою уверенностью, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу», — позже писал И. Лажечников в своих «Заметках для биографии Белинского». Теплые отношения между Лажечниковым и Белинским сохранились на всю жизнь.

В 1826 году Лажечников вышел в отставку, ездил в Лифляндию для сбора материалов к своему роману «Последний Новик». Книга вышла в 1831—1833 годах и доставила Лажечникову славу одного из пионеров русского исторического романа. Отзыв о романе был дан Белинским в «Литературных мечтаниях». Он писал о «Последнем Новике», что Лажечников «по справедливости может быть признан русским романистом...» «В самом деле, «Новик» есть произведение необыкновенное, ознаменованное печатью высокого таланта».

В 1831 году Лажечников вновь вынужден был поступить на службу в связи с затрудненными материальными обстоятельствами. Он был назначен директором училищ Тверской губернии, где и встретились мы с ним в начале этой статьи, застав его над рукописью «Ледяного дома», опубликованного в 1835 году. В 1837 году Лажечников вышел в отставку, поселился в деревне под Старицею и опять отдался литературной работе. Его новый роман «Басурман» был посвящен эпохе Ивана III.

В 1843 году Лажечников написал драму «Опричник», которая не была пропущена цензурой. В 1870—1872 годах эта драма послужила П. И. Чайковскому основой для его оперы «Опричник».

В 1842—1854 годах Лажечников — вице-губернатор в Твери, затем в Витебске, а в 1856—1858 годах служил цензором в петербургском цензурном комитете. Работа цензора его очень тяготила; в этой роли он, по словам близко знавших его людей, «был истинным страдальцем» и называл «счастливым» тот день своей жизни, когда, выслужив пенсию, смог оставить службу в цензуре [1].

Крестьянскую реформу 1861 года Лажечников встретил восторженно. Однако к концу жизни он отошел от своих прогрессивных устремлений; один из последних романов Лажечникова — «Внучка пацирного боярина» (1868) — проникнут великодержавным шовинизмом.

Умер Лажечников 26 июня ст. ст. 1869 года

[1] Панаев И. И. Литературные воспоминания. М.; Л.: Гослитиздат, 1950, с. 262.

Центральными фигурами романа «Ледяной дом» являются Волынский и прекрасная Мариорица. Вокруг любви их заплетается причудливый, наивный и двойственный сюжет романа: любовная интрига переплетена со столкновением политического характера. Это столкновение — ожесточенная борьба смелого, благородного, подлинно русского патриота Волынского с мрачным злодеем и временщиком, немцем Бироном. Двусторонность сюжета так отчетлива, что почти возможно говорить прямо о двух сюжетах — любовном и политическом, кстати крайне слабо скрепленных друг с другом; Бирон, узнавший о любви Волынского, пытается обратить ее в орудие разоблачения своего противника. Но основная характерная черта Волынского, на которой строится политический сюжет — его героический патриотизм, — собственно, никакого отношения не имеет к любовной интриге самой по себе.

В этих сюжетных линиях интересны для нас прежде всего Волынский и Бирон как исторические лица. Мариорицу считать исторической личностью невозможно. Группа Волынского — Перокин (Еропкин), Сумин-Купини (Мусин-Пушкин) Щурхов (Хрущов), секретарь Зуда (де ля Суда), Эйхлер — отражает реальные исторические лица, не говоря уж об императрице Анне Иоанновне.

В чем же состояли реальные исторические события, послужившие основой романа, и каковы были реальные исторические деятели, выведенные в «Ледяном доме»?

Царствование императрицы Анны Иоанновны (1730—1740) началось под знаком феодальной реакции. Политика глубокого переустройства феодальной России, проведенная Петром I, его кипучая деятельность по укреплению русского государства, его заботы о промышленном развитии страны — прогрессивная сторона его царствования. Петр I мобилизовал все, что мог, для того, чтобы отсталую крепостную Россию поднять на уровень передовых европейских государств. Россия сделала сильный рывок вперед, но замысел Петра все же полностью не увенчался успехом, технико-экономическая отсталость страны не была преодолена.

После смерти Петра I становящаяся на капиталистические рельсы Западная Европа стремилась использовать царскую Россию лишь как источник сырья. В русском вывозе доля сырья год от года возрастала, а доля готовых изделий падала.

Ввозила же Россия в первой половине XVIII века главным образом предметы дворянского обихода. Большие заграничные корабли, сверты-вая паруса, подплывали к деревянным причалам санкт-петербургского или архангельского портов. Из трюмов выгружали дорогие иностранные вина, осторожно выносили туго запакованные тюки с тонкими заграничными сукнами для дворянских камзолов и свертками дорогих шелковых тканей для великолепных платьев дворянских

мен. Выгружали ящики с кофе, пряностями, привозили дорогие косметические изделия. Опустевшие трюмы кораблей наполнялись грубыми кипами пеньки, льна, сала, обделанными кожами, свертками жесткого серого холста, сотканного на ручном станке, нередко в закопченой курной избе крепостного крестьянина; подчас попадала на корабли и пушнина — ясачной налог или выменянные за бесценок у сибирского «инородца» соболи, куницы, белки, бобры.

После короткого царствования Екатерины I, отмеченного главенством Верховного тайного совета (1725—1727), на престоле оказался двенадцатилетний подросток — Петр II, игрушка в руках «верховных господ». В 1730 году, накануне своей свадьбы, Петр II внезапно заболел оспой и умер.

«Верховные господа» всполошились. Кто станет царем? Кучка крупных вельмож решила сохранить власть в своих руках; для этого ей была нужна такая же податливая и ничтожная фигура на царском престоле, какой была Екатерина I или Петр II. «Верховные господа» сочли подходящей для этой роли курляндскую герцогиню Анну. Четвертая дочь слабоумного царя Ивана, единокровного брата Петра I, Анна родилась в 1694 году. Петр I самовластно распорядился судьбой семнадцатилетней племянницы, выдав ее из политических соображений замуж за курляндского герцога. Этим династия Романовых усиливала свою власть на берегах Балтийского моря. Анна овдовела через несколько месяцев после свадьбы, но из тех же политических соображений должна была оставаться в Митаве, столице Курляндии.

К этой-то курляндской герцогине «верховники» и послали гонцов с приглашением стать русской императрицей, конечно, только при том условии, если она будет во всем послушна «верховным господам». Анна согласилась, наскоро собралась и приехала в Москву еще в то время, когда съехавшееся со всех сторон на коронацию и свадьбу Петра II провинциальное «шляхетство» наполняло все дворянские особняки старой столицы. Дворянство взволнованно обсуждало и осуждало «затейку» «верховников» и противопоставило этой «затейке» свой план действий.

Условия («кондиции»), которые были поставлены «верховными господами» императрице Анне Иоанновне, состояли в следующем: она не имела права без согласия Верховного тайного совета объявлять войну, заключать мир, налагать новые подати, производить в чины выше полковничьего ранга, жаловать вотчины дворянам, назначать себе придворных и расходовать государственные доходы; сверх всего она должна была еще дать обещание не выходить замуж. В случае неисполнения принятых ею обязательств ей грозило лишение «короны российской». Ее роль сводилась к пребыванию безгласной ширмой для самодержавия «верховных господ», а это последнее никак не устраивало дворянство, — оно оказалось бы в этом случае жертвой

всевластия узкой группы правителей. Понятно поэтому, что, узнав о «затейке», дворяне решили уничтожить власть «верховных господ» и в первую очередь ликвидировать политическое основание этой власти — ограничительные пункты «кондиций». Дворянские возки, ныряя в ухабах московских улиц, носились из одного конца столицы в другой, конспираторы стучались в ворота друг к другу, тайно сговаривались о реализации своего плана. Дворянство обратилось к Анне Иоанновне с просьбой стать «самодержавной императрицей» и уничтожить «кондиции» «верховников», правильно рассчитав, что новая императрица будет гораздо более полезна шляхетству, если получит всю полноту власти при помощи этого самого шляхетства. Когда фельдмаршал Долгорукий предложил было дворянскому Преображенскому полку принести присягу царице и Верховному тайному совету, то дворяне кратко, но выразительно ответили, что они переломают фельдмаршалу ноги, если он еще раз сунется к ним с подобным предложением.

Анна Иоанновна согласилась с требованиями шляхетства и торжественно «разодрала» предложенные ей верховниками «кондиции». В марте 1730 года Верховный тайный совет был уничтожен, и Анна была объявлена самодержавной императрицей.

Правительство Анны Иоанновны провело в жизнь некоторые немаловажные требования дворянства, осуществляя политику феодальной реакции после петровских реформ. Сократились сроки обязательной дворянской службы в войсках до двадцати пяти лет; если в семье было несколько сыновей, то одному из них разрешено было вовсе не служить на военной службе. В 1740 году был основан «шляхетный корпус» — привилегированное учебное заведение для детей «благородного шляхетства». Дворянский сынок, поступивший в этот корпус, обучался наукам и, еще сидя на школьной скамье, получал военные чины. Дворянство добилось установления и еще более удобного для себя порядка — оно записывало в военную службу своего ребенка прямо с рождения: какой-нибудь дворянский отпрыск еще пищал в пеленках на руках у кормилицы, а уже значился в каком-нибудь полку в военном чине. С ходом времени он все повышался в чинах и, наконец, когда действительно «поспевал» в военную службу, то оказывался уже штабс-капитаном или майором. Все это сводило на нет жесткие требования петровской поры — дворянину лично служить в армии с солдатского чина и повышаться по служебному производству лишь в силу личных заслуг.

При Анне Иоанновне был отменен петровский закон об «единонаследии» и было разрешено отцу-дворянину делить свои имения по завещанию между всеми сыновьями. Вотчины и поместья были объявлены одинаковой недвижимой собственностью дворян.

Новым бюрократическим органом дворянской диктатуры явился при Анне Иоанновне кабинет министров. В него вошли граф Г. Го-

ловкин, князь А. Черкасский, А. Волынский, А. Бестужев-Рюмин и Остерман; последний был главным лицом в кабинете министров и играл весьма значительную роль в правительстве. Лажечников вполне правильно пишет о нем: «Граф, умевший удержать за собою, как бы по наследству, доверие или милости двух императоров, двух императриц, одного правителя, одной правительницы и, что еще труднее — трех временщиков». Главную роль в государственном управлении играл немец — герцог Бирон, курляндский камергер и любовник императрицы. Фактическим повелителем государства он оказался в силу личной близости к императрице, как тогда говорили — стал «временщиком». Время его правления и кровавый режим, им установленный, носит по его имени название «бироновщины».

В марте 1731 года — на следующий же год после воцарения Анны Иоанновны — была учреждена «Тайная канцелярия» — центр политического розыска, одно из важнейших учреждений режима «бироновщины». При малейшем подозрении в противоправительственных замыслах виновного хватали, вели на допрос, подвергали пыткам. Достаточно было только крикнуть условные слова: «Слово и дело!» — чтобы по указанию крикнувшего был схвачен, допрошен, подвергнут пытке любой человек.

Жадный к личному благополучию, материальным благам и неограниченной власти, Бирон был лишен черт государственного деятеля. Его правление ни в малейшей степени не было освещено борьбой за какие-либо крупные политические цели. Личная нажива на разорении русского народа, продажа оптом и в розницу русских государственных интересов — вот основной рычаг политики Бирона.

Получая большие доходы от взяток, которые давали английские капиталисты через своего посла, правительство Бирона — Остермана поддерживало английскую буржуазию, которая стремилась уничтожить мешавшую английским купцам прусскую конкуренцию, а главное — захватить в свои руки торговлю шелком с Ираном. В Англии образовалась персидская компания, которая прочно обосновалась на Волге и на Каспийском море; торговля шелком, которой так дорожила раньше царская казна, перешла в руки английских коммерсантов.

Положение трудящихся масс в России все ухудшалось. Возрастало разорение крестьянства. В 1736 году правительство Анны издало указ о прикреплении рабочих к заводам: если на крепостном заводе работали ранее мастера по вольному найму, то теперь они были обращены в крепостных. В том же году правительство разрешило предпринимателям ссылать провинившихся рабочих в Сибирь. На заводы и мануфактуры по-прежнему насильно загоняли «гулящих» и «праздношатающихся» «подлых» людей.

Бирон был крутым крепостником. Он требовал беспощадного выколачивания податей и жестоко подавлял малейший протест крестьян против крепостнического строя.

Кучка немецких вельмож, любимцев Бирона, наживалась за государственный счет.

Вторую роль после Бирона играли братья Левенвольде. На крупнейшие должности определялись остзейские бароны. Было образовано два новых гвардейских полка — Измайловский и Конный, весь командный состав которых состоял из остзейских офицеров и генералов. Этим новые полки как бы противопоставлялись петровской гвардии — Преображенскому и Семеновскому полкам, состоявшим из русского дворянства. Протест против режима крепостнической эксплуатации страны кучкой немецких выходцев, крепостников-феодалов, питал национальную идеологию русского дворянства. В своей борьбе против бироновщины русские дворяне противопоставляли себя немцам, выдвигали требования передачи всех крупных правительственных должностей российскому дворянству. Процесс консолидации русской нации, проявившийся еще в XVII веке, выражался в этих требованиях, носивших для того времени прогрессивный характер. Правда, эти требования еще не сопровождались предложениями о коренных социальных реформах, об уничтожении феодально-крепостнического угнетения или ликвидации самодержавного строя. Национальная идеология дворян еще соединялась с охраной устоев старого строя. Однако все же была одним из элементов возникавшего нового, выявлявшим развитие крупнейшего по значению процесса—консолидацию русской нации. Одним из сторонников этого направления и был кабинет-министр императрицы Артемий Петрович Волынский.

Тяжелое положение народа не тревожило российскую самодержицу. Во дворе императрицы Анны Иоанновны придворные праздники и балы сменяли друг друга. В перерыве между ними растрепанная, толстая и рябая царица в шлафроке и чепце то слушала сказки, то возилась с заболевшей собачкой, то обсуждала вопрос о привозе новорожденной мартышки. Придворные вельможи в подражание Бирону одевались в камзолы из пестрых шелковых материй, наряжались в розовые, желтые и попугайно-зеленые цвета. Карлы, шуты и «дураки» вертелись и прыгали во дворце, потешая императрицу и придворных. Ежедневно в дворцовых залах шла крупная картежная игра.

В январе 1740 года императрица дала большой «потешный праздник» по случаю свадьбы своего шута Голицына. Волынский был назначен организатором этих шутовских свадебных торжеств. По приказу царицы в Петербурге на Неве был выстроен ледяной дом, около него соорудили ледяные пушки, огромный ледяной слон выбрасывал из хобота зажженную нефть. Все внутреннее убранство дома — столы, стулья, даже посуда и дрова в камине были сделаны изо льда. Можно представить себе, сколько раз обмораживались согнанные сюда подневольные строители, возводившие ледяную постройку для прихотливой царской забавы: стояла лютая зима 1740 года, какой не помнили старожилы.

Праздник в ледяном доме нес на себе, сверх всего, печать издевательства над народами многонациональной страны. Со всех концов империи были свезены за сотни верст люди разных национальностей — башкиры, калмыки, казахи, евреи, татары, чуваши в своих национальных нарядах. Их живописный вид, их песни и пляски в ледяном доме должны были потешить царицу и ее придворных. Над ними насмехались, их били и дразнили, как зверей.

Этот-то эпизод царствования Анны Иоанновны и явился сюжетом романа Лажечникова, а устроитель праздника — кабинет-министр А. П. Волынский — его главной фигурой.

4

Пушкин предсказал Лажечникову, что исследования будущих историков обнаружат несоответствие образов автора исторической истине. Это положение легче всего проверить на центральной фигуре романа — Артемии Петровиче Волынском. Исторический Волынский остается, как и в романе, жертвой режима Бирона, — даже императрица Екатерина II должна была признать, что Волынский казнен невинно.

Конечно, в идеологии исторического Волынского несомненно присутствовали националистические моменты. Правильно и то, что вокруг него сложился кружок единомышленников с ним мыслящих дворян. Остается исторически правильным в романе и самый факт протеста против бироновщины, хотя для исторического Волынского на некоторых этапах характерно подобострастное отношение к Бирону и заигрывание с ним. В своем классовом существе исторический Волынский не мог быть противопоставлен тогдашнему правительству: он был все же дворянином-крепостником, и протест его не был направлен против основ существовавшего строя. Но это не меняет того, что планы Волынского были прогрессивными по сравнению с режимом бироновщины.

Вместе с тем исторический Волынский во многом не похож на Волынского из «Ледяного дома» Лажечникова.

Артемий Петрович Волынский родился в 1689 году. Он принадлежал к богатейшему шляхетскому (дворянскому) роду. После смерти матери пятилетний ребенок был отдан на воспитание к родственнику Семену Андреевичу Салтыкову, в доме которого он и провел свое детство. Дворянство петровского времени начинало службу очень рано. Пятнадцатилетний Волынский был уже зачислен солдатом в драгунский полк, в 1711 году стал ротмистром, состоял при Шафирове во время Прутского похода, был вместе с ним в константинопольском плену. Шафиров послал Волынского курьером к Петру I с трактатом Андрианопольского мира. В 1715 году подполковник Волынский был назначен в Персию «в характере посланника». Ему выпала на долю попытка провести в жизнь давнишние замыслы Петра I, мечтавшего открыть удобный торговый путь в Индию через Иран. Торговый договор, заключенный Волынским с шахом Гуссейном через его эхтимат-девлета

(первого министра), был выгоден для России — русские купцы получали в Персии охрану и преимущественные права. Довольный успехом Волынского, Петр I произвел его в полковники и генерал-адъютанты. Волынский был назначен астраханским губернатором — в новой, только что учрежденной тогда губернии... Деятельность Волынского как губернатора была тесно связана с политикой петровского времени. У всех еще было свежо в памяти знаменитое астраханское восстание 1705—1706 годов: Волынскому предстояло провести в крае новое сложное административное устройство и окончательно сделать «покорными» местные коренные народности — калмыков в первую очередь. Реальный, исторический Волынский показал себя жестоким угнетателем нерусских народов, а как администратор не оказался безгрешным и по части взяток. В 1722 году Волынский женился на двоюродной сестре Петра I Александре Львовне Нарышкиной, чем окончательно было закреплено дружеское отношение к нему Петра.

В этом же году правительство Петра I предприняло военный поход в Персию, который кончился неудачей. Волынского обвиняли в сообщении неправильных сведений о состоянии кавказских горцев и этому приписывали провал русских военных замыслов. Кроме того, Петру I передали сведения и о попытке Волынского получить взятку с персидского правительства во время его посольства в Персии и о взяточничестве его на посту астраханского губернатора. Волынский в результате этого доноса хорошо познакомился с дубинкой Петра I: избиение было прекращено только благодаря будущей императрице Екатерине I, защитившей Волынского. Но отношения с Петром I после этого сильно испортились. В 1724 году возникло новое дело против Волынского: он обвинялся — и по-видимому основательно — в самоуправстве и истязаниях мичмана Мещерского. Но дело это не успели закончить до смерти Петра I, а при Екатерине I оно было прекращено. После ее воцарения Волынский был произведен в генерал-майоры и назначен казанским губернатором.

И тут опять возник ряд серьезных дел в связи с обвинениями Волынского во взяточничестве, вымогательствах, произвольных незаконных поборах и насилиях над населением. Волынский снова проявил себя угнетателем нерусских народностей края — притеснителем татар и мари (черемисов)

История с «кондициями» Анны Иоанновны и все перипетии шляхетского движения против «верховников» были хорошо известны Волынскому, хотя он в то время и находился не в Москве, а в Казани. Тексты шляхетских проектов и «кондиций» Анны Иоанновны ему были пересланы в копиях. Найден даже один шляхетский проект с поправками Волынского. В начале царствования Анны Иоанновны Волынский повел себя с большой осторожностью. Немцы, утвердившиеся при дворе в крупных должностях, были пока что умело использованы им в целях укрепления собственной карьеры.

Миних был привлечен к этому в первую очередь: как воинский инспектор Волынский состоял под его непосредственным начальством. Ягужинский, один из давнишних врагов Волынского, был дискредитирован последним и устранен при помощи Миниха, к которому Волынский сумел войти в доверие. Сблизился Волынский и с крупным вельможей, влиятельным при дворе лицом — обер-шталмейстером графом Карлом Левенвольде, в результате чего поступил на службу в конюшенное дворцовое ведомство; состоявшее в ведении последнего. При страстной любви Бирона и императрицы к лошадям эта должность была крупным шагом в служебной карьере Волынского. Известны слова ненавидевшего Бирона австрийского посланника графа Остейна: он утверждал, что Бирон говорит как человек, когда ведет речь о лошадях или с лошадьми, а когда беседует о людях или с людьми, то говорит как лошадь.

Следующий шаг в своей карьере Волынский сделал в 1733—1734 годах во время военных действий против Польши, состоя начальником одного из отрядов, осаждавших Данциг. Во главе армии стоял тот же Миних, и Волынский сумел повести тонкую игру для усыпления бдительности Бирона, усердно чернив перед ним Миниха, которого Бирон не терпел, видя в нем своего политического соперника. Это обеспечило Волынскому дальнейшее продвижение по службе. Он получил крупное производство — стал генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом Анны Иоанновны. Им был получен подарок: участок для постройки дома в Петербурге на Мойке.

С этого момента Волынский уже близко подходит к работе кабинета министров. Он принимает участие в «генеральных собраниях министров», представляет свои отзывы на получаемые кабинетом проекты, заседает в комиссиях кабинета.

Смерть Карла Левенвольде в 1735 году отнюдь не задержала карьеры Волынского: он уже давно упрочился в хорошем мнении Бирона. 3 февраля 1736 года Волынский получил должность весьма значительную по политическому влиянию, которая лишь с первого взгляда может показаться маловажной: он был назначен придворным обер-егермейстером — заведующим охотой. Страсть императрицы Анны Иоанновны к охоте общеизвестна, и заведование этой отраслью обеспечивало частый контакт с императрицей. Охота производилась в искусственной обстановке; дичь, олени и прочие объекты охоты заранее ловились, сгонялись в условленное место, нередко в парки императорских дворцов, где и развертывалась затем «охота» царицы и ее приближенных.

Разумеется, обер-егермейстер был все время на виду у царицы, включался в круг участников ее любимейших забав, становился, так сказать, «своим человеком» при дворе. Этому «своему человеку» и было поручено в 1737 году важнейшее политическое дело: он был назначен

членом Высшего суда над бывшим вождем верховников — князем Дмитрием Михайловичем Голицыным, крупнейшей фигурой «затейки» верховников, желавших ограничить «кондициями» Анну Иоанновну при вступлении ее на престол. То направление, которое Волынский придал делу, свидетельство о том, что он был чужд намерениям данной олигархической дворянской группы. Д. М. Голицын был заключен в Шлиссельбургскую крепость. Это соответствовало планам императрицы. Вскоре после этого Волынского послали для заключения мира с Турцией в Немиров вместе с Шафировым и Неплюевым. Правда, на этот раз мирные переговоры не дали должных результатов, война с Турцией продолжалась, но об этом факте в биографии Волынского стоит упомянуть как о новом штрихе, характеризующем доверие к нему двора.

Третьего апреля 1738 года было знаменательным днем в жизни Волынского. Его назначили в этот день кабинет-министром «за особливые его превосходительства заслуги». По выражению близких, которое очень понравилось самому Волынскому, он «чрез великий порог перешагнул». Всесильный «кабинет», учрежденный императрицей Анной Иоанновной после ликвидации Верховного тайного совета, обладал огромнейшими полномочиями. Членами «кабинета» в момент назначения Волынского были граф Остерман и князь А. М. Черкасский. Волынский постепенно сосредоточил в своих руках все кабинетские дела. Скоро он оказался единственным докладчиком у императрицы по делам «кабинета».

Развернувшаяся далее борьба за власть между Волынским и Бироном, конечно, в основном должна быть истолкована как борьба за власть дворянских группировок, смена которых у кормила государственного правления проходила в XVIII веке довольно легко и не означала ни перемены основ строя, ни вообще какого-либо существенного поворота исторического развития. «Возьмите старое крепостническое дворянское общество, — писал В. И. Ленин. — Там перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой»[1]. Обычно реальной силой таких переворотов была гвардия, становившаяся на сторону то одного, то другого претендента. Гвардия возвела на престол Екатерину I и Елизавету Петровну, интересы гвардии сыграли свою роль и в уничтожении Анной Иоанновной «кондиций», ограничивающих ее в пользу «верховников»: согласно «затейке» верховников императрица лишалась права распоряжаться гвардией. Задуманный Волынским переворот, конечно, не выходит в основном «из общего круга» дворцовых переворотов XVIII века. Следует, однако, учесть некоторые его отличительные черты, придающие ему известную специфику.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 443.

В интересах гвардии, как сказано выше, было утверждение на русском престоле неограниченной властительницы Анны Иоанновны. Однако русская гвардия никогда не возводила «на престол» Бирона. Напротив, подавляющее большинство русского дворянства видело в Бироне узурпатора власти, случайного временщика, поднявшегося к правлению в силу личной близости к императрице.

В беседах «конфидентов» справедливо отмечалось, что «государыня сама государством не правит, а всем-де правит герцог Курляндский, и от него может государство в разорение прийти».[1] Волынский противопоставил узурпатору свое понимание государственных интересов России. Это понимание не выходило за рамки феодальной идеологии, но глубоко отличалось от хищнической политики случайного человека, грабившего государство и терроризированный народ в интересах личного обогащения.

Став кабинет-министром, Волынский оказался на очень значительной высоте. Тут и обозначились первые признаки его открытого столкновения с Остерманом и Бироном, и тут впервые стала оформляться система его требований, его крамольная «программа», которой было суждено сыграть такую значительную роль в его «деле». Около Волынского создался кружок единомышленников: придворный архитектор Петр Михайлович Еропкин (в романе Перокин), морской офицер Федор Иванович Соймонов, горные инженеры — Андрей Федорович Хрущов (в романе Щурхов) и Василий Никитич Татищев — один из первых историков России. Позже к кружку примкнули: Александр Львович Нарышкин (брат первой жены Волынского), русский посол в Лондоне, а позже в Париже — Антиох Дмитриевич Кантемир, генерал-лейтенант князь Григорий Алексеевич Урусов, сенатор Василий Яковлевич Новосильцев и президент коммерц-коллегии граф Платон Иванович Мусин-Пушкин (в романе граф Сумин-Купшин). Необходимо также отметить тайного кабинет-секретаря Эйхлера (выведен в романе под своим именем) и секретаря иностранной коллегии де ля Суда (в романе Зуда). Были также связаны с кружком Волынского несколько гвардейских офицеров, вологодский и псковский архиереи, врачи Поганкин и Белль д'Антермони, который ездил когда-то с Волынским в Персию, а также придворный врач цесаревны Елизаветы Петровны — Лесток. Надо особо подчеркнуть участие последнего. Известная ориентация кружка Волынского на «дщерь Петрову», будущую императрицу Елизавету Петровну, была позже выяснена следствием.

В кружке Волынского не просто толковали о политике, но питали к ее проблемам и теоретический интерес, там были знакомы с новейшей политической литературой Запада, в библиотеках членов

[1] Очерки истории СССР, 2-я четв. XVIII века/Под ред. Е. И. Заозерской; Ю. В. Готье. Проект о поправлении государственных дел Артемия Петровича Волынского. — «Дела и дни». Пг., 1922, т. 3.

кружка имелось произведение Макиавелли «О государе», там чи-
тались комментарии на Тацита и политические трактаты голландского
писателя Юста Липсия (1547—1616). Там знакомились с произве-
дениями итальянского сатирика XVI века Баккалини и немецкого
правоведа XVII века Басселя. Все это была достаточно передовая
политическая литература своего времени. В библиотеках Волын-
ского и его кружка находились также списки русских летописей и
хронографов.

Члены кружка Волынского хулили режим бироновщины, сравни-
вали царствование Анны с канупом «смутного времени». Волынский
отзывался «с поношением о высокой фамилии ее императорского
величества», восклицал: «Ой, система, система!» — жаловался, что
житье пришло «хуже собачьего». «Государыня у нас дура, — гово-
рил Волынский, — как докладываешь, резолюции от нее никакой
не добьешься»[1].

Компания Волынского принимала деятельные меры против пред-
полагавшегося брака сына Бирона — Петра — с племянницей
Анны Иоанновны, что крайне укрепило бы влияние Бирона при дворе.
В исторических сочинениях Юста Липсия приятели находили ха-
рактеристики, приложимые к их современности. Юст Липсий сравни-
вает неаполитанскую королеву XV века Иоанну II с Клеопатрой и раз-
вратной Мессалиной. Против этого места Волынский написал на полях,
явно намекая на Анну Иоанновну: «Она! Она! Это она!»

Волынский сам являлся автором ряда сочинений на философ-
ские и политические темы, дошедших до нас, к сожалению, только
в своих заглавиях. Но и заглавия характерны, отражая его интересы:
«О приключившихся вредах особых государю и всему государству
и отчего приключились и происходят», «О гражданстве», «О дружбе
человеческой», «Надлежит ли иметь мужским персонам дружбу с дам-
скими?», «Каким образом суд и милость государям иметь надобно».
Особо значителен «Генеральный проект о поправлении внутренних
государственных дел», составленный Волынским при помощи Ерош-
кина и Хрущова. Надо отметить, что императрица знала об этом проекте,
извлечение из него было ей представлено.

В подлиннике «Генеральный проект» не дошел до нас, так как
Волынскому удалось сжечь рукопись перед арестом. Но находящиеся
в деле Волынского извлечения из «Генерального проекта» могут дать
известное представление о его содержании. Проект распадался на части:
«об укреплении границ и об армии, о церковном чине, о шляхетстве,
о правосудии, об экономии». По мнению Волынского, правление в Рос-
сийской империи должно быть монархическим, с широким участием
дворянства — шляхетства. Дворянство должно было считаться,

[1] Готье Ю. В. Проект о поправлении государственных дел Арте-
мия Петровича Волынского. — «Дела и дни». Пг., 1922, т. 3.

по проекту Волынского, первенствующим сословием о государстве. Восстанавливалось то значение сената, которое он имел при Петре I. «Нижнее правительство» должно было состоять из представителей низшего и среднего шляхетства. Проект Волынского высоко ставил грамотность и общее образование, предусматривал создание академии и университета. В нем доказывалась необходимость издания Свода твердых судебных правил вместо многочисленных разрозненных и часто противоречивших друг другу царских указов. Проектировался ряд финансовых мер по улучшению сбора налогов. Все государственные должности предполагалось замещать исключительно русскими людьми. Это была борьба за национальную Россию, которую так высоко вознес Петр I.

Волынский является сторонником просвещенного абсолютизма. Классовое существо его требований не выходит из круга дворянской, феодальной идеологии, но в рамках феодального развития XVIII века его программа прогрессивна и нацелена на борьбу с реакционной политикой всесильного временщика Бирона и ничтожной Анны Иоанновны, ни в какой степени не походивших на представителей «просвещенного абсолютизма». Защита «просвещенного абсолютизма» сочетается у Волынского с требованием широкого привлечения к участию в правлении представителей дворянства. Дворянство в целом должно было воспрепятствовать захвату власти отдельными кучками олигархов и узурпаторов. Все российское дворянство должно было, по мнению Волынского и его «конфидентов», участвовать в управлении страной. Сенат следовало «приумножать членами» и частию передать в его ведение дела кабинет-министра. Все должности в государственном аппарате должны были замещаться исключительно представителями «благородного сословия». Дворян надо посылать для обучения за границу, и из этих образованных русских дворян, а не из числа иностранцев, назначать в будущем министров («чтоб свои природные министры со временем были»). Даже священники должны быть исключительно русскими дворянами, потому что вне дворянской среды нельзя-де найти образованных людей. Волынский выступал вместе с тем в защиту интересов купечества, полагая, что господствовавшая система причиняла торговому делу в России «немалые разорения». Требовал Волынский также «размножения фабрик и заводов». Безумной роскоши двора Анны Иоанновны и Бирона Волынский противопоставлял требования строгой экономии и упорядоченного бюджета, — во всем необходимо было иметь «умеренность» и стремиться, «дабы расходы доходов не превосходили».

Эта программа, взятая в целом, не могла идти ни в какое сравнение с политикой Бирона, она была *противопоставлена* бироновщине, прогрессивна для того времени и в ряде требований национальных отражала процесс консолидации русской нации.

Дворянский характер программы Волынского приходится особо подчеркивать в связи с теми значительными художественными преувеличениями, которым она подверглась в романе Лажечникова. Все говорит за то, что национализм реального, исторического Волынского был лишь частью его идеологии; ее существом была прежде всего защита русского дворянства и борьба сторонников более широкого и планомерного участия дворян в мероприятиях власти, а также ряднововведений в пользу провинциального дворянства. Классового существа власти Волынский менять не собирался. Патриотизм Волынского не только преувеличен Лажечниковым, но и трактован им в духе передового дворянского патриотизма «посленаполеоновского» времени, из которого в дальнейшем вырастает дворянская революционность декабристов.

Подозрения Остермана, видевшего в Волынском опасного соперника, дали свои результаты уже в 1739 году. Но на первых порах дело ограничилось сравнительно небольшими неприятностями — жалобами на Волынского по конюшенному ведомству. Волынскому удалось поправить дело и восстановить свое влияние при дворе. Именно к этому времени относится начало романа, застающее Волынского еще в момент могущества, по приказанию царицы организующего увеселения, связанные с ледяным домом, где праздновалась «женитьба» придворного шута Голицына на калмычке Бужениновой.

«Свадьба» состоялась 6 февраля 1740 года. Праздник очень понравился Анне Иоанновне, и Волынский опять вошел в милость, но ненадолго. Недруги Волынского довели до сведения императрицы дело об избиении в покоях Бирона поэта Тредьяковского. Это избиение Бирон счел за свое персональное оскорбление. Вместе с делом о Тредьяковском до сведения императрицы довели и противоправительственные речи Волынского. Остерман и Бирон требовали суда над крамольником. Бирон для усиления «вины» Волынского и для ускорения хода дела прибегнул к решительному способу, заявив Анне Иоанновне: «Либо мне быть, либо ему».

Волынскому запретили являться ко двору в первых числах апреля 1740 года. Враги обновили в памяти царицы старое дело (1737) по обвинению Волынского в присвоении им семисот рублей казенных денег, которые взял из конюшенной канцелярии дворецкий Волынского — Василий Кубанец — якобы «на партикулярные нужды» своего господина. Эти старые вины были лишь предлогом. 12 апреля 1740 года Волынского подвергли домашнему аресту, а через три дня началось следствие по его делу.

Нет никаких сомнений, что все перечисленные предлоги были лишь ширмой для расправы Бирона с сильным и опасным политическим соперником, за которым стояло российское дворянство.

Главным материалом обвинения послужили доносы Василия Ку-

бания, сделанные, конечно, под пыткой. Кубанец донес о противоправительственных речах Волынского, о его словах о вреде немецкого правительства, о намерении убить Бирона и Остермана. Все это звучало куда важнее первоначальных обвинений в растратах и было как раз то, что нужно было Бирону. Под пыткой и «конфиденты» Волынского подтвердили самые страшные политические обвинения. Волынский был обвинен в попытке государственного переворота и даже в желании самому занять российский престол, что, конечно, не соответствовало действительности. Об этом желании показали под пыткой Хрущов, Еропкин и Соймонов. Но Волынский даже в застенке, под ударами кнута, под пыткой такого опытного заплечных дел мастера, как Ушаков, не подтвердил этого последнего обвинения.

Генеральное собрание суда над Волынским постановило 19 июня 1740 года: 1) Волынского, яко начинателя всего того злого дела, живого посадить на кол, вырезав у него язык. 2) Его «конфидентов» четвертовать, а затем отсечь им головы. 3) Имения конфисковать. 4) Сына и двух дочерей Волынского сослать на вечную ссылку.

Императрица «смягчила» приговор. На основании этого «смягчения» 27 июня 1740 года и была произведена казнь Волынского. Его казнили близ Петропавловской крепости, на Петербургской стороне, на Сытном рынке. Осужденных вывели в восьмом часу утра из Петропавловской крепости. Нижняя часть лица кабинет-министра была повязана окровавленной холщовой повязкой — в крепости у него вырвали язык. На дыбе во время пытки была вывихнута его правая рука — она висела без движения. Над Волынским совершили мучительную казнь четвертования.

Хрущову, затем Еропкину отрубили голову; Соймонова и Эйхлера били кнутом, а де ля Суда — плетьми. Больного подагрой графа Мусина-Пушкина не выводили на место казни, язык вырезали ему в Петропавловской крепости, в каземате.

Соймонов был отправлен в Охотск, Эйхлер — в Жиганский острог (за Якутском), де ля Суда — на Камчатку, а граф Мусин-Пушкин — в Соловецкий монастырь. Тела казненных в течение часа пролежали на эшафоте, потом были похоронены без церковных обрядов в ограде церкви Самсония-страннопримца.

В. Г. Белинский в начале 1839 года посвятил обширную статью-рецензию «Ледяному дому», который вышел в 1838 году вторым изданием[1]. Он отметил достоинства и недостатки романа «Ледяной дом», справедливо указал на известную «двойственность» сюжета, на некоторые неслаженности в ходе действий, неубедительность отдельных второстепенных персонажей (старой цыганки и др.) и в некоторых случаях на растянутость, а подчас и «цветистость» слога. Но в целом он

[1] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953, т. 3, с. 7—23.

отозвался о романе с высокой похвалой, считая Лажечникова «лучшим русским романистом». Написанная в тяжелую пору насильственного «примирения с действительностью», рецензия Белинского сама по себе — документ довольно сложный. Он почти совсем уклонился от рассмотрения общественного содержания избранного сюжета, хотя и подчеркнул, что Волынский у Лажечникова «человек глубокий, могучий духом, пламенный патриот, душа чистая, благородная, но легкий, ветреный тонкий политик и мальчик, не умеющий совладать с самим собою, государственный муж — и волокита, гуляка праздный. Соединение таких противоположностей очень возможно». Но от анализа исторического Волынского и анализа художественного воплощения общественной тематики Белинский отказался и «самым лучшим лицом» в романе признал Мариорицу. Это — «дитя пламенного юга, дочь цыганки, питомица гарема, дивный цветок востока, расцветший для неги, упоения чувств и перенесенный на хладный север». Подчеркивая, что «поэт не судья, а свидетель», и считая, что «моральная точка зрения на жизнь и поэтический взгляд на нее — это вода и огонь, взаимно себя уничтожающие», Белинский не захотел раскрыть связь романа с эпохой и выяснить отражение в нем социальных проблем, тревоживших современников. Но он отметил жарким словом сочувствия пламенный патриотизм невинно казненного самодержавием героя.

Для современного читателя не составит никакого труда знакомство с историей Волынского и вообще с историей царствования Анны Иоанновны. У нас под руками и солидные тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, работы И. Шишкина, Д. Корсакова, Ю. Готье и большое количество официальных и мемуарных источников, относящихся к эпохе. Любой общий курс истории России, захватывающий XVIII век, расскажет вам о царствовании Анны Иоанновны и о Волынском. Но не так обстояло дело во время Лажечникова. Общие исторические труды его времени по истории России доходили в лучшем случае лишь до таких «новых времен», как «смута» или даже до царствования Бориса Годунова, не далее. Это была, как правило, самая крайняя грань, до которой продвигалась новейшая история. Таким образом, Лажечников с точки зрения своих современников выбрал для своего романа сравнительно позднюю, так сказать, «недавнюю» тему, которая еще не достигла в то время своего столетнего юбилея.

Малая изученность этой темы привела Лажечникова к большой работе над первоисточниками — он штудировал записки Манштейна, Корфа, Э. Миниха и работал над тем толкованием дела Волынского, которое сложилось в литературе ко времени написания его романа.

Лажечников далеко не случайно выбрал свою тему — она была для начала XIX века злободневной и политически насыщенной. Говорить о деле Волынского — значило говорить о самодержавии, и больше

того — о преступлении, совершенном самодержавием, о казни невинного человека. Говоря о гнусности правления Анны Иоанновны и мрачной бироновщины, легко можно было напомнить читателю о самодержавном произволе николаевского царствования, о политическом сыске, о III Отделении, о страшном возгласе «слово и дело», коснувшем любой живой росток.

Первая половина тридцатых годов XIX века, когда Лажечников работал над романом, была тяжелым временем — только что было подавлено польское восстание, залиты кровью «холерные бунты», разгромлены студенческие кружки, исключен из университета Белинский, сослан А. И. Герцен. В этих тяжелых условиях разгула самодержавной реакции Лажечников не побоялся взяться за тему о Волынском, более того — оказаться пропагандистом образа Волынского в его декабристской трактовке.

В ходе развития движения декабристов и родилась в двадцатых годах XIX века поэтическая концепция образа Волынского, которая принадлежит К. Ф. Рылееву. Поэт-декабрист поднял образ Волынского до уровня высокого революционного символа эпохи декабристского движения. Волынский в его изображении прежде всего образец «любви к отечеству священной», борец против тиранов, пламенный патриот, сын России, символ политического мученичества. Глубокий, приподнятый до пафоса патриотизм декабристов был воспет их поэтом в образе Волынского.

Рылееву принадлежат два больших стихотворения — «Волынский» и «Видение императрицы Анны». Последнее стихотворение в одном из списков имеет заглавие «Голова Волынского».

Стихотворение «Волынский» первоначально было напечатано в «Новостях литературы» за 1822 год[1]. Возможность опубликовать стихотворение в 1822 году была, очевидно, облегчена тем обстоятельством, что императрица Екатерина II, признав, что Волынский казнен невинно, этим легализовала крайние высказывания о деле Волынского. В 1825 году стихотворение было перепечатано в сборнике Рылеева «Думы». Оно, конечно, было хорошо известно Лажечникову. Возможно, что именно оно могло вдохновить его на этот роман, обусловить самый выбор сюжета. Эпиграф к «Эпилогу» «Ледяного дома» и взят как раз из этого стихотворения. Из цензурных соображений Лажечников не мог поместить под ним имени повешенного царем Рылеева, но все же надо удивляться смелости автора «Ледяного дома»: в то время когда поэзия Рылеева находилась под строжайшим запретом, он решился избрать его всем известные крамольные строки эпиграфом к завершающей части романа:

Сыны отечества! в слезах
Ко храму древнему Самсона!

[1] Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. «Academia», 1934.

Там за оградой, при вратах,
Почиет прах врага Бирона.
Отец семейства! приведи
К могиле мученика — сына:
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!

Стихотворение «Голова Волынского, или Видение императрицы Анны» написано Рылеевым осенью 1822 года. Оно не было напечатано при жизни Рылеева, очевидно, из-за цензурных условий. Но 16 декабря 1822 года Рылеев читал это стихотворение в заседании «Вольного общества любителей российской словесности»[1]. Оно распространялось в списках. Можно предположить, что такой список имелся и у Лажечникова.

Обрисовка Волынского как патриота, подлинного сына своей родины, борца с тиранами, как народного героя, пошедшего на смерть за свои убеждения, насквозь пронизывает образ, данный Рылеевым в стихотворении «Волынский»:

Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!..
Но тот, кто с гордыми в борьбе
Наград не ждет, и их не просит,
...И, забывая о себе,
Все в жертву родине приносит.
Против тиранов лютых тверд,
Он будет и в цепях свободен,
В час казни — правотою горд
И вечно в чувствах благороден...
...Вражда к тиранству закипит
Неукротимая в потомках —
И Русь священная узрит
Неправосудие в обломках.

Важно отметить и в этом пламенном образе одну характерную черту, несколько умеряющую эту пламенность и позже вошедшую и в роман Лажечникова. Волынский в этом произведении Рылеева борется против тиранства слуг самодержавия. Царица охранена цензурой.

Стран северных отважный сын,
Презрев и казнью и Бироном,
Дерзнул на пришлеца один
Всю правду высказать пред троном:

---

[1] Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч., «Academia», 1934.

Открыл-царице корень зла,
Любимца гордого пороки,
Его ужасные дела,
Коварный ум и нрав жестокий.

Но в стихотворении «Видение императрицы Анны» возникают уже и иные мотивы Рылеева. Здесь в центре — Анна, ее преступление, и упрек мертвой головы Волынского адресован непосредственно ей — носительнице самодержавия. Сравнение двух трактовок цензурной и не прошедшей цензуры — ярко показывает нам, как строился образ вне цензурных стеснений и какие именно мотивы вводились из соображений цензуры. Царицу Анну мучит тоска, она уходит одна в тронный зал, опирается рукой о трон и видит внезапно перед собой отрубленную голову Волынского. Кровь капает на помост, на котором стоит царский трон.

Рисует каждая черта
Страдальца славного отчизны...
Вдруг посинелые уста
Залепетали укоризны:
«Что медлишь ты?.. Давно я жду -
Тебя к творцу на суд священный,
Где каждый воспримет мзду:
Равны там раб и царь надменный!..»
Окончив грозные слова,
По-прежнему из мрака ночи
Вперила мертвая глава
В царицу трепетную очи...

Лажечников не мог бы уже в силу цензурных условий пойти по пути «Видения императрицы Анны», — ведь он готовил свою повесть для легальной публикации. Но было бы неправильно не заметить осторожно введенных автором черт, отрицательно характеризующих легкомысленную и неспособную правительницу, самодержицу всероссийскую, чуждую интересам государства, допускающую вопиющий произвол, подчиненную собственным прихотям и своему же, над собою поставленному временщику. Образ царицы у Лажечникова объективно разоблачает самодержавие.

Если сопоставить рылеевскую трактовку с историческим образом Волынского — бросится в глаза большое различие. Если сопоставить трактовку образа Волынского у Лажечникова и у Рылеева несомненно разительное сходство. И тут и там Волынский — прежде всего пламенный патриот, выше всего ставящий свою родину и готовый все принести в жертву. У Лажечникова — тот же пафос и трактовка и то же упрощение исторического сюжета в угоду основному замыслу. Но в романе рылеевский обраа Волынского все же прошел через две призмы — через призму собственного либерализма Ла-

жечникова, далского от каких бы то ни было революционных дерзаний, и через учет Лажечниковым цензурных требований. В романе Волынский считает своим патриотическим долгом «открыть глаза» государыне: все зло, причиняемое России Бироном, происходит якобы без ведома царицы. Этот мотив подчеркнут Лажечниковым: «Государыня необыкновенно тосковала во весь день. В ушах и сердце ее отзывались смелые истины, сказанные ее вельможами. Несчастия России, если и вполовину существовали, как ей изобразили, налегли на грудь ее, и без того растерзанную болезнями и привычкою к предмету недостойному. Освободиться, однако ж, от него не имела сил...» Целью своей — сообщить царице о преступлении Бирона — в романе Волынский добился: «Вскоре потребовали Волынского во дворец. Тут имел он уже случай развернуть пред государыней со всем усердием верноподданного и горячностью истинного патриота картину ужасных зол, которыми Бирон отягчил Россию». Но дальнейший ход событий в романе говорит за себя: хотя Волынский и довел обо всем до сведения царицы, его казнят. Таким образом, проведенное Лажечниковым политическое смягчение рылеевской трактовки все же не изменило ее — образ по существу остался рылеевским.

«Как? — восклицает Волынский в разговоре с Зудой, — из того, что я могу навлечь на себя немилость, пожалуй — ссылку, казнь, что я могу себя погубить, смотреть мне равнодушно на раны моего отечества; слышать без боли крик русского сердца, раздающийся от края России до другого!.. система доносов и шпионства, утонченная до того, что взгляд и движения имеют своих ученых толмачей, сделавшая из каждого дома Тайную канцелярию, из каждого человека — движущийся гроб, где заколочены его чувства, его помыслы; расторгнутые узы приязни, родства, до того что брат видит в брате послушника, отец боится встретить в сыне оговорителя; народность, каждый день поруганная; Россия Петрова, широкая, державная, могучая — Россия, о боже мой! угнетенная ныне выходцем, — этого ли мало, чтоб стать ходатаем за нее пред престолом ее государыни?..»

Важно отметить и то, что попытка противопоставить политическую деятельность Волынского его «преступной страсти» к Мариорице оканчивается сюжетно у Лажечникова победой линии политической. Мариорица гибнет, а Волынский идет на плаху. Его образ увенчан в романе чертами именно политического мученика, а не несчастного любовника, — таков финал.

Трактовка Бирона у Лажечникова выдержана в романе в духе мрачного, кровавого злодея. Бирон — немецкий феодал, временщик-иноземец, ненавидящий все русское. В его поступках личное коварство, жестокость и адская хитрость — на первом плане. Создавая образы Волынского и Бирона, Лажечников принял трактовку данную Рылеевым и Пушкиным, для которых Бирон был прежде всего вели-

ростный иноземец и временщик, презренный и мрачный злодей:

Презренного злодея меч
Сверкнул над выей патриота,
Сверкнул — глава упала с плеч
И покатилась с эшафота.
И страх, и тайную тоску
Льстецы в душе презренной кроя,
Чтоб угодить временщику,
Торжествовали казнь героя.

В 1822 году Пушкин писал в «Заметках по русской истории XVIII века» об азиатском невежестве, которое обитало при российском дворе, и в примечании замстил: «...доказательство тому — царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елизаветы».

Лажечников со всей страстностью отстаивал свою «декабристскую» трактовку образов Бирона и Волынского. Волынский был и остался для него прежде всего русским патриотом. Важно отметить, что Лажечников оценил прогрессивную черту реального исторического Волынского — его борьбу против кучки немецких временщиков — и противопоставил патриотизм Волынского хорыстному самоуправству Бирона в чужой стране. Свое суждение он основывал на исторических фактах.

В своем ответном письме Пушкину в 1835 году, — даже скорее не письме, а целом историческом трактате, — Лажечников со всем жаром защищает старую — двадцатых годов — рылеевскую традицию в трактовке образа Бирона. Пушкин, бросивший в письме к Лажечникову неосмотрительные слова об уме и «талантах» Бирона, встретил страстную отповедь «русского Вальтера Скотта»: «Когда, пункт третий: сам Бирон. О! Никакое перо, даже творца Онегина и Бориса Годунова, не в состоянии снять с него позорное клеймо, которое история и ненависть народная, передаваемая от поколения поколению, на нем выжгли... Если можно простить злодеяния за ум и таланты, я готов бы извинить за них злодейства Ришелье. Но какой ум и какие таланты правителя народного имел Бирон? То и другое должно доказываться делами. Что ж славного и полезного для России сделал временщик?.. Что отдал персам завоевания Петра?.. Быть может, какой-нибудь лихой наездник-историк велит нам снять шапку пред его памятью за то, что он, ничтожный выходец, умел согнуть Петрову Россию в бараний рог и душил нас, как овец? Или, может статься, велят нам увидеть его ум и великие таланты в мастерской его езде верхом на разные манеры, или в том, что он имел дерзость сесть не в свои сани?..»[1]. В этом споре историк, на мой взгляд, не может не присоединиться к Лажечникову.

[1] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 14. Переписка 1835—1837 гг. Л.: Изд-во АН СССР, 1949, с. 65.

Несомненно, что в «Ледяном доме» отблески идеологии декабризма значительно смягчены, переплетены с «верноподданнической лестью», с неопасным для цензуры умеренным либерализмом, но все же литературовед, исследующий роман Лажечникова, не сможет обойти молчанием эту его сторону. Разбросанные то тут, то там смелые эпиграфы из произведений декабриста Бестужева-Марлинского, неподписанный эпиграф из «Волынского» Рылеева перед «Эпилогом» — все это еще раз напоминает о декабристах. Остается непонятным, как не заметила этого цензура.

Одной из центральных фигур романа, изображение которой, по-видимому, особо трудно далось автору, является императрица Анна Иоанновна. Ее образ у Лажечникова далеко не совпадает с исторической действительностью.

Мы уже выяснили, почему ее фигура не могла быть более резко опорочена: порочить носительницу самодержавия, императрицу — это погубило бы роман в глазах цензуры. Поэтому Лажечников не поскупился на изъявление «верноподданнических чувств, адресованных Анне Иоанновне. Даже при описании ее «смуглого и рябоватого» лица Лажечников добавляет эпитет «величавого». Невнимательность к государственным делам все время извиняется болезненностью, плохим состоянием здоровья царицы, предчувствием близкой смерти и т. п. Но как ни раскланивается Лажечников перед образом «самодержицы», он изобличает ее фактами. И «родины козы», и страсть к Бирону, и мимоходом упомянутая расправа с Балакиревым — все это факты, дискредитирующие, разоблачающие самодержицу. Казнь Волынского, конечно, последний и самый решительный пример этого разоблачения.

Трактовка образа В. Тредьяковского у Лажечникова — пример исторически неверного и тенденциозного подхода. Образ нарисован в романе одной черной краской. Тредьяковский у Лажечникова — педант, полнейшая бездарность, скопище самых отрицательных черт. Между тем этот трудолюбивейший и очень культурный для своего времени стихотворец и литературный теоретик усердно работал в обстановке мрачного феодального режима и при наличии неразработанности русского литературного языка. Его стихотворные произведения очень слабы, но заслуги его в изучении нового русского стихосложения несомненны. В его требовании писать «простым русским словом, каковым мы между собой говорим», кстати, требованием, оставшимся недостижимым для него самого, — было заложено зерно большой поэтической истины. Он положил основы нового русского стихосложения, изучив переход от силлабического к силлаботоническому стиху. Его «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» и ряд других теоретических работ правильно предугадали основную линию развития русской поэзии. Избиение Тредьяковского Волынским вызвало жалобу поэта в Академию наук. Это жалоба, является одним из потрясающих человеческих документов, вызванных фео-

дальным угнетением. Поэтому замечательны своей правдивостью строки Пушкина о Тредьяковском в письме к Лажечникову от 3 ноября 1835 года: «За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он лицо-мученика. Его донесение Академии трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя».

Эпоха, в которую жил Лажечников, ворвалась в роман не только в трактовке основных образов, но и некоторыми второстепенными его деталями. Характерное свидетельство оставила Татьяна Пассек, познакомившаяся с Лажечниковым в Твери. Она рассказывает в своих воспоминаниях, чьи черты Лажечников присвоил облику тайного советника Щурхова (Хрущова), сообщника Волынского.

«С первого дня нашего знакомства с Иваном Ивановичем мы так сблизились, что в продолжение почти трех месяцев, проведенных нами в Твери, редкий день с ним не видались. В этот-то период времени Иван Иванович писал свой роман «Ледяной дом» и читал нам из него отрывки в рукописи, входя так глубоко в роли героев и в события, что чувства и мысли их отражались в чертах его лица, в его голосе, и картины оживали. Лажечникова чрезвычайно забавляли наши рассказы о странностях, оригинальных капризах и выходках Ивана Алексеевича [Яковлева, отца Герцена]. Его уединенный образ жизни, три польские собачки, постоянно находившиеся при нем и, с того времени, как Саша [Герцен] поступил в университет, а я вышла замуж, заменившие нас; его поношенный халат на мерлушках, красная шапочка с лиловой кисточкой, мешанье в печи дров — все это так нравилось Лажечникову, что он принарядил этими странностями своего добродушного чудака советника и при нас же вместил в свой «Ледяной дом»[1].

Но этим дело не ограничивается: вошли в «Ледяной дом» и пушкинские образы. Их встречаем мы в эпиграфах, они также входят и в органическую ткань романа. «Где ж маменька ужасного честолюбца? — вопрошает Лажечников, описывая окружение Волынского и упомянув о молодом Подачкине. — Видите ли направо, у дверей буфета эту пиковую даму, эту мумию, повязанную темно-коричневым платочком, в кофте и исподнице такого же цвета?» Тот же образ настойчиво всплывает и при описании той же барской барыни Подачкиной: «Тут наша пиковая дама с сердцем схватила муфту в одну руку и начала ею замахиваться».

Пушкинская «Пиковая дама» написана в 1834 году и была для Лажечникова в момент написания романа свежей литературной новинкой. Нельзя не заметить, что сравнение барской барыни Подачкиной с

---

[1] Пассек Т. П. Из дальных лет. М.: Гослитиздат, 1963, т. 2, с. 23—24.

графиней «Пиковой дамой» крайне поверхностно и может быть понято лишь как не совсем удачное ироническое сравнение.

В отличие от позднейших исторических романистов, Лажечников почти не пытается сделать речь своих героев соответствующей эпохе. Его придворные и сама императрица говорят языком николаевского двора. Попытки ввести в роман моменты исторической перспективы крайне слабы у Лажечникова. Он отмечает, что во времена Анны Иоанновны «самоваров... еще не было», Он пытается дать читателю почувствовать внешнюю разницу между Петербургом Анны Иоанновны и Петербургом николаевского времени: «Какой мороз! — сказал ее товарищ, нахлобучив плотнее свою шапку и подвязывая себе бороду платком. — Того и гляди, что оставишь нос и уши в этом чухонском городке, который ближе бы назвать городскими слободками. Там палаты, около них жмутся мазанки; здесь опять палаты, и опять около них мазанки, словно ребятишки в лохмотьях связались в игре с богатым мужиком. А между ними луга до площади, как будто нарочно, чтоб ветру ходить было разгульнее!»

При описании маскарада Лажечников сообщает: «...тут был полный доморощенный маскерад, какой только младенческое искусство тогдашнего времени могло устроить. В затеях подобного рода наши предки не были изящны; зато они веселились не равнодушно, не жеманно». Ту же цель преследует мимоходом сделанное замечание о расположении комнат в доме Волынского: «В тогдашнее время не было в домах ни мужниной, ни женином половины; все было между ними общее». Но эти внешние и случайные упоминания, конечно, не дают исторической перспективы — они лишь подчеркивают, что перед автором, собственно, и не стояло такой задачи.

В самой манере изложения Лажечникова и в направленности его мысли чувствуется ориентировка на читателя, принадлежащего к «приличному» и «воспитанному» обществу, «...убегают русалки с распущенными волосами, в одежде по моде русалок, какую они в подводном царстве употребляют» — шутит Лажечников специально для «прекрасного пола» своего времени, занятого модами.

Автор отчетливо представляет себе своих читательниц и их реакцию на все «опасные» места его произведения. Он даже пускается в разговоры с этим предполагаемым читателем, вступает с ним в сложно-шутливые объяснения. Особо нагляден пример с описанием того, как отнеслась Мариорица к записке Волынского.

«Мариорица ощупала роковую записку. Вынуть, прочесть, упиваться страстными выражениями, отметить малейшие оттенки любви, слить эти оттенки в одну радугу надежды, погоревать, даже поплакать, что бедный ее Артемий Петрович так страдает от любви; накойсь поцеловать раз, еще раз, нежно, страстно, роковое послание и потом спрятать его на груди, у сердца, — вот что делала Мариорица и что

делает каждая влюбленная девушка, получив записку от предмета своей любви (пожалуй, если угодно, от жениха!)»

И Лажечников немедленно вступает в переговоры с читательницами:

«Несмотря на эту оговорку, предчувствую, что грозное ополчение девушек поднимется на меня войной, копьями своих булавок исковыряет эту печатную страницу и везде встретит меня криком: «Неправда! Неправда! Стыд автору! Смерть политическая его сочинению!»

Виноват, виноват: я пошутил; и если вы находите, что Мариорица сделала очень дурно, приняв послание, то вспомните, что она воспитывалась в гареме».

Попытался Лажечников провести в романе и слабую завуалированную проповедь свободы чувства. Исследователь творчества Лажечникова С. Венгеров даже сравнивает в этом отношении Лажечникова с Жорж Санд: «Разве не этот принцип сделал всемирно известным имя Жорж Жанд»[1]. Конечно, подобное сравнение крайне преувеличено и Лажечниковым не заслужено. Традиция сочувствия несчастным любовникам, которые в силу семейных, религиозных или каких-нибудь других причин не могут соединиться, была свойственна огромному числу литературных произведений, предшествовавших Лажечникову. Но верно то, что Лажечников проявил такую горячую симпатию к жертвам светских условностей, что она оказалась очень яркой и характерной чертой его романа. Белинский обратил на это внимание и пришел к выводу, что Мариорица любила Волынского, «как восточная женщина». С. Венгеров в этом случае, в общем, справедливо возражал Белинскому, что «Мариорица любила не как восточная женщина, а как европейская, и именно того фазиса европейской мысли, когда было сознано, что только сама же любовь может устанавливать для себя законы»[2].

Надо добавить, что Лажечников ухитрился в романе об эпохе императрицы Анны Иоанновны вставить комплимент, прямо и непосредственно адресованный не кому иному, как... Николаю I. Описывая знаменитые «родины козы», Лажечников доходит до момента, когда дерзкие «взбунтовавшиеся» вельможи кружка Волынского не желают дать на зубок новорожденному. Шут Педрилло передает им требование царицы, но дерзкие недвижимы. Что это? бунт? Что делать царице? «Петр, Екатерина и... (умолчим: он жив — живым хвала столько похожа на лесть) пошли бы навстречу беде. Так делают великие духом; но Анна Иоанновна была больная женщина, и люби-

---

[1] Венгеров С. Иван Иванович Лажечников. Критико-биографический очерк. — В кн.: Лажечников И. И. Собр. соч. Спб.; М.: изд. Вольфа, 1901, т. 1, с. XCIV.

[2] Там же, с. XCIII.

мец ее умел пользоваться ее немощами. Оторопев и бледнея, она ше-потом просила его усилить свои предосторожности на случай худого намерения». Как видно, прозрачный намек на Николая I позволил Лажечникову нелестно высказаться об императрице Анне Иоанновне

Но было бы неправильно не отметить той общей черты романа, о которой уже говорилось в связи с частным случаем — обрисовкой в романе образа императрицы Анны Иоанновны: несмотря на общий тон «политической благонадежности» автора и комплиментов само-державию, роман часто оперировал образами отнюдь не в пользу последнего. В этом легко убедиться на ряде примеров, показывающих социальную заостренность положений в романе Лажечникова... Чего стоит, например, одна замечательная сцена той страшной ночи, на которую была обречена шутовская свадебная пара, покинутая в ле-дяном доме. «Несколько минут утешает их огонь в ледяном камине, на ледяных свечах; но этот фосфорный огонь не греет — вот и он слабее перебегает по ледяным дровам, цепляется за них, бьется, уми-рая, исчезает,... Холодно, мрачно, как под землею! Сердце замерло. Нет более сил выдерживать. Стучатся в дверь, стонут, умоляют часовых выпустить их, припадают заочно к их ногам, клянутся по гроб не за-быть их благодеяний, обещаются озолотить их. Ничто не помогает. Отчаяние берет верх. От мольбы переходят к проклятиям; все прокли-нают, что только носит имя человеческое; ломают и уничтожают все, что могут разломать и уничтожить, силятся разрыть стену... нако-нец, предавшись отчаянию, садятся на постель.. Глаза слипаются, дремота одолевает их более и более; смерть уже протягивает на них руки, усыпляет их, убаюкивает сказками, сладкими видениями; еще одна минута... и они заснули бы навеки»:

Эта картина страшного конца царицыной забавы говорила сама за себя.

Отвратительное пресмыкательство придворных кругов разоблачено в образе Подачкиной: «Ведь мой Петенька еле-еле не князь, ходит у ручки государынниной и при сучке ее величества, и коли задумает, так и самому Волынскому несдобровать». В романе то встретим мы гай-дука, танцующего на морозе и посылающего «проклятия всем барским затеям», то описание конюшен, бироновских лошадей, житье-бытью которых завидуют люди.

В «Ледяном доме», как и в более ранних произведениях Лажечни-кова, имеет место протест против крепостного права. Подачкина — шпионка, личность гнусная и отвратительная, — была «барской ба-рыней» в доме Волынского. «Заметьте, — пишет Лажечников, — она *барыня*, но только *барская*!.. Придумать это звание могла лишь феода-льная спесь наших вельмож тогдашнего времени». Эта «*барская барыня*» «спала и видела, чтобы произвесть своего сынка в офицеры, то есть в такие люди, которые могут иметь *своих* людей; высшая степень чести

любия подобного класса и образования женщин!» Тот же характер носят мечты госпожи Кульковской — и эти «мечты» особенно ясно показывают отношение Лажечникова к крепостному праву: «...она уж столбовая дворянка, может покупать на свое имя крестьян и колотить их из своих рук... Осмелься кто из ее крестьян пискнуть перед ней; кликнула — заплечный мастер садится на облучок ее повозки — летят, приехали, и по ее мановению, без дальнего суда, расправа готова. Все дело нескольких целковых и власти боярской. Чудные времена, славные времена!..»

Такова система художественных образов Лажечникова. Мы уже подошли к этому вопросу, сопоставляя его литературный текст с исторической действительностью. Образы, созданные писателем, нередко расходятся с точными данными исторического процесса, однако, вырастая во многом на основе передового декабристского мировоззрения, они отражают в своей системе передовое понимание исторического движения: герои Лажечникова в основном размещены в тех противостоящих лагерях исторической борьбы, к которым действительно принадлежали.

Исторический роман времен Лажечникова был еще молод в России его времени. Но писатель сумел продвинуть его на новую ступень. Неся в себе еще много признаков передового романтического течения, он уже начинает тяготеть к реализму пушкинской школы, к которой тянется велением сердца, с радостным увлечением, хотя конечно, не мог достичь ее вершин. Не могу сказать, что реалистические и романтические тенденции боролись в Лажечникове, они скорее своеобразно переплетались в нем. Он, на мой взгляд, — промежуточное звено между романтическим течением исторического романа и течением реалистическим. В этом своем сложном качестве, — и как романтик передового направления, и как «начинающий» реалист, — он по самой функции своих художественных образов давал бой устаревшему, консервативному течению русского исторического романа, представленному Загоскиным. Мертвые, условные маски пороков и добродетелей, надетые реакционными «дидактами» на известные исторические имена — не имели ничего общего с исторической действительностью, да, собственно, и не ставили себе цели в художественных образах отразить живые исторические лица и подлинное движение истории. Они прославляли реакционную систему самодержавных устоев, откровенно эксплуатируя дорогие имена и бережно хранимые в памяти народа исторические события. Лажечников в развитии русского исторического романа сделал большое дело, — он отвадил читателя от Загоскина и его присных, он убедил его и отвлек от реакционных дидактов и показал всю прелесть нового толкования. Он повел читателя через сложное сплетение романтики и реалистических элементов по направлению к русскому реалистическому историческому

роману. Лажечников тщательно обрисовывает местный колорит, нравы и обычаи эпохи, стремится воссоздать ее живой быт. Он ставит в его центре возвышенного свободолюбивого, смелого, приподнятого героя — Волынского — в его драматическую коллизию с Бироном и в то же время широко открывает душевный мир героя, уделяя много внимания мелодраме его любви. Он стремится обрисовать своеобразие каждого характера. Повествование не останавливается ни на минуту в сильном движении, — таинственные приключения, неожиданные осложнения, бурный водоворот событий вокруг их преодоления, романтические эффекты создают увлекательную напряженность повествования. С Лажечниковым не соскучишься. Многое сопереживешь с его героями. Наверно, к этому выводу приходило множество читателей. Сильно проведя через повествование образы национальной тематики, Лажечников отражал эпоху и содействовал раздумьям над передовой национальной проблематикой, рожденной временем.

Интересны его художественные приемы: герои почти все время в живом разговоре. Он рисует собственными их словами, обменом реплик, спором, вопросом и ответом. Слышатся их живые голоса. Лажечников, правда, спешит формулировать моральный вывод, не скрывает эмоций и решений самого писателя, не представляет этого в первую очередь читателю. В этом он нередко прямолинеен и подчас наивен. Но его художественный дар и тут подкупает читательское сердце, чаще всего бьющееся в унисон с писательским.

Произведение Лажечникова проникнуто чувством глубокого гуманизма. Замечательны страницы, рисующие яркие картины гнета и издевательства бироновских приспешников и самого Бирона над нерусскими народностями. Образ украинца Горденки, замороженного слугами Бирона, свидетельствует об этом ярче и сильнее всех. Помимо этого, в романе то тут, то там разбросаны отдельные штрихи, рисующие грубое издевательство над личностью человека: в описании шутовской свадьбы и процессии нерусских народов говорится о татарине и татарке верхом «на откормленных свиньях, на которых посадили их, чтобы доказать, как можно преодолеть натуру и обычай». Интересна в том же отношении первая глава «Ледяного дома» — смотр сосланных со всех концов национальных пар. «Фаланга слуг, напудренная, в ливрейных кафтанах, в шелковых полосатых чулках, в башмаках с огромными пряжками, дает ей место. И вот бедная чета, волшебным жезлом могучей прихоти перенесенная из глуши России от богов и семейства своего, из хаты или юрты, в Петербург, в круг полутораста пар... перенесенная в новый мир через разные роды мытарства, не зная, для чего все это делается, засуеченная, обезумленная, является наконец в зале вельможи перед суд его... в этом стаде, которое гонит бич прихоти, редко кто обнаруживает в себе человека». Может быть, ничто не свидетельствует так ярко о противном

царизму демократическом духе «Ледяного дома», как запрет драматической переделки произведения для народных театров даже в начале XX столетия. 31 января 1903 года последовало соответствующее цензорское запрещение с выразительной мотивировкой: «Драма «Ледяной дом», переделанная из известного романа Лажечникова, уже разрешена драматической цензурой для общих сцен, для народных же театров одобрена быть не может, так как мрачная эпоха временщика Бирона — едва ли поучительная страница нашей истории для народа: в этой же пьесе симпатичный публике, несмотря на свои недостатки, Волынский побежден Бироном и приговорен к плахе импе-
ратрицей»[1].

«Ледяной дом» оказался опасным для самодержавия в годы революционной ситуации накануне 1905 года и мог содействовать усилению нежелательных настроений народной массы в подымавшейся на свою первую революцию России. Лажечников, конечно, не предвидел этого, — тем характернее случай для уяснения объективного значения «Ледяного дома» в русской литературе.

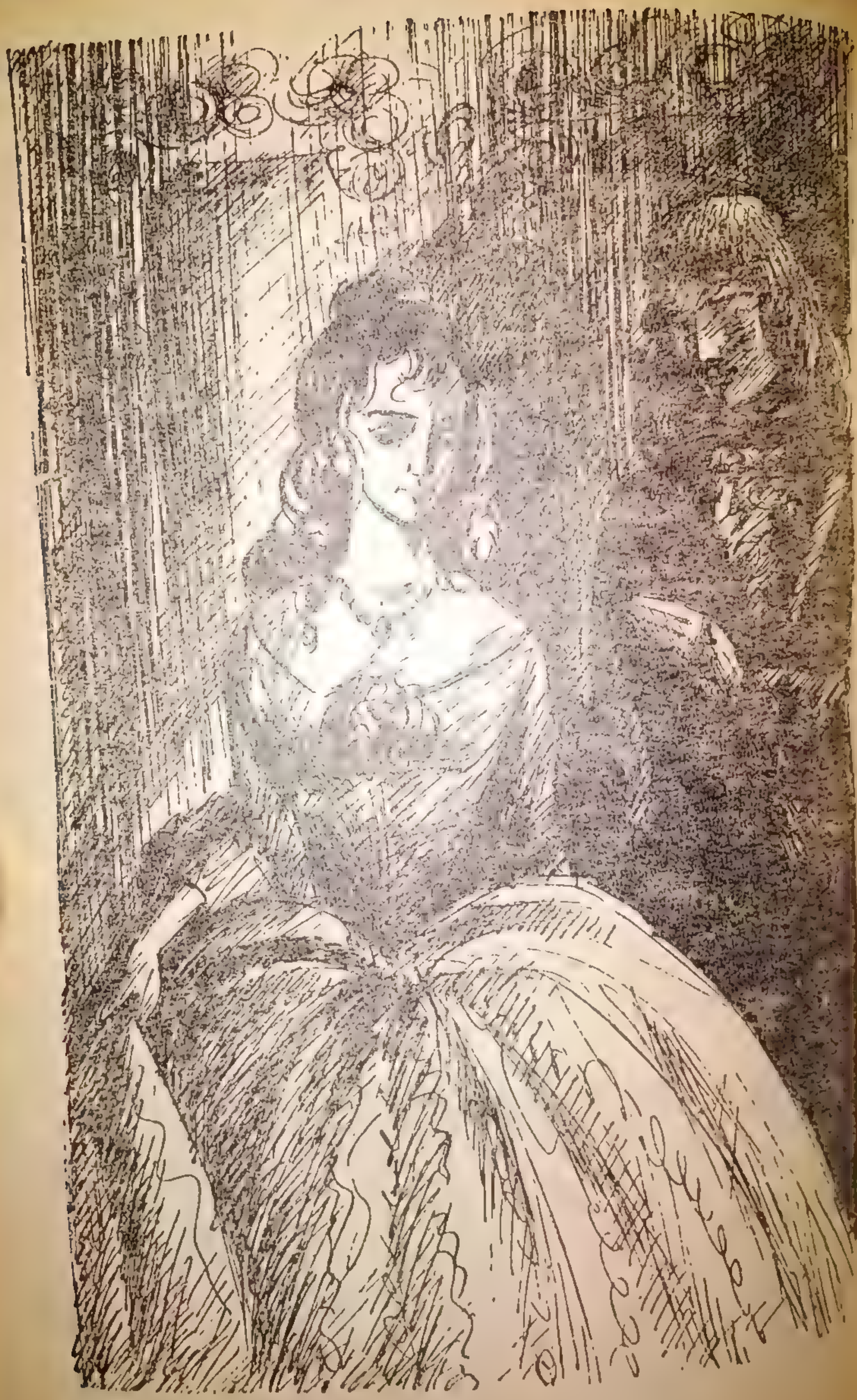
«Ледяной дом» Лажечникова — это один из первых русских исторических романов, обладающий живым и ярким историческим сюжетом, образы которого не лишены социальной остроты. В некоторых своих картинах роман верен исторической истине. Но в целом он все же не является исторически точным. «Ледяной дом» органически связан с первой третью XIX века, с эпохою, в которую он написан, и своими основными образами — тем-то он особенно и интересен для нас — продолжает литературную традицию декабристов.

В целом роман «Ледяной дом» — живой и волнующий памятник русской культуры. Он имеет все права на внимание советского читателя.

М. Нечкина.

---

[1] Народный театр и драматическая цензура. Публикация В. А. Цинковича. — Театральное наследство, 1956, с. 384.



«Ледяной дом» впервые опубликован в 1835 году (М., изд. А. С. Ширяева).

Читатели приняли новый роман Лажечникова еще более восторженно, чем нашумевший в свое время «Последний Новик». Сразу же после напечатания «Ледяной дом» был переведен на немецкий и французский языки. . .

Через три года после выхода в свет «Ледяного дома» потребовалось его новое издание (М., 1838). Третьим изданием, в связи с долголетним цензурным запретом, роман вышел только через двадцать лет — в собрании сочинений Лажечникова 1858 года (т. III—IV).

Роман еще при первой публикации обратил на себя внимание идеолога русской реакции, министра народного просвещения графа С. С. Уварова, который упрекал цензуру, не выполнившую, на его взгляд, «долга предусмотрительности» и не обратившую внимания на целый ряд «криминальных» мест: ироническое изображение праздничного придворного шествия в честь свадьбы шута, непочтительные авторские высказывания по адресу Анны Ивановны.

В 1850 году «Ледяной дом» был запрещен цензурой для новых изданий. В донесении Московского цензурного комитета от 2 октября 1850 года в Главное управление цензуры (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде — *ЦГИАЛ*) отмечалось, что «основная нить сочинения» Лажечникова состоит в несправедливом решении императрицы казнить Волынского, несмотря на «правоту и святость» его дела. Наиболее криминальными были объявлены следующие моменты романа: «мученическая смерть... Горденки... и вообще способ действия Доимочного приказа», свадьба шута в ледяном доме «как забава императрицы», происхождение Мариорицы Лелемико — незаконнорожденной дочери молдаванского князя и таборной цыганки, обличительная речь Сумина-Купшина на шутовских «родинах козы», адресованная императрице.

Только в 1858 году после семилетнего цензурного запрещения вопрос о повторном издании «Ледяного дома» был решен положительно. Немалую роль при этом сыграл хвалебный отзыв И. А. Гончарова, который в своем рапорте Санкт-Петербургскому цензурному комитету попытался сгладить политическую остроту романа. «Харак-

теры и особенно лицо Бирона в «Ледяном доме», — писал Гончаров, — верны истории (см. Русскую историю Устрялова, часть 2-я, стр. 121—125 и 130—133) Главное лицо романа, Волынский, представлен также сходно с историей; благородным, горячим патриотом, иногда увлекающимся своими страстями за пределы благоразумия. Он не враждует с законными властями и все действия и намерения свои относит к государыне, которой истинно предан, и от нее одной ищет разрешения их. Выражения в некоторых местах резки, но они прорываются в минуту негодования на притеснения Бирона, и только против него. Грубые сцены принадлежат нравам того времени, и как они, так и резкие выражения некоторых лиц ни к одной из последующих эпох, по различию в степени образования и в понятиях, применены быть не могут Надобно принять во внимание, что действие романа происходит в 1739 году, т. е. почти за 120 лет до нас (A. Mazon, Un maitre du roman russe Jwan Lontcharav, Paris, 1914, p. 378) И далее Гончаров перечисляет те многочисленные «поправки и исключения», которые и побудили Главное управление цензуры снять запрет с «Ледяного дома». Наиболее значительным исправлением нужно признать изъятие эпиграфа к последней главе романа «Эпилог» — стихов К. Ф. Рылеева, обращенных к «сынам отечества», из «думы» «Волынский». Автор снимает некоторые резкие выражения в свободолюбивых речах Волынского и его друзей, устраняет ряд деталей и фактов, компрометировавших царицу. Так, из монолога Волынского исключается указание на то, что «система доносов и шпионства» сделала «из каждого дома Тайную канцелярию» Снимается и грозное предостережение «вдохновенного старца» Сумина-Купшина, адресованное императрице: «Каждый из твоих подданных... станет обвинителем твоим». Указание Сумина-Купшина на «кровавые язвы», «рубища», «цепи», которыми Анна Ивановна «позволила недостойному любимцу нас отягчить», исправлено следующим образом: «...которыми недостойный любимец твой нас отягчил...»

Если в первых двух изданиях романа царица, демонстрируя свое невежество, называла Прекрасную Елену «Аленой», то в издании 1858 года она говорит правильно. Подобным же образом переделывается и рассказ Тредиаковского о «всемилостивейшей оплеухе», которой удостаивает Анна Ивановна поэта в знак милости. «Профессор элоквенции» теперь даже не упоминает об оплеухе; в издании 1858 года Анна Ивановна просто «слегка потрепала... по щеке» автора «Тилемахиды».

В этом же издании сняты также некоторые наиболее прозрачные намеки или даже прямые указания на связь императрицы с «недостойным выходцем». Так, из этих соображений исключается третий эпиграф к главе «Родины козы», намекающий на истинные отношения Анны к Бирону: «Молчи, все знаю я сама; да эта крыса мне кума!»

Подобным же образом автор исключает из текста фразы, вроде следующих: «Государыня была женщина и скоро перетолковала по-своему досаду герцога», или «...герцог так грубо отнял свою руку, что государыня покачнулась набок своим тучным корпусом и, может статься, подвергла бы себя неприятности и стыду падения...».

Отдельные исправления в тексте романа касались тех выражений, в которых можно было усмотреть неуважение к религии и церкви. Даже такое выражение, как «дуновение шестикрылого серафима», автору пришлось заменить «дуновением зефира».

Однако, несмотря на все эти поправки и исключения, трактовка главных исторических лиц произведения осталась прежней. Автор и в «исправленном» варианте не снимает того факта, что в конечном счете именно Анна Ивановна — виновница «постыдного неправосудия». Показательно также, что ни одно из тех пяти кардинальных «сомнительных» мест романа, на которые в 1850 году обращал внимание Московский цензурный комитет, не подверглось авторской правке.

Ряд исправлений идейного и стилистического характера в тексте третьего издания романа был сделан писателем без какого бы то ни было давления цензуры. Так, Лажечников несколько перерабатывает образ Тредиаковского (не изменяя, впрочем, его сущности), что было вызвано, по-видимому, критическими замечаниями Пушкина. Автор исключает некоторые особенно унизительные для автора «Тилемахиды» эпизоды, изменяет название главы, посвященной ему: «Посредник» вместо «Педант».

Во второй части романа Лажечников включает новую главу (IV) «Рассказ старушки», в которой излагает одно из традиционных народных преданий (единоборство незадачливого мужичка с «нечистым»), столь излюбленных писателями-романтиками. Белинский считал образ старушки лекарки лишним в романе (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. III. М., изд. АН СССР, 1953, стр. 15). Однако автор в этом случае не был согласен с критиком: вводя через двадцать лет в свой роман новую — и притом написанную в сугубо романтическом стиле — главу, в которой на сцену опять выступила старушка, он еще раз публично расписался в своих симпатиях «доброму, старому романтизму», уже несколько устаревшему к концу 50-х годов.

Стр. 41.

«Какая смесь одежд и лиц...» — строки из поэмы А. С. Пушкина «Братья разбойники» (1821—1822).

«Поник задумчивой главой...» — отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «Андрей Шенье» (1825).

Стр. 44.

Зудá... — по-видимому, единственным историческим источником

для создания этого образа в романе послужили мемуары Манштейна, в которых содержалось краткое упоминание о данном лице, причем фамилия его давалась в том искаженном виде (Зуда вместо де ла Суда), какой мы находим в «Ледяном доме».

Стр. 45.

...ключом четырнадцатого класса... — Петр I в «Табели о рангах» (1722) разделил все чиновничество на четырнадцать классов. Подачкин мечтает получить первый офицерский чин, то есть стать чиновником самого низшего — четырнадцатого класса, а потом приобрести дворянство.

...в тогдашнее время не нуждались в аттестате на чин коллежского асессора... — Лажечников намекает на закон, действовавший в его время: о необходимости дослужиться до чина коллежского асессора (чин восьмого класса согласно «Табели о рангах») для приобретения дворянства.

Стр. 47.

Макиавель — Макиавелли Никколо ди Бернардо (1469—1527) — итальянский государственный деятель, политический мыслитель и писатель. Зуда, говоря об «уроках Макиавеля», намекает на те методы политической борьбы, которые провозглашал этот идеолог зарождающейся буржуазии в книге «О государе» («Il principe», 1513). В борьбе за сильную централизованную власть Макиавелли считал все способы и средства дозволенными. «Макиавеллизм» стал нарицательным словом для обозначения вероломства, цинизма в политической борьбе.

Стр. 48.

Бить — золотая или серебряная сплющенная нить, употребляемая для вышивания.

Чичисбей (итал.) — постоянный спутник знатной итальянской дамы во время прогулок (XVI—XVIII вв.). Лажечников в подстрочном примечании объясняет это слово как «счаливан» — от старинного выражения «быть счалену», то есть сдружиться.

Стр. 50.

Он не имел детей, но всегда их желал. — Вся сюжетная линия в романе, связанная с семейными и любовными отношениями главного героя, представляет художественный вымысел. В действительности же реальный Волынский в изображаемое время был вдовцом и имел трех детей подростков.

Стр. 51.

Таланлцво — счастливо, от *талан* — счастье, удача.

Стр. 53.

«Я цыганка не простая...» — отрывок из арии популярной в 20—30-е годы оперы «Днепровская русалка», музыка немецкого композитора Ф. Каузра (1751—1831), либретто Н. Краснопольского (перевод с немецкого пьесы К. Генслера «Дунайская девушка»).

Марцула — вымышленный персонаж; автор явно следует В. Гюго с его образом матери Эсмеральды из «Собора Парижской богоматери».

Стр. 56.

...не хуже хитрого секретаря Цесаря Боргия! — Автор имеет в виду Макиавелли (см. прим. к стр. 47), бывшего некоторое время секретарем у Чезаре Борджа (1476—1507), правителя герцогства Романьи (в Италии); имя Борджа стало символом коварства, предательства и жестокости.

Стр. 59.

...церковь каменная... Исакия Далмацкого — строилась (на том месте, где позднее была поставлена статуя Медного всадника) в 1717—1727 годах. В 1763 году она была по ветхости снесена, и в 1768 году, на месте современного Исаакиевского собора, началось строительство нового собора. В начале XIX века он был частично снесен, а частично включен в постройку ныне существующего Исаакиевского собора.

Стр. 62.

...молдаванская княжна Мариорица Лелемико — вымышленный персонаж. Однако некоторыми своими чертами образ этот, вероятно, сближался с каким-то реальным лицом, о чем свидетельствует письмо Лажечникова Белинскому от 12 ноября 1835 года. Имея в виду, по-видимому, некую московскую знакомую, писатель спрашивает Белинского: «N'avez vous pas vu Mariorilza?.. A-t-elle lu mon roman? Qu'en dit-elle?» («Не видали ли Мариорицы? Читала ли она мой роман? Что говорит о нем?» — «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 177).

Стр. 67.

На лошади... изабеллова цвета... — то есть светло-желтой масти, с белым хвостом и гривой.

Стр. 68.

...это существо именовалось Кульковским. — Под именем Кульковского автор вывел шута Анны Ивановны князя М. А. Голицына, так называемого «квасника» (это прозвище было дано ему в связи с тем, что одной из его шутовских обязанностей было подавать императрице квас).

Стр. 69.

...возвратился оттуда католиком. — Князь Голицын, будучи послан с дипломатическим поручением в Италию, женился там на итальянке и принял католическую веру. По возвращении в Россию это стало известным при дворе, несмотря на то, что Голицын тщательно скрывал и свою жену, и перемену религии. По приказанию Анны Ивановны жена его была выслана за границу, сам он отправлен в Тайную канцелярию, а потом назначен на должность придворного шута.

Помимо князя Голицына, внука знаменитого боярина и любимца

царевны Софьи, еще два придворных шута Анны Ивановны происходили из знатнейших русских фамилий: камергер князь Н. Ф. Волконский и племянник известного петровского адмирала граф А. П. Апраксин. Все они назначены были императрицей на должность придворного шута в виде наказания: Голицын и Апраксин — за тайное принятие католической веры, Волконского Анна сделала шутом из личной мести его жене. Царица обращалась с ними крайне грубо и унизительно; по свидетельству Г. Р. Державина («Объяснения Державина на его сочинения». «Фелица»): «Сии шуты, когда императрица слушала в придворной церкви обедню, саживались в лукошки в той комнате, чрез которую ей из церкви во внутренние свои покои проходить должно было, и кудахтали, как наседки...» («Сочинения Державина», 2-е акад. изд. Я. Грота, т. III, СПб, 1870, стр. 482).

Стр. 74.

«Тилемахида» (1766) — наиболее значительное произведение В. К. Тредиаковского (1703—1769), «ироическая пиима», представляющая стихотворное переложение популярного в XVIII веке политико-нравоучительного романа французского писателя Ф. Фенелона «Похождения Телемака» (1699).

...в два приема исчерпал весь гений Ролленя... — Лажечников в ироническом духе говорит о титаническом труде Тредиаковского, которому тот отдал тридцать лет жизни, — переводе многотомной истории античного мира знаменитого в то время французского историка Шарля Роллена (1661—1741). Тредиаковский, «вечный труженик», как называли его современники, перевел двадцать шесть томов этой истории («Древняя история», 1749; «Римская история», 1761) и четыре тома «Истории римских императоров», написанной учеником Роллена — Кревье. Когда в результате пожара первые тридцать томов перевода сгорели, Тредиаковский перевел их заново.

Стр. 75.

...со времен двух первых братьев! — Имеется в виду библейское предание о Каине, старшем сыне Адама, убившем из зависти своего брата Авеля.

Стр. 77.

...был верен своему слову только до первой встречи с покровителем. — Лажечников нарушает историческую истину, изображая Волынского покровителем Тредиаковского. На самом же деле Тредиаковский был «креатурой» русского посла в Париже князя А. Б. Куракина (1697—1749), злейшего врага мятежного кабинет-министра.

Стр. 78.

«Скажи, в чем тут есть главное уменье?..» — неточная цитата из басни И. А. Крылова «Трудолюбивый медведь» (1818).

«Победа, смерть ли? Будь, что будет...» — из повести «Ала» (1824) Н. М. Языкова.

Стр. 79.

...в презрении к ним не соблюдая даже наружного приличия... —) высокомерном презрении Бирона к чуждой ему стране, за счет которой он «кормился» без всякой для нее пользы, сообщают все мемуаристы того времени. Князь Долгоруков рассказывает, с какой грубостью и наглостью фаворит Анны Ивановны обращался с членами сената, к которым сам Петр I относился с глубоким уважением («Из записок князя П. В. Долгорукова. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны», перевод с франц., Московск. книгоизд. т-во «Образование», изд. 3-е, стр. 107)

Стр. 80.

Доимочный приказ — учрежденная в царствование Анны Ивановны канцелярия (1733), ведавшая сбором недоимок по налогам. Историк XVIII века И. Н. Болтин сообщает, что Доимочный приказ, созданный по инициативе Бирона, почти полностью обогащал только его. «Сею хитростью, — пишет историк, — доставил себе Бирон многие миллионы рублей, а государство вконец разорил» («Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка», т. II, СПб., 1788, стр. 327).

Стр. 85.

Архипастырь, измученный пытками... — тверской архиепископ Феофилакт Лопатинский (ум. 1741), который подвергался гонениям со стороны Бирона за свое сочинение «На ереси лютеранские и кальвинские». Преданный Тайной канцелярии, Феофилакт Лопатинский вместе с несколькими своими ближайшими служителями в течение восьми лет (1732—1740) содержался в заключении. Анна Леопольдовна при своем восшествии на престол освободила его из тюрьмы и возвратила архиерейский сан.

Тайная канцелярия — учреждение, созданное Петром I и ведавшее делами по политическим преступлениям. Упраздненная в 1726 году, Тайная канцелярия была вновь восстановлена в правление Анны Ивановны (1731).

Стр. 88.

...начал читать вслух главу из Макиавелева «Il principe». — Лажечников, по-видимому, был частично знаком со следственным делом Волынского, которое было опубликовано лишь в 1858 году, но некоторые отголоски его стали проникать в печать еще в 30-х годах. Как видно из материалов этого дела, Волынскому было вменено в вину при «розыске» именно чтение книги Макиавелли («Il principe» наряду с «Комментариями на Тацита» (1600) историка и филолога эпохи Возрождения Юста Липсия (1547—1606). («Чтения в... обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 2. М., 1858, отд. V, стр. 140, 150).

Стр. 89.

...я и он, он и я Монтеня... — Лажечников имеет в виду высказывание французского философа и писателя эпохи Возрождения Мишеля де Монтеня (1533—1592) в книге «Опыты» (гл. «О дружбе») об его ближайшем друге: «...никогда с той поры не было для нас ничего ближе, чем он — мне, а я — ему».

«Александроида» — так называлась низкопробная «современная поэма» (1827—1828) П. Свечина, написанная в честь Александра I.

Стр. 90.

Ираклий — то есть Геракл. Седьмой подвиг Геракла, о котором говорит Тредиаковский, — чистка конюшен царя Авгия (авгиевых конюшен).

...рассудил за благо стать на колена... — Об источнике этой детали в характеристике «придворного пиита» Анны Ивановны Лажечников сообщил в письме к Пушкину от 22 ноября 1835 года: «Иван Васильевич Ступишин, один из 14-ти возводителей Екатерины II на престол, умерший в 1820 году, будучи 90 лет, рассказывал (а словам его можно верить!), что «когда Тредиаковский со своими одами являлся во дворец, то он всегда, по приказанию Бирона, из самых сеней, чрез все комнаты дворцовые, полз на коленях, держа обеими руками свои стихи на голове, и таким образом доползая до Бирона и императрицы, делал им земные поклоны. Бирон всегда дурачил его и издевался со смеху» (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 16, изд. АН СССР, [М], 1949, стр. 64).

...государыня... пожаловала меня всемилостивейшею оплеухою. — Рассказ о «всемилостивейшей оплеухе» принадлежит к числу ходячих анекдотов о Тредиаковском, имевших широкое распространение в конце XVIII — начале XIX века. Этот анекдот, наряду с другими, такими же сомнительными рассказами, порочащими имя Тредиаковского, приведен Д. Н. Бантыш-Каменским в «Словаре достопамятных людей русской земли», ч. V, М., 1836, стр. 147.

Стр. 93.

...Калипса, воспаленная паренком любви и ревностью, дает окрик на Телемаха и дядьку его. — Тредиаковский имеет в виду эпизод «Тилемахиды», рассказывающий о нимфе Калипсо, которая преследовала своей любовью Одиссея, а потом сына его — Телемака.

...пусть рыбачишка холмогорский в немецкой земле пищит и верещит на сопелке свою одишку на взятие Хотина... — Подразумевается произведение М. В. Ломоносова «Ода на победу над турками и татарами и на взятие Хотина» (1739), которую он прислал членам Российского собрания Академии наук из Германии, где в то время обучался.

Стр. 94.

...я повсдаю вашему превосходительству вкратце-анекдотец о себе

и Петре Великом. — Этот рассказ представляет авторское переложение известного «ходячего анекдота, зафиксированного в «Словаре достопамятных людей русской земли» Д. Н. Бантыш-Каменского (ч. V, М., 1836, стр. 146). Взгляд Лажечникова на Тредиаковского был навеян традиционным мнением, прочно сложившимся к 30-м годам XIX века в отношении этого «вечного труженика». Эта легенда о Тредиаковском, как о бездарном педанте, родившаяся среди литераторов-дворян, поддерживаемая Екатериной II, выражала презрение дворянской общественности к даровитому ученому-плебею. Известный русский просветитель Н. Новиков, а также А. Н. Радищев и Пушкин выступили с защитой памяти незаслуженно униженного ученого и поэта.

Лажечников же не сумел подняться до этой исторически справедливой точки зрения и положил в основу своего образа Тредиаковского ходячие анекдоты об авторе «Тилемахиды». Прежде всего в искаженном виде предстает вся линия взаимоотношений Тредиаковского с Волынским (см. прим. к стр 77) Понятно, что и другие события, вытекающие из этого отправного положения (например, пособничество Тредиаковского в любовных делах кабинет-министра), представляют собой авторский вымысел:

Стр. 95.

«Послушай, говорит, коль ты умней не будешь...» — из басни И. А. Крылова «Мальчик и змея» (1819).

«Раз в крещенский вечерок девушки гадали...» — *начальные строки из баллады В. А. Жуковского «Светлана» (1808—1812).*

Стр. 96.

...мыслил, подобно Камоэнсу, гибнущему в море, о спасении «Телемахиды...» — автор имеет в виду следующий эпизод из жизни португальского поэта Луса Камоэнса (1524—1580): спасаясь с тонущего корабля, поэт из всего, что у него было, захватил только рукопись своей поэмы «Лузиады».

Семирамида — легендарная царица Ассирии, построившая «висячие сады» в Вавилоне, считавшиеся в древности одним из «семи чудес света».

Стр. 103.

Густав Бирон — брат Эрнста Бирона, исполнявший должность генерал-адъютанта при императрице. Как известно, временщик Анны Ивановны наводнил Россию своими бездарными родственниками, занявшими высокие посты. По характеристике мемуариста XVIII века Х. Манштейна, Густав Бирон был человек «без воспитания и недалек» (Записки исторические, политические и военные о России с 1727 по 1744 год, сочиненные г. Манштейном, ч. 1, М., 1810, стр. 54).

Стр. 107.

Новый Язон... — Волынский сравнивается с древнегреческим

героем Язоном, предпринявшим вместе с аргонавтами поход в Колхиду за золотым руном, охранявшимся драконом (ант. миф.).

«Кого кто лучше проведет...» — строки из басни И. А. Крылова «Купец» (1830)

Стр. 109.

«В крайней тоске завсегда уже пребывала Калипса...» — строка из «Тилемахиды» (Кн. 1.1766).

Стр. 110.

...Липмана, обер-гофкомиссара, любимца Биронова... — историческое лицо. В мемуарах того времени встречаются упоминания о еврее Липмане, любимце Бирона. Так, в одной дошедшей до нас безымянной записке, написанной на французском языке и найденной в делах Саксонского государственного архива в Дрездене, говорится, что «герцог... следует только тем советам, которые одобрит... Липман... Он один только посвящается в тайны... своего господина и всегда присутствует на его совещаниях с кем бы то ни было». Автор записки даже делает вывод, что именно Липман «управляет Россиею» («Сборник... русского исторического общества», т. 20, Спб, 1877, стр. 111).

Какие-либо конкретные сведения об этом лице до нас не дошли, и все события в «Ледяном доме», связанные со страшным гофкомиссаром Бирона, представляют авторский вымысел.

Стр. 114.

«И труп поглощен был глубокой рекой» — из баллады В. А. Жуковского «Мщение» (1816).

Стр. 119.

«Но знаешь? эта черная телега...» — стихи из трагедии А. С. Пушкина «Пир во время чумы» (1830).

Стр. 120.

Большая прешпектива — была расположена на месте нынешнего Невского проспекта.

Гамадриады, или дриады — нимфы, обитавшие в листве деревьев (ант. миф.)

Стр. 129.

Последи — напоследок.

Воловьи и подъезжие извозчики... — то есть ломовые и легковые.

Стр. 124.

Трус — землетрясение, буря.

Стр. 126.

...зерцáло, стоявшее на вощанке... — Со времен Петра I в присутственных местах ставили как эмблему правосудия зерцало — трехгранную призму, оклеенную указами о важности исполнения законов.

Стр. 134.

Искосок — род киота.

Стр. 137.

...по этому-то хоботу... — значит, таким образом Лажечников разъясняет смысл этого диалектального оборота в письме к Пушкину от 22 ноября 1835 года (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 16, изд. АН СССР, [М.], 1949, стр. 66).

Стр. 140.

Завор — забор.

Стр. 146.

Крепкая водка — старинное название азотной кислоты.

Стр. 148.

«Недруга догнать, над ним занять ветр способный... Всегда за ним выборна таскалася свита...» — стихи из сатиры поэта XVIII века А. Д. Кантемира «На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений» (1743).

Стр. 150.

Фактор — маклер, комиссионер.

Стр. 151.

Алансоновые манжеты — то есть кружевные. Название связано с французским городом Алансон, который славился своими кружевами.

Стр. 152.

Фортеция — крепость.

Стр. 153.

Если б кто, как брадобрей Мидаса, зарыл свою тайну в земле... — автор имеет в виду античный миф о царе древней Фригии Мидасе, наделенном Аполлоном за несправедливый суд ослиными ушами, которые тот прятал под высокой шапкой. Цирюльник царя, проведав эту тайну, шепнул свой секрет в вырытую им ямку и засыпал землей. На этом месте вырос тростник и разгласил тайну Мидаса на весь свет.

Стр. 156.

Мятежники! я их в бараний рог!.. — Большинство историков XVIII и начала XIX века оценивали Бирона как «кровавого злодея» и «тирана» (Т. С. Мальгин, Зерцало российских государей, Спб, 1789, стр. 98; И. Н. Болтин, Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка. т. II, Спб, 1788, стр. 467—468 и др.). Решительным сторонником взгляда на Бирона как на «презренного злодея» выступил также Рылеев («Голова Волынского»); по мнению поэта, всемогущему фавориту Анны Ивановны были свойственны «ужасные дела, коварный ум и нрав жестокий» («Волынский»). По сравнению с этой характеристикой Лажечников не вносит в трактовку «курляндского выходца» ничего принципиально нового; образ немца Бирона в романе — это образ «предводителя иноземного нашествия» и тирана. Однако свой взгляд на Бирона писатель развивает с такой художественной убедительностью и страстностью, что некоторые позднейшие исследователи считали именно Лажечникова родоначальником традиционного ме-

ния о Бироне (И. Шишкин, Артемий Петрович Волынский. — «Отечеств. записки», 1860, № 2, стр. 449,451).

Историографы правительственной ориентации изображали Бирона виновником всех злодеяний русского самодержавия того времени (Н. Г. Устрялов, Русская история, ч. 3, Спб, 1838, стр. 215). Против такой тенденции в русской историографии протестовал Пушкин, возмущаясь тем, что на Бирона «свалили весь ужас царегвования Анны» (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 16, изд. АН СССР, М. — Л., 1949, стр. 62).

Стр. 158.

Историю Иоанны неаполитанской... — Имеется в виду книга Юста Липсия «Комментарии на Тацита».

Об этой книге исторический Волынский говорил, смеясь, своим друзьям: «Эта книга не для нынешнего времени читать» («Записки об Артемии Волынском». — «Чтения в ...обществе истории и древностей российских при Московском университете», М., 1858, кн. 2, отд. V, стр. 147). Этот факт Лажечников, по-видимому, почерпнул из «следственного дела» Волынского, которое в отрывках до него доходило. Исторический Волынский высказывался об императрице еще более резко. (Там же, стр. 152).

Стр. 161.

«Ужасный вид! они сразились!..» — неточная цитата из драматической поэмы И. И. Дмитриева (1760—1837) «Ермак» (1794).

Стр. 162.

Березов — небольшой городок на севере Тобольской губернии, куда был сослан Остерман после воцарения Елизаветы Петровны.

Стр. 163.

Ваша светлость знаете мои немощи... несносная подагра! Ох!.. — Образ А. И. Остермана (1686—1747), государственного деятеля и дипломата в царствование Петра I и Анны Ивановны, создан Лажечниковым в соответствии со свидетельствами мемуаристов, более или менее единодушных в оценке этого лица. Все они отмечали его хитрость и коварство. («Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского. 1727—1730 годов, Спб, 1845, стр. 18). Лажечников, изображая Остермана в беседе с Бироном, использует характерную деталь в поведении этого «лукавого царедворца», отмеченную Манштейном. По словам мемуариста, Остерман в затруднительных обстоятельствах избегал высказывать свое мнение и обыкновенно притворялся больным. (Записки исторические, политические и военные о России с 1727 по 1744 год, сочиненные г. Манштейном», ч. 1, М., 1810, стр. 37).

Стр. 164.

Перокин, Сумин-Купшин, Щурков (см. стр. 25). — Автор придал

этим известным лицам анаграмматические фамилии, так как потомки казненных «конфидентов» Волынского были живы и прямо называть в печати их фамилии он не хотел.

...изжарят нас, басурманов, как лекаря-немца при Иоанне Грозном. — Остерман подразумевает врача Ивана IV Елисея Бомелия, о котором Карамзин рассказывает, что он был сожжен на костре по обвинению в государственной измене (Н. М. Карамзин, История государства Российского. т. IX, Спб, 1821, стр. 318).

Стр. 165:

...второй Коклес... — Публий Гораций Коклес (Одноглазый) прославился своей героической защитой моста через Тибр против этрусков (507 г. до н. э.). Здесь, очевидно, имеется в виду римский юноша Марк Курций. По преданию, в 362 г. до н. э. на римской площади разверзлась пропасть; по толкованию жрецов, это значило, что отечество в опасности, и для предотвращения ее Рим должен пожертвовать лучшим своим сокровищем. Сев на коня в полном вооружении, Курций бросился в пропасть, которая тут же закрылась.

Стр. 166.

Миних-Бурхардт Кристоф (1683—1767) — генерал-фельдмаршал русской армии, президент Военной коллегии при Анне Ивановне. В трактовке этого исторического деятеля Лажечников наиболее близко следовал точке зрения сановника и дипломата XVIII века Никиты Панина. В анонимно изданных замечаниях на «Записки» Манштейна Панин положительно оценивал Миниха, в отличие от скептической характеристики, данной этому деятелю Манштейном (см. «Записки исторические, политические и военные о России с 1727 по 1744 год, сочиненные г Манштейном», ч. IV, М., 1810, стр. 17)

Стр. 167

Брюс Яков Вилимович (1670—1735) — государственный и военный деятель и ученый петровского времени, составитель первого в России календаря.

Крыж — косой католический крест.

...сбить яблоко, не только с головы сына... Средневековое народное предание рассказывает о национальном швейцарском герое Вельгельме Телле, предводителе восстания против австрийских феодалов (начало XIV в.), который по приказанию наместника сбил стрелой из лука яблоко с головы сына.

Стр. 172.

...один вассал Польши может сделать доклад об этом вознаграждении... — Исторический факт: последним толчком к началу смертельной схватки между двумя политическими врагами послужило выступление Волынского против бироновского проекта о вознаграждении Польши за проход русских войск по ее территории во время войны, причем Волынский действительно косвенно назвал Бирона «вассалом

Полыни» (С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. X, М., 1963, стр. 678—679).

Стр. 174.

«Но час настал — я ничего не помню...» — неточная цитата из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825), сцена: «Ночь. Сад. Фонтан».

Стр. 175.

Педрилло (прозвище неаполитанца Пьеро Мира) — придворный шут Анны Ивановны. Лажечников исторически точно передает в романе об этом заезжем авантюристе.

Лакоста — Ян д'Акоста, португальский еврей, пользовавшийся в качестве шута расположением Петра I, который подарил ему пустынный остров в Балтийском море и прозвал в связи с этим «самоедским королем».

Балакирев Иван Емельянович — камер-лакей Петра I, в 1724 году подвергнутый опале и сосланный; при Анне Ивановне — придворный шут.

Орден Бенедетто — орден св. Бенедикта, специально учрежденный при дворе Анны Ивановны для отличия придворных шутов.

Стр. 177.

За такое неповиновение отсчитали бедному шуту Петра I столько ударов палкою... — Лажечников заимствовал этот факт из «Записок» Манштейна (ч. 3, М., 1810, стр. 75).

Стр. 184.

«Влюбленное сердце перемогло честолюбивую душу...» — фраза из произведения декабриста А. А. Бестужева-Марлинского «Роман в семи письмах» (1824), письмо четвертое.

Стр. 201.

«Все чудо из чудес, куда ни поглядишь...» — неточная цитата из сказки И. И. Дмитриева «Причудница» (1794).

«Я сберегла тебе невинных уст лобзанье...» — из стихотворения В. И. Туманского (1800—1861) «Манценил» (1823)

Стр. 202.

Фронтиспис — фронтон, треугольная плоскость, ограниченная двумя скатами крыши.

Стр. 204.

Шандал — подсвечник.

Поставец — род шкафа с полками для посуды

Стр. 207.

...этот ледяной дворец... все это будто в саванах, неподвижное, немое, мертвое... — Мотив ледяного дома, так же как и ледяной статуи, имеет в романе Лажечникова первостепенное значение и звучит рефреном на протяжении всего произведения. Образ ледяного дома у Лажечникова — это широкое авторское обобщение, приближающееся

к символу. Подобно тому, как Пушкин в «Арапе Петра Великого» аллегорически представил всю Россию петровского времени в образе гигантской мастерской, так и Лажечников попытался создать обобщенный образ России анненского царствования. Ледяной дом — это и есть образ России времен бироновщины, так же как ледяная статуя — олицетворение замученного, как бы окаменевшего от гнета русского народа. Ледяная статуя в ледяном доме — глубоко символическая ситуация романа, раскрывающая авторскую мысль о положении народа в бироновской России. Проводя литературную параллель, можно сказать, что ледяной дом Лажечникова — это в известной степени прообраз будущего символического «мертвого дома» Достоевского («Записки из Мертвого дома»).

Знаменательно, что на Западе также существовала традиция в обращении к ледяному дому Анны Ивановны как к символу реакции. Английский романтик Томас Мур (стихотворение «Конец Священного союза» из цикла «Басни для Священного союза», 1823), немецкий революционный поэт, друг К. Маркса, Фердинанд Фрейлигрmaт («Ледяной дворец», 1846) и, наконец, Виктор Гюго (роман-памфлет «Наполеон Малый», 1852), отдали дань этой традиции. Не исключено, что и «Ледяной дом», наряду со стихотворением Мура, оказал в этом плане известное воздействие на Фрейлигрaта и Гюго. Как бы то ни было, роман Лажечникова представляет определенный этап в развитии упомянутой традиции, — важное звено в цепи произведений Мура, Фрейлигрaта, Гюго. Подобно тому, как эти писатели символизировали в образе ледяного дворца западноевропейскую политическую реакцию, Лажечников, обращаясь к тому же символу, истолковал и оценил мрачную страницу в русской истории — бироновщину.

Стр. 208.

Елиссейские поля — загробный мир, населенный, по верованиям греков, душами праведников (а н т. м и ф.).

Стр. 216.

«Гляжу я безмолвно на черную шаль...» — неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Черная шаль» (1820).

Стр. 223.

«Угадываю любопытство многих моих читателей...» — из повести А. А. Бестужева-Марлинского «Ревельский турнир» (1825), гл. II.

Стр. 228.

«Не далее, а назад, барон!..» — отрывок из повести А. А. Бестужева-Марлинского «Ревельский турнир» (1825), гл. III.

Стр. 229.

...в доведях... — здесь: в выигрыше.

Стр. 231.

Берлина — дорожная карета.

Стр. 241.

...бросился с своего Левкадского утеса... — Как рассказывает греческий миф, с южного мыса одного из Ионических островов Левкада ежегодно бросали в море преступника для искупления грехов жителей острова.

«В тогдашнее время, когда человек унижался до скота...» — Эта фраза принадлежит Лажечникову, как явствовало из подписи под эпиграфом в первом издании романа.

Стр. 244.

А в случае только тот... — В XVIII веке «быть в случае» означало пользоваться чьей-либо милостью, быть в фаворе.

Стр. 247.

Буцефал — любимый конь царя Александра Македонского (356—323 гг. до н. э.).

Стр. 249.

Et toi, Brutus?..» — Лажечников ошибочно приписывает Вольтеру эти слова из трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (д. III, явл. 1).

«Молчи, все знаю я сама...» — строки из басни И. А. Крылова «Совет мышей» (1811).

Стр. 252.

Во всех ты, душенька, нарядах хороша!.. — выражение из «древней повести в вольных стихах» И. Ф. Богдановича «Душенька» (1778).

Стр. 253.

Диво дивное ожидало зрителей в квартире Педрилло... — Лажечников передает события, связанные с известным придворным праздником того времени, так называемыми «родинами козы», в точном соответствии с текстом мемуаров Манштейна («Записки исторические, политические и военные о России с 1727 по 1744 год, сочиненные г. Манштейном», ч. 3, М., 1810, стр. 75, 76).

Стр. 254.

Не видать было одного Балакирева, он накануне дошутил свою последнюю, земную шутку... — Анахронизм: Балакирев умер много позднее, уже после смерти Анны Ивановны.

Стр. 256.

Пока не падает луч света на Мемнонову статую, она не издает дивных звуков... — Имя Мемнона (сына богини утренней зари) греки присвоили статуе египетского фараона Аменхотепа III, которая при восходе солнца издавала протяжный звук, напоминающий человеческий голос. Это физическое явление, вызванное прохождением нагретого воздуха сквозь трещины памятника, греки объясняли как приветствие Мемнона своей матери Эос.

Стр. 262.

...ужасного Полифема в женском виде... — Лажечников сравнивает Мариулу, повредившую себе глаз, с Полифемом — одноглазым циклопом-великаном (ант. миф).

Стр. 293.

...сын Одиссея, родившийся на острове Итаке, взлелеянный Минервой и Фенелоном и зарезанный в Санкт-Петербурге профессором элоквенции... — автор намекает на Тредиаковского и его произведение. Миф о Телемахе послужил сюжетом романа Фенелона «Приключения Телемака», переложенного на русский язык тяжеловесными стихами Тредиаковским («Телемахида», 1766).

Съемцы — щипцы для снимания нагара со свечей

Стр. 294.

Адамантов камень — алмаз.

Стр. 298.

«Гимен на торжественной ехал колеснице...» — строки из «Стихов эпиталамических на брак его снятельства князя Александра Борисовича Куракина и княгини Александры Ивановны» (1730) Тредиаковского.

«Приданого за ней полмиллиона...» — из басни И. А. Крылова «Ворона: (1823).

Стр. 299.

«Все суета сует» — выражение из Библии (Екклезиаст), которое приписывается Соломону, царю объединенного царства Израиля и Иудеи (ок. 960—935 гг. до н. э.).

Не пользуясь Мафусаиловой жизнью... — автор имеет в виду патриарха Мафусаила, жившего, согласно библейской легенде, свыше девяти веков.

Стр. 300.

...можете судить, почему ее прозвали грозною... — Политика царизма при Анне Ивановне воспринималась современниками как некое повторение террора Ивана Грозного. Широкое хождение имело предание о юродивом «Тимофее Архипыче», жившем во времена «бироновщины», который всегда встречал императрицу еще до ее воцарения словами: «Дон, дон, дон, царь Иван Васильевич!» И. Н. Болтин, приводя это предание, комментирует его следующим образом: «По прошествии многих лет, как взошла Анна на императорский престол и позволила Бирону в полной силе действовать по кровожаждущей его склонности, тогда многие вспомнили о сказанных словах святоши и по событию толковали предзнаменование их, а именно, якобы давал проницатель ими знать, что Анна будет некогда самодержицею России и управлять ею станет так же, как царь Иван Васильевич Грозный» («Примечания на историю... Леклерка», т. II, Спб., 1788, стр. 467—468).

Анна Леопольдовна (1718—1746) — внучка царя Ивана V, Алексеевича, регентша (1740—1741) совместно с Бироном при

своем малолетнем сыне Иване VI Антоновиче (1740—1764). Свергнутая в результате дворцового переворота, Анна Леопольдовна умерла в ссылке.

К карете нередко подъезжает.. Линар, этот очарователь... — Анахронизм. В изображаемое время графа Линара, польского посланника при русском дворе, пользовавшегося расположением Анны Леопольдовны до ее замужества, уже не было в России: он был отозван по просьбе Анны Ивановны.

Жена его с ног до головы облита корою алмазною: знатоки ценят их в два миллиона. — Исторический факт (см. «Из записок князя П. В. Долгорукова. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны», 3-е изд. М., стр. 107)

С...вой (дочери В...ва) — то есть Строгановой (дочери Воронцова)

Стр. 301

Т...ой — Трубецкой. Лажечников прозрачно зашифровывает фамилии старинных аристократических семей, потомки которых были живы в его время.

Стр. 302.

Другою восторжены вы, как Мурилловым идеалом... — Лажечников подразумевает образ мадонны, один из любимых сюжетов испанского живописца Бартоломе Эстевана Мурильо (1617/18—1682).

...вы колеблетесь, кому из них отдать золотое яблоко; но теперь не время играть роль Париса. — Согласно греческому мифу, троянский царевич Парис должен был решить спор между тремя богинями-соперницами, вручив одной из них яблоко с надписью: «Прекраснейшей».

Стр. 303.

...как лягушка, собиравшаяся в быки... — Автор использует образ басни И. А. Крылова «Лягушка и вол» (1808)

Стр. 304.

«Здравствуйте, женившись, дурак и дура...» — из стихотворения «Сказание, говоренное Васильем Тредьяковским при дурацкой свадьбе» (1840).

Стр. 305.

Шапель Клод Эммануэль (1626—1686) — французский поэт, воспевший любовь и вино.

Тассо Торквато (1544—1595) — итальянский поэт, автор эпической поэмы «Освобожденный Иерусалим».

Стр. 306.

«Грозой утомлено, спит море — тигра сон!..» — из стихотворения В. Г. Теплякова (1804—1842) «Последний вечер в***».

Стр. 307.

Эйхлер. — Возможно, стремясь как-то оживить образ этого «кон-

фидента» Волынского (о котором почти ничего не известно), Лажечников делает его племянником страшного своими злодеяниями Липмана.

Стр. 311.

«Душа твоя чиста, унынье чуждо ей...» — из стихотворения А. С. Пушкина «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...» (1821).

...сильнее Декартовых вихрей... — автор имеет в виду учение французского философа Рене Декарта (1596—1650) о вихревом образовании мира.

Стр. 314.

...школьника Тредьяковского... — В понимании неграмотной Кульковской это значит: «ученого», «занимающегося наукой».

Стр. 316.

«Тебе сказать не должен боле...» — из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1817—1820), песнь первая.

Стр. 323.

«О милый! Пусть растает вновь...» — стихи из «Румилийской песни» (1829) В. Г. Теплякова.

Стр. 331.

«Не узнавай, куда я путь склонила...» — из стихотворения В. А. Жуковского «Голос с того света» (1815), перевод произведения Ф. Шиллера «Текла».

Крафт Георг Вольфганг (1707—1754) — профессор физики и математики Петербургской Академии наук. Крафт занимался также астрологией и много раз по приказанию Анны Ивановны составлял гороскопы (предсказания судьбы по звездам) для нее и ее близких.

Мария-Антуанетта (1755—1793) — французская королева, казненная по приговору революционного трибунала в период французской буржуазной революции конца XVIII века.

Стр. 340.

...волны Бельта... — Имеется в виду Балтийское море.

После жестоких морозов была оттепель... — Анахронизм: казнь Волынского и его единомышленников состоялась в июле 1740 года.

Стр. 341.

«Сыны отечества! в слезах...» — из «думы» К. Ф. Рылеева «Волынский» (1822).

«...Ангелам своим заповедает о тебе...» — неточная цитата из Псалтири, псалом XC, ст. 11.

Стр. 342.

...Елисавета спешила посетить... Феофилакта. — автор допускает неточность: к моменту воцарения Елизаветы Петровны Феофилакт Лопатинский был уже выпущен из тюрьмы (см. прим. к стр. 85).

АБДИЖАМИЛ НУРПЕИСОВ

КРОВЬ И ПОТ

РОМАН

Том I

Книга первая

СУМЕРКИ

Книга вторая

МЫТАРСТВА

Авторизованный перевод с казахского
Юрия Казакова

Издание восьмое

АЛМА-АТА «ЖАЗУШЫ» 1984

СЛОВО О НУРПЕИСОВЕ

Биографическая справка об Абдижамиле Нурпеисове укладывается всего в несколько строк. Родился в 1924 году в рыбачьем поселке на берегу Аральского моря, в семье кочевника, занимавшегося охотой и рыболовством. В 1941—1945 гг. прошел ратный путь солдата по огневым дорогам Великой Отечественной войны. Первые выступления в печати относятся к 1949 году. В 1956 году окончил Литературный институт имени М. Горького...

Не намного длиннее и справка библиографическая. Начальный рубеж писательскому творчеству положил роман «Курляндия» (1950), создававшийся в те первые послевоенные годы, когда, вспоминал Абдижамил Нурпеисов позднее, «в литературу шла совсем еще зеленая, безусая молодежь в пропахших пороховым дымом, потертых шинелях». В 1958 году роман «Курляндия» вышел в новой редакции под новым названием —«Долгожданный день». 1961, 1964, 1970 гг.— порубежные даты завершения романов «Сумерки», «Мытарства», «Крушение», которые сложились в трилогию «Кровь и пот», удостоенную Государственной премии СССР (1974). Последующие десять лет были отданы работе над романом «Долг», опубликованном в 1982 году. Очерки и статьи, написанные за «промежуточное» между романами время, собраны в книгах «Раздумья» (Алма-Ата, 1972), «Все в нем пело» (Алма-Ата, 1978), «Край голубых озер» (М., 1979). Вот, собственно, и все, с чем пришел Абдижамил Нурпеисов к своему 60-летию...

Роман о Великой Отечественной войне, оставшийся не переведенным на русский язык, историко-революционная трилогия, роман о современности — не слишком ли мал этот перечень созданного за тридцать пять лет напряженного, самоотверженного, сказать бы даже подвижнического труда в литературе?

Но в том все и дело, что диалектический закон перехода количества в качество в творчестве каждого писателя проявляется всегда по-своему. Глубоко по-своему приложима к литературному труду Абдижамила Нурпеисова и неукоснительная заповедь «ни дня без строчки». Действительно, редкий день обходится у него без вновь написанной строки, но долгий и зачастую тернистый путь этой строки от рукописи до книги занимают даже не месяцы, а годы. «Нурпеисов пишет медленно, трудно, вкладывая всего себя в каждую строку. Он не может двигаться дальше, если что-то не устраивает его в написанном. И тогда он возвращается назад, чтобы перечеркивать, исправлять, творить заново»,— рассказывает критик Л. Теракопян в послесловии к одному из изданий романов «Сумерки» и «Мытарства». И приводит такой крайне характерный для А. Нурпеисова эпизод: «В 1960 году, например, были закончены вторая и третья книги трилогии «Кровь и пот». В издательстве быстро одобрили рукопись. Но перед самой сда-

чей в набор писатель попросил ее на пару дней домой для несущественных стилистических поправок. Как часто бывает, одна поправка повлекла за собой другую, и обещанная «пара дней» растянулась в годы. Только в 1963 году Нурпеисов поставил точку на второй части, а работа над третьей (послесловие писалось в 1969 году.— В. О.) не завершена и поныне».

Как завершалась эта работа, мне довелось увидеть лично. Заведуя в то время отделом прозы в редакции журнала «Дружба народов», напечатавшего в конце 1972 года роман «Крушение»— последнюю книгу трилогии «Кровь и пот», я имел редкую, счастливую и крайне поучительную возможность наблюдать, как неутомимо шлифовал писатель свою рукопись. Слово для Абдижамила Нурпеисова что гранитная глыба для каменотеса. Он подолгу примеривается к нему, пробуя его будто на ощупь, и тщательно, кропотливо обтачивает каждое в отдельности, прежде чем прочно приладить одно к другому, сложить из слов фразу, а из фраз страницу. И по множеству раз возвращается затем к черновой странице, переписывает, правит, пока не убеждается, что слово в ней пригнано к слову, и каждое из них на своем месте, и только оно одно было единственно необходимым. Поистине, как заметил А. Нурпеисов в очерке «Хлеб — добро народное» («Литературная газета», 1972, 6 сентября), пораженный «непостижимой ширью пшеничных полей» на целине, «есть какая-то глубинная, роднящая связь, исконная близость между сельскохозяйственным трудом землепашца и мучительными поисками художника». И правомерно будет поэтому применительно к нему самому продолжить старую казахскую пословицу, приведенную в очерке «Край голубых гор» («Правда», 1973, 21 октября)— о «жемчужине земли» Кокчетау: у рыбака заботы каждый день, у хлебороба — каждый год. С раннего детства сроднившись с трудом аральских рыбаков, влюбленно поэтизируя в сегодняшних очерках труд казахстанских хлеборобов, А Нурпеисов подтвердил собственным примером, что у писателя заботы — вся жизнь. В этом внушительно убеждает творческая предыстория трилогии «Кровь и пот», задуманной еще в 1947 году и писавшейся непрерывно, на протяжении более чем двух десятилетий.

О том, как возник замысел этой трилогии А. Нурпеисов рассказал однажды в Эрфурте на творческой встрече советских писателей с писателями ГДР. В своем выступлении («О моем народе», 1971), он создал автобиографический портрет молодого солдата, воина-победителя, вернувшегося на родину после войны и по-новому зорко вглядывавшегося в необозримые степные просторы. «...Представьте перед своим мысленным взором 1947 год, лето, выжженную палящим солнцем полынную степь Казахстана где-то на берегу Аральского моря. И еще представьте двадцатитрехлетнего молодого паренька. На недавней войне у него погиб отец и три родных брата отца. И этот молодой человек только недавно вернулся из армии. Он видел родной аул,

обремененную нуждой мачеху и сестренку свою. Он видел овдовевших жен, и осиротевших детей, и не успевшие еще оправиться от войны рыболовецкие колхозы. Везде и всюду измученные люди, в основном старики, старухи, женщины и дети. И еще калеки войны. Что и говорить, было тяжело... Тоскливо. Однажды этот молодой паренек выехал в районный центр. Возница был стар и угрюм. Телега тарахтела, тряслась по неровной, в кочках и ямах пыльной дороге. Ехали молча час, другой, третий. Время от времени паренек слезал с телеги, снимал ботинки и по горячей пыли шел босиком за телегой. Куда ни кинешь взор, всюду простиралась безмолвная, побуревшая от зноя полынная степь. «Да-а,— думал он,— она, эта земля, всегда была вот такой невзрачной, скудной, безмолвной, но всегда бесконечно дорогой и милой тебе. А как стара и многострадальна она! По этой дороге прошли неведомые караваны человеческих поколений. Сколько кровопролитных войн, стремительных набегов самых свирепых полчищ — калмыков, монголов, джунгар, даже железных легионов Македонского перевидала и пережила она на своем веку. Эта земля пресыщена человеческим горем. Ведь на этой, именно на этой земле, родились наши отцы, наши деды, прадеды. Вместе с ними рождались их мечты, вместе с ними и умирали. Они жили в нужде. Тоже пасли скот, ловили рыбу, женились, любили, ненавидели, боролись. Сколько слез матерей и вдов пролито на этой вот выжженной солнцем земле с момента сотворения мира. Сколько пота и крови пролито здесь твоими храбрыми предками. «Кровь и пот»— думал паренек, невольно повторяя потрескавшимися губами про себя эти обжегшие вдруг душу его слова. Вот тут-то впервые и пришла ему в голову мысль, что он должен когда-нибудь, если сможет, написать книгу о пролитой крови и поте своих предков»...

В высшей степени примечательное воспоминание! Признание и свидетельство. Пройдя грозными и многотрудными дорогами Великой Отечественной войны, Абдижамил Нурпеисов по-иному осознал судьбу родного казахского народа, более пристально стал вглядываться в его историю. Осознанный, последовательный историзм художественной мысли отличал, как видим, уже изначальный замысел трилогии, которая с первых же страниц создавалась как произведение эпическое, широкоохватное и крупномасштабное.

«Творчество писателя нельзя отделить от родной почвы и рассматривать обособленно. Ибо творчество любого писателя мужает вместе с общенациональной литературой»,— убежденно настаивает Абдижамил Нурпеисов. Говоря о «почве»— отстоявшемся опыте традиций,— на которой выросло, окрепло его собственное дарование, раньше и прежде других следует назвать Мухтара Ауэзова.

Ориентируясь на открытия Мухтара Ауэзова, на «суровый реализм» его прозы, Абдижамил Нурпеисов шел по пути, проложенному учителем, «терпеливо и настойчиво» отыскивал «в потемках истории»

запорошенные временем следы предшественников, принимал на себя «тяжкую скорбь ушедшей эпохи». Не отсюда ли сквозной образ сумерек, давший название первой книге трилогии?

Широта и всеохватность романа — едва ли не самая плодотворная художественная традиция реализма. Жизнестойкости ее многие литературы народов СССР обязаны ныне «культурным взрывом» — резким, стремительным скачком в обогащении своих социально-аналитических возможностей. Одним из внушительных свидетельств этому и стала трилогия Абдижамила Нурпеисова «Кровь и пот».

Развивая традиции «широкозахватного», по давнему определению М. Ауэзова, эпического повествования, которые мы вправе назвать сегодня традициями как национальной казахской, так и всей многонациональной советской прозы, трилогия А. Нурпеисова «Кровь и пот» явилась своеобразным открытием мира народной жизни, необъятного, как густое, сочное разнотравье в степи, воссозданием судеб народных на стрежне революционной эпохи. Не летопись даже, а летописание — вот, пожалуй, наиболее уместное здесь слово, способное объяснить секреты писательского мастерства, облекающего в неповторимую судьбу, в самобытный характер героя такие обобщающие понятия, как проникновение в казахскую степь капиталистических отношений, как кризис феодально-патриархального уклада, кочевого быта, племенных связей и родовой морали, как социальное расслоение народа и пробуждение революционного самосознания трудящихся масс в накале классовой борьбы, в очистительной грозе Великого Октября, в сокрушительных бурях гражданской войны.

Нескрываемая социологичность подобных обозначений вряд ли должна смущать нас. Каждое из них, по-своему характеризуя содержание трилогии, указывает на те движущие закономерности народной истории, которые формируют сознание человека, складывают его характер, определяют судьбу. Ведь не в чем ином, как именно в этом последовательном соотнесении судьбы человеческой и народной, и раскрывается наиболее действенно историзм художественной мысли, от книги к книге движущей романное повествование по специфическим законам образного пересоздания действительности.

Вслед за сумерками — мытарства. Также сквозной образ-мотив, драматизм которого задан эпохой. С главным героем трилогии, «одиноким и яростным» Еламаном, мы расстаемся в финале второй книги в один из самых драматических моментов его жизни. «Басмачи хана Жонеута совершили набег на прибрежные казахские аулы», разорили жалкие землянки аральских рыбаков, убили или угнали в плен людей. Творя поминальную молитву над старым Мунке, погибшим от разбойничьего набега, Еламан «глубоко и печально» задумывается о судьбе своего обездоленного народа. «В чем ее тайный смысл?» Почему сородичи и соплеменники не сумели объединиться даже перед случайной горсткой врага? Неужто жестокие раздоры и распри — «общая судьба всех ка-

захов»? И что питает их бессилие и покорность, вынуждает «терпеть голод и нищету», сносить рабство? «Беспечность — не она ли вечный бич казахов? Были ли сыны, которые ради чести народа бросали клич в трудный час, клич, объединяющий народ?»

Конечно же, были. Кому, как не Еламану, знать это, если его прадед «в седьмом поколении Тойгожа тоже был батыром. И когда в одном из многочисленных боев ногу его пронзила стрела и нога стала гнить, он призвал аульного костоправа и велел отнять себе ногу. С тех пор его звали Хромым Волком...» Но в том-то и дело, что человек жив своим, а не заемным умом. И на перевале эпохи, круто меняющей многовековые пути национальной истории, не «преданья старины глубокой», а лишь социальный опыт современных поколений, выстраданный и обретенный ими, в силах подсказать ответ на эти неотступные вопросы. Тем жестче судит Еламан «мудрых старцев», которые, «тоскуя по безвозвратной старине», «охотнее оглядывались назад, чем заботились о будущем». И тем бесславнее представляются ему их деяния, если они разжигают раздор в степи: «Немногочисленный народ захватил огромные земли, и что он выгадал? Широки были земли, но широки ли были думы и дела народа? Тяжбы, споры о земле за многие века подточили силы, породили междоусобицу — и теперь презирают и угнетают этот народ все, кому не лень»...

Пока что это не истина — лишь тяжкий и мучительный путь к ней. Не потому ли погруженный в свои печальные думы Еламан и «был похож на беркута, ослабевшего в полете и присевшего отдохнуть на вершину скалы»?

Беркут расправляет крылья — в этом смысл духовного преображения Еламана в романе «Крушение» — третьей книге трилогии, непосредственно обращенной к событиям Великого Октября и гражданской войны на казахской земле. О нем не скажешь уже, что «жил он себе, довольствуясь долей, отпущенной ему скрягой судьбой, такой скудной и ничтожной, будто горсть проса, брошенная курам». Пережитки родового сознания, сковывавшие Еламана путами архаичных представлений о мире, окончательно уступили место сознанию социальному, классовому. Не стихия индивидуалистического бунта ведет его теперь крутыми дорогами жизни, а осознанное участие в коллективной борьбе за правое дело. Он поверил в силу единения людей, поколений и народов, увидел в ней грозное противодействие байскому беззаконию и произволу. Оттаивая сердцем сам, он щедро отогревает других. Благодаря ему возрождаются к обновленной жизни и несчастная Акбала, в чьей душе все «черствело, застывало камнем», и бесправная, одинокая, как «заброшенный молодой тополек», Кенжекей — словно «благодатный дождь» хлынул вдруг с неба на «увядшую было молодую жизнь»...

Беркут расправляет крылья. Но как тяжело дается подчас каждый взмах! Здесь и груз прошлого, довлеющий над соплеменниками и сородичами Еламана множеством вековых предрассудков и предубеждений,

косных традиций и обычаев. И непонимание революционных перемен, пришедших в древнюю степь, стародавний кочевой быт. И яростное сопротивление обреченного мира, достигающее наивысшего накала в боях под Челкаром и Аральском.

Кульминационные сцены этих боев можно отнести к лучшим в трилогии. Для них не прошли бесследно ни Аустерлиц в «Войне и мире», ни Новочеркасск и Ростов в «Тихом Доне» или Царицын в «Хождении по мукам». Жаворонок, вспорхнувший над окопами после «яростного наступления боя», так же просветляет души героев романа, так же много говорит им о непреходящих и вечных ценностях жизни, как и неизмеримо высокое, бесконечное небо, принесшее тишину и успокоение князю Андрею...

Вспомним неистовство моря в первой книге трилогии — клокочущий бурный Арал сродни беспокойной стихии народной жизни предреволюционных лет. Или полыханье весенних степных тюльпанов во второй книге — они расцвели так ярко, что их можно было уподобить крови, которая лилась на фронтах мировой войны. Реалистическая поэтика Абдижамила Нурпеисова не чурается многозначной символики. Не звонкоголосый жаворонок, чью «бойкую трель» любил слушать мурза Танирберген, а «огромный черный стервятник»— да не один, стая!— кружит над белой армией, которую он, бай, самый богатый и влиятельный в большом роду, ведет через пески и барханы пустыни. В сражении под Аральском решилась «и его судьба, судьба всей его будущей жизни». Подводя итоги пережитому, Танирберген даже прозревает теперь до истин классовой борьбы и также вершит мысленный суд над национальной историей. Но посмотрите, какой кастовой и сословной оказывается его отравленная «презрением степного аристократа» мысль в сравнении с народной мыслью Еламана.

Да, Танирберген не чета своему ничтожному и спесивому брату, волостному Кудайменде, убитому конокрадом Каленом в первой книге трилогии. «Водя дружбу с русскими и татарскими купцами, молодой мурза был хорошо посвящен в их дела. И чем пристальнее наблюдал он этих предприимчивых людей, тем сильнее росла в нем неприязнь к беспечным и ленивым по природе казахским баям со всеми их несметными табунами и неоглядными пастбищами». Сам «красавец мурза» не был ни беспечным, ни ленивым. Не в пример другим, он не довольствовался «тем только, что ниспошлет ему всевышний, и не ждал смиренно от слепой судьбы крохотной милостыни. Всю жизнь проводил он в оживленной деятельности». Зловещие ее плоды мы видели в первых двух книгах трилогии, где, изощренный в посулах и подкупе, искушенный «в ожесточенных родовых распрях», Танирберген явил новый тип умного, просвещенного, цивилизованного хищника. Вот и в третьей книге он «тем более не мог отлеживаться и спокойно ждать завтрашнего дня»— авось «кутерьма событий» минует его стороной. Напротив, «все свое влияние на местных жителей он употребил на то, чтобы угодить

генералу Чернову», спасти его «огромную армию, под тяжестью которой будто прогибалась казахская степь». С разгромом и гибелью этой армии для него погиб мир, не только тот, вчерашний, самовластным хозяином которого он был, но «помутившийся мир» вообще — «все погибло, весь порядок, весь тысячелетний уклад жизни». С мыслью о всесветном крушении, конце мира и уходит из романа мурза Танирберген.

Не то его вчерашний батрак, «беглец и бродяга» Еламан, вышедший с обочины жизни на магистраль истории. Революция раздвинула горизонты, укрупнила масштабы его мысли «о времени и о себе».

Сопоставим первое и последнее появление Еламана в трилогии.

«Он был одинок здесь, на льду, в море. Других рыбаков он как бы не замечал — с ним была только его привычная работа, небо над головой, и еще с ним были его мысли. И он думал, что он одинок не только в море, но и в жизни»...

И вот снова одинокая юрта на пустынном берегу Аральского моря. Но не одиноким в мире видит себя Еламан. «Никогда не тревожившие его раньше мысли» все чаще завладевают сознанием героя, чтобы у роковой черты жизни и смерти вылиться в напряженный внутренний монолог. О цели и смысле жизни. О неразрывной связи времен и поколений. О невиданной судьбе своего поколения, которое не пошло покорно «по проторенному пути предков», а смело взялось за оружие, чтобы «рука об руку с этим (русским — В. О.) восставшим народом, чужим по языку и вере, добывать себе свободу и равенство». Так новый путь национальной истории открылся ему как общий путь всенародной борьбы, вдохновляемой правдой Великой Октября и его интернациональных идеалов.

Личность и народ, народ и история,— сопрягая эти понятия, Абдижамил Нурпеисов умеет передать движение исторической эпохи через драматические перипетии человеческой судьбы. Если истина, как говорят, познается в сравнении, то, видимо, и на этот раз оно поможет нам полнее выявить новаторское значение писательского поиска.

Обратимся к ключевым сценам первой книги —«великому походу повстанцев»,— отозвавшимся в третьей книге воспоминаниями Еламана о том, как «всколыхнулась казахская степь, не желая отдавать своих сынов на службу белому царю». То был 1916 год, прокатившийся гулом народных восстаний не только по казахской степи. Царский указ о мобилизации вызвал, например, знаменитое Джизакское восстание в Узбекистане, драматической эпопее которого в современной узбекской литературе посвящены и первая часть романа Назира Сафарова «Навруз», и одна из новеллистических глав романа Аскада Мухтара «Чинара». К событиям 1916 года возвращает нас и «Лихая година» Мухтара Ауэзова —«повесть о бунте смирного рода албан».

К незабываемым событиям народной истории, художественно воссозданным М. Ауэзовым, Абдижамил Нурпеисов вернулся спустя четыре

десятилетия. И каким же разительным оказался скачок, совершенный казахской прозой за этот сравнительно недолгий срок! Если «Лихая година» открывает нам скульптурно-монументальный образ восставшего народа, словно бы высеченный словом-резцом из цельного камня, если главное для писателя здесь — создать его общий, коллективный портрет, то А. Нурпеисов прежде всего озабочен тем, чтобы, выхватив единичное и неповторимое, уловить типическое в индивидуальном, общее в конкретном. Потому даже в густонаселенных массовых сценах трилогии он никогда не довольствуется только «общим планом» и, будь то эпические картины боев под Аральском или отступления обреченной белой армии через пустыню, стремится остановить свой сосредоточенный взгляд на одной детали, одном эпизоде, какой бы малой и незначительной подробностью в потоке жизни они ни казались поначалу. Всего несколько строк занимает, к примеру, фигура молодого солдата, который, изнывая от жажды под знойным солнцем пустыни, сходит с ума на глазах Танирбергена,— драматическая повесть безымянной человеческой судьбы, одной из многих обманутых и заблудших судеб солдат белой армии. Но как много сказал нам этот поднятый до социального обобщения «индивидульный случай» об обреченности антинародного мира, о духовном его вырождении!

С совершенством искусства индивидуализации характеров, углублением психологического начала повествования, а значит, и преобразованием поэтики романа, сложившейся у истоков национальной эпической прозы под преобладающим воздействием дастанной традиции, связано увлеченное обращение Абдижамила Нурпеисова к новому для казахской литературы приему внутреннего монолога. В этом писатель также шел по пути поиска, ведущее направление которому задал Мухтар Ауэзов, решавший новаторские задачи обогащения национального художественного опыта достижениями классического реализма русской и мировой литературы еще в ту пору первых творческих проб, когда, свидетельствовал А. Нурпеисов, «мотивы народного эпоса накладывала глубокий отпечаток не только на архитектонику и композицию произведений, но и на лепку характера, на манеру повествования и даже на способы создания пейзажа и портрета». Расширяя реалистическую поэтику казахского романа на современном этапе его развития, неустанно изыскивая новые, не использованные ранее возможности социального анализа действительности, психологического раскрытия человека, писатель приходит к внутреннему монологу, мастерское овладение которым наиболее, пожалуй, наглядно в исповеданиях Еламана и Танирбергена, передающих тончайшие переливы чувства, повороты мысли, раскрывающих «диалектику души». Как и последовательное сюжетное изложение событий или жизнеописание героя в их временной хронологической последовательности, это так же органично вошло в образный строй трилогии, пафосом которой стало эпически масштабное воссоздание революцион-

ной эпохи, прошедшей через духовную историю характера многих и разных героев. Велика галерея оригинальных портретов, самобытных характеров, выведенных Абдижамилом Нурпеисовым. Помимо названных главных героев трилогии, это и вчерашний «хозяин всего, что на земле» купец Темиркс, и старый рыбак Дос, в силу слабости социального сознания не устоявший перед байскими посулами, и воплощенная мудрость народа — Есбол, и суровый, неприступный, но глубоко и сильно страдающий Суйеу. А женские характеры, даже самые эпизодические,— право же, едва ли не каждый из них может претендовать на самостоятельную повесть своей судьбы...

Есть глубокая закономерность в том, что трилогия «Кровь и пот» обозначила именно те новаторские искания казахского романа, которыми, как и лучшими достижениями романа в ряде других братских литератур, закреплено современное художественное освоение историко-революционной темы. Неисчерпаемость ее в писательском творчестве сродни непреходящему значению уроков Великого Октября в мировой истории. Утверждая их силой своих идей и образов, многонациональная советская литература обогащает память ныне живущих поколений, расширяет границы их социального и духовного опыта. Вот главное, что определяет принципиальное значение трилогии «Кровь и пот», ее место в многонациональном литературном процессе наших дней...

Раздумья о прошлом — ведущий мотив публицистики и очерков А. Нурпеисова, последовавших за трилогией «Кровь и пот»,— вызывались не только ретроспективным взглядом на выстраданное, отстоявшееся, уже достигнутое. Ощутим в них и взгляд в будущее, прорыв к нему — своего рода мост, перебрасываемый к новому роману, который писатель вынашивал как раз в те годы, которыми датировано большинство его публицистических и литературно-критических статей, очерков, выступлений. Развитый в них мотив исторической памяти как неотъемлемого духовного достояния современных поколений впрямую отозвался в романе «Долг» полифоничным звучанием ряда сцен, где прошлое и настоящее сходятся вместе, образуя в мыслях и чувствах героев, раньше и прежде всего Жадигера Амиржанова, прочный, неделимый сплав. «Мир тебе, дедовский славный край! Благодатная колыбель моих предков, пустынной травой-горечью ты поросла, горький солью подернулась»,— думает он однажды, вглядываясь в далекие очертания аральских островов, что, сойдясь, «как старики на тризне, с материком, тоскливо белеют там сплошными проплешинами. На этих островах жили некогда предки, промышляя в путину рыбу, обретали здесь всегда богатые тони, а теперь он с трудом лишь по памяти находил их, и картины прошлого, одна живее другой, вставали перед ним и невозвратностью своей щемили душу»... Не «вдруг ни с того, ни с сего», как полагает Жадигер поначалу, вспоминается ему и далекий предок Кыдырбай, который «проявил

неслыханную в степи дерзость, подняв руку на хана, но не посрамил своей чести». В трудную минуту жизни «древнее предание» о батыре, «чьи кости давным-давно истлели где-то в этих немилосердных к человеку степях», укрепило в чувстве собственного достоинства...

Так, неотступно сопровождая действие, прошлое вторгается в его сюжетные коллизии то развернутыми воспоминаниями о минувшем, то мгновенным ассоциативным просверком, который вызван напряженным состоянием души, настроением, переживанием героя. Мало того: не довольствуясь легендами и преданиями, в силу своей сказовой, притчевой природы материализующими память народной истории по преимуществу мифотворчески, писатель впрямую стыкует роман «Долг» с трилогией «Кровь и пот» сценой, в которой приводит Жадигера к тому самому крутояру, где в старину «лепились одна к одной убогие землянки казахских рыбаков, нанимавшихся к предприимчивому русскому купцу. И сейчас еще на местах их скудной жизни зияют, точно обвалившиеся звериные норы, черные заплывшие ямины. Там и сям бугрятся кучи сопревшего хлама. В сизой золе когда-то жарких очагов желтеют рыбьи кости. И над всем этим пепелищем равнодушно веет ветер времени. И теперь лишь старики рыбачьего поселка, невзначай проходя мимо печальных руин, могут еще сказать, где и кто когда-то жил тут: вот на этом месте землянка Калена, рядом с ним, кажется, Мунке, неподалеку — Доса, а во-о-он там, на самом обрыве крутояра, где почти совсем сровнялась с землей яма поменьше да помельче, находилась открытая всем ветрам лачужка несусветного баламута Судр-Ахмета. Почтенные старцы, ушедшие к предкам уже на твоей памяти, при жизни своей почему-то особо выделяли и точно святыню берегли останки жилья Еламана и Акбалы. Ребенком ты сам видел, уже немощные, находясь, как говорится, одной ногой в могиле, старики тем не менее собирались вместе и хоть через силу, но упрямо тащились на крутояр. И, с превеликим трудом добравшись до края какой-нибудь заветной ямы и обратясь лицом в сторону священной каабы, опускались на колени. Отложив в сторону старческие посохи, а с ними будто и все свои оставшиеся житейские заботы и мирскую суету, закрыв глаза и чуть шевеля губами, что-то шептали, и не понять было, то ли благоговейно бормотали священную поминальную молитву, то ли изливали-выговаривали сокровенную печаль, тоску по ушедшим за земные пределы родным людям, тем самым будто оставляя на родном пепелище всю накопившуюся за долгие годы боль верных любящих сердец»...

История диалектична и ее традиции традициям рознь — не устает повторять Абдижамил Нурпеисов в своей публицистике. Потому и в романе «Долг» далекие предки видятся современным потомкам вовсе не идеальными героями, рыцарями без страха и упрека, и представления о них лишены идиллии, не всегда отрадны и отнюдь не без-

облачны, омрачены памятью о бесконечных распрях, подрывавших народное единство. «...Как ни горько теперь это сознавать, но ведь, считай, одной-единственной мечтой, одним-единственным желанием, захватившим все помыслы наших предков, которые они с таким усердием и прилежанием наследовали и передавали от отца к сыну, из поколения в поколение,— было любой ценой оставаться на коне, любой ценой добиваться могущества и власти. Пусть даже самой ничтожной. Пусть хотя бы над родом. Над племенем. Хотя бы над захудалым аулом. Что угодно, но лишь бы быть на виду. Лишь бы ублажить свою спесь. И если уж самому не удавалось взнуздать и оседлать вожделенную удачу, то старались выдвинуть, подсадить в то седло кого-нибудь из своих, хотя бы сородича, соплеменника, единокровника. И стоило кому-нибудь из предков-верховодов по чьему-то наущению взять в руки дубину, как все остальные слепо следовали за ним. И чего добивались? В лучшем случае — бесчинный набег на соседа. В груду глины разваливали чей-нибудь мирный аул, убивали братьев, сиротили детей». Вот и «проклятый сморчок Сары-Шая, рыжий оборотень, тарантул в обличии человека», ведущего род от баламутного «корня жившего некогда в этом краю» Судр-Ахмета, воспринимается Жадигером не иначе как с раздражением, то и дело готовым разрядиться гневом, выплеснуться яростью (так это и случается в финале романа). Злокозненным олицетворением «подколодной гадюки междоусобицы»— предрассудков родового сознания, пережитков родовой морали — включается он в действие, и живучесть их наводит на горькие раздумья о том, как в давние времена неделимая казахская степь противоестественно и насильственно разделилась на три жуза. «Кое-кто из шустрых потомков, заимей власть и силу, не прочь бы и сейчас, не моргнув глазом, отторгнуть» их один от другого, «разместить на трех отдаленных материках. Добейся этого безумцы — и опять братья, единые по крови и духу, по одной матери-земле, начнут постыдные дрязги, посылая друг в друга отравленные стрелы — каждый из своего далека, из-за «своего» моря, из-за «своих» гор». Что такие «беззаветные отцы и деды», которые —«да не угаснет их добрая слава!— в то крутое, перековавшее мир время пошли за храбрыми русскими сынами на смертельный бой за свободу, равенство и братство!..»

«Добрая слава» поколения, совершившего революцию, отстоявшего ее в бурях гражданской войны, выступает, как видим, главным идейно-нравственным критерием — вершинной точкой отсчета, позволяющей писателю и его герою бескомпромиссно судить о прошлом кочевой казахской степи, которое знало разные, не одни только светлые и мудрые страницы, отпечатавшиеся в психологии людей, в укладе их жизни, устоях быта. Одно дело Судр-Ахмет и его нынешнее подобие Сары-Шая и совсем другое — удалой бунтарь Кален с неистребимым своим вольнолюбием, которое наследует любовно выписанный

старик, чья родословная идет от «воинственного, вечно мятежного племени адайцев, искони обитавшего на полуострове Мангышлак». В давнюю пору бесприютных кочевий случай свел их, одиноких и неприкаянных. «Двое бесстрашных конокрадов, привыкших в своей жестокой жизни почитать лишь силу с удалью да быстрые ноги коня, перекинулись при той встрече всего лишь несколькими словами, но, говорят, расстались по-братски, неведомо как успев проникнуться друг к другу приязнью. Прошли годы, и лихая беда-неудача вынудила отчаянного адаевца покинуть родной край. Очутившись на чужбине, не зная, куда деть свою буйную головушку, вспомнил он рябого верзилу с холодно-змеиными глазами, с которым когда-то столкнула его судьба в безлюдной полынной степи между Каспием и Аральском. Припомнил, как тот бросил на прощание: «Если понадоблюсь — найдешь меня на западном побережье Арала»... И вот долго ли, коротко ли, но разыскал все-таки адаевец Калена, а там и жену себе нашел из рода жакаим, обзавелся крышей над головой... Потом, в годы коллективизации, адаевец с Каленом, загоревшись надеждой, одними из первых вступили в колхоз. Первыми обзавелись лодками и рыболовными снастями. Зимой и летом пропадали неразлучные друзья на море в погоне за нелегкой добычей, и никто не мог — ни на этом, ни на том берегу огромного моря — тягаться с ними в удаче и умении рыбачить»...

В чем смысл такого эпизодического ответвления от основного сюжетного русла? Не в том ли, чтобы состыковав еще раз роман «Долг» с трилогией «Кровь и пот», выразительней прочертить связь времен, соединить в неразрывной череде лет и десятилетий ратный и трудовой путь народа, традиции революционной борьбы и социалистического созидания? Оттого и «не прошли даром старания древних старцев, не забылись. Умирали одни, состаривались другие, но с тем же неизменным благоговением вспоминалось и посещалось пепелище предков на крутояре, и уж иные теперь старики с почтением называли обвалившиеся, полузанесенные странствующим песком ямы именами тех, кто здесь когда-то жил и любил, перемогая судьбу, ловил рыбу и растил для будущего детей... И уже новые поколения почтительно внимали их рассказам, и не кончалась, все продолжалась неистребимая, как степная неприхотливая трава на этом клочке иссушенной земли, жизнь, тянулась через пропасти времен неразрывной цепью человеческих судеб, и имена давно усопших предков звучали в устах живых как живые, и потому всегда казалось, что где-то рядом с нынешним новым аулом все тлеет, теплится негаснущим огнем в очагах тот скорбный, как все отошедшее, но осененный светлой памятью старый аул... И порой казалось, будто вместе с живыми каждый день выходят в море и его незримые обитатели. И вместе с живыми стойко переносят все тяготы и невзгоды морских кочевий, совместным потом орошая насущный свой хлеб. И вместе, бок о бок, ходят по многотрудной и

родной приморской земле... Да, жизнь мудра, и пока на земле остается хоть одна живая, помнящая свое родство душа, светлое имя и добрые дела человека не исчезнут в ее благодарной памяти»...

Как бы два луча скрещиваются, таким образом, в романе, ярко высвечивая в точке пересечения образ Жадигера, чья нелегкая жизнь со всеми ее думами и волнениями, «бесконечной суетой и насущными заботами» колхозного председателя, семейными неладами и драмами открывается в своей исторической значимости как неотторжимое звено народной судьбы, связующей эпохи и поколения. В его лице счастливо найден и талантливо воплощен герой нашего времени, человек социально активного действия, равно наделенный неусыпным чувством гражданской совести и неукоснительным сознанием общественного долга. Недаром сказано о Жадигере, что на его «долю выпадают всегда самая тяжелая участь, самые трудные испытания»...

Так на ближайших подступах к роману по крупицам, штрихам, черточкам, зорко увиденным в доподлинных людях, которых он встречал в поездках по Казахстану, складывался в очерках Абдижамила Нурпеисова портрет современника, выписанный обобщенно, средствами романтической поэтизации, на высоких патетических регистрах.

Жадигер Амиржанов — председатель рыболовецкого колхоза. Глубоководная зыбь под ногами ему привычнее земной тверди. Но, как рассуждает он, «профессия рыбака ничем не ниже, скажем, дела рисовода, чабана или табунщика. Всегда считал древний многотрудный промысел предков не менее, чем любое другое, достойным занятием и для своих рук». Стало быть, и труд его в романе достоин такого же апофеоза, в какой вылились очерки Абдижамила Нурпеисова о героях казахстанских полей. Не в этом ли убеждает воспоминание о том, как «в былые добрые времена, совсем вроде недавно, когда после затяжного осеннего ненастья вдруг неожиданно обрушивалась крепким морозцем зима и залив под кручей за одну ночь схватывало, затягивало тонким льдом, все прибрежные аулы выходили дружно на море? Да и кого из сыновей потомственных рыбаков не охватывала радость при появлении первого берегового припая, вестника удачи? Кого не тянуло первым выйти на молоденький упругий ледок, чтобы, весело рискуя, испытать его надежность и натыкать вдоль закраины полыньи караульных вешек? Да, ставить первую сеть под молодым льдом для рыбаков всегда столь же радостно и священно, как для дехканина по весне бросить первую горсть семян в свежевспаханную землю».

Не только в прошлое отнесены подобные сцены, хотя в настоящем их далеко не всегда отличает такой же мажорный настрой. «Лодки, продавливая и проламывая закраины, на пределе риска крепясь, черпая носом зловеще-тяжелую зимнюю воду, одна за одной соскальзывали со льда, и тут же натыкались на упругие встречные волны и начинали беспомощно подпрыгивать и заваливаться на месте, пока рыбаки, сильно и слаженно загребая веслами, не направляли их вперед. И по-

том весь день на свирепом ветру в открытым море, борясь с волнами, удерживая с трудом скакавшую под ногами лодку, тянули со стоном, вытаскивали из ледяной кипени набравшие тяжелой шуги сети, обмерзали мигом»...

Как объяснить разительное расхождение в эмоциональной окраске приведенных отрывков? Разве труд аральских рыбаков не представлен в последнем героическим деянием, которому равно сопутствуют и риск самопожертвования, и ликующая радость победы? Чем, к примеру, не подвиг, который грозил обернуться гибелью, — переправа через Сырдарью по хрупкому, ломкому ледяному насту, едва не проломившемуся под тяжестью грузовика? Возможно ли не разделить ликования истосковавшихся по доброму улову людей, которые добрались вослед Жадигеру до обильных озерных тоней? «Точно ошалев, полезли к кабине со всех сторон. Кто-то склонился над тобой. Кто-то вытер пот с лица. Другой в грубоватой ласке крепко хлопнул тебя по плечу, сунул в руки фляжку с водой. Колготня. Счастливая суета. Давка. Ты поднимал отяжелевшие веки, и как-то смутно, точно спросонок, воспринимал все, что творилось вокруг. Ты видел неподдельную радость на грубых от мороза и ветра лицах рыбаков. Видел ликующий блеск в их глазах. Потрескавшиеся губы растягивались в улыбке. Ослепительно белые зубы обнажались в хриплом хохоте. Перебивали друг друга голоса»...

Вслушаемся, однако, в интонацию повествования, которую писатель искусно передает герою, ведущему сюжет в исповедальном ключе монологических раздумий о прожитом и пережитом. Надсадно горчит недолгое и переменчивое рыбацкое счастье, отравленное сознанием удачи, которой могло не случиться, везенья, которое могло не выпасть. Точно так же горчит оно и в сценах лова в низовьях Амударьи, где «всех охватила какая-то лихорадка. И у всех, несмотря на усталость, было приподнятое, именно лихорадочное настроение». Лихорадка — точнее не найти. Непомерна цена, которой оплачено выполнение месячного плана за пять авральных дней, когда «берега реки стали скользкими от рыбьей крови, внутренностей и чешуи», а «распаленные азартом добычи» люди «не успевали обрабатывать все нараставший вал свежего улова». Словно бы ненароком — ненавязчивый толчок к сопоставлениям — замечено: «Суматоха стояла, как на хирмане в пору страды». Но такими ли словами описывал Абдижамил Нурпеисов уборочную страду, с похожим ли пафосом воссоздавал кипучую атмосферу на полевом току? Не в том лишь различие, что романтическая поэтизация к которой он тяготел в очерках, уступила в романе место реалистическому исследованию, обобщенность портретов — индивидуальной выразительности характеров, проявленных в определенных конкретных, детализированных обстоятельствах. Суть в том, каковы обстоятельства. «На беде Арала нажились» — жестко роняет Жадигер. Этим объясняется все: и «тяжесть неудач», когда «ни одной, даже самой распоследней

рыбешки» не застревало в сетях и неводах, и редкие вознаграждения за них, когда удавалось настигнуть рыбу, пугливую и строптивую, как скот в бескормицу. «Да, мелеющее море что посохшее пастбище. Если оскудели выпасы — хиреет скот; если поднимется в море соленость — тогда гибнет рыба. И вот уходит она, шарахается от гибельной соли заливов и мелководья, устремляется туда, где попреснее и поглубже вода».

Не иначе знаком беды, то безмолвно вопрошающими, то отчаянно кричащими воспринимаются эти и многие другие беспощадно выписанные картины истощения Аральского моря, оскудения приаральской земли. Кажется, будто выцветает, тускнеет и блекнет безоглядная синь над ними, в которую сливаются вода и небо, и неулыбчиво «прямо из морских глубин» восходит солнце, а повисает раскаленным, все-прожигающим шаром над прозрачной чашей, усохшей, опавшей «на четыре человеческих роста»: и бурдюка воды не перепадает ей в иное лето... Все дальше отступает, уходит море, плескавшееся возле аулов, «во всей своей наготе, почти срамной для тебя, рыбака», сиротливо обнажаются берега, растерявшие свое пышное разнотравье, густые камышиные царства. «Высохшая земля истрескалась такырами, проступила всюду вездесущая азиатская соль», и солончаковая сплошная плешь эта напоминала теперь просоленую и затвердевшую верблюжью шкуру. Знойными днями, когда с окрестных степей поднимается ветер, здесь крутят, хозяйничают, как хотят, лишь одни пыльные бури»... Обезлюдел порт: «точно туши гигантских рыбин, выброшенных бурей на берега и мели», застыли на вечном приколе обветшалые суда... «Глухой и тягостный плач» прощания плывет над пустеющими аулами: люди домами снимаются с обихоженных мест, и «черными провалами окон пустоглазо и скорбно смотрят на дорогу» еще недавно «такие обжитые и уютные жилища, где принимались роды детей, горел у очага огонь»...

Что это, как не печать нарушенного равновесия между человеком и природой, которое отзывается предельным напряжением их сил? Уже не знаком беды — сигналом бедствия становится в романе «слитный гул и шорох всесветного движения», от которого содрогается степь, как во времена древних кочевий. И в самом деле кочевье, какого не видывали «не то что нынешнее поколение, не то что отцы, но даже деды и прадеды»: навстречу «черной напасти», какой станет для них соленая морская вода, бегут к Аралу истомленные жаждой бесчисленные косяки сайгаков. «Ископыченная земля превратилась в горячую золу. Даже птицы не летали в дневной зной. Сайгаки, одурев, метались по степи в поисках тени, скрывались, где могли: в лощинах, оврагах, прибрежных чахлых зарослях... Смерть настигала их повсюду». И не было от смерти спасения ни днем, при палящем солнце, ни тем паче, ночью, когда она являлась в обличии «огненноглазых неведомых чудищ, с гуденьем наползавших... со всех сторон из тьмы» на загнанных живот-

ных, которые, цепенея от страха, «давя и обезумело налезая друг на друга», сбивались «в одну сплошную, качающуюся, хрипящую массу. Грузовики с тяжким ревом наехали — сначала один, потом другие... Сбивали бамперами, бортами, давили колесами, с хрустом переезжали податливые, еще дрожавшие тушки... Сотни и сотни сайгаков, коз и косуль — тонконогих, изнуренных, с гноящимися от пыли, мутными от ужаса глазами — были забиты, загублены, задавлены ради рогов, кое-кто даже, нимало не смущаясь, говорил — «пантов»... Все только и повторяли, разносили слова Сары-Шан. Добыча, рога. Дармовые деньги. Много денег. Кипы, охапки денег. Как сено! Настигай! Хватай! Бей! Истребляй, где можешь! Многие, верно, и во сне видели горы козлиных рогов и охапки красно-пестрых купюр»...

Конечно, бесчинство, разбой браконьеров потехи или наживы ради — крайнее проявление хищнического истребления природы. Но и таких крайностей не вправе избегать писатель, намеренно доводящий до логического предела напряженную мысль Жадигера о губительных последствиях нарушенного равновесия человека и природной среды его жизнедеятельности, о невосполнимости возникающих при этом потерь — и народнохозяйственных, экономических, и духовных, нравственных, морально-этических. Такого рода заострения, вплоть до нескрываемо публицистических, в природе романа, герой которого поставлен в исключительную, экстремальную ситуацию. Многое и разное сплетено в ней тугим клубком драматических противоречий, в распутывании которых глубоко и сильно страдающему Жадигеру не до рассчитанных, взвешенных доводов, трезво учитывающих всевозможные «за» и «против». По сути дела весь его внутренний монолог, воспоминание и исповедание, занимающий сотни страниц книжного текста и объемлющий ни много ни мало тринадцать неспокойных лет, не считая ретроспективных отступлений в детство, школьную и студенческую юность, разворачивается в считанные часы, когда он оказывается «один-одинешенек на открытой всем ветрам льдине», «на безлюдном ледяном поле», которое символически уподоблено полю самой судьбы. Но на то и судьба, чтобы заново переживая, переосмысляя ее путем пристального самоанализа, взыскательного самопознания (отсюда это постоянное обращение к себе на «ты»), не обходить увертливо ухабов и рытвин, а нам, читателям, в эмоциональной реакции на них не искать «ума холодных наблюдений», здраво понимая, что не до них герою, если у него болит и бунтует смятенная душа.

Впрочем, не так уж и «перебарщивает» Жадигер, предъявляя людям суровый спрос за насилие над природой. «Оглянитесь, осталось ли живое место на маленьком, в сущности, островке жизни, именуемом Землей? В него вгрызается бур за буром, его рвут стальными клыками, взрывают динамитом, долбят денно и нощно, хищно вспарывают, разворачивают страдающую живую плоть». Заостряя так свою мысль, он вряд ли знает наверняка, что не по букве, а по духу слова

не устает возглашать почти то же, что и ученые-философы, обеспокоенные нерешенностью проблем, которые в условиях современного развития «приобрели универсальные масштабы и глобальное значение», так как затрагивает интересы всего человечества, а в перспективе — и его будущее. В ряду этих естественно-научных, научно-технических, социальных и социально-политических проблем, требующих «для своего решения сопряженных, объединенных усилий всего человечества», проблемам экологическим, порождаемым ухудшением окружающей среды, истощением природных ресурсов планеты, близоруко потребительским отношением к богатствам природы, также принадлежит ведущее место, и нерешенность их в общемировом масштабе создает трудности такого рода, что, «если не принять экстренных мер, ход событий может привести к катастрофе»[1].

Вдумаемся всего в несколько цифр, которые приводят советские и зарубежные ученые, предостерегая о реальной опасности изменения климата на Земле. По отношению к началу века загрязненность атмосферы возросла на 20 процентов. В 1970 году объем загрязняющих отходов производства составил 40 миллиардов тонн, к концу столетия он достигает 100 миллиардов тонн. И в 10 раз грозит увеличиться к 2000 году объем загрязненной воды...[2] Не будем считать это свидетельством фатальной обреченности, изначальной враждебности человеку научно-технического прогресса, сбрасывая тем самым со счета социально-политическую структуру общества, в котором он осуществляется. Но согласимся, что даже случайные отступления от научно разработанных программ экономического управления, хозяйственной организации, регулирующих взаимодействие человека и природы, оборачивается волюнтаризмом скороспелых решений, опасных, сверх всего тем, что «за материальные, как правило, кратковременные выгоды часто продаются этические и моральные ценности»[3].

Герой Абдижамила Нурпеисова не прибегает к понятию глобальных проблем человечества, но на судьбу родного Аральского моря смотрит по существу в их контексте. Неутомимый труженик, «синий Арал» честно и до конца исполнил свой долг, «во все времена был надежным благодетелем и кормильцем не одного поколения казахов». Бескорыстно и щедро пожертвовал он собой, отдав наполнявшие его воды двух могучих и вольных рек преображению пустыни, орошению засушливых степей, в которых трудовыми усилиями братских народов Средней Азии и Казахстана зазеленели бескрайние хлопковые и рисовые поля. Что и говорить, не тот это случай, печально поучительный урок которого академик А. Г. Аганбегян не так давно извлекал на примере целлюлоз-

---

[1] *В. В. Загладин, И. Т. Фролов.* Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., «Международные отношения», 1981, с. 5, 9.

[2] Там же, с. 154, 155.

[3] *Аурелио Печчей.* Человеческие качества. М., «Прогресс», 1980, с. 45.

пого комбината на Байкале. Построенное предприятие «экономически крайне невыгодно: оно по многим показателям хуже, чем могло бы быть в другом месте. А его можно было построить где угодно, потому что оно не нуждается в чистейшей воде Байкала. К тому же и доставка древесины туда затруднена. Но... победила амбиция некоторых руководящих работников, стоявших на ведомственных позициях»[1].

Случай не тот. Но, как сказал поэт, все же, все же, все же...

Не мирится душа Жадигера с пророчеством скорой, хотя бы и геройской, гибели Арала. Не приемлет ликования, которым полны прожекты его посмертного будущего — от двух соляных озер «с крепчайшим рассолом на дне» древнего моря до «райской жизни» на земле обетованной, каковой-де станут «десятки тысяч квадратных километров» плодородной илистой почвы: обнажив их, добьются люди наконец желанного изобилия; будут выращивать хлопок, рис и кукурузу, строить белокаменные агрогорода, а их широкие проспекты, ни в чем не уступающие Невскому, будут обсажены диковинными деревцами, и вдоль улиц в чистых, плитками выложенных арыках заструится хрустальная вода, а на площадях и скверах забьют разноцветные фонтаны.

Как тут не вспомнить «города на дне океана»!.. Что, спросят, за города такие, откуда взялись, кому и зачем вдруг понадобились? Сие, слава богу или аллаху, нам пока что неведомо. Но, в противовес якобы поднадоевшим, докучливым деревенским проселкам, о них призывал как-то писать запальчивый участник очередной дискуссии о современной прозе, позабыв в пылу полемики о грешной земле, на которой жить, которую обихаживать и обустраивать людям, населяющим не фантастические, а реальные грады и веси.

Реализма — вот чего недостает «именитому земляку» Жадигера, его другу-врагу академику Азиму. В принципиальный идейный диспут о смысле жизни, человеческом назначении на земле разгорается их жаркий спор, в котором сталкиваются не просто и не только разные взгляды на судьбу Арала, но противоположные, несовместимые философские, социальные, нравственные позиции. «Ныне наступила эпоха дела. Эпоха трезвого ума и холодного расчета»— вещает Азим, смеясь, простившийся с канувшими в вечность временами поэтов и влюбленных, которые «восхищались звонким ручейком, прозрачной гладью озера, шорохом листьев, любовались луной, звездами, сочиняли сладкозвучные стихи». Будто и не до любви уже нам сегодня, не до поэзии, не до красоты природы, не до прочих духовных ценностей бытия и даже нравственных норм общежития. Все это, так же смеясь, попирает Азим, исповедуя прагматическую мораль дела, которое оборачивается на поверку близоруким делячеством, узколобой утилитарностью с их неизменными идолами сиюминутной выгоды, одномоментной пользы, меркантильными сообра-

[1] ЭКО (Экономика и организация промышленного производства), 1982, № 3, с. 152.

жениями карьерного престижа. «...Мы предлагаем самый эффективный и прогрессивный выход: выращивать на освобожденной от моря плодородной земле хлопок, рис и другие передовые, выгодные культуры»— упорствует этот «рыцарь на час» в тщеславном стремлении «облагодетельствовать, осчастливить», если не все человечество скопом, то по крайней мере — не без корыстного расчета на памятник «в здешнем обновленном краю»— своих земляков. Дальше мраморного бюста в признание его преобразовательских заслуг взгляд в будущее у Азима не простирается. Оттого и сомнениям Жадигера, «будет ли вообще со временем какая материальная отдача, хоть самая малая», от жертвы, принесенной «ради ничтожной сегодняшней корысти локального значения», он не в силах противопоставить ничего, кроме трескучих фраз о природе, которая «не музейный экспонат» и «должна служить повседневным потребностям». Заскорузлым эгоизмом веет от ученых мудрствований пробивного, напористого временщика, демагогически камуфлирующего свое жадное и хваткое потребительство. Похоже, изувечить природу для него не больше, чем разбить чужую семью. Действия разного масштаба, но одного ряда.

По счастью, не так уж и везуч Азим, как это кажется подчас его столичным прихлебателям и доверчивым аулчанам. И Жадигер, в свою очередь, не так одинок, как представляет себе в минуту смятения. Не в том даже дело, что и по Азиму в числе других «преобразователей Арала» уже печатно прошлась «некая, хоть и смутная, критика», что в институте, который он возглавляет, по слухам, «не все спокойно». И не в том, что «кроме риса, хлопка и рыбы есть нечто большее» не для одного Жадигера, но, например, и для Рыжего Ивана. «Еще под Сталинградом, в самый грозный час битвы, он вступил в партию. После того, как стал председателем колхоза, ты первым долгом предложил Рыжего Ивана секретарем парткома. Долгие годы, считай, до недавнего времени, когда море стало усыхать, а колхоз хиреть,— вы работали рука об руку, разделяя радости и горести вместе. Работалось тебе с ним легко, ибо на этого всегда спокойного и надежного человека можно было положиться во всем». Главное в том, что на стороне не Азима, а Жадигера мысль народная, государственная, партийная, которой и вдохновлены не однажды повторенные в романе слова: «Быть или не быть человеку на земле, зависит от того, будет или не будет природа». Произнося их, Жадигер горячо ратует не просто за рачительное хозяйствование на земле, бережное отношение к ее богатству. В конечном счете они — содержательная формула, которая емко включает в себя философию романа, выражает социальный оптимизм писательского миропонимания и жизнеутверждения. И потому созвучна многим сокровенным мотивам, пронизывающим прозу и публицистику Абдижамила Нурпеисова.

Назовем их полифоничными мотивами неистребимого доверия к жизни, ее мудрости и красоте, гуманистической устремленности и созн-

дательной энергии — всему, в чем аккумулируются заветы и уроки прошлого, свершения настоящего, предначертания будущего.

Пока что закончена лишь первая книга романа «Долг». Нам не дано знать, как сложатся дальше, во второй, а возможно, и в третьей книге судьбы Жадигера, Азима, Бакизат, уносимых волею рокового случая в открытое море.

Одно можно предсказать наверняка: талант Абдижамила Нурпеисова не из тех, которым привычны простые и легкие решения. Писатель изберет трудный, сложный путь и поведет по нему Жадигера, который раскроется новыми гранями своей колоритной, яркой натуры, сильного, волевого характера, духовно богатой, нравственно цельной личности. Ведь он законный воспрсемник, наследник, сказать бы, даже побратим Еламана, не только пот, но и кровь отдавшего за нынешний день приаральской земли. В открытии такого героя — счастливая судьба писателя.

У Абдижамила Нурпеисова она действительно сложилась на редкость счастливо. На добрый путь в литературу его напутствовал один из крупнейших мастеров казахской прозы Габиден Мустафин. Высокий взлет писательского таланта ещё по роману «Курляндия» проницательно предугадал Всеволод Иванов. И до конца своих дней оставался его наставником и другом Мухтар Ауэзов.

Прошли годы. Молодой писатель стал признанным мастером. И уже новые поколения молодых видят в нем своего авторитетного учителя, взыскательного наставника и друга, яркому таланту и самоотверженному труду которого они обязаны многими творческими уроками. Вернемся же в заключение этого «слова о Нурпеисове» к его образной мысли о том, что роднит писателя и хлебороба, и обратим к нему самому раздумье из очерка, поэтично названного «Думай о человеке, о земле и хлебе». Их подсказало «огромное багряное пшеничное море», возникшее из зерен, брошенных в «благодатное лоно земли»,— оно шумит и волнуется, прогибаясь под порывистым степным ветром:

«Что ж, ликуй, хлебороб! Возрадуйся и гордись, отрешившись хоть на мгновение от всех своих бесчисленных земных забот! Ты заслужил это счастье! Оглянись вокруг, посмотри на дело рук твоих, на родную степь, заботливо возделанную тобой, на взращенный тобой хлеб — бесценное добро, даруемое людям!

Кому из нас, живущих на этой благодатной земле, не знакома гордая радость матери? Проведя не одну бессонную ночь у колыбели, истомленная мать, бывает, забудется, сладко вздремнет в зоревой час у изголовья своего младенца, и лицо ее осветится от беспредельного материнского счастья. Точно такая же светлая улыбка озаряет усталое, обветренное и одухотворенное лицо хлебороба, любующегося в этот миг плодом своих великих трудов»...

В. ОСКОЦКИЙ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СПРАВКА

«Самоубийство» — последнее произведение Алданова. Роман печатался в нью-йоркской газете «Новое русское слово» с 11 декабря 1956 г. по 2 мая 1957 г. Писатель не дождался конца этой публикации: 25 февраля 1957 г. он скоропостижно скончался.

Не случайно, думается, приведен в романе девиз португальского поэта Камоэнса: «Плыть по морям, по которым никто никогда не плавал». Впервые в литературе русского зарубежья Алданов поставил в центр повествования тему: Ленин и Октябрьская революция. К этой теме множество раз обращались в СССР, но книги, прежде всего написанные в годы сталинщины, были деформированы жесточайшей регламентацией, воспринимались как литературные иллюстрации к «Краткому курсу». Алданов полностью разрушает устойчивые стереотипы.

Роман был начат до XX съезда КПСС, набросок одного из фрагментов появился в газете «Новое русское слово» 1 января 1956 г. Но в широком смысле «Самоубийство», несомненно, связано с эпохой разоблачения «культа личности». Хрущевские разоблачения, при всей их бесспорной смелости и огромной важности для судеб страны, трактовали сталинщину как явление случайное, не характерное для гуманной в целом социалистической системы. Алданов же брал тему революции в широком историческом контексте, писал о всесилии тоталитарного мышления, о том, что в самом замысле перехода к утопическому справедливому обществу через насилие был нравственный изъян, зародыш будущей исторической трагедии.

Два десятилетия, изображенные в романе, от II съезда РСДРП до смерти Ленина, охватывают три революции и гражданскую войну в России и первую мировую войну. Но Алданов меньше всего стремился иллюстрировать общеизвестные исторические факты. Его тема — перелом эпох. Перед читателем проходят портреты кайзера Германии Вильгельма II и императора Австрии Франца-Иосифа, одного из крупнейших политиков предоктябрьской России — Витте, миллионера Саввы Морозова. При всем разнообразии у Алданова человеческих типов в них есть нечто общее. Он цитирует одного из придворных Вильгельма: «Я живу в доме умалишенных». Как умалишенные, сильные мира толкали Европу к войне, к самоубийству.

В романе идет речь о самоубийстве трех персонажей, одного реального, Саввы Морозова, и двух вымышленных, супругов Ласточкиных. Но центральная тема — самоубийство России в революции.

Главное действующее лицо романа — Ленин. О Ленине Алданов-публицист писал много раз начиная с 1918 г., с книги «Армагеддон». В «Самоубийстве» он впервые создаст его художественный образ. Алданову превосходно удается передать специфические интонации ленинской речи, он рисует революционного вождя в различных ситуациях, в кругу сподвижников и в борьбе с политическими противниками. В очерке «Картины Октябрьской революции» Алданов писал, что Ленин проявил в Октябре «замечательную политическую проницательность (о силе воли и говорить не приходится)»[1]. Эти

[1] «Последние новости», Париж, 1935, 14 сентября.

же черты присущи и Ленину — герою романа. Однако уже на первых страницах звучит: «Вы большой человек, Владимир Ильич, но разрешите сказать вам, вы человек нетерпимый».

Нетерпимость, по Алданову, роднит революционеров разных эпох, в ней источник их силы; люди одной страсти, мономаны, способны, как никто другой, подчинять себе ход событий. Но нетерпимость — разрушительная, а не созидательная сила, и ее пагубность рано или поздно обнаруживается. Писатель размышляет о герметизме революционного сознания: уметь не помнить о жертвах, о крови, не жалеть ни близких, ни дальних; насильственный ввод людей в царство предполагаемого социализма должен быть осуществлен любой ценой. Эпизод тифлисской экспроприации призван подтвердить авторскую мысль о безнравственности революционного насилия. В другом эпизоде революционер-кавказец, отошедший от революционной деятельности, вспоминает, как в молодости убил провокатора: «Это не «романтизм»! От меня, революционера, был только один шаг до гангстера». На заднем плане повествования проходят зловещие фигуры Сталина и Муссолини, их исторический час еще не пробил.

В «Самоубийстве» десятки вымышленных персонажей, в их судьбах отражается движение истории. Парное самоубийство супругов Ласточкиных, быть может, самых обаятельных алдановских героев,— кульминационная сцена романа, прообраз гибели русской интеллигенции в революции. Писатель утверждал нравственность самоубийства, когда жизнь становится невыносимой. Но за трагической этой темой звучала непривычная для скептика Алданова тема мажорная и возвышенная: оправдание бытия — в одухотворенной, связывающей на долгие годы любви; любовь сильнее смерти.

Заканчивает роман сильно написанная сцена смерти Ленина. Она разительно контрастирует со сценой добровольного ухода из жизни супругов Ласточкиных. В первой повести Алданова «Святая Елена, маленький остров» Наполеон, подводя итоги прожитого, задается вопросом: «Если Господь Бог специально занимался моей жизнью, то что же Ему угодно было сказать?» В последнем романе Алданов возвращается к этому извечному вопросу. Ответ писателя содержит и оценку содеянного его героем: преступно ради интересного социального опыта жертвовать миллионами жизней, человек живет на земле во имя красоты и добра.

Отдельным изданием роман вышел в Нью-Йорке после смерти писателя, в 1958 г., с предисловием Г. Адамовича. Критик писал, что роман полон живого дыхания, повествовательная манера Алданова никогда не бывала убедительнее и своеобразнее.

Некоторые зарубежные исследователи считают Алданова крупнейшим русским публицистом после Герцена. Он автор книг исторических и современных очерков «Огонь и дым» (1922), «Современники» (1928), «Портреты» (1931), «Земли, люди» (1932), «Юность Павла Строганова и другие характеристики» (1934), «Портреты», т. 2 (1936), но в эти книги включена лишь малая часть его громадного публицистического наследия, рассеянного по газетам и журналам эмиграции.

Исторические очерки Алданова преимущественно изображают людей эпохи 1812 г., они своеобразно дополняют тетралогию «Мыслитель» портретами большого числа русских и французов, людей необычной судьбы, полузабытых в наши дни, но сыгравших свою роль в событиях. Он писал, например, о генерале Пишегрю, покушавшемся на жизнь Наполеона, о дюке Ришелье, потомке знаменитого кардинала Ришелье — ему выпало стать строителем Одессы, в 1812 г. он звал

россиян к борьбе с Наполеоном, а через несколько лет сделался премьер-министром Франции.

Очерки о современниках писателя, большей частью посвященные знаменитостям 1920—30-х годов, создавались параллельно с трилогией «Ключ», «Бегство», «Пещера». Внимание Алданова привлекала закулисная сторона событий: заговоры, покушения, взлеты и падения карьер. Выбор тем, конечно, обрекал очерки на успех, но писателя прежде всего интересовал внутренний мир людей, пытавшихся изменить ход истории. Алданов с филигранным мастерством использовал документ, «сладкую» цитату, знал тайны лапидарной афористической характеристики.

В данный том включены очерки, тематически связанные с романом «Самоубийство». «Азеф» впервые опубликован в парижской газете «Последние новости» в феврале 1930 г., включен в книгу «Десятая симфония» (1931); «Убийство Урицкого» — в варшавской газете «За свободу» в августе 1923 г., в том же году появился в журнале «Современные записки», Париж, № 16, вошел в книгу «Современники» (1928). «Убийство графа Мирбаха» и «Взрыв в Леонтьевском переулке» напечатаны в газете «Последние новости» в январе — марте 1936 г.

Произведения М. А. Алданова в настоящем Собрании сочинений публикуются по следующим изданиям:

Том I

«Девятое термидора» — III изд., исправленное и дополненное. Париж, приложение к журн. «Иллюстрированная Россия», 1937.

«Чертов мост» — II изд., Париж, приложение к журн. «Иллюстрированная Россия», 1937.

Том II

«Заговор» — Берлин, «Слово», 1927.

«Святая Елена, маленький остров» — II изд., исправленное, Берлин, «Слово», 1926.

«Бельведерский торс» — кн.: «Бельведерский торс. Линия Брунгильды», Париж, «Русские записки», 1938.

«Пуншевая водка» — журн. «Русские записки», Париж, 1938, №№ 7 и 8/9.

«Астролог» — журн. «Новый журнал», Нью-Йорк, 1947, № 16.

Том III

«Ключ» — II изд., Нью-Йорк, Изд. им. Чехова, 1955.

«Бегство» — Берлин, «Слово», 1932.

Том IV

«Пещера» — т. I, Берлин, «Слово», 1934; т. II, Берлин, «Петрополис», 1936.

Том V

«Истоки» — Париж, YMCA-Press, 1950.

Том VI

«Самоубийство» — Нью-Йорк, изд. Литературного фонда, 1958.

«Азеф» — кн.: «Десятая симфония», II изд., Париж, приложение к журн. «Иллюстрированная Россия», 1936.

«Убийство Урицкого» — кн.: «Современники», изд. II, дополненное, Берлин, «Слово», 1932.

«Убийство графа Мирбаха» — газ. «Последние новости», Париж, 1936, 1, 7, 11, 19 января.

«Взрыв в Леонтьевском переулке» — газ. «Последние новости», Париж, 1936, 9, 16, 23 февраля, 1, 8, 15 марта.

Андрей Чернышев

М·А·Алданов

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ 6

Москва
Издательство «Правда»
1991

ДМИТРИЙ НАГИШКИН

СЕРДЦЕ БОНИВУРА

РОМАН
В ТРЕХ ЧАСТЯХ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1987

Айбек.
А 37 Навои: Роман / [Пер. с узб.].— Т.: Ёш гвар-
дия, 1984.— 376 с., 1 л. портр.

Уз Я

СЛОВАРЬ

Абу-Али-ибн-Сина — Авиценна.

Абу-ль-Касим Бабур — правитель Хорасана (ум. 1457 г.).

Абу-Санд-мирза — правитель Хорасана (ум. 1469 г.).

Айван — веранда, терраса при доме.

Айран — напиток из кислого молока, разбавленного водой.

Алиф — название первой буквы арабского алфавита, имеющей форму вертикальной черточки.

Ата — отец.

Атабек — наставник, попечитель при царевиче.

Афлатун — Платон.

Бадгис — область в Хорасане.

Балахана — легкая каркасная надстройка над первым этажом дома.

Бейт — двустишие.

Биби — тетка, госпожа (входит в состав имени).

Вакф или вакуф — имущество, доход с которого по желанию владельца идет в пользу мечети, больницы или благотворительного учреждения.

Вал Искандера — стена, которую будто бы построил Александр Македонский, чтобы оградить мир от нападения Яджуджа и Меджуджа, легендарных племен, разорявших культурные страны.

Вилайет — область, провинция.

Гиджак — смычковый четырехструнный музыкальный инструмент.

Гюлистан — цветник, райский сад.

Дастархан — скатерть с угощениями.

Дастарханчи — человек, подающий гостям угощение.

Дервиш — отшельник, аскет.

Джафар — знаменитый средневековый алхимик.

Джейхун — арабское название Амударьи.

Дешт-и Кипчак — владения Золотой орды.

Джемшид — мифический иранский царь, отождествляемый иногда с библийским царем Соломоном.

Джига — пучок перьев цапли, осыпанных драгоценными камнями, символ власти.

Джучи — имя одного из сыновей Чингисхана, который прославился среди народов Средней Азии своей жестокостью.

Диван — присутственное место, зал аудиенций султана.

Диванá — юродивый.

Динар — золотая (в Средней Азии серебряная) монета.

Домулла — учитель.

Дувал — глинобитный забор.

Зикр — особый вид молитвы дервишей, состоящих в многократном повторении какой-либо молитвенной формулы.

Ирем — легендарный сад в Аравии.

Искандер Двурогий — прозвище Александра Македонского.

Ичиги — сапожки с мягкой подошвой, шитой изнутри.

Ишик-ага — один из высших придворных чинов при дворе тимуридов, приближенный государя.

Кавуши — кожаные калоши национального образца.

Кадак — мера веса, около фунта.

Казий — судья.

Калам — тростниковое перо.

Каландар — нищенствующий дервиш.

Камак-Кайёни — мифический, очень искусный лазутчик.

Канун — музыкальный инструмент типа цитры.

Каф — гора, будто опоясывающая мир.

Кеманча — смычковый музыкальный инструмент.

Ковурдак — мясное блюдо.

Кулан — дикий осел.

Мангал — жаровня.

Манты — крупные пельмени, сваренные на пару.

Маснави — стихотворная форма с парной рифмой полустиший.

Мата — хлопчатобумажная ткань кустарного производства.

Маулана — по-арабски «господин наш»; обычное в Хорасане в XV в. обращение к образованным людям.

Медресе — мусульманское высшее учебное заведение.

Мимбар — возвышение в мечети, с которой читается проповедь.

Мираб — лицо, ведающее орошением.

Моголы — жители Моголистана, т. е. территории к северу и востоку от Сырдарьи. В истории Средней Азии моголами

называли монгольское население так называемого Джагатаева улуса, т. е. владений Джагатая — сына Чингисхана.

Муамма — буквенная или смысловая загадка, нечто вроде шарады.

Мударрис — преподаватель медресе.

Мулла — ученый; так обычно называли студентов медресе.

Мухаммас — стихотворение, строфа которого состоит из пятистиший.

Мухтасиб — лицо, обязанное наблюдать за честностью нравов, правильностью весов на рынках и благопристойностью в частной и общественной жизни.

Най — свирель.

Нукер — дружинник, воин.

Парваначи — секретарь.

«Пятерица» («Хамса») — пять эпических поэм различного содержания. Первым образом такой пятерицы на Востоке была «Хамса» великого азербайджанского поэта Низами (1141—1213).

Лапар — частушка, вид хоровой песни, когда попеременно поют парни и девушки.

Рабат — придорожная гостиница.

Рубаи — четверостишие с особой рифмовкой.

Рустам — один из героев поэмы «Шах-намэ» Фирдоуси.

Саз — музыкальный инструмент (общее название).

Салам — здравствуйте.

Сахиб-Киран — обладатель счастливого сочетания звезд, титул, прилагаемый историками к царям.

Себзевар — город в Хорасане.

Семь поясов — мусульманские географы вслед за греками делили обитаемый мир на семь зон или поясов. Эти зоны различались между собой по долготе дня и климатическим условиям.

Ситар — трехструнный щипковый музыкальный инструмент.

Сабудай Бахадур — один из военачальников Чингисхана.

Сулейман — библийский царь Соломон, символ могущества.

Супа — глиняное возвышение во дворе или в саду, предназначенное для отдыха и сна.

Сура — глава корана.

Суфизм — философское учение, проповедующее мистический пантеизм. Слово «суфлей» происходит от «суф» — шерсть. Название объясняется тем, что приверженцы этого учения носили грубую шерстяную одежду.

Сырат — мост над пропастью, тонкий, как волос, острый, как лезвие, по которому, по мусульманскому поверью, проходят праведники в рай. Грешники падают с этого моста в ад.

Тандыр — специальная печь для выпечки лепешек.

Тарих — хронограмма; стихотворение, заключающее в себе ту или иную дату.

Тархан — человек, имущество которого свободно от обложений налогами, крупный землевладелец.

Теньга — мелкая серебряная монета.

Той — пир в честь какого-либо торжественного события (свадьба, обрезание, и т. д.).

Туман — округ, в другом значении — десять тысяч.

Туюг — четверостишие, заключающее в себе игру слов.

Улугбек — правитель Самарканда, великий математик и астроном(ум. в 1449 г.).

Фарсах — мера расстояния (около 8 километров).

Фатима — дочь пророка Мухаммеда, была женой четвертого халифа Али.

Фатиха — 1-я глава корана, читаемая при разных случаях жизни.

Хатам Тайский — имя одного бедуина, щедрость которого вошла в поговорку.

Хауз-и-Махиан — «Рыбий пруд», местность под Гератом.

Хийябан — проспект.

Хотан — город и область в восточном (китайском) Туркестане.

Хусейн Байкара — праправнук Тимура, правитель Герата, современник Навои; царствовал с 1469 по 1506 год.

Хутба — проповедь в мечети, во время которой читается особая молитва за то лицо, которое в данное время признается законным правителем.

Хызр — герой множества мусульманских легенд, нашедший, якобы, источник живой воды.

Чавган — спортивная игра типа поло на конях.

Чанг — музыкальный инструмент, похожий на арфу.

Чапан — халат.

Чекмень — верхняя одежда вроде кафтана.

Чигирик — особое колесо, служащее для подъема воды из арыка.

Чиллак — палочка для игры в «чижик».

«Шамсия», «Кафия», «Хашия» — ходовые учебники в медресе.

Шариат — совокупность духовных и светских норм по которым творят суд в мусульманских странах.

Шахрух — сын Тимура, правитель Хорасана (ум. 1447 г.).

Шекерестан — заросли сахарного тростника.

Шейх-уль-ислам — глава мусульманского духовенства.

Шииты и сунниты — два основных религиозных толка, на которые разделяются мусульмане. Шииты и сунниты почти непрерывно враждовали между собой.

Юзбаши — сотник.

Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный.

Мери Мейп Додж

Серебряные коньки

ПОВЕСТЬ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1975

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На берегу Северного моря в устье трех судоходных рек — Мааса, Шельды и Рейна — лежит небольшая страна Нидерланды. На русском языке «Нидерланды» — это «низменные земли», так как чуть ли не половина Нидерландов находится ниже уровня моря.

Северное море похоже на огромную плоскую тарелку. Не считая Азовского, это самый мелководный бассейн Европы. В то же время на Северном море свирепствуют штормы, и стране постоянно грозит затопление. Вот почему жители Нидерландов — голландцы, фламандцы, валлоны (потомки древнейших германских и франкских племен батавов, саксов, фризов, поселившиеся здесь около двух тысяч лет тому назад) — с незапамятных времен ведут упорную, героическую борьбу с морской стихией, отвоевывая у нее пядь за пядью жизненно необходимую для них сушу.

Вдоль побережья Северного моря тянутся на десятки километров песчаные гряды — дюны, иногда достигающие 60 метров высоты,— и все же одной естественной преграды недостаточно. Цепочка дюн местами обрывается, а кое-где они просто слишком низки, чтобы защитить страну от вторжения моря. Поэтому уже много веков население Нидерландов занято сооружением плотин, шлюзов, дамб, каналов, которые ограждают земли от наводнения. Недаром сложилась поговорка: «Бог создал море, а голландцы берега».

То, что Нидерланды издревле были морской страной, нашло отражение в творениях европейских писателей прошлых веков. Интересно, что великий итальянский поэт Данте в своей «Божественной комедии» сравнивает окаменелые набережные Флегетона (так называет поэт подземную реку в аду) с плотиной, выстроенной фламандцами вдоль моря между городом Бруджей (Брюгге) и местечком Гвизандом (Виссант):

Как у фламандцев выстроен оплот
Меж Бруджей и Гвизандом, чтоб заране
Предотвратить напор могучих вод.

(«Ад», песня XV, 4).

Благодаря особенностям природных условий Нидерланды, пожалуй, самая причудливая, самая своеобразная страна в мире. Если подняться на самолете и посмотреть на нее сверху, то взорам представится удивительная картина: вам покажется, что Нидерланды расположены на двух этажах. Ниже уровня моря лежат заболоченные луга (марши), покрытые густой сочной травой, за ними простираются польдеры — возделанные плодородные земли, дающие богатый урожай злаков, целые поля гиацинтов, тюльпанов, нарциссов. Марши и польдеры прорезаны многочисленными каналами, по ним вода, скапливающаяся на лугах и полях, отводится в море. На «втором этаже» по широким плотинам проложены железные дороги, автомобильные магистрали и даже судоходные каналы, по которым плывут пароходы. Этот удивительный, почти сказочный пейзаж дополняют бесчисленные ветряные мельницы с гигантскими крыльями, похожими на лапы чудовищных птиц. Ветряные мельницы выполняют множество самых разнообразных хозяйственных работ: мелют зерно, пилят лес и, самое главное, осушают почву, удаляют из нее лишнюю влагу. По-голландски это называется «молоть до осушения» (droog malen).

И все же, несмотря на такую сложную систему заградительных сооружений, Северное море иногда прорывается и заливает прибрежную полосу.

Народная память хранит воспоминание о страшном 1572 годе, когда волны Северного моря прорвали плотину и с неудержимой силой хлынули на сушу, затопив чуть ли не половину страны. Да и не так уж давно, в 1953 году, в Нидерландах произошло сильное наводнение, ряд городов оказался под водой, что принесло жителям прибрежной полосы неисчислимые бедствия.

Вековая война с грозной морской стихией, постоянная забота о сохранности плотин и шлюзов побуждали население Нидерландов объединяться в товарищества (они называются «ватерсхапы»), чтобы было легче бороться с наводнениями. Дружные усилия, которые нужно было приложить для покорения могущественных сил природы, выковывали в людях мужество, упорство, настойчивость. Эти качества пригодились нидерландскому народу не только в борьбе с морем, но и для того чтобы отстоять свою национальную независимость, чтобы освободиться от ига иноземных захватчиков.

Благодаря своему выгодному географическому положению Нидерланды после открытия Америки и перемещения водных путей стали одним из важнейших перевалочных пунктов мировой торговли между Атлантикой и Европой. В XIV веке это уже богатая торговая морская держава. Мировое значение приобретают незамерзающие порты Роттердам и Антверпен, а позднее и Амстердам (его называют северной Венецией). Голландцы стали наследниками ганзейских купцов. Их корабли стояли на причале в Мурманске и Архангельске, они везли из России хлеб, лен, кожу, пеньку, из Скандинавии лес, из Испании шерсть.

Обширная страна (в то время в состав Нидерландов входила и Бельгия, ставшая независимым государством только в начале XIX века), славившаяся в Европе своими

льняными и шерстяными мануфактурами, стала лакомым кусочком для феодальной католической Испании. В начале XVI века испанцы захватили Нидерланды.

Испанские короли немилосердно грабили страну, которая приносила им доходы в четыре раза больше, чем все заокеанские владения Испании. Чтобы подчинить себе нидерландский народ, они преследовали людей за их религиозные убеждения, пытали, сжигали на кострах, как еретиков, нидерландских протестантов. Террор в Нидерландах особенно усилился, когда королем Испании стал мрачный деспот Филипп II. Он послал для усмирения нидерландцев своего верного слугу, кровожадного герцога Альбу, который не останавливался ни перед какими жестокостями, чтобы сломить сопротивление вольнолюбивого народа. В своей знаменитой книге «Тиль Уленшпигель» бельгийский писатель Шарль де Костер рассказывает об этих страшных годах в жизни Нидерландов. Но герцог Альба ошибся в своих расчетах. Жители Нидерландов восстали против своих угнетателей. Революцию в стране, длившуюся в течение почти всего XVI столетия, возглавила северная провинция Нидерландов — Голландия, с наиболее развитой промышленностью. Основной боевой силой революции стали простые люди: крестьяне, ремесленники, портовые рабочие, матросы. Они называли себя гёзами, что по-голландски значит оборванец. Кличкой «гёзы» революционеры подчеркивали, что они выходцы из народа, и с гордостью противопоставляли себя надменным испанским аристократам — феодалам. Гёзы прятались в лесистых чащах, откуда они нападали на испанские отряды, отбивали обозы с провиантом, разрушали дороги, по которым передвигались неприятельские войска.

Морские гёзы вели партизанскую войну на море, уничтожали испанские суда, прибрежные укрепления врага.

Благодаря героическому участию народа революция в Нидерландах одержала победу и власть испанского короля была свергнута. В 1679 году была образована независи-

мая Голландская республика Соединенных провинций. Это была первая в Европе буржуазная республика. С этого времени Нидерланды все чаще называют Голландией.

В XVII веке Голландия достигает наивысшего экономического и культурного развития. Расцвет науки, культуры, искусства в Голландии XVII века называют Возрождением. Именно в эту эпоху Голландия дала человечеству великих ученых, писателей, художников; философа Спинозу, математика, физика, изобретателя часов с маятником Гюйгенса, создателя микроскопа Левенгука, гениального художника Рембрандта и многих других замечательных деятелей культуры и искусства.

Хотя освобождение Нидерландов и их дальнейшее развитие стали возможны только в результате героической борьбы простого народа, плоды победы достались голландской буржуазии. Она стала играть роль посредника в мировой торговле Западной Европы с заокеанскими странами, и ее называли банкиром Европы. Предприимчивые голландские купцы учреждали грандиозные торговые компании (например, Ост-Индская компания, основанная в 1602 году), которые проникли в Индонезию, в Южную Америку, на острова Атлантического и Тихого океанов. Маленькая Голландия (она в полтора раза меньше Московской области) до недавнего времени владела колониями, территория которых в несколько десятков раз превосходила ее размеры. Расчетливые голландские колонизаторы превратили в своих рабов миллионы яванцев, папуасов, негров и других народности.

Голландские капиталисты обогащались главным образом за счет своих колоний. Все, чем щедрая природа тропиков наделила детей своей земли: кофе, бобы, какао, бананы, сахарный тростник; все сокровища, которые таятся в недрах земли: олово, никель, золото, алмазы, нефть,— все это голландские колонизаторы вывозили в другие страны, выручая миллиарды рублей прибыли.

После второй мировой войны, которая дала толчок

мощному подъему национально-освободительного движения, Нидерланды потеряли свои колонии. Это нанесло большой удар верхушке капиталистического общества, владевшей огромными латифундиями в Азии, Южной Америке, на островах Тихого океана. Но большинство трудового населения Голландии, живущее весьма скромно на умеренную зарплату, не скорбело об утрате колоний. Напротив. Именно они, простые люди Голландии, потомки лесных и морских гёзов, которые в XVII веке заложили основы могущественной колониальной державы, вынесли на своих плечах ужасы гитлеровской оккупации, тяготы второй мировой войны, а также войны с Индонезией, которую затеяли голландские капиталисты, чтобы подавить революцию в колониях. Голландский народ не хотел воевать против индонезийского народа, который боролся за свое освобождение; лучшие люди Голландии горячо приветствовали освобождение Индонезии от колониального гнета, провозглашение Индонезийской республики в 1945 году. Из среды простых людей Голландии вышел юноша Пит ван Ставерен, член прогрессивной организации Всеобщего голландского союза молодежи. Пит ван Ставерен отказался участвовать в «полицейских операциях против индонезийского народа», он стал организовывать в Индонезии санитарные отряды для оказания повстанцам медицинской помощи. Но колониальные власти похитили Пита, привезли его в Голландию и устроили над ним судебный процесс. Его приговорили к семи годам тюремного заключения. Пример отважного юноши не остался без последствий: свыше 1500 бывших военнослужащих отказались участвовать в колониальной войне против народа, вставшего на защиту своей свободы.

Подобные поступки доказывают, что трудовой голландский народ не забыл о своем революционном прошлом, что ему не по пути с голландскими капиталистами, чьи богатства основаны на ограблении колониальных народов.

Ныне Голландию называют мировым торговцем. Ее

порт Роттердам, второй по величине в мире, принимает в год около трех миллионов океанских судов. Во все страны мира посылает она свои знаменитые тюльпаны. Голландия гордится тем, что ее считают «огородом Европы». Она славится своими овощами, химическими удобрениями, теплицами. Деловые круги Голландии стремятся расширить экономические связи с Советским Союзом, со странами социализма. 160 миллионов рублей — это внушительная цифра торгового оборота между Советским Союзом и Нидерландами за 1967 год.

Голландцы строят нам корабли, построили нам заводы химических удобрений, продают нам луковицы тюльпанов и гиацинтов.

Но не только взаимные экономические интересы связывают народы Советского Союза с Нидерландами. С каждым годом мы все больше и больше узнаем о жизни, быте, о культуре голландского народа, о его искусстве, литературе. Возрастает и стремление широких кругов голландского общества узнать как можно больше о советских людях, об их жизни, культуре. Нескончаем поток писем из Нидерландов от простых людей страны с просьбой выслать пластинки с записями русской музыки, советских песен, прислать рисунки советских школьников, репродукции картин.

Трудолюбивый голландский народ питает огромную благодарность к советским воинам, помогшим ему освободиться от ига оккупации. В Голландии чтут имена советских солдат и офицеров, павших в боях за освобождение их страны, возлагают цветы на их могилы.

О простых людях Голландии, живущих в скромных маленьких домиках, на крышах которых аисты свивают летом свои гнезда, об их нелегкой, полной забот и нужды жизни и рассказывает нам увлекательная книга «Серебряные коньки».

...В середине пятидесятых годов прошлого столетия в скромном домике нью-йоркского адвоката по вечерам

у пылающего камина молодая мать Мери Додж рассказывала своим двум сыновьям сочиненную ею занимательную историю жизни маленького голландца Ханса Бринкера. Мери Додж была американкой, и ей не довелось побывать в Голландии, но она много о ней читала и заочно полюбила мужественный, трудолюбивый голландский народ. Но вот неожиданно умирает адвокат Додж, и молодой вдове приходится отныне заботиться о том, чтобы воспитать и поднять на ноги своих сыновей. Так полюбившаяся ее мальчикам повесть о Хансе Бринкере легла в основу книги «Серебряные коньки», которая стала одной из самых любимых книг детей всего мира. «Серебряные коньки» появились в 1865 году и уже в течение 30 лет были переведены на многие языки и выдержали более ста изданий.

Герой повести — Ханс, пятнадцатилетний мальчуган с честными глазами и лицом, на котором, казалось, было написано «внутри все хорошо». Его отец Рафф Бринкер работал на плотине и содержал всю семью. Но вот однажды во время страшного шторма он упал с большой высоты, получил сотрясение мозга и стал инвалидом. Горе и нужда вошли в скромный домик, в котором жила его семья: жена и двое детей, Ханс и Гретель. Несчастной матери приходилось работать не покладая рук, чтобы прокормить ребятишек, да еще ухаживать за больным мужем. Единственным ее утешением были дети, скромные, послушные, всегда готовые ей помочь. Став подростком, Ханс заменяет мать и в тяжелых работах: тянет буксирный канат грузовой баржи, которая ходила в школу, и сынки богатых купцов, смеявшиеся над его залатанной курткой и не по росту короткими кожаными штанами, невольно уступали ему место первого ученика почти в каждом классе. В неуклюжих деревянных башмаках (кломпен) с привязанными к ним обточенными деревянными брусками, заменявшими ему коньки, Ханс Бринкер обгонял любого конькобежца, а его сестра Гретель тоже смело могла соревноваться со своими ровесницами. Ханс — гордый мальчик, несмотря на бед-

ность, он никогда не возьмет ни у кого денег, если он их не заработал своим трудом. Когда Хильда ван Глек предложила ему деньги на покупку коньков для участия в соревнованиях на приз серебряных коньков, Ханс решительно отказался принять милостыню от богатой девочки. Не менее решительно отказывается он получить вознаграждение от Питера ван Хольма за то, что нашел на канале его кошелек с 60 гульденами. Ханс мечтает о постоянном заработке, чтобы стать кормильцем семьи. Но в тихой маленькой Голландии — Голландии уютных домиков и ветряных мельниц, которая так живописно, так мирно выглядит на картинах голландских художников, нелегко найти работу бедному мальчику, не имеющему влиятельных покровителей. Ханс готов взяться за любое дело, стать посыльщиком, рассыльным, чернорабочим, но нигде, ни на одной фабрике Амстердама, где в таком чудовищном количестве производились шерстяные, бумажные, льняные ткани, всемирно известные краски», ни на мельницах, где мололось зерно, ни в ювелирных мастерских, где шлифовались знаменитые амстердамские алмазы, юноша не мог найти себе работу. Повсюду он слышал одну и ту же фразу: «Новые рабочие сейчас не нужны».

Мери Додж сравнивает тяжелую участь детей бедняков с беззаботной жизнью мальчиков и девочек из богатых семей. Вот мчится по льду шумная, веселая ватага школьников в красивых, ярких шерстяных костюмах, а поодаль на деревянных брусках — Ханс и Гретель, одетые в изношенную, уже плохо согревающую одежду. Хильда ван Глек живет в самом красивом доме города, а жалкая лачуга Бринкеров, того и гляди, совсем развалится. У матери Ханса и Гретель нет денег, чтобы приготовить им в канун рождества даже самый скромный ужин, а в домах зажиточных горожан дети получают всевозможные сласти и дорогие подарки.

Писательница убедительно показывает, что Ханс и Гретель умнее, более способны и прилежны, чем зажос-

чивые, падменные мальчики и девочки, такие как Карл Схуммель, Рихи Корбес и Катринка, которые презрительно называют их жалкими оборвышами. Маленькая Гретель, одетая в старую материнскую кофту, побеждает на соревнованиях своих соперниц и получает в награду серебряные коньки, а ее брат Ханс оказывается храбрее и благородней, в тысячу раз честнее, чем те сынки богачей, которые думают, что деньги их родителей дают им право издеваться над бедным юношей.

Желая вознаградить своих маленьких героев за их трудную, многострадальную жизнь, Мери Додж как бы приоткрывает занавес и показывает своим читателям будущее тех, кого описывает в своей книге. Мы с радостью узнаем о том, что со временем горе и нужда покинули семью Бринкеров. Когда отец Ханса и Гретель после удачно сделанной ему операции вновь возвратился на работу, его дети смогли опять посещать школу. Ханс, мечтавший о благородном поприще врача, осуществил свою заветную мечту: он поступает на медицинский факультет и впоследствии становится искусным, всеми уважаемым врачом в Амстердаме.

В то же время сын богатого купца Карл Схуммель после разорения своего отца оказался пригодным только на то, чтобы стать бухгалтером в торговой фирме. Ни Карлу, ни бездушной Катринке будущее не принесло того счастья, которое они рассчитывали получить благодаря деньгам своих родителей. Они остались одинокими, так как их равнодушие к людям, их безмерный эгоизм оттолкнули от них всех окружающих.

Из книги «Серебряные коньки» мы узнаем много интересного о жизни и быте жителей Голландии, о том, как они трудятся и развлекаются. Много внимания уделено в повести конькам, и это понятно. Ведь по замерзшим каналам Голландии можно зимой обегать чуть ли не всю страну, вот почему там решительно все — и дети, и взрослые, и старики — отлично владеют этим видом спорта.

В книге интересно рассказано, как во время зимних каникул группа школьников совершает туристскую прогулку на коньках по городам страны. В музеях Амстердама, Лейдена и Гааги юные туристы знакомятся с революционным прошлым своей родины. Они словно переносятся в XVI—XVII века, в славную эпоху революционной борьбы голландского народа за свою независимость. В Лейдене они с уважением произносят имя бургомистра ван дер Верфе, который своим мужественным примером ободрял лейденцев, помогая им вынести изнурительную осаду испанского флота. В Гаагском национальном музее они видят кожаные сумки и фляги, некогда принадлежавшие гёзам, старинную шпагу капитана ван Снейка, который предпочел взорвать себя вместе со своим кораблем, чем отдаться в руки захватчиков.

Но не только о революционных борцах XVI—XVII веков пишет с восхищением автор этой книги. Мери Додж с глубоким уважением рассказывает о тех, кто трудится на пользу своего народа, кто заботится о процветании своего государства, независимо от того, к какой нации они принадлежат. Описывая, например, красивый, нарядно убранный дом сестры Питера в Гааге, она не забыла упомянуть о том, что на каминной полке стоит миниатюрная модель кораблика, а на стене висит старинный портрет Петра I. В музее среди различных памятников старины находится и модель той хижины, в которой жил этот выдающийся русский государственный деятель, когда он работал простым плотником на саардамских корабельных верфях. Голландский народ навсегда сохранил память о пребывании в его стране русского царя Петра I, который не гнушался простым трудом, если это могло принести ему полезные знания, помочь развитию кораблестроения в России. Именно эти качества Петра I и подчеркивает писательница.

Энергия, трудолюбие, настойчивость в достижении намеченной цели, в особенности если это необходимо для ро-

дины,— вот что больше всего восхищает автора повести. Она пересказывает в книге историю отважного восьмилетнего мальчугана, сына шлюзовщика, который совершил героический поступок: заметив в плотине небольшую течь, он заткнул отверстие пальцем и так и просидел возле плотины всю холодную осеннюю ночь до утра, корчась от боли, с онемевшей рукой, ежеминутно рискуя своей жизнью, пока его не подобрали прохожие. Теряя сознание, мальчик успел промолвить: «Я удерживаю воду, скорее зовите сюда людей!»

Чудесна судьба этого предания. Оно и раньше было известно голландцам, и его знал любой школьник, но после того, как о нем рассказали «Серебряные коньки», оно получило всемирную известность.

Туристы, приезжающие в Голландию, почти всегда спрашивают, где можно увидеть памятник мальчику, который пальцем заткнул течь в плотине. Ныне такой памятник сооружен. Неподалеку от Амстердама, в маленьком городке Сааридам, установлен монумент «Петер» работы скульптора Бришкера.

По мнению писательницы, самоотверженный поступок этого мальчика, рисковавшего своей жизнью, чтобы предотвратить наводнение, не является чем-то исключительным для голландской молодежи. В образе маленького героя воплощен мужественный дух голландского народа, закаленного в революционной борьбе, в опасных схватках с природной стихией. Поэтому, разъясняет Мери Додж, «где бы ни образовалась течь, миллионы пальцев будут готовы остановить ее любой ценой». Иными словами, писательница выражает глубокую уверенность в том, что простые люди Голландии всегда придут друг другу на помощь, если это потребуется для блага их родины, для их мирной трудовой жизни.

Эти слова оказались пророческими. Мужество простых людей Голландии с особой силой проявилось во время второй мировой войны. Хотя малочисленная голландская ар-

мия вынуждена была сдаться фашистским захватчикам, народ продолжал бороться. В движении Сопротивления в партизанской борьбе принимали участие рабочие и крестьяне, ремесленники и учащаяся молодежь, служащие и различные слои интеллигенции. Жители деревень и маленьких городков прятали у себя советских воинов, перевязывали им раны, кормили, переодевали и затем переправляли в безопасное место. За спасение советского воина Г. П. Скрипченко Президиум Верховного Совета СССР наградил орденом Отечественной войны второй степени двух голландских братьев-патриотов — Герарда и Вилема Метхорст, которые с риском для жизни целых семь месяцев укрывали бесстрашного советского человека у себя дома. В борьбе с фашистскими захватчиками отличился молодой голландец, почти мальчик — Жорж Ляйонель Мадуро. Он возглавил отряд таких же юных смельчаков, как и он сам, они ворвались к гитлеровцам, расположившимся на вилле Левенбург за рекой Флит, и захватили их в плен. Неприятель отомстил Мадуро за свое постыдное поражение. Юный герой пал в первой борьбе. После освобождения страны отважному мальчику соорудили оригинальный памятник. По проекту знаменитого архитектора был построен миниатюрный городок в двадцать пять раз меньше настоящего размера — Мадуродам. Это — копия Голландии с ее рельефом местности, со всеми ее достопримечательностями, портами, кораблями, музеями. Получилась своеобразная энциклопедия, в которой все движется, гремит и звенит, энциклопедия старой и современной Голландии.

Примечательна история голландского гражданина Рипуса де Йонга, ставшего бойцом в одном из партизанских отрядов Белоруссии. По заданию командования Рипус привел в отряд из концлагеря 17 спасенных им узников-евреев, выполнял боевые приказы, участвовал в боях, в засадах, в минировании железнодорожных путей. Представленный за свою храбрость к боевому ордену, он не

успел его получить: Рипус де Йонг пал как герой в июле 1944 года.

Участь Рипуса разделили и Лайвердинг Герд и Ян Вандерпас, которые тоже сражались с фашистами на стороне советского народа. Эти мужественные поступки красноречиво доказывают, что голландский народ не забыл о своем революционном прошлом и что лучшие сыны его всегда были и будут защитниками свободы и справедливости.

Прошло больше ста лет с тех пор, как написана повесть «Серебряные коньки», но она и поныне читается с неослабным интересом и детьми и взрослыми. Книга подкупает своей задушевностью, верой в человека, глубокой симпатией к простым людям, прекрасным знанием революционного прошлого голландского народа.

Советским детям, живущим в социалистическом обществе, не нужно бросать школу, чтобы искать работу, им не приходится заботиться о том, чтобы прокормить свою семью, как это вынужден был делать Ханс Бринкер. И все же благородные поступки голландского мальчика из народа, его самоотверженная забота о матери и сестре, его трудолюбие, стремление к знаниям, мужество и терпение — замечательный пример для советского школьника.

И. Волевич

Р2
Т83

Художник *М. В. Демочко*

Рецензент *В. Н. Логинов*

Тумасов Б. Е.
Т83 Исторические повести. — Краснодар: Кн. изд-во, 1985. — 415 с.

В книгу вошли ранее публиковавшиеся исторические повести Бориса Тумасова «Русь залесская» и «На рубежах южных». Повесть «Русь залесская» переносит нас в беспокойное и трудное время второй четверти XIV века, когда под знаменем Москвы собирались силы для борьбы с Золотой Ордой. Повесть «На рубежах южных» — о первых переселенцах на Кубань, пришедших сюда в 1794 году, свободолюбивых и мужественных людях.

Т $\frac{4702010200\text{-}25}{\text{М } 146(03)\text{-}85}$ 28-85 Р2

© Краснодарское книжное издательство, 1985. Оформление, предисловие, составление

Об авторе и его книге

Первые книги Бориса Тумасова вышли в свет в конце 50-х годов. Это «Рассказы и сказки» и «Мишка-путешественник». Но настоящее читательское признание ему принесут исторические повести и романы «На рубежах южных», «Русь залесская», «Земля незнаемая», «Зори лютые», «Лихолетье». Они публиковались в альманахе «Кубань», журнале «Москва», издавались в Москве и Краснодаре. В них идет живой разговор об истории формирования Российского государства, нации, межнациональных отношений на территории России и отношений с ее соседями, показана живая история народа.

В этой книге две повести: «Русь залесская» и «На рубежах южных».

Страницы исторической повести «Русь залесская» переносят нас во времена правления московского князя Ивана Калиты, при котором, по словам К. Маркса, «была заложена основа могущества Москвы»[1]. Это были в буквальном смысле переломные десятилетия, выдвинувшие Москву на первое место среди остальных городов Северо-Восточной Руси.

Широк круг вопросов, поднятых в книге: это и раздумья о причинах возвышения Москвы, и попытка отобразить художественными средствами сложный процесс осознания себя, Москвы, как центра будущей Великой Руси... И стремление показать нарастание освободительной борьбы русского народа против иноземного ига... И оценка политики Ивана Калиты, противоречивой во многих своих проявлениях, такой же сложной, каким сложным было породившее ее время.

Сравнительно небольшая по объему повесть вобрала в себя богатый исторический материал. Мы имеем возможность побывать в княжеских хоромах и в столице Золотой Орды у хана Узбека, на улицах Москвы и многих других городов, на просторах полей среди землепашцев и в дремучей чащобе у «лесовиков» — беглых смердов, в келье летописца и на крепостной стене, где отражают натиск татар русские воины...

Историческая повесть «Русь залесская» начинается с эпизода смерти в Орде московского князя Юрия Даниловича. На плечи нового московского князя Ивана Даниловича, прозванного впоследствии Калитой, легла вся тяжесть борьбы за объединение русских

---

[1] Архив Маркса и Энгельса. М., 1946, т. 8, с. 149.

княжеств вокруг Москвы. Иван Калита уверен в победе: «Великим княжеством быть Москве... Придет время, всех князей удельных возьмем под свою руку. Москве Русь собирать, чтоб вся русская земля под Москвой была...» В этих словах — цель политики князя, к достижению ее он стремился всю свою жизнь, не останавливаясь ни перед чем, не жалея себя. Он проливал кровь князей, подчиняя Тверь, Псков, Великий Новгород, привлекал на свою сторону влиятельное духовенство, скупал окрестные земли, дабы упрочить власть, ездил в Золотую Орду, задабривая врагов, и добился в конце концов права самому — без ханских баскаков — собирать и отправлять Орде дань.

Б. Тумасов подчеркивает одну из важных причин усиления Московского княжества — массовое перемещение сюда населения из других земель Северо-Восточной Руси под натиском монголо-татар. Он как бы наполнил живым содержанием этот известный историкам факт, постарался представить и показать, как это происходило, что толкало и крестьян, и феодалов на трудное для каждого человека расставание с родными местами.

Борис Тумасов показывает Ивана Калиту как человека одержимого в достижении своих целей. Это ярко выраженный национальный характер, побуждения которого во многом совпадали с чаяниями русского человека, народа. Иван Калита запросто приходит на свадьбу к дружиннику Данилке, бывшему смерду, одаривает жениха и невесту. В другом эпизоде мы видим великого князя в подмастерьях у плотника на строительстве кремлевских стен. Он прощает «лесовиков», бежавших в лес от боярского засилья, которые сражаются с ордынскими отрядами, говорит им: «Пусть забудется все, коль сами в трудный час пришли...»

Тумасову удается убедительно показать тяготение русских людей к Москве, их патриотизм и высокую нравственность. Простые люди — герои повести — добры, отзывчивы, готовы помочь друг другу. Мы отчетливо слышим речь наших предков, видим их силу и слабости, сопереживаем с ними в их победах и поражениях. Нам близки и понятны чувства древних русичей. В этом — утверждение преемственности лучших качеств русского народа, их глубокие исторические корни.

Запоминаются в повести картины городского быта, описание Сарая, сцены набега ордынцев, осады Твери... Все они подчинены главной мысли автора — проследить утверждение исторической миссии Москвы. Писателю удается воссоздать колорит эпохи.

События, которым посвящена повесть «На рубежах южных», происходят в конце XVIII века, когда с Украины на Кубань, на земли бывшего русского княжества Тмутараканского, переселились запорожские казаки, названные здесь, на Кубани, черноморскими.

Пришли они на южный рубеж государства и вскоре своими станицами закрыли дорогу на Русь туркам и немирным черкесским племенам. Нелегко живется казакам на сторожевых кордонах и в крепости Екатеринодар. Все мужское население вынуждено с оружием в руках защищать интересы царицы, дворян и помещиков, богатеющих за счет народа войсковых судей и атаманов. Постоянная боевая готовность, кровавые стычки с абреками отрывают казаков от мирного труда, от земли-матушки.

Вернувшись из похода в родные станицы и увидев, что их хозяйство в полном разоре, казаки подняли бунт против атаманов, они потребовали «землю по справедливости делить, леса всем поровну, а не только старшинам».

Сцены мятежа убедительно показывают, насколько [illegible] ным было казачество. Как и крестьяне в тогдашней России, казаки угнетались старшинами, атаманами. Против несправедливости выступили казаки. Во главе этого движения стали боевые, авторитетные воины Федор Дикун, Осип Шмалько, Никита Со[illegible], Ефим Половой...

Бунт казаков был жестоко подавлен. Но правда о нем разнеслась повсюду, осталась в памяти народной. И всегда вдохновляла она смелых людей в борьбе за землю и волю. А в годы революции позвала их под алые стяги, чтобы довести борьбу за счастливую долю до победного конца.

Темы истории, далекого прошлого нашей Родины привлекают внимание Бориса Тумасова. «Вероятно, от любви к истории я и [illegible] писателем, — говорит он. — Задачу художественного исторического произведения, будь то повесть или роман, иначе не мыслю, как воспитывать в читателе осмысленное чувство высокого патриотизма».

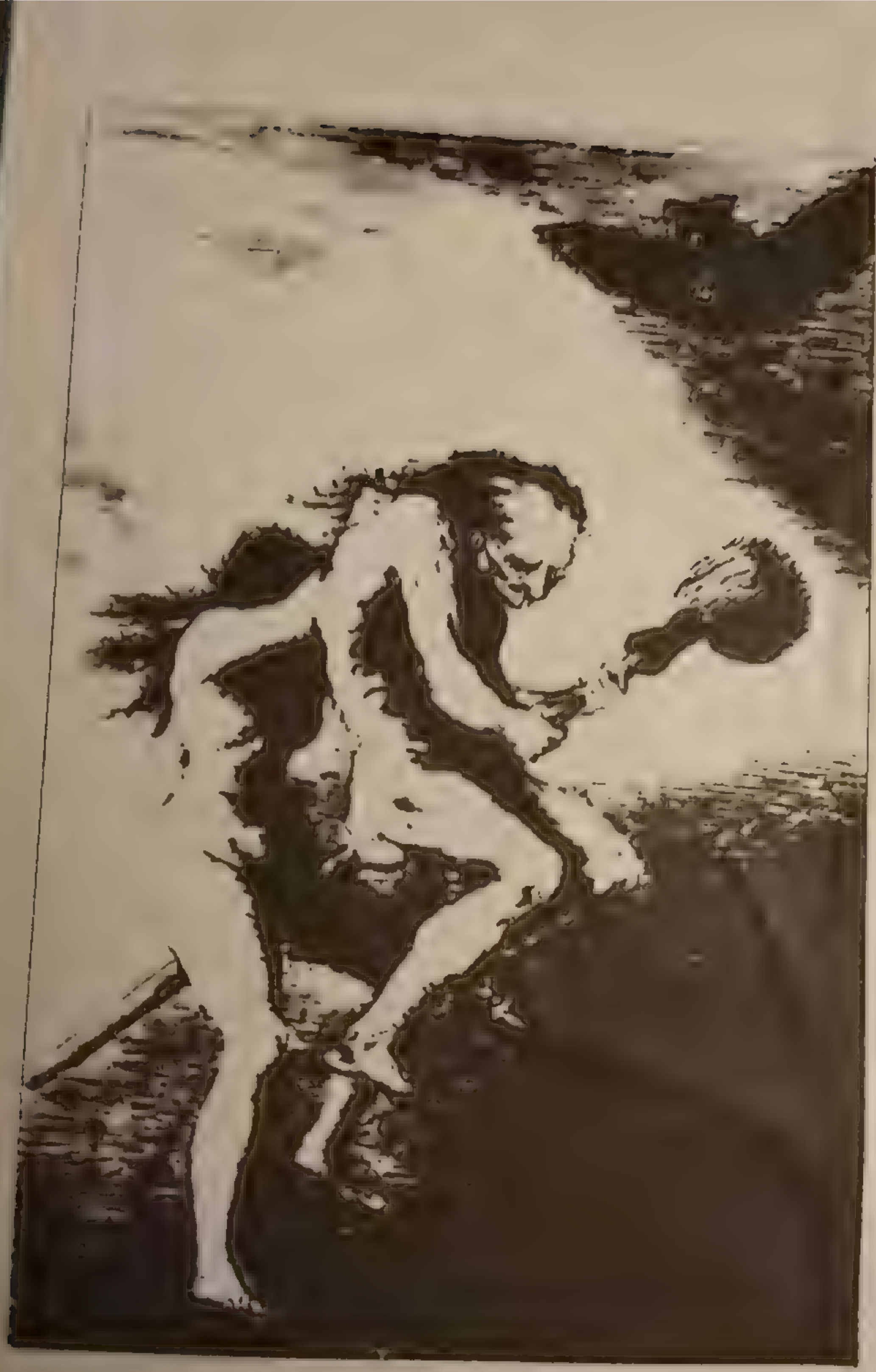
Да, это так. И в новых его книгах — снова история. В [illegible] хронике «Набатный год» — события 1905 года в Екатеринодаре, дела наших земляков, участвующих в первой русской революции — Вишняковой, Полуяна, Дугинец, Гудимы. Повесть «Обрета [illegible] лья» — о создателе одной из первых российских социал-демократических организаций Павле Варфоломеевиче Точиском.

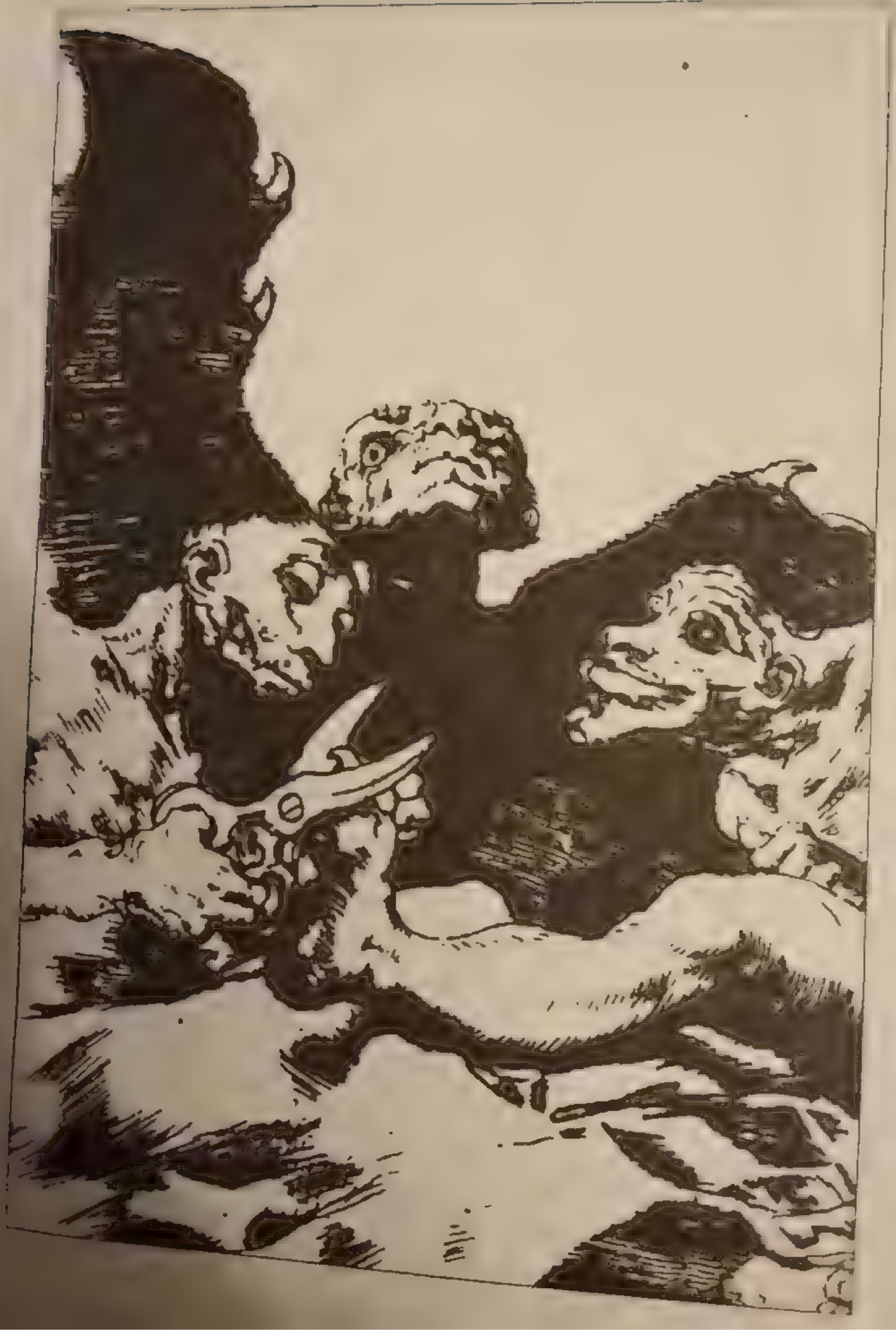
В 1986 году Борису Евгеньевичу Тумасову исполняется 60 лет. Это возраст зрелости, время новых замыслов и новых книг.

Николай МИХАЙЛОВ,
кандидат филологических наук.

КОЛОБОК

СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ





ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сюжеты и мотивы, лежащие в основе русской фантастической прозы 20—30-х гг., были широко распространены в западноевропейской литературе романтического направления. Сгущение тайн и ужасов, окружающих героев, восходит к английскому, так называемому «готическому», роману. Переплетение обыденного и фантастического, яви и сна, игра этими двумя планами, так что читатель все время колеблется между бытовым и сверхъестественным объяснениями таинственных событий, наиболее ярко воплощается в творчестве Э. Т. А. Гофмана, чрезвычайно популярного в России в 20—30-е гг.

Так, первая в русской литературе фантастическая повесть Антония Погорельского «Лафертовская Маковница» (1825) несомненно написана под влиянием творчества Гофмана, но она была и достаточно самобытна, вполне отвечала актуальным потребностям тогдашней русской литературы. Фантастическую повесть в России одухотворяла романтическая идея народности, которая понималась как отражение в художественном произведении «народного духа» через изображение быта, нравов, обычаев, поверий, преданий. В основе сюжета «Лафертовской Маковницы» лежат народные верования о связях людей с потусторонними силами, которые дают богатство и власть, но ведут к гибели человека. Однако к демонологическим верованиям автор относится иронически (впоследствии сходное отношение отмечается у Пушкина и Гоголя). Поэтически понимаемая идея народности вдохновляла Н. В. Гоголя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (1831—1832). Все обрадовались этому живому описанию «племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой», — писал А. С. Пушкин в 1836 г.

В украинских повестях Н. В. Гоголь обращается к народу как литературному герою, и при этом герою положительному. Этому произведению присущи не только «искренняя веселость» и поэтичность, но и реалистичность, то есть, «удивительная верность изображения жизни в ее неуловимо разнообразных проявлениях». Уже здесь проявляется та зоркость характерной выразительности детали, которая позднее составит одну из особенностей гоголевского таланта.

Причудливой фантастизм «таинственных» повестей В. Ф. Одоевского и всем известный интерес их автора к алхимии и сочинениям средневековых мистиков иногда заставляли забывать о весьма трезвом, реалистическом мышлении этого писателя с уникальными познания-

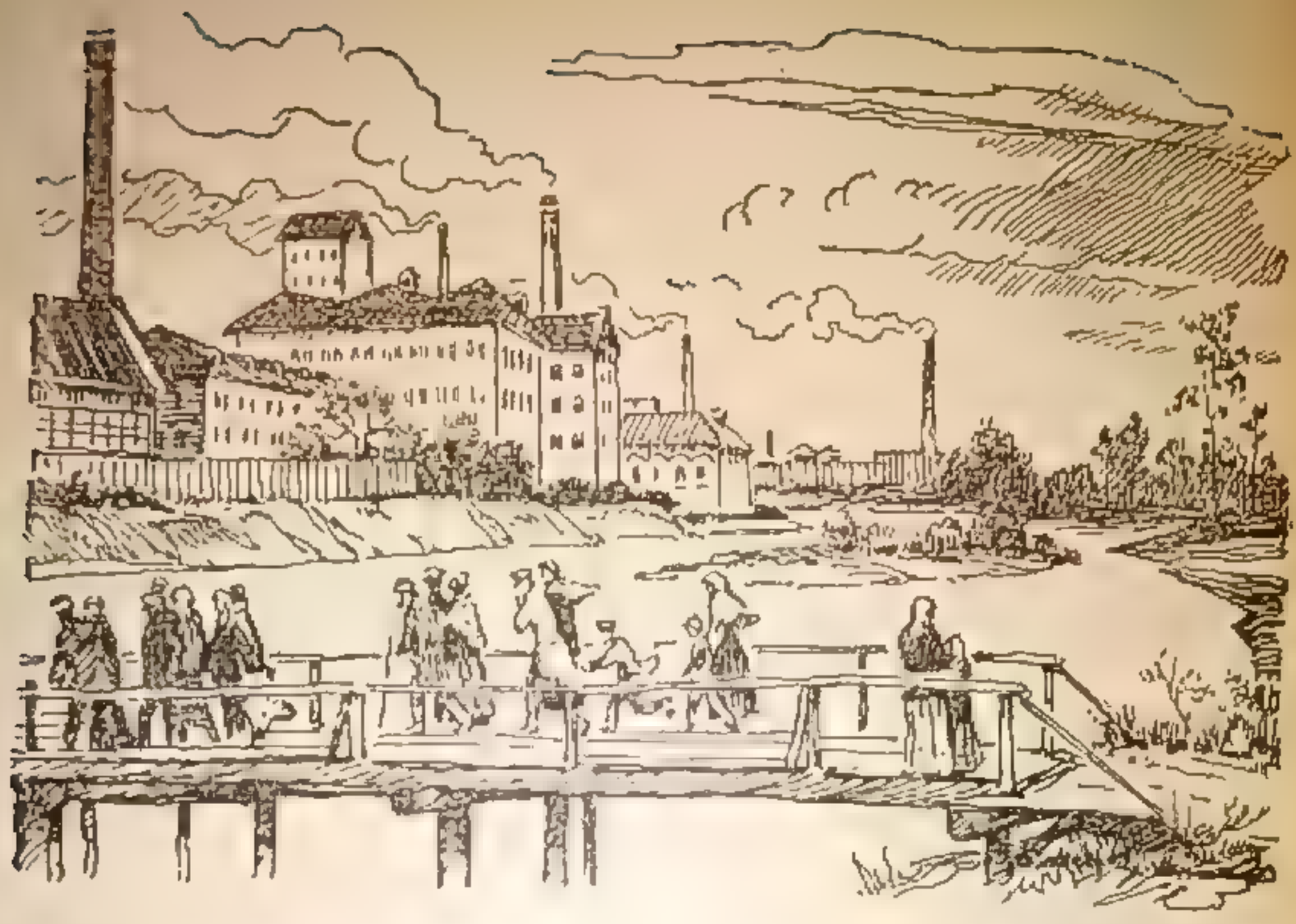
ми. Его духовидцы и призраки, характерные для романтической литературы, возникли и благодаря интересу Одоевского к гипнотизму и особого рода одержимости. Разумеется, «таинственные повести» Одоевского не сводятся только к научным изысканиям; это шедевры романтической прозы, теснейшим образом связанные с общим движением русской литературы пушкинской поры. К этим образцам фантастической прозы начала века по праву примыкают и более поздние произведения, представленные повестями К. Аксакова, А. Толстого, А. Куприна.

Т. Долгих

0-25
93754.23.856

Н. Чаусов

Степкина правда



Очерки

ЛЕНИН В ОРЕХОВЕ-ЗУЕВЕ

Тускло, словно бы через силу, поблескивала между кочками серая вода. Лес то подступал к полотну железной дороги, то откатывался к горизонту, тучей хмурился издали. Лес тоже был мокрый, чахлый.

— Болота, болота! Дорога в тридевятое царство, а от государыни Москвы отъехали всего полсотни верст!

— А ведь впрямь — дорога в тридевятое царство! Как это вы точно сказали, Марк! — Владимир Ильич сощурил смеющиеся глаза.— А все потому, что русский фабрикант большой хитрец. Крестьянские корни.

— Хитрец? — не понял Марк Тимофеевич.— Если хитрец, то себе же в ущерб. Плохие дороги — это потери на перевозках сырья и самого товара.

— Зато от посторонних глаз далеко! Что хочу, то и ворочу.

В Орехове-Зуеве, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, тотчас взяли извозчика, доехали до первого зуевского моста, расплатились и быстро перешли реку.

— По тому плану, который дали товарищи, квартира где-то недалеко,— сказал Марк Тимофеевич.

Деловито, со стороны и не поймешь, что это приезжие, они прошли между кирпичными утесами: с одной стороны фабрика, с другой — дом для рабочих.

— Это и есть «казарма»,— кивнул Марк Тимофеевич на жилой дом.

— Пчелиный принцип! — Владимир Ильич сказал и тотчас пояснил: — На фабрике окна, окна, окна и в казарме — окна, окна, окна. В одном доме ячейка для труда, в другом — ячейка для жилья. Экий заботливый капиталист. Десять шагов до работы. А это что такое? Кабаки?

— Кабаки.

— Ловко! Капиталист и за сто шагов не выпускает деньги своих рабочих. Здесь их выдал, а там в тот же самый день получил обратно. Это все Морозов?

— Нет, это фабрика Зимина.

Пересекли большую улицу. Марк Тимофеевич оглянулся и быстро отворил калитку в деревянных тесовых воротах. Дворик был крошечный.

— Хвоста я не заметил,— сказал Марк Тимофеевич.

Дверь им открыла черноволосая молодая женщина. Сразу провела в квадратную низкую комнату. Смущенно улыбаясь, развела руками:

— К сожалению, тесно...

— А куда эта дверь? — спросил Владимир Ильич.

— Здесь можно выйти в проулок и дворами к нашей Зуевской церкви.

— Так это же замечательная компата!

Женщина просияла.

— Мне эта квартира тоже сразу пришлась по душе... Вы с дороги, хотите отдохнуть?

— Марк Тимофеевич, неужто мы выглядим дряхлыми старцами?! — воскликнул Владимир Ильич.

— Нет, что вы! — Женщина смутилась.— Если вы не устали, пожалуйте в мою комнату. Вас ждут.

— Вот почему ореховцы умеют постоять за себя. Они организованны. И видимо, хорошо.

— У нас тут летом прошли аресты,— сказала женщина, и впервые улыбка исчезла с ее лица.

— Если прибегают к арестам среди рабочих, значит, видят в рабочих серьезную силу. Ну, ведите нас к товарищам.

Посреди комнаты на столе снял самовар. С куском сахару за щекой, с дымящимся блюдцем на растопыре-

ных пальцах, сидел за столом молодой рабочий. Он поглядел на хозяйку дома, понял, что это свои. Улыбнулся, быстро захрумкал сахаром, запил глотком чая, поставил блюдце на стол и поднялся.

Владимир Ильич пожал ему руку, чувствуя мозоли на ладони.

— Климентий Константинович! — назвал себя рабочий.— Просто Клим.

— Владимир Ильич. Мы решили, что в этой поездке лучшая конспирация — быть самим собой. Вы — ткач?

— Прядильщик,— Клим показал ладонь.— По мозолям видно. Шнуры снимаем.

— Пожалуйста, садитесь пить чай! — пригласила хозяйка квартиры.

— Вот, с баранками! — Клим развязал веревочку на связке, на гостей поглядывал вежливо, но зорко.

Сели за стол.

— Как наше местечко? — спросила хозяйка дома.

— Впечатлений у нас пока не много,— ответил Владимир Ильич.— Но своеобразие мы уже почувствовали. Фабрика чуть ли не вплотную с казармой, кабаки... Я сразу — быка за рога. Климентий Константинович! Устройте нам встречу с рабочими. И чтобы не наспех. Поговорить хотелось бы обстоятельно.

— Простите, что задаю вопрос. Вы привезли литературу?

— Решили не рисковать. Литературу вам доставят позже. Сейчас самое важное — создать надежные мосты между рабочими и нашей эмигрантской печатью, очень нужна своя, рабочая газета.

— Насчет встречи с рабочими не беспокойтесь. Мы ждали вашего приезда. Наговоритесь с нашим братом вволю и без всякой особой скрытности.

Владимир Ильич отставил чашку — и весь внимание. У Клима возле глаз стали собираться лучи-морщинки, не выдержал, засмеялся.

— Свадьбу играем!

— Свадьбу?

— Свадьбу! На свадьбе всякого народа бывает много. Так что чужой человек в глаза не бросится, а среди нас чужих не будет. Все свои.

— А свадьба-то хоть взаправдашная? — встревожилась хозяйка квартиры.

— Ну а как же иначе? Василий Петров соединяет жизнь с Натальей Простомолотовой. У них любовь друг ко другу на зависть, а то, что мы их немножко поторопили, они еще спасибо скажут! — и, глядя в глаза Владимиру Ильичу, быстро спросил: — Вы Максима знаете?

— Максима? — Владимир Ильич стал серьезным.— Вы, видимо, о Максиме Илларионовиче? Нет, лично я его не знаю, но он учился в воскресной школе у человека, который мне близок.

— Наш Максим! — Клим щелкнул себя ладонью по коленке, и словно бы из пары расщорки вытащили — шустрый стал, озорной. — Вам наше Орехово понравится. У нас тут — у-у! Ребятам в рот палец не клади. У мастеров свое начальство, а у нас, рабочих,— свое.

Речь шла о Максиме Илларионовиче Рудакове. Год назад он был уволен с фабрики Морозова «за непокорность». Уехал в Петербург, поступил на Александровский завод за Нарвской заставой. В воскресной школе он учился у Крупской.

Почему не спится?
Почему не топнуть?
Неужели от меня
Половицы лопнут?

Люди веселились, сбившись тесно на железном крыльце. Железо под каблуком звучное, да и зевакам хорошо — всем видать плясунов.

— Их! Их! Их! Их! — выкрикивали женщины, ускоряя пляску, только дробь разлеталась на всю улицу.— Ииих! Ох-ма!

— Сюда! Сюда! — бочком протискиваясь между пляшущими, вел Клим за собою гостей.

Дома с полом уберутся
И сидят, как господа.
А мы фабричную работу
Не окончим никогда.

— У нас так! — немного смущенно, но и не без гордости сказал Клим.— Коли веселиться, так всей казармой.

Они шли по бесконечному коридору с дверьми по обе стороны. Одну из дверей Клим отворил вдруг, пропустил в комнату гостей и только потом вошел сам.

В узкой, но очень высокой комнатке, с полатями над дверью, стояли у стен двухъярусные железные кровати.

У окна, тоже очень высокого, со многими переплетениями, стол с вином и закусками. За столом, тихо перегоняваясь, сидели пятеро нарядно одетых рабочих: двое молодых, двое старых и подросток.

— Вот и мы! — сказал Клим.

Рабочие поднялись навстречу гостям, пожали руки, усадили, а сами напряглись, посерьезнели.

— Как вкусно огурчики пахнут! — сказал Владимир Ильич и положил себе на тарелку два маленьких, в пупырышках, соленых огурца.

— Свои,— сказал Клим.— Это жена Гаврилы Ивановича мастерица.

Гаврила Иванович, высокий пожилой человек, худой, масластый, смущенно замахал тонкими длинными руками.

— Чего там? Обычное дело! Да вы ветчинки кладите...

— Товарищи хотят знать, как у нас в 85-м было,— сказал Клим.— Ну, и теперь как живем.

— Пусть Гаврила Иваныч расскажет! — повернулись к хозяину коморы рабочие. Он и Шорина громил, и арестованных отбивал.

— И в тюряге трубил! — сказал Гаврила Иванович.

— Так ведь оправдали!

— Да уж мы насиделся успели, когда оправдали-то! — И вдруг улыбнулся, сначала глазами, а потом так и вспыхнул весь, даже гихор на макушке — петушиный гребешок — туда-сюда заходил.— Но до чего ж приятно, братцы, было потом работать! На фабрику как человек идешь. Поммастера не орут. Мастера и вовсе на глаза не попадаются. Никаких тебе штрафов.

— А теперь как? — спросил Владимир Ильич.

— Ну, теперь! — засмеялись рабочие.

— Но ведь существует закон о штрафах!

— Какой такой закон? — изумились молодые рабочие.

— Был закон,— подтвердил сверстник Гаврилы Ивановича. Ростом — верста, он сидел, сложившись вдвое, лицом темный, с клочковатой сединой в густых коротких волосах и в бороде, росшей по лицу без всякого порядка.— После стачки, на следующий год закон тот вышел. Мол, деньги со штрафов не в карман хозяину, а на нашего брата будто бы.

— А знаете вы, кому обязаны этим законом? — спросил Владимир Ильич.— Себе вы обязаны, вот Гавриле Ивановичу. Один из пунктов ваших требований стал законом. Вы требовали, чтобы вычет за прогул не превышал

одного рубля и чтобы хозяин платил за прогульные дни, которые случились из-за простоев и переделки машин или по какой-то другой, зависящей от хозяина причине.

— За прогульный день точно, рубль дерут! — сказал Клим.— А за простой не платят.

— Так ведь и то хорошо! При Тимофее Саввиче за прогульный день три дня трубили за здорово живешь, - сказал седой ткач.

— А за курение! — вскинул руки Гаврила Иванович.— По пяти рублей лупили.

— За каждый чох брали. Ты, Гаврила, покажи гостю старую книжку.

— Сохранилась? Мне бы хотелось несколько таких книжек посмотреть,— сказал Владимир Ильич.

— Пойду пошукаю по казарме! встрепенулся Клим.

— Да вы сиьте! — сказал Гаврила Иванович, поднимаясь из-за стола.

Владимир Ильич потянулся к маленькому кусочку мяса, но старый ткач опередил его:

— Ну уж нет! Такая еда курям на смех! — Он насадил на свою вилку самый большой кусок и бухнул Владимиру Ильичу в тарелку.— Не стесняйтесь! Ешьте! Нас ведь не переслушаешь.

— Надо переслушать, сказал Владимир Ильич серьезно.

Ткач-верста навалился грудью на стол.

— А вот скажи ты мне — толк будет?

— От разговоров? — переспросил Владимир Ильич.— Щербак тоже ведь с разговоров начинал. Поднялись рабочие, гнущие спину только на одного Морозова, а польза всем рабочим: правительству пришлось издать закон о штрафах. Нет, не царь вам дал этот закон, не господа-фабриканты из милости, это вы принудили царя и фабрикантов пойти вам навстречу... Ну а если на борьбу поднимется не один городок, а вся Россия?

— Тогда дело будет! — согласился ткач.— Только не дождемся мы этого дня.

— Если будем ждать, верно, не дождемся, а вот если будем бороться — дождемся.

— Нашел! — сказал Гаврила Иванович, доставая из сундучка расчетную книжку.

— Как новешькая! — удивился Владимир Ильич.

— Берегу для внуков.

— Чернокнижие. Ничего не понимаю,— сказал Вла-

димир Ильич.— Сорок три копейки — К. Шестьдесят копеек — Б. Что это значит?

— Штрафанули на сорок три копейки. За плохую кромку, а шестьдесят копеек — за близну.

— Пятнадцать копеек И?

— Недосека.

— А здесь вот ничего не указано. Двадцать копеек, сорок копеек, десять...

— Значит, придраться было не к чему. А штраф все равно брали. Говорили: хорошо сработал, значит, еще лучше можешь. Старайся.

Клим подошел к столу, отодвинул тарелки и положил перед Владимиром Ильичем еще две расчетные книжки.

Сохраняют люди, словно с Морозовых должок хотят получить.

— Правильно делают, что хранят, — откликнулся Владимир Ильич.— Долги господа капиталисты заплатят. Еще как заплатят!

Владимир Ильич быстро просматривал книжки, что-то записывал на листочек.

Дверь шумно распахнулась.

— Здрасте! В [illegible] была полная кудрявая женщина, возраста неопределенного.

Она вытащила из [illegible] две расчетные книжки, положила перед Владимиром Ильичем.

Это моя, а [illegible] мово! У него столько было штрафу, что уволили.

— Значит, при большом штрафе рабочих увольняли? — спросил Владимир Ильич.

— Это фокус такой был! — объяснил Гаврила Иванович.— Если за половину заработка штраф перевалит, рабочему увольнение, но в тот же день можно было опять наняться на работу.

— Администрация, значит, стыдилась своего чрезмерного безобразия?

— То ли стыдилась, то ли как...

Женщина отступила к двери:

— Пошла я, мешать не буду. — Закрыла за собой дверь и тотчас опять заглянула.— Клим, кожалые идут!

— Как бы в коморы не стали заглядывать? — задумчиво сказал Гаврила Иванович.— Опо, конечно, свадьба...

— Может, нам на полати подняться? — спросил Владимир Ильич.

— Пожалуй, так лучше будет. С глаз долой,— сказал Клим.

Полати были еще одной спальней. Здесь же лежали грязичные куклы. Клим подал наверх две табуретки.

— Хожалые скоро уберутся.

Гаврила Иванович вышел и скоро вернулся.

— Чего молчком сидите? — укорил он товарищей.— Сейчас баба моя щей принесет.

Широко, властно распахнулась дверь. Вошли двое.

— Гуляете? — Голос был низкий, хриплый.

— Так ведь свадьба, Тит Федотыч!

— Кончать пора. Людям в ночь на работу.

— Мы не шумим.

— Вы не шумите, а Федька опять драку завел. Вот выселю его со всем семейством, покукарекает!

— Тит Федотыч, у него же семеро ребятишек! — вступился Гаврила Иванович.— Да он и не дрался. Сам мордой о стену задел. Всей его вины — кулак свой показывал. Обиды от него никому не было.

— Жалеешь вас, жалеешь.

— Распускаем людей! — сказал второй хожалый.

Дверь снова отворилась, женский веселый голос пропел:

— Ой! Гости-то какие, а я со щами!

Звякнула крышка.

— Щи-то с мясом! — сказал Тит Федотыч, это он заглянул в чугунок.— Все плохо им. Живут за Морозовыми, как у Христа за пазухой. Богу молите за Савву Тимофеевича!

— Так мы и так — депо и поцпо! — дурашливо гаркнул Клим.

— Скалитесь?! Мотрите у меня!.. Ну, чего встала, корми мужиков, да пущай расходятся.

Ушли.

— Вовремя ты, Настя, со щами явилась,— сказал Гаврила Иванович.— Гости дорогие, вы уж извините. Спускайтесь. Процесло.

Ели щи, разговаривали.

В казарме стало тихо. Прошел по коридорам с колотушкой смотритель. Деревянный шарик звонко постукивал о доску.

— Что это? — спросил Владимир Ильич.

— На смену зовут, кабы не проспал кто... Вместе с рабочими и выйдем. Незаметно будет.

В городке было темно. Черные громады казарм сливались с черным осенним небом.

— А молодых мы так и не поздравили,— сказал Марк Тимофеевич.

— Ничего! Мы вас на крестины позовем,— засмеялся Клим.

Вышли к фабрикам. Из дверей валил народ. Клим объяснил:

— Денные кончили. Со всеми пойдем...

Рабочие шли по двое, по трое, изредка перебрасываясь словами.

— Сразу видно, устали люди,— сказал Марк Тимофеевич.

— День покрутишься у машины, ни рук, ни ног не чуешь,— вздохнул Клим.— Поглядите сюда! Это наша «Харчевая лавка». Все у хозяина покупаем. Здесь и контора наша.

Улица стала другой. Горели яркие фонари. В окнах пылали люстры.

— Тут фабричное начальство проживает,— объяснил Клим.— Нам через мост.

Мост был разборный, низкий. Вода, обтекая столбы, гулькала, всхлипывала. Напор был мощный.

— Быстрая река,— сказал Владимир Ильич.

— Наша Клязьма,— гордо у Клима потеплел.— Вода, как родниковая. Пески у нас тут хорошие. А черемухи! Особенно в Войнове. Как белая метель по весне. Дух! Соловьи поют. Весной к нам приезжайте.

— Как, Марк Тимофеевич, принимаем приглашение? — спросил Владимир Ильич.— А поохотиться можно здесь?

— Ну а как же! И на птицу — у нас ведь болота вокруг,— и на зверя. На Киржаче какие боры-то! Ого! Сосны, как колокольни.

— Тогда по рукам! — засмеялся Владимир Ильич.— Уговорили. Приедем.

Он не знал, что впереди у него тюрьма, а потом дальняя дорога на великую сибирскую реку, на Енисей.

ТВОРЦЫ УЛЫБЧИВЫХ УЛИЦ

I

Один старый человек рассказал мне, как слушал он в восемнадцатом году самого Шаляпина, и не где-нибудь, а в нашем Орехове-Зуеве.

— «Мне было десять лет, и я отмахал двадцать километров, чтобы видеть Шаляпина и слышать,— рассказы-

вял тот человек.— Шаляпин дал слово приехать, и пошли из деревень и стар и млад.

Мы пришли в Орехово ночью, а концерт должен быть утром в парке. Шаляпин привез знаменитого пианиста, виолончелист тоже с ним был знаменитый, сам директор консерватории был, но я их не помню. А Шаляпина — помню.

Только начался концерт, как вдруг заморосил дождь. Был август, погода стояла неспокойная. Все поняли — Шаляпину петь нельзя, хотя в парке собралось все Орехово, а мы, деревенские, всю ночь ждали. Стали просить, чтобы концерт перенесли на другой день. И Шаляпин уважил.

А на другой день он пел арии, и про блоху, и про старого капрала, а мы его попросили спеть «Дубинушку». Он понял нас и, хоть выступал, может, тысячу раз и не перед такими, как мы, разволновался вдруг, побледнел, вышел на самый край сцены и говорит:

— Хорошо. Я буду петь, а вы подпевайте!

И начал!

— «Много песен слыхал я в родной стороне»...

А мы:

— «Эх, дубинушка, ухнем!..»

Хорошо пели, как «Интернационал», встали все. Все было в моей жизни, а про это я помнил и в самую лучшую минуту, и в самую худшую».

Что верно, то верно, ореховозуевцев Федор Иванович уважил. Он и к Савве Морозову приезжал петь, к фабриканту, но перед Саввой мог и покапризничать, а перед ореховозуевцами капризничать было не к лицу.

В наши дни по теперешним масштабам Орехово-Зуево совсем небольшой город, а когда-то по концентрации рабочих он был одним из первых в России, не случайно приезжал к орехово-зуевским текстильщикам Владимир Ильич Ленин.

II

Добрая слава Орехова-Зуева пошла от ткачей, но город и район ныне знамениты не одним хлопчатобумажным комбинатом.

Сортировочную железнодорожную станцию Орехова-Зуева называют станцией будущего. Вместо стрелочников здесь работает автоматизированная система управле-

ния с двумя ЭВМ. В считанные минуты можно расформировать и собрать сразу два тяжелогрузных состава.

Всей стране известны автобусы ЛИАЗа, мировое признание получил дулевский фарфор.

По шести тысячам адресов отправляет завод «Карболит» свои изделия, пресс-порошки, синтетические смолы, пластические массы...

«Наш чернильный прибор Ленин на своем рабочем столе держал»,— говорят карболитовцы.

Это правда. Он и теперь там, в кремлевском кабинете-музее. На плите темно-коричневого литого карболита две мачты, электроопоры. На них высоковольтные изоляторы, соединенные проводами. Две лампочки. Между мачтами укрупненный ролик-изолятор — чернильница.

Подарок изготовили в 1920 году и от имени карболитовцев и строителей Шатурской электростанции вручили Г. М. Кржижановскому для передачи Ленину. Это было на VIII Всероссийском съезде Советов, который обсуждал план ГОЭЛРО.

Заводов и фабрик много, и все же Орехово-Зуево в народной молве остается городом ткачей.

Сами ореховозуевцы соглашаются с молвой, уважая революционное прошлое дедов и прадедов и гордясь своими фабриками.

Двести миллионов метров готовых тканей поставляют на отечественные и зарубежные рынки орехово-зуевские текстильщики. Ассортимент этих тканей сложный, а иногда и редкий: тончайшие перкали, лента для пишущих машинок, технические ткани, ворсовые, в том числе вельвет-рубчик, набивные яркие пике, вельвет-корды, ткани для палаток...

Работают ореховозуевцы мастерски. За последние полтора десятка лет число рабочих уменьшилось с тридцати до восемнадцати тысяч человек, а объем производства возрос на пятнадцать процентов. Добились этого за счет модернизации производства и развития движения многостаночников. Три с половиной тысячи рабочих выполнили свои личные пятилетки на год раньше, целый отряд передовиков за пять лет дает по двенадцати-пятнадцати годовых норм.

Труд для рабочего человека приобретает особую ценность, когда он видит, как дела его преображают жизнь. Орехово-Зуево теперь совсем иной город, улицы в асфальте, исчезли решетки и загородки, газоны зеленеют.

На окнах яркие занавески, на людях веселые удобные одежды. Улица не серая, как раньше, а цветастая, нарядная,— за это спасибо нашим текстильщицам.

Вот стоит фабрика. Название у нее прозаическое: отбельно-красильная. Вам не станут объяснять, что здесь и как делают, а покажут стопу книг. В этих книгах страницы, но страницы особые, из материи.

Посмотрел я первую книгу — узнал про одежду малышей. В этом году в детские сады ребята пойдут в костюмчиках цвета морской волны, и в яркпх, оранжевых, как солнце, и в голубых, как небо, и в зеленых, как трава. Костюмы цвета морской волны наденут будущие моряки, зеленые — пограничники, синие — летчики и космонавты, а яркпе — все, у кого веселый характер.

Открыл другую книгу и прочитал в ней: домашняя обувь в этом году будет такой-то, такой-то и этакой.

Книга за книгой. Это цвета будущей мебели, это платья, палатки, плащп, пальто, непромокаемые одежды и одежды, которым не опасны кислоты.

Потом я отложил книги и пошел в цехи, где делают все эти необходимые для жизни ткани.

Вот она, морская волна. Плещется в станке, убегает куда-то ввысь, а вот уже, утихомиренная, лежит в тележке.

А здесь носятся по ленте петухи. Крикливые петухи с пышными павлиньими хвостами. Их много, они такие напористые, свойские.

Меня познакомили с художниками. Художники — народ неразговорчивый, они раскрывали передо мной папки и альбомы с рисунками. И я находил здесь то, что видел на тканях.

Вот он, мой знакомый хвостатый петушок. Залетел он на ореховские ткани издалека. Неизвестный мастер вырезал его на доске. Было это во времена домашнего ткачества, на Севере.

Такое уж свойство у красоты. Если люди нашли ее, то не расстанутся с ней вовеки. Берегут, хранят, передают детям, внукам, правнукам. А вот лилии. Росли в каком-то ореховском озерке, а теперь растут на ореховских тканях.

Рисунки из Средней Азии, с Кавказа, из музеев Москвы, Ленинграда, с полей, из лесов... Вся эта накопленная художниками красота — для людей. Для многих людей.

СОДЕРЖАНИЕ

МОРОЗОВСКАЯ СТАЧКА. *Историческая повесть*

Коронация 3
Тимофей Саввич и другие 15
Новая фамилия 22
Разбойник Чуркин 41
Будни 63
Праздник 78
С фабрики на фабрику 85
Подготовка 93
«На песках» 110
Наших бьют! 116
«Какие облегчения еще?» 131
Смех 144
Хождения Петра Анисимыча 155
Суд 164
Эпилог 176

ОЧЕРКИ

Ленин в Орехове-Зуеве 180
Творцы улыбчивых улиц 183

ИБ № 3792

Владислав Анатольевич Бахревский
МОРОЗОВСКАЯ СТАЧКА

Рецензент **А. Соловьева**
Редактор **П. Алешкин**
Художник **И. Незнайкин**
Художественный редактор **Н. Коробейников**
Технический редактор **Н. Якубова**
Корректоры **В. Назарова, Н. Самойлова**

Сдано в набор 05.08.83. Подписано в печать 15.12.83. А 00278
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Услови. печ. л. 10,04
Учетно-изд. л. 10,5. Тираж 100 000 экз. Цена 65 коп. Изд № 1295
Заказ 3—409.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Полиграфкомбинат ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42.

0 63

00610

U. C.

ДОРОГИЕ ШКОЛЬНИКИ!

Для вас Прокское книжное издательство в 1972 году выпускает интересные и полезные книги. Вы можете прочитать следующие произведения:

Николай Барабанов. Служил в полку мальчишка. *Повесть.*

Виктор Белоусов. У огня. *Повесть и рассказы.*

Алексей Меньков. В августе. *Стихи.*

Владимир Пирогов. Чужак. *Повесть.*

Николай Оттен. На заре прекрасной юности. *Повесть.*

Петр Прохоров. В тени старой колокольни. *Повесть.*

Виктор Трапезников. Тревожные каникулы. *Повесть.*

Михаил Чернолусский. Золотой след. *Легенды и рассказы.*

Книги Прокского издательства можно приобрести во всех книжных магазинах и киосках Тулы, Орла, Брянска и Калуги, а также заказать через отдел «Книга — почтой».

Александр Гаврилович Савельев

Сын крестьянский

Редактор *В. Г. Ходулин*
Художник книги *М. Г. Рудаков.*
Технический редактор *С. А. Харитонова.*
Корректор *Н. Г. Проплетина.*

Сдано в набор 11 октября 1971 г. Подписано к печати 18 апреля 1972 г. Формат 84×108 1/32. Печ. л. 11,5 (19,32). Уч.-изд. л. 21,1. Тираж 100 000 экз. Заказ 1509. Цена в переплете № 5 — 75 коп. на тип. бум. № 3. Приокское книжное издательство. Тула, ул. Каминского, 33. Отпечатано с матриц Тул. типографии Главполиграфпрома в Тульской типографии издательства «Коммунар», г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 150.

СПАСИБО

VI—9.9 001 7551
0007 1•0,001.50
0007 *•0,001.50

Сергей Алексеев

Рассказы о Суворове и русских солдатах

Государственное Издательство
Детской литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва
1961

Православные монастыри Российской империи, мужские, женские, архиерейские дома, пустыни и т. д., а также находящиеся в иных странах и государствах, со 110 рисунками и подробной картою всех монастырей: Репринт. изд. (М., 1908). — М.: Наследие [illegible] (IV [illegible] — 40 [illegible] — 18 р. 50 000 экз. 0403000000. (КБ—40—36—1991)

Испокон веков [illegible] монастыри [illegible] и боевыми форпостами Отечества, [illegible] духовной и материальной культуры [illegible] Печерская, Троице-Сергиева, Почаевская лавры, [illegible], Соловецкий монастырь... Сколь многозначны для [illegible] эти и другие имена отечественных святынь! Они связаны не только с историей страны, но и с ее сегодняшним днем. Ныне к ним устремляются наши взоры как к обителям крепнущей в народе надежды на непременное возрождение лучших культурных традиций, высокой духовности, т. е. всего того, что вмещает в себя понятие «Святая Русь».

В книге в алфавитном порядке и под номерами даются краткие исторические, историко-архивные и биобиблиографические сведения о 1092-х православных обителях, как действовавших, так и закрытых к началу XX века.

Более полного справочника по данной тематике не существует. Актуальность его переиздания несомненна: книга не утратила своей культурной и научной ценности.

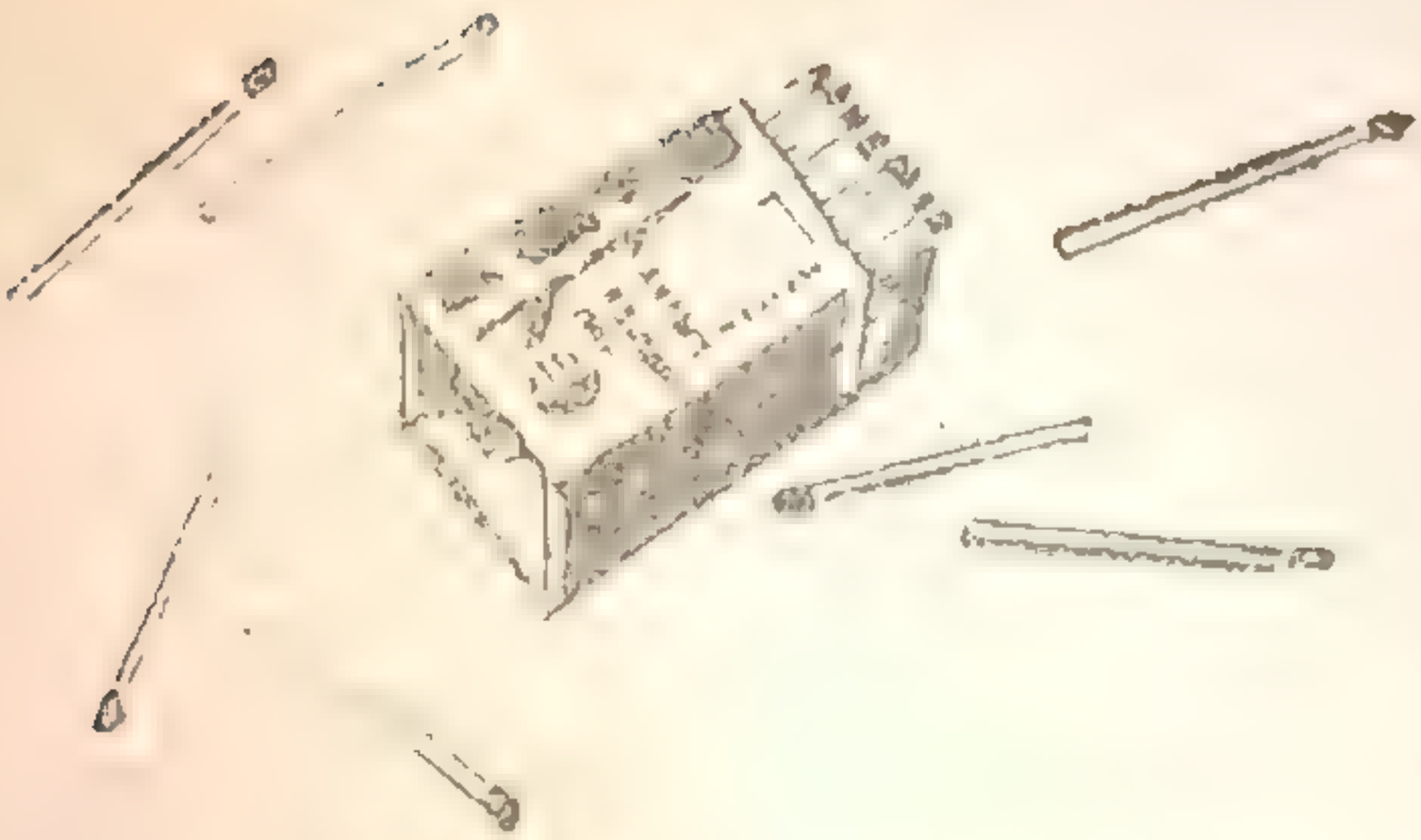
Ю.Томин

Шел по городу волшебник

Москва
"Наследие"
1992

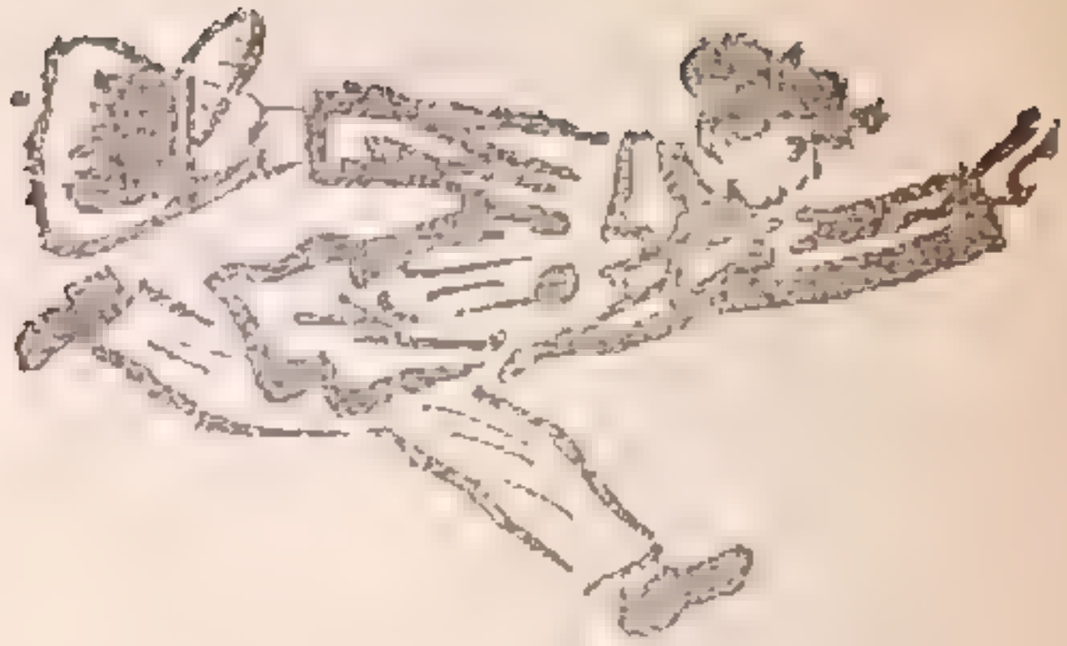
Часть первая

Мелкие чудеса



ЮРИЙ ГОМИН

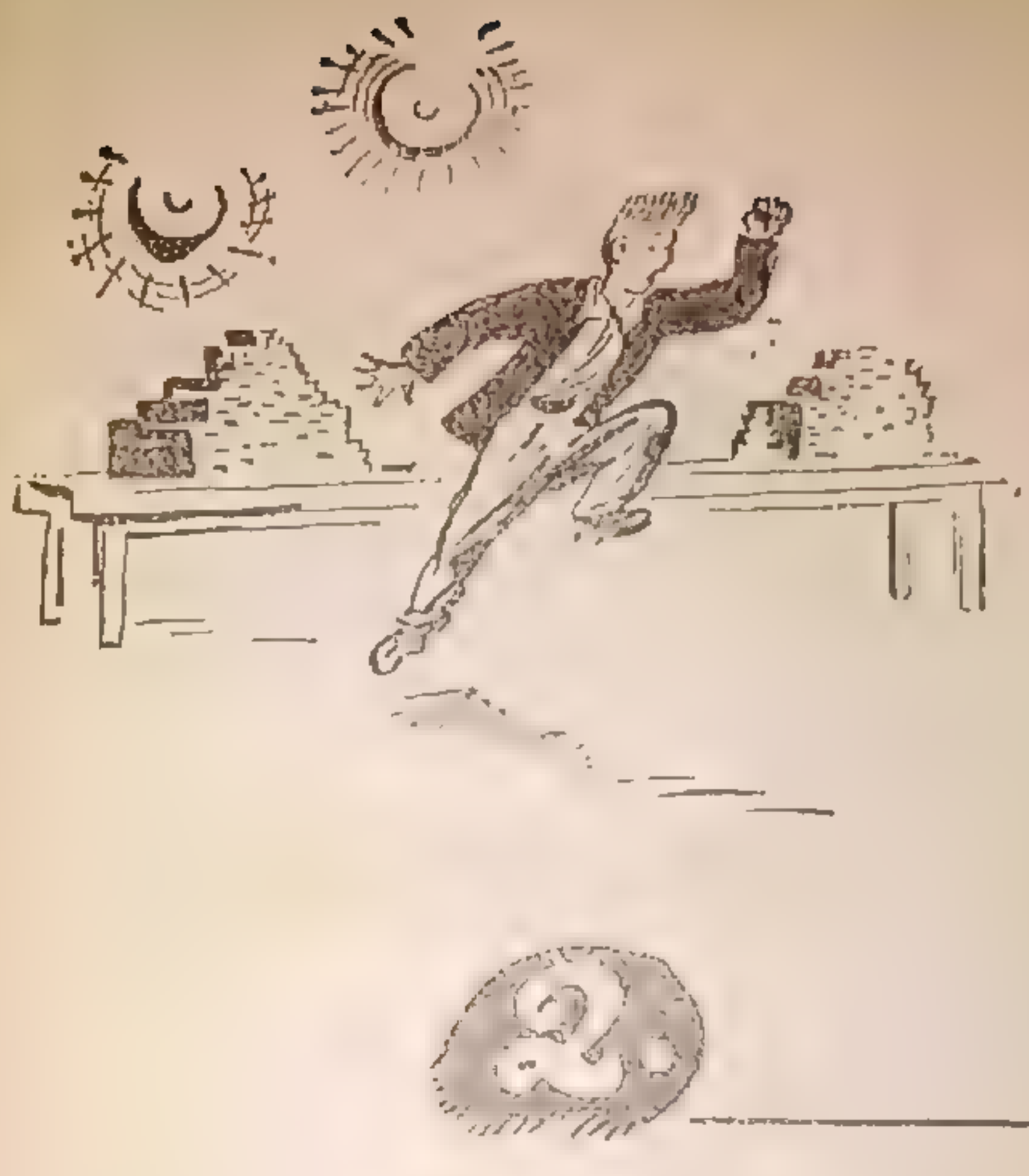
IC-30



Милиционеры

Милиционеры очень любят детей. Это каждый знает. Любят они не только своих детей, а всех подряд, без разбору. Не верите — посмотрите детские фильмы. В фильмах милиционеры всегда улыбаются детям. И все время отдают честь. Как только постовой увидит мальчика, так сразу же бросает свои дела и мчится, чтобы отдать ему честь. А если девочку увидит, — тоже мчится. Наверное, ему все равно — мальчик или девочка. Главное, — успеть отдать честь.

Если же кому-



Потом он увидел мальчика.

Мальчик сидел за длинным столом. На одном конце стола высилась груда спичечных коробков. Мальчик взял один коробок, внимательно осмотрел его и переложил на другой конец стола.

— Триста тысяч один, — сказал он.

Толик подошел поближе.

Мальчик, не глядя на Толика, взял еще один коробок.

— Триста тысяч два.

— Эй, ты чего тут делаешь? — спросил Толик.

— Триста тысяч три, — сказал мальчик.

— Как отсюда выйти? — спросил Толик. — Где тут ворота?

— Триста тысяч четыре, — сказал мальчик.

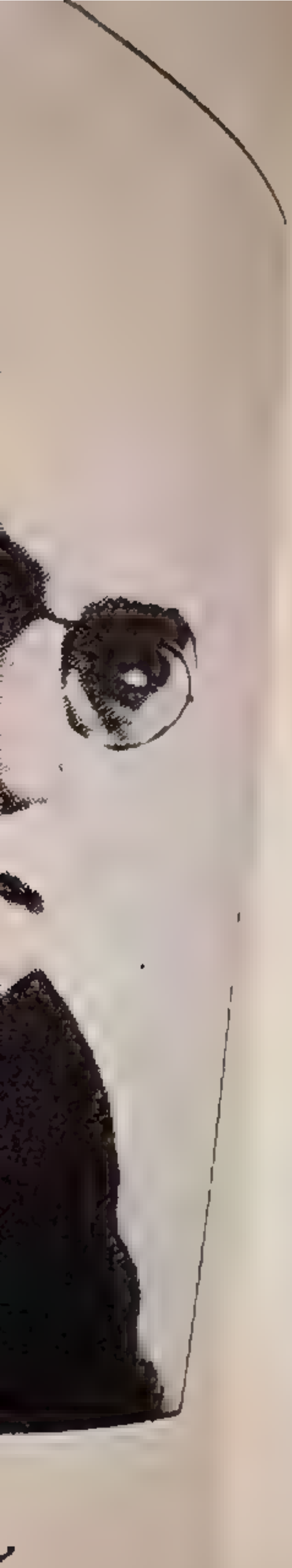
В издательстве «Скифы» выходит в свет кни
исторического романиста Евгения Салиаса «Ведунья».
нее входят роман «Ведунья» и повесть «Донск
гишпанцы». В них знаменитый романист, заслужен
снискавший себе славу «русского Дюма», рассказывает
необычайных событиях, происходивших в Российск
Империи в причудливую эпоху правления Екатерины
Разбойники и дворяне, монахи и судейские чиновни
купцы и бродяги, выведенные Салиасом в св
произведениях, надолго запомнятся читателю.

Также готовится к изданию роман Евгения Сал
«Миллион», повествующий о последнем периоде ж
«великого князя Тавриды» Григория Потем
«Миллион» — один из лучших русских историче
романов. Салиас в увлекательной, остросюжетной ф
раскрывает читателю драматические коллизи
удивительные происшествия, характерные для зо
екатерининской эпохи.

Выходит в свет книга Ю. Борева
истории XX века в анекдотах и мемуарах

В новую книгу Юрия Борева, авто
«Сталиниады», вошли рассказы и анекд
нашего государства с 1917 года д
включительно. Генсеки и кинозвезды
аппаратчики, физики и полководцы —
«Краткого курса». Собранные под одн
литературно обработанные, все эти истор
лаконично рассказывают о том, чем жили
с семнадцатого года, чего боялись, над ч
Рукопись набиралась в типографии в дни пу
уже вносился фольклор 19—22 августа 1991

Анекдоты проиллюстрированы
карикатурами, зарисовками художника
Мирзашвили.



БОРИС ГОРБАТОВ

НЕПОКОРЕННЫЕ

Повесть

Чебоксары
Чувашское
книжное
издательство
1985

ПОВЕСТЬ О ГЕРОИЧЕСКОМ НАРОДЕ

Повесть «Непокоренные» написана во время Великой Отечественной войны, в 1943 году. Автор ее Борис Горбатов (1908—1954) был в ту пору военным корреспондентом. Когда Советская Армия стала очищать от гитлеровцев Донбасс, освободила от них Ворошиловград, писатель принялся за сбор материала, который и лег в основу этого произведения.

Писатель располагал огромными материалами о войне, о подвигах советских людей в борьбе с врагом и о зверствах фашистов на нашей земле, но его интересовало, как все это происходило в Донбассе, в шахтерском краю, где родился и вырос он сам. Конечно, главное здесь было не в особых чувствах автора к землякам, а в том, чтобы раскрыть духовную силу людей рабочего класса, ведущего класса советского общества в битве за нашу Родину.

Центральной фигурой повести является старый Тарас Яценко, потомственный шахтер, глава семьи, большинство членов которой — и особенно старший сын Степан и дочь Настя — активно и беззаветно борются с гитлеровцами за дело святое и правое. Первоначально повесть так и называлась — «Семья Тараса».

Следует отметить, что Тарас включается в борьбу не сразу, не с первого дня появления немецких захватчиков в его родном горняцком поселке Каменный Брод. По наивности он еще рассчитывал отсидеться от горькой беды за крепкими запорами собственного дома. «Нас это не касается»,— говорит старый Яценко каждый раз, когда речь заходит о враге. Однако иллюзии эти быстро рассеиваются, жестокость оккупантов, их бесчисленные зверства вовлекают его в борьбу. Он не намерен становиться гитлеровским лакеем и теперь уже сам становится центром, группирующим вокруг себя патриотов поселка.

Превращение Тараса из человека, исповедующего принцип «нас это не касается», в человека непокорного и непокоренного — закономерное развитие характера героя. И именно это — изображение людей непокоренных — является главной идейно-художественной целью автора повести.

Весьма отчетливо звучит в повести тема ответственности человека за себя, за свое поведение, за выбор дороги в сложных обстоятельствах жизни. Она раскрыта на разных судьбах: и таких героев, путь

которых был всегда прям и честен (Настя), и таких, которые серьезно оступились, но нашли потом в себе силы исправиться, встать в общую когорту непокоренных (Андрей, в какой-то мере Павлик, обманутый по неопытности фашистами).

Повесть «Непокоренные», как уже отмечалось, была написана в самый разгар войны и выражает время в его героической и трагической сущности. Ярко и гневно рассказывается в ней о злодеяниях гитлеровцев, которых автор не отождествляет с немецким народом. Забывать об этих злодеяниях мы не имеем права и никогда не забудем!

Своеобразие художественной манеры писателя в «Непокоренных» — монументальность, отказ от лишней детализации, будь то изображение человеческих характеров или же природы. Все весомо, героическая манеры — эмоциональность, лиричность. В эпическом размахе повествования, в лирической тональности, наконец, в именах некоторых героев (Тарас, Андрей) ощущается известная перекличка «Непокоренных» с гоголевской поэмой «Тарас Бульба». Из сочетания монументальности и лиричности высекается та искра, которая волнует и тревожит читательское сердце.

О Великой Отечественной войне у нас создана большая литература. Повесть Бориса Горбатова «Непокоренные» по праву занимает в ней достойное место. За три с лишним десятилетия ее читали многие поколения советских людей и еще многие будут читать. Повести суждена долгая жизнь.

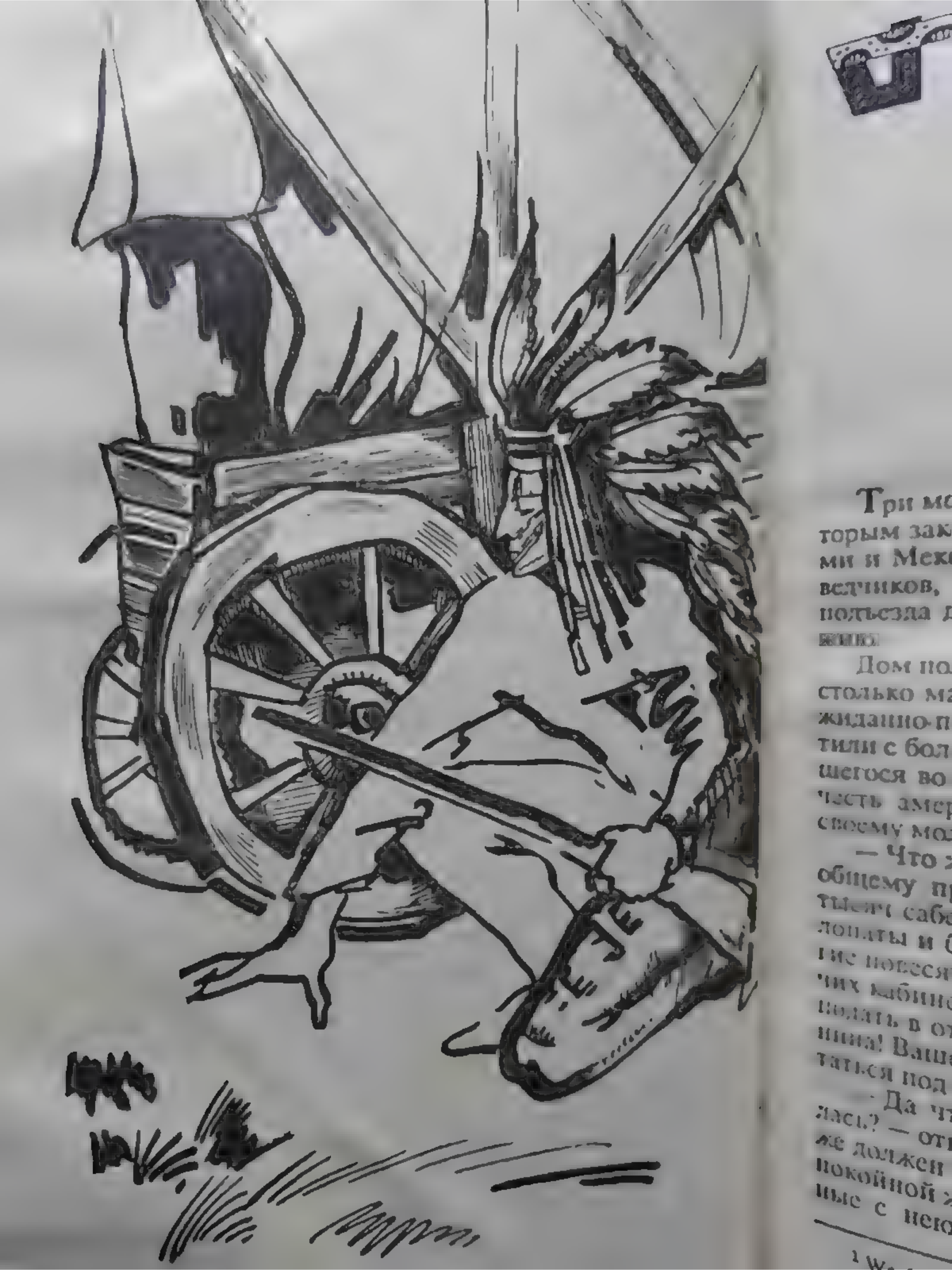
И. КОЗЛОВ

ЭЙНРИ

ДОЧЕРИ
СКВАТТЕРА

МОРСКОЙ
ВОЛЧОНОК

МОСКВА Скифы 1992



Три мо
торым зак
ми и Мек
ведчиков,
подъезда д
жию.

Дом по
столько ма
жиданно-п
тили с бол
шегося во
честь амер
своему мо

— Что
общему п
тысяч сабе
лопаты и б
гие повеся
чих кабино
подать в от
нина! Ваше
таться под

— Да ч
лась? — от
же должен
покойной
ные с нею

[1] W

В издательстве «Скифы» выходит в свет подарочное издание поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Уникальность издания обусловлена тем, что в его основе — иллюстрации Константина Изенберга, выполненные в манере силуэта. Иллюстрации увидели свет в конце прошлого века, были изданы вместе с текстом поэмы в ограниченном количестве и уже тогда стали библиографической редкостью.

В книгу включен также перевод поэмы на английский язык.

По вопросам приобретения книг просим обращаться по адресу: *109017, Москва, Б. Толмачевский пер., д. 4, кв. 5.*

Принимаются только коллективные заявки — не менее 100 экз.

Готовится к изданию книга поэзии великого князя Константина Романова. Видный государственный деятель, дядя последнего русского императора Николая II, князь Константин Константинович Романов был известен в России и как тончайший лирик, поэт классического русского стиха. Его книги выходили под псевдонимом «КР». Среди друзей Константина Романова, ценивших его поэтический дар, — Гончаров, Майков, Фет, Полонский, Петр Ильич Чайковский, написавший на его стихи цикл романсов.

В сборник вошли стихи Константина Романова, не издававшиеся у нас все годы советской власти. Уникальность издания заключается еще и в том, что в книгу вошли интересные фотографии, очень редкие из архива царской семьи, Архива Октябрьской революции. Фотографии предоставлены руководством Архива специально для этого издания.

Издательство «СКИФЫ» приступило к выпуску интереснейшей серии «Приключения на суше и на море», начало которой положил в свое время известный русский издатель **П. Сойкин.** Читателя ждут встречи с героями знаменитых романов М. Рида, Р. Стивенсона, Г. Эмара, Г. Хаггарда, Л. Буссенара, Д. Конрада, Г. Ферри... Благородные ковбои и охотники, великолепные корсары, путешественники и авантюристы, ученые и мечтатели поведут вас за собой в невероятные приключения, полные тревог, опасностей, таинственных сокровищ...

Наше издательство планирует выпуск не только самых известных романов этих писателей, но и тех произведений, которые были опубликованы в России семьдесят с лишним лет назад.

Выходит в свет книга Ю. Борева «Краткий курс истории XX века в анекдотах и мемуарах».

В новую книгу Юрия Борева, автора знаменитой «Сталиниады», вошли рассказы и анекдоты из истории нашего государства с 1917 года до перестройки включительно. Генсеки и кинозвезды, писатели и аппаратчики, физики и полководцы — все это герои «Краткого курса». Собранные под одной обложкой, литературно обработанные, все эти истории остроумно, лаконично рассказывают о том, чем жили люди начиная с семнадцатого года, чего боялись, над чем смеялись. Рукопись набиралась в типографии в дни путча. В гранки уже вносился фольклор 19—22 августа 1991 года.

Анектоды проиллюстрированы шаржами, карикатурами, зарисовками художника Тимура Мирзашвили.

Таинственный мир древней, загадочной Индии. Вместе с героями известного французского писателя Луи Жаколио вы побываете в джунглях, встретитесь один на один с кровожадными хищниками — хозяевами непроходимых лесов. Только чудо поможет вам спастись от смертельных укусов ядовитых кобр. Не один день проведете в страшной подземной тюрьме и уже отчаетесь из нее выйти, но... Много интересных приключений и открытий ждет вас на страницах романов «Покоритель джунглей» и «Месть покорителя джунглей». Этими произведениями издательство «Скифы» открывает серию приключенческих романов Л. Жаколио.

В издательстве «Скифы» выходит в свет книга исторического романиста **Евгения Салиаса «Ведунья».** В нее входят роман **«Ведунья»** и повесть **«Донские пшипанцы».** В них знаменитый романист, заслуженно снискавший себе славу «русского Дюма», рассказывает о необычайных событиях, происходивших в Российской Империи в причудливую эпоху правления Екатерины II. Разбойники и дворяне, монахи и судейские чиновники, купцы и бродяги, выведенные Салиасом в своих произведениях, надолго запомнятся читателю.

Также готовится к изданию роман Евгения Салиаса «Миллион», повествующий о последнем периоде жизни «великого князя Тавриды» **Григория Потемкина. «Миллион»** — один из лучших русских исторических романов. Салиас в увлекательной, остросюжетной форме раскрывает читателю драматические коллизии и удивительные происшествия, характерные для золотой екатерининской эпохи.

Выходит в свет сборник японского детектива XX века, представленного в книге двумя именами — **Сейте Мацуммото и Эйсукэ Накадзоно.** Интрига **«Точек и линий»** Мацумото завязывается на том, что полиция находит на берегу моря трупы юноши и девушки. Роман Накадзоно **«Свинец в пламени»** начинается со сцен в фильтрационном лагере для иммигрантов, это роман шпионского и полицейского планов одновременно.

По вопросам приобретения книг просим обращаться по адресу: *109017, Москва, Б. Толмачевский пер., д. 4, кв. 5.*

Принимаются только коллективные заявки — не менее 100 экз.

КАК ПОЯВИЛАСЬ НА СВЕТ ЭТА КНИГА

Помню отлично, как я впервые прочитал «Остров сокровищ».

Я начал читать в шесть часов вечера. Два часа спустя настойчивый стук в наружную дверь вызволил меня из осажденного блокгауза. Сбегая со второго этажа по лестнице, чтобы открыть, я был готов увидеть на пороге Билли Бонса или Черного Пса... Это были всего-навсего мои тетушка и дядюшка, внезапно нагрянувшие в гости из Лондона.

Тетушка была моей любимицей, к тому же ее появление сулило мне полкроны на карманные расходы. Тем не менее я всей душой желал, чтобы наши гости лежали на дне Северной бухты рядом с Хендсом и О'Брайеном. В тот момент я мечтал лишь об одном — скорее вернуться в блокгауз.

С того далекого дня я перечитывал «Остров сокровищ» не менее раза в год. Он никогда не надоедал мне и — я знаю это! — никогда не надоест.

Когда подросли мои дети, Вероника и Поль, я стал читать им вслух «Остров сокровищ».

В тот вечер, когда я перевернул последнюю страницу, мне пришлось тут же начать чтение снова. А после третьего раза на меня градом посыпались вопросы.

Вопросы Поля были обычного свойства. Что случилось с тремя пиратами, оставленными на острове? Удалось ли кому-нибудь найти оружие и серебряные слитки? Как получилось, что Бен Ганн нашел сокровище?

Веронику занимали дела по-сложнее. Почему такой одаренный человек, как Сильвер, стал преступником? Кому принадлежал корабль, который затонул в Северной бухте и у которого «на палубе расцвел настоящий цветник»? Почему такие друзья, как Хенд и О'Брайен, схватились насмерть друг с другом? И, самое главное, как мог стать пиратом такой безобидный человек, как Бен Ганн?

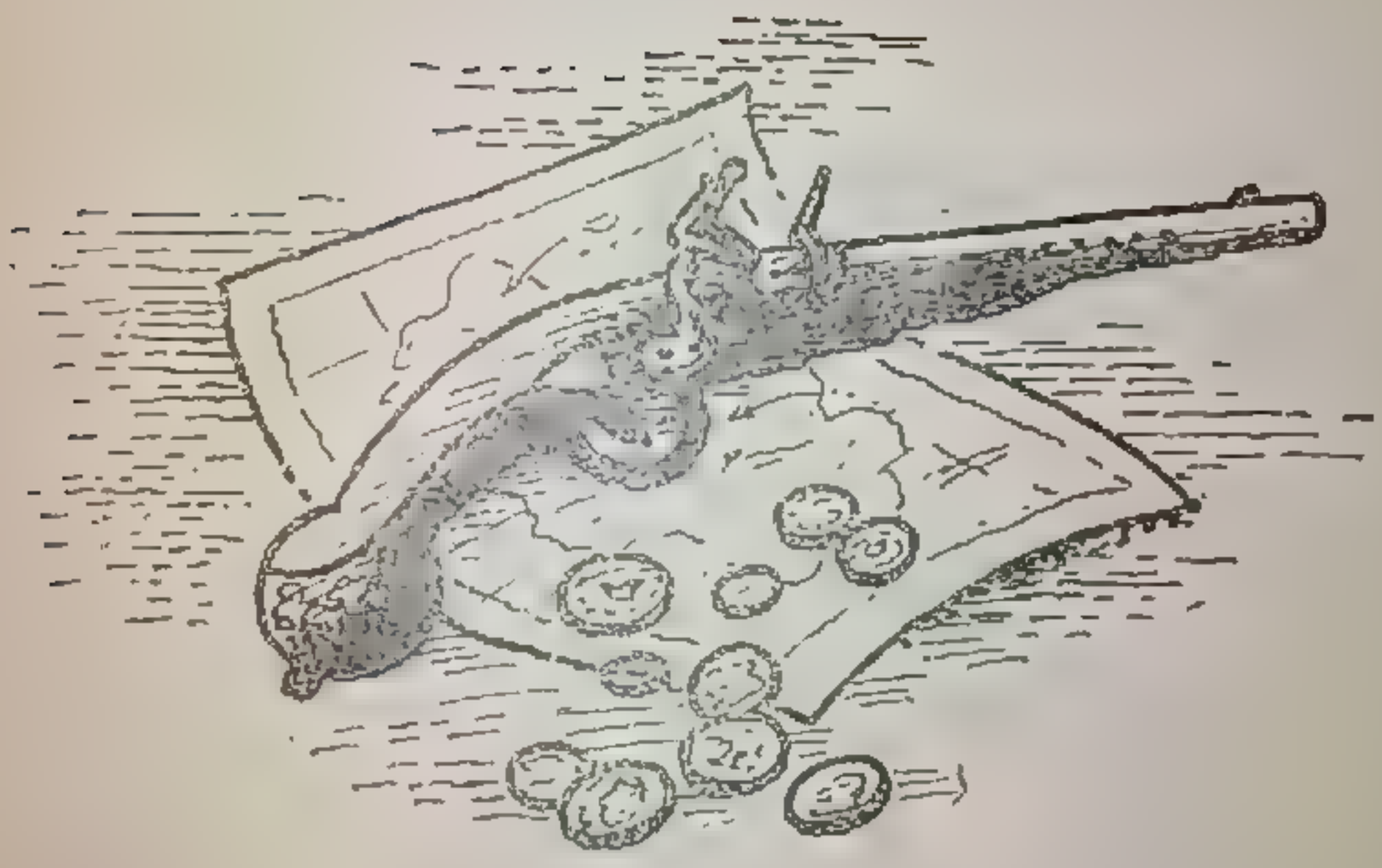
Ни один из этих вопросов не был для меня новым. Я сам уже чуть ли не тридцать лет ломал над ними голову и даже пытался — безуспешно — добиться ответа у друзей, как и я, любящих «Остров сокровищ». В конце концов оставалось лишь одно: ответить самому.

Таким образом, настоящая книга не является продолжением «Острова сокровищ». От души надеюсь, что она не будет воспринята и как плохое подражание. Это скорее всего дополнение, притом такое, которое, сдается мне, заслужило бы одобрение Стивенсона. Да, мне хочется верить, что он одобрил бы ее: ведь он очень любил своих героев. Иначе чем объяснить, что они так полюбились многим поколениям читателей?

АВТОР

Р. Ф. ДЕЛДЕРФИЛД

Приключения Бена Ганна



Кишинев 1990

ЦИКЛ «СЫНОВЬЯ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ»

ЛИЗЕЛОТТА ВЕЛЬСКОПФ-ГЕНРИХ

ТОКЕЙ ИТО

Роман

Москва
«Дружба народов»
1992

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СЛОВ

Ассинибо́йны — буквально «варящие камни», то есть приготавливающие пищу с помощью раскаленных камней, которые опускаются в горшки или в кожаные мешки с приготовленной для варки пищей; индейские племена языковой группы сиу (*см.*).

Ва́кан — тайна, относящаяся к Вакантанке (*см.*).

Вакантáнка — Великий и Таинственный; у дакотов — божество, сверхъестественная сила, [illegible] природе.

Дако́та — одно из [illegible] племен сиу (*см.*). «Семь костров племенных [illegible] входило семь племен: мдевакантон, вахпекуто, вахпетон, [illegible], яктонан и тетон.

Индемен — от [illegible] (по-английски человек), презрительн[illegible].

Койот — степной волк, небольшое хищное животное, не брезгующее падалью.

Костяной лук — имеется в виду лук из китового уса, который, хотя и редко, изготавливали индейцы прерии.

Ла́ссо — ременный аркан с затягивающейся на конце петлей.

Легины — ноговицы или гамаши; у женщин укреплялись внизу в мокасинах (*см.*), доходили до колена и стягивались тут подвязками. У мужчин были значительно длиннее и напоминали собой отдельно надеваемые штанины, верхними концами крепились к поясу.

Мацаваке́н — гром-железо — так называли дакоты огнестрельное оружие белых, ружья.

Мокасины — мягкая кожаная обувь с твердой подошвой, обычно шилась из двух кусков замши. Раскрой мокасин заимствован европейцами и применяется особенно для мужской обуви.

Мустанги — завезенные в Америку белыми и одичавшие лошади, повторно одомашненные индейцами. Отличались выносливостью, длинной шерстью, особенно густой в зимнее время.

Огла́ла — группа племени тетон-дакота, к которой принадлежал род Большой Медведицы.

Па́уни — одно из племен индейцев прерий, относящееся к языковой группе кэддо.

Сиу — одна из наиболее значительных языковых групп индейцев прерий, к которой принадлежали дакоты.

Тата́нка Йота́нка (Ситтинг Булл — Сидящий Бык, вернее — Сидящий Бизон 1834 [1831] – 1890) — верховный жрец и вождь племени дакота, возглавлял борьбу индейцев против военных отрядов США. В битве при Литл-Бигхорн (1876) под его руководством был разгромлен отряд генерала Кастера (Кустера).

Текумсе́ (Горящий Лев. Ок. 1768 – 1813) — вождь индейского племени шони, возглавлявший борьбу индейцев против завоевателей.

Те́тон — племя конфедерации дакотов, к которому принадлежал род Большой Медведицы.

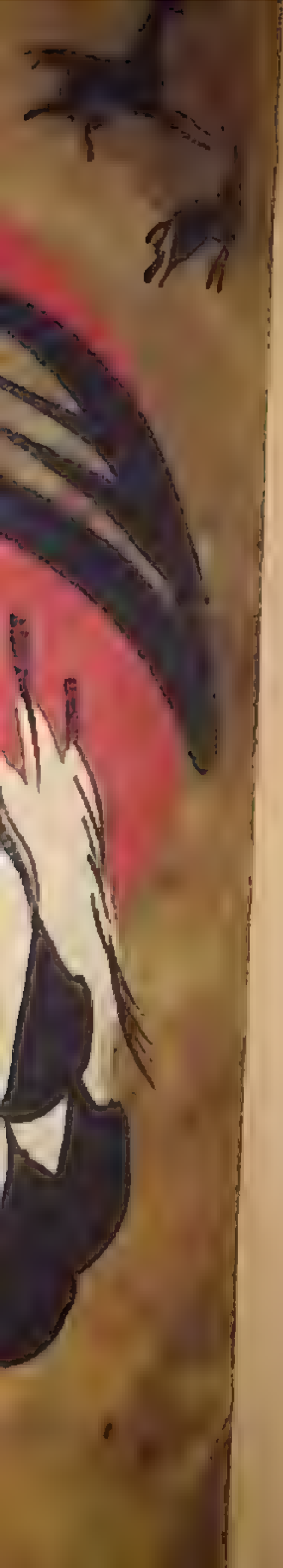
Ти́пи — на сиу — жилище, коническая палатка из шкур бизонов.

Томага́вк — ударно-метательное оружие в виде палицы с тяжелым заостренным каменным наконечником, в более поздние времена — небольшой металлический топорик, употреблявшийся индейцами в бою, на охоте и в быту.

Тоте́м — предмет, растение или чаще всего вид животного, которому индейцы приписывали сверхъестественную кровную близость племени, роду или отдельной семье. Тотемом называется также изображение этого предмета, растения или животного (например, на полотнищах типи, вырезанное из дерева — тотемный столб).

Траппе́ры — охотники за пушным зверем в Северной Америке, первоначально так назывались охотники, добывающие мелких животных с помощью ловушек и капканов.

Ха́у — непереводимый возглас, часто употребляемый в смысле: «я сказал» — или означающий, что речь собеседника услышана и понята.



ЦИКЛ «СЫНОВЬЯ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ»

ЛИЗЕЛОТТА ВЕЛЬСКОПФ-ГЕНРИХ

ХАРКА — СЫН ВОЖДЯ

Роман

Москва
«Дружба народов»
1992

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СЛОВ

Блэк Хилс — горный массив; в печати часто дается перевод этого названия — Черные холмы.

Ва́кан — тайна, относящаяся к Вакантанке.

Вакантáнка — «Великий и Таинственный», у индейцев дакота — божество, сверхъестественная сила, разлитая во всей природе.

Вампум — бусы из раковин, у индейцев прерий употреблялись как украшения, как меновая единица, как средство своеобразного мнемонического (от *греч.* «мнемо» «память») письма. Условные сочетания различных по цвету и размерам раковин соответствовали определенным событиям и действиям, «напоминали» о них. Особенно интересны пояса или перевязи вампума, которые служили своего рода летописями, договорами, верительными грамотами.

Военный орел — один из видов обитающих в Скалистых горах орлов, перья которых дакота употребляли для военных головных уборов.

Граница — имеется в виду граница с существовавшей в прошлом веке так называемой индейской территорией.

Дакота — одно из объединений племен сиу — «Семь костров племенных Советов». В него входило семь племен: мдевакантон, вахпекуто, вахпетон, сиссетон, янктон, янктонаи и тетон.

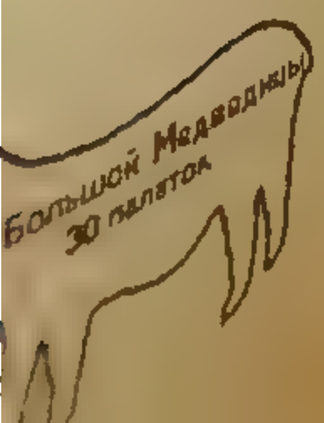
дается перевод

индейцев дако-
во всей природе.
й употреблялись
о своеобразного
ла. Условные со-
тветствовали оп-
о них. Особен-
служили своего

и.
в Скалистых го-
ренных головных

вшей в прошлом

«Семь костров
девакантон, вах-



Длинные Ножи — так называли индейцы белых завоевателей за их сабли.

Легины — поговицы или гамаши, у женщин укреплялись внизу в мокасинах, доходили до колен и стягивались тут подвязками. У мужчин были значительно длиннее и напоминали собой отдельно надеваемые штанины, верхними концами крепились к поясу.

Мацавакéн — «Гром Железо», так называли дакота огнестрельное оружие белых, ружья.

Мини вакеп — таинственная вода, так индейцы называли крепкие спиртные напитки.

Мини сосе — Илистая вода — река Миссури.

Мокасúны — мягкая кожаная обувь с твердой подошвой, верх обычно шился из двух кусков замши. Раскрой мокасин заимствован европейцами и [illegible] часто применяется для мужской обуви

Мустанг [illegible] одичавшие потомки завезенных европейцами в Америку лошадей. Отличались выносливостью, длинной шерстью, особенно густой в зимнее время.

Оглáла — группа племени тетон-дакота, к которой принадлежал род Большой Медведицы.

Пáуни — одно из племен индейцев прерий, относящееся к языковой группе кэддо.

Сиу — одна из наиболее значительных языковых групп индейцев прерий, к которой принадлежали дакота.

Татáнка-Йотáнка (Ситтинг Булл — Сидящий Бык, правильнее — Сидящий Бизон, 1834—1890) — верховный жрец и вождь племени дакота, возглавлял борьбу индейцев против военных отрядов США. В битве при Литл-Биг Хорне (1876) под его руководством был разгромлен отряд под командованием генерала Кастера (Кустера).

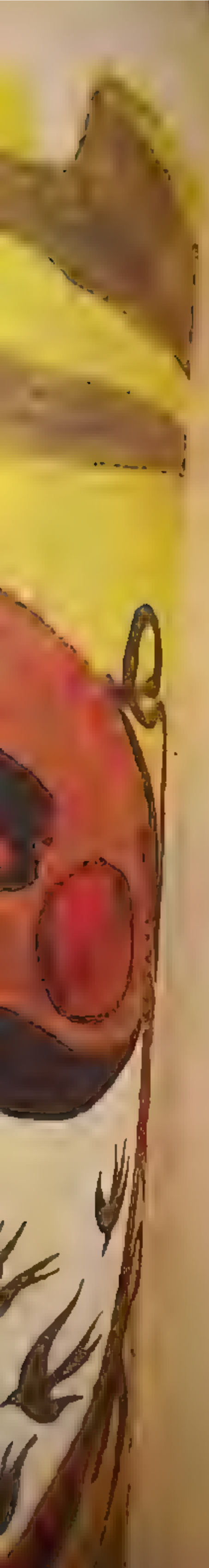
Тéтон — племя конфедерации дакота, к которому принадлежал род Большой Медведицы.

Тúпи — на языке сиу «жилище» — коническая палатка из шкур бизонов.

Томагáвк — ударно-метательное оружие в виде палицы с тяжелым заостренным каменным наконечником, в более поздние времена — небольшой металлический топорик, употреблявшийся индейцами в бою, на охоте и в быту.

Тотéм — предмет, растение или, чаще всего, вид животного, которому индейцы приписывали сверхъестественную близость к племени, роду или отдельной семье. Тотемом называется также изображение этого предмета, растения или животного (например, на полотнищах типи, а также вырезанное из дерева — тотемный столб).

Хáу — непереводимый возглас, часто употребляемый в смысле «я сказал» или означающий, что речь собеседника услышана и понята.



ЦИКЛ «СЫНОВЬЯ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ»

ЛИЗЕЛОТТА ВЕЛЬСКОПФ-ГЕНРИХ

ТОП И ГАРРИ

Роман

Москва
«Дружба народов»
1992

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СЛОВ

Ассинибойны — буквально «варящие камни», то есть приготавливающие пищу с помощью раскаленных камней, которые опускались в горшки или кожаные мешки с приготовленной для варки пищей; индейские племена языковой группы сиу *(см.)*.

Вакан — тайна, относящаяся к Вакантанке (см.).

Вакантанка — «Великий и Таинственный» у индейцев дакота — божество, сверхъестественная сила, разлитая во всей природе.

Военный орел — один из видов обитающих в Скалистых горах горных орлов, перья которых дакота употребляли для военных головных уборов.

Волокуша — у индейцев — два длинных шеста, связанных тонкими концами на спине лошади, толстые — волочатся по земле. Между жердями натягивались одеяла или шкуры, на которые укладывали груз или усаживали маленьких детей. Это сооружение оправдывало себя при бездорожье, на каменистой почве, на подъемах.

Гражданская война — здесь: Гражданская война в США (1861—1865), война между Северными штатами и поднявшими мятеж рабовладельческими Южными штатами США. Вылилась в борьбу двух социальных систем — системы рабства и системы наемного труда. В ходе войны был принят акт об освобождении негров и закон о земельных наделах. В результате победы Северных штатов рабство в США было упразднено.

Дакота — одно из объединений индейских племен сиу *(см.)* — «Семь костров племенных советов». В него входило семь племен: мдевакантон, вахпекуто, вахпетон, сиссетон, янктон, яктонзи и тетон.

Земельный закон — Имеется в виду принятый во время Гражданской войны закон о земельных наделах, по которому каждый американец, уплатив сравнительно небольшую сумму, мог получить в пользование 160 акров (65 гектаров) земли. На практике эта земля тотчас же попадала в руки спекулянтов и земельных компаний, которые тут же устанавливали на нее свою, непомерно высокую цену.

Индсмен — от слов «индеец» и «мен» (по-английски — человек) — презрительная кличка индейцев.

Койот — степной волк, небольшое хищное животное, не брезгающее падалью.

Костяной лук — Имеются в виду луки из китового уса, которые, хотя и редко, но изготавливали индейцы прерий.

Лассо — ременный аркан с затягивающейся на конце петлей, применялся для ловли лошадей.

Легины — ноговицы или гамаши, у женщин укреплялись внизу в мокасинах (*см.*), доходили до колена и стягивались тут подвязками. У мужчин были значительно длиннее и напоминали собой отдельно надеваемые штанины, верхними концами крепились к поясу.

Мацавакен — «гром-железо» или «таинственное железо». Так вазывали дакота огнестрельное оружие белых — ружья.

Мокасины — мягкая кожаная обувь с твердой подошвой, обычно шилась из двух кусков замши.

Мустанги — завезенные в Америку белыми и одичавшие лошади, которых повторно одомашнивали индейцы. Отличались выносливостью. Имели длинную шерсть, особенно густую в зимнее время.

Оглала — группа племен тетон-дакота, к которой принадлежал род Большой Медведицы.

Пауни — одно из племен прерий, относящееся к языковой группе кэддо.

Потельня — кожаная палатка, воздух в которой нагревался с помощью раскаленных камней; применялись у некоторых племен североамериканских индейцев для лечения простуды.

Сиу — одна из наиболее значительных языковых групп индейцев прерий, к которой принадлежали дакота.

Татанка Йотанка — Ситтинг Булл — Сидящий Бизон (1834—1880) — верховный жрец и вождь племени дакота, возглавлял борьбу индейцев против военных отрядов США. В битве при Литл-Биг-Хорне (1876) под его руководством был разгромлен отряд генерала Кустера (Кастера).

Текумсе — Горный Лев (ок. 1768—1813) — вождь индейского племени шони, возглавивший борьбу индейцев против американцев. Он пошел даже на союз с английскими колонизаторами для борьбы против американцев и получил чин бригадного генерала британской армии. Возглавляя индейский отряд, погиб в бою.

Тетон — племя конфедерации дакота, к которому принадлежал род Большой Медведицы.

Типи — на языке сиу «жилище» — коническая палатка из шкур бизонов.

Томагавк — ударно-метательное оружие в виде палицы с тяжелым заостренным каменным наконечником, в более поздние времена — небольшой металлический топорик, употреблявшийся индейцами в бою, на охоте и в быту.

Тотем — предмет, растение или, чаще всего, вид животного, которому индейцы приписывали сверхъестественную кровную близость к племени, роду или отдельной семье; изображается обычно на полотнищах типи, может быть вырезан из дерева — тотемный столб.

Траппера — Так в Северной Америке называют охотников за пушным зверем; первоначально слово это обозначало охотников, добывающих мелких животных с помощью ловушек и капканов.

Уайтчичуны — Так индейцы дакота называли белых захватчиков.

Хау — непереводимый возглас, часто употребляемый в смысле «я сказал» или заканчивающий фразу и означающий в этом случае, что речь собеседника услышана и понята.

Балаково

СОДЕРЖАНИЕ

Гуси-лебеди летят... 3
Щедрый вечер. 133

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
«Мир в образах»
Библиотечная серия

Михаил Афанасьевич Стельмах

ГУСИ-ЛЕБЕДИ ЛЕТЯТ...
ЩЕДРЫЙ ВЕЧЕР
Повести

Иллюстрации художника Александра Митрофановича Шоломия

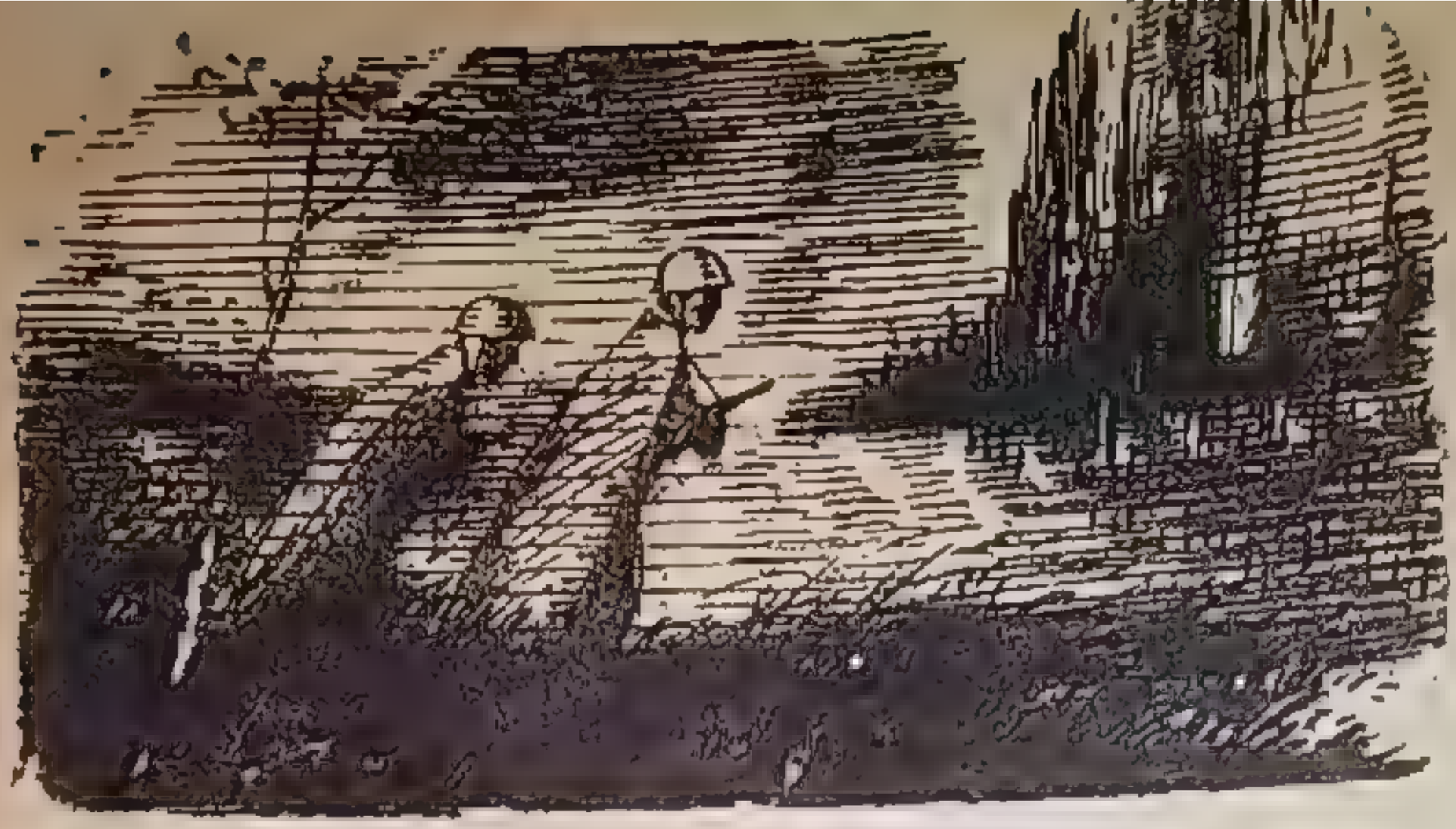
Зав. редакцией украинского языка *Л. А. Баранов*. Редакторы *А. П. Поединок, Л. А. Лирныченко*. Художеств. редактор *П. В. Кузь*. Обложка художника *А. М. Шоломия*. Технич. редактор *Л. Б. Ланцман*. Корректоры *В. П. Пуха, А. И. Сергиенко*.

Информ. бланк № 4094

Сдано в набор 16.01.84. Подписано к печати 24.04.84. Формат 84×108/32. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Способ печати высокий. Услови. лист. 14,28+0,42 вкл. Условн. кр.-отт. 16,33. Уч. изд. лист 16,07+0,48 вкл. Тираж 250000 экз. (2-й завод 50001—200000) экз. Изд. № 28713. Зак. № 4-109. Цена в обложке 1 р. 10 к., в переплете 1 р. 30 к.

Издательство «Радянська школа», 252053, Киев, Ю. Коцюбинского, 5.

Напечатано с матриц Головного предприятия РПО «Полиграфкнига» на полиграфкомбинате ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь», Киев — 119, Пархоменко, 38—44.



Посвящается
Жене и Павлику Катаевым

Это многих славный путь.
Некрасов

I

Была самая середина глухой осенней ночи. В лесу было очень сыро и холодно. Из чёрных лесных болот, заваленных мелкими коричневыми листьями, поднимался густой туман.

Луна стояла над головой. Она светила очень сильно, однако её свет с трудом пробивал туман. Лунный свет стоял подле деревьев косыми, длинными тесинами, в которых, волшебно изменяясь, плыли космы болотных испарений.

Лес был смешанный. То в полосе лунного света показывался непроницаемо чёрный силуэт громадной ели, похожий на многоэтажный терем; то вдруг в отдалении появлялась белая колоннада берёз; то на прогалине, на фоне белого, лунного неба, распавшегося на куски, как простокваша, тонко рисовались голые ветки осин, уныло окружённые радужным сиянием.

И всюду, где только лес был пореже, лежали на земле белые холсты лунного света.

В общем, это было красиво той древней дивной красотой, которая всегда так много говорит русскому сердцу и заставляет воображение рисовать сказочные картины: серого

25
Руб.

Эта история —

о популярных героях книг

о Диком Западе —

Старом Шеттерхенде

и Виннету — вожде апачей,

предназначена для юных

любителей приключений.

МП «КРОН — Пресс»

Кэрол Мэй

ЧЕРНЫЙ МУСТАНГ

Москва
«КРОН-Пресс»
1991

Сергей Бородин

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

РОМАН

Москва
РИПОЛ
1993

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Литературная сказка пушкинского времени

СОДЕРЖАНИЕ

Н. А. Тархова
Второе рождение сказки
—5—

И. И. Дмитриев
ПРИЧУДНИЦА
—31—

Н. М. Карамзин
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ
(Богатырская сказка)
—43—

Г. Р. Державин
ЦАРЬ-ДЕВИЦА
—57—

А. П. Зонтаг
ДЕВИЦА НЕ-ЧИЦА
—65—

О. М. Сомов
КИКИМОРА
—85—

СКАЗКА О МЕДВЕДЕ КОСТОЛОМЕ
И ОБ ИВАНЕ,
КУПЕЦКОМ СЫНЕ
—95—

А. А. Перовский
ЧЕРНАЯ КУРИЦА,
ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ
—101—

А. С. Пушкин
СКАЗКА О ПОПЕ
И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ
—127—

СКАЗКА О МЕДВЕДИХЕ
—132—

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ,
О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ
КНЯЗЕ ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ
И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ
—135—

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ
—159—

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ
И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ
—165—

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ
—179—

В. А. Жуковский
СКАЗКА О ЦАРЕ БЕРЕНДЕЕ,
О СЫНЕ ЕГО ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ,
О ХИТРОСТИ КОЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО
И О ПРЕМУДРОСТИ МАРЬИ-ЦАРЕВНЫ,
КОЩЕЕВОЙ ДОЧЕРИ
—187—

СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА
—198—

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК
(Отрывок)
—207—

КОТ В САПОГАХ
—215—

ТЮЛЬПАННОЕ ДЕРЕВО
—221—

СКАЗКА О ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ И СЕРОМ ВОЛКЕ
—230—

В. И. Даль
СКАЗКА О ИВАНЕ МОЛОДОМ СЕРЖАНТЕ,
УДАЛОЙ ГОЛОВЕ, БЕЗ РОДУ, БЕЗ ПЛЕМЕНИ,
СПРОСТА БЕЗ ПРОЗВИЩА
—261—

СКАЗКА О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ
И О ВОЕВОДСТВЕ И О ПРОЧЕМ;
БЫЛА КОГДА-ТО БЫЛЬ, А НЫНЕ СКАЗКА БУДНИЩНЯЯ
—276—

СКАЗКА О ПОХОЖДЕНИЯХ ЧЕРТА-ПОСЛУШНИКА,
СИДОРА ПОЛИКАРПОВИЧА, НА МОРЕ И НА СУШЕ,
О НЕУДАЧНЫХ СОБЛАЗНИТЕЛЬНЫХ ПОПЫТКАХ ЕГО
И ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПРІСТРОЙКЕ ЕГО
ПО ЧАСТИ ПИСЬМЕННОЙ
—284—

СКАЗКА О БЕДНОМ КУЗЕ БЕСТАЛАННОЙ ГОЛОВЕ
И О ПЕРЕМЕТЧИКЕ БУДУНТАЕ
—298—

СКАЗКА О ГЕОРГИИ ХРАБРОМ И О ВОЛКЕ
—307—

В. Ф. Одоевский
СКАЗКА О ТОМ,
ПО КАКОМУ СЛУЧАЮ КОЛЛЕЖСКОМУ СОВЕТНИКУ
ИВАНУ БОГДАНОВИЧУ ОТНОШЕНЬЮ НЕ УДАЛОСЬ
В СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ПОЗДРАВІІТЬ
СВОИХ НАЧАЛЬНИКОВ С ПРАЗДНИКОМ
—317—

СКАЗКА О ТОМ,
КАК ОПАСНО ДЕВУШКАМ ХОДІІТЬ ТОЛПОЮ
ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ
—322—

ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ
—330—

РАЗБИТЫЙ КУВШИН
(Ямайская сказка)
—337—

ИНДИЙСКАЯ СКАЗКА О ЧЕТЫРЕХ ГЛУХИХ
—341—

МОРОЗ ИВАНОВИЧ
—347—

П. П. Ершов
КОНЕК-ГОРБУНОК
—355—

Н. М. Языков
СКАЗКА О ПАСТУХЕ И ДИКОМ ВЕПРЕ
—417—

М. Ю. Лермонтов
АШИК-КЕРИБ
(Турецкая сказка)
—423—

С. Т. Аксаков
АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК
—433—

Комментарии
—453—

8
Лондон

— Не правда ли, Лондон прекрасный город? — спросила Дебора Джэсона, но прозвучало это как утверждение, а не как вопрос.— Я уже здесь совсем освоилась, а ты, кажется, нет.

Теперь, когда ужасное плавание через океан осталось позади и они с комфортом устроились в прекрасном номере гостиницы, предупреждения да Понте отошли куда-то в прошлое, и Дебора вновь радовалась жизни.

Джэсон не обратил внимания на вопрос жены, он сидел с задумчивым, отрешенным видом.

— Все твои мысли только о Вене, словно, очутившись там, ты найдешь того самого Моцарта, каким он живет в твоем воображении. Рассказ и книга да Понте произвели на тебя впечатление. Лондон.

Джэсон

Дэвид Вейс

Убийство Моцарта

Роман

Москва
Издательство «Правда»
1991

ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО

Имя американского писателя Дэвида Вейса хорошо известно советским читателям. В 1969 году в нашей стране была опубликована в русском переводе его книга о великом французском скульпторе Огюсте Родене. Так же, как на Западе, у нас эта книга привлекла внимание ярким раскрытием образа мастера и его творческой одержимости. Лирическое обаяние Розы Бере, верной подруги Родена, запечатлевшего в бронзе ее черты, читатели также могли оценить в этой книге.

В следующем, 1970 году у нас вышло в свет еще одно произведение Дэвида Вейса — книга «Возвышенное и земное». В подзаголовке писатель определил ее цель и содержание — «Роман о жизни Моцарта и его времени». Впервые опубликованный в Лондоне в 1968 году, роман этот стал подлинным бестселлером. Огромный интерес он вызвал и в нашей стране. В сотнях тысяч экземпляров разошелся он в русском переводе Н. Ветошкиной и Э. Питерской, которые перевели также книгу Вейса о Родене и ныне публикуемый роман «Убийство Моцарта».

Замысел этого романа неразрывно связан с тайной, возникающей на последних страницах «Возвышенного и земного», со страшной тайной смерти «бога музыки», как называли Вольфганга Амадея Моцарта еще при жизни. На протяжении вот уже двух столетий она тревожит совесть человечества. Писатель, который долгие годы собирал и тщательно изучал материалы о жизни и творчестве великого композитора, не мог, разумеется, пройти мимо этой тайны, мимо загадок, возникавших у всех, кто пытался проникнуть в нее. И нам представляется весьма важным рассказать читателю романа хотя бы вкратце об этих попытках, которые, несомненно, сыграли роль в зарождении и осуществлении замысла Дэвида Вейса.

Хорошо известно, что сам Моцарт был убежден в том, что его отравили, и сказал об этом своей жене. Так написал его биограф Франтишек

Немечек (Франц Нимечек, 1766—1849), чешский почитатель великого композитора, опекавший и воспитывавший сыновей Моцарта на протяжении некоторого времени после его смерти. Книга Немечека вышла в Праге в 1798 году и содержала недвусмысленный намек на то, что он умер насильственной смертью. В кратком очерке о жизни Моцарта, написанном австрийским филологом Фридрихом Шлихтегроллем (1765—1822) и изданном в Граце в 1794 году, такого намека еще не было. Хотя 12 декабря рокового 1791 года берлинский «Музыкальный еженедельник» опубликовал корреспонденцию из Вены, в которой говорилось о кончине Моцарта и сообщалось: «Так как после смерти тело его распухло, то утверждают даже, что он был отравлен». Имя Сальери в тех кратких заметках о смерти Моцарта, которые появились в европейской прессе, собственно говоря, не упоминается. Но версия о насильственной смерти композитора уже получила распространение не только в империи Габсбургов, а и за ее пределами. Нужно сказать, что подозрения, положенные в основу этой версии, подкреплялись еще тем, как был погребен Моцарт. А хоронили его с непонятной торопливостью, не проявив элементарного уважения, приличествовавшего хотя бы его положению как помощника капельмейстера собора св. Стефана и званию придворного капельмейстера и композитора, обозначенному в той записи приходского священника храма, в которой в качестве смертельной болезни Моцарта указана «просянка». Тело его даже не внесли в собор, а прощальный обряд наспех совершили в капелле св. Креста, прилегающей к наружной стене храма. Еще более странным было решение похоронить композитора «по третьему разряду» и то, что решение это было принято по указанию барона ван Свитена, человека не только знатного, но и весьма состоятельного и притом ценившего гений Моцарта. После краткого обряда отпевания гроб с телом мастера повезли на кладбище св. Марка. Лишь немногие присутствовали в капелле и пошли проводить Моцарта в последний путь. Среди них были ван Свитен, Сальери, ученик Моцарта Зюсмайер, композитор Альбрехтсбергер (вскоре назначенный на освободившееся место капельмейстера в соборе св. Стефана) и некоторые другие, крайне немногочисленные лица.

Но до кладбища никто из них не дошел, якобы из-за того, что пошел сильный дождь, переходивший в снегопад. Все, сопровождавшие катафалк, шли под зонтиками, а погода все ухудшалась и заставила их повернуть обратно. Этот рассказ, объяснявший, почему никто не проводил Моцарта до могилы, венцы слышали от ван Свитена и от Сальери (о чем его ученик Анселем Хюттенбреннер писал своему брату), и, разумеется, он вызывал недоумение, ибо все-таки нашлись люди, которые хорошо помнили тот день. Однако выдумка эта много лет переходила из одной книги в другую.

И только сравнительно недавно известный американский музыковед Николай Слонимский, решив проверить версию о снеге, дожде и буре в день похорон Моцарта, обратился с соответствующим запросом в Венту в Центральный институт метеорологии и геодинамики. 9 июля 1959 года профессор Ф. Штейнхаузер выслал официальную справку, в которой уведомлял Н. Слонимского, что, как явствует из сохранившихся записей, 6 декабря 1791 года утром в Вене было 2,6 градуса тепла по Реомюру, а днем и вечером — 3 градуса тепла, причем в 3 часа дня (именно в это

время отпевани
«слабый восточный
нимский получил вы
ном архиве дневник
тившего 6 декабря
в этот день в Вене б
ни столицу. Впрочем
настолько привыкли
искать в них объясн
Моцарта, и их странн
цендорфа и до публ
ским моцартоведам,
денная запись, подт
довательно, причино
процессии не дошел
снег и не ветер, а н

Версия о разбуш
билось объяснить ст
вождавших катафал
вие на кладбище по
чался в том, что мо
ибо распространени
ции его тела с цель
яда. Ван Свитен, пол
нулось, понимал, чт
«первого музыканта
Сальери, ляжет така
меры, распорядивши
есть во рву, вместе
также о том, чтобы

Вдову Моцарта
ное состояние в связ
сте погребения Вол
жить, что это было
тила кладбище тол
в 1808 году!). К том
нялось, а могильщик
Констанца не нашла

По мере того,
Констанцу все чащ
у нее рукописи (или
кого мужа. Она охо
«невыразимо любим
ной ее долгой болез
гианных снежной бу
сию ван Свитена, ко
и рисковал проглыт
нов на организацию
бения его хотя бы в
ный царедворец

время отпевали тело Моцарта у собора св. Стефана!) отмечался лишь «слабый восточный ветер». Никаких осадков! Помимо этого Н. Слонимский получил выписку из хранящегося в Австрийском государственном архиве дневника графа Карла Цинцендорфа (т. 36, стр. 287), отметившего 6 декабря 1791 года: «Погода теплая и густой туман». Итак, в этот день в Вене было тепло, и лишь туман окутывал время от времени столицу. Впрочем, каждый, бывавший в Вене, знает, что жители ее настолько привыкли к туманам в это время года, что нелепо было бы искать в них объяснения малочисленности людей, провожавших гроб Моцарта, и их странного поведения. Кстати сказать, дневник графа Цинцендорфа и до публикации Слонимского был хорошо известен австрийским моцартоведам, от внимания которых ускользнула, однако, приведенная запись, подтвержденная и метеорологическими сводками. Следовательно, причиной того, что никто из участников убогой похоронной процессии не дошел до монастырского кладбища, были не дождь, не снег и не ветер, а нечто совсем другое...

Версия о разбушевавшейся стихии была создана тогда, когда понадобилось объяснить странное поведение небольшой группы людей, сопровождавших катафалк с телом Моцарта. А чье бы то ни было присутствие на кладбище помешало бы осуществлению замысла, который заключался в том, что могила великого композитора *должна была затеряться,* ибо распространение слухов об отравлении могло привести к эксгумации его тела с целью исследования и решения вопроса о применении яда. Ван Свитен, положение которого при дворе к тому времени пошатнулось, понимал, что легко можно навлечь гнев императора, если на «первого музыканта империи», облагодетельствованного Габсбургами, каким был Сальери, ляжет такая страшная тень. Именно поэтому он принял все меры, распорядившись о погребении Моцарта «по третьему разряду», то есть во рву, вместе с телами десятка бродяг и нищих, позаботившись также о том, чтобы никто не запомнил местонахождения этого рва.

Вдову Моцарта не пустили на похороны, ссылаясь на ее болезненное состояние в связи с пережитым горем. Потом ей сказали, что на месте погребения Вольфганга поставлен крест. Но если даже предположить, что это было правдой, остается загадкой, почему она *впервые* посетила кладбище только через много лет (насколько мы знаем, лишь в 1808 году!). К тому времени место погребения заросло травой и сровнялось, а могильщик, который опускал гроб Моцарта в ров, умер (1802). Констанца не нашла никаких следов могилы мужа.

По мере того, как слава Моцарта после его смерти разрасталась, Констанцу все чаще и чаще навещали люди, мечтавшие приобрести у нее рукописи (или хотя бы копии рукописей) произведений ее великого мужа. Она охотно беседовала с посетителями, говорила о своем «невыразимо любимом супруге», кончина которого была якобы причиной ее долгой болезни, о толпах людей, провожавших его гроб, но разогнанных снежной бурей. Ее трогательные рассказы подтверждали версию ван Свитена, который, однако, как никто другой, знал правду, хотя и рисковал прослыть скупцом, пожалевшим несколько лишних гульденов на организацию похорон Моцарта и приобретение места для погребения его хотя бы в самой скромной, но отдельной могиле. Этот «лукавый царедворец» достиг поставленной цели: останки Моцарта исчезли

навсегда, а слухи о его отравлении, вспоминавшиеся кем-нибудь, оставались в конце концов только слухами.

Так прошло три с лишним десятилетия. И вдруг осенью 1823 года неожиданно грянул гром. Антонио Сальери признался в том, что он отравил Моцарта, а затем, пытаясь покончить с собой, перерезал себе бритвой горло. Сальери остался жив, но сообщение обо всем этом молниеносно распространилось в самых широких кругах венской общественности, красноречивым свидетельством чего являются дошедшие до нас материалы из архива Бетховена.

Напомним прежде всего, что в так называемых разговорных тетрадях потерявшего слух Бетховена (просившего, чтобы собеседники его общались с ним, делая в тетради записи) сохранилось по крайней мере шесть записей о попытках самоубийства Сальери, о признаниях, сделанных окружавшим его лицам, о его решении исповедоваться и рассказать своему духовнику, что он отравил Моцарта, и о том, что все эти признания попали в печать. Уже в ноябре 1823 года известный венский публицист Иоганн Шикх сообщил Бетховену: «Сальери перерезал себе горло, но еще жив» (разговорная тетрадь № 95), а несколько позже добавил: «Можно поставить сто против одного, что признания Сальери соответствуют действительности! То, как умирал Моцарт, подтверждает эти признания». В 1825 году, еще при жизни Сальери, а затем уже после его смерти (7 мая 1825 г.) Карл, племянник Бетховена, оставил две записи в тетради, помеченной впоследствии № 125: «Сальери заявил, что он отравил Моцарта»; «Теперь уже очень упорно говорят, что Сальери — убийца Моцарта».

В той же тетради имеется запись секретаря Бетховена, венского юриста и музыканта Антона Шиндлера: «Сальери опять очень плохо. Он в полном расстройстве. Он беспрерывно твердит, что виновен в смерти Моцарта. Это правда, ибо он хочет поведать ее на исповеди, поэтому правда также, что за все приходит возмездие». И, наконец, 11 сентября 1825 года (тетрадь № 2), то есть уже после смерти Сальери, вновь комментируется его попытка самоубийства и появляется запись: «Об этом было во всех журналах».

Автором одной из таких статей был не какой-нибудь падкий на сенсации журналист, а видный деятель немецкой художественной культуры, поэт, композитор и писатель Иоганн Фридрих Рохлиц (1769—1842), часто выступавший в то время на страницах «Всеобщей музыкальной газеты», которую, кстати сказать, получали тогда и в Петербурге. В Вене долго не утихали разговоры о признании Сальери и его попытке самоубийства, причем разговоры велись даже в присутствии иностранцев. Так, известный польский композитор и дирижер Кароль Курпиньский (1785—1857), возвращаясь в Варшаву из поездки по Европе, записал в своем путевом дневнике (публиковался дважды: в 1911 и 1954 гг.), что 27 ноября 1823 года по приезде в «музыкальную столицу мира» заходил в издательство Артариа, чтобы справиться о венских композиторах, которых собирался посетить. Там он узнал, что Бетховен совсем потерял слух, а Сальери перерезал себе горло, «смертельно болен и никого, даже ближайших друзей, не принимает».

Так или иначе, после событий 1823 года подозрения о насильственной смерти Моцарта у многих превратились в уверенность, основанную

на признании самого Сальери. «Линию защиты» приходилось менять и принимать срочные меры, так как, например, 23 мая 1824 года на одном из концертов в Вене, когда исполнялись Девятая симфония Бетховена и отрывки из его «Торжественной мессы», с галереи разлетались по залу листовки со стихами веронца Калисто Басси. Особыми поэтическими достоинствами стихи эти не отличались, но в них содержалось, наряду с прославлением Бетховена, недвусмысленное обвинение Сальери в отравлении Моцарта. Примерно в это же время в Вене появились номера парижских журналов с сообщениями об этом преступлении.

Готфрида ван Свитена уже не было в живых. Но к услугам австрийской тайной полиции был итальянский журналист Джузеппе Карпани (1752—1825), выполнявший различные поручения охранки и получавший деньги из кассы венского двора. Именно ему было предложено срочно заняться реабилитацией императорского капельмейстера, с которым, кстати сказать, Карпани был дружен. Перед тем, как опубликовать свою «апологию Сальери», Карпани постарался заручиться помощью медиков. Он обратился, в частности, к венскому врачу Гульденеру фон Лобес с просьбой высказаться по поводу смертельной болезни Моцарта. Нет надобности занимать читателя рассуждениями Гульденера, никогда не навещавшего и не лечившего Моцарта, а также других врачей, очутившихся в Вене уже после смерти Моцарта и основывавших свое мнение лишь *на рассказах* о болезни великого композитора.

Единодушия в таких «диагнозах», разумеется, быть не могло. Но, внимательно изучив их, можно заметить, что независимо от того, как определялась болезнь композитора, оказавшаяся смертельной, в заключениях, как правило, подчеркивалось, что болезнь эта в то время была необычайно распространена, сопровождалась обычными для нее симптомами и почти всегда завершалась смертью, короче говоря, Моцарт стал жертвой эпидемии, которая унесла не только его, а и многих других жителей Вены. Некоторые услужливые авторы таких «медицинских свидетельств» утверждали даже, что вскрытие тела Моцарта показало справедливость диагноза.

Между тем, как выяснилось впоследствии, никакой эпидемии в Вене тогда вообще не было и тело Моцарта никто не вскрывал. А совокупность симптомов болезни и смерти Моцарта позволила утверждать, что он был отравлен и что ядом этим была двухлористая ртуть, то есть сулема.

Признания Сальери сильно затруднили защиту его от обвинения в отравлении Моцарта. Карпани построил свою обширную статью, опубликованную в сентябрьской книжке миланского квартальника «Итальянская библиотека», в модной тогда форме — «Письма издателю». В ее основу он положил два основных аргумента.

Первым из них было усердное восхваление Сальери как «первоклассного композитора, звена золотой цепи классиков этого божественного искусства», честного, благородного, добрейшего человека, высоко ценимого императорским двором и лично Иосифом II. Как можно было хоть на минуту заподозрить такого человека в преступлении, а тем более в таком тяжком?!

Второй аргумент был связан с попыткой самоубийства и признаниями Сальери. Опираясь на медицинские заключения о болезни и смерти

Моцарта, попутно обрушившись на парижские газеты, которые, по его словам, «громоздят одну ложь за другой», Карпани категорически заявил, что Сальери сделал свое признание в бреду, явившемся результатом тяжелого психического заболевания. Этот аргумент, как известно, вслед за Карпани повторяли многие вплоть до 1959 года, то есть до появления публикации выдающегося моравского ученого, профессора Яна Рацка, который на страницах «Ученых записок Брненского университета» (VIII, 3) напечатал текст и *фотокопию* письма Сальери, посланного им (с приложением партитуры своего Реквиема) в марте 1821 (!) года графу Генриху-Вильгельму Гаугвицу, в замке которого (Намешть) он не раз бывал. Приводим перевод первых строк этого письма:

«Когда В[аше] П[ревосходительство] получит это письмо, Господь уже призовет к себе пишущего эти строки. К настоящему письму прилагается, в соответствии с моим обещанием, подлинник моего Реквиема, который я приношу в дар, прося лишь взамен, чтобы он был исполнен в Вашей частной капелле ради спасения моей души».

Если предположить, что Сальери чувствовал себя настолько плохо, что мог думать о приближении смерти, то и тогда первая фраза письма поражает своей категоричностью, ибо даже опытному врачу бывает трудно исчислить дни, отделяющие больного от последнего рубежа его жизни, а ведь речь шла о немногих днях, ибо от Вены до Намешти чуть более ста километров! Случайно ли Сальери начал письмо фразой, типичной для многих писем самоубийц: «Когда вы получите это письмо, меня уже не будет в живых»? Но почему Сальери все же остался жив? Быть может, имевшаяся в его распоряжении доза яда была недостаточной и не привела к желаемому результату? Тогда понятно, почему в 1823 году понадобилась бритва. Во всяком случае, мы теперь знаем, что уже в 1821 году Сальери собирался расстаться с жизнью и просил отслужить по нему заупокойную мессу не в городе, где он провел полвека, а в частной капелле графа.

В письме этом нет прямого указания на то, какими грехами была отягощена совесть Сальери. Однако трудно сомневаться в том, что у него возникла мысль о самоубийстве. И, судя по изысканному стилю, ни о каком психическом заболевании Сальери и речи быть не может. А если же предположить, что и Реквием он писал «для себя» (приведенное начало его письма дает полное основание для такого предположения), то придется замысел самоубийства отодвинуть на еще более раннее время. А, как мы уже говорили, почти все документальные источники связывают попытку самоубийства Сальери с его признаниями в убийстве Моцарта. Не с мыслями ли о событиях 1791 года писал Сальери свой Реквием и прощался с жизнью тридцать лет спустя, в марте 1821 года?

Карпани, разумеется, не мог знать о существовании документа, столь решительно опровергающего второй аргумент, использованный им в «апологии Сальери». Но Дэвиду Вейсу содержание этого письма уже должно было стать известным, так как оно цитируется во многих работах. В библиографическом списке, приложенном к его роману, упоминается и пушкинская трагедия «Моцарт и Сальери», которую сотрудник международного центра моцартоведения в Зальцбурге Карл Мария Писаровиц в своем исследовании «Salieriana» (1960), посвященном тем-

ным сторонам облика Сальери, назвал «поистине шекспировской драматической поэмой».

Полный текст великого произведения Пушкина в немецком переводе приложили к своей книге и три западногерманских врача, доктора медицины Иоганнес Дальхов, Гунтер Дуда и Дитер Кернер. Книга эта, вышедшая в свет в 1966 году в ФРГ с моей вступительной статьей, написанной по просьбе авторов, называется «В. А. Моцарт. Документация его смерти». Книга выпущена, как указано на титуле: «к 175-й годовщине насильственной смерти» Моцарта. Через пять лет те же три автора выпустили еще одну книгу — «Смерть Моцарта», изданную «к 180-й годовщине его насильственной смерти». Обе книги, в которых впервые с такой полнотой собран фактический материал, следует считать ценнейшим вкладом в моцартоведение и в решение загадок, связанных с болезнью и смертью «бога музыки», поспешными «похоронами «по третьему разряду» и принятием постыдных мер к сокрытию его могилы.

Итак, приступая к работе над первым романом о Моцарте, Дэвид Вейс располагал уже тщательно собранными данными и, видимо, проникся глубокой убежденностью в том, что ранняя смерть великого мастера действительно была насильственной и что убийцей его был Антонио Сальери. Второй роман писатель озаглавил «Убийство Моцарта».

На страницах романа читатель встретится со многими реально существовавшими людьми из окружения Моцарта, с его женой, вторично вышедшей замуж, ее сестрами, певцами и музыкантами, исполнявшими его произведения, и, конечно, с его убийцей. Но «стержневыми» героями романа выведены молодой бостонский музыкант Джэсон Отис и его жена Дебора, дочь банкира Квинси Пикеринга. Их имена в биографии Моцарта не фигурируют. Однако прототипы этих вымышленных персонажей найти не так трудно.

Действие романа начинается в 1824 году. «Паломничество к Моцарту», подобное тому, которое описано в этом романе, совершили в 1829 году основатели знаменитого лондонского издательства «Новелло и К°» Винцент Новелло, итальянец по происхождению, и его жена Мэри, посетившие Зальцбург и встречавшиеся там с членами семьи Моцарта. Однако нет сомнения, что Бенса устраивал именно 1824 год, так как ему необходима была кульминационная сцена встречи Джэсона и Деборы с Сальери, который уже умер в 1825 году. Во-вторых, путешествие юной четы отнесено к году публикации статьи Карпани, то есть к тому времени, когда габсбургской тайной полиции велено было принять все возможные меры, чтобы добиться реабилитации Сальери, даже несмотря на сделанные им самим признания. Видимо, для того, чтобы показать усердие встревоженной австрийской охранки, в роман и введена зловещая фигура Губера. Судя по трагическому завершению романа, именно он является организатором убийства Отиса и его жены.

Возникает, естественно, вопрос: могло ли «заметание следов» преступления Сальери доходить до таких крайних мер? Косвенный ответ на это дают «несчастные случаи» с людьми, которые после смерти Сальери собирали сведения о его жизни и признаниях. В Берлине, например, привлекли внимание обстоятельства гибели директора одной из городских школ, начавшего даже публиковать статьи о тайне смерти Моцарта. Размеры нашей работы не позволяют остановиться ни на этом, ни на

аналогичных случаях. Обратим, однако, внимание на искусно создаваемую автором романа атмосферу тревоги и страха перед чем-то неназываемым и загадочным. И заметим попутно, что в качестве непосредственного начальника Губера в романе названо вполне реальное лицо — президент венской полиции граф Йозеф фон Седльницкий, которого его друг — директор придворных театров граф Мориц фон Дитрихштейн в письме от 2 июня 1824 года информировал, что французские газеты пишут о том, что Сальери отравил Моцарта.

Первые две главы романа («Смерть Моцарта» и «Смерть Сальери») воспринимаются как интродукция, которая сразу же вводит читателя в зловещую атмосферу, созданную именно полицией. Уже здесь идет речь о непонятной путанице в диагнозах болезни, унесшей Моцарта в могилу, о последних днях его жизни, когда «налицо были все симптомы отравления ядом», о цитировавшихся уже нами записях в разговорных тетрадях глухого Бетховена. В третьей главе молодой музыкант-любитель Джэсон Отис впервые слышит музыку Моцарта. Его фортепианные фантазии и соната потрясли Отиса настолько, что он серьезно увлекся не только творчеством, но и личностью великого композитора, его горестной судьбой, о которой он расспрашивал своего учителя музыки Отто Мюллера, некогда жившего в Вене и знавшего как Моцарта, так и Сальери. Именно Мюллер играет своему ученику произведения Моцарта, рассказывает о таинственных обстоятельствах его смерти и погребения, делится своими воспоминаниями о жизни Вены. Именно под впечатлением бесед с ним принимает Джэсон предложение местного музыкального общества отвезти в Вену письмо Бетховену с заказом-просьбой написать новое произведение. Вместе с Джэсоном отправляется в путь ставшая его женой Дебора.

Начинается их путешествие с Нью-Йорка, где с 1804 года жил Лоренцо да Понте (1749—1838), человек с очень сложной биографией, который вынужден был покинуть сперва Венецианскую республику, а затем Вену. Там он писал оперные либретто многим композиторам. В историю музыки да Понте вошел как автор либретто опер Моцарта «Свадьба Фигаро», «Дон Жуан» и «Так поступают все». То, как он представляется гостям, вполне соответствует его склонности к саморекламе. Но он действительно преподавал иностранные языки в США, имел библиотеку в Нью-Йорке (и занимался книготорговлей), опубликовал там свои мемуары, а в 1825 году получил профессуру в Колумбийском колледже. Резюмируя многословные рассказы итальянца, пытавшегося убедить своих собеседников в значительности своей роли как придворного поэта в Вене, Джэсон пришел к выводу, что да Понте «убедил его в существенно важном — в том, что Сальери был врагом Моцарта». А Деборе после встречи с многоречивым итальянцем Вена уже представлялась «враждебным миром, таящим много страшного и неожиданного». Постепенно Вейс раскрывает образ этого мира, в котором погиб Моцарт.

В Лондоне путешественники видятся с ирландцем Михаэлем О'Келли (1768—1826), певцом и композитором, другом Моцарта, который принимал участие в исполнении многих его опер, в частности пел партию дона Базилио в венской премьере «Свадьбы Фигаро». Он знакомит гостей с лондонским композитором и органистом Томасом Эттвудом (1765—1838), одним из любимых учеников Моцарта. И вновь разговор

идет о Венс, о Моцарте, Сальери, о постановках опер и о намерении супругов посетить австрийскую столицу. Перед отъездом О'Келли предупреждает Дебору, что если подозрения ее мужа, собирающего сведения о причастности Сальери к болезни и смерти Моцарта, оправдаются, то «положение станет серьезным и даже опасным». Старый певец прощается с ними, и лицо его выражает тревогу.

Ощущение тревоги, иногда смутное, иногда позволяющее догадываться о слежке, организованной австрийской полицией, не покидает Джэсона и его жену буквально с того момента, как они прибыли в Вену и подверглись таможенному досмотру, а затем встретились с полицейским чиновником Губером. Джэсон сразу же заметил, как насторожился Губер при упоминании имени Сальери, и «понял, что затронул опасную тему, и попытался ее замять». Письмо Бетховену от Бостонского музыкального общества несколько успокоило полицейского, но Джэсон начал понимать, что основная цель его поездки каким-то образом стала известна австрийской охранке. А ей, очевидно, было приказано охранять тайну, раскрытие которой могло бросить тень на императорский двор, приютивший и обласкавший человека, не только подозреваемого в убийстве прославленного композитора, но и сознавшегося в совершении столь чудовищного преступления.

И тем не менее Джэсон продолжает свои беседы и поиски. Он встречается с братом Мюллера, скрипачом, хорошо знавшим Моцарта и Сальери и рассказавшим все, что помнил о них. С любовью говорит скрипач о Моцарте, о его гениальности и благородстве и с ненавистью о Сальери, не скрывая своих подозрений: «Тот, кто решается на убийство, не остановится и перед тем, чтобы избавиться от тела. А тело Моцарта исчезло».

В этой беседе речь заходит также и об «ужасной метели», якобы разразившейся во время похорон Моцарта, и о том, что в действительности в тот день стояла ясная погода. Из этого замечания, кстати сказать, явствует, что автор романа читал упоминавшуюся нами статью Н. Слонимского, которую поныне игнорируют некоторые моцартоведы. Однако отметим, что предупреждение Мюллера об опасности предпринятого супругами сбора сведений вскоре получило подтверждение: они заметили, что в их отсутствие кто-то роется в бумагах Джэсона.

Визит к вдове Моцарта Констанце, ставшей после его смерти женой датского дипломата Ниссена, не оправдал надежд Джэсона: «Моцарт, по ее словам, был всеобщим любимцем, и в то же время у него было полно врагов. Она отрицает причастность Сальери, но признается, что Моцарт сам подозревал отравление». Во время свидания с Алоизией, сестрой Констанцы, опять всплывает вопрос, почему Констанца в течение многих лет не делала попыток отыскать могилу своего мужа.

Вейс тонко и умело нагнетает атмосферу, показывая, как супруги Отис убеждаются в том, что за ними идет постоянная слежка, и даже начинают подозревать, что Джэсон тоже стал жертвой ядомешателей, так как некоторые симптомы его недомоганий говорят об отравлении. Особенно впечатляющей у Вейса получилась предпоследняя глава, содержащая сцену свидания героев романа с Антонио Сальери в мае 1825 года за несколько дней до его смерти в психиатрической лечебнице, где он действительно находился (после того, как пытался покончить с собой)

под присмотром двух служителей, которым велено было следить, чтобы он не предпринял еще одной попытки оборвать свою жизнь. Им запрещалось пускать кого бы то ни было к больному, но, падкие на деньги, они соглашаются устроить свидание Джэсона и Деборы с Сальери.

Сильнейшее впечатление производит эта встреча с «завистником презренным», терзаемым угрызениями совести, но не перестающим ненавидеть Моцарта. Сальери слышит его голос и страшные слова «Ты убийца», вспоминает своих любимых кошек, на которых он испытывал действие яда, приготовленного для Моцарта. Безумие его проявляется в раздвоении личности: Сальери играет посетившим его американцам сонату отравленного им мастера, уверяя, что это он написал ее, ибо, собственно говоря, он и есть Моцарт. Когда речь заходит о кончине Моцарта, Сальери торжественно говорит: «Пепел был развеян по ветру. Не осталось никаких улик. Раз нет тела, нельзя доказать и вину». Он вновь рассказывает об «ужасной метели», помешавшей ему тогда добраться до кладбища. Но последний вопрос: «Почему исчезло тело?» — доводит Сальери до истерического приступа. Он пытается разбить зеркало, в котором видит свое отражение, и падает в обморок.

Перед отъездом из Вены юная чета узнает о смерти Сальери. Мечтая добраться до Парижа, они плывут по Дунаю, наслаждаются чудесной погодой, но чья-то рука сбрасывает их за борт, и путешественники гибнут «во время бури», как было сказано в официальном сообщении.

Роман Дэвида Вейса свидетельствует о привлечении и изучении автором огромного количества материалов и, конечно, о полной убежденности в том, что Моцарт погиб от руки убийцы (это подчеркивается и заглавием романа) и что этим убийцей был Антонио Сальери.

В музыкальном словаре Римана говорится (цитирую по 12 изданию, Майнц, 1961): «Необоснованное подозрение, что Сальери отравил Моцарта, проходит через всю литературу о Моцарте». Последующие десятилетия, однако, принесли материалы, позволившие эти подозрения превратить в уверенность. В нашей стране, в Польше, Чехословакии, ГДР, ФРГ, Австрии, Испании, Дании опубликованы книги, статьи и материалы о гибели великого композитора, подтверждающие насильственный характер его смерти. Почти во всех этих изданиях — с гордостью можем отметить — цитируется, а иногда даже полностью приводится гениальная трагедия Пушкина, причем не раз высказывается мнение, что она послужила импульсом для исследований не только пушкинистов, но и моцартоведов.

«Если бы Пушкин не запечатлел преступление Сальери в своей трагедии «Моцарт и Сальери», над которой, как установили советские пушкинисты, он работал много лет, то загадка смерти величайшего композитора Запада так и не получила бы разрешения», — писал, например, доктор медицины Дитер Кернер (ФРГ) в своей статье «Прага в жизни Моцарта», опубликованной в русском переводе в сборнике «Славяне и Запад» (АН СССР, М., 1975, с. 189).

Что касается защиты Сальери от обвинения в убийстве гения, то ее начала австрийская охранка, и в романе Вейса деятельность ее показана отчетливо: «Всякий раз, когда вы позволяете себе непочтительно отзываться о Сальери, вы оскорбляете императорскую семью. Сальери пять десят лет был фаворитом Габсбургов», — напоминает старая ищейка Гу

бер Отису. Защищали
в особенности ожесточи
скому историку музыки
лось найти запись испове
может найти в моей неб
написанной после посещ
пушкиноведческих работ
Апологеты Сальери
пореде́ли), поныне высту
к сообщению Адлера о н
ник Сальери не имел пра
рой является обязательн
Что ж, действитель
Ординариат (управление
просьбу доктора Дуды со
виденной профессором
стой выдумкой [...] и свя
(именно так была названа
того, чтобы доказать духо
составлявший это сердито
вольствии процитировать
Английский музыков
всем оценкам «Моцарта
упрекнуть Пушкина в том
персонажей такими, каки
Грейтером, западногерман
явил, что Сальери попрост
рошо устроен, имел наде
с придворной службы его
довать человеку, о котор
Можно даже пополнить
Сальери: ему была пожал
а французский король, за
дил нескольких придворн
Почетного легиона. У Мо
Блом, действительно, нич
И, если бы английский му
и сурово «раскритикованно
то понял бы это, равно ка
ное чувство зависти, что
стихов.

Именно это чувство
стороны облика которого
перед исследователями. Д
7 января 1809 года, в ко
и Гертелю на происки сво
подин Сальери». Биографы
принятую им с целью пом
место скромного

бер Отису. Защищали Сальери и реакционные клерикальные круги, в особенности ожесточившиеся после того, как знаменитому австрийскому историку музыки Гвидо Адлеру (1855—1941), по его словам, удалось найти запись исповеди Сальери. Рассказ о находке Адлера читатель может найти в моей небольшой книге «Моцарт и Сальери» (М., 1953), написанной после посещения мной Вены в 1947 году, а также в других пушкиноведческих работах.

Апологеты Сальери (ряды которых в последнее время заметно поредели), поныне выступающие с его защитой, скептически относятся к сообщению Адлера о найденной им записи, напоминая, что исповедник Сальери не имел права нарушить тайну исповеди, соблюдение которой является обязательным для каждого католического священника

Что ж, действительно, такое церковное установление есть, но... Ординариат (управление делами) архиепископства венского в ответ на просьбу доктора Дуды сообщить что-либо о местонахождении записи, виденной профессором Адлером. заявил, что запись эта является «чистой выдумкой [...] и связывается с пушкинскими путевыми заметками (именно так была названа маленькая трагедия «Моцарт и Сальери»!) для того, чтобы доказать духовный приоритет русских...». Вряд ли чиновник, составлявший это сердитое письмо. которое Дуда не отказал себе в удовольствии процитировать, читал трагедию Пушкина.

Английский музыковед Эрик Блом, позволивший себе, вопреки всем оценкам «Моцарта и Сальери» в истории мировой литературы, упрекнуть Пушкина в том, что он «не пожелал представить своих двух персонажей такими, какими они были в действительности», вслед за Грейтером, западногерманским дерматологом — апологетом Сальери, заявил, что Сальери попросту не мог завидовать Моцарту, так как «был хорошо устроен, имел надежно обеспеченный заработок, а после ухода с придворной службы его ожидала пенсия. Почему он должен был завидовать человеку, о котором было известно, что у него нет ничего?». Можно даже пополнить перечень благ и отличий, которыми обладал Сальери: ему была пожалована императором медаль на золотой цепи, а французский король, заигрывавший в то время с Габсбургами, наградил нескольких придворных в Вене, в том числе и Сальери, орденом Почетного легиона. У Моцарта таких наград не было. У него, как пишет Блом, действительно, ничего не было. Добавим — ничего, кроме *гения*... И, если бы английский музыковед внимательно прочитал столь нелепо и сурово «раскритикованное» им великое произведение русского поэта, то понял бы это, равно как и стремление Пушкина обличать недостойное чувство зависти, что он неустанно делал, начиная с юношеских стихов.

— Именно это чувство толкнуло на преступление Сальери, темные стороны облика которого все более и более отчетливо вырисовываются перед исследователями. Достаточно вспомнить письмо Бетховена от 7 января 1809 года, в котором он жалуется издателям Брейткопфу и Гертелю на происки своих врагов, «из которых первым является господин Сальери». Биографы Шуберта описывают интригу Сальери, предпринятую им с целью помешать гениальному «королю песен» получить место скромного учителя музыки в далеком Лайбахе.

Вспомним, что́ в статье «Опровержение на критики», над которой Пушкин работал той же болдинской осенью 1830 года, принесшей «Моцарта и Сальери», он писал: «Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною». А ведь Моцарт и Сальери были именно «историческими характерами». И трагедию свою Пушкин писал, неизменно сохраняя верность высоким принципам созданной им поэтики исторической достоверности, ставшей надежным ориентиром для всех мастеров русской классической литературы и для советских писателей, продолжающих традиции, которые мы с гордостью называем пушкинскими.

И как бы ни старались апологеты Сальери, трагедия Пушкина навсегда останется гениальным обличением не только злобного врага Моцарта, Бетховена и Шуберта, но и чувства зависти, которое может толкнуть человека на преступление. А слово «сальеризм», впервые прозвучавшее из уст Римского-Корсакова, прочно вошло в обиход нашего языка, ибо метко характеризует аморальные поступки, совершаемые «завистником презренным».

Разоблачению чувства зависти посвящена трагедия Пушкина, создавшего правдивые незабываемые образы. И недаром во всем мире неуклонно растет количество научных работ и художественных произведений, утверждающих правоту Пушкина. К их числу принадлежит и роман Дэвида Вейса «Убийство Моцарта».

Игорь БЭЛЗА
доктор искусствоведения
член Пушкинской комиссии АН СССР

А Н А Р

Деде Коркут

Повесть
по мотивам
азербайджанского
эпоса

Перевод
Э. Везировой
и
В. Портнова

ГЯНДЖЛИК. БАКУ. 1988.

АНАР
Dege
Kobkum

то не подиял руки

ь со мной такое,
булатным мечом,
бы я — разве так
ужа — дело жен
ому?

о кровь, как вод

ет был я пленни
екся. И теперь не
би!

т, никто не тро-
еч, ударил Бейре-
о. Голова Бейрека
ждый сел на сво-
коня, сзади него
ло Бейрека, до-
укрыл буркой и

на стон. Увидела
к тяжело дышал.

Скачи в дом Га-
го жить. Скажи
- предателю Ар
цами не явился
пусть Газан сам
азану тебя, сес
пусть он это

Турал медленно открыл глаза, в тумане увидел свою мать, увидел возлюбленную, увидел Деде Коркута, увидел своего верного коня, цветущие долы, чистое небо, увидел мир, улыбнулся.

Деде Коркут, Бурла-хатун, Гюнель и Турал спустились с горы. На поле битвы все изменилось.

Гараджа Чабан перекатывал безликие камни в сторону. На очищенной от камней пустоши на паре быков люди вспахивали землю, покрикивая: «Холаве!» Гараджа Чабан в тяжком поту очищал землю от каменных осколков. Ему помогал сын его, подросток.

Деде Коркут молвил:

— Чабан, друг мой, что ты такое делаешь?

Гараджа Чабан отвечал

— Очищаю землю, Деде Коркут. Ты знаешь, что мне мой сынок? Полно, говорит, отец, кочевать, воевать. И я подумал: а ведь он прав! Обоснуемся на этой земле раз и навсегда, будем пахать землю, сеять, жать, есть, пить. Как по-твоему, Деде?

Деде Коркут молви

— Чабан, ты прав! Земля наша вынесла много горя. Много погибло наших джигитов. Я было совсем помирать собрался мы погибли! Мы еще живы и будем жить, умножимся. Сын у тебя как львенок, он тебе опо

Чабан спросил:

— Деде, этот мальчик жил ли имя?

Деде Коркут от

— Да, он достойное имя. На этом поле большая рать полегла, малая рать уцелела. И видишь, оставшиеся борются! Среди них твой сын. Я даю ему имя Азер — «малая рать». Пусть будет больше Азеров, пусть дадут они жизнь этой земле!

Деде Коркут взглянул на Азера и еще сказал.

Послушаем, что он сказал.

а, но он был привязан
гал все силы Гараджа
однако толстое дерево
Кыпчак Мелика бро-
когда Кыпчак Мелик
лся и вырвал дерево

, остановились, попа
громное, раскидистое
ного к стволу Гарад
ся само дерево.
го. Согласно обычаю
з тело поверженного
выкрикивал какую-

обряд. Он нацелил
вдруг был отброшен
н раскачивал дерево
Мелика. Удивителен
Кыпчак Мелик кое-

остановился подле
епеке Газан теперь
н вместе с деревом
шевелил листья.
наконечникам стрел
стрелами. Загоре-
алось по стволу к

сторон окружили
мечами; кольцо на
раскачивал дерево
аземь по пяти, по
огнем.
рики воинов. Огу

...т на них. Деде смотрел — по ту сторону горы вороны ...ребы то взвивались в небо, то снова падали вниз. Деде ...ркут сказал Бурле-хатун:

— Ханум,— сказал он,— пойдем на солнечную сторону ...ры.

Они поднялись на вершину, спустились в долину. Увидели, что Турал лежит в ущелье. И конь с ним рядом. Вороны-стервятники, привлеченные запахом крови, пытаются сесть на парня, но конь, брыкаясь, отгоняет их.

Бурла-хатун бросилась на тело своего сына.

Деде-Коркут осмотрел рану Турала.

— Ханум, не бойся этой раны, — молвил он. — От такой ...аны парень не умрет. Материнское молоко и горный цветок — вот снадобье для его раны.

Потом он сказал Гюнель:

— Дочка, поднимись на гору, нарви цветов, принеси и приложи к ране жениха.

Гюнель, прикрываясь от взоров горного пика чадрой, ...карабкалась по склону. Грудь горы была совершенно голой — ни травинки, ни цветочка. Сколько ни ходила Гюнель, ничего не нашла.

Бурла-хатун сдавила грудь, давно не знавшую молока. Молока не было. Снова сдавила. Молока не было. В третий раз сдавила. Закапало молоко, смешанное с кровью.

Мать брызнула три капли на губы Турала.

Обращаясь к утесу, на котором не росло ни травинки, ни цветочка, Гюнель взмолилась:

— Мой высокий утес, мой прекрасный утес! Матушка моя говорила, что ты для всех нас, огузских девушек, — свекор. Не пожалей для раненого джигита травы и цветов, гора Газылык!

В тот же миг утес покрылся цветами и травами, зеленое смешалось с желтым, желтое — с красным. Гюнель стала рвать траву, собирать цветы, подбежала к Туралу, выжала из цветов сок, капнула две-три капли на рану Турала.

...Всадник под черным башлыком все еще вертелся на поле боя. Ему навстречу выехал джигит под белым башлыком, ударил его мечом, скинул с коня, хлынула кровь. Когда всадник под черным башлыком свалился на землю, башлык с его лица упал. Это был Ялынджык. Собрав последние силы, он вонзил копье в спину джигита под белым башлыком. Джигит упал с коня, растянулся на земле. Ялынджык умирал, но в смертный час он хотел узнать, кто убил его и кого убил он. Слабым движением руки он отвел с лица противника белую накидку. Это была Бануччичек. Она умерла.

В тот же миг и Ялынджык испустил дух и, упав у ног Бануччичек, стал недвижим.

Людские тела, конские туши каменели, превращались в статуи.

Однако и статуи теряли очертания, превращались в груды камня. Теперь на широком поле не осталось ничего, кроме причудливых каменных глыб.

Стоящий на вершине холма Деде Коркут плакал, закрыв лицо руками.

Конь Турала скакал, уносил хозяина далеко в горы.

Меж каменных груд на поле бродили плачущие девушки, женщины, старухи с распущенными волосами. Среди них была и статная Бурла-хатун, и Гюнель. Женщины выкрикивали имена джигитов и причитали:

— О Газан! О Аруз! О Аман! О Карабудаг! О Турал!..

Деде Коркут, сидя у своей могилы, играл на кобзе. Его повествование подошло к концу. Деде Коркут говорил:

— Где славные джигиты, о которых я поведал? Где те, кто твердил: весь мир — мой? Смерть взяла, а земля скрыла. За кем остался тленный мир? Земная жизнь, ты

к его сюда. Захочет быть с нами — хорошо. Нет — его за бороду, а вы рубите мечами! Так избавимся река. А там и с Газаном справимся.

писали Бейреку письмо. Полусонного, полупьяного Кочара заставили поставить подпись.

правили письмо.

край Баят от Аруза прибыл человек, вошел к Бей-

— Джигит, Аруз шлет тебе привет! Сказал: пусть Бей- сделает милость, приедет, помирит нас с Газаном,— вил он.— А вот письмо от Дели Кочара.

Бейрек отвечал:

— Ладно!

Сел на коня, приехал к Арузу, вошел в шатер, где сели джигиты, поздоровался, сел рядом с Арузом.

Аруз сказал Бейреку:

— Знаешь ли ты, Бейрек, зачем мы тебя позвали?

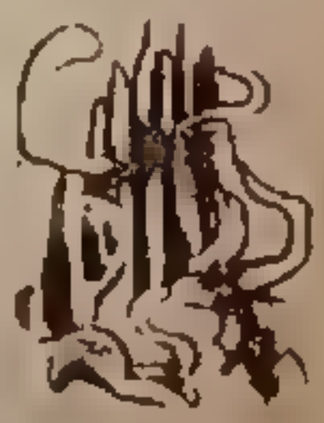
— Зачем?

Аруз продолжал:

— Все сидящие здесь джигиты восстали против Газана поклялись в том. Поклянись и ты!

Бейрек огляделся, увидел настороженные, недобрые гляды, воздел руки и сказал:

— Клянусь, что никогда не восстану против Газана. много я питался милостями Газана. Если не признаю этого, сть они встанут перед оком моим. Много я ездил на коне азана. Если не признаю этого, пусть седло будет мне робом. Много я надевал кафтанов Газана. Если не признаю этого, пусть будут мне саваном. Дом Газана я считал своим омом, его очаг — своим очагом. Когда он плакал, плакал я, когда он смеялся, я смеялся с ним. Не отрекусь от Газана, так и знайте!



Аруз схватил Бейрека за бороду. Бейрек не шелохнулся, не двинулся с места. Аруз посмотрел на джигитов, сделал

...В шатре Алп Аруза человек под черным башль
сообщал ему новые вести, а у того с усов капала кровь. А
хлопнул в ладони, позвал слугу:

— Пошлите людей ко всем джигитам, которые в кров
родстве со мной. Пусть приедут. Пусть приедет Аман, Д
Билмéз, Дюлéк Вурáн, Дели Кочар.

Джигиты приехали, вошли в шатер Алп Аруза. Ве
пьяный Дели Кочар, шатаясь, слез с коня, вошел
таясь.

Алп Аруз приветствовал джигитов и молвил:

— Джигиты, вы знаете ли, для чего я вас созвал?

Отвечали:

— Не знаем.

Алп Аруз молвил:

— Из всех огузов я вызвал только вас, мою кровну
родню. В такой час сердце мое доверяет только вам. В
знаете, что мой племянник Газан никогда меня не люби
и теперь стал мне открытым врагом. Значит, он и ваш вра
Вот и Бейрек вернулся. Сила Газана возросла вдвое. Бейр
на свадьбу нас не позвал, прямо выказал неприязнь
чам. Что же вы скажете, джигиты? Что собираетесь де
вать?

Дели Кочар мутным взглядом посмотрел на Аруза, от
ветил:

— Что мы скажем? Раз ты Газану враг, значит, и мы —
враги!

Аруз молвил:

— Джигиты, поклянитесь!

Джигиты воздели руки:

— Твоему другу — друзья, врагу — враги! — сказали
они.

Дели Кочар заснул.

Взглянув на него, Алп Аруз заметил:

— Бейрек взял у нас девушку, он — зять Дели Кочара.
Но он — правая рука Газана. Давайте напишем ему письмо
от имени Кочара: мол, приезжай, помири нас с Газаном.

— О мои свекор и свекровь! Ваша гора обрушилась поднялась она наконец! Ваши воды пересохли — зажурча они наконец! Ваш сын Бейрек пропал — вернулся он на нец! Свекор, свекровь, что вы ладите мне за радости весть?

Бейбура вскочил с места:

— Да умру я ради твоего языка, невестушка! Если твслова ложны, пусть станут правдой, невестушка!

Тут прискакали джигиты и сам Бейрек.

Газан молвил:

— Магарыч, Бейбура, сын твой вернулся!

Бейбура отвечал:

- Как я узнаю, мой ли это сын? Пусть он пореже мизинец и смажет кровью мои глаза. Если они откроются то это мой сын Бейрек.

Бейрек быстро резнул себя по мизинцу, помазал кровью глаза отца, и глаза Бейбуры открылись. Бейбура сказал:

— Сын, свет моих очей, сила моих рук, опора моего жилища, сын!

Айна Мелек сказала:

— Цветок моей дочери-невесты, сын!

Отец, мать, сестры обнимали Бейрека, плакали и смеялись, смеялись и плакали.

Газан, поглядев на Банучичек, на Бейрека, молвил:

— Ну что ж, достигайте цели своих стремлений!

Бейрек ответил:

Нет, есть у меня еще одно дело. Пока его не свершу, не достигну цели. Где Ялынджык?

Бейрек повернул коня обратно. Джигиты поскакали за ним.

Ялынджык тоже вскочил на коня. Он бежал. Он скакал, оглядываясь назад. Бейрек настигал, Ялынджык убегал. Конь Ялынджыка скакал быстрее, и расстояние между ними

...ница, кто подарил тебе золотое кольцо, что у тебя ...ке? Дай его мне. Я знаю его.

...ыка отвечала:

— Нет, золотое кольцо не твое. У золотого кольца много ... Их знает тот, кто дарил. Ты не можешь их знать.

...рек снова заиграл на кобзе и заговорил:

— Светлым утром не сел ли я на Серого жеребца? Не ...ал ли я к твоему шатру джейрана? Не позвала ли ты ...к себе? Не скакали ли мы конь о конь, не пускали ли ...ы, не боролись ли с тобой? Не обнял ли я тебя крепко? ...целовал ли я тебя трижды? Не надел ли тебе на палец ...ое кольцо? Не я ли Бамсы Бейрек, которого ты по...ла?

Банучичек подняла накидку, побледнела, губы ее за...жали, в смятении и страхе посмотрела она на поста...ее лицо Бейрека, на его запавшие глаза, поседевшие ...ы. Как завороженная сделала к нему два шага. Бейрек ...янул ей руку, раскрыл ладонь — на ладони была по...ль, смешанная с землей. Запах полыни ударил в ноздри ...учичек. Она прошептала:

— Запах полыни!

Кинулась она к Бейреку, потом вдруг остановилась, ...бежала из шатра, вскочила на коня.

Банучичек вскочила на коня, хлестнула его плетью, ...скакала мимо гостей, собравшихся на свадьбу, мимо джи...тов, собравшихся на стрельбище, мимо удивленно взирав...их на нее Газана, Турала, Карабудага, пронеслась над ...жащим поодаль пьяным Дели Кочаром, мимо растерян...го, ошеломленного Ялынджыка, по полям и лугам до...скакала до удела Баят.

Ослепший Бейбура и жена его Айна Мелек, как обычно, ...дели на камне у границ удела. Банучичек проскочила ...имо них, дернула коня за уздечку. Конь встал на дыбы ...анучичек крикнула:

...ня горит, нет мне покоя! Что же случилось? Или ...ег погиб и сердце охвачено болью? О чем ты так ...прячитаешь, кого оплакиваешь, девушка?

...ель отвечала:

— Не играй, озан, не пой, озан. К чему это мне, несча...девице, озан? Видишь ли эту гору? Там росли яблони ...брата Бейрека. Видишь ли эти воды? Из них пил мой ...Бейрек. Видишь ли табун? На тех конях ездил мой ...Бейрек. Скажи, озан, когда переходил ты лежащую ...гору, не встретил ли джигита, чье имя — Бейрек? ...лась я единственного брата, озан, а ты не знаешь! ...мое сердце ранено, высокие мои утесы обрушились. ...мое дерево срублено, озан, а ты не знаешь! Не ..., озан, не пой, озан! К чему это мне, несчастной ..., озан? Вон там, невдалеке, свадьбу справляют. Про...иди туда, озан!

Бейрек прошел мимо, подошел к дому. Видит, сестры его ...ель и Гюнай одеты в черное, плачут.

Бейрек сказал:

— Девушки, нет ли у вас простокваши или каймака, ...аша или хлеба? Три дня я в дороге, накормите меня. Не ...йдет и трех дней, как я вас обрадую.

Гюнай принесла еду. Накормила Бейрека досыта.

Бейрек молвил:

— Во имя вашего брата дайте мне старый кафтан, если ...ть: я пойду на свадьбу. Если на свадьбе мне достанется ...фтан, я верну ваш.

Айсель пошла, принесла кафтан Бейрека, дала ему. Бейрек взял, надел, кафтан пришелся ему впору, полы по ...сту, рукав по руке. Старшей сестре Айсель он напомнил Бейрека. Глаза ее, окруженные черной каймой, наполнились кровавыми слезами. Она молвила:

— Если б не запали твои глаза, окруженные черной каймой, назвала б я тебя Бейреком. Не закрыла бы лицо

Озан отвечал:

— Спасибо, джигит, да будет и твоя жизнь радостно чело — ясным. Да обойдет тебя любая беда!

Бейрек спросил:

— Озан, куда ты идешь?

Озан отвечал:

— Джигит, на свадьбу иду.

— А чья свадьба?

— Сын Яртаджыка Ялынджык берет в жены невесту пропавшего Бамсы Бейрека Банучичек.

— Ялынджык?

— Да.— И озан рассказал Бейреку, что тут к чему.

Бейрек молвил:

— Озан, уступи мне кобзу. Я в залог оставлю тебе коня. Сохрани его: я приду, заплачу тебе, а коня заберу.

Озан отвечал:

— Добро! Голоса я не лишился, горла не простудил. Да еще и конем обзавелся.

Озан дал Бейреку кобзу, и Бейрек продолжил путь. Дошел он до подножия Высокой горы и увидел, как Гараджа Чабан набрал у дороги груду камней и продолжает набирать их. Бейрек его узнал, а Гараджа Чабан Бейрека не узнал.

Бейрек молвил:

— Да будет светел твой лик, пастух, да будет благословен хлеб, который ты делил с Бейреком.

Оттуда Бейрек прибыл в свой удел — на окраину земли огузской. Пришел к роднику, под ивы. Видит, у родника его младшая сестра Гюнель: пришла по воду.

Гюнель плакала и причитала:

— Бейрек, брат мой, свадьба твоя омрачилась!..

Нашла тоска на Бейрека, слезы закапали из глаз. Заиграл он на кобзе, заговорил. Послушаем, что он говорил:

— Скажи, девица, о чем ты плачешь, о чем стонешь?

Пастух отвечал:

— Умер ли ты, сгинул ли ты, Газан? Где ты гулял? Не вера — третьего дня пало твое жилище. Твоя престарелая ать, статная Бурла-хатун и с ней сорок стройных дев прошли здесь плененными.

Услышав такие слова, Газан испустил тяжкий вздох, ум его голове помутился, мир перед глазами его покрылся ираком.

Он молвил:

— Да иссохнут твои уста, пастух! Да сгниет твой язык, астух!

Пастух отвечал:

— За что ты меня проклинаешь, Газан? На меня рину- шись шесть сотен. Триста я убил, трижды меня ранили, елобородого моего отца убили! Я один остался, но не отдал рагам ни единого барана, в том ли моя вина? Дай мне воего каурого коня, дай мне свой пестрый щит, дай мне вой черный меч, я пойду на врага. Если умру — умру а отца, жив останусь — отомщу за него и твоих домашних свобожу.

Газан молвил:

— Не мели языком, пастух! Что с тобой сталось, что ты удешь моих домашних выручать?

Газан хлестнул коня плетью и пустился вскачь.

Гараджа Чабан поглядел ему вслед — Газан удалялся по извилистой дороге, вздымая пыль. Пастух сам вскочил на коня, поскакал за Газаном. Газан его не видел.

Однако перевалив через хребет, Чабан вдруг остановил- ся, вернулся, поднялся на вершину Высокой горы. Как завещал ему отец, собрал два костра, запалил огнивом. Костры разгорелись. Гараджа Чабан вновь поскакал за Газаном.

Кыпчак Мелик сидел под балдахином, ел-пил, развле- кался с девицами. Внизу сидели его люди. Турала с вытя- нутыми руками, простертыми ногами положили у входа,

— Горе! — сказал он.— Господь дал мне
Пойду оторву его от матери, разрублю на
и раскидаю по шести дорогам. Чтобы никто
бросал товарища в беде!

Газан-хан хлестнул плеткой коня и, удаля
чал всадникам:

— А с Кыпчак Меликом я еще посчитаю

Пришпорил Газан коня, перемахнул через
горы, доскакал до своей земли.

Видит, жилище его разрушено, шатры раск
погашены, деревья обуглены, земля пошла к
истоптаны конскими копытами.

Черные прищуренные глаза Газана кровавы
наполнились, грудь сжалась, сердце застучало,

— Откуда к тебе явился враг, мое прекрас
Где сидела моя престарелая мать, осталась пу
пасли коней мои джигиты, осталась пустошь
жаркая кухня, осталась зола. О моя поруг
о мое прекрасное жилище!

В развалинах бродила черная собака. Увид
подбежала к

Газан сказал.

— С наступлением темного вечера ты
Когда проливается вкусный айран, ты гро
Моя черная собака, может быть, ты знаешь
с моей землей?

Как могла собака подать ему весть? Она б
ноги коню Газана, заюлила. Газан погладил ей
Собака убежала прочь. Газан тоже поскака
подъехал к подножию Высокой горы, поск
Чабана:

— Эй, пастух! — крикнул он.— Видел ли ты
пало мое жилище, скажи мне?

Пастух отве
— Умер ли т
вчера — третьего
мать, статная
прошли здесь пл
Услышав так
в его голове пом
мраком.
Он молвил:
— Да иссохн
пастух!
Пастух отвеч
— За что ты
лись шесть сото
белобородого мо
врагам ни един
своего каурого
свой черный ме
за отца, жив ост
освобожу.
Газан молвил
— Не мели я
будешь моих до
Газан хлестн
Гараджа Чаб
нзвилистой доро
коня, поскакал
Однако перев
ся, вернулся, п
завещал ему от
Костры разгоре
Газаном.

Кыпчак Мел
кался с девицам
нутыми руками,

Бекил приподнялся на локте, посмотрел вдаль, увидел, го идет враг.

— Подойди ко мне, лев, сын мой,— сказал он.— Как рно, что море вскипает у берега, так верно, что это враг, ын мой.

— А кто это — враг, отец?

— Ах, мой сын, ах, сынок! Враг — это Кыпчак Мелик. него есть такие стрелы, что из трех ни одна не промажет. него есть такие палачи, что, не охнув, срубают сто голов. него есть такой повар, что готовит жаркое из человечьего яса. В худую минуту подстерег нас враг. Мощь спины оей ослабела. Враг узнал, что я отделился от огузских жигитов, узнал, что я одряхлел, узнал, что ты еще не ікален в битвах, и пошел на нас. Сын мой, встань, разожги а вершине два костра, извести обо всем огузских джигитов. сам беги к Газан-хану, поцелуй ему руку, скажи — отец ой согнулся, захирел. Скажи, пусть Газан-хан соберет жигитов и поспешит нам на помощь. Не то враг растопчет ашу землю, уведет наши стада, оставит людям голод.

Гараджа Чабан отвечал:

— Что ты говоришь, отец? Надрываешь мое сердце и ушу! Не буду я молить о помощи. Не стану целовать руку азану. К чему это? Силу свою, мощь свою берег я для акого дня, и вот этот день настал. Мускулы на руках копил для такого дня, и вот этот день пришел. Имя мое честное ранил я для такого дня, и вот этот день грянул.

Бекил прослезился.

— Да умру я за твои уста, сын мой,— молвил он,— а умру я за твой язык, сынок. Дай бог силы твоим рукам!

Гараджа Чабан закрыл ворота кошары, насыпал три олма из камней, взял в руку пращу с пестрой рукояткой.

И вдруг появились шестьсот вражеских всадников. Они казали:

— Эй, пастух! Мы потоптали земли, мы сокрушили илища Газан-хана. Его богатую сокровищницу мы увозим, на наша. Статную Бурлу-хатун и с ней сорок стройных дев

Газан и сын его Турал вооружились, сели на коней. Урга хатун вышла из своего шатра. «Первая охота моего мальчика!» — сказала она. Благословила его, выплеснула вслед коню ковш воды.

Вслед Газану и Туралу смотрела еще одна пара глаз — враждебно, злобно, с ненавистью: глаза Алп Аруза.

Газан с Туралом скрылись, и Алп Аруз сказал джигитам:

— Не подобает нам, джигиты, без Газана сидеть, есть и пить в его доме. Он уехал — давайте и мы разъедемся по своим землям. А когда Газан с сыном будут возвращаться с охоты, выедем им навстречу.

Джигиты это одобрили.

В развалинах Алп Аруз говорил всаднику под черным башлыком:

— Коню приделай птичьи крылья. Путь семидневный проскочи в семь мгновений ока. Отыщи весь Кыпчак Мелику. Газан с сыном сейчас на охоте. Стрелой, в Дарашáме. Отправились вдвоем. Сказал — и больше не будет.

Всадник под черным башлыком исчез, как ветер.

Газан с Туралом славно поохотились. Разбили привал на опушке леса, у источника. Разожгли костер, приготовили шашлык.

Ели Газан с Туралом шашлык, пили семилетнее вино. Крепкое вино ударило Газану в голову, свалил его сон, малая смерть. Когда огузские джигиты засыпали, спали они по семь суток, и поэтому сон их называли малой смертью. И вот Газан сказал:

— Сын, глаза мои смыкаются. Я немного посплю, а ты меня постереги!

Заснул Газан, от храпа его сотрясались горы. Турал сохранял отца. Вдруг ловчий сокол взлетел с его руки в небо,

... огузов, покоя ни живым на земле, ни мертвым под землей!

И Деспине-хатун побежала к кагану.

— Помилуй, великий каган! — кричала она.— Вытащи этого огуза из колодца. Он сломает хребет моей бабушке! Оказывается, под землей он на ней ездит! И остальных наших мертвецов заставляет служить себе. Все, что я приносила деду, он отнимал и ел сам. С ним не сладит никто из наших — ни живой, ни мертвый. Ради бога, вытащи его!

Бейрек в своем колодце сидел. И вот тюремщик опустил лестницу и позвал Бейрека:

— От кагана пришло повеление, чтобы ты вышел на землю.

И Бейрека бросили в темницу на земле. Узенькое оконце было зарешечено железными прутьями.

По ночам Бейрек сквозь эту железную решетку смотрел на звездное небо.

И еще одна пара глаз глядела на звезды. Глаза, полные слез. Тоскующие глаза Банучичек. Далеко от Бейрека Банучичек! За высокими горами, за бурными реками лежала она в своем шатре на эйлаге Гыз-Беновша. Искала в небе звезду Бейрека.

На краю земли огузской и Бейбура устремлял слепые очи в звездное небо...

В лунном свете извилистыми путями шел караван. Купеческий караван. Понемногу светало, различалось темное и светлое...

Бейрек не смыкал ресниц. Едва рассвело, он из узкого своего оконца увидел страшное: далеко, на шпиле высокой башни, торчал человечий череп. Ухватившись за прутья, Бейрек подтянулся, глянул вниз и увидел большую площадь. С четырех сторон ее высились башни, усаженные человечьими черепами.

Бейрек окликнул тюремщика:

хатун. Женщина в ужасе не могла глаз отвести от ..., Бейрек увидел, что сердце у нее сейчас разорвется от ..., и торопливо сказал:

— Не бойся, ханум, я не мертвец и не вурдалак, кровосос, я живой человек, пленник твоего мужа, ... Бамсы Бейрек.

Деспине-хатун увидела рассыпанные вокруг ... косточки, пустой кувшин и все поняла.

— Это ты ешь долю моего деда? — спросила она.

Бейрек ответил:

— Да, ханум, ем.

Деспине-хатун сказала с досадой:

— И давно?

— С тех пор, как ты сама начала готовить ему.

У женщины был такой несчастный вид, что Б... стало жаль ее.

— Ханум,— сказал он,— твой дед сам отдает ... угощение. Говорит: «Я стар, зубов нет у меня, и вкус... пью». Но мед и каймак я ему оставляю.

Деспине-хатун немного приободрилась.

— Все-таки совесть у тебя есть,— сказала она.— Н... шаешь старика последних крох. Скажи по прав... лучше — здесь или на земле?

Бейрек молвил:

— Ну что ж, ... тоже неплохо! — и указал ... лы.— Мертвецы хорошо мне служат. Одни стирают ..., другие купают меня, третьи возят на себе.

Говорил Бейрек, а Деспине-хатун могилы оглядывала.

— Как! Моя тетя стирает тебе, а дядя купает ... воскликнула она.— А возит тебя, парень, на спине са... моя ли старая бабушка?

Бейрек молвил:

— А как же? Из ваших мертвецов нет ... Я частенько на ней езжу.

Деспине-хатун стала бить себя по голове.

— Вай, лопни твои глаза! — запричитала ...

Осматривая могилы, Бейрек услышал звук шагов, спрятался в углу. Вдруг видит — спускается супруга кагана Кара Арслана, Деспине́-хату́н. Подошла она к одной из могил, поднесла мясо, молоко, вино и все это положила у могилы. Обращаясь к могиле, молвила Деспине-хатун:

— Дедушка, родной, сегодня я принесла тебе подрумяненный кусок жертвенного барашка. Ведь ночью, во сне, ты у меня мясо молочного барашка просил. Принесла и семилетнего вина. Что тебе захочется — во сне ночью мне скажешь, я принесу. Да не останется у тебя неисполненного желания!

Деспине-хатун наклонилась, поцеловала могилу и медленно удалилась. Бейрек вышел из укрытия. Вначале он удивленно огляделся, потом, поняв все, рассмеялся. Понял Бейрек, что здешние люди верят, будто мертвые едят, пьют вино. Долго смеялся Бейрек, устал, с аппетитом поел дедовы кушанья, выпил вина, лег, поспал, потом, заслышав шум, осторожно, через лаз, вернулся в свой колодец. Сверху ему спустили кусок хлеба и [illegible].

Наутро, в то же время, тем [illegible] Бейрек пробрался в склеп, притаился. Вскоре [illegible] принесла воду и вино. Видит, на могиле [illegible] ти и пустой кувшин, обрадовалась.

— Дедушка, родной, как хорошо [illegible] — молвила она. — Молодец! Как это ты умудрился? Кажется, тебе понравились блюда, которые я готовлю своими руками. Теперь я всегда сама буду готовить. Видно, не по вкусу тебе, как готовит служанка. Ешь, пей на здоровье!

И Деспине-хатун поднялась из-под земли наверх.

Бейрек с аппетитом ел.

Однажды Деспине-хатун принесла крепчайшего вина. Бейрек выпил, охмелел, улегся прямо близ могилы, а когда открыл глаза, увидел стоящую у него в головах Деспине-

— Приходящий или уходящий? Кто ты, стран... идешь? — спросил он.

Старый купец ответил:

— Это мы, Бейбура, торговые люди. Уходим в ... странствие. Ялыиджык посылает нас за товарами, ... лучил разрешение на свадьбу.

Бейбура молвил:

— Купцы, судьба играет нами! Если вы пере... сокие горы, если пройдете мимо именитых горо... дойдете до дальних и дальних стран, спросите о ... единственном. Может быть, где-то в местах не... кто-либо знает, жив он или мертв. Принеси ... купец. Да будет твоей жертвой моя побелевшая ... купец.

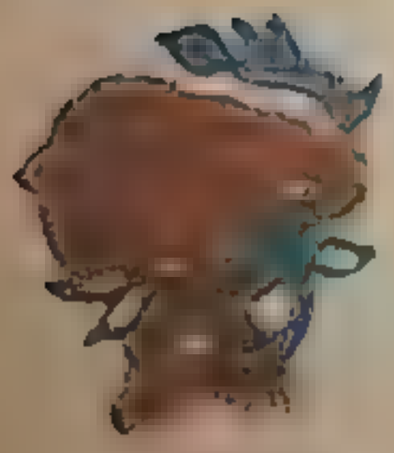
Старый купец отвечал:

— Будь покоен, Бейбура, мы везде станем спр... о Бейреке. Найдем — так найдем. Не найдем — бу... взял. Что поделаешь?

Купцы отправились в путь, звуки бубенцов ушл... Бейбура, устремив слепые очи вослед каравану ...

— Свет моих ослепших глаз, сынок! Опора ста... дома, сынок! Где ты, сынок?

В глубоко... крепости Бейбурд глен... привыкли к ... но что здесь можно быт... кроме сырых ... Бейрек сжался в комок, сдер... велясь. По... ладонью камень стены и вдр... ствовал, что ... — мокрый. Откуда-то сочи... Бейрек рас... нь, камень выпал, и вода ... Бейрек вытащил еще несколько камней, и отк... А ход этот вел к подземной реке. Бейрек бр... в лаз, попал в реку, поплескался в воде, и вода ... к другому лазу. Бейрек проник в него — и попа... ный подвал. Здесь был склеп. Здесь стояли та... гильные камни, как на наземных могилах. За... похоронены родичи кагана.



...ура послышался глухой стон, и вскоре семеро вышли оттуда. Выволокли связанного Бейрека с заткнутым ртом, кинули его на спину коня и ускакали так же тихо, как появились. Семеро ускакали, один остался. Оставшийся был под черным башлыком. Только всадники скрылись, он выхватил меч и с безмерной злобой начал кромсать шатер. Злоба его не остывала, он вскочил на коня и стал топтать остатки шатра копытами. Сровнял его с землей и ускакал.

В доме Газана собрались джигиты. Был здесь и Деде Коркут.

Газан молвил:

— Деде, что посоветуешь?

Деде Коркут ответил:

— Что под землей делается — змея знает, что на земле — человек. Пошли джигитов на четыре стороны света, пусть принесут весть — жив Бейрек или мертв.

Газан молвил:

— Аман пусть отправится на восток, Дондар — на запад, Карабудаг пусть принесет весть с южной, солнечной стороны горы Аладаг; Ялынджык — с северной, теневой стороны горы Газылык. Тому, кто проведает, что Бейрек жив, дам богатство. Кто удостоверит, что он мертв, получит Банучичек.

Джигиты сели на коней, поскакали на четыре стороны света.

Оставшиеся ждали. Ждал Газан. Банучичек не отрывала взора от дороги. Отец Бейрека, его мать и сестры стояли на перекрестке.

Аман вернулся, покачал головой.

— Не нашлось никого, кто сказал бы, что видел Бейрека,— молвил он.

Дондар вернулся, потупил взор:

— Нет никаких следов.

Карабудаг вернулся:

...я быков, козлов, оленей, выбитых на скалах обустана, ...скали на конях, бились на мечах, боролись, ...зодили хо-...оды. И каждый день белый кафтан Бейрека красовался ...на одном из его молодых друзей.

А на Фиалковом эйла́ге Гыз-Беновша тоже кипела праздничная суматоха. На Банучичек надевали свадебное платье. Гысырджа Енгя держала перед ней зеркало, мать повязывала ей красный тюрбан.

Джигиты постарше собрались в шатре Бейбуры. Здесь ...ыли и Газан, и Алп Аруз, и Аман, и Карабудаг. Деде Коркут играл на кобзе и пел:

— Ах, госпожа моя!

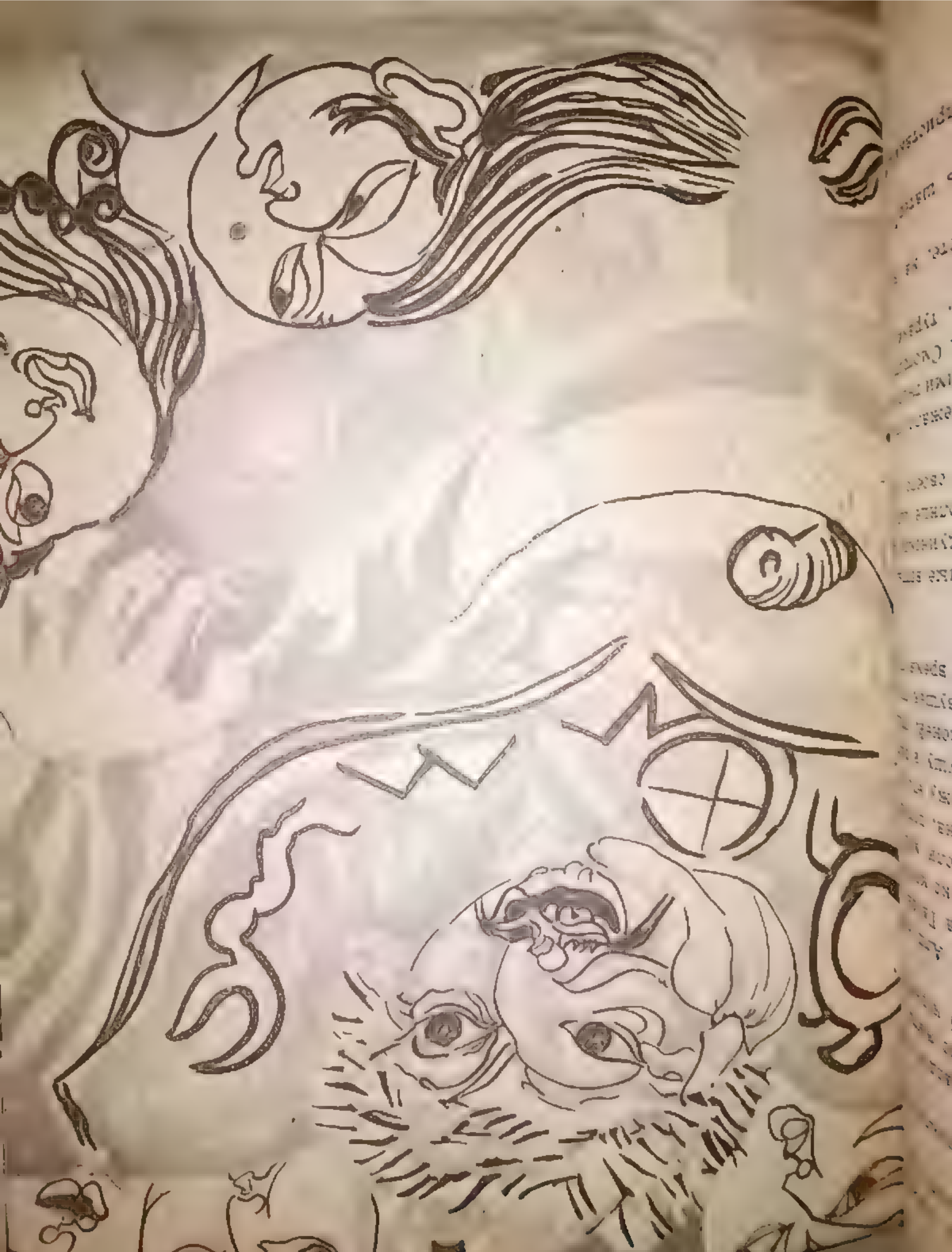
Сколько б ни сыпал снег, к весне растает;
Цветами-травами покрытый луг к осени пожелтеет;
Из вешних вод мо́ря не получится;
Из пепла холма не насыпать;
Из старого хлопка холста не соткать;
Из старого врага друга не сделать;
Если девушка у матери не научится, чести не сбережет;
Если сын у отца не научится, [illegible] не накроет;
Сын создание отца. Один из двух его глаз.

И еще пел Деде Коркут. Послушаем, что он пел:

— Ах, госпожа моя!

Чем булатный меч в нечистой руке, лучше безоружность;
Чем высокий дом без добрых гостей, лучше бездомовье;
Чем горькие травы, которых конь не берет, лучше ...устыня;
Чем горькие воды, которых человек не пьет, лучше ...езводье;
Чем негодный сын, отцово имя уронивший, лучше без-...етность;
Чем дурное семя в материнской утробе, лучше бесплодье.
Ах, госпожа моя!

Кончил петь Деде Коркут, джигиты разошлись по од-...ому, по два, каждый двинулся к себе домой.



Иногда в хижину заглядывали ее дети, она им совала в руку луковицу и отсылала прочь.

— Что я могу? — сказала она.— В этой развалюхе ни муки, ни отрубей. Верблюд с мельницы не вернулся! Провались он, этот дом! С тех пор как вышла замуж, ни разу не ела досыта, губы мои не смеялись, ноги мои не видели обуви, а лицо — покрывала. Вот подох бы мой непутевый — вышла бы за другого, может, больше бы повезло...

Айна Мелек опять принялась за свое:

— Муж истаял, как свечка, очень уж горюет. Не знаю, в чем наша вина, что господь не дает нам ребенка.

Фатьма сказала:

— Эх, пепел на голову и мужей, и детей! Вон у меня девять,— она показала на свой живот,— и десятый в пути! Ну и что? Хорошо мне живется, что ли?... Ладно, не убивайся так,— добавила она.— Я знаю, тебя заворожили. От колдовства я тебя избавлю, но надо, чтобы ты сделала все, что я скажу.

Среди ночи Фатьма и Айна Мелек пошли на кладбище. В лунном свете могильные камни отбрасывали причудливые тени. Фатьма оторвала от одежды Айны Мелек лоскут и закопала его подле могильного камня.

К утру Фатьма и Айна Мелек пришли к раскидистому дереву. У дерева стояла каменная статуя верблюда. Это было святое место. На ветвях висели лоскутья, тряпицы. Фатьма оторвала от платья Айны Мелек лоскут, намотала на палочки, сделала крохотную люльку, повесила ее на ветку. Три раза обвела Айну Мелек вокруг дерева. Потом, раскачивая люльку, пропела заклинание.

Под вечер Фатьма вышла из хижины, вынесла мужнины шаровары, взялась за штанины. Велела Айне Мелек пройти под одной штаниной, потом под другой...

Бейбура по совету Бейбеджана кормил голодных, надевал раздетых, резал баранов, раздавал их тушами. Люди

настигла и того, кто [illegible] седла. Стре[illegible] вонзилась в грудь его. Он простер руку, обнял [illegible] коня, соскользнул на землю. Еще одна шал[illegible] попала в коня. Конь вытянулся рядом с джиги[illegible]

Ратники истребляли друг друга: рубили ме[illegible] шали дубинами; кто прицеливался стрелой, к[illegible] с копьем, кто, раскрутив аркан, сбрасывал [illegible] седла...

Погибая, джигиты и кони застывали, обраш[illegible] мень. Возгласы, стоны, ржание слышались все [illegible]

В конце концов никого не осталось и ничего [illegible] лось. Поле брани было заполнено каменными те[illegible] дый застыл в том движении, в каком застигла [illegible]

Среди этих каменных истуканов горестно [illegible] старец — Деде Коркут, ведя в поводу жеребца с [illegible] дой во лбу.

Он взобрался на вершину утеса, посмотрел [illegible] менные изваяния утратили четкость линий. Тепер[illegible] уже не люди, не лошади, а просто похожие на [illegible] чудливые скалы. Камни, камни, груды камней — [illegible] и осталось от кровавой бойни! Только это [illegible] от огузских племен!

Камни, скалы, утесы... И ни единого звука, [illegible] вого...

Вздохнул Деде Коркут, заплакал, дернул за [illegible] жеребца с белой звездой во лбу, двинулся в пу[illegible] горы и ущелья, вышел к лесу. Был этот бу[illegible] кладбищем. Казалось, буки, словно кроты, выб[illegible] могил. А на могилах стояли каменные бараны. Б[illegible] стадо превратилось в камень в этом лесу.

Деде Коркут посмотрел на каменных баранов [illegible] на могилы и услыхал какой-то звук. Обернулся [illegible] что молодой парень в черных штанах копает з[illegible]

— Парень,— окликнул его Деде Коркут,— [illegible] роешь?

Парень искоса взглянул на Деде Коркута. [illegible]

Зеленогрудые древние горы такой схватки не знали. Глубокие тесные ущелья такого побоища не ведали.

Был тот день тяжким для огузов. Друг сражался с другом, родич с родичем, брат с братом, отец с сыном. Откуда грянула на головы племени огузского кровавая беда?

Пусть придет праотец народа, мудрый прорицатель Деде Коркут, возьмет в руки кобзу, слово молвит, песнь затянет, поведает о том, что было, что миновало.

Но Деде Коркут песни не заводил, кобзы не трогал. Говорили шестоперы, гремели мечи, свистели стрелы, ржали кони. Кто уловил бы хоть слово, кто стал бы слушать кобзу? Деде Коркут с увещеванием подходил к огузским конникам, призывал прекратить братоубийство, но никто на него не взглянул, никто не вслушался. У воинов, никогда не вынуждавших Деде Коркута повторять что-либо дважды, сегодня пылали глаза, мутился разум.

Двое джигитов во весь опор гнали коней навстречу друг другу. Сшиблись. Кони взвились на дыбы. Один всадник, схватив другого за пояс, швырнул его наземь. Но смерть

Гуров Г.Я., Засечный Ю.В., Иванов А.Н., Чежути А.В.

АЗБУКА ЗАЩИТЫ ОТ ПРЕСТУПНИКОВ

1992

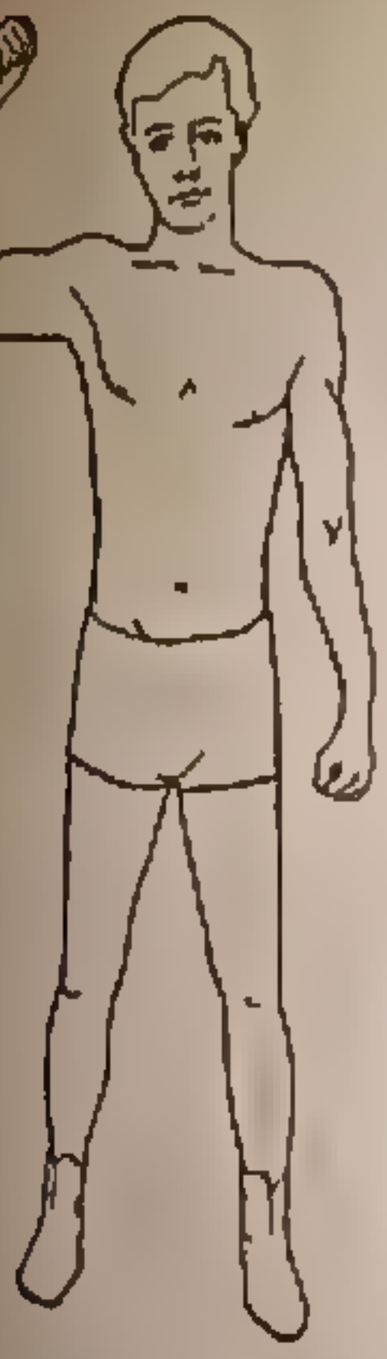


Рис.8.57

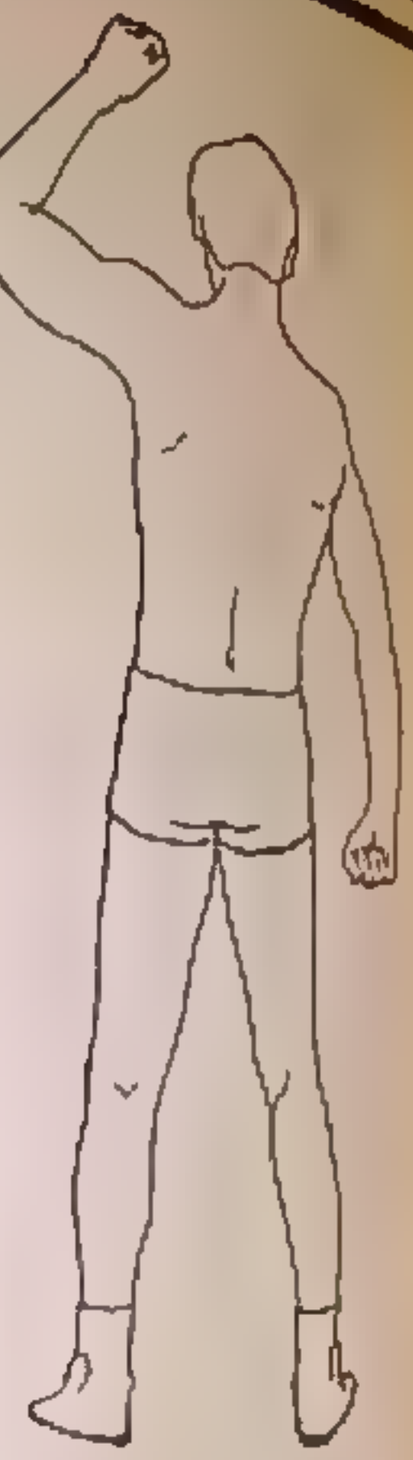


Рис.8.58

Практика ведения рукопашного боя с группой противников.

Противников трое и больше:

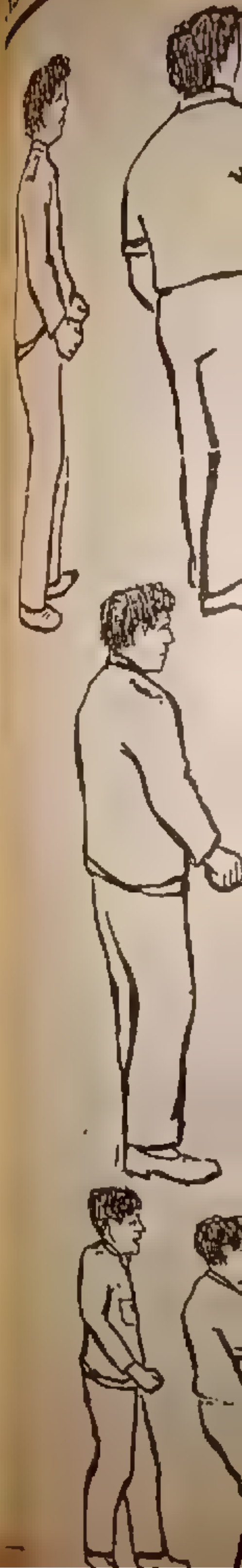
Обозначить стойку против центрального, атаковать крайнего (самого слабого), после его нейтрализации напасть на центрального, постоянно перемещаясь так, чтобы противники, мешая друг другу, не могли нападать одновременно.

Необходимым условием боя против группы является быстрое перемещение и маневрирование, растягивающее нападающих.

Один из корифеев самбо, А.А.Харлампиев, применял на учебных тренировках тактику растягивания группы противников при помощи бега по большому кругу. Учитывая, что физические данные нападающих различны, убегающий имел возможность успешно атаковать опередившего группу, после чего продолжал бег, выманивая следующего.

Рассмотрим несколько стандартных ситуаций, возникающих в ходе реального боя.

Трое нападающих пытаются блокировать обороняющегося (рис.8.59). Нейтрализуем крайнего броском за подколенный сгиб с одновременным толчком-ударом напряженного предплечья в верхнюю часть туловища (рис.8.60). Не отвлекаясь на упавшего, убежать в сторону (рис.8.61).



Описание приемов боевого самбо против одного и нескольких нападающих.

Как обезопасить себя от получения фальшивых денежных знаков и валюты.

Как правильно отразить нападение собак.

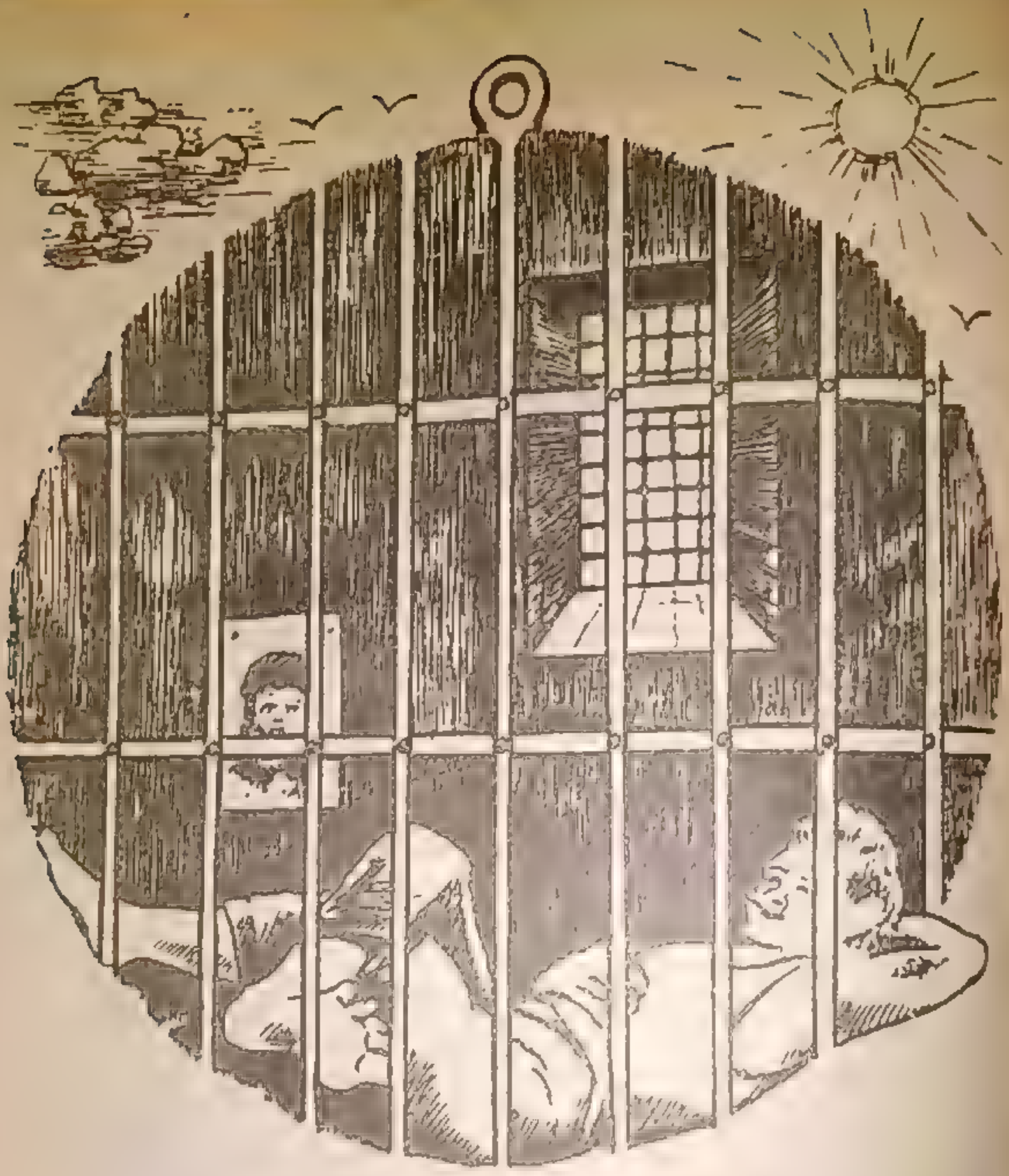
Одного и
используют
были, и мы
защите от со
Тренирое
одним своим
тому не след
кнему лицо
в своих физ
уже упомян
противника,

Защита от квартирных краж.

С чем
нувших
что нап
их, то с
В по
для ми
ство эт
90, 5 пр
валый:
Как
жителе
интере
ежегод
ленны
Чащ
ственн
из дра
займо
ных то
Пре
ра. До
или ль
совер
И н
почто
о про
05

Самооборона при изнасиловании.

Великие уравнители или оружие самообороны.



Тюремная камера. Как в ней выжить, оставаясь человеком.

Арест. Как правильно вести себя при первом допросе. Чего боятся недобросовестные следователи.

Арест. Как правильно вести себя при первом допросе. Чего боятся недобросовестные следователи.

Тюремная камера. Как в ней выжить.

"Великие уравнители", или оружие самообороны. Газовые пистолеты и баллончики. Правовые аспекты применения. Распространенные типы пистолетов.

Самооборона при изнасиловании.

Защита от квартирных краж.

Ка
со
Ка
фальши
Описа
прот

Книга - почтой

Всем любителям единоборств.

В IV квартале 1992 г. впервые поступит в свободную продажу репринтное издание:

Курс самозащиты без оружия "САМБО"

Учебное пособие для школы НКВД. Автор Волков В.П. 1940 г.

Уникальная книга включает в себя разнообразные аспекты "самбо":

- методика и техника борьбы против лица, вооруженного оружием;
- основные приемы борьбы против вооруженного огнестрельным и холодным оружием;
- основные приемы против вооруженного винтовкой, а также саперной лопатой;
- конвоирование;
- основные приемы работы коротким финским и норвежским ножом;

и многое другое на 540 страницах.

Квитанцию об оплате (платежное поручение) и открытку с указанием точного адреса и фамилии вложите в конверт и отошлите по адресу:

140160 Московская обл., г.Жуковский, ГУС А/Я 997.
М.П. "Ассоциация Олимп".

Оплата производится на р/сч М.П. "Ассоциация Олимп"
468847 в ММКБ г.Жуковский Московской обл. МФО 211833.

Цена книги _____

только для того, чтобы заплатить за жилье, тебе требуется двухнедельный заработок — при этом позабудь о всяческой роскоши типа еды. — весьма и весьма отрезвляет. Брак может поменять тебе продолжить образование, выбрать — путем проб и ошибок — профессию, у тебя может вообще не найтись времени, чтобы хоть как-то выбрать профессию.

Нехватка денег — она ведь сказывается на всем: ты не можешь позволить себе никаких удовольствий, а уж о путешествиях и праздниках и думать нечего. Безденежье — еще и отличная проверка вашей привязанности друг к другу: часто браки разрушаются именно по этой причине. Ссоры из-за денег — обычное дело, если денег хронически не хватает.

Но хуже всего то, на что потом жалуются многие: ранний брак лишил их радостей и экспериментов, свойственных молодости. Возможно, если б не брак, ты мог бы получить более интересную профессию, а может, встретил бы куда более интересного спутника и т. п. Но пути-то назад нет!

ВОПРОСЫ К САМОМУ СЕБЕ

Но если вы все же серьезно думаете о том, чтобы пожениться, есть несколько важных вещей, которые вы просто обязаны друг с другом обсудить

1. Какими вам видятся роли мужа и жены? Традиционными, когда жена сидит дома и ведет все хозяйство, а то время как муж работает, содержит семью, считается ее главой и принимает все важные решения? Или более прогрессивными, когда оба супруга работают и имеют равные права при решении семейных и финансовых проблем?

2. Как каждый из вас относится к детям? Это очень важный вопрос. Оба ли вы хотите иметь детей, и если так, то когда? Если вы всерьез хотите иметь детей, то обязательно выясните взгляды вашего жениха или невесты на этот вопрос до вступления в брак, а не после.

3. Как вы намерены распоряжаться деньгами? Врозь? Или совместно? Если так, то кто должен отвечать за контроль над семейными расходами и оплачивать счета? Жены так же склонны вести финансовые операции, как и мужья.

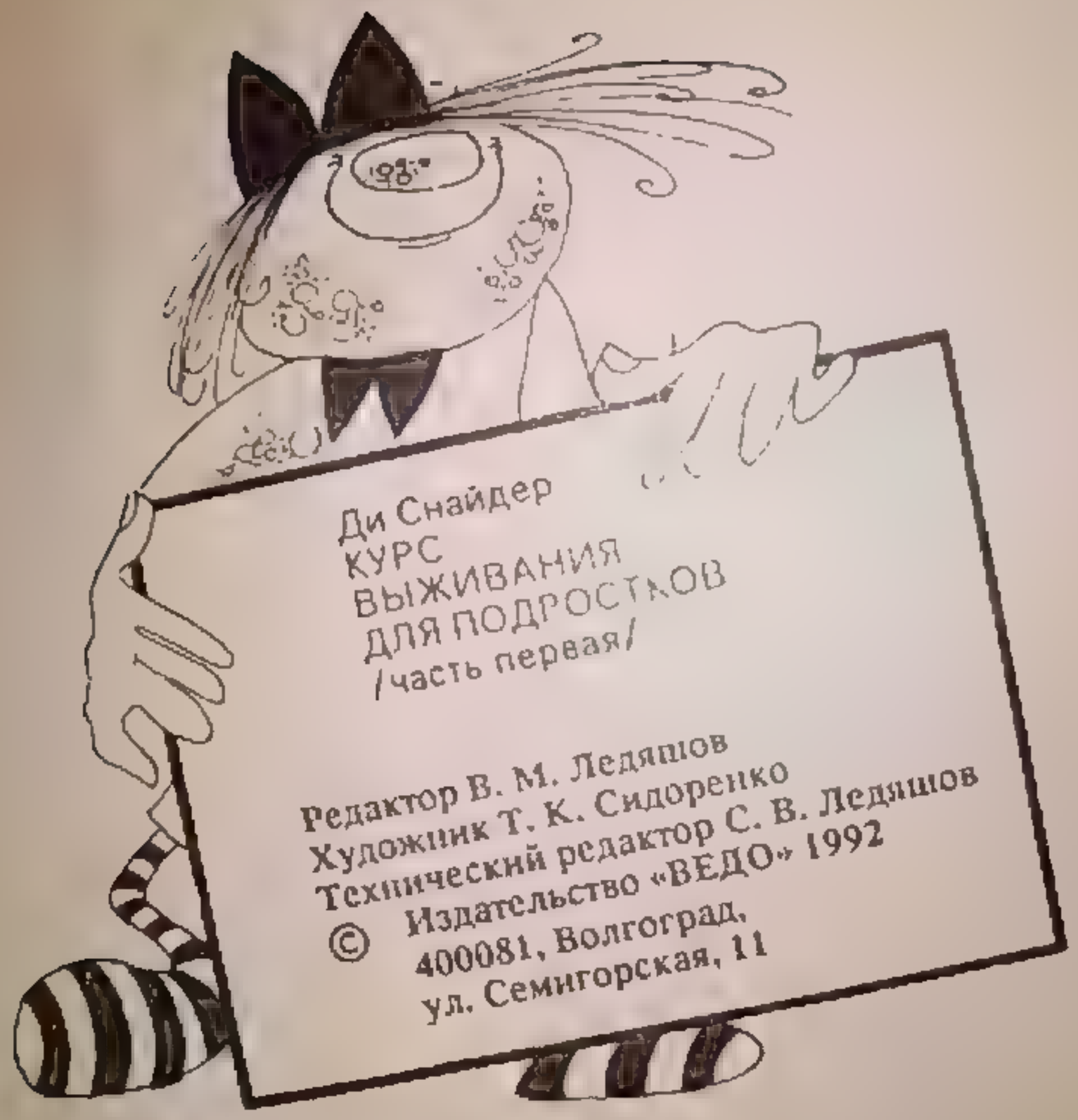
4. Оба ли вы независимы от родителей? Вмешательство родителей может создавать серьезные трудности. Вы оба должны уметь постоять за себя.

5. А как насчет друзей? Некоторые считают, что после вступления в брак надо прекращать всякие отношения с друзьями противоположного пола, а порой и с друзьями того же пола. Заранее оговорите свою степень независимости в этом вопросе.

6. У вас есть какие-либо сомнения по поводу друг друга? Если есть, не спешите планировать женитьбу. Брак — это вовсе не просто «естественное завершение» ваших взаимоотношений и не решение существующих проблем; брак — это вершина ваших взаимоотношений, если эти взаимоотношения уже достаточно зрелые. И никогда не рассчитывайте на брак как на средство изменить человека. Никто — ни пьяницы, ни наркоманы, ни лжецы, ни люди безответственные — не меняется только потому, что женится или выходит замуж.

Если у вас есть сомнения и вы хотели бы проверить, выйдет ли

ISBN 5-86760-007-6



Редактор В. М. Ледяпов
Художник Т. К. Сидоренко
Технический редактор С. В. Ледяпов
© Издательство «ВЕДО» 1992
400081, Волгоград,
ул. Семигорская, 11

Подписано в печать30.07.92. Формат 60x84/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 4,65. Тираж 50000. Заказ 131.

Министерство печати и информаций Российской Федерации
Полиграфическое производственное предприятие «Офсет»
400001, Волгоград, ул. КИМ, 6

лучше. Отвлекись на часок. Не думай о проблеме. В конце концов после перерыва ты собираешься подналечь, так о чем беспокоиться? Между прочим, если тебе так удаются заголовки, значит, ты станешь не биологом, а художником-графиком! И ты возвращаешься к учебнику, овладев проблемой вместо того, чтобы она овладела тобой.

Исследования показали, что причиной стресса чаще всего является самое обыденное, отнюдь не чрезвычайное напряжение, которое возникает чуть не каждый день. Те самые мелочи, с которыми мы вполне можем справляться. Выдели из своей жизни те моменты, которые ты в силах изменить, даже если это что-то весьма несерьезное, внешнее — например, измени прическу, и ты сразу же будешь лучше себя чувствовать. (Довольно интересный факт: по результатам одного из опросов подростков по поводу наиболее тревожащих их моментов на первом месте стоял вес, вообще физическая привлекательность занимала одно из ведущих мест.) А серьезные вещи — такие, как развод родителей или смерть кого-то из близких, — они вообще вне вашего контроля.

Я всегда стараюсь не терять перспективы, не забывать об истинном положении вещей. Что это такое — реальный взгляд на вещи? Включи вечерние новости: городок на Среднем Западе полностью разрушен наводнением; вот семья, глава которой убит каким-то психом; маленькая девочка, умирающая от неизлечимой болезни... И вдруг твои проблемы становятся такими незначительными, и угроза, что нависла над твоей головой, если не исчезает совсем, то кажется не такой мрачной.

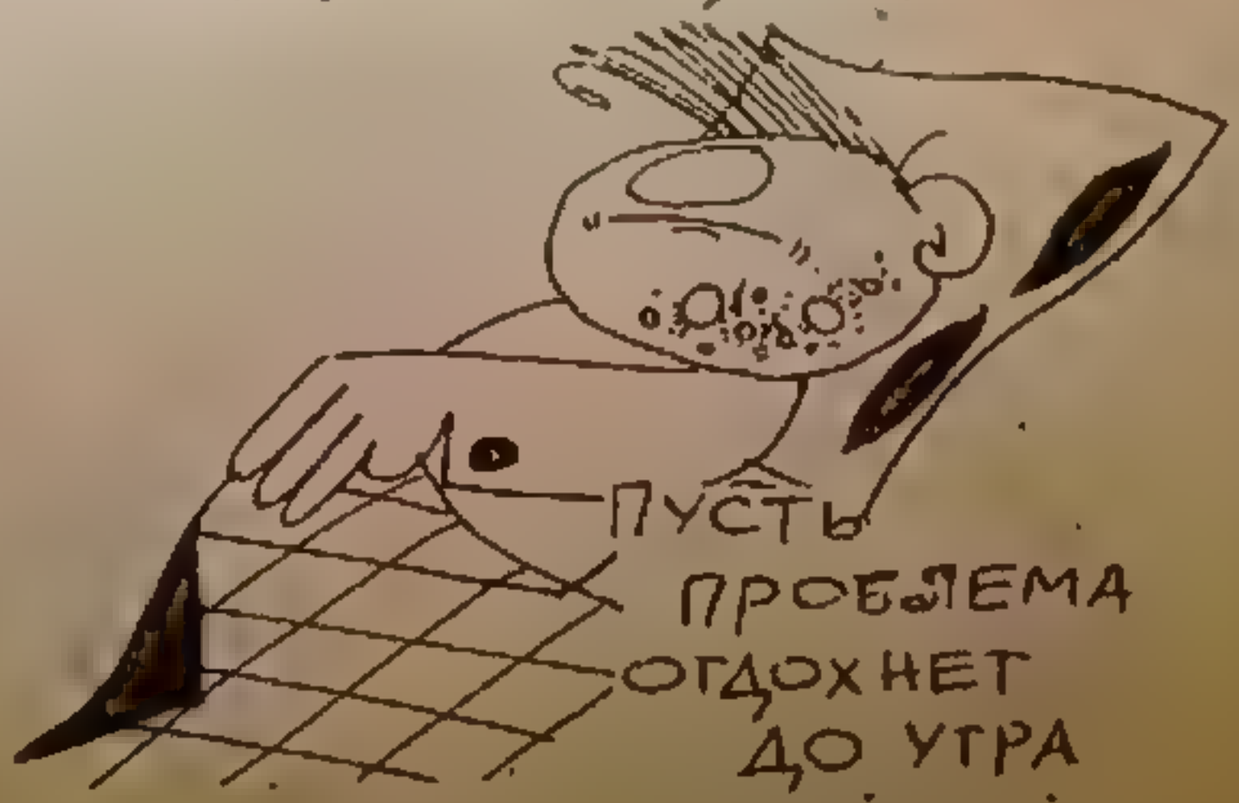
Я не говорю, что твои проблемы не настоящие — отнюдь. Я говорю другое: постарайся сосредоточиться на том, что есть в твоей жизни хорошего. Хорошее всегда перевешивает плохое, хоть ненамного. Я всегда был благодарен тому, что я имею. Даже за самое малое... Ох-хо-хо, я начинаю звучать как настоящий межпланетный хиппарь! Извини, дружок, потому что я совершаю единственное благое дело: освобождаю от стресса самого себя.

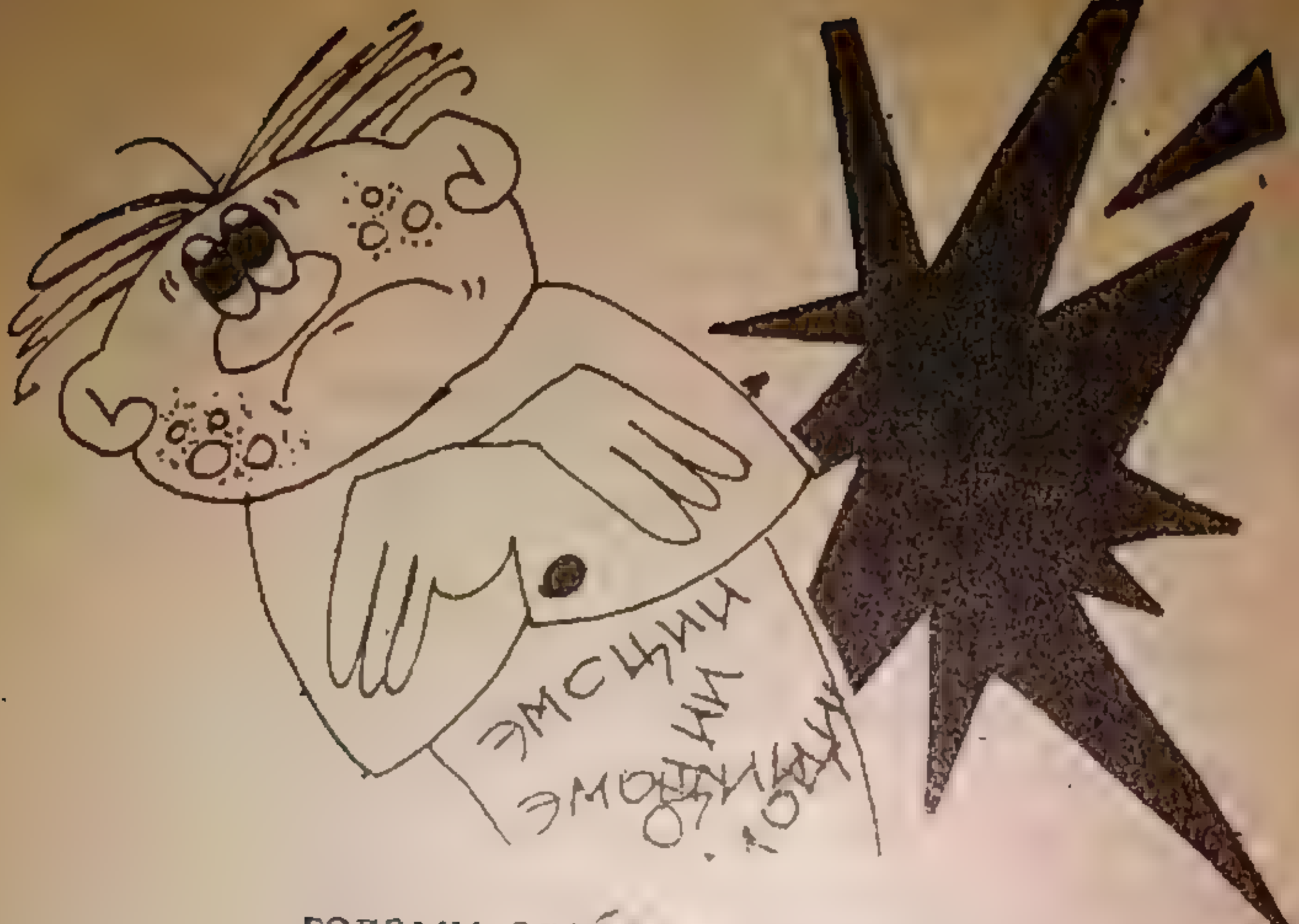
Лучшее в жизни — это чаще всего мелочи (впрочем, иногда, когда я ныряю в большой бассейн, я думаю, что и в большом есть радость). Вот тебе пример: однажды, еще до того, как «Гвистед систер» стала «великой группой», я сидел в машине с женой и сыном. Был холодный дождливый день. Работала печка, «дворники» гнали по ветровому стеклу тяжелые струи. Я пил горячий кофе. Мы никуда особенно не собирались, так, за покупками, в кармане было немного денежек, а дома меня ждало студийное оборудование — пока еще взятое напрокат — и работа. И я действительно был счастлив, и все было так просто, словно мы были героями телерекламы.

Долгое время я искал нечто, что называют СЧАСТЬЕМ, а счастье было таким простым — сидеть в теплой машине в холодный день. И, что самое главное, чтобы быть таким счастливым, не надо ни славы, ни богатства. Каждому это доступно.

КОГДА ТЫ В ДЕПРЕССИИ

В начале моей подростковой жизни я мог стать профессиональным «депрессиком», может быть,





годами слабее, но мне приходится иметь дело с огромными профессиональными трудностями. Жизнь «на чемоданах» — из-за гастролей — сама по себе тяжкое испытание, к тому же именно я пишу основную часть песен, отвечаю за выбор песен для альбомов, плюс ко всему постановка видеороликов и сценического шоу!

До некоторой степени я приветствую эти трудности, потому что они подстегивают людей, побуждают их к работе. Когда я писал песни для альбома «Оставайся голо-

бывают какие-то желания по этой части (впрочем, ты вообще о них как о живых людях редко думал), так что поначалу ты, совершенно естественно, чувствуешь себя неловко. Это нормально, когда ты немножко злишься и ревнуешь предков к их новым увлечениям — с чего это вдруг родитель или родительница перестали уделять тебе все, ну абсолютно все свое внимание?

К тому же нет никакой гарантии, что тебе понравятся новые родительские друзья. Но держи в башке следующее: через несколько лет ты покинешь дом, а новые браки твоих родителей могут длиться всю их жизнь. Говоря о твоем будущем, я в основном предлагал тебе прежде всего думать о себе и делать то, что ты сам для себя считаешь лучшим. Но в этом случае я прошу тебя подумать о родительском счастье, потому что все люди хотят счастья, и не лишай предков их последней надежды. Однако некоторые подростки, руководствуясь самыми добрыми чувствами, слишком старательно пытаются играть в сына или дочку нового «перспективного» папаши или мамаши — тех, с кем встречаются родители. Этого делать тоже не следует: нет никакой гарантии, что этот роман будет удачным, и, если он окончится, ты снова испытаешь чувство потери.

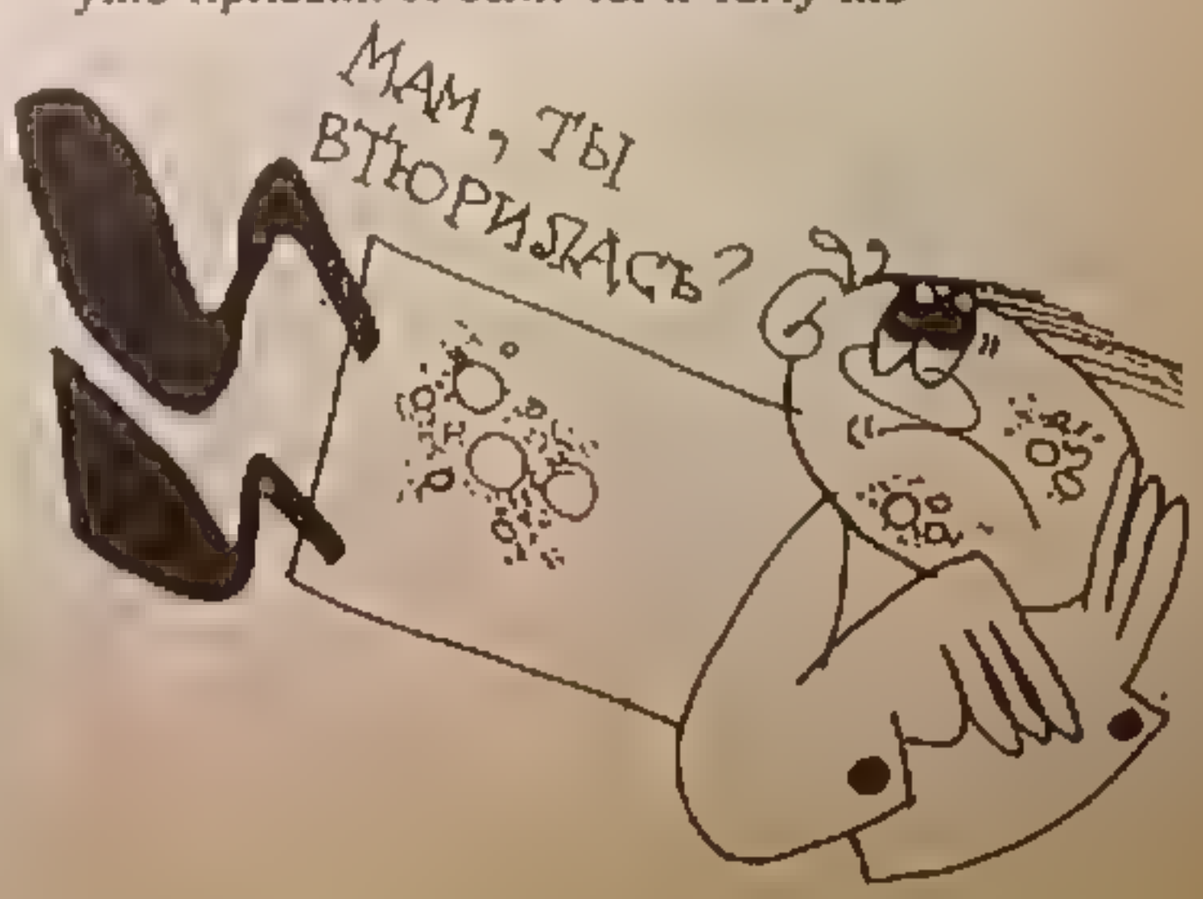
75 процентов всех разведенных людей — мужчины немного чаще, чем женщины, — выходят замуж или женятся по новой в течение пяти лет. Когда женится один из предков, а второй еще одинок, могут вылезти старые раны и на время возобновиться ссоры, причем матери чаще неодобрительно встречают новых жен отцов. Для тебя новый брак родителей означает, что тебе надо приспосабливаться.

ОТЧИМЫ И МАЧЕХИ

Мало тебе было головной боли от общения с собственными предками, так теперь надо общаться еще с одним или даже целой парочкой новых! Новые папаши-мамаши приносят с собой целую кучу новых уникальных проблем.

Новый родитель — это прежде всего чужак. А то, что твои собственные мать или отец любят этого чужака, вовсе не значит, что и ты должен его или ее любить. Это абсолютно нереалистично — думать, будто ты сможешь относиться к отчиму или мачехе так же, как бы ты относился к отцу или матери, родившим тебя; и столь же нереалистично полагать, что отчим или мачеха будут любить тебя так же, как своих собственных детей. Но это вовсе не значит, что у вас не может быть теплых отношений и даже дружбы. Если тебе повезет, ты научишься любить отчима или мачеху и увидишь в них то, что увидели и за что полюбили их твои мать и отец. Но это будет совсем другая любовь, отличная от той, что связывает тебя с отцом и матерью.

Когда появляются новые предки, домашняя рутина снова меняется. На обед могут подаваться новые блюда, а отчим может быть отнюдь не таким терпимым, как отец, к музыкальным передачам по телеку. Ты вдруг начинаешь жить в одном доме с человеком или людьми, чья фамилия отличается от твоей, и это еще одно напоминание о том разломе, что произошел в твоей семье. Новые предки могут пытаться навязывать тебе свои взгляды и правила, и эти взгляды и правила порой весьма отличаются от тех, к которым ты уже привык. А если ты к тому же



...ъ отдѣлаться отъ порока, искренно, сосредоточен-
...ого и Вы безъ всякой посторонней помощи избавитесь отъ
порока.

Не приходите въ отчаяніе и не теряйте надежды, если
первые опыты не дали желаемыхъ послѣдствій, повторяйте
съ упорствомъ упражненіе, какъ можно чаще, не забывая
что мысли растутъ и совершенствуются, что вначалѣ малая
слабая мысль обращается въ большую и сильную.

Нѣтъ порока, отъ котораго человѣкъ, при искренном
желаніи, не могъ бы отвыкнуть и навсегда отдѣлаться от
него.

Повторяю, для того, чтобы отдѣлаться отъ дурной при
вычки и порочной склонности вообще, нужно лишь часто
искренно и сосредоточенно думать о послѣдствіяхъ этого
порока и сказать себѣ твердо и рѣшительно: „Я больше н
буду предаваться пороку!“ При частыхъ упражненіяхъ мысл
растетъ, совершенствуется, обобщается съ волей и занимает
господствующее положеніе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда Вамъ трудно сосредоточит
ся, т. е. остановить свою мысль на одномъ предметѣ, Вы с
дитесь у стола, на которомъ предъ Вашими глазами дол
женъ находиться бѣлый чистый листъ бумаги съ черно
точкой, размѣромъ серебрянаго пятачка въ центрѣ его
Нажавъ не сильно ладонями рукъ виски и упершись лок
тями о столъ, смотрите упорно, не отводя взгляда, въ про
долженіи нѣсколькихъ минутъ въ черную точку, старайс
въ это время остановить свою мысль на желаемомъ предме
тѣ и черезъ нѣсколько минутъ Вы легко достигнете цѣли.

Курсіе

61
А37

Айрапетов С. Г.

А37 Здоровье, эмоции, красота (Этюды). М., «Знание», 1976.

64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Медицина», 10. Издается ежемесячно с 1967 г.)

Брошюра посвящена влиянию эмоций на психическое и физическое здоровье человека. Тема эта волнует любого человека, который хочет иметь в «здоровом теле здоровый дух». Автор приводит много интересных фактов, примеров из истории, литературы и искусства, высказываний великих людей прошлого.

Брошюра рассчитана на массового читателя и может стать незаменимым помощником лектора.

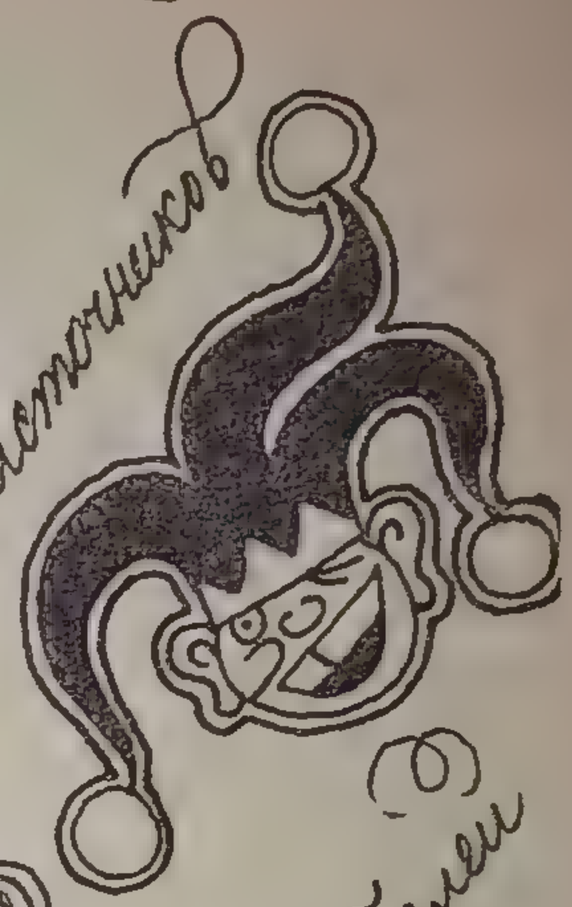
61

50100

© Издательство «Знание», 1976 г.

Истинный возраст записан не в паспорте, и на стенках кровеносных сосудов

Древние храмы — у минеральных источников

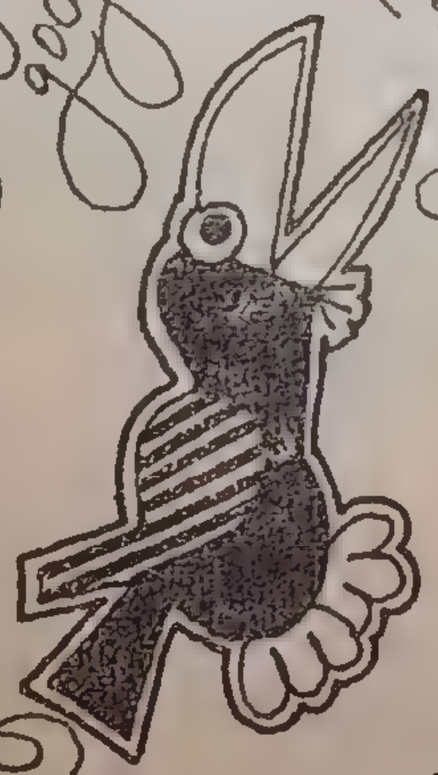


То, что не упражняется — умирает

Раны у победителей заживают быстрее

Прекрасное пробуждает доброе

На языке легче держать горячий уголь, чем тайну



Секрет талой воды

Торопись обрадовать человека

ЮРИЙ РЮРИКОВ

ТРИ ВЛЕЧЕНИЯ

ЛЮБОВЬ, ЕЕ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «УНИВЕРСИТЕТСКОЕ»
1986

ЮРИЙ РЮРИКОВ

Три влечения

... — писал ... на передний план». ... пресс, освобождение от старых ... других — «учение, удобно прикрывающее всякого рода свободные и легкие отношения»...[1]

Ту же идею выразил Маркс, говоря о двух видах разложения старых правов: о «распутной фривольности» гибнущего мира, который загнивает и «наслаждается этим своим загниванием», и об «освобождении нового духа от старых форм», о «чувстве собственной силы», присущем новой жизни, «которая разрушает разрушенное, отвергает отвергнутое»[2].

И Ленин в письмах к Инессе Арманд и в беседе с Кларой Цеткин говорил о буржуазной свободе любви — и о «свободе любви, как мы, коммунисты, ее понимаем»[3].

У гуманистической свободы-оптимум много слагаемых — социальных, духовных, моральных, психологических, биологических; они выстраиваются в сложную лестницу, ступени которой ведут от социальной почвы жизни к ее психологической атмосфере. Эти ступени — свобода от неравенства женщин и от цепей домашнего хозяйства; свобода в поиске спутника жизни и свобода развода; свобода от материального ига в любви и от косных влияний среды, от древних предрассудков и тиранических запретов; свобода от пуританского третирования естественных стремлений человеческой природы — и от гедонического возведения их в культ; свобода от невежества и незнания; свобода следовать своим глубинным чувствам и «осознанная необходимость» соразмерять их с добром и совестью...

Все эти свободы — почва той гуманистической любовной культуры, которая начинает рождаться в нашу эпоху.

МОЖНО ЛИ ОТДЕЛИТЬ ВЕТЕР ОТ ВОЗДУХА?

На Западе идет и вторая революция в отношениях полов, мелкобуржуазная по своей сути. Она захватывает в

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, с. 8.
[2] Там же, т. 1, с. 88.
[3] Воспоминания о Ленине. М., 1970, т. 5, с. 47.

сновном телесную часть этих отношений, а в ней страшно
силстаются анархические и коммерческие потоки.

У нас иногда чересчур расширяют ее, зачисляют в нее и те антиханжеские сдвиги, которые относятся к бпархатной революции, и промежуточные течения, которые тяготеют к обоим полюсам, несут в себе влияния обеих революций. Не видя их разницы, такие люди подозрительно относятся и к полезному зерну, которое есть в промежуточных явлениях, и даже к гуманным передовым сдвигам. Такой расширительный подход к секс-революции явно преувеличивает ее глубинность.

У этой революции два главных лозунга: отделить секс от чувств и поставить его на рельсы вседозволенности.

«Отделить секс от чувств», то есть от симпатий, влечений, любви,— этот лозунг выдвинула в 1965 году одна из первых молодежных коммун Запада, коммуна ультралевых революционеров из Западного Берлина. Чувства берут слишком много сил, говорили вожаки этой коммуны, анархомаоисты, а мы должны отдавать все силы борьбе. Поэтому насыщать желание надо независимо от психологических влечений или отталкиваний; каждый имеет сексуальное право на каждого, и никто не может отказать никому.

Такие обычаи группового брака пытались ввести у себя многие коммуны группового брака, но все их опыты кончались провалом: об этом много писала тогда западная печать. У юношей и девушек из этих коммун возникали обычные для людей, неизбежные симпатии и антипатии и, когда они пытались переступить через них, это рождало в них неприязнь, обиды, вражду. Проходили год, два, и коммуны группового брака распадались и гибли одна за другой...

Революция — это глубинный переворот в основах какого-нибудь явления — так понимают ее в философии. Стремление отделить секс от чувств, физические половые ощущения от психологических было попыткой перевернуть глубинные основы человеческой природы. Попытка эта была рождена все тем же «рассечением» человека на тело и дух, все тем же представлением, что телесные и душевные ощущения человека не слиты в один поток, а текут отдельно, по соседним руслам.

Человеческое половое чувство — сплав физиологии и психологии — как бы расчеловечивалось, сужалось до одной физиологии. И это был даже не первобытный эрос, потому что тот был полон страстей и эмоций; это было как

бы превращение человека в биологический механизм, лишенный психологии. Увы, отделить ветер от воздуха, свет от огня, расщепить «атом» секса на психологию и биологию оказалось невозможно. Утопическая попытка изменить природу человека не удалась...

Но лозунг «отделить секс от эмоций» стал одной из главных внутренних пружин сексуальной революции. Коммерческие круги начали лавинами выпускать книжки, журналы, мини-фильмы, которые внушали, что любой имеет сексуальное право на любого — независимо от влечений, а то и знакомства.

В коммерческой порнографии это стало даже демонстративным мотивом: двое незнакомых встречаются, называют (а то и не называют) себя по именам — и сразу переходят «от слов к телу».

Такой подход к физической любви превращает ее в средство потребления, привычное, как бутерброд. И так, как личность партнера [illegible] мало что значит, в средство потребления превращается и человек. В коммерческой порнографии человек — всего лишь придаток своих половых частей. Центр кадра, центр композиции или описания занимают обычно именно эти части, а люди служат всего лишь их носителями. Это резко «частичное» — до расчеловечивания — отношение к человеку, превращение его в безликое типовое существо, как бы биоробота, который создан лишь для одной узкой задачи...

В шестидесятые годы такой обезличенный секс стал приправой почти ко всем видам массовой культуры. «Половодье пола» захлестнуло экраны и подмостки, журналы и книги, радио и теледнаназоны, рекламу... Воздух жизни предельно насытился им, стал эросферой, как говорят французы. Впрочем, с середины 70-х годов это половодье идет на спад — и в Скандинавии, где оно началось, и в США, и в ФРГ, и в других западных странах.

«Сексолюция» перемещала секс из частной жизни в публичную, но, видимо, делалось это как раз для того, чтобы переключить интересы людей в частную жизнь. Секс проповедовался как самая главная и самая доступная радость жизни: она зависит только от самого человека, и он может — стоит ему только захотеть — до предела насытить ею всю свою жизнь.

Подтекст тут близко лежащий: создавайте архипелаги сексуальных утопий, островки плотского рая на земле и не тратьте силы ни на что другое. Общую жизнь вы все равно

не изменит, а свою, частную, можете украсить обилием радостей.

Но изобилие секса — это его инфляция, особенно если он отделен от чувств. Когда его делают главной ценностью жизни, он обесценивается, ибо, обретая будничность, он теряет праздничность. Как говорил Шекспир:

> Так сладок мед, что наконец и горек.
> Избыток вкуса убивает вкус.

Впрочем, в том меде, который предлагала массовая порнография, сладости было немного. В ней господствовала продукция, которая была физиологична, груба и чаще вызывала у нормального человека брезгливость.

Телесная любовь здесь неожиданно выглядела в средневеково-христианском духе — как что-то животное и уродливое, только эта животность не отвергалась, а принималась. Это был эрзац телесной любви человека, ее искусственное подобие, как бы внешняя скорлупа, из которой выхолощено ядро. В ней не было человеческих чувств, были только «члены вместо чувств», было механическое, без души и эмоций, сочленение двух тел. Сужденный до одной физиологии, секс, особенно на экране и фото, превращался в безрадостное копошение, лишенное огня, взлета, страсти.

И причину этого вывернутого парадокса, видимо, просто понять. Как только из любовных радостей вычленяются их психологические усилители, накал радостей спадает, сменяется тусклым мерцанием, и людям остаются уцененные удовольствия...

Стендаль в свое время говорил: в любви душа обволакивает собой тело, у нагого тела появляется как бы новая душа — любовь. Платон мог бы сказать, что, пропитываясь этой любовью, тело становится телесно выраженной душой и душевно наполненным телом.

Чем глубинное наше влечение к человеку, чем больше наших внутренних сил оно вбирает в себя, тем сильнее его энергия и тем мощнее разряды наших чувств. Чем меньше энергия наших тяготений, тем слабее и их разряды. Это азбука человеческой психологии и физиологии, основа нашей духовной и физической природы, но ее, к сожалению, не понимает анархическая антикультура любви.

И потому безрадостные радости, которые она несет с собой, делаются блекло привычными, и, чтобы вдохнуть в них жизнь, нужна непривычность — вседозволенность.

Поэтому все позволено в «датском королевстве» секса:

групповой секс — втроем, вчетвером; женская и мужская однополая любовь — лесбиянство и уранизм; садизм — вплоть до самого зверского «фашизма секса»; совращение младенцев — беби-секс; сочетание людей с животными — зоофил-секс,— все пускают в ход создатели «порносферы». Кажется, что они хотят взорвать все возможные ограничения — не только ханжески косные, но и самые гуманные, самые нужные медицински и психологически.

Вседозволенность, как и отсечение секса от чувств,— это тоже разрыв единства между духом и телом, тоже разлив физических потоков в любви и иссушение духовных. И коммерческое половодье пола — это, к сожалению, засуха духа; она ставит во главу человеческих потребностей потребности важные, но не самые основные, а главное — в отрыве от других потребностей и в ущерб им.

Серийный секс, который тесним любовь, становится как бы новым духовным наркотиком; англичане называют это сексплоатацией, американские феминистки, противницы сексуальной революции,— сексизмом. Впрочем, дело, конечно, не в названии. Дело в том, что в развитых странах Запада совершается не только отход от ханжески-пуританской антикультуры любви к гуманной любовной культуре. Там идет и массовый переход от запретительной антикультуры бестелесной любви к вседозволяющей антикультуре бездуховного секса. Аскетическая мораль сменяется анархической, и это мешает росту гуманной любовно-половой культуры демократических слоев Запада.

Впрочем, девятый вал сексуального цунами, кажется, уже отхлынул, шоковые потрясения его как бы стали привычными и заметно меньше влекут людей; это еще раз говорит, что анархические крайности в общем-то поверхностны и не они служат главным руслом тех переворотов в любовной культуре, которые идут в мире.

ФУНДАМЕНТ, ВРАЖДЕБНЫЙ ЗДАНИЮ

Семья — это одно из главных русел, в которых течет современная любовь, очень важная ее «среда». Давно замечено, что с ходом истории семья все время сужается, и состав ее делается все меньше и меньше. Специалисты по демографии — науке о народонаселении — сосчитали, что в стране осталось сейчас только 5—10 процентов больших семей, а 90—95 процентов падает на долю маленьких се-

А.В. Прудникова

РУССКИЙ ЯЗЫК

СПИСОК ИЗУЧЕННЫХ В ШКОЛЕ ОРФОГРАММ

1. Безударные проверяемые гласные в корне слова — 222
2. Непроверяемые гласные и согласные — 223, 224, 243
3. Проверяемые согласные в корне слова — 223
4. Непроизносимые согласные в корне слова — 223, 224
5. Буквы *и, у, а* после шипящих — 227
6. Разделительные *ъ* и *ь* — 235
7. Раздельное написание предлогов с другими словами — 242
8. Употребление *ь* на конце существительных после шипящих — 236
9. Употребление *ь* для обозначения мягкости согласных — 236
10. Гласные и согласные в приставках (кроме приставок на *з (с)* — 224, 225
11. Буквы *з* и *с* на конце приставок — 226
12. Буквы *о* и *а* в корне *-лаг-* — *-лож-* — 222
13. Буквы *о* и *а* в корне *-раст-* — *-рос-* — 222
14. Буквы *ё* и *о* после шипящих в корне слова — 226
15. Буквы *и* и *ы* после *ц* — 228
16. Большая буква и кавычки в собственных наименованиях — 237
17. Буквы *е* и *и* в падежных окончаниях имён существительных — 233
18. Буквы *о* и *е* после шипящих и *ц* в окончаниях существительных и прилагательных — 227
19. Безударные гласные в окончаниях имён прилагательных — 234
20. Краткие прилагательные с основой на шипящую — 236
21. *Не* с глаголами — 239
22. Мягкий знак после шипящих в неопределённой форме глаголов и во 2-м лице единственного числа — 236
23. *-тся* и *-ться* в глаголах — 236
24. Буквы *е* и *и* в корнях с чередованием — 222
25. Буквы *е* и *и* в окончаниях глаголов I и II спряжения — 234
26. Буквы *о* и *а* в корне *-кос-* — *-кас-* — 222
27. Буквы *о* и *а* в корне *-гор-* — *-гар-* — 222
28. Буквы *ы* и *и* после приставок — 223
29. Гласные в приставках *пре-* и *при-* — 225
30. Соединительные *о* и *е* в сложных словах — 243
31. Буква *е* в суффиксе *-ен-* существительных на *-мя* — 230
32. Слитное и раздельное написание *не* с существительными — 238
33. Буквы *щ* и *ч* в суффиксе *-щик (-чик)* — 230
34. Гласные *е* и *и* в суффиксах существительных *-ек, -ик* — 229
35. Буквы *о* и *е* после шипящих в суффиксах существительных — 22
36. Дефисное и слитное написание слов с *пол-* и *полу-* — 241
37. Слитное и раздельное написание *не* с прилагательными — 238
38. Буквы *о* и *е* после шипящих и *ц* в суффиксах прилагательных — 227
39. Одна и две буквы *н* в суффиксах прилагательных — 232

М.Т.Бар

РУ
ЯЗ

Справоч
матери

УЧЕБНОЕ ПО
ДЛЯ УЧАЩИ

Под редак
академика Рос
Акад
докто
профе
и

МОСКВА
«ПРОСВЕЩ

40. Различение на письме суффиксов *-к-* и *-ск-* — 231
41. Дефис в сложных прилагательных — 241
42. Мягкий знак в середине числительных — 236
43. Буква *и* в окончаниях количественных числительных от *11* до *19* — 234
44. *Не* в неопределённых местоимениях — 238, 239
45. Дефис в неопределённых местоимениях — 240
46. Различение приставок *не-* и *ни-* в отрицательных местоимениях — 238
47. Слитное и раздельное написание *не* и *ни* в отрицательных местоимениях — 239
48. Мягкий знак в глаголах повелительного наклонения — 236
49. Гласные в суффиксах глаголов *-ова- (-ева-)* и *-ыва- (-ива-)* — 229
50. Гласные в суффиксах действительных причастий настоящего времени — 229
51. Гласные в суффиксах страдательных причастий настоящего времени — 229
52. Слитное и раздельное написание *не* с причастиями — 239
53. Две буквы *н* в суффиксах полных страдательных причастий прошедшего времени и прилагательных, образованных от глаголов — 232
54. Одна и две буквы *н* в суффиксах кратких страдательных причастий прошедшего времени и прилагательных, образованных от глаголов — 232
55. Гласные перед одной и двумя буквами *н* в страдательных причастиях и прилагательных, образованных от глаголов — 229
56. Буквы *ё* и *е* после шипящих в суффиксах страдательных причастий прошедшего времени — 227
57. Раздельное написание *не* с деепричастиями — 239
58. Слитное и раздельное написание *не* с наречиями на *-о (-е)* — 238
59. Буквы *е* и *и* в приставках *не-* и *ни-* отрицательных наречий — 239
60. Одна и две буквы *н* в наречиях на *-о (-е)* — 232
61. Буквы *о* и *е* после шипящих на конце наречий — 227
62. Буквы *о* и *а* на конце наречий — 230
63. Дефис между частями слова в наречиях — 240
64. Мягкий знак после шипящих на конце наречий — 236
65. Слитное и раздельное написание предлогов, образованных из наречий — 242
66. Слитное и раздельное написание предлогов, образованных от существительных с предлогами — 242
67. Буква *е* на конце предлогов *в течение, в продолжение, вследствие* — 242
68. Слитное написание союзов *также, тоже, чтобы* — 242, 243
69. Дефисное написание частицы *-то* со словами — 242
70. Дефисное написание частицы *-ка* с глаголами в повелительном наклонении — 242
71. Дефис в междометиях — 242

В.Н.Рудаков

СОВЕТЫ НОВОСЕЛАМ

РОСАГРОПРОМИЗДАТ

Табл. VII. Сюжетная и предметные картинки для автоматизации звука с

ПРИЛОЖЕНИЕ

Картинки-символы для вызывания, уточнения и дифференциации изолированных звуков

Табл. I. Аня плачет: «ааа»; медвежонок рычит: «ыыы»; Оля охает: «ооо»; паровоз гудит: «ууу»; мышка пищит: «шшш»; бычок мычит: «ммм»

Заказ 443

193 коп.

НЕДРА 1972

Единые правила безопасности при взрывных работах

200 2

Ольга Форш

РАДИЩЕВ

Трилогия

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1987

КРАТКИЙ ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

А б ш и д *(нем.)* — прощание. «Вставшая брать абшид»... — уходившая.

А в а н т а ж н о е (фр.) — выгодное, здесь — более к лицу.

А г г е л *(греч.)* — злой дух, дьявол.

А г р а ф *(фр.)* — нарядная пряжка или застежка.

А д е п т *(лат.)* — посвященный в тайны какого-либо учения; приверженец.

А ж и т а ц и я *(фр.)* — сильное волнение, возбужденное состояние.

А к а ф и с т — церковное песнопение.

А п р а н т и ф — недоучка.

А р к а н ы — здесь: петли.

А р т и к у л — воинский устав, статья закона.

А р х а л у к *(тат.)* — свободный кафтан с застежкой на крючках.

А с с е с с о р *(лат.)* — заседатель; младший чин по табели о рангах царской России.

А ф р о н т *(фр.)* — резкий отпор, оскорбление.

Б а с т а р д *(нем.)* — побочный сын, «незаконнорожденный».

Б е р е й т о р (бореитор) *(нем.)* — объезжающий верховых лошадей и обучающий верховой езде.

Б е ш м е т *(тюрк.)* — верхняя мужская одежда у татар и кавказских народностей.

«Б о б и к» — миниатюрный туалетный столик.

Б о с к е т *(фр.)* — маленькая рощица; группа декоративных деревьев.

Бра (*фр.*) — здесь: стенной подсвечник.

Брандер (*нем.*) — судно с горючими и взрывчатыми веществами, служившее для поджигания неприятельских кораблей.

Бре́вэ (*ит.*) — папское послание, грамота.

Буджатские орды (Буджакские татары) — ногайцы, населявшие в XVI—XVII веках южнобессарабскую степь.

Бунчук (*тюрк.*) — древко с шаром или острием на верхнем конце, прядями из конских волос и серебряными кистями.

Бург (*нем.*) — посад, город; в средние века в Западной Европе — укрепленный пункт, крепость.

Бурш (*нем.*) — парень. В Германии — студент, принадлежащий к одной из студенческих корпораций.

Бюргеры (*нем.*) — население феодальных городов Западной Европы; городское сословие.

Бюргмейстер (*нем.*) — глава городского самоуправления в некоторых европейских государствах; в России со времен Петра I до середины XIX века — должностное лицо городского управления.

Валансьены — тонкие кружева. Изготовлялись в Валансьене (Франция).

Великий прior — титул начальников рыцарских орденов (тамплиеров, мальтийцев).

Вивлиофика — старинное название серии книг по какой-либо отрасли знаний или жанру художественной литературы; библиотека.

Виктория (*лат.*) — победа.

Вольт (*фр.*) — поворот.

Габерсуп (*нем.*) — овсяный суп, овсянка.

Галломанство — пристрастие ко всему французскому особенно развитое в России второй половины XVIII и первой половины XIX веков.

Генерал-аншеф — в воинском уставе Петра I — главнокомандующий или генерал-фельдмаршал. В XVIII веке — полный генерал.

Геральдист — составитель и истолкователь гербов.

Герметика (*греч.*) — лженаука алхимия.

Гехеймрат *(нем.)* — тайный советник.

Гипохондрия (ипохондрия) *(греч.)* — угнетенное состояние, болезненная мнительность.

Гофмейстер *(нем.)* — почетное придворное звание; гофмейстер управлял дворцовым хозяйством, штатом придворных, ведал придворным церемониалом.

Дедикас *(фр.)* — посвящение.

Декохт (декокт) *(лат.)* — густой отвар из лекарственного растения.

Диван *(перс.)* — верховный совет при султане.

Дорический *(греч.)* — один из трех основных архитектурных стилей древнегреческого зодчества.

Ектения (ектинья) *(греч.)* — молитва.

Жабо *(фр.)* — кружевные или муслиновые оборки на груди мужской рубашки.

Запекапка — здесь: водка с медом, настоянная на пряностях в печи.

Зодиак *(греч.)* — созвездия, расположенные вдоль большого круга небесной сферы, по которому совершается видимое годичное движение Солнца. В древности пояс Зодиака подразделялся на 12 равных частей, обозначенных знаком Зодиака.

Иллюминаты — члены тайного общества, возникшего в 1776 году в Баварии.

Имажинация *(фр.)* — воображение.

Интернунций *(лат.)* — представитель римского папы при иностранных правительствах. В средние века в Западной Европе так иногда назывались дипломатические агенты светских государей.

Инфернальный *(лат.)* — потусторонний, адский.

Кабалистические знаки — магические знаки.

Кавалергард *(фр.)* — конный гвардеец.

Кавалерия *(фр.)* — здесь: орденские знаки, регалии.

Кадуцей *(лат.)* — жезл.

Какóмаг. Какó *(греч.)* — приставка, означающая: дурной, плохой, испорченный.

К[illegible] — протестантское вероучение церковного реформатора Кальвина, возникшее в XVI веке в Швейцарии.

Камергер (*нем.*) — почетное придворное звание.

Камерфрау (*нем.*) — придворная дама, заведующая гардеробом и прислугой.

Камерфурьер (*нем.*) — придворный чиновник, наблюдавший за прислугой и столом.

Камка́ (*перс.*) — шелковая узорчатая ткань.

Камло́т (*фр.*) — шерстяная ткань с примесью шелка или хлопка.

Карамболь (*фр.*) — бильярдная игра в три шара.

Карбонарий (*ит.*) (буквально: «угольщик») — член тайной революционной организации XIX века.

Кармазинный (*араб.*) — ярко-красный, алый.

Каретик (искаженное *фр.*) — записная книжка.

Кат — палач.

Квиетист (*лат.*) — последователь квиетизма, религиозно-этического воззрения, проповедовавшего созерцательное отношение к жизни, «удаление» от мира, полную пассивность.

Клоб (*англ.*) — клуб.

Козетка (*фр.*) — небольшой диван.

Конгрегация (*лат.*) — объединение; комитет духовных лиц под председательством кардинала.

Консистория (*лат.*) — коллегиальный церковно-административный и церковно-судебный орган.

Контенанс (*фр.*) — приличие.

Конфирмация (*лат.*) — одно из семи таинств католической церкви, первое причастие, дополнение к обряду крещения.

Коринфские колонны — колонны самого изящного из трех древнегреческих архитектурных стилей. В верхней части украшались листьями и орнаментом.

Крюйт-камера (*голл.*) — место хранения пороха и других легковоспламеняющихся веществ на кораблях.

Куафер (*фр.*) — парикмахер.

Куверт (*фр.*) — столовый прибор.

Кунщт — гравюра, резцовая картина.

Куратор (*лат.*) — попечитель учебного округа.

Куртаг — приемный день в царском дворце.

Курфюрст (*нем.*) — избирательный князь, имевший право избирать императора.

Ламионы (*фр.*) — разноцветные стеклянные или бумажные фонари для иллюминации.

Ластовицы — четырехугольные, разноцветные вставки под мышкою у русских мужских рубах.

Левретка (*фр.*) — комнатная собачка с короткой одноцветной шерстью.

Ломбер (*фр.*) — старинная карточная игра.

Лосины — штаны из лосиной кожи.

Люсткугель (*нем.*) — огненный фейерверочный шар.

Магистрат (*лат.*) — городское учреждение, разбиравшее дела купцов и мещан; так называли и членов городского магистрата.

Мадригал (*фр.*) — небольшое музыкально-поэтическое произведение, обычно любовно-лирического содержания; в переносном смысле — восхваление, прославление.

Мажордом (*фр.*) — управитель, дворецкий.

Мантилька — короткая женская накидка без рукавов.

Мартинист — последователь религиозно-мистического учения португальца Мартинеса Пасхалиса (XVIII век); так называли членов общества русских масонов.

Масонство, франкмасонство (от фр. frans maçon — вольный каменщик) — религиозно-этическое течение, возникшее в начале XVIII века в Англии. Масоны призывали к братскому объединению всех людей на началах равенства и взаимопомощи, с целью искоренения пороков человеческого общества путем самопознания и самоусовершенствования людей. Пропагандировали религиозные суеверия, мистику.

Мемория (*лат*). — памятная записка; краткая выписка, излагающая сущность какого-нибудь дела.

Меркуриев жезл. Меркурий — бог красноречия и торговли у древних римлян; изображался в виде красивого юноши с крылышками на ногах и голове, с кошельком и жезлом в руках.

Меценат (*лат.*) — щедрый покровитель наук и искусств (по имени римского политического деятеля Гая Цильния Мецената).

Миракли (*фр.*) — чудеса.

Молдаван — распашная короткая кофта.

Мундшенк (*нем.*) — придворный служитель, заведывавший напитками.

Натура (*лат.*) — природа, сущность вещей.

Нах-пьеса — пьеса в театральной программе, которая идет после основного драматургического произведения, комедии или трагедии.

Неофит (*греч.*) — новообращенный в какую-либо религию; новый приверженец какого-либо учения.

Ниже́ — ни даже, отнюдь не; нисколько, ни малейше.

Новициат — католическое учебное заведение.

Нотабли (*фр.*) — члены государственного совещательного органа — собрания нотаблей.

Оккультическая медицина. Оккультизм (*лат.*) — несовместимое с научным познанием «учение» о таинственных силах природы, свойствах материи, доступных восприятию якобы «исключительных натур».

Окультные науки (оккультные) — мистические «науки» вроде алхимии, хиромантии и пр.

Октопод — спрут, осьминог.

Омбрель (*фр.*) — зонтик для защиты от солнца.

Онёр (от *фр.* honneur) — буквально: честь, почесть «Со всеми онёрами» в переносном смысле — со всем, что полагается.

Панацея (*греч.*) — мнимое всеисцеляющее средство. (По имени богини, целительницы всех болезней, дочери Эскулапа).

Панева — цветная клетчатая или полосатая шерстяная юбка. В старину одежда замужних женщин.

Парюра (*фр.*) — женский головной убор с драгоценными камнями и жемчугом.

Пассия (*лат.*) — страсть.

Пастораль — небольшая опера, пантомима, балет или литературное произведение на идиллический сюжет.

Пентаграмма (*греч.*) — пятиугольник, на сторонах которого построены равнобедренные треугольники. В древности — сим-

[illegible] а также — Вселенной; в средние века — магический знак, которому приписывались [illegible].

Пентакли (*греч.*) — пятиконечные звезды.

Перлюстрация (*лат.*) — [illegible] вскрытие частной корреспонденции правительственными агентами.

Персонификация (*лат.*) — олицетворение, воплощение.

Петиметр (*фр.*) — светский щеголь.

Пети-пьеса — маленькая пьеса, водевиль.

Пикинерный полк — полк солдат, вооруженных пиками.

Пифагорейская школа — идеалистическое направление в древнегреческой философии, названное по имени греческого философа Пифагора (приблизительно 580—500 до н. э.).

Плисовые коты — туфли из ворсистой ткани, похожей на бархат.

Подзорный — служащий для наблюдения.

По́солонь — по ходу солнца, с востока на запад.

Презент (*фр.*) — подарок, подношение.

Продижьёзный (*фр.*) — чудесный.

Прожект (*фр.*) — проект; фантастический план.

Променада (променад) (*фр.*) — прогулка, гуляние; место для гуляния.

Пропозиция (*лат.*) — предложение; предположение.

Профит (*фр.*) — прибыль, барыш, выгода.

Пудермантель (пудромантель) (*фр.*) — род накидки, надевавшейся при пудрении головы.

Пюсовый (*фр.*) — красновато-бурый.

Радикс (*лат.*) — корень; здесь: суть.

Ратман (*нем.*) — член городского магистрата, городского совета.

Ратуша (*нем.*) — здание городского самоуправления.

Регентша (*лат.*) — временная правительница государства.

Резонабельные сентименты — разумные чувства.

Реляция (*лат.*) — докладная записка, донесение.

Репримианд (*фр.*) — выговор, упрек.

Респект (*фр.*) — почтение, уважение.

Ретирада (*фр.*) — отступление.

Реформат (*лат.*) — протестант; принадлежащий к реформатской церкви.

Ритуал (*лат.*) — церемониал, внешняя форма.

Розенкрейцерский орден — тайное религиозно-мистическое масонское общество в Германии XVII века.

Рококо — прихотливый, поверхностно-орнаментальный архитектурный и декоративный стиль XVIII века.

Санкция (*лат.*) — утверждение, разрешение, одобрение.

Секуляризация (*лат.*) — буквально: «обмирщение»; закрытие ордена; переход от церковного ведения к государственному.

Селадон — герой пасторального романа французского писателя О. д'Юрфе «Астрея». Иносказательно — застенчивый, сентиментальный влюбленный, позже — назойливый ухаживатель, волокита.

Сентенция (*лат.*) — здесь: решение, приговор суда.

Сертификат (*фр.*) — письменное удостоверение, свидетельство.

Сибаритствовать — нежиться, жить в свое удовольствие. (По названию города Сибариса, на юге Италии, прославленного изнеженностью жителей, разбогатевших от торговли.)

Сентифический (*фр.*) — научный.

Синод — совет или собрание высших духовных лиц.

Стамед (*польск.*) — легкая шерстяная материя.

Старо́ство — пожалованное за заслуги владение.

Субсистенция (субстанция) — здесь: корм, фураж.

Субтильный (*лат.*) — нежный, хрупкий.

Схизма (*греч.*) — церковный раскол, отделение от ранее единой церкви какой-либо части ее.

Таблиер (*фр.*) — фартук.

Тамплиеры (*фр.*) — военный и религиозный орден, основанный в Иерусалиме в 1118 году.

Тапи́ (*фр.*) — ковер.

Темляк (*польск.*) — тесьма с кистью на эфесе шпаги, сабли. Серебряный темляк — знак офицерского чина.

Униаты — последователи унии.

Уния — объединение части православной церкви с католической под властью римского папы.

Феократический (теократический) (*греч.*). Теократия — форма правления, при которой политическая власть принадлежит духовенству

Фламские устерсы — фландрские (фламандские) устрицы

Флюид — по мистическим представлениям, некий «психический ток», якобы излучаемый людьми.

Форейтор (*нем.*) — верховой на одной из передних лошадей при запряжке цугом.

Формуляр (*нем.*) — послужной список.

Хоругвь (*польск.*) — войсковое знамя.

Хорунжий (*польск.*) — знаменосец, хранитель войскового знамени; первый офицерский чин.

Церемониймейстер — придворный чин, наблюдающий за порядком и внешней обстановкой парадных приемов, торжеств.

Шале (*фр.*) — швейцарский сельский домик.

Швармер (шермер) (*нем.*) — фейерверочная шутиха (ракета).

Шлафрок (*нем.*) — ночной халат, длинная утренняя одежда.

Шпалеры (*нем.*) — параллельные ряды, аллеи.

Шпеккухены (*нем.*) — изделия из теста со свиным салом.

Шпынь — балагур, шут.

Штоф (*нем.*) — плотная шелковая или парчовая ткань с разводами.

Шэн (шен) (*фр.*) — цепь, фигура в танцах.

Эбеновая — из черного дерева.

Эдем — земной рай, благодатный уголок земли.

Экзекутор (*лат.*) — здесь: чиновник, ведавший хозяйственной частью.

Экзерсис (*фр.*) — упражнение.

Экилибр (эквилибр) (*лат.*) — равновесие.

Электор (*лат.*) — избиратель, выборщик; здесь: правитель.

Эманация (*лат.*) — истечение, испарение.

Эмпирей (*греч.*) — небесная высь.

Эпигма (*фр.*) — загадка.

Энциклопедисты — идеологи предреволюционной французской буржуазии XVIII века, объединившиеся вокруг издания энциклопедии Д. Дидро и Ж. д'Аламбера, вообще — всесторонне образованные люди.

Эпрувёза (*фр.*) — испытательница.

Эрмитаж (*фр.*) — убежище, уединение.

Эскапада (*фр.*) — выходка, вылазка.

Эстафета (*фр.*) — срочное известие, посланное или доставленное с нарочным.

Эшарп (*фр.*) — шарф.

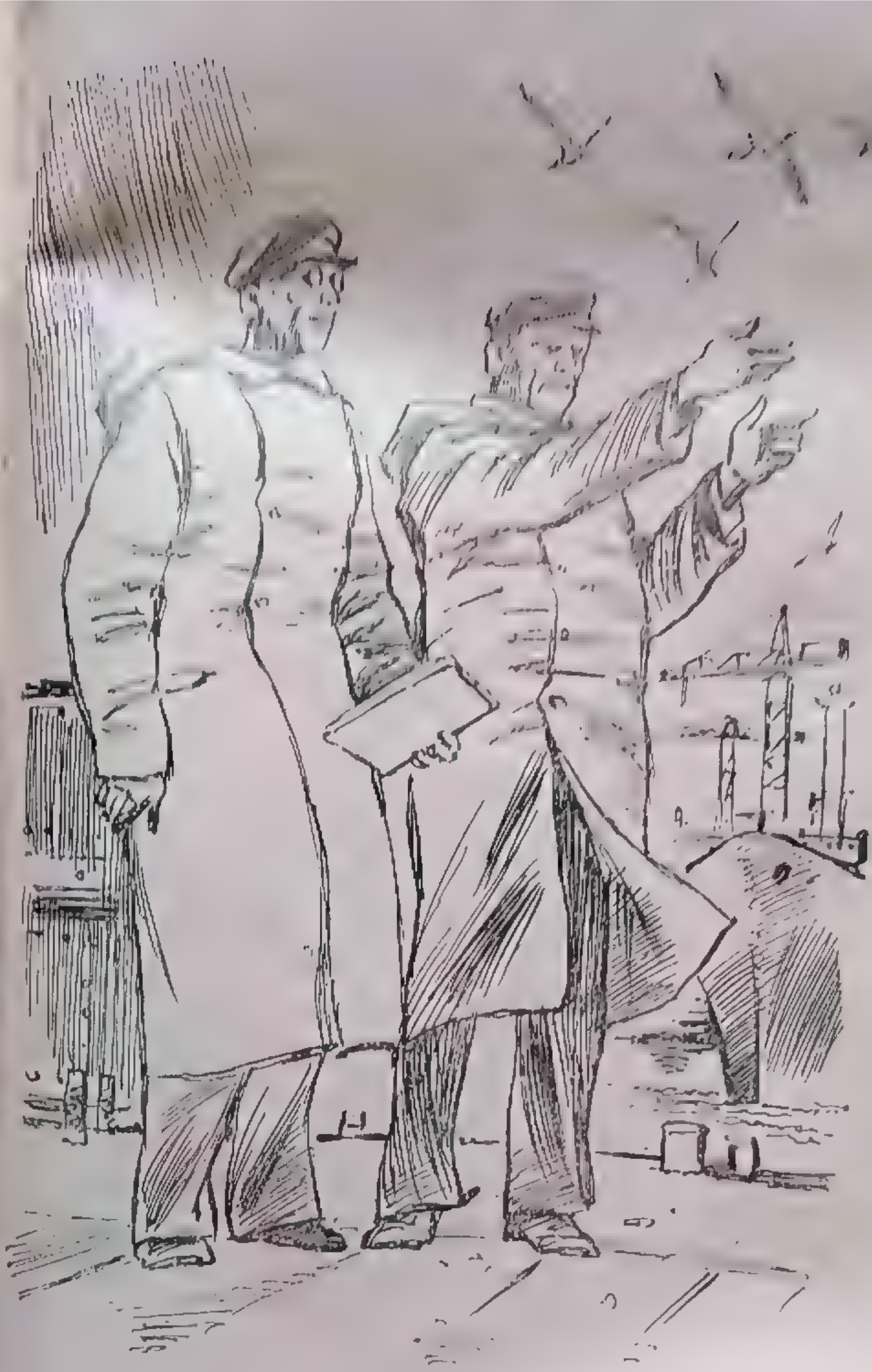
Ям — почтовая станция.

Янсенисты (янсениты) — последователи янсенизма — религиозного течения, возникшего на основе учения голландца Корнелия Янсения (XVII век). Янсенизм — идеология оппозиционных слоев буржуазной и дворянской интеллигенции.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО

ЗООПАРАЗИТОЛОГОВ

Ленинград • 1981



ББК 84.4Фр.
С 31

Повесть Клода Сенака «Пещеры Красной реки» — это увлекательная история Нума, четырнадцатилетнего сына вождя одного из кроманьонских племен, жившего на территории нынешней Франции двенадцать — пятнадцать тысяч лет назад.

Повесть А. М. Линевского «Листы каменной книги», повествующая о событиях трех-, четырехтысячелетней давности, рассказывает о судьбе семнадцатилетнего колдуна Льока.

Исторические повести о первобытных людях — не голая выдумка, но правдивое повествование, основанное на трех источниках: это — археологические данные раскопок могильников и поселений древних людей, наскальные изображения — петроглифы и богатый этнографический материал из жизни отсталых племен и народов.

Художник
А. Амирханов

С 4804010100—9
М152(03)—92 29—92

ISBN 5-7625-0357-7

© Перевод, И. С. Орловская, 1972
© Оформление, А. Т. Амирханов, 1992

ЗА ЧЕРН

Иванов В. Д.
И20 Повести древних лет: Хроники IX века в четыр
книгах одиннадцати частях.— Л.: Лениздат, 1985
448 с., ил.

Переложение-произведение известного советского писателя
о начальном периоде истории Древней Руси, о борьбе Новгорода
норманского нашествия.

М 4702010200—107 326—85
М 171(03)—85

© Оформление Лениздат

1-80
133170/
118

Г. КУНГУРОВ

Лабазинская крепость

Историческая повесть

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1959

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Гавриил Филиппович Кунгуров родился в 1903 году в семье железнодорожного рабочего. Детство его прошло в Забайкалье— на станции Сретенск Читинской области. Окончил педагогический факультет Иркутского государственного университета.

В 1922 году Г. Ф. Кунгуров вступил в ряды ленинского комсомола, в 1928 году — в Коммунистическую партию.

Печататься начал с 1925 года как педагог-методист, краевед, литературовед. Первое беллетристическое произведение — «Топка», повесть для детей, — было опубликовано в 1935 году.

Г. Ф. Кунгуров много ездил по Сибири: за Полярный круг — Таймырский национальный округ; в северную тайгу — Витимо-Олекминский округ; в Забайкалье. В гражданскую войну был красногвардейцем, прошел весь Дальний Восток. За последние годы близко ознакомился с Монгольской Народной Республикой, ездил в Индию и Китай.

Кроме «Путешествия в Китай», известна его историческая повесть «Артамошка Лузин». Г. Ф. Кунгуров заново переработал и дополнил повесть «Путешествие в Китай», которая теперь носит название, более отвечающее ее содержанию, — «Албазинская крепость».

С первых дней Великой Отечественной войны основной темой творчества Г. Ф. Кунгурова становится тема современности. Он издает сборники рассказов и очерков: «Моя Родина непобедима», «С подарками на фронт», «Тыловые рассказы». В 1946 го-

ду издательством «Советский писатель» была издана книга «Золотая степь» (рассказы о людях новой Монголии).

Теме послевоенной жизни посвящены повесть «Свет не погас» и роман «Наташа Брускова».

Наряду с писательской деятельностью Г. Ф. Кунгуров ведет научно-педагогическую работу в Иркутском пединституте; он доцент, кандидат филологических наук, член редколлегии альманаха «Новая Сибирь».

В издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» по разделу художественной литературы вышли книги:

М. Алексеев. Солдаты.
Н. Богданов. Первая девушка.
Г. Гулиа. Белая ночь.
Н. Задорнов. Амур-батюшка (новое, дополненное и переработанное издание).
М. Исаковский. Песня молодости (стихи).
В. Курочкин. Мои товарищи.
Л. Компус. Даша Нечаева.
В. Луговской. Мужество и нетерпение (стихи).
С. Малашкин. Два бронепоезда.
В. Монастырев. Горная баллада.
Ю. Нагибин. Скалистый порог.
С. Никитин. В бессонную ночь.
В. Попов. Сталь и шлак (переиздание).
Н. Тиханов. Развеселый Дунай.
Ю. Шестакова. Серебряный ключ.

1/2

Л. Виноградов

ТРИ ЦВЕТА ВРЕМЕНИ

ТАШКЕНТ — «УЗБЕКИСТАН» — 1984

[illegible] Вежливо поздоровавшись [illegible] Вангель. Под серым плащ[illegible] [illegible]ского сюртука. Глаза генерала Ван[illegible] [illegible] светились холодно и лучисто, как [illegible] [illegible] закрывали губы, скрадывая под[illegible] бороды.

— [illegible] профессора Канта?

— Да, [illegible] я не успел изучить его, как хотелось бы,— ответил Бейль.

— Обратите внимание,— сказал Вангель,— вот эта кирк[illegible] была предметом особой любви профессора. Он рассказывал, чт[illegible] когда писал «Пролегомены» и «Критику чистого разума», т[illegible] этот стройный шпиль был именно тем пунктом, на котором о[illegible] фиксировал свое зрение, чтобы сосредоточиться. И вот однажд[illegible] сосед построил каменный брандмауэр, загородивший от взоро[illegible] профессора Канта [illegible]. Именно с этого времени профессо[illegible] Кант стал писать «Критику практического разума», которая ка[illegible] вы знаете, является полной сдачей позиций, с таким трудом о[illegible] воевавших человеческим гением в «Критике чистого разума[illegible] Выкуп этого брандмауэра стоил Канту довольно дорого. О[illegible] долго копил для выкупа деньги. Но когда каменщики сломал[illegible] брандмауэр и кирка вновь предстала перед глазами мудрец[illegible] он уже за протекшие годы потерял остроту зрения. Коперни[illegible] сделавшийся Птоломеем, не смог вернуться на прежнюю дорог[illegible] Он перечитывал шестой раз свой трактат «О вечном мире[illegible] словно предчувствовал пожар мировой войны.

— То, что вы говорите, генерал, чрезвычайно интересно,— ответил Бейль. — После всего, что я перенес в России...

— Ах, вы из России?

— Да, и после впечатлений, полученных в этой стране, [illegible] работать над изучением вашего философа снова. Я ра[illegible] [illegible] вас единомышленника, так как всегда полагал, чт[illegible] кантовская этика есть, в сущности, простое тяготение чувст[illegible] одержавших победу над разумом, переставшим себя ценит[illegible] Пошлите [illegible] проникнуть в мир [illegible]сцендентный, несмотря на то чт[illegible] [illegible] ограни[illegible] [illegible]ительность разума пределам[illegible]

Анатолий Корнелиевич
ВИНОГРАДОВ

ТРИ ЦВЕТА ВРЕМЕНИ

Переиздание с издания Государственного издательства
художественной литературы. Москва, 1960

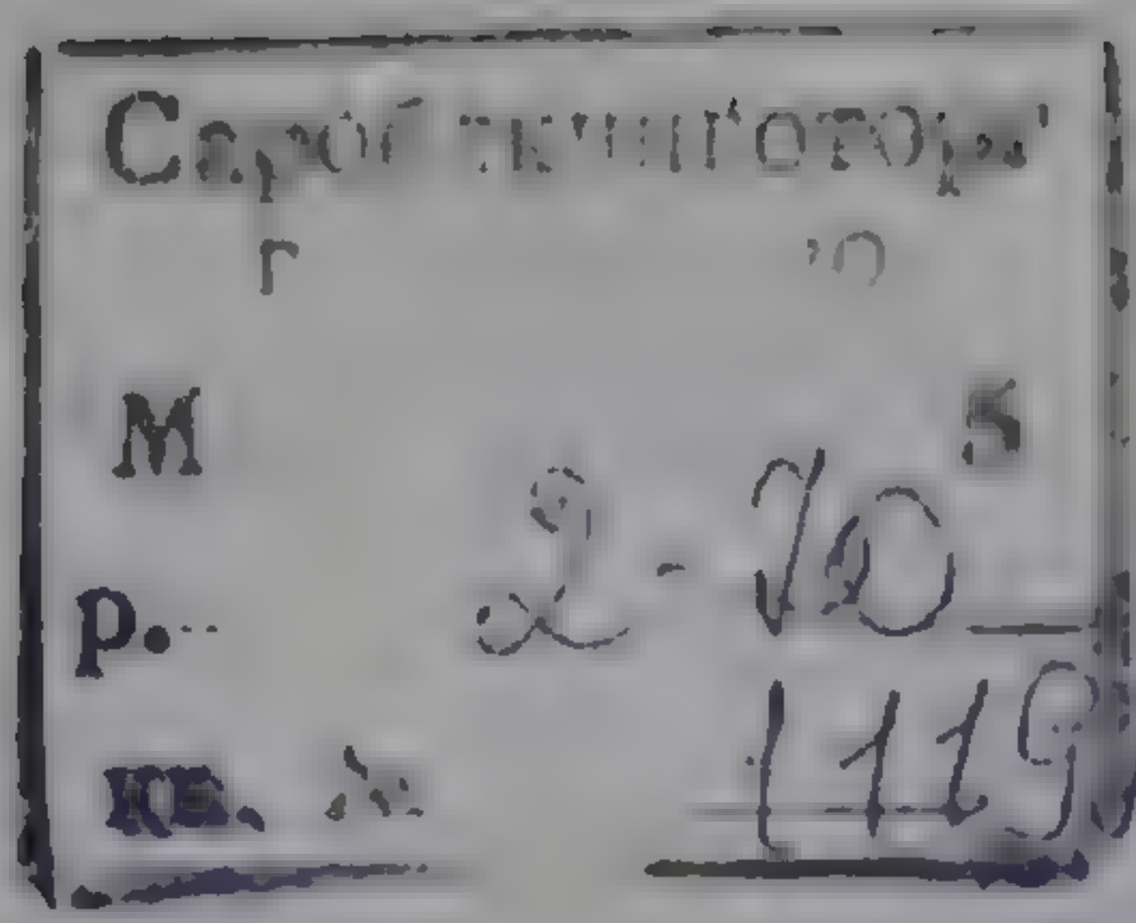
Наблюдающая за выпуском *Н. А. Богодарова*
Редакторы *Н. Крюков, А. Старков*
Художник *Г. Просвиров*
Худож. редактор *К. Алиев*
Техн. редактор *С. Сабирова*
Корректор *Н. Ибрагимова*

НБ № 3275

Сдано в набор 03.07.83г. Подписано в печать 12.01.84г. Формат бумаги 84×108/32.
Типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Кегль 9. Фотонабор. Печать высокая.
Усл. печ. л. 23,94. Усл. кр.-отт. 24,10. Уч.-изд. л. 32,56. Тираж 250000. Заказ № 571.
Цена 2 руб. 80 коп.

Издательство «Узбекистан» 700129, Ташкент, Навои, 33. Изд. № 94—83

Головное предприятие ТППО «Матбуот» Государственного комитета Узбекской ССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 700129, Ташкент, Навои, 30



Саробетинготорг
г 10
М 5
р. 2-70
кн. № 1119 Н
5-82
А

ТРИ ЦВЕТА ВРЕМЕНИ

А. А. БЕСТУЖЕВ-
МАРЛИНСКИЙ

РОМАН
И
ОДЬБА

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА*

Течение моей повести [illegible] между половинами 1396 и 1398 годов (считая год с [illegible] по тогдашнему стилю). Все исторические происшествия и [illegible] упоминаемые, представлены с неотступною точностию, а [illegible] обряды и обычаи изобразил я, по соображению, из преданий и [illegible] памятников. Языком старался я приблизиться к простому [illegible] русскому рассказу и могу поручиться, что слова, которые многим покажутся странными, не вымышлены, а взяты мною из старинных летописей, песен и сказок. Предмет сей книги не позволяет мне умножить число пояснительных цитат, но читатели, для поверки, могут взять 2-ю главу 5-го тома «Истории государства Российского» Карамзина, «Разговоры о древностях Новагорода» преосвященного Евгения и «Опыт о древностях русских» Успенского.

[1] Так назывались на Руси турниры. См. 5-й том «Ист. гос. Росс.» Карамзина, примеч. 251.

[2] Брак сопровождаем был в старину множеством обрядов: перед выездом в церковь жених и невеста ступали на ковер; под венцом стояли на соболе; по приезде в дом жениха невесте расплетали косу, которой уже не могла она показывать. Во время пира подруги молодой пели приличные песни. При входе в спальню новобрачных осыпали

---

* Примечания автора к повести «Роман и Ольга» (ред.).

хмелем и деньгами, чтоб они жили весело и богато. Постель стлалась на 39 снопах разного жита, и один из дружек с саблею в руке должен был разъезжать всю ночь кругом брачной клети или сенника.

[3] *Твердислав* был посадником новгородским в 1219 году. О его великодушии смотри «Ист. гос. Росс.» Карамз., том. 3, стран. 172.

[4] *Тамерлан*, или Тимур, с московского пути обратился на юг России, как пишут современники, в самый тот день (26 авг. 1395 года), когда москвитяне встретили сию чудотворную икону, нарочно из Владимира привезенную.— «Ист. гос. Росс.», том 5, стр. <144—145>.

[5] *Рюэнь* — сентябрь.

[6] Военно-торговое общество братьев *Шварценгейптеров*, существовавшее в Ревеле и Риге, в гербе своем имело голову с. Маврикия, который был мавр по роду и воин по званию.

[7] *Пятигорцы* — род легкой кавалерии на образец венгерских пятигорцев. См. Opis starozitny Polski przez T. Swieckiego*.

[8] *Прильбица* — шлем, а иногда наличник (visière**).

[9] *Самопалы* — пищали или ружья. Витовт употреблял огнестрельное оружие при осаде Витебска в 1395 году. У нас вошло оно в употребление немного позже.

[10] Здесь Витовт говорит о Василии Ярославиче, князе смоленском (который, видя свое владение изменою захваченное, Смоленск сожженный и разграбленный, бежал от братоубийцы Витовта в Новгород), и литовском князе Патрикии, сыне Наримонта, которому новгородцы дали в управление приневские области.

[11] Действительный посадник назывался *степенным*, прежние посадники *старшими*. Каждый конец, или часть города, имел своего *старосту*, делился на военные и торговые *сотни*. Первейшие *местичи*, или граждане, назывались *огнищанами* и *житыми людьми*. В *боярское* достоинство, равно как во все должности, избирал народ миром, т. е. обществом; но оно не было наследственным. Простой или черный народ пользовался одинакими правами с прочими сословиями. Купцы, или *гости* имели свою особую расправу — в *думе*.

[12] *Запольские* — загородные.

[13] Первая торговая и смертная казнь была при Димитрии Донском. Василий усугубил ее. Пленных граждан Торжка, числом 70 человек, терзали на площади московской. «Они исходили кровию в муках; им медленно отсекали руки и ноги и твердили, что так гибнут враги государя московского». Ист. Г. Р. Кар., том 5, стр. 135.

[14] Это было в 1385 году. Привыкнув грабить области рыцарей меча, новогородская вольница отправлялась в лодьях (ушкуях) по рекам и грабила чужих и своих.

---

* Описание древней Польши, сочинение Т. Свецкого.

** (фр.).

[15] *Румянец*, вельможа Борисов, присоветовал ему впустить Василия в Нижний и предал своего прежнего князя в руки сего последнего.

[16] *Стрикусы*, пороки — стенобитные орудия, род таранов (bélier*).

[17] На двор именитого человека мог въезжать только сму равный или высший,— если верить песням. В коновязном столбе бывали всегда три кольца: одно железное, другое серебряное, третье золотое.

---

* (Фр.).

КОММЕНТАРИИ

При жизни А. А. Бестужева-Марлинского его повести печатались в альманахах, журналах и газетах и были объединены в двух собраниях сочинений. Однако публикации эти были чаще всего неисправны, ибо в отсутствие автора текст его произведений беспощадно переделывался и сокращался. Только в советское время сочинения писателя-декабриста были напечатаны по рукописям автора.

Тексты в настоящем сборнике публикуются по новейшему изд.: Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: В 2 т.— М.: Худож. лит., 1981 г. В примечаниях использованы материалы предыдущих изданий.

Роман и Ольга

С. 3. Эпиграф — из стихотворения В. А. Жуковского «Алина и Альсим» (1814).

С. 3. *Сотник конца Славенского...*— В древнем Новгороде население делилось на сотни и жило в «концах» — районах.

Посадник — высшая должность в Новгороде.

С. 4. *Вадим* — легендарный вождь новгородцев, в IX веке восставший против варяжских пришельцев. О Вадиме писали Я. Б. Княжин,

Пушкин, декабристы, Лермонтов; имя его было символом русской вольности.

С. 5. *Вече* — народное собрание, ведавшее всеми вопросами новгородской жизни.

С. 6. Эпиграф — из поэмы Пушкина «Кавказский пленник» (1822).

Семик — весенний праздник Троицы, когда рядят березку и водят хороводы.

Кушак шамаханский — из шелка, вытканного в азербайджанском княжестве Шемаха.

С. 10. Эпиграф — из поэмы И. И. Дмитриева «Ермак» (1794).

Готский берег — земли, находившиеся под властью Ливонского ордена.

...любских... — из немецкого вольного города Любека.

Липец — вареный мед.

С. 11. *Алдерман* — член правления вольного торгового города.

Фогт — наместник и судья рыцарского Ливонского ордена.

Гаральд Смелый (1015—1066) — норвежский король, муж Елизаветы, дочери князя Ярослава Мудрого.

бирюч — глашатай.

С. 12. *Лядунки* — сумки для патронов.

С. 13. *Двор Ярослава* — место сбора вече.

...князей Василия Дмитриевича и Витовта... — великий князь московский Василий (1371—1425) и его тесть и союзник в борьбе с татарской Ордой великий князь литовский Витовт (1350—1430). Василий стремился ограничить независимость Новгорода и хотел подчинить город суду московского митрополита.

С. 14. *Каменный пояс* — горы Урала.

С. 15. *Скирдгайло* — Скирдгайло Иван (1354—1396), великий князь литовский, соперник Витовта, захвативший ему власть и затем отравленный.

Наримант — литовский князь, сын Ольгерда; был повешен Витовтом.

Андрей Боголюбский (ок. 1111—1174) — великий князь владимирский, в 1170 году предпринявший неудачный поход на Новгород.

Торжок входил в состав новгородских земель.

С. 16. *Ферези* — праздничные одежды.

С. 19. *Опашень* — длинный кафтан с короткими рукавами.

С. 20. *Баскаки* — татарские наместники на Руси.

С. 21. *Война с Димитрием* — Донским, великим князем московским, ходившим на Новгород в 1386 году.

С. 22. Эпиграф — из трагедии В. Озерова «Дмитрий Донской» (1807).

С. 23. Эпиграф — из стихотворения К. Н. Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814).

С. 26. Эпиграф — из песни А. Ф. Мерзлякова «Я не думала ни о чем в свете тужить» (1806).

С. 27. *Двинские области* — колония Новгорода, в 1397 году признавшая власть московского князя.

Люди житые — землевладельцы.

Пятины — пять областей, составлявшие тогда Новгородскую землю.

С. 28. *Орлец* — новгородская крепость на Двине.

С. 31. Эпиграф — из баллады Жуковского «Светлана» (1812).

Красное покрывало

С. 33. *Арзерум* — город в Турции, взятый русскими войсками.

С. 34. *Ювенал* Децим Юний (ок. 60 — ок. 140) — римский поэт-сатирик.

С. 37. *Татарский язык* — Бестужев очень хорошо его знал, собирал песни и легенды горцев.

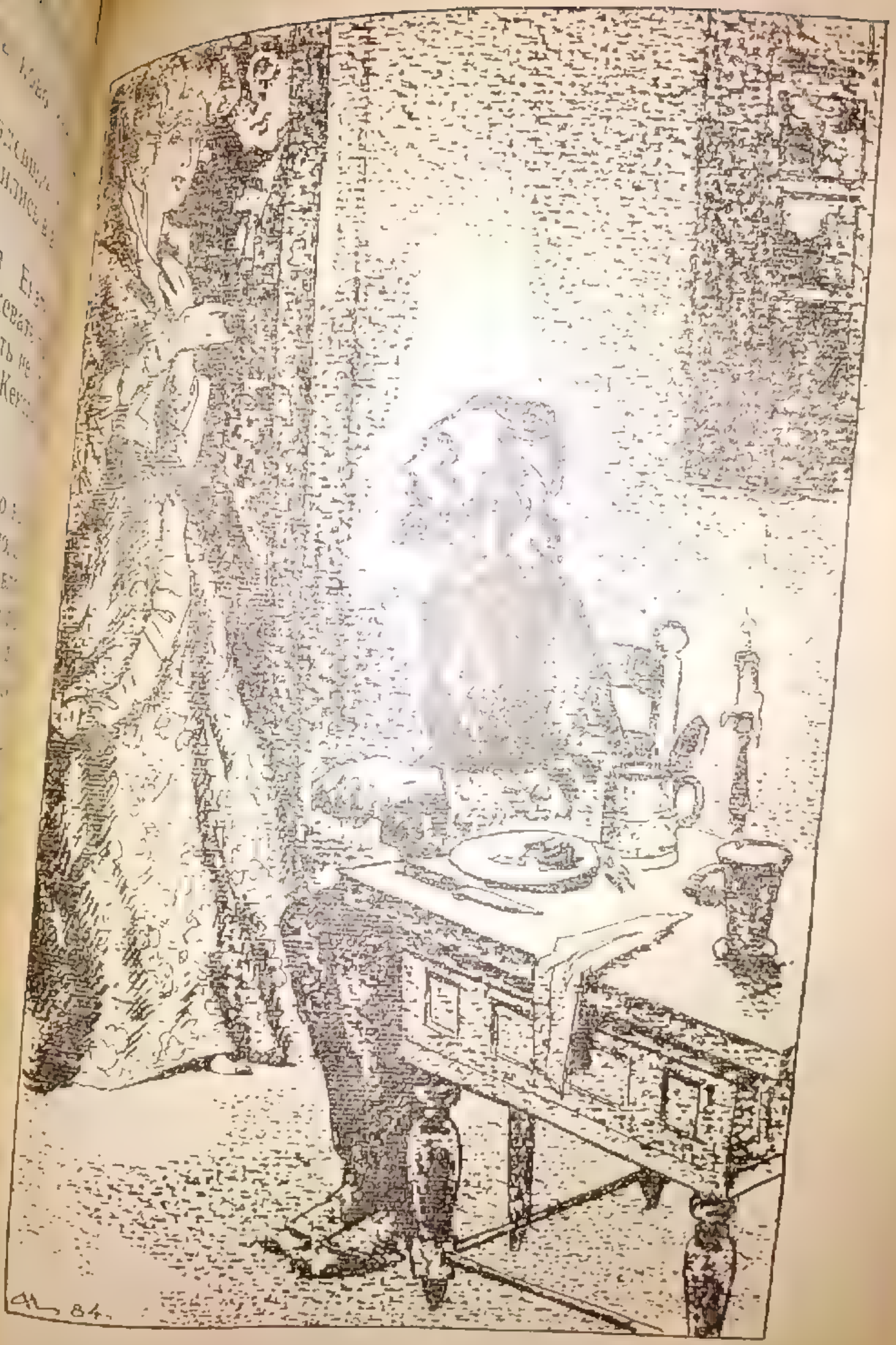
Азрафил — ангел смерти в мусульманской мифологии.

С. 38. *Архалук* — восточное одеяние в виде халата.

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ

МИРОВИЧ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1986



Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО РОМАН «МИРОВИЧ»

В известном романе Г. П. Данилевского «Мирович» есть мысли заключенного, приговоренного к смертной казни:

«И кто назначил, кто решил эту казнь? Я здоров, молод, силен; сколько было упований, надежд, и вдруг — смерть... Эти руки, голова, грудь, чуть рассветет, будут трупом...

И все, что было ему в жизни дорого, вся немногая теплота и прелесть его неудавшейся, скомканной жизни, детство, родина, школа, первые встречи с Поликсеной, первые радости и эта, после разлуки, родная глушь, мечты укрыться навек среди тишины и чистоты деревенского счастья — все это разом откликнулось, ожило, заговорило в Мировиче».

Эти выстраданные строки звучат почти автобиографически. Их написал Григорий Петрович Данилевский спустя четверть века после того, как он, двадцатилетний студент Петербургского университета, был схвачен в одну из апрельских ночей по приказу шефа жандармов Орлова и заключен в одиночный каземат Алексеевского равелина Петропавловской крепости. Почти три месяца продолжалось заключение, так что у будущего писателя было вдоволь времени передумать те невеселые думы, которыми он потом наделял или думал наделить своих героев — узников «каменного мешка» — Мировича, княжну Тараканову, царевича Алексея, декабристов (из неоконченного романа). Не поэтому ли мрачная тень Петропавловки и Шлиссельбургской крепости так часто осеняет действие его романов?

Григорий Петрович Данилевский родился в 1829 году на Украине. Он происходил из старинного дворянского рода с большими историческими традициями: родоначальником его был некий казак Данило, выходец из Подолии, основавший в конце XVII века на реке Донце слободу и «фортецию» для защиты от набегов кочевников. Перед Полтавской битвой у него останавливался Петр I и даже крестил внука (об этом Данилевский писал в рассказе «Прабабушка»).

Прабабушка писателя была фрейлиной Екатерины II, бабушка происходила из рода Рославлевых, принимавших деятельное участие в дворцовом перевороте 1762 года.

Однако в 20-е годы XIX столетия род Данилевских уже утратил свое былое политическое значение. Родители будущего писателя постоянно проживали в своем родовом имении Пришиб под Харьковом. Здесь Данилевский и провел свое детство.

Его отец, «человек доброго, мягкого, робко застенчивого нрава», по свидетельству биографа писателя С. Трубачева [1], не

[1] См.: С. Трубачев. Г. П. Данилевский. Биографический очерк.— Сочинения Г. П. Данилевского, изд. 7-е, т. I, СПб. 1893, с. X.

имел особенного влияния на воспитание сына. Зато на всю жизнь сохранил Данилевский благодарную память о матери — Екатерине Григорьевне. Она была хорошо образована, чрезвычайно музыкальна, любила литературу и «всюду вносила особый, свойственный ее даровитой природе отпечаток радушной светской общительности и тонкого недюжинного ума» [1].

Данилевский получил прекрасное по тем временам образование: он окончил Московский дворянский институт — учебное заведение с большими литературными традициями. Здесь учились Жуковский, Грибоедов, Лермонтов, Тютчев. Неудивительно, что Данилевский еще на школьной скамье стал пробовать свои силы в поэзии. В 1846 году он поступил в Петербургский университет на камеральное отделение юридического факультета, где наряду с традиционными гуманитарными предметами преподавались также точные и естественные науки.

Данилевский с увлечением занимается, много читает, изучает языки, начинает сотрудничать в столичной периодической печати («Звездочка», «Полицейская газета», «Иллюстрация»).

Эта деятельная жизнь неожиданно и грубо обрывается: в ночь с 22 на 23 апреля 1849 года Данилевский был арестован по делу Петрашевского и посажен в каземат Алексеевского равелина Петропавловской крепости, но вскоре был освобожден, так как к кружку Петрашевского не принадлежал и был привлечен к следствию только за дружбу с петрашевцем Василием Катеневым, который обвинялся в том, что «рассуждал о введении республиканского правления, ...отвергал религию и бытие божие и однажды... изъявил даже готовность на цареубийство» [2].

Литературная деятельность Данилевского развернулась после окончания университета в 1850 году. Начинающий писатель пробует свои силы во всех жанрах: тут и поэзия («Степные сказки», 1852), и драматургия («Пир у поэта Катулла», 1852), и переводы шекспировских трагедий («Ричард III» и «Цимбелин», 1850—1851), и литературные корреспонденции («Петербургская жизнь», «Хуторок близ Диканьки»).

Только в 1852 году Данилевский обращается к прозе. Первый опыт в этом роде — «Повесть о том, как казак побывал в Бахчисарае» [3]. К концу 1853 года из повестей писателя составилась книга «Слобожане».

Данилевский пришел в литературу со своей темой: предания, люди, быт и нравы милой его сердцу Украины. Этой теме Данилевский оставался верен всю свою жизнь.

Ранние произведения Данилевского из «малороссийского быта» имели успех. Так, «Степные сказки» выдержали семь изданий. Однако, отмечая такие достоинства молодого автора, как отличное знание быта, неподдельный юмор, теплоту чувства, свежесть и яркость картин природы, критика в то же время упрекала Данилевского за слишком явное подражание Гоголю — упрек, в какой-то мере обоснованный, так как писатель с юных лет пре-

---

1 Там же, с. XI.
2 См.: Петрашевцы. Т. III, М.-Л., 1928, с. 233.
3 «Современник», 1852, кн. VI.

клонялся перед Гоголем и был безгранично счастлив, когда ему удалось лично познакомиться с ним.

Годы литературных дебютов Данилевского совпали с его службой в качестве чиновника особых поручений при министерстве народного просвещения. Прослужив семь лет, он уходит в отставку. В письме матери Данилевский так объясняет свое решение: «Я сделал в литературе столько, что теперь мне или нужно бросить ее, растоптать и забыть навсегда, или смело бросить все, что помешает вдохновенному и тихому шествию дарования, и отдаться ей одной, безраздельно и навеки: иначе — жизнь моя в собственных глазах моих будет бесчестна и кончится посредственностью, дилетантизмом, я сделаюсь артистом, которого будут помнить табачные ноздри геморроидальных сослуживцев да два-три памятливых родственника... Мне необходимо изучение людей, сердец, страстей и помыслов современности и моей родины: этого ничего я не изучу и не увижу в Петербурге»[1].

Данилевский решает на три года уехать на Украину — «учиться, присматриваться, прислушиваться, собирать, работать в тишине и крепнуть вдали от света». Начинается второй период в жизни и творчестве писателя, однако на выполнение намеченной программы ушло не три года, а двенадцать лет. Эти годы, проведенные на родине, были чрезвычайно плодотворны в литературном отношении. Именно в это время были написаны основные «бытовые романы» Данилевского — как он называл в отличие от исторических свои произведения на современную ему тему.

Романы «Беглые в Новороссии» и «Воля» («Беглые воротились»), опубликованные в 1862—1863 годах под псевдонимом А. Скавронский, рисуют жизнь пореформенного крестьянства на южной окраине страны.

С необычной смелостью, удивительной для писателя либерального лагеря, разоблачает в них Данилевский хищническую сущность нарождающегося капиталистического предпринимательства и вскрывает антагонизм между «плантаторами» и «беглыми неграми», как называет писатель противостоящие классы пореформенной «Новороссии».

Последующие «бытовые романы» Данилевского уже лишены такого острого социального смысла, хотя по-прежнему им присуща некоторая критическая направленность: так, в романе «Новые места» (1867) обличается провинциальное дворянство, в романе «Девятый вал» (1873) — духовенство и монастырские порядки. Однако в этих романах заметна и идеализация того самого предпринимателя, который в таком неприглядном свете представал в его романах из быта беглых.

Жизнь в глухой провинции, вдали от культурных центров, не снизила творческой активности писателя. В 1866 году он выпускает сборник «Украинская старина», в который вошли биографические очерки об украинских просветителях и ученых: философе и поэте Григории Сковороде, основателе Харьковского университета Василии Каразине, писателе Г. Ф. Квитко-Основьяненко.

С 1869 года начинается третий период в жизни и творчестве писателя. «...Я сказал себе — довольно! — и возвратился в Пе-

[1] Данилевский Г. П. Соч., т. I, с. LVI.

тербург для большего служения литературе»[1],— вспоминал он впоследствии в письме к М. М. Стасюлевичу. Данилевский поступает на службу: вначале помощником главного редактора, а с 1881 года — главным редактором газеты «Правительственный вестник». Как свидетельствует биограф писателя, Данилевский потратил немало усилий, стремясь «придать официальной газете литературный характер»[2]. По воспоминаниям известного публициста Р. Сементковского, Данилевский «в качестве редактора официальной газеты помещает в ней заметки, статьи и рецензии, превозносит книги, которые с правительственной точки зрения вряд ли этого заслуживают»[3].

Несмотря на удачно складывавшуюся карьеру, Данилевский и в эти годы придерживается своего старого убеждения, что «литератор выше всякого чиновника», и все свободное время посвящает литературным занятиям. Он много работает над историческими источниками, всецело отдаваясь любимому делу. Постоянное пребывание в Петербурге писатель чередует с краткими поездками на Украину. В его квартире на углу Невского и Николаевской (ныне улица Марата), где он прожил последние тринадцать лет своей жизни, бывали многие выдающиеся деятели того времени, его близкие знакомые и друзья: поэты А. Майков и Я. Полонский, историки С. Соловьев и Н. Костомаров, художники И. Айвазовский и Г. Семирадский, украинский композитор и музыковед П. Сокальский.

В возрасте сорока пяти лет Данилевский становится историческим романистом: за полтора десятилетия им были созданы исторические романы «Мирович» (1875), «Потемкин на Дунае» (1876), «Княжна Тараканова» (1883), «Сожженная Москва» (1886), «Черный год» (1887), остались незаконченными романы «Восемьсот двадцать пятый год», «Царевич Алексей».

Можно удивляться тому, как много успел создать Данилевский за эти годы: статьи, рассказы, мемуары, романы. Он один из самых плодовитых писателей XIX века. Не все равноценно в огромной массе его литературной продукции, но было бы несправедливо объяснять это результатом небрежности и торопливости,— нет, скорее это свидетельство увлеченности и феноменальной трудоспособности.

Этот непосильный труд во многом способствовал неожиданной и преждевременной кончине писателя в декабре 1890 года.

Что же нового вносит исторический роман Данилевского в литературу?

К историческому жанру писателя влекло издавна: еще в середине 50-х годов им было написано три небольших рассказа на историческую тему: «Вечер в тереме царя Алексея Михайловича», «Первый выпуск сокола», «Екатерина Великая на Днепре».

К середине 70-х годов XIX века русский исторический роман уже имел полувековую традицию. Когда-то В. Г. Белинский приветствовал жанр исторического романа как один из важнейших

---

[1] См.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V, СПб, 1913, с. 309.

[2] Трубачев С. Г. П. Данилевский, с. LXXI.

[3] Сементковский Р. Среди отошедших.— Исторический вестник, 1917, № 7—8, с. 105.

проводников реализма в русской литературе, но к концу 40-х годов исторический роман уступил доминирующее положение повести и роману, тесно связанным с современной русской социальной действительностью.

И. С. Тургенев в 1851 году констатировал: «Исторический, вальтерскоттовский роман... в наше время почти невозможен,— он отжил свой век, он несовременен... У нас, может быть, его пора не пришла,— во всяком случае, он к нам не привился даже под пером Лажечникова»[1].

Возрождение исторического жанра в искусстве происходит лишь в 60-е годы XIX века: историческая драматургия А. К. Толстого и А. Н. Островского, живопись В. Сурикова, музыка композиторов «могучей кучки» — таковы основные его проявления. В 1869 году появляется «Война и мир» Л. Толстого — роман, являющийся вершиной в развитии жанра исторической прозы не только в русской, но и в мировой литературе. Эта грандиозная картина, нарисованная с необычайным эпическим размахом рукой гениального мастера, вскрыла огромные возможности, таящиеся в самом жанре исторического романа. Изображение жизни нации, народа не как случайного сцепления лиц и событий, а как закономерного процесса, органическое единство частной и общественной жизни человека, развертывание судеб людей на фоне общественных катастроф, глубокое проникновение в дух времени и психологию людей прошедших эпох, естественное сплетение истории и вымысла — вот далеко не полный перечень того нового, что дал роман Л. Толстого.

Успех «Войны и мира» способствовал появлению массовой исторической беллетристики 70—80-х годов. «Современному читателю решительно некуда деваться от исторического романа,— сетовал один из критиков того времени.— Произведениями этого рода наполняется большая часть журналов»[2]. Но как далеки были от романа Л. Толстого эти ремесленнические поделки, составленные по убогим рецептам механического соединения исторического материала, извлеченного из книжек «Русского архива» или «Русской старины», с традиционной романтической любовной интригой. Таковы романы Д. Мордовцева, Е. Карновича, М. Волконского, Е. Салиаса, Вс. Соловьева, не говоря уже о низкопробных изданиях, таких, как «Тайны венценосцев», «Интимная жизнь монархов». Какое же место в русской исторической беллетристике занимают романы Данилевского, и прежде всего лучшие из них— «Мирович» и «Сожженная Москва»?

Роман «Мирович» (впервые «Вестник Европы», 1879) при своем появлении вызвал большой общественный резонанс. Рассматривая историческую прозу 80-х годов, рецензент журнала «Русская мысль» отмечал: «Не помню, чтобы какой-либо другой исторический роман производил на нас более глубокое, подавляющее впечатление, чем «Мирович». Причина этого крылась отчасти в самой теме произведения: Данилевский обратился к мрачной и малоизвестной широкому читателю эпохе дворцовых пере-

---

[1] Тургенев И. С. Полн. собр. соч. в 12 томах, т. 11, М., 1956, с. 122.

[2] Авсеенко В. Г. «Мирович».— Русский вестник, 1879, № 9, с. 398.

воротов середины XVIII века. Сюжет романа строится вокруг трагической судьбы «царственного узника»— Ивана Антоновича, внука императрицы Анны Иоанновны, томившегося в одиночном заключении и убитого при попытке подпоручика Смоленского полка Василия Мировича освободить его.

Даже в жестокой истории русского деспотизма его судьба представляет собой нечто неслыханное: он был объявлен царем двух месяцев от роду («в пеленках венчан на царство»); в течение года от имени грудного младенца издавали указы, вели войны, правили империей; ему не было и двух лет, когда пришедшая к власти царица Елизавета Петровна осудила его на пожизненное заключение; четырех лет он был оторван от отца, матери, родных и сдан на руки тюремщикам; «двадцать лет над ним производился опыт первого в России применения бесчеловечной системы одиночного заключения и, наконец, он был убит потому только, что явился какой-то подпоручик, избравший его орудием своих честолюбивых замыслов»[1].

Понятно, что судьба этого коронованного арестанта, которая легла в основу сюжета романа Данилевского «Мирович», не могла не привлечь внимания читателей в 70-е годы, годы правительственной реакции и первых выступлений революционного народничества.

Но не только политическая острота и актуальность темы привлекали к «Мировичу» всеобщее внимание. Читатели оценили и серьезную историческую основу романа, выгодно отличавшую его от произведений массовой исторической беллетристики того времени. Данилевский проделал поистине огромную исследовательскую работу при отборе материала для романа. Текст «Мировича» обнаруживает основательное знакомство автора с капитальным исследованием С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» (тт. 25, 26), специальными работами А. Г. Брикнера, В. Кочубея, М. И. Семевского и др.[2]. Помимо этого, источниками для романа служили, как указывает сам автор в примечаниях к 6-му изданию собраний сочинений, «различные изданные и неизданные частные материалы: записки, дневники, воспоминания и письма некоторых современников той эпохи и их ближайших потомков». К числу последних относились и предания семьи самого Данилевского, рассказы прабабки о прадеде писателя, Якове Евстафиевиче Данилевском, земляке и товарище Мировича по кадетскому корпусу. Интересно, что Данилевский вводит своего предка в число персонажей романа. «Вся так называемая основа романа,— вспоминал автор,— жизнь и любовь Мировича, нрав и влияние на него героини, как и многие подробности воцарения Екатерины и покушение Мировича,— взята мною из вос-

---

[1] Бильбасов В. Шлюссельбургская нелепа.— Исторический вестник, 1888, № 5, с. 276.

[2] Брикнер А. Г. Император Иоанн Антонович и его родственники. М., 1874.

Кочубей В. Записка о кончине Иоанна Антоновича.— Чтения общества истории и древностей российских при Московском Университете. 1860, кн. 3.

Семевский М. И. Иоанн Антонович.— Отечественные записки, 1866, т. 165, № 3.

воминаний прабабки и бабки, а также из посмертной записки Кантки-Основьяненка»[1].

Кроме того, Данилевский ознакомился с архивом Шлиссельбургской крепости, бумагами архангельского губернского правления о пребывании там ссыльной семьи Анны Леопольдовны, посетил родину Мировича на Украине и местечко Пеллы, недалеко от Петербурга, где происходило свидание Екатерины II с Иваном Антоновичем. В письме к жене Данилевский рассказывал, что ему удалось сделать открытие: в формуляре Шлиссельбургской крепости он «нашел несомненное указание о посещении крепости... государем Петром III, чего не знал даже историк Соловьев»[2].

Данилевский стремился в своем первом историческом романе нарисовать широкую панораму русской жизни середины XVIII века: от вступления на престол Петра III и позорного окончания им Семилетней войны до «петербургского действа» 1762 года — возведения на престол Екатерины II, и «шлюссельбургской нелепы» 1764 года — убийства Ивана Антоновича. Автор выводит в романе все сословия тогдашней России: тут и русские цари — Елизавета Петровна, Петр III, Екатерина II, Иван Антонович, и придворная знать — голштинские приверженцы Петра III, и «стая екатерининских орлов»— Никита Панин, гетман Разумовский, Орловы, Екатерина Дашкова, и рядовое офицерство — Мирович и его друзья, и выдающиеся просветители — Ломоносов, Фонвизин, Новиков, и простой народ—солдаты, сектанты, городской люд.

Какова же основная идея романа? Публицист Н. Шелгунов упрекал Данилевского в отсутствии политической идеи в романе вообще, писатель охранительного направления В. Авсеенко, напротив, полагал, что такая идея есть, но считал ее в корне неправильной. В своей рецензии на роман он отмечал, что «Мирович» вызывает недоумение и досаду» благодаря «чрезвычайно странному» отношению автора к исторической эпохе: «Г. Данилевский... облек воцарение Екатерины в какой-то тусклый мрак, сообщил ему что-то давящее, что-то разрушающее какие-то надежды, что-то наводящее хандру и беспокойство»[3].

Действительно, «Мирович», как и связанная с ним сюжетно «Княжна Тараканова», совсем не напоминает верноподданническую идиллию, воспевающую век славной Екатерины. Именно поэтому идейный пафос романа раздражал реакционных критиков.

Показательна в этом отношении цензурная история «Мировича». Роман увидел свет только спустя четыре года после написания и под другим названием (первоначально — «Царственный узник»). В Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде хранятся неопубликованные документы, из которых видно, что 1-я часть «исторической хроники» «Мирович» должна была появиться в мартовской книжке «Вестника Европы» за 1877 год, однако по распоряжению главного управления по делам печати она была вырезана из уже отпечатанного номера журнала в количестве 7092 экземпляров, и только после этого с журнала был снят арест и он смог наконец выйти в свет.

---

[1] «Русский архив», 1863, вып. 2, с. 160—170.

[2] М. Г. Данилевский. Г. П. Данилевский по личным его письмам и литературной переписке. Харьков, 1893, с. 76.

[3] «Русский вестник», 1879, № 9, с. 420—421.

Чем же была вызвана эта крайняя мера по отношению к роману «Мирович»? Об этом говорит журнал заседания Санкт-Петербургского цензурного комитета от 25 февраля 1877 года. В докладе цензора Ведрова дается следующая характеристика романа Данилевского: «Нельзя не признать неудобным замысел автора воспроизвести в поэтической форме романа самую печальную эпоху нашей истории XVIII века, когда один из представителей монархической власти (Иван Антонович.— *Н. И.*) с детства томился в заключении и пришел в состояние идиотизма и юродивости; другой (Петр III.— *Н. И.*), действительно правящий судьбами России и родоначальник нашей династии, представляется неспособным, мелочным, чуждым интересов России, не вызывающим к себе сочувствия и уважения. Такое впечатление, которое неизбежно произведет хроника «Мирович», не может не быть признано вредным. Из всего вышеизложенного цензор полагает, что 1-я часть исторической хроники «Мирович» не может быть допущена к обращению»[1].

Наиболее криминальными, с точки зрения цензора, были следующие моменты:

1) «Отношения императрицы Елизаветы к Разумовскому определены не прозрачными намеками, но положительно: он называется «графом-мужем».

2) «Правительственные распоряжения Петра III, по своей мелочности и непрактичности, бросают тень на его умственные способности»; «Речи государя пересыпаны выражениями, взятыми из языка немецких казарм»; «В романе воспроизводится... фантазиею автора личность Петра III, не внушающая к себе уважения».

3) «Царственный узник, как называет автор Иоанна III, является полоумным, забитым, несчастным, но умеющим ехидно выражаться касательно особы покойной императрицы (Елизаветы Петровны.— *Н. И.*), которую он честит Иродиадою, злою женою, мучительницею».

4) «Катериновцы», сторонники Екатерины II, партия Орлова, описаны в ее буйном разгуле, и известный по заграничной прессе рассказ о борьбе Шванвича с Орловым передан в подробности»[2].

Как видим, цензуру не устраивал общий взгляд писателя на изображаемую эпоху и реалистическое, лишенное верноподданнического подобострастия изображение правителей этого «Соломенного царства»—так саркастически называл Данилевский русскую феодальную империю XVIII века.

Только после того, как Данилевский обратился к самому министру внутренних дел, роман разрешили напечатать. Но и спустя восемь лет цензура запрещала некоторые иллюстрации к роману «Мирович» (снимок с картины художника И. И. Творожникова «Поручик Василий Мирович у трупа Иоанна Антоновича», иллюстрация под названием «Мирович», предназначенная для журнала «Всемирная иллюстрация»[3] и др.).

По словам В. И. Ленина, в старом крепостническом обществе «перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, № 102, ч. 1, лл. 181—182.
[2] Там же, лл. 180—182.
[3] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, № 102, ч. 1, илл. 193—194, 229.

другой»[1]. И Данилевский исторически достоверно показывает, что ни в положении народа, ни в основной линии правительственной политики от этих перемен «наверху» в стране ничего не менялось. Он правильно определил «дворянский» характер политики всех трех самодержцев, выведенных на страницах «Мировича»: все они могли бы подписаться под указом Петра III «О вольности дворянства», закрепившим классовые привилегии русских дворян.

Ничего не меняется, как показывает Данилевский, от смены правления и в судьбе «царственного узника». Автор отнюдь не противопоставляет в политическом плане Ивана Антоновича царствующим монархам — он понимает, что за ним не было никакой идеологической платформы. «Несчастнорожденный» узник выступает в романе просто мерилом гуманности очередного самодержца. Так, Елизавета Петровна, увидев Ивана Антоновича, расплакалась: «Голубь подстреленный, голубь! не могу его видеть!» А узнав о замыслах прусского короля Фридриха II, намеревавшегося освободить арестованного, объявила: «сунется — велю Иванушке голову отрубить».

Ограниченный солдафон, но не злой человек, в изображении Данилевского, Петр III, также преисполненный сочувствия к «Иванушке», ничем не облегчил его положения. Екатерина, полная «гуманных» побуждений, вспомнила о нем при вокарении — и убила. Так Данилевский — хотел он этого или нет — невольно внушал своим романом, что история русского самодержавия антигуманна, ибо, как отмечал К. Маркс, цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель. Об этом говорит и образ Екатерины II, выведенный Данилевским в романе «Мирович». Официальное славословие не знало границ, прославляя «Екатерину Великую», эту «Северную Семирамиду». Данилевский, не отрицая ума, образованности, внешнего обаяния царицы, рисует ее в то же время жестокой и лицемерной. Именно она, одобрившая «инструкцию» Никиты Панина, которая предписывала при исключительных обстоятельствах умертвить узника, в конечном счете явилась убийцей «Иванушки»: царица не выполняет и своего обещания, данного невесте Мировича, помиловать его в день казни. Характерно, что и в романе Данилевского «Княжна Тараканова» образ Екатерины II предстает в подобном же освещении: заполучив с помощью гнусного обмана «княжну», царица подвергает ее до мелочей продуманной системе жестокого издевательства. Так, например, в каземате Петропавловской крепости, где содержалась молодая, смертельно больная женщина, день и ночь стояли двое часовых. Правда, после каждого очередного «умертвия» Екатерина, как показывает Данилевский, проливает слезы, но они нимало не реабилитируют императрицу, ибо картина «постыдного неправосудия» говорит сама за себя.

Удался автору и образ «безыменного колодника» Светличной башни — Ивана Антоновича — этот своеобразный вариант «железной маски», хотя задача, стоявшая перед Данилевским, была невероятно трудна: нарисовать исторически достоверно и психологически обоснованно образ человека, всю жизнь, от колыбели до могилы, проведшего в тюрьме. Иван Антонович в изображении

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 443.

Данилевского — человек, немощный телом, но не сломленный духом: невыносимые условия жизни не убили в нем чувства собственного достоинства, любознательности, тяги к свободе и простым человеческим радостям.

Можно ли считать подобную трактовку образа исторически достоверной? Екатерина II в манифесте о смерти узника, убитого ее офицерами, всенародно объявила, что он был «лишен разума и смысла человеческого», «косноязычен» и «безграмотен». Однако писатель интуитивно почувствовал, что императрице «было выгодно» скрыть правду от народа. В своей характеристике Ивана Антоновича Данилевский основывался на показаниях караульных офицеров, охранявших царевича, которые не считали его «лишенным разума». Знаменательно, что известный художник Н. Ге в картине «Петр III посещает в Шлиссельбургской крепости Ивана Антоновича» солидаризируется с Данилевским в трактовке «царственного узника».

Образы царей писатель рисует на фоне их придворного окружения. Это братья Орловы, и прежде всего фаворит Екатерины II Григорий, гетман Кирилл Разумовский. Придворная среда в «Мировиче»— это скопище смелых и наглых авантюристов и честолюбцев, которые действуют исключительно в интересах личной карьеры и обогащения.

Кто же в романе Данилевского выступает носителем нравственного идеала и двигателем исторического прогресса?

Данилевский писал об этом так: «Борьба света и тьмы, вечной правды и зла с давних лет делит русское общество на два воюющих стана». К числу «хищников», носителей зла в изображаемую эпоху, Данилевский причислял и «елизаветинских лейб-кампанцев» (гвардейцев, принимавших деятельное участие в возведении на престол Елизаветы Петровны) и «генералов — покорителей Сечи, закрепостивших при Екатерине II искони свободный украинский народ». Им писатель противопоставлял, как «белых голубей в стае черных ворон», Новикова и Радищева. «Победа осталась не за ними, хотя брошенные ими семена не заглохли»,— отмечает Данилевский.

Итак, «идеалисты», «труженики мысли», такие, как Ломоносов, Новиков, Радищев,— вот, по мнению писателя, истинные двигатели исторического прогресса.

Какое же место в борьбе светлых и темных сил Данилевский отводил Мировичу — главному герою романа? Критика 80-х годов единодушно оценила Мировича Данилевского как «авантюриста XVIII века», «человека беспринципного и вполне ничтожного», «холодного эгоиста с самыми хищными инстинктами». Так ли это?

Мирович появляется в романе как представитель победоносной русской армии, возмущенной тем, что пришедший к власти Петр III заключил мир с Пруссией и тем свел на нет победы русских в Семилетней войне. «Родина, дорогая родина,— мыслил Мирович,— вот она, наконец, и я опять среди нее...» «Себя не пожалею, всю правду докажу, лишь бы отечеству польза».

Данилевский делает своего Мировича масоном и поклонником Руссо, что характеризует его как мыслящего человека того времени. Потомок знатного казацкого рода, имения которого были конфискованы еще во времена Петра I, Мирович чувствует

себя несправедливо обойденным. Отсюда постоянное чувство обиды и горечи за себя и трех неимущих сестер. «Мы не пешки,— говорит Мирович,— не прах, не муравьи. Отчего гвардейским молодчикам, шаркунам, полотерам... отчего доступ всюду?»

Не может не импонировать читателю и роль освободителя, которую так печально разыграл Мирович; вызывают сочувствие его смелые до дерзости ответы Следственной комиссии, его мужество во время казни.

Однако наряду с этим герой Данилевского — картежник, кутила, мучительно завидующий царскому фавориту Григорию Орлову. Он не обладает ни силой воли, ни честолюбием, иногда совершает низкие поступки: идет просить покровительства у фаворита Екатерины II.

Соответствует ли этот образ историческому В. Я. Мировичу? Мы не знаем. О личности этого безвестного офицера до нас дошло очень мало сведений; так, историк А. Брикнер сообщает о нем только то, что он был «странным», «легкомысленным» и «суеверным»[1]. Критика упрекала Данилевского в том, что его Мирович выглядит как бы недорисованным, двойственным, но, по-видимому, автор сознательно усложнил этот образ, рисуя сына своего времени и своей среды. Раздвоенность, противоречивость, сочетание низких побуждений, грубых проявлений натуры с высокими, благородными чувствами было характерной чертой людей того века: вспомним хотя бы казненного во времена бироновщины Артемия Волынского. Он был мужественным борцом с иностранным засильем и одновременно — взяточником, казнокрадом, крутым, деспотичным вельможей.

Данилевский дает психологически углубленный образ, полный внутреннего трагизма, пытается раскрыть «диалектику души» человека, решившегося на страшное, гибельное дело; удачно передано, например, мучительное, нервное ожидание Мировичем неотвратимой казни, его «дорога на эшафот»: «Еще жить целую улицу, мост, половину площади...».

Сильную сторону «Мировича» составляют и картины быта: описание нравов, обычаев эпохи, воссоздание языка середины XVIII века. Такие эпизоды произведения, как кутежи гвардейцев у «Дрезденши» и «Амбахарши», игра в карты Мировича с вельможей Юсуповым, картина Петербурга времен Петра III, как бы составляют небольшие самостоятельные исторические новеллы в романе.

В эпилоге автор вновь ведет нас в «каменный мешок» Светличной башни Шлиссельбургской крепости, где некогда томился «несчастнорожденный» Иван Антонович. Прошло тридцать лет: «Померкла слава Орловых. Взошла звезда Потемкина. Прогремела пугачевщина. Кончились турецкие войны: был завоеван Крым и взят Измаил». А в Светличной башне томится новая жертва: Н. И. Новиков, блестящий сатирик, злейший враг крепостного права, посаженный на пятнадцать лет без суда и следствия Екатериной II за вольномыслие. «Однажды обвалилась штукатурка у его печи. Новиков, бродя по комнате, еще отнял часть известкового слоя и при слабом свете ночника, не без труда,

---

[1] Брикнер А. Г. Император Иоанн Антонович и его родственники, с. 139—141 и др.

прочел выцарапанные гвоздем на стене каракули: «мы бож... милостью... импера... Иоанн Третий Антонович...» Итак, круг замкнулся...

Писатель А. Эртель когда-то упрекал Данилевского за отсутствие в романе «Мирович» «многомиллионной массы» народа[1]. Но Данилевский в силу ограниченности своего мировоззрения и не ставил перед собой такой задачи. Однако, хотя простому народу на страницах «Мировича» отведена скромная роль наблюдателя происходящих событий, мысль о нем неизменно сопровождает повествование. Вот, например, как в романе комментирует Ломоносов указ «О вольности дворянства»: «Теперь думаю: ну, нешто барам нужны вольности? Народу, вот, друг мой, кому!.. Не твои сытые родичи,— извини,— мои сермяжники в них нуждаются...»

Итак, не все равноценно в исторических романах Данилевского, но одно несомненно: они до сих пор живы в русской литературе. Произведения Мордовцева, Салиаса, Вс. Соловьева и прочих беллетристов 80-х годов давно отошли в область преданий, а романы Данилевского до сих пор пользуются неизменным читательским интересом. Поэтому нельзя рассматривать роман Данилевского в одном ряду с немудреной исторической беллетристикой конца века.

Внимательное и добросовестное отношение к историческому факту, соблюдение разумных соотношений истории и вымысла, умение воссоздать силою фантазии в живых и достоверных образах картины давно прошедших эпох — вот что выгодно отличает исторические романы Данилевского и гарантирует им долгую жизнь в искусстве.

Н. Ильинская

---

[1] См.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. V, СПб, 1913, с. 512.

КРАТКИЙ ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

А б а ф т а — гауптвахта (*нем*). — караульное помещение, сторожка, место дисциплинарного заключения солдат и офицеров.

А б ш и д — увольнение, отставка (*нем.*).

А в а н п о с т ы — сторожевые отряды, выставляемые впереди войск, находящихся вблизи неприятеля.

А в а н т а ж — преимущество, выгода (*франц.*).

А в с т е р и я — гостиница, трактир.

А д ъ ю н к т — младшая ученая должность в некоторых научных учреждениях царской России.

А к а ф и с т ы — церковные песнопения.

А к с е л ь б а н т ы — наплечный шнур с металлическими наконечниками — принадлежность формы некоторых военных чинов.

А л а н с о н ы — алансонские кружева.

А л ь я н ц (альянс) — союз, объединение.

А л ы р н и к и — обманщики, вымогатели.

А л ь ф а и о м е г а — первая и последняя буквы греческого алфавита, иносказательно — начало и конец.

А л я р м — тревога, смятение, переполох.

А м б а р а — затруднение (*франц.*).

А н а к р е о н т и ч е с к и й — воспевающий любовь, вино, пиры и т. п.—по имени древнегреческого поэта-лирика Анакреона.

А н а н а с н ы е п л а н т ы — саженцы ананасов.

А н к е р к и — бочонки.

А н т и м и н с — освященный плат, который кладется на церковный престол для свершения *евхаристии* (см.).

А н т р е с о л и — верхний полуэтаж особняка.

А п о к а л и п с и с — одна из христианских церковных книг, содержащая мистические пророчества о конце мира.

А п п р о ш — ход, подход.

А п р о б а ц и я — одобрение, иносказательно — поддержка.

А р а н ж и р о в а т ь — учредить, привести в порядок, расположить.

А р г а м а к — старинное название восточных породистых верховых лошадей.

А р г о н а в т ы — герои древнегреческого мифа, отправившиеся на корабле «Арго» в Колхиду за золотым руном.

А р т и к у л — отдельная статья в законе; ружейный прием (*нем.*).

А с п и д ы — змеи. Иносказательно — злые люди, скареды.

А с с ю р и р о в а т ь — здесь удостоверить, осведомить.

А т т е н ц и я — расположение, внимание, предупредительность, забота.

Аудитор — в военных судах прокурор и судебный следователь.

Афронт — оскорбление.

Байок — мелкая итальянская монета, равная примерно грошу.

Байрак — овраг (*укр.*).

Балансе — равновесие (*франц.*).

Бандора (бандура) — украинский музыкальный инструмент.

Банк-фараон — азартная игра в карты, где банкир, банкомет держит банк, отвечает на известную сумму, а понтеры ставят деньги на любую карту.

Баскак — наместник монгольского хана, ведавший сбором дани и учетом населения в завоеванных землях.

Бельведер — надстройка над зданием.

Берлин — четырехместная крытая коляска.

Бириби — карточная игра (*франц.*).

Блонды — шелковое кружево белого или кремового цвета.

Бомбардирада — здесь иносказательно: шумиха, помпа.

Брандвахта — сторожевое судно.

Брандер — судно с горючими веществами для поджигания неприятельских кораблей.

Брандскугель — род бомбы, гранаты, начиненной горючим составом.

Бригадир — в России XVIII века офицерский чин, промежуточный между полковником и генерал-майором.

Буриме — стихотворение на заданные рифмы (*франц.*).

Вальяжно — важно, величаво.

Вахтпарад — военный развод для смены караулов.

Ведет — ближайший к неприятелю конный караул (*франц.*).

Винтер-квартира — зимняя квартира (*нем.*).

Виссон — драгоценная ткань.

Вист-руаяль — королевский вист. Карточная игра в 52 карты между четырьмя игроками (*франц.*).

Военная коллегия — высший центральный орган военного управления в России XVIII века.

Вояжир — путешественник (*франц.*).

Галера — деревянное гребное судно. В России галерный флот был создан в 1696 году и сыграл важную роль в ряде морских сражений XVIII века.

Гальог — небольшое двухмачтовое судно для прибрежного плавания или одномачтовое для озерного и речного.

Гандлангеры — рядовые артиллеристы низшего разряда, подносчики снарядов (*нем.*).

Ганимед — в древнегреческой мифологии сын троянского царя Троса, которого похитил Зевс и сделал своим виночерпием. Иносказательно: ганимеды — прислужники за столом.

Гарпии — гарпия в древнегреческой мифологии — богиня бури. Иносказательно: гарпии — мучительницы, кровопийцы.

Генерал-адъютант — адъютант генеральского чина при царе.

Генерал-аншеф — в воинском уставе Петра I — главнокомандующий или генерал-фельдмаршал. В XVIII веке — полный генерал.

Генерал-фельдцейхмейстер — главный начальник всей артиллерии.

Генеральный бунчужный — один из пяти главных войсковых чинов во времена украинских гетманов.

Герберг — постоялый двор (*нем.*).

Глинистые голуби — голуби с оперением глинистого цвета.

Гофдиннер — придворный слуга (*нем.*).

Гофмаршал — высший придворный чиновник, ведавший придворным довольствием, впоследствии почетное звание.

Гроссфатер — старинный немецкий танец.

Демикотон — плотная хлопчатобумажная ткань атласного переплетения.

Декларасьоны — объявления, признания (*франц.*).

Дессиянсакадемия — академия наук (*франц.*).

Диверсия — здесь военный маневр для отвлечения противника с главного театра военных действий.

Дигет (диета) — определенный режим питания.

Дистракция — растерянность, отвлечение.

Доломан — гусарская куртка, на которую накидывается ментик; старинная верхняя длинная одежда.

Дормёз — дорожная карета, приспособленная для сна в пути.

Драбант (*трабант*) — телохранитель.

Дусёргельд — кормовые. Одна из форм контрибуции (*нем.*).

Евхаристия — одно из главнейших таинств в христианстве, когда якобы хлеб и вино «превращаются» в тело и кровь Христа для причащающихся верующих.

Епанча — длинный и широкий плащ; старинная верхняя одежда зажиточных людей в России; короткая суконная накидка, введенная Петром I для обмундирования армии.

Женерозитет — великодушие, благородство, щедрость (*франц.*).

Иллюминат — член тайного религиозного общества, боровшегося с влиянием иезуитов.

Инфантерия — пехота.

Инфлюэнция — влияние.

Кабинет-министр — министр по делам императорского двора.

Кавatина — небольшая оперная ария.

Кавярня — кофейня (*польск.*).

Каденца (каденция) — завершение музыкального произведения или его части; импровизация виртуозного характера, исполняемая соло.

Калита — сумка.

Калуфер — бальзаминовое растение.

Камергер — придворное звание.

Камер-лакей — старший придворный лакей.

Камер-медхен — низшая прислужница при владетельных дамах (*нем.*).

Камер-юнгфера — девушка при дворе степенью выше камер-медхен (*нем.*).

Камер-фурьер — придворный чиновник, наблюдавший за парадными обедами.

Камилавка — головной убор. Знак награды для священников; монашеский головной убор черного цвета.

Камрад — товарищ (*нем.*).

Кант — песня-гимн религиозного содержания.

Кантонир-квартира — квартира, назначенная для воинского постоя (*нем.*).

Капелюх (капелюха) — шапка-ушанка.

Капонир — сооружение для флангового и косоприцельного огня в двух противоположных направлениях.

Кенкет — комнатная лампа, с горелкой ниже масляного запаса.

Кичка — головной убор замужней женщины.

Клавикорды — струнный клавишный инструмент, предшественник фортепьяно.

Клеврет — товарищ, собрат (*лат.*). Иносказательно: беспринципный сторонник.

Кнастер — крепкий курительный табак.

Книга Маргарит. Маргарит — жемчуг, книга Маргарит — избранные поучения Иоанна Златоуста.

Коллежский асессор — русский гражданский чин 8-го класса табели о рангах.

Коллежский советник — чиновник 6-го класса.

Колет — короткий мундир из белого сукна в кирасирских полках.

Комиссар — в России XVIII века должностное лицо, облеченное особыми полномочиями; полицейский исправник.

Коммуникации — пути сообщения и средства связи.

Конверсация — разговор, беседа.

Кондиции — условия договора.

Конскрипция — набор в армию на основе воинской повинности, но допускающий выкуп и заместительство (*франц.*).

Конфидент — человек, с которым ведут интимные разговоры, поверяя секреты.

Корд'арме — армейский корпус (*франц.*).

Конфирмация — приговор, решение, утвержденные властью.

Кордегардия — помещение для военного караула, а также для содержания под стражей.

Кордияльный решпект — сердечное внимание, уважение.

Корсо — главная улица, место гуляний, карнавалов и др.

(*итал.*).

Котильон — французский танец.

Кофи-шенк — смотритель за приготовлением кофе, чая, шоколада и т. п. при дворе или помещичьем доме.

Креатура — ставленник, занимающий место благодаря покровительству какого-либо влиятельного лица.

Крин — лилия *(библ.)*.

Кронверк — большая наружная пристройка к крепости, из двух бастионов и двух крыльев.

Кружалы — кабаки.

Кубовые краски — их получают из органических веществ, они дают очень прочные, яркие и чистые цвета.

Куконочка (кукона) — в Молдавии женщина из привилегированного класса.

Кураж — задор, смелость *(франц.)*.

Куртаг — приемный день в царском дворце.

Куртизан — придворный льстец, угодник.

Куртина — часть крепостной стены между двумя бастионами.

Курфюрсты — князья «священной Римской империи», избиравшие с XIII века императора.

Ландо — четырехместная карета с открывающимся верхом.

Левантин — шелковая ткань, сотканная так, что нитки образуют косую клетку.

Лейб-кампанцы — солдаты гвардейского полка, участвовавшие в дворцовом перевороте Елизаветы Петровны (1741) и получившие в награду офицерские звания.

Лейб-кучер — кучер государя, государыни *(нем.)*.

Ля-муш — карточная игра.

Мадригал — небольшое музыкально-поэтическое произведение, обычно любовно-лирического содержания.

Мажордом — управитель, дворецкий.

Мамелюк — представитель военно-феодальной касты в Египте, основой которой послужила личная гвардия султана из рабов тюркского и кавказского происхождения; конный гвардеец из личной охраны Наполеона, набранной во время похода в Египет.

Мануфактур-коллегия — правительственный орган для руководства промышленностью России XVIII века.

Маркёр — прислужник при игре на бильярде.

Маркитанты — торговцы съестными припасами, напитками и предметами солдатского обихода при армии в XVIII и XIX веках.

Мартинисты — последователи одного из масонских течений XVIII века, к которому примыкала и часть русских масонов (Новиков, Лопухин и др.).

Марьяж — старинная игра в карты.

Маэстозные мелодии — величественные, торжественные.

Меделянский пес — порода крупных охотничьих собак, использовалась для травли медведей.

Менажемент — осторожность, бережное обращение, церемонии.

Менуэт — старинный французский танец.
Мефитический — зловонный, зараженный нечистотами.
Мурья — лачуга, конура.
Мушкеты — огнестрельное ружье с фитильным замком.

Наянство — нахальство.
Негоции — торговые дела, сделки, предприятия (*лат.*).
Никанорша (экономка) — домоправительница.

Обжект — объект, предмет (*франц.*).
Оберж — постоялый двор, трактир.
Оберкригскомиссар — высший военный комиссар.
Обер-шталмейстер — придворный чин.
Обсервировать — наблюдать.
Окончина — оконная рама.
Ордер — письменное приказание, предписание.
Ордер-де-баталия — боевой строй.
Ордонанс-гауз — канцелярия коменданта (*нем.*).
Остзеец — прибалтийский немец.
Охабень — верхняя крестьянская одежда и род женской одежды.
Оцт (оцет) — уксус (*укр.*).

Палаш — прямая и широкая сабля с обоюдоострым к концу клинком.
Панацея — мнимое всеисцеляющее средство (*греч.*).
Партикулярно — частным образом.
Пастораль — небольшая опера, пантомима, балет или литературное произведение на идиллический сюжет.
Пасьянс — раскладывание игральных карт по определенной системе, дающее, если пасьянс «выходит», требуемую комбинацию карт.
Першпектива — длинная прямая, улица, проспект.
Петиметр — светский щеголь.
Пикет — небольшой сторожевой отряд; карточная игра.
Пифия — жрица-прорицательница в храме древнегреческого бога Аполлона в Дельфах.
Плерезы — белые нашивки на черном платье, траурные обшивки.
Плутонг — низшее подразделение в строю и боевом порядке русской пехоты XVIII века.
Плюмаж — украшение из птичьих перьев на головных уборах.
Поветовые — уездные, повет — уезд (*польск.*).
Повытчик — ведал делопроизводством в суде в России XVI—XVII веков.
Понёва (панева) — плат, головная повязка и род юбки.
Понтировать — ставить на карту деньги и отмечать ее.
Посессор — владелец завода с приписанными к нему государственными крестьянами.
Пошевни — сани с задней спинкой, обшитые лубом.
Презент — подарок.
Препозиция (пропозиция) — предложение.

Прерогатива (прерогатив) — преимущество, особое право, первенство.

Прокурат — проказник, плут, притворщик.

Пронизки — бисерина, стеклярус, бусина, продырявленная монета, камешек и другие украшения.

Проскомидия — часть литургии, когда готовятся дары для освящения.

Протеже — любимец, покровительствуемый.

Пуан-дешпаны — испанские кружева.

Пудромантель — род накидки, плаща или рубашки, которую надевали, пудрясь.

Рандеву — заранее условленное свидание. В морском флоте место встречи кораблей.

Ребеллы (ребелы) — мятежники.

Регламент — порядок, устав; название некоторых актов международных конгрессов.

Редингот — длинный сюртук, первоначально для верховой езды.

Режимент (ретимент) — полк *(нем.)*.

Резонабельный — рассудительный.

Рейткнехты — кучера *(нем.)*.

Рейнское — рейнвейн или виноградное вино вообще.

Ретирада — отступление.

Решпект — уважение.

Ривал (риваль) — соперник *(франц.)*.

Ритор — оратор и преподаватель красноречия.

Робер (роббер) — в некоторых карточных играх круг игры из трех партий.

Роброн — старинное дамское платье с кринолином.

Розенкрейцер — член тайного реакционного мистико-философского общества, возникшего в XVII веке в Германии. Его эмблема — роза и крест.

Рокамболь — карточная игра.

Рулада — быстрый виртуозный пассаж в пении.

Рыдван — род дорожного экипажа.

Рябик — остроносая лодка с беседкой.

Савояр — житель Савойи *(франц.)*.

Сатисфакция — удовлетворение за нанесенную обиду.

Сбитень — горячий напиток с медом и пряностями.

Селадон — герой пасторального романа О. д'Юрфе «Астрея». Иносказательно — чувствительный влюбленный, позднее — назойливый ухаживатель.

Сентенция — нравоучение или кратко выраженный взгляд на что-либо.

Сиккурс (сикурс) — поддержка, подкрепление.

Склаваж — коралловый браслет *(франц.)*.

Скудель — черепок.

Смолянка — ученица Смольного института в Петербурге.

Сольфеджио — нотная грамота, вокальные упражнения для развития слуха, обработки голоса.

Сотерн — сорт виноградного белого вина.

Старшина — офицерский чин в русских казачьих войсках, соответствующий чину подполковника.

Статс-дама — придворный чин.

Статут — устав.

Стахира — церковное песнопение на библейский сюжет.

Стультус — болван (*лат.*).

Супционировать — существовать, иносказательно — действовать.

Съезжая — мирская изба, общая для нескольких деревень, приезжающих на торг; помещение для арестованных при полиции.

Сюперфин-кнастер — тончайший сорт табака.

Тафельдекер — слуга, накрывающий на стол.

Темляк — тесьма с кистью на шпаге, сабле. Серебряный темляк — знак офицерского чина.

Тильбюри — открытая двухколесная коляска (*франц.*).

Тимпаны — литавры.

Торбан — струнный щипковый музыкальный инструмент.

Траждеи (трагедия) — высокая трогательная и печальная драма (*франц.*).

Трактамент — здесь трактат, рассказ.

Трешкот — небольшое палубное судно.

Триолеты — форма стихотворения из 8 строк на две рифмы.

Тропарь — песнопение в честь какого-либо православного праздника или святого.

Турман — голубь-вертун. Турманом — кувырком, вверх ногами.

Тюильри — резиденция французских королей.

Устерсы — устрицы.

Факция — дело.

Фалборы — оборки по подолу платья.

Фантом — призрак, привидение.

Фараон — см. банк-фараон.

Фарисеи — лицемеры. В древней Иудее представители зажиточных слоев, отличавшиеся лицемерным исполнением правил благочестия.

Фельдъегерь — правительственный курьер в военном звании.

Ферлакурить — ухаживать.

Ферфлюхтер — проклятый (*нем.*).

Фижмены (фижмы) — юбки на китовых усах.

Финифть — эмаль.

Флешь — военное полевое укрепление в форме тупого угла.

Фольварк — небольшая усадьба.

Фольстинг — парламент в Дании.

Форейтор — верховой на одной из передних лошадей, запряженных цугом.

Форштадт — предместье, слободка (*нем.*).

Франкмасон — член тайного религиозно-философского общества «вольных каменщиков» (от франц. franc̦on — вольный каменщик).

Фрегат — военный корабль. В России в конце XVIII века появились гребные фрегаты (12—18 пар весел), вооруженные 38 пушками.

Фузилеры (фузилиры) — мушкетеры.

Фуляр — легкая и мягкая шелковая ткань.

Фурлейт — возчик *(нем.)*.

Цальмейстер — казначей *(нем.)*.

Цейхгауз — военная кладовая для хранения оружия или амуниции.

Цидулка — письмецо *(укр.)*.

Чекмень — старинная верхняя мужская одежда, суконный полукафтан.

Шалберник — праздношатающийся.

Шаматон — мот.

Шандал — подсвечник.

Шановать — оказывать почтение, уважать, иносказательно — кормиться *(укр.)*.

Шептала — сушеные персики.

Шиканить — притеснять, придираться.

Шквардон (эскадрон) — подразделение кавалерии, соответствующее роте пехоты.

Шкода — вред, потеря, изъян *(укр.)*.

Шлосс — замок *(нем.)*.

Шлюшин — народное название Шлиссельбурга.

Шпенцер — куртка.

Шпицрутены — длинные гибкие прутья, которыми солдаты, выстроенные шеренгами, били наказуемого, проводимого сквозь строй.

Штальмейстер — придворный чин.

Штафета (эстафета) — послание с нарочным.

Штиблеты — гетры на подкладке, на крючках или пуговицах.

Штоф — плотная шелковая или парчовая ткань с разводами.

Шулики — кусочки лепешки, политые растертым маком *(укр.)*.

Шушун — женская кофта, душегрейка.

Экивок — двусмысленность, двусмысленный намек.

Экспликация — разъяснение, объяснение.

Экзекуционс-плац — площадь, на которой исполнялись приговоры *(нем.)*.

Эпитимия — духовная кара, церковное наказание.

Эрмит — пустынник.

Эспантон — короткое копье пехотинца XVII—XVIII веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 7. *Да,— скажут наши правнуки,— им было больно угнетение России.*— Цитата из исторического романа Лажечникова Ивана Ивановича (1792—1869) «Ледяной дом». Эпиграф к «Мировичу» взят из монолога главного героя романа, патриота Артемия Волынского, дерзнувшего выступить против всемогущего временщика Анны Иоанновны (1693—1740) — курляндского герцога Бирона Эрнста Иоганна (1690—1772).

...в самый разгар войны России с Пруссией.— Имеется в виду Семилетняя война (1756—1763) между Россией, Австрией, Францией, Швецией, Саксонией и Испанией, с одной стороны, Пруссией, Англией и Португалией,— с другой. В ходе этой войны русские одержали ряд блестящих побед (сражение при Кунерсдорфе, взятие Берлина), развеяв миф о непобедимости прусской армии.

...отряд... Панина овладел Берлином...— Панин Петр Иванович (1721—1789) — выдающийся военный деятель, победитель при Кунерсдорфе; возглавлял русские сухопутные и морские силы в Померании и Голштинии. Однако Берлин был занят не его отрядом, а корпусом генерала З. Г. Чернышева.

Стр. 8. *...прогнать... «Под-липами»...*— Подразумевается одна из улиц Берлина «Unter den Linden» (Под липами).

Стр. 13. *...из него и родился весь немецкий синклит: сам старый лукавец Фриц, его генералы... а с ними и... Бироны, Тауберты, Винцгеймы и вся братия...*— Действительно, Ломоносов резко отрицательно относился к немецкому засилью в Академии наук, где он работал с 1741 г. и до конца жизни. Тауберт, Винцгейм и братия — «академические немцы», которые враждебно относились к патриотической деятельности Ломоносова, не желали замечать его гениальных способностей. «Лукавец Фриц» — прусский король Фридрих II (1712—1786), который в своей политике захвата славянских и других земель широко использовал насилие и вероломство.

Стр. 14. *Успела голубица мира, успел Гудович доставить масличную ветку в Берлин?* — Речь идет о заключении мира между

Россией и Пруссией в результате Семилетней войны в 1762 г. Предложение о мире привез в Берлин приближенный Петра III, его любимец, генерал-лейтенант Гудович.

Стр. 20. ... *во время казни гетмана Остраницы...*— Остраница — один из казацких вождей, прославившихся в борьбе с поляками (1593—1638).

Мазепа Иван Степанович (1644—1709) — гетман Украины 1687—1709 гг. Стремясь отделиться от России, Мазепа изменил Петру I, перейдя на сторону шведов. После Полтавской битвы (1709) бежал вместе с Карлом XII в Турцию.

Стр. 21. *...был генеральным есаулом Орлика.*— Орлик Филипп (1672—1742) — приверженец и поверенный гетмана-изменника Мазепы, активный участник его предательского заговора.

Паткуль Иоганн Рейнгольд (1660—1707) — лифляндский дворянин, находившийся на шведской службе. Бежал от преследований шведского короля, и поступил на службу к Петру I. В 1706 г. был выдан Швеции, колесован живым и как изменник четвертован.

Стр. 22. *Полуботок* Павел Леонтьевич (1660—1724) — наказной гетман Украины и черниговский полковник, вел борьбу с русским правительством за расширение прав украинских гетманов; был заключен в Петропавловскую крепость, где и умер.

Разумовский Алексей Григорьевич (1709—1771) — сын реестрового казака, ставший фаворитом и фактическим мужем императрицы Елизаветы Петровны, принимал активное участие в дворцовом перевороте в ее пользу.

Стр. 25. *...Розума нашего и кормильца!* — Имеется в виду Разумовский (от укр. «розум», то есть «разум»).

Стр. 31. *Сумароков* Александр Петрович (1717—1777) —видный представитель русского классицизма, поэт и драматург. Комедия «Чудовищи» (1750) и трагедия «Гамлет» (1748) — популярные в середине XVIII в. пьесы Сумарокова, шедшие на русской сцене.

...Люблю Офелию, но сердце благородно.— Цитата из трагедии Сумарокова «Гамлет».

Стр. 36. *...в лейб-кампанской... шапке...*— Лейб-кампанцы — солдаты гвардейского полка, возведшие на престол Елизавету Петровну в 1741 г. и получившие в награду офицерские звания.

Стр. 37. *Он сходился там с умными людьми, в том числе с масонами...*— Масоны, или франкмасоны, «вольные каменщики» — религиозно-мистическое движение, возникшее в странах Западной Европы в XVIII веке; призывали к нравственному совершенствованию, братскому единению людей.

Стр. 39. *...где ей в здешнем-то Бавилоне болтаться.*— Здесь подразумевается древневосточный город Вавилон. В переносном смысле — огромный город с разноплеменным населением.

Стр. 40. *Жизнь наша — храм Соломонов...*— Имеется в виду знаменитый храм, сооруженный в Иерусалиме израильским царем Соломоном.

Стр. 45. *Царица в оперу в спальном шлафроке ездила...*— Ломоносов дает исторически достоверную характеристику Анны Иоанновны, грубой и невежественной правительницы, предоставившей фактическую власть в стране придворной клике Бирона.

Остерман Андрей Иванович (1686—1741) — видный государственный деятель в царствование Петра I и Анны Иоанновны; *Миних* Бурхард Кристоф (1683—1767) — генерал-фельдмаршал русской армии, президент Военной коллегии при Анне Иоанновне.

Анна Леопольдовна (1718—1746) — внучка царя Ивана Алексеевича, состоявшая в 1740—1741 гг. правительницей при малолетнем сыне Иване VI Антоновиче (1740—1764). Свергнутая гвардией Анна Леопольдовна умерла в ссылке в Холмогорах.

...драмы Аддисона, «Заиру» Вольтера любила декламировать...— Аддисон Джозеф (1672—1719) — английский писатель, буржуазный просветитель. Большой популярностью пользовалась его трагедия «Катон» (1713), полная риторики. Трагедия «Заира» (1732) — одно из лучших литературных произведений Вольтера (1694—1778), знаменитого французского писателя и философа-просветителя.

При ней зато немцы немцев ели...— Ломоносов намекает на арест в 1740 г. фельдмаршалом Минихом Бирона, бывшего после смерти Анны Иоанновны регентом при малолетнем Иване Антоновиче.

Стр. 45. *Царей и царств земных отрада...*— строки из широко известной оды Ломоносова «На день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны, 1747 г.».

Она смертную казнь отменила в России! В Москве... открыла университет...— Исторический факт. Елизавета Петровна действительно сразу же после вступления на престол отменила смертную казнь в России; в Москве по инициативе Ломоносова был открыт первый русский университет (1755).

Стр. 46. *...Петр Второй... обещал, подобно Веспасьяну, правивить...*— Петр II (1715—1730) — русский император в 1727—1730 годах, внук Петра I. Веспасиан Тит Флавий — римский император (69—79 н. э.), прославившийся миролюбием и мудрой политикой.

Стр. 46. *...чтоб нами побитого лукавца Фридриха водрузить в прежних умеренных пределах...*— Ломоносов возмущается тем,

что Петр III, вступив на престол, заключил мир с прусским королем Фридрихом II, вернул Пруссии занятые территории, то есть свел на нет победы русских в Семилетней войне.

Стр. 48. *Подбили монарха дать вольности дворянству.*— Петр III, идя навстречу требованиям дворян, освободил их от обязательной службы, опубликовав манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» (1762).

...Золотую статую в честь нового Солона хотели отлить...— Солон (ок. 638 — ок. 559 г. до н. э.) — знаменитый законодатель в древних Афинах.

Стр. 50. *...Перед его портретом на коленки в Рамбове становились...*— Рамбов (простореч.) — Ораниенбаум, резиденция Петра III. Ломоносов говорит здесь о преклонении Петра III перед Фридрихом II.

...Лисавета Воронцова, в фаворе — Воронцова Елизавета Романовна — фаворитка Петра III. Ее характеристика в романе соответствует исторической правде.

Стр. 56. *Исконный зеленый цвет кафтанов и красный — воротников и камзолов — разрешено заменять... оранжевым, голубым, лиловым...*— Историк того времени А. Т. Болотов свидетельствует, что Петр III действительно заменил петровские зеленые кафтаны русской армии на форму по прусскому образцу.

Стр. 60. *Ушаков* Аполлон Ильич — поручик Великолуцкого армейского полка, пособник Мировича в его авантюре. Все обстоятельства последнего года жизни Ушакова, вплоть до его трагической смерти, изложены Данилевским исторически достоверно.

Ушаков Андрей Иванович (1672—1747) — начальник тайной розыскной канцелярии, прославившийся необычайной жестокостью при «розыске» важных политических дел.

Стр. 66. *...читал «Contrat social».*— Речь идет о знаменитой книге выдающегося французского просветителя Жан-Жака Руссо (1712—1778) «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762); на передовых демократических идеях этой книги воспитывались крупнейшие деятели Французской буржуазной революции.

Стр. 70. *Орловы,* Григорий Григорьевич (1734—1783) и Алексей Григорьевич (1737—1807) — главные организаторы дворцового переворота в пользу Екатерины II, видные государственные деятели. Григорий Орлов был фаворитом Екатерины II, Алексей прославился победой над турецким флотом в Чесменском бою (1770), где он был главнокомандующим русскими силами. Картины буйного разгула братьев Орловых соответствуют истори-

ческой истине: существовало мнение, что именно они выбили в драке глаз Потемкину.

Стр. 74. *Шванвич* — кронштадтский комендант. Прославился тем, что в трактирной ссоре разрубил палашом щеку Алексею Орлову.

Стр. 77. *Шувалов* Иван Иванович (1727—1797) — приближенный императрицы Елизаветы Петровны, первый куратор Московского университета, президент Академии художеств, меценат, покровительствовавший Ломоносову и Фонвизину.

Стр. 78. *...прочла его «Эмиля».*— «Эмиль, или О воспитании» (1762) — один из крупнейших романов Жан-Жака Руссо.

Стр. 87. *Шлюшин* (простореч.) — Шлиссельбург.

Стр. 91. *Лесток* Иоганн-Герман (1692—1767) — придворный врач императрицы Елизаветы Петровны, пользовавшийся большим влиянием при дворе. По его совету семья Анны Леопольдовны была подвергнута пожизненному заключению.

Стр. 101. *Да неужели ж не явится ...чуда, чтоб избавить ни в чем неповинного... мученика?..*— Этот разговор, как и вся линия взаимоотношений Ломоносова с Мировичем, представляет авторский вымысел. Автор неправомерно делает Ломоносова едва ли не вдохновителем авантюры Мировича.

Стр. 102. *...как полосовал кат на Сытном рынке... первую статс-даму, Наталью Лопухину...*— Имеется в виду заговор приближенной Анны Леопольдовны Н. Ф. Лопухиной в пользу Ивана Антоновича. Заговор был раскрыт, четырех человек высекли кнутом и, «урезав языки», сослали в Сибирь.

Стр. 114 *...как погубили крестителя Иоанна...*— Иоанн Креститель (Предтеча) — в христианской религии мифический пророк, предсказавший пришествие «мессии» — Иисуса Христа; ввел обряд крещения. Был казнен в результате происков Иродиады, злой и развратной внучки царя Ирода Великого.

Стр. 125. *...сказывает евангелием, Минеею, Прологом и книгою Маргарит...*— Здесь перечислены книги духовного содержания: Четьи Минеи — русская церковно-историческая и поучительная литература, помесячный рассказ о жизни святых; Маргарит — сборник проповедей Иоанна Златоуста.

Стр. 141—142. *Купчина был... из толка бегунов...*— Имеется в виду Кондратий Селиванов (ум. 1832) — старообрядец, основатель секты скопцов, автор многочисленных произведений на религиозные темы. Старообрядчество выражало под религиозной оболочкой протест против крепостничества и официальной церкви. Однако эти прогрессивные тенденции уживались в нем с изуверством.

Стр. 168. *Гвардия — это нынешние янычары!* — Исторически достоверная фраза Петра III, который, по свидетельству историка С. Соловьева, не любил и опасался гвардейцев, в конце концов его свергнувших.

Стр. 178. *...совлекаюсь ветхого Адама...* — то есть «нравственно обновляюсь, воскресаю». Выражение восходит к посланиям апостола Павла к римлянам.

Стр. 179. *Кузнечик дорогой, коль много ты блажен!..* — фрагмент перевода из древнегреческого поэта Анакреонта, две конечные строчки прибавлены самим Ломоносовым.

Стр. 181. *Лиса-Кознодей восхитительна.* — Подразумевается персонаж басни-сатиры Фонвизина «Лисица-Кознодей» (начало 60-х годов).

«...он скотолюбие в душе своей питал!» — строка из похвального слова лисицы-проповедницы из басни Фонвизина по поводу смерти царя зверей — льва. Современники видели здесь аллегорию на век Елизаветы Петровны и ее смерть.

Буало Никола (1636—1711) — французский поэт, теоретик классицизма, автор знаменитых сатир.

Ты хочешь дураков в России поубавить... — отрывок из сатирического обращения Фонвизина «К уму моему». Строка, повторяющая заглавие первой сатиры А. Кантемира.

Стр. 182. *...чем же моя речь будет сильней речи... Ивана Иваныча...* — Имеется в виду И. И. Шувалов.

Стр. 183. *...Подобно Диогену, должен с собаками жить в конуре.* — Диоген (IV в. до н. э.) — древнегреческий философ, последователь философской школы киников (циников), призывавшей довольствоваться малым. Следуя этой теории, Диоген будто бы жил в бочке.

Стр. 188. *Выходцы с того света...* — Имеются в виду Бирон, Миних, Лесток. Ненавистные русским, эти немцы были амнистированы Петром III и возвращены из ссылки.

Стр. 195. *...точно Цицерон... недостает еще Катилины!* — Цицерон Марк Туллий (106—43 г. до н. э.) — выдающийся оратор, писатель и политический деятель Древнего Рима. Образцом его ораторского искусства считается речь против Катилины, руководителя антиолигархического заговора.

Стр. 198. *Барков* Иван Семенович (1732—1768) — переводчик Горация, Федра и других античных авторов. Известен как автор циничных стихотворений.

Стр. 203. *Варфоломеевская ночь* — массовая резня гугенотов,

произведенная католиками в Париже в ночь на 24 августа (ночь святого Варфоломея) 1572 г.

...*российский Малерб и Пиндар*...— Малерб, Франсуа де (1555—1628) — французский поэт; один из зачинателей классицизма. Пиндар (522—448 г. до н. э.) — греческий лирик, автор хоровых од.

...*нет смелых энциклопедистов*...— Энциклопедисты — группа передовых французских философов, ученых, писателей, объединившихся вокруг «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (1751—1780), издававшейся Д. Дидро и Д'Аламбером.

Стр. 204. ...*аллеманское курфиршество*...— немецкое княжество.

Стр. 210. ...*пробовал перекладывать Телемака и Геллерта*.— Подразумевается популярный в те времена французский политико-нравоучительный роман Фенелона «Похождения Телемака» (1699), который впоследствии был переложен в форму эпической поэмы В. Тредиаковским. Геллерт Христиан (1715—1769) — немецкий писатель, автор духовных песен, басен, комедий.

Стр. 211. *Новиков* Николай Иванович (1744—1818) — русский просветитель, писатель, издатель сатирических журналов («Трутень», «Живописец», «Кошелек»).

Стр. 213. *Да вы... розенкрейцер, иллюминат?* — Розенкрейцеры — члены особого ордена, образовавшегося внутри масонства в 1782 г. и отличавшегося мистическими настроениями. Иллюминаты — члены тайного религиозно-политического общества, распространявшие просвещение.

Стр. 222. ...*Трубы Иерихона!* — Согласно библейскому мифу, от звука священных труб пали стены неприступного города Иерихона, взятого иудеями по пути из Египта в Палестину.

Стр. 225. ...*она не Далила*...— Далила в библейской мифологии — филистимлянка, лишившая силы древнееврейского героя Самсона, отрезав ему во сне кудри.

Стр. 229. *«Иоанновские ворота...»* — Ворота Иоанновского равелина Петропавловской крепости.

Стр. 230. ...*если... не убьют, как царевича Димитрия*...— Имеется в виду смерть царевича Димитрия (1582—1591), сына Ивана IV Грозного. Согласно одной из версий, он был убит наемниками Бориса Годунова, расчищавшего себе путь к престолу.

Стр. 236. *Монтескьв Шарль Луи* (1689—1755) — французский просветитель, идеолог либеральной буржуазии, публицист, сатирик.

Бёль — Бейль Пьер (1647—1706) — прогрессивный французский мыслитель, атеист, автор известного «Исторического и критического словаря».

Стр. 237. *...этот мужик-гетман...*— Речь идет о Разумовском Кирилле Григорьевиче (1728—1803), последнем гетмане Украины, активном участнике переворота в пользу Екатерины II.

Стр. 240. *...она не в заговоре, а только в разговоре...*— Подлинные слова Екатерины II. Речь идет о событиях 1762 г., в которых участвовала княгиня Дашкова Е. Р. (1744—1810) — впоследствии первый президент Российской Академии наук. Однако щедрая награда, которую Дашкова, наряду с главными участниками заговора, получила от императрицы, опровергает ее слова.

Стр. 245. *Бакх* (правильно Вакх) — бог вина в Древней Греции.

Стр. 265. *Минерва* — богиня мудрости в греческой мифологии; *Фелица* — героиня одноименной оды поэта-классициста Державина Гаврилы Романовича (1743—1816). Фелица, «киргиз-кайсацкая» царевна, «мать народа» — прозрачный намек на Екатерину II.

Стр. 282. *...стал перед новой Беллоной... на колени.*— Беллона — богиня войны у древних римлян.

Стр. 292. *Панин* Никита Иванович (1718—1783) — влиятельнейший вельможа екатерининского времени, один из главных организаторов дворцового переворота 1762 г. Был убежденным сторонником конституции и вождем дворянско-аристократической оппозиции, «самовластью» Екатерины II.

Стр. 306. *...ода Ломоносова, в честь новой императрицы, была принята холодно.*— Исторический факт. В оде, посвященной Екатерине II (1762), Ломоносов выступает с прямым предостережением царице, призывая ее соблюдать «народные права» и угрожая, в противном случае, судьбой ею же свергнутого Петра III. Никакой награды за оду поэт не получил, отношения между ним и царицей некоторое время оставались явно натянутыми.

Стр. 329. *Мацеевич* Арсений — ростовский митрополит, подвергнутый опале за протест против секуляризации церковного землевладения в 60-х годах XVII в.

Стр. 345. *Данилевский* Яков Евстафьевич (1739—1786) — прадед писателя, поручик Псковского пехотного полка, земляк и однокашник Мировича по кадетскому корпусу. Вся линия их взаимоотношений изложена исторически достоверно.

Стр. 391. *...«лукавый старец Калхас»...*— легендарный прорицатель, участник похода греков на Трою.

Стр. 395. *Девятого сентября суд подписал сентенцию...*— Приговор соучастникам Мировича был весьма суров: 48 солдат прогнано сквозь строй через 1000 человек с последующей ссылкой навечно на каторжные работы.

Стр. 410. *...было отменено гетманство.*— В 1764 г. последний гетман Украины К. Разумовский подал в отставку под давлением Екатерины II; для управления Украиной была учреждена Малороссийская коллегия; таким образом автономия Украины была упразднена.

Стр. 411. *...автор «Недоросля» и «Бригадира» печатно адресовал политические вопросы Екатерине.*— Имеются в виду «Вопросы Фонвизина и ответы сочинителю «Былей и небылиц», то есть Екатерине II, напечатанные в журнале «Собеседник любителей российского слова». Эти вопросы носили антидеспотический характер.

Пали мартинисты и с ними... Новиков.— Мартинисты — одно из наиболее радикальных масонских направлений, к которому принадлежал Н. Новиков. В 1792 г. он был заключен Екатериной II в Шлиссельбургскую крепость за «вольнодумство».

Новиков сидел в том самом шлиссельбургском каземате, где содержался... принц Иоанн.— В действительности Новиков был заключен не в Светличной башне, где содержался Иван Антонович, а в примыкавшем к ней Секретном доме Шлиссельбургской крепости.

Н. Ильинская

Замеченные опечатки в 1-й и 2-й книгах

Страница	Строчка	Напечатано	Следует читать
175	20 сверху	Молотоа	Молотова
191	5 сверху	сигарету	сигару
195	17 сверху	илтинские	ялтинские
200	15 снизу	сигарету	сигару
	9 снизу	сигаретой	сигарой
251	23 снизу	лагень	лагерь
294	14 сверху	президернту	президенту
327	9 сверху	Черчелль	Черчилль
339	22 снизу	споросил	спросил
341	12 снизу	«созническом	«союзническом
346	18 снизу	Соединных Ша-тов	Соединённых Шта-тов
386	1 снизу	в заговоре	в заговоре против нашей страны и в предательстве. И это в те дни, когда про-

Александр Борисович Чаковский

ПОБЕДА

Книга третья

Ответственный за выпуск *Н. А. Русак*

Художественный редактор *В. П. Якунин*

Технический редактор *М. И. Гриневич*

ИБ № 106

Сдано в набор 31.10.84. Подписано в печать 07.02.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 1. Гарнитура обыкн. новая. Офсетная печать. Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 26,46. Усл. кр.-отт. 20,5. Тираж 320 000 экз. (1-й завод 1—160 000 экз.). Зак. 910. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Белорусская Советская Энциклопедия» имени Петруся Бровки Государственного комитета Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220072, Минск, Академическая, 15а.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МПО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

И. АРСЕНТЬЕВ

Буян

РОМАН

КУЙБЫШЕВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

О романе И. Арсентьева «Буян»

Трагическая история Старо-Буянской республики, возникшей на территории Самарской губернии осенью 1905 года, известна, очевидно, немногим. До сих пор эта яркая страница первой русской революции оставалась достоянием историков и особым вниманием у них, надо сказать, не пользовалась. Наиболее полные сведения о событиях в Старом Буяне можно почерпнуть из сборника «1905 год в Самарском крае» (под ред. М. Блюменталя). Но книга эта вышла мизерным тиражом в 1925 году, и сейчас она является библиографической редкостью. Более поздние работы дают, как правило, очень скупые сведения чисто хроникального порядка.

Это и понятно: народное самоуправление в Буяне просуществовало всего две недели и заметного влияния на ход первой русской революции не оказало. Но все же на общем, необыкновенно ярком фоне революционного движения 1905—1907 годов этот факт не тускнеет потому, что при всей своей локальной ограниченности типичен для времени, когда, по словам В. И. Ленина, «некоторые города России переживали... период различных маленьких «республик», в которых правительственная власть была смещена и Совет рабочих депутатов... функционировал в качестве новой государственной власти. К сожалению, эти периоды были слишком краткими, «победы» слишком изолированными»[1].

Ленинские слова можно с полным правом отнести не только на счет промышленных центров России, где Советы осуществляли диктатуру пролетариата, но и к ряду крестьянских республик, среди которых видное место занимает и Старый Буян. Крайняя изоляция, заметное влияние эсеров не позволяли буяно-царевщинскому народному самоуправлению стать прообразом государственной власти нового типа, но сам факт образования подобных «республик», безусловно, был одним из главных достижений революции, одной из важнейших ее побед. Но победа была, повторяем, «слишком изолированной», и в этом крылась причина поражения народной власти. Изоляция не только локальная, но и изоляция вожаков движения от основной массы крестьянства, явившаяся наиболее конкретным (в данном случае) проявлением политической неорганизованности деревенских масс, привела к тому, что революция не выдержала массированного удара царизма и временно отступила.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 322

Это известно из истории. Редкие документы сохранили имена тех, кто возглавил революционное движение в Старом Буяне, а воспомина-ния очевидцев, ставшие сейчас уникальными, донесят до нас «забыт-ые» отголоски колорита далекого времени и некоторые подробности бытового характера.

Революция 1905 года получила в нашей литературе достаточно полное и яркое воплощение. Но интерес к теме не ослабевает, и все новые и новые книги знакомят нас с событиями, в которых ковались характеры людей нового общества, характеры, достойные восхищения и подражания. Революционная тематика по праву занимает ведущее место в литературе и искусстве. Советские художники пытаются как можно глубже проникнуть в смысл грандиозных перемен, происшедших в мире за последние полвека, и совершенно справедливо ищут корни этих перемен в революционных событиях прошлого, обращаются к богатырским характерам тех, кто начинал переустройство мира.

Разные события ставят писатели в центр своего внимания, разные пути ищут для воплощения незабываемого прошлого. Одни обращаются к строго документальному жанру — роману-хронике, основанному на строжайшем следовании фактам, хронологии, на изображении конкретных исторических лиц с их сугубо индивидуальными характерами. Другие пишут исторические романы, в которых все персонажи вымышлены, но действуют в определенную эпоху, являются участниками известных исторических событий. Трудно отдать предпочтение какому-то из этих жанров; каждый по-своему интересен и необходим. Однако с наибольшим интересом воспринимается, пожалуй, третий вид исторического повествования, к которому, на наш взгляд, можно отнести и «Буян» И. Арсентьева. Путь соединения вымысла и конкретности не нов в литературе, но достаточно сложен, ибо требует настойчивых поисков тех гомеопатических пропорций, при соблюдении которых документ и вымысел сплавляются в целостную живую картину. Мало того, писателю нужно еще иметь смелость отказаться от буквализма, то есть в иных случаях поставить исторические лица в обстоятельства, которых на самом деле, может, и не было, но которые своей типичностью для определенного времени позволяют типизировать характер персонажа. Это общее правило художественной типизации при перенесении его на документальную почву требует внимательного и тактичного писательского подхода.

Две сложные задачи стояли перед И. Арсентьевым. Во-первых, необходимо было избежать унылой неодушевленной фактографии, которую можно оценить лишь как неумение овладеть материалом. Строя свою художественную концепцию на конкретных единичных фактах, писатель не может, не имеет права слепо следовать за ними, толковать факты как единственную, наперед заданную реальность. Необходимо со-

дать систему фа-
им конкретно-ис-

Но, с другой
ной, прослежива-
к узловым моме-
частные факты,
то немыслимо,
лишь в сугубо к-
историзма, а лиш-

От успешног-
романа. Первая
Октября, потерпе-
которых не после-
с крестьянским и-
говорил в «Докла-
осенью 1905 года
во всей стране б-
беспорядками» и
сожгли до 2 тыс-
средства, награбле-

К сожалению,
нию, крестьяне у-
личества дворянс-
должны были уни-
позор феодальног-
действовали слиш-
пательно, и в это-
революции»[1].

Наше время,
вые понятия об
советской литерат-
имеющему своей
суть жизненных я-
но вошло понятие
жает и глубину ди-
диалектики как «у-
ву. В этом смысл-
поражении революц-
и ее вожаков стан-
трудности и траге-
ная решимость отд-
ких жертв стоила

[1] В. И. Ленин. По-

дать систему фактов, которая реализуется в образной системе, и дать им конкретно-историческую оценку.

На, с другой стороны, эта оценка должна быть крупномасштабной, прослеживать, в основном, историческую перспективу, относиться к узловым моментам романа и на их основе выводиться. Многие же частные факты, без которых художественное исследование жизни просто немыслимо, могут быть поняты и поставлены в связь с другими лишь в сугубо конкретном освещении, и это не противоречит принципу историзма, а лишь подчеркивает, дополняет его.

От успешного решения двух этих задач зависит общая концепция романа. Первая русская революция, ставшая «репетицией» Великого Октября, потерпела временное поражение в силу ряда причин, среди которых не последнее место занимала слабая связь рабочего движения с крестьянским и неорганизованность самого крестьянства. В. И. Ленин говорил в «Докладе о революции 1905 года»: «Крестьянское движение осенью 1905 года достигло еще больших размеров. Больше трети уездов во всей стране было тогда охвачено так называемыми «крестьянскими беспорядками» и настоящими крестьянскими восстаниями. Крестьяне сожгли до 2 тысяч усадеб и распределили между собой жизненные средства, награбленные дворянскими хищниками у народа.

К сожалению, эта работа была слишком мало основательна! К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения. К сожалению, крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции»[1].

Наше время, принеся в литературу нового героя, принесло и новые понятия об историческом оптимизме. Оптимистическое звучание советской литературы глубоко противоположно дешевому бодрячеству, имеющему своей основой невнимательное, неглубокое проникновение в суть жизненных явлений. Недаром в социалистическую эстетику прочно вошло понятие «оптимистической трагедии», понятие, которое выражает и глубину диалектических противоречий жизни, и направленность диалектики как «учения о развитии»— верную историческую перспективу. В этом смысле роман И. Арсентьева «Буян» из повествования о поражении революционного движения, о гибели крестьянской республики и ее вожаков становится взволнованным рассказом о том, как сквозь трудности и трагедии пробивала дорогу народная вера в разум, народная решимость отдать свою жизнь за торжество нового мира. Великих жертв стоила эта борьба; Буянская республика была подавле-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 322.

на через две недели после своего возникновения, руководители ее [illegible], кое-кто разочаровался в революции и не ждет от нее больше ничего, кроме ужасов расправы царизма с восставшим народом. Но семена новой жизни уже посеяны, им не суждено зачахнуть, и в этом нас убеждает правда истории, нашедшая отражение в романе «Буян». В 1906 году, когда революция пошла уже на убыль, продолжают полыхать по России дворянские гнезда; крестьяне не запуганы, они только начинают ощущать свою силу и все решительнее поднимаются на борьбу с угнетателями. Яркий пример тому — описанные в романе события в селе Матвеевском, где крестьяне используют методы рабочего движения: стачку, бойкот и даже переходят к вооруженному столкновению с полицией.

«Матвеевское дело» занимает в романе особое и, на наш взгляд, важное место. Ведь если в Старом Буяне заметную роль играли социал-демократы и тесно с ними связанные полупролетарии из Царевщины, то «темные, забитые, нищие» матвеевские мужики до известной степени самостоятельны в своих действиях. А действия эти лежат в русле всенародного революционного подъема.

Оптимистический пафос романа, конечно, не только в этом. Основу его составляют характеры революционеров - истинных героев произведения И. Арсентьева, которым писатель отдает свои симпатии, вокруг которых концентрируются все остальные персонажи «Буяна». Основное место среди них занимают исторические лица, жившие и проводившие революционную работу в Самаре и в Самарской губернии: Александр Коростелев*, Александр Кузнецов, Никифор Вилонов, Александр Буянов, Лаврентий Щибраев, Антип Князев, Порфирий Солдатов и многие другие. Основной идейный упор романа приходится на большевиков, и это вполне естественно, ибо они возглавляли революцию, они вынесли на своих плечах всю тяжесть ее поражения. Одни из большевиков появляются в романе эпизодически, другие, как Коростелев и Кузнецов, проходят через все повествование. Это связано не с тем, конечно, что писатель отводит кому-то из них более почетное место в списке борцов революции. Дело скорее в том, что в центре внимания И. Арсентьева все-таки Буянская республика, и детальная разработка образов многих большевиков, революционеров-профессионалов привела бы к тому, что роман перерос бы свои рамки. Это не входит в задачу автора. Характеристика самарской социал-демократии — предмет самостоятельного художественного исследования, и Арсентьев пошел, пожалуй, наиболее правильным путем, когда вместо сквозного, через весь роман проходящего образа дал обобщенный собирательный образ

---

*Однофамилец известных самарских большевиков братьев Коростелевых, один из которых — Александр Алексеевич — был членом Самарского комитета РСДРП *(Прим. ред.)*.

[illegible] черты которого мы находим в Коростелеве, Кузнецове, а [illegible] и [illegible], но выразительных зарисовках Буянова, Вилонова, [illegible] и некоторых других персонажей. Такой путь создания об- [illegible] героя мы назвали правильным прежде всего потому, что он от- вечает задаче и композиции романа. А во-вторых — и это, очевидно, главное,— такая собирательность рисует большевиков как силу коллек- тивную, крепко спаянную, в сплочении, в единстве своих рядов нахо- дящую основу для революционной работы. Недаром же большевики противопоставлены и неприкаянному одиночке Евдокиму Шершневу, и резко сатирически индивидуализированным образам эсеров-максимали- стов, и живущим всяк в своей клетушке обывателям типа Калерии, Налюши и иже с ними.

Образы большевиков не лишены и индивидуальных черт. Конеч- но же, запоминается рассудительный и несколько ироничный Александр Коростелев — Сашка Трагик, с первого же появления в романе за- воевывает симпатии читателя энергичный, жизнерадостный парень — Са- ша Кузнецов. Твердый характер, решительность, инициатива привлекают нас в образе Вилонова... И, наконец, главное, что объединяет всех этих, в общем-то, разных людей, что ставит их на высоту недосягаемую, скажем, для Евдокима Шершнева,- полная и бескорыстная отдача своих сил делу революции, неприметная, но действенная дружба, не- колебимая уверенность в победе. Не случайно большевики почти не показаны в быту. Это не значит, что они какие-то аскеты, люди «не от мира сего». Просто И. Арсентьев стремится выделить основную дви- жущую силу их героических характеров.

Заметьте к тому же, что большевики даны почти во всех массо- вых сценах, что подчеркивает их неразрывную связь с трудящимся на- родом, постоянную активность и, если так можно сказать, полную бое- вую готовность.

Рассудительный и спокойный Саша Коростелев не выдержи- вает галиматьи, которую несут на сельском сходе в Царевщине либе- ральные ораторы. Отлично сознавая опасность ареста, он берет слово и наголову разбивает миротворцев всех мастей, призывающих крестьян отказаться от политической борьбы. И крестьяне принимают безыскус- ную правду его слов. Но И. Арсентьев не ограничивается этим. Он показывает, как подействовал на слушателей самоотверженный поступок Коростелева. Крестьяне спасают большевистского агитатора, проявляя такую же самоотверженность, вызывая огонь и гнев властей на себя.

Решительно и активно действуют в сложной обстановке и другие большевики. Причем их рискованные поступки нельзя объяснить каким- то внезапным душевным порывом. Только постоянное «горение», постоян- ное сознание ответственности за судьбу начавшейся революции застав- ляет их действовать порой на пределе своих возможностей. Интересен

в романе контраст между деятельностью социал-демократов и эсеров-максималистов. Бессмысленный разгром Кинельского училища написан в явно сатирических тонах. «Мы, эсеры и анархисты, зло вышибаем злом!»— провозглашают деятели «революционной» организации эсеров. Однако единственным ощутимым результатом этой акции является куча пепла да груды разбитого стекла во дворе училища. Сами же «революционеры» разбегаются кто куда. И в противоположность этому И. Арсентьев рисует смелую операцию большевиков, которые ночью печатают листовки Самарского комитета РСДРП в городской типографии. Это уже не авантюристическое предприятие, а вынужденная мера, риск, который оправдывает себя сторицей.

Такой контраст проходит через весь роман, достигает кульминации в сцене, когда Евдоким Шершнев нечаянно подслушивает разговор членов комитета эсеровской боевой организации. В то время как большевики, уйдя в подполье, дорожили каждым членом своей партии да и вообще никогда не подвергали людей ненужному риску, эсеры-максималисты периодически отправляли людей на верную гибель во имя ничтожных результатов, а то и из сугубо корыстных соображений. Так, вице-губернатора Кошко было решено убить лишь ради того, чтобы отвести подозрение от арестованного главаря эсеровской шайки —«товарища Вадима». Сам же «товарищ Вадим», спустивший директиву, нимало не задумывался над тем, сколько людей, случайно оказавшихся поблизости, может погибнуть при совершении террористического акта.

Тщательно и с большой долей иронии написана фигура фанатичного «боевика» Ардальона Череп-Свиридова. Все в нем, начиная от внешности и кончая убогим внутренним миром, вызывает отвращение. Заметьте, кстати, что каждый из персонажей «Буяна» показан не только в словах и поступках, но и в размышлениях, в душевных движениях. Череп же не думает, ему некогда, он делает «революцию». Он тоже по-своему предан делу, ведет аскетический образ жизни, пытаясь подражать, очевидно, Рахметову Чернышевского. Но какая же это жалкая пародия! Аскетизм Черепа проявляется в том, что он никогда не моет посуду, а разбивает и выбрасывает ее по мере загрязнения.

Конечно, Череп-Свиридов — крайнее проявление эсеровщины. Среди эсеров были люди и честные, но заблуждающиеся, многие из которых перешли впоследствии на сторону большевиков. К таким, по-видимому, следует отнести одного из деятелей Буянской республики — фельдшера Мошкова, который относится к социал-демократам, в частности к Коростелеву, с явной симпатией. Вся логика этого образа показывает, что Мошков займет свое место в одном ряду с подлинными революционерами.

То же можно сказать и о крестьянах — вожаках Буянской республики: Лаврентии Щибраеве, Николае Земскове, Порфирии Солдатове, Антипе Князеве. Пока они еще находятся вне партии, но не

потому, что не до
них — самый жела
видят в нем, предст
ка. Они получают о
а после поражени
наладить связь с
мерно: рабочая и
одним путем, реша

Вожакам крест
образы их написань
революцию. Антип
рановского, живущи
нева, попал в револ

«Скажите мне
зева,— вот ты прик
тебе сдались револю

«Много причин,
тал. Сызмальства хл

«Что же это за
сказ Антипа о своей
рий, а оказалось —«
кругом». И никак н
обыденностью таятся
ра, где привычной к
ны случаи увечья на

Всеобщая заморд
Князева искать выхода
жении личного благо
превращают человека
которая впоследствии
ров и Евдокима Шерш
ка земли, а там — хо
нять настроение Княз
тип, посади тебя в тю
так сказать, болезни».

В тюрьму Антипа
за развитием характера
татель может с уверен
еще более убежденным

Запоминается обра
показывает, с какими тр
была связана революци
широко показан в быту
взаимоотношения Порф

потому, что не доверяют ни одной из них. Напротив, Коростелев для них — самый желанный гость в дни торжества республики. Крестьяне видят в нем представителе социал-демократии, верного друга и помощника. Они получают от самарских рабочих оружие и нелегальную литературу, а после поражения республики Князев отправляется в город, чтобы наладить связь с Советом рабочих депутатов. И это вполне закономерно: рабочая и крестьянская революционная власть идет в ногу, одним путем, решает общие для всего народа задачи.

Вожакам крестьянского движения в романе отведено много места, образы их написаны живо и убедительно. Разными путями пришли они в революцию. Антип Князев — приказчик волжского судовладельца Барановского, живущий не так-то уж бедно, по мнению Евдокима Шершнева, попал в революционный кружок случайно.

«Скажите мне по чести, дядя Антип,— спрашивал Евдоким Князева,— вот ты приказчик, живешь, не в пример другим, лучше; зачем тебе сдались революционеры? Дела всякие опасные?..»

«Много причин, сынок,— отвечал Князев.— Сто напастей злых испытал. Сызмальства хлебнул...»

«Что же это за напасти?»— удивляется Евдоким, выслушав рассказ Антипа о своей жизни. Он ждал каких-то ужасных, жутких историй, а оказалось —«ничего особенного; жизнь как жизнь, каких тысячи кругом». И никак не может понять Шершнев, что за этой внешней обыденностью таятся, действительно, жуткие подробности страшного мира, где привычной кажется изнурительная работа за гроши, привычны случаи увечья на работе, беспросветная тяжелая жизнь в быту.

Всеобщая замордованность, ставшая нормой жизни, и заставляет Князева искать выхода не в устройстве своего теплого закутка, не в достижении личного благополучия, а в уничтожении тех условий, которые превращают человека в скотину. Здесь писатель уже намечает линию, которая впоследствии резко разграничит судьбы подлинных революционеров и Евдокима Шершнева. Евдоким ждет от революции немногого: клочка земли, а там — хоть трава не расти. Поэтому-то ему непросто понять настроение Князева, и он даже иронизирует: «Небось, дядя Антип, посади тебя в тюрьму — быстро бы излечился от революционной, так сказать, болезни».

В тюрьму Антипа Князева в конце концов посадили. Но, проследив за развитием характера первого председателя Буянской республики, читатель может с уверенностью сказать, что из тюрьмы Антип выйдет еще более убежденным и закаленным революционером.

Запоминается образ Порфирия Солдатова, в котором И. Арсентьев показывает, с какими трудностями — не только большими, но и малыми — была связана революционная деятельность крестьян. Солдатов довольно широко показан в быту, и в этих картинах основное место занимают взаимоотношения Порфирия с женой. Павлина боится за мужа и за

[illegible] старший из которых, сын Григорий, активно помогает [illegible] же время она хорошо чувствует правоту дела, которому [illegible] муж, и по мере возможностей поддерживает его. Провожая [illegible] в Буян, Павлина говорит: «Я знаю, ты пропадешь. И ты, и [illegible] твои... Но что бы ни случилось — я буду тебе опорой». Вообще [illegible] где показана семья Солдатовых, выглядят в романе наиболее [illegible] мися автору. И на общей канве повествования они выделяются [illegible] му только, что Солдатов — один из руководителей революционного [illegible] жения в деревне. В характере Порфирия показан богатый внутренний мир человека, у которого общее и личное органически сливается. [illegible] ним, как Антип Князев рассказывает Евдокиму о своей семейной жизни: «А потом, как все мужики, мутить начал, бил жену ни за что ни [illegible] что — так... Молодечество показывал...» «Как все мужики...» Бесконечные драки в семье были тоже своеобразной «нормой жизни». Порфирий же исключительно чуткий муж и отец, он предан своей семье, трогательно любит детей. И Павлина понимает, что ради детей — и не только своих, но ради всех детей на земле — идет ее муж по неведомой и опасной дороге. И она не препятствует ему.

История Буянской республики, занимающая в романе центральное место, показана И. Арсентьевым как бы с нескольких точек зрения. Любопытно, что сквозной персонаж «Буяна» Евдоким Шершнев, через восприятие которого даны многие эпизоды, в данном случае как бы отступает на второй план. Это понятно: Евдоким не может дать верной оценки событию, поэтому писатель не отводит ему в нем активной роли. Но надо сказать, что в кульминационных моментах романа вообще исчезает чье-то личное, индивидуальное восприятие. Этим автор подчеркивает силу единого народного порыва, общие цели и устремления всей крестьянской массы. Недаром же в «буянской» части романа так много массовых сцен, рисующих образ воодушевленного, поднявшегося на «последний и решительный бой» народа. Массовые сцены трудно даются любому писателю, не везде они удачны и у И. Арсентьева, но само стремление нарисовать крестьян как единый, монолитный класс заслуживает внимания и поощрения. Причем крестьяне в романе нигде не выступают как тупое, покорное стадо; наоборот, они сознают свою силу, дают ее почувствовать власть имущим. Сцена выборов народного самоуправления показывает это со всей наглядностью. Когда сквозь одобрительный гул собрания, только что прослушавшего текст «Временного закона по Старо-Буянскому народному самоуправлению», прорезается реплика одного из крестьян, предлагающего назначить пенсию членам семей руководителей республики, мы чувствуем, что мужики — все, в общей массе,— ощущают себя людьми государственными и понимают, что на них целиком ложится ответственность и за малое и за большое.

Особенно остро сознание этой ответственности у Лаврентия Щибрае-

ва, который является как бы духовным вождем своих односельчан. Этот сдержанный и суховатый на вид человек оказывается натурой глубоко эмоциональной. Эмоциональность его происходит из необыкновенной цельности характера и острой направленности мысли и дела. Прощальное письмо Лаврентия, написанное им перед отправлением в ссылку, показывает со всей очевидностью, что этот человек выстоял, не согнулся под напором враждебных сил. За ним правда, и в окончательную победу этой правды Щибраев верит твердо и непреклонно.

Жизнеутверждающий пафос романа «Буян» заключается и в том, что И. Арсентьев сумел в полнокровных, выразительных, хотя и эпизодических, образах представителей царского режима показать загнивание, духовную опустошенность реакционного государственного строя. Перед читателем проходит вереница высших сановников губернии, и уже частая смена их правительством свидетельствует о лихорадке, которая охватила самодержавие в связи с нарастанием грозной волны народного гнева.

Разные ступени и стороны загнивания показывает писатель, проводя нас по закоулкам души каждого из этих персонажей. Вот вице-губернатор Кондоиди — опора и надежда черносотенного купечества. Недаром он широко показан только в одной ситуации — в выезде «на беспорядки» в Царевщину. Он вовсе не намерен разбираться во всем происшедшем в селе, а заранее составляет явно провокационные планы, рассчитанные на то, чтобы получить повод для жестокой расправы над крестьянами. «Пятнадцать дней террора — пятнадцать лет спокойствия»,— грустно вздыхает он, вспоминая о «золотом времени», когда было все дозволено, а потому-де и государственная власть держалась крепко. Современные же Кондоиди порядки, которые мы не можем определить иначе как ультрареакционные, кажутся ему совершенно неприемлемыми в силу их «мягкости» и «лойяльности» по отношению к восставшему народу. Под черным крылышком этого сановника приютилась и пивная Тихоногова — тайное пристанище погромщиков. И недаром после неслыханно провокационной речи Кондоиди на банкете в честь обнародования «Высочайшего манифеста» завсегдатаи пивной во главе с купцом Потапом Кикиным идут громить «гимназистов-антиллегентов».

Кондоиди олицетворяет собой крайнюю степень реакционности; другие же губернские деятели, пришедшие ему на смену, внешне как будто лишены таких исключительных пороков. В каких-то минимальных дозах им не чужды и чисто человеческие качества, а главное — деятельность свою они не сводят к одному лишь кровавому усмирению.

Конечно, о «гуманности» губернатора Блока можно судить хотя бы на примере матвеевского дела, но в то же время Блок и его помощник Кошко — более хитрые политики; они в Самаре представляют Столыпина и его гнусную политическую линию. Для революции — это враги несомненно более опасные, чем прямолинейный Кондоиди.

И все же обреченность этой внешне крепкой и дальновидной поли
тики ясна. Глубокая подавленность Блока, ощущение им скорого кон
ца читатель склонен отнести не столько на счет личности самого губер-
натора, сколько на счет того строя, который он представляет и пы-
тается укрепить всеми силами.

Органично вписывается в образный строй романа фигура Силантия Тулупова. Типичность его нет нужды доказывать: умелое использование обстановки, энергия, целенаправленность, замешанная на зловещей мудрости: «Деньги не пахнут»— вот отличительные черты буржуев всех времен. И в литературе этот тип не нов. Однако художественное его воплощение принимает в каждом отдельном случае свои неповторимые формы. И Арсентьев смотрит на Силантия глазами Евдокима Шершнева. Уж в его-то представлении этот «крепкий хозяин» должен бы рисоваться идеалом, к которому Шершнев все время безуспешно стремится. И тем не менее, Евдоким не может принять образа жизни своего свата. На первый взгляд это может показаться странным. Ведь за Тулуповым, по сути дела, и грехов-то никаких нет: и добрый он (до известной, конечно, меры), и по-своему справедливый, и трудолюбия ему не занимать...

Евдоким строит различные предположения насчет своего родственника, но не может до конца разобраться в нем, хотя и чувствует какую-то инстинктивную неприязнь к нему. Читателю же становится ясно, какую опасность таит в себе этот входящий в силу тип русской буржуазии. Еще немного, еще одно усилие — и мозолистые руки Силантия схватят за глотку наемного рабочего. Чтобы этот момент наступил скорее, Силантий и «жертвует на революцию» триста рублей и до поры до времени как бы поддерживает мужицкую республику. Но лишь до тех пор, пока мужики не начали проводить первые социальные мероприятия. Стоило ущемить интересы кулака, восставшего против монархии, как он тотчас же спрятался за царские штыки.

Образы революционеров, с любовью нарисованные И. Арсентьевым, составляют идейный костяк романа, его пафос. Но «Буян»— произведение многоплановое, и автор, естественно, не мог не показать и силы, противодействующие революционному народу, и самые разнообразные слои общества, через которые он проводит персонаж, занимающий в романе центральное место,— Евдокима Шершнева. Образ Шершнева очень противоречив, он, несомненно, вызовет размышления и споры. Могут отнести этот образ и к литературным реминисценциям, и к попыткам дать какой-то композиционный стержень, на который можно нанизать разнообразные события. Известная доля истины в таких суждениях, конечно, есть, однако не это главное в Шершневе. Писатель задался целью проследить за эволюцией характера обездоленного и «озлобленного личными неудачами» человека. А таких в революции было немало. Поэтому, слегка притушевывая социальное начало в Шершневе, автор следит

за перипетиями его душевных колебаний, уделяет большое внимание психологической мотивировке поступков своего персонажа.

Попытаемся проследить и мы за эволюцией характера Шершнева, за логикой этой эволюции. Путь, который избрал себе сам Евдоким, и конечный результат этого пути в высшей степени символичны. Лишь в самом начале романа он пытается самоопределиться, а вернее, уйти в сторону от жизни, от людей, жить для себя и только, не участвовать в политической борьбе, которая на глазах у него разгорается. Определенная доля случайности в его судьбе, конечно, имеется. Но это не бытовая случайность, а «случайность» как философская категория, в которой находит одно из своих конкретных проявлений историческая необходимость. Случайности, на волю которых в начале романа брошен Евдоким, определяют лишь формы его деятельности, но не ее содержание. Нахватав пинков со всех сторон, Евдоким — опять же случайно — примыкает к социал-демократам. И вот эта «случайность» оказывает решающее влияние на дальнейшую его судьбу. Сын нищего псаломщика, деклассированный, по сути дела, элемент, он в то же время лелеет мечту о собственном клочке земли, на котором для него свет клином сошелся. Земля для Шершнева — панацея от всех бед и горестей жизни и единственная и достаточная цель революции, к которой он примазался со своими корыстными целями. В этом смысле образ Евдокима имеет широкое обобщающее значение. Слабое выделение писателем его социальной принадлежности как бы усиливает обобщение, показывает, что самые разные слои населения, люди разных целей и устремлений поднимались на гребне революционной волны, но удержаться на ней могли лишь сильные духом, твердо знающие задачи борьбы, не преследующие узко эгоистических интересов. Нам кажется, что именно в этом смысл образа Евдокима Шершнева.

Хорошее знание фактического материала, интересное сюжетное построение, колоритный язык, идейный пафос романа делают «Буян» значительным творческим достижением И. Арсентьева. Писатель впервые обращается к образам относительно далекого прошлого: в прежних романах автор широко использовал автобиографический материал. И надо сказать — первый блин комом не вышел. «Буян», несомненно, привлечет внимание не одних только куйбышевских читателей: события местного значения, описанные в романе, по типичности для своего времени, по художественному их осмыслению близки и дороги каждому советскому человеку.

84 Р1
С 79

Вступительная статья
Г. Г. Елизаветиной

Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович

С 79 Андрей Кожухов; Домик на Волге / Вступ. ст. Г. Г. Елизаветиной.—М.: Правда, 1983.—400 с.

В настоящее издание вошли наиболее известные произведения русского писателя XIX века С. Степняка-Кравчинского (1851—1895)—роман «Андрей Кожухов» и повесть «Домик на Волге».

С $\frac{4702010100}{080(02)—83}$ 83—без объявл.

84 Р1

Текст печатается по изданию:
С. М. Степняк-Кравчинский. Андрей Кожухов. Домик на Волге.—М.: Правда, 1981.

С. М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ

Жизнь, творчество, судьба С. М. Кравчинского, подписавшего самые известные свои произведения псевдонимом «Степняк», определялись одним страстным убеждением, которое он и его герои готовы были отстаивать до конца. И до конца не в переносном, а в прямом смысле слова: вплоть до эшафота, как это и произошло со многими соратниками Кравчинского по революционной борьбе и с героями его произведений. Сопротивление гнету царского правительства, защита униженного и ограбленного народа — вот единственное содержание жизни, позволяющее, по мысли Кравчинского, с достоинством носить звание «человека». «Боритесь же, если вы люди!» — восклицает Андрей Кожухов, герой, созданный творческим воображением Кравчинского. «Всепоглощающая борьба!» — призывает Кравчинский от своего лица.

Напряжение революционной борьбы, ее победы и трагедии — в них пафос литературной и политической деятельности Степняка-Кравчинского, ими одушевлены герои его произведений.

Сергей Михайлович Кравчинский родился 1 (13) июля 1851 года в селе Новый Стародуб. Это была та часть Украины, где простирались знаменитые херсонские степи. Через много лет, уже в других краях, Кравчинский вспомнил их, выбирая себе литературное имя. Отец Сергея Михайловича был военным врачом и определил сына в военную гимназию с тем, чтобы тот впоследствии продолжал семейную традицию службы в армии. В 1870 году Кравчинский заканчивает Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, но военная карьера его не привлекает. Через год он выходит в отставку и поступает в Земледельческий институт. Его выбор не был случайным. Уже в гимназии Кравчинский находится среди той молодежи, которая задает себе мучительный вопрос: «Как можешь

ты быть счастлив, когда в твоей родной стране люди умирают от голода, когда правительство отнимает у народа последний грош и посылает его по миру? Или, быть может, ты этого не знаешь? А если знаешь, то что ты сделал для братьев твоих?»[1] Земледельческий институт, знакомивший с практической и теоретической стороной ведения сельского хозяйства в стране, должен был, казалось Кравчинскому, помочь найти ему пути действенной помощи крестьянству. Но мысль о промедлении терзает Кравчинского. Он жаждет немедленного приложения своих сил и знаний. Пропагандистская деятельность в рабочих кружках, которой он активно занимается, не удовлетворяет его полностью. Крестьянство представляется Кравчинскому главной силой и целью социальных преобразований в России, из крестьянина он и его друзья «сделали... себе бога»[2].

В 1872 году Кравчинский становится членом народнического кружка «чайковцев» и его литературного комитета. Его товарищи по кружку — С. Перовская, П. Кропоткин, сестры Корниловы, Д. Лизогуб, Д. Клеменц. Среди них созревает мысль о необходимости «идти в народ», нести идеи социализма в массы. Кропоткин писал много позже: «Если бы молодежь того времени была только за абстрактный социализм, она удовлетворилась бы тем, что выставила бы несколько общих принципов... Но русская молодежь того времени подошла к социализму совсем иным путем. Молодые люди не строили теории социализма, а становились социалистами, живя не лучше, чем работники, не различая в кругу товарищей между «моим» и «твоим» и отказываясь лично пользоваться состояниями, полученными по наследству... Такая молодежь неизбежно должна была пойти в народ, и она пошла. Тысячи молодых людей и девушек... оставили дома своих родителей и жили в деревнях и в фабричных городах под всевозможными видами. Это не было организованное движение, а стихийное, одно из тех массовых движений, которые наблюдаются в моменты пробуждения человеческой совести. ...Когда начали возникать небольшие организованные кружки, готовившиеся сделать систематическую попытку распространения идей свободы и революции, самая сила вещей толкнула их на путь пропаганды среди крестьян и городских рабочих»[3].

---

[1] С. М. Степняк-Кравчинский. Соч. в 2 томах, т. 1. М., Гослитиздат, 1958, с. 371—372.

[2] Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1961, с. 75.

[3] П. А. Кропоткин. Записки революционера М., «Мысль», 1966, с. 274.

В 1873 году Кравчинский и его друг Дмитрий Рогачев, выдавая себя за пильщиков, пошли по селам Тверской губернии, самому центру европейской части России, густонаселенному и беспросветно нищему. Живые беседы с крестьянами перемежались чтением книг. «Иногда Сергей, знавший Евангелие почти наизусть,— вспоминал Кропоткин,— толковал его мужикам и доказывал стихами из него, что следует начать бунт. Иногда он толковал от великих экономистов. Крестьяне слушали пропагандистов как настоящих апостолов, водили их из избы в избу и отказывались брать деньги за харчи. В две недели пропагандисты создали настоящее брожение в нескольких деревнях»[1].

Кравчинский был незаурядным оратором, умевшим облекать сложные понятия в простую, увлекающую слушателей форму. Это вместе с огромным личным обаянием, неотразимо действовавшим на его собеседников, вероятно, помогло Кравчинскому продержаться чуть дольше многих своих товарищей. Основная масса крестьянства недоверчиво встретила «переодетых господ». Со стороны правительства началась настоящая облава на пропагандистов. Кравчинский был арестован в том же, 1873 году, но ему — не без помощи охранявших его крестьян — удалось бежать. Через два года он уезжает за границу.

В середине 70-х годов в Женеве и в Лондоне были опубликованы пропагандистские сказки Кравчинского: «Сказка о копейке», «Мудрица Наумовна» («Сказка Говоруха»), «Слово на великий Пяток, или о Правде и Кривде», «Из огня да в полымя». Рассчитанные на то, что пришедшие в народ пропагандисты будут читать их крестьянам и малограмотным рабочим, сказки написаны простым, стилизованным под народный языком. Их повышенно эмоциональный тон призван был привлечь внимание неискушенных слушателей. В своих литературных поисках Кравчинский не был одинок. Так, в области стихотворной формы шел в том же направлении Огарев, создавший в 60-е годы такие произведения, как «Восточный вопрос в панораме», «Гой, ребята, люди русские!..», «За столом сидел седой дедушка...», в которых использованы приемы и методы лубочных изданий, наиболее широко распространявшихся в народе и, как представлялось тогда, наиболее доступных ему. Объединяя в себе черты революционно-пропагандистской и научно-популяризаторской литературы, произведения, написанные специально для народа, должны были удовлетворять той остро ощущаемой потребности, которая была сформулирована Огаревым в его предисловии к сборнику «Русская потаенная литература»: «Чувствуется, что

---

[1] П. А. Кропоткин. Записки революционера. М., «Мысль», 1966, с. 285.

слово покончило свою задачу; пора приступить к делу. Новое [illegible] создает новое слово»[1]. Сказки Кравчинского и были [illegible] прорыва к этому «новому слову», несущему в себе [illegible] но и «дело». Все содержание сказок служит идее пробуждения в народе революционного сознания. «...Довольно же тебе терпеть муку мученическую! — восклицает Кравчинский в «Сказке о копейке», обращаясь к народу.— Довольно тебе надрываться, на своих лиходеев работаючи! Поработай же, коли не погибла в тебе сила богатырская: поднимись, как один человек, на злодеев своих и истреби их с лица земли до последнего»[2].

Кравчинский говорит об ужасающем положении не только русского, но и народов других стран. Он называет в этой связи «Капитал» Маркса как книгу, в которой не только дана объективная картина экономической системы капиталистического Запада, но и как произведение, помогающее угнетенным найти путь к освобождению. Но, сознавая значение эпохального труда Маркса, Кравчинский считает все же, что Россия пойдет своим, отличным от Запада путем. В «Сказке о копейке» он рисует утопическую картину русской деревни, где хозяйство ведется на общинных началах. Община обходится без денег: она сама вырабатывает все нужное ей. У живущих общиной крестьян «*нет ни старшин, ни губернаторов, никакого начальства, нет даже и царя у них. Все у них миром делается*»[3].

Кравчинский старается вложить в свои сказки как можно больше познавательного материала, что придает им яркий революционно-просветительский характер. Увлеченность иногда приводит его к утрате представления о реальном читателе его сказок. И. С. Тургенев в письме к П. Л. Лаврову от 28 августа (9 сентября) 1875 года с чуткостью писателя-профессионала указывает на этот недостаток. «Автор,— пишет Тургенев о сказке «Мудрица Наумовна»,— человек с талантом, владеет языком — и весь его труд согрет жаром молодости и убеждения. Но тон не выдержан. Автор не дал себе ясного отчета, для кого он пишет — для какого именно слоя читающей публики? Последствия этого — сбивчивость и неровность изложения. То для народа писано, то для более если не образованного — так более литературного слоя... Но, повторяю, у Вашего

[1] Н. П. Огарев. Избранные произведения, т. 2. М., Гослитиздат, 1956, с. 502.

[2] С. М. Степняк-Кравчинский. Соч. в 2 томах, т. 2. М., Гослитиздат, 1958, с. 229.

[3] Там же, с. 226.

знакомого есть и талант и огонь — пусть он продолжает трудиться на этом поприще!»[1].

Сказки имели успех, их широко использовали для революционной пропаганды, но все же не литературное поприще Кравчинский считал пока для себя главным.

Пребывание за границей не стало для Кравчинского передышкой в его революционной деятельности. Прожив некоторое время в Брюсселе и Париже, в 1875 году он устремляется на Балканы, где в Боснии и Герцеговине вспыхнуло восстание против турецкого ига. Получившему военное образование Кравчинскому доверяется единственная пушка повстанцев[2]. Его воодушевляет не только возможность помочь угнетенным сербам и хорватам, но и мысль, что приобретенный опыт рано или поздно поможет ему участвовать в вооруженной борьбе против царского правительства в его родной стране.

Восстание потерпело поражение. В 1876 году Кравчинский некоторое время нелегально живет в Петербурге. Многие его товарищи в тюрьмах, и он принимает активное участие в разработке рискованных и отчаянно смелых проектов их побега. Вскоре ему снова приходится оставить Россию. Кравчинский обосновывается в Италии. Вместе с итальянскими друзьями он намеревается принять участие в восстании, готовящемся в провинции Беневенто. Но заговорщики были схвачены, и Кравчинский вместе с ними брошен в тюрьму. Долгие месяцы он проводит в камере, ожидая приговора. Но его умственная активность не подавлена, воля не сломлена. Он изучает итальянский язык и вскоре уже может говорить и писать по-итальянски. Суд все время откладывается. Тем временем умирает король Италии, его преемник объявляет амнистию. Кравчинский оказывается на свободе. Он перебирается в Швейцарию, в Женеву. Здесь Кравчинский сотрудничает в эмигрантском журнале «Община», в котором помещает ряд статей о русском и итальянском революционном движении.

В России к середине 70-х годов, точнее к 1876 году, определилось течение, которое его инициаторы назвали «народническим». Во главе его встает тайное революционное общество «Земля и воля», одним из виднейших участников которого становится Кравчинский.

---

[1] И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 28 томах. Письма, т. XI. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1966, с. 118.

[2] См.: Е. А. Таратута. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., «Художественная литература», 1973, с. 124.

слово «народнический» бытовало уже давно, но ранее оно не заключало в себе «столь четкого смысла определенной системы программных, тактических и организационных воззрений[1].

Новые попытки активизировать крестьянство приводит к новым разочарованиям, но не к отказу от борьбы.

В начале 1878 года к Кравчинскому и его единомышленникам за рубежом приходит из России потрясающая весть. 24 января молодая девушка Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника генерала Трепова, чтобы воздать ему за издевательство над одним из политических заключенных. Через несколько месяцев после ее выстрела, в мае того же года, Кравчинский нелегально приезжает в Петербург. Точно так будет скитаться в изгнании и рваться на родину его любимый герой Андрей Кожухов.

Обстановка тревожная. Утрачена вера в плодотворность «хождения в народ». Необходимость пересмотра вопросов тактики и организации революционной борьбы была ясна. Мучительные поиски пути приводят в 1879 году к расколу «Земли и воли» на две организации: террористическую «Народную волю» и осуждавшую террор, опиравшуюся главным образом на пропаганду среди рабочих организацию «Черный передел». Кравчинский примкнул к «Народной воле». «Точно какой-то могучий клик, исходивший неизвестно откуда, пронесся по стране, призывая всех, в ком была живая душа, на великое дело спасения родины и человечества. И все, в ком была живая душа, отзывались и шли на этот клик, исполненные тоски и негодования на свою прошлую жизнь, и, оставляя родной кров, богатство, почести, семью, отдавались движению с тем восторженным энтузиазмом, с той горячей верой, которая не знает препятствий, не меряет жертв и для которой страдания и гибель являются самым жгучим, непреодолимым стимулом к деятельности»[2].

Зло казалось персонифицированным. Царь и его приспешные — живые носители зла. Через несколько лет один из любимых читающих писателей Кравчинского, Гаршин, возведет представление о зле в символ: зловещий «красный цветок» — уничтожить его, хотя бы ценой своей жизни, и зло исчезнет из мира. Впоследствии Кравчинский напишет о Гаршине: «...Никто не является таким истинным и глубоким выразителем духа нашего беспокойного времени»[3].

---

[1] «В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в.». Л., «Наука», 1969, с. 208.

[2] С. М. Степняк-Кравчинский. Соч. в 2 томах, т. 1, с. 381.

[3] Там же, т. 2, с. 525.

Укрепляется идея террора. «Террор был местью отдельным лицам,— писал В. И. Ленин.— Террор был заговором интеллигентских групп. Террор был совершенно не связан ни с каким настроением масс. Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс. Террор был результатом — а также симптомом и спутником — неверия в восстание, отсутствия условий для восстания»[1]. Однако Кравчинский, как и его герои, встал на путь терроризма.

В глазах Кравчинского и его друзей террор был одним из средств устрашения царского правительства и расшатывания основ русского самодержавия, для них это был «путь дела» в отличие от «хождения в народ», «опыта могущества слова»[2]. Сомнения в целесообразности методов террористической борьбы подкрадывались исподволь, и впоследствии они возьмут верх у Кравчинского, но слишком велик был гнев и жажда отмщения.

Днем 4 августа 1878 года на Михайловской площади, в самом центре Петербурга, ударом кинжала (оружия, воспетого поэтами как символ свободы) Кравчинский убил шефа жандармов Мезенцева. Никто из очевидцев не успел прийти в себя, и Кравчинскому удалось скрыться. В тот же день он начал писать брошюру, объяснявшую причины убийства. В ней он заявлял, что Мезенцев казнен за «ряд преступлений, которых мог и должен был не совершать»[3]. С болью и гневом Кравчинский писал: «Само правительство толкнуло нас на тот кровавый путь, на который мы встали. Само правительство вложило нам в руки кинжал и револьвер.

Убийство — вещь ужасная. Только в минуту сильнейшего аффекта, доходящего до потери самосознания, человек, не будучи извергом и выродком человечества, может лишить жизни себе подобного. Русское же правительство нас, социалистов, нас, посвятивших себя делу освобождения страждущих, нас, обрекших себя на всякие страдания, чтобы избавить от них других, русское правительство довело до того, что мы решаемся на целый ряд убийств, возводим их в систему»[4].

Выстрел Засулич и удар кинжала, нанесенный Кравчинским, были первыми в целом ряду сотрясавших Россию в последующие годы террористических покушений и убийств. Вересаев вспоминал: «Было и в России и за границей впечатление, что друг против друга стоят две огромные силы: самодержавие со своим всеохватывающим полицейским аппаратом и неуловимый исполнительный

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 180.
[2] С. М. Степняк-Кравчинский. Соч. в 2 томах, т. 1, с. 335.
[3] С. Кравчинский. Смерть за смерть (Убийство Мезенцева) Пб., Госиздат, 1920, с. 17.
[4] Там же, с. 13.

[illegible] «Народной воли», держащий в непрерывном трепете бессильную против него власть»[1].

И все же выбор террористического пути борьбы оказался ошибкой, которая, по словам Ленина, была «ясно доказана опытом русского революционного движения»[2]. «...Индивидуальные террористические покушения,— писал Ленин,— являются *нецелесообразными* средствами политической борьбы»[3].

Некоторое время после убийства Мезенцева Кравчинский продолжает жить в Петербурге, скрываясь от царских шпионов. Мы иногда называли его младенцем, так мало заботился он о собственной безопасности. Но эта беззаботность являлась результатом бесстрашия...» — писал один из его друзей[4]. Кравчинскому все же пришлось уехать за границу, оставить родину навсегда...

А. Блок в первой главе своей поэмы «Возмездие», основываясь на мемуарных источниках, нарисовал портрет Кравчинского:

Едва приметно затемнен
Взгляд карих глаз-сурово-кроткий;
Наполеоновской[5] бородкой
Рот беспокойный обрамлен;
Большеголовый, темновласый—
Красавец вместе и урод:
Тревожный передернут рот
Меланхолической гримасой.

Портрет оказался похожим на оригинал, отражая самую суть сильной, целеустремленной, значительной личности. Н. А. Морозов вспоминал: «Его оригинальная, высокая, смуглая фигура, с блестящими черными глазами, с небольшой курчавой бородкой и огромным лбом под шапкой курчавых черных волос, и легенды, ходившие о его необычайной физической силе, всесторонней образованности и приключениях в народе,— все это соединялось вместе, чтобы всегда и везде делать его центральной фигурой общего внимания»[6]. «Меланхолическая гримаса» Кравчинского у Блока — отсвет высокого трагизма, с которым оказалось связанным для потомков его имя. Через несколько лет после отъезда Кравчинского

---

[1] В. В. Вересаев. Собр. соч. в 5 томах, т. 5, М., «Правда», 1961, с. 384.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 380.
[3] Там же, т. 49, с. 312.
[4] П. А. Кропоткин. Записки революционера, с. 283.
[5] Имеется в виду французский император Наполеон III.
[6] Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. 1, с. 215.

за границу. 1 марта 1881 года, был убит Александр II. На эшафот взошли ближайшие соратники Кравчинского, его товарищи по «Народной воле»: Софья Перовская, Андрей Желябов, Николай Кибальчич...

Кравчинский тяжело пережил их гибель. Оторванный от России, теперь он делает слово своим главным оружием. Живя в Швейцарии, затем в Италии, он обращается к переводческой и публицистической деятельности. В России, в легальном журнале «Дело», без имени Кравчинского печатается его перевод романа Джованьоли «Спартак», появляется очерк о Гарибальди. В 1881 году в миланской газете «Il Pungolo» («Жало») публикуются очерки, объединенные заголовком «Подпольная Россия». В 1882 году очерки вышли отдельным изданием на итальянском языке и были подписаны псевдонимом «Степняк». Вскоре выходит английский перевод «Подпольной России», но лишь в 1893 году Кравчинский выпускает в Лондоне отдельное издание книги на русском языке, хотя нелегальными путями очерки распространялись в России уже в 80-х годах.

Пожалуй, впервые со времен Герцена Западная Европа снова получала возможность узнать о революционерах России от одного из активных участников ее революционного движения, к тому же великолепно владевшего пером. Кравчинский сознавал ответственность своей миссии. «Единственная часть моей «Подпольной России», которую я ценю,— писал он,— это... «Профили», потому что я все-таки более других знаю этих людей, и мне хотелось хоть что-нибудь сделать, чтобы их образы не совсем утонули в бурлящей пучине русской политической жизни... Из действовавших никто, кроме меня, не пишет, не имеет возможности писать и погибнет, по всей вероятности, раньше, чем получит эту возможность. Но взявшись раз за эту работу, чтобы придать ей хоть какое-нибудь значение, я должен был быть вполне правдивым... Только придерживаясь такого критерия, можно было нарисовать людей. возможно похожих на живых, а не на куклы или суздальские иконы» [1].

«Подпольная Россия» принадлежит к тому, довольно значительному по объему пласту русской литературы, который условно может быть назван «революционной мемуаристикой». Но в отличие от многих книг подобного жанра в «Подпольной России» нет жизненного пути самого автора, Кравчинского. Его очерки могут быть сближены с той частью «Былого и дум», где Герцен изображает «горные вершины» европейского революционно-освободительного движения и почти не сообщает о себе. От

---

[1] «Группа «Освобождение труда». М., 1924, № 1, с. 227—228.

«вершины» к «вершине» идет и Кравчинский. Он начинает с общей картины русского революционного движения, четко обозначая его этапы. Здесь Кравчинский — историк, почти исследователь. Он отмечает воздействие идей Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Бакунина, Лаврова и прослеживает последствия этого влияния. Но с каждой страницей — и при чтении ощущение этого очень остро — Кравчинского захватывает его тема; предмет, о котором он говорит, люди, о которых он вспоминает, пробуждают в нем страсть, делающую его художником. Он воссоздает судьбы, он воскрешает людей, которых бесконечно любит, он стремится всеми доступными ему как писателю средствами сохранить для потомков память о той «горсти героической молодежи», в которой было сосредоточено «все, что есть благородного и высокого в природе человека». Он прослеживает эволюцию типа революционера. Аресты, издевательства, письма из тюрем — «известия передавались из уст в уста, вызывая у всех слезы жалости и негодования и поселяя в душе людей самых мягких мысли о крови, ненависти, мести»[1]. И, приступая к самой дорогой для него части «Подпольной России» — изображению «революционных профилей», — Кравчинский создает обобщенный образ террориста. Это был предвестник того художественного образа, который встанет со страниц «Андрея Кожухова». Террорист видится Кравчинскому «сумрачной фигурой, озаренной точно адским пламенем». Используя романтическую фразеологию, Кравчинский сближает террориста с восставшим против Бога Сатаной, с тем Сатаной литературы романтиков, который олицетворяет собой бунтующий человеческий дух. Однако русский император у Кравчинского отнюдь не библейский бог. «Но какая же разница между этим земным богом и ветхозаветным Иеговой Моисея! — иронизирует Кравчинский. — Как он корчится под смелыми ударами террориста! Как он прячется, как дрожит! Правда, он еще держится, и, хотя бросаемые его дрожащей рукой молнии часто не достигают цели, зато, поражая, они бьют насмерть. Но что за беда? Гибнут люди, но идея бессмертна»[2].

Люди, о которых пишет Кравчинский, внушают ему «чувство безграничного удивления и восторга», и свое благоговение перед ними он старается передать читателю. Вместе с тем Кравчинскому ясно, что революционное движение неоднородно, и он осознает необходимость сохранения в повествовании тех мелочей и отличительных черт, которые «взятые вместе, дают более рельефное и

---

[1] С. М. Степняк-Кравчинский. Соч. в 2 томах, т. I, с. 383, 387.

[2] Там же, с. 391—392.

полное представление об особенностях жизни революционной России»[1].

Жизнь для писателя — это прежде всего люди, «внутренняя жизнь подпольной России»[2] — деяния Перовской, Осинского, Клеменца, словом, всех тех, чьи «революционные профили» изображены Кравчинским. Это именно профили: четко обрисованы лишь главные черты. Композиция книги не замкнута, можно было бы присоединить еще немало портретов, что Кравчинский действительно и собирался сделать. Тем не менее «Подпольная Россия» производит впечатление единого целого. Автор выполнил свою задачу — изобразить русское революционное движение и в его представителях и в динамике его теоретической мысли. Все средства художественной выразительности подчинены этой единой цели, даже наиболее классические и традиционные из них. Знаменитые белые ночи Петербурга, столько раз воспетые, сами по себе полны очарования и здесь. «Как любил я прежде эти белые ночи, когда, бывало, один в маленькой душегубке, с двуперым веслом в руках, скользишь посредине величавой Невы, точно вися в пространстве между необъятным сводом неба и бездонной глубиной другого свода, отражавшегося в черной поверхности реки»,— вспоминал Кравчинский[3]. Но белые ночи опасны, в такие ночи трудно скрыться от преследования, и они становятся «предательскими жандармскими ночами»[4].

В «профилях» Якова Стефановича, Дмитрия Клеменца, Валериана Осинского, Петра Кропоткина, Дмитрия Лизогуба, Геси Гельфман, Веры Засулич, Софьи Перовской дано то, что определяет революционера, Кравчинский создает революционные типы и подчеркивает это, говоря: «В нашей партии Стефанович был организатор; Клеменц — мыслитель; Осинский — воин; Кропоткин — агитатор, Дмитрий же Лизогуб был святой»[5]. И все же авторский ригоризм нередко побеждается теплотой жизни, особенно естественно это происходит в женских «профилях». Нежность звучит в описании «маленькой, грациозной, вечно смеющейся девушки»[6] Софьи Перовской, ее болью отзываются строки об аресте человека, которого она любила.

Кравчинский не забывает и безымянных деятелей русского революционного движения. Тех, кто работает в подпольных типо-

---

[1] С. М. Степняк-Кравчинский: Соч. в 2 томах, т. 1, с. 394
[2] Там же, с. 393.
[3] Там же, с. 399.
[4] Там же.
[5] Там же, с. 427.
[6] Там же, с. 446.

графиях, помогает при побегах, служит связным. Все вместе они и представляют собой «подпольную Россию».

Выход книги произвел огромное впечатление. Ее переиздают в разных странах. Французские писатели Золя и Доде выражают свое восхищение «Подпольной Россией». Л. Толстой, потрясенный личностью Лизогуба, напишет рассказ «Божеское и человеческое», в котором отразится то, что он узнал из книги Кравчинского.

Поселившись в Англии, Кравчинский писал в 1885 году. «Для меня единственный способ использовать предоставленную мне свободу и безопасность — было и есть обращение к общественному мнению цивилизованного мира, сначала в пользу русских революционеров, объясняя их истинную сущность, взгляды и цели... затем более широко, в пользу свободы моей родины, показывая намерения политического режима... и положение русского народа...»[1] В середине 80-х годов один за другим выходят его большие публицистические труды: «Россия под властью царей», «Русская грозовая туча», «Русское крестьянство». Кравчинский знакомит западного читателя не только с политической обстановкой России, но и с ее культурой. Он переводит на английский язык «Слепого музыканта» Короленко, «Грозу» Островского, «Свадьбу Кречинского» Сухово-Кобылина, пишет предисловия к произведениям Гаршина, Тургенева, к сборнику «Русский юмор». Кравчинский широко выступает с лекциями в Англии и в Америке о творчестве русских писателей.

В 1889 году в Лондоне на английском языке выходит роман Кравчинского «Путь нигилиста» («The career of a nihilist»), известный нам теперь под названием «Андрей Кожухов». Впервые так был озаглавлен отрывок из него, напечатанный при жизни Кравчинского в эмигрантском журнале «Социал-демократ», выходившем в Женеве. Перевод отрывка на русский язык был сделан В. Засулич. Авторизованного перевода романа во всем его объеме нет, менялись даже его названия, поэтому история его первых изданий представляет большой интерес. В 1898 году роман был впервые полностью опубликован на русском языке в Женеве, под названием «Андрей Кожухов» и в переводе жены Кравчинского — Фанни Марковны. Издание 1898 года хотя и проникало в Россию нелегальными путями, все же было известно сравнительно мало. Настоящую популярность на родине Кравчинского роман приобрел в период революции 1905—1907 годов. В это время, в 1905 году, роман был издан в Петербурге под заглавием «Из прошлого. Роман из истории 70-х годов С. К-го»; вскоре же, в 1906 году,

[1] «С. М. Степняк-Кравчинский. В лондонской эмиграции». М., «Наука», 1968, с. 193—194.

следует еще одно издание, в Москве: «Роман из эпохи 70-х годов (Андрей Кожухов)». Здесь была указана фамилия автора полностью. Это издание получило широкое распространение. В 1907—1908 годах выходит собрание сочинений Кравчинского. Его роман занимает прочное место в истории русской литературы.

Новаторство Кравчинского-художника, сказавшееся в «Андрее Кожухове», пожалуй, наиболее четко определено В. Засулич, соратницей Кравчинского по революционному движению и одной из героинь «Подпольной России». Засулич отмечала, что Кравчинским создан «такой коллективный герой, ни одной черты которого не было еще отмечено в русской литературе. Это тот революционный дух, различными проявлениями которого проникнуто все содержание романа» [1].

Действие происходит в 70-е годы. Это был период жестокой реакции, лишь ненадолго смягчавшейся некоторыми вынужденными уступками со стороны царского правительства, период высочайшего подъема народничества как революционного течения.

Вот почему заглавие одного из русских изданий — «Роман из эпохи 70-х годов» — имело свой глубокий смысл: это был понятный русскому читателю сигнал, сразу было ясно, о чем может пойти речь. Если западный читатель знал слово «нигилист» как обозначение русского революционера вообще, то русский читатель еще хорошо помнил, чем были для истории его страны 70-е годы.

Герои всех произведений Кравчинского молоды (лишь адвокат Репин — человек в возрасте, но он и находится все же на периферии романа). Молоды и их прототипы, те, о ком рассказано в «Подпольной России». Молодость с ее горячей кровью, сильными страстями и беззаветной жертвенностью задает ритм роману Кравчинского, действие которого очень динамично. Интрига романа напряженна, место действия постоянно меняется: оно перебрасывается из Швейцарии в пограничное селение, из деревушки в Петербург, оттуда в провинциальный город и затем снова на одну из площадей столицы. Герои борются, гибнут, любят, встречаются и расстаются навсегда. В одном из стихотворений поэта-народовольца П. Ф. Якубовича выражена самая суть этой насыщенной, стремительной жизни:

Спеши бороться и страдать,
И пламенно любить,
И жертву жертвой не считать,
И лишь для жертвы жить!

(«Призыв»)

---

[1] В. И. Засулич. Статьи о русской литературе. М., Гослитиздат, 1960, с. 106.

Герой Кравчинского как будто постоянно слышит эти слова. Андрей Кожухов весь устремление вперед, нацеленность на дело. Первая глава романа носит название «Наконец!» Наконец вынужденное бездействие, наконец он снова на воле, наконец он в гуще борьбы. Но это не радостная стремительность. Это нетерпение отомстить общему врагу за гибель товарищей, за казни и тюрьмы. Кравчинский, сам пропедший почти все этапы судьбы Андрея, изнутри показывает те почти неодолимые силы, которые вели людей, подобных Кожухову, по их пути. Андрей, пишет Кравчинский, «не был рожден мучеником,—он слишком хорошо это знал; тем менее был он способен причинить страдание даже немой твари. Но страшная необходимость, над которой не было власти, заставляла его теперь топтать свое собственное чувство и свою жизнь приносить в жертву». Сцена казни друзей Андрея—зримое воплощение неизбежности борьбы, передающейся в живых «последнего, великого завета». Андрей принимает эстафету. Прощаясь навсегда с любимой женщиной, он говорит ей: «Нет, нам не дадут свободы в награду за примерное поведение. Мы должны бороться за нее любым оружием». В разговоре с отцом Тани, адвокатом Репиным, он еще более решительно защищает свою позицию. «Никто не может предвидеть будущего или быть ответственным за то, что в нем скрывается,—заявляет Кожухов.—Мы делаем, что можем, в настоящем: мы показали пример мужественного восстания, который не пропадет бесследно для порабощенной страны». Конечной целью своей борьбы Андрей видит благо всех. Отсюда оптимизм героя Кравчинского, получивший выражение в афористической фразе: «Чем выше вы цените людей, тем меньше вы рискуете ошибиться в своих ожиданиях». Но гуманизм Кожухова вместе с тем не лишен и трагического элемента. Во сне Кожухов видит царя. И Андрей, наяву твердо решивший царя убить, во сне хочет спасти его, потому что главным для него вдруг представилось то, что ведь царь—«живой». Хотя Андрей покушение на царя осуществляет, но все же что-то внутри него сломлено. И, может быть, не случайно он, опытный стрелок, ни разу не попробовал новый револьвер и, стреляя в царя с близких промах. Изображая революционеров «как людей», а не только «как политических деятелей»[1], Кравчинский не скрывает их сомнений, слабостей, заблуждений. Преодолевая их, идут они к цели.

В ряду героев русской литературы XIX века Андрей Кожухов принадлежит к тем, кто сумел найти цель и смысл жизни. Не-

[1] С. М. Степняк-Кравчинский. Соч. в 2 томах, т. 1, с. 62-

дальнейший опыт революционной борьбы в России внесли исправления в тот путь, который он избрал, но и сам Андрей как художественный тип революционера семидесятых годов и его реальные прототипы, народники, «сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория...»[1].

Кравчинский, по его словам, «желал представить в романическом освещении сердечную и душевную сущность этих посторженных друзей человечества»[2]. Такого рода замысел требовал показа действующих лиц романа в условиях, которые предельно выявляли бы их характерные особенности. «В вихре... ужасной борьбы» предстают перед нами Андрей Кожухов и его товарищи»[3], они живут той насыщенной жизнью, которая не только не исключает, но и придает особую ценность любви, дружеской привязанности, поэзии...

Любовь Андрея и Тани возникает и крепнет на основе их общего, революционного дела. И ему же приносится в жертву. В драматическом объяснении с Таней Андрей раскрывает всю глубину несомненной для него связи их любви и их убеждений. «Отказаться от нападения из-за любви к тебе? — спрашивает Андрей жену, приняв решение убить царя.— Да я чувствовал бы себя трусом, лжецом, изменником нашему делу, нашей родине. Лучше утопиться в первой попавшейся луже, чем жить с таким укором совести. Как мог бы я это вынести, и что сталось бы с нашей любовью?»

Сила эмоционального воздействия образа Андрея Кожухова на несколько поколений читателей, по-видимому, объясняется полнотой жизни, которую он в себе несет, соединенной со способностью к безграничному самопожертвованию.

Кравчинский заканчивает роман словами веры в победу дела, за которое умер на эшафоте Андрей. Но финал отнюдь не безоговорочно оптимистичен. Кравчинский предвидит множество жертв, которых эта победа потребует. Не случайно, воссоздавая путь своего героя, Кравчинский проведет Кожухова через крупные поражения: не удалась попытка освобождения товарищей, сорвалось покушение на царя. Но, утверждает автор романа, только тот революционер, кто весь поглощен «великой идеей, лучезарной, живительной», «он презирает страдание и самую смерть готов встретить с улыбкой... на лице»[4].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 176.
[2] С. М. Степняк-Кравчинский. Соч. в 2 томах, т. 1, с. 622.
[3] Там же.
[4] С. М. Степняк-Кравчинский. Соч. в 2 томах, т. 1, с. 373.

«Андрей Кожухов» вызвал большой интерес у русских и зарубежных читателей. Вместе с тем в английской и американской прессе появился ряд статей, которые показали автору, что, нарек его новое произведение воспринималось слишком прямолинейно, его документальная основа подчеркивалась неоправданно сильно. Кравчинский был вынужден заявить о своей позиции. В предисловии 1890 года он указывает, что им написан роман, а не мемуарное документальное произведение; Кравчинский возражал против восприятия «Андрея Кожухова» как «политического памфлета». Он пояснял, что видеть в романе «выражение теоретической и практической программы русских революционеров» нельзя. Не это было его главной задачей. Цель была прежде всего художественной. Кравчинский подчеркивает, что в его книге очень важен элемент обобщения и задачей автора было «изобразить известный тип современных людей».

Думается, Кравчинский был и прав и не прав. Действительно несправедливо было бы видеть в «Андрее Кожухове» главным образом систематизацию определенных политических взглядов ведь Кравчинский, сознательно «сузив... рамки своей картины», постарался как можно «рельефнее выставить человеческие элементы в жизни революционеров»[1]. И все же «Андрей Кожухов» — одна из достовернейших документов, как ни парадоксально это звучит, революционного народничества. «Роман... дает живую страницу из жизни революционного движения в конце семидесятых годов и начале восьмидесятых,— писал Кропоткин.— Быть может, будущий художник напишет когда-нибудь лучший, более художественный роман из жизни этого периода, но более верное отражение действительности едва ли кто-либо сможет дать. Впечатление реальной, пережитой жизни, которою переполнен «Андрей Кожухов», уже не повторится»[2].

В годы, проведенные им за рубежом, Кравчинский-писатель неотделим от Кравчинского — общественного деятеля. Его усилиями в Лондоне начинает выходить журнал «Свободная Россия», создается «Общество друзей русской свободы». Для распространения и публикации революционной литературы в 1891 году при активном участии Кравчинского был основан «Фонд вольной русской прессы», продолжающий традиции Герцена.

Круг общения Кравчинского чрезвычайно широк. В числе его знакомых дочь Маркса Элеонора Эвелинг, драматург Б. Шоу

---

[1] С. М. Степняк-Кравчинский. Соч. в 2 томах, т. I, с. 621, 622, 623.

[2] См.: С. М. Степняк-Кравчинский. Собр. соч. в 6 частях, ч. IV. СПб., Б-ка «Светоча», 1907, с. XIII.

писатель О. Уа
Э.-Л. Войнич. С
ные отношени
Засулич, Плех
прост и обаятел
ющих, художни
вавший хороши
шийся ими, в
ребенок, в свои
общины любимц

В начале 90
нужно и начало
ной рознью и о
Литературные п
ны России. Он х
чурбане, царе-ца
на Волге», пьесе
дист Павел Руде
ни дал,— говори
воздуха!»[2].

Небольшая п
менно с «Андре
обещает идилли
действительности
хозяйки домика,
ным революцион
личности, его стр
всем во имя рево
шей его девушки.
повесть «Домик н
ных тонах. Нет
России». Если в «
пути человека с у
дениями, то и в «
Руденко»[3] речь ид
в жизни. Порывае
горизонты после

---

[1] В. И. Засули
[2] «С. М. Степн
с. 349.
[3] Штундизм —
подвергались прес
ства.

писатель О. Уайльд, датский критик Г. Брандес, писательница Э.-Л. Войнич. Среди тех, с кем Кравчинский поддерживал постоянные отношения, был и Ф. Энгельс. Тесные связи сохранялись с Засулич, Плехановым, Кропоткиным. В быту Кравчинский был прост и обаятелен. «Полный жизни, которою заражал всех окружающих, художник по складу ума, идеализировавший, преувеличивавший хорошие качества своих приятелей и безмерно восхищавшийся ими, в то же время искренний, простой и ласковый, как ребенок, в своих личных сношениях с людьми, Кравчинский был общим любимцем и гордостью товарищей»[1].

В начале 90-х годов Кравчинский пишет брошюру «Чего нам нужно и начало конца», в которой призывает покончить с партийной рознью и объединиться для общей борьбы с самодержавием. Литературные произведения Кравчинского по-прежнему посвящены России. Он характеризует ее политическое положение в «Царечурбане, царе-цапле», говорит о судьбах ее людей в повести «Домик на Волге», пьесе «Новообращенный», неоконченном романе «Штундист Павел Руденко». Он бесконечно тоскует по родине. «Чего бы я ни дал,— говорит он Брандесу,— чтобы вдохнуть глоток русского воздуха!»[2].

Небольшая повесть «Домик на Волге» писалась почти одновременно с «Андреем Кожуховым». Название повести как будто бы обещает идиллию, рассказ о тихой жизни глухого уголка. Но в действительности тишины нет и здесь. Ушел в революцию сын хозяйки домика, уходит и ее дочь Катя. Встреча с профессиональным революционером Владимиром Муриновым, впечатление от его личности, его страстной убежденности в необходимости жертвовать всем во имя революционного дела переворачивают жизнь полюбившей его девушки. Не менее остросюжетная, чем «Андрей Кожухов», повесть «Домик на Волге» выдержана Кравчинским в более спокойных тонах. Нет здесь и романтической патетики «Подпольной России». Если в «Андрее Кожухове» Кравчинский рассказывает о пути человека с уже сформировавшимися революционными убеждениями, то и в «Домике на Волге» и в романе «Штундист Павел Руденко»[3] речь идет о разных путях к осознанию себя и своего места в жизни. Порывает с патриархальным существованием Катя. Иные горизонты после преследований и мытарств открываются перед

---

[1] В. И. Засулич. Статьи о русской литературе, с. 127—128.

[2] «С. М. Степняк-Кравчинский. В лондонской эмиграции», с. 349.

[3] Штундизм — религиозно-сектантское течение. Штундисты подвергались преследованиям официальной церкви и правительства.

крестьянином Павлом Руденко. Новые литературные задачи потребовали от Кравчинского прежде несвойственных ему приемов нравоописания, внимания к быту, к изменчивым состояниям человеческой души.

Кравчинскому предстояло еще многое сделать... Нелепая случайность положила конец его жизни: 11 (23) декабря 1895 года он погиб под колесами поезда.

Яркими были личность и творчество Кравчинского. Мы улавливаем его влияние в «Оводе», знаменитом романе Войнич; преемственность с «Андреем Кожуховым» чувствуется в «Матери» Горького. Кравчинский писал об огромной, преобразующей человека силе революционной борьбы: «Это величие задачи, эта уверенность в конечной победе дают ему тот холодный, расчетливый энтузиазм, ту почти нечеловеческую энергию, которые поражают мир. Если он родился смельчаком — в этой борьбе он станет героем; если ему не отказано было в энергии — здесь он станет богатырем; если ему выпал на долю твердый характер — здесь он станет железным»[1]

Сам Кравчинский и его герои явились подтверждением этих слов, в огромном заряде присущей им нравственной силы заключена причина долгой памяти о них.

Г. Елизаветина

[1] С. М. Степняк-Кравчинский. Соч. в 2 томах, т. 1, с. 392

Часть первая

ЭНТУЗИАСТЫ

Глава I

НАКОНЕЦ!

Елена наскоро окончила свой скромный обед в маленьком женевском ресторане — излюбленном сборном пункте русских эмигрантов — и отказалась от кофе. Она обыкновенно позволяла себе эту роскошь с тех пор, как ей посчастливилось раздобыть урок русского языка, но сегодня она торопилась. У нее в кармане лежало давно ожидаемое письмо из России, только что переданное ей старым седым часовщиком, который получал на свое имя всю ее заграничную корреспонденцию, и она горела нетерпением передать драгоценное послание своему другу Андрею. Хотя оно и относилось непосредственно к нему, но, наверное, содержало известия общего характера.

Перекинувшись несколькими словами с одним из товарищей по изгнанию, девушка прошла между рядами столиков, за которыми сидели рабочие в блузах, и вышла на улицу. Было только половина восьмого; она уверена была, что застанет Андрея дома; он жил поблизости, и через пять минут она была у его двери; ее красивое, несколько холодное лицо слегка раскраснелось от быстрой ходьбы.

Андрей был один и читал какую-то статистическую книгу, делая из нее выписки для своей еженедельной статьи в русской провинциальной газете. Он повернул голову и поднялся, протягивая руку гостье.

— Вот вам письмо,— сказала Елена, здороваясь с ним.

— А,— воскликнул он.— Наконец-то!

Это был молодой человек, лет двадцати шести или

Влияние С. М. Кравчинского улавливается в «Оводе», знаменитом романе Войнич; преемственность с «Андреем Кожуховым» чувствуется в «Матери» Горького. Кравчинский писал об огромной, преобразующей человека силе революционной борьбы: «это величие задачи, эта уверенность в конечной победе дают ему тот холодный, расчетливый энтузиазм, ту почти нечеловеческую энергию, которые поражают мир. Если он родился смельчаком — в этой борьбе он станет героем; если ему не отказано было в энергии — здесь он станет богатырем; если ему выпал на долю твердый характер — здесь он станет железным».

1 р. 80 к.

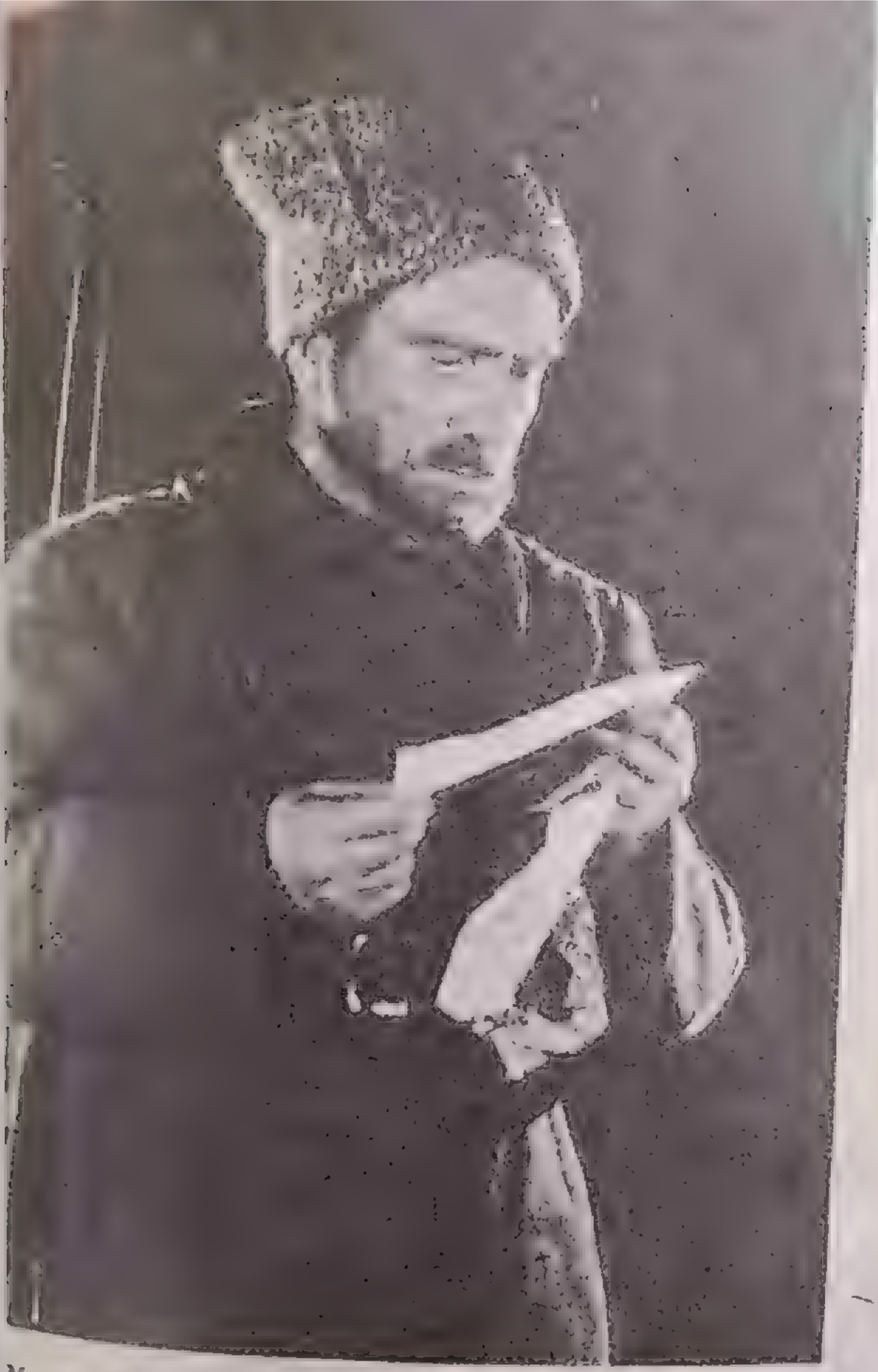
ОК

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

Николай Погодин

ТРИ ПЬЕСЫ О В. И. ЛЕНИНЕ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1982

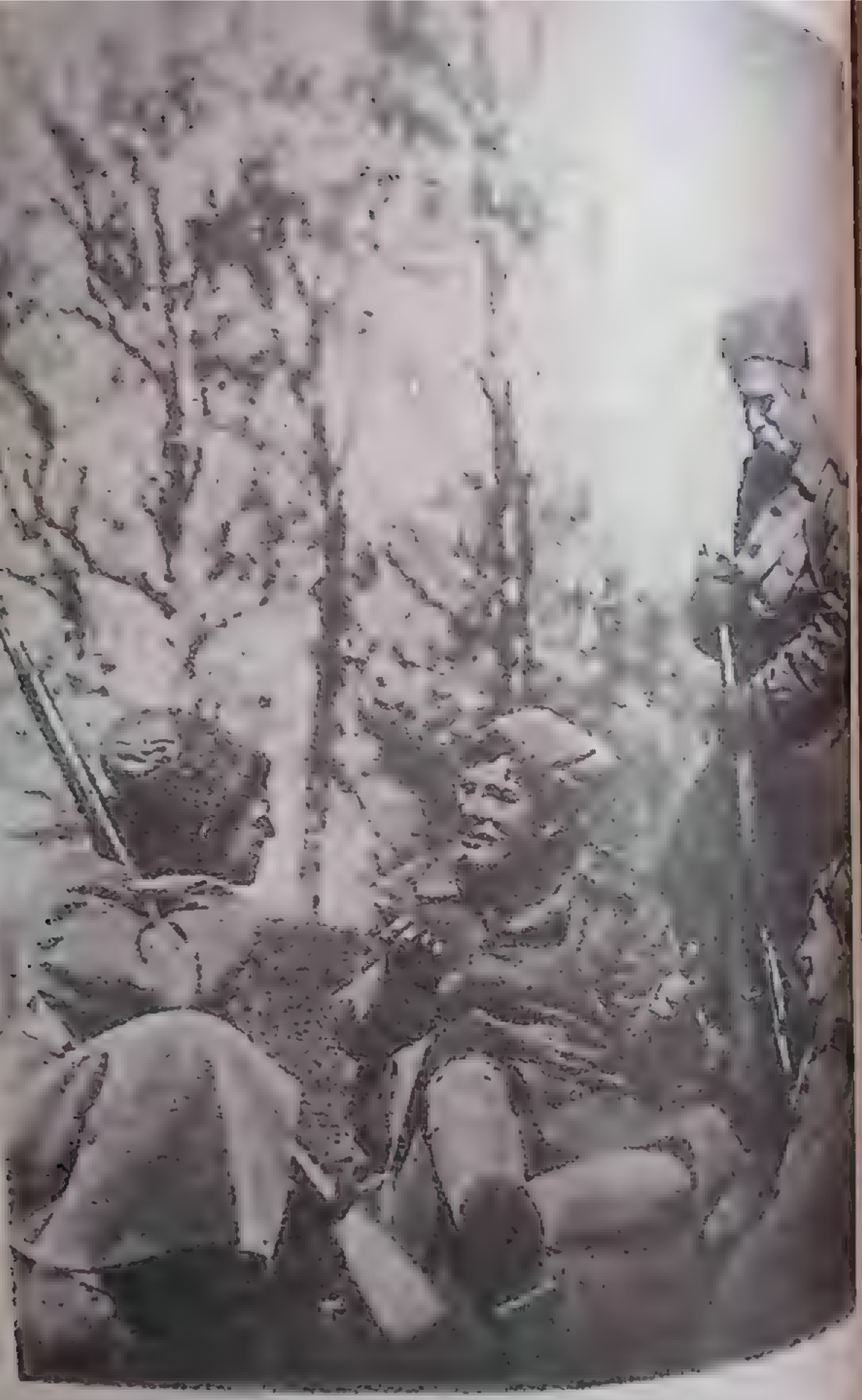


Московский театр имени Е. Вахтангова.
Спектакль «ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ» (1954).
В роли И. Шадрина — народный артист СССР *И. М. Толчанов.*

Московский театр имени Е. Вахтангова.
Спектакль «ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ».
В ролях: И. Шадрин — народный артист СССР *Н. М. Толчанов*
Надежда — народная артистка РСФСР *Е. Г. Алексеева*

Кинофильм «ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ» (1938).
Режиссер — *С. Юткевич.*
Кадр из фильма.

Московский театр имени Е. Вахтангова.
Спектакль «ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ» (1954).
В ролях: В. И. Ленин — народный артист СССР *Н. С Плотников,*
солдат И Шадрин — народный артист СССР *Н. М Тольцов.*



Кинофильм «ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ» (1938).
Режиссер — С. *Юткевич.*
Кадр из фильма.

КРЕ
К

Пьеса
оди

Московский Художественный академический театр им. М. Горького
Спектакль «КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ». (1967)
В ролях: Забелин — народный артист СССР *Б. Н. Ливанов*,
Забелина — народная артистка СССР *А. К. Тарасова*

МХАТ.
Спектакль «КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ» (1942).
В ролях: В. И. Ленин—народный артист СССР *А. Н Грибов*,
Чуднов—заслуженный артист РСФСР *А. И. Чебан*,
Анна́—народная артистка СССР *А. И. Зуева*,
Казанок—*И. И. Рыжов*.

МХАТ.
Спектакль «КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ» (1942)
Сцена из спектакля.

МХАТ.
Спектакль «КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ»
В ролях: Маша — народная артистка РСФСР *И. П. Гошева*,
Рыбаков — народный артист РСФСР *Н. И. Боголюбов*.

МХАТ.
Спектакль «КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ» (1967).
В ролях: В. И. Ленин — народный артист СССР *Б. А. Смирнов*,
Забелин — народный артист СССР *Б. Н. Ливанов*,
Дзержинский — заслуженный артист РСФСР *В. П. Марков*.

МХАТ.
Спектакль «КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ»
Сцена из спектакля.
В роли В. И. Ленина — народный артист СССР *Б. А. Смирнов.*

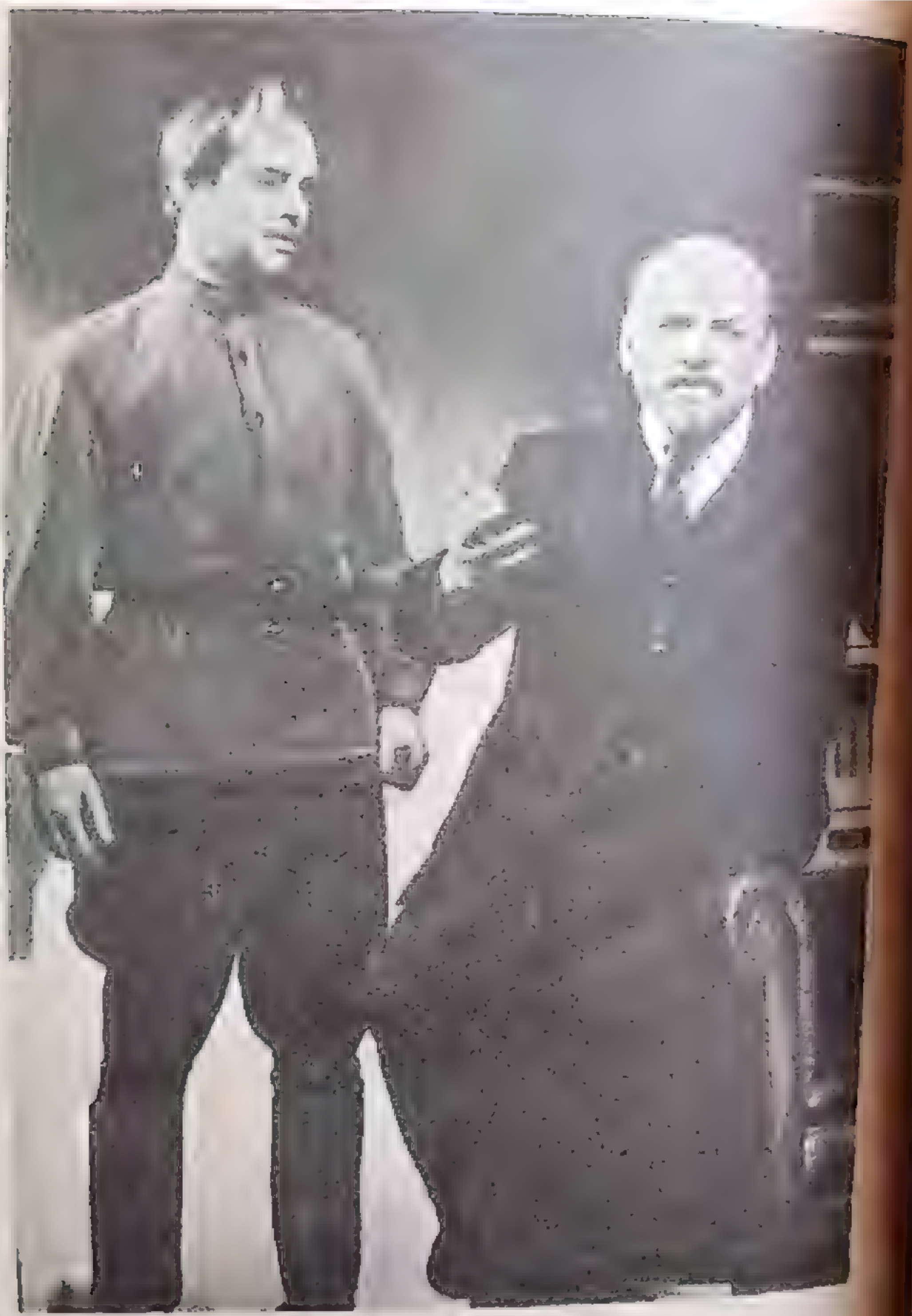
МХАТ.
Спектакль «КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ».
В роли В. И. Ленина — народный артист СССР *Б. А. Смирнов*

Московский Художественный академический театр им. М. Горького
Спектакль «ТРЕТЬЯ, ПАТЕТИЧЕСКАЯ» (1956)
Сцена из спектакля.
В. И. Ленина — народный артист СССР Б. А. Смирнов

МХАТ.
Спектакль «ТРЕТЬЯ, ПАТЕТИЧЕСКАЯ».
В роли В. И. Ленина — народный артист СССР *Б. А. Смирнов.*

МХАТ.
Спектакль «ТРЕТЬЯ, ПАТЕТИЧЕСКАЯ».
Сцена из спектакля.

МХАТ.
Спектакль «ТРЕТЬЯ, ПАТЕТИЧЕСКАЯ».
В ролях: В. И. Ленин — народный артист СССР *Б. А. Смирнов*,
Сестрорецкая — народная артистка РСФСР *Л. В. Пушкарева*.



МХАТ.
Спектакль «ТРЕТЬЯ, ПАТЕТИЧЕСКАЯ».
В ролях: В. И. Ленин — народный артист СССР *Б. А. Смирнов*,
Ф. Дятлов — заслуженный артист РСФСР *Ю. Н. Пузырев*

В апреле
литературы и
ий, посвяще
тической ре
ых. В начале
конкурс на к
показан обра
качестве сце
«Ноябрь», гд
образ В. И. Л
тормозилась
Вахтангова н
с ружьем».
Премьера
1937 года. По
Ронова, А.
А Голубенц
роли испол
Надя — В. Ал
Варвара Ива
рос Дымов

ПРИМЕЧАНИЯ

«ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ»

В апреле 1935 года М. Горький дважды встречался с деятелями литературы и искусства в связи с созданием юбилейных произведений, посвященных 20-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. На этих встречах присутствовал и Н. Погодин. В начале 1936 года был проведен закрытый правительственный конкурс на юбилейную пьесу и киносценарий, в которых был бы показан образ В. И. Ленина. Н. Погодина включили в этот конкурс в качестве сценариста, и 1 ноября 1936 года он сдал киносценарий «Ноябрь», где впервые в истории советской литературы был создан образ В. И. Ленина. В связи с тем, что съемка картины «Ноябрь» тормозилась, драматург по просьбе руководства Театра имени Евг. Вахтангова написал для них на материале сценария пьесу «Человек с ружьем».

Премьера спектакля «Человек с ружьем» состоялась 13 ноября 1937 года. Постановщик — Р. Симонов, режиссеры — В. Куза, К. Миронова, А. Ремизова. Художник — В. Дмитриев. Композитор — А. Голубенцев. В роли В. И. Ленина выступил Б. Щукин. Другие роли исполняли: Шадрин — И. Толчанов, Чибисов — О. Глазунов, Надя — В. Алексеева, Катя — Н. Русинова, Сибирцев — Н. Бубнов, Варвара Ивановна — Т. Шухмина, бабушка Лиза — Е. Понсова, матрос Дымов — А. Горюнов.

Пьеса неоднократно ставилась во многих театрах страны и за рубежом. Впервые была напечатана в 1937 году (журнал «Октябрь», № 12).

Стр. 6. *Пулковский участок* — 30 октября 1917 года части Красной гвардии разбили под Петроградом в районе Пулковских холмов казачьи части генерала Краснова.

Стр. 8. *Керенский А. Ф.* (1881—1970) — глава коалиционного Временного правительства (июль — октябрь 1917 г.). 25 октября 1917 года Керенский бежал из Петрограда в район Северного фронта, где предпринял неудачную попытку свергнуть Советскую власть с помощью казачьих частей генерала Краснова. В 1918 году бежал за границу.

«Солдатская правда» — большевистская газета, выходившая в Петрограде в 1917—1918 годах.

Стр. 13. *«Дочь фараона»* — балет композитора Ц. Пуньи (1802—1870).

Стр. 21. *«Союз русского народа»* — монархическая черносотенная организация, созданная в 1905 году для борьбы с революцией.

Рябушинский П. П. (1871—1924) — крупный русский промышленник и банкир, один из руководителей буржуазной контрреволюции. После победы Великой Октябрьской социалистической революции эмигрировал за границу.

Краснов П. Н. (1869—1947) — генерал царской армии, активный участник августовского контрреволюционного корниловского мятежа. После подавления мятежа бежал за Дон, где контрреволюционные верхи казачества избрали его атаманом. Принимал участие в походах Антанты против Советской России. В 1919 году бежал за границу.

Стр. 22. *...в июльские дни в Питер также были введены войска.* — С согласия Временного правительства в июле 1917 года в Петроград были введены правительственные войска, обстрелявшие мирную демонстрацию.

...разгромили гнездо большевиков во дворце Кшесинской. — В июле 1917 года бывший особняк балерины М. Ф. Кшесинской в Петрограде занимали Центральный и Петроградский комитеты партии большевиков.

Стр. 23. *Вильгельм II* (1888—1918) — император Германии и король Пруссии, развязавший первую мировую войну. В 1918 году

[illegible] ноябрьской буржуазной революции в Германии. [illegible]

Стр. 37. *Каледин А. М.* (1861—1918)—генерал царской армии, атаман донского казачества, возглавлявший контрреволюционные силы на Дону. После разгрома калединщины в феврале 1918 года застрелился.

Стр. 42. *Викжель* (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профессионального союза) — контрреволюционный эсеро-меньшевистский орган, выступивший в октябре 1917 года против Советской власти.

Стр. 46. *Гельсингфорс*—ныне Хельсинки, столица Финляндии.

«КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ»

В 1939 году по заказу МХАТа Н. Погодин написал пьесу «Кремлевские куранты», как бы явившуюся продолжением «Человека с ружьем». 11 января 1941 года в театре состоялась генеральная репетиция спектакля, премьера же была лишь 22 января 1942 года в Саратове, куда в дни Великой Отечественной войны был эвакуирован МХАТ.

Постановщики спектакля — Вл. И. Немирович-Данченко и Л. Леонидов; работу над спектаклем заканчивала М. Кнебель. Художник В. Дмитриев. Роли исполняли: В. И. Ленин — А. Грибов, Дзержинский — Марков, Забелин — Н. Хмелев, М. Болдуман, Забелина — В. Соколова, Рыбаков — Б. Ливанов, Н. Боголюбов, Маша — С. Пилявская, И. Гошева, часовщик — Б. Петкер.

Пьеса ставилась во многих театрах страны и за рубежом. Впервые была напечатана в 1941 году в издательстве «Искусство».

Стр. 75. *Иверские ворота* — часовня и ворота в старой Москве, находившиеся у входа на Красную площадь со стороны Тверской (улицы Горького).

Стр. 77. *Фабрика Лапшина* — известная в дореволюционной России спичечная фабрика.

Стр 79. *Вестминстерское аббатство* — один из лучших памятников средневековой архитектуры в Лондоне. Монастырская цер-

конь его с XIII века предназначалась для коронации, а также служила королевской усыпальницей. Позже, с XVII века здесь появились погребения знаменитых людей Англии.

Стр. 80. *Лубянка*—улица в Москве (ныне ул. Дзержинского), где помещалась ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с вредительством и саботажем).

Врангель П. Н. (1878—1928)—барон, контрреволюционный генерал, командовавший в 1919 году частями Добровольческой армии; в 1920 году получил звание «верховного командующего». В ноябре того же года армия Врангеля была разбита, а остатки ее Врангель увел на 130 судах черноморского флота во Францию.

Стр. 81. *Калиостро Александр* (1743—1795)—сын итальянского купца, известный авантюрист XVIII века. Выдавая себя за графа и алхимика, пользовался большим успехом в аристократических европейских салонах.

Стр. 83. *«Прекрасна, как ангел небесный ...»*—строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тамара».

Стр. 84. *«Письма из далека»*—произведение В. И. Ленина (1917).

Стр. 86. *Безоблыжный*—безобманный, верный, истинный.

Стр. 91. *Анчутки (народн.)*—чертенята.

Стр. 94. *Буровить*—мешать, не давать дело делать, быть помехой.

Стр. 95. *Сухарева*—Сухаревский рынок, на месте которого теперь находится Колхозная площадь.

Стр. 99. *...башню до небес в городе Вавилоне ...*—По библейскому мифу, в этом городе пытались построить башню до небес; когда строители начали работу, разгневанный бог «смешал язык их», они перестали понимать друг друга и не могли продолжать постройку.

Стр. 101. *Профит (фр.)*—прибыль, барыш.

Стр. 104. *Циклоп*—в древнегреческой мифологии великан-людоед с одним глазом посреди лба.

Стр. 105. *Котлы*—район старой Москвы.

Стр. 108. *«Облако в штанах»*—поэма В. В. Маяковского (1893—1930).

Стр. 109. *Бурбоны*—королевская династия во Франции (XVI—XIX вв.).

Стр. 119. *Кржижановский Г. М.* (1872—1959)—старейший деятель революционного движения, крупный инженер, академик.

[illegible] году по поручению В. И. Ленина возглавлял Государственную комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО).

Стр. 128. *Саламбо* — дочь командующего карфагенской армией и флотом. По преданию, полюбила начальника одного из наемных отрядов, восставшего против Карфагена.

Стр. 137. *Масон* — член философско-религиозного общества. Масонство возникло в XVIII веке в Англии и распространилось затем во многих странах Европы, в том числе и в России, в порядке моды на некоторое свободомыслие по отношению к деятельности церкви. В настоящее время масонство отказалось от имевшихся у него в прошлом элементов антиклерикализма и смыкается с поповщиной.

«ТРЕТЬЯ, ПАТЕТИЧЕСКАЯ»

Пьеса была написана Н. Погодиным в 1958 году как завершающая часть трилогии о Владимире Ильиче Ленине. Премьера спектакля состоялась на сцене МХАТа 3 января 1959 года. Постановщик — М. Кедров, режиссер — В. Богомолов. Художник — Л. Батурин. Роли исполняли: В. И. Ленин — Б. Смирнов, М. И. Ульянова — И. Гошева, Федор Дятлов — Ю. Пузырев, Ипполит Сестрорецкий — В. Давыдов, Ирина — Л. Пушкарева, Валерик — А. Михайлов, Гвоздилин — В. Белокуров, Настя — А. Андреева, Кумакин — Л. Золотухин, Клава — М. Анастасьева.

Пьеса ставилась во многих театрах страны. Впервые была напечатана в 1958 году (журнал «Театр», № 8).

Стр. 152. *«Все равно года проходят чередою...»* — популярный романс 20-х годов «Все, что было».

Стр. 153. *Военный коммунизм* — экономическая политика Советского государства в годы гражданской войны, во время которой проводилась продразверстка, то есть изъятие всех излишков хлеба у крестьян для обеспечения государственной хлебной монополии.

Стр. 168. *Ваганьково* — Ваганьковское кладбище в Москве.

Стр. 170. *Бутырка* — Бутырская тюрьма в Москве.

Стр. 173. *Собинов Л. В.* (1872—1934) — выдающийся русский певец.

Стр. 177. Филиппповская — булочная Филиппова [illegible]ко известна в Москве до революции и в первый нэп.

Стр. 178. «Котти» — знаменитая французская парфюмерная фирма.

Стр. 181. «Все мое» — сказало злато... — строки из стихотворения А. С. Пушкина «Золото и булат».

Стр. 184. «Как хороши, как свежи были розы!» — строки из стихотворения в прозе И. С. Тургенева (1818—1883).

Стр. 193. *Марьина роща* — район Москвы, славившийся до революции своими кабаками.

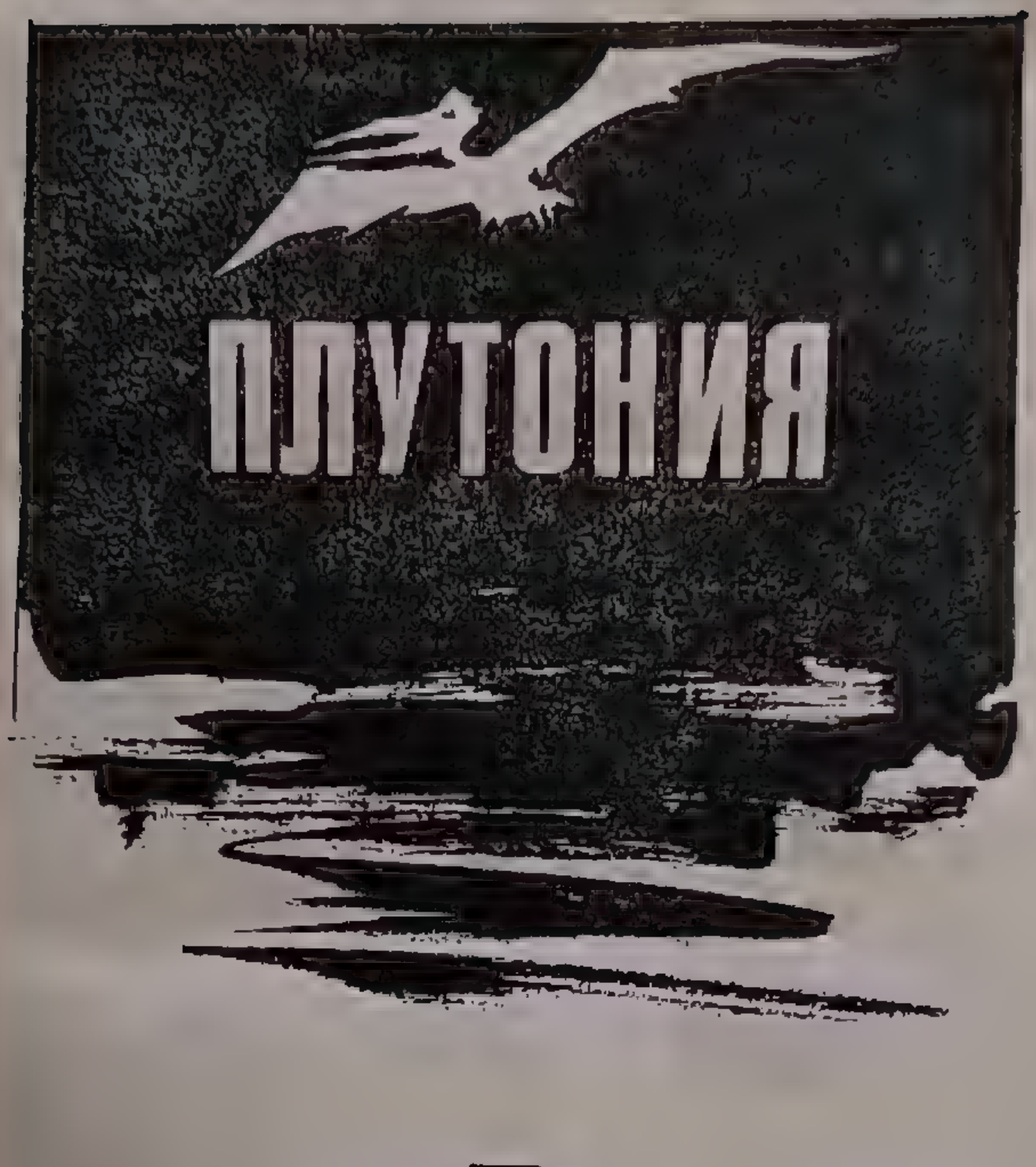
Стр. 202. *Сунь Ятсен* (1866—1925) — китайский революционер-демократ.

Стр. 207. *Владимирский централ* — каторжная тюрьма в царской России.

0 82

00690/11/85

В. А. ОБРУЧЕВ



Ашхабад • Ылым • 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наша Земля существует уже многие миллионы лет, в течение которых жизнь на ее поверхности испытала большие изменения.

Образовавшиеся в теплой воде первых морей сгустки белкового вещества, мало-помалу усложняясь, превратились в ряд разнообразных растительных и животных организмов, которые через бесчисленные поколения достигли современного состояния.

Это изменение форм органической жизни можно проследить, изучая их остатки, сохранившиеся в толщах земной коры в виде окаменелостей, которые позволяют нам составить довольно полное представление о том, какие растения и животные населяли поверхность Земли в минувшие времена, в течение так называемых геологических периодов, которых насчитывают одиннадцать с тех пор, как сформировалась органическая жизнь. И чем дальше отстоит данный период от современности, тем больше разница между формами свойственной ему органической жизни и современными.

Изучением форм этой минувшей жизни, их особенностей, условий существования и причин изменения — вымирания одних, развития и совершенствования других — занимается отрасль науки, называемая палеонтологией.

Ее изучают в некоторых высших школах. Но и каждому человеку интересно получить хотя бы общее представление о формах и условиях минувшей жизни. Эту задачу и попытался я решить в написанной мною

книжке и вне научно-фантастического романа. Можно было бы описать, как на плитках камня находят отпечатки растений и по отдельным листьям составляют себе представление о целом дереве или кусте; как из камня освобождают разные раковины, кораллы и остатки других морских беспозвоночных, очищают их и определяют их наименования; как выкапывают с большими предосторожностями кости позвоночных животных и составляют из них целые скелеты, по которым судят и о прежней внешности этих существ.

Но такие описания были бы очень длинны и скучны; они нужны только учащимся, будущим палеонтологам, а широкому кругу читателей не дали бы живого представления о прежних формах жизни. Поэтому я выбрал форму романа. Но как повести читателя в этот мир давно исчезнувших существ и обстановки, в которой они жили?

Я знаю только два романа, в которых сделана подобная попытка.

Один — это роман Жюля Верна «Путешествие к центру Земли», в котором ученые спускаются вглубь по жерлу одного из вулканов Исландии и находят подземные пустоты, населенные загадочными существами и исчезнувшими животными, описанными смутно. А обратно на поверхность ученые выплывают по жерлу другого вулкана на плоту по кипящей воде и, наконец, даже по расплавленной лаве.

Все это очень неправдоподобно.

Жерла вулканов — не открытая труба, идущая далеко вглубь, — они заполнены застывшей лавой; на плоту по кипящей воде, тем более по раскаленной лаве, плыть нельзя.

Геологические ошибки в этом романе побудили меня в 1915 году сочинить «Плутонию». До этого случая я еще ничего не писал для молодых читателей и не собирался этого делать.

Второй — роман Конан Дойля, в котором путешествующие по Южной Америке открывают высокое, очень трудно доступное плато, отрезанное от всей окружающей местности и населенное первобытными людьми, большими человекоподобными обезьянами и некоторыми исчезнувшими в других местах Земли животными. Забравшиеся на плато исследователи подвергаются разным приключениям.

Однако и в этом романе также много неправдоподобного; он знакомил читателя только с миром, близким к современному, и произвел на меня такое слабое впечатление, что я забыл его название, хотя читал его два раза и не очень давно, — гораздо позже, чем роман Жюля Верна.

Хороший научно-фантастический роман должен быть правдоподобен, должен внушать читателю убеждение, что все описываемые события при известных условиях могут иметь место, что в них нет ничего сверхъестественного, чудесного. Если в романе нагромождены разные чудеса — это уже не роман, а сказка для маленьких детей, которым можно рассказывать всякие небылицы.

Уже первые издания романа «Плутония» показали, что он удовлетворяет условию правдоподобности. Я получил от читателей немало писем, в которых одни серьезно спрашивали, почему не снаряжаются новые экспедиции в Плутонию для изучения подземного мира; другие предлагали себя в качестве членов будущих экспедиций; третьи интересовались дальнейшей судьбой путешественников, выведенных в романе. Поэтому в последнем издании «Плутонии» автору пришлось объяснить читателям в послесловии, что для того, чтобы познакомить их с животными и растениями нескольких минувших периодов в такой форме, как будто они существуют и в настоящее время где-то в недрах Земли, ему пришлось принять в качестве истины гипотезу, предложенную в начале прошлого века и серьезно обсуждавшуюся тогда учеными. Она подробно изложена в предпоследней главе («Научная беседа»), в которой организатор экспедиции защищает ее справедливость. В действительности же она уже давно отвергнута наукой.

Автор надеется, что и это издание «Плутонии», подобно прежним, побудит молодых читателей ближе познакомиться с геологией и заняться этой интересной наукой, которая выясняет состав и строение нашей планеты и рассказывает, какие растения и животные населяли ее в минувшие периоды, как они изменялись и сменяли друг друга, пока из среды животных не выдвинулось мыслящее существо — человек, ставший властелином Земли.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прочитав это описание необычайного путешествия в недра Земли, приключения шести отважных исследователей и их наблюдения над подземным миром, некоторые молодые читатели приходят к выводу, что все описанное автором является действительностью.

Автор получил уже немало писем от читателей «Плутонии», в которых они совершенно серьезно спрашивают, почему не снаряжаются новые экспедиции для исследования этого подземного мира, почему не найдено вторично и не изучено отверстие среди льдов Арктики, ведущее в недра Земли. Их интересует также дальнейшая судьба инициатора экспедиции Труханова и ее участников.

Поэтому автор в послесловии к новому изданию «Плутонии» должен объяснить, что путешествия в Плутонию никогда не было и быть не могло, потому что нигде в пределах Арктики и вообще на Земле нет такого отверстия, по которому люди могли бы спуститься в недра Земли. Хотя жерла вулканов представляют каналы, уходящие более или менее глубоко в земную кору, но у действующих вулканов они заполнены расплавленной лавой или горячими удушливыми газами, а у потухших вулканов забиты застывшей лавой.

Неправдоподобен поэтому известный роман Жюля Верна «Путешествие к центру Земли», в котором исследователи спускаются вглубь по жерлу одного из вулканов Исландии, а выносятся обратно на плоту по жер-

...одного из вулканов в Средиземном море. Очень ...ко описан в этом романе и подземный мир.

«Плутония» написана мною с целью дать нашим читателям возможно более правильное представление о природе минувших геологических периодов, о существовавших в те далекие времена животных и растениях в занимательной форме научно-фантастического романа. Для этого я воспользовался гипотезой, которая совершенно серьезно обсуждалась в заграничной научной литературе сто с лишним лет назад и имела многочисленных защитников. Они утверждали, что земной шар пустотелый, что недра его освещены маленьким светилом и населены. В главе «Научная беседа» эта гипотеза изложена подробно, и Труханов, конечно, защищает ее. Эта гипотеза давно уже отвергнута наукой, и хотя мы в точности еще не знаем, каково состояние земного ядра, но можно поручиться, что ни внутреннего светила, ни отверстия, ведущего в недра, не существует. Несмотря на это, указанная гипотеза показалась автору более подходящей для научно-фантастического романа, чем жерло вулкана, принятое Жюлем Верном.

Автор надеется, что это издание «Плутонии» побудит советскую молодежь ближе заинтересоваться геологией и поможет привлечь к изучению этой интересной науки, к исследованию земных глубин, ископаемых богатств и остатков исчезнувших животных и растений новые силы, необходимые для дальнейшего развития и успеха советской науки о Земле и ее истории.

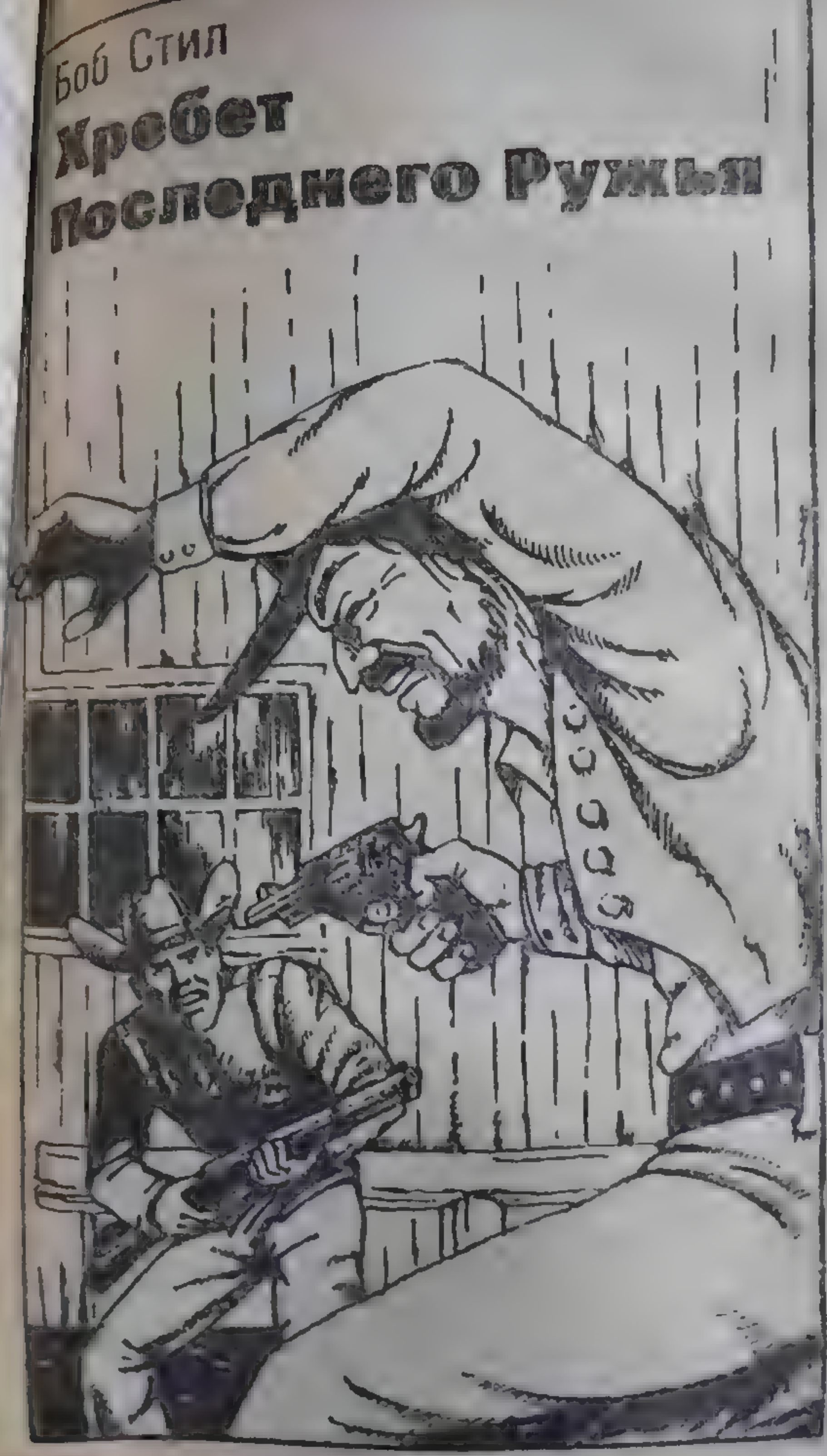
Русские путешественники и ученые открыли уже немало местонахождений исчезнувших животных и растений в различных частях нашей обширной Родины. Нельзя не упомянуть открытия профессором В. П. Амалицким богатых остатков пермских пресмыкающихся, хищных и травоядных, в красных песчаниках берегов Северной Двины; добытые там кости, в виде полных скелетов, выставлены в Палеонтологическом музее в Москве. Академик А. А. Борисяк открыл в третичных отложениях Тургайской области остатки самого крупного из травоядных млекопитающих, получившего название индрикотерия, по имени сказочного зверя индрика. В Северной Сибири русские ученые открыли трупы мамонтов с кожей, шерстью и внутренностями, сохранившиеся в вечномерзлых четвертичных отложениях.

В [illegible]дках пустыни Гоби в Монголии я обнаружил [illegible]сорога, чем было доказано, что впадины этой обширной области не были заняты морем, как предполагали иностранные ученые. За последние тридцать пять лет экспедиции Палеонтологического института Академии наук СССР, изучавшие впадины Гоби в Центральной Азии, нашли в их отложениях очень богатую фауну черепах, земноводных, пресмыкающихся, млекопитающих и птиц разных эпох мелового и третичного периодов, а также стволы крупных деревьев, показавшие, что в течение этих периодов впадины не представляли пустынь и полупустынь, как в настоящее время, а содержали многочисленные озера и леса с разнообразной фауной и флорой. На берегах Амура А. Н. Криштофович обнаружил остатки огромного мелового пресмыкающегося, украшающие теперь Геологический музей в Ленинграде. Остатки низших животных, кораллов, разных моллюсков, иглокожих, ракообразных, листьев, коры, стволов растений разного геологического возраста, собранных нашими учеными, находятся в музеях многих университетов и геологических институтов Советского Союза.

ВЕСТЕРН ПЛЮС ДЕТЕКТИВ

Боб Стил

Хребет последнего Рунья



ВЕСТЕРН плюс ДЕТЕКТИВ

Гордон Д.Ширрефс

Поезд из Гам-Хилла

Боб Стил

Хребет

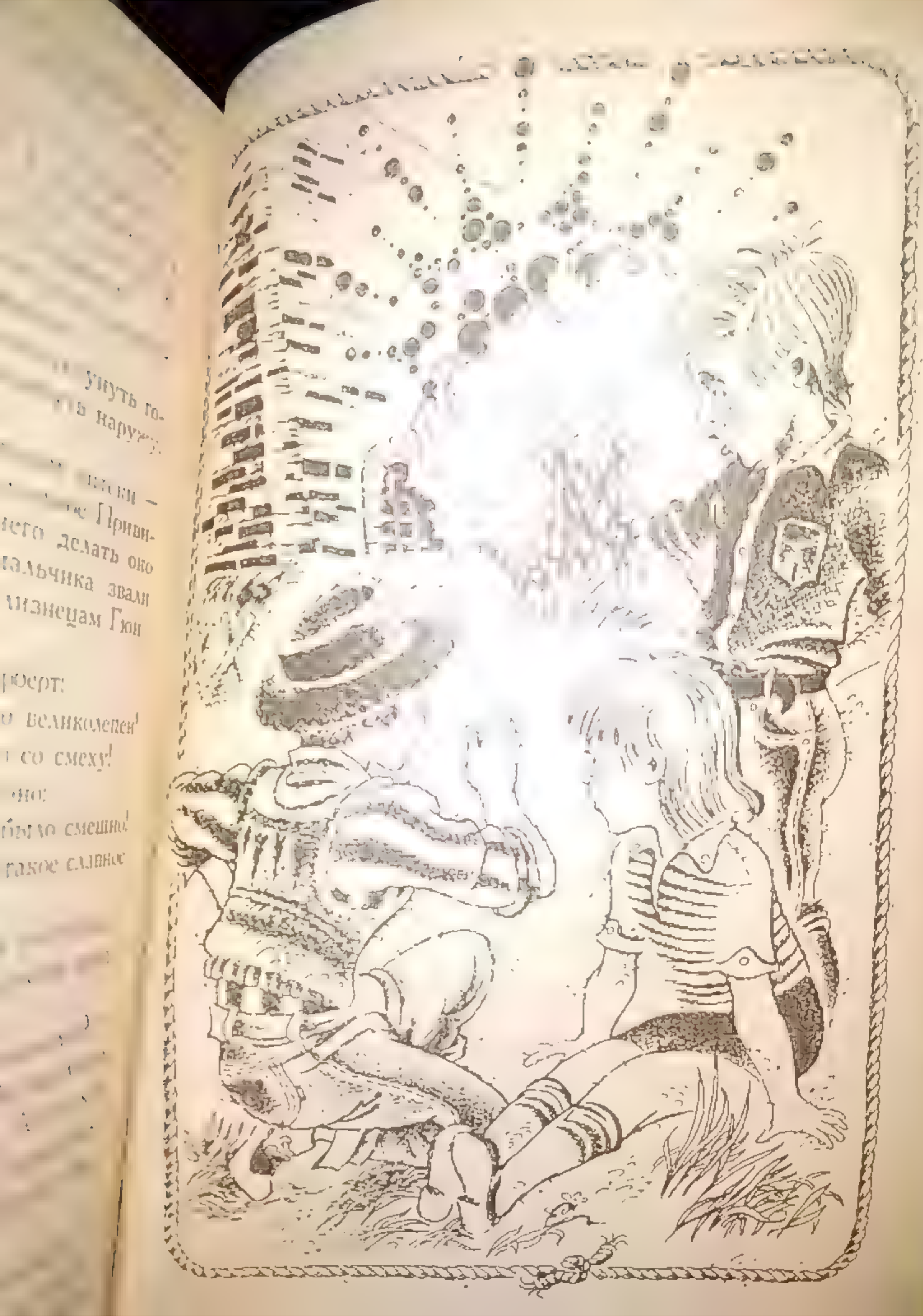
Последнего Ружья

Владимир Безымянный

Загадка аквалангиста

Харьков
«ОСНОВА»
1992

Новосибирск
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Сибирское отделение
«МАНГАЗЕЯ»
1993



КЛАССИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

- ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ
- ДЕНЬ, КОГДА ИСЧЕЗЛИ ДЕТИ
- ТОРГОВЦЫ НАРКОТИКАМИ
- ВЫСТРЕЛЫ В РЕСТОРАНЕ СЫРАНО

ЖЮЛЬЕТТА БЕНЦОНИ

Марианна

Себастьяно

В огненном кольце

Саратов
Региональное Приволжское издательство
«Детская книга»
1993

«Любовь моя, сокровище,
Откуда ты, откуда?!
Прекрасное чудовище,
Чудовищное чудо...»

Первая строчка
этих стихов дала название книге
Наталии Кравченко

«ЛЮБОВЬ МОЯ, СОКРОВИЩЕ...»

Это книга об ожидании, предвкушении и счастье любви. Искренность, исповедальность и трепетность интонации создают ауру, которой отличается истинная поэзия.

Вечное противостояние духовного и корыстного, особенно обострившееся сейчас, когда наша культура нагло попирается новыми хозяевами жизни,— вот проблемы, которые волнуют автора.

Стихи не перескажешь. Судите сами. Вот кредо поэта:

В тихой мелодии мирозданья,
Где вплетена нота жизни моей,
Способ единственный существованья —
Чтобы наш быт не пожрал бытие —

Жить попытаться октавою выше,
В музыке тайной искать забытьё.
Ноту — не вытянуть. Хоть бы услышать!
Недостижимое счастье мое...

Санаторий «СВЕТЛАНА»

На высокой террасе правого берега Волги, в живописной местности с прекрасным видом на волжские просторы разместился санаторий «Светлана». Санаторий располагает всеми необходимыми лечебно-диагностическими кабинетами и лабораториями.

На его территории функционируют две скважины с хлоридно-натриевой водой для наружного применения и питьевой водой типа «Миргородской».

Санаторий «Светлана» двухпрофильный. В гастроэнтерологическом отделении проходят лечение больные, страдающие язвенной болезнью желудка, 12-перстной кишки, хроническими гастритами, заболеваниями печени, желчевыводящих путей, хроническими колитами. В кардиологическом — страдающие ишемической болезнью сердца, гипертонической болезнью, хроническими ревматическими заболеваниями сердца.

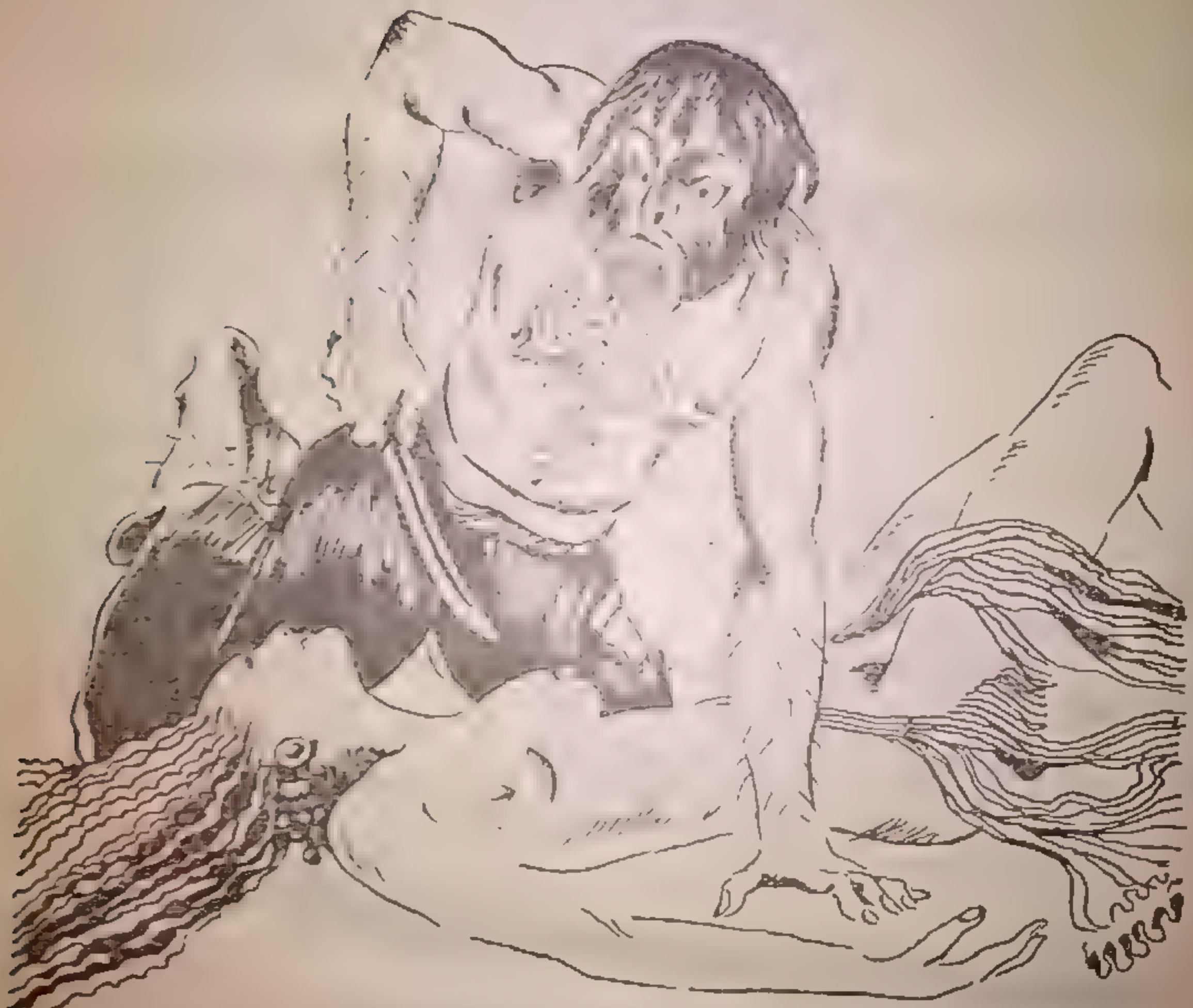
В летнее время на базе гастроэнтерологического отделения открывается отделение для родителей с детьми.

В санатории проводится комплексное лечение:

1. диетотерапия (лечение питанием): диеты № 1, 2, 5, 9, 10;
2. климатолечение: солнечные, воздушные ванны, сон на свежем воздухе, купание в реке. УГГ, лечебная дозированная ходьба, гимнастика;
3. водные процедуры: естественные минеральные ванны — бромно-борные; искусственные — хвойные, углекислые, жемчужные; души — циркулярный душ Шарко, дождевой, подводный душ; массаж;
4. физиотерапевтические процедуры — электрофорез с лекарственными веществами, д'арсанвализация, УВЧ, синусоидальные модулированные токи и т. д.;
5. грязе-озокеритолечение;
6. массаж;
7. аэрофитотерапия;
8. траволечение (желчегонный сбор, желудочно-кишечный, сердечно-сосудистый, отхаркивающий);
9. прием минеральной воды «Светлановская»;
10. промывание желудка, кишечника, микроклизмы с лекарственными веществами, травами;
11. дуоденальное зондирование с последующим промыванием желчного пузыря;
12. кислородотерапия;
13. ингаляции с минеральной водой, травами;
14. лазеротерапия (через 1 месяц);

Мариана

звезда для Наполеона



подбежали. С трудом высвободили его окровавленную руку из зубов матери. Она хранила глубокое молчание. Ее грубо оттолкнули. Голова ее тяжело ударилась о мостовую. Ее приподняли. Она упала снова. Она была мертва.

Палач, не выпуская девушку из рук, стал вновь взбираться по лестнице.

II. LA CREATURA BELLA BIANCO VESTITA (DANTE)[1]

Когда Квазимодо увидел, что келья опустела, что цыганки там нет, что, пока он защищал ее, она была похищена, он вцепился себе в волосы и затопал ногами от неожиданности и горя. Затем принялся бегать по всей церкви, разыскивая цыганку, испуская нечеловеческие вопли, усеивая плиты собора своими рыжими волосами. Это было как раз в то мгновенье, когда королевские стрелки победно вступили в собор и тоже принялись за поиски цыганки. Бедняга глухой помогал им, не подозревая об их намерениях; он полагал, что врагами цыганки были эрудиты. Он сам повел Тристана-Отшельника по всем уголкам собора, он отворил ему все потайные двери, проводил его за алтарь и во внутренние помещения ризниц. Если бы несчастная еще находилась в храме, он предал бы ее.

Когда утомленный бесплодными поисками Тристан, наконец, отступился,— а отступался он не так-то легко, Квазимодо продолжал искать один. Он двадцать раз, сто раз обежал собор вдоль и поперек, сверху и донизу, то взбираясь, то сбегая по лестницам, зовя, крича, обнюхивая, обшаривая, обыскивая, просовывая голову во все щели, освещая факелом каждый свод, отчаявшийся, безумный. Самец, потерявший самку, не мог бы рычать громче и свирепей. Наконец, когда он убедился, и убедился окончательно, что Эсмеральды нет, что все кончено, что ее украли у него, он медленно стал подниматься по башенной лестнице, той самой лестнице, по которой он с таким торжеством, с таким восторгом взбежал в тот день, когда спас ее. Он про-

[1] Прекрасное создание в белой одежде (Данте) *(итал.)*.

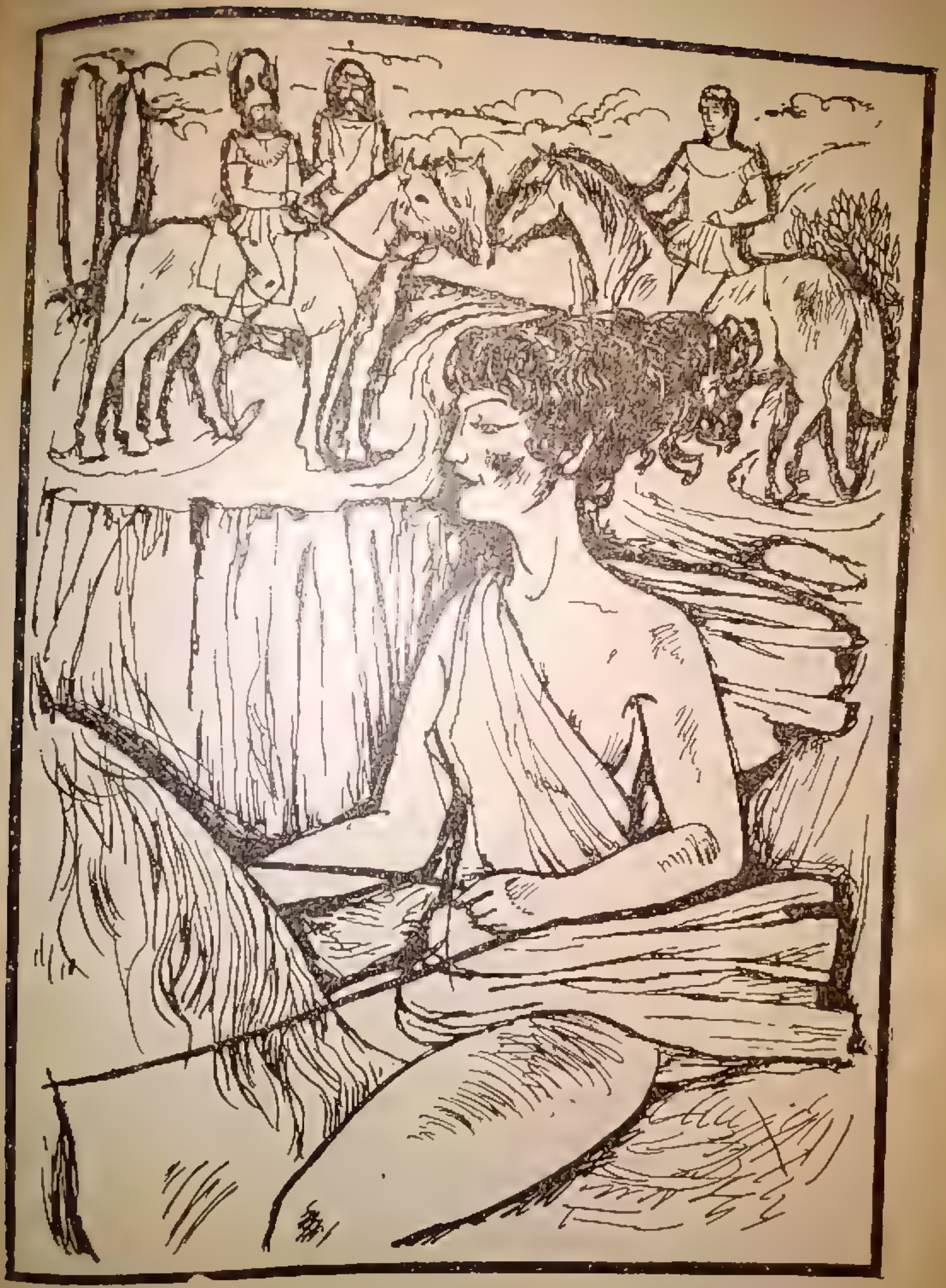
ИВАН АНТОНОВИЧ ЕФРЕМОВ

Таис Афинская

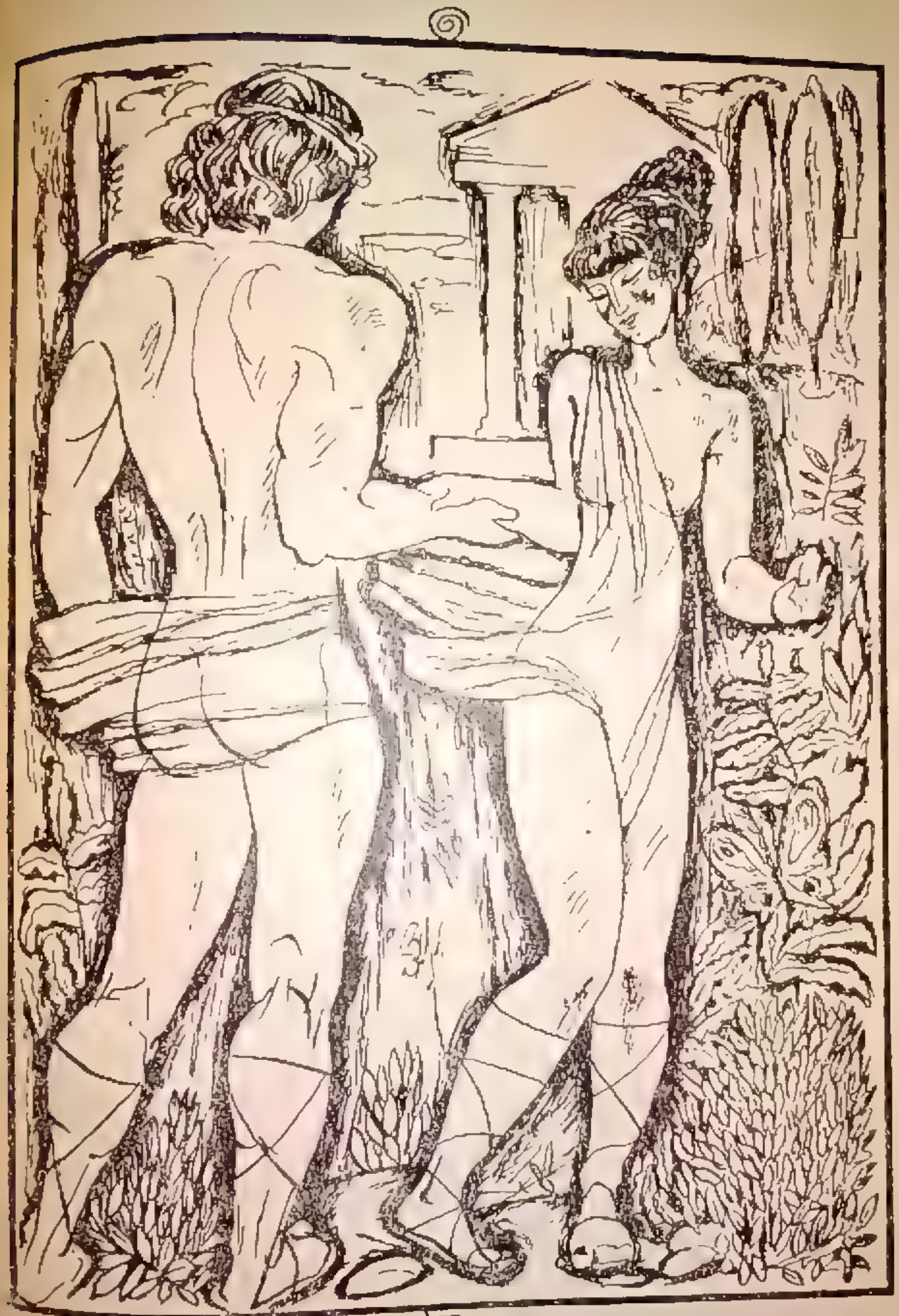
Исторический роман

Редактор
К. И. Бойцова
Художник
В. А. Биджелов
Художественный редактор
У. К. Канукова
Технический редактор
А. В. Ядыкина
Корректор
А. Х. Агасян
ИБ № 1205

Сдано в набор и подписано к печати 24.10.84. Формат бумаги 60x90 1/16. Бум. тип. № 2. Гарн. шрифта литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 25,5. Усл. кр.-отт. 26,18. Учетно-изд. листов 27,61. Тираж 270000 экз. (8-й завод 240001—270000 экз.) Заказ № 370. Цена 1 руб. 90 коп.
Издательство «Ир» Государственного комитета Северо-Осетинской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 362040, г. Орджоникидзе, ул. Димитрова, 2.
Книжная типография Государственного комитета Северо-Осетинской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 362011, г. Орджоникидзе, ул. Тельмана, 16.



ИВАН ЕФРЕМОВ
ТАИС



СПРАВКА ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

I. Все древнегреческие слова и имена, за малым исключением, следует произносить с ударением на предпоследнем слоге. В двусложных словах и именах ударение ставится, собственно, на первом слоге: Та́ис, Эрис. Исключения большей частью кажущиеся: в русифицированных или латинизированных словах: гоплит (гопли́тос), Алекса́ндр (Алекса́ндрос), Менеде́м (Менеде́мос), Неа́рх (Неа́рхос), где сняты греческие окончания.

II. Эллинский Новый год — в первое новолуние после летнего солнцестояния, то есть в первую декаду июля.

Календарь по олимпиадам начинается с первой олимпиады в 776 г. до н. э., по четыре года на каждую олимпиаду. Годы называются по олимпиадам от первого до четвертого первый год 75 й олимпиады — 480 г. до н. э. Чтобы перевести счет по олимпиадам на наш, надо помнить, что каждый греческий год соответствует второй половине совпадающего нашего года и первой половине следующего за ним. Надо умножить число прошедших олимпиад на 4, прибавить уменьшенное на единицу число лет текущей олимпиады и полученную сумму вычесть из 776, если событие произошло осенью или зимой, и из 775, если весной и летом.

Перечень аттических месяцев года:

Лето.

1. Гекатомбейон (середина июля — середина августа).
2. Метагейтнион (август — первая половина сентября).
3. Боэдромион (сентябрь — первая половина октября).

Осень.

4. Пюанепсион (октябрь — первая половина ноября)
5. Маймактерион (ноябрь — первая половина декабря).
6. Посидеон (декабрь — первая половина января).

Зима.

7. Гамелион (январь — первая половина февраля).
8. Антестерион (февраль — первая половина марта).
9. Элафеболион (март — первая половина апреля).

Весна.

10. Мунихион (апрель — первая половина мая)
11. Таргелион (май — первая половина июня).
12. Скирофорион (июнь — первая половина июля).

III. Некоторые меры и денежные единицы.

Стадия длинная — 178 м; олимпийская — 185 м; египетский схен, равный персидскому парасангу,— 30 стадий, около 5 км; плетр — 31 м; оргия — 185 см; пекис (локоть) — 0,46 м; подес (ступня) — 0,3 м; палайста (ладонь) — около 7 см; эпидама, равная 3 палайстам,— 23 см; кондилос, равный 2 дактилам (пальцам),— около 4 см.

Талант — вес в 26 кг, мина — 437 г; денежные единицы: талант — 100 мин, мина — 60 драхм.

Распространенные аттические монеты: серебряная дидрахма (2 драхмы) равна золотому персидскому дарику. Тетрадрахма (4 драхмы) с изображением совы Афины — главная аттическая расчетная единица (в серебре, золо-

то вошло в обращение в эпоху Александра, когда ценность таланта и драхмы сильно упала).

Меры жидкости — хоэс (кувшин) — около 3 с небольшим литров; котиле (котелок) — около 0,3 литра.

IV. Гречéское приветствие «Хайре!» («Радуйся!») соответствует нашему «Здравствуй!». На прощание говорили или «Хайре!», или, при ожидаемой длительной разлуке, «Гелиайне!». «Будь здоров!» (в нашем просторечии: «Ну, бывай здоров!»).

5
13515
1081

М. ГОРЬКИЙ

ДЕТСТВО

•

В ЛЮДЯХ

•

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Для младшего и среднего школьного возраста

Юрий Карлович Олеша

ТРИ ТОЛСТЯКА

Роман для детей

Редактор В. А. Блинов. Художник С. Терещенко. Художественный редактор В. Б. Осипов. Технический редактор А. Н. Вишнева. Корректоры А. А. Надуткина, М. М. Лужикова.

ИБ № 1423

Сдано в набор 19.04.90. Подписано к печати 23.05.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,82. Уч.-изд. л. 6,38. Тираж 200 000. Заказ № 4787. Цена 40 коп. Коми книжное издательство. 167610, г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, 229.

Головное предприятие Коми республиканского полиграфического производственного объединения. 167610, Сыктывкар, ул. Первомайская, 70.

ЮРИЙ ОЛЕША

ТРИ ТОЛСТЯКА

XXXI. Монастырь кармелиток в Бетюне 625
XXXII. Две разновидности демонов 638
XXXIII. Последняя капля 644
XXXIV. Человек в красном плаще 658
XXXV. Суд 663
XXXVI. Казнь 671
Заключение 677
Эпилог 686

М. Трескунов. «Три мушкетера» Александра Дюма 688

„ТРИ МУШКЕТЕРА“

АЛЕКСАНДРА ДЮМА

I

Александр Дюма-отец (называемый так в отличие от своего сына, тоже писателя Александра Дюма) родился в 1803 году в маленьком городке Виллер-Котре, расположенном близ Парижа. Отец его был генералом, сражавшимся в рядах республиканской армии; дед писателя, маркиз Дави де Ля Пайетри, был богатым колониальным помещиком, женившимся на своей рабыне-негритянке.

Генерал Дюма, будучи убежденным республиканцем, впал в немилость при Наполеоне и вышел в отставку. Он умер в 1803 году, оставив свою семью совершенно необеспеченной.

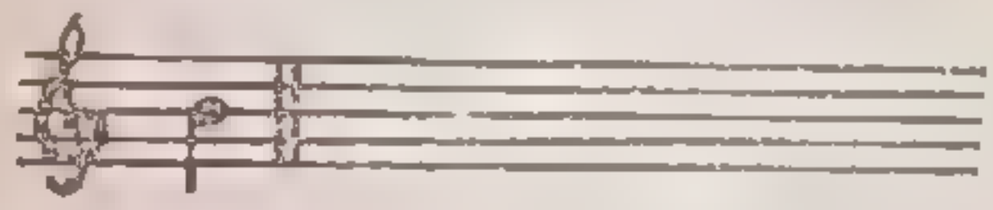
После нескольких лет обучения в местной школе Дюма мальчиком принужден был начать трудовую жизнь в качестве писца у нотариуса в Виллер-Котре. Усердное чтение восполнило его скудное образование, и оно же, очевидно, заронило в его сердце мечту о литературной славе. В 1822 году Дюма переселяется в Париж, где при содействии друзей отца ему удается получить скромную должность в канцелярии герцога Орлеанского. После трех лет упорного труда и усиленного чтения произведений Шекспира, Мольера, Гёте, Шиллера, Вальтера Скотта Дюма начинает свой писательский путь небольшим сбор-

во главе своей бродячей стаи летит домой. За полмили я уже мог расслышать довольный крик, означавший: «Все благополучно, летите дальше!»

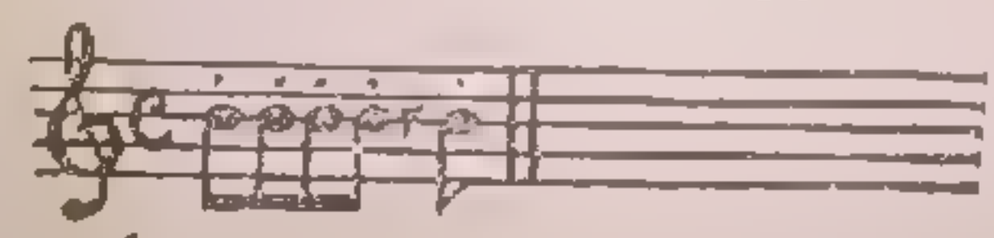
«Кар, кар!» — кричал Серебряное Пятнышко, и его помощник вторил ему в тылу стаи. Они летели низко, так как наверху был сильный ветер. Но мост, на котором я стоял, заставил их подняться выше. Серебряное Пятнышко увидел меня, и ему не понравилось, что я пристально за ним наблюдаю. Он задержал свой полет, крикнул: «Кар!», что означало: «Будьте настороже!» —

и тотчас же поднялся выше.

Но, заметив, что я не вооружен, он пролетел над самой моей головой, и все остальные вороны проделали то же самое. Пролетев мост, стая спустилась на прежний уровень.

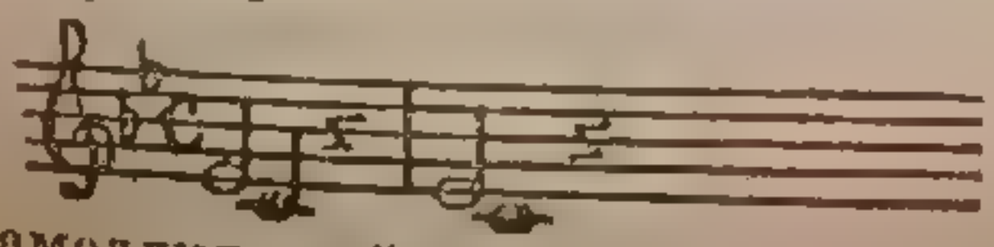


На следующий день я пошел на то же самое место и остановился на мосту. Когда вороны приблизились, я поднял свою палку и сделал вид, что прицеливаюсь в них. Старый предводитель тотчас же криком предупредил их об опасности. Он как будто крикнул им: «Берегитесь — ружье!»



Его помощник повторил этот крик, и каждая ворона в стае тотчас же отделилась от прочих и полетела вверх, пока все не очутились вне выстрела. Перелетев через опасное место, они снова спустились под защиту долины, где считали себя в безопасности.

В другой раз, когда растянувшаяся стая пролетала над долиной, на дерево, близко стоявшее у намеченного им пути, спустился краснохвостый ястреб. Старый ворон моментально крикнул: «Ястреб! Ястреб!» —



и замедлил свой полет. То же самое сделала каж-

Иностранная литература

БИБЛИОТЕКА ПОДРОСТКА
TEEN-AGER

Э. СЕТОН — ТОМПСОН

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Бондарев. Незакатная звезда 5
Ю. Прокушев. Прозрения гения 7
С. Есенин. О себе 23

Стихотворения

1910—1925

I

«Вот уж вечер. Роса...» 25
«Там, где капустные грядки...» 26
«Поет зима — аукает...» 27
«Под венком лесной ромашки...» 28
«Темна ноченька, не спится...» 29
«Хороша была Танюша, краше не было в селе...» 30
«За горами, за желтыми дóлами...» 31
«Опять раскинулся узорно...» 32
«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» 33
Подражанье песне... 34
«Выткался на озере алый свет зари...» 35
«Матушка в Купальницу по лесу ходила...» 36
«Зашумели над затоном тростники...» 37
«Троицыно утро, утренний канон...» 38
«Туча кружево в роще связала...» 39
«Дымом половодье...» 40
«Сыплет черемуха снегом...» 41
«На плетнях висят баранки...» 42
Калики 43

С
К 28

Кассиль Л. А.

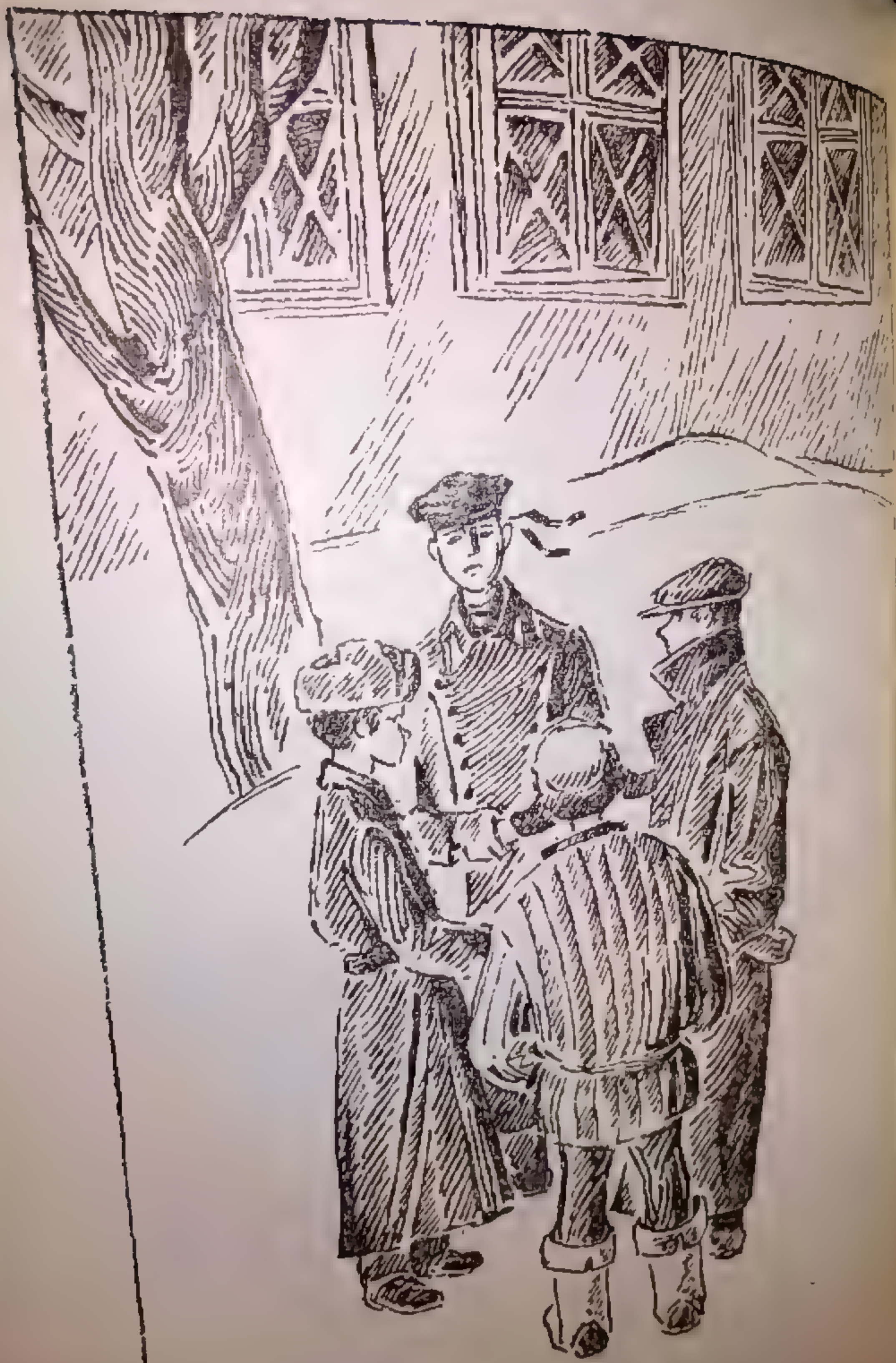
К 28. Повести. Рассказы М.; Правда, 1979. 464 с.

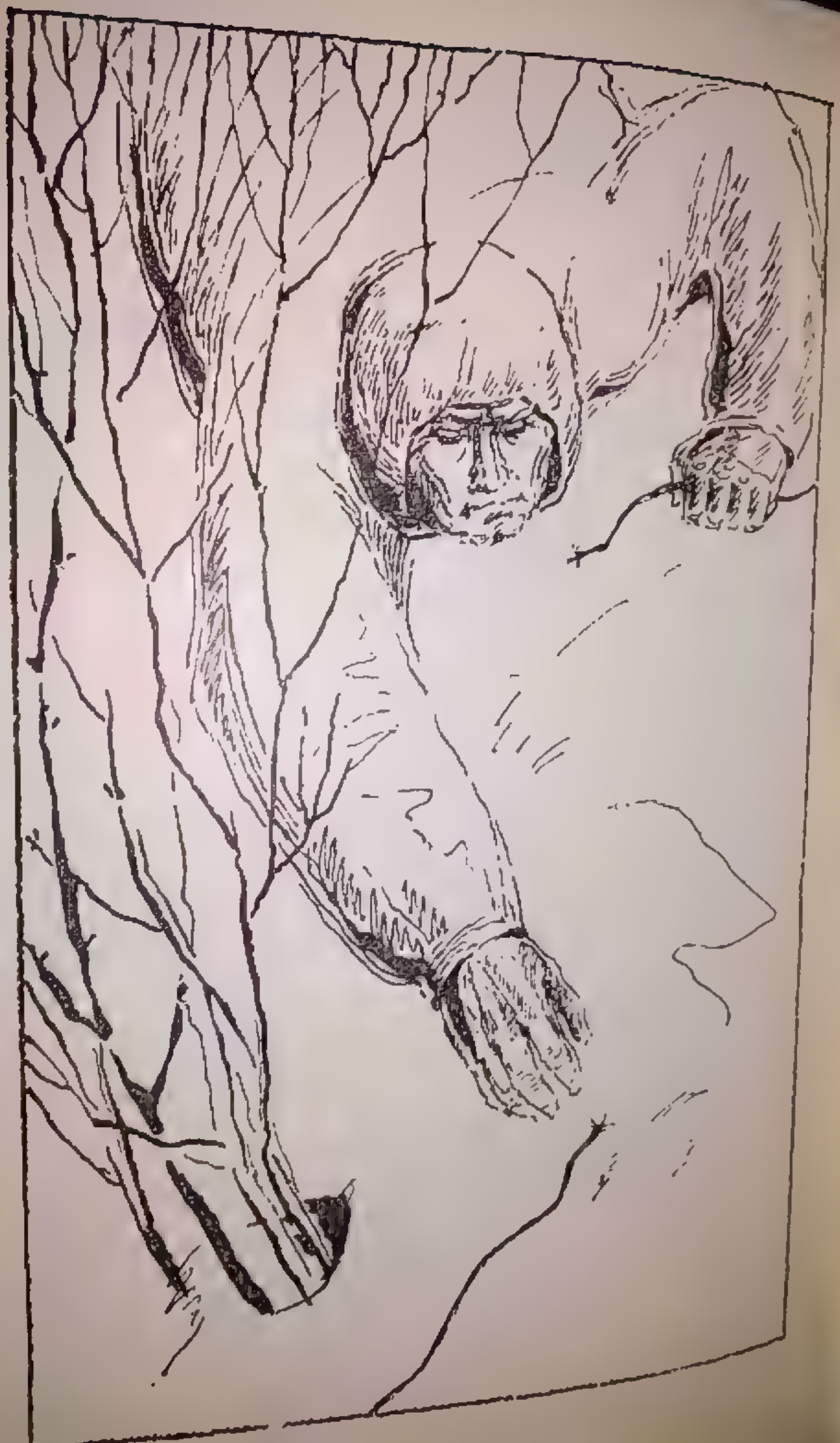
ИСБН

В данное издание вошли две самых популярных по-
вести советского писателя Л. Кассиля «Кондит
Швамбрания» и «Дорогие мои мальчишки», а также
цикл рассказов «Линия связи».

К $\frac{70302-228}{080(02)-79}$ 79 4702010200

© Издательство «Правда». Составление 1979.





Лев Абрамович КАССИЛЬ

КОНДУИТ И ШВАМБРАНИЯ

ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ

ЛИНИЯ СВЯЗИ

Редактор
Н. Н. Ермолаева

Оформление художников
А. В. Озеревской, А. Т. Яковлева

Художественный редактор
Е. М. Борисова

Технический редактор
К. И. Заботина

Сдано в набор 16.11.78. Подписано к печати 02.01.79. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тифдручная № 1. Гарнитура «Латинская». Печать высокая Усл. печ. л. 24,36. Уч-изд. л. 23,76. Тираж 150 000 экз. Цена 1 р 80 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47. ГСП, ул. «Правды», 24.

Отпечатано на полиграфкомбинате имени Я. Коласа.
г. Минск, ул. Красная, 23.
Заказ № 2211.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

84.34 Фр.
В35

Перевод с французского
А. БЕКЕТОВОЙ

Художник
Б. А. АНИКИН

Верн Ж.

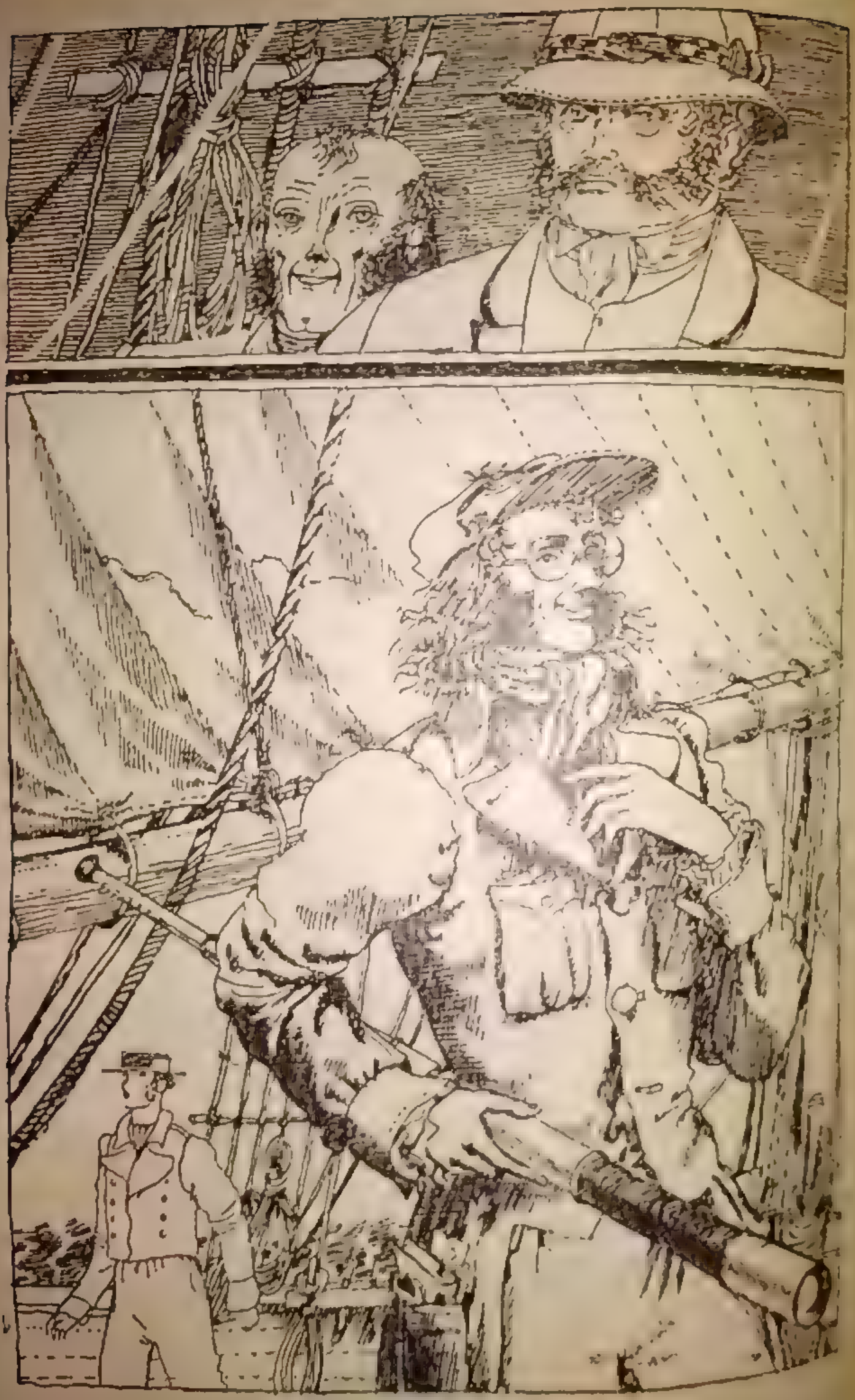
В35 Дети капитана Гранта: Роман.— Л.: Лениздат, 1985.—575 с., ил.

Переиздание известного романа французского писателя-фантаста. Герои путешествуют по трем океанам, разыскивая потерпевшего кораблекрушение шотландского патриота—капитана Гранта. В произведении широко развернуты картины природы и жизни людей в различных частях света.

В $\frac{4703000000—178}{М171(03)—85}$ без объявл.

84.34 Фр.

© Оформление, Лениздат, 1985



СОДЕРЖАНИЕ

Поднятая целина

Книга первая 3
Книга вторая 312
К. И. Прийма. Книга, преобразующая мир 658

Михаил Александрович ШОЛОХОВ

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

Роман в двух книгах

Редактор *В. В. Безбожный*
Оформление серии *В. М. Бакланова*
Художественный редактор *З. А. Лазаревич*
Технический редактор *Л. М. Криволапова*
Корректоры *В. Н. Пономарева,*
О. И. Антюфеева, Е. Е. Агафонова

ИБ № 1414

Сдано в набор 20.12.84. Подписано в печать 02.04.85. Формат 84x108¹/₃₂. Бум. кн.-журн. Гарнитура обыкн. новая. Фотонабор. Высокая печать. Усл. п. л. 35,28 + вкл. = 37,06. Уч.-изд. л. 39,04 + вкл. = 42,38. Тираж 100 000. Заказ 254. Цена 1 руб. 80 коп.

Ростовское книжное издательство. 344706, Ростов-на-Дону, Красноармейская, 23. Типография им. М. И. Калинина Ростовского управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 344021, Ростов-на-Дону, 1-я Советская, 57. Вклейки отпечатаны на фабрике цветной печати им. Ильича Ростовского управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 344040. Ростов-на-Дону, Энгельса, 18.

тиражами издали «Тихий Дон» и «Поднятую целину». Барселонское издательство «Планета» в своей листовке-рекламе писало: «Шолохов сумел показать миру русского человека — донского казака, ввергнутого в великое историческое потрясение», и «он сделал это с точностью, с пониманием, как это умеют делать только гениальные художники», ибо «наступило новое время — большевизм, коллективизация, коммунизм — как последствия великого переворота, самого большого после введения христианства, как историческое изменение, которое представляет собой Октябрьская революция...»

1981 год для Китая знаменателен решительным поворотом на идейно-литературном фронте: в вузовские программы включено изучение творчества М. Горького, М. Шолохова, А. Фадеева, Н. Островского; издается собрание сочинений М. Горького в 30-ти томах; вновь изданы переводы «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Судьбы человека» М. Шолохова; в издательстве Пекинского университета вышел в свет большой том «Материалы по изучению Шолохова», содержащий как высказывания о творчестве писателя крупнейших художников слова — Роллана, Горького, Серафимовича, Фадеева, Федина, Зегерс, — так и работы советских шолоховедов — Л. Якименко, К. Приймы, Ф. Бирюкова и др.» (см.: Вопросы литературы, 1984, № 1, с. 100).

Роман «Поднятая целина» во всем мире продемонстрировал жизненность и силу метода социалистического реализма, оказав плодотворное воздействие на писателей в странах социализма, во всем мире и на миллионы читателей нашей планеты.

У нас и за рубежом созданы крупные исследования о величии и значении творчества М. А. Шолохова в истории советской и мировой литературы.

Выдающиеся современники — политические и общественные деятели, писатели, литературоведы – рассматривают «Тихий Дон» и «Поднятую целину», «Судьбу человека» и «Они сражались за Родину» М. А. Шолохова как классику социалистического реализма, как «послание надежды всем тем, кто в различных местах Земли ведет борьбу за свободу народных масс и независимость своей родины» (Хесус Фариа), как выражение великих идей гуманизма и Правды в беспокойном XX веке.

К. И. Прийма

СОДЕРЖАНИЕ

М. Шевердин. Сказка! 3
Три богатыря. *Перевод С. Паластрова* 5
Эгры и Тугры. *Перевод Л. Сацердотовой* 15
Горючий камень. *Перевод Н. Ивашева* 18
Хуснобад. *Перевод Л. Сацердотовой* 20
Сегодняшний гнев оставь на завтра. *Перевод И. Шевердиной* . . 30
Тахир и Зухра. *Перевод Н. Ярилина* 32
Батрак и бай. *Перевод М. Шевердина* 42
Фархад и Ширин. *Перевод И. Шевердиной* 47
Рогатый Искандер. *Перевод М. Шевердина* 54
«Бей, дубинка!» *Перевод С. Паластрова* 56
Гюли. *Перевод М. Шевердина* 60
Ум и золото. *Перевод И. Шевердиной* 66
Жестокий шах. *Перевод С. Паластрова* 69
Кувшин-Силач. *Перевод М. Шевердина* 73
Страна Сусамбиль. *Перевод С. Паластрова и М. Шевердина* . . 74
Ветер и сон. *Перевод И. Шевердиной* 81
Дочь дровосека. *Перевод И. Шевердиной* 82
Кашмирский волшебник. *Перевод М. Шевердина* 89
Мукбил-метатель. *Перевод Н. Ивашева* 91
Хитрая перепелка. *Перевод М. Шевердина* 97
Неграмотный предсказатель. *Перевод М. Шевердина* 100
Дочка-умница. *Перевод М. Шевердина* 113
Тульганой (Сказка-быль). *Перевод М. Шевердина* 115
Бай и казий. *Перевод Л. Сацердотовой* 121
Кошка со светильником. *Перевод Н. Ивашева* 123
Бедняк и хан. *Перевод С. Паластрова* 126
Лиса и волк. *Перевод Л. Сацердотовой* 131
В трех неправдах по сорок небылиц. *Перевод М. Шевердина* . . 135
Зумрад и Киммат. *Перевод А. Мордвилко* 140
Заветы отца. *Перевод М. Шевердина* 141
Воздушный дворец. *Перевод И. Шевердиной* 148
Соки-скряга и Боки-скряга. *Перевод И. Шевердиной* 150
Смелые джигиты. *Перевод М. Шевердина* 152
Мальчик с горошинку. *Перевод С. Паластрова* 161

Медведь-богатырь. *Перевод М. Шевердина* 167
Служанка. *Перевод И. Шевердиной* 178
Дочь бедняка. *Перевод М. Шевердина* 180
Дитя-царь. *Перевод И. Шевердиной* 195
Сладкоголосый соловей. *Перевод Л. Сацердотовой* 196
Насыр плешивый. *Перевод А. Мордвилко* 211
Удивительный ковер. *Перевод А. Мордвилко* 220
Приключения Мамата. *Перевод М. Шевердина* 224
Волшебный цветок Гулирайхон. *Перевод М. Шевердина* 233
«Реп-реп». *Перевод А. Сандель* 239
Сапожник и шах. *Перевод М. Шевердина* 242
Где же справедливость? *Перевод И. Шевердиной* 249

КАРАВАН ЧУДЕС

Узбекские народные сказки

ТАШКЕНТ
Издательство литературы и
искусства имени Гафура Гуляма
1984

Лажечников И. И.

Л 16 Внучка панцирного боярина. Роман. (Предисловие и комментарии В. Н. Соколова) — СПб, РИЦ «Культ-информ-пресс», СКФ «Человек», 1992.— 303 с.

ISBN 5-8392-0033-6

Первое после 1917 года издание исторического романа известного писателя, посвященного малоизвестным событиям польского восстания 1863 года.

Л $\frac{4702010201-020}{599(03)-92}$ без объявл. 47.2

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

Иван Иванович Лажечников по-настоящему явился советскому читателю почти через сто лет после смерти — вряд ли кто из искушенных читателей забыл бум, вызванный в самом начале шестидесятых «Последним Новиком». Нисколько не преувеличивая, можно утверждать, что появление новой волны в отечественной исторической литературе связано с новым явлением на литературном горизонте романов И. И. Лажечникова. Оттолкнувшись от блистательного «Ледяного дома», вышел на орбиту исторического романа В. Пикуль со « Словом и делом», и вспыхнул тогда интерес к темным местам истории нашего Отечества, искусно подогревавшийся книжным дефицитом и дефицитом настоящей свободы настоящего слова в огромной стране, жители которой едва не стали вечными строителями коммунистического далёка.

Но миновали годы, воцарилась гласность, хлынул поток запретной в недавнем прошлом литературы и рукописей «из стола», и такое мы узнали о своем давнем и недавнем прошлом, что волосы вставали дыбом даже у совершенно лысых людей.

Мы, почтенный читатель, стали свидетелями полной моральной и идеологической раскованности. Потоком идет на книжный прилавок то, что было арестовано и запрещено многие годы у нас; идет на прилавок и то, что было пятьдесят и дзадцать пять лет тому назад запрещено «у них» — начиная со злосчастного любовника леди Чаттерлей и кончая тропиком Рака вместе с Эммануэлью.

Нашел свою тесную щелочку в этих стройных рядах и наш Лажечников, пристроившийся в последние годы в книжных лавках не только с историческим отрывком «Колдун на Сухаревой башне», но и с большим романом «Басурман», который совсем еще недавно считался «идейно ущербным», так как «неверно трактовал» роль иностранцев в становлении культуры государства Российского и — о Боже! — задевал вопрос национальный, вещал о каких-то масонах... Нет, не будем лучше! Наверняка читатель, взявший в руки этот том, читал «Басурмана», а потому правильно поймет нас.

Итак, дорогой отечественный читатель, ты впервые берешь в руки современное издание «Внучки панцирного боярина». Давай попытаемся проследить, как и что говорилось о ней в разных изданиях, если вообще что-либо говорилось — чаще наши славные литературоведы делали вид, что нет просто такой книги у горячо любимого широкой читательской массой писателя.

1932 год, Литературная энциклопедия: «В конце своей жизни, в 60-х гг., Л. пишет... шовинистическую полонофобскую повесть „Внучка панцирного боярина“»;

1937 год, Большая советская энциклопедия: «Произведения последних лет жизни...(«Немного лет назад», «Внучка панцирного боярина») — значительно слабее первых романов»;

1967 год, Литературная энциклопедия: «Один из последних романов Л.— «Внучка панцирного боярина» — проникнут великодержавным шовинизмом»;

1977 год, М. Нечкина: «Однако к концу жизни он отошел от своих прогрессивных устремлений; один из последних романов Лажечникова — «Внучка панцирного боярина» (1868) — проникнут великодержавным шовинизмом».

Дальнейшее, как говаривал принц датский, молчание...

Гораздо подробнее и обстоятельнее высек «Внучку...» маститый С. А. Венгеров в большом критико-библиографическом очерке, посвященном творчеству И. И. Лажечникова. Процитируем его анализ: «Что сказать о другом романе Лажечникова — «Внучка панцирного боярина», в котором он старался задеть один из вопросов дня — именно вопрос польский? Лучше всего ничего не сказать. У каждого писателя есть свой а р с а а (промах, недосмотр автора, описка.— В. С.). У Белинского была «Бородинская годовщина» (и не только статья у Белинского — с таким же названием было и «великодержавно-шовинистическое» стихотворение у А. С. Пушкина! — В. С.). Простим же и Лажечникову его «Внучки панцирного боярина», писанную притом, однако же, в простоте душевной. В середине шестидесятых годов, под влиянием только что кончившегося польского восстания, почти во всем русском обществе господствовала узкая ненависть к полякам. Лажечников поддался ей, следовательно, забыл обязанность писателя стать выше предрассудков и слепых страстей — в этом его вина».

Так оценил роман в самом конце [illegible]ого века либеральный демократ С. А. Венгеров и... включил [illegible]брание сочинений писателя, изданное в 1899 году товарищес[illegible] М. О. Вольфа.

И не полонофобскими, не великодержавно-шовинистическими мотивами руководствуемся мы, предъявляя на суд читателя «идейно ущербное произведение». Довольно [illegible]ло навязано не только чужих оценок, но и — что самое стр[illegible]е — чужого выбора. Хватит создавать каждые три — пять л[illegible]мы, как это происходило, скажем, с Н. И. Бухариным: враг н[illegible]да — единственный верный ленинец — светлая личность — душитель искусства и прогресса — коммунистический изверг. Хватит пластичных, но всегда одномерных, сориентированных в одном [illegible] образов и фигур прошлого.

Если говорить честно, вряд ли кто из больших литераторов как века прошлого, так и нынешнего [illegible]ские моменты истории государства встать «выше предрас[illegible] и слепых страстей». Беда наша, нашей культуры в том, что мы [illegible] безжалостно вычеркивать из литературного контекста «неверные проявления», не укладывающиеся в прокрустово ложе «национального вопроса». Конечно, Лажечников во «Внучке...» (только ли в ней?) показал себя отчасти и шовинистом, но правы ли будем мы, распространив действие закона о недопустимости [illegible] в обратном направлении, назад во времени — и в [illegible] числю несколько имен: Пушкин, Гоголь, Достоевский, [illegible] Щедрин, Чехов... Ряд этот можно продолжать очень долго. Так [illegible] же, из всего сочиненного ими будем вычеркивать слова [illegible] лячишка», «жид», «безмозглый поляк», «пейсатый» и т. п., [illegible] Нет. Поместив Лажечникова в Пантеон русской исторической литературы, пусть и не по главному разряду, не следует обзывать его романы умными латинскими словами. А если уж и принимать такое определение, так только самому, после прочтения книжки.

«Польский вопрос» всегда был для России одним из самых острых — и для самодержавной, и для советской, и для нынешней, перестроечной и перестроенной. Это не только Лжедмитрий и Катынь, это и залихватское «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны!», это даже — даже! — Осип Мандельштам, стихотворение которого октября 1914 не могу не процитировать: «Поляки! Я не вижу смысла В безумном подвиге стрелков! Иль ворон заклюет орлов? Иль потечет обратно Висла? Или снега не будут больше Зимою покрывать ковыль? Или о Габсбургов костыль Пристало опираться Польше? И ты, славянская комета В своем блужданьи вековом, Рассыпалась чужим огнем, Сообщница чужого света!»

Естественно, не будем поднимать на щит патриотический порыв Мандельштама, который «справился с позой пророка, которую ему заблагорассудилось принять... Обращение его к австрийским полякам — великолепный риторический жест»,— язвил по этому поводу Георгий Иванов (1915 г.). Ведь и «Внучка...» Лажечникова тоже — риторический жест славного писателя, а не гнусное порождение отвратительного шовинистического монстра. И главное в романе — не плохие заговорщики, поднявшиеся с мечом на «русское дело», а череда идеальных характеров, прекрасных людей, добрых, чистых, отзывчивых, до невероятия честных, настолько, что даже всесторонне оправданное автором нарушение слова одним из героев не остается без наказания: отклонение от [illegible] нравственных норм недопустимо. Зло всегда должно быть наказано, справедливость обязана восторжествовать, а [illegible] предательства, если даже и совершается оно во [illegible] права на существование и всегда карается [illegible] палача, либо от угрызений собственной [illegible] наивный «патриотизм», и не [illegible], и не аморфное «русское дело» водили [illegible] писателя: Верность, Честь и Благородство — [illegible] триада. И не беда, что в те смутные и [illegible] вечным истинам приходилось рядиться в несколько [illegible] одежды текущего политического момента. Сейчас тому [illegible] примеров есть...

Уважаемый читатель, листая эти страницы, помни, что перед тобой — памятник литературы и истории. Не поддавайся первому взрыву своей благородно политизированной души. Приняв крещение, тысячу с лишним лет тому назад русские люди побросали старых идолов с днепровских круч в бурные воды. И укоренилось это дело в наших душах: с каждой сменой общественной формации, идеологии, внутреннего или внешнего политического курса или просто очередного суверена или вождя безоговорочно летят с государственных круч идолы и истуканы, и как-то забываем мы Книгу Книг: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли: не поклоняйся им и не служи им...» (Исход, 20, 4—5). И творим себе все новых и новых кумиров, меняя их иной раз на одном постаменте до трех штук... А об этом: не делай! — забываем в буднях великих переломов.

Так давайте же спокойно и отстраненно глянем, на фоне каких событий происходила век с четвертью тому назад история губернского масштаба, старательно описанная Иваном Ивановичем Лажечниковым.

За последовавшей в 1861 году «эмансипацией» — отменой крепостного права, революционная лихорадка охватила и Польшу,

окончательно утратившую национальную независимость в 1794 году и разделенную между Россией, Пруссией и Австрией. Еще в октябре 1861 года в Варшаве был образован Центральный народный комитет, принявший на себя руководство тайными организациями по всей стране. Комитет этот связался с группой революционно настроенных русских офицеров, изъявивших готовность принять участие в восстании против самодержавия. Людей этих ожидала страшная судьба: одни поплатились жизнью после раскрытия революционной организации в войсках в 1862 году, другие погибли в восстании, сражаясь на стороне поляков. В подпольной работе Комитет опирался и на «Колокол» Герцена, опубликовавший Манифест Центрального комитета: признание права крестьян на землю, которую они обрабатывают, и равноправие народов, населяющих Польшу.

Казалось, восстание готовилось по всем правилам: в Генуе была создана школа офицеров для польской революционной армии, за границей и в самом Царстве Польском (так называлась часть Польши, отошедшая к России после третьего раздела) шел усиленный сбор средств на закупку оружия. Первоначально восстание намечалось на середину 1862 года, но по совету русской военной организации его перенесли на лето следующего года. Это решение вызвало споры и раздоры в руководящих органах восстания, и в результате довольно жесткой борьбы возобладали сторонники радикального лидера, Мерославского. Восстание началось 22 января 1863 года. Сразу же появились декреты о передаче крестьянам земли в собственность и о наделении землей не владевших ею; отменялась барщина; земля отбиралась у помещиков за особый выкуп из средств общегосударственного займа. И вместе с тем Центральный комитет польских повстанцев обратился к Литве, Волыни, Подолии и Белоруссии с призывом присоединиться к восстанию, пообещав им не независимость, а всего лишь автономию в рамках восстанавливаемой «исторической» Польши.

В том же году развернулось крестьянское движение в Литве и Белоруссии, где действовало несколько очень серьезных повстанческих отрядов — Битиса, Пундаха, Лукашукаса, Сераковского и ксендза Мацкевича. И уж конечно многим из нас знаком легендарный крестьянский вождь Кастусь Калиновский, герой белорусского народа. (Вот, кстати, еще одна из фигур умолчания и ложной трактовки нашей «истории для народа». Усердно изображая К. Калиновского как «народного мстителя», популяризаторы истории выделывали невероятные пируэты с целью обойти стороной тот факт, что боролся он с царским самодержавием — на стороне польских повстанцев!)

Но массового крестьянского восстания боялись не только в России. Его боялось и Национальное польское правительство. Великодержавные устремления по отношению к украинскому, литовскому и белорусскому народам, а также обещания русской администрации провести земельную реформу в западных землях на лучших условиях, нежели это было сделано в России, в значительной мере сдерживали крестьянство от широкой войны.

Кроме того, несмотря на географическую обширность восставшей территории, действия повстанцев были крайне неудачны: отсутствие единства в руководстве, крупные политические разногласия между вождями, отсутствие надежной связи между отрядами, слабость военного руководства, нехватка оружия — все это самым несчастным образом отражалось на развитии восстания.

И все-таки восстани
несмотря на массу оши
отношению к другим на
освобождения Польши
ционного самоопределе
цать тысяч повстанцев
цатитысячной русской а
Но сила солому ло
под аккомпанемент раз
партиями «белых» и «к
ческими крыльями этих
Франковскими и Авейде
Кровавую точку в
равьев, губернатор Гро
стания в 1830—1831 год
ленским генерал-губерн
шесть северо-западных
получил два титула за
ный — графа и второй,
шатель. (Примечательн
1866 года, он становится
рия Каракозова и ста
пытки.)
Отношение к восста
если выражаться мягко
борьба, но под национа
Претензии повстанцев, т
странялись и на Литву, и
Подолию. Русские демо
народ, но и их не могли
стоит ли нам бросать к
Пушкин после очередног
писал: «Сбылось — и в д
на В проломы падшей вн
Во прах бросает стяг кро
Поэтому, ЗНАЯ, КА
в сторону историко-поли
тая, будем помнить осно
ленно против Закона со
на — подсудны деяния. А
вимся, и тем большая ист

И все-таки восстание держалось, и держалось потому лишь, что, несмотря на массу ошибок, разногласий и элементы шовинизма по отношению к другим народам, восстание это было поднято с целью освобождения Польши от царского гнета, это была попытка революционного самоопределения польского народа. И только потому двадцать тысяч повстанцев смогли полтора года противостоять стодвадцатитысячной русской армии.

Но сила солому ломит, и восстание пришло к печальному итогу под аккомпанемент раздоров в Национальном правительстве между партиями «белых» и «красных», между радикальными и демократическими крыльями этих партий, между Маевскими и Хмелинскими, Франковскими и Авейде, и так далее, и так далее...

Кровавую точку в восстании поставил знаменитый М. Н. Муравьев, губернатор Гродненской и Минской губерний во время восстания в 1830—1831 годов. В 1863 году (в 67 лет!) его назначают виленским генерал-губернатором с чрезвычайными полномочиями на шесть северо-западных губерний. Повесив Кастуся Калиновского, он получил два титула за жестокое подавление восстания: официальный — графа и второй, тот, под которым он вошел в историю,— Вешатель. (Примечательно, что перед самой своей смертью, в апреле 1866 года, он становится во главе верховной комиссии по делу Дмитрия Каракозова и старательно применяет во время следствия пытки.)

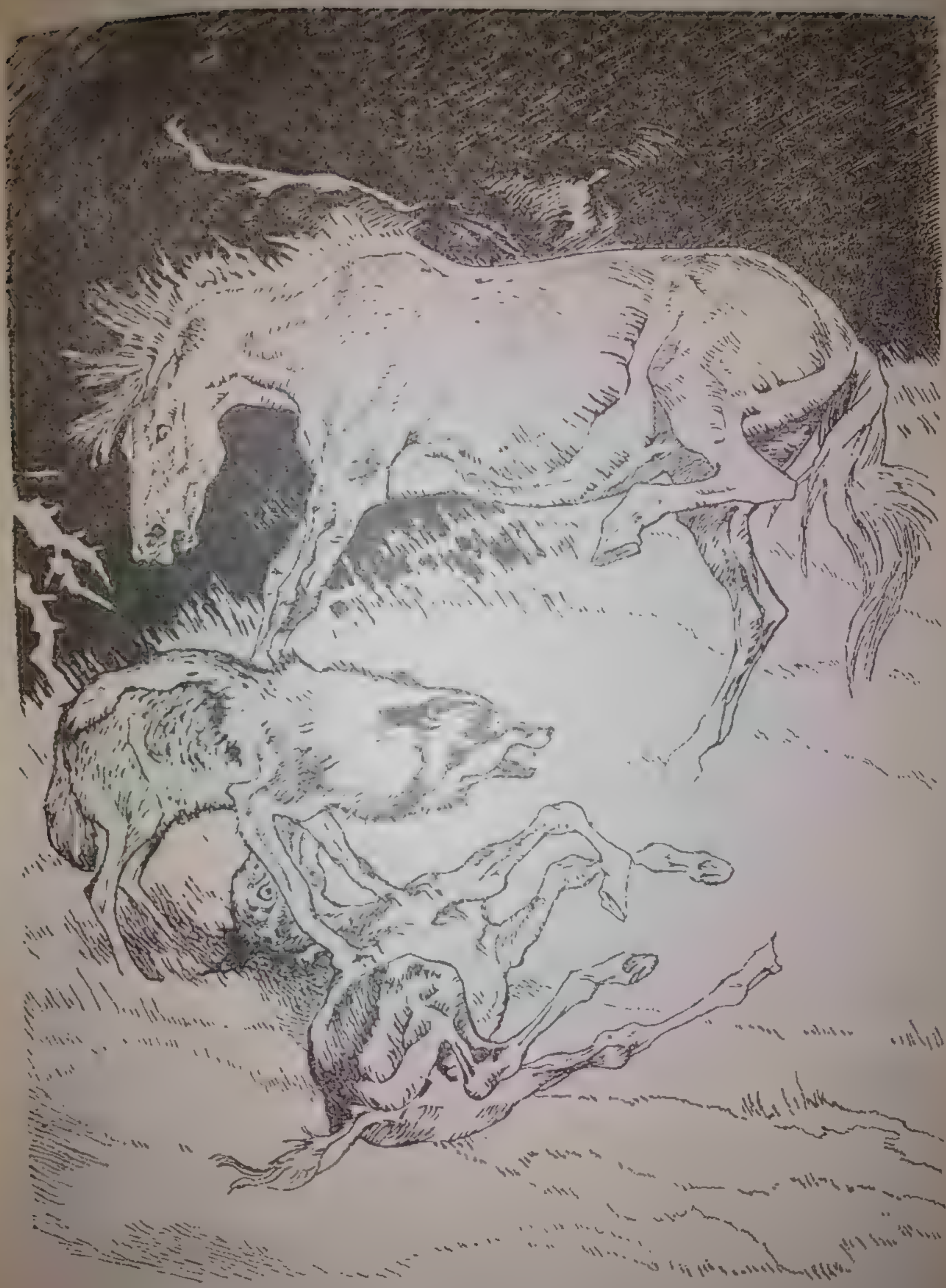
Отношение к восстанию 1863 года было в России двойственным, если выражаться мягко и осторожно. Это была освободительная борьба, но под националистическими, великодержавными стягами. Претензии повстанцев, требовавших национальной свободы, распространялись и на Литву, и на Западную Белоруссию, и на Волынь, и на Подолию. Русские демократы поддерживали восставший польский народ, но и их не могли не смущать проявления великопольства. Так стоит ли нам бросать камень в Лажечникова, когда сам великий Пушкин после очередного взятия восставшей Варшавы в 1831 году писал: «Сбылось — и в день Бородина Вновь наши вторглись знамена В проломы падшей вновь Варшавы; И Польша, как бегущий полк, Во прах бросает стяг кровавый — И бунт раздавленный умолк».

Поэтому, ЗНАЯ, КАК БЫЛО ВСЕ НА САМОМ ДЕЛЕ, отложим в сторону историко-политические эмоции и прочитаем книгу. И, читая, будем помнить основное правило настоящей демократии: мысленно против Закона согрешить нельзя. Никакая идея не подсудна — подсудны деяния. А чем больше мы знаем, тем мудрее становимся, и тем большая истина открывается нам.

Василий СОКОЛОВ

«Милая Адельгейда! Люблю тебя!» Буду произносить эти слова, как произносят их все люди, не понимая волшебного их смысла, не зная даже того голоса, каким надобно произносить их. «Люблю!» — говорить Адельгейде: «люблю», когда я только ею и существую, и если бы не было Адельгейды, так все равно, что одна половина меня ходила бы по петербургским тротуарам! Вот забавный был бы гуляка, Леонид! Вообрази себе половину туловища и головы, с одной рукой, с одной ногой, и этот урод прогуливается, смотрит одним глазом, нюхает табак, жмет руку знакомым. А между тем такие душевные уроды ходят вокруг нас, живут, говорят и никто не смеется над ними...»

Спрашиваю: что мог я сделать? Чем пособить моему другу? Я терялся в размышлениях. Лечить можно только то, на что известны лекарства; но целый мир лекарей до сих пор не умеет лечить душевных болезней. Бедные медики заботятся только о теле и производят опыты только над трупами телесными. Антиох был болен душою; но кто мог когда-нибудь разанатомировать труп души и сказать, чем можно пособить в той или другой душевной болезни? Меня утешала еще несколько мысль, что я не видел перемены ни в здоровье, ни в действиях Антиоха. Напротив, он расцвел, казалось, новым здоровьем, был весел, мил, одевался щегольски. Но он решительно не стал ходить никуда, кроме Шреккенфельда. Там, запершись с этим шарлатаном, просиживал он целые часы, или дома также запирался с ним. Они казались друзьями совершенными. Я старался оправдывать друга моего перед знакомыми, спрашивавшими меня, что сделалось с Антиохом. Но скоро все заметили, что Антиох беспрестанно бывает у Шреккенфельда; начали говорить об этом; клубок сплетней навертывался более и более, перекатываясь от одного к другому, и сделался наконец таким огромным шаром, что задавил всякую осторо́жность. Как обрадовались все те, кого уничтожал прежде Антиох своим превосходством! Какими острыми бритвами явились язычки самых милых девушек! Каждая из них говорила о привязанности Антиоха к бродяге, актрисе,



Волк жеребёнка утащить хочет, а Ночка ему не даёт.

щей борьбы против турок. На западе Европы завязалась напряженная борьба Габсбургов с Бурбонами, и никто не интересовался турками. Германский император, бывший тогда в войне с султаном, искал мира с ним, чтобы направить свои силы против Франции, и потому русское посольство в Вене не имело никакого успеха. Недовольный императором, Петр собирался уже из Вены ехать в Венецию, славную своим мореплаванием, как вдруг пришло из Москвы известие о стрелецком возмущении. Петр поспешил домой. Путь его лежал через Польшу; там встретил его новый, только что избранный после смерти Яна Собеского, король польский (он же саксонский курфюрст) Август. Петр быстро сдружился с ним, и между ними впервые высказана была мысль о совместном действии против Швеции. Разочарованный в прежней мечте о союзе против Турции, Петр легко схватывает новую мысль о борьбе за Балтийское побережье и с этой мыслью в августе 1698 г. приезжает в Москву.

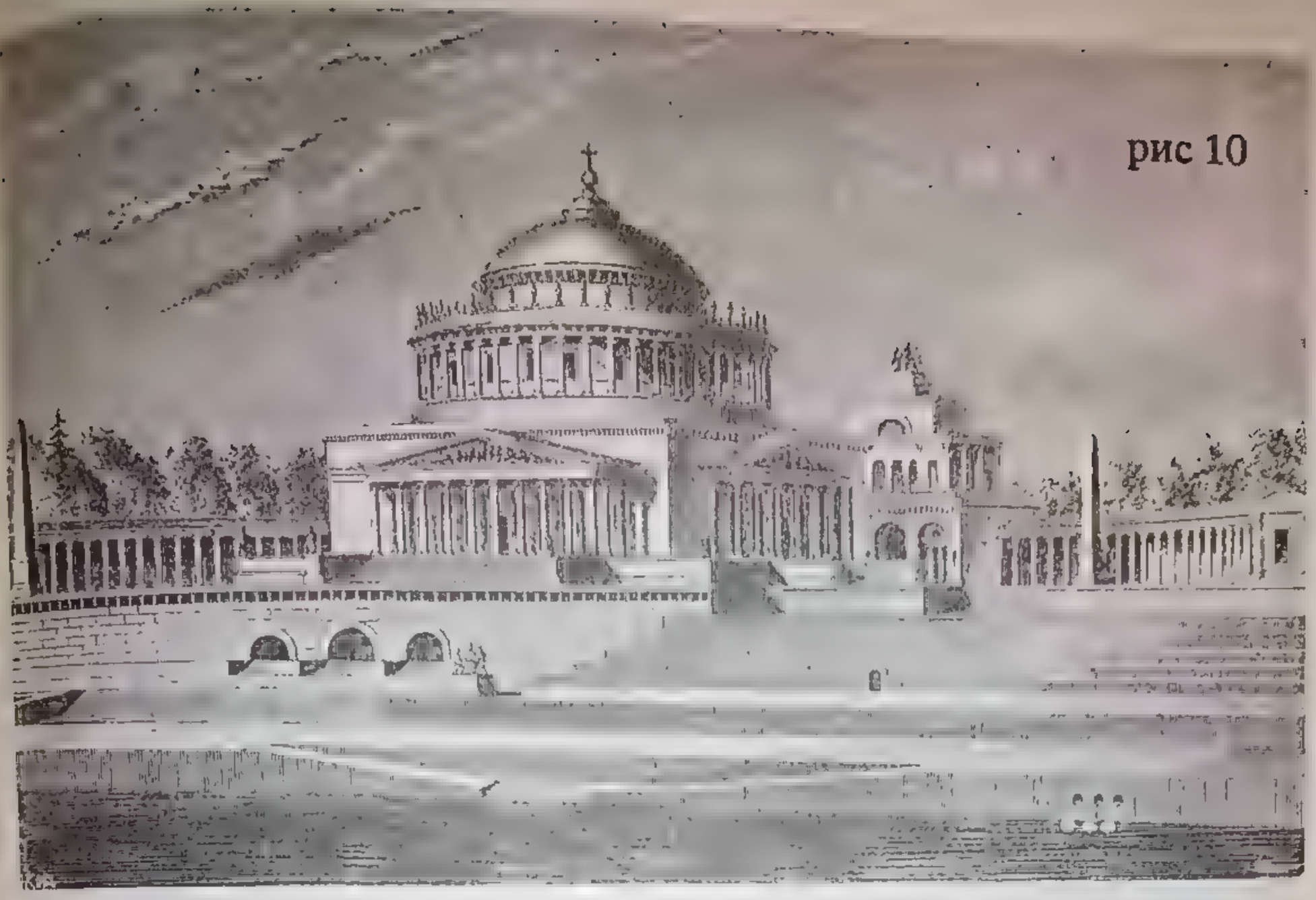
§ 103. Первые преобразования и стрелецкий розыск. Вернувшись из путешествия, Петр сразу обнаружил свое новое настроение. Приехав в Москву, он даже не заехал в московский дворец, а прямо проехал в свое Преображенское. Своей жены Евдокии Федоровны он не видел, а заглазно послал ей приказ идти в монастырь. Против воли отвезли ее в Суздаль и там постригли (в Покровском монастыре, где была пострижена жена великого князя Василия III Ивановича Соломония). Сына своего Алексея (родившегося в 1690 г.) Петр отдал на попечение сестры своей царевны Натальи.

Т.С. Филипс. Обрезание кафтанов при Петре I

С. Ф. Платонов

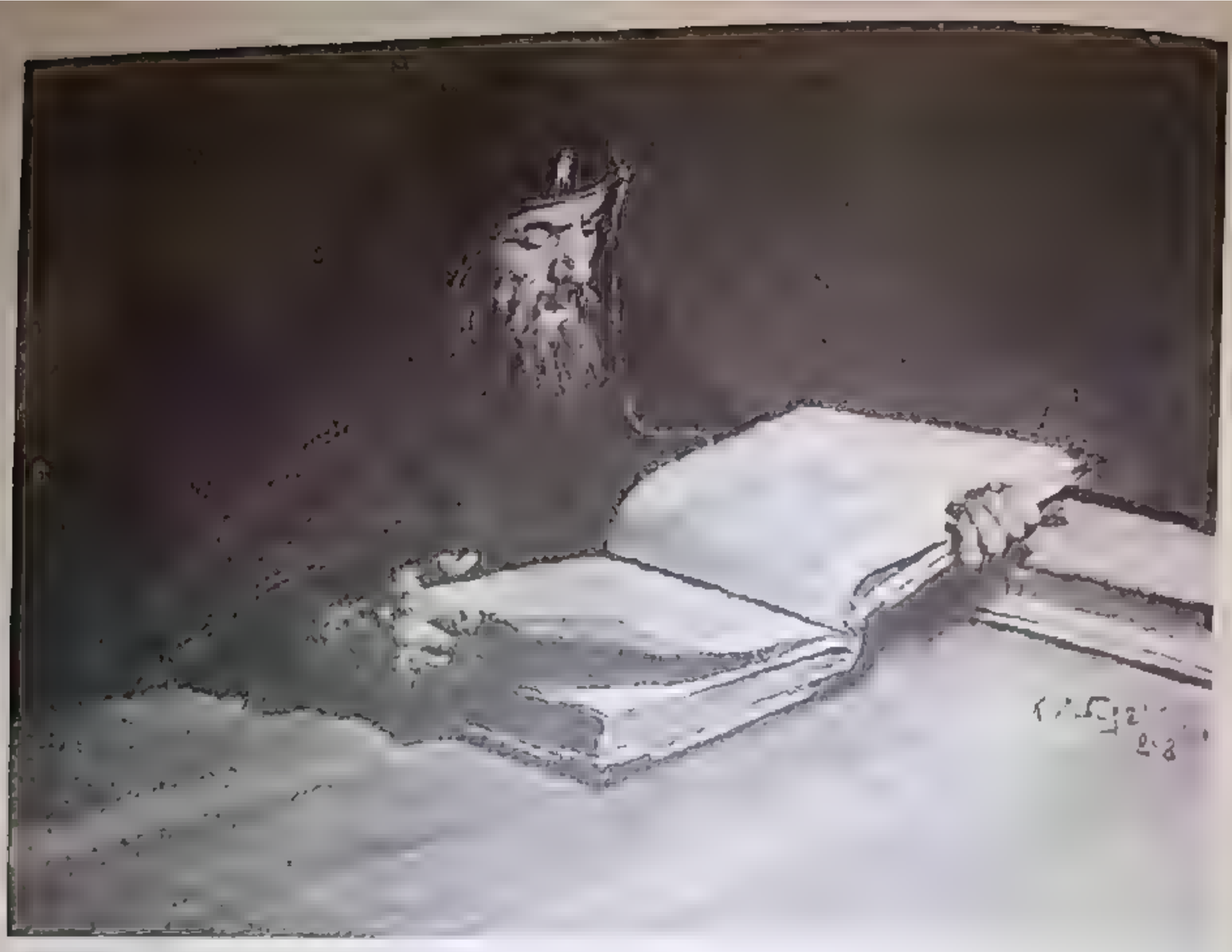
УЧЕБНИК РУССКОЙ ИСТОРИИ

рис 10



А.Л. Витберг. Проект Храма-памятника в честь победы в Отечественной войне 1812 г. (Храма Христа Спасителя)

мощь военным властям, общественные организации: образовались всероссийские союзы земств и городов и распространили свою работу на всю страну и на весь фронт. Когда же в 1915 г. обнаружился недостаток военного снаряжения и снарядов, общественные организации перешли и к военным заготовкам. Участие земских сил в деле обороны страны позволило обществу близко и точно узнать недостатки и слабость правительственных учреждений, работавших на оборону, и недобросовестность и неумелость многих правительственных лиц (военный министр Сухомлинов был заподозрен даже в прикосновенности к государственной измене). Дума много раз указывала правительству на необходимость изменить режим, призвать к власти лиц, пользующихся общественным доверием, устранить вредные безответственные влияния со стороны интриганов, проникавших во дворец темными путями. В заседании думы 1 ноября 1916 г. подъем гражданского чувства достиг необычной высоты; в речах народных представителей звучали высокий патриотизм и безупречная лояльность, но вместе с тем и твердая решимость добиться перемен в правительстве и ответственного министерства. Требования думы были поддержаны государственным советом, объединенным дворянством и другими общественными организациями. Но общий голос страны не был понят императором Николаем II, и его правительство осталось в уверенности, что оно может управлять страной вопреки настроению всего населения. Тогда и последовал государственный переворот.



К.В. Лебедев. Монах за книгой

скве начали печатать церковные книги под руководством известного нам Троицкого архимандрита преп. Дионисия и некоторых других монахов Троице-Сергиева монастыря. Однако и на этот раз начались неудовольствия. Лица, наблюдавшие за печатанием, так называемые «справщики», ссорились между собою; Дионисий был ими обвинен в ереси и заточен в монастырь, где пробыл до тех пор, пока не был оправдан и освобожден патриархом Филаретом.

Дело в том, что исправлять церковные книги было очень нелегко. Они в течение веков не один раз переводились с греческого языка, и потому молитвы в них читались не всегда одинаково. (Например, в одних рукописях читалось: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ», а в других: «Христос воскресе из мертвых, смертию на смерть наступи».) Надобно было знать, откуда появилась разница в чтении и какое чтение правильнее и лучше; а для этого надобно было знать не только славянские переводы, но и греческий язык, с которого переводили. С другой стороны, в богослужебных книгах русских были записаны и узаконены такие обычаи и обряды, которые развились от обычаев и обрядов греческих. На Руси крестились, например, двумя перстами, а на греческом Востоке — тремя; в русских богослужебных книгах говорилось в одних о двуперстном крестном знамении, а в других — о троеперстном. В символе веры читалось лишнее слово: «и в Духа Святого Господа *истинного* и животворяще-

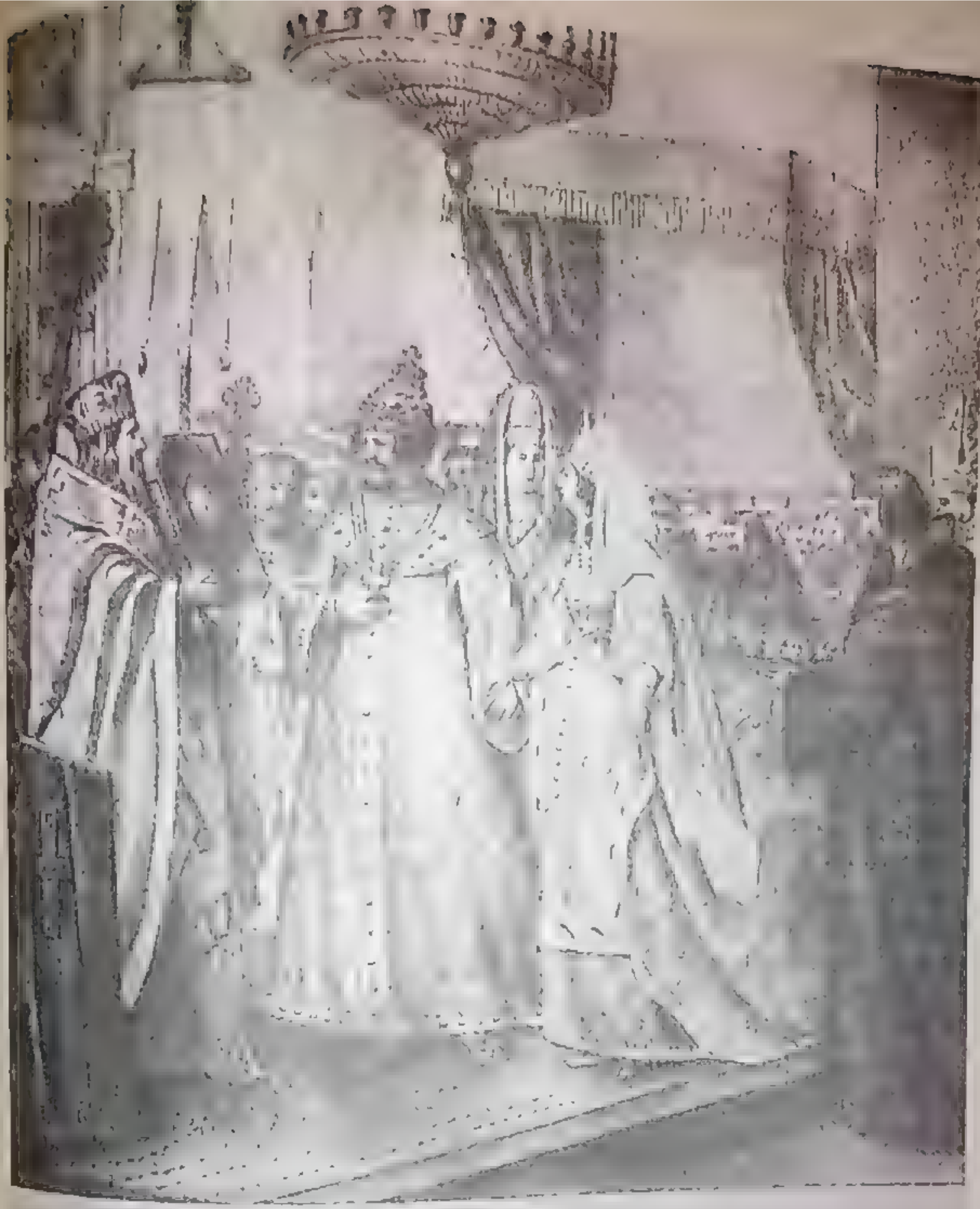
чии новых законов в отмену устаревших или неудобных. Государь обыкновенно соглашался, и новый закон, таким образом, утверждался и вносился в собрание князя Одоевского. Важнейшие из новых законоположений были следующие: 1) Духовенство было лишено права впредь приобретать себе земли (§56) и потеряло некоторые судебные льготы. 2) Бояре и духовенство потеряли право селить около городов, в «слободках», своих крестьян и холопов и принимать к себе «закладчиков» (§79). 3) Посадские общины получили право возвратить всех ушедших от них «закладчиков» и удалить из посадов всех не принадлежащих к общинам людей. 4) Дворяне получили право искать своих беглых крестьян без «урочных лет». Наконец, 5) купцы добились того, что иноземцам было запрещено торговать внутри Московского государства, где бы то ни было, кроме Архангельска. Рассматривая все эти новые постановления, замечаем, что они все сделаны в пользу служилых людей (дворян) и посадских людей (горожан). Служилые люди закрепили за собою земли (которые доселе уходили от них к духовенству) и крестьян (которые все еще переходили с места на место). Посадские люди уничтожили закладничество и замкнули посады от посторонних людей, которые отбивали у них торг и промыслы и уводили закладчиков. Поэтому дворяне и горожане были очень довольны новыми законами и говорили, что «нынеча государь милостив, сильных из царства выводит». Зато лу-

Большая государственная печать 90-х годов XVII в.

имела полного успеха. В городах было тогда мало годных к делу служилых дворян, так как все они обыкновенно бывали на государевой службе, в войске или в служебных посылках. Поэтому губных старост не из кого было выбирать, и горожане продолжали жаловаться на плохое управление. И в самой Москве продолжались злоупотребления дьяков: дела тянули в бесконечной «волоките», требовали взяток и решали дело в пользу того, кто больше дал. Таким образом, несмотря на большие старания, вывести административные непорядки Филарету не удалось.

Равномерность в распределении государственных повинностей также не была вполне достигнута при Филарете и Михаиле. Вместе с земским собором в 1619 г. великие государи постановили произвести полную опись всех населенных земель государства в «дозорных книгах» и «писцовых книгах» и на основании этих книг определить точно, какие повинности может нести в пользу государства каждый землевладелец. Совершив эту опись, постановили следить за тем, чтобы все городские и сельские жители служили и платили каждый в свою меру, по справедливости. Однако злоупотреблений в этом отношении было много. Служилые люди часто уклонялись от службы, а тяглые — от платежей и повинностей, жалуясь на то, что они разорены смутою и не в силах служить и платить. Желая помочь населе-

А. Максимов. На дворе у воеводы. XVII в.

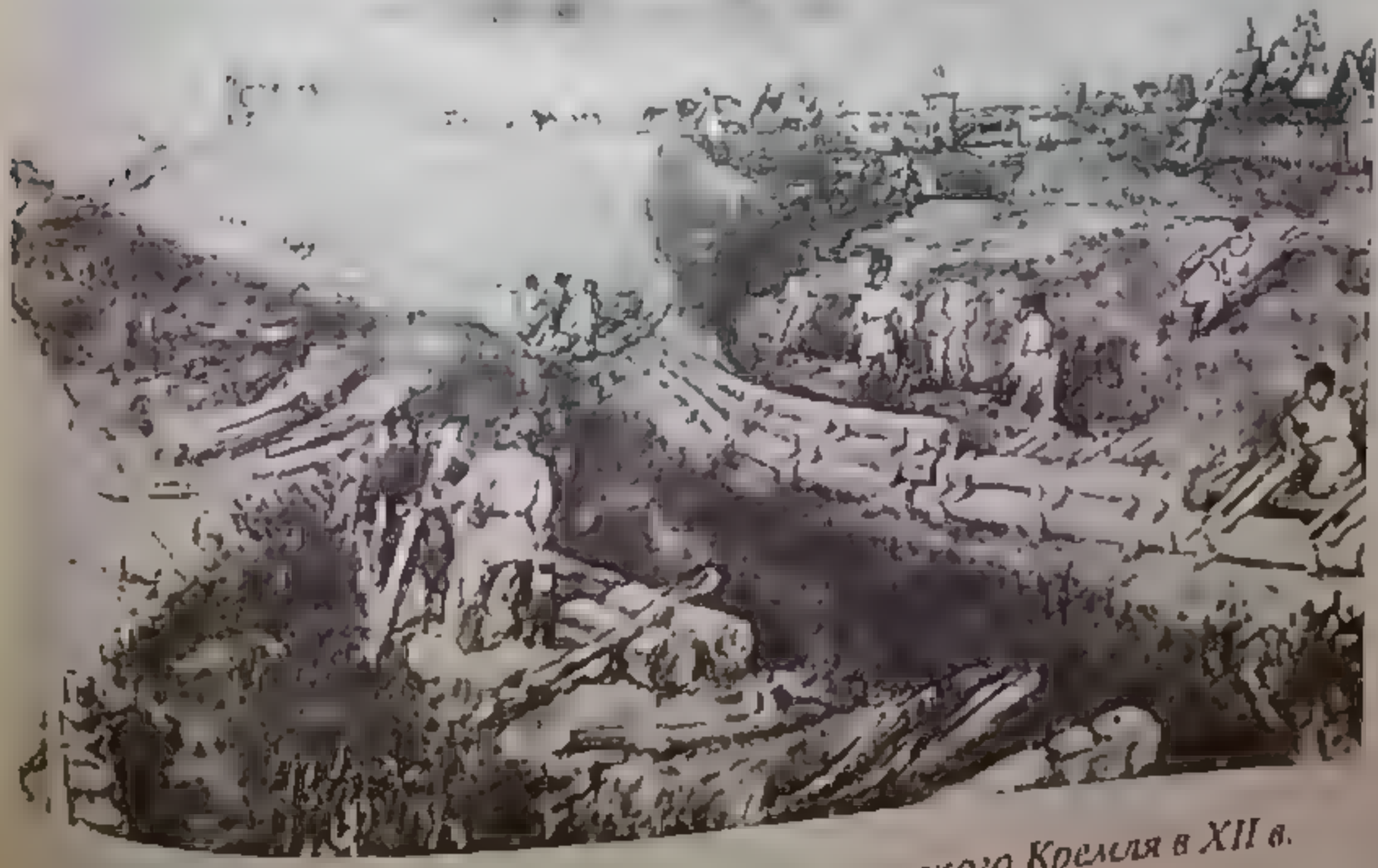


ВѢНЧАНІЕ В. К. ІѠАННА III СЪ ГРЕ
ЧЕСКОЮ ЦАРЕВНОЮ СОФІЕЮ ГОДЪ

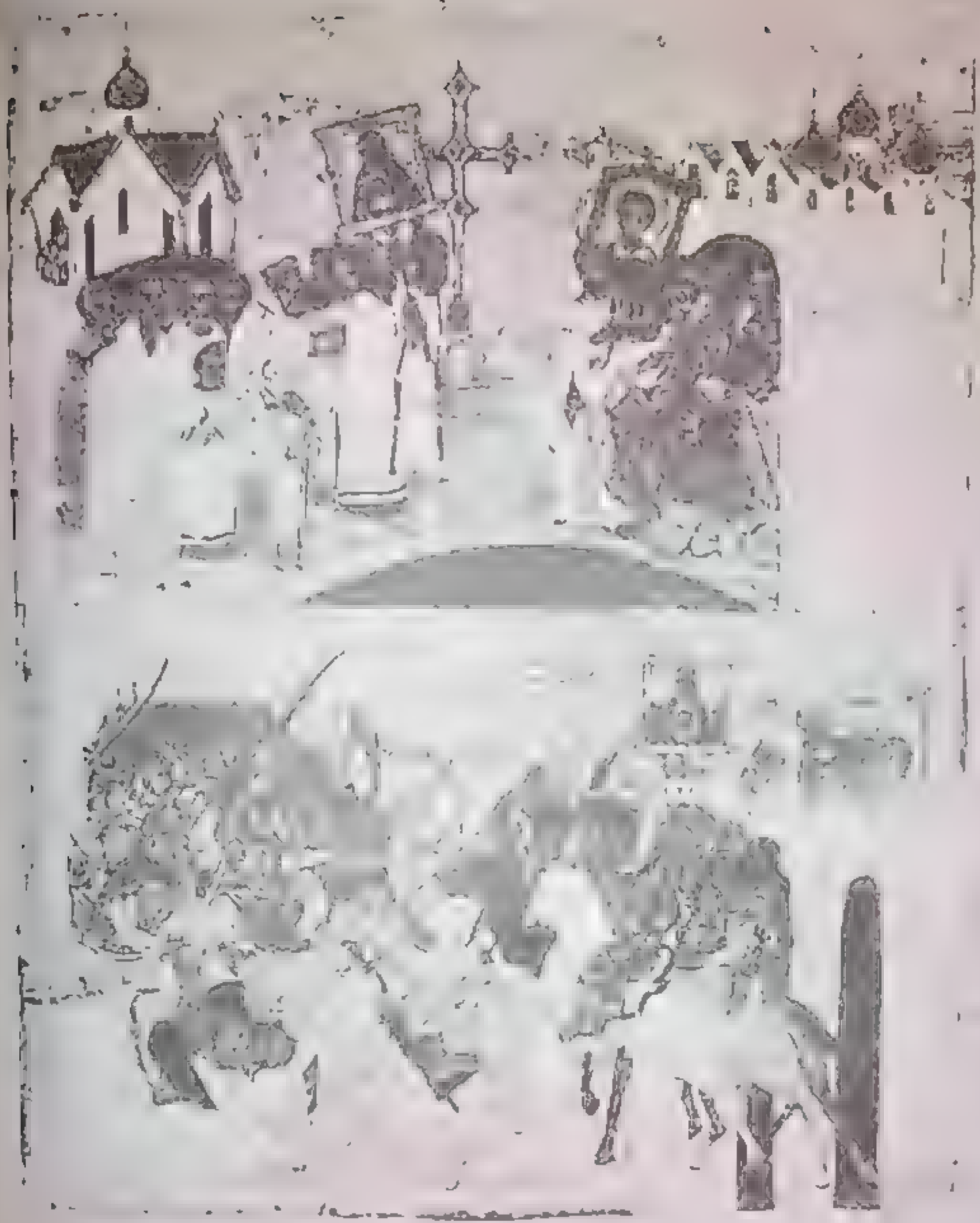
Венчание великого князя Ивана III с греческой царевной Софьей. 1472 г.

...ом Даниилова потомства. С тех же пор началось быстрое усиле-
...ние и возвышение нового удела.

Первая причина возвышения Москвы и усиления Московских князей заключалась в *особенно выгодном географическом положении города Москвы.* Москва была расположена в узле дорог, ведших из южной Руси в северную и из Новгородской земли в Рязанскую. Переселенцы из южных областей, идя на север, не могли миновать реки Москвы и в большом числе оседали вокруг города Москвы ранее, чем подвигались далее к северу. Оттого Московское княжество быстро и густо заселялось, а это давало московским князьям большие средства, так как чем гуще было население удела, тем больше получал удельный князь. Река Москва, с другой стороны, была таким водным путем, который соединял верховья Волги со средним течением Оки. Этим путем пользовались новгородцы, перевозя к себе хлеб, воск и мед из богатейших мест Рязанской земли. Владея такою торговою дорогою, московские князья извлекали свои доходы из торгового движения в виде пошлин с купцов и т.п. Таким образом, географически центральное положение Москвы способствовало быстрому заселению Московского княжества и обогащению московских князей. Изобилие же материальных средств давало этим князьям большую силу и склонность к «примыслам».



Д.Н. Кульчинский. Строительство Московского Кремля в XII в.



Битва новгородцев с суздальцами. Новгородская икона XV в.

При таких порядках, понятно, вече не могло толково обсуждать подробности сложных и важных дел. Оно могло только, выслушав готовый доклад по делу, принять его или отвергнуть. Такие доклады подготовлялись для вечевых собраний особым *правительственным советом*. В него входили все важнейшие новгородские сановники — посадники и тысяцкие, как те, которые были в должности («степенные»), так и те, кто уже оставил должность («старые»). Во главе совета стоял в древнейшее время князь, а потом — «владыка». Совет назы-

Академик С.Ф.Платонов и его учебник русской истории

Сергей Федорович Платонов родился 16(28) июня 1860 г. в Чернигове в семье типографского служащего. В детстве испытал сильное влияние отца — человека умного, способного и удивительно развитого для своей среды. Он рано привил сыну любовь к чтению и сообщил ему первые сведения по истории и литературе. В 9-летнем возрасте Сережа читал не только А.С.Пушкина, но и Н.М.Карамзина. Более всего он любил слушать рассказы отца о событиях его молодости, прошедшей в Москве, о его связях со студенческими кружками 1840-х годов[1]. Воображение мальчика будили яркие воспоминания отца о полемике славянофилов и западников по вопросам прошлого и будущего России, непримиримых столкновениях в сфере литературной критики. В 1869 г. благодаря знакомству с высокопоставленным чиновником одного из столичных департаментов отец будущего историка стал управляющим технической частью типографии Министерства внутренних дел. Переезд в Петербург позволил ему дать хорошее образование сыну.

Во время подготовки к переходу в восьмой класс гимназии Сергей заболел тифом. «Болезнь приняла очень тяжелый характер, потрясла мой организм, — вспоминал позднее Платонов, — и послужила заметным рубежом между моим детством и юностью»[2]. Летом 1877 г., будучи в Москве, он познакомился с Е.Н.Калайдович. Она была старше Сергея на шесть лет, и он быстро подпал под ее влияние, направившее мысли юноши в русло поиска жизненных идеалов. Далеко выйдя за рамки учебных программ, он стал много читать, пытался писать. Его первые стихотворные опыты заметил преподаватель русской словесности В.Ф.Коневич и посоветовал ученику идти на филологическое отделение. «Теперь, — писал С.Ф.Платонов, — передо мною, как путеводный маяк, стал университет — сокровищница гуманитарных знаний, образующих характер, осмысляющих жизнь»[3].

Начало занятий на историко-филологическом факультете Петербургского университета осенью 1878 г. разочаровало его. Перегруженность расписания сочеталась там с необходимостью посещать курсы, по содержанию и методам преподавания напоминавшие гимназию, особенно в области древних языков и русской словесности — предмета, который Платонов считал для себя главным. Из преподавателей он выделял четверых. Удивительным влиянием на аудиторию отличался проф. О.Ф.Миллер. Обширностью познаний в области славянской филологии поражал акад. И.И.Срезневский. Философ М.И.Владиславлев ясно и последовательно излагал курс логики. Русскую историю на первых курсах читал К.Н.Бестужев-Рюмин, который умел поднять слушателей «на высоты отвлеченного умозрения и ввести в тонкости специальной ученой полемики». Область русской историографии в его изложении явилась перед Платоновым в ореоле «духовного подвижничества».

Усваивая учебный материал, студенты в то же время ощущали недостаток его глубокого идейного осмысления. В поисках таких идей Платонов посещал юридический факультет, где слушал лекции В.И.Сергеевича и А.Д.Градовско-

го. Первый читал курс истории русского права, поражая слушателей изяществом изложения, ясностью ума и силой логики. Иное значение имели лекции Градовского по государственному праву. Студентов привлекал не только демократизм профессора, но также умение касаться «рискованных» политических сюжетов, давать свободную, не считаясь с цензурой, оценку действительности. Именно Градовскому Платонов обязан той стойкостью, с которой он позднее «противостоял всякой партийности и кружковщине, ревниво охраняя право всякой личности на пользование своими силами в том направлении, куда их влечет внутреннее побуждение»[4].

Первые годы обучения в университете привили будущему ученому интерес к двум предметам: русской истории и истории права. Хотя он и продолжал писать стихи, его стремление к «чистой» словесности постепенно ослабевало. Когда потребовалось окончательно решить вопрос о специализации, он без колебаний выбрал русскую историю. Бестужев-Рюмин предложил студентам самостоятельно избрать темы для зачетных сочинений. Платонов остановился на проблеме земских соборов. В период «робких надежд на реформы», сопровождавших предложения тогдашнего министра внутренних дел М.Т.Лорис-Меликова, вопрос о народном представительстве приобрел популярность: о нем много писали и говорили. Профессор одобрил выбор, но уклонился от руководства[5].

Новым для факультета явился курс В.Г.Васильевского. Он читал историю средних веков и вел семинар, на котором знакомил слушателей с результатами своих разысканий и «с теми приемами исследования, к каким сам привык». Подробно разбирая источники, он наглядно показывал, как извлекается важный исторический вывод из анализа древнего текста. Одним из первых Васильевский предложил студентам написать рефераты по своему курсу. Платонов подал вполне самостоятельную работу. Занятия в семинаре Васильевского послужили для Платонова началом долгих дружеских отношений с этим ученым. С конца 1880 г. Платонов трудился над зачетным сочинением. Необходимые книги он брал из домашней библиотеки Бестужева-Рюмина, который приглашал студента на свои «вторники». Однако некоторая замкнутость Платонова не позволила ему сблизиться с учителем; мешала этому, возможно, и занятость Бестужева-Рюмина на посту директора Высших женских курсов.

Работа над сочинением «Московские земские соборы XVI—XVII вв.» увлекла Платонова. Он не только проверил весь известный материал, но, используя показания Разрядных книг, пришел к новым наблюдениям и выводам. Его сочинение составило по объему целую книгу и было представлено Бестужеву-Рюмину раньше положенного срока. Ученый не обнаружил в сочинении своего влияния. Однако он хвалил работу и готов был зачесть ее в качестве диссертации на степень кандидата, которой выпускники заканчивали историко-филологический факультет. Тем не менее в разговоре с Платоновым ученый предложил ему написать другое сочинение. «Такая постановка дела, — вспоминал Платонов, — меня удивила, огорчила и даже оскорбила»[6].

Незадолго до этого он похоронил отца, и на его плечи легли заботы о семье. Платонов стал вести уроки истории в частном женском пансионе А.К.Нейдгард. Вследствие недостатка времени от предложения Бестужева-Рюмина Платонов отказался. Размолвка, впрочем, не имела последствий. Профессор оставил способного ученика при университете. В представлении Бестужева-Рюмина Платонов был «западником» и «юристом». Профессор говорил, что в зачетном сочинении Платонова он чувствует влияние Сергеевича. Тут он несколько ошибался. От московских друзей Платонов получил литографированный курс В.О.Ключевского. Платонов знал отрицательные от-

зывы М.Ф.Владимирского-Буданова и К.Н.Бестужева-Рюмина о первых опубликованных трудах этого ученого. Его критиковали за склонность к «экономической точке зрения». Платонов же видел разносторонность Ключевского, широту исторического понимания, умение ценить прошлое России и «посмеяться чисто по-русски»[7]. Но он «не бросился в подражание ему», а старался учиться у него, как учился у Бестужева-Рюмина, Градовского и Васильевского.

Весной 1882 г. Платонов закончил университет со степенью кандидата. Теперь ему предстояла подготовка к профессорскому званию. На обеспечение семьи кандидатской стипендии явно не хватало. Приходилось искать дополнительный заработок. В частной гимназии В.Я.Спешневой Платонов читал нечто вроде университетского курса. Используемый им критический метод вызывал нарекания окружного инспектора, так как «колебал авторитеты». Когда Бестужев-Рюмин уехал за границу, его заменил в университете Е.Е.Замысловский, а лекции профессора на Высших женских курсах были поделены между молодыми магистрантами. Платонову поручили читать курс истории XVII в. Позднее он стал вести семинарские и практические занятия[8]. Из преподавательской среды его выделяло умение увлечь аудиторию. Этому способствовала и литературная манера изложения — черта, присущая талантливому лектору[9]. В 1886 г. Платонов был приглашен преподавателем на кафедру русской истории в Александровский лицей и в Петербургский филологический институт.

Его научные интересы вначале группировались вокруг вопроса о земских соборах. Затем он занялся проблемой возникновения народного движения в Нижнем Новгороде начала XVII в. Основываясь на рассмотрении социального состава жителей Среднего Поволжья, историк предполагал раскрыть корни движения, положившего конец Смутному времени. Однако вскоре Платонов убедился, что писцовые книги не позволяют с достаточной точностью судить о составе населения, а сведения о земском ополчении под руководством К.Минина и Д.Пожарского были похожи скорее на легенду. Бросались в глаза многочисленные противоречия летописных и других известий. Необходимость поиска совершенно нового материала заставила ученого отступить перед обширностью и трудностью поставленной задачи[10].

Но, разбирая источники по истории нижегородского ополчения, Платонов познакомился с некоторыми историко-литературными произведениями той эпохи, многочисленными «повестями» и «сказаниями». Круг этих источников оказался в целом не изученным, и молодой ученый решил сосредоточить внимание на истории их создания. Сопоставляя разнообразные тексты, подвергая их критической оценке, он определял состав и достоверность каждого произведения. Эта работа давала необходимую базу для обстоятельного изложения трагических событий Смутного времени. Исследование Платонова охватило более 60 литературных произведений в 150 списках. Оно сразу же привлекло внимание специалистов, а литературные достоинства обеспечили ему большой успех у читателей.

В 1888 г. на публичном диспуте в Петербургском университете Платонов защитил диссертацию «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник», получил степень магистра и стал приват-доцентом. Его вступительная лекция ознаменовала появление уже сложившегося мастера. Поражали его умение держаться, манера поведения, ясность, содержательность и занимательность изложения[11]. В связи с болезнью Замысловского осенью 1890 г. Платонов, не имея докторской степени, по ходатайству Совета факультета приступил к исполнению обязанностей профессора русской истории. Свое положение в университетском коллективе он связывал с авторитетом Васильевского, который незадолго перед тем

пригласил его в состав редакции «Журнала Министерства народного просвещения»[12].

Работа над источниками по истории России начала XVII в. заняла у Платонова около восьми лет. К 1891 г. его материальное положение достаточно укрепилось. Он мог уже отказаться от преподавания в средней школе и целиком сосредоточился на работе в университете. Платонов читал курсы русской истории в целом и по отдельным эпохам, вел семинарские занятия. У него появились ученики, составившие его научную школу. Среди них такие впоследствии известные ученые, как И.И.Лаппо, Н.П.Павлов-Сильванский, А.Е.Пресняков, Б.А.Романов и др. Издание обнаруженных Платоновым текстов позволило ему стать постоянным сотрудником Археографической комиссии. С 1894 г. он приступил к подготовке для публикации официального свода XVI в. — Никоновской летописи[13].

Стремясь оправдать доверие факультета, Платонов в начале 1896 г. приступает к работе над докторской диссертацией — «Очерками по истории Смуты в Московском государстве XVI — XVII веков (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)». Основным итогом Смутной эпохи ученый считал перемену «господствующего класса», в результате чего сложился тот порядок, который обусловил дальнейший ход развития России. Смута была далеко не случайным явлением — она стала следствием глубокого кризиса, охватившего Русское государство во второй половине XVI в. Приняв точку зрения Ключевского относительно политической стороны конфликта между самодержавной властью и княжеской аристократией, претендовавшей на участие в управлении страной, Платонов уделил большое внимание существу опричной реформы Ивана Грозного. Рассмотрение территориального состава опричнины привело историка к мысли, что здесь произошло перераспределение крупных земельных владений княжат и бояр в пользу служилого дворянства. Насаждение мелкого служилого землевладения закономерно вело к усилению личной зависимости крестьян и распространению крепостного права. Стремление крестьян освободиться от зависимости вызывало перемещение трудовой массы на окраины, где формировалась взрывоопасная среда казачества. К концу царствования Ивана Грозного общий кризис в стране обозначился в полной степени: знать страдала от террора и потери земель, дворяне — от ухода рабочей силы, крестьяне были озлоблены на правительство и землевладельцев из-за потери свободы и хозяйственного разорения. Закономерным результатом событий начала XVII в. стало, по мнению Платонова, значительное ослабление старой знати, которая уступила свое место в структуре государства «средним классам».

Научная критика отметила ценность исторических наблюдений ученого, основанных на детальном анализе источников, и увлекательность изложения. «Очерки» завершили разработку концепции Смуты в дореволюционной исторической науке. В связи с отсутствием оппонентов Платонов перенес защиту своей диссертации в Киевский университет, где 3 октября 1899 г. ему была присуждена ученая степень доктора русской истории. В том же году он стал профессором Петербургского университета. Его популярности способствовала публикация университетского курса «Лекций», составленного из литографированных студенческих конспектов. По своей известности «Лекции» уступали только «Курсу русской истории» Ключевского. Платонов был приглашен в качестве преподавателя к членам императорской фамилии.

Летом 1903 г. Платонов согласился занять пост директора Женского педагогического института[14]. Ему пришлось не только формировать учебные планы нового учебного заведения, но и добывать кредиты для постройки здания, устраивать лаборатории, кабинеты, библиотеку, оснащать их оборудованием и учебными пособиями. К чести ученого надо сказать, что через не-

сколько лет этот институт превзошел по уровню преподавания знаменитые Бестужевские курсы.

Революция 1905—1907 гг. с ее студенческими забастовками и обструкциями осложнила ситуацию и на Высших женских курсах, и в Педагогическом институте. Для обуздания молодежи власти широко практиковали аресты, настаивали на приостановке занятий, перекладывали бремя сыска и полицейского надзора на Советы профессоров. Платонов осуждал эти действия, ему претило вмешательство политики в науку[15]. Он всегда старался идти навстречу интересам студентов, искренне стремясь к умалению «розни». Вера в созидательную работу и здравый смысл поднимала его авторитет, и порою учащаяся молодежь аплодисментами благодарила учителя «за тонкое и деликатное приглашение заняться делом»[16]. В 1908 г. он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук.

Возглавляя Женский педагогический институт, посещая университет и Константиновскую гимназию, где его слушательницы проходили практику, Платонов отчетливо представлял трудности, с которыми сталкивался любой учитель средней школы. Свой опыт он реализовал в «Учебнике русской истории» (СПб., 1909—1910), где полнота курса, доступное изложение сочетались с научностью и объективностью. Учебник, свободный от излишней лирики и всякого рода легенд, заставлял учащихся думать и работать, а преподавателя побуждал тщательно готовиться к урокам, чтобы не быть застигнутым врасплох вопросами учеников. Книга имела чрезвычайный успех и переиздавалась ежегодно. Ученый комитет Министерства народного просвещения официально рекомендовал «Учебник русской истории» для гимназий, а среди учителей его автор приобрел стойкую репутацию независимого ученого.

Вместе с тем Платонов продолжал изучение Смутного времени, написал несколько статей о деятелях той эпохи. Характеристика исторических деятелей всегда представлялась ему наиболее заманчивой стороной научного исследования. Выверенные по источникам, психологически достоверные их образы приобретали живые черты под его пером искусного повествователя. Характеристики личностей Алексея Михайловича и Петра Великого стали весьма значительными его работами.

В 1916 г. Платонов выслужил право на получение пенсии. Имея определенный литературный доход, он решил выйти в отставку, чтобы посвятить себя научной работе и путешествиям, которые очень любил. Однако революционные события 1917 г., сопровождавшиеся коренной ломкой старого строя, вернули его к прежней повседневной работе. В Археографической комиссии он принимал участие в издании документов, в Русском историческом обществе — в обсуждении мер по сохранению архивов на местах. Уже накануне 1917 г. Платонов руководил работой по научному описанию архива Министерства народного просвещения. Итогом этой деятельности стало его избрание весной 1918 г. в Межведомственную комиссию по охране и устройству архивов упраздненных революцией учреждений. Комиссия преобразовалась затем в Главное управление архивным делом, а Платонов был избран заместителем председателя[17]. После переезда Главного управления в Москву он встал во главе его Петроградского отделения.

На рубеже 1918—1919 гг. Платонова избирают председателем Археографической комиссии. Одновременно он возглавляет Археологический институт. Не прекратил ученый и чтения лекций в Петроградском университете. Закономерным признанием научных заслуг Платонова явилось его избрание в апреле 1920 г. действительным членом Российской академии наук[18]. В это же время он пишет монографию о Борисе Годунове. Платонов стремился дать

достоверное представление о деятельности Бориса, которого признавал «гуманным и просвещенным человеком».

Между тем атмосфера в стране резко менялась. Штаты научных организаций сокращались, их финансирование ограничивалось. Частью официальной политики стало недоверие к старым специалистам. Напряженные отношения сложились в 20-е годы между С.Ф.Платоновым и М.Н.Покровским, руководителем Центрархива РСФСР. Обнаружив какое-то служебное упущение, центр настоял на пересмотре личного состава Петроградского отделения[19]. Последовали увольнения. Не дожидаясь своей очереди, Платонов в мае 1923 г. подал прошение об освобождении от должности. Вынужденная отставка не отразилась, однако, на стремлении ученого продолжать активную научно-организаторскую деятельность. С 1 августа 1925 г. он, в соответствии с постановлением Правления Академии наук, возглавляет Институт русской литературы (Пушкинский Дом), а через несколько дней Общее собрание Академии избирает его директором академической библиотеки.

Ученый переиздает свои труды, а также публикует некоторые новые работы, в том числе за рубежом. Это — монографии «Москва и Запад», «Иван Грозный», «Петр Великий» (последняя крупная работа Платонова). В конце 1926 г. он навсегда покинул Петербургский университет, с которым его связывали долгие годы напряженного труда.

Изменения, происходившие в стране, затронули в 1929 г. и Академию наук. В результате выборов по новому Уставу состав ее членов значительно пополнился за счет представителей советских научных организаций. Тем не менее Общее собрание академиков 12 января 1929 г. тайным голосованием отвергло трех кандидатов-коммунистов из восьми баллотировавшихся. Это и послужило сигналом для пропагандистской кампании: газетные статьи призывали Академию наук согласовывать свою позицию — в стране, которая строит социализм, — с общественным мнением и провести политическую проверку личного состава. В газетах появились прямые обвинения академиков в контрреволюционных убеждениях[20]. Поспешное переизбрание Платонова остановило газетную шумиху в его адрес, и никаких оргвыводов в отношении его тогда не последовало. Весной Платонов был избран академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук и стал членом Президиума Академии.

Летом 1928 г. археолог Н.И.Репников, обнаружив в Эски-Кермене (неподалеку от Бахчисарая) следы большого поселения с остатками крепостной стены, предположил, что в VI—VIII вв. здесь был главный город крымских готов. Мнение о важной роли готов в раннесредневековой истории Европы породило интерес к находке и за рубежом. Председатель Общества содействия германской науке Ф.Шмидт-Отт послал Платонову запрос о возможности совместной работы немецких и русских ученых по изучению готских древностей в Крыму[21]. Доклад Платонова на Общем собрании Академии 24 апреля об этом предложении встретил сочувственное отношение. Однако Отдел научных учреждений при Совнаркоме СССР неожиданно запретил командировать в Берлин одного из сотрудников Платонова по Археографической комиссии, а официальное разрешение на участие немецких специалистов в раскопках было получено лишь спустя три месяца.

Между тем официальные лозунги того времени призывали к наступлению на капиталистические элементы «по всему фронту». «Шахтинское дело» (1928) преподносилось при этом в качестве предметного урока, якобы свидетельствовавшего об объединении сил международной буржуазии и старой русской интеллигенции в борьбе против Советской власти. Началась проверка личного состава всего государственного аппарата. «Чистка» учреждений Ленинграда была в полном разгаре, когда Наркомат Рабоче-крестьянской ин-

спекции назначил правительственную комиссию для проверки Академии наук. 29 июля 1929 г. Платонов, возглавлявший в ту пору Комиссию по изданию сочинений А.С.Пушкина, уехал в отпуск. На следующий день в Ленинград прибыл председатель правительственной комиссии Ю.П.Фигатнер. Свою задачу он видел в том, чтобы «сделать научный аппарат соответствующим нуждам социалистического строительства»[22]. Несмотря на призыв оказать содействие работе комиссии, выступавших с критикой деятельности академических учреждений было мало. Когда списки назначенных к увольнению были готовы, пресса запестрела заголовками: «Социальная кунсткамера», «Парад бывших», «Академия освобождается от черносотенцев». В основном «вычищали» гуманитариев, а главный удар наносился по подразделениям, которые возглавлял Платонов: Библиотеке Академии наук и Пушкинскому Дому.

В конце лета правительственная комиссия прервала свою деятельность до второй половины октября. За это время Академии предстояло пополнить свои штаты. Возвратившись из Крыма, Платонов принял участие в выдвижении кандидатур на вакантные должности. Из частных бесед с официальными лицами стало ясно, что приезда немецких ученых в текущем году не ожидается. Поэтому прибытие 3 сентября немецкой делегации во главе со Шмидт-Оттом оказалось неожиданным. Платонов доложил Президиуму АН СССР о результатах археологических работ в Крыму, а доклад об этом на Общем собрании Академии предполагалось сделать во время осенней сессии.

В середине октября несколько сотрудников Академии сообщили комиссии Фигатнера, что в Библиотеке Академии наук, Пушкинском Доме и Археографической комиссии «тайно» хранятся документы большого политического значения. Об этом Фигатнер сообщил в Москву, а также выступил с информацией в закрытой части Общего собрания 30 октября. Среди найденных документов оказался запечатанный пакет с подлинниками актов отречения от престола Николая II и великого князя Михаила Александровича, бумаги Департамента полиции, Корпуса жандармов, Охранного отделения и др. Фигатнер обвинил Платонова в том, что тот до лета 1929 г. позволял бывшему шефу жандармов В.Ф.Джунковскому работать с его же личным архивом, хранящимся в Пушкинском Доме. По требованию Фигатнера Общее собрание приняло заявление Непременного секретаря АН СССР С.Ф.Ольденбурга об отказе от должности и заявление Платонова о сложении с себя обязанностей директора Пушкинского Дома[23].

Академику А.Е.Ферсману было поручено принять меры к всестороннему выяснению обстоятельств дела. В объяснительной записке, датированной 3 ноября, Платонов рассказал о времени и путях поступления документов в академические учреждения. Их хранение там он обосновал постановлением Комиссии при ВЦИК по содействию работам АН СССР от 16 декабря 1926 г., согласно которому запрещалась передача кому бы то ни было архивных и музейных материалов из общесоюзных учреждений[24]. Это решение Президиум Академии рассматривал как обязательное правило, не допускающее исключений. Ознакомившись с представленными документами и пояснениями Платонова, Ферсман предложил ему уйти с занимаемых в Академии административных должностей. Отчаявшись в возможности оправдаться, Платонов 8 ноября подал в отставку. Началась новая волна увольнений, которая затронула сотрудников и друзей Платонова. На этот раз обвинения в их адрес имели политический подтекст. Состав правительственной комиссии также претерпел изменения: в него вошли следователи Ленинградского ГПУ. С конца октября начались аресты.

Делу о «незаконном хранении» документов было придано первостепенное значение. Совнарком СССР образовал особую следственную группу, в конце ноября она прибыла в Ленинград. Выяснилось, что документы поступа-

ли в академические хранилища законным путем, в составе коллекций или частных пожертвований, и хранились открыто. Часть материалов, в том числе архив Корпуса жандармов, спасенный от уничтожения А.А.Шахматовым, был сдан в Центральный архив РСФСР[25]. Что касается архива Джунковского, то он поступил на хранение еще в 1915 г., согласно личному заявлению владельца. При этом до смерти Джунковского за ним закреплялось право работать с документами. В 1929 г. бывший шеф жандармов жил в Москве и свободно ездил в Ленинград, так что Платонов не имел оснований лишать его возможности заниматься с собственными бумагами[26]. После установления этих фактов обвинение в «незаконном хранении» отошло на второй план.

Следователи ГПУ убедились в бесперспективности этого дела. Но для обоснования легенды о «вредительстве» научной интеллигенции прямых доказательств и не требовалось. Задача состояла в том, чтобы взбудоражить страну сообщением о раскрытии заговора против Советской власти. Платонова как создателя крупной научной школы, имевшего связи с заграницей, легко можно было представить в качестве руководителя контрреволюционной организации. Громкий процесс готовился с весны 1929 г. Непосредственный повод дали официальные контакты Платонова с московскими учреждениями по поводу совместных советско-германских раскопок в Эски-Кермене. План археологических изысканий в Крыму возник в Германии еще в 1918 г. Подготовительные работы курировал тогда командующий немецкой группой армий «Киев» генерал-фельдмаршал Г.Эйхгорн. В Берлине была создана специальная комиссия, включавшая представителей Генерального штаба, и определены необходимые для проведения раскопок средства. Убийство Эйхгорна эсерами и Ноябрьская революция в Германии заставили немцев отказаться от намеченного плана[27]. Воспользовавшись этой кажущейся аналогией, следователи ГПУ обвинили ученого в связях с немецким Генеральным штабом с целью возвести на российский престол своего бывшего ученика великого князя Андрея Владимировича[28].

«Дело академика Платонова» готовилось на самом высоком уровне и развивалось параллельно курсу «советизации Академии наук». Уже в январе 1930 г. постоянный представитель ОГПУ по Ленинградской области санкционировал арест группы известных историков. Платонов был в их числе. Следствие длилось несколько месяцев. Аресту подверглись четыре академика (Н.П.Лихачев, М.К.Любавский, С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле), а также их ученики, сотрудники и знакомые. Привлечение к следствию Центрального бюро краеведения — организации, имевшей отделения в различных уголках страны, — придало «делу» всесоюзный размах. Тем не менее открытый показательный процесс был свернут, и решение приняла коллегия ОГПУ. Большинство арестованных получило по пять лет ссылки. Платонов отбывал ее в Самаре, где и скончался 10 января 1933 г.

Отношение к личности и трудам ученого постепенно менялось. Со временем он был реабилитирован, а его работы получили должную научную оценку. Была показана роль Платонова в развитии отечественной науки. По достоинству оценен, в частности, и его учебник русской истории для средней школы. Дореволюционная школа располагала широким выбором учебных пособий по отечественной истории. Отдельные книги выдержали большое число изданий. Учебник К.В.Елпатьевского издавался 11 раз, пособие Д.И.Иловайского, побив все рекорды, вышло к началу XX в. 33-м изданием. Хотя каждое издание пересматривалось и в него вносились исправления сообразно новейшим требованиям науки, эти учебники имели общие недостатки. Чаще всего они представляли собою простое перечисление фактов, подобранных без плана и системы, при довольно хаотичном сочетании элементов политической, экономической и социальной истории.

Еще в 1890 г. Платонову предложили принять участие в деятельности Ученого комитета Министерства народного просвещения. В компетенцию историка входила оценка учебной литературы. Любое учебное пособие требовало одобрения Ученым комитетом, отзывы которого публиковались в «Журнале» министерства. Во второй книге журнала за 1901 г. Платонов поместил рецензию на очередное издание учебника Иловайского. Учебник должен был, по его мнению, отвечать современному состоянию исторической науки: необходимо убрать из него все легенды, отказаться от субъективизма при подходе к историческому процессу и вместить в небольшой объем возможно более широкое содержание, проявив при изложении политических и религиозных тем определенную для официального издания тактичность.

Опыт, который приобрел Платонов в Женском педагогическом институте и Константиновской гимназии, пригодился ему при создании учебника по русской истории. Первая его часть увидела свет в 1909 г., вторая вышла через год. Необычно большое число отзывов в печати свидетельствовало о внимании к книге. Общий вывод гласил: «Это, бесспорно, лучший учебник из всех сейчас существующих, самый подходящий для школы»[29]. Его отличали стройность и четкость плана изложения. Выявление особенностей отдельных периодов истории страны опиралось на социально-политическую характеристику каждого из них. Чтобы дать учащимся более ясное представление об эпохе, Платонов прибегал и к освещению внешней политики страны. Много внимания уделил он историческим деятелям, которые обрисованы скупыми, но выразительными штрихами.

В отличие от учебника Иловайского в книге Платонова получили освещение экономика и сословные отношения. Специальный раздел посвящен развитию Московского и Литовского великих княжеств, образованию Великорусского государства и переходу удельного быта в общегосударственный. Последний вопрос не затрагивался в других учебниках того времени. Эпоха Ивана Грозного и Смутное время характеризуются на основе собственных исследований Платонова. История России в его изложении предстает как закономерно развивавшийся процесс[30].

Во второй части учебника освещена история Российской империи от Петра Великого до Александра III. Деятельность Петра I Платонов считает исторически обусловленной. Она не изменила тип государства и положение основных сословий, а реформировала старый строй, придав ему более культурные, западноевропейские формы. В учебник введено много нового материала: в нем подробно говорится о дворцовых переворотах XVIII в., преобразовательской деятельности Екатерины II, Александра I и Александра II, оппозиционных движениях. С одинаковой корректностью Платонов пишет о восстании декабристов, славянофильстве и западничестве, революционерах 1880-х годов. Один из рецензентов отмечал: «Проявляется в новом учебнике и еще одна довольно редкая в руководствах истории черта. Многие составители учебников, излагая историю XVIII и XIX вв., умалчивают о многих фактах и даже прямо искажают их, благодаря чему и сама история становится темной и непонятной. Такие умолчания лишь подрывают доверие учеников к истории, а с фактами они все равно знакомятся... Правда — главное достоинство труда профессора Платонова»[31].

Удачная группировка материала в учебнике позволила автору, выделяя основную мысль, провести ее через все факты, которые становятся в стройный, исторически связанный ряд. Говоря о роли дворянской гвардии после смерти Петра I, ученый замечает: «Рост политической силы дворянства составляет самое главное и важное явление изучаемого периода временщиков. Оно имело большие исторические следствия». Историю возрастания политической роли дворянства Платонов подытожил в связи с рассмотрением жа-

лованной грамоты 1785 г.: «Все эти льготы и права, данные дворянам в 1785 г., представляли собою последнюю ступень в общем ходе возвышения дворянского сословия. Бесправное при Петре Великом шляхетство облегчило несколько свои тяготы при императрице Анне, замкнулось в благородное сословие при Елизавете, было освобождено от обязательной службы при Петре III, теперь, при Екатерине II, оно было обращено в привилегированное сословие с широким сословным самоуправлением и с большими административными полномочиями».

Приводя этот пример, рецензент заключал: «Вот где можно поучиться, как надо подчеркивать главную мысль!.. Как мало сказано: несколько слов вначале — высказана руководящая мысль, при изложении фактов она подчеркивается тоже двумя-тремя словами и в конце коротенькое резюме, занимающее 10 строк всего, а что этим достигнуто: перед вами не случайно стоящие факты, как в учебнике г. Елпатьевского, а целый процесс»[32]. Другой рецензент подчеркивал: «Каждая ступень исторического развития Русского государства охарактеризована Платоновым очень ярко и выпукло. Его учебник даст стройную и цельную концепцию русской истории, изложенную простым, но ярким и метким слогом. Следует выразить пожелание, чтобы учебник Платонова поскорее проник в среднюю школу, которая остро нуждается в здоровой научной пище, особенно в области русской истории»[33].

Из самых отдаленных уголков страны поступали заказы на новую книгу. Тираж разошелся в течение нескольких месяцев. Потребовалось новое издание. Впоследствии две части учебника, объединенные в один том, переиздавались ежегодно. Автор вносил некоторые исправления: шлифовал стиль, убирал лишние подробности. Шестое, седьмое и восьмое издания (1915—1916) печатались почти без изменений, но раздел о царствовании Александра III подвергся стилистической правке и смысловой корректировке. В апреле 1917 г., реагируя на происходящие события, Платонов дополнил учебник характеристикой царствования Николая II и довел изложение до Февральской революции и образования Временного правительства. Ученый сочувствовал обновлению политической жизни России в сторону демократических реформ.

Октябрьская революция не повлияла на интерес к учебнику, и в 1918 г. спрос на него сохранялся на прежнем уровне. В продажу поступило 10-е издание, повторившее предыдущий выпуск. Но весной 1919 г. картина изменилась. На складах издательской фирмы «Я.Башмаков и К°» скопилось большое количество экземпляров учебника, а в сентябре 1919 г. распоряжением ВЧК они были опечатаны. Отдел снабжения Народного комиссариата по просвещению, занимавшийся распространением учебной литературы, получил отзыв о непригодности «Учебника русской истории» Платонова для советской школы. После этого на русском языке он вышел в свет лишь в Праге, в 1924—1925 гг. Отдельные фрагменты учебника были напечатаны в 1937 г. типографией Высшей школы пропагандистов им. Я.М.Свердлова при ЦК ВКП(б) для внутреннего пользования, что явилось своеобразным признанием превосходства труда Платонова над учебной литературой тех лет с точки зрения фактической полноты и мастерства изложения. Предлагаемая читателю книга воспроизводит издание 1917 г., с сохранением в ряде случаев авторского написания, не принятого в современной орфографии (в том числе при передаче некоторых имен собственных).

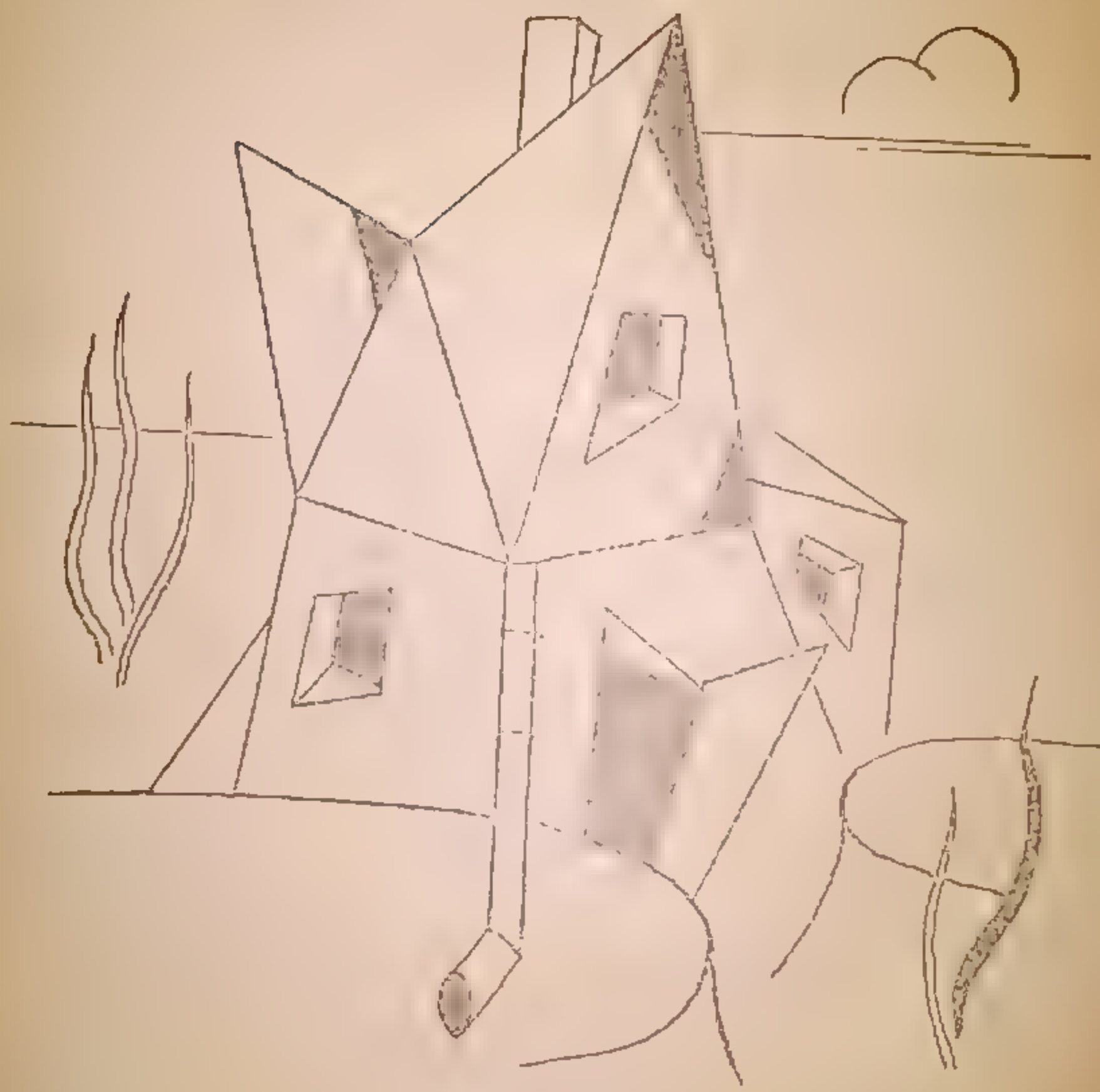
В.А.Колобков,
кандидат исторических наук

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ), ф.585, №1211, лл. 2—3.
[2] Дела и дни, 1921, кн. 2, с. 104.
[3] Там же, с. 105.
[4] Там же, с. 113.
[5] Там же, с. 122.
[6] Там же, с. 128.
[7] ОР ГПБ, ф. 585, №1716, л. 9об.
[6] Там же, №240, лл. 4—4об.
[9] Дела и дни, 1921, кн. 2, с. 213; ОР ГПБ, ф. 585, №4273, л.3.
[10] ОР ГПБ, ф. 585, №1716, лл. 3—3об.
[11] Там же, №4045, лл.1—2.
[12] Там же, №3656; №1211, л. 18; №4610, л. 1.
[13] Русская историческая библиотека. Т.XIII. СПб., 1891; Полное собрание русских летописей. Т. XI. СПб., 1897.
[14] ОР ГПБ, ф. 585, №296.
[15] Дела и дни, 1921, кн. 2, с. 132—133.
[16] ОР ГПБ, ф. 585, №4842, л. 2.
[17] Там же, №№539, 3669, 33, 36.
[18] Там же, №6, лл. 7об., 8об.
[19] Там же, №№587, 588; *Брачев В.С.* «Дело» академика С.Ф.Платонова. — «Вопросы истории», 1989, №5, с.122—123.
[20] «Ленинградская правда», 6—9.II. 1929.
[21] ОР ГПБ, ф. 585, №1975, лл. 1—2.
[22] «Красная газета», 31.VII.1929.
[23] ОР ГПБ, ф. 585, №687.
[24] Там же, №653, л. 1; *Брачев В.С.* «Дело» академика С.Ф. Платонова. — «Вопросы истории», 1989, №5, с. 119, 122—124.
[25] ОР ГПБ, ф. 585, №652; №690, л. 6.
[26] Там же, №690, лл. 6—7.
[27] Там же, №2378, л. 14об.
[28] Память. Вып. 4. М., 1979 (переизд. — Париж, 1981), с. 475, 477, 480—481.
[29] *Покотило Н.П.* Практическое руководство для начинающего преподавателя истории. СПб., 1914, с. 405.
[30] «Русская школа», 1910, №3, с. 5—9.
[31] «Исторический вестник», 1910, т. 120, с. 35—36.
[32] *Покотило Н.П.* Практическое руководство для начинающего преподавателя истории. СПб., 1914, с. 406—407.
[33] «Русская школа», 1910, №3, с. 9.

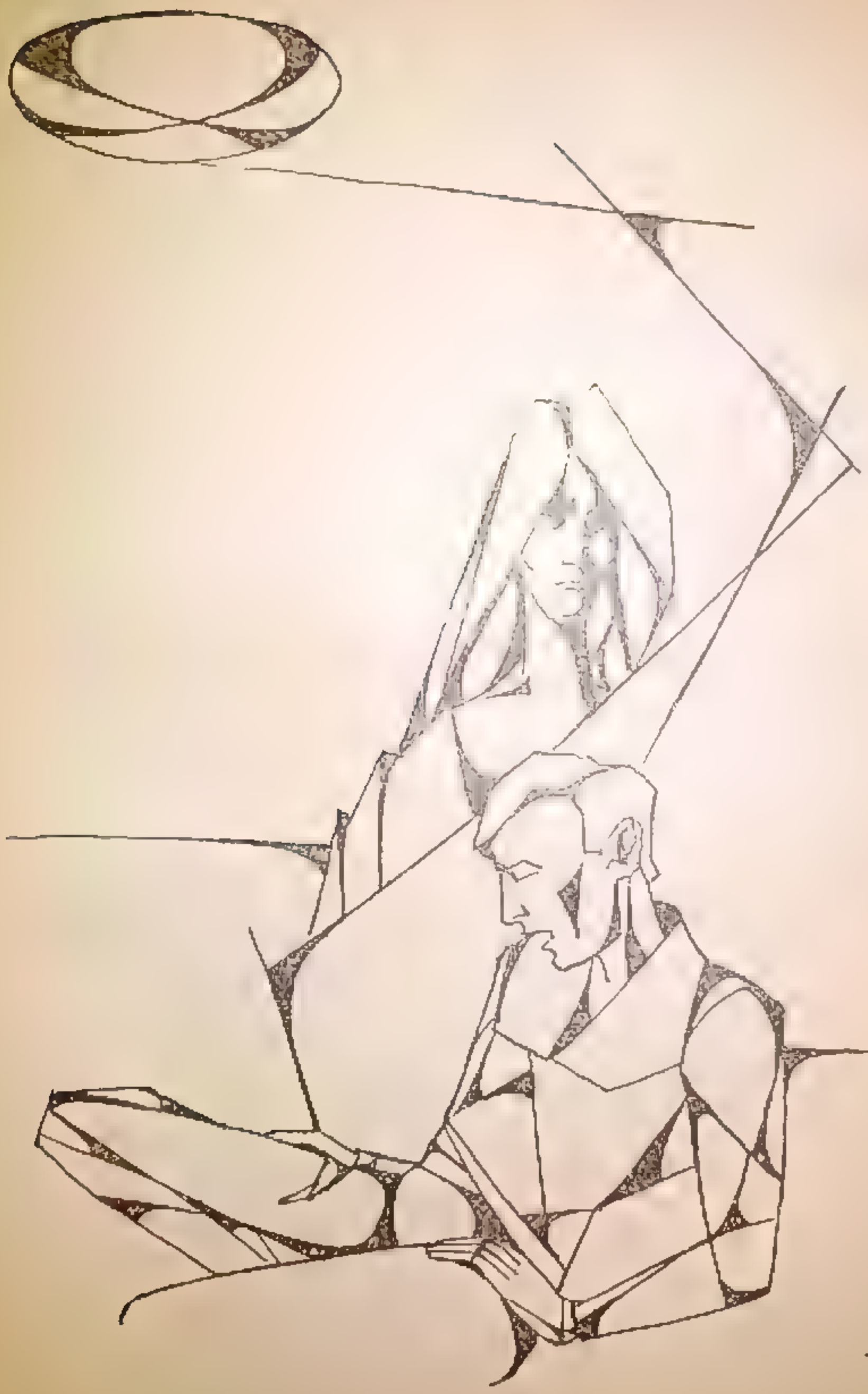
ХРУСТАЛЬНАЯ МЕДУЗА

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ



РИГА · ЛИЕСМА · 1985

ЭКСПЕРИМЕНТ



СОДЕРЖАНИЕ

Повести

Два гусара 6
Утро помещика 48
Казаки 85

Рассказы

Набег 198
Рубка леса 215
Поликушка 240

Севастопольские рассказы

Севастополь в декабре месяце 280
Севастополь в мае 290
Севастополь в августе 1855 года 323

Лев Николаевич Толстой

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

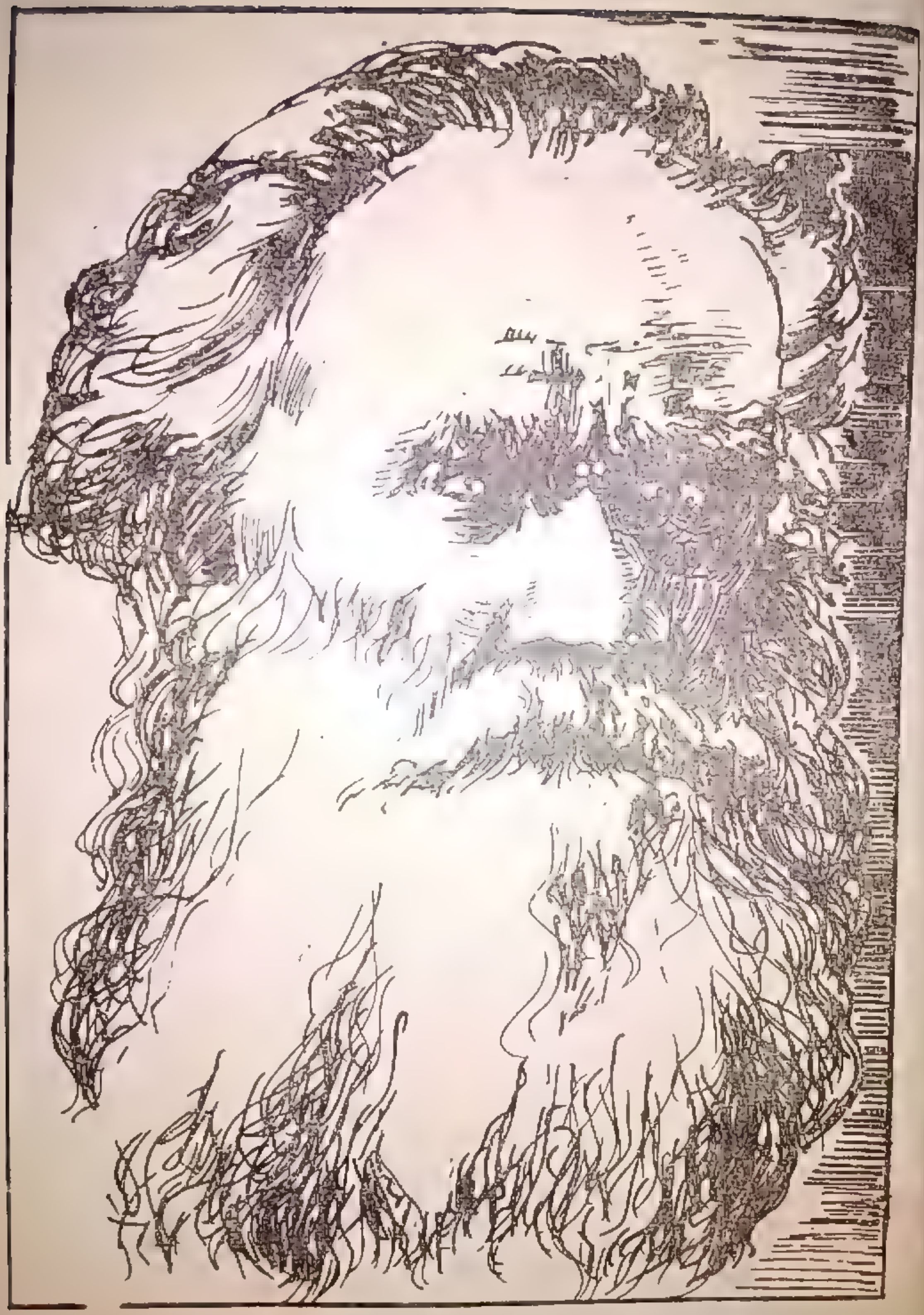
Редактор А. Тимофеева
Художник А. Тленшиев
Художественный редактор Б. Табылдиев
Технический редактор Н. Галицкая
Корректоры Ж. Абдельдинова, Д. Ахонькова

ИБ № 2893

Сдано в набор 25.12.84. Подписано к печати 10.09.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 23,0. Усл. кр.-отт. 23,8. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 200 000 экз. (2-й завод 1—60 000 экз.). Заказ № 3894. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 480124. г. Алма-Ата, пр. Абая. 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.



СОДЕРЖАНИЕ

Дума о народе. Ш. Галимов 5

Повести

Деревянные кони 19
Пелагея 48
Алька 110
Вокруг да около 163
Безотцовщина 209
Мамошиха 252

Рассказы

Михей и Иринья 297
Валенки 306
Когда делаешь по совести 308
Золотые руки 310
Бабилей 312
Из колена Аввакумова 323
Сказание о великом коммунаре 331
Бревенчатые мавзолеи 340
Дорогами Суворова 341
Куст рукотворный 346
Как Лукеша свою жинку замуж выдала 349
Жарким летом 351

Примечания 366

Серия «Русский Север»

Абрамов Федор Александрович

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Редактор *В. К. Лиханова*
Художник *Р. С. Климов*
Фотопортрет работы *Р. П. Кучерова*
Художественный редактор *А. С. Мазурин*
Технический редактор *Н. Б. Буйновская*
Корректоры *Г. В. Смагина, В. А. Фокича*

ИБ № 620

Сдано в набор 12.12.1984 года. Подписано в печать 22.04.1985 года. Форм. бум. 84×108/32 (бум. тип. № 2). Гарнитура «Литературная». Высокая печать. Усл. п. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,32. Уч.-изд. л. 20,28. Тираж 100 000 (2-й завод 50 001—100 000). Заказ 391.
Цена 1 руб. 50 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, 160000, Вологда, ул. Урицкого, 2.
Областная типография, 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

84.4Фр
З 81

Перевод
П. Немчиновой

Художник
Б. Лавров

Золя Э.
З-81 Жерминаль: Роман / Пер. с фр. Н. Немчиновой; Худож. Б. Лавров.— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1984.— 400 с., ил.

Переиздание романа классика французской литературы. Автор разоблачает жизнь буржуазную теорию о классовой гармонии. Рабочий, как это показано в романе, по может не быть пленником нужды в обществе, где господствует власть денег.

З 4703000000
153(42)—84

84.4Фр

© Приволжское книжное издательство, 1984.
© Издательство «Правда», 1981.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

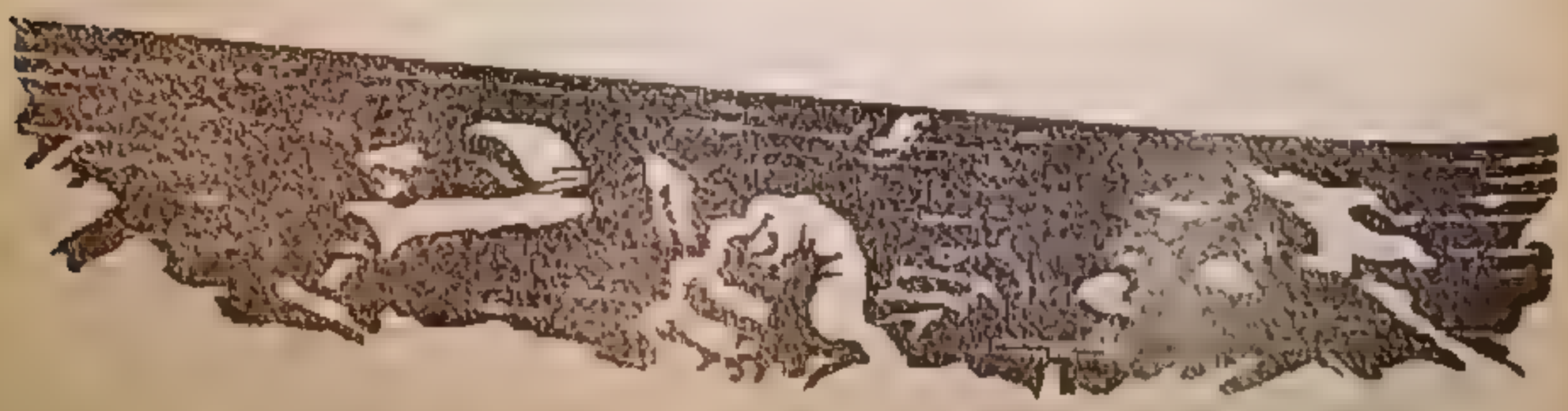
I

Усадьба Грегуара, именовавшаяся Пиолена, находилась в двух километрах от Моису, к востоку от города, в сторону Жуазеля. Господский дом — квадратное здание без всякого архитектурного стиля — построен был в начале прошлого века; из всех обширных земель, когда-то входивших в имение, осталось около тридцати гектаров, окруженных изгородью; содержать владение в порядке было нетрудно. Прекрасный огород и плодовый сад Грегуара стали знамениты: фрукты и овощи, выращиваемые в Пиолене, славились во всей округе. Правда, в усадьбе не было парка, его заменял маленький перелесок, зато аллея в триста метров, обсаженная старыми липами, ветви которых переплетались, образуя длинный свод — от ворот до крыльца дома, считалась одной из достопримечательностей на этой голой равнине, где на всем пространстве между Маршьеном и Боны большие деревья были наперечет.

В это утро супруги Грегуар встали в восемь часов. Они любили поспать и обычно поднимались часом позже; но буря, бушевавшая ночью, привела их в первое состояние. Муж тотчас же отправился посмотреть, не натворил ли ветер беды, а жена, надев фланелевый капот и шлепанцы, пошла на кухню. У этой маленькой толстой старушки даже в пятьдесят восемь лет, при белоснежных сединах лицо хранило детски удивленное выражение.

— Мелани,— сказала она кухарке,— не спечь ли нам слоеную булку, раз тесто уже готово? Барышня встанет через полчаса, не раньше. А с каким удовольствием она выпьет за завтраком чашку шоколада со слоеной булкой... Право, приятный был бы ей сюрприз!

Кухарка, худощавая старуха, служившая у Грегуаров тридцать лет, засмеялась:



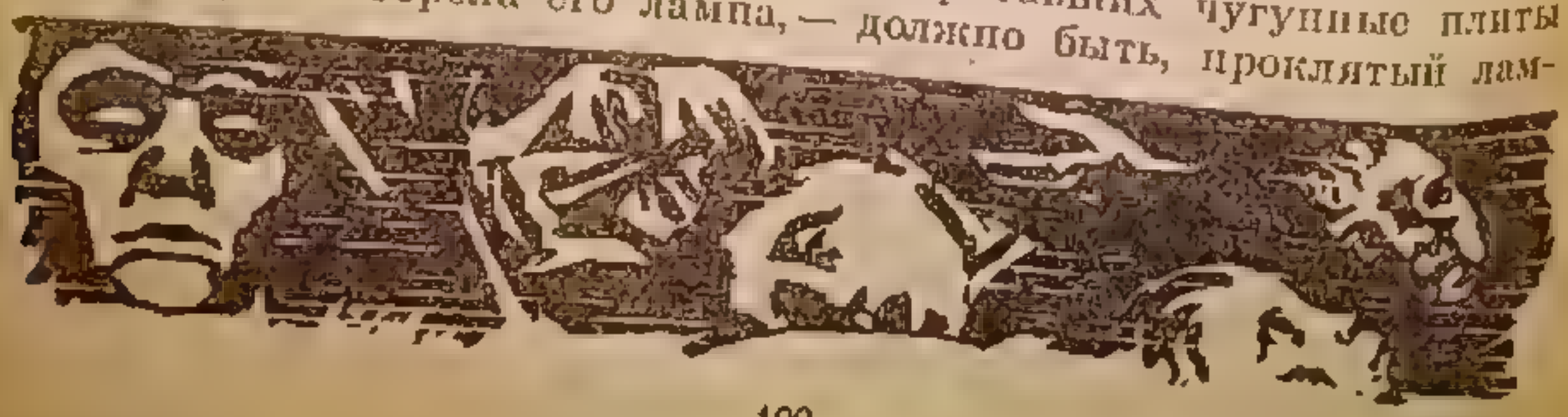
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

На следующее утро Этьен опять спустился в шахту, и так пошло день за днем. Он начал привыкать, соразмерял все свое существование с новой работой, приобретал в ней сноровку, хотя вначале она показалась ему невыносимой. В первые две недели одного разве его жизнь нарушила лишь недолгая болезнь, на двое суток приковавшая его к постели: все тело у него ломило, голова пылала; в жару лихорадки его преследовал один и тот же сон, почти бредовое видение: ему чудилось, что он пробирается с вагонеткой в узком штреке, таком узком, что его тело не пролезает там. Болезнь была вызвана мучительным напряжением в первые дни ученичества, крайней усталостью, и он быстро оправился.

Как и все его товарищи, он вставал в три утра, пил кофе и уходил, захватив с собой толстый бутерброд, приготовленный для него с вечера женой Распера, ежедневно по дороге в шахту он встречал старика Бессмертного, отправлявшегося домой спать, а возвращаясь, сталкивался с Бутлу, который шел на работу в дневную смену.

Он обзавелся шахтерской одеждой — шапкой, штанами, парусиновой курткой; так же, как и все, он дрожал от холода и грелся у пылающей печки в раздевальне. Потом, стоя босиком, ждал в приемочной, по которой гуляли свирепые сквозняки. Но машина, поблескивавшая наверху в полумраке стальными своими частями с медными перехватами, больше его не занимала; не интересовали его также и тросы, мелькавшие в бесшумном полете, словно черное крыло ночной птицы, ни клети, непрестанно ныряющие и выплывавшие среди гула сигналов, голосов, выкрикиваемых приказы, грохота вагонеток, сотрясавших чугунные плиты пола. Тускло горела его лампа, — должно быть, проклятый лам-



ПОСЛЕСЛОВИЕ*

Во французской литературе последней трети XIX века Золя, пожалуй, самая заметная фигура. Современник таких выдающихся писателей, как Флобер, Гонкуры, Мопассан, молодой Анатоль Франс, Золя сказал свое неповторимое слово в искусстве и был наиболее читаемым романистом у себя на родине и за ее пределами; в России не было более популярного французского писателя, чем автор «Ругон-Маккаров».

После Бальзака нельзя назвать во Франции художника, который создал бы такую же широкую и беспощадно правдивую картину действительности, как Эмиль Золя. После Виктора Гюго трудно назвать пример такой же благородной и непримиримой гражданской позиции писателя, такой бесстрашной и стойкой защиты идеалов гуманизма и демократии. Влияние личности и деятельности Золя на его поколение было огромно. Над могилой Золя Анатоль Франс определил его как «этап в сознании человечества» и заявил, выражая мнение многих современников, что «по тому размаху, которого достигло его творчество, Золя можно сравнить только с Толстым». Мопассан назвал Золя «революционером в литературе», восхищался его «добротным, понятным, могучим языком». Литературное наследие Золя не утратило своего значения и в наши дни потому, что, как выразился один из крупных прогрессивных писателей XX века Генрих Манн, Золя «не только создавал произведения, но и утверждал истины. Истина стала душой его творчества».

Как личность и писатель Эмиль Золя (1840 – 1902) принадлежал новому времени. Сын инженера, строителя одной из первых во Франции железных дорог, он ребенком был увезен из Парижа и провел детские и отроческие годы в живописном Провансе, в городке Эксе (впоследствии послужившем моделью для городка Плассана, где развертывается действие многих его романов). Рано лишившись отца, Золя восемнадцатилетним юношей вернулся в Париж без гроша в кармане, но полный решимости завоевать себе место под солнцем. Годы нищенского существования на столичных окраинах, невозможность получить образование в высшей школе, одиночество, унизительные поиски

---

* Послесловие дается в сокращении.

заработка, никчемная служба в парижских доках — все много-
кратно изображенные по французских романах XIX века мы-
тарства молодого талантливого бедняка не сломили волю буду-
щего писателя. В 1862 году, получив наконец скромную долж-
ность в отделе рекламы крупнейшей книготорговой фирмы Ашетт,
он оказался причастным к литературной жизни Парижа, завя-
зал знакомство с видными писателями и стал пробовать собствен-
ное перо. С этого времени для Золя начались жизнь профессио-
нального литератора, журналиста, поэм романиста, полная
борьбы и полемики, потому что он проповедовал в искусстве по-
лые идеи. Убежденный демократ и республиканец, он вел в прессе
борьбу против бонапартистского режима Второй империи, а за-
тем обличал буржуазную реакцию периода Третьей республики.
Главным делом его жизни было создание обширного цикла рома-
нов «Ругон-Маккары» (1871—1893), за которым последовали еще
два цикла «Три города» (1894—1898) и незавершенное «Четве-
роевангелие» (1900—1902). К концу 1870-х годов Золя получил
во Франции признание как романист. В 1890-е годы ему принес-
ла славу мужественная борьба в защиту демократии против объе
динившихся реакционных сил монархистов, церковников и воен-
щины. Открытое письмо Эмиля Золя президенту Франции по по-
воду «дела Дрейфуса», опубликованное под заглавием «Я обви-
няю!», имело резонанс во всем мире, привело, с одной стороны,
к судебному преследованию и травле Золя и завоевало ему ува-
жение всех прогрессивных сил — с другой. Умер Золя от несчаст-
ного случая — отравления угарным газом.

Годы литературного ученичества Золя прошли в русле ро-
мантизма. Молодой писатель, резко отрицательно настроенный
по отношению к реакционной Второй империи, естественно,
искал опоры в мечтах о прекрасном мире любви и справедливости,
в гуманистических идеалах, которые он находил у романтиков
демократического крыла: у Виктора Гюго — тогда политическо-
го изгнанника, у Жорж Санд, а также в низовых, демократиче-
ских жанрах романтизма, социально-приключенческом газетном
«романе-фельетоне» (типа романов Эжена Сю и А. Дюма) и ме-
лодраме. В таком духе написаны ранние произведения Золя.
Однако его все больше привлекали новые веяния в литературе.
В те годы во Франции завершался промышленный переворот,
бурно развивалась техника, естественные науки, и это, казалось,
открывало неожиданную перспективу перед искусством: опи-
раясь на науку, глубже проникнуть в жизнь. Социально-истори-
ческий анализ бальзаковского типа теперь представлялся недос-
таточным. Исходя из философии позитивизма, новое искусство
стало смотреть на человека как на часть биологического мира,
стремилось объяснить его поступки и душевные движения фи-
зиологической организацией, влиянием внешней среды, раздра-
жающей нервы, инстинктами, передающимися из поколения в
поколение. Физиологическая сторона страстей интересовала уже

ателя «Госпожи Бовари» (1857). А в 1864 году появилось программное произведение братьев Гонкур, роман «Жермини Ласерте», построенный главным образом на анализе «невроза», физиологического отклонения от нормы, которое составляет трагедию служанки Жермини и доводит ее до полной деградации и гибели. Книга Гонкуров, вызвавшая травлю авторов ханжеской буржуазной критикой, ободрила молодого Золя на том пути, на который влекло его собственное творческое развитие.

Именно в это время стала складываться литературная теория Золя, получившая наименование «натурализма», которая поставила его во главе школы и во многом определила характер его зрелого творчества. Пропаганду натурализма Золя считал своей высокой миссией и выполнял ее с большим упорством и темпераментом на протяжении многих лет. Его статьи по этому вопросу были объединены в сборники «Что мне ненавистно», «Экспериментальный роман», «Романисты натуралисты», «Натурализм в театре» и другие, опубликованные в разные годы. Формированию теории Золя способствовало также личное его общение с выдающимися писателями реалистического направления — Флобером, Гонкурами, И. С. Тургеневым, подолгу жившим тогда в Париже[1], и близость к молодым художникам-импрессионистам — Полю Сезанну (который был другом детства Золя), Э. Мане, К. Моне, Дега и другим.

Натурализм для Золя — это искусство, отражающее объективную действительность, искусство жизненной правды, которую он отстаивал от всякого рода нереалистических течений, начиная с классицизма и романтизма и кончая декадентством, укрепившимся в последней четверти XIX века (когда у импрессионистов стали проявляться декадентские черты, Золя порвал с ними). Искусство — по мысли Золя — должно быть поставлено на твердую научную основу; подобно науке, оно должно изучать только факты — ведь реальная действительность дает художнику неисчерпаемый материал и служит неиссякаемым источником вдохновения. Для художника нет запретных сфер, он имеет право вторгаться в любые стороны жизни, даже самые низменные, прежде считавшиеся «нехудожественными». В теории Золя содержался страстный призыв служить истине, вера в творческие

---

[1] Известно, какую большую роль сыграли в жизни Золя его отношения с Россией. Через Тургенева он связался с петербургским журналом «Вестник Европы», где начиная с 1875 года печатались переведенные прямо с рукописи или с корректуры многие его романы и статьи. Часто русские читатели знакомились с новыми произведениями Золя прежде, чем его соотечественники. Впоследствии в предисловии к «Экспериментальному роману» Золя выразил горячую благодарность «великому народу, благосклонно пожелавшему принять меня в число своих корреспондентов в ту пору, когда ни одна газета в Париже не печатала моих статей и не одобряла моих литературных битв. В один из переживаемых мною ужасных дней нужды и упадка духа России вернула мне веру в себя, всю мою силу, дав мне трибуну и публику, самую образованную, самую отзывчивую публику».

силы человека. Но, увлекшись философией позитивизма, он уподобил человеческое общество неорганическому и животному миру и не различал особых закономерностей общественной жизни. «Те же законы управляют камнем на дороге и мозгом человека»,— утверждал он. В теории человек сводился для него к «общему механизму природы», становился рабом своей биологической сущности, например наследственности, и воздействующей на него «внешней среды»; в этом позитивистском понятии не расчленялись природная среда и среда социальная, чье решающее влияние на формирование человеческой личности с такой глубиной исследовал Бальзак. Научный пафос, пронизывающий литературную теорию Золя, терял свою научность при попытках объяснить жизнь общества биологическими законами в эпоху, когда уже были сделаны великие открытия марксизма.

С середины 70-х годов во Франции начинается подъем массового рабочего движения, которое после Коммуны некоторое время находилось в плену реформизма. Экономический кризис 1875 года, особенно усилившийся к 1873 году, привел к росту социалистических идей и вызвал волну стачек по всей стране. В 1880 году на Гаврском съезде было оформлено создание французской Рабочей партии, руководимой Жюлем Гедом и Полем Лафаргом, с марксистской, в основном, программой; в следующем, 1881 году произошел раскол Рабочей партии: полемика лидеров различных направлений - сторонников Геда, анархистов и «мнимых социалистов», посыпавшаяся — широко освещалась в прессе. Амнистия коммунарам, которой в 1880 году, после десятилетней борьбы, добилась прогрессивная общественность Франции, привлекла еще большее внимание к социализму. Золя, чутко откликавшийся на все новое в жизни, после «Западни» собирался написать еще один рабочий роман, «по преимуществу политический и революционный», отнесенный к маю 1871 года, с рабочим-коммунаром в качестве главного героя. Но тем временем в 1878 году произошла стачка в шахтах Анзена, в 1880 и 1884 годах — две стачки в копях Па-де-Кале, в 1882 году - стачка в Монсо-ле-Мин. И Золя, захваченный драматизмом пролетарской борьбы, изменил первоначальный замысел: вместо романа о коммунаре появился роман об углекопах - «Жерминаль». Окончательно это произведение оформилось во время пребывания Золя в Анзене, где он лично наблюдал забастовку двенадцати тысяч рабочих, продолжавшуюся пятьдесят шесть дней и окончившуюся поражением.

«Жерминаль» — уникальная книга в творчестве Золя и во всей французской литературе XIX века. В ней впервые с громадной художественной силой изображено столкновение труда и капитала как двух враждебных общественных классов, затронут тот конфликт, которому, по прозорливому замечанию Золя, предстояло стать «главным вопросом XX века». С необычайной для его времени смелостью Золя положил в основу сюжета не семей-

ные коллизии или деловую карьеру героя, а эпизод классовой борьбы пролетариата — историю стачки. Роман рисует ее возникновение, перипетии, мужество и стойкость бастующих, их борьбу против штрейкбрехеров, наконец, кровавую бойню, устроенную брошенными против рабочих войсками, и горечь поражения. Открытие этой темы было величайшей заслугой Золя как писателя. В «Жерминале» он поднялся над своими натуралистическими схемами и, опередив литературных современников, создал эпическое полотно народной жизни и народного возмущения, исполненное высокой правды, гуманности и суровой поэзии.

Действие «Жерминаля» отнесено к 1865 году и основано, как всегда у Золя, на тщательном изучении документов. Но он не ставил себе задачу написать исторический роман. Как и в других книгах «Ругон-Маккаров», он проецировал прошлое на современность и обратно, сверял и освещал одно другим, жертвуя исторической точностью ради широты художественного обобщения. В «Жерминале» документы 1860-х годов соединены с фактами, относящимися к рабочему движению 1880-х годов, когда создавался роман, и это усиливало его актуальность.

С беспощадной правдивостью изображены в романе чудовищные условия жизни и труда французских пролетариев. Перед потрясенными читателями «Жерминаля» встали картины социальной трагедии, о которой они и не подозревали,— трагедии каждодневного существования рабочего класса, узаконенной, ежечасной, повторяющейся из года в год, из поколения в поколение.

Вот в предутренней мгле, дрожа от холода в своих лохмотьях, угрюмые вереницы рабочих стекаются к шахте — мужчины, старики, женщины, дети; людей, «как скот, грузят в клети»; забойщики, откатчицы задыхаются от жары в узких забоях, среди рудничного газа, потоков подземной воды, под постоянной угрозой гибели, измученные нечеловеческим трудом, доведенные до крайней степени унижения, полуголодные, голые, как животные, на всю жизнь прикованные к шахте, словно те лошади, которых поднимают на поверхность только после смерти. Золя откровенно рисует невежество и пороки, неизбежно бытующие в рабочей среде, но он неизмеримо поднимается над своим первым рабочим романом, потому что рисует героев «Жерминаля» как класс. Их объединяет не случайное соседство по дому, улице или мастерской, а общее положение наемных рабочих, определяющее их судьбу. Если в «Западне» прилежная и копящая семья Гуже процветает, то в «Жерминале» такая же трезвая и работящая семья Маэ гибнет, как и все остальные: годы непосильного труда и лишений приводят их к физическому вырождению, целая рабочая династия, пять поколений этой семьи находят смерть под землей.

И тут никто лично не виноват: таково само общественное положение пролетария, он должен кормить Капитал — этого «тучного

угля, восседающего в далеком капище», чей символический об-
раз проходит через весь роман. В мире «Ругон-Маккаров»,
как и в мире «Человеческой комедии», владычествует «всемогу-
щая пятифранковая монета», но капитал уже не совпадает в
сознании людей с личностью его владельца; во времена Золя капи-
тализм дошел до стадии анонимных промышленных и банковских
обществ, и вместо Гобсека или Нусингена действует таинствен-
ная Биржа («Деньги») или столь же таинственная Компания,
которой рабочие «Жерминаля» никогда в глаза не видали. Они
имеют дело только со второстепенными лицами. Золя сознатель-
но нарисовал персонажей из лагеря эксплуататоров не какими-то
злодеями, а самыми обыкновенными людьми, — как деятельный
и смелый инженер Негрель, изнемогающий в борьбе с копку-
рентами мелкий шахтовладелец Депорт, директор шахты Энбо,
затаивший в душе глубокую личную драму. Никто из них не
хочет рабочим зла, но они помимо воли становятся орудием клас-
сового угнетения, и рабочие с полным правом смотрят на них как
на врагов. Многочисленные сцены романа, с плакатной наглядностью противопоставляют праздный класс классу тружеников. Таков изысканный завтрак у Энбо, составляющий контраст со скудным ужином в шахтерской семье Маэ, стоившим матери стольких трудов и унижений; таков «заурядный адюльтер» в доме директора шахты, который, по признанию Золя, понадобился ему, чтобы показать ничтожность страданий Энбо «на фоне грозного рева толпы, в котором рвется наружу боль целого класса»; прогулка дам к месту обвала шахты, когда они восторгаются живописностью пейзажа, и то рабочие откапывают засыпанных товарищей. Особенное значение приобретает семья добродушных и по-видимому таких безобидных Грегуаров, которые, пребывая в совершенном безделье, вот уже целых сто лет кормятся одной-единственной акцией умерших жен и считают само собой разумеющимся, что «их добрые рабочие» обеспечивают им сытость и уют. И наконец, все эти противопоставления сводятся к символической сцене, в которой старый шахтер Бессмертный — архитип рабочего класса — душит Сесиль Грегуар — архитип класса праздного.

Новаторство «Жерминаля» проявилось и в том, что здесь впервые предметом художественного изображения стал труд. Рисуя пролетария, Золя не мог нарисовать его вне трудовой деятельности. Труд составляет в романе содержание жизни рабочего, определяет его личность, психологию, физический облик, его заботы и мечты, его отношение к окружающим — сама его человеческая сущность сводится к труду. Именно коллективный труд создает общность интересов, заставляющую рабочих объединиться против имущего класса, который тоже объединяется для защиты своих богатств. С большой убедительностью Золя показывает, что только в открытой борьбе против хозяев возникает новое явление — рабочая солидарность, чувство братства. Солидарность

поднимает рабочего до уровня человека, помогает преодолеть вековую покорность, учит ставить общее дело выше личных интересов. Супруги Маэ, не согласные с идеей стачки, присоединяются к бастующим только потому, что «нельзя же бросать товарищей!» Замечательна сцена робкого и трудного пробуждения человеческого достоинства в шахтере Маэ, который выступает перед директором как представитель забастовщиков: «Он поднял глаза и говорил, устремив взгляд на директора. Теперь уже его было не остановить». Даже в жестоком и грубом Шавале в трудную минуту пробуждается «благородное желание помочь товарищу», а после катастрофы в шахте рабочие проявляют массовый героизм, ведя спасательные работы. Опустившись в толщу трудящегося народа, Золя обнаружил там совсем новые для литературы характеры и отношения, каких он никогда не наблюдал в буржуазной среде. Это «отъявленная бунтовщица» Горелая, с ее седыми космами и орлиным носом, возглавляющая голодную толпу забастовщиков и гибнущая от солдатской пули; Бессмертный, у которого через полвека примерной работы внезапно прорывается подсознательная ненависть к угнетателям; робкая, забитая Катрин, сумевшая сохранить среди почти животного существования нежность и поэтическую женственность; простой рабочий парень Захарий, которому кажущаяся душевная примитивность не мешает пожертвовать собой ради спасения сестры. Наконец, самый значительный и изменный образ «Жерминаля» — мать Маэ, душа и глава рабочей семьи, страдалица и труженица, у которой шахта постепенно отнимает детей и мужа. Выведенная стачкой из состояния безнадежной покорности, она «меняется на глазах», в ходе тяжкой борьбы становится одной из самых стойких, а после поражения сохраняет веру в завтрашний день. Эта величественная, полная долготерпения и мужества фигура женщины из народа приобретает символическое значение материнства, продолжения жизни, надежды на будущее и предвосхищает многие образы матери в прогрессивной литературе XX века.

С горячим сочувствием рисуя стачку шахтеров, Золя, однако, изобразил ее как слепой бунт темной массы, движимой скорее животным инстинктом голода, чем сознательным протестом против угнетателей. Даже для 1860-х годов он преувеличил стихийность рабочего движения, тем более для 1880-х годов, когда у рабочего класса Франции был уже опыт Парижской коммуны. В романе очень точно исследованы экономические причины стачки: промышленный кризис и снижение расценки на вагонетку угля, на которое пошла Компания шахтовладельцев, спасая за счет рабочих свои дивиденды. Но политическая сторона рабочего движения выглядит гораздо менее достоверно. Презрение к буржуазному политиканству, заклейменному во многих романах и статьях Золя, внушило ему недоверие к политике вообще, в том числе и к революционной политической борьбе народа. Убеж-

ценный сторонник демократии, с таким мужеством вставший на
ее защиту в 90-е годы, не понял Парижской коммуны и опасался
революционных потрясений будущего. В соответствии со своей
позитивистской философией Золя понимал жизнь природы и
общества как неудержимую эволюцию, независимо от воли лю-
дей ведущую к прогрессу. Здоровое начало жизни рано или позд-
но преодолеет порочный общественный строй, все социальные
болезни и приведет человечество к победе разума и справедливос-
ти. Эта оптимистическая концепция бытия, ярко выразившаяся
в таких романах, как «Радость жизни» (1884) или «Проступок
аббата Муре» (1875), с его символическим образом «земного
рая» — сада Параду, побуждала Золя даже идеализировать не-
которые стороны буржуазного прогресса (например, в романах
«Дамское счастье», «Деньги»).

Ко времени написания «Жерминаля» надежды на будущее окончательно связываются у Золя с народом, в котором он усматривает здоровую жизненную силу: исследуя общество, он, по собственному признанию, «каждый раз наталкивается на социализм», но воспринимает его сквозь туман мелкобуржуазных предрассудков и иллюзий. В «Жерминале» действуют представители главных направлений во французском рабочем движении: социалист Плюшар, пропагандирующий идеи Жюля Геда, анархист Суварин, которого Золя наделил внешностью Петра Кропоткина (находившегося в те годы в парижской эмиграции), и посибилист Раснер. Однако их взгляды изложены крайне упрощенно, а ссылки на Маркса показывают, что Золя имел весьма приблизительное представление о научном социализме (он знакомился с марксизмом из вторых рук, по книгам буржуазных экономистов). Этьен Лантье, возглавляющий стачку, колеблется между различными идеями, которые по ходу романа обнаруживают свою несостоятельность. Обманутыми оказываются надежды рабочих на немедленное крушение капитализма в результате стачки, которое будто бы обещает посланец Социалистического интернационала Плюшар; действия анархиста Суварина приводят лишь к новой трагедии; Золя склонен думать, что ближе всех к истине посибилизм, который устами Раснера утверждает, что «насилие никогда не приводило к добру» и что надо терпеливо ждать, пока в обществе созреет будущее, как зреют в свой срок брошенные в землю семена. По существу, в романе нет ни одного правдивого образа рабочего вожака. Этьен Лантье по мере своего умственного и политического развития все больше отдаляется от товарищей, попадает во власть честолюбия и обнаруживает признаки буржуазного перерождения.

Но пусть Золя неясно представлял себе истинные законы истории, пусть в его словаре во времена «Жерминаля» еще не было термина «классовая борьба» и для него оставалось закрытым действительное значение организованной политической борьбы пролетариата. На страницах «Жерминаля» встает «красный приз-

рак Революции», и весь эмоциональный строй романа подтверждает ее нравственную правоту. Стихийный бунт нескольких тысяч углекопов вырастает под могучей кистью Золя в пекое предвестие апокалипсической катастрофы, которая «в жестокой схватке сметет старый мир». И рассказ о конкретном, документально подтвержденном событии выливается в экстатическую поэму народных страданий, борьбы и мщения, выраженную в простых и гигантских образах, достойных древнего эпоса. Грозное шествие голодной толпы через замерзшую равнину, увиденное дважды — сперва сочувственными глазами автора, потом расширенными глазами перепуганных буржуа,— описано торжественной ритмической прозой, звучащей, как гомеровский гекзаметр, и ритм этот подчеркивается трагическим рефреном: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!» Почти каждый образ, каждая сцена романа получают символическое значение: шахта, ненасытное чудовище, «поглощающее ежедневную порцию человеческого мяса»; черные плевки Бессмертного, выхаркивающего уголь из съеденных легких; погибающая в затопленной шахте лошадь; разгром продовольственной лавки обезумевшими от голода людьми и издевательства над трупом лавочника — символ слепого кровавого бунта; и страшная, одна из первых в мировой литературе, сцена расстрела безоружных рабочих; и описание провала в бездну страшной шахты, олицетворяющего грядущий конец преступного мира.

Но Золя не ограничивается социальной символикой; за жизнью общества для него всегда стоит вечная жизнь природы, и вера в ее непреложные законы влушает писателю надежду на будущее. Поэтому поэтические символы «Жерминаля» разрастаются в своего рода мифы, выражающие главные вопросы человеческого бытия: жизнь, любовь, смерть, обновление, которые по художественной логике Золя соответствуют кругообороту природы.

Эта символика заложена в самом названии книги: жерминаль — весенний месяц по календарю французской революции, месяц прорастания посевов в предвидении будущей жатвы. И образ семени, брошенного в землю и поднимающегося из нее в виде ростка, образ зимы и весны, гибели и возрождения, прошлого и будущего настойчивым лейтмотивом проходит через весь роман, вплоть до его последней страницы. В «Жерминале» происходит встречное движение образов: вниз и вверх. Рабочие непрестанно спускаются вниз, под землю; под землей находят смерть целые поколения и многие персонажи романа; земля разверзается под рухнувшей шахтой. Но под землей расцветает любовь Катрин и Этьена; в земле, «подобно зерну пшеничному» прорастают «семена гражданского сознания», «из глубины шахт поднимается целая армия бойцов», в земле зарождается новая жизнь, зреет завтрашний день. После трагических картин страдания, смертей и катастрофы возникает светлая мелодия финала, и она разрастается в гимн весеннему обновлению природы и грядущему торжеству справедливости, которое Золя провидит за всеми бедствия-

ми, бурями и беспощадной социальной борьбой. «По всей равнине набухали брошенные в землю семена, и, пробивая ее корку, всходы тянулись вверх, к теплу и свету... К земле, залитой сверкающими лучами солнца, вернулась молодость... Из недр ее тянулись к свету люди — черная армия мстителей, медленно восходившая в ее бороздах и постепенно поднимавшаяся для жатвы будущего столетия, уже готовая ростками своими пробиться сквозь землю». По этим весенним полям, под которыми слышится неумолчный стук шахтерских обушков, Этьен Лантье уходит вдаль, навстречу новой борьбе и надежде.

Огромная художественная сила «Жерминаля» состояла в пророчестве и оправдании народной революции. Но сам Золя возражал против революционного истолкования этой книги; он уверял, что «в его намерения не входило поднять Францию на баррикады», а лишь призвать «к состраданию и справедливости» и, «пока не поздно, предупредить новую катастрофу» (письмо от декабря 1885 г.). Через несколько лет в романе «Труд» (1901) он нарисовал фурьеристскую утопию мирного врастания капитализма в социализм, достойную наивных романтических мечтаний первой половины XIX века. Его биологические концепции истории на поверку оказывались не меньшей иллюзией, чем концепция нравственного прогресса, которую до конца своих дней проповедовал Виктор Гюго. «Жерминаль» остался в творчестве Золя художественным прорывом, до какого он больше не поднялся ни в одной другой своей книге.

Чем дальше мы уходим от Золя, тем в более истинном свете вырисовывается его фигура. Для современников был ошеломителен его натурализм, который затушевал другие грани его огромного дарования, и Золя, хоть и сам немало способствовал этому, огорчался, что критики не замечают в нем поэта. Но историческая дистанция помогает освободиться от предвзятости, от гипноза натуралистических формул, и сегодня Золя предстает как великий художник, вобравший в свое творчество традиции идейного, правдивого, гуманистического искусства своих предшественников и сделавший шаг навстречу новому столетию. Один из «бородатых гигантов XIX века», обличитель и поэт своего времени, он утратил много из философского богатства классического реализма; но он смотрит на мир под своим особым углом зрения, открывающим искусству новые грани действительности, и предвосхищает черты реализма XX в ка. Современный западно-европейский и американский реалистический роман многим обязан Эмилю Золя.

Современный читатель воспринимает произведения Золя не как бесстрастное или нарочито грубое описание «человека-животного», порабощенного средой и наследственностью, а как патетическую, полную динамики и сочувствия к людям картину жизни его эпохи, в ее борьбе и устремленности к более справедливому будущему.

С. БРАХМАН

Марк Твен

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА

Марк Твен

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА

Повести

Перевод с английского

Для детей среднего и старшего школьного возраста

Ответств. за выпуск *Ж. Турсунова*
Художник *М. Искаков*
Худ. редакторы *Н. Бубэ, В. Логинов*
Техн. редакторы *Н. Кушнарева, Н. Мельник*
Корректор *Н. Жолумбетова*

ИБ № 3674

Подписано в печать с диапозитивов 22.07.85.
Формат 60×90 1/16. Бумага офс. № 1. Гарнитура Тип Таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 24,0. Усл. п. л. 24,0. Уч.-изд. л. 28,7. Усл. кр.-отт. 64,248. Тираж 150 000 экз. Заказ 2677/219.
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Мектеп» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения
полиграфических предприятий «Кітап»
Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вверх по реке от Ростова до хутора Пухляковский, где живет Анатолий Вениаминович Калинин, два часа пути на "Ракете". Достаточно, чтобы прикоснуться взглядом к редкой живописи донских берегов, к вехам их истории.

Некогда звучали здесь голоса Разина и Пугачева, сюда приезжали Суворов и Пушкин, наведывался Суриков. Здесь прошло отрочество писателя.

Рано пришло к Калинину осознание своего призвания. А начинал он традиционно - с работы литсотрудником в районной газете, прошел фронтовыми дорогами военным корреспондентом "Комсомольской правды", чтобы найти на берегах Тихого Дона свой дом и героев своих книг.

Анатолий Калинин - писатель сложный, многогранный. Его произведения часто ставили в тупик известных критиков и литературоведов. Некоторые из них в свое время не приняли его романы "Гремите колокола", "Возврата нет". Недоумевали, почему А. Калинин время от времени возвращается к "Цыгану"? Когда же писателя спрашивают, почему он продолжает "Цыгана", Анатолий Вениаминович отвечает: "Будулай постучал кнутовищем в мое окошко..."

В романе рассказано не просто о судьбе замечательного во всех отношениях героя, а более чем двадцатилетняя жизнь послевоенной Донщины! Судьба Будулая сама по себе поразительная, его непростые отношения с Клавдией, своими сородичами, даже несколько детективная сторона одной из частей романа - выявление и наказание Будулаем бывшего фашистского прихвостня, - сюжет, вокруг которого разворачивается панорама послевоенной жизни донского хутора, донского колхоза...

В своем письме в редакционно-издательский центр "Гротеск" Анатолий Вениаминович пишет: "С 1946 года моя жизнь связана с Доном. Здесь "Цыган" и постучал ко мне (был такой в нашем хуторе кузнец Иван Васильевич Андреев. Его младшего брата звали Будулай). А все остальное на совести автора. Только что уехала из хутора и нашего района киногруппа, снявшая новый фильм по мотивам "Цыгана" и для телевидения, и для большого экрана".

Миллионы людей прочитали и оценили "Цыгана". Фильм, созданный Евгением Матвеевым, с большим успехом прошел в нашей стране. С интересом будут смотреть и новые части романа.

ЧАСТЬ В

...е марта Будул
...тавшему тонко
...й, то после то
...лыньи Дозор
...переправы. Мож
...ляться через р
...или камыша,
...ведке на фро
...го с головы до
...лся?
...о, - ответил Б
...бы?.. - она не
...улай невольн
...авдия Петров
...о льдом? - же
...где бьют клю
...ав больше н
...гребнем из ш
...ки на дерюж
...ся пойти на
...ания разго
...в самый п
...осле ухода
...рочался
...уже соб
...ась Клавд
...ом, и раз
...о. После
...же потре
...Будешь з
Но провож
...заключил,
Открыв к
...ю грузову
...ю водител

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Калинин Анатолий Вениаминович

ЦЫГАН

Редактор Т. Вичирко
Художник С. Лошаков
Технический редактор Л. Казачкова
Корректор Т. Загребина.

ББК 84 Р 7
К 17

Калинин А. В.

К 17 Цыган: Роман. - Красноярск:
Редакционно-издательский центр "Гротеск". 480 с.

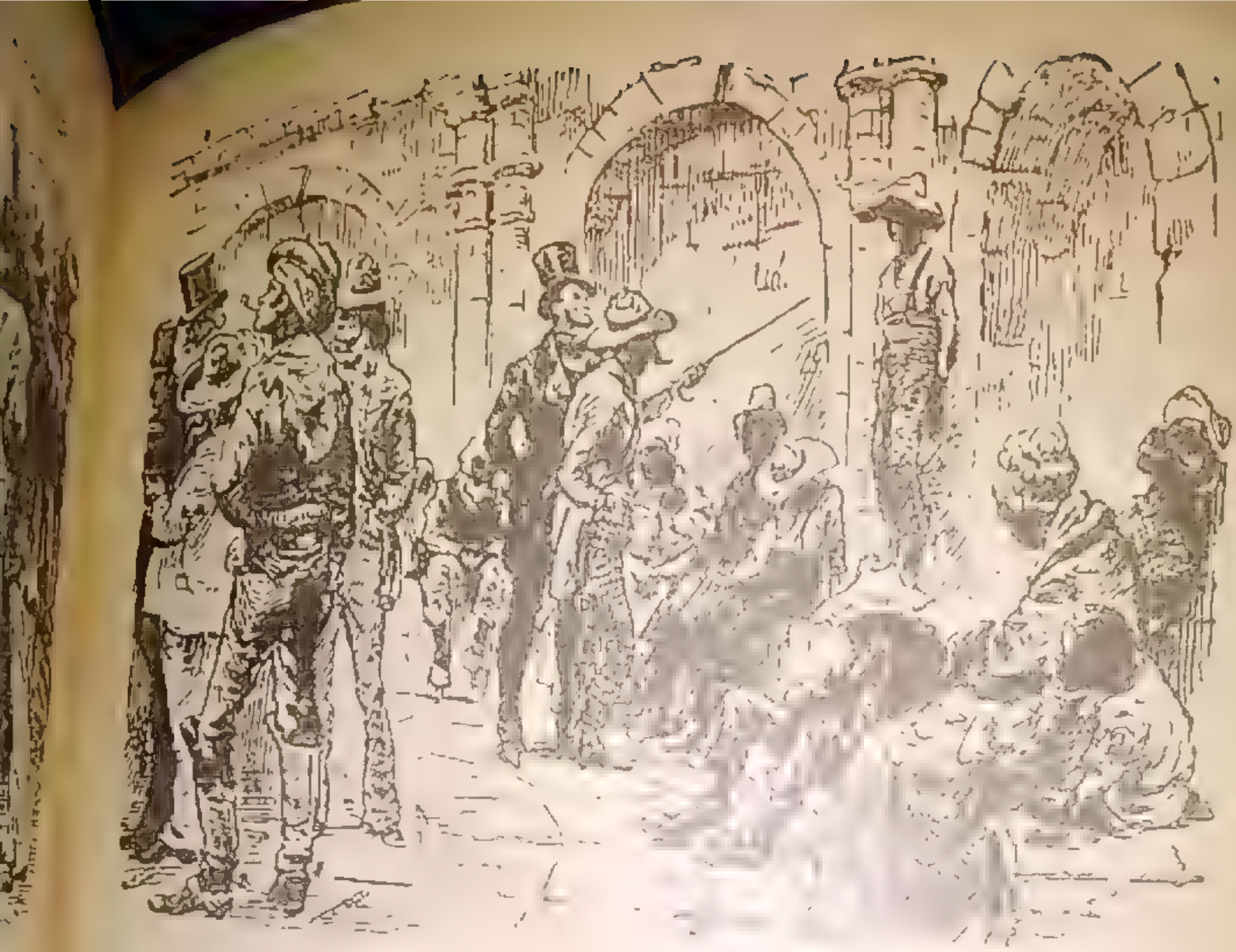
В центре известного романа Анатолия Калинина - образ цыгана Будулая, человека чистой и искренней души. Нелегкая судьба Будулая переплетается с судьбами других героев романа и получает неожиданный поворот в новой, заключительной части романа.

К $\frac{4702010201\text{-}10}{574(3)\text{-}93}$ без объявл.

ББК 84 Р 7

ISBN 5-86426-049-5.

© РИЦ "Гротеск", 1993 г.
© С. Лошаков, художественное оформление.



— Три тысячи пятьсот за квартеронку!

Я остановился и стал слушать. Торг, по-видимому, близился к концу.

— Три тысячи пятьсот — раз! Три тысячи пятьсот — два! Три тысячи пятьсот — три!

Раздался резкий удар молотка. Он прозвучал одновременно со словами «продана», которое смертельной болью отдалось в моем сердце.

В зале поднялись шум и суета; слышались взволнованные и сердитые возгласы разочарованных покупателей. Кто же был счастливый победитель?

Я взглянул поверх толпы.

Высокий чернявый человек разговаривал с аукционистом. Авроора стояла возле него.

Теперь я вспомнил, что видел его на пароходе: это был тот самый агент, о котором говорил д'Отвиль. Молодой креол предвидел, чем все это кончится. Он был прав. Прав был и Ле Бер.

Гайар перебил ее у всех прочих претендентов!

84.4Вл.
Р49

Перевод с английского
В. Курелла и Е. Шишмаревой

Художник
И. Ильинский

Печатается по изданию:
Майн Рид. Собрание сочинений. В 6-ти т. М.,
Детская литература, т. 1, 1956.

© Волго-Вятское книжное издательство, 1985. Оформление

Майн Рид

КВАРТЕРОНКА,
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
НА ДАЛЬНЕМ
ЗАПАДЕ

Горький
Волго-Вятское
книжное издательство
1985

ББК 81.2Р—93
П 18

Автор предисловия И. В. Бестужев-Лада

Иллюстрации художника Озеревской А. В.

Редакционная коллегия серии «Детектив. Фантастика. Приключения. »: С. А. Абрамов (председатель), А. А. Безуглов, В. С. Власенко, В. С. Губарев, Б. Л. Данюшевский, Н. А. Еремина, С. П. Плеханов, А. М. Разумихин, Ю. С. Семенов, И. Д. Успенская

II $\frac{4702000000-189}{015(01)-91}$ без объявления

© Русский язык , 1991 г., предисловие, оформление

ISBN 5-200-01982-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роману Еремея Парнова «Ларец Марии Медичи» была уготована счастливая судьба. Похвальные рецензии, переводы во многих странах, постоянный интерес читателя. Достаточно сказать, что, несмотря на несколько переизданий, книга попала в список «бестселлеров» 1987 года.

Жизнь романа об удивительных приключениях оказалась, таким образом, в определённой связи с последующими странностями и чудесами, которые едва ли предвидел автор.

Магнетизм тайны обладает особыми свойствами.

«Игра не кончилась», — недаром столь обещающе звучала заключительная фраза романа.

В последнем издании Е. Парнов продолжил её несколькими примечательными строками:

«Летом 1980 года, когда на киностудии «Мосфильм» шли съёмки фильма по роману, автор получил редкостный подарок — букетик засушенных диких трав и несколько камешков из Монсегюра. К этому своеобразному посланию из дали времён был приложен примерный набросок тайных подземных галерей, которыми буквально пронизана неприступная скала. Нет, «игра не кончилась». Энтузиасты-археологи уверены, что основные сокровища катаров остались где-то здесь, в помеченном тайными знаками лабиринте».

Гностический змей вновь замкнул кольцо. Конец становится новым началом. Игра продолжается. И она действительно была продолжена в романах „Третий глаз Шивы" и „Мальтийский жезл", где действуют те же основные герои: Люсин и Березовский.

«Как я угадал!» — воскликнул Мастер.

Может быть, нам и удастся проникнуть когда-нибудь в магнетический круг Булгакова и Конрада, разгадать секреты «Рукописи, найденной в Сарагосе» Потоцкого и прочих «зашифрованных» романов. Но без предвосхищения будущего не было бы ни литературы, ни науки. Даже понять прошедшее мы едва ли сумсем во всей полноте без учёта этого редкого дара.

Писатель и публицист, учёный и путешественник, Еремей Парнов написал множество книг в самых разнообразных жанрах. Здесь и научная фантастика, и приключения, философские эссе и яркие описания дальних стран, политические романы, научно-художественные очерки. Но независимо от стиля и жанра, в центре повествования находилась загадка. И были открытия, были предвосхищения. Здесь и знаменитое предсказание нейтронной бомбы, и «прочтение» тайных знаков бронзовых барабанов Юго-Восточной Азии.

«Боги Лотоса» и «Трон Люцифера», «Звезда в тумане» и «Бронзовая улыбка» — вот далеко не полный перечень книг, где Е. Парнову удалось высветить волнующие загадки древности, связавшие

Восток и Запад. Как драгоценные блёстки, они встретятся нам и в цикле его исторических романов: «Секретный узник», «Посев бури», «Витязь чести», «Под ливнем багряным».

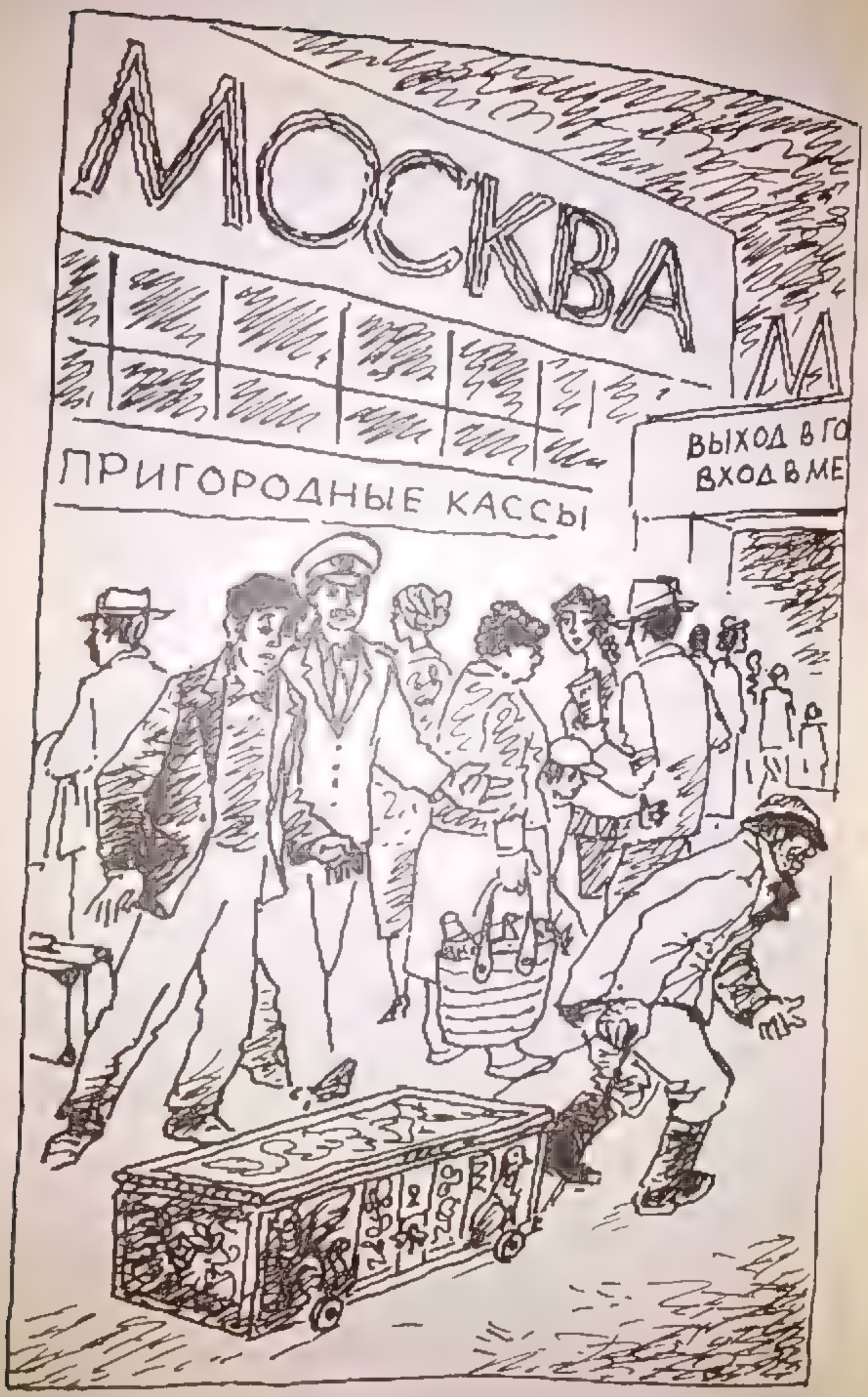
Калейдоскоп стран и эпох. Но всегда в фокусе линзы бунтарь, бросивший вызов миру и веку. Поэт, философ, революционер, мученик...

Читателю предоставляется фантастическая возможность самому заглянуть в глубокий колодец веков, где в кромешной тьме рдеют костры нетерпимости. Разумеется, не всегда развязка будет столь трагичной, как в эпопее защитников Монсегюра («Ларец Марии Медичи»). Костры и пытки - образ скорее собирательный, символический, нежели буквальный, но именно поэтому особенно точный в общеисторическом смысле. Джордано Бруно, писавшего об обитаемых мирах во Вселенной, действительно сожгли, но гениального Галилео Галилея, что называется, и пальцем не тронули. Просто показали старому человеку через специальное окошечко пыточную камеру... Да, у каждой искры во тьме прошедших веков своя судьба. Гипатию растерзала толпа обезумевших фанатиков-христиан, Улугбеку отрубил голову фанатик ислама. Века, существо «еретических» учений, идеологии и религии, коим эти учения противоречили, особого значения не имели. В пятом веке и в восемнадцатом, в Европе и в Азии, у католиков и кальвинистов — всюду, везде и всегда разыгрывалась одна и та же драма. Вернее, поединок между гением и мракобесием, между героем и тиранической иерархией, претендующей на монопольное право истолкования истины. Единство фабулы, закономерное единство развязки: эшафот или тюремная камера, наемный убийца или палач в красном капюшоне. И путь в бессмертие, и конечная победа разума над фанатизмом. По сути одна и та же разыгрываемая на подмостках веков драма с вариациями. И это не игра случая, не курьёз, достигнутый кропотливым авторским отбором. Здесь явственно ощущаешь могучее дыхание самой истории, неумолимую логику её судьбоносных противостояний.

Ещё в колыбели наука противостояла слепой вере, ибо требовала проверки сомнением, требовала доказательств. И в этом смысле чаша с отравой, которую поднесли Сократу, воистину впечатляющий символ. Можно, пожалуй, сказать, что привкус едкой цикуты, которую бестрепетно испил великий мыслитель, явственно ощущается в длинной цепи времён. Её неотвязная горечь не позволяет читателю забыться. Он как бы изначально знает, что счастливых развязок не будет в калейдоскопе скорби и памяти, прозрения и обмана, благородства и подлости.

Именно в этом ключе следует рассматривать и чудесные исторические ретроспекции «Ларца Марии Медичи», где, кроме героев вымышленных, действуют знаменитые исторические фигуры: епископ д'Ан Марти, Симон де Монфор, кардинал Ришелье, Людовик XVI и Мария Антуанетта, Павел Первый, Наполеон.

Роман Е. Парнова является своего рода жанровой загадкой. Главы о нашей современности перемежаются миниатюрами из французской истории, лирика соседствует с юмором, наука с приключениями. И лишь перед самой развязкой все эти линии стремительно соединяются. Формально «Ларец Марии Медичи» можно определить как детектив — в чистом, я бы сказал, классическом понимании этого термина. Ибо детектив строится на раскрытии загадки: уголовной, научной и т. п. Здесь все элементы налицо: и уголовный, и научный, точнее историко-научный. Но сказать о романе, что это детектив, значит обеднить его.


МОСКВА
ПРИГОРОДНЫЕ КАССЫ
ВЫХОД В ГО
ВХОД В МЕ

В самом деле, возьмём, к примеру, центральный образ — Люсина. Это обаятельный, полнокровный характер. Под стать ему и его коллеги: Светловидов, Данелия, Шуляк. Они все разные, у каждого свои достоинства и свои недостатки, привычки, симпатии. Действия их напоминают игру хорошо слаженного оркестра. Каждый инструмент в нём индивидуален, но мелодия рождается лишь в ансамбле. Люсина никак не назовёшь следователем-одиночкой. Он скорее руководитель, направляющий слаженные усилия коллектива. Люсин – вчерашний моряк, которому доверена охрана жизни и спокойствия наших людей. Он не поражает читателя невероятной интуицией и проницательностью. Порой ошибается, досадует на себя, иногда терпит неудачи. Но, право, мы не только готовы простить ему эти ошибки, мы вместе с ним тяжело переживаем их.

А почему? Да потому, что автор заставил нас увидеть, понять и полюбить этого человека. Мы не знаем, каким он был матросом, штурманом, как проявил себя на комсомольской работе в траловом флоте, но почему-то не сомневаемся в том, что везде он был на своём месте. И точно так же он очень на своём месте в качестве следователя. Мне нравится точки и весёлый юмор романа, реалистическая точность в деталях, свобода, с которой автор оперирует в столь разных сферах, от истории до криминалистики. Несомненно удались портреты Веры Фабиановны и Льва Минеевича, почеловечески понята и трагична судьба Женевьевы и сбившегося с дороги Михайлова.

В детективном романе очень редки любовные сцены. Такова уж традиция. Но роман есть роман. Первая, напряжённая линия Марии и Гены Бурмина бросает на его страницы чистый и чуточку грустный отблеск.

В ткань романа вплетена прерывистая историческая линия. Она не очень велика по объёму, но роль её исключительно важна. Я уж не говорю, что взятые автором сцены французской истории очень интересны сами по себе. Широкий читатель мало что знает об альбигойцах, тамплиерах, таинственных самозванцах Сен-Жермене и Калиостро. Повторяю, исторические сцены могли бы быть интересны и сами по себе, но автор показал нам через них узловые моменты истории. Альбигойские войны впервые продемонстрировали банкротство католической идеологии, конец тамплиерского ордена охарактеризовал собой крах феодально-теократической системы вообще и средневековой морали в частности. Дело же об ожерелье послужило толчком, ускорившим французскую революцию. Оно полностью дискредитировало легитимную монархию, божественный принцип королевской власти.

Вырисовывается и третья, невидимая линия романа, его подтекст. Свиньин и Ванашный — убийцы и нацистские прихвостни, носители недавнего зла, выступают по сути как наследники реакционных сил прошлого, иезуитов, доминиканцев, мертвящей унии папской тиары с короной христианнейших королей. Это наглядный урок истории. И от того, что он даётся в непринуждённой художественной форме, он ещё более значим и поучителен.

И. Бестужев-Лада

Жозеф Рони-Старший

Борьба за огонь

* * *

Пещерный лев

Издательский центр «Витязь»

Москва
1993

ББК 84.34 (4 фр.)
Р 71

Joseph Posny ainé
La guerre du feu
1911

Le Félin — géant
1920

Главный редактор серии *С. Ф. Дмитренко*
Главный художник серии *А. И. Сухоруков*

Ж. Рони-Старший

Борьба за огонь. Пещерный лев. Пер. с фран-
Р 71 цузского А. Вейнрауб и П. Орловской. Рисунки Л. Дурасова. — М.: Издательский центр «Витязь», 1993. — 272 с., илл. (Серия «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ для детей и юношества»).

Исторические повествования известного французского писателя Жозефа Рони-Старшего (1856—1940) рассказывают о жизни первобытных людей. Грозные стихии природы, свирепые хищники, враждебные племена — всему этому противостоит мужество и разум, воля и пытливость героев книги, вместе с которыми читатель погрузится в тот мир, когда человек едва начал подниматься по ступенькам цивилизации.

ЗШ5 (03)
ISBN 5-87567-001-0

ББК 84.34 (4 фр.)

© Издательский центр «Витязь» (составление, предисловие, послесловие, серийное оформление, оригинал-макет), 1993 г.

Об авторе и его книгах

Книга, которую вы прочли, давным-давно вошла в круг классического детского чтения и часто воспринимается как прекрасная легенда, сложенная древними, как предание, шедшее от поколения к поколению из толщи веков к нам.

Между тем, автор романов «Борьба за огонь» и «Хищник-гигант» так же незаурядна, как и его любимые герои, а его жизнь не менее занимательна, чем история поисков огня.

Жозеф Анри Огюстен Бёкс родился в 1856 в Брюсселе в семье, родословная которой соединила кровь бельгийцев, голландцев, испанцев, французов. Тремя годами позже у него появился брат Серафен Жюстен Франсуа. Им было суждено войти в литературу под именем Рони — так называлась деревушка близ Парижа, чем-то приглянувшаяся молодым сочинителям для псевдонима.

В сотрудничестве братья написали немало произведений, в том числе первый свой роман о доисторических временах — «Вамирэх» (1892 г.), но Жозеф жил в Париже, Жюстен вдали от него, на юго-западе Франции, близ Биаррица, и с конца 1900-х годов каждый работает самостоятельно.

Рони-Старший закончил роман «Борьба за огонь» в 1911 году. Тогда же сделанный по рукописи перевод его появился в России. Международный успех книги вдохновил писателя на ее своеобразное продолжение — роман «Хищник-гигант». Эта книга известна и под названием «Пещерный лев».

Как оказалось впоследствии, именно произведения о доисторических временах принесли Жозефу Рони подлинную славу и признание читателей всех возрастов в самых разных странах мира.

В своей психологической прозе он, осмысливая мотивы человеческих поступков, приходил к выводу, что личностью человека во многом управляют изначальные качества его природы, которой на протяжении веков люди как бы стыдились, но которая, по сути, и обеспечивает пока еще сохраняющееся единство всего живого на нашей маленькой планете.

Рони не просто делал попытку на основании научных знаний своего времени реконструировать быт наших отдаленных предков. Хотя, конечно, несложно установить, что время дей-

ствия романов «Борьба за огонь» и «Пещерный лев» отнесено к эпохе палеолита, древнего каменного века.

Куда важнее, что Рони, изображая пещерных людей, троглодитов, само наименование которых в новое время стало символом дикости, утверждает мысль о глубинности лучших человеческих качеств, их малой зависимости от образования, среды обитания и так далее. Он словно дает очень убедительные художественные иллюстрации к воззрению знаменитого этнолога XIX века, американца Льюиса Г. Моргана: «Мы имеем все основания не забывать, что нашими современными условиями жизни, с ее многочисленными средствами безопасности и благосостояния, мы обязаны борьбе, страданиям, героическим усилиям и упорному труду наших варварских и еще более отдаленных диких предков».

Не имея достаточных сведений о головокружительной древности, Рони нашел, пожалуй, единственно верный прием: он ввел в экзотический сюжет серьезнейшую моральную подоплеку, утверждая изначальную потребность человека в совершении добра, нравственных деяний во имя ближнего.

С другой стороны, романы Рони о наших пращурах органично объединяются с его научно-фантастическими произведениями. Как и Герберт Уэллс, Рони-Старший был не просто фантастом-фантазером, а фантастом-философом, высказавшим идеи, подхваченные писателями 2-й половины XX века (сам Рони-Старший скончался в 1940 г.). Так, проблема человеческого выживания, стоящая в центре многих его книг и едва ли не главная для него, соотносится в фантастике Рони с экологическими мотивами. По сути, из повестей и романов Рони составляется впечатляющая история человека в его противостоянии и в его воссоединенности с окружающим миром — от «Борьбы за огонь» до книги «Гибель Земли».

В своей долгой жизни Жозеф Рони успел многое. Человек огромной физической силы, любитель жизни во всех ее проявлениях, он оставил обширное литературное наследство, где, кроме вышеназванного, есть и романы об античности, и труды по физике и химии (их высоко оценил знаменитый Пьер Кюри). В частности, вскоре после открытий Эйнштейна, например он написал интереснейший очерк по истории теории относительности — «Пространство и время». В 1926 г. Рони-Старший был избран президентом Академии Гонкуров — сообщества писателей, присуждающих самую авторитетную литературную премию во Франции — Гонкуровскую...

И все же у миллионов читателей фамилия «Рони» навсегда связана с историей отважного Нао, принесшего людям своего племени огонь.

Сергей Дмитренко

ББК 84Р1
Т53

Оформление художника
Ф. БАРБЫШЕВА

Т 4702010101-024
А30(03)-93 Без объявл.

ISBN 5-85255-273-9

Л.Н.ТОЛСТОЙ

ВОЙНА И МИР

ГОРЧИЧНИК

Эл так и не поддался уговорам Лоо зайти к ней на чашечку чая. Лоо поначалу надулась, но потом, уже подъезжая к дому, где жил Эл, наклонилась к нему и поцеловала в щеку.

— Боже мой, — прошептала она, — какой ты хороший. Если бы ты только знал... Спасибо тебе!

— [illegible] — смутился Эл.

— Просто так! Да ты не поймешь. Ты слишком для этого порядочный, Эл.

[illegible] несколько дней приехала [illegible] Эл, неожиданно для себя [illegible] быстро сдал [illegible] экзамены и с головой [illegible] в работу. Он попросил [illegible] взять домой из конструкторского бюро индивидуальный компьютер и теперь допоздна [illegible] над расчетами. Работа продвигалась. Параллельно ей [illegible] справился с заданием [illegible] теперешнего научного руководителя, и тот был им чрезвычайно доволен. Во всяком случае, если целью Эла была диссертация, то она была достигнута. Шеф так и сказал. Однако, когда Эл заговорил о своей теме, тот сразу же поскучнел и не то что не стал слушать, нет, он слушал Эла, вернее, делал вид, что слушает, и когда тот закончил, сделал пару ничего не значащих замечаний и постарался спровадить назойливого аспиранта из кабинета. Эл понял, что поддержки ему не будет. Тем не менее проблема получения асимметрических кристаллов с большой информационной емкостью захватывала его все больше и больше. Он уже ни о чем другом

не мог думать. И [illegible]
начальник, которы[illegible]
банальным и нелеп[illegible]
мых ворот завода. [illegible]
ехала скорая помощ[illegible]
Вскоре к ним пр[illegible]
моложе Эла и до по[illegible]
За какие-то грехи, з[illegible]
делением квартир, е[illegible]
ния направили на [illegible]
цеха, но завалил пла[illegible]
ность в новой должн[illegible]
приходил раньше все[illegible]
фиксируя опоздания [illegible]
ся подсчет потерянно[illegible]
оказалось у Рой — ц[illegible]
новым начальником и[illegible]
жании которого Рой н[illegible]
ровой и строгой кри[illegible]
устные выговоры, а по[illegible]
дует. Три выговора по[illegible]
жет быть, по этой [illegible]
постепенно возненавид[illegible]
раздражение система [illegible]
руководством СКБ сис[illegible]
торского бюро. Это был[illegible]
цветов: зеленый — на [illegible]
ри бюро от одного отд[illegible]
лобности.
— У нашего шефа [illegible]
щих конструкторов, — [illegible]
брал красный цвет.
— Мне кажется, он [illegible]
Действительно, на ка[illegible]
на обложке приклеивал [illegible]
корешков также включал[illegible]
В конце месяца Гор[illegible]
велел всем собраться в [illegible]
ции. Всего в КБ работа[illegible]
кто был в командировке [illegible]
было улизнуть, но ее оста[illegible]
ние никого до распоряжен[illegible]
Горчичник торжествен[illegible]
цветной тушью плакат, [illegible]
дрожала, но имела явную [illegible]
строфически падала, а вот [illegible]
ний, оставалась стабильно[illegible]
— Перед вами график[illegible]
мики потерь рабочего врем[illegible]
текущий месяц. Из нег[illegible]

84 Р 1
Г 20

Составление и примечания
И. И. Подольской

Вступительная статья
Г. А. Бялого

Иллюстрации
О. М. Абрамовой

© Издательство «Правда», 1984. Составление. Примечания. Иллюстрации

ББК 84.7 США
К 92

Печатается по изданию:
Купер Ф. Последний из могикан. — М.: Детская литература, 1971.

Художник М. Х. Бикин
Обложка С. М. Лескин

К 92

Купер Д. Ф.
Последний из могикан, или Повествование о 1757 годе. — Челябинск: «Лилия», фирма «Вектор», 1992. 304 с.

Роман американского писателя-классика Д. Фенимора Купера (1789—1851) из знаменитой пенталогии, рассказывающей о жизни благородного героя — лесного следопыта, охотника и зверолова Натти Бампо.

Под разными прозвищами — как Зверобой, Следопыт, Соколиный Глаз, Длинный Карабин и Кожаный Чулок — Натти Бампо появляется в качестве главного действующего лица в пяти романах Купера, известных под общим названием романов о Кожаном Чулке: «Зверобой» (1841), «Последний из могикан» (1826), «Следопыт» (1840), «Пионеры» (1823) и «Прерия» (1827).

Б 4703010600-004 без объявл.

ББК 84.7 США

© Составление, оформление.
Фирма «Вектор», 1992

Литературно-художественное издание

КУПЕР Джеймс Фенимор

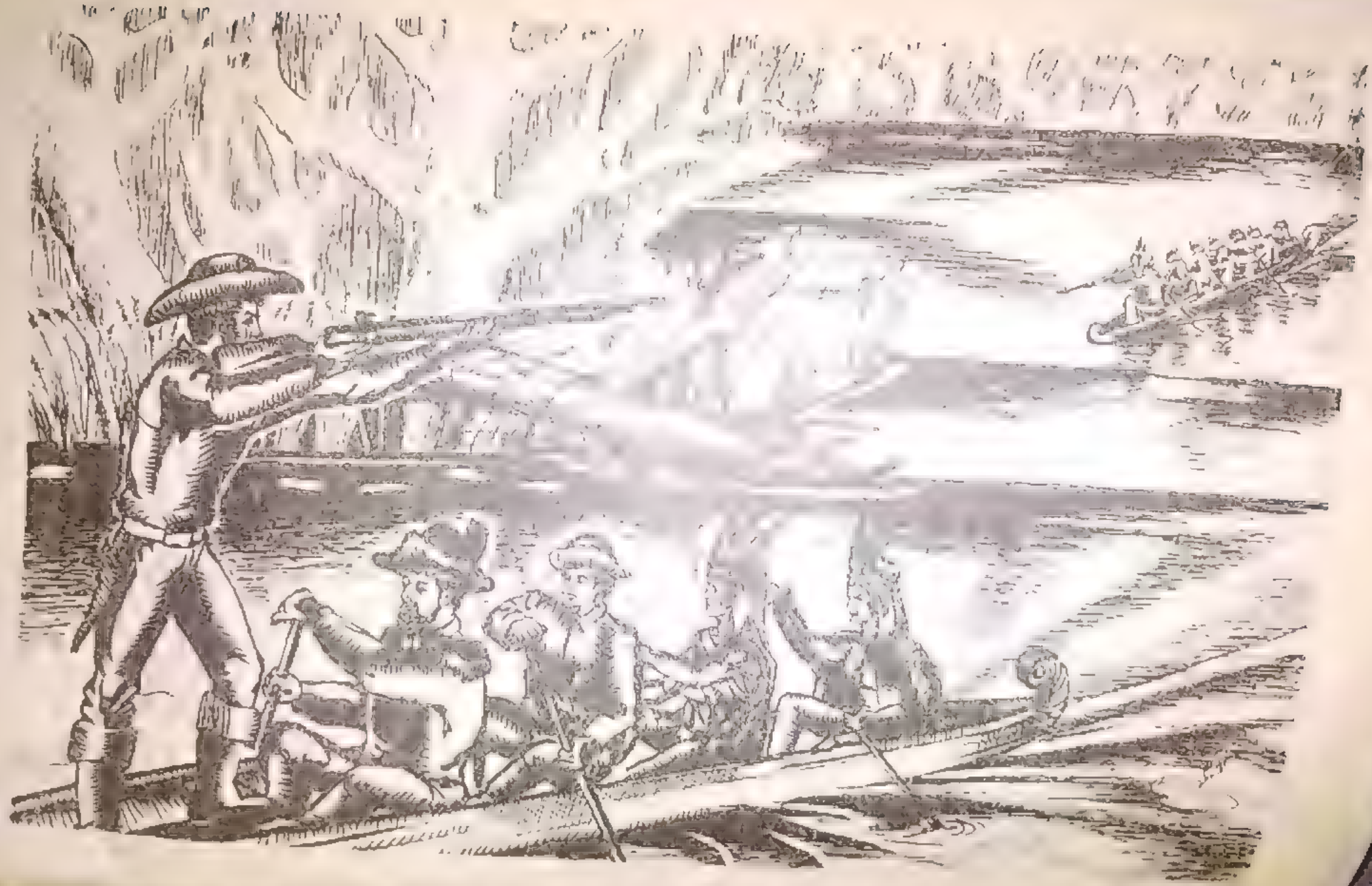
ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН,
или Повествование о 1757 годе

Редактор С. М. Лескин
Художник М. Х. Бикин
Обложка С. М. Лескин
Технический редактор С. В. Долгов
Корректоры В. А. Киселева, О. Н. Утусикова

Слано в набор 26.11.91. Подписано в печать 15.01.92
Формат 84×108/32. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная.
Бумага писчая. Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 19,28.
Тираж 100 000 экз. Заказ 3530. Цена договорная

Фирма «Вектор», 625640, Тюмень, ул. Пароходская, 31.
Типография издательства «Тюменская правда»,
625002, Тюмень, ул. Осипенко, 81.

Может
деляла вла
колоний С
чивых пам
годов, чем
ло соседних
передвижен
пренебрегат
Водная
ко вдавалас
Шамплейн
которому ф
ния, отделя
Близ ю
хрустально
Святое
ками, и его
оно тянется
этого пунк
приводил пу
по реке ста
порогов.
Выполня
лись проник
лья Аллеган
преимуществ
ставительно,
гочисленных



P2
Ш49

Текст печатается по изданиям: Шергин Б. В. Океан-море русское. М.: Мол. гвардия, 1959; Шергин Б. В. Запечатленная слава. М.: Сов. писатель, 1967; Шергин Б. В. Гандвик — студеное море. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1971; Шергин Б. В. Поморские были и сказания. М.: Дет. литература, 1971; Шергин Б. В. Избранное. М.: Сов. Россия, 1977; журнал «Пионер», 1929, № 4; журнал «Чиж», 1933, № 7.

Художник В. Д. Кудрявцева
Фотопортрет работы
В. Г. Ускова

Шергин Б. В.
Ш 49 У Архангельского города./ Худож. В. Д. Кудрявцева.— Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985.— 256 с., ил.

Борис Викторович Шергин (1893—1973) родился в Архангельске, в семье корабельного мастера. Здесь он провел детство и юность и на всю жизнь полюбил «Архангельскую страну», «Двинскую землю». В этой книжке, ты, наш маленький читатель, найдешь рассказы о том, какой была жизнь в Архангельске 70—80 лет назад, познакомишься со сказками и былинами Б. В. Шергина. Надеемся, что ты полюбишь этого писателя и, когда вырастешь, прочтешь и другие его книги.

Ш $\frac{4803010102}{М157(03)-85}$ 31 — 85

© Северо-Западное книжное издательство, 1985 г., составление, оформление.

«Доход не живет без хлопот»

ДАМСКИЙ
РОМАН

Андре
МОРУА

Превратности
любви

Семейный
круг

Социально-коммерческая фирма
«Человек»
1993

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ

Часть первая

Стр. 3. *Ален* — псевдоним французского философа и писателя Эмиля Шартье (1868—1951). Ален в течение более тридцати лет (с 1906 г.) почти еженедельно печатал в газетах небольшие статьи («Суждения»), посвященные различным проблемам морали, философии, литературы, текущей жизни. В предисловии к сборнику «Суждений» (изд. «La Pléiade») Андре Моруа говорит: «Вот, по моему мнению, одна из прекраснейших книг в мире. Я ставлю ее в один ряд с сочинениями Монтеня и Монтескье».

Стр. 5. *Тристан* — герой средневекового рыцарского романа «Тристан и Изольда», страстно влюбленный юноша; сюжет сказания о Тристане и Изольде положен в основу одноименной музыкальной драмы Вагнера.

Стр. 6. *Сен-Жермен* — городок в окрестностях Парижа с замком XVI века и обширным парком.

...его пустили в продажу как национальное имущество.— Во время Великой французской буржуазной революции конца XVIII века дворянские поместья были конфискованы, объявлены национальным достоянием и проданы новым владельцам, представителям буржуазии.

Стр. 8. *Ланселот Озерный* — герой одноименного средневекового романа, один из рыцарей Круглого Стола; был воспитан феей Вивианой на дне озера.

Стр. 9. *Палинодия Стесихора.*— Стесихор — греческий поэт-лирик (VI век до н. э.). Палинодия *(греч.)* — опровержение того, что было сказано раньше, отказ от прежних своих мнений и чувств.

Стр. 16. *...госпожу де Морсоф или госпожу де Реналь.*— Госпожа де Морсоф — героиня романа Бальзака «Лилия долины», госпожа де Реналь — героиня романа Стендаля «Красное и черное»; авторы изобразили их как глубоко и искренне любящих женщин.

Стр. 19 и 20. *Сан-Лоренцо* — храм во Флоренции, построенный в XVI веке и украшенный работами Микеланджело, Брунелески, Вероккио, Донателло и др.

«Розовая библиотека» — популярная в свое время серия детских книг, издававшаяся во Франции в конце XIX — начале XX века.

Камилла и *Мадлена* — героини детской повести графини де Сегюр (урожденной Растопчиной) «Примерные девочки» (1858).

Стр. 22. *Карпаччо* Витторе (ок. 1450 — ок. 1525) — живописец венецианской школы.

Стр. 24. *«Римская премия»* — награда, учрежденная во Франции для оканчивающих художественные учебные заведения с отличием. Лауреатам «Римской премии» предоставляется годичная командировка в Рим для совершенствования в своем искусстве.

Стр. 26. *Анде* — курорт на юге Франции, около Байонны.

Стр. 33. *«Доминик»* — психологический роман французского художника, писателя и историка искусства Эжена Фромантена (1863).

Стр. 36. *«Подражание»* — точнее: «Подражание Христу», духовное сочинение, приписываемое Фоме Кемпийскому (1379—1471).

Стр. 51. *Шантийи* — городок в 40 километрах к северу от Парижа, с замком эпохи Возрождения; в конце прошлого века замок превращен в музей.

Стр. 55. *Кристаллизация любви* — термин, введенный Стендалем в его книге «О любви»; под кристаллизацией Стендаль подразумевает тот момент, когда человек осознает свое чувство.

Стр. 56. *«Ученик чародея»* — симфония французского композитора Поля Дюка (1865—1935), написанная на сюжет баллады Гёте того же названия (1797).

Стр. 63. *Абукир* — город в Египте, на берегу Средиземного моря. В морском сражении при Абукире (1798) Нельсон разбил французский флот.

Стр. 64. *Вилла Саид* — улица в Париже, около Булонского леса. Здесь, в особняке, купленном в 1894 году, Анатоль Франс прожил около двадцати лет.

Стр. 69. *Брест* — военный порт на берегу Атлантического океана, в Бретани.

Вобан Себастьен (1633—1707) — маршал, военный инженер; содействовал укреплению границ Франции, в частности усовершенствовал военный порт Брест.

Стр. 77. *«Прогулки одинокого мечтателя»* — автобиографическое сочинение Ж.-Ж. Руссо, оставшееся незаконченным.

«Пармская обитель» — роман Стендаля (1839).

Часть вторая

Стр. 106. *Луиза де Ла Вальер* (1644—1710) — фаворитка Людовика XIV; в 1674 году удалилась в монастырь.

...расстался с набережной д'Орсэ... — то есть оставил службу в министерстве иностранных дел, помещающемся на этой набережной.

Лозер — гористый департамент Юго-Западной Франции.

Стр. 107. *«Зигфрид»* — опера Вагнера, третья часть тетралогии «Кольцо Нибелунгов» (1876).

Бельмон — город в департаменте Аверон, соседнем с департаментом Лозер.

Стр. 115. *Батайль* Анри (1872—1922) — французский драматург, автор популярных пьес с хорошо построенной, занимательной интригой, преимущественно из жизни парижского великосветского общества.

Ростан Эдмон (1868—1918) — французский драматург, эпигон романтизма, автор популярных пьес «Сирано де Бержерак», «Орленок» и др.

Стр. 118. *Валгалла* — чертог, где блаженствуют герои, павшие в сражении *(скан. миф.)*.

«Гибель богов» — опера Вагнера, четвертая часть тетралогии «Кольцо Нибелунгов» (1876).

Стр. 122. *Шамфор* Никола́-Себастьен (1741—1794) — французский философ-моралист.

Стр. 131. *Сен-Мориц* — зимний горный курорт в Швейцарии.

Стр. 134. *Руми* — так арабы называют христиан.

Стр. 140. *«Кенигсмарк»* — роман французского писателя Пьера Бенуа (1918).

Стр. 150. *Кардинал де Ретц (1613—1679)* — один из главарей «Фронды» — восстания, организованного феодальной знатью против абсолютизма; автор известных «Мемуаров».

Макиавелли Никколо́ (1469—1527) — итальянский историк и политический деятель, автор трактата «Государь» (1513).

Стр. 164. *Лукреция Борджа* (1480—1519) — дочь папы Александра VI, прославившаяся не только своей красотой, но и распущенностью.

Гермиона — героиня трагедии Расина «Андромаха» (1667); девушка, неистовая в своей любви и ревности.

Стр. 192. *«Силуэт женщины»*, *«Второй силуэт женщины»*, *«Тайна княгини де Кадиньян»* — повести Бальзака.

Стр. 198. *Отфор* Мари — фрейлина королевы Анны Австрийской; была другом Людовика XIII.

Бирон Шарль (1562—1602) — французский маршал, изменил родине и был казнен.

Брантом Пьер де Бурдель (1540—1614) — писатель, мемуарист, автор «Жизнеописаний великих мужей и полководцев» и «Биографий галантных дам».

СЕМЕЙНЫЙ КРУГ

Часть первая

Стр. 205. *Безеваль* (или Ульгат) — курорт на берегу Ла-Манша.

Стр. 217. *Кольбер* Жан-Батист (1619—1683) — выдающийся французский государственный деятель.

Сен-Симон, герцог Лун (1675—1755) — автор известных «Мемуаров»; *Господин* (Monsieur) — титул старшего брата французского короля.

Стр. 221. *Жюль Ферри* (1832—1893) — французский государственный деятель, способствовал колониальной экспансии Франции в Тунисе, Тонкине (Вьетнаме) и Конго.

Стр. 224. *«Венецианский карнавал»* — опера Амбруаза Тома (1857).

Стр. 226. *«Ифигения»*.— Имеется в виду опера Глюка «Ифигения в Авлиде» (1774) или его же опера «Ифигения в Тавриде» (1779).

«Король Ис» — опера Эдуарда Лало (1823—1892) на сюжет бретонской легенды о королевстве Ис, затопленном океаном в IV веке.

Стр. 232. *«Ивовый манекен»* — роман Анатоля Франса (второй том «Современной истории», 1897). Герой романа, господин Бержере, переживает ту же драму, что и Луи Эрпен: ему изменяет жена.

Стр. 235. *Монахини покинули его в 1905 году...*— в связи с принятием закона об отделении церкви от государства.

Стр. 246. *Паскаль* Блез (1623—1662) — французский философ и математик. Здесь цитируется отрывок из его «Мыслей» (III, 194).

Стр. 264. *Верден* — город в Восточной Франции; в 1916 году выдержал десятимесячную осаду немцев.

Стр. 266. *«Лилии долины»* — см. прим. к стр. 16.

Часть вторая

Стр. 289. *Жанэ* Пьер (1859—1947) — французский психолог, один из основоположников экспериментальной психологии.

«Пелеас», то есть «Пелеас и Мелисанда» (1902) — опера Клода Дебюсси на сюжет одноименной пьесы Метерлинка.

Стр. 291. *«Старая Голубятня»* — театр, основанный в Париже в 1913 году.

Стр. 297. *Клемансо* Жорж (1841—1929) — председатель Совета министров Франции в 1917—1920 годах.

Стр. 301. *...в отличие от совы из басни...* — В басне Лафонтена «Орел и Сова» Сова хвастается перед Орлом красотой и прелестью своих птенцов.

Стр. 307. *Пьернэ* Габриэль (1863—1937) — французский композитор и дирижер.

«Неоконченная симфония». — Имеется в виду Восьмая симфония Шуберта.

Стр. 309. *Школа* (Schola Cantorum) — музыкальное училище, основанное в Париже в 1896 году.

«Жан Баруа» — роман Роже Мартен дю Гара (1913).

Стр. 326. *Теуль* — курорт на Средиземном море, около Канн.

Стр. 333. *Буур* Доминик (1628—1702) — французский литератор, иезуит, автор «Заметок о французском языке»; ратовал за чистоту языка и совершенство стиля.

Госпожа д'Удето Элизабет, графиня (1730—1813) — была близка к кругам энциклопедистов. Руссо говорит о ней в IX книге своей «Исповеди».

Стр. 334. *Монтеверди* Клаудио — итальянский композитор (1567—1643).

Часть третья

Стр. 375. *Валлес* Жюль — французский писатель (1832—1885). *«Бакалавр»* — вторая часть его трилогии «Жак Вентра».

Стр. 388. *Шатобриан* Франсуа-Рене (1768—1848) — французский писатель-романтик. Аббат цитирует его знаменитое описание лунной ночи в девственном лесу Северной Америки (из повести «Атала»).

Стр. 389. *Мальмезон* — поместье под Парижем, где жила императрица Жозефина после развода с Наполеоном.

Аббат Бертран. — Аббат Сенивааль хочет сказать, что он был бы так же беззаветно предан Наполеону, как генерал Бертран, который последовал за свергнутым императором на о. Эльба и на о. Св. Елены, а в 1840 году перевез его останки во Францию

Стр. 389. *Мемориал* — дневник, который вел на о. Св. Елены секретарь Наполеона Лас Каз, записавший беседы с императором и его суждения по самым различным вопросам.

Стр. 396. *Думерг* Гастон (1863—1937) — президент Франции с 1924 по 1931 год.

Стр. 397. *Думер* Поль (1857—1932) — президент Франции, избранный в 1931 году; был вскоре убит.

Стр. 403. *Владимир д'Ормессон* (род. 1888) — французский писатель, дипломат, член Французской Академии.

Стр. 430. *«Женщина у окна»* — роман французского писателя Дрие де Ла Рошеля (1930).

«Контрапункт» — роман английского писателя Олдоса Хаксли (1928).

Е. А. Гунст

В. КОСТЫЛЕВ

ЖРЕЦЫ

РОМАН

САРАНСК
МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

МЫ ОДИН НАРОД

(О романе В. И. Костылева «Жрецы»)

В 1937 году Горьковское книжное издательство выпустило в свет роман В. И. Костылева «Жрецы», сразу же привлекший внимание читателя новизной и необычностью темы, глубиной проникновения в историческое прошлое России, яркостью описываемых характеров. Писатель показал жизнь русского и мордовского населения, участие мордвы в Терюшевском восстании 1743—1745 годов. Красной нитью провел он через повествование тему единения людей различных национальностей, общность их интересов перед лицом общей опасности, общего врага.

Роман «Жрецы» был не первым произведением В. И. Костылева, жившего в городе Горьком. А его литературная деятельность началась в Москве, где он родился 15 марта 1884 года в семье железнодорожного рабочего. Юноше рано пришлось пойти «в люди», работать в пароходной кампании «Вильсон, Сын и К°», на Московско-Виндавской железной дороге, служить рядовым в царской армии. Во время первой русской революции будущий писатель за участие во всеобщей железнодорожной забастовке подвергался аресту.

После знакомства с произведениями М. Горького В. И. Костылев осмелился послать великому писателю свой рассказ «Живое слово» и в июне 1912 года получил ответ. Алексей Максимович, разбирая присланное произведение, указывал на недостатки, советовал, как их устранить. Это была подлинная школа мастерства, и горьковским традициям Валентин Иванович оставался верен всю свою творческую жизнь.

Не без влияния М. Горького в творчестве В. И. Костылева еще до революции определился главный литературный интерес: обостренное внимание к человеку-труженику, тщетно ищущему выход из тисков капиталистической действительности; изображение народного характера, жизни как русского населения, так и народностей Поволжья: мордвы, марийцев, чувашей, татар.

Этому особенно способствовало знакомство с жизнью Нижегородского края, где издавна в тесном общении и единении жили представители самых различных национальностей. Туда Валентин Иванович переехал в 1918 году по совету врачей и прожил в Нижнем Новгороде, а затем в городе Горьком, несколько десятков лет. По крупицам собирая материал для будущих книг, занимаясь в архивах и библиоте-

ках, бывая в национальных селах, изучая быт, взаимоотношения народов Поволжья, писатель пришел к твердому убеждению, что мордва, марийцы, чуваши не оставались в стороне от важных исторических событий, происходивших в стране, а зачастую являлись заметной социальной силой.

Понятно, что, обладая богатейшим материалом, собранным в Горьковском крае, В. И. Костылев не мог не писать. Им была задумана трилогия «Человек и боги», первая часть которой — роман «Пимтирим» — вышла в 1936 году. Через год писатель опубликовал новое произведение—«Жрецы».

В основу романа горьковский писатель положил Терюшевское восстание мордвы — крупное антикрепостническое выступление 1743—1745 годов в Поволжье, шел, как это бывает в романистике, от факта к большому художественному обобщению. Поводом для народного гнева явились внешне религиозные причины, в частности, «распоряжение Нижегородского и Алатырского епископа Дмитрия Сеченова от 18 мая 1743 г. о разрушении языческих священных рощ и кладбищ»[1]. Однако по классовому характеру это восстание, по справедливости называемое Крестьянской войной, вспыхнуло в результате гнета помещиков и духовенства: «Ненависть к православному духовенству была столь велика,— говорится в «Истории СССР»,— что во время Крестьянской войны восставшие чуваши, мордва, марийцы расправлялись с священниками так же, как и с помещиками»[1].

Основной движущей силой Терюшевского восстания явились мордовские крестьяне сел этой волости. Возглавил выступление, поддержанное людьми других национальностей, мордвин Несмеян Васильев-Кривой, крестьянин из села Большое Сескино, и ранее участвовавший в движении повстанцев Его ближайшими помощниками были мордвины Пумрас Семенов, Шатреска Плакидин, Котрянка Лирдюшкин, Дружинка Цанаев.

Напуганный размахом многонационального восстания, нижегородский губернатор Друцкой направил на его подавление несколько военных команд. Но добиться победы у деревни Лапшиха 26 ноября 1743 года сумели лишь посланные Сенатом усиленные правительственные войска.

Среди взятых в плен были Несмеян Васильев-Кривой, Пумрас Семенов, Шатреска Плакидин. Чтобы запугать народ, власти устроили публичное сожжение организатора и руководителя Терюшевского восстания в селе Сарлей.

Сильные репрессии приостановили волнения крестьян, но жестокий социальный гнет вызвал взрыв нового негодования в 1745 году (см. подр. Историю Мордовской АССР. Т. 1, с. 97).

---

[1] История Мордовской АССР. В 2-х т. Т. 1. Саранск, 1979, с. 96.
[1] История СССР. В 12-ти т. Т. 3. М., 1967, с. 285.

В романе «Жрецы», говоря словами видного советского историка В. Т. Пашуто, мы видим «плодотворный союз писательского «человековедения» с историческим источниковедением»[2]. Чтобы помочь читателю соприкоснуться с той исторической эпохой, вызвать чувство сопереживания, В. И. Костылев умело использовал в своем произведении географические названия мест, где происходили те трагические события. Некоторые из них активно используются и в современной лексике. На карте Горьковской области значатся села: Сарлей, Суроватиха, Дальнее Константиново, Лысково, Васильсурск, город Арзамас; и сегодня несут свои воды Волга, Сура, Пьяна, существовавшие при жизни праотцов нынешних народов Поволжья, связывающие незримой нитью многие поколения.

Автор не раз называет и Макарьевскую ярмарку, проводившуюся ежегодно у Макарьева монастыря. Ныне здесь расположен одноименный поселок городского типа.

В «Жрецах» действуют и реально существовавшие лица, современники Терюшевского восстания: царица Елизавета Петровна, ее придворные А. Г. Разумовский, А. И. Шувалов, губернатор Нижнего Новгорода Друцкой, епископ Дмитрий Сеченов, управляющий именем царевича Грузинского Бакара Вахтангеевича — Баратаев, российские солепромышленники братья С. Г. и А. Г. Строгановы, премьер-майор Юнгер, посланный с отрядом солдат на подавление мятежа, известный московский вор Ванька Каин, предавший повстанцев и вошедший в сговор с Сыскным приказом. Колорит того времени вносят в роман и цитируемые автором исторические документы: указы царицы, прошения, донесения епископа Сеченова, воинские приказы. Такое насыщение историческими категориями создает у читателя представление документальности, подлинности, ощущение живого контакта с героями произведения.

В основу романа «Жрецы» положен конфликт двух антагонистических классов: крестьян и помещиков, что дает возможность развивать действие контрастными сюжетными линиями. Противопоставляются мировоззрение, нравственность, образ жизни имущего класса и крестьянства. Так, например, подлинное отношение царицы к народу В. И. Костылев очень ярко показал в эпизоде, завершающем первую часть книги. «По пути следования царицы из Москвы в Санкт-Петербург, — говорится в нем, — начальство... выгоняло на дороги рабочих людей. С великой поспешностью, облипаясь потом, несмотря на мороз, разного звания люди... валили в лесу елки... По ночам, в каком-то диком оживлении, жгли смоляные бочки, озаряя испуганные толпы крестьян...»

Контрастным является эпизод, рассказывающий о поведении руко-

---

2 Пашуто В. Научный историзм и содружество муз.— Коммунист, 1984, № 5, с. 87.

водителя Терюшевского восстания во время первого боя с монахами. Писатель изображает его в романтическом плане, подобно горьковскому Данко. Кривов идет «бесстрашно... с саблей в руке впереди мордвы». Автор неустанно подчеркивает его кровную связь с товарищами: «Несмеянка, шедший впереди, то и дело останавливался, чтобы успокоить стонавших от боли раненых товарищей и чтобы приободрить здоровых, окончательно упавших духом, подавленных, напуганных всем происшедшим». Таков путь царицы и путь Несмеяна Кривова.

Образ мордвина, настоящего патриота своей родины, является истинной удачей В. И. Костылева и наделен им большой внутренней силой и человеческим обаянием. С первых же страниц читатель узнает сокровенные мечты героя, полного беспокойства за судьбу родного народа Его жизненное кредо выражено писателем ясно и полно: «Люблю я жизнь! Люблю я волю! Люблю родину!.. Люблю правду! И нет у меня, сильнее этой, никакой любви!».

В. И. Костылев рисует мордовского вольноотпущенника человеком, много повидавшим на своем веку. Он во многих местах побывал, даже «в приказах государевых писцом служизал» Жизненный опыт, облеченный в умные, простые слова, сделал его настоящим лидером в крестьянской среде. Не случайно мордва в сложных ситуациях шла к нему за советом и помощью. Автор наделил Кривова незаурядным ораторским талантом: «Несмеянка говорил о тяготе народной так, что еще больше хотелось жить после его горячих слов. Просыпалась ненависть и неукоротимое желание одолеть невзгоды». После таких бесед крестьяне заражались его оптимизмом, жизнелюбием.

В. И. Костылев показал Несмеяна Кривова в действии: он не только умело организовал восстание терюхан, но и со знанием дела руководил действиями поднявшихся на борьбу крестьян: «Несмеянка разделил свое войско на несколько отрядов... подбирал себе в помощники большею частью людей из Большого и Малого Сескина. Сам он был оттуда, их он лучше знал, чем других, больше на них надеялся».

Последним страницам романа «Жрецы» В. И. Костылев придает трагическое звучание. После разгрома Терюшевского восстания Несмеянка вместе с товарищами идет по этапу в Нижний Новгород. С высоким мастерством передает романист переживания героя, сердце которого переполнено болью. Но не ручные и ножные кандалы, сковавшие Кривова, угнетают его. Страдания причиняет беспокойство за друзей, собратьев по борьбе, «с которыми делил и горе и радость», которые теперь попадут «в еще более страшную кабалу».

Образ Несмеяники Кривова явился идейным фокусом «Жрецов». Он аккумулирует весь тот обширный жизненный опыт, что накапливают в борьбе остальные персонажи: терюшевские крестьяне, русские мужики из Рыхловки, примкнувший к ватаге чувашский богатырь Буртас. Подобно лучшим мордовским героям из произведений советских писателей (Ивариха у М. Горького, Михалкин у П. И. Замойского), Несме-

ника осознает себя сыном мордовского народа, гордо произнося: «Я — мордвин». В. И. Костылев не один раз подчеркивает, что сердце его открыто горестям и бедам людей других национальностей: «все мы один народ — братья... Кто смеет отнять у нас день? Татары, башкиры, украинцы, мордва тоже хотят дня, как хотят его и русские мужики!»

Так в тему освободительной борьбы вплетается тема интернациональной дружбы. Автор «Жрецов», понимая ее важность среди прочих тем, выдвигает на передний план. Хотелось бы проследить, как раскрывает горьковский писатель эту проблему.

В. И. Костылев неоднократно подчеркивает исторически сложившиеся дружеские связи мордвы с другими народами. Тесные взаимоотношения характеризуют не только повседневную жизнь народов Поволжья, в дни суровых испытаний народы-братья спешат на помощь друг другу. В Терюшевском восстании участвовали люди разных национальностей: русские, мордва, марийцы, чувашн, башкиры, этот многонациональный союз объединяла ненависть к несправедливости.

Писатель рассказывает о раненом ватажнике чувашине Буртасе, который убил «кистенем двух налетевших на него драгун». В уральском башкире Хайридине он выделил внимание к людям: «Хайридин озаботился, чтобы в Терюшах посытнее накормили ватажников», показал бесстрашного воина, как прекрасного наездника (это национальная черта башкир): «Хайридин воспользовался этой заминкой. Стрелой пронесся он по полю в тыл врагу со своими молодцами и затем со свистом и гиканьем дал знать товарищам о том, чтобы следовали за ним»; «Юнгер снова повернул на мордву, а в эту минуту Хайридин опять налетел на его тыл со своими храбрецами».

Как глубоко народную, проводит В. И. Костылев мысль о единении людей против власть имущих. Готовые погибнуть, сплотившись в едином порыве, собрались они отстаивать свои интересы. Хотя роман называется «Жрецы», но он посвящен народу и рассказывает о нем: «Тысяча человек мордвы, а между ними и русские и чуваши, залегли в оврагах с луками, рогатинами, ружьями и бердышами. И ватажники не забыли Несмеянку, пришли помочь мордве под начальством бесстрашного башкира Хайридина». Писатель убеждает, что это не серая однородная масса, которой управляют господа, а сила, действующая по законам своей жизни, понимающая, что ей надобно, а надобно было ей свободу.

Для придания исторического и национального колорита В. И. Костылев пользуется неисчерпаемыми богатствами народного фольклора. В романе много народных песен, которые звучат на русском, мордовском, украинском языках и не нуждаются в переводе, потому что духовное родство объединяло людей. Особенно часто поет цыган Сыч. Встретившись с Несмеянкой, он думает, не соглядатай ли это. Но вот мордовский вольноотпущенник с горечью начал рассказ о виденном на

Украине, и Сыч убедился, что перед ним честный человек: тогда-то он и запел украинскую песню о казаке и дивчине.

На русском языке цыган поет песню, когда подъезжает к Рыхловке, где жили его жена и сын. Сыч еще не знает о смерти Степаниды, поэтому, чтобы не выдать волнения, поет о бродяге, ищущем счастье.

По-мордовски песня звучит дважды. Первый раз ее поет Иван Рогожа, аккомпанируя себе на национальном инструменте — кайге: «обоих сыновей убили... на войне, а жена умерла с горя о них». Ватажники восприняли песню мордвина, как напоминание о ждущих их впереди испытаниях.

Лишь Турустан не понял чувств певца, в ответ он бойко запел мордовскую обрядовую песню, не отвечающую общему настроению. Этим разногласием В. И. Костылев как бы предвосхищает отход Турустана от ватажников.

Следует заметить, что роман «Жрецы» — первое, но не единственное произведение, посвященное Терюшевскому восстанию мордвы. В 1941 году в Саранске на эрзя-мордовском языке вышел роман в стихах А. Д. Куторкина «Ламзурь», в основу которого также легли события 1743—1745 годов.

* * *

Имя В. И. Костылева, скончавшегося в августе 1950 года в Москве, неотрывно от истории советской литературы. Но, к сожалению, его творчество мало привлекает исследователей. Лишь в 1959 году в Горьком был опубликован критико-биографический очерк «В. И. Костылев» В. В. Даркова. А творчество этого своеобразного исследователя представляет одну из страниц нашей многонациональной литературы. Имя горьковского писателя не упоминается ни в мордовской, ни в марийской, ни в чувашской литературах.

Роман «Жрецы» вновь пришел к читателям, когда в Мордовии уже отмечена такая крупная историческая дата, как 500-летие добровольного вхождения мордвы в состав Российского государства. Это произведение В. И. Костылева, написанное на материале национальной истории, подтверждает тезис о многовековой дружбе мордовского и русского народов. Правописание некоторых слов оставлено по старой орфографии.

Т. КОЗИНА,

аспирант Мордовского государственного ордена Дружбы народов университета имени Н. П. Огарева.

Б. КОСТЫЛЕВ

ЖРЕЦЫ

РОМАН

Горький
Волго-Вятское
книжное издательство
1985

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1937 году, через год после выхода романа «Питирим», В. И. Костылев выпускает вторую часть задуманной им трилогии «Человек и боги» — «Жрецы».

Перед читателем — Нижегородское Поволжье середины XVIII века. Наряду с заметным развитием хозяйства страны продолжается закрепощение трудового люда. Резко возрастают феодальные повинности крестьян: денежные и натуральные оброки, отработки на помещика и участие в государственных общественных работах, ставших обязательными. Нужда и полное личное бесправие постоянно порождали среди трудового люда глухой ропот недовольства, переходивший порой в открытое противление и даже вооруженные бунты.

Действие нового романа охватывает 1742—1744 годы, начало царствования дочери Петра I Елизаветы Петровны. Сюжетная нить «Питирима» продолжена по прошествии двадцати лет: вновь у Нижнего появляется ватага Софрона-Зари, вновь ее судьба становится связующим звеном всего повествования.

По сюжету ватага подрядилась доставить из волжского Понизовья в Нижний Новгород соляной караван Строгановых. Но следует учесть, что с XVII в. именитые люди Строгановы добывали соль высокого качества в Соли Камской, а из понизовых озер везли в центральные районы России самосадную соль-бузун, шедшую в основном на стол бедняков и на засолку. Поставки соли из Астрахани и Перми тогда оставались основным источником доходов нижегородского купечества. На соляной торговле создавались капиталы Олисовых, Пушниковых, Дранишниковых, Калмыковых. Но в 1705 г., в условиях сложных внутри- и внешнеполитических событий,

Петр I ввел государственную монополию на продажу соли, заставив промышленников продавать ее в казенные амбары по 5 коп. за пуд.

Ущемление прав солеваров сказалось существенным снижением поставок соли, в 1727 г. указ Петра I был отменен. Но после этого обнаружилось дальнейшее уменьшение государственных доходов с этой статьи. Если до 1727 г. в казну ежегодно поступало от продажи соли «от 600 000 рублев и более того», то к началу 1730-х гг. по официальным сообщениям «казенной доход не токмо умалился, но почитай в треть того в казну нашу приходит, к тому ж, как слышно, купцы по уездам народу соль продают ценою как сами хотят с тягостию...».

Поэтому указом от 10 августа 1731 г. в России была вновь установлена государственная монополия на продажу соли, а солеварам настрого предписывалось, чтоб в государственные амбары сдавали ежегодно: Строгановы 3 миллиона пудов, а «другие пермские промышленники — по миллиону... Балахонской соли, Галицкой, Тотемской, Холмогорской, Сереговской, соли Вычегодской, Кargопольской, Наденна усолья по 606.719 пудов. 11—12 миллионов пудов тогда вполне хватало на все потребности жизни страны.

Терюшевская волость [illegible] развивается действие романа, указом Петра I от 2 июля 17[illegible] с селом Лысковом и прилегающими к нему землями, [illegible] деревнями были пожалованы на «кормление» грузинскому [illegible] Бахтанговичу и его сыну Александру Арчиловичу, переехавшим [illegible] семьями и всем двором после сложных внутриполитических [illegible] казс. Вплоть до 1744 года Лысково принадлежало дочери [illegible] Дарье Арчиловне. После ее смерти указом от 1 марта того [illegible] было отписано во владение племяннику ее генерал-лейтенант[illegible] артиллерии Бакару Вахтанговичу.

Богатое торгово-промышленное [illegible] Лысково давало дому грузинского царя Арчила не только значительные денежные средства, но и необходимые продукты: хлеб, мясо, масло, вино, соль, всевозможные изделия местных мастеров из железа, кожи, деревянную и оловянную посуду, льняные холсты и медное литье.

Особое место в жизни Лыскова занимал торг, состоявший в 1744 году из 51 лавки, 65 полок и 128 амбаров (всего 244 торговых места). Кроме того, столь же многочисленные полки и шалаши, вместе с кабаками и харчевнями, ставились лысковчанами ежегодно на берегу Волги во время Макарьевской ярмарки. Крупный торг шел и на заливных лысковских лугах, куда пригонялись тысячные табуны лошадей и стада крупного рогатого скота, гусей. Пастьба и охрана лошадей и коров составляли сезонный источник доходов многих лысковчан в течение всего XVIII века.

Как и во всех крупных городах (хотя Лысково, как частное владение, продолжало числиться селом, торговля и ремесла здесь были на «градском» уровне — что многократно отмечалось путешественниками XVIII в.), торг здесь имел специализированные ряды: Щепетинный, Сапожный, Кращенинный, Мясной, Рыбный, Соляной. По особо многочисленными по

чистую торговых мест были Калачный и Хлебный ряды, располагавшиеся в особом месте, вдоль реки Сундовика. Отсюда каждой весной купцы вывозили на своих судах хлебные запасы многими тысячами пудов в волжское Понизовье.

Действие романа неоднократно переносится в окрестности знаменитой Макарьевской ярмарки и в расположенный прямо напротив Лыскова монастырь на Желтых Водах. Их исторические судьбы переплелись и стали неотделимыми. Макарьев-Желтоводский монастырь был учредителем ярмарки и дал ей свое имя, а взамен каждогодно получал значительные доходы, на которые еще в XVII в. был отстроен в камне редкий по своим художественным и композиционным особенностям, прекрасно сохранившийся до наших дней архитектурный ансамбль. Он высился над левым низменным берегом Волги неприступной крепостью с мощными многоярусными башнями, в прорезях бойниц которых виднелись стволы пушек и пищалей. Центр ансамбля отмечало пятиглавие Троицкого собора и шатер колокольни при огромной трапезной палате (более 120 ... м), подклет которой служил складом для купеческих привозных товаров

Возле монастырских стен в разбр... повсюду многочисленных рядах лавок и палаток, полков и ... многотысячная толпа покупателей, стекавшихся сюда со всех концов России и многих стран мира. В виде отдельной ... поместился на берегу Волги гостиный двор с четырьмя ... над проездами вовнутрь и пятой — самой высокой ... угловой ... стояла стража торга.

Как раз в пору событий романа русское правительство направило в Макарьев выдающегося ... И Коробова, чтоб «при Макарьеве монастыре гостиной двор ... каменной и на строение онаго каменнаго двора штате-конторе на каждой год, пока оной строением окончит ца, ассигновать в требуемую по смете архитектора Коробова сумму, во 147.716 рублев...». Сами же государственные доходы с Макарьевской ярмарки в 1740-х гг. составляли 36—37 тыс. руб.

Макарьев-Желтоводский монастырь и ярмарка при нем были широко известны, и современники сообщали, что он «весьма пребогато построен и преславная в нем имеется церковь, кои весьма богато украшена, а лежит на луговой стороне на берегу великия реки Волги... При котором монастыре имеется немалая слобода, и при ней на берегу великия реки Волги построен древяной, великой гостин двор с многими торговыми лавками, где бывает преславная во всей России по вся годная Макарьевская ярмонка».

В слободе жили приписные к монастырю трудники: кузнецы, плотники, каменщики, иконописцы, ткачи и гончары, платившие архимандриту «з братьею» не только денежный, но и натуральный оброк-зделье. В центре слободы в середине XVIII в. высилась ярусная рубленая церковь, которая лишь в конце столетия, уже после получения Макарием статуса города, будет отстроена кирпичной (сохранилась до наших дней).

С 1700 года царю Арчилу Вахтанговичу вместе с Лысковом стала принадлежать и населенная преимущественно мордвой Терюшевская волость с такими крупными административно-хозяйственными центрами, как села Богоявленское, Рождественное, Большие Терюши.

Терюшевская волость в 1740-х годах оставалась в Нижегородской губернии самостоятельной административной единицей; в географических описаниях середины XVIII века сообщалось, что она «стоит во многих селах и деревнях, а отстоит от Нижнего 80 верст».

Стремясь к полному единовластию в своей вотчине, Грузинские, с одной стороны, сдерживали участие губернских властей в делах волости, и с другой — разными путями усиливали личную зависимость крестьян. Для терюхацких управляющих была разработана инструкция, устанавливающая крупные штрафы и жестокие наказания для всевозможных бунтарей, и прежде всего «хулителей» имени богохранителя: «...ежели кто отважитца учинять противное из имеющихся нашего владения крестьян или кто будет нас обносить поносными словами, то с таковыми правящему поступать: взять ево под стражу в приказную избу и содержать до тех пор, как дело будет исследовано, и по следствии, ежели будут свидетели, взять с них отзывныя скаски с приложением рук для того, как противник или поноситель скажется виновным с показанием свидетелей, то такового при собрании первостатейных крестьян в первой и второй раз наказать плетьми в приказе нещадно, а ежели будет в третий раз в таковом же подозрении находиться — то на такового зделать определение и перед приказом наказать плетьми нещадно и не в зачет того взыскивать денежный штраф 10 рублев».

Православной мордвы среди терюхан было много еще в XVII веке, но во время насильственной христианизации, проведенной Дмитрием Сеченовым, число их неизмеримо выросло. «Миссионерская» деятельность Сеченова проходила по ставшей традиционной для церкви формуле «крещения огнем и мечом». Принуждаемые принять христианство (а с ним и церковные повинности), возмущенные осквернением могил, терюхане оказали вооруженное сопротивление, вылившееся в широкое восстание. В нем приняли участие (только по официальным данным) до шести тысяч человек — русских, мордвы, черемисов.

Более полугода сопротивлялись крестьяне Терюшевской и окрестных волостей, своим выступлением предвещая разразившуюся в 1773—1775 годах крестьянскую войну под предводительством Емельяна Пугачева.

Вновь обнаруженные документы того времени не только дополняют цепь событий «бунташного» 1743 года, но и создают редкую возможность проникнуть в творческую лабораторию В. И. Костылева. Увидеть его метод отбора фактов и их дальнейшую литературную обработку.

В предлагаемых ниже материалах опущены пересказы, встречающиеся в документах, повторения уже известного. Требовательному же и пытливому читателю-краеведу мы предлагаем обратиться к первоисточнику — ЦГАОР, ф. 1, оп. 1, дело 28, л. 79—110. Указы Сената, Синода и коллегий Нижегородское губернское правление и духовную консисторию за 1743 год.

Указ Синода в Нижегородскую губернскую канцелярию от 7 июля 1743 года:

«Июня 28-го дня сего года святейшему правительствующему Синоду преосвященный Димитрий, епископ нижегородский доношением представил: по должности-де пастырской отъезжал его преосвященство из Нижняго посетить епархию свою (с небольшими дому своего служителми) майя от 16-го дня сего года и, бывши в монастыре Оранском, путешествовал в Зеленогорской монастырь надлежащим трактом через волость Терюшевскую, в которой обретается болшая половина руских старых некрещеных народов (которые, укрывая свое древнее идополоклонство и волшебство и нехотя прийтить ко свету евангелской проповеди, называются мордвою ложно, понеже они мордвою никогда не бывали и мордовскаго языка не знали и не знают, а говорят так, как суздалския и ярославския мужики), и проехал мимо трех деревень того ж мая 18-го дня, в которых деревнях принимали ево честно и давали проводников до руского села Сарлей, в котором остановился и для ставлеников хотел совершить божественную службу и, усмотря близ святаго олтаря кладбище оных некрещеных, акы на поругание святыя церкви в христианском селе вблизости церкви поставленное, на котором кладутся их, некрещеных идолаторов, мертвые тела, и приезжая из всех ближних и далных мест, таковые некрещены приносят скверныя жертвы кличем и плясками, что весьма богопротивно и как правилами святых отец, так и указами запрещено, которое кладбище давно бы надлежало перенесть в их некрещеные жилища, токмо за нерадением неученых христан (которыя в [illegible] со оными некрещеными людми при таковых бесовских игралищах приходя обществуют и скверным их жертвам приобщаются, пьют и ядят [illegible] заодно), а паче за крайнее послабление оного села Терюшева управителей грузинцов, которые ради скверного своего прибытка в той мерзости им позволяют знатно, не зная или не разсуждая разности между христианами и идолаторами.

И когда его преосвященство, пришед в церковь, приказал у оного кладбища сварить пищу, а дрова на сварение брать с того кладбища поставленные на могилах кольи, которых и сожжено десятка с три, а осталные на тех же могилах кольи и струбы для истребления таковых богопротивных и душевредных суевериев велел было зжечь, ибо не точию таковыя, близ святых церквей учиненыя некрещеных кладбища, но и настоящия мечети и капища по указом повсюду сломать повелено. И по выходе его преосвященства из церкви объявили ему тамошние церковники: опасно-де вашему преосвященству здесь стоять, понеже-де мордва советуют вам учинить [illegible] что услышав, того ж часа послал в село Терюшево к управителю [illegible] вотчин грузинцу князь Мелхиседеку Баратаеву с требованием, чтоб таковых злодеев до намерения их не допустить и в том бы охранил. И как его преосвященство отправился из того села, проехал с служители токмо с [illegible] версты, то из некрещеной деревни Сескина во множественном собрании некрещеных идолаторов со оружием и з дубьем, закричав своими воровскими ясаками, учинили на обоз его преосвященства разбойническое нападение

[illegible] усидевши, служители со успехом оборотя от них, едва во оное ж село Сарлей убежать могли, где в овраге коляски переломали и людей многих повредили. Ис котораго обозу, отхватя оныя воры одного церковника, сарлейского дьячка Петра Борисова, били смертными побои, которой и остался у них замертво.

А потом оныя ж злодеи, прибегши в село Сарлей до врага, штурмовали их через три часа с немалым умножением с той воровской стороны народа, которых было с пять сот человек мужеск полу с ружьи и с рогатины и с стрелами и з дубьем, а женск пол и дети их — все с палочьем, между которыми злодеи многие [illegible] были, что, скинув платье донага, отважились (на штурм. — *Н. Ф.*), [illegible] в руках болшия остроконечныя ножи и рогатины и протчия оружии.

И, хотя оные служители и того села [illegible] от них, злодеев, сколко можно и оборонялись, но, видя такое их многолюдственное собрание и варварское нападение, его преосвященство схоронился было в церкве, но услышав от них злое намерение, что кричат и хвалятся тое церковь зжечь, а его преосвященство и [illegible] всех побить досмерти, убоявся, ушел из той церкви тайно в [illegible] в погребе, готовился к нечаянной смерти.

И оное их, некрещенцов, многолюдственное собрание и варварское нападение выше реченной управит[illegible] князь Баратаев, по приезде своем в село Сарлей довольно [illegible] поспешили из села Константинова и из протчих христианских окрестных жилищ руския обыватели и от такого злодейскаго их нападения не охранили, то ни единыя души живых они, злодеи, не оставили б.

При окончании ж той бедственной брани и в приезд управителской оные ж некрещены вокруг того села с ружьем стояли и руския обыватели просили, чтоб ружья у них отобрать, а их переловить, понеже некоторыя добровольныя от тех же некрещенов сыскались и оных злодеев выдавали. Токмо оной управитель ружья отбирать и их переловить не велел, а оставил тех всех злодеев просто. При уже многолюдном православных христиан собрании, при конвое от оных проводников из того села Сарлей (епископ. — *Н. Ф.*) не ездя к Зеленогорскому моностырю, отъехал по тракту к Макарьеву Желтоводскому монастырю вышеписаннаго ж числа с немалым от оных воров страхом и опасностию. А по прибытии ж из Макарьева монастыря в Нижний Нов город июня 1-го дня дому его преосвященства семинарской канторы копиист Василей Никитин (которой отпущен был в дом отца своего показанной же Терюшевской волости в село Теплое к попу Никите Яковлеву для свидания) поданным доношением объявил: тоя ж-де волости вышеписанного села Сарлей поп Алексей Мокеев да села Богоявленского поп же Козма Алексеев, приехав в дом ко оному отцу ево, извещали словесно: оныя ж-де Терюшевския волости некрещеные, окрест вышеписанных сел жительствующие, грозятся их, попов, убить досмерти, для которого убивства прошедшаго ж майя 19-го дня в село Богоявленское и приезжали многолюдством воровски и оного попа Козму искали и к дому

ево приступали с рогатинами и у избы выбили окна, за которыми-де их воровскими угрозами и для мирских треб в приходския деревни выехать за страхом они опасны, а потому и сарлейской поп Алексей Мокеев поданным же его преосвященству доношением объявил: в нынешнем-де году того села Сарлей некрещены во время служения божественной литургии в воскрестныя и праздничныя дни ходят мимо церкви божии играя в пузыри и смыги, скачут и пляшут завсегда, а жены-де их, некрещенов, во время же литургии в воскрестныя дни и в праздники, сходясь близ тоя же церкви на ключе, моют платье и всякое безчиние творят, а хотя-де от них многократно управителям на оных некрещенов жалоба приносилась, токмо от них никакого наказания не было, понеже-де весма оные грузинцы граблением ослеплены, а в христианстве знатно силы мало знают.

А майя-де 19-го дня оныя ж волости все некрещены, собрався многолюдством, быв на вышеписанном сарлейском своем кладбище на обыкновенном приносимых скверных жертв бесовском игралище, едучи мимо дому ево попова, бранили ево, попа, всякою скверною лаею и грозились убить досмерти. Да того ж-де майя 21-го дня выше писанной управитель, князь Баратаев, оного ж села Сарлей всех крестьян, в православии обращающихся, призывал к себе в село Терюшево и допрашивал тако: для чего-де вы выходили на охранение архиерея? не ваше-де дело. Он-де волен над попами, я ж-де волен над вами. Хотя бы-де ево те мордва убили до смерти, у государыни-де архиереев много. Токмо-де сии слова открыли ему мужики по духовности, понеже их крестьяня и оного управителя весма боятся. И подлинно, что таковое нападение сделано с потачки оного управителя, умыслом тех некрещенов, что доволно его преосвященству объявили руския их соседи, что-де некрещены, собравши по алтыну з души, с 600 рублев оному управителю поднесли и за день пред приездом его преосвященства вся волость у него, управителя, были на совете и он-де им обещал, что-де я вас от крещения устою и учителей-де в жилища ваши для проповеди слова божия и объявления милостиваго указа не допущу.

И сие может быть вероятно, понеже он, управитель, и сам не лучше некрещеных, токмо для времянного награждения именем христианским прикрыт, а в самой вещи или персении или армянин, ибо уже третей год в епархии его преосвященства живет, а отца духовнаго не имеет и в церковь не ходит, а в посты святыя мясо ест. А когда оные некрещеные прослышали приезд его преосвященства (хотя подлинно и не к ним ехал и о жилищах их, что они на тракте обретаются, не знал), то оные некрещеных волшебники, которые у них, некрещенов, за попов почитаются, собравши со всех деревень на кладбища, возмутили, что архиерей-де едет крестить насилно с солдаты и, ежели де подлинно с салдаты, то де сами созжемся на овинах, а ежели без салдат — то убьем его досмерти. Того ради в первых деревнях пропущали его честно, дожидались высматривая, чтоб внутрь жилищ их въехал, и когда усмотрели, что салдат при его преосвященстве нет, таковое воровское нападение для убивства учинили...

Того ради просил его преосвященство: дабы указом Ея Императорска

...величества повелено было оной Терюшевской волости некрещенов за учиненную ему обиду и за намерение их ко учинению впредь злодейств всех, кои похотят от злобы и упрямства своего добровольно крестятся, а не похотят — таковых вневолю крестить... богомерзкия же их идолопоклонические в том селе Сарлей и где инде при церквах святых кладбища есть, по силе правительствующаго Сената определения, святейшему Синоду ноября 30-го дня прошлого 1742-го года объявленного... разорить и з землею сравнять и имеющияся на тех кладбищах колья и струбы и протчее, собрав, зжечь, дабы никакова знака кто где зарыт не осталось... управителя, князя Мелхиседека Баратаева, в поноровке в том им за полученный от них взяток 600 рублев и за протчее... оной волостью и ничем ему не ведать и от управителства отказать и домашних его из той волости выслать...»

Доношение Д. Семенова в Синод и Сенат от 11 ноября 1743 года:

«...за неимением в Нижегородской губернии довольного воинства в помке таковых злодеев не точию весьма [illegible], но те, некрещены, разсвирепев, от часу в большую дер[illegible] приходят и учинили нижеследующее злодейство, а имянно: в прошлых [illegible] августе месяцех в бытность в той волости отправленной [illegible] канцелярии для сыску тех злодеев партии (при которой [illegible] таковых некрещенов ко обращению в веру христианскую [illegible] и крещения, имелся Богородицкого свияжского монастыря архимандрит Сильвестр Головацкой), оныя злодеи, противляся той команде, выбрався из домов своих в лесныя места на воровской стан за деревню Сескину в лесную рощу, вооруженною разбойническою рукою, учиня по всем дорогам караулы, чтоб никого к себе духовных персон для увещания, а оной команды посланных для взятья их, не допустить, намерили оного архимандрита и священно-церковно служителей побить досмерти ж, а церкви божии зжечь и, захватя на воровской свой стан многих новокрещенов, оборвав с них кресты святыя, побросали...

...доношением села Терюшева соборной протопоп Алексей Михайлов показал, что октября-де 30-го дня порутчика Кузминского, с командою к деревне Романихе следующаго, не допустя до той деревни за версту, встретя вооруженною рукою, в тое деревню не пустили и взять никого не дали и с великим криком и воровством на тое команду наступали и своими воровскими ясаками кричали и похвалялись тое команду побить досмерти, от которого-де их великого нападения и угрожения оной порутчик с командою отступил в село Богоявленское. Октября 31-го дня порутчик же Кузминской ездил в некрещеную деревню Борцово для сыску же и взятья таковых некрещенов к отвозу в Нижней и, не допуская-де до той деревни за полверсты, те некрещены, встретя многолюдно с разным оружием, в тое деревню не допустили же и взять никого не дали ж, кололи салдат рогатинами. Которых-де некрещенов в тех деревнях в собрании на-

ходится с три тысячи человек. И оной порутчик от того пришел в великий страх и от варварскаго их нападения едва уехал во оное ж село Богоявленское...

Из Нижегородской губернской канцелярии промеморией сего ноября 2-го дня объявлено, что порутчику-де Кузминскому (которой послан в сороке человеках) повелено из вышеписанных некрещенов взять бурмистров и старост и выборных, а ежели не изъедут, то ис каждой деревни лутчих человек по пяти, а всех бы взято и в тое канцелярию привезено было не менше ста человек.

И он-де, порутчик Кузминской, присланным рапортом объявляет, что из означенной Терюшевской волости села Сарлей и деревень Болшаго и Малаго Сескиных некрещены все учинились противны и взять себя никого не дали и всею волостию, собрався многолюдством с ружьи и саадаками и з бердыши в деревне Борцове с четыре тысячи человек, учинились противны ж, взять из себя никого не дают и угрожают смертным убивством, и тот-де Кузминской с малою командою имеется в великом опасении и требовал о присылке к себе в помощь немалой команды...

Ноября 8-го дня оныя порутчики (Кузьминский и присланный ему в помощь Хрипунов. — *Н. Ф.*) с командою в 90 да околних 600 человек по силе данных им от Нижегородской губернской канцелярии указов в тое деревню Борцово следовали и некрещены-де на них учинили жесточайшия нападения, от которых-де с тяжкими ранами порутчик Хрипунов увезен, а порутчик же Кузминской бит дубиной и в крайней же нужде и с командою отводом едва спаслися и на дворе запершись, многие часы отбивались...»

Доношение Синода Сенату от [illegible] ноября 1743 года по рапорту нижегородского епископа Д. Се[illegible] о мессионерской деятельности среди мордвы Сильвестра Головацкого.

Мордва «...разсвирепев зверски по единому возмущению прежних своих разбойнических волшебников, что ни внять духовной персоны, ни же слышать духом кротости предлагаемого им еллинскаго учения не восхотели и к слушанью Ея Императорскаго величества указу не пошли... великим многолюдством собравшися, стояли в лесу разбойническим образом, имея по всем дорогам разъезжия караулы для недопущения к себе никого, похваляяся бить всех досмерти и чиня немалыя наездами своими нападения... и до ныне никто ис помянутых противников к следствию еще не сыскан... А иные, конечно хотят от оного следствия вовсе отбыть, как уже о том доволно известно, в Москву бежали, якобы от насилного принуждения по крещению...»

Указ Сената от 23 ноября 1743 года:

«Терюшевской волости некрещеных, кои от тамошняго следствия бежали в Москву и в Санкт-Питербурх, публикуя указами от полицейских

команд, ловить и отсылать их во оную губерискую канцелярию под крепким началом... Военной коллегии командировать в ведение оной губернской канцелярии из стоящих во оной же Нижегородской губернии на винтер-квартирах штап-офицера, надежнаго человека, с пристойною командою, какою бы возможно тех противников забрать в немедленном времяни...»

Указ Сената Государственной Военной коллегии от 24 ноября 1743 года:

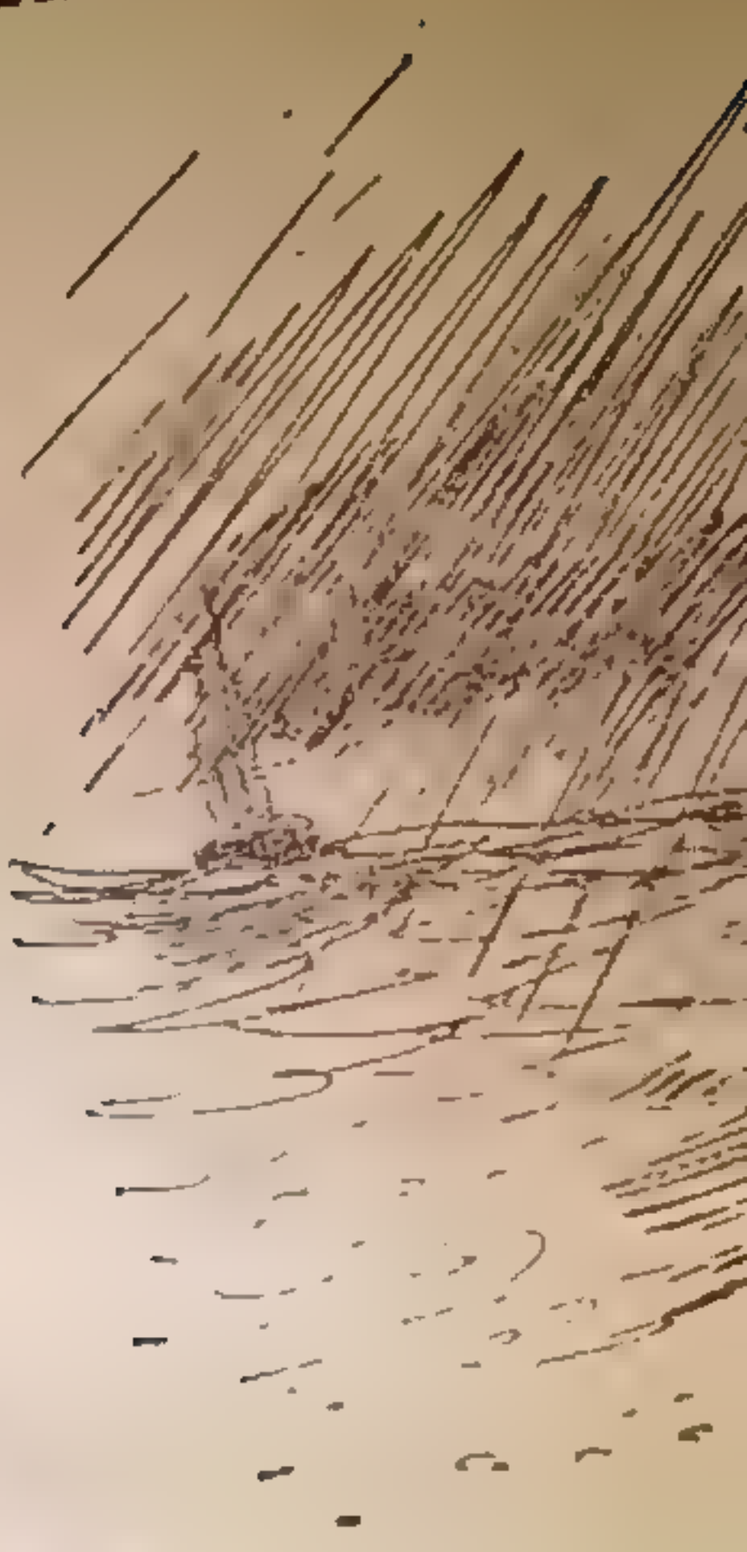
«В нынешнем 1743-м году с марта месяца в той губернии и поныне являются воры и разбойники великими компаниями сухими и водяными путями по Волге, Оке и Суре и, многих разбивая, чинят смертныя убивства и разорение, в коих ворах болше беглые рекруты, при том же объявлено о противностях Терюшевской волости и других тамо деревень некрещеной мордвы... с протчими к ним приставшими супротивниками, коих в собрании с 6000 человек явилось... для такого многолюдного воровского умножения доволную и безопасную команду отправить в ведомство оной губернии немедленно, и в случае паче чаяния какого-либо от них супротивления, поступать с ними как с неприятелем... командировать генерал-майору Николаю Стрешневу из определенного в команду ево в Нижегородскую губернию на квартиры... с целым полком... буде же и за сим подтверждением он, генерал-майор, вскоре к той команде не отправитца и за неприбытием его во искоренении и поимке тех злодеев и в протчем по команде ево какое упущение или вред приключитца, то взыщется на нем, генерал-майоре...»

Сообщение нижегородского губернатора Д. А. Друцкого на правлении 5 декабря 1743 года:

«...привезенных ныне ис той волости некрещеных противников имеетца в Нижнем 140 человек, которые за неимением после бывшаго в Нижнем пожарного времени тюрем держатца по обывателским квартирам, а уповаемо, что впредь оных злодеев по тому следствию имеет быть в забрании более тысячи человек, а доволного числа к тому содержанию и для посылок солдатства не имеетца. Того ради, чтоб он, господин генерал-майор... (дал.— *Н. Ф.*) одного штап-офицера с 400 человеками драгун, о чем и в Военную коллегию послан рапорт...»

Н. ФИЛАТОВ.

ААДУ ХИНТ



Берег ветров

РОМАН В ЧЕТЫРЕХ

Книги третья и четвертая

Перевод с эстонского

Советский писатель
Москва 1970

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Маленькая Эстония, с ее бесчисленными островами, хуторами, разбросанными вдали друг от друга, с городами, где осталась готика от немецкого владычества и где чтут чистоту и тишину, с большими промышленными районами, с морем, омывающим страну (вся Эстония — словно большой полуостров), по-своему экзотична. Хотя она не отмечена пышными, яркими красками, пейзажи ее спокойны, и даже на островах, отдаленных от материка, редко встретишь теперь яркие национальные одежды, броская красочность которых как бы призвана была компенсировать соседство природных красок. Зато в пору певческих праздников вы непременно увидите знаменитые мухуские юбки, хийумааские и рухнуские орнаменты. И у каждого из островов и краев республики своя гамма, свои несхожие краски...

Так же сдержан и одновременно экзотичен прославленный Сааремаа — самый большой остров Западно-Эстонского архипелага. Лааду Хинт назвал его Берегом ветров.

Но в ту пору, когда мы проезжали вдоль Сааремаа, стояла тихая, безветренная погода, и от этого остров показался удивительно спокойным, синим от сосен, моря и неба. Казалось, нет более спокойного места на земле, чем этот Берег ветров. И вот из-за поворота показался столб с указателем: «Место рождения писателя Лааду Хинта. 2,5 км. до Куусыммэ». Это тоже была своеобразная экзотика — «памятник» при жизни. Потом я встретила подобные «памятники» Юхану Смуулу, Айре Каалъ...

Но на том «памятнике» — дорожном указателе — была фактическая ошибка. Лааду Хинт родился не на Сааремаа, а на острове Муху 10 января 1910 года — на родине его матери, в деревне Нга, где в ту пору гостила у своей сестры мать писателя Мария Хинт.

Однако сааремаасцы, видимо, по-своему правы, не считаясь с этой подробностью, так как детство, отрочество и юность А. Хинта прошли на Сааремаа, здесь сохранился дом, в котором жила семья Хинтов, его посещают теперь экскурсанты. И, придя на хутор Кюласоо (так в «Береге ветров» назван родной хутор писателя — Коплп), они так же, как и я, увидят его каменистую почву, зайдут в темный дом, услышат тишину, может быть, подумают о том, что не будет странным, если сейчас растворится дверь и с охапкой сучьев войдет Маре Тиху (героиня тетралогии «Берег ветров», прототипом которой была мать писателя) и склонится над очагом. Маре возьмется за уборку, а потом сядет к прялке — она все еще там и стоит, возле старенького, вконец расстроенного фортепьяно.

Островитяне уверены в том, что знают, «с кого» А. Хинт писал своих героев. Еще в буржуазной Эстонии, после выхода его первого романа, один из прототипов — богатый хуторянин — предъявил судебный иск писателю. Истории эта описана теперь в четвертой книге романа «Берег ветров».

Есть у А. Хинта свои любимые «прототипы», вернее, дорогие ему люди, помня о которых он создавал характеры героев «Берега ветров». Многих уже нет в живых. Нет Марии Хинт, нет отца, Александра Хинта, который послужил прототипом Сандера Тиху. Но живет корабельный мастер Сепп (в первой книге «Берега

ветров» он выведен под именем Михкеля, создавшего модель кооперативного паруснпка «Каугатома»). Живут одинокие старики Михкель и Эмма. И та же прочность и несуетливость образа жизни ощущается в их доме, отдаленном от большого мира морем, в котором уже вряд ли придется когда-либо выйти старому рыбаку Михкелю.

Сохранилась на острове и роотсикюлаская школа, та самая, где А. Хинт был учителем, где он писал свой первый роман, за который ему пришлось предстать перед судом.

Во времена А. Хинта в этой школе было около двухсот учеников и всего шесть педагогов. И будущему писателю приходилось преподавать все предметы и во всех классах.

А на мухуском кладбище похоронена мать писателя. На могиле памятник — из камня высечена женщина с ведром в руках. Вечная труженица Маре.

Ей, матери, посвящена вторая книга тетралогии «Берега ветров». «В ее столь дорогом для меня светлом облике,—писал А. Хинт,— мне захотелось запечатлеть какие-то непроходящие человеческие ценности. Человек получает их в детстве, впитывает с молоком матери, с запахом родного очага, с шелестом волн, набегающих на камни родного берега...» Вот эти «непроходящие человеческие ценности» видел А. Хинт и в корабельном мастере Сеппе, и в Михкеле, и Эмме, и в других образах тетралогии.

Отец писателя, Александр Хинт, по профессии капитан дальнего плавания, был привязан к земле и мечтал о том, чтобы старший сын тоже стал хозяином хутора Коплп. И сын его любил и любит землю. Но уже с детства он умел с чуткостью реагировать на события, происходящие в деревне, в семье соседей, в своем собственном доме. С самых ранних лет он знал о том, что людей, живущих с ним рядом, ежедневно подстерегала страшная беда — проказа.

Случилось так, что проказой заболела мать соседской девочки. Вскоре и девочку, которую он любил первой отроческой любовью, заточили в лепрозорий. Это несчастье вызвало в нем, еще ребенке, ужас и смятение. Он не только страдал оттого, что его подруга обречена на мучительное существование и смерть, он был убежден, что такая же судьба уготована и ему.

Впоследствии, через десятилетия, в завершающей, четвертой книге тетралогии «Берег ветров» А. Хинт изобразит подобную ситуацию, расскажет о первой любви подростка к девочке, заболевшей проказой, и о клятве, данной героем себе и Великой Природе помочь своему обездоленному народу.

Четверо детей было у Александра и Марии Хинт. Все они получили образование и стали подлинными специалистами каждый в своей области. Константин — инженером-строителем, Аманда — учительницей, Иоханнес — ученым, лауреатом Ленинской премии, присужденной за изобретение и разработку методов производства силикальцита. Все они росли вместе, испытывали влияние одной и той же среды, были свидетелями одних и тех же событий. Но талантом глубокой восприимчивости к явлениям окружающей жизни, присущей художнику, был одарен лишь один из них — Ааду Хинт. Именно он еще в детстве умел слышать песню плуга, разноголосицу у причалов, забитых лодками, шум ветряных мель-

ней на холме Тылдекинг, видеть цвета и краски близкой ему природы и отзываться на все, что поражало его воображение.

Годы учения в Саареемааской гимназии (1923—1929) были годами поисков. А. Хинт старательно, напряженно учился. Целеустремленность, настойчивость, обстоятельность в продвижении к цели — эти качества натуры писателя будут неуклонно руководить им на протяжении всего его творческого пути.

Выбирая профессию, А. Хинт руководствовался прежде всего мыслью о том, что жизнь надо прожить с наибольшей пользой для людей. Какое-то время он думал о том, что, став пастором, сможет облегчить страдания прокаженных. Но вскоре понял, что религия не может принести настоящего облегчения. Можно было бы стать врачом, но медицина в ту пору, к сожалению, была бессильна перед проказой. Да и семья Хинтов жила скудно, денег для того, чтобы дать медицинское образование старшему сыну, не было.

Серьезное знакомство с литературой и искусством вселило в душу юноши новые надежды, побудило к размышлениям о роли и месте писателя в жизни людей, о возможности помочь им своим творчеством.

Еще в школьные годы А. Хинт участвовал в драматическом кружке в Кихельконском народном доме. Привлекали его герои с сильными, мятежными характерами. Знакомство с драматургией, интерес к ней способствовали и выбору жанра для первого своего произведения, драмы «Божий человек», которая была написана в 1931 году, получила первую премию на конкурсе, проводимом эстонской молодежной организацией. Пьеса эта не была издана и не увидела сцены из-за своей антиклерикальной направленности.

Ободренный первой конкурсной премией, автор отваживается на роман. Летом, во время учительских каникул, поселившись на берегу моря в маленьком домике-времянке, Аду Хинт принимается за роман «Проказа», опубликованный в 1934 году. В этом произведении писатель вновь обращается к проблемам правды и веры, затронутым им в пьесе «Божий человек». Эпиграфом к роману стоят слова Гёте: «Будь тем, кто ты есть», повторяются они и в тексте. И этот гётевский мотив сопряжен с вопросами философского плана: если истина в том, чтобы быть тем, кто ты есть, как же соединить ее с поисками правды в религии, с верой в бога, который непрестанно обманывает тебя? И как оставаться таким, каков ты есть, если ты вынужден лгать другим, обещая им блаженство, в которое ты не веришь?

И хотя социальные акценты в этом первом романе расставлены еще весьма нечетко, тема проказы (не только в медицинском ее понимании), отчуждающей человека от общества, звучит достаточно определенно.

В следующем романе, «Лепрозорий в Ватку» (1935), являющемся своеобразным продолжением «Проказы», тоже звучит протест против изоляции человека от общества. Жестокие обстоятельства, говорит автор, способны пробудить жестокость и в людях. Обреченность и отчаяние рождают в человеке силы к разрушению. Герои романа — люди, задавленные нуждой.

Социальные конфликты, которые писатель наблюдал в жизни того общества, не могли не выплеснуться на страницы его ранних произведений, хотя они не были еще глубоко осмыслены.

Осенью 1936 года А. Хинт переезжает в Тарту и устраивается учителем в одну из школ тартуского предместья. В этом же году он пишет лирическую миниатюру «Ты, лупа и мазая». Героей этой маленькой новеллы — влюбленные. Мужчина рассказывает своей любимой о матери. Из его воспоминаний возникает образ женщины, образ чистый и прекрасный, который объединяет влюбленных, делает их духовно ближе, пробуждает доверие друг к другу.

Проблема искренности, доверия и честности между людьми возникает в творчестве Хинта именно в этот период, период диктатуры буржуазного правителя Пятса. Ложь, воцарившаяся в государстве, разъедала весь его организм, как проказа, поражала все его клетки. И семью, как «ячейку» государства,— тоже.

Проблема искренности, доверия, честности должна была быть поднята литературой. И обращение А. Хинта в романе «Золотые ворота» (1937) к этому было конечно же определенной реакцией на политическую и общественную атмосферу в стране.

Роман этот любовный, фабулой его является история отношений героя с его возлюбленными. Именно на этом материале семейных и любовных взаимоотношений и пытается А. Хинт решить проблему искренности и доверия между людьми. «Золотые ворота» — это образ чистоты, возвышенного и прекрасного в жизни. К нему тянется душой герой романа, его он ищет на протяжении всего повествования. Правда, свои «золотые ворота», искренность и чистоту герой романа ищет только в отношениях с близкими ему людьми. Связи его с обществом, с действительностью весьма непрочны и потому искусственны.

И все же в стремлении героя отречься от эгоизма, в процессе своеобразного самоусовершенствования его образ приобретает новые черты. Проблему безнравственности эгоизма А. Хинт будет в дальнейших своих романах развивать более глубоко и последовательно.

1938—1940 годы были весьма примечательны для А. Хинта. Именно в это время он знакомится вплотную с марксизмом, изучает «Манифест Коммунистической партии», читает произведения советской литературы. В частности, роман М. Горького «Мать», оказавший, по свидетельству писателя, заметное влияние на формирование его мировоззрения. По собственному его признанию, ему стало ясно, что «с одной искренностью, пожалуй, делать нечего».

Надо было искать новые пути, постигать жизнь в ее других измерениях. К этому взывала конкретная действительность и высокие традиции эстонской демократической литературы, такие важные для ее развития произведения, как острый сатирический роман А.-Х. Таммсааре «Новый нечистый из Пекла» (1939), роман Н. Семпера «Камень на камень» (1937—1938), в котором автор с гражданской смелостью и остротой разоблачает идеологию фашистского «Национального фронта», цикл романов А. Якобсона «Вечные эстонцы» (1937—1940), критикующих национальную

оружию и ее лжепатриотизм, остросоциальный роман Рудольфа Сирге «Стыд в сердце» (1939)... И А. Хинт приступает к новому роману — «Кочегар», задуманному как трилогия. Появилась только первая часть, в которой центральным героем становится юноша, размышляющий о коммунизме и ищущий социальной справедливости в мире. Это было уже новым явлением в творчестве А. Хинта.

Стремление изобразить общественные, социальные конфликты неизбежно способствовало кристаллизации метода и стиля писателя. Стиль очищается от ненужных наслоений, поток сознания героя становится четко сопряженным с главной мыслью произведения, анализ становится строже, отточенней, действенней.

«Кочегар» был опубликован в 1939 году. В июле 1940 года в Эстонии была восстановлена советская власть. И сразу же саареманские рыбаки избирают Хинта депутатом Верховного Совета ЭССР. Начинается постижение нового в жизни. Но к этому писатель уже был подготовлен своим предыдущим творчеством. Он работает в партийной газете, редактирует литературный журнал, становится коммунистом.

Война прервала социалистическое строительство Эстонии. 7 июля 1941 года немецкие войска вторглись на территорию Эстонии, к концу августа оккупировали всю материковую часть, а в декабре заняли острова. Аду Хинт, подобно многим другим эстонским писателям, эвакуировался в тыл. Как депутат Верховного Совета, он получил задание организовать для эстонских рыбаков и моряков рыболовецкую артель на Аральском море. И сам же становится ее председателем.

Он пишет статьи и очерки на исторические и современные темы, которые впоследствии вошли в книгу «Дикие гуси», создает новеллы о борьбе советских людей с фашизмом. Именно в этот период возникает замысел главного произведения Аду Хинта «Берег ветров».

Но первые страницы тетралогии были написаны лишь в 1949 году, а последние в 1965-м. А до этого были пьесы, рассказы, книга очерков «Портреты людей труда» (1948).

После освобождения Эстонии от фашистской оккупации А. Хинт возвращается на родину. Первое время работает председателем Союза рыбаков, затем переходит в редакцию журнала «Лоомингу», пишет две пьесы: «Шхуна рыбаков из Таганина» (1947) и «Куда идешь, товарищ директор?» (1949).

И непрестанно думает о создании большого эпического полотна о жизни островитян.

В 1947 году в одной из рецензий писатель, обращаясь к собратьям по перу, спрашивал: «Почему у нас до сих пор нет «Правды и справедливости» о жизни моряков или «Войны в Махтра» из жизни островитян?» (Речь шла о пятитомной эпопее А.-Х. Таммсааре «Правда и справедливость» и трилогии Э. Вильде «Война в Махтра».) Вопрос этот А. Хинт задавал не случайно.

Пришло время заново осмыслить традиции классиков эстонского реалистического романа, и Аду Хинт уже на новом этапе общественного развития поднимает проблемы правды и справедливости, но решает их сообразно с идеями современности. И потому тетралогия, повествующая о событиях, ставших уже хотя и не

очень отдаленной по времени, но историей, насквозь пронизана актуальными проблемами.

Унаследовав в тетралогии «Берег ветров» общие тенденции эстонского реалистического романа, творчески восприняв традиции Э. Вильде и А.-Х. Таммсааре — народность, демократизм, острое внимание к народной жизни, А. Хинт, как всякий истинный художник, ищет собственных путей.

Между выходом первой книги и последней пролегло пятнадцать лет. Естественно, что каждая часть тетралогии была тесно связана с художественными поисками современности, по-своему выражала наиболее прогрессивные тенденции в развитии советского романа. Каждая из книг «Берега ветров» привлекала пристальное внимание критики — республиканской и всесоюзной. Проблематика романов, их жанровая специфика подчас вызывали полемику. Если первая книга создавалась, когда эстонский советский роман был в процессе возрождения и становления, одновременно с романами Э. Крустена «Сердца молодых», Н. Семпера «Красные гвоздики», Р. Сирге «Земля и народ», П. Куусберга «Каменные стены», то последующие — в период бурного роста эстонской прозы, когда в прибалтийских литературах, так же как во всей советской литературе, все более глубоким становился интерес к проблемам нравственности, морали, гуманизма.

Почти сорок лет жизни общества, различных его социальных слоев «уместилось» в «Берега ветров». Начав роман с событий, происходящих накануне революции 1905 года, писатель заканчивает четвертую книгу 1939 годом. Годом, предшествующим новому, социалистическому периоду в истории Эстонии.

Каждая книга тетралогии — самостоятельный роман, со своими проблемами, героями, стилем и ритмом. Но все четыре части также связаны между собой, они объединены общей темой — народ и революция, человек и революция.

В первой книге преобладали широкие панорамные картины, изображающие эпоху пробуждения народных масс в 1905 году, во второй проявились новые черты дарования А. Хинта: социальный анализ событий, происходящих в период послереволюционной реакции — накануне первой мировой войны, сочетался с поэтичностью, лиризмом в описании характеров, а третья книга, повествующая о судьбе Нопаса Тиху, участника первой мировой войны и революции 1917—1918 годов, и четвертая, где исследуется процесс становления мировоззрения Эина Тиху,— уже романы аналитического плана, психологические.

«Берег ветров» — произведение симфонического звучания. В нем сливаются в единую тему множество мотивов — социальных, исторических, философских и нравственных. И как в симфонии, главная тема обретает вариации, порой звучащие самостоятельно, так и в тетралогии А. Хинта ведущий, глубинный мотив вызывает к жизни органически связанные с ним другие мотивы. Они переходят из книги в книгу, развиваясь, дополняя, объясняя друг друга.

Исследуя причины и особенности пути эстонского народа, отдельных его представителей в революции, А. Хинт существенное внимание уделяет изображению поисков социальной правды, справедливости. Все происходящие в первой книге «Берега ветров» события — постройка островитянами-бедняками на паях парусни-

ка «Каугатома», чтобы общими силами бороться с судопромышленниками и стать независимыми от них, конфликт, возникающий в результате этого между жителями Каугатома и Тынисом, созревание протеста против барона Ренненкампфа и пастора Гиргенсона и, наконец, взрыв народного гнева, закончившийся кровавой расправой с лучшими представителями народа,— всё связано с темой поисков социальной правды и справедливости.

В первой книге, где более, чем в последующих, проявилось характерное для эпопеи изображение времени и характеров, герои выступают как воплощение коллективной силы. Здесь А. Хинт стремится создать обобщенный образ народа и выделить наиболее типические для его представителей черты и особенности, такие, как умение работать, заботы о хозяйстве, стремление к самостоятельности, независимости, презрение и ненависть к угнетателям и т. д.

В последующих книгах анализ человеческих судеб и характеров приобретает новые качества. На первый план выдвигается судьба личности, и А. Хинт идет от исследования частного к обобщению, неизменно подчеркивая глубокую связь личности и народа.

От книги к книге автор пристально следит за взаимодействием обстоятельств и характеров. Внимание к «подробностям чувства» оживляет образы героев, они обретают глубину и многогранность. И характер, например, Маре, человека эмоционального, чистого, предстает перед читателем во всей своей силе благодаря стремлению писателя как можно полнее рассказать о ее духовной жизни. В этом образе с наибольшей силой утверждаются писателем нравственные мотивы эпопеи — необходимость следовать совести, долгу перед людьми, необходимость честности, бескомпромиссности. Этим принципам Маре остается верна всю свою жизнь, более того — она помогает Ионасу, чувствующему в ней опору, поступать согласно этим принципам.

Метод тщательного психологического исследования избран писателем в третьей книге, и именно для того, чтобы показать «эволюцию души», процесс рождения характера и взаимосвязанность этих двух явлений.

В четвертой, завершающей книге автора интересует процесс рождения характера человека, который избрал путь художника.

Эни, решаясь стать писателем, отнюдь не рвется к славе, ему гораздо важнее, что его первую книгу о прокаженных прочтут люди, заточенные в лепрозории. Они поймут, что о них не забыли. Писатель не имеет права забывать о людях, которым трудно. Так понимают свою роль писателя Ладу Хинт и его герой Эни, наделенный талантом человечности. Так обнажает писатель Ладу Хинт одну из существенных идей своего романа, который он, как и его герой, не мог бы не написать. Эта мысль о роли подлинного искусства, призванного помогать людям, об ответственности и мужестве писателя, призвание которого пробуждать чувства добрые, четко сопряжена с центральной мыслью всей тетралогии о силе нравственных начал, способной преобразовать действительность и человеческие души.

Тема нравственной ответственности художника, трепетного отношения к своему делу приобретает самостоятельное значение в последней книге «Берега ветров». Здесь, завершая весь цикл ро-

манов, А. Хинт как бы подводит итог своим размышлениям о пройденном им самим творческом пути.

Процесс накопления опыта героем четвертой книги, постижение социальной правды и социальных идеалов обусловлены не только обстоятельствами его жизни, атмосферой действительности, которой он дышит. Формирование опыта Эина тесно связано с уже накопленным опытом представителей предшествующих ему поколений семьи Тиху. Опытом его деда Матиса, расстрелянного за участие в революции 1905 года, его дяди Тыниса Тиху, бесславно закончившего свою жизнь и покидающего «берег ветров», дальнего родственника — Ионаса, погибшего в бою под Кейлой, его матери — вечной труженицы, цель жизни которой — служение людям. Все это влияет на характер Эина, на его принципы и убеждения. Их связь нерасторжима, связь разных поколений, прошедших свой путь во имя лучшей жизни, и потому в конце тетралогии Эин, вспоминая и Матиса и Ионаса, понимает, что теперь он должен писать «о тех, кто боролся».

Так, начав с сознания «собирательного» характера, А. Хинт постепенно шел к индивидуализации. Внимание к «подробностям чувства», психологический анализ, поэтизация образов, лирам, органическое сцепление различных мотивов эпопеи, отразившихся на содержании характеров, помогли А. Хинту донести до читателя главную мысль всей тетралогии. Анализ судьбы отдельного человека неизменно был связан с анализом судьбы народа, образы героев — с образом времени.

Творческая эволюция А. Хинта, растущее от книги к книге мастерство изображения характеров и действительности сказываются и в стилевом многообразии, в «архитектуре» эпопеи.

Есть в эпопее несколько вводных глав-отступлений, которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к основному сюжету, но при всей своей самостоятельности они служат важной цели — детализации общей картины, общего фона. Многокрасочность, стилистическое «многоголосие» достигается не только интонационным, ритмическим разнообразием, «соседством» прозы и поэзии. Главную службу несут реалистические детали, поэтические образы, и их окраска, их содержание и создают экспрессивный лад авторского рассказа.

В первой книге А. Хинт большое внимание уделяет речевой характеристике персонажей, как средству выражения жизненных позиций и взглядов.

Во второй книге главной задачей писателя становится исследование двух центральных характеров — Маре и Тыниса. И в повествование «от лица автора» вливается особая стилистическая струя — рассказ героев о самих себе. Внутренние монологи Маре, ее разговоры с сыном, письма к Сандеру поэтичны, образны, эмоциональны. Раздумья же Тыниса — спокойны, аналитичны.

Стиль второй книги отличается от всех книг эпопеи наибольшей раскованностью, экспрессивностью. Порой рассказ становится даже торжественным, патетическим (кстати, патетика особенно характерна для финала каждой книги тетралогии).

Внимание к «подробностям чувств» в третьей и четвертой книгах тетралогии качественно меняет стиль повествования. И

чего не только в том, что писатель широко пользуется приемом внутреннего монолога.

Сцепление деталей становится в третьей и четвертой книгах прочней и обусловленней, лирическая патетика сменяется анализом. Лаконизм, аналитичность описаний, строгость в отборе деталей нисколько не «обкрадывают» повествование, не лишают его многокрасочности, а, напротив, помогают им. В четвертой книге, где А. Хинт стремится постичь процесс формирования человеческой личности, его закономерности и случайности, проявляется новое качество прозы А. Хинта. Мы постоянно ощущаем участие автора — незримое, но активное — во всем, что случается с героями, его боль, печаль, радость и гнев. И это ощущение создается определенным комплексом художественных средств — интонацией, ракурсом изображения, ритмом прозы, тончайшими стилевыми оттенками, деталями...

Недавно, кажется, была дописана последняя страница эпопеи «Берег ветров», за которую А. Хинт был награжден Республиканской премией, выдвинут на соискание Ленинской премии, но уже давно волнуют Народного писателя Эстонии новые герои, новая эпопея о жизни эстонских островитян...

З. КРАХМАЛЬНИКОВА

Александр
Степанов

Роман
в двух книгах

Книга
2

Минск
«Мастацкая літаратура»
1985

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 6. *...роту квантунского экипажа...*— экипаж — в военном флоте — береговая часть, служащая для пополнения корабельных команд (флотский экипаж) или портовых вспомогательных команд (ластовый экипаж). Экипаж приравнивался к полку сухопутных частей и делился на роты (от ста до двухсот человек).

Стр. 7. *Потребуются разъяснения из Питера или Маньчжурии...*— Несамостоятельность, нерешительность военного руководства в русско-японскую войну 1904—1905 годов привели к тому, что по любому поводу военачальники запрашивали мнение Петербурга. В Маньчжурии находился штаб командующего русской Маньчжурской армией А. Н. Куропаткина.

Стр. 12. *Лао* — старина (китайск.).

Стр. 13. *Штуртрос* — трос от штурвала к румпелю (рычагу, прикрепленному к рулю).

Стр. 14...идти прямо навстречу Балтийской эскадре.— Вторая Тихоокеанская эскадра адмирала Рожественского, которая должна была соединиться с Тихоокеанской эскадрой, находившейся в Порт-Артуре, для совместных действий против японского флота, вышла из Кронштадта лишь 20 сентября 1904 года, шла вокруг мыса Доброй Надежды, в Японском море была уже после падения Порт-Артура, в мае 1905 года потерпела поражение в Цусимском сражении.

«Монголия» — пароход-экспресс, совершавший рейсы в японские порты, оборудованный в войну под плавучий лазарет на сто шестьдесят мест, операционным и рентгеновским кабинетами. Предназначалась, как было сказано в инструкции, «подавать помощь

непосредственно после сражения; во время же оного спасать погибающих людей и принимать доставляемых с судов раненых и больных для сдачи их на берег». Выходила в море один раз — 28 июля 1904 года, в бою не могла подходить к месту боя, не оправдала своего назначения и остальное время простояла на внутреннем рейде, работая как плавучий госпиталь.

Стр. 16. *...главный врач лазарета Петров.*— Очевидно, в тексте неточность — главным врачом госпитального судна «Монголия» был Р. Р. Кинаст. Доктор Петров был врачом 36-го Восточносибирского полка.

Стр. 18. *Фок-стеньга* — фор-стеньга — стеньга (бревно, продолжавшее мачту в высоту) на фок-мачте (передней мачте судна).

Стр. 20. *Охотский* — Костюрин Охотский Измаил Дмитриевич — капитан госпитального судна «Монголия». Как писал А. Н. Степанову 26 апреля 1941 года С. Р. Миротворцев, бывший в 1904 году младшим врачом-хирургом на «Монголии», Костюрин-Охотский был очень храбрый, «спокойный, уравновешенный человек, и выставление его трусом не соответствует действительности». Здесь А. Н. Степанов следует недостоверным воспоминаниям Ножина и Фейгельсона, писавших о том, что Охотский прятался от японцев.

Стр. 21. *Мателот* — соседний в строю корабль.

Стр. 29. *Гаагская конвенция* – Речь идет о международных соглашениях, законах и обычаях ведения войны, принятых Первой Гаагской конференцией 1899 года В числе двадцати семи государств, присутствовавших на конференции, была и Япония. Решения этой конференции были затем дополнены конвенциями Второй Гаагской конференции 1907 года.

Стр. 30. *Женевская конвенция* — заключена в 1864 году (пересматривалась в 1906, 1929 и 1919 гг.), предусматривает гуманное обращение с больными и ранеными военнослужащими, попавшими в плен, предоставление покровительства и защиты санитарным формированиям (транспортам, госпиталям и др.), которые запрещается подвергать обстрелам и бомбардировкам.

Стр. 38. *Планширь* — деревянный продольный брус, образующий верхнюю кромку борта верхней палубы.

Стр. 39. *Спардек* — верхняя палуба.

Стр. 40. *Миротворцев* Сергей Романович (1878—1949) хирург, действительный член Академии медицинских наук (с 1945 г.), заслуженный деятель науки РСФСР (с 1935 г.). Участвовал в качестве хирурга в трех войнах: русско-японской войне 1904—1905 годов, в первой мировой войне 1914—1918 годов и в Великой Отечествен-

ной войне 1941—1945 годов. В Порт-Артур приехал с началом военных действий по собственному желанию, работал с 26 февраля 1904 по 1 июня 1905 года — сначала на «Монголии», затем в сухопутных госпиталях, после сдачи крепости долечивал русских раненых в плену в Японии и вместе с ними вернулся в Россию морем в 1905 году. Эти события нашли отражение в книге С. Р. Миротворцева «Страницы жизни», опубликованной в 1956 году в Ленинграде.

Стр. 46. *Плутонг* — совокупность группы орудий одинакового калибра, расположенных на корабле. Теперь этот термин заменен словом «батарея».

Стр. 54. *Цингдао* — китайский порт на юге Шаньдунского полуострова, был военно-морской базой Германии, построенной ею после захвата в 1897 году Цзяочжоуской области и заключения с Китаем договора на ее аренду в 1898 году.

Стр. 58. *Тали* — приспособления из блоков с продернутым через них тросом для подъема тяжестей.

Стр. 60. *Гальвано-ударная мина* — контактная мина, взрывающаяся под действием электрического тока, получаемого от гальванических элементов, размещенных в гальвано-ударном коллаке мины.

Стр. 68. *Сангарский пролив* — пролив между островами Хонсю и Хоккайдо, соединяющий Японское море с Тихим океаном.

Лаперузов пролив — пролив между островами Сахалин и Хоккайдо. Назван по имени открывшего его французского мореплавателя Жана-Франсуа Лаперуза (1741—1788).

Стр. 69. *Чемульпинский инцидент.*— Речь идет о нападении японской эскадры адмирала Урио на крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Корсец» в корейском порту Чемульпо (Инчён) 27 января 1904 года, когда, несмотря на превосходящие силы противника, русские суда не сдались, а приняли бой, нанеся японцам большие потери (см. книгу первую).

Стр. 70. *Семенов* Владимир Иванович (1867—1910) — писатель, морской офицер, служивший длительное время на кораблях Тихоокеанской эскадры. В 1901—1903 годах был адъютантом адмирала С. О. Макарова. С началом военных действий прибыл в Порт-Артур, был командиром миноносца «Решительный», затем — старшим офицером транспорта «Ангара», позже - крейсера «Диана», на котором ушел в Сайгон, откуда отправился во Вторую эскадру Рожественского, участвовал в Цусимском сражении.

Автор двух романов, очерков и рассказов о Дальнем Востоке и С. О. Макарове, а также трилогии «Расплата».

Колчак Александр Васильевич (1873—1920) - впослед-

ствии адмирал царского флота, монархист, ярый враг Советской власти.

В русско-японскую войну командовал миноносцем «Сердитый». На «Диане», как это показано в романе, не служил. После капитуляции крепости и плена плавал на различных кораблях, был начальником Черноморского флота, летом 1917 года изгнан революционными матросами. В 1917 году отправлен Керенским во главе официальной военно-морской миссии в США, откуда был послан на Дальний Восток для организации антисоветского фронта. В 1918 году вошел в состав Уфимской директории, свергнул ее и в Омске объявил себя «верховным правителем» России. В 1920 году арестован и расстрелян по приговору Иркутского военно-революционного комитета.

Стр. 72. *Стрела Темперлея* — подъемное устройство, применяющееся при погрузке угля, руды и других грузов.

Стр. 76. *Крейсерские операции* — самостоятельные боевые действия отдельных кораблей с целью уничтожения судов противника и нарушения его морских перевозок.

Стр. 78. *Комендор* — специалист рядового или старшинского состава на артиллерийских установках на кораблях и батареях береговой обороны.

Стр. 83. *Ютовое орудие* — орудие установленное на юте — кормовой части палубы корабля.

Стр.86. *Корсаковский пост* — русский пост на острове Сахалин, установленный в 1852 году экспедицией Г. И. Невельского, исследователя, открывшего устье Амура. С передачей Сахалина Японии поселок назывался Отомари. С 1945 года — город Корсаков, названный в честь русского мореплавателя, гидрографа Воина Андреевича Римского-Корсакова (1822—1871), брата великого композитора.

Стр. 89. *Цапфы* — выступы посредине ствола орудия, вставляются в цапфенные гнезда орудийного станка.

Нория — приспособление для вертикальной подачи снарядов из трюма.

Стр. 105. *«Соловьем залетным юность пролетела...»* — романс А. Варламова на слова поэта А. Кольцова (стихотворение «Горькая доля»).

Стр. 116. *...тридцать седьмого года Мейдзи* — 1904 года (37-го от буржуазной революции 1867 года в Японии).

Стр. 121. *Гальванер* — солдат артиллерийской электротехнической части, рядовой матрос, обслуживающий артиллерийскую электротехнику на военных кораблях.

Стр. 130. *Армстронг* Вильям Джордж (1810—1900) — английский инженер, изобретатель «пушки Армстронга» — первого нарезного орудия, заряжавшегося с казенной части, а также тяжелых морских орудий.

Стр. 131. *Китайская стенка* — земляной вал, которым была обнесена порт-артурская крепость в 80-х годах XIX века.

Стр. 161. Зерцало — эмблема «законности»: на суде — увенчанная двуглавым орлом трехгранная призма, на сторонах которой были наклеены печатные экземпляры петровских указов.

Стр. 191. *...под Ляояном должен произойти генеральный бой...* — Ляоянское сражение произошло 17—21 августа 1904 года вблизи города Ляоян (Дунбэй) в юго-восточной Маньчжурии, южнее Мукдена. Это одно из крупнейших сражений русско-японской войны, в котором ярко проявилась бездарность командования, гнилость военной организации царизма. Несмотря на стойкость русских солдат, превосходство в численности войск и вооружении, генерал Куропаткин проявил нерешительность и приказал отступать к Мукдену.

Стр. 242. *...перед третьей Плевной* - Речь идет о третьей атаке Плевны (г. Плевен в Болгарии) 30—31 августа 1878 года союзными — русскими и румынскими — войсками во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Стр. 247. *Харитина* Евстафьева (в романе ошибочно названа Федосеевной) Короткевич (? — 1904) — героиня Порт-Артура, женщина, служившая рядовым седьмой роты Тринадцатого Восточно-сибирского полка.

Стр. 250. *Ножин* Е. К — сотрудник порт-артурской газеты «Новый край». Автор книги воспоминаний «Правда о Порт-Артуре». Спб., 1906—1907.

Стр. 266. *Афина Паллада* — в греческой мифологии — богиня войны и одновременно олицетворение ума и изобретательности, покровительница знаний, искусств и ремесел.

Стр. 289. *Стопин* — нить, пропитанная горючим составом, для воспламенения зарядов.

Брандскугель — зажигательный снаряд, применявшийся в гладкоствольной артиллерии и представлявший собой ядро с отверстиями, начиненное зажигательным составом.

Стр. 290. *Брунгильда* (Брунгильда) — персонаж древних германских сказаний.

Стр. 307. *Банка* шлюпочная, гребная — доска для сидения гребцов, а также для придания шлюпке поперечной прочности.

Стр. 327. *Контрэскарпная галерея* — галерея, устраиваемая в контрэскарпах, то есть ближайшей к неприятелю стенке укрепления.

Стр. 330. *Берг* О. Ф. (1865—?) — младший офицер квантунской саперной роты. Во время гибели генерала Кондратенко был с ним во втором форте и остался невредим. После окончания русско-японской войны опубликовал записки «Два дня на форту № 11», посвященные октябрьским боям в Порт-Артуре.

Дебогорий-Мокриевич Л. И. (1878—?) — военный инженер, поручик квантунской саперной роты. В 1903 году участвовал в строительстве дорог на Квантунском полуострове. Автор воспоминаний об обороне Порт-Артура.

Стр. 373. *Гласис* — насыпь наружного рва для наилучшего обстрела впереди лежащей местности и маскировки укрепления.

Стр. 377. *Балашов* Иван Петрович егермейстер, главноуполномоченный Красного Креста, заведовавший его Квантунским отделением. С Красным Крестом побывал на нескольких войнах. В Порт-Артуре построил новое здание Мариинской больницы, основал санитарный городок, организовал снабжение их продовольствием и медицинским оборудованием, перевозку раненых и др.

Пирогов Николай Иванович (1810—1881) — известный русский хирург, академик.

Гюббенет Виктор Борисович — главный хирург Порт-Артура, доктор медицины. После возвращения из японского плена был в Петербурге главным хирургом Николаевского госпиталя. С. Р. Миротворцев писал о нем А. Н. Степанову: «В. Б. Гюббенет являлся не только нашим начальником, но он был наш учитель и друг... О Гюббенете мы — молодежь — говорили в Порт-Артуре: «Гюббенет — это Пирогов в Порт-Артуре». Автор медицинской книги «В осажденном Порт-Артуре» (1910).

Стр. 386. *Камуфлет* — разрыв снаряда или мины под землей без образования воронки.

Стр. 405. *Дуван дуванить* (стар. казачье) — делить добычу после набега.

Стр. 418. *Бризантные гранаты* — осколочные гранаты.

Стр. 421. *Самсон* — древнееврейский мифический герой, которому приписывалась сверхъестественная физическая сила и отвага.

Стр. 430. *Септицемия* — токсическая форма сепсиса.

Стр. 455. *...в Балтике снаряжают еще третью эскадру — Небогатова.*— Эскадра контр-адмирала Николая Ивановича Небогатова отправилась из Кронштадта на Дальний Восток 3 февраля 1905 года.

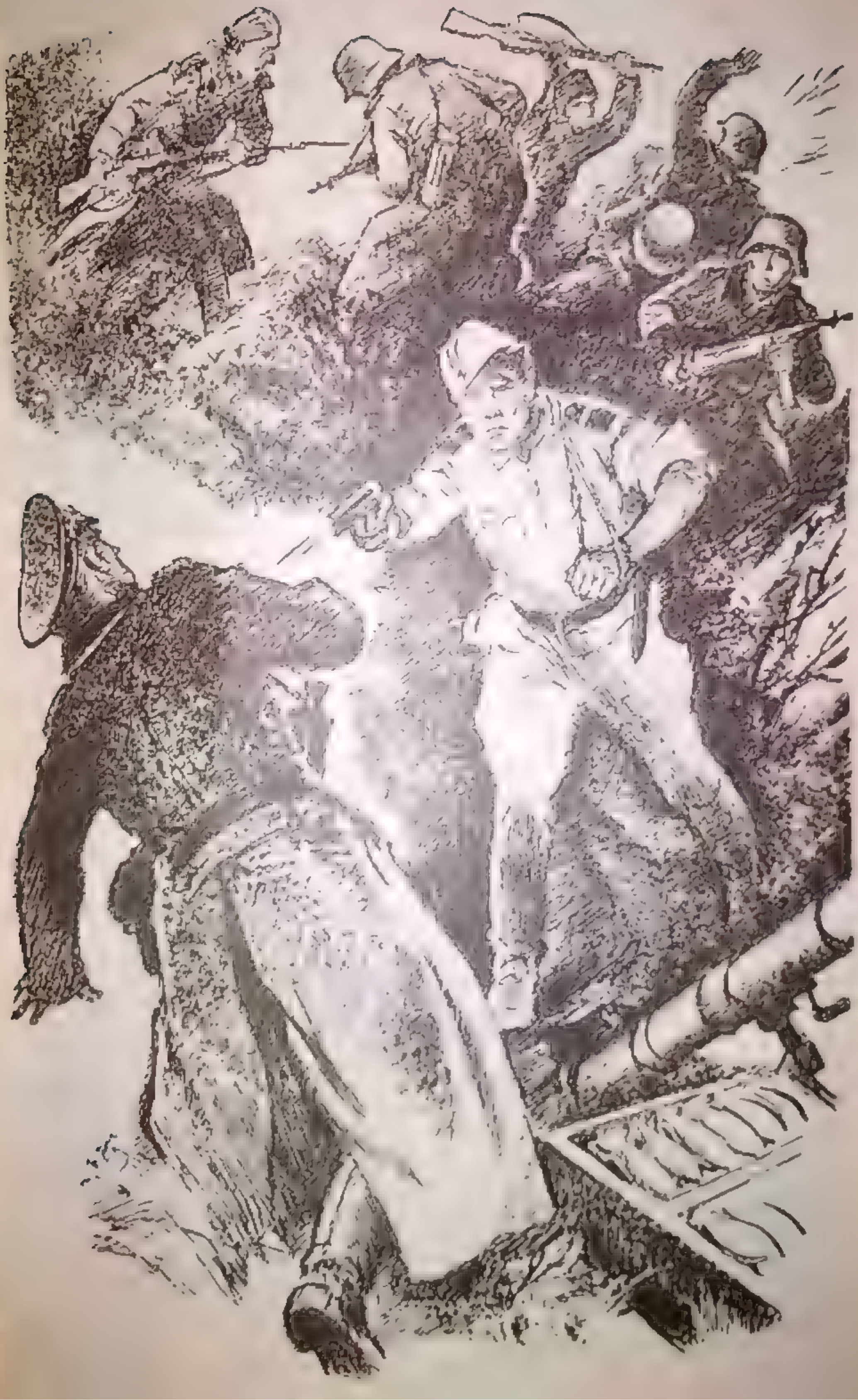
Так как путь ее через Суэцкий канал был значительно короче, чем путь эскадры Рожественского, шедший вокруг Африки, они соединились в бухте Камранга, в Индокитае, и в мае 1905 года подошли к Корейскому проливу, где у острова Цусима произошло сражение с японским флотом.

Н. И. Небогатов сдал японцам 15 мая 1905 года, на следующий день после Цусимского сражения, остатки эскадры, за что был приговорен военно-морским судом к смертной казни, замененной десятилетним пребыванием в крепости, но, так же как и Стессель, в 1909 году был освобожден.

Стр. 528. *Костюшко* — Костюшко-Валюжанич Антон Иванович, автор книги «Ноябрьские бои на Высокой горе под Порт-Артуром». Спб., 1909.

Стр. 559. *Ретраншемент* — укрепление, расположенное позади главной позиции для обеспечения глубины обороны.

Стр. 585. *Голицинский А. Н.*— капитан, автор книги «На позициях Порт-Артура. Из дневника ротного и батальонного командира». Спб., 1907.



Л13

Художник *В. Щеглов*

Лавренёв Б. А.
Л13 Разведчик Вихров. Рассказы/ Худож. В. Щеглов. - Перевзд. -- М.: Дет лит., 1991.— 64 с.: ил.— (Книга за книгой).
ISBN 5 08 001503 9
ББК84Р7

О ХРАБРЫХ СЫНАХ НАРОДА

Вам, дорогие читатели, наверно, знакомо имя писателя Бориса Андреевича Лавренёва (1891—1959). Это имя связано с яркими страницами истории советской литературы и театра. Некоторые герои его произведений стали героями кинофильмов.

На экране телевизора вы могли видеть фильм «Сорок первый». Его показывали в телевизионных программах не один раз. Он поставлен по повести Б. Лавренёва, носящей то же название.

В лучших театрах страны шли и идут такие широкоизвестные пьесы, как «Разлом» и «За тех, кто в море». Эти спектакли впоследствии тоже показывало телевидение.

Творческое наследие, оставленное Б. Лавренёвым, обширно и разнообразно. Романы, повести, рассказы, пьесы, очерки, статьи... Собрание его сочинений — шесть объёмистых томов.

О чём говорит с читателями Борис Лавренёв? Содержание его произведений подсказано автору тем, что он видел сам, прочувствовал, пережил на разных этапах своего пути.

Широкую известность принесли писателю повести «Ветер» и «Сорок первый». Они появились в 1924 году. А что было до того?

Писатель прошёл хорошую жизненную шко-

[illegible] Я кон[illegible] — государство не [illegible] жности канцелярии с зеленым лицом; ох я несч[illegible]

— Полноте, полноте, Тусман, — остановил его золотых дел мастер, — что вы так убиваетесь, делу еще можно помочь, надо только быть умником и отказаться от дурацкой затеи жениться на Альбертине.

— Этого я не могу! — Этого он не смеет! — выкрикнули в один голос коммерции советник и правитель канцелярии.

Золотых дел мастер посмотрел на того и на другого пронзительным, испепеляющим взглядом, но в то мгновение, когда он уже собирался дать волю ярости, отворилась дверь, и в комнату вошел старый Манассия с племянником, бароном Беньямином Дюммерлем из Вены. Бенчик направился прямо к Альбертине, которая видела его первый раз в жизни, и, схватив ее за руку, сказал, картавя:

[illegible] совсем иным [illegible] рассказ, он спр[illegible] сладко ухмыляясь:

— Скажите же мне, дражайший и почтеннейший господин профессор, так там в окне на башне старой ратуши действительно была Альбертина Фосвинкель, это она глядела сверху на нас своими пленительными очами?

— Что? — завопил золотых дел мастер. — При чем тут Альбертина Фосвинкель?

— Господи боже мой, она ведь и есть та очаровательная особа, которую я решил полюбить и взять в супруги, — пролепетал в смущении Тусман.

— Сударь, — набросился на него золотых дел мастер, побагровев и гневно сверкая глазами, — сударь, в вас, должно быть, вселился бес, либо вы окончательно спятили!

ссчитывать. более на
ше прилежание и на
шу добрую волю, не-
ели на уменье. Конеч-
, многое зависит и от
рного материала, кото-
ый вы употребляли.

Тут студент Ансельм
спространился о своем
еми признанном ис-
усстве, о китайской ту-
ши и об отменных воро-
овых перьях. Но архи
ариус Линдгорст подал
му английский лист
сказал:

— Судите сами!

Ансельм стоял как
громом пораженный,—
каким мизерным пока-
залось ему его писа-
ние. Никакой округло-
сти в чертах, ни одно-
го правильного утолще-
ния, никакой соразмер-
ности между прописны
ми и строчными буква-
ми, и — о ужас! — до-
вольно удачные строки
испорчены презренными
кляксами, точно в тетра-
ди школьника.

— И потом,— про-
должал архиварнус Лин-
дгорст,— ваша тушь то-
же плохо держит-
ся.— Он окунул палец
в стакан с водой, и, когда
слегка дотронулся им до
букв, все бесследно ис-
чезло.

Студенту Ансельму
как будто кошмар сда-
вил горло,— он не мог
произнести ни слова.

Т 74

СК

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
А. КАРЕЛЬСКОГО

ПРИМЕЧАНИЯ
И. МИРИМСКОГО

ИЛЛЮСТРАЦИИ
С. ЧАЙКУНА

Г $\frac{4703000000-2067}{080(02)-91}$ 2067—91

ISBN 5—253—00173—5

ДЖАННИ РОДАРИ
Путешествие
голубой
стрелы
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Джанни Родари

Путешсствие Голубой Стрелы

в двух книгах

Книга вторая

Редактор Л. Новикова
Художник В. Зайцев
Технический редактор В. Жолобова
Корректор А. Иванова

Лон. Тираж 50 000 экз Приложение к журналу «Зарубежная радиоэлектроника».
Москва, б-р Яна Райниса, 28-2, зак. 1843.
Московская тип. 4 Министерства печати и информации РФ.
129041, Москва, Б. Переяславская, 46

Джанни Родари

Путешествие Голубой Стрелы

в двух книгах

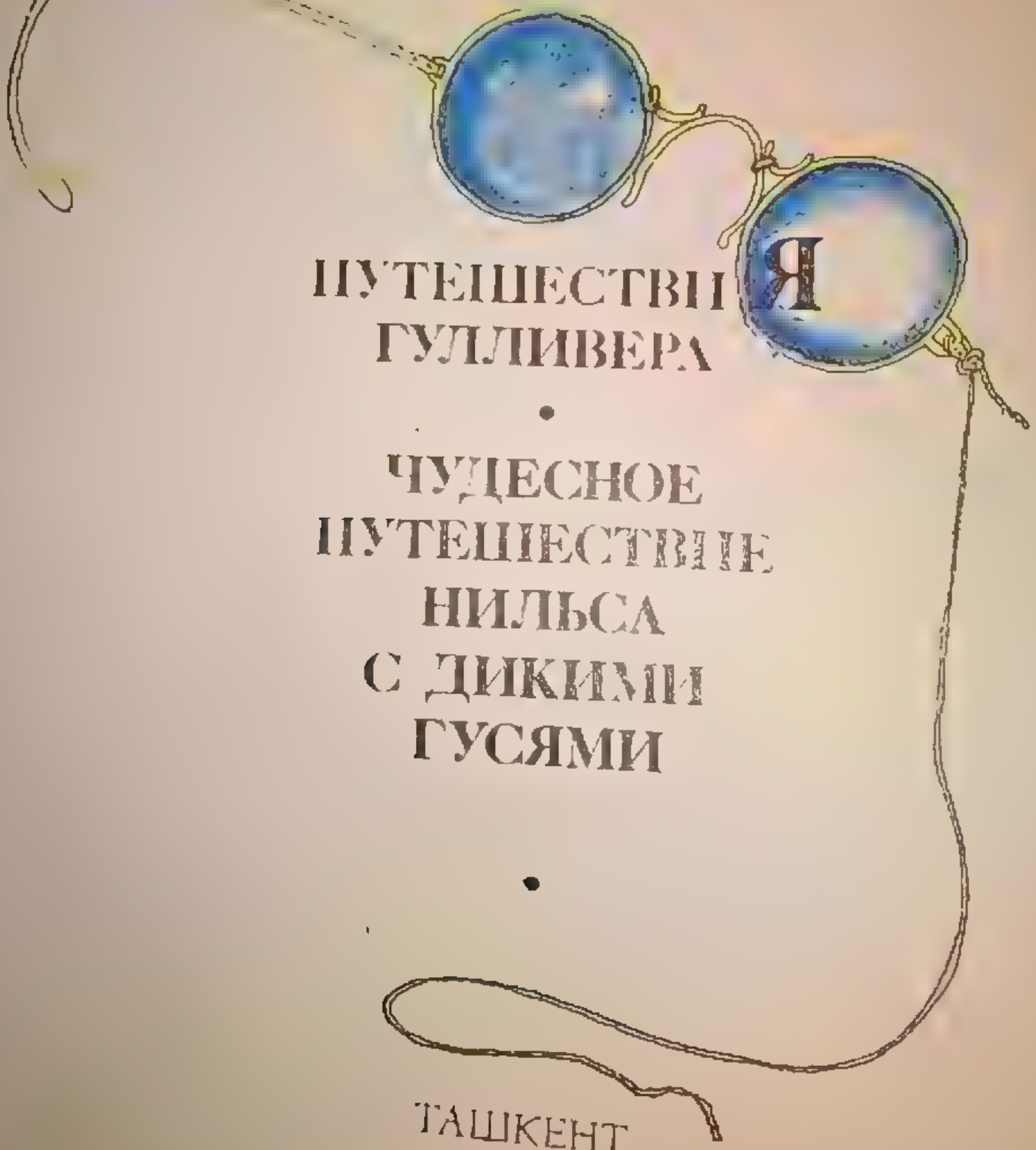
Книга вторая

Москва. Приложение к журналу «Зарубежная радиоэлектроника»
1992 г.

ДЖ. СВИФТ

ЧУДЕСНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

С. ЛАГЕРЛЁФ



ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА

•

ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НИЛЬСА С ДИКИМИ ГУСЯМИ

ТАШКЕНТ
„ЮЛДУЗЧА"
1989

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дорогой читатель! Сегодня ты закрыл книжку на страницах которой встретился с отважным путешественником Лемюэлем Гулливером, вместе с ним пережил приключения в фантастической стране крошечных человечков — Лилипутии, где Гулливер чувствовал себя гигантом, и в удивительной стране великанов — Бробдингнеге, в которой он узнал, как плохо обыкновенному человеку, если окружающие его люди ростом с пожарную каланчу, а то и выше!

И удивительную страну Лилипутию, и Бробдингнег открыл более двухсот лет назад замечательный английский писатель Джонатан Свифт. До него эти страны просто не существовали. Страны эти вымышленные, несуществующие. Почему же тебе кажется, что все события происходили в действительности? Потому, что жизнь в этих сказочных странах очень походит на жизнь европейских государств, какой она была во времена Свифта. В Лилипутии и в Бробдингнеге большинство людей, как и в европейских государствах XVIII века, трудится. Среди лилипутов есть отменные мастера и хлебопашцы. Это они с поразительной выдумкой устраивают переезд Человека Горы в столицу. А в стране великанов бедно и просто одетые батраки и крестьяне не были первыми, кого встретил Гулливер. И, как в жизни здесь встречаются богачи бездельники, живущие за счет крестьян и ремесленников. В обеих странах жители все покупают за деньги, кошельки имеют и большие и маленькие люди. И в Лилипутии, и в Бробдингнеге (как и в Англии) есть ограниченные и невежественные ученые, они никогда не слышали о других землях и народах: ученые-лилипуты «думали, что везде живут одни лилипуты», а ученые-великаны решили, что Гулливер вовсе и не человек, а «просто игра природы». В Англии самым главным человеком был тоже король, а Лилипутией управлял далеко не король, а император. И, как в Англии, в этих странах есть государственные секретари, казначеи, чиновники. Все, как в Англии! Кроме некоторых различий в уровне техники. Помнишь, как напугал лилипутов пистолет Гулливера, как изумились они тикающей машине — обыкновенным часам? А миролюбивые великаны очень дивились рассказу Гулливера о том, что армии на его родине вооружс

ны пушками, из которых вылетают ядра. Но в городах такие же, как в Лондоне, улицы и площади, великолепные дома и лачуги бедняков, соборы, только в Лилипутии они высотой в человеческий рост, а в Бробдингнеге с версту. И в Лилипутии, и в Бробдингнеге совещаются правительства, есть армии, устраиваются парады войск — на случай войны с соседними государствами и для устрашения собственных подданных, которые могли выйти из повиновения. Словом, все очень похоже — вплоть до пышных дворцовых церемоний, любви придворных к роскошным одеяниям и всевозможным зрелищам.

Когда современники Свифта читали о приключениях Гулливера в стране лилипутов, им казалось, что все это написано об Англии. Ты помнишь, какой дурацкий обычай существовал при дворе лилипутского императора? На высшие государственные должности назначались те из лилипутов, которые выше всех прыгали на канате. А награды получали лучшие прохвосты. Так и в Англии высшие должности и награды получали не те, кто их заслужил, а те, кто мог их получить с помощью подкупа, подхалимства и низкопоклонства. За причудливыми именами лилипутов скрываются то чванливый вельможа, то делец, разбогатевший на обмане, а то и сам король. Английские короли любили превозносить свое величие, хотя сами чаще всего были людьми ничтожными. Вспомни, как смешно лилипутский император, дарря свободу Человеку-Горе, который мог бы раздавить его одним мизинцем, называет себя «отрадой и ужасом Вселенной, самым мудрым, самым сильным и самым высоким из всех царей мира, чьи ноги упираются в сердце земли, а голова достигает солнца, чей взгляд приводит в трепет всех земных царей, прекрасный, как весна, благостный, как лето, щедрый, как осень, и грозный, как зима». Не правда ли, король Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой напоминает тебе лягушку из басни И. А. Крылова «Лягушка и Вол», которая, захотев стать величиной с быка, надулась так, что не выдержала и... лопнула! Как английский король обманывал своих подданных обещаниями, которых никогда не выполнял, так и лилипутский император оказывается нечестным, лицемерным человеком: обещая Гулливеру свободу и уважение, он отдает приказание ослепить его, как только узнает о

том, что тот выступает против порабощения маленького острова Блефуску.

Во времена Свифта многие сильные страны стремились завоевать маленькие и слабые страны, чтобы захватить их земли и богатства, а жителей превратить в своих рабов. И вот между Лилипутией и соседним государством Блефуску «идет непрерывная война». Когда хотят сказать о каком-либо незначительном деле, то говорят, что оно «яйца выеденного не стоит». Так вот оказывается, что в Лилипутии из-за этого-то и вспыхивают раздоры: правители лилипутов и блефускуанцев никак не могут решить, с какого конца следует разбивать яйца — с тупого или острого.

Все происходящее было бы очень смешным среди обыкновенных людей. Но если сам император ростом в три пальца, а его министры еще меньше, то смешное кажется еще смешнее! Вот для чего Свифт придумал своих лилипутов.

В стране великанов жизнь гораздо лучше, чем в Лилипутии. Король Бробдингнега — мудрый, добрый и просвещенный человек. Он издает простые и ясные для подданных законы, заботится об их благополучии. Он не возвеличивает себя над другими. (Вспомни: глава Лилипутии, ростом в три пальца, император, а глава государства Бробдингнег, ростом с пожарную каланчу, всего-навсего король!)

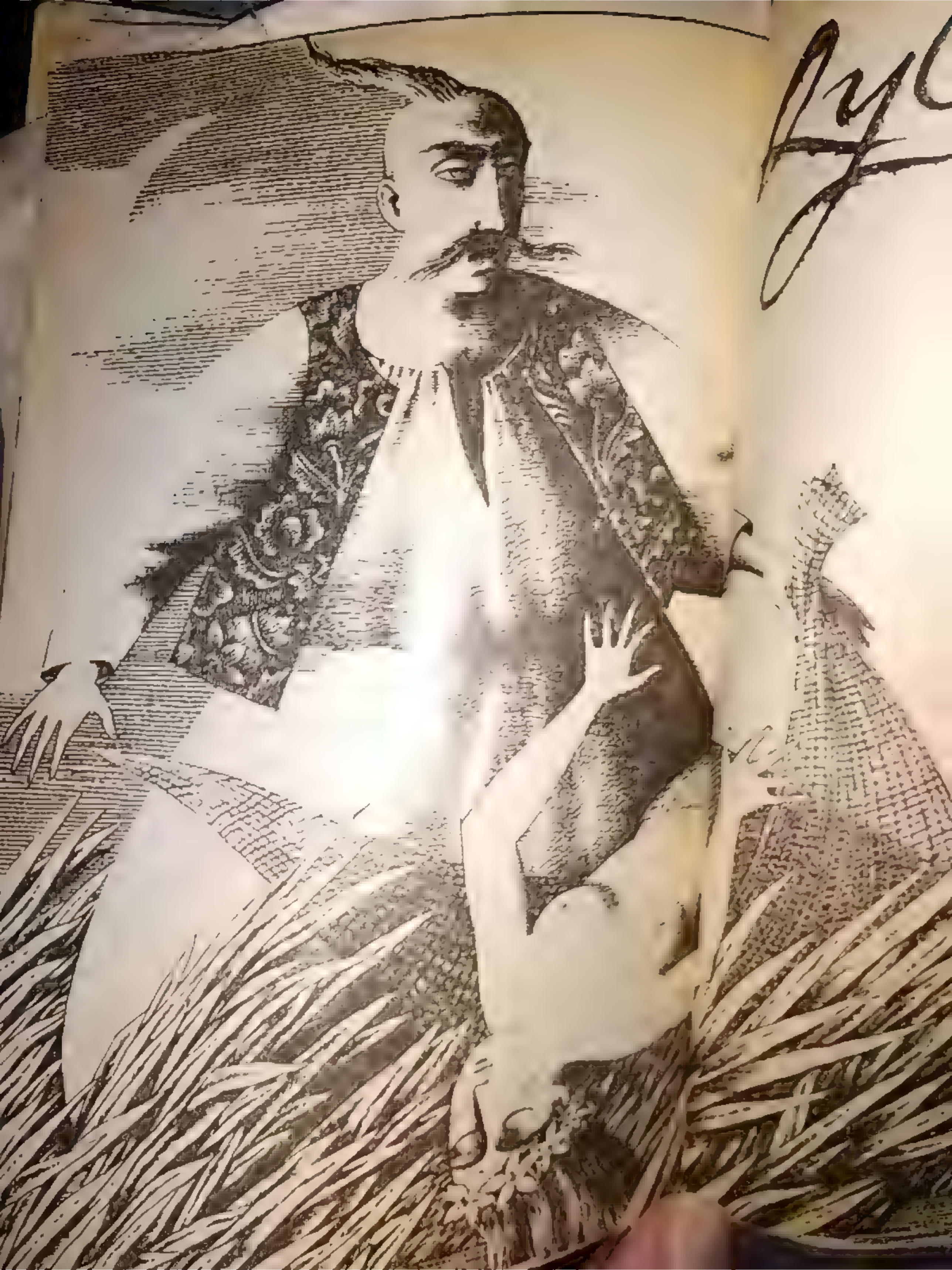
Тебе понравился славный моряк Лемюэль Гулливер? Это смелый и благородный человек, он всегда на стороне слабых и обиженных. Великодушие не позволяет ему взять с собой на родину кого-нибудь из лилипутов. Он не хочет, чтобы маленькие человечки, подобно ему самому, испытали чувство одиночества и тоски по родине. Гулливера привлекают дальние странствия, и он снова и снова отправляется в путь, несмотря на испытания. Жажда увидеть большой мир побеждает в нем стремление к домашнему покою.

Не хочешь ли ты узнать теперь об авторе прочитанного тобой романа?

Джонатан Свифт родился в 1667 году в ирландском городе Дублине. Отец его, бедный священник, умер еще до появления сына на свет. Не имея никаких средств на воспитание маленького Джонатана, мать вынуждена была отдать его в семью богатого родственника, надеясь, что там

он встретит любовь и ласку. Ожидания ее не оправдались. Мальчик рано узнал одиночество и горечь унижения. Суровый и скупой, дядя во что бы то ни стало решил сделать племянника священником, и Джонатан, окончив школу в возрасте четырнадцати лет, поступил на богословский факультет. Однако Джонатан не имел никакой склонности к церковной службе. Он избрал другой путь. После окончания университета Свифт стал секретарем влиятельного дипломата и царедворца Вильяма Темпля. В его доме Свифт наблюдал жизнь приближенных короля, которую позднее он так точно изобразил в «Путешествиях Гулливера» и других произведениях. В свободное от службы время Джонатан жадно читает книги из огромной библиотеки Темпля. Хозяин дворца был большим любителем и знатоком литературы и искусства, поэтому в его доме часто собирались поэты, писатели, ученые, и Джонатан имел возможность подолгу беседовать с ними.

После смерти Темпля Джонатан Свифт поступил на должность священника в маленьком деревенском приходе в Ирландии, стране, подчиненной Англии. Положение народа здесь было особенно тяжелым. Свифт становится вождем и защитником обездоленных бедняков — разоренных ирландских крестьян и ремесленников. В своих произведениях Свифт под вымышленными именами высмеивает то чванливого герцога или графа, то лицемерного церковника, а то и самого короля. Неподкупленность писателя была хорошо известна английским аристократам, вот почему они так боялись разящего смеха писателя и ненавидели его самого. Зато Свифт был любимцем простого народа. Когда в 1745 году писатель умер, в последний путь его провожали толпы ирландцев.



ББК 84Ук
К68

Перевод с украинского *Т. Г. Катюхи*
Художник *К. Т. Лавро*

Книжка сказок запрещенного до недавнего времени украинского писателя Василия Королина-Старого (1879-1941) о так называемой нечистой силе, которая, наперекор общепринятому мнению, не причиняет людям зла, а приносит добро.

Переведено по изданию:

В. Королів-Старий
«Нечиста сила»
Українські казки
Видавництво «День» у Києві
Каліш, 1923

Друкарня видавництва «Чорномор»
Каліш. Табір інтернованих.1923

Королів-Старий В.

К68 Нечиста сила: — Казки. /Пер. з укр. Т. Г. Катюхи. — К.: Фірма «Довіра», 1992. — 152 с.: іл. — (Казки, на які ми чекали: У 10 кн.; Кн. 5).
— Рос. мовою.
ISBN 5-7707-2495-1

Книжка казок забороненого до недавнього часу українського письменника Василя Королина-Старого (1879-1941) про так звану нечисту силу, котра, наперекір загальноприйнятим переконанням, не завдає людям лиха, а приносить добро.

ББК 84Ук

К $\frac{4803640101}{92}$ 19

ISBN 5-7707-2495-1

© Переклад. Т. Г. Катюха, 1992
© Художнє оформлення. К. Т. Лавро. 1992

той пор
создает
человека
ных, рус
народов
сказать,
времени, пока чело
так же в той или
земле, под землей,
и светлые духи. С
погибнет и не исчез
"нечистой силой".

И пусть инте
с легкой и добро
образованного чело
щину, — все равно
человек нашего вр
дьявола и иную "н

Наше всего э
пустым звуком, не
наших мыслей, из
представителей этог

Не исчезают
произведений писат
пока не канут в бе
от "Божественной к
Гете и кончая бо
"Потонувший колок
ники и, наконец, —
апокрифы, которые
жизни.

А коль уж на
наших будут знат
чертовщину, то не с
сделать, чтобы вся
юным поколениям? В
и в живой жизни, в
безусловно приносит

ББК 84 Р7-4
В67

Текст печатается по изданиям:
Волков А. М. Семь подземных королей:
Сказочная повесть.— М.: Сов. Россия, 1986.—205 с.;
Волков А. М. Огненный бог Марранов:
Сказочная повесть.—М.: Сов. Россия, 1987.—199 с.

Художники-иллюстраторы:
В. И. Приймак, Ю. А. Уразовский

Волков А. М.

В 67 Семь подземных королей; Огненный бог Марранов: Сказочные повести / Худож.-ил.: В. И. Приймак, Ю. А. Уразовский.— Х.: Изд.-коммер, предприятие «Паритет ЛТД», 1992.—303 с.: ил.
ISBN 5-86906-006-0.

Сказочные повести «Семь подземных королей» и «Огненный бог Марранов» продолжают цикл повестей о Волшебной стране. Из книги читатели узнают о прошлом Волшебной страны, познакомятся с новыми героями, встретятся со старыми друзьями Элли.

В $\frac{4803010201-001}{Б22(04)-92}$ Без объявл.

ISBN 5-86906-006-0

ББК 84 Р7-4

© Художники-иллюстраторы В. И. Приймак, Ю. А. Уразовский, 1991

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

АЛЕКСАНДР ДЮМА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ
15

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1991

Графиня де Шарни

СТАРЫЙ ПОРЯДОК И РЕВОЛЮЦИЯ У ДЮМА

Третьим монументальным циклом исторических романов Дюма, после «цикла Валуа» и «цикла д'Артаньяна», стал «цикл Марии-Антуанетты», образуемый романами из жизни Франции последней трети XVIII века — «Джузеппе Бальзамо» («Записки врача») (1846—1848), «Ожерелье королевы» (1849—1850), «Анж Питу» (1851), «Графиня де Шарни» (1853—1855). Строго говоря, циклом в полном смысле слова является именно третий: входящие в него произведения образуют единое, нераздельное целое, они малопонятны одно без другого, тесно связаны сквозными персонажами. Третий цикл не так известен читателям, как первые два. Однако он, в особенности роман «Джузеппе Бальзамо», также представляет зрелое творчество Александра Дюма.

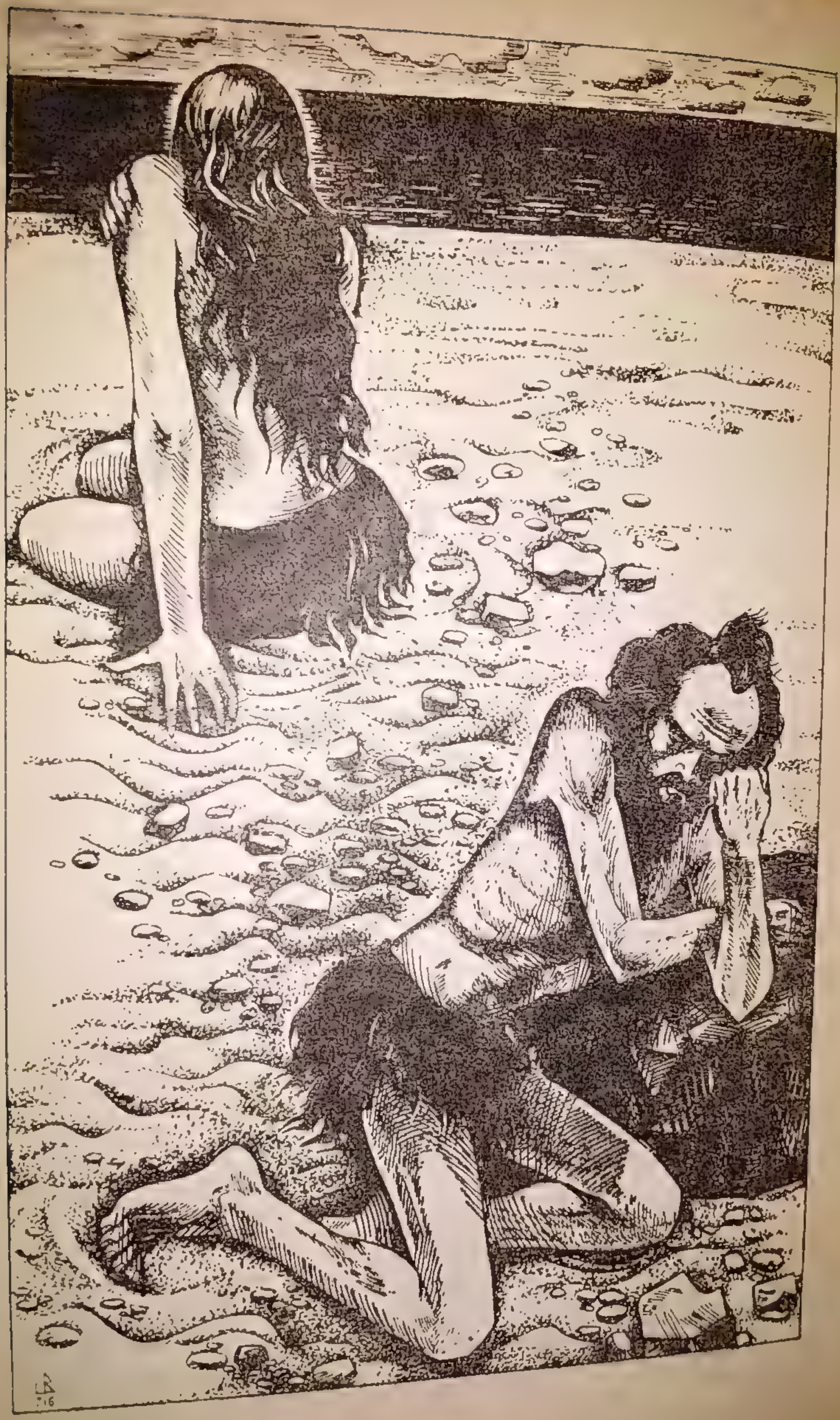
Если верить современникам, своим замыслом роман «Джузеппе Бальзамо» и, соответственно, вся серия обязаны случайным обстоятельствам. Газета «Пресс» начала печатать «Мемуары графа Калиостро» в переводе литератора Курциана, объявившего, что в его распоряжении находится подлинная итальянская рукопись. Однако после выхода в свет первых выпусков соперничавшая с «Пресс» газета «Насьональ» заявила, что читателю предложили уже ранее опубликованное апокрифическое сочинение, заменив в нем лишь имена упоминаемых лиц. Дело было передано в суд, Курциана признали виновным в плагиате, издатель из «Пресс», не желая отказываться от идеи дать материал о Калиостро, обратился к Дюма, и писатель, хотя уже обещал разным газетам четыре романа, ответил согласием. Он прочитал все, что мог найти о Калиостро, и был буквально околдован фигурой этого искателя приключений XVIII века. Биография знаменитого мистификатора привлекла его возможностью создать на ее основе не только захватывающее историческое повествование, но также изложить в художественной форме свои взгляды относительно гипноза, месмеризма и тому подобных явлений, изучение которых тогда только начиналось и которые рассматривались большинством ученых как шарлатанские трюки.

Дюма настолько погрузился в изучение личности своего героя, что, проверяя его опыты, начал экспериментировать на себе и обнаружил, что обладает немалой гипнотической силой: может погрузить в сон двух или даже трех человек. Затем, как рассказывает Дюма в своих книгах «Мои записки» и «Разговоры об искусстве и о кухне», ему удалось достичь результатов не менее впечатляющих, чем самому Бальзамо-Калиостро: он развил в себе способность погружать людей в транс, почувствовал, что обладает внутренним видением и таинственным вторым зрением, обрел невосприимчивость к боли, то есть пришел ко всему тому, о чем повествуется в главах «Тело и дух» и «Дух и тело» романа «Джузеппе Бальзамо». Успех этих экспериментов побудил Дюма подойти к Бальзамо не как к авантюристу и шарлатану, а как к существу высшего порядка, открывшему алик-

сир жизни, держащему в руках нити исторических событий и направляющему действия их участников. Более того, фигура Калиостро приобрела у Дюма символический смысл: она как бы воплотила историческую судьбу, неизбежность поступательного движения истории. Но не менее символичны и другие персонажи цикла: если холодная и надменная Андре де Таверне (будущая графиня де Шарни) олицетворяет собой старорежимное общество, то крестьянский сын Жильбер, поклонник Руссо, верящий в природное равенство людей и овладевший Андре силой после того, как не смог взять ее ни пылом своего чувства, ни состраданием, символизирует новую Францию; Жан-Жак Руссо представляет свободу и равенство в теории, Жан Поль Марат — на практике.

Естественно, что Дюма, мастер авантюрно-исторического романа, подошел к истории Франции конца XVIII века не с позиций ученого-историка, социолога или философа. Как и в остальных своих книгах, передавая в целом верно совокупность исторических событий, он в то же время использует их в качестве канвы, позволяющей ему создать красочное, драматическое повествование. Писатель позволяет себе известные вольности в изложении последовательности исторических фактов и освещении их причинности. Своеобразна у Дюма не только трактовка личности Джузеппе Бальзамо; не всякий читатель сможет принять, скажем, характеристику королевы Марии-Антуанетты. Однако предъявлять Александру Дюма счет за погрешности против истины довольно бессмысленно, ибо они вполне допустимы в рамках того жанра «исторического детектива», создателем и классиком которого является Дюма: цель писателя не столько воскрешение прошлого, сколько конструирование на его материале искусно построенного, интригующего сюжета.

М. В. Толмачев



АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ — НАУЧНЫЙ ФАНТАСТ

Научная фантастика становится все более и более популярным видом литературы. Развитие научно-фантастического романа теснейшим образом связано с проблемами социального и технического прогресса в их отношении к судьбам человечества и человеческой личности в близком или далеком будущем.

Это издание — юбилейное. Оно было задумано издательством «Промінь» в связи с приближением столетия со дня рождения Алексея Николаевича Толстого (1883—1945).

«Октябрьская революция дала мне все»,— с волнением писал Толстой. И в самом деле, начав свое творчество еще в 1906 году, пройдя тяжкие испытания эмиграции (1918—1922), лишь после возвращения в Советскую Россию он стал тем, кем знают его советские и зарубежные читатели — классиком литературы социалистического реализма, романистом, драматургом, публицистом. Крупнейшие его произведения — роман «Петр Первый» и трилогия «Хождение по мукам» — вошли в золотой фонд советской и мировой литературы. Его «добрый, веселый и по-русски умный талант» (Горький) был очень разносторонним.

Романы «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина» лежат у истоков советской научной фантастики и написаны в резкой идеологической полемике с нашумевшей теорией немецкого реакционного философа О. Шпенглера о неизбежности «заката Европы», конца цивилизации. В конце концов Шпенглер стал предтечей фашизма, а его последующие книги легли в основу программы фашизации Германии. Вот почему главная идеологическая направленность романов А. Толстого — антифашистская. Живя в эмиграции сначала в Париже, а с 1921 года в Берлине, Толстой мог воочию наблюдать процесс зарождения фашизма. В 1922 году в Италии пришел к власти диктатор Муссолини, а в Германии уже тогда вынашивал зловещие планы Гитлер. Фашизм угрожал и другим странам Европы. И хотя программа его в те годы не была окончательно сформулирована, прогрессивные писатели Европы — Г. Уэллс, К. Чапек и особенно советские литераторы М. Шагинян, И. Эренбург, В. Катаев, А. Толстой прогнозировали растущую угрозу фашизма, преду-

предали человечество об опасности его распространения. Правда, форма их произведений была фантастической, ибо речь шла о будущем, но в историю литературы они вошли как «романы предупреждения».

Для самого Толстого роман «Аэлита» был книгой, знаменовавшей переломный этап в его сознании и судьбе. Только что писатель опубликовал открытое письмо, где во всеуслышание заявил, что отрезает себя от эмиграции и возвращается в Советскую Россию не в пору ее процветания, а разрушенную семилетней войной, пораженную неслыханным неурожаем и голодом 1921 года (которым так рассчитывала задушить молодую республику потерпевшая крах Антанта), бросает «сытое блюдо Европы», чтобы «хоть гвоздик собственный, но вколотить в растрепанный бурями русский корабль». И вот — о чудо! Фантазия Толстого обгоняет десятилетия и рисует строительство первого межпланетного космического корабля, первого спутника, не в богатой техницизированной Америке, а в его собственной родной России, как оно и произошло в будущем. Безошибочность его прогноза имела единственную, но прочную основу: горячую любовь к Отчизне, нерушимую веру в величие России, в русский народ — добрый, крепкий, любознательный. Едва приехав в Берлин, Толстой писал во вступлении к роману «Сестры» в ответ на вопли белоэмигрантов о гибели России: «Не для смерти, не для гибели родилась ты, славянская равнина, а для жизни, для вольного сердца».

Этим страстным патриотизмом и сейчас привлекает читателя роман «Аэлита». Марсианская тема получила широкое отражение в мировой и русской научной фантастике в начале XX века в связи с максимальным приближением планеты Марс к Земле и возникшими гипотезами о возможности существования там жизни. Все в романе как будто фантастично: и сам полет, и жизнь на далекой планете, и сами марсиане, и их культура. Но реален голос автора, прославляющего Землю и Человека. Вот как видим мы земной шар в романе с высоты космического полета: «Во тьме висел огромный водяной шар, залитый солнцем. Голубыми казались океаны, зеленоватыми — очертания островов, облачные поля застилали какой-то материк. Влажный шар медленно поворачивался. Слезы мешали глядеть. Душа, плача от любви, летела навстречу голубовато-влажному столбу света. Родина человечества! Плоть жизни! Сердце мира!»

Велико искусство писателя, то погружающего нас в атмосферу чего-то странного, кажущегося, как мечта («...Город выступал серебристыми тенями из солнечной мглы»), то буквально ослепляющего бушеванием открытых, ярких, «веселых» красок, взятых из сказочного русского мира («Прорезанная полноводными каналами, покрытая оранжевыми кущами растительности, веселыми канареечными лугами, Азора, что означало — радость, походила на те цыплячьи, весенние луга, которые вспоминаются во сне, в далеком детст-

ве»). Красочность для Толстого — это выражение доброго, радостного народного мировидения, и это — отрицание модернистской эстетики мрачных, расплывчатых, «мертвых» красок, символизирующих зло и ужас. Идея торжества жизни над смертью передана Толстым в буйной роскошной цветовой гамме, оказывающей на читателя огромное эстетическое воздействие.

Но в центре внимания писателя — земные, реальные социальные проблемы того времени: классовая борьба и революция. Их фантастическое воплощение передано через остросюжетные ситуации, связанные с прилетом на Марс двух советских людей, из которых один — красноармеец Гусев — берет на себя руководство вспыхнувшей революцией. Общество марсиан — классовое. Государство возглавляет правитель-диктатор Тускуб, чей образ выполняет в романе важнейшую идеологическую функцию. Это он непрерывно грозит марсианам неизбежностью заката Марса (вспомним теорию «заката Европы» Шпенглера), его охлаждением, концом, гибелью цивилизации. Но проповедь заката нужна ему лишь для проведения самой реакционной политики полного закабаления трудящихся и предоставления жизненных прав лишь для кучки патрициев, которые и встретят этот «закат» в атмосфере пышности и бездельного созерцания. Его лозунг: «Жажда равенства и общая справедливость разрушают высшие достижения цивилизации». Этой философии пассивного приятия эксплуататорского строя Толстой противопоставляет четкую программу революционного переворота как единственного средства оживления общества на равных трудовых началах. Ее осуществляет красноармеец Гусев, ставший во главе марсиан, чтобы освободить тружеников от мучителей-паразитов. За это он готов сложить и собственную голову. Образ Гусева выписан так реально, во всей полноте русского национального характера, что вызвал восхищение читателей и критики, а Корней Чуковский сказал, что весь роман — пьедестал, на котором высится фигура русского революционера — борца за общечеловеческую справедливость.

И если революция на Марсе терпит поражение, то только от того, что в долгом ожидании ослабели силы рабочего класса. Гусев — великий гуманист, ибо хочет бороться за общенародное счастье и берет на себя ответственность за судьбы доверившихся ему инопланетян. Революция народна и гуманистична в своих высших целях. С этим убеждением Толстой заканчивает книгу, публикует ее в первом советском литературно-художественном журнале «Красная новь» и возвращается на Родину.

Было бы несправедливым оставить без внимания еще одну сюжетную линию в романе. Когда-то Константин Федин прекрасно определил особенность таланта А. Толстого. Он подметил, что «Толстой сумел в едином ключе услышать и изобразить тяжелую поступь народа в истории и легкие шаги возлюбленной». Роман не воспринимался бы с таким удовольствием читателями всех возра-

стов, если б не был согрет дыханием горячей взаимной любви. Счастье человека не только в том, что он — носитель высшего разума, раскрывающего тайны вселенной, но и в его потребности любви, которая есть источник вечной, неумирающей жизни. Люди (советские люди!) приносят на Марс идею революционного освобождения народа. И они же несут и любовь, которая отогревает холодеющие сердца марсиан.

Еще недавно в Париже, заканчивая роман «Сестры» (первую часть трилогии «Хождение по мукам»), Толстой говорит устами близкого тогда ему героя Рощина: «Екатерина Дмитриевна! Пройдут года, утихнут войны, отгумят революции, и нетленным останется одно только — кроткое, нежное, любимое сердце ваше». Любовь становится главным смыслом жизни, единственно прочным на фоне рушащегося старого мира и хаотического (как ему тогда казалось) движения жизни, где человек не более, чем песчинка, носимая бурями истории. В «Аэлите» в соответствии с космическим сюжетом и любовь изображена глобально. Влюбленных могут разлучить социальные катаклизмы, но все равно она вечна. Знаменателен и символичен финал романа: из далеких заоблачных пространств несется к одинокому Лосю «голос Аэлиты, любви, вечности, голос тоски, летит по всей вселенной, зовя, призывая, клича,— где ты, где ты, любовь...»

Сразу же по возвращении в Россию Толстой ощутил мощный творческий прилив. Его художественной целью стало освещение идеологической борьбы с буржуазным миром, «сладкую» жизнь которого он наблюдал и испытал на себе. Второй его научно-фантастический роман предельно приближен к современности и отличается еще более верным социальным прогнозом. Впоследствии Толстой писал прямо: «В 1926 году я написал роман «Гиперболоид инженера Гарина», в котором угадывается будущий фашизм».

Уже не воображаемая жизнь инопланетян, не легенды и мифы сказочной Атлантиды, но реальные картины действительности Европы и Америки 20-х годов часто стирают грань между реальным и фантастическим и позволяют говорить о признаках «романа предвидения». Личные наблюдения Алексея Толстого заставили его искать источник угрозы миру в фашизме милитаристской Германии, в ее реваншистских устремлениях. «Немецкий фашизм,— писал он тогда,— свиреп, мстителен и распущен. Он не будет знать пощады». И если в «Аэлите» в лице Тускуба писатель дает лишь романтически выраженную расистскую теорию, то в «Гиперболоиде» он рисует реальный образ Гарина, проходящего путь от авантюриста-эмигранта, не останавливающегося перед любым преступлением для овладения аппаратом сверхмощной разрушительной силы, до всемирного диктатора, уже владеющего этим аппаратом и мировым запасом золота.

К середине 20-х годов фашизировалась и философия милитариз-

ма. Тот же Освальд Шпенглер (чьи идеи активно пытаются возродить неофашистские элементы, особенно в ФРГ) уже не предвещает «заката Европы», а выдвигает как генеральный тип эпохи «человека-зверя», торжествующего при запахе крови поверженного противника и обладающего главным свойством — «волей к власти». Мы знаем, как обернулась эта теория в страшной практике фашизма по массовому уничтожению людей и целых наций и как сама возможность безнаказанно уничтожать все живое заполняет головы безумцев, овладевших для этого страшными силами разрушения. В этом смысле, читая роман, ощущаешь, будто он написан сегодня, а не свыше полувека назад.

Структура будущего общества, по Гарину, тот же «закат», но выраженная грубо цинично: «Закончить историю современного человечества с треском». Гарин имплицирует «формирование патрицианского общества около двух-трех миллионов пар». Но у него далее идет прямое изложение фашистской программы, получившей ужасное воплощение во второй мировой войне: «Затем мы установим, сколько нужно рабочих рук для полного обслуживания культуры. Здесь также сделаем отбор. Они не взбунтуются... Возможность революции будет истреблена в корне... Каждому будет сделана маленькая операция, нечто вроде мозговой кастрации». Поражает в романе не только предвидение событий второй империалистической войны в Европе, но и более далеких для Толстого и более близких нам крутых поворотов истории. Тогда уже, в 20-е годы, Алексей Толстой безошибочно указал на место средоточия зла и угрозы существования человечества: в агрессивной политике американских заправил.

Именно в «американской» части романа к портрету Гарина Алексей Толстой с памфлетной фактичностью прибавляет уже тогда известный миру признак: упавшую на лоб мокрую прядь волос, что позволяет говорить об использовании писателем конкретного прототипа — Гитлера как символической возможности фашизации американского империализма.

«Гиперболоид инженера Гарина» относят еще к одному распространенному за рубежом жанру «романа катастрофы». Действительно, замыслы Гарина о мировом господстве катастрофически рушатся. Рабочие берут гиперболоид в свои руки, чтобы использовать его потом в мирных целях. Толстой отказывает Гарину в трагической развязке, просто низводит его до положения первобытного человека, когда выброшенный после гибели «Аризоны» на необитаемый остров вместе со своей любовницей Зоей, которая уже видела себя «царицей мира», он может практически проверить на себе теорию заката цивилизации. Таким образом, постыдное поражение диктатора и победа мирового пролетариата несут в себе символический смысл торжества мира и справедливости над злом войны и разрушения.

Новаторство Толстого сказалось не только в поставленных и решенных идеологических проблемах в романе. Направление творческих замыслов писателя идет и как поиск путей обновления жанра приключенческого. В романе использованы элементы детективного жанра (стремительное развитие сюжета, частая смена кадров с разрывом действия в самый напряженный момент, таинственные убийства, погоня за обладанием аппарата разрушения, «роскошная женщина», двойники и т. д.), но эти художественные средства Толстой направил не на удовлетворение азарта читателя и его любопытства: чем кончится?, а поставил на службу значительным социальным проблемам и создал произведение, обращенное к будущему человечества.

В день начала Великой Отечественной войны, заканчивая трилогию «Хождение по мукам», Толстой с уверенностью писал: «Мир будет нами перестраиваться для добра. И это на моей Родине, и это — Россия». Такой же уверенностью проникнуты и научно-фантастические романы Алексея Николаевича Толстого.

Е. Ситникова,
кандидат филологических наук

Р2
Т52

Печатается по изданию: Толстой А. П. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1972, т. 3.

Завоевавшие всемирную известность романы классика русской советской литературы, в которых научное предвиденье органично сочетается с социальной проблематикой, яркими характерами персонажей.

Художник В. Т. Гончаренко.

Алексей Николаевич Толстой

АЭЛИТА

ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Редактор *В. И. Мищенко.* Художник *В. Т. Гончаренко.* Художественный редактор *В. И. Хворост.* Технический редактор *В. С. Зрелая.* Корректоры *А. И. Давиденко, А. Ф. Мевшина*

Информ. бланк № 1297

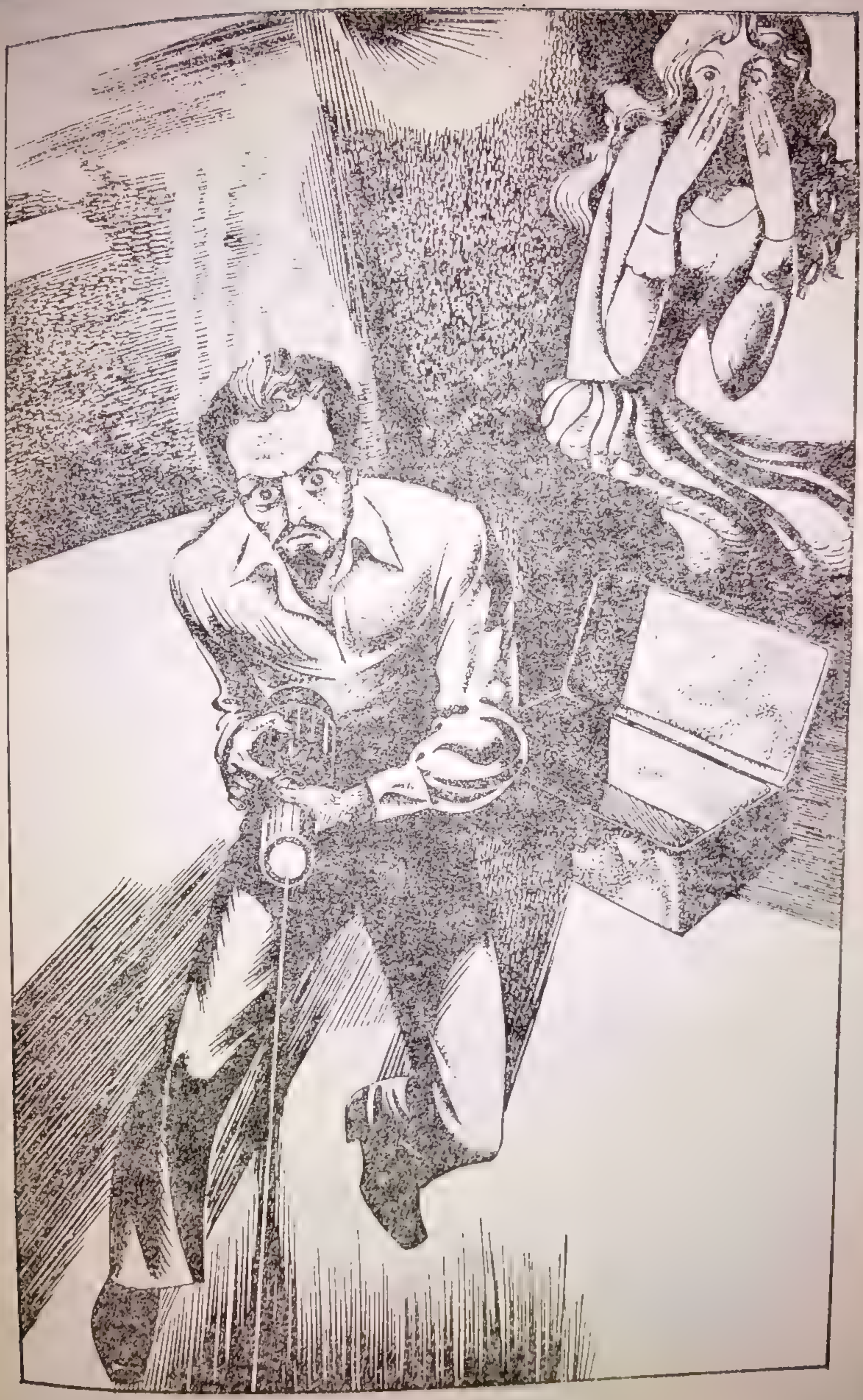
Сдано в набор 23. 09. 82. Подписано в печать 29.12.82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,42. Уч.-изд. л. 23,672. Тираж 200 000 экз. Зак. № 253. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Промінь», 320070, Днепропетровск, просп. К. Маркса, 60.

Областная книжная типография, 320091, Днепропетровск, ул. Горького, 20.

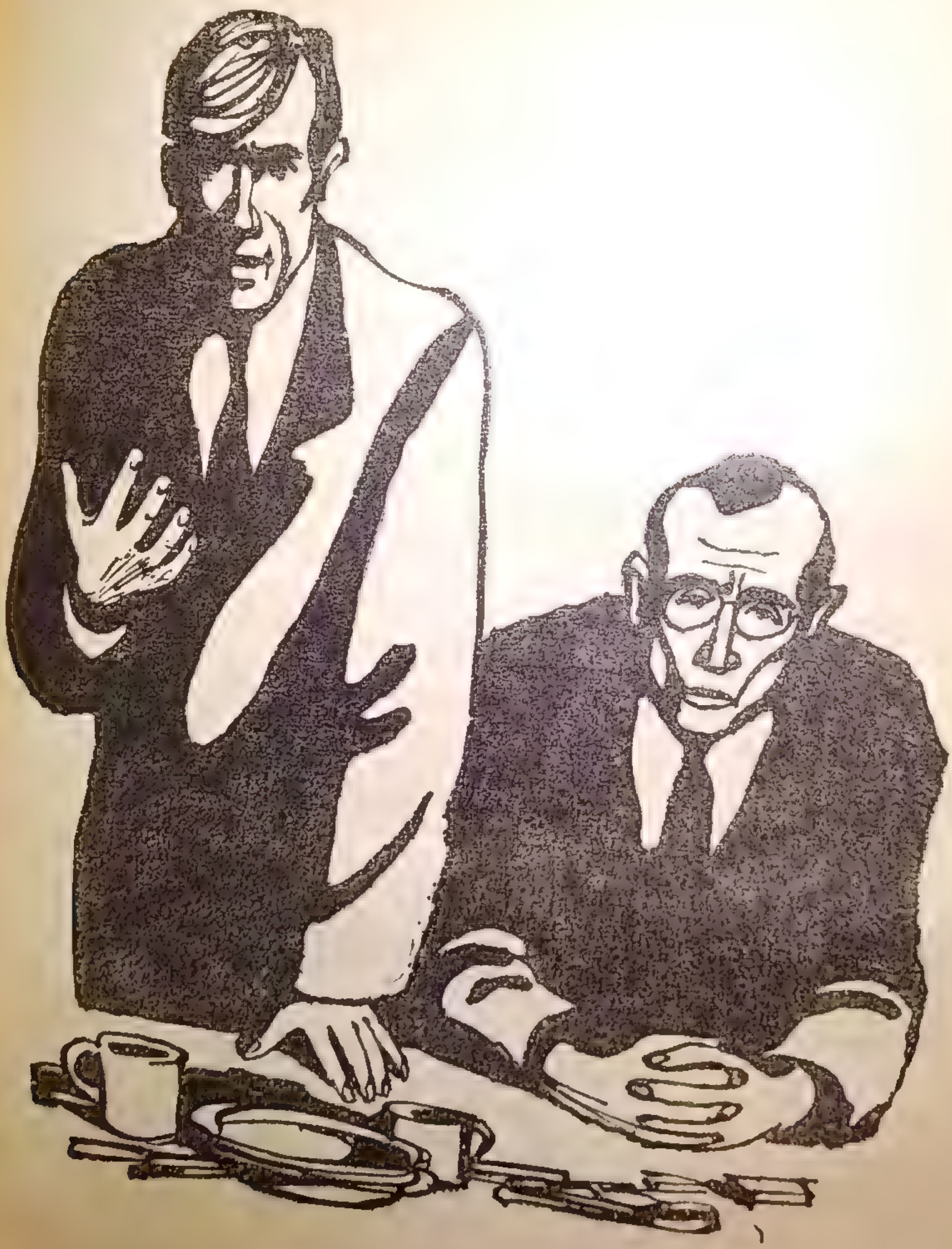
Т $\frac{4702010200\text{-}008}{M219(04)\text{-}83}$ 14-83

© Издательство «Промінь», 1978, иллюстрации.



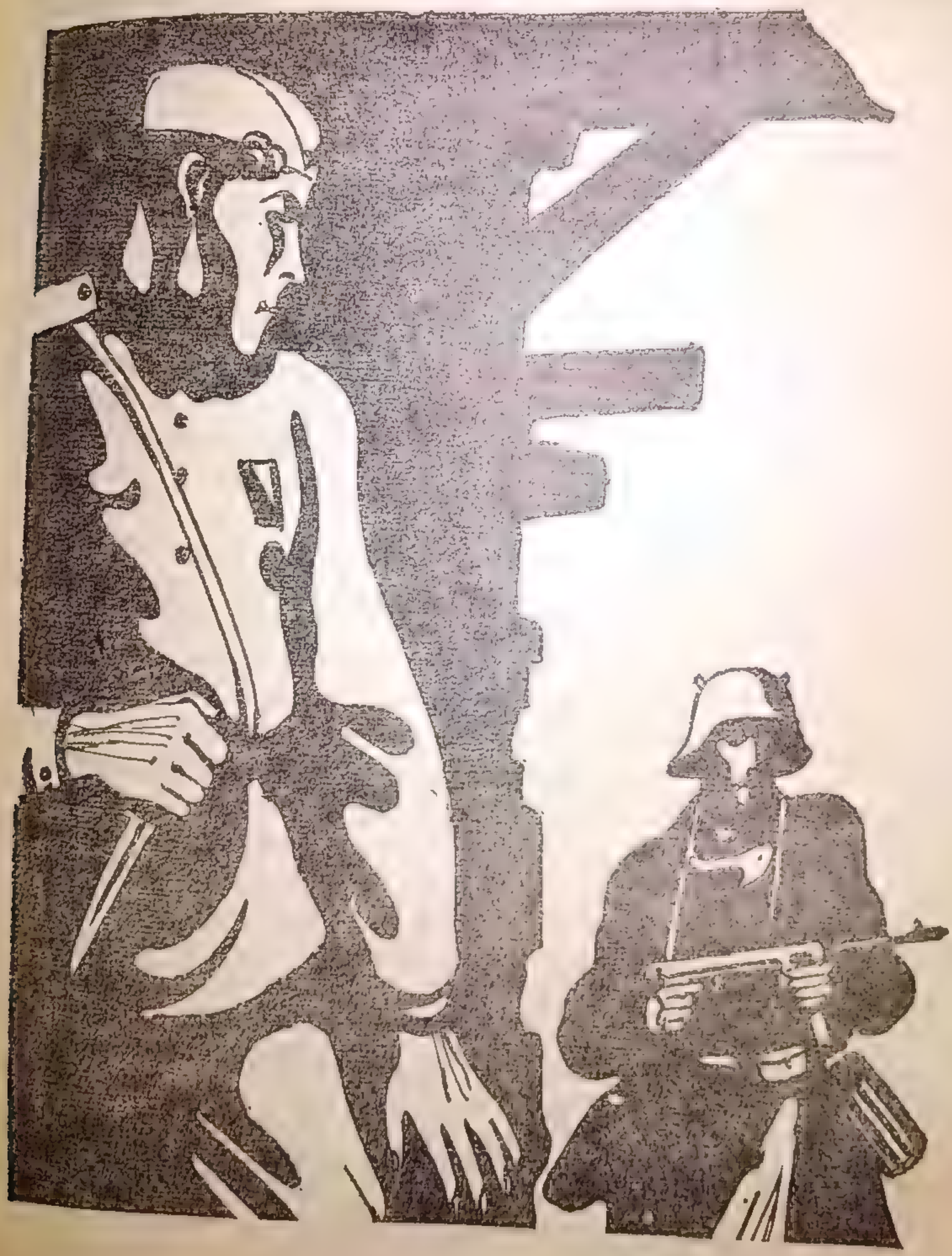
нимаем как прописную...— Виктор Борисович [illegible] пальцем на столе большую букву «Ч».— Нет, это не прописная буква. Это то, что зарождается в таком вот Сережке. И сохранить такое чувство в мальчишке — ценнее всего. Вы уж извините меня! Вот таким бы хотелось видеть настоящего руководителя.

С этими словами он встал и вышел из шатра. Даже шляпу забыл на столе.



Бокарев был отличный стрелок. Он мог первым выстрелом снять мотоциклиста, вторым — немца на заднем сиденье, потом снял бы и третьего, пока тот выбирался бы из коляски. Но делать этого нельзя — ребята еще не доползли до дороги.

Немцы переговаривались, голоса их заглушались стрекотом невыключенного мотора. Как понимал Бока-



Р2
Р93

Бис
можн
очень
на на
А. Ры
свой
знания
детстве

Он
даже
детстве
нигове

Кипу
коммун
ра-боле
в пионе
ли бор
вые «по
ря, кре
рячие
в его кр

После
шофер
Московс
ров тра
ром-авто

Работа
инженер
хозяйста.
Всю ас

Художник С. АЛИМОВ

7-3-2
42-73

БИБЛИОТЕКА «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ

водители

екатерина воронина

неизвестный солдат

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ» · МОСКВА · 1973

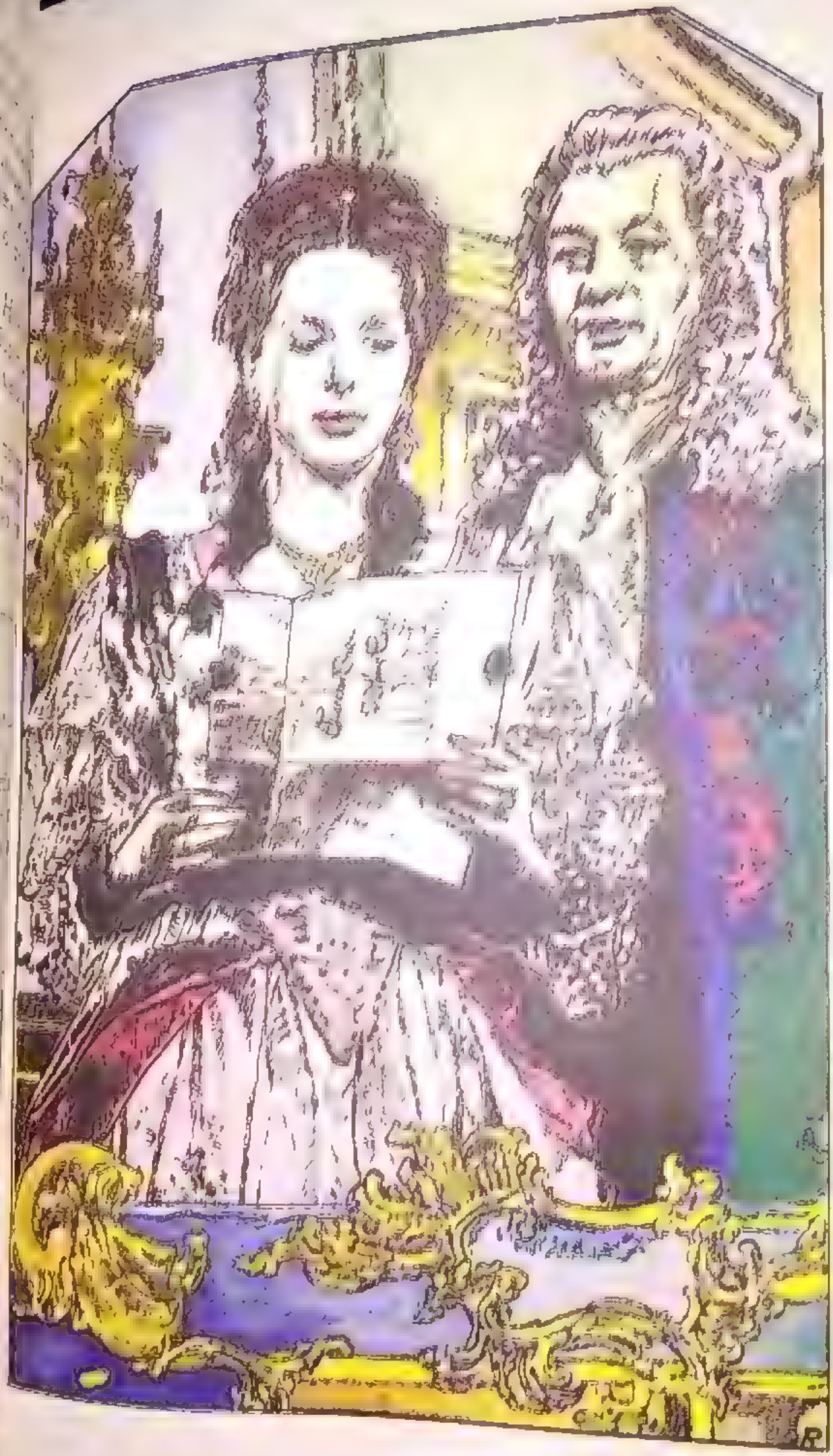
Собрание сочинений выходит
под общей редакцией

Составление
Н. М. Любимова, М. В. Толмачева,
М. С. Трескунова

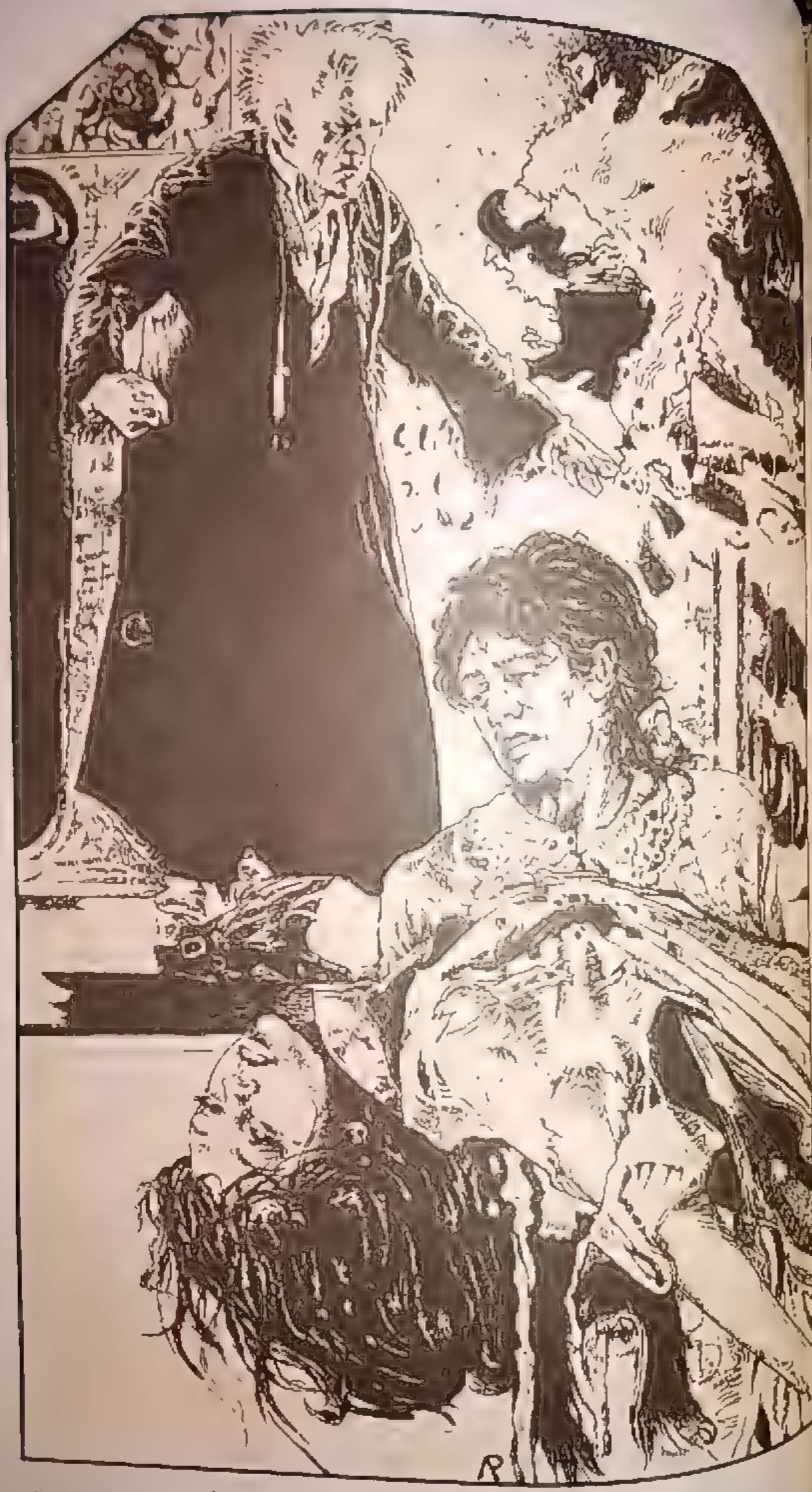
Иллюстрации художника
Л. Рябинина

Джузеппе Бальзамо

(Записки врача)

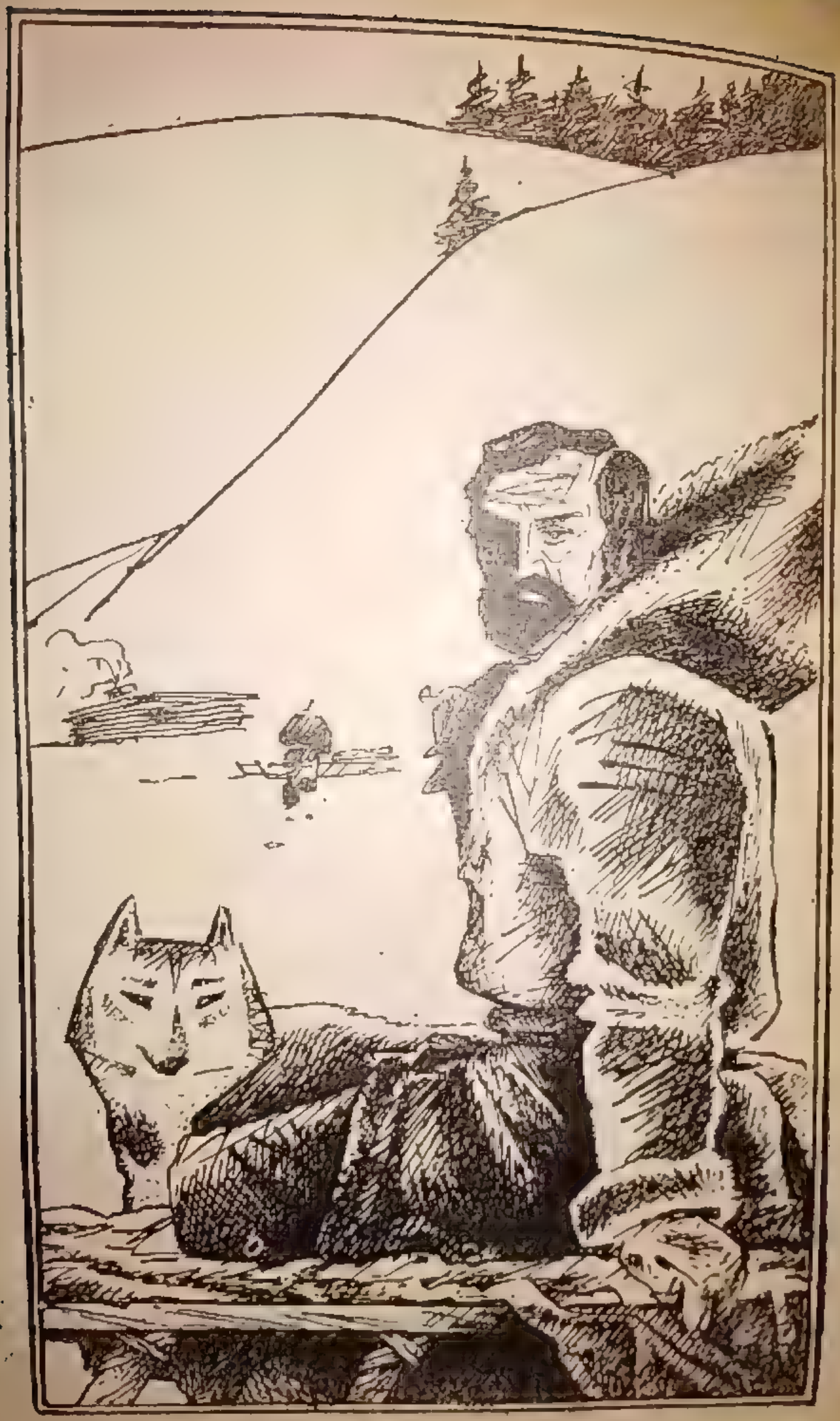


«Джузеппе Бальзамо»

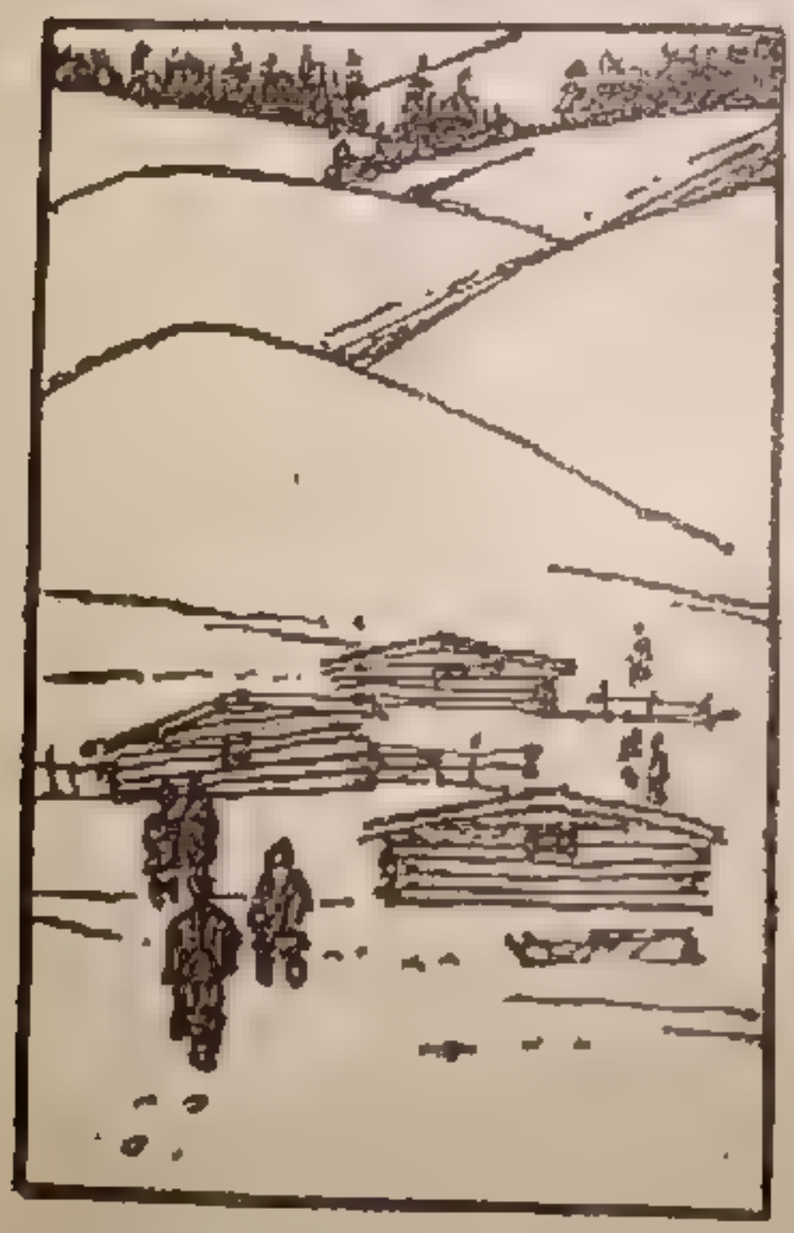


«Джузеппе Бальзамо»

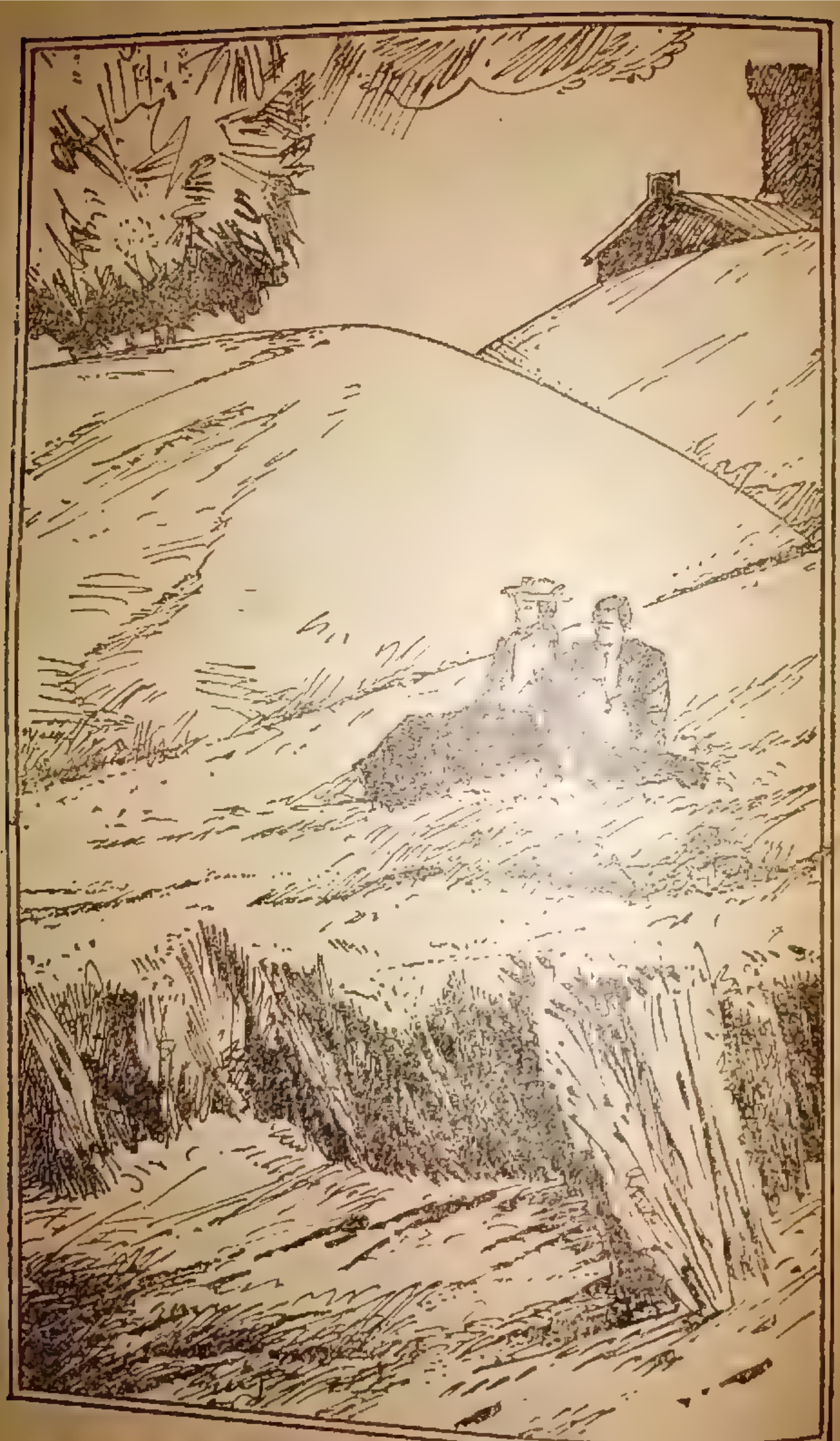
«Джузеппе Бальзамо»



БЕЛЫЙ КЛЫК



ПОВЕСТЬ



84(7А)-44
Л76

Лондон Джек
Л76 Мартин Иден; Белый Клык; Рассказы: Роман, повесть и рассказы/Перевод с англ.; [Худож. У. Осмоев].— Ф.: Кыргызстан, 1985.— 688 с.

В данный сборник знаменитого американского писателя Джека Лондона (1876—1916) входят роман «Мартин Иден», повесть «Белый Клык» и «северные рассказы»: «За тех, кто в пути», «Северная Одиссея» и др.

Л $\frac{4703000000-22}{M451(17)-85}$ 220—85.

ББК 84(7А)-44

Художник *У. Осмоев*

Тексты произведений печатаются по изданиям: «Мартин Иден». М., «Правда», 1977; «Белый Клык» и рассказы. М., «Художественная литература», 1981.

© Составление, художественное оформление. Издательство «Кыргызстан», 1985.

ЛЕДЯНЫЕ БОГИ

ПЕРСТЕНЬ ЦАРИЦЫ САВСКОЙ

84.4 Англ.
Х13

Перевод с английского

Х 47003040100-062 без об'явл.
ISBN 5-85670-033-3 © Н. Н. Гульковский, оформление, 1993

«Приглашение на казнь»

«Весна в Фиальте»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жорж Санд (1804—1876) посвятила свою жизнь служению литературе, создав за сорок пять лет неустанного труда более ста произведений, оставив заметный след в культурной жизни Франции и, возможно, всей Европы. Во всяком случае, в России ее творчество получило самую широкую известность. Первый роман писательницы — «Индиана» — вышел на русском языке уже в 1833 году, то есть через год после его публикации во Франции. В последующие десятилетия целые поколения русских читателей с интересом следили за перипетиями, выпавшими на долю ее героев. Творчество Жорж Санд высоко ценили такие корифеи российской словесности, как Н. В. Гоголь и М. Е. Салтыков-Щедрин. «Все то, что в явлении этого поэта составляло «новое слово», все, что было «человеческого»,— писал Ф. М. Достоевский,— все это тот же час в свое время отозвалось у нас, в нашей России, сильным и глубоким впечатлением» *. Хвалебные отзывы именитых писателей, несомненно, важны и лестны для всякого, но не они даруют бессмертие. Залог бессмертия Жорж Санд — в той любви, которую она непременно вызывает в самых широких читательских кругах.

Писательница (ее настоящее имя Аврора Дюпен) родилась в 1804 году. Она рано потеряла отца и провела детство в поместье своей бабушки, много внимания уделявшей ее воспитанию. Аврору отличал живой ум и энергичный характер. Когда ей минуло шестнадцать лет, бабушка умерла, оставив ей в наследство имение в Ноане (провинция Берри). Вскоре Аврора познакомилась с Казимиром Дюдеваном, рано вышла за него замуж, рано познала бремя несчастливого брака. В 1830 году баронесса

---

* *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. художественных произведений в 13-ти т. Т. 11. М.-Л., 1929. С. 309.

Дюдеван покинула мужа и переселилась в Париж, где начала сотрудничать в газете «Фигаро».

Когда она обратилась к литературному труду, ей не понадобилось тратить время на поиски своей темы: неудачный опыт супружеской жизни, мечты о личном счастье и выстраданное неприятие хапжеской морали побудили ее к своеобразному осмыслению проблем индивидуализма и свободы, занимавших в то время умы ее современников. Любовь героинь первых романов Жорж Санд разбивается о стену светских условностей и социальных предрассудков. Индиана (роман «Индиана»), Валентина (роман «Валентина»), Лелия (роман «Лелия») вступают с ними в борьбу, отстаивая право женщины на высокую страсть, которая, какие бы обвинения ни выдвигали против нее недруги писательницы, ничего общего не имеет с распущенностью.

Жорж Санд жила творчеством, и это притягивало к ней людей искусства. В ее квартире на улице Пигаль можно было встретить Фредерика Шопена и Ференца Листа, Генриха Гейне и Адама Мицкевича, Оноре де Бальзака, Эжена Делакруа и Полину Виардо.

В первые годы независимой жизни Жорж Санд, пытаясь самоутвердиться, искала внешние формы для проявления своего отказа от диктата приличий: она курила трубку и одевалась в мужской костюм; ее свободолюбивый нрав давал современникам много пищи для пересудов. Но в действительности бунт ее был глубже. Она отстаивала таким образом права своей личности, а мужской костюм призван был свидетельствовать о ее готовности сразиться с предвзятыми мнениями, подобно тому как блеск доспехов свидетельствует о готовности рыцаря к поединку с врагом. Однако вскоре она почувствовала пагубность безоглядного индивидуализма. Моральная чистота, которая всегда ее привлекала, оказалась недостижима без уважения интересов других людей, как полнота существования недостижима без ощущения своей общности со всеми. В 1835 году она писала: «Живя для одной себя и рискуя собой одной, я всегда подвергала себя опасности и жертвовала собою, как существом свободным, одиноким, ненужным другим, располагающим собой вплоть до самоубийства ради удовольствия или из отвращения ко всему на свете. Да будут прокляты люди и книги, которые помогали мне в этом своими софизмами».

Герои романов Жорж Санд всегда благородны — не по рождению, а по качествам души, в силу их горячего стрем-

ления к добродетели. Оптимизм писательницы в том, что она свято верила: человек способен измениться к лучшему, внять убеждению, вдохновиться примером. Свою задачу она видела в воспитании людей, и некоторая приверженность морализаторству могла бы в значительной степени лишить ее книги присущей им прелести, если бы... если бы не мягкая, едва ощутимая ирония, которая временами пронизывает повествование.

«Приключения души» составляют главный интерес в произведениях писательницы, хотя у нее есть немало романов с остро закрученным сюжетом. Именно «внутренняя драма», как справедливо заметил О. Бальзак, сообщает ее рассказу динамизм, которого другие романтики часто вынуждены бывали добиваться, описывая невероятные приключения и фантастические ситуации.

От природы наделенная пылким нравом, Жорж Санд и сама жила страстями. Но она не сумела обрести счастье ни в любви к Альфреду де Мюссе, ни в любви к Фридерику Шопену. С тем большей увлеченностью и самозабвением окунулась она в вопросы большой политики, то разделяя мечты Фурье о городах-фаланстерах и становясь в ряды последователей Сен-Симона, то склоняясь к христианскому социализму или к идеям левых республиканцев. Неизменным в ней было одно: искреннее стремление понять законы социальной жизни, нащупать пути к построению справедливого общества, где каждый будет иметь право на счастье. Не случайно И. С. Тургенев, близко знакомый с Жорж Санд, величал ее «одной из наших святых». «Наши потомки, наверное, улыбнутся над тем количеством слов, фантазии, приемов, какое понадобилось, чтобы высказать эти избитые истины, но они не посетуют на нас, обнаружив в глубине нашего творчества великую тревогу, и поймут по бессвязности наших речей, какую борьбу нам пришлось выдержать, чтобы подготовить их победу»,— писала она.

Из произведений Жорж Санд можно было бы составить целую библиотеку. Это и посвященный эпохе революции XVIII века роман «Мопра», героя которого возвышенная любовь к женщине приводит к нравственному очищению, и роман «Жак» — история идеального мужа, покончившего с собой, чтобы вернуть свободу изменившей ему жене. В «Орасе» она показала, какой расчетливый и бездушный эгоист скрывается под личиной романтического бунтаря. В числе лучших, особенно любимых русским читателем произведений Жорж Санд ее романы «Консуэло»

и «Графиня Рудольштадт», повествующие о жизни талантливой певицы, которая, отказавшись от легкого успеха, трудом и упорством достигает в искусстве вершин. Консуэло в изображении Жорж Санд похожа на Полину Виардо. «Я горжусь тем, что некоторые черты моего характера и внешности послужили вам материалом для создания этого замечательного образа»,— с благодарностью писала ей певица.

Во многих романах Жорж Санд обращается к народной жизни, самые известные из них — «Странствующий подмастерье», «Грех господина Антуана», «Мельник из Анжибо». В последние десятилетия жизни писательница отошла от социальной проблематики и сосредоточила внимание на исследовании глубоких переживаний, связанных с обретением или потерей любви (романы «Жан де ля Рош», «Маркиз Вильмер», «Исповедь молодой девушки», «Мадмуазель Меркем»).

...У книг, как и у людей, своя судьба; иные из них вдруг оказываются незаслуженно забытыми. Так, включенные в этот сборник романы, любимые и перечитываемые во Франции, уже сотню лет не публиковались на русском языке. Хочется верить, что наш читатель, который смог теперь открыть их для себя, в полной мере почувствовал радость от новой встречи с талантливейшей французской писательницей.

Н. Полторацкая

84.4 Л
Ц 26

Переводы с немецкого

Послесловие
Ю. Архипова

Иллюстрации
А. Ляшенко

Ц $\frac{4703010100-2437}{080(02)-91}$ 2437—91

ISBN 5—253—00348—7

Предисловие автора

Повесть эта написана зимой 1830 года, в трехстах лье от Парижа; поэтому в ней и нет ни единого намека на события текущего, 1839 года.

За много лет до того, когда наши армии проходили по Европе, я по воле случая очутился на постое в доме одного каноника. Это было в Падуе, очаровательном итальянском городе. Пребывание мое у каноника затянулось, и мы с ним стали друзьями.

В конце 1830 года, попав проездом в Падую, я поспешил в дом каноника. Я знал, что старика уже нет в живых, но мне хотелось еще раз увидеть гостиную, где я провел столько приятных вечеров, о которых часто вспоминал с большим сожалением. В доме жил теперь племянник покойного с женой; они встретили меня как старого друга. Собралось еще несколько человек гостей, и разошлись мы очень поздно. Племянник каноника приказал принести из кофейни Педроти превосходного zambaione.[1] *Засиделись мы глазным образом из-за того, что слушали историю герцогини Сансеверина: кто-то из гостей упомянул о ней, а хозяин, в угоду мне, рассказал ее всю полностью.*

— В той стране, куда я еду,— сказал я своим друзьям,— не найти такого общества, как у вас, и, чтобы скоротать время в долгие вечера, я напишу на основе этой истории повесть.

— В таком случае,— сказал племянник каноника,— я принесу вам сейчас записки моего дядюшки, где в главе, посвященной Парме, он говорит о некоторых интригах при пармском дворе, происходивших в те времена, когда там полновластно царила герцогиня. Но берегитесь! Эту историю трудно назвать назидательной, и теперь, когда у вас, во Франции, мода на евангель-

---

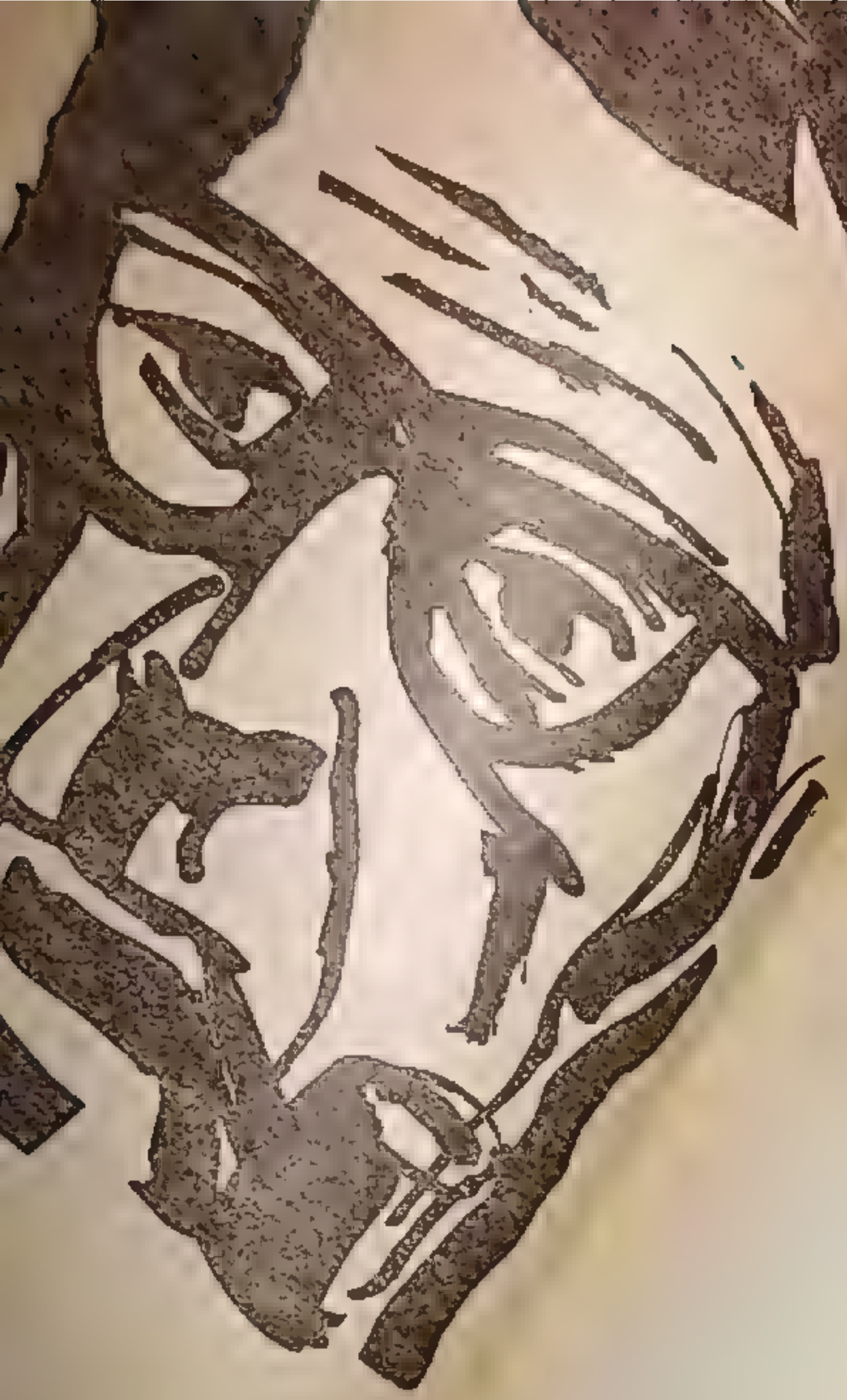
[1] Гоголь-моголь *(итал.)*.

СТЕНДАЛЬ

ПАРМСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Роман

Ташкент «Медицина» УзССР 1985



Жорж Сименон

Колебания Мегрэ

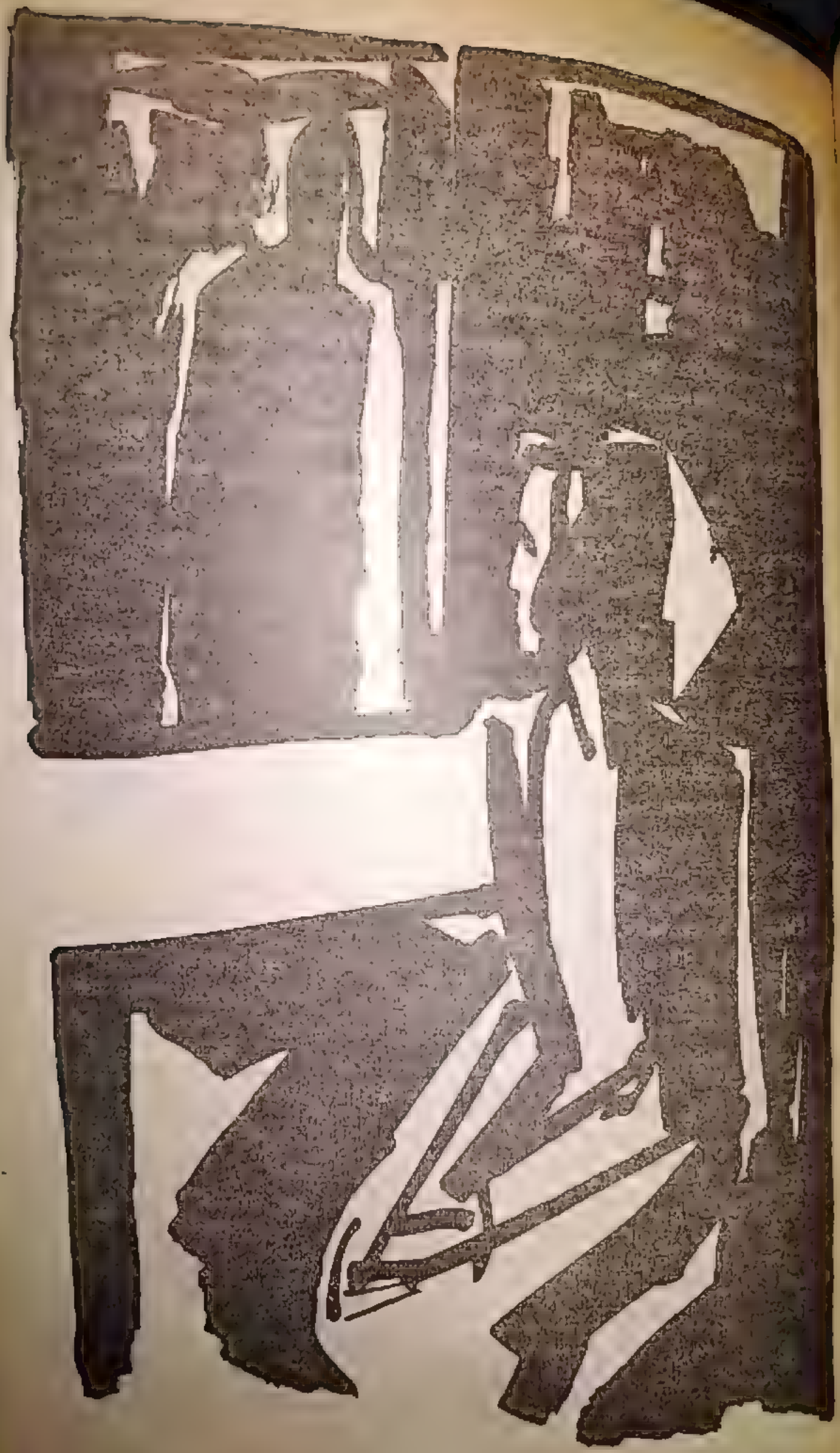
Мегрэ и его мертвец
Колебания Мегрэ
Время Анаис

Романы

Перевод с французского В. В. Кузнецова

Ленинград
«Художественная литература»
Ленинградское отделение

Социально-коммерческая ф
1991



СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ

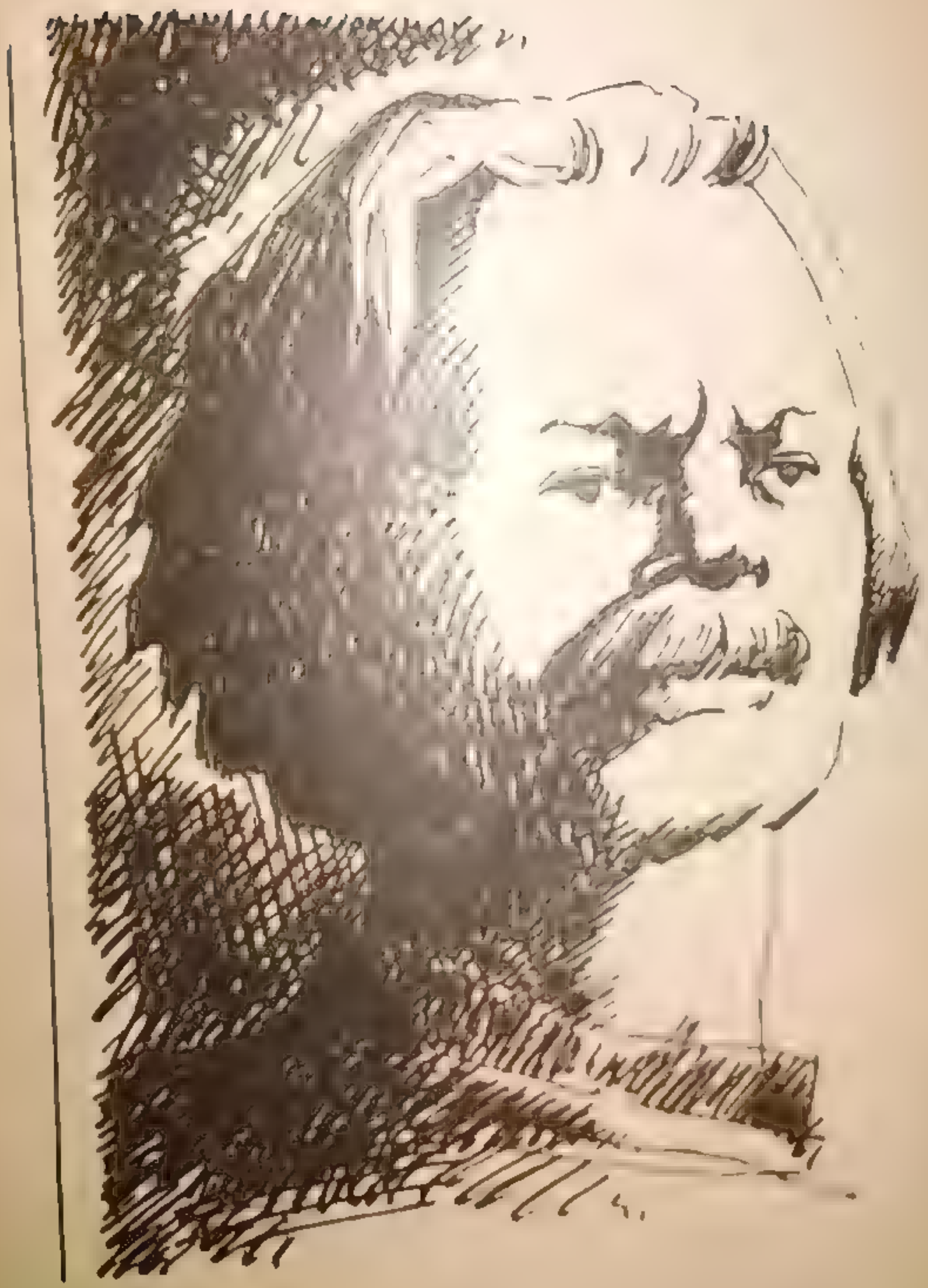
I

Я слышал эти [illegible] Аккерманом, в Бессарабии [illegible] морском берегу.

Однажды вечером, [illegible] ной сбор винограда, [illegible] ван, с которой я работал [illegible] берег моря, а я и старуха [illegible] остались под густой [illegible] градных лоз и, [illegible] чали, глядя, как [illegible] ночи силуэты тех людей, [illegible] к морю.

Они шли, пели в [illegible] мужчины — бронзовые, [illegible] черными усами и густыми [illegible] до плеч, в коротких [illegible] роких шароварах [illegible] вушки — веселые, [illegible] синими глазами [illegible] Их волосы, [illegible] были [illegible] легкий [illegible] ми, вплетенными [illegible] широкой, ровной [illegible] он точно прыгал [illegible] димое и, [illegible] стические [illegible] вокруг их голов [illegible] странными и [illegible]

N



84 Р 7
Г 71

Текст печатается по изданию:
Горький М. Полн. собр. соч. в 25-ти томах.
М.: Наука, 1971.

Иллюстрации и оформление
Е. Черной

Г $\frac{4702010200-829}{080(02)-85}$ 829—85

© Издательство «Правда», 1985. Иллюстрации

АРТУР · КАНАН · ДЬЙЛЬ
АРТУР · КАНАН · ДЬЙЛЬ

84 Р 7
Г 85

Иллюстрации
А. П. Мелик-Саркисяна

Г $\frac{4702010200-2317}{080(02)-91}$ 2317—91

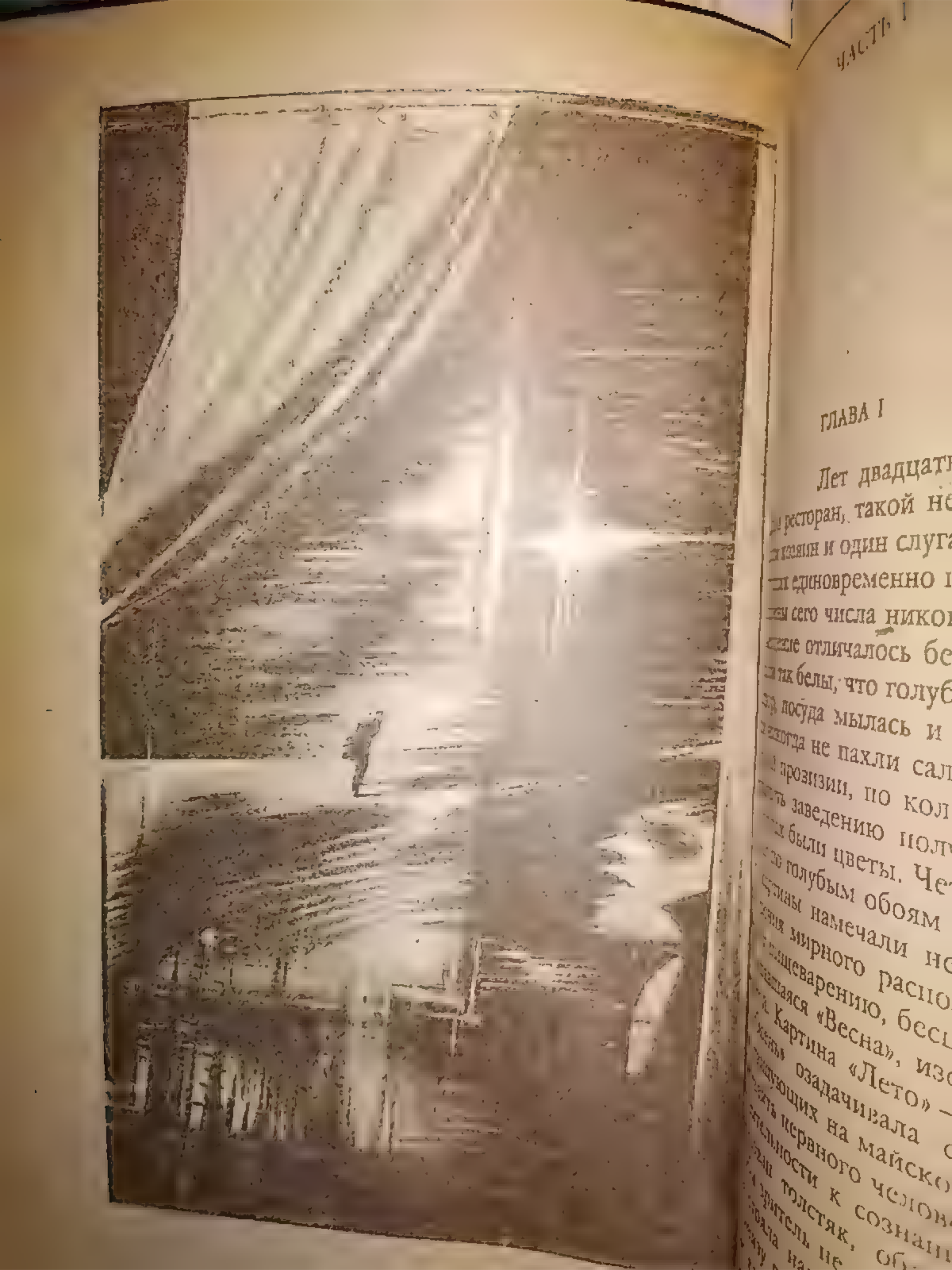
ISBN 5—253—00153—0

© Издательство «Правда», 1991.
Иллюстрации.

«Дул ветер...», — н
...ным движением черны
...снился мне мрак той н
...ежалы». Это суденышк
...ем прибыла партия сущ
...ялся запах сушеной
...ело пропахло ужасом,
...нутым тряпкой, при
...ла, и занимался рассмат
...которая были выдраны
...ел и нашел.
...ней стороне пере
...ыми:
...ательно, чтобы умный че
...читать такую книгу, где
...стояло:
...фармаро
...тебя, Грета. Твой А.
...ой стороне челове
...ывался двадцать четыр
...ими росчерками. Еще
...ние Нормана и п
...ем мы о
...труст

Дорога никуда

РОМАН



ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

Лет двадцат
ресторан, такой не
хозяин и один слуга
единовременно
сего числа никог
отличалось бе
так белы, что голуб
посуда мылась и
никогда не пахли сал
провизии, по кол
заведению полу
были цветы. Че
голубым обоям
намечали но
мирного распо
пищеварению, бесц
«Весна», изо
Картина «Лето» —
озадачивала
на майско
нервного челов
к сознан
толстяк, об

ББК 84.37 Вл
С44

Текст печатается по изданию:
Вальтер Скотт Собрание сочинений в 20-ти томах,
т. 5. Л., ГИХЛ, 1961

Редакция перевода
Б. Б. ТОМАШЕВСКОГО

Вступительная статья
А. ЛОЗИНИНА

Комментарии
Р. САМАРИНА

Художник
Л. ЕПИФАНОВ

С 70304-077
028(01)-80 26-80 4703000000

© Вступительная статья, оформление. Издательство «Художественная литература», 1980 г.

ИСТОРИЯ, ОДЕТАЯ В РОМАН...

Осенью 1814 года английские книгопродавцы, довольные, подсчитывали барыши: успех последней новинки - анонимного романа «Уэверли, или Шестьдесят лет назад» — превзошел все ожидания. В Эдинбурге и Лондоне пытались разоблачить таинственного виновника, над «волшебным вымыслом» которого обливались слезами десятки тысяч читателей; критики заключали пари, споря, кто же автор, [illegible] последние тиражи романа следовали один за другим, а по ту сторону [illegible] США имена его главного героя называли города и поселки [illegible] единодушным. Даже такой строгий ценитель литературы, как [illegible], восклицал: «„Уэверли" — это самый замечательный, самый [illegible] роман, какой мне только приходилось читать...»

А тем временем создатель «Уэверли» не без удовольствия взирал на устроенный им переполох в литературном мире и даже подливал масла в огонь, публично высказывая свои предположения по поводу тайны авторства. «Все достославные эдинбуржцы сейчас только тем и заняты, что ищут автора „Уэверли"», — с гордостью сообщал он одному из своих друзей вскоре после выхода романа. Но, увы, торжество мистификатора было недолгим: новые романы, подписанные «автор „Уэверли"», рассеяли все сомнения и превратили его инкогнито в секрет Полишинеля. По характерному стилю, по кругу тем, по выбору героев в анониме узнали Вальтера Скотта.

Имя Вальтера Скотта (1771—1831) и раньше было хорошо знакомо британским любителям литературы. Выходец из древнего шотландского рода, уважаемый эдинбургский стряпчий, он успел завоевать широкую известность и как переводчик немецких романтиков, и как собиратель народных баллад, и как поэт, автор блистательных стилизаций, написанных, по его словам, «в подражание древним песням, которые некогда распевались менестрелями под звуки арф». И хотя поэт Вальтер Скотт был признан и популярен не только у себя на родине (в России, например, его знали по прекрасным переводам В. А. Жуковского), ничто не могло

фересервиса ко мне и сказал, что он его старый знакомый, к... выставил вон, отчитав как следует за то, что приходит в... таким делом в святой вечер. Но теперь я вижу, что он... остолоп и относительно вас глубоко ошибался. Вы мне... юноша,— продолжал он.— Мне нравится, когда человек... помощь друзьям в трудную минуту,— я и сам так поступ... же поступал мой отец декан, упокой господь его душу! Но... вы лучше подальше от горцев и всей этой шайки. Как... смолу, так измажешься,— вы этого не забывайте. Конечно, с... умный и хороший человек может заблуждаться. Вот и... и другой, и третий оступился и совершит иные... проступка,— мой отец не поверил бы своим глазам, если б... поднять веки и увидеть, что делает его сын.

К этому времени мистер Джарви дошел до дверей свето... Однако он остановился у порога и торжественным тоном... раскаяния добавил:

— Во-первых, я думал в воскресный день о личных сдел... во-вторых, я поручился за англичанина; в-третьих, и в посл... подумать только! — я позволил правонарушителю убежать из... мы. Но есть бальзам в Галааде, мистер Осбалдистон. Мэтти... войти в дом и один. Проводи мистера Осбалдистона до... Флайтер — знаешь, на углу переулка.— И он добавил шепо... Мистер Осбалдистон, вы, конечно, не позволите себе в отн... Мэтти никакой невежливости — она дочь честных родителей и... кая родственница лэрда Ламмермурского.

ГЛАВА XXIV

Угодно будет вашей милости... мои скромные услуги? Умоляю, вы... те мне есть ваш хлеб, будь он... черный, и пить ваше вино, будь оно... скудное; за сорок шиллингов в... жить вашей милости так... другой не служил бы и за ...

Я помнил прощальное наставление честного бэйли, ... счел зазорным прибавить поцелуй к полукроне, данной мною ... за проводы, и ее «как не совестно, сэр!» прозвучало ... смертельной обидой. Долгий стук мой у ворот мисс ... поначалу разбудил, как полагается, двух-трех бездомных ... лявших громкий лай, затем из окон соседних домов ... три-четыре головы в ночных колпаках, чтобы сделать ... за нарушение торжественной тишины воскресной ночи ... ным шумом. Пока я в трепете ждал, как бы их ярость не ...

---

[1] «Ты тоже» (*франц.*).

...ей головой настоящим ... ...лась сама миссис Фли... ...ой супруге Сократа, ...ников за то, что те не ...ный призыв.

Достойные эти господа ис... ...й по их нерадению, ибо ...стер фересервис, его друг м... ...узнал впоследствии — го... ...ном эля (моим угощени... ...) и трудились сообща над... ...ставалось огласить на ... ...медлительно верн... ...ли, как они имели бесстыд... ...я, разумеется, не стал скрыв... ...ельством в мои дела; ...ою бурей восторга, что уп... Возможно, его ликование был... ...сы радости, несомненно, б... ...ех эмоций — в оловянной кр... ...дость Эндрю по поводу моего ...ить ему череп, что я соб... ...ервых, за его разговоры с... ...ым, за неуместную истори... Джарви. Однако я ограничил... ...дверью своей спальни, когд... ...небо за мое благополучное ... ...радости призывами ко мне ... ...ялу шагать своим путем. ...ым делом рассчитаю это ...вольного наглеца, вообразивш... ...ком.

Наутро я вернулся к своем... Эдрио, спросил, сколько ему ... ...Гаано. Мистер Фересервис ...тельно осмотрев в нем пр... — Ваша честь...— начал о...

— Говори прямо, Монсен... ...а, когда Эндрио замо... ...ях двойной опасн... ...и потерять часть, но ...лов был уплатить. ...как иногда крепкий ... ...под действием мо...

...ьма шаль пенсов ре...

Зарубежная литература

СОДЕРЖАНИЕ

З. Рынкевич. Вершины драматургии Чехова . . . 3

ПЬЕСЫ

Иванов 17
Чайка 81
Дядя Ваня 133
Три сестры 180
Вишневый сад 243

Примечания 294

Чехов А. П.

Ч56 Пьесы/Вступ. статья В. Рынкевича. М.: Худож. лит., 1982.—303 с. (Классики и современники. Русская классическая литература).

В книгу вошли наиболее известные пьесы А. П. Чехова (1860—1904): «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад».

Ч $\frac{4702010100\text{-}173}{028\ (01)\text{-}82}$ 17-82 Р1

ПРИМЕЧАНИЯ

ИВАНОВ

Драма в четырех действиях

Пьеса «Иванов» написана в конце сентября и начале октября 1887 г.

Впервые пьеса была поставлена на провинциальной сцене, в Саратове, в середине ноября 1887 г. В Московском театре Корша первое представление состоялось 19 ноября того же года.

Первоначальная редакция 1887 г. во многом отличается от окончательного текста. Переработка пьесы имела несколько стадий.

В первой редакции четвертый акт состоял из двух картин, пьеса заключала в себе значительно больше бытовых подробностей, имелись отличия и в развитии событий. У Иванова по ходу пьесы отрицательное отношение к самому себе было выражено несколько слабее; после оскорбления, нанесенного ему Львовым, он не стрелялся, а умирал от потрясения, произнося слова: «За что, за что...»

Во второй редакции устранено деление четвертого акта на две картины. Один явления были совсем изъяты, другие, с мелкими композиционными и стилистическими изменениями, переставлены.

Текст примечаний (с сокращениями) дан по изданию: А. П. Чехов. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 9. М., ГИХЛ, 1963.

ПРИМЕЧАНИЯ

ИВАНОВ

Драма в четырех действиях

Пьеса «Иванов» написана в конце сентября и начале октября 1887 г.

Впервые пьеса была поставлена на провинциальной сцене, в Саратове, в середине ноября 1887 г. В Московском театре Корша первое представление состоялось 19 ноября того же года.

Первоначальная редакция 1887 г. во многом отличается от окончательного текста. Переработка пьесы имела несколько стадий.

В первой редакции четвертый акт состоял из двух картин, пьеса заключала в себе значительно больше бытовых подробностей, имелись отличия и в развитии событий. У Иванова по ходу пьесы отрицательное отношение к самому себе было выражено несколько слабее; после оскорбления, нанесенного ему Львовым, он не стрелялся, а умирал от потрясения, произнося слова: «За что, за что...»

Во второй редакции устранено деление четвертого акта на две картины. Одни явления были совсем изъяты, другие, с мелкими композиционными и стилистическими изменениями, переставлены.

Текст примечаний (с сокращениями) дан по изданию: А. П. Чехов. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 9. М., ГИХЛ, 1963.

Вскоре по письмам А. С. Суворина Чехов заметил, что и Суворин и другие лица в театральных кругах понимают пьесу не так, как он сам представлял ее смысл.

Чехов принялся за новую переделку пьесы. 15 января 1889 г. он писал А. Н. Плещееву: «Всю неделю я возился над пьесой, строчил варианты, поправки, вставки, сделал новую Сашу (для Савиной), изменил IV акт до неузнаваемости, отшлифовал самого Иванова и так замучился, до такой степени возненавидел свою пьесу, что готов кончить словами Кипа: «палками Иванова, палками!» В этом новом варианте вся пьеса, в том числе и ее IV акт, получила тот вид, какой она имеет в окончательной редакции.

По этому новому тексту пьеса была поставлена на сцене Александринского театра 31 января 1889 г.

Первые театральные представления пьесы (ноябрь 1887 г.) вызвали большое оживление и споры. «Театралы говорят,— писал Чехов брату Александру Павловичу,— что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисменто-шиканья и никогда в другое время им не приходилось слышать столько споров, какие видели и слышали они на моей пьесе» (20 ноября).

М. П. Чехов вспоминал: «Успех спектакля был пестрый: одни шикали, другие, которых было большинство, шумно аплодировали и вызывали автора, но, в общем, «Иванова» не поняли, и еще долго потом газеты выясняли личность и характер главного героя» (М. П. Чехов. Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923, с. 40).

В газетных и журнальных рецензиях 1889 г. (на постановку пьесы в Александринском театре и публикацию ее в «Северном вестнике») были даны преимущественно положительные отзывы. «Петербургская газета» (1889, № 31, 1 февраля) писала: «Это был успех полный и торжество истинно крупного таланта... Успех был колоссальный, такой успех, который редко случается на нашей драматической сцене...»

Сын писателя Н. С. Лескова записал в своем дневнике отзыв отца об «Иванове»: «Учительная пьеса. И все хорошо, и замысел, и тины, и язык — у всех свой, живой, и самое название, обобщающее, самое родовое... К сожалению, слишком много у нас «Ивановых», этих безвольных, слабых людей, роняющих всякое дело, на которое ни возьмутся. Умная пьеса! Большое драматургическое дарование» (А. Н. Лесков. Из записей и памяти. Сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников». М., 1947, с. 313).

ЧАЙКА

Комедия в четырех действиях

«Чайка» написана в 1895—1896 гг.

17 октября 1896 г. состоялось первое представление «Чайки» в Александринском театре в Петербурге. Пьеса успеха не имела. Главная причина неуспеха заключалась в неподготовленности режиссуры и актеров к пониманию и передаче новых принципов драматизма, введенных Чеховым. По словам режиссера Е. П. Карпова, было «трудно большинству артистов Александринского театра, привыкших за последние годы играть преимущественно репертуар Викт. Крылова и вообще легкую комедию, близкую фарсу, исполнять жизненную, тонкую, полную полутонов и настроений пьесу Ант. Пав. Чехова» (Е. П. Карпов. История первого представления «Чайки», с. 67).

После первого представления в театральной прессе появились отрицательные отзывы. В журнале «Театрал» говорилось: «Пресса набросилась на «Чайку» и ее автора с завидным усердием; дошли до того, что стали отрицать какой бы то ни было талант в г. Чехове... Злорадство некоторых критиков доходило прямо-таки до цинизма» (С. Т. «Петербургские письма». «Театрал», 1896, № 95).

Последующие спектакли в том же театре, шедшие с некоторыми поправками в режиссерском истолковании пьесы, уже имели успех. Коммиссаржевская после второго спектакля писала Чехову: «Сейчас вернулась из театра. Антон Павлович, голубчик, наша взяла! Успех полный, единодушный, какой должен был быть и не мог не быть! Как мне хочется сейчас Вас видеть, а еще больше хочется, чтобы Вы были здесь, слышали единодушный крик: «Автора!» Ваша, нет, наша «Чайка», потому что я срослась с ней душой навек, жива, страдает и верует так горячо, что многих уверовать заставит» (письмо от 21 октября).

Особенно большое впечатление на Чехова произвело письмо к нему А. Ф. Кони от 7 ноября 1896 г.: «Многоуважаемый Антон Павлович! Вас, быть может, удивит мое письмо, но я, несмотря на то, что утопаю в работе, не могу отказаться от желания написать Вам по поводу Вашей «Чайки», которую я наконец удосужился видеть. Я слышал (от Савиной), что отношение публики к этой пьесе Вас очень огорчило... позвольте же одному из публики,— быть может, профану в литературе и драматическом искусстве, но знакомому с жизнью по своей слу-

жебной практике,— сказать Вам, что он благодарит Вас за глубокое наслаждение, данное ему Вашей пьесою...» (А. П. Чехов. Полн. собр. соч. М., Гослитиздат, 1949, т. XVI, с. 542).

«Чайка» с успехом шла и в провинции (в Киеве, Астрахани, Таганроге и других городах).

Подлинным триумфом для «Чайки» была ее постановка в Художественно-общедоступном театре в Москве (Московский Художественный театр) в сезон 1898/1899 г.

О громадном успехе «Чайки» в постановке Московского Художественного театра и об исключительно важном значении этой постановки говорят приветственные телеграммы и письма к Чехову, находившемуся тогда в Ялте, отзывы печати, мемуары и пр. После первого представления (17 декабря 1898 г.) Немирович-Данченко телеграфировал Чехову: «Только что сыграли «Чайку». Успех колоссальный. С первого акта пьеса так захватила, что потом следовал ряд триумфов. Вызовы бесконечные. Мое заявление после третьего акта, что автора в театре нет, публика потребовала послать тебе от нее телеграмму. Мы сумасшедшие от счастья» (Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., 1936, с. 196; там же см. его письмо-отчет о первом представлении).

Автор увидел «Чайку» в постановке Московского Художественного театра 1 мая 1889 г., в этот день для него специально давался спектакль.

ДЯДЯ ВАНЯ

Сцены из деревенской жизни в четырех действиях

Впервые «Дядя Ваня» был напечатан в сборнике Чехова «Пьесы» (СПб., 1897).

После выхода сборника «Пьесы» «Дядя Ваня» с успехом шел во многих провинциальных театрах (Одесса, Киев, Нижний Новгород, Саратов, Тифлис и др.). Успех пьесы для Чехова был неожиданным. «Мой «Дядя Ваня»,— писал он брату Михаилу Павловичу,— ходит по всей провинции, и всюду успех. Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Совсем я не рассчитывал на сию пьесу» (26 октября 1898 г.). Отзывы печати о пьесе были положительные. Отмечалась новизна и верность изображения «жизни без героев», «драмы будничной жизни» («Одесские новости», 1898, № 4389; «Кавказ», 1899, № 114; «Волжский вестник», 1898, № 94).

Первое представление «Дяди Вани» в Московском Художественном театре состоялось 26 октября 1899 г. Многочисленные

телеграммы сообщали Чехову об успехе. П. И. Куркин, врач, давний друг Чехова, писал ему: «Мне кажется, что я был где-то в далеком живом мире. Отзвуки этого мира еще громко звучат в душе и мешают отдаться будничной работе. Теперь все кругом кажется таким неинтересным и скучным... Дело мне кажется, в трагизме этих людей, в трагизме этих будней, которые возвращаются теперь на свое место, возвращаются навсегда и навсегда сковывают этих людей. И дело еще в том, что огнем таланта здесь освещена жизнь и душа самых простых, самых обыкновенных людей. Все улицы переполнены этими простыми людьми, и частицу такого существования носит в себе каждый...» (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. Записки отдела рукописей, вып. 8. М., 1941, с. 40).

По признанию самих участников спектакля, сценический успех «Дяди Вани» пришел не сразу. «После «Дяди Вани»,— говорит Вл. И. Немирович-Данченко,— как всегда после премьеры, поехали в ресторан ожидать утренних газет, и действительно настроение было не то чтобы уж очень хорошее... Почти со всеми чеховскими пьесами было так: огромный успех сразу только у самого топкого слоя публики, у людей чутких и видящих дальше и глубже... Но большая публика ни «Дядю Ваню», ни «Трех сестер», ни «Вишневого сада» не принимала сразу. Каждая из этих пьес завоевывала свой настоящий успех только со второго сезона, а в дальнейшем держалась до конца» (Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., 1938, с. 166—167). О том же писал и К. С. Станиславский: «Трудно теперь поверить, что после премьеры «Дяди Вани» мы собрались тесной компанией в ресторане и лили там слезы, так как спектакль, по мнению всех, провалился. Однако время сделало свое дело: спектакль был признан, продержался более двадцати лет в репертуаре и стал известен в России, Европе и Америке» (К. С. Станиславский. Собр. соч. М., «Искусство», 1954, т. I, с. 230).

В газетных отзывах пьеса признавалась «выдающимся явлением в нашей театральной жизни» («Новости дня», 1898, № 5898, 25 октября), правдивой картиной «серенькых будней» (там же, № 5899, 26 октября). Отмечалась общественная актуальность пьесы: «Современный человек болен, нравственно болен оттого, что ему хочется жить, а жить нечем» («Северный курьер», 1900, № 65, 7 января). В пьесах Чехова находили драму «настроения» в отличие от драмы «действия»: «Здесь единство действия заменено единством настроения» («Русские ведомости», 1899, № 298, 29 октября; о том же «Новости», 1899, № 306; «Жизнь», 1901, апрель и др.).

Об общественн
М. Соболевский
двух неделях
у В. А. [Гольцев
«Чайке». Эти дв
оре не только т
в жизни, искат
мую суть и са
СР им. В. И. Л
61).

Пьеса написа
шил 8 февраля
удожественного
После успеха
дому Художест
ы и режиссеры
кой пьесе. «Наш
авловича: буде
атр потеряет
Станиславский
234). Театр то
ону 1900/1901 г.
К осуществл
00 г., после в
Крыму. Побыва
ог, как он гово
вую пьесу». 1
нт в голове, у
лагу».
В сентябре
над пьесой иде
е состояние здо
ее, чем прежн
будь»,— пишет
16 октября
окончании рабо
Ужасно трудно
каждая должна

Об общественной злободневности пьесы писал Чехову В. М. Соболевский 28 марта 1900 г.: «Не далее как на последних двух неделях беседы на собраниях самоучащейся молодежи у В. А. [Гольцева] были посвящены специально «Дяде Ване» и «Чайке». Эти две вещи продолжают господствовать в репертуаре не только театра, но и вообще умственного обихода интеллигенции. На них упражняются, учатся думать, разбираться в жизни, искать выхода и т. д. Вот что значит затронуть самую суть и самые наболевшие струны» (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. Записки отдела рукописей, вып. 8, с. 61).

ТРИ СЕСТРЫ

Драма в четырех действиях

Пьеса написана в 1900 г. Впервые о ее замысле Чехов сообщил 8 февраля 1899 г. Вл. И. Немировичу-Данченко: «...для Художественного театра я напишу... пьесу».

После успеха «Чайки» и «Дяди Вани», которые указали молодому Художественному театру новые пути в искусстве, актеры и режиссеры были крайне заинтересованы в новой чеховской пьесе. «Наша судьба с тех пор находилась в руках Антона Павловича: будет пьеса — будет и сезон, не будет пьесы — театр потеряет свой аромат»,— так характеризовал положение Станиславский (К. С. Станиславский. Собр. соч., т. I, с. 234). Театр торопил Чехова, стремясь получить пьесу к сезону 1900/1901 г.

К осуществлению своего замысла Чехов приступает летом 1900 г., после весенних гастролей Художественного театра в Крыму. Побывав в театре на спектаклях и репетициях, Чехов смог, как он говорил, «зарядиться, приобрести опыт и засесть за новую пьесу». 18 августа он пишет О. Л. Книппер: «Пьеса сидит в голове, уже вылилась, выровнялась и просится на бумагу».

В сентябре и начале октября Чехов жалуется, что работа над пьесой идет трудно, мешают многочисленные посетители и состояние здоровья. «Трех сестер» писать очень трудно, труднее, чем прежние пьесы. Ну да ничего, авось выйдет что-нибудь»,— пишет он М. П. Чеховой 9 сентября.

16 октября Антон Павлович сообщает А. М. Горькому об окончании работы: «Можете себе представить, написал пьесу... Ужасно трудно было писать «Трех сестер». Ведь три героини, каждая должна быть на свой образец, и все три — генеральские

дочки! Действие происходит в провинциальном городе, вроде Перми, среда — военные, артиллерия».

23 октября Чехов приехал из Ялты в Москву, и 29 октября 1900 г. пьеса была прочитана труппе Художественного театра. Это была первоначальная, ялтинская редакция пьесы, дошедшая до нас в виде машинописной копии, хранящейся в архиве музея Московского Художественного театра.

Чехов не считал пьесу законченной, что видно по его многочисленным высказываниям в письмах о пожелании давать со театру к ближайшему сезону. Писатель взялся за переработку пьесы, или, как он говорил, за «переписывание начисто».

31 января 1901 г. состоялась премьера.

Пьеса вызвала множество отрицательных отзывов («Курьер», 1901, № 32, 34, 35; «Новости дня», 1901, № 6361; «Русское слово», 1901, № 31; «Мир искусства», 1901, № 2—3 и др.).

Но зрители восприняли пьесу иначе. Если на премьере, по словам К. С. Станиславского, успех был «неопределенный», то через несколько спектаклей «Три сестры» стали одной из любимейших и наиболее посещаемых пьес. Уже 5 февраля Книппер сообщала Чехову: «По всей Москве только и разговору, что «Три сестры». Одним словом, успех Чехова и успех нашего театра».

В марте 1901 г. театр выехал на гастроли в Петербург. В конце марта М. Горький писал оттуда Чехову: «Три сестры» идут — изумительно! Лучше «Дяди Вани». Музыка, не игра».

В журнале «Театр и искусство» (1901, № 8) критик П. М. Ярцев так оценивал пьесу: «...большой художник слова растворился в работе равных ему сил. Получилось произведение искусства из тех, ради которых прекрасна жизнь... Драма построена не на движении внешних событий, а на тонких движениях жизни, будничной мысли и будничного страдания. Драма сыграна в очаровательных иллюзиях этих движений...».

На сцене Чехов впервые увидел пьесу в сентябре 1901 г. Он принял участие в репетициях, о чем 24 сентября писал Л. В. Средину в Ялту: «Три сестры» идут великолепно, с блеском, идут гораздо лучше, чем написана пьеса. Я прорежиссировал слегка, сделал кое-кому авторское внушение, и пьеса, как говорят, теперь идет лучше, чем в прошлый сезон».

«Три сестры» были впервые напечатаны во втором номере журнала «Русская мысль» за 1901 г., вскоре после премьеры.

ВИШНЕВЫЙ САД

Комедия в четырех действиях

Пьеса написана в 1903 г. По рассказу К. С. Станиславского, замысел «Вишневого сада» возник у Чехова уже в период репетиции «Трех сестер», в 1901 г. (альманах «Шиповник», кн. 23, 1914).

13 сентября 1903 г. об окончании «Вишневого сада» Чехов писал одному из своих знакомых, М. А. Членову: «Пьесу я почти кончил, надо бы переписывать, мешает недуг, а диктовать не могу». Переписка рукописи шла медленно, многое подвергалось переделке. «Некоторые места мне очень не нравятся, я пишу их снова и опять переписываю» (Книппер от 3 октября; см. письма ей же от 7, 9, 12 октября). В письме к Станиславскому от 10 октября Чехов сообщал: «Пьесу я переписываю начисто во второй раз, оттого и запаздываю. Пришлю ее через три дня».

Чехов не считал работу над комедией законченной: «Если пьеса теперь не сгодится,— писал он Книппер 17 октября,— то не падай духом... не унывай, через месяц я ее так переделаю, что не узнаешь. Ведь я ее писал томительно долго, с большими антрактами...» О своей готовности произвести в пьесе новые исправления Чехов писал жене и 23 октября 1903 г.

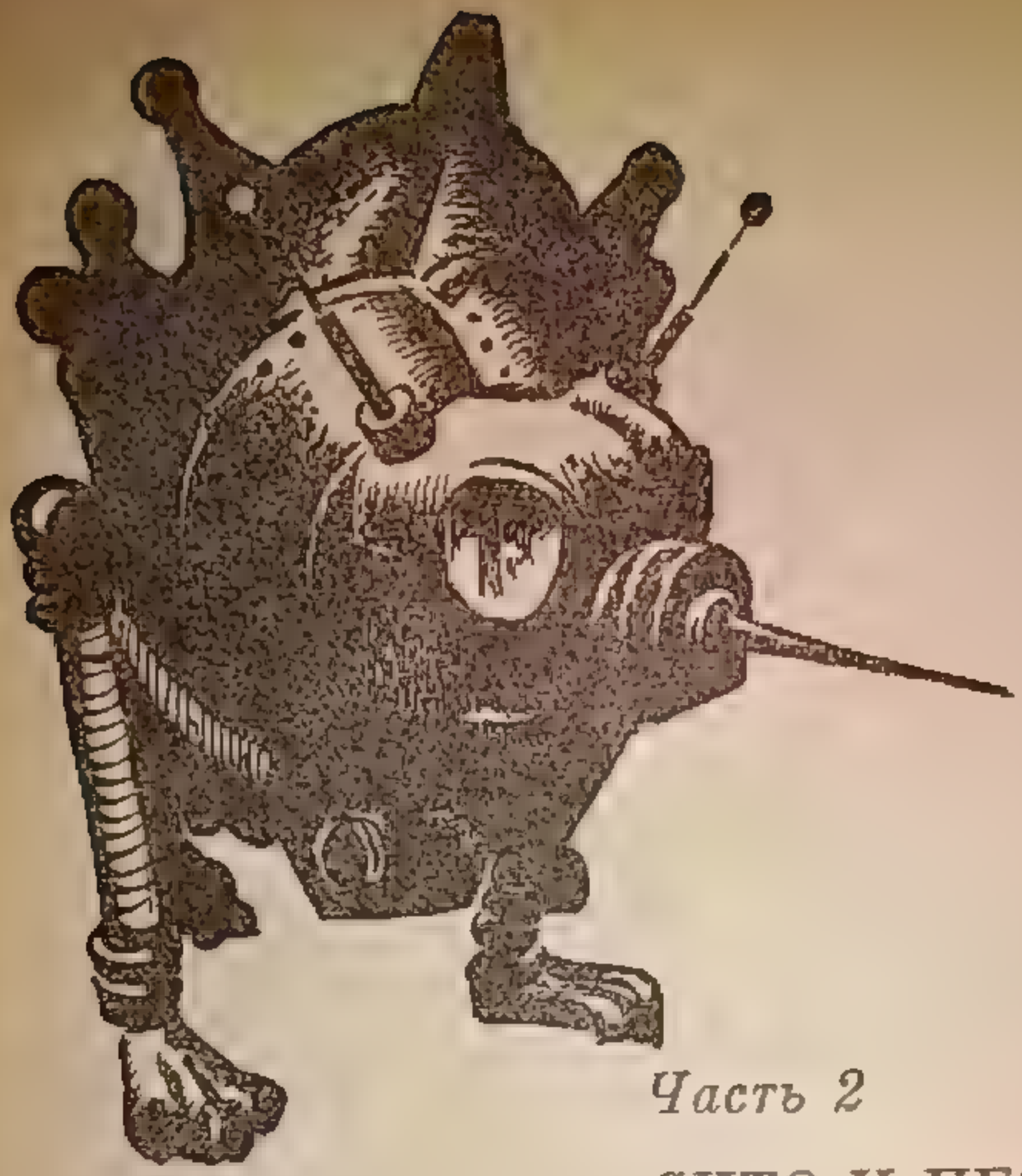
В декабре Чехов регулярно присутствовал на репетициях пьесы в Московском Художественном театре. Очевидно, в период репетиций и первых спектаклей текст подвергался некоторой правке.

17 января 1904 г. в Московском Художественном театре состоялась премьера. Первые спектакли писателя не удовлетворяли. На другой день после премьеры он писал И. Л. Щеглову: «Вчера шла моя пьеса, настроение у меня поэтому неважное» (18 января 1904 г.). Игра актеров представлялась ему «растерянной и неяркой» (Ф. Д. Батюшкову, 19 января 1904 г.). В письмах к Книппер Чехов выражал недовольство общей трактовкой пьесы: «Почему на афишах и в газетных объявлениях моя пьеса так упорно называется драмой? Немирович и Алексеев [Станиславский] в моей пьесе видят положительно не то, что я написал, и я готов дать какое угодно слово, что они ни разу не прочли внимательно моей пьесы» (10 апреля 1904 г.).

Недовольство Чехова Московским Художественным театром, очевидно, было вызвано тем, что на сцене происходило нарушение необходимых пропорций. Писатель видел в «Вишне-

вом саде» и грустное, и смешное в определенном их сочетании. Взять во всем нужную меру и не удавалось театру.

Станиславский вспоминал о том, как спектакль «Вишневый сад» «налаживался трудно» (К. С. Станиславский. Собр. соч., т. I, с. 270). Немирович-Данченко тоже отмечал, что пьеса дошла до зрителя не сразу (Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., 1938, с. 167, 202).



Часть 2

СИТО И ПЕСОК

Весь долгий день они читали, а холодный ноябрьский дождь падал с неба на притихший дом. Они читали в передней. Гостиная казалась пустой и серой. На ее умолкших стенах не играла радуга конфетти, не сверкали огнями фейерверки, не было женщин в платьях из золотой мишуры, и мужчины в черных бархатных костюмах не извлекали стофунтовых кроликов из серебряных цилиндров. Гостиная была мертва. И Милдред с застывшим, лишенным выражения лицом то и дело поглядывала на молчавшие стены, а Монтэг то беспокойно шагал по комнате, то опять опускался на корточки и по нескольку раз перечитывал вслух какую-нибудь страницу.

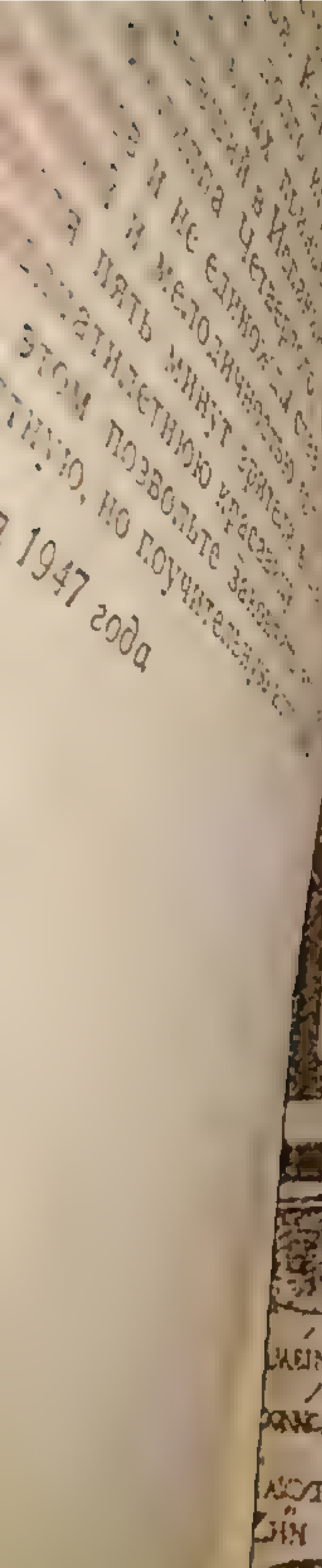
«Трудно сказать, в какой именно момент рождается дружба. Когда по капле наливаешь воду в сосуд, бывает какая-то одна, последняя капля, от которой он вдруг переполняется, и влага переливается через край; так и здесь в ряде добрых поступков какой-то один вдруг переполнит сердце».

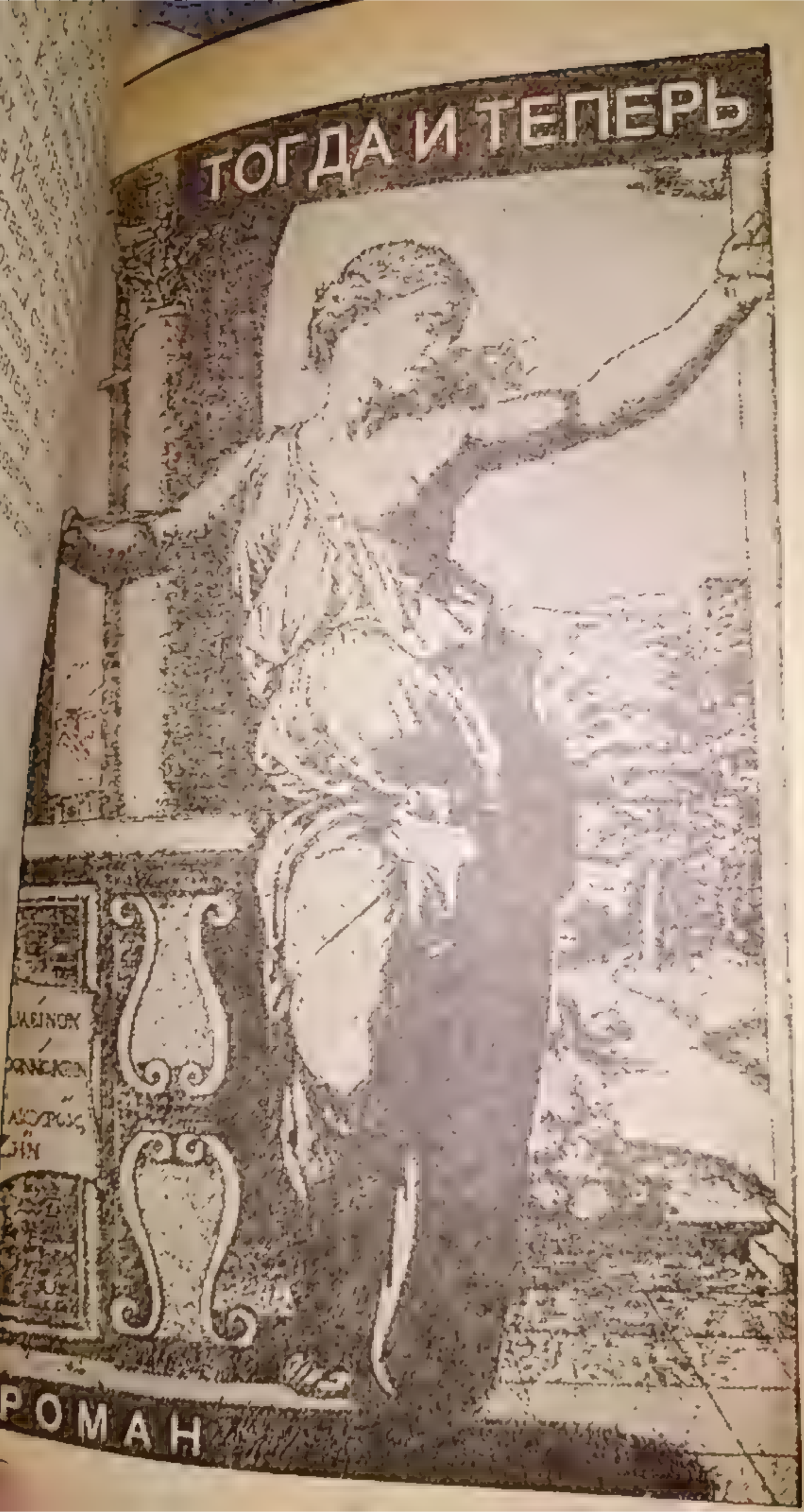
451° ПО ФАРЕНГЕЙТУ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН

Ростов-на-Дону
Ростовское книжное издательство
1985

ТОГДА И ТЕПЕРЬ





ББК 84.4 Вл.
М 87

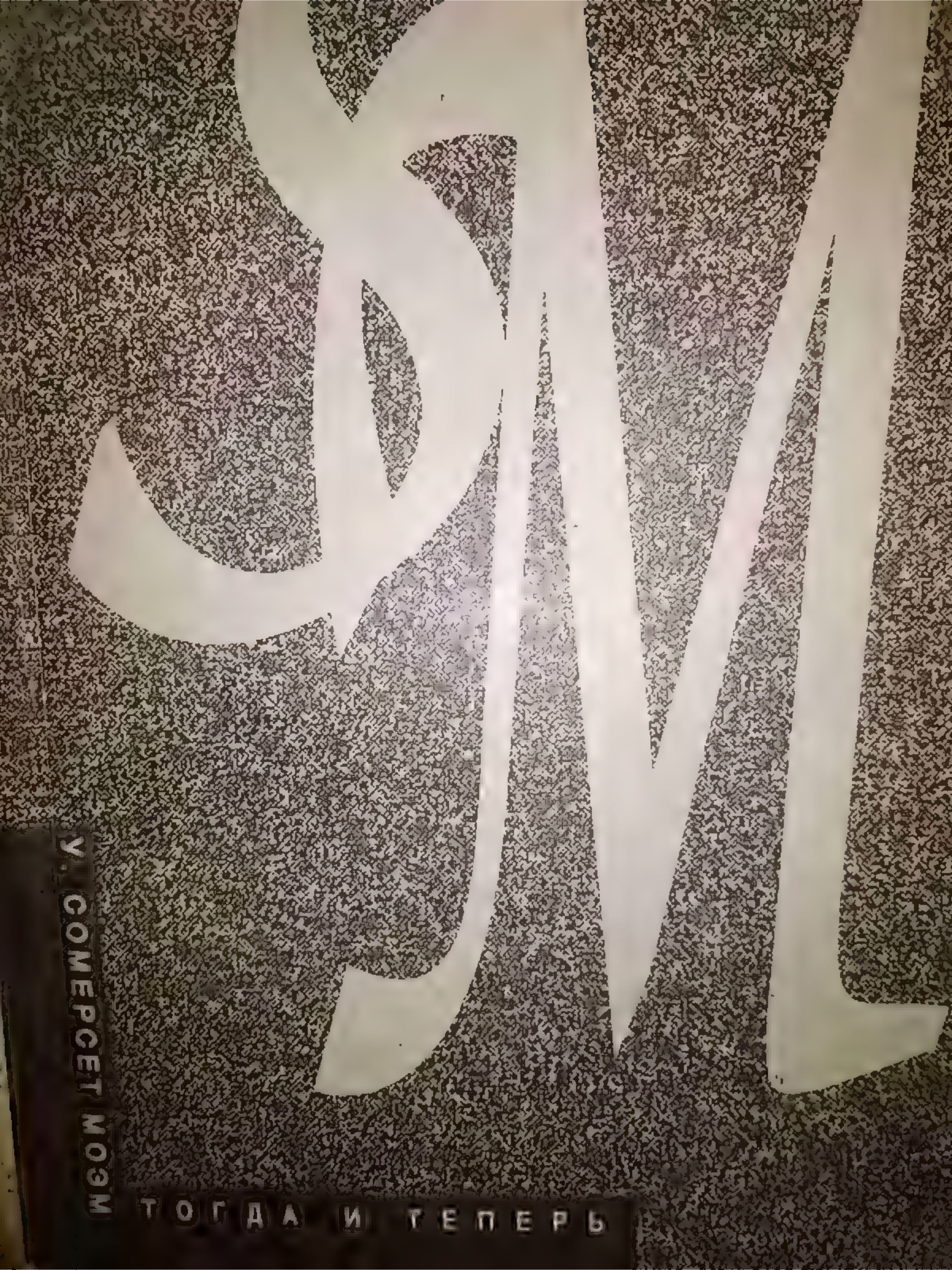
Перевод на русский язык и составление
В. Вебера
Художник *Р. Адагамов*

Моэм Сомерсет У.
М 87 Тогда и теперь [illegible] В. Вебер. — М.: Интерпракс. — 1991.

ISBN 5—85235—023—0

© Перевод на русский язык и составление В. Вебера

© Художественное оформление Р. Адагамова, 1991 г.


У. СОМЕРСЕТ МОЭМ
ТОГДА И ТЕПЕРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

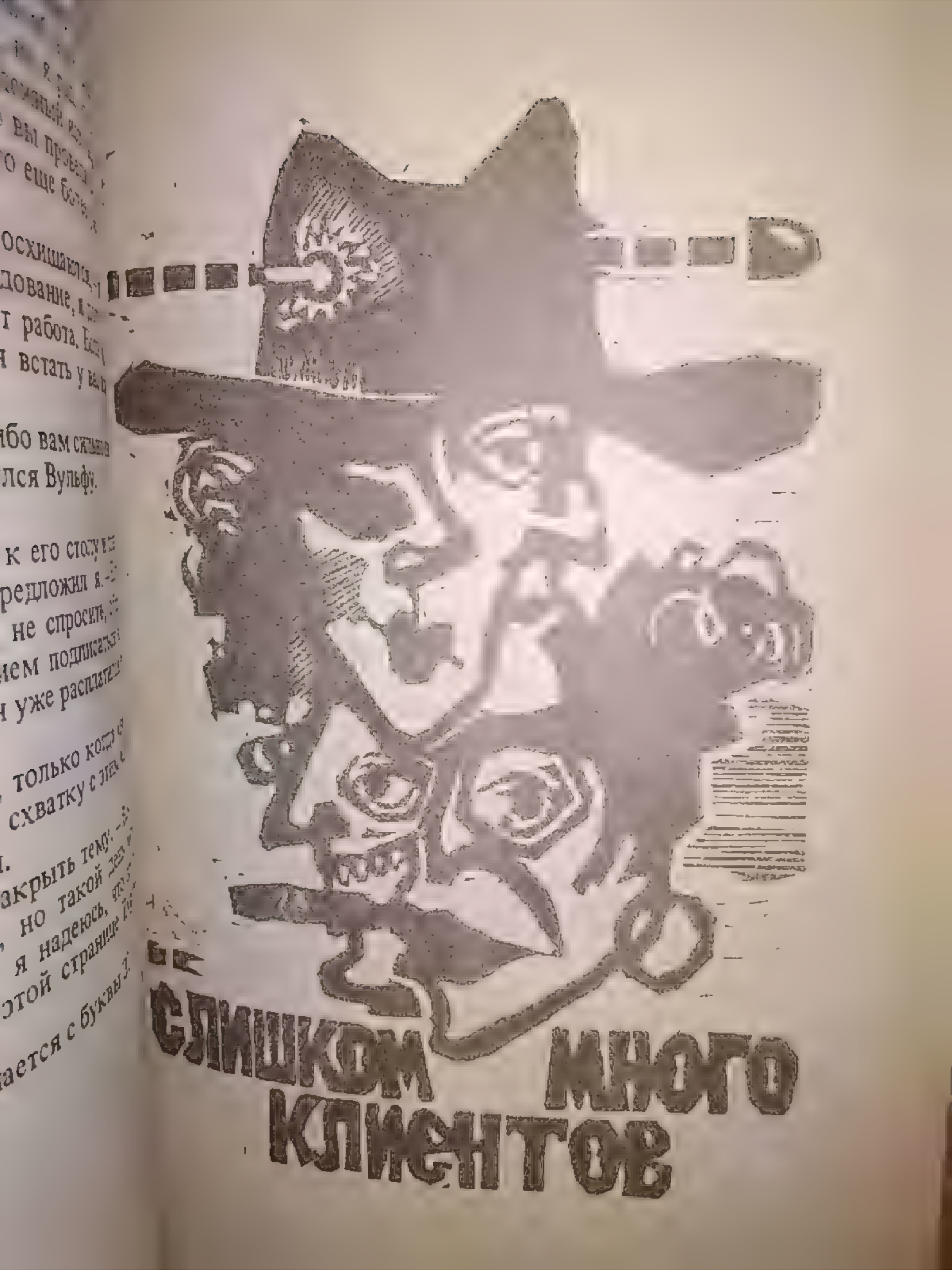
И быть подлецом. *Перевод К. Евдокимова* 4
Слишком много клиентов. *Перевод Н. В. Куско* . . .
С. Белов. Рекс Стаут и его герои . . . . . .

Рекс Стаут

И БЫТЬ ПОДЛЕЦОМ
Роман

СЛИШКОМ МНОГО КЛИЕНТОВ
Роман

Редактор русского текста С. Белов. Художник Д. Каменщиков. Х
жественный редактор С. Барабаш. Технический редактор Е. Макар
Корректор В.Пестова. Сдано в набор 1.06.90. Подписано в печать 1.0
Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Пресс-Роман. Пе
офсетная. Усл.


СЛИШКОМ МНОГО
КЛИЕНТОВ

ББК 84.7 США
С81

Редактор и автор послесловия *С. Белов*
Художник *Д. Каменщиков*

Стаут Р.
С81 И быть подлецом. Слишком много клиентов.
Пер. с англ. — М.: Радуга, 1990. — 304 с.

В книгу включены два романа ведущего предста
риканского детектива Рекса Стаута (1886–1975) "П
лецом" (1948), "Слишком много клиентов" (1960).
ющие о блестящих победах великого сыщика Ниро В

С $\frac{4703000000 - 578}{030(01) - 90}$ без объявления

ТЕБЕ СТАУТ

- СЛИШКОМ МНОГО КЛИЕНТОВ
- И БЫТЬ ПОДЛЕЦОМ

КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН XX ВЕКА

ДЖЕЙМС ХЭДЛИ ЧЕЙЗ

ЭТО ДЕЛО МУЖЧИН

Содержание

Записки на манжетах 5
Театральный роман 37
А.Смелянский 164

А.Смелянский

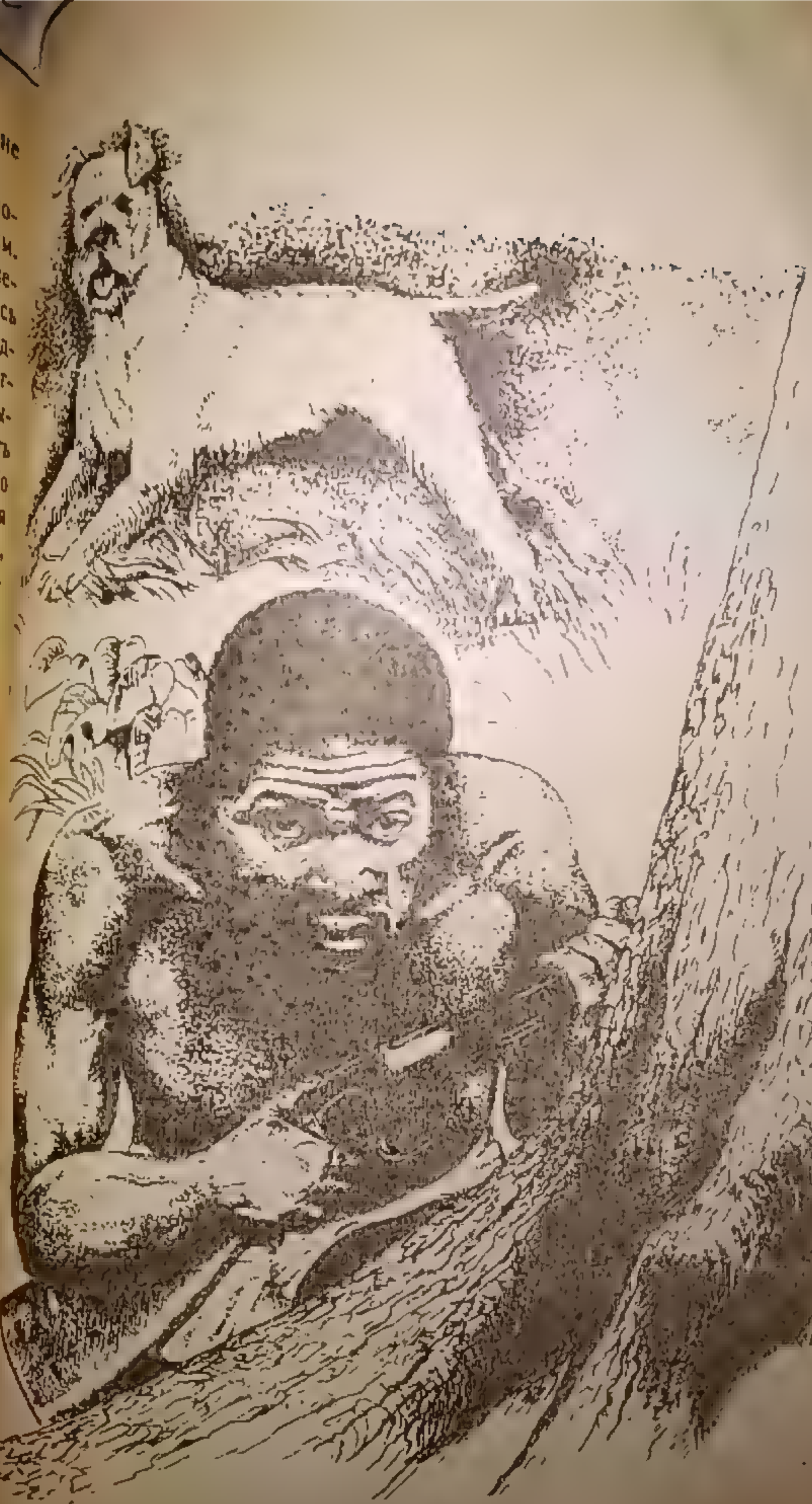
26 ноября 1936 года Михаил Булгаков начал работу над новой книгой. На первой странице рукописи—два названия: «Записки покойника» и «Театральный роман». Первое название подчеркнуто двумя чертами, указывая на явное авторское предпочтение. В булгаковском доме—судя по дневнику Елены Сергеевны Булгаковой—новый роман непременно и без каких-либо колебаний именовался «Записками покойника». Однако при первой журнальной публикации («Новый мир», 1965, №8) по конъюнктурным соображениям предпочтение было отдано «Театральному роману». Константин Симонов, принимавший участие в публикации текста, приводил позднее мотивировку, которая была тогда выдвинута в защиту более «проходного» названия: «Лучше издать »Театральный роман», чем не издать «Записки покойника». Как «Театральный роман» книга Булгакова и вошла в читательское сознание.

Истоки замысла исследователи справедливо относят к 1929 году, к роману в письмах «Тайному другу», в котором Булгаков начал повествование о том, «как я сделался драматургом». В 1930 году замысел оформился в новом названии—«Театр». Начало этой книги вместе с черновиками романа о дьяволе было сожжено в том же 1930 году (об этом Булгаков сообщает в письме Правительству СССР). Книга о театре, о судьбе драматурга была задумана в «год великого перелома», когда затравленный писатель оказался перед угрозой творческой гибели. Книга о театре стала вновь актуальной для Булгакова на другом не менее серьезном жизненном рубеже, когда был срочно снят с репертуара «Мольер» и запрещена после генеральной репетиции пьеса «Иван Васильевич». Очередной разгром, по сути театральное уничтожение, надо было осмыслить как свершившийся и бесповоротный факт. В апреле 1937 года в письме к В.В.Вересаеву автор «Кабалы святош» дал зарок, что «на фронте драматических театров» его больше не будет. И действительно, «Записки покойника» сочинены человеком, как бы переставшим существовать. Это был взгляд на театр и на собственную судьбу с той запредельно высокой точки зрения, которая остраняла привычное и позволяла увидеть его в свете иных ценностей, столь безразличных современности.

Михаил Булгаков

Записки на манжетах
Театральный роман

Москва „Искусство“ 1991



ДЖЕК ЛОНДОН

ДЖЕРРИ-ОСТРОВИТЯНИН

МОСКВА
1992

НОВЕНЬКАЯ

На улицах еще не совсем рассвело, и синие лампочки еще горели у подъездов и над воротами домов, а Володька Бессонов уже бежал в школу. Бежал он очень быстро,— во-первых, потому, что на улице было холодно: говорят, что таких морозов, как в этом, 1940 году, в Ленинграде не было уже сто лет; а во-вторых, Володьке очень хотелось самым первым явиться сегодня в класс. Вообще-то он не был особенно прилежным и выдающимся мальчиком. В другое время он, пожалуй, и опоздать не постеснялся бы. А тут — в первый день после каникул — было почему-то здóрово интересно прийти именно первым и потом на каждом шагу и где только можно говорить:

— А вы знаете, я сегодня первый пришел!..

Он даже не остановился, чтобы посмотреть на огромные, выкрашенные в белую краску танки, которые, покачиваясь и оглушительно громыхая, проходили в это время по улице. Да это было и не очень-то интересно,— танков теперь в городе было, пожалуй, побольше, чем трамваев.

На одну минуту только остановился Володька на углу — послушать радио. Передавали оперативную сводку штаба Ленинградского военного округа. Но и тут ничего интересного не было сегодня: поиски разведчиков и на отдельных участках фронта ружейно-пулеметная и артиллерийская перестрелка...

В раздевалке тоже еще горела синяя лампочка. Старая нянюшка дремала, положив голову на деревянный прилавок, около пустых вешалок.

— Здрасти, нянечка! — заорал Володька, кидая свой портфель на прилавок.

Старуха испуганно вскочила и захлопала глазами.

— С добрым утром вас! Хорошего аппетита! — затараторил Володька, снимая пальто и галоши.— Что? Не ждали? А я ведь, вы знаете, первый пришел!!!

— А вот и врешь, балаболка,— сказала старуха, потягиваясь и зевая.

ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР 81
ИНДИАН ЧУБАТЫЙ 93

Пантелеев Л.
П16 Первый подвиг: Рассказы. Для мл. школ. возраста./ Худож. А. В. Штанко.— К.: Веселка. 1985.— 128 с., ил.

В книгу русского советского писателя входят рассказы о добрых, смелых, честных людях.

П $\frac{4803010102-178}{M\ 206(04)-85}$ БЗ—10—19.85.

Р2

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ПАНТЕЛЕЕВ
ПЕРВЫЙ ПОДВИГ

Рассказы
Для младшего школьного возраста
Художник
Алексей Владимирович Штанко

Редактор О. Д. Ткач
Художественный редактор К. И. Сулима
Технический редактор С. И. Павлюк
Корректор М. Г. Гандзий

Сдано на производство 05.03.85. Подписано к печати 12.06.85. Формат 84×108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,03. Уч.-изд. л. 7,25. Тираж 100 000 (I завод 1—200 000) экз. Заказ № 5—984. Цена 25 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Веселка», 252050, Киев-50, Мельникова, 63
Головное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига», 252057, Киев, Довженко, 3.

Р2
Ш6

В книгу
русского советского писателя
входят рассказы о добрых,
смелых, честных людях.

Печатается по изданию:
Л. Пантелеев. Собрание сочинений
в четырех томах.
Л., «Детская литература», 1972.

П $\frac{4803010102-178}{M206(04)-85}$ БЗ—10—19.85.

© Издательство «Детская литература», 1972, иллюстрации.
© Издательство «Веселка», 1985, иллюстрации.

Мне де
играли да
Сама и б
полы мыла
Нелегк
Мама
вал. Жили
тый год по
не брали.
А мне
когда я не
доить не б

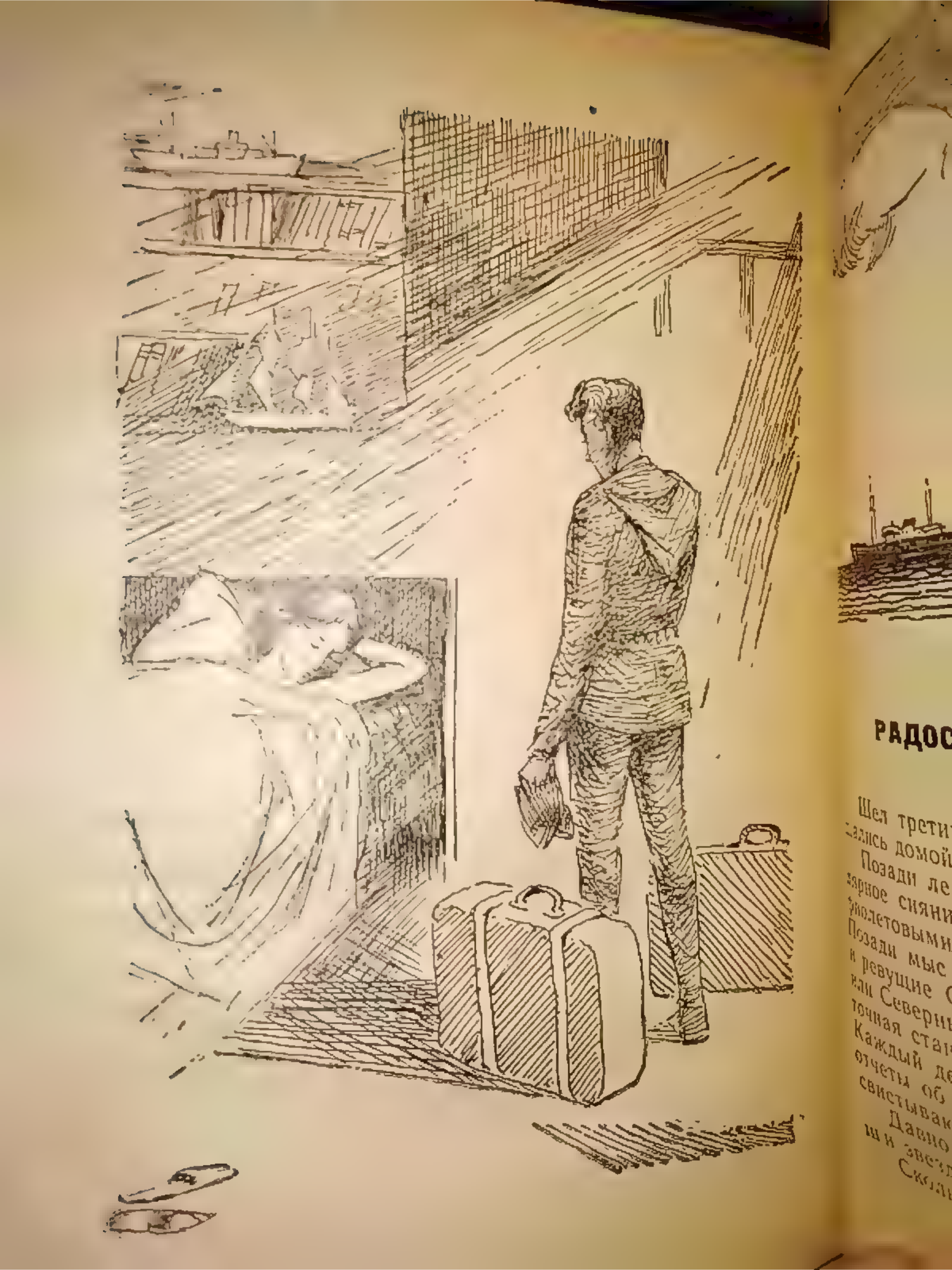
Корова
такой втор
только на
подходяща
Это ещ
жет, за это
воспитанни
Ухажив
Бывало
согрею, со
правляйся»
А как
в стадо.
А для
гонять. Бы
— Веро
— А что

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На берегу Северного моря в устье трех судоходных рек — Мааса, Шельды и Рейна — лежит небольшая страна Нидерланды. На русском языке «Нидерланды» — это «низменные земли», так как чуть ли не половина Нидерландов находится ниже уровня моря.

Северное море похоже на огромную плоскую тарелку. Не считая Азовского, это самый мелководный бассейн Европы. В то же время на Северном море свирепствуют штормы, и стране постоянно грозит затопление. Вот почему жители Нидерландов — голландцы, фламандцы, валлоны (потомки древнейших германских и франкских племен батавов, саксов, фризов, поселившиеся здесь около двух тысяч лет тому назад) — с незапамятных времен ведут упорную, героическую борьбу с морской стихией, отвоевывая у нее пядь за пядью жизненно необходимую для них сушу.

Вдоль побережья Северного моря тянутся на десятки километров песчаные гряды — дюны, иногда достигающие 60 метров высоты,— и все же одной естественной преграды недостаточно. Цепочка дюн местами обрывается, а кое-где они просто слишком низки, чтобы защитить страну от вторжения моря. Поэтому уже много веков население Нидерландов занято сооружением плотин, шлюзов, дамб, каналов, которые ограждают земли от наводнения. Недаром сложилась поговорка: «Бог создал море, а голландцы берега».

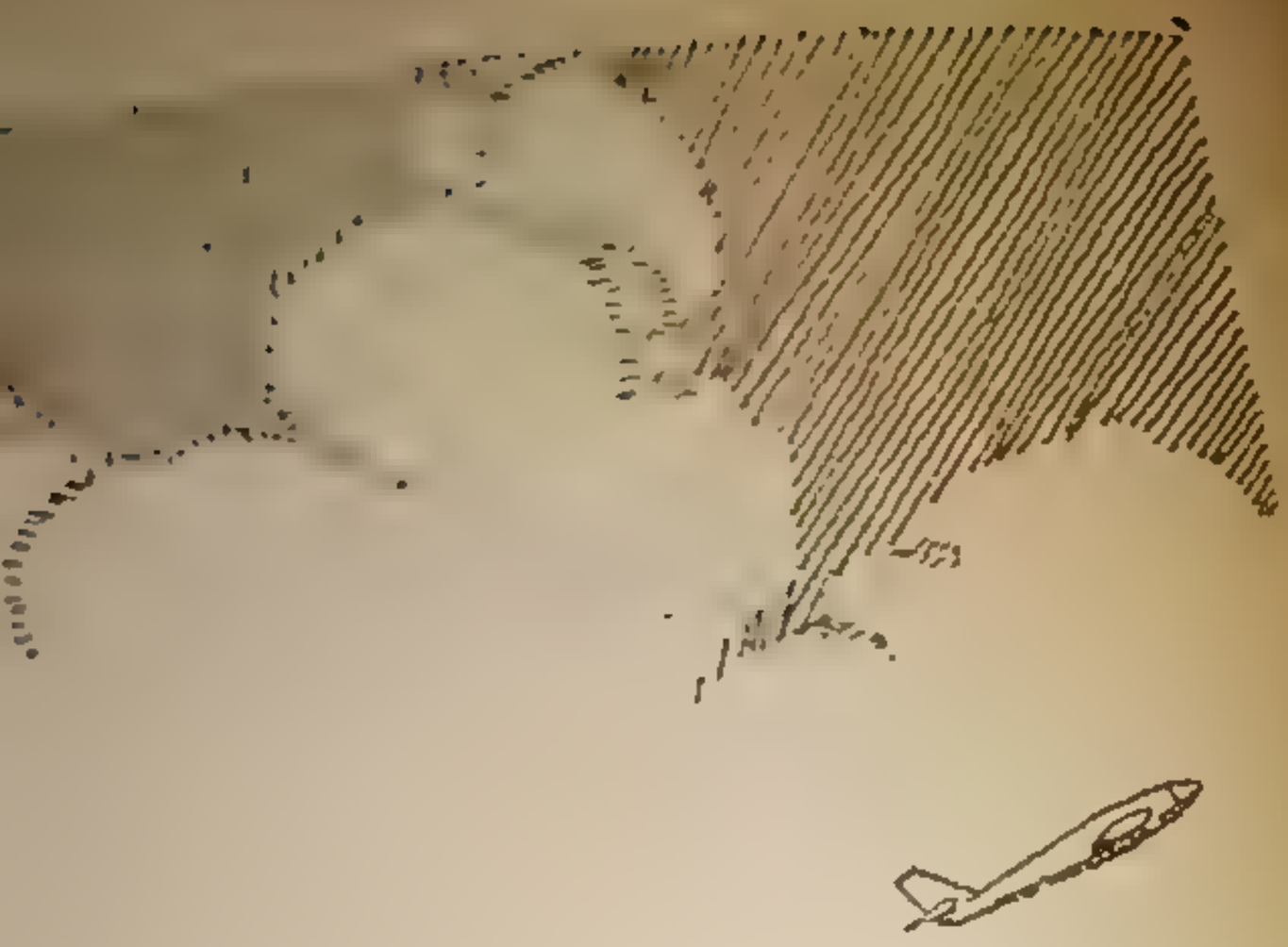


РАДОС

Шел трети
щались домой
Позади ле
дарное сияни
фиолетовыми
Позади мыс
и ревущие
или Северн
точная ста
Каждый де
отчеты об
свистывак
Давно
ши звезд
Скол

что
ные
«Де
сти
мир
кас
бе
сто
в э
но

кор
Ш



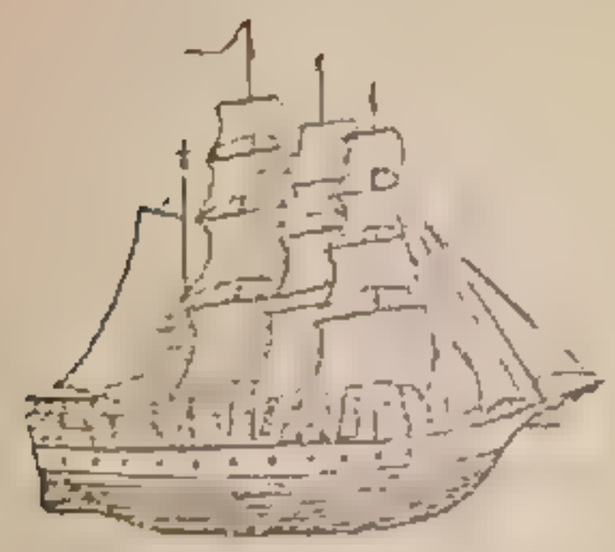
Глав

«АЛЫХ ПА

«Почему он не хоче
Вопрос этот Санди
ды. Сначала самому
ние дружбы пересил
знал. Ермак скрытны
Санди поделился то
сандровна вниматe
красневшееся и ого
Вот и вырос сы
маленький. только
стлив ее ребенок.
Какой-то Ермак
покажется мало.
А теперь — друг.

В. Мухина-Петринская

КОРАБЛИ САНДИ



РОМАН

ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1972

Валентина Михайловна Мухина-Петринская

КОРАБЛИ САНДИ

Роман

Редактор Д. М. Гусева. Художник В. В. Успенский. Художественный редактор В. К. Бутенко. Технический редактор Л. И. Борисова. Корректор С. Е. Бухман.

Сдано в набор 17/IX.1970 г. Подписано в печать 8/XII.1970 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3.
Усл.-печ. л. 14,28 (8,5). Уч.-изд. л. 14,01. Тираж 150 000 (1 завод 1—30 000 экз.). Заказ 1690. Цена 64 коп.

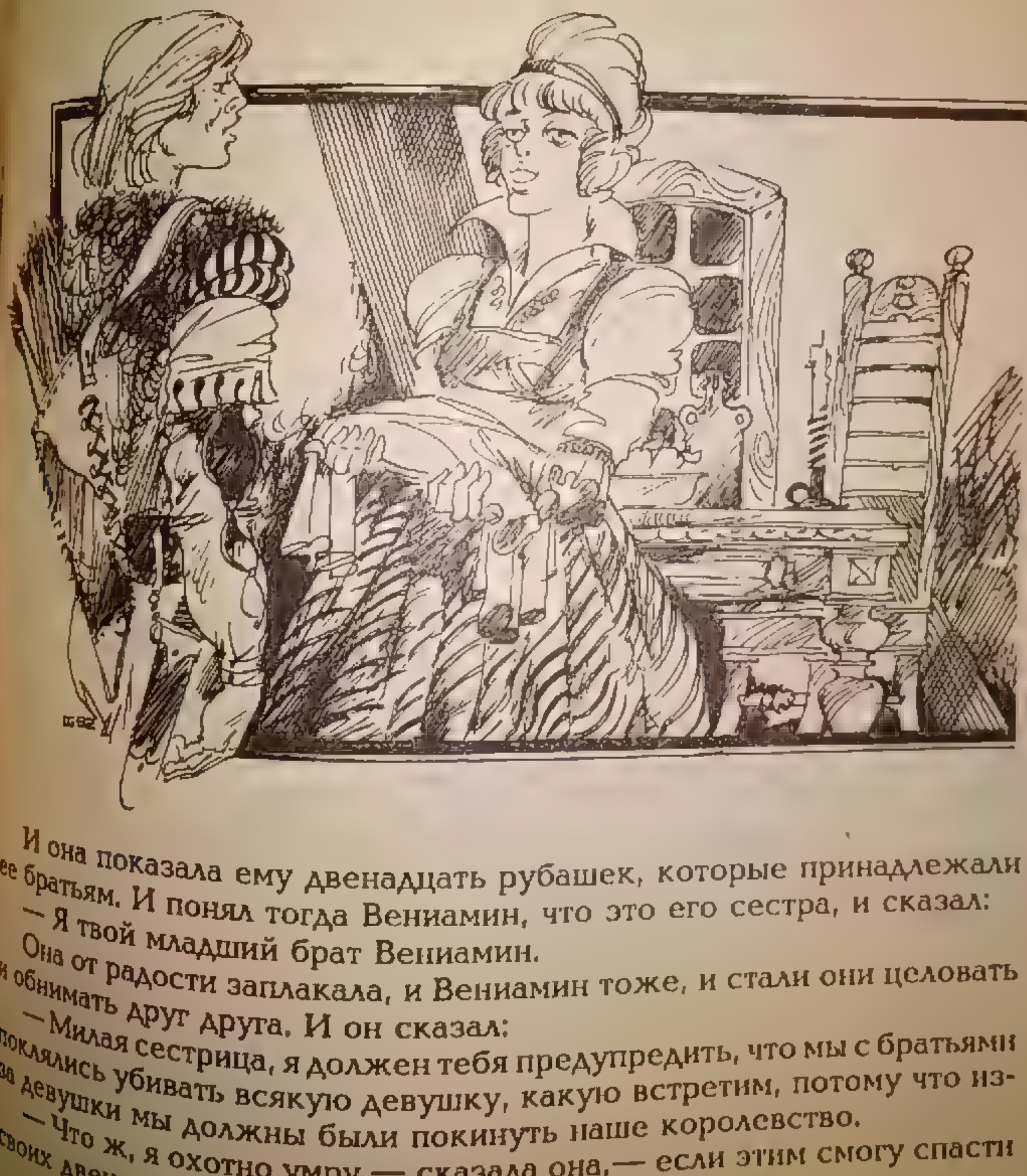
Приволжское книжное издательство.
Саратов, Братиславская, 81.

Производственное объединение «Полиграфист».
Саратов, пр. Кирова, 27.

...ный дремучий лес. Шла она целый день и под вечер подошла к ...колдованной избушке. Она вошла и увидела там мальчика, он ...просил у нее:

— Ты откуда пришла и куда идешь? — Он удивился, что она такая ...красивая, что на ней королевское платье, а на лбу золотая звезда.

— Я королевна,— ответила она,— ищу своих двенадцать братьев ...и буду искать их повсюду на свете, где есть только синее небо, пока ...не найду их.



И она показала ему двенадцать рубашек, которые принадлежали ее братьям. И понял тогда Вениамин, что это его сестра, и сказал:

— Я твой младший брат Вениамин.

Она от радости заплакала, и Вениамин тоже, и стали они целовать и обнимать друг друга. И он сказал:

— Милая сестрица, я должен тебя предупредить, что мы с братьями поклялись убивать всякую девушку, какую встретим, потому что из-за девушки мы должны были покинуть наше королевство.

— Что ж, я охотно умру,— сказала она,— если этим смогу спасти своих двенадцать братьев.

— Но я не хочу ... чтобы ты умерла, спрячься вот в этот чан ...

Думал я — шесть козлят,
А то камни гремят.

Подошел к колодцу, наклонился к воде, хотел напиться, и потянули его тяжелые камни вниз, так он там и утонул. Увидали это семеро козлят, прибежали к матери и давай кричать:

— Волк мертвый! Волк уже мертвый!

И стали на радостях плясать вместе со своей матушкой вокруг колодца.

ДВЕНАДЦАТЬ БРАТЬЕВ

Жили когда-то король и королева; они жили между собой в мире и согласии, и было у них двенадцать детей, но все одни только мальчики. Вот и говорит раз король своей жене:

— Если тринадцатый ребенок, которого ты родишь, будет девочкой, то двенадцать мальчиков надо будет убить, чтобы у нее и богатства было больше и чтобы ей одной досталось все королевство.

И велел король сделать двенадцать гробов, наложить в них стружек, и лежало в каждом по маленькой подушечке; эти гробы были поставлены в потайной комнате, а ключ от нее он отдал королеве и велел ей никому о том не рассказывать.

И сидела мать день-деньской такая грустная и печальная, что младший ее сын, бывший всегда при ней неотлучно, которого она назвала по-библейски Вениамином, стал ее спрашивать:

— Милая матушка, отчего ты такая печальная?

— Милое дитятко,— ответила она, я об этом сказать тебе не могу. Но он не давал ей покоя, пока она не пошла и не открыла комнату и не показала ему двенадцать готовых и наполненных стружками гробов. И сказала она:

— Мой милый Вениамин, эти гробы твой отец велел приготовить для тебя и твоих одиннадцати братьев. Если у меня родится на свет девочка, то все вы будете убиты и в них похоронены.

Она рассказывала ему об этом со слезами на глазах, а сын ее утешал и говорил:

— Не плачь, милая матушка, мы что-нибудь да придумаем и отсюда уйдем.

Сказки братьев Гримм

Русские

народные

сказки

— Ветры мои буйные, по всему свету вы дуете, не видали ль где прекрасную королевну?

— Нет, нигде не видали! — отвечают ветры в один голос.

— Да все ли вы налицо?

— Все, только южного ветра нет.

Немного погодя прилетает южный ветер. Спрашивает его старуха:

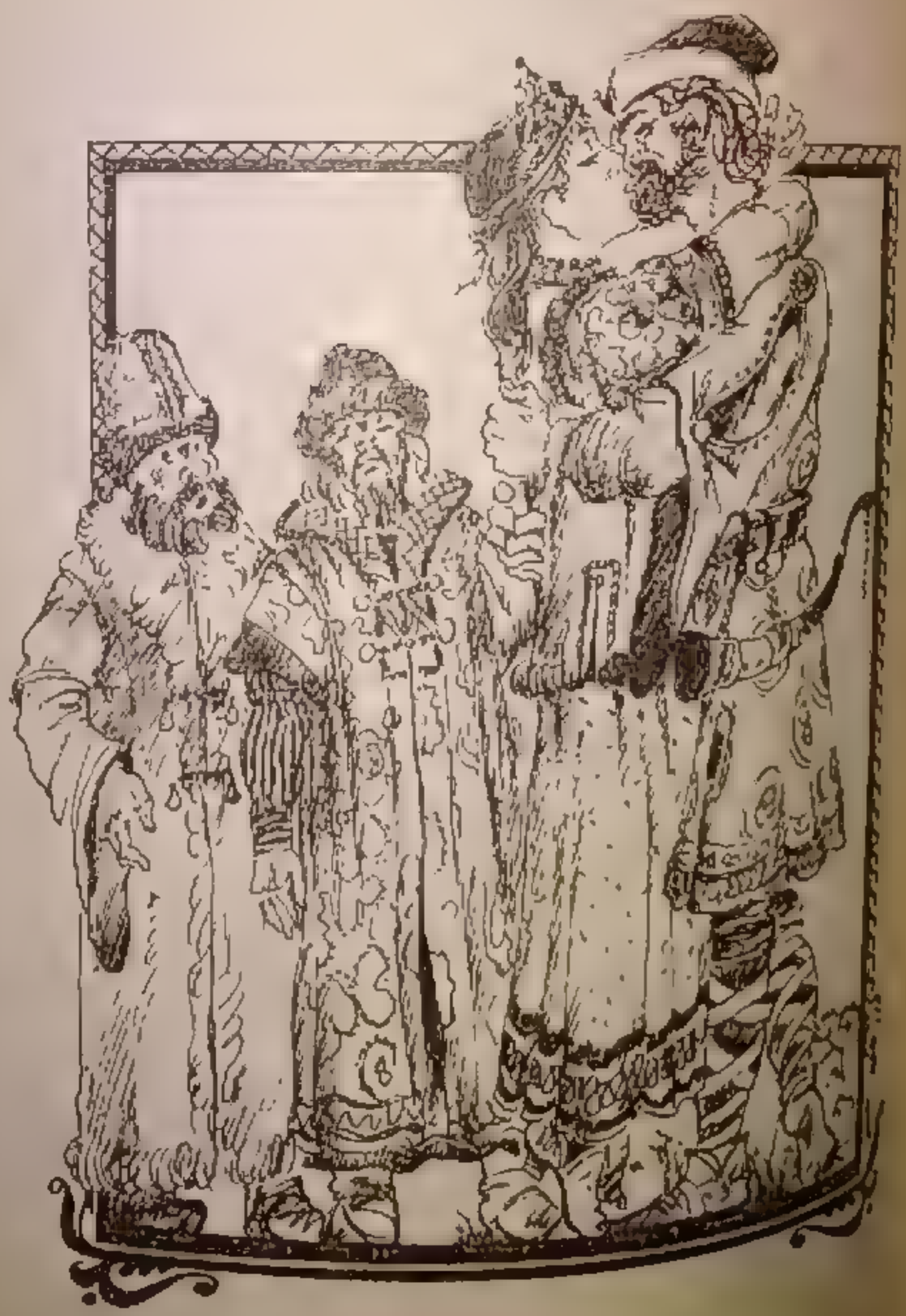
— Где ты пропадал до сих пор? Еле дождалась тебя!

— Виноват, бабушка! Я зашел в новое царство, где живет прекрасная королевна; муж у ней без вести пропал, так теперь сватают ее разные цари и царевичи, короли и королевичи.

— А сколь далеко до нового царства?

— Пешему тридцать лет идти, на крыльях десять лет нестись; а я повею — в три часа доставлю.

Солдат начал со слезами молить, чтобы южный ветер взял его и донес в новое царство.



— Пожалуй,— говорит южный ветер,— я тебя донесу, коли дашь мне волю погулять в твоем царстве три дня и три ночи.

— Гуляй хоть три недели!

— Ну, хорошо; вот я отдохну денька два-три, соберусь с силами, да тогда и в путь.

Отдохнул южный ветер, собрался с силами и говорит солдату:

— Ну, брат, собирайся, сейчас отправимся; да смотри — не бойся: цел будешь!

Вдруг зашумел-засвистал сильный вихорь, подхватил

золото, свила его вер... куда-то положила. Он взял ключ, отворил ящик, вынул веретешко и переломил по сказанному, как по писаному, кончик бросил за себя, а корешок перед себя. Вдруг и очутилась Елена Прекрасна, начала здороваться:

— Ой, да как ты долго, Иван-царевич? Я чуть за другого не ушла.

А тому жениху надо скоро быть. Елена Прекрасна взяла ковер-самолет у старухи, села на него, и понеслись, как птица полетели.

Жених-то за ними вдруг и приехал, узнал, что они уехали, был тоже хитрый! Он ступай-ка за ними в погоню, гнал, гнал, только сажон десять не догнал: они на ковре влетели в Русь, а ему нельзя как-то в Русь-то, воротился; а те прилетели домой, все обрадовались, стали жить да быть да животы наживать — на славу всем людям.

ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА

В некоем королевстве служил у короля солдат в конной гвардии, прослужил двадцать пять лет верою и правдою; за его честное поведение приказал король отпустить его в чистую отставку и отдать ему в награду ту самую лошадь, на которой в полку ездил, с седлом и со всею сбруею.

Простился солдат с своими товарищами и поехал на родину; день едет, и другой, и третий... вот и вся неделя прошла; и другая, и третья — не хватает у солдата денег, нечем кормить ни себя, ни лошади, а до дому далеко-далеко! Видит, что дело-то больно плохо, сильно есть хочется, стал по сторонам глазеть и увидел в стороне большой замок. «Ну-ка,— думает,— не заехать ли туда; авось хоть на время в службу возьмут — что-нибудь да заработаю».

Поворотил к замку, въехал на двор, лошадь на конюшню поставил и задал ей корму, а сам в палаты пошел. В палатах стол накрыт, на столе и вина и ества, чего только душа хочет! Солдат наелся-напился. «Теперь,— думает,— и соснуть можно!»

Вдруг входит медведица:

— Не бойся меня, добрый молодец, ты на добро сюда попал: я не лютая медведица, а красная девица — заколдованная королевна. Если ты устоишь да переночуешь здесь три ночи, то колдовство рушится — я сделаюсь по-прежнему королевною и выйду за тебя замуж.

Солдат согласился, медведица ушла, и остался он один. Тут напала на него такая тоска, что на свет бы не смотрел, а чем дальше — тем

ББК 94
Р 89

Художник С. Шабанов

Р 89 Русские народные сказки. Сказки бра
Гримм. Сказки Гауфа — М., Мегаполис-Экспре
1992.— 400 с., ил.

ISBN 5-87154-012-0
ISBN 5-87154-006-6(Т.1)

В книгу вошли наиболее значительные и характе
народные русские сказки из сборника А.Н. Афана
избранные сказки братьев Гримм и В. Гауфа

ББ

Глава первая

РУССКИЙ ОСТРОВ

1

Серебристая дымка, предвестник жаркого дня, окутала город. Неясные очертания Орлиного Гнезда, словно плывшего по воздуху, чуть заметно проступали сквозь дымку.

Лето не балует Владивосток хорошей погодой. Она изменчива: то палящий жар плавит асфальт на улицах города, то неожиданно низвергнувшийся тропический ливень гонит по ним бурные потоки воды. Океан, простершийся на север, восток и юг, капризен.

84 Р 7
Н 16

Иллюстрации
М. Ф. Петрова

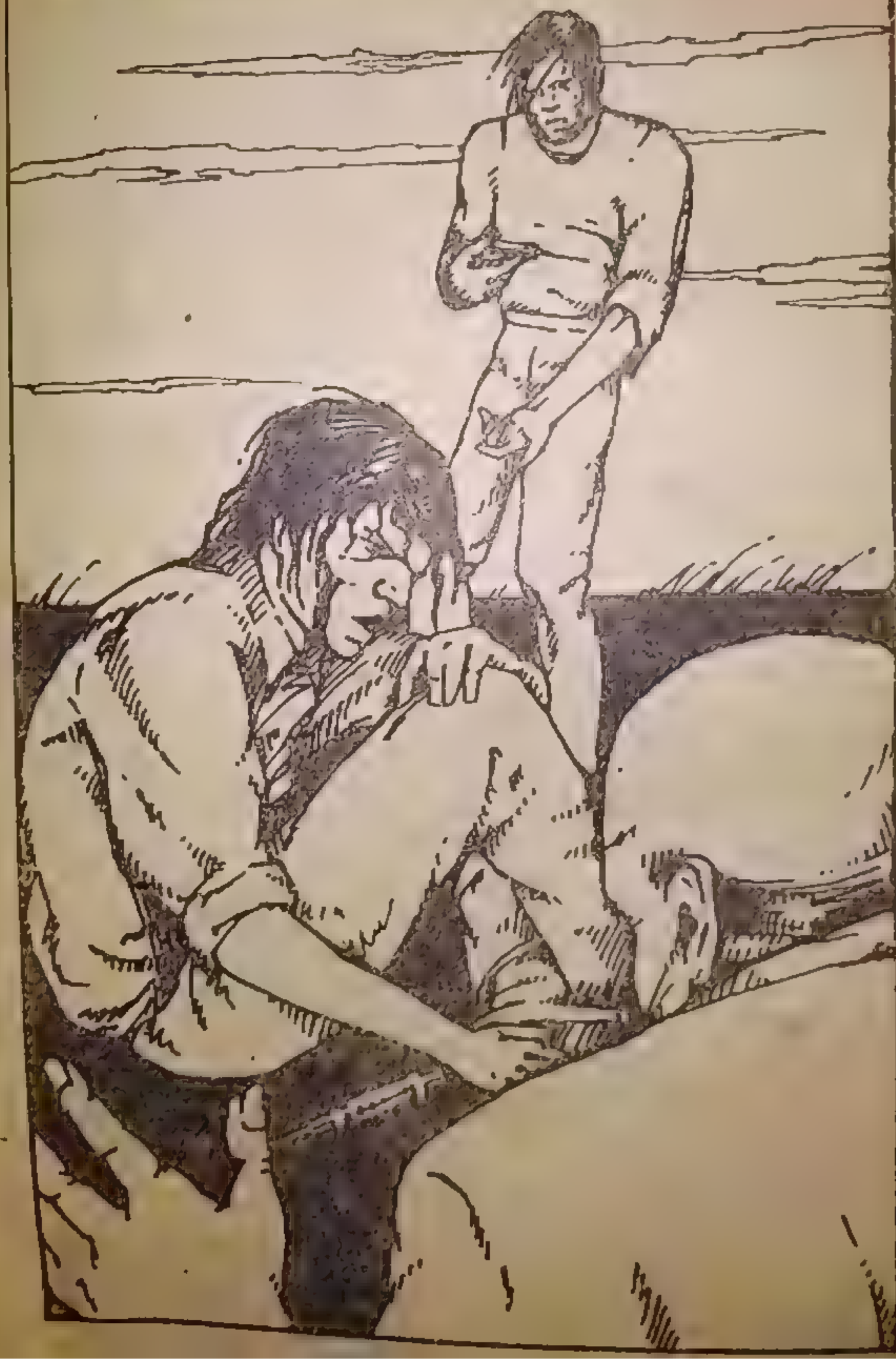
Н $\frac{4702010200—1179}{080(02)—87}$ 1179—87

Текст печатается по изданию: Дм. Нагишкин. Сердце Бонивура.— М.: Молодая гвардия, 1964.

© Издательство «Правда», 1987 Иллюстрации

Владимир Безымянный

Загадка аквалангиста



ВЕСТЕРН ПЛЮС ДЕТЕКТИВ

Влияние С. М. Кравчинского улавливается в «Оводе», знаменитом романе Войнич; преемственность с «Андреем Кожуховым» чувствуется в «Матери» Горького. Кравчинский писал об огромной, преобразующей человека силе революционной борьбы: «это величие задачи, эта уверенность в конечной победе дают ему тот холодный, расчетливый энтузиазм, ту почти нечеловеческую энергию, которые поражают мир. Если он родился смельчаком — в этой борьбе он станет героем; если ему не отказано было в энергии — здесь он станет богатырем; если ему выпал на долю твердый характер — здесь он станет железным».

1 р. 80 к.

84 Р 7
Ф 80

Иллюстрации
А. К. Яцкевича

ф $\frac{4702010200-1419}{080(02)-87}$ 1419—87

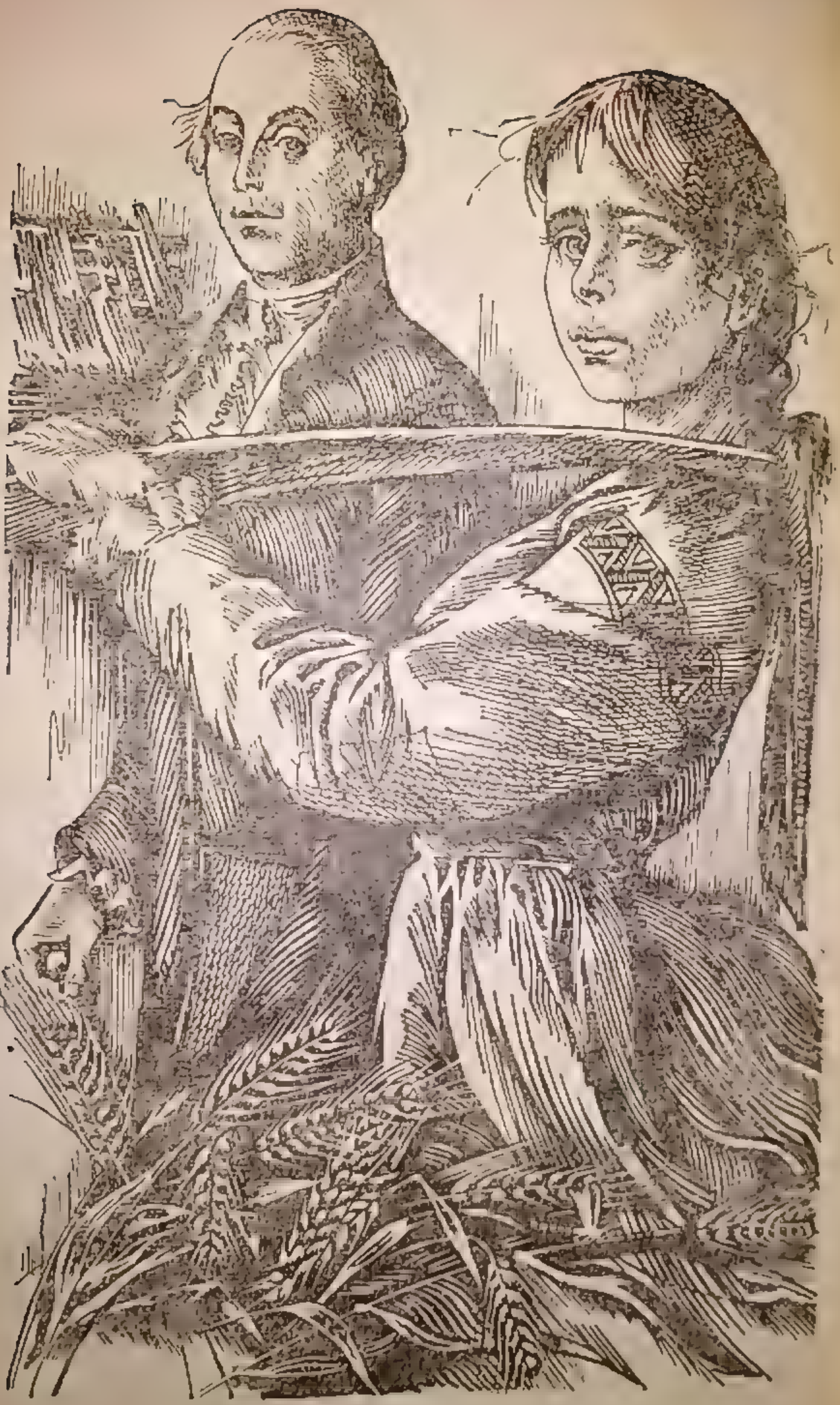
© Издательство «Правда», 1987. Иллюстрации.

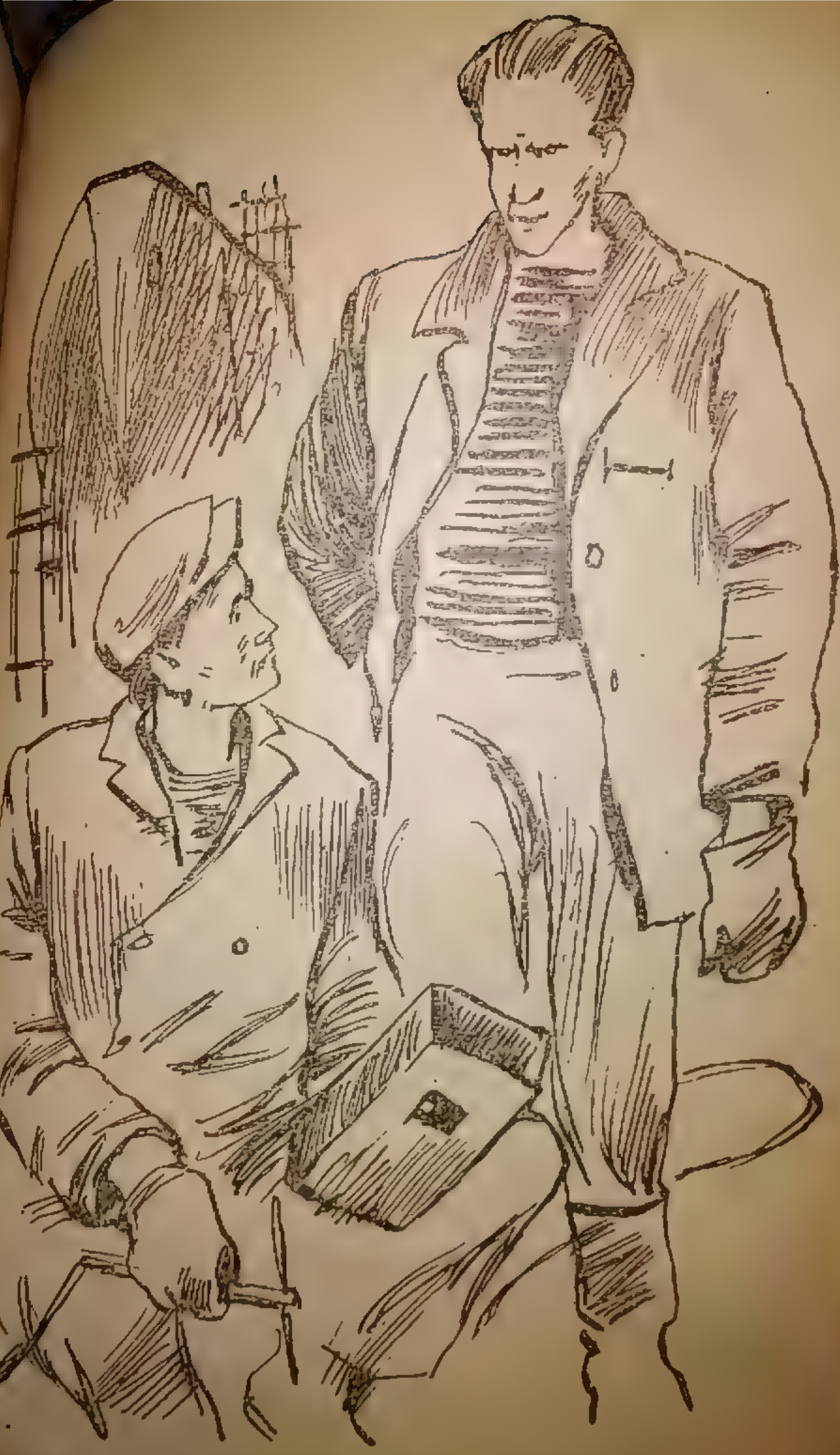
Ольга Форш

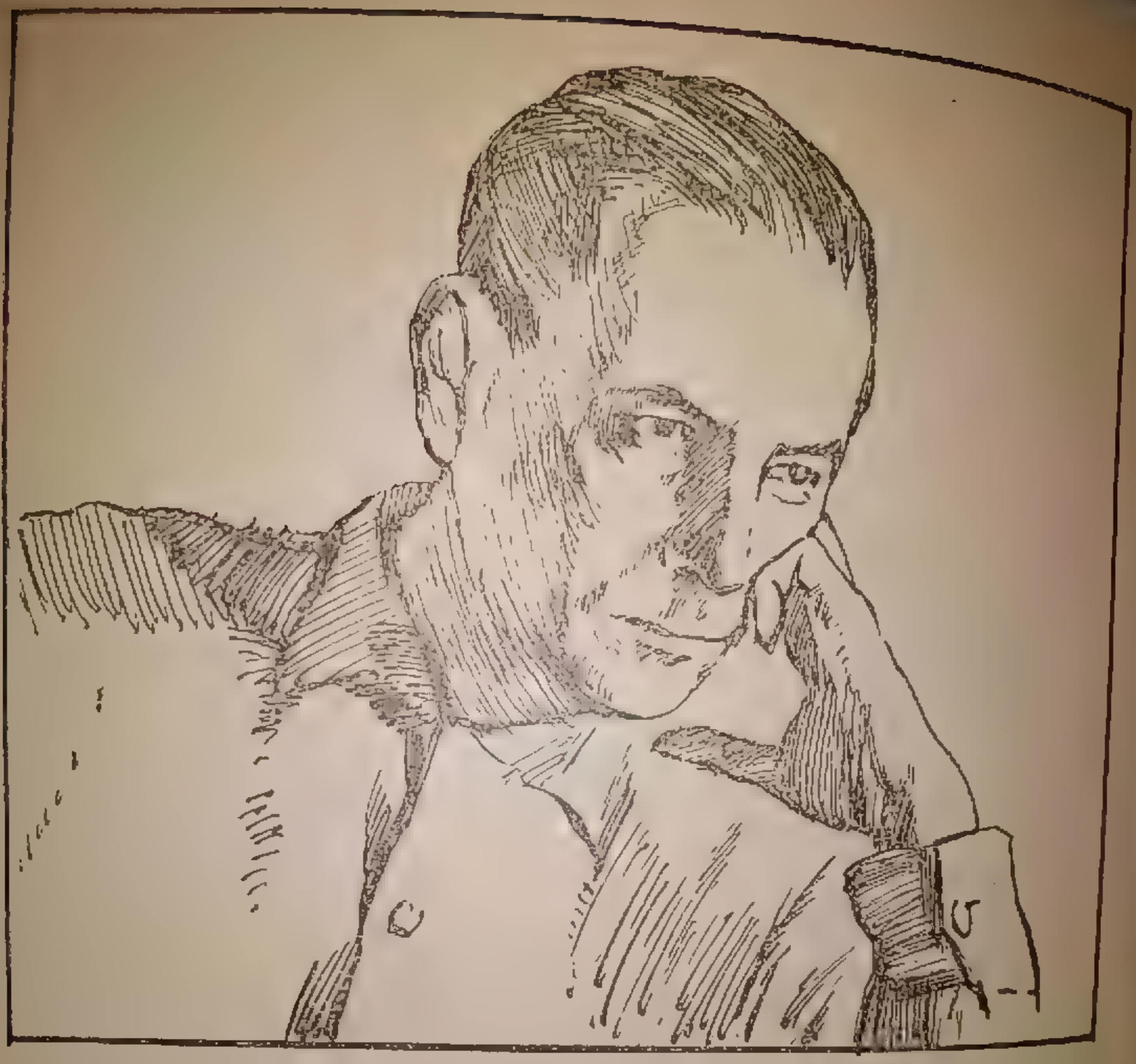
РАДИЩЕВ

Повесть

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1987







B. Koreniuk —

(1912—1973)

ВСЕВОЛОД КОЧЕТОВ

ЖУРБИНЫ

Лениздат • 1981

всех петровских. За каждого убитого стрельца сожгут по сотне генералов, сержантов и гвардейцев.

— А ты бы стал жечь их? — спросил Истомин.

Выскочил Игнашка, подсморкнулся, мазнул рукавом под носом и выпалил:

— Вся бы деревня наша пошла...

Филатка за ним:

— Наша тожс.

Говоря это, ватажники посматривали на Софрона, который сочувственно улыбался этим речам.

— Когда возьмет власть царевич, никто не знает, а Ржевский с солдатами может на нас напасть во всякое время... Об этом и надо думать,— строго сказал Софрон.— А теперь нам надобно порядок у себя завести такой, чтоб голыми руками нас самих не взяли...

К вечеру собрались сниматься с места. Сообща выбрали для ночевки остров под Безводным. Веселые, шумные, вдруг почувствовав в себе большую силу и уверенность, отправились братаны к стружкам за своим молодым атаманом-силачом... И, усевшись за весла и ударив с чувством ими по воде, грянули они бодрую, удалую понизовскую песню о Разине... Заколыхались стружки в ласковых волнах Волги, у всех на душе сразу стало легче: конец бес-
пастушному
стаду!

ББК84р7
К72

Научный редактор
кандидат исторических наук
Н. Ф. Филатов

Костылев В. И.

К72 Питирим: Роман.— Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1984.— 352 с.

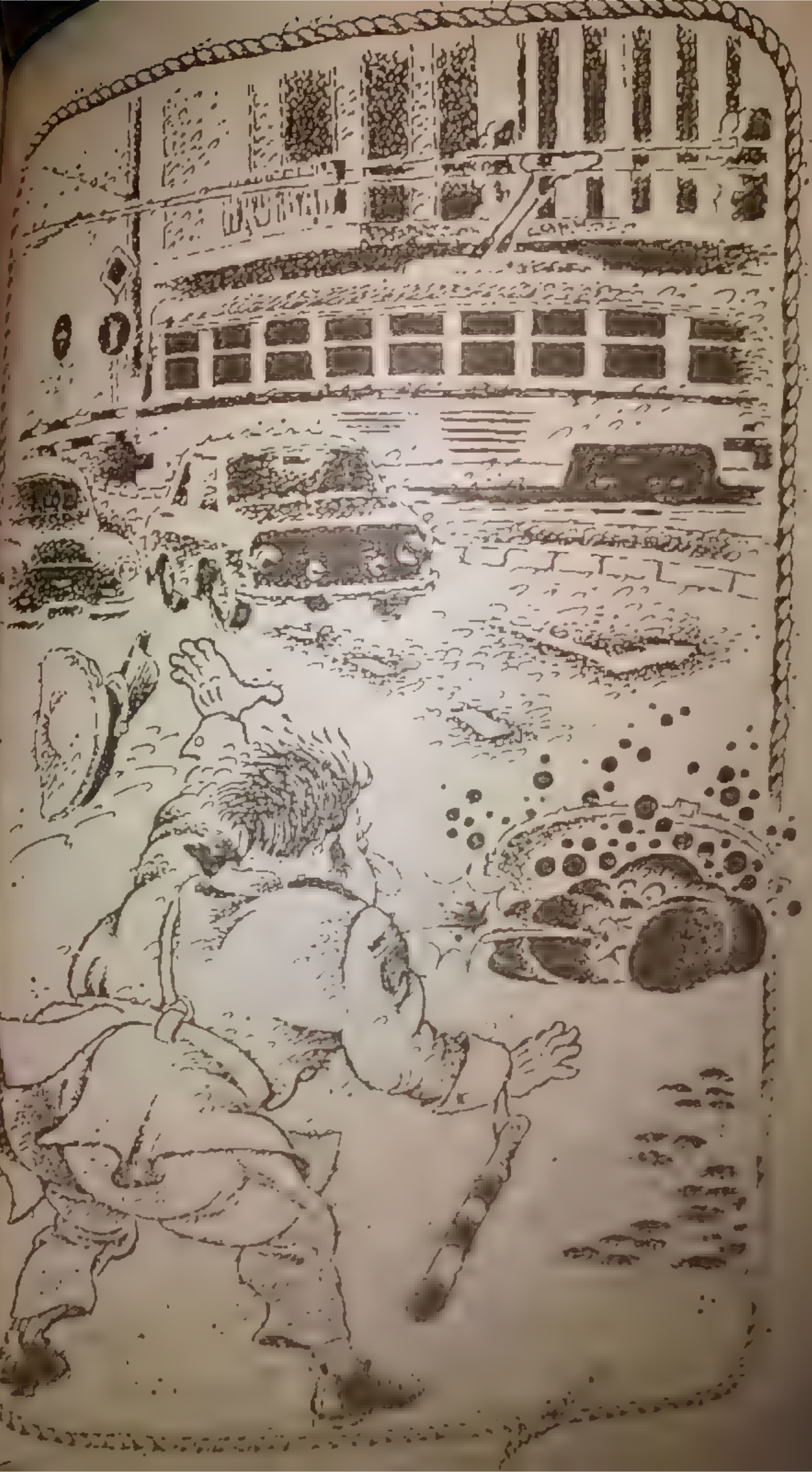
1 р. 60 к.

В основе сюжета романа известного писателя В. И. Костылева (1884—1950) — описание действительных исторических событий, имевших место в Нижегородском крае в начале XVIII в., в эпоху Петра I, когда началась решительная ломка патриархальных устоев старой России, борьба светской власти и официальной церкви против раскольнического движения. В центре произведения — образ нижегородского епископа Питирима, верного проводника политики царя.

К $\frac{4702010200-006}{M140(03)-84}$ 45—83

ББК84р7

© Волго-Вятское книжное издательство, 1984.
Оформление.



ББК 84.4 нем.
Л78

Пересказ с немецкого
Ю.КАРИНЦА И Н.БУРЛОВОЙ
Художник А.МЕДВЕДЕВ

ISBN 5–08–007590–2

Л $\frac{4803010100-108}{М101(03)-93}$ Без объявл.

© Сивин В.Н. Серийное оформл., 1993
© Медведев А.Н. Илл., 1993

Малены

Неприятно

Жила-была н
ведьма, — и бы
настоящей Баб
сказать, что Ба

Жила она в
в лесу. Крыша
скрючилась, ста
Маленькая Баб
ей и этого вп
пристроена огр
нельзя обойтис
щим домом Ба

В избушке
Звали его Абр
утро!» и «Добр
щие вороны. В
был мудрым в
на свете.

Примерно ш
училась колдо
простая штука:

Сначала над
потом уже боле

Маленькая Баба-Яга

Неприятности

Жила-была когда-то Маленькая Баба-Яга — то есть ведьма, — и было ей всего сто двадцать семь лет. Для настоящей Бабы-Яги это конечно не возраст! Можно сказать, что Баба-Яга была ещё девочкой.

Жила она в крохотной избушке, одиноко стоявшей в лесу. Крыша избушки покривилась от ветра, труба скрючилась, ставни дребезжали на разные голоса. Но Маленькая Баба-Яга не желала себе лучшего дома, ей и этого вполне хватало. Снаружи к избе была пристроена огромная печь. Без такой печи никак нельзя обойтись, иначе избушка не была бы настоящим домом Бабы-Яги.

В избушке вместе с Бабой-Ягой жил ещё ворон. Звали его Абрахас. Он говорил не только «Доброе утро!» и «Добрый вечер!», как это умеют все говорящие вороны. Ворон Абрахас умел говорить всё! Он был мудрым вороном и знал толк буквально во всём на свете.

Примерно шесть часов в день Маленькая Баба-Яга училась колдовать. Ведь колдовство не такая уж простая штука: лениться в этом деле никак нельзя!

Сначала надо вызубрить все колдовские штучки, а потом уже более сложные. Надо вызубрить от начала

Яичный пирог

Этот пирог с виду очень похож на глазунью, поэтому сын и назвал его яичным.

Для теста: **250 г маргарина, 200 г сахара, 2 г ванилина, 4 яйца, 250 г муки, 0,5 ч.л. соды.**

Для крема: **2 пачки сухого заварного крема, 1 л нежирного молока, 5 ст.л. сахара, банка консервированных абрикосов, 1 ст.л. абрикосового или персикового желе, 400 г сметаны.**

Растопленный маргарин смешать с сахаром и ванилином. Добавить, вбивая по одному и хорошо размешивая, яйца, затем муку и соду, погашенную **уксусом**. Выложить тесто на противень, запекать в духовке при 180 град. 15-20 мин. Приготовить крем: вскипятить 2/3 молока, а в оставшейся 1/3 размешать сухой заварной крем и сахар, залить в кипящее молоко и, постоянно помешивая, довести до кипения, снять с огня, остудить. Добавить сметану, взбить миксером. Выложить крем на горячий пирог, поставить в духовку еще на 10 мин.

Украсить пирог консервированными абрикосами, залить желе, остудить.

Виктория ***КУПРЕЙЧИК,***
г. Жодино.

Шоколадное желе

8 яиц, 200 г сахарной пудры, 1 л молока, 50 г какао-порошка, 25 г желатина, 2 пакетика ванилина.

Желтки растереть добела с сахарной пудрой. Добавить молоко и какао. Смесь поставить на слабый огонь и варить, помешивая, пока она не загустеет. Снять с огня и, не переставая размешивать, добавить желатин, предварительно замоченный в холодной кипяченой воде. Когда смесь остынет, ввести взбитые в пену белки и ванилин, размешать, вылить в форму и поставить в холодное место для застывания.

Марина ***ШАМШУДИНОВА,***
п.Нефтегорск Краснодарского края.

Хворост

Банка сгущенного молока, 4-5 яиц, 50 г сливочного масла, 1 ч.л. соды, 2-3 ст. муки.

Сгущенное молоко смешать с яйцами, добавить растопленное сливочное масло, соду и муку. Вымесить тесто, раскатать, нарезать ромбы, сделать в середине надрез, вывернуть через него один угол. Опускать хворост в кипящее **растительное масло**. Готовый хворост посыпать сахарной пудрой.

Светлана ***ИБРАКОВА,***
п.Раздольный Камчатской обл.

Недавно ходил в гости к детям и познакомился у них с молодой хозяйкой Верочкой. Девушка была очень расстроена: совсем недавно вышла замуж, а кулинарная фантазия уже закончилась. Так что для обновления повседневного меню переворачивайте страницу!

Объясни решение:

$430 \cdot 2 = \square$

43 д. · 2 = 86 д.

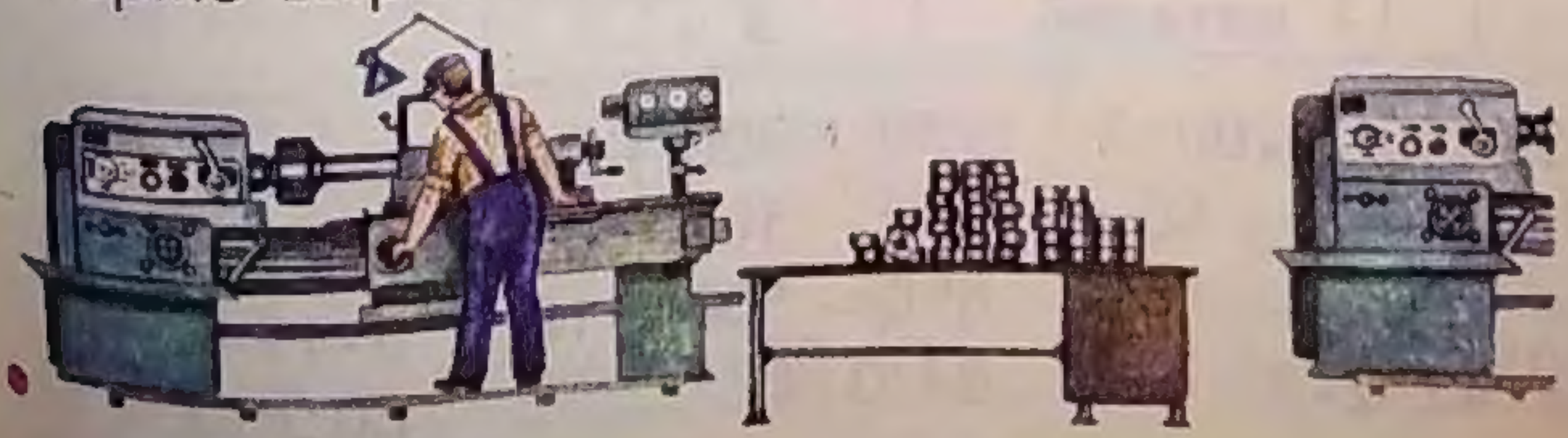
430 · 2 = 860

$480 : 4 = \square$

48 д. : 4 = 12 д.

480 : 4 = 120

1. Сколько десятков в числе 350? 270? 500? Сколько единиц составляют 14 д.? 56 д.?
2. Реши с устным объяснением:

560 : 4	140 · 5	290 + 60	310 — 20
880 : 2	320 · 3	20 + 80	450 — 80

3. 76 : 2 : 2 8 · 8 : 32 3 · 26 — 72 : 3
   54 : 6 : 3 7 · 7 + 1 5 · 19 — 45 : 5
   96 : 8 : 4 9 · 9 : 27 6 · 15 — 75 : 3
4. Найди частное и остаток: 56 : 9, 64 : 30.
5. Во вторник автомобильный завод выпустил 480 машин, а в среду на 20 машин больше. Сколько машин завод выпустил за два дня?
6. За 7 ч токарь изготовил 84 одинаковые детали. Сколько часов ему потребуется для изготовления 72 таких деталей при той же норме выработки?